ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том I

Книга 1

I. Увещания а Феодору Падшему.

УВЕЩАНИЕ ПЕРВОЕ. Скорбь о падении души друга. Не нужно отчаиваться в возможности восстания. - Надежда как цепь, привязывающая нас к небу. - Примеры восстания падших грешников. - Навуходоносор. - Ахав. - Манассия. - Ниневитяне. - Добрый разбойник. - Покаяние как всеочищающая сила. - Усилия демона ввергнуть нас в отчаяние. - Всякое покаяние находит себе вознаграждение. - Радости рая. - Муки ада. - Душа Феодора, болящая любовью к Гермионе. - Исцелимость болезни. - Нетрудность покаяния. - Пример молодого Финикса. - Пример престарелого монаха. - Упование на милосердие Божие.

УВЕЩАНИЕ ВТОРОЕ. Возвращение Феодора и ответ на него. - Непозволительность попечения о семейных делах человеку, посвятившему себя на служение Богу. - Бегство из воинства Христова. - Необходимость заглаждения греха. - Слабость человеческой природы. - Падение и восстание. - Пример Давида. - Суетность благ мира сего. - Неудобства, связанные с царством, славой, богатством и браком. - Брак, при всей его священности, есть прелюбодеяние в деле Феодора. - Заботы семейной жизни. - Свобода последователей Христа. - Единственное несчастье для христианина - оскорблять Бога. - Заключение.

II. К враждующим против тех, которые привлекают к монашеской жизни.

СЛОВО ПЕРВОЕ. Наказание противящимся Богу. Пример в лице народов, препятствовавших восстановлению храма после плена вавилонского. - То же и с противниками монашества. - Подробности гонения на иноков. - Сожаление о неразумии гонителей. - Они более вредят себе, чем гонимым. - Пример ап. Павла и Нерона. - Греховность гонительства. - Сравнение гонителей монашества с гонителями апостолов. - Постигшее их наказание. - Свидетельство И. Флавия. - Для спасения недостаточно одной веры; необходимы и добрые дела. - Число подлежащих осуждению. - Пример из истории всемирного потопа. - Извращенность мира.

СЛОВО ВТОРОЕ: К неверующему отцу. Истинно богатый тот, кто презирает все. - Мы прославляемся более добродетелью, чем богатством. - Тому, кто все оставил, никто не расположен вредить, да и не может, если бы захотел. - Кто пренебрегает всем земным, тот легче утешается в лишениях. - Христиане особенно процветают, когда находятся в угнетении. - Кратковременность наслаждений. - История отшельника, отец которого был язычник.

СЛОВО ТРЕТЬЕ: К верующему отцу. Необходимо заботиться о спасении ближнего. - Небрежение о детях есть зло. - Законы о воспитании детей даны от Бога. - Добродетель зависит от внутреннего расположения. - Различные степени спасения. - Развращение нравов. - Необходимость строгого любомудрия. - Необходимость законов и наказаний в государстве. - Жизнь иноков уподобляется ангельской. - Зло нечестия в соединении с красноречием. - Слова Сократа у Платона в начале его апологии. - Святые мужи преуспевали без всякого красноречия. - История юноши, наставляемого монахом. - Превосходство иноческой жизни над мирской. Одинаковость правил для монаха и мирян. - Мирянам труднее спастись. - Истинный отец тот, кто печется о спасении сына. - Раздающий деньги более истинный владелец их, чем тот, кто скопляет их. - Необходимость приучаться к совершению добродетели с юных лет. - Польза временного пребывания юношей в монастыре. - История Анны и Самуила. - Увещание к родителям о воспитании сыновей в благочестии.

III. Сравнение власти, богатства и преимуществ царских с истинным и христианским любомудрием монашеской жизни.

Повод к написанию этого рассуждения. - Повелевающий деньгами и собственными страстями есть более царь, чем повелевающий народом и войском. - Брань монаха славнее брани царя. - Кто из них счастливее во время ночи. - Благотворительность монаха по сравнению с благотворительностью царя. Царь и монах перед лицом смерти и после нее.

IV. О сокрушении.

СЛОВО ПЕРВОЕ - к Димитрию монаху. Повод к написанию слова. - Необходимость сокрушения вследствие господства греховности на земле. - Неосновательные извинения грешников. - Наказание злословящих. - Обязанность христианина любить своих врагов и делать им добро. - Толкование на прошение: "И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим". - Объяснение слова: "не давайте святыни псам". Желание истинного блага. - Чудесная сила этого желания. - Ап. Павел как образец сокрушения и любви к Богу.

СЛОВО ВТОРОЕ - к Стелехию. Сокрушение окрыляет душу. - Описание души, вознесенной до неба на крыльях сокрушения. - Изъяснение слов ап. Павла: "для меня мир распят и я для мира". - Необычайная любовь ап. Павла к Иисусу Христу. - Любовь Давида ко Христу и его сокрушение. - Рассуждения на псалом 6. - Благость и промышление Божие о людях, как сильное побуждение к сокрушению. - Вселенная и человек, как царь ее.

V. К Стагирию подвижнику, одержимому демоном.

СЛОВО ПЕРВОЕ. Ужасное испытание, постигшее Стагирия, и желание утешить его хотя письменно. - Попущение нам испытаний и польза как их, так и самого падения. - Примеры - Адама в раю, Каина, Ноя во время потопа, Авраама и Иосифа. - Испытание, как одно из средств, которыми Господь увеличивает нам заслуги и приводит наш разум в подчинение божественному. - Причина, почему Бог допускает благоденствие злых и огорчение добрых. - Неисповедимость путей Божиих. - Вечность, как праведное воздаяние добрым и злым. - Обязанность истинного христианина быть покорным Промыслу Божию. - Увещание Стагирию укрепляться в таком убеждении.

К тому же Стагирию о том, что уныние хуже демона. СЛОВО ВТОРОЕ. Увещание освободиться от угнетающих мыслей о самоубийстве. - Такие мысли не всегда приходят

от демона, но иногда и от собственного уныния. - Нужно разгонять это уныние, и лучшее средство для этого - становиться выше мнений толпы и думать, что стыдиться должно только одного греха. - Награды уготованы в будущем, настоящее есть время трудов. - Это показывают примеры святых. - Пример Авраама. - О жертвоприношении Исаака. - Сыновья Эдипа. - Огорчение Иакова. - Пример из жизни Иосифа.

К тому же Стагирию об унынии. СЛОВО ТРЕТЬЕ. Пример Моисея. - Огорчения Моисея в пустыне. - Огорчения Иисуса Навина. - Пояснение предмета на примере Самуила. - Огорчения Давида. - Огорчения Даниила. - Невзгоды Илии и Елисея. - Огорчения ап. Павла. - Бедствия, которым подвергались друзья Стагирия. - Демофил и Аристомен. - Зрелище бедственности человеческой в больницах и тюрьмах. - Бог испытывает нас для искупления наших грехов и более снисходителен к нам, чем мы сами.

VI. Слово к жившим вместе с девственницами.

Непристойное злоупотребление в жизни духовенства. - Тщетные оправдания обычая. - Страсть, как основа его. - Неизбежное разжигание страстей. - Опровержение мнимых оправданий незаконного обычая. - Ничто так не увеселяет, как добрая совесть. - Большие требования Нового Завета по сравнению с Ветхим.

VII. Слово к девственницам, жившим вместе с мужчинами.

Непристойность девственницам сожительствовать с мужчинами. - Отсутствие девственниц у греков или язычников. - Непристойность девственницам чрезмерно заботиться о теле и нарядах. - Замужество предпочтительнее худо хранимого девства. - Соблазняющий других уже тем самым грешит, хотя бы и не делал дурного. - Стремление женщин к тщеславию. - Нравы истинной девственницы.

VIII. Книга о девстве.

У еретиков нет истинных девственниц, потому что их девы нецеломудренны и принимают девство из отвращения к браку, как к преступлению. - Они не могут рассчитывать на мзду, одинаковую с православными девственницами. - Апостол, советуя воздержание, не делает из него правила, а еретики, удаляющиеся от его учения, ставят своих учеников в положение хуже язычников. - Наконец, девство еретиков оскорбительно для Бога, потому что их девственницы, отрекшись от веры, не имеют чистого сердца. - Кроме того, состояние девства, чтобы иметь значение заслуги, требует полной свободы в деле вступления в брак - чего не бывает у еретиков, поносящих брак. - Церковь, напротив, одобряет брак и считает его средством укрощения страстей для тех, кто разумно пользуется им. - Лицам, не имеющим надобности в таком средстве, церковь советует не вступать в брак, хотя и не запрещает его. - Она осуждает и изгоняет из своих недр только тех, которые оскверняют святость брака. - Ибо брак доброе дело, но девство лучше, и оно настолько же выше брака, насколько ангелы выше людей. - Девство полезно верующему, и по первоначальному плану творения оно только и должно бы господствовать на земле, потому что грех, бывший причиной смерти, был также и причиной греха. - Возможность размножения людей без брака. - Безбрачное происхождение первых людей и ангелов. - Таковым же было бы и распространение людей, если бы не согрешили прародители. - И теперь брак позволяется только как врачевство против невоздержания. - Воздержание есть дар Божий, но оно не исключает и содействия самого человека. - Картина несчастных браков. - Увещание девственницам, как и вдовам, что после произнесения обета целомудрия нельзя вступать в брак, не погрешая тяжко. - Брак есть цепь, потому что своими заботами и хлопотами повергает в рабство супругов. - Их взаимное подчинение

есть тяжелая обязанность, и от нее они не могут избавляться иначе, как по взаимному согласию. - Лицемерные девственницы, уподобляющие себя неразумным девам. - Они будут лишены царства небесного. - Превосходство девства обнаруживается особенно в том, что оно облегчает нам совершение молитвы и добрых дел. - Неосновательность ссылки на Авраама в доказательство превосходства брака над девством. - Апостолы выше этого патриарха. - И богатый человек, состоящий в браке и занятый делами, также может вести жизнь праведную; но такие примеры редки. - Новый Завет требует большего совершенства, чем Ветхий, потому что в первом нам в большем изобилии даны дары и благодать Духа Святого.

IX. К молодой вдове.

СЛОВО ПЕРВОЕ. Скорбь молодой вдовы Фирасия и утешение ей. - Бог печется о вдовах. - Достоинство вдовства почитается у христиан и язычников. - Радостность надежды и уверенности в том, что мы вновь увидим тех, кого любили. - Кратковременность земной жизни, сопровождающие ее бедствия и непрочность счастья. - Доказательство этого последнего положения. - Пример двух вдов богатых и высокопоставленных, которые после смерти своих мужей дошли до крайней бедственности. - Пример девяти императоров, царствовавших в Константинополе, из которых семеро погибли от насильственной смерти. - Изображение славы и блаженства, которыми наслаждается Фирасий на небесах.

К той же вдове. СЛОВО ВТОРОЕ о воздержании от второго брака. Изложение и опровержение трех оснований, которые обыкновенно заставляют вдов опять вступать в брак, именно надежды на лучшее состояние, привязанность миру и немощь плоти. - Цель слова - не порицание второго брака, допускаемого ап. Павлом и узакониваемого Церковью. Вдова, вступающая во второй брак, обнаруживает в себе слабость и чувственность, проявляет привязанность к земле и показывает, как не дорога ей память ее первого мужа. - Она не может любить второго мужа, как любила первого, и этот новый союз восстанавливает против нее и ее родителей, и ее слуг и особенно детей от ее первого мужа. - Поэтому с целью отклонить вдов от второбрачия законодатели нашли нужным лишить совершение второго брака всякой торжественности, показывая этим, что они допускают его только с сожалением. Похвала вдовству, которое приближается к девству, ибо таковому вдовству принадлежит одинаковая с девством слава и награда.

К ФЕОДОРУ ПАДШЕМУ

УВЕЩАНИЕ 1-е.

Феодор, к которому относятся предлагаемые Увещания, написанные около 369 года по Р. Х., был сверстником и другом Св. Иоанна Златоустого и вместе с ним в юности посвятил себя подвигам отшельнической жизни, но вскоре оставил их для занятий и удовольствий мира. Св. Иоанн в своих Увещаниях призывал его к раскаянию изображением гибельности состояния грешников, кратковременности и тщетности настоящих благ, изложением грозных и утешительных истин Христианской веры и другими убеждениями, которые подействовали на падшего Феодора, так что он возвратился в общество отшельником и впоследствии был возведен в сан епископа мопсуестскаго.

"**Кто даст голове моей воду и глазам моим – источник слез**" (Иер.9:1), благовременно сказать теперь и мне, и гораздо более, нежели тогда пророку; потому что я намерен оплакивать хотя не множество городов и не целые народы, но душу, которая стоит, а лучше сказать – и дороже множества народов. Если даже один исполняющий волю Божию лучше тысяч беззаконников, то, конечно, и ты прежде был лучше тысяч Иудейских. Посему никто не станет теперь порицать меня, если я изложу больше скорбей и изображу сильнейшие сетования, нежели какие изложены у пророка. Я оплакиваю не разрушение города и не пленение беззаконных мужей, но опустошение священной души и разрушение и истребление христоноснаго храма. Кто, зная хорошо, сожженную теперь диаволом, красоту ума твоего в то время, когда блистала она, не восстенал бы плачем пророка, – слыша, что варварские руки осквернили святое святых, и, подложив огонь, сожгли все – херувимов, ковчег, очистилище, скрижали каменные, стамну златую? Поистине, это несчастие во столько крат горестнее того, во сколько крат драгоценнее те символы, которые хранились в душе твоей. Этот храм святее того, потому что он блистал не золотом и серебром, а благодатию Духа, и, вместо ковчега и херувимов, в нем обитали Христос, и Его Отец, и Утешитель. А теперь уже не то: он теперь пусть и лишен прежней красоты и благолепия, потерял божественное и несказанное украшение, и лишился всякой безопасности и охраны: нет у него ни двери, ни запора, и он открыт для всех душепагубных и постыдных помыслов. Помысл ли гордости, помысл ли блуда, помысл ли сребролюбия, или еще гнуснейшие помыслы устремятся войти в него, – никто не помешает этому; а прежде, как небо недоступно всему этому, так (недоступна была) и чистота ума твоего. Может быть, слова мои покажутся невероятными некоторым из тех, кто видят теперь твое запустение и извращение; поэтому я и скорблю и сетую, и не перестану делать это, доколе опять не увижу тебя в прежнем блеске. Хотя людям и представляется это невозможным, но для Бога все возможно: потому что Он "**из праха поднимает бедного, из брения возвышает нищего, чтобы посадить его с князьями, с князьями народа его; неплодную вселяет в дом матерью, радующеюся о детях?**" (Пс.112:7-9). Не отчаивайся в перемене на лучшее. Если диавол был силен настолько, что низринул тебя с вершины и высоты добродетели до крайностей порока, то гораздо более силен будет Бог опят возвести тебя в прежнюю свободу, и сделать не только таким же, но и гораздо блаженнейшим прежняго. Только не унывай, не теряй добрых надежд, не впадай в страсть нечестивых. В отчаяние обыкновенно ввергает не многочисленность грехов, но нечестивое состояние души. Посему и Соломон не просто сказал: *всякий*, кто "**достигнет до глубины зол**", но только – один "**нечестивый**": "**когда достигнет нечестивый до глубины зол, нерадит**" (Прит.18:3). Только таким людям свойственна эта страсть, когда они приходят в глубину зол. Она-то не допускает их воспрянуть и опять взойти туда, откуда ниспали. Этот помысл, как бы какое ярмо, лежа на вые души и заставляя ее смотреть вниз, препятствует ей возводить взоры к своему Владыке. Но человеку мужественному и доблестному свойственно сокрушать это ярмо, прогонять от себя палача, который возложил его, и произносить слова пророка: "**как очи рабы – на руку госпожи ее, так очи наши – к Господу, Богу нашему, доколе Он помилует нас. Помилуй нас, Господи, помилуй нас, ибо довольно мы насыщены презрением**" (Пс.122:2,3). Истинно божественны эти наставления и внушения горняго любомудрия. "**Насыщены**", говорит он, "**презрением**" и потерпели многочисленные бедствия; однако, не перестанем возводить взоры свои к Богу и просить Его, доколе не получим просимого. Мужественной душе свойственно – не упадать и не отчаиваться пред множеством постигающих бедствий, и после многократных и безуспешных молитв не отступать, но ожидать "**доколе Он помилует нас**", как говорит блаженный Давид.

2. Диавол для того и ввергает нас в помыслы отчаяния, чтобы истребить надежду на Бога, – этот безопасный якорь, эту опору нашей жизни, этого руководителя на пути, ведущем к небу, это спасение погибающих душ. "**В надежде**", говорит (апостол), "**мы спасены**" (Рим. 8:24). Ибо оно, как бы какая крепкая цепь, свешенная с неба, поддерживает наши души, мало-помалу поднимая на высоту тех, которые крепко держатся за нее, и вознося нас превыше бури житейских зол. Посему, если кто ослабевает и опустит из рук этот священный якорь, тот сейчас же упадет и погибнет в бездне порока. Зная это, лукавый, как только заметит, что мы сами тяготимся сознанием злых дел, пришедши и сам еще налагает на нас помысл отчаяния, который тяжелее свинца; и если мы примем его, то увлекаемые тяжестию и оторванные от той цепи, неизбежно тотчас низринемся во глубину зол, где именно и находишься ты теперь, отвергши повеления кроткого и смиренного Господа и выполняя все приказания жестокого, свирепого и неумолимого врага нашего спасения, расторгши благое иго и сбросив легкое бремя, и вместо них наложив на себя цепи железные и повесив на шею свою "**мельничный жернов**" (Мф. 18:6). Где же ты остановишься, и когда перестанешь потоплять бедную душу свою, наложив на себя такую необходимость – непрестанно уноситься вниз? Женщина, отыскавшая одну драхму, пригласила соседок, принять участие в ея радости, сказав: "**порадуйтесь со мною**" (Лк. 15:9); а я теперь приглашу всех друзей и моих и твоих к противному, скажу не – "радуйтеся со мною", но – "плачьте со мною, подымите такой же плач, и вопите вместе с нами горьким голосом. Ибо нас постигла крайняя беда, не столько-то талантов золота выпало из руки моей и не множество драгоценных камней, но тот, кто, драгоценнее всего этого, плывши вместе с нами поэтому великому и пространному морю, не знаю как, свалился и упал в самую глубину погибели".

3. Тем, которые попытались бы удержать меня от сетования, я скажу словами пророка: "**оставьте меня, я буду плакать горько; не усиливайтесь утешать меня**" (Ис.22:4). Настоящий плач мой не таков, чтобы чрезмерность сетования навлекла на меня осуждение, но таков, что при нем не постыдились бы плакать, сетовать и отвергать всякое утешение даже (апостолы) Павел и Петр. Справедливо стал бы кто-нибудь обличать в большом малодушии тех, которые оплакивают обыкновенную смерть. Но когда, вместо тела, лежит омертвевшая душа, пораженная множеством ран, и в самой мертвенности являющая прежнее свое благородство, и благообразие, и красоту погасшую, то может ли кто быть столь жестоким и бесчувственным, чтобы, вместо плача и сетований, предлагать слова утешения? Как там не плакать, так здесь плакать свойственно любомудрию. Тот, кто достигал неба, смеялся над суетою жизни, взирал на красоты телесные как на каменные, кто пренебрегал золотом как пылью, а всяким удовольствием как грязью, – тот, неожиданно для нас, объятый пламенем нечистой похоти, потерял и здоровье, и мужество, и всякую красоту, и сделался рабом наслаждений. О нем ли не плакать, скажи мне, о нем ли не сокрушаться, доколе опять не будет он нашим? И свойственно ли это человеческой душе? Отмены телесной смерти невозможно достигнуть на земле, и однако это не удерживает сетующих от плача; а душевную смерть только и можно уничтожить здесь: "**во гробе**", говорит (Давид), "**кто будет славить Тебя**" (Пс.6:6)? Посему не будет ли великим безрассудством с нашей стороны, если в то время, как оплакивающие смерть телесную сетуют о ней с такою силою, хотя и знают, что слезами не воскресить им умершего, – мы не будем выражать ничего подобного, хотя знаем, что часто бывает надежда возвратить погибшую душу к прежней жизни? Ибо многие, и ныне и во времена наших предков, уклонившись от прямого положения и свергнувшись с тесного пути, опять восстали настолько, что последующим покрыли прежнее, получили награду, украсились венцом, прославлены с победителями и причислены к лику святых. Доколе кто остается в пламени наслаждений, дотоле ему, хотя бы он имел множество таких примеров, представляется это делом невозможным; но как только он немного начнет выходить оттуда, то, постоянно идя вперед, силу огня оставит позади себя, а впереди пред

собою почувствует прохладу и великое облегчение. Только не будем отчаиваться, не будем отказываться от возвращения: потому что допустившему себя до такого состояния, хотя бы одарен был безмерною силою и ревностию, они будут бесполезны. Кто уже затворил для себя дверь покаяния и заградил вход на поприще (подвижничества), как он будет в состоянии, находясь вне его, сделать малое или великое добро? Посему-то лукавый предпринимает все, чтобы внушить нам этот помысл: после этого уже не нужны будут ему усилия и труды для нашего поражения, когда сами лежащие и падшие не хотят противиться ему. Кто мог избежать этих уз, тот и силу свою сохранит и до последнего издыхания не перестанет сражаться с ним, и хотя бы испытал множество других падений, опять восстанет и сокрушит врага. Напротив, кто связан помыслами отчаяния и обессилил себя, тот как будет в состоянии победить врага и противостать ему, когда сам бежит от него?

4. Не говори мне, что так бывает лишь с невеликими грешниками; нет, пусть даже человек будет исполнен всякого порока и сделает все, что затворяет для него вход в царствие, и притом не из неверных от начала, но из верных и благоугождавших прежде Богу, пусть такой сделается впоследствии блудником, прелюбодеем, сластолюбцем, хищником, пьяницею, мужеложником, сквернословцем и т. п., – и такого я не похвалю, если он будет отчаиваться в себе, хотя бы он до самой глубокой старости провел такую несказанно порочную жизнь. Если бы гнев Божий был страстию, то справедливо иной стал бы отчаиваться, как не имеющий возможности погасить пламень, который он возжег столь многими злодеяниями; но так как Божество бесстрастно, и наказывает ли, поражает ли, делает это не с гневом, но по промышлению и великому человеколюбию, то надлежит иметь крепкое дерзновение и уповать на силу покаяния. Бог не за Себя мстит тем, которые согрешили против Него; ибо никакой вред не достигает до существа Его; но при этом имеет в виду нашу пользу, и то, чтобы мы не увеличивали своего развращения, продолжая оказывать Ему пренебрежение и презрение. Как удаляющийся от света не вредит нисколько свету, а самому себе весьма много, погружаясь во мрак; так и привыкший пренебрегать Всемогущею силою, ей не вредит нисколько, а самому себе причиняет крайний вред. Посему Бог и угрожает нам наказаниями, и часто посылает их – не для того, чтобы отомстить за Себя, но чтобы нас привлечь к Себе. Ибо и врач не сетует и не обижается наносимыми ему от больных оскорблениями, но всячески старается остановить их бесчинства, имея в виду не свою, а их пользу; и если они покажут хотя немного благоразумия и здравомыслия, он радуется и веселится, и тем сильнее употребляет лекарства, не для того, чтобы отмстить им за прежнее, но чтобы доставить больше пользы и довести их до совершенного выздоровления. Так и Бог, когда мы впадем в крайнее безумие, и говорит и делает все не из мести за прежнее, но желая избавить нас от недуга, в чем можно убедиться и посредством здравого смысла.

5. Если же кто и после этого будет сомневаться, то мы уверим его в том и божественным Писанием. Кто, скажи мне, был преступнее царя Вавилонского? Он, после того, как уже настолько испытал силу Божию, что поклонился пророку Его, и приказал "**принести ему дары и благовонные курения**" (Дан.2:46), опять предался прежней гордости, и связав ввергнул в печь тех, которые не почтили его больше Бога. И однако этого жестокого и нечестивого (Царя), более зверя, нежели человека, (Бог) призывает к покаянию и доставляет ему еще другия побуждения к исправлению: во-первых, самое чудо, совершившееся в печи, а затем видение, которое видел царь, а истолковал Даниил, достаточное для того, чтобы преклонить и каменную душу; а сверх того, после увещания делами, и сам пророк дал ему такой совет: "**посему, царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот чем может продлиться мир твой**" (Дан.4:24). Что говоришь ты, премудрый и блаженный? Ужели возможен и после такого отпадения возврат, и после такой болезни

здравие, и после такого безумства надежда образумиться? Царь сам уже отнял у себя всякую надежду, тем, во-первых, что не познал Создавшего его и возведшего на такую честь, хотя и имел сведения о многих доказательствах силы и промысла Его и на себе самом, и на своих предках; а после того еще тем, что, получив ясные свидетельства мудрости и предведения Божия, и видев, как ниспровергнуты были и магия, и астрономия, и действия всякого диавольского волхвования, оказался хуже прежнего. Ибо, чего не могли изъяснить мудрые волхвы, газарины, и что признали они превышающим природу человеческую, то Бог изъяснил ему через пленного отрока, и этим чудом довел его до того, что он не только сам уверовал, но и сделался ясным проповедником и наставником этого верования для всей вселенной. Таким образом, если он и прежде этого знамения не заслуживал прощения за свое неведение о Боге, то гораздо более после такого чуда, после собственного исповедания, и преподанного наставления другим. Если бы он не был точно уверен, что истинный Бог – один, то и не оказал бы такой чести рабу Его, и другим не дал бы такого же приказания. И однако, после такого исповедания, он опять впал в идолослужение, и тот, кто, падши на лицо, поклонился рабу Божию, дошел до такого безумия, что рабов Божиих, не поклонившихся ему, ввергнул в пещь. Что же? Отомстил ли Бог отступнику, как надлежало отмстить? Напротив, Он представил ему еще большие доказательства своего могущества, чтобы привести его, после такого безумства, опять в прежнее состояние. И что особенно удивительно: дабы чудные события, по чрезмерности своей, не показались невероятными, Он сотворил знамение не Над другим чем-либо, а Над тою пещью, которую разжег сам царь для отроков, и в которую, связав, ввергнул их. Конечно, чудесным и необычайным было бы и то, если бы только огонь был погашен. Но Человеколюбец, дабы внушить больше страха, произвесть больше изумления и совершенно прекратить ослепление царя, сделал большее и необычайнейшее чудо. Попустив, чтобы огонь разожжен был настолько, насколько хотелось царю, Он являет свое могущество в том, что, не уничтожая приготовлений врагов, делает готовое недействительным. А чтобы кто-нибудь, увидев отроков победившими пламень, не счел этого привидением, (Бог) попустил, чтобы опалены были ввергнувшие их, показывая с одной стороны то, что видимый пламень был действительно огонь, иначе бы не пожрал нефть, и смолу, и хворост, и столько тел; а с другой – то, что нет ничего сильнее Его повеления, но что природа всего сущего повинуется приведшему ее из небытия в бытие, – что тогда именно и обнаружилось: ибо огонь, приняв тела тленные, не коснулся их как бы нетленных, и возвратил жертву в целости, даже еще в большем блеске. Ибо, как бы цари из чертогов царских, вышли из пещи эти отроки, так что никто уже не хотел смотреть на царя, но взоры всех обратились от него на чудное явление; и ни диадима, ни порфира, ни что другое из царского великолепия не привлекало столько к себе толпы неверных, сколько вид этих верных, долго пробывших в огне, но вышедших из него так, как будто это случилось с ними во сне. Даже и волосы, которые по природе у нас удобосожигаемее всего, крепче адаманта превозмогли тогда всепоедающий пламень. И не это одно дивно, что, быв ввергнуты в средину пламени, они нисколько не пострадали, но и то, что они еще непрестанно говорили; между тем всем, бывавшим при людях сожигаемых, известно, что пока они держат уста сомкнутыми, то хотя на краткое время противятся сожжению, но лишь случится им раскрыть уста, душа тотчас же вылетает из тела. И, однако после столь многих совершившихся чудес, и когда все присутствовавшие и видевшие пришли в изумление, а отсутствовавшие извещены были об этом письменно, – царь, который учил других, сам остался неисправимым и опять обратился к прежним порокам. И при всем этом Бог не наказал его, но еще долго терпел, вразумляя его и чрез сновидения, и чрез пророка. Только когда уже он никаким из этих способов нимало не исправился, Бог, наконец, наводит на него казнь, не отмщая впрочем за прошедшее, но пресекая будущее зло, и удерживая порок от преуспеяния; притом наказал не навсегда, но после нескольких лет наказания опять возвел его в прежнюю честь, так что он от наказания не потерпел

никакого вреда, а приобрел величайшее из всех благ – утверждение в вере в Бога и раскаяние в прежних своих грехах.

6. Таково человеколюбие Божие! Никогда Он не отвергает искреннего раскаяния; но хотя бы кто дошел до самой крайней порочности, а потом решился бы возвратиться опять оттуда на путь добродетели, и такого Он принимает и приближает к Себе, и делает все, чтобы привести его в прежнее состояние. И еще более человеколюбия вот в чем : если кто окажет не полное раскаяние, то и краткого и малого Он не отвергает; даже и за него назначает великую награду. Это видно из слов пророка Исаии, которые он сказал о народе иудейском: "**за грех корыстолюбия его Я гневался и поражал его, скрывал лице и негодовал; но он, отвратившись, пошел по пути своего сердца. Я видел пути его, и исцелю его, и буду водить его и утешать его и сетующих его**" (Ис.57:17,18). Засвидетельствует нам это и тот нечестивый царь, который женою своею был увлечен к преступлениям, но как только заплакал, оделся во вретище и раскаялся в своих беззакониях , то и приклонил к себе милость Божию, так что избавился от всех угрожавших бедствий. "**И было слово Господне к Илии Фесвитянину, и сказал Господь: видишь, как смирился предо Мною Ахав? За то, что он смирился предо Мною, Я не наведу бед в его дни**" (3Цар.21:28,29). Опять позже Манассия, который безумием и жестокостию превзошел всех , ниспроверг законное богослужение, затворил храм, способствовал процветанию идольского заблуждения и был нечестивее всех предшественников, – когда потом раскаялся, был причислен к друзьям Божиим (2 Пар. 33:12). Если бы он, посмотрев на тяжесть своих беззаконий, отчаялся в своем обращении и исправлении, то лишился бы всего, что получил после; а теперь воззрев, вместо чрезмерности своих грехов, на беспредельность благоутробия Божия, и расторгши узы диавольские, он восстал, подвизался и доброе течение совершил. Впрочем, Бог отсекает помыслы отчаяния не только тем, что было с этими царями, но и словами пророка: "**о, если бы вы ныне послушали гласа Его: "не ожесточите сердца вашего, как в Мериве, как в день искушения в пустыне"**" (Пс.94:7,8). Выражение "**ныне**" можно относить ко всей жизни, даже, если угодно, и к старости; потому что покаяние ценится не по продолжению времени, но по душевному расположению. Так для ниневитян, не было нужды во многих днях, чтобы загладить грех свой, но краткого дневного срока было достаточно для изглаждения беззакония их; и разбойник не в течение долгого времени достиг входа в рай, но во столько времени смыв все грехи всей своей жизни, сколько употребляется его на произнесение одного слова, получил еще прежде апостолов награду прославления. Посмотрим и на мучеников, которые не во многие годы, но в несколько дней, а часто и в один только день, удостаивались светлых венцов.

7. Итак, нам всегда нужно иметь бодрость и великое усердие, и если так настроим совесть свою, что возненавидим прежнюю порочную жизнь и изберем противоположный путь с такою силою, какой хочет и требует Бог; то от времени ни чего не потеряем, так как многие, быв последними, опередили первых. Тяжко не падение, а то, чтобы, упавши, лежать и уже не вставать, – то, чтобы произвольно делая зло и пребывая в беспечности, помыслами отчаяния прикрывать слабость воли. Таким людям и пророк, недоумевая, говорит: "**разве, упав, не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются?**" (Иер.8:4). Если же ты спросишь нас о тех, которые после уверования опять пали, то все сказанное относится и к ним; ибо, кто пал, тот был прежде в числе стоявших, а не лежащих, иначе как бы он и пал? И еще будет сказано, отчасти притчами, а отчасти яснейшими делами и словами. Так овца, которая отделилась от девяноста девяти и потом опять была приведена назад, изображает нам не иное что, как отпадение и возвращение верных, потому что она была овца, и притом не другого какого-нибудь стада, но из числа прочих овец, и прежде паслась пастырем, и заблудилась не обычным образом, но в горах и стремнинах, т.е. на пути каком-то далеком и весьма уклонившемся от прямой дороги. Но

пастырь оставил ли ее блуждать? Никак; он привел ее назад, не пригнав и не бив, но взяв на рамена свои. Ибо как лучшие врачи с великим попечением возвращают здоровье одержимым продолжительною болезнью, не только врачуя их по правилам врачевания, но иногда и доставляя им удовольствие, так и Бог, весьма испорченных людей обращает к добродетели не вдруг и насильственно, но тихо и мало-помалу, и всегда помогая им, чтобы не приключилось еще большего отчуждения и продолжительнейшего заблуждения. На это указывает не только эта притча о блудном сыне. Он также был не чужой кто-либо, но сын и брат благонравного сына, и низринулся не в маловажный порок, а в самую, можно сказать, крайнюю порочность, – богатый, свободный и благородный сделался несчастнее рабов и чужих людей и наемников. И, однако, он опять возвратился в первобытное состояние и получил прежнюю честь. А если бы он отчаялся в своей жизни и, пав духом от постигших его бед, остался на чужбине, то не получил бы того, что получил, а изнуренный голодом, погиб бы самою жалкою смертию. А так как он раскаялся и не впал в отчаяние, то после такого растления опять является в прежнем благообразии, облекается в прекрасную одежду и получает больше непадшего брата. Ибо "**столько лет**", говорил этот, "**служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка**" (Лук.15:29,30). Такова сила покаяния!

8. Имея такие примеры, не станем коснеть в пороках и откладывать обращение, но скажем и мы: "**иду ко отцу моему"**, и приблизимся к Богу. Он сам никогда не отвращается от нас, но мы удаляем себя от Него: "**разве Я – Бог только вблизи, говорит Господь, а не Бог и вдали?"** (Иер.23:23). И опять чрез пророка укоряя иудеев, говорит: "**беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим, и грехи ваши отвращают лице Его от вас**" (Ис.59:2). Если же это удаляет нас от Бога, то разрушим эту пагубную преграду, и – ничто не будет препятствовать нам быть близко к Богу. Послушай, как это происходило на самом деле. У коринфян один знатный человек совершил такой грех, какого не слышно было и между язычниками. Он был верный и из близких ко Христу, а некоторые говорят даже, что он был из числа священнослужителей. Что же? Исключил ли его Павел из общества спасаемых? Никак: сам он много раз, и там, и здесь, укорял коринфян за то, что они не привели его в покаяние; а желая показать нам , что нет греха, который бы не мог быть уврачеван, опять об этом человеке, который согрешил хуже язычников, сказал: "**предать сатане во изможднение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа**" (1Кор.5:5). Но это еще до покаяния; когда же тот покаялся, то "**для такого довольно**", говорит, "**сего наказания от многих**" (2Кор.2:6) – и предписал утешить его и принять его покаяние, дабы не возобладал им сатана. И целый народ галатов, которые пали после того, как уже веровали, совершали знамения и перенесли много искушений за веру во Христа, он восстановляет опять. Что они творили чудеса, это выразил он словами: "**подающий вам Духа и совершающий между вами чудеса через дела ли закона сие производит, или через наставление в вере?**" (Гал.3:5); и что они много страдали за веру, это выразил словами: "**столь многое потерпели вы неужели без пользы?**" (Гал.3:4). Между тем после такого преуспеяния они совершили грех, который мог отчуждать их от Христа, и о котором сам (Павел) выражается так: "**вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа**" (Гал.5:2); и еще: "**оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати**" (Гал.5:4). И однако, после такого падения, он с благорасположением говорит им : "**дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос"** (Гал.4:19), показывая этим, что в нас, и после крайнего растления, может опять изобразиться Христос, потому что Он не хочет "**смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был**" (Иез.33:11).

9. Обратимся же, о, любезная глава! и будем исполнять волю Божию. Он для того и создал нас и привел в бытие, чтобы сделать участниками вечных благ, чтобы даровать царство небесное, а не для того, чтобы ввергнуть в геенну и предать огню; это не для нас, а для диавола, для нас же издревле устроено и уготовано царство. Изъясняя то и другое, Господь говорит "**тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**"; а "**тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его**" (Матф.25:34,41). Итак, геенна приготовлена не для нас, но для него и ангелов его; а царство для нас уготовано еще до создания мира. Не сделаем же себя недостойными входа в чертог: доколе мы пребываем здесь, то, хотя бы совершили множество грехов, есть возможность омыть все, раскаявшись во грехах; но когда отойдем туда, то, хотя бы оказали самое сильное раскаяние, никакой уже не будет пользы, и сколько бы не скрежетали зубами, ни сокрушались и ни молились тысячекратно, никто и с конца перста не подаст капли нам, объятым пламенем, но мы услышим то же, что и известный богач, - что "**между нами и вами утверждена великая пропасть**" (Лук.16:26). Покаемся же здесь, увещеваю, и познаем Господа своего, как познать надлежит. Тогда только должно будет отринуть надежду на покаяние, когда мы будем в аду, потому что там только бессильно и бесполезно это врачевство, а доколе мы здесь, оно, если и в самой старости будет употреблено, оказывает великую силу. Посему и диавол употребляет все усилия, чтобы вкоренить в нас помысел отчаяния: ибо знает, что если мы и немного покаемся, это будет для нас не бесплодно. Но как подавшего чашу холодной воды ожидает воздаяние, так и покаявшийся в злых делах своих, хотя бы и не оказал покаяния соразмерного с грехами, и за это получит воздаяние. Никакое добро, хотя бы и маловажное, не будет пренебрежено Праведным Судиею. Если грехи будут исследоваться с такою строгостью, что мы понесем наказание и за слова и за желания; то гораздо более добрые дела, малы ли будут, или велики, вменятся нам в то время. Итак, если ты даже не в состоянии будешь возвратиться к прежней строгой жизни, но хотя бы немного отвлекся он настоящего недуга и невоздержности, то и это не будет бесполезно; только положи начало делу и приступи к подвигам, а пока будешь оставаться вне, действительно будет казаться тебе трудным и неудобоисполнимым. Прежде опыта, даже весьма легкие и сносные дела обыкновенно представляются нам весьма трудными; но когда мы испытаем их и примемся за них смело, то большая часть трудности исчезает, и бодрость, заступив место опасения и отчаяния, уменьшает страх, увеличивает удобоисполнимость и укрепляет добрые надежды. Потому и Иуду лукавый отклонил от этого, чтобы он, сделав надлежащее начало, не возвратился чрез покаяние туда, откуда ниспал. Подлинно я сказал бы, - хотя и странны такие слова, - что и его грех не выше помощи, получаемой нами от покаяния. Посему прошу и умоляю, исторгни из души всякую сатанинскую мысль и обратись к этому спасительному средству. Если бы я советовал тебе тотчас и вдруг взойти опять на прежнюю высоту, то ты справедливо негодовал бы на это, как на весьма трудное дело; но если теперь я требую только того, чтобы не прибавлять к настоящим грехам, но, восстав возвратиться оттуда на противоположный путь, то почему же ты медлишь, и уклоняешься и сопротивляешься? Не видал ли ты, как умирали жившие в роскоши, пьянстве, играх и прочих удовольствиях жизни? Где теперь те, которые выступали по торжищу с великою надменностью и многочисленными спутниками, одевались в шелковые одежды, издавали от себя благовоние мастей, кормили нахлебников и постоянно прикованы были к зрелищам? Где теперь эта пышность их? Пропали огромные расходы на ужины, толпа музыкантов, угодничество ласкателей, громкий смех, беспечность души, рассеянность мысли, жизнь изнеженная, праздная и роскошная. Куда теперь улетело все это? Чем стало это тело, которое удостаивалось такой заботливости и чистоты? Пойди на могилу, посмотри на пыль, на прах, на червей, посмотри на безобразие этого места, и - горько восстенай. И о, если бы наказание ограничилось только этим прахом! Но от могилы и этих червей теперь перенесись мыслию к тому червю

неумирающему, к огню неугасимому, к скрежету зубов, к тьме кромешной, к скорби и сокрушению, к притче о Лазаре и богатом, который, владея прежде таким богатством и одеваясь в порфиру, не мог получить и капли воды, и притом находился в такой крайности. Все здешнее нисколько не лучше сновидений. Ибо как работающие в рудокопнях или несущие какое-либо другое еще тягчайшее наказание, когда, уснув после многих трудов и самой горькой жизни, во сне увидят себя в удовольствии и богатстве, проснувшись, нисколько не рады бывают своим снам; так то же самое было и с тем богачом, который, пользуясь богатством в настоящей жизни как бы во сне, по отшествии отсюда потерпел тяжкое наказание. Подумай об этом, и тот огонь противопоставив объемлющему тебя теперь пламени вожделений, избавься, наконец, от этой пещи. Ибо кто хорошо погасил здешнюю печь, тот не испытает и тамошней; а кто здешней не одолел, тем, по отшествии отсюда, сильнее овладеет тамошняя. Насколько бы времени хотелось тебе продлить наслаждение настоящею жизнью? Я думаю, что тебе осталось не более пятидесяти лет, чтобы достигнуть крайней старости, но и это еще неизвестно нам; потому что те, которые не могут быть уверены в продолжении своей жизни даже до вечера, как могут поручиться за столько лет? И не одно это не известно, - не известна и перемена обстоятельств: часто с жизнью, продолжающеюся много времени, не продолжаются вместе и удовольствия, но как только появляются, так и исчезают. Впрочем, если угодно, пусть будет так, что ты проживешь столько лет и не испытаешь никакой перемены: что же это в сравнении с бесконечными веками и с теми тяжкими и невыносимыми наказаниями? Здесь и хорошее и худое имеет конец, и притом весьма скорый, а там - то и другое продолжается в бесконечные веки, а по качеству своему настолько отлично от здешнего, что и сказать невозможно.

10. Услышав об огне, не подумай, будто тамошний огонь таков же, каков здешний: этот, охватив что-либо, сжигает и погасает; а тот, кого однажды захватит, жжет постоянно, и никогда не перестает, почему и называется неугасимым. Ибо и грешникам надлежит облечься бессмертием, не к славе, но чтобы иметь всегдашнего спутника тамошнего мучения; а сколь это ужасно, того никогда не может изобразить слово, а только из опытного ощущения малых страданий можно получить некоторое слабое понятие о тех великих мучениях. Когда бываешь в бане, натопленной сильнее надлежащего, то представь себе огонь геенский, и если когда будешь гореть в сильной горячке, то перенесись мыслию к тому пламени: и тогда будешь в состоянии хорошо понять это различие. Если даже баня и горячка так мучат и беспокоят нас, то, что мы будем чувствовать тогда, когда попадем в ту огненную реку, которая будет течь пред страшным судилищем? Будем скрежетать зубами от страданий и нестерпимых мучений, но никто не поможет нам. Будем крепко стенать, когда пламень все сильнее станет охватывать нас, но не увидим никого, кроме мучимых вместе с нами и великой пустыни. А что сказать о тех ужасах, которые мрак будет наводить на наши души? Ибо тот огонь как не истребляет, так и не освещает; иначе не было бы мрака. Вообще одно только то время с достаточностью может показать имеющие тогда постигнуть нас смущение и трепетание, изнурение и исступление великое. Многочисленны и разнообразны тамошние муки, и потоки казней отовсюду объемлют душу. Если кто скажет: как же душа может быть достаточною для такого множества мучений и оставаться в наказаниях бесконечные веки? - тот пусть представит, что бывает здесь, - как часто многие выдерживали продолжительную и тяжкую болезнь. Если они и скончались, то не потому, чтобы душа исчезла, но потому, что тело истощилось, так что, если бы оно не изнурилось, то душа не перестала бы мучиться. Когда же душа получит нетленное и неразрушимое тело, тогда ничто не воспрепятствует мучению продлиться в бесконечность. Здесь не может быть того и другого вместе, то есть, жестокости и продолжительности мучений, но одно другому противится по причине тленности тела и неспособности одновременно переносить то и другое; а когда, наконец, наступит нетление, это сопротивление прекратится и оба эти

страшилища с великою силою будут обнимать нас в бесконечность. Посему не будем рассуждать ныне так, будто чрезмерность мучений истощит нашу душу: ибо в то время и тело не может истощиться, но будет вместе с душою мучиться вечно, и никакого конца не будет. Итак, сколь же великое наслаждение и сколь продолжительное время хочешь ты противопоставить этому наказанию и мучению? Хочешь ли сто лет и дважды столько? Но что это в сравнении с бесконечными веками? Что сновидение одного дня в отношении к целой жизни, то же значит наслаждение здешними благами в отношении к продолжительности будущих благ. Посему найдется ли такой человек, который для того, чтобы увидеть приятный сон, решился бы терпеть наказание во всю жизнь? Кто настолько неразумен, чтобы решиться на такое вознаграждение? Впрочем, теперь я еще не восстаю против наслаждения и не раскрываю заключающейся в нем горечи: потому что не теперь время говорить об этом, но когда ты будешь в состоянии бежать от него. Теперь же, когда страсть обладает тобою, мы показались бы тебе пустословом, если бы наслаждение назвали горьким; когда же ты, по благодати Божией, освободишься от недугов, тогда, верно узнаешь и злокачественность его. Посему, отложив речь об этом до другого времени, теперь скажем следующее. Пусть наслаждение будет наслаждением, и удовольствие - удовольствием, не имеющим в себе ничего неприятного и предосудительного: что мы скажем касательно уготованного наказания? Что тогда сделаем мы, наслаждавшиеся здешними благами как бы в тени и изображении, а там на самом деле подвергшиеся вечному мучению, и притом когда возможно было в краткое время и избегнуть упомянутых мучений, и получить уготованные блага? Подлинно, и то дело человеколюбия Божия, что подвиги наши простираются не на продолжительное время, но, подвизавшись краткое и самое малое, подобное мгновению ока, время (такова именно настоящая жизнь по сравнению с будущей), будем увенчаны на бесконечные веки. Немало и то будет печалить тогда души наказуемых, когда они представят, что между тем, как в эти краткие дни можно было исправить все, они, по своей беспечности, предали себя на вечные муки. Чтобы и нам не потерпеть этого, восстанем, доколе время благоприятно, доколе день спасения, доколе велика сила покаяния. Ибо, если мы останемся в беспечности, то нас постигнут не только сказанные бедствия, но и другие, гораздо тягчайшие. Такие и даже горчайшие бедствия будут в геенне, а лишение благ причинит такую печаль, такую скорбь и муку, что если бы и никакое наказание не ожидало здешних грешников, оно само по себе хуже геенских мук будет терзать и возмущать наши души.

11. Представь состояние той жизни, насколько возможно представить его себе: ибо вполне изобразить ее по достоинству не в состоянии никакое слово, но из того, что мы слышим, как бы из каких-нибудь загадок, мы можем получить некоторое неясное о ней представление. "**Удалятся**", говорит (Писание), "**[болезнь], печаль и воздыхание**" (Ис.35:10). Что же может быть блаженнее такой жизни? Не нужно там бояться ни бедности, ни болезни; не видно ни обижающего, ни обижаемого, ни раздражающего, ни раздражаемого, ни гневающегося, ни завидующего, ни распаляемого непристойною похотью, ни заботящегося о приобретении необходимого для жизни, ни мучимого желанием власти и господства: ибо вся буря наших страстей, затихнув, прекратится, и все будет в мире, веселии и радости, все тихо и спокойно, все день, и ясность, и свет, - свет не этот нынешний, но другой, который настолько светлее этого, насколько этот блистательнее светильничного. Свет там не помрачается ни ночью, ни от сгущения облаков; не жжет и не палит тел, потому что нет там ни ночи, ни вечера, ни холода, ни жара, ни другой какой перемены времен, но иное какое-то состояние, которое познают одни достойные; нет там ни старости, ни бедствий старости, но все тленное отброшено, так как повсюду господствует слава нетленная. А что всего важнее, это - непрерывное наслаждение общением со Христом, вместе с ангелами, с архангелами, с горними силами. Посмотри теперь на небо, и перейди мыслию к тому, что выше неба, представь преображение всей твари: она уже не останется такою, но будет гораздо прекраснее и

светлее, и насколько золото блестящее олова, настолько тогдашнее устройство будет лучше настоящего, как и блаженный Павел говорит: "**что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению**" (Рим.8:21). Ныне она, как причастная тлению, терпит многое, что свойственно терпеть таким телам; но тогда, совлекшись всего этого, она представит нам нетленное благолепие. Так как она должна принять нетленные тела, то и сама преобразиться в лучшее состояние. Нигде не будет тогда раздора и борьбы, потому что велико согласие в лике святых, при всегдашнем единомыслии всех друг с другом. Не нужно там бояться ни диавола и демонских козней, ни грозы геенской, ни смерти - ни этой нынешней, ни той, которая гораздо тяжелее этой; но всякий такой страх уничтожен. Подобно тому, как царский сын, первоначально воспитываемый в уничиженном виде, под страхом и угрозами, дабы от послабления он не испортился и не сделался недостойным отцовского наследия, по достижении царского достоинства вдруг переменяет все прежнее, и в порфире и диадеме, среди множества копьеносцев, председательствует с великим дерзновением, отринув от души всякое уничижение и смирение и вместо того восприняв другое: так будет тогда и со всеми святыми. А чтобы эти слова не показались простым красноречием, взойдем мыслию на гору, где преобразился Христос; взглянем на Него блистающего, как Он воссиял, хотя и тогда Он показал нам не все еще сияние будущего века; из самых слов евангелиста видно, что явленное тогда было только снисхождением, а не точным представлением предмета. Ибо что говорит он? "**Просияет как солнце**" (Матф.17:2). Слава нетленных тел являет не такой свет, какой это тленное тело, и не такой, какой доступен и смертным очам, но такой, для созерцания которого нужны нетленные и бессмертные очи. А тогда на горе Он открыл лишь столько, сколько возможно было видеть без вреда очам видевших; и при всем этом они не вынесли, но пали на лице свое. Скажи мне, если бы кто, приведя тебя на какое-либо светлое место, где все сидели бы облеченные в золотые одежды, и посреди этого собрания показал бы еще одного человека, имеющего одежды и венец на голове из одних драгоценных камней, потом обещал бы и тебя ввести в это общество, то не употреблял ли бы ты всех усилий, чтобы получить обещанное? Открой же теперь умственные очи и посмотри на то зрелище, состоящее не из простых мужей, но из тех, которые драгоценнее и золота, и дорогих камней, и лучей солнечных, и всякого видимого блеска, и не только из людей, но и из гораздо достойнейших, нежели они, - из ангелов, архангелов, престолов, господств, начал, властей? А о Царе и сказать нельзя, каков Он; так не доступна никакому слову и уму эта красота, доброта, светлость, слава, величие, великолепие. Таких ли благ лишить нам себя, скажи мне, для избежания маловременных тягостей? Если бы надлежало каждый день претерпевать множество смертей, даже - самую геенну, для того, чтобы увидеть Христа, грядущего во славе Своей, и быть причисленным к лику святых, то не надлежало ли бы претерпеть все это? Послушай, что говорит блаженный Петр: "**хорошо нам здесь быть**" (Матф.17:4). Если же он, увидев только неясный некоторый образ будущего, тотчас излил все из души вследствие наслаждения, происшедшего в душе его от этого зрелища, то что сказать, когда явится самая истина вещей, когда отверзнутся царские чертоги и можно будет созерцать самого Царя уже не в гадании и не в зерцале, но лицом к лицу, уже не верою, но видением?

12. Многие безрассудные желали бы только избавиться от геенны, но я считаю гораздо тягчайшим геенны наказанием - не быть в той славе; и тому, кто лишился ее, думаю, должно скорбеть не столько от геенских мучений, сколько о лишении небесных благ: ибо это одно есть тягчайшее из всех наказаний. Ныне мы часто, видя царя с множеством копьеносцев входящим в царские чертоги, почитаем счастливыми приближенным к нему и участвующих с ним в разговоре, совете и прочей чести; даже обладая множеством благ, называем себя несчастными и нисколько не ценим этих благ, взирая на славу окружающих царя, хотя и знаем, что этот блеск обманчив и ненадежен по причине войн, по причине козней и по причине зависти, и помимо всего этого сам по себе не стоит

никакого внимания. А в отношении к Царю всего, который обладает не частью земли, но всем кругом земли, или, лучше сказать, всю ее объемлет дланью и небеса измеряет пядью, носит все глаголом силы Своей, пред Которым все народы, как ничто, и как "**плюновение**" (Ис.40:15), - в отношении к этому Царю ужели мы не почтем крайним наказанием не быть включенными в тот лик, который около Него, и рады будем, если только избавимся от геенны? Что может быть жальче такой души? Этот Царь, не в запряжке белых мулов, не на золотой колеснице, не в порфире и диадеме, - не так грядет судить землю, но как? Послушай пророков, взывающих и говорящих об этом, как людям возможно сказать. Один говорит: "**грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря. Он призывает свыше небо и землю, судить народ Свой**" (Пс.49:3,4). А Исаия присовокупляет и самое наказание нам в следующих словах: "**Вот, приходит день Господа лютый, с гневом и пылающею яростью, чтобы сделать землю пустынею и истребить с нее грешников ее. Звезды небесные и светила не дают от себя света; солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим. Я накажу мир за зло, и нечестивых - за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых, и уничижу надменность притеснителей; сделаю то, что люди будут дороже чистого золота, и мужи - дороже золота Офирского. Для сего потрясу небо, и земля сдвинется с места своего от ярости Господа Саваофа, в день пылающего гнева Его**" (Ис.13:9-13). И еще, "**окна**", говорит, "**с [небесной] высоты растворятся, и основания земли потрясутся. Земля сокрушается, земля распадается, земля сильно потрясена; шатается земля, как пьяный, и качается, как колыбель, и беззаконие ее тяготеет на ней; она упадет, и уже не встанет. И будет в тот день: посетит Господь воинство выспреннее на высоте и царей земных на земле. И будут собраны вместе, как узники, в ров, и будут заключены в темницу**" (Ис.24:18-22). И Малахия согласно с этим говорит: "**идет Господь Саваоф. И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он - как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать как золото и как серебро**" (Мал.3:2,3). И еще: "**вот**", говорит, "**придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день, говорит Господь Саваоф, так что не оставит у них ни корня, ни ветвей**" (Мал.4:1). А муж желаний говорит: "**Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его - как чистая волна; престол Его - как пламя огня, колеса Его - пылающий огонь. Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним; судьи сели, и раскрылись книги**" (Дан.7:9,10). Потом немного ниже, "**видел**", говорит, "**в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его - владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится. Вострепетал дух мой во мне, Данииле, в теле моем, и видения головы моей смутили меня**" (Дан.7:13-15). Тогда разверзнутся все врата сводов небесных, а лучше сказать, и самое небо истребится. "**Небеса свернутся**", говорит (пророк), "**как свиток книжный"** (Ис.34:4), свертываясь как бы кожа и покров какой-либо палатки, чтобы измениться в лучшее. Тогда все исполнится изумления, ужаса и трепета; тогда и самих ангелов обымет великий страх, и не только ангелов, но и архангелов, и престолы и господства, и начала, и власти: "**и поколеблются**", говорит (Господь), "**силы небесные**" (Матф.24:29), потому что от сослужителей их потребуется отчет в здешней жизни. Если тогда, когда один какой город бывает судим земными правителями, трепещут все, даже и находящиеся вне опасности: то, когда вся вселенная будет судима таким Судиею, который не нуждается ни в свидетелях, ни в обличителях, но и без них всех обнаружит и дела, и слова, и мысли, и все как на картине покажет и самим грешникам, и не знающим, - возможно ли, чтобы тогда не потряслась и не поколебалась всякая сила? Поистине, если

бы и река огненная не текла и страшные ангелы не предстояли, а только бы из собранных людей одни получали похвалу и прославление, а другие были отгоняемы с бесчестием, чтобы не зреть славы Божией - ибо "**нечестивый**", говорит (пророк), "**не будет взирать на величие Господа**" (Ис.26:10), - и это было бы единственным наказанием, то лишение таких благ не мучительнее ли всякой геенны терзало бы души отверженные? Как велико это бедствие, ныне невозможно изобразить словом, а тогда мы ясно узнаем на деле. Но присоедини теперь и то еще наказание, - как люди не только терзаются стыдом, без прикрытия и с поникшим долу лицом, но и влекутся по пути, ведущему в огонь, как они приближаются к самым местам мучений и предаются свирепым силам, и терпят это в то время, когда все, делавшие доброе и достойное вечной жизни, увенчиваются, прославляются и поставляются пред престолом Царя.

13. Так будет в тот день, а что последует затем, какое слово изобразит нам это, т. е. происходящую от общения со Христом усладу, пользу и радость? Ибо душа, возвратив себе собственное благородство и придя, наконец, в состояние возможности с дерзновением созерцать своего Господа, нельзя и сказать, какое получает наслаждение, какую пользу в том, что утешается не только обладаемыми благами, но и уверенностью, что эти блага никогда не окончатся. Всю эту радость невозможно ни словом изобразить, не умом постигнуть. Впрочем, попытаюсь представить, хотя неясно и так, как показывают великое посредством малого. Посмотрим на тех, которые в настоящей жизни пользуются мирскими благами, то есть богатством, властью и славою, - как они, надмеваясь благосостоянием, думают, что они уже не на земле, хотя пользуются такими благами, которые и не признаются за блага и не остаются с ними, но улетают быстрее сновидения; если же иногда и остаются на малое время, то приносят удовольствие только в настоящей жизни, а далее не могут им сопутствовать. Если же даже эти блага приводят владеющих ими в такую радость, то что, думаешь ты, будет с душами, призванными к бесчисленным небесным благам, которые непреходящи и всегда пребывают благонадежными? И не этим одним, но и количеством и качеством они настолько превосходнее настоящих благ, что и на сердце человеку никогда не всходило. Ныне живем мы в этом мире, как дитя в утробе, терпя стеснение и не будучи в состоянии видеть блеск и свободу грядущего века; когда же наступит время рождения, и настоящая жизнь всех воспринятых ею людей изведет на день суда, тогда недоношенные существа из мрака перейдут в мрак и из скорби в тягчайшую скорбь, а совершенные и сохранившие черты царского образа предстанут Царю и вступят в то служение, которым служат Богу всех ангелы и архангелы. Не истреби же, друг мой, до конца этих черт наших но, поскорее восстановив их, приведи в лучшее состояние. Телесную красоту Бог заключил в пределах природы, но красота души, как несравненно лучшая телесного благообразия, свободна от такой необходимости и подчиненности, и вполне зависит от нас и от воли Божией. Человеколюбивый Владыка наш и тем особенно почтил род наш, что менее важное и мало полезное для нас, потеря чего безразлична, подчинил естественной необходимости, а распорядителями истинно доброго сделал нас самих. Если бы Он сделал нас властными и в телесной красоте, то мы и лишнюю заботу получили бы, и все время тратили бы на бесполезное, и весьма вознерадели бы о душе. Если и теперь, когда не дано нам такой власти, мы делаем все и употребляем все усилия к тому, и, не имея силы на самом деле, позволяем украшать себя цветами, красками, складкою волос, убранством одежд, расписыванием глаз и множеством других хитростей, придумываем себе, такую красоту: то стали ли бы мы прилагать какое-нибудь попечение о душе и о высоких предметах, когда бы имели возможность придавать телу действительно прекрасный вид? Может быть, если бы это было нашим делом, у нас и не было бы никакого другого дела, но все время мы проводили бы в том, чтобы рабу украшать бесчисленными прикрасами, а госпожу ее, хуже всякого невольника, оставлять в безобразии и пренебрежении. Посему Бог, освободив нас от этой пагубной заботы, вложил в нас способность к лучшему делу, так что не имеющий возможности сделать тело

из безобразного красивым может душу свою, хотя бы она низошла до крайнего безобразия, возвести на самый верх красоты, и таким образом сделать ее достолюбезною и привлекательною, вожделенною не только для добрых людей, но и для самого Царя и Бога всех , как и псалмопевец, рассуждая об этой красоте, сказал: "**и возжелает Царь красоты твоей**" (Пс.44:12). Не видишь ли, что и в зазорных домах к женщинам безобразным и бесстыдным едва ли приблизятся даже единоборцы, беглые и борцы со зверями; если же какая женщина благообразная, благородная и стыдливая, по какому-нибудь обстоятельству, впадет в такую крайность, то и иной и из весьма знатных и важных людей не постыдится вступить в брак с нею? Если же у людей бывает такая жалость и такое презрение к славе, что они часто и обесчещенных под этою кровлею женщин избавляют от неволи и берут себе в супруги, то не гораздо ли более возможно это у Бога по отношению к душам, которые по насилию диавола ниспали из первобытного благородства в блудилище настоящей жизни? Множество таких примеров ты найдешь у пророков, когда они обращают речь к Иерусалиму, который также впадал в блудодеяние, и притом в некоторое новое блудодеяние, как говорит Иезекииль: "**всем блудницам дают подарки, а ты сама давала подарки всем; и потому ты поступала в противность другим**" (Иез.16:33,34); и еще другой: "**сидела ты для них, как Аравитянин в пустыне, и осквернила землю блудом твоим** " (Иер.3:2). И такой город, столь блудодейный, Бог опять призывает к себе. Самый плен (иудеев) был не столько для наказания, сколько для обращения и исправления их; потому что, если бы Бог хотел решительно наказать их, то не возвратил бы в отечество, не воздвиг бы еще более великого и блистательного и города, и храма. "**Слава сего**", говорит (пророк), "**последнего храма будет больше, нежели прежнего**" (Агг.2:9). Если же Бог не лишил покаяния города, многократно блудодействовавшего, то гораздо более примет твою душу, подвергшуюся первому падению. Поистине, никакой плотолюбец, хотя бы крайне распаленный, не пламенеет так к любимой им, как Бог желает спасения наших душ. В этом можно убедиться как из повседневных событий, так и из божественных Писаний. Смотри у Иеремии в самом начале, и во многих местах у пророков, как Бог бывал пренебрегаем и презираем, и как Он опять приближался и искал любви отвращавшихся от Него, - что и сам Он в Евангелии выразил словами: "**Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели**" (Матф.23:37). И апостол Павел в послании к Коринфянам сказал: "**Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя [людям] преступлений их, и дал нам слово примирения. Итак, мы - посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом**" (2Кор.5:19,20). Прими это теперь за сказанное и к нам. Ибо не только неверие, но и нечистая жизнь может произвести эту прискорбную вражду. "**Потому что плотские помышления**", говорит (Писание), "**суть вражда против Бога**" (Рим.8:7). Разрушим же эту преграду, ниспровергнем и умертвим, дабы достигнуть блаженного примирения, дабы опять сделаться вожделенными и любезными Богу.

14. Знаю, что ты теперь восхищаешься красотою Ермионы и думаешь, что на земле нет ничего подобного ее благообразию; но если ты, друг мой, захочешь, то будешь настолько благолепнее и прекраснее ее, насколько золотые статуи лучше глиняных. Если красота телесная так поражает и увлекает души многих, то когда она заблистает в душе, что может сравниться с такою красотою и благообразием? Телесной красоте основанием служит не что иное, как слизь, кровь, влага, желчь, и сок принятой пищи. Этим наполняются и глаза, и щеки, и все прочее; и если они не будут каждый день получать такого напоения, истекающего из чрева и печени, то вместе с тем, как только кожа высохнет более надлежащего и глаза впадут, и вся красота лица тотчас пропадет; – так что, если ты представишь себе, что именно скрывается внутри прекрасных глаз, что внутри прямого носа, что внутри уст и щек, то благообразие тела назовешь не иным чем, как гробом

повапленным: такой нечистоты полна внутренность! Далее, если ты увидишь тряпку, запачканную чем-либо из таких веществ, например слизью или слюною, то не захочешь и концами пальцев дотронуться до нее, даже не станешь и смотреть на нее; а вместилищем и хранилищем их восхищаешься? А твоя красота была не такова, но (настолько выше ее), насколько небо лучше земли, или, вернее сказать, гораздо еще блистательнее и превосходнее. Конечно, никто никогда не видал души самой себе, без тела; но я попытаюсь представить тебе красоту ея иначе, по сравнению с высшими силами. Послушай, как их красота поразила мужа желаний: намереваясь изобразить их красоту и не могши найти такое тело, он прибег к металлическим веществам, но не удовольствовавшись и ими одними, взял в пример еще блеск молнии. Если же те (силы), проявившие существо свое не во всей чистоте и обнаженности, но весьма неясным и прикровенным образом, были, однако, столь блистательны, то какими должны оне являться без всякого покрова? Нечто подобное надлежит представлять и о красоте души: будут, говорит (Господь) "**равны Ангелам**" (Лук. 20:36). Даже между телами, те, которыя легче и тоньше приближаются к безтелесным предметам, гораздо лучше и превосходнее других. Небо прекраснее земли, огонь – воды, звезды – камней; а радугою мы восхищаемся гораздо более, нежели фиалками, розами и всеми другими цветами земными. Вообще, если бы возможно было увидеть красоту души телесными очами, ты посмеялся бы над всеми этими примерами тел, – так слабо они представляют нам благолепие души! Не будем же нерадеть о таком стяжании и таком блаженстве, тем более, что возвращение к этой красоте для нас удобно при надежде на будущее. "**Ибо**", говорит апостол, "**кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно**" (2Кор.4:17,18). Если же скорби, которые ты знаешь, блаженный Павел назвал нетяжкими и легкими, так как не смотрел на видимое, то тем легче тебе оставить нечистую похоть. Мы теперь зовем тебя не на опасности, не на ежедневные смерти, непрестанные удары, бичевания, узы, борьбы со вселенною, вражду от домашних, безпрестанные бдения, продолжительные путешествия, кораблекрушения, нападения разбойников, козни от сродников, скорби о друзьях, голод, холод, наготу, зной, печаль о своих и не своих. Ничего такого мы не требуем теперь; об одном только просим, – освободиться от окаянного рабства и возвратиться к прежней свободе, представив себе и наказание за похоть и почесть за прежнюю жизнь. Если не верующие в учение о воскресении предаются беспечности и никогда не чувствуют этого страха, это нисколько неудивительно; а нам, надеющимся более на будущие, нежели на здешние блага, проводить столь жалкую и несчастную жизнь, ничего не ощущать при воспоминании о первых, но ниспасть до крайней бесчувственности, – это было бы весьма безрассудно. Когда мы – верующие будем поступать, как неверные, или станем вести себя хуже их (и между ними есть просиявшие житейскою добродетелию), какое, наконец, будет нам утешение, какое оправдание? Из купцов многие, потерпев кораблекрушение, не упали духом, но опять пошли тем же путем, хотя притом потерпели это несчастие не от собственной беспечности, но от силы ветров; а мы, которые можем надеяться на счастливый конец и верно знаем, что без нашей воли не постигнет нас ни кораблекрушение, ни малое какое-либо несчастие, мы ли не примемся опять за то же и не будем приобретать, по прежнему, но станем лежать без дела, сложив при себе руки? И о, если бы только при себе, а не против себя, – что означает явное безумие! Ведь если бы кто из борцов, оставив своего противника, обратил руки на свою голову и стал поражать собственное лице, скажи мне, не причислили бы его к сумасшедшим? Диавол поборол нас и поверг; следовательно надобно встать, а не влачиться далее и низвергать себя в пропасть, не прибавлять к его ударам еще своих собственных. И блаженный Давид пал таким же падением, каким и ты теперь; и не этим только, но потом и другим, то есть, убийством. Что же, остался ли он лежащим? Напротив, не тотчас ли с мужеством встал, и не ополчился ли на врага? Итак доблестно поразил его, что и по смерти своей сделался

покровом для своих потомков. Ибо Соломону, который совершил великое беззаконие и сделался достойным тысячи смертей, Бог сказал, что ради Давида оставляется ему царство в целости, следующими словами: "**отторгну от тебя царство и отдам его рабу твоему; но во дни твои Я не сделаю сего**", почему?, "**ради Давида, отца твоего; из руки сына твоего исторгну его**" (3Цар.11:11,12). И Езекии, бывшему в крайней опасности, хотя и праведному, Он обещал помощь ради того же блаженного: "**буду охранять**" , говорит, "**город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего**" (4Цар.19:34). Такова сила покаяния! А если бы Давид стал рассуждать так же, как и ты теперь, – именно, что уже невозможно умилостивить Бога, и если бы сказал сам в себе: “Бог почтил меня великою честию, причислил к пророкам, и вручил начальство над единоплеменниками, и избавил от множества опасностей: как же я, после столь многих благодеяний, огорчив Его и дерзнув на крайние беззакония, могу опять умилостивить Его?” Если бы он стал рассуждать так, то не только не сделал бы того, что совершил впоследствии, но уничтожил бы и прежние свои дела.

15. Не только телесные, но и душевные раны, будучи оставлены без внимания, причиняют смерть. Между тем мы дошли до такого безумия, что о первых очень заботимся, а этими пренебрегаем. И хотя многие телесные раны часто бывают неисцельны, однако, мы не отчаиваемся, и слыша часто от врачей, что такую-то болезнь невозможно истребить лекарствами, мы настойчиво просим придумать хотя малое какое-либо облегчение; а о душах, в которых нет никакой неисцельной болезни – так как они не подлежат естественной необходимости, – о них так нерадим и отчаиваемся, как будто болезни их – чужие для нас. Где самое свойство болезни должно бы повергать нас в безнадежность, там мы, как имеющие большие надежды, заботимся о здоровье; а где нет ничего, почему бы следовало отчаиваться, там, как отчаявшиеся, отступаем и предаемся беспечности. Настолько-то более мы заботимся о теле, нежели о душе! Поэтому и тела сохранить не можем. Ведь кто нерадит о главном, а всю заботу обращает на низшее, тот разрушает и губит то и другое; а кто соблюдает порядок, охраняя и сберегая главнейшее, тот, хотя бы не заботился о второстепенном, спасает и это чрез хранение первого, что и Христос объяснил нам словами: "**не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне**" (Матф.10:28). Итак, убедили ли мы тебя, что никогда не должно отчаиваться в душевных болезнях, как бы неисцельных, или нужно предложить еще и другие доказательства? Если бы ты и тысячу раз отчаивался в самом себе, мы не отчаемся в тебе никогда, и не допустим сами того, за что осуждаем других, хотя не одно и то же – отчаиваться кому-либо в самом себе, или другому в нем; потому что отчаивающийся в другом может скоро получить прощение, а отчаивающийся в самом себе – никогда. Почему? Потому, что тот не властен в настроении и раскаянии другого, а этот один властен над самим собою. И, однако, при всем том мы не будем отчаиваться в тебе, хотя бы ты сам тысячу раз подвергся этому; потому что, может быть, и произойдет возврат к добродетели и возобновлению прежней жизни. Выслушай же и следующее. Ниневитяне, услышав сильную и ясную угрозу пророка: "**еще сорок дней и Ниневия будет разрушена**" (Ион.3:4), и после этого не упали духом, и хотя не были уверены, что умолят Бога, а скорее могли опасаться противного по поводу пророчества (ибо оно произнесено было не с каким-нибудь ограничением, но как прямое определение), при всем этом оказали раскаяние и говорили: "**кто знает, может быть, еще Бог умилосердится и отвратит от нас пылающий гнев Свой, и мы не погибнем". И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел**" (Ион.3:9,10). Если же люди варварские и непросвещенные могли быть столь благоразумными, то гораздо более должно поступать так нам, которые научены божественным догматам и видели великое множество таких примеров и в словах, и в делах. "**Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои**

выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших" (Ис.55:8,9). Если часто и мы провинившихся слуг, когда они обещают исправиться, принимаем и опять удостаиваем прежней чести, а нередко оказываем им еще большее доверие, то гораздо более Бог. Ведь если бы Он создал нас для того, чтобы наказывать, то справедливо бы ты сомневался и отчаивался в своем спасении; но если Он сотворил нас по единой только благости, для того, чтобы мы наслаждались вечными благами, и к этому устрояет и направляет все от первого дня до настоящего времени; то, что побуждает нас предаваться сомнению? То ли, что мы сильно прогневали Его, как никто другой из людей? Но потому-то особенно и должно отстать от настоящих дел и раскаяться в прежних и показать большую перемену. Ибо не столько могут раздражать Его соделанные нами однажды грехи, сколько нежелание перемениться. Грешить еще свойственно человеку; но коснеть во грехах – это уже не человеческое, а вполне сатанинское дело. Смотри, как и чрез пророка Бог порицает последнее больше первого: "**видел ли ты**", говорит, "**что делала отступница, дочь Израиля? Она ходила на всякую высокую гору и под всякое ветвистое дерево и там блудодействовала. И после того, как она все это делала, Я говорил: "возвратись ко Мне"; но она не возвратилась**" (Иер.3:6,7). И в другом месте, опять желая показать, сколь великое Он имеет попечение о нашем спасении, лишь только услышал, что (израильтяне) после многих беззаконий обещали идти правым путем, сказал: "**о, если бы сердце их было у них таково, чтобы бояться Меня и соблюдать все заповеди Мои во все дни, дабы хорошо было им и сынам их вовек**" (Втор.5:29). И Моисей, обращаясь к ним, сказал: "**итак, Израиль, чего требует от тебя Господь, Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего, ходил всеми путями Его, и любил Его**" (Втор.10:12) Итак Тот, Кто ищет быть любимым нами и для этого делает все, Кто не пощадил даже Единородного для нашей любви и почитает вожделенным, чтобы мы когда бы то ни было примирились с Ним, как не примет и не полюбит кающихся? Послушай, что говорит Он чрез пророка: "**говори ты беззакония твои прежде, чтоб оправдаться**" (Ис.43:26). Этого он требует от нас для того, чтобы любовь наша к Нему была сильною. Когда любящий, получив множество оскорблений от любимых, не погасит в себе любви, тогда он, если и старается обнаружить эти оскорбления, то не для чего иного, как для того, чтобы, показав всю силу своей любви, склонить их к большей и сильнейшей любви. Если же исповедание грехов доставляет такое утешение, то гораздо более очищение их делами. Если бы было не так, но однажды совратившимся с прямого пути Бог препятствовал бы возвратиться к прежнему; то никто, может быть, кроме немногих и весьма малочисленных, не вошел бы в царство небесное; а теперь встретим особенно прославленных и в среде тех, которые подвергались этим падениям. Ибо показавшие большую силу во зле покажут такую же и в добре, сознавая, какими долгами они обременили себя, что и Христос изъяснил, когда сказал Симону о жене: "**видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи**" (Лук.7:44-48).

16. Посему и диавол, зная, что сделавшие много зла, когда начнут каяться, делают это с великою ревностию, как сознающие свои согрешения, опасается и боится, чтобы они не начали этого дела, потому что, начав его, они бывают уже неудержимы, и воспламенившись покаянием, как бы огнем, соделывают свои души чище чистого золота, увлекаемые совестью и воспоминанием о прежних грехах, как бы сильным ветром, в пристань добродетели. И в этом-то их преимущество перед теми, которые никогда не падали, т. е. они проявляют сильнейшую ревность, если только, как я сказал, положат начало. Правда, трудно и тяжело сделать усилие, чтобы подойти ко входу и, достигнув

преддверия покаяния, оттолкнуть и низринуть врага, который тут сильно дышит и налегает. А после того и он, будучи однажды побежден и павши там, где был силен, не оказывает такого неистовства, и мы уже, имея больше ревности, весьма удобно совершим этот добрый подвиг. Начнем же, наконец, возвращение, поспешим во град небесный, в котором мы вписаны, в котором и обитать надлежит нам. Отчаяние гибельно не только потому, что затворяет нам врата этого града и приводит к великой беспечности и небрежению, но и потому, что ввергает в сатанинское безумие; ибо и диавол сделался таким не от чего-либо другого, как от того, что сперва отчаялся, а потом от отчаяния впал в безумие. Так и душа, однажды отчаявшись в своем спасении, уже не чувствует потом, как она стремится в пропасть, решаясь и говорить и делать все против своего спасения. Как сумасшедшие, раз лишившись здравого состояния, ничего не боятся и ничего не стыдятся, но безбоязненно отваживаются на все, хотя бы пришлось им попасть в огонь, или в море, или в пропасть; так и объятые безумием отчаяния неудержимо устремляются на всякое зло и, если смерть не постигнет их и не удержит от этого безумия и стремления, причиняют себе множество бед. Посему умоляю, пока ты не слишком погрузился в это опьянение, отрезвись и пробудись, – отстань от сатанинского упоения, если невозможно вдруг, то постепенно и понемногу. Мне кажется, что легче было бы, сразу оторвавшись от всех задерживающих путь, перейти в училище покаяния. Если же это представляется тебе трудным, то как хочешь, так и вступи на путь, ведущий к лучшему, только вступи и получишь жизнь вечную. Так, прошу и умоляю во имя прежней доблести, прежней свободы, чтобы нам опять увидеть тебя на той же высоте и с тою же бодростию. Пожалей о тех, которые соблазняются о твоей голове, падают, делаются беспечнее, отчаиваются в пути добродетели. Теперь скорбью объят сонм братий, а веселием и радостию – общества неверных и беспечных юношей. А когда ты возвратишься к прежней строгой жизни, то будет наоборот: наш стыд весь перейдет на них, а мы будем чувствовать великую отраду, опять видя тебя увенчиваемым и прославляемым с великим блеском. Такие победы доставляют больше чести и радости, потому что ты получишь награду не только за собственные доблести, но и за утешение и одобрение других, представляя им собою, – если кто из них впадет когда-либо в такое же бедствие, – величайший пример того, как опять восстать и исправиться. Не пренебрегай же такою пользою и не своди в ад с печалию души наши, но дай нам вздохнуть и рассеять окружающее нас облако печали о тебе. Мы теперь, оставив свои горести, оплакиваем твои несчастия; если же ты захочешь отрезвиться и открыть глаза, и присоединиться к ангельскому воинству, то и от этой печали избавишь нас и изгладишь большую часть грехов наших. А что обратившимся чрез покаяние можно просиять много и светло, а часто даже и более тех, которые не падали с самого начала, это мы показали и из божественных Писаний. Так и мытари и блудницы наследуют царство небесное; так многие из последних становятся впереди первых.

17. Расскажу тебе о том, что случилось при нас и чему сам ты можешь быть свидетелем. Ты знаешь молодого сына Урбанова, Финикса, который остался сиротою в юности и был владельцем множества денег, рабов и полей. Прежде всего оставив занятия (науками) в музеях и сбросив с себя светлую одежду и всю гордость житейскую, а затем тотчас надев худую одежду и удалившись в пустыню на горы, он обнаружил большое любомудрие, не только по возрасту, но и в сравнении с великими и дивными мужами. После того, удостоившись священного участия в таинствах, он еще более преуспевал в добродетели. И все радовались и славили Бога, что человек воспитанный в богатстве, имевший знаменитых предков, и еще весьма молодой, вдруг поправ всю пышность житейскую, достиг истинной высоты. Когда он был в таком состоянии и возбуждал удивление, некоторые развратители, по праву родства имевшие над ним надзор, опять увлекли его в прежний круговорот. Бросив все, он скоро, сойдя с гор, опять появился на торжище, и восседая на коне, с множеством спутников, ездил по всему городу и уже не хотел любомудрствовать. Пламенея великим сладострастием, он по необходимости предавался

нечистой любви, и не было между близкими к нему никого, кто бы не отчаивался в его спасении; его окружала толпа льстецов, к тому же присоединилось сиротство, молодость и огромное богатство. Люди, склонные легкомысленно порицать все, стали обвинять тех, которые сначала обратили его на тот (духовный) путь, утверждая, что он и в духовных делах не удался, и к своим делам будет негоден, так как прежде времени оставив занятия науками, не мог извлечь из них никакой пользы. Когда это говорилось и происходил великий позор, некоторые святые мужи, часто уловлявшие такую добычу и по опыту хорошо знавшие, что вооруженным надеждами на Бога не следует отчаиваться в таких делах, постоянно следили за ним и, завидев его появлявшимся на торжище, подходили к нему и приветствовали. Сперва он прямо с лошади разговаривал с ними, при чем они следовали за ним по бокам; такое бесстыдство сначала было в нем! Но они, сердобольные и чадолюбивые, нисколько не стыдились этого, а смотрели только на то, как бы отнять у волков овцу, чего и достигли терпением. Ибо впоследствии он, как бы от какого умоисступления придя в себя и устыдившись великой заботливости их, лишь только издали усматривал, что они идут к нему, тотчас соскакивал с лошади, и опустив взор, с молчанием выслушивал от них все, и с течением времени все более и более стал оказывать им уважение и почтение. Таким образом они, по милости Божией, мало-помалу, освободив его от всех этих сетей, возвратили прежней пустыне и любомудрию. И теперь он настолько просиял, что прежняя жизнь его представляется ничем, по сравнению с жизнию после падения. Хорошо на опыте узнав искушение, он все богатство роздал бедным, и освободившись от забот о нем, отнял у желающих строить козни всякий к тому предлог, и теперь, шествуя по пути к небу, достиг уже до вершины добродетели. Но этот еще в юности и пал и восстал; а некто другой, после многих трудов, понесенных им в пустынножительстве, имея одного только сожителя, ведя ангельскую жизнь и достигнув уже старости, не знаю, каким образом, по какому-то сатанинскому ухищрению и собственной беспечности своей, дав лукавому доступ к себе, впал в похоть общения с женщинами, – человек, никогда не видавший женщины с тех пор, как вступил в монашескую жизнь! Сперва он попросил сожителя дать ему мяса и вина, и угрожал, если не получит этого, уйти на торжище. А говорил он это не столько потому, что хотел мяса, сколько для того, чтобы иметь повод и предлог отправиться в город. Тот, недоумевая и боясь чтобы, отказав ему в этом, не причинить ему большего зла, удовлетворяет его желанию. Когда же он увидел, что хитрость его не удалась, то уже с явным бесстыдством сбросил притворство и сказал, что ему непременно надобно сходить в город. Тот, не будучи в состоянии остановить его, наконец отпустил, и следуя за ним издали, наблюдал, к чему клонилось это его путешествие. Когда же увидел, что он вошел в непотребный дом, и узнал, что он сообщился с блудницею, то подождав, пока он удовлетворил нечистую похоть свою и вышел оттуда, принял его с распростертыми руками, обнял и горячо поцеловал, и нисколько не упрекнув за сделанное им, просил только, чтобы он, так как удовлетворил уже свою похоть, опять возвратился к пустынножительству. Этот, устыдившись великой кротости его, мгновенно был поражен в душе, и почувствовав сокрушение о грехе, последовал за ним на гору; и пришедши туда, попросил того мужа, чтобы он, заключив его в другой келье и заперши двери ее, доставлял ему хлеб и воду в известные дни, а спрашивающим об нем говорил, что он умер. Сказав это и убедив сожителя, он заключил себя и жил там постоянно, постом, молитвами и слезами омывая душу от греховной нечистоты. Спустя немного времени, когда ближайшую страну постигла засуха и все жители ее были в печали, некто получил во сне повеление попросить того затворника помолиться о прекращении засухи. Взяв с собою друзей, он отправился туда; но там сперва они нашли одного только сожителя затворника; когда же спросили о последнем, получили в ответ, что он умер. Подумав, что они обмануты, они опять обратились к молитвам, и опять чрез такое же видение услышали тоже, что и прежде. Тогда, обступив того, кто действительно притворствовал, просили показать им этого мужа, утверждая, что он не умер, но жив. Тот, услышав это и видя, что

состоявшееся между ними соглашение открыто, приводит их к этому святому, и они, разобрав стену (потому что и вход был заложен) и вошедши все, поверглись к ногам его, рассказали о случившемся и умоляли его избавить их от голода. Сперва он отказывал им, утверждая, что он далек от такого дерзновения, так как непрестанно имел перед глазами свой грех, как бы сейчас только совершенный. Когда же они рассказали обо всем случившемся, то убедили его помолиться, и помолившись, оп прекратил засуху. А о том юноше, который был сперва учеником Иоанна Зеведеева, потом долгое время – начальником разбойников, и опять уловлен святыми руками блаженного, и из убежищ и пещер разбойничьих возвратился к прежней добродетели, тебе самому не безызвестно и ты точно знаешь все не хуже нашего, потому что я часто слыхал, как ты удивлялся великому снисхождению (Иоанна), который сначала поцеловал окровавленную правую руку юноши, обнял его, и таким способом привел его в прежнее состояние.

18. Так же (поступил) блаж. Павел в отношении Онисима, этого негодяя, беглеца и вора, – такого-то человека он не только сам принимает в объятия, когда тот переменился, но и господина его просит оказать покаявшемуся одинаковую с учителем честь, так говоря: "**прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого родил я в узах моих: он был некогда негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне; я возвращаю его; ты же прими его, как мое сердце. Я хотел при себе удержать его, дабы он вместо тебя послужил мне в узах [за] благовествование; но без твоего согласия ничего не хотел сделать, чтобы доброе дело твое было не вынужденно, а добровольно. Ибо, может быть, он для того на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда, не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного, особенно мне, а тем больше тебе, и по плоти и в Господе. Итак, если ты имеешь общение со мною, то прими его, как меня**" (Флм.1:10-17). И в послании к Коринфянам он же говорит: "**когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись**" (2Кор.12:21); и еще: "**предварял и предваряю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь, отсутствуя, пишу прежде согрешившим и всем прочим, что, когда опять приду, не пощажу**" (2Кор.13:2). Видишь ли, кого он оплакивает и кого не щадит? Не тех, которые согрешили, но – которыя покаялись, и не просто не покаялись, но после одного и двух увещаний к раскаянию, не захотели послушаться. Выражения: "**предварял и предваряю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь, отсутствуя, пишу**", означают не что иное, как это, чего должно опасаться, чтобы и с нами не случилось теперь. Ибо хотя нет при нас Павла, который угрожал коринфянам, но предстоит Христос, который чрез него говорил тогда, и если мы не перестанем упорствовать, Он не пощадит нас, но сильным ударом поразит и здесь и там. Посему "**предстанем пред лицем Его во исповедании, во псалмах воскликнем Ему**" (Пс.94:2). "**Если ты согрешил**", говорит (Писание), "**не прилагай более грехов и о прежних молись**" (Сир.22:1). И еще: "**обвинитель в первой речи на суде прав по отношению к себе**" (Притч. 18:17). Не будем же ждать обличителя, но ранее займем его место, и таким образом, своею откровенностию сделаем Судию более милостивым. Я хорошо знаю, что ты исповедуешь свои грехи и чрезмерно сокрушаешься; но я хочу не этого только, а желаю убедиться, желаешь ли ты оправдать себя и делом. Пока это исповедание ты не сделаешь плодотворным, до тех пор, хотя и будешь осуждать себя, не можешь отстать от последующих грехов. Никто ничего не может делать с усердием и надлежащим образом, если наперед не будет убежден, что это дело принесет пользу. Так сеятель после посева семян, если не будет ожидать жатвы, никогда не будет и жать. Разве кто стал бы трудиться напрасно, не надеясь получить ничего доброго от своего труда? так и сеющий слова, слезы и исповедание, если делает это без доброй надежды, не может отстать от грехов, как одержимый еще пороком отчаяния; но как земледелец, отчаявшийся в произрастении плодов, уже не станет отвращать того, что наносит вред семенам, так и сеющий слезное исповедание, но не ожидающий от него никакой пользы, не будет в состоянии отклонить

того, что вредит покаянию. А вредит покаянию коснение в одних и тех же грехах. "**Когда один строит**", говорит (Писание), "**а другой разрушает: то что они получат для себя кроме утомления? Когда кто омывается от осквернения мертвым и опять прикасается к нему, какая польза от его омовения? Так человек, который постится за грехи свои и опять идет и делает то же самое: кто услышит молитву его?"** (Сир.34:23,25,26). И еще: "**если кто обращается от праведности ко греху, Господь уготовит того на меч**" (Сир.26:26). И "**как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою**" (Прит.26:11).

19. И так, объявляй грех свой не только как осуждающий самого себя, но и как долженствующий оправдаться посредством покаяния: тогда ты и будешь в состоянии побудить исповедующуюся душу не впадать более в те же грехи. Ибо сильно осуждать себя и называть грешником есть дело общее, так сказать, и неверным. Многие и из действующих на сцене, как мужчины, так и женщины, наиболее отличающиеся бесстыдством, называют себя окаянными, хотя не с надлежащею целию. Посему я и не назову это исповеданием, потому что они объявляют грехи свои не с душевным сокрушением, не с горьким плачем и не с переменою жизни; но одни из них делают это с тем, чтобы откровенностью своих слов получить славу у слушающих, так как грехи неодинаково кажутся тяжкими, когда другой кто открывает их, и когда – сам согрешивший. Иные, вследствие сильного отчаяния впадши в ожесточение и презирая славу человеческую, с крайним бесстыдством объявляют всем собственные пороки, как бы чужие. Но я желаю, чтобы ты не принадлежал к числу их, чтобы приступал к исповеданию не с отчаяния, но с благою надеждою и, с корнем вырвав отчаяние, оказал противоположную ему ревность. Что же служит корнем и матерью отчаяния? Беспечность; вернее можно назвать ее не только корнем, но и питательницею и матерью. Ибо, как в шерсти порча рождает червей, и обратно сама умножается от них, так и здесь беспечность рождает отчаяние, и сама обратно питается отчаянием, и таким образом, оказывая друг другу это проклятое содействие, они не мало возрастают в силе. Посему кто истребит и искоренит одно из этих зол, тот будет в состоянии победить легко и остальное; кто не предается беспечности, тот не впадает и в отчаяние; кто питается благими надеждами и не отчаивается в себе, тот не может впасть и в беспечность. Расторгни же эту чету и сокруши ярмо, то есть, различные и тяжкие помыслы; ибо соединяют их не одинаковые (помыслы),но разные и всякого вида. Какие же? Случается, что иной, покаявшись, совершит многие и великие добрые дела, и между тем опять впадет в грех, равносильный этим добрым делам; и этого бывает вполне достаточно, чтобы ввергнуть его в отчаяние, как будто созданное разрушено и все труды его были напрасны. Но надобно вникнуть в это и отогнать тот помысл, будто если мы не успеем наперед запасти добрых дел в мере, равной совершенным после них грехам, то ничто не удержит нас от сильного и полного падения. Напротив, добрые дела суть как бы крепкие латы, которые не попускают острой и губительной стреле сделать свое дело, но, быв сами рассечены ею, защищают тело от великой опасности. Посему отходящий туда со множеством и добрых и злых дел получит некоторое облегчение и в наказании и тамошних муках; а кто, не имея добрых дел, принесет только злые, тот, и сказать нельзя, сколько пострадает, подвергшись вечному наказанию. Там будут сопоставлены злые дела с добрыми, и если последние перетянут на весах, то совершившему их не мало послужат ко спасению, и вред от совершения злых дел не будет иметь такой силы, чтобы сдвинуть его с прежнего места; но если первые перевесят, то увлекут его в геенский огонь; потому что добрые дела не так многочисленны, чтобы могли устоять против сильного перевеса злых. И это внушает нам не только наше рассуждение, но и Слово Божие. Ибо сам (Господь) говорит: "**воздаст каждому по делам его**" (Матф.16:27). И не только в геенне, но и в самом царстве находится множество различий: "**в дому Отца Моего**", говорит, "**обителей много**" (Иоан.14:2); и: "**иная слава солнца, иная слава луны**" (1Кор.15:41). И удивительно ли,

что (апостол), сделав различие между этими (светилами), говорит, что и там будет такое же различие, как между одною звездою и другою? Зная все это, не перестанем совершать добрые дела, не откажемся от трудов, и если не будем в состоянии стать на ряду с солнцем или луною, то не будем пренебрегать местом со звездами. Если мы по крайней мере такую покажем добродетель, то и тогда можем быть на небе. Если не будем ни золотом, ни драгоценным камнем, то, по крайней мере, удержим качество серебра, и останемся на своем основании; только бы нам опять не дойти до качества того вещества, которое легко сожигает огонь, и чтобы, не будучи в состоянии совершить великих дел, нам не оказаться и без малых: это – крайнее безумие, чего да не будет с нами. Как вещественное богатство умножается тем, что любители его не пренебрегают и малейшими прибылями, так тоже и с духовным. Нелепо было бы в виду того, что Судия не оставляет без награды и чаши холодной воды, нам потому только, что не имеем весьма великих дел, не заботиться и о совершении малых. Напротив, кто не пренебрегает меньшими делами, тот покажет великую ревность и о величайших, а кто пренебрегает первыми, тот оставит и последние; дабы не было этого, Христос и за первые назначил великие награды. Что может быть легче, как посещать болящих? Однако, и за это Он воздаст великую награду. Итак, стремись к вечной жизни, радуйся о Господе и молись Ему; возьми опять благое иго, подклонись под легкое бремя, приложи к началу достойный его конец; не попусти погибнуть такому богатству. Если ты станешь и впредь раздражать Бога своими делами, то погубишь себя; но если прежде, нежели совершится эта большая потеря и все поле будет покрыто водою, ты заградишь каналы нечестия, то будешь в состоянии и опять приобрести потерянное и прибавить к тому другое немалое приращение. Обо всем этом размыслив, стряхни с себя пыль, встань с земли, и ты будешь страшен противнику. Он поверг тебя, думая, что ты уже не встанешь; а когда увидит тебя с поднятыми на него руками, то, пораженный неожиданностию, потеряет охоту опять бороться с тобою, а ты сам будешь впредь безопаснее от получения подобной раны. Поистине, если чужие несчастия способны вразумлять нас, то гораздо более те, которые мы потерпели сами. Это я надеюсь скоро увидеть и на твоей главе, – надеюсь, что ты, при помощи Божией, будешь и еще светлее, и такую покажешь добродетель, что станешь там впереди других. Только не отчаивайся, не падай духом; это я не перестану повторять тебе при всякой беседе, где бы тебя ни увидел, и чрез других; и если ты послушаешься этого, то не будешь нуждаться в других врачеваниях.

К ТОМУ ЖЕ ФЕОДОРУ

УВЕЩАНИЕ 2-е.

ЕСЛИ бы можно было изложить письменно слезы и стенания, то я наполнил бы ими письмо и послал бы к тебе. Плачу я не о том, что ты заботишься об отцовских делах, но о том, что ты изгладил себя из списка братий, что попрал завет со Христом. От этого я содрогаюсь, об этом сокрушаюсь, этого боюсь и трепещу, зная, что нарушение завета навлекает великое осуждение на записавшихся в доброе воинство и по собственной безпечности оставивших строй. Отсюда очевидно, что таким угрожает тяжкое наказание. Простолюдина никто никогда не станет обвинять за непринадлежность к войску, а кто раз стал воином, тот, если уличен будет в бегстве из строя, подвергается крайней опасности. Зло не в том, любезный Феодор, чтобы сражаясь пасть, а в том, чтобы упавши, так и оставаться; не то бедственно, чтобы воюя быть раненным, но то, чтобы после поражения отчаиваться и не заботиться о ране. Никакой купец, подвергшись однажды

кораблекрушению и потеряв груз, не оставляет мореплавания, но опять переплывает море, и волны, и обширные бездны, и вновь приобретает прежнее богатство. И борцов мы видим увенчиваемыми после многократных падений; также и воин, много раз обращавшийся в бегство, наконец является героем и побеждает врагов. Даже многие из отрекшихся от Христа по причине жестокости мучений опять вступали в борьбу и отходили украшенными венцом мученичества. Но если бы каждый из них после первого удара предался отчаянию, то не получил бы последующих благ. Так теперь и ты, любезный Феодор, потому, что враг немного поколебал тебя в твоем положении, не толкай сам себя в пропасть, но стой добро и поспеши возвратиться туда, откуда отошел, и не считай позором этого кратковременного поражения. Ты не стал бы порицать воина, увидев его с раною возвращающимся с войны; ибо позорно бросать оружие и уклоняться от неприятелей; но доколе кто остается в сражении, то, хотя бы он был поражаем и несколько отступал, никто не будет столь неблагоразумен и неопытен в воинском деле, чтобы обвинять его за это. Не быть ранеными свойственно не сражающимся; но тем, которые с сильным рвением устремляются на врагов, свойственно быть иногда поражаемыми и падать, как это случилось теперь и с тобою; ты, устремившись умертвить змия, тотчас был сам уязвлен им. Но ободрись; небольшая нужна тебе бдительность, - и не останется следа этой раны; даже, по благодати Божией, ты сокрушишь голову и самого лукавого; пусть не смущает тебя и то, что ты преткнулся так скоро и в самом начале. Увидел, скоро увидел лукавый доблесть души твоей, и из многого догадался, что вырастет из тебя мужественный противник ему: обнаруживший в самом начале столь великую и сильную ревность против него, такой человек, если устоит, то легко - полагал он - одержит над ним победу. Поэтому он поспешил, пробудился, восстал с силою на тебя, или лучше, на свою голову, если ты захочешь стоять мужественно. Ибо кто не удивлялся твоей быстрой искренней и пылкой к добру перемене? Роскошные яства были презрены, драгоценные одежды отринуты, всякая пышность попрана, вся ревность о внешней мудрости быстро обращена на Слово Божие; целые дни проводимы были в чтении, целые ночи - в молитвах; не вспоминалось отцовское достоинство, не приходило на ум богатство; но касаться колен и припадать к ногам братий - это ты считал выше всякого благородства. Вот что опечалило лукавого, вот что возбудило его к сильной борьбе; впрочем, он нанес не смертельную рану. Если бы он низверг тебя после долговременных непрерывных постов, земных поклонов и других подвигов, то и тогда не надлежало бы отчаиваться, хотя иной и назвал бы великим бедствием поражение, совершившееся после многих усилий и трудов и побед; но так как он поборол тебя, когда ты только лишь приготовился к борьбе с ним, то и успел в том только, что сделал тебя более ревностным к борьбе с ним. На тебя лишь только начавшего плавание, а не возвращавшегося с торговли и везшего полный груз, напал свирепый пират. И подобно тому, как устремившийся убить благородного льва, только оцарапав ему кожу, нисколько не вредит ему, а более раздражает его против себя, и делает впредь более осторожным и трудно уловимым, так и общий всех враг, устремившись нанести глубокую рану, не достиг этого, а сделал (тебя) впредь более бдительным и осторожным.

2. Природа человека переменчива: легко обольщается, и легко освобождается от обольщения, скоро падает, и еще скорее восстает. Так и тот блаженный муж, - разумею Давида, избранного царя и пророка, - уже сделав много доброго, не укрыл того, что он человек, но воспылал некогда похотию к чужой жене, и на этом не остановился, но от похоти совершил прелюбодеяние, а от прелюбодеяния совершил убийство; однако, и получив две такие раны, он не причинил себе еще и третью, но тотчас притек ко Врачу, и употребил врачевства - пост, слезы, плач, непрестанные молитвы, многократное исповедание греха; и чрез это так умилостивил Бога, что возвратил себе прежнее достоинство, так что после прелюбодеяния и убийства память отца могла прикрывать идолопоклонство сына. Ибо его сын, - Соломон имя ему, - был уловлен тою же сетью, как

и отец, и в угождение женам отступил от Бога отцов. Видишь, какое зло - не воздерживаться от сладострастия, но извращать естественное преимущество и, будучи мужем, делаться рабом женщин. Этому самому Соломону прежде праведному и мудрому, когда он был в опасности потерять за грех все царство, Бог, за добродетели отца, оставил во владение шестую часть государства. Так, если бы ты усердно занимался внешним красноречием и потом стал нерадеть о нем, то я убедил бы тебя возвратиться к этим занятиям, напомнив тебе о судилищах и ораторском седалище, о раздаваемых там венцах и свободе речи, но так как мы стремимся к небесному, а о земном у нас и речи нет, то я напомню тебе о другом судилище и седалище страшном и ужасном. "**Всем нам должно явиться пред судилище Христово**" (2Кор.5:10). Судиею же сядет тогда Тот, Кто теперь пренебрегается тобою. Что же скажем мы тогда, скажи мне? Чем будем оправдываться, если станем продолжать пренебрегать Им? Что же мы скажем? Укажем ли на заботы о делах? Но Он наперед сказал: "**какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит**?" (Матф.16:26). На то ли, что мы обольщены другими? Но и Адаму не послужило в оправдание то, что он сослался на жену и сказал: "**жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и**" меня обольстила (Быт.3:12); равно как и жене - змий. Страшно, любезный Феодор, это судилище, не нуждающееся в обличителях, не ожидающее свидетелей; ибо "**все обнажено и открыто**" пред этим Судиею (Евр.4:13); и придется дать отчет не только в делах, но и в помышлениях, ибо этот Судия "**судит помышления и намерения сердечные**" (Евр.4:12). Но, может быть ты укажешь на немощь природы и невозможность понести иго. Но что это за оправдание - не иметь силы взять на себя иго благое, не быть в состоянии понести бремя легкое? Разве тяжкое и трудное дело отдыхать от трудов? А к этому всему и призывает нас Господь, когда говорит: "**придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко**" (Матф.11:28-30). Что легче, скажи мне, как быть свободным от ежедневных забот и дел, страхов и трудов, стоять вдали от волн житейских и пребывать в тихой пристани?

3. Что в мире представляется тебе всего блаженнее и вожделеннее? Конечно, скажешь ты, власть, богатство, слава у людей. Но что жалче этого, если сравнить с свободою христиан? Властитель находится в зависимости от ярости народной и безсмысленных прихотей толпы, также страха со стороны сильнейших властителей, и забот о подчиненных. Притом, вчера он властитель, а сегодня простолюдин, так как настоящая жизнь нисколько не отличается от сцены. Как здесь один исполняет роль царя, другой - полководца, иной - воина, а по наступлении вечера - и царь не царь, и властитель не властитель, и полководец не полководец, так и в тот день, не по лицу, а по делам каждый получит достойное воздаяние. Но разве драгоценна слава, которая пропадает, как цвет травный? Также и богатство, которого владельцы называются жалкими. Ибо "**горе**", говорит (Господь), "**вам, богатые**" (Лук.6:24); и еще: горе "**надеющимся на силы свои и хвалящимся множеством богатства своего**" (Пс.48:7). Христианин никогда не делается - ни из начальника простолюдином, ни из богатого бедным, ни из славного бесславным: напротив он богат, когда беден, и высок, когда старается быть смиренным; и власти, которую имеет он - не над людьми, но над князьями подвластными "**мироправителю тьмы**" (Еф.6:12), никто отнять у него не может. Законное дело - брак, согласен на это и я; ибо сказано: "**брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог**" (Евр.13:4). Но тебе уже невозможно соблюсти законность брака: потому что кто, сочетавшись с небесным Женихом, оставляет Его и сочетавается с женою, тот совершает прелюбодеяние, хотя бы тысячу раз ты называл это браком; а вернее сказать, это хуже и прелюбодеяния настолько, насколько Бог превосходнее людей. Никто пусть не обольщает тебя словами: жениться не запретил Бог. Знаю это и я: жениться не запретил, но запретил прелюбодействовать, что намеревался ты сделать, чего да не будет, чтобы, т. е. ты вступил

когда-нибудь в брак. Что ты удивляешься, если брак осуждается, как прелюбодеяние, когда чрез него отвергается Бог? Убийство бывает оправдываемо и человеколюбие осуждаемо хуже убийства, когда первое совершалось по воле Божией, а второе вопреки ее. Именно, Финеесу вменилось в правду то, что он пронзил жену блудницу вместе с блудником; а Саула святый Божий Самуил несмотря на то, что целые ночи плакал, сетовал и молился, не мог избавить от осуждения, которое Бог произнес на него за то, что он против воли Божией пощадил иноплеменного царя, которого надлежало умертвить. Если же человеколюбие осуждено более убийства за преслушание Бога, то что удивительного, если брак осуждается более прелюбодеяния за отвержение Христа? Посему, как я сказал выше, если бы ты был простолюдином, никто не обвинял бы тебя за непринадлежность к войску, а теперь ты уже не господин сам себе, сделавшись воином такого Царя. Если жена невластна в своем теле, но - муж, тем более живущие во Христе не могут быть властны в теле своем. Тот, Кто пренебрежен ныне, Сам будет и судить тогда; о Нем помышляй постоянно, равно и о реке огненной. "**Огненная река**", говорит (пророк), "**выходила и проходила пред Ним**" (Дан.7:10); а кто Им предан огню, тому не дождаться конца казни. Непристойные удовольствия этой жизни нисколько не отличаются от теней и сновидений; ибо прежде, чем окончится греховное дело, удовольствие исчезает, а наказания за него не имеют конца. Сладость кратковременна, а горесть вечна. Что, скажи мне, постоянно в здешнем мире? Богатство ли, которое часто не остается и до вечера? Слава ли? Но послушай, что говорит один праведник: "**дни мои быстрее гонца**" (Иов.9:25). Как скороходы, не успев стать, уже уходят далее, так и слава не успеет придти, как уже улетает. Нет ничего драгоценнее души: это не безызвестно и тем, которые дошли до крайнего безумия. “Душе ничто не равноценно”, сказал поэтически некто из внешних. Знаю, что ты стал гораздо слабее для борьбы с лукавым; знаю, что ты стоишь среди пламени удовольствий; но если скажешь врагу: удовольствиям твоим не служим и корню всех зол твоих не кланяемся, если возведешь очи горе, то Спаситель и ныне поборет пламень и ввергнувших тебя в огонь сожжет, а тебе среди печи пошлет облако и росу и "**шумящий влажный ветер**" (Дан.3:50), так что огонь не коснется ни помыслов твоих, ни совести; только ты сам не сожигай себя. Так, часто случалось, что укрепленных городов не могли разрушить оружия и машины внешних неприятелей, а измена одного или двоих из живущих в них граждан без труда предавала их врагам. И теперь, если никакой из внутренних помыслов не предаст тебя, то хотя бы лукавый придвинул извне тысячу машин, придвинет напрасно.

4. У тебя по благодати Божией, имеется много великих мужей, которые соболезнуют тебе, возбуждают тебя, трепещут за твою душу: это - святой Божий Валерий, по всему брат его Флорентий, мудрый Христовой мудростию Порфирий и многие другие. Они ежедневно сетуют и непрестанно молятся, и давно получили бы то, о чем молятся, если бы ты захотел хотя немного освободиться из рук врага. Как же не странно, что другие доселе не отчаялись в твоем спасении, но непрестанно молятся о возвращении своего члена; а ты, однажды упав, не хочешь встать, но лежишь, только что не взывая ко врагу: рази, бей, не щади? "**Разве, упав, не встают**?" говорит пророчество Божие (Иер.8:4). А ты противишься этому и прекословишь; ибо падшему отчаяться значит не иное что говорит, как "**упавший не встанет**". Нет, прошу тебя, не делай себе столько зла, не повергай нас в такую скорбь. Не говорю о твоем настоящем, когда тебе нет еще и двадцати лет; но если бы ты много сделал, даже всю жизнь прожил во Христе и в крайней старости потерпел такое несчастие, то и тогда было бы не хорошо отчаиваться, но надлежало бы иметь в уме разбойника, оправданного на кресте, а также начавших трудиться в одиннадцатом часу и получивших плату за целый день. Но как не хорошо падшим в конце жизни отчаиваться, если они будут благоразумны, так не безопасно и питать себя надеждою и говорить: “теперь пока буду наслаждаться удовольствиями жизни, а после, потрудившись недолго, получу награду за все время”. Я помню, что ты сам, когда многие советовали тебе ходить

в музеи, часто говаривал: "а что, если я в скором времени худо окончу жизнь? - как приду к сказавшему: "**не медли обратиться к Господу и не откладывай со дня на день**" (Сир.5:8)?" Вспомни эту мысль, и побойся вора: так Христос называет наш исход отсюда, потому что он постигает без нашего ведома. Представь себе житейские заботы - частные и общественные, страхи пред начальниками, зависть граждан, многократно угрожающую крайнюю опасность, труды, бедствия, раболепные ласкательства, неприличные даже честным невольникам, плод трудов, погибающий еще здесь, - что может быть бедственнее этого? А многим не удалось и вкусить плода трудов своих; но, проведши первый возраст в трудах и опасностях, они в то время, когда уже надеялись получить награду, отошли, ничего не имея при себе. Если даже и на земного царя едва ли кто, и по перенесении многих опасностей и по окончании многих войн, будет взирать с дерзновением, то как может небесного Царя увидеть тот, кто все время жил и воинствовал для другого?

5. Хочешь ли я изображу и домашние заботы: о жене, о детях, о слугах? Худо взять бедную жену, худо и богатую: первое вредит имуществу, а последнее - власти и свободе мужа. Прискорбно иметь детей, а еще прискорбнее - не иметь: если последнее, то напрасно было жениться; а если первое, то подвергнешься горькой неволе. Заболело дитя - страх не малый; умерло преждевременно - плач неутешный; и во всяком возрасте о них различныя заботы, и страхи и многие труды. Нужно ли говорить о неисправности слуг? Что же это за жизнь, Феодор, настолько делиться одной душе, столь многим служить, для столь многих жить, а для себя - никогда? У нас же нет ничего такого, любезный, и в этом призываю в свидетели тебя самого. Уже в то краткое время, в которое ты захотел выплыть из волн (житейского моря), знаешь, какою ты наслаждался радостию и веселием. Никто не свободен, кроме того, кто живет для Христа: он стоит выше всех бедствий, и если он сам не захочет сделать себе зла, то другой никогда не будет в состоянии сделать ему это. Он неприступен, не терзается от потери имения; потому что знает, что "**мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести**" (1Тим.6:7); не уловляется честолюбием или славолюбием, так как знает, что "**наше же жительство - на небесах**" (Фил.3:20); порицающий его не причиняет ему скорби, и биющий не приводит в раздражение. Одно у христианина несчастие - оскорбить Бога, а прочее, как-то: потерю имущества, лишение отечества, самую крайнюю опасность, он и не считает за бедствие; даже то самое, чего все страшатся, - переход отсюда туда, - для него приятнее жизни. Как если бы кто, взойдя на высокую скалу, смотрел на море и на плывущих по нему, из которых одни обливаются волнам, другие ударяются о подводные камни, иные, стремясь в одну сторону, напором ветра, как узники, увлекаются в другую, многие уже погрузились в воду и, вместо корабля и руля, владеют только своими руками, многие несутся на одной доске или на каком-нибудь обломке корабля, а иные плывут уже мертвые, представляя многообразное многоразличное бедствие; так и воинствующий для Христа, удалившись от бури и волн житейских, восседает на безопасном и высоком месте. Что может быть безопаснее и выше, как иметь одну лишь заботу - о том, "**как угождать Богу**" (1Фесс.4:1)? Видишь ли, Феодор, кораблекрушения плавающих по этому морю? Посему, умоляю, убегай от бездны, убегай от волн, и займи высокое место, откуда невозможно быть увлечену; будет воскресение, будет суд, страшное судилище ожидает нас по отшествии отсюда: "**всем нам должно явиться пред судилище Христово**" (2Кор.5:10). Не напрасно угрожают геенною, не тщетно уготовано столько благ. Тень и даже ничтожнее тени - житейския дела, сопряженные со многими страхами, со многими опасностями, с крайним рабством. Не губи же и того и этого века, когда возможно, если захочешь, с пользою проводить тот и другой. А что живущие во Христе получают пользу и от этого века, это утверждает Павел, когда говорит: "**мне вас жаль**" и еще, "**говорю это для вашей же пользы**" (1Кор.7:28, 35). Видишь ли, что "**заботящийся о Господнем**" и здесь выше женившегося? Для отошедшего туда невозможно покаяться; никакой ратоборец по выходе из ристалища и по закрытии зрелища не может продолжать борьбу.

Об этом непрестанно помышляй, и сокруши острый меч лукавого, которым он умерщвляет многих. А этот меч есть отчаяние, которое у пораженных отсекает надежду. Крепко это оружие врага, и плененных он удерживает не иначе, как связав этими узами, которые мы, если захотим, скоро можем разорвать благодатию Божиею. Знаю, что я преступил меру письма; но прости: я сделал это не произвольно, а вынужденный любовию и скорбию, по которой я и принудил себя написать это письмо, тогда как многие удерживали. “Перестань трудиться напрасно и сеять на камне”, говорили мне многие. Но я никого не послушал. Есть надежда, говорил я сам себе, что письмо, если Богу угодно, произведет какое-либо действие; если же случится противное нашему желанию, мы, по крайней мере, получим себе ту пользу, что нельзя будет винить нас в молчании, и что мы не будем хуже мореплавателей, которые, когда увидят, что люди одного с ними занятия, по разбитии корабля ветрами и волнами, несутся на доске, спустив паруса, бросив якори и войдя в малую ладью, стараются спасти людей им незнакомых и только по этому несчастию делающихся знакомыми. Но если бы эти последние не захотели (спастись), то никто не стал бы винить в их погибели тех, которые старались спасти их. Это с нашей стороны; но мы веруем, что должное и от тебя последует по благодати Божией, и мы опять увидим тебя доблестным в пастве Христовой. О, если бы нам, молитвами святынь, скорее принять тебя, любезная глава, здравствующим истинным здравием! Если у тебя есть какое-нибудь внимание к нам и если ты не совсем изгнал нас из своей памяти, удостой отписать к нам; этим ты весьма обрадуешь нас.

К ВРАЖДУЮЩИМ ПРОТИВ ТЕХ,

которые привлекают к монашеской жизни.

Три слова под этим общим заглавием, из которых второе имеет еще надпись: к неверующему отцу, т. е. языческому, а третье: к верующему отцу, т. е. христианскому, написаны св. Иоанном Златоустым в 375 или 376 году, когда он сам жил между отшельниками и когда монашествующие подвергались жестокому преследованию, а доброжелатели их - разным укоризнам при арианствующем императоре Валенте.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

КОГДА потомки евреев, возвратившись из долговременного плена, хотели восстановить иерусалимский храм, многие годы лежавший в развалинах (2 Ездр. 4), тогда некоторые грубые и жестокие люди, не убоявшись и Бога, которому те восстановляли храм, не тронувшись и бедствием этих людей, от которого они недавно и с трудом избавились, не устрашившись и определенного от Бога наказание решающимся на такие дела, сперва сами старались препятствовать им строить храм; но так как ничего не достигли, то, послав к царю своему письмо, в котором город тот (Иерусалим) называли мятежным, заводящим новшества и браннолюбивым, просили себе позволение остановить постройку. Получив от него это позволение, и напав на Иудеев с многочисленною конницею, они прервали на время дело, весьма гордились этою победою, о которой надлежало плакать, и думали, что злой умысел удался им (1 Ездр. 4). Но это было только предвестие и начало тех бедствий, которые имели тотчас же постигнуть их самих: потому что самое дело преуспевало и получило блистательный конец, а они, и чрез них все, узнали, что, как тогда Митридат,

так и всякий другой, кто бы ни решился вести борьбу против людей, предпринимающих доброе дело, борется не против людей, но, прежде их, против самого Бога, ими чтимого. А ведущему борьбу против Бога никогда невозможно кончить добром: в начале он, может быть, и не потерпит за свою дерзость никакого зла, если только не потерпит, потому что Бог зовет его к покаянию и дает ему придти в себя как бы из некоего опьянения; но, если он будет упорствовать в своем безумии и сам нисколько не воспользуется таким снисхождением, то, по крайней мере, другим доставит величайшую пользу, вразумляя их постигшим его наказанием никогда не вступать в борьбу с Богом, так как невозможно избежать Его неодолимой руки. Так и этих людей тотчас постигли такие бедствия, которые великостию горя затмили все другие бедствия; потому что после бесчисленных убийств и избиений, совершенных над ними руками иудеев, которым они тогда препятствовали (строить храм), от крови убитых земля промокла на значительную глубину и большая грязь образовалась от этой крови; а из конских и человеческих тел, перемешавшихся вместе, и из их соприкасающихся ран родилось такое множество червей, что и земля закрыта была множеством трупов, и самые опять трупы - множеством червей. Увидев это поле, всякий сказал бы, что внизу не трупы лежат, но течет много источников, со многих сторон приносящих этого рода животных: так от этой гнили сильнее всякого наводнение разливался поток червей! И это продолжалось не десять и не двадцать дней, но много времени. Таковы здешние бедствия; а те, которые постигнут их там, - еще много тяжелее этих. Тогда вновь ожившие тела их будут терпеть невыразимые муки и страдания, не тысячу и не десять тысяч лет, даже и не вдвое и не втрое против этого, но в бесконечные веки. О тех и других (наказаниях) знает блаженный Исаия, знает и созерцатель дивных видений Иезекииль, которые, разделив между собою, описали наказание таких людей, - один здешние, а другой тамошние.

2. Об этом вспомнил я теперь не без причины, а потому, что некто, пришедши к нам, сообщил весть горькую и тягостную и даже весьма оскорбительную для Бога. Есть (сказал он) и теперь люди, осмеливающиеся делать то же, что и те варвары, или даже еще более беззаконное; потому что изгоняют отовсюду притекающих к нашему любомудрию и с великими угрозами запрещают и говорить что-либо о нем и учить ему кого бы ни было из людей. Услышав это, я тотчас вскрикнул, и многократно спрашивал рассказывавшего, не в шутку ли он говорит это. А он сказал: нет, я никогда не стал бы так шутить; не только не сказал бы и не выдумал этого, а напротив, много бы дал и часто молил бы, чтобы мне даже не слышать об этом деле и теперь, когда оно совершилось. Тогда, еще горше заплакав, я сказал: точно, это дело настолько нечестивее дерзостей Митридата и всех тех (иноплеменников), насколько этот храм (духовный) много досточтимее и святее того (иерусалимского). Но кто, скажи мне, и откуда те, которые отважились на такое дело? Для чего, по какой причине и с какою целию они бросают камни вверх, мечут стрелы на небо, и ведут войну с Богом мира? Самей и фарафеи, ассирийские князья и все прочие (1 Ездры 4:9) были варвары, как это можно видеть и из самих имен их; по образу жизни далеки были от иудеев и не хотели видеть сопредельные им народы усиливающимися, полагая, что могущество этих (народов) затмит, наконец, их собственную силу. А эти из-за чего отважились на такое дело? Свобода ли их стесняется? Безопасность ли их нарушается? Содействует ли им кто из властителей? Тем соизволяли в их предприятии персидские цари; но наши (цари), я уверен, желают и требуют противного тому. Поэтому я и весьма изумляюсь, что при благочестивых царях, среди городов, как ты говоришь, отваживаются на такое дело. А что, сказал он, если ты узнаешь большую еще странность, что делающие это представляются благочестивыми и называют себя христианами, а многие из них уже и в числе посвященных (в таинства)? Даже кто то из них, по сильному внушению диавола, осмелился нечистым языком своим сказать, что он готов отступить и от веры и приносить жертву демонам, потому что душит его (негодование) при виде того, что люди свободные, благородные и могущие жить в удовольствиях, привлекаются к такой суровой жизни.

Услышав это, я был еще сильнее поражен, и соображая, сколько зла произойдет отсюда, оплакивал всю вселенную и взывал к Богу: "**возьми душу мою и выведи меня из бед моих**" (3Цар.19:4; Пс.24:17); освободи от этой привременной жизни и пересели в ту страну, где ничего такого и другой не скажет мне, и я не услышу. Знаю, что, по отшествии отсюда, обнимет меня кромешная тьма, где сильный плач и скрежет зубов; но мне приятнее слушать скрежет зубов, чем произносящих такие речи". Увидев, что я так сильно печалюсь, он сказал: "теперь не время этому; этими словами ты никогда не сможешь обратить погибших и погибающих; и зло, думаю, не остановится, а надобно позаботиться о том, как бы нам погасить этот костер и остановить заразу; это вот наша обязанность; и если ты хочешь послушаться меня, то, прекратив плач, составь увещательное слово к этим недужным и беспокойным, во спасение как им, так и всем вообще людям; а я, взяв эту книжку, положу ее, вместо всякого лекарства, в руки больных: так как между этими больными есть много друзей моих, то они позволят мне придти к ним и раз, и два, и многократно, и, я уверен, скоро освободятся от заразы". - "Ты, сказал я, мерою своей любви измеряешь и нашу силу; но у меня нет силы слова; если же и кажется, что есть, то употребить ее на такой предмет я стыжусь не кого-либо другого, но всех язычников, как настоящих, так и последующих. Их всегда я осуждал сколько за учение, столько же и за беспечную жизнь; а теперь вынуждаюсь ознакомить с нашими пороками. Если некоторые из них узнают, что среди христиан есть люди, столь враждебные добродетели и любомудрию, что не только сами уклоняются от таких подвигов, но не выносят и речей в защиту их, даже и на этом не останавливаются в своем безумии, но если и другой кто станет советовать и говорить об этом, то и его отовсюду изгоняют; если услышат это (язычники), то боюсь, что они признают нас не людьми, но зверями и чудовищами человекообразными и какими-то демонами, губителями и врагами всей природы; и такое суждение произнесут не только о виновных, но и обо всем нашем народе". На это он, рассмеявшись, сказал: "ты шутишь, говоря так; а я скажу тебе еще прямее, если ты боишься, чтобы из твоих слов не узнали того, что все давно знают из дел; теперь как будто бы злой какой дух вселился в души всех, только и речей у всех на языке, что об этом: войдешь ли на площадь, или в лечебницы, или в какую бы то ни было часть города, где обыкновенно собираются люди, ничего не хотящие делать, - везде удивишь, какой смех все поднимают; а предметом этого смеха и забавы служат рассказы о том, что сделано со святыми мужами. Как иные воины, побывав во многих сражениях и одержав победы, весело рассказывают о своих подвигах, так и эти люди хвастают своими буйствами. Ты услышишь, как один говорить: "я первый наложил руки на такого-то монаха, и нанес ему удары;" другой: "я сам прежде других отыскал его келью"; "а я, говорит иной, сильнее других раздражил против него судью"; иной хвастает темницей и ужасами темницы, и тем, что он влачил тех святых по площади; иной другим чем-либо. Потом все начинают смеяться над этим. И это (делается) в собраниях христиан, а язычники смеются и над ними, и над теми, над кем они издеваются; над первыми - за их дела, а над последними - за их страдания; и везде какая-то междоусобная война, а вернее - нечто гораздо худшее этой войны. Ведшие такую войну, когда после вспомнят о ней, то проклинают всячески зачинщиков ея, и все, что случилось на ней, приписывают злому демону, и те из них, которые больше других сделали на той войне, больше других и стыдятся; напротив, эти люди еще хвалятся своими буйствами. И не только потому эта война нечестивее той (междоусобной), что ведется против святых и ни в чем невиновных людей, но и потому, что (ведется) против таких людей, которые даже не умеют никому делать зла, а готовы только терпеть".

3. "Остановись, сказал я, остановись; довольно для нас и этих рассказов, чтобы мне не совсем лишиться дыхания; дай мне уйти хотя с небольшою силою. Приказание твое непременно будет исполнено; только не прибавляй нам никакого другого рассказа, но уйди и молись, чтобы рассеялось облако моего уныние и получил я от Бога, против

Которого ведется эта война, некоторую помощь к уврачеванию восстающих на Него; а Он, конечно, подаст, как человеколюбивый и не хотящий "**смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был**" (Иез.33:11; Иез.18:32). Таким образом отослав его, я приступил к этому слову. Конечно, если бы зло состояло только в том, что святые Божии и дивные мужи бывают схватываемы и терзаемы, влекомы на судилища и подвергаемы побоям и другим страданиям, о которых я сейчас рассказал, а на главу виновников такого буйства не обращалось никакого вреда; то я не только не стал бы скорбеть о случившемся, но еще весьма много и с удовольствием посмеялся бы этому. Так малые дети, когда безвредно бьют матерей, возбуждают большой смех в тех, кого они бьют, и чем с большею раздражительностию делают это, тем более доставляют матерям удовольствия, так что они заливаются и надрываются от смеха, когда же дитя, делая это часто и порывисто, поранит себя или булавкою воткнутою в матерней одежде около пояса, или иголкою на груди матери, задевшею за руку дитяти: тогда уже мать, перестав смеяться, предается скорби больше самого пораненного и то лечит рану, то с сильною угрозою запрещает ему делать это впредь, чтобы опять не потерпеть того же самого. Так же и мы поступили бы, если бы видели в том деле детскую раздражительность и удар младенческий, не причиняющий им большого вреда. Но так как эти люди, хотя теперь, в пылу гнева, не предчувствуют, но спустя немного будут плакать, стонать и рыдать, не таким рыданием, как малые дети, но тем, что во тьме кромешной, что в огне неугасимом; то и мы с своей стороны сделаем то же, что - матери, с тем только различием от них, что не с угрозою и бранью, как они, но с ласковостию и полною кротостию скажем этим детям: "от этого святым мужам нет никакого вреда, напротив еще высшая награда и большее дерзновение; если мы станем говорить о будущих благах, вы, может быть, еще будете много смеяться, так как привыкли всегда над этим смеяться; а настоящему, хотя бы вы в тысячу раз более любили смеяться, вы непременно поверите, потому что не можете не верить, если бы и хотели, когда самые дела говорят против вас. Вы, конечно, слыхали о Нероне (этот человек был знаменит развратом; он первый и один при такой своей власти изобрел какие-то новые виды бесчинства и распутства). Этот Нерон, обвиняя блаженного Павла (который был ему современником) за то же самое, за что и вы - этих святых мужей (Павел, убедив самую любимую наложницу его принять учение веры, вместе с тем убедил ее прервать и нечистую с ним связь), обвиняя его за это, и называя и губителем, и обманщиком, и другими такими же именами, какие вы даете (отшельникам), сперва заключил его в узы, а как не мог заставить его, чтобы он перестал давать советы девице, то предал наконец смерти. Какой же отсюда произошел вред страдальцу? И какая польза злодею? Напротив, какой не было пользы умерщвленному тогда Павлу, и какого не было вреда убийце Нерону? Первый не воспевается ли во всей вселенной, как ангел (говорю пока о настоящем), а последний не проклят ли всеми, как губитель и свирепый демон?"

4. "А о том, что там, если вы и не поверите, необходимо сказать для верующих, хотя и вам надлежало бы на основании здешнего верить и тамошнему. Впрочем, как бы вы ни отнеслись к этому, мы скажем и не скроем". Каково же будет тамошнее? Тот несчастный и жалкий (Нерон), объятый горестью и скорбию, покрытый стыдом и мраком, с поникшим взором, отведен будет туда, где червь неумирающий и огонь неугасающий, а блаженный Павел с великим дерзновением, станет пред самым престолом Царя, светло блистая и облекшись такою славою, что ни в чем не уступит ангелам и архангелам, и получит такую награду, какая следует человеку, предавшему тело и душу свою за веление Божии. Так, великое воздаяние уготовано делающим добро, но оно бывает больше и обильнее, когда делающие это добро подвергаются еще опасностям и великому бесчестию; пусть доброе дело будет одинаково, как у того, кто сделал его без труда, так и у того, кто совершил его с трудами; но почесть и венцы будут не одинаковы. Так и на войне (всякий) одержавший победу, конечно, награждается, но много более - тот, кто может еще показать у себя и раны, которыми он приобрел победу. Но что говорю я о живых, когда даже те, которые

только тем и заявили себя, что храбро умерли на войне, а ничего более не сделали полезного соотечественникам, прославляются во всей Греции, как спасители и защитники! Неужели вы и этого не знаете, предаваясь постоянно смеху и забаве? Если же люди языческие и не имеющие ни о чем совершенно здравых понятий смогли понять это и великою честию почтили тех, которые только умерли за них, а больше не сделали ничего; то не гораздо ли более сделает это Христос, который страждущим за Него всегда дарует воздаяние с великим преизбытком? Подлинно великую награду Он назначил за перенесение не только гонений, ран, уз, убийства и смерти, но и одного лишь оскорбление и поносительных слов. "**Блаженны вы**", говорит Он, "**когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах**" (Лук.6:22,23). Итак, если перенесение страданий и злословий доставляет награду страждущим и злословимым; то препятствующий им страдать и слушать злословие доставляет пользу не им, а тем, которые говорят и делают зло. Им, напротив, причиняет он вред, лишая их высшей награды и отнимая у них основание большей радости и ликования, так что для них надлежало бы (нам) молчать и дать совершиться тому, что приготовляет им великое обилие благ и наибольшее дерзновение. Но так как мы члены друг друга, то, хотя бы сами они и отвергали дар, нам при таком взаимном отношении не должно, заботясь об одной части, оставлять без внимание другую. У тех (отшельников), если они теперь и не пострадают, будет иной случай заслужить добрую славу, а эти, если не прекратят вражды против них, не смогут уже спастись. Посему, оставив тех, останавливаюсь на вас, и прошу и умоляю последовать нашим увещаниям, не направлять более меча на самих себя, не идти против рожна, и не огорчать, думая оскорблять людей, Святого Духа Божия. Я знаю и уверен, что вы, если не теперь, то впоследствии одобрите этот наш совет; но желаю, чтобы вы сделали это теперь же, дабы после не делать этого напрасно. Так и тот богач (Лук. 16:19 и сл.), пока был здесь, считал пророков и закон и их наставление баснею и пустословием, а после того, как отошел туда, стал так уважать их увещания, что сознавая, что сам уже не в состоянии получить никакой пользы от этого уважения, просил патриарха послать кого-нибудь из ада с вестию к живущим на земле, боясь, чтобы и они не испытали некогда того же самого, и, посмеявшись над божественным Писанием, не стали уважать его тогда, когда уже не будет им никакой пользы от этого уважения. Между тем этот богач не сделал ничего такого, что вы делаете. Правда, он не уделял из своего имение Лазарю; однако, другим, которые хотели подавать, не препятствовал и не удерживал их, как вы теперь. И не этим одним вы превзошли его в жестокости, но еще и другим; потому что, как не все равно - самому ли не делать никакого добра, или и другим, желающим, препятствовать делать его, так не все равно - самому ли терпеть недостаток в телесной пище, или и одержимому сильным голодом любомудрие препятствовать питаться от других. Таким образом, вы вдвойне превзошли того жестокого богача, - тем, что препятствуете другим утолять голод, и тем, что оказываете такое бесчеловечие в то время, когда гибнет душа. Так поступали некогда и иудеи. Они запрещали апостолам говорить людям о том, что необходимо для спасение (Деян. 4:18; 5:40). А вы хуже и их: они все то делали, как открытые враги, а вы, надев личину друзей, поступаете по-неприятельски. Они тогда били, поносили и бесславили святых апостолов, называя их чародеями и обманщиками: за то и постигла их такая казнь, что никакое несчастие не может сравниться с их бедствиями; ибо они первые и одни из всех людей, живущих под солнцем, пострадали так, как никто другой. Достоверный свидетель этому - Христос, который сказал: "**будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет**" (Матф.24:21). Пересказывать все эти страдание их теперь не время, но из многого немногое сказать необходимо. Впрочем скажу не своими словами, но словами иудея, который подробно описал их бедствие [1]. Что же он говорит? Рассказав о сожжении храма, и описав те необычайные бедствия, он говорит:

5. „Что до храма, он был в таком именно положении; а по городу валялось несчетное множество умирающих с голода, и происходили невыразимые ужасы. В каждом доме, где только показывалась хотя тень пищи, была война, и самые близкие друзья дрались между собою, чтобы отнять друг у друга жалкие средства жизни. Не верили даже умирающим, что у них нет пищи; но разбойники обыскивали и издыхающих, не притворяется ли кто умирающим, держа у себя за пазухою какую-либо пищу. Иные, разинув рот от голода, как бешенные псы, блуждали и бегали туда и сюда, толкаясь в двери подобно пьяным, и с отчаяние вторгались в одни и те же дома по два и по три раза в один час. Нужда все отдавала зубам; собирали и не гнушались есть даже то, что негодно даже для самых нечистых из бессловесных животных; не отказывались наконец от поясов и башмаков; сдирали и со щитов кожи и жевали их. Пищею для иных служили и клочья старого сена; а некоторые собирали помет, и самую малую меру его продавали за четыре аттика [2]. Но зачем говорить о бесстыдстве голодных по отношению к вещам бездушным? Укажу на такое действие их, о каком не повествуется ни у еллинов, ни у варваров, о котором и сказать страшно, и слушать невероятно. Чтобы потомки наши не подумали, будто я выдумываю небывалое, я с удовольствием умолчал бы об этом несчастии, если бы у меня не было бесчисленного множества свидетелей из моих современников; с другой стороны, я оказал бы отчизне плохую услугу, опустив из рассказа то, что она потерпела на самом деле. Одна женщина из числа заиорданских жителей, по имени Мария, дочь Елеазара, из селение Вифезо, что значит дом иссопа, знатная по происхождению и богатству, прибыв вместе с множеством других в Иерусалим, подверглась осаде. Все имущество ее, какое она взяла с собою из Нереи и принесла в город, разграбили те, которые захватили власть над городом; а остатки запасов и все, что заготовляла она себе в пищу, расхищали оруженосцы, которые ежедневно вторгались к ней. Сильное негодование овладело женщиною, и она часто своею бранью и проклятиями раздражала против себя грабителей. Так как никто, ни от гнева, ни из жалости, не убивал ея, и хотя она и старалась найти что-либо съестное в других местах, но нигде уже невозможно было найти, а голод терзал ее утробу и мозги и еще сильнее голода воспламенял ея гнев; то, под влиянием раздражение и крайности, она восстала на природу, и, схватив свое дитя (у ней был грудной мальчик), сказала: несчастное дитя, для кого, во время этой войны, голода и возмущения, я буду беречь тебя? У римлян, если мы и будем жить, под их владычеством (ожидает нас) рабство, этому рабству предшествует голод, а того и другого тяжелее бунтовщики: так будь же для меня пищею, для бунтовщиков фуриею, а для мира баснею, которой только и недостает в бедствиях иудеев. И с этими словами, она убивает сына; потом, изжарив его, половину съедает, а остальное скрыла и сберегла. Вскоре пришли бунтовщики и, ощутив необычайный запах, начали грозить, что тотчас убьют ее, если не покажет им, что она приготовила. А она сказав, что сберегла для них прекрасную долю, показала остатки своего сына. Ужас и изумление тотчас объяли их и они окаменели при этом зрелище. Это родное дитя мое, сказала она, это мое произведение, ешьте, я уже ела; не будьте нежнее женщины и жалостливее матери; если же вы богобоязливы и гнушаетесь моим приношением, то как я уже половину съела, так мне же пусть достанется остальное. После этого они ушли, объятые трепетом, в этом одном оказавшись робкими и только эту пищу уступив матери. Тотчас весь город исполнился негодования, и всякий, имея пред глазами такое страшное дело, ужасался, как будто бы сам был виновником его. Голодавшие желали смерти и называли счастливыми тех, кто умер ранее, не слышав и не видев таких бедствий. Скоро разгласилось это страшное дело у римлян; одни из них не верили, другие жалели, большинство же еще сильнее возненавидело этот (иудейский) народ."

6. Такие, и гораздо еще более тяжелые, бедствие потерпели иудеи, не только за то, что распяли Христа, но и за то, что и впоследствии препятствовали апостолам говорить, что нужно для нашего спасения. В этом обвинил их и блаженный Павел и предсказал им эти бедствия, сказав: "**приближается на них гнев до конца**" (1Фесс.2:16). Но как, скажут, это

идет к нам? Мы не отклоняем от веры и проповеди. А какая, скажи мне, польза от веры, когда нет жизни чистой? Но вы и этого, может быть, не знаете, так как и все наше не знакомо вам; посему я приведу вам изречение Христовы, а вы рассмотрите, ужели тогда (в день суда) вовсе не подвергнется суду жизнь, но определится наказание только за веру одну и догматы? Так Христос, взошедши на гору и увидев окружающий Его во множестве народ, после других наставлений сказал: "**не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного**"; и: "**многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие**" (Матф.7:21-23; Лук.13:27). Далее, всякого, кто слушает, но не исполняет слов Его, Он уподобил глупому человеку, который строит дом на песке и делает его удоборазрушимым от рек, дождей и ветров (Матф. 7:26, 27). И в другом месте проповедуя, Он говорит: „как рыбаки, извлекши сеть, выбрасывают вон худую рыбу; так будет и в тот день, когда ангелы ввергнут в пещь всех грешников" (Матф.13:47-50). Также, беседуя о развратных и нечистых людях, Он сказал, что они отойдут туда, где червь не умирающий и огнь не угасающий (Марк. 9:43 и сл.). И еще, "**царь**", говорит, "**сделал брачный пир для сына своего**", и, "**увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю**" (Матф.22:2,11-13; Зах. 3:3). Вот чем он угрожает людям развратным и распутным. А девы, не впущенние в чертог жениха, потерпели это за немилосердие и нечеловеколюбие. Да и другие опять, за эту же самую вину, пойдут "**в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его**" (Матф.25:41). Осуждаются даже те, которые произносят пустие и праздние слова:"**от слов своих**", говорит, "**оправдаешься, и от слов своих осудишься**" (Матф.12:37). Ужели же тебе кажется что напрасно мы боимся за жизнь и заботимся с великим усердием о нравственной части любомудрия? Не думаю; разве скажешь, что и Христос напрасно говорил все это и еще многое сверх этого: не все здесь приведено. А если бы я не затруднялся написать длинное слово, то научил бы и из пророков, и из блаженного Павла, и из других апостолов, какое попечение Бог явил об этой части. Впрочем, считаю достаточным и это, или лучше, не только это, но и малую часть сказаннаго; потому что, когда говорит Бог, то, хотя бы Он сказал однажды, должно принимать сказанное так, как бы оно было сказано многократно.

7. Что же, скажут, разве остающиеся дома не могут совершать те добродетели, неисполнение которых приносит такое наказание? Хотел бы и я не меньше, а гораздо больше вас, и часто молил, чтобы миновалась надобность в монастырях и такой бы настал добрый порядок в городах, чтобы никому никогда не нужно было убегать в пустыню. Но так как все пошло вверх дном, и города, где судилища и законы, полны великого беззаконие и неправды, а пустыня произращает обильный плод любомудрия, то справедливость требует, чтобы вы винили не тех, которые желающих спастись исторгают из этой бури и волнение и руководят к тихой пристани, но тех, которые каждый город делают столь недоступным и непригодным для любомудрия, что желающие спастись принуждены бывают убегать в пустыни. Скажи мне, если бы кто в полночь, взяв свечу, зажег большой и многолюдный дом, злоумышляя против спящих там, то кого мы назвали бы злым, того ли, кто будит спящих и выводит из этого дома, или того, кто сначала подложил огонь и поставил в такую крайность как живущих в доме, так и выводящего их? Также, если бы кто увидев, что какой-либо город находится во власти тирана, поражен болезнию и волнуется мятежем, убедил, кого мог из живущих в этом городе, бежать на вершины гор, а убедив вместе и помог бы им при этом удалении, то кого стал бы ты винить: того ли, кто обуреваемых среди города людей перевел из этой бури в ту тишину, или того, кто произвел такое кораблекрушение? И не думай, будто дела человеческие

теперь в лучшем положении, нежели город, утесняемый тираном; нет они в положении, гораздо более тяжелом; потому что не человек, а какой-то лукавый демон, захватив, как свирепый тиран, всю вселенную, вселился со всем своим воинством в человеческие души; потом оттуда, как бы из какого кремля, ежедневно посылает всем нечестивые и злобные повеления, не браки только расторгает, не деньги приносит и уносит, не убийства неправедные совершает, но, что много тяжелее этого, душу, уже сопрягшуюся с Богом, отлучает от общение с Ним, предает нечистым стражам своим и заставляет сообщаться с ними. А они, раз овладевши ею, обращаются с нею так гнусно и оскорбительно, как свойственно лукавым демонам, сильно и страстно желающим нашего позора и погибели. Сняв с нея все одежды добродетели, одев ее в рубища порочных страстей, грязные, изорванные и зловонные, которые позорят ее более, чем нагота, и наполнив ее еще всякою свойственною им нечистотою, они непрестанно хвастаются наносимыми ей поруганиями. И не знают никакой сытости в этом гнусном и непотребном обращении с нею, но, как пьяницы, когда уже сильно напьются, тогда еще более разгорячаются, так и они тогда особенно неистовствуют и сильнее и свирепее нападают на душу, когда наиболее повредят ей, поражая и уязвляя ее со всех сторон и вливая в нее свой яд; и отстают не прежде, как когда приведут ее в одинаковое с собою состояние, или увидят, что она уже отрешилась от тела. Какой же тирании, какого плена, какого возмущения, какого рабства, какой войны, какого кораблекрушения, какого голода не бедственнее это состояние? Кто так жесток и суров, кто так слабоумен и бесчеловечен, так несострадателен и безжалостен, что не захочет душу, терпящую столько позора и вреда, освободить, по мере сил своих, от этого окаянного неистовства и насилия, но оставит ее страдание без внимания? Если же это свойственно только жестокой и каменной душе, то как, скажи мне, мы отнесемся к тем, которые, сверх такого невнимания, делают еще другое, гораздо большее зло, которые людей готовых броситься в самую средину опасностей, не отказывающихся вложить руки свои в самую пасть зверя, но решающихся вытерпеть и смрад, и опасности, чтобы вырвать уже поглощенные души из самых челюстей демона, не только не хвалят и не одобряют, но еще гонять везде и преследуют?

8. Что же, скажет кто-нибудь, разве все живущие в городах погибают и обуреваются, и должны, оставив города безлюдными, переселиться в пустыню и жить на вершинах гор? Ужели ты повелеваешь это и узаконяешь? - Нет, напротив я, как раньше уже сказал, и желал и молюсь, чтобы мы наслаждались таким миром и тирания этих зол была бы настолько разрушена, чтобы не только живущим в городах не было нужды удаляться в горы, но и обитающие в пустынях, как долго скрывавшиеся беглецы, опять возвратились в свой город. Но что мне делать? Боюсь, чтобы, стараясь возвратить их отчизне, вместо этого не отдать их в руки лукавых демонов и, желая избавить от пустыни и бегства, не лишить всякого любомудрие и спокойствия. Если же ты указанием на многочисленность живущих в городе думаешь смутить и устрашить меня, предполагая, что я не решусь осудить (на погибель) всю вселенную, то я возьму изречение Христово и с ним стану против этого возражения. И ты, конечно, не решишься на такое дерзкое дело, чтобы противоречить определению Того, Кто будет тогда судить нас. Что же Он говорит? "**Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их**" (Матф.7:14). Если же мало находящих, то гораздо менее могущих пройти этот путь до конца. Не все же, кто вступил на начало, имели силы остаться на нем и до конца; но одни потонули в самом начале, другие в средине, а многие - даже у самой пристани. И в другом месте Он говорит, что "**много званых, а мало избранных**" (Матф.20:16). Если же Христос объявляет, что погибающих более, а спасение ограничивается немногими, то что споришь со мною? Думая заградить нам уста тем, что мы не посмеем осудить такое множество, ты делаешь то же самое, как если бы, при разговоре нашем о случившемся во времена Ноя, стал изумляться, ужели все погибли, а только два или три человека избежали такого наказания. Но мы этим не убедимся и истине не предпочтем многолюдства; потому что и нынешние

дела нисколько не маловажное тогдашних, но тем более преступны, что за них уже угрожают геенною, и однако же зло не пресекается. Скажи мне, кто не называет брата глупцом? А это подвергает огню геенскому. Кто не смотрел на женщину похотливыми глазами? А это - уже совершенное любодеяние, любодей же неизбежно впадает в ту же геенну. Кто не клялся? А это, конечно, от лукавого; а что от лукавого, то несомненно заслуживает наказания. Кто не завидовал когда-нибудь другу? А это делает нас худшими язычников и мытарей; а что худшим их не избежать наказания, это для всякого очевидно. Кто совсем изгнал из сердца гнев и простил грехи всем против него погрешившим? А что не простивший будет неизбежно предан мучениям, этому не станет противоречить никто из слышавших Христа. Кто не служит мамоне? А кто стал служить ей, тот необходимо уже отказался от служение Христу, отрекшийся же от этого, необходимо отрекся и от собственного спасения. Кто не злословил тайно? А таких и Ветхий Завет повелевает убивать и лишать жизни. Чем же утешаемся мы в своем несчастном положении? Тем, что все, как бы по уговору какому, низринулись в бездну порока. Но это самое и есть важнейшее доказательство усиление болезни, когда нам доставляет утешение в несчастии то, что должно быть причиною большей скорби. Многочисленность сообщников в грехах, конечно, не освобождает нас от виновности и наказания. Если же кто пришел уже в отчаяние от сказанного, тот пусть подождет немного, и тогда впадет в большее отчаяние, когда мы скажем о гораздо более тяжком, например, о клятвопреступлениях. По истине, если клясться - дело диавольское, то какому наказанию подвергнет нас преступление клятв? Если название (брата) глупцом навлекает геенну, то чего не сделает опозорение брата, часто ничем не обидевшего нас, бесчисленными поносными речами? Если одно злопамятование достойно наказания, то какого мучение заслуживает мстительность? Но теперь еще не (время говорить) об этом; пусть сберегается оно для своего места. Не говоря о прочем, того самаго, что заставило нас вести настоящую речь, - этого одного недостаточно ли для обличение злокачественной нынешней болезни? Подлинно, если не чувствовать своих беззаконий и грешить без всякой о том скорби есть крайний предел порочности; то где поставить нам новых законодателей этого необычайного и нелепейшего закона, которые с большею дерзостию изгоняют учителей добродетели, нежели другие - учителей порока, и желающих исправлять (порочных) преследуют сильнее, нежели согрешивших; а лучше сказать, к этим не питают и неудовольствие и никогда их не осуждают, а тех, напротив, рады были бы съесть, и только что не кричат и словами и делами своими, что надобно крепко держаться порока и никогда не возвращаться к добродетели, так что мы должны преследовать не только стремящихся к ней, но и осмеливающихся подать голос за нее?

---

[1] Иосиф Флавий, О войне иудейской. Кн. VI, гл. III, 3-5.

[2] Аттическая драхма употреблявшаяся у евреев (Матф. XVII, 27, Лук. XV, 8) 1/4 статира = около 20 копеек серебром.

СЛОВО ВТОРОЕ

К НЕВЕРУЮЩЕМУ ОТЦУ.

ДОВОЛЬНО и того [1], чтобы возбудить изумление и ужас. И если бы кто теперь при этом произнес пророческое изречение: "**подивитесь сему, небеса, и содрогнитесь, и ужаснитесь, говорит Господь**" (Иер.2:12), и: "**изумительное и ужасное совершается в**

сей земле" (Иер.5:30), все это он сказал бы благовременно. Но вот что тяжелее этого: негодуют и сердятся не только чужие и нисколько не близкие к тем, кому дается совет [2], но стали гневаться на это сродники и отцы. Впрочем, мне не безъизвестно, что многие не очень удивляются тому, что так поступают отцы; а задыхаются, по их словам, от гнева, когда видят, что не отцы, не друзья, не сродники и не близкие с какой-либо другой стороны, а часто даже вовсе незнакомые к решающимся любомудрствовать относятся точно так же, и больше, чем отцы, досадуют, и преследуют и обвиняют тех, которые расположили их (к монашеству). Но мне удивительным кажется противное; потому что нет ничего странного в том, что не имеющие никакого основания оказывать заботливость и дружбу скорбят о чужом благополучии, то, увлекаясь завистью, то, по своей злобе считая, - конечно, безумно и жалости достойно, однако же, считая, - чужую погибель своим счастьем. Но что те, которые родили (детей), воспитали, каждый день молятся о том, чтобы видеть детей счастливее самих себя, и для этого делают и терпят все, - что и они как бы от какого опьянения вдруг переменяются и скорбят, когда дети их обращаются к любомудрию: вот этому более всего я удивляюсь, и это считаю достаточным доказательством всеобщей испорченности. Никто не скажет, чтобы это бывало и в прежние времена, когда явно господствовало заблуждение. Случилось, правда, однажды в греческом городе, бывшем под властью тирана, - притом не из родителей кто, как ныне, а овладевшие акрополем, вернее же и эти не все, но преступнейший из них, призвав Сократа, приказал ему не говорить о любомудрии. Но он дерзнул на это, как тиран, неверующий и жестокий, всячески старавшийся ниспровергнуть общественный строй, радовавшийся чужому несчастию и знавший, что ничто иное так не может расстроить самое прекрасное общество, как подобное приказание. А эти (родители), - верующие, живущие в благоустроенных городах и заботящиеся о детях своих, - отваживаются говорить то же самое, что тот тиран о подвластных ему, и - не стыдятся! Вот их негодованию надобно удивляться более, нежели (негодованию) других. Посему я, оставив других, обращусь к тем, которые особенно заботятся о детях, или лучше, должны бы заботиться, но совсем не заботятся, с речью тихою и весьма кроткою, и попрошу их не сердиться и не досадовать, если кто скажет, что он лучше их самих знает, что полезно их детям. Родить сына - мало для того, чтобы родивший уже и научил полезному рожденного им; рождение, конечно, много содействует любви к рожденному; но чтобы точно знать, что полезно ему, для этого не достаточно только родить и любить. Если бы это так было, то ни один человек не должен бы видеть лучше отца, что полезно его сыну, так как никто другой не может любить сына больше отца. Между тем и сами отцы делами своими показывают свое невежество в этом, когда сами ведут детей к учителям, поручают их воспитателям, со многими советуются, озабочиваясь избранием рода жизни, которому надобно посвятить сына. И удивительно еще не это, но то, что родители, при таком совещании о своих детях, часто отвергают свое собственное мнение и останавливаются на чужом. Пусть же они не досадуют и на нас, если скажем, что мы лучше знаем, что полезно для них; и только в том случае, если мы не докажем этого в слове, пусть обвиняют и укоряют нас, как хвастунов, губителей и врагов всей природы.

2. Каким же образом будет это очевидно и откуда мы узнаем, кто действительно видит, что полезно, и кто только думает, будто видит, а между тем совсем не видит? Таким образом, если мы, выставив мои слова, как бы каких противников, на испытание и состязание, суждение об этом предоставим беспристрастным судьям. Хотя закон борьбы повелевает иметь дело с христианином и только с ним состязаться, а больше ничего не требует от нас: "**ибо что мне судить и внешних**" (1Кор.5:12); но так как у детей, стремящихся к небу, часто бывают отцы неверующие: то, хотя закон борьбы и освобождает нас от состязания с ними, мы сами добровольно и охотно выйдем против них первых. И, о если бы у нас состязание было только с ними, хотя оно и труднее и больше представляет столкновений! Ибо "**душевный человек не принимает того, что от Духа**

Божия, потому что он почитает это безумием" (1Кор.2:14); и здесь может быть тоже, как если бы кто стал убеждать возлюбить царство такого человека, который не хочет еще верить и в его действительность. Не смотря, однако же, на то, что наше слово так стеснено, я хотел бы, чтобы это состязание у меня было только с ними одними. Против верующего у нас, конечно, много доказательств, но удовольствие, доставляемое изобилием доказательств, помрачается чрезмерностью стыда; потому что я стыжусь, когда вынуждаюсь и с ним состязаться об этом; и боюсь, чтобы язычник не стал выставлять против меня только это одно, как справедливое возражение, так как во всем остальном я, по милости Божией, легко склоню его на свою сторону, и, если он захочет быть добросовестным, скоро доведу его не только до любви к этой (монашеской) жизни, но и до самого расположения к догматам, в котором жизнь эта имеет свое основание. Я так мало боюсь состязания с ним, что наперед еще более вооружу его моим словом, и потом уже приступлю к борьбе. Предположим, что этот отец не только язычник, но и богат и знаменит более всех людей, облечен великою властью и имеет много полей, много домов и тысячи талантов золота; пусть он происходит из царственнейшего города и от знатнейшего рода; пусть не имеет других детей и больше иметь их не надеется, и только об этом одном (сыне) беспокоится; пусть и сам сын с блестящими надеждами и скоро надеется достигнуть такой же власти и даже сделаться знаменитее отца и затмить его во всем житейском. Среди таких надежд пусть затем придет кто-нибудь, побеседует с ним о любомудрии и убедит его, презрев все это, одеться в грубую одежду и, оставив город, убежать в горы и там садить, поливать, носить воду и исправлять все другие монашеские работы, кажущиеся маловажными и унизительными. Пусть будет он без обуви, спит на земле, сделается худ и бледен, - этот прекрасный юноша, живший в такой роскоши и в почете и имевший такие надежды, - и пусть будет одет беднее рабов своих. Не довольно ли оснований (к жалобам) дали мы обвинителю, и недостаточно ли вооружили противника? Если же не достаточно, то доставим ему и другие предлоги. Пусть после этого (отец) употребляет все меры к тому, чтобы переубедить сына, и все напрасно, как будто сын его стоит на камне, выше рек, дождей, и ветров; пусть плачет и проливает слезы, чтобы возбудить против нас сильнейшее негодование, и пред всеми постоянно обвиняет нас, так: я родил, воспитал, трудился целую жизнь, делая и терпя все, что обыкновенно случается при воспитании детей, имел добрые надежды, советовался с воспитателями, призывал учителей, тратил деньги, часто не спал ночей от забот о благоустроении и образовании его, чтобы он ни в чем не отстал от своих предков, но оказался бы еще славнее всех; ожидал, что он утешит меня в старости; с течением времени думал об его жене и браке, о начальстве и власти. Но вдруг как бы какая гроза или буря откуда-то набежала, и богатый корабль, наполненный множеством груза, совершивший дальний путь по морю, плывший под благоприятным ветром и бывший уже близ самой пристани, затопила почти при входе в нее; и грозит опасность, чтобы буря не обрушила на голову такого богача не только бедность, но и жалкую смерть и погибель: так случилось теперь со мною. Проклятые губители и обольстители (пусть он говорит и это, мы не обидимся), лишив таких надежд питателя старости моей, как бы какие разбойники, увели в свои вертепы и так очаровали его своими речами, что он готов лучше идти на меч, в огонь, на зверей и на что бы то ни было, нежели возвратиться к прежней хорошей жизни. А еще тяжелее то, что, склонив его к этому, они говорят, будто лучше нас видят, что ему полезно. Опустели дома, опустели поля; исполнились печали и стыда земледельцы и слуги; повеселели от моих бед враги; закрывается от печали друзья. Никакая мысль не занимает меня, разве подложить огонь и сжечь все - и дома, и поля, и стада волов и паствы овец. Какая будет мне от всего этого польза, когда нет уже того, кто стал бы пользоваться этим, когда он сделался пленником и у жестоких варваров несет рабство, тягчайшее всякой смерти? Я одел всех слуг в черную одежду, посыпал головы пеплом, собрал толпы женщин и приказал им оплакивать его сильнее, нежели когда бы видели его умершим. Простите меня, что я так сделал: это моя печаль более той. Уже

тяжелым мне кажется свет, неприятны и самые лучи солнца, когда подумаю о положении этого несчастного сына, когда увижу его одетым хуже беднейших поселян и посылаемых на самые унизительные работы. Когда представлю его непреклонность, то воспламеняюсь, терзаюсь, разрываюсь.

3. С этими словами пусть он повергается к ногам слушателей, посыпает пеплом голову, покрывает прахом лицо и умоляет всех подать (ему) руку, пусть рвет на себе седые волосы. Кажется, мы хорошо настроили обвинителя, чтобы воспламенить всех слушателей; и убедить их сбросить в пропасть виновников этого. Для того и довел я слово до крайнего предела всяких обвинений, чтобы, когда так сильно вооруженный будет побежден нами по благодати Божией, другие не могли ничего сказать; потому что, если будут заграждены уста у имеющего все это вместе, то не имеющий всего этого вместе (все же это сойтись вдруг не может) легко уже уступит нам победу. Пусть же он говорит это и еще больше этого. А я попрошу судей, чтобы они не теперь жалели этого старца, но когда мы докажем, что он горюет о сыне, который не потерпел никакого зла, а наслаждается великими благами, такими, выше которых нельзя и найти других. Тогда он действительно будет достоин жалости и слез, потому что он не в состоянии понять счастье своего сына, и даже так далек от этого, что оплакивает его, как бы находящегося в величайшем несчастии. С чего же начнем слово к нему? С богатства и денег, так как и он сам больше всего скорбит об этом, и всем кажется самым ужасным именно то, если богатые юноши привлекаются к этой (монашеской) жизни. Скажи мне, кого все мы ублажаем и называем достоподражаемым: того ли, кто постоянно томится жаждою и прежде, чем выпьет первую чашу, чувствует уже нужду в другой, и в таком состоянии находится всегда, или того, кто стоит выше этой потребности, всегда свободен от жажды и никогда не чувствует нужды в таком питии? Первый, не похож ли на больного горячкою, который томится самою жестокою жаждою, хотя и может черпать воду из источников, а последний, не свободен ли истинною свободою, не здрав ли истинным здоровьем, и не выше ли человеческой природы? Что еще? Если бы кто, любя женщину, постоянно жил с нею, но от сожительства только бы сильнее воспламенялся к ней, а другой был бы свободен от этой безумной страсти и даже во сне не уловлялся бы похотью: кто из них для нас достоподражаем и блажен? Не этот ли? А кто несчастен и жалок? Не тот ли, который страдает этою тщетною любовью, ничем неугасимою и от придумываемых лекарств еще более возбуждаемою? Если же, сверх сказанного, он считает себя счастливым в болезни и сам не хочет освободиться от этой потребности, и даже оплакивает, как теперь этот (отец), свободных от этой страсти: в таком случае, не более ли еще он несчастен и жалок, потому что не только болен, но даже и не знает, что он болен, а поэтому и сам не хочет освободиться (от болезни), и свободных от нее оплакивает? Поведем же речь о страсти к деньгам и посмотрим кто несчастен и жалок? Эта страсть сильнее и неистовее тех и может причинить более скорби, не потому только, что жжет сильнейшим огнем, но и потому, что не поддается никакому придумываемому облегчению и гораздо упорнее тех. Любящие вино и плотские удовольствия, после наслаждения, скорее почувствуют пресыщение, нежели одержимые безумным пристрастием к богатству. Тех потому мы и вынуждены были изобразить словом, что не скоро можно увидеть на опыте такие явления, и этой болезни много примеров можем представить из опыта. Так по этому ли, скажи мне, ты оплакиваешь сына, что он освободился от такого безумия и такой опасности, что не предается неизлечимой страсти, что стал вне этой войны и борьбы? Но с ним, скажешь, не случилось бы этого, он не стал бы желать большего, но для него довольно было бы пользоваться тем, что есть? Теперь ты говоришь то, что противно, так сказать, природе. Но пусть будет и так; допустим на словах, что он не захочет приращивать своего имения и не увлечется этою страстью: но и в таком случае я докажу, что он наслаждается теперь большим спокойствием и удовольствием. Что легче, заботиться ли о столь многом, быть связанным такою бдительностью и рабством, и страшиться, как бы не погибло что-нибудь

из имения, или быть свободным и от этих уз? Положим, что он не пожелает других тяжестей: но гораздо лучше отвергнуть и те, которые уже наложены; потому что, если не нуждаться в большем считается величайшим благом, то не иметь нужды и в том, что есть, было бы еще большим счастьем. Доказано уже, что человек, не мучимый жаждою и любовью (ибо ничто не препятствует обратиться к прежним примерам), гораздо блаженнее не только тех, которые постоянно жаждут и всегда распаляются любовью, но и тех, которые хотя не надолго подвергались этому и удовлетворяли похоти, так как он вовсе не испытал такой потребности. Опять спрошу тебя: если бы можно было и превосходить всех богатством, и быть свободным от бедствий, происходящих от богатства, то ужели ты не пожелал бы тысячу раз такого счастья, чтобы не страдать ни от зависти, ни от клеветы, ни от забот, ни от другого чего-либо подобного? Итак, если мы докажем, что сын твой и это имеет, и что он теперь гораздо богаче, перестанешь ли ты, наконец, плакать и жаловаться так горько? Против того, что он освободился от забот и прочих, неразлучных с богатством бедствий, и сам ты спорить не будешь: посему и нам нет надобности говорить с тобой об этом. Но ты хочешь знать, как это он богаче тебя, у которого столько имущества? И этому мы научим тебя и покажем, что ты, думающий о нем, будто он теперь в крайней бедности, сам таков в сравнении с ним.

4. Не думай, что мы станем говорить о благах небесных и имеющих быть после отшествия отсюда; мы употребим в доказательство пока те блага, которые у нас в руках. Итак, ты - господин только собственного твоего имущества, а он - всего, что есть во всей вселенной. Если же ты не веришь, то мы поведем тебя к нему и убедим его, что бы он, сошедши с горы, или лучше, оставаясь там, приказал кому-либо из очень богатых и благочестивых прислать (к нему) столько золота, сколько ты хочешь; или, так как он не возьмет себе этого, приказал бы лучше отдать золото кому-нибудь нуждающемуся: и ты увидишь, что этот богач послушается и даст с большею готовностью, чем кто-нибудь из твоих домоправителей. Этот последний, когда ему приказывают истратить что-нибудь, бывает скучен и угрюм, а тот напротив, когда не тратит, тогда и беспокоится, не провинился ли в чем-нибудь, что ему ничего такого не приказывают. И я могу указать многих, не только из знатных, но и из простого состояния - таких, которые имеют столь великую силу. Притом же ты, если твои домоправители растратят вверенное им, не можешь вытребовать (от них) другого, и от их злодейства твое богатство тотчас превратится в бедность; а сын твой не боится этого. Если один обеднеет, он прикажет другому, если и с этим случится то же, он обратится к иному, и скорее могут иссякнуть источники вод, нежели те, которые в этом будут послушны ему. Если бы ты держался нашего учения, то я рассказал бы тебе много подобных великих примеров, но так как ты принадлежишь язычеству, то и отсюда я могу представить пример. Послушай, что говорит Критон Сократу [3]: "мои деньги принадлежат тебе, и, я думаю, их довольно; если же заботясь обо мне, ты не хочешь тратить моих денег, то иностранцы здесь готовы тратить свои; довольно серебра принес на это самое Симмиас фивский, готов и Кевис, и многие другие; итак по этому опасению, как я говорил, не отказывайся спасти себя; пусть не затрудняет тебя и то, что ты говорил на суде, т. е. что, по выходе отсюда, ты не знал бы, что делать с собою; и во многих других местах, куда бы ты ни пришел, полюбят тебя; если же захочешь отправиться в Фессалию, там есть у меня знакомые, которые окажут тебе великое уважение и доставят тебе безопасность, так что у тебя ни в чем не будет недостатка в Фессалии". Что приятнее такого богатства? Впрочем, это (сказано тебе) как человеку мирскому. Если же мы захотим рассуждать о богатстве с большим любомудрием, то ты, может быть, и не в состоянии следить за (нашим) словом; мне, однако же, необходимо сказать об этом для судей. Богатство добродетели так велико, настолько приятнее, настолько вожделеннее, что обладающие им никогда не захотят взять вместо него и всю землю, хотя бы она была вся золотою - с горами, с морем и с реками. И если бы это было возможно, то ты на самом опыте узнал бы, что это - не слова только хвастливые, но что действительно нашедшие

гораздо большее и важнейшее богатство станут презирать все прочее, и никогда не променяют его на это. И что я говорю: променяют? Они даже не захотят взять этого вместе с ним. Вам если бы кто давал богатство добродетели вместе с деньгами, вы взяли бы распростертыми руками: так и вы признаете его чем-то великим и дивным. Но те не возьмут вашего при своем: так они уверены в его ничтожестве. И это опять я объясню вашими примерами. Сколько, думаешь, денег дал бы Александр Диогену, если бы тот захотел взять? Но тот не захотел; а этот усиливался и предпринимал все, чтобы быть в состоянии когда-нибудь достигнуть богатства Диогенова.

5. Хочешь ли увидеть и с другой стороны свою бедность и богатство твоего сына? Так ступай, отними у него одежду, которая только одна и есть у него, выведи его из кельи, разори его убежище, и при этом ты не увидишь его недовольным и печальным, но он еще будет благодарить тебя за то, что ты ведешь его к большему любомудрию; а если у тебя кто отнимет только десять драхм, ты никогда не перестанешь плакать и горевать. Кто же богат: тот ли, кто терзается из-за малого, или - кто презирает все? И не только это сделай с ним, но изгони его из всей страны; и ты увидишь, что он станет смеяться над этим как над детскою игрою. Если бы тебя кто изгнал только из отечества, ты стал бы ужасно страдать и не перенес бы такого несчастия; а он, как собственник всей земли и моря, так легко и беспечально будет переходить с одного места на другое, как ты ходишь по своим полям, и даже еще легче; потому что тебе, хотя и можно ходить по своим полям, необходимо, однако же, проходить и по чужим, а он по всей земле пойдет, как по своей собственной. Питие ему везде доставляют в изобилии озера, и реки, и источники, а пища для него - овощи, травы и во многих местах хлебы. Не говорю еще тебе о том, что он презирает и всю землю, потому что город его - небо. И если должно будет ему умереть, он веселее примет смерть, чем вашу роскошь, и лучше пожелает умереть в таком состоянии, чем вы в отечестве и на постели; так что можно назвать странником, изгнанником и скитальцем, имеющего отечество и живущего в (своем) доме, а не его отрешившегося от всего этого. Даже изгнать его из отечества ты не можешь, пока не сгонишь со всей земли; пока так пусть будет сказано; а, говоря по правде, тогда именно и препроводишь его в отечество, когда сгонишь с земли. Но это еще не для тебя, не знающего ничего больше видимого. Не можешь ты представить его и нагим, пока он облечен одеждами добродетели; не изнуришь его голодом, доколе он знает истинную пищу. А богатые подвержены всему этому, так что и в этом отношении не ошибется тот, кто назовет их бедными и очень бедными, а тех действительно богатыми. Ибо кто может везде найти в изобилии и пищу, и питье, и жилище и отдых, и не только не тяготится, но даже веселее живет в этих обстоятельствах, чем вы в своих, - тот, очевидно, богаче всех вас богачей, которые всем этим можете пользоваться только дома. Оттого он никогда и не жалуется на бедность. Притом, такое богатство лучше не только по его изобилию и приятности, но и потому, что оно не истощимо, никогда не обращается в бедность, не подлежит неизвестности будущего, не причиняет забот и не поддается зависти, но пользуется удивлением, и похвалою, и всякою честью; тогда как у вас оказывается противное. Вас не только не хвалят за богатство, но многие даже ненавидят и отвращаются, завидуют вам и строят козни, он же, так как владеет истинным богатством, за это особенно и пользуется удивлением, поэтому и не преследуется ни завистью, ни кознями. А кто крепче здоровьем? Не владеющий ли таким богатством, как пользующийся чистым воздухом, и здоровыми источниками, цветами и лугами и свежим благоуханием, цветет и крепнет, подобно полевым животным, а тот, как бы лежащий в грязи, не слабее ли и не больше ли расположен к болезням? Если же он имеет пред тем преимущество в здоровье, то, очевидно, и в удовольствии. Ибо кто, думаешь ты, больше наслаждается удовольствиями? Тот ли, кто покоится в высокой траве, у чистого источника, под тенью ветвистых деревьев, насыщает глаз созерцанием, имеет душу чище неба и находится вдали от шума и смятения, или тот, кто заключен в комнате? Мрамор, конечно, не чище воздуха, и тень от

кровли не приятнее тени древесной, а пол каменный не лучше луга, - украшенного разными цветами. Свидетели этому вы, богачи, которые, если бы возможно было вам иметь на кровлях деревья и приятные луга, предпочли бы их золотой кровле и дивным стенам. Посему вы, когда является желание отдохнуть от множества трудов, оставляете эти (стены) и идете к тем (лугам). Но ты, может быть, скорбишь о той великой и важной славе, которой здесь совсем не видно? Сравнивая дворец с пустынею и тамошние надежды со здешними, ты думаешь, что сын твой упал с самого неба. Так наперед надобно узнать тебе, что ни пустыня не делает бесчестным, ни дворец - славным и знатным; и прежде, нежели приступим к умственным доказательствам, я рассею твое недоразумение примерами, не нашими, а вашими. Слыхал ты, конечно, о Дионисие сицилийском, слыхал и о Платоне, сыне Аристоновом. Кто же из них, скажи мне, был знаменитее, кто воспевается и всегда вспоминается устами многих? Не философ ли преимущественно пред тираном? Между тем этот владел всею Сицилией, проводил время в роскоши и в течение всей жизни был окружен богатством, копьеносцами и прочим блеском, а тот проводил время в саду Академии, садил и поливал деревья, ел маслины, имел скудный стол и был чужд всего того блеска. И не столь удивительно еще это, как то, что он, и сделавшись рабом, и быв продан по воле тирана, не только не оказался вследствие этого бесславнее его, но и самому тирану показался за это достойным уважения. Такова добродетель! Она не только делами, но и страданиями своими не оставляет в темноте и безвестности и саму себя и исполняющих ее. А учитель его, Сократ? Насколько он был знаменитее Архелая? Между тем этот был царь и жил очень богато, а тот проводил время в Лицее, не имел ничего кроме одной одежды, в которой являлся зимою и летом и во все времена года, ходил всегда без обуви, по целому дню оставался без пищи, питался одним хлебом, который и заменял для него все блюда и кушанья, даже и этого пропитания не имел дома, а получал его от других, проживая в такой крайней бедности; однако же, был настолько знаменитее того царя, что и после многократных приглашений его к нему не хотел оставить Лицея и пойти к его богатству. Из господствующего ныне мнения о них видно и то, что было прежде: их имена известны многим, а тех (Дионисия и Архелая) - никому. Еще иной философ синопский (Диоген) настолько был богаче многих таких царей, - хотя и ходил в рубищах, - что (Александр) македонский сын Филиппа, когда вел войско против персов, оставив все, пошел посмотреть на него, и спрашивал, не нуждается ли он в чем и не прикажет ли чего; а тот отвечал, что ни в чем (не нуждается). Не довольно ли тебе примеров, или хочешь, чтобы мы напоминали и о других? Эти мужи сделались знаменитее не только знатных царедворцев, но и самого царя, избрав частную и мирную жизнь и не захотев даже приближаться к делам общественным. Но и в самом обществе гражданском увидишь прославившимися не тех, которые жили в богатстве, роскоши и изобилии, а тех, которые проводили жизнь в бедности, в простоте и скромности. У афинян - Аристид, которого, по смерти, похоронило на свой счет государство, был настолько знаменитее Алкивиада, отличавшегося и богатством, и происхождением, и роскошью, и силою слова, и да крепостью тела, и благородством, и всем другим, насколько дивный философ - какого-нибудь простого мальчика. У фивян - Епаминонд, человек, который, получив приглашение в собрание, не мог придти туда, потому что одежда его находилась в мытье, а другой для перемены он не имел, был знаменитее всех тамошних военачальников. Так не говори же мне ни о пустыне, ни о дворце; слава и знатность не в местах, не в одеждах, не в сане и не во власти, но только в душевной доблести и любомудрии.

6. Но так как примеры не имеют (решающей) силы, то поведу речь о самом твоем сыне. Мы найдем, что он не только стал теперь знаменитее, но почтеннее, и потому самому, за что ты называешь его бесславным и униженным. Убедим его, если хочешь, сойти с горы и войти на площадь: и ты увидишь, что весь город обратится (к нему), и все станут указывать на него, удивляться ему и изумляться, как если бы ангел какой сошел с неба.

Что же еще другое почитаешь ты принадлежностью славы? Подлинно он будет знаменитее не только царедворцев, но и самого облекающегося в диадему, ради своих простых и изношенных одежд; потому что он не так изумлял бы всех, если бы носил золотую, или вернее пурпурную одежду, даже надевал на голову самый венец, сидел на шелковых коврах, ездил на мулах и был сопровождаем златоносными оруженосцами, как теперь, имея грязный и неопрятный вид, нося грубую одежду, шествуя без всяких спутников и без обуви. Ибо царские принадлежности установлены законами и стали обычными, и поэтому если бы кто стал с удивлением говорить о царе, что он одет в золотую одежду, то мы не только не удивимся, но и посмеемся этим словам, как не содержащим ничего необычного; но если о твоем сыне кто-нибудь, пришедши, скажет, что он, презрев отцовское богатство, отринув житейский блеск и став выше мирских надежд, удалился в пустыню и оделся в ветхую и худую одежду, то все тотчас сбегутся, и станут удивляться и восхвалять его за величие души. Притом, если цари подвергнутся многим нареканиям, золотые одежды нисколько не защитят их, тем более не возбудят удивления к ним; а он и одеждами своими подаст много поводов к удивлению. Таким образом, самая одежда более царской делает его видным и знаменитым, если за эту никто еще не удивлялся царю, а за ту все будут изумляться облеченному ею. А что мне, скажешь ты, пользы во мнении и похвалах толпы? Но слава и состоит не в другом чем, а в этом. Я не нуждаюсь в ней, скажешь ты, а ищу власти и чести? Но восхваляющие, конечно, будут и почитать. Если же ты желаешь власти и начальствования, то и это не меньше, чем предыдущее, мы найдем преимущественно у здешних. Можно бы объяснить это и примерами, но, обращаясь к наиболее утешительному для тебя способу, поведем речь применительно не к кому-нибудь другому, а к самому твоему сыну. Что ты считаешь доказательством величайшей силы? Не то ли, чтобы быть в состоянии мстить причиняющим огорчение и вознаграждать делающих добро? Но такой силы вполне нельзя найти даже у царя; потому что и ему причиняют огорчение многие, которым он не может воздать тем же, и делают добро многие, которых ему не легко вознаградить. Так на войнах часто врагам, причинившим множество огорчений и зол, он желал бы отомстить, но не может; и друзьям, оказавшим там великие заслуги, не может воздать соразмерных наград, когда они, предвосхищенными прежде воздаяния, падут в самой войне. Что же, если мы покажем, что твой сын обладает иною силою, гораздо большею той, которою, как доказало наше слово, не пользуются и цари? Никто впрочем, пусть не думает, что мы говорим о благах небесных, в которые ты не веруешь; мы не забыли обещаний; но мы будем заимствовать доказательства из того, что бывает здесь. Если величайшая сила состоит в том, чтобы быть в состоянии мстить оскорбившим; то гораздо выше ее - достигнуть такого состояния жизни, в котором никто, хотя бы и захотел, не может оскорбить нас. Что такое (состояние) выше того, это будет нам ясно и очевидно, когда обратимся к другому примеру. Скажи мне, что лучше, быть ли столь искусным в военных делах, чтобы никто из ранивших нас не убежал не раненным, или приобрести такое тело, которого бы никто, сколько бы ни старался, не может поранить? Для всякого очевидно, что последнее - могущественнее и божественнее первого. И не только одно это, но есть и еще даже высшее (могущество). Какое же это? Знание лекарств, которыми вылечиваются все раны. Итак, из трех видов могущества, первого - чтобы быть в состоянии мстить обидевшим; второго, высшего - чтобы и лечить собственные раны, а это, конечно, не всегда следует за первым, и третьего - чтобы не быть оскорбляемым ни от кого из людей, что конечно выше и природы человеческой, - сын твой, как мы доказали, обладает последним.

7. Для доказательства, что эти слова не пустой звук, мы в то самое время, как искали этого великого могущества, нашли другое, еще высшее и этого. Всякий может увидеть, что им (отшельникам) не только никто не может, но и не захочет сделать зло, так что сын твой вдвойне пользуется безопасностью. Что же может быть блаженнее такой жизни, в которой

никто и не захочет, а если бы и захотел, то не сможет сделать зла - особенно, когда нехотение происходит не от бессилия, как бывает со многими, но от того, что нельзя найти никакой к тому причины? Если бы неделание зла зависело только от бессилия, то оно было бы не так важно: даже ненависть родилась бы у тех, которые хотели бы, но не могут сделать зло. А это состояние заключает в себе не мало блаженства. Его мы, если угодно, и рассмотрим наперед. - Кто же скажи мне, захочет когда-нибудь причинить вред тому, у кого нет ничего общего с людьми, ни договоров, ни земли, ни денег, ни дел, ни чего-либо другого? За какое поместье станет спорить с ним, за каких рабов, за какую честь, по какому опасению, по какому оскорблению? Вредить другим побуждает нас либо зависть, либо страх, либо гнев. Но этот царственнейший человек выше всего. Кто позавидует тому, который смеется над всем тем, о чем другие бьются и хлопочут? Кто будет сердиться, не потерпев никакой обиды? Кто станет бояться, ничего не подозревая? Итак, ясно отсюда, что никто не захочет вредить ему; так же ясно и то, что не смогут, если и захотят; потому что нет ни случаев, ни поводов, почему бы кто напал на него; но как высоко парящий орел никогда не может быть уловлен сетью (расставленною) для воробьев, так точно и этот человек. Чем может кто повредить ему? Денег у него нет, чтобы угрожать ему потерею их; родины он не имеет, чтобы устрашать его ссылкою; славы он не ищет, чтобы обесславить его; остается одно - смерть; но ею в особенности никогда и не сможет огорчить его кто-либо, но еще принесет ему величайшую пользу, потому что поведет его к другой жизни, вожделенной для него, для которой он все делает и трудится, и которая для него - прекращение трудов, не наказание, но избавление и отдохновение от подвигов. Хочешь ли узнать и другой вид его могущества, еще более свойственный любомудрию? Если кто сделает ему множество зла, ударит его или свяжет, то тело его естественно поражается, но душа по любомудрию остается невредимою; она не увлекается гневом, не уловляется ненавистью, не побеждается враждою. И это еще не так важно; гораздо удивительнее этого вот что: он любит сделавших ему столько зла, как благодетелей и покровителей, и молится, чтобы у них было всякое благо. Что равное этому дал бы ты ему, если бы тысячу раз сделал его царем вселенной и продолжил это царствование на тысячи лет? Какой багряницы, какой власти, какой славы не почтеннее это приобретение? Чего бы не дал иной, чтобы получить такую душу? Мне кажется, что и страстные плотоугодники пожелали бы такой жизни. Хочешь ли и с другой стороны видеть еще более дивное и приятнейшее могущество этого мужа, - со стороны, хотя не возвышенной, но для тебя особенно приятной? Из сказанного видно, что он не уловим и неуязвим; но не желаешь ли знать, что он еще может покровительствовать другим и доставлять им совершенную безопасность? Первый вид покровительства состоит в том, чтобы и других довести до той же доблести и таким образом сделать их крепкими; если же они не захотят этого, но станут проводить жизнь более человеческую и земную, то и в ней также ты увидишь его, не имеющего ничего, имеющим больше могущества, чем ты, богач, и главным образом именно потому, что он ничего не имеет. Кто с большею смелостью станет беседовать с царем и высказывать укоризны? Ты ли, владеющий столь многим и поэтому ответственный пред слугами его, опасающийся за все и представляющий ему тысячи случаев, если бы он, разгневавшись, захотел огорчить тебя, или тот, стоящий выше рук его? С царями беседовали с великою смелостью особенно те, которые удалились от всего житейского. Кому скорее уступит и окажет внимание человек сильный и обращающийся во дворце: тебе ли, богачу, которого он подозревает, что часто многое делаешь для денег, или тому, у кого одно только побуждение для распоряжений - человеколюбие к другим? Кого он почтит и уважит: того ли, кого не может подозревать ни в чем низком, или того, кого считает ниже и слуг своих? Конечно, более слушаются этих (отшельников), ходатайствуют ли они о денежных выдачах, или о покровительстве.

8. Но, если хочешь, пусть он во всем успевает не чрез других, но сам собою: мы приведем какого-нибудь страдальца и к нему и к тебе, или лучше, не к тебе, а к самому царю, и

посмотрим, кто более будет в силах помочь ему. Пусть первым подойдет пострадавший более всех других. Пусть будет это отец, имевший одного только сына и потерявший его во цвете возраста. Ему ни начальник, ни царь, ни другой кто не в состоянии будет помочь, равно как и ты; потому что не дашь ему ничего равного тому, что он потерял. А если ты приведешь его к твоему сыну, то он, прежде всего, ободрит его видом своим, одеждою и жилищем, и внушит ему считать за ничто все человеческое; а потом и словами легко рассеет облако. Из твоего же дома он вынесет еще больше печали; потому что, когда увидит он, что твой дом свободен от бедствий, исполнен великого благоденствия и имеет наследника, то будет еще более мучиться, тогда, как оттуда выйдет более спокойным и более любомудрым. Видя, что сын твой презрел такое имущество, такую славу и блеск, он будет не так сетовать об умершем; ибо как он будет сокрушаться о том, что у него нет наследника его имуществ, когда увидит, что другой презирает все это? И уроки любомудрия он легче выслушает от того, кто оправдывает их делами. Ты, как только осмелишься открыть уста, исполнишь его великого уныния, как философствующий о чужих бедствиях: а сын твой, поучая его делами, легко убедит, что смерть есть не больше, как сон; он не станет перечислять многих отцов, потерпевших то же, что и этот, но покажет, как сам он ежедневно при жизни в теле помышляет о смерти и всегда готов к ней, и, укрепив веру в учение о воскресении, таким образом, отпустит его с великим облегчением скорби; и его слова, подтверждаемые и делами, гораздо лучше и скорее могут успокоить страдальца, нежели соучастники в собраниях и пиршествах. Так он уврачует этого страдальца. Пусть будет приведен к нему, если хочешь и другой, от долговременной болезни лишившийся зрения. Чем ты можешь пособить такому? А твой сын, доказав, что в этом нет ничего страшного, тем, что сам заключился в малой келье, стремясь к иному свету и считая настоящее нисколько не важным в сравнении с тамошним, научит мужественно переносить несчастие. А обижаемым можешь ли ты внушить любомудрие? Нисколько; напротив, еще больше возмутишь, потому что мы обыкновенно яснее видим свои бедствия при благополучии ближних; сын же твой гораздо легче ободрит и этих. Не говорю уже о молитвенной помощи, которая важнее всего этого; не говорю потому, что моя речь теперь обращена к тебе. Если же ты хочешь, чтобы за сына почитали тебя и не презирали (вероятно, ты и этого желаешь), то не знаю, каким бы другим образом ты лучше достиг этого, чем имея сына, который стоит выше человеческой природы, является столь славным по всей вселенной и при такой славе не имеет ни одного врага. При том (мирском) могуществе, он был бы, хотя многими почитаем, но многими и ненавидим, а здесь все почитают его с удовольствием. Подлинно, если некоторые люди простые и низкого происхождения, сыновья поселян и ремесленников, приступив к этому любомудрию, сделались столь почтенными для всех, что никто из весьма знатных не стыдился входить в их жилище и разделять с ними беседу и трапезу, напротив чувствовали себя как бы получившими некоторые великие блага, что и на самом деле бывает; тем более они поступят так, когда увидят, что вступил в эту добродетельную жизнь человек знаменитого рода, блистательного состояния, имевший столько надежд. Таким образом, то, о чем ты более сетуешь, т. е., что он из мирской жизни перешел в (монашескую) это самое, больше всего и делает его знаменитым и всех побуждает смотреть на него не как на человека, но как на какого-нибудь ангела. Конечно, о нем не будут думать того, в чем подозревают других, будто, т. е. он избрал такой путь по честолюбию, по страсти к деньгам и по желанию сделаться из незнатного знатным. Если такие речи и о прочих ложны и суть *"словеса лукавствия"* "**слова лукавые**" (Псал. 140:4), то касательно твоего сына не могут внушить и подозрения.

9. Не думай, что это бывает только при благочестивых царях; но хотя бы и произошли перемены во власти и властители сделались неверующими, и тогда состояние сына твоего будет блистательнейшим. Наши дела не таковы, каковы у язычников, не мнениям властителей следуют, но держатся собственною силою, и тогда наиболее проявляются,

когда подвергаются наибольшим нападениям; так и воин, хотя бывает уважаем и в мирное время, однако более будет славен при наступлении войны. Таким образом, и при языческих властителях тебе будет столько же и даже больше чести. Ибо те, которые прежде уважали твоего сына, гораздо более станут поступать так, когда увидят его вступающим в борьбу, действующим с большею смелостью и представляющим много поводов к прославлению. Хочешь ли - мы рассмотрим и отношение его к тебе? Или излишне говорить об этом? Тот, кто в отношении к другим столь тих и кроток, что никому не подает повода к неудовольствию, тем более будет оказывать великое почтение отцу и станет угождать ему гораздо более теперь, чем когда бы достиг мирской власти. Облеченный великою властью, неизвестно, не стал ли бы он презирать и отца, а теперь он избрал такую жизнь, в которой он, хотя бы стал царственнее и царя, в отношении к тебе будет смиреннее всех. Таково наше любомудрие! Оно соединяет в одной душе качества, кажущиеся противоположными, смирение и высоту. Тогда по пристрастию к деньгам он, может быть, даже стал бы желать твой смерти; а теперь он молится, чтобы жизнь твоя продолжилась, так что и за это он удостоится блистательных венцов. Ибо не малая награда ожидает нас за почтение к родителям: нам заповедано чтить их, как владык (Сир. 3:7), угождать им и словом, и делом, если это не будет во вред благочестию. "**Что можешь ты**", говорится в Писании, "**воздать им, как они тебе**" (Сир.7:30)? Подумай же, в сколь превосходной степени может исполнить и эту добродетель тот, кто во всем прочем достиг верха совершенства. Если бы надобно было и умереть за твою голову, он не откажется, не только из уважения и угождения тебе по закону природы, но, прежде всего ради Бога, для которого он презрел вообще все прочее. Итак, если он теперь и почтеннее, и богаче, и могущественнее, и свободнее, и при таком величии духа, гораздо более послушен тебе, нежели прежде; то о чем, скажи мне, ты скорбишь? Не о том ли, что не беспокоишься каждый день, не пал бы он на войне, не прогневал бы царя, не подвергся бы ненависти соратников, как этого и еще большего боятся отцы детей, возвысившихся пред другими? Как поставившие дитя на каком-нибудь высоком месте невольно беспокоятся, как бы оно не упало: так и возводящие сыновей на высоту власти. - Но имеет некоторую приятность пояс, и плащ, и голос глашатая. На сколько же это дней, скажи мне? На тридцать, на сто, или вдвое больше? А что потом? Не прейдет ли все это, как сновидение, как басня, как тень? А теперь достоинства чести у сына твоего останутся до конца, даже по смерти, и тогда - еще больше; и этой власти никто не отнимет у него, потому что он возведен на нее не людьми, а самою добродетелью. Но ты хотел бы видеть его носящим дорогие одежды, разъезжающим на коне, имеющим множество слуг, кормящим тунеядцев и льстецов? Зачем тебе хотелось бы этого? Не затем ли, чтобы чрез все это доставить ему удовольствие? Но если ты услышишь из уст его самого (нам, может быть, ты не поверишь), что свою жизнь он считает настолько приятнейшею жизни людей, пристрастных к роскоши, распутству, музыке, тунеядцам и льстецам, и прочей суете, что предпочел бы тысячу смертей, если бы кто приказал ему, оставив первую приятную жизнь, перейти к последней: что скажешь ты на это? Или ты не знаешь, как приятна жизнь, чуждая забот? Может быть, и никто другой из людей не знает, еще не вкусив ее в ее чистоте. Если же присоединится еще знаменитость, и сойдутся вместе эти неудобосовместимые блага - безопасность и слава: то что может быть лучше такой жизни? - Но для чего, скажешь, ты говоришь это мне, стоящему далеко от любомудрия? - А для чего ты препятствуешь и сыну приблизиться к нему? Довольно, если этот недостаток останется при тебе. Не считаешь ли ты величайшим недостатком то, когда вы, не приобретши ничего доброго в первом возрасте, по достижении крайней старости ропщете на старост? - Но потому, скажешь, мы и ропщем на нее, что юность доставляла нам великие блага. - Какие великие блага? Укажи старца, у которого были бы эти великие блага. Если бы они были у него и оставались в действительности, то он не скорбел бы так, как бы не имеющий ничего такого. Если же они исчезли и пропали, то какие же они великие блага, исчезнув так скоро? Но сын твой не испытает этого; и, если достигнет

глубокой старости, ты не увидишь его огорченным подобно вам, но веселящимся, радующимся и восхищающимся, потому что у него тогда еще более будут процветать блага. Ваше богатство, хате бы доставляло множество благ, доставляет их только в первом возрасте; а его богатство не таково, но остается и в старости, сопутствует и по смерти. Поэтому вы, видя в старости, что ваше имущество умножается и вам представляется много средств к славе и роскоши, скорбите, потому что ваш возраст уже неспособен к наслаждению ими; поэтому и пред смертью вы трепещете и называете себя самыми несчастными особенно тогда, когда благоденствуете. Он же тогда особенно успокоится, когда состарится, так как скоро достигнет пристани и получит юность, всегда цветущую и никогда не склоняющуюся к старости. А ты хотел бы, чтобы сын твой наслаждался такими удовольствиями, в которых он тысячекратно раскаивался бы и скорбел, достигнув старости? Но да не наслаждаются ими никогда и враги ваши! Что я говорю о старости? - Эти удовольствия исчезают в один день, а лучше сказать, не в день и не в час, но в краткое и неприметное мгновение. Ибо в чем состоят эти удовольствия? Не в том ли, чтобы чревоугодничать, располагаться за роскошными трапезами и обращаться с красивыми женщинами, подобно свиньям валяясь в грязи?

10. Впрочем, теперь еще не об этом; рассмотрим сначала эти удовольствия, не пусты ли они и ничтожны, и, если угодно, наперед рассмотрим то, которое кажется более других приятным - наслаждение пищею. Покажи мне продолжительность его, сколько времени в день оно может занимать вас? Столько, что и приметить хорошо нельзя. Ибо как только кто насытился, то и лишился удовольствия, и даже прежде пресыщения оно проходит быстрее потока, исчезает в самой гортани и не способно идти далее вместе с пищею; потому что, лишь только пройдет чрез язык, уже и теряют сладость. Умалчиваю от прочих бедах и о том, какое расстройство бывает от пресыщения. Не пресытившийся не только бывает веселее, но и легче, и отдыхать будет лучше того, кто едва не расселся от пресыщения: "**здоровый сон бывает**", говорится в Писании, "**при умеренности желудка**" (Сир.31:22). Нужно ли говорить о болезнях, неприятностях, несчастных случайностях и напрасных издержках? Сколько от этих пиров возникает ссор, сколько козней, сколько обид? - А приятное обращение с развратными женщинами? Какое же может быть удовольствие в этом позоре? Впрочем, не будем пока говорить здесь ни об этом, ни о спорах любовников, ни о ссорах между соперниками и нареканиях. Положим, что кто-нибудь свободно наслаждается этою похотью, и не имеет соперника, и не пренебрегается возлюбленною; сыплет деньги как бы из источников; - хотя и никогда невозможно всему этому сойтись вместе, но необходимо не желающему иметь соперника растратить все свое состояние, чтобы превзойти щедростью всех других, а не желающему обеднеть, быть презренным и отвергнутым блудницею, - пусть, однако, не будет ничего этого, но все делается по его желанию: где же можешь ты показать нам удовольствие от этого? Его не оказывается даже во время самого удовлетворения похоти; удовлетворивший похоть уже лишился удовольствия и удовлетворяющий похоти находится не в удовольствии, но в смущении и беспокойстве, в возбуждении и безумии и в великом смятении и расстройстве. Не таково наше наслаждение, нет, оно навсегда оставляет душу невозмутимою, не причиняет ей никакого смятения и волнения, но доставляет радость, чистую и непорочную, достославную и бесконечную, - такую, которая гораздо сильнее и живее вашей. Наше наслаждение приятнее и потому, что ваше может быть уничтожено страхом; ибо, если бы царь издал указ, угрожающий за это удовольствие смертью, то большая часть людей отказалась бы от него; что же до нашего (наслаждения), то, хотя бы кто угрожал тысячью смертей, не только не убедит нас пренебрегать им, но скорее сам будет осмеян; настолько оно сильнее и приятнее вашего, и даже не допускает сравнения с ним. Не гневайся же на сына за то, что он от скоротечных или вернее недействительных благ перешел к действительным и постоянным; не плачь о нем, достойном быть ублажаемым, но о том, кто не таков и кружится в настоящей жизни, как

бы в Еврипе [4]. А главное вот что: ты - неверующий и язычник; прими же хотя это слово. Ты, конечно, слыхал о реках Кокитах и Пирифлегефонтах, о воде Стикса и о тартаре, столько отстоящем от земли, сколько она от неба, и о многих видах наказаний. Хотя эллины, руководствовавшиеся своими умствованиями и нашими искаженными преданиями, и не могли по-истине сказать об этом, как оно есть: однако, они получили некоторое образное представление о суде; и ты найдешь, что и поэты, и философы, и ораторы, и все философствовали об этих предметах. Ты слыхал также о Елисейском поле, и об островах блаженных, о лугах и миртах, о нежном ветре и великом благоухании, о хорах там обитающих и одетых в белую одежду, ликующих и воспевающих некоторые гимны, и вообще об ожидающем добрых и злых воздаянии по отшествии отсюда. Как же, ты думаешь, живут с такими мнениями добрые и недобрые? Одних, когда они думают об этом, хотя бы у них настоящая жизнь протекала беспечально и в великом удовольствии, не преследует ли, как бы какой бич, совесть и ожидание имеющих постигнуть их страданий; а добрые, хотя бы терпели тысячи зол, не питают ли, по словам Пиндара, целительной надежды, которая не дает им ощущать настоящих бедствий? Таким образом, и от этого у последних бывает больше удовольствия. Ибо гораздо лучше, начав временными трудами, закончить бесконечным успокоением, нежели, вкусив за краткое время мнимых приятностей, наконец, впасть в самые горькие и тяжкие бедствия. А когда при этом еще несомненно, что такая жизнь и здесь приятнее, то не должно ли теперь делать то, о чем я сказал вначале, жалеть тех, которые оплакивают такие блага? Подлинно, сын твой достоин не слез, но рукоплесканий и венцов, как пришедший к безмятежной жизни и в тихую пристань. - Но тебя порицают многие отцы, которых дети кружатся в настоящей жизни; другие, смотря на тебя, плачут, а иные смеются над тобою? Почему же ты еще больше не смеешься над ними и не плачешь? Мы должны смотреть не на то, смеются ли над нами, а хорошо ли и справедливо ли это делают; если так, то хотя бы и не смеялись, мы должны плакать; если же делают это несправедливо, то, хотя бы все смеялись, мы должны ублажать себя, а их оплакивать, как самых несчастных и ничем не отличающихся от безумных. Ибо смеяться над тем, что достойно великих похвал и венцов, свойственно безумным и больным подобно им. Не счел бы ты насмешкой, скажи мне, если бы тебя все стали хвалить, превозносить и называть блаженным за то, что сын твой пристрастился к безумному занятию плясунов и наездников? А что, если бы они стали смеяться и порицать его, когда бы он делал что-либо благородное и достойное похвал, не назвал бы ты их безумными? Так поступим и теперь: предоставим приговор о твоем сыне не мнению толпы, но тщательному обсуждению дела; и ты увидишь, что эти насмешники - отцы скорее рабов, а не свободных, если сравнивать их детей с твоим сыном. Теперь ты, омрачаемый скорбью, не можешь вникнуть в это; когда же немного успокоишься, и сын твой окажет великую добродетель, ты уже не будешь нуждаться в наших словах, но сам станешь другим говорить это и еще больше этого. Предсказываю тебе это не без основания, но по опыту. У меня был друг, имевший отца неверующего, богатого, уважаемого и во всех отношениях знаменитого. Этот отец сперва действовал чрез начальников, и грозил узами и, отняв у сына все, оставил его на чужой земле и без необходимой пищи, чтобы таким образом заставить его - возвратиться к мирской жизни; но когда увидел, что сын ничему этому не уступает, то, побежденный, запел иную песню; и теперь почитает и уважает сына более чем (своего) отца, и хотя имеет много и других детей почтенных, но говорит о них, что они негодны даже и в слуги тому, и сам чрез того сына сделался гораздо знаменитее. Это мы увидим и на твоем сыне; и что я не лгу, ты хорошо узнаешь на самом деле. Поэтому я смолкну, наконец, и только попрошу тебя, подожди один год или еще меньше времени, - для нашей добродетели не нужно много дней, потому что она возвращается божественною благодатью, - и ты увидишь, что все сказанное исполнятся на самом деле, и не только похвалишь то, что уже сделано, но, если пожелаешь, хотя немного возвыситься, скоро и сам сделаешься подражателем ему, имея в сыне учителя добродетели.

[1] О чем, т.е. сказано в конце первого слова.

[2] Посвятить себя монашеской жизни.

[3] В разговоре философа Платона: Критон, р. 45.

[4] Еврип - бурный пролив у о. Эввеи.

СЛОВО ТРЕТЬЕ

К ВЕРУЮЩЕМУ ОТЦУ.

НАУЧИМ теперь и верующего отца, что не должно враждовать против тех, которые привлекают сына его к богоугодному. Конечно, можно опасаться, чтобы и это слово наше не оказалось излишним и не вышло противное тому, о чем я говорил прежде. Тогда я сказал, что закон борьбы не принуждает меня вступать против язычника, но что апостол Павел оставил нас свободными от состязания со внешними, повелев судить только внутренних (1 Кор.5:12). А теперь, как кажется, мы не обязаны и к этим прениям: если и прежде казалось постыдным беседовать об этом с христианином, тем более теперь. Ибо как не стыдно будет верующему нуждаться в увещании касательно того, в чем и неверующий ничего не может сказать против нас? Что же? Ужели мы, поэтому замолчим и ничего не скажем? Нет. Если бы кто-нибудь поручился за будущее и сделал для нас очевидным, что впредь никто не отважится на это, тогда следовало бы и нам успокоиться и предать прошедшее забвению; но так как мы не имеем ни одного достоверного поручителя в этом, то необходимо и словесное увещание. Если оно найдет страждущих такою болезнью, то сделает свое; а если никто не впадет в эту немощь, то желаемое нами исполнилось. И врачам, по изготовлении лекарств для больных, следует желать, чтобы больному не было и нужды в них: так и мы молимся, чтобы никому из наших братий не было нужды в этом увещании; если же она случится, - чего да не будет, - то, по пословице, не избежать им второго плавания. - Итак, представим себе и верующего таким же, каков неверующий, подобным ему во всем, кроме понятия о Боге; пусть он и плачет также, и валяется у всех в ногах, и указывает на свои седины, и на старость, и на одиночество; пусть говорит все то же и, сколько хочет, возбуждает гнев в судьях. Впрочем, с ним суд у нас уже не пред людьми, потому что он слышал все, что у нас мужи, исполненные Духа Божия, любомудрствовали о страшном и ужасном судилище по отшествии отсюда. И, прежде всего прочего ему должно напомнить о том дне, об огне текущем рекою, о пламени никогда не угасающем, о меркнущих лучах (солнца), о скрывающейся луне, о ниспадающих звездах, о свивающихся небесах, о колеблющихся силах (небесных), о потрясаемой со всех сторон и мятущейся земле, о страшном и непрерывном звуке труб, об ангелах, проходящих по вселенной, о тысячах предстоящих, о тьмах служащих, о грядущих с самим Судиею воинствах, о сияющем пред Ним знамении, о поставляемом престоле, о раскрываемых книгах, о неприступной славе, о страшном и ужасном гласе Судии, одних посылающего в огонь, уготованный диаволу и ангелам его, а для других затворяющего двери и после их великого подвига девства; одним из слуг Своих повелевающего связать плевелы и ввергнуть в пещь, а другим - сковать некоторым ноги и связать руки, отвести их во тьму кромешную и предать мучительному скрежету зубов; предающего тягчайшему и жесточайшему наказанию - одного за бесстыдные только взгляды, другого за неуместный смех, иного за то, что без исследования осудил ближнего, а другого и за то, что злословил (ближнего); а что и за это положено наказание, можно

слышать от самого Судии, имеющего совершить наказание, в Его словах и угрозах. К этому Судии необходимо всем нам отойти отсюда и увидеть тот день, в который будет открыто и обнаружено все, т. е., не только дела и слова, но и самые помышления.

2. Тогда мы дадим страшный ответ и в том, что теперь кажется маловажным; ибо Судия с одинаковою строгостью требует от нас (попечения о) спасении нашем и наших ближних. Посему Павел везде убеждает, чтобы "**никто**" не искал "**своего, но каждый [пользы] другого**" (1Кор.10:24); посему он и Коринфян сильно порицает за то, что они не попеклись и не позаботились о впадшем в прелюбодеяние, но оставили без внимания опасную рану его (1 Кор.5:1, 2); и в послании к Галатам говорит: "**братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового**" (Гал.6:1). А еще прежде их он убеждает к тому же самому и Фессалоникийцев, говоря: "**посему увещевайте друг друга и назидайте один другого, как вы и делаете**" (1Фесс.5:11); и еще: "**вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых**" (1Фесс.5:14). Дабы кто-нибудь не сказал: „что мне заботиться еще о других? - погибающий пусть погибает, а спасающийся пусть спасается; это нисколько меня не касается; мне велено смотреть за собою", - дабы кто-нибудь не сказал этого, Павел, желая истребить такую зверскую и бесчеловечную мысль, противопоставил ей такие законы, повелевая оставлять без внимания многое из своего, чтобы устраивать дела ближних, и требует во всем такой строгости жизни. Так и в послании к Римлянам он заповедует иметь великое попечение об этом долге, поставляя сильных как бы отцами для немощных и убеждая заботиться об их спасении (Римл.15:1). Но здесь он говорит это в виде увещания и совета, а в другом месте потрясает души слушающих с великою силою, когда говорит, что нерадящие о спасении братий грешат против самого Христа и разрушают здание Божие (1 Кор.8:12). И это говорит он не от себя, но по наставлению Учителя. Ибо и Единородный (Сын) Божий, желая внушить, как обязателен этот долг, и что не желающих исполнять его ожидают великие бедствия, сказал: "**а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской**" (Матф.18:6). И принесший талант подвергается наказанию не за то, что он пренебрег чем-нибудь собственным, но за то, что не радел о спасении ближних. Таким образом, хотя бы у нас все было хорошо устроено в нашей жизни, нет нам никакой пользы, потому что и того греха довольно, чтобы ввергнуть нас в геенскую пучину. Если и тех, которые не хотели помогать ближнему в телесных нуждах, не спасет никакое объяснение, так что, хотя бы они и подвиг девства совершили, будут все-таки извержены из брачного чертога; то опустивший гораздо важнейшее (потому что попечение о душе гораздо важнее) - не потерпит ли по справедливости все бедствия? Бог создал человека не для того, чтобы он приносил пользу только себе самому, но - и многим другим. Посему и Павел называет верующих "**светилами**" (Филип.2:15), выражая, что они должны быть полезны и другим, ибо светило не было бы и светилом, доколе освещало бы только себя. Поэтому он нерадящих о ближних называет худшими даже язычников в следующих словах: "**если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного**" (1Тим.5:8). Что же он хочет здесь означить словом: "**не печется**"? Доставление ли необходимого? Я думаю, что он разумеет попечение о душе: если же ты не согласишься, то тогда мое мнение будет еще более твердым. Ибо если он говорит это о теле, предает такому наказанию и называет худшим язычников не подающего этой ежедневной пищи; то где будет место тому, кто небрежет о важнейшем, о необходимейшем?

3. Рассудим же теперь о важности нашего греха и, восходя мало-помалу, покажем, что нерадение о детях больше всех грехов и доходит до самого верха нечестия. Так, первая степень порочности, нечестия и жестокости - есть небрежение о друзьях. Впрочем, сведем слово еще ниже; не знаю, как это я едва не забыл, что прежний закон, данный иудеям, не

позволяет пренебрегать и скотами врагов - или упавшими, или заблудившимися, но повелевает этих привести, а тех поднять (Исх.23:4, 5). Итак, первая, снизу идущая, степень порочности и жестокости - оставлять без внимания рабочий и домашний скот врагов, когда он страждет; а вторая за ней высшая - не радеть о самих врагах; потому что насколько человек превосходнее бессловесного, настолько этот грех больше того; третья за этою (степень) - презирать братий, хотя бы они были и незнакомые; четвертая - не радеть о домашних; пятая - когда небрежем не только об их теле, но и о погибающей душе; шестая, - когда беспечно смотрим на гибель не только домашних, но и детей наших; седьмая - когда не ищем и других, кто бы о них позаботился, восьмая - когда и тем, которые сами собою хотят это делать, препятствуем и запрещаем; девятая - когда не только препятствуем, но и восстаем против них. Таким образом, если наказание постигнет первую, вторую и третью степень этой порочности, то какой огонь будет следовать превзошедшей все прочие, вашей, именно девятой степени? Даже можно безошибочно назвать ее не только девятою, или десятою, но и одиннадцатою. Почему? Потому, что этот грех не только по существу своему гораздо важнее прежде исчисленных, но и по времени более тяжел. Что же значит это *по времени?* То, что если мы теперь будем совершать грехи одинаковые с подзаконными, то подвергнемся не одинаковым наказаниям, но гораздо тягчайшим, насколько больший мы получили дар, совершеннейшее приняли учение и большею почтены честью. Итак, если этот грех так тяжек и по существу и по времени, подумай, какое пламя низведет он наголову дерзающих совершить его? И что я так рассуждаю не без основания, докажу это действительным событием, дабы вы знали, что, хотя бы у нас все наше было благоустроено, мы подвергнемся крайнему наказанию, если не радеем о спасении детей. Расскажу вам не своими словами, но содержащимися в божественном Писании. Был у иудеев один священник, человек скромный и кроткий; имя ему было Илий. Этот Илий делается отцом двух сыновей. Видя, что они предаются нечестию, он не удерживал их и не останавливал, или вернее - он удерживал и останавливал, но делал это не с надлежащим усердием. А проступки этих сыновей состояли в любодеяния и чревоугодии. Они, говорится (в Писании), ели священные мяса прежде их освящения и прежде возношения жертвы Богу (1 Цар.2:15,16). Слыша об этом, отец не наказывал их, а пытался словом и убеждением отклонить их от этого нечестия, и постоянно говорил им такие слова: "**нет, дети мои, нехороша молва, которую я слышу: вы развращаете народ Господень; если согрешит человек против человека, то помолятся о нем Богу; если же человек согрешит против Господа, то кто будет ходатаем о нем**" (1Цар.2:24,25)? Очень сильные и поразительные слова, достаточные для вразумления того, у кого есть ум! Он выставлял на вид грех, показывал его ужас, объявлял и угрожающее за него тяжкое и страшное осуждение; однако же, так как не все сделал, что следовало, то и сам погиб вместе с ними. Следовало бы и усилить угрозы, и прогнать их с глаз своих, и наказать бичами, и быть гораздо более строгим и суровым. А так как он ничего этого не сделал, то разгневал Бога и против себя и против них, и, оказав неуместное снисхождение к своим детям, вместе с детьми погубил и свое спасение. Послушай, что Бог говорит ему, или вернее - уже не ему, потому что его Он признал уже недостойным ответа; но, как тяжко провинившемуся рабу, дает ему знать об угрожающих ему бедствиях через другого. Таков был тогда гнев Божий! Послушай же, что говорит (Бог) об учителе его ученику; потому что лучше хотел говорить о его бедствиях и ученику, и другому пророку, и всем, нежели ему, - так окончательно отвратился от него! Что же Он говорит Самуилу? (Илий) "**знал, как сыновья его нечествуют, и не обуздывал их**" (1Цар.3:13); не то, чтобы не вразумлял: он и вразумлял, но Бог говорит, что это еще не вразумление, и отверг его, потому что оно было без силы и настойчивости. Так, если и мы, хотя печемся о детях, но не столько, сколько нужно, то и наше попечение не есть попечение, как и Илиево вразумление. Сказав о преступлении, (Господь) с великим гневом налагает и наказание: "посему клянусь", говорит Он, "**дому Илия, что вина дома Илиева не загладится ни жертвами, ни приношениями хлебными вовек**"

(1Цар.3:14). Видишь, какое сильное негодование и наказание без надежды на пощаду? Неизбежно, говорит, должно ему погибнуть, и не только ему и сыновьям его, но вместе с ним и всему дому, и не будет никакого врачевства, которое бы исцелило эту рану. Между тем Бог ни за что другое, кроме беспечности о детях, не мог тогда винить этого старца дивного во всем другом, которого все любомудрие можно видеть не только из других, но и из самых обстоятельств угрожавшего ему несчастия. Так, во-первых, когда он услышал обо всем этом и увидел себя на пути к крайнему наказанию, то не стал роптать и негодовать, не сказал ничего такого, что обыкновенно говорят люди: „разве я властен в чужой воле? - за свои грехи я должен нести наказание, а дети сами в возрасте, сами только и должны бы быть наказаны". Ничего такого он и не сказал и не подумал, но, как благонамеренный раб, только то и знающий, чтобы благодушно переносить все от господина, хотя бы и неприятное, произнес такие, преисполненные любомудрия, слова: "**Он - Господь; что Ему угодно, то да сотворит**" (1Цар.3:18). И не отсюда только, но и из другого случая можно увидеть доблесть его. Когда во время постигшей иудеев войны, некто пришел и рассказал о несчастиях на этой войне, и о том, как дети его постыдно и бедственно пали в сражении, он выслушал это спокойно; когда же тот к (вести об) этом поражении присовокупил (весть) о взятии врагами кивота, тогда помрачившийся от скорби старец "**упал с седалища навзничь у ворот, сломал себе хребет и умер; ибо он [был] стар и тяжел. Был же он судьею Израиля сорок лет**" (1Цар.4:18). Если же священника, - престарелого, знаменитого, двадцать лет безукоризненно начальствовавшего над еврейским народом, - жившего во времена, не требовавшие великой строгости, ни одно из этих обстоятельств не могло извинить, но он погиб ужасно и бедственно за то, что не заботился о детях с полным вниманием, и грех этой слабости, как сильная и великая волна, превысил все прочее и закрыл все добрые дела его; то какое осуждение постигнет нас, которые живем во времена, требующие гораздо большего любомудрия, но не имеем и его добродетели, и не только сами не имеем попечения о детях, но и против желающих делать это строим козни и восстаем, и относимся к детям своим хуже всякого варвара? Ибо жестокость варваров доводит только до рабства, до опустошения и пленения отечества, и вообще до бедствий телесных; а вы порабощаете самую душу, и, связав ее как какую-нибудь пленницу, передаете, таким образом, лукавым и свирепым демонам и их страстям. Именно это, а не другое что делаете вы, когда и сами не внушаете (детям) ничего духовного, и другим делать это не позволяете. Пусть никто не говорит мне, что многие, больше Илия не радевшие о своих детях, не потерпели ничего такого, что Илий: нет, многократно терпели, и многие, и более того тяжкое, и за такой же грех. Ибо откуда преждевременные смерти? Откуда тяжкие и продолжительные болезни, и у нас, и у наших детей? Откуда потери, откуда несчастия, откуда огорчения, откуда бесчисленное множество зол? Не от небрежения ли о порочных детях? Что это не вымысел, достаточно могут свидетельствовать и бедствия этого старца, но я скажу вам еще слово об этом одного из наших мудрецов. Он, рассуждая о детях, говорит так: "**не радуйся о сыновьях нечестивых, если нет в них страха Господня. Не надейся на их жизнь**" (Сир.16:1,2); ты зарыдаешь плачем преждевременным, и неожиданно узнаешь об их погибели. Итак, многие, как я сказал, потерпели много подобного, если же некоторые и избегли, то не до конца избегнут, но - на зло своей голове, потому что понесут жесточайшее наказание по отшествии отсюда. Почему же, скажут, не здесь все наказываются? Потому что Бог назначил день, в который будет Он судить вселенную, но этот день еще не пришел. С другой стороны, если бы было так, то весь род наш давно бы уже прекратился и исчез. Но, чтобы и этого не случилось, и от замедления суда многие не сделались беспечнее, Бог, избирая некоторых виновных во грехах и наказывая здесь, чрез них и прочим показывает меру угрожающих им наказаний, чтобы они знали, что, если они здесь и не потерпят наказания, то, без сомнения, понесут более тяжкое по отшествии туда. Не будем же бесчувственными оттого, что Бог теперь не посылает пророка и не предвозвещает наказания, как было с Илией, потому что теперь не время пророков,

впрочем, Он посылает их и теперь. Откуда это известно нам? "**У них есть**", говорит (Господь), "**Моисей и пророки**" (Лук.16:29). Сказанное древним сказано также и нам; и Бог говорит не одному Илию, но, через него и его страдания, всем, подобно ему согрешающим. Бог нелицеприятен, и если Он так истребил со всем домом менее виновного, то не оставит без наказания совершивших более тяжкие прегрешения.

4. Нельзя сказать и того, будто у Него немного попечения об этом деле: нет, он имеет великое промышление о воспитании детей. Для того Он и вложил такое влечение в природу родителей, чтобы поставить их как бы в неизбежную необходимость заботиться о детях. А впоследствии в своих изречениях Он преподал нам и законы касательно попечения о них, и, учреждая праздники, повелел объяснять детям причину (установления) их. Так, сказав о пасхе, Он присовокупил: "**и объяви в день тот сыну твоему, говоря: это ради того, что Господь сделал со мною, когда я вышел из Египта**" (Исх.13:8). Тоже самое делает Он и в законе, потому что, сказав о первородженных, опять присовокупляет: "**и когда после спросит тебя сын твой, говоря: что это? то скажи ему: рукою крепкою вывел нас Господь из Египта, из дома рабства; ибо когда фараон упорствовал отпустить нас, Господь умертвил всех первенцев в земле Египетской, от первенца человеческого до первенца из скота, - посему я приношу в жертву Господу все, разверзающее ложесна, мужеского пола**" (Исх.13:14,15). Всем этим он внушает вести детей к богопознанию. И самим детям он заповедует многое относительно их родителей, награждая послушных, а неблагодарных наказывая, и таким образом делая их еще более любезными для родителей. Так, когда кто сделает нас властными над кем-либо, то этою честью он налагает на нас сильнейшее обязательство заботиться о нем; потому что и без всего другого это одно, что вся судьба того человека находится в наших руках, достаточно для нашего предостережения, и мы нескоро решились бы покинуть того, кто вверен нам; если же он потом станет еще гневаться и негодовать более самих обижаемых и являться строгим карателем, то этим еще более побудит нас (к исполнению долга). То же сделал и Бог. К этим побуждениям Он прибавил еще третье, состоящее в природной связи, а если хочешь, то-первое. Дабы родители, получив повеление воспитывать детей, не пренебрегали Его повелениями, Он присоединил естественную необходимость. А чтобы эта связь не была ослабляема оскорблениями со стороны детей и не расторгалась, Он оградил ее наказаниями и от Себя и от самих родителей, таким образом, и детей весьма строго подчиняя (родителям), и в родителях возбуждая любовь (к детям). И не этим только, но и другим еще, четвертым, способом Бог крепко и тесно связал нас с ними. Он не только детей злых в отношении к родителям наказывает, а к добрым благоволит, но точно так же поступает и с родителями, тяжко наказывая нерадеющих о детях, а попечительных удостаивая почестей и похвал. Так и того старца (Илия), в других отношениях знаменитого, Он наказал за одно только нерадение (о детях); а патриарха (Авраама) наградил за его попечительность не менее, как и за другие (добродетели). Сказав о многих и великих дарах, которые обещал дать ему, и, приводя причину, Он указал на эту его (добродетель): "**ибо Я избрал**", говорит, "**его** (Авраама) **для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя, ходить путем Господним, творя правду и суд**" (Быт.18:19). Это сказано мною теперь для того, чтобы мы знали, что Бог не будет снисходительно переносить нерадение о тех, о которых сам Он столько печется. Ибо не возможно, чтобы один и тот же (Бог) и столько делал Сам для спасения (детей), и оставлял без внимания нерадение о них (со стороны родителей). Так, Он не оставит этого без внимания, но будет сильно негодовать и гневаться, как и оказалось на самом деле. Посему и блаженный Павел, настоятельно убеждая, говорить: "**отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем**" (Еф.6:4). Если мы имеем повеление неусыпно заботиться о душах их, "**как обязанные дать отчет**" (Евр.13:17), тем более - отец, который родил сына, воспитал и постоянно живет с ним. Как не может он прибегать к извинению и оправданию в своих собственных грехах, так точно

и в проступках детей. И это также ясно выразил блаженный Павел. Заповедуя, каковыми должны быть принимающие начальство над другими, он, вместе со всеми другими необходимыми для них качествами, требует и попечительности о детях, так что нет нам извинения, когда дети у нас развратны (1 Тим.3:4, 5). И совершенно справедливо! Потому что, если бы порочность в людях была от природы, то иной имел бы право прибегать к извинению; но так как мы бываем и худы, и хороши по свободной воле, то какое благовидное оправдание может представить допустивший до развращения и порочности (сына) любимого им больше всего? То ли, что не хотел сделать его честным? Но ни один отец не скажет этого; потому что сама природа настоятельно и непрерывно побуждает его к тому. Или то, что не мог? Но и этого нельзя сказать; потому что многое - и то, что он взял сына (на свое попечение) еще в нежном возрасте, и то, что ему первому и одному только вручена власть над ним, и то, что он постоянно имел его при себе, - делает для него воспитание (сына) легким и очень удобным. Таким образом, развращение детей происходит не от чего другого, как от безумной привязанности (родителей) к житейскому: обращая внимание только на это одно и ничего не желая считать выше этого, они необходимо уже не радеют о детях с их душою. О таких отцах я сказал бы (и никто пусть не приписывает этих слов гневу), что они хуже даже детоубийц. Те отделяют тело от души, а эти то и другую вместе ввергают в огонь геенский; той смерти подвергнутся неизбежно по естественной необходимости, а этой можно было бы и избежать, если бы не довела до неё беспечность отцов. Притом смерть телесную сможет уничтожить воскресение, как скоро наступит оно, а погибели души ничто уже не вознаградит; за нею следует уже не спасение, а необходимость вечно страдать. Следовательно, мы не несправедливо сказали бы, что такие отцы хуже детоубийц. Не так жестоко изострить меч, взять его в правую руку и вонзить в самое горло сына, как погубить и развратить душу; потому что ничего равного ей нет у нас.

5. Что же, скажут, неужели живущему в городе и имеющему дом и жену невозможно спастись? Конечно не один способ спасения, но их много и они разнообразны. Об этом, хотя неопределенно, говорит и Христос, возвещая, что "**в доме Отца Моего обителей много**" (Иоан.14:2); а с некоторою определенностью говорит Павел, когда пишет так: "**иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе**" (1Кор.15:41). Смысл слов его такой: одни будут сиять, как солнце, другие, как луна, а иные, как звезды. И на этом различии он не остановился, но между самыми звездами показывает великую разность, - такую, какой естественно быть при таком множестве их: "**звезда**", говорит, "**от звезды разнится в славе**. Представь же, переходя от великого солнца до последней из всех звезд, сколько можно пройти степеней достоинства. Поэтому, не странно ли, что ты, если ведешь сына в царский дворец, то и сам делаешь и терпишь все, и его убеждаешь к тому же, чтобы сделать его близким к царю, и не обращаешь внимания решительно ни на что, ни на издержки, ни на опасность, ни на самую смерть; а когда предлагается нам подумать о воинстве небесном, то не скорбишь, если (сын твой) получит там последнее место и станет ниже всех? Впрочем, если угодно, посмотрим еще и на то, возможно ли вращающемуся в мире получить и это место. Блаженный Павел изъяснил это кратко, сказав, что имеющие жен могут спастись не иначе, как только, если они будут иметь их так, как не имеющие (1 Кор.7:29), и не станут злоупотреблять миром (ст. 31). А мы, если хочешь, распространим речь об этом. Итак, можешь ли ты сказать, что сын твой или во время совещания с тобою слышал, или сам узнал когда-нибудь, что клянущийся, хотя бы клялся не ложно, оскорбляет Бога? Также, что злопамятному спастись невозможно? Ибо "**пути**", говорится (в Писании), "**злопамятных к смерти**"(Прит.12:28). Или, - что злоречивого Бог так посрамляет, что даже устраняет его от чтения слова Божия? Также, - что гордого и дерзкого Он низвергает с неба и придает геенскому огню? Или, - что взирающего (на жену) нецеломудренными очами наказывает, как действительного прелюбодея? А столь обыкновенного у всех греха

- осуждения ближних, навлекающего на нас тягчайшее наказание, убеждал ли ты когда-нибудь (сына) избегать этого греха и читал ли ему Христовы заповеди об этом? Или и сам ты не знаешь, что есть такие заповеди? Как же сын будет в состоянии исполнять то, заповедей о чем не знает и сам отец, который должен бы научить его? И, о, если бы было только это зло, что вы не советуете детям ничего полезного; оно не было бы так велико! Но теперь вы увлекаете их еще к противному. В самом деле, когда отцы убеждают детей заниматься науками, то в их разговоре с детьми не слышно ничего другого, кроме таких слов: „такой-то человек низкий и из низкого состояния, усовершенствовавшийся в красноречии, получил весьма высокую должность, приобрел большое богатство, взял богатую жену, построил великолепный дом, стал для всех страшен и знаменит". Другой говорит: "такой-то, изучив италийский язык, блистает при дворе и всем там распоряжается". Иной опять указывает на другого, и все - на прославившихся на земле: а о небесном никто ни разу не вспоминает; если же иной попытается напомнить, то он прогоняется, как человек, который все расстроивает.

6. Итак, вы, когда напеваете это детям с самого начала, учите их не другому чему, как основанию всех пороков, вселяя в них две самые сильные страсти, то есть, корыстолюбие, и еще более порочную страсть - суетное тщеславие. Каждая из них и порознь может извратить все; а когда они обе вместе вторгнутся в нежную душу юноши, то, подобно соединившимся бурным потокам, извращают все доброе и наносят столько терния, столько песку, столько сору, что делают душу бесплодною и неспособною ни к чему доброму. Это могут засвидетельствовать нам изречения и внешних писателей: так из этих страстей одну, не соединенную с другою, но саму по себе один назвал верхом, а другой главою зол. Если же одно (корыстолюбие) в отдельности есть верх и глава (зол) то, когда оно соединится с другим гораздо жесточайшим и сильнейшим, т. е. с безумным тщеславием, и вместе с ним вторгается в душу юноши, укоренится в ней и овладеет ею; то кто после в состоянии будет истребить эту болезнь, особенно когда и отцы и делают и говорят все, чтобы не ослабить эти злые растения, но еще укрепить их? Кто так неразумен, что не потеряет надежды на спасение воспитываемого таким образом сына? Желательно, чтобы душа, воспитанная в противоположном направлении, избегла порочности; когда же наградою за все считаются деньги и для соревнования предлагаются люди порочные, тогда какая надежна на спасение? Пристрастившиеся к деньгам неизбежно бывают и завистливы, и склонны к клятвам, и вероломны, и дерзки, и злоречивы, и хищны, и бесстыдны, и наглы, и неблагодарны, и исполнены всех зол. Достоверный свидетель этого блаженный Павел, сказавший, что сребролюбие есть корень всякого зла в жизни (1 Тим.6:10), и прежде него то же изъяснил Христос, возвещая, что порабощенный этой страсти не может служить Богу (Матф.6:24). Итак, если юноша будет увлечен в это рабство с самого начала, то когда он будет в состоянии сделаться свободным, как может избавиться от потопления, если все толкают его, все погружают и усиленно подвергают необходимости потонуть? Если бы без всякого препятствия, если бы при помощи многих, подающих ему руку, он мог подняться, осмотреться и смыть с себя пену порочности, не было ли бы это вожделенно? Не надлежало ли бы хвалить его и тысячекратно украшать венцом и тогда, если бы он, долговременно слушая божественные песнопения, был в состоянии изгнать из себя вторгшиеся недуги? Привычка сильна, способна одолевать и увлекать душу, особенно когда ей содействует удовольствие, а та (добродетель), к которой мы стремимся и стараемся достигнуть, требует от нас много трудов. Поэтому и Бог, когда надлежало потомкам евреев оставить старую привычку к злу, т. е. египетскую, взяв их одних в пустыню и удалив от развратителей сколько можно далее, исправлял души их в пустыне, как бы в каком монастыре, употребляя все способы врачевания, и более тяжелые и более приятные, и не опуская совершенно ничего, что только могло послужить к их исцелению. Однако и при этом они не избегли порочности, но, получая манну, требовали луку и чесноку и всякой мерзости египетской. Такое зло -

привычка. Так иудеи, пользовавшиеся таким попечением Божиим, имевшие такого превосходного и доблестного вождя, вразумляемые и страхом, и угрозами, и благодеяниями, и наказаниями, и всяким образом, и видевшие столько чудес, не сделались лучшими: как же, думаешь ты, сын твой в состоянии будет избегнуть сетей диавола, будучи молод, вращаясь среди Египта, или лучше среди диавольского воинства, не слыша ни от кого ни одного полезного совета и видя, что все, а больше всех родители и воспитатели, ведут его к противному? Как? При помощи ли твоих увещаний? Но ты внушаешь ему противное и, не позволяя ему вспомнить о любомудрии даже во сне, напротив постоянно занимая его настоящею жизнью и относящимся к ней, еще более содействуешь его потоплению. Или сам собою? Нет, юноша сам по себе недостаточно силен к подвигам добродетели, а если бы и произвел что-либо доблестное, то оно скоро, прежде, нежели возрастет, заглохнет от наводнения слов твоих. Как тело не может прожить даже малое время, если питается не здоровою, но вредною пищею; так и душа, получая такие внушения, не может никогда помыслить о чем-либо доблестном и великом; но, подвергаясь такому расстройству и расслаблению, постоянно объемлясь порочностью как бы какою заразою, она, наконец, неизбежно низвергнется в геенну и там погибнет.

7. Если же скажешь, что это не так, но что и живущему в мире можно совершать все добродетели, если, не шутя, а обдуманно и действительно будешь говорить это, то не поленись объяснить нам это новое и странное учение, потому что и мне не хотелось бы утруждаться напрасно и подвергать себя таким лишениям. Впрочем, я не могу принять такого учения, и вы сами виной тому, потому что и словами и делами своими противоречите этому мнению и учите противному; вы, как будто нарочито стараясь погубить детей, позволяете им делать все то, делая что невозможно спастись. Взгляни несколько повыше. "**Горе вам**", сказано (в Писании), "**смеющиеся ныне**" (Лук.6:25); а вы подаете детям множество поводов к смеху. "**Горе вам, богатые**" (ст. 24); а вы предпринимаете все меры, чтобы они разбогатели. "**Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо**" (ст. 26); а вы часто тратите целые имущества для людской славы. Еще: поносящий брата своего "**подлежит геенне огненной**" (Матф.5:22); а вы считаете слабыми и трусливыми тех, кто молчаливо переносит обиды от других. Христос повелевает воздерживаться от ссоры и тяжбы, а вы постоянно занимаете детей этими злыми делами. Он повелел во многих случаях вырывать око, если оно причиняет вред (ст. 29); а вы с теми особенно и вступаете в дружбу, кто может дать денег, хотя бы учил крайнему разврату. Он не позволил отвергать жену, кроме одной только вины - прелюбодеяния (ст. 32); а вы, когда можно получить деньги, позволяете пренебрегать и этою заповедью. Клятву Он запретил совершенно (ст. 34), а вы даже смеетесь, когда видите, что это соблюдается. "**Любящий душу свою**", говорит (Господь), "**погубит ее**" (Иоан.12:25), а вы всячески вовлекаете их в эту любовь. "**А если не будете прощать людям**", говорит Он, "**согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших**" (Матф.6:15); а вы даже укоряете детей, когда они не хотят мстить обидевшим и стараетесь скорее доставить им возможность сделать это. Христос сказал, что любящие славу, постятся ли, молятся ли, подают ли милостыню, все это делают без пользы (Матф.6:1); а вы всячески стараетесь, чтобы ваши дети достигли ее. Но для чего перечислять все, если уже и сказанные пороки, не только все вместе, но и каждый сам по себе, достаточны для приготовления тысячи геенн? А вы, собрав их все вместе и возложив (на детей) эту невыносимую тяжесть грехов, с нею ведете их в огненную реку; как же они могут спастись, принося столько пищи для огня? И не только то ужасно, что вы внушаете (детям) противное заповедям Христовым, но и то еще, что прикрываете порочность благозвучными наименованиями, называя постоянное пребывание на конских ристалищах и в театрах светскостью, обладание богатством свободою, славолюбие великодушием, дерзость откровенностью, расточительность человеколюбием, несправедливость мужеством. Потом, как будто мало этого обмана, вы и добродетели называете

противоположными наименованиями, скромность неучтивостью, кротость трусостью, справедливость слабостью, смирение раболепством, незлобие бессилием, как будто опасаясь, чтобы дети, услышав от других истинное название этих (добродетелей и пороков), не удалились от заразы. Ибо название пороков прямыми и подлинными их наименованиями не мало способствует к отвращению от них: оно может так сильно поражать грешников, что часто многие, отличающиеся бесчестнейшими делами, не переносят равнодушно, когда их называют тем, что они есть на самом деле, но приходят в сильный гнев и зверское раздражение, как будто терпят что-нибудь ужасное. Так, если бы кто бесчестную женщину и развратного юношу назвал по этому постыднейшему пороку, тот сделался бы непримиримым врагом (их), как будто нанесший величайшую обиду. И не только эти люди, но сребролюбец, и пьяница, и гордец, и вообще все, преданные тяжким порокам, как всякий знает, поражаются и оскорбляются не столько самым делом и мнением людским, сколько названием по своим делам. Я знаю много и таких, которые этим способом были образумлены, и от резких слов сделались более скромными. А вы отняли (у детей) и это врачевство и, что еще тяжелее, преподаете им недоброе внушение не только словами, но и делами: строите великолепные дома, покупаете дорогие поместья, окружаете их и прочим блеском, и всем этим, как бы каким густым облаком, омрачаете их душу. Чем же я могу убедиться, что им возможно спастись, когда вижу, что их склоняют к таким делам, за которые Христос возвестил неизбежную погибель, когда вижу, что вы о душе их, как бы о чем-то ненужном, небрежете, а о том, что действительно излишне, заботитесь, как о необходимом и важнейшем? Чтобы был у сына слуга, чтобы был конь, чтобы была самая лучшая одежда, вы делаете все; а чтобы он сам был хорош, об этом и подумать никогда не хотите; но, простирая до такой степени заботливость о деревах и камнях, душу не удостаиваете и малейшей части такого попечения. Чтобы на доме стояла дивная статуя и кровля была золотая, вы все готовы потерпеть, а чтобы драгоценнейшие всякого изваяния - душа была золотая, об этом и помыслить не хотите.

8. Но я еще не сказал о вершине зол, не раскрыл главного нечестия, и хотя много раз приступал к этому со стыдом, но много раз стыдом же и удерживался. Что же это такое? Надобно же, наконец, и об этом сказать. Было бы большою робостью, если бы желающие истребить какое-нибудь зло не смели и слово сказать о нем, как будто молчание само собою исцелит болезнь. Не станем же молчать, хотя бы тысячу раз пришлось нам стыдиться и краснеть. И врач, когда хочет очистить гнилость, не откажется взять в руки нож и вложить пальцы в самую глубину раны: так и мы не откажемся говорить об этом, тем более чем гнуснее эта гниль. Какое же это зло? Какая-то новая и беззаконная страсть вторглась в нашу жизнь; постигла (нас) болезнь тяжкая и неисцелимая, поразила язва, жесточайшая из всех язв; измышлено какое-то новое и нетерпимое беззаконие, потому что нарушаются не только писанные, но даже и естественные законы. Для распутства уже мало любодеяния; и как в болезнях последующее сильнейшее страдание заглушает ощущение предшествовавшей боли, так и чрезмерность этой язвы делает то, что уже не кажется нетерпимым и нетерпимое - разврат с женщиною. Хотят, кажется, иметь возможность избегать этих сетей, и женскому полу предстоит уже опасность сделаться излишним, так как его во всем заменяют отроки. И не только это ужасно, но и то, что такая мерзость совершается с полною безопасностью и беззаконие стало законом. Никто уже не опасается и не страшится; никто не стыдится и не краснеет; но еще хвалятся этим позором, и целомудренные кажутся безумными, а обличающие - не здравомыслящими; если они слабы, то подвергаются побоям, а если сильны, то терпят насмешки, поругания и бесчисленные издевательства. Не помогают ни суды, ни законы, ни воспитатели, ни отцы, ни приставники, ни учители: одних успели развратить деньгами, другие имеют в виду только то, чтобы им было жалованье; а из тех, которые добросовестнее и заботятся о спасения вверенных им, одни легко поддаются укрывательству и обманам, а другие боятся силы развратников. Легче спастись заподозренному в тирании, нежели избежать

рук этих нечестивцев тому, кто попытался бы удалять от них (детей); так среди городов, как бы в великой пустыне, "**мужчины на мужчинах делают срам**" (Римл.1:27). Если же некоторые избежали этих сетей, то нелегко им избегнуть худой славы от таких развратников; во-первых, потому, что их весьма немного, отчего они легко затмеваются множеством порочных; во-вторых, потому, что сами окаянные и злые демоны, не имея возможности иначе мстить презирающим их, стараются вредить им этим способом; не имея сил нанести смертельную рану и поразить самую душу, они стараются, по крайней мере, повредить их внешнему украшению и лишить всякой доброй славы. Посему многие, слышал я, удивляются, как и теперь не ниспал еще другой огненный дождь, как еще не подвергся участи Содома наш город, достойный наказания тем более тяжкого, что не вразумился и бедствиями Содома. Не смотря на то, что та страна уже две тысячи лет видом своим сильнее, чем голосом, взывает к (людям) всей вселенной, чтобы не дерзали на такую гнусность, они не только не воздерживаются от этого греха, но стали еще бесстыднее, как будто состязаясь с Богом и стараясь показать своими делами, что они тем более будут предаваться этим порокам, чем более Он будет угрожать им. Почему же не произошло ничего такого: грехи содомские совершаются, а содомских наказаний нет? Потому, что их ожидает другой огонь, более жестокий, и наказание бесконечное. Так и жившие после потопа дерзали совершать дела гораздо более нечестивые, нежели погибшие от потопа, однако с того времени не было такого наводнения. И здесь опять та же самая причина; иначе, почему жившие в первые времена, когда и судов не было, и страх пред начальниками не тяготел, не было ни угрожающего закона, ни вразумляющего сонма пророков, ни ожидания геенны, ни надежды царствия, ни другого любомудрия, ни чудес, способных оживить даже камни, - почему люди, не имевшие ничего этого, понесли за свои грехи такое наказание, а получившие все это и живущие под таким страхом судов божеских и человеческих, доныне еще не потерпели одинаково с теми, тогда как они достойны более тяжкого наказания? Не ясно ли и для младенца, что они сберегаются для строжайшего осуждения? Если мы так гневаемся и негодуем, то, как допустит безнаказанно совершать такие дела Бог, Который более всего печется о человеческом роде и крайне отвращается и ненавидит порочность? Этого быть не может, нет! Он непременно наложит на них крепкую руку, нанесет нестерпимый удар и подвергнет мучениям столь жестоким, что бедствия, постигшие Содом, в сравнении с ними покажутся игрушкою. Подлинно, каких варваров, какую породу зверей не превзошли эти люди своею бесстыдною похотью? Бывает у некоторых бессловесных вожделение сильное и похоть неудержимая, не отличающаяся от бешенства, но и они не знают этой страсти, а удерживаются в пределах природы, и, сколько бы ни раздражались, не нарушают законов природы. А эти, одаренные разумом, сподобившиеся божественного учения, преподающие другим, что должно делать и чего не должно, и слышавшие Писания, нисшедшие с неба, не с такою наглостью совокупляются с блудницами, как с отроками. Они с таким неистовством покушаются на все, что будто они не люди, и как будто нет Промысла Божия, бодрствующего и судящего дела, но как будто бы все покрыла тьма, и никто не видит и не слышит этого. А отцы растлеваемых отроков переносят это молча, не зарываются в землю вместе с детьми и не придумывают какого-либо средства против зла. Между тем, если бы надобно было от этого недуга отправить детей на чужбину, на море, на острова, на необитаемую землю, на самый отдаленный от нас край вселенной, не надлежало ли бы сделать и потерпеть все, чтобы не было таких мерзостей? Когда какое-либо селение подвергается болезни и заразе, то не уводим ли мы оттуда детей, хотя бы там предстояло им много выгод, хотя бы сами они были совершенно здоровы? А теперь, когда все объяла такая зараза, мы не только сами влечем их к этим пропастям, но и тех, которые хотят избавить их, отгоняем, как губителей. Какого же гнева, каких громов не достойно это, когда язык их мы стараемся очистить помощью внешнего образования, а душу, лежащую в самой мерзости разврата и постоянно растлеваемую, не только оставляем без внимания, но и препятствуем, когда она хочет восстать? Ужели же

осмелится кто-нибудь еще сказать, что живущим в таких пороках можно спастись? Каким образом? Иные, конечно, избежали неистовства развратником (впрочем, таких немного); но и они не избегают тех жестоких и все губительных страстей - корыстолюбия и честолюбия, а большая часть заражена и этими самыми страстями и, в гораздо большей еще степени, сладострастием. Далее, когда мы хотим ознакомить детей с науками, то не только устраняем препятствия к учению, но и доставляем им все, содействующее ему, - приставляем к ним воспитателей и учителей, издерживаем деньги, освобождаем их от других занятий, и чаще, чем приставники на олимпийских играх, твердим им о бедности от не ученья и богатстве от ученья, - делаем и говорим все, и сами и чрез других, чтобы довести их до окончания предпринятого занятия, и при всем том часто не успеваем. А скромность нравов и строгость доблестной жизни, неужели, по вашему мнению, придут сами собою и притом при столь многих к тому препятствиях? Что может быть хуже этого неразумия - на самое легкое обращать столько внимания и забот, как будто бы иначе и нельзя успеть в этом, а о гораздо более трудном думать, что оно, как бы что-нибудь пустое и ничтожное, сбудется и при нашем сне? Но любомудрие души настолько труднее и тяжелее изучения наук, насколько деятельность труднее разглагольствования и насколько дела труднее слов.

9. А для чего, скажешь, нашим детям нужно это любомудрие и строгий образ жизни? Вот это самое и сгубило все, - что дело столь необходимое и поддерживающее нашу жизнь считается излишним и ненужным. Увидев сына больным по телу, никто не скажет: для чего нужно ему доброе и крепкое здоровье? Напротив, всячески постарается привести его в такое благосостояние, чтобы болезнь более не возвратилась; а когда заболевает душа, то говорят: не нужно им никакого лечения, и после таких слов осмеливаются называть себя отцами. Что же, скажешь, неужели всем нам любомудрствовать, а житейским делам погибнуть? Нет, почтеннейший, не преданность любомудрию, а не любомудрие погубило и расстроило все. Кто, скажи мне, расстраивает настоящее положение дел, те ли, которые живут воздержно и скромно, или те, которые выдумывают новые и беззаконные способы наслаждения? Те ли, которые стараются захватить себе все чужое, или те, которые довольствуются своим? Те ли, которые имеют толпы слуг и окружают себя роями льстецов, или те, которые считают для себя достаточным только одного слугу (предполагаю еще не высокое любомудрие, но доступное многим)? Человеколюбивые ли, и кроткие, и не имущие похвалы от народа, или те, которые требуют ее от единоплеменников более всего должного, и делают тысячу неприятностей тому, кто не встанет пред ними, не скажет первый приветствия, не поклонится, не выкажет раболепства? Те ли, которые стараются повиноваться, или те, которые стремятся к власти или начальству и для этого готовы сделать и перенести все? Те ли, которые считают себя лучше всех, и поэтому думают, что им можно говорить и делать все, или те, которые ставят себя в числе последних и этим укрощают безумное своеволие страстей? Те ли, которые строят великолепные дома и предлагают роскошные трапезы, или те, которые не ищут ничего, кроме необходимого пропитания и жилища? Те ли, которые прирезывают себе тысячи десятин земли, или те, которые не считают для себя нужным приобретение и одного холма? Те ли, которые прилагают проценты к процентам и гоняются путем неправды за всяким прибытком, или те, которые раздирают неправедные записи и из своей собственности помогают нуждающимся? Те ли, которые признают немощь человеческой природы, или те, которые не хотят и знать этого, но от чрезмерной гордости даже перестали считать себя людьми? Те ли, которые питают блудниц и оскверняют чужие браки, или те, которые воздерживаются и от своей жены? Первые, не тоже ли в общественной жизни, что опухоли на теле и бурные ветры на море, своею невоздержностью потопляя тех, которые сами по себе могли бы спастись? А последние, как яркие светила среди глубокого мрака, не призывают ли бедствующих среди моря к своей безопасности, и, возжегши вдали на высоте светильники любомудрия, не руководят

ли таким образом желающих в спокойную пристань? Не от первых ли возмущения и войны, и ссоры, и разрушения городов, и угнетения, и порабощения, и пленения, и убийства, и бесчисленные бедствия в жизни, не только наносимые людям от людей, но и все (посылаемые) с неба, как-то: засухи, и наводнения, и землетрясение, и разрушения, и потопления городов, и голода, и язвы, и все прочее, что свыше насылается на нас?

10. Так они извращают общественную жизнь и губят общее благо; они причиняют бесчисленные бедствия и другим, беспокоя ищущих спокойствия, развлекая и возмущая их со всех сторон; для них и суды, и законы, и взыскания, и различные роды наказаний. Как в доме, где много больных, а здоровых мало, можно найти много и лекарств и приходящих врачей; так и во вселенной нет народа, нет города, где бы не было много и законов, много и начальников, много и наказаний; потому что лекарства сами по себе не могут восстановить больного, а нужны еще те, которые бы прилагали их; таковы и есть судии, заставляющие этих больных, волею и неволею, принимать врачевание. Однако и при этом болезнь так усилилась, что превзошла самое искусство врачей и вошла в самих судей; и теперь происходит то же, как если бы кто, страдая горячкою, водянкою и множеством других жесточайших болезней, и не одолевая собственных недугов, стал усиливаться избавлять других, одержимых теми же недугами. Так волны пороков, подобно стремительному потоку, разрушив все преграды, вторглись в души людей. Но что я говорю об извращении общественной жизни? Эта язва, занесенная нечестивцами, угрожает истребить во многих даже самое понятие о Промысле Божием: так она распространяется, возрастает, стремится овладеть всем, перевернула все вверх дном и, наконец, восстает против самого неба, вооружая языки людей уже не против подобных им рабов, но и против самого Господа Вседержителя. Откуда, скажи мне, так много речей о судьбе? Отчего многие приписывают все происходящее неразумному течению звезд? Почему некоторые предпочитают счастье и случай? Отчего думают, что все делается без причины и без цели? От тех ли, которые живут скромно и воздержно, или от тех, о которых ты говоришь, будто они поддерживают общественную жизнь, а я доказал, что они общая язва вселенной? Очевидно - от последних. Никто не соблазняется тем, что такой-то любомудрствует и презирает настоящее, но тем, что такой-то богатеет, роскошествует, предан корыстолюбию и хищничеству, что он при своей злобе и бесчисленных пороках блистает и благоденствует. На это ропщут и жалуются неверующие в Бога, этим многие соблазняются, тогда, как по поводу живущих скромно не только не скажут ни одного такого слова, но и стали бы осуждать самих себя, если бы склонялись роптать на Промысл Божий. Если бы все, или даже большая часть людей, захотели так жить, то никто и не подумал бы о подобных речах, и не возникло бы главнейшего из этих зол - исследования о том, откуда зло. Если бы зло не существовало и не обнаруживалось, то кто стал бы отыскивать причину зла и этим изысканием производить бесчисленные ереси? Так и Маркион, и Манес, и Валентин, и большая часть язычников отсюда получили начало. Но если бы все любомудрствовали, то не было бы такого изыскания; напротив, если не из чего другого, то из этого наилучшего образа жизни все узнали бы, что мы живем под властью Царя-Бога, и что Он распоряжается и управляет нашими делами по Своей премудрости и разуму; это, конечно, совершается и теперь, но не легко усматривается вследствие великой мглы, которая распространилась по всей вселенной, а если бы этого не было, то Промысл Божий открылся бы пред всеми, как в светлый полдень и в ясную погоду. Подлинно, если бы не было ни судов, ни обвинителей и клеветников, ни истязаний и пыток, ни темниц и наказаний, ни отнятия имений и потерь, ни страхов и опасностей, ни вражды и козней, ни злословий и ненависти, ни голода и зараз, ни иного чего из перечисленных бедствий, но все жили бы с надлежащею скромностью, тогда кто из всех живущих усомнился бы в Божием Промысле? Никто. А теперь происходит тоже, как если бы во время бури кормчий делал все со своей стороны и старался бы спасти судно, но его ревностное искусство не было бы

замечаемо находящимися на судне вследствие смятения, и страха, и беспокойства от угрожающих бедствий. Так и Бог управляет вселенною и теперь, но многие не видят этого вследствие смятения и неустройства в делах, которое эти люди производят больше всех, так что не только извращают общественную жизнь, но вредят и благочестию; и тот не погрешил бы, кто назвал бы общими врагами этих людей, которые живут во вред спасению других, потопляя своими гнусными учениями и нечистою жизнью плывущих вместе с ними.

11. Ничего такого нельзя видеть в монастырях, но хотя бы (в мире) поднялась буря, (отшельники) одни сидят в пристани в спокойствии и великой безопасности, как бы с неба взирая на кораблекрушения других, потому что они избрали образ жизни достойный неба, и пребывают в нем не хуже ангелов. Как между ангелами нет никакого нестроения, нет того, чтобы одни благоденствовали, а другие терпели крайние бедствия, но все одинаково наслаждаются миром, радостью и славою; так и здесь, никто не жалуется на бедность, никто не превозносится богатством: это - твое, а это - мое, - такое разделение, извращающее и смущающее все дела, изгнано отсюда, все у них общее - и трапеза, и жилище, и одежда. И что удивительного в этом, когда и самая душа у всех одна и та же? Все они благородны одинаковым благородством, рабы одинаковым рабством, свободны одинаковою свободою; одно там у всех богатство - истинное богатство, одна слава - истинная слава, потому что блага их не в названиях, а в делах; одно удовольствие, одно стремление, одна надежда у всех; все у них благоустроено как бы по мере и весу, и нет никакой неправильности, но - порядок, стройность и гармония, самое точное согласие и постоянное соблюдение благодушия. Посему все они и делают и терпят все для того, чтобы им благодушествовать и радоваться. Только там и можно находить это в чистом виде, а в другом месте нигде, не оттого только, что у них презирается настоящее, устранен всякий повод к несогласию и вражде и имеются светлые надежды на будущее, но и оттого, что случающиеся с каждым скорби и радости считаются для всех. И скорбь проходит легче, когда все согласно помогают каждому нести бремя; и для благодушия много поводов имеют те, которые радуются не своему только благополучию, но и чужому не менее, как и своему. Так и у нас - как пошли бы дела, если бы все мы стали подражать им? Теперь они пропадают и расстроены от тех, которые далеко уклонились от такого образа жизни. А ты, утверждая противное, делаешь то же, как если бы кто хорошо настроенную лиру стал охуждать, как негодную, а испорченную чрезмерным напряжением или ослаблением (струн) назвал годною и для игры и для увеселения зрителей. Но как по отношению к говорящему это мы не стали бы искать другого еще доказательства невежества его в музыке, так и по отношению к утверждающим вышесказанное не нужно другого яснейшего доказательства их недоброжелательности и ненависти к людям. А что говорят отцы более скромные? Пусть, говорят они, дети прежде займутся науками и, усовершенствовавшись в красноречии, потом уже и переходят к этому любомудрию: тогда никто не будет препятствовать. Но откуда известно, что они непременно достигнут мужеского возраста? Многие скончались, подвергшись преждевременной смерти. Впрочем, пусть это будет так; положим, что они достигнут возмужалости возраста: кто поручится за весь предшествующий возраст? Не желая спорить, я скажу, что если бы кто представил надежное в том ручательство, то я не вывел бы (в пустыню) приобретших такое искусство, напротив тогда особенно и посоветовал бы им оставаться (в городе) и не похвалил бы тех, которые стали бы склонять их к бегству, но отнесся бы к ним как врагам общественной жизни, так как, срывая светильники и унося светила из города в пустыню, они лишили бы живущих там величайших благ. Но если никто не будет обещать этого, то какая польза посылать (детей) к учителям, где они научатся прежде красноречия порокам, и, желая приобрести менее важное, потеряют важнейшее - силу души и все доброе настроение. Так что же? Разрушить нам, скажут, училища? Я не говорю этого, но (говорю) о том, как бы нам не разрушить здание

добродетели и не заглушить живой души. Когда душа целомудренна, тогда не будет никакой потери от незнания красноречия; а когда она развращена, тогда бывает величайший вред, хотя бы язык был весьма изощрен, и тем больший, чем больше это искусство; ибо порочность в соединении с искусством в слове производит гораздо худшие беды, чем необразованность. А если, скажешь ты, они, удалившись туда, при необразованности языка не будут иметь и добродетели? А если, скажи мне, они, оставаясь в городе, при развращении души, не приобретут в школе никакого красноречия? Мне позволительнее будет сказать это, нежели тебе твое. Почему? Потому что, хотя то и другое, как будущее, не известно, но твое более сомнительно. Как и почему? Потому что для надлежащего занятия красноречием нужна добрая нравственность; а добрая нравственность не нуждается в пособии красноречия. Можно быть целомудренным и без этого знания, но никто никогда не приобретет силы красноречия без добрых нравов, проводя все время в пороках и распутстве. Таким образом, чего ты боишься там, того же должно бояться и здесь, и здесь тем больше, чем чаще неудачи и чем высшему угрожает опасность. Там нужно заниматься только одним, а здесь предстоит овладеть двумя предметами, так как невозможно приобрести одного без другого, - без благонравности изучить красноречие. Но, если хочешь, предположим, невозможное возможным: что будет нам доброго от знания красноречия, когда у нас будет поражено самое существенное? И что худого от незнания, когда у нас, исправно самое важное? И это признано не только у нас, которые смеемся над внешнею мудростью и почитаем ее буйством (1 Кор.3:19), но даже у самих внешних философов. Посему многие (из них) не очень заботились об этом знании, а другие и совсем пренебрегли им и до конца остались неудачными и, посвятив всю свою жизнь нравственной части философии, сделались весьма знаменитыми и славными. Так Анахарсис, Кратис и Диоген нисколько не заботились об этом искусстве; а некоторые говорят тоже и о Сократе, и это может засвидетельствовать нам тот, кто более всех отличался в этом искусстве и точнее других знал дела его. Введя Сократа в судилище для оправдания, в защитительной речи пред судьями, (Платон) представил его говорящим так: „Афиняне, вы услышите от меня всю правду, клянусь Зевсом, а не речи, расцвеченные и разукрашенные, подобно речам судей, отменными выражениями и словами; нет, вы услышите речь, изложенную просто и прямо, словами, какие случатся; ибо я уверен в справедливости того, что говорю, и никто из вас пусть не ожидает чего-нибудь другого; и с моим возрастом несообразно было бы явиться пред вами подобно юноше, сочиняющему речи" [1]. Этими словами он показал, что не учился красноречию и не пользовался им, не по лености, но потому, что не считал его важным. Итак, красноречие не дело философов, и вообще мужей, - а предмет честолюбия для забавляющихся юношей, как думают и сами философы, не только прочие, а даже и тот, который в этом превзошел всех; и он не допускает своему учителю украшаться этим искусством, считая такое украшение постыдным для философа. Эти примеры справедливо было бы привести для неверующего, но еще более - для верующего. Не странно ли, что те, которые гонятся за похвалами толпы и не могут ничем другим отличиться, как только внешнею мудростью, считают ее за ничто, а мы так восхищаемся и увлекаемся ею, что ради нее пренебрегаем самым необходимым?

12. Итак, для неверующего довольно этих примеров, а для верующего, кроме этих, необходимо привести и наши примеры. Какие же? Тех великих и святых мужей, из которых у первых не было грамотности, у последующих - была грамотность, но еще не было искусства красноречия, а у позднейших была и грамотность, и искусство красноречия. Первые не знали ни того ни другого, потому что не учились не только красноречию, но и самой грамоте: однако же, в тех самых случаях, в которых особенно необходима, кажется, сила красноречия, они так превзошли самых сильных в нем, что эти оказались хуже неразумных детей. Если сила убеждения заключается в красноречии, и, однако, философы не убеждают ни одного тирана, а люди некнижные и простые

обращают всю вселенную; то, очевидно, торжество мудрости принадлежит простым и некнижным, а не изучившим то и другое искусство. Так, истинная мудрость и истинное образование есть не что иное, как страх Божий. И пусть никто не думает, будто я узакониваю, чтобы дети оставались невеждами; нет, если кто поручится на счет самого необходимого, я не стану препятствовать, чтобы у них было в избытке и это искусство. Как тогда, когда колеблются основания и весь дом со всем зданием находится в опасности упасть, было бы крайне бессмысленно и безумно - бежать к красильщикам, а не к строителям; так и тогда, когда стены стоят твердо и крепко, было бы неуместным упрямством препятствовать желающему окрасить их. А что я говорю это от души, расскажу вам теперь то, что я познал на деле. Один юноша, очень богатый, поселился некогда в нашем городе для изучения латинской и греческой словесности. Этот юноша имел при себе воспитателя, у которого было одно только дело - образовать его душу. Пришедши к этому воспитателю (он был из числа живущих в горах), я попытался узнать, по какому поводу он, посвятивший себя этой мудрости, вступил в жизнь воспитателя. Он сказал, что ему остается немного времени (провести) в этом занятии, и рассказал нам все предшествовавшее. „У этого юноши, говорил он, отец суров и жесток и предан житейским делам; а мать - благонравная, рассудительная, строгая и стремящаяся только к небу. Отец, как оказавший много заслуг на войнах, хочет устроить сына в своем звании, а мать не хочет этого и не соглашается и даже сильно противится; она молится и желает видеть сына сияющим в монашеской жизни. Но сказать это отцу она не посмела, потому что боялась, как бы он, заметив это, заранее не связал сына житейскими узами и, отвлекши его от того намерения, не облек его в воинскую одежду со всею ее суетностью, и не сделал затем для него невозможною жизнь подвижническую. Посему она придумывает другое средство: призвав меня к себе в дом и сообщив все это, она, взяв правую руку отрока, влагает ее в мои руки. Когда же я спросил, для чего делает это? Она сказала, что нам остается одно средство к спасению сына, если я пожелаю и соглашусь в качестве воспитателя взять отрока и придти сюда; а она убедит отца, что если (сын) изберет и воинскую жизнь, для него, однако, будет полезно изучение красноречия. Если я, говорила она, успею в этом, ты, живя с ним одним на чужбине и не встречая противодействия ни от отца, ни от кого-либо из родных, будешь иметь возможность образовать его с полною свободою, и настроить его жить так, как бы в монастыре; согласись же и обещай содействовать мне в этом деле. Забота у меня не о маловажном; я беспокоюсь и опасаюсь за душу моего отрока. Не пренебреги же опасным положением того, кто для меня любезнее всего, но исхить его из сетей, бури и волнения, которые уже со всех сторон окружают его. Если же ты не хочешь оказать эту милость, то призываю Бога в посредники между нами, и свидетельствую, что я не опустила ничего надлежащего для спасения души его, и чиста от крови этого отрока; и если случится ему потерпеть что-либо, свойственное человеку молодому, живущему в роскоши и рассеянности, то от тебя и твоих рук взыщет Бог в тот день душу этого отрока. Сказав это и еще многое другое, и заплакав сильно и горько, она убедила меня принять на себя этот труд, и с такими внушениями отпустила". И не тщетно было придуманное ею средство: благородный воспитатель в короткое время так настроил отрока, и такой возбудил в нем огонь ревности (к подвигам), что он вдруг бросил все и убежал в пустыню, и нужна была другая мера, чтобы расположить его от усиленного подвижничества к умеренному, потому что была опасность, как бы он, такою ревностью прежде времени обнаружив придуманное дело, не возбудил жестокой войны против матери, и воспитателя и всех монахов. Ведь если бы отец узнал о его бегстве, то не преминул бы употребить все меры к тому, чтобы разогнать святых мужей, не только тех, которые приняли сына его, но и всех прочих. Встретив такого сына и сказав ему это и многое другое, я постарался сохранить в нем и даже еще более усилил расположение к любомудрию, но предложил ему жить в городе и заниматься науками, чтобы таким образом принести величайшую пользу сверстникам и укрыться от отца. А это я считал необходимым не только для тех святых, и для матери, и для воспитателя, но и для самого

отрока. Если бы отец удержал его в самом начале, то, вероятно, потряс бы в нем ростки любомудрия, еще нежные, только что насажденные; но когда пройдет много времени и они хорошо укоренятся, тогда, - я твердо был уверен - что бы ни случилось, отец не в силах будет повредить сыну: так действительно, и произошло, и надежда не обманула меня. Когда отец, по прошествии уже долгого времени, приступил к нему и нападал с великою силою, то не только не поколебал этого здания, но обнаружил в нем большую крепость; и многие из товарищей его получили столько пользы от общения с ним, что сделались его соревнователями. Между тем он, имея постоянно при себе руководителя, подобно статуе тщательно обделываемой рукою художника, с каждым днем более и более усовершенствовал свою душевную красоту. И вот что удивительно: являясь вне дома, он, по-видимому, ничем не отличался от других, потому что и в обращении не был груб и суров, и одежды необычной не носил, но и по виду, и по взгляду, и по голосу, и по всему прочему был таков же, как и все. Поэтому и мог он многих из своих собеседников уловлять в свои сети, скрывая внутри себя великое любомудрие. А если бы кто увидел его дома, то подумал бы, что это - один из живущих на горах (отшельников); потому что и дом у него устроен был точно как монастырь, не заключая в себе ничего, кроме необходимого. Время у него все употреблялось на чтение священных книг; быстро усваивая науки, он внешнему учению уделял малую часть дня, а все остальное время занимался непрестанными молитвами и божественными книгами, и по целому дню оставался без пищи и даже не по одному и не по два только, но и больше. И ночи были у него свидетелями тех же слез и молитв и того же чтения. Все это пересказал нам воспитатель тайно, потому что отрок был недоволен, если узнавал, что какой-нибудь из подвигов его обнаружен; притом он говорил, что отрок и одежду сделал себе из волос, и в ней спал по ночам, нашедши в ней мудрое средство к тому, чтобы скорее вставать от сна. И (все) прочее делалось у него в точности как у монахов, и постоянно прославлял он Бога, даровавшего ему столь легкие крылья любомудрия. Итак, если бы и теперь кто показал мне такую душу и представил такого воспитателя и обо всем прочем обещал столько же позаботиться, я в тысячу раз больше самих родителей пожелал бы, чтобы дело слагалось так. Улов был бы у нас обильнее, когда бы подобные люди, и своею жизнью, и возрастом, и постоянным обращением уловляли своих сверстников. Но нет никого, кто бы обещал это и сделал; а если нет, то было бы безмерною жестокостью оставить того, кто не может защищать самого себя, но лежит пораженный бесчисленными ранами и на других наводит уныние, терзаться среди битвы, вместо того, чтобы вынести его оттуда. Так и военачальника наказали бы, когда бы он способных сражаться выводил из строя, а раненым и лежащим, которые и других приводят в смятение, приказывал постоянно лежать на месте.

13. Но так как многие из отцов настоятельно желают видеть каждый своего сына занимающимся красноречием, как бы точно зная, что сын непременно достигнет совершенства в красноречии; то мы не станем спорить об этом и говорить, что он не будет иметь успеха, даже уступим на словах, что он непременно окончит учение и достигнет совершенства. Но пусть будут нам предложены на выбор два дела: или пусть сын, посещая училища, старается изучать науки, или пусть в пустыне (печется) о душе; в чем лучше, скажи мне, успевать? Если бы возможно было в том и другом, то этого и я желаю; но если одно из двух останется недостижимым, то лучше избрать превосходнейшее. Так, скажут на это; но откуда нам известно, что он там останется и устоит, а не падет? Многие уже пали. - А откуда известно, что он не останется и не устоит? Многие уже устояли, и таких больше, чем павших, так что надобно более надеяться из-за этих, нежели бояться из-за тех. А почему ты не боишься того же самого и по отношению к науке, где, в особенности следовало бы бояться? Между монахами из многих не достигли цели

немногие, а в занятиях науками из многих успели немногие. И не поэтому только, а и по многим другим причинам справедливо можно более бояться касательно последнего. Здесь неспособность отрока, и неопытность учителей, и небрежность воспитателей, и недосуг отца, и недостаток средств на издержки и жалованье, и разность нравов, и порочность, и зависть, и ненависть товарищей, и многое другое препятствует дойти до конца. И не только эти, но и по окончании - еще другие большие (беды); потому что, когда он, преодолев все и не потерпев поражения ни от одного из этих препятствий, достигнет до самого верха образования, опять встречаются другие препоны. Здесь и неприязнь начальника, и зависть сослуживцев, и неблагоприятные обстоятельства времени, и недостаток друзей, и бедность часто удаляют от цели. Но у монахов не так: им нужно только одно - благородная и добрая ревность; и если это есть, тогда ничто не воспрепятствует достигнуть совершенства в добродетели. Посему, не справедливо ли - там, где прекрасные надежды ясны и близки, отчаиваться и бояться, а там, где ожидается противное, в отдаленности и с многочисленными препятствиями, не отчаиваться, а смело надеяться, не взирая на большую очевидность и многочисленность затруднений? В отношении к наукам смотреть не на случающиеся часто неприятности, но на добрые, редко бывающие, последствия, а в отношении к монахам поступать напротив, и там, где надежд на доброе много, устремлять взор только на печальное, а там, где ожидается противное, обращать внимание только на добрые последствия? Между тем там, когда даже сойдутся все благоприятные обстоятельства, часто преждевременная смерть постигает борца у самой цели, и уносит его, после бесчисленных подвигов, не увенчанным; а здесь, хотя бы (смерть) случилась среди самых подвигов, он тогда именно и отходит особенно славным и увенчанным. Итак, если ты боишься за будущее, то больше должно бояться в отношении к наукам, где много препятствий к достижению конца; в этом деле ты долгое время остаешься в ожидании, и не смотришь ни на какие встречающиеся препятствия, ни на издержки, ни на трудность занятий, ни на сомнительность успеха, но только на конец; а здесь, когда отрок не вступил еще и в преддверие, еще и не коснулся этого прекрасного любомудрия, ты уже боишься, трепещешь и впадаешь духом в отчаяние! Между тем, сам же ты прежде говорил: „что же, разве живущему в городе и имеющему дом нельзя спастись?" Так, если можно спастись в городе, имея дом и жену, то гораздо более - без жены и без прочего. Непозволительно одному и тому же человеку - то быть уверенным, что спасение возможно и для того, кто связан житейскими делами, то бояться и трепетать за того, кто будет свободен от всего, как будто без этого невозможно вести доблестную жизнь. Если и живущий в городе мог бы спастись, как ты говоришь, то гораздо более удалившийся в пустыню. Как же ты боишься невозможности здесь, а не боишься ее там, где больше следовало бы бояться ее?

14. Но скажет кто-нибудь, не одно и то же - погрешит ли мирянин, или навсегда посвятивший себя Богу; так как не с одной высоты падают оба они, то и раны у них не одинаковы. Ты очень заблуждаешься и обманываешься, если думаешь, что иное требуется от мирянина, а другое от монаха; разность между ними в том, что один вступает в брак, а другой нет, во всем же прочем они подлежат одинаковой ответственности. Так, гневающийся на брата своего напрасно, будет ли он мирянин или монах, одинаково оскорбляет Бога, и взирающий на женщину "**с вожделением**", будет ли он тем или другим, одинаково будет наказан за это прелюбодеяние (Матф.5:22, 28). Если же можно прибавить что-нибудь по соображению, то - мирянин менее извинителен в этой страсти; потому что не все равно, тот ли прельстится красотою женщины, кто имеет жену и пользуется этою утехою, или будет уловлен этим грехом тот, кто вовсе не имеет такой помощи (против страсти). Также клянущийся, будет ли он тем или другим, одинаково будет осужден, потому что Христос, когда давал касательно этого повеление и закон, не сделал такого различения и не сказал: если клянущийся будет монах, то клятва его от лукавого, а если не монах, то нет, а просто и вообще всем сказал: "**а Я говорю вам: не**

клянись вовсе" (Матф.5:34). И еще сказав: "**горе вам, смеющиеся ныне**" (Лук.6:25), не прибавил: монахам, но вообще всем положил это правило; так Он поступил и во всех прочих, великих и дивных повелениях. Когда напр. Он говорит: "**блаженны нищие духом, плачущие, кроткие, алчущие и жаждущие правды, милостивые, чистые сердцем, миротворцы, изгнанные за правду**", несущие за Него от внешних (неверующих) упомянутые и неупомянутые поношения (Матф.5:3-11), то не приводит названия ни мирянина, ни монаха: такое различение привнесено умом человеческим. Писания же не знают этого, но желают, чтобы все жили жизнью монахов, хотя бы и имели жен. Послушай, что говорит и Павел (а когда говорю о Павле, говорю опять о Христе). Павел же, в послании обращаясь к людям, имеющим жен и воспитывающим детей, требует от них всей строгости жизни, свойственной монахам. Так, устраняя всякую роскошь и в одежде и в пище, он пишет такие слова: "**чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением [волос], не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою**" (1Тим.2:9); и еще: "**сластолюбивая заживо умерла**" (1Тим.5:6); и еще: "**имея пропитание и одежду, будем довольны тем**" (1Тим.6:8). Чего еще больше этого можно было бы требовать от монашествующих? А, научая других удерживать язык, он опять постановляет строгие правила, такие, которые исполнить трудно и монахам, потому что устраняет не только срамные и глупые речи, но и шутовские, изгоняет из уст верных не только ярость, и гнев, и обиду, но и крик: "**всякое**", говорит, "**раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас**" (Еф.4:31). Или мало тебе кажется этого? Подожди и услышишь гораздо больше о том, что Он заповедует всем о незлобии. "**Солнце**", говорит, "**да не зайдет во гневе вашем**" (Еф.4:26), "**смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло; но всегда ищите добра и друг другу и всем**" (1Фесс.5:15); и еще: "**не будь побежден злом, но побеждай зло добром**" (Рим.12:21). Видишь ли доходящую до самой вершины степень любомудрия и долготерпения? Послушай также, что заповедует он о любви - главе добродетелей: поставив ее выше всего и сказав о ее действиях, он объяснил, что от мирян он требует той же любви, какой (требовал) Христос от учеников. Как Спаситель сказал, что самая высшая степень любви состоит в том, чтобы душу свою полагать за друзей своих (Иоан.15:13); так и Павел выразил то же самое, сказав: "**не ищет своего**" (1 Кор.13:5), и к такой-то любви заповедал стремиться; так что, если бы только это одно было сказано, было бы достаточно для доказательства, что и от мирян требуется то же самое, что от монахов, потому что любовь есть связь и корень многих добродетелей, а Павел излагает ее и по частностям. Чего же можно требовать больше этого любомудрия? Когда он повелевает быть выше и гнева, и ярости, и крика, и любостяжания, и чревоугодия, и роскоши, и тщеславия и прочего житейского и не иметь ничего общего с землею; когда заповедует "**умертвите земные члены ваши**" (Колос.3:5), то, очевидно, требует от нас такой же строгой жизни, какой (требовал) от учеников Христос, и желает, чтобы мы были так же мертвы для грехов, как умершие и погребенные. Посему и говорит: "**умерший освободился от греха**" (Рим.6:7). А в иных местах он увещевает нас подражать Христу, а не только ученикам Его; так, когда убеждает нас к любви, к не злопамятству и кротости, то приводит в пример Христа. Итак, если (Павел) повелевает подражать не монахам только и даже не ученикам, но самому Христу, и не подражающим назначает величайшее наказание, то почему ты называешь их высоту большею? Всем людям должно восходить на одну и ту же высоту; то именно и извратило всю вселенную, что мы думаем, будто только монашествующему нужна большая строгость жизни, а прочим можно жить беспечно. Нет, нет, от всех нас требуется, говорит он, одинаковое любомудрие: это весьма хотел бы я внушить; или - лучше - не я, но Сам тот, кто будет судить нас. Если же ты еще удивляешься и недоумеваешь, то вот мы опять почерпнем для слуха твоего из тех же источников, чтобы тебе совершенно омыться от всякой нечистоты неверия. Я представлю доказательство от наказаний, имеющих быть в тот день (суда). Богач не за то много наказан, что был

жестоким монахом, но - если можно сказать нечто в пояснение, - за то, что, будучи мирянином и живя в богатстве и пурпуре, презирал Лазаря в крайней бедности. Впрочем, не скажу ни того, ни другого, а только то, что он был жесток и за это терпел тягчайшие муки в огне. И девы за то, что не имели человеколюбия, были отвержены от брачного чертога; и, если можно прибавить нечто и от себя, наказание им не только не было усилено за девство их, но, может быть, еще смягчено за это; ибо они не услыхали: "**идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его**" (Матф.25:41), но только: "**не знаю вас**" (Матф.25:12). Если же кто скажет, что то и другое одинаково, - противоречить не стану; потому что я стараюсь теперь доказать, что жизнь монахов не делает наказаний более тяжкими, но что и миряне подвергаются тем же самым наказаниям, если грешат одинаково с ними. Так и одетый в нечистую одежду (Матф.22:1-13) и требовавший (с должника) сто динариев (Матф.18:23-34) потерпели постигшие их беды не за то, что были монахи, но первый погиб за блудодеяние, - а последний за злопамятство. Если кто посмотрит и на других, которые будут тогда наказаны, то увидит, что они подвергаются наказанию только за грехи. Это можно заметить не только в наказаниях, но и в увещаниях. Так, (Господь), говоря: "**придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим**" (Матф.11:28,29), говорит это не одним только монашествующим, но всему человеческому роду. И когда он повелевает идти тесным путем (Лук.13:24), то обращает речь не к ним только одним, но ко всем людям; одинаково всем заповедал Он ненавидеть душу свою в мире сем (Иоан.12:25) и все прочее тому подобное. Когда же Он говорит не ко всем, и не закон преподает, то Сам же и объясняет нам это. Так, говоря о девстве, Он присовокупил: "**кто может вместить, да вместит**" (Матф.19:12); не сказал: *всякий,* не преподал этого в качестве заповеди. Так и Павел, который везде является подражающим Учителю, коснувшись этого предмета, сказал: "**относительно девства я не имею повеления Господня**" (1 Кор.7:25). Итак, впредь думаю, и самый склонный к спорам и бесстыдный не будет отвергать, что и мирянину и монаху должно достигать одинаковой высоты, и что оба они, в случае падения, получат одинаковые кары.

15. Ясно доказав это, исследуем теперь и то, кто легче и скорее может пасть. Впрочем, здесь не нужно нам и исследования. Хотя сохранение целомудрия легко для человека женатого, как пользующегося великою утехою, - в отношении к прочим добродетелям и для него это оказывается не очень (легким), - однако, и здесь мы видим падающими больше женатых, нежели монахов. Не столько выходят из монастырей для вступления в брак, сколько от брачного ложа уходят к блудницам. Если же (миряне) так часто падают в том, против чего им легко бороться, то что им делать с прочими страстями, которыми они возмущаются более, нежели монахи? На этих, конечно, сильнее нападает похоть, так как они не имеют общения с женщинами; но прочие страсти могут и не приближаться к ним, тогда как мирян сильно преследуют и поражают в самую голову. Если же монахи и в том, в чем сильнее бывает у них борьба, побеждают легче, нежели люди, не подвергающиеся такой борьбе, то они очевидно гораздо легче последних устоят против прочих страстей, которыми они не возмущаются. Так корыстолюбие и страсть к удовольствиям и власти и всему прочему обыкновенно гораздо легче преодолеваются ими, нежели мирянами. Как на войне и в сражении мы называем более легкою не ту часть борьбы, где мертвые падают часто и один за другим, но ту, где падают редко и немногие: так надобно судить и об этом предмете. Корыстолюбие легче преодолеет не тот, кто вращается среди мира, но тот, кто пребывает в горах; первый легко и побеждается им, а побежденного корыстолюбием, надобно причислять к идолослужителям (Колос.3:5). Последний, если имеет деньги, не захочет оставить без пособия и родных своих, но с охотою отдаст им все, между тем как первый не только оставит их без внимания, но и обидит не меньше чужих: а это уже другой род идолослужения, тяжелее первого. И надобно ли исчислять все прочее, что

монашествующими легко побеждается, а мирян низлагает с великою силою? Как же ты не боишься и не трепещешь, вводя (сына) в такую жизнь, в которой он скоро может быть побежден пороками? Или тебе кажется делом маловажным служить идолам, быть хуже неверных, отрицаться делами от служения Богу, - чему всему скорее подвергнутся люди, привязанные к миру, нежели монахи? Не видишь ли, что тот страх твой - пустой предлог? Если уже надобно бояться, то не за тех, которые избегают волнений и поспешают к пристани, но за тех, которые носятся по волнам среди вихря и бури. Здесь скорее могут быть кораблекрушения, оттого, что и волнений больше, и те, кому предстоит бороться, беспечнее; а там и волн таких нет, и великая тишина, и усердия больше в тех, которые должны бороться. Поэтому мы и привлекаем (других) в пустыню, не для того, чтобы они только облеклись во власяницу, надели на себя вериги и посыпались пеплом, но чтобы, прежде всего другого, избегли пороков и предались добродетели. Что же, скажут, неужели все женатые погибнут? Не это говорю я, но то, что им, если захотят спастись, предстоит больше трудов, по неизбежной необходимости, - потому что несвязанному легче бежать, нежели связанному. Но получит ли он и большую награду и блистательнейшие венцы? Нет; потому что он сам налагает на себя эту необходимость, между тем как можно бы и не налагать. Итак, когда у нас ясно доказано, что мы подлежим ответственности одинаковой с монахами, пойдем и сами по удобнейшему пути и сыновей поведем по нему; а не станем, как враги и неприятели, потоплять их и увлекать в бездны порочности. Если бы это делали другие, было бы не так ужасно; но когда родители, испытавшие все житейское и на самом деле узнавшие, как пусты настоящие удовольствия, доходят до такого безумия, что влекут к ним других, так как им самим возраст уже не позволяет (предаваться им), и, когда им следовало бы укорять самих себя за прежнее, ввергают туда же и других, и притом - находясь уже близ смерти, суда и тамошних истязаний; то какое останется для них оправдание, какое прощение, какая милость? Они будут наказаны не только за свои грехи, но и за влияние на детей, успеют ли они довести их до падения, или нет.

16. Но, может быть, вы хотите видеть детей от детей? Как же это, когда вы сами еще не сделались (истинными) отцами? Не рождение делает таким отцом: с этим согласятся и сами родители, которые, видя детей своих дошедшими до крайней порочности, отвергают и чуждаются их, как бы не своих, и ни природа, ни рождение и ничто другое, тому подобное, не может удержать их от этого. Пусть же они и не считаются отцами тех, которые далеки от любомудрия; но когда родят их, таким образом, тогда пусть и ожидают себе внуков, потому что тогда только и смогут они увидеть их. Дети их суть те, "**которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились**" (Иоан.1:13). Эти дети не заставляют отцов беспокоиться ни о деньгах, ни о браке и ни о чем-либо другом подобном, но, оставив их свободными от всякой заботы, доставляют им большее наслаждение, чем каким пользуются плотские отцы. Они и рождаются и воспитываются не так, как те, но гораздо лучше и блистательнее; потому и радуют родителей более. Кроме того, сказал бы я и то, что неверующим в воскресение естественно плакать о детях, так как для них и остается одно только это утешение; но мы, которые смерть почитаем сном и научены презирать все здешнее, удостоимся ли какого-либо прощения, если станем плакать о них и будем стараться о том, чтобы видеть детей и оставить их здесь, откуда сами стремимся удалиться и где, пребывая, воздыхаем? Впрочем, это сказано нами для людей более духовных. А тем, которые любят плоть и очень привязаны к настоящей жизни, я сказал бы, что, во-первых, неизвестно, будут ли непременно дети после брака; во-вторых, если и будут, то от них будет горя больше, потому что мы получаем не столько радости, сколько скорби от ежедневных забот, беспокойств и опасений за них. Но кому, скажут, оставим мы поля, дома, рабов и золото (они, как я слышу, и об этом плачут)? Тому, кто и прежде имел (право) наследовать их, а теперь тем более чем более надежным будет он теперь и хранителем и обладателем их. Тогда многое могло вредить этим благам: и тля, и долговременность, и разбойники, и

клеветники, и завистники, и неизвестность будущего, и непостоянство людей, и, наконец, смерть могла лишить сына и денег, и этих имений; а теперь он сложил свое богатство выше всего этого, нашедши место безопасное, куда ничто из сказанного достигнуть не может. Именно небо есть такое место, которое недоступно никакому нападению, плодоноснее всякой земли, и сложившим в нем свои богатства дает пожинать плоды их в великом изобилии. Посему не теперь надлежало бы говорить так, но когда бы сын намеревался быть человеком мирским, тогда (надлежало бы) плакать и говорить: кому оставим мы поля, кому золото, кому прочее имущество? Теперь у него столь много власти над богатством, что он не лишится обладания им даже и по отшествии отсюда, но тогда особенно и будет наслаждаться выгодами от богатства, когда отойдет отсюда. Если же хочешь еще здесь видеть сына господином имущества, то и этого скорее можно ожидать от монаха, нежели от мирянина. Кто, скажи мне, бывает более господином богатства: тот ли, кто издерживает и раздает его с великою щедростью, или тот, кто от скупости не смеет и прикоснуться к нему, но зарывает его и воздерживается от своего, как бы от чужого? Тот ли, кто тратит безрассудно и напрасно, или кто делает это надлежащим образом? Тот ли, кто сеет на земле, или кто делает это на небе? Тот ли, кому не позволяется раздать все свое, кому он захочет, или кто свободен от всех требователей разных поборов? К земледельцу и торговцу многие приступают со всех сторон, принуждая платить подати и требуя каждый своей доли; но кто желает подавать нуждающимся, к тому никто ни откуда не явится с подобными требованиями, так что он и здесь более бывает господином (своего богатства). Неужели того, кто расточал бы имение на блудниц, на чревоугодие, на тунеядцев и льстецов, позорил бы свою честь, терял бы спасение и делался бы достойным посмеяния, ты назовешь господином расточаемого, а того, кто издерживает свое имущество с великим благоразумием, для истинной славы и пользы и на угодное Богу, ты не назовешь таким? Тогда ты сделаешь то же, как если бы, видя кого-нибудь бросающим свои имущества в водосточные канавы, назвал его господином их, а употребляющего их на необходимые нужды стал бы оплакивать, как бы не имеющего власти над издерживаемым. А лучше сказать, таковых людей надобно сравнивать не с теми, которые просто тратят (свое имение), но с теми, которые тратят на зло своим головам, потому что те издержки делают человека более знатным, более достаточным и более безопасным, а эти подвергают не только стыду и позору, но и неизбежной погибели.

17. Но, скажут, разве после брака и рождения детей нельзя посвятить себя любомудрию, достигши глубокой старости? А кто нам поручится, во-первых, что мы достигнем глубокой старости, и, во-вторых, что, достигши ее, непременно сохраним это намерение? Мы не властны в пределах жизни, чему учит и Павел, когда говорить: "**что день Господень так придет, как тать ночью**" (1Фесс.5:2); и наши мысли не остаются всегда в одинаковом настроении. Посему и премудрый дает такое увещание: "**не медли обратиться к Господу и не откладывай со дня на день: ибо внезапно найдет гнев Господа, и ты погибнешь во время отмщения**" (Сир.5:8,9). Но если бы даже и не было такой неизвестности, и тогда не следовало бы откладывать дела с сыновьями и опускать из вида, сколько от этого бывает вреда. Подлинно, крайне было бы безрассудно, когда юноша нуждается в помощи и когда ему угрожает сильный враг, приказывать ему погружаться в житейские дела, так что он легко может быть побежден (врагом), а когда он получит тысячи ран и не будет уже на нем ни одного здорового места, тогда вооружать и возбуждать его, уже лежащего и изнемогшего. Да, скажут, тогда и легка борьба, тогда и удобна битва, когда погаснут похоти. Но какая уже борьба тогда, когда никто не вступает в борьбу с нами? За это не будет потом и венцов светлых; ибо "**благо человеку, когда он несет иго в юности своей; сидит уединенно и молчит**" (Плач.3:27,28). Тот достоин бесчисленных похвал, прославлений и почестей, кто обуздывает беснующуюся природу и спасает ладью во время самой жестокой бури. Впрочем, не будем спорить об этом; пусть будет отсрочена борьба, если хочешь. Но, если бы от нас зависело время борьбы, можно

было бы ожидать старости; если же надобно человеку бороться в течение всей настоящей жизни, начиная с самого юного возраста, или с десяти лет (ибо с этого возраста надлежит давать отчет за грехи, как показывает пример отроков, пожранных медведями за насмешки над Елисеем), и притом бороться с того возраста, в котором воздвигается против нас сильнейшая война, то почему ты назначаешь для подвигов время старости? Если бы ты властен был приказать и диаволу, чтобы он не нападал и не вступал в борьбу, то этот совет твой имел бы некоторый смысл; но если ему ты предоставляешь действовать и поражать, а мне повелеваешь оставаться спокойным, или даже добровольно преклоняться пред ним, что может быть хуже этой обиды - в то самое время, когда враг неистовствует, обезоруживать того, на кого он нападает, и таким образом предавать в его руки? - Но сын молод и слаб? Потому-то он и нуждается в большей безопасности, а, нуждаясь в безопасности, имеет нужду и в большем попечении. Такому человеку надобно быть всегда в тишине и спокойствии, не вмешиваться в (мирские) дела и вращаться в той среде, где много шума и смятения. А ты этих самых, для кого борьба особенно тяжела и по их возрасту, и по слабости, и по неопытности, и по рассеянности среди мира, влечешь в мир, как будто уже опытных и крепких, и не позволяешь им уйти подвизаться в пустыне, подобно тому, как если бы кто человеку, который может одержать тысячи побед, приказывал размышлять о делах военных в бездействии, а неопытного, который не может и взглянуть на сражение, по этому самому заставлял бы быть в сражении, ввергая его в крайние затруднения в этом неисполнимом деле. Притом надобно знать и то, что по вступлении в брак нельзя быть господином самого себя, но неизбежно одно из двух: или иметь постоянное сожительство с женою, если она захочет этого, или, если она пожелает воздерживаться, оставить ее и предаться любодеянию. Надобно ли говорить о прочих затруднениях, о заботах касательно детей и дома, которые могут притупить всякое усердие (к благочестию) и произвести в душе великое расслабление?

18. Поэтому лучше вооружать (сына) с юного возраста, когда он властен над собою и ничем не связан, - лучше не только по сказанным причинам, но не меньше и по тому, что имеет быть сказано. Приступивший к любомудрию в конце своей жизни употребляет все время на то, чтобы посильно омыть грехи, соделанные в прежнем возрасте, и на это истощается все его усердие; но часто он не успевает и в этом, а отходит отсюда с остатками ран; а кто с юных лет вступил в подвижничество, тот не тратит времени на это и не сидит, врачуя свои раны, но с самого начала уже получает награды; для первого желательно избавиться от всех ран, а последний с самого вступления на поприще воздвигает трофеи и присоединяет победы к победам; он, как олимпийский борец, с юного возраста до старости шествуя среди победных восклицаний, отходит туда, увенчанный бесчисленными на главе венцами. С кем же ты желаешь быть твоему сыну? С теми ли, которые с великим дерзновением могут взирать на самих архангелов, или с теми, которые стоят вместе со всеми и занимают последнее место? Такие, конечно, займут последнее место, если даже будут в состоянии преодолеть все препятствия, какие исчислил я теперь: если не постигнет их преждевременная смерть, если затем не воспрепятствует жена, если не получат они столько ран, что для излечения их недостаточно будет всей старости, и если навсегда сохранять свое расположение (к благочестию) твердым и непоколебимым. Когда все это сойдется, и тогда они едва займут место между последними. С ними ли ты желаешь быть твоему сыну, или в числе тех, которые блистают в первом ряду воинства (небесного)? Кто же, скажут, так жалок, чтобы пожелать своим детям первого, а не последнего? - но мы следуем привычке и хотим, чтобы они были при нас. Этого и я желаю, и не менее вас, родителей, молюсь, чтобы они возвратились в родительский дом, и вознаградили за воспитание так, что других равных воздаяний и найти было бы невозможно; но не будем требовать от них этого теперь. Не странно ли, посылая их учиться красноречию, удалять надолго даже из отечества, или, когда они намереваются изучить какое-нибудь слесарное, или другое еще более низкое ремесло, не пускать их в

свой дом, а приказывать и обедать и ночевать в доме учителя; когда же они намереваются приступить к изучению не человеческой науки, но небесного любомудрия, тотчас отвлекать их от этого, прежде, нежели исполнится нами желаемое? Иной, учащийся ходить по натянутой веревке, надолго расстается с родными; а тех, которые учатся взлетать от земли на небо, мы станем удерживать при родителях? Что может быть хуже такого безрассудства? Не видите ли, что и земледельцы, как ни сильно желают получить плоды трудов своих, никогда, однако же, не решатся собирать их преждевременно? Так не будем же и мы прежде времени отклонять сыновей от пустынической жизни, но предоставим урокам укрепиться в них и семенам (благочестия) укорениться; не будем беспокоиться и скорбеть, хотя бы должно было им воспитываться в монастыре десять или двадцать лет; потому что, чем кто более станет упражняться в школе, тем более приобретет силы. А лучше, если угодно, не станем назначать срока; но пусть будет единственным пределом то время, когда посеянные в сыне плоды достигнут зрелости; тогда пусть он возвращается из пустыни, а прежде - нет; потому что от поспешности нашей произойдет только то, что он никогда не будет зрелым. Кто прежде времени лишается питания в корне, тот и в надлежащее время не будет годен; а чтобы этого не случилось (с нашими детьми), будем терпеливо переносить разлуку, и не только сами не станем торопить, но, если и они захотят возвратиться преждевременно, не позволим. Усовершенствовавшись, сын будет для всех приобретением, и для отца и матери, и для дома и города, и для общества; если же он возвратится, не достигши цели, то будет предметом посмеяния и позора, и повредит себе и другим. Не будем же делать такого вреда. Отправляя сыновей на чужбину, мы хотим увидеть их тогда, когда они усовершенствуются в том, для чего предприняли путешествие; если же они возвратятся прежде, то мы не столько получаем удовольствия от их прибытия, сколько скорби от того, что они возвратились без пользы. Так, не крайне ли безрассудно - о духовном не прилагать и такого попечения, какое мы показываем в отношении к житейскому, но там любомудро переносить разлуку с детьми, даже с пожеланием большего продолжения ее, если это будет сколько-нибудь полезно, а здесь быть столь нежными и чувствительными к разлуке, что от такого малодушия погибают величайшие блага, имея притом здесь гораздо больше утешений не только в том, что дети посвятили себя важнейшим занятиям и непременно достигнут своей цели и ничто не разрушит их надежд, но и в самой даже разлуке? Когда дети находятся в дальнем путешествии, то трудно видеться с ними, особенно если родители будут в преклонных летах; а здесь можно часто приходить к ним. Так и станем делать: когда детям еще нельзя придти к нам, будем мы приходить к ним для свидания и собеседования. От этого нам будет много пользы и удовольствия: мы не только будем радоваться при свидании с любимыми детьми, но и возвращаться домой с великими плодами для нас самих; а нередко и сами останемся с ними, проникнувшись любовью к любомудрию. Итак, станем вызывать их тогда, когда они сделаются крепкими и способными приносить пользу другим; тогда только будем выводить их оттуда, чтобы они были светом для всех, чтобы светильник стоял на свечнике. Тогда вы увидите, каких детей отцы вы, и каких - те, кого вы считаете счастливыми; тогда вы узнаете пользу любомудрия, когда (дети ваши) станут врачевать людей, страдающих неизлечимыми болезнями, когда будут прославляться, как общие благодетели, покровители и спасители, когда будут жить с людьми на земле как ангелы, и обращать на себя взоры всех; или вернее, что бы мы ни сказали, вам не высказать всего того, что можно видеть на опыте и на самом деле. Так и законодателям надлежало бы поступать, чтобы делалось должное, - не тогда внушать молодым людям страх, когда они сделаются мужами, но наставлять и направлять их в детстве; тогда и впоследствии не было бы нужды в угрозах. А теперь бывает то же самое, как если бы какой-либо врач начинающему заболевать не говорил ничего и не указывал, чем ему освободиться от болезни, а изнуренному и неизлечимому стал бы преподавать бесчисленные правила. Так и законодатели тогда руководят нас, когда мы уже развратились. Но не так (поступает) Павел; он приставляет к детям учителей

добродетели сначала и с юного их возраста, преграждая порокам доступ к ним. Самое лучшее учение не то, когда, допустив наперед порокам одержать верх, потом стараются изгнать их, но то, когда употребляют все меры, чтобы сделать природу нашу недоступною для них. Посему увещеваю не только удерживать других желающих поступать так, но и самим действовать и спасать ладью (жизни), и стараться, чтобы она плыла при попутном ветре. Подлинно, если бы мы все усвоили себе такой образ мыслей и прежде всего другого вели детей к добродетели, считая это главным делом, а все прочее придаточным, то отовсюду произошло бы столько благ, что, перечисляя их теперь, я показался бы преувеличивающим дело. Если же кто желает убедиться в этом, тот хорошо может узнать это из самых дел, и изъявит нам, а прежде нас Богу, великую благодарность, видя, что на земле процветает жизнь небесная, и что вследствие этого учение о будущих благах и воскресении принимают с верою и сами неверные.

19. А что это не самохвальство, видно из следующего: когда мы говорим неверным о жизни пустынников, они не могут сказать ничего против нее, а думают найти опору для возражений в малочисленности провождающих такую жизнь. Но если бы мы насадили этот плод в городах, если бы благочиние стало законом и началом и если бы мы детей своих прежде всего другого наставляли быть друзьями Божиими и учили вместо всех и прежде всех прочих наук духовным, то прекратились бы все скорби, настоящая жизнь избавилась бы от бесчисленных зол, и то, что говорится о будущей жизни, т. е. "**печаль и воздыхание удалятся**" (Ис.35:10), все мы имели бы и здесь. Если бы не было в нас пристрастия ни к деньгам, ни к пустой славе, если бы мы не боялись ни смерти, ни бедности, скорби считали не злом, но величайшим благом, не знали ни вражды, ни ненависти, то не страдали бы ни от своих, ни от чужих горестей, но род человеческий приближался бы к самим ангелам. Но, скажет кто-нибудь, кто из людей достиг такого совершенства? Ты, конечно, не поверишь этому, проживая в городах и не читая божественных книг; но если бы ты узнал живущих в пустынях и древних, упоминаемых в духовных книгах, то убедился бы, что и монахи, и прежде них апостолы, и прежде этих (ветхозаветные) праведники, со всею верностью отличались таким любомудрием. Впрочем, чтобы нам не спорить с тобою, положим, что твой сын будет на две или на три степени ниже их, но и в таком случае он получит не мало благ. Он не сравняется с Петром и Павлом и даже не будет близко к ним: но неужели, поэтому лишим его и низшей сравнительно с ними чести? Так рассуждая, ты сделал бы то же, как если бы сказал: если он не может быть драгоценным камнем, то пусть остается железом, но не будет ни серебром, ни золотом. Почему же ты не рассуждаешь так и во внешних делах, но совсем напротив? Посылая сына учиться красноречию, ты хотя и не надеешься непременно увидеть его на высоте совершенства, однако поэтому не отвлекаешь его от этого занятия, а делаешь все со своей стороны, считая удовлетворительным, если сыну твоему, по успехам в красноречии, удастся быть пятым или десятым от первых. И определяя сыновей на службу царю, вы не ожидаете, что они непременно достигнут степени военачальников, однако не приказываете им снять с себя воинскую одежду и не приближаться даже к порогу дворца, но употребляете все средства, чтобы они не были устранены от пребывания там, считая достаточным видеть их хотя в числе средних. Почему же вы там, если и нельзя получить большего, стараетесь и заботитесь о меньшем, хотя надежда и на это также сомнительна, а здесь не радеете и уклоняетесь? Потому, что тех благ вы сильно желаете, а этих ни мало; а после, стыдясь признаться в этом, придумываете отговорки и предлоги; между тем, если бы вы истинно желали (этих блага), вас ничто не отклонило бы от них. Это действительно так: кто подлинно любит что-нибудь, тот, если не может достигнуть всего или самого высшего, постарается, по крайней мере, достигнуть среднего и даже в тысячу раз низшего. Так, пристрастный к вину и напиткам, если не может получить вина сладкого и ароматного, не откажется никогда и от самого дурного; и корыстолюбивый, хотя бы кто дал ему не драгоценные камни и не золото, но серебро,

будет весьма благодарен. Такова страсть: это некое насилие, способное принудить всякого, одержимого ею, терпеть и переносить все для чего бы то ни было; посему, если бы ваши слова не были только предлогом, то вы должны бы содействовать нам, потому что желающему осуществления чего-нибудь свойственно не препятствовать этому осуществлению, но всячески содействовать ему. Так и выходящие на олимпийские игры, хотя знают, что из множества (соперников) только одному достанется награда за победу, однако же, вступают в борьбу и подвизаются. Между тем нет никакого сравнения между здешним и тамошним, не только по цели подвигов, но и потому, что там увенчанным уходит непременно только один, а здесь преимущество и унижение не в том, что один уходит не увенчанным, а другой увенчанным, но в том, что он один получает более блистательную похвалу, другой менее, однако все получают. Вообще, если бы мы захотели с начала настроить детей и передать желающим воспитывать их, то не было бы невероятным, что они станут в первом ряду воинства; потому что Бог не презрел бы такого усердия и ревности, но простер бы Свою руку и приложил бы ее к этим (живым) изваяниям. А когда действует рука Его, тогда невозможна безуспешность в чем бы то ни было, или вернее, невозможно не дойти до самой высшей степени блеска и славы, только бы при этом было и должное с нашей стороны. Если и жены были в состоянии умолить Бога, чтобы Он помог им в воспитании детей, тем более мы могли бы сделать это, если бы захотели. Чтобы не удлинять слова, я умолчу о прочих женах, хотя и мог бы сказать о многих, а упомяну только об одной.

20. Была одна иудеянка, Анна. Эта Анна родила одного сына и не надеялась иметь другого, потому что и того едва получила после многих слез, так, как была бесплодна. Хотя она видела, что соперница часто укоряет ее за это, она, однако не поступила так, как поступаете вы, но, и, получив этого сына, держала его при себе только дотоле, пока нужно было питать его молоком. А как скоро он уже не стал нуждаться в этой пище, она, взяв его, немедленно посвятила Богу, не приглашала его приходить в дом родительский, и он жил постоянно в храме Божием: и если когда она, как мать, хотела видеть его, то не вызывала отрока к себе, но сама с отцом приходила к нему, обращаясь с ним, как уже посвященным (Богу). Оттого юноша сделался столь доблестным и великим, что когда Бог отвратился от народа еврейского за распространившееся в нем нечестие, не изрекал пророчеств и не открывал никакого видения, он своею добродетелью опять преклонил и умолил даровать (иудеям) то же, что и прежде, и возвратил отлетевший дар пророчества. И это сделал он, когда был не в зрелом возрасте, но еще малым отроком: "**слово Господне было редко в те дни**", говорит Писание, "**видения [были] не часты**" (1 Цар.3:1); между тем, ему Бог часто открывал Свою волю. Так полезно всегда отдавать свои стяжания Богу и отказываться от всего, не только от денег и имений, но и от самых детей. Если нам велено поступать так с душою своею (Матф.16:24, 25), тем более со всем прочим. Так поступил и патриарх Авраам, или, лучше сказать, гораздо выше: за то и получил обратно сына с большею славою. По истине, мы тогда особенно и остаемся с детьми своими, когда отдаем их Господу. Он гораздо лучше (нас) сохранит их, так как больше и печалится о них. Не видите ли, что так бывает и в домах богачей? И там можно видеть, что низшие (слуги), живущие с отцами, не так заметны и не имеют такой силы; а те, которых, господа, отняв от родителей, определяют к себе на службу для хранения сокровищ, пользуются большим благоволением и свободою, и бывают настолько славнее своих со служителей, насколько господа славнее рабов. Если же люди так добры и благосклонны к своим слугам, то гораздо более беспредельна Благость, т. е. Бог. Отпустим же детей служить (Богу), вводя их не в храм, как Самуила, но в самое небо, вместе с ангелами и архангелами. А что посвятившие себя этому любомудрию действительно будут служить вместе с ними, это очевидно для всякого. Они будут предстательствовать с великим дерзновением не только за себя самих, но и за вас. Ибо, если некоторые получали (от Бога) некоторую милость за отцов, тем более отцы (получат) за детей; потому что в

первом случае правом (на милость) служит только единство природы, а в последнем - и воспитание, которое гораздо важнее природы. То и другое я могу подтвердить вам и божественными писаниями. Так Езекию добродетельного и благочестивого, но не имевшего по своим делам дерзновения противостать великой опасности, Бог спасает, как Сам сказал, за добродетель отца: "**буду охранять**", говорит, "**город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего**" (4Цар.19:34). И Павел в послании к Тимофею о родителях сказал: "**спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием**" (1Тим.2:15). И Иова Писание прославило как за то, что он был "**непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла**" (Иов.1:1), так и за попечение о детях; а оно состояло не в собирании для них богатства, и не в старании сделать их славными и знаменитыми, но в чем? Послушай, что говорит Писание: "**когда круг пиршественных дней совершался, Иов посылал [за ними] и освящал их и, вставая рано утром, возносил всесожжения по числу всех их. Ибо говорил Иов: может быть, сыновья мои согрешили и похулили Бога в сердце своем**" (Иов.1:5). Какое же будем иметь оправдание мы, дерзающие на такие дела? Если тот, кто жил прежде благодати и прежде закона, и не слышал никакого учения, имел столь великое попечение о детях, что опасался и за тайные грехи их, то кто оправдает нас, которые живем во время благодати, имеем столько учителей, такие примеры и такие увещания, и между тем не только не боимся за тайные, но не обращаем внимания и на явные грехи, и не только не обращаем внимания, но и желающих исправить их преследуем? И Авраам, как я сказал прежде, прославился между прочими и этою добродетелью.

21. Итак, имея столько примеров, будем приготовлять Богу доблестных служителей и исполнителей. Если тот, кто воспитывает борцов для городов, или обучает воинов для царей, удостаивается великой чести, то какой дар можем получить мы, воспитывая для Бога столь доблестных и великих мужей, или лучше сказать - ангелов? Будем же делать все, чтобы оставить им богатство благочестия, которое пребывает постоянно, сопровождает нас при отшествии отсюда, и может принести величайшую пользу не только здесь, но и там. Богатство житейское не перейдет туда вместе с людьми, но еще и здесь погибает прежде их, а часто губить вместе и владеющих им; но то богатство и здесь и там пребудет прочным и стяжавших его сохранит в великой безопасности. Действительно так: кто предпочитает земное духовному, тот лишится и того и другого; а кто стремится к небесному, тот непременно получит и земное. Это не мои слова, но самого Господа, имеющего подать эти блага: "**ищите же**", говорит Он, "**прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам**" (Матф.6:33). Что может сравниться с этою честью? Заботься, говорит Он, о духовном, а все твое предоставь Мне. Подобно тому, как если бы чадолюбивый отец принимал на себя попечение о доме, управление слугами и всем прочим, а сыну советовал заниматься одним только любомудрием; так точно (поступает) и Бог. Будем же послушны, станем искать царствия Божия; тогда и детей увидим везде почтенными, и сами прославимся с ними, будем наслаждаться и настоящими благами, если только возлюбим будущие и небесные. Это доставит вам, когда послушаетесь, великую награду, а противящимся и непослушным - тягчайшее наказание; потому что нельзя оправдываться и говорить: никто нас не учил этому. Такое оправдание, еще прежде наших слов, уже опровергнуто, так как и (наша) природа имеет способность точно отличать хорошее от нехорошего, и наше любомудрие предлагается повсюду, и случающиеся в жизни бедствия достаточно сильны, чтобы изгонять в пустыню даже и сильно привязанных к миру. Так, если бы мы и молчали, как я сказал, оправдание уже опровергнуто, а тем более теперь, после этого продолжительного рассуждения, после такого вразумления, предлагаемого как из опыта, так еще из Божественных Писаний. Даже если бы дети, оставаясь дома, не совсем развратились, но получили спасение только на последнем месте, и тогда мы (родители) не избегли бы наказания за то, что воспрепятствовали их желанию вести жизнь более строгую, и удержали при житейских

делах тех, которые стремились к небу; но если и это оказывается невозможным, а напротив неизбежно предстоит им погибнуть и угрожает крайняя опасность, то, какое будем мы иметь извинение, какое оправдание, навлекши на себя тягчайшую ответственность не только за свои грехи, но и за последующие грехи детей? Не столько они, я думаю, будут наказаны за то, в чем погрешат после того, как были увлечены в эти волны (мирской жизни), сколько вы, поставившие их в такую крайность. Подлинно, если соблазнившему одного лучше было бы с жерновым камнем быть потопленным в море (Матф.18:6); то какое наказание и мучение будет достаточно для тех, которые оказывают такую жестокость и недоброжелательство к своим детям? Посему прошу прекратить состязание и быть отцами любомудрых детей. Нельзя же говорить и того чем многие, как я слышу, отговариваются. Что же это такое? Мы знали, говорят, что они не могут дойти до конца, поэтому и остановили их. Но если бы ты даже ясно предвидел это и если бы это не было только догадкою, - ибо устояли многие и из тех, о ком думали, что они падут, - если бы, говорю, ты подлинно предузнал это, и тогда тебе не следовало бы отвлекать сына. Если бы мы, например, стали подставлять ногу тому, кто уже готов упасть, то этого не поставили бы нам в оправдание, напротив это именно более всего и послужило бы к нашему осуждению. Почему ты не дал падению совершиться по собственной беспечности человека, но предвосхитил этот грех и всю вину привлек на свою голову? А лучше сказать, не следовало тебе и допускать этого; почему ты не употребил все средства к тому, чтобы сын твой не пал? Так как особенно ты знал, что он падет, то за это особенно ты и достоин наказания. Тому, кто наперед знал это, следовало не содействовать падению, а подать руку и оказать всевозможное усердие к тому, чтобы готовый упасть стоял твердо, хотя бы он устоял, хотя бы нет. Мы должны исполнять все со своей стороны, хотя бы другие не получали от нас никакой пользы. Почему и для чего? Для того чтобы отчета Бог потребовал уже не от нас, но от них. Это и сам Он сказал в осуждение тому, который ничего не сделал со своим талантом: "**посему надлежало тебе**", говорит, "**отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью**" (Матф.25:27). Послушаем же Того, Кто внушает это, чтобы нам избегнуть наказания. Не можем мы обмануть вместе с людьми и Бога, Который испытывает сердца, все обнаруживает и везде возлагает на нас ответственность за спасение детей. Если такому наказанию подвергся не отдавший серебра (торговцам), то чему подвергнется тот, кто препятствует и (другим), желающим отдать его? Так, не только тогда, если дети погрузятся по вашему внушению в житейские дела, но и тогда, если мужественно устоят против нашего нападения и опять удалятся в горы, одинаковое наказание постигнет тех, которые хотели воспрепятствовать им. Как привлекающий к любомудрию, убедит ли он, или не убедит, получит полную награду (ибо он исполнил свое дело), так и желавший развратить, успеет ли сделать это, или нет, потерпит одинаковое наказание, потому что и он исполнил свое дело. Таким образом, если вы и не успели побороть и искоренить благородные стремления детей, вы за одно покушение на это подвергнетесь такому же наказанию, какому и отвлекшие их оттуда. Итак, рассудив обо всем этом и оставив всякие отговорки, постараемся быть отцами доблестных детей, строителями Христоносных храмов, попечителями небесных ратоборцев, намащая и возбуждая их, и всячески содействовать их пользе, чтобы и нам быть соучастниками их венцов. Если же вы будете сопротивляться, то дети, если они доблестны, и против вашей воли достигнут этого любомудрия и будут наслаждаться всеми благами, а с вами случится то, что вы навлечете на самих себя безмерное наказание и будете хвалить сказанное нами тогда, когда от этих похвал уже не будет вам никакой пользы.

---

[1] Философ Платон в сочинении "Апология Сократа".

СРАВНЕНИЕ

власти, богатства и преимуществ царских с истинным и христианским любомудрием монашеской жизни.

В слове или рассуждении с таким заглавием, означающем его содержание, более подробно излагаются мысли, высказанные в одном из предыдущих слов (Слово второе - к неверующему отцу, отдел. 6 и 7) в обличение нравов общества, современного Златоустому Святителю.

ВИДЯ, что многие из людей более любят и уважают кажущиеся блага, нежели существенно полезные и действительно добрые, я считаю необходимым сказать кратко о тех и других и противопоставить теперь одни другим - блага многими презираемые и блага весьма желаемые, чтобы, узнав различие между теми и другими, мы ценили одни, как достойные привязанности и спасительные, а другие научились презирать, как ничего не стоющие. Так люди любят богатство, власть, первенство и славу, и многие ублажают властителей народов, возимых на блестящих колесницах и сопровождаемых криком глашатаев и большой толпой оруженосцев, а презирают жизнь любомудрствующих и избравших монашескую жизнь; те, появляясь, обращают на себя взоры народа, а эти, появляясь, не привлекают на себя взоров ничьих или очень немногих; и последним никто не пожелал бы уподобиться, а тем - все, между тем как приобрести власть и получить господство над народом трудно и для многих невозможно, и стремящимся к этой власти нужно иметь много денег, а избрать монашескую жизнь и проводить жизнь в служении Богу для всех одинаково легко и удобно. Притом обладание властью прекращается с этой жизнью, или лучше сказать - еще при жизни оставляет пристрастных к ней, и даже некоторых подвергало великой опасности или позору; а монашеская жизнь и теперь обогащает праведников многими благами и по скончании жизни приводит светлыми и радостными пред судилище Бога и Отца, когда большая часть начальствовавших явятся получить великое наказание за деяния своей жизни. Поэтому противопоставив блага любомудрия и кажущиеся полезными блага владычества и славы в настоящей жизни, вникнем в различие тех и других благ; потому что при сравнении они будут более ясными, или лучше, если угодно, верховное из благ, т.е. царствование, сравнив с любомудрием, посмотрим на плоды того и другого достояния, тщательно исследовав, над кем властвует царь и над кем любомудрый. Так царь господствует над городами и областями и многими народами, руководствуя своими указаниями и военачальников и градоначальников и войска и народы и советы; а предавший себя Богу и избравший монашескую жизнь властвует над гневом и завистию и сребролюбием и сладострастием и прочими пороками, постоянно имея в виду и заботясь, как бы не допустить душу подпасть под власть гнусных страстей и не предать разум в рабство этой тяжкой тирании, но всегда соблюдать ум выше всего, поставив над страстями страх Божий. Такое господство и владычество принадлежит царю и такое монаху, так что справедливее иной назвал бы последнего царем, нежели блистающего багряницею и венцом и сидящего на золотом престоле.

2. Так, поистине царь есть тот, кто побеждает гнев и зависть и сладострастие, подчиняет все законам Божиим, сохраняет ум свой свободным и не позволяет возобладать над душою страсти к удовольствиям. Такого мужа я желал бы видеть начальствующим над народами, и землей и морем, и городами и областями, и войсками; потому что кто подчинил душевные страсти разуму, тот легко управлял бы и людьми согласно с божественными законами, так что он был бы вместо отца для подчиненных, обращаясь с

городами со всякой кротостью. А кто по-видимому начальствует над людьми, но раболепствует гневу и честолюбию и удовольствиям, тот, во-первых, может быть смешным для подчиненных, потому что хотя носит венец, украшенный драгоценными камнями и золотом, но сам не увенчан смиренномудрием, и хотя все тело его блестит багряницею, но душа его остается неукрашенною. Потом он не будет знать, как распорядиться с властью, потому что неспособный управлять самим собою как может подчинять законам других? Если хочешь видеть и войну того и другого, то найдешь одного сражающимся с демонами, и преодолевающим, и побеждающим и увенчиваемым от Христа; потому что он выходит на войну с божественною помощью, оградившись небесным оружием, отчего по необходимости ему и достается победа; а царя - сражающимся с варварами. А чем демоны страшней людей, тем побеждающий первых блистательнее побеждающаго последних. Если же захочешь знать и причину той и другой войны, то и в этом найдешь большое неравенство. Тот сражается с демонами за благочестие и служение Богу, или желая исторгнуть из заблуждения города и селения, а этот сражается с варварами за отнятые местности, или пределы, или имущества; или же корыстолюбие и несправедливое властолюбие влечет его на сражение, при чем многие цари, желая большаго, теряли и настоящее. Таким образом власть и войны показывают, сколь отличны друга от друга царь и посвятивший жизнь на служение Богу; а еще точнее можно узнать их, обратив внимание на жизнь и дневные занятия того и другого. Окажется, что один поистине обращается с пророками, украшает душу мудростью Павла и постоянно переходит от Моисея к Исаии, от этого к Иоанну, а от него (еще) к другому (из них), царь же постоянно обращается с военачальниками и градоначальниками и оруженосцами; а с какими людьми кто постоянно обращается, тем и уподобляется нравом. Посему монашествующий сообразует свой нрав с нравами апостолов и пророков, а царь - с нравами военачальников и оруженосцев и щитоносцев - людей, предающихся вину и услаждающихся удовольствиями и большую часть дня проводящих в пиршестве, не знающих ничего важнаго или доброго вследствие опьянения. Так и поэтому следует ублажать монашескую жизнь более, нежели жизнь с господством и царствованием и скипетрами.

3. Если мы захотим представить и ночное время, то увидим монаха отличающимся службою Богу и молитвами, воспевающим гораздо раньше птиц, сожительствующим с ангелами, беседующим с Богом, наслаждающимся небесными благами, а начальствующего над многими народами, областями и войсками, и обладающего обширной землей и обширным морем - распростертым на ложе и крепко спящим; потому что монах питается такими яствами, которые не требуют от него глубокого сна, а последнего усыпляет роскошь и питие, удерживающее на ложе до самого дня. У монаха и одежда и стол умеренны и соучастниками в яствах бывают подвизающиеся в той же добродетели, а царю необходимо украшаться камнями и золотом, предлагать блистательный стол и иметь соучастниками, если он неразумен, достойных собственной его порочности, а если имеет ум и смиренномудрие, то может быть честных и справедливых, но много уступающих первым в добродетели. Так, хотя бы царь был любомудр, он даже и мало не может приблизиться к доблестям монашествующего. Он в путешествиях бывает обременителен для поданных, и живя в городе, и наслаждаясь миром, и участвуя в войнах, и требуя податей, и собирая войска, и проводя пленников, и побеждая, и подвергаясь поражению; потому что, подвергаясь поражению, он слагает на подданных собственные бедствия, а побеждая становится невыносимым, украшаясь трофеями, и тщеславясь, и представляя воинам свободу грабить, расхищать, обижать путников, держать города в осаде, разорять домы бедных, от принимающих к себе их требовать каждый день того, чего не позволяет никакой закон, под предлогом какого-то древнего, беззаконного и несправедливого обычая. Притом богатому царь нисколько не вредит такими тягостями, а причиняет зло бедным, как бы по-истине стесняясь богатых. А

монах не таков, но, как только покажется, он является приносящим некоторую благодать богатым и бедным, одинаково тем и другим, облекаясь в одну одежду целый год и для питья употребляя воду охотнее, чем другие - чудное вино, для себя не испрашивая у богатых никакой - ни малой ни большой милости, а для бедных (испрашивая) многих и постоянных (милостей), с пользою для тех и других, и для дающих и имеющих получить. Таким образом он есть общий врач, одинаково и богатых и бедных, первых освобождая от грехов добрым увещанием, а последних избавляя от бедности. Царь, даже и повелевая облегчить подати, приносит пользу больше богатым, нежели бедным, а поступая напротив, (тем более) вредит имеющим мало; потому что богатому немного может повредить тяжесть податей, а домы бедных она как поток разрушает, наполняя селения воплями, и ни старости не жалеют сборщики податей, ни вдовства жен, ни сиротства детей, но бесчинствуют во все время, как бы общие враги страны, требуя от земледельцев того, чего и земля не производила.

4. Теперь рассмотрим и то, что монах и что царь доставляет подданным: этот - золото, а тот - благодать Духа, этот избавляет от бедности, если он добр, а тот молитвами освобождает души, одержимые демонами. И если кому-либо случится подвергнуться таким несчастиям, то он проходит мимо царя, как бы бездушного предмета, и поспешает в жилище монахов, как бы избегая волка и прибегая к зверолову, имеющему меч в руке; ибо что для зверолова меч, то для монашествующего молитва. Подлинно, не так страшен для волков меч, как для демонов - молитвы праведников. Посему не только мы в нуждах прибегаем к святым монахам, но и сами цари прибегают к ним в опасных обстоятельствах, как бедные во время голода - к жилищам богатых. Ахав, царь иудейский во время голода и недостатка хлеба не полагал ли надежду спасения в молитвах Илии (3 Цар. 17)? Езекия, имевший такую же власть и державу, находясь в болезни и ожидании кончины, видя наступающую смерть, не прибег ли к пророку, как сильнейшему смерти и подателю жизни (4 Цар. 20)? Также, когда разразилась война и Палестина была в опасности разориться до самого основания, то цари иудейские, распустив войско, и пеших воинов, и стрельцов, и всадников, и военачальников и полководцев, прибегли к молитвам Елисея, так как думали, что служитель Божий заменит для них многие тысячи воинов (4 Цар. 3). Точно также и царь Езекия, когда наступила персидская война, и город с величайшею опасностью колебался до самого основания, и находившиеся на стене дрожали, страшились и трепетали как бы в ожидании грома или всеколеблющего землетрясения, противопоставил молитвы Исаии многим тысячам персов, и не обманулся в надежде (4 Цар. 19); ибо, как только пророк поднял руки к небу, Бог небесными стрелами прекратил персидскую войну, внушая царям почитать служителей Его общими спасителями земли, дабы они научились, принимая от праведников увещания ко всякому доброму и человеколюбивому делу, уважать эти советы и следовать благим внушениям. И не из этого только можно видеть различие того и другого, но, если случится тому и другому пасть, лишиться одному добродетели, а другому царства, то первый легко может придти в себя и скоро, очистив грехи молитвою и слезами, скорбью и попечением о бедных, опять удобно достигнуть прежней высоты; а ниспавший царь будет нуждаться во многих союзниках, многих воинах и всадниках, и конях и деньгах, (пребывая в) опасностях; последний всецело полагает надежду спасения в других, а первый получает спасение быстро вслед за желанием, усердием и переменою нрава; ибо "**Царство**" небесное, говорится в Писании, "**внутри вас есть**" (Лк. 17:21). Даже смерть для царя страшна, а для любомудрствующего беспечальна; потому что тому, кто презирает богатства, удовольствия и роскошь, для которых многие желают жить, по необходимости легко переносить и переселение отсюда. Если бы случилось тому и другому быть убиваемым, то один подвергнется опасностям за благочестие, приобретая смертью бессмертную и небесную жизнь, а царь встретит в убийце тирана и искателя власти, представляя после убиения жалкое и ужасное зрелище; а видеть монаха, убиваемого за благочестие -

приятное и спасительное зрелище. Притом один будет иметь многих соревнователей его доблестей, подражателей и учеников, молящихся о том, чтобы оказаться подобными ему, а другой много потратит слов в молитвах, умоляя Бога, чтобы не явилось ни одного искателя царства. Даже первого и убивать никто не осмелится, считая нечестием против Бога, если убьет такого, а на последнего восстают многие убийцы, искатели тирании. Поэтому этот ограждается воинами, а тот ограждает города молитвами, не боясь никого; царь всегда живет со страхом и в ожидании убийства, потому что он имеет при себе опасное любостяжание, а монах - безопасное спасение. Итак, кажется, довольно сказано мною о делах настоящей жизни. Если же мы захотим рассмотреть и будущее поприще, то увидим одного в блеске и славе, восхищаемого на облаках во сретение Господа в воздухе, как вождя и наставника спасительной жизни и всякой добродетели; а царь, если окажется пользовавшимся властью праведно и человеколюбиво (но это весьма редко), сподобится меньшего спасения и прославления, потому что они не равны, - не равны царь добрый и монах, живущий в высоком служении Богу; а если он окажется порочным и дурным, наполнившим землю множеством зла, то кто может изобразить бедствия, которыми он будет окружен, сожигаемый огнем, бичуемый, терзаемый, претерпевающий такия страдания, какия невыразимы словом и непереносимы делом? Все это представляя и помня, не должно восхищаться богатыми; ибо и владыка их, как оказывается, не может нимало приблизиться к добродетели монаха. Итак, когда ты увидишь богатого украшенного одеждою, убранного золотом, везомого на колесницах, выступающего в блистательных выходах, не ублажай этого человека; потому что богатство временно, и кажущееся прекрасным истлевает с этою жизнью; а видя монаха идущего одиноким, смиренным и кротким, спокойным и тихим, соревнуй этому мужу, окажись подражателем его любомудрия, молись о том, чтобы сделаться подобным праведнику; ибо "**просите**", говорит Писание, "**и дано будет вам**" (Мф. 7:7). Это поистине прекрасно, и спасительно, и благонадежно, по человеколюбию и промышлению Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

О СОКРУШЕНИИ.

Два слова о душевном сокрушении написаны св. Иоанном Златоустым по просьбе благочестивых и близких к нему лиц, имена которых поставлены в заглавии этих слов, монаха Димитрия и Стелехия, в конце 374 или в начале 375 года по Р. Х., когда он сам, по посвящении в церковного чтеца св. Мелетием, епископом антиохийским, поселился в обители иноков, проводивших подвижническую жизнь на смежных с Антиохиею горах, о чем ясно говорится в первом слове (отдел. 6).

СЛОВО ПЕРВОЕ.

К ДИМИТРИЮ МОНАХУ.

ВИДЯ, что ты, блаженный Димитрий, непрестанно обращаешься к нам и с великим усердием просишь от нас слов о сокрушении, я всегда ублажал (тебя) и удивлялся чистоте души твоей; потому что и пожелать таких наставлений невозможно, не очистившись перед этим совершенно и не возвысившись над всем житейским. Это легко видеть на тех, которые объемлются таким желанием даже на краткое время: в них происходит вдруг такая перемена, что они тотчас переносятся на небо; отрешив душу от мирских забот, как бы от тяжких уз, они таким образом дают ей свободу взлетать в свое, сродное ей, место. Но со многими обычно в течение жизни это случается редко; а ты, божественная глава, всегда, как известно мне, объят этим огнем сокрушения. И свидетелями мне в этом могут

быть (твои) бессонные ночи, и потоки слез, и любовь к пустыне, постоянно живущая и процветающая в душе твоей. Какая же будет тебе польза от наших слов? Уже то самое, что ты, достигнув самой высоты (добродетели), ставишь себя вместе с идущими внизу, окрыленную душу (свою) называешь каменною и, непрестанно касаясь правой руки моей, целуешь и со слезами говоришь: „сокруши ожесточенное сердце мое", - уже это самое какую означает богобоязненность, какую пламенную ревность? Итак, если ты желаешь пробудить нас спящих, привлекая нас к этому предмету, то одобряю твою великую мудрость и попечение; но если ты действительно имеешь в виду себя самого и думаешь, что ты нуждаешься в возбудителе, то не знаю, как бы еще иначе мог ты убедить нас, что ни в чем нашем ты не нуждаешься. Впрочем, и при этом мы уступим тебе и послушаемся из уважения и (твоего) дерзновения к Богу, и усердия в просьбе, и дружбы к нам; а ты воздай нам за это своими молитвами, чтобы нам правильно устроить жизнь свою в будущем, и теперь сказать что-либо доброе, способное восстановить лежащие и подкрепить и ободрить ослабевшие души. С чего же нам начать это слово? Какое мы положим ему основание, какую опору? Не очевидно ли, что - слова Христа, в которых Он изрекает горе смеющимся, а ублажает плачущих, говоря так: "**Блаженны плачущие, ибо они утешатся**" (Мф. 5:4), и: "**Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете**"(Лк. 6:25)? И это весьма справедливо, потому что вся настоящая жизнь поистине есть время плача и слез; такое несчастье постигло всю вселенную, такия бедствия объяли всех людей, что, если кто захочет распознать их в точности, если только возможна такая точность, то не перестанет скорбеть и плакать: так все извратилось и расстроилось, а добродетели и следа нет нигде! А еще тяжелее то, что мы и сами не чувствуем и другим не даем чувствовать постигших нас бедствий, но стали похожи на человека, котораго тело извне цветет, а внутри разрушается сильным огнем; и по этой безчувственности мы нисколько не отличаемся от умалишенных, которые без опасения и говорят и делают много опаснаго и непристойнаго, и не только не стыдятся, но еще хвалятся этим, и считают себя здоровее здоровых. Так и мы, делая все, свойственное больным, не знаем и того, что мы больны. Между тем, если в теле нашем случится даже малая болезнь, мы и приглашаем врачей, и тратим деньги, и обнаруживаем терпение, и не перестаем делать все, пока не прекратим болезнь; а о душе, которая плотскими страстями ежедневно поражается, терзается, сожигается, низвергается в пропасть и всячески губит себя, нисколько не заботимся. Причиною же этого то, что болезнь объяла всех. Поэтому, как больные телом, если не случится быть при них кому-либо из здоровых, беспрепятственно могут все подвергнуться крайней опасности оттого, что некому отклонить их от безразсудных желаний, так и у нас, оттого, что нет никого совершенно здороваго в вере, но все больны, - одни более, другие менее, - никто не в состоянии пособить лежащим. Так, если бы кто со стороны пришел к нам и хорошо узнал и заповеди Христовы и разстройство нашей жизни, то не знаю, каких бы еще мог он представить себе других врагов Христа хуже нас; потому что мы идем такою дорогою, как будто решились идти против заповедей Его!

2. И чтобы кто не подумал, что наши слова преувеличены, я постараюсь представить и доказательство, не от чего либо другого, но из самых заповедей Христовых. Что же говорит Христос? "**Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: "рака", подлежит синедриону; а кто скажет: "безумный", подлежит геенне огненной**"(Мф. 5:21, 22). Это (сказал) Христос. А мы, хуже неверующих в Него, попрали этот закон, каждодневно осыпая братьев своих множеством злословий. И особенно смешно то, что, избегая названия урод, как будто только это слово подлежит наказанию, мы часто наносим (ближнему) другия более тяжкие оскорбления. А на самом деле не так, но (Господь) дал такое запрещение, угрожая наказанием оскорбителям вообще, как это видно и из следующих слов Павла: "**Или не**

знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют" (1 Кор. 6:9, 10). Если же называющий брата своего уродом достоин крайнего наказания, то сколько геенскаго огня приготовить себе тот, кто называет его злодеем, и завистливым, и безумным, и тщеславным, и многими другими, столь же оскорбительными, словами? Слова **безумный** и "**рака**" - гораздо легче сказанных теперь. Посему Христос, не упоминая о них, указал только на те, чтобы ты знал, что если легчайшее злословие подвергает сказавшаго геенне, тем более сделают это более тяжкие и несносные. Если же некоторые допускают в сказанном преувеличение (я знаю, что некоторые испытывают расположение думать так, будто эта угроза сказана только для того, чтобы устрашить), то следует уже освободить от упомянутого наказания и самых блудников, мужеложников, малакий, идолослужителей. Если (апостол) высказал угрозу злоречивым только для страха, то явно, что тоже и остальным; потому что он сперва поставил всех вместе, а потом прибавил, что они будут лишены царствия. Что же, скажут, неужели злоречивый станет на ряду с блудником, и малакией, и лихоимцем, и идолослужителем? Одинаковому ли он подвергнется наказанию, это разсмотрим в другое время; а что он одинаково с ними лишится царствия, в этом я верю словам Павла, или, лучше сказать, действовавшаго через него Христа, т. е. что ни те, ни другие царствия Божия не наследуют. И не только касательно этого, но и многих других предметов многие также расположены думать, будто то, о чем (в Писании говорится как) имеющем непременно исполниться, сказано преувеличенно. Это - диавольская сеть. Чтобы в людях, проникнутых сокрушением по любви к Богу, истребить страх будущаго наказания и сделать их менее тщательными в повиновении заповеди, (диавол) предложил успокоение в мысли о преувеличении, которая в настоящей жизни способна обмануть безпечные души, но будет изобличена в день суда, когда от этого не будет никакой пользы. Что пользы, скажи мне, теперь обманутым узнать этот обман тогда, когда и покаяние нисколько не будет полезно, именно при воскресении? Не станем же тщетно обманывать себя, не будем лжеумствовать на зло себе и навлекать на себя еще другое наказание - за неверие. Жесточайшему наказанию подвергает нас не только неисполнение заповедей Христовых, но и неверие им; а неверие происходит от нерадения об исполнении заповедей. Именно, когда мы не хотим приобрести себе спокойствие повиновением (воле Божией) и исполнять заповеданное нам, то, стараясь отвлечь ум от страха за будущее и отогнать великий страх угрожающих наказаний, мы, подавляемые и терзаемые совестью, ввергаем себя в другую пропасть, - не верим этим наказаниям. Как одержимые сильною горячкою, если и бросаются в холодную воду, не ослабляют удушающаго их жара, но еще более прибавляют себе огня; так и мы, уязвляемые сознанием своих грехов, заставляем себя погружаться в бездну (мысли о) преувеличении, чтобы потом безбоязненно предаваться всем грехам. Мы не только гневаемся на присутствующих братьев, но часто враждебно относимся и к отсутствующим: а это - верх ожесточения. От тех, кто выше и сильнее нас, мы весьма скромно терпим и обиды и оскорбления, потому что боимся их; а к равным и низшим, даже и не причинившим нам никакого огорчения, питаем вражду. Так страх пред людьми действует (в нас) сильнее страха Христова.

3. Как же мы можем надеяться на спасение, показывая такую беспечность и невнимательность? И отчего это, скажи мне? Что тяжкого, что трудного требует от нас Христос? Не гневайся, говорит Он, на брата твоего напрасно. А это гораздо легче, нежели терпеть напрасный гнев от другого; там уже готово вещество для огня, а здесь ты сам зажигаешь пламя, когда нет и вещества для него; между тем не все равно - терпеть ли и не воспламеняться, когда другой подносит свечу, или оставаться спокойным и невозмутимым, когда никто не возмущает. Кто вытерпит в первом случае, тот представит доказательство величайшего любомудрия; но кто сделает последнее, тот не заслужит

удивления. Итак, когда мы, по страху перед людьми делая более трудное, не хотим делать менее трудного по страху Божию; то подумай, какому подвергаем сами себя наказанию и мучению. Притом, почитай братом не только равночестного тебе, не только свободного, но и слугу: "**во Христе Иисусе**", по апостолу "**нет ни раба, ни свободного**"(Гал. 3:28). Таким образом мы подвергнемся одинаковому наказанию, если будем гневаться напрасно и на рабов; потому что и раб есть брат и удостоился истинной свободы, имея один (с нами) дух. Кто же может сказать о своей жизни, что она чиста от безрассудного и напрасного злоречия и гнева? Не указывай мне на того, кто предается этому (пороку) изредка, но покажи такого человека, который бы никогда не предавался ему; а пока не представишь нам этого, до тех пор не можешь отклонить (содержащейся в Писании) угрозы под тем предлогом, что пороку этому предаются не часто. Так и вор, и блудник, хотя бы только однажды совершили грех, не освобождаются от наказаний потому, что совершали этот грех не часто, но наказываются за то, что вообще дерзнули на это. А что за этим следует (в Евангелии), того кто из неверующих не сочтет даже за басню, видя, с каким упорством мы нарушаем это (повеление)? Бог сказал: "**Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой**."(Мф. 5:23, 24). А мы приступаем к алтарям, враждуя друг против друга и явно и тайно. Бог столько печется о нашем примирении, что допускает и жертвоприношению своему оставаться несовершенным и службе прерваться, только бы мы прекратили вражду друга к другу и гнев; а мы так мало обращаем на это внимания, что на гибель себе питаем вражду в продолжение многих дней. Христос наказывает не только злопамятных, но и тех, которые, освободившись от этой страсти, небрегут об оскорбленных (ими) братиях. Так как помнить зло свойственно обиженным, а тот, кто обижает, может и не предаваться этой страсти: поэтому (Христос) и повелевает последнему идти к первому, показывая, что большему против первого наказанию подлежит тот, кто дал корень греху. А мы и этим не вразумляемся, но оскорбляем братьев и за малости; потом, как будто бы не было ничего худого, оставляем без внимания и забываем обиженных нами, и даем вражде продолжаться долгое время, не сознавая, что понесем тем большее наказание, чем больше дней попустим продолжаться неприязни, - как за это самое, так и потому, что и примирение потом становится для нас более затруднительным. Как тогда, когда дружба связывает нас, ничто не может легко произвести разрыва (между нами) и даже быть принято с доверием; так тогда, когда вражда овладевает нашими душами, желающие поссорить нас большею частью легко и удобно успевают в этом, потому что мы тогда доброму не верим, а верим только худому. Посему (Господь) повелевает нам, оставив дар пред алтарем, наперед примириться с братом, дабы мы знали, что если в это время не следует отлагать примирения, тем более в другие времена. А мы внешние признаки удерживаем, от самой же истины удалились, - пред принесением дара приветствуем друг друга, но делаем это большею частию только языком и устами. Но Господь хочет не этого, а того, чтобы мы давали ближнему лобзание от души и приветствие от сердца. Это и есть истинное приветствие, а то - ложь и притворство; и кто так целует (ближнего), тот скорее прогневает, чем умилостивит Бога. Он требует от нас искренней и крепкой дружбы, а не такой, которая имеет у нас часто вид и призрак (дружбы), а силу вовсе утратила, что самое и служит доказательством господствующих у нас беззаконий. "**По причине умножения беззакония"**, говорит Господь, "**во многих оскудеет любовь**" (Мф. 24:12). И это делаем мы, люди, которым повелено не гневаться и не иметь врагов, а если и случится кого иметь, то только на день: "**солнце**", говорит (апостол), "**да не зайдет в гневе вашем**" (Ефес. 4:26). А мы и на этом не останавливаемся; но строим козни друга против друга, и словами, и делами угрызая и поедая своих сочленов, что свойственно явному умоисступлению; ибо по этому особенно мы узнаем страждущих неисцельно беснованием и сумасшествием. Что же сказать о законе касательно соперника, нечистой похоти, бесстыдных взглядов, безумной и

гибельной любви? Здесь "**правое око"** и "**правая рука"** (Мф. 5:25-30) указывают нам не на другое что, как на любящих нас со вредом (для нас). А. закон касательно развода с женами кем не был часто нарушаем и попираем (Мф. 5:32)?

4. О законах против клятвы стыжусь и говорить, потому что не только клянутся, но и нарушают клятвы непрестанно. Если клятва, и в справедливом деле, виновна и законопреступна, то куда мы отнесем нарушение клятвы? Если то, что сверх **да** и **нет**, от лукавого (Мф. 5:37), то кому приписать то, что превышает это последнее? Далее Господь говорит: "**А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся**".

(Мф. 5:39-42). Что можно сказать на это? Относительно всего здесь сказанного остается только плакать и закрываться (от стыда): так мы уклонились в совершенно противоположную сторону, употребляя все время на суды и неприязни, на распри и ссоры, не перенося ни малейшего оскорбления, ни на деле ни на словах, но раздражаясь и за мелочи. Если бы ты мог указать на таких людей, которые, истратив много на бедных, после сами по бедности подвергаются презрению и терпят множество бедствий, то таких насчитал бы немного и даже весьма мало; но и между ними ты не указал бы нам такого любомудрого, какой изображен здесь: эта последняя (предписываемая Христом) жизнь гораздо духовнее, чем первая; потому что не все равно - дать ли добровольно, или перенести, когда все отнимают у тебя. Что говорю: перенести? Сказанное Христом заключает в себе гораздо более и этого. Слово Его так воспрещает обиженным гневаться на обидевших, что должно не только не скорбеть о том, что уже взято, но и отдавать добровольно то, что осталось, и показывать готовность терпеть зло более, нежели сколько есть страсти у врагов делать нам зло. Так, когда желающий обижать найдет, что обижаемый готов потерпеть более, нежели сколько ему хотелось, и, удовлетворив своей страсти, увидит, что оскорбленный с преизбытком выказывает свое великодушие, то отойдет прочь, побежденный и посрамленный превосходством терпения; и, хотя бы он был зверь, и даже свирепее его, сделается потом скромнее, ясно увидев из сравнения и свою злость и его добродетель. Такой жизни я и ищу теперь, какая именно и предложена в Писании, но какой в других местах и на опыте (не нахожу) нигде. Не указывай мне на такого, который обижен и терпит, ибо случается терпеть и по бессилию; но на такого, который в отношении к равносильным и к тем, кому он мог бы мстить, показал бы терпение, хотя и не до такой степени, чтобы превзойти страсть врага и дать ему более, нежели сколько он хотел, и этою добровольною уступкою большего доказал бы свое великодушие и на счет отнятого насильно. Но, что еще выше и этого и что составляет самый верх (добродетели), - Христос повелел нам считать друзьями, и друзьями близкими, тех, которые так поступают с нами и причиняют нам вред и в деньгах, и в телесном здоровье, и во всем прочем. Не только, говорит Он, прибавляй хищнику и лихоимцу, но и люби его любовью самою крепкой и искренней. Это именно желал Он выразить, когда сказал: "**молитесь за обижающих вас и гонящих вас**"(Мф, 5:44; сн. Лк. 6:28). Это мы обыкновенно делаем только за тех, кого весьма любим. И чтобы ты опять не счел этих слов за преувеличение и не подпал дьявольскому обольщению, Он приводит этому доказательство и основательную причину: " **Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?**" (Мф. 5:46-47)? Если же мы в этом нисколько не отличаемся от мытарей и язычников, то как нам не плакать и не сокрушаться? И если бы зло состояло только в этом! Но теперь мы так далеки от любви к врагам, что отвращаемся и ненавидим даже тех,

которые любят (нас); потому что враждовать, завидовать и губить их честь и добрую славу и делами и словами свойственно только тем, кто сильно ненавидит и отвращается. Таким образом, мы в этом не только ничем не отличаемся от язычников, но еще оказываемся гораздо хуже их. Христос повелел "**молиться за обижающих**," а мы строим ковы; нам повелено "**благословлять проклинающих**" (Мф. 5:44), а мы осыпаем тысячью проклятий. Что может быть сильнее этого противоречия и противоборства, какое мы ведем против Законодателя, поступая вопреки всем Его повелениям? Не говорю уже о власти тщеславия, которую Он низложил последующими словами (Мф. 6:1-8), а мы усилили, распространив эту власть его не только на молитвы, посты и милостыни, но и на все прочее, и подчинив себя этой безумной страсти хуже всякого невольника, - не говорю, потому что это ясно для всех; скажу только, что одни из людей, предавшись крайнему нерадению, не соблюдают никаких заповедей, а другие, если и захотят отчасти покоряться им и постараются исполнить некоторые заповеди, то и они опять впадают в тот же недостаток, не желая сбросить с себя уз тщеславия. Один совсем не подает милостыни, а другой даже если и уделяет нуждающимся несколько из своего имущества, но делает это с тщеславием, и потому оказывается ничем не лучше неподающего. Так дьявол всех совершенно опутал своими сетями! Если же кто сможет избежать этого недостатка, то по неразумию опять впадет в схожий с этим или еще гораздо больший грех; и останется не только без пользы для себя от того, что сделал, но и с причинением себе некоторого зла. Я знаю многих, которые помогают нуждающимся не по этим только причинам, но и по дружбе и из угождения и по многим другим подобным побуждениям, а не по страху Божию и не по заповеди. Итак, когда есть столько обстоятельств вредящих добрым делам, то кому из подверженных этим недостаткам легко будет спастись?

5. А слова: "**прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим**"(Мф. 6:12) кто может произнести смело? Мы если и не мстим врагам, то и не залечиваем (нанесенной нам) раны. А Христос желает, чтобы мы не только прощали, но и принимали врагов в число первых друзей. Поэтому, как я сказал выше, Он и повелел молиться за них. Если же ты, хотя и не делаешь зла (врагу), однако отвращаешься от него, смотришь на него с неудовольствием и хранишь в душе рану свою неисцельною, то ты еще не исполнил заповеди, которую дал тебе Христос. Как же ты просишь Бога, чтобы Он был милостив (к тебе), когда сам ты не милостив к оскорбившим тебя? Посмеваясь этому, один мудрец говорит: "**Человек питает гнев к человеку, а у Господа просит прощения; к подобному себе человеку не имеет милосердия, и молится о грехах своих; сам, будучи плотию, питает злобу, кто очистит грехи его?**"(Сир. 28, 3-5)? Хотел бы я уже замолчать и остановить речь на том, что сказано: так стыдно и совестно продолжать далее, потому что дальнейшая речь еще яснее покажет эту борьбу и непримиримую вражду, которую мы оказываем против заповедей Христовых. Но что пользы от нашего молчания, когда дела вопиют об этой вражде, а еще прежде самых дел ясно все знает Тот, Кто будет судить нас? Заповедь - не собирать себе "**сокровища на земле, но на небе**" (Мф. 6:19, 20), хотя и немногие, однако находятся исполняющие верно; прочие же все, как будто услышав противоположную заповедь, как будто имея повеление собирать сокровища на земле, оставили небо и прилепились ко всему земному, с безумной страстью собирают богатство и, возненавидев Бога, любят маммону. Что же касается до заповеди: " **не заботьтесь о завтрашнем дне**" (Мф. 6:34), то я не знаю никого, кто бы слушался и повиновался ей, по маловерию нашему. Поэтому, от стыда, пройду молчанием эту заповедь. Хотя надлежало бы верить Христу и тогда, как Он просто объявляет, но теперь мы не верим Ему, когда Он представил и неопровержимые доказательства, и привел примеры, именно птиц и травы; напротив, подобно язычникам и даже с большим, нежели они, малодушием, терзаемся попечением (о земном), и о чем даже не получили повеления молиться, на то истощаем всю свою заботливость. Посему эту заповедь, со стыдом, как я сказал, пройду молчанием, и перейду к последующему, не найду ли там хоть малое

облегчение своего стыда. Что же после этого говорит (Христос)? "**Не судите, да не судимы будете**" (Мф. 7:1). Здесь я думал найти облегчение своего стыда, но вижу приращение его не меньше, чем от предыдущего. Если бы мы не сделали даже никакого другого греха, то уже этот один может свести нас в преисподнюю геенну: так мы строго осуждаем чужие грехи, а у себя (в глазах) не видим бревен (ст. 3); так мы тратим всю свою жизнь на разведывание и осуждение чужих дел! И не скоро найдешь, и между мирянами и между монахами и клириками, такого, кто был бы свободен от этого греха, несмотря на относящуюся к нему такую угрозу: "**ибо каким судом судите, [таким] будете судимы; и какою мерою мерите, [такою] и вам будут мерить**" (ст. 2). И однако, несмотря на то, что этот грех подвергает такому наказанию, а нисколько не доставляет удовольствия, мы все бежим на зло, как будто стараясь и соревнуя войти в гееннскую печь не одною, а многими дорогами. Мы одинаково грешим не только в отношении к более трудным, но и в отношении к легчайшим (заповедям); нарушая равно и эти и те, и преступлением легчайших доказываем, что мы и труднейших не исполняем по своему небрежению, а не по трудности самых заповедей. Так, скажи мне, какой труд в том, чтобы не разведывать о чужих делах и не осуждать грехов ближнего? Напротив, труд нужен на то, чтобы разведывать и судить о других. Кто же, услышав это, поверит когда-либо нам, что мы дошли до нарушения (заповедей) по беспечности, а не с намерением и не по желанию? Когда то, что (Господь) повелевает делать, легко и удобно для желающих (исполнять), напротив то, что Он воспрещает, более тяжело и трудно, а мы, опуская повеленное, делаем запрещенное, не могут ли враги сказать, что мы грешим по желанию сопротивляться Ему? А что заповеди Христовы не имеют в себе ничего трудного, это объяснил сам Он, в словах: "**возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко**"(Мф. 9:29-30). Но мы, по неизъяснимой беспечности, делаем то, что легкое кажется для многих трудным. Кто хочет ничего не делать, а всегда спать, тому, конечно, кажется трудным и есть и пить; напротив, люди бдительные и бодрые не уклоняются и от весьма дивных и трудных дел, но приступают к ним с большею смелостью, чем беспечные и сонливые к весьма легким. Нет, точно нет ничего легкого, чего бы великая леность не представила нам весьма тяжелым и трудным; равно как нет ничего трудного и тяжкого, чего бы усердие и ревность не сделали весьма легким. Что, скажи мне, могло бы быть тяжелее, как всякий день терпеть опасности, угрожающие смертию? Однако блаженный Павел и это назвал легким, сказав так: "**Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу**"(2 Кор. 4:17). И трудное само по себе дело становится легким по надежде на будущее; эту (причину) привел и сам (Павел), сказав: "**когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое**" (ст. 18).

6. Посмотрим и дальше. **Не давайте**, говорит Христос, "**святыни псам, не бросайте жемчуга вашего перед свиньями**" (Мф. 7:6). Христос дал эту заповедь как повеление, а мы, по тщеславию и неразумному дружелюбию, нарушили и это повеление, допуская к общению таинств, просто и без исследования, людей развратных, неверующих и исполненных множества пороков; прежде точного дознания их нрава открываем им все учение о догматах и сразу вводим в святилище тех, которые еще не могут видеть и преддверия. Поэтому некоторые из посвященных таким образом, скоро сделавшись отступниками, наделали множество зла. И мы нарушаем эту весьма страшную заповедь не только по отношению к другим, но даже и по отношению к самим себе, когда, имея нужду приобщиться бессмертных таин, часто делаем это с присущею нам нечистотою и с бесстыдством. И не только эти заповеди всеми всецело нарушаются, но, как оказывается, и последующие. Так Христос сказал: "**Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними**"(Мф. 7:12). А мы делаем (другим) все, чего сами терпеть не хотим; и, имея повеление входить (в царство небесное) тесными вратами (ст. 13), ищем везде широких. И что таких врат желают и домогаются некоторые

из мирян, это не очень удивительно; но что мужи, которые, по-видимому, распялись (для мира), ищут их более, чем миряне, это изумительно, даже походит на загадку. От всех почти монахов, если пригласишь их на какое-либо дело, тотчас услышишь прежде всего вопросы в таких словах: можно ли им найти покой, может ли приглашающий успокоить их; постоянно повторяется слово: *покой*. Что говоришь ты, человек? Тебе повелено идти тесным путем, а ты спрашиваешь о покое? Тебе заповедано входить узкими вратами, а ты ищешь широких? Что может быть хуже такого извращения дела? А чтобы ты не подумал, будто я теперь говорю это в осуждение других, расскажу тебе о самом себе. Когда я недавно решился, оставив город, уйти в келии монахов, то много раздумывал и беспокоился о том, откуда мне будет доставляемо необходимое и можно ли будет есть хлеб, новоиспеченный в тот же день; не заставят ли меня употреблять одно и то же масло и в светильнике и в пище, не принудят ли питаться жалкими овощами, не отправят ли на тяжелую работу, приказав например рубить или носить дрова, таскать воду, и исполнять все прочие такого рода службы? И вообще у меня было много заботы о (своем) покое. Между тем люди, принимающие на себя должности начальников и управление общественными делами, нисколько не заботятся об этом (покое), но только о том, будет ли дело иметь пользу, пользу временную, и если могут надеяться на это, то уже не думают ни о трудах, ни об опасностях, ни о бесславии, ни об унизительных работах, ни о дальних путешествиях, ни о жизни на чужбине, ни об огорчениях, ни о муках, ни о перемене обстоятельств, ни о возможности совершенного неисполнения надежд, ни о безвременной смерти, ни о разлуке с родными, ни об одиночестве жены и детей, ни о другой какой неприятности; но упоенные страстью к деньгам, переносят все, посредством чего только надеются удовлетворить ее. А мы, которым уготованы не деньги и не земля, но небеса и небесные блага, которые "**не видел глаз, не слышало ухо",** и которые "**не приходили на сердце человеку**" (1 Кор. 2:9), - мы спрашиваем о покое? Так мы более их жалки и слабы! Что говоришь ты, человек? Ты намереваешься идти на небо и получить там царство, и - спрашиваешь, нет ли какой трудности на этом пути и в этом путешествии, не стыдишься, не краснеешь и не бежишь скрыться под землею? Хотя бы там были все человеческие бедствия, злословия, обиды, бесчестия, клеветы, меч, огонь, железо, звери, потопления, голод, болезнь, и вообще все беды, какие случаются в жизни от начала доселе, неужели ты не посмеешься, скажи мне, и не презришь все это? Даже подумаешь ли об этом? Что было бы глупее, ниже и жалче такой души? Объятому желанием небесного не должно, не говорю - искать покоя (телесного), но и наслаждаться им, когда он имеется. Не странно ли, что, тогда как любящие нечистою любовию так всецело предаются своим возлюбленным, что кроме их и пребывания с ними, не находят ничего приятного в других удовольствиях настоящей жизни, как ни много их, мы, объятые не какою-либо нечистою, но самою возвышенною любовию, не только не пренебрегаем покоем, когда его имеем но еще ищем, когда его нет?

7. Никем еще, возлюбленный, не овладело желание небесных благ, как следовало бы овладеть; иначе он почел бы тенью и посмешищем все то, что (теперь) кажется трудным. Так, кто увлекается настоящим, тот никогда не удостоится увидеть будущие блага; а кто презирает здешнее и все считает не лучше тени и сновидения, тот скоро получит те великие и духовные блага. И если у кого действительно будет это благое (настроение), то оно окажет такую же силу, как огонь в терновнике; и хотя бы (такого человека) угнетало множество зол, хотя бы опутывали его многие верви грехов, хотя бы сильно горел в нем пламень похоти и окружало его великое смятение житейских дел, это (желание небесных благ), как бы крепким бичем, совершенно рассеет все такое и удалить от души. Как легкая пыль не может устоять против напора сильного ветра, так и множество нечистых пожеланий не может выдержать устремившейся против них силы сокрушения, но исчезает и рассеивается скорее всякой пыли и дыма. Если плотская любовь так порабощает душу, что отвлекает ее от всего и подчиняет влиянию одной возлюбленной, то чего не сделает

любовь ко Христу и страх быть отлученным от Него? Как трудно и даже невозможно смешать огонь с водою, так, думаю, невозможно совместить наслаждение (земными благами) с сокрушением; потому что они противоположны и взаимно исключают друг друга. Одно есть мать слез и трезвенности, а другое - смеха и неумеренности; одно делает душу легкою и окрыленною, а другое приводит ее в состояние тяжелейшее всякого свинца. И это я попытаюсь доказать не моими словами, но - того, кто сам был объят этою прекрасной любовью. Кто же это такой? Пламенный любитель Христа, Павел, который так был уязвлен этою любовию, что даже стенал о замедлении и продолжительности здешнего странствования: "**находясь в этой хижине**", говорит он, "**воздыхаем**" (2 Кор. 5:4); однако готов был и желал еще оставаться здесь для Христа: "**а оставаться во плоти**" , говорит он, "**нужнее для вас**"(Флп. 1:24), то есть, для того, чтобы распространилась вера во Христа. Поэтому он переносил и голод, и жажду, и наготу, и узы, и (опасности) смерти, и морские путешествия, и кораблекрушения, и все прочие беды, им самим исчисленные; и не только не тяготился ими, но еще радовался, а причиною тому была любовь Христова. Потому он и говорил: "**Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас**" (Рим. 8:37). И не удивляйся этому: если любовь человеческая часто побуждала решаться на смерть, то чего не сделает любовь Христова? Какой не облегчит трудности? Так и ему все было легко, потому что он взирал только на возлюбленного (Христа), и для Него все терпеть считал выше всякого удовольствия и наслаждения, что и действительно так. Он даже и не думал, что он находится на земле, в настоящей жизни, и обращается с людьми; но как будто уже имел небесный жребий, обитал с ангелами, получил царство и наслаждался (созерцанием Бога) лицом к лицу, поэтому презирал и радости и горести настоящей жизни, и нисколько не заботился о покое, которого мы ищем постоянно, но восклицал так: " **Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками**" И еще: "**мы как сор для мира, [как] прах, всеми [попираемый] доныне**"(1 Кор. 4:11-13). Обратив же очи души на небо и прилепившись к тамошней красоте, он не хотел уже опять возвратиться на землю; но как бедняга и нищий, все время скрывавшийся в темной и низкой хижине, увидев царя блистающего золотом и лучами камней, не захочет уже и подумать о своем бедном жилище, а будет всячески стараться о переселении в другое жилище, если это возможно; так и блаженный (Павел), увидев небесные блага, смотрел с пренебрежением на здешнюю бедность и, - по необходимости, телесно обращаясь с людьми, ни к чему здешнему не прилеплялся, а всецело переселился в тот (небесный) град. И что я говорю о горестях настоящей жизни? Любовь Христова так воодушевила его, что если бы ему предстояло терпеть для Христа и вечные наказания, он никогда не отказался бы и от этого, потому что он служил Христу не так, как (служим) мы, наемники, страшась геенны и желая царствия. Быв объят какою-то другой, несравненно лучшей и блаженнейшей любовью, он и терпел и делал все не для чего иного, как для того, чтобы только удовлетворить любви, которую питал ко Христу и которая так овладела умом его, что он охотно расстался бы и с тем, что для него было дороже всего, - т. е. пребыванием со Христом, - для чего он пренебрегал и геенной и царством небесным, решившись для Христа встретить и с великой готовностью принять, как одно из вожделеннейших благ, даже и это невыразимое отлучение (от Христа за израильтян, Рим. 9:3).

8. Сказанное мною теперь, может быть, многим покажется неясным; а когда я скажу то же яснее, тогда опять покажется невероятным для тех, кому прежде было неясно. И это нисколько не удивительно; сам блаженный (Павел), ожидая, что ему не поверят в этом, предварительно сказал: "**Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом**" (Рим. 9:1). Однако, несмотря на то, что он присовокупил в своему изречению такие слова и призвал таких свидетелей своей совести, и ему теперь еще не верят.

Что же именно говорит он? Послушай. После речи о бедствиях в этом мире, сказав: "**Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?**" (Рим. 8:35), и перечислив все, что на земле, он восходит на небо; и желая показать, что пренебрегать для Христа здешними наказаниями не великое дело, прибавил: "**ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь**" (Рим. 8:38-89). Смысл слов его такой: не только люди не будут в состояния отвлечь меня от этой любви, но и ангелы, и даже если соберутся вместе все небесные силы, и они не будут в состоянии сделать этого. Что я говорю? Даже если бы надлежало для Христа лишиться царствия или низринуться в геенну, и это мне не страшно. Это, а не другое что, означают слова: высота, и глубина, и жизнь, и смерть. А так говорил он не потому, что ангелы станут усиливаться отлучить его от Христа; но он на словах предполагает то, чего и быть никогда не может, чтобы изобразить и объяснить всем свою великую любовь. Таково свойство любящих: они не могут молчать о своей любви, но обнаруживают свой пламень пред всеми ближними, непрерывною беседою о превосходстве любви успокаивая свою душу. Так поступил и блаженный (Павел): обняв словом все, что есть и что будет, что случается и чего никогда не случится, видимое и невидимое, всякое наказание и всякую отраду, он, как будто этого ему было недостаточно для выражения своего чувства, предположив и выразив словом столько же других несуществующих предметов (к этим несуществующим предметам относится выражение: ″**другая какая тварь**"), таким образом показал, что из всего сказанного ничто "**не может отлучить его от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем**" (Рим 8:39). На такую высоту поднял свою любовь (Павел); а мы, получившие повеление подражать ему (1 Кор. 11:1), не переносим благодушно и здешних скорбей, но сетуем и ропщем не менее одержимых горячкой. Продолжительная болезнь эта, охватившая наши души, от продолжительности сделалась, там сказать, неизлечимой, и мы не можем даже подумать о совершенном здоровье, которого восстановление нам кажется уже невозможным. И если услышим, что кто-либо указывает на апостолов и говорит об их подвигах, мы вместо того, чтобы тотчас заплакать о себе, что мы так отстали от них, не считаем и за грех эту (отсталость), но ведем себя так, как будто и невозможно взойти на такую высоту. А если кто-нибудь спросит о причине, мы тотчас представляем такое неразумное оправдание: то был Павел, то был Петр, то Иоанн. Что значит: то был Павел, то был Петр? Не ту же ли природу, скажи мне, имели и они? Не тем же ли, как и мы, путем пришли они в жизнь? Не той же ли питались пищею? Не тем же ли дышали воздухом? Не теми же ли пользовались вещами? Не имели ли одни из них жен и детей, другие - и житейские ремесла, а иные даже не низвергались ли в самую бездну зла? Но они, скажет кто-нибудь, пользовались великою благодатию Божиею! Так, если бы нам повелевалось воскрешать мертвых, или отверзать очи слепых, или очищать прокаженных, или исправлять хромых, или изгонять демонов и врачевать другие подобные болезни: тогда уместно было бы такое наше оправдание. Но если теперь требуется строгость жизни и изъявление послушания (закону Христову), то как идет к этому такое оправдание? И ты при крещении получил благодать Божию и стал причастником Духа, если и не столько, чтобы творить чудеса, то сколько нужно иметь для правильной и благоустроенной жизни; таким образом - наше развращение происходит единственно от нашей беспечности. И Христос в тот день (суда) будет давать награды не тем, которые только делали чудеса, но тем, которые исполняли Его заповеди. "**Приидите**", - скажет Он, - "**благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**," не за то, что вы творили чудеса, но за то, что "**алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; 36 был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне.** " (Мф. 25:34-36). И в учении о блаженствах Он нигде не упоминает о делающих чудеса, а только - о ведущих жизнь праведную (Мф. 5:3-12).

9. Итак, хотя благодать ныне сократилась, однако это нисколько не может повредить нам, но не послужит и к нашему оправданию, когда мы будем давать отчет в делах. И тем блаженным (апостолам) мы удивляемся не за чудеса, потому что чудеса вполне зависели от силы Божией, но за то, что они явили жизнь ангельскую; а эта жизнь, при высшей помощи, есть дело и их собственного усердия. Это не я теперь говорю, но - сам подражатель Христов (Павел). Когда он в послании к ученикам опровергал лжеапостолов и хотел показать различие между чистым и нечистым служением, то указал не на чудеса, но на подвиги свои, следующими словами: "**Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше. Я гораздо более [был] в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока [ударов] без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине [морской]; много раз [был] в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних [приключений], у меня ежедневно стечение [людей], забота о всех церквах. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?**" (2 Кор. 11:23-29)? За это я удивляюсь апостолам; а без этого, получившие по домостроительству (Божию) власть чудотворения не только не заслужили бы удивления, но даже сделались бы отверженными, как показывает и Христос, когда говорит: "**Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие**" (Мф. 7:22-23). Поэтому Он и ученикам внушал: "**однакож тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах**" (Лк. 10:20). Жизнь праведная и без чудес получит венцы и ничего тогда не потеряет; а жизнь беззаконная и с чудесами не может избегнуть наказания. Итак сказанное нами оправдание неуместно, и не только неуместно, но даже опасно, и для многих еретиков служит предлогом. Если апостолы сделались столь дивными не по собственному своему изволению, а только по благодати Христовой, то что препятствует и всем сделаться такими же? Благодать, если бы наперед не требовала зависящего от нас, вдруг излилась бы в души всех, потому что у Бога нет лицеприятия; а так как она требует и зависящего от нас, то за одними следует и пребывает в них, от других удаляется, к иным же и вовсе не приходит. А что еще прежде, нежели блаженный (Павел) совершил что-либо дивное, Бог, узнав сначала его расположение, уже дал ему благодать, узнай из того, что Он говорит об нем: "**он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми**" (Деян. 9:15). Так Испытующий сердца наши засвидетельствовал, когда (у Павла) еще не было благодати. Не будем же, возлюбленные, обманывать себя и говорить, что никому невозможно быть подобным Павлу. Другого Павла, по благодати и чудесам, конечно уже не будет никогда, но по строгой жизни может быть таким каждый желающий; а если нет таких, то единственно потому, что не хотят. Впрочем не знаю, как я дошел до такого неразумия, что ищу между нынешними людьми подобных Павлу, когда не могу видеть и таких, которые были бы подобны третьим или четвертым после него. Об этом должно скорбеть, и плакать, и рыдать, не один и не два только дня, но во всю жизнь; потому что кто приведет себя в такое состояние, тот впоследствии не скоро будет грешить. Если не веришь этим словам, то посмотри на плачущих, именно мирским плачем, притом не из числа простых и ведущих трудовую жизнь, но из числа тех изнеженных людей, которые ничего не знают, кроме удовольствий. И эти люди, которые преданы пьянству и объядению, продолжают обеды до вечера и ужины до полуночи, отнимают чужое, не щадят ни вдовы, ни бедного, ни слабого, и показывают великую жестокость; когда бывают объяты сильною скорбию,

которая может возмутить и взволновать душу до глубины, отвергают все сладострастные и преступные пожелания и обращаются к любомудрой жизни, отличаясь строгим поведением, бодростию, земными поклонами, терпением, постом, молчанием, скромностью, смирением и великим человеколюбием. Те, которые отнимали чужое, в это время готовы охотно отдать и свое; и хотя бы кто подложил огонь под их дом со всем имуществом, они не будут гневаться. Я знаю много таких, из которых одни, после потери возлюбленных, оставив город и его удобства, поселялись в деревнях, а другие строили себе дома при могилах усопших и там оканчивали жизнь. Но об этом после. Пока печаль их находится в силе, они нисколько не заботятся о настоящем, но ту безумную страсть, с которою они стремились к сбережению и скоплению денег и приобретению власти и славы в народе, попалив огнем скорби, как траву или цвет травы, изгоняют из души, и ум их тогда объемлется таким любомудрием, что им неприятно и говорить об удовольствиях настоящей жизни; но все, что прежде им казалось приносящим наслаждения, уже кажется противным и весьма горьким, и никто из слуг и друзей не посмеет тогда и слова сказать о мирских делах, даже весьма нужных; все оставляется без внимания и уступает место беседам о любомудрии, потому что тогда скорбию, как бы в каком священном месте, душа научается ничтожеству человеческой природы, кратковременности настоящей жизни, тленности и непостоянству житейского, обманчивости совершающегося на позорище (мира). Тогда (является) великое презрение к деньгам, тогда истребляется гнев, тогда оставляется честолюбие, и уже не может ни зависть обитать, ни гордость свирепствовать в сокрушенном скорбию, и похоть не разжигает сладострастного; но, по удалении всего этого из сердца, поселяется в нем один помысл, представляющий непрестанно образ умершего. Образ этот (для него) и пища и питие, и сон, и удовольствие, и покой, и великая отрада; это (для него) и слава, и богатство, и власть, и наслаждение.

10. Так и нам надлежало бы, - чтобы не сказать чего более, - оплакивать нерадение о своем спасении; с такою любовью и готовностью всем должно бы направлять туда очи души и постоянно памятовать и представлять его себе. Между тем как потерявшие детей и жен не занимают своего ума ничем другим, как только представлением отшедших от них; мы, потерявшие царство небесное, думаем обо всем больше, чем о нем. Из тех никто, хотя бы царского был рода, не стыдится обычной печали; но и сядет на землю, и заплачет горько, и переменит одежду, и с великой готовностию подчинится всем прочим требованиям такого горя; не станет думать ни о своем воспитании, ни о состоянии тела, ни о могущих быть впоследствии болезнях от изнурения, но все перенесет весьма легко; такое, и даже большее, терпение выказывают не только мужи, но и жены, сколько бы они ни были слабы. А мы, оплакивая не детей, не жен, но погибель души, души не чужой, но своей собственной, притворно ссылаемся на слабость тела и нежность воспитания. И если бы зло ограничивалось только этим! Но теперь мы не делаем и того, на что нам нисколько не нужна сила телесная. Так, скажи мне, какая нужда в силе телесной, когда надобно сокрушить сердце, помолиться трезвенно и бодро, подумать о грехах, низложить гордость и надменность, смирить ум? Вот что умилостивляет к нам Бога, не требуя большого труда; а мы и этого не делаем. Плакать (о душе) значит не то только, чтобы облечься во вретище, заключиться в келье и сидеть в темноте, но постоянно памятовать о своих грехах и мучить совесть этими помыслами, непрестанно измерять то пространство пути, на какое мы отстоим от царства небесного. Как же, скажут, этому быть? Как? Если мы будем всегда иметь пред глазами геенну и ангелов, которые во время (суда) разойдутся повсюду и соберут со всей вселенной имеющих быть отведенными в геенну; если станем размышлять, какое великое, и без геенны, наказание - лишиться царства. Поистине, если бы даже не угрожал нам тот огонь и не ожидали нас вечные наказания, то одно отлучение от кроткого и человеколюбивого Христа, за нас предавшего Себя на смерть и претерпевшего все, чтобы избавить от того мучения и примирить с Отцем Своим нас, бывших по грехам врагами Его, - одно это, хотя бы мы и не лишились предлежащих

неизреченных и вечных благ, больше всякого наказания в состоянии и пробудить души и расположить к постоянной бдительности. Если мы, только читая пример пяти дев, которые из-за недостатка елея отлучены были от брачного чертога (Мф. 25:8-12), скорбим об их несчастии наравне с ними самими и смущаемся, то при одной мысли, что и мы сами подвергнемся тому же за беспечность, кто (из нас) будет настолько каменным, чтобы, постоянно имея в душе этот пример, предаваться нерадению? Можно бы распространить слово и более, но так как оно сказано нами только из послушания, а не по другой нужде, то и написанного больше, чем требовалось. Мне хорошо известно, что ты сам строго содержишь всю добродетель сокрушения, и мог бы, даже молча, учить ей и других, если бы они пожелали хотя недолго пожить с твоим благочестием и видеть твою крестную жизнь. Так, если нашим современникам нужно учиться сокрушению, они должны идти в твое жилище, а потомки - слушать о твоих делах; великое, я думаю, руководство к этому доставит один рассказ о твоей жизни. Посему прошу и умоляю, наконец, вознаградить нас и воздать своими молитвами, чтобы мне не только говорить о сокрушении, но и оказывать его делами; потому что учительство без дел не только не доставляет никакой пользы, но даже приносит великий вред и осуждение тому, кто проводит жизнь свою в такой беспечности. "**Не всякий**", говорит (Господь), "**говорящий Мне: Господи Господи, а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном**" (Мф. 5:19; ср. 7:21).

СЛОВО ВТОРОЕ.

К СТЕЛЕХИЮ.

КАК возможно быть тому, что приказал ты, святой Божий человек, Стелехий? Как от души, столь слабой и холодной, произойти словам о сокрушении? Кто намерен сказать об этом предмете что-нибудь доброе, тому надобно, я думаю, самому больше и прежде всех других воспламениться и гореть такою ревностью, чтобы произносимые им слова об этом, сильнее раскаленного железа, врезывались в душу слушателей. А у нас нет этого огня, но все, что внутри - прах и пепел. Как же, скажи мне, как зажечь нам этот пламень, когда у нас нет ни искры, ни подложенного вещества, ни ветра, который бы притек и раздул этот пламень, вследствие великой мглы, какую распростерло над нашею душою множество грехов? Я не знаю. Пусть же будет тобою, давшим приказание, сказано и то, как это приказание может перейти в дело и получить надлежащее исполнение. Мы предложим в услуги свой язык, а ты моли Исцеляющего сокрушенных сердцем, Подающего малодушным долготерпение, Воздвигающего с земли бедного, чтобы Он возжег в нас тот огонь, который обыкновенно уничтожает всякую немощь человеческую, истребляет всякую сонливость, беспечность и огрубелость плотскую, направляет полет души к небу, а с того свода (небесного), как бы с некоей возвышенной вершины, показывает всю суетность и обманчивость настоящей жизни. А кто не может возлететь туда и воссесть на этой высоте, тому невозможно видеть, как следует, ни земли, ни того, что делается на земле. Так как (здесь) много есть такого, что омрачает зрение, много такого, что возмущает слух и удерживает язык; то надобно, уклонившись от всякого шума и дыма, удалиться в ту пустыню, где тишина великая и ясность чистая, а шума никакого, где глаза пристально и неуклонно устремлены к созерцанию любви Божией, а слух невозмутимо предан одному занятию - слушанию Слова Божия и вниманию к той стройной и духовной гармонии, сила которой, однажды пленив душу, так овладевает ею, что (человек), увлеченный этою мелодиею, неохотно принимает и пищу, и питие, и сон. Посему этой силы не может ослабить ни смятение житейских дел, ни напор многих плотских (пожеланий). До этой высоты духовной не достигает поднимающийся шум бури, происходящей внизу; но, как взошедшие на вершины гор не могут уже ни слышать, ни видеть ничего, что делается или говорится в городе, а слышат какой-то неясный и

неприятный шум, который нисколько не лучше жужжания ос; так и удалившиеся от житейского и возлетевшие на высоту духовного любомудрия, не чувствуют ничего нашего; потому что, пока душа вращается на земле, тело и чувства телесные облагают ее бесчисленными цепями, со всех сторон собирая страшную бурю преходящих удовольствий: и слух, и зрение, и осязание, и обоняние, и язык, вносят в нее извне множество зол. Но когда она воспаряет и предается занятию духовными предметами, то заграждает вход греховным мечтаниям, не закрывая чувств, а направляя их деятельность на ту же высоту. Как грозная и строгая госпожа, начав приготовлять разнородную, тяжеловесную и драгоценную масть, и нуждаясь для этого во множестве рабочих рук, будит своих служанок и, приведши их к себе, одной приказывает отбирать в решето еще не приготовленные ароматы, другой взять безмен и весы и смотреть внимательно, чтобы их не вошло меньше или больше надлежащего и чрез это не нарушилась бы соразмерность приготовляемого состава; одной велит варить, что нужно, другой тереть, что не хорошо (протерто), а третьей соединять и смешивать одни вещества с другими, одной стоять с кувшином, другой - с другим сосудом, а третьей держать что-либо иное, и таким образом привязав к делу и ум и руки их, не дает ничему испортиться, тщательно присматривая за всем и не позволяя глазам блуждать и развлекаться по внешним предметам: так и душа, приготовляя эту драгоценную масть, то есть, сокрушение, обращает чувства к самой себе и останавливает их рассеянность. И если случатся ей, собравшись к самой себе, размышлять о чем-либо праведном и богоугодном, она тотчас заставляет чувства прекратить свою деятельность, чтобы они не ввели в нее неблаговременно чего-либо ненужного, и тем не возмутили внутренней тишины ее. Поэтому, хотя приражаются и звуки к слуху и видимые предметы к зрению, но ни один из них не проникает внутрь, так как деятельность каждого из этих членов бывает обращена к душе. И что я говорю о звуках и видимых предметах, когда многие из бывших в таком состоянии не чувствовали не только того, что другие проходили пред их глазами, но даже и того, что ударяли их? Такова душевная добродетель, что желающему легко, находясь на земле, но как бы восседая на небе, не чувствовать ничего происходящего на земле.

2. Таков был блаженный Павел; вращаясь среди городов, он был столь далек от всего настоящего, сколько мы отличаемся от мертвых тел. Так, когда он говорит: "**для меня мир распят**"(Гал. 6:14), то разумеет эту нечувствительность (к земному), и даже не одну эту, но и другую такую же, так что она была в нем двоякая. Он не сказал только:"**для меня мир распят**", и - замолчал; но последующими словами указал и на другую (нечувствительность), сказав: "**и я для мира**". Велико любомудрие в том, чтобы мир почитать мертвым; но еще большее и гораздо важнейшее в том, чтобы и самому быть как бы умершим для него. Итак изречение Павла означает следующее: он, по словам его, далек был от настоящего не столько, сколько живые от мертвых, но столько, сколько мертвые от мертвых. Живой, конечно, не питает пристрастия к умершему, однако имеет другое какое-либо чувство, - или удивляется еще красоте покойного или жалеет и плачет о нем; а мертвый к мертвому не питает и такого чувства и расположения. Это желая выразить, он к словам: : "**для меня мир распят**", прибавил: "**и я для мира**". Видишь ли, как он был далек от вселенной, как, шествуя на земле, достиг до самой небесной высоты? Не говори мне о горных вершинах, о лесах, о долинах и непроходимой пустыне: одних их недостаточно для освобождения души от шума (мирского), а нужен тот пламень, который возжег Христос в душе Павла и поддерживал сам блаженный духовным помыслом, и поднял до такой высоты, что этот пламень, начавшись снизу - с земли, достиг до самого неба, и до высшего неба, до самого высшего, - ибо сам он был восхищен до третьего неба (2 Кор. 12:2); но его расположение и любовь ко Христу простирались выше не только трех, но и всех небес. По телу он был мал и нисколько не превышал нас; но по расположению духа чрезмерно возвысился над всеми людьми, существующими на земле. И тот не погрешил бы, кто представил бы состояние этого святого под таким образом:

будто бы какое-то пламя, обнявши поверхность всей земли и поднявшись вверх, прошло со всех сторон небесный свод и, пробежав сквозь лежащий выше его воздух, - воздух ли это, или что другое, - наполнило огнем середину между двумя небесами, и здесь не остановило своего течения; но, вдруг устремившись, поднялось до третьего неба и сделало все одним пожаром, которого широта равняется пространству всей земли, а высота - расстоянию от нас до третьего неба . Впрочем, и таким образом я, кажется, не изобразил и малейшей части любви его. А что эти слова не преувеличены, всякий точно может узнать, прочитав написанное нами об этом предмете к Димитрию. Так должно любить Христа, так - отрешаться от настоящего. Таковы были души и у святых пророков; потому они и получили другие очи. Отрешиться от настоящего было делом их собственного усердия; а что потом у них открылись другие очи для созерцания будущего, это уже было делом Божией благодати. Таков был Елисей: так как он отдалился от всего житейского, возлюбил царство небесное и презрел все настоящее, то есть царство и власть, и славу и всеобщее уважение; то и увидел никем невиданное никогда - целую гору, покрытую строем огненных коней и таких же колесниц и воинов (4 Цар. 6:17). Кто прельщается настоящим, тот никогда не удостоится созерцать будущее; а кто пренебрегает здешним и считает его не лучше тени и сновидения, тот скоро получить великие и духовные блага. Так и мы богатство, принадлежащее мужам, открываем своим детям тогда, когда увидим, что они стали мужами и пренебрегают всем детским; но пока они прельщаются последним, мы считаем их недостойными перваго. Душа, не приучившаяся пренебрегать маловажным и житейским, не в состоянии будет созерцать небесное, равно как и созерцающая последнее не может не посмеиваться первому. Это говорил и блаженный Павел; хотя слова его и относятся к догматам, однако, могут быть применены и к нравам и к дарованиям именно: "**Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия**"(1 Кор. 2:14).

3. Итак мы, как я сказал, должны искать пустынножительства не только в каких-либо местах, но и в самом произволении, и прежде всего другого - душу свою вести в самую необитаемую (пустыню). При таком расположении и блаженный Давид, живший в городе, управлявший царством и обремененный бесчисленными заботами, был объят любовью Христовой сильнее живших в пустынях. Таких слез, вздохов и рыданий днем и ночью едва ли кто увидит у кого-либо из ныне распявшихся (для мира), если только такой действительно найдется. При этом мы должны не только обратить внимание на слезы, но и вникнуть в то, кто их проливал; потому что не все равно, облеченный ли (царским) достоинством, всеми почитаемый и не подлежащий ничьим обличениям, смиряется, уничижается и изнуряет себя, или делает то же самое не имеющий ничего такого. Царя многое доводит до расслабления и препятствует ему собраться духом. Он и от ежедневной роскоши расслабевает и изнеживается, и властью надмевается и увлекается к гордости; его воспламеняет и любовь к славе, и не меньше того любовь плотская, рождающаяся от власти и питаемая роскошью. Кроме того, вихри забот, устремляющиеся на него со всех сторон, возмущают душу его не меньше тех страстей, и посему сокрушение, встречая столько преград, никак не может найти доступа (к нему); ибо и свободная от всего этого душа с трудом может насаждать в себе это благо. А частный человек, если только он не крайне развращен, чужд всего этого смятения; потому и может предаться (сокрушению) с меньшим неудобством, нежели пользующийся таким могуществом, властью и честью. Как трудно и даже невозможно смешать огонь с водою, так думаю, невозможно совместить наслаждение (земными благами) с сокрушением, потому что они противоположны и несовместимы между собою. Одно есть мать слез и трезвенности, а другое - смеха и неумеренности; одно делает душу легкою и окрыленною, а другое приводит ее в состояние, тяжелейшее всякого свинца. Но я не сказал еще самого важнейшего, того, что (Давид) жил в те времена, когда не требовалось особенной строгости в образе жизни; а мы приступили к подвигу тогда, когда полагается великое наказание не только за другие

грехи, но и за смех, и напротив постоянно одобряется плач и скорбь. Однако, этот блаженный, разрушив все препятствия, предавался сокрушению так сильно, как будто был из числа простых людей и никогда не видал и во сне ни царства, ни царского великолепия; и в порфире, и в диадиме, и на царском престоле показал такое же сокрушение, как сидящий во вретище, на пепле и в пустыне. У кого действительно есть это благое настроение, оно оказывает такую же силу, как огонь в терновнике, и хотя бы (такого человека) угнетало множество зол, хотя бы опутывали его многие верви грехов, хотя бы сильно горел в нем пламень похоти, и окружало его великое смятение житейских дел, это (сокрушение), как бы крепким бичом, совершенно рассеет все такое и удалит от души. Как легкая пыль не может устоять против напора сильного ветра, так и множество похотей не может выдержать устремившейся на них силы сокрушения, но исчезает и рассеивается скорее всякой пыли и дыма. Если плотская любовь так порабощает душу, что отвлекает ее от всего и подчиняет влиянию одной возлюбленной, то чего не сделает любовь ко Христу и страх быть отлученным от Него? То и другое так волновало душу пророка, что он иногда говорил: "**Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!**" (Пс.41:2) и еще: "**душа моя - к Тебе, как жаждущая земля**." (Пс.142:6) и: "**к Тебе прилепилась душа моя**"(Пс. 62:9); а иногда: "**Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня**" (Пс. 6:2).

4. Пусть никто не говорит мне, что Давид написал этот (шестой) псалом, оплакивая свой грех. Это неверно и сделанная на верху (псалма) надпись не допускает такого предположения. Если бы содержания (псалма) нельзя было указать в надписи, то можно бы, если угодно, применить этот псалом и к обстоятельствам того греха; но когда известен (другой) псалом, сказанный по этим обстоятельствам, а настоящий псалом имеет иное содержание, то, прошу, не станем приводить в беспорядок божественное и собственным суждениям придавать более важности, нежели догматам, изреченным от Духа. Какая же надпись (6-го псалма)? *О восьмом*, "**На восьмиструнном**" (Пс.6:1), говорит (Давид). Какой же это восьмой (день), если не тот день Господень, великий и славный, подобный печи горящей, который заставит трепетать и горние силы ("**и силы небесные**", сказано, "**поколеблются**", Мф. 24:29), и изведет огонь, предшествующий Царю (Христу)? Он назвал этот день восьмым, указывая на перемену (настоящего) состояния и на обновление жизни будущей. Настоящая жизнь не что иное, как одна седмица: начинается она первым днем, а оканчивается седьмым: и потом опять круговращается в тех же пределах, восходя к тому же началу и нисходя к (тому же) концу. Поэтому никто не назвал бы дня Господня (воскресного) восьмым, но - первым; потому что круг седмицы не простирается до восьмеричного числа. Когда же все настоящее прекратится и разрушится, тогда наступит течение восьмого дня; оно не будет возвращаться к началу, но устремится в дальнейшие пространства. Итак пророк, от сильного сокрушения, имел всегда в памяти у себя (последний) суд, среди такого почета и удовольствий непрестанно видел перед собою тот день, о котором мы едва вспоминаем в скорбях, и, постоянно размышляя о судьбах Божиих, написал этот псалом. Что же говорит он? "**Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня**" - называя яростию и гневом великую силу наказания (он знал, что Бог свободен от всякой страсти), хотя и сознавал себя достойным не мучения и наказания, но почести и венцов. Его вера, которой он низверг башню иноплеменников (Голиафа) и весь народ иудейский исторг из самых врат смерти и благодеяние, оказанное им не раз не два, а многократно своему гонителю (Саулу), и прежде того приговор о нем, произнесенный самим Богом, достаточно показывают доблесть этого мужа более самых заслуг его. Дела (человеческие), как бы ни были велики и дивны, могут однако быть подозреваемы в порочности, хотя заслуги этого праведника (Давида) по большей части свободны от всякого подозрения. Но когда свидетельствует Бог, тогда приговор не подлежит никакому подозрению; и если бы Давид не представил самого верного доказательства своей доблести, то и не получил бы небеснаго

засвидетельствования. Что же Бог говорит о нем? "**Нашел Я мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иессеева**" (Деян. 13:22; ср. 1 Цар. 13:14). И однако, после такого суда (Божия) и после таких подвигов своих, он произносил слова свойственныя осужденным и не имеющим никакого дерзновения пред Богом, исполняя евангельское (повеление): "**когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать**." (Лк. 17:10). Что больше этого сказал и тот, действительно исполненный множества грехов мытарь, который не осмеливался ни взглянуть на небо, ни произнести много слов, ни стать вблизи фарисея? Этот поносил его, говоря: "**я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь**"(Лк. 18:11); а тот принял его слова так, как будто бы не слыхал ничего обидного, и не только не вознегодовал, но и почтил оскорбителя и гордеца такою честию, что признал себя недостойным той земли, которую этот попирал; не произнес ничего, кроме исповедания своих грехов и, сильно ударяя себя в грудь, горячо молил Бога быть милостивым к нему. Впрочем, нисколько не удивительно, что он так поступал, потому что множество грехов заставляло его, волею и неволею, преклонять голову; а что праведный и не сознававший за собою ничего такого приступал (к Богу) с таким же самоосуждением, как мытарь, это удивительно и показывает душу, истинно сокрушенную. Ибо чем отличаются от слов: "**будь милостив ко мне грешнику**" (Лк. 18:13) слова: "**Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня**"? Последние даже более выражают, нежели сколько первые. Мытарь не смел взглянуть на небо, а праведный (Давид) сделал гораздо больше его. Тот говорил: "**будь милостив ко мне**", а этот не осмелился сказать и этого; не сказал: "**не обличай меня"**, но:" **не в ярости Твоей**"*;* не сказал: "**не наказывай меня**"*,* но: "**не во гневе Твоем**", молил не о том, чтобы не быть наказанным, но чтобы не тяжко быть наказанным. Таким образом из всего можно видеть смирение души его - и из того, что он почитал себя достойным такого наказания, и из того, что он не осмеливался умолять Бога о совершенном прощении, а это свойственно крайне осужденным и признающим себя грешнее всех людей. А еще важнее то, что и самого избавления от тяжкого наказания он просит у милости и человеколюбия Божия, как немощный. "**Помилуй меня**", говорит, "**ибо я немощен**" (Пс. 6:3). Что это? Удостоившийся такого засвидетельствования и не забывающий судеб Божиих ("**суды Твоя**"*,* говорил он, "**не забыл**" Пс. 118:30), сияющий светлее солнца, говорит такие слова? Да; то и достойно удивления, что совершивший столь великие дела ничего великого и не сказал и не подумал о себе, но почитал себя последним из всех и просил себе спасения от одного человеколюбия Божия. Он как бы так говорил: я достоин неослабного наказания и вечных мучений; но, как я уже не в силах переносить, то и молю об избавлении меня от настоящих бедствий, - подобно рабам, сделавшим много дурного, которые не могут сказать, что не согрешили, но так как боль от бичей невыносима, то умоляют наконец о прекращении ударов. Но здесь, я думаю, Давид разумел еще и другую немощь. Какую же? Немощь, которая в нем происходила от скорби и воздыханий. Когда постигнет нас с великою силою чрезмерная скорбь, то она пожирает всю силу души. Это, я думаю, испытал и праведник от сильнаго самоосуждения и от того, что не увлекался приятными надеждами, но всегда противоположными. Это ясно выражает он и в дальнейших словах. Сказав: "**Господи! не в ярости Твоей обличай меня, помилуй меня**"*,* он присовокупил "**ибо я немощен; исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены; и душа моя сильно потрясена** (Пс. 6:3-4). Если же тот, у кого совесть была так чиста, молит, чтобы дела его не подверглись строгому исследованию: что сделаем мы, которые обременены столь многими пороками, так далеки от его дерзновения и не показали даже малейшей доли его исповедания? Почему же этот блаженный изрекал такое исповедание? Он был убежден, что никто не оправдается пред Богом, что и праведный едва спасается; поэтому и умоляет (Бога) - иногда так: "**не входи в суд с рабом Твоим**" (Пс. 142:2); а иногда так: "**Помилуй меня, ибо я немощен**" (Пс. 6:3).

5. Замечательно, что Давид нигде не упоминает о своих добрых делах, но предоставляет свое спасение человеколюбию Божию. Это свойственно сокрушенной душе и смиренному духу; и отсюда произошло то, что совершивший великие добродетели боялся и трепетал более грешников. А что Давид так трепетал и боялся, послушай, как он сам говорит: "**Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, - Господи! кто устоит?**"(Пс.129:3) Знал он, ясно знал, что мы много должны Богу и что самые маловажные грехи достойны великого наказания; предвидел задолго, какия заповеди даст Христос по пришествии своем; верил, что будут строго осуждены не только убийства, но и оскорбления и злословия, и порочныя мысли, и смех, и празднословие, и шутовство, и другие, еще менее важные, пороки. Посему и Павел, хотя не знал ничего за собою, говорил: "**Ибо [хотя] я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь**" (1Кор. 4:4). Почему? Потому, что он, если и не сделал ничего дурного, как и действительно не сделал, то не считал себя вполне воздавшим подобающую Богу честь. Мы, хотя бы умерли тысячу раз, хотя бы совершили всякую добродетель, и тогда не воздали бы должнаго Богу за дарованные нам от Него блага. Посмотри: не имея никакой нужды в нас, но будучи самодоволен, Он привел нас из небытия в бытие, вдохнул (в нас) душу, какой (не дал) ни одному из животных земных; насадил рай, распростер небо, под ним положил землю, зажег блестящие светила; землю украсил озерами, источниками, реками, цветами и растениями, а на небе поставил хор разнообразных звезд; сделал для нас ночь полезной не меньше дня, от доставляемого сном покоя и укрепления. Сон не меньше яств питает наши тела, как видно из следующего: часто, видим мы, голод переносят в продолжение многих дней, а без сна невозможно пробыть и немного дней. Ночь также прохлаждает и уничтожает в нас тот жар, который скопляется в течение дня отчасти от солнечных лучей, отчасти от дневных трудов, и таким образом восстановляет в нас опять бодрость на труды, а в зимнее время своей продолжительностью она еще более доставляет нам покоя и отрады, заставляя нас быть под домашней кровлей. И темнота сделана принадлежностью этого времени не напрасно и не без цели, но для большего успокоения. Как сердобольные матери, желая усыпить беспокойных детей, берут их в свои объятия и, накинув на глаза их покрывало, усыпляют их: так и Бог, распростерев над вселенной темноту, как бы некий покров, покоит людей от трудов. Если бы этого не было, то мы все надорвались бы от суетливости или чрезмерного сребролюбия и от трудов; а теперь нас поневоле (ночь) отрывает от занятий. И такой закон (природы) не только тела наши восстановляет, но и душу не меньше тел. Говорить ли о тишине и спокойствии в это время? Как тогда все полно молчания, свободно от шума, не слышно ничьего крика, как это бывает днем, когда одни скорбят от бедности, другие жалуются на обиду, иные оплакивают болезнь и повреждения тела, другие смерть родных, иные потерю денег, иные другое какое-либо человеческое несчастие, которых так много! От всех этих несчастий, как бы от треволнений, ночь избавляет род человеческий и успокаивает в своей пристани. Таковы блага нам от ночи; а блага, доставляемые днем, известны всем нам. Что сказать об удобстве сообщений, которым мы пользуемся? Дабы продолжительность путешествия не отвращала нас от сообщения друга с другом, Бог проложил по всей земле кратчайший путь для нас - море, чтобы мы, живя во вселенной, как бы в одном доме, часто приходили друг к другу и каждый, легко сообщая ближнему свое, получал обратно находящееся у него, и таким образом, занимая малую часть земли, наслаждался благами всех стран, как бы обладатель всей земли; подобно тому, как за богатым столом каждый гость может и сам предложенное ему подать далеко сидящему, и от него получить лежащее перед ним, только протянув руку. Если кто станет исчислять и все прочие (блага), то найдет неизреченное множество их, не исчислит и малой части; потому что, как может человек измерить беспредельную премудрость Божию? Представь себе только разные роды растений плодоносных, бесплодных, растущих в пустынях, в местах обитаемых, на горах, на равнинах; посмотри на разнообразие в семенах, в травах, в цветах, в животных земных, в земноводных, в морских; вспомни, что все видимое создано для нас - небо, земля, море и

все, что в них. Как если бы кто построил себе блестящий дворец, украшенный множеством золота и сияющий ярким блеском камней, так и Бог, создав мир, ввел в него человека, чтобы он царствовал над всем. И еще более удивительно то, что кровлю этого здания (Бог) устроил не из камней, но составил ее из другого драгоценнейшего вещества, и зажег огонь не на золотом светильнике, но, спустив светила сверху, повелел им протекать по кровле этого здания, чтобы мы получали не только пользу, но и великое удовольствие; а землю распростер в виде богатой трапезы. Все это Бог дал человеку, еще не сделавшему ничего доброго. Хотя человек, после такого дара, оказался неблагодарным своему Благодетелю, однако Бог не лишил его чести, а только изгнал из рая и этим наказал, чтобы воспрепятствовать дальнейшему возрастанию неблагодарности и удержать его от стремления к худшему. Обо всем этом помышляя, и, как движимый Духом Божиим, созерцая и многое сверх того, - и то, что было от начала (мира), и что бывает каждодневно, и то, что бывает с каждым порознь, и что со всеми вместе, и то, что происходит явно, и что втайне еще больше явного, а также дела домостроительства Единородного Сына Божия и будущие блага, обозревая вообще все и во всем находя и созерцая неизреченную любовь Божию, апостол, как бы низвергшись в неизмеримую бездну, постиг, сколь многим и великим он был обязан (Богу), и не воздал Ему и малейшей части. Поэтому он и сказал упомянутые слова, с великим тщанием исследовал и малая согрешения свои, а добрые дела предавал забвению (1 Кор. 4:4). А мы не так; но о грехах, сколь они ни многочисленны и ни велики, мы и не говорим, и не помним; а если сделаем какое-нибудь малое доброе дело, то выказываем его повсюду и не перестаем хвастать и надмеваться дотоле, пока не упраздним тщеславием и самое малое добро. Имея это в виду, и Давид говорил: "**что [есть] человек, что Ты помнишь его**"(Пс. 8:5)? Кроме того, обвиняя человека и в неблагодарности, он говорил: "**Но человек, будучи в чести, не уразумел (сего), сравнялся с несмысленными скотами и уподобился им**"(Пс. 48:13).

6. Признательному рабу свойственно смотреть на благодеяния, оказанные всем вместе, как на собственные, и печься и заботиться так, как бы сам был должником за все. Так сделал и Павел (хорошо опять вспомнить о нем), когда сказал, что Господь умер за него: "**А что ныне**", говорил он, "**живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня.**"(Гал. 2:20). Так говорил он не потому, чтобы хотел сократить дар Христов, но потому, что желал представить себя виновным во всем и возбудить в каждом такое же расположение духа. Если бы Христос пришел и для одного человека, то дар Его от этого не только не уменьшился бы, но явился бы еще большим. Почему так? Потому, что Он показал бы такое попечение и об одном человеке, какое - отыскивающий одну (потерявшуюся) овцу; поэтому (Павел) и смущался, поэтому и плакал. Если взявшие деньги взаймы и не могущие уплатить, утопая в великой бездне долгов, не едят и не спят от мучительной заботы, то чего не претерпит праведник, видя свой долг (перед Богом), состоящий не в деньгах, но в делах? А мы не так; но уплатив совсем мало, ведем себя так, как будто уплатили все, и даже поступаем еще хуже: и этого малого не делаем с подобающей свободным людям ревностью, но наперед разведываем, есть ли за то награда, велика ли награда, будет ли то вменено нам самим, произнося слова людей несвободных и наемных. Что говоришь ты, малодушный и жалкий человек? Тебе надлежит сделать нечто угодное Богу, а ты стоишь с заботою о награде? Если бы тебе за такое дело надлежало впасть в геенну, то и тогда разве следовало бы уклоняться, а не с великою готовностью приниматься за делание добра? Ты делаешь приятное Богу, и ищешь еще другой награды. Истинно не знаешь ты, какое великое благо угодить Богу; потому что, если бы ты знал это, то никакой другой награды не сравнял бы (с этим благом). Разве ты не знаешь, что награда тебе будет больше, когда ты станешь делать должное, не надеясь на награды? Разве не видишь, что и между людьми все особенно уважают тех, которые прежде наград имеют в виду угодить (им) и об этом стараются больше, чем о почете от них? Так люди столь благородно поступают даже с подобными

себе, а ты, так во многом облагодетельствованный Господом и столь многих ожидающий благ, когда надобно сделать что-либо полезное для твоего спасения, прежде дела разведываешь о награде. Поэтому мы и бываем всегда холодны и жалки и не готовы ни к какому благородному делу; поэтому мы и не можем быть в сокрушении и хотя бы немного собраться с духом. Мы и не помышляем внимательно о грехах своих, и не исследуем благодеяний Божиих, и не смотрим на совершивших величайшие подвиги. Мы потому забываем о добрых делах, что и благополучием пользуемся неумеренно, и называя себя часто грешниками, говорим это неискренно. Это видно из того, что, когда услышим такое название от других, мы сердимся и раздражаемся и называем это обидою. Так во всем у нас лицемерие, и мы не подражаем мытарю, который, когда другой укорял его во множестве грехов, перенес эти укоризны и получил плод от дел своих - "**сей пошел оправданным в дом свой более, нежели**" фарисей (Лк. 18:14); а мы не знаем даже, что такое исповедание, хотя исполнены бесчисленных грехов. Нам надлежало бы не только убедиться, что у нас множество грехов, но и все грехи свои, малые и великие, начертать на сердце, как в книге, и оплакивать, как недавно совершенные. Тогда мы смирили бы гордость души своей, непрестанно напоминая ей о своих пороках. Памятование о своих грехах есть такое благо, что блаженный Павел часто выставлял на вид даже заглаженные вины свои. Так как все прежние вины он смыл крещением, а после жил так чисто, что не сознавал за собою ничего и не имел грехов, о которых бы надлежало вздыхать, то вспоминал о грехах, омытых уже крещением, и говорил: "**Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый**."(1 Тим. 1:15); и еще: "**Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик**" (1Тим 1:12-13), "**я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее**" (Гал.1:13); и еще: "**недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию.** " (1 Кор. 15:9). Такие грехи, хотя мы и освобождены от вины за них, однако могут весьма возбудить душу и расположить ее сильно возлюбить Бога. Так и Симон, на вопрос Господа, "**который**" из двух должников "**более возлюбит**" заимодавца, сказав: "**думаю, тот, которому более простил**", услышал: "**правильно ты рассудил.**"(Лк. 7:42-43).

7. Когда мы помыслим о множестве прежних грехов своих, тогда познаем чрезмерность милости Божией, тогда преклоним голову, тогда смиримся; потому что чем более тяжки грехи, в которых мы виновны, тем более мы будем сокрушаться. Так Павел вспоминал и о прежних грехах своих, а мы не хотим вспоминать и о сделанных нами после крещения, угрожающих опасностью и подвергающих нас ответственности за них; но если когда и придет у нас мысль о каком-либо таком грехе, мы тотчас устраняем ее и не хотим опечалить душу воспоминанием (о нем) и на краткое время. А от этой бесполезной нежности происходит для нас множество зол, потому что находясь в таком состоянии самодовольства и изнеженности, мы не можем и исповедаться в прежних грехах своих (как это возможно, когда мы приучаем себя не допускать и воспоминания о них?), и легко впадаем в последующие. Если у нас всегда живо это памятование и душу беспокоит страх, то с удобством можно искоренить изнеженность ее и беспечность. Но если снимешь (с нее) и эту узду, то кто наконец удержит ее и не даст нестись безбоязненно по стремнинам и низринуться в бездну погибели? Поэтому праведный (Давид) и представлял себе будущее наказание; поэтому плакал, поэтому воздыхал, и притом весьма сильно! Вам, великим людям, для сокрушения достаточно воспоминать о благодеяниях Божиих, не помнить о своих доблестях, с великим тщанием вникать, не случилось ли когда вам сделать какой-нибудь малый грех, взирать на великих и весьма благоугодивших Богу мужей; после всего этого размышлять о неизвестности будущего, о склонности (людей) к падению и греху, чего боялся и Павел, и потому говорил: боюсь, "**дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным.**"(1 Кор. 9:27); и: "**кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть.**"(1Кор. 10:12). Так и Давид о всем этом помышлял в самом

себе, и, рассуждая о благодеяниях Божиих, говорил: "**что [есть] человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его**" (Пс. 8:5-6). А о добрых делах своих забывал так, что при безмерном любомудрии своем сказал: "**кто я, Господи, Господи, и что такое дом мой, что Ты меня так возвеличил! И этого еще мало показалось в очах Твоих, Господи мой, Господи; но Ты возвестил еще о доме раба Твоего вдаль. Это уже по-человечески. Господи мой, Господи! Что еще может сказать Тебе Давид?**" (2 Цар. 7:18-20)? Часто помышляя о добродетелях предков, он почитал себя за ничто в сравнении с ними. Так, сказав: "**На Тебя уповали отцы наши**" о себе прибавил: "**я же червь, а не человек** " (Пс. 21:5,7). И неизвестность будущего имел он пред глазами, так что говорил: "**просвети очи мои, да не усну я [сном] смертным**" (Пс. 12:4). А себя считал виновным в столь многих грехах, что говорил: "**прости согрешение мое, ибо велико оно**" (Пс. 24:11). Итак вам, великим людям, достаточно и этого; а у нас и при этих врачевствах остается еще сильное и достаточное основание к истреблению гордости и всякого высокомерия. Какое же это? Множество грехов, злая совесть: когда она овладеет нами, то не допускает нас и при желании нашем подниматься на высоту. Посему прошу и умоляю тем дерзновением, которое приобрел ты пред Богом своими добродетелями, подать руку (помощи) нам, постоянно молящимся, чтобы мы могли и достойно оплакать бремя столь многих грехов, и, оплакав, вступить на путь благоприятный и ведущий нас к небу, чтобы нам не пострадать вместе с отверженными, сошедши во ад, где никто не может исповедаться (Пс. 6:6), и откуда уже никто не освободит нас. Пока мы пребываем здесь, то и мы можем получить от вас великую пользу, и вы можете весьма облагодетельствовать нас; а когда отойдем туда, где ни друг, ни брат, ни отец не могут ни помочь, ни быть при нас во время наказания, то уже будет необходимо в стеснении и глубоком мраке и при полном отсутствии утешителей терпеть бесконечное наказание и быть несожигаемою пищею для всепожирающего пламени.

К СТАГИРИЮ ПОДВИЖНИКУ,
одержимому демоном.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

Стагирий, происходивший из знатного и богатого дома и воспитанный в правилах христианской веры, по благочестивому настроению своему отказавшись от богатства и мирских занятий в Антиохии, посвятил себя подвижнической жизни отшельников, в которой вскоре, по попущению Божию, подвергся действию демона (беса или злого духа), страдал припадками беснования, причинявшими ему такия мучения и такое душевное уныние, что он покушался даже лишить себя жизни. Св. Иоанн Златоуст, узнав о бедственном состоянии Стагирия, с которым находился в дружеских отношениях, желал доставить ему духовное утешение посредством письменных увещаний, не имея возможности лично посетить его по причине собственной болезни, постигшей его после подвигов в пустыне в конце 380 г. по Р. Х. В это время или в начале 381 года и могли быть написаны предлагаемые три слова святителя.

НАМ следовало бы теперь быть при тебе, любезнейший мой Стагирий, и принимать участие в твоих страданиях и хотя сколько-нибудь, по мере наших сил, облегчать твое уныние, утешая словом, помогая делом и употребляя все другие средства; но так как телесная слабость и приключившаяся головная боль, принудив оставаться дома, лишила нас возможности послужить в столь полезном деле, то не замедлим исполнить по нашим силам то, что еще остается и для твоего утешения и для нашей пользы. Может быть, это

поможет тебе мужественно переносить настоящее бедствие; если же мы не будем иметь успеха в этом, то по крайней мере мысль о том, что мы с своей стороны не опустили ничего должного, облегчит нашу душу. Кто исполнил все, что считает полезным для прекращения постигших ближнего страданий, тот, если и не успеет в этом, освобождается по крайней мере от упреков совести и, сложив с себя тяжесть этих упреков, должен нести только тяжесть скорби. Если бы я был из числа тех, которые благоугодны Богу и могут сделать великое, то не переставал бы молить и просить Бога о драгоценном для меня человеке; но так как множество грехов лишает меня этого дерзновения и силы, то постараюсь предложить тебе словесное утешение. Так бывает и с теми, кто страдает телесными болезнями: уничтожение страданий и прекращение болезни есть дело врачей, но утешение больных не запрещается и прислуживающим им рабам; они-то особенно и говорят много в пользу своих господ, если благорасположены к ним. Итак, если мы скажем что-нибудь такое, что может прекратить чрезмерную скорбь твою, тогда исполнится то, чего мы желаем; если же ничего такого не найдем сказать, то конечно одобрит наше усердие Тот, Кто чрез блаженного Павла повелел плакать с плачущими и последовать смиренным (Рим. 12:15-16). Причина твоего уныния, по-видимому, одна - неистовство лукавого демона; но можно найти много скорбей, рождающихся потом от этого корня. Это говорю я теперь не от себя, но на основании тех жалоб, которые часто слыхал от тебя, когда ты был вместе с нами; и во-первых (ты жаловался) на то, что в прежнее время, когда ты вел мирскую жизнь, ты не терпел ничего подобного, а когда распялся миру, тогда и почувствовал такую болезнь, которая способна смутить и повергнуть в отчаяние; во-вторых - на то, что многие из живущих в удовольствиях, подвергшись одинаковой с тобою болезни, после кратковременных страданий освободились от этой болезни и совершенно выздоровели, так что вступили в брак, сделались отцами многих детей, наслаждались удовольствиями настоящей жизни, и вновь уже не подвергались подобной болезни, - ты же проводишь столько времени в постах, всенощных бдениях и прочих подвигах, и между тем не получаешь освобождения от постигших тебя страданий; в третьих - на то, что тот святой муж, который явил столь великую силу на других людях, не мог этого же сделать на тебе, возлюбленный, и не только он, но и бывшие с ним, которые даже сильнее его, все отошли от тебя одинаково безуспешными. Кроме того по словам твоим, ты сильно скорбишь и потому еще, что сила уныния так овладела твоею душою, что часто ты едва не бросался в петлю, или в реку, или в пропасть. Есть и пятая жалоба, состоящая в том, что ты видишь, как твои сверстники и вместе с тобою начавшие вести подвижническую жизнь благодушествуют, а ты еще находишься в жесточайшей буре и живешь в самой ужасной темнице. По словам твоим, не столько должно плакать закованным в железо, сколько связанным этими цепями. Затем, говорил ты мне, и еще нечто сильно беспокоит тебя: ты боишься и трепещешь за отца, как бы он, узнав об этом, не сделал больших неприятностей принявшим тебя вначале святым; потому что, надеясь на свою силу и богатство и предавшись скорби, он отважится против них на все и не удержится ни от чего, что ему вздумается. До настоящего времени мать могла скрывать от него случившееся и отвлекать его, когда он искал тебя; но с течением времени притворство матери откроется, и он жестоко поступит и с нею и с монахами. Но верх несчастия в том, что ты не можешь надеяться и на будущее и не знаешь точно, прекратится ли и окончится ли когда-нибудь эта болезнь, после того, как ты столько раз надеялся на исцеление и потом опять подвергался прежним мучениям. Все это, конечно, в состоянии обеспокоить душу и исполнить великого смущения, но душу слабую, неопытную и беспечную. Если же мы захотим быть несколько внимательными и благочестиво рассудить, то рассеем эти причины уныния, как мелкую пыль. Не подумай, будто я теперь так легко обещаю тебе это потому, что я сам чужд этой скорби и бури. Если слова мои и покажутся иным невероятными, несмотря на это я буду говорить; а ты сам, конечно, не будешь вместе с другими не доверять нам. Когда нечистый демон в первый раз напал на твою душу и

поверг тебя в то время, как ты молился вместе со всеми, то хотя я и не был при этом (за что благодарю человеколюбивого Бога), однако узнал все в точности, как бы находясь там. Мой и твой друг Феофил ефесянин, пришедши, подробно рассказал мне обо всем: о корчах в руках, об искривлении глаз, о пене на устах, о страшном и невнятном голосе, трясении тела, продолжительном обмороке и сновидении, бывшем у тебя в ту ночь: тебе представилось, - говорил он, - будто дикая свинья, испачканная грязью, постоянно бросалась на тебя и боролась с тобою; и когда спавший подле тебя, встревоженный этим видением, проснулся, то увидел, что тебя опять мучит демон.

2. Когда он рассказал об этом, то навел на нас такую же мглу, в какую демон поверг тебя, возлюбленный! Но когда я, спустя долгое время, пришел в себя, то все неприятное в этом мире перестало казаться мне неприятным и все приятное - приятным; издавна познав всю суету житейского, я почувствовал ее тогда еще более, и любовь моя к твоему благочестию сделалась сильнее. Таково свойство несчастий: они обыкновенно усиливают дружбу; это видно из того, что они легко могут прекращать и вражду. И нет человека столь жестокого и бесчувственного, который, видя врага своего в несчастье, мог бы еще питать к нему ненависть. Если же мы жалеем даже врагов и поступаем с ними как с друзьями, когда видим их претерпевающими какое-либо несчастье, то подумай, что должен был чувствовать я, видя в тяжких муках уныния того, кто для меня любезнее всех и кем я дорожу, как своею головою. Не думай же, будто мы чужды твоей скорби, и поэтому не принимай моего утешения с подозрением. Хотя я, по милости Божией, и свободен от мучений и нападений лукавого демона, но не менее твоего чувствую уныние и скорбь от этих мучений, чему поверит мне всякий, кто умеет любить так, как должно любить. Стряхнем же с себя эту пыль; тогда сносно и легко будет это уныние по свойству своему, если только мы не захотим беспечно предоставить этому чувству увлекать нас в пропасть, но постараемся воспрянуть духом и размыслить, что надобно делать. Многие из кажущихся несчастий представляются великими и невыносимыми, пока не будут хорошо рассмотрены; а кто рассмотрит их разумно, тот найдет, что они гораздо легче, чем о них думали; это, надеюсь, случится и теперь. Итак ободрись, не следуй пустому и неразумному мнению толпы и не делай врага более сильным против нас. Если бы я говорил с кем-нибудь из неверных или думающих, будто все происходит случайно, или приписывающих промышление о мире лукавым демонам, то мне предстояло бы много труда, чтобы сначала опровергнуть ложное мнение и внушить убеждение в истинном Промысле о вселенной, а потом обратиться к утешению; но так как ты, по благодати Божией, с детства знаешь священное Писание и, приняв от предков истинные и спасительные догматы, несомненно веруешь, что Бог промышляет обо всем и особенно о верующих в Него, то, оставив эту, часть речи, начнем с другого. Когда Бог сотворил ангелов, - или лучше поведем речь с высшего, - прежде, нежели получили бытие ангелы и прочие силы небесные, существовал Бог, не имеющий начала бытия Своего. Как Существо никогда не имеющее ни в чем нужды (ибо таково Божество), он сотворил ангелов, архангелов и прочие бестелесные существа; сотворил единственно по благости Своей, а не почему-либо иному. Если бы Он не был высочайше благ, то и не сотворил бы тех, в чьем служении не нуждался. По сотворении их, Он творит, опять по той же самой причине, и человека, и весь этот мир. Одарив человека бесчисленными благами, Он поставил это малое и немощное существо владыкою над таким множеством творений, сделав его на земле тем же, что сам Он на небесах. Ибо слова: "**сотворим человека по образу Нашему и по подобию**" (Быт. 1, 26), означают не что иное, как то, что и человеку дана власть над земным. Сотворив его и поставив в такой чести, Бог назначил ему, как царю, царское, прекраснейшее на всей земле место пребывание - рай. Кроме того, желая и другим способом показать ему, насколько он выше прочих тварей, Бог приводит к нему всех животных и повелевает дать всем им имена; но ни одного из них не дает ему в помощники, представляя и причину: "**не нашлось помощника**", говорит, "**подобного**

ему" (Быт. 2:20). Показав этим человеку, что он занимает середину между двумя естествами (небесным и земным), что он выше всего земного и что из множества этих творений ни одно не равно ему, Бог творит потом жену, и этим удостаивает его новой чести и ясно показывает, что жена создана для него, как и Павел говорит: "**и не муж создан для жены, но жена для мужа**" (1 Кор. 11:9). И не этим только Бог отличил человека, но и тем, что ему одному из всех творений сообщил дар слова, удостоил его познания о Себе, позволил наслаждаться собеседованием с Собою, сколько это было для него возможно, обещал дать ему бессмертие, исполнил его великою мудростию и даровал ему духовную благодать, так что он изрекал некоторые пророчества. Всем этим Бог одарил человека тогда, когда с его стороны еще не сделано было никакого доброго дела. Как же поступил человек после столь многих и великих благодеяний? Он более поверил врагу, нежели даровавшему все это, и, презрев заповедь Творца, предпочел обольщение того, кто старался совершенно погубить его и лишить всех благ, - предпочел несмотря на то, что диавол не оказал ему никакого, ни великого ни малого, благодеяния, а только сказал ему несколько слов. Но погубил ли Бог человека за то, что он проявил такую неблагодарность в самом начале и, так сказать, на первом шагу своем? По справедливости следовало бы погубить и исторгнуть из среды живых того, кто, получив бесчисленные блага, в самом начале жизни заплатил за эти блага непослушанием и неблагодарностию. Но Бог продолжал благодетельствовать ему не меньше, чем прежде, показывая, что хотя бы мы тысячу раз согрешили и отступили от Него, Он никогда не перестанет устроять наше спасение, и что, если мы обратимся, то спасемся; если же будем упорствовать во зле, то по крайней мере ясно будет, что Бог делает все, от Него зависящее. Так и изгнание из рая, и удаление от древа жизни, и осуждение на смерть кажется делом наказующего и отмщающего, но на самом деле есть не меньше прежнего дело Промышляющего (о человеке). Хотя эти слова и представляются странными, однако они истинны: события, конечно, были противоположны одни другим, но цели тех и других одинаковы и согласны; то есть, изгнание из рая, поселение в виду его, запрещение (вкушать) от древа жизни, удаление от этого древа, осуждение на смерть, временное отдаление этого осуждения, все это так же, как и прежние благодеяния, сделано для спасения и чести человека. О прежнем я не буду говорить ничего (потому что это очевидно для всякого), но о последнем надобно сказать.

3. Как же мы узнаем, что и последнее сделано для пользы человека? (Узнаем), если размыслим, чему подвергся бы он, если бы этого не было. Чему же он подвергся бы? Если бы человек, после обещания диавола - сделать его по преступлении заповеди равным Богу, остался в той же чести, то впал бы в три крайние бедствия. Во-первых, стал бы считать Бога недоброжелательным, обольстителем и лжецом, во-вторых, действительного обольстителя, отца лжи и злобы, - благодетелем и другом; и кроме того продолжал бы впредь грешить бесконечно. Но Бог избавил его от всего этого, изгнав тогда из рая. Так и врач если не трогает раны, то дает ей более загноиться; если же вырезывает, то останавливает дальнейшее распространение гнилости язвы. Что же из этого? - скажет кто-нибудь, Бог не остановился на этом, но еще наложил на человека подвиги и труды; потому что ничто так не малоспособно пользоваться покоем, как человеческая природа. Если уже и теперь, когда лежат на нас такие труды, мы грешим непрестанно, то на что не дерзнули бы, если бы Бог оставил нас при удовольствиях еще и в бездействии? "**Праздность**", говорит Писание, "**научила многому худому**" (Сир. 34:28). Это изречение подтверждают как ежедневные события, так и случившееся с нашими предками. "**И сел народ**", говорит Писание, "**есть и пить, а после встал играть**" (Исх. 32:6). И еще: "**И утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога, создавшего его, и презрел твердыню спасения своего**" (Втор. 32:15). Согласно с этим говорит и блаженный Давид: "**Когда Он убивал их, они искали Его и обращались, и с раннего утра прибегали к Богу**" (Пс. 77:34). И к Иерусалиму Бог говорит чрез Иеремию:

"**Вразумись, Иерусалим, чтобы душа Моя не удалилась от тебя, чтоб Я не сделал тебя пустынею, землею необитаемою**" (Иер. 6:8). А что не только злым, но и добрым людям спасительно подвергаться уничижению и страданию, об этом пророк еще говорит так: "**Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим**" (Пс. 118:71). После него и Иеремия говорит то же самое, хотя не теми же словами: "**благо человеку, когда он несет иго в юности своей; сидит уединенно и молчит**" (Плач.3:27-28); и о себе самом молит Бога так: "**не пощади меня во отчуждение мне в день лютый**"[1] (Иер. 17:17). И блаженный Павел, который столько просиял благодатью и превзошел человеческую природу, имел тем не менее нужду в этом благотворном средстве; посему и говорил: "**дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но [Господь] сказал мне: "довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**"(2 Кор. 12: 7-9). Хотя евангельская проповедь могла быть совершена и без гонений, без скорбей, без трудов и подвигов, однако Христос не восхотел этого, промышляя о проповедниках. Поэтому и сказал им: "**в мире будете иметь скорбь**" (Ин. 14:33). И желающим войти в царство небесное Он повелел идти тесным путем, так как иначе невозможно достигнуть его (Мф. 7:13). Итак скорби, искушения и все случающияся с нами неприятности не менее радостей доказывают Божие о нас попечение. И что я говорю о здешних скорбях? Самая угроза геенною, не менее обетования царства небесного показывает Божие человеколюбие. Если бы Он не угрожал геенною, то не скоро можно было бы достигнуть небесных благ. Одно обетование благ не достаточно для побуждения к добродетели, если не имеющих усердия к ней не поощряет и страх наказания. Поэтому Бог и первозданного человека в начале изгнал из рая, так как дарованная ему честь сделала бы его хуже, если бы осталась твердою и непоколебимою после нарушения заповеди. И что я говорю об Адаме? Чего не сделал бы Каин, живя в раю и наслаждаясь его утехами, если он, и лишившись этого и имея пред глазами своими наказание, постигшее отца, не вразумился, но впал еще в большее нечестие: первый и изобрел и совершил убийство, и убийство самое преступное? Он не мало по малу и не в течении долгого времени дошел до этого нового злодеяния, но внезапно и вдруг достиг самой вершины нечестия, - подстерег и убил того, кто произошел из одной с ним утробы и не оскорбил его ничем; или может быть Каин счел за оскорбление себе, что Авель угодил Богу? Впрочем, по моему мнению, и здесь ты можешь усмотреть человеколюбие Божие: когда Каин оскорбил самого Бога, Творец вразумляет его словами и утешает в скорби; но когда он совершил преступление против брата, тогда уже Бог являет гнев Свой и налагает наказание. Между тем и первое заслуживало такого же, если не более жестокого наказания. Если у людей считается проступком и обидою, когда кто-нибудь из рабов лучшее сбережет для себя, а худшее подаст господину: не тем ли более это применимо в отношении к Богу? Но Каин совершил не только этот грех, но и другой не меньший, - позавидовал чести брата. Если бы он раскаялся в грехе своем, то угодил бы Богу этою прекрасною переменою; но не от раскаяния, а от зависти и ненависти происходило его смущение, как показал это конец дела. Каин почти разгневался на Бога за то, что Бог, оскорбленный им, не почтил его и не предпочел злого доброму; однако Бог, не смотря на то, что грехи Каина требовали тяжкого наказания, поступает с грешником гораздо милостивее, чем он заслуживал, и пытается успокоить раздраженную душу его. Ибо скорбь Каина происходила от раздражения; потому Бог и говорит ему: ***умолкни*** **(**Быт. 4:7**).** Так говорил Бог, хотя и знал, до чего дойдет злоба Каина; но Он хотел отнять у неблагодарных всякий предлог (к ропоту). Если бы Каин наказан был в самом начале, то многие стали бы говорить так; „разве нельзя было наперед внушить словами, вразумить и устрашить, а потом и наказать, если бы Каин остался при прежнем расположении? Наказание его весьма жестоко и строго". Поэтому Бог долго терпит наносимые Ему оскорбления, чтобы заградить уста таким людям, и вместе показать, что Он и отца Каинова наказал по Своей благости, и кроме того - последующих людей привести к покаянию таким Своим милосердием. Когда

же Каин по упорству своему и нераскаянности сердца собрал себе гнев (ср. Рим. 2:5), тогда Он и наказывает; если бы Каин и после убийства остался ненаказанным, то решился бы и на другое, еще большее зло. Нельзя сказать и того, что он согрешил по неведению: мог ли он не знать того, что знал младший брат? Впрочем, если угодно, положим, что первое (преступление) произошло от неведения; но после того, как он услышал: ***умолкни***, - после того, как получил прощение, неужели по неведению он решился на убийство, осквернил землю и нарушил законы природы? Видишь ли, что и первое происходило не от неведения, а от злобы, лукавства и крайнего нечестия? Какое же наказание за все это? "**Стенающим и трясущимся будешь на земле**"[2], говорит Бог (Быт. 4:12). Наказание, по-видимому, тяжкое; но оно не будет таким, если мы размыслим о грехе и внимательно рассмотрим самое наказание. Каин после того, как неправо принес жертву (ср. Быт. 4:7), обиделся на то, что он оскорбивший не почтен оскорбленным Богом, отверг Его внушение, первый дерзнул совершить убийство, или лучше сказать, грех еще более преступный, чем убийство, опечалил родителей, солгал пред Богом. "**Разве**", сказал он, "**я сторож брату моему**" (Быт. 4:9)? И за все это наказывается только страхом и трепетом! Впрочем можно сказать, что благость Божия видна здесь не из того только, что наказание легче греха, но из того, что в наказании заключается немалая польза. А польза та, что все последующие люди вразумляются наказанием Каина и становятся лучшими. Поэтому Бог не тотчас предал Каина смерти; потому что не все равно - слышать ли, что какой-то Каин, убивший брата, подвергся смерти, или видеть этого убийцу несущим наказание. В первом случае могли бы и не поверить рассказу по чрезмерности преступления; а теперь, когда Каин был видим и многие в течение долгого времени были свидетелями его наказания, событие стало очевидным и достоверным и для современников и для потомков. Но, скажут, какая же польза от этого ему самому? Весьма большая: Бог заботился и о его спасении, когда словесным вразумлением умерял его ярость, насколько от Него зависело. Но если рассмотреть и самое наказание, то и от него окажется великая польза. Если бы Бог тотчас умертвил Каина, то не дал бы ему времени для раскаяния и исправления. Теперь же он, продолжая жизнь в страхе и трепете, мог бы получить от такой жизни великую пользу для себя, если бы не был крайне бесчувственным и больше - зверем, нежели человеком. Кроме того, настоящее наказание уменьшало для него тяжесть будущего мучения; потому что наказаниями или бедствиями, которые посылает на нас Бог в настоящей жизни, устраняется немалая часть будущих мучений. Свидетельства на это можно привести из божественных Писаний. Христос, беседуя с учениками и повествуя о Лазаре, говорит, что Авраам, когда богач просил его оросить немного концом перста горящий язык, сказал ему: "**чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь - злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь**" (Лк. 16:25). А Павел (когда говорю о Павле, то также разумею заповеди Христа, потому что Им была движима эта блаженная душа), когда пишет к коринфянам о блуднике, повелевает предать его сатане "**во изможднение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа**" (1 Кор. V, 5). И еще, беседуя с ними же о тех, которые недостойно приобщаются таин, говорит: "**от того многие из вас немощны и больны и немало умирает. 31 Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. 32 Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром**" (1 Кор. 11:30-32). Видишь ли неизреченное человеколюбие и беспредельное богатство благости? Видишь ли как Бог делает и предпринимает все, чтобы мы, и согрешивши, потерпели наказание легче заслуженного, или даже совершенно от него избавились?

4. Если же кто скажет: почему Бог не уничтожил древнего искусителя, то (ответим, что) и здесь Он поступил так, заботясь о нас. Если бы лукавый овладевал нами насильно, то этот вопрос имел бы некоторую основательность; но так как он не имеет такой силы, а только старается склонить нас (между тем как мы можем и не склоняться), то для чего же устранять повод к заслугам и отвергать средство к достижению венцов? Притом, если бы

Бог, зная, что диавол неодолим и может всех покорить себе, оставил его в мире, и тогда не следовало бы предлагать подобного вопроса; и тогда мы сами были бы виновны, если бы он одолевал и побеждал тех, которые не противятся ему, но подчиняются добровольно. Однако сказанного было бы недостаточно для тех, кто не хочет вразумиться. А если много есть таких, которые уже преодолели силу дьявола, и много еще будет таких, которые преодолеют, - для чего же имеющих прославиться и одержать блистательную победу лишать этой чести? Бог для того оставил диавола, чтобы и те, которые уже побеждены были им, низложили его самого; а это для дьявола тяжелее всякого наказания и может довести его до конечного осуждения. Но, скажет кто-нибудь, не все могут преодолеть его. Что же из этого? Гораздо справедливее, чтобы доблестные имели повод к обнаружению своей доброй воли, а недоблестные наказывались за собственное нерадение, нежели, чтобы первые терпели вред за вторых. Теперь порочный, если и терпит вред, то потому, что его побеждает не враг, а его собственное нерадение, как это доказывается тем, что многие побеждают диавола. Тогда же добродетельные потерпели бы вред за порочных, потому что из-за них не имели бы повода показать свое мужество; и было бы то же, как если бы распорядитель при ратоборстве, имея двух борцов, из которых один готов сойтись с противником, выказать много мужества и получить в награду венец, а другой предпочитает утомительной борьбе бездействие и веселье, удалил противника и их обоих отпустил без дела. Здесь храбрый потерпел бы вред из-за негодного; а последний худ не из-за храброго, а по собственной негодности. Кроме того, хотя настоящий вопрос касается по-видимому дьявола, но такое умствование, простираясь далее по связи мыслей, во многих отношениях поведет к обвинению и порицанию Промысла Божия и подвергнет нареканию все мироздание. Так оно осудит создание уст и глаз; потому что через глаза многие получают пожелание того, чего не должно, и впадают в прелюбодеяние, а устами иные произносят богохульства и преподают пагубное учение. Неужели же поэтому людям надлежало быть без языка и без глаз? Так отсечем и ноги, отрубим и руки; потому что руки иногда обагряются кровию, а ноги бегут на грех. И уши не могли бы избежать такого же строгого осуждения, потому что и они воспринимают тщетную молву и передают душе пагубное учение; отсечем же и их. А если так, то и пища, и питье, и небо, и земля, и море, и солнце, и свет, и луна, и хор звезд, и все роды бессловесных животных, - все они на что будут полезны, когда тот, для кого они созданы, обезображен столь жалким образом? Видишь ли, до каких смешных и нелепых мыслей неизбежно доводит такое умствование? Дьявол зол для себя, а не для нас; мы же, если захотим, можем приобресть через него много и добра, конечно, против его воли и желания; в этом и открывается особенное чудо и превосходство человеколюбия Божия. То, что люди делаются лучшими, само по себе уже терзает и мучит дьявола; а когда мы будем достигать этого через него же, то он не в состоянии будет и перенести такого посрамления. Но как это достигается через него? Когда мы, страшась его жестокости, постоянных наветов и непрерывных козней, будем отгонять от себя тяжкий сон, бодрствовать и всегда помнить о Господе. Это не мои слова, а блаженного Павла, послушай, как он почти теми же словами пробуждает спящих из числа верных. В послании к ефесянам он говорит так: "**наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной**" (Ефес. 6:12). Так говорил он не с тем, чтобы лишить их мужества, но чтобы ободрить. И Петр говорит: "**трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить**"(1Пет. 5:8). Это сказал он, желая сделать нас более мужественными и внушить, чтобы мы более прилеплялись к Богу. Кто видит наступающего врага, тот скорее прибегает и прилепляется к могущему помочь. Так и малые дети, когда увидят что-нибудь страшное, бегут в объятия матери, хватаются за одежду ее, крепко держатся за нее, и не отстают, не смотря на старания многих оттащить их прочь; а когда нет ничего страшного, они не слушают ни ее зова, ни побуждения, отвергают ее приглашения, отворачиваются, когда она всячески старается приманить их к себе, и даже не смотрят на предложенную

пищу. Поэтому многие матери, когда не действуют убеждения, посредством пугал и страшилищ ухищряются возвратить к себе детей и убеждают их опять прибежать к ним. Так бывает не только с детьми, но и с нами. Когда лукавый устрашает и смущает нас, тогда мы вразумляемся, тогда познаем самих себя, тогда с великим усердием прибегаем к Богу. Но если бы дьявол был уничтожен в самом начале и не существовал, то, может быть, многие не поверили бы тому, что было, т. е. что он обольстил человека и лишил его многих благ; а сказали бы, что это сделал Бог по недоброжелательству и зависти. Если и теперь, после столь ясных доказательств обольщений диавола, некоторые дерзают говорить это, то чего не сказали бы, чего не наговорили бы, если бы вовсе не испытали злобы его? Впрочем, если обратить строгое внимание на дела, то (можно заметить, что) на худое не всегда толкает нас дьявол; хотя он делает нам много зла, но много и мы сами вредим себе, единственно по своей беспечности и нерадению. Обратимся опять к тому, с чего начали. Когда дьявол приступал к Каину и внушал ему совершить убийство? С матерью его он открыто разговаривал и соблазнял ее, а с ним не делал этого; если скажут, что он вложил в него злые помыслы, то и это зависело от самого Каина, который принял внушение, послушался и подал дьяволу повод к наступлению. Однако Бог и тогда не оставил Каина, но продолжал научать и вразумлять его тем самым, чем, по-видимому, наказывал его. Но что я говорю о наказании Каина, одного человека, когда и потоп, в котором погибло столько людей, может открыть нам Божие промышление? И во-первых, Бог не вдруг, и не внезапно навел это бедствие, а предсказал о нем, и не за короткое время, но еще за сто двадцать лет. Потом, чтобы люди, по причине отдаленности предсказанного, не забыли и не впали в беспечность, Он повелел строить пред глазами их ковчег, который яснее всяких слов говорил об угрозе Божией. Каин уже изгладился из памяти людей, а этот ковчег, находившийся перед их глазами, постоянно напоминал об угрожавшем бедствии. Но люди и после этого не вразумились, а продолжали вызывать и навлекать на себя бедствие. Бог никогда бы не захотел угрожать потопом и наводить его, равно как угрожать и геенною, но всему причиною - мы сами. Зная это, премудрый говорил: "**Бог не сотворил смерти и не радуется погибели живущих**"(Прем. Сол. 1:13). И сам Бог чрез пророка говорит так: "**разве Я хочу смерти беззаконника? говорит Господь Бог. Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив?**" (Иез. 18:23, ср. Иез.33:11). Если же мы не обращаемся, то сами навлекаем на себя погибель и смерть, а не Бог, который не хочет, чтобы мы погибли, и показывает путь, как избежать дьявола. Но это ли только можем мы сказать о потопе, и не найдем ли какой-либо пользы, от него происшедшей? Невозможно и сказать, сколько пользы произошло от него как для самих погибших, так и для последующих людей. Первые были удержаны от дальнейших преступлений; а последние получили еще большую пользу, так как вместе с самими грешниками уничтожена была, так сказать, закваска и причина зла. Если люди и без примеров легко могут изобретать зло, то чего бы они не сделали, если бы многие поощряли их к порочным делам? Чтобы этого не случилось, чтобы последующие люди не имели столь многих учителей зла, Бог одновременно погубил всех их.

5. Но как мудро, или вернее, как безумно суждение тех, которые, не желая делать ничего доброго, придумывают и говорят все, чтобы вину собственных грехов сложить на Бога! Если бы, говорят они, Бог не попустил, то дьявол и не приступил бы, и не прельстил сразу. Но тогда Адам и не узнал бы, какое имел он благо, и никогда не смирил бы своей гордости. Кто так высоко думал о себе, что надеялся быть богом, на что не дерзнул бы, если бы не был вразумлен? Предположим, что дьявол не внушил бы ничего Еве и ни слова не сказал бы ей о древе: неужели в таком случае прародители не пали бы никогда? Нельзя этого сказать. Кто так легко послушался жены, тот и без дьявола, сам по себе, скоро впал бы в грех, за что подвергся бы еще большему наказанию. Притом и в настоящем событии не одно обольщение дьявола было причиною всего зла, но жена увлеклась собственною похотью и пала. На это указало и Писание, сказав: "**и увидела жена, что дерево хорошо**

для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела" (Быт. 3:6). Говорю это теперь не с тем, чтобы освободить дьявола от обвинений в коварстве, но чтобы показать что, если бы первые люди не пали добровольно, то никто не заставил бы их пасть. Кто так легко принял обольщение от другого, тот и прежде обольщения был беспечен и невнимателен; и дьявол не имел бы такого успеха, если бы вступил в разговор с душой бодрствующей и внимательной. Но есть люди, которые, когда их опровергнут с этой стороны, оставив дьявола, обращаются к заповеди и, не касаясь согрешившего человека, обвиняют Бога и говорят: для чего Он дал людям заповедь, когда знал, что они согрешат? И это - слова дьявола и измышления ума нечестивого. Бог, дав заповедь, показал большее попечение (о людях), нежели когда бы Он не дал ее; это видно из следующего. Положим, что Адам, которого воля была так беспечна, как показали последствия, не получил бы никакой заповеди, и продолжал наслаждаться блаженством: к худшему, или к лучшему повела бы его беспечность и изнеженность от этих наслаждений? Для всякого очевидно, что он, ничем не озабоченный, дошел бы до крайней степени зла. Если он, еще неуверенный в бессмертии, только с сомнительною надеждою на него, дошел до такой гордости и безумия, что надеялся сделаться богом, хотя и видел, что обещавший ему это ни в каком отношении не заслуживает доверия, то до какого безумия не дошел бы он, если бы несомненно обладал бессмертием? Какого бы не сделал греха? Стал ли бы когда-нибудь повиноваться Богу? Обвиняя Бога, ты поступаешь так, как те, которые стали бы винить запрещающего блудодеяние за то, что слышавшие это запрещение станут блудодействовать. Не крайне ли безумны такие слова? Если бы к человеку, не получившему заповеди, дьявол приступил с советом отступить от Бога, то легко склонил бы его в этом; потому что кто по получении заповеди презрел Давшего ее, тот, если вовсе ничего не слыхал от Него, скоро позабыл бы даже то, что он находится под властью Господа. Поэтому Бог Своею заповедию заранее научил его, что он имеет Господа, Которому во всем должен повиноваться. Но, скажут, какая польза произошла от этого? Если бы даже никакой пользы не было, и это следовало бы ставить в вину не Богу, преподавшему наставление, а человеку, который не внял этому прекрасному внушению. Между тем дарование заповеди не осталось бесполезным и после ее нарушения: и то, что первые люди скрылись, и исповедали грех, и старались сложить вину преступления муж на жену, а жена на змия, - все это показывает, что они убоялись, вострепетали и признали над собою власть Божию. А как полезно было от сатанинской надежды быть богами перейти к такому страху, это понятно для всякого. Тот кто мечтал о равенстве с Богом, так смирил и уничижил себя, что боится наказания и мучения и признается в грехе своем! Не бессознательно грешить, а скоро замечать и сознавать грех свой есть дело весьма важное, - начало и путь, ведущий к исправлению и перемене к лучшему. Итак всю благость Господа к нам ни познать, ни изъяснить невозможно; я же скажу главное из того, что мы знаем. После такого преслушания, после столь многих грехов, когда сила греха овладела всею вселенною, когда роду человеческому надлежало потерпеть самое жестокое наказание, совершенно погибнуть и самому имени его изгладиться, тогда Бог и оказал нам величайшее благодеяние, Он предал на смерть Единородного Своего за врагов, отступивших, отвратившихся и ненавидевших Его, и чрез Него примирил нас с Собою, и обещал даровать нам царство небесное, жизнь вечную и бесчисленные блага, которых **"не видел глаз, не слышало ухо", и** которые **"не приходили на сердце человеку"** (ср. 1 Кор. 2:9). Что может сравниться с этою попечительностью, человеколюбием, благостью? Поэтому и сам Он говорит: **"Но как небо выше земли, так путь Мой выше путей ваших, и мысль Моя выше мыслей ваших"**[3] (Ис. 55, 9). И кротчайший Давид, рассуждая о человеколюбии Его, говорит: **"как высоко небо над землею, так велика милость [Господа] к боящимся Его; как далеко восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши; как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его"** (Пс. 102:11-13), и даже еще более, чем отец, но мы не знаем другого лучшего примера высочайшей любви. Выше этого пример

представил Исаия, указав на мать, которая гораздо больше отца бывает привязана к детям. Он говорит так: "**забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя**" (Ис. 49:15), показывая этим, что милосердие Божие выше естественной привязанности. Так говорили пророки; а Христос, беседуя с Иудеями, сказал: "**если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него**" (Мф. 7:11), выражая этими словами не что иное, как то, что насколько отличается добро от зла, настолько Божия попечительность отличается от родительской. Но не останавливайся на этом, а проникай умом еще далее. Это сказано применительно к твоему пониманию; между тем, у Кого премудрость и благость беспредельны, у Того и человеколюбие таково же. Если же мы не замечаем Его человеколюбия в каждом событии, то и это знак его беспредельности. Бог ежедневно устрояет для нашего спасения много такого, что известно Ему одному. Он благодетельствует роду нашему по благости Своей, не нуждаясь ни в прославлении от нас, ни в каком-нибудь другом возмездии, и посему очень многое оставляет сокрытым от нас; а если иногда и открывает, то и это делает для нас, чтобы мы, проникнувшись чувством благодарности, сподобились еще большей помощи Его. Будем же благодарить Его не только за то, что знаем, но и за то, чего не знаем; потому что Он благодетельствует нам, не только когда мы желаем того, но и когда не желаем. Зная это, и Павел внушал благодарить "**всегда и за все**" (Еф. 5:20).А, что Бог печется не только о всех вообще, но и о каждом в отдельности, это можно слышать от Него самого, когда Он говорит так: "**нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих**"(Мф. 18:14), разумея верующих в Него. Он желает, чтобы и неверующие в Него все спаслись, исправившись и уверовавши в Него, как и Павел говорит: "**хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины**" (1 Тим. 2:4); и сам Он говорил иудеям: "**пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию**" (Мф. 9:13); и еще: "**милости хочу, а не жертвы**" (Мф. 9:13; Ос. 6:6). Даже когда люди и при такой попечительности о них не захотят исправиться и познать истину, и тогда Он не оставляет их; но так как они добровольно сами лишают себя небесной жизни, то Он доставляет им, по крайней мере, все необходимое для настоящей жизни, повелевает солнцу сиять на злых и добрых, посылает дождь на праведных и неправедных, и подает все прочее для продолжения настоящей жизни (Мф. 5:45). Если же Он так промышляет о врагах Своих, то оставит ли когда без попечения верующих в Него и угождающих Ему по силам своим? Нет, нет; о них Он более всех печется: " **у вас и волосы на голове**", говорит Он, "**все сочтены**" (Лк. 12:7).

6. Итак, когда подумаешь, что ты для Христа оставил отца, дом, друзей, родных, несчетное богатство и великую славу, и терпишь теперь такую скорбь, то не падай духом; от чего рождается недоумение, тем самым и разрешится наше недоумение. Как? Бог не может солгать; а Он тем, кто оставит все это, обещал вечную жизнь. Ты презрел и оставил все: что же тебе препятствует надеяться на это обещание? Постигшее тебя теперь искушение? Но что оно по отношению к обещанию? Бог обещал нам вечную жизнь не здесь; а если бы даже и здесь надлежало исполниться этому обещанию, и тогда не следовало бы скорбеть; потому что человеку благочестивому и верующему надобно так крепко полагаться на обетования Божии, чтобы, видя и противоположные им события, не смущаться и не отчаиваться в их исполнении. Смотри, какое обетование получил верный Авраам, и что повелевалось ему делать? Обетование состояло в том, что потомки его от Исаака наполнят всю вселенную; а повеление требовало, чтобы он заклал того самого Исаака, потомками которого должна было наполниться вся земля. Что же? Смутило ли это праведника? Нет; и при таком разногласии и противоречии повеления с обетованием, он не смутился, не усомнился и не сказал чего-нибудь такого: „Бог одно обещал, а другое теперь заставляет меня делать; от этого сына обещал мне великое множество потомков, а теперь повелевает заклать его; как же то сбудется, если пресечется этот корень? Верно,

Бог обманул меня и посмеялся надо мною". Ничего такого Авраам не сказал, даже и не подумал, и весьма справедливо; потому что если обещает Бог, то, хотя бы представлялись тысячи препятствий к исполнению обещанного, не должно смущаться и сомневаться в исполнении. Действие силы Божией в там особенно и состоит, чтобы из безвыходного положения находить выход; так рассуждал тогда и блаженный Авраам. Поэтому Павел изумлялся вере его и сказал: "**Верою Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака и, имея обетование, принес единородного**" (Евр. 11:17), указывая и намекая на то самое, о чем я теперь сказал. И не один Авраам, но и правнук его Иосиф, хотя и видел, что данное ему обетование остается без исполнения в течение долгого времени и по многим обстоятельствам, однако остался непреклонным, потому что он обращал взоры свои только к Обещавшему; а если бы он предался человеческим рассуждениям, то отчаялся бы в исполнении обетования. Виденный им сон предвещал поклонение ему братьев и родителей, а события были не таковы, и во многом не соответствовали этому. Во-первых, те самые, которые должны бы кланяться ему, ввергают его в ров и, продав иноплеменникам, отправляют его в чужую и дальнюю землю; эти события казались столь противоречащими сновидению, что сами несчастные (братья его) насмехались над ним, и говорили: "**вот, идет сновидец; пойдем теперь, и убьем его, и бросим его в какой-нибудь ров, и скажем, что хищный зверь съел его; и увидим, что будет из его снов**" (Быт. 37:19-20). Затем и купившие Иосифа опять продают его не какому-либо свободному человеку, но царскому рабу. И этим еще не окончились его несчастия, но, подвергшись клевете госпожи и быв осужден, он много лет жил в темнице, и, хотя другие выходили оттуда, оставался там еще долгое время. Несмотря на столь многие обстоятельства, которые могли смутить душу его, он остался непоколебимым. Таково же и наше положение, или вернее, оно еще более затруднительно. Нам Бог обещал царство небесное, вечную жизнь, бессмертие и бесчисленные блага, а происходящее и случающееся с нами теперь, - именно смерть, тление, наказание, мучение и различные и непрерывные скорби, - далеко не соответствуют этому. Для чего же Бог делает это и попускает такие события, которые противоречат обетованиям? Этим Он совершает два величайшие дела: во-первых, представляет нам несомненное доказательство своей силы, т. е., что Он может привести в исполнение обетования, по-видимому, самые невероятные; во-вторых, научает нашу душу верить Ему во всем, хотя бы события казались противоречащими предсказаниям. Такова сила надежды: она не постыдает того, кто искренно предан ей. Если же так поступали те, которые получали обещания здешних благ, то гораздо более должно так поступать нам, которые надеемся на исполнении благих обетований не в настоящей жизни, но в будущем веке. Для здешней жизни Господь предсказал скорбь и тесноту. Что же смущает тебя? Почему ты не доверяешь Божию обетованию? Презреть для Него весь мир и потом говорить, что Он не печется, может только тот, кто не верит, сомневается и считает обетование Божие обманом; а это поистине значит бесноваться и навлекать на себя огонь геенский. Однако и между людьми, преданными делам мирским, есть такие, которые живут спокойно? - Так, и это предсказал Христос: "

Истинно, истинно говорю вам", говорил Он, "**вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется**"

(Ин. 16:20). И между прежними поколениями вавилоняне, даже не знавшие Бога, пользовались богатством, властию и честию, а иудеи жили в плену, в рабстве и в крайних бедствиях. И Лазарь, достойный небес и царства небесного, лежал покрытый ранами, которые облизывали псы, и постоянно боролся с голодом; а богач жил в чести, окруженный обществом, в роскоши и удовольствиях; но все это нисколько не помогло ему в геенне, как и Лазарю голод и раны не препятствовали проводить честно настоящую жизнь; напротив он, как мужественный борец, подвизающийся в самый тяжкий зной и жар, победил и увенчан. Посему один мудрец и сказал: "**если ты приступаешь служить**

Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения"(Сир. 3:1-2). И несколько ниже: "**ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, – в горниле уничижения**"(Сир.3:5). И еще в другом месте говорится: "**Наказания Господня, сын мой, не отвергай, и не тяготись обличением Его**" (Притч. 3:11). Кто ввергает золото в пещь, тот знает, сколько времени следует ему находиться в огне, и когда должно оно быть вынуто; посему мудрец и говорит: "**и не смущайся во время посещения**", а Соломон, научая тому же самому, сказал: "**не тяготись обличением Его**". Скорбь - великое дело, великое для того, чтобы человек стал доблестным и научился добродетели терпения. А что, скажет кто-нибудь, если она своею чрезмерностию поколеблет и преодолеет (человека)? "**Верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести**" (1 Кор. 10:13). Если наказание бывает от любви, а оставление без наказания от ненависти (ср. Евр. 12: 7-8), то невозможно, чтобы один и тот же вместе и любил и ненавидел одного и того же, наказывал и вместе оставлял его без внимания. Почему же, скажет кто-нибудь, многие пали? Потому, что сами отпали от Бога, а не Им были оставлены. "**Ибо вот**", говорит Писание, "**удаляющие себя от Тебя гибнут**" (Пс. 72:27). А отдаляются они тем, что не переносят вразумлений Божиих, но гневаются и негодуют на них. Как если дурные дети, будучи посланы своими отцами к учителям, стараясь избегнуть тамошних трудов и малых наказаний, совсем убегают от родителей, то не получают от этого никакой пользы, а подвергаются гораздо большим неприятностям, оказываясь в необходимости терпеть на чужбине и голод, и бесприютность, и болезни, и бесчестие, и рабство, так тоже бывает и с теми, которые не переносят с благодарностию внушения Божия, а негодуют на Него: они не только не получают от этого никакой пользы, но подвергают себя еще крайним бедствиям. Посему нам и заповедано "**терпеть и укреплять сердце свое**" (Пс. 26:14). Но ты подвергся страданиям гораздо тягчайшим? - Так и воспитатели детей не всем назначают равная и одинаковые упражнения, но слабым слабые, а сильным дают таких же сильных противников; потому что у кого противник окажется слабее его самого, тот не будет иметь надлежащего упражнения, хотя бы стал бороться с ним целый день. Почему же, скажет кто-нибудь, не всем, посвятившим себя одинаковой жизни, Бог определил нести одинаковые труды? Потому, что у Бога не один вид упражнений, и люди не все имеют нужду в одном и том же, хотя бы они были в одинаковых обстоятельствах, подобно тому, как многие больные, страдающие одинаковыми болезнями, имеют нужду не в одних и тех же лекарствах, но одни - в одних, другие - в других. Посему и способы страданий различны и разнообразны: один искушается продолжительною болезнию, другой - крайнею бедностию, иной - обидами и оскорблениями, а иной - тем, что постоянно и непрерывно видит смерть своих детей и родственников, тот всеобщим презрением и отвращением, а этот - обвинением в том, чего он и не знает за собою, и навлеченным на него бременем бесславия, иной иным способом, так что всего в точности и перечислить невозможно. Каждое из этих страданий, в сравнении с твоим несчастием, тебе кажется легким и ничтожным, но если бы ты сам испытал их, то узнал бы, что твое несчастие, на которое теперь сетуешь, гораздо сноснее их. Впрочем, если некоторые и меньше нас наказываются, мы не должны соблазняться этим; потому что увеличение трудов служит к увеличению наград и бывает твердым оплотом против вольных или невольных нападений: оно обуздывает гордость, прогоняет беспечность, делает нас более благоразумными и благочестивыми. Вообще, если кто захочет перечислить все, то найдет много пользы от искушений, и никто из тех, о ком много печется Бог, не бывает без печали, хотя нам это и не так представляется.

7. Если блаженный Павел много терпел, а никого нет больше его и даже равного ему, то как можно, чтобы другие люди не нуждались в этом пособии? Если же некоторые не вразумились такими скорбями, то уже не по вине Пославшего наказание, но по собственному нерадению. Если бы не было приложено к ним врачество, то можно было бы подумать, что они погибли от невнимательности к ним; а теперь сделано не мало для того, чтобы ни в чем не винить врача, а только самих больным, и их невнимательность. Хотя некоторые, жившие честно до искушений, пали после того, как подверглись им; другие, предавшиеся всяким порокам, не испытали никакой скорби; а иные с первого возраста до последняго вздоха терпели бесчисленные несчастия - но ничем таким мы не должны смущаться и впадать (в отчаяние). Если бы мы могли и обязаны были знать действия Промысла Божия и не познали их, тогда следовало бы нам унывать и смущаться; но если и тот, кто был участником неизреченных тайн и восходил на третье небо, смутился перед этою бездною и, приникнув в глубину богатства и премудрости и ведения Божия, только изумился и тотчас отступил, то для чего мы напрасно усиливаемся узнать непостижимое и исследовать неисследимое (Рим. 11:33)? Мы не станем противоречить врачу, когда он предписывает противное тому, что нам кажется полезным, приказывает напр. охладевший член опускать в холодную воду, и делает много другого, по-видимому, странного; но заранее убедив себя, что он делает это по правилам своего искусства, охотно повинуемся ему, хотя он часто и ошибается. Почему же мы будем исследовать (действия) Бога, Который так превосходит нас во всем, Который есть сама Премудрость и никогда не ошибается? Тому, у кого следовало бы требовать отчета, будем верить беспрекословно; а от Того, Кому одному должны верить, будем требовать оправдания и отчета в Его действиях, и негодовать, что этого не знаем? Свойственно ли это душе благочестивой? Нет, прошу и умоляю, не будем доходить до такого безумия, но о всем, в чем недоумеваем, будем говорить: "**судьбы Твои - бездна великая!**" (Пс. 35:7). Даже и то, что мы не все знаем ясно, есть дело премудрости Божией. Если бы мы повиновались Богу потому, что знали бы причины событий, то не велика была бы нам награда, и наше повиновение не было бы выражением веры; когда же мы, не зная их, с любовью покоряемся всем Его повелениям, по истинному послушанию и искренней вере, тогда доставляем величайшую пользу душам нашим. Мы должны быть убеждены в одном только, что Богом все посылается для нашей пользы, а самого способа не исследовать, и не роптать, и не унывать, когда не знаем его. Знать его для нас и невозможно, и бесполезно; первое потому, что мы смертны; второе потому, что мы скоро увлекаемся гордостью. С своими детьми мы делаем много такого, что им кажется вредным, а на самом деле полезно для них; однако и они не смеют спрашивать о причине, и мы не убеждаем их предварительно в пользе того, что намерены делать с ними, но только внушаем им повиноваться приказаниям родителей и ни о чем более не спрашивать. Если же мы так относимся к родителям, которые одной с нами природы, и не ропщем на них, то на Бога, Который превосходит нас настолько, насколько Бог выше людей, как будем роптать за то, что мы не все знаем? Что может сравниться с подобным нечестием? Таким людям блаженный Павел с негодованием говорил: "**А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: "зачем ты меня так сделал?**" (Рим. 9:20)? Я указал на пример детей, а Павел привел еще гораздо лучший пример - горшечника и обделываемой им глины. Как глина принимает всякий вид, какой дают ей руки обделывающего ее, так и человеку должно поступать сообразно с тем, что повелевает Бог, и принимать с благодарностью то, что Он посылает, нисколько не противореча и не усиливаясь дознать (причину этого); потому что это непостижимо не для одних нас, но и для мужей святых и дивных, живших прежде нас. Так Иов говорил: "**Почему беззаконные живут, достигают старости, да и силами крепки?**", и так далее (Иов. 21:7). И блаженный Давид сказал: "**А я - едва не пошатнулись ноги мои, едва не поскользнулись стопы мои, - я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых, ибо им нет страданий до смерти их, и крепки силы их; на работе**

человеческой нет их, и с [прочими] людьми не подвергаются ударам" (Пс. 72:2-5). После него Иеремия также говорил: "**Праведен будешь Ты, Господи, если я стану судиться с Тобою; и однако же буду говорить с Тобою о правосудии: почему путь нечестивых благоуспешен, и все вероломные благоденствуют?**" (Иер. 12:1). Недоумевали и спрашивали и они, но не так, как нечестивые, не ропща на Бога и не обвиняя в несправедливости за дела Его. Напротив, один из них говорил: "**Правда Твоя, как горы Божии, и судьбы Твои - бездна великая**" (Пс. 35:7), а другой, много страдавший, "**во всем этом не произнес ничего неразумного о Боге**" (Иов. 1:22); и в книге своей, рассуждая о творении и изъясняя непостижимость премудрости и домостроительства Божия, говорил: "**вот, это части путей Его; и как мало мы слышали о Нем!**" (Иов. 26:14). А Иеремия, предвидя, что иной может усомниться, пред вопросом своим высказывает такое суждение: "**праведен будешь Ты, Господи**", т. е. я знаю, что все совершается Тобою справедливо, но способа, каким это совершается, не постигаю. Что же, узнали ли они что-нибудь больше? Нет, они не получили даже и ответа, как изъясняет блаженный Давид в словах: "**и думал я, как бы уразуметь это, но это трудно было в глазах моих**" (Пс. 72:16). Они не получили ответа для того, чтобы потомки научились и не спрашивать об этом. Они спрашивали только об одном, почему нечестивые наслаждаются благополучием и богатством, но и этого не узнали; а нынешние хотят узнать гораздо больше их, потому что ныне предлагается гораздо больше вопросов, чем тогда. Пусть же ясное знание предоставлено будет Тому, Кто знает все прежде, чем оно совершится.

8. Если же нам самим, на основании того, что нам уже известно, следует представить какое-нибудь решение поставленных вопросов, для успокоения тех, которым очень хочется знать об этом, то скажу, что после того, как нам открыто царствие небесное и обещано воздаяние в будущей жизни, уже непристойно исследовать, почему (на земле) праведные живут в скорбях, а порочные в спокойствии. Если там каждого ожидает воздаяние по заслугам, то для чего возмущаться здешними обстоятельствами, счастливыми или несчастными? Здешними бедствиями Бог укрепляет покорных Ему, как мужественных борцов, а более слабых, нерадивых и неспособных переносить ничего тяжелого, предварительно располагает в готовности на добрые дела. Часто случается и обратное этому, то, что многие праведные живут в спокойствии и чести, а порочные в бесчестии и крайних бедствиях; этим для нас прежде всего опровергается предшествующее положение, что праведные терпят бедствия, а нечестивые блаженствуют. Если же оно еще нуждается в объяснении, то скажу, что Бог устрояет наше благо не одинаковым образом, но, как неистощимый в средствах, пролагает нам многие пути ко спасению. Так как многие не хотят принять учения о будущей жизни и воскресении, то Он еще здесь являет в малом виде образ (будущего) суда, когда наказывает злых и награждает добрых. Вполне это совершится на том суде, но отчасти совершается сейчас и здесь, чтобы те, которые в виду такой отдаленности суда предались греху, вразумились по крайней мере событиями настоящего времени. Если бы здесь вовсе никто из злых не наказывался и никто из добрых не получал награды, то многие из неверующих учению о воскресении уклонялись бы от добродетели, как от причины зла, а ко греху прилеплялись бы, как к причине добра; с другой стороны, если бы здесь все получали воздаяние по заслугам, то некоторые подумали бы, что учение о суде излишне и ложно. Итак, чтобы и это учение не подверглось сомнению, и чтобы большинство невежественного народа по беспечности не сделалось хуже, Бог еще здесь наказывает многих из грешников и награждает некоторых из праведников; тем, что Он поступает так не со всеми, Он подтверждает учение о суде, а тем, что наказывает некоторых еще прежде суда, пробуждает спящих глубоким сном. В виду наказания порочных многие исправляются, боясь, чтобы и им не потерпеть того же самого; а вследствие того, что здесь не все получают воздаяние по заслугам, многие невольно приходят к мысли, что оно

отложено до некоторого другого времени. Правосудный Бог, конечно, не допустил бы, чтобы столь многие злые умирали не наказанными, а добрые терпели бесчисленные бедствия, если бы Он не приготовил для тех и других иного состояния в будущем веке. Посему Он и наказывает и награждает не всех, а только некоторых, как например, царя персидского и Езекию, хотя много было таких нечестивых, как тот ассириянин, и добродетельных подобно Езекии, но Бог не со всеми поступил так, как с ними; причина в том, как я сказал, что еще не пришло время суда. И что это учение не мое, послушай самого Того, Кто будет тогда судить нас. Когда пришли к Нему и рассказали о смерти задавленных башнею и о безумии Пилата, которое он выказал в отношении к умершим, смешав кровь их с жертвами, тогда что Христос говорит? "**думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете**"(Лк, 13:2-5). В этом причина замедления. Бог для того не вдруг наказывает всех, достойных наказания, чтобы через несчастия одних все прочие сделались лучшими. Так пусть будет решен у нас предложенный вопрос. Но ты, может быть, желаешь разрешения и того вопроса, который предложен выше и который гораздо труднее этого? Впрочем я думаю, что когда этот по возможности объяснен нами, то тем самым положено начало решению и первого вопроса. Что же приводит тебя в недоумение? То, что многие от первого возраста до смерти боролись со многими несчастиями. На это также, как и на прежнее, скажу, что Бог наказывает их, во-первых, за их собственные пороки; а потом для того, чтобы от их несчастий получили пользу и другие. Если же это бывает не со всеми, то потому, что теперь еще не время суда. Почему же, скажешь ты, некоторые, прежде нежели достигнуть того возраста, когда могут различать доброе от злого, уже несут наказание, как великие преступники? На это не одна причина, но много различных. Это может происходить и от невоздержности родителей, и от нерадения воспитателей, и от перемен в воздухе, и от множества других подобных обстоятельств. Притом, о многих из них Бог знает, что они будут порочными, и потому наперед связывает их наказаниями, как бы какими путами. Разве не видишь, что и из нищих многие, в самом прискорбном положении, совершают множество преступлений, не от горя и не от голода, но единственно по своей порочности? Однажды я слышал от некоторых людей, что нищие, схватив благородную и красивую женщину, обесчестили ее в пустынном месте. Какая нужда, какое горе побудило их к такому делу? Какого же преступления не совершили бы они, если бы несчастия не сдерживали их, как цепи? А кто мог бы переносить неистовство и необузданность заключенных в темнице? Не лучше их ведут себя и одержимые демоном. Не о том я говорю, что они делают во время припадков беснования, но о том, что бывает по прекращении этих припадков: они предаются обжорству, и воруют, и пьянствуют, и совершают еще гораздо гнуснейшия дела. Посему, как судья многих преступников оставляет на жительство в темнице на долгое время, - а часто они оканчивают там жизнь, - когда же захочет предостеречь народ, то берет одного или двух из них, садится на возвышенном месте и при всех предстоящих приказывает вести преступника на смерть, не считая нужным делать то же со всеми преступниками для устрашения прочих; так и для Бога, когда Он благоволит вразумлять нас, не нужны все злые, но Он берет некоторых из них, о которых знает, что они неисправимы, и над ними являет Свою силу и гнев, и чрез это совершает много полезного. Этим он злых располагает оставить, если они захотят, свое нечестие, и добрых делает более внимательными, и показывает Свое долготерпение, и для всех подтверждает, как я выше сказал, учение о воскресении. Но какая польза от этого, скажешь ты, тем, которые весь первый возраст свой провели в несчастиях и умерли прежде нежели успели различать добро и зло? Но какой же и вред, скажи мне, терпят они, когда еще не сознают своего несчастия, и не умеют ни печалиться, ни радоваться? И не только этим я разрешаю

предложенный вопрос, но и тем, что подобными несчастиями вразумляются и родители, и братья, и родственники; и не малое бывает приобретение, если из того, от чего один не терпит никакого вреда, другой получает величайшую пользу. Впрочем на это, может быть, есть и другая какая-нибудь тайная причина, известная одному только нашему Создателю.

9. Остается еще один вопрос: почему те, которые прежде искушений жили праведно, после искушений пали? Но кто верно знает живущих праведно, кроме "**Создавшего наедине сердца наши и вникающего во все дела наши**" (ср. Пс. 32:15)? Многие из тех, которые кажутся добродетельными, часто оказываются порочнее всех. Это обнаруживалось и в настоящей жизни, но только относительно некоторых, по какому-нибудь случаю и по какой-нибудь необходимости. Когда же сядет судить нас Испытующий сердца и утробы, "*живой и действенный и острее всякого меча обоюдоострого: проникающий до разделения души и духа, составов и мозгов, и судящий помышления и намерения сердечные*" (ср. Евр. 4:12), тогда, не некоторых только немногих из многих, но всех увидишь открыто такими, каковы они действительно, и ни волка не скроет овечья кожа, ни окраска гроба внутренней его нечистоты; потому что "**нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его**" (Евр. 4: 13). Это и Павел, объясняя коринфянам, говорил: "**Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога**"(1 Кор. 4:5). Впрочем, оставив лицемеров, скажем о живущих праведно: откуда известно, что они, имея многие добродетели, не пренебрегли главной из них - смирением? Поэтому Бог и отступил от них, чтобы они знали, что добрые дела совершали они не собственною силою, но благодатию Божиею. Если же кто скажет, что лучше гордиться делая добро, нежели смиряться согрешая, тот совсем не понимает ни вреда от гордости, ни пользы от смирения. Ты, конечно, хорошо знаешь, что человек, делающий добро с гордостью, если только можно так делать добро, скоро дойдет до крайней погибели. Кто допустил себя до падения и падением научился смирению, тот скоро, если захочет, восстанет и исправится; но кто делает кажущееся добро с гордостью и не терпит ничего неприятного, тот никогда не почувствует своей греховности, но еще увеличит зло, и незаметно для себя самого отойдет отсюда без добрых дел, как тот фарисей, который вошел в храм, думая о себе, что он богат всякою добродетелью, а вышел, узнав, что он беднее даже мытаря (Лк. 13:10). Есть и другой вид зла, имеющий великую силу упразднять добро, собранное с великими усилиями и трудами, - это ветер тщеславия. Оно действительно, как ворвавшийся ветер, развевает все сокровища добродетели. Вот открылась нам и вторая причина падения живущих праведно, как ты сказал. Многие, кажущиеся нам перенесшими и переносящими великие труды для добродетели, за то, что делали все ради чести у людей, а не у Бога, и попущены впасть в искушение, чтобы они, лишившись людской славы, для которой терпели все лишения, и узнав, что она в сущности нисколько не лучше цвета травного, прилепились наконец к одному Богу и делали все для Него. Кроме того есть на это очень много и других причин, но они, как я сказал, сокрыты от нас, а известны Создателю нашему - Богу. Не будем же роптать на Него за происходящее с нами, но будем благодарить: это **свойственно** (*действенно*) признательным рабам. Ты удивляешься, что нечистый (дух) напал на тебя не в прежнее время, когда ты роскошествовал и окружал себя мирским блеском, но теперь, когда ты бросил все это и всецело предал себя Богу; но это подобно тому, как если бы ты удивлялся, почему зрителей никто не беспокоит, а на того, кто записался в борцы, приготовился и вышел на место борьбы, на этого одного из всех нападает противник, поражает его в голову и бьет по лицу. Не то удивительно и достойно сожаления, что демон огорчает, теснит и беспокоит решившихся на борьбу, - ибо таков закон борьбы, - но если он поборает, и низвергает, и лишает награды, - вот это ужасно! А пока он не в состоянии сделать этого, то не только не нанесет нам никакого вреда, но еще доставит величайшую пользу, сильною борьбою с нами доставив нам более

чести. Так и между воинами лучше всех тот, кто может показать у себя больше ран и кто вступал в единоборство с сильнейшим из противников; и из борцов мы особенно удивляемся тем, которые вступают в борьбу с непобедимыми (так называют храбрейших из противников); и из охотников тот считается сильнейшим, кто выходит на самых диких зверей. Твой демон бесстыден и бесстрашен? Но потому я и не перестаю изумляться и удивляться тебе, что ты, получив такого противника, не пал, не выдал себя, но остался непреклонным и не уступил ему ни в чем.

10. А что я теперь говорю тебе без лести, что действительно ты получил величайшую пользу от своей скорби, то позволь мне говорить прямо; потому что иначе я не могу доказать тебе этого. Ты знаешь и помнишь свою прежнюю жизнь, т. е. жизнь до искушения; рассмотри же ее внимательно и сравни с настоящей жизнью после искушения, и ты увидишь, какая польза произошла для тебя от этого бедствия. Теперь у тебя великое усердие и к постам, и к нощным бдениям, и к занятию чтением, и к упражнению в молитвах; также и терпение и смирение достигли у тебя высшей степени; а прежде ты вовсе и не думал о книгах, и все свои заботы и труды употреблял на уход за садовыми деревьями. Многие, как я слышал, упрекали тебя даже в гордости, и объясняли ее знатностью рода, славою отца и твоим воспитанием в большом богатстве. Насколько ты был ленив в ночных бдениях, это сам хорошо знаешь. Часто, когда другие в глубокую ночь поспешно вставали, ты оставался погруженным в глубокий сон и сердился на тех, кто будил тебя. А теперь, с тех пор, как ты вступил в эту борьбу и ратоборство, все это прекратилось и переменилось на лучшее. Если же спросишь меня, почему Бог не попустил демону напасть на тебя, когда ты жил в роскоши и был привязан к делам мирским, то я скажу в ответ, что и это было делом промышления Его; Он знал, что тогда враг скоро погубил бы тебя, нашедши легко победимым. Посему Бог вызвал тебя на эту борьбу не тотчас, как только вступил ты в монашескую жизнь, но предоставил тебе упражняться в течение долгого времени, и потом, когда ты укрепился, вывел тебя на это трудное поприще. Еще ты упоминаешь о живущих в мире и указываешь на своего слугу; ведь его, я думаю, ты разумеешь, когда говоришь, что многие из мирских людей, подвергшись той же болезни, получили весьма скоро совершенное исцеление. Но, любезнейший, слуга твой и другие, которые подвергались одинаковому с ним бедствию, испытывали это не с тою целью, с какою ты теперь: на него и на других Бог попускал этого зверя для того, чтобы только устрашить их и посредством страха сделать лучшими, а на тебя для того, чтобы ты мужественно боролся, славно победил и получил венец за терпение. А победа состоит не в том, когда ратоборец еще во время зрелища уклоняется от борьбы с противником, но когда он во всякое время остается готовым на борьбу; тогда противник и унынием не будет в состоянии довести его до каких-либо негодных помыслов. И что это действительно так, я прямо заключаю из следующего. Всем известно, - хотя сам ты и уничижаешь себя, - насколько твоя жизнь лучше жизни твоего слуги. Потому и Бог промышляет и печется о тебе более, нежели о нем. Если же это ясно, то очевидно также и то, что, если бы Божие попущение было делом Его гнева, Он не стал бы так долго подвергать этому того, кого более любит, между тем как скоро избавил от демона другого, который гораздо хуже тебя. Это я могу подтвердить не только вышесказанным, но и на основании того, из чего ты заключаешь, что Бог оставил тебя, постараюсь доказать, что Он особенно заботится о тебе. Если бы ты не оказал большого усердия и не совершил далеких путешествий для собеседования с мужами святыми и имеющими силу разрешать эти узы, то иной из обыкновенных людей мог бы придти в недоумение, так как не очень ясна была бы причина, почему Бог попустил (тебе страдать) столько времени. Но так как ты посетил места мучеников, где получили исцеление многие даже из тех, которые (в бесновании) кусали людей, долгое время прожил с мужами дивными, доблестными и всегда успевавшими (исцелять больных),и не опустил решительно ничего; что могло бы освободить тебя от страдания, и однако возвратился опять с тем же врагом; то ты принес

ясное и вразумительное даже для весьма невнимательных людей доказательство Божия промышления о тебе. Бог, конечно, не лишил бы тебя Своей благодати, и не допустил бы посрамления рабов Своих, если бы не видел от этого великой славы и большей пользы для тебя. Таким образом то, что по-видимому служит знаком оставления тебя Богом, есть знак великой Его любви и благоволения к тебе.

---

[1] В Синодальном переводе смысл другой: "**не будь страшен для меня, Ты - надежда моя в день бедствия**".

[2] В Синодальном переводе: "скитальцем и изгнанником будешь на земле".

[3] В синодальном переводе "путь" и "мысль" во множественном числе: "**Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших**".

К ТОМУ ЖЕ СТАГИРИЮ
о том, что уныние хуже демона.

СЛОВО ВТОРОЕ.

В ПРЕДЫДУЩЕМ (слове) сказано нами о Промысле Божием и о том, что Бог испытывает тебя известным образом не по отвращению и не по ненависти, а по особенной любви. Но так как ты, по словам твоим, очень сетуешь и по другой причине, именно потому, что демон часто внушает тебе мысль погубить себя в море или пропасти, или прекратить настоящую жизнь каким-либо другим способом, то я хочу немного побеседовать и об этих помыслах. Такое внушение происходит не от него только одного, но и от твоего уныния, и даже больше от последнего, чем от первого, а может быть - и от одного уныния. Это видно из того, что многие и из тех, которые не одержимы демоном, замышляют то же только от печали. Отвергни же ее и изгони из души, тогда и демон не будет иметь силы не только на то, чтобы склонить к такому делу, но и на то, чтобы приступить к внушению. Как воры при наступлении ночи, погасив огонь, очень легко могут и похитить имущество и умертвить владельцев его, так теперь и демон, вместо ночи и мрака наведши уныние, старается похитить все охраняющие помыслы, чтобы, напав на душу лишенную их и беспомощную, нанести ей бесчисленные раны. Когда же кто, рассеяв этот мрак надеждою на Бога и обратившись к солнцу правды, поспешит принять лучи его в свою душу, тогда смятение от этих помыслов перейдет на самого разбойника; потому что и эти преступники, когда кто поймает их и внесет огонь, дрожат, робеют, смущаются. Как же, скажешь ты, освободиться от этой печали, не освободившись наперед от причиняющего ее демона? Не демон причиняет уныние, но оно делает демона сильным и внушает худые помыслы. Это может засвидетельствовать нам блаженный Павел; и он боялся не какого-нибудь демона, но чрезмерной скорби, когда писал к Коринфянам, чтобы они простили, наконец, грешнику грех его: "**дабы он не был поглощен**", говорит он, "**чрезмерною печалью**" (2Кор.2:7). Но предположим, если хочешь, что демон нападет на тебя, а уныние изгнано из твоей души: какой от этого будет вред? Какое зло, большое или малое, может причинить нам демон сам по себе? Уныние же и без него может сделать много зла, и большинство из тех, которые наложили на себя петлю, или закололись мечем, или утопились в реках, или погубили себя как-нибудь иначе, увлечены были к такой насильственной смерти унынием; если же в числе этих людей окажутся некоторые и из одержимых демоном, то и их погибель должно приписать не демону, но влиянию и силе уныния. Как же можно, скажешь ты, не унывать? Можно, если, отвергнув мнения толпы

об этом предмете, будешь помышлять о горнем. Теперь твое положение кажется тебе ужасным, потому что толпа считает его таким; но если ты захочешь с точностью рассмотреть его само по себе, отрешившись от пустого и ошибочного предубеждения, то найдешь, что оно не представляет никакого повода к унынию, как это уже многократно и доказано нами. Касательно же твоих сверстников (которых благодушие и дерзновение пред братьями ты видишь и от того, я думаю, смущаешься и падаешь духом) я скажу, что если бы, в то время как они проводят жизнь в воздержании, скромности и прочих добродетелях любомудрой жизни, ты тратил все время в непотребных домах, в играх и пирушках, уныние твое имело бы причину; но если ты идешь по одному с ними пути, то от чего тебе печалиться? Если бы я говорил с кем-нибудь другим, из числа тех, которые легко увлекаются гордостью, то я умолчал бы о том, что намерен теперь сказать тебе. Но так как я вполне уверен, что ты никогда не перестанешь быть скромным, а всегда будешь считать себя между последними, хотя бы тебя безмерно хвалили и превозносили, то скажу все, нисколько не притворствуя. Ты, я слышу, так успел в своей благочестивой жизни, что не уступаешь уже не только тем юношам, но и великим и дивным мужам. И от этих, говорят, ты не отстаешь ни в чем, ни в посте (и возможно ли иначе, когда ты питаешься только водой и хлебом, и то через день?), ни в продолжительности ночных бдений, но подобно им проводишь без сна много ночей сряду. А в препровождении дня, говорят, ты многих из них уже и превзошел; от приходящих оттуда я слышу рассказы, что у тебя все время употребляется на молитвы и слезы; и как подвизающиеся в молчальничестве, или заключившие себя уединенно в келье, ни с кем, ни о чем не разговаривают, так, говорят, поступаешь и ты, живя среди такого многолюдства. О твоем же сердечном сокрушении, о скорби и сетовании они рассказывают даже с изумлением, и этими рассказами о твоих подвигах здесь привели многих в сокрушение. Не смотрит он, говорят они, ни на кого из приходящих туда и не дает себе отдыха от постоянных трудов, часто боялись мы, чтобы он не ослепил глаз своих слезами, чтобы не повредил головного мозга чрезмерным бодрствованием и неослабным и беспрерывным упражнением в чтении.

2. Итак, тебя печалит и смущает то, что ты уже опередил сверстников, и, имея сильного и дерзкого противника, далеко оставил позади себя подвизающихся вместе с тобою! Не правду ли говорил я, что твое уныние есть только следствие предубеждения, а при внимательном рассмотрении может доставить нам много побуждений даже к благодушию? Скажи мне, какая польза не быть бесноватым, если при этом жизнь будет оставлена в пренебрежении? И какой вред от беснования, если при этом образ жизни будет строг и благоустроен? Но ты, может быть, стыдишься и краснеешь, когда демон низвергает тебя в чьем-либо присутствии? Это происходит по той причине, что ты судишь о деле по мнению толпы, а не по благоразумию. Ниспадение не в том состоит, что, по твоим словам, случается с тобою, но в подпадении греху; при таком падении следует стыдиться и сетовать. А теперь мы стыдимся того, что не имеет в себе ничего постыдного; напротив, делая то, что в самом деле постыдно и достойно осмеяния и тяжкого наказания, думаем, что с нами не случилось ничего худого, если душа каждый день падает под тяжестью грехов, то никто не плачет; а если случится что-либо такое с телом, это кажется тяжким и невыносимым. Не в этом ли и состоит беснование, когда душа находится в таком состоянии и так ошибочно судит о вещах? Если бы твои припадки происходили от пьянства, тебе следовало бы стыдиться и унывать; тогда вина была бы произвольная, но если они происходят от насилия другого, то стыдиться должно не тому, кто терпит, но тому, кто делает обиду и насилие. Так и на площади, если во время ссоры один толкнет другого и повергнет на землю, мы все обвиняем толкнувшего, а не упавшего. Хорошо стыдиться, но - тогда, когда мы делаем что-нибудь, навлекающее на нас наказание от Того, Кто будет некогда судить нас; а пока мы не знаем за собою ничего такого, зачем нам стыдиться? Если бы кто, напав на тебя одного, стал бить тебя или повергать тебя на землю без всякого с твоей стороны повода или вины, а ты все перенес бы с кротостью и

удалился, то твой поступок был бы не постыдным, но любомудрым и весьма похвальным. Итак, если похвально переносить обиду, причиняемую людьми, то зачем будет стыдиться, как бы какого предосудительного дела, тот, кто благодушно переносит бешенство злейшего демона, совершающего то же самое? Что может быть несообразнее такого противоречия? Если бы ты, встав после своего припадка, стал делать или говорить что-либо непристойное, тогда и я не стал бы препятствовать тебе, сокрушаться и сетовать об одном; а если ты все переносишь с благодарением и тотчас обращаешься к молитвам, то чего здесь стыдиться? Может быть, тебя огорчают укоризны от других? Но что может быть предосудительнее людей, которые не знают даже того, что заслуживает укоризны? Эти люди и суть, поистине безумные и бесноватые, - они, которые не умеют смотреть на вещи, каковы они, в сущности, и ругают достойное похвал, а предосудительное считают похвальным. Сумасшедшие говорят окружающим много худого, но слушающие их не думают обижаться. Так и ты, слушая этих безумных, не считай случающегося с тобою позором и вредом, чтобы тебе, в самом деле, не сделаться достойным осуждения, прогневав Бога. Если ты будешь считать позорным то, что Бог посылает для вразумления и пользы, то смотри, к чему ведет это зло.

3. Если ты хочешь видеть людей действительно достойных стыда и осуждения, то я попытаюсь из множества таких указать тебе на некоторых. Посмотри на прельщающихся женскою красотою, на пристрастных к деньгам, на любящих власть и славу и для этого готовых делать и терпеть все, на изнуряемых завистью, на злоумышляющих против тех, кто ничем их не обидел, на предающихся унынию без всякой причины, на людей, которые постоянно увлекаются суетами житейскими; вот эти и подобные им дела безумны и достойны наказания, заслуживают осуждения, и стыда, и осмеяния. А кто, подвергаясь нападению демона, не смотря на то, показывает в своей жизни великое любомудрие, тот заслуживает, чтобы все не только не осуждали его, но и удивлялись ему и украшали его венцами за то, что он при таких узах совершает столь трудное шествие и восходит по крутому и тесному пути добродетели. Однако я едва не забыл еще нечто, в чем ты имеешь преимущество пред братьями, - именно то, что ты легко можешь, если погрешил в чем-нибудь, загладить эти грехи теперешним несчастием. Это известно нам из того, что сказал я выше, когда говорил о Лазаре и о блуднике коринфском. Но боюсь за отца, говоришь ты; свои скорби я смогу спокойно перенести, но легко ли будет нам перенести его смущение и негодование, если он когда-нибудь узнает что-либо из этого? Однако до сих пор он не узнал; а унывать и мучиться из-за того, что случится когда-нибудь после, а может быть никогда не случится, весьма малодушно. И откуда известно нам, что он узнает? Впрочем, пусть будет это нам известно; допустим, если хочешь, что он и узнает и сделает много зла; хвалю тебя за то, что ты скорбишь об его горестях, но не одобряю того, что делаешь это с вредом для себя; тем, которые помышляют о горнем, а не о земном, должно преодолевать не только гнев и похоть и прочие страсти, но и уныние; потому что оно может причинить нам больше зла, чем эти страсти, и с ним должно мужественно бороться тем, кто не хочет совсем погибнуть. Если бы тебе самому предстояло быть виновником горестей твоего отца, тогда действительно следовало бы тебе бояться и трепетать, как виновнику такого бедствия; но если он сам захочет подвергать себя крайним огорчениям, тебе нет до них никакого дела; остается только соболезновать отцу. Притом мы не знаем, как он примет это известие; часто многое случалось противоположно ожиданиям; хотя это бывает не так обыкновенно и редко, но в данном случае это и естественно и очень возможно. Откуда же что видно? Твой отец много заботится о побочных детях, и такая любовь к ним может затмить его печаль о тебе; не мучь же ты себя напрасными тревогами. Если же нужно сетовать об отце, то по поводу его безумной расточительности, пиров, гордости, жестокости, теперешней блудной жизни. Неужели малое зло, по твоему мнению, - при жизни жены, вашей матери, иметь связь с другою женщиною и рождать детей от беззаконного сожития? Вот это явное, приводящее к худому концу дело, - это достойно

сетования и слез; а что случится из-за тебя, то, может быть, будет худо, а может быть - и не худо; терпеть верную муку в виду неизвестного будущего - весьма безрассудно. Положим даже, что весть о тебе принята будет (отцом) с великим негодованием; но оно окончится весьма скоро и погаснет раньше, чем хорошо разгорится; потому что человек, столь преданный наслаждениям, озабоченный многими делами, питающий нахлебников и льстецов и пламенеющий такою страстью к женщине, от которой имеет полуродных вам братьев, если и обратит внимание на тебя, то недолгое и незначительное. Об этом я заключаю не только из того, что мною сказано, но и из того, что прежде было; я знаю, хорошо знаю, что отец твой прежде крепко любил тебя и считал твою голову дороже всего; но когда ты вступил в монашескую жизнь, он погасил всю эту любовь, признал поступок твой постыдным и недостойным знатности предков и говорил, что ты посрамил честь его; если бы не удерживала его сила природы, он, может быть, даже и отрекся бы от тебя. Таким образом - если слова эти не окажутся очень необдуманными - я полагаю, что он даже рад случившемуся с тобою, считая тебя потерпевшим наказание за то, что ты решительно не принял совета его, хотя он часто увещевал тебя и хотел отвлечь от этой строгой жизни.

4. Вот что я могу сказать об отце и твоем опасении за него: и этого, я думаю, достаточно для того, чтобы рассеять весь твой страх по этому поводу. Но ты говорил, что главная беда в том, что ты не можешь надеяться и на будущее и не знаешь, будет ли конец твоему страданию, или вступивший с тобою в эту борьбу захочет бороться с тобою до смерти. Относительно этого и я не могу сказать ничего верного, и не могу ручаться за будущее; однако я верно знаю, и тебе желаю также убедиться в том, что все, что бы ни случилось, будет нам на пользу; и если ты будешь иметь такое убеждение, то скоро отгонишь от себя и то, что называешь верхом своих несчастий. Кроме того, нужно иметь в виду и то, что время наград и венцов есть век будущий - время борьбы и подвигов. Это желал нам объяснить блаженный Павел, говоря: "**потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (1Кор.9:26,27). Когда же он приблизился к кончине, тогда произнес следующее блаженное изречение: "**подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды**" (2Тим.4:7,8), изъясняя, что вся наша жизнь должна быть проводима в борьбе и трудах, если мы хотим наслаждаться вечным покоем и бесчисленными благами. Если же кто из беспечных захочет наслаждаться и здешними удовольствиями и тамошними наградами, уготованными трудящимся, тот сам себя обманывает и обольщает. Как между борцами тот, кто во время борьбы ищет покоя, находит себе навсегда позор и бесславие, а тот, кто на месте борьбы мужественно переносит все трудности, получает от зрителей венцы, славу и похвалу и во время борьбы, и по окончании ее, так и у нас. Кто время трудов делает временем покоя, тот будет стонать, скрежетать зубами и терпеть крайние муки тогда, когда нужно будет успокоиться вечным покоем; а кто здесь переносит скорби благодушно, тот и здесь и там будет блистать и наслаждаться славою бессмертною и истинною. Если в житейских делах человек, делающий что-либо неблаговременно, не достигает того, что имел в виду, и подвергает себя бесчисленным бедствиям, то тем более испытает это на себе тот, кто не знает установленных времен в делах духовных. Христос сказал: "**в мире будете иметь скорбь**" (Иоан.16:33). Блаженный Павел сказал: "**и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы**" (2Тим.3:12), разумея не только гонения от людей, но и козни демонов. Иов сказал: "**искушение есть житие человеку на земли**" (Иов.7:1)[1]. Что же ты сетуешь, претерпевая скорби во время скорбей. Сетовать нужно было бы в том случае, если бы мы время, которое Христос назвал бы временем скорби, делали временем наслаждения и покоя; если бы в то время, когда нам заповедано подвизаться и трудиться, мы предавались праздности; если бы мы шли по пространному пути, тогда как Он повелел идти по тесному. За это нам неизбежно

следовало бы терпеть наказание в том веке. Но что сказал бы ты, говоришь, о тех, которые и здесь идут широким путем и там будут покоиться? Кто же эти люди? Я верю только слову Христа, Который говорит, что "**тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь**" (Матф.7:14). А что по тесному пути никогда нельзя идти, как по широкому, это, конечно, всякому ясно. Если на мирских ратоборствах никто не получал венца без трудов, имея притом своими противниками таких же людей, то как нам, против которых ратуют лукавые силы, можно победить их бешенство без скорби и стеснения?

5. Впрочем, зачем нам доказывать это умозаключениями, когда можно прибегнуть к блаженным и доблестным подвижникам, жившим в прежние времена? Припомни всех, прославившихся в те времена, и увидишь, что все они скорбями достигли дерзновения пред Богом. Прежде всего, если хочешь, обратимся к сыну первозданного, агнцу Христову, Авелю, который не сделал никакого зла, и, однако, потерпел то, чему подвергаются тягчайшие грешники. Мы терпим искушения в наказание за грехи; а этот праведник страдал не за что-либо другое, а за то, что был праведен. Пока он не отличался ничем великим, брат был благосклонен к нему, а когда прославился своею жертвою, то Каин, ослепленный завистью, не посмотрел и на природу. Почему же ты знаешь, не эта ли причина и теперь возбудила против тебя диавола, и не слава ли твоей жизни вызвала его на эту борьбу? Если ты смеешься над этими моими словами, - хвалю тебя за смиренномудрие, однако не перестану так думать. Если Авель, принесши тук, угодил Богу, тем более посвятивший Богу не внешнее что-либо, но всего себя, мог вооружить против себя врага. Бог же попустил ему напасть на тебя, как и тогда Он не воспрепятствовал совершиться убийству, но попустил праведнику впасть в руки убийцы, и не избавил того, кто потерпел смерть ради Его и Его славы; Он не хотел уменьшения венцов Авеля, посему и попустил ему дойти до конца. Но, скажешь ты, какое наказание - смерть? О, если бы и мне теперь потерпеть такое наказание! Это, возлюбленный, говоришь ты теперь, а прежде смерть казалась тягостнее всего и мучительнее всякого наказания. Потому и по Закону Моисееву сделавшие величайший и непростительный грех подвергались этому наказанию. И по законам внешних (языческих) законодателей еще и теперь не иначе наказываются все, уличенные в самым гнусных злодеяниях; между тем этот праведник пострадал одинаково с беззаконниками, или даже гораздо тяжелее, так как получил удар от руки брата. А что Ной? И он был праведен и совершен, и среди всеобщего развращения один угодил Богу, тогда как все прочие оскорбляли Его. И, однако, он претерпел бесчисленное множество скорбей и - тяжких. Он не умер так скоро, как Авель, и не подвергся тому, что тебе представляется легким, но переносил долгую жизнь, и в течение многих лет жил нисколько не лучше тех, которые носят тяжести и постоянно изнуряются тягчайшим бременем. Я сейчас вполне объясню тебе это, сказав предварительно следующее. Целый год Ной жил как бы в темнице, - в темнице необыкновенной и страшной. Не буду говорить о множестве зверей и пресмыкающихся, с которыми вместе жил он столько времени, заключенный в такой темноте; что, думаешь, терпел он от раскатов грома, от шума дождей? Бездна нижняя разверзалась, верхняя низвергалась; а внутри ковчега сидел он один с сыновьями. Хотя он мог быть уверенным, что потоп кончится, но по чрезвычайности события наперед цепенел от страха. Если мы, имея дома, крепко построенные на земле, и живя в городах, падаем духом и смущаемся, когда увидим, что дождь льет несколько сильнее обыкновенного, то чего не вытерпел он, находясь один внутри ковчега и видя ужаснейшую бездну и различные роды погибших в ней? Душа может придти в ужас, когда и один город или даже один дом во время наводнения погибает в волнах; а когда потерпела это вся вселенная, то и сказать нельзя, в каком состоянии находился носившийся среди такого наводнения. И целый год он был в таком страхе. Когда же потоп прекратился, то хотя страх его уменьшился, но увеличилась у него печаль. Лишь вышедши из ковчега, он встретил другую бурю, не меньше первой, увидев великую пустыню, насильственную смерть, тела погибших смешанные с илом и

грязью, и всех вместе - и людей, и ослов, и более низших животных зарытыми в одной самой жалкой могиле. Хотя погибшие в потопе были великие грешники, однако Ной был человек и сострадал имевшим одинаковую с ним природу. Так и Иезекииль, хотя был праведен и знал, что израильтяне порочнее всех, однако, когда видел их поражаемыми и падающими, также сострадал и плакал; между тем Бог наперед открыл ему все их нечестие и дал ему возможность видеть это собственными глазами, для того, чтобы он, когда увидит их наказываемыми, мужественно перенес это несчастие; и, однако, после доставленного ему такого облегчения, он жаловался и, падши, взывал так: "**о, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля**" (Иез.9:8)? И это случилось с ним не однажды только, но и в другой раз, когда он видел умерщвление Иехонии. Так и Ной, хотя знал о бесчисленных преступлениях современников, но не был мужественнее ни Иезекииля, ни Моисея. И Моисей много раз страдал одинаково с пророком, и, видя, что согрешающим надлежало потерпеть наказание, сетовал и скорбел более самих наказываемых. Но при Ное и бедствие было ужаснее; ибо такая смерть, какая случилась при нем, была единственною. Затем, когда Ной был удручаем столь великими бедствиями; - одиночеством, состраданием к единоплеменникам, множеством погибших, способом смерти их, запустением земли, и когда печаль его со всех сторон сильно увеличивалась и возрастала, тогда же наносится ему еще оскорбление и от сына, - оскорбление невыносимое, весьма позорное и весьма прискорбное. Во сколько раз оскорбления от друзей тяжелее оскорблений от врагов, во столько оскорбления от детей нестерпимее оскорблений от друзей. Так, когда отец увидит, что тот, которого он родил, которого воспитал, которого образовал, для которого перенес множество скорбей, трудов и забот, обходится с ним обиднее всех, когда он испытает это, то не в силах бывает перенести великой скорби душевной. Обида для человека свободного и сама, по себе несносна; когда же она нанесена собственными детьми, то может довести обиженного даже до исступления; до того она тяжела! Притом имей в виду не одно только это оскорбление, но по нему заключай и о том, как оскорбитель обращался с Ноем и во все прежнее время. Если Хам, еще имея пред собою страшное событие, лишь только освободившись из такой темницы и еще видя бедствия вселенной, не вразумился этим, но оскорбил того, кого оскорблять всего меньше следовало; если он не исправился ни смертью такого множества людей, ни опустошением земли, ни гневом Божиим, ни другим каким-либо из тогдашних событий, то каков он был прежде потопа, когда было много увлекавших его к порокам? Да, тогда из-за этого (сына) и прочих людей праведник вытерпел более жестокую бурю, чем та, которая была во время самого потопа. Во время потопа окружало его только множество воды; а до потопа он со всех сторон был объят бездною пороков, и козни злых людей беспокоили его сильнее волн. Оставшись один среди такого множества беззаконников и нечестивцев, он, хотя не терпел от них никакого вреда, но перенес много насмешек и издевательств, если не прежде, то тогда, когда говорил им о ковчеге и будущих бедствиях. А как такие насмешки могут возмутить душу, об этом может засвидетельствовать нам тот, кто был освящен от чрева матернего и хотел из-за этого даже отказаться от пророчества; "**не буду более**", говорит (Иеремия), "**говорить во имя Его**" (Иер.20:9). Кроме того, сколько огорчения, сколько печали причиняло Ною одно то, что не было еще никого одинакового с ним ни по душе, ни по жизни! Мало этого: он вытерпел много скорбей и от соболезнования о своих современниках. Разве праведники скорбят тогда только, когда они видят грешников умирающими, а когда видят их согрешающими, разве не сокрушаются? Нет, в последнем случае они огорчаются гораздо более, нежели в первом. И это можно хорошо узнать от пророков. Один из них горько взывал: "**Горе мне! Не стало милосердых на земле, нет правдивых между людьми**" (Мих.7:2). А другой говорил к Богу: "**для чего даешь мне видеть злодейство и смотреть на бедствия**" (Авв.1:3)? И сильно сокрушаясь об угнетаемых, плакал так: "**оставляешь людей как рыбу в море, как пресмыкающихся, у которых нет властителя**" (Авв.1:14). Если же так было тогда, когда существовали и законы, и начальники, и судилища, и

священники, и пророки, и наказания, то представь, до какой степени простирались все пороки при Ное, когда ничто подобное не удерживало людей. Притом, при пороках жизнь человеческая продолжалась недолго, лет семьдесят-восемьдесят; а тогда она простиралась до шестисот лет и более. Кроме всего вышесказанного, сколько трудов он должен был понести, проходя такой долгий путь и стараясь в такое продолжительное время нимало не совратиться при многих встречающихся препятствиях? Что я говорю: многих, когда весь совершенно путь был таков, весь от края до края земли был исполнен скал и терний, диких зверей и зловония, заразы и холода, и злодеев? Подлинно, удобнее идти в самую глубокую ночь по узкой тропинке, чем по пути добродетели в те времена: сколько было людей, которые усиливались совратить Ноя с его пути! Когда все могут делать все, что захотят, и только один идет по противоположному им пути, - как он может дойти до конца, если все теснят и увлекают его назад? А как трудно вести жизнь добродетельную среди многолюдства, это доказывают поселившиеся в пустынях, в настоящее время, когда, по благодати Божией, везде можно видеть добрую жизнь, единодушие и не малую любовь друг к другу. Тогда же ничего этого не было, но все относились к Ною свирепее даже диких зверей.

6. Что может быть прискорбнее, что бедственнее такой жизни? Я обещал показать, что состояние Ноя было ничем не лучше состояния тех, которые постоянно носят тяжести и никогда не имеют отдыха; но мое слово сделало гораздо больше, открыв нам, что состояние Ноя было не только ничем не лучше, но гораздо тяжелее их состояния. Многим, кажется, что Авраам благодушно прожил все время, почему и привыкли сравнивать с ним благоденствующих и счастливых во всех отношениях. Рассмотрим же, что было с ним. По моему мнению, он гораздо и Ноя и Авеля... но лучше не скажу ничего, пока не даст нам решения самое рассмотрение событий. Что было с ним в Персии, и случилось ли с ним что-либо горестное до семидесяти лет его жизни, этого никто не может точно знать. И блаженный Моисей не написал нам истории этого времени, но, опустив все эти годы его жизни, начал повествование уже с последующих лет. А что, вероятно, и Авраам страдал одинаково с Ноем, когда один хотел жить благочестиво среди столь многих нечестивцев и иноплеменников, это не так неизвестно, как остальное, и даже весьма неразумные люди легко могут понять это. Впрочем, оставим пока и это; начнем речь с переселения Авраама, рассмотрев, прежде всего то, как далеко земля Халдеев отстояла от Палестины, каково было состояние дорог, каковы были взаимные отношения людей, каково было общественное устройство. По тому, что праведник легко послушался, не должно считать теперь и самого дела легким, и по тому, что Моисей рассказал о событии сжато и кратко, не надобно думать, будто и самое дело так же кратко, как слова; сказать и описать это - легко; но сделать не так легко, напротив очень трудно. Итак, о длине пути и о том, как велико расстояние между этими странами, могли бы с точностью сказать те, которые пришли бы к нам оттуда, если только есть такие. Но мы ни с кем из них не виделись, а, встретившись с одним из бывших в соседней стране и спросив, сколько времени он должен был провести в пути, мы услышали, что - тридцать пять дней; впрочем, сказал он, Вавилона он не видал, а слышал от бывавших там, что есть оттуда еще другой столь же длинный путь. Таково расстояние было тогда, таково оно и теперь; но тогдашнее состояние дорог было не таково, как нынешнее. Ныне на дороге часто расположены гостиницы, города и селения, и путешественник может встречаться со многими путниками, а это важно в отношении безопасности не меньше гостиницы, города и селения. Притом градоначальники, избрав из страны мужей, отличающихся от других телесною силою и способных действовать дротиком и пращею так же, как стрелки стрелами и копьеносцы копьями, и поставив над ними начальников, освободили их от всякого другого дела и вверили им только охранение путей. А затем придумали еще и

другую, более этой надежную, меру безопасности: устроив при дороге жилища на расстоянии тысячи шагов одно от другого, поместили в них ночных сторожей, которых бдительность и надзор служат большим препятствием для нападений злодеев. А при Аврааме ничего этого не было: ни частых селений, ни городов, ни гостиниц; не скоро можно было увидеть постоялый двор или спутника, или что-нибудь другое подобное; не говорю уже теперь о неровности дорог и непостоянстве ветров, хотя и эти неудобства, даже без тех, могут причинить довольно неприятностей путникам. Это могут засвидетельствовать те, которые, имея повозки и упряжных животных, не осмеливаются и на них отправляться по обыкновенной дороге, если наперед не вымостят ее камнями и, завалив рытвины от потоков, не уровняют, таким образом, дороги. Тогда же дорога была пустыннее мест необитаемых, непроходимее гор, опаснее рвов и скал. Но я не сказал еще о самом важном неудобстве, о том, каковы были взаимные отношения людей, причинявшие им гораздо больше тяжелых затруднений, чем самая дорога, так как все были разделены по народам, или даже по городам. Тогда не так было, как теперь, когда одна власть простирается на большую часть вселенной, и все повинуются одному человеку и управляются одними законами; но как одно тело, рассеченное на многие части, так разделен был тогда и род человеческий: праведнику приходилось переменять одних врагов на других, и едва он убегал от одних, всегда попадал на других; потому что в одном месте было многоначалие, в другом - безначалие. Что же тяжелее такой жизни? Притом, Авраам боялся и трепетал не за себя только, но и за отца, и за жену, и за племянника. Не малая также была у него забота о слугах, когда они были даже и дома, а тем более, когда им приходилось часто быть на чужбине. И если бы он точно знал, где кончится для него странствование, то заботы его не были бы еще так несносны; а теперь услышав просто и неопределенно о земле, не о той или другой, но "**которую Я укажу тебе**" (Быт.12:1), он мысленно обходил все страны и испытывал в душе великое смущение, потому что нигде не мог остановиться мыслию, но должен был о многом сомневаться и беспокоиться. Мог он думать, что пойдет до самых пределов вселенной и до самого океана, так что, хотя и не прошел всей земли, но беспокойство о таком путешествии вытерпел. В душе он готов был не только дойти до Палестины, но следовать всюду, хотя бы ему поведено было пройти всю вселенную или даже идти на острова, находящиеся вне ее. Если же неопределенность повеления заставляла ожидать и того и совершенно противоположного, то и это было тяжело. Кому предстоит терпеть что-либо тяжкое, тому гораздо легче знать ясно, чему он подвергнется и к чему он должен готовиться, чем носиться мыслию повсюду и ждать то благоприятного, то неблагоприятного, и ни на что твердо не надеяться, но одинаково не доверять тому и другому.

7. Это происходило с Авраамом до прибытия его в обетованную землю; когда же он достиг Палестины и надеялся, наконец, успокоиться, тогда в самой пристани нашел еще большую бурю. А не легко, напротив весьма тяжело бывает, когда кто-нибудь, подумав, что скорбь его кончилась, и что он уже свободен от нее, поэтому, отложив всякую заботу и попечение, вдруг должен будет снова начать борьбу с неприятностями. Кто ожидает бедствий, тот легче может вынести их наступление; а кто успокоился и отрешился от забот, тот, если опять случится с ним что-либо подобное прежнему, возмущается и легче поддается скорби по двум причинам: по неожиданности бедствия и потому, что он отложил всякую заботу и предосторожность. Итак, какая же буря постигла Авраама? Тогда в Палестине был столь сильный голод, что Авраам тотчас поднялся оттуда и пошел в Египет. Пришедши туда в надежде найти избавление от бедствия, он был постигнут опять несчастием более тяжким, чем голод, подвергшись крайней опасности. Он впал тогда в такой страх, что решился даже на то, чти для всех мужей несноснее всего; это - поругание их жен. Он дошел тогда до такой крайности, что прибег даже к лицемерию, а что может быть тяжелее этого? Каково, думаешь ты, было у него на душе, когда он

принужден был советовать жене своей следующее: "**вот, я знаю, что ты женщина, прекрасная видом; и когда Египтяне увидят тебя, то скажут: это жена его; и убьют меня, а тебя оставят в живых; скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя чрез тебя**" (Быт.12:11-13)? Эти слова произнес тот, кто для Бога оставил и отечество, и дом, и друзей, и сродников, и все прочее в доме, и перенес такую скорбь и столько труда в продолжительное время своего путешествия. Однако он не сказал тогда ничего вроде следующего: "Бог оставил меня, отвратился, и лишил своего промышления"; нет, он все перенес мужественно и с верою; и кому следовало бы больше всех гневаться, когда жена его в великой крайности подвергалась поруганию, тот всячески старался, чтобы поругание не сделалось явным. А с каким это соединено унынием и огорчением, того невозможно выразить словом, но то знают имевшие жен и впадавшие в беспокойство ревности. Свидетельствует об этой страсти и Соломон, когда говорит так: "**ревность - ярость мужа, и не пощадит он в день мщения, не примет никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножал даров**" (Прит.6:34,35); и еще: "**крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность**" (Песн.8:6). Если же так воспламеняется ревнующий, то не злополучнее ли всякого тот, кто впал в такое несчастие, что принужден даже льстить оскорбителю и всячески стараться о том, чтобы прелюбодей, которому следовало бы мстить, удобно воспользовался его женою? Когда окончились и эти бедствия, то опять появились другие трудности: за голодом последовала война. Не говорю теперь о ссоре пастухов и разлуке с племянником, хотя и это, если сопоставить с прочими обстоятельствами, могло причинять (Аврааму) великое уныние. Когда Лот, спасенный им и получивший столько добра, обязанный поэтому уступить ему во всем и наказать своих пастухов, - когда этот человек, пользуясь предоставленным ему выбором, берет себе плодоноснейшие страны, а ему оставляет более пустынные места, кто мог бы легко перенести это? Говорю не об убытке, но о том, что оказавший уважение, сам подвергается неуважению и получает худшую часть, что представляется тяжелее всякого убытка. Впрочем, все это я опускаю теперь, потому что речь у нас о патриархе, а не о ком-либо из обыкновенных людей.

8. Итак, за голодом последовала война с персами, и Авраам вынуждается идти против них, не в самом начале, когда обе стороны были еще в силах, но когда союзники все были уже обращены в бегство, победа осталась за неприятелями, и никто уже не мог сопротивляться им, так как одни были совершенно разбиты, другие скрылись, а некоторые были порабощены ими. Однако ничто не удержало Авраама дома, но, удрученный сильною скорбью о случившемся, он пошел разделить с побежденными несчастие, подвергая себя явной смерти; ибо выходить на бой с таким многочисленным войском, имея у себя триста с небольшим домочадцев, можно было не иначе, как рассчитывая и решившись на пленение, истязание и бесчисленные смерти. Итак, он пошел с готовностью испытать лютость варваров; но когда был спасен Божиим человеколюбием и возвратился с добычею и родственником, то опять должен был оплакивать собственное горе, - разумею бездетность и то, что он не имел у себя наследника. Если ты только теперь слышишь, как он жалуется пред Богом и говорит: "**что Ты дашь мне? я остаюсь бездетным**" (Быт.15:2), то не подумай, будто он теперь только и почувствовал это горе; нет, эта забота и беспокойство вошли в дом праведника вместе с молодою его супругою, или даже прежде самой супруги. Обыкновенно все мы, как только начнем совещаться и говорить о браке, тревожимся всеми соединенными с ним заботами, из которых главнейшая - о детях, и опасение (бездетности) с того самого дня возмущает наши души. Если случится, что после брака пройдет один год, или два, или даже три (без детей), то уныние усиливается, а надежды на радость слабеют; когда же пройдет так еще более времени, тогда надежды совсем оставляют нас, а овладевает душою уныние, помрачающее все удовольствия жизни и не позволяющее наслаждаться ничем. Таким образом, если бы с Авраамом не случилось ни одного из столь многочисленных бедствий, но все было бы по его желанию, одно

уныние от бездетности, сопутствовавшее всем событиям его жизни, было в состоянии помрачить и уничтожить всякое благодушие. Обетование Божие последовало уже в глубокой его старости, когда природа не подавала уже надежды (на чадородие); а все предшествовавшее столь долгое время он проводил в печали и горести; и чем более видел умножающимся свое богатство, тем более скорбел, не имея наследника. Что, думаешь ты, претерпел он, когда услышал: "**знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет**" (Быт.15:13)? А жена, которая то советует Аврааму взять служанку ее, то, когда он взял, упрекает и жалуется, призывая на него Бога, и принуждает изгнать ту же служанку, разделявшую с ним ложе и готовившуюся родить ему сына, кого не повергла бы в крайнее уныние? Кому это кажется маловажным, тот пусть вспомнит, что от этого расстраивались целые дома, и подивится праведнику. Он хотя и мужественно переносил все по страху Божию, однако был человек и от всего этого страдал и скорбел. Потом служанка возвращается в дом господина и рождает ему побочного сына, и Авраам делается отцом после такого продолжительного времени; это событие доставило ему некоторое удовольствие, но еще большее уныние. Побочный сын напоминал ему о законном и возбуждал сильнейшее желание такого сына. Он думал, что слова: "**не будет он твоим наследником, но тот, кто произойдет из чресл твоих, будет твоим наследником**" (Быт.15:4), были сказаны об Измаиле, потому что еще ничего не было сказано о Сарре. Когда же, наконец, он получил яснейшее обетование об Исааке и назначено было время его рождения, то прежде чем успел он насладиться этою надеждою, бедствия содомлян навели на него великое облако печали. А что эти бедствия не мало возмутили праведника, это для всякого очевидно из самым слов его и из молитвы, которую вознес он к Богу за содомлян; а когда он увидел, как полился тот ужаснейший дождь и все вдруг обратилось в прах и пепел, то был уже вне себя. Если мы, издали видя горящие дома, тревожимся и падаем духом от печали и страха; то чего не потерпел он, видя, как целые города и селения, вместе с жителями, сжигались необыкновенным, но странным и ужасным пожаром? Так не были ли эти страдания праведника подобны волнам на море, непрерывно следующим одна за другою? Как там, когда одни волны еще не исчезли, поднимаются другие, так было и во всей жизни этого праведника. Едва совершились бедствия Содома, как царь герарский пытался нанести Сарре такое же бесчестие, как и фараон; и опять жена принуждена была прибегнуть к прискорбному лицемерию, и бесчестие действительно было бы ей нанесено, если бы опять не воспрепятствовал Бог. А лишь только и сын от рабыни, и жена, и весь дом начали радоваться рождению законного сына, один праведник, среди такой радости, должен был печалиться и сетовать, быв вынужден изгнать наложницу вместе с сыном ее; ибо, хотя Измаил был и побочный сын, и от служанки, но его незаконность нисколько не уменьшала в Аврааме природного расположения к нему, и низкий род матери не ослаблял неизбежного чувства в отеческом сердце. Это можно узнать из самой Библии. Муж твердый и мужественный, который решался собственными руками заклать единородного (сына), скорбел, когда жена потребовала от него изгнания (Агари); и он не уступил бы и не послушался бы Сарры, хотя бы она имела тогда еще больше смелости и (настойчивее) говорила ему, если бы не побудил его к тому страх Божий. Итак, когда услышишь, что Авраам, по повелению Божию, выслал служанку с сыном, не думай, что скорбь его прекратилась (это было невозможно); но подивись той великой покорности, по которой он, хотя и терзаясь состраданием, не противился Богу, но выслал дитя с матерью, не зная даже, куда пойдут они; он переносил и терпел со скорбью, потому что не был выше природы.

9. То же претерпел Авраам и из-за сына законного. Пусть никто не говорит, что он не скорбел и не страдал по-отечески, и пусть не лишает его самой высшей похвалы, желая сверх меры показать его любомудрие. Мы смущаемся и скорбим, а часто и плачем, когда видим, что по площади ведут на смерть людей, уличенных в постыдных делах и долгое

время проводивших такую жизнь, и притом незнакомых и никогда не виданных нами; как же мог не чувствовать человеческой скорби тот, кому велено было сына своего, законного, единственного, рожденного сверх чаяния по истечении столь долгого времени и в самой глубокой старости (от чего любовь сильнее воспламеняется), этого сына, еще юного, заклать собственными руками и принести во всесожжение? Что может быть смешнее возражающих против этого? Если бы он был камнем, или железом, или адамантом, и тогда мог ли он не сокрушаться и не трогаться красотою сына (который был в самом цвете лет), разумностью речей и благочестием души его? Он спросил отца: "**вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?**" (Быт.22:7) и услышал, что "**Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой**" (Быт.22:8), а более ни о чем не спрашивал; видел, что отец связывает его, и не противился; положен был на дрова, и не соскочил; видел нож, заносимый на него, и не смутился! Что может быть благочестивее этой души? Кто же осмелится еще сказать, что Авраам от всего этого не страдал нисколько? Если бы ему предстояло принести в жертву врага и неприятеля, если бы он был зверем, и тогда мог ли он сделать это без скорби? Нет, нет; не приписывай праведнику такой жестокости: он сетовал и сокрушался. "**Бог**", говорил он, "**усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой**". Видишь ли, какая жалость заключается в этих словах? Однако он удерживал и подавлял скорбь, и делал все с такою готовностью, с какою делали бы люди, не встречающие ничего такого, что удерживало бы их. Итак, принесши своего сына в жертву (ибо он заклал его в своем намерении), он возвращает его матери здравым и невредимым; а она, приняв сына и не успев довольно нарадоваться на него, оставляет жизнь. И это не мало опечалило Авраама. Хотя она жила с ним долгое время, однако это нисколько не помогало ему легче перенести несчастие, напротив причиняло тем больше уныния; потому что мы особенно привязываемся к тем, которые долго жили с нами и представили нам много доказательств своей дружбы и добродетели. И что это действительно так, доказал сам патриарх своим сетованием и плачем о Сарре. А что сказать о заботах его относительно сына, жены его и (сводных) братьев его и всего прочего? Всякий, желающий вникнуть в подробности этого, увидит, что жизнь праведника была гораздо бедственнее и была исполнена больших забот, чем как изображено теперь. Писание сказало только о главнейшем, а все прочее, что обыкновенно бывает каждый день в доме, где множество слуг, и муж, и жена, и дети, и забота о многих делах, предоставило нашему соображению. Так, скажешь ты; но при всяком из этих огорчений величайшую отраду приносило Аврааму то, что он терпел все это для Бога. То же может служить утешением и для тебя; искушение постигло и тебя не по чьему-либо иному попущению, а по Божьему. Если злые демоны, без Его позволения, не осмеливались некогда напасть на свиней, то тем более на твою драгоценную душу (Матф.8:30 и далее). Посему, как Аврааму великую награду доставило то, что он переносил все мужественно и с благодарностью, так то же доставит награду и тебе; только бы ты не унывал и не роптал, но за все благодарил человеколюбивого Бога. Так и блаженный Иов претерпел все, что он претерпел, по попущению Божию; но венцы доставило ему не то одно, что он претерпел, но и то, что мужественно устоял против всех бедствий; и все мы удивляемся ему не потому, что диавол лишил его всего, но потому, что Иов "**во всем этом не согрешил и не произнес ничего неразумного о Боге**" (Иов.1:22).

10. Вспомнив об Иове, я хотел изложить в своем слове и его долговременные скорби и чрезвычайность страданий; но, чтобы не сделать речи слишком длинною, перехожу к Исааку. А ты, если хочешь в точности узнать о случившемся с Иовом, возьми в руки его книгу и вникни в бездну его несчастий: и в них найдешь великое утешение в своих. Хотя этот праведник и гораздо лучше нас, но он и боролся с гораздо большею силою; потому что лукавый с особенною силою восстал против него. Впрочем, подвиги определяются не мерою искушений, но значительностью деяний. Таким образом, хотя нынешний подвиг твой и меньше, но это нисколько не может уменьшить твоих венцов. Так и принесший два

таланта принес не менее представившего пять талантов. Почему? Потому что, хотя прибыль была и не одинакова, но усердие одинаково, почему и тот и другой получили одинаковую честь, услышав: "**войди в радость господина твоего**" (Матф.25:21). Что же Исаак? Он не был посылаем в дальнее путешествие, как отец, и не был принужден оставить свою землю, как тот; однако и он вытерпел главнейшее из зол - страх бездетности. Когда же он молитвою прекратил это зло, его постиг другой страх, больший прежнего; так как не все равно - страшиться ли за бездетность, или за самый корень деторождения; жена его так мучилась родами, что для нее жизнь была горше всякой смерти. Об этом послушай, как она сама говорит: "**если так будет, то для чего мне это**" (Быт.25:22)? Голод же испытал и Исаак; и хотя в Египет он не ходил, но и он испытал то, чего едва не потерпел там отец его, подвергшись опасности за свою жену. Притом, отца его все соседи уважали, а его гнали, как врага и неприятеля, и не давали ему насладиться плодами собственных его трудов; сильно стеснив его, они сами пользовались его трудами. Когда же он приобрел себе друзей и увидел детей своих в полном возрасте, когда надеялся найти в них великое утешение и иметь хороших помощников в старости, тогда именно он и впал в крайнее уныние. Во-первых, старший сын взял себе жену иноплеменницу, вопреки желанию отца, причем внес в дом несогласие и ссору, и этим самым сильно опечалил его. Сыновние жены причиняли Исааку и Ревекке множество неприятностей, которых всех Писание не перечислило, но указало на них одним словом, сказав, что "**они были в тягость Исааку и Ревекке**" (Быт.26:35), предоставив самим понять сказанное тем, у кого есть дома и дети, уже вступившие в брак. Такие люди больше и лучше всех знают, сколько зла происходит, когда свекровь и невестка ссорятся между собою, и особенно, когда обе живут в одном доме. Это было постоянное зло. К тому же приключилась слепота глаз: а как велико это несчастие, знают только те, которые сами страдают ею. Затем последовало недоразумение в благословении сына, чем Исаак так был поражен в душе, что воскликнул горестнее, чем сам потерпевший от подмена, и оправдывался пред ним и говорил, что сделал эту несправедливость не добровольно, но, быв введен в обман. А дальнейшие события их походили на трагедию театральную и представляли драму из жизни фивских юношей[2]. И здесь старший брат, несмотря на старость и слепоту отца, изгнал из дому младшего, и если не совершил убийства, как (сын Эдипа), то этому воспрепятствовала мудрость матери. Исав также угрожал Иакову убийством и ожидал только смерти отца; но мать, узнав об этом и рассказав отцу, спасла младшего от рук старшего, и (родители) должны были понудить к бегству того, кто был послушен и почтителен к ним, а злого и делавшего для них жизнь нестерпимою (это говорит сама Ревекка) постоянно удерживали при себе. Итак, когда удалился тот, - который всегда жил дома ("**стал человеком кротким**", сказано, об Иакове, "**живущим в шатрах**" (Быт.25:27)) и большею частью находился при матери, сколько должна была Ревекка горевать и плакать, вспоминая всегда о сыне и смотря на мужа, который был ничем не лучше мертвеца, и по старости и по болезни? Какою скорбью удручаем был и старец, который должен был оплакивать и несчастия жены, вместе со своими собственными? Когда Ревекка приблизилась к смерти, то, не видя сына стоящим при ней и плачущим, закрывающим глаза и сжимающим уста, одевающим ее и заботящимся обо всем прочем, - что для родителей кажется горестнее самой смерти, - чего не говорила она, чего не произносила такого, что в состоянии смягчить и камень? А Исаак, видя ее умирающею в таком состоянии, как мог чувствовать себя в душе и тогда и после ее кончины?

11. Таким оказался тот, который казался нам счастливее многих. А жизнь Иакова нет нужды рассматривать подробно: ее достаточно изображают слова самого Иакова. Беседуя с фараоном, он сказал: "**малы и несчастны дни жизни моей и не достигли до лет жизни отцов моих**" (Быт.47:9), т. е. я провел жизнь и весьма краткую, и весьма бедственную. Даже без этих слав его несчастия так известны, что едва ли кто и из простых людей не

знает их. Дед его, хотя и совершил дальнее путешествие, но по повелению Божию, что доставляло ему величайшее утешение; а Иаков (оставил родину), убегая от брата, который строил против него козни и замышлял убийство. Авраам никогда не терпел недостатка в необходимых потребностях; а Иаков считал за благо и счастье - иметь только одежду и хлеб. Когда же он спасся (от брата), освободился от бедствий путешествия и пришел к своим родственникам, то принужден был работать, хотя был воспитан среди полного изобилия. Ты знаешь, что рабство горько везде; но когда кто принужден быть рабом у равных себе, и притом никогда не испытав ничего подобного и проведши все прежние годы жизни на свободе и довольстве, тогда это несчастие делается невыносимым. Однако Иаков все переносил мужественно. Послушай, как сам он рассказывает о бедствиях своей пастушеской жизни: "**ты с меня взыскивал**", говорит он, "**днем ли что пропадало, ночью ли пропадало; я томился днем от жара, а ночью от стужи, и сон мой убегал от глаз моих. Таковы мои двадцать лет в доме твоем**" (Быт.31:39-41). Это терпел тот, кто вел не скитальческую жизнь, оставаясь всегда дома, и после таких трудов и лишений, по истечении такого долгого времени, он подвергся еще прискорбному обману при женитьбе. Если бы он и не работал семь лет, если бы и не потерпел того, на что жаловался тестю, если бы даже не любил его дочери, уже одно то, что ему была обещана лучшая, а вместо нее дана худшая, сколько причинило этому блаженному печали, сколько беспокойства, сколько огорчения? Другой на месте его не так легко перенес бы эту обиду, но разрушил бы весь дом тестя, заколол бы самого себя вместе с ним или погубил бы каким-либо другим способом; а Иаков, как незлопамятный и долготерпеливый, не сделал этого, и даже не замышлял приступить к этому; но, получив приказание работать еще другие семь лет, охотно послушался: так был он кроток и скромен. Если скажешь, что любовь к девице способствовала кротости его нрава, то этим согласно со мною опять выразишь чрезмерность его скорби. Представь, какую скорбь терпел он, когда был лишен столь любимой девицы и, надеясь уже получить ее, принужден был ждать еще семь лет, среди холода и зноя, и бдений, и непрерывных лишений! Получив, наконец, ее и ведя у тестя жизнь бедственную и тяжкую, он при том подвергался зависти, и вторично потерпел обман при получении награды, в чем сам и обличил (тестя), сказав: "**ты десять раз переменял награду мою**" (Быт.31:41). Вместе с тестем и братья его жен также восставали против него, даже больше самого тестя. Но всего тягостнее было то, что любимая жена, для которой он решился работать дважды семь лет, предавалась крайнему унынию, видя, что сестра ее рождала, а сама она не имела даже надежды на это, и от этого уныния приходила в такое исступление, что упрекала и укоряла мужа, и призывала смерть на саму себя, если не родит: "**дай мне детей**", говорила она, "**а если не так, я умираю**" (Быт.30:1). Что же могло радовать его, когда столь любимая им (жена) так скорбела, а братья ее злоумышляли против него и всячески старались довести его до крайней бедности? Если великую скорбь причиняет и то, когда отнимают полученное без трудов приданое за женами, то подвергающийся опасности лишиться приобретенного собственными трудами может ли кротко перенести такую потерю? Поэтому Иаков, видя, что его подозревали и подсматривали за ним, тайно ушел, как беглец. Что может быть прискорбнее этого? Так он, удаляясь со страхом и опасностью и из родительского и из чужого дома, в том и другом случае неизбежно впадал в одинаковую пропасть. Убежав от брата, он пришел к тестю; а, подвергшись опять гонению от тестя, принужден был сойтись с братом; и исполнилось над ним пророческое изречение, которое Амос сказал о дне Господнем: "**как если бы кто убежал от льва, и попался бы ему навстречу медведь, или если бы пришел домой и оперся рукою о стену, и змея ужалила бы его**" (Ам.5:19). А что сказать о страхе, которому подвергся он, когда был настигнут Лаваном, и о скорбях во время путешествия, когда за ним следовало столько стад и детей? Когда же ему предстояло увидеть лицо брата, то не чувствовал ли он того же, что чувствуют, по словам поэтов, взирающие на вымышленную ими же голову Горгоны[3]? Не был ли он совершенно к таком состоянии, как бы приближался к смерти? Выслушай слова его, и

узнай, какое пламя было в душе его: "**избавь меня**", говорит он, "**от руки брата моего, от руки Исава, ибо я боюсь его, чтобы он, придя, не убил меня и матери с детьми. Ты сказал: Я буду благотворить тебе**" (Быт.32:11,12). Какой радости не изгнал бы этот страх, если бы даже Иаков все прежнее время провел в благодушии? Между тем у него вся жизнь, с того самого дня, в который он, готовясь принять благословение, наперед умирал от страха, сплеталась из несчастий и опасностей. Тогда объял его такой страх, что даже и после встречи с братом, который обошелся с ним ласково и человеколюбиво, он не имел смелости и не переставал беспокоиться. Когда Исав убеждал его пойти вместе с ним, он, как бы желая освободиться от какого-нибудь зверя, колебался и просил брата удалиться от него: "**господин мой знает**", говорил он, "**что дети нежны, а мелкий и крупный скот у меня дойный: если погнать его один день, то помрет весь скот; пусть господин мой пойдет впереди раба своего, а я пойду медленно, как пойдет скот, который предо мною, и как пойдут дети, и приду к господину моему в Сеир**" (Быт.33:13,14). Немного успокоившись от этих опасностей, он потом опять подвергся другому страху, гораздо большему. Когда похищена была дочь его, он сначала скорбел об оскорблении этой дочери; а когда царский сын облегчил эту скорбь, дав обещание вступить с Диною в законный брак, и Иаков одобрил это намерение, тогда Левий с сообщниками своими нарушил договор и, истребив в городе всех мужчин, привел своего родителя в такой страх, что он даже переселился оттуда, вследствие того, что все вооружились на него. "**И сказал Иаков"**, говорит Писание, **"Симеону и Левию: вы возмутили меня, сделав меня ненавистным для жителей сей земли, для Хананеев и Ферезеев. У меня людей мало; соберутся против меня, поразят меня, и истреблен буду я и дом мой**" (Быт.34:30). И действительно соседи решительно истребили бы их всех, если бы человеколюбие Божие не обуздало бы их ярости и не положило конца этим бедствиям. "**И был**", говорится в Писании, "**ужас Божий на окрестных городах, и не преследовали сынов Иаковлевых**" (Быт.35:5). Что же по прекращении этих бедствий? Успокоился ли Иаков? Нет, тогда постигло его величайшее из несчастий - смерть любимой жены, преждевременная и вместе насильственная. "**Рахиль родила**", говорится в Писании, "**и роды ее были трудны. Когда же она страдала в родах, повивальная бабка сказала ей: не бойся, ибо и это тебе сын. И когда выходила из нее душа, ибо она умирала, то нарекла ему имя: Бенони** (*сын болезни моей*)" (Быт.35:16-18). И когда эта скорбь была еще в силе, Рувим увеличил скорбь, опозорив ложе отца; это так было тяжело для отца, что он даже при смерти, когда родители бывают особенно снисходительны к детям, проклинал сына, который притом был первенцем между всеми другими, что не мало имеет значения для любви родительской. Сила скорби превозмогла все эти побуждения, и Иаков, призвав его к себе, сказал: "**Рувим, первенец мой! ты - крепость моя и начаток силы моей, верх достоинства и верх могущества; но ты бушевал, как вода, - не будешь преимуществовать, ибо ты взошел на ложе отца твоего, ты осквернил постель мою, взошел**" (Быт.49:3,4). Когда же пришел в возраст сын любимой жены, и Иаков надеялся иметь в нем утешение в своей печали о ней, тогда в этом самом сыне и готовились ему многообразные огорчения. Братья, омочив одежду Иосифа кровью, и показав отцу, причинили ему много скорбей. Он плакал не только о смерти сына, но и о том, как она произошла; и много было причин, возмущавших душу его: это был сын любимой жены, лучший из всех прочих, особенно любимый им, бывший в самом цветущем возрасте, посланный им самим, умерший не в доме, не на одре, и не в присутствии отца, не сказавши и услышавши что-нибудь, не общею всем смертью, но при жизни растерзанный лютыми зверями, так что отец не мог даже собрать останков его и предать земле, и потерпел это не в юности, когда мог бы перенести, но в самой глубокой старости. Это было самое жалкое зрелище - видеть седину, посыпанную пеплом, старческую грудь, обнаженную по раздирании одежды, и плач неутешный: "**разодрал Иаков**", говорится в Писании, "**одежды свои, и возложил вретище на чресла свои, и оплакивал сына своего многие дни. И собрались все сыновья его и все дочери его,**

чтобы утешить его; но он не хотел утешиться и сказал: с печалью сойду к сыну моему в преисподнюю" (Быт.37:34,35). И как будто душе его никогда не надлежало быть свободною от печали, когда эта рана начала излечиваться, его сильно опечалил сперва голод, постигший всю землю; а потом, когда сыновья, возвратившись из Египта, принесли облегчение от этого бедствия, они же вместе с тем принесли другую печаль, и радость об избавлении от голода помрачена была разлукою с сыном Симеоном. Мало этого: от него требовали и Вениамина, в котором одном имел он утешение и по умершей жене и по сыну, пожранном зверями. И не только это располагало его удерживать при себе Вениамина, но и возраст его и воспитание. "**Не пойдет**", говорил Иаков, "**сын мой с вами; потому что брат его умер, и он один остался; если случится с ним несчастье на пути, в который вы пойдете, то сведете вы седину мою с печалью во гроб**" (Быт.42:38). По всем этим причинам сначала он отказывал и говорил, что не даст Вениамина; когда же наступил сильный голод и почувствовалась большая крайность, тогда он, хотя и очень сетовал, говоря: "**для чего вы сделали мне такое зло, сказав тому человеку, что у вас есть еще брат**" (Быт.43:6); - хотя и тягчайшим образом страдал, произнося горестные слова: "**Иосифа нет, и Симеона нет, и Вениамина взять хотите, - все это на меня**" (Быт.42:36); - хотя и плакал о том, что после Иосифа и Симеона хотели отнять у него и Вениамина, и объявлял, что он скорее перетерпит все, чем отпустит этого сына, однако, наконец, был побежден, и сам своими руками отдал его, сказав: "**и брата вашего возьмите и, встав, пойдите опять к человеку тому; Бог же Всемогущий да даст вам найти милость у человека того, чтобы он отпустил вам и другого брата вашего и Вениамина, а мне если уже быть бездетным, то пусть буду бездетным**" (Быт.43:13,14). Так сильно одолевали Иакова его многочисленные бедствия, что хотя внутренности его терзались и число детей его мало-помалу сокращалось, но он переносил все, по чрезмерности (новых) еще больших бедствий; ибо объяла его еще большая скорбь о Симеоне и Вениамине, чем скорбь об Иосифе. Так несчастие, которое поправить нет надежды, хотя причиняет нам сильные скорби, но скоро и забывается, повергая душу в безнадежность; а когда оно еще висит над нами, тогда не дает душе успокоиться неизвестностью будущего, постоянно усиливая и обновляя в нас томление. Это всякий может хорошо узнать от блаженного Давида, который плакал о сыне, пока он был еще жив, а когда он умер, то Давид перестал скорбеть; и когда слуги недоумевали и спрашивали его о причине, то он высказал ту же мысль, какую и теперь (2Цар.12:15 и далее). Так естественно и Иаков больше опасался и страшился за Симеона и Вениамина. Потом вожделенное свидание и лицезрение Иосифа доставило ему отраду. Но что пользы в том? Как членам, сильно обожженным огнем, сколько ни охлаждай их, ничто не приносит пользы; так и душу Иакова, угнетенную скорбями и сильно опаленную пламенем печали, ничто не могло оживить, особенно в такие лета, когда чувства уже не бывают бодры. Это говорил и Верзеллий, извиняясь пред Давидом: "**долго ли мне осталось жить, чтоб идти с царем в Иерусалим? Мне теперь восемьдесят лет; различу ли хорошее от худого? Узнает ли раб твой вкус в том, что буду есть, и в том, что буду пить? И буду ли в состоянии слышать голос певцов и певиц? Зачем же рабу твоему быть в тягость господину моему царю**" (2Цар.19:34,35)? Впрочем, для чего объяснять это примерами других, когда можно то же услышать от самого страдальца? После свидания с сыном Иаков, на вопрос фараона о жизни его, сказал: "**малы и несчастны дни жизни моей и не достигли до лет жизни отцов моих во днях странствования их**" (Быт.47:9). Так живо было всегда в душе его воспоминание о прошедшем!

12. А этот его знаменитый и славный сын, Иосиф, кого не превзошел своими несчастиями? Против отца его злоумышлял только один брат, а против него очень многие; тот в продолжение всего первого возраста воспитывался среди великого довольства и спокойствия, а этот на чужбине и еще в отрочестве принужден был нести тягости

путешествия. У Иакова была мать, которая охраняла его от злоумышлений, а Иосиф еще в юности, когда особенно нуждался в матери, был лишен ее помощи. Притом Исав опечалил Иакова только угрозою, а братья Иосифа привели свой умысел в исполнение, и прежде этого умысла постоянно ненавидели его и клеветали на него; а что может быть тягостнее, как иметь врагами своих близких? "**И увидели братья его, что отец их любит его более всех братьев его; и возненавидели его и не могли говорить с ним дружелюбно**" (Быт.37:4). В сравнении с этим, я не назвал бы столь же великим бедствием пребывание его ни под властью купцов, ни под властью евнуха, потому что эти обходились с ним гораздо человеколюбивее, нежели братья. Впрочем, и после этого буря несчастий не сделалась тише, но наступило еще сильнейшее волнение, которое едва не потопило его. Может быть, кто-либо подумает, что я буду теперь говорить о злом умысле госпожи; но прежде этой бури я скажу о другой, более жестокой. Конечно тяжко, поистине тяжко быть оклеветанным в таком преступлении, подвергнуться осуждению и жить столь долго в темнице - юноше свободному, благородному, и не испытавшему такого бедствия; но гораздо тяжелее всего этого, я думаю, была для него буря, зависевшая от его юношеского возраста. Если бы он отверг любовь госпожи своей, нисколько не волнуясь похотью, я не стал бы превозносить его и удивляться ему, следуя учению Христа; Христос говорит, что не скопцы от природы, но сделавшие сами себя скопцами удостаиваются царствия небесного (Матф.19:12); а если бы этого не было, то какую победу одержал бы Иосиф? Против кого, сражаясь, получил бы он венец? Кого преодолевши, был бы провозглашен победителем, если бы никто не боролся с ним и не усиливался низвергнуть его? Мы не превозносим целомудрия тех, которые не совокупляются с бессловесными, потому что и в природе нет стремления к такому смешению. Так, если бы и блаженного Иосифа не волновал этот пламень, почему мы стали бы превозносить его целомудрие? Но если бесстыдная женщина увлекала юношу тогда, когда этот пламень поднимается гораздо сильнее, чем в другие возрасты (ему был тогда двадцатый год), и когда сила этого пламени бывает непреодолима, хотя бы ничто ее не увеличивало, и если женщина придавала этому пламени своими чарами и украшениями еще столько же силы, сколько оно имело по самой природе, то кто мог бы изобразить бурю, смятение и томление души юноши, когда внутри волновали его природа и возраст, а извне соблазняли ухищрения египтянки, и притом не один или два дня, но в течение долгого времени? Я думаю, что он тогда не за себя только страшился, но скорбел и об этой женщине, стремившейся в такую пропасть; это для нас очевидно из того, что он отвечал ей с великою кротостью. Он мог бы, если бы захотел, говорить с нею и оскорбительнее и смелее, потому что она, из любви, легко перенесла бы все; но он ничего такого и не сказал и не подумал; но, высказав благочестивые мысли и только то, чем надеялся образумить ее, больше ничего не прибавил. "**Вот**", сказал он, "**господин мой не знает при мне ничего в доме, и все, что имеет, отдал в мои руки; нет больше меня в доме сем; и он не запретил мне ничего, кроме тебя, потому что ты жена ему; как же сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом**" (Быт.39:8,9)? И при такой скромности, после такого опыта целомудрия, он был оклеветан, и Бог попустил это! Он был связан и при этом не обличил женщины в злом умысле и несправедливой клевете; ему еще большие предстояли награды и блистательнейшие венцы, потому и после освобождения царских рабов он еще оставался в темнице. Не говори мне о человеколюбии темничного стража; но вникни в слова самого (Иосифа), и увидишь скорбь души его. Истолковав сон, он говорил виночерпию: "**вспомни же меня, когда хорошо тебе будет, и сделай мне благодеяние, и упомяни обо мне фараону, и выведи меня из этого дома, ибо я украден из земли Евреев; а также и здесь ничего не сделал, за что бы бросить меня в темницу**" (Быт.40:14,15). Если он легко переносил самое заключение, то сожительство с такими людьми, - гробокопателями, ворами, отцеубийцами, прелюбодеями, убийцами (ибо вообще такими и подобными людьми было наполнено это жилище), - для него было тягостнее всего. И не это одно печалило и огорчало его, но и то, что он видел много

томившихся там невинно и напрасно. Между тем раб, на что и ты теперь жалуешься, избавлялся от уз, а свободный продолжал томиться. Если же кто станет говорить о последующем величии Иосифа, тот опять напомнит мне о множестве забот, бессонных ночей и бесчисленных занятий, которые вообще не очень приятны для любящих тихую и спокойную жизнь. Кроме того, хотя с упомянутыми святыми и случалось нечто приятное, но тогда еще не было открыто им ни царство небесное, ни обетование будущих благ. А теперь, когда предстоит столько благ и для всех это ясно, кто, скажи мне, станет советовать, если в настоящей жизни не будет наслаждаться ничем приятным, и даже вообще считать что-нибудь из здешнего приятным, зная о будущих благах? Что было бы ниже такой души, которая, надеясь по прошествии малого времени переселиться на небо, искала бы здешних удобств и благополучия, нисколько не отличающихся от тени? "**Суета сует**", говорит Соломон, "**все суета**" (Еккл.1:2). Если же тот, кто больше всех людей испытал удовольствия жизни, произнес о них такой приговор, то гораздо более должно так чувствовать и мыслить нам, у которых нет ничего общего с землею, которые вписаны в горний град и получили повеление обращаться туда всем умом своим.

---

[1] В синод. переводе: "**Не определено ли человеку время на земле, и дни его не то же ли, что дни наемника?**" (Иов.7:1).

[2] Т.е. двух сыновей фивского царя Эдипа, которых действия драматически изображены в трагедиях Эсхила и Софокла.

[3] Горго или Горгона - баснословное чудовище, представляемое греческими поэтами с головою, покрытою змеями вместо волос, и приводившее в окаменение всякого, кто видел ее.

К ТОМУ ЖЕ СТАГИРИЮ
об унынии

СЛОВО ТРЕТЬЕ

Выше сказанное может потушить пламень уныния и расположить к благодушию; но чтобы утешение было полнее, я решился прибавить тебе и это слово, наперед предложив тебе следующий вопрос: скажи мне, если бы кто призвал тебя на царство земное, и между тем тебе предстояло бы, прежде чем войдешь в город и наденешь на себя венец, остановиться в гостинице, в которой и грязь, и дым, и шум от путешественников и опасности от разбойников, и теснота, беспорядок великий, неужели ты обратил бы внимание на эти неприятности, а не пренебрег всеми ими, как ничтожными? Так не странно ли, что надеющийся обладать землею не смущается никакими встречающимися трудностями, одушевляясь надеждами на царствование, а призываемый на небеса падает духом и смущается при каждой из случающихся с нами в этой гостинице неприятностей? Состояние здешней жизни нисколько не разнится от гостиницы и пребывания в постоялом доме: это и желали выразить святые, называя себя странниками и пришельцами, и такими словами научая нас пренебрегать и удовольствиями и неприятностями настоящей жизни и, отрешившись от земли, всею душою прилепляться к небу. Обратимся же к самим святым и от Иосифа перейдем к Моисею. Этот кротчайший из всех бывших на земле, рождается в то время, когда соотечественники его находились в бедственном положении; быв отчужден от родивших его и не зная своих родителей, он в продолжение всего первого возраста своего воспитывается иноплеменниками: что могло быть тягостнее этого

для еврея юного и разумного, хотя бы он и считался сыном царским? Но тогда для него тягостно было не только это, но и то, что он видел всех соотечественников своих в крайних несчастиях. Мог ли он, не хотевши ни жить, ни быть вписанным в книгу Божию без их спасения (Исх. 32:38), наслаждаться благами при царском дворе, видя всех их среди такой бури? Если и нас родившихся спустя столько времени после этих событий и не имеющих подобной причины сострадать иудеям, объемлет жалость при мысли о тогдашнем избиении их детей, то чего не претерпел этот блаженный, привязанный великою любовью ко всему народу, видевший своими глазами его бедствия, и тех, которые причиняли эти бедствия, принужденный называть своими родителями? Я думаю, что об этих бедных детях он скорбел тогда больше самих родителей, как видно из того, что сделал он впоследствии. Так, не могши ни убедить, ни принудить мнимого отца своего отменить зверское и убийственное повеление, он сам, наконец, порешил разделить с ними бедствия. Впрочем, я не столько удивляюсь этому, сколько изумляюсь тому пламени скорби, которое Моисей носил в себе в предыдущее время и о котором я заключаю по (совершенному им) убийству. Кто доведен был скорбью до убийства, тот чрез последнее обнаружил силу первой. Он, конечно, не стал бы мстить египтянам так жестоко, если бы не сокрушался более самих родителей о бедствиях детей их. Что же, после того, как он отмстил и несколько облегчил душу свою от такой скорби, успел ли он вполне насладиться отрадою, доставленною ему этим мщением? Едва наступил второй день, как этого блаженного постигла другая скорбь, тяжелее прежней, и объял такой страх, который заставил его совсем удалиться из Египта. Тяжело слышать дурное и от кого бы то ни было; но когда будет говорить дурное кто-нибудь из облагодетельствованных, станет поносить за благодеяния, ему оказанные, и укорять так: "**не думаешь ли убить меня, как убил Египтянина?**" (Исх.2:14), тогда, тогда обида бывает невыносимою и может даже вывести оскорбляемого из терпения; такое производит она раздражение вместе с печалью! Но у Моисея к этому присоединилось еще третье - боязнь царя, которая так овладела душою праведника, что даже изгнала его из всей тамошней страны. Так становится беглецом - сын царский! Если кто считает счастьем для него воспитание при царском дворе, то пусть теперь вспомнит о придворном довольстве и увидит, что и оно сделалось для праведника причиною множества скорбей и неудобств, потому что не все равно, тому ли выносить долгое скитальничество и терпеть бедствия на чужбине, кто воспитан в простом доме и испытал много забот, много странствований и трудностей, или подвергнуться таким страданиям тому, кто никогда и на короткое время не испытывал этого, но жил всегда в довольстве: последний, конечно, с более тяжелым чувством, чем первый, обратится в бегство, если ему случится дойти до такой крайности; что тогда и случилось с Моисеем. Сделавшись беглецом, он приходит к человеку, который был идолослужителем и иноплеменником; а пользоваться столь долгое время гостеприимством человека, посвятившего себя на служение демонам, это не маловажная причина для скорби. Здесь Моисей, приняв в свое заведование стада того человека, в таком занятии провел сорок лет. Если это кому-либо представляется нисколько не тяжелым, то вспомним о тех, которые уходят с родины и скрываются не по страху и боязни, но оставляют дом добровольно на малое время, как они томятся, как грустят, за какое благо считают возвращение на родину! Когда же к этому присоединяется еще страх и бедственная жизнь, при чем, однако, самые тягости и скорби представляются более легкими, нежели желанное возвращение на родину, то вообрази картину бедствий Моисея! Не просто выслушивай сказанное, что Моисей "**пас овец**" (Исх.3:1), но припомни при этом слова Иакова, которыми он высказывал жалобу пред тестем: "**ты с меня взыскивал, днем ли что пропадало, ночью ли пропадало; я томился днем от жара, а ночью от стужи, и сон мой убегал от глаз моих**" (Быт.31:39,40). Все это, конечно, было и с Моисеем, притом в течение еще большего числа лет и в большей степени, так как и страна (мадиамская) была пустыннее страны (месопотамской). Если Моисей не жаловался на это, то и тот блаженный не сказал бы таких слов, если бы не был доведен до великой

крайности и не был вынужден к тому неблагодарностью тестя. Так чужбина и сама по себе может угнетать человека, если даже он оставил отчизну только по необходимости. "**Как птица**", говорит премудрый, "**покинувшая гнездо свое, так человек, покинувший место свое**" (Прит.27:8). Притом Моисей тогда не мог быть уверен даже в собственной безопасности; но как слуга, убежавший от жестокого господина, постоянно страшится и опасается, чтобы его не поймали, так и блаженный Моисей жил в постоянном страхе. Это видно из того, что он даже и тогда, когда Бог после столь долгого времени повелевает ему возвратиться в Египет, отказывается и медлит, хотя и слышал, что "**умерли все, искавшие души его**" (Исх.4:19).

2. Когда же он послушался и пошел в Египет, быв принужден оставить жену и детей, тогда опять начинаются укоризны, и оскорбления, и угрозы от тогдашнего царя египетского и жалобы и проклятия от получающих благодеяния. Тот говорит: "**для чего вы, Моисей и Аарон, отвлекаете народ от дел его? ступайте на свою работу**" (Исх.5:4). А израильтяне говорят: "**да видит и судит вам Господь за то, что вы сделали нас ненавистными в глазах фараона и рабов его и дали им меч в руки, чтобы убить нас**" (Исх.5:21). Прискорбно и тягостно это; но всего тяжелее было то, что он пришедший и обещавший евреям множество благ, свободу, избавление от тяготевших над ними бедствий, показался им обманщиком, потому что тяжесть угнетавшего их рабства не только не облегчилась, но увеличилась еще больше, и тот, кто подал надежду быть избавителем всего народа и обещал это, оказался, по-видимому, виновником мучений и побоев, злоумышленником и губителем. Кто не впал бы в уныние, когда, обещав прекратить столь великие бедствия, после обещания сам же увидел прибавление других, еще более тяжкий бедствий? Моисей унывал, как естественно унывать тому, кто слышит и видит подобное; однако он не упал под тяжестью этой скорби, но остался непреклонным, хотя события не только не соответствовали, а даже противоречили его обещаниям. Обратившись к Богу и говоря об этом, он много плакал и сказал: "**Господи! для чего Ты подвергнул такому бедствию народ сей, для чего послал меня? ибо с того времени, как я пришел к фараону и стал говорить именем Твоим, он начал хуже поступать с народом сим; избавить же, - Ты не избавил народа Твоего**" (Исх.5:22,23). Пролив слезы и снова услышав от Бога такое же повеление, какое и прежде, он опять возвещает об этом израильтянам, но они не внимают ему, потому что души их были угнетены скорбью и унынием. "**Они не послушали**", говорится в Писании, "**Моисея по малодушию и тяжести работ**" (Исх.6:9). А это не мало огорчало его. Когда же последовали чудеса, и фараон многократно смеялся над ним, он и эти насмешки перенес мужественно. Когда, наконец, вышел он из Египта и вместе с иудеями стал уже надеяться на освобождение, то не успел еще вполне отдохнуть, как объял его прежний или даже гораздо больший страх. Не прошло и трех дней, как израильтяне увидели пред собою варваров вооруженными, и испытали тоже, что испытывают какие-нибудь беглые рабы, когда на чужбине внезапно окажутся пред глазами своих господ, или что испытали бы сами они, если бы случилось им в приятном сновидении увидеть себя на свободе, а, пробудившись опять оказаться в Египте и в тех же самых бедствиях. Впрочем, я не знаю, что можно назвать сновидением их, три ли дня свободы, или представившееся им теперь страшное и ужасное зрелище: такая мгла уныния покрыла взоры всех их. А Моисей объят был еще большим мраком: он боялся не египтян только, как прочие израильтяне, но и последних вместе с первыми. Те и другие теперь смотрели на него, как на обманщика и обольстителя, одни - с насмешками и готовностью сделать нападение, а другие - с озлоблением и печалью. Впрочем, для чего по догадкам судить об унынии этого мужа, когда скорбь его можно вполне понять из слов нисшедших свыше? Когда он молчал и не дерзал даже отверзть уста, Бог говорит ему: "**что ты вопиешь ко Мне**" (Исх.14:15)? - одним этим словом объясняя нам смущение души его.

3. Когда прошел и этот страх, тогда опять поднялись еще большие беды. Предводимые Моисеем и получившие чрез него множество благ в продолжение всего пути поступали с ним хуже египтян и фараона. Во-первых, они поступали с великою дерзостью, требуя от него мяса египетского: не благодарили за настоящее, но хотели прежнего; это было всего тяжелее. Потерпел ли бы он более неприятностей, если бы поручено было ему начальство над беснующимися и сумасшедшими? Однако все это блаженный перенес мужественно, и если бы он не питал к ним любви, то это горе было бы сносно, и ему предстояло бы сетовать только о своем собственном положении; но так как он любил их больше, чем родители, то в самой заботливости о них имел другой повод к скорби - об их развращении и нечестии. Не так огорчало его то, что его оскорбляют, как то, что они - оскорбители. Преступно и то, что они были неблагодарны прежде ниспослания чудесной пищи; но они и среди чудес оказывали свое нечестие, беззаконие и жадность при собирании пищи и, пройдя немного вперед, опять роптали, опять выражали недовольство благодеяниями Божиими; и при каждом таком случае блаженный сокрушался и скорбел более самих грешивших. Так, когда они сделали тельца, то сами они играли и веселились, а Моисей сетовал и скорбел, на себя самого призывал страшное проклятие, и, однако, ничто не могло заставить его подавить в себе сострадание к ним. Итак, видя, что столь любимые им постоянно поступают хуже и хуже, в какой он был горести, какими обливался слезами? Если иной, имея одного сына, не мог бы жить, узнав, что сын его предался порокам, хотя бы сам был порочнее всех, то Моисей, который столько тысяч людей считал своими детьми, или лучше сказать, любил их больше, чем детей, - ибо никакой отец не пожелал бы, подобно ему, погибнуть вместе с сыном, не сделав сам никакого греха, - который имел столько детей, притом ненавидел зло и любил добро, сколько, думаешь, страдал он, видя, что все они, как бы согласившись, устремились в пропасть порока? Если бы мгла такой печали крайней не омрачила его и не потрясла до самой глубины души, то, конечно, он не бросил бы скрижалей из рук и не разбил бы их, хотя он скоро и исправил это несчастно. Но что, скажи, сделал он для этого? Самый способ врачевания, хотя и помог делу, однако был исполнен многих слез; и не бывало такого каменного человека, который нисколько не страдал бы при виде, как его братья и сродники побивали друг друга, подвергнув этому прискорбному избиению до трех тысяч человек (Исх.32:28). И мы, когда застаем детей своих за каким-нибудь худым делом, конечно, наказываем и сечем их, но делаем это не без сожаления, а напротив скорбим не меньше самих терпящих наказание.

4. Во время тогдашней великой скорби Моисея и ополчения (евреев), постигла их еще новая печаль. Бог угрожал, что сам Он уже не будет предводительствовать ими, но оставит их и предводительство ими передаст ангелу; это для Моисея было всего невыносимее. Послушай, что говорит он к Богу: "**если не пойдешь Ты Сам [с нами], то и не выводи нас отсюда**" (Исх.33:15). Видишь ли, как страх сменялся страхом и печаль печалью? Но бедствие не остановилось и на этом: когда Моисей преклонил Бога, и Человеколюбец умилостивился и даровал благодать, - евреи опять повергли Моисея в новые скорби, прогневляя умилосердившегося Бога и подвергая самих себя крайним несчастиям. После многоплачевного избиения, они опять так разгневали Бога, что вызвали на себя огонь, который истребил бы почти всех их, если бы и при этом Бог не оказал великого человеколюбия. А Моисею при всем этом приходилось испытывать двоякую печаль - и от того, что израильтяне погибали, и от того, что оставшиеся в живых не исправлялись и не получали никакой пользы от гибели братьев. Избиение еще не кончилось, а оставшиеся в живых вспомнили уже о луке и, не довольствуясь тем, что у них было, говорили: "**кто накормит нас мясом? Мы помним рыбу, которую в Египте мы ели даром, огурцы и дыни, и лук, и репчатый лук и чеснок; а ныне душа наша изнывает; ничего нет, только манна в глазах наших**" (Чис.11:4-6). Тогда Моисей, уже не перенося их неблагодарности и изнемогши от скорби, отказывается от начальства и желает себе смерти вместо такой горькой жизни. Выслушай собственным слова его: "**и**

сказал Моисей", говорится в Писании, "**Господу: для чего Ты мучишь раба Твоего? и почему я не нашел милости пред очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего? разве я носил во чреве весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка, в землю, которую Ты с клятвою обещал отцам его? откуда мне [взять] мяса, чтобы дать всему народу сему? ибо они плачут предо мною и говорят: дай нам есть мяса. Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня; когда Ты так поступаешь со мною, то [лучше] умертви меня, если я нашел милость пред очами Твоими**" (Чис.11:11-15). Это говорил тот, кто некогда сказал: "**прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал**" (Исх.32:32). Так изменила его печаль! Тоже часто бывает и с родителями, когда они огорчены поступками детей. Впрочем, Моисей, и после этих слов, не перестал сострадать израильтянам, как видно из того, что сделал он впоследствии. Когда, после покушения их умертвить соглядатаев и забросать его камнями, он спасся от рук их, то опять обратился к молитве за них и умолял Бога быть милостивым к тем, которые хотели умертвить его (Числ.14:10-20); так любовь его была сильнее даже естественной привязанности! Потом, когда соглядатаи умерли и не прошло еще время бывшего плача, израильтяне опять причинили ему новую печаль, во-первых, тем, что не послушались его запрещения воевать, и, во-вторых, тем, что были поражены амаликитянами (Числ.14:41-45); и еще прежде этой войны многие погибли от жадности и объедения (Числ.11:33). "**Убил**", говорится в Писании, "**тучных их и юношей Израилевых низложил, еще пища была в устах их**" (Пс.77:30,31). После зрелища этой великой смертности, когда печаль по поводу ее еще не прекратилась, Моисей опять был повержен в другую скорбь и поставлен в такую крайность, что молился, чтобы вожделенные и возлюбленные его израильтяне окончили жизнь неестественною и необычайною смертью; тогда одни были сожжены внезапно возгоревшимся огнем, а другие поглощены рассевшеюся землею; и пострадали, таким образом, не немногие, но больше пятнадцати тысяч мужей. Как же после этого относились к Моисею родственники и друзья погибших? В каком расположении был сам Моисей, видя, что от этого несчастия и дети сделались сиротами, и жены вдовами, что и сестра и брат его умерли, и сыновья последнего сожжены за некоторое беззаконие? Каждое из этих событий может опечалить и такую душу, которая еще нисколько не страдала, а тем более душу, претерпевшую столь много бедствий. Когда же иудеи победили хананеев и сделали длинный обход, то опять возроптали и опять стали гибнуть, не от болезни, как раньше, и не от огня и рассевшейся земли, как прежде, но от укусов ядовитых змей, которые погубили бы всех их, если бы опять Моисей не предстал Богу и не умолил Его. Когда же они избавились и от этой гибели и избегли проклятий волхва, то опять устремились в самые гибельные пропасти: после благословений Валаамовых, или, лучше сказать, Божиих (ибо слова Валаама зависели не от его воли, но от действовавшей в нем силы), они стали прелюбодействовать с дочерьми иноплеменников и служить Веельфегору. Моисей, видя такой стыд и позор, опять повелел им умерщвлять друг друга, сказав: "**убейте каждый людей своих, прилепившихся к Ваал-Фегору**" (Чис.25:5), подобно тому, как при ране телесной, которая не заживает после многократных вскрытий и прижиганий, приказывают снова резать и прижигать и то, что осталось. Впрочем, слыша об этих трудностях, не думай, будто они только и были; я еще опустил не мало из упомянутых (в Писании): войны, сопротивления врагов, длинные путешествия, оскорбление от сестры, ее наказание, о котором в особенности сетовал кротчайший Моисей; но хотя бы я тщательно собрал все, и тогда описанное не составило бы тысячной части того, что было на деле. Если управляющий немногими слугами в доме встречает множество поводов к огорчениям и к печали, то обязанный управлять столькими тысячами в продолжение сорока лет и в пустыне, где не было ни (здорового) воздуха, ни воды, сколько должен был иметь каждодневно дел, сколько забот, сколько печалей, и при жизни и по смерти людей? Он видел умершими всех, которых вывел из Египта, кроме двух только мужей; сам же и

потомков их не удостоился ввести в землю обетованную, но только увидел ее с вершины горы Навав и хорошо изучил природу ее, а насладиться ею вместе с прочими израильтянами не был допущен, остался вне ее и умер, о чем и сам он сетовал пред израильтянами в таких словах: "**и Господь прогневался на меня за вас, и клялся, что я не перейду за Иордан и не войду в ту добрую землю, которую Господь, Бог твой, дает тебе в удел; я умру в сей земле, не перейдя за Иордан, а вы перейдете и овладеете тою доброю землею**" (Втор.4:21,22). А всего тяжелее то, что Бог свел его и во гроб с печалью, так как Моисей наперед узнал, какие бедствия постигнут иудеев: идолопоклонство, плен, невыразимые несчастия, почему и сокрушался душою не о том только, что сам видел и что уже было, но и о том, чего еще не случилось. Так, начав скорбеть и горевать с раннего возраста, он с тем же унынием и окончил жизнь.

5. А преемник его Иисус (Навин) вместе с ним вкушал, так сказать, все горькое; если же он в молодости и избежал чего-нибудь, то восполнил это по смерти Моисея. Он не только при жизни Моисея разрывал одежды свои и посыпал пеплом голову, но и по смерти его опять поставляем был в такую же, или даже в большую крайность, так что не короткое время, но целый день лежал, подвергшись на земле. Выслушай слова его и сетования: "**Иисус разодрал**", говорится в Писании, "**одежды свои и пал лицем своим на землю пред ковчегом Господним [и лежал] до самого вечера, он и старейшины Израилевы, и посыпали прахом головы свои. И сказал Иисус: о, Господи Владыка! для чего Ты перевел народ сей чрез Иордан, дабы предать нас в руки Аморреев и погубить нас? о, если бы мы остались и жили за Иорданом! О, Господи! что сказать мне после того, как Израиль обратил тыл врагам своим? Хананеи и все жители земли услышат и окружат нас и истребят имя наше с земли**" (Иис.Нав.7:6-9). Услышав это, Бог открыл ему виновника поражения; и Иисус, узнав это, истребил всех, не только согрешившего, но и его родственников и домашних и множество скота (Иис.Нав.7:24-26); а это не мало возмутило душу его. Если мы не можем смотреть, когда называют чужих, то чего не претерпел он, подвергая таким бедствиям соотечественников и соратников своих? А как (огорчали его) обман гаваонитян и подозрение, павшее на те колена, которые поселились по ту сторону Иордана? Как тяжело было постоянное пребывание на войне и в сражениях? Какая душа могла при этом оставаться спокойною? Если он и одерживал победы, то удовольствие от получения трофеев омрачалось заботами о предстоявших еще войнах. Раздел участков также доставил ему много труда и много беспокойства; знают это те, кому был поручаем раздел, хотя небольшого, имущества между братьями или другими наследниками после кого-нибудь. О последующих несчастиях народа еврейского не считаю нужным говорить; потому что речь теперь не о том, проводил ли кто-либо скорбную жизнь, но о том, кто из благоугодивших Богу (проводил такую жизнь).

6. Посему, если угодно, упустим Илия, который оскорбил Бога нечестием детей, или вернее сказать - своею беспечностью. Он был наказан не за то, что имел порочных детей, но за то, что щадил их больше надлежащего и не наказывал за нарушение законов Божиих; сознавая это, и сам он, после сильной угрозы Божией, говорил: "**Господь; что Ему угодно, то да сотворит**" (1Цар.3:18). Итак оставив его, перейдем к Самуилу, который с детства воспитывался в храме, всегда отличался благочестием пред Богом и с раннего возраста оказался столь добродетельным, что, не успев еще возмужать, был причислен к дивным пророкам, и притом в такое время, когда оскудело пророчество: "**в те дни**", говорится в Писании, "**видения [были] не часты, слово Господне было редко**" (1Цар.3:1). Этот Самуил, рожденный после многих слез, был, прежде всего, опечален и смущен, как признательный и любящий ученик, видя своего учителя пораженным бедственною смертью; а потом он должен был постоянно оплакивать и несчастия иудеев.

Сыновья же его, нечестивые, злые и крайне преданные порокам, опечаливали его как своею жизнью, так и тем, что не могли наследовать дарованной ему чести (1 Цар.8:3). За этою печалью последовало, или лучше сказать, не последовало, - так как она не прекращалась, - но к ней присоединилось еще беззаконное требование израильтян, при чем Самуил так упал духом, что нуждался в великом утешении. Послушай, что говорит ему Бог: "**не тебя они отвергли, но отвергли Меня**" (1Цар.8:7). Впрочем, и после этого Самуил так заботился о них, что говорил к ним: "**не допущу себе греха пред Господом, чтобы перестать молиться за вас**" (1Цар.12:23). Поэтому, когда он видел их, столь им любимых, бедствующими, поражаемыми на войнах, прогневляющими Бога, мог ли он чувствовать какое-либо удовольствие, мог ли когда-нибудь оставаться без печали и слез? А когда он поставил царем Саула, то опять последовали для него скорби непрерывно одна за другою. Так, когда Саул принес жертву вопреки воле Божией, когда он, победив амаликитян, пощадил царя их, опять вопреки повелению, Самуил был так поражен в душе, что более не видел этого человека, но с того времени до последнего дня сетовал и плакал о нем, хотя и укоряем был за чрезмерную скорбь. Бог говорил ему: "**доколе будешь ты печалиться о Сауле, которого Я отверг**" (1Цар.16:1). Если же он плакал при этих событиях, то что было с ним, когда Саул избил столько священников напрасно и без вины? - когда в другой раз пошел умертвить своего благодетеля, который не сделал ему никакого зла? - когда он увидел Саула нагого пророчествующим и лежащим на земле? - когда слушал многочисленные сетования и жалобы Давида на Саула?

7. Вспомнив о Давиде, я не знаю, что мне делать: изложить ли теперь продолжительные сетования его, описанные в псалмах или, предоставив тебе прочитать их на досуге, самому рассказать его несчастия. Так, Давид потерпел много бедствий, когда пас стада, отражая нападения и непостоянных стихий и диких зверей; первое видно из того, что говорил Иаков; а последнее из того, что сам он говорил Саулу о льве и медведе. Когда же он, рано оставив эту жизнь, приступил к делам военным - опускаю зависть братьев, хотя и она была для него весьма тягостна, - когда, вступив в единоборство, одержал блистательную и чудную победу, то в облагодетельствованном Сауле нашел себе врага сильнее низложенного Голиафа; потому что Саул не открыто вооружался против него, но, приняв вид друга и притворившись почитателем и попечителем его, поступал с ним враждебно. А как прискорбно за добро получать зло, о том послушай блаженного пророка, который постоянно плакал, сетовал и говорил: "**должно ли воздавать злом за добро**" (Иер.18:20)? Даже без всякой другой неприятности, одно то причиняет великую скорбь военачальнику, что он находится в подозрении у царя, который смотрит на него с неудовольствием. Что я говорю - военачальнику у царя? Нам неприятно, если и слуги так относятся к нам; когда же притом строятся козни против жизни ненавидимого, то какая жизнь может быть горестнее этой? Однако Давид все переносил и терпел; жил вместе с тем, кто замышлял убить его, и участвовал в его войнах. Когда же он удалился и устранился от войны, то хотя самое удаление и обнаружение вражды (Сауловой) посодействовало несколько безопасности (Давида), но так как он должен был с четырьмястами мужей защищаться против многочисленного Саулова войска, то трепетал более чем прежде. Подумай, в каком он был положении, когда не имел ни города, ни крепости, ни союзников, ни доходов, и должен был воевать с тем, который имел все это, между тем как сам он не мог, кроме пустыни и пещер, найти и места, куда бы убежать. Взяв город, так называемый Кеиль, он тотчас вышел из него, когда священник сказал, что Бог не избавить его из рук Саула, если он останется там. А этот священник был тот самый, который избежал рук Саула и возвестил Давиду о бывшем в Номве печальном происшествия, причем (Давид) произнес прискорбные слова: "**я виновен во всех душах дома отца твоего**" (1Цар.22:22). Таким образом, этот священник, постоянно находясь с Давидом, служил только напоминанием о том печальном событии; взирая на него, Давид постоянно вспоминал о погибели священников, а вспоминая об этой погибели и обвиняя

самого себя в этом избиении, он жил бедственнее всякого приговоренного к казни. Если бы и ничто другое не тревожило его, то одной мысли, что он сам был виновником избиения столь многих священников, достаточно было для того, чтобы уязвлять и сокрушать душу его. Между тем он, сокрушаясь этою мыслию, которая и ночью и днем хуже червя терзала душу его, получал еще потом и другие раны, непрерывно одну за другою. Так, когда Навал оскорбил его в лице его слуг, и назвал его беглецом, изгнанником, неблагодарным рабом, он не без скорби перенес такие слова; также, когда, пришедши к Анхусу, он притворялся безумным, падал на землю, искажал свое лицо и испускал из уст своих много пены, он более действительных бесноватых терзался мыслию о том, до какой крайности довел его Саул, столь облагодетельствованный им. Когда же Давид несколько отдохнул, живя у иноплеменников, то должен был идти воевать с их врагами; но военачальники, завидуя ему и желая оклеветать его пред царем, удалили его из войска, как бы человека бесполезного, коварного и вероломного: "**вознегодовали**", говорится в Писании, "**на него князья Филистимские, и сказали ему князья Филистимские: отпусти ты этого человека, пусть он сидит в своем месте, которое ты ему назначил, чтоб он не шел с нами на войну и не сделался противником нашим на войне. Чем он может умилостивить господина своего, как не головами сих мужей**" (1Цар.29:4)? Давид, пораженный этими словами, удалился с великим огорчением и унынием. Но, прибывши домой, он нашел столько бедствий, что едва не умер от печали. Случившиеся тогда бедствия могли бы омрачить его душу, если бы даже были им предусмотрены, а так как они случились нечаянно и неожиданно, то казались вдвое более тяжкими, и были уже невыносимы. Он отправился домой, чтобы отдохнуть и найти облегчение прежней скорби своей в детях и женах; но, прибывши, внезапно услышал, что он в неволе у врагов, и увидел огонь, и дым, и кровь мертвецов, и прежде, нежели он оплакал убитых и окончил сетование о плененных, на него напали, свирепее зверей, жители города, и каждый из них хотел найти облегчение своих горестей в его смерти. Как при столкновении на море противных ветров, от их борьбы происходит великая и свирепая буря; так и тогда уныние и страх терзали душу праведника, в которой происходило великое волнение и смущение от этих чувствований, непрерывно то преодолевающих, то преодолеваемых одно другим. Когда же он избавился от этих бедствий и возвратил жен и всех пленных, то прежде, нежели насладился этою победой, опять был поражен горестною вестью о смерти Ионафана, которая так поразила душу его, как можно видеть из его плача: "**любовь твоя была для меня**", говорил он, "**превыше любви женской**" (2Цар.1:26). Что я говорю об этом плаче? Тот, кто столько плакал об отце Ионафана, своем враге и зложелателе, тысячекратно искавшем его погибели, что мог чувствовать, когда узнал, что разделявший с ним опасности, многократно избавлявший его от козней отца, участвовавший в его тайнах и заключавший с ним много договоров, что этот человек лишился жизни в то время, когда Давид мог воздать ему должное за прежние благодеяния?

8. Когда эта скорбь была еще в полной силе, опять в новую печаль повергает его военачальник (Иоав), не давший Авениру исполнить обещанного, коварно убив того, который обещал легко и без всякого труда предать Давиду все войско. Давид был так огорчен этим убийством, что тогда же проклял Иоава, и во время кончины своей поручил своему сыну отмстить ему за это бесчестное убийство. Самые слова, которыми Давид громко оплакивал Авенира, достаточно изображают нам страдание души его: "**царь**", говорится в Писании, "**громко плакал над гробом Авенира; плакал и весь народ. И оплакал царь Авенира, говоря: смертью ли подлого умирать Авениру? Руки твои не были связаны, и ноги твои не в оковах, и ты пал, как падают от разбойников**" (2Цар.3:32-34). Что же после этого? Коварно умерщвляется Мемфивосфей [1] и к печали Давида о нем (ибо и о нем Давид скорбел так, что даже умертвил убийц его) присоединилось противодействие хромых и увечных, которое сильно возмутило его.

Одолев и этих и других врагов, он с великою радостью переносить кивот, но в то самое время, когда переносили ковчег и все радовались, среди веселья случилось событие, которое омрачило всеобщую радость и повергло душу царя в уныние и великий страх. Гнев Божий внезапно поразил и умертвил Озу, который хотел поддержать падавший кивот; и страх от этого так сильно потряс душу Давида, что он тогда только решился перенести кивот к себе, когда узнал, какое благополучие было от него Аведдару, который тогда принял его (2 Цар.6:8-12). Потом, когда умер царь аммонитский, Давид, как муж добрый и человеколюбивый, отправил послов утешать сына его и убеждать его мужественно переносить смерть отца; а тот, за такую честь постыдно оскорбив послов, отослал их обратно к царю. Неужели по твоему мнению, этого мало, чтобы опечалить и поразить душу? Не доказывает ли этого и самая война, которая не имела никакого другого предлога и дошла до такого ожесточения, что подвергла Давида бесчисленным бедствиям (2Цар.10)? Этих бедствий, хотя бы кто примешал к ним тысячу удовольствий, достаточно для того, чтобы жизнь Давида признать скорбною; но последующие бедствия его таковы, что до них как бы еще и не начинались истинные скорби. Подлинно страдания этого царя превзошли всякую басню и всякую трагедию; на дом его обрушились такие необычайные и непрерывные бедствия, как будто у него одно зло постоянно старалось помогать другому злу. Так посмотри: Амнон полюбил сестру свою, полюбив, обесчестил ее; обесчестив, возненавидел и допустил разгласиться как бесчестию, так и кровосмешению, приказав одному из слуг тотчас изгнать ее из дому против воли и отправить чрез (городскую) площадь, причем она кричала и плакала (2Цар.13). Авессалом, узнав об этом и созвав на пир всех братьев, между которыми был и этот оскорбитель, умерщвляет его при посредстве слуг, когда тот ел и пил. Потом некто, отлучившись оттуда и в смятении не разузнав точно случившегося, возвестил царю, что все сыновья его умерли. Тогда Давид сидя плакал о мнимом убиении всех сыновей своих; когда же в точности узнал о случившемся, то грозил сыну и говорил, что умертвит его; и хотя (Авессалом) убежал в чужую страну, где он провел три года, царь во все время продолжал гневаться; даже и по прошествии этого времени не призвал бы его к себе, если бы умный военачальник против его воли не склонил его на такое дело. Но и призвав сына, он еще не заживил сердечной раны, но удалил его от лица своего еще на два года, и только после столь долгого времени, по просьбе военачальника, дал сыну позволение явиться к себе. Но сын, злопамятуя о прежнем или притом стремясь к власти, восстал на отца и довел его опять до скитальничества и бегства, которым он подвергался при Сауле, и даже сделал его жизнь гораздо тяжелее прежней. Тогдашние скорби Давид терпел, быв военачальником; а теперь он принужден был скитаться после многих лет царствования и после победы, можно сказать, над всеми врагами. И доведший его до этого был и не чужой и не неприятель, но "**вышедший из чресл его**", как сам он говорил с жалобою (2Цар.16:11). Тогда он был во цвете лет и мог все переносить мужественно, а теперь, в то время, когда ему следовало в этом негодном сыне иметь утеху своей старости, в нем встретил злоумышленника и врага. И вышел царь из Иерусалима вместе с немногими, босой, закрываясь и проливая слезы. Эта война причинила ему не только скорбь, но и стыд. Сын поступил тогда с блаженным оскорбительнее, чем Саул, обесчестил и наложниц отца, и притом не скрытно, но на кровле дома пред взорами всех; в ярости против отца нарушил и уставы природы, и законы обращения с женщинами, и в безумном упоении, когда война еще продолжалась, отважился сделать то, что обыкновенно делают уже по одержании победы и по взятии врагов в плен. Между тем Сива, встретив Давида в такой печали и страхе, еще более возмутил его, налгав на своего господина и сказав, будто (Мемфивосфей) замышляет овладеть царством (2Цар.16:3).

9. После Сивы является Семей, человек злой и неблагодарный, и направляет против Давида множество злословий, бросая в него камнями с такими словами: "**уходи, убийца и беззаконник! Господь обратил на тебя всю кровь дома Саулова, вместо которого ты**

воцарился, и предал Господь царство в руки Авессалома, сына твоего; и вот, ты в беде, ибо ты – кровопийца" (2Цар.16:7,8). Слыша и претерпевая это, Давид сокрушался, как видно из самого плача его, но не решился ничего сделать и дал Семею уйти живым, сказав: "**оставьте его, пусть злословит, ибо Господь повелел ему; может быть, Господь призрит на уничижение мое, и воздаст мне Господь благостью за теперешнее его злословие**" (2Цар.16:11,12); а сам с беспокойством и страхом ожидал, чем кончится предприятие Хусия. Когда же и это сделалось известным, то началось война, самая необыкновенная из всех когда-либо бывших войн, и даже похожая на загадку. Того, кто был виновником таких бедствий и подал все поводы в такой войне, с чьим падением уничтожались все эти бедствия, - того самого тщательно беречь и щадить Давид убеждал полководцев своих, повторяя: "**сберегите мне отрока Авессалома**" (2Цар.18:5). Что могло быть хуже этого горестного положения? Что прискорбнее этого затруднения? Давид вынужден был начать войну, в которой равно было тягостно для него и победить и быть побежденным. Он не хотел ни быть побежденным, иначе не выслал бы такого войска, ни одержать победы, иначе не запрещал бы умертвить того, кто начал и повел войну против него. Когда же война была решена и кончилась, как угодно было Богу, когда отцеубийца пал, тогда все прочие были в веселье и радости, один только Давид горевал и плакал, и, запершись, звал умершего и скорбел о том, что сам не умер вместо него: "**кто дал бы мне умереть**", говорил он, "**вместо тебя, Авессалом, сын мой, сын мой**" (2Цар.18:ЗЗ)? Слыхано ли что-нибудь ужаснее этого несчастия? Когда Авессалом умертвил своего брата, Давид хотел умертвить его; когда же Авессалом с неистовством восстал на него самого, тогда он щадит этого самого сына. И долго не перестал бы он плакать об умершем, если бы не пришел Иоав и не объяснил неуместности этой печали, если бы сильною речью не возбудил в нем бодрости и не склонил его принять войска с надлежащим достоинством. Впрочем, его бедствия еще не кончились и этим; но, во-первых, воины возмутились и разделились между собою; потом, едва только они покорились царю, и притом после многих ласковых увещаний, как опять отложились от него и присоединились к Савею; тогда опять началась другая война, между тем как не совсем еще окончилась и прежняя. Возмущенный этим Давид, собрав своих воинов, выслал их с военачальниками против неприятелей; но Иоав, одержавший победу и в этой войне, не преминул омрачить радость о победе печалью. В исступлении зависти, он без причины и совершенно безвинно злодейски умертвил равного ему военачальника, который привел под власть Давида весь народ; и это убийство так встревожило и возмутило царя, что он и при смерти своей завещал сыну и просил не оставить убитого Амессая не отмщенным. А еще тяжелее то, что Давид, находясь в таком расположении духа, не решался даже высказать причины своей скорби, потому что уже был угнетен бесчисленными бедствиями. После этих войн постиг всю страну голод и Давид, для прекращения этого зла, принужден был выдать детей Саула на смерть. Так повелевало определение (Божие); "**ради Саула и кровожадного дома его, за то, что он умертвил Гаваонитян**" (2Цар.21:1). А кто вспомнит, как Давид оплакивал Саула, тога поймет, как страдал он и в это время, выдавая детей его гаваонитянам; однако и это он перенес; а между тем опять последовали дальнейшие несчастия. После голода настала язва и в течение полудня падает семьдесят тысяч мужей, при чем царь, увидев ангела, простершего меч, и произнося скорбные слова, сказал: "**вот, я согрешил, я поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они? пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего**" (2Цар.24:17). Впрочем, нам невозможно с точностью пересказать все его печали; не все они изложены и в Писании; но по его плачевным песням и жалобам можно догадываться о тяжести и тех скорбей его, о которых не упомянуто, и о том, что этот праведник никогда не переставал скорбеть и сетовать. Что же он говорит? "**Дней лет наших - семьдесят лет, а при большей крепости - восемьдесят лет; и самая лучшая пора их - труд и болезнь**" (Пс.89:10). Если же ты скажешь, что он здесь изобразил жизнь человеческую вообще, а не свою только, то скажешь больше того, что я сам хочу сказать,

и избавишь нас от многоречия, сам признавая, что не только в жизни Давида, но и в жизни всякого другого человека гораздо больше скорбей, чем удовольствий. Действительно, как и сам ты правильно говоришь, Давид произнес такой приговор, имея в виду не только свою жизнь, но и других, и выразил то же самое, что и патриарх, только с большею силою; что тот сказал о части, то этот после обо всех. Тот говорил: "**малы и несчастны дни жизни моей**" (Быт.47:9); а этот: "**дней лет наших**", т. е. дни всех людей, "**семьдесят лет, и самая лучшая пора их - труд и болезнь**".

10. Но это, как я сказал, представляю тебе исследовать со всею точностью на досуге, а сам перейду к прочим пророкам. Хотя они нигде не оставили нам описания своей жизни, встретив впрочем и для этого затруднение в чрезмерности угнетавших их бедствий, но я думаю, что одним словом можно назвать всю жизнь их прискорбною. И, во-первых, что было общим у всех их, они в течение жизни своей были мучимы пытками, бичуемы, перепиливаемы, побиваемы камнями, заключаемы в темницы, умирали от меча, скитались в овечьих и козьих кожах, терпя недостатки, бедствия, озлобления (Евр.11:36-38). К этому присоединилась у них и другая печаль, еще более тяжкая, от того, что они видели, как возрастало нечестие причинявших им бедствия; этим они терзались больше, чем собственными скорбями. Так один из них говорил: "**клятва и обман, убийство и воровство и прелюбодейство крайне распространились, и кровопролитие следует за кровопролитием**" (Ос.4:2), показывая нам и безнаказанность, и разнообразие, и распространение нечестия. Другой взывал так: "**горе мне! ибо со мною теперь - как по собрании летних плодов, как по уборке винограда: ни одной ягоды для еды, ни спелого плода**" (Мих.7:1), оплакивая этими словами малочисленность людей добродетельных. Иные еще жаловались на другое что-либо подобное. Пастырь коз (Амос) не только сетовал о грехах иудеев, но и плакал об их несчастиях более, чем о собственных искушениях, и молился Богу так: "**Господи Боже! пощади; как устоит Иаков? он очень мал**" (Ам.7:2). Но не смотря на это, он не получил просимого, как сказано: "**"и этого не будет", сказал Господь Бог**" (Ам.7:6). А Исаия, услышав, что вся земля будет опустошена, не хотел утешиться, но постоянно плакал и говорил: "**оставьте меня, я буду плакать горько; не усиливайтесь утешать меня**" (Ис.22:4), потому что такой род смерти выше всякого несчастия. Кто в состояние читать без слез плачевные песни Иеремии о городе и о нем самом, как написанные особо, так и рассеянные по всей его пророческой книге? Иногда говорил он: "**кто даст голове моей воду и глазам моим - источник слез! я плакал бы день и ночь о пораженных дщери народа моего**"? Иногда: "**кто дал бы мне в пустыне пристанище путников! оставил бы я народ мой и ушел бы от них: ибо все они прелюбодеи**" (Иер.9:1,2). А иногда жалобно взывал: "**горе мне, мать моя, что ты родила меня человеком, который спорит и ссорится со всею землею**" (Иер.15:10); иногда же проклинал и день рождения своего: "**проклят день**", говорил он, "**в который я родился**" (Иер.20:14). А грязный ров, скорби от уз, бичевания и клеветы и постоянные насмешки привели его в такое состояние, что он даже стал отчаиваться. Что испытал он, когда по взятии города встретил заботливость и почтение к себе со стороны иноплеменников? Радовался ли он этому? Напротив, тогда-то он и написал горький плач об умерших, и увидел бедствия не меньшие прежних от того, что оставшиеся в живых после войны раздражали Бога. Обещав повиноваться Ему во всем и ни в чем не противиться, они, однако, ушли опять в Египет, тогда как повеление (Божие) требовало совершенно иного, и пророка увели вместе с собою, и своею неблагодарностью вынуждали его предсказывать им беды, тягчайшие прежних. А что Иезекииль? А что Даниил? Не в плену ли провели они всю жизнь? Притом, первый из них за чужие грехи был наказан голодом и жаждою; когда же умерла жена его, ему повелено было переносить такое несчастие без слез; а что может быть тягостнее того, когда не позволяется оплакивать и собственные бедствия? Не говорю теперь о том, что он принужден был есть хлеб свой на куче навозной, лежать на одном боку сто девяносто дней, и терпеть все

прочее, что повелевалось ему. Если бы и не случилось с ним ни одной из горестей, как опущенных нами, так и упомянутых теперь, то самое пребывание среди врагов, иноплеменников и людей нечистых, для праведного и чистого было тяжелее всякого наказания. А Даниил, по-видимому, наслаждался великою честью и жил как бы не в плену, пребывая при царском дворе и имея власть; но если кто прислушается к его молитве, обратит внимание на его пост, перемену лица и непрестанные мольбы, и точно узнает, для чего он делал это, тот увидит, что этот пророк более всех скорбел и унывал. Мучили его не только настоящие бедствия, но возмущали и будущие, так как он удостоился видеть пророческими очами и то, чего еще не было; взирая на иудеев, еще не освободившихся от прежнего рабства, он должен был предвидеть другое их пленение; город, который еще не был восстановлен, он видел уже разрушенным, а храм - осквернённым (нечистыми) жертвами и опустошенным, и всю святыню ниспровергнутою. Посему он скорбел и плакал и говорил: "**Господи! у нас на лицах стыд, у царей наших, у князей наших и у отцов наших, потому что мы согрешили пред Тобою**" (Дан.9:8).

11. Не знаю, как между пророками я пропустил одну небесную душу, - того, кто на земле жил как на небе, у которого не было ничего, кроме милости. Что же этот великий и дивный человек, если только можно назвать его человеком? После смелой речи пред Ахавом, после низведения огня, после избиения жрецов, после того, как он заключил и отверз небо во время, назначенное по его желанию, после столь многих и столь великих подвигов он подвергся такому страху и такому чрезмерному унынию, что сказал такие слова: "**возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих**" (3Цар.19:4). Это говорил тот, кто и теперь еще не умер. Мало этого; он удалился в пустыню, и спал там, изнемогши от тяжкого уныния. А ученик его получил не только сугубый дух учителя, но и скорби гораздо более тяжкие. Изображая этих пророков для нас и перечисляя их бедствия, блаженный Павел несколько раньше сказал: "**те, которых весь мир не был достоин**" (Евр.11:38). Благовременно пришел нам на память и этот блаженный. Если он, явившись один, может доставить нам достаточное утешение, то какого уныния и какой печали не уничтожит он, представши после других? Не считаю нужным говорить о голоде, жажде и наготе, о кораблекрушениях и пребывании в пустынях, о страхах и опасностях, о клеветах и темницах, ранах и бдениях, о бесчисленных опасностях смерти и обо всем прочем, что претерпел он за проповедь. Все это, хотя и причиняло некоторые скорби, но доставляло ему и удовольствия. Когда же отверглись от него все азийские верующие, когда уклонились от веры галаты - целый знаменитый народ, когда коринфяне разделили свою церковь на многие части и, оказав послабление блуднику, довели его до бесстыдства, тогда что, думаешь ты, чувствовал Павел? Каким мраком объята была душа его? Впрочем, для чего нам делать умозаключения, когда можно слышать собственные слова его? Так, в послании к Коринфянам он говорил: "**от великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами**" (2Кор.2:4); и еще: "**чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и [чтобы] не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись**" (2Кор.12:21). А к галатам говорил: "**дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос**" (Гал.4:19). На азийцев же он жалуется и своему ученику. И не только это мучило его, но и данный ему пакостник (плоти) так сокрушал и беспокоил его, что он многократно молил Бога об освобождении от него; ибо слово "**трижды**" значит здесь многократно (2Кор.12:8). Вообще мог ли когда-нибудь быть спокойным тот, кто сокрушался даже об отсутствии брата? "**Я не имел покоя духу моему**", говорит он, "**потому что не нашел [там] брата моего Тита**" (2Кор.2:13). И по случаю болезни другого брата, он опять страдал точно также: "**Бог помиловал его**", говорил он филиппийцам об Епафрасе, "**и не его только, но и меня, чтобы не прибавилась мне печаль к печали**" (Фил.2:27). Также сильно скорбя по

поводу обольстителей и своих противников, он в послании к Тимофею говорил: "**Александр медник много сделал мне зла. Да воздаст ему Господь по делам его**" (2Тим.4:14). Итак, мог ли он иметь хотя малое отдохновение от уныния и скорби? Кроме вышесказанных бедствий, тяготивших душу его, были и другие, которые причиняли ему постоянную скорбь. И это опять сам он открыл, сказав: "**кроме посторонних [приключений], у меня ежедневно стечение [людей], забота о всех церквах. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся**" (2Кор.11:28,29). Если же он за каждого из соблазнявшихся сам воспламенялся, то этому воспламенению и невозможно было погасать в душе его: потому что никогда не было недостатка в соблазнявших и доставлявших пищу этому пламени. Когда отпадали города, а часто и целые народы, то тем более это могло непрестанно случаться с тем или другим (верующим) из столь многих церквей во вселенной. Но предположим на словах, если угодно, что никто никогда и не соблазнялся и не отделялся от Павла, и никакой другой подобной неприятности не случалось с ним, - и в таком случае я не могу признать его свободным от уныния; на это опять мне не нужно никакого другого свидетеля, кроме самого страдальца. Что же он говорит? "**Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти**" (Рим.9:3). А это означает следующее: желательнее было бы для меня впасть в геенну, нежели видеть израильтян неверующими. Это именно значат слова: "**Я желал бы сам быть отлученным**"; если же он готов был потерпеть геенские мучения для того, чтобы иметь возможность привести (к вере) всех иудеев, то, очевидно, что, не достигши этого, он вел жизнь более тягостную, чем мучимые в геенне, потому что для него было желательно последнее более, нежели первое.

12. В каждом из упомянутых бедствий ты обрати внимание не только на причину, от которой рождалось у тех мужей уныние, но и на степень печали, и увидишь, что их печаль гораздо больше твоей скорби. Исследуем же теперь, сильнее ли они скорбели, чем ты, а степень уныния обыкновенно определяется не только причиною, от которой оно произошло, но и словами и делами (страждущих). Многие, потеряв только деньги, сетовали больше, чем ты; так что иные бросились в море, другие повесились, не вынесши этой потери; а некоторые от чрезмерной печали потеряли даже зрение: хотя потерять деньги кажется легче, нежели терпеть мучение от демона, однако многие перенесли последнее, а первым были поражены. Не суди об этом по своей душе и не думай, что если ты смеешься над потерею денег, то и другие относятся к ним так же; потеря денег довела многих до безумия и крайнего расстройства. Конечно, благородной души ни одна из этих скорбей не может сокрушить; но душа слабая и привязанная к миру более терзается потерею денег, нежели мучением от демона. Почему? Потому, что не одно и то же - бояться ли голода постоянно, или выносить мучения от демона только по некоторым дням: в последнем бедствии сильное мучение продолжается немного времени, подобно как в горячке, или в лихорадке, или при другом каком-либо периодическом припадке; и даже гораздо меньше продолжается, чем в этих болезнях. Если же (скажешь, что) болезнь беснования превосходит эти болезни силою, то я могу указать тебе на многих из одержимых горячкою таких, которые, когда охватывает их этот огонь, приходят в большее исступление, чем бесноватые. А при бедности опасение терпеть недостаток в необходимом, как неистребимый червь, гнездится в душе бедных, и точит ее непрестанно. Что я говорю о бедности? Если мы захотим перечислять все несчастия человеческие, то не только мы, но, может быть, и сам ты станешь смеяться над своим плачем и стенаниями. Но нам невозможно изобразить всех, даже малейшей части этих несчастий; мы не знаем их, а если бы и знали, то нам недостало бы целой жизни для повествования о них. Поэтому, выбрав из многих только некоторые, предоставлю тебе по ним заключать, по возможности, и о тех, которые будут опущены. Так, вспомни о том любезнейшем старце, Демофиле, из великого и знатного дома. Вот уже пятнадцатый год, как он ничего не в

состоянии делать, подобно мертвым, отличаясь от них только тем, что постоянно трясется, кричит и ясно сознает свое несчастие; он живет в крайней бедности, и имеет одного слугу, юношу, хотя и доброго и привязанного к своему господину, но неспособного облегчить его несчастие, потому что слуга не может ни избавить от бедности господина, ни прекратить трясения его от расслабления; а может только вложить кусок в уста господина (свои руки не служат последнему и в этом), подать ему чашу и очистить нос; кроме этого он не в состоянии оказать ему никакой помощи. Так бедствует этот старец уже пятнадцать лет, как я сказал; при этом я припоминаю и того расслабленного, который страдал таким же недугом тридцать восемь лет (Иоан.5:5). Кроме этих несчастных, представь еще Аристоксена вифинского, который хотя не расслаблен телом, как тот старец, но одержим такою болезнью, которая гораздо тягостнее расслабления. Какие-то судороги в желудке и боли, несноснейшие всякой пытки, то пронзают его хуже вертелов, то пожирают сильнее огня, и мучат каждый день и каждую ночь, так что не знающие его болезни считают его за сумасшедшего: так судороги искривляют у него зрачки, стягивают руки с ногами, и делают его безгласным! А крики его и стоны (он часто после онемения начинает кричать) бывают сильнее стонов женщин, мучащихся родами; и нередко живущие вдали, у которых есть больные, страдающие от долгой бессонницы, присылали с жалобою на то, что их больным становилось хуже от этих криков. Это бывает с ним не чрез долгие промежутки времени, но по несколько раз днем и по несколько раз ночью, и вот уже шестой год, как он предан этому злому недугу; нет у него ни слуги, который бы ухаживал за ним, ни врача, который бы облегчал его страдания; первого по бедности, а второго потому, что врачебное искусство оказалось бессильным пред этою болезнью; многие врачи долго трудились над ним (так как у него прежде много было денег), и нисколько не помогли ему. А что всего тяжелее, - никто из друзей уже не хочет видеть его, но все оставили его, даже те, которые прежде много были облагодетельствованы им. Если же кто-нибудь и войдет к нему, то тотчас же убегает: таким зловонием наполнена комната его, потому что никто не убирает ее. При нем сидит одна только служанка, которая делает не больше, чем сколько может сделать одна женщина, притом такая, которая приобретает себе пропитание трудами рук своих. Скольких же демонов мучительнее его бедствия? Если бы самые эти бедствия не мучили его, то чего не претерпел бы он от мысли о том, как много времени лежит он на одре, о больших издержках, доведших его до крайней бедности, о презрении от друзей, о неимении слуг, и от неведения о том, прекратятся ли когда-нибудь бедствия, - о чем и ты всегда скорбишь, - или лучше сказать, от совершенной уверенности, что они никогда не прекратятся, пока он будет жить и дышать? Так заставляет думать жестокость болезни и то, что бедственное положение его с каждым днем ухудшается.

13. Но чтобы мне не утомить слушателей перечислением каждого и всех подобных страдальцев, ты отправься к смотрителю странноприимного дома и попроси его ввести тебя к лежащим там, чтобы увидеть всякого рода страдания, странные виды недугов и разнообразные причины уныния. Оттуда пойди в темницу и, узнав все встречающееся в этом жилище, ступай в преддверия бань, где некоторые лежат нагими, употребляя вместо одежд и крова навоз и солому, постоянно терзаясь холодом, болезнью и голодом, умоляя прохожих одним своим видом, трясением тела и скрежетом сжимаемых зубов, и не имея возможности ни подать голоса, ни протянуть рук от крайнего изнурения такими страданиями. И здесь не останавливайся, но сходи еще в убежище бедных, находящееся за городом, и тогда ясно увидишь, что терзающее тебя теперь уныние есть тихая пристань. Что сказать о мужчинах, мало помалу разрушаемых проказою, о женщинах, страдающих раком? Обе эти болезни и продолжительны и неизлечимы; та и другая одержимых ими изгоняют даже из города, так как этим больным не позволяется быть ни в бане, ни на рынке, ни в другом каком-либо месте внутри города. И не только это бедственно, но и то, что они не могут быть спокойны и относительно средств к пропитанию. А каково

положение осужденных жить в рудниках, часто без вины и напрасно? Все они терпят гораздо больше горя, чем одержимые демоном. Если ты не веришь, это нисколько не удивительно; потому что мы обыкновенно судим о своих и о чужих бедствиях не одинаково, но последние узнаем только из слов и по виду страдающих, а первые - собственным опытом и чувством, и из пристрастия к самим себе думаем, что последние несноснее первых, хотя бы они на самом деле были очень легки и сносны. Если же кто, отрешившись от всякого пристрастия, узнает свойство чужих несчастий, и вникнет в положение подвергшихся им, тот даст нам о них верное суждение. Может быть, ты скажешь, что все те болезни относятся только к телу, а твоя болезнь касается души, и тяжелее всех их. Но по этому самому особенно и оказывается она легче тех: она не разрушает тела, как те, и душу беспокоит только на короткое время; между тем указанные выше болезни, зарождаясь в теле, не останавливают на нем вредных своих действий, а простирают их и на душу, постоянно муча ее и сокрушая скорбью и великим унынием. "**Как уксус вредит ране и дым глазам, так появившаяся в теле страсть печалит сердце**" (Прит.25:20), говорит Писание. Итак, не о том только говори, что какая-нибудь болезнь гнездится в теле, но докажи, что она не простирает своего гибельного и разрушительного влияния на душу. Так и зараза рождается не в самых телах, а губит тела; и яд змей выходит из них, а вредит нам. Тоже и с теми болезнями: рождаются они в теле, а яд своей злокачественности переливают в нашу душу. Итак, чрезмерное уныние вреднее всякого демонского действия, потому что и демон, если в ком властвует, то властвует чрез уныние, а если уничтожишь уныние, то и от демона не потерпишь никакого вреда. Но как, скажешь ты, можно не унывать? А я тебя спрошу, как невозможно не унывать? Если бы ты совершил блуд, убийство или какой-нибудь другой из грехов, лишающих царствия небесного, то унывай и сетуй: никто не будет препятствовать; если же ты, по благодати Божией, стоишь далеко от всех этих грехов, то для чего напрасно мучишь себя?

14. Бог вложил уныние в нашу природу не для того, чтобы мы предавались ему неразумно, неблаговременно и при всяких обстоятельствах, и не для того, чтобы губили самих себя, но чтобы получали от него величайшую пользу. Как же мы можем получить от него пользу? Если будем предаваться ему в надлежащее время; а время уныния не то, когда мы терпим зло, но когда делаем зло. Мы же извратили порядок и перемешали времена; делая множество зла, мы не сокрушаемся и на короткое время, а если от кого-либо потерпим хотя малое зло, падаем духом, безумствуем, спешим отказаться и избавиться от жизни. Поэтому такое состояние (уныния) и кажется нам несносным и тяжким, равно как и гнев и похоть, на которые также жаловались те, кто пользовались ими не хорошо и не надлежащим образом. Здесь бывает то же, что и с лекарствами, которые даются врачами: и они не только не избавляют больного от мучений, но еще более усиливают болезнь, когда употребляются при болезнях не соответствующих им и не тех, для которых они приготовлены, но при совершенно других. Точно так же действует и уныние, и это естественно. Как врачевство сильное, разъедающее и, так сказать, очищающее нашу порочность, оно, когда прилагается к душе праздной, изнеженной и имеющей в себе великую тяжесть грехов, весьма много помогает принявшему его; а когда прилагается к душе деятельной, подвизающейся, трудящейся, заботливой и подвергающейся бедствиям, то не только не приносит никакой пользы, но и причиняет великий вред, ослабляя ее и делая удобопоражаемой. Посему и Павел, обращаясь к стоявшим и подвизавшимся, говорил: "**радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь**" (Фил.4:4); а к расслабленным душою и одержимым сильною страстью писал: "**и вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать**" (1Кор.5:2). Кто тучнеет туком грехов, тот пусть утончает и иссушает себя этим врачевством, а здоровому и соблюдающему себя в надлежащем благосостоянии, для чего губить свое благополучие унынием? Оно - такое сильное врачевство, что когда и к нуждающимся в нем было прилагаемо дольше надлежащего времени, причиняло много зла. Опасаясь этого, и

блаженный Павел повелевал устранять его тотчас после того, как оно сделает свое дело, и на это представил то же причину, которую я высказываю теперь: "**дабы**", говорил он, "**он не был поглощен чрезмерною печалью**" (2Кор.2:7). Если же оно, приражаясь сверх меры, губит и тех, кто имеет в нем нужду, то чего не сделает оно с теми, которые совсем не имеют в нем нужды, если они предадутся ему в великой степени? Так, скажешь ты, знаю это и я; но, как мне устранить и удалить уныние из души своей, - не знаю. Какая же в этом трудность, друг мой? Если бы это была какая-нибудь похоть и безумная плотская любовь, или сильное тщеславие, - это неудобоистребляемое зло, или какая-либо другая подобная страсть, то ты имел бы основание затрудняться освобождением от них, так как плененным ими, хотя и невозможно, однако трудно избавиться от этих сетей. Почему? Потому, что им содействует и помогает удовольствие: оно как бы канатами со всех сторон опутывает предавшихся страстям, и трудность исправления, прежде всего, состоит в том, чтобы душа склонилась пожелать и решиться на освобождение от них; подобно тому, как если бы человек, нуждающийся в исцелении от коросты и чесотки, находил удовольствие в этой болезни, и сам себя ввергал в недуг. А для освобождения от скорби не мало способствует нам то, что мы не находим в ней удовольствия; кто тяготится чем-нибудь, тот скоро постарается и освободиться от этого. Но что, если он, хотя и постарается, но не успеет? Пусть не перестает стараться, и скоро будет иметь успех. Имей в виду, что для христианина, если он когда-нибудь скорбит, должны быть только два повода к унынию, - когда или сам он, или ближний его оскорбит Бога; а так как твоя скорбь не основывается ни на одном из этих поводов, то напрасно ты мучишь себя. А откуда известно, скажешь ты, что этою скорбью мы не наказываемся за грехи? Это хорошо известно, но пока я не стану утверждать этого. Если же ты хочешь, то пусть будет не только не неизвестно, как ты сказал, но даже хорошо известно, что эта скорбь есть возмездие за грехи; неужели же, скажи мне, ты по этому сетуешь? Но надобно благодушествовать от того, что ты еще здесь освободился от грехов, и не будешь осужден вместе с миром. Сетующему должно сетовать не о том, что он наказывается, но о грехах, которыми он оскорбляет Бога; грехи удаляют нас от Бога и делают врагами Его, наказания же примиряют Его с нами и делают милостивым и близким к нам. А что твой подвиг и труд не есть возмездие за грехи, но подготовление к венцам и наградам, это видно из следующего. Если бы ты прежде жил постыдно и распутно, а потом перешел бы к монашеской жизни, и в таком случае мысль о наказании за грехи была бы неуместна. Если Бог посылает наказания для того, чтобы грешников обратить к покаянию, то когда принесено покаяние, наказание по этому самому излишне. Бог столь далек от желания наказывать нас, что часто даже тогда, как мы делаем достойное наказания и нуждаемся в сильном вразумлении, Он вразумляет нас только угрозою и устрашающими словами. Это ты можешь видеть на примере израильтян и города ниневитян: Бог не только не навел на них наказания, когда они принесли покаяние, но тотчас прекратил и угрозу. Он гораздо более нас самих желает, чтобы мы не терпели никакого зла, и никто из нас не щадит себя так, как Бог щадит всех нас. Неужели же Тот, Кто часто и согрешивших устрашает только словами, но не наказывает, а покаявшихся освобождает и от самого опасения, тебя, оказавшего такое благочестие и такую добродетель, не только не избавил от угрозы, но и предал действительному наказанию? Как можно поверить этому? Если бы прежняя жизнь твоя была, как я сказал, развратна и порочна, это могло еще придти кому-нибудь на мысль; но так как она была скромна и исполнена великой честности, хотя и ниже теперешней, то из всего этого нам ясно, что твои подвиги ведут к венцам и высшему воздаянию. Поэтому, как я сказал, должно возбуждать в себе такие и подобные мысли; а вместе с этим, или еще прежде этого, должно рассеивать этот мрак уныния молитвами и молениями. Так и блаженный Давид, столь дивный и великий муж, постоянно пользовался этими врачевствами, и избавлялся ими от тяжести скорбей, то молясь так: "**скорби сердца моего умножились; выведи меня из бед моих**" (Пс.24:17); то возбуждая в себе благочестивые мысли: "**что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога; ибо я буду еще славить**

Его" (Пс.42:5); и еще говорил, от размышлений обращаясь к молитвам: "**отступи от меня, чтобы я мог подкрепиться, прежде нежели отойду и не будет меня**" (Пс.38:14), и от молитв к размышлениям: "**кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле**" (Пс.72:25). Так и Иов размышлениями возражал жене, внушавшей ему произнести сатанинские слова, и, укоряя ее, говорил: "**ты говоришь как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать**" (Иов.2:10)? А пред Богом он прибегал к молитвам. И блаженный Павел обоими этими средствами помогал впадавшим в скорби и искушения; иногда говорил: "**если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец**" (Евр.12:7,8)? - а иногда с молитвою говорил: "**верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил**" (1Кор.10:13); и еще: "**ибо праведно пред Богом - оскорбляющим вас воздать скорбью, а вам, оскорбляемым, отрадою**" (2Фесс.1:6,7). Итак, если и ты захочешь воспользоваться тем и другим оружием и крепко оградишь себя со всех сторон, размышлениями заграждая унынию доступ к себе, а молитвами, как своими, так и чужими, устрояя эту крепкую ограду, то скоро увидишь плоды таких усилий. Ты приобретешь не только ту пользу, что станешь мужественно переносить настоящие страдания, но, хорошо укрепившись ими, будешь и впредь неодолим никакими житейскими горестями.

---

[1] Разумеется, вероятно, Иевосфей. См. 2Цар.4:7.

СЛОВО

К ЖИВШИМ ВМЕСТЕ С ДЕВСТВЕННИЦАМИ.

Нижеследующие два Слова или рассуждения, не соединенные общим заглавием, связаны между собою одинаковым содержанием, направленным в первом Слове против мужчин, имевших своими сожительницами девственниц, а во втором против девственниц, живших вместе с мужчинами, так что сам автор в одном месте второго Слова (отд. 4) ссылается на содержание своего первого Слова. Посему можно полагать, что эти два произведения написаны св. Иоанном Златоустом одновременно, непосредственно одно за другим; но в какое время его жизни, во время ли его диаконства в Антиохии, как свидетельствует церковный историк Сократ (кн. VI, гл. 3), или во время его епископства в Константинополе, как свидетельствует жизнеописатель его епископ Палладий (Разгов. отд. 5), это достоверно неизвестно. Во всяком случае, оба Слова представляются плодами истинно-пастырской ревности святителя о нравственной чистоте лиц, посвятивших себя преимущественно на служение Богу, но позволявших себе сожительство с посторонними лицами другого пола, которое было запрещено 1-м вселенским Никейским собором (прав. 3) и осуждено св. Василием Великим (посл. к Григорию пресвитеру)

У ПРЕДКОВ наших были две причины, по которым женщины жили вместе с мужчинами; одна заключается в браке, - причина и древняя, и справедливая, и основательная, как происшедшая от законодателя Бога: "**потому**", говорит он, "**оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть**" (Быт. 2:22); а другая заключается в прелюбодеянии, - причина и новейшая в сравнении с той, и несправедливая, и беззаконная, как происшедшая от лукавых демонов. А в наш век, выдумав еще некоторый третий образ жизни, новый и странный, и приводящий в великое

затруднение желающих найти ему причину. Есть такие люди, которые принимают к себе безбрачных отроковиц, не вступая в брак и не сочетаясь с ними, оставляют их навсегда в своем доме и держат их при себе до глубокой старости, не для рождения детей, - ибо не сочетаются с ними, как они говорят, - и не из распутства, ибо сохраняют их невинными, как они утверждают; а если кто-нибудь спросит о причине, то хотя они представляют и измышляют много причин, но основательной и уважительной, по моему мнению, не имеют ни одной. Впрочем, о тех или других предлогах и мы пока говорить не будем, а укажем ту причину, какую мы сами особенно подозреваем. Какая же эта причина? Во всяком случае, если я уклонюсь от цели, желающие из вас, могут удержать меня. Итак, какая эта причина? Мне кажется, что для них есть некоторое удовольствие жить вместе с женщинами не только по закону брака, но и без брака и сочетания. Если же я думаю неправильно, то не имею ничего и против этого; я высказываю вам пока собственное мое мнение, и, может быть, не только мое, но и их самих, а что и им так же кажется, видно из следующего. Они, конечно, не оставляли бы без внимания столь великой молвы и столь великих соблазнов, если бы удовольствие от этого сожительства не действовало на них сильно и властно. Если же кто-нибудь был бы недоволен такими нашими словами, то я попрошу простить нас и не гневаться; ибо добровольно и необдуманно я не решился бы навлечь на себя негодование. Я не так жалок и несчастен, чтобы желать напрасно оскорблять всех; но я весьма жалею и скорблю, видя, как и слава Божья унижается и спасение многих мало помалу погибает из-за этого удовольствия. Что такое сожительство приятно для них и сопровождается сильнейшею любовью, нежели сожительство по закону брака, слыша об этом теперь, вы, может быть смущаетесь, но после доказательства и сами согласитесь. С законною женою совокупление, как беспрепятственное, ослабляет страсть, и часто производит в муже пресыщение и укрощает неумеренную похоть. Кроме того, болезни чревоношения и рождения, рождение и воспитание детей, и следующие за ними частые болезни, изнуряющие тело и изможданющие цвет юности, ослабляют действие удовольствия. А с девственницами не бывает ничего подобного; нет ни совокупления, которое может укротить и подавить естественную похоть, ни болезни рождения и воспитание детей не изнуряют плоти, но долго сохраняют они себя цветущими, оставаясь непричастными ничему подобному. У брачных после родов и воспитания детей тела делаются более слабыми; а те и до сорокового года остаются сходными с юными девами; посему у живущих вместе с ними возбуждается похоть вдвойне, и оттого, что не дозволяется подавлять страсть совокуплением, и от того что причина возбуждающая страсть, долго остается очень сильною. Такой я подозреваю предлог к этому сожительству. Впрочем, не будем негодовать на них и гневаться; потому что никто, желая восстановить больного, не делает этого с гневом и истязанием, но подает лекарство с заботливостью и увещанием. Если бы нам предлежало наказывать, и мы занимали бы положение судей, то должно было бы и выражать негодование; но если, оставив это, мы принимаем положение врачей и попечителей, то следует увещевать и просить и, когда нужно, касаться самых колен (больного), чтобы достигнуть желаемого. Посему, как врачи, желая отклонить больных от вредных, хотя и доставляющих удовольствие, или яств, или питий, прежде всего убеждают их, что эти предметы производят вместе с вредом и великую неприятность; так и мы поступим, внушая им, что это приятнейшее для них сожительство причиняет великую гибель и нисколько не лучше ядовитых веществ. И хотя, по-видимому, оно доставляет некоторую сладость, но вливает в услаждающуюся душу великую прикровенную неприятность и горечь; и такое убеждение посодействует удалению от этого. Кто разлучается с любимой женщиной по страху и необходимости, тот делается еще более страстным любителем и, может быть, опять возвратится к тому же; а кто узнает предмет и удалится от него, как от вредного и горького, тот не возвратится к нему опять, так как приговор собственного его мнения подействует на него сильнее всякой необходимости. Как же мы убедим их, что это дело не только вредное, но и горькое? Как же иначе, если не свойством самых предметов? Итак, спросим их: если бы

кто-нибудь, приготовив роскошную трапезу, наполненную множеством приятнейших яств, с великою угрозою запретил касаться чего-либо из предложенного, то неужели решился бы кто-нибудь сидеть подле такой трапезы и мучиться? Я не думаю; ибо не столько удовольствия он получил бы от созерцания, сколько неприятности потерпел бы от запрещения. И что, если бы кто-нибудь, показав жаждущему и мучимому жаром чистый и светлый источник, не позволил не только вкусить от него, но и коснуться концами пальцев, могло ли бы что-нибудь быть неприятнее такого наказания?

2. Здесь, я думаю, никто не станет противоречить мне. Это зло столь велико, что и из внешних (язычников) те, которые особенно искусны были рассуждать об этом, т. е., о свойствах удовольствия и печали, пожелав представить кого-либо сильно наказываемым, представляли не иначе, как следующим образом: составив басню, они выводили в этой басне человека [1], которому следовало подвергнуться крайнему наказанию, и, не делая с ним ничего другого, предлагали ему всякие яства и показывали мимотекущую воду, не позволяя, однако пользоваться ничем из этого: как только он протягивал руку, все видимое им удалялось; и это происходило постоянно. Таков был способ наказания по басне язычников. И один из философов [2], увидев, как некто из живших вместе с ним поцеловал красивого мальчика, с удивлением сказал: этот и в огонь легко бросился бы, решившись воспламенить в самом себе поцелуем такую пещь. Впрочем, я не могу утверждать, что те люди целуют или обнимают своих сожительниц; если же некоторые стали бы обвинять их в этом, то я постараюсь показать, что, если они доходят и до этого, то навлекают на себя мучение еще тягчайшее вышесказанного. Если одно только созерцание производит такую скорбь, то когда вместе с тем бывает и прикосновение, т. е., наслаждение гораздо более ощутительное, чем производимое зрением, то оно поднимает больший пламень, производит тягчайшее томление и сильнее разъяряет (внутреннего) зверя. Ибо, чем более мы усиливаем похоть и чем больше доставляем ей пищи, тем более усиливается в нас и томление. Как сидящий подле трапезы и источника мучится не столько при созерцании их, сколько тогда, когда, имея позволение и касаться их рукою, не имеет возможности вкушать их; так точно и те, имея возможность касаться тел девственниц, мучатся от этого прикосновения более, нежели от созерцания, испытывая неприятнейшее томление от несочетания с ними. Но нужно ли доказывать это внешними примерами? Есть определение Божье, которое сильнее всех их доказывает, что это действительно так. Бог, желая наказать Адама, поселил его не далеко от рая, но близ него самого, чтобы он имел постоянным наказанием - созерцание вожделенного места, непрестанно взирая на него, но, не имея дозволения пользоваться им. Может быть, кто-нибудь скажет: если это дело по свойству своему столь неприятно, то почему же многие с таким рвением предаются ему? На это я мог бы сказать, что это самое и служит величайшим доказательством крайней их болезни. Обыкновенно больные позволяют себе какое-либо пустое и кратковременное удовольствие и чрез это навлекают на себя продолжительное страдание. Это можно видеть на больных горячкою, которые, не желая потерпеть немного, при кратковременном облегчении вкушают запрещенные пития и яства и делают болезнь свою долговременною и жесточайшею. А здоровым должно не от больных заимствовать мнения о вещах; ибо, если мы будем следовать им, то будем осуждены и врачебной наукой и философией. И не только в горячке и в отношении к женщинам испытывают это, но и в отношении к деньгам и ко всему прочему бывают такие больные. Так, привязанные к деньгам, хотя знают, что уделяющие здесь эти маловажные предметы нуждающимся получат там бесчисленные блага, однако удерживают их и зарывают, и предпочитают лучше лишиться всех благ за свое пустое и кратковременное удовольствие, нежели избавиться от вечного мучения и приобрести бессмертную жизнь за временное их презрение. Точно в такой же болезни находятся и те: не решаясь немного воздержаться от малой похоти очей, они навлекают на себя нестерпимый огонь; и чем более думают получать удовольствия, тем более запутываются

в зле, по коварству дьявола, производящего это для продолжения и усиления пламени, так что пламенея, они и услаждаются и мучатся, производя какое-то странное смешение чувств в душах своих.

3. Если же кто будет обвинять нас в невоздержности за эти слова, - мужи доблестные, и, живя с женщинами, будто бы ничего худого от этого не терпят, - то я ублажаю таких людей и сам хотел бы иметь столько же силы; я верю, что могут быть даже такие люди; но я хотел бы, чтобы обвиняющие нас могли доказать, что молодой человек, цветущий телом, живя вместе с юной девой, вместе сидя и обедая, и беседуя с ней целый день, - не распространяюсь ни о чем прочем, неприличном смехе и хохоте, и нежных выражениях, и о прочем, о чем даже и говорить, может быть, неприлично, - что он, живя с ней в одном и том же доме, разделяя с ней трапезу и беседы и с великой свободой многое принимая от нее и сам сообщая ей, не испытывает ничего человеческого, но остается чистым от порочного пожелания и удовольствия; я хотел бы, чтобы обвиняющие нас могли убедить нас в этом, но они и сами не хотят убеждаться, и нас, обличающих это, провозглашают бесстыдными, больными одной и той же с ними болезнью и прикрывающими собственную порочность. Какое, говорят они, нам дело до этого? Мы не виновны в безумии других, и, если кто безрассудно соблазняется, мы не заслуживаем наказания за его безумие. Но Павел не так говорил, а заповедал обращать внимание, хотя бы кто соблазнялся без вины (соблазняющих), хотя бы по немощи. Мы тогда только освобождаемся от наказания, назначенного соблазняющим, когда от соблазна происходит другая польза, большая вреда, причиняемого соблазном; если же этого нет, а происходит один только соблазн для других, основательно ли будут они соблазняться, или не основательно, или по немощи, то кровь их падает на нашу голову и от наших рук Бог взыщет души их. Посему, чтобы мы и не всегда заботились о соблазняющихся, и не всегда презирали их, Христос постановил для нас некоторые ограничения и правила, и Сам соблюдал то и другое в надлежащее время. Так, когда Он беседовал о свойстве яств и объяснял, что они по природе своей чисты, и освобождал от иудейской разборчивости в них, и когда Петр пришел и сказал: "**соблазнились**", то Он отвечал: "**оставьте их**", и не только презрел их, но и осудил, сказав: "**всякое растение, которое не Отец мой небесный насадил, искоренится**" (Матф. 15:12-14). Таким образом, Он отменил закон о яствах. Когда же требовавшие дидрахмы, приступив к Петру, говорили: "**Учитель ваш не даст ли дидрахмы?**", то Он не поступил так же, как в отношении к первым, но принимает во внимание соблазн и говорит: "**но чтобы нам не соблазнить их, пойди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми, и открыв у ней рот, найдешь статир; возьми его и отдай им за Меня и за себя**" (Мф. 17:24-27). Видишь ли, как Он и заботился и не заботился о соблазняющихся? Здесь не было неотложной нужды открыть славу Единородного; как (могло быть) это, когда Он еще старался прикрывать ее и заповедовал не говорить народу, что Он - Христос? От уплаты дидрахмы не было никакого вреда, а от неуплаты ее произошло бы великое зло; ибо тогда стали бы отвращаться от Него, как властолюбца, возмутителя, врага всего государства, и подвергающего других крайним опасностям. Посему и от тех, которые сами хотели взять и сделать Его царем, Он отошел далеко, желая отклонить от этой мысли окружавший Его народ. А там совершалось необходимое дело; посему Он с пользою и благовременно ради большего блага не обратил внимания на соблазн. Тогда уже благовременно было - стремившихся восходить к высочайшему любомудрию не останавливать из угождения иудеям, но направлять к душевной чистоте, так как время призывало к этому, не задерживать соблюдением заповедей касательно тела, но освободить от этой неважной заботы. Так и Павел иногда не обращает внимания на соблазняющихся, а иногда обращает, следуя Учителю, и говорит: "**так, как и Я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись**" (1 Кор. 10:33). Если же Павел презирал собственную пользу, чтобы оказать пользу другим, то какого не будем достойны

наказания мы, не желая даже отстать от вредного нам самим для доставления пользы другим, но охотно погубляя вместе с собою и других, тогда как можно было бы спасти и себя и других? Посему он, когда видел великую пользу, превышающую вред от соблазна, то не обращал внимания на соблазняющихся; а когда не было никакой пользы, но мог произойти один только соблазн, то решался делать, и терпеть все, чтобы не произошел этот соблазн. Не рассуждал он так, как мы, и не говорил: почему они немощны, почему безрассудно впадают в соблазн? - но по тому самому особенно и щадил их, что они безрассудно впадают в соблазн, что они - немощные.

4. Какую, скажи мне, основательную причину может представить соблазняющийся тем, кто ест мясо и пьет вино, тогда как это издревле дозволено законом Божьим? И однако, когда кто-нибудь соблазнялся этим, то Павел воздерживался и от этого: "**не буду есть мяса**" и пить вина, говорил он, "**чтобы не соблазнить брата моего**" (1 Кор. 8:13). Он не говорил того, что говорим мы: разве я буду виновен в неразумии других? - и: если кому угодно соблазняться напрасно, то разве я должен терпеть наказание? Между тем, если бы он и сказал это, то сказал бы с большею справедливостью, нежели мы; ибо соблазняющийся этим весьма безрассуден и безумен; а соблазняющийся тем мог бы представить много справедливых и основательных причин; однако Павел, который мог сказать это справедливее нас, не сказал, но взирал только на одно, на спасение ближнего. И посмотри на его превосходство; он не сказал: однажды, или дважды, или столько-то и столько времени, но: "**во век**", говорит, "**не буду есть**", если другой соблазняется. А чтобы ты не подумал, что он ограничивался этим, он прибавил и еще нечто больше того; сказав: "**лучше не есть мяса, не пить вина**", он прибавил: "**отчего брат твой претыкается, или соблазняется, или изнемогает**" (Римл. 14:21). И еще посмотри на мудрость учителя: оставив немощного, он прежде того исправляет сильного; потому что последний бывает причиною немощи первого, имея возможность исцелить болезнь и, не делая этого. Но что я говорю о немощных братьях? Даже об иудеях и язычниках он заповедует иметь такую же заботливость; "**не подавайте**", говорит, "**соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни Церкви Божией**" (1 Кор. 10:32). Итак, чем сильнейшим ты считаешь себя и нисколько не испытывающим вреда от такого сожительства, тем более ты делаешь себя обязанным расторгнуть эту связь. Чем ты сильнее, тем справедливее было бы тебе поддержать слабейшего. Итак, если сам ты слаб, то перестань делать это для себя самого; а если ты очень силен, то - для слабого; ибо сильному должно быть сильным не только для себя, но и для других. Если же ты, считая себя сильным, презираешь немощь другого, то ты подвергнешься двойному наказанию, и за то, что ты не предохранил его, и за то, что для предохранения его имел великую силу; ибо каждый из нас ответствует за спасение ближнего. Посему нам и заповедаю "**не ищи своего, но каждый пользы другого**" (1 Кор. 10:24), потому что мы "**куплены ценою**" (1 Кор. VI, 20); а Искупивший нас заповедал это для общей нам пользы. Эта польза бывает не тогда, когда мы спасаем только собственные члены, но когда поставляем и других в большую безопасность. Итак, сколько бы ты ни рассуждал, но самыми делами обличаешься, что получаешь немаловажный вред от такого сожительства. Когда я вижу, что ты не отстаешь от этого, пренебрегаешь множеством претерпеваемого вреда и не обращаешь внимания на многих осуждающих тебя, но и собственную славу попираешь ногами, и общество церковное подвергаешь великой укоризне, и уста неверных отверзаешь, и на всех навлекаешь дурную молву, - столько вообще от такого сожительства зол, а блага для вас никакого, от разлуки же прекратилось бы все это зло и было бы приобретено много других благ, и однако, ты не хочешь разлучиться! - то как я буду в состоянии убедить осуждающих, что ты свободен от всякого пристрастия и чист от порочного пожелания? Впрочем, не буду спорить об этом; даже допустим, что ты остаешься чистым и при сожительстве; однако и блаженный Иов не осмеливался приписать себе такого могущества и любомудрия, но и он, отличившийся всякими добродетелями, избавлявшийся от всех сетей дьявола, первый и один только

оказавший такое терпение, превзошедший всякое железо и адаманта твердостью души своей, и низложивший силу дьявола, так боялся той борьбы и считал столь невозможным живущему вместе с девицею оставаться неврежденным и чистым, что держал себя весьма далеко не только от такого сожительства, но и от простого и случайного лицезрения, и "**завет положил**" очам своим, чтобы не смотреть "**на девицу**"; ибо он знал, хорошо знал, что не только живущему вместе, но и пристально взирающему на лице девицы трудно, а может быть и невозможно - избежать проистекающего отсюда вреда; посему и говорил: "**чтобы не помышлять мне о девице**" (Иов. 31:1).

5. Если же Иов кажется тебе малым для твоего соревнования, хотя мы недостойны и гноища его, если ты считаешь этот пример ниже величия души своей, то представь велегласнейшего проповедника истины - Павла, который прошел всю вселенную и мог сказать такие, исполненные великой мудрости слова: "**и уже не я живу, но живет во мне Христос**" (Гал. 2:20), и: "**для меня мир распят, и я для мира**" (Гал. 6:14), и: "**каждый день умираю**" (1 Кор. 15:31), и однако, после такой благодати Духа и совершения таких подвигов, после невыразимых опасностей и по достижении любомудрия, для внушения нам и объяснения, что, доколе мы дышим и облечены этой плотью, нам нужны подвиги и труды, и что без трудов никогда нельзя сохранить целомудрие, но для этой победы нужно нам много старания и усилий, говорил так: "**но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (1 Кор. 9:27). В этих словах он указывает на возмущение плоти и раздражение похоти, на постоянную борьбу и подвижническую жизнь свою. Посему и Христос, объясняя трудность этого дела, не просто запрещал взирать на лица женщин, но и угрожал наказывать взирающих наказанием прелюбодеев. Когда же Петр сказал: "**лучше не жениться**", то Он не заповедал не жениться, но, выражая тяжесть этого дела, сказал: "**кто может вместить, да вместит**" (Матф. 19:10-12). И в наше время мы слышим, что многие, обложившие все тело свое железом и одевшиеся во вретище и ушедшие на вершины гор, и постоянно живущие в посте и всенощных и неусыпных бдениях, и оказывающие всякую строгость в жизни, и не позволяющие никому из женщин входить в свои хижины и пещеры, и таким образом соблюдающие самих себя, едва преодолевают неистовство похоти. А ты говоришь, что, когда видишь живущего вместе с девственницею и привязанного к ней, и забавляющегося с нею, и готового скорее отдать свою душу, нежели сожительницу, и потерпеть и сделать все, нежели разлучиться с возлюбленною, ты не веришь ничему дурному и считаешь это не делом похоти, а благоговения. Но, удивительный человек, такое состояние свойственно не существам, облеченным телами, а имеющим жизнь одинаковую с камнями. Ты не веришь, может быть, по своему великому целомудрию; а я слышал от некоторых рассказывавших, что многие чувствовали некоторую страсть и к изваяниям и камням. Если же иногда грубое изваяние и одно изображение имеет такую силу, то когда вместе с изображением будет предстоять и нежное тело, какого не произведет оно неистовства? Как же не думать, что осуждающие говорят справедливее, нежели вы, защищающиеся? Что правдоподобнее, скажи мне: чувствует ли мужчина похоть к женщине, или не чувствует? Конечно, чувствует, скажем мы. Еще: когда множество основательных причин побуждает разлучиться, а он не исполняет этого, но подвергает себя не чему-либо доброму, а бесчисленным укоризнам и неприятностям от своих и чужих, то что вероятнее, с добрым ли намерением он терпит это, или с дурным? Конечно, скорее с дурным, скажет всякий. Впрочем, не будем спорить об этом, но допустим, что соблазняющиеся соблазняются неосновательно и несправедливо, а тщетно и напрасно; для чего, скажи мне, ты живешь вместе с девственницею? Конечно, такое сожительство вошло в обычай не почему-либо иному, как по любви и пристрастию: отними это, и прекратится потребность такого дела; ибо какой мужчина без этой потребности решился бы переносить женскую

изнеженность и обидчивость, и другие недостатки этого пола? Посему и Бог в начале вооружил женщину этою особою силою, зная, что она подверглась бы великому презрению, не оказывая такого влияния, и что никто, оставаясь чистым от похоти, не решился бы жить вместе с нею. Если и теперь, при такой потребности и многих других пользах (ибо они и рождают детей, и берегут дом, и оказывают много других важнейших услуг), если и теперь они, оказывая столько и таких услуг мужчинам, часто бывают презираемы и изгоняемы из дома, то как они могли бы для нас быть вожделенными без похоти, притом подвергая нас столь многим укоризнам? Итак, или скажите причину сожительства, или необходимо - подозревать не иную какую-нибудь, а именно порочную похоть и предосудительное удовольствие.

6. А что, если мы в состоянии будем, скажете вы, представить основательную и справедливую причину, тогда не окажется ли, что ты напрасно сказал это о нас? Без сомнения, вы не представите ни одной такой; впрочем, я желал бы узнать, не можете ли вы представить хотя некоторую тень основательной причины. Эта девственница, говорите вы, беззащитна, не имеет ни мужа, ни попечителя, часто даже ни отца, ни брата, и нуждается в том, кто бы оказывал ей помощь, утешал ее в одиночестве, везде защищал и поставлял в совершенной безопасности и в пристани. В какой безопасности и в какой пристани? Я вижу здесь подводный камень не укрощающий, а воздымающий волны, и пристань не утишающую бури, но производящую и не существовавшие треволнения. Как же вы не стыдитесь, не закрываетесь, представляя такое оправдание? Если бы даже не происходило от этой услужливости никакого ни осуждения, ни вреда, ни соблазна, но можно было делать это без дурной молвы, и тогда не были ли бы вы жалки, умножая ее богатство, упражняя ее в любостяжании, вовлекая ее в разные дела, и располагая ее к мирским заботам, исправляя для нее должность экономов, опекунов и каких-то торговцев? Очень жалки, потому что вы не будете в состоянии беседовать о нелюбостяжательности и внушать презрение к имуществу, употребляя все меры к тому, чтобы сохранилось и умножилось имущество и прибывали доходы к доходам, сделавшись для этих женщин как бы приказчиками и поверенными, хотя и бесполезными. Не благородны ваши надежды, когда вы, получившие заповедь нести крест и следовать Христу, отвергнув крест, как изнеженные воины (бросают) щиты, сидите около прялки и корзинки, другим постыднейшим образом начав проводить настоящую жизнь; ибо не так постыдно вступившим в брак заниматься этим, как постыдно вам, когда вы, притворяясь, будто отказались от настоящих благ, под другим именем опять предаетесь тому же. Потому нас повсюду и считают сластолюбцами и тунеядцами, льстецами и женскими угодниками, что мы, отвергнув все благородство, данное нам свыше, меняем его на земное раболепство и унижение. Некогда доблестные мужи (апостолы) не принимали на себя обязанности раздавать деньги вдовицам, хотя тогда был такой ропот из-за неимения никакого распорядителя, но, считая это дело ниже своего любомудрия, поручили его другим; а мы не стыдимся умножать чужое богатство ко вреду владеющих им, оказываясь нисколько не лучше евнухов, занимающихся этим, тогда как мы должны каждый день охранять кровь и души (свои) от сильного оружия (врагов). Что же, скажете, неужели не нужно обращать внимание, когда все имущество девственницы расхищается, уносится и увозится родственниками и слугами, чужими и своими? Хорошее же дадим мы девственнице вознаграждение за то, что она не вступила в брак и не возлюбила настоящего мира, но вместо всего избрала Христа, допустив ее преклоняться перед желающими лишить ее имущества! - Но не лучше ли было бы ей вступить в брак и предоставить супругу своему распоряжаться такими делами, нежели, оставаясь безбрачною, попирать обеты, данные Богу, оскорблять столь честное и почтенное дело, увлекать и других в круговорот собственных зол? Как же ты говоришь, что она вместо всего избрала Христа, когда Христос взывает и говорит: "**не можете служить Богу и мамоне**" (Матф. 6:24)? Как ты (говоришь о том), чтобы возненавидеть мир и настоящие блага, убеждая предаваться

мирским пожеланиям? Кого и из замужних ты будешь в состоянии убеждать к презрению имущества, собирая богатство для девственницы? А ей самой оставишь ли возможность постоянно и непрерывно предстоять пред Господом, употребляя всю жизнь и ревность на дела ее? Когда будет в состоянии девственница любомудрствовать, видя, как ты, мужчина, являешься негодующим, если расхищаются ее деньги? Как она будет терпеливо взирать на потери, видя, что ты и делаешь и терпишь все для того, чтобы умножить для нее настоящее богатство? Не такое освобождение от дел заповедует нам Бог, но соединенное с презрением богатства, с отречением от всего житейского. А вы не допускаете и не дозволяете действовать этому закону Божьему. Что же, скажете вы, если она имеет нужду в покровительстве других и терпит много непристойного, неужели такое покровительство недостойно девственницы? Ничто так не недостойно девственницы, как обогащаться и развлекаться множеством дел. А что (скажете), если она станет приказывать что-нибудь другое, например, отдавать золото в рост, и, пригласив нас и не получив нашего согласия, обратится поэтому к другим, - не будем ли мы виновны? Что, если она станет предпринимать какие-нибудь другие рабские и непристойные торговые дела и потом, не получив нашего согласия на содействие, прибегнет к помощи кого-либо другого, не будем ли мы достойны осуждения? Нет, но будете еще достойны похвалы; ибо противоположное было бы достойно осуждения и порицания, т. е. согласие на эти дела и содействие им. Хочешь ли, чтобы деньги ее не были уносимы и расхищаемы? Убеди ее сложить их там, где она не будет нуждаться в мужчине для их охранения и где они останутся навсегда нерастраченными. Если же она захочет заниматься (житейскими) делами, то для чего шутить предметами нешуточными? Подлинно, если девственница станет заниматься такими делами, то это значит играть в игру, приносящую не удовольствие, а смерть. Когда, обрекши себя на такие подвиги, она и после того станет заниматься всем, недостойным такого обета, то ее постигнет большее наказание, тягчайшее мучение. Разве ты не слышал, какой закон постановил для ней Павел, или лучше, говоривший чрез него Христос: "**есть разность между замужнею и девицею: незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом**" (1 Кор. 7:33-34)? А вы не допускаете этого, выслушивая все их желания скорее наемных невольников. Так, скажете; но что, если она борется с крайней бедностью? О богатых это хорошо сказано тобою; а поддерживать тех, которые находятся в бедности и великой беспомощности, неужели предосудительно? Если бы вы не приводили и не ввергали их в пропасть погибели, то это было бы и желательно; но, если ты делаешь это из повиновения Повелевшему помогать бедным, то имеешь для этого множество братьев; там прояви эту добрую деятельность, где не будет ничего соблазнительного; а здесь милостыня хуже всякой жестокости и бесчеловечия. Ибо какая польза, когда ты тело будешь питать, а душу изнуришь, когда дашь одежду, а возбудишь подозрение, постыднейшее наготы, когда в телесном доставишь пользу, а во всем духовном причинишь вред, когда, доставив ей благополучие на земле, лишишь ее небес? Какая же милостыня, когда унижается слава Божья, когда бывает бесчестие и посрамление, осмеяние и порицание и самой получающей милостыню, и многих других, соблазняющихся ею? Это - дело не милосердной, а бесчеловечной и жестокой души. Ибо, если бы это было делом милосердия и человеколюбия, то надлежало бы совершать это в отношении к мужчинам.

7. Но женщины, скажете вы, нуждаются в большем покровительстве; мужчины же имеют от природы много удобств. Однако и между мужчинами есть много таких, которые слабее женщин и по преклонной старости, и по болезни, и по убожеству телесному, и по жестоким недугам, и по некоторым другим подобным причинам; но так как вы особенно печетесь о женщинах как слабейшем поле, и весьма милостивы и сострадательны к ним, то теперь мы не оставим без внимания и эту причину, и укажем вам на такие предприятия, которые и свободны от всякого осуждения, и доставят вам большую награду. Есть женщины, одни - ослабевшие от старости, другие - лишившиеся рук, иные - убогие

глазами, иные - подвергшиеся другим различным и разнообразным страданиям и тягчайшему из страданий - бедности; ибо бедность и совершенная скудость усиливает у них болезни телесные; а с другой стороны, и самая бедность делается от них более тяжелою и более несносною. Выходи же на уловление этих (бедных) и собирай их; или лучше, тебе не нужно и трудиться над собиранием их; они предстоят в готовности пред всеми, желающими простирать руку помощи. Если ты имеешь деньги, издерживай на них; если ты силен, здесь подавай помощь силами телесными; много и здесь ты увидишь нужд, требующих и телесной помощи, и траты денег и хлопот; ибо нужно и жилища доставить им, и лекарства приготовить, и постель и одежды купить, и годную пищу и все прочее приобрести, хотя бы таких больных было только десять женщин; а теперь наш город наполнен ими и найдешь их тысячу и вдвое больше того. Вот нуждающиеся в покровительстве, вот - одинокие, а вот - поверженные на землю; вот это - милостыня, это - человеколюбие, это - служит к славе Божьей и доставляет пользу и взирающим, и страдающим, и благодетельствующим. Подлинно справедливее было бы оказывать помощь более слабым, нежели сильным, престарелым, нежели молодым, не имеющим необходимого пропитания, нежели имеющим достаточное состояние, ненавидимым многими по причине несносных страданий, нежели любимым многими, имеющим возможность отогнать и нанесенное огорчение и доставить добрую славу, нежели причиняющим огорчения. Покажи же, что ты делаешь это для Бога, и позаботься об этих людях. Но если ты не хочешь таких даже видеть во сне, а красивых и молодых везде отыскиваешь и, руководясь одною непростительною причиною этой непристойной ловитвы, представляешь другую, кажущуюся благопристойною, т. е., покровительство, то, хотя бы ты обманул людей, не обманешь неподкупного судилища, делая это по одной причине, а представляя другую. Вы говорите, что делается все для Бога, а делаете то, что свойственно врагам Божьим; ибо делать то, чрез что имя Его злословится и хулится, свойственно врагам Божьим. Впрочем, я сделаю и другое соображение. Положим, что говорящий это говорит правду и что он чист от всякой похоти и принимает на себя такое покровительство не по чему-либо иному, а по одному только благочестию; но и при этом мы найдем, что он не избавится от наказания. Если бы не было других случаев, в которых следовало бы показать и свое благочестие и сделать это без соблазна для душ других, и тогда не надлежало бы делать то, от чего бывает больше вреда, нежели пользы. Разве безразличное дело, скажи мне, покровительствуя одной или двум девственницам в нуждах телесных, соблазнять бесчисленное множество душ? Впрочем, это еще не столь тяжкая вина; но когда ты можешь найти бесчисленное множество путей, чуждых нарекания и свободных от соблазнов и представляющих больше пользы, то для чего ты сам себя запутываешь в эти дела тщетно и напрасно, и теряешь пользу и действуешь с опасностью и бесчестием, тогда как можно - с безопасностью и великой славой? Разве ты не знаешь, что жизнь христианина повсюду должна сиять светло, и кто посрамил свою честь, тот уже во всем будет бесполезен и себе не может приобрести ни в чем великой пользы, хотя бы он иногда и совершал великие дела? "**если же соль потеряет силу**", говорит Господь, "**то чем сделаешь ее соленою?**" (Матф. 5:13)? Бог желает, чтобы мы были солью, светом и закваскою, так чтобы и другие могли получать от нас пользу. Если люди, живущие безукоризненно, едва могут вразумлять беспечных, то, если мы будем подавать им повод (ко греху), не будем ли мы во всех отношениях виноваты в их погибели? Подлинно, как живущему развратно никогда невозможно спастись, так и навлекшему на себя дурную славу невозможно избежать наказания. Даже, - если можно сказать нечто дивное, - кто совершит великие грехи, но сделает это незаметно и никого не соблазнит, тот подвергнется меньшему наказанию, нежели согрешивший легче, но с дерзостью и с соблазном для многих.

8. Чтобы ты не удивлялся сказанному и не считал этого слова преувеличением, мы приведем тебе такое же изречение с неба и представим такой же закон оттуда. Так,

блаженному Моисею, кротчайшему из всех людей на земле, другу Божию и большему из пророков (ибо с другими Бог беседовал в притчах, а с ним, как друг с другом), такому и столь великому мужу, терпевшему бесчисленные бедствия в пустыне столько лет, часто подвергавшемуся крайним опасностям и от египтян за иудеев, и от иудеев по их неблагодарности, не другое что-либо воспрепятствовало после тех многих бедствий и бесчисленных подвигов получить обетованное, как соблазн, произведенный им на бывших вместе с ним при изведении воды. Это давая разуметь, Бог говорил: "**за то, что вы не поверили Мне, чтобы явить святость Мою пред очами сынов Израилевых, не введете вы народа сего в землю, которую Я даю ему**" (Числ. 20:12). Хотя он и прежде того оказывал некоторое непослушание (ибо он однажды и дважды противоречил Богу, быв посылаем в Египет, и после этого в пустыне оказал неверие, когда говорил: "**шестьсот тысяч пеших в народе сем, а Ты говоришь: "Я дам им мяса, и будут есть целый месяц!": заколоть ли всех овец и волов, чтобы им было довольно? или вся рыба морская соберется, чтобы удовлетворить их?**" (Числ. 11:21, 22), и после того опять противился и отказывался от управления народом, однако ничто из всего этого не могло лишить его предстоявших наград, а только один случай при изведении воды; потому что этот поступок, хотя по существу своему был маловажнее тех, но по вреду для других был гораздо важнее их. Те происходили наедине и тайно, а этот грех был совершен явно и при всем народе. Посему и Бог, обличая, выразил это в словах: "**за то, что вы не поверили Мне, чтобы явить святость Мою пред очами сынов Израилевых**", раскрывая сущность этого греха его и объясняя, почему он был непростительным. Если же это подвергло падению такого мужа, то нас, червей и существ ничтожных, как не низвергнет это и не погубит? Ничто так не оскорбляет Бога, как то, когда хулится имя Его. И иудеев Он за это непрестанно обличал: "**ибо какое бы было нарекание на имя Мое**" (Ис. 48:11); и еще: "**а вы хулите Его**" (Малах. 1:12); и еще: "**всякий день имя Мое бесславится**" (Ис. 50:5); и таково было Его попечение, чтобы этого не было, что Он часто спасал и недостойных, чтобы того не случилось. "**Я поступил ради имени Моего**", говорит Он, "**чтобы оно не хулилось перед народами**" и еще: "**не для вас Я сделаю это, дом Израилев, а ради святого имени Моего**" (Иез. 20:9; 36:22). И Павел желал быть отлученным (от Христа) для славы Божьей, и сам Моисей просил изгладить его из книги для славы имени Божьего; а вы не только не хотите ничего потерпеть, чтобы отстранить богохульство, но делаете все, чем еще умножаете его и увеличиваете каждый день. Кто же оправдает вас? Кто простит вас? Никто. А такое попечение Бога и святых о том, чтобы не хулилось имя Его, оказывается не потому, чтобы Бог имел нужду в прославлении от нас (ибо Он вседоволен и совершен), но потому, что от такой хулы происходит великий вред для людей. Когда пред ними хулится имя Божье и слава Его, то оно уже не приносит им никакой пользы; если же Бог хулимый не доставляет им никакой пользы, то гораздо более - мы.

9. Итак, будем всячески стараться, чтобы не подавать никакого повода к соблазну; но, если станут порицать нас несправедливо, будем убеждениями опровергать обвинения, и подражать святым, которые оказывали такую ревность о славе Божьей, что презирали собственную славу для Божьей. Не будем думать, безрассудно оставив и презрев все, будто для оправдания нашего достаточно, если мы скажем, что мы купили для девственницы одежду и обувь и хорошо устроили все прочее, относящееся к телесному ее спокойствию. А кто, скажете, будет заниматься нашими домашними делами, кто будет смотреть за имуществом, кто будет распоряжаться, когда мы находимся вне дома, а жены в нем нет? Ибо и это говорят, хотя вопреки прежнему и более постыдно, не заботятся ни о чем и не стыдятся, говоря все без разбора, подобно пьяным. Посему и мы не станем тяготиться, - хотя слова их таковы, что не заслуживают никакого ответа, - не станем

тяготиться ответом, и кротко будем говорить с ними, пока не избавим их от этого опьянения, сколько возможно для нас. Я стыжусь и краснею, начиная опровергать те возражения, которые они не стыдятся говорить; однако, надобно перенести этот стыд для пользы не стыдящихся; ибо нелепо было бы, осуждая их за презрение к соблазняющимся братьям, самим нам по стыду оставлять без внимания их исцеление. О каких, скажи мне, говорится домашних делах, для наблюдения за которыми считаются необходимыми услуги девственницы? Разве есть у тебя множество иноземных и недавно купленных рабынь, которых нужно руководить и приучать к пряже и к другим работам? Или есть у тебя хранилища множества денег и драгоценных одежд и нужно, чтобы в доме постоянно сидел сторож, и глаза девственницы берегли их от злонамеренных слуг? Или часто даются обеды и пиршества, и нужно, чтобы дом был украшаем, а повара и служащие при трапезе находились под надзором девственницы? Или бывают разнообразные и непрестанные издержки, и нужно кому-нибудь постоянно наблюдать, чтобы одно тщательно сохранялось, а другое не исчезало из дома напрасно? Ничего такого не говорится, но только то, чтобы для себя она наблюдала за шкатулкою, одеждою и прочим скудным имуществом, чтобы накрывала на стол, постилала постель, зажигала огонь, омывала ноги и доставляла всякие другие удобства. И за такие малые и незначительные удобства мы будем переносить бесчестие, будем подвергаться таким укоризнам? Не гораздо ли лучше и легче исполнил бы эту службу брат? Мужчина от природы сильнее женщины, и в нуждах удобнее для нас, и не столько требует издержек. Женщина, принадлежа к более нежному полу, имеет нужду в более мягкой постели и в более тонкой одежде, и, может быть, также в служанке для нее самой, и не столько услуг доставляет нам, сколько сама требует от нас; а брат свободен от всего этого; если же и будет нуждаться в чем-нибудь, то будет нуждаться в одном и том же с нами; а это не маловажное удобство, когда живущие вместе пользуются не различными вещами, но одними и теми же, чего при девственнице не может быть. Так, во-первых, когда нужно мыться или случится телесная болезнь, тогда ни брат не может служить ей при этом, если не будет весьма бесстыден, ни сама она не позволит помогать себе; если же братья будут жить вместе, то они могут взаимно оказывать друг другу эти услуги. Также, когда нужно спать, то если девственница находится в доме, нужно иметь два ложа, две постели и два одеяла, и даже, если они благоразумны, две комнаты; а при братьях эти нужды уменьшаются, как одинаковые для них, ибо и комната одна, и изголовье одно, и ложе одно, и одеяла одни и те же достаточны будут для обоих; и вообще, если разобрать все потребности, то здесь найдешь великое удобство, а там - неудобство. Я не распространяюсь о непристойностях в доме, когда, например, вошедший в дом одинокого мужчины может увидеть развешенными женские башмаки и пояса, и головные повязки, и корзиночки, и прялку, и веретено, и гребни, и подножку, и многое другое, чего нельзя исчислить порознь. Если же при этом представишь богатую девственницу, то будет еще больше смеха. Во-первых, сожитель обращается среди толпы служанок, как подпевающий пляшущим распорядитель оркестра в хоре женщин; а что может быть постыднее и бесчестнее этого? Затем он терзается целый день, гневаясь на слуг за вещи, принадлежащие этой женщине; ибо он или должен молчать и, не обращая ни на что внимания, получать от нее выговоры, или, разговаривая и бранясь, позорить себя. И посмотри, что происходит. Тот, кому заповедано даже не приближаться к житейским делам, вмешивается не только в житейские, но и в женские дела; он, конечно, не откажется и женские принадлежности относить, и часто будет наведываться у серебряных дел мастеров, спрашивая, готово ли зеркало госпожи, сделали ли они фляжку, возвратили ли склянку; ибо все дошло до такого развращения, что многие из девственниц больше мирских занимаются этими принадлежностями. Оттуда опять он бежит к мироварителю поговорить об ароматах госпожи, а часто из излишнего усердия при этом не преминет и обидеть бедного; ибо девственницы употребляют и ароматы различные и драгоценные. Потом от мироварителя он идет к продавцу полотен, а от него еще к делателю навесов; ибо они не стыдятся поручать и эти мелочи, видя, что мужчины

вполне слушаются их и бывают благодарны им за приказания более, нежели другим за услуги. Затем опять, если нужно приготовить что-нибудь для переносного навеса, они без обеда дожидаются до самого вечера, оставаясь в мастерских. И не только этим странным они занимаются, но бывают обременительны и для несчастных слуг, и много причиняют им оскорблений с негодованием и криком. Представь же, сколько бывает отсюда нареканий; потому что слуга оскорбленный, и особенно за такие вещи, не находя никакого другого способа отомстить оскорбившему, делает это языком и тайным порицанием, не щадя никого, кто может подпасть его гневу, но предается этому мщению с такой крайностью, какая именно свойственна слуге, так оскорбленному и находящему в том единственное утешение в своей злобе на оскорбившего. Но живущий вместе с бедной, скажете, не станет обращаться к серебряных дел мастерам (ибо не позволит бедность), не будет ходить к продавцам ароматов. Однако он часто будет посещать башмачников, ткачей, портных и красильщиков. И нужно ли излагать все безобразие, например, когда такие люди входят в дома для покупки прялки и пряжи, когда ходят по площади, отыскивая того же самого? Это бывает в домах; а на площадях они подвергаются еще большему осмеянию.

10. А какой бывает срам в церкви, этого и сказать невозможно. Как будто для того, чтобы никакое место не оставалось незнающим их бесчестия и рабской услужливости, они и в этом святом и страшном месте обнаруживают все свое невоздержание; и, что всего прискорбнее, они еще восхищаются тем, чего следовало бы стыдиться. Встречая своих девственниц у дверей и заменяя для них евнухов, они расталкивают других и, шествуя впереди, величаются перед глазами всех и не стыдятся, но еще хвалятся этим; и в самое время приношения страшных тайн они из угодливости оказывают им много услуг, подавая многим видящим повод к соблазну. А те, бедные и несчастные, вместо того, чтобы удерживать их от такой угодливости, еще услаждаются и величаются этим. Подлинно, если бы кто захотел произнести против этих женщин или их угодников обвинение, то мог ли бы найти тягчайшее того, что они обнаруживают свое невоздержание перед множеством свидетелей и поступают непристойно перед глазами всех? Нужно ли говорить о том, сколько в самых церквах происходит беспорядков из угождения этим женщинам, сколько дел Божьих пренебрегается многими, чтобы они не оскорбились? И что я говорю: не оскорбились? Если кто-нибудь только посмотрит на них угрюмо и неприятно, то (их угодники) скорее готовы перенести все, нежели допустить их терпеть это. Впрочем, доколе и мы будем заниматься непристойным, рассказывая все дела их? Не это мы предположили себе; и нужно было бы нам много и долго говорить, чтобы рассказать все; или лучше, рассказать все невозможно, хотя бы мы и хотели; но, избрав немногое из многого, мы и так уже достаточно распространили речь. Мы стремились не к этому, но и об этом упомянули невольно, чтобы, хотя немного удержать тех из слушателей, которые имеют ум; а теперь нужно предложить увещание и молитву. Итак, прошу и увещаю и припадаю к коленам вашим, и всячески умоляю: убедитесь, отстанем от этого опьянения, будем владеть сами собой и сознавать честь, какую Бог даровал нам, и послушаем Павла, который взывает: "**не делайтесь рабами человеков**" (1 Кор. 7:23), и перестанем раболепствовать женщинам к общей для всех нас погибели. Христос желает, чтобы мы были доблестными воинами и подвижниками. Он вооружил нас духовным оружием не для того, чтобы мы услуживали недостойным девам, чтобы обращались около пряжи, ткани и подобных рукоделий, чтобы сидели близ прядущих и ткущих женщин, чтобы проводили весь день, внедряя в свою душу женские нравы и речи, но чтобы мы отражали враждебные нам невидимые силы, чтобы поражали предводителя их дьявола, чтобы прогоняли свирепые полки демонов, чтобы разрушали их укрепления, чтобы, связав "**мироправителей тьмы**" (Ефес. 6:12), отводили их в плен, чтобы обращали в бегство духовные силы зла, чтобы дышали (против них) огнем, чтобы были готовы и приготовлены на ежедневную смерть. Для этого Он облек нас в "**броню праведности**",

для этого опоясал нас поясом "**истины**", для этого возложил на нас "**шлем спасения**", для этого обул ноги наши "**в готовность благовествовать мир**" и вручил нам "**меч духовный**", для этого воспламенил огонь в душах наших (Ефес. 6:14-17). Итак, скажи мне: если бы ты увидел, что кто-нибудь из воинов, одевшись в шлем, поножи, броню, взяв меч, копье, щит, лук, стрелы, колчан, когда труба уже громко трубит и вызывает всех вперед и, когда враги дышат сильной яростью и готовы разрушить город до основания, бежит не вперед к воинскому строю, а уходит домой и садится с этим оружием около женщины, то не пронзил ли бы ты его мечем, если бы можно было, не говоря с ним ни слова? Если же ты исполнился бы такого гнева, то какими, думаешь ты, оказываются перед Богом дела, гораздо непристойнейшие этих? Ибо те дела столько постыднее и непристойнее этих, сколько наша война тяжелее, и враги сильнее, и награды за войну больше, и вообще все столько отличнее, сколько истина отличается от тени. Не будем же расслаблять свою крепость и разрушать свои силы такими беседами; ибо отсюда происходит невыразимое и великое зло для душ наших. А что (сказать), если мы даже не чувствуем этого, опьяняемые пристрастием? Это ужаснее всего, что мы даже и не сознаем, как мы расслабеваем и делаемся мягче всякого воска. Как тот, кто, поймав льва, взирающего гордо и грозно, отрежет у него гриву, вырвет зубы и острижет ногти, делает презренным, смешным и даже для детей преодолимым того, кто был страшен и непреодолим и потрясал все одним рычанием; так точно и эти женщины всех, кого привлекут к себе, делают удоболовимыми для дьявола, изнеженными, раздражительными, безрассудными, гневливыми, дерзкими, непристойными, низкими, неблагородными, бесчеловечными, раболепными, подлыми, наглыми, болтливыми, и вообще все женские дурные нравы передают и внедряют в их души.

11. Невозможно, чтобы живущий с женщинами так пристрастно и занимающийся беседами с ними не был каким-нибудь сплетником и болтуном и легкомысленным. Станет ли он говорить о чем-нибудь, он говорит все о пряжах и тканях, так как язык его заражен свойством женских речей; станет ли делать что-нибудь, делает с великим раболепством, так как он далеко уклонился от свойственной христианам свободы и сделался неспособным ни к какому великому делу. Если же такой человек неспособен к житейским и гражданским делам, то гораздо более - к великим духовным, которые требуют столь доблестных мужей, что намеревающиеся приступить к ним не могут и касаться их, если не сделались из людей ангелами. И не только сами они впадают в такое зло, но и для сожительниц своих служат причиною развращения нравов. Как сами старающиеся угождать девственницам не занимаются надлежащею деятельностью: так и те из-за них уклоняются от своего надлежащего пути, воздавая им это злое и пагубное возмездие. Они и тщательнее украшают себя, и много заботятся об изящной одежде и походке, и весь день болтают о пустых предметах; ибо, видя, что (сожители их) услаждаются этими непристойными нравами и речами, они стараются делать все, чем можно было бы удержать их пленниками. Но если мы, немного воздержавшись, обуздаем самих себя, то принесем пользу и им, и себе самим, и всем другим; и как теперь мы делаемся виновными в погибели многих, так тогда получим награду за спасение всех, и чем теперь пользуемся постыдным образом, тем тогда будем пользоваться с великой честью. Для чего, скажи мне, ты хочешь быть почитаемым от женщин? Весьма недостойно духовного мужа желание такой чести; между тем и она будет достигнута тогда, когда мы не станем искать ее. Обыкновенно человек презирает угождающих ему, а уважает тех, которые не льстят ему; такое настроение особенно свойственно женскому полу. Женщина бывает недовольна, когда льстят ей, больше всех уважает тех, которые не хотят преклоняться и покоряться неуместным ее желаниям: в этом вы можете быть мне свидетелями. Теперь не только посторонние, но и сами сожительницы смеются над вами, если не явно, то в своей совести, и хвалятся этою жестокой властью (над вами); а тогда они будут уважать всех вас и удивляться вашей свободе. Если же не верите словам нашим, то спросите их самих, кого

они больше хвалят и одобряют: раболепствующих им, или господствующих над ними, покоряющихся и все делающих и терпящих из угождения им, или не допускающих ничего такого, но стыдящихся повиноваться дурным их приказаниям? - и, если они захотят сказать правду, то, конечно, скажут, что - последних; или лучше, здесь не нужно и ответа, когда дела говорят это. Но, скажете, сожительствующий для удовольствия переносит все это, услаждаясь лицезрением девственниц. Даже если бы и было так, по этому самому и следовало бы ему удаляться; вам теперь достаточно доказано, что не в этом удовольствие, а в противном, в том, чтобы не наслаждаться таким лицезрением; присоедини еще и утешение совести: обыкновенно ничто так не утешает нас, как добрая совесть и благие надежды. Но ты ищешь в этом спокойствия? Однако доказано, что и оно легче достигается, когда будет жить вместе с тобою брат. Теперь ты нисколько не отличаешься от раба и, ища спокойствия, находишь жесточайшее рабство; а тогда ты станешь вне этого рабства и будешь в числе повелевающих, а не покоряющихся. Итак, если там бывает вместо удовольствия скорбь, вместо славы стыд, вместо свободы рабство, вместо спокойствия труд, и кроме того оскорбление Бога, погибель, соблазны, вечное наказание и лишение бесчисленных благ; здесь же - все противоположное, слава, честь, удовольствие, дерзновение, свобода, спасение душ, наследие царства и избавление от наказания, то почему нам не предпочесть последнее первому? Я не знаю, если только кто не желает решительно погубить сам себя; потому что после уже не будет нам ни оправдания, ни прощения. Если и без всего этого нам следовало бы переносить все для славы Божьей, то, когда можно получить и здешние блага и сподобиться будущих благ, а мы, подавая повод к богохульству, вместе с тем губим и самих себя, кто спасет и избавит нас от назначенного за это наказания? Никто.

12. Итак, представляя себе все это, обратимся хотя теперь, наконец, к спасению душ наших. Если же отстать от долговременной привычки кажется несколько трудным, то предоставим все дело силе рассудка вместе с благодатью Божьей, и, убедившись, что, если мы положим только начало делу, то не увидим потом никакой трудности, таким образом, и восстанем против этой привычки. Ибо, если ты воздержишься десять дней, то потом легче перенесешь двадцать дней, а затем вдвое столько, потом, простираясь вперед, ты, наконец, не будешь и чувствовать трудности, бывшей в начале, но весьма трудное дело найдешь весьма легким и приобретешь себе другую привычку, и признаешь такую перемену удобною не только по (новой) привычке, но и по благим надеждам. Тогда и девственницы будут больше уважать тебя, и Бог еще прежде них одобрит, и все люди прославят, и ты будешь жить жизнью, исполненной великой свободы и великого удовольствия; ибо что может быть приятнее, как освободиться от угрызений совести, прекратить постоянную борьбу с похотью, с великой легкостью сплетать прекрасный венец целомудрия, свободными очами взирать на небо и чистым голосом и сердцем призывать Владыку всех? Ни один узник, освободившись от уз, смрада и прочих бедствий темницы, или лучше, ни один слепой, прозрев и увидев этот приятный свет, не радуется, не веселится и не восхищается столько, сколько тот, кто мог освободиться от этого рабства. Подлинно, гораздо приятнее света освобождение от этого подчинения и несноснее всякого мрака страдание от этого рабства и этих уз. Впрочем, для чего распространяться о свойствах той и другой жизни, из которых одна исполнена унижения, скорби, вреда и великого расслабления, а другая - свободы, удовольствия, пользы и великого целомудрия? Никакое слово не может изобразить их, а (может показать) одно только испытание на деле. Тогда вы хорошо узнаете, от каких вы избавились зол, какую приобрели жизнь, когда захотите убедиться в словах наших на деле; тогда и убедитесь, когда проверите сказанное самыми делами. Если же вы еще не довольствуетесь этим и не верите словам нашим, то спросите тех, которые некогда находились в этом рабстве, но потом вдруг избавились и достигли прекрасной свободы, и тогда вы узнаете пользу этого увещания. Так и Соломон, когда пристрастился к житейским вещам, считал их великими и

дивными и весьма заботился о них, созидая великолепные дома, приобретая бесчисленное множество золота, собирая отовсюду сонмы музыкантов и разнообразные толпы поваров и служащих при трапезе, обильно доставляя своей страсти приятность от дубрав и удовольствие от красивых тел, и пролагая себе, так сказать, все пути к веселью и наслаждению; но когда он немного воспрянул от этого и, как бы из какой-нибудь мрачной пропасти, воззрел на свет любомудрия, тогда произнес это высокое и достойное небес изречение: "**суета сует - все суета**" (Еккл. 1:2). Такой и еще высший приговор об этом непристойном удовольствии произнесете и вы, если захотите, когда немного отстанете от дурной привычки. Притом Соломон, живший в древние времена, и не был обязан к весьма строгому любомудрию; ибо древний закон не запрещал роскошествовать и наслаждение прочими удовольствиями не называл излишним и тщетным; однако, и при всем этом он увидел их бесполезность и познал великую их суетность. А мы призваны к лучшему образу жизни, стремимся к высшему совершенству и обрекли себя на важнейшие подвиги; ибо, что иное заповедало нам, как не то, чтобы жить подобно горним силам, духовным и бестелесным? Посему, не стыдно ли и не достойно ли великого наказания - оказываться гораздо хуже его и не только не возвышаться над дозволенными (удовольствиями), как он, но и предаваться запрещенным и навлекающим на нас невыносимое мучение? Подлинно, питать в душе порочную любовь, с вожделением смотреть на женщину, любоваться чужою красотою, срамить себя самого, а более немощным вредить и подавать много поводов (к укоризне) язычникам и иудеям, соблазнять своих и чужих, содействовать великому унижению славы Божьей и принимать на себя раболепное служение, вмешиваться в суету житейских дел, дарованную нам свободу предавать дьяволу и вместо нее подвергаться тягчайшему подчинению, делаться предметом смеха для друзей и предметом порицания для врагов, навлекать дурную молву на общество церковное, посрамлять почтенное достоинство девства, доставлять множество предлогов склонным к распутству и причинять еще больше этого других зол (ибо невозможно усмотреть и изобразить словом все, чему подвергаются такие люди на самом деле), - это принадлежит к числу дел, строго запрещенных и навлекающих невыносимое наказание. Таким образом, если в том и есть какое-нибудь малое удовольствие, мы, противопоставляя ему все это, осмеяние, стыд, подозрение от многих, осуждение, насмешки, порицания, червь не умирающий, тьму кромешную, огонь неугасающий, скорбь, воздыхание, скрежет зубов, узы неразрешимые, и положив это как бы на чашку весов и сравнив одно с другим, устранимся хотя теперь наконец от такой тягчайшей и гибельной заразы, чтобы нам отойти туда с светлыми венцами и получить возможность свободными устами сказать Христу: "для Тебя и Твоей славы мы презрели свою привычку, преодолели удовольствие, привели в сокрушение свою душу и, отвергнув всякое пристрастие и предубеждение, Тебя и любовь к Тебе предпочли всему". Таким образом, мы принесем пользу себе самим, принесем пользу и жалким сожительницам, принесем пользу и соблазняющимся, станем близ самых мучеников и получим первое место; ибо не ниже подвизавшихся величайшими подвигами и переносивших жестокие мучения ставлю я того человека, который, быв предан давней похоти и привержен к какой-либо приятнейшей и застарелой привычке, потом по страху Божию расторгает эти узы и прибегает к воле Божьей. Подлинно, одно из труднейших дел - отвергнуть пристрастие и старую привязанность, расторгнуть многосложные соблазны, окрылиться и вознестись до сводов небесных. Как у мучеников тяжел подвиг, так и у этих бывает продолжительная скорбь. Потому и венцы их одинаковы, что и подвиги их подобны. Если "**если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста**" (Иер. 15:19), то и освободивший самого себя и избавивший весьма многих других от осуждения, представь, какую получит награду, и, окрыляясь надеждою воздаяний, презри дурную привычку, чтобы тебе, протекши настоящую жизнь согласно с волей Божьей, с чистой совестью увидеть там свою (возлюбленную) и насладиться святейшим собеседованием с ней; ибо по истреблении телесных страстей и угашении гибельной похоти там не будет никакого препятствия

мужчинам и женщинам быть вместе, когда прекратится всякое порочное воззрение и все, вводимые в царство небесное, будут в состоянии вести жизнь ангелов, этих духовных сил, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, честь, держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Тантала, упоминаемого в греческом баснословии. См. Одисс. XI, 582-592.

[2] Философ Сократ, по сказанию историка Ксенофонта. См. Достопамятности Сократа, Кн. 1, гл. 3, отд. 9-13.

СЛОВО

К ДЕВСТВЕННИЦАМ, ЖИВШИМ ВМЕСТЕ С МУЖЧИНАМИ.

"ГОРЕ мне!" (Мих. 7:1), - благовременно и мне вместе с пророком сказать это теперь, и не однажды, и не дважды, а много раз: "**горе мне!**", какое погибает дело, какого исполненное любомудрия! Девство оскорблено, отделяющая его от брака завеса уничтожена, быв расторгнута бесстыдными руками, святое святых попрано, почтенное и достоуважаемое сделалось презренным и пренебрегаемым всеми, и звание, столь честнейшее брака, унижено и низложено так, что более ублажаются вступившие в брак. Всегда девство в сравнении с браком имело первенство и все преимущества; ныне же оно не может оставаться и на втором месте, а низведено далеко, даже до последнего места; и, что всего тяжелее, не враги какие-нибудь и недруги, но те самые, которые по-видимому особенно охраняли его, так низвели его, и те самые, которые больше всех доставляли нам возможность смело говорить против неверных, больше всех заградили нам уста и покрыли нас великим стыдом. В отношении к богатству язычники могли бы указать у себя некоторых любомудрых, хотя немногих; также гнев некоторые у них преодолевали; но цвета девства у них никогда не было, и всегда они уступали нам первенство здесь, признавая это дело превышающим природу и нечеловеческим. В этом весьма удивлялись нам все народы, а ныне уже не удивляются, но смеются и издеваются. Потому и диавол так напал на это стадо, что видел, как воинство Христово особенно украшается этим сонмом, и решился так посрамить его, что даже лучше было бы, если бы вовсе не было девственниц, таким образом посвящающих себя девству. Причиною же всех зол то, что это дело остается только по названию и все ограничивается только (словами) на устах, в чем состоит малейшая часть девства: а необходимейшее и особенно отличающее его пренебрежено, и нет у них речи ни о благопристойной одежде, ни о спокойствии, приличном девственницам, ни о сокрушении, ни о чем другом подобном ; но и говорят они о всем легкомысленно, и смеются неблаговременно, и тревожатся, и предаются удовольствиям более женщин, услаждающихся в (непотребном) убежище, всячески прельщая взирающих своими ухищрениями, и стараются усвоить себе бесстыдство блудниц, как бы соревнуя с ними и усиливаясь приобрести первенство в дурной о себе молве. Как же, скажи мне, мы будем в состоянии исключить такую девственницу из числа и общества этих женщин, когда она делает то же, что и те, обольщая сердца юношей, когда она так же легкомысленна и невоздержна, когда она производит те же зелья, наполняет те же чаши и приготовляет тот же яд? Правда, она не говорит: "**прииди и поваляемся в похоти**"[1] (Прит. 7:18) или: "**спальню мою надушила смирною, алоем и корицею**" (Прит. 7:16), и - о если бы ложе и одр, а не одежды и тело! Те скрывают яд свой дома, а ты везде носишь сеть и, носясь на крыльях наслаждения, ходишь по площади. Хотя ты не говорила и не произносила тех слов блудницы: "**прииди и поваляемся в**

похоти", не произносила языком, но говорила видом, не произносила устами, но говорила походкою, не приглашала голосом, но приглашала яснее голоса глазами. Хотя, пригласив, ты не предала саму себя; но и ты не свободна от греха; ибо и это - особый вид прелюбодеяния; ты осталась чистою от растления, но телесного, а не душевного; и у тебя совершен грех вполне, если и не через совокупление, то через зрение. Для чего же, скажи мне, ты приглашаешь проходящих? Для чего воспламеняешь этот огонь? Как ты думаешь быть чистой от греха, совершив его вполне? Ты сделала совершенным прелюбодеем того, кто прельстился этим твоим видом; как же ты можешь не быть блудницею, когда дело твое оказывается прелюбодеянием? Ибо его неистовство есть твое дело; и всякому известно, что делающая других прелюбодеями никогда не может избежать наказания за прелюбодеяние. Ты изощрила меч, ты вооружила руку, ты вооруженную руку направила в несчастную душу; как же ты можешь избавиться от наказания за это убийство? Скажи мне: кого мы ненавидим и отвращаемся? Кого называют законодатели и судии? Пьющих ли ядовитые вещества, или вливающих их в чашу и приготовляющих их и своим искусством погубляющих (других)? Пьющих не жалеем ли мы, как потерпевших вред, а тех не осуждаем ли единогласно? И недостаточно для них сказать в свое оправдание: я не причинил вреда самому себе, а погубил другого; но за это самое они и подвергаются более жестокому наказанию. А ты, несчастная и жалкая, приготовив такую гибельную чашу, предложив и подав это зелье, когда тот уже выпил и погиб, думаешь оправдываться тем, что ты не сама выпила, но предложила яд другому? Притом, вы настолько тягчайшее в сравнении с теми продавцами яда потерпите наказание, насколько и смерть здесь тяжелее. Вы умерщвляете не тело только, но и душу; и те часто делают это или по вражде, или по гневу, или по нужде в деньгах; а вы не можете прибегнуть и к этому предлогу; ибо не с врагами и не с обидевшими вас, и не нуждаясь в деньгах, вы так поступаете, но из одного только тщеславия шутите чужими душами, находя в смерти других собственное наслаждение.

2. Впрочем, я не знаю, как я стал говорить об этом, имея в виду другое; посему надобно возвратиться к тому, с чего я начал. Как будто вышесказанного не довольно для посрамления всего (женского) пола, они выдумали еще нечто больше того. Но пусть никто не думает, что это сказано обо всех; я не так жалок, чтобы все смешивать и сливать. То, что было говорено и что будет сказано затем, относится к виновным. Как будто вышесказанного не довольно было для вреда, они еще, принимая к себе некоторых мужчин, вовсе им незнакомых, поселяют их вместе с собою и живут вместе с ними все время, как бы показывая и через это, и через вышесказанное, что они приняли девство против своей воли, уступив крайнему насилию, почему и утешают себя за это насилие и принуждение. И даже, при случае, не говорят ли о них еще хуже их друзья и родственники? Как могут такие еще жить или дышать, а не расторгаются пополам, или не погребаются живыми вместе с самими сожителями? Так между многим прочим, все говорят и то, будто в домы девственниц каждый день уже приходят и повивальные бабки, как бы к рождающим, если не для того, чтобы ходить за родильницею (а бывало с некоторыми и это), то для того, чтобы разведать, как бы о продаваемых служанках, которая из них растленная и которая не растленная; при этом будто одна легко соглашается на осмотр, а другая не соглашается и таким образом остается посрамленною, хотя она и не растленная; одна обличается в этом, а другая не обличается, но и эта не меньше той подвергается стыду, потому что не могла по образу своей жизни оказаться достойною доверия, а имела нужду в свидетельстве после осмотра. Каких это не достойно слез? Каких не достойно смертей? Кто будет столь каменным и бесчувственным, чтобы не возмутиться и не воспламениться ревностию Финееса? Он, если бы в то время увидел такой срам, то не пощадил бы их, а совершил бы то же самое, что сделал тогда с мадианитянкою (Числ. 25:8-14); а мы (которым не позволено извлекать меч и пронзать копьем таких грешников), хотя чувствуем то же, что чувствовал и этот святой муж, но не

делаем того же, а облегчаем скорбь иначе - воздыханиями и слезами. Придите же, плачьте и воздыхайте вместе со мною все вы, которые чужды этого срама; ибо те жалкие и несчастные, может быть, страдают между прочими болезнями и бесчувственностию. А вы, ведущие такую (добродетельную) жизнь и удостоившиеся быть в брачном чертоге с Женихом, имеющие горящие светильники и украшающиеся досточтимым венцем девства лучше всякой царской диадемы, плачьте вместе с нами и горько воздыхайте; это - не малое врачевство и к исправлению тяжко больных, и к утешению оплакивающих их болезни; это сделал некогда и Жених ваш. Так, взглянув на Иерусалим, ниспадший до крайней степени погибели и уже не имевший возможности восстать от болезни, Он заплакал (Лк. 19:41); и при Вифсаиде Он уже не предлагал ни увещаний, ни знамений, но только выражал сожаление, неоднократно повторяя "**горе**" этим городам, как мы поступаем при умирающих (Лк. 10:13). И блаженный Павел, подражая своему Учителю, во всю жизнь не переставал оплакивать падших и остававшихся в этом падении и не хотевших восстать, и так горько, что даже с некоторыми сильнейшими выражениями говорил об этом в послании к Римлянам: "**великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть Израильтян**" (Рим. 9:2-4). Видишь ли, как разительны эти слова, какую представляют они болезнь сердца? Хромающих и бедствующих из верных он оплакивал так, как бы сам находился в таких же бедствиях. "**Кто изнемогает**", говорил он, "**с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?**" (2 Кор. 11:29)? Не сказал: скорблю, но: "**воспламеняюсь**", желая выразить словом "**воспламенение**" нестерпимость и чрезвычайность скорби. Будем же и мы подражать и нашему Владыке, и подобному нам рабу. Немалая будет нам награда за эти воздыхания и слезы, равно как немалое осуждение от Бога будет тем, которые без сожаления смотрят на бедствия собственных членов. Первое можно узнать от терпеливейшего мужа Иезекииля, а второе от блаженного Михея. Так, первый говорит, что, когда иудеи достигли крайнего нечестия и уклонились к идолопоклонству, то Бог повелел *сделать знак* "**на челах людей скорбящих, воздыхающих о всех мерзостях, совершающихся среди него.**" (Иез. 9:4); ибо не только нужно воздыхать, но и болезновать; и хотя они ничего не сказали и не сделали для исправления совершавшихся грехов, но когда они только оказали должное с своей стороны, то и были почтены такою честью от человеколюбивого Бога, что удостоились и безопасности, и великой славы. А Михей[2] между прочими грехами, как то: чревоугодием, пьянством, пристрастием к намащению ароматами, привел и этот грех - несострадание, сказав так: "**не болезнуете о бедствии Иосифа!**" (Ам. 6:6). И жителей города Енана пророк за тоже осудил говоря: "*не изыде плакатися дому сущаго близ него*"[3] (Мих. 1:11). Если же тогда, когда гневается Бог, не сострадающий наказуемым осуждается, то не сожалеющий о впадающих в нечестие какого удостоится прощения? И не удивляйся, что нам должно сожалеть о наказуемых, когда наказывает их Бог; ибо и сам наказующий Бог не желает делать это: "**разве Я хочу смерти беззаконника?**", говорит Он (Иез. 18:23). Итак, если наказующий не хочет наказывать, то гораздо более нам нужно сострадать наказуемым; может быть, таким образом мы обратим их; может быть еще спасем их. Даже если бы они и погибали, мы все-таки будем употреблять имеющееся у нас врачество, будем плакать и воздыхать, не собирая сонмы женщин, а каждый наедине и сам по себе без них. Если хотите, я и начну с вами эту плачевную песнь: я не стыжусь делать это вместе с Иеремиею, Исаиею, Павлом и прежде всех их с Господом. Начнем же, как начинал Христос, и скажем: **горе** тебе, душа; к какой ты призвана чести человеколюбием Божиим и какое получишь место за свое нерадение? Горе тебе; потому что Он привлекал тебя в духовный брачный чертог, а ты, отринув эту славу, низверглась в огонь диавола и в нестерпимые мучения, где плач и скрежет зубов, где нет утешающего и простирающего руку помощи, но все - мрак, стеснение, смущение и страдания, не имеющие ни облегчения, ни конца, все это причинила тебе любовь к миру, предпочтение земли небу и нежелание слушаться голоса Жениха, непрестанно убеждающего нас не

иметь ничего общего с настоящими делами. Кто тебя, жалкая и несчастная, будет жалеть тогда? Ибо, хотя бы ты увидела самого Ноя, спасшего весь дом свой при общем потоплении вселенной и устоявшего при таком гневе (Божием), хотя бы Иова и Даниила, и вместе с ними Моисея и Самуила, хотя бы патриарха Авраама, никто не подаст тебе тогда руки помощи; и хотя бы ты была их родственницею, хотя бы дочерью, хотя бы сестрою, хотя бы возносила моления, подобно тому богачу, все это будет тщетно и напрасно. "**Как упала ты с неба",** ты, не "**денница, сын зари**" (Ис. 14:12), но имевшая возможность сиять светлее самых лучей солнечных? Как ты осталась одинокою? И не погрешил бы тот, кто большую часть сетований, произнесенных о городе Иерусалиме, отнес бы к этой плененной хуже того города.

3. Впрочем, может быть, довольно и этих сетований, довольно того, что (сказано) в Писании и в (нашей) книге; иначе нам не хватило бы времени, чтобы как должно оплакать душу, страждущую такой болезнью. Ибо что прежде всего оплакивать? То ли, что досточтимое, святое и великое Имя Божие через вас хулится у язычников и слава Его унижается? Или то, что столь почтенное и великое дело подвергается презрению? Или то, что многие души падают от таких соблазнов? Или то, что и здравая часть вашего сонма очерняется нечистою молвою о вас? Или то, что вы воспламеняете неугасимый огонь и для себя самих, и для своих сожителей? Но откуда все это следует, скажете вы, когда мы можем доказать, что у нас тело нерастленно и не подвергалось блудодеянию? Такое доказательство будет ясно не теперь, а особенно тогда, в последний день. Звание и искусство повивальной бабки может видеть только то, подвергалось ли тело совокуплению с мужчиною; но чисто ли оно от постыдного прикосновения и от прелюбодеяния и растления посредством лобзаний и объятий, это обнаружится в тот день, когда живое Слово Божие, открывающее сокровенные помышления человеческие и присущее при совершаемом тайно, представит все обнаженным и открытым перед взорами всех (Евр.4:12-13); тогда мы хорошо узнаем, чисто ли от этого тело твое и вполне ли нерастленно. Впрочем, не будем спорить и состязаться об этом, но положим, что оно выше всех тех сетей и чисто во всех отношениях, и свободно от всякого повреждения, и пусть девственница будет девою, как же это относится к сказанному нами? Ибо всего ужаснее и достойно множества слез то, что она, тщательно соблюдая свое тело во всех отношениях, перенесла столько труда, и весь труд свой сделала тщетным и старания свои напрасными, подав повод к хуле на Христа; и щадя свою плоть, она не охранила славы Божией, но для того, чтобы тело ее осталось неприкосновенным, она употребила все меры, а о том, чтобы Он не был оскорбляем и посрамляем многими, нисколько не заботилась; и - о если бы она не все делала и предпринимала, чем унижается слава Божия! Но как же, скажешь, я делаю это? Поселяя мужчин вместе с собою в доме и постоянно держа их при себе. Если ты желаешь иметь сожителями своими мужчин, то тебе следовало не девство избрать, а вступить в брак; ибо гораздо лучше для этого вступить в брак, нежели действовать таким образом. Брака ни Бог не осуждает, ни люди не укоряют; ибо это - дело честное, никого не оскорбляющее и не поражающее; а такое девство при сожительстве с мужчинами осуждается всеми больше прелюбодеяния; потеряв свое значение, оно упало низко, и даже ниже самой пропасти прелюбодеяния; ибо заботящуюся не о Господнем, но делающую многих людей прелюбодеями, никто не станет считать ни между девами, ни между замужними. Эта заботится о том, чтобы угодить одному мужу, а ты - весьма многим, и притом близким к тебе не по закону брака, а некоторым другим образом, порицаемым и осуждаемым всеми. Посему я боюсь, чтобы ты, быв отвергнута тою и другою стороной, не оказалась причисленною к бесчестным женщинам. И по самому названию твоему, если бы кто захотел определить это состояние, мы также не в состоянии были бы возразить что-нибудь. Ибо, когда в собрании на площади или дома зайдет речь о таких (девственницах), то разговаривающие об этом непристойном сожительстве, желая указать принадлежащую такому то, называют ее не

матерью его, - ибо она не родила его, - и не сестрою, - ибо они не произошли из одного чрева, - и не супругою, - ибо она живет с ним не по закону брака, - и не другим каким-нибудь названием родства из дозволенных и установленных по закону, а названием постыдным и смешным. Я не хотел бы произносить его; так я ненавижу самое это название и отвращаюсь от него; так противно мне даже самое наименование этого сожительства. Но ты не рождала и не испытала болезней рождения. Что постыднее такого оправдания? Что достойнее сожаления того, когда девственница хочет доказывать свое девство тем, к чему могут прибегать и многие женщины из блудниц? Но те развратницы, скажешь, отличаются другими признаками. Какими, скажи мне, другими? - Внешним видом, взорами, походкою, любовниками, которых привлекают к себе. - Хорошо ты изобразила нам черты блудницы; но посмотри, не коснулась ли ты прежде нее самой себя этими чертами и признаками; потому что и ты привлекаешь к себе многих таких же поклонников и такими же сетями. Хотя ты и не стоишь около дома, зазывая проходящих, но ты постоянно держишь мужчин у себя в доме, - что гораздо хуже, - не для чего иного, как для того, чтобы доставить непристойное удовольствие им и себе, хотя и не посредством совокупления. Какое же в этом преимущество, когда и взаимное лицезрение производит тоже самое? А если этого нет и если вы не совершаете такого прелюбодеяния, то для чего ты держишь его дома? Какую скажешь нам справедливую и основательную причину? Замужняя может указать на брак, блудница - на любодеяние; а ты, девственница, какой представишь нам благовидный и справедливый предлог?

4. Но, скажут, чего ты домогаешься, когда сожители и не спят, и не совокупляются с нами, как бывает с теми? И на это особенно указывают многие. Но не на свою ли голову они говорят это? И - только ли на свою голову, это мы исследуем после. Уже ясно было доказано, когда мы говорили к мужчинам, что не только злословящие, но и представляющие пустые предлоги достойны наказания, положенного за злословие; впрочем, это еще мы объясним в другой раз; а теперь я спрошу тебя о причине такого сожительства, если можешь какую-нибудь представить. - Я немощна, скажешь, я - женщина, и не могу одна удовлетворять своим нуждам. Между тем, когда мы обличали сожителей ваших, то слышали от них противное, т. е. что они держат вас для услуг им. Отчего же вы, имея силу с избытком оказывать услуги даже мужчинам, не могли бы помогать самим себе, женщинам, а нуждались бы в других? Как мужчине с мужчиною, так и женщине с женщиною легче и удобнее было бы жить вместе; но если вы бываете полезны и для служения мужчинам, то гораздо более - вам самим. В чем же, скажи мне, может быть полезно и необходимо сожительство мужчины? Какие он может доставлять вам услуги, которых женщина не могла бы доставить женщине? Ткать основу вместе с тобою и сплетать нитки и пряжу - неужели он сможет лучше женщины? Напротив. Он, хотя бы и хотел, не сумеет приняться за что-нибудь подобное, если только и этому теперь не научили вы их; это дело одной только женщины. Или вымыть одежду, зажечь огонь, и согреть горшок? Конечно, и это не хуже, но еще лучше мужчины может сделать женщина. В чем же, скажи мне, полезен для тебя мужчина? Когда вообще нужно продать что-нибудь или купить? Но и здесь женщина полезна не меньше мужчины; об этом может свидетельствовать и торжище, и все, кто желает купить одежду, покупающие ее большей частью от женщин. Если же девственнице стыдно стоять на площади для такой торговли, как и действительно стыдно, то не гораздо ли стыднее жить вместе с мужчинами? Впрочем, и первого, менее постыдного, нежели последнее, можно избегнуть; я предложил бы поручать все или молодой прислужнице, или способным на это старушкам; отсюда видно, что вышесказанное есть предлог и отговорка, и прикрытие слабости. Какой, скажешь, слабости прикрытие? Если бы я пожелала иметь мужа и вступить в брак и вести такой образ жизни, то кто воспрепятствовал бы мне? Разве не позволительно сделать это свободно и не оскорбляя Бога, и не подвергаясь осуждению и укоризнам от людей? Это и я говорю, и это не столько твои, сколько мои слова. Но теперь надобно сказать, в чем тебе

может быть необходима помощь мужчины; или, если не можешь объяснить этого, изгнать непристойного сожителя; ибо иначе тебе не возможно избавиться от позора; а то, что ты сказала, не столько твои слова, сколько тех, которые жалеют о твоей неблагопристойности. Итак, хотя бы тысячекратно полезно было для тебя служение мужчины, и тогда не следовало допускать его с таким позором ; ибо, когда унижается слава Божия, то не должно быть никакого предлога столь внушительного, чтобы оставить без внимания такое зло. Даже, если бы предстояло умереть тысячу раз в день для того, чтобы этого не было, следовало бы подвергнуться тому с великой радостью, а не только не оставлять без внимания такое зло для своего спокойствия и мирской пользы. Послушай, как Павел трепетал и сильно боялся этого: "**для меня лучше**", говорит он, "**нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою**" (1 Кор. 9:15). Для того, чтобы не унижалась похвала его, он решался умереть; а мы для того, чтобы отклонить соблазны, не хотим презреть и малое удовольствие? Как же мы можем когда-нибудь спастись? Притом не равное дело и даже нисколько не близкое - лишиться похвалы и подвергнуться осуждению. Он не оскорбил бы Бога, если бы и так случилось; потому что Сам Бог повелел ему "**жить от благовествования**" (1 Кор. 9:14); и однако, он предпочитал лучше умереть, нежели сделать тщетным свое доблестное дело; а мы, везде нарушая установленное и зная, что потерпим за это величайшее наказание, не хотим оставить даже неуместной и пустой привычки? Какое же будет нам прощение? Хотя бы для многих нужд требовался только мужчина, но от этого происходил бы такой позор, то надлежало бы, как я выше сказал, решиться лучше умереть, нежели допускать это; а если еще удобнее и легче исполнить все посредством женщины, то какое будет прощение вам, столь изнеженным и небрегущим о своем спасении? Скажи же мне: когда он оказывает тебе услуги, то не станешь ли и ты сама в чем-нибудь услуживать ему? Это для всякого очевидно. Но не гораздо ли было бы лучше - не воздавать ему тем же и не принимать от него услуг, и то время трудов, которое ты тратишь для доставления ему спокойствия, лучше употреблять на успокоение самой себя, нежели, принимая на себя тяжкие труды, еще срамить свою честь? Но (скажешь), ты не оказываешь ему никаких услуг. Тогда нужно думать, что он сам себе служит во всем, и постилает постелю, и варит, и зажигает огонь, и исполняет другие подобные дела; но так служить не согласится и раб, ничего не получающий себе от господина. Но он, скажешь, переносит все по страху Божию и ради назначенной за такое служение награды и с благодарностию уничижается, не получая себе от нас никакой пользы. Чем же, наконец, мы заградим уста бесстыдных? Хотя ты приписываешь ему такое благочестие и хотя он так страшится и боится повелений Божиих, что смотрит на себя смиреннее всякого раба и доставляет тебе все, не получая сам от тебя ничего, но прежде всего этого ему надлежало позаботиться о чести и славе Божией; теперь же странно - одной и той же душе и в одно и тоже время оказывать и уважение, и презрение к повелениям Божиим, и то страшиться их, то не обращать никакого внимания на оскорбление самого Законодателя. Оставаться чуждым удовольствия и не чувствовать совершенно ничего человеческого, и при этом трудиться, изнуряться, уничижать себя и своими трудами доставлять спокойствие другим, свойственно душе весьма любомудрой и возвышенной; а не унижать славы Божией и не делать того, за что Он хулился бы многими, это доступно для многих и не весьма великих (душ). Как же мы поверим тебе, что ты для Бога и по усердию к подвижничеству делаешь то, для чего требуется великая и бодрая душа, тогда как не хочешь отстать от того, от чего может отстать душа низшая и обыкновенная? Ты не хочешь отстать от того, чем оскорбляется Бог и будто бы отдаешь и тело и все - за то, что неугодно Ему. Кто же может поверить этому? Впрочем, не знаю, как я перешел от девственниц к их сожителям; поэтому опять нам нужно обратиться к девственницам.

5. Итак, каким образом мы будем в состоянии убедить высказывающих такие возражения и рассуждения? Не нужно, скажешь, и убеждать их. Но свойственно ли это душе

благочестивой? Тогда следует оставлять без внимания говорящих худо, когда мы не подаем им к тому поводов; даже и тогда не должно, если мы можем заградить им уста; если же все дело зависит от нас, то и весь огонь обращается на нашу голову. Ибо "**таким образом**", говорит апостол, "**согрешая против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа**" (1 Кор. 8:12). Он знал, точно знал, что немощь соблазняющихся не только недостаточна для нашего оправдания, но она особенно и служит к нашему осуждению; ибо, чем более мы чисты от соблазнительного дела, тем более нам следовало бы щадить немощь их. Я не утверждаю, что они соблазняются не без причины; но положим даже, что они соблазняются неосновательно, и тогда не нужно презирать их. Этому научил нас Павел в послании к Римлянам, сказав так: "**ради пищи не разрушай дела Божия**" (Рим. 14:20). Хотя бы кто соблазнялся неосновательно, однако он осуждает не соблазняющегося, а производящего такой соблазн. Как я и прежде говорил, так и теперь скажу: когда может произойти какая-нибудь великая польза, и притом превосходящая соблазн, то не нужно обращать внимания на соблазняющихся; а когда не может быть ничего больше, кроме соблазна немощных, то, хотя бы они соблазнялись тысячу раз неосновательно, надобно щадить их; ибо и Бог осуждает на наказание тех, которые соблазняют и подвергают падению, потому что соблазнять другого без всякой пользы - дело крайне нечестивое. И мы, видя, что кто-нибудь сделался раздражительным от продолжительной болезни, скорее удаляем из дому тех, кто безвременно раздражает его, даже не исследуем, справедливо или несправедливо они делают это, и не принимаем от них никакого оправдания, а жалея больного вполне прощаем его по причине немощи, хотя бы он и несправедливо раздражался. Если же мы оказываем такое попечение и о рабах, и о детях, даже часто наказывая и сына виновного в этом, то тем более Бог, благий и милосердый, и снисходительный, сделает это. Что говоришь ты? Соблазняющийся немощен? Поэтому он и достоин пощады, а не поражения. Он имеет раны? Поэтому мы и не станем растравлять их, а лечить. Он подозревает злобно и безрассудно? Поэтому мы и будем устранять подозрение, а не усиливать; ибо, делая вопреки этому, ты грешишь против Самого Христа. Или ты не слышишь, как часто в Ветхом Завете Моисей говорит, что Бог есть "**ревнитель**" (Исход. 22:5), и Сам Он говорит: "**возревновал Я о Иерусалиме**" (Зах. 1:14); а в Новом Завете Павел взывает: "**я ревную о вас ревностью Божиею**" (2 Кор. 11:2)? Этого одного, без всего прочего, достаточно было бы для того, чтобы тронуть душу не слишком недужную и отчаянную; это так страшно, или вернее - более утешительно, нежели страшно. Ибо ревности не было бы, если бы не предшествовала ей горячая и пламенная любовь, так что она служит знаком сильной и пламенной любви Божией и расположенности. Ревность в Боге не страсть, но, желая выразить свою неизреченную любовь, Он часто употребляет такое название. Мы же, при великой бесчувственности своей, впадаем в человеческие страсти, и так сильно любящего нас (Бога) оскорбляем, а тем, которые не могут доставить никакой пользы, всячески угождаем. Может ли тебе, жалкая, принести столько же пользы это непристойное сожительство, скольких оно лишает тебя сокровищ? Смотри: оно низводит тебя с небес, изгоняет из духовного брачного чертога, отлучает тебя от небесного Жениха, навлекает на тебя вечное наказание и мучения, не имеющие конца. Хотя бы тысячи рудников золота предлагал тебе живущий с тобою, хотя бы подчинялся тебе более купленных рабов, хотя бы доставлял тебе и чести и спокойствия больше, чем самой царице, при всем том не следовало ли бы тебе чуждаться и отвращаться от него, как от заразы и врага, который больше отнимает, нежели сколько дает? Тебе надлежит помышлять о благах небесных, о тамошнем царстве, о бессмертной жизни, о неизреченной славе; а ты помышляешь о земных предметах, и тому, кто в отношении к ним представляется полезным, угождаешь, как Владыке, и не молишься, чтобы под тобою разверзлась земля и таким образом ты отошла отсюда? Ты указываешь мне на слабость женского пола, на исправление человеческих нужд и на домашнее спокойствие, изобретая и составляя недействительные предлоги. Но этим не обманешь имеющих ум; потому что нет, нет такого спокойствия,

которое делало бы необходимою такую непристойность. Женщина, если захочет, может удовлетворительно служить не только себе, но и многим другим; и в начале, когда мужчина получил в удел общественные дела, она получила в удел - исправлять и устроять все внутри дома. Таким образом не по нужде в спокойствии вы привлекаете к себе в дом мужчин. Но разве, скажете, для прелюбодеяния и распутства? Я не могу сказать этого, - да не будет, - я даже говорящих это не перестаю укорять; но, о если бы возможно было разубедить их! Какая же, скажете, причина делает это сожительство вожделенным для нас? Страсть тщеславия влечет к этому сожительству. Весь род человеческий, можно сказать, тщеславен, но особенно - женский пол; ибо, если они и в спокойствии не нуждаются, как доказано, и не предаются распутству вместе с ними, то вполне очевидно, что остается подозревать только это одно.

6. Итак, нашедши самый корень зла, оставим, наконец, обличение и станем увещевать и убеждать. Как из мужчин живущие вместе с девственницами думают находить в этом удовольствие, а испытывают тягчайшее мучение (ибо единственно чистым и прочным удовольствием была бы разлука с ними), так и они. Кажется, они думают, что отсюда происходит некоторая слава и знаменитость; но если исследовать тщательно, то оне навлекают на себе осмеяние, стыд, порицания и крайнее бесславие. Об этом мы уже сказали кратко и в начале, но скажем и теперь. Пусть будет, если хочешь, сожитель не из простолюдинов и не из презренных людей, но из имеющих великую силу в церкви, пусть будет предметом удивления у всех и по знатности своего рода, и по силе красноречия, и по благочестию, и во всех отношениях пусть будет знаменитым; и однако, при всем том он не может сделать сожительницу знаменитою и почтенною. Ибо тому, кто хочет приобрести себе славу от дружбы с кем-нибудь, должно прежде всего охранять славу доставляющего прославление; если же она будет посрамлена, то тем более сам он унизится. Как от испорченного источника и текущие около него потоки заимствуют испорченность и от гнилого корня плод еще более бывает заражен гнилостью, так и теперь, когда тот, от которого девственница ожидает себе славы, сделается смешным вследствие сожительства с нею, то и она прежде него и вместе с ним подвергнется осмеянию; и если о женщине прежде у многих была хорошая молва, то он, поступив к ней, лишит дом ее этой молвы, а никак не доставит ей другую лучшую; также если и он пользовался таким о себе мнением, то и с ним будет то же. Таким образом это сожительство не увеличивает хорошую молву о вас, но лишает вас и той, какая была, и навлекает на обоих дурную молву, которой не было. И благовременно теперь сказать то, что пророк сказал об иудеях: "**может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс - пятна свои?** " (Иер. 13:23); так и эти сожители очистятся ли когда-нибудь от срамоты своей, которая, как некая язва на теле, пятнает общественное мнение о них обоих, затемняя все добрые их качества? Но, может быть, они считают славою для себя самое господство над мужчинами? Однако, это весьма смешно, и этим особенно отличаются одни только блудницы; женщинам же благородным и целомудренным несвойственно восхищаться такими сетями. В этом заключается даже еще особая причина бесчестия, так как чем более они господствуют над мужчинами и чем сильнее подчиняют их себе, тем более посрамляют самих себя вместе с ними; ибо не порабощающая мужчин женщина, но уважающая их бывает у всех и почтенна, и славна. Если же оне не послушают наших слов, то может заградить им уста закон Божий, который говорит так: "**к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою**" (Быт. 3:16); ибо "**жене глава - муж**" (1 Кор. XI, 3). И во многих других местах можно найти такое постановление и такой, издревле существующий, порядок; и великий бывает срам, когда верхнее делается нижним, глава становится внизу, а тело вверху. Если же это постыдно и в брачном состоянии, то гораздо более в таком сожительстве, в котором уже дурно не только то, что нарушается закон Божественный, но и то, что навлекается очень дурная молва и на мужчину, и на женщину. Если самое сожительство постыдно, то гораздо более - порабощение сожительнице.

Господство не всегда доставляет похвалу, но бывает, что и не господствующий удостаивается чести и господствующий подвергается посрамлению. Итак, если ты хочешь быть уважаемою от мужчин, то не имей с ними общения, удаляйся от их сообщества, лицезрения и сожительства. Тогда и женщины будут восхищаться тобой, и все мужчины будут уважать тебя, как действительную девственницу, неотлучно пребывающую при Женихе; тогда не только домашние, но и язычники, и иудеи, и весь род человеческий будет одобрять тебя. Посему, если ты ищешь славы, то иди этим путем, а не противоположным; тогда тебя уже не станут называть принадлежащею такому-то и такому то, а Христовою; другого, равного этому, отличия никогда не может быть тебе ни от кого. Разве это маловажно, скажи мне, когда каждый день станут возглашать и повторять и на торжище, и в домах, и в других городах, что такая-то девица, очень молодая и весьма благообразная, имевшая возможность, если бы захотела, приобрести себе многих покровителей, не пожелала этого, но решилась лучше потерпеть и перенести все, нежели изменить любви ко Христу и помрачить цвет целомудрия? Блаженна она и дважды, и трижды, и многократно; каких удостоится она благ, какой получит венец, какой сподобится награды, соревнуя самим бестелесным силам! Это и подобное тому все станут говорить о ней и представлять ее в пример для подражания дочерям своим ; захочет ли кто ободрить живущую благопристойно, или вразумить распутную, все опять будут выставлять похвальные ее качества; и не только при этих случаях, но и тогда, когда просто зайдет речь о девстве, все так будут хвалить ее, и не только живущие благопристойно, но и те, которые старались и употребляли все меры, чтобы увлечь ее, но потом были презрены ею и оставлены без внимания. Столь великою и еще гораздо большею сказанной будет пользоваться она славою; а имеющая сожителей - совершенно напротив. И во-первых, когда какие-нибудь нечестивцы станут порицать девство, то обе они придут на память в таких разговорах, но первая - отверзая уста защищающим, а последняя - порицающим. Потом, когда нужно кого-нибудь вразумить или исправить, то первая выставляется, как бы врачевство, утоляющее боль и способное истребить гнилость, и украшает речь учителя; а последняя ставится на ряду с постыдною женщиною, и хотя бы она и не присутствовала при этом, ее подвергают осуждению и посрамлению; ибо при (упоминании) о каждой согрешающей, необходимо и она опять осуждается и посрамляется. И где бы ни зашла речь об этом предмете, везде первая называется блаженною, а последняя - жалкою и несчастною и тому подобными названиями, и как ту не только знающие, но и не знающие и не получавшие от нее никакого благодеяния прославляют и восхваляют, так эту и знающие и не знающие и не потерпевшие от нее никакого зла охуждают и поносят; ибо праведно живущих хвалят и прославляют не только знакомые, но и незнакомые, и даже самые враги, а распутных и дурных охуждают и друзья. Это - дело промышления Божия. Господь внедрил в нас такое расположение к добродетели и такое отвращение от порока, что ее одобряют все и непричастные к ней, а порок осуждают и отвращающиеся от него, и предающиеся ему. Отсюда видно, что нерадивых девственниц отвращаются не только знающие, но и не знающие их, а больше всех сами сожители их. Подлинно, хотя бы они сильно уверяли, что любят и уважают вас, хотя бы изъявляли благодарность за удовольствие, которое вы доставляете им, но в совести своей они ненавидят вас, когда, немного опомнившись, поймут, в какой сети они находятся. Вот какое зло - этот порок; даже те самые, которым вы угождаете больше всех, осуждают вас больше всех, потому что, быв допущены во внутреннейшие убежища и проникая во все ваши тайны, больше всех знают ваши дела. А что они ненавидят вас, видно из следующего: они тысячекратно хотели бы избавиться от этой страсти и тяжкой болезни, но препятствует привычка и некоторое кажущееся удовольствие; бывает такая болезнь, от которой желают избавиться и ненавидят ее все, имеющие ее, но находят удовольствие и в ней; так бывает и с этой. Как бы кто ни был жалок и несчастен, он не может быть столь отчаянным и склонным к посрамлению собственной чести, чтобы пожелать жить в бесчестии, быть на устах у всех предметом осуждения, осмеяния и

порицаний, и общего зрелища на торжище, где все, как скоро он является, пальцами указывали бы ближним на него, как на постыднейшего. Так не малое огорчение получают они от этой подозрительности, которое постоянно тревожит их совесть и упорнее всякого червя терзает их душу. Если же тогда, когда посрамление происходит от людей, явно ничего не говорящих, но осуждающих дома и между собою, бывает такое огорчение, то, когда мы отойдем к самому Жениху оскорбленному, когда и тайное сделается явным, когда откроются и сердца, и речи, и расположения, и взгляды и помышления (не говорю о более постыдном), когда вообще все откроется и обнажится пред всею вселенною, тогда мы какому подвергнемся бесчестию и наказанию, и мучению? Тогда, если наша душа не предстанет сияющею так, как следует преданной этому Жениху, если не будет чиста от всякой нечистоты, скверны и порока, то погибнет и подвергнется крайним бедствиям; потому что, если и незначительное пятно может извергнуть ее вон, то, когда будет великая нечистота и такое зловоние, и тысячи ран со всех сторон, кто избавит ее от того наказания и мучения? Если здесь так для всех гнусна и неприятна жизнь ее, что все отвращаются от нее, и друзья и враги, то как она сможет войти в царское преддверие, осквернённая такою грязью? Не видишь ли ты, что и в дом человека простого и незнатного никто не впустит свиньи, запачканной грязью, но все отгоняют ее и преследуют, и затворяют двери и уходят от нее далеко? Если же и бессловесного животного, и притом привыкшего к грязи, люди позволяют впускать в дом с нечистотою, то как в небесные обители, где такой блеск, где все светло, где неприступный свет, где находятся девы, сияющие светлее всякой молнии, как сможет кто-нибудь войти столь оскверненным? Девы, не имевшие елея, были удалены от брачного чертога; как же вы надеетесь войти в те неприступные обители? А ваш грех еще тяжелее их греха; ибо не одно и тоже - не подавать телесной пищи и губить многие души. Те не обижали бедных; но так как они не давали им своего и не избавляли их от бедности, то и потерпели это; а ты и обидела, и отогнала (от чертога), и не только не оказала никакой пользы, но и причинила величайший вред. Если же не принесшие пользы потерпели такое наказание, и притом сохранив девство свое неповрежденным; то те, которые при бесполезности своей причинили еще величайший вред и себе самим, и сожителям, и соблазнившимся, и, важнее того, оскорбили имя Жениха, какому подвергнутся наказанию? Разве вы не знаете, какое вы приняли на себя дело, на какой выступили подвиг, какую избрали часть борьбы, какое наследовали место в воинстве? Вы стоите около самого военачальника, или лучше - около самого Царя, и сражаетесь. Как на сражениях все войско занимает не одно место, но одни помещаются на крыльях строя, другие в средине, иные позади, иные украшают переднюю часть отряда, а иные везде, где является царь, вместе с ним появляются и двигаются, так точно и сонм девственниц, когда он действительно составляет сонм дев, занимает не другое какое-либо, а именно это последнее место. Не столько те, которые носят золотые одежды и ездят на украшенных золотом конях, и носят золотые и осыпанные камнями щиты, должны предвещать пришествие царя, сколько девственница - пришествие Христово; ибо те появляются при царской колеснице царя; а она сама бывает, если захочет, и царскою колесницею, как херувимы, и предстоит Ему, как серафимы.

7. Итак она, выходя на площадь, должна бы являться образцом всякого любомудрия и изумлять всех, как бы ангел, ныне сошедший с неба; и если бы кто-нибудь из самих херувимов явился на земле, то он привлек бы к себе всех людей; так и девственница должна располагать всех, взирающих на нее, к изумлению и удивлению ее святости. Когда она идет, то идет как бы по пустыне, в церкви сидит в глубочайшем молчании, не обращает взоров ни на кого из проходящих, ни женщин, ни мужчин, а только - на своего Жениха, как бы присутствующего и видимого; когда она пойдет домой, то опять беседует с Ним в молитвах и слышит только Его голос чрез Писания; находясь же в доме, она помышляет только о Нем, своем возлюбленном, оставаясь как бы странницею и пришелицею и гостьею, и делает все так, как следует делать чуждой всего здешнего;

избегает не только взоров мужчин, но и общества мирских женщин, и о теле своем заботится столько, сколько требует лишь необходимость, а все попечение свое обращает на душу. Кто же не будет удивляться, кто не станет изумляться, видя в женщине ангельский образ жизни? Кто осмелится приступить к ней? Кто из людей решится коснуться столь пламенной души? Посему все волею и неволею станут отступать от нее, все будут изумляться, видя как бы раскаленное и блистающее золото. Золото и по природе своей имеет великий блеск; а когда оно получает еще блеск от огня, то зрелище бывает еще величественнее и поразительнее, если так бывает с веществом, то, когда это произойдет с золотою душою, тогда будет зрелище вожделенное не только для людей, но и для ангелов. Для чего же ты украшаешь себя одеждами, имея украшение от этого пламени? Одежды даны нам не для того, чтобы мы украшали себя, но чтобы прикрывали стыд наготы, не для того, чтобы мы облекались в то, что может посрамить нас хуже наготы. Посему и Бог одел Адама и жену его в **кожаные одежды** (Быт. 3:21), хотя Он мог бы, если бы хотел, одеть их в прекрасные одежды; но Он издревле и чрез это внушает нам, что теперь время не роскоши, а воздыхания и сокрушения. Если же самая нужда в одеянии есть стыд и срам и происходит от греха, то для чего ты увеличиваешь этот знак осуждения? Не достаточным ли доказательством нашего падения служит самая нужда в одеянии? Для чего же ты делаешь это унижение еще большим? Для чего увеличиваешь осуждение, умножая эту нужду? Следовало бы плакать и воздыхать, и изнурять самое тело, по учению Павла (1 Кор. 9:27); а мы стараемся украшать покровы его, подобно тому, как если бы кто, имея опухоль на глазу и быв поставлен в необходимость покрывать ее, стал еще украшать эти покрывала. Посему Илия и Иоанн имели простое одеяние, облекаясь в кожаные хитоны и волосяные одежды; ибо они старались и стремились получить одежду нетления. А ты превосходишь и зрелищных женщин изысканностию одежд, прельщая ими рассеянных юношей. Не такого украшения и убранства твоего желает Жених, но Он заповедовал, чтобы все прославление Его было в душе твоей; а ты, пренебрегая этим, разнообразно украшаешь грязь и пепел и привлекаешь невоздержных любителей и, так сказать, делаешь прелюбодеями всех, взирающих на тебя. Что таким образом ты обрекаешь себя великому пламени, этому и сама ты, я думаю, не станешь противоречить; а что за тем следует и бесчестие, и осуждение, это я постараюсь показать, обратив внимание на самих любителей. Когда украшающая свою душу имеет любителем красоты ее Бога, а ты - людей, или лучше - не людей, а свиней и собак или какое-либо еще худшее из бессловесных животных, то кто будет так безрассуден, чтобы считать тебя украшенною лучше той, которая привлекает любовь Божию своим внутренним благообразием? Итак, чем более ты увеличиваешь изысканность (в одежде), тем становишься отвратительнее, удаляя от себя Бога и привлекая таких людей, и через это оказываясь более постыдною и безобразною; ибо не безобразна ли та, которая не может привлечь к себе Бога? Если же так неприятна украшающаяся, то представь, как увеличивает свою отвратительность еще имеющая у себя сожителя.

8. Но, если угодно, мы не упомянем только о сожительстве, а раскроем его, чтобы оно оказалось еще более постыдным. Так как они не боятся недремлющего Ока, а остерегаются только людских взоров, то лишим их и этого утешения, выставив на вид то, что скрывают и затеняют стены, и откроем двери для желающих видеть, прежде всего подняв их с постели. Но лучше, если угодно, изложим наперед происходящее в их доме, и положим, что сожительствующие разделяются стенами и спят в разных комнатах; ибо я не думаю, чтобы кто-нибудь из них, хотя бы и склонный к великой непристойности, до такой степени стал срамить себя, что и спал бы в одной комнате. Итак, пусть они разделены стенами. И что же? Этого недостаточно для того, чтобы избавить их от подозрения; впрочем, не станем теперь говорить о подозрении, хотя бы вместе с мужчиною жило множество служанок; а изложим пока другого рода непристойность. Случается, что они, проснувшись в одно и тоже время, не для всенощных бдений (ибо ничего благочестивого

от таких душ никогда не может быть), идут один к другому еще лежащему и разговаривают между собою ночью; что может быть постыднее этого? Если же случится сожительнице и заболеть внезапно, тогда уже и стены бесполезны; быстро встав прежде других, так как служанки часто медлят, он входит к лежащей девственнице, оправдываясь ее болезнию, садится около нее, и исполняет разные услуги, которые пристойно исполнять иногда только женщинам, и она не стыдится, но еще утешается этим, и он не только не совестится, но еще очень радуется, и тем более, чем постыднее то служение, которое исправляет; тогда и оправдывается апостольское изречение: "**слава их - в сраме**" (Флп. 3:19). Когда же встанут и служанки, то срам бывает еще хуже; они с непокрытою головою, в одной нижней одежде и с обнаженными руками, как встревоженные и пробужденные ночью, бегают в его присутствии, или лучше - он обращается и бегает среди них, тогда как они исполняют все нужды; этого что может быть постыднее? Когда прибудет и повивальная бабка, и тогда он не стыдится, а еще хвалится в присутствии даже посторонних девиц; ибо имеет в виду только то одно, как бы оказать больной свои услуги, не сознавая, что чем более он оказывает их, тем более срамит и ее и себя. И что удивительного в том, если он не стыдится пришедшей? Часто и в полночь он не ленится исполнять дело низких служанок, даже бежать к повивальной бабке; когда же та придет, его то выгоняют против воли, если он слишком бесстыден, то позволяют ему войти и сидеть; впрочем, кто мог бы, даже употребив много усилий для посрамления его, изобразить его таким, каким он делает сам себя? Когда же наступит день и нужно будет обоим вставать с постели, то начинаются предосторожности и опасения; ибо и она не может безопасно выйти из своей комнаты, так как часто, входя, быть может, встречала неодетого мужчину; и он опасаясь того же самого, иногда входит предвозвестив о себе, а иногда - без предосторожности, за что подвергается великому осмеянию; но я не стану говорить ничего более. Все это, хотя и маловажное, обыкновенно производит великий огонь невоздержания. Это и еще больше того бывает в доме; когда же он, отправившись на торжище, возвратится назад, то опять бывает большая непристойность. Входя в дом, как в свой, и не считая нужным предупредить об этом, он, находя сидящих у ней женщин, стыдит ее; и она часто испытывает тоже самое. Так у них женщина считает постыдным принимать к себе женщин, и мужчина мужчин; а сами они не отказываются жить вместе друг с другом, отказываясь принимать к себе людей одного с собою пола. Что может быть хуже этого? Случалось, что его находили и сидящим около мотающей нитки в клубок или держащей прялку. А кто может изобразить огорчения и ежедневные ссоры? Хотя бы между ними была великая дружба, может случаться и это. Я слыхал о некоторых, что они испытывают даже ревность; ибо, где нет духовной любви, там необходимо бывает и это. Отсюда непрестанные падения, отсюда развращение, от этого девственницы делаются неблагородными и бесстыдными и бывают, хотя не растленны телом, но растленны нравами; потому что, когда она привыкает свободно разговаривать с мужчиною, и сидеть вместе с ним, и смотреть на него, и смеяться в его присутствии, и делать многие другие непристойности, нисколько не считая этого дурным, то срывается завеса девства и попирается цвет его. Поэтому они ни от чего не устраняются и ни от чего не отказываются, но бывают и свахами и зачинщицами брака, и исполнительницами других дел, и многим женщинам, желающим остаться во вдовстве, препятствуют, думая найти в этом оправдание своих пороков; поэтому они и презираются всеми; поэтому и сами замужние женщины не стыдятся пред ними, как поступающие во всем лучше их. Подлинно, гораздо лучше вступать в первый и во второй брак, нежели делать такие непристойности и считаться у всех сводницами и бесстыдницами, лишаясь удовольствий брака и возлагая на себя бремена брака; ибо что может быть тяжелее, как иметь у себя мужчину и заботиться о его делах? Бог освободил тебя от этого бремени; от повеления: "**к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою**" (Быт. 3:16), избавило тебя девство; для чего же ты опять навлекаешь на себя рабство? Христос сделал

тебя свободною, а ты сама себе умножаешь труды; Он сделал тебя чуждою забот, а ты вымышляешь себе заботы.

9. Так как я упомянул о заботах, то благовременно мне, говорящему об этом, припоминается апостольское изречение. Если бы самое сожительство женщин с мужчинами и мужчин с женщинами освобождало от забот, то Павел, призывая к воздержанию, не сказал бы: "**я хочу, чтобы вы были без забот**" (1 Кор. 7:32), как бы желая и этим побудить нас к тому. Чего хотите вы, говорит он, - спокойствия и свободы? А разве вы не видите, что от сожительства с мужчинами происходит противное, - рабство и труды и многие беды? Поэтому многие, лишившись мужей, часто и не вступали снова в брак, чтобы не быть опять под игом рабства. Вообще, хотя бы тебе пришлось жить в бедности и оставаться без всяких покровителей, ты веди жизнь добродетельную и не имей ничего общего с мужчиною, но входи в общение с женщинами, живущими благопристойно, и не потеряешь венца своего и будешь наслаждаться полною безопасностью. Если же это сообщение представляется тебе труднодостижимым, поищи его тщательно, и несомненно найдешь, или лучше, и искать не нужно. Как все мы прибегаем к свету, так и к тебе, если будут блистать лучи твоей жизни, прибегнут все женщины, каждая с любовию предлагая тебе себя вместо служанки, и будут считать тебя опорою своего дома, и украшением и венцем своей жизни, по слову Христову: "**ищите**", говорит Он, "**прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам**" (Мф. 6:33). А теперь мы, нерадя о небесном, по собственной вине лишаемся и житейского. Когда я говорю мы, то разумею не только мужчин, но и вас, женщин, и притом вас более, нежели мужчин, так как и в начале жена получила тягчайшее наказание потому, что она преимущественно содействовала обольщению; Бог и наказал обольстившую больше обольщенного. То же самое будет и ныне, если вы не захотите исправиться и возвратить свое благородство. Когда жена была обвиняема в том, что дала мужу от плода, она не осмелилась сказать, что ему, как мужчине, следовало бы не соглашаться и не обольщаться, но, умолчав об этом оправдании, как ничего не значущем, обратилась к оправданию другому, хотя также слабому, однако имеющему значение больше того. Отсюда видно, что скорее обольщенные могут слагать вину на обольстителей, нежели последние на обольщенных. Блудница приглашает растлевающего ее тело и, переспав с ним, потом отпускает его; а ты, пригласив повреждающего и растлевающего твою душу, держишь его постоянно в своем доме и не позволяешь уйти, налагая на него тяжкие узы ласкательством, угодливостью и другими действиями, и думая, что прославляешься, посрамляешь саму себя. Разве ты не понимаешь, скажи мне, как кратка настоящая жизнь, как подобна она сновидениям, увядающим цветам и скоропреходящей тени? Для чего же ты хочешь, насладившись теперь в сновидении, тогда терпеть наказание в действительности? Впрочем, в этом нет и наслаждения; ибо какое наслаждение там, где осуждение, порицание, насмешки и соблазны? Даже если бы и было наслаждение, то что значит малая капля воды в сравнении с беспредельным морем? "**Слыши, дщерь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей**" (Пс. 44:11-12), взывал некогда Давид к вселенной, находящейся в худом состоянии. Это и мы провозгласим тебе, изменив немного слова пророка, и скажем вместе с пророком : "**Слыши, дщерь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь**" дурную привычку свою и живущих с тобою ко вреду твоему, и "**возжелает Царь красоты твоей**". Чего тебе больше этого? Что другое можем мы сказать равное тому, когда ты приобретешь любовь Владыки небес и земли, ангелов и архангелов и высших сил, освободившись от этих низких, подобных тебе рабов, посрамляющих твое благородство? Поэтому здесь и прилично окончить речь; ибо мы не можем сказать ничего, равного этой чести. Если имеющая женихом своим царя земного считает себя счастливее всех, то ты (имея Женихом своим) не царя земного и не подобного себе раба, но Царя небесного, превышающего всякое начальство и власть, и силу, и всякое именуемое название (Еф.

1:21), седящего выше херувимов, потрясающего землю, распростершего небо, страшного для херувимов, неприступного для серафимов, и не только Женихом, но и любящим тебя, и любящим сильнее всякого человека, как не оставишь все здешнее, хотя бы даже надлежало отдать самую душу? Итак, если этого одного слова достаточно для того, чтобы исправить человека, хотя бы он был грубее всякого свинца, и устремить его к горним обителям, то мы, здесь оканчивая (свое слово), увещеваем тебя - воспевать это изречение, как бы некоторую божественную песнь, и дома и на торжище, днем и ночью, на пути и в горнице, голосом и мыслию, и непрестанно повторять душе: "**Слыши**", душа моя, **и смотри, и приклони ухо твое, и забудь**" дурную привычку свою, и "**возжелает Царь красоты твоей**"*;* и если ты будешь постоянно повторять эти слова, то сделаешь душу чистейшею всякого золота, так как это изречение сильнее огня воспламеняет душевные помыслы и очищает всякую нечистоту, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Это славянский перевод, в Синодальном это звучит так: "**зайди, будем упиваться нежностями до утра, насладимся любовью**".

[2] Приводимые ниже места св. Писания, принадлежащие двум пророкам, св. Иоанн приводит под именем одного пророка Михея.

[3] Так у Златоуста, в слав. тексте смысл другой: "**не изыде живущая в Сеннааре, плачитеся дому (сущаго) близ нея**", т.е. она не смогла выйти, а вы плачьте над домом близ нее. В Синодальном же переводе: "**не убежит и живущая в Цаане; плач в селении Ецель не даст вам остановиться в нем**". – и.Н.

КНИГА О ДЕВСТВЕ.

Рассуждение о девстве принадлежит к ранним произведениям св. Иоанна Златоуста, но достоверно неизвестно, тогда ли оно написано, когда он был диаконом или пресвитером антиохийской церкви (380-398 г. по Р. Х.), или, когда еще подвизался в пустыне (374-380). Несомненно, только то, что это произведение сделалось известным прежде Бесед его на 1-е послание ап. Павла к Коринфянам, сказанных в Антиохии, так как в конце 19-й Беседы на это послание сам святитель ссылается на свою *книгу* о девстве, в которой тщательно изъясняется христианское учение о девстве и его отношение к учению о законном браке, вопреки унижавшим брак еретикам, против которых в начале рассуждения святитель и направляет свою вдохновенную речь.

КРАСОТУ девства иудеи презирают, и это нисколько не удивительно, если они не почтили Самого Христа, родившегося от Девы; а язычники восхищаются и поражаются ею; но ревнует о ней одна только Церковь Божья. Дев еретических я никогда не назову девственницами, - во-первых, потому, что они нечисты, так как не обручены одному мужу, как желает блаженный друг Жениха - Христа, когда говорит: "**потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою**" (2 Кор. 11:2). Хотя это сказано обо всей полноте Церкви, но под этими словами разумеются и девственницы. Как же могут быть чистыми те, которые не питают любви к одному Мужу, а присоединяют к Нему другого несуществующего бога? Итак, они не могут быть девственницами, во-первых по этой причине; а во-вторых потому, что они, признав брак

бесчестным, стали воздерживаться от брака. Приняв же за правило считать брак порочным делом, они заранее лишили себя наград, принадлежащих девству; ибо справедливость требует, чтобы воздерживающиеся от злых дел не венцы получали, а только не подвергались наказанию. И такое установление можно видеть не только в наших, но и внешних (языческих) законах. Убийца, гласят (законы), пусть будет казнен смертью: но не прибавляют: неубивающий пусть получит почести. Вор, гласят (законы), пусть будет наказан; но не повелевают, чтобы удостаивался дара тот, кто не похищает чужого; и, подвергая смерти прелюбодея, они не удостаивают никакой награды того, кто не вредит чужим бракам. Это и весьма справедливо. Надобно воздавать похвалу и удивляться тем, которые преуспевают в добре, а не тем, которые (только) избегают зла; для последних довольно и той чести, если они не терпят ничего худого. Посему и Господь наш угрожал геенною тому, кто без причины и напрасно будет гневаться на брата своего и назовет его уродом (Матф. 5:22), но не обещал царствия небесного тем, которые не гневаются напрасно и воздерживаются от злословия, а потребовал еще другого, большего и важнейшего, сказав: "**любите врагов ваших**" (Матф. 5:44). И, желая показать, как маловажно, незначительно и недостойно никакой чести, только воздерживаться от ненависти к братьям, Он, заповедав нечто гораздо большее, т. е. любить их и быть в дружестве с ними, сказал, что и этого недостаточно для того, чтобы нам удостоиться какой-нибудь чести; ибо как это возможно, когда мы в этом отношении нисколько не превосходим язычников? Посему, у нас должно быть приложено к этому нечто другое более важное, если мы желаем требовать награды. Если, говорит (Христос), Я не осуждаю на геенну тебя, воздерживающегося от злословия и гнева на брата, то по одному этому ты не считай себя достойным венцов; потому что Я требую не такой только меры благорасположения; но, хотя бы ты к незлословию прибавил, что и любишь его, ты еще вращаешься долу и ставишь себя в ряду мытарей; если же ты желаешь быть совершенным и достойным небес, то не останавливайся только на этом, но взойди выше и усвой себе помысел, превосходящий самую природу, то есть - любовь к врагам. Итак, когда все согласны с нами в этом, то пусть перестанут еретики напрасно утруждать самих себя; они не получат никакой награды, не потому, чтобы Господь был не правосуден - да не будет!, - но потому, что они сами несмысленны и лукавы. Как это? Выше доказано, что за одно воздержание от худых дел не полагается никакой награды; а они избегают брака потому, что считают его худым делом: как же они могут требовать награды за уклонение от худого? Как мы не удостоимся венцов за то, что не прелюбодействуем, так они - за то, что не вступают в брак. Им в тот день скажет Имеющий судить нас: Я уготовал почести не для тех, которые только воздерживались от злых дел (это для Меня маловажно), но тех, которые исполняли всякую добродетель, Я ввожу в нетленное небесное наследие. Как же вы, признав брань делом нечистым и скверным, за свое воздержание от скверного требуете наград, уготованных делающим доброе? И агнцев поставляет Он одесную, и благословляет, и вводит в царство, не за то, что они не похищали чужого, но за то, что и свое собственное разделяли с другими; и того, которому вручено было пять талантов, Он одобряет не потому, что он не уменьшил числа их, но потому, что еще умножил данное и возвратил залог сугубым. Доколе же вы не перестанете бегать напрасно, трудиться тщетно, всуе подвизаться и бить воздух (1 Кор. 9:26; Филип. 2:16)? И, о если бы только напрасно! - хотя для трудившихся много и ожидавших наград еще больших, чем труды, и то не малым послужит наказанием, что они во время почестей окажутся между не получившими их.

2. Но не в этом только состоит их несчастие, и не тем только ограничится страдание их, что они ничего не приобрели; но последуют другие, еще гораздо более тяжкие наказания, - огонь неугасающий, червь неумирающий, тьма кромешная, скорбь, теснота. Посему нам нужны бесчисленные уста и ангельская сила, чтобы мы могли создать Богу достойную благодарность за Его попечение о нас; или лучше - и тогда это невозможно. Почему? Хотя

старание о девстве и у нас и у еретиков одинаково, а может быть у них и гораздо большее, но плод этих трудов не одинаков: для них (готовятся) узы, слезы, скорби и вечные мучения, а для нас - участь ангельская, блистательные светильники и главнейшее из всех благ - общение с Женихом. Отчего же так, - за одни и те же труды возмездие противоположное? Оттого, что они (еретики) избрали девство, чтобы поставить закон противный Богу; а мы это делаем, чтобы исполнить Его волю. Бог хочет, чтобы все люди воздерживались от брака, по свидетельству того, через которого Христос говорит: "**ибо желаю, чтобы все люди были, как и я**" (1 Кор. 7:7), т. е. в воздержании. Но Спаситель, щадя нас и зная, что "**дух бодр, плоть же немощна**" (Матф. 26:41), не поставил этого дела в непременную заповедь, но предоставил избрание его нашим душам. Если бы это было повелением и законом, то исполняющие его не получили бы награды, но услышали бы: "**потому что сделали, что должны были сделать**" (Лук. 17:10); равно как и преступившие не получили бы прощения, но подверглись бы наказанию, как нарушители закона; теперь же, сказав: "**кто может вместить, да вместит**" (Матф. 19:12), (Спаситель), с одной стороны, не осудил немогущих, а с другой - могущим открыл великий и чрезвычайный подвиг. Посему и Павел, шествуя по следам Учителя, говорит: "**относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет**" (1 Кор. 7:25).

3. Но ни Маркион, ни Валентин, ни Манес [1] не удержались в (пределах) такой умеренности; ибо в них говорил не Христос, щадящий овец Своих и полагавший за них душу Свою, но человекоубийца, отец лжи (Иоан. 10:11; 8:44). Посему, они погубили и всех поверивших им, здесь обременив их бесполезными и невыносимыми трудами, а там увлекши вместе с собою в уготованный для них огонь.

4. О, вы более несчастны, чем даже язычники! Хотя язычников ожидают мучения геенны, но они, по крайней мере, здесь пользуются удовольствиями, вступая в браки, наслаждаясь богатством и другими житейскими приятностями; вам же и здесь и там предстоит терпеть мучения и скорби, здесь добровольно, а там невольно. И язычникам за пост и девство награды никто не даст и не предложит наказание; а вы подвергнетесь крайнему осуждению за то самое, за что ожидали бесчисленных похвал, и вместе с другими услышите: "**идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его**" (Матф. 25:41) - за то, что вы постились, за то, что вы девствовали. Сами по себе пост и девство ни добро, ни зло, но бывают тем или другим от намерения упражняющихся в них. Для язычников такая добродетель бесплодна; потому что они удаляют от себя награду тем, что не по страху Божью преуспевают в ней; а вы, восставая против Бога и клевеща на Его создания, не только удаляете от себя награду, но даже будете за то наказаны. За догматы вы будете поставлены наряду с язычниками; потому что, подобно им, отвергши истинного Бога, вы ввели многобожие; а по жизни они будут лучше вас. Их беда ограничивается тем, что они не получат никакого блага, вам же предстоит кроме того терпеть еще и зло; но им пришлось насладиться всем в настоящей жизни, а вы лишили себя и того и другого. Получить мучения в воздаяние за труды и усилия - может ли какое-нибудь наказание быть тяжелее этого? Прелюбодей, любостяжатель, пользующийся чужим, обкрадывающий ближнего, имеют некоторое утешение, хотя маловажное, однако имеют, - в том, что они наказываются за здешние наслаждения. Но и сказать нельзя, какая скорбь постигнет того, кто добровольно принял нищету, дабы там обогатиться, и решился на подвиги девства, дабы там ликовать вместе с ангелами, и вдруг, сверх всякого ожидания, будет наказываться за то самое, за что надеялся получить бесчисленные блага. Я думаю, что совесть будет терзать его так же, как огонь, когда он представит, что те, которые одинаково с ним трудились, пребывают со Христом, а он за то же самое, за что они наслаждаются неизреченными благами, терпит крайнее наказание, и, хотя вел строгую жизнь, страдает даже более людей распутных и сладострастных.

5. Подлинно, целомудрие еретиков хуже всякого распутства. Последнее причиняет обиду людям, а первое восстает против Бога и оскорбляет бесконечную премудрость; такие сети расставляет дьявол своим служителям. А что девство еретиков действительно есть изобретение его лукавства, это говорю не я, а Тот, Кому не безызвестны его замыслы. Что же Он говорит? "**Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак [и] употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением**" (1 Тим. 4:1-3). Как же может быть девственницей та, которая отступила от веры, слушается обольстителей, доверяется демонам, почитает ложь? Как может быть девственницей та, у которой сожжена совесть? Девственница должна быть чиста не телом только, но и душой, если желает принять святого Жениха; а та (дева еретическая) как может быть чистой, имея столько пятен? Если надобно устранять даже житейские попечения от этого брачного чертога, как несовместные с его благообразием, то, как будет в состоянии сохранить красоту девства та, внутри которой обитает нечестивый помысел?

6. Хотя тело ее и остается нерастленным, но растлилась лучшая часть ее - душевные помыслы; а что пользы в том, что остаются ограды, когда храм разрушен? Или какая польза от того что место престола остается чистым, если самый престол осквернен? А лучше сказать, и тело ее не свободно от осквернения. Богохульство и злоречие хотя рождаются внутри, но не остаются в душе, а, быв произнесены устами, оскверняют как язык (говорящего), так и слух внемлющего, и, подобно ядовитым зельям, проникая в самую душу, переедают корень (существа человеческого) хуже всякого червя, а с ним вместе губят затем и все тело. Итак, если сущность девства состоит в святости тела и духа, а (дева еретическая) осквернена и нечиста в том и другом отношении, то, как может она быть девственницей? Но она указывает мне на бледность (своего лица), на изнуренные члены (тела), на убогую одежду, на смиренный взор. А что пользы в этом, когда внутренний взор ее бесстыден? Что может быть бесстыднее того взора, который располагает и здешние глаза - смотреть на создания Божьи, как на зло? "**Вся слава дщери Царя внутри**" (Псал. 44:14); а она извратила стройность этого изречения, извне облекшись в славу, а внутри имея всякое бесчестие. В том и беда, что перед людьми она выказывает великое благоприличие, а перед создавшим ее Богом позволяет себе великое безумие; и та, которая остерегается взглянуть на мужчину, - если только есть такие (девы) между еретиками, - бесстыдными очами взирает на Владыку людей и изрекает хулу на небо: побледнело у них лицо и уподобилось мертвому. Потому они и достойны слез и многих сетований, что приняли на себя такой труд не только напрасно, но и на погибель своей головы.

7. Одежда их убога? Но не в одеждах и не в цвете одежд заключается девство, а в теле и душе. Если мы о философе судим не по волосам, не по трости и не по хитону, но по нравам и душе, и о воине - не по плащу и поясу, но по силе и мужеству; то не нелепо ли было бы так просто и легкомысленно полагать всю доблесть девственницы, - этого дивного и превосходящего все человеческое явления, - в неубранных волосах, в поникшем лице и в серой одежде, не вникнув в ее душу и не исследовав тщательно ее внутреннего настроения? Но этого не допускает тот, кто постановил законы такого подвижничества. Он повелевает не по одеждам судить о посвятивших себя на этот подвиг, но по верованиям и по душе. "**Все подвижники**", говорит он, "**воздерживаются от всего**" (1 Кор. 9:25), от всего вредного для здравия души; и: "**не увенчивается, если незаконно будет подвизаться**" (2 Тим. 2:5). Какие же законы этого подвижничества? Послушай, что еще он говорит, или лучше, через него Сам Подвигоположник Христос: "**брак у всех [да будет] честен и ложе непорочно**" (Евр. 13:4).

8. Но что мне до этого, скажешь ты, когда я совершенно отказалась от брака? Вот это, - о, несчастная! - это и погубило тебя, что ты думаешь, будто это учение не имеет никакого к тебе отношения. Оттого ты, увлекшись непомерным презрением к этому предмету, и оскорбила Божью премудрость и оклеветала все создание. Если бракосочетание - дело нечистое, то нечисты и все рождающиеся от него, нечисты и вы, чего я не сказал бы о природе человеческой. Как же нечистая будет девственницей? Вами придуман этот второй, или - лучше - третий род осквернения и нечистоты; вы, избегая брака, как нечистого, через это самое удаление стали сквернее всех, изобретши девство, которое гнуснее прелюбодеяния. С кем же мы поставим вас наряду? С иудеями? Но они не потерпят этого, потому что почитают брак и восхищаются созданием Божьим. С нами? Но вы не захотели послушать Христа, говорящего через Павла: "**брак у всех [да будет] честен и ложе непорочно**" (Евр. 13:4). Остается (наконец) поставить вас наряду с язычниками; но и они также оттолкнут вас, так как вы нечестивее их. Платон говорит, что благ был устроивший все это, и что в благом не бывает зависти ни к кому и ни в чем [2]; а ты называешь Его злым и виновником злых дел. Но не пугайся: общниками в таком учении ты имеешь дьявола и ангелов его, или - лучше - и не их, ибо, хотя они и внушили тебе такое безрассудство, не думай, чтобы они и сами так рассуждали. Они знают, что Бог благ. Послушай, как они сами говорят, то, взывая: "**знаю Тебя, кто Ты, Святый Божий**" (Марк. 1:24), то такими словами: "**сии человеки - рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения**" (Деян. 16:17). Неужели еще вы будете упоминать о своем девстве и хвалиться им, вместо того, чтобы, удалившись плакать о самих себе и рыдать о безумии, которым дьявол связал вас, как пленниц, и увлек в огонь геенны? Ты не вступала в брак? Но это еще не девство. Я могу называть девственницею только такую женщину, которая, быв властна вступить в брак, однако не вступила; а когда ты говоришь, что брак принадлежит к числу запрещенных дел, то твой подвиг становится уже не подвигом произволения, но требованием закона. Посему мы удивляемся тем из персов, которые не женились на своих матерях, но не удивляемся тому же у римлян; потому что у последних такое дело представлялось омерзительным для всякого, а у персов безнаказанность дерзавших на это, делала достойными похвалы тех, которые воздерживались от подобных кровосмешений. Так же надобно рассуждать и о браке. У нас он позволяется всем и посему мы справедливо удивляемся безбрачным; а вы, поставившие брак наряду с худшими делами, уже не можете ожидать похвал за безбрачие; ибо воздержание от запрещенного еще не есть признак доблестной и бодрой души. Совершенство добродетели состоит не в том, чтобы не делать того, за что мы у всех стали бы считаться худыми, но в том, чтобы блистать такими делами, которые и не совершивших не подвергают за это осуждению, и совершивших и отличившихся ими не только освобождают от славы дурных людей, но и поставляют в ряду добродетельных. Как никто не будет хвалить за девство евнухов, не вступающих в брак, так и вас. Что у них происходит по необходимости естества, то у вас делается по предубеждению лукавой совести; и, как евнухов телесный недостаток лишает уважения за это дело, так и вас, хотя и остающихся с естеством неповрежденным, лишив здравых мыслей и поставив в необходимость быть безбрачными, дьявол, с одной стороны изнуряет трудами, и с другой - не допускает получить почести. Ты препятствуешь вступать в брак? Поэтому за безбрачие тебе и предстоит не награда, а наказание и мучение.

9. А ты, скажет кто-нибудь, разве не препятствуешь браку? - Отойди от меня, чтобы и мне не впасть в безумие вместе с тобою. - Почему же, скажешь, ты увещеваешь не вступать в брак? - Потому, что девство я считаю гораздо досточтимее брака; и, однако, через это я не поставляю брака в числе худых дел, но даже очень хвалю его. Он есть пристань целомудрия для желающих хорошо пользоваться им, не позволяя неистовствовать природе. Выставляя законное совокупление, как оплот, и таким образом удерживая волны похоти, он поставляет и сохраняет нас в великом спокойствии. Но есть люди, которые не

нуждаются в таком ограждении, и вместо того укрощают ярость естества постами, бдениями, земными поклонами и другими суровостями жизни; таким людям я советую не вступать в брак, но не запрещаю брака. Между советом и запрещением великое различие, такое, какое между произволением и необходимостью. Советующий предоставляет слушателю власть в избрании того, что он советует; а запрещающий отнимает у него эту власть. Притом я, советуя, не охуждаю брака и не виню того, кто не послушается меня, а ты, отвергая брак и признавая его дурным делом, и присваивая себе право законодателя, а не советника, естественно ненавидишь тех, кто не слушается тебя. Не так я (поступаю); но с одной стороны удивляюсь выступившим на этот подвиг, а с другой не виню и тех, которые остаются вне этого подвига. Осуждение тогда только было бы справедливо, если бы кто стремился к признанному всеми злу; тот же, кто имеет меньшее благо, и не достиг большего, хотя лишается похвал и удивления за это, но по справедливости не может быть осуждаем. Как же я препятствую вступать в брак, когда не осуждаю брачующихся? Запрещаю я блуд и прелюбодеяние, но брак никогда. И дерзающих на первое, я наказываю и отлучаю от церковного общества, а избравших последнее, если они соблюдают целомудрие, я непрестанно хвалю. Таким образом, отсюда происходят две выгоды: одна та, что не осуждается установление Божье, а другая та, что не только не унижается достоинство девства, но даже оказывается гораздо более почтенным.

10. Так, кто охуждает брак, тот сокращает славу и девства; а кто одобряет брак, тот еще более возвышает девство и делает его более дивным и светлым. Что является добром в сравнении лишь со злом, то не есть еще великое добро; а что лучше всякого общепризнанного добра, то есть добро по преимуществу; таким добром мы и представляем девство. Посему как те, которые охуждают брак, лишают через то похвал девство, так не порицающий брака восхваляет не столько брак, сколько девство. И из тел мы называем красивыми не те, которые лучше изуродованных, но те, которые лучше целых и не имеющих никакого повреждения. Брак - добро; и девство потому достойно удивления, что оно лучше добра, и столько лучше, сколько кормчий превосходнее гребцов и полководец - воинов. Но как, отняв у корабля гребцов, ты потопишь корабль, и, удалив из сражения воинов, предашь в плен врагам самого полководца; так и здесь, если ты низведешь брак с его высокой степени, то уронишь славу девства и низведешь его до последней степени зла. Девство - добро: утверждаю это и я; оно лучше брака: и с этим соглашаюсь. И если угодно, я прибавлю, насколько оно лучше, - именно настолько, насколько небо лучше земли, и ангелы - людей, а сильнее сказать, то и этого больше. Ангелы, хотя также не женятся и не посягают (Марк. XII, 25), но не имеют плоти и крови, живут не на земле, не тревожатся множеством вожделений, не нуждаются в пище и питье, не расслабляются приятной песнью, не соблазняются красивым лицом и не испытывают ничего другого подобного; а как в ясный полдень небо представляется чистым, не затмеваясь ни каким облаком, так и их природа необходимо пребывает светлой и блистательной, не омрачаясь никакой похотью.

11. Род же человеческий, по природе своей уступая этим блаженным существам, напрягает свои силы и тщательно старается, по возможности, сравниться с ними. Каким образом? Ангелы ни женятся, ни посягают; не делает этого и девственница. Те непрестанно предстоят и служат Богу: то же делает и девственница. Посему и Павел освободил девственниц от всех других забот, для непрестанного и не развлекаемого служения Богу (1 Кор. 7:35 и дал.). Хотя они пока еще не могут восходить на небо, как ангелы, потому что плоть удерживает их, но и здесь они имеют великое утешение, принимая самого Владыку небес, если будут святы телом и духом. Видишь ли достоинство девства, как оно способствует пребывающим на земле проводить жизнь подобно небожителям, облеченным плотью не позволяет уступать силам бесплотным, людей ведет к соревнованию с самими ангелами? Но все это не относится к вам,

искажающим такое дело, клевещущим на Владыку, называющим Его злым. Вас ожидает наказание лукавого раба, а девственницам Церкви предлежат многие и великие блага, превосходящие и зрение, и слух и мысль человеческую. Посему, оставив еретиков (так как для них довольно уже сказано), обратим речь затем к чадам Церкви.

12. С чего же прилично начать слово? С тех самых слов Господа, которые Он вещает через блаженного Павла; ибо надобно веровать, что совет апостола есть совет Господа. Так словами: "**а вступившим в брак не я повелеваю, а Господь**" (1 Кор. 7:10), и еще: "**прочим же я говорю, а не Господь**" (1 Кор. 7:12), апостол не то хочет сказать, что одно из этих (завещаний) принадлежит ему самому, а другое Господу. Как решился бы сказать, или помыслить что-нибудь неугодное Христу, и притом в виде узаконения, тот, кто имел в себе говорящего Христа, кто для того только старался и жить, чтобы жил в нем Христос, у кого и царство и жизнь, и ангелы и силы, и всякое другое творение и вообще все занимает второстепенное место после любви к Нему? Итак, что же значат слова апостола: "**я**" и "**не я**"? То, что одни из законов и догматов преподал нам Христос, Сам, непосредственно, а другие через апостолов. А что Сам Он не все (законы и догматы) постановил непосредственно, об этом, послушай, что говорит Он: "**еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить**" (Иоан. 16:12). Таким образом, "**жене не разводиться с мужем**" (1 Кор. 7:10) Христос еще прежде постановил, когда был на земле во плоти, и потому апостол говорит: "**а вступившим в брак не я повелеваю, а Господь**". Но касательно неверных Он ничего не сказал нам Сам непосредственно, а дал закон, подвигнув к тому душу Павла. Посему и сказал апостол: "**не Господь, но я**", желая выразить не то, что сказанное им есть учение человеческое (как это возможно?), но что Господь преподал эту заповедь не тогда, когда обращался с учениками, а после - через него. Как слова: "**Господь, не я**" - не то означают, будто он не соглашается с повелением Христа; так и слова: "**я, не Господь**" - означают не то, будто апостол говорит что-нибудь особенное, неугодное Богу, но только то, что эта заповедь теперь преподается через него. Так и, беседуя о вдовице, он говорит: "**но она блаженнее, если останется так, по моему совету**" (1 Кор. 7:40). Потом, дабы ты, услышав слова: "**по моему совету**", не подумал, будто это суждение человеческое, он, устраняя недоразумение, прибавил: "**а думаю, и я имею Духа Божия**" (1 Кор. 7:40). Как то что он вещает от Духа и называет своим мнением, мы поэтому не назовем изречением человеческим, так и здесь, когда он говорит: "**я говорю, не Господь**", не думай, будто это - слово Павлово; ибо он имел в себе говорящего Христа, и не дерзнул бы изречь такого учения, если бы не принял от Него для нас этого закона. Иначе кто-нибудь сказал бы ему: я, как верный, не могу жить с неверной, чистый с нечистой; ты же сам предварительно сказал, что это говоришь ты, а не Господь; где же я найду безопасную и надежную опору? А Павел сказал бы ему: не бойся; для того я и сказал, что имею в себе говорящего Христа и что "**а думаю, и я имею Духа Божия**", чтобы ты в словах моих не подозревал ничего человеческого; если бы это было не так, то я не приписал бы такой силы своим суждениям. "**Помышления смертных нетверды, и мысли наши ошибочны**" (Премуд. 9:14). И вся вселенская Церковь подтверждает силу этого закона, в точности соблюдая его; а она не соблюдала бы, если бы не была вполне убеждена, что это изречение есть повеление Христово. Итак, что же Павел говорит по внушению Господа? "**а о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины**" (1 Кор. 7:1). Здесь можно бы похвалить коринфян за то, что они, не получив от учителя никакого совета касательно девства, сами предупредили его своим вопросом. Отсюда уже открывается преуспеяние их в благодати, так как в ветхом завете этот предмет не подвергался недоумению; ибо не только все прочие, но и левиты и священники, и сам великий архиерей придавали великую важность браку.

13. Почему же коринфяне пришли к такому вопросу? Они ясно и хорошо понимали, что для них потребна высшая добродетель, так как они удостоены и большего дара. Достойно

внимания и то, почему апостол прежде никогда не предлагал им такого совета; если бы они слышали что-нибудь подобное прежде, то, конечно не написали бы снова, спрашивая опять о том же. Подлинно, и здесь можно видеть глубину мудрости Павла. Не без причины и не напрасно он прежде не давал совета касательно этого дела, но ожидал, чтобы наперед сами они пожелали и получили некоторое понятие о нем, чтобы, имея перед собою души уже расположенные к девству, с пользой сеять слово, когда самое расположение слушателей к этой добродетели много способствовало бы к принятию увещания; а с другой стороны он показал этим величие и большую важность самого дела. В противном случае, он, конечно, не ожидал бы их готовности, но сам предварительно предложил бы это, если не в виде повеления и заповеди, то в виде увещания и совета. Не начиная сам делать этого прежде, он ясно внушил нам, что девство требует многих усилий и великих подвигов; и поступил так, подражая и здесь общему нашему Владыке, Который тогда стал беседовать о девстве, когда спросили Его о том ученики. Так, когда они говорили: "**если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться**", тогда Он сказал: "**есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного**" (Матф. 19:10,12). Когда требуемое дело велико, и потому не может быть поставлено в необходимую заповедь, тогда надобно ожидать готовности намеревающихся исполнять его, возбуждая в них наперед хотение и желание другим каким-нибудь образом и незаметно для них. Так и поступил Христос. Не беседами о девстве Он возбудил в них желание девства, но, беседуя только о браке и показывая его тяжесть и не простирая речи далее этого, Он так мудро устроил, что не слышавшие еще ничего о безбрачии сами от себя сказали: "**лучше не жениться**". Посему и Павел, подражатель Христов, говорил: "**а о чем вы писали ко мне"**, как бы оправдываясь пред коринфянами и говоря так: я не решался возводить вас на такую необыкновенную высоту по причине трудности этого дела; но когда вы сами предварительно написали мне об этом, то я смело даю вам совет. Почему он нигде в другом месте не сделал подобного прибавления, хотя они о многом писали к нему? Не почему-либо другому, как потому, о чем я теперь сказал: т. е. чтобы кто-нибудь не огорчился таким увещанием, он напоминает им о письмах, которые они прислали ему, и притом предлагает увещание не строго, хотя имел повод к тому, но весьма снисходительно, подражая и в этом Христу; ибо и Спаситель, окончив речь о девстве, присовокупил: "**кто может вместить, да вместит**" (Матф. 19:12). Что же говорит апостол? "**а о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины**" (1 Кор. 7:1).

14. Но, может быть, кто-нибудь скажет: если *добро* "**хорошо человеку не касаться женщины**", то для чего установился в жизни брак? Какая будет нам нужда в женщине, если она не будет приносить нам пользы ни в браке, ни в деторождении? И что воспрепятствует уничтожению всего рода человеческого, когда смерть каждодневно убавляет и поражает его, а это учение не позволяет восстанавливать других на место падших? Если бы мы все стали ревновать об этом благе и не прикасались бы к женщинам, то исчезло бы все, и города и дома, и нивы и искусства, и животные и растения; потому что, как с падением военачальника необходимо расстраивается весь порядок войска, так и с уничтожением, от безбрачия, царствующего над всем земным человека, ничто остальное не останется в прежнем устройстве и порядке, и, таким образом, эта добрая заповедь исполнит вселенную бесчисленных зол. Если бы так говорили только враги и неверные, то я признал бы слова их маловажными; но так как и многие, по-видимому, принадлежащие к Церкви говорят это, с одной стороны, по слабости воли оставив девственные подвиги, а с другой - желая охуждением и пренебрежением девства прикрыть свое нерадение, чтобы иметь повод уклоняться от этих подвигов не по небрежности, а по здравому суждению ума, то мы теперь, оставив врагов ("**душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием"** (1 Кор. 2:14)), научим выдающих себя за наших тому и другому, т. е., что девство не только не излишне, но и очень полезно и

необходимо, и что такое суждение не останется для них безнаказанным, но навлечет на них столько бед, сколько подвизающиеся в девстве получат наград и похвал. Когда сотворен был весь этот мир и устроено все необходимое для нашего наслаждения и употребления, то Бог создал человека, для которого и сотворил мир. Первозданный жил в раю, а о браке и речи не было. Понадобился ему помощник, - и он явился; и при этом брак еще не представлялся необходимым. Его не было бы и доселе, и люди оставались бы без него, живя в раю, как на небе, и наслаждаясь беседой с Богом; плотская похоть, зачатие, болезни чадородия и всякая вообще тленность не имели бы доступа к их душе, но, подобно светлому ручью, текущему из чистого источника, люди пребывали бы в том жилище, украшаясь девством. На всей земле не было тогда людей, чего теперь боятся те попечители вселенной, которые тщательно заботятся о чужих делах, а не хотят помышлять о своих, которые опасаются, как бы не прекратился весь род человеческий, а нерадят каждый о собственной душе так, как бы о чужой, хотя о ней потребуется от них точный отчет даже в малейших предметах, между тем как, за уменьшение людей они не будут подлежать ни малейшей ответственности. Не было тогда ни городов, ни искусств, ни домов, о чем вы также не мало заботитесь; не было тогда ничего этого, однако ничто не возмущало и не извращало той жизни блаженной и гораздо лучшей, чем настоящая. Когда же (первозданные) преслушались Бога и сделались землею и пеплом, то вместе с той блаженной жизнью утратили и красоту девства; и оно, вместе с Богом, оставило их и удалилось. Пока они не были уловлены дьяволом и почитали своего Владыку, дотоле и девство продолжало украшать их более, нежели царей украшают диадема и золотые одежды; а когда они, сделавшись пленниками, сняли с себя это царское одеяние и сложили это небесное украшение, и приняли смертное тление, проклятие, скорбь и многотрудную жизнь, тогда вместе с этим произошел и брак - эта смертная и рабская одежда. "**а женатый**", говорит (апостол), "**заботится о мирском**" (1Кор. 7:33). Видишь ли, откуда получил свое начало брак и отчего он оказался необходимым? От преслушания, от проклятия, от смерти. Где смерть, там и брак; не будь первой, не было бы и последнего. Но девство не имеет такой связи (со смертью); оно всегда полезно, всегда прекрасно и блаженно, и прежде смерти, и после смерти, и прежде брака и после брака. Какой брак, скажи мне, породил Адама, какие болезни чадородия произвели Еву? Ты ничего не можешь сказать на это. Для чего же напрасно боишься и опасаешься, как бы с прекращением брака не прекратился и род человеческий? Тьмы тем ангелов служат Богу и тысячи тысяч архангелов предстоят Ему (Дан, VII, 10), и ни один из них не произошел по преемству, от родов, болезней чадородия и зачатия. Таким образом, Бог тем более мог бы без брака создать людей, как создал Он и первых, от которых произошли все люди.

15. И теперь не сила брака умножает род наш, но слово Господне, сказанное в начале: "**плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю**" (Быт. 1:28). Помог ли, скажи мне, брак Аврааму в деторождении? Не после ли столь многих лет брачного состояния он сказал: "**Владыка Господи! что Ты дашь мне? я остаюсь бездетным**" (Быт. 15:2)? Посему, как тогда в омертвелых телах Авраама и Сарры Бог устроил источник и корень столь многих тысяч людей, так и в начале, если бы Адам и Ева, повинуясь заповедям Его, удержались от наслаждения древом (познания добра и зла), не оказалось бы недостатка в способе, как размножить род человеческий. Ни брак, без соизволения Божьего, не может умножить числа существующих людей, ни девство не может повредить размножению их, когда Он желает, чтобы их было много; но Бог соизволил так, как говорит (Писание), из-за нас и вследствие нашего непослушания. Иначе, почему брак не явился прежде обольщения? Почему в раю не было соития? Почему прежде проклятия не было болезней чадородия? Потому, что тогда это было излишним, а после стало необходимым, по причине нашей немощи, как это, так и все прочее: города, искусства, одежды и множество остальных нужд. Все это привлекла и привнесла смерть вместе с собою. Итак, что допущено по причине твоей немощи, того не предпочитай девству или, лучше сказать, и

не равняй с ним; иначе, продолжая эту речь, ты скажешь, что и двух жен иметь лучше, нежели довольствоваться одною, так как и это дозволено в законе Моисеевом; а затем ты предпочтешь также богатство произвольной нищете, пресыщение воздержанию и мщение великодушному перенесению обид.

16. Ты же, скажет кто-нибудь, охуждаешь все это. - Нисколько не охуждаю, потому что это позволено Богом и в свое время было полезно; но я утверждаю, что это маловажно и составляет занятие более детей, нежели мужей. Посему и Христос, желая сделать нас совершенными, повелел отлагать это, как одежды детские и неспособные ни прикрыть человека взрослого, ни украсить "**в меру полного возраста Христова**" (Ефес. 4:13), а повелел облекаться в одежды более благообразные и совершенные, не противореча себе, но вполне последовательно. Хотя последнее повеление больше первого, но цель Законодателя одна и та же. Какая же это цель? Пресечь порочность нашей души и возвести ее к совершенной добродетели. Если бы Он заботился не о том, чтобы поставить закон высший в сравнении с прежним, но о том, чтобы оставить все в одном и том же виде навсегда и никогда не освобождать от прежней недостаточности, то это было бы делом того, кто весьма противоречит самому себе. И как, если бы Он узаконил такой строгий образ жизни в начале, когда род человеческий был еще в детстве, мы никогда не получили бы соразмерного (узаконения) и от такой несоразмерности расстроилось бы все дело нашего спасения; так, и если бы Он после долгого времени оставил в силе на земле руководительство закона, когда время уже призывало к небесному любомудрию, мы не получили бы никакой пользы от Его пришествия, ибо совершенство, для которого совершилось это пришествие, не касалось бы нас.

17. А теперь произошло подобное тому, что бывает с птенцами. Когда мать вскормит их, то выводит из гнезда; если же заметит, что они еще слабы, падают и имеют нужду оставаться внутри гнезда, то оставляет их там еще на несколько дней, не с тем, чтобы они навсегда там оставались, но чтобы впоследствии, когда у них хорошо окрепнут крылья и когда прибудет сила, они могли летать безопасно. Так и Господь наш искони влек нас к небу и указывал нам путь, ведущий туда, не не зная, а, вполне зная, что мы были неспособны к такому парению, но желая показать нам, что наше падение бывает не по Его воле, а по нашей немощи. Показав это, Он потом оставил нас на долгое время воспитываться в этом мире и браке, как бы в гнезде. Когда же у нас в течение долгого времени выросли крылья добродетели, то Он пришедши стал тихо и мало-помалу выводить нас из здешнего жилища, научая парить в горнее. Таким образом, тогда как некоторые, оставаясь нерадивыми и почивая глубоким сном, пребывают еще в гнезде, прилепившись к мирскому, другие, поистине благородные, любящие свет, с великою легкостью покинув это гнездо, взлетают на высоту и достигают небес, отказавшись от всего земного, от брака, имущества, забот, вообще от всего, что обыкновенно привлекает нас к земле. Посему, мы не должны думать, что сначала дозволенный брак сделался впоследствии такою необходимостью, которая препятствует уклоняться от брака. Что Господь желает, чтобы мы уклонялись от брака, о том послушай, как Он говорит: "**кто может вместить, да вместит**" (Матф. 19:12). Если же Он сначала не узаконил этого, не удивляйся: и врач больным не предписывает всего вдруг и в одно и то же время, но пока они одержимы горячкою, он удерживает их от твердой пищи, а когда горячка и происшедшая от нее слабость в теле пройдет, тогда он, наконец, избавив их от неприятных яств, предлагает им обычную пищу. Как в телах стихии, перемешавшись одни с другими, вследствие своего избытка или недостатка, производят болезнь: так и в душе неумеренные порывы страстей расстраивают ее здоровье; и весьма нужно во время, соответствующее появившимся страстям, иметь еще заповедь (против них), так как без того и другого закон сам по себе не в состоянии исправить происшедшее в душе нестроение, подобно тому, как естественные свойства лекарств сами по себе никогда не

могут уничтожить рану, а что для ран - лекарства, то для грехов - законы. Врача, производящего то вырезывание, то прижигание, а иногда не делающего ни того, ни другого при одних и тех же ранах, и притом часто не достигающего своей цели, ты не расспрашиваешь; почему же ты, человек, испытываешь Бога, никогда не погрешающего, но все устраивающего достойно свойственной Ему премудрости, требуешь от Него отчета в заповедях и не хочешь уступить бесконечной премудрости? Не крайнее ли это безумие? Он сказал: "**плодитесь и размножайтесь**" (Быт. 1:28) потому, что этого требовало время, когда природа неистовствовала и не могла выдерживать напора страстей, и не имела при такой буре никакой другой пристани для прибежища. И что другое следовало бы заповедать? Проводить жизнь в воздержании и девстве? Но от этого произошло бы тягчайшее падение и более усилилось бы пламя (страстей). Если бы детей, имеющих нужду в одном только молоке, кто-нибудь лишил этой пищи и принудил принимать другую, пригодную для взрослых, то ничто не избавило бы их от скорой смерти. Так вредна безвременность. Посему и девство не преподано в начале: или лучше сказать, девство явилось нам в начале и прежде брака, а после по изъясненным причинам превзошел брак и стал считаться необходимым, хотя в нем и не было бы нужды, если бы Адам пребыл послушным. Каким же образом, скажешь, произошло бы столько тысяч людей? Если тебя продолжает очень беспокоить это опасение, то я опять спрошу тебя: как произошел Адам, как Ева, без посредства брака? Неужели, скажешь, таким образом стали бы происходить все люди? Таким или другим, об этом я не стану говорить, потому что теперь объясняется то, что Бог не имел нужды в браке для размножения людей на земле.

18. А что не девством причиняется уменьшение человеческого рода, а грехом и распутством, это показала бывшая при Ное погибель людей и скотов и вообще всего живущего на земле. Если бы сыны Божьи устояли тогда против порочной похоти и почтили девство, если бы они не взирали нечестивыми очами на дщерей человеческих, то их не постигла бы такая погибель. Впрочем, пусть никто не думает, будто причиною их погибели я считаю брак; не об этом я говорю теперь, но о том, что род наш погибает и истребляется не от девства, а от греха.

19. Брак дан для деторождения, а еще более для погашения естественного пламени. Свидетель этому Павел, который говорит: "**но, [во избежание] блуда, каждый имей свою жену**" (1 Кор. 7:2). Не сказал: для деторождения. И затем "**будьте вместе**" (1 Кор. 7:5) повелевает он не для того, чтобы сделаться родителями многих детей, а для чего? "**чтобы не искушал**", говорит, "**вас сатана**". И продолжая речь, не сказал: если желают иметь детей, а что? "**но если не [могут] воздержаться, пусть вступают в брак**" (1 Кор. 7:9). В начале брак имел, как я сказал, две вышеупомянутые цели, но впоследствии, когда наполнились и земля, и море, и вся вселенная, осталось одно только его назначение - искоренение невоздержания и распутства; ибо для людей, которые и теперь еще предаются этим страстям, хотят вести жизнь свиней и растлеваться в непотребных убежищах, брак не мало полезен, освобождая их от нечистоты и такой потребности и сохраняя их в святости и честности. Впрочем, доколе я буду сражаться с тенями? Сами вы, говорящие это, не хуже нас знаете превосходство девства, и все, что вами сказано, суть только вымыслы, предлоги и прикрытия невоздержания.

20. Если бы даже можно было безнаказанно говорить это, и тогда надобно было бы воздержаться от порицания (девства). Кто держится своего мнения против чего-либо хорошего, тот, кроме другого вреда, своим превратным и несправедливым отзывом представляет всем немалое свидетельство собственного непотребства; посему, если не по другой какой причине, то, по крайней мере, во избежание столь дурного о себе мнения, следовало бы удерживать язык, помня, что тот, кто удивляется людям, прославившимся величайшими подвигами, хотя бы сам и не мог достигнуть того же, получит прощение от

всех, а тот, кто, кроме того, что сам не подвизается, еще и охуждает достойное многих венцов, справедливо будет всеми ненавидим, как враг и противник добродетели и находящийся в худшем состоянии, чем сумасшедшие. Эти люди не сознают того, что делают, и невольно подвергаются страданиям, а потому, когда даже оскорбляют властителей, не только не наказываются, но и возбуждают жалость к себе в самих обиженных. Если же кто самовольно дерзнет на то, что те делают невольно, то справедливо будет осужден единогласно всеми, как враг нашей природы.

21. Таким образом, как я сказал, от порицания (девства) следовало бы воздерживаться и тогда, когда бы такое порицание было безопасно. Но между тем, с этим сопряжена еще великая опасность; ибо не тот только, кто "**сидишь и говоришь на брата твоего, на сына матери твоей клевещешь**" (Псал. 49:20), будет наказан, но и тот, кто дерзает порицать то, что перед очами Божьими прекрасно. Послушай, что говорит другой пророк, рассуждая о том же самом: "**горе тем, которые зло называют добром, и добро - злом, тьму почитают светом, и свет - тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое – горьким**" (Иса. 5:20). А что сладостнее, прекраснее и светлее девства? Оно издает лучи светлее самых лучей солнечных, отрешая нас от всего житейского и приготовляя взирать чистыми очами прямо на Солнце правды. Это возглашал Исаия о тех (из иудеев), которые имели у себя превратные суждения; а послушай, что говорит другой пророк о произносящих против других такие пагубные слова, начиная речь тем же самым восклицанием: "*горе напояющему подруга своего развращением мутным*" (Авв. 2:15) (синод. пер. - "**горе тебе, который подаешь ближнему твоему питье с примесью злобы твоей**"). – "**Горе**" здесь не пустое слово, но угроза, предвещающая нам невыразимое и беспощадное мучение; ибо в Писаниях это междометие употребляется о тех, которые уже не могут избегнуть будущего наказания. И еще другой пророк, укоряя иудеев, говорит: "**назореев поили вином**" (Амос. 2:12). Если же такому наказанию подвергнется напояющий назореев вином, то какой казни не будет достоин тот, кто вливает "**мутное развращение**" в простые души? Если подрывающий малую часть законного подвижничества неизбежно подвергается мучению, то какое осуждение постигнет того, кто дерзает потрясать всю эту святыню? "**а кто соблазнит одного из малых сих**", говорит (Господь), "**тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской**" (Матф. 18:6). Что же скажут те, которые соблазняют своими словами не одного малого, но многих? Если, называющий брата уродом, будет прямо ввержен в геенский огонь, то какой гнев навлечет на свою голову тот, кто порицает этот равноангельский образ жизни? Посмеялась некогда Мариам над Моисеем, не так впрочем, как вы теперь - над девством, а гораздо меньше и умереннее, ибо она не унижала его и не осмеивала доблести этого ублажаемого тогда мужа, но и очень уважала его, а сказала только, что и она достигла того же, чего достиг он; и однако, этим навлекла на себя такой гнев Божий, что нисколько не помогли даже усиленные молитвы самого обиженного, но наказание ее продлилось долее, нежели как он думал.

22. Что я говорю о Мариам? Даже дети, игравшие подле Вифлеема, когда сказали Елисею только: "**иди, плешивый**" (4 Цар. 2:23-24), так прогневали Бога, что при этих словах медведицы напали на их толпу (их было сорок два), и все они тогда были растерзаны этими зверями: ни возраст, ни многочисленность, ни то, что они говорили это в шутку, - ничто не спасло отроков; и весьма справедливо. Если принявшие на себя такие подвиги будут осмеиваться и детьми и взрослыми, то кто из слабейших решится принять на себя подвиги, преследуемые насмешками и глумлением? Кто из народа будет ревновать о добродетели, видя ее в таком посмеянии? Если теперь, когда ей все везде удивляются, не только те, которые упражняются в ней, но и те, которые отпали от нее, - многие не решаются и уклоняются от этих подвигов, то скоро ли кто-нибудь захотел бы избрать ее, если бы видел, что все люди, кроме того, что не восхищаются ею, но еще клевещут на

нее? Мужи очень крепкие и как бы уже переселявшиеся на небо, конечно, нисколько не нуждаются в ободрении от толпы: для их ободрения вполне достаточно похвалы от Бога; но слабейшие и недавно приступившие к этому подвигу получают не малое подкрепление от мнения народа, пока, руководимые всеми, они мало-помалу достигнут того, что не станут нуждаться в таком руководстве. И не для них только бывает это, но и для спасения самих издевающихся, чтобы они не преуспевали больше в своей порочности от того, что не получили никакого наказания за прежнее. При этих словах мне пришло еще на память случившееся при Илие (4 Цар. 1:9 и сл.). Что за Елисея потерпели дети от медведиц, тоже за учителя его потерпели два пятидесятка мужей (царя Охозии) вместе с начальниками их от огня, воспламенившегося свыше. Когда они, с великой насмешкой подойдя (к горе, где сидел Илия), звали праведника и приказывали ему сойти к ним, то, нисшедший вместо него огонь, поглотил всех их, подобно тем зверям. Итак, все вы, враги девства, размыслив об этом, приложите двери и запоры к устам своим, чтобы и вам в день суда, когда вы увидите там блистающих девством, не пришлось говорить, "**это тот самый, который был у нас некогда в посмеянии и притчею поругания Безумные, мы почитали жизнь его сумасшествием и кончину его бесчестною! Как же он причислен к сынам Божиим, и жребий его — со святыми? Итак, мы заблудились от пути истины, и свет правды не светил нам, и солнце не озаряло нас**" (Премудр. 5:3-6). Но что пользы от этих слов в то время, когда уже покаяние будет бессильно?

23. Может быть, кто-нибудь из вас скажет: неужели с тех пор никто не поносил святых мужей? Поносили многие и повсюду на земле. Почему же, скажет, они не подверглись такому же наказанию? Подвергались, и мы знаем многих из таких; если же некоторые и избегли его, то не избегнут до конца; ибо, по свидетельству блаженного Павла, "**грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых [открываются] впоследствии**" (1 Тим. 5:24). Как законодатели оставляют отмеченными в записях наказания преступников, так и Господь наш Иисус Христос, наказав того или другого из грешников и отметив их наказания как бы на медном столпе и в письменах, посредством случившегося с ними, внушает всем, что хотя в настоящее время не наказываются другие, согрешившие одинаково с наказанными, но они в будущее время подвергнутся тягчайшему наказанию.

24. Итак, мы, если, безмерно согрешая, не терпим никакого зла, должны не восхищаться этим, а сильнее бояться. Если мы здесь не подвергнемся суду Божьему, то там со всем миром будем осуждены. Это опять не мой приговор, но Христа, вещающего через Павла. Беседуя о тех, которые недостойно приобщаются Таин, он говорит: "**от того многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром**" (1 Кор. 11:30-32). Есть такие люди, которые нуждаются только в здешнем наказании, когда их грехи умеренны, и они, будучи наказаны, уже не возвращаются к прежнему, подобно псу, возвращающемуся к своей блевотине; есть и такие, которые за чрезмерность пороков понесут наказание и здесь и там; а иные, превзошедшие всех своими злодеяниями, там подвергнутся мучению, не удостоившись "**подвергаются ударам** " вместе с другими людьми. "**И с [прочими] людьми**", говорится (в Писании), "**не подвергаются ударам**" (Псал. 72:5), как соблюдаемые на казнь вместе с бесами: "**идите от Меня**", скажет (Господь), "**в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его**" (Матф. 25:41). Многие восхитили священство посредством денег, но не имели обличителя и не услышали того, что некогда Симон волхв услышал от Петра (Деян. гл. 8); но через это они не избежали наказания, а подвергнутся гораздо тягчайшему, нежели то, какое они должны бы потерпеть здесь, за то, что не вразумились этим примером. Многие отваживались на дела Корея, и не пострадали, как Корей (Числ. гл. 16); но впоследствии они потерпят большее наказание. Многие, соревновавшие нечестию

фараона, не были потоплены в море подобно ему; но их ожидает пучина геенская. И, называвшие братьев своих уродами, еще не подверглись наказанию, потому что для них казнь уготована там. Итак, не думайте, будто определения Божьи суть только слова: для того Он и исполнил некоторые из них самым делом, например, на Сапфире, на Ахаре, на Аароне и многих других, чтобы неверующие словам Его, удостоверившись из дел, перестали, наконец, обольщать себя мыслию, что они не будут наказаны, и убедились, что Богу по благости Его свойственно давать время грешникам (на покаяние), а не вовсе оставлять без наказания пребывающих в грехах. Можно бы и больше сказать в доказательство того, какой огонь уготовляют себе те, которые унижают красоту девства; но для здравомыслящих довольно и этого, неисправимых же и безумствующих и гораздо пространнейшая речь не может удержать от безумия. Посему, оставив эту часть речи, все следующее скажем для здравомыслящих, возвратившись опять к блаженному Павлу. "**А о чем вы писали ко мне**", говорит он, "**то хорошо человеку не касаться женщины**" (1 Кор. 7:1). Пусть устыдятся теперь те и другие, и охуждающие брак и превозносящие его не по его достоинству; тем и другим блаженный Павел заграждает уста, как посредством этих, так и следующих затем слов.

25. Брак есть добро, потому что сохраняет мужа в целомудрии и не допускает погибнуть уклоняющемуся в прелюбодеяние. Посему не охуждай брака; он приносит большую пользу, не дозволяя членам Христовым сделаться членами блудницы, не попуская святому храму быть осквернённым и нечистым. Он есть добро, потому что укрепляет и исправляет готового пасть. Но на что он тому, кто стоит твердо и не нуждается в его помощи? Здесь он уже не полезен и не необходим, но даже служить препятствием для добродетели, не только тем, что причиняет много неудобств, но и тем, что уменьшает большую часть похвал.

26. Кто облекает в оружие такого человека, который может сражаться и побеждать без оружия, тот не только не приносит ему пользы, но и причиняет крайнюю обиду, лишая его прославления и светлых венцов; потому что не допускает его проявить всю свою силу и трофею его быть самым блистательным. А при браке бывает еще больший вред; потому что он лишает не только похвалы от народа, но и наград, уготованных девству. Посему "**хорошо человеку не касаться женщины**". Для чего же ты дозволяешь прикасаться? "**во избежание блуда**", говорит апостол; я боюсь возводить тебя на высоту девства, чтобы ты не ниспал в пропасть прелюбодеяния; у тебя еще не так легки крылья, чтобы я стал поднимать тебя на такую высоту. Но они сами решились бы на эти подвиги и устремились бы к красоте девства; почему же боишься и опасаешься ты, блаженный Павел? Потому, может быть, сказал бы он, что они, не зная этого подвига, показывают такую готовность; а меня самое дело и уже испытанная мною борьба располагает осторожнее советовать это состояние другим.

27. Я знаю трудность этого состояния, знаю силу этих подвигов, знаю тяжесть этой борьбы. Для этого требуется душа ревностная, мужественная, неподчиняющаяся похотям; здесь надобно идти по раскаленным углям и не обжечься (Притч. 6:28), выступать против меча и не быть раненым; ибо сила похоти так велика, как сила огня и железа; и если душа выступит не приготовленной и не будет противиться ее влечениям, то скоро погубит себя. Посему нам нужно иметь адамантовый ум, неусыпное зрение, великое терпение, крепкие стены с ограждениями и запорами, бдительных и доблестных стражей, а, прежде всего этого помощь свыше; ибо "**если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его**" (Псал. 126:1). Как же мы можем приобрести эту помощь? Если мы приложим все со своей стороны, здравые помыслы, великое усердие к посту и бдению, строгое исполнение закона, соблюдение заповедей и, что всего главнее, не будем самонадеянны. Если бы мы успели совершить даже великие подвиги, мы всегда должны

говорить самим себе: "**если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его**" (Псал. 126:1); "**потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной**" (Ефес. 6:12); день и ночь у нас помыслы должны пребывать вооруженными и быть страшными для постыдных похотей; так как, если они немного ослабеют, дьявол приступит с огнем в руках, чтобы поджечь и испепелить храм Божий. Посему мы должны оградить себя со всех сторон. У нас борьба с потребностью природы, подражание жизни ангелов, соревнование с бесплотными силами; земля и пепел старается сравняться с небожителями, и тление вступает в соперничество с нетлением. Неужели теперь, скажи мне, кто-нибудь дерзнет равнять с таким делом брак и удовольствие? Не весьма ли это безумно? Зная все это, Павел говорил: "**каждый имей свою жену**" (1 Кор. 7:2). Поэтому он уклонялся, поэтому не решался с самого начала говорить коринфянам о девстве, но продолжал речь о браке, желая мало помалу отвлечь их от брака, и в эту длинную речь вставил краткие слова о воздержании, чтобы слух их не был поражен строгостью этого увещания. Кто составляет всю речь свою всецело из предметов тяжелых, тот бывает несносен для слушателя и часто вынуждает душу, не переносящую тяжести его слов, отвращаться от них; а кто разнообразит речь и составляет ее больше из легких, чем трудных предметов, тот прикрывает тяжесть предмета и, успокоив слушателя, таким образом, успешнее убеждает и привлекает его, как поступил и блаженный Павел. Сказав: "**хорошо человеку не касаться женщины**", он тотчас перешел к браку; "**каждый**", говорит, "**имей свою жену**". (Девство) он только похвалил, сказав: "**хорошо человеку не касаться женщины**", и остановился; а касательно брака дает совет и заповедь и приводит причину в словах: "**во избежание блуда**". По-видимому, он доказывает позволительность брака; а на самом деле в словах о браке незаметно превозносит похвалами воздержание, не высказывая этого явно, но предоставляя совести слушателей. Кто поймет, что ему советуется вступить в брак не потому, чтобы брак был верхом добродетели, но потому, что в нем самом Павел осуждает такую похотливость, от которой ему невозможно удержаться без брака, тот, устыдившись и покраснев, тотчас постарается избрать девство и уклониться от такого бесчестия.

28. Что же потом говорит (апостол)? "**Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу**" (1 Кор. 7:3). Затем, истолковывая и изъясняя то же самое, он присовокупляет: "**жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена**" (1 Кор. 7:4). И это, по-видимому, он говорит о браке, а на самом деле, как бы прикрыв обычной приманкой крючок, закидывает его в уши учеников, желая самыми словами о браке отвлечь их от брака. Кто услышит, что после брака он не будет господином самого себя, но будет находиться во власти жены, тот тотчас постарается освободиться от этого горчайшего рабства, или лучше, и не начнет подчинения этому игу; так как подчинившемуся однажды необходимо потом раболепствовать до тех пор, пока это угодно будет жене. А что я не по догадке только высказываю мысль Павла, в этом легко убедиться примером учеников (Христовых). И они не прежде признавали брак тягостным и обременительным, как, выслушав Господа, доведшего их до такой же необходимости, до какой и Павел доводил тогда коринфян; ибо то изречение: "**кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать**" (Матф. 5:32), и это: "**муж не властен над своим телом**" (1 Кор. 7:4), выражают одну и ту же мысль, только разными словами. Если же кто точнее вникнет в изречение Павла, то (увидит, что) оно еще более увеличивает власть (жены) и делает рабство (мужа) еще более тяжелым. Господь не предоставляет мужу власти изгонять жену из дома; а Павел лишает его власти и над собственным телом, передавая всю власть над ним жене и подчиняя его больше купленного раба. Рабу часто можно бывает получить совершенную свободу, если он будет в состоянии, собрав довольно серебра, внести за себя плату господину; а муж, хотя бы имел жену несноснейшую из

всех, обязан переносить рабство и никак не может найти освобождения от него и выхода из этого подчинения.

29. Сказав, что "**жена не властна над своим телом**", апостол продолжает: "**не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а [потом] опять будьте вместе**" (1 Кор. 7:4,5). Я думаю, что при этих словах многие из посвятивших себя девству краснеют и стыдятся за такую снисходительность Павла; но не смущайтесь и не предавайтесь какому-нибудь непристойному чувству. По-видимому, и эти слова сказаны в угождение вступающим в брак; но если кто тщательно вникнет в них, то найдет в них мысль одинаковую с предыдущими. Если кто станет рассматривать их просто, без отношения к вышеизложенной причине, тому они покажутся скорее словами свахи, нежели апостола; но если он вполне исследует цель их, то найдет и это увещание совершенно соответствующим апостольскому достоинству. Для чего он пространнее излагает свою речь? Разве не довольно было сказать благопристойное увещание предыдущими словами и остановиться на этом? Заключается ли в словах: "**не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время**", что-нибудь больше, чем в словах: "**муж оказывай жене должное благорасположение**"*,* и: "**муж не властен над своим телом**"? Ничего больше; а только, что там выражено кратко и неясно, здесь изложено пространнее и яснее. Это делает апостол по подражанию святому Божию Самуилу. Как Самуил со всей точностью излагал простолюдинам законы о царстве не для того, чтобы они приняли их, но чтобы не принимали, и, по-видимому это было наставлением, а на самом деле было некоторым отклонением их от неблаговременного желания (иметь царя): так и Павел многократно и весьма ясно распространяется о подчинении в браке, желая этими словами отклонить слушателей от брака. Сказав: "**жена не властна над своим телом**", он продолжает: "**не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве**". Видишь ли, как незаметно и неукоризненно он располагает пребывающих в браке к упражнению в воздержании? Сначала он просто похвалил это дело, сказав: "**хорошо человеку не касаться женщины**"; а здесь присовокупил и увещание, сказав: "**не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию**". Почему же он то, что хотел установить, предложил в виде увещания, а не в виде повеления? Он не сказал: лишайте себя друг друга, по согласию; а что? - "**не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию**"*;* потому что через это речь становилась приятнее, выражая мысль учителя, требующую этого не с настойчивостью, от чего и исполнение бывает скорее и с великой признательностью. И не этим только он утешает слушателя, но и тем, что, изложив тягостное краткими словами, еще, прежде чем слушатель опечалился, он переходит к более приятному, и на этом останавливается долее.

30. Заслуживает исследования и следующее: "**если брак честен и ложе непорочно"** (Евр. 13:4), то почему (апостол) не допускает их во время поста и молитвы? Потому, что весьма странно было бы: если даже иудеи, у которых все имело отпечаток плотской, которым позволялось даже иметь по две жены, одних изгонять, а других брать, так предохраняли себя в этом деле, что, приготовляясь слушать Слово Божье, воздерживались от законного соития, притом не один день и не два, а несколько дней (Исх. 19), то было бы странно, если бы мы, получившие такую благодать, принявшие Духа, умершие и спогребшиеся Христу, удостоившиеся усыновления, возведенные в такую почесть, после столь многих и столь великих благ, не прилагали усердия одинакового с этими детьми. Если же кто стал бы опять спрашивать, почему сам Моисей отклонял иудеев от брачного общения, я сказал бы, что брак, хотя и честен, но может достигать только того, что не оскверняет живущего в нем, а сообщать еще святость один он не в состоянии, - это уже дело не его силы, но девства. И не Моисей только и Павел возвещали это; послушай, что говорит Иоиль: "**назначьте пост и объявите торжественное собрание. Соберите народ, созовите собрание, пригласите старцев**" (Иоил. 2:15-16). Но, может быть, ты желаешь знать, где

он советовал воздерживаться от жены? "**Пусть выйдет**", говорит он, "**жених из чертога своего и невеста из своей горницы**" (Иоил. 2:16). Это даже больше Моисеева повеления. Если жениху и невесте, у которых страсти кипят, юность цветет, похоть бывает неудержима, не следует сообщаться во время поста и молитвы, то не гораздо ли более тем, для которых нет такой необходимости сообщения? Тот, кто молится и постится, как следует, должен отказаться от всякой житейской похоти, от всякой заботы и рассеянности, и вполне сосредоточившись в самом себе во всех отношениях, в таком состоянии приступать к Богу. Потому пост и есть добро, что он устраняет заботы души и, прекращая угнетающую ум дремоту, обращает все помыслы к ней самой. На это и Павел намекает, когда отклоняет от совокупления, и употребляет выражение весьма точное. Он не сказал: да не оскверняетесь, но: "**для упражнения в посте и молитве**"; так как сообщение с женою ведет не к нечистоте, но к не упражнению (в этих делах).

31. Если теперь, после такой предосторожности, дьявол старается препятствовать нам во время молитвы, то, застигнув душу расслабленной и изнеженной от пристрастия к жене, чего не сделает он, развлекая туда и сюда наши мысленные очи? Чтобы нам не потерпеть этого и не обращаться к Богу с напрасною молитвою, особенно когда мы стараемся приклонить Его на милость к нам, апостол и повелевает удаляться тогда от (брачного) ложа.

32. Если приходящее к царям, - что я говорю - к царям? - даже к низшим начальникам, и рабы, прибегающее к господам, потерпев ли обиду от других, или нуждаясь в каком-нибудь благодеянии, или поспешая укротить возбудившийся против них гнев, приступают к объяснению с этими лицами, устремив на них глаза и все мысли свои, а при малейшей рассеянности не только не достигают желаемого, но и уходят, получив какую-нибудь неприятность; если желающие утишить гнев людей поступают с такой тщательностью, то, что будет с нами, несчастными, если мы будем приступать с небрежностью к Владыке всех Богу, подвергшись притом гораздо большему гневу Его? Ни слуга не станет раздражать господина, ни подданный царя так, как мы ежедневно прогневляем Бога. Объясняя это и Христос назвал грехи по отношению к ближнему динариями, а грехи по отношению к Богу – "**десять тысяч талантов**" (Матф. 18:23,24). Посему, когда мы в молитвах прибегаем к Нему с намерением утишить такой гнев и умилостивить Его, так прогневляемого нами каждый день, (апостол) справедливо отклоняет нас от упомянутого наслаждения и как бы так говорит: "возлюбленные, речь идет у нас о душе, опасность предстоит крайняя; нужно трепетать, страшиться и сокрушаться; мы приступаем к грозному Владыке, многократно оскорбленному нами, имеющему против нас великие обвинения и за великие грехи; теперь не время объятий или наслаждений, но слез и горьких стенаний, коленопреклонений, тщательного исповедания, прилежного сокрушения, многих молитв". Благо будет тому, кто, с таким усердием приступив и припадши к Богу, смягчит гнев Его, не потому, чтобы Господь наш был жесток и непреклонен, - напротив, Он очень кроток и человеколюбив, - но чрезмерность наших грехов не попускает даже и благому, кроткому и многомилостивому скоро прощать нас. Посему и говорит (апостол): *да* "**для упражнения в посте и молитве**". Что же может быть прискорбнее того рабства? Я хотел бы преуспевать в добродетели, возноситься на небо, постоянным упражнением в постах и молитвах омыть нечистоту души; а между тем, если жена не хочет склониться на это мое намерение, я принужден рабски подчиняться ее невоздержанию. Поэтому сначала он и сказал: "**хорошо человеку не касаться женщины**". Поэтому и ученики говорили Господу: "**если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться**" (Матф. 19:10). Рассудив, что (в браке) та и другая сторона необходимо терпит стеснение, они, вынужденные этими мыслями, и произнесли такое изречение.

33. Павел потому и обращается многократно к одному и тому же предмету, чтобы внушить коринфянам туже мысль: "**каждый имей свою жену**"; - "**муж оказывай жене должное благорасположение**"; - "**жена не властна над своим телом**"; - "**не уклоняйтесь друг от друга**"; - "**будьте вместе**". И блаженные ученики (Христовы) не тотчас после первого внушения рассудили так, но тогда, когда во второй раз услышали об этом, сознали необходимость такой заповеди. Христос беседовал об этом и в то время, как восседал на горе, и после многих других наставлений опять говорил, возбуждая в них любовь к воздержанию (Матф, 5); потому что одни и те же наставления, чем чаще повторяются, тем больше имеют силы. Так и здесь ученик, подражая Учителю, многократно говорит об одном и том же, а послабления нигде не делает просто, но с приведением причины: "**во избежание блуда**", говорит, во избежание сатанинских искушений и невоздержания; и, таким образом, в словах о браке незаметно воздает похвалу девству.

34. Если он и за людей живущих в браке опасался, чтобы в случае продолжительного их разлучения дьявол не нашел к ним доступ; то каких венцов будут достойны те, которые с самого начала не имели нужды в таком пособии и до конца остались неуловимыми? Притом же и козни дьявола бывают неодинаковы против тех и других. Первых, по моему мнению, он не слишком беспокоит, зная, что прибежище у них близко, и, если они почувствуют довольно сильное нападение, тотчас могут уйти в пристань; почему и блаженный Павел не дозволяет им плыть далее, но советует немедленно возвращаться назад, если они утомятся, позволяя опять "**быть вместе**". А девственница необходимо должна постоянно пребывать на море и плавать по океану, не имея пристани; и хотя бы поднялась жесточайшая буря, ей нельзя причалить своей ладьи и отдохнуть. Посему, как морские разбойники не нападают на мореплавателей вблизи города, гавани или пристани (ибо это значило бы напрасно подвергать себя опасности), но, застигнув корабль на средине моря и в поощрение своей дерзости пользуясь отсутствием помощи (этому кораблю), там употребляют все усилия, и не прежде отстают, как или потопив плывущих, или сами потерпев то же; так и этот страшный разбойник воздвигает против девственницы великую бурю, жестокий вихрь и невыносимые треволнения, все, переворачивая вверх дном, чтобы с силой и быстротой опрокинуть ладью, ибо он слышал, что девственнице не дозволяется "**быть вместе**", но ей необходимо весь век бороться, постоянно сражаться с духами злобы, пока она не достигнет тихой пристани (на небе). Поставив девственницу, как доблестного воина, вне стен, Павел не дозволяет ей отворять ворота (убежища), хотя бы враг сильно нападал на нее и хотя бы он приходил в большее неистовство от того самого, что его противнику не дозволяется иметь отдых. И не дьявол только, но и сила (естественного) вожделения еще более беспокоит не вступающих в брак; и это всякому известно. К тому, чем мы пользуемся, мы не так скоро влечемся пожеланием, так как беспрепятственность (к наслаждению) располагает душу к медленности. В этом удостоверяет нас и пословица, хотя простонародная, но весьма справедливая. "Что всегда во власти нашей, - говорит она, - того не так сильно хочется". Если же мы встречаем препятствия к тому, что прежде было в нашей власти, то бывает противное, и то самое, чем мы пренебрегали вследствие обладания им, делается предметом сильнейшего нашего пожелания. Итак, во-первых, по этой причине - у вступивших в брак больше спокойствия; а, во-вторых, потому, что если у них когда-нибудь высоко поднимется пламень (страсти), то последующее совокупление скоро погашает его. А девственница, не имея средства погасить этот пламень, хотя видит, что он разгорается и поднимается вверх, и, будучи не в силах погасить его, старается только о том, чтобы в борьбе с огнем не сгореть ей самой. Что может быть удивительнее этого - носить целый очаг внутри себя и не сгорать, питать пламень в тайниках души и сохранять ум неприкосновенным? Ей не позволяется выбросить вон эти горящие угли, и она принуждена переносить в душе то, чего, по словам писателя Притчей, невозможно вытерпеть телесной природе. Что же он говорит? "**может**

ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих" (Притч. 6:28)? Но вот она ходит и переносит пытку. "**Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его**" (Притч. 6:27)? А она, нося яростный и бурный пламень не в одеждах, но внутри себя, должна сдерживать и скрывать его. Кто же дерзнет, скажи мне, равнять брак с девством или взирать с пренебрежением на это последнее? Этого не допускает блаженный Павел, показав великое различие между тем и другим: "**незамужняя**", говорит он, "**заботится о Господнем, а замужняя заботится о мирском**" (1 Кор. 7:34). Дозволив брачным "**быть вместе**", и этим доставив им удовольствие, послушай, как он далее не одобряет их. "**Вместе**" говорит, "**будьте, чтобы не искушал вас сатана**". Желая показать, что не все зависит здесь от сатанинского искушения, но еще больше от нашей испорченности, он привел главнейшую причину, сказав: "**невоздержанием вашим**" (1 Кор. 7:5). Кто не устыдится, слыша это? Кто не постарается избежать упрека в невоздержании? Это увещание относится не ко всем, а к весьма похотливым. Если, говорит он, ты такой раб наслаждений, если ты так расслаблен, что беспрестанно распаляешься и стремишься к совокуплению, то сообщайся с женою. Таким образом, это дозволение есть не одобрение или похвала, но посмеяние и осуждение. Если бы он хотел не очень сильно касаться души сластолюбцев, то не употребил бы слова "**невоздержание**", весьма выразительного и содержащего великий упрек. Почему он не сказал: *немощию вашею*? Потому, что это больше означало бы извинение с его стороны, а словом "**невоздержание**" он выразил чрезмерность их беспечности. Итак, невоздержанию свойственно - не иметь силы для удаления от прелюбодеяния, если кто не будет постоянно иметь подле себя жену и наслаждаться совокуплением. Что же скажут теперь те, которые считают девство излишним? Оно чем строже соблюдается, тем больше заслуживает похвалы; а брак тогда особенно и лишается всякой похвалы, когда кто-нибудь пользуется им до пресыщения. **"Это**", говорит (апостол), "**сказано как позволение (по снисхождению), а не как повеление**" (1 Кор. 7:6); а где снисхождение, там не может быть места похвале. И беседуя "**о девах"**, он сказал: "**я не имею повеления Господня**" (1 Кор. 7:25); так не сравнял ли он то и другое? Нет: о девстве он дает свое мнение, а здесь - снисхождение. Не повелевает он ни того, ни другого, не по одной и той же причине; но там потому, чтобы кто-нибудь, желая преодолеть невоздержание, не встретил препятствия к тому в обязательном повелении, а здесь потому, чтобы кто-нибудь, не имеющий сил достигнуть девства, не был осужден, как преступивший повеление. Я не повелеваю, говорит он, оставаться в девстве, потому что боюсь трудности этого дела; не повелеваю и беспрестанно сообщаться с женою, потому что не хочу быть законодателем невоздержания. Я сказал: "**вместе**" - удерживая от ниспадения ниже, но, не препятствуя усердному восхождению выше. Итак, не он преимущественно желает, чтобы (брачные) постоянно сообщались с женою, но так установлено невоздержанием людей беспечнейших. Если ты хочешь узнать собственное желание Павла, то послушай, каково оно: "**желаю**", говорит он, "**чтобы все люди были, как и я**" (1 Кор. 7:7), т. е. в воздержании. Итак, ты, (апостол), желаешь, чтобы все соблюдали воздержание, желаешь, чтобы никто не был в браке? - Так, но, впрочем, этим я не препятствую желающим (вступать в брак) и не обвиняю их, но молюсь и желаю, "**чтобы все люди были, как и я**", а брак я дозволяю – "**во избежание блуда**"; посему и в начале я сказал: "**хорошо человеку не касаться женщины**", потому что этого я более желаю.

35. А для чего он здесь упоминает о самом себе в словах: "**желаю, чтобы все люди были, как и я**"? Если бы этого не было прибавлено, то он избежал бы речи о самом себе. Для чего же он присовокупил: "**как и я**"? Не для того, чтобы превозносить самого себя; он, хотя превзошел (других) апостолов в трудах проповеди, но считал себя недостойным даже апостольского наименования. "**Я наименьший из Апостолов**", говорит он; и, как будто сказал что-нибудь превышающее его достоинство, тотчас поправляется и прибавляет: "**и не достоин называться Апостолом**" (1 Кор. 15:9). Зачем же здесь при увещании он

выставляет себя? Не просто и не напрасно, но он знал, что ученики тогда особенно одушевляются ревностью к добру, когда имеют примеры учителей. Как тот, кто любомудрствует только на словах, без дел, не приносит великой пользы слушателю, так напротив тот, кто может предложить совет, наперед исполненный им самим, этим больше всего увлекает слушателя. Притом он представляет себя чистым и от зависти и от гордости; ибо желает, чтобы такая превосходная добродетель была общей у учеников, не домогаясь иметь что-нибудь больше их, но во всем уравнивая их с самим собою. Могу привести и третью причину. Какую же? - (Пребывание в девстве) казалось трудным и неудобным для многих; посему, желая представить его весьма легким, апостол выставляет на вид успевшего в этом, чтобы они не считали его очень тягостным, но, взирая на путеводителя, и сами смело вступали на тот же путь. Тоже делает он и в другом месте. Беседуя с галатами и стараясь освободить их от страха перед законом, под влиянием которого они привязывались к древнему обычаю и соблюдали многое относящееся к нему, что говорит он? "**будьте, как я, потому что и я, как вы**" (Гал. 4:12). Это изречение означает следующее; вы не можете, говорит он, сказать мне: ты потому безопасно любомудрствуешь с нами обо всем этом, что ныне обратился из язычников, и не знаешь страха, происходящего от преступления закона; нет, говорит он, и я подобно вам находился некогда в этом рабстве, был под велениями закона, хранил и соблюдал заповеди; но когда явилась благодать, то я всецело перешел от закона к ней (Гал. 1:13); и нет преступления в том, что мы перешли к "**мужу другому**" (Иерем. 3:1); посему, никто не может сказать, что я делаю одно, а советую другое, или что я, заботясь о собственной безопасности, вверг вас в опасность; если бы это дело было опасно, то я не предал бы самого себя, и не пренебрег бы собственным спасением. Таким образом, как здесь, поставив себя в пример, он освободил (галатов) от страха, так и там, выставляя себя на вид, он устраняет беспокойство коринфян.

36. "**Но каждый**", говорит он, "**имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе**" (1 Кор. 7:7). Смотри, как отличительный признак его апостольского смиренномудрия нигде не скрывается, но повсюду ясно выражается: свою заслугу он называет дарованием Божьим, и на что он употребил много трудов, то всецело приписывает Господу. И что удивительного, если он так поступает, говоря о воздержании, когда он таким же образом рассуждает и о проповеди, для которой понес бесчисленные труды, беспрестанные скорби, невыразимые бедствия, ежедневные смерти? Что же говорит он об этом? "**Я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною**" (1 Кор. 15:10); не говорит, что одно принадлежит ему, а другое Богу; но все (приписывает) Богу. Так признательному рабу свойственно не считать ничего собственным, но все господским, ничего не присваивать себе, но все господину. То же он делает и в другом месте. Сказав: "**по данной нам благодати, имеем различные дарования**" (Римл. 12:6), далее он исчислил начальственные должности, милостыни и подаяния, бывшие между римлянами; а что все это заслуги, а не дарования, это ясно для всякого. Я сказал об этом для того, чтобы ты, услышав слова его: "**каждый имеет свое дарование**", не пал духом и не сказал в самом себе: "девство не зависит от моего усердия; Павел назвал его дарованием". Он говорит это по смирению, а не потому, чтобы хотел поставить воздержание в числе дарований. Таким образом, он не противоречит ни самому себе, ни Христу; не противоречит Христу, который сказал: "**есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного**" (Матф. 19:12), и присовокупил: "**кто может вместить, да вместит**"*;* не противоречит и самому себе, так как он осуждает тех, которые, избрав вдовство, не хотели устоять в своем намерении; иначе, если это дар, для чего он угрожает (вдовицам) в словах: "**подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру**" (1 Тим. 5:12)? Христос никогда не осуждал на наказание тех, которые не имеют дарований, но всегда тех, которые не оказывают праведной жизни. Для него особенно желательны отличная жизнь и безукоризненные дела; а разделение дарований зависит не

от воли получающего, но от воли дающего. Посему Христос нигде не восхваляет творящих чудеса, и учеников, восхищавшихся этим, отклоняет от такой радости: "**не радуйтесь**", говорит Он, "**что духи вам повинуются**" (Лук. 10:20); а везде Им ублажаются милостивые, смиренные, кроткие, чистые сердцем, миротворцы, совершающие все это и тому подобное. И сам Павел, перечисляя свои заслуги, упомянул между ними и о воздержании. Сказав: "**в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви**" он присовокупил: "**в чистоте**" (2 Кор. 6:4-6). Он не поступил бы так, если бы эта чистота была дарованием. И почему он упрекает тех, которые не имеют ее, называя их невоздержными? Почему (по словам его) "**не выдающий поступает лучше**" (1 Кор. 7:38)? Почему "**блаженнее**" вдова, "**если останется так**" (1 Кор. 7:40)? Потому что, как я выше сказал, ублажаются не за чудеса, а за дела, равно как и наказываются. И почему он неоднократно повторяет увещание к одному и тому же, если это дело не зависит от нас, и после благодати Божьей не требует нашего усердия? Сказав: "**желаю, чтобы все люди были, как и я**", т. е. в воздержании, он говорит еще: "**безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я**" (1 Кор. 7:7,8), Опять приводит (в пример) самого себя по той же причине, чтобы, имея пример вблизи и у себя, (коринфяне) скорее решились на подвиги девства. А что он и выше при словах: "**желаю, чтобы все люди были, как и я**", и здесь: "**хорошо им оставаться, как я**", нигде не приводит причины, не удивляйся этому; он поступает так не по тщеславию, но считая достаточною причиною свое мнение, оправданное им на деле.

37. Если же кто хочет слышать суждения и об этом (браке овдовевших), то пусть сначала примет во внимание мнение о том всех людей, и потом все, что бывает сопряжено с этим делом. Хотя законодатели не наказывают за такие браки, даже дозволяют и извиняют их, но многие и в домах, и на площади много говорят о брачных делах с насмешками, укоризнами и отвращением. Все уклоняются от таких людей не менее, как от клятвопреступников, так сказать, не смея ни вступать с ними в дружбу, ни заключать с ними договоров, ни доверять им в чем-нибудь другом. Кто увидит, что они так легко изгладили из своей души такую привычку и дружбу, и сожительство, и общение, у того делается от этих мыслей некоторое оцепенение и он уже не может со всей искренностью приближаться к ним, как к людям легкомысленным и переменчивым. И не по этому только отвращаются от них, но и по самой неприятности того, что происходит у них. Что может быть, скажи мне, несноснее того, как после великого плача, воплей и слез, растрепанных волос и черной одежды вдруг видеть рукоплескания и брачные чертоги и смятение, все в противоположность предшествовавшему, как будто бы актеры на сцене разыгрывали то одну роль, то другую? Как там ты можешь видеть одного и того же то царем, то последним бедняком, так и здесь тот, кто недавно простирался подле могилы, вдруг делается женихом, кто растрепывал свои волосы, снова носит на той же голове венец, кто с поникшим и печальным взором, а часто и со слезами высказывал утешавшим его много похвал отошедшей (жене), и говорил: что ему жизнь не жизнь, и негодовал на удерживавших его от сетования, тот и часто перед теми же самыми лицами снова украшается и наряжается, и, как прежде, со слезами на глазах, так теперь с улыбкой смотрит на тех же самых людей и дружелюбно приветствует всех теми же устами, которыми прежде проклинал все подобные радости. А что всего прискорбнее, с этим вместе вносятся раздоры между детьми; подле дочерей появляется львица: ибо такова обыкновенно бывает мачеха. Отсюда ежедневные пререкания и ссоры, отсюда странная и ни с чем несообразная неприязнь к той, которая уже никого не беспокоит. Обыкновенно, живые преследуют и преследуются завистью, а с умершими и враги примиряются: но не так бывает здесь: прах и пепел становится предметом неприязни, невыразимая ненависть направляется против погребенной, злословия, порицания и клеветы на разложившуюся в

земле, непримиримая вражда к не причиняющей никому никакого огорчения. Что может быть хуже такого неразумия, такой жестокости? Нисколько не обиженная умершею - что я говорю - не обиженная? - пользующаяся ее трудами и наслаждающаяся ее добром, не перестает сражаться с ее тенью, и не причинившую никакого огорчения, а часто и не виданную никогда, ежедневно осыпает множеством порицаний, мстит несуществующей через детей ее, а часто вооружает против них и мужа, если сама не имеет успеха. И, однако, все это людям представляется легким и сносным, чтобы только им не было нужды переносить влечение похоти. А девственница не страшится этого противоборства, не избегает этой борьбы, кажущейся для многих столь невыносимою, но доблестно становится и вступает в борьбу с природой. Можно ли надивиться ей по ее достоинству, когда другие нуждаются даже во втором браке, чтобы не воспламеняться, а она, не испытав ни одного, всегда остается святой и невредимой? Поэтому и прежде всего, в виду уготованных вдовству наград на небесах, (апостол), имея в себе говорящего Христа, сказал: "**хорошо им оставаться, как я**". Ты не могла взойти на самую высшую степень (совершенства)? По крайней мере, не ниспади с той, которая следует после нее; пусть девственница имеет перед тобой только то преимущество, что похоть ни разу не преодолела ее, а тебя, прежде преодолев, не могла навсегда удержать в своей власти; и ты после поражения победила, а та имеет победу, чистую от всякого поражения; соприкасаясь с тобою в конце, она превосходит тебя только по началу.

38. Итак, вступившим в брак (апостол) преподает много утешений, так как и не лишает их друг друга без взаимного их согласия, и это лишение по согласию не простирает на долгое время, и еще позволяет им второй брак, если пожелают, чтобы не воспламеняться. А девствующим он не преподал никакого подобного утешения; но первых после такого воздержания опять освобождает от него, а девственницу, без малейшего облегчения, оставляет во всю жизнь сражаться, стоять неуклонно и смущаться вожделениями, и не дает ей ни малейшего отдыха. Почему и ей он не сказал: "**но если не [могут] воздержаться, пусть вступают в брак**" (1 Кор. 7:9)? Потому, что и борцу, когда он уже снял одежду, намастился, вышел на поприще и покрылся пылью, никто не сказал бы: "встань и убеги от противника"; но необходимо уже каждому из них выйти или увенчанным или падшим и посрамленным. В детской игре и в гимнастической школе, где упражняются с близкими людьми и борются с друзьями, как бы с врагами, всякий сам властен и подвизаться и не подвизаться; но когда кто уже обязался, и театр собрался, и распорядитель состязаний явился, и зрители уселись, и соперник выведен и противопоставлен, тогда закон состязаний отнимает у борца власть. Так и деве, пока она еще не решила, вступать ли ей в брак или не вступать, брак дозволяется беспрепятственно, но когда она избрала и обрекла себя (на девство), то она уже вывела себя на поприще. Кто же осмелится в то время, как зрелище открыто, когда свыше взирают ангелы и подвигоположник Христос, когда дьявол неистовствует и скрежещет, стоит на виду и устремляется на борьбу, выступить на средину и сказать: "беги от врага, оставь труды, удержись от столкновения, не повергай и не преодолевай соперника, но уступи ему победу?" Что я говорю о девах? Даже и вдовицам никто не осмелился бы сказать такие слова, а вместо них сказал бы следующие, страшные: "**впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак. Они подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру**" (Тим. 5:11-12).

39. Между тем сам (апостол) говорит: "**безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я; но если не [могут] воздержаться, пусть вступают в брак**", и еще: "**если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе**" (1 Кор. 7:8,9,39); почему же ту, которой дает свободу, он опять подвергает наказанию, и тот брак, о котором говорит, что он бывает "**в Господе**", осуждает, как дело беззаконное? Не смущайся; это не тот же самый брак, а другой. Как в словах: "**если девица выйдет замуж,**

не согрешит" (1 Кор. 7:28), он рассуждает не о той деве, которая отреклась от брака, - очевидно для всякого, что такая дева через это согрешила бы и грехом тяжким , - но о той, которая еще не испытала брака и еще не решилась ни на то, ни на другое, а находится в колебании между этими двумя помыслами; так и там он говорит о вдовице, просто не имеющей мужа и еще не связавшей себя решением собственной воли, но свободной избрать и то и другое; там же и о той, которая уже не властна опять сообщаться с другим женихом, а приступила к подвигам воздержания; ибо можно быть вдовой, и не быть в ряду имеющих достоинство вдовиц, если она еще не получила его. Посему он и говорит: "**вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя, бывшая женою одного мужа**" (1 Тим. 5:9). Простой вдове он дозволяет вступить в брак, если она пожелает; а давшую Богу обет всегдашнего вдовства, и потом вступившую в брак он сильно осуждает за то, что она попрала завет с Богом. Таким образом, к первым, а не к последним он говорит: "**если не [могут] воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться**" (1 Кор. 7:9). Видишь ли, что брак сам по себе нигде им не прославляется, но (дозволяется) во избежание прелюбодеяния, искушений, невоздержания? Все это он говорит выше, а здесь, произнесши против них сильные укоризны, он снова говорит о том же в более благосклонных выражениях, называя их состояние разжиганием и распалением. Однако и здесь он не оставил слушателя без укоризны. Не сказал: "если чувствуют какой-либо порыв страсти, если вынуждаются, если не могут (воздержаться"), и ничего такого, что свойственно страдающим и достойно снисхождения, но что? "**если не [могут] воздержаться**", что свойственно не желающим действовать по беспечности. Он показывает, что того дела, которое находится в их власти, они не исполняют потому, что не хотят трудиться. Впрочем, и при этом он не наказывает их и не осуждает на мучение, но, только лишив похвал, ограничивает свое неудовольствие словесными укоризнами, нигде не упоминая о деторождении, этой благовидной и честной причине брака, а только о разжигании, невоздержании, прелюбодеянии и сатанинском искушении, и, во избежание этого, дозволяя брак. Что же, скажут, если он избавит нас от наказания, мы благодушно перенесем всякое осуждение и всякие укоризны, только было бы дозволено наслаждаться и постоянно удовлетворять похоть. А что, почтеннейший, если не дозволено наслаждаться, и мы пожнем только укоризну? Как, скажешь, разве не дозволяется наслаждаться, когда Павел говорит: "**если не [могут] воздержаться, пусть вступают в брак**"? Но выслушай, что следует за этим. Ты узнал, что лучше вступать в брак, нежели разжигаться, ты принимаешь приятное, одобряешь дозволение, удивляешься снисхождению апостола; но не останавливайся на этом, а прими и последующее; то и другое повеление принадлежит одному и тому же (апостолу). Что же он говорит после того? "**А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, - если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, - и мужу не оставлять жены [своей]**" (1 Кор. 7:10,11).

40. А что, если муж будет кроток, жена же своенравна, злоречива, болтлива, расточительна, - это общий всех их недуг, - и преисполнена многих других дурных качеств? Как он, несчастный, будет переносить такую каждодневную неприятность, гордость, бесстыдство? Что, если, наоборот, она будет скромна и тиха, а он дерзок, подозрителен, гневлив, весьма надменен богатством или властью, будет обращаться с ней свободной как с рабой, и будет расположен к ней нисколько не лучше, как и к служанкам? Как она перенесет такое унижение и притеснение? Что, если он постоянно отворачивается от нее и делает это непрестанно? Терпи, говорит (апостол), все это рабство: ибо только тогда ты будешь свободна, когда он умрет; а при жизни его необходимо одно ив двух, - или весьма тщательно вразумлять его и исправлять или, если это невозможно, мужественно переносить непрестанную и непримиримую вражду. Выше он говорил "**не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию**"; а здесь разлучившейся повелевает

воздерживаться, хотя уже по неволе: "**должна оставаться**", говорит, "**безбрачною, или примириться с мужем своим**". Видишь, как она находится между двух бед? Она должна или терпеть насилие от похоти, или, если этого не хочет, угождать своему обидчику и быть готовой на все, чего бы он ни захотел, наносить ли побои, или осыпать злословиями, или подвергать презрению слуг, и прочее тому подобное; так как мужьями придумано много средств, когда они захотят наказать своих жен. Если же она не потерпит этого, то должна пребывать в бесплодном воздержании; бесплодном, говорю, потому что к нему не относится данное обетование, так как оно происходит не от стремления к святости, а от гнева на мужа. "**Должна оставаться**", говорит, "**безбрачною, или примириться с мужем своим**". А что, скажешь, если он не захочет помириться? У тебя есть другая возможность избавиться и освободиться. Какая же? Ожидай его смерти. Как девственнице никогда не позволительно вступать в брак, потому что Жених ее всегда жив и бессмертен, так и вступившей в брак тогда только можно (получить свободу), когда умрет ее муж. Если бы и при жизни его можно было ей переходить от него к другому, и от этого опять к иному; то для чего и браки, когда мужья стали бы безразлично пользоваться женами друг друга и все просто смешивались бы со всеми? Не исчезло ли бы и взаимное расположение, если бы сегодня один, завтра другой, а потом третий стал жить с женой кого-либо из сожителей? Справедливо Господь назвал это прелюбодеянием.

41. Для чего же Он позволил это иудеям? Для того, чтобы они не враждовали друг с другом, чтобы родственной кровью не наполняли своих жилищ. Что лучше было, скажи мне, для сделавшейся ненавистною - быть ли изгнанною вон, или быть убитою внутри дома? А последнее они сделали бы, если бы им не дозволено было изгонять. Посему (Господь) и говорит: "**возненавидит ее и отпустит ее из дома своего**" (Втор. 24:1-3). Когда же Он беседует с кроткими и такими, которым не позволяет даже гневаться, то говорит: "**если же разведется, то должна оставаться безбрачною**" (1 Кор. 7:11). Видишь ли стеснение, неизбежное рабство, связывающие обоих узы? Поистине брак есть узы, не только по причине множества забот и ежедневных неудовольствий, но и потому, что подчиняет супругов друг другу хуже всякого раба. "**Будет господствовать**", говорит (Господь), муж женою (Быт. 3:16). А какая польза от этого обладания? Оно также и его делает рабом обладаемой, составляя некоторое новое и необыкновенное воздаяние посредством рабства; как ноги беглецов, быв связаны и сами по себе, и еще привязаны одни к другим какой-нибудь небольшой цепью, прикрепленной обоими концами к оковам, не могут ступать свободно, потому что каждый из них принужден следовать за другим; так и души супругов, имея и свои особые заботы, имеют и другое стеснение, происходящее от союза друг с другом, сдерживающее их хуже всякой цепи и отнимающее свободу у обоих тем, что не предоставляет начальство кому-нибудь одному из них, но разделяет власть между обоими. Итак, где те, которые за наслаждение удовольствием готовы переносить всякое осуждение? Не малая часть удовольствия сокращается от взаимных огорчений и распрей, часто продолжающихся в течение долгого времени. И самое рабство, заставляющее одного невольно переносить своенравность другого, в состоянии помрачить всякое наслаждение. Посему и блаженный (Павел) сначала укоризненными словами удерживал стремление к сладострастию: "**во избежание блуда**", для избежания невоздержания и разжжения; но, зная, что эти слова осуждения для многих малозначительны, потом для обуздания их прибавляет более сильные выражения. Посему и ученики (Христовы) нашли нужным сказать: "**лучше не жениться**" (Матф. 19:10), в виду того, что ни который из супругов не властен над самим собою. И это предлагается уже не как увещание или совет, но как обязательное повеление и заповедь. Только вступать, или не вступать в брак зависит от нас; а то, что последует за браком, уже не в нашей власти, но волею или неволею нужно переносить рабство. Почему? Потому, что мы не по неведению избираем это подчинение, но, очень хорошо зная его права и законы, добровольно подвергаем себя этому игу. Затем, сказавши о живущих с неверными

женами, изложив подробно все законы о браке, вставив речь и о рабах и достаточно утешив их тем, что этим рабством не унижается их духовное благородство, он переходит, наконец, к словам о девстве, которые и прежде соблюдал в себе и старался посеять, а теперь открыл, хотя, не утерпев, не умолчал об этом и в словах о браке; ибо кратко и в разных местах он поместил слова (о девстве) и в этом последнем увещании, и таким прекрасным способом приготовив наш слух и предрасположив ум, сделал превосходное введение к речи (о девстве). После увещания рабам, - "**ценою**", говорит он, "**куплены; не делайтесь рабами человеков**" (1 Кор. 7:23), - напомнив о благодеянии нам Господа, и этим воскресив и вознесши на небо умы всех, он потом и излагает учение о девстве, выражаясь такими словами: "**относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть [Ему] верным**" (1 Кор. 7:25). Хотя он также не имел повеления относительно верных, сопрягающихся с неверными, однако о них с великой властью дает закон и пишет так: "**прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее**" (1 Кор. 7:12). Почему же и относительно дев ты не объявляешь того же? Потому что Христос относительно этого дал ясное постановление, запрещая вводить девство, как обязательную заповедь; ибо слова Его: "**кто может вместить, да вместит**" предоставляют слушателю власть выбора. Беседуя о воздержании, апостол говорит: "**желаю, чтобы все люди были, как и я**", в воздержании; и еще: "**безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я**" (1 Кор. 7:7-8); говоря же о девстве, он нигде не упоминает о самом себе. Потому он и говорит весьма скромно и с великой осторожностью, что сам не совершал этого подвига. "**Повеления**", говорит он, "**я не имею**". Сперва, предоставив выбор и хорошо настроив слушателя, он потом и преподает совет. Так как самое название девства тотчас указывает на великий подвиг, то он не тотчас переходит к этому увещанию, но, привлекши к себе ученика сначала посредством выбора и приготовив душу его к послушанию и покорности, он потом уже делает предложение. Ты слышал, что девство есть название многих трудов и подвигов, но не бойся; оно не есть повеление и не вводится как обязательная заповедь, но тем, которые принимают его на себя добровольно и по избранию, оно воздает собственными благами, возлагая на голову их блестящий и доброцветный венец; тех же, которые отказываются и не желают принять его, оно не наказывает и не принуждает к тому против воли. И не только этим он сделал слово свое необременительным и приятным, но и указанием на то, что благодать этого подвига дается не от него, но от Христа. Он не сказал о девах; я не повелеваю, но: "**я не имею повеления**"; и как бы так говорил: если бы я предлагал такое увещание, руководясь человеческими рассуждениями, то не следовало бы решаться на это; но так как это угодно Богу, то залог безопасности надежен; я же лишен власти давать подобные повеления; но если вы хотите выслушать меня, как равного вам раба, то "**даю совет, как получивший от Господа милость быть [Ему] верным**" (1 Кор. 7:25). Здесь достойно удивления великое искусство и благоразумие блаженного (Павла), как он, находясь среди двух необходимостей и противоположностей, - представить собственную личность, для того, чтобы совет стал удобоприемлемым и не сказать о себе ничего лишнего, - так как сам он не имел этой добродетели, - в кратких словах достиг того и другого; ибо словами: "**получивший милость**" он как бы выставляет самого себя, а тем, что не выставляет себя с более блистательной стороны, уничижает и смиряет себя.

42. Он не сказал: даю совет, как человек, которому вверено благовестие, как удостоенный быть проповедником язычников, как такой, кому вручено начальство над вами, как учитель и руководитель; но как? – "**получивший милость**", говорит он, утверждая меньшее; ибо "**быть**" только "**верным**" менее, нежели быть учителем верных. Он даже прибавляет еще другое уничижение. Какое? Не говорит: как сделавшийся верным; но "**получивший милость быть верным**". Не думайте, что только апостольство, проповедничество и учительство суть дары Божьи, но даже самая вера произошла у меня

по Его милости. Не потому, что я был достоин, я удостоился веры, говорит он, но только потому, что я был помилован; а милость - по благодати, а не по заслуге: так что если бы Бог не был в высшей степени милосердным, то я никогда не мог бы сделаться не только апостолом, но и верным. Видишь ли признательность и сокрушенное сердце раба, который не приписывает себе никакого преимущества перед прочими, но даже о том, что было общим у него с учениками, о вере, говорит, что она не его, а дар милости и благодати Божьей, выражая этими словами как бы следующее: не считайте недостойным принять от меня совет, ибо и Бог не признал меня недостойным Своей милости; впрочем, это только совет, а не повеление; я советую, а не узакониваю; никакой закон не запрещает представлять и предлагать что-нибудь полезное для каждого, в особенности, если это делается по просьбе слушателей, как например, теперь по вашей; "**признаю**", говорит, "**за лучшее**" (1 Кор. 7:26). Видишь, какая скромная и чуждая всякой власти речь. Можно было бы сказать так: если Господь не заповедал девства, то и я (не заповедаю), но советую и увещеваю вас стремиться к этому, ибо я ваш апостол; - подобно тому, как он сказал им дальше: "**если для других я не Апостол, то для вас [Апостол]**" (1 Кор. 9:2). Здесь же не говорит он ничего такого, но употребляет слова с большой скромностью, вместо: советую – "**совет даю**", вместо: как учитель, - "**как получивший от Господа милость быть [Ему] верным**"; и как-будто этого было недостаточно, чтобы сделать речь смиренной, он, начав с совета, снова умаляет власть, не просто предлагая его, но и приводя причину: "**ибо**", говорит, "**по настоящей нужде за лучшее признаю**" (1 Кор. 7:26). Когда он говорил о воздержании, то не сказал: "**думаю**", и не привел никакой причины, а просто сказал: "**чтобы все люди были, как и я**"; здесь же: "**за лучшее признаю**". Это он делает не потому, чтобы сомневался относительно этого предмета, - нет, - но потому, что желает все предоставить суду слушателей; ибо советник не тот, кто решает своими словами, но тот, кто все предоставляет суду слушателей.

43. О какой же нужде он говорит здесь? О естественной ли? Нет; потому что, во-первых, если бы он говорил об этой нужде, то, упомянув о ней, он сделал бы противное тому, чего хотел; ибо желающие вступить в брак непрестанно ссылаются на нее; во-вторых, он не назвал бы ее "**настоящею**": она не теперь только, но издревле прирождена роду человеческому, и была прежде более тяжелой и необузданной, но по пришествии Христа и с преуспеянием добродетели сделалась удобопреодолеваемой. Итак, не о ней он говорит, но подразумевает другую (нужду) разнообразную и разнородную. Какая же это? Извращение дел житейских. Наступает такое смятение, такая тяжесть забот, такое множество обстоятельств (в жизни), что вступившие в брак против воли весьма часто принуждены грешить и заблуждаться.

44. Сначала была предложена не такая степень добродетели, но было позволено и отмщать обидевшему, и отвечать порицанием порицающему, и заботиться о богатстве, и давать неложную клятву, и выкалывать око за око, и ненавидеть врага, и не запрещалось ни наслаждаться, ни гневаться, ни разводиться с женой и жениться на другой. Мало этого, закон позволял даже иметь двух жен в одно время, и вообще было большое снисхождение в этом и во всем другом. Но, после пришествия Христова, путь сделался гораздо теснее не только потому, что от нашей власти была отнята эта невыразимая и великая свобода во всем вышесказанном, но и потому, что даже такую жену, которая часто уговаривает и принуждает нас против воли во многих грехах, нужно иметь всегда при себе, а разводиться желающий может тогда, когда она будет обличена в прелюбодеянии. И не только поэтому добродетель трудно исполнима для нас, но и потому, что, если живущая с нами имеет сносный характер, множество забот о ней и о детях не позволяет нам даже на малое время взглянуть на небо, производя как бы постоянное головокружение, возмущающее и потопляющее нашу душу. Смотри: муж желает вести частную, безопасную и спокойную жизнь; но, видя, что окружающие его дети и жена требуют

многих издержек, он против воли бросается в омут общественных дел. Как только он попадает в него, то нельзя сказать, сколько представится ему поводов грешить: гневаться, клясться, браниться, мстить, притворяться, многое делать из лести, многое - из ненависти. Как же можно вращающемуся в таком омуте и желающему отличиться в нем не запятнать себя грязью многих грехов? Если кто обратит внимание и на домашние дела, то найдет такие же и еще большие затруднения от жены; здесь нужно заботиться о многом, в чем муж сам по себе не нуждается: это в том случае, когда жена скромна и тиха; если же она своенравна, упряма и невыносима, то это мы назовем уже не только затруднением, но наказанием и мучением. Как же будет в состоянии идти путем к небу, требующим ног свободных и легких и души бодрой и благоукрашенной, тот, кто имеет столь тяжелое бремя, связан такими узами и постоянно влечется вниз этой цепью, т. е. злобой жены?

45. Но какое (может быть) благовидное возражение многих, когда мы изложили все это? Следовательно, скажут, будет удостоен большей чести тот, кто будет добродетелен при таких затруднениях. Какой, почтеннейший, и за что? За то, скажешь, что он в браке подвергается большему бремени. Но кто принуждал его принимать на себя такую тяжесть? Если бы он вступил в брак во исполнение заповеди и невступление в брак было нарушением закона, то это возражение было бы благовидно; если же он, имея власть не подвергаться игу брака, добровольно, без всякого принуждения, пожелал навлечь на себя такие затруднения, что подвиг добродетели стал для него весьма тягостным, то, это нисколько не касается Подвигоположника; ибо Он заповедал успевать только в одном, в борьбе с дьяволом, и достигать победы над злом; а успевает ли кто в этом женясь, наслаждаясь и имея много забот, или подвизаясь и бедствуя и ни о чем другом не заботясь, Ему до этого нет дела. Он говорит, что способ победы и путь, ведущий к победе, должен быть свободным от всего житейского; если же ты хочешь воинствовать и бороться, имея жену, детей и все связанные с этим дела, надеясь иметь успех одинаковый с теми, которые не связаны ничем подобным, и через это удостоиться большего удивления, то мы, - хотя бы ты упрекнул нас в большой гордости, - теперь сказали бы тебе, что тебе невозможно достигнуть высоты, одинаковой с теми; а конец и время раздачи венцов хорошо убедят тебя тогда, что безопасность гораздо лучше пустого честолюбия, и лучше повиноваться Христу, нежели суете собственных суждений. Христос говорит, что для добродетели недостаточно нам отказаться от всей собственности, если мы и себя самих не возненавидим; а ты говоришь, что можешь одержать победу, привязавшись ко всему этому. Но, как я сказал, тогда ты хорошо узнаешь, каким препятствием для добродетели бывает жена и заботы о жене.

46. Почему же, скажут, служащую препятствием Бог назвал помощницей (мужа)? "**Сотворим ему**", говорит Он, "**помощника, соответственного ему**" (Быт. 2:18). Но и я тебя спрошу: какая же помощница та, которая лишила мужа такого благополучия, извергла его из дивного пребывания в раю и ввергла в смятение настоящей жизни? Это свойственно не помощнику, а только злоумышленнику. "**От жены**", говорится (в Писании), "**начало греха, и через нее мы все умираем**" (Сирах. 25:27); и блаженный Павел говорит: "**и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление**" (1 Тим. 2:14). Какая же помощница та, которая подвергла мужа смерти? Какая помощница та, через которую сыны Божьи, или лучше все тогдашние обитатели земли, вместе со зверями, птицами и всеми прочими живыми существами погибли в потопе? Разве не она намеревалась погубить праведного Иова, если бы он не был крепким мужем (Иов. 2)? Разве не она погубила Сампсона (Суд. 16)? Разве не она устроила, чтобы весь народ еврейский служил Ваал-Фегору и был поражен руками своих братьев (Чис. 25)? Кто в особенности предал дьяволу Ахава (3 Цар. 21:25), а еще раньше - Соломона со всей его мудростью и славой (XI, 4)? И доселе часто (жены) не склоняют ли своих мужей к оскорблению Бога? Не поэтому ли мудрый муж говорит: "**Всякая злость мала в**

сравнении со злостью жены" (Сирах. 25:21). Но почему же, скажут, Бог изрек: "**сотворим ему помощника, соответственного ему**"? Слово Бога, конечно, не ложно. И я не скажу этого, - нет, - она создана для этого и поэтому, но не пожелала остаться при собственном достоинстве, равно как и муж ее. Бог сотворил его по образу и по подобию Своему; "**сотворим**", говорит Он, "**человека по образу Нашему по подобию Нашему**" (Быт, 1:26), так же, как сказал: "**сотворим ему помощника**"; но по сотворении человек вскоре погубил и то и другое. Он не сохранил "**подобия**" (ибо, как мог сохранить, предавшись постыдной страсти, склонившись на обольщение и не победив в себе желание наслаждения?), а потому невольно был лишен и достояния "**образа**"; ибо Бог не малой части господства лишил того, который был страшен для всех как владыка, и стал непризнательным рабом после оскорбления Господа, сделав его презренным для подобных ему рабов. Сначала он был страшен для всех зверей: Бог привел к нему всех их, и ни один не посмел причинить ему зла или козни, видя блистающий в нем царский образ; когда же он помрачил грехом эти черты, то Бог лишил его и этого господства. Как через то, что человек не господствует над всем земным, а некоторых даже боится и страшится, не делается ложным изречение Божье: "**и владычествуйте над всяким животным**" (Быт. 1:28) (ибо сокращение власти произошло не от давшего ее, но получившего): так и козни жен в отношении к мужьям не ослабляют слов: "**сотворим ему помощника, соответственного ему**"; - она произошла для этого, но не осталась при этом. Кроме того, можно сказать и то, что она оказывает свою помощь к устроению настоящей жизни, к рождению детей и к обузданию естественной похоти; но когда уже не будет времени ни для настоящей жизни, ни для деторождения, ни для похоти, то для чего напрасно ты здесь упоминаешь о помощнице? Если ту, которая в состоянии содействовать только в малых делах, станет кто-либо иметь сотрудницей в делах великих, то не только не получит никакой пользы, но свяжет самого себя заботами.

47. Что же мы, спросят, скажем Павлу, который говорит: "**почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа**" (1 Кор. 7:16) и, следовательно, признает ее помощь необходимою и в духовных делах? И я с этим согласен: я не отстраняю ее совершенно от содействия в духовном; - да не будет! - но я говорю, что она совершает это тогда, когда не занимается брачными делами, а, оставаясь женщиной по природе, достигает добродетели блаженных мужей. Она может помогать мужу не украшениями своими, не роскошью, не просьбами к мужу о выдаче денег, не пышностью и расточительностью, но когда, став выше всего настоящего и отпечатлев в себе жизнь апостольскую, будет оказывать большую кротость, большую скромность, большое презрение к деньгам и терпеливость; тогда она будет в состоянии поддержать его, когда скажет: "**имея пропитание и одежду, будем довольны тем**" (1 Тим. 6:8), когда будет оправдывать такое любомудрие делами и, посмеиваясь над смертью телесною, считать за ничто настоящую жизнь, когда всю славу этой жизни будет признавать, согласно с пророком, за "**цвет полевой**" (Иса. 40:6). Таким образом, жена может спасти мужа не тем, что сопрягается с ним, как жена, но своей евангельской жизнью, что делали многие женщины и без брака. Так, Прискилла, приняв Аполлоса, говорится (в Писании), руководила его по всему пути истины (Деян. 18:26). Хотя теперь это невозможно, но женщины могут оказывать такое же усердие и пожинать такие же плоды. Женщина, как я сказал выше, обращает мужчину не потому, что она жена его, - иначе ничто не препятствовало бы тому, чтобы никто из имеющих верующую жену не оставался неверующим, если сообщество и сожительство устраивают это дело. Но бывает не так, вовсе не так: напротив должно оказывать великое любомудрие и терпение, посмеиваться над брачными делами и поступать так постоянно, вот что содействует спасению души сожителя; если же жена будет непрестанно заниматься женскими делами, то она не только не принесет ему никакой пользы, но и повредит. Даже и в таком случае это - одно из весьма трудных дел. Послушай, что говорит (апостол): "**почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа**" (1 Кор. 7:16)? Такой вид вопроса - мы обыкновенно

употребляем в речи о том, что редко случается. Что же он говорит дальше? "**Соединен ли ты с женой? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены**" (1 Кор. 7:27). Видишь ли, как он постоянно делает переходы и в своем увещании часто совмещает оба предмета? Как в словах о браке он вставил слова о воздержании, возбуждая по временам слушателя, так и здесь он снова вставляет слова о браке, давая слушателю отдых. Он начал с девства, но прежде чем сказать что-нибудь о нем, тотчас перешел к речи о браке; ибо слова: "**я не имею повеления**", - суть слова позволяющего и вводящего брак. Потом, перейдя к девству и сказав: "**за лучшее признаю**", и, заметив, что постоянное повторение его названия производит нелегкое впечатление на нежный слух, он не говорит о нем непрерывно; но, приведши достаточную причину облегчения подвигов девства, т. е. "**настоящую нужду**", не решается и теперь опять назвать "**девство**", а что? "**хорошо человеку оставаться так**", говорит и не продолжает речи об этом, но, прервав и остановив ее, прежде чем открылась трудность (девства), снова вставляет слова о браке и говорит: "**соединен ли ты с женой? не ищи развода**". Если бы это не так, если бы он не хотел предложить здесь утешение, то было бы излишне советующему девство рассуждать о браке. Потом он снова переходит к девству, но и здесь не называет его собственным именем, а что? "**Остался ли без жены?**" говорит, "**не ищи жены**". Впрочем, не бойся: он не определил и не узаконил этого; слово о браке опять стоит близко, отклоняя этот страх и вещая: "**если и женишься, не согрешишь**" (1 Кор. 7:28). Но и не падай теперь; Он снова привлекает тебя к девству, о чем и хочет сказать в словах, поучающих, что вступившие в брак будут иметь великую "**скорбь плоти**". Как лучшие и добрые врачи, намереваясь дать горькое лекарство, или сделать отсечение, или прижигание, или что-либо подобное, не делают всего вдруг, но, всегда давая в промежутках отдых больному, таким образом исполняют остальное; так и блаженный Павел не изложил совета о девстве без остановки, целостно и непрерывно, но, постоянно прерывая его словами о браке и прикрывая трудность его, сделал свою речь кроткой и удобоприемлемой. Для этого и допущено разнообразное смешение слав. Достойны рассмотрения и следующие слова: "**соединен ли ты с женой? не ищи развода**". Это не столько совет, сколько указание на затруднительность и безвыходность из этих уз. Почему он не сказал: имеешь ли жену? - не оставляй ее; живешь ли вместе? - не расставайся, а назвал сожительство узами? Он указывает этим на трудность дела. Так как все прибегают к браку, как легкому делу, то он показывает, что вступившие в брак нисколько не отличаются от связанных (узами); ибо здесь, куда влечет один, туда необходимо следовать и другому, или если возмутится один, то вместе с ним погибнет и другой. А что, скажет (жена), если муж склонен к слабостям, а я хотела бы воздерживаться? Тебе необходимо следовать за ним: приятная цепь брака, наложенная на вас, принуждает тебя поступать так и против воли привлекает к тому, который изначала связан с тобою; если же ты будешь противиться и уклоняться, то не только не освободишься от уз, но и подвергнешься крайнему наказанию.

48. Та, которая воздерживается против воли мужа, не только лишится награды за воздержание, но и даст ответ за его прелюбодеяние, и ответ более строгий, чем он сам. Почему? Потому, что она, лишая его законного совокупления, низвергает его в бездну распутства. Если она не имеет права делать это и на короткое время без его согласия, то какое прощение может получить она, постоянно лишая его этого утешения? Но что, скажешь, может быть тяжелее этой необходимости и угрозы? И я говорю то же самое. Для чего же ты подвергаешь себя такой необходимости? Это должно было обдумать до брака, а не после брака. Посему и Павел, сказав о необходимости вследствие уз, говорит об освобождении. После слов: "**соединен ли ты с женой? не ищи развода**", он прибавляет: "**остался ли без жены? не ищи жены**". Он делает это для того, чтобы ты, наперед ясно рассмотрев и узнав тягость супружества, легче принял слово о безбрачии. "**Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит**" (1 Кор. 7:28). Вот чем ограничивается великая заслуга брака: тем, что за него не осуждаются, а не

прославляются; последнее принадлежит девству, а вступивший в брак должен довольствоваться сведением, что он не согрешил. Почему же, скажут, ты советуешь не искать жены? Потому, что однажды связанному (браком) не следует разрывать его, ибо это влечет за собою много скорбей. Итак, скажи мне, неужели от девства мы получим только ту пользу, что избежим здешней скорби? Кто же решится принять на себя такой подвиг, ожидая за такие труды получить одно только это воздаяние?

49. Что говоришь ты? Призывая меня сражаться с демонами ("**потому что наша брань не против крови и плоти**" – (Еф. 6:12)), повелевая противостоять естественному неистовству, убеждая совершать подвиги с плотью и кровью наравне с бесплотными силами, ты упоминаешь только о земных благах и о том, что мы не будем иметь скорби, происходящей от браков? В самом деле, почему апостол не сказал так: если дева и вступит в брак, то не согрешит, но лишит себя венцов за девство, многих и неизреченных даров? Почему он не перечислил благ, предлежащих им после борьбы, как они пойдут во сретение Жениха, как получат блестящие светильники, как с большой славой и смелостью войдут в брачный чертог вместе с Царем, как будут блистать больше всех близ Его престола и седалищ царских? Об этом он не сделал и краткого упоминания, но как выше, так и ниже упоминает об освобождении от житейских неприятностей. "**За лучшее признаю**", говорит он, "**хорошо человеку оставаться так**", и вместо того, чтобы сказать: в виду будущих благ, говорит: "**по настоящей нужде**". Далее опять сказав: "**и если девица выйдет замуж, не согрешит**" и, умолчав о небесных дарах, которых она лишила себя, говорит: "**таковые будут иметь скорби по плоти**". И это он делает не только доселе, но и до конца, и, опуская указание на будущие блага, снова приводит ту же причину: "**время**", говорит, "**уже коротко**", и вместо того, чтобы сказать: "я желаю, чтобы вы блистали на небесах и явились гораздо славнее вступивших в брак", он и здесь продолжает говорить: "**а я хочу, чтобы вы были без забот**" (1 Кор. 7:32). Так поступает он не только в этом месте, но и, беседуя о перенесении обид, употребляет тот же способ увещания. Сказав: "**если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его**" (Римл. 12:20), заповедав такое дело, повелев преодолевать потребность природы и бороться с таким невыносимым пламенем, он в словах о наградах умолчал о небе и небесном, и указал воздаяние за это во вреде для оскорбителя: "**делая сие**", говорит, "**ты соберешь ему на голову горящие уголья**" (Римл. 12:20). Для чего же он употребляет такой способ увещания? Не по неведению и незнанию, как можно склонить и убедить слушателя, но потому, что он больше всех людей отличался этой добродетелью, т. е. способностью убеждать. Откуда это видно? Из сказанного им. Где и каким образом? Он беседовал с коринфянами (мы сначала разберем сказанное им о девстве), в которых он "**ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого**" (1 Кор. 2:2), с которыми он не мог говорить, как с людьми духовными, и питал их еще молоком, ибо они были плотскими, за что и упрекал их в этом послании: "**ибо вы были еще не в силах**", говорил он, "**да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские**" (1 Кор. 3:2-3). Посему он побуждает их к девству и отклоняет от брака земными благами, видимыми и осязательными. Он хорошо знал, что людей малодушных, низменных и приверженных еще к земле, можно скорее привлечь и поощрить земными (благами). Почему, скажи мне, многие из людей невежественных и грубых и в маловажном и в важном деле без страха клянутся Богом и нарушают клятву, а не решатся начать клятву головой своих детей? Хотя нарушение той клятвы и наказание за все гораздо больше, чем за последнюю, но они все-таки скорее употребляют первую клятву, чем вторую. Так и относительно помощи бедным на них не столько действуют слова о царстве небесном, хотя бы часто повторяемые, сколько надежда на что-нибудь полезное в здешней жизни или для их детей или для них самих. Они тогда особенно склонны к такому попечительству, когда надеются получить облегчение от продолжительной болезни, избежать опасности, достигнуть какой-либо власти и начальства. И вообще

оказывается, что большинство людей скорее убеждается тем, что близко перед ними. Что больше действует на их чувства, то скорее побуждает их к добрым делам и сильнее устрашает в дурных. Посему и (Павел) так говорил коринфянам, и римлян побуждал к перенесению обид настоящими (благами). Слабая и оскорбленная душа не так легко отбросит яд гнева, если услышит о царстве (небесном) и получит отдаленные надежды, как тогда, когда будет ожидать наказания обидевшему. Итак, желая пресечь корень злопамятности и пока успокоить гнев, он приводит то, что было действительнее для утешения обиженного, не лишая его назначенной награды в будущем времени, но стараясь пока вывести его каким бы то ни было образом на путь любомудрия и открыть двери к примирению, ибо самое трудное дело - приступить к началу подвига, а по вступлении труд бывает уже не так велик. Но Господь наш Иисус Христос не так поступает, беседуя как о девстве, так и о перенесении обид: беседуя о первом, Он указывает на царство небесное: "**и есть скопцы**", говорит он, "**которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного**" (Матф. 19:12); когда же Он увещает молиться за врагов, то, не сказав ничего о вреде для обидевших и не упомянув о горящих углях, но, предоставив говорить все это к людям малодушным и низменным, побуждает к этому высшими (благами). Какими же? "**Да будете**", говорит, "**сынами Отца вашего Небесного**" (Матф. 5:45). Смотри, сколь великая награда, потому что слушателями Его были Петр, Иаков, Иоанн и сонм прочих апостолов; посему Он и побуждал их духовными наградами. И Павел сделал бы то же самое, если бы речь его относилась к подобным людям; но так как он говорил к коринфянам, весьма несовершенным, то он и указывает им на ближайшие плоды трудов, чтобы они охотнее приступили к упражнению в добродетели. Посему и Бог награждал иудеев, не упоминая о царстве небесном, земными благами; а за дурные дела угрожал не геенной, но несчастьями в этом веке: голодом, язвой, болезнями, войнами, пленом и тому подобным; ибо люди плотские скорее этим удерживаются, и этого более боятся, и менее заботятся о невидимом и ненастоящем. Поэтому и Павел останавливался больше на том, что особенно могло подействовать на их грубость. Кроме того, он хотел показать и то, что некоторые другие добродетели, возлагая на нас много трудов, все плоды собирают в будущем времени, а девство, при самом подвижничестве в нем, доставляет нам не малое воздаяние, освобождая нас от таких трудов и забот. Вместе с тем он предложил еще нечто третье. Что же? То, что это дело должно считаться в числе не невозможных, но весьма возможных. Он делает это, очень пространно объясняя, что брак имеет весьма много неудобств, как бы так обращаясь к кому-нибудь: это дело тебе кажется обременительным и трудным; но я потому самому и предлагаю тебе приняться за него, что оно весьма легко, так как доставляет нам гораздо менее забот, нежели брак; **"жаль мне вас"**, говорит он, и не хочу, чтобы вы имели скорби, потому и не желаю, чтобы вы вступали в брак. Какую же скорбь? - может быть, скажет кто-нибудь; напротив, мы находим, что брак доставляет большое удовольствие и наслаждение; и, во-первых, удовлетворение страсти со всей свободой, без причинения какого-либо насилия природе, не мало служит к облегчению; а потом и остальная жизнь освобождается от уныния и нечистоты и бывает полна приятностей, веселья и радости; ибо люди, угождающие плоти роскошным столом, нежными одеждами, мягкой постелью, постоянными омовениями, благовониями, вином, нисколько не уступающим благовониям, и многими другими и различными излишествами, вследствие брака доставляют ей большое наслаждение.

50. Все это непозволительно; брак же обыкновенно доставляет нам только свободу совокупления, а не наслаждение. Свидетель этого блаженный Павел, который говорит так: "**а сластолюбивая заживо умерла**" (1 Тим. 5:6). Так он говорит о вдовах; послушай же, что он говорит и о вступивших в брак. "**чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением [волос], не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою но добрыми делами, как прилично женам,**

посвящающим себя благочестию" (1 Тим. 2:9-10). И не только здесь, но и в других местах, как может всякий видеть, он много говорит о том, чтобы у нас совершенно не было заботы ни о чем подобном. Но что я говорю о Павле? Он говорил это тогда, когда было время высшего любомудрия и была великая благодать Духа. И Амос, обращаясь с речью к младенцам - иудеям, у которых позволялось и наслаждение, и роскошь, и, так сказать, все излишнее, послушай, как сильно укоряет предающихся наслаждению: "**вы, которые день бедствия считаете далеким и приближаете торжество насилия, - вы, которые лежите на ложах из слоновой кости и нежитесь на постелях ваших, едите лучших овнов из стада и тельцов с тучного пастбища, поете под звуки гуслей, думая, что владеете музыкальным орудием, пьете из чаш вино, мажетесь наилучшими мастями**" (Амос. 6:3-6).

51. Итак, как я сказал выше, наслаждаться совершенно не дозволяется; но, если бы даже ничего такого не запрещалось, а все дозволялось, есть так много другого, равного этому по своей печали и скорби, и даже многочисленнее и больше в такой степени, что мы нисколько не чувствуем приятности (брака) и всякое наслаждение от него исчезает.

52. Если кто по природе ревнив или предался этой страсти по какому-нибудь несправедливому предлогу, то, скажи мне, что может быть злосчастнее такой души? Сравнивая войну и бурю с такой семьей, ты можешь найти здесь верное пособие: все полно печали, подозрения, несогласия и смятения. Одержимый этим неистовством нисколько не лучше бесноватых или больных сумасшествием: так часто он бросается, отступает и раздражается на всех, и беспрерывно вымещает свой гнев на людях, просто присутствующих и ни в чем неповинных, будет ли то раб, или сын, или кто другой. Всякое удовольствие исчезает и все наполняется унынием, скорбью и неудовольствием; остается ли он дома, идет ли на площадь, отправляется ли путешествовать, повсюду это горе сопровождает его, возбуждая и раздражая его душу хуже всякого рожна и не давая покоя; ибо эта болезнь обыкновенно производит не только уныние, но и невыносимое раздражение. Каждое из них уже само по себе достаточно для погубления одержимого им; если же они вместе нападут на него, удручая его постоянно и не давая отдыха даже на короткое время, то скольких смертей это тяжелее? Назовет ли кто крайнюю бедность, неизлечимую болезнь, огонь, железо, он не укажет ничего равного этому. Только те, которые сами испытали, хорошо знают это, а никакими словами невозможно выразить чрезмерность этого горя. Когда кто вынуждается постоянно подозревать ту, которую любит больше всего и за которую с удовольствием готов отдать душу свою, то какое утешение может облегчить его? Нужно ли ему идти ко сну, или взяться за пищу и питье, - стол покажется ему наполненным больше ядовитыми веществами, нежели яствами; на постели же он не будет иметь покоя ни на малое время, но будет беспокоиться и вертеться, как бы на горячих углях. Ни общество друзей, ни забота о делах, ни страх опасностей, ни избыток удовольствий, ни что-либо другое не может отвлечь его от этой бури; но сильнее всех радостей и печалей эта буря овладевает его душой. Имея в виду это, Соломон говорит: "**люта, как преисподняя, ревность**" (Песн. 8:6), и еще: "**потому что ревность - ярость мужа, и не пощадит он в день мщения, не примет никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножал даров**" (Притч. 6:34-35). Неистовство этой болезни таково, что скорбь от нее не проходит даже после отмщения причинившему ее; часто многие, уничтожив прелюбодея, не в силах были уничтожить своего гнева и уныния; а есть и такие, которые, убив своих жен, продолжали гореть в этом огне так же или даже более. В таких бедствиях проводит жизнь муж, когда даже нет верного повода; а жалкая и несчастная жена мучится больше мужа. Когда она видит, что тот, кто должен быть утешением среди всех скорбей и от кого надлежало ожидать покровительства, относится к ней зверски и враждебнее всех, то куда она может обратиться, к кому прибегнуть, где найти избавление от зол, когда гавань для нее закрыта и полна тысячи

утесов? Тогда рабы и служанки обращаются с ней оскорбительнее мужа; этот род людей вообще склонен к подозрению и неблагодарности; когда же они получат более смелости и увидят, что господа их не согласны между собой, то находят в их вражде не мало поводов к своему бесстыдству. Тогда им можно со всей смелостью выдумывать и сочинять все, что захотят, и увеличивать подозрение своими клеветами. Душа, раз уже зараженная этою злой болезнью, легко верит всему и, равно открывая свой слух для всех, не может отличить клеветников от неклеветников, и даже ей кажутся более достоверными слова тех, которые увеличивают подозрение, нежели тех, которые стараются уничтожить его. От этого, наконец, жене бывает необходимо бояться и опасаться рабов и их жен не менее, чем своего супруга и, уступив им свое место, самой занять их положение. Когда же она может не проливать слез? Какую ночь, какой день, какой праздник она может проводить без стенаний, сетований и рыданий? Угрозы, оскорбления и злословия (преследуют ее) постоянно то от мнимооскорбленного мужа, то от гнусных рабов; осторожности, предосторожности и все исполнено страха и трепета. Подсматриваются не только ее входы и выходы, но и слова, и взгляды и стоны разведываются с большой тщательностью, так что ей необходимо или быть неподвижнее камней и все переносить молчаливо и постоянно сидеть в своей комнате хуже узника, или, если желает, говорить, плакать и выходить, и за все подвергаться отчету и суду этих негодных судей, т. е. служанок и множества рабов. Пусть будет, если угодно, среди этих зол несчетное богатство, роскошный стол, толпы рабов, знатность происхождения, величие власти, большая слава, знаменитость предков; вообще, не опусти ничего из того, что, по-видимому, делает настоящую жизнь завидной, но, тщательно собрав все, противопоставь этой печали, - и ты даже не увидишь проявления какого-либо удовольствия от всего этого, но оно исчезнет, как обыкновенно угасает малая искра, попав в огромное море. Так бывает, когда ревнует муж; если же эта страсть овладеет женой (что бывает нередко), то ему будет легче, нежели жене, а на эту несчастную падет еще больше горя; потому что она не может пользоваться тем же оружием против подозреваемого. Кто согласится, по приказанию жены, сидеть постоянно дома? Кто из слуг осмелится наблюдать за господином, не опасаясь тотчас быть ввергенным в пропасть? Итак, она не может ни утешать себя этими средствами, ни высказывать свой гнев словами, но однажды или дважды, может быть, муж перенесет ее негодование; если же она будет постоянно продолжать свои упреки, то он скоро научит ее, что лучше молча переносить все и страдать. Все это бывает при подозрениях; если же действительно случится такое горе, то никто не исхитит жены из рук оскорбленного (мужа), и он, при помощи благоприятствующих ему законов, приведет свою возлюбленную в судилище и погубит; муж же по законам избегает наказания, которое предоставляется высшему и Божественному суду. Но этого недостаточно для утешения несчастной; ей предстоит подвергнуться медленной и жалкой смерти от чар или отрав, которые приготавливают распутные женщины. Бывали и такие случаи, когда не было надобности и в этих отравах для огорченных женщин, но сами они предупреждали и погибали от сильного горя. Таким образом, если бы даже все мужчины прибегали к браку, женщинам не надлежало искать его; ибо они не могут сказать, что у них бывает такая сила похоти, а большую часть бедствий от брака пожинают они, как то доказала эта речь. Что же, скажут, разве это бывает во всех браках? Не во всех бывает, а от девства всякого далеко и очень далеко. Вступившая в брак, если и не впадет в несчастие, то подвергнется ожиданию этого несчастия; намеревающаяся вступить в общение с мужем не может вместе с этим общением не ожидать и не опасаться бед; девственница же избавлена не только от этих горестей, но и опасения. Это бывает (скажут) не во всех браках. Я и не говорю этого, но если не бывает этого, то бывает многое другое; если кто избегнет и последнего, то не может избегнуть всего вообще. Но подобно тому, как бывает с терниями, приставшими к одеждам проходящего около терновых оград, когда он повернется, чтобы отцепить одни, то покрывается многими другими: так и в брачных

делах - избежавший одного вновь поражается другим, уклонившийся от этого попадает на третье, и вообще невозможно найти брака, свободного от всякого неудовольствия.

53. Но, если угодно, оставив неприятности, представим и разберем теперь то, что в браке кажется вожделенным, и что многие часто, или лучше сказать, все желают получить. Что это? То, чтобы бедному, низкому и презренному, взять жену от людей великих, сильных и владеющих большим богатством. Но мы найдем, что и это завидное состояние сопряжено с несчастиями не меньшими, как и то неприятное. Род человеческий вообще склонен к надменности, а женщины настолько более, насколько они слабее; поэтому они больше предаются этой страсти; а когда есть много поводов к надменности, то уже ничто не может удержать их; как пламень, охвативший какое-нибудь вещество, так и они поднимаются на невыразимую высоту, извращают порядок и ниспровергают все. Такая жена не позволяет мужу оставаться на месте главы, но, по своему высокомерию и безумию свергнув его с этого места и низведши на принадлежащее ей - на место подчиненного, сама делается главой и повелительницей. Что может быть хуже этого беспорядка? Я умалчиваю об укоризнах, оскорблениях и неприятностях, которые несноснее всего.

54. Если же кто скажет (я слышал многих говоривших это, когда происходили подобные разговоры): была бы только она богата и зажиточна, а переносить и укрощать ее высокомерие нисколько не трудно. Если кто так говорит, то, во-первых, он не знает, что это весьма трудно; во-вторых, если это случится, то принесет не малый вред; потому что подчинение ее мужу по необходимости, со страхом и с насилием, тяжелее и неприятнее, нежели подчинение его полной ее власти. Почему? Потому что это насилие изгоняет всякую дружбу и удовольствие; если же не будет дружбы и любви, а вместо этого страх и принуждение, то какое значение будет иметь брак?

55. Все это бывает тогда, когда жена богата; если же случится, что она ничего не имеет, а муж богат, то она будет служанкой, а не женой, свободная сделается рабой, и потеряв принадлежащую ей свободу, станет в положение нисколько не лучше купленных рабов; но захочет ли муж распутствовать, или пьянствовать, или привести на самое ложе ее множество распутных женщин, она должна все терпеть и допускать, или уйти из дома. И не только это ужасно, но и то, что при таком расположении мужа, она не может свободно приказывать ни рабам, ни служанкам, но принуждена делать и терпеть все так, как бы живя среди чужих, пользуясь не принадлежащим ей и сожительствуя скорее с господином, чем с мужем. Если же кто захочет взять жену из равных себе, то опять равночестность нарушается законом подчинения, тогда как равномерность имуществ располагает ее равняться с мужем. Что же можно сделать, когда всюду такие неудобства? Не выставляй на вид те очень немногие и редкие браки, которые избежали этого; о вещах нужно судить не по редким исключениям, а по всегдашним явлениям. В девстве трудно быть этому, или лучше сказать, невозможно, а в браках трудно не быть этому.

56. Если в счастливых, по-видимому, браках происходят такие неприятности и несчастия, то что сказать о таких, которые признаются несчастными? Жена боится не одной только своей смерти, хотя она должна однажды умереть, и заботится не об одной душе, хотя имеет одну душу, но боится за мужа, боится за детей, боится за их жен и опять за детей, и чем больше корень пускает ветвей, тем больше умножаются ее заботы; если у каждого из них случится или недостаток в деньгах, или телесная болезнь, или что-нибудь другое нежелательное, то ей нужно мучиться и печалиться не меньше самих страждущих. Если они все умрут прежде нее, то для нее невыносимое страдание; если одни останутся, а другие скончаются преждевременной смертью, и тогда для ней не будет чистого утешения; потому что страх за живых, постоянно потрясающий душу, бывает не легче

печали об умерших и даже, если можно сказать нечто удивительное, еще тяжелее. Время смягчает скорбь об умерших, а заботы о живых неизбежно остаются всегда, или прекращаются только смертью. Если же мы не имеем сил для перенесения собственных страданий, то какую жизнь проводить будем мы, поставленные в необходимость оплакивать несчастья других? Многие, нередко происходящие от знаменитых родителей и воспитавшиеся в большой роскоши, были выдаваемы за кого-нибудь из весьма знатных мужей, а потом вдруг, прежде наслаждения счастьем, от какой-нибудь опасности, как бы от бури или налетевшего ветра, погибали, подвергшись ужасам кораблекрушения, и те, которые наслаждались до замужества бесчисленными благами, вследствие брака впадали в крайнее несчастие. Но это, скажут, бывает не со всеми и не всегда. От всех это недалеко (повторяю опять то же), но одни испытали это на себе, а те, которые избежали такого опыта, страдали от ожидания того же. Между тем всякая девственница выше такого и испытания и ожидания.

57. Впрочем, оставив это, если угодно, теперь рассмотрим то, что естественно сопряжено с браком и чего никто волею или неволею не может избежать. Что же это? Муки чревоношения и рождения и воспитание детей. Или лучше, начнем речь выше и изложим то, что предшествует браку, по возможности, ибо в точности знают только те, которые испытали это. Настало время сватовства, и тотчас являются беспрерывные и разнообразные заботы: какого (дочь) получит мужа, не низкого ли по происхождению, или бесчестного, или самолюбивого, или лживого, или гордого, или дерзкого, или ревнивого, или мелочного, или глупого, или порочного, или грубого, или слабого. Хотя не со всеми выходящими замуж необходимо случается все это, но необходимо подумать и позаботиться обо всем; так как суженый еще неизвестен, и надежда еще сомнительна, то душа всего боится и опасается и размышляет обо всем этом. Если же кто скажет, что она может радоваться, ожидая противного, то пусть знает, что нас не столько утешают надежды на лучшее, сколько печалят ожидания худшего. Радость бывает только тогда, когда кто наверно ожидает доброго; а дурное, хотя бы только было воображаемо, тотчас смущает и беспокоит душу. Как у невольников душа не может быть спокойной от неизвестности о будущих господах, так и у девиц во все время сватовства душа уподобляется обуреваемому кораблю, пока родители ежедневно одних принимают, другим отказывают; вчера одержавшего верх сегодня перебивает другой жених, а этого опять вытесняет иной. Случается, что перед самыми дверьми брака обнадеженный жених уходит с пустыми руками, а неожиданному родители отдают свою дочь. И не только женщины, но и мужчины имеют тогда тяжкие заботы. О последних можно и разведать все, а как узнать нравы и наружность той, которая постоянно держится внутри дома? Это во время сватовства; а когда настает время брака, то беспокойство увеличивается, и удовольствие преодолевается опасением, как бы в этот же вечер она не оказалась неприятной и с большими против ожидания недостатками. Для той, которая сначала нравилась, сносно быть впоследствии презираемой; а которая с самого, так сказать, первого шага покажется неприятной, то когда потом может понравиться? Не говори мне: а что, если она окажется благообразной? Даже и в этом случае она не избавляется от заботы. Многие, весьма блиставшие телесной красотой, не могли привлечь к себе своих мужей, которые, оставив их, предавались другим, гораздо худшим их. Когда окончилась и эта забота, тогда является другое неудовольствие при отдаче приданого; тесть не с охотой отдает то, что назначил в приданое; жених, хотя спешит получить все, но принужден требовать уплату с почтением, а жена, пристыженная отсрочкой уплаты, краснеет перед мужем более всякого неисправного должника. Но оставлю это теперь. Когда окончилась и эта забота, тотчас является опасение бесплодия, и напротив того - забота о многочадии; но так как ничего такого еще не видно, то с самого начала они тревожатся заботами о том и другом. Если она тотчас сделается беременной, то опять - радость со страхом (ибо ни одно из удовольствий брака не бывает без страха), со страхом того, чтобы от преждевременных

родов зачатое не потерпело вреда, а зачавшая не подверглась крайней опасности. В течение продолжительной беременности женщина бывает несмелой, как виновница рождения. Когда же наступит время родов, тогда чрево, столько времени обремененное, разверзают и как бы расторгают муки рождения, которые одни могут достаточно затмить все удовольствия брака. Вместе с тем ее беспокоят и другие заботы. Жалкая и скорбная женщина, хотя уже сильно измученная прежними страданиями, не менее того боится, чтобы ребенок не вышел поврежденным и уродливым вместо правильного и здорового, и чтобы не был женского пола вместо мужского. Это томление возмущает женщин тогда не менее мук рождения; ибо не только за то, чего они бывают причиной, но и за то, в чем оно не служат причиной, они боятся мужей, и за последнее не меньше, чем за первое, и, не обращая внимания в этой буре на собственную безопасность, беспокоятся, чтобы не произошло чего-нибудь неприятного для мужа. Когда дитя явилось на землю и произнесло первой крик, то следуют новые заботы, о сохранении и воспитании его. Если оно будет с хорошими природными качествами и склонно к добродетели, то родителям опять беспокойство, чтобы дитя не потерпело какого-нибудь зла, чтобы не умерло преждевременной смертью, чтобы не впало в какой-нибудь порок. Ибо не только из дурных делаются хорошими, но из хороших делаются дурными и порочными. Если случится что-нибудь неожиданное, то печаль родителей будет невыносимее, чем если бы это произошло с самого начала; если же все хорошее будет поставлено прочно, то у них всегда остается опасение перемены, потрясая их душу и лишая значительной части удовольствия. Но, (скажешь), не у всех брачных бывают дети. Этим ты указываешь еще и на другую причину уныния. Итак, если (брачные) всегда, - есть ли у них дети, или нет, хороши ли они, или дурны, - бывают удручены разными печалями и заботами, то можно ли назвать брачную жизнь наиболее приятной? Далее: если супруги живут во взаимном согласии, (является) опасение, чтобы наступившая смерть не разрушила их удовольствия; а лучше сказать, это уже не только страх и ожидаемое бедствие, но неизбежная необходимость. Никто не может указать, чтобы оба (супруги) умирали когда-либо в один день; если же этого не бывает, то оставшемуся необходимо переносить жизнь, которая гораздо хуже смерти, жили ли они вместе долго, или мало. Тот, чем больше испытал, тем больше имеет горя, ибо большая привычка делает разлуку невыносимой, а этот, прежде чем вкусить и насладиться любовью, лишился ее в самом разгаре страсти, почему испытывает тем более скорби, и таким образом оба, по противоположным причинам, подвергаются одинаково тяжким скорбям. А что сказать о случающихся иногда разлуках, о далеких путешествиях, о происходящих от этого томлениях, о болезнях? Но как, скажут, это относится к браку? И от этой причины весьма часто многие (жены) заболевали; огорчившись и раздражившись то от гнева, то от уныния, они получали сильные горячки. Если в присутствии (мужа) они не терпят ничего такого, но постоянно наслаждаются его ласками, то вследствие его отсутствия подвергаются этим страданиям. Впрочем, оставим все это, и ни в чем не будем обвинять брак, и, однако, мы не можем защитить его от одной вины. От какой же? От той, что он здорового человека повергает в состояние нисколько не лучшее больного и причиняет ему уныние такое же, как лежащему в болезни.

58. Не будем, если угодно, говорить обо всем этом и предположим на словах невозможное; допустим, что брак имеет все вообще блага: многочадие, добрых детей, богатство, у жены целомудрие, красоту, благоразумие, согласие, жизнь до глубокой старости; пусть будет при этом и знатность происхождения и величие власти и не тревожит общая естественная слабость - опасение перемены всего этого, пусть будет удалена всякая причина уныния, всякий повод к заботе и беспокойству, и ни другая какая-либо причина, ни преждевременная смерть не расторгает брака, но пусть оба они умирают в один день, или, что гораздо приятнее, пусть останутся у них наследниками дети, и похоронят обоих родителей вместе в глубокой старости. Какой же будет конец? С какой пользой от этих многих удовольствий они отойдут туда? Оставить много детей,

наслаждаться с хорошей женой роскошью и всеми другими благами, которые я сейчас исчислил, и достигнуть глубокой старости, какую все это может нам принести пользу на том судилище в виду вечных и истинных благ? Никакой. Все это тень и сновидение. Если же от этого мы не можем получить никакой пользы в ожидающих нас и не имеющих конца веках, и никакого иметь утешения, то наслаждавшийся этим должен будет стать наравне с теми, которые не наслаждались. Так, если бы кто в продолжение тысячи лет в одну только ночь увидел приятное сновидение, то и о нем мы не сказали бы, что он имеет какое-либо преимущество перед тем, кто не наслаждался таким видением. Впрочем, этим я еще не выразил всего, что хотел; ибо здешние блага не столько отличаются от тамошних, сколько сновидения от действительности, но гораздо больше; и не так настоящий век относится к будущему, как одна ночь к тысяче лет, но и здесь разница гораздо больше. Дела же девственницы не таковы, но она отходит туда с великим богатством; впрочем, начнем исследование об этом выше.

59. Нет ей нужды разведывать о женихе, не боится она и какого-нибудь обмана. Бог - не человек, Владыка - не раб. Такова разница между женихами; посмотри еще, на каких условиях здесь вступают в брак. Ни невольники, ни десятины земли, ни столько-то и столько-то талантов золота, но небеса и небесные блага - подарки такой невесте. Притом другая вступившая в брак боится смерти, как по иным причинам, так и потому, что смерть разлучает ее с супругом, а девственница даже желает смерти и тяготится жизнью, поспешая видеть Жениха лицом к лицу и насладиться той славой.

60. Не может причинить ей вреда ни житейская бедность, как это бывает в другом браке, но делает ее еще более любезной для Жениха, как претерпевающую эту бедность добровольно, ни происхождение от незнатных родителей, ни недостаток телесной красоты, ни другое что-либо подобное. Что я говорю об этом? Если даже она будет не свободной, и это не может повредить ей при сватовстве: достаточно иметь прекрасную душу, чтобы получить первенство. Ей не предстоит бояться ревности, не предстоит мучиться завистью к другой женщине, как сопрягающейся с более славным мужем; потому что нет никого, не только подобного или равного ее Жениху, но даже хотя мало приближающегося к Нему; в другом же браке, если которая будет иметь и очень богатого и весьма знатного мужа, всегда может найтись другая, имеющая еще более знатного, а превосходство большего не мало уменьшает удовольствие обладания менее превосходным. Но (скажут) большая роскошь и обилие золота, одежд, столовых и других вещей может прельщать и привлекать душу. А много ли женщин наслаждаются этим? Большая часть людей живет в бедности, горестях и трудах; если же некоторые пользуются такими благами, то очень немногие и редкие, и те против воли Божьей: как мы доказали в вышесказанном, Он никому не дозволяет наслаждаться этим.

61. Впрочем, предположим на словах, что роскошь дозволяется и что ни пророк, ни Павел не осуждают украшающихся женщин. Какая польза от множества золотых вещей? Ничего иного, кроме зависти, заботы и немалого страха; ибо владеющие ими тревожатся заботами не только тогда, когда эти вещи положены в ящичек или когда наступает ночь, но и когда надевают их в дневное время, они также испытывают беспокойство и даже худшее. И в банях, и в церквах являются женщины, которые похищают их; а часто и без последних носящие золотые вещи, подвергаясь стеснению и толчкам от толпы, не замечают, как теряется какая-нибудь из их золотых вещей. Таким образом, многие женщины не только таких вещей, но даже более ценных ожерелий, украшенных драгоценными камнями, лишались просто вследствие того, что эти вещи оторвавшись, терялись.

62. Но пусть не будет и этого опасения; пусть устранена будет и эта забота; какая от того польза? Другой, скажут, увидит и будет восхищаться. Но не той, которая украшена, а

самыми украшениями, ее же часто и осудит за это, как украшающуюся ими не по достоинству. Если она красива, то вредит природной красоте; ибо множество украшений не дает ей выказаться вполне, закрывая большую часть ее самой; если же она некрасива и безобразна, то покажет себя еще более отвратительной. Безобразие, всегда являющееся в своем виде, оказывается только таким, каково оно есть; а когда его окружает блеск камней или красота какого-нибудь другого вещества, то безобразие достигает большей степени. Чернота тела кажется чернее в сравнении с блеском жемчужины, сверкающей как бы во мраке; уродливость лица представляется гораздо хуже от цветной одежды, которая не допускает зрителей смотреть на лицо в собственном его виде, но в сравнении с изящной красотой изделий, от чего оно еще более посрамляется. Золото, рассыпанное по одежде, пестрота разных изделий и всякие прочие украшения, подобно доблестному, сильному и здоровому ратоборцу, повергающему больного, изнуренного и голодного, побеждая наружность лица увешанной ими, привлекают внимание зрителей к себе самим и заставляют больше над ней смеяться, а им оказывать большее удивление.

63. Не таково украшение девства. Оно не безобразит облекающуюся в него; потому что все оно не телесное, а духовное; и потому, если она некрасива, оно тотчас изменяет безобразие в изящную красоту; если же она красива и блестяща, то придает ей еще более блеска. Ни камни и золото, ни драгоценность одежд и дорогие разнообразные цвета красок, и ничто иное из подобных тленных вещей не украшает душ, но вместо этого - посты, священные бдения, кротость, скромность, бедность, мужество, смиренномудрие, терпение, презрение всех вообще предметов настоящей жизни. Взор девственницы так прекрасен и привлекателен, что на него с любовью взирают бесплотные силы и Господь их, - так чист и проницателен, что может созерцать, вместо телесных, бестелесные красоты, - так незлобив и кроток, что не озлобляется и не враждует даже против непрестанно обижающих и оскорбляющих, но и на них смотрит приятно и ласково. Ее облекает такая благопристойность, что даже распутные стыдятся, краснеют и сдерживают свое бесстыдство, когда пристально посмотрят на нее. Как служанка, служащая порядочной женщине, необходимо и сама делается такой же, хотя бы и не желала этого; так и плоть такой любомудрой души необходимо сообразует и собственные порывы с ее движениями. У нее и глаз, и язык, и осанка, и походка и вообще все имеет отпечаток внутреннего благоустройства; и как драгоценное миро, хотя бы заключено было в сосуде, наполняя воздух своим благовонием, доставляет удовольствие не только стоящим в том же месте и вблизи, но и всем стоящим поодаль, так и благоухание девственной души, разливаясь по ее чувствам, проявляет находящуюся внутри нее добродетель, которая, налагая на все чувства золотую узду благопристойности, удерживает всех этих коней в полной исправности и не дозволяет ни языку говорить что-нибудь неблагозвучное и нестройное, ни глазу смотреть бесстыдно и подозрительно, ни слуху воспринимать какие-нибудь непристойные песни. Она заботится и о ногах, чтобы они не выступали беспорядочно и неестественно, но имели походку неизысканную и безыскусственную; отвергнув украшения в одеждах, она постоянно располагает и лицо не расплываться от смеха, и даже слегка не улыбаться, но всегда являться степенным и строгим, всегда готовым к слезам и никогда - к смеху.

64. Услышав о слезах, не подразумевай здесь какого-нибудь огорчения; эти слезы доставляют такое удовольствие, какого не имеет смех здешнего мира. Если не веришь, то послушай Луку, который говорит, что апостолы, приняв побои, "**они же пошли из синедриона, радуясь**" (Деян. 5:41), хотя не таковы естественные последствия побоев; ибо обыкновенно они производят не удовольствие и радость, а скорбь и страдания. Не таково естественное действие побоев, но вера во Христа такова, что она побеждает даже природу вещей. Если побои за Христа доставили удовольствие, то, что удивительного, если производят тоже и слезы за Него? Посему, Он тот самый путь, который назвал тесным и

скорбным, потом называет игом благим и бременем легким (Матф. 7:13, 9:30). Этот подвиг по свойству своему столь труден, но по ревности и благим надеждам совершающих его он делается весьма легким. Посему можно видеть, что по узкому и скорбному пути избравшие его идут с большей бодростью, нежели по широкому и пространному, не потому, чтобы они не встречали скорбей, но потому, что они выше этих скорбей, и не терпят от них ничего такого, что обыкновенно терпят другие. И эта жизнь (девственниц) имеет печали, но в сравнении с брачными, их нельзя и назвать печалями.

65. Скажи мне, испытывает ли девственница во всю свою жизнь что-нибудь подобное тому, что испытывает, так сказать, ежегодно, вступившая в брак, терзаясь муками и воплями при родах? Сила этих мук такова, что, когда божественное Писание желает иносказательно выразить плен, голод, язву и невыносимые бедствия, то называет все это муками рождения. Это самое и Бог назначил жене вместо наказания и проклятия, то есть, не самое рождение, но рождение с такими трудами и муками. "**В болезни**", сказал Он, "**будешь рождать детей**" (Быт. 3:16). Девственница же стоит выше этих мук и проклятия; Тот, кто освободил (нас) "**от клятвы закона**" (Гал. 3:13), освободил и ее от этого.

66. Но (скажут) приятно нестись по площади на лошаках. Это - только одно лишнее тщеславие, не приносящее никакого удовольствия; как мрак не лучше света, как быть связанным не лучше, чем развязанным, как нуждаться во многом не лучше чем не нуждаться ни в чем, так и не пользующаяся собственными ногами не лучше (пользующихся). Я опускаю те затруднения, которые неизбежно испытываются при этом. Ей можно выходить из дома не тогда, когда она захочет, но часто, когда настоятельная нужда требует выхода, она принуждена оставаться дома, подобно нищим, у которых отсечены ноги и которые не могут двигаться. Если муж даст лошакам другое назначение, тогда является уныние, ссора и упорное молчание; если же сама она, не предвидя будущего, сделает то же самое, забыв о муже, то навлекает его гнев на себя и постоянно терзается укоризнами от него. Сколько лучше было бы, пользуясь своими ногами (на это их нам и дал Бог), не подвергаться таким неприятностям, чем, по склонности к роскоши, иметь столько мучений, скорби и уныния! И не одни эти причины удерживают ее дома, но если случится болезнь ног, у обоих ли лошаков или у одного из них, бывает то же самое; также, когда случится отправить их на пастбище (а это бывает ежегодно и на много дней), то опять ей необходимо оставаться дома, как связанной и не выходить из дома, хотя бы даже была необходимая надобность. Если же кто скажет, что она через это избавляется от множества встречных и не бывает обязана показываться и стыдиться перед каждым из знакомых, тот, мне кажется, совершенно не знает, что устраняет и что навлекает на женский пол стыд. Это зависит не от того, показывается ли она или скрывается, но последнее от внутренней душевной гордости, а первое от целомудрия и скромности. Посему многие, не имея этой ограды и ходя среди толпы по площади, не только не навлекли на себя осуждений, но даже возбуждали во многих удивление их целомудрию, и своей осанкой, и походкой, и простотой одежды обнаруживая свет внутренней благопристойности; а многие, и сидя внутри, навлекли на себя дурную славу; потому что можно и скрывшейся, более показывающихся, обнаружить для желающих свою гордость и надменность.

67. Но, может быть, приятна толпа служанок? Ничего нет хуже этого удовольствия, сопряженного с такими заботами; о каждой из них, в случае ее болезни или смерти, нужно беспокоиться и скорбеть. Но если это может быть сносно, то гораздо неприятнее тревожиться ежедневно, исправляя их нерадивость, прекращая неисправность, пресекая неблагодарность и останавливая всякие другие их пороки; а всего хуже то, - что обыкновенно случается при множестве прислуги - если в толпе этих служанок окажется благообразная. Это непременно должно случиться при множестве их; потому что богачи

стараются иметь не только многих, но также и красивых служанок. Если какая-нибудь из них будет блистать (красотой); то привлечет ли она к себе господина любовью, или будет не больше, как предметом восхищения, для госпожи одинаково бывает прискорбно уступать ей если не в любви, то в телесной красоте и внимании других. Итак, если то, что у них считается славным и радостным, причиняет такие скорби, то, что сказать о печальном?

68. Девственница же не испытывает ничего такого; жилище ее свободно от беспорядка, и всякий шум далек от него; внутри его, как в тихой пристани, господствует молчание, и еще важнее молчания - безмятежность в ее душе, которая не занимается ничем человеческим, но постоянно беседует с Богом и неуклонно взирает на Него. Кто измерит это удовольствие? Какое слово изобразит радость души, так настроенной? Никакое; одни только те, которые полагают свою радость в Господе, знают, как велика эта радость и насколько она превосходит всякое сравнение. Большое количество серебра (скажут), всюду видимое, доставляет глазам большое наслаждение. Но не гораздо ли лучше взирать на небо и оттуда почерпать гораздо большее удовольствие? Насколько золото лучше олова и свинца, настолько небо светлее и блестящее золота и серебра и всякого другого вещества; притом это созерцание свободно от забот, а то соединено с великим беспокойством, что всегда причиняет большой вред вожделениям. Но ты не хочешь взирать на небо? Тебе дозволительно смотреть на серебро, находящееся на площади. "**К стыду вашему говорю**" (1 Кор. 6:5), словами блаженного Павла, что вы так преданы страсти к деньгам! Не знаю, что и сказать: меня при этом очень затрудняет недоумение, и я не могу понять, почему весь, так сказать, род человеческий, имея возможность наслаждаться чем-нибудь легко и свободно, не находит в том удовольствия, а утешается больше всего заботами, беспокойствами и хлопотами? Почему людей не так радует серебро, лежащее на рынке, как лежащее дома? Между тем первое блестит светлее и избавляет душу от всякой заботы. Потому, скажешь, что то не мое, а это мое. Следовательно, удовольствие доставляется корыстолюбием, а не самым серебром; если бы было последнее, то одинаково можно было бы им наслаждаться и там. Если же ты скажешь, (что оно приятно) по своей пользе, то стекло гораздо полезнее; это могут сказать и сами богачи, большей частью приготовляющие чаши из этого вещества; хотя они, увлекаясь роскошью, употребляют на это и серебро, но наперед влагают внутрь стекло, а потом снаружи окружают его серебром, показывая этим, что первое приятнее и пригоднее для питья, а второе служит только гордости и излишнему тщеславию. Что же вообще значит "мое" и "не мое"? Когда я тщательно вникаю в эти слова, то усматриваю, что это только пустые слова. Многие еще при жизни не могли удержать это серебро, ускользнувшее из их власти, а те, у кого оно оставалось до конца, при смерти волей-неволей лишились обладания им. Что слова: "мое и не мое" только пустые звуки, это можно сказать не только по отношению к серебру и золоту, но и к баням, и к садам, и к домам. Пользуются ими все вообще, а считающиеся владельцами их имеют только то преимущество перед другими, что заботятся об них. Они только пользуются ими, а другие после многих забот получают то же самое, что те - без забот.

69. Если же кто восхищается большой роскошью, например, множеством битого мяса, избытком выпиваемого вина, изысканностью печений, искусством трапезников и поваров, толпой сотрапезников и гостей, тот пусть знает, что состояние богачей при этом нисколько не лучше состояния самих поваров. Как последние боятся господ, так господа боятся званных (гостей), чтобы не быть осужденными за что-нибудь из приготовленного ими с большим трудом и издержками. В этом они равняются с поварами, а в другом даже превышают их; потому что боятся не только хулителей, но и завистников. Часто у многих от таких пиров зарождалась зависть, которая успокаивалась не прежде, как подвергнув их крайним опасностям. Но (скажут) приятно кушать много и часто. Нет, от этой роскоши

происходят головные боли, расстройство желудка, одышка, затмение в глазах, обмороки, умопомрачение и другие худшие болезни. И, о, если бы эта неумеренность и вред от нее ограничивались только однодневными неприятностями! Нет, большая часть неизлечимых болезней начинается от этих пиршеств; подагра, чахотка, истощение, паралич и многие другие еще тягчайшие болезни, внедрившись в теле, удручают его до последнего издыхания. Какое же можно найти удовольствие, вознаграждающее за все эти бедствия? Какую суровую жизнь не предпочтет каждый, чтобы избежать всего этого?

70. Не такова умеренность, но она далека от всех этих зол, и способствует здоровью и благополучию. Если даже кто ищет удовольствия, то при ней он получит его больше, чем при роскоши; и, во-первых, от того, что она доставляет здоровье и избавляет от всех тех болезней, из которых каждая сама по себе способна затмить и даже совершенно уничтожить всякое удовольствие, а во-вторых - от самой пищи. Каким образом? Причиной удовольствия бывает аппетит; а аппетит возбуждается не пресыщением и избытком, но нуждой и недостатком (пищи). Он всегда бывает не на пирах богачей, но у бедных, лучше всякого трапезника и повара прибавляя к приготовленной пище много меда. Богатые едят, не чувствуя голода, и пьют, не имея жажды, и ложатся спать прежде, нежели придет к ним сильная нужда во сне; бедные же не прежде приступают ко всему этому, как настанет потребность, чем более всего возвышается удовольствие. Почему, скажи мне, Соломон называет сон раба сладким, говоря так: "**сладок сон трудящегося, мало ли, много ли он съест**" (Екк. 5:11)? Потому ли, что ложе его мягко? Но рабы большей частью спят на земле или на соломе. Или от свободы? Но они не владеют ни малейшей частью времени. Или от досуга? Но они находятся постоянно в трудах и заботах. Что же делает для них сон приятным, как не то, что они прежде почувствуют нужду в нем и потом предаются ему? А богатые, если ночь не застанет их погрузившимися в сон от опьянения, по необходимости постоянно страдают бессонницей, вертятся и томятся, лежа на мягких постелях.

71. Можно было бы еще показать на неприятность, и вред, и срам в тех болезнях, которые происходят (от роскоши) в душе гораздо более и хуже, чем в теле. Она делает людей изнеженными, женоподобными, дерзкими, тщеславными, невоздержными, надменными, бесстыдными, раздражительными, жестокими, подлыми, корыстолюбивыми, низкими, и вообще неспособными ни к чему полезному и необходимому; умеренность же производит все противоположное этому. Но теперь надобно обратить речь на другой пример; прибавив это одно, потом мы опять займемся апостольскими словами. Если кажущееся радостным исполнено таких зол, и навлекает такой поток болезней на душу и тело, то что сказать о печальном, например, о страхе перед начальниками, о нападениях народа, о кознях клеветников и завистников, что в особенности окружает богачей, от чего и жены еще больше должны страдать, не имея сил переносить таких превратностей мужественно?

72. Что я говорю о женах? И сами мужья жалким образом страдают от этого. Кто живет умеренно, тот не боится никакой перемены; а кто роскошествует в этой невоздержной и рассеянной жизни, тот, если ему придется по какому-нибудь несчастью или принуждению подвергнуться бедности, скорее умрет, нежели вынесет такую перемену, как не приготовленный и не привыкший к этому. Посему блаженный Павел и говорил: "**но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль**". Затем далее он говорит: "**время уже коротко**" (1 Кор. 7:28-29).

73. Как это, - может быть, скажет кто-нибудь, - относится к браку? Даже очень относится к нему. Если он ограничивается настоящей жизнью, а в будущей "**не будут ни жениться, ни замуж выходить**" (Марк. 12:25); настоящий же век приходит к концу и воскресение уже при дверях, то теперь время не браков и не приобретений, но скудости и всякого

любомудрия, которое будет нам полезно там. Как дева, пока остается дома с матерью, много заботится о детских вещах и о лежащем в ящичке, поставленном ею в кладовой, и ключ сама держит при себе и всем распоряжается, и столько заботится о сохранении малых и пустых вещей, сколько управляющие великими делами; а когда нужно выходить замуж, и время брака заставляет ее оставить родительский дом, тогда она, отрешившись от малого и ничтожного, по необходимости начинает заботиться об управлении домом и множеством имущества и рабов, об угождении мужу и о другом важном более прежнего: так и вам, достигающим совершенного и мужского возраста, должно оставить все земное, эти поистине детские игрушки, и помышлять о небе, блеске и всей славе тамошней жизни. Ибо и мы обручены Жениху, Который желает от нас такой любви, чтобы мы для Него отказались, если нужно, не только от малозначительных и ничтожных земных благ, но и от самой души. Итак, если нам должно отправляться туда, отрешимся от этих ничтожных забот; и, переходя из бедного дома в царский чертог, мы не стали бы заботиться о глиняных сосудах, дровах, рухляди и других бедных домашних вещах. Перестанем же теперь заботиться о земном; время уже призывает нас к небу, как и говорил блаженный Павел в послании к римлянам: "**ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали. Ночь прошла, а день приблизился**" (Римл. 13:11-12). И еще: "**время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие**" (1 Кор. 7:29). К чему же брак для тех, которые не будут наслаждаться браком, но будут наравне с безбрачными? К чему деньги? К чему имущества? К чему все житейское, когда пользование им уже не благовременно и несвоевременно? Если те, которые должны явиться в ваше судилище и подвергнуться ответственности за свои преступления, при приближении назначенного дня отказываются не только от жены, но и от пищи, и питья, и всякой заботы, а думают об одном только оправдании; то тем более нам, имеющим предстать не перед каким-нибудь земным судилищем, но перед небесным престолом, чтобы отдать отчет в словах, делах и помышлениях, должно отрешиться от всего, и от радости, и от печали по настоящим благам, и заботиться только о том страшном дне. "**Если кто**", говорит (Господь), "**приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником; и кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником**" (Лук. 14:26-27); а ты беспечно предаешься привязанности к жене, смеху, наслаждению и роскоши? "**Господь близко: не заботьтесь ни о чем**" (Филип. 4:6); а ты беспокоишься и печешься о деньгах? Наступило небесное царство; а ты занимаешься домом, пиршествами и другими удовольствиями? "**Проходит образ мира сего**" (1 Кор. 7:31); для чего же ты мучишься мирскими делами, не постоянными, но скоропреходящими, не заботясь о постоянном и неизменном? Не будет ни брака, ни мук рождения, ни удовольствия и совокупления, ни изобилия денег, ни заботы о приобретении, ни пищи, ни одежды, ни земледелия и мореплавания, ни искусств и домостроительства, ни городов и домов, но - некоторое иное состояние и иная жизнь. Все это немного спустя погибнет. Это означают слова: "**проходит образ мира сего**". Зачем же мы, как бы намереваясь оставаться здесь на все веки, с таким усердием заботимся о делах, которые мы часто должны оставлять раньше наступления вечера? Зачем мы избираем тягостную жизнь, когда Христос призывает нас к спокойной? "**А я хочу**", говорит (апостол), "**чтобы вы были без забот**. **Неженатый заботится о Господнем**" (1 Кор. 7:32).

74. Почему же ты, желая, чтобы мы были без забот, сам налагаешь на нас новую заботу? Это - не забота, равно как и скорбь о Христе не есть скорбь, не потому, чтобы здесь изменялась природа вещей, но потому, что добровольность переносящих все это с удовольствием побеждает самую природу. Кто заботится о том, чем он не может наслаждаться долгое, а часто и короткое время, тот справедливо может назваться заботящимся; а тот, кто может собирать плодов больше своих забот, совершенно справедливо может считаться в числе не заботящихся. Кроме того, между той и другой

заботами такое различие, что последняя в сравнении с первой даже не может считаться заботой: столько она легче и удобнее той. Все это мы выразили предыдущими словами: "**неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене**" (1 Кор. 7:32-33); но последний проходит, а первый остается. Разве это одно не достаточно показывает превосходство девства? Насколько Бог выше мира, настолько забота о Нем лучше мирской. Почему же (апостол) дозволяет брак, который связывает нас заботами и отвлекает от духовного? Потому, говорит он, я и сказал: "**так что имеющие жен должны быть, как не имеющие**"*,* чтобы уже связанные или имеющие быть связанными, каким-либо другим образом ослабили свои узы. Если нельзя разорвать уже надетые узы, то сделай их более сносными; ибо возможно, если мы захотим, освободиться от всего излишнего и не навлекать на себя по собственной беспечности забот еще больше, чем сколько их приносит самое дело.

75. Если же кто хочет яснее знать, что значит, "**имеющие жен, как не имеющие**", то пусть посмотрит на не имеющих ничего и распявшихся (для мира), как они живут. Как же они живут? Они не нуждаются покупать ни множества служанок, ни золотых вещей и ожерелий, ни светлых и больших домов, ни такого-то и такого-то количества десятин земли, но, оставив все это, заботятся только об одной одежде и пище своей. И имеющий жену может вести себя согласно такому любомудрию. Сказанное выше "**не уклоняйтесь друг от друга**" (1 Кор. 7:5), сказано только о совокуплении; в этом он повелевает следовать друг за другом и не оставляет им власти над собой; а в чем должно держаться другого любомудрия, например, в одежде, в пище и во всем прочем, в том один не подчинен другому, но мужьям можно, - хотя бы жена и не хотела, - отказаться от всякой роскоши и удручающего множества забот; и жене также нет никакой необходимости против воли украшаться и заботиться об излишнем. Это и справедливо; потому что та похоть естественна и поэтому простительна и один (из супругов) не властен лишать в этом другого без его воли; а страсть к роскоши, расточительности и бесполезным заботам не зависит от природы, но происходит от беспечности и высокомерия. Посему (апостол) и не повелевает вступившим в брак подчиняться друг другу в этих делах, как в тех. Таким образом, слова: "**имеющие жен, как не имеющие**", означают то, чтобы мы не принимали на себя излишних забот, происходящих от капризов и изнеженности жен, но прилагали столько забот, сколько требуется для одной преданной нам души и притом расположенной жить любомудро и скромно. А что он хочет сказать именно это, он сам объяснил, присовокупив: "**и плачущие, как не плачущие; и радующиеся** о приобретениях, **как не радующиеся**" (Кор. 7:30); ибо не радующиеся не будут заботиться и о приобретении и не плачущие не станут бояться бедности и отвращаться от умеренности. Таково значение слов: "**имеющие жен, как не имеющие**"*,* т. е. пользоваться миром, но не злоупотреблять им. "**А женатый заботится о мирском**" (1 Коринф. 7:33). Хотя забота бывает и там и здесь, но здесь она суетна и напрасна, или лучше сказать ведет к печали и скорби ["**таковые будут иметь скорби по плоти**" (1 Кор. 7:28)], а там - к неизреченным благам; почему же нам не избрать лучше первой заботы, которая не только получает столь многие и великие воздаяния, но и по свойству своему легче последней? О чем заботится незамужняя? О деньгах ли, слугах, домоправителях, полях и прочем? За поварами ли она наблюдает, за ткачами и прочей прислугой? Нет; ничто из этого не приходит ей на ум, но только об одном она заботится, чтобы благоустроить свою душу, украсить этот святой храм (1 Кор. 3:17), не плетением волос, или золотом, или жемчугом (1 Тим. 2:9), не притираниями и раскрашиваниями, или другими трудными и обременительными способами, но - святостью по телу и духу. "**А замужняя**"*,* говорит (апостол), "**заботится о мирском, как угодить мужу**" (1 Кор. 7:34). Весьма мудро он не стал перечислять самые дела и не сказал, что переносят жены для угождения мужьям, и телом и душой, тело притирая, посыпая пылью и подвергая другим мучениям, а душу наполняя низостью, лестью, притворством, малодушием и другими излишними и

бесполезными заботами, но, намекнув на все это одним словом, предоставил подумать об этом совести слушателей. Показав, таким образом, преимущество девства и превознесши его до самого неба, он опять возвращается к речи о дозволенности брака, постоянно опасаясь, чтобы кто-нибудь не стал считать это повелением. Посему он не удовольствовался прежними увещаниями, но, сказав: "**я не имею повеления Господня; и если девица выйдет замуж, не согрешит**", опять здесь говорит: "**не с тем, чтобы наложить на вас узы**" (1 Кор. 7:25,28,35).

76. Кто-нибудь может при этом справедливо придти в недоумение, почему апостол, выше назвав девство освобождением от уз и сказав, что он советует его для нашей пользы, чтобы мы не имели скорбей и были без забот, так как он щадит нас, и всем этим показав легкость и удобоносимость его, вдруг говорит: "**не с тем, чтобы наложить на вас узы**" (1 Кор. 7:35). Что же это значит? Не девство он назвал петлей, - нет, но принятие этого блага с насилием и принуждением. И на самом деле так. Все, что принимает кто-либо по принуждению и против воли, хотя бы оно было весьма легким, бывает несноснее всего и давит нашу душу мучительнее петли. Посему он и сказал: "**не с тем, чтобы наложить на вас узы**"; то есть: я предложил и показал все блага девства, но и после всего этого предоставляю вам избрание его и не влеку к добродетели против вашей воли; я посоветовал это, не желая причинить вам скорбь, но - чтобы благопристойное служение (Богу) не нарушалось житейскими делами. Посмотри и здесь на мудрость Павла, как он с просьбами соединяет увещания и с позволением - совет. Сказав: не принуждаю, но увещаю, он прибавляет: "**благочинно и непрестанно**" (1Кор. 7:35), показывая этим превосходство девства и ту пользу, какая происходит от него для нас в богоугодной жизни. Ибо жене, опутанной житейскими заботами и всюду развлекаемой, нельзя быть благоприступающей (к Господу), так как весь ее труд и досуг раздробляется на многое, т. е. на мужа, заботы по дому и все прочее, что обыкновенно влечет за собой брак.

77. А что, скажешь, если и девственница станет заниматься многим и иметь житейские заботы? Нет, этим ты исключил бы ее из сонма девственниц, потому что недостаточно только не вступать в брак, чтобы быть девственницей, но необходима и чистота душевная; под чистотой же я разумею не только воздержание от порочной и постыдной похоти, украшений и рассеянности, но и свободу от житейских забот; если же этого нет, то какая польза в чистоте телесной? Как ничего не может быть постыднее воина, бросившего оружие и проводящего время в пьянстве, так ничего не может быть непристойнее девственниц, связанных житейскими заботами. Так и те пять дев имели светильники и подвизались в девстве, но не получили от этого никакой пользы, а остались вне дверей затворенных и погибли. Девство потому и хорошо, что оно отклоняет всякий повод к излишней заботе и доставляет полный досуг для богоугодных дел; так что, если этого нет, оно бывает гораздо хуже брака, нося в душе терние и заглушая чистое и небесное семя.

78. "**Если же кто почитает неприличным для своей девицы то, чтобы она, будучи в зрелом возрасте, оставалась так, тот пусть делает, как хочет: не согрешит; пусть [таковые] выходят замуж**", говорит (апостол) (1 Кор. 7:36). Что говоришь ты: "**пусть делает, как хочет**"? Как ты не исправляешь извращенного понятия, но дозволяешь вступать в брак? Почему ты не сказал: кто находит непристойным для своей девицы (оставаться так), тот жалок и несчастен, считая укоризненным столь дивное дело? Почему ты, оставив это предположение, не посоветовал ему удерживать свою дочь от брака? Потому что, говорит он, эти души были слишком слабы и привязаны к земле; а при таком настроении их нельзя было вдруг внушать им учение о девстве. Кто до такой степени привязан к мирским делам и восхищается настоящей жизнью, что даже после такого увещания считает постыдным то, что достойно небес и уподобляется ангельской жизни, тот как мог бы принять совет, привлекающий его к этому? И удивительно ли, что Павел

так поступил касательно дела позволенного, когда он делает то же самое касательно запрещенного и противозаконного? Укажу на пример. Иметь осторожность в пище, принимать одну и отвергать другую, было свойственно слабости иудеев; однако и между римлянами были подверженные этой слабости; он же не только не обвиняет их со строгостью, но делает еще нечто, более того; оставив согрешавших, он укоряет тех, которые хотели препятствовать им: "**а ты что осуждаешь брата твоего**" (Римл. 14:10)? Между тем он не сделал того же, когда писал колоссянам, но с великой властью обращается к ним и любомудрствует так: "**итак никто да не осуждает вас за пищу, или питие**", и еще: "**итак, если вы со Христом умерли для стихий мира, то для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений: "не прикасайся", "не вкушай", "не дотрагивайся" - что все истлевает от употребления**" (Колос. 2:16,20-22). Почему же он так поступает? Потому что эти были сильны, а римляне еще нуждались в большой снисходительности, и он ожидал, пока вера окрепнет в их душах, опасаясь, чтобы с преждевременным истреблением плевел не вырвать с корнями и растений здравого учения. Поэтому он и не осуждает их прямо, и не оставляет без осуждения, но касается их незаметно и прикровенно, в осуждении других; ибо словами: "**перед своим Господом стоит он, или падает**" (Римл. 14:4), он по-видимому заграждает уста укоряющему (другого), но на самом деле влияет на душу этого последнего, показывая, что предпочитать то или другое (из пищи) свойственно не твердым и не стоящим непоколебимо, но еще колеблющимся, находящимся в опасности пасть, если не устоят. Таким же образом он поступает и здесь вследствие великой слабости укоряемых. Он не явно нападает (на обличаемого), но похвалами тому, кто соблюдает свою девицу, наносит ему сильный удар. Что же говорит он? "**Но кто непоколебимо тверд в сердце своем**" (1 Кор. 7:37). Это сказано для противопоставления с тем, кто легко и скоро колеблется, не умея ходить твердо и стоять мужественно. Потом, заметив, что этого слова достаточно для влияния на душу такого человека, смотри, как он опять прикрывает речь, приводя причину не слишком достойную порицания. Сказав: "**но кто непоколебимо тверд в сердце своем**" он присовокупил: "**не будучи стесняем нуждою, но будучи властен в своей воле**", хотя последовательнее было бы сказать: кто стоит твердо и не находит этого дела непристойным. Так как это было бы слишком разительно, то вместо этого он употребляет другое выражение в его утешение, предоставляя ему лучше ссылаться на такую причину. Не так тяжело удерживать кого-нибудь от дела нуждой, как стыдом: первое - касается души слабой и жалкой, а последнее - испорченной и не умеющей правильно судить о качестве дел. Впрочем, говорить это еще было не время: даже по настоятельной нужде не следует препятствовать желающей быть девственницей, но должно мужественно стоять против всего, что препятствует этому прекрасному стремлению, как говорит Христос: "**кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня**" (Матф. 10:37). Когда мы принимаем что-либо благоугодное Богу, то всякий, препятствующий этому, есть враг и неприятель, кто бы он ни был, отец или мать. Павел же, снисходя к несовершенству слушателей, написал следующее: а "**кто непоколебимо тверд, не будучи стесняем нуждою**" (1 Кор. 7:37); и не остановился на этом, - хотя "**не будучи стесняем нуждою**", и "**будучи властен в своей воле**" означают одно и тоже, - но обширной речью и беспрестанным повторением позволений утешает слабый и низменный ум, присоединяя далее и другую причину: "**решился в сердце своем**" (1 Кор. 7:37). Ибо недостаточно быть свободным, чтобы только за это не подлежать ответственности, но когда кто избрал и рассудил, тогда он поступает хорошо. Потом, чтобы ты не заключил из такой великой снисходительности, что нет никакого различия (между тем и другим делом), он опять излагает различие между ними, хотя с осторожностью, излагает в (ясных) словах: "**посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше**" (1 Кор. 7:38). А на сколько лучше, он не объяснил опять по той же причине; если же ты хочешь знать, то послушай Христа, Который говорит: "**ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы**

Божии на небесах" (Матф. 22:30). Видишь ли различие, на какую высоту девство вдруг возносит смертного, когда оно есть истинное девство?

79. Чем, скажи мне, отличались от ангелов Илия, Елисей и Иоанн, эти истинные любители девства? Ничем, кроме того, что они были облечены смертной природой; а во всем прочем, если точно исследовать это, они окажутся нисколько не хуже тех; даже и этот самый кажущийся недостаток много служит к похвале их. Какое мужество, какое любомудрие было у тех, которые, живя на земле и подчиняясь необходимости смертной природы, могли достигнуть такой добродетели! А что их сделало такими девство, ясно из следующего; если бы они имели жен и детей, то не так легко поселились бы в пустыне, не стали бы презирать домов и всего житейского; а теперь, освободившись от всех этих оков, они жили на земле, как на небе; не нуждались ни в стенах, ни в кровле, ни в постели, ни в трапезе, ни в чем ином подобном, но вместо кровли им было небо, вместо постели - земля, вместо трапезы - пустыня; и то, что для других кажется причиной голода, бесплодие пустыни, это самое тем святым доставляло изобилие. Они не нуждались ни в виноградных лозах, ни в точилах, ни в посевах, ни в жатве, но источники, реки и озера доставляли им обильное и приятное питье, а трапезу одному из них приготовлял ангел, чудесную и необыкновенную и более обильную, чем обычно у людей: одного хлеба, говорится (в Писании), было достаточно на "**сорок дней и сорок ночей**" (3 Цар. 19:6-8); а другого часто питала чудотворная благодать Духа, и не только его одного, но через него и других (1 Цар. 4:41-44). Иоанн же, "**больше пророка**", больше которого "**из рожденных женами не восставал**" (Матф. 11:11), не нуждался даже в человеческой пище: не хлеб, вино и масло поддержали жизнь его тела, но акриды и дикий мед. Видишь ли ангелов на земле? Видишь ли силу девства? Оно устроило, что облеченные плотью и кровью, ходившие по земле, подчиненные необходимости смертной природы, во всем поступали так, как бесплотные, как уже достигшие неба, как получившие бессмертие.

80. Для них все было излишним, не только то, что действительно излишне: роскошь, богатство, власть, слава и ряд прочих подобных сновидений, но и то, что кажется необходимым: жилища, города и искусства; вот что значит "**благочинно и непрестанно**" (1 Кор. 7:35), вот добродетель девства! Удивительно и многих венцов достойно - преодолевать ярость страстей, сдерживать беснующуюся природу; но поистине удивительным это бывает тогда, когда притом будет такая жизнь; само по себе это слабо и недостаточно для спасения достигших этого. Свидетелями нам могут служить те, которые и ныне упражняются в подвиге девства: они настолько отстоят от Илии, Елисея и Иоанна, насколько земля от неба. Как, устранив "**благочинно и непрестанно**", ты подорвешь самую силу девства, так соединяя его с превосходной жизнью, ты будешь иметь корень и основание блага. Как тучная и плодоносная земля питает корень, так превосходная жизнь возвращает плоды девства, или лучше сказать, крестная жизнь есть и корень и плод девства. Она умащала тех доблестных мужей на дивные подвиги, рассекая все узы их, и делая их способными на свободных и легких ногах, как бы на крыльях, взлетать на небо. Где нет ни угождения жене, ни заботы о детях, там очень легко является нестяжательность; а нестяжательность приближает к небесам, освобождая нас не только от страха, забот и опасностей, но и от прочих неудобств.

81. Тот, кто не имеет ничего, презирает все, как бы обладая всем, и имеет великое дерзновение перед начальствующими, властителями и даже самим украшенным диадемой. Кто презирает богатство, тот, простираясь далее, будет легко презирать и смерть; а, став выше этого, он будет дерзновенно говорить со всеми, не опасаясь и не страшась никого. А тот, кто занят богатством, есть раб не только богатства, но и славы и почестей настоящей жизни, и всего вообще житейского. Поэтому Павел и назвал сребролюбие корнем всех зол (1 Тим. 6:10). Девство же имеет достаточную силу иссушить этот корень и вложить в нас

другой лучший, производящий все доброе: свободу, дерзновение, мужество, пылкую ревность, горячую любовь к небесному, презрение всего земного. Так рождается: "**благочинно и непрестанно**".

82. Но что умничают многие? Патриарх Авраам, говорят, и жену имел, и детей, и богатство, и стада, и пастбища, а при всем этом, Иоанн, как Креститель, так и евангелист, тот и другой девственники, и Павел и Петр, отличавшиеся воздержанием, желали быть в лоне его. Кто сказал это тебе, почтеннейший, какой пророк, какой евангелист? Сам, говорят, Христос. Видя великую веру сотника, Он сказал: "**многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном**" (Матф. 8:11). Вместе с ним блаженствовавшего и Лазаря видел богатый (Лук. 16). Но какое отношение имеет это к Павлу, Петру и Иоанну? Лазарь не Павел и не Иоанн, и "**многие с востока и запада**" не составляют сонма апостолов, так что эти ваши слова излишни и напрасны. Если же ты хочешь точно знать награды апостолам, то послушай, что говорит Сам, имеющий даровать их: "**сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых**" (Матф. 19:28). Здесь нет ни Авраама, ни сына его, ни внука его, ни лежащего на лоне его, но гораздо высшее достоинство; последние сядут судить потомство первых. И не в одном этом видно различие, но и в том, что участи Авраама сподобятся многие; "**многие**", говорит (Господь), "**придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном**"; а этих престолов не получит никто, кроме одного сонма святых апостолов. Еще ли, скажите мне, вы будете вспоминать о стадах, пастбищах, браках и детях? Что же, говорят, если многие из девственниц после многих подвигов желают переселиться туда? Я скажу еще больше: многие из девственниц не достигнут ни того лона, ни меньшего, но пойдут в самую геенну. Это показывают девы, оставшиеся вне брачного чертога (Матф. 25:12). Отсюда не следует ли, что брак равен девству, или даже девство хуже его? Твой пример представляет девство хуже (брака). Авраам, живший в браке, находится в покое и наслаждении, а девственницы - в геенне; по вашим словам остается сделать такое заключение. Но это не так; нет: девство не только не хуже, но гораздо лучше брака. Почему? Потому, что не брак сделал таким Авраама, и не девство погубило тех несчастных (дев); но другие добродетели души прославили патриарха, и другие пороки жизни предали дев огню. Тот и в брачной жизни старался совершать добрые дела девства, т. е. "**благочинно и непрестанно**", а они, и, избрав девство, ниспали в круговорот жизни и в заботы, свойственные браку. Что же, скажут, препятствует и ныне вместе с браком, детьми, богатством и всем прочим сохранить это "**благочиние**"*?* Во-первых, то, что ныне уже нет равного Аврааму, и даже хотя мало приближающегося к нему; он, имея богатство и жену, больше подвизающихся в нестяжательности презирал богатство и больше девственников воздерживался от удовольствий. Эти каждый день пламенеют страстью, а он так погашал этот огонь и не предавался никакому пристрастию, что не только удержался от наложницы, но и отпустил ее из дома, чтобы уничтожить всякий повод к ссоре и несогласию: теперь не очень легко это найти.

83. Кроме этого, - я и теперь скажу то, что говорил вначале: от нас требуется не такая степень добродетели, как от них. Теперь нельзя быть совершенным, не продав всего, не отказавшись от всего, не только от денег и дома, но даже от души своей (Матф. 11), а тогда еще не была указана такая строгость. Что же, скажут, разве мы теперь живем строже, чем патриарх? Мы должны (так жить), и это заповедано нам, но мы не живем, и потому далеко отстаем от того праведника; а что нам предлежат большие подвиги, это всякому известно. Посему и Ноя Писание не просто прославляет, но с некоторым прибавлением: "**Ной**", говорит, "**был человек праведный** в **роде своем, ходил пред Богом**" (Быт. 6:9), не просто совершенный, но в то время; ибо много видов совершенства, которые определяются различными временами. С течением времени бывшее некогда

совершенным, потом становится несовершенным. Например, некогда был совершен тот, кто жил по закону; "**которые исполняя**", сказано (в Писании), "**человек будет жив**" (Лев. 18:5); а Христос, пришедши, показал, что это совершенное - несовершенно; "**если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**" (Матф. 5:20). Тогда только убийство считалось жестоким, а теперь и один гнев и злословие могут вовлечь в геенну; тогда наказывалось только прелюбодеяние, а теперь даже бесстыдный взгляд на жену не освобожден от наказания; тогда только клятвопреступление было от лукавого, а теперь и клятва: "**что сверх этого, то от лукавого**", говорится (в Писании) (Матф. 5:37); от людей того времени не требовалось ничего больше, как любить любящих, а теперь это великое и дивное дело так несовершенно, что, по исполнении его, мы ничем не превосходим мытарей.

84. Почему же неодинаковая предстоит награда за одни и те же добродетели для нас и для ветхозаветных, но мы, если желаем получить одинаковое с ними, должны оказать большую добродетель? Потому, что теперь излилась великая благодать Духа и великий дар пришествия Христова; благодать сделала (людей) из младенцев мужами совершенными. Как мы от наших детей, когда они сделаются юношами, требуем гораздо больших доблестей, и за что в детском возрасте мы прежде хвалили их, мы уже не восхищаемся тем же, когда они станут мужами, но требуем от них другого, гораздо большего; так и Бог в первые времена требовал не великих дел от человеческого рода, как находившегося в младенческом состоянии. Когда же он услышал пророков и апостолов и получил благодать Духа, то Бог возвысил степень добродетелей, и это справедливо. Он назначил и большие воздаяния и гораздо более светлые награды; уже не земля и земные блага, но небо и блага, превосходящие ум, предстоят праведникам. Итак, не безрассудно ли возмужавшим оставаться при прежнем младенчестве? Тогда природа человеческая разделялась сама в себе, и была непримиримая борьба; рассуждая о ней, Павел так говорит: "**но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих**" (Римл. 7:23). А теперь этого нет; "**как закон, ослабленный плотию, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной [в жертву] за грех и осудил грех во плоти**" (Римл. 8:3). За это, воздавая благодарность, Павел говорит: "**бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю Бога моего Иисусом Христом**" (Римл. 7:24-25). Посему мы справедливо наказываемся за то, что, сделавшись свободными, не хотим идти наравне со связанными; или лучше сказать, если мы будем поступать одинаково с ними, и тогда не освобождаемся от наказания. Тем, которые наслаждаются глубоким миром, должно достигать гораздо больших и славнейших трофеев, нежели тем, которые сильно удручены войной. Если мы будем вращаться около денег, роскоши и жен и заботиться о делах, то когда же мы будем (совершенными) мужами, когда будем жить духовно, когда будем заботиться о Господнем? Неужели по исходе отсюда? Но тогда уже время не трудов и подвигов, а венцов и наказаний. Тогда и девственница, если не будет иметь масла в светильниках, не сможет получить его от других, но останется вне чертога (Матф. 25); и если кто явится одетым в грязное одеяние, не сможет вышедши переменить одежду, но будет ввержен в огонь геенны (Матф. 22); если даже будет просить самого Авраама (Лук. 16), уже не достигнет никакого успеха. Когда наступит определенный день (суда), поставлено будет седалище, воссядет Судия, потечет река огненная (Дан. 7:10), и потребуется отчет в делах наших, тогда уже нельзя будет нам получить разрешение грехов, но волей-неволей мы будем привлечены к должному наказанию за них. И тогда никто не может умолить за нас, но если бы даже кто-либо имеющий дерзновение, равное с великими и дивными мужами, как Ной, Иов, Даниил, стал умолять хотя бы за сыновей и дочерей своих, не достигнет успеха; грешникам необходимо будет подвергнуться вечному наказанию, равно как праведникам удостоиться наград. А что ни тем, ни другим не будет конца, это объявил Христос, сказав,

что как жизнь будет вечной, так вечным будет и наказание. Когда Он одобрил стоявших по правую сторону и осудил стоявших по левую, то прибавил: "**и пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную**" (Матф. 25:46). Посему всячески нужно все благоустраивать здесь, и имеющему жену быть как не имеющему, а действительно не имеющему вместе с девством упражняться и во всякой другой добродетели, чтобы по исходе отсюда не рыдать нам тщетно.

---

[1] Ересеначальники сект, известных под именами маркионитов, валентиниан и манихеев, во 2 и 3 веках по Р. Х.

[2] Философ Платон в разговоре: Тимей, Отд. 29.

К МОЛОДОЙ ВДОВЕ

Предлагаемые два слова написаны св. Иоанном Златоустом к молодой вдове, которой муж, по имени Фирасий, был знатный и благочестивый человек и умер в цветущем возрасте после пяти лет супружества. Преподавая вдове христианские утешения и увещания, святитель касается некоторых исторических лиц и событий, по которым можно заключать о времени написания этих слов. Так, в 4-м отделении первого Слова, где тогдашний римский император представляется воюющим с варварами, говорится о Феодосии Великом, который со времени провозглашения своего императором в 379 г., вел почти непрерывную войну с готами до решительного поражения их в 382 г. Посему можно заключать, что первое Слово написано не ранее 380 и не позже 382 г. Второе же Слово, конечно, последовало вскоре за первым.

СЛОВО ПЕРВОЕ

ВСЕ будут согласны с тобою, и никто, даже из весьма любомудрых, не станет противоречить тому, что ты получила тяжкий удар, и что посланная свыше стрела поразила тебя в самое роковое место; но так как раненные должны не в плаче и слезах проводить все время, а тщательно заботиться и об уврачевании ран, чтобы они, быв оставлены без внимания, не причинили больших слез и не усилили пламени скорби: то полезно и тебе принять словесное утешение, и остановив несколько потоки слез, хотя на краткое время предать себя тем, которые намереваются утешить тебя. Поэтому и мы не беспокоили тебя во время самой сильной скорби, когда эта молния лишь только упала (на тебя); но, переждав этот промежуток времени и предоставив тебе насытиться рыданиями, когда, наконец, ты получила возможность проглянуть несколько из этой мглы и открыть слух тем, которые стараются утешить тебя; и мы теперь, после (утешительных) речей служанок, предлагаем и свою. Кто стал бы убеждать (тебя) отложить печаль тогда, когда еще буря была велика и горе весьма сильно, тот более усилил бы твои рыдания, и своими словами придал бы много пищи огню (печали), а на себя навлек бы неудовольствие и мнение, как о человеке недобром и безрассудном; когда же буря, наконец, начала утихать и Бог усмирил ярость волн, то мы свободно распустим паруса слова. Во время умеренной непогоды искусство, может быть, в состоянии будет сделать свое дело; а когда бывает непреодолимый напор ветра, тогда и опытность не приносит никакой пользы. По всем этим причинам мы во все предшествовавшее время молчали, и даже теперь едва решились открыть уста, когда услышали от твоего дяди, что можно, наконец, осмелиться на это, что

уже осмеливаются вести с тобою длинные речи об этом и почетные служанки, и посторонние женщины, и родственницы, и другие близкие (к тебе). Если их слова ты принимаешь, то мы вполне надеемся и убеждены, что не отвергнешь и наших, но выслушаешь их с возможным спокойствием и благодушием. Женщины и всегда очень чувствительны к несчастью; когда же присоединится еще молодость, и преждевременное вдовство, и неопытность в делах, и великое множество забот, между тем, как все прежнее время было проведено в удовольствиях, в довольстве и богатстве, - то горе в несколько крат увеличивается; и если подвергшаяся ему не получит помощи свыше, то и случайная какая-нибудь мысль может поразить ее. В этом я и нахожу первое и величайшее доказательство великого Божеского попечения о тебе; ибо при внезапном стечении стольких бедствий не прийти в отчаяние от печали и не лишиться естественного состояния своего разума, - это было делом не человеческой помощи, но Десницы всемогущей, того Разума, которому нет числа, той Премудрости, которая неисследима, Отца щедрот и Бога всякого утешения. "**Ибо Он уязвил**, **-** говорит (пророк), **- и Он исцелит нас, поразил - и перевяжет наши раны**"(Ос. 6:1,2). Доколе жил с тобою блаженный муж твой, ты пользовалась почетом, внимательностью и заботами, пользовалась столько, сколько можно было получать от человека; а когда Бог взял его к Себе, то Он Сам заступил его место для тебя. И это не моя мысль, но блаженного пророка Давида, который говорит: "**Господь … поддерживает сироту и вдову**" (Пс. 145:9); и в другом месте называет Его Отцом сирых и Судиею вдовиц (Пс. 67:6); и часто ты можешь видеть такое великое попечение Его об этих людях.

2. Но чтобы самое название (вдовы), часто произносимое, не огорчало твоей души и не смущало тебя мыслью о том, что оно пришло к тебе в самом цветущем возрасте, я хочу наперед сказать об этом и объяснить, что название вдовства есть название не несчастья, но почести, и почести величайшей. Не приводи мне в свидетельство ложного мнения толпы, но (выслушай) законоположение блаженного Павла, или лучше, Христа; ибо, что говорил Павел, то через него говорил Христос, как и сам он сказал: "**Вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне**" (2 Кор. 13:3). Что же он говорит? "**Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя**" (1 Тим. 5:9); и еще: "**Молодых же вдовиц не принимай**" (ст. 11); теми и другими словами он желает показать нам величие этого состояния (вдовства). Когда он дает постановления о епископах, то нигде не определяет числа лет, а здесь делает это с великою точностью. Почему? Не потому, чтобы вдовство было больше священства, но потому, что эти (вдовы) встречают больше трудностей, нежели те (епископы), так как их с разных сторон окружает множество дел, общественных и частных. Как город, не огражденный стеною, бывает открыт для всех желающих вторгнуться в него для расхищения, так и юная вдова бывает окружена отовсюду множеством коварных людей, не только домогающихся ее имущества, но и готовых растлить ее целомудрие. И не только эти, но и другие мы можем указать случающиеся поводы к ее падению. Так неуважение от домашних, запутанность дел, лишение прежнего почета, видимое благополучие сверстниц, а часто и желание удовольствий располагают вдов вступать во второй брак. Бывают между ними и такие, которые не хотят вступать в законный брак с мужчинами, но (живут с ними) тайно и скрытно; и это делают для того, чтобы получать похвалы за вдовство, - так это состояние не только не поносно, но и считается у людей достойным удивления и почтения не только у нас верных, но и у самих неверных. Когда я был еще молод, помню, как учитель мой (а он был суевернейший из всех людей) при многих удивлялся моей матери. Желая узнать, по обыкновению, от окружавших его, кто я таков, и услышав от кого-то, что я сын вдовы, он спросил меня о возрасте моей матери и о времени ее вдовства. И когда я сказал, что ей сорок лет от роду и что двадцать лет уже прошло, как она лишилась моего отца, он изумился, громко воскликнул и, обратившись к присутствовавшим, сказал: "ах! какие у христиан есть женщины!" Таким удивлением и такою похвалою пользуется это состояние

(вдовства), не только у нас, но и у внешних (язычников)! Зная все это, блаженный Павел сказал: “**Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя**” (1 Тим. 5:9). Впрочем, не по этому только свидетельству годов позволяет он причислять ее к священному лику (вдовиц), но присовокупляет и другие качества: “**Известная**, **-** говорит, **- по добрым делам - если она воспитала детей, принимала странников, умывала ноги святым, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу**” (ст. 10). Какое внимание и испытание! Каких добродетелей он требует от вдовицы, и с какою точностью исчисляет их! Этого он не сделал бы, если бы не хотел вверить ей дело почтенное и достоуважаемое. “**Молодых же**, **-** говорит, **- вдовиц не принимай**”. Потом присовокупляет и причину: “**Ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак**” (ст. 11). Этими словами (апостол) внушает нам, что жены, лишившиеся мужей, вместо них соединяются со Христом. Заметь, как он этими словами показывает, что такой союз легок и приятен; именно в словах: “**Ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак**”, (он говорит о Христе), как бы о каком кротком муже, который не поступает с ними самовластно, но позволяет им жить на свободе. И на этом он не остановил речи, но показал великую заботливость о вдовице еще в другом месте, сказав: “**А сластолюбивая заживо умерла**” (1 Тим. 5:6). “**Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь**” (ст. 5). И в послании к Коринфянам он говорит: “**Она блаженнее, если останется так**” (1 Кор. 7:40). Видишь ли, какие похвалы (воздаются) вдовству, и притом в Новом Завете, когда уже просияла и красота девства? Однако и в это время блеск девства не мог помрачить светлости вдовства, но оно и теперь сияет, имея собственное достоинство. Итак, когда мы упоминаем о вдовстве, ты не падай духом и не считай этого состояния позорным; ибо если оно позорно, то тем более девство. Но нет, нет; да не будет! Если все мы почитаем и уважаем тех жен, которые живут воздержно еще при жизни своих мужей, то как не почитать и не хвалить тех, которые, и по смерти своих мужей, оказывают прежнее к ним благорасположение? Пока ты жила вместе с блаженным Фирасием, то, как я сказал, ты, пользовалась и почетом и вниманием, какие можно получать от человека; теперь же, вместо него, ты имеешь Владыку всех - Бога, который и прежде хранил тебя, а теперь еще больше и с особенною заботливостью будет пещись о тебе; и немалое доказательство Своего великого промышления о тебе, как я выше сказал, Он уже показал нам тем, что сохранил тебя здравою и невредимою среди такого пламени забот и печали, и не попустил тебе потерпеть ничего нежелательного. Если же Он не попустил быть кораблекрушению во время такой бури, но тем более сохранит твою душу во время тишины, и облегчит для тебя тяжесть, как вдовства, так и представляющихся в нем бедствий.

3. Если же тебя смущает не название вдовы, а потеря такого мужа, то согласно с тобою и я признаю, что на всей земле между светскими людьми немного бывало таких любезных, кротких, смиренных, искренних, разумных и благочестивых. Но, если бы он совершенно разрушился и обратился в ничто, тогда следовало бы скорбеть и сокрушаться; если же он приплыл в тихую пристань и переселился к своему истинному Царю, то об этом должно не плакать, а радоваться. Эта смерть не смерть, но некоторое переселение и перемещение из худшего (состояния) в лучшее, с земли на небо, от людей к ангелам и архангелам, к Владыке ангелов и архангелов. Здесь на земле, когда он служил царю, ему можно было ожидать опасностей и многих козней от завистников; ибо по мере того, как возрастала его знаменитость, умножались и козни врагов; а по отшествии туда, ему уже не нужно опасаться ничего такого. Поэтому, сколько ты скорбишь о том, что Бог взял к себе столь полезного и добродетельного человека, столько же должна и радоваться, что он переселился отсюда с великою безопасностью и славою, и, избавившись от смятений настоящей непостоянной жизни, пребывает в совершенном мире и спокойствии. Подлинно, не странно ли признавать небо гораздо лучшим земли, а переселившихся

отсюда туда - оплакивать? Если бы покойный жил порочно и вопреки воле Божией, то следовало бы сокрушаться и рыдать о нем не только по смерти, но и при жизни его; а так как и он принадлежал к числу возлюбленных Божиих, то одинаково должно радоваться, жив ли он, или умер. И что так должно поступать, об этом ты конечно слышала от блаженного Павла, который говорит: "**Разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше**" (Флп. 1:23). Но ты, может быть, хочешь слышать слова мужа и наслаждаться дружбою с ним, желаешь по-прежнему обращаться с ним, и пользоваться бывшею при нем славою, блеском, почетом и спокойствием, и потеря всего этого смущает и омрачает тебя? Любовь к нему ты можешь сохранять и теперь также, как и прежде; сила любви такова, что она объемлет, совокупляет и соединяет не только тех, которые находятся при нас, или близко к нам, и которых мы видим, но и тех, которые удалены от нас; ни продолжительность времени, ни дальность расстояния, и ничто другое подобное не может прервать и прекратить душевную дружбу. Если же ты желаешь и видеть его лицом к лицу (я знаю, что ты весьма желаешь этого), то соблюди ложе его недоступным для другого мужа, постарайся сравняться с ним по жизни, и ты, конечно, отойдешь отсюда в один и тот же с ним лик, и будешь жить вместе с ним не пять лет, как здесь, не двадцать или сто, даже не тысячу или две, не десять тысяч или несколько десятитысячелетий, но беспредельные и бесконечные веки. Наследование теми местами упокоения получается не по телесному родству, но по одинаковому образу жизни. Если одинаковость жизни привела и Лазаря, незнакомого Аврааму, в самые недра его, и удостаивает к возлежанию с ним многих от востока и запада, - то и ты займешь место упокоения вместе с прекрасным Фирасием, если захочешь жить так же, как он жил; тогда ты опять увидишь его, но не в этой красоте телесной, с которой он умер, а в некотором ином блеске и сиянии, которое гораздо светлее лучей солнечных. Настоящее тело, какой бы великой высоты ни достигло, тленно; но тела благоугодивших Богу облекутся такою славою, на которую и смотреть невозможно этими глазами. Некоторые знаки и неясные следы этого Бог показал нам как в Ветхом, так и в Новом Завете. Тогда лицо Моисея сияло такою славою, что израильтяне не могли смотреть на него; а в Новом Завете гораздо больше просияло лицо Христово. Скажи мне: если бы кто обещал сделать его (Фирасия) царем всей земли, и для этого повелел расстаться с тобою на двадцать лет, а после того обещал бы возвратить его к тебе в диадеме и багрянице и тебя также сделать участницею его славы, ужели ты не перенесла бы такой разлуки благодушно и с надлежащим благоразумием? Ужели не обрадовалась бы такому дару и не сочла бы его вожделенным? Переноси же эту разлуку и теперь, не для земного царства, но для небесного, не для того, чтобы опять увидеть мужа в золотой одежде, но - в бессмертии и славе, какая свойственна небесным жителям. Если же тебя очень тяготит продолжительность времени (разлуки), то он, вероятно, иногда является тебе в сновидениях, по-прежнему разговаривает с тобою, и показывает тебе вожделенное лице свое; это пусть будет утешением для тебя вместо писем, или лучше, даже яснее писем. Там видны одни только буквы, а здесь можно увидеть и образ лица, и кроткую улыбку, и осанку, и походку, можно услышать и звук и узнать любезнейший голос.

4. Если же ты жалеешь еще о том спокойствии, каким прежде наслаждалась при нем, а может быть и о тех надеждах, какие представлялись ему еще на большие почести (я слышал, что он скоро мог достигнуть высокого места градоначальника; а это больше всего, думаю, мучит и смущает душу твою), то представь себе тех, которые были на высшей, чем он, степени достоинства, и кончили жизнь весьма жалким образом. Напомню тебе о них. Ты, может быть, слышала о Феодоре сицилийском: он был из числа очень знаменитых мужей; превосходя всех красотою, величественным видом и дерзновением пред царем, и имея столько силы, сколько никто из приближенных (к царю); он не перенес скромно этого благополучия, но, замыслив зло против царя [1] и быв уличен в этом, был казнен весьма жалким образом; а жена его, нисколько не уступавшая твоему благородству ни по воспитанию, ни по происхождению, ни во всех других отношениях, вдруг лишилась

всего своего имущества и даже свободы, была включена в число домашней прислуги и принуждена была жить хуже всякой служанки, имея то преимущество пред другими, что своим чрезвычайным несчастием возбуждала слезы у всех видевших ее. Рассказывают и об Артемизии, жене очень знатного человека; за то, что и он стал домогаться верховной власти, она доведена была до такой же бедности и ослепла; потому что частью великость печали, частью множество слез помрачили ее зрение, и она теперь нуждается в сторонней помощи, чтобы дойти до чужих дверей и таким образом получить необходимую пищу. Мог бы я указать и на многие другие семейства, потерпевшие такое унижение, если бы не знал благочестия и благоразумия твоей души, которая утешения в своем несчастье не желает искать в чужих бедствиях. И упомянутые примеры представил я теперь только для того, чтобы ты убедилась, что дела человеческие ничтожны, и что поистине, как сказал пророк, "**вся красота … - как цвет полевой**" (Ис. 40:6). Чем выше человек поднимется и чем больше приобретет блеска, тем глубже бывает его падение; и это бывает не только с подчиненными, но и с самими царствующими (особами). Нельзя найти частный дом, который был бы исполнен таких несчастий, какими бедствиями бывают исполнены царские чертоги: и преждевременное сиротство, и вдовство, и насильственная смерть, убийства, гораздо беззаконнейшие и тягчайше тех, о которых рассказывается в трагедиях, особенно поражают облеченных этою властью. Оставив древние примеры, скажу, что из царствовавших в наш век (всех их было девять) [2] только двое окончили жизнь обыкновенною смертью [3]; из прочих же один погиб от мятежника, другой на войне, третий от козней своих телохранителей, четвертый от самого того, кто избрал его и облек багряницею; а жены их умерли, как говорят, одни от яда, другие от самой печали. Из остающихся доселе в живых одна, у которой есть дитя сирота, дрожит от страха, чтобы кто-нибудь из властителей не погубил его из опасения касательно будущего; а другая едва по ходатайству многих возвратилась из ссылки, в которую раньше отправил ее властитель. Из жен ныне царствующих особ одна, освободившись от прежних несчастий, вместе с этою радостью испытывает и большое горе потому, что властитель еще очень молод и неопытен и окружен множеством зложелателей [4]; а другая совсем истомилась от страха, и живет хуже осужденных на смерть от того, что муж ее, с того самого времени, как облекся диадемою, доселе проводит время на войнах и в сражениях [5]; и больше, чем от несчастий, страдает от стыда и всеобщих укоризн. Ибо никогда прежде не бывало того, что случилось теперь, чтобы варвары, вышедши из своей страны, проникли на тысячу, и даже на несколько тысяч стадий в нашу землю; сжигая селения и разрушая города, они и не думают возвращаться домой, но, как будто забавляясь игрою, а не воюя, издеваются над всеми нашими; а кто-то из их царей, говорят, сказал, что он изумляется бесстыдству наших воинов, которых режут более, чем овец, а они еще надеются победить и не хотят выйти из своей местности; сам я, говорил он, уже пресытился, часто поражая их. Каково, думаешь, на душе у царя и его супруги, когда они слышат такие слова?

5. Когда я вспомнил об этой войне, то мне представился великий ряд вдов, которые прежде весьма блистали знаменитостью своих мужей, а теперь вдруг все, облекшись в печальную черную одежду, проводят все время в слезах. С ними не то было, что с твоею почтенною главою. Ты, почтеннейшая, видела своего прекрасного мужа лежащим на одре, слышала последние слова его, получила от него наставление, как вести домашние дела, и узнала завещание, которым он совершенно оградил тебя от людей корыстолюбивых и коварных. Кроме того, ты часто припадала к нему, когда он лежал уже мертвым, целовала глаза его, обнимала и оплакивала его, видела, с какою честью он был провожаем, сама приготовила все, нужное для приличного его погребения, и доселе получаешь немалое утешение в скорби, часто посещая могилу его. А те были лишены всего этого; они все, отправив своих мужей на войну в надежде их возвращения, вместо мужей получили печальную весть об их смерти; пришедшие к ним не тела убитых (мужей) принесли им, но только рассказы об образе их смерти. А есть такие, которые не удостоились и такого

повествования и не могли узнать, как пали (мужья их), которые были завалены множеством убитых. И удивительно ли, что так погибли многие из военачальников, когда и сам царь, скрывшись с немногими воинами в одном селении, не решился выйти из него и противостать нападающим, но, оставаясь там, был подожжен ими и сгорел со всеми бывшими там, не только людьми, но и лошадьми, оружием, стенами, так что все это обратилось в пепел? [6] Такую весть о царе, вместо него самого, принесли жене его, отправившиеся с ним на сражение. Подлинно, мирской блеск нисколько не отличается от представлений на зрелище и от красоты весенних цветов; и во-первых, он исчезает прежде самого появления; потом, если когда и остается на малое время, тотчас оказывается тленным. Что ничтожнее чести и славы народной? Какой она приносит плод, какую пользу? К какому приводит она благому концу? И, о если бы при ней было только это горе! А теперь, преданный этой жесточайшей госпоже (страсти к славе), не только не приобретает ничего хорошего, но еще принужден бывает постоянно терпеть много неприятного и вредного. Она господствует над теми, которые предаются ей, и чем больше получает угождений от этих рабов, тем больше надмевается над ними и тем тягчайшими изнуряет их повелениями; а тем, которые отвергают и презирают ее, она не может мстить. Таким образом она свирепее и тирана, и всякого зверя; потому что от ласкового обращения часто делаются кроткими и тиран и зверь, а эта страсть тогда особенно и свирепствует, когда ей больше повинуются и, если найдет кого послушным себе и готовым на все, то не откажется ни от каких приказаний ему. Она имеет своею сотрудницею еще и другую (страсть), которую безошибочно можно назвать ее дочерью. Когда сама она, быв воспитана и возращена, уже крепко укоренится в нас, тогда порождает гордость, которая не меньше ее самой может низвергнуть в пропасть душу предавшихся ей.

6. Итак, скажи мне, неужели ты плачешь о том, что Бог избавил тебя от столь жестокого рабства, что совершенно заградил доступ (к тебе) этим губительным недугам? При жизни твоего мужа они не переставали часто вторгаться в твои душевные помыслы; а когда он умер, то уже не могут с какой-либо стороны напасть на ум твой. Затем тебе остается не плакать об их удалении и не допускать несносного их владычества; потому что, где они станут действовать сильно, там все ниспровергают и разрушают до основания; и как многие из распутных женщин, безобразные и отвратительные от природы, притираниями и прикрасами обольщают еще неопытные души юношей, и, когда подчинят их своей власти, обращаются с ними хуже, чем со всяким невольником, так и эти страсти, тщеславие и гордость, оскверняют человеческие души хуже всякой язвы. Поэтому и богатство многим казалось благом, а без этих страстей и оно не будет привлекательно. Те, которые успели приобрести славу в народе бедностью, не только уже не старались богатеть, но и отвергали золото, предлагаемое им в большом количестве. Ты не нуждаешься, чтобы я указал тебе на таких людей, но сама лучше нас знаешь Епаминонда, Сократа, Аристида, Диогена, Кратиса, который отдал свое поле на пастбище для овец [7]. Другие, у которых не было богатства, видя, что бедность может доставить им славу, тотчас обратились к ней; а этот (Кратис) бросил и то, что имел: с таким неистовством все старались приобрести этого свирепого зверя (славу)! Не будем же плакать, что Бог избавил нас от гнусного, смешного и весьма постыдного рабства этой властительнице; у ней только имя блистательно, а на деле она приводит преданных ей в состояние, противоположное этому названию, и нет никого, кто бы не смеялся над делающим что-нибудь для славы. Тот только может сделаться знаменитым и славным, кто не домогается этого; а кто народную славу считает за нечто великое и для приобретения ее переносит и делает все, тот особенно и не достигает и не получает ее, но удостаивается всего противоположного: осмеяния, осуждения, злословий, вражды и ненависти. И это, обыкновенно, бывает не только с мужчинами, но и с вами, женщинами, и в особенности с вами. Той, которая соблюдает простоту и во внешнем виде, и в походке, и в одежде, и ни

от кого не домогается чести, все (женщины) удивляются, восхищаются ею, ублажают ее и желают ей всего хорошего; а от тщеславной отвращаются с ненавистью, убегают, как бы от какого дикого зверя, и осыпают ее тысячами проклятий и злословий. Не гоняясь за людскою славою, мы не только избегаем этих зол, но сверх выше сказанного приобретем то, что важнее всего, приучаясь мало-помалу облегчать себя, возноситься к небу и презирать все земное. Не ищущий почестей от людей, что ни делает хорошего, делает все это спокойно, и, будут ли прискорбны или благоприятны обстоятельства его жизни, не потерпит никакого вреда: первые не в состоянии поразить его и повергнуть (в уныние), а последние - сделать его гордым и надменным, но среди всех перемен и замешательств сам он остается вне всякой перемены. Это, надеюсь, скоро будет и с твоею душою, и ты, отрешившись от всего житейского, явишь нам образ жизни небесной, и, недолго спустя, будешь смеяться над этою славою, о которой плачешь теперь, увидев, как пуста и суетна внешность ее. Если же ты желаешь иметь спокойствие, какое было у тебя при муже, сохранить имущество и не подвергаться никаким козням пользующихся чужими несчастиями; то "**возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя**" (Пс. 54:23). "**Взгляните**, **-** говорит (премудрый), **- на древние роды и посмотрите: кто верил Господу — и был постыжен? или кто пребывал в страхе Его — и был оставлен? или кто взывал к Нему— и Он презрел его?**" (Сир. 3:10). Тот, кто помог тебе перенести столь невыносимое несчастье и успокоил тебя теперь, Тот и впредь оградит тебя от бед; а что больше этого несчастья ты уже не испытаешь другого, в этом и сама ты согласишься с нами. Если же ты так мужественно перенесла настоящее бедствие, будучи притом неопытна, то гораздо легче перенесешь, если - чего да не будет! - случится с тобою впоследствии что-нибудь нежелательное. Итак, ищи неба и всего того, что ведет к тамошней жизни, и тогда ничто здешнее не может повредить тебе, даже и сам "**миоправитель тьмы**" (Еф. 6:12), только бы мы не причиняли вреда самим себе. Хотя бы кто отнял у нас имущество, хотя бы изрезал (наше) тело, все это для нас ничто, когда душа у нас остается здравою.

7. Вообще, если ты желаешь, чтобы и имущество твое было в безопасности и даже умножилось, я покажу тебе и способ к этому и место, куда невозможно проникнуть никому из людей злонамеренных. Какое же это место? Небо. Отправь его к своему прекрасному мужу, и ни вор, ни злоумышленник, и ничто другое вредное не может прикоснуться к нему. Если ты сложишь это имущество там, то получишь от него большую прибыль; ибо все, насаждаемое нами на небесах, приносит больший и лучший плод, такой, какой свойственно приносить растениям небесным. Если так поступишь, то смотри, какие получишь блага: во-первых, вечную жизнь и обещанные любящим Бога блага; "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**" (1 Кор. 2:9); потом, - постоянное жительство с прекрасным твоим (Фирасием); и избавишься от здешних забот, опасений, опасностей, козней, вражды и ненависти. Пока ты будешь держать имущество при себе, то, может быть, найдутся люди, которые присвоят его себе; а если переложишь его на небо, то будешь вести жизнь безопасную, спокойную и безмятежную, наслаждаясь благодушием вместе с благочестием. Подлинно, весьма безрассудно, что, желая купить поле, ищут земли плодоносной, а когда предлагается вместо земли небо и можно приобрести место там, остаются на земле и терпят на ней горести, потому что надежды (земные) часто обманывают нас. Если твою душу сильно возмущает и тревожит то, что муж твой неоднократно имел надежду получить достоинство градоначальника, и восхищен прежде получения этой власти, то, во-первых, обрати внимание на то, что, хотя эта надежда была и весьма очевидна, однако она была надежда человеческая, которая часто не сбывается; много мы видим в жизни таких случаев, когда самые, по-видимому, несомненные надежды оставались без исполнения, и напротив, часто сбывалось то, что и на ум нам не приходило, и это, как мы видим, непрестанно бывает и с властями, и с царствами, и с наследствами, и с браками, и со всем;

так что, хотя бы и очень близко было время (достижения такой надежды), однако, по пословице, “от чаши до верхней губы - большое расстояние”. И Писание говорит: “**От утра до вечера изменяется время**” (Сир. 19:26). Так иной сегодня царствует, а завтра умирает. И еще, объясняя нам неверность надежд, тот же премудрый говорит: “**Многие из властелинов сидели на земле, тот же, о ком не думали, носил венец**” (Сир. 12:5). Так (и о твоем муже) не совсем известно было, что он при жизни достиг бы этой власти, в чем заставляют нас сомневаться и неизвестность будущего и другие обстоятельства. Из чего видно, что он, если бы остался жив, достиг бы этой власти, что с ним не случилось бы даже противное, что он не потерял бы и то достоинство, какое имел, подвергшись болезни, или потерпев от зависти и злобы людей, хотевших повредить ему, или испытав какое-нибудь другое несчастье? Впрочем примем, если угодно, за несомненное, что он при жизни непременно достиг бы такой высоты; но, чем выше достоинство, тем большими оно необходимо сопровождается опасностями, заботами и кознями. Пусть даже не будет и этого; пусть он переплывал бы это море безопасно и очень спокойно: какой же, скажи мне, был бы конец? Не такой же ли, какой и теперь? Даже, может быть, и не такой, а другой - неприятный и нежелательный. Во-первых, он позже увидел бы небо и все небесное, а это немалая потеря для верующих в будущее; потом, хотя бы он жил очень чисто, но вследствие продолжительности жизни и неизбежных в том звании обстоятельств, не мог бы отойти также чистым, как теперь. Неизвестно, не испытал бы он много перемен и не впал ли бы в крайнюю беспечность, в которой и умер бы. Теперь мы убеждены, что, по милости Божьей, он отлетел в страну упокоения, потому что не сделал ничего, что лишает царства небесного; а тогда, проведя долгое время в общественных делах, он, может быть, покрыл бы себя многими пятнами; ибо обращаться среди столь многих зол и прожить хорошо - это большая редкость; а грешить волею или неволею - это дело обыкновенное и непрестанно случающееся. Но теперь мы избавлены от такого опасения и очень уверены, что он в день суда явится в великом блеске, сияя близ Царя, вместе с ангелами предшествуя Христу, облекшись в неизреченную славу, предстоя Судии - Царю и служа Ему на первом месте. Посему, оставив слезы и рыдания, старайся жить так же, как он жил, или еще лучше его, чтобы, сравнявшись с ним по добродетели, тебе поселиться в одной с ним обители, и опять соединиться с ним на бесконечные веки, не этим союзом брака, но другим, гораздо превосходнейшим; ибо этот (брак) есть только союз тел, а тогда будет соединение души с душою, гораздо теснейшее, приятнейшее и превосходнейшее.

---

[1] Аммиана Марцелл. Истор. Книг. XXIX

[2] Констанций Хлор, Константин, Констанций, Констант, Галл, Юлиан, Иовиан, Валентиниан и Валент (304-378 г. по Р.Х.).

[3] Константин и Констанций.

[4] Император Грациан.

[5] Император Феодосий Великий.

[6] Император Валент.

[7] Епаминонд - фивский полководец; Сократ - философ; Аристид - афинский правитель; Диоген Синопский - философ-циник; Кратис Фивский - ученик Диогена.

К ТОЙ ЖЕ ВДОВЕ

СЛОВО ВТОРОЕ

О воздержании от второго брака

1. Нет ничего удивительного, что желают выйти замуж женщины, не испытавшие замужней жизни, мук деторождения и всего прочего, что брак вносит с собою в дома людей; и “война”, это столь трудное дело, по пословице, “приятна для неопытных”; но когда женщины, которые перенесли тысячи горестей, и часто тяжким опытом вынуждались считать блаженными свободных от мирских дел, и тысячу раз проклинать и самих себя, и своих свах, и тот день, в который они вошли в брачные чертоги; когда эти женщины, после таких огорчений, опять домогаются того же состояния, - это приводит меня в крайнее удивление и недоумение, и заставляет исследовать причину, почему они того состояния, которое прежде считали несносным, когда находились в нем, теперь, когда освободились от него, опять домогаются, как вожделенного. Рассматривая с разных сторон множество своих мыслей об этом деле, я едва, наконец, как полагаю, нашел причину его; а лучше сказать, не одна причина тому и не две только, но гораздо больше. Одни (из вдов), по давности времени забыв о прошлом и заботясь только о настоящем, вступают в брак, для освобождения от бедствий вдовства, но находят в нем другие, гораздо тягчайшие бедствия, так что повторяют прежние жалобы. Другие, опять предаваясь мирским делам и стремясь к славе настоящей жизни, и считая состояние вдовства предосудительным, для суетной славы и пустой важности принимают на себя тягости брачной жизни. А есть и такие, которые снова вступают в прежнее состояние не по этим причинам, но единственно по невоздержанию, хотя и стараются прикрыть истинную причину вышесказанными предлогами. Впрочем, как сам я не смею упрекать и осуждать их за этот брак, так и другим не советую; потому что иначе судит об этом и блаженный Павел, или лучше, Дух Святый, сказав: “**Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе**” (1 Кор. 7:39), и дозволив вдове, если она пожелает, опять вступить в брак; и потом сказав: “**Она блаженнее, если останется так**” (ст. 40), - чтобы кто-нибудь не подумал, что это человеческое повеление, он присовокупил: “**Думаю, и я имею Духа Божия**”, и тем показал, что он написал это по внушению Духа. Итак, пусть никто не думает, будто в порицание или осуждение вступающих в брак, я говорю то, что теперь скажу. Было бы крайне надменно и безрассудно, если бы мы стали нещадно осуждать тех, которых не осудил, но пощадил блаженный апостол, когда притом мы сами обременены множеством грехов. Если нам повелевается *не судить*, чтобы самим не быть осужденными в той же мере (Мф. 7:1,2), и быть не строгими, но снисходительными и кроткими судиями чужих грехов, то ты, порицая такое дело, которое не составляет и греха, и осуждая других, тем лишишь самого себя всякого прощения, своими поступками с ближним сделав судию более строгим к тебе самому. Итак, я приступил теперь к этому предмету не для того, чтобы упрекать и осуждать этих (вдов); что может совершаться о Господе, то не подлежит никакому осуждению; “**только**, **-** говорит апостол, - было бы **в Господе**”. Как, говоря о девстве, мы превозносим его (похвалами), не для того, чтобы унизить брак: так, и беседуя о вдовстве, советуем довольствоваться первым браком, не потому, чтобы считали второй брак запрещенным, но допускаем, что и второй брак есть дело законное, и, однако, первый гораздо лучше второго. Посему пусть никто не считает пороком того, что, по сравнению с высшим, оказывается низшим. Мы не для того делаем это сравнение, чтобы второй брак поставить в разряд порочных дел; но, признавая его законным и предоставленным воле (вдовы), однако же, предпочитаем ему и уважаем первый брак, как гораздо лучший. Почему? Потому что не все равно, - быть женою одного мужа, и одной и той же быть женою другого. Та, которая удовольствовалась первым браком, показала, что она не

вступила бы прежде и в этот брак, если бы по опыту хорошо знала это состояние; а та, которая на брачное ложе первого мужа приводит другого, представляет немалое доказательство великой любви своей к миру и привязанности к земному. Первая и при жизни мужа не была склонна ни к кому другому; а последняя, хотя при жизни мужа и не грешила с другими, но занималась многими другими больше, чем им.

2. Но, не осуждая догадками прошедшую жизнь, рассмотрим самое дело. Как девство лучше брака, так первый брак лучше второго. Вдова, только по началу ставши ниже девственницы, при конце опять равняется и делается одинаковою с нею; а второй брак ниже девства с той и другой стороны. Кроме того, та, которая легко переносит вдовство, конечно, часто воздерживается и при жизни мужа; а та, которая считает это состояние невыносимым, готова жить не только с двумя или тремя, но и с гораздо большим числом мужей, и только с наступлением старости едва делается воздержною. Посему, как тот брак есть доказательство великой честности и целомудрия: так этот есть знак - не скажу, сладострастия; нет, - но души слабой и весьма плотяной, привязанной к земле и неспособной никогда помыслить ничего великого и высокого. Если же кто скажет, что доброе дело остается добрым, случится ли оно однажды, или дважды, или несколько раз (ибо оно будет одинаково добрым; а кто часто делает добро, тот по справедливости более восхваляется; так что, если и брак есть дело доброе, то часто пользующийся им похвальнее и почтеннее того, кто пользуется им редко), то мы ответим, что такое умствование может увлечь простодушных, но рассудительные легко могут понять его лживость. Брак называется браком не по (телесному) соитию - иначе и прелюбодеяние было бы браком, - но потому, что вступающая в брак привязывается к одному мужу, и этим благородная и целомудренная женщина отличается от распутной. Если она постоянно будет довольствоваться одним мужем, то брак справедливо будет называться этим именем; но, если она, вместо одного, вводит многих мужей в дом свой, то, хотя и не смею назвать это прелюбодеянием, однако сказал бы, что она много уступает той, которая, кроме одного, не знала другого мужа. Та вняла словам Господа: “**Посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью**” (Мф. 19:5); прилепилась к мужу, как к собственной своей плоти, и не забыла однажды данной ей главы; а эта не считает собственною плотью ни первого, ни второго мужа; ибо первый изгнан вторым, а второй первым; и она уже не может хорошо помнить первого мужа, привязавшись после него к другому, и на последнего не может смотреть с надлежащею любовью, так как ум ее обращается и к покойному. Таким образом, наконец, оказывается, что оба, и тот и другой, лишены женою чести и любви подобающей мужу! С каким же, по ее мнению, расположением духа второй муж вступает в брачный чертог первого, восходит на его ложе, и смотрит на жену, которая над всем этим смеется и забавляется? Он, конечно, сильно возмущается и не с особенною любовью приближается к ней; даже если бы он был тверже всех людей, однако не может быть столь грубым, чтобы не иметь человеческих чувств, хотя бы она облекла и себя и дом свой бесчисленными украшениями. Печаль, уже постигшая дом (после первого мужа), не допускает быть чистою радости (при втором), но, подобно тому, как на стенах, у которых какая-нибудь часть сильно обгорела, а потом несколько подкрашена, резкая и глубокая чернота портит белизну окраски, и вид бывает неприятный; так и здесь, хотя бы (жена) придумала много блеска, в нем проглядывает уныние и какая-то неприятная смесь того и другого. И домочадцы, и служанки, и работники, и жильцы, и соседи, и родственники покойного смотрят на это дело с прискорбием и сожалением. А если еще останутся и сироты, то малолетние возбуждают сильное нерасположение к матери в тех, кто может понимать дело, а взрослые делают ей неприятностей больше всех. Сознавая все это, и законодатели, желая и утешить сетующих (вдов), и в оправдание себя показать, что они установили второй брак не по убеждению своему или по какому-нибудь предубеждению, но из опасения большего зла, лишили этот брак всякого блеска, так что вечера его не

украшают ни флейты, ни рукоплескания, ни песни, ни пляски, ни брачные венцы, ни другое что-либо подобное; устраняя все это, они приводят мужа к вдовой жене неувенчанным, как бы выражая этим, что все остальное они допускают по снисхождению, а не как достойное похвал, рукоплесканий и венцов.

3. Почему же, скажут, Павел запретил молодым оставаться вдовами, хотя бы они и хотели этого, написав так: "**Молодых же вдовиц не принимай**" (1 Тим. 5:11)? - Не Павел запретил вдовство желающим, но сами они вынудили его, против его воли, дать им такой закон. А если хочешь узнать собственное желание Павла, послушай, что он говорит: "**Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я**", в воздержании (1 Кор. 7:7) Блаженный апостол не восстает против самого себя, не впадает в противоречие и не запрещает вдовства желающим, когда сам желает, чтобы все люди соблюдали воздержание. Почему же он говорит: "**Молодых же вдовиц не принимай**" (1 Тим. 5:11)? Скажи: отчего и для чего? Он не просто сказал так, но привел и причину: "**Ибо они, -** говорит, **-- впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак**". Видишь, что он запрещает оставаться вдовами и принадлежать к этому священному сонму не тем, которые желают вдовствовать, но тем, которые, овдовевши, снова намереваются вступить в брак; и делает это весьма мудро. Если ты намереваешься, говорит он, вступить во второй брак, то и не давай обета вдовства; потому что дать обет и не исполнить его гораздо хуже, чем вовсе не обещать. Как частые сообщения он позволил (мужу и жене) не в виде закона, но из снисхождения к ним; "**это сказано мною**, **-** говорит он, **- как позволение, а не как повеление, … чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим**" (1 Кор. 7:5,6), - так и здесь дозволил второй брак во избежание другого большего зла, чем и показал, что и это сделал он по снисхождению, применительно к слабости многих; слабость же разумею, не силы, но воли. Как девственница, растлившаяся после обета девства, грешит хуже прелюбодеяния; так и вдова, однажды давшая обет (вдовства), а потом поправшая завет с Богом, впадает в такой же грех, и подлежит такому же наказанию, и даже, если можно сказать нечто удивительное, может быть гораздо большему; потому что, как и вначале я сказал, не все равно, неопытная ли, или уже опытная опять впадает в одинаковые искушения. И не здесь только, но и в вышеприведенном месте (1 Тим. 5:11) и после слов: "**Желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом**", апостол приводит причину, почему он желает этого. Какая же это причина? "**Не подавали**, **-** говорит, **- противнику никакого повода к злоречию**" (1 Тим. 5:14). Так как тогда, вероятно, многие вдовы, освободившись от замужней жизни, как от какой неволи и рабства, пользовались последующею жизнью очень свободно и самовольно, и таким бесстыдством навлекали на себя дурную молву, то он, для отклонения их от этой гибельной свободы, опять подчиняет их прежнему игу. Если, говорит, какая-нибудь вдова вздумает тайно прелюбодействовать и бесчестить себя; то гораздо лучше ей вступить в брак, и "**не подавали противнику никакого повода к злоречию**". Таким образом, он повелел (вдовам) вступать в брак для того, чтобы они не подавали поводов к злословию, и не вели постыдной и распутной жизни; именно, послушай, в чем он обличает их. Вместо того, чтобы проводить все время в молитвах и молениях, "**они**, **-** говорит, **- будучи праздны, приучаются ходить по домам и [бывают] не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно**" (1 Тим. 5:13). А он хочет не этого, но чтобы вдова непрестанно упражнялась в духовных делах: "**А сластолюбивая**, **-** говорит, **- заживо умерла**" (ст. 6). Так и от девственницы апостол требует, чтобы она не ограничивала этой добродетели (девства) чистотою тела, но все свободное время употребляла на служение Богу: "**Говорю это**, - говорит, **- для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно [служили] Господу без развлечения**" (1 Кор. 7:35); он желает, чтобы девственница не делилась, но всецело посвящала себя духовному и небесному, и пеклась о Господнем. К такой жизни он увещевает и вдову: "**Истинная**, - говорит, - **вдовица и одинокая надеется на Бога и**

пребывает в молениях и молитвах день и ночь” (1 Тим. 5:5). А если вдовы то время, которое следует употреблять на евангельские дела, тратят во всю жизнь на занятия не только излишние и бесполезные, но и весьма вредные, то он справедливо уже располагает их к браку. И как иудеям Бог дал субботу, не для того, чтобы они просто бездействовали (в этот день), но чтобы воздерживались от порочных дел: так и вдова и девственница избирают этот образ жизни не для того, чтобы только не жить с мужьями, но чтобы пещись о Господнем, чтобы всецело посвящать себя на служение Богу.

4. Так, скажешь; но нестерпимое будет бедствие для женщины, неопытной в делах, если она будет вынуждена нести мужские обязанности; она не в состоянии будет распорядиться, как мужчина, и не достигнет ничего, кроме огорчений и потери всего имущества. Неужели же все, не вступившие во второй брак, потеряли все свое имущество и лишились всего и нельзя указать ни на одну вдовую женщину, управляющую делами? Все это притворство и предлог, и прикрытие собственной слабости. Многие женщины лучше мужей и управляли домом, и воспитывали детей-сирот, и доставшееся им имущество одни из них увеличили, другие не уменьшили. И Бог вначале не все вверил мужчинам и не во всем поставил житейские дела в зависимость только от них; иначе женщина подверглась бы презрению, как нисколько не содействующая нам в жизни. Зная это, Бог предоставил ей меньшую часть (дел), что и выразил издревле в словах: “**Сотворим ему помощника**” (Быт. 2:18). Чтобы муж на том основании, что он создан первым, и что жена сотворена для него, не стал превозноситься пред нею, Бог этими словами смирил гордость его и показал, что жена, не менее мужа, необходима для мирских дел. Какие же эти дела и в чем она помогает нам к устройству жизни? Так как настоящее благосостояние зависит от семейных дел не менее, чем от общественных, то Бог разделил их, и общественные все предоставил мужчинам, а домашние женщинам; и если изменить этот порядок, то все расстроится и погибнет; так каждый из них (муж и жена) в своем деле гораздо полезнее другого. Итак, если домашние дела зависят от женского благоразумия, и если жена в этом отношении столько же превосходит мужа, сколько художники в своем искусстве превосходят невежд: то к чему у нас такое напрасное опасение? Приумножать имущество и собирать извне свойственно только мужчинам, а женщине заботиться о прибыли непристойно; но хранить и беречь приобретенное - свойственно только ей. Хотя и кажется, что приобретать важнее, чем сберегать, однако и первое без последнего бывает бесполезно и напрасно; часто даже первое и при последнем не только не приносит пользы, но и губит все. Так как трудно, чтобы муж, приобретая выгоды извне, всегда приобретал их справедливым способом (ибо мужчины часто извлекают прибыль из несчастий других людей); то доставшиеся в руки жены неправедные и насильственные приобретения часто вредят ее искусству и хозяйству. Посему, хотя приобретать и важнее, чем сохранять, однако и первое оказывается хуже последнего в другом отношении, когда не только не содействует умножению имущества, но и губит собранное. Почему же вдова будет опасаться, чтобы без мужа не пошли хуже домашние дела, о которых и при жизни его она сама имела попечение? Он, скажешь, легче может распоряжаться, так как из страха пред ним никто не станет противодействовать и производить затруднения; тогда и слуги, и домоправители, и поверенные, и все, боясь его, слушаются с полною готовностью; и никто не противоречит; а когда умрет тот, кого боялись, все нападают на вдову, оскорбляют ее, делаются дерзкими, все приводят в беспорядок и расстройство; если же она станет противиться и расправляться, подвергая (непокорных) истязаниям и побоям, и заключая в темницу, то будут пересуды, злословия, укоризны от многих. Но, если она нарушит верность к покойному, и забудет любовь его, и тот вечер, в который он впервые соединился с нею, и рукоплескания, и песни, и брачные светильники, и первые объятия, и трапезы и прочее, в чем она всегда принимала участие, и речи, которые обыкновенно жена слышит от мужа; если все это вдруг отбросит, как будто этого и не было, отворив двери дома своего

другому, и привлечет его к ложу покойного - этому свидетелю всего прошлого, - если она сделает это, неужели никто не будет укорять и осуждать ее? Неужели никто не возненавидит, и не назовет жестокою, неверною, клятвопреступною и всеми подобными названиями?

5. Не думай, будто потому, что блаженный Павел дозволил второй брак, он уже достоин и похвал и не осуждается многими. Хотя он не подлежит взысканию и наказанию, но не может пользоваться похвалами и прославлениями. Так похотливость и сладострастие (мужа) и невоздержание от жены во время поста, или в какое-либо другое время, также избегает наказания, но не удостаивается похвал; самое это снисхождение есть не что иное, как обличение его великой слабости и небрежности. Если ты опасаешься, чтобы не прослыть жестокою за строгость к слугам, то прежде этого тебе должно опасаться, чтобы не прослыть сладострастною и невоздержною. Кроме того, вдове можно будет лучше устроить свои дела так, чтобы и все имущество ее было в безопасности, и ее саму не только не поносили, но и хвалили все, а прежде этого, чтобы ей получить божественные блага. Если она захочет сложить свое имущество на небе и сокрыть его в этом безопасном месте, то оно не только не уменьшится, но еще больше увеличится; ибо таково свойство этого сеяния. Если она не возвысилась до исполнения этой заповеди, и не хочет все вдруг сложить туда, то пусть подумает и о том, что, вышедши замуж, она не непременно найдет в нем такого человека, который увеличит ее имущество; если же он и будет таков, то пусть она помыслит не об умножении только имущества, но и о том, что она может быть вовлечена во многие дела, противные и Богу и людям. Если муж будет из числа людей сильных и могущественных, то может случиться, что он заставит ее многое и делать и терпеть против ее желания, и таким образом она теперь неизбежнее подвергнется тому, чего боялась во вдовстве, и не только этому, но может испытать самую быструю перемену. Оставаясь вдовою, она, если и потерпит какой-нибудь ущерб в имуществе, зато остальным может пользоваться с великою безопасностью, но сочетавшись с мужем сильным, управляющим общественными делами, или имеющим какую-нибудь другую заботу, она может вдруг потерять все; потому что в несчастьях мужей необходимо участвуют и жены их. Но, если и не случится ничего такого, какое приобретение, скажи мне, променять свободу на рабство? Какая польза от большего богатства, когда нельзя употреблять его, на что хочется? Не гораздо ли лучше владеть свободно немногим, нежели богатствами всей вселенной, а самой вместе с ними быть под властью другого? Не говорю теперь о заботах, обидах, злословиях, ревности и напрасных подозрениях, болезнях деторождения и о всем прочем. Кто беседует с девицею, тот и об этом может сказать ей, как неопытной и не знающей этих дел. Но кто стал бы говорить об этом вдове, тот сделал бы ей неприятность; потому что напрасно пытаться словами учить ее тому, что она лучше узнала по опыту. Впрочем, полезно прибавить, что девица, вышедши замуж, будет с ним жить с большею уверенностью и свободою, нежели вдова. Эту муж, хотя будет любить, как свою жену, но не так, как ту, которую взял девицею; а что любовь к таким женам (из девиц) гораздо сильнее и пламеннее, нежели к тем (из вдов), это всякому известно; вдову же он будет обнимать и любить не от всей души, как уже познавшую другого мужа. Мы все, так сказать, привыкли из ревности ли, или по тщеславию, или, не знаю, по какой другой причине, любить больше всего те предметы, которыми и владеем и пользуемся не после других, но распоряжаемся сами одни и первые. Так, можно видеть это, бывает у нас с одеждами: нам не столько нравятся одежды, перешедшие в наше владение от других, сколько те, которых никто не носил. То же и с домами и сосудами: мы не столько любим дом, доставшийся нам от другого, сколько тот, который мы сами построили; и из сосудов мы с особенною бережливостью и тщательностью храним те, которые недавно сделаны и получили у нас первое употребление, а перешедшими к нам от других не очень дорожим и даже иногда гнушаемся, так что и переделываем их. Если же у нас бывает такое чувство по отношению к домам, одеждам и сосудам, то представь, с

какою силою оно должно пробуждаться в отношении к жене, дороже которой ничего нет для мужа? Те вещи мы можем и передать желающим, а жену - непозволительно; так что, скорее мы расстанемся с душою, нежели допустим себя до этого. Итак, к девице, как я сказал, муж относится со всем расположением, как неприкосновенной и принадлежащей собственно ему и никому другому, а на вдову, бывшую прежде в супружестве с другим, будет смотреть не с такою любовью и расположенностью.

6. Не говори мне о том, что бывало изредка и может быть однажды, но о том, что постоянно происходит на опыте. Девица будет жить с большею уверенностью не только по сказанным причинам, но и по многим другим. Муж вдовы легко может и упрекнуть ее в том, что она пренебрегает им, и в доказательство такого пренебрежения сослаться на ее неверность первому мужу, и заставит ее молчать как относительно прошедшего, так и того, чего может быть и не будет: пренебрежение, оказанное покойному, расположит и живого ожидать себе того же, хотя бы этого и не случилось. И не один муж будет обременять ее такими упреками, но и слуги, и служанки, если не явно, то тайно будут укорять ее и осыпать бесчисленными насмешками. А если еще случится, что останутся малолетние дети после умершего, то как она будет воспитывать их, как заботиться о них? Не будут ли они проводить жизнь несчастнее всяких сирот, видя в руках другого все имущество своего отца, и прислугу, и дом, и поля, и главное - жену его? Могут ли они относиться к ней, как к матери? Может ли и она относиться, как к детям, к тем, которых принуждена бывает стыдиться и краснеть, и которым не может оказывать всей материнской любви, потому что душа ее делится между ними и детьми последнего мужа? А что, скажет кто-нибудь, если она очень молода и недолго жила с мужем? Все это и сказано мною не к старым, а к молодым вдовам; со старыми, поступающими так, - я и говорить не стану; потому что, если уже не убедило их воздержаться от второго брака ни продолжительное время, ни возраст и ничто другое, то тем менее можем убедить их мы своим словом. Вся моя речь к молодым. Что, скажут, если она молода и, прожив только один год в супружестве с первым мужем, вступает во второй брак? Почему ты обращаешься к ней предпочтительно пред той, которая прожила в браке двадцать или тридцать лет? Не я, но блаженный Павел, который говорит: “**Она блаженнее, если останется так**” (1 Кор. 5:40). Что нам до той, которая, хотя и долго жила с мужем, но с одним только, с одним и тем же, с которым сочеталась вначале? А эта отдалась двоим, и притом в короткое время. Но она, скажешь, (сделала это) по неволе; если бы жив был первый муж, она при нем не полюбила бы другого; а так как он умер преждевременно, то она, по необходимости, опять сочеталась с другим. По какой необходимости? Я вижу другую необходимость, большую той, о которой ты говоришь, такую, которая достаточна для удержания ее при покойном, именно испытание горестей мирской жизни. Та, которая проводила такую жизнь долго и довольно насладилась ею, может опять обратиться к подобной жизни в надежде найти те же удовольствия; но та, которая в самом начале (супружеской жизни) испытала такие огорчения, по какому побуждению и с какою надеждою пойдет навстречу тем же неприятностям? И желающий торговать, если, не получив еще никакой прибыли, при самом выходе из пристани, потерпит кораблекрушение, неохотно потом возьмется за торговлю. Так и эта вдова, которая ожидала (от брака) много удовольствий и, не успев хорошо изведать их, испытала такую горесть, конечно, не полюбит мирской жизни, если не будет весьма невоздержною, или лучше сказать, хотя бы она имела пламенное расположение и сильное пристрастие к этой жизни: неприятное начало достаточно может погасить страсть ее. Мы обыкновенно держимся весьма крепко своих предприятий, когда хорошо начали их; когда же с самого начала и, так сказать, с первого шага встретим неприятности и неудобства, тогда скоро отказываемся от своего намерения, охладевающего в нас. Так и овдовевшие рано сами должны бы отказываться от второго брака, чтобы опять не потерпеть того же. Остающаяся во вдовстве может жить спокойно и не опасаться опять такого же горя, а

вступившая во второй брак необходимо будет ожидать того же несчастия. Кроме того, хотя состояние вдовства одинаково, но не все вдовы получат одинаковые за него награды, но одни большие, а другие меньшие; принявшие это иго в молодости удостоятся большей чести и награды, нежели овдовевшие в самой старости. Почему? Потому, что первая (вдова), несмотря на множество препятствий, все перенесла по страху Божию, а последняя не понесла и малого подвига и труда; ибо какой труд там, где нет ничего требующего усилий? Посему, как вышедшая за другого меньше имевшей одного мужа, так остающаяся во вдовстве с самой юности, много может превзойти потерявшую мужа в старости; хотя у обеих было по одному только мужу, но одна из них прошла (целое) поприще чистоты, другая же далеко отстала позади. Итак, смотри не на труд только, но и на награду. Многие добрые дела кажутся нам так трудными потому, что, обращая постоянно внимание на трудность и тяжесть их, мы не представляем в уме уготованных за них наград. Не так должно поступать, но принимать во внимание все вместе, с трудами и награды, и тогда труды покажутся нам легкими, как и действительно они легки. Так доблестный воин, когда идет на войну, представляет себе не только раны, поражение и смерть, но и трофеи, и победы, и все другие почести; и земледелец, принимаясь за работу, имеет в виду не только паханье и труд копания земли, но и гумно и точило. Так и мы тягость вдовства будем облегчать благими надеждами, и гораздо более, чем названные люди, потому что исполнению их ожидания часто препятствуют многие, не зависящие от них обстоятельства, а наших надежд никто не посрамит, если мы сами того не пожелаем. Не будем же иметь такого желания, но, имея в виду, что вдова немного уступает девственнице (иногда же и превосходит ее, когда девственница вмешивается в мирские дела, а вдовица, по словам Павла, “**одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах**” – (1 Тим. 5:5) - и воздерживается от житейских дел), примем на себя этот подвиг, чтобы удостоиться за него венцов. Это сказано вам не для принуждения и не для того, как я сказал, мы предложили это увещание, чтобы осуждать не желающих оставаться вдовами, но чтобы расположить и убедить их не слишком привязываться к земле, и однажды отрешившись (от уз брака), оставаться свободными, стремиться к небу, образ жизни вести тамошний, и соединившись со Христом, все делать так, как следует имеющим такого Жениха; ибо Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Отцем и животворящим и Святым Его Духом, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том I

Книга 2

О СВЯЩЕНСТВЕ

СЛОВО ПЕРВОЕ. Лучший друг детства Иоанна Златоуста - Василий. - Они никогда не расставались между собой. - Намерение их обоих принять иночество. - Слезы и просьбы матери, отклонившие Иоанна от исполнения этого намерения. - Подвижническая жизнь друзей. - Слух о намерении посвятить их обоих в епископский сан. - Уклонение Златоуста и избрание Василия. - Жалобы Василия и оправдания Иоанна. Нравственное значение хитрости - в зависимости от намерения. - Польза ее как в мире, так и на войне. - К ней прибегают как врачи тела, так и врачи души. - Исцеление больных таким способом. - Ею пользуется и ап. Павел, чтобы привлечь иудеев к Иисусу Христу.

СЛОВО ВТОРОЕ. Священство есть наивысшее доказательство любви, какое только можно дать в отношении к Иисусу Христу. - Преимущества священства. - Кровь Иисуса Христа есть цена душ. - Любовь Иисуса Христа к Своей церкви. - Обязанности священства более важны, чем всякого другого положения. - Мало достойных для него. - Ответственность священника. - Враги стада Христова. - Лечение душ труднее, чем лечение овец. - Трудность постижения самой причины боления душ. - Нет другого средства, кроме убеждения. - Священство требует превосходной души. - Насколько благоразумие необходимо священнику. - Священство есть должность, исполненная затруднений и опасностей. - Необходимость вполне знать кандидата на священство. - Превосходные свойства человеколюбия. - Похвала Василию. - Его человеколюбие. - Почему Златоуст отказался от епископства. - Его отказ не только не послужит ко вреду избирателей, но избавит их от нареканий, которым они иначе подверглись бы.

СЛОВО ТРЕТЬЕ. Златоуст продолжает свое оправдание. - Его отказ произошел не от гордости. - Обвинять других в неуважении к священству значит обнаруживать свое невысокое мнение о нем. - Отказ его произошел не из тщеславия. - Любовь к славе напротив должна бы побудить его принять епископство. - Священство имеет небесный характер. - Величавая обстановка священства ветхозаветного и превосходство священства новозаветного. - Величие христианского тайнодействия. - Священник сильнее ангелов. - Источники его могущества. - Священники ветхозаветные только давали свидетельство об исцелении проказы тела, а священники новозаветные исцеляют проказу души. - Если наши родители дают нам жизнь телесную, то священники сообщают нам жизнь духовную, и они могут нам давать ее, когда даже мы потеряли ее. - Крещение. - Покаяние. - Даже ап. Павел трепетал, размышляя о высоте своего служения. - То же самое устрашило и Златоуста. - Ясное сознание высоты священнослужения с одной стороны и сознание своей

слабости - как побуждения, заставившие его отказаться от епископства. - Другие побуждения, как заключающиеся в опасностях и трудностях, сопряженных со священнослужением. - Устранение тщеславия со всеми сопровождающими его страстями. - Чем возвышеннее священство, тем омерзительнее злоупотребления им. - Можно желать священства, но не возвышения и власти, связанных со священством. - Священник должен быть господином над самим собой: печальные последствия гнева. - Погрешности священников быстро становятся известными всем и происходящий отсюда соблазн. - Примеры неудачных избраний. - Управление вдовицами, попечение о девственницах, церковное судопроизводство, связанные с ним трудности. - Отлучение и требуемое им благоразумие.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ. Возражения Василия, что все сказанное его другом относится к тем, которые сами добиваются священства, а не к тому, кого против воли привлекают к нему. - Опровержение этого возражения. - Примеры Саула, Илии, Аарона и Моисея. - Иуда был призван к апостольству. - Рукополагающие недостойных подлежат одинаковому с ними наказанию. - Необходимо рукополагать с крайней осторожностью. - О церковном служении. - Дар слова, как необходимая принадлежность священника. - Без дара слова не достаточно ни доброго примера, ни даже дара чудотворения. - Слово, как единственное оружие, которым можно отражать врагов Церкви. - Сравнение Церкви с сильной крепостью. - Главные враги, с которыми приходится Церкви иметь дело: иудеи, язычники, манихеи, валентиниане, маркиониты, савеллиане, ариане. - Враги домашние, возбуждатели праздных и неразрешимых вопросов. - Возражения Василия: не презирал ли красноречия ап. Павел? - Нет, он осуждал только легкомысленное искусство риторов своего времени. - Если какой служитель Иисуса Христа мог бы обойтись без дара слова, то именно ап. Павел, обладавший даром чудотворения и несравненной любовью к Господу Иисусу. - Красноречие ап. Павла - простое и сильное, единственно основанное на знании и восторженности. - Похвальный отзыв о его посланиях. - Необходимость для епископа обладать ученостью, чтобы наставлять других. - Он должен быть способен защищать догматы веры.

СЛОВО ПЯТОЕ. Продолжение рассуждения о церковном красноречии. - Беседы, предназначаемые для народа, требуют большего труда. - Трудность удовлетворить слушателей, потому что они часто приходят не за тем, чтобы назидаться, но за тем, чтобы судить о проповеднике. - Чтобы с успехом преодолеть эту трудность и овладеть слушателями, необходимы две вещи: пренебрежение к похвалам и сила слова. - Пренебрежение к похвалам не имеет никакого значения без силы слова, и наоборот. - К пренебрежению похвалами нужно прибавить и презрение к зависти. - Недостаточно приобрести дар слова, нужно еще сохранять его трудом и упражнением, потому что красноречие есть дар изучения еще более, чем природы. - Чем выше у проповедника дар слова, тем более он должен трудиться над ним. - Козни великому проповеднику со стороны его завистливых врагов. - Немного людей, которые в состоянии основательно судить о беседах. - Сильный сознанием своего дара, проповедник может становиться выше суждений толпы. - Еще больше уверенности ему может дать стремление к главной цели - благоугодить Богу. - Пренебрежение к похвалам не менее необходимо и тому, кто не обладает даром красноречия.

СЛОВО ШЕСТОЕ Ответственность священника за грехи вверенной ему паствы. - Благоразумие и осторожность, с которыми нужно жить, чтобы предохранить себя от заражения делами мира сего и сохранять красоту души. - Ревность, тщательность и бдительность в отправлении священнослужения. - Священники суть посланники Божии не к одному только городу, но ко всей земле. - Они поставлены, чтобы молиться и ходатайствовать о прощении грехов людей, и не только живых, но и умерших. - Призвав

Св. Духа, они благоговейно приносят великую жертву, приближаться к которой должно со страхом и трепетом. - Они носят в своих руках Владыку и Господа всех людей. - Необходимость для них самого тщательного благоразумия, чтобы не оскорбить кого-нибудь из ближних, приспособляться ко всем, не прибегая к хитрости, притворству и лести, но скорее действуя с великим дерзновением и свободой, причем попеременно, смотря по обстоятельствам, можно употреблять суровость или мягкость. - Как ни велики труды монахов и как ни трудна брань, которую они ведут, но во всяком случае служение епископа труднее отшельничества. - Осуществлять добродетель в пустыне легче, чем при исполнении церковных дел, так как эти дела подвергают епископа многим случайностям и легко открывают в нем пороки и недостатки, которые не обнаружились бы в пустыне. - Повторение совета не пренебрегать народной молвой, хотя бы она была ложной. - Нетрудно спастись самому себе. - Священник подлежит более страшному наказанию, чем простые верующие. - Состояние, которое должен переживать человек, когда его хотят возвести в священный сан. - Нет более страшной брани, как та, которую воздвигает на нас в таких случаях диавол.

XI. Беседа по рукоположении во пресвитера.

Мысли и чувства по случаю возведения в высокий сан священства. Неуверенность в своих способностях. - Вся вселенная хвалит Бога, за исключением грешников. - Но и грешник может найти способ славословия. - Похвала Флавиану, епископу антиохийскому. - Знатность его происхождения и великость его подвижничества. - Воспоминание о Мелетие, епископе антиохийском. - Просьба о молитве за нового пресвитера.

XII.Против аномеев

СЛОВО ПЕРВОЕ. Похвала Флавиану. Величие его человеколюбия. - Смысл изречения: "аще разум испразднится". - Опровержение аномеев. - Проповедник намерен вразумлять, а не побивать своих противников. - Бог непостижим не только в своей сущности, но и в Своем промышлении; не только в Своем промышлении, насколько оно управляет всем творением, но еще и насколько оно управляет судьбами одного народа, например народа иудейского. - Увещание.

СЛОВО ВТОРОЕ. В рассуждении о божественных предметах нужно руководиться не разумом, а верой. - Аномеи притязают на то, что они знают Бога так же, как Он знает Самого Себя. - Испытывать Его сущность с чрезмерным любопытством значит оскорблять Его. - Необходимость умеренности в рассуждениях с еретиками.

СЛОВО ТРЕТЬЕ. Славословие Бога более полезно человеку, чем Богу. - Бог непостижим для ангелов. - Человек не может проникнуть даже в существо ангелов. - Верховные силы не могут постигнуть Бога и при Его снисхождении. - Укор антиохийцам за то, что они тотчас после беседы ушли из церкви. - Действенность общественной молитвы.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ. О непостижимости естества Божия. - Краткое повторение предшествующих бесед. - Ангелы узнали о некоторых тайнах только с нами и через нас. - Они не знают существа Божия. - Похвала антиохийцам за ту послушность, с которой они исполнили данные им советы. - Предостережение против карманных воров, появившихся в церкви.

СЛОВО ПЯТОЕ. О непостижимости естества Божия. - Сын и Св. Дух вполне знают Отца. - Слова: Бог и Господь одинаково свойственны Отцу и Сыну. - Мудрость ап. Павла в его наставлениях. - Не только существо ангелов, но даже и существо нашей души

непостижимо для нас. - Возражение аномеев, что нельзя поклоняться тому, чего не знаешь. - Ответ на это возражение. - Сила молитвы. - Смирением производится дерзновение.

СЛОВО ШЕСТОЕ. О святом Филогоние. - Насколько будущая жизнь выше настоящей. - Св. Филогоний сначала был адвокатом. - Избранный во епископа, он предался совершению всякого рода добродетелей. - Назидание по случаю приближения праздника Рождества Христова. - Истинное покаяние, даже краткое, может очистить совесть. - Способ совершения покаяния.

СЛОВО СЕДЬМОЕ. О единосущии Сына с Отцом. - Необходимость внимательного отношения к слову Божию. - Сын единосущен Отцу. - Выражения св. Писания, по-видимому уничижающие Сына, находят себе объяснение в воплощении. - Другие побуждения для таких изречений св. Писания. - Две воли во Иисусе Христе. - Увещание к молитве.

СЛОВО ВОСЬМОЕ. О суде и милостыне и о просьбе матери сынов Зеведеевых. - Ответ на возражение еретиков. - Сын имеет ту же власть, что и Отец. - Милостыня измеряется не по величине подаяния, но по чистоте намерения. - Похвала ап. Павлу, изречения которого приводит проповедник. - В каком смысле сказал Иисус Христос "несть Мое дати". - Награду заслуживает тот, кто подвизается.

СЛОВО ДЕВЯТОЕ. О четырехдневном Лазаре. - Иисус Христос знал, где находится Лазарь. - Не должно быть слишком легковерным. - Почему Иисус Христос молился перед воскрешением Лазаря? - Не вследствие необходимости, а вследствие присутствовавшего там народа и в ответ на просьбу Марфы.

СЛОВО ДЕСЯТОЕ. Вступление. - Различие между долгом денежным и долгом духовным. - Иисус Христос единосущен Отцу. - Уничижение принято Им для того, чтобы снизойти к нашей немощи и чтобы наставить нас не только словами, но и примером. - Ему свойственно то же всемогущество, что и Отцу. - Доказательство, заимствованное из исцеления слепорожденного. - Как несовершенен закон. - Сын равен Отцу. Доказательства из св. Писания. - Нужно избегать всякой вражды. - Увещание к примирению с врагами.

СЛОВО ОДИННАДЦАТОЕ. О непостижимости существа Божия. - Когда дело идет об истинах веры, то следует основываться главным образом на св. Писании. - Божество Иисуса Христа, доказываемое на основании первой главы книги Бытия. - Согласие Ветхого и Нового заветов. - Обязанность христиан присутствовать при собраниях верующих и водить туда своих детей. - Присутствие в этих собраниях в церквах приносит двоякую пользу.

СЛОВО ДВЕНАДЦАТОЕ. О расслабленном, бывшем в расслаблении тридцать восемь лет и на слова: "Отец Мой доселе делает и Аз делаю" (Ин.5:17). - Сравнение проповедника с землепашцем. - Почему Иисус Христос показывался иудеям в дни праздников. - Исцеление расслабленного. - Почему Иисус Христос спрашивает больного. - Похвала расслабленному. - Почему Иисус Христос повелевает ему взять и понести постель. - Иисус Христос по всемогуществу равен Отцу. - Увещание присутствовать в собраниях церкви.

XIII. Рассуждение против иудеев и язычников о том, что Иисус Христос есть истинный Бог.

Нелюбовь большинства людей к длинным рассуждениям. - Простое общедоступное рассуждение. - Обращение к язычникам с доказательствами, что Иисус Христос есть Бог: основание Церкви, быстрое распространение Евангелия, обращение римлян и варваров, совершенное в непродолжительное время лицами совне презренными, без всякой посторонней помощи. - Такое дело не могло быть делом рук человеческих. - Обращение к иудеям. - Против них гласит Ветхий Завет. - Все главные тайны и события христианства предсказаны были пророками. - О том, что Христос будет Богом и человеком, предсказывал пророк Варух. - Что Он родится от девы - Исаия. - Что родится в Вифлееме - Михей. - Что будет исцелять всякие болезни - Исаия. - Неблагодарность иудеев также предсказана Давидом и Исаией. - Проповедь апостолов - Давидом и Иоанном. - Об отвержении иудеев предсказывали Малахия, Исаия, Моисей. - Страшный суд предвозвещен Малахией, Давидом, Варухом, Исаией. - Чествование, воздаваемое кресту. - Частое употребление крестного знамения. - Части истинного Креста, находимые по всему миру. - Исполнение пророчеств Иисуса Христа. - Чудо распространения Евангелия. - Поражение императоров в войне, воздвигнутой ими против Церкви. - Тщетность усилий, которые иудеи с помощью Юлиана отступника употребляли для восстановления храма вопреки пророчеству Иисуса Христа.

XIV. Против иудеев

СЛОВО ПЕРВОЕ. Прерывая свои беседы против аномеев о непостижимости существа Божия, проповедник переходит к обличению иудействующих. - Христианам не должно принимать участия в праздниках иудейских, потому что 1) иудеи люди жалкие, делающие все несвоевременно. - Они не постились, когда следовало им поститься, и постятся теперь, когда не следует поститься: потому-то они и отвергнуты и на их место явились христиане. - 2) Их синагога не лучше театра, место распутства и вертеп разбойников; она есть обиталище демонов, между тем как церковь есть дом Божий. - Обладание св. Писанием не делает синагогу досточтимой и не может служить оправданием для тех, кто посещает ее, ибо 1) иудеи оскорбляют св. Писание, утверждая, что оно не говорит ничего об Иисусе Христе; 2) они пользуются им лишь для того, чтобы обольщать немощных; 3) не только синагога, но и самая душа иудеев есть обиталище демонов. - Бог отверг их жертвы, их праздники и самый храм, предавая его в руки язычников. - Не может служить оправданием посещения синагоги и желание получить исцеление от какой-нибудь болезни, потому что 1) обитающие в ней демоны не могут исцелять; 2) даже если бы они и могли, не следует губить душу ради исцеления тела. - Нужно употреблять все средства к тому, чтобы отвращать своих братьев от иудействования, особенно потому, что не делая этого, мы участвуем в их преступлении и подвергнемся одинаковому с ними наказанию.

СЛОВО ВТОРОЕ. Против тех, которые содержат иудейский пост, и против самих иудеев. - Не должно соблюдать иудейского поста, потому что 1) лишаются благодати Христовой те, кто служат ветхому закону, хотя бы в одном каком-нибудь отношении; 2) соблюдающие закон в одном отношении, тем самым обязываются соблюдать его весь под страхом проклятия. - Закон есть добрая вещь, но под условием, если он приводит к Иисусу Христу. - Он есть зло для тех, которых не приводит к Нему, следовательно для иудействующих. - Бог более ревнует о чести верующих, чем о собственной славе; взаимно и верующие должны ревновать о чести Божией и допускать своих жен посещать синагоги.

СЛОВО ТРЕТЬЕ. К тем, которые по-прежнему постятся в Пасху. - Не должно участвовать в соблюдении поста, который иудеи соблюдают перед своей пасхой, потому что это может служить причиной раскола и разномыслия, а разномыслие есть худшее из зол: таково учение Павла и отцов Никейского собора. - Бог, разрушая город, в котором только и можно было законно совершать иудейскую пасху, с достаточностью показал, что

Он отверг все праздники иудейские и освободил нас от обязанности соблюдать дни, установленные законом. - У самих иудеев соблюдение места должно бы стоять выше и иметь больше важности, чем соблюдение времен, потому что соблюдение времен часто бывает совершенно невозможным.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ. Против иудеев, на трубы их пасхи. Сказано в Антиохии, в великой церкви. - Чтобы судить, хорошо, или худо известное действие, нужно не столько соображаться с его сущностью, сколько с волей Божией. - Между тем пост иудейский идет против воли Божией. - Все священнодействия должны в действительности совершаться в Иерусалиме, а не в другом каком-либо месте, как это доказывает сам закон и пример святых праведников. - Разрушая Иерусалим, Бог ясно показал, что Ему не благоугодно было более богослужение иудеев.

СЛОВО ПЯТОЕ. Похвала усердию слушателей. - Храм иудейский не будет восстановлен. - Это доказывается: 1) предсказанием Иисуса Христа, которое несомненно возымеет силу, так как другие предсказания Сына Божия уже исполнились; 2) на основании пророков: те же пророки, которые предсказывали начало и конец трех первых пленений, не только не указали конца для четвертого, теперешнего их пленения, но прямо предсказывали, что оно не окончится; 3) тщетностью усилий, которые иудеи употребляли для восстановления их храма; 4) на основании пророчеств, которыми предвозвещено, что новозаветное богослужение распространится по всей земле. - Увещание христианам удалиться от праздников иудейских.

СЛОВО ШЕСТОЕ. Предшествующая длинная беседа, как причина горловой болезни проповедника. - Жажда к обличению иудеев. - Краткое обобщение предшествующей беседы. - Чему иудеи могут приписать теперешнее свое бедствие. - Нельзя приписывать его ни тяжести грехов, ни могуществу людей. - Несмотря на старание соблюдать закон, они теперь более несчастны, чем когда-либо, и это потому, что они распяли Господа Иисуса. - Подтверждение этого на основании пророков. - Из их бедствий обнаруживается божество Иисуса Христа, потому что если бы Он был обманщик, то несмотря на все их грехи, Бог пощадил бы их ради Имени Своего, чтобы не дать основания для прославления врага Своего. - Кроме своего города и своего храма, иудеи потеряли и все свои преимущества, они не имеют более и священства. - Что же такое их теперешние священники в сравнении с древними священниками? - Изложение обрядов посвящения и других обстоятельств, придававших досточтимый характер священству в древности. - Обличение христиан, посещающих синагоги. - Поведение их подлежит осуждению и неизвинительно ни в каком отношении. - Увещание к более благоразумным отвращать своих собратьев от этих нелепых, как и преступных суеверий.

СЛОВО СЕДЬМОЕ. Если храм иудейский, как доказано выше, разрушен окончательно, то вследствие этого у иудеев не может уже быть ни жертвоприношений, ни священства. - Эти учреждения, как доказывает св. Писание и особенно ап. Павел, отменены вследствие их несовершенства, жертвоприношением воплотившегося Бога, и они не будут восстановлены. - На место священства по чину Ааронову явилось священство по чину Мелхиседека и древний закон заменен новым, соответственно новому священству.

СЛОВО ВОСЬМОЕ. Недостаточно только предостерегать своих собратьев прежде, чем они согрешили; нужно еще заботиться о них и после того, как они подпали греху. - Так Бог действовал по отношению к Адаму и Каину, ап. Павел по отношению к блуднику, самарянин к израненному разбойниками. - Мы не должны разглашать о проступках наших братьев, а должны стараться о том, чтобы излечить согрешающих и удержать их от иудействования, внушая им особенно, как нелепо прибегать к демонам для поправления

здоровья. - Христианин должен скорее страдать, чем грешить, по примеру Иова, расслабленного и Лазаря. - Эти страдания посылаются от Бога для исправления нас, и сын не должен жаловаться на отца, когда он исправляет его. - Кроме того, терпение в страдании приносит добрые плоды; на земле оно приобретает похвалу и преклоняет Бога к исцелению переносимых болезней, а на небе оно подготовляет получение венца мученического.

XV. Слово о проклятии.

Связь этого слова с беседами против аномеев. - После опровержения еретиков проповедник обращается к тем из своих слушателей, которые по избытку ложной ревности проклинали еретиков, не имея права на то. - Проклинающие грешат против человеколюбия. - Любовь Иисуса Христа ко всем людям. - Пример ап. Павла. - Его мягкость и умеренность. - Не должно проклинать ни живых, ни мертвых, потому что суд над ними принадлежит уже Богу.

XVI. Слово на новый год.

Сожаление об отсутствии епископа (Флавиана). - Намерение проповедника продолжать похвалу ап. Павлу, начатую за несколько дней раньше, но обстоятельства заставили его изменить предмет речи и заняться обличением безумств, происходивших в городе Антиохии. - Обличение языческих суеверий. - Заблуждение тех, которые думают, что для того, чтобы весело и счастливо провести наступающий год, необходимо весело и счастливо провести первый день его. - Истинное средство быть счастливым в течение всего года состоит в том, чтобы и начать, и проводить его в страхе Божием и в соблюдении Его заповедей. - Дни не разделяются на счастливые и несчастные. - Кто имеет чистую совесть - всегда счастлив, а чья совесть обременена грехами - всегда несчастлив, что бы он ни делал. - Изъяснение изречения ап. Павла: "аще убо ясте, аще ли пиете, вся во славу Божию творите".

XVII. О Лазаре

СЛОВО ПЕРВОЕ. Похвала слушателям за то, что они не предавались новогодним безумствам и сделали из новолетия день духовных радостей. - Многие однако перешли от церкви в корчемницу, издеваясь над увещаниями. - Обличение их. - Их издевательства не препятствуют высказывать истину и восставать против безобразий. - Образ действий Иисуса Христа по отношению к Иуде, которого Он не переставал предостерегать и наделять благами, чтобы напоминать ему о его обязанностях. Так же нужно и вообще поступать по отношению к грешникам. - Неодинаковая судьба уготована в будущей жизни тем, которые живут в изнеженности и наслаждениях, и тем, которые проводят жизнь в бедности и страдании. - Пример Лазаря и бессердечного богача. - Трапеза христианина должна сопровождаться молитвой и чтением св. Писания. - Нужно есть и пить умеренно.

СЛОВО ВТОРОЕ. Продолжение истории Лазаря и бессердечного богача. - Опровержение народного поверья, перешедшего от язычников, что люди, умершие насильственной смертью, становятся демонами. - Если Иисус Христос называет иудеев сынами диавола, то потому, что они подражали делам диавола. - Через свои грехи, а не через насильственную смерть люди могут уподобляться демону. - Трогательное описание смерти бедного Лазаря и смерти бессердечного богача. - Жестокость богача в сопоставлении с человеколюбием Авраама. - Закон милостыни. - Если бедный нуждается в хлебе, то нужно подать ему, хотя бы он был негодным человеком.

СЛОВО ТРЕТЬЕ. Почему сказано богачу не: "приял еси благая твоя в животе твоем", но "восприял"? - Почему праведники часто подвергаются опасностям, а грешники избегают их? - Необходимо всем христианам читать св. Писание, не только духовным, но и светским. - Последним еще более необходимо это чтение, потому что они более подлежат искушениям. Св. книги так превосходны, что они всегда полезны даже и тем, которые понимают их лишь немного. - То, что осталось непонятным при первом чтении, сделается понятным при втором. - Незнание св. Писания есть источник ересей. - Бог не оставляет без вознаграждения никакого добра, даже совершенного злыми людьми, равно как не оставляет без наказания никакого греха, даже у добрых людей, и у них даже в особенности. - Нет ничего опаснее положения нечестивого, который благоденствует. - Похвала терпению. - Нетерпеливость есть мать богохульства. - Почему Бог не наказывает всех в этом мире? - Примеры терпения, заимствованные из Ветхого Завета.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ. Предложение объяснения притчи о богаче и Лазаре. - Евангельские примеры и особенно пример богача показывают, что все мольбы отошедших отсюда отягченными грехами будут бесполезны. - Рассматриваемая притча есть превосходный урок для богатых и бедных, она может одинаково смирять первых и унижать последних, заставить нас любить бедность и презирать богатство. - Св. Писание и разум с достаточностью убеждают нас в существовании загробной жизни; нет надобности, чтобы мертвые возвращались к нам для удостоверения нас в этом. - Сила и значение совести, напоминающей нам о старых наших прегрешениях. - Подтверждение этого изложением истории Иосифа.

СЛОВО ПЯТОЕ. Рассуждение о воскресении. - Объяснение слов ап. Павла о будущем воскресении 1Фес.4:12. - Утешение верующим в скорби по случаю смерти дорогих для них лиц. - Они должны отличаться от неверных своим поведением так же, как они отличаются от них и своим верованием. - При смерти дорогих и близких лиц не нужно предаваться скорби, а нужно уподобляться в этом отношении прав. Иову и Аврааму, которые оба обнаружили великодушие и мужество: первый не пал духом при лишении всех своих детей, а второй не поколебался даже принести в жертву своего единственного наследника - сына.

СЛОВО ШЕСТОЕ. Страшно проявление всемогущества и благости Божией в землетрясении. - Но день последнего суда будет еще страшнее. - Нужно бояться не землетрясения, а причины, его производящей. - Нужно сожалеть не о тех, которые огорчены, а о тех, которые грешат. - Возвращение к притче о богаче и Лазаре. - Сравнение житейских событий с представлением на театральной сцене. - В будущей жизни всякий явится тем, что он в действительности. - Благородство состоит не в знаменитости предков, а в добродетели. - Происхождение рабства. - Всемирный потоп. - Сравнение ковчега с Церковью. - Употребление вина для исцеления скорби. - В чем состоит истинное рабство. - В чем состоит истинное богатство. - Различные степени праведников и грешников, но никто не без греха. - Добро и зло получают должное воздаяние.

СЛОВО СЕДЬМОЕ. Огорчение при виде того, что многие из слушателей, несмотря на увещания проповедника, посещают ристалища. - Несмотря на тяжесть своей вины, пусть они не отчаиваются в возможности загладить свой грех покаянием. - Бессердечный богач - пример тех, которые следуют широким путем в жизни: Лазарь - пример тех, которые идут узким путем. - Великое различие цели, к которой каждый из них пришел по своей дороге. - В чем состоят истинные блага. - Находящиеся в бедности и огорчении не должны считать себя несчастными. - Пропасть, отделяющая Лазаря и бессердечного богача в загробной жизни. - Заключение.

О СВЯЩЕНСТВЕ.

Слова о Священстве написаны св. Иоанном Златоустым по следующим обстоятельствам: в 374 году по Р. Х., когда он жил вместе с другом и сверстником своим Василием вдали от мирских дел, собравшиеся в Антиохии епископы вознамерились поставить их обоих епископами, о чем молва дошла и до них; св. Иоанн, представляя высокую важность пресвитерского и епископского служения и считая себя неприготовленным к надлежащему исполнению обязанностей пастыря Христовой церкви, скрылся тайно от всех и даже от своего сожителя, который и был возведен в сан епископа (вероятно, Рафаны Сирийской, близ Антиохии); но вскоре затем, увидевшись с св. Иоанном, высказал ему свои дружеские упреки за уклонение от священного сана, на которые и служат блистательным ответом предлагаемые шесть слов о Священстве. Таким образом, написание этих слов должно быть отнесено к годам после 374-го, но не позже 386 года, в котором св. Иоанн уже был рукоположен в пресвитера.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

МНОГО было у меня друзей, искренних и верных, знавших и строго соблюдавших законы дружбы; но из многих один превосходил всех других любовью ко мне и столько успел в этом опередить их, сколько они - людей равнодушных ко мне. Он всегда был неразлучным спутником моим: мы учились одним и тем же наукам и имели одних и тех же учителей; с одинаковой охотой и ревностью занимались красноречием и одинаковые имели желания, проистекавшие от одних и тех же занятий. И не только в то время, когда мы ходили к учителям, но и по выходе из училища, когда надлежало совещаться, какой нам лучше избрать путь жизни, и тогда мы оказались согласными в своих мыслях.

2. Кроме этих и другие причины сохранили единодушие наше неразрывным и твердым; ибо мы не могли превозноситься один перед другим знаменитостью отечества; не было и того, чтобы я изобиловал богатством, а он жил в крайней бедности, но мера нашего имущества столь же была равна, как и наши чувствования. И происхождение было у нас равночестное, и все содействовало нашему согласию.

3. Но когда надлежало ему, блаженному, приступить к монашеской жизни и к истинному любомудрию, тогда у нас нарушилось равновесие; его чаша, как более легкая, возвысилась, а я, еще связанный мирскими стремлениями, унизил свою чашу и склонил вниз, отяготив ее юношескими мечтами. Хотя при этом дружба наша и оставалась столь же крепкой, как и прежде, но общежитие расторглось; потому что не возможно было жить вместе занимающимся не одним и тем же. Когда же и я несколько освободился от житейской бури, то он принял меня к себе с распростертыми руками; но и тогда мы не могли соблюсти прежнего равенства; опередив меня и временем и оказав великую ревность, он опять стоял выше меня и достигал великой высоты.

4. Впрочем, как человек добрый и дорого ценивший нашу дружбу, он, отказавшись от всех других, разделял со мной все время, чего и прежде желал, но встречал препятствие к тому в моей беспечности. Кто был привязан к судилищу и гонялся за сценическими увеселениями, тот не мог часто проводить время с человеком, который был привязан к книгам и никогда не выходил на площадь. Но когда, после прежних препятствий, он привлек меня к одинаковой с ним жизни, тогда и выразил желание, которое давно хранил в себе, и уже не оставлял меня ни на малейшую часть дня, не переставая убеждать, чтобы

каждый из нас оставил свой дом и мы оба имели одно общее жилище, в чем и убедил меня, и это даже уже было близко к исполнению.

5. Но непрестанные увещания матери воспрепятствовали мне доставить ему это удовольствие, или лучше, принять от него этот дар. Когда мое намерение сделалось ей известным, тогда она, взяв меня за руку и введя во внутреннее свое жилище, посадила у одра, на котором родила меня, и стала проливать источники слез и высказывать слова, горестнейшие самых слез. Рыдая, она говорила мне так: "сын мой, я сподобилась не долго наслаждаться сожительством с добродетельным отцом твоим; так угодно было Богу [1]. Смерть его, последовавшая вскоре за болезнями твоего рождения, принесла тебе сиротство, а мне преждевременное вдовство и горести вдовства, которые могут хорошо знать только испытавшие их. Никакими словами невозможно изобразить той бури и того волнения, которым подвергается девица, недавно вышедшая из отеческого дома, еще неопытная в делах и вдруг пораженная невыносимой скорбью и принужденная принять на себя заботы, превышающие и возраст, и природу ее. Она, конечно, должна исправлять нерадение слуг, замечать их проступки, разрушать козни родственников, мужественно переносить притеснения собирающих общественные повинности и строгие требования их при взносе податей. Если еще после смерти супруг оставит дитя, то, хотя бы это была дочь, и она причинит много забот матери, впрочем, не соединенных с издержками и страхом, а сын подвергает ее бесчисленным опасениям каждый день и еще большим заботам. Я не говорю о тех денежных издержках, которые она должна употребить, если желает дать ему хорошее воспитание. Однако же ничто из всего этого не заставило меня вступить во второй брак, и ввести другого супруга в дом отца твоего; но среди смятений и беспокойств я терпела и не убежала из жестокой пещи вдовства; меня, во-первых, подкрепляла вышняя помощь, а затем немалое утешение в этих горестях мне доставляло то, что я постоянно взирала на твое лицо и видела в нем живой и вернейший образ умершего. Поэтому, быв еще младенцем и едва умея лепетать, когда дети особенно бывают приятны родителям, ты приносил мне много отрады. Ты не можешь сказать и укорять меня и за то, что я, мужественно перенося вдовство, растратила на нужды вдовства твое отцовское имущество, как потерпели, я знаю, многие несчастные сироты. Я сохранила в целости все это имущество и вместе не жалела издержек, требовавшихся для наилучшего твоего воспитания, употребляя на это собственные деньги, с которыми я вышла из отеческого дома. Не подумай, что я говорю теперь это в укоризну тебе; но за все это я прошу у тебя одной милости: не подвергай меня второму вдовству и скорби, уже успокоившейся не воспламеняй снова; подожди моей кончины. Может быть, спустя немного времени, я умру. Молодые надеются достигнуть глубокой старости, а мы состарившиеся ничего другого не ожидаем, кроме смерти. Когда предашь меня земле и присоединишь к костям отца твоего, тогда предпринимай далекие путешествия и переплывай моря, какие хочешь; тогда никто не будет препятствовать; а пока я еще дышу, потерпи сожительство со мной; не прогневляй Бога тщетно и напрасно, подвергая таким бедствиям меня, не сделавшую тебе никакого зла. Если ты можешь обвинять меня в том, что я вовлекаю тебя в житейские заботы и заставляю печься о твоих делах, то беги от меня как от недоброжелателей и врагов, не стыдясь ни законов природы, ни воспитания, ни привычки, и ничего другого; если же я делаю все, чтобы доставить тебе полное спокойствие в течение жизни, то, если не что другое, по крайней мере, эти узы пусть удержат тебя при мне. Хотя ты и говоришь, что у тебя много друзей, но никто из них не доставит тебе такого спокойствия; потому что нет никого, кто бы заботился о твоем благополучии столько, сколько - я".

6. Это и еще больше этого говорила мне мать, а я передал благородному другу; но он не только не убедился этими словами, а еще с большим усилием убеждал меня исполнить прежнее намерение. Когда мы были в таком состоянии, и часто он упрашивал, а я не

соглашался, вдруг возникшая молва возмутила обоих нас; пронесся слух, будто намереваются возвести нас в сан епископства. Как скоро я услышал эту весть, страх и недоумение объяли меня: страх того, чтобы не взяли меня против моей воли; недоумение потому, что, часто размышляя, откуда у людей явилось подобное предположение обо мне, и углубляясь в себя самого, я не находил в себе ничего достойного такой чести. А благородный (друг мой), пришедши ко мне и наедине сообщив эту весть мне, как бы не слышавшему ее, просил меня и в настоящем случае, как и прежде, действовать и мыслить одинаково, уверяя, что он, со своей стороны, готов следовать за мной, какой бы я ни избрал путь, убежать ли, или быть избранным. Тогда я, увидев готовность его и думая, что я нанесу вред всему обществу церковному, если, по своей немощи, лишу стадо Христово юноши прекрасного и способного к предстоятельству над народом, не открыл ему своего мнения об этом, хотя прежде никогда не скрывал от него ни одной моей мысли; но, сказав, что совещание об этом должно отложить до другого времени, так как теперь нет необходимости спешить, скоро убедил его не заботиться об этом и твердо надеяться на меня, как единодушного с ним, если действительно случится с нами что-нибудь такое. По прошествии некоторого времени, когда прибыл тот, кто имел рукоположить нас, а я между тем скрылся, друг мой, не знавший ничего этого, отводится под некоторым другим предлогом и принимает это иго, надеясь по моим ему обещаниям, что и я непременно последую за ним, или лучше, думая, что он следует за мной. Некоторые из присутствовавших там, видя его сетующим на то, что взяли его, усилили недоумение, взывая: "несправедливо будет, когда тот, кого все считали человеком более смелым, - разумея меня, - с великим смирением покорился суду отцов, этот более благоразумный и скромный станет противиться и тщеславиться, упорствовать, отказываться и противоречить". Он послушался этих слов; когда же услышал, что я убежал, то пришел ко мне с великой скорбью, сел возле меня и хотел что-то сказать, но от душевного волнения не могши выразить словами испытываемой скорби, как только порывался говорить, останавливался; потому что печаль прерывала его речь прежде, чем она вырывалась из уст. Видя его в слезах и в сильном смущении, и зная тому причину, я выражал смехом свое великое удовольствие и, взяв его руку, спешил облобызать его, и славил Бога, что моя хитрость достигла конца благого и такого, какого я всегда желал. Он же, видя мое удовольствие и восхищение и узнав, что еще прежде с моей стороны была употреблена с ним эта хитрость, еще более смущался и горевал.

7. Когда волнение души его немного утихло, он сказал: если уже ты презрел меня, и не обращаешь на меня никакого внимания, - не знаю, впрочем, за что, - по крайней мере, тебе надлежало бы позаботиться о твоей чести; а теперь ты открыл всем уста; все говорят, что ты из тщеславия отказался от этого служения, и нет никого, кто бы защитил тебя от такого обвинения. А мне нельзя даже выйти на площадь: столь многие подходят ко мне и укоряют каждый день. Знакомые, увидев меня где-нибудь в городе, отводят в сторону и большей частью осыпают меня укоризнами. "Ты, говорят они, зная его мысли, - ибо он не таил от тебя ничего, что до него касалось, - не должен бы скрывать их, а сообщил бы нам, и конечно мы приняли бы меры к его уловлению". Но я краснею и стыжусь сказать им, что мне неизвестно было твое давнее намерение, чтобы не подумали, что дружба наша была лицемерной. Если это так, - как и на самом деле так, от чего и ты не отречешься после настоящего твоего поступка со мной, - то от посторонних людей сколько-нибудь знающих нас, нужно скрыть наше недоброе отношение. Сказать им правду, как было дело между нами, я не решаюсь; поэтому принужден молчать, потуплять глаза свои в землю, уклоняться и избегать встречных. Если даже я избегну первого нарекания (в неискренности дружбы), то непременно будут укорять меня за ложь. Они никогда не согласятся поверить мне в том, чтобы ты и Василия сравнил с другими, которым не следует знать твои тайны. Впрочем, я и не забочусь много об этом: так тебе было угодно; но как перенесем позор других обвинений? Одни приписывают тебе гордость, другие -

честолюбие; а те из обвинителей, которые еще безжалостнее, осуждают нас за то и другое вместе и прибавляют, что мы оскорбили самих избирателей, о которых говорят: "справедливо они потерпели это, хотя бы и большему подверглись бесчестью от нас, за то, что оставив столь многих и столь почтенных мужей, избрали юношей, которые, так сказать, вчера еще были погружены в житейские заботы и на короткое время приняли степенный вид, надели серое платье и притворились смиренными, и вдруг возвели их в такое достоинство, о котором они и во сне не мечтали. Те, которые от самого первого возраста до глубокой старости продолжают свое подвижничество, остаются в числе подчиненных; а ими управляют их дети, даже не слыхавшие о тех законах, которыми должно руководствоваться в управлении". С такими и еще большими укоризнами они постоянно пристают ко мне, а я не знаю, чем мне защищаться против этого; прошу тебя, скажи мне. Думаю, что ты не просто и не без причины обратился в бегство и открыто объявил вражду столь великим мужам, но конечно решился на это с какой-нибудь обдуманной и определенной целью, из этого я заключаю, что у тебя готова речь и для оправдания. Скажи же, какую справедливую причину мы можем представить нашим обвинителям. А что ты несправедливо поступил со мной, за это я не виню тебя, ни за твой обман, ни за твою измену, ни за то расположение, которым ты пользовался от меня во все прежнее время. Я душу свою, так сказать, принес и отдал в твои руки, а ты так хитро поступил со мной, как будто тебе надлежало остерегаться каких-нибудь неприятностей. Если ты признавал полезным это намерение (избрания в епископа), то тебе не следовало лишать себя пользы от него; а если вредным, то следовало предохранить от вреда и меня, которого, по твоим словам, ты всегда предпочитал всем. А ты сделал все, чтобы я попался, и не опустил никакого коварства и лицемерия против того, кто привык говорить и поступать с тобой просто и без коварства. Впрочем, я, как уже сказал, нисколько не виню тебя за это, и не укоряю за одиночество, в котором ты меня оставил, прервав те совещания, от которых мы часто получали и удовольствие и немаловажную пользу; но все это я оставляю и переношу молчаливо и кротко, не потому впрочем, чтобы поступок твой со мной был кроток, но потому, что с того самого дня, когда вступил в дружбу с тобой, я поставил себе правилом - никогда не доводить тебя до необходимости оправдываться в том, чем ты захотел бы огорчить меня. Что ты нанес мне не малый вред, это знаешь и сам ты, если помнишь, что всегда говорили посторонние о нас и мы сами о себе, именно, что весьма полезно для нас быть единодушными и ограждать себя взаимной любовью. Прочие все даже говорили, что наше единодушие принесет немалую пользу и многим другим, хотя я со своей стороны никогда не думал, чтобы мог доставить пользу другим, но говорил, что от этого, по крайней мере, мы получим ту немалую пользу, что будем неприступными для желающих нападать на нас. Об этом я никогда не переставал напоминать тебе. Теперь трудное время; зложелателей много; искренняя любовь исчезла; место ее заступила пагубная ненависть; мы ходим "**посреди сетей**", и шествуем "**по зубцам городских стен**" (Сирах. 9:18); людей, готовых радоваться постигающим нас несчастьям, много; они отовсюду окружают нас; а соболезнующих - нет никого, или очень мало. Смотри, чтобы нам, разлучившись, когда-нибудь не навлечь на себя великого осмеяния и еще большего вреда. "**Брат от брата вспомоществуемый – как город крепкий и высокий, и силен как прочное царство**" (слав. - Притч. 18:19). Не разрывай же этого единения, не разрушай этого оплота. Непрестанно я говорил тебе это и больше того, ничего не подозревая и считая тебя совершенно здравым в отношении ко мне, и только от избытка чувств желая предложить врачевание здравствующему; но я не знал, как оказывается, что давал лекарство больному; и таким образом я, несчастный, ничего не достиг, и не произошло для меня никакой пользы от такой заботливости. Ты вдруг отверг все это и не подумал, что пустил меня, как ненагруженный корабль, в беспредельное море, и не представил себе тех свирепых волн, с которыми должно мне бороться. Если случится, что откуда-нибудь нападет на меня клевета или осмеяние или другая какая обида и неприязнь (а это нередко должно случаться), то к кому я тогда прибегну? Кому сообщу

свое уныние? Кто захочет помочь мне, отразить оскорбителей и заставить их не оскорблять более, а меня утешит и подкрепит переносить непристойности других? Нет никого, так как ты стал далеко от этой жестокой борьбы и не можешь даже услышать моего голоса. Знаешь ли ты, сколь великое сделал ты зло? Признаешь ли, по крайней мере, после поражения, какой смертельный удар ты нанес мне? Но оставим это; сделанного же невозможно исправить, и из безвыходного положения - найти выход. Но что мы скажем посторонним? Чем будем защищаться против их обвинений?

8. *Златоуст*. Будь спокоен, - отвечал я, - не только в этом я готов дать отчет, но и в том, в чем ты прощаешь меня, постараюсь оправдаться, сколько могу. И если угодно, с этого прежде всего начну свою защиту. Я был бы весьма безрассуден и не благодарен, если бы, заботясь о мнении людей посторонних и принимая все меры к прекращению их укоризн нам, не мог уверить в невинности моей того, кто для меня любезнее всех, и кто столько щадит меня, что не желает обвинять даже за то, в чем, по его словам, я виновен перед ним, и не заботясь о себе, еще продолжает печься обо мне, - если бы показал более невнимания в отношении к такому человеку, нежели, сколько он показал заботливости обо мне. Итак, чем я оскорбил тебя? Отсюда я намерен пуститься в море защиты. Тем ли, что употребил хитрость перед тобою и скрыл мое намерение? Но это служило к пользе и твоей, когда ты обманулся, и тех, которым посредством укрывательства я выдал тебя. Если укрывательство во всех отношениях есть зло и никогда нельзя употреблять его даже на пользу, то я готов принять наказание, какое тебе угодно, или лучше, так как ты никогда не согласишься наказать меня, я сам себя накажу так, как наказывают судьи преступников, обличенных обвинителями. Если же оно не всегда бывает вредно, но делается худым или хорошим по намерению действующих, то оставь обвинять за то, что ты обманулся, а докажи, что эта хитрость употреблена была на зло; а пока это не будет доказано, не только не должно укорять и обвинять, но справедливо было бы, если бы желающие быть признательными даже хвалили употребившего хитрость. Хитрость благовременная и сделанная с добрым намерением приносит такую пользу, что многие часто подвергались наказанию за то, что не воспользовались ею. Припомни, если хочешь, отличнейших из военачальников, начиная с глубокой древности, и ты увидишь, что их трофеи большей частью были следствием хитрости, и такие более прославляются, чем те, которые побеждали открытой силой. Последние одерживают верх с великой тратой денег и людей, так что никакой выгоды не остается им от победы, но победители бедствуют нисколько не меньше побежденных и от истребления войска и от истощения казнохранилища; притом они не могут наслаждаться вполне и славой победы, ибо не малая часть ее принадлежит иногда и побежденным, которые побеждаются только телами, преодолевая душами, и если бы возможно было им не падать от ударов и постигшая смерть не сразила их, они никогда не потеряли бы мужества. А победивший хитростью подвергает неприятелей не только бедствию, но и посмеянию. Там оба (и победители и побежденные) равно получают похвалы за мужество; а здесь - относительно благоразумия не так, но трофей всецело принадлежит победителям и, что не менее важно, они приносят в город радость о победе безукоризненную. Изобилие денег и множество людей не то, что благоразумие души; те истрачиваются, когда кто непрестанно пользуется ими на войне, и пользовавшиеся лишаются их; а благоразумие, чем более кто употребляет его в дело, тем более обыкновенно увеличивается. И не на войне только, но и в мирное время можно находить великую и необходимую пользу от хитрости, и не только в делах общественных, но и в домашних, у мужа в отношении к жене и у жены к мужу, у отца к сыну и у друга к другу и даже у детей к отцу. Так дочь Саула не могла бы иначе исхитить мужа своего из рук Саула, если бы не употребила хитрости в отношении к отцу, и брат ее (Ионафан), желая спасенного ею спасти от новой опасности, воспользовался тем же самым средством, каким и жена (Давидова) (1 Цар, гл. 19 и 20).

Василий сказал: все это не относится ко мне; я не враг и неприятель и не из числа желающих причинить обиду, но совершенно напротив; поверяя всегда твоему усмотрению все мои мысли, я поступал так, как ты приказывал.

9. *Златоуст*. Но, почтеннейший и добрейший, для того я и сказал предварительно, что не только на войне и против врагов, но и во время мира и в отношении к любезнейшим полезно употреблять хитрость. Что действительно это бывает полезно не только употребляющим хитрость, но и тем, в отношении к которым она употребляется, для этого подойди к кому-нибудь из врачей и спроси, как они излечивают больных, и ты услышишь от них, что они не всегда довольствуются одним искусством своим, но иногда употребляют и хитрость и при ее помощи восстанавливают здоровье больных. Когда упрямство больных и жестокость самой болезни делают недействительными советы врачей; тогда, по необходимости, врачи прибегают к хитрости, чтобы, как на сцене, можно было скрыть истину. Если хочешь, я расскажу тебе одну хитрость из многих, которые, как я слышал, устраивают врачи. К одному человеку пристала вдруг сильная горячка и жар увеличивался; все средства, которые могли бы утушить огонь, больной отвергал, а желал и усиленно настаивал, умоляя всех приходящих к нему, принести ему много вина и дать ему утолить мучительную жажду. Но кто согласился бы доставить ему это удовольствие, тот не только усилил бы горячку, но и привел бы несчастного в умопомешательство. Тогда, когда искусство было бессильно и не имело более средств, но совершенно было отвергнуто, употребленная хитрость показала такую силу, как тотчас услышишь от меня. Врач берет глиняной сосуд, лишь только вынутый из печи, погружает его в вино, и потом, вынув его пустым, наполняет его водой; комнату, в которой лежал больной, приказывает сделать темной посредством многих занавесок, дабы свет не изобличил хитрости, и дает больному пить из сосуда, как бы наполненного вином. Тот, прежде, нежели взял сосуд в руки, вдруг обольщенный запахом вина, не хотел и разбирать того, что было дано ему; но, уверяемый обонянием, обманываемый темнотой и побуждаемый сильным желанием, выпил данное ему с великой охотой; и, насытившись, тотчас получил облегчение от жара и избег угрожавшей опасности. Видишь ли пользу хитрости? Но если бы исчислять все хитрости врачей, то не было бы и конца слову. И можно указать, что не только врачующие тела, но и пекущиеся об исцелении душевных болезней, часто пользуются таким врачеством. Так, блаженный (Павел) привел к Христу многие тысячи иудеев (Деян. 21:20-26). С этим намерением он обрезал Тимофея, тогда как к Галатам писал, что "**если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа**" (Деян. 16:3; Гал. 5:2). Для того он был под законом, хотя считал "**тщетою**" оправдание от закона при вере во Христа (Филип. 3:7-9). Велика сила такой хитрости, только бы она употреблялась не со злонамеренной целью; или лучше сказать, ее должно называть не хитростью, но некоторой предусмотрительностью, благоразумием и искусством, способствующим находить много выходов в безвыходных положениях и исправлять душевные недостатки. Так, я не назову Финееса убийцей, хотя он одним ударом пронзил двух человек (Числ. 25:8); также и Илию - за сто (убитых) воинов с их военачальниками, и за обильный поток крови, пролитой им при убиении жрецов демонских (4 Цар. 1:3 Цар. 18). Если же мы опустим это из виду, и если кто будет смотреть на одни дела, не принимая во внимание намерения действовавших, тот может и Авраама обвинить в детоубийстве, а внука и потомка его обвинить в злодеянии и коварстве; потому что один (Иаков) овладел первородством (брата своего), а другой (Моисей) перенес египетские сокровища в израильское войско (Быт. 27. Исх. 12:35-36). Но нет, нет; не допустим такой дерзости! Мы не только не виним их, но и прославляем их за это; потому что сам Бог восхвалил их за это. Обманщиком справедливо должен называться тот, кто пользуется этим средством злонамеренно, а не тот, кто поступает так со здравым смыслом. Часто нужно бывает употребить хитрость, чтобы достигнуть этим

искусством величайшей пользы; а стремящийся по прямому пути нередко наносит великий вред тому, от кого не скрыл своего намерения.

---

[1] Анфуса, мать св. Иоанна Златоустаго, овдовела на двадцатом году своей жизни.

О СВЯЩЕНСТВЕ

СЛОВО ВТОРОЕ.

ЧТО позволительно употреблять силу хитрости на добро и что даже нельзя и называть ее хитростью, а некоторой похвальной предусмотрительностью, об этом можно было бы говорить еще больше; но так как для доказательства достаточно сказанного, то было бы обременительно и скучно без нужды распространять речь об этом. Остается тебе самому подтвердить: действительно ли послужил к твоей пользе совершенный мной поступок?

Василий сказал: какая же произошла для меня польза из этой предусмотрительности, или благоразумия, или как иначе угодно тебе назвать это, по которой я убедился бы, что я не обманут тобой?

Иоанн. А может ли что быть, сказал я, важнее той пользы, как оказаться исполняющим то, что служит доказательством любви к Христу, по словам самого Христа? Обращаясь к верховному из апостолов, Он говорит: "**Симон Ионин! любишь ли ты Меня?**", и когда тот исповедал любовь свою, Он прибавляет: если любишь Меня, "**паси агнцев Моих**" (Иоан. 21:15-16). Учитель спрашивает ученика, любим ли Он им, не для того, чтобы Самому узнать это (ибо может ли не знать Испытующий сердца всех?), но чтобы научить нас, как Он печется о спасении этого стада. Если же это очевидно, то будет также ясно и то, что великая и неизъяснимая уготована награда принимающему на себя тот труд, который дорого ценится Христом. Если и мы, видя людей, пекущихся о наших слугах или стадах, принимаем такое попечение их за знак их любви к нам, хотя все это приобретается за деньги, то Стяжавший себе это стадо не деньгами и не другим чем, но собственной смертью, и вместо цены давший за него кровь Свою, каким даром вознаградит пасущих его? Посему, когда ученик отвечал: "**Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя**", и призвал самого Любимого в свидетели своей любви, то Спаситель не остановился на этом, но указал и самый знак любви. Ибо Он хотел показать тогда не то, сколько Петр любил Его, - это уже из многого было известно нам, - но, сколько Он сам любит Церковь свою, и благоволил научить и Петра и всех нас, чтобы и мы прилагали великое о ней попечение. Для чего Бог не пощадил и Единородного Сына своего, но предал Его (Рим. 8:32; Иоан. 16)? Для того чтобы примирить с Собой людей, находившихся с Ним во вражде, и сделать их "**народом особенным**" (Тит. 2:14). Для чего (Сын Божий) пролил кровь свою? Для того чтобы приобрести тех овец, которых Он вверил Петру и его преемникам. Не без причины Христос говорил: "**кто же верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими**" (Матф. 24:45)? Опять слова имеют вид недоумения, но Произносивший их не имел недоумения; как спрашивая Петра, любим ли Он им, Он спрашивал не потому, чтобы имел нужду узнать любовь ученика, но чтобы показать чрезмерность Своей любви; так и здесь слова: "**кто верный и благоразумный раб**", Он сказал не потому, что не знал верного и мудрого раба, но, желая показать, как редки такие рабы и как важно это управление. Смотри, какова и награда: " **над всем имением своим поставит его**" (Матф. 24:47).

2. Еще ли будешь подозревать меня в том, будто употреблена недобрая хитрость с тобой, имеющим блюсти все достояние Божье и совершать то, за исполнение чего, как сказал Христос, Петр мог превзойти прочих апостолов? Петр, говорит Христос, "**Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? Паси агнцев Моих**." Он мог бы сказать ему: если любишь Меня, подвизайся в посте, спи на голой земле, бодрствуй непрестанно, защищай притесняемых, будь сиротам вместо отца и матери их вместо мужа; но теперь, оставив все это, что говорит Он? "**Паси агнцев Моих**."То, что выше я сказал, легко могли бы исполнить многие и из пасомых, не только мужи, но и жены; а когда нужно предстоятельствовать в Церкви и взять на себя попечение о столь многих душах, то весь женский пол и большая часть мужского должны устраниться от этого великого дела, а выступить те, которые много превосходят всех и столько превышают прочих душевной добродетелью, сколько Саул (превосходил) весь народ еврейский высотой тела (1 Цар. 10:23), или еще гораздо более; ибо здесь не мера только телесной величины должна приниматься во внимание, но сколько одаренные разумом люди отличаются от бессловесных, такое же должно быть различие между пастырем, и пасомыми, даже можно сказать и более, так как находится в опасности гораздо важнейшее. Кто погубит овец, которых или волки расхитят, или разбойники разграбят, зараза или другой какой несчастный случай истребит, тот, может быть, получит себе некоторую пощаду от господина стада; если же и потребуется от него отчет, то ущерб будет только в деньгах; но кому вверены люди, это разумное стадо Христово, тот, во-первых, погибелью таких овец наносит ущерб не имуществу, а душе своей; а затем и подвиг предстоит ему гораздо важнейший и труднейший. Он борется не с волками, страшится не разбойников и заботится не о том, чтобы отвратить заразу от стада, но с кем у него война и с кем борьба? Послушай блаженного Павла, который говорит: "**потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной**" (Ефес. 6:12). Видишь ли страшное множество врагов и свирепые полчища, вооруженные не железом, но имеющие достаточную силу в самом существе своем вместо всякого оружия? Хочешь ли видеть и другое войско, дерзкое и жестокое, которое нападает на это стадо? Можешь увидеть и его с той же самой высоты (св. Писания). Тот же, кто сказал нам о первых, указывает нам и этих врагов в следующих словах: "**дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны), ереси**" (Галат. 5:19-20; 2 Кор. 12:20), и другие многочисленнейшие; ибо не все он исчислил, но предоставил по этому заключать и о прочем. Притом у пастыря бессловесных намеревающиеся разграбить стадо, когда увидят, что страж обратился в бегство, оставляют борьбу с ним и довольствуются расхищением стада; а здесь враги хотя бы захватили все стадо, и тогда не отстают от пастыря, но сильнее наступают и более свирепствуют, и не прежде прекращают борьбу, пока или его одолеют, или сами будут побеждены. Кроме того, болезни у овец бывают явны, голод ли то, зараза ли, рана или что другое, причиняющее вред; а это не мало способствует к излечению болезни. Есть нечто и другое важнейшее, что ускоряет здесь исцеление от болезни. Что же именно? Пасущие овец могут с полной властью заставить их принять врачевство, если они добровольно не хотят этого; когда нужно прижечь и отсечь, то легко могут и связать их и не выпускать долгое время, если это полезно, и дать пищу одну вместо другой, и удержать от питья, и все прочее, что только найдут полезным для здоровья животных, они могут употребить с великим удобством.

3. Но болезни человеческие, во-первых, не легко видеть человеку; ибо никто "**из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем**" (1 Кор. 2:11). Как же можно употребить лекарство против болезни, не зная ее свойства, а часто не зная и того, болен ли кто, или нет? Если же болезнь открыта, тогда врачу еще более предстоит трудности; потому что он не может с такой же властью лечить всех людей, с

какой пастух овцу. И здесь бывает нужно связывать и удерживать от пищи, прижигать и отсекать; но чтобы принято было врачевание, в этом властен не тот, кто предлагает врачевство, а кто страдает болезнью. Зная это, и тот дивный муж (Павел) говорил Коринфянам: "**не потому, будто мы берем власть над верою вашею; но мы споспешествуем радости вашей**" (2 Кор. 1:24). Христианам преимущественно перед всеми запрещается - насилием исправлять впадающих во грехи. Внешние (языческие) судьи, подвергая преступников суду по законам, показывают большую власть над ними, и против воли удерживают их от их навыков; а здесь должно исправлять грешника не насилием, а убеждением. И законами нам не дана такая власть к удержанию грешников; и даже если бы и была дана, мы не могли бы воспользоваться этой силой, так как Бог награждает тех, которые воздерживаются от пороков по доброй воле, а не по принуждению. Посему требуется много искусства для того, чтобы страждущие убедились добровольно подвергнуться врачеванию от священников, и даже чтобы благодарили их за врачевание. Если связанный освободит себя от уз (ибо он властен на это), то увеличит свое бедствие; и если презрит слова, рассекающие подобно железу, то этим пренебрежением прибавит себе новую рану, и средство врачевания сделается причиной тягчайшей болезни; ибо с принуждением и против желания больного никто не может лечить его.

4. Что же делать? Если легко поступить с тем, кто нуждается в сильном врачевании, и не глубоко разрезать рану тому, кто имеет нужду в этом, то рану частью уврачуешь, а частью нет; если же без пощады произведешь надлежащее рассечение, то больной иногда может, не вытерпев мучения, вдруг отвергнуть все, и лекарство и перевязку, и устремиться в пропасть, сбросив иго и разорвав узы. Я могу указать на многих, дошедших до крайней степени зла, потому что на них было наложено наказание, соответствующее их грехам. Определять наказание по мере грехов должно не просто, но, соображаясь с расположением грешников, чтобы, зашивая разрыв, не сделать большей прорехи, и стараясь поднять падшего, не причинить еще большего падения. Немощные и расслабленные и наиболее преданные удовольствиям мира, и притом превозносящиеся своим происхождением и властью, если будут отклоняемы от грехов своих постепенно и мало-помалу, могут хотя и не совершенно, то, по крайней мере, отчасти освободиться от обладающих ими пороков; а если кто вдруг предложит им вразумление, тот лишит их и малейшего исправления. Душа, если принуждением хотя раз будет приведена в стыд, впадает в нечувствительность, и после того уже не слушается и кротких слов, не преклоняется и угрозами, не трогается и благодеяниями, но бывает гораздо хуже того города, который, порицая, пророк говорил: "**но у тебя был лоб блудницы, ты отбросила стыд**" (Иерем. 3:3). Посему, пастырю надобно иметь много благоразумия и много очей, чтобы со всех сторон наблюдать состояние души. Как многие приходят в ожесточение и предаются отчаянию в своем спасении потому, что не могут переносить жестокого врачевания; так, напротив, есть и такие, которые, не получив наказания соответственного грехам, предаются беспечности, становятся гораздо хуже и решаются грешить еще больше. Итак, долг священника - ничего такого не оставлять без испытания, но, по строгом исследовании всего, употреблять соответственные меры со своей стороны, чтобы усердие его не осталось тщетным. И не в этом только можно видеть трудность его деятельности, но и в присоединении к церкви отделившихся от нее членов. Стадо идет в след своего пастыря, куда он поведет его; если же какие овцы уклонятся от прямого пути и, удалившись от хорошей пажити, будут блуждать по неплодным и утесистым местам, то ему следует только закричать сильнее, чтобы опять собрать отделившихся и присоединить к стаду; а если человек совратится с пути правой веры, то пастырю предстоит много трудов, усилий, терпения. Человека нельзя ни силой влечь, ни страхом принуждать, но должно убеждением опять приводить к истине, от которой он раньше отпал. Посему, нужна душа мужественная, чтобы не ослабеть, чтобы не отчаяться в спасении

заблуждающихся, чтобы непрестанно и мыслить и говорить: "**не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю**" (2 Тим. 2:25-26). Посему и Господь, беседуя с учениками, сказал: "**кто же верный и благоразумный раб**" (Матф. 24:45)? Подвизающийся сам по себе приносит пользу одному себе, а польза от пастырской деятельности простирается на весь народ. Раздающий деньги нуждающимся, или каким-либо другим образом помогающий притесняемым, приносит некоторую пользу ближним, но на столько меньше священника, на сколько тело ниже души. Поэтому справедливо Господь сказал, что попечение о Его стаде есть знак любви к Нему самому.

Василий. А ты разве не любишь Христа?

Златоуст. Люблю, и никогда не перестану любить, но боюсь, чтобы не оскорбить Любимого мной.

Василий сказал: может ли что быть темнее этой загадки? Христос повелел любящему Его пасти овец Его; а ты отрекаешься пасти потому, что любишь Повелевшего это.

Златоуст. Никакой нет загадки в словах моих, - сказал я, - напротив они весьма ясны и просты. Если бы я, имея возможность исполнять эту должность так, как хотел Христос, уклонялся от нее, то следовало бы недоумевать при словах моих; но если душевная немощь делает меня неполезным для этого служения, то требуют ли пояснения слова мои? Я боюсь, чтобы, приняв стадо Христово здравым и крепким и потом по невнимательности причинив ему вред, мне не прогневать против себя Бога, Который так возлюбил его, что для искупления и спасения его предал Самого Себя.

Василий сказал: это говоришь ты в шутку; а если не в шутку, то я не знаю, чем другим ты лучше мог бы доказать, что я справедливо скорблю, как не этими словами, которыми ты старался рассеять мое уныние. Я и прежде сознавал, что ты хитрил и выдавал меня, но теперь, когда ты усиливался освободиться от обвинений, я еще более уверился в том и ясно вижу, до каких бед ты довел меня. Если ты устранил себя от этого служения по сознанию, что душа твоя не достаточно сильна для тяжести этого дела, то наперед нужно бы устранить меня, хотя бы даже я сильно стремился к тому, тем более что я сообщил тебе все мои намерения касательно этого; а теперь ты, заботясь только о себе, забыл меня, - и о, если бы только забыл, и это было бы вожделенно; - но ты нарочито устроил, чтобы искавшие удобнее могли взять меня. Ты не можешь прибегнуть и к тому оправданию, будто людское мнение увлекло тебя и расположило подозревать во мне нечто великое и дивное. Я не принадлежу к людям, приобретшим удивление и славу, а если бы это и было так, и тогда не следовало бы людскую молву предпочитать истине. Если бы мы с тобой никогда не жили в близком общении друг с другом, то ты имел бы некоторую благовидную причину судить обо мне по людской молве; если же никто так не знал меня, как ты, и душа моя была известна тебе более, нежели самим родителям и воспитателям моим, то какие убедительные слова могут уверить кого-нибудь в том, что ты не с намерением ввергнул меня в такую опасность? Но оставим теперь это; я не принуждаю тебя оправдываться в этом; скажи, что мы будем отвечать обвинителям?

Златоуст. Я не приступлю к этому до тех пор, - сказал я, - пока не оправдаюсь перед тобой, хотя бы ты сам тысячекратно извинял меня. Ты сказал, что если бы я, не зная тебя, довел тебя до настоящего положения, то неведение доставило бы мне оправдание, освободив меня от всякого обвинения; а так как я предал тебя не по неведению, но совершенно зная тебя, поэтому нет у меня никакой благовидной и справедливой причины к моему оправданию. Но я говорю совсем противное; потому что в этих делах требуется

строгое испытание, и тот, кто намерен представить способного к священству, не должен довольствоваться только людской молвой, но вместе с тем более всех и прежде всех сам должен удостовериться в его способностях. Блаженный Павел, сказав: "**надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних**" (1 Тим. 3:7), этим не отвергает нужды в строгом и верном испытании и не поставляет этого свидетельства главнейшим признаком достоинства таких лиц. Предварительно сказав о многом, он после присовокупил и это, показывая тем, что в избрании не должно довольствоваться этим одним признаком, но вместе с другими принимать во внимание и этот. Молва людская часто бывает обманчива; а после предварительного строгого испытания нельзя от нее опасаться никакой опасности. Посему, после прочего он упоминает и о свидетельстве *от внешних*. Он не просто сказал: "**надлежит ему также иметь доброе свидетельство**", но прибавил: "**и от внешних**", желая изъяснить, что свидетельству внешних должно предшествовать строгое испытание. А так как я сам знал тебя лучше родителей твоих, как ты засвидетельствовал, то, по справедливости, я могу быть свободным от всякой вины.

Василий сказал: по этой самой причине ты и не мог бы оправдаться, если бы кто захотел обвинять тебя. Или не помнишь того, о чем и я многократно говорил тебе, и что ты видел на самом деле, как немощна душа моя? Не потому ли ты постоянно смеялся над моим малодушием, что при малейших заботах я скоро падал духом?

5. *Златоуст*. Помню, - сказал я, -что, часто слышал от тебя такие слова, и не отрекусь. Если же я когда-нибудь смеялся, то делал это в шутку, а не по правде. Впрочем, теперь я не буду спорить об этом; не прошу и тебя быть искренним передо мной, когда я стану припоминать о некоторых из присущих тебе добродетелей. Если ты вздумаешь обличать меня в неправде, то я не пощажу тебя, но докажу, что ты возражаешь более по скромности, чем по справедливости, и приведу в свидетельство истины слов моих не что другое, а твои же слова и дела. Во-первых, я хочу спросить тебя: знаешь ли ты, какова сила любви? Христос, не упоминая обо всех чудесах, которые имели быть совершены апостолами, сказал: "**по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою**" (Иоан. 13:35); а Павел говорит, что любовь есть "**исполнение закона**" (Римл. 13:10), и что без нее и дарования не приносят никакой пользы (1 Кор. 13:1-2). Это-то превосходное сокровище, отличительное свойство учеников Христовых, превышающее дарования, я видел крепко насажденным в душе твоей и приносящим обильные плоды.

Василий сказал: сознаюсь, что я много забочусь об этом и очень стараюсь соблюдать эту заповедь; но что еще и в половину не исполнил ее, это и сам ты засвидетельствуешь, если, оставив лесть, захочешь говорить истину.

Златоуст. Итак, я обращусь к доказательствам, - сказал я, - и чем угрожал, то теперь и сделаю, именно докажу, что ты хочешь быть более скромным, чем справедливым. Расскажу одно событие, недавно случившееся, не упоминая о прежнем, дабы кто не подумал, что я стараюсь давностью времени затемнить истину; здесь самая близость времени не позволит мне прикрыть что-нибудь льстивыми словами.

6. Когда один из наших друзей, оклеветанный в проступках дерзости и гордости, подвергался крайней опасности, и тогда, как никто не призывал тебя и сам обвиняемый не просил, ты сам себя ввергнул в опасности. Так было дело; но чтобы обличить тебя и словами твоими, припомню и сказанное тобой. Когда такую ревность твою одни порицали, другие хвалили и превозносили, ты сказал порицателям: "что делать? - иначе не умею любить, как, жертвуя душой моей, когда нужно спасти кого-либо из друзей, находящегося в опасности", повторив, хотя другими словами, но в том же смысле, слова

Христовы, которые Он сказал ученикам, определяя совершенную любовь: "**нет больше той любви**", говорил Он, "**как если кто положит душу свою за друзей своих**" (Иоан. 15:13). Таким образом, если нет высшей степени любви, ты успел дойти до конца: и делами и словами своими достиг самой вершины ее. Посему я и предал тебя, посему и придумал такую хитрость. Теперь убедил ли я тебя, что не из зложелательства и не с намерением ввергнуть в опасность, но, предвидя пользу, я привлек тебя на это поприще?

Василий сказал: итак, ты думаешь, что для исправления ближних достаточно силы любви?

Златоуст. Большей частью, - сказал я, - она весьма может содействовать этой цели; если же ты желаешь, чтобы я привел доказательства и твоего благоразумия, то приступлю и к этому, и докажу, что ты благоразумен более, нежели сколько любвеобилен.

Василий, при этом, покраснев от стыда, сказал: касающееся меня оставим теперь; я и вначале не требовал от тебя речи об этом; если же ты можешь сказать что-нибудь справедливое для "**внешних**", то я с удовольствием буду слушать. Посему, оставив этот пустой спор, скажи, чем мы оправдаемся перед прочими, как удостоившими тебя чести, так и перед теми, которые с сожалением смотрят на них, как бы на оскорбленных?

7. *Златоуст*. Я и сам, - сказал я, - спешу перейти к этому. Так как с тобой я кончил речь, то обращусь и к этой части защиты. Какое же их обвинение, и какие вины? Говорят, будто избиратели оскорблены и унижены тем, что я не принял чести, которой они хотели почтить меня. Но, во-первых, скажу, что не должно думать об оскорблении, наносимом людям, когда уважением к ним мы поставляемся в необходимость оскорбить Бога. И для самих огорченных оскорбляться этим, я полагаю, не только не безопасно, но и весьма вредно. Людям, посвятившим себя Богу и взирающим на Него одного, по моему мнению, должно быть столь благочестивыми, чтобы и не считать оскорблением, хотя бы им тысячу раз пришлось испытать это огорчение. А что такая или другая какая-нибудь дерзость не приходила мне и на мысль, это видно из следующего. Если бы я дошел до этого по гордости и честолюбию, - как некоторые клевещут, о чем ты неоднократно говорил, - и тем подтвердил бы мнение обвинителей, то я был бы весьма несправедлив, презрев людей достоуважаемых и великих и притом благодетелей моих. Если оскорбление, нанесенное тем, которые не сделали никакой несправедливости, достойно наказания, то люди, добровольно желавшие оказать почесть, какого не заслуживают почтения? Никто не может сказать и того, будто они, получив от меня малое или великое добро, сделали воздаяние за эти благодеяния. Какого же заслуживало бы наказания воздаяние противным тому? Если же это никогда и на ум мне не приходило, но с другим намерением я отклонил от себя тяжелое бремя, то вместо того, чтобы извинить, если не хотят оправдать, почему обвиняют меня в том, что я пощадил душу свою? Я так мало был расположен оскорблять этих мужей, что и самым отказом, думаю, почтил их. Не удивляйся, если слова мои странны; я скоро объясню их.

8. Если бы я был рукоположен, тогда, если не все, то считающие за удовольствие разносить худую молву могли бы подозревать и говорить многое и обо мне и об избравших меня; например: что избиратели смотрят на богатство, что предпочитают знаменитость рода, что возвели меня на эту степень за мою лесть и даже не знаю, не стал ли бы кто-нибудь подозревать, что они подкуплены от меня деньгами; сказали бы, что Христос призывал на эту должность рыбарей, делателей шатров и мытарей; а они отвергают людей, питающихся от дневной работы, а того, кто занимается мирскими науками и проводит праздную жизнь, принимают и превозносят; почему они пренебрегли мужей, много потрудившихся в делах церкви, а того, кто никогда и не прикасался к этим трудам, но всю жизнь свою истратил на суетное занятие мирскими науками, вдруг возвели

на такую почесть? Так и еще больше того могли бы сказать, когда бы я принял эту должность. Но теперь нет; всякий предлог к злословию отнят; ни меня в ласкательстве, ни избирателей в мздоимстве не могут обвинять, разве кто захотел бы просто безумствовать. Как может употребляющий лесть и истрачивающий деньги для того, чтобы получить почесть, уступить ее другим, когда следовало самому получить? Это было бы похоже на то, если бы кто, много потрудившись над землей, чтобы жатва его изобиловала плодами и точила были преисполнены вином, после многих трудов и больших издержек, когда нужно пожинать плоды и собирать виноград, предоставил другим воспользоваться этим плодородием. Видишь ли, что хотя бы такие слова были и далеки от истины, однако желающие имели бы предлог клеветать на избирателей и говорить, что они сделали избрание не по здравому рассуждению? А теперь мы не позволим им и слова сказать, и даже просто уст открыть. Это, и еще больше того было бы говорено вначале. А после, по вступлении в самое служение, у меня недостало бы сил каждый день оправдываться перед обвинителями, хотя бы все поступки мои были безукоризненны, разве пришлось бы в чем-нибудь погрешить по неопытности и по незрелому возрасту. Теперь я избавил избирателей и от этого обвинения, а тогда подверг бы их бесчисленным укоризнам. Чего не сказали бы? Несмысленным детям они поручили столь досточтимые и великие дела, погубили стадо Божье, забавой и посмешищем сделали христианство. Но теперь "**всякое нечестие заграждает уста свои**" (Псал. 106:42). Хотя тоже могут сказать и о тебе, но ты делами своими скоро докажешь, что не должно судить о благоразумии по возрасту, и отличать старца по седине, и не всякого юного отстранять от этого служения, но юного по вере (новокрещенного); между тем и другим - большая разность.

О СВЯЩЕНСТВЕ

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

ЧТО я уклонился от чести (епископства) не для оскорбления желавших почтить меня и не для того, чтобы подвергнуть их стыду, в доказательство этого достаточно сказать и то, что уже сказано; а что я поступил так не по внушению гордости, постараюсь и это теперь объяснить тебе по силам моим. Если бы мне предстояло избрание в начальника войска или страны, и если бы я отнесся к этому с таким же расположением, то иной справедливо мог бы подозревать во мне гордость, или никто не стал бы винить меня и в гордости, а все назвали бы безрассудным; но когда предстояло священство, которое столько выше (всякой) власти, сколько дух превосходнее плоти, тогда кто осмелится обвинять меня в гордости? И не странно ли - отказывающихся от маловажного обвинять в неразумии, а уклоняющихся от превосходнейшего освобождать от обвинения в неразумии, но обвинять в надменности? Это подобно тому, как если бы кто пренебрежительно относящегося к стаду волов и не желающего быть пастухом стал обвинять не в надменности, но в безрассудстве, а того, кто отказывается от владычества над всей вселенной и от начальствования над всемирным войском, назвал бы не безумным, а гордым. Нет, нет, не меня, а скорее самих себя обвиняют говорящие это. Ибо одна мысль о том, что возможно человеку презирать такое достоинство (священства), служит доказательством, какое мнение об этом предмете имеют сами высказывающие ее. Если бы они не считали его маловажным и обыкновенным, то им не пришло бы и на ум такое подозрение. Почему никто никогда не осмелился подумать что-нибудь подобное о достоинстве ангелов, и сказать, что есть такая душа человеческая, которая по гордости не желала бы достигнуть достоинства ангельского естества? Это потому, что мы имеем высокое понятие о силах небесных, и оно не позволяет нам верить, чтобы человек мог представить себе что-нибудь выше этого достоинства. Таким образом, справедливее было бы обвинять в гордости самих тех, которые меня обвиняют в этом. Они никогда не стали бы подозревать в этом других, если бы наперед сами не признали этого предмета ничтожным. Если же они

говорят, что я поступил так из честолюбия, то они окажутся противоречащими и явно сражающимися с самими собой; ибо, я не знаю, какие другие кроме этих они придумали бы речи, если бы освободили меня от обвинений в тщеславии.

2. Если бы во мне было это тщеславие, то мне нужно бы скорее принять (избрание), чем бежать. Почему? Потому что оно принесло бы мне великую славу. Находящемуся в таком возрасте и недавно отставшему от житейских забот, вдруг оказаться для всех столь дивным, что быть предпочтенным перед людьми, проведшими всю жизнь в таких трудах, и получить избирательных голосов больше всех их - это внушило бы всем удивительные и великие мысли обо мне и сделало бы меня почтенным и знаменитым. А теперь, кроме немногих, большая часть церкви не знает меня и по имени; даже не всем будет известно, что я отказался (от призвания), а только некоторым немногим, из которых, я думаю, не все знают об этом точным образом, а вероятно многие и из них думают, что я или вовсе не был избран, или по избрании был отвергнут, как оказавшийся неспособным, а не сам убежал добровольно.

3. *Василий*. Но знающие истину будут удивляться.

Златоуст. А ты же сказал, что они обвиняют меня в тщеславии и надменности. От кого же ожидать похвалы? От народа? Но он не знает дела в точности. От немногих? Но и у них превратно понято мое дело. Для того ты теперь и пришел сюда, чтобы узнать, чем можно оправдаться перед ними. Но для чего об этом теперь распространять речь? Хотя бы все знали истину, и тогда не следовало бы обвинять меня в гордости или честолюбии; потерпи немного, и ты ясно увидишь это. При этом еще узнаешь и то, что немалая угрожает опасность не только тем, которые с таким дерзновением осмеливаются (принимать священство), если только есть такие люди, - чему я не верю, - но и тем, которые подозревают в этом других.

4. Священнослужение совершается на земле, но по чиноположению небесному; и весьма справедливо; потому что ни человек, ни ангел, ни архангел, и ни другая какая-либо сотворенная сила, но сам Утешитель учредил это чинопоследование, и людей, еще облеченных плотью, соделал представителями ангельского служения. Посему священнодействующему нужно быть столь чистым, как бы он стоял на самых небесах посреди тамошних Сил. Страшны и величественны были принадлежности (богослужения) и прежде благодати, как-то: звонки, яблоки, драгоценные камни на наперснике и нарамнике, митра, кидар, подир, златая дщица, Святое Святых, глубокая тишина внутри (Исх. гл. 38). Но если кто рассмотрит свойства служения благодатного, то найдет, что те страшные и величественные принадлежности незначительны (в сравнении с последними), и здесь признает истинным сказанное о законе: "**прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы**" (2 Кор. 3:10). Когда ты видишь Господа закланного и предложенного, священника предстоящего этой Жертве и молящегося, и всех окропляемых этой драгоценной кровью, то думаешь ли, что ты еще находишься среди людей и стоишь на земле, а не переносишься ли тотчас на небеса и, отвергнув все плотские помышления души, светлой душой и чистым умом не созерцаешь ли небесное? О чудо, о человеколюбие Божье! Сидящий горе с Отцом в этот час объемлется руками всех и дает Себя осязать и воспринимать всем желающим. Это и делают все очами веры. Ужели все это тебе кажется достойным презрения, или таким, над чем кто-нибудь мог бы выказать свое высокомерие? Хочешь ли видеть и из другого чуда превосходство этой Святыни? Представь перед очами своими Илию, и стоящее вокруг бесчисленное множество народа, и лежащую на камнях жертву; все другие соблюдают тишину и глубокое молчание, один только пророк молится, и за тем внезапно пламень ниспадает с небес на жертву (3 Цар. 18:30-38); все это дивно и исполнено ужаса. Теперь

перейди отсюда к совершаемому ныне, и ты увидишь не только дивное, но и превосходящее всякий ужас. Предстоит священник, низводя не огонь, но Святого Духа; совершает продолжительное моление не о том, чтобы огонь ниспал свыше и попалил предложенное, но чтобы Благодать, нисшедши на Жертву, воспламенила через нее души всех и соделала их светлейшими очищенного огнем серебра. Кто же, кроме человека совершенно исступленного или безумного, может презирать такое страшнейшее таинство? Или ты не знаешь, что души человеческие никогда не могли бы перенести огня этой жертвы, но все совершенно погибли бы, если бы не было великой помощи Божественной благодати?

5. Кто размыслит, как важно то, что человек, еще облеченный плотью и кровью, может присутствовать близ блаженного и бессмертного Естества, тот ясно увидит, какой чести удостоила священников благодать Духа. Ими совершается эти священнодействия и другие, не менее важные для совершенства и спасения нашего. Люди, живущие на земле и еще обращающиеся на ней, поставлены распоряжаться небесным, и получили власть, которой не дал Бог ни ангелам, ни архангелам; ибо не им сказано: "**что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе**" (Матф. 18:18). Земные властители имеют власть связывать, но только тело; а эти узы связывают самую душу и проникают в небеса; что священники совершают на земле, то Бог довершает на небе, и мнение рабов утверждает Владыка. Не значит ли это, что Он дал им всю небесную власть? "**Кому**" говорит (Господь), "**простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся**" (Иоан. 20:23). Какая власть может быть больше этой? "**Отец весь суд отдал Сыну**" (Иоан. 5:22); а я вижу, что Сын весь этот суд вручил священникам. Они возведены на такую степень власти, как бы уже переселились на небеса, превзошли человеческую природу и освободились от наших страстей. Если бы царь предоставил кому-нибудь из своих подданных власть заключать в темницу и опять освобождать, кого он захочет, такой подданный у всех был бы славен и знаменит; а о том, кто получает от Бога власть настолько превосходнейшую этой, сколько небо превосходнее земли и души тел, некоторые думают, что он получает маловажную честь, и будто бы возможно представить, что кто-нибудь из получивших этот дар будет не уважать его. Отвергнем такое безумие! Действительно безумно не уважать такую власть, без которой нам невозможно получить спасения и обетованных благ. Если никто не может войти в царствие небесное, "**если кто не родится от воды и Духа**" (Иоан. 3:5), и не "**ядущий плоти**" Господа и не "**пиющий крови Его**" лишается вечной жизни (Иоан. 6:53), а все это совершается ни кем иным, как только этими священными руками, т. е. руками священника, то, как без посредства их можно будет кому-нибудь избежать геенского огня, или получить уготованные венцы.

6. Священники для нас суть те мужи, которым вручено рождение духовное и возрождение крещением; через них мы облекаемся во Христа, и погребаемся вместе с Сыном Божьим и соделываемся членами этой блаженной Главы. Посему, справедливо мы должны не только страшиться их более властителей и царей, но и почитать более отцов своих; эти родили нас "**от крови, от хотения плоти**" (Иоан. 1:13), а те суть виновники нашего рождения от Бога, блаженного "**пакибытия**", истинной свободы и благодатного усыновления. Священники иудейские имели власть очищать тело от проказы, или лучше, не очищать, а только свидетельствовать очищенных (Лев. гл. 14); и ты знаешь, как завидно было тогда достоинство священническое. А наши (священники) получили власть не свидетельствовать только очищение, но совершенно очищать, - не проказу телесную, но нечистоту душевную. Посему не уважающие их гораздо преступнее Дафана и его сообщников, и достойны большего наказания; потому что эти домогались не принадлежащей им власти (Числ. гл. 16), однако имели высокое мнение о ней и доказали это тем самым, что домогались ее с великим усилием; а теперь, когда священство

украсилось гораздо более и возвысилось до такой степени, не уважать его - значит отваживаться на гораздо большую дерзость; ибо не одно и то же: домогаться не принадлежащей себе чести, и презирать такие блага; последнее настолько тяжелее первого, насколько различны между собой презрение и уважение. Есть ли такая несчастная душа, которая презирала бы столь великие блага? Я не могу представить ни одного такого человека, разве кто пришел в демонское неистовство. Впрочем, возвращусь опять к тому, о чем шла речь. Бог дал священникам больше силы, нежели плотским родителям, не только для наказаний, но и для благодеяний; те и другие столько различаются между собой, сколько жизнь настоящая от будущей. Одни рождают для настоящей жизни, другие для будущей; те не могут избавить детей своих от телесной смерти и даже защитить от вторгшейся болезни, а эти часто спасали страждущую и готовую погибнуть душу, то, употребляя кроткое наказание, то, удерживая от падения при самом начале, не только учением и внушением, но и помощью молитв. Они не только возрождают нас (крещением), но имеют власть разрешать и от последующих грехов: "**болен ли кто из вас**", говорится (в Писании), "**пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему**" (Иак. 5:14-15). Кроме того, плотские родители не могут оказать никакой помощи детям, когда они оскорбят кого-нибудь из знатных и сильных людей, а священники часто примиряли верующих не с вельможами и не с царями, но с самим Богом, разгневанным ими. Кто после этого осмелится обвинять меня в гордости? Напротив, я думаю, что сказанное мной возбудит в душах слушателей такое благоговение, что они будут обвинять в гордости и дерзости не убегающих, но тех, которые сами приходят и стараются приобрести себе это достоинство. Если начальники городов, когда они не очень благоразумны и деятельны, подвергая города разорению, губят и себя самих, то обязавшейся украшать Невесту Христову, сколько, думаешь ты, должен иметь силы и собственной и свыше ниспосылаемой, чтобы не погрешить?

7. Никто не любил Христа более Павла, никто более его не показал ревности, никто не был удостоен большей благодати; но и при таких преимуществах он еще боится и трепещет как за свою власть, так и за подвластных ему. "**Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, [уклонившись] от простоты во Христе**"*;* и еще: "**и был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете**" (2 Кор. 11:3; 1 Кор. 2:3), говорит человек, восхищенный до третьего неба, соделавшийся причастником тайн Божьих, претерпевший столько смертей, сколько по уверовании жил дней, и не желавший пользоваться данной ему от Христа властью, чтобы кто из верующих не соблазнился (1 Кор. гл. X). Если он, исполнивший более того, что повелено Богом, и искавший во всем не своей пользы, но пользы подвластных ему, всегда был исполнен такого страха, взирая на величие этой власти, то, что будем чувствовать мы, часто ищущие своей пользы, не только не исполняющие более того, что заповедано Христом, но большей частью преступающие Его заповеди? "**Кто изнемогает**", говорил он, "**с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?**" (2 Кор. 11:29)? Таков должен быть священник, или лучше, не только таков; это мало и незначительно в сравнении с тем, что я намереваюсь сказать. Что же это? "**Я желал бы**", говорит он, "**сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти**" (Римл. 9:3). Кто может произнести такие слова, чья душа возвысилась до такого желания, тот справедливо может быть осуждаем, когда убегает (священства), а кто так чужд этой добродетели, как я, тот заслуживает порицания не тогда, когда убегает, но когда принимает его. Если бы при избрании в достоинство военачальника имеющие власть дать это достоинство, представив медника, или кожевника, или кого-нибудь из подобных ремесленников, поручали ему войско, то я не похвалил бы того несчастного, который не убежал бы и не сделал всего, чтобы не ввергнуть себя в предстоящую гибель. Если бы достаточно было только

называться пастырем и исполнять это дело, как случится, и от этого не было никакой опасности, то всякий желающий пусть обвиняет меня в тщеславии; если же принимающему на себя такую заботу должно иметь великое благоразумие, и еще прежде благоразумия великую благодать Божью, правоту нравов, чистоту жизни, и добродетель более, нежели человеческую, то не отказывай мне в прощении, что я не хотел погибать тщетно и напрасно. Если бы кто-нибудь, отправляя большое судно, наполненное гребцами и нагруженное дорогими товарами, вручал мне кормило его, и приказывал переплыть Эгейское или Тирренское море [1], то я при первых словах его обратился бы в бегство; и если бы кто спросил, почему? - я отвечал бы: чтобы мне не потопить корабля. Если же тогда, когда ущерб состоит в деньгах, и опасность простирается до смерти телесной, никто не будет осуждать людей за предусмотрительность, то здесь, где потерпевшим кораблекрушение предстоит впасть не в это море, а в бездну огненную, и ожидает их смерть, не душу от тела отделяющая, но душу с телом отправляющая на вечное мучение, почему вы будете гневаться и негодовать, что я легкомысленно не вверг себя в такое бедствие?

8. Не делайте этого, прошу и умоляю. Я знаю свою душу немощную и слабую; знаю важность этого служения, и великую трудность этого дела. Душу священника обуревают волны, большие тех, какие бывают от ветров, возмущающих море.

9. И во-первых, является тщеславие, как бы скала ужаснейшая и гораздо опаснейшая скалы Сирен, которую вымыслили баснописцы [2]; многие могли проплыть мимо этой скалы безвредно; но для меня это так трудно, что даже и теперь, когда никакая нужда не влечет меня к этой пропасти, я не могу избавиться от опасности. А если кто вручит мне эту власть, тот как бы свяжет мне назад обе руки и предаст меня чудовищам, живущим в этой скале, чтобы они каждый день терзали меня. Какие же это чудовища? - Гнев, уныние, зависть, вражда, клеветы, осуждения, обман, лицемерие, козни, негодование на людей невинных, удовольствие при неблагополучии служащих, печаль при их благосостоянии, желание похвал, пристрастие к почестям (оно более всего вредит душе человеческой), учение с угождением, неблагодарное ласкательство, низкое человекоугодие, презрение бедных, услужливость богатым, предпочтения неразумные и вредные, милости опасные как для приносящих, так и для принимающих их, страх рабский, приличный только презреннейшим невольникам, недостаток дерзновения, степенный вид смиренномудрия, но без истинного смирения, уклончивые обличения и наказания, или лучше сказать, перед незначительными людьми - чрезмерные, а перед сильными - безмолвные. Столько и еще больше чудовищ вмещает в себе эта скала, и те, которые однажды захвачены ими, необходимо доходят до такого рабства, что даже в угодность женщинам делают много такого, о чем и говорить непристойно. Закон Божественный удалил женщин от этого служения, а они стараются вторгнуться в него; но так как сами по себе не имеют власти, то делают все через других, и такую присваивают себе силу, что и избирают, и отвергают священников по своему произволу; пословица: "к верху дном" сбывается здесь на деле. Начальниками управляют подначальные, и пусть бы мужчины, но - те, которым не позволено и "**учить**" (1 Тим. 2:12). Что говорю учить? - которым блаженный Павел запретил и "**говорить**" в церкви (1 Кор. 14:34). Я слышал от одного человека, будто их допустили до такой дерзости, что они даже делают выговоры предстоятелям церквей и обращаются с ними суровее, нежели господа со своими слугами.

10. Пусть никто не думает, что обвинения мои относятся ко всем; есть, много есть таких (священников), которые избегли этих сетей, и их гораздо более чем уловленных. И самое священство я не виню в этих бедствиях; не желаю дойти до такого безумия. Не меч обвиняют за убийство, не вино за пьянство, не силу за оскорбление, не мужество за безрассудную дерзость, но все благоразумные люди обвиняют и наказывают

употребляющих во зло дары Божьи. Так, само священство справедливо осудит нас, распоряжающихся им неправильно. Не оно причиной изложенных мной зол, а мы сами черним его, сколько можем, без разбора вверяя его таким людям, которые, не узнав наперед собственных душ и не посмотрев на трудность этого дела, охотно принимают предлагаемое, а когда приступят к делу, тогда по неопытности сами пребывают во мраке и на вверенный им народ навлекают множество зол. Это самое едва не случилось и со мной, если бы Бог скоро не избавил меня от этих опасностей, охраняя свою церковь и щадя мою душу. Отчего, скажи мне, по твоему мнению, происходят такие смятения в церквах? Я думаю, ни от чего иного, как от того, что избрания и назначения предстоятелей совершаются без разбора и как случится. Глава должна быть крепкой, чтобы она могла располагать и приводить в надлежащее состояние вредные испарения, поднимающиеся из прочих частей тела; а когда она сама по себе слаба и не может отклонять болезненных влияний, то и сама делается еще слабее и вместе с собою губит все тело. Чтобы не случилось того же и теперь, Бог оставил меня в положении ног (церковного тела), в котором я и был с самого начала. Кроме сказанного много есть, Василий, иного другого, что нужно иметь священнику, и чего я не имею; и, прежде всего, у него душа должна быть совершенно чистой от стремления к этому делу; если он будет иметь пристрастное расположение к нему, то по получении его загорится сильнейшим пламенем, и если будет взят насильно, то для утверждения его за собой потерпит множество бед, когда нужно будет льстить, или допустить что-нибудь неблагородное и недостойное, или тратить много денег. Что некоторые, домогаясь этой власти, даже заполняли церкви убийствами и производили возмущения в городах, об этом я умалчиваю теперь, чтобы кто не подумал, что говорю невероятное. По моему мнению, должно с таким благоговением относиться к этому делу, чтобы убегать от тяжести этой власти, а по получения ее не ожидать суждений от других, когда случится совершить грех, заслуживающий низвержение, но ранее самому отречься от этой власти. Таким образом, еще возможно будет получить помилование от Бога; удерживать же себя в этом достоинстве вопреки благопристойности - значит лишать себя всякого прощения и еще более воспламенять гнев Божий, прилагая к одному другое тягчайшее преступление.

11. Но никто не осмелится на это; потому что бедственно, поистине бедственно домогаться этой чести. Говорю это, не противореча блаженному Павлу, но совершенно согласно с его словами. Что же он говорит? "**Если кто епископства желает, доброго дела желает**" (1 Тим. 3:1). И я назвал бедственным желание не самого дела, а первенства и власти. Это желание, по моему мнению, должно тщательно изгонять из души и даже не позволять ему в самом начале овладевать ею, чтобы можно было действовать во всем свободно. Кто не желает величаться этой властью, тот не боится и лишиться ее; а, не боясь этого может делать все со свойственной христианам свободой; напротив, опасающиеся и боящиеся низвержения претерпевают жалкое рабство, соединенное со многими бедствиями, и часто принуждены бывают оскорблять и людей и Бога. Не таково должно быть настроение души; но как на сражениях мы видим доблестных воинов и сражающимися усердно и падающими мужественно, так и вступающие в это служение должны и священствовать и принимать низвержение с этой власти так, как надлежит христианским мужам, знающим, что такое низвержение доставляет не меньший венец, как и самая власть. Кто подвергается ему, не сделав ничего непристойного и противного этому достоинству, тот уготовляет несправедливо низложившим его наказание, а себе большую награду: "**блаженны вы**", говорит (Господь), "**когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах**" (Мат. 5:11-12). Это бывает тогда, когда кто-нибудь низвергается сослужащими или по зависти, или из угождения другим, или по вражде, или по какой-либо другой несправедливой причине; когда же случится кому потерпеть это от врагов, то, я думаю, не нужно и доказывать, какую пользу они доставляют ему своей

злобой. Итак, нужно всюду вникать и тщательно наблюдать, не скрывается ли какая-нибудь тлеющая искра такого желания. Счастливы те, которые с самого начала были чисты от этой страсти и могли избегнуть ее по достижении власти. Если же кто еще прежде достижения этой чести питает в себе этого страшного и лютого зверя, то нельзя и выразить, в какую пещь ввергает он себя по достижении власти. У меня также (не подумай, что я из скромности хочу сказать тебе нечто ложное) есть это желание в сильной степени, но оно не менее всего другого и устрашило меня и обратило в бегство. Как страдающие плотской любовью, пока находятся близ любимых, чувствуют жесточайшее мучение страсти, а когда удалятся как можно дальше от любимых, укрощают ее неистовство, так и стремящиеся к этой власти, когда приближаются к ней, терпят невыносимое мучение, а когда теряют надежду получить ее, то вместе с надеждой погашают и желание.

12. Не маловажна и одна эта причина; если бы она была единственной, то сама по себе была бы достаточна для того, чтобы отклонить меня от этого достоинства; но теперь к ней присоединилась другая, не меньшая той. Какая же? Священник должен быть бодрствующим и осмотрительным, и иметь множество глаз со всех сторон, как живущий не для себя одного, а для множества людей (1 Тим. III, 2). А я небрежен и слаб, и едва могу печься о собственном спасении, как ты и сам согласишься, хотя и стараешься, из любви ко мне, более всех скрывать мои слабости. Не говори мне здесь ни о посте, ни о ночном бодрствовании, ни о возлежании на земле, ни о других телесных изнурениях; ты знаешь, как я еще не совершен и в этом. Если бы даже я со всей строгостью исполнял это, и тогда при моей настоящей слабости это не могло бы принести мне никакой пользы в предстоятельстве. Это может быть весьма полезно человеку, заключившемуся в какой-нибудь келье, и заботящемуся только о своих делах; а кто разделяется на такое множество народа, и имеет особенные заботы о каждом из подчиненных, у того какую вероятную пользу это может принести для их преуспеяния, если он не будет иметь души крепкой и весьма мужественной?

13. Не удивляйся, если вместе с этой строгостью жизни я требую еще опытов душевного мужества. Пренебрегать яствами, напитками и мягким ложем для многих, как мы видим, не составляет труда, особенно для людей грубых, и воспитанных так с малолетства, и для многих других, у которых сложение тела и привычка смягчают суровость таких подвигов; но переносить оскорбление, клевету, язвительное слово, насмешки от низших необдуманные и обдуманные, напрасные и тщетные укоризны от начальников и подчиненных могут не многие, а один или два; и можно видеть, что люди крепкие в тех подвигах так возмущаются этими неприятностями, что свирепствуют хуже диких зверей. Таких особенно нужно удалять от обители священства. Если предстоятель не изнуряет себя голодом и не ходит босыми ногами, это нисколько не вредит церковному обществу; а свирепый гнев причиняет великие несчастья, как самому преданному этой страсти, так и ближним. Не соблюдающим первого, Бог ничем не угрожает, а гневающимся напрасно - угрожает геенною и огнем геенским (Матф. V, 22). Как преданный тщеславию, получив власть над народом, доставляет больше пищи огню (этой страсти), так и тот, кто, живя уединенно и обращаясь с немногими, не мог удерживать гнева, но легко воспламенялся, когда получит в управление целый народ, подобно зверю, уязвляемому отовсюду и всеми, и сам не может быть никогда спокоен, и вверенных ему подвергает бесчисленным бедствиям.

14. Ничто так не помрачает чистоту души и ясность мыслей, как гнев необузданный и выражающийся с великой силой. "**Гнев губит и разумных**" говорит Премудрый (слав - Притч. 15:1). Помраченное им око души, как бы в ночном сражении, не может отличать друзей от неприятелей и честных от бесчестных, но относится ко всем одинаково и, хотя

бы предстояло потерпеть какой-нибудь вред, скоро решается на все, чтобы доставить удовольствие душе; ибо пылкость гнева заключает в себе некоторое удовольствие, и даже сильнее всякого удовольствия овладевает душой, низвращая все ее здравое состояние. Он производит гордость, несправедливые вражды, безрассудную ненависть, часто принуждает без разбора и без причины наносить оскорбления и заставляет говорить и делать много другого подобного, так как душа увлекается сильным напором страсти и не может собраться со своими силами, чтобы противостать ее стремлению.

Василий сказал: но я не потерплю более, чтобы ты притворялся; кто не знает, как ты далек от этого недуга?

Златоуст. Что же, почтеннейший, - сказал я, - ты хочешь поставить меня близ костра, раздражить покоящегося зверя? Или ты не знаешь, что я и сдерживал эту страсть не силой воли, но любовью к спокойствию? А кто так настроен, тот может избежать этого пламени, оставаясь с самим собой или имея общение не более, как с одним или двумя друзьями, но не повергаясь в бездну таких забот? В противном случае он не себя одного, но и других многих увлекает вместе с собой в бездну погибели, и делает их более беспечными в соблюдении скромности. Подчиненный народ большей частью привык смотреть на поведение своих начальников, как на некоторый образец и подражать им. Как же может укротить надменность других тот, кто сам надмевается. Кто из народа пожелает быть кротким, видя начальника гневливым? Нельзя, нельзя священникам скрыть свои недостатки; и малые из них скоро делаются известными. Ратоборец, пока остается дома и ни с кем не вступает в борьбу, может скрываться, хотя бы он был слабейшим; но когда выступит на подвиги, тотчас изобличается. Так и люди, ведущие частную и недеятельную жизнь, уединением прикрывают свои грехи; но, быв выставлены на вид, бывают принуждены сбросить с себя одиночество, как бы одежду, и обнаружить для всех души свои посредством внешних движений. Как добрые дела их приносят пользу, побуждая многих к соревнованию, так и проступки их делают более нерадивыми о делах добродетели и располагают к уклонению от похвальных трудов. Посему душа священника должна со всех сторон блистать красотой, дабы она могла и радовать и просвещать души взирающих на него. Грехи людей незначительных, совершаемые как бы во мраке, губят одних только согрешающих; а грехи человека значительного и многим известного наносят всем общий вред, делая падших более нерадивыми о добрых подвигах, а внимательных к себе располагая к гордости. Кроме того, проступки простолюдинов, хотя бы и обнаружились, никому не наносят значительной беды; а (проступки) стоящих на высоте священнического достоинства, во-первых, у всех на виду; затем, хотя бы они сделали малейшую погрешность, другим она представляется уже великой, потому что все измеряют грех не важностью самого действия, но достоинством погрешающего. Поэтому священник должен со всех сторон оградить себя, как бы каким адамантовым оружием, тщательной бдительностью и постоянным бодрствованием над своей жизнью, всюду наблюдая, чтобы кто-нибудь не нашел открытого и не оберегаемого места и не нанес смертельного удара; ибо все окружающие готовы уязвлять и поражать его, - не только враги и неприятели, но многие и из тех, которые притворяются друзьями. Итак (для священства) должны быть избираемы такие души, какими по благодати Божьей оказались некогда тела святых отроков в печи вавилонской (Дан. 3:22-46). Здесь не хворост, смола и лен служат пищей огню, но нечто гораздо опаснейшее, так как здесь и огонь не вещественный, но всепожирающий пламень зависти окружает священников, поднимаясь со всех сторон, устремляясь на них, и проникая в жизнь их упорнее, чем тогда огонь в тела отроков. Если он найдет хотя малые следы соломы, тотчас пристает к ней, и, сжегши эту гнилую часть, и все прочие части, хотя бы они были светлее солнечных лучей, опаляет и очерняет дымом. Пока жизнь священника хорошо устроена во всех отношениях, дотоле он остается неприступным для наветов; но если он не досмотрит чего-нибудь малого, как

свойственно человеку, и притом переплывающему многомятежное море настоящей жизни, то прочие добрые дела его нисколько не помогут ему заградить уста обвинителей; но этот малый проступок затемняет все прочее. Все начинают судить о нем не как о существе, облеченном плотью и имеющем человеческую природу, но как об ангеле непричастном никаким слабостям. Как тирана, пока он владычествует, все боятся и льстят ему, потому что не могут низложить его; но когда заметят, что дела его начинают переменяться, тогда, оставив притворную лесть, недавние друзья вдруг делаются врагами и неприятелями и, узнав все его слабости, стараются лишить его власти; так тоже самое бывает и со священником: те, которые недавно, когда он был в силе, почитали его и угождали ему, воспользовавшись незначительным поводом, сильно вооружаются на него, и стараются низвергнуть его, не как тирана только, но как еще худшего человека. Как тиран боится своих телохранителей, так и священник опасается своих близких и сослужащих более всех; потому что никто столько не домогается его власти и никто лучше всех других не знает дел его, как они; находясь близ него, они прежде других узнают случившееся с ним, и легко могут встретить доверие даже клеветам своим и, представляя малое великим, повредить оклеветанному. Тогда оправдывается в обратном смысле апостольское изречение: "**страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены**" (1 Кор. 12:26). Разве только тот, кто стяжал великое благочестие, может выдержать все это. На такую войну ты посылаешь меня? И думаешь, что душа моя способна к столь разнородной и разнообразной борьбе? Как и от кого ты узнал это? Если Бог открыл, покажи Его определение, и я повинуюсь; если же не можешь этого сделать и произносишь приговор по людской молве, то перестань обманываться. Относительно нашего состояния должно верить более нам самим, нежели другим; потому что "**кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем**" (1 Кор. 2:11). Если не прежде, то теперь настоящими словами, я думаю, ты убедился, что я, приняв эту власть, подверг бы осмеянию и себя самого и избирателей, и с великим вредом возвратился бы в то состояние жизни, в котором нахожусь теперь. Не зависть только, но что гораздо сильнее и зависти, желание этой власти обыкновенно вооружает многих против того, кто имеет ее. Как корыстолюбивые дети тяготятся старостью родителей, так некоторые и из этих людей, видя чье-нибудь священство продлившимся долгое время и умерщвление такого священника считая делом беззаконным, спешат лишить его власти, желая все поступить на его место и каждый надеясь, что эта власть достанется ему самому.

15. Хочешь ли, я покажу тебе и другой вид этой борьбы, исполненной тысячи опасностей? Иди и посмотри на народные празднества, где большей частью и положено производить избрание на церковные должности, и ты увидишь, что на священника сыплется так много порицаний, как велико число подчиненных. Все, имеющие право предоставлять эту честь, разделяются тогда на многие части, и в собрании пресвитеров не увидишь согласия их ни между самими собой, ни с епископом, но каждый стоит сам по себе, избирая один одного, другой другого. Причина в том, что не все смотрят на то, на что единственно нужно бы смотреть, на добродетель души; но бывают и другие побуждения к предоставлению этой чести: например, говорят: такой-то должен быть избран, потому что он происходит из знатного рода; другой - потому, что владеет великим богатством и не будет иметь нужды содержаться на счет церковных доходов; третий - потому, что добровольно перешел к нам от противников наших; и стараются предпочесть другим один своего приятеля, другой - родственника, а иной - даже льстеца; но никто не хочет смотреть на способного и сколько-нибудь узнать душевные качества. Я же так далек от того, чтобы упомянутые причины считать достаточными свидетельствами достоинства священников, что даже и того, кто отличался бы великим благочестием, не мало полезным для этой власти, и его не осмелюсь тотчас избрать, если он не окажется имеющим вместе с благочестием и великое благоразумие. Я знаю многих из проведших всю жизнь свою в затворничестве и

изнурявших себя постом, которые, пока пребывали в уединении и пеклись только о себе, были угодны Богу и каждый день более и более преуспевали в этом любомудрии, а когда явились к народу и должны были исправлять невежество людей, тогда одни из них с самого начала оказались неспособными к такому делу, а другие, хотя по нужде и продолжали служение, но, оставив прежнюю строгость жизни, причинили величайший вред самим себе и не принесли никакой пользы другим. Даже если бы кто оставался всю жизнь свою на низшей степени служения и достиг глубокой старости, и того я не возвел бы на высшую степень по уважению к одному только возрасту его. Что будет, если он и в таком возрасте окажется неспособным? Говорю это теперь, не желая унизить седины или узаконить, чтобы принадлежащие к лику монашествующих вовсе были устраняемы от этого предстоятельства, - ибо случилось, что многие и из числа их прославлялись на этой должности, - но стараюсь доказать, что если ни благочестие само по себе, ни глубокая старость не могут делать владеющего ими достойным священства, то тем менее сделали бы это вышесказанные причины. Некоторые представляют еще другие безрассуднейшие побуждения, так одни избираются в состав клира из опасения, чтобы не предались на сторону противников, другие - за свою злобу, чтобы они, быв обойдены, не сделали много зол. Что может быть беззаконнее этого, когда люди негодные и исполненные множества пороков получают честь за то, за что надлежало бы наказывать их, и за что не следовало бы позволять им переступать порога церковного, за то самое они возводятся в священническое достоинство? Еще ли мы будем искать, скажи мне, причины гнева Божья, позволяя людям порочным и ничего не заслуживающим губить дела столь святые и страшные? Когда управление делами вверяется или тем, кому они вовсе не свойственны, или тем, силы которых много превышаются ими, тогда церковь становится нисколько не отличной от Еврипа [3] . Прежде я смеялся над морскими начальниками за то, что при раздаянии почестей они обращают внимание не на добродетель душевную, а на богатство, преклонность лет и покровительство людей; но уже не стал считать это так странным, когда услышал, что такое неразумие проникло и в наши дела. Удивительно ли, что так погрешают люди мирские, ищущие славы от народа, и делающие все для денег, когда и выдающие себя за отрекшихся от всего поступают нисколько не лучше тех и, препираясь о небесном, как бы совещаясь о десятинах земли или о чем другом подобном, берут ничтожных людей и поставляют их над теми делами, для которых Единородный Сын Божий не отрекся уничижить славу Свою, соделаться человеком, принять образ раба, претерпеть заплевания и заушения, и умереть по плоти поносной смертью (Филип. 2:7; Матф. 26:67)? И на этом одном они не останавливаются, а прибавляют и другое более безрассудное: не только избирают недостойных, но и отвергают способных. Как будто нужно с обеих сторон разрушать крепость церкви, или как будто недостаточно одной причины к воспламенению гнева Божья, они прибавляют другую, не менее тяжкую. По моему мнению, равно преступно отдалять людей полезных и допускать бесполезных; и это делается для того, чтобы стадо Христово ни в чем не могло находить утешения и отрады. Не достойно ли это тысячи молний и геенны ужаснейшей, нежели та, какая угрожает нам? Однако переносит и терпит такие злые дела "**не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был**" (Иезек. 33:11). Кто не удивится человеколюбию Его? Кто не изумится милосердию Его? Христиане губят принадлежащее Христу более врагов и неприятелей, а Он, Благий, еще милосердствует и призывает к покаянию. Слава Тебе, Господи, слава Тебе! Какая бездна человеколюбия у Тебя! Какое богатство долготерпения! Те, которые именем Твоим из простых и незнатных сделались почтенными и знатными, обращают эту честь против Почтившего их, дерзают на недоступное дерзновенно, оскорбляют святыню, устраняя и отвергая доблестных для того, чтобы при великом оскудении и с крайней свободой порочные низвращали все по своему произволу. Если желаешь узнать причины и этого зла, то найдешь, что они одинаковы с прежними; потому что корень и, так сказать, матерь их одна - зависть; но они имеют не один вид, а различаются между собой. Говорят: этот должен быть отвергнут

потому, что молод; другой потому, что не умеет льстить; третий потому, что поссорился с таким-то; четвертый, чтобы такой-то не оскорбился, увидев, что предложенный им отвергнут, а избран этот; пятый потому, что добр и скромен; шестой потому, что слишком страшен для согрешающих; седьмой - по другой подобной причине. Вообще, не затрудняются приводить столько предлогов, сколько захотят; если же не найдут ничего другого, то поставляют на вид и богатство, и то, что не должно возводить в эту честь вдруг, а постепенно и мало-помалу, и другие причины могут найти, какие захотят. Теперь я желал бы спросить: что должно делать епископу в борьбе с такими ветрами? Как ему устоять против таких волн? Как ему отразить все эти нападения? Если он будет руководствоваться в делах здравым рассудком, то и ему и избранным все становятся врагами и неприятелями, делают все вопреки ему, каждый день производят раздоры и преследуют избранных бесчисленными насмешками, пока не низвергнут их или не возведут своих приверженцев. И бывает подобное тому, как если бы внутри плывущего корабля кормчий имел своими спутниками морских разбойников, которые и ему, и гребцам, и плавателям постоянно и ежечасно причиняли бы козни. Если же епископ предпочтет угождение этим людям собственному спасению, приняв тех, кого не следовало, то вместо них будет иметь врагом своим - Бога; что может быть ужаснее этого? И положение его в отношении к ним будет труднее, чем прежде, так как все они, содействуя друг другу, через то самое более усиливаются. Как от сильных ветров, встретившихся с противных сторон, дотоле спокойное море вдруг начинает свирепствовать, вздымает волны и губит плавателей, так и церковная тишина, по принятии вредных людей, возмущается и претерпевает много кораблекрушений.

16. Представь же, каким должен быть тот, кому предстоит выдерживать такую бурю и отвращать такие препятствия общему благу? Он должен быть важным и негордым, суровым и благосклонным, властным и общительным, беспристрастным и услужливым, смиренным и не раболепным, строгим и кротким, чтобы он мог удобно противостоять всем препятствиям; он должен с полной властью принимать человека способного, хотя бы все тому противились, а неспособного с такой же властью отвергать, хотя бы все действовали в его пользу, иметь в виду только одно благосостояние церкви и ничего не делать по вражде или из угождения кому-нибудь. Итак, ясно ли для тебя, что я не напрасно отказался от этого служения? Впрочем, я не все еще изъяснил тебе; есть и другое, о чем могу сказать, а ты не потяготись выслушать искреннего друга, желающего оправдаться перед тобой в том, за что укоряешь его; это не только будет полезно тебе для защиты меня перед другими, но, может быть, принесет не малую пользу для самого распоряжения этим делом. Необходимо, чтобы намеревающийся вступить на этот путь жизни, наперед хорошо разведал все, относящееся к этому служению, и потом приступал к нему. Почему? Если не по чему другому, то, по крайней мере, потому, что, хорошо зная все, он не будет приходить в смущение от новости предметов, когда они представятся. Желаешь ли, чтобы я начал речь с призрения вдовиц, или с попечения о девственницах, или с трудностей судебного дела? Каждое из этих дел сопряжено с различными заботами и еще больше забот - со страхом. И, во-первых, - начнем с того, которое кажется легче других, - призрение вдовиц, по-видимому, представляет пекущимся о них заботу, ограничивающуюся денежными издержками (1 Тим. 5:16); но бывает не так: требуется тщательное исследование и тогда, когда нужно принимать их, так как включение их в список просто и без разбора причиняло множество бед. Они и расстраивали дома, и расторгали браки, и часто были уличаемы в краже, нетрезвости и других подобных поступках. Содержание таких вдовиц на счет церкви навлекает и наказание от Бога, и крайнее осуждение от людей, и самих благодетелей делает менее расположенными к благотворительности. Кто решится когда-нибудь на то, чтобы имущество, которое ему заповедано жертвовать для Христа, тратить на тех, которые поносят имя Христово? Поэтому нужно делать тщательное и строгое исследование, чтобы не только такие

вдовицы, но и те, которые в состоянии сами себя пропитывать, не истребляли трапезы беднейших. За этим разбором следует другая не малая забота о том, чтобы жизненные припасы для них притекали обильно, как бы из источников, и никогда не оскудевали. Непроизвольная бедность дурна тем, что бывает ненасытна, взыскательна и неблагодарна. Требуется много благоразумия и много старания, чтобы заграждать им уста, пользующиеся всяким предлогом к осуждению. Народ как скоро увидит кого-нибудь непристрастного к богатству, тотчас объявляет его способным к распоряжению этим делом. Но я думаю, что для него недостаточно одного этого великодушия, но, хотя оно прежде всего необходимо, так как без этого он будет более губителем, нежели покровителем, и волком, а не пастырем; но вместе с тем нужно ему иметь и другое качество. Это - терпение, причина всех благ для людей; оно приводит и вселяет душу как бы в какую тихую пристань. Вдовицы и по своей бедности и по возрасту и по свойству своего пола позволяют себе некоторую неумеренную дерзость, так сказать; они кричат безвременно, обвиняют напрасно, жалуются на то, за что надлежало бы благодарить, и порицают за то, за что надлежало бы хвалить. Все это предстоятелю надобно переносить мужественно и не раздражаться ни безвременными требованиями, ни безрассудными укоризнами. Этот пол должно щадить в несчастии, а не оскорблять; так как быть безжалостным к их несчастиям и прибавлять к скорби от бедности еще скорбь от обиды было бы крайне жестоко. Посему, один премудрый муж, видя своекорыстие и надменность человеческой природы, и зная свойство бедности, которая способна унизить и доблестнейшую душу и часто располагать к бесстыдному повторению одних и тех же просьб, в наставление, чтобы кто на просьбы бедных не гневался и от раздражения на непрестанную их настойчивость не сделался вместо помощника гонителем, увещевает его быть снисходительным и доступным для нуждающегося: "**приклоняй**", говорит он, "**ухо твое к нищему**" без огорчения, "**и отвечай ему ласково, с кротостью**" (Сирах. 4:8). Оставив человека раздражительного (ибо что можно сказать больному?), он обращается к тому, кто может перенести слабость бедного, и увещевает прежде подаяния ободрять его кротким взором и ласковым словом. Если кто хотя и не берет себе достояния вдовиц, но осыпает их множеством укоризн и оскорбляет их и раздражается против них, тот не только не облегчает их уныния от бедности подаянием, а еще увеличивает ее тяжесть своими порицаниями. Хотя по требованию чрева они и бывают принуждены забывать стыд, однако они сетуют на это принуждение. Таким образом, когда нужда от голода заставляет их просить, и в просьбах пренебрегать стыд, а за бесстыдство они опять подвергаются огорчениям, то на душу их нападает разнообразная и производящая густой мрак сила уныния. Пекущийся о них должен быть столь великодушным, чтобы не только не увеличивать их уныния укоризнами, но по возможности облегчать их состояние утешением. Как тот, что потерпел обиду, при большом изобилии не чувствует пользы от богатства по причине нанесения обиды, так и тот, кто слышал ласковое слово, и принял поданное с утешением, более веселится и радуется, и самый дар бывает вдвое большим от такого способа даяния. Говорю это не от себя, но со слов того, кто и выше предложил увещание. "**Сын мой!**", говорит он, "**при благотворениях не делай упреков, и при всяком даре не оскорбляй словами**. **Роса не охлаждает ли зноя? так слово — лучше, нежели даяние**. **Поэтому не выше ли доброго даяния слово? а у человека доброжелательного и то и другое**" (Сирах. 18:15-17). Попечитель их должен быть не только кротким и незлобивым, но не менее того и бережливым; в противном случае, имущество бедных подвергается одинаковому ущербу. Так некто, приняв на себя это служение и собрав много золота, хотя не издержал его на себя, но не раздавал и бедным, кроме малой части, а большую часть зарыв в землю, хранил до тех пор, как наставшее тяжелое время предало это имущество в руки врагов. Посему нужна великая предусмотрительность, чтобы ни умножать до чрезмерности, ни доводить до оскудения церковное имущество, но все собранное немедленно раздавать бедным, из добровольных же приношений народа собирать церковные сокровища. Также для принятия странных и

врачевания больных сколько, думаешь ты, требуется денежных издержек, сколько старания и благоразумия попечителей? Здесь нужны расходы нисколько не меньшие упомянутых, а часто и большие, и попечитель должен собирать средства с кротостью и благоразумием, чтобы располагать богатых делать свои пожертвования с охотой и без сожаления, дабы, заботясь о призрении немощных, не огорчить душ жертвователей. Усердия же и ревности здесь нужно оказывать гораздо больше, потому что больные по свойству своему раздражительны и беспечны; и если не прилагать во всем великой попечительности и заботливости, то довольно и малого какого-нибудь опущения, чтобы причинить великое зло больному.

17. При попечении же о девственницах бывает тем более страха, чем это сокровище драгоценнее и чем этот сонм выше других; потому что и в лик этих святых вторглись многие, исполненные множества зол и произвели здесь большое горе. Как не все равно, свободная ли дева согрешит, или ее служанка, так нельзя (в этом отношении сравнивать) девственницу со вдовицей. Для вдовиц празднословить, ссориться между собой, льстить, забывать стыд, всюду являться и ходить по площади считается безразличным; а девственница обрекла себя на высший подвиг и посвятила себя высшему любомудрию, обещает вести на земле жизнь ангельскую и стремится с этой плотью уподобиться бесплотным силам. Ей не следует излишне и часто отлучаться из дома и не позволяется вести пустые и бесполезные разговоры, а злословий и ласкательств она не должна знать и по названию. Посему она имеет нужду в строжайшем охранении и большей помощи. Враг святости непрестанно и наиболее восстает на девственниц и осаждает своими кознями, готовый поглотить ту, которая ослабеет и падет; также (действуют против нее) и многие злонамеренные люди, и вместе со всеми ими неистовство природы человеческой; вообще она должна выдерживать двоякую борьбу с неприятелями, отвне нападающими, и врагом, внутри ее воюющим. Поэтому попечителю ее предстоит много страха, а еще больше опасности и скорби, если случится что-нибудь нежелательное, чего да не будет! Если **дочь для отца – тайная постоянная забота, и попечение о ней отгоняет сон**" (Сирах. 42:9), если отец так боится, чтобы дочь его не осталась бесплодной, или не вышла из цветущего возраста, или не была ненавидима мужем, то, что перенесет пекущийся не об этом, но о другом гораздо более важном? Здесь отвращается не муж, но Сам Христос; неплодство подвергается не поношениям только, но оканчивается погибелью души: "**всякое дерево**", говорит (Господь), "**не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь**" (Лук. 3:9); и ненавидимой Женихом не достаточно взять разводное письмо и отойти, но за гнев Его она наказывается вечным мучением. Плотской отец имеет много удобств для хранения своей дочери: и мать, и воспитательница, и множество служанок и безопасность жилища способствуют родителю к сбережению девицы. Он не позволяет ей часто выходить на площадь города; и она, когда выходит, не имеет нужды показываться кому-нибудь из встречающихся; и вечерний мрак не менее стен дома скрывает не желающую показываться. Кроме того, никакие причины не заставляют ее являться когда-нибудь перед взорами мужчин; ни забота о домашних потребностях, ни притеснения обижающих, и ни что другое подобное не поставляет ее в необходимость такой встречи, так как обо всем этом печется ее отец. Сама же она имеет только одну заботу о том, чтобы не делать и не говорить ничего непристойного свойственной ей скромности. А здесь отечески пекущемуся многое делает трудным и даже невозможным надзор за девственницей; он не может иметь ее в своем доме, потому что не пристойно и не безопасно такое сожительство. Хотя бы от этого и не происходило для них никакого вреда, и хотя бы они постоянно соблюдали святость неприкосновенной, но они дадут ответ за души, которых подвергли соблазну, не меньший, как если бы они согрешили между собой. Так как сожительство невозможно, то нет способа наблюдать за движениями души и беспорядочные обуздывать, а правильные и стройные поощрять и улучшать; также неудобно наблюдать за выходами ее из дома. Бедность и одиночество ее

не позволяют попечителю строго следить за свойственной ей благотворительностью. Так как она принуждена во всем служить сама себе, то, если захочет жить своевольно, может найти много предлогов к отлучкам. Кто стал бы заставлять ее всегда оставаться дома, тому нужно бы устранить и эти предлоги, доставить ей довольство в необходимом и для услуг приставить к ней служанку; следовало бы удерживать ее и от похорон и панихид. Умеет, подлинно умеет тот хитрый змий и через добрые дела сеять яд свой! Девственница должна быть ограждена отовсюду и выходить из дома немного раз в продолжение целого года, когда понуждают неотложные и необходимые причины. Если же кто скажет, что нет надобности поручать эти дела епископу, тот пусть знает, что заботы и причины случающегося с каждой из них имеют отношение к нему. А для него гораздо полезнее заведовать всем самому и избавиться от обвинений, которым он необходимо подвергается за погрешности других, нежели отказаться от этого служения и страшиться ответственности за дела других. Притом делающий это сам собой исполняет все с великим удобством; а принужденный делать это с участием мнения других, не столько имеет отдыха вследствие освобождения от собственной деятельности, сколько хлопот и неприятностей от людей недовольных и противящихся его суждениям. Но я не в состоянии исчислить всех забот о девственницах. Даже когда нужно ввести их в список, и тогда немалые затруднения они причиняют тому, на кого возложена эта обязанность.

Судебная часть (служения епископа также) сопряжена со множеством неприятностей, большими хлопотами и такими трудностями, каких не переносят и мирские судьи; не легко найти правду; трудно и найденную сохранить неизвращенной. Здесь не только хлопоты и трудности, но бывает и опасность немалая. Некоторые из более слабых, подвергшись суду и не нашедши защиты, отпали от веры. Многие из обиженных, ненавидя обидчиков, ненавидят столько же и тех, которые не оказывают им помощи, не хотят принимать во внимание ни сложности дел, ни трудности обстоятельств, ни ограниченности священнической власти, и ничего другого подобного, но являются неумолимыми судьями, принимая в оправдание только одно - освобождение от угнетающих их бед. А кто не может этого сделать, тот, хотя бы представлял тысячи оправданий, никогда не избежит их осуждения. Упомянув о защите, я открою тебе и другой повод к укоризнам. Если епископ не будет ежедневно посещать домов более городских смотрителей, то отсюда происходят невыразимые неудовольствия; ибо не только больные, но и здоровые желают посещений его, - не по побуждению благочестия, но многие скорее домогаясь себе чести и уважения. Если же случится, что какая-нибудь нужда заставит его, для общего блага церкви, чаще видаться с кем-нибудь из богатейших и сильнейших людей, этим он тотчас навлекает на себя упрек в угодливости и лести. Но что я говорю о защите и посещениях? За один разговор свой он подвергается такому множеству нареканий, что часто, обремененный их тяжестью, падает от уныния: его судят и за взгляд; самые простые действия его многие строго разбирают, примечая и тон голоса, и положение лица, и меру смеха. С таким-то, говорят, он громко смеялся, обращался с веселым лицом и разговаривал возвышенным голосом, а со мной мало и небрежно. И если в многолюдном собрании он обращает глаза во время разговора не во все стороны, то также считают это обидой для себя. Кто же, не имея великого мужества, может так действовать, чтобы или совершенно не подвергаться суждениям столь многих обвинителей, или подвергшись - оправдаться? Нужно или вовсе не иметь обвинителей, или, если это невозможно, опровергать их обвинения; если же и это не удобно - есть, люди находящие удовольствие в том, чтобы обвинять без причины и напрасно, - то нужно мужественно переносить неприятность этих укоризн. Справедливо обвиняемый легко может перенести обвинение; потому что нет обвинителя жесточе совести и оттого, испытав наперед упреки этого жесточайшего обвинителя, мы легко переносим внешние обвинения, как более кроткие. Но если не сознающий за собой ничего худого обвиняется напрасно, то он скоро воспламеняется гневом и легко впадает в уныние, если прежде не

научился переносить невежество народа. Нет, невозможно, чтобы оклеветанный напрасно и осуждаемый не возмущался и не чувствовал никакой скорби от такой несправедливости. А что сказать о тех скорбях, которые (пастыри) чувствуют тогда, когда должно отлучить кого-нибудь от церковного общества? И о, если бы это бедствие ограничивалось только скорбью! Но здесь предстоит и не малая беда. Опасно, чтобы наказанный сверх меры не потерпел того, что сказано блаженным Павлом: "**дабы он не был поглощен чрезмерною печалью**" (2 Кор. 2:7). Посему и здесь требуется величайшая внимательность, чтобы то самое, что делается для пользы, не причинило ему большого вреда; ибо за каждый из тех грехов, которые он совершит после такого врачевания, вместе с ним подлежит наказанию и врач, нехорошо лечивший рану. Каких же наказаний должен ожидать тот, который отдаст отчет не только за грехи, совершенные им самим, но подвергнется крайней опасности и за грехи других? Если мы, помышляя об отчете за собственные прегрешения, трепещем, не надеясь избежать вечного огня; то какое мучительное ожидание должно быть у того, кто будет отвечать за столь многих? А что это справедливо, выслушай блаженного Павла, или лучше говорящего в нем Христа: "**повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет**" (Евр. 13:17). Разве мал ужас такой угрозы? Нельзя сказать этого. Впрочем, всего этого достаточно для убеждения самых недоверчивых и суровых людей в том, что я не по гордости и честолюбию, но единственно устрашась за себя и представив трудность дела (пастырского), обратился в бегство.

---

[1] Эгейское море между Грецией и Малой Азией и Тирренское между Италией и Сицилией известны своей бурностью и опасностями для мореплавателей.

[2] Одисс. XII, 39-110.

[3] Еврип - узкий пролив, отделяющий о. Еввею от Виотии и Аттики, в котором, вода, по сказанию греков, прибывает и убывает семь раз в день и семь раз ночью.

О СВЯЩЕНСТВЕ

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

ВАСИЛИЙ, выслушав это и немного помедлив, сказал: если бы ты сам старался приобрести эту власть, то страх твой был бы основателен. Кто своим домогательством получить ее признал себя способным к исполнению этого дела, тому, по получении ее, нельзя прибегать к неопытности для оправдания своих погрешностей. Он заранее сам лишил себя этого оправдания тем, что стремился и похитил это служение и, как добровольно и по собственному желанию приступивший к нему, уже не может сказать: я невольно погрешил в том-то и невольно погубил такого-то. Тот, кто тогда будет судить его за это, скажет ему: "почему же ты, сознавая в себе такую неопытность и не имея достаточно ума для безошибочного исполнения этой обязанности, стремился и осмелился принять на себя дела, превышающие твои силы? Кто принуждал? Кто насильно влек тебя, если ты уклонялся и убегал"? Но ты никогда не услышишь ничего такого; ты и сам не можешь упрекать себя в чем-либо подобном; и всем известно, что ты нисколько не домогался этой чести, но все сделано другими; и то, что лишает других прощения за погрешности, тебе доставляет важное основание к оправданию.

Златоуст. После этого я, покачав головой и немного улыбнувшись, подивился его простодушию и сказал ему: я и сам желал бы, чтобы дело было так, как ты сказал, добрейший из всех, не для того впрочем, чтобы я мог принять то, отчего убежал. Хотя бы мне не предстояло никакого наказания за мое небрежное и неопытное попечение о стаде Христовом, но если бы мне вверены были такие великие дела, для меня тяжелее всякого наказания было бы то, что я оказался столь недостойным перед лицом вверившего их мне. Для чего же я стал бы желать, чтобы мнение твое не было тщетным? Для того разве, чтобы этим жалким и несчастным (так должно назвать тех, которые не умели хорошо управлять этим делом, хотя бы ты тысячекратно говорил, что они были привлечены насильно и грешили по неведению) можно было избежать огня неугасимого, тьмы кромешной, червя неумирающего, рассечения и погибели вместе с лицемерами. Что же сказать тебе? Нет, это не так. И если хочешь, я представлю тебе доказательства верности слов моих, начав с царствования, за которое ответственность перед Богом не такова, какова за священство. Саул, сын Кисов, не по собственному домогательству сделался царем; он пошел искать ослиц и пришел спросить об них пророка, а тот стал говорить ему о царстве; и хотя он слышал об этом от пророка, но не стремился, а отказывался и отрицался, сказав: "**кто я есть и какой дом отца моего**" (1 Цар. 9:20-21)? И что же? Так как он злоупотреблял данной ему от Бога честью, то мог ли он этими словами своими избавиться от гнева Воцарившего его? Между тем он мог бы сказать обвинявшему его Самуилу: разве я сам стремился к царствованию? Разве я искал этой власти? Я желал вести жизнь частных людей, безмятежную и спокойную, а ты привлек меня к этому достоинству: оставаясь в уничиженном состоянии, я легко мог бы уклониться от преткновений; находясь в числе простых и незнатных людей, я не был бы послан на такое дело и Бог не поручил бы мне войны с амаликитянами; а без этого поручения я не совершил бы такого греха. Но все это слабо для оправдания и не только слабо, но и опасно и еще более воспламеняет гнев Божий. Кто почтен выше своего достоинства, тот не должен представлять в оправдание своих погрешностей величие этой чести, но великое о нем попечение Божье должен обращать в побуждение к большему преуспеянию в добре. Получивший высокое достоинство, и поэтому считающий дозволительным для себя грешить, делает не что иное, как старается представить человеколюбие Божье причиной грехов своих, что говорить всегда свойственно людям нечестивым и беспечно ведущим жизнь свою. Мы же не должны так думать и впадать в одинаковое с ними безумие, но во всем стараться по силам своим исполнять зависящее от нас самих и иметь и язык, и ум благоговейный. И Илий (от царствования мы перейдем теперь к священству, о котором идет у нас речь) также не старался приобрести эту власть. А какую пользу он получил от этого, что согрешил? Но что я говорю: не старался? Он даже не мог, хотя бы и желал, избежать ее по требованию закона, потому что он происходит из колена Левиина и должен был принять эту власть, нисходящую по родовому преемству. Однако и он потерпел немалое наказание за своеволие детей своих (1 Цар, гл. 4). Так и бывший первым священником иудейским, о котором так много говорил Бог Моисею, за то, что не мог один противостать безумию такого множества народа, не был ли почти у самой погибели, если бы предстательство брата не удержало гнева Божия (Исход. 32)? Так как я упомянул о Моисее, то благовременно подтвердить истину моих слов и случившимися с ним событиями. Сам блаженный Моисей так далек был от того, чтобы домогаться начальства над иудеями, что даже отказывался от предлагаемого, не соглашался на повеление Божье и разгневал Повелевавшего (Исход. 4:13). И не только тогда, но и после, уже по принятии власти, он охотно желал умереть, чтобы освободиться от нее: "**умертви меня**", говорил он, "**когда Ты так поступаешь со мною**" (Числ. 11:15). И что же? Так как он согрешил при изведении воды (Числ. 20:12), то непрестанные его отказы могли ли защитить его и склонить Бога к дарованию ему прощения? Не за другое ли что-нибудь он был лишен обетованной земли? Не за другое что, как известно всех нам, а именно за этот грех такой дивный муж не мог достигнуть того, чего достигли подвластные ему, но после многих

подвигов и изнурений, после такого необычайного странствования, после сражений и побед, умер вне той земли, для которой подъял столько трудов и, претерпев бедствия мореплавания, не насладился благами пристани. Видишь, что не только похищающие (священство), но и те, которые получают его по старанию других, не могут ничем оправдываться в своих проступках. Если те, которые многократно отказывались, когда Сам Бог избирал их, подверглись такому наказанию, и ничто не могло избавить от этой опасности ни Аарона, ни Илия, ни того блаженного мужа, святого, пророка, дивного, "**кротчайшего из всех людей на земле**" (Числ. 12:3), который беседовал с Богом как друг (Исх. 33:11), то нам, которые столь далеки от его совершенства, едва ли послужит к достаточному оправданию наше сознание, что мы нисколько не искали себе этой власти, особенно когда многие из этих избраний бывают не по божественной благодати, но по старанию людей. Бог избрал Иуду, и включил его в святой лик учеников Христовых и даровал ему вместе с прочими апостольское достоинство и даже предоставил ему нечто большее перед другими - распоряжение деньгами. И что же? Когда он и тем и другим злоупотребил, - Того, Кого должен был проповедовать, предал, и из того, чем поручено ему распоряжаться ко благу, сделал худое употребление, то избежал ли наказания? Этим самым он еще увеличил для себя наказание, и весьма справедливо, потому что даруемые Богом преимущества должно употреблять не на оскорбление Бога, но на большее Ему угождение. Тот, кто думает избежать заслуженного им наказания за то, что получил большие перед другими почести, поступает подобно тому, как если бы кто из неверующих иудеев, услышав слова Христовы: "**если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха**"; также: "**если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха**" (Иоан. 15:22-24), стал обвинять Спасителя и Благодетеля, и говорить: для чего же Ты пришел и глаголал? Для чего творил знамения? Для того ли, чтобы больше наказать нас? Но это - слова неистовства и крайнего безумия. Врач пришел не для того, чтобы судить тебя, но для того, чтобы врачевать, не для того, чтобы презреть тебя болящего, но чтобы совершенно освободить тебя от болезни, а ты добровольно уклонился от рук его; за это прими жесточайшее наказание. Если бы ты принял врачевание, то очистился бы от прежних болезней, а так как ты, видя пришедшего врача, убежал от него, то уже не можешь очиститься от них; если же не можешь, то будешь наказан за них и вместе за то, что попечение его о тебе сделал тщетным, сколько это от тебя зависело. Поэтому мы не одинаковому подвергаемся истязанию до принятия или после принятия почестей от Бога, но в последнем случае гораздо строжайшему. Кого не исправляют благодеяния, тот достоин большего наказания. Итак, если это оправдание слабо, как доказано нами, и если оно не только не спасает прибегающих к нему, но еще большей подвергает опасности, то нам надобно искать другой защиты.

Василий сказал: Какой же? Я теперь даже сам себя не чувствую: в такой страх и ужас ты привел меня этими словами.

Златоуст. Нет, - сказал я, - прошу и умоляю, не предавайся такому страху. Есть, есть защита: для нас немощных - никогда не вступать (в эту должность), а для вас крепких - по получении благодати Божьей полагать надежды спасения не в другом чем, а в том, чтобы не делать ничего недостойного этого дара и Бога, его давшего. Величайшее наказание заслужат те, которые, достигнув этой власти собственными усилиями, будут худо исполнять это служение или по нерадению, или по нечестию, или по неопытности. Но за это не будет прощения и тем, которые не домогались власти; и они не имеют никакого оправдания. По моему мнению, хотя бы тысячи людей призывали и принуждали, должно не на них смотреть, но наперед испытывать свою душу и исследовать все тщательно, и потом уступать принуждающим. Если построить дом не обещается никто из незнающих строительного искусства, и к лечению больных телом не приступит никто из незнающих врачебного искусства, и хотя бы многие насильно влекли их, они откажутся и не будут

стыдиться своего незнания, то неужели тот, кому имеет быть вверено попечение о столь многих душах, не испытает наперед самого себя, но, хотя бы он был неопытнейшим из всех, примет это служение потому, что такой-то приказывает, такой-то принуждает и чтобы не огорчить такого-то? Не ввергает ли он себя вместе с ними в явную беду? Тогда как ему можно было спасать самого себя, он губит с собой и других. Откуда же можно ожидать спасения? Откуда получить прощение? Кто будет защищать нас тогда (на будущем суде)? Может быть те, которые теперь принуждают и влекут силой? Но кто спасет их самих в то время? Они сами будут нуждаться в других, чтобы избежать огня. А что я теперь говорю это не с тем, чтобы устрашить тебя, но чтобы показать истинное положение дела, послушай, что говорит блаженный Павел ученику своему Тимофею, истинному и возлюбленному сыну: "**рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах**" (1 Тим. 5:22). Видишь ли, от какого не только осуждения, но и наказания я со своей стороны избавил тех, которые намеревались возвести меня в это достоинство?

2. Как для избранных не довольно сказать в свое оправдание: я не сам вызвался, я не предвидел и потому не уклонился; так и избирающим нисколько не может помочь то, если они скажут, что не знали избранного: но поэтому самому вина и становится большей, что они приняли того, кого не знали, и кажущееся оправдание служит к увеличению осуждения. Если желающие купить невольника показывают его врачам и требуют поручителя за продаваемого, и расспрашивают соседей и после всего этого не решаются купить, но требуют еще долгого времени для испытания, то не безрассудно ли, что намеревающиеся назначить кого-нибудь на такое служение свидетельствуют и присуждают просто и как случится, как покажется кому-нибудь, в угождение, или по вражде к другим, не делая никакого другого испытания? Кто будет защищать нас тогда, когда и те, которые должны бы защищать, сами будут нуждаться в защитниках? Итак, и намеревающийся избрать должен делать большое испытание, а еще гораздо больше - избираемый. Хотя избиратели вместе с ним подвергаются наказанию за его погрешности, однако и он, не освобождаясь от наказания, даже подвергается еще большему, если только избиратели по какому-либо человеческому побуждению не поступили вопреки требованию справедливости. Если же они будут обличены в том, что по какому-нибудь предлогу заведомо приняли недостойного, то они подвергнутся равному с ним наказанию, избравшие неспособного - может быть и большему. Кто вручит власть человеку вредному для церкви, тот будет виновен в дерзких его поступках. Если же он ни в чем таком не будет виновен, но скажет, что он обманут мнением народа, и тогда он не останется без наказания, а только будет наказан немного менее избранного. Почему? Потому, что избиратели действительно могут сделать это, обманувшись ложным мнением; а избранный никак не может сказать, что не знал самого себя, как не знали его другие. Посему, чем он тяжелее принявших его имеет быть наказан, тем строже их должен испытывать самого себя; и если бы они по неведению стали привлекать его, он должен придти и точно объяснить причины, которыми остановил бы обманутых и, объявив себя недостойным испытания, избежал тяжести столь великих дел. Почему тогда, когда идет совещание о деле воинском, о торговле, о земледелии и других житейских занятиях, ни земледелец не решится плыть по морю, ни воин обрабатывать землю, ни кормчий сделаться воином, хотя бы кто угрожал им тысячью смертей? Очевидно потому, что каждый из них предвидит опасность от своей неопытности. Если же там, где ущерб маловажен, мы действуем с такой осмотрительностью и противимся требованию принуждающих, то здесь, где за предоставление священства несведущим предстоит вечное мучение, как мы без рассуждения и без разбора будем подвергать себя такой опасности, ссылаясь на насилие других? Но, имеющий судить нас тогда не примет такого оправдания. Следовало бы соблюдать осторожность в делах духовных гораздо более, чем плотских; а теперь мы оказываемся не соблюдающими и одинаковой осторожности.

Скажи мне: если бы мы, считая какого-нибудь человека знающим строительное искусство, тогда как он в самом дел не знает его, пригласили бы на эту работу, и он согласился бы и потом, взяв приготовленный для строения материал, растратил бы и дерева и камни, и построил такой дом, который тотчас разрушился бы, неужели достаточно было бы к оправданию его то, что он не сам вызвался строить, а другие принудили его? Нет; и весьма основательно и справедливо. Ему следовало отказаться, когда и другие приглашали его. Если же растратившему дерева и камни не будет никакой возможности избежать наказания, то погубляющий души и назидающий их беспечно как может думать, что принуждение от других поможет ему избегнуть наказания? Не крайне ли это безрассудно? Я еще не прибавляю того, что никто не может принудить кого-нибудь против воли. Но положим, что кто-нибудь подвергся тысячи насилий и многоразличным хитростям, так что принужден будет уступить, и это избавит ли его от наказания? Нет. Увещеваю, не будем столько обольщать себя, и притворяться незнающими того, что ясно и для малолетних детей, тем более, что, при отчете в делах такое притворное незнание не может принести нам пользы. Ты сам не домогался приобрести эту власть, сознавая свою немощь? Хорошо и честно. С таким же сознанием следовало отказаться и тогда, когда другие приглашали. Или тогда, когда никто не приглашал, ты был немощен и неспособен; а как скоро нашлись люди, вознамерившиеся предоставить тебе эту честь, ты вдруг сделался сильным? Это смешно, и лживо, и достойно крайнего наказания. Посему и Господь увещевает желающего построить башню не полагать основания прежде, нежели он сообразит свою состоятельность, чтобы не подать присутствующим тысячи поводов к осмеянию его (Лук. 14:28-29). Но для него беда ограничивается смехом, а здесь наказанием будет огонь неугасимый, червь неумирающий, скрежет зубов, тьма кромешная, рассечение и погибель вместе с лицемерами (Иса. 26:24. Матф. 25:30). Обвинители же мои не хотят знать ничего этого; иначе они перестали бы укорять того, кто не хочет погибнуть напрасно. Настоящее наше рассуждение касается не распоряжения пшеницей или житом, волами и овцами, или чем-либо другим подобным, но самого тела Христова. Ибо церковь Христова, по словам блаженного Павла, есть тело Христово (Кол. 1:18); и тот, кому оно вверено, должен содержать его в великом благосостоянии и превосходной красоте, всюду наблюдать, чтобы какая-нибудь "**не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного**" пятен не повредили ее доброты и благолепия (Ефес. 5:27). Не должен ли он представлять это тело достойным нетленной и блаженной его Главы по мере сил человеческих? Если заботящиеся о благосостоянии ратоборцев имеют нужду и во врачах, и руководителях, и строгом образе жизни, и непрестанном упражнении и множестве других предосторожностей (ибо и какая-нибудь малость, оставленная у них без внимания, разрушает и ниспровергает все); то принявшие на себя попечение об этом теле, ведущем борьбу не с телами, но с невидимыми силами, как могут сохранить его невредимым, и здравым, если не будут иметь добродетель, гораздо более человеческой и знать всякое врачевство, полезное для души?

3. Или ты не знаешь, что это тело (церкви) подвержено большим болезням и напастям, нежели плоть наша; скорее ее повреждается и медленнее выздоравливает? Врачами телесными изобретены разные лекарства и разнообразные орудия, и роды пищи, приспособленные к больным; часто одно свойство воздуха было достаточно для выздоровления больных; даже иногда благовременный сон освобождал врача от всякого труда. А здесь ничего такого придумать нельзя; но после примера дел предоставлен один вид и способ врачевания - учение "**словом**". Вот орудие, вот пища, вот превосходное растворение воздуха! Это вместо лекарства, это вместо огня, это вместо железа; нужно ли прижечь или отсечь, необходимо употребить слово; если оно нисколько не подействует, то все прочее напрасно. Им мы восставляем падшую и укрощаем волнующуюся душу, отсекаем излишнее, восполняем недостающее и совершаем все прочее, что служит у нас к здравию души. Наилучшему устроению жизни может содействовать жизнь другого,

располагая к соревнованию; но когда душа страждет болезнью, состоящей в "**неправых догматах**", тогда весьма полезно слово, не только для ограждения своих, но и для борьбы с посторонними. Если бы кто имел меч духовный и щит веры такой, что мог бы совершать чудеса и посредством чудес заграждать уста бесстыдным, тот не имел бы нужды в помощи слова; или лучше, оно по свойству своему и тогда было бы не бесполезно, но даже весьма необходимо. Так и блаженный Павел действовал словом, хотя повсюду славился знамениями. И другой из лика апостольского увещевает заботиться о силе слова: "**готовы**" будьте, говорит он, "**всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании**" (1 Петр. 3:15). И все они тогда не по другой какой-либо причине предоставили Стефану и его сотрудникам попечение о вдовицах, но для того, чтобы сами беспрепятственно могли заниматься "**служением слова**" (Деян. 6:4). Если бы мы имели силу знамений, то не стали бы так много заботиться о слове; но если не осталось и следа той силы, а между тем со всех сторон и непрестанно наступают неприятели, то уже необходимо нам ограждаться словом, чтобы нам не поражаться стрелами врагов, и чтобы лучше нам поражать их.

4. Посему должно тщательно стараться, "**Слово Христово да вселяется в вас обильно**" (Кол. 3:16). Мы готовимся не к одному роду борьбы; но эта война разнообразна и производится различными врагами. Не все они действуют одним и тем же оружием и стараются нападать на нас не одинаковым образом. Поэтому кто намеревается вести войну со всеми, тот должен знать способы действия всех их, быть и стрельцом и пращником, предводителем полка и начальником отряда, воином и военачальником, пешим и всадником, сражающимся на море и под стенами. В военных сражениях, какое кому назначено дело, так он и отражает наступающим врагов, а здесь этого нет; если намеревающийся побеждать не будет сведущ во всех частях этого искусства, то дьявол и через одну какую-нибудь часть, если она останется в пренебрежении, сумеет провести своих грабителей и расхитить овец; но он не будет (так смел), когда увидит пастыря выступающего с полным знанием и хорошо сведущего во всех его кознях. Итак, нужно хорошо ограждаться во всех частях. Пока город огражден со всех сторон, до тех пор, находясь в совершенной безопасности, он смеется над осаждающими его; но если кто разрушит стену его, хотя только в меру ворот, то для него уже нет пользы от окружности стены, хотя бы прочие части ее оставались твердыми. Так и город Божий, когда его отовсюду ограждает вместо стены прозорливость и благоразумие пастыря, все покушения врагов обращает к их стыду и посмеянию, а живущие внутри города остаются невредимыми; если же кто успеет разрушить какую-нибудь часть его, хотя всего и не разрушит, то от этой части, так сказать, зарождается и все прочее. Что пользы, если он хорошо борется с язычниками, а его опустошают иудеи? Или он преодолевает тех и других, а его расхищают манихеи? Или после победы над этими - распространяющие учение о судьбе станут убивать овец, находящихся внутри его? Но для чего исчислять все дьявольские ереси? Если пастырь не умеет хорошо отражать все эти ереси, то волк может и посредством одной пожрать множество овец. В воинском деле от противостоящих и сражающихся воинов всегда должно ожидать и победы и поражения; а здесь совершенно иначе. Часто битва с одними доставляет победу таким врагам, которые вначале не ополчались и нисколько не трудились, а оставались спокойно сидящими; и не имеющий в этих делах большой опытности, поразив себя собственным мечем, делается смешным и для друзей и для врагов. Например (я постараюсь объяснить тебе сказанное примером), последователи лжеучения Валентина и Маркиона, и одержимые одинаковыми с ними болезнями, исключают из числа книг Божественного Писания закон, данный Богом Моисею; иудеи же так почитают его, что и теперь, когда уже время не позволяет, стараются вполне соблюдать его вопреки воле Божьей. А церковь Божья, избегая крайностей тех и других, идет средним путем, - и не соглашается подчиняться игу закона, и не допускает хулить его, но хвалит его и по прекращении его за то, что он был полезен в свое время. Поэтому тот, кто намеревается бороться с теми и другими, должен соблюдать

это равновесие. Если он, желая научить иудеев, что они не благовременно держатся древнего законодательства, начнет без пощады порицать его, то подаст немалый повод желающим из еретиков хулить его; а если, стараясь заградить уста этим еретикам, станет неумеренно превозносить закон и выхвалять его, как необходимый в настоящее время, то откроет уста иудеям. Также, одержимые неистовством Савеллия и беснованием Ария, те и другие по неумеренности отпали от здравой веры; и хотя те и другие удерживают имя христиан, но если кто исследует учение их, тот найдет, что одни нисколько не лучше иудеев и разве только различаются названиями, а учение других имеет большое сходство с ересью Павла Самосатского, но что и те и другие далеки от истины [1]. Здесь предстоит большая опасность, узкий и тесный путь, окруженный с обеих сторон утесами, и немалый страх, чтобы кто-нибудь, намереваясь поразить одного, не был ранен другим. Так, если кто скажет, что Божество едино, то Савеллий тотчас обратит это слово в пользу своего безумного учения; если же покажет различие, называя одного Отцом, другого Сыном, третьего Духом Святым, то выступит Арий и станет относить разность лиц к различию в существе. Между тем должно отвращаться и убегать как нечестивого смешения Савеллиева, так и безумного разделения Ариева, и исповедовать единое Божество Отца и Сына и Святого Духа, но притом в трех Лицах; таким образом, мы можем заградить вход тому и другому. Можно бы привести тебе и многие другие затруднения, с которыми если кто не будет бороться мужественно и тщательно, тот сам останется со множеством ран.

5. А что сказать о распрях своих ближних? Они не меньше внешних нападений, но еще более представляют труда для наставника. Одни из любопытства тщетно и напрасно хотят исследовать такие предметы, которые и знать было бы бесполезно и познать невозможно; другие требуют от Бога отчета в судьбах Его, и усиливаются измерить эту великую бездну; ибо "**судьбы Твои**", говорится в Писании, "**бездна великая**" (Псал. 35:7). Пекущихся о вере и жизни найдется немного; а гораздо более таких, которые исследуют и изыскивают то, чего найти невозможно, и изыскание чего оскорбляет Бога. Когда мы усиливаемся познать то, чего Бог не хотел открыть нам, то мы и не узнаем этого (ибо как можно узнать, если это не угодно Богу?) и за любопытство свое только подвергнемся опасности. Между тем, и при таком положении дела, кто с властью станет заграждать уста исследующим недоступные предметы, тот навлечет на себя упрек в гордости и невежестве. Поэтому и здесь предстоятелю нужно действовать с великим благоразумием, чтобы и отклонять других от нелепых вопросов, и самому избегнуть сказанных обвинений. Для всего этого не дано ничего другого, кроме одной только помощи слова, и если кто не имеет этой силы, то души подчиненных ему людей постоянно будут находиться в состоянии нисколько не лучше обуреваемых кораблей; я говорю о людях слабейших и любопытнейших. Посему священник должен употреблять все меры, чтобы приобрести эту силу.

Василий сказал: почему же Павел не старался приобрести эту силу, и даже не стыдится скудости своего слова, но прямо признает себя "**невеждой**", и притом в послании к коринфянам, которые славились красноречием и весьма хвалились им (2 Кор. 11:6)?

6. *Златоуст*. От этого самого, - сказал я, - многие и погибли и сделались менее ревностными к истинному учению. Так как они не могли в точности постигнуть глубину мыслей апостола и уразуметь смысл слов его, то и проводили все время в дремоте и сонливости, хваля невежество, не то, которое приписывал себе Павел, но от которого он так был далек, как ни один человек, живущий под небом. Впрочем, оставим этот предмет до другого времени, а теперь я скажу следующее: положим, что Павел был невеждой в том смысле, какого они желают; как это относится к нынешним людям? Он имел силу, гораздо высшую слова и способную совершать гораздо большие действия; при одном появлении своем и при молчании он был страшен для демонов; а нынешние все,

собравшись вместе, с бесчисленными молитвами и слезами своими не могли бы сделать того, что некогда могли совершать полотенца Павловы (Деян. 19:12). Павел молитвой воскрешал мертвых и совершал другие чудеса такие, что язычники принимали его за Бога (Деян. 14:11); и еще прежде переселения из здешней жизни он удостоился быть восхищенным до третьего неба и слышать такие слова, которых не может слышать человеческая природа (2 Кор. 2:2-4). А нынешние люди (впрочем, я не намерен говорить ничего неприятного и тяжелого, и это теперь говорю, не укоряя их, но изумляясь) как не страшатся сравнивать себя с таким мужем? Если мы, оставив чудеса, перейдем к жизни этого блаженного и посмотрим на ангельскую его деятельность, то увидим и в ней еще более чем в знамениях, превосходство этого ратоборца Христова. Кто может изобразить его ревность, кротость, постоянные опасности, непрерывные заботы, непрестанные беспокойства о церквах, сострадание к немощным, многие скорби, многократные гонения, каждодневные смерти (2 Кор. 12:24-28. 1 Кор. 9:22)? Какое место во вселенной, какая земля, какое море не знают подвигов этого праведника? Его знала и пустыня, часто принимавшая его во время его опасностей. Он претерпел все роды козней и одержал всякого рода победы; никогда не переставал и подвизаться и получать венцы. Впрочем, я не знаю, как я увлекся до того, что стал оскорблять этого мужа; доблести его превышают всякое слово, а мое - столько, сколько превышают меня искуснейшие в красноречии. Но, не смотря на это (блаженный будет судить меня не за выполнение дела, а за намерение), я не перестану, пока не скажу того, что выше сказанного столько, сколько он выше всех людей. Что же это такое? После таких подвигов, после бесчисленных венцов он желал низойти в геенну и быть преданным вечному мучению для того, чтобы иудеи, которые часто бросали в него камни и готовы были убить его, спаслись и обратились к Христу (Римл. 9:3). Кто так любил Христа, если можно назвать это любовью, а не чем-либо другим высшим любви? Еще ли мы будем сравнивать себя с ним, после такой благодати, какую он получил свыше, и после таких добродетелей, какие он оказал со своей стороны? Может ли быть что-нибудь дерзновеннее этого? А что при всем том он не был невеждой, как те называют его, теперь и то постараюсь доказать. Они называют невеждою не только того, кто не упражнялся в искусстве светского красноречия, но и того, кто не умеет защищать истинного учения; и справедливо так рассуждают. Но Павел назвал себя невеждой не в том и другом, а только в одном; и в подтверждение этого он сделал точное разграничение, сказав, что он "**невежда в слове, но не в познании**" (2 Кор. 11:6). Если бы я требовал (от пастыря церкви) изящества речи Исократа, силы Демосфена, важности Фукидида и высоты Платона, то следовало бы указать на это свидетельство Павла [2]; но теперь я оставляю все это и изысканные внешние украшения, и не думаю ни о выражениях, ни о произношении речи. Пусть кто-нибудь будет скуден в словах и состав речи его прост и неискусен, только пусть он не будет невеждой в познании и верном разумении догматов, и, для прикрытия своего нерадения, не отнимает у этого блаженного мужа величайшего из его достоинств и главной из его заслуг.

7. Как он, скажи мне, приводил в замешательство иудеев, живущих в Дамаске, когда еще и не начинал совершать знамений? Как преодолел еллинистов? Почему был препровожден в Тарс? Не потому ли, что сильно побеждал словом и до того довел их, что они, не вытерпев поражения, раздражились и решились убить его (Деян. гл. 9)? Тогда он еще не начинал творить чудес; и никто не может сказать, что народ удивлялся ему по молве об его чудотворениях и что боровшиеся с ним уступали по причине такого мнения об этом муже; доселе он побеждал только словом своим. А как он боролся и состязался с теми, которые в Антиохии намеревались жить по-иудейски (Гал. гл. 2)? И член ареопага, житель суевернейшего города, не от одной ли проповеди его сделался его последователем вместе с женой (Деян. 17:34)? И от чего Евтих упал с окна? Не от того ли, что до глубокой ночи занят был слушанием поучения Павлова (Деян. 20:9)? А что в Солуне и в Коринфе? Что в Ефесе и в самом Риме? Не целые ли дни и ночи кряду он проводил в изъяснении писаний?

Что сказать о состязаниях с эпикурейцами и стоиками (Деян. 17:18)? Если бы мы захотели исчислять все, то речь наша была бы слишком обширна. Итак, если оказывается, что и прежде знамений и при них Павел часто действовал словом, то, как еще осмелятся называть невеждой того, кому за беседу и проповедь в особенности все удивлялись? Почему ликаонцы приняли его за Меркурия? Что их (Павла и Варнаву) приняли за богов, причиной тому были чудеса; а что Павла приняли за Меркурия, причиной тому уже не чудеса, а слово (Деян. 14:12). Чем этот блаженный превзошел прочих апостолов? Почему по всей вселенной имя его наиболее обращается в устах всех? Почему он прославляется более всех не только у нас, но и у иудеев и язычников? Не за достоинство ли своих посланий, которыми он принес пользу не только тогдашним верным, но и жившим с того времени до ныне, будет приносить пользу имеющим существовать до последнего пришествия Христова и не перестанет делать это, пока продолжится род человеческий? Его писания ограждают церкви во всей вселенной подобно стене, построенной из адаманта. Он и ныне стоит посреди, как мужественнейший ратоборец, "**ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу**" (2 Кор. 10:4-5). Все это он производит оставленными нам посланиями своими, удивительными и исполненными божественной мудрости. Его писания полезны нам не только для ниспровержения ложных учений и защиты истинного, но весьма не мало служат и к преуспеянию в благочестивой жизни. Предстоятели церкви, пользуясь ими, еще и ныне устраивают, совершенствуют и доводят до духовной красоты чистую деву, которую он обручил Христу (2 Кор. 11:2). Ими они отражают приключающиеся ей болезни и охраняют присущее ей здравие. Такие врачества оставил нам этот "**невежда**", имеющие такую силу, которую хорошо знают часто пользующиеся ими на самом деле. Отсюда видно, что Павел оказал великую ревность в этом деле.

8. Послушай еще, что он говорит в послании к ученику: "**занимайся чтением, наставлением, учением**". Потом говорит и о плодах этого: "**так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя**" (1 Тим. 4:13,16). И еще: "**рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым**". И далее говорит: "**а ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен. Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение**". И еще: "**все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности**" (2 Тим. 2:24; 3:14-16). Послушай, что он пишет к Титу, беседуя о постановлении епископов: "**ибо епископ должен быть**", говорит, "**держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и противящихся обличать**" (Тит. 1:7,9). Как же кто-нибудь, оставаясь невеждой, как те говорят, может обличать противящихся и заграждать им уста? И какая нужда заниматься чтением и писаниями, если должно оставаться в таком невежестве? Все это вымыслы и предлоги и прикрытие беспечности и лености. Но это, скажут, предписывается священникам; ибо у нас теперь идет речь о священниках. Что это относится и к находящимся под их властью, о том послушай, как он еще в другом послании увещевает других: "**Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью**"*;* и еще: "**слово ваше [да будет] всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому**" (Колос. 3:16; 4:6). И слова: "**готовы**" будьте "**к ответу**", сказаны всем (1 Петр. 3:15). И в послании к Фессалоникийцам (Павел) говорит: "**назидайте один другого, как вы и делаете**" (1 Фессалон. 5:11). А когда он беседует о священниках, то говорит: "**достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении**" (1 Тим. 5:17). Это - совершеннейший способ учения, когда и делами и словами приводят поучаемых к той блаженной жизни, которую предписал Христос; ибо одних дел недостаточно для научения. Это не мои слова, а Самого Спасителя: "**а кто**", говорит Он,

"**сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном**" (Матф. 5:19). Если бы "**творить**" значило "**учить**", то напрасно было бы прибавлено второе слово; довольно было бы сказать только: "**а кто сотворит**"; а теперь разделением того и другого Он показывает, что иное зависит от дел, а иное от слова, и каждая из этих двух частей имеет нужду одна в другой, чтобы здание было совершенно. Слышишь ли, что говорит пресвитерам ефесским избранный сосуд Христов: "**посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас**" (Деян. 20:31)? Какая нужда в слезах или в словесном учении, когда так ярко сияла жизнь апостольская? Жизнь (его) могла много содействовать нам к исполнению заповедей; но не скажу, чтобы и в этом отношении она одна совершила все.

9. Когда возникает спор о догматах и все будут бороться на основании одних и тех же писаний, тогда какую силу может оказать жизнь? Какая польза от многих подвигов, когда кто-нибудь после этих подвигов по великой неопытности своей впадает в ересь, и отделится от тела церкви? Я знаю многих, с которыми это случилось. Какая ему польза от терпения? Никакой; равно как (нет пользы) и от здравой веры при развращенной жизни. Поэтому тот, кто поставлен учить других, должен был опытнее всех в таких спорах. Хотя бы сам он оставался в безопасности, не потерпев никакого вреда от противников, но множество простых людей, находящихся под его руководством, когда увидит, что вождь их побежден и не может ничего сказать противникам, будет винить в этом поражении не его слабость, а нетвердость самого учения; по неопытности одного много людей подвергнется крайней гибели. Если они и не перейдут совершенно на сторону противников, то принуждены бывают сомневаться в том, в чем были уверены; и к чему приступали с твердой верой, тому уже не могут внимать с такой же твердостью; и поднимается такая буря в душах их от поражения учителя, что бедствие оканчивается кораблекрушением. А какая гибель и какой огонь собирается на несчастную главу его за каждого из этих погибающих, об этом мне нет нужды говорить тебе: все это ты сам хорошо знаешь. Итак, от гордости ли, от тщеславия ли происходит мое нежелание быть виновником погибели столь многих людей, и на самого себя навлечь наказание больше того, какое теперь ожидает меня там? Кто может сказать это? Никто, разве кто хотел бы укорять напрасно и предаваться рассуждениям при чужих несчастиях.

---

[1] Валентиниан и Маркион - ересеначальники сект, известных под именами Валентиниан и Маркионитов - II-го века; Савеллий и Павел Самосатский - ересеначальники Савеллиан и Павлиан (Самосаситов) - III-го века; Арий - ересеначальник Ариан - IV-го века по Р. Х.

[2] Исократ и Демосфен - ораторы, Фукидид историк и Платон философ - аттические писатели, жившие в V и IV веках до Р. Х.

О СВЯЩЕНСТВЕ

СЛОВО ПЯТОЕ.

ДОВОЛЬНО сказано мной о том, какую опытность должен иметь наставник в борьбе за истину; кроме этого я хочу сказать о другом предмете, который бывает причиной множества опасностей, или лучше сказать, не он бывает причиной, а те, которые не умеют хорошо пользоваться им; а само это дело может доставить спасение и многие блага, когда им будут заниматься мужи ревностные и способные. Что же это? Великий труд, состоящий в беседах перед народом в общих собраниях. Во-первых, пасомые большей

частью не хотят относиться к говорящим, как к наставникам, а поднимаясь выше положения учеников, принимают положение зрителей, присутствующих на мирских зрелищах. Как там народ разделяется, и одни принимают сторону одного, а другие другого: так и здесь разделившись, одни принимают сторону одного, а другие другого, и слушают говорящих, сообразуясь со своим благоприятным или враждебным расположением. И не в этом только состоит трудность, но не меньше того и в другом. Если случится кому из говорящих прибавить к своим словам какую-нибудь часть чужих трудов, то он подвергается большим укоризнам, чем похитители чужого имущества; а часто терпит такое обвинение и тот, кто только подозревается в этом, хотя ни у кого ничего не заимствовал. Но что я говорю о чужих трудах? Часто он не может пользоваться и своими сочинениями. Люди большей частью привыкли слушать не для пользы, а для удовольствия, представляя себя как бы судьями трагиков, или игроков на кифаре; и то искусство слова, которое мы теперь признали излишним, здесь так одобряется, как у софистов, когда они вынуждаются спорить друг с другом.

2. Итак, и здесь нужен человек с душой мужественной, много превосходящей нашу немощь, чтобы он мог отвлекать народ от этого непристойного и бесполезного удовольствия и приучать его к слушанию более полезного так, чтобы народ ему следовал и повиновался, а не он руководился прихотями народа. Но этого нельзя достигнуть иначе, как двумя способами: "**презрением похвал и силою слова**". Если не будет одного из них, то и остальной по отделении от первого, будет бесполезен. Если презирающий похвалы не преподает учения, "**растворенного благодатью и солью**" (Кол. 4:6), то он лишается уважения у народа, не получая никакой пользы от своего великодушия; а если исправный по этой части будет прельщаться славой рукоплесканий, то произойдет одинаковый вред и для народа и для него самого, как старающегося по пристрастию к похвалам говорить более для удовольствия, нежели для пользы слушателей. И как тот, кто не имеет пристрастия к похвалам и не умеет говорить, хотя не угождает народу, но не может приносить ему и какой либо значительной пользы от того, что не может ничего сказать; так и увлекающийся страстью к похвалам, хотя может вести беседы назидательные для народа, но вместо них предлагает то, что более услаждает слух, приобретая этим себе шум рукоплесканий.

3. Итак, отличный руководитель должен быть силен в том и другом, чтобы недостаток одного не уничтожил и другого. Когда он, выступив среди народа, станет говорить обличения живущим беспечно, но потом смешается и станет запинаться и по скудости речи принужден будет краснеть, тотчас исчезает вся польза от сказанного. Обличаемые, негодуя на сказанное и не имея другого средства отмстить ему, осыпают его насмешками за его неумение, надеясь этим прикрыть свои недостатки. Посему нужно ему, как бы какому отличному вознице, хорошо владеть обоими этими совершенствами, чтобы можно было надлежащим образом действовать тем и другим. Когда он окажется безукоризненным во всем, тогда, с какой угодно властью, может и наказывать и освобождать всех вверенных его руководству; а без этого трудно приобрести такую власть. Впрочем, великодушие не должно ограничиваться одним только презрением похвал, но и простираться далее, чтобы польза опять не осталась не совершенной.

4. От чего же еще должно воздерживаться? От ненависти и зависти. Полезно ни чрезмерно опасаться и бояться несправедливых обвинений (а предстоятелю неизбежно подвергаться безрассудным укоризнам), ни совершенно пренебрегать ими; но хотя бы они были ложны, хотя бы возводимы были на нас людьми неважными, надобно стараться скорее погашать их. Ничто так не увеличивает славы худой и доброй, как нерассудительный народ; привыкнув и слушать и говорить необдуманно, он повторяет без разбора все приключившееся, нисколько не заботясь об истине. Посему не должно пренебрегать

народом, но возникающие худые подозрения тотчас истреблять, убеждая обвинителей, хотя бы они были бессмысленнейшие из всех людей, и не опуская ничего из всего того, что может уничтожить недобрую славу; если же и после того, как мы сделаем со своей стороны все, обвинители не захотят вразумиться, тогда отнестись к ним с презрением. Кто упадет духом от таких неприятностей, тот никогда не будет в состоянии совершить что-нибудь доблестное и достохвальное; уныние и непрестанные беспокойства могут сокрушить силу души и довести до крайнего изнеможения. Священник должен относиться к пасомым так, как бы отец относился к своим малолетним детям; как от этих мы не отвращаемся, когда они оскорбляют, или ударяют, или плачут, и даже, когда они смеются и ласкаются к нам, не очень заботимся об этом, так и священники не должны ни надмеваться похвалами народа, ни огорчаться порицаниями, если они будут неосновательны. Трудно это, блаженный, а может быть, я думаю, и не возможно. Слышать себе похвалы и не радоваться, не знаю, случалось ли когда-нибудь кому-либо из людей: а кто радуется этому, тот конечно и желает получать их; желающий же получать их непременно будет печалиться и унывать и скучать и досадовать, когда лишается этих похвал. Как богачи, пока богаты, веселятся, а, обеднев, сетуют и, привыкнув к роскоши, не могут переносить жизни бедной, так и пристрастные к похвалам не только тогда, когда их порицают напрасно, но если их и не часто хвалят, терзаются в душе как бы каким голодом, если они привыкли к похвалам или услышат, что другие удостаиваются похвал. Сколько же трудов и сколько огорчений, думаешь ты, предстоит вышедшему на подвиг учения с такой страстью? Невозможно, чтобы море когда-нибудь не волновалось; невозможно, чтобы и душа такого человека оставалась без забот и скорби.

5. Кто владеет великой силой слова (а ее у немногих можно найти), даже и тот не бывает свободен от непрестанных трудов. Так как сила слова не дается природой, но приобретается образованием, то хотя бы кто довел ее до высшего совершенства, и тогда он может потерять ее, если постоянным усердием и упражнением не будет развивать этой силы. Таким образом, образованнейшие должны более трудиться, нежели менее образованные; ибо нерадение тех и других сопровождается не одинаковым ущербом, но у первых он столько важнее, сколько различия между тем, чем владеют те и другие. Последних никто не будет укорять, если они не произносят ничего отличного; а первые, если не всегда будут предлагать беседы, превышающие то мнение, которое все имеют о них, то подвергаются от всех великим укоризнам. Притом последние и за малое могут получать великие похвалы; а первые, если слова их не будут сильно удивлять и поражать, не только не удостаиваются похвал, но и находят многих порицателей. Слушатели сидят и судят о проповеди не по ее содержанию, а по мнению о проповедующих. Потому, кто превосходит всех красноречием, тому более всех нужно усердно трудиться; ему нельзя извиняться тем общим недостатком природы человеческой, что невозможно успевать во всем; но если беседы его не вполне будут соответствовать высокому мнению о нем, то они сопровождаются множеством насмешек и порицаний от народа. Никто сам в себе не рассуждает о том, что приключившееся уныние, беспокойство, забота, а часто и гнев, помрачают чистоту ума и не позволяют произведениям его являться светлыми, и что вообще человеку невозможно всегда быть одинаковым и во всем успевать; но естественно иногда и погрешить и оказаться слабее собственной силы. Ни о чем этом, как я сказал, не хотят подумать, но винят проповедника, судя о нем, как об ангеле. И вообще человек таков, что на заслуги ближнего и многочисленные и великие не обращает внимания; а если откроется какой-нибудь недостаток, - хотя бы незначительный, хотя бы давно случившийся, - тотчас узнает его, немедленно привязывается к нему, и всегда помнит его: и это малое и незначительное часто уменьшает славу многих и великих мужей.

6. Видишь, почтенный, что сильному в слове нужно иметь особенно большую ревность, а вместе с ревностью и такое терпение, в каком нуждаются не все из вышеупомянутых

мной. Многие непрестанно беспокоят его напрасно и без причины, и, не имея, в чем обвинять его, враждуют против него за то, что он всеми уважается. Нужно мужественно переносить гнусную их ненависть. Не желая скрывать этой проклятой ненависти, питаемой ими без всякой причины, они злословят и порицают, клевещут тайно и враждуют явно. Если душа при всякой такой неприятности станет беспокоиться и раздражаться, то она не может быть бодрой, изнемогая от печали. И не только сами они мстят ему, но стараются делать это и через других; часто, выбрав кого-нибудь, не умеющего ничего сказать, они превозносят его похвалами и удивляются ему выше его достоинства; одни делают это по безумию, другие и по невежеству и по зависти, чтобы унизить славу достойного, а не для того, чтобы прославить недостойного. Но не только с ними бывает борьба у доблестного мужа, но часто и с невежеством целого народа. Так как невозможно, чтобы весь собравшийся народ состоял из людей образованных, но иногда большую часть собрания составляют люди простые; прочие же хотя и разумнее этих последних, но в сравнении с людьми, способными судить о красноречии, гораздо более несведущи, чем все другие в сравнении с ними; а найдется едва один или два человека, имеющих такую способность, неизбежно происходит то, что говоривший лучше получает менее рукоплесканий, а иногда остается и без всяких похвал. Нужно вооружаться мужеством против таких несправедливостей, и тех, которые поступают так по невежеству, прощать, а тех, которые делают это по зависти, оплакивать как несчастных и жалких, и быть уверенным, что собственная сила ни от тех, ни от других не умаляется. Так и живописец отличный и превышающий всех в своем искусстве, видя, что люди несведущие в этом искусстве осмеивают картину, написанную им с большой тщательностью, не должен падать духом и считать картину худой, по суду невежд, равно как и считать удивительной и прекрасной действительно худую картину потому только, что ей восхищаются невежды.

7. Отличный художник должен быть сам и судьей своих произведений; хорошими или худыми они должны считаться тогда, когда произведший их ум произнесет о них тот или другой приговор; а о мнении посторонних, неверном и неопытном, никогда и думать не нужно. Так и принявший на себя подвиг учительства должен не внимать похвалам посторонних людей, и не ослабевать своей душой без них; но составляя поучения так, чтобы угодить Богу (ибо это должно быть у него правилом и единственной целью тщательнейшего составления поучений, а не рукоплескания и похвалы), если будет хвалим людьми, пусть не отвергает похвал, если же не получает их от слушателей, пусть не ищет и не сетует; потому что для него достаточное и наилучшее утешение в трудах есть то, если он может сознавать в самом себе, что он составлял и направлял свои поучения на благоугождение Богу.

8. Подлинно, кто предается страсти к безрассудным похвалам, тот не получит никакой пользы ни от многих трудов своих, ни от силы своего слова; потому что душа, не умеющая переносить неразумных осуждений народа, слабеет и теряет охоту к упражнению в слове. Посему больше всего нужно приучаться презирать похвалы; потому что без этого недостаточно одного уменья говорить для сохранения в себе этой силы.· Даже если кто захочет обратить тщательное внимание на того, у кого недостает этой способности, то найдет, что и он не меньше того имеет нужду в презрении похвал. Не достигая славы от народа, он неизбежно впадет во множество грехов. Так, не имея сил сравняться с отличающимися способностью красноречия, он не удержится от вражды к ним, и зависти, и напрасных порицаний, и многих подобных непристойностей; но решится на все, хотя бы предстояло погубить свою душу, только бы приобрести славу их скудостью своих способностей. Кроме того, он утратил и ревность к этим трудам, так как некоторое расслабление постигнет душу его. Много трудиться, а получать мало похвал - это действительно может изнурить и погрузить в глубокий сон не умеющего презирать

похвалы. Так и земледелец, вынужденный трудиться над неплодным полем и возделывать каменистую землю, скоро оставляет труды свои, если не имеет большой склонности к работе и не опасается голода. Если же способные говорить с великой властью, имеют нужду в постоянном упражнении для сохранения этой способности, то нисколько не приготовившийся ранее и принужденный думать об этом во время самых подвигов какие встретит трудности, какое беспокойство, какое смущение, чтобы с великим трудом приобрести какой-нибудь малый успех! А если кто-нибудь из поставленных после него и занимающих низшее положение успеет более его прославиться по этой части, тогда нужна душа как бы божественная, чтобы не предаться ненависти и не впасть в уныние. Стоять на высшей степени достоинства и быть превзойденным низшими, и переносить это мужественно, это свойственно необыкновенной и не моей душе, но как бы адамантовой. Эта неприятность бывает еще сносной, когда превзошедший скромен и весьма умерен; но если он будет дерзок, и горд, и честолюбив, тогда тому нужно каждый день желать себе смерти; до такой степени горькой для того жизнь сделает он, превозносясь над ним явно, насмехаясь тайно, отнимая от него власть более и более, стремясь заменить его во всем, и во всех этих случаях находя себе важную опору в свободе речи, расположенности к нему народа и приверженности всех пасомых. Разве ты не знаешь, какая ныне развилась в душах христиан любовь к красноречию и что занимающиеся им больше всех уважаются не только у внешних (язычников), но и "**своим по вере**" (Гал. 6:10)? Кто же может перенести такой стыд, когда во время его беседы все молчат, и тяготятся и ожидают окончания слова как бы какого отдыха от трудов, а другого, хотя и долго говорящего, слушают с долготерпением, досадуют, когда он хочет остановиться, и гневаются, когда он намеревается замолчать? Все это теперь кажется тебе маловажным и не заслуживающим внимания, как не испытанное, но может погасить ревность и ослабить душевную силу, разве кто, отрешившись от всех человеческих страстей, потщится уподобиться бесплотным Силам, не подверженным ни зависти, ни славолюбию, ни другой какой-нибудь подобной слабости. Если найдется такой человек, который может попрать этого неуловимого, неодолимого и дикого зверя, т. е. народную славу, и отсечь многочисленные его головы, или лучше не допустить этой славе и зарождаться в начале, тот будет в состоянии удобно отражать все эти нападения, и остаться спокойным, как бы в тихой пристани; а кто не освободился от нее, тот обременяет свою душу, как бы разнообразной борьбой, постоянным смятением, и унынием и множеством других страстей. Нужно ли исчислить и прочие затруднения, о которых не может и говорить и знать тот, кто не испытал их на самом деле?

О СВЯЩЕНСТВЕ

СЛОВО ШЕСТОЕ.

ТАК бывает в здешней жизни, как о том ты слышал; а как мы перенесем имеющее быть тогда, когда должны будем отдать отчет за каждого из вверенных нам? Там наказание не ограничится стыдом, но предстоит вечное мучение. "**повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших**" (Евр. 13:17); об этом хотя я и прежде говорил, но и теперь не умолчу; страх такой угрозы постоянно потрясает мою душу. Если соблазняющему только одного и притом малейшего "**лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской**", и если все уязвляющие совесть братьев, согрешают против Самого Христа (Матф.18:6. 1Кор.8:12); то что некогда потерпят и какому подвергнутся наказанию те, которые погубили не одного, двух или трех, но такое множество? Им нельзя оправдываться неопытностью, прибегать к неведению, извиняться необходимостью и принуждением; к такой защите, если бы было позволено, скорее мог бы прибегнуть кто-нибудь из подчиненных для оправдания себя в собственных грехах, чем предстоятели - для

оправдания в грехах других людей. Почему? Потому, что поставленный исправлять невежество других и предварять о наступающей борьбе с дьяволом, не может оправдываться неведением и говорить: я не слышал трубы, я не предвидел войны. Он, как говорит Иезекииль, для того и посажен, чтобы трубить для других и предвозвещать об угрожающих бедствиях; почему неминуемо постигнет его наказание, хотя бы погиб только один человек. "**Если страж**", говорит он, "**видел идущий меч и не затрубил в трубу, и народ не был предостережен, - то, когда придет меч и отнимет у кого из них жизнь, сей схвачен будет за грех свой, но кровь его взыщу от руки стража**" (Иезек. 33:6). Перестань же вовлекать меня в столь неизбежную ответственность. Мы говорим не о предводительстве войском и не о царствовании (земном), но о деле, требующем ангельских добродетелей.

2. Священник должен иметь душу чище самых лучей солнечных, чтобы никогда не оставлял его без себя Дух Святый, и чтобы он мог сказать: "**и уже не я живу, но живет во мне Христос**" (Гал. 2:20). Если живущие в пустыне, удалившиеся от города, рынка и тамошнего шума, и всегда находящиеся как бы в пристани и наслаждающиеся тишиной, не решаются полагаться на безопасность своей жизни, но принимают множество и других предосторожностей, ограждая себя со всех сторон, стараясь говорить и делать все с великой осмотрительностью, чтобы они могли с дерзновением и истинной чистотой приступать к Богу, сколько позволяют силы человеческие; то какую, думаешь ты, должен иметь силу и твердость священник, чтобы он мог охранять душу свою от всякой нечистоты и соблюдать неповрежденной духовную красоту? Ему нужна гораздо большая чистота, чем тем, а кому нужна большая чистота, тому более предстоит случаев очерниться, если он постоянным бодрствованием и великим напряжением сил не сделает душу свою неприступной для этого. Благообразие лица, приятность телодвижений, стройность походки, нежность голоса, подкрашивание глаз, расписывание щек, сплетение кудрей, намащение волос, драгоценность одежд, разнообразие золотых вещей, красота драгоценных камней, благоухание мастей, и все другое, чем увлекается женский пол, может привести душу в смятение, если она не будет крепко ограждена строгим целомудрием. Впрочем, приходить в смятение от всего этого нисколько неудивительно; а то, что дьявол может поражать и уязвлять души человеческие предметами противоположными этим, возбуждает великое изумление и недоумение. Некоторые, избегнув сетей, впали в другие, весьма отличные от них. Небрежное лицо, неприбранные волосы, грязная одежда, неопрятная наружность, грубое обращение, несвязная речь, нестройная походка, неприятный голос, бедная жизнь, презренный вид, беззащитность и одиночество, это сначала возбуждает жалость в зрителе, а потом доводит до крайней погибели.

3. Многие, избежав первых сетей, состоящих из золотых вещей, мастей, одежд и прочего, о чем я сказал, легко впадали в другие, столь отличные от них, и погибали. Если же и бедность и богатство, и красивый вид и простая наружность, обращение благоприличное и небрежное, и вообще все то, что я исчислил, может возбуждать борьбу в душе зрителя и окружать его напастями со всех сторон, то как он может успокоиться среди столь многих сетей? Где найдет убежище, не скажу - для того, чтобы не быть увлеченым насильно (от этого избавиться не очень трудно), но чтобы сохранить душу свою от возмущения нечистыми помыслами? Не говорю о почестях - причине бесчисленных зол. Почести, оказываемые женщинами, хотя и ослабляются силой целомудрия, однако часто и низвергают того, кто не научился постоянно бодрствовать против таких козней; а от почестей, оказываемых мужчинами, если кто будет принимать их не с великим равнодушием, тот впадает в две противоположные страсти - рабское угождение и безумное высокомерие, с одной стороны вынуждаясь унижаться перед льстецами своими, а с другой - воздаваемыми от них почестями надмеваясь перед низшими и низвергаясь в

пропасть безумия. Об этом уже было сказано мной; а какой отсюда происходит вред, этого никто не может хорошо знать без собственного опыта. И не только этим, но и гораздо большим опасностям неизбежно подвергается обращающийся среди людей. А возлюбивший пустыню свободен от всего этого; если же иногда греховный помысел и представляет ему что-нибудь подобное, то представление бывает слабо и скоро может погаснуть, потому что зрение не доставляет извне пищи для пламени. Монах боится только за себя одного, если же и вынуждается заботиться о других, то о весьма немногих; а хотя бы их было и много, однако число их всегда менее принадлежащих к церквам, и заботы о них гораздо легче для настоятеля, не только по малочисленности их, но и потому, что все они свободны от мирских дел и не имеют надобности печься ни о детях, ни о жене, ни о другом чем-либо подобном. А это делает их весьма послушными настоятелям и позволяет им иметь общее жилище, где погрешности их тщательно могут быть замечаемы и исправляемы; такой постоянный надзор наставников немало способствует к преуспеянию в добродетели.

4. Напротив, большая часть из подведомых священнику стеснена житейскими заботами, которые делают их менее расположенными к делам духовным. Поэтому учитель должен, так сказать, сеять ежедневно, чтобы слово учения, по крайней мере, непрерывностью своей могло укрепиться в слушателях. Чрезмерное богатство, величие власти, беспечность, происходящая от роскоши, и, кроме того, многое другое подавляет посеянные семена; а часто густота этих терний не допускает пасть семенам даже на поверхность почвы. С другой стороны, чрезмерная скорбь, нужды бедности, непрестанные огорчения и другие причины, противоположные вышесказанным, препятствуют заниматься божественными предметами; что же касается до грехов, то и малейшая часть их не может быть известна священнику; как он может знать их, когда большей части людей он и в лице не знает? Такие неудобства сопряжены с обязанностями его в отношении к народу; если же кто рассмотрит обязанности его в отношении к Богу, то найдет, что те обязанности ничтожны: столь большей и тщательнейшей ревности требуют эти последние. Тот, кто молится за весь город, - что я говорю за город? - за всю вселенную, и умилостивляет Бога за грехи всех, не только живых, но и умерших, тот каким сам должен быть? Даже дерзновение Моисея и Илии я почитаю недостаточным для такой молитвы. Он так приступает к Богу, как бы ему вверен был весь мир и сам он был отцом всех, прося и умоляя о прекращении повсюду войн и усмирении мятежей, о мире и благоденствии, о скором избавлении от всех тяготеющих над каждым бедствий частных и общественных. Посему он сам должен столько во всем превосходить всех, за кого он молится, сколько предстоятелю следует превосходить находящихся под его покровительством. А когда он призывает Святого Духа и совершает страшную жертву и часто прикасается к общему всем Владыке; тогда, скажи мне, с кем на ряду мы поставим его? Какой потребуем от него чистоты и какого благочестия? Подумай, какими должны быть руки, совершающие эту службу, каким должен быть язык, произносящий такие слова, кого чище и святее должна быть душа, приемлющая такую благодать Духа? Тогда и ангелы предстоят священнику, и целый сонм небесных сил взывает, и место вокруг жертвенника наполняется ими в честь Возлежащего на нем. В этом достаточно удостоверяют самые действия, совершаемые тогда. Я некогда слышал такой рассказ одного человека: некоторый пресвитер, муж дивный и неоднократно видевший откровения, говорил ему, что он некогда был удостоен такого видения, именно во время службы вдруг увидел, сколько то было ему возможно, множество ангелов, одетых в светлые одежды, окружавших жертвенник и поникших главами, подобно воинам, стоявшим в присутствии царя. И я верю этому. Также некто другой рассказывал мне, не от другого узнавши, но, удостоившись сам видеть и слышать, что готовящихся отойти отсюда, если они причастятся Таин с чистой совестью, при последнем дыхании окружают ангелы и препровождают их отсюда ради принятых ими Тайн. А ты не трепещешь,

привлекая мою душу к столь священному таинству, и возводя в священническое достоинство одетого в нечистые одежды, какого Христос изгнал из общества прочих собеседников (Матф. 22:13)? Душа священника должна сиять подобно свету, озаряющему вселенную; а мою душу окружает такой мрак от нечистой совести, что она, всегда погруженная во мрак, не может никогда с дерзновением воззреть на своего Владыку. Священники – "**соль земли**" (Матф. 5:13); а мое неразумие и неопытность во всем может ли кто легко перенести, кроме тебя, привыкшего чрезмерно любить меня? Священник должен быть не только чист так, как удостоившийся столь великого служения, но и весьма благоразумен и опытен во многом, знать все житейское не менее обращающихся в мире, и быть свободным от всего более монахов, живущих в горах. Так как ему нужно обращаться с мужами, имеющими жен, воспитывающими детей, владеющими слугами, окруженными большим богатством, исполняющими общественные дела и облеченными властью, то он должен быть многосторонним; говорю - многосторонним, но не лукавым, не льстецом, не лицемером, но исполненным великой свободы и смелости и, однако, умеющим и уступать с пользой, когда потребует этого положение дел, быть кротким и вместе строгим. Нельзя со всеми подвластными обращаться одинаковым образом, также как врачам нельзя лечить всех больных одним способом, и кормчему - знать одно только средство для борьбы с ветрами. И корабль церкви волнуют постоянные бури; эти бури не только вторгаются извне, но зарождаются и внутри, и требуют от священника великой внимательности и тщательности.

5. Все эти разнообразные действия направляются к одной цели - к славе Божьей, к созиданию церкви. Велик подвиг и велик труд монахов. Но если кто сравнит труды их со священством, хорошо исправляемым, тот найдет между ними такое различие, какое между простолюдином и царем. У тех хотя и велик труд, но в подвиге участвуют и душа и тело, или лучше сказать, большая часть его совершается посредством тела; и если оно не будет крепко, то ревность и остается только ревностью, не имея возможности выразиться на деле. Напряженный пост, возлежание на земле, бодрствование, неумовение, тяжелый труд и прочее, способствующее изнурению тела, - все это оставляется, если не крепко тело подлежащее изможднию. А здесь - чистая деятельность души, и нет нужды в здоровом теле, чтобы проявить ее добродетель. Содействует ли нам крепость телесная в том, чтобы не быть гордыми, гневливыми, дерзкими, а быть трезвенными, целомудренными, скромными, и иметь все прочие качества, который блаженный Павел исчислил при изображении превосходного священника (1 Тим. 3:2)? Но этого нельзя сказать о добродетели монашествующего. Как представляющим зрелища нужны многие орудия - колеса, веревки и мечи, - а у философа вся деятельность заключается в душе его, так что он не нуждается ни в чем внешнем; так и здесь. Монахи имеют нужду в благосостоянии телесном и в местах, удобных для жительства, чтобы не быть очень удаленными от общения с людьми, и иметь тишину пустыни, а также не лишаться и благорастворенного воздуха; потому что для изнуряющего себя постами нет ничего вреднее, как неблагорастворенность воздуха.

6. Я не стану теперь говорить о том, сколько они принуждены бывают иметь забот о приготовлении одежд и пропитания, стараясь делать все сами для себя. А священник не имеет нужды ни в чем этом для своего употребления, но живет без забот о себе и в общении (с пасомыми) во всем, что не приносит вреда, слагая все познания в сокровищнице своей души. Если же кто станет превозносить уединение внутри самого себя и удаление от общения с народом, то, хотя и сам я назвал бы это знаком терпения, но это не служит достаточным доказательством полного душевного мужества. Управляющий рулем внутри пристани еще не представляет точного доказательства своего искусства; но того, кто среди моря и во время бури мог спасти корабль, никто не может не назвать превосходным кормчим.

7. Итак, мы не должны чрезмерно удивляться тому, что монах, пребывая в уединении с самим собой, не возмущается и не совершает многих и тяжких грехов; он удален от всего, раздражающего и возмущающего душу. Но если посвятивший себя на служение целому народу и обязанный нести грехи многих остается непоколебимым и твердым, в бурное время управляя душой, как бы во время тишины, то он по справедливости достоин рукоплесканий и удивления всех; потому что Он представил ясное доказательство своего мужества. Посему и ты не удивляйся тому, что я, избегая площади и общения с людьми, не имею против себя многих обвинителей; и не следовало удивляться, если я во время сна не грешил, не ратоборствуя не падал, не сражаясь не был ранен. Кто же, скажи, кто станет обличать и открывать мою порочность? Эта кровля и эта келья? Но они не могут говорить. Мать, которая более всех знает мои качества? Но с ней особенно у меня нет ничего общего и никогда у нас не было распри. А если бы это и случалось, то нет никакой матери столь жестокой и нечадолюбивой, которая бы без всякой побудительной причины и без всякого принуждения стала хулить и позорить перед всеми того, кого носила, родила и воспитала. Если бы кто захотел тщательно испытать мою душу, то нашел бы в ней много слабостей, как знаешь и сам ты, привыкший больше всех превозносить меня похвалами перед всеми. Что я говорю это не по скромности, припомни, сколько раз я говорил тебе, - когда у нас бывала речь об этом - что, если бы кто предложил мне на выбор: где я более желал бы заслужить доброе о себе мнение, в предстоятельстве ли церковном, или в жизни монашеской, я тысячекратно избрал бы первое. Я никогда не переставал ублажать перед тобой тех, которые могли хорошо исправлять это служение; и никто не будет спорить, что я не убежал бы от того, что сам ублажал, если бы был способен исполнять это. Но что мне делать? Ничто так не бесполезно для предстоятельства церковного, как эта праздность и беспечность, которую иные называют каким-то дивным подвижничеством; а я нахожу в ней как бы завесу собственной негодности, прикрывая ею множество моих недостатков, и не допуская их обнаружиться. Кто привык находиться в таком бездействии и жить в великом спокойствии, тот хотя бы имел большие способности, от недеятельности тревожится и смущается, и не малую часть собственной силы ослабляет, оставляя ее без упражнения. А если он вместе с тем будет еще слаб умом и неопытен в красноречии и состязаниях - в каком положении я и нахожусь, - то, приняв управление, он нисколько не будет отличаться от каменных (истуканов). Поэтому немногие из этого подвижничества переходят на подвиги священства; и из них большая часть оказываются неспособными, падают духом и испытывают неприятные и тяжелые последствия. И это нисколько неудивительно; если подвиги и упражнения не одинаковы, то подвизающийся в одних нисколько не отличается от не упражнявшихся в других подвигах. Выходящий на поприще священства в особенности должен презирать славу, преодолевать гнев, быть исполнен великого благоразумия. Но посвятившему себя иноческой жизни не представляется никакого повода к упражнению в этом. При нем нет людей, которые бы раздражали его, чтобы он привык укрощать силу гнева; нет людей, восхваляющих и рукоплещущих, чтобы он научился пренебрегать похвалами народа; не много заботы у них и о благоразумии, потребном в церковных делах. Посему, когда они приступают к подвигам, которых не испытывали, то недоумевают, затрудняются и приходят в замешательство, и, кроме того, что не преуспевают в добродетели, часто многие теряют и то, с чем пришли.

8. *Василий* сказал: Что же? Неужели поставлять на управление церковью людей, обращающихся в мире, пекущихся о житейских делах, упражняющихся в распрях и ссорах, исполненных множества несправедливостей и привыкших к роскоши?

Златоуст. Успокойся, блаженный, - сказал я. О таких и думать не должно при избрании священников; но о таких, кто, живя и обращаясь со всеми, мог бы более самих иноков соблюсти целыми и ненарушимыми чистоту, спокойствие, благочестие, терпение,

трезвенность и прочие добрые качества, свойственные монахам. А кто имеет много слабостей, но в одиночестве может скрывать их, и без общения с людьми оставлять их неприложимыми к делу, тот, выступив перед всеми, не достигнет ничего другого, кроме того, что сделается смешным и подвергнется большей опасности; чего едва не потерпел и я, если бы провидение Божье скоро не отклонило этого огня от главы моей. Когда такой человек будет поставлен на виду, то он не может укрыться, но всегда обличается; как огонь испытывает металлические вещества, так и клир испытывает человеческие души и распознает, гневлив ли кто, или малодушен, или честолюбив, или горд, или имеет какой-либо другой порок, открывает и скоро обнаруживает все слабости, и не только обнаруживает, но и делает их тягчайшими и упорнейшими. Как телесные раны, быв растравляемы, делаются неудобоисцелимыми: так и страсти душевные, быв возбуждаемы и раздражаемы, обыкновенно более ожесточаются и принуждают преданных им более грешить; человека невнимательного к себе они склоняют к славолюбию, к надменности и к корыстолюбию, вовлекают в роскошь, расслабление и беспечность и мало-помалу в дальнейшие, рождающиеся от них, пороки. Среди людей много может ослабить ревность души и остановить ее стремление к Богу; и, прежде всего, обращение с женщинами. Нельзя предстоятелю, пасущему все стадо, печься об одной части его - о мужчинах, а другую оставить в пренебрежении, т. е. женщин, которые особенно нуждаются в большей заботливости, по причине удобопреклонности к грехам; но принявший епископство должен заботиться и об их здоровье, если не в большей, то в равной мере; обязан навещать их, когда они больны, утешать, когда скорбят, укорять предающихся беспечности, помогать бедствующим. А при исполнении этого лукавый найдет много путей к нападению, если кто не оградит себя тщательным охранением. Взор не только невоздержанной, но и целомудренной женщины поражает и смущает душу, ласки обольщают, почести порабощают, и пламенная любовь - эта причина всех благ - делается причиной бесчисленных зол для тех, которые неправильно пользуются ей. Также и непрестанные заботы притупляют остроту ума и способного возноситься подобно птице делают тяжелее свинца; и гнев, овладевая душой, омрачает всю ее внутренность, подобно дыму. Кто может исчислить прочие вредные действия - обиды, порицания, укоризны от высших и от низших, от разумных и от неразумных?

9. Особенно люди, неспособные к правому суждению, бывают взыскательны и не скоро принимают оправдание. Доброму предстоятелю нельзя презирать и этих людей, но должно отвечать на обвинения всех их с великой кротостью и с готовностью - лучше прощать им неразумные укоризны, нежели досадовать и гневаться. Если блаженный Павел, опасаясь со стороны учеников подозрения в хищении, допустил и других к распоряжению деньгами, - "**чтобы нам не подвергнуться**", говорит, "**от кого нареканию при таком обилии приношений , вверяемых нашему служению**" (2 Кор. 8:20), - то не должны ли мы делать все, чтобы уничтожить худые подозрения, хотя бы они были ложны, хотя бы безрассудны и весьма несообразны с нашей славой? Ни от какого греха столько не далеки мы, как Павел от хищения; и, однако, он, столь далекий от этого худого дела, не пренебрег подозрением народа, хотя весьма бессмысленным и безумным; ибо действительно безумно было подозревать в чем-либо подобном эту блаженную и дивную главу. Несмотря на то, что это подозрение было так безрассудно и могло быть разве у какого-нибудь сумасшедшего человека, тем не менее Павел заранее устраняет причины его; он не презрел безрассудности народа, и не сказал: кому может придти на мысль подозревать меня в этом, когда и чудеса и скромность жизни приобрели мне от всех уважение и удивление? Совершенно напротив, он предвидел и предполагал это дурное подозрение, и вырвал его с корнем, или лучше, не допустил появиться и началу его. Почему? Потому, что "**стараемся о добром**", говорит он, "**не только пред Господом, но и пред людьми**" (2 Кор. 8:21). Столько и даже еще более надобно стараться о том, чтобы не только истреблять и останавливать возникающую худую молву, но и предвидеть издалека,

откуда она могла бы произойти, наперед уничтожать причины, от которых она происходит, и не ждать, пока она составится и распространится в устах народа; потому что тогда уже не легко истребить ее, но весьма трудно, и может быть даже невозможно, и притом будет опасно, чтобы не произошел вред для народа. Впрочем, доколе я не остановлюсь, преследуя недостижимое? Исчислять все здешние трудности значит не что иное, как измерять море. Если и тот, кто чист от всякой страсти, что, впрочем, не возможно, - неизбежно подвергается бесчисленным горестям для исправления погрешностей других, то при собственных слабостях, представь, какую бездну трудов и забот и какие страдания должен перенести желающий преодолеть и свои и чужие пороки!

10. *Василий* сказал: А ты теперь не подвизаешься в этих трудах и не имеешь забот, живя одиноким?

Златоуст. Имею и теперь, сказал я; - как можно человеку, проводящему эту многотрудную жизнь, быть свободным от забот и подвигов? Но не одно и то же пуститься в беспредельное море, и переплывать реку; таково различие между теми и этими заботами. Если бы я мог быть полезным для других, я и сам теперь пожелал бы, и это было бы предметом моей усердной молитвы; а так как я не могу принести пользы другому, то удовольствуюсь тем, если, по крайней мере, успею спасти и исхитить из бури самого себя.

Василий сказал: Неужели ты считаешь это великим делом, и, вообще, неужели думаешь спастись, не быв полезным никому другому?

Златоуст. Хорошо и справедливо ты сказал, - отвечал я; - и сам я не верю, чтобы можно было спастись тому, кто ничего не делает для спасения ближнего. Несчастному рабу нисколько не помогло то, что он не уменьшил таланта, но погубило его то, что он не умножил и не принес вдвое больше (Матф. 25:24-30). Впрочем, я думаю, что мне будет более легкое наказание, когда буду обвиняем за то, почему я не спас других, нежели когда бы погубил и других и себя, сделавшись худшим по принятии такой почести. Я уверен, что теперь ожидает меня такое наказание, какого требует тяжесть грехов моих, а по принятии власти - не двойное и не тройное, но многократное за соблазн многих и за оскорбление Бога, удостоившего меня большей чести.

11. Поэтому и израильтян Бог весьма сильно обличал, показывая им, что они достойны большего наказания за грехи, совершенные после дарованных им от Него преимуществ. Иногда Он говорил: "**только вас признал Я из всех племен земли, потому и взыщу с вас за все беззакония ваши**", а иногда: "**из сыновей ваших Я избирал в пророки и из юношей ваших - в назореи**" (Амос. 3:2; 2:11). И еще прежде пророков, при установлении жертв желая показать, что грехи священников подлежат гораздо большему наказанию, нежели грехи простолюдинов, Он повелевает приносить за священника такую жертву, какая (была приносима) за весь народ (Лев, гл. 4). Этим он выражает не что иное, как то, что раны священника нуждаются в большей помощи и такой, в какой - раны всего вообще народа; а они не нуждались бы в большей помощи, если бы не были тягчайшими, тягчайшими же они бывают не по своей природе, но по достоинству священника, который совершает эти грехи. Но что я говорю о мужах, проходящих это служение? Дочери священников, которые не имеют никакого отношения к священству, по причине достоинства отцов своих за одни и те же грехи подвергаются гораздо строжайшему наказанию. Преступление бывает одинаково как у них, так и у дочерей простолюдинов, например: любодеяние у тех и других, - но первые подвергаются наказанию гораздо тягчайшему, нежели последние (Лев. 21:9; Второз. 22:21).

12. Видишь ли, с какой силой Бог внушает тебе, что начальник заслуживает гораздо большего наказания, нежели подчиненные? Наказывающий дочь священника более других дочерей за отца ее, подвергнет не равному с другими наказанию того, кто бывает виновником такого увеличения наказаний ее, но гораздо большему; и весьма справедливо; потому что вред не ограничивается только самим начальником, но губит и души слабейших и взирающих на него людей. И пророк Иезекииль, желая внушить это, различает один от другого суды над овнами и над овцами (Иезек. 34:17). Ясно ли теперь для тебя, что я имел причины устрашиться? Прибавлю к сказанному следующее: хотя теперь мне нужно много трудиться, чтобы не одолели меня совершенно страсти душевные, однако я переношу этот труд и не убегаю от подвига. Так тщеславие и теперь овладевает мной, но я часто и вооружаюсь против него, и сознаю, что нахожусь в рабстве; а случается, что и укоряю поработившуюся душу. И теперь нападают на меня худые пожелания, но не столь сильный возжигают пламень; потому что глаза не могут получать извне вещества для этого огня; а чтобы кто-нибудь говорил худое, а я слушал говорящего, от этого я совершенно свободен, так как нет разговаривающих; стены же, конечно, не могут говорить. Равным образом нельзя избежать и гнева, хотя и нет при мне людей, которые бы осаждали. Часто воспоминание о непристойных людях и их поступках воспламеняет мое сердце, но не вполне: я скоро укрощаю пламень его, и успокаиваю его, убеждая, что весьма несообразно и крайне бедственно, оставив свои пороки, заниматься пороками ближних. Но, вступив в народ и предавшись беспокойствам, я буду не в состоянии делать себе таких увещаний и находить руководственные при этом помыслы; но, как увлекаемые по скалам каким-нибудь потоком или чем либо иным, хотя могут предвидеть гибель, к которой они несутся, а придумать какой-либо помощи для себя не могут, так и я, впадши в великую бурю страстей, хотя в состоянии буду видеть наказание, с каждым днем увеличивающееся для меня, но углубляться в себя, как теперь, и удерживать со всех сторон эти яростные порывы мне уже будет не так удобно, как прежде. У меня душа слабая и невеликая и легко доступная не только для этих страстей, но и худшей из всех - зависти, и не умеет спокойно переносить ни оскорблений, ни почестей, но последние чрезвычайно надмевают ее, а первые приводят в уныние. Лютые звери, когда они здоровы и крепки, одолевают борющихся с ними, в особенности слабых и неопытных; а если кто изнурит их голодом, то и усмирит их ярость, и отнимет у них большую часть силы, так что и не весьма храбрый человек может вступить в бой и сражение с ними; так бывает и со страстями душевными: кто ослабляет их, тот делает их покорными здравому рассудку, а кто усердно питает их, тот готовит себе борьбу с ними труднейшую и делает их столь страшными для себя, что всю жизнь свою проводит в рабстве и страхе. А какая пища для этих зверей? Для тщеславия - почести и похвалы, для гордости - власть и величие господства, для зависти - прославление ближних, для сребролюбия - щедрость дающих, для невоздержания - роскошь и частые встречи с женщинами, и для других - другое. Все эти звери сильно нападут на меня, когда я выступлю на середину, и будут терзать душу мою и приводить меня в страх, и отражать их будет для меня весьма трудно. А когда я останусь здесь, то хотя тогда потребуются большие усилия, чтобы побороть их, однако они подчинятся по благодати Божьей, и до меня будет достигать только рев их. Поэтому я и остаюсь в этой келье недоступным, необщительным, нелюдимым, и терпеливо слушаю множество других подобных порицаний, которые охотно желал бы отклонить, но, не имея возможности сделать это, сокрушаюсь и скорблю. Невозможно мне быть общительным и вместе оставаться в настоящей безопасности. Поэтому я и тебя прошу - лучше пожалеть, чем обвинять того, кто поставлен в такое затруднительное положение. Но я еще не убедил тебя. Посему уже время сказать тебе и то, что одно оставалось не открытым. Может быть, многим это покажется невероятным, но при всем том я не устыжусь открыть это. Хотя слова мои обнаружат худую совесть и множество грехов моих, но так как всеведущий Бог будет судить меня строго, то, что еще может быть мне от незнания людей? Что же осталось

неоткрытым? С того дня, в который ты сообщил мне об этом намерении (избрания в епископа), часто я был в опасности совершенно расслабеть телом, такой страх, такое уныние овладевали моей душой! Представляя себе славу Невесты Христовой, ее святость, духовную красоту, мудрость, благолепие, и размышляя о своих слабостях, я не переставал оплакивать ее и называть себя несчастным, часто вздыхать и с недоумением говорить самому себе: кто это присоветовал? Чем столько согрешила Церковь Божья? Чем так прогневала Владыку своего, чтобы ей быть предоставленной мне, презреннейшему из всех, и подвергнуться такому посрамлению? Часто размышляя таким образом с самим собой, и не могши перенести мысли о такой несообразности, я падал в изнеможении подобно расслабленным и ничего не мог ни видеть, ни слышать. Когда проходило такое оцепенение (иногда оно и прекращалось), то сменяли его слезы и уныние, а после продолжительных слез опять наступал страх, который смущал, расстраивал и потрясал мой ум. В такой буре я проводил прошедшее время; а ты не знал, думал, что я живу в тишине. Но теперь я открою тебе бурю души моей: может быть, ты за это простишь меня, прекратив обвинения. Как же, как открою тебе это? Если бы ты захотел видеть ясно, то нужно бы обнажить тебе мое сердце; но так как это невозможно, то постараюсь, как могу, по крайней мере, в некотором тусклом изображении представить тебе мрак моего уныния; а ты по этому изображению суди о самом унынии. Представим, что дочь царя, обладающего всей вселенной, сделалась невестой, и что она отличается необыкновенной красотой, превышающего природу человеческую и много превосходящею всех женщин, и такой душевной добродетелью, что даже всех мужчин, бывших и имеющих быть, далеко оставляет позади себя, благонравием своим превышает все требования любомудрия, а благообразием своего лица помрачает всякую красоту телесную; представим затем, что жених ее не только за это пылает любовью к этой девице, но и, кроме того, чувствует к ней нечто особенное, и силой своей привязанности превосходит самых страстных из бывших когда-либо поклонников; потом (представим, что) этот пламенеющий любовью откуда-то услышал, что с дивной его возлюбленной намеревается вступить в брак кто-то из ничтожных и презренных людей, низкий по происхождению и уродливый по телу, и негоднейший из всех. Довольно ли я выразил тебе скорбь мою? И нужно ли далее продолжать это изображение. Для выражения моего уныния, я думаю, достаточно; для этого только я и привел этот пример; а чтобы показать тебе меру моего страха и изумления, перейду к другому изображению. Пусть будет войско, состоящее из пеших, конных и морских воинов; пусть множество кораблей покроет море, а отряды пехоты и конницы займут пространства полей и вершины гор; пусть блистает на солнце медное оружие, и лучи его пусть отражают свет от шлемов и щитов, а стук копий и ржание коней доносятся до самого неба; пусть не видно будет ни моря, ни земли, а повсюду медь и железо; пусть выстроятся против них и неприятели - люди дикие и неукротимые; пусть настанет уже и время сражения; потом пусть кто-нибудь, взяв отрока, воспитанного в деревне и не знающего ничего, кроме свирели и посоха, облечет его в медные доспехи, проведет по всему войску и покажет ему отряды с их начальниками, стрелков, пращников, полководцев, военачальников, тяжело вооруженных воинов, всадников, копьеносцев, корабли с их начальниками, посаженных там воинов и множество сложенных в кораблях орудий; пусть покажет ему и все ряды неприятелей, свирепые их лица, разнообразные снаряды и бесчисленное множество оружия, глубокие рвы, крутые утесы и недоступные горы, пусть покажет еще у неприятелей коней, как бы силой волшебства летающих, и оруженосцев как бы несущихся по воздуху, всю силу и все виды чародейства; пусть исчислит ему и ужасы войны - облака копий, тучи стрел, великую мглу, темноту и мрачнейшую ночь, которую производит множество метаемых стрел, густотой своей затеняющих солнечные лучи, пыль, затемняющую глаза не менее мрака, потоки крови, стоны падающих, вопли стоящих, груды лежащих, колеса, обагренные кровью, коней, вместе с всадниками стремглав низвергающихся от множества лежащих трупов, землю, на которой все смешано - кровь, луки и стрелы, копыта лошадей и вместе с ними лежащие

головы людей, рука и шея, голень и рассеченная грудь, мозги приставшие к мечам и изломанное острие стрелы, вонзившейся в глаз; пусть исчислит и бедствия морского сражения - корабли, то сжигаемые среди воды, то потопляемые с находящимися на них воинами, шум волн, крик корабельщиков, вопль воинов, пену смешанную из волн и крови и ударяющуюся о корабли, - трупы, лежащие на палубах, утопающие, плывущие, выбрасываемые на берега, качающиеся в волнах и заграждающие путь кораблям; ясно показав ему ужасы воинские, пусть еще прибавит и бедствия плена, и рабство, тягчайшее всякой смерти, и, сказав все это, пусть прикажет ему тотчас сесть на коня и принять начальство над всем этим войском. Думаешь ли ты, что этот отрок в состоянии будет даже выслушать такой рассказ, а не тотчас, с первого взгляда, испустит дух?

13. Не думай, что я словами преувеличиваю дело; (так кажется) потому, что мы, заключенные в теле как бы в какой темнице, не можем видеть ничего невидимого; а ты не считай сказанного за преувеличение. Если бы ты мог когда-нибудь увидеть глазами своими мрачнейшее ополчение и яростное нападение дьявола, то увидел бы гораздо большую и ужаснейшую битву, нежели изображаемая мной. Здесь не медь и железо, не кони, колесницы и колеса, не огонь и стрелы и не подобные видимые предметы, но другие снаряды, гораздо страшнейшие этих. Таким врагам не нужно ни панциря, ни щита, ни мечей и копий, но одного вида этого проклятого войска достаточно, чтобы поразить душу, если она не будет весьма мужественной и еще прежде своего мужества не будет укрепляема Промыслом Божьим. Если бы возможно было, сложив с себя это тело, или и с телом, чисто и без страха собственными глазами видеть все ополчение дьявола и его битву с нами; то ты увидел бы не потоки крови и мертвые тела, но такое избиение душ и такие тяжелые раны, что все изображение войны, которое я сейчас представил тебе, ты почел бы детской игрой и скорее забавой, нежели войной: так много поражаемых каждый день! И раны эти причиняют смерть не такую, какую раны телесные; но, сколько душа различается от тела, столько же различается та и другая смерть. Когда душа получит рану и падет, то она не лежит бесчувственной подобно телу, но мучится здесь от угрызений злой совести, а, по отшествии отсюда, во время суда предается вечному мучению. Если же кто не чувствует боли от ран, наносимых дьяволом, тот нечувствительностью своей навлекает на себя еще большее бедствие, потому что, кто не пострадал от первой раны, тот скоро получает и вторую, а после второй и третью. Нечистый, видя душу человека беспечной и пренебрегающей прежними ранами, не перестает поражать его до последнего издыхания. Если хочешь узнать и способы его нападения, то увидишь, что они весьма сильны и разнообразны. Никто не знает столько видов обмана и коварства, сколько этот нечистый, чем он и приобретает большую силу; и никто не может иметь столь непримиримой вражды к самым злейшим врагам своим, какую имеет этот лукавый демон к человеческому роду. Если еще посмотреть на ревность, с какой он ведет борьбу, то в этом отношении смешно и сравнивать его с людьми; пусть кто-нибудь изберет самых лютых и свирепых зверей и противопоставит его неистовству, тот найдет, что они весьма кротки и тихи в сравнении с ним; такой он дышит яростью против наших душ! Притом и время тамошнего сражения кратко, и при краткости его бывает много отдыхов. И наступившая ночь, и утомление от сражения, и время принятия пищи, и многое другое обыкновенно дает воину отдохновение, так что он может снять с себя оружие, несколько ободриться, оживиться пищей и питьем, и другими многими средствами восстановить прежнюю силу. А в борьбе с лукавым никогда нельзя ни сложить оружия, ни предаться сну для того, кто желает всегда оставаться не раненным. Необходимо избрать одно из двух: или, сняв оружие, пасть и погибнуть, или всегда вооруженным стоять и бодрствовать. Этот враг всегда стоит со своим ополчением, наблюдая за нашей беспечностью и гораздо более заботясь о нашей погибели, нежели мы - о своем спасении. Особенно трудной борьбу с ним делает для непостоянно бодрствующих то, что он невидим нами и нападает внезапно (это наиболее причиняет множество зол). И ты желал,

чтобы в этой войне я предводительствовал воинами Христовыми? Но это значило бы - предводительствовать для дьявола. Если обязанный распоряжаться и управлять другими будет неопытнее и слабее всех, то, по неопытности предавая вверенных ему, он будет предводительствовать более для дьявола, нежели для Христа. Но зачем вздыхаешь? Зачем плачешь? Не плача достойно то, что теперь случилось со мной, но веселья и радости.

Василий сказал: но не мое положение; напротив, оно достойно безмерных рыданий; потому что теперь едва я мог понять, в какие беды ты ввергнул меня. Я пришел к тебе узнать, что мне говорить в твое оправдание обвинителям; а ты отпускаешь меня, наложив на меня новую заботу, вместо прежней. Я не о том уже забочусь, что мне сказать им за тебя, но о том, как мне отвечать за себя и за свои грехи перед Богом? Но прошу и умоляю тебя: если ты имеешь какое-нибудь попечение обо мне, "**если [есть] какое утешение во Христе, если [есть] какая отрада любви, если [есть] какое общение духа, если [есть] какое милосердие и сострадательность**" (Филип. 2:1), (ибо ты знаешь, что сам ты более всех подверг меня этой опасности), подай руку помощи, говори и делай все, что может ободрить меня; не позволяй себе оставлять меня и на кратчайшее время, но устрой, чтобы мне вместе с тобой теперь еще дружнее, чем прежде, проводить жизнь.

Златоуст. На это я с улыбкой сказал: чем же я могу помочь, какую принести пользу тебе при таком бремени забот? Но если это тебе угодно, не унывай, любезная глава. Время, в которое тебе можно будет отдохнуть от забот, я буду проводить с тобой, буду утешать и не опущу ничего, что будет по моим силам. При этом, заплакав еще более, он встал; а я, обняв его и поцеловав его голову, проводил его, увещевая мужественно переносить случившееся. Верю, говорил я, Христу, призвавшему тебя и предоставившему тебе овец своих, что от этого служения ты приобретешь такое дерзновение, что и меня, находящегося в опасности, в тот день примешь в вечную свою обитель.

БЕСЕДА
ПО РУКОПОЛОЖЕНИИ ВО ПРЕСВИТЕРА.

Произнесена св. Иоанном в Антиохии по рукоположении его во пресвитера Флавианом, епископом антиохийским, в начале 386 г. по Р. Х. В заглавии называется *первой*, т. е. из всех произнесенных с церковной кафедры, беседой "о себе, и об епископе, и о множестве народа".

НЕУЖЕЛИ истинно то, что случилось со мной? Действительно ли совершилось то, что совершилось, и я не обманываюсь? Неужели настоящее ни ночь и сновидение, но действительно день, и мы все бодрствуем? Кто поверил бы тому, что днем, когда люди не спали и бодрствовали, смиренный и презренный юноша вознесен на такую высоту власти? Ночью нисколько не странно бы этому случиться. Тогда иные, уродливые телом и не имеющие даже необходимой пищи, уснувши, видали себя стройными и красивыми и наслаждающимися царской трапезой, но эти представления были - сон и обман сновидений. Таково свойство сновидений: они изобретательны и причудливы и потешаются странными забавами. Но днем и на самом деле никто не увидит этого так легко случившимся. А ныне случилось, сбылось и свершилось, как видите, все такое, что невероятнее сновидений: и город, столь великий и многолюдный, и народ чудный и великий устремился к моему смирению, как бы надеясь услышать от меня что-либо великое и важное. Но, хотя бы я тек подобно рекам не иссякающим, и в устах моих содержались источники речей, и тогда, при таком множестве стекшихся для слушания, поток от страха тотчас остановился бы у меня и устремил воды свои назад; а когда я не

имею не только рек и источников, но и скудной капли, то, как не опасаться, чтобы и этот малый поток не иссяк, засохши от страха, и чтобы не было того же, что обыкновенно случается с телами? Что же бывает с телами? Часто держа в руке много вещей и сжимая их своими пальцами, мы, испугавшись, роняем все, от расслабления наших нервов и упадка телесных сил. Это же, боюсь, не случилось бы сегодня и с моей душой, и с великим трудом собранные мной для вас мысли, хотя малые и скудные, от страха пришедши в забвение, не исчезли бы и не улетели бы, оставив ум мой пустым. Поэтому прошу всех вас вообще, начальствующих и подчиненных, чтобы вы, сколько навели на меня страха прибытием для слушания, столько же вдохнули в меня смелости усердием в молитвах, и умолили "**Дающего слово благовествующим с великою силою**" (Пс. 67:12) дать и мне "*слово во отверзение уст*" (ср. Еф. 6:19). Для вас столь многих и великих, конечно, не трудно опять укрепить расслабленную страхом душу одного юноши; и справедливо было бы, если бы вы исполнили эту просьбу мою, так как для вас же я решился принять этот жребий, для вас и вашей любви, которой нет ничего сильнее и властительней, которая и меня, не очень опытного в красноречии, убедила говорить и заставила выйти на поприще учения, хотя я никогда прежде не выступал на таком поприще, но всегда был в ряду слушателей и наслаждался спокойным молчанием. Но кто так суров и необщителен, что пройдет молчанием ваше собрание, и, нашедши пламенно желающих слушать, не скажет им ничего, хотя бы он был безгласнее всех людей? Итак, намереваясь в первый раз говорить в церкви, я хотел начатки вступления посвятить Богу, давшему нам этот язык; так бы и следовало; потому что не только начатки гумна и точила, но и начатки слов надлежит посвящать Слову, даже начатки слов гораздо более, нежели начатки снопов. Притом, этот плод и нам свойственнее, и самому чтимому Богу приятнее. Гроздья и колосья произращают недра земли, питают потоки дождей и обрабатывают руки земледельцев: а священную песнь рождает благочестие души, воспитывает добрая совесть, и в сокровищницы небесные принимает Бог. Но насколько душа лучше земли, настолько и это произрастание лучше того. Посему и некто из пророков, муж чудный и великий, - Осия имя ему, - внушает оскорбившим Бога и желающим умилостивить Его, чтобы они приносили в жертву не стада волов и не муки столько-то и столько-то мер, не горлицу и голубя и не что-либо другое подобное, но что? "**Возьмите**", говорит, "**с собою слова**" (Ос. 14:3). Что за жертва слово? - может быть, скажет кто-нибудь. Величайшая, возлюбленный, и драгоценнейшая, и лучшая всех других. Кто говорит это? Тот, кто верно и лучше всех знает это, доблестный и великий Давид. Принося некогда благодарственную жертву за победу, одержанную на войне, он так говорил: "**буду славить имя Бога [моего] в песни, буду превозносить Его в славословии**" (Пс. 68:31). Потом, показывая нам превосходство этой жертвы, присовокупил: "**и будет это благоугоднее Господу, нежели вол, нежели телец с рогами и с копытами**" (Пс. 68:32). Так, хотел и я сегодня принести эти жертвы и обагрить кровью этих приношений духовный жертвенник; но что мне делать? Один премудрый муж заграждает мне уста и устрашает меня словами: "**неприятна похвала в устах грешника**" (Сир. 15:9). Как в венках должны быть чисты не только цветы, но и свивающая их рука; так и в священных песнях должны быть благочестивы не только слова, но и сплетающая их душа. А у меня она не чиста, не имеет дерзновения и исполнена многих грехов. Но людям такого свойства заграждает уста не только этот закон, но и другой, древнейший и прежде него постановленный. И этот закон ввел, сейчас беседовавший с нами о жертвах, Давид; ибо, сказав: "**хвалите Господа с небес, хвалите Его в вышних**", и немного после еще сказав: "**хвалите Господа от земли**" (Пс. 148:1,7), и призвав ту и другую тварь, горнюю и дольнюю, чувственную и умственную, видимую и невидимую, находящуюся выше неба и под небом, и из той и другой составив один хор, и так повелев хвалить Царя всех, он нигде не призывал грешника, но и здесь затворил перед ним двери.

2. А чтобы слова мои были яснее для вас, я прочитаю вам сначала самый псалом. "**Хвалите Господа с небес**", говорит он, " **хвалите Его в вышних, хвалите Его, все Ангелы Его, хвалите Его, все воинства Его**" (Пс. 148:1-2). Видишь ли хвалящих ангелов, видишь ли архангелов, видишь ли херувимов и серафимов, - эти вышние силы? Ибо, когда он говорит: "**все воинства Его**", то разумеет весь горний сонм. Но видишь ли здесь грешника? Как же, скажешь, можно ему явиться на небе? Пойдем же, низведем тебя на землю, переставив в другую часть хора; и здесь опять не увидишь его. "**Хвалите Господа от земли, великие рыбы и все бездны: звери и всякий скот, пресмыкающиеся и птицы крылатые**" (Пс. 148:7,10). Не напрасно и не без причины при этих словах я замолчал; смутились мысли в уме моем и пришлось горько заплакать и тяжко вздохнуть. Что может быть, скажи мне, достойнее жалости? Скорпионы, и змеи, и драконы призываются к хвалению Создавшего их; один грешник исключается из этого священного хора; и справедливо. Грех есть злой и свирепый зверь, не только выказывающий злость к сослужебным ему существам, но изливающий яд злобы и на славу Господню: "**ради вас**", говорит Господь, "**имя Божие хулится у язычников**" (Ис. 52:5, Римл. 2:24). Посему пророк и изгнал грешника из вселенной, как бы из священного отечества, и отправил в ссылку. Так и отличный музыкант отсекает от стройной кифары разногласящую струну, чтобы она не расстраивала согласия прочих звуков; так и искусный врач отсекает загнивший член, чтобы зараза от него не перешла на прочие здоровые члены. Так сделал и пророк, отсекши грешника от целого тела тварей как бы разногласящую струну и как бы загнивший член. Что же мне делать? Так как я отринут и отсечен, то, конечно, надобно молчать. Итак, скажите, ужели замолчать мне? Ужели никто не разрешит мне восхвалить нашего Владыку, и я напрасно просил ваших молитв, напрасно прибегал к вашему покровительству? Нет, не напрасно. Я нашел, нашел и другой способ славословия, по вашим же молитвам, которые среди этого недоумения заблистали, как молнии во мраке; я буду хвалить сослужителей. Можно хвалить и сослужителей; а когда они будут хвалимы, то прославление, конечно, перейдет и на Владыку. А что он и таким образом прославляется, это показывает Сам Христос в словах: "**да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Матф. 5:16). Вот и другой способ славословия, который можно и грешнику употребить и не нарушить закона.

3. Итак, кого, кого из сослушателей восхвалить мне. Кого же другого, как не общего учителя отечества [1], а через отечество и всей вселенной? Как он вас научил стоять за истину до смерти, так вы других людей научили скорее расставаться с жизнью, нежели с благочестием. Хотите ли, сплетем ему из этого венцы похвал? Хотел бы и я; но вижу неизмеримую бездну подвигов, и боюсь, чтобы слово, опустившись в глубину, не оказалось бессильным возвратиться наверх. Нужно было бы исчислить древние подвиги, - путешествия, бдения, заботы, советы, борьба, трофеи за трофеями и победами, деяния, превосходящие не только мой, но и всякий человеческий язык, требующие апостольского голоса, движимого Духом, который может обо всем сказать и научить. Но, минуя эту область, обратимся к другой, более безопасной, которую можно переплыть и на малой ладье. Поведем речь о воздержании и скажем, как он поработил чрево, как презрел роскошь, как отверг богатую трапезу, и притом быв воспитан в знатном доме. Нисколько неудивительно, когда к такой убогой и суровой жизни приступает живший в бедности; он имеет в самой бедности спутницу и сообщницу, ежедневно облегчающую ему это бремя; но кто владел богатством, тому нелегко вырваться из оков его; такое множество недугов объемлет его душу, т. е. страстей, которые как бы густое и темное облако, заграждая взоры ума, не попускают взирать на небо, но заставляют преклоняться вниз и смотреть в землю. Нет, нет ничего другого, что столь препятствовало бы шествию на небеса, как богатство и происходящие от богатства беды. Не мое это слово, но приговор, произнесенный Самим Христом, Который сказал: "**удобнее верблюду пройти сквозь**

игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие" (Матф. 19:24). Но вот это неудобное, а лучше сказать, невозможное стало возможным; и о чем некогда Петр недоумевал перед Учителем и хотел узнать, это мы все познали на самом деле, и даже более того; ибо этот муж не только сам восшел на небо, но и вводит туда столько народа, хотя имел кроме богатства и другие, не меньшие препятствия, - молодость и преждевременное сиротство, которые еще более могут омрачить всякую человеческую душу: такое имеют они обаяние, такую представляют отраву! Он же и над ними восторжествовал, и устремился к небесам, и прилепился к тамошнему любомудрию, не подумал о блеске настоящей жизни и не посмотрел на знаменитость предков, а лучше сказать посмотрел на знаменитость предков, - не тех, которые связаны с ним по естественной необходимости, но тех, которые близки к нему по благочестивому настроению. Посему он и сделался таким. Он посмотрел на патриарха Авраама, посмотрел на великого Моисея, который был воспитан в царском доме, наслаждался роскошной трапезой и вращался среди шума египетского (а вы знаете, каковы варвары, какой исполнены они гордости и тщеславия), но, пренебрегши всем этим, добровольно перешел к глине и плинфоделанию, - царь и сын царский пожелал быть в числе рабов и пленников. Поэтому он и возвратился в блистательнейшем виде, нежели какой прежде имел и отверг. После бегства и служения у тестя и после бедствий на чужбине, он возвратился властителем царя, или лучше, богом царя: "**поставил тебя**", говорит Господь, "**Богом фараону**" (Исх, 7:1). И был он славнее царя, не имея диадемы, не облекаясь в багряницу и не выезжая на золотой колеснице, но, поправ всю эту пышность; ибо "**вся слава**", говорится (в Писании), "**дщери Царя внутри**" (Пс. 44:14). Он возвратился со скипетром, которым повелевал не только людям, но небу, и земле, и морю, и естеству воздуха и воды, озерам, источникам и рекам; ибо стихии делались всем тем, чего хотел Моисей; в руках его тварь преобразовывалась, и, как бы какая покорная рабыня, увидевшая пришедшего друга своего господина, во всем слушалась и повиновалась ему, как самому Владыке. На него взирая и этот муж сделался таким, и, притом, будучи оным, если только он был когда-либо юным; я не верю этому; - такой старческий ум был у него от самых пелен. Но и будучи юным по возрасту он объял все любомудрие и познав, что наша природа подобна полю, заросшему лесом, легко отсекал душевные недуги словом благочестия, как бы каким серпом, представляя земледельцу чистую ниву для посева семян, и, принимая все эти семена, внедрял их в глубину, чтобы они, укоренившись снизу, не страдали от жара солнечных лучей и не были подавляемы тернием. Так он возделывал свою душу, а похотения плоти укрощал врачевствами воздержания, возлагая на тело, как бы на какого непослушного коня, узду поста, и до того сдерживал его, что самые уста похотей обагрял кровью, с надлежащей, впрочем, умеренностью; ибо и не напрягал тела слишком сильно, чтобы связанный путами конь не оказался негодным ему для службы, и не попускал ему впасть в чрезмерную тучность, чтобы оно, сделавшись слишком плотским, не восстало на правящий им ум, но заботился вместе и о здоровье его и о благопристойности. И не в юности только он был таким, но, и, миновав этот возраст, не прекратил такой заботливости; напротив и теперь, когда находится в старости, как бы в тихой пристани, продолжает соблюдать ту же попечительность. Подлинно юность, возлюбленные, подобна яростному морю, исполненному свирепых волн и бурных ветров; а седина вводит души состарившихся как бы в безмятежную пристань, предоставляя им наслаждаться свойственной этому возрасту безопасностью. Ей наслаждаясь теперь и находясь, как я выше сказал, в пристани, этот муж не менее того беспокоится и о тех, которые обуреваются среди моря; такой боязни он научился у Павла, который и после того, как восходил на небо и, перешедши следующее за ним, достигал даже до третьего неба, говорил: боюсь, "**дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (1 Кор. 9:27). Посему и этот муж держит себя в постоянном страхе, чтобы постоянно быть в безопасном состоянии, и сидит при кормиле, наблюдая не восхождения звезд, не подводные камни и скалы, но нападения демонов и козни дьявола, и восстания помыслов,

и, обходя вокруг своего воинства, соблюдает всех в безопасности. Он не только смотрит за тем, чтобы ладья не потонула, но принимает все меры к тому, чтобы и никто из плывущих не испытал какого-нибудь беспокойства. Благодаря ему и его мудрости мы все и плывем благополучно, распустив вполне паруса корабля.

4. Когда мы потеряли прежнего отца [2], который родил нам и этого, то наше положение было затруднительно. Поэтому и плакали мы горько, как бы не надеясь, что этот престол получит другого такого мужа. Но когда явился этот муж и стал посреди, то разогнал все наше уныние, как облако, и рассеял все печали, прекратив наш плач, не постепенно, а вдруг так, как будто бы тот блаженный сам, вставши из гроба, опять взошел на этот престол. Впрочем, увлекшись подвигами нашего отца, я незаметно продолжил беседу сверх меры, не сверх меры его подвигов, - о них я еще и не начинал говорить, - но сверх меры, какая прилична моей юности. Остановим же беседу, как бы в пристани, молчанием. Хотя она не хочет остановиться, а с ропотом и негодованием желает вполне насладиться цветами (красноречия); но, дети, это невозможно. Перестанем же гнаться за недостижимым; для нашего утешения довольно и сказанного. Так бывает и с драгоценными мастями: они не только тогда, когда кто-либо прольет их из сосуда, но и когда пальцами коснется крайней поверхности его, растворяются в воздухе и всех присутствующих обдают благоуханием; то же произошло и теперь не силой моих слов, но доблестью подвигов этого мужа. Отойдем же, отойдем, обратившись к молитвам: помолимся о том, чтобы общая наша матерь (церковь) пребывала непоколебимой и неподвижной, и чтобы этот отец, учитель, пастырь, кормчий, жил долгие лета. Если вы удостаиваете какого-нибудь внимания и меня (ибо я не осмаливаюсь ставить себя на ряду со священниками, как "**извергов**" нельзя считать наравне с совершеннорожденными), - если вы вообще удостаиваете какого-нибудь внимания и меня, хотя бы как некоего "**изверга**" (1 Кор. 15:8), то помолитесь о ниспослании мне великой помощи свыше. Я нуждался в защите и прежде, когда жил сам по себе спокойной жизнью; когда же я выведен на середину, - не говорю как, человеческим ли содействием или Божественной благодатью; не рассуждаю с вами об этом, чтобы не сказал кто-нибудь, будто говорю притворно, - но когда я выведен и принял на себя это крепкое и тяжкое иго, то мне нужно много рук помощи, нужны бесчисленные молитвы, чтобы я мог в целости возвратить залог давшему его Владыке в тот день, когда получившие таланты будут названы и приведены и должны будут отдать в них отчет. Итак, помолитесь, чтобы мне быть не в числе связанных и ввергаемых во тьму (кромешную), но в числе имеющих получить хотя малое снисхождение, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава, и держава, и поклонение во веки веков. Аминь.

---

[1] Флавиана, епископа антиохийскаго.

[2] Св. Мелетия, предшественника Флавианова на епископской кафедре в Антиохии.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ.

Двенадцать слов под заглавием "против Аномеев" направлены против чистых ариан, которые не признавали Сына Божьего Иисуса Христа не только единосущным Богу-Отцу, но и подобным Ему по существу, и, между прочим, приписывали себе знание самого существа Божьего. Не прекращавшееся во времена св. Иоанна Златоустого лжеучение

этих еретиков, которых нарицательное название (anomoioi) тогда обратилось в собственное имя, подало повод святителю составить против них слова о "непостижимом" существе Божьем и "единосущии" Сына Божья с Богом-Отцом и произнести первые десять слов в Антиохии в 386 и 387 годах не непрерывно, но с некоторыми промежутками времени, а последние в Константинополе в 398 году. Каждое из этих слов в подлиннике имеет более подробное заглавие, соответствующее его содержанию. Так, полное заглавие 1-го слова следующее: "о непостижимом, в отсутствии епископа, против Аномеев".

СЛОВО ПЕРВОЕ.

ЧТО ЭТО? Пастырь отсутствует [1], а овцы стоят весьма благочинно. И в этом заслуга пастыря, что пасомые не только в присутствии его, но и в отсутствии показывают полное усердие. С бессловесными животными бывает так: когда нет человека, выгоняющего овец на пастбище, они по необходимости остаются в загонах, или, если вырвутся из загона без пастуха, долго блуждают; здесь же не случилось ничего такого, но и в отсутствии пастыря вы стеклись на обычные пастбища с великим благочинием; или, лучше сказать, и пастырь здесь присутствует, если не телом, то произволением, если не присутствием телесным, то благочинием паствы. Поэтому особенно я удивляюсь и ублажаю его, что он мог внушить вам такую ревность. И военачальнику мы в особенности удивляемся тогда, когда даже в его отсутствии войско соблюдает порядок. Этого и Павел требовал от учеников: "**итак**", говорит он, "**возлюбленные мои, как вы всегда были послушны, не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего**" (Филип. 2:12). Почему: "**гораздо более ныне, во время отсутствия моего?**" Потому, что в присутствии пастыря, хотя бы и пришел к стаду волк, он легко прогоняется от овец; когда же пастырь отсутствует, пасомые по необходимости бывают в большем беспокойстве, так как никто не защищает их. Притом, если пастырь присутствует, он разделяет с пасомыми награды за усердие, а, не присутствуя, он дает возможность ясно обнаружиться собственной их заслуге. Это говорит и учитель наш, сказавший вам, что, где бы он ни находился, он представляет себе и нынешнее ваше собрание и взирает не столько на тех, которые теперь находятся и присутствуют при нем, сколько на вас отсутствующих. Я знаю его любовь кипящую, пламенеющую, горячую и непреодолимую, которую он укоренил в самой глубине души и хранит с великим усердием. Он совершенно знает, что любовь есть глава, корень, источник и мать всех благ, и что без нее все прочее не приносит нам никакой пользы; она есть знак учеников Господа, отличительное свойство рабов Божьих, признак апостолов. "**По тому узнают все**", говорит (Иисус Христос), "**что вы Мои ученики**" (Иоан. 13:35). Что же, скажи мне, значит – "**по тому**"? О воскрешении ли мертвых, или очищении прокаженных, или изгнании бесов? Нет, говорит Он; и, умалчивая обо всем этом, присовокупляет: "**по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою**". Такие дела суть дары одной вышней благодати, а любовь есть добродетель, зависящая и от человеческого усердия. Человека доблестного обыкновенно отличают не столько дары, посылаемые свыше, сколько заслуги собственных его трудов. Потому Христос и говорит, что Его ученики узнаются не по знамениям, а по любви. Когда есть любовь, то стяжавший ее не имеет недостатка ни в какой части любомудрия, но обладает всецелой, всесовершенной и полной добродетелью; равно как без нее он лишается всех благ. Поэтому и Павел восхваляет и превозносит ее, или вернее сказать, сколько бы он ни говорил, никогда не в состоянии вполне выразить ее достоинства.

2. Что может сравниться с той, которая заключает в себе пророков и весь закон и без которой ни вера, ни знание, ни ведение тайн, ни самое мученичество и ничто другое не может спасти того, кто достиг всего этого? "**И отдам тело мое**", говорит апостол, "**на**

сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы" (1 Кор. 13:3). И еще, в другом месте, объясняя, что любовь больше всего и есть глава всех благ, он сказал: "**любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится, пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше**" (1 Кор. 13:8,13).Впрочем, речь о любви привела нас к немаловажному вопросу. Что "**пророчества прекратятся, и языки умолкнут**", это не тяжко; потому что эти дарования принесли нам в свое время пользу и, прекратившись, не могут нисколько повредить учению; так, например, теперь нет ни пророчества, ни дара языков, и, однако, учение благочестия не встречает никакого препятствия; а что и знание прекратится, это требует исследования. Сказав: "**пророчества прекратятся, и языки умолкнут**", апостол присовокупил: "**и знание упразднится**". Если же прекратится знание, то дело будет клониться у нас не к лучшему, а к худшему; потому что без знания мы совершенно перестанем быть людьми: "**бойся Бога**", говорит (премудрый), "**и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека**" (Еккл. 12:13). Если быть человеком значит бояться Бога, а страх Божий происходит от знания, знание же "**упразднится**", как говорит Павел, то мы, когда не будет знания, совершенно погибнем, все у нас исчезнет, и мы будем нисколько не лучше бессловесных, но еще гораздо хуже; потому что мы превосходим их разумом, а во всем прочем телесном много уступаем им. Итак, что значит и о чем говорит Павел в словах: "**знание упразднится**"? Не о всецелом знании, а о части знания он говорит это, называя упразднением переход к лучшему, так что частное, по его упразднении, будет уже не частным, а совершенным. Как возраст дитяти упраздняется не уничтожением его существования, но возрастанием и переходом его в возраст совершенного мужа, так бывает и со знанием. Это малое, говорит он, уже не будет малым, когда сделается впоследствии великим; вот что значит: "**упразднится**", это яснее нам он выразил в следующих словах. Чтобы кто-нибудь, услышав об упразднении, не подумал, что оно есть совершенное уничтожение, но знал, что это только некоторое возрастание и переход к лучшему, он, сказав: "**упразднится**", присовокупил: "**ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем: когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится**" (1 Кор. 13:9-10), так что знание будет уже не отчасти, но совершенным. Несовершенство его упразднится тем, что оно будет уже не несовершенным, а совершенным. Таким образом, это упразднение есть восполнение и переход к лучшему.

3. И посмотри на мудрость Павла; он не сказал: часть мы разумеем, но: "**отчасти знаем**", выражая, что мы обладаем частью части. Может быть, вы желаете слышать, какою частью мы обладаем и какой нам недостает, и большей ли мы обладаем, или меньшей? Чтобы ты знал, что обладаешь меньшей частью, и не просто меньшей, но, можно сказать, сотой или тысячной, выслушай следующее. Впрочем, прежде прочтения вам апостольского изречения, я приведу пример, который, сколько возможно для примера, может показать вам, какой части недостает нам и какой мы ныне обладаем. Какое же различие между знанием, которое будет дано нам, и настоящим. Такое различие, какое между мужем совершенным и грудным младенцем; так велико превосходство будущего знания в сравнении с настоящим. А что это истинно, и что первое действительно настолько выше последнего, об этом пусть опять скажет сам Павел. Сказав: "**отчасти знаем**", и желая показать, от какой части и что мы именно обладаем ныне малейшей частью, он присовокупил: "**когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое**" (Кор. 13:11), причем сравнил настоящее знание с состоянием младенца, а будущее знание с состоянием совершенного мужа. И не сказал: когда я был отроком, - ибо отроком называется и двенадцатилетний, - но: "**когда я был младенцем**", представляя нам младенца грудного, еще питающегося молоком и сосущего грудь. А что Писание такого именно называет младенцем, выслушай слова псалма: "**Господи, Боже наш! как величественно имя Твое по всей земле! Слава Твоя простирается превыше небес! Из**

уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу" (Псал. 8:1-2). Видишь ли, что младенцем везде (Писание) называет грудное дитя? Потом, приводя духом бесстыдство будущих людей, апостол не удовольствовался одним только этим примером, но и вторым и третьим подтвердил нам тоже. Как Моисей, посылаемый к иудеям, получил в удостоверение три знамения, дабы, если они не поверят первому, послушались голоса второго, а если пренебрегут и этим, то устыдились бы третьего и приняли пророка (Исх, гл. 4), так и Павел приводит три примера: один - младенца, когда говорит: "**когда я был младенцем, то по-младенчески мыслил**"; второй - зеркала, и третий - гадания. Сказав: "**когда я был младенцем**", он присовокупил: "**мы видим как бы сквозь [тусклое] стекло, гадательно**" (1 Кор. 13:12). Вот второй пример нынешней нашей немощи и того, что наше знание несовершенно; третий еще: "**гадательно**". И младенец видит, слышит и говорит многое, но ясно ничего не видит, не слышит и не говорит; он и мыслит, но ни о чем не мыслит раздельно; так и я, хотя знаю многое, но не разумею способа существования предметов. Я знаю, что Бог существует везде, и то знаю, что Он везде существует всецело; но каким образом, этого не знаю; знаю, что Он безначален, не рожден, вечен; но как, этого не знаю, потому что ум не может постигнуть, как может быть существо, не имеющее начала бытия своего ни от себя самого, ни от другого. Я знаю, что Он родил Сына, но как, этого не разумею; знаю, что Дух из Него; но как из Него, этого не постигаю; я вкушаю яства, но как они обращаются в мокроту, в кровь, в соки, в желчь, не знаю. Того, что мы каждый день видим и вкушаем, мы не разумеем; как же мы хотим исследовать существо Божье?

4. Итак, где те, которые говорят, что они получили все знание, а между тем впали в бездну неведения? Ибо они, утверждая, что постигли все в настоящее время, в будущем лишают себя всецелого знания. Когда я говорю, что знаю только отчасти, и затем утверждаю, что это знание упразднится, то я ожидаю лучшего и совершеннейшего, так как частное упразднится и наступит совершеннейшее; а тот, кто говорит, что он обладает полным, всецелым и совершенным знанием, и потом признает, что оно в будущем упразднится, объявляет себя лишенным знания, так как это знание упразднится, а другое совершеннейшее не наступит, если настоящее, по их мнению, есть совершенное. Видите ли, как они, усиливаясь здесь иметь все, и здешнего не имеют, и там лишают себя всего? Таково зло - не оставаться в пределах, которые от начала назначил нам Бог! Так и Адам, в надежде на большую честь, лишился и той, какая была; так бывает и со сребролюбцами: многие, желая большего, часто теряют и настоящее; так и эти люди, надеясь здесь иметь все, лишились и части. Посему увещеваю избегать их безумия; ибо крайнее безумие - присваивать себе знание того, что есть Бог по существу. А дабы убедиться, что это крайне безумно, я объясню вам это из пророков. Пророки, как видно, не только не знали, что есть Бог по существу, но и о премудрости Его недоумевали, как она велика, хотя не существо зависит от премудрости, а премудрость от существа. Если же пророки не могли постигнуть с точностью даже этого (свойства Божьего), то, как безумно было бы думать, что собственными суждениями можно определить самое существо Божье? Итак, выслушаем, что говорит пророк о премудрости Божьей: "**дивно для меня ведение [Твое]**" (Псал. 138:6). Впрочем, начнем речь с другого места: "**славлю Тебя, потому что я дивно устроен**" (Псал. 138:14). Что значит: "**дивно**"? Многому мы удивляемся теперь, но не со страхом; например - красоте колонн, произведениям живописи, цветам тел; удивляемся и величию моря, также и неизмеримой бездне, но со страхом тогда, когда в эту бездну будем погружаться. Так и пророк, углубившись в беспредельное и неизмеримое море премудрости Божьей, изумился и в удивлении с великим страхом отступил, взывая так: "**славлю Тебя, потому что я дивно устроен. Дивны дела Твои**"; и еще: "**дивно для меня ведение [Твое], - высоко, не могу постигнуть его**" (Псал. 138:14,6). Посмотри на признательность раба: благодарю Тебя, говорит он, за то, что я имею непостижимого Владыку; говорит здесь не о существе Его; - это он оставляет, как уже признанное

непостижимым; - но говорит здесь о вездесущии Божьем, выражая, что он не знает и того, как Бог везде присутствует. А что он именно об этом говорит, выслушай следующее: "**взойду ли на небо - Ты там; сойду ли в преисподнюю - и там Ты**" (Псал. 138:8). Видишь ли, как Бог везде присутствует? И, однако, пророк не знает, но изумляется, недоумевает и ужасается при одной только мысли об этом. Итак, не крайне ли безумны те, которые, будучи столь далеки от благодати пророка, усиливаются постигнуть самое существо Божье? Тот же пророк говорит: "**внутрь меня явил мне мудрость**" (Псал. 50:8); и, однако, познав безвестное и тайное премудрости Его, о ней самой он говорит, что она беспредельна и непостижима. "**велик Господь наш**", говорит он, "**и велика крепость [Его], и разум Его неизмерим**", т. е. нет возможности постигнуть его (Псал. 146:5). Что же ты говоришь? Для пророка премудрость (Божья) непостижима, а для нас постижимо и существо Его? Не явное ли это безумие? Величие Его не имеет предела, а ты ограничиваешь существо Его?

5. Размышляя об этом, и Исаия сказал: "**род Его кто изъяснит**" (Иса. 53:8)? Не сказал: кто исповедает, но: "**кто изъяснит**", устранив возможность этого и в будущем. Давид говорит: "**дивно для меня ведение [Твое]**" (Пс. 138:6); а Исаия говорит, что не ему только, но и всему человеческому роду недоступно это исповедание. Впрочем, посмотрим, не знал ли этого Павел, так как ему дана была большая благодать; но он сам говорит: "**отчасти знаем, и отчасти пророчествуем**" (1 Кор. 13:9), - и не только здесь, но и в другом месте, где рассуждает не о существе (Божьем), но о премудрости, видимой в промышлении, и притом исследует не всецелую премудрость Божью, по которой Он промышляет об ангелах, архангелах и вышних силах, а только ту часть промысла (Божья), по которой Он промышляет о людях на земле, и даже только часть этого промысла. Он исследует не всю премудрость, по которой Бог совершает восход солнца, по которой вдыхает души, по которой образует тела, по которой питает людей на земле, по которой содержит мир, по которой дает ежегодную пищу; но, оставив все это и наследуя некоторую малую часть промысла Божья, по которой Он отверг иудеев и принял язычников, и при взгляде на эту самую малую часть, как на беспредельное море, он изумился и, увидев неизмеримую бездну, тотчас отступил и громко воскликнул: "**о, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как неисследимы судьбы Его** " (Римл. 11:33): не сказал: непостижимы, но: "**неисследимы**"; если же невозможно испытать их, то тем более невозможно постигнуть. "**И неисследимы пути Его**". Скажи мне, если пути Его неисследимы, неужели сам Он постижим? Но что я говорю о путях? Даже ожидающие нас награды непостижимы; ибо "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его**" (1 Кор. 2:9). И дар Его невыразим: "**благодарение Богу**", говорит апостол, "**за неизреченный дар Его**" (2 Кор. 9:15). "**И мир Божий, который превыше всякого ума**" (Филип. 4:7). Что же ты говоришь? Судьбы Его непостижимы, пути Его неисследимы, мир превосходит всякий ум, дар невыразим, уготованное Богом любящим Его не приходило на сердце человеку, величие не имеет предела, разум без числа, все непостижимо, а сам Он постижим? Не крайняя ли это степень безумия? Удержи еретика; не дозволяй ему удалиться; спроси, что говорит Павел в словах: "**от части знаем**"? Может быть, он скажет, что Павел говорит здесь не о существе (Божьем), а о делах домостроительства. Тем лучше, если у него была речь и о делах домостроительства, то еще больше наша победа; ибо, если дела домостроительства Божья непостижимы, то гораздо больше - Он сам. А что здесь апостол говорит не о делах домостроительства, но о самом Боге, выслушай следующее. Сказав: "**отчасти знаем, и отчасти пророчествуем**", он присовокупил: "**теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан**" (1 Кор. 13:9,12). От кого же он познан был: от Бога, или от дел домостроительства? Очевидно, от Бога; следовательно, Его он и "**знает отчасти**". "**Отчасти**", сказал он не в том смысле, будто одну часть Его существа он знает, а другой не знает (Бог - существо простое), но он знает, что Бог существует, а того, что Он

есть по существу, не знает; знает, что Он премудр, а насколько премудр, не знает; не не знает, что Он велик, а насколько велик, или каково величие его, этого не знает; знает, что Он везде присутствует, а как это, не знает; не не знает, что Он промышляет, содержит все и сохраняет в целости, но каким образом Он делает это, не знает. Посему он и сказал: "**отчасти знаем, и отчасти пророчествуем**".

6. Но, если угодно, оставим Павла и пророков и взойдем на небеса, нет ли там кого-нибудь знающего, что есть Бог по существу. Конечно, хотя бы там и нашлись знающие, у них нет ничего общего с нами; ибо велико различие между ангелами и людьми; однако, чтобы ты сильнее убедился, что и там ни одна созданная сила не знает этого, послушаем ангелов. Что же? О существе ли Божьем они беседуют там и вопрошают друг друга? Нет, но что? Они прославляют, поклоняются непрестанно с великим трепетом воссылают хвалебные и таинственные песнопения; и одни говорят: "**слава в вышних Богу**" (Лук. 2:14); серафимы взывают: "**Свят, Свят, Свят**" (Иса. 6:3), и отвращают очи свои, не имея сил сносить даже снисхождения Божья; а херувимы восклицают: "**благословенна слава Господа от места своего**" (Иезек. 3:12), не потому, чтобы было место у Бога, - да не будет, - но как мы сказали бы, выражаясь по-человечески: где бы Он ни был, или как бы Он ни был, - если только и это безопасно сказать о Боге, так как наш язык - человеческий. Видишь ли, какой страх вверху, и какое пренебрежение внизу? Те прославляют, а эти исследуют; те славословят, а эти испытывают; те закрывают лица, а эти усиливаются бесстыдно взирать на неизреченную славу. Кто не будет воздыхать, кто не будет оплакивать их бессмысленность и такое крайнее безумие? Я желал бы еще продолжить речь, но так как я теперь в первый раз вступил в эти состязания, то, думаю, для вас полезно будет пока удовольствоваться сказанным, чтобы множество предметов, о которых будет сказано, сменяясь с великой стремительностью, не изгладило и этого из памяти; но непременно, если Бог допустит, мы еще много будем заниматься этим предметом. Я давно питал желание вести с вами речь об этом, но медлил и отлагал, видя, что многие из зараженных этой болезнью с удовольствием слушают нас; не желая отгонять добычу, я до сих пор удерживал язык от этих состязаний, чтобы, сильнее привлекши их, потом и выступить на борьбу; а так как, по благодати Божьей, они сами, как я слышал, приглашают и вызывают меня на эти состязания, то я уже смело выступил на борьбу и взял "**оружия**", помышления "**и всякое превозношение, восстающее против познания Божия**" (2 Кор. 10:4-5). Впрочем, я взял это оружие не для того, чтобы низложить противников, но чтобы восстановить лежащих; сила этого оружия такова, что любящих споры оно может поражать, а благонамеренных слушателей исцелять с великим успехом; оно не наносит ран, но исцеляет раны.

7. Итак, не будем сердиться и гневно относиться к ним, но будем кротко беседовать с ними; ибо нет ничего сильнее скромности и кротости. Посему и Павел повелел тщательно придерживаться этого, сказав: "**рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем**" (2 Тим. 2:24); не сказал: к братьям только, но: "**ко всем**". И еще: **кротость ваша да будет известна всем человекам**", - не сказал: братьям, но – "**всем человекам**" (Филип. 4:5). Ибо, что пользы, говорит (Господь), "**если вы будете любить любящих вас**" (Матф. 5:46)? Если дружба с кем-нибудь вредит и влечет к участию в нечестии, то, хотя бы то были родители, удались от них; хотя бы то был глаз, исторгни его. "**Если же**", говорит Господь, "**правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его**" (Матф. 5:29); Он говорит не о теле: как это может быть? Если бы Он говорил о телесной природе, то вина падала бы на Создателя природы; притом надобно было бы исторгнуть не один глаз; потому что, если останется левый, то он также может соблазнять владеющего им. Но чтобы ты знал, что здесь речь не о глазе, Господь прибавил: "**правый**", указывая на то, что хотя бы кто был для тебя так дорог, как правый глаз, вырви его и расторгни свою дружбу с ним, если он соблазняет тебя. Что пользы иметь глаз, если

погибнет целое тело? Итак, если дружба, как я сказал, причиняет вред, то будем избегать ее и удаляться; а если она нисколько не вредит нашему благочестию, то будем привлекать и привязывать к себе друзей; если же сам ты не приносишь пользы другу, а от него получаешь вред, то предпочитай оставаться невредимым в разлуке с ним, и избегай дружеских связей, если они вредят, - только избегай, а не ссорься и не враждуй. Так увещевает и Павел следующими словами: "**если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми**" (Римл. 12:18). Ты - раб Бога мира; Он, изгонявший бесов и совершавший множество добрых дел, когда называли Его беснующимся, не ниспослал молнии, не поразил поносителей, не сжег языка столь бесстыдного и неблагодарного, хотя мог сделать все это, а только отклонил укоризну, сказав: "**во Мне беса нет; но Я чту Отца Моего**" (Иоан. 8:49). А когда раб первосвященника ударил Его, что сказал Он? "**если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня**" (Иоан. 18:23)? Если же владыка ангелов отвечает и оправдывается перед рабом, то нет нужды говорить более. Храни только эти слова в уме, часто повторяй их и говори: "**если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня**?" Представляй себе, Кто говорит это, кому говорит и почему, и будут для тебя эти слова некоторым божественным и непрестанным припевом, который в состоянии будет утишить всякое раздражение; представляй достоинство Оскорбленного, ничтожество оскорбившего, чрезмерность оскорбления. Раб не только поносил, но и ударил, и не просто ударил, но в ланиту; нет ничего поноснее такого удара; однако Господь все перенес, чтобы ты наилучшим образом научился смиренномудрию. Об этом не только будем рассуждать теперь, но вспомним и тогда, когда придет время. Вы похвалили сказанное, но выразите мне эту похвалу делами. Ратоборец упражняется в своей школе для того, чтобы при ратоборстве показать пользу этих упражнений; так и ты, когда разгневаешься, покажи пользу здешнего слушания, и непрестанно повторяй эти слова: "**если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня**?" Начертайте это в своем уме; для того я непрестанно и повторяю вам эти слова, чтобы все сказанное внедрилось в вашей душе, чтобы осталось неизгладимым в вашей памяти, и от этого памятования была польза. Если мы будем иметь эти слова ясно начертанными в нашем уме, то никто не будет столь каменным, непризнательным и бесчувственным, чтобы когда-нибудь увлечься гневом; эти слова, лучше всякой узды и всяких удил, могут удержать наш язык, выходящий из пределов умеренности и благопристойности, успокоить возбужденный ум, расположить к постоянной скромности и водворить в нас полный мир, которым да сподобимся мы наслаждаться всегда, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава и поклонение, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

---

[1] Епископ антиохийский Флавиан

ПРОТИВ АНОМЕЕВ

СЛОВО ВТОРОЕ.

В заглавии этого слова сказано: (св. Иоанна Златоустого) за много дней прежде говорившего против аномеев, потом против иудеев, потом не говорившего по причине присутствия епископов и совершавшихся воспоминаний о многих мучениках, теперь опять (слово) против аномеев, о непостижимом.

ВЫСТУПИМ опять против неверных аномеев; если они негодуют, получая название неверных, то пусть они избегают самого дела, и я не буду употреблять этого названия; пусть они оставят неверные мысли, и я оставлю оскорбительное название. Если же они, бесчестя веру делами и подвергая себя посрамлению, не стыдятся; то почему негодуют на меня, укоряющего их словами в том, что они сами показывают делами? Когда я недавно, как вы помните, начал рассуждения о них и даже вступил в борьбу с ними, тотчас заняли меня состязания с иудеями, ибо не безопасно было оставить без внимания собственные заболевшие члены. Для рассуждений против аномеев всегда есть время; а тогда, если бы я предварительно и скоро не спас от иудейского пожара больных наших братьев, зараженных иудейскими мнениями, не последовало бы никакой пользы от нашего увещания, так как у них распространялся грех касательно поста. После же состязаний с иудеями меня опять заняло прибытие многих духовных отцов, собравшихся сюда от многих мест, и мне не благовременно было продолжать свои рассуждения, когда все они стеклись как бы реки в это духовное море; а по отбытии их непрестанно следовали одни за другими воспоминания о мучениках, и должно было бы не пренебрегать прославлением этих подвижников. Говорю это и перечисляю для того, чтобы вы не подумали, будто замедление состязаний с аномеями произошло у меня от лености и нерадения. Теперь же, когда я уже освободился от борьбы с иудеями, и отцы возвратились в свои отечества, и довольно насладились мы славословием мучеников, я приступлю к удовлетворению давнего вашего желания слушать меня. Я хорошо знаю, что каждый из вас желает слушать рассуждения об этом не менее того, сколько я желаю говорить; а причина та, что город наш издавна христолюбив и такое вы получили наследие от предков, чтобы не пренебрегать искажением благочестивых догматов. Откуда это видно? Некогда, при ваших предках, пришли "**некоторые из Иудеи**" (Деян. 15:1), искажая чистые догматы апостольского учения и повелевая обрезываться и соблюдать закон Моисеев. Тогдашние жители вашего города не потерпели этого нововведения и не смолчали; но подобно тому, как поступают верные псы, увидев волков, нападающих и повреждающих все стадо, они восстали против них и перестали выгонять их отовсюду и преследовать не прежде, как сделали то, что по всей вселенной разосланы были апостолами догматы, полагающие преграду такому нападению на верных как этим людям, так и всем после них.

2. С чего начать нам рассуждения против аномеев? С чего иного, как не с обличения их в неверии? Они делают и предпринимают все, чтобы исторгнуть из души слушателей веру; а какая вина больше этой может быть доказательством нечестия? Когда Бог объявляет что-нибудь, то сказанное должно принимать с верой, а не исследовать дерзко. Пусть, кому из них угодно, называют меня неверным: я не досадую. Почему? Потому, что я делами показываю, как называть меня. Что я говорю: пусть называют неверным? Пусть называют меня даже безумным о Христе; и этим названием я восхищаюсь, как венцом; потому что разделяю это название с Павлом, который говорит: "**мы безумны Христа ради**" (1 Кор. 4:10). Это безумие разумнее всякой мудрости; потому что чего не могла достигнуть внешняя (языческая) мудрость, то совершено буйством о Христе; оно разогнало мрак вселенной, оно принесло свет ведения. Но что такое "**безумие**" о Христе? То, когда мы укрощаем собственные помыслы, мятущиеся безвременно, когда освобождаем и очищаем свой ум от внешнего учения, чтобы, когда нужно принимать Христово учение, он был у нас свободен и очищен для принятия божественных вещаний. Когда Бог объявляет что-нибудь такое, чего не должно исследовать, то надлежит принимать верой. Исследовать причины этого, требовать отчета и допытываться способа осуществления, свойственно душе самой дерзкой и отчаянной. Это я постараюсь доказать также из самых Писаний. Некто Захария был муж дивный и великий, почтенный первосвященством, получивший от Бога право предстательствовать за весь народ. Этот Захария, вошедши во Святое Святых, в место самое недоступное, которое видеть тогда позволялось только ему одному из всех людей (заметь, он был равносилен целому народу, так что мог возносить к Богу молитвы

за весь народ и умилостивлять Владыку за рабов; видишь ли величие дерзновения его, как бы некоторого посредника между Богом и людьми?), увидел ангела стоявшего внутри; и так как вид его устрашал человека, то ангел сказал: "**не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя**", и вот ты родишь сына (Лук. 1:13). Какая же здесь последовательность? Тот просил за народ, молился за грехи, испрашивал прощения подобным себе рабам, а (ангел) говорит: "**не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя**", и в доказательство того, что она услышана, возвещает, что у него родится сын Иоанн? Весьма правильная последовательность; так как Захария молился за грехи народа, а имел родить сына, который взывал: "**вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира**" (Иоан. 1:29); то ангел справедливо говорит: "**услышана молитва твоя**", и ты родишь сына. Что же Захария? Речь у нас о том, что допытываться способов исполнения вещаний божественных непростительно, что нужно принимать эти определения верой. А Захария знал свой возраст, седины, ослабевшее тело, знал бесплодие жены, и не поверил, пожелал узнать способ исполнения и сказал: "**по чему я узнаю это**" (Лук. I, 18)? Как говорит он, это исполнится? Вот, "**ибо я стар**" и поседел, "**и жена моя**" бесплодна, "**в летах преклонных**"; возраст поздний, природа неспособная; как исполнится обещанное? Я - сеятель слабый, нива неплодна. Не кажется ли кому-нибудь, что он достоин извинения, спрашивая об исполнении дела, и, по-видимому, не справедливо ли он говорит? Но перед Богом он не оказался достойным извинения; и весьма справедливо. Когда Бог объявляет что-нибудь, то не должно поднимать суждений и указывать на последовательность дел, или требование природы, и на что-либо другое подобное; потому что сила определения (Божья) выше всего этого и не останавливается никаким препятствием. Что делаешь ты, человек? Бог обещает, а ты указываешь на возраст и ссылаешься на старость. Неужели старость сильнее обетования Божья? Неужели природа могущественнее Творца природы? Разве ты не знаешь, что крепки дела слов Его? Словом Его утверждено небо, слово Его произвело тварь, слово Его сотворило ангелов, а ты сомневаешься в рождении? Поэтому ангел и разгневался и не простил Захарии даже ради его священства; напротив, по этому самому он был больше наказан. Тот, кто был почтен более других, должен был превосходить других и верой. Какой же способ наказания? "**И вот, ты будешь молчать, и не будешь иметь возможности говорить**" (Лук. 1:20). Язык твой, говорит он, послужил к произнесению слов неверия; он же получит и наказание за неверие: "**и вот, ты будешь молчать, и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется**". Представь человеколюбие Господа: ты не веришь мне, говорит Он, - прими же теперь наказание; а когда я оправдаю это самыми делами, тогда прекращу гнев; когда узнаешь, что ты справедливо наказан, тогда освобожу тебя от наказания. Пусть послушают аномеи, как гневается Бог, когда Он подвергается исследованию. Если же Захария наказывается за то, что не поверил смертному рождению, то, скажи мне, как избегнешь наказания ты, исследуя неизреченное и вышнее? Захария не утверждал чего-нибудь, а только желал узнать, и однако не получил прощения; какое же будешь иметь оправдание ты, утверждающий, что знаешь даже невидимое и непостижимое для всех, какого не навлечешь на себя наказания?

3. Впрочем, рассуждения о рождении пусть останутся до удобного времени; а теперь приступим к прежнему предмету, которого я прежде не докончил, стараясь вырвать гибельный корень, мать всех зол, от которого и произошли у них такие мнения. Какой же это корень всех зол? Поверьте, ужас объемлет меня, когда я намереваюсь назвать его; не решаюсь языком произнести то, что они постоянно держат в уме. Какой же корень этих зол? Человек дерзнул сказать: я знаю Бога так, как сам Бог знает себя. Нужно ли обличать это? Нужно ли доказывать? Не довольно ли только произнести такие слова, чтобы показать все их нечестие? Это - явное безумие, непростительное безрассудство, новейший вид нечестия; никто никогда не дерзал ни помыслить, ни произнести языком ничего подобного. Подумай, несчастный и жалкий, кто ты и Кого исследуешь? Ты - человек, а

исследуешь Бога? Достаточно одних этих названий, чтобы выразить крайность безумия: человек - земля и пепел, плоть и кровь, трава и цвет травы, тень, и дым, и тщета, и все, что только есть негоднее и немощнее этого. Не подумайте, что это сказано к осуждению природы (человеческой); не я говорю это, но пророки так рассуждают, не к бесчестию нашего рода, но для усмирения надменности безумных, не для унижения нашей природы, но для низложения гордости неистовствующих. Если после таких и столь многих изречений пророков нашлись люди, превзошедшие дерзостью самого дьявола, то скажи мне, до какого безумия дошли бы они, если бы ничего такого не было сказано? Если они страдают недугом (безумия), имея перед собой врачевство, то какой гордостью и высокомерием не надмевались бы они, если бы пророки не произнесли таких и столь многих выражений о природе человеческой? Послушай, что говорит праведный патриарх о себе самом: "**я, прах и пепел**" (Быт. 18:27). С Богом беседовал он, и, однако, это достоинство не произвело в нем гордости; напротив оно именно и научило его быть смиренным. А эти люди, недостойные и тени его, считают себя больше самих ангелов, что и служит доказательством их крайнего безумия. Неужели, скажи мне, ты исследуешь Бога, безначального, неизменяемого, бестелесного, нетленного, вездесущего, превосходящего все и превышающего всякую тварь? Послушай, что говорят о Нем пророки, и убойся. "**Призирает на землю, и она трясется**" (Псал. 103:32); Он воззрел только и поколебал столь великую землю. "**Прикасается к горам, и дымятся**" (Пс. 103:32); "**сдвигает землю с места ее, и столбы ее дрожат**" (Иов. 9:6); угрожающий морю и иссушающий его; "**бездне говорит: иссохни!**" (Иса. 44:27); "**море увидело и побежало; Иордан обратился назад. Горы прыгали, как овны, и холмы, как агнцы**" (Псал. 113:3-4). Вся тварь колеблется, страшится, трепещет; только они одни пренебрегают, презирают, уничижают собственное спасение, не хочу сказать - Владыку всех. Прежде я вразумлял их примером вышних сил, ангелов, архангелов, херувимов, серафимов, теперь же - примером бесчувственных тварей, но они и этим не вразумляются. Не видишь ли это небо, как оно прекрасно, как величественно, как увенчано разнообразным сонмом звезд? Сколько лет продолжает оно существовать? Пять тысяч с лишком лет стоит оно, и такое долгое время не состарило его; но как юное и здоровое тело сохраняет цвет и силу, свойственные его возрасту, так и небо сохранило красоту, которую получило сначала, и нисколько не сделалось дряхлее от времени. Но это небо прекрасное, величественное, светлое, украшенное звездами, крепкое, устоявшее в течение столь долгого времени, создал тот Бог, Которого ты исследуешь и заключаешь в пределы собственных суждений, создал с такой легкостью, с какой кто-нибудь шутя делал бы палатку. Изображая это, Исаия говорил: "**Он распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья**" (Иса. 40:22). Хочешь ли взглянуть и на землю? Он и ее сотворил, как ничто. О небе (пророк) говорит: "**Он распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья**"; а о земле: "**восседает над кругом земли, землю делает чем-то пустым судей земли**" (Иса. 40:22-23). Видишь ли, как он назвал "**ничем**" столь великую землю?

4. Представь, какую тяжесть гор, сколько племен людей, сколько высоких и разнообразных растений, сколько городов, сколько огромных зданий, какое множество четвероногих, зверей, пресмыкающихся и разных животных земля носит на раменах своих. И, однако, такую громаду Бог создал так легко, что пророк не мог найти даже подобия этой легкости, а сказал, что Он создал землю, как "**ничто**". Так как величие и красота видимого недостаточны для изображения могущества Создателя, но весьма далеко отстоят от величия и всего могущества Создавшего их, то пророки нашли другой способ, посредством которого по силам своим могли несколько полнее выразить могущество Божье. Какой же это способ? Они не только изображают величие тварей, но указывают и на способ создания, чтобы из того и другого, из величия тварей и из легкости создания, мы могли получить, по силам своим, достойное понятие о могуществе Божьем.

Итак, принимай во внимание не только величие тварей, но и легкость, с какой Бог создал их. Это объяснение относится не только к земле, но и к самой природе человеческой: ибо (пророк) говорит: "**восседает над кругом земли, и живущие на ней - как саранча**" (Иса. 40:22); и в другом месте говорит: "**вот народы - как капля из ведра**" (Иса. 40:15). Не принимай этих слов поверхностно, но вникни в них и исследуй: перечисли все народы, сирийцев, киликиян, каппадокиян, вифинян, жителей Евксинского Понта, Фракии, Македонии, всей Греции, живущих на островах, в Италии, за нашей областью, на островах британских, савроматов, индийцев, населяющих землю персидскую, и другие бесчисленные народы и племена, которых и по именам мы не знаем; все эти народы, говорит (пророк), "**как капля из ведра**". Какую же, скажи мне, часть этой капли составляешь ты, испытующий Бога, перед Которым все народы, "**как капля из ведра**"? Но для чего говорить о небе, земле, море и природе человеческой? Взойдем мыслью на небо и обратимся к ангелам. Вы, конечно, знаете, что один только ангел равносилен этой видимой твари, или даже гораздо важнее ее. Если весь мир не достоин праведного человека, как говорит Павел: "**те, которых весь мир не был достоин**" (Евр. 11:38); то тем более он не может быть достойным ангела, потому что ангелы гораздо выше праведников. И, однако, существуют мириады мириад ангелов, существуют и тысячи тысяч архангелов, престолы, господства, начала, власти, бесчисленные сонмы бестелесных сил и неисповедимые роды их, и все эти силы (Бог) сотворил с такой легкостью, которой не может выразить никакое слово. Для всего этого Ему достаточно было только захотеть, и как для нас хотение не составляет труда, так для Него - создание столь многих и столь великих сил. Выражая это, пророк сказал: "**Господь творит все, что хочет, на небесах и на земле**" (Пс. 134:6). Видишь ли, что не только для создания живущих на земле, но и для сотворения вышних сил Ему достаточно было одного хотения? Слыша это, скажи мне, как не оплакиваешь себя и не скрываешься в землю ты, дошедший до такой степени безумия, что Бога, Которому следовало бы только воздавать славословие и поклоняться, ты усиливаешься исследовать и испытывать, как что-нибудь из предметов самых маловажных? Посему и Павел, исполненный великой мудрости, созерцая несравненное превосходство Божье и немощь природы человеческой, негодует на испытующих дела домостроительства Его и, с великой силой укоряя их, говорит: "**ты кто, человек, что споришь с Богом**" (Римл. 9:20)? Кто ты? Вникни прежде в свою природу; невозможно найти названия, которое могло бы выразить твою немощь.

5. Но ты скажешь: я человек, почтенный свободой. Ты почтен не для того, чтобы употреблять свободу на прекословие, а для того, чтобы употреблять эту честь на послушание Почтившему. Бог почтил тебя не для того, чтобы ты оскорблял Его, но чтобы прославлял; оскорбляет же Бога тот, кто исследует существо Его. Если не исследовать обещаний Его - значит прославлять Его, то испытывать и исследовать не изречения только, но самого Изрекшего, значит бесчестить Его. А что не исследовать обещаний Его - значит прославлять Его, видно из слов Павла, который говорит об Аврааме, его послушании и вере во всем: "**он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело, и утроба Саррина в омертвении: не поколебался в обетовании Божьем неверием, но пребыл тверд в вере**" (Римл. 4:19-20). Природа и возраст, говорит он, повергали его в отчаяние, но вера поддержала благие надежды. "**И будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное**" (Римл. 4:21). Видишь ли, как Авраам, уверенный в том, что обещает Бог, воздает славу Богу? Итак, если тот, кто верит Богу, воздает Ему славу, то тот, кто не верит Ему, обращает бесчестие Его на свою собственную голову. "**Ты кто, человек, что споришь с Богом**" (Римл. 9:20)? Потом, желая показать различие между человеком и Богом, апостол показал это, хотя не столько, сколько следовало бы, но так, что из приведенного подобия можно получить понятие и о гораздо большем их различии. Что говорит он? "**Изделие скажет ли сделавшему его: "зачем ты меня так сделал?; Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один**

сосуд для почетного [употребления], а другой для низкого" (Римл. 11:20-21)? Что говоришь ты? Неужели я должен быть подвластным Богу так, как брение горшечнику? Да, говорит он; такое различие между человеком и Богом, какое между брением и горшечником, или лучше сказать, не такое различие, но гораздо большее. У брения и горшечника одно естество, как и у Иова сказано: не говорю о "**живущих в храминах из брения, из которого мы сами из того же брения**" (Иов. 4:19). Если же человек кажется лучше и благообразнее брения, то это различие произошло не от разности в существе их, но от мудрости Художника, так как (в сущности) ты ничем не отличаешься от брения. Если же не веришь, то пусть убедят тебя могилы и гробницы; подошедши к гробам предков, ты убедишься, что это действительно так. Между брением и горшечником нет различия; а между Богом и людьми такое различие по существу, какого ни слово представить, ни ум измерить не может. Поэтому, как брение следует за руками горшечника, куда бы он ни направил и ни подвинул его, так и ты, подобно брению, будь безгласен, когда Бог желает устроить что-нибудь. Впрочем, Павел сказал это не для того, чтобы отнять у нас свободу и унизить нашу самостоятельность (да не будет!); но для того, чтобы с большей силой обуздать нашу самонадеянность; если угодно, рассмотрим и это. Что желали некогда узнать те, которым Павел столь сильно заградил уста? Существо ли Божье они исследовали? Нет; на это никто никогда не дерзал; но они желали знать гораздо меньшее - дела домостроительства Божьего; например, почему такой-то наказывается, а такой-то получает помилование; почему такой-то освобождается от наказания, а другой страдает, один получает прощение, а другой не получает, - это и подобное тому они желали знать. Откуда это видно? Из предыдущих слов Павла; он сначала сказал: "**кого хочет, милует; а кого хочет, ожесточает. Ты скажешь мне: "за что же еще обвиняет? Ибо кто противостанет воле Его?**"; а потом присовокупил: "**а ты кто, человек, что споришь с Богом**" (Римл. 9:18-20)? Итак, Павел заграждает уста людей, хотевших исследовать дела домостроительства Божьего. Он не позволяет им даже этого; а ты, исследуя блаженное всеустрояющее Существо, не считаешь себя достойным тысячи молний? Не крайнее ли это безумие? Послушай, что говорит пророк, или лучше, Бог через него: "**если Я отец, то где почтение ко Мне? и если Я Господь, то где благоговение предо Мною?**" (Мал. 1:6)? Кто страшится, тот не исследует, но покланяется, не испытывает, но славословит и прославляет. Пусть научат тебя этому и вышние силы и блаженный Павел; укоряя других, он и сам не имел противоположного настроения. Послушай, что говорит он Филиппийцам; объясняя, что он имеет частное знание, а еще не всецелое, как он говорил и в послании к Коринфянам: "**от части знаем**" (1 Кор. 13:9), он и теперь повторяет: "**братия, я не почитаю себя достигшим**" (Фил. 3:13). Что яснее этих слов? Громче трубы он провозгласил, научая всю вселенную довольствоваться данной мерой знания, и любить ее, и не думать - когда-нибудь постигнуть все. Что, скажи мне, говоришь ты? Ты имеешь Христа, вещающего в тебе, и говоришь: "**я не почитаю себя достигшим**"? Потому, отвечает он, я и сказал это, что я имею Христа, вещающего во мне; Он сам научил меня этому. Так и эти люди, если бы не были совершенно лишены помощи Духа и не отклонили от души своей всякое Его действие, то, слыша слова Павла: "**не почитаю себя достигшим**", не думали бы, что они сами постигли все.

6. Откуда, скажут, видно, что Павел говорит это о вере и знании и догматах, а не о жизни и поведении, и что его слова не значат: я считаю себя несовершенным в жизни и поведении? Это особенно он объяснил словами: "**подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды** (2 Тим. 4:7-8). Надеющийся получить венец и окончивший шествие не сказал бы: "**я не почитаю себя достигшим**". Притом никому из людей не безызвестно, что должно и чего не должно делать, но это известно и ведомо всем, и варварам, и персам, и всему роду человеческому. Впрочем, дабы яснее представить то, что я говорю, прочту этот отдел послания по порядку. Сказав: "**берегитесь псов, берегитесь злых делателей**" (Фил. 3:2), и, предложив

многое о тех, которые не благовременно вводили иудейское учение, Павел продолжает: "**но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою: Да и все почитаю тщетою, и найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере**" (Фил. 3:7-9). Потом объясняет, какой верой: "**чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его**" (Фил. 3:10). Что значит: "**силу воскресения Его**"? Показан некоторый новый образ воскресения, говорит он; ибо многие мертвые воскресали и прежде Христа, но так, как Он, не воскрес ни один. Все другие воскресавшие опять возвращались в землю, и, освободившись на время от владычества смерти, опять подвергались ее власти; а тело Господа по воскресении не возвратилось в землю, но вознеслось на небеса, разрушило всю власть врага, воскресило вместе с собой всю вселенную и ныне сидит на царском престоле. Представляя все это и объясняя, что никакой ум не может постигнуть столь многих и столь великих чудес, а одна только вера может познать и ясно представить их, Павел сказал: "**верой познать силу воскресения Его**". Если ум не может постигнуть и простого воскресения (так как оно выше человеческой природы и порядка вещей), то какой ум в состоянии будет постигнуть воскресение, столько отличающееся от других воскресений? Никакой; но нам нужна одна вера, которой мы могли бы убедиться, что умершее тело и воскресло, и перешло в жизнь бессмертную, не имеющую ни предела, ни конца; это Павел выражает и в другом месте: "**Христос**", говорит он, "**воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти**" (Римл. 6:9). Здесь двойное чудо: воскреснуть и воскреснуть таким именно образом. Посему Павел и сказал: "**верой познать силу воскресения Его**". Если же воскресения невозможно постигнуть умом, то не тем ли более - вышнего рождения? Рассуждая об этом, беседуя и о кресте и страдании, Павел отнес и это к силе веры; потом, окончив речь об этом, он далее сказал: "**братия, я не почитаю себя достигшим**" (Филип. 3:13). Не сказал: "**братия, я не почитаю себя познавшим**", но: "**достигшим**"; не приписал себе ни совершенного неведения, ни совершенного знания. Сказав: "**я не почитаю себя достигшим**", он выразил, что находится еще на пути, идет и подвигается вперед, а конца еще не достиг. Тоже советует он и другим и говорит так: "**кто из нас совершен, так должен мыслить; если же вы о чем иначе мыслите, то и это Бог вам откроет**" (Фил. 3:15). Не ум научит, говорит он, но Бога откроет. Видишь ли, что речь идет не о жизни и поведении, а о догматах и вере? Не поведение и жизнь имеют нужду в откровении, а догматы и знание. И в другом месте объясняя то же самое, он сказал: "**кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает**", не сказал просто: "**ничего не знает**", но прибавил: "**как должно знать**" (1 Кор. 8:2); т. е. хотя он и имеет знание, но неточное и несовершенное.

7. А чтобы тебе убедиться, что это истинно, не будем более рассуждать о вышнем, но, если угодно, поведем речь о видимой твари внизу. Видишь ли это небо? Мы знаем, что оно имеет вид свода, и это мы узнали не по соображениям ума, но из божественного Писания (Иса. 40:22); знаем и то, что оно объемлет всю землю, слышав об этом также из Писания; а каково оно по существу своему, не знаем. Если же кто будет опровергать и спорить, тот пусть скажет, что такое небо по существу своему: кристалл ли затверделый, облако ли сгустившееся, или воздух плотнейший? Никто не может сказать об этом ясно. Итак, скажи мне, нужны ли еще доказательства, чтобы убедиться в безумии тех, которые говорят, что они познали Бога? Ты ничего не можешь сказать о природе неба, видимого ежедневно, а утверждаешь, будто в точности познал существо невидимого Бога? Кто столь нечувствителен, чтобы не осуждать крайнего безумия говорящих это? Посему увещеваю всех вас стараться по силам вашим врачевать их, как впадших в болезнь сумасшествия и безумствующих, беседуя с ними снисходительно и кротко. Их учение произошло у них от безумия, и велика надменность ума их; а воспалившиеся раны не выносят наложения руки и не терпят крепкого прикосновения. Посему благоразумные врачи отирают такие раны какой-нибудь мягкой губкой. Итак, если и в душе этих людей

есть воспалившаяся рана, то мы, собрав все сказанное, как бы напоив какую-нибудь нежную губку приятной и полезной водой, постараемся успокоить их воспаление и уничтожить всю надменность; и хотя бы они оскорбляли, хотя бы отталкивали, хотя бы плевали, и что ни делали бы, ты, возлюбленный, не прекращай врачевания. Врачующим человека сумасшедшего необходимо терпеть много подобного; и, не смотря на все это отступать не следует, но поэтому особенно и нужно сокрушаться о них и плакать, что таков род их болезни. Это говорю я тем, которые более сильны и тверды и не могут получить никакого вреда от сообщения с больными; а кто более слаб, тот пусть избегает их сообщества, пусть удаляется от разговоров с ними, чтобы дружественное отношение не послужило поводом к нечестию. Так поступал и Павел; сам обращался с больными и говорил: "**для Иудеев я был как Иудей, для чуждых закона - как чуждый закона**" (1 Кор. 9:20-21); а учеников и более слабых отклонял от этого, увещевая и научая так: "**худые сообщества развращают добрые нравы**" (1 Кор. 15:33); и еще: "**выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь**" (2 Кор. 6:17). Если врач приходит к больному, то часто приносит пользу ему и самому себе; а несведущий, обращаясь с больными, вредит и самому себе и больному; больному он не может доставить никакой пользы, а самому себе причинит большой вред от болезни. Чему подвергаются те, которые смотрят на больных глазами, заражаясь от них этой болезнью, то же испытывают и вступающие в общение с богохульниками: если сами они слабы, то могут усвоить себе великую часть их нечестия. Итак, чтобы нам не причинить себе величайшего вреда, будем избегать их сообщества, будем только молить и просить человеколюбивого Бога, "**Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины**" (1 Тим. 2:4); да избавит их от заблуждения и дьявольской сети и приведет к свету познания, к Богу и Отцу Господа нашего Иисуса Христа, с животворящим и всесвятым Духом, Которому слава и держава ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

Полное заглавие этого слова следующее: "о непостижимом и о том, что даже снисхождение Божье невыносимо для серафимов".

ТРУДОЛЮБИВЫЕ земледельцы, видя бесплодное и негодное дерево, препятствующее трудам их и вредящее нежным растениям и твердостью корня и густотой, старательно вырубают его. Часто и ветер, подувший откуда-нибудь, помогает им в этой работе; устремляясь на ветви дерева и сильно потрясая его, он сокрушает и повергает его на землю, и таким образом много облегчает труд земледельцев. Так как и мы отсекаем дерево дикое и негодное - ересь аномеев, то помолимся Богу о ниспослании нам благодати Духа, чтобы она, устремившись сильнее всякого ветра, исторгла с корнем эту ересь, и тем облегчила труд наш. Как земля, запущенная и не возделываемая руками земледельцев, часто произращает из недр своих дурные травы, множество терния и дикие деревья, так и душа аномеев, пустая и незанятая упражнением в Писаниях, сама по себе и из себя произрастила дикую и негодную ересь. Этого дерева ни Павел не насаждал, ни Аполлос не напоял, ни Бог не взращивал, а насадила его неуместная пытливость умствований, напоила горделивая надменность и возрастила страсть тщеславия. Нам нужен пламень Духа, чтобы не только исторгнуть, но и сжечь этот корень. Призовем же Бога, ими хулимого, а нами прославляемого, и помолимся, чтобы Он и языку моему даровал большую силу, и ум мой разверз для яснейшего раскрытия предмета речи. Весь труд наш для Него и для Его славы, или лучше, для собственного нашего спасения. Богу никто не

может ни порицанием повредить, ни славословием доставить большую славу, но Он всегда остается в своей славе, не возвеличиваясь от славословий и не умаляясь от хулений; и те из людей, которые прославляют Его по достоинству, - впрочем, никто не может прославлять Его по достоинству, а только по своей силе, - получают себе пользу от этого славословия; те же, которые хулят и уничижают Его, вредят собственному спасению. Изречение: "**кто бросает камень вверх, бросает его на свою голову**", сказал некто о богохульниках (Сир. 27:28). Как тот, кто бросает в высоту камень, не может пронзить вещества неба и даже докинуть до высоты его, но принимает удар на собственную голову, потому что камень обратно летит на бросившего; так точно и тот, кто хулит блаженное Существо Божье, никогда не может нисколько повредить Ему, - ибо Оно столь велико и высоко, что не доступно ни для какого вреда, - но сам изощряет меч на свою душу, оказываясь неблагодарным Благодетелю. Призовем же самого Бога неизреченного, неуразумеваемого, невидимого, непостижимого, побеждающего силу человеческого языка, превосходящего понятие смертного ума, неисследимого для ангелов, незримого для серафимов, непостижимого для херувимов, невидимого для начал, властей, сил и вообще для всякой твари, а познаваемого только Сыном и Святым Духом. Знаю, что будут осуждать слова мои за дерзновение, с которым я сказал, что Он непостижим и для вышних сил; а я при этом буду осуждать их великое безумие и гордость. Дерзко - не то, когда говорят, что Создатель выше разумения всех тварей, но когда утверждают, что Непостижимого для вышних сил могут изъяснить и обнять своими слабыми умами те, которые пресмыкаются внизу и столь далеко отстоят от тех существ. Впрочем, если я не докажу того, что обещал, то по справедливости могу подвергнуться обвинению в дерзости; но если вы и после того, как я докажу, что Бог непостижим для вышних сил, еще будете спорить и утверждать, будто вы познали Его, то каких пропастей, каких стремнин будете достойны вы, хвалящиеся точным знанием Незримого для всех бестелесных сил?

2. Итак, приступим теперь к самым доказательствам, обратившись перед речью опять к молитве; потому что самое упражнение в молитве может доставить нам доказательство в пользу искомого. Призовем же Царя царствующих и Господа господствующих, единого имеющего бессмертие и живущего в свете неприступном, "**Которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и держава вечная! Аминь**" (1 Тим. 6:15-16). Это не мои слова, а Павловы; ты же обрати внимание на благочестие души его и укоренившуюся в ней любовь. Вспомнив о Боге, он позволил себе приступить к изложению учения не прежде, как воздал Ему должное, заключив речь славословием. Если "**память праведника пребудет благословенна**" (Притч. 10:7), то тем более воспоминание о Боге - с благохвалением. То же Павел делает и в начале посланий; часто, начиная послание и вспомнив о Боге, он не прежде приступает к учению, как воздав Ему должное славословие. Послушай, как говорит он в послании к Галатам: "**благодать вам и мир от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа, Который отдал Себя Самого за грехи наши, чтобы избавить нас от настоящего лукавого века, по воле Бога и Отца нашего, Ему слава во веки веков. Аминь**" (Гал. 1:3-5). И еще в другом месте: "**Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Аминь**" (1 Тим. 1:17). Но, может быть, он делает так только в отношении к Отцу, а в отношении к Сыну не так? Послушай, как он и в отношении к Единородному делает то же самое; сказав: "**я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти**", он присовокупил: "**которым принадлежат усыновление и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования, и от них Христос по плоти, сущий над всем Бог, благословенный во веки, аминь**" (Римл. 9:3-5). Как Отцу, так и Единородному он сначала воздал славословие, а потом и приступил к продолжению речи; потому что слышал слова Христа: "**дабы все чтили Сына, как чтут Отца**" (Иоан. 5:23). А чтобы вы убедились, что самая молитва может доставить нам

доказательство, теперь и представим это. "**Царь царствующих**", говорит он, "**и Господь господствующих, единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете**" (1 Тим. 6:15-16). Здесь остановись и спроси еретика, что значит: "**обитает в неприступном свете**", и обрати внимание на точность выражений Павла. Не сказал он: сущий светом неприступным, но: "**обитает в неприступном свете**", дабы ты знал, что если жилище неприступно, то гораздо более живущий в нем Бог. Это сказал он не для того, чтобы ты подразумевал жилище и место у Бога, но чтобы ты с большим убеждением признал непостижимость Его. Притом не сказал: "**обитает в свете**" непостижимом, но: "**неприступном** ", что гораздо больше непостижимости. Непостижимым называется то, что хотя исследовано и найдено, но остается непонятным для ищущих его; а неприступное - то, что не допускает и начала исследования и к чему никто не может приблизиться. Например, непостижимым называется то море, в котором, погружаясь, водолазы, даже спускающиеся в далекую глубину, не могут достигнуть конца, а неприступным называется то, чего и в начале невозможно ни искать, ни исследовать.

3. Что ты скажешь на это? Для людей, скажешь, Он непостижим, но не для ангелов, не для вышних сил. Итак, ты ангел, скажи мне, и принадлежишь к сонму бестелесных сил? Разве ты не человек и не одной со мной природы, или ты забыл и о своей природе? Положим, что Бог неприступен только для людей, хотя этого не прибавлено, и не сказал Павел: для людей "**обитает в неприступном свете**", а для ангелов не в неприступном; однако, если угодно, допустим это; но ты сам разве не человек? Хотя бы Он и не был неприступным для ангелов, как это относится к тебе, который состязаешься, исследуешь и утверждаешь, что Его существо постижимо для человеческой природы? А чтобы ты убедился, что Он неприступен не только для людей, но и для вышних сил, послушай, что говорит Исаия; когда же я называю Исаию, то привожу изречение Духа; ибо пророк вещает все по внушению Духа. "**В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои**" (Иса. 6:1-2). Почему, скажи мне, они покрывают лица и ограждаются крыльями? По чему же иному, как не потому, что не могут выносить блеска и лучей, исходящих от престола? Между тем они созерцали еще не самый света беспримесный и не самую сущность чистую, но созерцаемое ими было только "**снисхождением**". Что такое "**снисхождение**"? То, когда Бог является не так, как Он есть, но показывает Себя столько, сколько имеющий созерцать Его способен к этому, приспособляя явление лица к немощи созерцающих. А что это было снисхождение, видно из самых слов: "**видел**", говорит пророк, "**Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном**"; но Бог не сидит, потому что это положение свойственно только телам; и "**на престоле**", но Бог не объемлется престолом, потому что Божество неограниченно. Однако серафимы не могли сносить и снисхождения, хотя стояли близко: "**Серафимы стояли вокруг Него**". По тому самому они и не могли взирать, что были близко; впрочем, словом *окрест* не место означается, но этим словом Дух Святый благоволил показать, что серафимы находятся ближе нас к существу Божьему, однако и они не могут созерцать Его; поэтому пророк и говорит: "**вокруг Него стояли Серафимы**", означая этим не место, но близостью по месту выражая, что они ближе нас к Богу; ибо мы не так знаем непостижимое, как небесные силы, насколько они чище и мудрее и прозорливее человеческой природы. Как нестерпимость солнечных лучей не столько известна слепому, сколько зрячему, так и непостижимость Божью не столько знаем мы, сколько они; ибо как велико отличие слепого от зрячего, таково же различие между нами и ими. Таким образом, слыша слова пророка: "**видел Господа**", не предполагай, что он видел самое существо Его, но только снисхождение, и притом темнее, нежели вышние силы, так как он не мог видеть столько, сколько херувимы.

4. Но что я говорю об этом блаженном Существе, когда для человека невозможно без страха взирать и на существо ангельское? Чтобы вы убедились в справедливости этого, я представлю вам человека, друга Божия, имевшего великое дерзновение по мудрости и праведности и прославившегося многими другими совершенствами, святого Даниила. Когда я скажу, как он изнемогал, ослабевал и падал при появлении ангела, то никто пусть не думает, будто он испытывал это по причине своей греховности и нечистой совести; но, если, несомненно, душевное его дерзновение, то ясно обнаруживается в том немощь природы. Даниил постился три седмицы дней, "**вкусного хлеба я не ел; мясо и вино не входило в уста мои, и мастями я не умащал себя**" (Дан. 10:3). Когда же душа его, сделавшись посредством поста легче и духовнее, стала более способной к принятию явления, тогда он и увидел видение. Что же говорит он? "**и поднял глаза мои, и увидел: вот один муж, облеченный в льняную одежду**", т. е. в одежду священную, "**и чресла его опоясаны золотом, Тело его - как топаз, лице его - как вид молнии; очи его - как горящие светильники, руки его и ноги его по виду - как блестящая медь, и глас речей его - как голос множества людей. И только один я, Даниил, видел это видение, а бывшие со мною люди не видели этого видения; но сильный страх напал на них и они убежали, чтобы скрыться, но во мне не осталось крепости, не стало во мне бодрости**" (Дан. 10:5-8). Что значит: "**не стало во мне бодрости**"? Даниил был благообразный юноша, но страх при появлении ангела так изменил его, как изменяются обмирающие, произвел великую бледность и уничтожил здоровый цвет и всю свежесть лица его; почему он и говорит: "**не стало во мне бодрости**". Когда возница испугается и выпустит вожжи, то все лошади несутся стремглав, и самая колесница опрокидывается; так обыкновенно бывает и с душой, когда ей овладевает страх и ужас; испугавшись и как бы опустив вожжи своего влияния на каждое из телесных чувств, она оставляет эти члены свободными, и они, не сдерживаемые ее силой, падают и изнемогают, как случилось тогда и с Даниилом. Что же ангел? Он поднял его и сказал: "**Даниил, муж желаний! вникни в слова, которые я скажу тебе, и стань прямо на ноги твои; ибо к тебе я послан ныне**" (Дан. 10:11). Он встал в трепете. Когда же опять ангел стал говорить ему и сказал: "**с первого дня, как ты расположил сердце твое, чтобы достигнуть разумения и смирить тебя пред Богом твоим, слова твои услышаны, и я пришел бы по словам твоим**" (Дан. 10:12), то он снова упал на землю, как случается с обмирающими. Обмершие, пробудившись, пришедши в себя и увидев, что мы держим их и окропляем лицо их холодной водой, часто опять обмирают на руках наших; так случилось и с пророком. Душа его от страха не могла снести даже вида явившегося (небесного) сослужителя своего и вынести этого света, смутилась и порывалась освободиться от уз плоти, как бы от каких оков; но он еще удержал ее. Пусть выслушают это те, которые исследуют Владыку ангелов. Даниил, который смущал глаза львов и в человеческом теле имел силу выше человеческой, не вынес присутствия небожителя, но повергся бездыханным: "**повернулись**", говорит он, "**от этого видения внутренности мои**, **и не стало во мне силы**" (Дан. 10:16-17). А те, которые столь далеки от добродетели этого праведника, хвалятся, что они со всей точностью познали самое Существо высочайшее, начальное и сотворившее мириады этих ангелов, из которых даже одного созерцать Даниил не имел силы.

5. Но обратим речь к прежнему предмету и покажем, что Бог недоступен взорам и вышних сил, даже и в своем снисхождении. Почему, скажи мне, серафимы ограждаются крыльями? Этим своим действием они возвещают апостольское изречение: "**обитает в неприступном свете**" (1 Тим. 6:16), и не только они, но и высшие их - херувимы. Серафимы стоят вблизи, а херувимы служат Богу престолами; это сказано о херувимах не потому, чтобы Бог нуждался в престоле, а чтобы отсюда ты уразумел достоинство этих сил. Послушай, что говорит о них и другой пророк: "**было слово Господне к Иезекиилю, сыну Вузия, при реке Ховаре**" (Иезек. 1:3). Иезекииль стоял тогда при реке Ховар, а

Даниил при реке Тигре. Когда Бог намеревается показать рабам своим какое-нибудь дивное видение, то выводит их из городов на место удаленное от шума, чтобы душа не развлекалась ничем, ни видимым, ни слышимым, но, наслаждаясь спокойствием, вся занялась созерцанием видения. Что же видел он? "**Вот облако**", говорит он, "**шло от севера, клубящийся огонь, и сияние вокруг него, а из средины его как бы свет пламени из средины огня; и из средины его видно было подобие четырех животных, - и таков был вид их: облик их был, как у человека. и у каждого четыре лица, и у каждого из них четыре крыла. А ободья их - высоки, и страшны были, ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз, Над головами животных было подобие свода, как вид изумительного кристалла страшное, простертого сверху над головами их каждого два крыла покрывали тела их. А над сводом, который над головами их подобие престола по виду как бы из камня сапфира, а над подобием престола было как бы подобие человека вверху на нем. И видел я как бы вид огня внутри него вокруг; от вида чресл его и выше и от вида чресл его и ниже я видел как бы некий огонь, и сияние [было] вокруг него, В каком виде бывает радуга на облаках во время дождя**" (Иезек. 1:4-6, 18, 22-23, 26-28). И после всего этого пророк, желая показать, что ни он сам, ни небесные силы не приближались к чистому Существу, говорит: "**такое видение подобия славы Господней**" (Иез. 2:1). Видишь ли и там и здесь снисхождение? Однако и эти силы закрывают себя крыльями по той же причине, хотя они суть мудрейшие, разумнейшие и чистейшие силы. Откуда это видно? Из самых названий их. Как ангел называется так потому, что возвещает людям повеления Божьи; и архангел называется так потому, что начальствует над ангелами, так и те небесные силы носят названия, показывающие нам их мудрость и чистоту; и как вообще крылья показывают высоту естества, - Гавриил представляется летящим не потому, чтобы у ангела были крылья, но чтобы ты знал, что он является человеческому роду из высочайших мест и вышних обителей, - так и у них крылья означают не что иное, как высоту естества их. Итак, крылья означают высоту естества, престол - то, что на них почивает Бог, глаза - прозорливость, присутствие близ престола и непрестанное славословие Бога - неусыпность и бодрость; точно также и названия одних означают мудрость, а других - чистоту. Что значит: херувим? Полное ведение. А что - серафим? Пламенные уста. Видишь ли, как названия выражают и чистоту и мудрость? Если же те, которые обладают полным ведением, не могут ясно созерцать даже снисхождения Божья, а имеют частное знание, как говорит Павел: "**от части знаем**", и "**как бы сквозь [тусклое] стекло, гадательно**" (1 Кор. 13:12); то какое было бы безумие - считать для себя известным и явным то, что и для них незримо?

6. Я желал бы теперь доказать, что Бог непостижим не только для херувимов и серафимов, но и для начал, и властей и всякой сотворенной силы; но ум наш утомился, не от обилия, но от страшного содержания предметов речи. Душа трепещет и ужасается, долго занимаясь вышними созерцаниями. Низведем же с небес и успокоим ее, объятую ужасом, обратившись к обычному утешению. В чем это утешение? В молитве о том, чтобы страждущие этой болезнью когда-нибудь выздоровели. Если нам повелено умолять Бога о больных, о находящихся в рудниках и в тяжком рабстве и одержимых (демонами), то не гораздо ли более (нужно молиться) о таких людях? Нечестие хуже демона; неистовство бесноватых может быть прощено, а эта болезнь не имеет никакого оправдания. Вспомнив о молитве за бесноватых, я хочу сказать нечто вам, возлюбленные, для искоренения тяжкой болезни в церкви; странно было бы, - врачуя посторонних с таким усердием, оставить без внимания собственные члены. Какая же эта болезнь? Невыразимое множество народа собралось теперь и с таким вниманием слушает речь, а в самый страшный час я часто ищу его и не вижу и сильно вздыхаю, что, когда беседует сослужитель ваш, вы показываете великое усердие и напряженную ревность, теснитесь друг перед другом и остаетесь до конца; когда же предстоит явиться Христу в священных

таинствах, то церковь бывает пуста и безлюдна. Достойно ли это прощения? Через такое нерадение вы лишаетесь всех похвал, заслуженных ревностью к слушанию. Кто из вас не осудит и меня, видя, что плод слушания так скоро у вас пропадает? Если бы вы усердно внимали сказанному, то доказывали бы свою ревность делами; а если по выслушивании тотчас уходите, это служит доказательством того, что не усвоили ничего из сказанного и не приложили к сердцу; ибо, если бы сказанное было внедрено в душах, то оно конечно удержало бы вас в церкви и возбудило бы в вас большее благоговение к страшным таинствам. А теперь, как бы выслушав какого-нибудь игрока на кифаре, вы удаляетесь без всякой пользы, как только умолк говорящий. Но какое слышится от многих холодное оправдание? Молиться, говорят, могу я и дома, а слушать беседу и учение дома невозможно. Ошибаешься ты, человек; молиться, конечно, можно и дома, но молиться так, как в церкви, где такое множество отцов, где единодушно воссылается песнь к Богу, дома невозможно. Ты не будешь так скоро услышан, молясь Владыке у себя, как молясь со своими братьями. Здесь есть нечто большее, как то: единодушие и согласие, союз любви и молитвы священников. Для того и предстоят священники, чтобы молитвы народа, как слабейшие, соединясь с их молитвами сильнейшими, вместе с ними восходили на небо. С другой стороны, какая может быть польза от беседы, когда с ней не соединяется молитва? Прежде молитва, а потом слово; так говорят и апостолы: "**а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова**" (Деян. 6:4). Так и Павел поступает, в начале посланий совершая молитву, чтобы свет молитвы предшествовал учению, как свет светильника. Если ты приучишь себя молиться с усердием, то не будешь иметь нужды в наставлении сослужителей твоих, так как Сам Бог без всякого посредника будет озарять ум твой. Если же молитва одного имеет такую силу, то гораздо более - молитва с народом; у последней больше силы и гораздо больше дерзновения, нежели у молитвы, совершаемой дома и наедине. Откуда это видно? Послушай, что говорит сам Павел: "**Который и избавил нас от столь [близкой] смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит, при содействии и вашей молитвы за нас, дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас**" (2 Кор. 1:10-11). Так и Петр избежал темницы: "**церковь прилежно молилась о нем Богу**" (Деян. 12:5). Если же Петру помогла молитва церкви и извела из темницы этот столп (церкви), то, как ты, скажи мне, пренебрегаешь ее силой и какое можешь иметь оправдание? Послушай и самого Бога, Который говорит, что Его умилостивляют благоговейные молитвы многих. Так, оправдываясь перед Ионой по поводу тыквенного растения, Он говорит: "**ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек**" (Ион. 4:10-11). Не напрасно Он ссылается на множество жителей, но чтобы внушить тебе, что единодушная молитва имеет великую силу. Это я хочу объяснить вам и из человеческой истории.

7. Лет десять тому назад некоторые, как вы знаете, были обличены в стремлении к тирании. Один из вельмож, обвиненный в этом преступлении, с веревкой в устах был веден на смерть [1]. Тогда весь город сбежался на конское ристалище, вывели и рабочих из мастерских, и весь народ, сошедшись вместе, избавил от царского гнева человека осужденного и недостойного никакого помилования. Так, желая смягчить гнев земного царя, вы все стеклись с детьми и женами; а, намереваясь умилостивить Царя небесного, и избавить от Его гнева не одного человека, как тогда, и не двоих, троих или сто, но всех грешников вселенной и освободить одержимых демоном из сетей дьявола, неужели вы будете оставаться вне церкви и не стечетесь все вместе, чтобы Бог, воззрев на ваше единодушие, и тех освободил от наказания и вам простил грехи? Если в это время ты будешь находиться на рынке, или дома, или в необходимых занятиях, то неужели не разорвешь все эти узы сильнее всякого льва, и не придешь к общей молитве? Какую же, скажи мне, возлюбленный, ты будешь иметь в таком случае надежду на спасение? Не

люди только одни здесь страшно взывают, но и ангелы припадают к Владыке и архангелы молятся. Самое время благоприятствует им, самое жертвоприношение содействует. Как люди, взяв масличные ветви, потрясают их перед царями, напоминая им этими ветвями о милости и человеколюбии; так точно и ангелы, представляя вместо масличных ветвей самое тело Господне, умоляют Владыку за род человеческий, и как бы так говорят: мы молимся за тех, которых Сам Ты некогда удостоил такой любви Своей, что предал за них собственную Свою душу; мы изливаем моления за тех, за которых Сам Ты пролил кровь; мы просим за тех, за которых Ты принес в жертву Свое тело. В это время диакон вводит и одержимых (демонами), повелевая им только наклонить голову и таким положением тела совершать моление, так как им не позволительно молиться вместе с общим собранием братьев. Поэтому он и вводит их, чтобы ты, сжалившись над ними, над их несчастием и безгласностью, по собственному дерзновению ходатайствовал за них (перед Богом). Итак, зная все это, будем стекаться в этот час, чтобы привлечь милость и обрести благодать и благовременную помощь. Вы похвалили сказанное, приняли увещание с великим шумом и рукоплесканием; но чтобы вам выразить эти похвалы мне и делами, вот наступает время для выражения послушания: после увещания последует молитва. Такой я ищу похвалы, такого рукоплескания - посредством самых дел. Убеждайте же друг друга стоять так, как стоите; а кто уклонится от порядка, того старайтесь удержать, чтобы, получив двойную награду, и за собственное усердие и за попечение о братьях, вы могли с большим дерзновением изливать моления, и умилостивить Бога, и получить здешние и будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Вероятно, один из тех Феодоров, которых император Валент с 374 г. преследовал по подозрению в домогательстве верховной власти. Созомена, Церк. Ист. Кн. VI, гл. 35.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

ДОКАЗАВ раньше, что Бог непостижим для людей, и даже для херувимов и серафимов, можно было бы оставить этот предмет и не продолжать более; но так как наша ревность и заботливость клонится не к тому только, чтобы заградить уста противников, но и к тому, чтобы более научить вас, возлюбленные, то коснемся опять того же предмета и продолжим речь. Занятие этим предметом и вам сообщит более познаний, и нам доставит славнейшую победу, истребив остаток (ереси), какой мог еще удержаться. Так и вредные растения надобно не только срезывать сверху (иначе они снова вырастают от корней, находящихся внизу), но и вырывать их из самых внутренних недр земли и выбрасывать открытыми на солнечный зной, чтобы они скорее засохли. Итак, я словом возведу вас опять на небо, не для того, чтобы испытать и исследовать (небесное), но чтобы уничтожить неуместную любознательность тех, которые не знают самих себя и не хотят знать пределов человеческой природы. Для этого я весьма обстоятельно показал вам, как для праведника было невыносимо явление не только Бога, но и ангелов; излагая вам всю эту историю, я неоднократно замечал, как блаженный Даниил бледнел, трепетал и находился в состоянии, не лучшем состояния обмирающих, когда душа порывается расторгнуть узы плоти. Как ручной и смирный голубь, живущий в каком-нибудь домике и испуганный чем-нибудь, в страхе взлетает к потолку и старается вылететь через окна, чтобы освободиться от испуга, так точно и душа этого блаженного мужа старалась выйти

из тела, всячески порывалась вон и вышла бы, отлетела и оставила бы тело бездушным, если бы ангел не поспешил тотчас же избавить ее от смущения и не возвратил опять в собственное ее жилище. Это я говорил тогда для того, чтобы эти люди, узнав, как велико различие между ангелом и человеком, и вразумившись превосходством небожителя, отстали от своего безумия в отношении к Господу. Праведник, имевший такое дерзновение, не мог смотреть на ангела; а они, столь далекие от его добродетели исследуют не ангела, но Самого Владыку ангелов. Даниил укротил ярость львов, а мы не можем одолевать даже лисиц; тот расторг пополам дракона и дерзновением перед Богом победил природу зверя, а мы боимся и малейших пресмыкающихся; тот остановил царя, свирепствовавшего подобно льву, и, явившись, укротил гнев Навуходоносора, устремившийся против толпы иноплеменников сильнее всякого пламени, и озарил светом все сокровенное. Но и этот просветитель, увидев пришедшего к нему ангела, был объят ужасным мраком. Какое же оправдание будут иметь те, которые усиливаются постигнуть блаженное естество Божье? Но на этом я не остановил тогда своей беседы, а возвел речь и к мудрым силам, сказав о том, как они отвращают свои взоры, закрываются крыльями, выпрямляют свои голени, непрестанно славословят, равно как и о том, что всем этим бестелесные силы обнаруживают свое изумление и ужас. Чем они мудрее, чем ближе нас к неизреченному и блаженному Существу, тем более нас знают непостижимость Его; потому что высшая степень мудрости производит высшую степень благоговения. Я сказал вам, что такое неприступное, сказал, что оно значит гораздо более чем непостижимое, присовокупил и причину, состоящую в том, что непостижимое оказывается непостижимым после исследования, а неприступное не допускает и приближения и начала исследования, приведши пример моря. Заметил я, что Павел не сказал о Боге: будучи светом неприступным, но: "**обитает в неприступном свете**" (1 Тим. 6:16); а если жилище неприступно, то тем более - живущий в нем Бог. Это говорил Павел не для того, чтобы ограничить Бога местом, но чтобы точнее выразить непостижимость и неприступность Его. Указал я и на другие силы, на херувимов, и сказал, как над ними являлась твердь, кристалл, подобие престола, вид человека, пламень, огонь, дуга; и после всего этого пророк сказал: "**такое видение подобия славы Господней**" (Иезек. 2:1). Во всем этом я показал вам снисхождение Божье, которое, однако, невыносимо и для вышних сил.

2. Не напрасно я повторяю это, но потому, что считаю себя вашим должником в том, что обещал вам, и хочу узнать с точностью, что я заплатил, и что еще осталось. Так поступают и должники при уплате займа: взяв расписку, где записан весь счет, и показав своим заимодавцам, они уплачивают остальное. Посему и я, раскрыв память нашей души, как бы книгу, и указав словом, как бы перстом, на преподанное, перехожу теперь к остальному. Что же осталось? Осталось доказать, что ни начала, ни власти, ни господства, ни какая-либо другая сотворенная сила не имеет точного понятия о Боге. Есть и другие силы, которых мы не знаем и по именам. Представьте же безумие еретиков: мы не знаем даже имен рабов, а они исследуют самое существо Владыки. Есть ангелы и архангелы, престолы и господства, начала и власти; но не одни эти сонмы существуют на небесах, а бесконечные полчища и неисчислимые племена, которых не может изобразить никакое слово. Откуда же известно, что кроме этих сил есть много других, которых мы не знаем и по именам? Павел, сказав о первых, упоминает и о вторых, выражаясь о Христе так: Посадил Его "**превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем**" (Ефес. 1:21). Видите ли, что есть некоторые имена, которые будут известны там, а теперь неизвестны? Поэтому Павел и сказал: "**именуемого не только в сем веке, но и в будущем**". И удивительно ли, что они не имеют точного понятия о существе (Божьем)? Это доказать нисколько не трудно; так как и о многих из дел домостроительства Божьего не знают вышние силы, начала, власти, господства. А это я докажу словами апостола, что некоторые из них вместе с нами узнали о делах домостроительства Его, о которых раньше нас не знали, и не

только узнали вместе с вами, но и через нас. "**Не была возвещена прежним поколениям**", говорит апостол, "**как ныне открыта святым Апостолам Его и пророкам Духом Святым, чтобы и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками обетования Его**", - а обетования даны были иудеям, - "**которого служителем сделался я по дару благодати Божьей**" (Ефес. 3:5-7). Откуда же видно, что вышние силы узнали об этом только ныне? Приведенные слова относятся к людям. Послушай. "**Мне, наименьшему из всех святых**", говорит апостол, "**дана благодать сия - благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово**" (Ефес. 3:8). Что значит: "**неисследимое**"? То, что не может быть найдено, и не только не может быть найдено, но даже и исследовано. Пусть эти (еретики) опять послушают, как часто и непрерывно он бросает в них стрелы. Если "**богатство неисследимо**", то, как может быть не неисследимым Податель богатства? "**и открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, сокрывавшейся от вечности в Боге дабы ныне соделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божия**" (Ефес. 3:9-10). Слышишь ли, что небесные силы узнали все это теперь, а не прежде? Что замышляет царь, того не знает щитоносец. "**Дабы ныне соделалась известной через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божия**". Посмотри, какая честь оказана человеческому роду: вместе с нами и через нас вышние силы узнали тайны Царя. Но откуда видно, что апостол говорит здесь о небесных силах? Началами и властями он называет иногда и демонов: "**наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего**" (Еф. 6:12). Не о демонах ли и здесь говорит он, что они тогда узнали об этом? Нет, он говорит о вышних силах; сказав: "**начальствам, властям**", он присовокупил: "**на небесах**". Эти начала и власти - небесные, а те начала и власти поднебесные, поэтому он называл последних и "**мироправителями"**, выражая, что небо для них недоступно и что всю свою власть они обнаруживают в здешнем мире.

3. Видишь ли, что небесные силы узнали это вместе с нами и через нас? Но теперь я поведу речь в уплату долга и покажу, что существа Божьего не знают ни начала, ни власти. Кто говорит об этом? Уже не Павел, не Исаия, не Иезекииль, но другой святой сосуд, сам сын грома, возлюбленный ученик Христов Иоанн, возлежавший на персях Господних и почерпавший из них божественные струи. Что же говорит он? "**Бога не видел никто никогда**" (Иоан. 1:18). По истине - сын грома: издал голос громче трубы, который может пристыдить всех прекословящих. Однако обратим внимание и на то, что, по-видимому, противоречит этому. Что, скажи мне, вещаешь ты, Иоанн? "**Бога не видел никто никогда**"? Что же нам думать, когда пророки говорят, что они видели Бога? Так, Исаия говорит: "**видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном**" (Иса. 6:1); также и Даниил: "**видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями**" (Дан. 7:9); и Михей: "**я видел Господа, сидящего на престоле Своем**" (3 Цар. 22:19); и еще другой пророк: "**видел я Господа стоящим над жертвенником, и Он сказал: ударь в притолоку над воротами**" (Амос. 9:1). И много можно собрать таких свидетельств. Как же Иоанн говорит, что "**Бога не видел никто никогда**"? Нужно знать, что он говорит о точном понятии и ясном видении. А все, виденное пророками, было снисхождением, и никто из них не созерцал чистого существа Божия, как видно из того, что каждый из них созерцал Бога различным образом. Бог есть существо простое, не сложное и не имеющее образа; а они все видели Его под различными образами. Это также объявляет Бог через другого пророка, и, удостоверяя, что пророки видели не чистую сущность, говорит: "**умножал видения, и чрез пророков употреблял притчи**" (Ос. 12:10); не самую сущность Мою показывал Я, говорит Он, но снисходил приспособительно к немощи созерцавших. Притом Иоанн говорит не о людях только, что "**Бога не видел никто никогда**"; это известно было и из вышесказанного, т. е.

из пророческого изречения, в котором говорится: "**умножал видения, и чрез пророков употреблял притчи**", и из ответа, данного Моисею; именно, когда Моисей желал видеть Бога лицом к лицу, то Он сказал ему: "**человек не может увидеть Меня и остаться в живых**" (Исход. 33:20). Таким образом, это уже было известно нам и не подлежало сомнению. Итак, не об одном нашем роде, но и вышних силах говорит Иоанн: что "**Бога не видел никто никогда**": поэтому он и указывает на Единородного, как на учителя этого догмата. Чтобы кто-нибудь не сказал: откуда это известно? - он присовокупляет: "**Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил**" (Иоан. 1:18), приводя достоверного свидетеля и учителя этого догмата. Если бы он хотел объяснить нам изречение Моисеево, то излишне было бы говорить, что Единородный исповедал это; не сказал бы он: "**Единородный, Он явил**", потому что еще прежде, нежели произнес это Иоанн, наученный Единородным, возвестил нам о том же пророк, наученный Богом. А так как Иоанн хотел открыть нам нечто большее сказанного прежде, именно то, что и вышние силы не видят Бога, то он и приводит учителем Единородного. Под "**видением**" же здесь разумей знание; у бестелесных сил нет ни зрачков, ни глаз, ни ресниц; но что у нас видение, то у них знание. Таким образом, когда ты слышишь, что "**Бога не видел никто никогда**", разумей то, что никто не познал Бога по существу, во всей точности. И когда услышишь о серафимах, что они закрывали глаза и отвращали взоры, и о херувимах, что они делали то же самое, не думай, что у них есть глаза или зрачки: - это принадлежности тел; - но веруй, что через это пророк указывает на их знание. Когда пророк говорит, что они не могли видеть снисходящего Бога, то разумеет не что иное, как то, что они не могут воспринять ясного знания о Нем и точного постижения, и не дерзают пристально смотреть не только на чистое и совершеннейшее существо, но и на самое снисхождение Его. А пристально смотреть значит знать. Поэтому Евангелист, признавая, что человеческой природе несвойственно знать это, и что Бог непостижим даже для вышних сил, выставляет нам учителем этого догмата Самого сидящего одесную Бога и знающего это в точности. Притом он не просто сказал: "**Сын**", хотя и этого слова было бы достаточно для того, чтобы заградить уста бесстыдных; ибо, как много называвшихся христами, но истинный Христос один, и много называвшихся господами, но Господь один, и много называвшихся богами, но Бог один; так многие называются и сынами, но Сын один, и прибавка члена (о) достаточно может показать преимущество Единородного. Однако, евангелист не удовольствовался этим, но сказав: "**Бога не видел никто никогда**", присовокупил: "**Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил**". Сначала он сказал: "**Единородный**", а потом: "**Сын**"; потому что многие по общности этого названия уничтожают Его славу, почитая Его одним, из многих (сынов), так как название "**Сын**" есть общее всем. Посему, апостол сначала поставил название: "**Единородный**", как принадлежащее Ему исключительно, собственно, и несвойственное никому другому, чтобы ты был уверен, что и то общее название (Сын) не есть общее, но Его собственное, исключительное и никому другому не свойственное так, как Ему.

4. Чтобы пояснить сказанное мной, я раскрою то же самое полнее. Название "**сын**" принадлежит и людям, принадлежит и Христу, но нам не собственно, а Ему собственно; название же "**единородный**" принадлежит только Ему, никому другому не принадлежит даже и не собственно. Итак, чтобы из названия, не принадлежащего никому, кроме Его одного, ты заключил, что и другое название, принадлежащее многим, есть Его собственное, апостол сначала сказал: "**Единородный**", а потом: "**Сын**". Если же для тебя недостаточно и этого, говорит он, то я приведу еще третье (понятие), хотя простое и человеческое, однако такое, которое может и пресмыкающихся по земле возвести к мысли о славе Единородного. Какое же это? "**Сущий в недре Отчем**". Выражение простое, но достаточное для обозначения близости, если мы будем понимать его богоприлично. Как слыша о престоле и сидении одесную, ты представляешь не престол, не место и не очертание, но под названием престола и общением в сидении разумеешь одинаковость и

равенство чести; так и, слыша о лоне, представляй не лоно и не место, но под названием лона разумей близость и дерзновение Сына в отношении к Родившему. Пребывание в лоне гораздо яснее, нежели сидение одесную, открывает и изображает нам близость Его к Родившему; потому что ни Отец не мог бы иметь Сына в своем лоне, если бы Он был не одного и того же с Ним существа, ни Сын не перенес бы пребывания в лоне Отчем, если бы существо Его было ниже. Посему, так как Сын и Единородный, пребывающий в лоне Отчем, в точности знает все Отчее, то Евангелист и употребил эти слова, чтобы представить точное знание Сына об Отце; потому что речь была о знании; а если это не так, то для чего упомянуто лоно? Если Бог не есть существо телесное, как и действительно Он не таков, и если приведенное выражение не указывает ни на сродство, ни на близость к Родившему, то оно поставлено без причины и напрасно, не доставляя нам никакой пользы. Но оно поставлено не напрасно, - нет, Дух ничего не вещает напрасно, а показывает близость Сына к Отцу. Евангелист, изрекая ту великую истину, что и вышние твари не видят Бога, т. е. не знают Его в точности, и, желая представить достоверного учителя этой истины, употребляет приведенные слова, чтобы ты верил во всем Ему, как Сыну, как Единородному и как пребывающему в лоне Отчем, и ни в чем уже не сомневался. Если бы никто не оказался столь бесстыдным, чтобы спорить, то я сказал бы, что это слово доказывает и вечность. Как в словах, сказанных Моисею: "**Я есмь Сущий**" (Исход. 3:14), мы разумеем вечность; так и в этом изречении: "**Сущий в недре Отчем**", можно разуметь вечное существование Сына в лоне Отца. Итак, всем этим у нас доказано, что существо Божье непостижимо для всякой твари; затем остается доказать, что только Сын и Дух Святый знают Его со всей точностью. Но, отлагая это до другой беседы, чтобы множеством сказанного не обременить памяти, я опять предложу обычное увещание. Какое же у нас было обычное увещание? Пребывать в непрестанной молитве трезвенным умом и бодрствующей душой. Беседуя и прежде об этом, я видел во всех готовность к послушанию; посему странно было бы, обличая беспечных, не хвалить исправных. Итак, я хочу сегодня похвалить вас и воздать вам благодарность за послушание. А эта благодарность будет состоять в том, что я объясню вам, почему та молитва бывает прежде прочих, и для чего диакон повелевает тогда вводить бесноватых и одержимых злым неистовством и наклонять им головы. Для чего же он делает это? Демонское обладание составляет узы тяжкие и мучительные, узы крепчайшие всякого железа. Как в то время, когда выходит судья и намеревается сесть на возвышенном месте, темничные стражи выводят из здания всех содержимых в темнице и помещают их за решетками и занавесами судилища, неопрятных, нечистых, обросших волосами, одетых в рубища; так точно, по установлению отцов, в то время, когда Христос имеет явиться в таинствах и как бы сесть на возвышенном месте, приводятся бесноватые, как бы какие узники, не для того, чтобы они отдали отчет в преступлениях, как те узники, и подверглись наказанию и мучению, но чтобы в присутствии народа и всего города внутри (храма) совершались о них общие молитвы, чтобы все единодушно умоляли о них общего Владыку и с сильным воплем просили помиловать их.

5. Прежде я обличал тех, которые не остаются на такую молитву и проводят это время вне храма; теперь же я хочу обличить находящихся внутри храма, не за то, что они находятся внутри, но за то, что они, оставаясь здесь, бывают нисколько не лучше пребывающих вне, разговаривая между собой в столь страшное время. Что делаешь ты, человек? Видишь, сколько твоих братьев как бы в узах стоят около тебя, и разговариваешь о предметах посторонних? Неужели одного вида их недостаточно, чтобы поразить тебя и расположить к состраданию? Брат твой - в узах, а ты - в беспечности? Какое же, скажи мне, может быть прощение тебе, столь бесчувственному, столь бесчеловечному, столь жестокому? Как ты не боишься, чтобы в то время, когда ты разговариваешь, предаешься беспечности и рассеянности, какой-нибудь демон, выскочив оттуда и нашедши твою душу праздной и пустой, не вошел беспрепятственно в дом твой, увидев его оставленным без дверей? Не

следует ли в этот час всем вместе проливать источники слез, всем смотреть плачущими глазами и во всей церкви происходить сетованиям и воздыханиям? После приобщения таинств, после принятия бани возрождения, после сочетания с Христом, этих агнцев волк успел похитить из стада и удержать их у себя; а ты, видя такое несчастие, не плачешь? Достойно ли это прощения? Ты не хочешь сострадать брату? По крайней мере, страшись за себя самого и бодрствуй. Если бы ты увидел горящим дом своего соседа, то скажи мне, хотя бы этот сосед был злейшим из всех твоих врагов, не побежал ли бы ты гасить пожар, опасаясь, чтобы огонь, распространяясь далее, не дошел и до твоих дверей? Точно также рассуждай и о бесноватых; демонское обладание есть жестокий пламень и пожар. Смотри, чтобы демон, пролагая себе дорогу, не занял и твоей души, и, когда заметишь его присутствие, с великим усердием прибегни к Владыке, чтобы демон, увидев душу твою пламенной и бодрствующей, признал твой ум недоступным для себя. Если он увидит тебя рассеянным и беспечным, то скоро вселится в тебя, как в пустое жилище; а если увидит тебя внимательным, бодрствующим и стремящимся к небесам, то не дерзнет даже смотреть на тебя. Итак, если ты презираешь братьев, то побереги по крайней мере себя самого, и загради лукавому демону вход в твою душу. А ничто так обыкновенно не ограждает вас от нападения, как молитва и усердное прошение. Это именно и повелевает всем диакон, когда говорит: *про**о**сти, станем до**о**бре*; и это установлено не напрасно и не без причины, но для того, чтобы мы возвышали пресмыкающиеся по земле помыслы, чтобы, отвергнув рассеянность, происходящую у нас от забот о предметах житейских, могли представить душу свою прямо стоящей пред Богом. А что это справедливо, и что слово это относится не к телу, а к душе, и повелевает исправлять ее, можем узнать и от Павла, который употребил это выражение в том же смысле. В послании, обращаясь к людям павшим и отчаявшимся под бременем несчастий, он говорил: "**укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени**" (Евр. 12:12). Что же мы скажем? Неужели он говорит о руках и коленах телесных? Нет, он беседует не со скороходами и не с борцами, но убеждает этими словами восстановить силу внутренних помыслов, ослабевшую от искушений. Представь, близ кого ты стоишь, с кем будешь призывать Бога: с херувимами! Подумай, с кем вместе ты ликуешь, и этого достаточно будет для возбуждения в тебе бдительности, когда вспомнишь, что ты, облеченный телом и связанный плотью, удостоен прославлять общего всем Владыку вместе с бесплотными силами. Итак, никто с рассеянной душой пусть не участвует в этих священных и таинственных песнопениях, никто пусть не имеет в себе житейских помыслов в такое время, но, изгнав из души все земное, переселив всего себя на небо и как бы стоя близ самого престола славы и воспаряя вместе с серафимами, пусть каждый возносит всесвятую песнь Богу славы и величия. Для того и повелевается нам *стоять до**о**бре* в это время; ибо *стоять до**о**бре* значит не что иное, как стоять так, как следует человеку стоять перед Богом, со страхом и трепетом, с трезвенной и бодрствующей душой. А что и это изречение относится к душе, объясняет также Павел, когда говорит: "**стойте так в Господе, возлюбленные**" (Фил. 4:1). Как стрелок, желая метко пускать стрелы, прежде всего, заботится о своем положении, старается стать прямо против цели и тогда начинает пускать стрелы; так и ты, намереваясь стрелять в злую голову дьявола, сначала позаботься о состоянии своих помыслов, чтобы, приняв прямое и удобное для себя положение, успешно пускать в него стрелы.

6. Это о молитве. Но так как дьявол придумал, кроме нерадения в молитвах, еще некоторое другое весьма прискорбное зло, то нужно заградить для него и этот вход. Какое же зло придумал лукавый демон? Видя, что вы соединены как бы в одно тело и слушаете проповеди с великим усердием, он не посмел подослать кого-нибудь из своих слуг, чтобы их советами и внушениями отвлечь вас от слушания, так как знал, что никто из вас не допустит таких советников; но он вмешал в вашу толпу каких-то разбойников и карманных воров и настроил их похищать у многих, часто собирающих сюда, завязанное в их кошельках золото; это случалось здесь нередко и со многими. Итак, чтобы этого не

было и чтобы потеря денег со временем не погасила ревности к слушанию, если многие будут подвергаться этому, я прошу и убеждаю всех вас, чтобы никто не входил сюда, имея при себе золото; ваше усердие к слушанию не должно служить для них поводом к злодеянию, и получаемое вами удовольствие от пребывания здесь не должно отравляться кражей денег. Дьявол устроил это не для того, чтобы сделать вас бедными, но чтобы потеря денег, тяжко огорчая вас, отвлекала от ревности к слушанию. Так и Иова он лишил всего имущества не для того, чтобы сделать его бедным, но чтобы отклонить его от благочестия. Дьявол заботится не о том, чтобы отнимать деньги (он знает, что деньги - ничто),- но чтобы лишением денег вовлечь душу в грех; и если он не в состоянии будет сделать этого, то будет считать себя не успевшим ни в чем. Итак, когда он отнимает у тебя золото или при помощи хищников, или каким-нибудь другим способом, ты, возлюбленный, зная его намерение, прославь Владыку; тогда ты приобретешь более, чем потерял, и нанесешь врагу двойной удар, - тем, что не огорчился, и тем, что возблагодарил (Бога). Если он увидит, что потеря денег сокрушает тебя и побуждает роптать на Владыку, то никогда не перестанет делать тоже; а если увидит, что ты не только не хулишь создавшего тебя Бога, но и благодаришь Его при каждом случающемся бедствии, то перестанет подвергать тебя искушениям, поняв, что искушение бедствиями служит для тебя поводом к благодарности и приготовляет тебе светлейшие венцы и большие награды. Тоже было и с Иовом. Когда дьявол, отняв у него имущество и поразив его тело, увидел его приносящим благодарение (Богу), то не посмел более приступать, но потерпел постыдное и решительное поражение и отступил, сделав подвижника Божьего более славным. Зная это, будем и мы бояться только одного - греха, а все прочее переносить мужественно, хотя бы постигла нас потеря имущества, или телесная болезнь, или неуспех в делах, или оскорбление, или клевета, или какое-нибудь другое бедствие; все это не по свойству своему таково, что не только не повредит нам, но может принести нам величайшую пользу, если мы будем переносить это с благодарностью, и доставит нам большие награды. Ты знаешь, что и Иов после того, как увенчался всякими венцами терпения и мужества, получил вдвойне все потерянное. А ты получишь все не вдвойне и не втройне, но во сто крат больше, если будешь переносить несчастье мужественно и наследуешь жизнь вечную, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ

СЛОВО ПЯТОЕ.

ЕСЛИ кто намеревается говорить о предмете обширном, который требует продолжительных рассуждений и вполне разъясняется не в один, два или три дня, но в более продолжительное время, тот должен, по моему мнению, предлагать учение уму слушателей не все вдруг и за один раз, но разделить целое на многие части и через такое раздробление сделать бремя речи легким и удобоприемлемым. Наш язык, и слух, и каждое из наших чувств имеют свою меру, законы и назначенные им пределы, и если кто решается когда-нибудь преступить эти пределы чувств, то лишается и присущей им силы. Что приятнее света, скажи мне? Что радостнее солнечных лучей? Однако это приятное и радостное становится неприятным и тягостным, когда действует на глаза наши чрезмерно. Для того Бог и определил после дня следовать ночи, чтобы она, приняв утомленные глаза наши, сомкнула веки, усыпила зрачки, успокоила ослабевшую у нас зрительную силу и сделала ее способнейшей к созерцанию следующего дня. Поэтому бодрствование и сон, противоположные друг другу, при умеренности одинаково приятны, и, называя приятным свет, мы называем приятным также и сон, разлучающий нас со светом. Так, неумеренное всегда тягостно и неприятно, а умеренное приятно, полезно нам и отрадно. Посему и я,

продолжая речь о непостижимом уже четвертый или пятый день, и сегодня не намерен окончить ее, но, предложив вам, возлюбленные, умеренную беседу об этом, думаю опять дать отдохновение уму вашему. На чем же мы ранее остановили речь? Необходимо продолжить ее с того места; потому что учение следует в непрерывном порядке. Тогда мы говорили, что сын грома сказал: "**Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил**" (Иоан. 1:18). Сегодня надобно узнать, где исповедал это сам Единородный Сын Божий. "**Сказал**" Иисус иудеям, говорит евангелист, "**в ответ: не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца**" (Иоан. 6:43,46). Здесь опять "**видением**" Он называет знание. Сказал не просто: "**никто не знает Отца**", и замолчал, чтобы кто-нибудь не подумал, что это говорится только о людях; но, желая показать, что ни ангелы, ни архангелы, ни вышние силы (не знают Отца), Он объяснил это прибавлением; ибо сказав: "**не то, чтобы кто видел Отца**", Он присовокупил: "**кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца**". Если бы Он сказал просто: "**никто**", то многие из слушателей, может быть, подумали бы, что это сказано только о нашем роде; а теперь, сказав: "**никто**", и прибавив: "**только**" Сын, этим прибавлением Единородного Он исключил всякую тварь. Неужели, скажут, Он исключил и Духа Святого? Нет, так как Дух не есть часть творения. Слово "**никто**" всегда употребляется для исключения одной только твари. Равным образом, когда говорится об Отце, то не исключается Сын, и когда говорится о Сыне, то не исключается Дух. А чтобы здесь показать, что слово: "**никто**" сказано не для исключения Духа, но для изъятия твари, послушаем, как о том же самом знании, которое приписывается одному Сыну, говорит Павел в беседе с Коринфянами. Что же говорит он? "**Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия**" (1 Кор. 2:11). Как здесь слово: "**никто**" не исключает Сына, так и изреченное Христом слово: "**никто**" не исключает Духа Святаго. Отсюда очевидна истина сказанного. Если бы в словах: "**никто**" не видел Отца, "**кроме Того, Кто есть от Бога**", исключался Дух, то напрасно Павел говорил бы, что как человек знает находящееся в нем самом, так и Дух Святый с точностью знает сущее в Боге. В таком же смысле употребляется и слово "**один**", оно имеет одинаковое с тем значение и силу. Смотри: "**один**", говорит апостол, "**Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им**" (1 Кор. 8:6). Если наименование Отца "**единым Богом**", исключает Сына из Божества, то и наименование Сына "**единым Господом**" исключает Отца из господства; но Отца не исключают из господства слова: "**один Господь Иисус Христос**", следовательно, и Сына не исключают из Божества слова: "**один Бог Отец**".

2. Если же опять скажут, что Отец называется "**единым Богом**" потому, что Сын, хотя и есть Бог, но не такой Бог, как Отец; то из тех самых положений, которые допускают еретики (а мы не сказали бы этого), следовало бы, что Сын называется "**единым Господом**" потому, что Отец, хотя есть и Господь, но не такой Господь, как Сын. Если же последнее нечестиво, то и первое неосновательно. Напротив, как выражение: "**един Господь**" не исключает Отца из истинного господства и не приписывает господства одному только Сыну; так и выражение: "**един Бог**" не исключает Сына из истинного, существенного и совершенного Божества, и не показывает, что оно принадлежит только Отцу. А что Сын есть Бог и такой же Бог, как Отец, оставаясь, впрочем, Сыном, это видно из самого прибавления. Если бы имя "**Бог**" принадлежало только Отцу и не могло указывать нам на другую Ипостась, кроме одной не рожденной и первой Ипостаси, для которой одной оно было бы собственным и отличительным именем, то излишне было бы прибавлено слово "**Отец**"; тогда достаточно было бы, сказать "**един Бог**", и мы поняли бы, о ком говорится. Но так как имя "**Бог**" есть общее для Отца и Сына, и, сказав: "**един Бог**", Павел не определил бы, о ком он говорит, то ему нужно было прибавить: "**Отец**", чтобы показать, что он говорит о первой и не рожденной Ипостаси, так как название "**Бог**" не

могло именно на нее указывать, потому что оно есть общее у Отца с Сыном. Одни из этих имен суть общие, а другие собственные; общие употребляются для того, чтобы показать безразличие существа, а собственные для того, чтобы означить свойство Ипостасей. Имена: "**Отец**" и "**Сын**" суть собственные имена каждой Ипостаси; а имена "**Бог**" и "**Господь**" - общие. Итак, поставив общее имя: "**един Бог**", апостол должен был прибавить и собственное имя, чтобы ты знал, о ком он говорит и чтобы нам не впасть в безумие (еретика) Савеллия. А что имя "**Бог**" не больше имени "**Господь**", и имя "**Господь**" не меньше имени "**Бог**", видно из следующего. Во всем Ветхом Завете Отец непрестанно называется Господом. "**Господь Бог твой**", говорится, "**Господь один есть**" (Втор. 6:4); и еще: "**Господа, Бога твоего, бойся, и Ему [одному] служи**" (Втор. 6:13); и еще: "**велик Господь наш и велика крепость [Его], и разум Его неизмерим**" (Псал. 146:5); и еще: "**и да познают, что Ты, Которого одного имя Господь, Всевышний над всею землею**" (Псал. 82:19). А если бы имя "**Господь**" было меньше имени "**Бог**" и недостойно этого существа, то не следовало бы говорить: "**да познают, что Ты, Которого одного имя Господь**". Также, если бы имя "**Бог**" было больше и досточтимее имени "**Господь**", то не следовало бы Сыну, Который, по их мнению, менее Отца, называться именем, принадлежащим Отцу, таким, которое было бы собственным именем одного только Отца. Но это не так, не так. И Сын не менее Отца, и имя "**Господь**" не ниже имени "**Бог**". Посему Писание и употребляет эти названия безразлично и об Отце и о Сыне. Вы слышали, что Отец называется Господом; теперь мы покажем вам, что и Сын называется Богом. "**се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог**" (Ис. 7:14; Матф. 1:23). Видишь ли, что и Отцу принадлежит имя "**Господь**", и Сыну имя "**Бог**"? Как там сказано: "**и да познают, что Ты, Которого одного имя Господь**"; так и здесь говорится: "**нарекут имя Ему: Еммануил**". И еще: "**ибо младенец родился нам - Сын дан нам; и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира**" (Ис. 9:6). Обрати внимание на благоразумие и духовную мудрость пророков. Чтобы, сказав просто: "**Бог**", не внушить мысли, будто они говорят об Отце, они сначала упоминают о домостроительстве, так как, конечно, не Отец родился от Девы и был отроком. И другой пророк говорит о Нем таким же образом: "**Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним**" (Варух. 3:36). Но о ком он говорит это? Не об Отце ли? Нет; потому что и он, послушай, как упоминает о домостроительстве. Сказав: "**Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним**", он присовокупил: "**Он нашел все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю: После того Он явился на земле и обращался между людьми**" (Варух. 3:37-38). А Павел говорит: "**и от них Христос по плоти, сущий над всем Бог, благословенный во веки, аминь**" (Рим. 9:5); и еще: "**никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога**" (Ефес. 5:5); и еще: "**явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа**" (Тит. 2:13). Так же называет Его и Иоанн, изрекая: "**в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог**" (Иоан. 1:1).

3. Так, скажут, но ты покажи и те места, где Писание, упоминая о Сыне вместе с Отцом, называет Отца Господом. А я покажу не только это, но и то, что Писание и Отца называет Господом и Сына Господом, также называет Отца Богом и Сына Богом, поставляя вместе оба имени. Где же можно найти это? Христос, беседуя некогда с иудеями, говорит: "**что вы думаете о Христе? чей Он сын? Говорят Ему: Давидов. Говорит им: как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня**" (Матф. 22:42-44)? Вот Господь и Господь. Хочешь ли знать, где Писание говоря об Отце вместе с Сыном, называет их Богом и Богом? Послушай пророка Давида и апостола Павла, которые показывают нам это. "**Престол Твой, Боже, вовек; жезл правоты - жезл царства Твоего. Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более**

соучастников Твои" (Псал. 44:7-8). И Павел также привел это свидетельство в словах: "**об Ангелах сказано: Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь. А о Сыне: престол Твой, Боже, в век века**" (Евр. 1:7-8). Но скажут, почему же, в упомянутом месте (1 Кор. 8:6) Павел назвал Отца Богом, а Сына Господом? Там он сделал это не напрасно и не без причины, а потому, что у него была речь к язычникам, страдавшим многобожием. Чтобы они не могли сказать ему: обвиняя нас за то, что мы признаем многих богов и многих господ, ты сам подлежишь тому же обвинению, когда говоришь о богах, а не о Боге; поэтому Павел, снисходя к их немощи, называет Сына другим именем, имеющим одинаковую силу. А что это истинно, для убеждения я прочитаю это место повыше, и вы ясно увидите, что сказанное не есть моя догадка. "**О идоложертвенных [яствах] мы знаем, потому что мы все имеем знание: но знание надмевает, а любовь назидает: об употреблении в пищу идоложертвенного мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого**" (1 Кор. 8:1, 4). Видишь ли, что он говорит это, обращаясь к тем, которые признавали многих богов? "**Ибо хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле**" (опять он восстает против них), "**так как есть много богов и господ много**", т. е. так называемые боги; "**но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им**" (1 Кор. 8:5-6). Для того он и присовокупил слово: "**один**", чтобы они не подумали, будто опять вводится многобожие; он назвал Отца "**единым Богом**", не исключая Сына из Божества, равно как и Сына назвал "**единым Господом**", не исключая Отца из Господства, но, исправляя недостаток слушателей и не желая подавать им какого-либо повода к заблуждению. Это было причиной и того, что пророки не ясно и открыто, но темно и редко возвещали иудеям о Сыне Божьем. Едва только избавившись от многобожного заблуждения, иудеи снова подверглись бы той же болезни, если бы опять услышали о Боге и Боге. Посему пророки везде непрестанно говорят, что Бог "**Господь есть Бог, [и] нет еще кроме Его**" (Втор. 4:35; Иса. 45:5, 21), говорят, не отвергая Сына, - да не будет, - но, желая исцелить немощь иудеев и отклонить их от мысли о многих и мнимых богах. Итак, когда ты услышишь слова: "**один и нет еще кроме Его**" и другое подобное, то не унижай славы Троицы, но из этих выражений заключай о расстоянии между Ей и тварью; ибо в другом месте сказано: "**кто уразумел дух Господа**" (Иса. 40:13. Римл. 11:34)? А что здесь также не отрицается разумение ни в Сыне, ни в Духе, это объяснено уже сказанным ранее, когда мы приводили в свидетельство слова: "**ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия**" (1 Кор. 2:11): Также и Христос говорит: "**никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына**" (Матф. 11:27). Так и в следующих словах: "**не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца**" (Иоан. 6:46). Сказав, что он знает Отца с точностью, Христос вместе с тем привел и причину, почему Он знает. Какая же эта причина? Бытие от Него; а доказательством бытия от Него служит опять то, что Он знает Отца с точностью; ибо потому Он знает Отца совершенно, что имеет бытие от Него; признаком же бытия от Него служит совершенное знание Его. Никакое существо не может хорошо знать высшего существа, хотя бы между ними было и малое расстояние. Послушай, что говорит пророк об ангелах и человеческом роде, как не велико различие между ними. Сказав: "**что [есть] человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его**", он присовокупил: "**не много Ты умалил его пред Ангелами**" (Псал. 8:5-6). И, однако, так как несомненно есть между ними некоторое расстояние, хотя и малое, мы не знаем с точностью существа ангелов и не можем узнать его, сколько бы ни размышляли о нем.

4. Но что я говорю об ангелах, когда мы не знаем хорошо, или вернее, нисколько не знаем даже сущности нашей души? А если те будут спорить, будто знают ее, то спроси, что такое душа по существу: воздух ли, или дыхание, или ветер, или огонь? Они скажут, что душа не есть ни одна из этих вещей, потому что все они телесны, а душа бестелесна. Итак,

они не знают ни ангелов, ни собственных своих душ, а утверждают, будто знают с точностью Владыку и Создателя всего? Что может быть хуже такого безумия? Но для чего я говорю: что такое душа по существу? Даже и того нельзя сказать, как она находится в нашем теле. Что можно сказать об этом? То ли, что она распростирается по составу тела? Но это нелепо; потому что это свойственно телам; а к душе это не относится, как видно из того, что часто и по отсечении рук и ног она остается целой и нисколько не сокращается от искажения тела. Или она не находится во всем теле, а сосредоточена в какой-нибудь его части? В таком случае прочие части необходимо должны быть мертвыми; потому что бездушное совершенно мертво. Но и этого сказать нельзя. Таким образом, то, что душа существует в нашем теле, мы знаем, а как она существует, этого не знаем. Познание о ней Бог сокрыл от нас для того, чтобы сильнее заградить нам уста, удержать нас и заставить оставаться внизу, а не любопытствовать и не исследовать того, что выше нас. Впрочем, чтобы нам не доказывать этого соображениями разума, мы опять обратимся к Писанию. "**не то, чтобы кто видел Отца**", говорит (Господь), "**кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца**" (Иоан. 6:46). Что же из этого? - скажут, - этим изречением еще не приписывается Сыну совершенное знание. То, что тварь не знает Отца, Он выразил в словах: *не* "**не то, чтобы кто видел Отца**", и то, что Сын знает Его, Он также выразил в прибавлении: "**кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца**"; но что он знает Отца совершенно и так, как самого Себя, это еще не доказано. Можно думать, скажут, что вполне не знает Его ни тварь, ни Сын, и что Сын, хотя имеет понятие об Отце более ясное, нежели тварь, но также несовершенное. То, что Он видит Отца, каков Он есть, и знает Его, Он сказал; а что Он знает Его совершенно и так, как самого Себя, этого еще не объявил. Но хотите ли, я докажу и это Писаниями, и именно изречением самого Христа? Послушаем, что говорит Он к иудеям: "**как Отец знает Меня, [так] и Я знаю Отца**" (Иоан. 10:15). Какого еще хочешь ты знания совершеннее этого? Спроси возражающего: совершенно ли Отец знает Сына и точно ли имеет всякое знание о Нем, так что ничто не сокрыто от Него касательно Сына, но "**Ему**" принадлежит полное знание? Да, скажет он. Итак, когда ты услышишь, что и Сын знает Отца так, как Он - Сына, не ищи больше ничего, когда знание их совершенно одинаково. Тоже самое выражает Он и в другом месте, когда говорит: "**никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть**" (Матф. 11:27). А открывает Он об Отце не столько, сколько Сам знает, но сколько мы вмещаем. Так поступает не только Христос, но даже Павел, который говорит своим ученикам: "**и я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не [твердою] пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские** (1 Кор. 3:1-2). Но, скажут, он говорил это только коринфянам. А что, если я докажу, что он знал и нечто другое, чего не знал никто из людей, и умер, зная это один из всех людей? Где же сказано об этом? В послании к Коринфянам, где он сам говорит: "**и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать**" (2 Кор. 12:4). И, однако, тот самый, который слышал тогда "**и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать**", имел знание частное и гораздо меньшее будущего. Сам он, сказав то, сказал и это: "**мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем**", и еще: "**когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал**", и еще: "**теперь мы видим как бы сквозь [тусклое] стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу**" (1 Кор. 13:9, 11, 12). Из этого открывается нам вся лживость еретиков; если самое существо неведомо не в том, что оно существует, а в том, каково оно, то было бы крайне безумно давать ему название. Даже если бы оно было известно и познано, и тогда нам было бы не безопасно самим от себя давать наименование существу Владыки. Если Павел не осмелился дать названия вышним силам, но, сказав, что Бог посадил Христа "**превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем**" (Ефес. 1:21), и научив нас, что есть такие

названия сил, которые мы узнаем только в будущем, не дерзнул сам заменить их другими и даже исследовать их, то, какого прощения, или какого оправдания могут удостоиться те, которые дерзают поступать так в отношении к существу Владыки? Если самое существо (Божье) неведомо, то надобно удаляться от них, как от сумасшедших. То, что Бог не рожден, известно; а что это название есть название Его существа, этого не сказал никакой пророк, не открыл никакой апостол, никакой евангелист. И это вполне понятно, потому что не зная самого существа, как они могли бы назвать его по имени?

5. Но что я говорю о божественных Писаниях, когда эта нелепость так очевидна и беззаконие так велико, что даже язычники, уклонившиеся от истины, никогда не дерзали сказать что-нибудь подобное? И из них никто не осмелился определить Божественное существо и выразить его одним названием. И что я говорю о Божественном существе, когда они, рассуждая о природе бестелесных существ, даже ее не определили надлежащим образом, но предлагали некоторое темное изображение и описание ее, а не определение? А как еще умничают еретики? Таким образом, говорят они, ты не знаешь того, что почитаешь? На это совсем не следовало бы даже отвечать после того, как из Писаний доказано, что невозможно знать Бога в Его существе; но так как я говорю не по вражде, а для их исправления, то теперь докажу, что не знают Бога не те, которые не знают Его существа, а те, которые усиливаются познать это существо. Скажи мне: если бы два человека спорили между собой о знании величины неба, и один из них говорил бы, что человеческим глазом невозможно обнять его, а другой утверждал бы, что все небо можно измерить пядью руки, то кому из них мы приписали бы знание величины неба, тому ли, кто утверждает, будто знает, сколько в нем пядей, или тому, кто признает свое незнание? Если же тот, кто отступает перед величиной неба, оказывается более знающим эту величину, то, как мы не будем относиться с таким же благоговением к Богу? Не крайнее ли это безумие? От нас требуется только знать, что Бог существует, а не исследовать Его существа, о чем послушай, как говорит Павел: "**надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть**" (Евр. 11:6). Также и пророк, осуждая некоторых в нечестии, осуждает не за незнание того, "**что**" такое Бог, но за непризнание того, что Бог "**существует**", говорит он, безумен в сердце своем: "**нет Бога**" (Псал. 13:1). Итак, если этот безумец оказывается нечестивым не потому, что не знает существа Божьего, а потому, что не признает бытия Божьего, то для благочестия довольно признавать, что Бог "**существует**". Но у них придумано и некоторое другое возражение. Какое же? Сказано, говорят они, что "**Бог есть дух**" (Иоан. 4:24). Но разве этим, скажи мне, определяется существо Его? Кто может допустить это, если он хотя сколько-нибудь приближался к дверям божественных Писаний? На таком основании можно было бы сказать, что Бог есть огонь; как написано, что Бог есть дух, так же написано, что "**Бог наш есть огонь поедающий**" (Евр. 12:29); а в другом месте, - что Он есть "**источник воды живой**" (Иер. 2:13); и не только можно было бы сказать, что Бог есть дух, источник и огонь, но и душа, и ветер, и ум человеческий, и многое другое, гораздо более неуместное; не нужно перечислять все и подражать их безумию. Название "**дух**" означает многое; например - нашу душу, как говорит Павел: "**предать сатане в изможднение плоти, чтобы дух был спасен**" (1 Кор. 5:5); и ветер, как говорит пророк: "**восточным ветром сокрушил**" их (Псал. 47:8). Тем же именем называется и духовное дарование: "**самый дух**", говорит апостол: "**свидетельствует духу нашему**" (Римл. 8:16); и еще: "**стану молиться духом, стану молиться и умом**" (1 Кор. 14:15). Так же называется и гнев, как говорит Исаия: "**не ты ли помышлял духом жестоким убить их**" (Иса. 27:8 – слав.)? Духом называется и помощь Божья: "**Дыхание жизни нашей, помазанник Господень**" (Плач. Иер. 4:20). Всем этим, по их мнению, был бы у нас Бог, и слагался бы из всего этого. Но чтобы нам не пустословить, выставляя на вид не нуждающееся в опровержении, окончим теперь речь против них и всецело обратимся к молитве; и чем более они оказывают нечестия, тем более мы будем просить и молиться о них, чтобы они когда-нибудь оставили свое

безумие. "**ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины**" (1 Тим. 2:3-4).

6. Итак, не перестанем совершать о них моления. Молитва есть оружие великое, сокровище неоскудевающее, богатство никогда неистощимое, пристань безмятежная, основание спокойствия; молитва есть корень, источник и мать бесчисленных благ и могущественнее царской власти. Бывает иногда, что облеченный диадемой страдает горячкой и лежит на постели в воспалении, а около него стоят врачи, копьеносцы, слуги, военачальники, но ни искусство врачей, ни присутствие друзей, ни услужливость рабов, ни множество лекарств, ни драгоценность убранства, ни изобилие богатства, и ни что другое человеческое не может облегчить постигшей его болезни. Если же войдет кто-нибудь, имеющий дерзновение перед Богом, и только коснется его тела, и вознесет о нем чистую молитву, то вся болезнь исчезает, и, таким образом, чего не могли сделать богатство, множество прислужников, опытное искусство и величие царской власти, то часто могла совершать молитва одного бедного и нищего. Впрочем, я говорю о молитве не пустой и рассеянной, но возносимой с усердием, из души скорбящей и сердца сокрушенного. Такая молитва восходит к небу; как вода, пока течет по ровной местности и имеет большой простор, не поднимается к верху, а когда руки водопроводчиков снизу задержат и стеснят ее, то она быстрее всякой стрелы устремляется в высоту, так точно и душа человеческая, пока пользуется большой свободой, развлекается и рассеивается, а когда низменные обстоятельства стеснят ее, то она, выдержав хорошее испытание, возносит горе чистые и усердные молитвы. А чтобы тебе убедиться, что молитвы, совершаемые в скорби, скорее могут быть услышаны Богом, послушай, что говорит пророк: "**к Господу воззвал я в скорби моей, и Он услышал меня**" (Псал. 119:1). Возбудим же свою совесть, опечалим душу памятью о грехах, опечалим не для того, чтобы стеснить ее, а для содействия тому, чтобы она была услышана, чтобы она трезвилась, бодрствовала и достигала до самых небес. Ничто так не отгоняет беспечности и рассеянности, как скорбь и печаль; она отовсюду сосредоточивает душу и обращает ее к самой себе. Кто так скорбит и молится, тот после молитвы может испытать в своей душе великое удовольствие. Как сгустившиеся облака сначала делают воздух мрачным, а, испустив обильный дождь и излив всю влагу, оставляют воздух чистым и светлым; так точно и печаль, пока скопляется внутри, помрачает наш ум, а когда разрешится словами молитвы и соединенными с ней слезами, и выйдет изнутри вон, то оставляет в душе великую ясность, так как в душу молящегося входит, как некоторый луч, помощь Божья. Между тем, какая у многих холодная отговорка? Я не имею дерзновения, говорят они, я стыжусь и не могу открыть уста. Это - сатанинская стыдливость, это - прикрытие беспечности; этим дьявол хочет затворить для тебя двери, ведущие к Богу. Ты не имеешь дерзновения? Но великое дерзновение, великая польза в том и состоит, чтобы считать себя не имеющим дерзновения; равно как стыд и крайняя опасность - считать себя имеющим дерзновение. Если ты имеешь много заслуг и не знаешь за собой ничего худого, но считаешь себя имеющим дерзновение, то всякая молитва твоя не действительна; если же ты носишь в совести великое бремя грехов и при этом признаешь себя последним из всех, то ты будешь иметь великое дерзновение перед Богом, хотя еще нет смиренномудрия в том, чтобы грешник считал себя грешником. Смиренномудрие состоит в том, чтобы, сознавая за собой много великого, ничего великого о себе не думать, чтобы, уподобляясь Павлу и имея возможность сказать: "**я ничего не знаю за собою**", в то же время говорить: "**но тем не оправдываюсь**" (1 Кор. 4:4), и еще: "**Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый**" (1 Тим. 1:15). В том и состоит смиренномудрие, когда кто, будучи высоким по заслугам, смиряет сам себя в уме. Впрочем, Бог, по неизреченному Своему человеколюбию, не отвергает от Себя и принимает не только смиренномудрствующих, но и тех, которые искренно исповедуют грехи свои, - бывает милостив и благ даже и к таким людям. А чтобы тебе убедиться, какое великое благо - не

мечтать о самом себе ничего великого, представь в уме две колесницы, из которых в одну запряги праведность и высокомерие, а в другую грех со смиренномудрием, и ты увидишь, что колесница греха опередит праведность не собственной силой, но силой, сопряженного с ним смиренномудрия; а колесница праведности отстанет, не по немощи праведности, но по тяжести и громадности высокомерия. Как смиренномудрие своей превосходной высотой преодолевает тяжесть греха и быстро восходит на небо, так высокомерие, по своей великой тяжести и громадности, может пересилить и превыспреннюю праведность и легко увлечь ее вниз.

7. А что первая колесница бывает быстрее последней, вспомни о фарисее и мытаре. Фарисей впряг вместе праведность и высокомерие, и говорил так: "**фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь**" (Лук. 18:11). О безумие! Его высокомерие не удовольствовалось сравнением со всем родом человеческим, но с великим неистовством напало и на близ стоявшего мытаря. Что же тот? Он не восстал против поношения, не оскорбился укоризной, но великодушно перенес сказанное, и стрела врага сделалась для него врачевством и исцелением, поношение - похвалой, укоризна - венцом. Так велико благо - смиренномудрие; так полезно - не оскорбляться злословиями других и не раздражаться обидами ближних! Можно и от них получить себе великое и важное благо, как и было с мытарем. Претерпев поношение, он очистился от грехов, и, сказав: "**будь милостив ко мне грешнику**" (Лук. 18:13), "**пошел оправданным в дом свой более, нежели тот**" (Лук. 18:14); слова оказались выше дел, изречениями побеждены деяния. Фарисей выставлял на вид праведность, пост и десятины; а мытарь произнес простые слова, и избавился от грехов, потому что Бог не слова только слышал, но видел и душевное расположение, с которым они были произнесены, нашел его уничиженным и сокрушенным и помиловал, по Своему человеколюбию. Впрочем, это я говорю не для того, чтобы мы грешили, но чтобы были смиренномудрыми. Если мытарь, человек отличавшийся крайним нечестием, приобрел такое благоволение Божье не смиренномудрием, а только раскаянием, объявлением грехов своих и исповеданием того, чем он был, то какую великую помощь получат от Бога те, которые совершили много добрых дел и ничего великого о себе не думают? Посему прошу, убеждаю и умоляю вас - непрестанно исповедовать свои грехи перед Богом. Я не выставляю тебя на вид перед подобными тебе рабами и не принуждаю открывать грехи людям; раскрой совесть свою перед Богом, покажи Ему свои раны и проси у Него врачевства, покажи Тому, Который не укоряет, а врачует; Он видит все, хотя бы ты и умолчал. Скажи же, чтобы тебе получить пользу, скажи, чтобы, сложив с себя здесь все грехи, отойти туда чистым и безгрешным, и избавиться от будущего невыносимого их обнаружения. Три отрока находились в печи, предав душу свою за исповедание Владыки, и однако, после столь великих подвигов, они говорят: "**ныне мы не можем открыть уст наших; мы сделались стыдом и поношением для рабов Твоих и чтущих Тебя**" (Дан. 3:33). Для чего же вы отверзаете уста? Для того, говорят они, чтобы сказать именно это, что "**мы не можем открыть уст наших**", и этим преклонить к себе Владыку. Сила молитвы погашала силу огня, обуздывала ярость львов, останавливала войны, прекращала сражения, утишала бури, прогоняла демонов, отверзала врата неба, расторгала узы смерти, отгоняла болезни, отражала злобу, укрепляла колеблющиеся города; и свыше посылаемые удары, и человеческие козни, и все вообще бедствия отклоняла молитва. Опять я говорю не о той молитве, которая бывает только на устах, но о той, которая возносится из глубины души. Если деревья глубоко пустили свои корни, то их не сокрушат и не вырвут даже бесчисленные напоры ветра, потому что корнями своими они крепко держатся в глубине земли; так точно и молитвы, возносимые из глубины души, имея там свои корни, безопасно возносятся горе и не задерживаются никакими нападениями помыслов. Поэтому и пророк говорит: "**из глубины взываю к Тебе, Господи**" (Псал. 129:1). Я

говорю все это не для того, чтобы вы только хвалили, но чтобы исполняли и на деле. Если несчастные получают некоторую отраду, высказывая людям свои несчастия и с прискорбием описывая постигшие их бедствия, как будто в словах своих находят некоторое облегчение, то тем более ты получишь облегчение и великое утешение, если откроешь твоему Владыке страдания души своей. Человек часто тяготится тем, кто сетует и плачет перед ним, отстраняется и отвращается от несчастного; а Бог поступает не так, но принимает и привлекает к Себе, и хотя бы ты продолжительно высказывал Ему свои несчастия, Он тогда еще более любит тебя и внимает твоим молениям. Это самое выражая, Христос говорил: "**придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас**" (Матф. 11:28). Итак, Он зовет, - не отвратим своего слуха; Он влечет, - не будем убегать от Него; хотя бы у нас было множество грехов, тогда еще более будем прибегать к Нему, потому что таких Он и призывает. "**Я пришел**", говорит Он, "**призвать не праведников, но грешников к покаянию**" (Матф. 9:13). И там Он называет обремененными и труждающимися тех, которые обременены тяжестью грехов. Он называется "**Отец милосердия и Бог всякого утешения**" (2 Кор. 1:3), потому что его непрестанная деятельность та, чтобы утешать и призывать скорбящих и сетующих, хотя бы у них было множество грехов. Только предадим Ему себя, только прибегнем к Нему и не будем отступать, и тогда мы на опыте познаем истину сказанного, и ничто случающееся с нами не в состоянии будет опечалить нас, если будем возносить молитву напряженную и усердную; посредством ее мы избавимся от всего, что бы нас ни постигло. И удивительно ли, что сила молитвы может прекращать человеческие горести, если она легко погашает и истребляет самые грехи? Итак, чтобы нам легко провести настоящую жизнь, свергнуть все грехи, какие мы навлекли на себя, и с дерзновением предстать перед престолом Христовым, будем постоянно приготовлять себе это врачевство, составляя его из слез усердия, постоянства и терпения. Таким образом мы и будем наслаждаться постоянным здоровьем и получим будущие блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава ныне, и всегда и во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ

СЛОВО ШЕСТОЕ.

Полное заглавие этого слова следующее: "О блаженном Филогонии, который сделался из адвоката епископом, и о том, что для благоугождения Богу ничто не может сравниться с попечением об общей пользе, и о том, что за невнимательное причастие Божественных таинств мы подвергаемся невыносимому наказанию, хотя бы дерзнули на это однажды в год. Сказано за пять дней до Рождества Христова".

Я И СЕГОДНЯ готовился выйти на борьбу с еретиками и уплатить вам остаток долга; но день блаженного Филогония, которого праздник мы совершаем ныне [1], побуждает меня к повествованию об его подвигах; и, конечно, надобно повиноваться. Если "**кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти**" (Исх. 21:17), то очевидно, что прославляющий их непременно будет наслаждаться жизнью; и если мы должны оказывать такое расположение к естественным родителям, то тем более - к духовным, особенно когда от нашей похвалы умершие не делаются более славными, а мы собравшиеся, и говорящие и слушающие, делаемся лучшими. Кто взошел на небо, тот не нуждается в человеческих похвалах, как уже достигший лучшего и блаженнейшего наследия; а мы, доселе живущие здесь и всегда нуждающиеся в великом утешении, имеем нужду в похвалах ему, чтобы пробудить и в себе такую же ревность. Один премудрый

дает такое наставление: "**память праведника пребудет благословенна**" (Прит. 10:7), не потому, что отшедшие получают от этого великую пользу, но потому, что ее получают прославляющие их. Итак, если мы получаем так много пользы от этого прославления, то послушаемся премудрого и не станем противиться: и самое время удобно для такой беседы. Сегодня этот блаженный переселился в безмятежную жизнь и ввел свою ладью туда, где уже не нужно опасаться ни кораблекрушения, ни уныния, ни печали. И удивительно ли, что та обитель свободна от печали, когда Павел, беседуя с людьми еще живыми, говорит: "**всегда радуйтесь; непрестанно молитесь**" (1 Фессал. 5:16-17)? Если же здесь, где болезни, огорчения, преждевременные смерти, клевета, зависть, уныние, гнев, порочные похоти, бесчисленные козни, повседневные заботы, частые и непрерывные бедствия приносят со всех сторон множество скорбей, если здесь, по словам Павла, можно всегда радоваться тому, кто хотя немного освобождается от треволнений житейских дел и хорошо устраивает жизнь свою; то тем более можно достигнуть этого блага по отшествии туда, где нет ничего такого, ни болезней, ни страсти, ни повода к грехам, где нет слов: "**мое**" и "**твое**" - этих холодных слов, которые вносят в нашу жизнь все бедствия и производят бесчисленные войны. Поэтому особенно я и ублажаю этого святого, что он, переселившись отсюда и вышедши из нашего города, взошел в другой град - Божий; оставив эту церковь, вступил в ту "**Церковь первородных, написанных на небесах**"*;* и, прекратив участие в здешних праздниках, переселился к торжеству ангелов. А что там есть и город и Церковь и торжество, об этом послушай Павла, который говорит: "**приступили ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах**" (Евр. 12:22-23). Торжеством он называет все тамошнее, не только по множеству вышних сил, но и по обилию благ и непрестанной радости и веселью. Торжество обыкновенно составляет не иное что, как многочисленность собравшихся и обилие предлагаемых вещей, когда привозят и пшеницу, и ячмень, и всякого рода плоды, и стада овец, и табуны волов, и одежды, и другое подобное, и одни продают, а другие покупают. Что же из этих вещей, спросят, есть на небесах? Из этих вещей - ничего, но есть нечто гораздо более досточтимое. Не пшеница, ячмень и другие произведения, но повсюду там в великом изобилии всякие плоды Духа - любовь, радость, веселье, мир, благость и кротость, на небесах можно видеть не стада овец и табуны волов, но души совершенных праведников, душевные добродетели и нравственные совершенства, не одежды и платья, но венцы драгоценнее всякого золота, награды, воздаяния и бесчисленные блага, уготованные добродетельным. И сонм собравшихся там гораздо почтеннее и многочисленнее; он состоит не из городских и сельских жителей, но в одном месте мириады ангелов, в другом - тысячи архангелов, здесь сонмы пророков, там лики мучеников, чины апостолов, собрания праведников и различные общества всяких угодников. Поистине это дивное торжество; а что важнее всего, среди этого торжества собравшихся пребывает сам Царь всех их, о чем апостол после слов: "**к тьмам Ангелов, к торжествующему собору**", сказал так: "**и к Судии всех Богу**" (Евр. 12:23). Кто видал когда-нибудь, чтобы царь присутствовал на торжище? Здесь этого никто никогда не видал, а пребывающие там непрестанно, сколько им возможно, видят Его самого присутствующим и украшающим светлостью Своей славы всех собравшихся. Здешние торжества часто прекращаются среди дня, а тамошнее не таково; оно не знает ни месячных оборотов, ни годовых круговращений, ни числа дней, но продолжается постоянно, и все блага его не имеют предела, не знают конца, не могут ни состариться, ни увянуть, но суть нестареющие и бессмертные. Нет там никакого шума, как здесь, никакого смятения, но совершенный порядок оттого, что все с надлежащим благочинием и стройно, как бы на какой кифаре, воспевают Владыке тех и других тварей согласную и приятнейшую всякой музыки песнь, а душа их там, как бы в каких таинственных святилищах и при божественных таинствах, совершает божественное священнодействие.

2. В эту блаженную и нестареющую жизнь переселился ныне блаженный Филогоний. Какое слово может быть достойно человека, получившего такое прекрасное наследие? Нет такого слова. Что же, скажи мне, поэтому мы будем молчать? Для чего же и собрались мы? Скажешь ли, что мы не в состоянии изобразить величие дел его? Но поэтому и нужно говорить, так как важнейшая часть похвалы в том и состоит, что слова не могут сравняться с делами; чьи подвиги выше смертной природы, тому и похвала, очевидно, выше языка человеческого. Впрочем, за это он не отвергнет нашего слова, но поступит подобно самому Господу, Который вдовице, положившей только две лепты, дал награду не за две только лепты. Почему? Потому, что Он обратил внимание не на количество денег, а на богатство души. Если ты посмотришь на деньги вдовицы, то найдешь крайнюю бедность; а если вникнешь в ее намерение, то увидишь неизъяснимое сокровище душевного величия. Так и ваше приношение, хотя мало и бедно, но таково, какое мы имеем; хотя оно не соответствует душевному величию доблестного и праведного Филогония, но и то будет величайшим доказательством его великодушия, если он не отвергнет и малого приношения, а поступит подобно богатым. Они, приняв от бедных малое, в чем сами нисколько не нуждаются, прибавляют к этому еще свое, вознаграждая тех, которые принесли им, что могли. Так точно и этот блаженный, приняв от нас словесную хвалу, в которой он нисколько не нуждается, воздаст нам действительное благословение, в котором мы всегда нуждаемся. С чего же нам следует начать похвалы? С чего иного, как не с той власти, которую вверила ему благодать Духа? Внешняя власть не всегда может быть доказательством добродетели тех, которым она вверяется, напротив часто свидетельствует об их порочности. Почему? Потому, что для получения такой власти обыкновенно помогают и ходатайства друзей, и происки, и льстивые речи, и многие другие более постыдные способы. Но когда избирает и определяет Бог и когда Его десница касается святой главы, тогда определение не лицеприятно, суд не подлежит подозрению, и несомненным одобрением рукополагаемого служит достоинство Рукополагающего. А что Бог избрал блаженного Филогония, это видно из самого образа избрания. Он взят был из среды торжища и возведен на этот престол; такой почтенной и светлой жизнью отличался он раньше, имея жену и дочь и обращаясь в судилище; он сиял яснее солнца, так что прямо оттуда явился достойным власти, и с седалища судейского возведен на седалище священное. Тогда он защищал людей от козней людей же, делая обиженных сильнейшими обижающих; а пришедши сюда, защищал людей от нападения демонов. А сколь важным доказательством его добродетели служит то, что он удостоился этой власти от благодати Божьей, об этом послушай, что говорит воскресший Христос Петру. Когда Господь спросил его: "**Симон Ионин! любишь ли ты Меня**", и тот отвечал: "**так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя**" (Иоан. 21:16), тогда Христос не сказал: оставь имущество, изнуряй себя постом и суровыми подвигами, воскрешай мертвых, изгоняй демонов, не упомянул ни о чем таком, ни о других знамениях и о подвигах, но умолчав обо всем этом, говорит: если ты любишь Меня, "**паси овец Моих**" (Иоан. 21:17). Это сказал Он для того, чтобы показать нам величайший знак не только любви к Нему, но и Своей любви к овцам, и эту любовь (к овцам) признал важнейшим доказательством любви к Нему самому, как бы так сказав: кто любит овец Моих, тот любит Меня. Посмотри, сколько претерпел Христос для этого стада: Он сделался человеком, приняв образ раба, подвергался оплеванию и заушению, наконец, не отказался и от смерти и смерти самой позорной: на кресте пролил кровь Свою. Итак, если кто хочет благоугодить Ему, тот пусть печется об этих овцах, пусть ищет обшей пользы, пусть заботится о своих братьях; нет никакого подвига драгоценнее этого перед Богом; посему и в другом месте Он говорит: "**Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя**" (Лук. 22:31-32). Какое же ты дашь Мне воздаяние за такое попечение и промышление? А какого воздаяния Он сам требует? Опять того же самого: "**и ты**", говорит, "**некогда, обратившись, утверди братьев твоих**" (Лук. 22:32). Так и Павел говорит: "**будьте подражателями мне, как я Христу**" (1 Кор. 11:1).

Каким же образом он был подражателем Христу? "**Так, как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но [пользы] многих, чтобы они спаслись**" (1 Кор. 10:33); и в другом месте он говорит: "**ибо и Христос не себе угождал**" (Рим. 15:3). И нет другого такого свидетельства и знака веры и любви к Христу, как попечение о братьях и заботливость об их спасении.

3. Пусть слушают это и все монашествующие, и обитающие на вершинах гор, и всеми способами распявшие себя для мира, чтобы и они, по мере сил своих, помогали предстоятелям церквей, содействовали им молитвами, единодушием, любовью; пусть знают, что если они, даже находясь вдали, не будут всячески содействовать поставленным благодатью Божьей и обремененным такими заботами, то самое главное в жизни их потеряно и вся мудрость их объюродела. Отсюда видно, что любовь к ближним служит величайшим доказательством любви к Христу. Теперь посмотрим, как блаженный правил епископством; или лучше сказать, здесь не нужно слов и нашего голоса; потому что самое усердие ваше доказывает это. Кто войдет в виноградник и увидит виноградные лозы, покрытые листьями, обремененные плодами и обнесенные со всех сторон плетнями и оградами, тот не будет нуждаться ни в каких словах и других доказательствах, чтобы убедиться в хороших качествах садовника и земледельца; так точно и здесь кто войдет и увидит эти духовные виноградные лозы и ваши плоды, тому не нужны будут никакие слова и объяснения, чтобы узнать вашего предстоятеля; как и Павел говорит: "**вы - наше письмо, написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое**" (2 Кор. 3:2). Река указывает на источник, и плод на корень. Следовало бы сказать и о времени, в которое вверена была ему эта власть, так как и это составляет не малую часть похвалы и весьма достаточно может свидетельствовать о добродетели этого мужа. Много трудностей было тогда, когда гонение только что прекратилось, еще оставались следы этой жесточайшей бури, и дела требовали великого исправления. К этому следовало бы еще прибавить, что ему пришлось останавливать начавшуюся при нем ересь, так как мудрость его предвидела все; но речь моя спешит перейти к другому необходимому предмету. Посему, предоставив сказать о том нашему общему отцу и подражателю блаженного Филогония, как лучше нас знающему все древнее, я перейду к другому предмету собеседования. Скоро настанет праздник, который более всех праздников достоин почитания и благоговения, и который безошибочно можно назвать материю всех праздников. Какой же это праздник? Рождество Христово по плоти. От него получили начало и основание Богоявление и священная Пасха, и Вознесение, и Пятидесятница. Если бы Христос не родился по плоти, то и не крестился бы, что и есть Богоявление, - и не распялся бы, что и есть Пасха, - и не послал бы Духа, что и есть Пятидесятница. Таким образом, от Рождества Христова, как различные потоки от источника, проистекли все эти праздники. И не поэтому только этот справедливо мог бы занимать первенство, но и потому, что событие этого дня есть самое поразительное из всех событий. Что Христос, сделавшись человеком, умер, это было в порядке вещей; потому что, хотя Он и не сделал греха, но принял смертное тело. Конечно, и это достойно удивления; но что Он, будучи Богом, благоволил сделаться человеком и уничижить Себя так, что и умом постигнуть невозможно, - это самое поразительное и изумительное дело. Удивляясь этому, и Павел говорит: "**и беспрекословно - великая благочестия тайна**". Какая "**великая**"? "**Бог явился во плоти**" (1 Тим. 3:16). И в другом месте: "**ибо не Ангелов восприемлет Он, но восприемлет семя Авраамово. Посему Он должен был во всем уподобиться братьям**" (Евр. 2:16-17). Особенно для того я приветствую этот день с любовью и объявляю перед всеми эту любовь, чтобы и вас сделать участниками такой любви; посему прошу и убеждаю всех вас собраться тогда со всей ревностью и усердием, оставить каждому дом свой, чтобы нам увидеть поразительное и дивное зрелище - Владыку нашего, лежащего в яслях и повитого пеленами. Какое может быть нам оправдание, какое прощение, если, тогда как сам Он для нас сходит с небес, мы и из дому не придем к Нему? Тогда как волхвы, эти варвары и

иноплеменники, стремятся из Персии, чтобы увидеть Его лежащего в яслях, ты, христианин, не потрудишься пройти и малое расстояние, чтобы насладиться этим блаженным зрелищем? Так, если мы придем с верой, то несомненно увидим Его лежащим в яслях, потому что эта трапеза заменяет собой ясли. Здесь будет возлежать тело Господне, не пеленами повитое, как тогда, но со всех сторон осеняемое Духом Святым. Посвященные в тайны знают, о чем я говорю. Волхвы только поклонились Ему; а тебе, если ты приступишь с чистой совестью, мы позволим взять и самое тело Его и возвратиться домой. Приди же и ты с дарами, не с такими, как они, но с гораздо драгоценнейшими. Они принесли золото, ты принеси целомудрие и добродетель; они принесли ливан, ты принеси чистые молитвы, эти духовные благовония; они принесли смирну, ты принеси смиренномудрие, сердце уничиженное и милостыню. Если ты придешь с такими дарами, то с великим дерзновением насладишься этой священной трапезой. Говорю сегодня все это потому, что я уверен, что многие в тот день непременно придут и приступят к этой духовной жертве. Итак, чтобы нам сделать это не к вреду и не в осуждение, но во спасение души нашей, я уже теперь предупреждаю и прошу вас всячески очистить самих себя и потом приступать к священным таинствам.

4. Никто пусть не говорит мне: я стыжусь, совесть моя полна грехов, я ношу тягчайшее бремя. Срок этих пяти дней достаточен для того, чтобы очистить множество грехов, если будешь трезвиться, молиться и бодрствовать. Несмотря на то, что время кратко, а имей в виду, что Господь человеколюбив; ниневитяне и в три дня отклонили от себя гнев Его, и нисколько не помешала им краткость времени, но все сделало душевное усердие их, при помощи человеколюбия Господа (Ион. гл. 3). И блудница, приступившая ко Христу, в краткое мгновение времени смыла с себя весь позор; и когда иудеи негодовали, что Христос допустил ее к Себе и дозволил ей такую смелость, то Он заградил им уста, а ее отпустил, простив ей все грехи и приняв ее усердие (Лук. гл. 7). Почему так? Потому, что она приступила с теплым расположением, с пламенной душой и с горячей верой, и коснулась святых и священных ног Его, распустив волосы, проливая из очей потоки слез и возливая миро. Чем она обольщала людей, из того устроила и врачество покаяния; чем возбуждала взоры похотливых, тем и источала слезы; теми волосами, которыми увлекала многих к греху, отирала ноги Христа, тем миром, которым уловляла многих, намащала стопы Его. Так и ты, чем прогневал Бога, тем и умилостивляй Его. Ты прогневал Его хищением денег? Ими и умилостиви Его, возвратив обиженным похищенное, и еще прибавив к тому, и скажи подобно Закхею: "**воздам в четверо**" за все, что я похитил (Лук. 19:8). Ты прогневал Бога языком и злословием, которым оскорбил многих? Языком и умилостивляй его, воссылая чистые молитвы, благословляя порицающих, восхваляя злословящих, благодаря наносящих обиды. На это не нужно много дней и годов, а нужно только благорасположение, и все исполнится в один день. Отстань от зла, полюби добродетель, прекрати порочную жизнь и обещай больше не поступать так, и этого достаточно будет для твоего оправдания. Я свидетельствую и уверяю, что если каждый из нас грешников, отстав от прежних грехов, даст искренний обет Богу не повторять их, то Бог ничего другого больше не потребует для оправдания. Он человеколюбив и милостив, и как находящаяся в муках рождения желает разрешиться от бремени, так и Он желает излить Свою милость; но грехи наши препятствуют этому. Разрушим же эту преграду и с этого начнем праздник, отказавшись от всего в течение этих пяти дней; прощайте судилища, прощайте совещания, удалитесь житейские дела, условия и договоры: я хочу спасти Свою душу. "**Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит**" (Мат. 16:26)? Волхвы вышли из Персии, удались и ты от житейских дел, и иди к Иисусу; расстояние не велико, если мы захотим идти. Не нужно ни переплывать море, ни переходить вершины гор, но, оставаясь дома, и оказывая благоговение и великое сокрушение, можно видеть Христа, разрушить всякую преграду, уничтожить препятствие, сократить пространство пути. "**Разве Я - Бог [только] вблизи, говорит Господь, а не**

Бог и вдали" (Иерем. 23:23); и: "**близок Господь ко всем призывающим Его в истине**" (Пс. 144:18). А ныне многие из верующих дошли до такого безумия и пренебрежения, что, преисполняясь множеством грехов и нисколько не заботясь о себе, нерадиво и как случится приступают в праздники к этой трапезе, а того не знают, что время приобщения определяется не праздником и торжеством, но чистой совестью и безукоризненной жизнью. Как человеку, не сознающему за собой ничего худого, можно приобщаться каждый день, так, напротив, погрязшему в грехах и не раскаявшемуся не безопасно приступать к этой трапезе и в праздник. То, что мы приступаем лишь однажды в год не освобождает нас от вины, если приступаем недостойно; напротив то самое и служит к большему осуждению, что мы, и, приступая однажды в год, не приступаем чистыми. Посему увещеваю всех вас приступать к божественным таинствам не по поводу праздника только; но если вы пожелаете приобщиться этого святого приношения, то за несколько дней должны очищать себя покаянием, молитвой, милостыней и занятием духовными предметами, и не возвращаться назад, как "**пес на свою блевотину**" (2 Петр. 2:22). Не странно ли, что о телесных вещах прилагают такое попечение; за несколько дней до наступления праздника вынимают из сундуков самое лучшее платье и приводят его в порядок, покупают обувь, делают обильнейшие запасы для стола, придумывают множество всяких приготовлений и всячески убирают и украшают самих себя; а о душе, оставленной в пренебрежении, неочищенной, осквернённой, томящейся голодом и остающейся нечистой, нисколько не заботятся; тело приводят сюда украшенным, а душу оставляют обнаженной и безобразной? Между тем тело твое видит подобный тебе раб, и тебе не будет никакого вреда, как бы оно ни было одето; а душу видит Господь и за нерадение о ней подвергает величайшему наказанию. Разве вы не знаете, что эта трапеза исполнена духовного огня, и как источники изобилуют естественной водой, так и она содержит в себе невыразимый пламень? Приступай же к ней не с соломой, деревом и сеном, чтобы тебе не усилить этого пламени и не сжечь приобщающейся души, но приступай с драгоценными камнями, золотом и серебром (1 Кор. 2:22), чтобы и это вещество сделать более чистым, и выйти отсюда с великой прибылью. Если есть что-нибудь худое в душе твоей, извергни, изгони это вон из нее. Врага ли кто имеет и потерпел великие обиды? Пусть он прекратит вражду, пусть усмирит воспламененную и раздраженную душу, чтобы внутри не оставалось никакого волнения и смятения. Через приобщение ты примешь в себя Царя; а когда Царь входит в душу, тогда в ней должна быть великая тишина, великое спокойствие, глубокий мир помыслов. Но ты потерпел великие обиды и не можешь укротить гнева? Для чего же ты сам причиняешь себе еще большую и жесточайшую обиду? Не столько повредит тебе враг, что бы он ни делал, сколько ты вредишь самому себе, не примиряясь с ним и попирая законы Божьи. Человек оскорбил тебя? Неужели, скажи мне, из-за этого ты станешь оскорблять Бога? Не примиряться с оскорбившим значит не столько мстить ему, сколько оскорблять Бога, заповедавшего примирение. Итак, смотри не на подобного тебе раба и не на тяжесть обид его, но, представляя в уме своем Бога и страх Его, имей в виду, что чем больше ты станешь принуждать свою душу и заставлять ее после бесчисленных обид примиряться с оскорбившим, тем большую честь ты получишь от Бога, Который заповедовал это; и как ты здесь примешь Его с великой честью, так и Он там примет тебя с великой славой и за такое послушание воздаст тебе тысячекратные награды, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, честь, держава и поклонение во веки веков. Аминь.

[1] Св. Филогоний, 21-й антиохийский епископ, защитник православной веры против еретика Ария, ум. в 323 или 324 году по Р. Х. Память его празднуется 20 декабря.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ

СЛОВО СЕДЬМОЕ.

Полное заглавие этого слова следующее: о не пришедших в собрание, и доказательства того, что Сын единосущен Отцу, и что все, сказанное и сделанное Им уничиженно, было сделано и сказано не по немощи силы Его и не к унижению Его, но по разным целям домостроительства; и о непостижимом, и пр.

ОПЯТЬ конские скачки, и опять у нас собрание стало меньше. Впрочем, когда вы присутствуете, то оно не может быть меньше. Как земледелец, видя цветущий и зрелый хлеб, не много заботится о падающих листьях; так точно и я теперь, когда у нас есть плод, не очень печалюсь, взирая на оторванные листья. Хотя я скорблю и об их беспечности, но эту скорбь о них облегчает усердие вашей любви. Они, если иногда и приходят, то и тогда не присутствуют, но тело их стоит здесь, а душа блуждает вне; вы же, если иногда и отсутствуете, то и тогда присутствуете; ибо ваше тело находится вне, а душа - здесь. Хотел я вести длинную речь против них, но чтобы мне, обличая отсутствующих и не слушающих, не оказаться сражающимся с тенью, отложу эту речь до их прибытия, а теперь, при помощи Божьей, постараюсь вывести вас, возлюбленные, на обычный луг и море божественных Писаний. Внимайте же и бодрствуйте. Плывущим на корабле не угрожает никакая опасность, хотя бы они все спали, а бодрствовал только один кормчий, так как его бодрствование и искусство без всего прочего достаточны для безопасности плавания; здесь же не так, но хотя бы проповедующий непрестанно бодрствовал, если слушающие не окажут такого же бодрствования, то наша речь как бы погрузится в море и погибнет, не встретив души, которая приняла бы ее. Будем же бодрствовать, будем внимательны; наше плавание имеет в виду важнейшие предметы; мы плывем не за золотом, серебром и другими погибающими вещами, но за будущей жизнью и небесными сокровищами; и здесь гораздо больше путей, нежели на море и на земле, так что, если кто не умеет верно находить их, тот подвергнется жесточайшему кораблекрушению. Итак, все вы, плывущие с нами, оказывайте не беспечность сидящих на корабле, но неусыпность и заботливость кормчих. В то время, как все прочие спят, кормчие сидят при руле и не только наблюдают водные пути, но, взирая и на далекое небо и руководствуясь, как бы какой рукой, течением звезд, безопасно направляют судно; и никто из неопытных не может так безопасно плыть по морю днем, как спокойно плывут они среди ночи, когда море представляется более страшным; они бодрствуют и невозмутимо показывают свое искусство, наблюдая не только водные пути и течение звезд, но и направление ветров; и мудрость этих людей такова, что часто, при сильнейшем напоре ветра, угрожающем повернуть корабль, они частыми переменами парусов благовременно предупреждают всякую опасность и, противопоставляя свое искусство сильным порывам ветров, избавляют судно от кораблекрушения. Если же они, плавая за земными вещами по вещественному морю, постоянно сохраняют такую бодрость души, то тем более нам нужно находиться в таком настроении, потому что здесь и больше опасности для беспечных, и больше безопасности для бодрствующих. Ладья у нас построена не из досок, но составлена из божественных Писаний; не звезды сверху руководят ей, но Солнце правды направляет наше плавание; и мы сидим при руле, ожидая не дуновений ветра, но тихого веяния Духа.

2. Будем же бодрствовать и тщательно наблюдать свои пути; у нас опять будет речь о славе Единородного. Прежде я доказал, что познание существа Божьего гораздо выше мудрости и людей, и ангелов, и архангелов, и вообще всякой твари, и что оно доступно и ясно только для Единородного и Святого Духа; а теперь моя речь переходит к другой части состязания. Я спрашиваю, одна ли и та же сила, одна ли и та же власть, одно ли и тоже существо у Сына с Отцом? Впрочем, я не спрашиваю об этом, потому, что по благодати Христовой мы уже знаем и твердо содержим это; но я теперь намереваюсь тоже самое доказать тем, которые бесстыдно рассуждают об этом. Я стыжусь и краснею, приступая к речи о таком предмете. Кто не станет смеяться над нами, когда мы будем стараться доказывать и объяснять столь ясное? Кто не осудит тех, которые спрашивают, единосущен ли Сын Отцу? Такой вопрос противен не только Писаниям, но и общему разумению всех людей и самой природе вещей; ибо единосущие рожденного с родившим всякой может видеть не только на людях, но и на всех животных и на деревьях. Поэтому, не нелепо ли считать этот закон неизменным в отношении к растениям, людям и животным, а изменять и извращать его только в отношении к Богу? Впрочем, чтобы не показалось, что я подтверждаю это только предметами, близкими к нам, теперь я докажу это и из Писаний и таким образом буду вести речь. Тогда осмеянию подвергнемся не мы, уверенные (в этой истине), но они неверующие, противоречащие столь явному и противящиеся истине. Чему, скажут, явному? Если Он единосущен Отцу потому, что называется Сыном, то и мы можем быть единосущными Отцу, так как и мы называемся сынами Его: "**Я сказал**", говорит пророк, "**вы - боги, и сыны Всевышнего - все вы**" (Псал. 81:6). О, бесстыдство! О, крайнее безумие! Как во всем они показывают свое безрассудство! Когда мы вели речь о непостижимом, они усиливались присвоить себе то, что принадлежит одному Единородному, т. е. такое точное знание Бога, какое Он имеет о самом Себе; а теперь, когда у нас речь о славе Единородного, они усиливаются низвести Его до своего уничиженного состояния, утверждая, что и мы называемся сынами. Но это название вовсе не делает нас единосущными Богу. Ты только называешься сыном, а Он и есть таков; здесь название, а там дело. Ты называешься сыном, но не называешься "**Единородным**", как Он, не пребываешь в "**лоне**" Отчем, ты - не "**сияние славы**", не "**образ ипостаси**", не отображение Бога (Евр. 1:3). Итак, если тебя не убеждает сказанное прежде, то пусть убедит это и многое другое больше этого, что свидетельствует о Его высоком происхождении. Так, когда Он хочет показать одинаковость существа Своего с Родителем, то говорит: "**видевший Меня видел Отца**" (Иоан. 14:9); и об одинаковости Своей силы говорит: "**Я и Отец – одно**" (Иоан. 10:30); и о равенстве власти: "**как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет**" (Иоан. 5:21); и о тожестве почитания: "**дабы все чтили Сына, как чтут Отца**" (Иоан. 5:23); и о власти изменять законы говорит: "**Отец Мой доныне делает, и Я делаю**" (Иоан. 5:17). Еретики же умалчивают обо всем этом и, принимая имя "**Сын**" не в собственном смысле, на том основании, что и сами они почтены названием сынов, низводят Сына до одинакового с собой уничиженного состояния, повторяя: "**Я сказал: вы - боги, и сыны Всевышнего - все вы**" (Псал. 81:6). Если ты говоришь, что Сын Божий, называясь сыном, не имеет никакого преимущества перед тобой, и потому не есть истинный Сын Его, то и из названия "**богом**", данного тебе, ты, может быть, станешь заключать, что и Отец не имеет никакого преимущества перед тобой; потому что ты назван не только сыном, но и богом. Но, называясь богом, ты не осмеливаешься говорить, что это имя в применении к Отцу есть одно название, а исповедуешь, что Отец есть истинный Бог; так и в отношении к Сыну не дерзай указывать на самого себя и говорить: и я назван сыном, и как я не одного и того же существа с Отцом; ибо все приведенное из Писания показывает, что Он есть истинный Сын и одного и того же существа с Родителем. Так, когда говорится, что Он есть тожественное отображение и тожественный "**образ**", то, что иное выражается этим, как не одинаковость существа? Ибо у Бога нет ни образа, ни лица. Но, скажут, если ты говоришь об этом, то скажи и о том, что противоречит этому. Что же именно? Например,

то, что Он молится Отцу; если Он имеет одинаковую силу и одно и тоже существо и делает все своей властью, то для чего Он молится?

3. А я не только скажу это, но точно изложу и все другое, что сказано о Нем уничиженного, заметив наперед, что касательно уничиженных выражений о Нем я могу привести много основательных причин, а ты касательно выражений о Его высоте и величии не можешь указать ни на какую другую причину, кроме той, что ими Сам Он хотел показать нам Свое высокое происхождение. Иначе, если бы это было не так, в Писаниях было бы несогласие и противоречие. Когда Сын Божий говорит: "**как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет**" (Иоан. 5:21), и многое другое, о чем я сказал, и, однако, молится, когда нужно было совершить это, то, по-видимому, здесь есть противоречие; но если я укажу причины этого, то всякое противоречие исчезнет. Какие же причины того, что и сам Он, и апостолы говорили о Нем много уничиженного? Первая и важнейшая причина та, что Он был облечен плотью и хотел удостоверить как современников, так и всех потомков, что Он - не тень какая-нибудь, и явление Его - не призрак только, но действительная истина. Если после того, как и апостолы о Нем, и сам Он о Себе сказали столько уничиженного и человеческого, дьявол, однако успел убедить некоторых несчастных и жалких людей - отвергать учение о домостроительстве Его и дерзко говорить, что Он не принимал плоти, и ниспровергать все дело Его человеколюбия; то, если бы ничего такого не было сказано, сколь многие впали бы в эту пропасть? Не слышишь ли, как еще и теперь отвергает это домостроительство Маркион, и Манихей, и Валентин, и многие другие? Для того Он и говорил о Себе много человеческого, уничиженного и чуждого неизреченному существу, чтобы удостоверить в истине своего домостроительства. Дьявол сильно старался истребить эту веру между людьми, зная, что, если он истребит веру в домостроительство, то большая часть дела нашего спасения погибнет. Затем есть и другая причина - немощь слушателей и невозможность для них, видевших Его тогда в первый раз и слышавших тогда в первый раз, усвоить себе высшее догматическое учение. А что сказанное не есть догадка, это я постараюсь показать и объяснить тебе из самых Писаний. Так, когда Он говорил что-нибудь великое, высокое и достойное своей славы, - что я говорю: великое, высокое и достойное своей славы? - когда Он говорил что-нибудь высшее человеческой природы, то они смущались и соблазнялись; а когда Он говорил что-нибудь уничиженное и человеческое, то прибегали к Нему и принимали учение. Где же, скажут, можно видеть это? Особенно у Иоанна; когда Христос сказал: "**Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался**", то они говорят: "**Тебе нет еще пятидесяти лет, - и Ты видел Авраама**" (Иоан. 8:56-57)? Видишь ли, что они относились к Нему, как к простому человеку? Что же Он? "**Прежде, нежели был Авраам**", говорит Он, "**Я есмь**". Они же "**тогда взяли каменья, чтобы бросить на Него**" (Иоан. 8:58-59). И когда Он, излагая продолжительную речь о таинствах, говорил: "**хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира**", то они говорили: "**какие странные слова! кто может это слушать? С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним**" (Иоан. 6:51,60,66). Что же, скажи мне, следовало Ему делать? Употреблять ли постоянно высшие выражения, чтобы отогнать уловляемых и отвратить всех от учения? Но это не согласно было бы с человеколюбием Божьим. И затем, когда он сказал: "**кто соблюдет слово Мое, тот не вкусит смерти вовек**", то они говорили: "**иудеи сказали Ему: теперь узнали мы, что бес в Тебе. Авраам умер и пророки, а Ты говоришь: кто соблюдет слово Мое, тот не вкусит смерти вовек**" (Иоан. 8:51-52)? И удивительно ли, что народ так относился к Нему, когда и сами начальники имели такие же понятия? Так, Никодим, бывший начальником, приходивший к Христу с великим благорасположением и говоривший: "**мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога**", не мог усвоить учения о крещении, которое было гораздо выше его немощи. Когда Христос сказал: "**если кто не родится от воды и Духа, не может войти в**

Царствие Божье", то он предавался человеческим суждениям и говорил: "**как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться**"? Что же Христос? "**Если Я сказал вам о земном, и вы не верите, - как поверите, если буду говорить вам о небесном**" (Иоан. 3:2,4-5,12)? - Он сказал это, как бы оправдываясь и объясняя, почему Он не беседовал с ними постоянно о вышнем рождении. Также перед самым распятием на кресте, после бесчисленных знамений, после многих доказательств Своей силы Он сказал: "**отныне узрите Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных**" (Матф. 26:64); а первосвященник, не перенесши этих слов, разодрал одежды свои. Как же нужно было говорить с теми, которые не выносили ничего высокого? Не удивительно, что Он ничего великого и высокого не говорил о Себе людям, пресмыкавшимся по земле и столь немощным.

4. Сказанного достаточно было бы для доказательства того, что действительно такова была причина и таков повод к употреблению уничиженных выражений; но я постараюсь объяснить это и с другой стороны. Вы видели, что они соблазнялись, смущались, отклонялись, хулили и убегали, когда Христос говорил что-нибудь великое и высокое; теперь я постараюсь показать вам, что они прибегали и принимали учение, когда Он говорил что-нибудь смиренное и уничиженное. Те, которые убегали от Него, те же самые в другое время, когда Он говорил: "**Я ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отец Мой, так и говорю**" (Иоан. 8:28), тотчас прибегали к Нему. И евангелист, желая показать нам, что они уверовали по причине смирения этих слов, в объяснение сказал: "**когда Он говорил это, многие уверовали в Него**" (Иоан. 8:30). И в других местах часто можно находить такие случаи. Поэтому Он много и часто говорил по-человечески, впрочем, не вполне по-человечески, но благопристойно и достойно высокого Его происхождения, с одной стороны снисходя к немощи слушателей, а с другой - соблюдая верность догматов. Чтобы постоянное снисхождение не внушило потомкам неправильного мнения о Его достоинстве, Он не пренебрег и этой последней стороны; хотя предвидел, что Его не будут слушать и даже будут хулить и убегать от него, однако говорил о Себе и высокое, устраивая именно то, на что я указал, и, делая ясной причину, по которой Он употреблял вместе с тем и уничиженные выражения. А причина была та, что слушатели еще не могли усвоить высоких изречений. Если бы Он не хотел устроить этого, то излишне было бы преподавание высоких догматов людям не слушавшим и не внимавшим; а теперь оно не принесло этим людям никакой пользы, но нас научило и подготовило к надлежащему понятию о Нем, и убедило, что именно по немощи их к усвоению высоких изречений Он употреблял в речи и уничиженные выражения. Итак, когда ты услышишь, что Он говорит уничиженно, то знай, что это - снисхождение, не вследствие уничиженного существа Его, но вследствие немощи разумения слушателей. Хотите ли, я укажу и третью причину? Он делал и говорил много смиренного не только по причине того, что был облечен плотью, и что слушатели были немощны, но и потому, что Он хотел научить их смиренномудрию; это и есть третья причина. Научая смиренномудрию, Он поучает этому не только словами, но и делами, показывая смирение и словом и делом. "**Научитесь от Меня**", говорит Он, "**ибо Я кроток и смирен сердцем**" (Матф. 11:29); и еще в другом месте: "**Сын Человеческий не [для того] пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить**" (Матф. 20:28). Таким образом, научая быть смиренными и никогда не домогаться первенства, но всегда довольствоваться уничиженным состоянием, и внушая это словами и делами, Христос имел много поводов говорить смиренное. Можно указать и на четвертую причину, не меньшую вышесказанных. Какая же она? Та, чтобы по причине великой и неизреченной близости лиц в Божестве, мы как-нибудь но, дошли до мнения об одном лице в Нем, как некоторые уже и теперь впали в это нечестие, хотя Он редко говорил что-нибудь подобное. Так, слова Его: "**Я и Отец – одно**" (Иоан. 10:30), и: "**видевший Меня видел Отца**" (Иоан. 14:9), открывающие близость Его Родителю, Савеллий Ливийский обратил в повод к

нечестию и к учению об одном лице и одной Ипостаси (в Божестве). Кроме этих причин была и та, чтобы никто не почитал Его первым и не рожденным существом и не считал Его большим Родителя. Так и Павел, по-видимому, опасался того, чтобы кто-нибудь не пришел к такому нечестивому и неправому мнению. Сказав: "**ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои**", и далее: "**все покорил под ноги Его**", он присовокупил: "**Покорившему все Ему**" (1 Кор. 15:25,27-28); а этого он не присовокупил бы, если бы не опасался, чтобы не явилось такое дьявольское мнение. Иногда Христос уничижал высоту изречений и для того, чтобы укротить ненависть иудеев и часто говорил сообразно с пониманием беседовавших с Ним, как, например, в словах: "**если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно**" (Иоан. 5:31). Он сказал так, приспособляясь к пониманию иудеев; Он, конечно, хотел не то выразить, будто Он не истинен, но сказать: как вы думаете и подозреваете, не желая выслушать Меня, говорящего о самом Себе.

5. Можно найти много и других причин на это. Таким образом, мы можем указать много причин, по которым Христос употребляет о Себе уничиженные выражения; а ты укажи хотя одну причину высоких изречений Его, кроме той, о которой я сказал, именно желания Его - показать нам свое высокое происхождение; но ты не можешь указать другой причины. Великий может сказать о себе нечто и малое, и за это нельзя упрекать его, потому что это происходит от смирения; а малый, когда скажет о себе что-нибудь великое, не избегнет осуждения; потому что это происходит от гордости. Посему великого мы все хвалим, когда он говорит о себе смиренно; а низкого никто не похвалит, когда он станет говорить о себе что-нибудь великое. Таким образом, если бы Сын был гораздо ниже Отца, как вы утверждаете, то ему не следовало бы говорить слова, которыми Он выражал Свое равенство с Родителем; потому что это было бы гордостью; а если равный с Родителем говорит о Себе что-нибудь смиренное и уничиженное, это не подлежит никакому осуждению и не составляет вины, потому что служит в похвалу Ему и достойно величайшего удивления. А чтобы сказанное было более ясным, и чтобы все мы убедились, что я не противоречу божественным Писаниям, я возвращусь теперь к первой из указанных причин и приведу те места, где Христос, как облеченный плотью, ясно употребляет выражения, низшие собственного существа Своего; и, если угодно, представлю самую молитву, которой Он молился Отцу. Но слушайте меня со вниманием; я хочу изложить вам все, начав несколько выше. Вечеря была в ту священную ночь, в которую Христос был предан; называю ее священной потому, что от нее получили начало бесчисленные блага, которые дарованы вселенной. Тогда и предатель возлежал вместе с одиннадцатью учениками и, когда они вкушали, Христос говорит: "**один из вас предаст Меня**" (Матф. 26:21). Помните эти слова, чтобы впоследствии, когда мы дойдем до молитвы, нам было видно, для чего Он так молится. Обрати внимание и на промышление Господа; не сказал Он: "**Иуда предаст Меня**", чтобы ясностью обличения не сделать его более бесстыдным; но когда тот, угрызаемый совестью, сказал: "**не я ли, Равви**", тогда Он говорил Ему: "**ты сказал**" (Матф. 26:25); даже и тогда не хотел обличить его, но поставил его самого обличителем себя; однако и тогда Иуда не сделался лучше, но, взяв кусок хлеба, вышел. Когда же он вышел, то Иисус, обращаясь к ученикам, говорит: "**все вы соблазнитесь обо Мне**"; но Петр сказал в ответ; "**если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь**". Иисус опять говорит: "**истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде, нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня**". Когда же тот опять стал возражать, то Христос оставил его (Матф. 26:31,33-34). Ты не убеждаешься словами, а противоречишь, - как бы так говорит Господь; - убедишься самыми делами, что не должно противоречить Господу. И эти слова также помните; потому что памятование о них будет полезно нам при рассуждении о молитве. Он указал предателя, предсказал бегство всех и Свою смерть: "**поражу пастыря**", сказал Он, "**и рассеются овцы стада**" (Матф. 26:31); предсказал о том, кто отречется от Него, когда и сколько раз, и все это предсказал с

точностью. После всего этого, представив достаточное доказательство своего предведения будущих событий, Он пришел в некоторое место и стал молиться. Еретики говорят, что эта молитва относится к Его Божеству, а мы говорим, что она относится к Его домостроительству; рассудите же вы сами и для славы Единородного произнесите беспристрастное решение. Хотя я обращаюсь к суду друзей, но убеждаю и прошу произвести суд беспристрастный, без угождения мне и без вражды к ним. Что эта молитва не относится к его Божеству, видно уже и из того, что Бог не молится; Богу свойственно принимать поклонение; Богу свойственно принимать молитву, а не возносить молитву. Но так как еретики бесстыдно упорствуют, то я постараюсь из самых слов молитвы объяснить вам, что все это есть дело домостроительства Христова и Его немощи по плоти. Когда Христос говорит что-нибудь смиренное, то говорит это смиренное и уничиженное таким образом, чтобы чрезмерность смирения слов Его могла и самых недоверчивых людей убедить, что эти слова весьма чужды непостижимому и неизъяснимому Существу. Приступим же к самым словам молитвы. "**Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты**" (Матф. 26:39). Здесь я спрошу еретиков: неужели не знает, возможно это или не возможно, тот, Кто незадолго говорил на вечери: "**один из вас предаст Меня**", Кто незадолго говорил: "**написано: поражу пастыря, и рассеются овцы стада**", и еще: "**все вы соблазнитесь обо Мне**"*;* и Петру сказал: "**отречешься от Меня, трижды отречешься от Меня**"; Он ли, скажи мне, теперь не знает этого? Кто из самых упорных может утверждать это? Если бы это неведомое было неизвестно никому ни из пророков, ни из ангелов, ни из архангелов, то, может быть, любители споров имели бы какой-либо повод к противоречию; но если это неведомое было так известно и очевидно для всех, что даже и люди знали об этом с точностью, то какое оправдание и какое прощение может быть тем, которые утверждают, что Христос говорил это по своему неведению? Как известно, и рабы знали с точностью этот предмет, о котором я говорю; они знали и то, что Он умрет, и то, что Ему надлежит претерпеть смерть на кресте; еще за много лет Давид, указывая на то и другое, говорил от лица Христова: "**пронзили руки мои и ноги мои**" (Псал. 21:17); он говорил о будущем, как бы о совершившемся уже, выражая этим, что, как бывшему невозможно не быть, так и его словам невозможно не сбыться. И Исаия, предвозвещая тоже самое, говорил: "**как овца, веден был Он на заклание, и как агнец перед стригущим его безгласен**" (Иса. 53:7). А Иоанн, увидев этого агнца, говорил: "**вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира**" (Иоан. 1:29); это - тот агнец, говорит он, о котором предсказано. И обрати внимание, не просто сказано; "**агнец**", но прибавлено: "**Божий**". Так как был другой агнец - иудейский, то, желая показать, что это агнец - Божий, Иоанн и сказал таким образом. Тот агнец приносился только за один народ, а этот принесен за всю вселенную; кровь того избавляла только иудеев от телесного наказания, а кровь этого стала общим очищением целой вселенной. Притом кровь иудейского агнца могла совершать то, что совершала, не по собственному свойству, но имела такую силу потому, что была прообразом этой крови.

6. Где же те, которые говорят, что и Христос называется Сыном и мы называемся сынами, и, основываясь на одинаковости названия, стараются низвести Его до нашего уничиженного состояния? Вот "**агнец**" и "**агнец**" - одно название, но беспредельное различие между тем и другим существом. Поэтому, как здесь ты не думаешь о равенстве, слыша одинаковое название, так точно и там, слыша названия "**сына**" и "**сына**", не низводи Единородного до своего ничтожества. Впрочем, для чего говорить об очевидном? Если бы молитва Его относилась к Божеству Его, то Он оказался бы опровергающим самого Себя, противоречащим и несогласным с самим Собой. Здесь Он говорит: "**Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия**", и колеблется и уклоняется от страдания (Матф. 26:39); между тем в другом месте, сказав, что Сыну человеческому надлежит преданным быть и пострадать, и, услышав слова Петра: "**будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою**", так сильно укорил его, что сказал: "**отойди**

от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божье, но что человеческое" (Матф. 16:22-23). Хотя не задолго перед тем Он похвалил Петра и назвал блаженным, однако теперь назвал его сатаной, не для того, чтобы огорчить апостола, но желая показать этой укоризной, что сказанное Петром было не согласно с Его волей, но противно ей столько, что сказавшего это, хотя то был сам Петр, Он не замедлил назвать сатаной. Также и в другом месте Он говорит: "**очень желал Я есть с вами сию пасху**" (Лук. 22:15). Почему Он говорит: "**сию пасху**", тогда как и прежде праздновал этот праздник вместе с ними? Почему? Потому, что за ней следовал крест. И еще: "**Отче! прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя**" (Иоан. 17:1); и во многих других местах мы видим, что Он предсказывал свои страдания и желал, чтобы они исполнились, и что для них Он и пришел. Почему же здесь Он говорит: "**если возможно**"? Он показывает нам немощь человеческой природы, которая нелегко решается расстаться с настоящей жизнью, но уклоняется и колеблется по причине изначала внедренной в нее Богом любви к настоящей жизни. Если и после всех таких слов Его некоторые осмелились сказать, что Он не принимал плоти, то чего они не сказали бы, если бы не было сказано ничего подобного? Там Он, как Бог, предсказывает о Своих страданиях и желает, чтобы они были, а здесь, как человек, избегает их и уклоняется. Что Он добровольно шел на страдания, это видно из слов Его: "**имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее: никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее**" (Иоан. 10:18). Как же Он говорит: "**впрочем, не как Я хочу, но как Ты**"? Но удивительно ли, что прежде распятия на кресте Он так тщательно уверял в действительности Своей плоти, если и после воскресения, увидев неверующего ученика, Он не отказался показать ему Свои раны и язвы от гвоздей, дозволил осязать рукой эти раны и сказал: "**осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет**" (Лук. 24:39)? Поэтому и в начале Он не воспринял человеческой плоти в возмужалом возрасте, но благоволил быть зачатым, и родиться, и питаться молоком, и столько времени пребывать на земле, чтобы и продолжительностью времени и всем прочим удостоверить людей в том же самом. Часто и ангелы и сам Бог являлись на земле в человеческом образе; но видимый образ был не истинным телом, а приспособлением; поэтому, чтобы ты не подумал, что и явление Христа таково же, каковы были те явления, но чтобы ты несомненно верил, что это было истинное тело, Он и был зачат, и рожден, и воспитан, и положен в яслях не в доме каком-нибудь, а при гостинице, в присутствии множества людей, чтобы рождение Его было всем известно. Поэтому Он и пеленался; поэтому и пророчества издревле предсказывали, что Он не только будет человеком, но будет и зачат, и рожден, и воспитан, как свойственно детям. Об этом Исаия взывает так: "**се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил. Он будет питаться молоком и медом**" (Иса. 7:14-15); и еще: "**младенец родился нам - Сын дан нам**" (Иса. 9:6). Видишь ли, что пророки предсказывали и о младенческом Его возрасте? Спроси же еретика: неужели Бог боится, уклоняется, колеблется и скорбит? Если он скажет: да, то отступи от него и считай его наравне с дьяволом, или лучше, ниже самого, дьявола; ибо и тот не осмелится сказать это. Если же он ответит, что все это недостойно Бога, то скажи: следовательно, Бог и не молится; и за тем все прочее было бы неуместно, если бы слова (молитвы) принадлежали Богу. Эти слова выражают не только скорбь, но и две воли, противоположные между собой, одну Сыновнюю, а другую Отчую; ибо сказать: "**впрочем, не как Я хочу, но как Ты**" (Матф. 26:39), значит выразить именно это. А этого и еретики никогда не допускали, но когда мы постоянно утверждали, что слова: "**Я и Отец – одно**" (Иоан. 10:30), относятся к силе, они относили их к воле, утверждая, что у Отца и Сына одна воля. Но если у Отца и Сына одна воля, то, как же Он говорит здесь: "**впрочем, не как Я хочу, но как Ты**"? Таким образом, если бы эти слова относились к Его Божеству, то было бы некоторое противоречие и много несообразного произошло бы отсюда; а если они относятся к плоти, то сказаны основательно и безукоризненно. Нежелание смерти со стороны плоти не служит к ее осуждению; потому что это естественно; а Христос явил в себе вполне все

свойственное человеческому естеству, кроме греха, так что заградил уста еретиков. Итак, когда Он говорит: "**Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты**", то выражает этим не что иное, как то, что Он был облечен истинной плотью, которая боится смерти, потому что ей свойственно бояться смерти, уклоняться от нее и предаваться скорби. Он иногда оставлял Свою плоть одинокой без собственного (Божеского) содействия, чтобы, показав ее немощь, внушить уверенность в ее (человеческой) природе, а иногда прикрывал ее, чтобы ты знал, что Он был не простой человек. Это могли бы подумать тогда, если бы Он постоянно показывал действия человеческие; равно как, если бы Он постоянно совершал свойственное Божеству, не поверили бы учению о домостроительстве. Посему Он разнообразил и перемешивал и слова и дела, чтобы не подать повода к болезни и безумию ни Павла Самосатского, ни Маркиона и Манихея; потому и здесь Он и предсказывает будущее, как Бог, и уклоняется от страданий, как человек.

7. Я хотел изложить и другие причины и показать из самых дел Христовых, что как здесь Он молился, обнаруживая немощь плоти, так в других случаях молился, имея в виду немощь слушателей; ибо не нужно думать, будто все, что сказано Им уничиженного, сказано было потому, что Он был облечен плотью; есть на это и другие причины, о которых я упомянул. Но, опасаясь, что вам трудно будет удержать множество сказанного, если я прибавлю еще то, что хотел сказать, то закончу на этом речь против еретиков и, отложив остальное до другого дня, снова предложу вам увещание о молитве. Хотя я часто говорил об этом предмете, но необходимо сказать о нем и теперь. Как те из одежд, которые были погружены в краску только однажды, имеют непрочный цвет, а те, которые красильщики неоднократно и часто погружали в краску, сохраняют свой цвет неизменным; так бывает и с нашими душами: если мы часто слышим одни и те же слова, то, приняв наставление, как бы какую краску, не скоро забудем его. Не будем же слушать невнимательно; нет, подлинно нет ничего сильнее молитвы и даже ничего равного ей. Не столько блистателен царь, одетый в багряницу, сколько молящийся, украшающийся беседой с Богом. Как тот, кто в присутствии войска и военачальников, многих вельмож и градоначальников, приблизившись к царю и вступив наедине в беседу с ним, обращает на себя взоры всех и от этого становится более досточтимым; так точно бывает и с молящимися. Подумай, сколь важное дело - в присутствии ангелов, архангелов, серафимов, херувимов и всех прочих сил, простому человеку приступать с великим дерзновением и беседовать с Царем этих сил; с какой это может сравниться честью? И не только честь, но и величайшую пользу доставляет нам молитва еще прежде, нежели мы получим то, чего просим. Как только кто-нибудь поднимет руки к небу и призовет Бога, он тотчас отрешается от всех дел человеческих и обращается мыслью к будущей жизни, представляет небесные блага и во время молитвы не думает о здешней жизни, если молится усердно. Воспламенится ли в нем гнев, он легко укрощается; возгорится ли похоть, она потухает; станет ли терзать его зависть, она весьма легко прогоняется, и в душе молящегося совершается то же, что, по словам пророка, бывает в природе при восходе солнца. Что же говорит он? "**Ты простираешь тьму и бывает ночь: во время нее бродят все лесные звери; львы рыкают о добыче и просят у Бога пищу себе. Восходит солнце, [и] они собираются и ложатся в свои логовища** (Псал. 103:20-22). Как при появлении солнечных лучей все звери обращаются в бегство и прячутся в свои норы; так точно, когда молитва засияет, как луч, от наших уст и языка, ум наш просвещается, а все безумные и зверские страсти прогоняются, обращаются в бегство и скрываются в свои убежища, если только мы молимся усердно, с напряженной душой и бодрым умом. Хотя бы тогда присутствовал дьявол, он обращается в бегство, хотя бы демон, он удаляется. Когда господин беседует с рабом, то никто из других рабов и даже никто из имеющих перед ним дерзновение, не посмеет подойти и помешать их беседе, тем более демоны, как оскорбившие Бога и не имеющие перед Ним дерзновения, не могут

беспокоить нас, беседующих с Богом с надлежащим усердием. Молитва есть пристань для обуреваемых, якорь для колеблемых волнами, трость немощных, сокровище бедных, твердыня богатых, истребительница болезней, хранительница здоровья; молитва соблюдает наши блага неизменными и скоро устраняет всякое зло; если нас постигнет искушение, она легко прогоняет его; если случится потеря имущества или что-нибудь другое, причиняющее скорбь нашей душе, она скоро устраняет все это; молитва прогоняет всякую скорбь, доставляет благодушие, способствует постоянному удовольствию; она есть мать любомудрия. Кто может усердно молиться, тот богаче всех, хотя бы он был беднее всех; напротив, кто не прибегает к молитве, тот, хотя бы сидел на царском престоле, беднее всех. Ахав был царем и владел бесчисленным количеством золота и серебра. Но так как он не возносил молитвы, то ходил искать Илию, человека, не имевшего ни убежища и никакой одежды, кроме одной только милоти. Что это, скажи мне, ты, имеющий столько сокровищ, ищешь не имеющего ничего? Да, говорит он; какая мне польза от сокровищ, когда он заключил небо и сделал все это бесполезным? Видишь ли, что Илия был богаче Ахава? Как только он изрек слово, царь впал в великую бедность со всем своим войском. О дивное дело: человек, не имевший даже одежды, заключил небо! Но потому он и заключил небо, что не имел одежды; так как он здесь ничего не имел, то и показал великую силу; а как только открыл уста, то и низвел свыше бесчисленные сокровища благ (3 Цар, гл. 17 и 18). О, уста, имеющие источники вод! О язык, источающий потоки дождей! О голос, производящий бесчисленные блага! Так, постоянно взирая на этого бедного, который был богат потому, что был беден, будем презирать настоящее и стремиться к будущему. Тогда мы получим и здешние и все тамошние блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ

СЛОВО ВОСЬМОЕ.

Полное заглавие этого слова следующее: "об остальном против еретиков, о суде и милостыне, и о просьбе матери сынов Заведеевых".

ВЧЕРА мы возвратились с войны, с войны и сражения против еретиков, с окровавленным оружием, с обагренным мечем слова, сразив не тела, но низложив помыслы и "**всякое превозношение, восстающее против познания Божия**" (2 Кор. 10:5). Такого рода эта война, таково свойство и оружия; преподавая наставление о том и другом, блаженный Павел говорил: "**оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: [ими] ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия**" (2 Кор. 10:4-5). Для тех, которые не были здесь, следовало бы сказать о бывших вчера поражениях еретиков, рассказать о сражении, борьбе, победе, трофеях; но чтобы не подать вам повода к невнимательности и чтобы вы, не бывшие, почувствовали потерю и сделались более внимательными, я умолчу о том и приступлю сегодня к дальнейшему. А кто любознателен и усерден, тот может узнать сказанное нами вчера от присутствовавших при этом, так как наши слушатели оказали такое усердие, что отправились домой, усвоив себе все и не опустив ничего из сказанного. Итак, прежнее вы узнаете от них; а то, что нужно сказать сегодня, я скажу вам, представив возражение, которое приводят еретические исчадия. Какое же это? Мы беседовали прежде о власти Единородного, показали, что она равна власти родившего Его Отца, и много говорили об этом; поэтому они, пораженные сказанным, стали приводить иное

евангельское изречение, которое сказано в одном смысле, а ими, разумеется, в другом. Они говорят: как же написано: "**но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую - не от Меня [зависит], но кому уготовано Отцом Моим**" (Матф. 20:23)? Я всегда увещевал вас, возлюбленные, и сегодня также прошу и советую обращать внимание не на одни буквы Писания, но вникать и в смысл их; потому что, кто будет держаться одних выражений и не искать ничего, кроме написанного, тот много ошибется. Так, по словам Писания, Бог имеет даже крылья; ибо пророк говорит: "**в тени крыл Твоих укрой меня**" (Псал. 16:8); но из этого мы не будем заключать, что это духовное и бессмертное Существо владеет крыльями. Если этого нельзя сказать о людях, то тем более - о нетленном, невидимом и непостижимом Существе. Что же мы должны разуметь под именем крыльев? Помощь, ограждение, защиту, содействие, непобедимую силу этой помощи. Писание также называет Бога спящим, когда говорит: "**Восстань, что спишь, Господи**" (Псал. 43:24), называет не с тем, чтобы внушить нам мысль, будто Бог спит, - это было бы крайне безумно, - а чтобы под образом сна объяснить нам Его долготерпение и милосердие. А другой пророк говорит: "**разве будешь как человек спящий**" (Иер. 14:9)? Видишь, какое великое благоразумие необходимо нам при рассматривании сокровища божественных Писаний? Если же мы будем просто, поверхностно и невнимательно слушать сказанное в них, то не только произойдут упомянутые несообразности, но и окажется много противоречий в словах их. Так, один называет Бога спящим, а другой не спящим; но то и другое справедливо, если ты будешь понимать это в надлежащем смысле. Называющий Его спящим указывает на великое Его долготерпение; а называющий Его не спящим, объясняет нам нетленность Его существа. Если же нам нужно много благоразумия при чтении Писания, то не будем поверхностно относиться и к этому изречению: "**не от Меня зависит, но кому уготовано Отцом Моим**" (Матф. 20:23). Эти слова не лишают Сына власти и не уменьшают Его самостоятельности, но показывают Его премудрость, великое попечение и промышление о нашем роде. А что Он имеет власть и наказывать и награждать, послушай, как об этом Он сам говорит: "**когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей, и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов - по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня: Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня**" (Матф. 25:31,33-35,41-43). Видишь ли, как совершенен Его суд, как Он и награждает и наказывает, украшает венцами и подвергает казни, одних вводит в царство, других отсылает в геенну?

2. Заметь и здесь великое Его попечение о нас. Обращаясь к получающим венцы, Он говорит: "**приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**"; а осуждаемым на наказание Он не сказал: "**идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный вам**", но: "**уготованный диаволу**". Людям я приготовил царство, говорит Он, а геенну приготовил не людям, но дьяволу и ангелам его; если же вы вели такую жизнь, что сделались достойными наказания и мучения, то должны сами винить в этом самих себя. И посмотри, как Он расположен к милости: когда еще не было подвижников, венцы уже были приготовлены, награды уже были наперед уготованы. "**Наследуйте**", говорит Он, "**Царство, уготованное вам от создания мира**". И в притче о десяти девах можно видеть то же самое. Когда надлежало придти жениху, то неразумные говорят мудрым: "**дайте нам вашего масла**"; а последние отвечают им: "**чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас**" (Матф. 25:8-9). Не о елее и огне говорит здесь Писание, но о девстве и человеколюбии, означая девство под видом огня, а милостыню под видом елея, и показывая, что девство имеет великую нужду в человеколюбии, без которого невозможно спастись. Кто же те, которые продают этот

елей? Кто иной, как не бедные? Они не столько получают, сколько сами дают. Считай же милостыню не за расход, а за приход, не за ущерб, а за приобретение; потому что через нее ты больше получаешь нежели даешь. Ты даешь хлеб, а получаешь жизнь вечную; даешь одежду, а получаешь одеяние бессмертия; даешь пристанище под своим кровом, а получаешь царство небесное; даешь блага погибающие, а получаешь блага постоянно пребывающие. Но, скажешь, как я могу подавать милостыню, когда я беден? Тогда особенно и можешь ты подавать милостыню, когда ты беден. Богатый, опьяненный обилием богатства, пламенеющий жесточайшей горячкой и одержимый ненасытной страстью, желает увеличить свое имущество; а бедный, не зараженный этой болезнью и свободный от этого недуга, легче сделает подаяние из того, что у него есть. Милостыня зависит не от количества имущества, но от степени душевного расположения. Так, вдовица отдала две лепты и превзошла пресыщенных богатством; и другая вдовица, имевшая только горсть муки и немного елея, приняла к себе (пророка), имевшего небесную душу; ни для одной из них бедность не была препятствием. Итак, не ссылайся на бесполезные и напрасные предлоги; Бог требует не изобилия приношения, но богатства душевного расположения, которое выражается не мерой подаваемого, но усердием подающих. Ты беден и беднее всех людей? Но ты не беднее той вдовицы, которая много превзошла богатых. Ты нуждаешься в самой необходимой пище? Но ты не беднее сидонской вдовицы, которая, дошедши до крайней степени голода, ожидая уже смерти с окружавшими ее детьми, при всем том не пожалела своего достояния, и величайшей бедностью приобрела невыразимое богатство, сделала свою руку гумном и кувшин точилом и устроила так, что из малого произошло многое (3 Цар. гл. 17). Впрочем, возвратимся к своему предмету и не будем делать частых отступлений. Итак, когда надлежало придти Жениху, девы вели между собой такую беседу. Мудрые посылали неразумных к продавцам, но уже не было времени покупать елея; и справедливо. Продающих елей можно найти только в настоящей жизни; а после отшествия отсюда и по закрытии зрелища земной жизни уже невозможно найти ни прощения, ни оправдания, ни врачества против того, что сделано, но уже необходимо подвергнуться наказанию, как это и случилось с девами. Когда пришел Жених, за ним вошли те, которые имели горящие светильники, а другие, опоздав войти, стучали в двери брачного чертога, но услышали страшные слова: отойдите, "**не знаю вас**" (Матф. 25:12). Видишь ли опять, как Он сам награждает и наказывает, удостаивает и венцов и мучений, принимает и отвергает, как Он властен и в том и другом роде суда? Тоже можно видеть и в притче о винограднике, и в притче о пяти, двух и одном талантах: одних он принял и предоставил им больше прежнего, а других повелел связать и бросить во тьму кромешную.

3. Но какое их возражение нелепое, или лучше, исполненное великого безумия? Хотя Сын, говорят они, имеет власть наказывать и увенчивать, подвергать мучению и давать награды, но по Его словам, не в Его власти даровать небесное председательство и высочайшую честь. А что, если ты узнаешь, что ничто не изъято от Его решения, прекратишь ли тогда свои неуместные возражения? Послушай же, что Он сам еще говорит: "**Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну**" (Иоан. 5:22). Если же Ему принадлежит весь суд, то ничто не изъято от Его решения; ибо кому принадлежит весь суд, тот властен наказывать и увенчивать всех. Слово же "**дал**" ты, возлюбленный, понимай здесь не по-человечески: Отец дал Ему, - это не значит, что Он прежде не имел, что рожден был несовершенным, и только впоследствии получил это, но "**дал**" значит, что Отец таким и родил Его, совершенным и полным. Это слово употреблено для того, чтобы ты не думал, будто два рожденных Бога, но чтобы ты видел и корень и плод, и не думал, будто Сын получил это впоследствии. В другом месте, когда спросили Его: "**итак Ты Царь**", Он не ответил: Я получил царство; не сказал, что оно дано Ему впоследствии; но ответил: "**Я на то родился**" (Иоан. 18:37). Если же Он родился совершенным царем, то, очевидно, что Он и судия и решитель, так как главное дело царя состоит в том, чтобы

судить и решать, награждать и наказывать. И с другой стороны можно видеть, что Он имеет власть даровать и высшие почести. Когда мы укажем на человека, лучшего из всех людей, и покажем, что Он увенчивается Сыном, тогда какой у вас останется предлог для оправдания? Кто же лучше всех людей? Кто другой, как не тот делатель палаток, учитель вселенной, облетевший как бы на крыльях землю и море, сосуд избранный, жених Христов, насадитель Церкви, мудрый строитель, проповедник, быстрый путник, ратоборец, воин, наставник, оставивший во всей вселенной памятники своих добродетелей, прежде воскресения восхищенный на третье небо, вознесенный в рай, сподобившийся участия в неизреченных тайнах Божьих, слышавший и говоривший то, чего человеческой природе говорить невозможно, удостоившийся высшей благодати и совершивший большие труды? А что он потрудился больше всех, об этом, послушай, как он сам говорит: "**более всех их потрудился**" (1 Кор. 15:10). Если же он больше всех потрудился, то и увенчивается преимущественно перед всеми, потому что "**каждый получит свою награду по своему труду**" (1 Кор. 3:8). Если же он получает венец славнейший нежели другие апостолы (никто, не сравнялся с апостолами, а он больше и их), то, очевидно, что он удостоится самой высшей почести и председательства. Кто же будет увенчивать его? Послушай, как он сам говорит: "**подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил: а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный**" (2 Тим. 4:7-8). "**Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну**" (Иоан. 5:22). И не отсюда только очевидно это, но и из следующих слов: "**и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его**" (2 Тим. 4:8). Чье это явление? Выслушай слова самого апостола: "**ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке, ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа**" (Тит. 2:11-13).

4. Впрочем борьба с еретиками у нас кончилась, мы воздвигли трофей, одержали блистательную победу, доказав всем вышесказанным, что Сын властен и награждать и наказывать; Ему принадлежит весь суд, Он увенчивает и прославляет лучшего из всех, и в сказанных притчах представляется Сам совершающим то и другое. Теперь нужно успокоить и смущение братьев и объяснить, почему Он так сказал: "**не от Меня зависит**" (Матф. 20:23); я думаю, что многие недоумевают при этих словах. Чтобы разрешить недоумение и успокоить смятение души, напрягите ваше внимание, приготовьте ваш ум. Мне предстоит теперь больший труд, так как не все равно - бороться или учить, поражать врага или исправлять своего; в последнем случае от меня требуется больше усилий, чтобы не оставить без внимания хромающий член и не миновать кого-нибудь из смущающихся. Я говорю, - но не смущайтесь словами моими, не беспокойтесь, - я утверждаю, что это не зависит не только от Сына, но и от Отца; я провозглашаю громким голосом и звучнее трубы, что "**зависит**" это не принадлежит Сыну, ни Ему, ни Отцу; ибо если бы это принадлежало Ему, то принадлежало бы и Отцу, и если бы принадлежало Отцу, то принадлежало бы и Ему. Поэтому Он и не сказал просто: *несть* "**не от Меня зависит**"; а что? "**не от Меня [зависит], но кому уготовано Отцом Моим**". Он объявляет, что это не зависит ни от Него, ни от Отца, а от некоторых других. Что же значат сказанные слова? Я думаю, что ваше смущение усилилось и недоумение возросло, и вы беспокоитесь; но не бойтесь; я не умолкну, пока не предложу объяснения. Позвольте же мне повести речь немного выше; иначе невозможно ясно представить все вашему уму. Итак, что значат сказанные слова? Когда Иисус шел в Иерусалим, мать сынов Заведеевых, Иакова и Иоанна, подошла к Нему с сыновьями и сказала: "**скажи, чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в Царстве Твоем**" (Матф. 20:21); а другой евангелист говорит, что этого просили у Христа сами сыновья (Марк. 10:38). Впрочем, здесь нет разногласия (не нужно оставлять без внимания и этих мелочей), но

они послали наперед мать, а потом, когда она высказала их просьбу и как бы открыла им дверь, они сами повторили эти слова, не понимая того, о чем говорили, однако говорили. Хотя они были и апостолы, но были еще несовершенны, как птенцы, которые не крепко сидят в гнезде, пока у них еще не выросли крылья. И это вам весьма нужно знать, что до креста ученики были несведущи во многом; потому Господь, укоряя их, и говорил: "**неужели и вы еще не разумеете? как не разумеете, что не о хлебе сказал Я вам: берегитесь закваски фарисейской**" (Матф. 15:16; 16:11)? И еще: "**еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить**" (Иоан. 16:12). Они не только не понимали высших истин, но и то, что слышали, часто забывали от страха и робости; за это укоряя их, Он говорил: "**и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но от того, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше**" (Иоан. 16:5-6), и еще об Утешителе говорил: "**научит вас всему и напомнит вам все**" (Иоан. 14:26). Он сказал бы: "**напомнит**", если бы они не забывали многого из сказанного. Это я говорю не без основания; так Петр оказывается иногда произносящим совершенное исповедание, а иногда забывшим все. Тот, который говорил: "**Ты - Христос, Сын Бога Живого**" (Матф. 16:16), и был назван за это блаженным, спустя немного времени так согрешил, что был назван сатаной; Господь сказал ему: "**отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божье, но что человеческое**" (Матф. 16:23). Кто может быть несовершеннее того, который думает не о Божьем, но о человеческом? Когда Господь возвестил ему о кресте и воскресении, то он не понял ни глубины сказанного, ни тайны догматов, ни будущего спасения вселенной, и, приступив к Нему наедине, сказал: "**будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою**" (Матф. 16:22). Видишь ли, что они ясно не знали ничего о воскресении? Выражая то же самое, евангелист сказал: "**ибо они еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых**" (Иоан. 20:9). Не зная об этом, они тем более не знали о другом, как-то: о небесном царствии, о нашем начатке [во Христе] (Кор. 15:20) и вознесении на небо: как бы привязанные к земле, они еще не могли парить в высоте. Имея такое разумение и ожидая, что скоро настанет царство Христово в Иерусалиме, ничего больше этого они не знали, как говорит и другой евангелист, замечая, что они думали, будто уже наступает царство Его, которое представляли человеческим, и полагали, что Он идет на такое царство, а не на крест и смерть, и хотя многократно слышали об этом, но ясно понимать не могли (Марк. 10:37).

5. Итак, еще не имея ясного познания догматов и думая, что Он идет на земное царство и будет царствовать в Иерусалиме, ученики (Иаков и Иоанн) приступили к Нему на пути, считая это время удобным, и предложили свою просьбу. Выделив себя из среды учеников и думая только о себе, они стали просить себе председательства и первенства перед прочими, полагая, что дела пришли уже к концу, что все уже исполнено и наступило время раздачи венцов и наград; но это происходило от крайнего неведения. А что это не догадка и не предположение, я представлю вам доказательство из слов самого Иисуса, знающего тайное. Послушай, что говорит Он им в ответ на их просьбу: "**не знаете, чего просите**" (Матф. 20:22). Что может быть яснее такого доказательства? Видишь ли, что они не знали, чего просили, и стали говорить с Ним о венцах, наградах, председательстве и чести, когда еще не начались подвиги? Этими словами: "**не знаете, чего просите**", Господь внушает две мысли: во-первых, ту, что они говорят о царстве, о котором у Христа не было и речи, так как Он возвещал не об этом царстве, земном и чувственном; во-вторых, ту, что они, домогаясь председательства и высших почестей и желая оказаться славнее и знатнее других, домогаются этого не во время, а весьма неблаговременно. Тогда было время не венцов и наград, а подвигов, борьбы, трудов, усилий, опасностей и битв. Итак, смысл слов Его следующий: вы не знаете, чего просите, говоря Мне об этом тогда, когда вы еще не потрудились и не вышли на подвиги, когда вселенная остается еще не исправленной, нечестие господствует, и все люди погибают, а вы еще не выходили на поприще и еще не вступали в борьбу; "**можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или**

креститься крещением, которым Я крещусь" (Матф. 20:22)? Чашей и крещением Он называет здесь Свою крестную смерть, - чашей потому, что Он принимал ее с удовольствием; а крещением потому, что посредством ее Он очистил вселенную; и не только по этому, но и по легкости воскресения. Как крещающийся водой выходит из нее весьма легко, не встречая никакого препятствия в свойстве воды; так Он, погрузившись в смерть, восстал с великой легкостью; поэтому Он и называет Свою смерть крещением. А смысл слов Его следующий: можете ли вы подвергнуться умерщвлению и смерти, так как ныне время смертей, опасностей и трудов? Они отвечают: "**можем**", не понимая сказанного, но, побуждаясь надеждой получить желаемое. Он говорит им: "**чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься**" (Матф. 20:23), возвещая их смерть; и, действительно, Иаков был усечен мечем, и Иоанн многократно был при смерти; "**но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую - не от Меня [зависит], но кому уготовано Отцом Моим**" (Матф. 20:23). Смысл этих слов такой: смерти вы подвергнетесь, и умерщвлены будете, и мученичество потерпите, а сделаться вам первыми это не зависит от Меня, но может быть достигнуто подвизающимися, посредством особенного усердия, особенной ревности. Чтобы слова мои были яснее, представим какого-нибудь распорядителя при состязаниях; к нему подходит мать, у которой есть два сына ратоборца, вместе со своими сыновьями, и говорит ему: скажи, чтобы эти два сына мои получили венец. Что он ответит ей? Конечно, то же самое: дать это не от меня зависит; я распорядитель при состязаниях, назначающий награды не даром и не по желанию и просьбе приступающих, а по исходу борьбы. В том собственно и состоит дело распорядителя, чтобы воздавать честь мужеству, а не давать наград напрасно и как случится. Так поступает и Христос: Он сказал так, не унижая Своего существа, но выражая то, что не от Него одного зависит давать награды, но и подвизающиеся должны достигать их. Если бы это зависело только от Него, то все люди спаслись бы и пришли бы "**в разум истины**", если бы это зависело только от Него, то не было бы разных почестей, потому что Он сам создал всех и обо всех одинаково печется. А что почести различны, это послушай, как объясняет Павел: "**иная слава солнца**", говорит он, "**иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе**" (1 Кор. 15:41). И еще: "**строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней**" (1 Кор. 3:12). Павел сказал таким образом, чтобы показать разнообразие добродетелей, он выразил этими словами, что спящим и дремлющим невозможно войти в царство небесное, но что тамошних наград нужно достигать посредством многих скорбей. Сыновья Заведеевы, пользуясь великой любовью Христовой и близостью к Нему, думали получить предпочтение перед другими; поэтому, чтобы они, воображая это, не сделались беспечными, Он отклоняет их от таких мыслей и говорит: "**не от Меня зависит**", но от вас зависит достигнуть этого, если вы захотите, если окажете большее усердие, большие труды, особенную ревность; Я назначаю венцы за дела, почести за труды, награды за усилия; самое лучшее ходатайство передо Мной - доказательство посредством дел.

6. Видишь, я не без основания говорил, что это зависит не от Него и не от Отца, но от подвизающихся, трудящихся и страдающих? Поэтому и обращаясь к Иерусалиму, Он говорил: "**сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст**" (Матф. 23:37-38). Видишь ли, что никто из нерадивых, беспечных и недеятельных никогда не может спастись? Отсюда мы узнаем и другую тайну, ту, что для получения высочайшей чести и первого места недостаточно даже мученичества. Вот Христос предсказал ученикам, что они потерпят мученичество, и, однако, не непременно получат первенство, потому что могут быть и такие, которые окажут еще больше заслуг. Выражая это, Он и говорил: "**чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься, но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую - не от Меня [зависит], но кому уготовано Отцом Моим**". Он не говорит этим, будто Он предоставляет сидеть при Себе,

но выражает достижение большей чести, получение первенства, преимущество перед всеми; слова: "**сесть у Меня по правую сторону и по левую**" Он говорит применительно к их понятию, так как они искали первых мест и желали оказаться выше всех прочих. И то, чтобы вам оказаться больше прочих и выше всех, говорит Он, зависит не от одного только (мученичества); хотя вы и умрете, но высочайшую честь "**не от Меня [зависит], но кому уготовано Отцом Моим**". Кому же, скажи мне, это уготовано? Посмотрим, кто те блаженные и преблаженные, удостаивающиеся светлых венцов. Кто они, и какие подвиги сделают их столь блистательными? Об этом, послушай, что говорит Он сам; когда десять учеников вознегодовали на двоих за то, что они, выделившись из среды их, хотели присвоить себе высочайшую честь, то посмотри, как Он обуздывает страстное намерение тех и других. Призвав их, Он говорит: "**вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою; и кто хочет между вами быть первым, да будет** " последним из всех (Матф. 20:25-27). Видишь ли, что все они желали сделаться первыми, большими, высшими и, так сказать, начальниками прочих? Посему, останавливаясь на этом и обнаруживая тайну их, Он говорит: "**и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом**". Если вы, говорит Он, желаете председательства и высочайшей чести, то старайтесь занимать последнее место, быть ниже всех, смиреннее всех, меньше всех, поставлять себя после прочих. Такая добродетель и доставляет высочайшую честь; а пример этого - близкий и весьма сильный. "**Сын Человеческий не [для того] пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих**" (Матф. 20:28). Что действительно через это делаются славными и знаменитыми, посмотрите, говорит Он, на совершающееся со Мной, не нуждающимся ни в чести, ни в славе; и Я через то же самое достигаю бесчисленных благ. Действительно, пока Он не принял плоть и не смирил Себя, все погибало и разрушалось; а когда смирил Себя, то все возвел на высоту, уничтожил проклятие, упразднил смерть, отверз рай, умертвил грех, открыл своды небесные, вознес начаток наш на небо, наполнил вселенную благочестием, рассеял заблуждение, водворил истину, возвел начаток наш на престол царский, совершил бесчисленное множество благодеяний, которых ни я, ни все люди не могут изобразить словом. Прежде, нежели Он смирил Себя, Его знали только ангелы; а когда смирил Себя, то Его узнал весь род человеческий. Так смирение не унизило Его, но доставило бесчисленные блага, бесчисленные заслуги, и сделало то, что слава Его просияла еще более. Если же для Бога, Который вседоволен и ни в чем не нуждается, смирение послужило к такому благу, доставило Ему больше слуг и распространило Его царство, то почему ты боишься унизиться от смирения? Тогда ты будешь более высоким, тогда великим, тогда славным, тогда знаменитым, когда будешь ставить себя ниже всех, когда не будешь стремиться к первенству, когда будешь подвергаться унижению, страданиям и опасностям, когда будешь стараться служить многим, печься и заботиться о них, и для этого будешь готов и делать и терпеть все. Итак, возлюбленные, помышляя об этом, будем с особенным усердием прилежать к смиренномудрию, и когда мы подвергаемся оскорблению и унижению и испытываем все крайние бедствия, и бесчестие и презрение, будем переносить все с радостью. Ничто так не способствует достижению высоты, славы и чести, и не доставляет величия, как добродетель смиренномудрия, которую исполняя тщательно, да сподобимся мы обетованных благ, благодатью и человеколюбием господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, честь и поклонение ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ

СЛОВО ДЕВЯТОЕ.

ЛАЗАРЬ, воскрешенный сегодня из мертвых, дает нам разрешение многих и различных недоумений. Не знаю, каким образом это (евангельское) чтение подало и еретикам и иудеям повод к противоречию, конечно, не по самой сущности своей, - этого не может быть, - но по коварству их души. Многие из еретиков говорят, что Сын не подобен Отцу. Почему? Потому, что Христос, говорят они, для воскрешения Лазаря имел нужду в молитве; а если бы не помолился, то и не воскресил бы Лазаря. Как же, говорят они, молившийся может быть подобным принимающему молитву? Здесь один молится, а другой принимает молитву от молящегося. Но они богохульствуют, не понимая, что молитва была делом снисхождения и по причине немощи присутствовавших. Скажи мне, кто больше: тот ли, кто умывает ноги, или тот, кому он умывает ноги? Конечно, скажешь, тот больше, кому другой умыл ноги. Но Спаситель умыл ноги предателя Иуды, который также был вместе с учениками. Кто же, не Иуда ли предатель больше Владыки Христа, если Христос умыл его ноги? Да не будет! А что ниже: умывать ноги или молиться? Конечно - умывать ноги. Итак, не отказавшийся сделать низшее, как отказался бы сделать высшее? Впрочем, все сделано было по причине немощи присутствовавших иудеев, как это покажет дальнейшая речь. Между тем иудеи, находя здесь повод к противоречию, говорят: как христиане считают Богом того, который даже не знал места, где лежал умерший Лазарь? Ибо Спаситель сказал сестрам Лазаря, Марфе и Марии: "**где вы положили его**" (Иоан. 11:34)? Видишь ли, говорят они, Его неведение? Видишь ли Его немощь? Как же тот, который даже не знал места, может быть Богом? Но я спрошу их, не сомневаясь сам, но для посрамления их противоречия: ты говоришь, иудей, что Христос не знал этого, если сказал: "**где вы положили его**"? Так и Отец не знал в раю, где скрылся Адам, если Он ходил как бы ища его в раю, и говорил: "**Адам, где ты**" (Быт. 3:9), т. е. где ты скрылся? Почему прежде Он не говорил о месте, откуда Адам дерзновенно беседовал с Богом? "**Адам, где ты**"? Что же Адам? "**голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся**" (Быт. 3:10). Если ты, иудей, называешь неведением то, называй неведением и это. Христос говорил Марфе и Марии: "**где вы положили его**"? Ты называешь это неведением? Что же скажешь, когда услышишь Бога, говорящего Каину: "**где Авель, брат твой**" (Быт. 4:9)? Что ты скажешь на это? Если то называешь неведением, называй неведением и это. Выслушай и еще пример из Божественного Писания. Бог сказал Аврааму: "**вопль Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма; сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю**" (Быт. 18:20-21). "**Ведающий сокровенное и знающий все прежде бытия его**" (Дан. 13:42), " **испытываешь сердца и утробы**" (Псал. 7:10), "**знает мысли человеческие**" (Пс. 93:11) сказал: "**сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю**". Если то означает неведение, то и это означает неведение. Но ни Отец не имел неведения в Ветхом Завете, ни Сын - в Новом Завете. Что же значит: "**сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю**"? Слух, говорит Он, дошел до Меня, но Я желаю еще точнее на самом деле удостовериться в том, не потому, что Я не знаю, но потому, что желаю научить людей - не внимать одним словам и, когда кто скажет что-нибудь против другого, не верить легкомысленно, а сначала самим тщательно исследовать и на самом деле удостовериться, и потом уже верить. Поэтому и в другом месте Писания сказано: "**не всякому слову верь**" (Сир. 19:16). Ничто так не извращает жизни людей, как поспешная доверчивость ко всяким речам. Возвещая это, и пророк Давид сказал: "**тайно клевещущего на ближнего своего изгоню**" (Пс. 100:5).

2. Видишь, что не по неведению Спаситель говорил: "**где вы положили его**", равно как не по неведению и Отец говорил Адаму: "**где ты**", или Каину: "**где Авель, брат твой**", или: "**сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю**". Теперь же время выступить против тех, которые говорят, что

Христос по немощи Своей молился, воскрешая Лазаря. Слушайте же, прошу вас, возлюбленные, со всем вниманием. Когда умер Лазарь, Иисус не был в тех местах, но был в Галилее и сказал Своим ученикам: "**Лазарь, друг наш, уснул**" (Иоан. 11:11). Они же, думая, что Он говорит о сне его, сказали Ему: "**Господи! если уснул, то выздоровеет**" (Иоан. 11:12). Тогда Он ясно сказал им: "**Лазарь умер**" (Иоан. 11:14). Затем Спаситель идет в Иерусалим к тому месту, где лежал Лазарь; Его встречает сестра Лазаря и говорит Ему: "**Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой**" (Иоан. 11:21). "**Если бы Ты был здесь**": немощна ты женщина! Эта женщина тогда не знала, что Христос, хотя не присутствовал телесно, но присутствовал силой Божества; она же ограничивала силу Учителя телесным присутствием. Марфа говорит Ему: "**Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой**. **Но и теперь**", говорит, "**знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог**" (Иоан. 11:22). Вследствие ее просьбы Спаситель и совершает молитву. Бог не имел нужды в молитве, чтобы воскресить мертвого. Разве не воскрешал Он и других мертвецов? Когда Он встретил мертвого (юношу), выносимого из ворот, то коснулся только одра его, и воскресил мертвеца (Лук. 7:14). Разве имел Он тогда нужду в молитве, чтобы воскресить умершего? И в другой раз Он только сказал отроковице слова: "**девица, тебе говорю, встань**" (Марк. 5:41), и тотчас же передал ее родителям ее здоровой. Разве имел Он тогда нужду в молитве? Но что я говорю об Учителе? Ученики Его воскрешали мертвых одним словом. Не словом ли Петр воскресил Тавифу? Не одеждами ли своими Павел совершил много знамений? Узнай еще более удивительное: даже тень апостолов воскрешала мертвых. "**Так что выносили**", говорится в Писании, "**больных на улицы, дабы, хотя тень проходящего Петра осенила кого из них**", и они тотчас вставали (Деян. 5:15-16). Что же? Тень учеников воскрешала мертвых, а Учитель имел нужду в молитве, чтобы воскресить мертвого? Нет, Спаситель совершает молитву по причине немощи женщины, которая говорила Ему: "**Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой**. **Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог**". Ты просила молитвы, Я и даю молитву. Например: перед нами источник; кто принесет сосуд, наполняет его (водой); если сосуд велик, то он получает много; а если мал, то получает мало. Так и она просила молитвы, и Спаситель дает молитву. Один говорил: "**Господи! я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой**": и Спаситель сказал ему: по вере твоей "**будет тебе**" (Матф. 8:8,13). Другой просил: "**приди**" исцели дочь мою; и Он отвечал ему: пойду за тобой (Матф. 9:18-19). Так, по настроению людей употребляется и лекарство врача. Еще другая женщина тайно коснулась края одежды Его, и тайно получила исцеление (Матф. 9:21); каждый как веровал, так и получал исцеление. Марфа сказала: "**знаю, что чего Ты попросишь**" от Отца, "**даст тебе**" Отец; и так как она просила молитвы, то Спаситель и дает молитву, не нуждаясь Сам в молитве, но сообразуясь с немощью этой женщины и желая показать, что Он не противник Богу, но все то, что делает Он, делает и Отец. В начале Бог сотворил человека, это творение было общим делом и Отца и Сына: "**сотворим**", говорит Бог, "**человека по образу нашему и по подобию**" (Быт. 1:26). Также Он, восхотев ввести разбойника в рай, изрек слово, и тотчас введен был разбойник в рай; и для этого Христос не имел нужды в молитве, хотя всем потомкам Адамовым Бог заградил вход в рай, поставив для охранения его пламенный меч. Христос же Своей властью и отверз рай и ввел в него разбойника. Разбойника, Владыка, Ты вводишь в рай? Отец Твой за один грех изгнал Адама из рая, а Ты вводишь туда разбойника, виновного в бесчисленных злодеяниях и бесчисленных преступлениях, и так просто, одним словом вводишь его в рай? Да; потому что и то совершилось не без Меня, и это - не без Отца Моего; но, как и то было Моим делом, так и это - дело Отца Моего. "**Я в Отце и Отец во Мне**" (Иоан. 14:10).

3. А чтобы ты видел, что воскрешение мертвого совершилось не вследствие молитвы, выслушай самую молитву. Что говорит Он? "**Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня**" (Иоан. 11:41). Что это? По виду своему разве это молитва, разве это прошение?

"**благодарю Тебя, что Ты услышал Меня**: **Я и**", говорит, **знал, что Ты всегда услышишь Меня**" (Иоан. 11:42). Если же Ты, Господи, знаешь, что Отец всегда слушает Тебя, то для чего приступаешь к Нему с тем, что знаешь? Я знаю, говорит Он, что Отец всегда слушает Меня, "**но сказал [сие] для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня**" (Иоан. 11:42). Молился ли Он о покойнике? Просил ли, чтобы воскрес Лазарь? Сказал ли: Отче, повели, чтобы смерть повиновалась? Сказал ли: Отче, повели аду, чтобы он не заключал врат, но скоро возвратил мертвеца? "**Но сказал [сие] для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня**". Таким образом, это действие было не для чуда, но для поучения присутствовавших. Видишь, что молитва была не для мертвого, но для присутствовавших неверных, чтобы они познали, говорит Он, "**что Ты послал Меня**". Как, скажут, мы можем узнать, что Он послал Тебя? Слушай, прошу тебя, со всем вниманием. Вот, говорит Он, Я собственной Своей властью вызываю мертвого; вот, Я собственной силой повелеваю смерти. (Бога) Отца называю (Своим) Отцом и Лазаря вызываю из гроба. Если не истинно первое, то пусть не будет и последнего; если же (Бог) Отец истинно есть (Мой) Отец, то пусть послушается и мертвец для вразумления присутствующих. Что же сказал Христос? "**Лазарь! иди вон**" (Иоан. 11:43). Когда совершилась молитва, то мертвый не воскрес; а когда Он сказал: "**Лазарь! иди вон**", тогда мертвый воскрес. О, сила смерти! О могущество силы, удерживающей душу! О, ад! Совершилась молитва, и ты не освобождаешь мертвого? Нет, говорит ад. Почему? Потому, что мне не дано повеления. Я - страж, удерживающий здесь виновного; если не получаю повеления, то и не отпускаю; молитва же была не для меня, а для присутствовавших неверных; не получая повеления, я не отпускаю виновного; ожидаю голоса, чтобы освободить душу. "**Лазарь! иди вон**", и мертвый услышал повеление Господне, и тотчас разрушил законы смерти. Да постыдятся еретики и да погибнут с лица земли! Эта речь доказывает, что молитва была не для воскрешения мертвеца, но по причине немощи присутствовавших тогда неверных. "**Лазарь! иди вон**". А для чего Христос назвал мертвого по имени? Для чего? Для того, чтобы, обратив речь вообще к мертвым, не вызвать всех из гробов, Он поэтому и говорит: "**Лазарь! иди вон**", тебя одного Я вызываю в присутствии этого народа, чтобы частным воскресением показать и силу будущего; так как Я, воскресил одного, воскрешу вселенную: "**Я есмь воскресение и жизнь**" (Иоан, 11:25). "**Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами**" (Иоан, 11:44). О, дивные дела! Тот, Кто разрешил душу от уз смерти, разрушил врата ада, сокрушил врата медные и двери железные, Тот, освободив душу от уз смерти, неужели не мог освободить мертвого и от погребальных пелен? Конечно, мог; но Он повелевает иудеям развязать пелены, которыми они обвили Лазаря при погребении, чтобы они признали эти пелены, и на основании того, что сами сделали, убедились, что это тот самый Лазарь, которого они приготовляли к погребению, и что здесь - Христос, пришедшей в мир по благоволению Отца, имея власть над жизнью и смертью. Ему слава и держава с безначальным Его Отцом и всесвятым и животворящим Духом, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ

СЛОВО ДЕСЯТОЕ.

Полное заглавие этого слова следующее: "о том, что безмолвие и несообщение другим того, что мы знаем, делает нас беднейшими и погашает благодать; и о молитвах, которыми Христос молился, и о власти, с какой Он совершал все; и об усовершенствовании ветхозаветного закона; и о том, что воплощение не уменьшает равенства Сына с Отцом, но еще более подтверждает его".

В предшествовавшие дни мы сказали довольно похвальных речей, изображая апостольские подвиги и наслаждаясь беседой о духовных доблестях: теперь же время отдать вам долг, так как ничто не препятствует этому. Знаю, что вы уже забыли о долгах моих по давности времени; однако я не скрою их по этой причине, но со всей готовностью отдам их вам. Это я делаю не только по признательности, но и для своей пользы. В договорах вещественных для должника выгодно, когда заимодавец забывает о долге; а в договорах духовных для имеющего платить долг - величайшая польза в том, чтобы имеющие получить постоянно помнили о долгах. Там отдаваемый долг уходит от дающего и переходит к получающему, уменьшает имущество первого и увеличивает имущество последнего; а в делах духовных не так: здесь можно, отдавая имущество, и удерживать его, и, что удивительно, тогда особенно мы и удерживаем его у себя, когда отдаем другим. Если я скрою что-нибудь в душе и буду постоянно хранить это, не сообщая никому, то моя выгода сократится, богатство уменьшится; а если я предложу всем и сделаю многих участниками и общниками всего того, что знаю сам, то мое духовное богатство увеличится. А что это действительно так, что уделяющий другим увеличивает свое имущество, а скрывающий его лишается всего приобретенного, свидетельствуют об этом те, которым вверены были таланты, одному - пять, другому - два, третьему - один. Первые принесли вверенное им в двойном количестве и за это получили почести; а последний, сохранив талант у себя и никому не передав его, не мог удвоить его и за это был наказан. Итак, все мы, слыша это и опасаясь наказания, будем открывать братьям имеющееся у нас благо и предлагать его всем, а не скрывать. Когда мы станем делиться с другими, то сами будем более обогащаться; когда станем делать многих участниками нашего достояния, тогда увеличим собственное богатство. А ты думаешь, что слава твоя уменьшится, если вместе со многими будешь знать то, что знал ты один? Напротив, тогда и увеличится твоя слава и польза, когда ты подавишь в себе зависть, когда уничтожишь ненависть, когда покажешь великое братолюбие; если же ты будешь один пользоваться своим знанием, то люди будут отвращаться от тебя и ненавидеть тебя, как завистника и братоненавистника, а Бог осудит тебя на крайнее наказание, как злостного; кроме того, и самая благодать скоро покинет тебя и удалится. Так хлеб, постоянно оставаясь в житницах, портится и поедается молью; а если он будет вынесен и посеян на нивах, то умножается и снова обновляется. Так и слово духовное, оставаясь постоянно заключенным в душе, растлеваемой и снедаемой завистью, нерадением и расслаблением, скоро погибает; а если оно будет посеяно в душах братьев, как бы на плодоносной ниве, то делается многократно умножившимся сокровищем и у принимающих его и у владеющего им. Как источник, если из него постоянно черпают воду, более очищается и делается обильнее, а если он бывает закрыт, то иссякает; так и дар духовный и слово назидания, если из него постоянно черпают и заимствуют желающие, течет обильнее; а если задерживается завистью и ненавистью, то уменьшается и, наконец, прекращается. Итак, если от этого нам столько пользы, то теперь я предложу все, что имею и заплачу вам весь долг, напомнив наперед весь ряд этих долгов.

2. Вы знаете и помните, что раньше, беседуя о славе Единородного, я перечислил много причин снисхождения в Его изречениях, и сказал, что Христос часто говорил уничиженно не только как облеченный плотью и не только по причине немощи слушателей, но во многих случаях и для того, чтобы научить смиренномудрию. Эти причины я тогда достаточно исследовал, упомянув и о молитве при воскрешении Лазаря и о молитве, произнесенной на кресте, и ясно показав, что одну Он совершил для удостоверения в Своем домостроительстве, а другую для исправления немощи слушателей, не имея Сам нужду ни в какой помощи. А что Он многое делал и для научения людей смиренномудрию, об этом послушай далее. Он влил воду в умывальницу, и мало этого, - еще опоясался полотенцем, нисходя до крайнего уничижения; потом начал умывать ноги ученикам, а вместе с учениками умыл ноги и предателя. Кто не изумится и не подивится

этому? Он умывает ноги тому, который намеревался предать Его. И Петра, который уклонялся и сказал: "**не умоешь ног моих вовек**", Он не обходит, но говорит ему: "**если не умою тебя**" ног твоих, "**не имеешь части со Мною**", тогда Петр сказал: "**Господи! не только ноги мои, но и руки и голову**" (Иоан. 13:8-9). Видишь ли благоговение ученика и в том и в другом - и в уклонении и в согласии? Хотя в словах его и было противоречие, но то и другое было сказано от пламенного душевного расположения. Видишь ли, как он был всегда пылок и ревностен? Но, повторяю, из уничиженного действия ты не должен выводить заключения об уничиженности существа Его; послушай, что говорит Он ученикам после омовения: "**знаете ли, что Я сделал вам? Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то. Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам**" друг другу (Иоан. 13:12-15). Видишь ли, что Он делал многое для примера людям? Как исполненный мудрости учитель лепечет вместе с лепечущими детьми, и этот лепет служит знаком не неведения учителя, но заботливости его о детях; так точно и Христос делал это не по несовершенству существа Своего, но по снисхождению. Этого не должно оставлять без внимания; потому что если мы станем рассматривать дело само по себе, то смотри, какая может быть выведена нелепость. Если умывающего считать ниже того, кого он умывает (умывающим был Христос, а умываемыми - ученики), то Христос окажется ниже учеников; но этого никто, даже безумный, не может сказать. Видишь ли, какое зло - не знать причин, по которым Христос делал все, что делал? Или, лучше сказать, видишь ли, какое благо - исследовать все тщательно и не только смотреть на то, что Он сказал или сделал уничиженного, но и вникать, для чего и почему так? И не в этом только случае Он поступил так, но и в другом показал то же самое. Сказав: "**кто больше: возлежащий, или служащий?**", Он продолжал: "**не возлежащий ли? А Я посреди вас, как служащий**" (Лук. 22:27). Так Он говорил и делал для того, чтобы показать, что Он многократно уничижал себя для назидания учеников, и вместе для того, чтобы расположить их к смирению. Очевидно, что не по несовершенству Своего существа, но для их назидания Он переносил все это. И в другом месте Он говорит: "**князья народов господствуют над ними: но между вами да не будет так: кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом. Так как Сын Человеческий не [для того] пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить**" (Матф. 20:25-28). Итак, если он пришел послужить и научить смиренномудрию, то не смущайся и не изумляйся, когда увидишь Его совершающим и говорящим свойственное слугам. И многие из молитв Он совершал с тем же намерением. К Нему подошли и сказали: "**Господи! научи нас молиться, как и Иоанн научил учеников своих**" (Лук. 11:1). Что же, скажи мне, Ему следовало делать? Не научать их молиться? Но Он для того и пришел, чтобы научить их всякому любомудрию. Следовало научить? В таком случае Ему надлежало и молиться. Скажут: это нужно было сделать только словом. Но не столько наставление словами, сколько делами, обыкновенно действует на учеников. Посему Он не словами только научает их молитве, но и Сам часто совершает молитвы и целые ночи молится в пустынях, вразумляя и научая нас, чтобы мы, когда намереваемся беседовать с Богом, избегали шума и смятений людских и удалялись в пустыню не по местности только, но и по всем обстоятельствам. Пустыней может быть не гора только, но и малая комната, удаленная от шума.

3. Для того чтобы вы убедились, что молитва Его была делом снисхождения, я особенно указал на происходившее с Лазарем; но то же видно и из других случаев. Почему Он молится не при больших чудесах, а при меньших? Если бы Он молился по нужде в помощи и по неимению в Себе достаточной силы, то Ему следовало бы молиться и просить Отца при всех чудесах, а если не при всех, то, по крайней мере, при больших. Но Он делает противоположное: при важнейших делах Он не молится и этим показывает, что Он, когда совершал молитву, делал это не потому, чтобы Сам не имел силы, но чтобы

научить других; так, когда Он благословлял хлебы, то воззрел на небо и молился, чтобы научить нас не прикасаться к трапезе, не возблагодарив прежде Творца плодов - Бога. Воскрешая многих мертвых, Он не молился, а молился только при воскрешении Лазаря. О причине этого мы уже сказали: Он хотел исправить немощь предстоявших, о чем и сам Он сказал ясно, прибавив: "**сказал [сие] для народа, здесь стоящего**" (Иоан. 11:42). Я достаточно объяснил тогда, что не молитва, а воззвание Его воскресило этого мертвеца; но чтобы тебе лучше понять это, обрати внимание на дальнейшее. Когда нужно было наказать, или наградить, или отпустить грехи, или постановить закон, или когда нужно было сделать что-нибудь гораздо важнейшее, то ты нигде не найдешь, чтобы Он при этом взывал к Отцу и молился, но все это Он совершал Своей властью. Я перечислю все это по порядку, а ты тщательно замечай, что Он никогда не нуждался в молитве. "**Придите**", говорил Он, "**благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**" (Матф. 25:34); и еще: "**идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его**" (Матф. 25:41). Вот, Он с полной властью Сам наказывает и награждает и не нуждается ни в какой молитве. Также, когда надлежало исцелить тело расслабленного, Он говорит: "**возьми свою постель и ходи**" (Марк. 2:9); когда надлежало избавить от смерти: "**девица, тебе говорю, встань**" (Марк. 5:41); когда надлежало освободить от грехов: "**дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои**" (Матф. 9:2); когда надлежало изгнать демонов: "**сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека**" (Марк. 5:8); когда надлежало укротить море: "**умолкни, перестань**" (Марк. 4:39); когда надлежало очистить прокаженного: "**хочу, очистись**" (Матф, 8:3); когда надлежало постановить закон: "**вы слышали, что сказано древним: не убивай: а Я говорю вам, что всякий: кто же скажет брату своему: "безумный", подлежит геенне огненной**" (Матф. 5:21-22). Видишь ли, как Он совершает все собственной властью Господней, и в геенну ввергает, и в царство вводит, и расслабление исцеляет, и смерть отгоняет, и грехи отпускает, и демонов изгоняет, и море укрощает? Что же важнее, скажи мне, в царство ли ввести, и в геенну ввергнуть, и грехи отпустить, и законы даровать своей властью, или сделать хлебы? Не очевидно ли для всех и несомненно, что первое важнее последнего? Однако Он при важнейших делах не молится, показывая тем, что и при менее важных Он делал это не по недостатку силы, а для научения присутствовавших. А чтобы ты уразумел, какое великое дело отпускать грехи, я приведу тебе свидетелем пророка; никому другому, говорит пророк, не свойственно это, кроме одного Бога: "**кто Бог, как Ты, прощающий беззаконие и не вменяющий преступления**" (Мих. 7:18)? Хотя ввести в царство гораздо важнее, нежели избавить от смерти, но и это Христос совершал со властью. И издавать законы - дело не подчиненных, а царствующих; об этом свидетельствует самая природа вещей: только царям свойственно постановлять законы; это выражает и апостол в следующих словах: "**относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость**" (1 Кор. 7:25). Так как он был раб и служитель, то и не осмелился прибавить что-нибудь к постановленному изначала. А Христос поступает не так: с великой властью Он исчисляет древние законы и вводит еще свои. Если же просто постановлять законы свойственно только царской власти, а Он оказывается не только постановляющим законы, но и исправляющим древние, то какое остается оправдание желающим бесстыдствовать? Отсюда видно, что Христос единосущен с Родителем.

4. Но чтобы то, о чем я говорю, сделалось более ясным, обратимся к самым словам Писания. Взошедши на гору, говорится там, Христос сел и начал говорить всем, окружавшим Его: "**блаженны нищие духом, кроткие, милостивые, чистые сердцем**" (Матф. гл. 5). Затем, после этих блаженств, Он говорит: "**не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить**" (Матф. 5:17). Кто же подозревал это? Почему Он говорит так? Разве сказанное Им было противоположно прежнему? "**Блаженны**", говорит Он, "**нищие духом**", т. е.

смиренномудрые; но это говорил и Ветхий Завет: "**жертва Богу - дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже**" (Псал. 50:19). Еще: "**блаженны кроткие**", и это также возвещает Исаия, когда говорит от лица Божия: "**а вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим**" (Иса. 66:2)? "**Блаженны милостивые**"; и это также часто повторялось: "**не отказывай в пропитании нищему**", говорит (Премудрый), "**не отказывай угнетенному, умоляющему о помощи**" (Сир. 4:1,4), и везде много говорится о человеколюбии. "**Блаженны чистые сердцем**"; тоже и Давид говорит: "**сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня**" (Псал. 50:12). Если кто пересмотрит и прочие блаженства, то найдет большое согласие их (с Ветхим Заветом). Почему же Христос, не сказав ничего противоположного прежнему, присовокупил: "**не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков**"? Он относит эту оговорку не к тому, что было сказано, а к тому, что еще имело быть сказано. Так как Он хотел усилить заповеди, то, чтобы не подумали, будто это усиление есть опровержение и прибавление есть противоречие, Он и сказал: "**не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков**", т. е. Я хочу сказать нечто совершеннейшее того, что прежде было сказано, как-то: "**слышали: не убивайте; а Я говорю вам: не гневайся: слышали: не прелюбодействуй; а Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал**", и тому подобное (Матф. 5:21-22,27-28). Итак, не думайте, что усовершенствование есть нарушение; это - не нарушение, а восполнение; и что делал Он с телами, тоже делает и с законом. Что же Он делал с телами? Пришедши Он нашел много членов поврежденных и имеющих во всем недостатки; их Он и исправлял и возвращал им надлежащее благообразие, делами своими показывая всем, что Он сам постановил и древние законы и создал наше естество. А что Христос хотел показать это, видно в особенности из исцеления слепого. Проходя и увидев одного слепого, Он сделал брение, помазал этим брением слепые глаза и сказал ему: "**пойди, умойся в купальне Силоам**" (Иоан. 9:7). Для чего же Он, часто одним повелением Своим воскрешавший мертвых и совершавший много других чудес, здесь присовокупляет некоторое действие, составляя брение и созидая глаза слепому? Не очевидно ли для того, чтобы ты, слыша, что Бог взял персть от земли и создал человека, из настоящего события убедился, что Христос есть Тот, Кто вначале создал человека? А если бы Он не хотел показать это, излишне было бы то, что Он сделал. Потом, чтобы ты знал, что не употребление брения содействовало Ему для дарования прозрения слепому, но что Он и без вещества мог бы одним повелением создать эти глаза, Он прибавляет: "**пойди**", говорит, "**умойся в купальне Силоам**". Показав нам самым способом чудотворения, Кто и вначале сотворил человека, Он потом говорит слепому: "**пойди, умойся в Силоаме**". Как отличный ваятель, желая показать на деле свое искусство, при изготовлении статуи оставляет некоторую часть ее неоконченной, чтобы на этой части представить доказательство своего искусства в устройстве целой статуи, так и Христос, желая показать, что Он, сам сотворив целого человека, оставил этого (слепого) несовершенным для того, чтобы, пришедши и даровав ему глаза, этою частью внушить нам веру в отношении к целому. И посмотри, с какой частью тела Он поступил так: не с рукой и ногой, но с глазами, прекраснейшим и необходимейшим из наших членов, драгоценнее которого у нас нет ни одного члена. А кто мог создать прекраснейший и необходимейший член, т. е. глаза, Тот, очевидно, может сотворить и руку, и ногу, и прочие члены. О, как блаженны те глаза, которые сделались предметом зрелища для всех присутствовавших, привлекали к себе всех, и своей красотой проповедовали, возвещая всем присутствовавшим о силе Христовой! Подлинно, дивное было событие: слепой учил зрячих прозрению. Выражая это, Христос и говорил: "**на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы**" (Иоан. 9:39). О, блаженная слепота! Глаза, который слепой не получил от природы, он получил от благодати, и не столько потерпел вреда от промедления (в получении глаз), сколько получил пользы от способа создания

их. Что может быть удивительнее тех глаз, которые создать удостоили непорочные и святые руки? И что случилось с бесплодной женой, то произошло и здесь. Как она не потерпела никакого вреда от долгого бесплодия, но, сделалась более славной, получив сына не по законам природы, а по законам благодати (Быт. 16:1; Лук. 1:7); так точно и слепой не потерпел никакого вреда от предшествовавшей слепоты, но и получил отсюда величайшую пользу, удостоившись сначала узреть Солнце правды, а потом - солнце видимое.

5. Это я говорю для того, чтобы мы не огорчались, когда увидим себя или других в несчастьях. Если мы будем с благодарностью и мужеством переносить все случающееся, то всякое несчастие непременно будет иметь благой для нас конец и сопровождаться многими благами. Но я начал говорить, что подобно тому, как тела, имевшие недостатки, Христос исправлял, так и закон, оказавшийся несовершенным, Он устраивал, преобразовывал и делал лучшим. Впрочем, слыша о несовершенстве закона, никто пусть не думает, будто я сужу Законодателя. Тот закон несовершенен не по своей сущности, но сделался несовершенным с течением времени; в то время, когда он был дан, он был, весьма совершенным и пригодным для принявших его; а когда род человеческий, руководимый им, сделался лучше, то закон стал менее совершенным, не по своей сущности, а по причине нравственного усовершенствования наученных им. Как луки и стрелы, сделанные царскому сыну для упражнения, а не для войны и сражения, становятся бесполезными, когда этот сын вырастет и научится отличаться в сражениях, так точно случилось и с нашей природой: когда мы были менее совершенными и занимались упражнениями, тогда Бог дал нам и соответственное оружие, которое мы легко могли носить; но когда мы возросли в нравственном отношении, то от нашего усовершенствования это оружие сделалось несовершенным. Поэтому пришел Христос и предложил нам другое, совершеннейшее. И посмотри, с какой мудростью Он перечисляет древние законы и предлагает новые. "**Слышали**", говорит Он, "**что сказано древним: не убивай**" (Матф. 5:21). Скажи же: кем "**сказано**"? Ты ли сказал это, или Отец Твой? Но Он не говорит этого. Почему же Он умолчал и не назвал изрекшего (законодателя), но безлично привел закон? Потому, что если бы Он сказал: (Отцом) "**сказано было: не убивай; а Я говорю вам: не гневайся**", то слова Его показались бы неприятными по неразумию слушателей, которые еще не могли понимать, что Он предлагал Свои законы не для уничтожения прежних, а для их дополнения. Они сказали бы Ему: что говоришь Ты? Отец Твой сказал: "**не убивай**", а Ты говоришь: "**не гневайся**"? Итак, чтобы кто не подумал, будто Он противится Отцу, или как бы предлагает нечто более мудрое, чем данное Тем (Законодателем), Он и не сказал: "**слышали от Отца**". С другой стороны, если бы Он сказал: "**слышали**", как Я говорил древним; то и это показалось бы невыносимым не менее первого. Если тогда, когда Он сказал: "**прежде нежели был Авраам, Я есмь**" (Иоан. 8:58), намеревались побить Его камнями, то чего не сделали бы, если бы Он прибавил, что и Моисею Он же дал закон? Поэтому Он и не упомянул ни о Себе, ни об Отце, но неопределенно сказал: "**слышали, что сказано древним: не убивай**". Как Он поступал с телами, исправлением их недостатков внушая слушателям и то, Кто в начале сотворил человека; так поступает и здесь, исправлением закона и дополнением недостающего, внушая, Кто в начале дал и закон. Поэтому, беседуя и о сотворении человека, Он не упомянул ни о Себе, ни об Отце, но и там выразился безлично и неопределенно, сказав: "**Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их**" (Матф. 19:4); в словах Он умалчивал о Создателе, а в делах указывал на Него, исправляя недостатки телесные. Так и здесь, сказав: "**слышали, что сказано древним**", Он умолчал о том, Кем это было сказано, а самыми делами указал на Себя; ибо Кто исправлял недостатки, Тот и в начале произвел человека. Древние же законы Он исчисляет для того, чтобы слушатели через сравнение поняли, что сказанное Им не заключает противоречия, и что Он имеет одинаковую власть с Родителем. Это и иудеи поняли и удивлялись. А что

они удивлялись, об этом, послушай, как свидетельствует евангелист: "**дивился**", говорит он, "**ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи**" (Матф. 7:28-29). Но что, скажут, если они неправильно так думали? Однако Христос не осудил их и не укорил, а подтвердил их мнение. Когда вскоре после того подошел прокаженный и сказал: "**Господи! если хочешь, можешь меня очистить**" (Матф. 8:2), то что говорит Он? "**хочу, очистись**" (Матф. 8:3). Почему Он не сказал просто: "**очистись**", хотя прокаженный уже засвидетельствовал, что Он имеет на это власть, сказав: "**если хочешь**"? Чтобы ты не подумал, будто слова: "**если хочешь**", составляют мнение прокаженного, Христос и Сам прибавил: "**хочу, очистись**". Так Он нарочито везде показывал Свою власть и то, что Он совершает все самостоятельно; иначе, если бы не было так, эти слова были бы излишними.

6. Итак, мы уразумели из всего этого власть Христа, если же увидим, что в других случаях Он делал и говорил нечто смиренное, как по тем причинам, которые мы прежде исчислили, так и потому, что Он хотел расположить слушателей к смиренномудрию, то не будем вследствие этого приписывать Ему уничиженного естества. Самое принятие плоти Он допустил по смиренномудрию, а не потому, чтобы Он был ниже Отца. Откуда это видно? Враги истины разглашают и это, и говорят: если Христос равен Родителю, то почему Отец не принял плоти, а Сын облекся в образ раба? Не очевидно ли потому, что Он ниже Отца? Но если бы поэтому Он облекся в наше естество, то Дух, которого они сами считают меньшим Сына (а мы этого не говорим), должен был бы воплотиться. Если Отец больше Сына потому, что один воплотился, а другой не воплотился, то и Дух по той же причине был бы больше Сына, так как и Он не принял плоти. Впрочем, чтобы нам не доказывать умозаключениями, теперь подтвердим это самыми Писаниями и покажем, что Христос принял плоть по смиренномудрию. Павел, знающий это в точности, желая внушить нам что-нибудь полезное, приводит нам примеры добродетели свыше: например, многократно подавая совет о любви и желая расположить учеников к взаимной любви, он приводит в пример Христа и говорит: "**мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь**" (Ефес. 5:25). Также, беседуя о милосердии, он делает то же самое: "**знаете**", говорит, "**благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою**" (2 Кор. 8:9). Смысл слов его следующий: как Владыка твой обнищал, облекшись плотью, так и ты обнищай деньгами; а как Ему нисколько не повредило обнищание славой, так и тебе не может повредить обнищание деньгами, но доставит тебе великое богатство. Также и о смиренномудрии, беседуя с филиппийцами, Он приводит в пример Христа, и сказав: "**по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя**", прибавляет: "**ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе, Он, будучи образом Божьим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба**" (Фил. 2:3,5-7). А если бы Христос благоволил принять плоть потому, что был по существу ниже Отца, то это уже не было бы делом смиренномудрия, и напрасно Павел указывал бы на это, научая смиренномудрию; так как смиренномудрие бывает тогда, когда равный повинуется равному. Выражая это, апостол и говорит: "**Он, будучи образом Божьим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба**". Что значит: "**не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба**"? Похитивший что-нибудь из не принадлежащего ему постоянно держит похищенное при себе и не решится отложить его, страшась и опасаясь за приобретение; а кто владеет неотъемлемым благом, тот не опасается и отложить его. Например, - поясним сказанное примером, - представим, что у одного и того же человека есть и раб и сын; если раб нагло присвоит себе свободу, вовсе ему не принадлежащую, и будет восставать против господина, то он не возьмется за какое-нибудь рабское дело и не будет повиноваться приказаниям, опасаясь, чтобы это не нарушило его свободы и чтобы подчинение не сделало ему унижения; так как он похитил честь и владеет ею не по

достоинству. А сын не откажется делать всякое дело рабское, зная, что хотя бы он стал исполнять все рабские службы, свобода его не потерпит никакого вреда, но останется неизменной, так как природное благородство не может быть уничтожено рабскими делами; оно приобретено им не через хищение, как рабом, но наследовано им издавна, с первого дня. Объясняя это, и Павел говорит о Христе, что Он, быв по существу свободным и истинным Сыном Отца, не побоялся отложить это, как если бы хищением присвоил Себе равенство с Ним, но смело принял образ раба. Христос знал и точно знал, что уничижение не может нисколько уменьшить Его славы; потому что она была не заимствованная, не приобретенная хищением, не чуждая и не несвойственная Ему, но естественная и истинная. Поэтому Он и принял образ раба, с ясным знанием и уверенностью, что это нисколько не может повредить Ему. Это действительно и не повредило Ему, но и в образе раба Он пребывал с той же славой. Видишь ли, как самое принятие плоти служит доказательством того, что Сын равен Родителю, и что это равенство не заимствованное, не приходящее и отходящее, но неизменное и постоянное и такое, какое следует иметь Сыну в отношении к Отцу?

7. Итак, будем говорить все это еретикам и стараться, насколько от нас зависит, отклонять их от злой ереси и обращать к истине. И сами мы не станем считать одну веру достаточной нам для спасения, но будем заботиться и о поведении, будем вести и наилучшую жизнь, чтобы и то и другое способствовало нам к достижению совершенства. К чему я прежде увещевал, к исполнению того же увещеваю и теперь: прекратим вражду между собой, и пусть никто не остается врагом ближнего долее одного дня, но до наступления ночи пусть укрощает гнев, чтобы, оставшись наедине и тщательно припоминая сделанное и сказанное по вражде, не сделать прекращение ее более трудным и примирение более неудобным. Вывихнутые кости нашего тела, быв тотчас вправлены, без большого затруднения занимают свое место; если же они долгое время останутся вне своего места, то с трудом вправляются и принимают прежнее положение, и вправленные требуют продолжительного времени для того, чтобы твердо установиться, укрепиться и не сдвигаться; так точно и мы, если тотчас станем мириться с врагами, то можем сделать это удобно и без большого труда войти в прежнюю дружбу; а если пройдет много времени, то, как бы ослепленные враждой, мы будем стыдиться, смущаться и иметь нужду в других, которые бы не только примирили нас, но и по примирении тщательно наблюдали за нами, пока мы достигнем прежней откровенности. Я не говорю уже о насмешках и стыде; ибо какого порицания не заслуживает то, чтобы нуждаться в других, которые помирили бы нас с нашими ближними? От медленности и отлагательства происходит не только это зло, но и то, что несуществующие грехи после кажутся нам грехами; о чем бы ни стал говорить враг, все мы принимаем с подозрением: и движения его, и взгляды, и голос, и походку; и, показываясь нам, он воспламеняет нашу раздраженную душу, и не показываясь также огорчает нас. Обыкновенно не только вид оскорбивших, но и воспоминание о них постоянно раздражает нас; и, если услышим, что другой говорит что-нибудь о них, мы со своей стороны возвышаем голос и вообще всю жизнь проводим в унынии и огорчении, причиняя больше зла самим себе, нежели врагам, и имея в душе постоянную борьбу. Итак, возлюбленные, зная все это, будем всячески стараться не иметь ни с кем вражды, а если случится какая-нибудь неприязнь, то будем примиряться в тот же день; потому что, если она продолжится на второй и третий день, то скоро третий сделается четвертым, четвертый - пятым, а этот опять породит нам еще больше дней неприязни; и чем дольше мы будем откладывать примирение, тем больше будем стыдиться. Но тебе стыдно придти и поцеловаться с оскорбителем? Нет, это - хвала, это - венец, это - слава, это - польза и сокровище, исполненное бесчисленных благ; и сам враг одобрит тебя, и все присутствующие похвалят; а если и осудят люди, то Бог непременно увенчает тебя. Если же ты будешь ждать, чтобы враг наперед пришел и попросил прощения, то ты не получишь такой пользы: он предвосхитит награду и приобретет себе

все благословение; а когда ты сам придешь, то не останешься ниже его, но победишь гнев, преодолеешь страсть, обнаружишь великое любомудрие, послушавшись Бога, и сделаешь более приятной последующую жизнь, избавившись от хлопот и тревоги. И не только перед Богом, но и перед людьми предосудительно и опасно иметь многих врагов. Что я говорю: многих? Одного и единственного врага иметь так же опасно, как безопасно и спасительно иметь всех друзьями. Не столько умножение имущества, не столько оружие и стены, окопы и другие бесчисленные средства могут обезопасить нас, сколько искренняя дружба. Это - стена, это - крепость, это - богатство, это - утешение, это будет способствовать нам и настоящую жизнь проводить в душевном спокойствии, и доставит будущую жизнь. Итак, помышляя обо всем этом и представляя себе великую пользу от этого, будем делать все и принимать все меры, чтобы нам примириться с настоящими врагами, и не приобретать новых врагов, а друзей настоящих сделать более надежными. Начало и конец всякой добродетели - любовь; наслаждаясь ей искренно и постоянно, да сподобимся мы получить царство небесное, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ

СЛОВО ОДИННАДЦАТОЕ.

Полное заглавие этого слова следующее: "сказанное в Константинополе против аномеев, о непостижимом, и о том, что Новый Завет согласен с Ветхим, и о не присутствующих в священных собраниях".

ОДИН ДЕНЬ я беседовал с вами и с того дня так полюбил вас, как будто издавна и с раннего возраста жил среди вас; так я соединился с вами узами любви, как будто в течение несчетного времени наслаждался приятнейшим общением с вами. Это произошло не оттого, чтобы я был особенно склонен к дружбе и любви, но оттого, что вы вожделеннее и любезнее всех. Кто не изумится и не удивится вашему пламенному усердию, непритворной любви, уважению к учителям, согласию друг с другом, которых вполне достаточно для того, чтобы привлечь к вам и каменную душу? Поэтому и я люблю вас не менее, чем ту церковь (антиохийскую), в которой я родился, воспитался и учился; эта церковь - сестра той, и вы делами доказали родство с ней. Если та старше по времени, то эта пламеннее по вере; там многочисленнее собрание и торжественнее зрелище, а здесь больше терпения и больше доказательств мужества. Волки со всех сторон окружают овец, а стадо не истребляется; буря, непогода и волнение непрестанно преследуют этот священный корабль, а пловцы не утопают; ярость еретического пламени объемлет со всех сторон, а находящиеся среди горящей печи наслаждаются духовной росой. Видеть церковь насажденную в этой части города так же удивительно, как увидеть среди горящей печи цветущую маслину, одетую листьями и обремененную плодами. Если же вы столь признательны и достойны бесчисленных благ, то теперь я со всей охотой исполню обещание, которое дал вам раньше, когда рассуждал перед вами об оружии Давида и Голиафа и говорил, как один был со всех сторон огражден великим множеством всякого оружия, а другой, вовсе не имея оружия, был огражден верой; один блистал снаружи латами и щитом, а другой изнутри (сиял) духом и благодатью. Поэтому отрок победил юношу, безоружный преодолел вооруженного, пастух низложил воина, обыкновенный камень пастуха разбил и сокрушил медные доспехи врага (1 Цар, гл. 17). Так и я возьму в руки камень, т. е. краеугольный, духовный. Если Павлу можно было рассуждать о камне, бывшем в пустыне (1 Кор. 10:4), то, конечно, никто не будет укорять и меня, когда я буду таким же образом пользоваться этим камнем. Как у иудеев не природа видимого камня, а

сила духовного камня произвела потоки вод; так и Давид не вещественным, а духовным камнем поразил голову иноплеменника; поэтому и я тогда обещал вам не говорить ничего по умственным соображениям; "**оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом [ими] ниспровергаем замыслы 5 и всякое превозношение, восстающее против познания Божия**" (2 Кор. 10:4-5). Так, нам заповедуется низлагать помыслы, а не возвышать их, повелевается разрушать их, а не вооружаться ими. "**Помышления смертных нетверды**", говорит Премудрый (Премуд. 9:14). Что значит: "**нетверды**"? Боязливый, хотя бы шел и по безопасному месту, не бывает смел, но страшится и трепещет; так, и доказанное умственными соображениями, хотя бы и было истинно, не доставляет душе полного убеждения и достаточной уверенности. Если такова слабость умственных соображений, то я и приступлю теперь к борьбе с еретиками на основании Писаний. Откуда же мне должно начать речь? Откуда хотите, из Нового или Ветхого Завета; так как не только в евангельских и апостольских, но и в пророческих изречениях и во всем Ветхом Завете можно видеть славу Единородного сияющей с великим блеском. Посему мне кажется, что и оттуда можно бросать стрелы в этих еретиков (аномеев). Заимствуя мысли оттуда, мы в состоянии будем преодолеть не только этих одних, но и многих других еретиков, Маркиона, Манихея, Валентина и все секты иудейские. Как при Давиде пал один Голиаф, а все войско обратилось в бегство, смерть постигла одно тело и поражена была одна голова, но бегство и страх были общими для всего войска; так точно и у нас теперь, когда будет поражена и низложена одна ересь, произойдет общее бегство всех названных еретиков. Манихеи и страждущие одинаковой с ними болезнью, по-видимому, признают проповедуемого Христа, а проповедующих о Нем пророков и патриархов не почитают; иудеи же напротив, по-видимому, принимают и уважают проповедующих о Христе, т. е. пророков и законодателя своего, а Проповедуемого ими не почитают. Итак, если я по благодати Божьей докажу, что о славе Единородного много предвозвещено в Ветхом Завете, то буду в состоянии пристыдить все такие богопротивные уста и обуздать богохульные языки; потому что, если Ветхий Завет окажется проповедующим о Христе, то какое оправдание будет манихеям и их последователям, не почитающим Писания, которое предвозвещает об общем Владыке всех? Какое извинение и прощение будет и иудеям, не признающим Того, о котором возвещают пророки?

2. Итак, если нам предстоит столь великая победа, обратимся к древним книгам и к древнейшей из всех древних, т. е. книге Бытия, и в самой Кинге Бытия обратимся к ее началу. Что Моисей говорил много о Христе, об этом, послушай, как сам Христос говорит: "**ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал обо Мне**" (Иоан. 5:46). Где же Моисей писал о Нем? Это я и постараюсь теперь показать. Когда созданы были все твари, небо увенчано разнообразным сонмом звезд, а против него внизу земля украсилась различными цветами, когда вершины гор, поля и долины, и вообще вся земная поверхность покрыта была растениями, деревами и травами, запрыгали стада мелкого и крупного скота, хор певчих птиц сообразно со свойствами своей природы наполнил весь воздух музыкой, моря стали изобиловать морскими животными, озера, источники и реки наполнились всем, что в них рождается, и ничего не осталось недоконченным, но все было уже готово, тогда тело ожидало главы, город - начальника, тварь - царя, т. е. человека. Бог, намереваясь создать его, сказал: "**сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему**" (Быт. 1:26). С кем Он беседует? Очевидно, что с Единородным Сыном Своим. Он не сказал: "**сотвори**", чтобы ты не принял этих слов за приказание рабу, но: "**сотворим**", чтобы под видом словесного совета открыть равенство чести (у Него с Сыном). Так, иногда говорится, что Бог имеет советника, а иногда говорится, что - не имеет; и, однако, Писание не противоречит самому себе, но через то и другое открывает нам таинственные догматы. Когда оно желает представить, что Бог ни в чем не нуждается, то говорит, что Он не имеет советника; а

когда желает показать равенство чести у Него с Единородным, тогда называет Сына Божия советником Его. А чтобы тебе убедиться в том и другом, как в том, что пророки называют Сына советником Божьим не потому, будто Отец имеет нужду в совете, но для того, чтобы нам знать честь Единородного, так и в том, что Бог не нуждается в советнике, выслушай слова Павла: "**о, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?**" (Римл. 11:33-34)? Он изображает то, что Бог ни в чем не имеет нужды; а Исаия с другой стороны свидетельствуя о Единородном Сыне Божьем, говорит так: "**будут отданы на сожжение, в пищу огню. Ибо младенец родился нам - Сын дан нам; и нарекут имя Ему: Чудный, Советник**" (Ис. 9:5-6). Если же Сын есть "**чудный советник**", то почему Павел говорит: "**кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?**" Потому, что Павел, как я выше сказал, хочет показать, что Отец ни в чем не имеет нужды, а пророк показывает равенство чести у Него с Единородным. Посему и здесь Бог не сказал: "**сотвори**", но: "**сотворим**", потому что слово: "**сотвори**" означает приказание, даваемое рабу, как можно видеть из следующего. Однажды подошел сотник к Иисусу и говорит: "**Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает**". Что же Христос? "**Я приду**", сказал Он, "**и исцелю его**" (Матф. 8:6-7). Сотник не смел вести Врача в дом свой; но Промыслитель и Человеколюбец сам обещал идти к нему, чтобы доставить случай и повод показать нам его добродетель; ибо Христос, зная, что сотник намерен был сказать, обещал придти, чтобы ты узнал благочестие этого мужа. Что же говорит сотник? "**Господи! я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой**" (Матф. 8:8). Даже тяжесть болезни и бедствия не подавила в нем благоговения, но и в несчастии он признавал величие Владыки; поэтому он и говорит: "**но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой; ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает**" (Матф. 8:8-9). Видишь ли, что слово: "**сотвори**" свойственно господину, говорящему с рабом? А слово: "**сотворим**" свойственно лицу, имеющему равную честь. Так, когда обращается господин к рабу, то говорит: "**сотвори**", а когда Отец беседует с Сыном, то говорит: "**сотворим**". Что же, скажут, если так думал сотник, а на деле было не так? Разве сотник был апостолом? Разве он был учеником (Христовым), чтобы мне принимать слова его? Он мог ошибаться, скажут (еретики). Хорошо; но что мы видим, далее? Исправил ли Христос слова его? Обличил ли его, как ошибающегося и высказывающего неправое учение? Сказал ли, ему: что делаешь ты, человек? Ты имеешь обо Мне высшее мнение, чем должно; ты приписываешь Мне более надлежащего; ты полагаешь, что Я могу самовластно повелевать, тогда как Я не имею такой власти. Сказал ли ему Христос что-нибудь подобное? Нет; Он даже подтвердил мнение сотника и следовавшим за Ним сказал: "**истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры**" (Матф. 8:10). Таким образом, одобрение от Владыки служит подтверждением слов сотника; а потому это уже не слова сотника, но вещание Господне; если Он сам похвалил сказанные слова и отозвался о них, как о словах, сказанных хорошо, то я принимаю их за божественное изречение; потому что они получили подтверждение свыше в ответе Христовом.

3. Видишь ли, как Новый Завет согласен с Ветхим, как тот и другой доказывают самостоятельную власть Христову? Но что из того (скажут), если Он, хотя сотворил человека, но сотворил, как слуга? Это - неуместное словопрение. Сказав: "**сотворим человека**", Бог не прибавил: "**по образу твоему меньшему**", или: "**по образу моему большему**", но что? "**По образу нашему и по подобию**", говорит Он, выражая этими словами, что у Отца и Сына один образ. Он не сказал "**по образам**", но: "**по образу нашему**"; потому что не два неравных, а один и тот же одинаковый образ у Отца и Сына. Потому о Сыне же говорится, что Он сидит одесную Отца, дабы ты знал, что Он имеет равную честь и одинаковую власть с Отцом, так как слуга не сидит, а стоит. А что сидение

означает равночестность и одинаковость власти Господней, стояние же свойственно рабству и подчинению, об этом послушай, что говорит Даниил: "**видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями: тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним**" (Дан. 7:9-10). Также Исаия: "**видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, Вокруг Него стояли Серафимы**" (Иса. 6:1-2). И Михей: "**я видел Господа, сидящего на престоле Своем, и все воинство небесное стояло при Нем, по правую и по левую руку Его**" (3 Цар. 22:19). Видишь ли, что всегда вышние силы предстоят, а Он сидит? Итак, когда ты видишь, что и Сын имеет седалище одесную Отца, то не приписывай Ему рабского и служебного достоинства, а владычное и самостоятельное. Посему и Павел, зная, что стоять свойственно слугам, а сидеть - повелителям и начальникам, посмотри, как различает то и другое в следующих словах: "**об Ангелах сказано: Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь. А о Сыне: престол Твой, Боже, в век века**" (Евр. 1:7-8), - под образом "**престола**" представляя нам царскую власть. Итак, если я доказал посредством всего сказанного, что Сын имеет достоинство не служебное, а владычное, то будем покланяться Ему, как Владыке и равночестному с Отцом; и сам Он повелел это, сказав: "**дабы все чтили Сына, как чтут Отца**" (Иоан. 5:23). С правым же исповеданием догматов соединим и праведность жизни и дел, чтобы нам не на половину совершать свое спасение. А праведности поведения и чистоте жизни ничто не может так способствовать, как частое пребывание здесь и усердное слушание. Что для тела пища, то для души изучение божественных вещаний; ибо "**не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих**" (Матф. 4:4). Посему те, которые не участвуют в этой трапезе, обыкновенно испытывают голод. Послушай, как Бог угрожает этим голодом и ставит на ряду с наказанием и мучением: "**пошлю на них**", говорит Он, "**не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних**" (Амос. 8:11). Не безумно ли для избежания телесного голода делать все и принимать все меры, а душевный голод добровольно навлекать на себя, тогда как он тем тяжелее, чем больший от него бывает вред? Нет, прошу и убеждаю вас, не будем так худо относиться к самим себе, но будем предпочитать пребывание здесь всем занятиям и заботам. Столько ли, скажи мне, ты приобретешь, оставляя собрание, сколько потеряешь и для себя и для всего дома? Хотя бы ты мог найти целое сокровище золотое и ради него оставил это собрание, и тогда ты потеряешь больше, и настолько больше, насколько духовные блага выше вещественных. Последние, хотя бы они были многочисленны и стекались со всех сторон, не будут сопровождать нас в будущую жизнь, не переселятся с нами на небо и не предстанут перед страшным престолом, но часто еще прежде нашей смерти оставляют нас и исчезают; если же и останутся до конца, то при смерти непременно отнимутся. А духовное сокровище есть приобретение неотъемлемое; оно повсюду следует за нами и на пути и при отшествии нашем, и доставляет нам великое дерзновение перед престолом Божьим.

4. Если от других собраний бывает столько пользы, то от здешних собраний - вдвое более. Здесь мы получаем не только ту пользу, что орошаем душу божественными вещаниями, но и ту, что приводим в великий стыд врагов, а своим братьям доставляем великое утешение. В сражении полезно поспешать на помощь к той части войска, которая изнуряется и находится в опасности. Поэтому всем следует собираться сюда и отражать нападающих неприятелей. Но ты не можешь сказать длинную речь и не имеешь способности учить? Ты только приди сюда, и этим все исполнишь. Твое телесное присутствие увеличивает паству и много поощряет усердие твоих братьев, а врагам твоим причиняет стыд. Когда кто-нибудь, подошедши к этому священному преддверию, видит малое число собравшихся, тогда и то усердие, какое небо было, охлаждается, и он ослабевает, уклоняется, делается равнодушным и уходит; так мало-помалу весь народ у нас делается беспечным и нерадивым. А если он видит собирающихся, усердствующих, стекающихся со всех сторон, тогда ревность других пробуждает усердие и в самом

равнодушном и недеятельном. Камень, ударяемый о камень, часто производит искры: хотя, что может быть холоднее камня и что теплее огня, и, однако, непрерывные удары побеждают его природу; а если это бывает с камнем, то тем более может быть с душами, находящимися в общении между собой и согреваемыми огнем духовным. Разве вы не слыхали, что у наших предков было всего сто двадцать человек верующих, а еще прежде ста двадцати было только двенадцать, и эти не все остались, но один из них, Иуда, погиб, и было всего одиннадцать? Однако из этих одиннадцати стало сто двадцать, и из ста двадцати - три тысячи, потом - пять тысяч, затем всю вселенную наполнили они познанием Бога. А причина этого та, что они никогда не прекращали общения между собой, но все вместе постоянно проводили дни в храме, занимаясь молитвами и чтением; потому они и воспламенили такой великий костер, что никогда не разъединялись, но привлекли к себе всю вселенную. Будем и мы подражать им. Не странно ли было бы - не оказывать даже такого попечения о церкви, какое оказывают женщины в отношении к своим соседкам? Они, увидев какую-нибудь бедную и беспомощную девицу, все оказывают ей свои услуги, заменяя родственников, и много шума бывает у собравшихся на брак такой девицы. Одни иногда приносят ей деньги, другие (делают честь) своим присутствием, и последнее не маловажно; потому что их усердие служит прикрытием ее скудости; и, таким образом, ее бедность они прикрывают своей услужливостью. Так поступайте и вы в отношении к этой церкви. Будем стекаться все отовсюду и прикрывать ее скудость, или лучше, прекратим ее бедность постоянным своим пребыванием здесь. "**Муж есть глава жены**" (Ефес. 5:23); а жена есть помощница мужа. Пусть же ни глава не решается без тела переступать эти священные пороги, ни тело без главы пусть не является, но весь человек пусть приходит сюда, приводя с собой и детей. Если приятно видеть дерево, имеющее произросшее от его корня молодое растение, то гораздо более приятно - и даже приятнее всякой маслины - видеть человека, подле которого стоит дитя, как бы молодое растение от его корня. Это не только приятно, но и полезно, так как собирающимся здесь будет, как я раньше сказал, большая награда. И земледельцу мы особенно удивляемся не тогда, когда он трудится над землей многократно возделанной, но когда он, взяв поля незасеянные и невспаханные, трудится над ними с великой заботливостью. Так поступал и Павел, предпочитая проповедовать Евангелие не там, где "**[уже] было известно имя Христово**" (Римл. 15:20). Будем же и мы подражать Ему, как для приращения церкви, так и для нашей пользы; будем стекаться сюда на каждое собрание. Если воспламенится в тебе похоть, ты легко можешь погасить ее, только увидев этот храм; если возбудится в тебе гнев, ты скоро укротишь этого зверя; если будет осаждать какая-нибудь другая страсть, ты можешь усмирить всякую бурю, и водворить тишину и великий мир в душе; чего да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ АНОМЕЕВ

СЛОВО ДВЕНАДЦАТОЕ.

Полное заглавие этого слова следующее: "О расслабленном, бывшем в расслаблении своем тридцать восемь лет, и на слова: Отец Мой доселе делает, и Я делаю" (Иоан. 5:17).

БЛАГОСЛОВЕН БОГ: при каждом собрании я вижу, что нива увеличивается, жатва густеет, гумно наполняется, снопы умножаются. Не много дней прошло с тех пор, как я бросил семя, и вот уже вырос у нас богатый колос послушания. Отсюда видно, что не человеческая сила, а Божественная благодать возделывает эту церковь. Таково свойство

духовного посева: он не ждет времени, не требует многих дней, не зависит от смены ни месяцев, ни времен года, ни погоды, ни годов, но в тот же самый день, когда посеяны (духовные) семена, можно целой и полной горстью снимать жатву. Возделывающим чувственную землю нужно много работать и долго ждать; они должны запрягать в ярмо рабочих волов, проводить глубокую борозду, обильно бросать семена, выравнивать поверхность земли, прикрывать землей все посеянное, ожидать умеренных дождей, прилагать много других трудов и ждать долгое время, и тогда уже достигать конца. А здесь можно и сеять и жать как летом, так и зимой, и часто в один и тот же день совершается и то и другое, особенно когда возделывается душа тучная и плодородная, как то можно видеть и на вас. Потому я так охотно и стремлюсь к вам, подобно тому, как земледелец охотнее обрабатывает ту ниву, плодами которой он часто наполнял гумно. Так как и вы за мой малый труд доставляете мне великое приобретение, то я с большим усердием приступаю к своему земледелию, я обращаюсь к вам с остатками того, о чем говорено было прежде. Тогда я вел речь о славе Единородного Сына Божьего на основании Ветхого Завета; то же самое и на том же основании буду делать и теперь; тогда я говорил, что Христос сказал: "**ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне**" (Иоан. 5:46); а теперь говорю, что Моисей сказал: "**пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, - Его слушайте**" (Втор. 18:15; Деян. 3:22). Как Христос отсылает к Моисею, чтобы через него привлечь к Себе; так Моисей передает учеников Учителю, повелевая повиноваться Ему во всем. Будем же внимать как всему прочему, что говорит и делает Христос, так и тому, что прочитано нам сегодня о Его знамении. Какое же это знамение? "**Был**", говорится, "**праздник Иудейский, и пришел Иисус в Иерусалим*:* есть же в Иерусалиме у Овечьих [ворот] купальня, называемая по-еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов**" (Иоан. 5:1-2). В нее, как повествует (Евангелие), в известное время сходил ангел, что узнавалось по движению воды; и первый, кто входил в купель по возмущении воды, выздоравливал, какой бы ни страдал болезнью. В этих притворах лежало множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидавших движения воды (Иоан. 5:3). Почему Христос часто посещал Иерусалим и в праздники обращался с иудеями? Потому, что тогда сходилось множество народа, и Он избирал это место и это время, чтобы помогать немощным; ибо не столько желали больные избавиться от болезней, сколько этот Врач прилагал усердия к исцелению их от немощи. Когда собрание было полно и зрелище совершенно готово, тогда Он и выходил открыто перед всеми и оказывал попечение о спасении души их. Итак, лежало множество больных, ожидавших движения воды, и первый, входивший по возмущении воды, исцелялся, а второй уже нет; врачебная сила прекращалась, целительность благодати истощалась, и вода уже оставалась без действия, как будто недуг первого сошедшего совершенно обессиливал ее; и весьма правильно, так как та благодать была рабская. Когда же пришел Господь, то стало не так; не только первый, входящий в водную купель крещения, стал получать исцеление, но и первый, и второй, и третий, и четвертый, и десятый, и двадцатый; хотя бы ты назвал их тысячи, хотя бы вдвое или втрое более, даже беспредельное множество, хотя бы ты погрузил в водную купель всю вселенную, благодать нисколько не уменьшается, но остается той же, очищая всех их. Таково различие между силою раба (ангела) и властью Господа. Тот исцелял одного, а Этот - всю вселенную; тот - одного в год, а Этот - каждодневно, если бы вошли в купель тысячи, всех делает здоровыми; тот исцелял через схождение и возмущение воды, а Этот не так, но довольно произнести над водой одно Его имя, чтобы сообщить ей всю целительную силу; тот врачевал повреждения телесные, а Этот исцеляет недуги душевные. Видишь ли, как во всем открывается великое и беспредельное различие между ними?

2. Итак, лежало множество больных, ожидавших движения воды; потому что место это было духовной лечебницей. Как в лечебнице можно видеть множество людей и с

выколотым глазом, и с поврежденной ногой, и с болезнью в другом члене, сидящих вместе и ожидающих врача; так и в этом месте можно было видеть множество собравшихся. В тех притворах "**был человек, находившийся в болезни тридцать восемь лет. Иисус, увидев его лежащего и узнав, что он лежит уже долгое время, говорит ему: хочешь ли быть здоров? Больной отвечал Ему: так, Господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня**" (Иоан. 5:5-7). Для чего Иисус, миновав всех прочих, подошел к нему? Для того, чтобы показать и силу Свою, и человеколюбие: силу, потому что болезнь сделалась уже неизлечимой и расслабление больного было безнадежно; человеколюбие, потому что Промыслитель и Человеколюбец, преимущественно перед другими, воззрел на того, кто особенно достоин был милости и благодеяния. Не будем относиться легкомысленно и к этому месту, и к числу тридцати восьми лет, в продолжение которых больной находился в расслаблении. Пусть услышат все, которые борются с постоянной бедностью, или проводят жизнь в болезни, или находятся в стеснительных житейских обстоятельствах, или подверглись буре и вихрю нечаянных бедствий. Этот расслабленный предлежит, как общая пристань человеческих несчастий. Никто не может быть так малодушен, так жалок и несчастлив, чтобы, взирая на него, не стал переносить все случающееся мужественно и со всей бодростью. Если бы он страдал двадцать лет, или десять, или только пять, то и их не достаточно ли было бы для сокрушения крепости его души? А он остается в таком положении тридцать восемь лет, и не падает духом, но показывает великое терпение. Может быть, оно вам кажется удивительным по такой продолжительности времени; но когда выслушаете его собственные слова, тогда особенно увидите все его любомудрие и терпение. Иисус подошел и говорит ему: "**хочешь ли быть здоров**"? Кто не знал того, что расслабленный хотел быть здоровым? Почему же Он спрашивает? Конечно, не по неведению: для Того, Кто знает тайные помышления человеческие, тем более известно было явное и очевидное для всех. Для чего же Он спрашивал? Как сотнику Он сказал: "**Я приду и исцелю его**" (Матф. 8:7), не потому, что не знал наперед его ответа, а потому, что, предвидя и весьма точно зная ответ, желал доставить этому сотнику повод и случай открыть всем скрывавшееся в тени благочестие его, и сказать: "**Господи! я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой**", так и этого расслабленного, о котором знал, что будет он отвечать, Господь спрашивает, хочет ли он исцелиться, не потому, что Сам не знал этого, но чтобы доставить расслабленному повод и случай высказать свое несчастие и сделаться учителем терпения. Если бы Он исцелил этого человека молча, то мы понесли бы важную потерю, не узнав твердости души его. Христос не только устраивает настоящее, но удостаивает великого попечения и будущее. Он открыл в больном учителя терпения и мужества для всех живущих во вселенной, поставив его в необходимость отвечать на вопрос: "**хочешь ли быть здоров**"? Что же тот? Не огорчился, не вознегодовал, не сказал вопрошавшему: ты видишь меня расслабленным, знаешь давность моей болезни, и спрашиваешь, хочу ли я быть здоровым, не пришел ли ты посмеяться над моими несчастьями и пошутить над чужими бедствиями? Вы знаете, как малодушны бывают больные, если они лежат в постели даже один год, а кого болезнь продолжалась тридцать восемь лет, тому не естественно ли было потерять всякое любомудрие, истощавшееся в течение столь долгого времени? Однако расслабленный ничего такого не сказал и не подумал, но дал ответ с великой скромностью и сказал: "**так, Господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню**". Смотри, сколько бед соединились вместе и досаждали этому человеку: и болезнь, и бедность, и отсутствие помощников. "**Когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня**". Эго прискорбнее всего и могло бы тронуть самый камень. Мне кажется, я вижу, как этот человек каждый год ползет и, доползши до входа в купель, каждый год останавливается при самом конце доброй надежды; и это тем тяжелее, что он испытывал это не два года, не три, не десять, а тридцать восемь лет. Он употреблял все усилия, но не получал плода; подвиг совершался, а награда за подвиг доставалась

другому, в продолжении столь многих лет; и, что еще тяжелее, он видел, как другие исцелялись. Вы, конечно, знаете, что мы сильнее чувствуем собственные бедствия, когда видим, что другие, впадши в такие же бедствия, освободились от них. Бедный тогда особенно чувствует свою бедность, когда видит другого богатым; и больной больше страдает, когда видит, что многие из больных избавились от своего недуга, а он не имеет никакой доброй надежды. Среди благополучия других мы яснее видим собственные несчастья; то же самое было и с расслабленным. Однако он столько времени боровшись и с болезнью, и бедностью, и с одиночеством, видя, что другие исцелялись, а сам он, хотя всегда старался, но никогда не мог достигнуть, и, не надеясь впоследствии освободиться от своего мучения, при всем том не отступал, но притекал каждый год. А мы, если однажды попросим о чем-нибудь Бога и не получим просимого, тотчас начинаем печалиться и впадаем в крайнюю беспечность, так что перестаем молиться и теряем усердие. Можно ли по достоинству как восхвалить расслабленного, так и осудить наше нерадение? Какого оправдания и прощения можем удостоиться мы, если он терпел тридцать восемь лет, а мы так скоро отчаиваемся?

3. Что же Христос? Показав, что расслабленный достоин исцеления, и что Он по справедливости предпочтительно перед другими подошел к нему, Христос говорит ему: "**встань, возьми постель твою и ходи**" (Иоан. 5:8). Видишь ли, что тридцать восемь лет нисколько не повредили расслабленному, так как он терпеливо переносил случившееся с ним? В это долгое время душа его, как бы в горниле очищаемая несчастием, сделалась более любомудрой и он принял исцеление с большей славой: его исцелил не ангел, но сам Владыка ангелов. Для чего же Он повелел ему взять одр свой? Первой и главной причиной было то, что Христос хотел освободить иудеев от соблюдения закона (о субботе); потому что, когда явилось Солнце, то не следовало уже держаться светильника; когда открылась истина, то не должно было заботиться об образе ее. Поэтому, если Христос иногда нарушал субботу, то совершал в этот день величайшее знамение, чтобы, поражая зрителей величием чуда, мало-помалу ослабить и уничтожить соблюдение бездействия. Во-вторых, Христос дал это повеление для того, чтобы заградить бесстыдные уста иудеев; так как они злонамеренно извращали смысл чудес Христовых и старались вредить славе совершаемых Им дел, то Он повелел открыто нести одр, как бы какой трофей и несомненное доказательство здоровья, чтобы и о расслабленном они не сказали того же, что говорили о слепом. А что они говорили о слепом? Одни говорили, что это он, другие, - что не он, третьи, - что это он сам (Иоан. 9:9). Итак, чтобы и о расслабленном они не сказали того же, обличителем их бесстыдства становится несомый высоко одр. Можно привести и третью причину, не меньшую указанных. Чтобы ты знал, что исцеление совершено было не человеческим искусством, а Божественной силой, Христос повелел исцеленному нести одр, представляя величайшее и ясное доказательство истинного и совершенного здоровья, так что никто из тех хульников не мог сказать, что расслабленный притворно и в угождение Христу пошел слабой походкой. Посему Христос и повелевает ему нести тяжесть на своих плечах. Если бы члены его не были хорошо укреплены и составы не были исправлены, то он не мог бы снести такой тяжести на плечах своих. Кроме того, он этим показывал всем, что, когда повелевает Христос, то совершается вдруг - и прекращение болезни, и возвращение здоровья. Врачи, хотя и излечивают болезни, но не могут вдруг возвратить больному здоровье; а требуют еще продолжительного времени для восстановления сил больного, так что остатки болезни мало-помалу изглаживаются и истребляются из тела. А Христос не так, но в одно мгновение Он и избавил от болезни, и возвратил здоровье; между тем и другим не было никакого промежутка времени, но как скоро священные слова слетали со святого языка Его, тотчас и болезнь оставила тело, слово стало делом, и весь недуг вполне исцелился. Как какая-нибудь беспокойная служанка, увидев своего господина, тотчас успокаивается и опять принимает надлежащую благопристойность; так и телесная природа,

возмутившаяся тогда, подобно служанке, и произведшая расслабление, увидев пришедшего Владыку своего, возвратилась к прежнему благообразию и к надлежащему порядку. Все это сделано было одним изречением, потому что это были не простые слова, а глаголы Божьи, о которых сказано: "**могуществен исполнитель слова Его**" (Иоил. 2:11). Если Он сотворил человека не существовавшего, то тем более мог исправить расстроенного и расслабленного. Здесь я с удовольствием спросил бы исследующих существо Божье, как совокупились члены расслабленного, как связались кости, как укрепилась расстроенная деятельность чрева, как снова напряглись ослабевшие нервы, восстановились и укрепились упавшие силы? Но они не могли бы ответить на это. Поэтому и ты только удивляйся событию, а не исследуй способа его совершения. Когда, таким образом, расслабленный исполнил повеление и взял одр, тогда иудеи, увидев его, сказали: "**сегодня суббота; не должно тебе брать постели**" в субботу (Иоан. 5:10). Следовало поклониться совершившему (чудо), следовало подивиться совершившемуся, а они говорят о субботе, поистине отгоняя комара и поглощая верблюда. Что же расслабленный? "**Кто меня исцелил**", говорит он, "**Тот мне сказал: возьми постель твою и ходи**" (Иоан. 5:11). Видишь ли признательность этого человека? Он открыто признает врача и говорит, что давший ему это повеление достоин веры. Какое рассуждение высказал им слепой, такое и этот. А как рассуждал слепой? Иудеи говорили ему: "**не от Бога Этот Человек, потому что не хранит субботы**". Что же он на это? "**Знаем**", говорит, "**что, грешников Бог не слушает: а Он отверз мне очи**" (Иоан. 9:16,30-31). Смысл слов его следующий: если бы Он преступил закон, то согрешил бы; а если бы согрешил, то не имел бы такой силы, потому что где грех, там не оказывается сила, а Он явил силу; следовательно, Он, преступив закон, не согрешил. Так рассуждает и расслабленный; ибо слова его: "**кто меня исцелил**", значат: если Он явил силу, то несправедливо было бы подвергать Его обвинению в беззаконии. Что же иудеи? "**Кто Тот Человек, Который сказал тебе: возьми постель твою и ходи**" (Иоан. 5:12)? Посмотри, как они безумны и бесчувственны; посмотри, как душа их исполнена надменности! Глаза ненавистников ни на что не смотрят здраво, а только на то, в чем бы найти повод (к осуждению). Так и иудеи, когда исцеленный объявил им о том и другом, т. е. что Господь и исцелил его, и повелел взять одр, о первом не упомянули, а о последнем сказали, чудо скрыли, а нарушение субботы выставили на вид. Они не сказали: где тот, кто сделал тебя здоровым? Но умолчав об этом, сказали: "**кто Тот Человек, Который сказал тебе: возьми постель твою и ходи? Исцеленный же не знал, кто Он, ибо Иисус скрылся в народе, бывшем на том месте**" (Иоан. 5:12-13). Вот величайшее оправдание этого человека; вот доказательство попечения Христова! Когда ты услышишь, что расслабленный не так принял пришедшего Господа, как сотник, и не сказал: "**скажи только слово, и выздоровеет отрок мой**" (Матф. 8:8), то не обвиняй его в неверии, потому что он не знал Иисуса; ему неизвестно было, кто Он; и как он мог знать того, кого прежде не видывал? Поэтому он и сказал: "**не имею человека, который опустил бы меня в купальню**"; если бы он знал Господа, то не упомянул бы о купели и о схождении в нее, но просил бы исцелить его так, как и был исцелен; но он принял Христа за одного из многих, за простого человека, и потому упомянул об обычном врачевании. Доказательство же попечения Христова состоит в том, что Он удалился от исцеленного и не открыл Себя ему. Иудеи не могли уже подозревать, будто это был свидетель подложный и будто он говорил так в присутствии и по внушению Христа; неведение его и отсутствие Христа устраняли такое подозрение, как об этом говорит и евангелист: "**не знал, кто Он**" (Иоан. 5:13).

4. Для того Он и отсылает исцеленного одиноким и предоставляет его самому себе, чтобы иудеи, если бы захотели, расспросили его наедине, исследовали событие и, достаточно разузнав дело, прекратили свое безумие. Сам Он ничего не говорит, а представляет им доказательство посредством дел, которые всегда взывают яснее и звучнее всякой трубы.

Таким образом никаких подозрений не возбуждало свидетельство: "**кто меня исцелил, Тот мне сказал: возьми постель твою и ходи**". Расслабленный делается благовестником, учителем неверных, врачом и проповедником к их стыду и осуждению - проповедником не посредством голоса, но посредством дел, не посредством слов, но посредством самых событий; он представлял ясное и неопровержимое доказательство и показывал на собственном теле то, что говорил. "**Потом Иисус встретил его в храме и сказал ему: вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже**" (Иоан. 5:14). Видишь ли мудрость Врача? Видишь ли Его попечение? Он не только избавил от настоящей болезни, но предостерегает и от будущей; и весьма благовременно. Когда тот был на одре, Христос не говорил ему ничего такого, не напоминал ему о грехах, так как душа недужных бывает раздражительна и болезненна; а когда Он изгнал болезнь, когда возвратил здоровье, когда на деле доказал Свое могущество и попечение, тогда предлагает благовременный совет и увещание, оказавшись уже самыми делами достойным веры. Для чего же исцеленный пошел и объявил о Нем иудеям? Он хотел, чтобы и они приняли истинное учение. А они за это возненавидели и гнали Иисуса, говорит евангелист. Теперь слушайте меня внимательно, так как здесь вся сущность дела. "**И стали Иудеи гнать Иисуса и искали убить Его за то, что Он делал такие [дела] в субботу**" (Иоан. 5:16). Посмотрим же, как Он оправдывается; потому что способ Его оправдания показывает нам, принадлежит ли Он к числу подвластных или свободных, служащих или повелевающих. Действие Его казалось величайшим беззаконием; и собиравший некогда дрова в субботу был побит камнями за то, что в субботу носил тяжести (Числ. 15:32-36). В этом великом грехе и обвиняли Христа, именно в том, что Он нарушал субботу. Посмотрим же, просит ли Он прощения, как раб и человек подвластный, или является, как имеющий власть и самостоятельность, как Владыка, стоящий выше закона и сам давший заповеди. Как же Он оправдывается? "**Отец мой**", говорит, "**доныне делает, и Я делаю**" (Иоан. 5:17). Видишь ли Его власть? Если бы Он был ниже и меньше Отца, то сказанное Им служило бы не к оправданию, но к большему обвинению и тягчайшему осуждению. Если кто-нибудь делает то, что позволительно делать только тому, кто выше его, и потом, быв взят и подвергнут суду, говорит: так как это делал высший, то и я сделал, - тот не только не освобождает себя от вины таким способом оправдания, но подвергает себя еще большему обличению и осуждению, потому что браться за то, что выше собственного достоинства, свойственно высокомерию и гордости. Поэтому, если бы и Христос был ниже Отца, то сказанное Им служило бы не к оправданию, а к большему обвинению; но так как Он равен Отцу, то в Его словах нет вины. Если хотите, я объясню сказанное мной примером. Носить багряницу и иметь на голове диадему позволительно только царю, и никому другому. Итак, если бы кто-нибудь из толпы явился в таком облачении и потом, быв приведен в судилище, сказал: так как в это одеяние облекается царь, то и я облекаюсь; то он не только не избавился бы от обвинения, но таким способом оправдания подверг бы себя большему наказанию и мучению. Также только царскому великодушию свойственно освобождать от наказания и мучения негоднейших людей, например, убийц, разбойников, грабителей могил и других подобных преступников. Поэтому, если бы какой-нибудь судья отпустил осужденного без царского разрешения и, быв обвиняем за это, стал говорить: так как царь отпускает то и я отпускаю, - то этим способом оправдания он не только не избавился бы от наказания, но возбудил бы против себя еще больший гнев. И весьма справедливо. Не справедливо - низшим как бы в опьянении присваивать себе власть высших и ее приводить в свое оправдание; потому что это великое оскорбление тем, которые вверили им начальство. Поэтому низшее никогда не будет оправдываться таким образом: а царь и облеченный одинаковым с ним достоинством смело скажет это; потому что, где одинаковая степень начальства, там по справедливости может быть и одинаковая власть. Если же кто-нибудь оказывается оправдывающимся таким образом, тот непременно должен иметь власть одинаковую с тем, чью власть он приписывает себе. Итак, если и Христос таким образом оправдывался перед иудеями, то этим Он несомненно

показал нам, что Он имеет одинаковое достоинство с Отцом. Применим, если угодно, приведенные примеры к словам Христа и к делу, которое Он совершил. Пусть властное нарушение субботы будет тоже, что багряница и диадема и отпущение виновных. Последнее позволительно только царю, и никому из подданных; если же кто окажется делающим то же самое, и делающим справедливо, то несомненно, что и он - царь. Так точно и здесь: если Христос оказывается делающим это со властью и потом, подвергаясь обвинению, ссылается на Отца, и говорит: "**Отец Мой доныне делает**", то несомненно, что и Он равен Тому, Кто делает это со властью; потому что если бы не был равен Ему, то не употребил бы такого способа оправдания. А чтобы вы еще яснее уразумели сказанное, вспомните, что и ученики Его нарушили некогда субботу, срывая колосья и съедая их в субботу (Матф. 12:1); теперь нарушил ее и сам Он; иудеи обвиняли их, обвиняли и Его. Посмотрим же, как Он оправдывает их и как самого Себя, дабы из различия между тем и другим тебе уразуметь превосходство Его оправдания. Как же оправдывал Он учеников? "**Разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал**" (Матф. 12:3)? Оправдывая рабов, Он ссылается на подобного им раба Давида, а, оправдывая Себя, возводит речь к Отцу: "**Отец Мой делает, и Я делаю**". Но, может быть, кто-нибудь скажет: о какой деятельности говорит Он, если после шести дней "**почил в день седьмой от всех дел Своих**" (Быт. 2:2)? О ежедневном промышлении, потому что Бог не только создал тварь, но и сохраняет Свое создание. Укажешь ли ты на ангелов, или архангелов, или на высшие силы, и вообще на все видимое и невидимое, - все находится под Его промышлением, и если бы стало вне Его деятельности, то распалось бы, разрушилось бы и погибло бы. Итак, Христос, желая показать, что Он промыслитель, а не предмет промышления, деятель, а не предмет деятельности, сказал: "**Отец Мой делает, и Я делаю**", желая показать Свое равенство с Отцом.

5. Помните же и со всей ревностью соблюдайте это, и любомудрие в жизни соединяйте с правотой догматов; так я прежде увещевал вас, и теперь увещеваю, и не перестану увещевать; а жизнь и любомудрие ни от чего так не зависят, как от пребывания здесь. Как сухая земля, никем не поливаемая, изобилует тернием и волчцами, а возделываемая руками земледельцев цветет, красуется и приносит много плодов; так и душа, орошаемая божественными вещаниями, цветет, красуется и приносит обильные плоды духа; а оставленная в засухе и пренебрежении и редко получающая такое орошение, пустеет, зарастает травой и производит множество терния греховного. А где терние, там драконы, змеи, скорпионы и вся сила дьявола. Если ты не веришь этим словам, то мы сравним отсутствующих и нас самих, и вы увидите тогда великое различие; или лучше, посмотрим на самих себя, каковы бываем мы, когда наслаждаемся божественным учением, и каковы, когда долго бываем лишены этого полезного учения. Не будем же терять своей пользы. Пребывание здесь есть источник всех благ; выходя отсюда и муж для жены кажется почтеннее, и жена для мужа милее, так как жену делает любезной не благообразие тела, но добродетель души, не притиранья и подкрашиванья, не золото и драгоценные одежды, но целомудрие, кротость и постоянный страх Божий. Эта духовная красота нигде так успешно не развивается, как в этом дивном и божественном месте, где апостолы и пророки смывают, исправляют, стирают старость греха, наводят цвет юности, уничтожают всякое пятно, всякий "**порок**", всякую "**скверну**" нашей души (Ефес. 5:27). Постараемся же, и мужи и жены, вселить в себя эту красоту. Телесную красоту и болезнь сушит, и продолжительность времени портит, и старость погашает, а наступившая смерть совершенно уничтожает; напротив, душевную красоту не может разрушить ни время, ни болезнь, ни старость, ни смерть, и ничто подобное, но она постоянно остается цветущей. Красота телесная часто возбуждает невоздержание в тех, кто взирает на нее, а красота душевная располагает самого Бога любить ее, как говорит и пророк, обращая речь к церкви: "**слыши, дщерь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей**" (Пс. 44:11-12). Итак, возлюбленные,

чтобы нам сделаться любезными Богу, будем развивать эту красоту, ежедневно смывая всякую нечистоту чтением Писаний, молитвами, милостынями, единомыслием друг с другом, чтобы Царь, возлюбив наше душевное благообразие, удостоил нас царства небесного, которого да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

РАССУЖДЕНИЕ

против иудеев и язычников о том, что Иисус Христос есть истинный Бог.

Полное заглавие этого творения следующее: "против иудеев и язычников доказательство того, что Христос есть Бог, заимствованное из многократных предсказаний о Нем пророков". Оно по всей вероятности не было произносимо с церковной кафедры, а назначалось для чтения, и написано тогда, когда св. Иоанн еще не был в Константинополе (отд. 9) и когда приготовлял Слова исключительно против иудеев (отд. 17). Таким образом местом написания этого рассуждения можно полагать г. Антиохию, а временем написания или обнародования - 386 или 387 год по Р. Х.

ТАК как много есть людей, из которых одни по сродной им беспечности, другие по чрезмерной заботливости о делах житейских, а иные по великому невежеству, не охотно принимают продолжительные речи, то я признал нужным устранить затруднение, происходящее от многоречия, чтобы краткостью речи пресечь леность беспечных и самых несклонных к чтению расположить - с большой охотой выслушать предлагаемое мною рассуждение. Посему, не украшая речи отборными словами и выражениями, но употребляя такие слова, которые были бы удобовразумительны и понятны и слуге и служанке, и вдовой женщине и торговцу, и корабельщику и земледельцу, я всячески постараюсь, сколько возможно, соблюсти краткость и в немногих словах преподать наставление, и таким образом в нерадивых слушателях возбудить желание легко и без всякого труда вникнуть в предлагаемое рассуждение и, удержав его в памяти, получить пользу. Начну состязание с язычников. Если язычник спросит: откуда видно, что Христос есть Бог? (это нужно предложить прежде всего, так как все прочее следует за этим), то я для доказательства не укажу на небо или на что-либо другое подобное. Если я скажу ему, что он сотворил небо, землю и море, он не примет этого; если скажу, что Он воскрешал мертвых, исцелял слепых и изгонял демонов, и этого он не примет; если скажу, что Он обетовал царство и неизреченные блага, если буду говорить о воскресении, он не только не примет, но еще будет смеяться. Чем же мы будем убеждать его, особенно если он - простолюдин? Чем иным, как не тем, что одинаково и беспрекословно признается и мною и им, и в чем он не может сомневаться? Если я наперед скажу, что Христос сотворил небо и прочее, о чем я говорил, то он не скоро согласится поверить. Что же это такое, что и язычник признает делом Христа и чему он никогда не станет противоречить? То, что Христос насадил христианство; и язычник, конечно, не будет противоречить тому, что Христос основал церкви по всей вселенной. Отсюда мы и заимствуем доказательство силы Его и покажем, что Он есть Бог, и скажем, что для простого человека невозможно в краткое время обойти столь обширную вселенную, и землю и море, и привлечь к христианству столько людей, и притом предзанятых дурными обычаями, или, лучше сказать, преданных таким порокам. Однако, Христос успел освободить род человеческий от всего этого, не только римлян, но и персов и вообще племена варварские. Он совершил это, не употребляя оружия, не истрачивая денег, не предводительствуя войском, не возбуждая войн, но в начале через одиннадцать человек, незнатных, уничиженных,

неученых, простых, бедных, полуобнаженных, безоружных, не имевших ни обуви ни двух одежд. Что я говорю: совершил? Он успел расположить столь многие поколения людей любомудрствовать не только о настоящем, но и о будущем, отвергнуть отеческие законы, истребить древние обычаи, укоренившиеся в столь долгое время, и принять другие, оставить легкие дела и предаться Его нелегким требованиям, и притом Он совершил это несмотря на то, что все противодействовали Ему и смеялись над Ним, как потерпевшим на кресте позорную смерть. И язычники, конечно, не станут противоречить тому, что Христос был распят иудеями и претерпел от них бесчисленные мучения, и что проповедь (евангельская) со дня на день возрастает. Особенно удивительно, что она процветает не только здесь, но и у персов, хотя и ныне подвергается у них гонениям. Уже и между язычниками есть много мучеников, и те, которые были свирепее самых волков, по принятии проповеди стали смиреннее овец и уже любомудрствуют о бессмертии, о воскресении и неизреченных благах.

2. Притом такие благодетельные действия появились не только в городах, но и в пустыне, и в деревнях, и в селах, и на островах, и в корабельных пристанях; и не только простолюдины и их начальники, но и сами облеченные диадимами с полною верою покорились Распятому. А что все это произошло не случайно, но еще задолго до исполнения было предсказано, я постараюсь доказать в настоящем рассуждении; или лучше, чтобы слова мои не подверглись подозрению, нужно раскрыть книги распявших Его иудеев и заключающиеся в этих Писаниях, еще и ныне хранимых ими, свидетельства о Нем изложить пред глазами неверующих. Так, Иеремия первый возвещает, что Бог соделается человеком, не переставая быть Богом: "**сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю. После того Он явился на земле и обращался между людьми.**" (Варух. 3:36-38). Видишь ли, как ясно он изобразил в немногих словах все, и то, что Бог, не переставая быть Богом, соделался человеком, и обращался с людьми, и что Он же сам основал и Ветхий Завет? "**Нашел**" , говорит пророк, "**все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю**". Этими словами он показывает, что Господь и до явления Своего во плоти, Сам управлял всем, Сам совершал все: давал законы, промышлял, сохранял, благодетельствовал. А другой пророк, послушай, как говорит, что Господь не только соделается человеком, но и родится от Девы: "**се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог**" (Ис. 7:14; Мф. 1:23). Потом, дабы показать, что Господь не по видимому только, а поистине будет человеком, он присовокупляет: "**Он будет питаться молоком и медом, доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе; ибо прежде нежели этот младенец будет разуметь отвергать худое и избирать доброе**" (Ис.7:15-16). И что Господь не только соделается человеком и родится от Девы, но и произойдет из дома Давидова, о том, послушай, как задолго предсказывает Исаия, хотя не собственными, а переносными словами, однако предсказывает так: "**и произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его; и почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия; и страхом Господним исполнится**" (Ис. 11:1-3). Иессей был отец Давида. Отсюда видно, что Господь произошел из этого колена, и не только из этого колена, но из дома Иессеева как и предсказал пророк в словах: "**произойдет отрасль от корня Иессеева**", разумея не просто жезл, но Христа и Его царство. А что он сказал это не о жезле, он сам объяснил в последующих словах; ибо сказав: "**произойдет отрасль**", он присовокупил: "**и почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума**". Никто, даже весьма неразумный, не скажет, что благодать Духа низошла на дерево, но очевидно, что она вселилась в тот пречистый Храм. Почему пророк не сказал: *приидет*, но говорит: "**почиет**"? Потому, что Дух, сошедши (на Христа), остался в Нем и не отступил от Него, о чем ясно сказал евангелист Иоанн: "**я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и**

пребывающего на Нем" (Ин. 1:32). Евангелисты не умолчали и о том, какое настроение обнаружили иудеи при самом Его рождении. Матфей говорит: "**услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним**" (Мф. 2:3). А Исаия, послушай, как задолго предсказывал и об этом: "**будут отданы на сожжение, в пищу огню. Ибо младенец родился нам - Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира**" (Ис. 9:5-6). Что этого нельзя сказать о простом человеке, очевидно и для людей, весьма склонных к словопрениям; ибо искони никто из людей не назывался Богом крепким и князем такого мира, о каком говорит пророк: "**умножению владычества Его и мира нет предела**" (Ис.9:7). Опыт действительно показал, что мир Христов распространился по всей земле, по всему морю, по всей вселенной, обитаемой и необитаемой, по горам, и пещерам, и холмам, с того дня, в который Он, пред вознесением Своим, сказал ученикам: "**мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам**" (Ин. 14:27). Почему же так сказал Христос? Потому что мир человеческий легко бывает нарушаем и подвержен многим изменениям; а Его мир тверд, непоколебим, крепок, постоянен, бессмертен, бесконечен, хотя против него повсюду воздвигаются бесчисленные гонения и ежедневно строится множество козней. Всесильное слово Его устроило и это вместе со всем прочим.

3. И не только то, что Господь станет человеком, но и самый образ пришествия Его предсказали пророки. Он пришел, не посылая грома и молнии свыше, не колебля землю, не потрясая неба, и не производя какие-либо страшные явления, но родившись без шума и в неизвестности, в доме плотника, бедном и незнатном; о чем, послушай, как не умолчал Давид: "**сойдет**", говорит он, "**как дождь на скошенный луг**" (Пс. 71:6), выражая этими словами тишину, спокойствие. И не только об этом, но и о том, как милостиво и кротко Он будет обращаться со всеми, посмотри, как ясно говорит другой пророк. Подвергаясь оскорблению, оплеванию, злословию, бесчестию, бичеванию и наконец крестной смерти, Христос не мстил делавшим это, но великодушно и кротко переносил все: поношения, козни, бешенство и безумную ярость народа и другие нападения; все это пророк выразил словами: "**трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит; будет производить суд по истине, не ослабеет и не изнеможет, доколе на земле не утвердит суда, и на закон Его будут уповать острова**" (Ис. 42:3-4). А другой пророк означил и место, где Господь имел родиться: "**И ты**", говорит он, "**Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля**, **и Которого происхождение из начала, от дней вечных**"(Мих. 5:2; Мф. 2:6). Он указывает и на Божество и на человечество (Христа); ибо словами: "**происхождение из начала, от дней вечных**", изображает предвечное существование Господа; а словами: "**произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля**", - рождение Его по плоти. Заметь здесь еще другое ясное предсказание. Пророк сказал не только то, что Господь родится, но что и место Его рождения, прежде незнатное и маловажное, сделается славным: "**мал ли ты между тысячами Иудиными**". Действительно, вся вселенная теперь стекается в Вифлеем, чтобы видеть место, где родившийся Господь был положен, и стекается не для чего другого, а только для этого. Другой пророк предсказал и время, в которое Господь имел явиться: "**Не отойдет**", сказал он, "**скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель, и Ему покорность народов. Он привязывает к виноградной лозе осленка своего и к лозе лучшего винограда сына ослицы своей; моет в вине одежду свою и в крови гроздов одеяние свое**; **блестящи очи [его] от вина, и белы зубы от молока**" (Быт.49:10-12). Заметь соответствие этого предсказания с самым событием. Господь действительно пришел тогда, когда иудейские правители уже потеряли самовластие и были подчинены скипетру римскому; так исполнились слова пророчества: "**не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель**", - сказанные о Христе. В одно время с рождением Его сделана и первая перепись народа, когда римляне стали

господствовать над иудеями и подчинили их игу своей власти. Еще и другое нечто означается словами: "**и Ему покорность народов**" - то, что Господь, пришедши, привлек к Себе все народы. Ирод, преследуя родившегося Иисуса, повелел умерщвлять бывших в том месте младенцев. И об этом не умолчали пророки, но задолго предсказали так: "**голос слышен в Раме, вопль и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет**" (Иер. 31:15; Мф. 2:18). Также и о возвращении Его из Египта ими было предсказано в словах: "**из Египта воззвал Я Сына Моего**" (Ос. 11:1). Предсказано было и то, что Христос вскоре по явлении Своем в открытых местах будет совершать знамения и учить. Послушай, что говорит Исаия: "**земля Завулонова и земля Неффалимова, на пути приморском, за Иорданом, Галилея языческая, народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране и тени смертной воссиял свет**" (Ис. 9:1-2; Мф. 4:15-16); этим он указывает на явление и учение Господа в тех местах, и на исповедание, произведенное в людях чудесами Его. Далее изображает пророк и другие чудеса и говорит, как Он будет исцелять хромых, врачевать слепых, делать говорящими немых: "**тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзутся. Тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь**" (Ис. 35:5-6). Таких чудес никогда не было до пришествия Христова. О некоторых знамениях в частности пророки также предсказали. Например, когда Иисус входил в храм, дети, еще молоком питавшиеся и неумевшие членораздельно говорить, воспели Ему священные песни, восклицая: "**осанна в вышних, благословен грядущий во Имя Господне**" (Матф. XXI, 9). Это пророк задолго предсказал в словах: "**из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу, ради врагов Твоих, дабы сделать безмолвным врага и мстителя**" (Пс. 8:3). Видишь ли, как дети невинные и не имеющие членораздельного голоса, вопреки своей природе, прославляют Создателя и возглашают апостольское благовестие?

4. Часто, беседуя с иудеями, по причине жестокосердия их Господь о многом говорил прикровенно, в загадочных выражениях и притчах, о чем также задолго было предсказано: "**открою уста мои в притчах, произнесу гадания из древности**" (Пс. 77:2). И премудрость бесед Его задолго предвозвестил пророк в словах: "**благодать излилась из уст Твоих**" (Пс. 44:3). О том же предсказал и другой пророк так: "**се уразумеет Отрок Мой, и вознесется и прославится зело**" (Ис. 52:13 – слав.). Тот же пророк, кратко повествуя о благодеяниях пришествия Его, соединенных с знамениями, говорил так: "**Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение и узникам открытие темницы**" (Ис. 61:1). И то было предсказано, что после столь многих благодеяний Его люди будут отвращаться от Него тщетно и напрасно, не имея повода ни в чем обвинять Его, ни в малом, ни в великом. Послушай, как Давид предвозвестил об этом: "**с ненавидящими мир**" , говорит он, "**Я мирен: но только заговорю, они - к войне**" (Псал. 119:6-7). Что Господь, восседая на осленке, войдет в город, и это задолго предсказал Захария в таких словах: "**ликуй от радости, дщерь Сиона, торжествуй, дщерь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной**" (Зах. 9:9).

Он изгнал из храма торговавших голубями и менявших деньги (Мф. 21:12; Ин. 2:15). Это сделал Он, ревнуя о доме Божием и вместе желая показать, что Он не противится Богу, но согласен с Отцом; поэтому и наказывал за дом Его, в котором производилась торговля. И это не оставлено без указания, но предсказал об этом пророк Давид, предвозвестив и намерение, с каким Христос совершал это наказание: "**ревность по доме Твоем**", говорит он, "**снедает Меня**" (Пс. 68:10). Что может быть яснее этого? Христу предстояло быть преданным, и это предательство имел совершить тот, кто разделял с Ним трапезу. Посмотри, как и это предсказал тот же пророк в словах: "**человек мирный со мною, на которого я полагался, который ел хлеб мой, поднял на меня пяту**" (Пс. 40:10). Заметь,

как согласно с ним повествует евангелист: "**опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня**" (Мф.26:23). Предатель не просто предал Господа, но продав драгоценную кровь Его и получив за нее деньги. И об этом не умолчал пророк, но указал и на бесстыдные условия и совещания врагов Христовых. "**Боже хвалы моей!**" - говорит он, - "**не премолчи, ибо отверзлись на меня уста нечестивые и уста коварные**" (Пс. 108:1). Тот же предатель, познав потом вину свою, бросил сребренники, прекратил жизнь свою, повесившись на дереве, оставив жену свою вдовою, детей - сиротами и дом опустевшим. Посмотри, как описывает пророк и это печальное событие: "**дети его да будут сиротами, и жена его - вдовою**" (Пс.108:9-10). Место предателя заступил Матфий; и это предсказал тот же пророк в словах: "**достоинство его да возьмет другой**" (Пс.108:8). После того, как Христос был предан и добровольно отдал Себя в руки врагов, составилось из иудеев и язычников судилище, исполненное великого беззакония. Посмотри, как и это предвозвещает пророк: "**Зачем**", говорит он, "**мятутся народы, и племена замышляют тщетное?**" **(**Пс. 2:1)? И не только это предвозвестили пророки, но Исаия ясно сказал и о молчании Господа, которое Он хранил, когда окружавшие Его много говорили и обвиняли Его: "**как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих**" (Ис. 53:7). Потом, показывая несправедливость приговора, Он присовокупляет: "**во смирении Его суд Его**" (Ис.53:8), то есть, никто не судил о Нем справедливо; а далее объясняет и причину смерти Христовой. Он, как непорочный и невинный, не за Свои грехи страдал, но предан был за грехи вселенной; на то и другое, посмотри, как указал пророк: "**не сделал греха, и не было лжи в устах Его**" (Ис.53:9). Этими словами он объяснил, почему и Христос был предан. Следует и другая причина: "**за преступления народа Моего претерпел казнь**" (Ис.53:8). Желая показать не только причину, но и плоды крестной смерти Его, посмотри, как предвозвещает о том пророк: "**все мы**", говорит, "**блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу; наказание мира нашего [было] на Нем, и ранами Его мы исцелились**" (Ис.53:5-6). Потом тот же пророк предрекает и наказание, которому имели подвергнуться иудеи за эти беззакония в следующих словах: "**Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого**"[1] (Ис.53:9). И Давид, сказав: "**Расторгнем узы их, и свергнем с себя оковы их**", присовокупил: "**Живущий на небесах посмеется, Господь поругается им. Тогда скажет им во гневе Своем и яростью Своею приведет их в смятение**" (Пс. 2:3-5), разумея рассеяние иудеев по всей вселенной, о чем и сам Христос в Евангелии предсказал в следующих словах: "**врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избейте предо мною**"(Лк. 19:27). Кроме того, сказав о смерти Господа, пророки не умолчали и о самом способе смерти, но и его изъяснил Давид так: "**пронзили руки Мои и ноги Мои, можно было бы перечесть все кости Мои**" (Пс. 21:17-18). Не умолчал он и о беззаконии, совершенном после крестной смерти Христовой, сказав: "**делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий**" (Пс.21:19). Далее, он сказал и о погребении Господа в словах: "**Ты положил меня в ров преисподний, во мрак, в бездну**" (Пс. 87:7). Посмотри, как он же предсказал и о том, что Христос воскреснет: "**Ты не оставишь**", говорит, "**души Моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление**" (Пс. 15:10). И пророк Исаия о том же, только другими словами, предсказывает так: "**Господь хочет очистить Его от язвы: явить Ему свет, оправдать праведного, благо служащего многим**"[2] (Ис. 53:10-11). Тот же пророк предсказал, что смерть Господа искупит людей от грехов: "**Он понес на Себе грех многих**" (Ис.53:12); и то, что Христос будет изгонять из людей демонов: "**и с сильными будет делить добычу**"(Пс.53:12). Не умолчал он и о том, что Господь совершит это Своею смертию: "**за то**", говорит, "**что предал душу Свою на смерть**" (Ис.53:12); предсказал и то, что Христос получит власть над вселенною: "**Он наследует многое**"[3] (ст. 12). Не умолчали пророки и о том, что Господь, сошедши во ад, приведет его в смущение, исполнит смятения и страха, и сокрушит твердыню его. Об этом Давид говорит так: "**поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь**

славы!" (Пс. 23:7); а Исаия говорит другими словами: "**Я пойду пред тобою и горы уровняю, медные двери сокрушу и запоры железные сломаю; и отдам тебе хранимые во тьме сокровища и сокрытые богатства,** ***невидимое открою тебе***[4]" (Ис.45:2), разумея здесь ад. Хотя это был ад, но он содержал души святые и сосуды драгоценные - Авраама, Исаака и Иакова. Поэтому пророк и назвал их сокровищами, а темными потому, что тогда еще не озарило ада Солнце правды и не благовестило о воскресении. А что Господь по воскресении Своем не сопричтется ни к ангелам, ни к архангелам, ни к другой какой служебной силе, но возсядет на царском престоле, о том, послушай, как опять говорит Давид: "**сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**" (Пс. 109:1).

5. Исаия предвозвестил потом, что Христос пошлет апостолов (на проповедь), в следующих словах: "**как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего радость**" (Ис. 52:7). Заметь, как он прославляет телесные члены - ноги, которые повсюду пронесли благовестников. А Давид объясняет и способ их победы: "**Господь**", говорит он, "**дал слово благовествующим с великой силою**" (Пс. 67:12). Действительно они побеждали, не употребляя оружия, не издерживая денег, не силою телесною, не многочисленностью войск, и не иным каким-либо подобным средством, но простым словом, имевшим великую силу - силу знамений. Они проповедывали Распятого и совершали знамения, и таким образом победили вселенную. Поэтому и говорит пророк: "**Господь дал слово благовествующим с великой силою**", разумея здесь чудеса. И подлинно, неизреченная сила была в том, что рыбарь, мытарь и скинотворец одними повелениями воскрешали мертвых, изгоняли демонов, избавляли от смерти, обуздывали языки философов, заграждали уста риторов, преодолевали царей и властителей, побеждали варваров, еллинов, весь род человеческий. Хорошо сказал пророк. Все это они совершали словом, и силою многою соделывали мертвых живыми, грешников - праведными, слепых - зрячими, изгоняя болезни из тела и пороки из души. А откуда явилась у них такая сила? От Духа Святого, как и об этом сказано: "**явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго**" (Деян. 2:3-4). Мужчины и женщины стали пророчествовать, о чем также задолго предвозвестил Иоиль в словах: **И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего, прежде нежели наступит день Господень, великий и просвещенный** (страшный – синод.)" (Иоил. 2:28-31); под великим и просвещенным днем он разумеет здесь и день сошествия Духа и будущий день кончины мира. Тот же пророк предвозвещает и спасение верою (ибо и об этом не умолчано) так: "**и будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется**" (Иоил.2:32).

6. Что Господь во всю вселенную пошлет проповедников, и что никто не останется неслышавшим проповеди, это также предсказано. Послушай пророческие об этом слова Давида: "**по всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их**" (Пс. 18:5). Тот же пророк в другом месте предсказывает, что они будут проповедывать со властию, и будут могущественнее облеченных диадимами: "**Ты поставишь их князьями по всей земле**" (Пс. 44:17). Действительно самые дела показывают, что Петр и Павел превзошли царей и властителей. Законы царей отменяются даже при жизни их; а законы этих рыбарей и по смерти их пребывают твердыми и непоколебимыми, хотя и демоны, и долговременная привычка, и нечестие, и сладострастие и другие бесчисленные силы старались ниспровергнуть их. Далее, желая показать, что эти постановленные "**князи**" будут для всех вожделенны и возлюбленны, пророк присовокупил: "**посему народы будут славить Тебя во веки и веки**" (Пс.44:18), то есть, будут благодарить Тебя, будут

питать великую благодарность за то, что Ты даровал им таких князей. Предсказано было и то, что проповедь (евангельская) повсюду одержит победу. Посмотри, как Давид представляет тебе это в следующих словах: "**проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе**" (Пс. 2:8). То же самое другой пророк предвозвещает, выражаясь так: "**земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море**" (Ис. 11:9). И заметь, как легко совершится эта покорность: "**и уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: "познайте Господа", ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого**" (Иер. 31:34); и какова непоколебимость церкви: "**и будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы**" (Ис. 2:2). А что церковь будет не только тверда, непреклонна и непоколебима, но и распространит по вселенной обильный мир, что после того, как многие царства и державы падут, возвысится над всеми единое царство, в котором, не как в прежних, будет господствовать обильный мир; - так как в древности даже художники всякого рода и риторы брались за оружие и становились в ряды войска, по пришествии же Христа все это прекратилось, и война сделалась занятием только известных людей; - и об этом один пророк ясно сказал так: "**перекуют мечи свои на орала, и копья свои - на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать**" (Ис. 2:4). Действительно прежде все люди занимались войною: а ныне забыли о воинском искусстве; или вернее, - большая часть людей вовсе не прикасалась к нему; а если есть некоторые (занимающиеся им), то немногие, редко и в малом числе, между тем как прежде во всяком народе были беспрестанные возмущения. Далее пророк предсказывает и то, из кого составится церковь. Так как не только скромные, кроткие и добрые люди, но и свирепые и бесчеловечные и нравами своими подобные волкам, львам и волам, имели присоединиться к тем, и все составить одну церковь, то послушай, как пророк сказал о разнообразии этого стада: "**тогда волк будет жить вместе с ягненком**" (Ис. 11:6), выражая этим простоту жизни царей. А что речь идет не о зверях, пусть скажет иудей, когда это бывало? Волк и ягненок никогда не паслись вместе; а если бы когда и стали вместе пастись, то какая от того была бы польза для рода человеческого? Нет, он говорит о свирепых нравами людях, о скифах, фракийцах, маврах, индийцах, савроматах, персах. Что все эти народы подчинятся под одно иго, о том и другой пророк ясно говорил: "**поработают Ему под игом одним, и поклонятся Ему каждый от места своего**[5]" (Соф. 3:9), не в одном Иерусалиме, но по всей вселенной; потому что не будет повеления людям ходить в Иерусалим, но каждый, оставаясь дома, будет совершать это богослужение.

7. Не умолчали пророки и о том, что иудеи будут отвержены; посмотри как об этом предсказал пророк: "**и среди вас затворятся двери, и не зажжете огня на алтаре Моем даром**"[6] (Мал. 1:10). Предсказано и то, кто будет служить Богу: "**от востока солнца до запада**", говорит пророк, "**велико будет Имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву**" (Мал.1:11). Видишь ли, как он изобразил достоинство этого богослужения, его превосходство и установление вместо прежнего, - и то, что это богопочтение будет зависеть не от места, но от внутренняго расположения, и будет состоять не в курении и дыме, но в некотором другом богослужении. Как же, скажут, апостолы привлекли к себе все народы? Как владеющий только одним языком иудейским мог убедить скифа, индийца, савромата и фракийца? Получив от Духа Святого благодатный дар многих языков для убеждения язычников; а для убеждения Израиля - дарование языков. Но иудеи не вняли убеждению, о чем, послушай, как говорит пророк: "**худыми устами и на чужом языке**… **будут говорить к этому народу, но они не хотели слушать**", глаголет Господь (Ис. 28:11-12). - Что может быть, яснее этого? Иудеи не уверовали, а язычники обратились; и это было предсказано. Послушай пророка Исаию, который ясно говорит: "**Я открылся не вопрошавшим обо Мне; Меня нашли не искавшие Меня. "Вот Я! вот Я!" говорил Я народу, не**

именовавшемуся именем Моим" (Ис. 65:1); а об израильтянах: "**всякий день простирал Я руки Мои к народу непокорному**" (Ис.61:2); и еще: "**взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли**" (Ис. 53:2); и еще: "**кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?**" (Ис.53:1)? Пророк не сказал: "**учению нашему**", желая этим показать, что апостолы не от себя говорили, но возвещали то, что слышали от Бога. Что наше богослужение превосходнее иудейского, о том предвозвестил Моисей, сказав: "**Я раздражу" вас "не народом, народом бессмысленным огорчу**" вас (Втор. 32:21); выражением: "**не народом**", он означил прежнее уничиженное состояние народа языческого, который и не считался народом по своей презренности, по невежеству, по безумию; но вера произвела в язычниках такую перемену, что они сделались гораздо досточтимее бывших в чести иудеев. Здесь же открыто, что это сильно тронет иудеев и они от того сделаются лучшими; ибо пророк не сказал просто: "**предпочту**", но указал и то, что исправление их произойдет от завистливого раздражения. "**Я раздражу" вас "не народом**", говорит он, как бы так говоря: Я дам им столько благ, что вы будете завидовать, что вы будете раздражаться. Это и сделало их лучшими. Те, которые видели расступившееся море, раздавшиеся камни, воздушные необыкновенные перемены и другие чудеса, или вернее - те, которые закалали своих детей и служили Веельфегору и предавались многим волхвованиям, после того, как явилась наша вера, которая гораздо предпочтительнее содержимой ими, так были раздражены завистию, что исправившись и смирившись, из зависти нам стали совершать то, чего не совершали, слушая пророков и созерцая чудеса. Теперь никто из них уже не закалает детей своих, не обращается к идолам, не покланяется тельцу. Красота девства в Ветхом Завете не была известна даже и по названию, а в Новом надлежало возсиять, о чем вот как предсказывает Давид: "**ведутся к Тебе девы, подруги ее, приводятся с весельем и ликованьем, входят в чертог Царя**" (Пс. 44:15-16). Не умолчали пророки и о священниках, т. е. о епископах: "**поставлю правителем твоим мир и надзирателями твоими - правду**", говорит Исаия (Ис. 60:17).

8. Христос опять придет и потребует отчета от рода человеческого, между прочим и от иудеев; об этом, посмотри, как предсказывает Давид и Малахия; последний говорит: "**И кто выдержит день пришествия Его, и кто устоит, когда Он явится? Ибо Он - как огонь расплавляющий и как щелок очищающий, и сядет переплавлять и очищать серебро**" (Мал. 3:1-3), согласно с словами Павла, который пишет так: "**день покажет, потому что в огне открывается**" (1 Кор. 3:13). И Давид словами: "**является Бог, грядет Бог наш**" (Пс. 49:2-3), указывает также на второе пришествие Его. Первое пришествие Христа было весьма смиренное; но не таково будет второе, страх и ужас будут сопутствовать ему, ангелы - предшествовать, и самое явление будет озарять все подобно молнии: "**как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого**" (Мф. 24:27), говорит Господь, выражая этим блеск, возвещающий сам о себе, так как он не нуждается в провозвестнике, но являет сам себя. Тоже и Давид выражает словами: "**грядет Бог наш**". Потом, изображая будущий суд, пророк присовокупляет: "**пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря**" (Пс.49:3). Сказав о наказаниях, он изображает и торжественность суда: "**Он призывает свыше небо и землю, судить народ Свой**" (Пс. 49:4), разумея под землею род человеческий. Далее, вместе со всем родом человеческим упомянув и об иудеях (к которым особенно обращается), пророк продолжает так: " **"соберите ко Мне святых Моих, вступивших в завет со Мною при жертве". И небеса провозгласят правду Его, ибо судия сей есть Бог**"

(Пс.49:5-6). Об отмене пришедшим Христом жертвенного богослужения и о введении вместо его нашего богослужения, послушай, как предсказано: "**Жертвы и приношения Ты не восхотел; уготовал же мне тело; всесожжения и жертвы за грех Ты не потребовал**" (Пс. 39:7); на то же указывает пророк и в другом месте: "**народ, которого я**

не знал, служит мне; по одному слуху о мне повинуются мне" (Пс. 17:44-45), т. е. не созерцая море расступившееся и камни раздавшиеся, но выслушав моих апостолов. Сказав: "**уготовал же мне тело**", пророк еще присовокупляет: "**тогда я сказал: вот, иду; в свитке книжном написано о мне**" (Пс. 39:8). Здесь указывается на два обстоятельства: на то, что Господь придет, и на то, что Он придет тогда, когда будут отменены жертвоприношения; это произошло тогда, как власть над иудеями перешла к римлянам. О пришествии Господа мы находим предсказание у Варуха, который говорит: "**Он явился на земле и обращался между людьми.**" (Варух. 3:38).Также Моисей говорит: "**Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему, а кто не послушает слов Моих, которые [Пророк тот] будет говорить Моим именем, с того Я взыщу**" (Втор. 18:12-19). На ком другом сбылось это, как не на одном Христе? Хотя многие восстали пророки, и хотя всех их иудеи не послушали, но за это ничего не потерпели; а за непослушание Христу, они теперь повсюду влачат жизнь, как блуждающие и бесприютные, как беглецы и изгнанники. Посмотри, как они, лишившись гражданства, отеческих законов и обычаев, всюду подвергаются бесчестию и посрамлению, наказанию и мучению. А сколько они пострадали при Веспасиане и Тите, этого и сказать невозможно: так бедственная участь их превысила всякое несчастье; так исполнились пророческие слова: "**кто не послушает слов Моих, которые [Пророк тот] будет говорить, с того Я взыщу**" . За то у них превратилось все в пустыню, что они не послушались того Пророка. Что Господь воскресит всех, это предсказал Исаия в следующих словах: "**Оживут мертвецы Твои, восстанут мертвые тела! Воспряните и торжествуйте, поверженные в прахе: ибо роса Твоя - роса растений, и земля извергнет мертвецов**" (Ис. 26:19). И не только это он предсказал, но и то, что после крестной смерти Господа деяния Его будут блистательнее, и что по воскресении Его проповедь (евангельская) наиболее распространится. Он был предан своим учеником, связан, оскорблен, поруган, мучен и распят, и не получил бы погребения, если бы это зависело от иудеев; а одежды Его были разделены воинами, и окончил жизнь с подозрением в домогательстве власти, с именем богохульника и возмутителя; - ибо о нем говорили: "**всякий, делающий себя царем, противник кесарю**" (Ин. 19:12), и еще: "**вот, теперь вы слышали богохульство Его!**"

(Мф. 26:65); так как все это имело совершиться, то пророк, желая возбудить и ободрить слушателя, говорит: не бойся этого; Тот, Который был распят, подвергаем бичеванию, поносим разбойниками, умерщвлен по подозрению в богохульстве, по смерти и воскресении совершит такие дела, о которых никто не скажет, что они не исполнены великой чести. Это и сбылось, как о том задолго предсказывал пророк: "**И будет в тот день: к корню Иессееву, который станет, как знамя для народов, обратятся язычники, - и покой его будет слава**" (Ис. 11:10). Он как бы так сказал: "такая смерть досточтимее диадимы; цари, слагая диадимы берут крест - знак Его смерти; на порфирах крест, на диадиме, крест, при молитвах крест, на оружии крест, на священной трапезе крест, и во всей вселенной крест сияет светлее солнца" - "**и покой его будет слава**".

9. Не таковы дела человеческие; но обыкновенно с ними бывает напротив! Дела знаменитых людей, пока они живут, процветают; но по смерти их погибают. Это можно видеть в судьбе не только богача и начальника, но даже и царей. И законы их отменяются, и изображения затемняются, и память их истребляется, и имя их забывается, и приближенные к ним подвергаются презрению; между тем, как прежде они потрясали оружием, мановением своим передвигали народы и города, и изменяли положение дел, имели власть предавать смерти и возвращать к жизни отводимых на казнь. Все это исчезает, хотя прежде было в славе. А у Христа - все напротив. Пред крестной смертью Его обстоятельства были печальны; Иуда предавал, Петр отрицался, прочие ученики обратились в бегство, Он один оставался среди врагов; многие веровавшие в Него

возвращались вспять. Но после Его страданий и смерти, дабы ты знал, что Распятый был не простой человек, обстоятельства становятся блистательнейшими, славнейшими и превосходнейшими. До распятия Христова верховный из апостолов не перенес угрозы привратницы, но после такой тайной вечери отвечал, что он не знает (Иисуса), а после распятия он же прошел (с проповедию) вселенную; с того времени бесчисленные сонмы мучеников были умерщвлены, решившись лучше умереть, нежели сказать то, что сказал верховный из апостолов, убоявшись угрозы одной привратницы. С того времени все страны, и города и пустыни, места обитаемые и необитаемые, оглашаются прославлением Распятого; цари, военачальники, градоначальники и судии, рабы и свободные, простолюдины, мудрые и немудрые, варвары и различные племена человеческие, населяющие всю подсолнечную землю, призывают Имя Его и поклоняются Ему, дабы ты знал, что значит: "**и покой его будет слава**". Самое место, где было погребено тело Распятого, малое и весьма тесное, сделалось блистательнее множества царских чертогов и досточтимее самих царей. "**И покой его будет слава**". Особенно удивительно то, что не только с Ним, но и с учениками Его произошло то же самое. При жизни их брали и водили, подвергая поношению, заключению в оковы и другим бесчисленным мучениям: а по смерти они стали досточтимее самих царей. Каким образом? Это можешь усмотреть из следующего. В царствующем городе Риме, оставив все, прибегают к гробницам рыбаря и скинотворца, и цари, и правители, и военачальники; и в Константинополе облеченные диадимами признали любимым местом для погребения тел их не близ самых апостолов, но в преддверии вне храмов их, и таким образом цари сделались привратниками рыбарей; и такое погребение вменяют себе не в бесчестие, но в прославление, не только сами цари, но и потомки их. "**И будет**", говорит Писание, "**покой Его слава!**" Все величие этой чести ты познаешь тогда, когда посмотришь на знак Его смерти, смерти проклятой, смерти поноснейшей из всех родов смерти; ибо на этот один род смерти наложено проклятие. В древности, например, иных преступников сожигали, других побивали камнями, иных другим каким-либо способом наказания лишали жизни; но распятый и повешенный на древе (креста) страдал не только от того, что наказывался с таким мучением, но и от того, что подвергался проклятию: "**ибо проклят пред Богом [всякий] повешенный [на дереве]**", говорит Писание (Втор. 21:23). Но этот проклятый, поносный знак крайнего мучения ныне стал вожделенным и достолюбезным. Не столько царский венец украшает голову, сколько крест, драгоценнейший всего мира; изображение креста, некогда для всех страшное, теперь столь любезно всем, что найдешь его везде, у начальников и подчиненных, у жен и мужей, у дев и замужних, у рабов и свободных; все непрестанно полагают знамение креста на благороднейшей части своего тела и носят каждодневно это знамение изображенным на челе своем, как на столпе. Оно блистает на священной трапезе, при рукоположении священников и вместе с телом Христовым на тайной вечери, всюду можно видеть его возносящимся: на домах, на торжищах, в пустынях, на дорогах, на горах, в пещерах, на холмах, на море, на кораблях, на островах, на ложах, на одеждах, на оружии, в чертогах, на пиршествах, на золотых и серебряных сосудах, на драгоценных камнях, на стенных картинах, на теле больных животных, на теле одержимых демонами, на войне, в мире, днем и ночью, в пиршественных собраниях и в келлиях подвижников; так для всех стал вожделенен этот дивный дар, исполненный неизреченной благодати! Уже никто не стыдится и не закрывается при мысли, что крест есть знак проклятой смерти; напротив, все мы почитаем его украшением для себя более венцов и диадим и многих ожерелий из драгоценных камней. Так он стал не только не страшен, но и вожделенен, любезен и досточтим для всех, и блистает изображаемый повсюду: на стенах домов, на кровлях, на книгах, в городах, в селах, в необитаемых и обитаемых местах. Теперь я охотно спросил бы язычника, от чего этот знак ужасной казни и проклятой смерти сделался любезным и вожделенным для всех, если не от великой силы Распятого?

10. Но если ты так бесстыден, что считаешь это за ничто и восстаешь против истины, и остаешься слепым при свете; то теперь я представлю тебе и другое доказательство того, как это важно. Какое же это доказательство? У судей есть много видов орудий для мучения: дерево, кнуты, когти, свинцовые зубцы, которыми скоблят тело, расторгают и раздробляют члены. Кто решился бы внести такие орудия в дом свой? Кто согласился бы прикоснуться к рукам делающих их палачей, или видеть их близко? Напротив, большая часть людей не отвращается ли, а некоторые не считают ли встречу с ними дурным признаком, и не решаются ни коснуться их, ни смотреть на них? Не убегают ли прочь и не отвращают ли своих взоров? Таков в древности был и крест, или еще гораздо страшнее; потому что, как я выше сказал, он был знаком не только смерти, но смерти проклятой. От чего же, скажи мне, он теперь сделался столь вожделенным и столь любезным для всех и досточтимее всего? Почему к этому самому древу, на котором святое тело Иисусово было распростерто и пригвождено, все наперерыв притекают? Почему многие, как мужи, так и жены, получив малую частицу этого древа и обложив ее золотом, вешают на свою шею, как украшение, между тем как оно было некогда знаком осуждения и наказания? Потому, что создавший все и все преобразующий, избавивши вселенную от нечестия и соделавший землю небом, Он и это орудие ненавистное и позорнейшее всех смертей превознес выше небес. Все это предвидя, пророк сказал: "**И покой его будет слава**". Этот знак смерти (не перестану постоянно говорить о нем) соделался источником великого благословения, стеною от всякой опасности, смертоносным отражением диавола, уздою демонов, грозою сопротивным силам; он попрал смерть, сокрушил медные врата ада, сломил его железные вереи, разрушил твердыню диавола, рассек путы греха, избавил всю вселенную от осуждения, исцелил рану, нанесенную нашей природе по определению Божию. Что я говорю? Чего не могли сделать ни море расступившееся, ни камни раздавшиеся, ни воздух изменившийся, ни манна посылаемая в течение сорока лет столь многим тысячам, ни закон, ни другие знамения, совершенные как в пустыне, так и в Палестине, то возмог сделать крест, и не в одной стране, но во всей вселенной; крест, этот знак некогда проклятый, всеми избегаемый, всем ненавистный, позорный, возмог по смерти Распятого легко совершить все это. И не только эти, но и последующие действия являют его силу. Прежде вселенная была бесплодна в отношении к добродетели; земля была нисколько не лучше пустыни и не надеялась произвести что-либо доброе; а крест вдруг сделал ее раем и матерью многочаднейшей. И об этом пророк задолго предсказал так: "**Возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, немучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа**" (Ис. 54:1). Сделав ее такою, Господь дал ей и закон превосходнейший прежнего, о чем также не умолчали пророки; посмотри, что они предвозвестили: "**заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь. Но вот завет, который Я заключу**" с ними, "**вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его**" (Иер.31:31-33). Далее пророк изображает быструю перемену их и легкое принятие учения: "**И уже не будут учить**", говорит он, "**друг друга, брат брата, и говорить: "познайте Господа", ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого**" (Иер.31:34). Что пришедший Господь дарует всем прощение грехов, и это также предсказал пророк в словах: "**Я прощу беззакония их и грехов их уже не воспомяну более**" (Иер. 31:34). Что может быть яснее этого? Такими предсказаниями он возвестил призвание язычников, превосходство Нового Завета пред Ветхим, легкость обращения и благодатные дары, получаемые верующими через крещение.

11. Тот, кто совершил все это, некогда придет Судиею; о чем также не умолчали пророки и предсказали, некоторые созерцая Его в том самом виде, в каком Он придет, другие возвещая это своими словами. Так Даниил, находясь среди вавилонских варваров, видел

Его грядущего на облаках; выслушай самые слова пророка: "**Видел я",** говорит он, "**с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему** (Дан. 7:14). А самый суд Его пророк изображает так: "**Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его - как чистая волна; престол Его - как пламя огня, колеса Его - пылающий огонь. Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним; судьи сели, и раскрылись книги**"

(Дан. 7:9-10). Кроме того пророк показывает, какой чести сподобятся праведники: "**и суд дан был святым Всевышнего, и наступило время, чтобы царством овладели святые**" (Дан.7:22). А пророк Малахия предсказывает, что этот суд будет производим через огонь: "**Он - как огонь расплавляющий и как щелок очищающий**" (Мал.3:2). Видишь ли, с какою точностью пророки предвозвестили все будущее? Неужели же ты дерзнешь не верить после столь разительных доказательств силы Христовой, после пророчеств, связанных за столь долгое время, и событий, совершившихся согласно с предсказаниями, так что решительно ничто не осталось не исполнившимся? А что все это не выдумано нами, о том свидетельствуют (священные) книги и те, которые прежде всех получили и доныне содержат и хранят их, враги наши и потомки распявших Господа. Почему же, скажут, они не веруют, имея у себя эти книги? Потому же, почему они не веровали, видя чудеса Его. Но это вина не того, кому не веруют, а тех, которые среди дня ничего не видят. Так Бог создал и видимый мир, этот прекрасно настроенный орган, повсюду провозглашающий и прославляющий Создателя; однако есть люди, из которых одни считают все образовавшимся само собою, другие считают все видимое существующим от вечности, иные приписывают сотворение и сохранение его демонам, или случаю и судьбе, естественному развитию, влиянию звезд и т. п. Но в этом не виновен Создатель, а достойны осуждения те, которые при таких врачевствах страждут крайними болезнями. Душа благоразумная видит, что должно делать, не имея нужды во многих пособиях; а неразумная и бесчувственная, хотя бы имела множество руководителей, предавшись страстям, остается слепою. Это можно видеть везде, не только в настоящем деле (веры), но и в других. Сколько, например, таких людей, которые не слыхали о законах, и однако проводили жизнь сообразную с ними? А другие от первого возраста до глубокой старости изучали законы, и однако непрестанно нарушали их. Так бывало и в древности. Иудеи, видевшие множество знамений и чудес, не сделались лучшими. А ниневитяне, услышав только воззвание, переменились и воздержались от пороков. Это можно видеть не только на людях высших, но и на низших. Какого учения не удостоился Иуда? и однако сделался предателем. Какое наставление слышал разбойник? - и однако на кресте исповедал Господа и провозвестил царство Его. Не суди же о предметах по мнениям развращенных людей, но по истинному свойству предметов составляй надлежащее мнение о людях благонамеренных. Не уверовали иудеи, уверовали язычники. И об этом не умолчали пророки; так пророк Давид взывает: "**иноплеменники солгали мне, иноплеменники одряхлели и уклонились от стезей своих**" (Пс. 17:46); и Исаия говорит: "**Кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?**" (Ис. 53:1)? И еще: "**Я открылся не вопрошавшим обо Мне; Меня нашли не искавшие Меня**" (Ис. 65:1). Так и при земной жизни Господа хананеянка и самарянка уверовали в Него, а священники и старейшины враждовали и строили козни против Него, побуждали к тому и других, и уверовавших в Него изгоняли из синагоги. Итак не удивляйся этому. Подобных примеров исполнена наша жизнь, как в наше время, так и в прежние времена; впрочем и из иудеев, хотя не все, но многие и тогда и ныне уверовали (во Христа); а что не все, это не ново, и не странно; такова неблагодарность, такова безрассудность души, преданной страстям! Изложив пророчества о Христе, сказанные пророками и предвозвещенные за столько лет,

теперь я представлю те пророчества, которые сам Он, когда жил на земле и обращался с людьми, изрек о будущих событиях, чтобы ты и из них познал силу Его. Господь, пришедши тогда на землю и устрояя спасение людей, как живших, в прошедшие времена, так и имеющих жить впоследствии, устроял это спасение различным образом. И смотри, как Он поступает. Он творит чудеса и предсказывает некоторые из будущих отдаленных событий, уверяя тогдашних слушателей современными им событиями в истине будущих событий, а для будущих поколений делая достоверными совершенные Им в то время чудеса посредством исполнения Его предсказаний, и таким сугубым доказательством внушая веру в Свое царство.

12. Пророчества Иисуса Христа были двоякого рода: одни из них долженствовали исполниться в настоящей жизни, а другие сбудутся при самой кончине мира; они взаимно подкрепляют себя и с великою силою доказывают истинность тех и других. Неясные слова я постараюсь объяснить примером. Двенадцать учеников были спутниками Господа; даже название церкви тогда еще ни приходило никому на ум, потому что синагога еще находилась в цветущем состоянии. Когда почти вся вселенная предана была нечестию, что сказал и предвозвестил Господь? "**На сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее**" (Мф. 16:18). Рассматривай, как хочешь, это изречение, и увидишь истинность его в полном блеске. Не то одно удивительно, что Он во всей вселенной устроил Свою церковь, но и то, что сделал ее непреодолимою, и непреодолимою тогда, как она испытывает столько враждебных нападений. Слова: "**врата ада не одолеют ее**" означают опасности, низводящие во ад. Видишь ли истину предсказания? Видишь ли силу исполнения его? Видишь ли слова, блистательно оправданные делами, и непреодолимую силу, легко совершающую все? Кратко изречение: "**создам Церковь Мою**", но не пробегай его без внимания, а вникни в него умом и представь, сколь великое дело - наполнить всю землю под солнцем церквами, обратить столько племен, убедить народы, уничтожить отеческие обычаи, исторгнуть укоренившуюся привычку, свергнуть владычество сладострастия и силу нечестия, как прах; жертвенники, капища, идолов и их службы, бесчинные празднества и нечистые жертвоприношения развеять как дым; и воздвигнуть алтари истинному Богу повсюду, - в стране римской, в Персии, в Скифии, в Мавритании, в Индии; что я говорю? - даже за пределами нашей вселенной; ибо и Британские острова, лежащие за пределами моря, на самом океане, - ощутили силу изречения Господня; и там воздвигнуты церкви и алтари. Это изречение, сказанное тогда Господом, теперь насаждено во всех душах и находится во всех устах; вся, так сказать, земля, наполненная тернием, очистилась, сделалась чистою нивой и приняла семена благочестия. Великим, поистине великим делом, или, лучше сказать, доказательством чрезвычайного величия и божественной силы было бы - без всякого препятствия, во время мира, при содействии многих и без всяких врагов, вдруг отторгнуть вселенную от порочных навыков, утвердившихся в течение столь долгого времени, и обратить к другим, гораздо труднейшим. А здесь противниками были не только навык, но и сладострастие, - эти два тирана. Надлежало отвергнуть то, что с давних времен было принято от отцов, дедов, прадедов и древнейших предков, от философов и риторов; это было весьма трудно; - и принять другие новые обычаи, требующие великих подвигов, что было еще труднее. Христос изгонял роскошь, водворял пост; изгонял любостяжание, водворял нестяжательность; изгонял невоздержание, водворял целомудрие; изгонял гнев, водворял кротость; изгонял зависть, водворял дружелюбие; отводил от пути пространного и широкого и приводил на путь тесный, скорбный и трудный, и приводил тех, которые привыкли к пространному. Не других каких-нибудь людей взял Он вне вселенной без этих навыков, но тем самым, которые растлились в этом мире и сделались негоднее грязи, повелел идти путем тесным и скорбным, жестким и суровым, и убедил их. И сколь многих убедил? Не одного, не десять, не двадцать, не сто, но почти всех живущих под солнцем. И через кого убедил? через одиннадцать человек неученых, простых, не знавших языков,

незнатных, бедных, не имевших ни отечества, ни богатства, ни телесной силы, ни славы, ни знаменитости предков, ни силы слова, ни искусства красноречия, ни преимуществ учености; но рыбарей, скинотворцев, говоривших на своем языке не одинаковом с языком тех, кому проповедывали, но чуждом и отличном от всех прочих языков, т. е. еврейском, и через них Христос устроил Свою церковь, простертую от концов до концов вселенной!

13. И не только это удивительно, но и то, что эти люди, простые, бедные, немногочисленные, незнатные, неученые, уничиженные, говорившие на чуждом языке и презираемые, избранные для исправления всей вселенной и получившие повеление обращать ее к труднейшим делам, совершили это не во время мира, но при воздвигаемых против них отвсюду бесчисленных нападениях. В каждом народе и городе, - что я говорю: в народе и городе? - в каждом доме предстояла им борьба. Проповедуемое ими учение часто разлучало сына с отцем, невестку с свекровью, брата с братом, раба с господином, подчиненного с начальником, мужа с женою, жену с мужем, отца с детьми; потому что не все вдруг принимали его; это подвергало их ежедневной вражде, непрерывной борьбе, тысячи смертей, и располагало людей обращаться с ними, как общими врагами и неприятелями. Все гнали их: цари, правители, простолюдины, свободные, рабы, народы и города; а не их только, но и тех, которые приняли их учение, но еще не были крепки в вере. Была общая война и против учеников и против учителей, так как это учение казалось противным и царским постановлениям, и привычке, и отеческим обычаям. Они увещевали отвергнуть идолов, презреть жертвенники, которые чтимы были всеми отцами и предками, отказаться от нечистых верований, гнушаться празднеств и отвращаться от обрядов, к которым люди питали благоговение и страх, и за которые они готовы были скорее отдать свою душу, нежели принять проповедуемое апостолами и веровать в Рожденного от Марии, осужденного игемоном, поруганного, претерпевшего бесчисленные страдания и поносную смерть, погребенного и воскресшего. И то производило недоверчивость, что страдания Его были явны для всех, бичевания, удары по ланитам, оплевания по лицу, заушения, распятие на кресте, великое осмеяние, поругание от всех, погребение, дарованное в виде милости; а обстоятельства воскресения еще не были известны, так как Он по воскресении Своем явился одним ученикам. И однако такою проповедью они убедили и устроили церковь. Как и каким образом? Силою Того, Кто им повелел это; Он сам был их руководителем: Сам делал все трудное легким. Если бы божественная сила не содействовала, то это дело не получило бы ни вступления, ни начала. И как бы оно могло сделаться? Но Тот, Кто изрек: да будет небо, - и совершил это на деле; Кто сказал: да созиждется земля, - и даровал ей бытие; Кто повелел: да воссияет солнце, - и явил светило; Кто сотворил все Своим словом, Тот насадил и эти церкви; и Его слово: "**создам Церковь Мою**", совершило все это. Таковы слова Божии; они совершают дела, дивные и чудные. Некогда Он сказал: "**да произрастит земля зелень**" (Быт. 1:11), - и вдруг все стало садом, все - лугами, и земля, вняв повелению, покрылась бесчисленными растениями. Так и ныне Он изрек: "**создам Церковь Мою**", - и это совершилось с великой легкостью; и тогда как против нее вооружались властители, потрясали оружием воины, свирепствовали сильнее огня целые народы, противостояла привычка, восставали риторы, софисты, богатые, простые люди и начальники, слово Его, действуя сильнее огня, истребило терния, очистило нивы, посеяло евангельское учение. И между тем, как из уверовавших одни были заключаемы в темницы, другие отправляемы в ссылку, иные лишаемы имущества, иные умерщвляемы и рассекаемы, сожигаемы, потопляемы и подвергаемы всякому роду мучений, поругаемы и изгоняемы отовсюду, как бы общие враги, являлись новые исповедники в большем числе, которые, смотря на страдания других, не только не охладели к вере, но еще охотнее и лучше стремились к этому прекрасному улову, и были уловляемы не принуждением, не насилием, но прибегая сами и изъявляя благодарность приведшим их ко Христу; взирая на потоки крови верующих, они становились более пламенными к вере и более смелыми; и тогда как не

ученики только, но и учители, иные были заключаемы в узы, другие изгоняемы, иные бичуемы, и претерпевали другие бесчисленные мучения, число верующих умножалось и ревность их увеличивалось. Об этом Павел говорит так: "**и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие**" (Флп. 1:14); и в другом месте: "**Ибо вы, братия, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев, которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся**" (1 Фесс. 2:14-15). И еще в послании к другим он говорит: "**Вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее**" (Евр. 10:32, 34). Видишь ли превосходную силу Совершившего все это? Мученики, подвергаясь страданиям, не только не малодушествовали, не только не скорбели, но радовались, торжествовали, ликовали. И об этом Павел говорит, что "**расхищение имения вашего приняли с радостью**" (Евр. 10:33); а об учителях Лука в книге Деяний повествует, что они с радостию возвратились из синедриона, удостоившись принять бесчестие за имя Христово (Деян. 5:41). И о самом себе также Павел говорит: "**Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его**" (Кол. 1:24). И что удивительного, если он среди страданий радовался, когда он, готовясь претерпеть смерть, не только радовался, но и учеников своих призывал к участию в своей радости, что свойственно чрезвычайно радующейся душе. "**Радуюсь**" , говорит он, "**и сорадуюсь всем вам. О сем самом и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне**" (Фил. 2:17-18). Что сделалось, скажи мне, что ты исполнился такой радости? "**Ибо я**" , говорит он, "**уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало**" (2 Тим. 4:6).

14. Таким образом они повсюду устроили церковь. Никто не мог бы построить даже одну стену из камня и извести, подвергаясь гонению и встречая препятствия; а они устроили столько церквей по всей вселенной, подвергаясь ранам, узам, гонениям, ссылкам, отнятию имений, бичеваниям, задушению, сожжению, потоплению вместе с учениками, и устроили не из камней, но из душ и волей человеческих, что гораздо труднее построения из камней. Не все равно, построить ли стену, или душу, столько времени бывшую во власти демонов, расположить к покаянию и от безумного неистовства обратить к целомудрию. Однако это были в состоянии сделать апостолы, бедные и не имевшие обуви, в одной одежде обходя всю вселенную; потому что они имели поборником и помощником своим непреоборимую силу изрекшего: "**на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее**" . Исчисли, сколько властителей восставали против нея, сколько они воздвигали тягчайших гонений на нее, в каком положении она находилась во все предшествовавшее время, когда вера была еще только насаждаема, когда умы людей были еще не тверды в ней.

15. Царями были язычники, Август, Тиверий, Гаий, Нерон, Веспасиан, Тит и все последующие до времен блаженного царя Константина; и все они гнали церковь, одни с меньшею, а другие с большею жестокостию, но все гнали ее. Хотя некоторые из них, по-видимому, и оставляли ее в покое, но то самое, что цари явно были преданы нечестию, служило поводом к гонениям, так как другие из лести угождали им гонением на церковь. Но все такие козни и нападения расторгались легче паутины, рассеевались скорее дыма, развеивались быстрее праха. Самыми этими кознями они произвели великий сонм мучеников и оставили церкви бессмертные сокровища, башни и столпы, которые не только при жизни, но и по смерти своей соделались для последующих христиан источником великого благополучия. Видишь ли силу предсказания: "**и врата ада не одолеют ее**" ? После этого веруй, что и в будущем никто из них не одолеет ее. Если тогда, когда она состояла из немногих, когда казалась нововведением, когда учение только что

было преподано, когда было столько препятствий и столько враждебных нападений со всех сторон, враги не могли преодолеть и не преодолели ее, то тем более по распространении ее на всей вселенной и на всяком месте, по горам и пещерам и холмам. Действительно, она объяла и море и все племена, находящиеся под солнцем, и уже у немногих господствует нечестие, по уничтожении жертвенников, капищ, идолов и всего, празднеств, обрядов, дыма и смрада и нечестивых сборищ. Как же такое великое дело при таких препятствиях получило столь блистательный конец и успех, свидетельствующий об его истине, если не некоторою божественною и непобедимою силою предсказавшего и совершившего это? Никто не станет противоречить этому, кроме разве кого-нибудь из крайне безумных и сумасшедших, лишившихся естественного смысла. И не только те, но и другие предсказания свидетельствует о непобедимой силе Его. Так Он предсказывал о будущем со всею истиною и приводил (Свои предсказания) в исполнение; и ничто из сказанного Им не может остаться тщетным, но скорее погибнут земля и небо, нежели что-нибудь из слов и предсказаний Его окажется изреченным ложно. Поэтому и сам Он, указывая на это прежде исполнения событий, ясно сказал о Своих изречениях так: "**небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут**" (Мф. 24:35); и весьма понятно; потому что они не простые слова, но слова Божии, которыми созидаются дела; так Бог сотворил небо, так землю, так море, так солнце, так сонмы ангелов, так прочие невидимые силы. Объясняя это и пророк сказал: "**Он сказал, - и сделалось; Он повелел, - и явилось**" (Пс. 32:9), разумея всю тварь, высшую и низшую, чувственную и духовную, телесную и бестелесную. Так и предсказание о церкви, как я выше сказал, доказывает величие, силу и превосходство Его истинности, промышления, благости и попечительности.

16. Теперь мы рассмотрим другое предсказание Его, блистающее яснее солнца и светлейшее солнечных лучей, находящееся пред взорами всех и простирающееся на все последующие поколения, подобно предыдущему. Таковы большей частью предсказания Его. Они не ограничиваются кратким временем и не исполняются при одном поколении, но всем людям, настоящим, будущим и следующим за ними, и далее за этими и до скончания века имеющим быть, всем дают понять силу своей истинности, подобно предыдущему. По этому предсказанию церковь с того дня, как оно было изречено, до скончания века пребудет твердою и непоколебимою, цветущею и блистающею, с каждым днем преуспевая, возрастая, укрепляясь и сообщая всем людям, имеющим быть с того времени до (второго) пришествия Христова, величайшие блага и неизреченную пользу. Как бывшие прежде нас, так и бывшие прежде этих и еще прежде тех бывшие познали силу его, видя нападения, воздвигавшиеся против церкви, опасности и козни, смятения, волнения и бури, а ее видя непотопляемою, непреодолимою, непобеждаемою, неистребляемою, но цветущею, преуспевающею и возрастающею больше и больше. И то предсказание, о котором я намереваюсь теперь сказать, таково же для доказательства Его силы и истинности изреченного Им. Какое же это предсказание? Христос вошел некогда в храм иудейский, который находился тогда в цветущем состоянии, блестел везде множеством золота, красотою и великолепием зданий, содержал все другие драгоценности искусственные и вещественные, и, тогда как ученики Его удивлялись, что Он говорит им? "**Видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено**" (Мф. 24:2), разумея будущее его разрушение, истребление, запустение, нынешние развалины в Иерусалиме; и подлинно все эти блистательные и знаменитые здания обратились в развалины. Видишь ли великую и неизреченную силу Его в том и другом, - в том, что почитающих Его Он устроил и размножил, и в том, что враждовавших против Него смирил, сокрушил и искоренил? Нигде не было такого храма, столь славного и пользовавшегося таким почитанием. Иудеи, жившие повсюду до самых пределов земли, издревле приходили туда, принося дары, жертвы, милостыни, начатки и много другого, и украшая храм богатством вселенной; и все иудейские прозелиты (из язычников) отовсюду стекались туда, и велика была слава этого места, достигавшая до

самых последних пределов вселенной. Но одно слово Христово уничтожило и истребило все это и рассеяло, как прах; и туда, куда прежде не всем иудеям, даже не всем священникам, а только одному первосвященнику дозволялось входить, и притом только однажды в год в его облачении, венцах и митре и прочей священной одежде, теперь можно входить и блудникам распутным и прелюбодеям развратным без всякого препятствия; потому что слово (Христово), обращенное к нему, разрушило и уничтожило все; и от этого храма остается столько, сколько нужно для указания, где он находился в древности. Представь же, какова сила, совершившая это дело. Те, которые имели такое могущество, преодолевали народы и царей, многократно одерживали победы на войнах без пролития своей крови и воздвигли множество необыкновенных и дивных трофеев, не могли построить одного храма с того времени до ныне, и притом тогда, как было столько царей, содействовавших им, и такое множество их самих, рассеянных по вселенной и имевших у себя такие богатства. Видишь ли, как того, что Он устроил, никто не разрушил, а что Он разрушил, того никто не построил? Он устроил церковь, и никто не может разрушить ее; Он разрушил храм, и никто не может восстановить его, и притом в такое продолжительное время; между тем и церковь пытались разрушить, но не могли, и храм старались восстановить, но не могли. Это было дозволено, чтобы никто не мог говорить, что, если бы они попытались, то могли бы (возстановить храм). Вот они и пытались, но не могли ничего сделать. При нашем поколении превзошедший всех нечестием царь (Юлиан) дал им тогда позволение и содействовал им, и они приступили к делу, но не могли иметь никакого успеха, так как вырвавшийся из основания огонь разогнал их. А что они желали построить, доказательством этого доныне служит обнаженное основание (храма), чтобы ты видел, что они пытались раскапывать землю, но построить не могли, так как им противодействовало упомянутое изречение (Христово). Этот храм и прежде был разрушен, но по возвращении (иудеев из плена вавилонского) через семьдесят лет он тотчас был восстановлен, о чем говорили и предсказывали пророки прежде события. А теперь прошло уже более трехсот лет, и нет ни мысли, ни вероятности, ни надежды на то, что он опять явится. Что же препятствовало, если не божественная сила, противящаяся этому? Разве нет у них великого обилия богатства? Разве патриарх их, отвсюду со всех собирая доходы, не владеет несчетными сокровищами? Разве этот народ не смел, не бесстыден, не настойчив, не дерзок, не воинствен? Разве не много их в Палестине? Разве не много - в Финикии? Разве не много - везде? Как же они не могли восстановить одного храма, и притом видя, что от этого их богослужение повсюду задерживается, и обычаи иудейские нарушаются, и жертвы и приношения и прочие подобные постановления закона отменяются и прекращаются? Ибо ни поставить жертвенника, ни принести жертвы, ни сделать возлияния, ни возложить овцы и фимиама, ни читать закона, ни совершить праздника, и ничего другого подобного им не было дозволено вне преддверий того храма.

17. Находясь некогда в Вавилоне и быв принуждаемы врагами петь, они не соглашались и не повиновались, хотя были пленниками и рабами угнетавших их господ; но и не имея отечества и свободы, и подвергаясь опасению за свою жизнь, и находясь в руках плениших, как в сети, когда им приказывали петь песни на инструментах, они говорили так: "**При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши - веселья: "пропойте нам из песней Сионских". Как нам петь песнь Господню на земле чужой?**" (Пс. 136:1-4)? И никто не может сказать, что они поступали так по неимению инструментов; они сами привели причину этого в словах: "**Как нам петь песнь Господню на земле чужой?**" А инструменты были с ними; "**на вербах**", говорят они, "**посреди его, повесили мы наши арфы**" (Пс.136:2). Там непозволительно было им и поститься. Указывая на это, пророк говорил им: "**когда вы постились и плакали в пятом и седьмом месяце, притом уже семьдесят лет, для Меня ли вы постились?**" (Зах. 7:5)? А что им непозволительно было делать ни курений, ни возлияний, о том послушай трех отроков, которые говорят: "**нет у**

нас в настоящее время ни князя, ни пророка, ни вождя, ни всесожжения, ни жертвы, ни приношения, ни фимиама, ни места, чтобы нам принести жертву Тебе и обрести милость Твою" (Дан. 3:38). Они не сказали, что нет священника; потому что священники были; но чтобы ты знал, что все зависело от места и все законодательство прикреплено было к нему, они и сказали: "**нет места**". Но что я говорю: делать курения и возлияния? Даже просто читать закон там непозволительно было им; и за это некогда укоряя их, другой пророк говорил: "**и прочитали извне закон, и призвали исповедание**" (Ам. 4:5 – слав.); ни совершать пасхи, ни пятидесятницы, ни праздника кущей, и ничего другого подобного. И однако зная, что запустение места сделало для них непозволительным все это, и что, если они станут покушаться на что-нибудь подобное, то станут покушаться противозаконно и будут наказаны за это, они не могли воздвигнуть и востановить того места, в котором позволено было совершать все это по закону. Так сила Христова, создавшая церковь, разрушила это место. И пророк предсказал о том, что придет Христос и совершит это, хотя сам жил уже после плена. Послушай, что говорит он: "**лучше кто-нибудь из вас запер бы двери, чтобы напрасно не держали огня на жертвеннике Моем. Нет Моего благоволения к вам. Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву**" (Мал. 1:10-11). Видишь ли, как он ясно и отверг иудейство и представил христианство блистающим и распространившимся по всей земле? Свойство же этого богослужения другой пророк изображает так: "**и Ему будут поклоняться, каждый со своего места и служить Ему единодушно**" (ср. Соф. 2:11; 3:10); и еще иной: "**упала, не встает более дева Израилева! повержена на земле своей, и некому поднять ее**"(Ам. 5:2). И Даниил ясно говорит, что все прекратится, и жертва и возлияние, и помазание и суд (Дан. 9:27). Впрочем, это яснее и пространнее я раскрою тогда, когда буду говорить к иудеям, а пока буду держаться предположенного пути, в опровержение умствований безрассудных язычников. Я не говорил тебе ни о воскрешении мертвых, ни об очищении прокаженных, чтобы ты не сказал: это - ложь, выдумка, басня, кто это видел, кто слышал? Те, которые сказали, что Христос был распят и принимал удары по ланитам, те самые сказали и об этом. Почему же ты, считая их достоверными в последнем, восстаешь против сказанного ими о первом, как бы несбыточном? Если бы они для прославления своего учителя писали по суетному тщеславию, то они умолчали бы о событиях прискорбных и кажущихся для многих позорными, а между тем они в доказательство своей истинности в особенности останавливались на этих последних и рассказали все с точностью и большой подробностью, не опуская ни малого ни великого; о знамениях и чудесах они очень многое умолчали, а о страданиях и событиях, кажущихся позорными, на которых останавливались, все сказали все с точностью. Я же не сказав тебе ничего об этом, т. е. о чудесах и знамениях, дабы сильнее удержать всякий бесстыдный язык, представил то, что теперь явствует, теперь находится пред глазами, что яснее солнца, распространено по всей земле и объемлет всю вселенную, что совершилось превыше человеческой природы и было только делом Божиим. Ты говоришь, что Он не воскрешал мертвых? Но ты не можешь сказать, что нет церквей во вселенной, что оне не подвергались гонениям и что они не преодолевают и не побеждают. Сказать это так же невозможно, как сказать, что нет солнца. А разрушение иудейского храма разве ты не видишь совершившимся пред глазами всей вселенной? Почему ты не рассуждаешь сам с собою так: если действовал не Бог и Бог крепкий, то отчего почитающие Его так умножились даже при гонениях, а распявшие Его и нападавшие так унижены, что и лишились всего государства и странствуют скитальцами, изгнанниками и беглецами, и столь долгое время не изменило того и другого? Против римской власти иудеи предпринимали войны, поднимали оружие, продолжали ополчаться много времени, иногда и одерживали победы и причиняли немало беспокойств тогдашним императорам, и однако эти самые иудеи, воевавшие и ополчившиеся против таких царей, и имевшие такое множество и денег и оружия и воинов и отражавшие многих полководцев, не могли восстановить одного храма; синагоги

они построили во многих городах, а того места, которое давало силу собственному их государству, где они привыкли совершать все и чем держалось иудейство, того одного места восстановить не могли.

---

[1] Здесь смысл неясен, слав.: "*и дам лукавые вместо погребения Его, и богатые вместо смерти Его".*

[2] Синод. перевод: "**Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его. На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет**".

[3] Синод. перевод: "**Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу**".

[4] В Синод. переводе последней фразы нет.

[5] В Синод. переводе: "**Я дам народам уста чистые, чтобы все призывали имя Господа и служили Ему единодушно**".

[6] В Синод. переводе: "**лучше кто-нибудь из вас запер бы двери, чтобы напрасно не держали огня на жертвеннике Моем**".

ПРОТИВ ИУДЕЕВ.

Восемь "слов против иудеев" произнесены были св. Иоанном Златоустом в Антиохии в два приема: первые три - осенью 386, а последние пять - осенью же 387 года. Поводом к их произнесению послужило то печальное обстоятельство, что многие христиане - или по старой привычке, или по неразумию и увлечению - принимали участие в совершавшихся местными иудеями праздниках и постах, и посещали синагоги. Против этого неразумия и направлены слова Златоуста, который выясняет в них, что иудейство уже потеряло свое значение и потому соблюдение его обрядов противно воле Божией. Первое слово было произнесено вскоре после первого же слова против аномеев, напечатанного выше на стр. 493. На него именно и делается указание в начальных строках первого слова.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

СЕГОДНЯ хотел я сообщить вам остальное из того предмета, о котором недавно беседовал с вами и показать яснее, сколь непостижим Бог. Об этом мы много и долго говорили в прошедшее воскресенье, когда приводили свидетельства и из Исайи, и из Давида, и из Павла. Первый взывал: “**Но род Его кто изъяснит**?” (Ис. 53:8). Второй благодарил Бога за Его непостижимость, говоря: “**Славлю Тебя, потому что я дивно устроен. Дивны дела Твои**” (Пс. 138:14); и еще: “**Дивно для меня ведение [Твое], - высоко, не могу постигнуть его!**” (ст. 6). А Павел, не углубляясь в исследование самой сущности (Бога), а вникнув только в Его промышление, или лучше - обняв малую только часть этого промышления, открывшуюся в призвании язычников, и как бы увидев

обширное и необъятное море, воскликнул: “**О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!**” (Рим. 11:33). Конечно, достаточно бы и этих свидетельств для доказательства, но я не удовольствовался пророками, не остановился и на апостолах, но взошел на небо, показал вам хор ангелов, говорящий: “**Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!**” (Лк. 2:14). Вы слышали также серафимов, со страхом и трепетом взывающих: “**Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!**” (Ис. 6:3). Присовокупил я и херувимов, вопиющих: “**Благословенна слава Господа от места своего!**” (Иез. 3:12). Три свидетеля на земле [1], и три на небе [2], показывают неприступность славы Божией. Доказательство наконец стало несомненным; много было рукоплесканий, народ был воодушевлен, собрание воспламенялось. А я радовался не тому, что меня хвалили, но тому, что славили моего Владыку; ибо эти рукоплескания и похвалы доказывали любовь души вашей к Богу. Как любящие слуги, услышав, что кто-нибудь хвалит их господина, воспламеняются любовию к хвалящему, потому что любят господина; так поступили и вы тогда: громкими рукоплесканиями вы показали великую любовь к Господу. Хотел бы и я сегодня заняться теми же прениями: если уже враги истины не могут насытиться хулами на Благодетеля, тем более мы должны быть ненасытны в прославлениях Бога всяческих. Но что мне делать? Другая, еще более тяжкая, болезнь вызывает язык наш к её врачеванию, - болезнь, поразившая тело церкви. Её-то и должно прежде всего искоренить, а потом уж позаботиться и о внешних; должно прежде излечить своих, а потом заняться и чужими. Какая же это болезнь? У жалких и несчастных иудеев наступает непрерывный ряд праздников: трубы, кущи, посты; а многие из тех, которые считаются нашими и говорят о себе, будто веруют по нашему, одни ходят смотреть на эти праздники, а другие даже участвуют в праздниках и постах (иудейских). Этот-то злой обычай я и хочу теперь изгнать из церкви. Против аномеев можно поговорить и в другое время, и от замедления в этом не будет никакого вреда: но, если зараженных иудейством не уврачуем теперь, когда праздники иудеев близки и у дверей, то боюсь, чтобы некоторые (из христиан), по неудержимой привычке и великому невежеству, не приняли участия в этом нечестии; тогда напрасны уже были бы и наши слова об этом. Ибо, если они, ничего не услышав от нас сегодня, будут поститься с иудеями; то после того, как грех уже будет сделан, напрасно станем мы прилагать и врачевство. Поэтому-то я и спешу предупредить (зло). Так поступают и врачи: они прежде всего употребляют средства против сильных и самых острых болезней. Притом же, настоящее слово (против иудеев) сродно с прежним (против аномеев): как сродно нечестие аномеев и иудеев, так и настоящие состязания ваши сродны с прежними. Аномеи ставят в вину (И. Христу) то же самое, за что обвинили Его иудеи. За что же обвинили они? За то, что (Иисус Христос) называл Бога Своим Отцом, делая Себя равным Богу (Ин. 5:18). За это же обвиняют Его и аномеи, или вернее сказать, не обвиняют, но даже совсем извращают самые слова (И. Христа) (Ин. 5:17), и смысл их, если не руками, так мыслию.

2. Не удивляйтесь, что иудеев я назвал жалкими. Истинно жалки и несчастны они, намеренно отринувшие и бросившие столько благ, с неба пришедших в их руки. Воссияло им утреннее Солнце правды: они отвергли свет Его, и сидят во тьме, а мы, жившие во тьме, привлекли к себе свет и избавились от мрака заблуждения. Они были ветвями святого корня, но отломились: мы не принадлежали к корню, и принесли плод благочестия. Они с малолетства читали пророков, и распяли Того, о Ком возвещали пророки: мы не слышали божественных глаголов, и Тому, о Ком предсказано в них, воздали поклонение. Вот почему жалки они; ибо тогда как другие восхищали и усвояли себе блага, им (иудеям) ниспосланные, сами они отвергли их. Они, призванные к усыновлению, ниспали до сродства с псами, а мы, будучи раньше псами, возмогли, по благодати Божией, отложить прежнюю неразумность и возвыситься до почести сынов (Божиих). Из чего это видно? “**Не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам**” (Мф.

15:26) - так сказал Христос хананейской жене, называя чадами иудеев, а псами язычников. Но смотри, как после изменился порядок: те (иудеи) сделались псами, а мы чадами. “**Берегитесь псов,** - говорит о них Павел, - **берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания, потому что обрезание - мы**” (Флп. 3:2-3). Видишь, как бывшие прежде чадами сделались псами? Хочешь узнать, как и мы, бывшие прежде псами, сделались чадами? “**А тем, которые приняли Его,** - говорит евангелист, - **дал власть быть чадами Божиими**” (Ин. 1:12). Нет ничего жальче иудеев: они всегда идут против собственного спасения. Когда надлежало соблюдать закон, они попрали его; а теперь, когда закон перестал действовать, они упорствуют в том, чтобы соблюдать его. Что может быть жальче тех людей, которые раздражают Бога, не только преступлением закона, но и соблюдением его? Поэтому, говорит (св. Стефан): “**Жестоковыйные! люди с необрезанным сердцем и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому**” (Деян. 7:51), - не только нарушением закона, но и неблаговременным желанием соблюдать его. И справедливо он назвал их жестоковыйными, потому что они не понесли ига Христова, хотя оно было благо и не заключало в себе ничего тяжкого и изнурительного. “**Научитесь,** - говорит (Иисус Христос), - **от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем**”, - и ещё: “**Возьмите иго Мое на себя, … ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко**” (Мф. 11: 29-30). Однако же они не понесли (этого ига) по своей жестоковыйности; и не только не понесли, но сокрушили и расторгли его. “**Ибо издавна**, - сказано, - **Я сокрушил ярмо твое, разорвал узы твои**” (Иер. 2:20, ср. 5:5 и Пс. 2:3). Не Павел говорит это, но пророк вопиет, разумея под игом и узами символы власти (Христовой); ибо (иудеи) отвергли владычество Христа, когда говорили: “**Нет у нас царя, кроме кесаря**” (Ин. 19:15). Ты (иудей) сокрушил иго, разорвал узы, отторгся от царства небесного и подчинился человеческим властям! А ты (слушатель) смотри, как точно пророк обозначил необузданность иудеев; он не сказал: ты отверг иго, но - сокрушил иго, а это порок животных рьяных, необузданных, не терпящих власти. Но от чего произошла эта жестоковыйность? От пресыщения и пьянства. Кто говорит об этом? Сам Моисей: “**И (ел Иаков, и) утучнел Израиль … и разжирел; и оставил он Бога, создавшего его**” (Втор. 32:15). Как животные, когда пользуются обильным кормом, разжирев, делаются буйными и неукротимыми, не допускают к себе ни ярма, ни узды, ни руки возничего; так и иудейский народ, от опьянения и пресыщения низвергшись в крайнее нечестие, заскакал, не взял на себя ига Христова, и не повлек плуга (евангельского) учения. На это указывая, и другой пророк говорил: “**Ибо как упрямая телица, упорен стал Израиль**” (Ос. 4:16); а другой называет народ иудейский: “**телец неукротимый**” (Иер. 31:18). А такие животные, будучи негодны для работы, годны бывают для заклания. Это случилось и с иудеями: сделав себя негодными для работы, они стали годными только для заклания. Поэтому и Христос сказал: “**Врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избейте предо мною**” (Лк. 19:27). Поститься тебе, иудей, надлежало тогда, когда пьянство причиняло тебе столько бедствий, когда пресыщение порождало нечестие, - тогда, а не теперь, потому что теперь пост неуместен и мерзок. Кто говорит это? Сам Исайя, громко взывающий: “**Таков ли тот пост, который Я избрал**” (Ис. 58:5). Почему? Потому что “**Вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкою рукою бить других**” (ст. 4). Если же твой пост был мерзок, когда ты бил подобных тебе рабов; то приятен ли он будет тогда, как ты убил Владыку? Как же так? Постящемуся должно быть кротким, сокрушенным, смиренным, и не опьянять себя гневом: а ты бьешь подобных себе рабов? Тогда иудеи постились “**для ссор и распрей**”, а теперь (постятся) в неумеренности и крайней невоздержности, пляша босыми ногами на площади; по намерению они постящиеся, а по виду пьянствующие! Послушай, как пророк повелевает поститься: “**Назначьте,** - говорит, - **пост**, - не сказал: шумно празднуйте пост; - **объявите торжественное собрание, созовите старцев**” (Иоиль. 1:14). А они, собрав толпы изнеженных людей и скопище распутных женщин, весь этот театр и актеров увлекают в синагогу; ибо между театром и синагогою нет никакого различия.

3. Знаю, что некоторые сочтут меня дерзким за то, что я сказал: нет никакого различия между театром и синагогою; а я считаю их дерзкими, если они думают иначе. Если я решаю так сам собою, вини меня; но, если говорю слова пророка, прими решение. Знаю, что многие уважают иудеев, и нынешние обряды их считают священными: потому спешу исторгнуть с корнем это гибельное мнение. Я сказал, что синагога нисколько не лучше театра, и приведу на это свидетельство из пророка; иудеи, конечно, не больше пророков заслуживают вероятия. Так, что же говорит пророк? "**У тебя был лоб блудницы, ты отбросила стыд**" (Иер. 3:3). А где блудница предается блудодеянию, то место и есть непотребный дом. А лучше сказать, синагога есть не только непотребный дом и театр, но и вертеп разбойников и логовище зверей: "**Не соделался ли вертепом разбойников** (в другом переводе – вертепом гиены – ред.) **в глазах ваших дом сей, над которым наречено имя Мое**?" (Иер. 12:8, 7:11), - вертеп не просто зверя, но зверя нечистого. И еще: "**Я оставил дом Мой; покинул удел Мой**" (Иер. 12:7); а когда Бог оставит, то какая уже надежда на спасение? Когда оставит Бог, тогда место то делается жилищем демонов. Конечно (иудеи) скажут, что и они покланяются Богу. Но этого сказать нельзя; никто из иудеев не покланяются Богу. Кто говорит это? Сын Божий. "**если бы вы знали Отца Моего, -** говорит Он, **- то знали бы и Меня**" (ср. Ин. 8:19 – Златоуст цитирует не общепринятое чтение – ред.). Какое еще можно привести мне свидетельство достовернее этого? Итак, если они не знают Отца, распяли Сына, отвергли помощь Духа; то кто не может смело сказать, что место то (синагога) есть жилище демонов? Там не покланяются Богу, нет; там место идолослужения. А между тем некоторые (из христиан) обращаются к этим местам, как к священным; и это говорю не по догадкам, но по указанию самого опыта. Ибо за три дня пред этим - поверьте, не лгу, - я видел, что какой-то негодяй и безумец, выдающий себя за христианина (не могу назвать истинным христианином, отважившегося на такой поступок) принуждал одну почтенную, благородную, скромную и верную женщину войти в синагогу еврейскую, и там поклясться по спорному между ним и ею делу. Так как эта женщина взывала о помощи и просила остановить такое беззаконное насилие, говоря, что ей, причастнице божественных тайн, не подобает идти в такое место; то я, возгорев и воспламенясь ревностию, встал и не дозволил влечь ее на такое преступное дело, но освободил от этого нечестивого принуждения. Потом я спросил влекшего, христианин ли он? И когда он признал себя таким, я строго выговаривал ему, порицая его за бесчувственность и крайнее бессмыслие, и говорил, что он ничем не лучше осла, если, говоря о себе, что покланяется Христу, в то же время влечет кого-нибудь в вертепы иудеев, распявших Его. И долго говорил я ему, во-первых, на основании Божественных Евангелий, что вовсе не должно ни самому клясться, ни другого принуждать к клятвам; потом, что не должно принуждать к клятве не только верную и посвященную (в таинства христианские), но и никого из непосвященных. Когда же, поговорив много и долго, изгнал я из души его ложную мысль (о важности синагоги); то спросил его и о причине, по которой он, оставя церковь, влек эту женщину в еврейское сборище. Он отвечал, что многие сказывали ему, будто клятвы, там даваемые, особенно страшны. При этих словах я застенал, воспламенился гневом, и потом засмеялся. Видя коварство диавола, и то, к чему успел он склонить людей, я стенал; размышляя о беспечности обольщаемых, я воспламенился гневом; а смотря опять на то, каково и как велико неразумие обольщенных, я смеялся. Об этом я рассказал и сообщил вам потому, что вы бесчувственны и несострадательны к тем (из христиан), которые и сами делают и другим позволяют делать с собою такие вещи. Видя, что кто-нибудь из ваших братий впадает в подобные беззакония, вы считаете это чужою бедой, а не вашею, и думаете оправдаться пред обличающими вас, говоря: а мне какая забота? что у меня общего с ним? - слова, выказывающие крайнее бесчеловечие и сатанинское жестокосердие! Что говоришь ты? Будучи человеком, имея одну и туже природу, или даже, - если уже говорить об общности природы, - имея одну главу - Христа, ты осмеливаешься сказать, что у тебя ничего нет общего с твоими членами? Как же ты исповедуешь, что Христос

есть глава церкви? Глава, естественно, соединяет все члены, с точностью направляет их друг к другу и связывает между собою. Если (на самом деле) у тебя ничего нет общего с твоими членами; то ничего нет у тебя общего и с твоим братом, и Христос не глава тебе. Иудеи пугают вас, как малых детей, а вы не чувствуете этого. Как негодные слуги, показывая детям страшные и смешные личины (сами-то по себе они не страшны, но только представляются такими по слабости детского ума), возбуждают большой смех; так и иудеи пугают только слабых христиан своими личинами. Могут ли, в самом деле, устрашать обряды их, срамные и постыдные, - обряды людей, прогневавших Бога, подпавших бесчестию и осуждению?

4. Не таковы наши церкви; нет, они истинно страшны и ужасны. Ибо, где Бог, имеющий власть над жизнию и смертию; где так много говорят о вечных муках, об огненных реках, о ядовитом черве, о несокрушимых узах, о тьме кромешной, - то место страшно. А иудеи ничего этого и во сне ее видят, так как живут для чрева, прилепились к настоящему, и по своей похотливости и чрезмерной жадности нисколько не лучше свиней и козлов; только и знают, что есть да пить, драться из-за плясунов, резаться из-за наездников. Это ли, скажи мне, заслуживает почтения и страха? Кто может утверждать это? Отчего женам представляется это страшным? Разве уже кто скажет, что и опозорившиеся слуги, не смеющие вымолвить слова и выгнанные из господского дома, страшны для (слуг) почетных и пользующихся свободою? Но это - не так, нет. Корчемницы отнюдь не почетнее царских палат; а синагога бесчестнее и всякой корчемницы, потому что служит убежищем не просто для разбойников и торгашей, но для демонов; а вернее сказать, не синагоги только (служат таким убежищем), но и сами души иудеев, что и постараюсь доказать в конце слова. Итак, прошу вас помнить особенно эту беседу; потому что мы говорим теперь не для того, чтобы показать себя и вызвать рукоплескания, но чтобы уврачевать ваши души. Ибо, какое остается еще нам извинение, когда, при таком множестве врачей, есть между нами больные? Апостолов было (только) двенадцать, - и они привлекли всю вселенную; (а у нас) большая часть города состоит из христиан, и, однако же, есть еще больные иудейством. Какое же оправдание нам - здоровым? Конечно, и они, больные, достойны осуждения; но и мы не свободны от него, когда небрежем о них в болезни; нельзя было бы им долго оставаться в недуге, если бы они пользовались особенным попечительством с нашей стороны. Поэтому увещеваю вас теперь, чтобы каждый из вас привлек брата, хотя бы для этого нужно было сделать принуждение, употребить силу, причинить неприятность, или вступить в спор; все сделай, только бы исхитить его из сети диавола и исторгнуть из общества христоубийц. Если бы ты увидел на площади, что кого-нибудь, осужденного по справедливому приговору, ведут (на смерть), и имел бы власть вырвать его из рук палача, скажи мне, не употребил ли бы ты всех средств для освобождения его? А теперь видишь своего брата, беззаконно и неправедно влекомого в пропасть погибели, не палачом, а диаволом, и не хочешь вступить в борьбу, чтобы избавить его от такого злодейства? Получишь ли же какое снисхождение? - Но он, скажешь, сильнее и могущественнее тебя? - Покажи его мне: скорее решусь сложить свою голову, нежели дозволю ему вступить в это священное преддверие, если он будет упорствовать и оставаться при том же. Что у тебя (скажу ему) общего со свободною [3], с вышним Иерусалимом? Ты избрал нижний (Иерусалим); с ним и работай: ибо и он, по слову апостола, “**с детьми своими в рабстве**” (Гал. 4:25). Ты постишься с иудеями? Так сними вместе с ними и обувь, ходи по площади босыми ногами, и будь сообщником их позора и срама. Но ты на это не можешь решиться: тебе стыдно и позорно. Так иметь одинаковую с ними внешность ты стыдишься, а участвовать в их нечестии не стыдишься? Какого же можешь ожидать себе снисхождения, когда ты христианин только на половину? Поверьте, скорее сложу свою голову, нежели оставлю без внимания кого-нибудь из таких больных, если только увижу; если же не буду знать, то Бог, конечно, простит. Об этом пусть поразмыслит и каждый из вас самих, и никто пусть не считает

этого дела маловажным. Разве вы не знаете, что диакон постоянно возглашает во время совершения таинств: ***познавайте друг друга*** [4]? Как он этим обязывает вас к строгому наблюдению за вашими братьями! Так поступай и по отношению к этим людям: когда узнаешь, что кто-нибудь иудействует, останови, объяви о нем, чтобы и тебе самому не подвергнуться вместе с ним опасности. И в воинских лагерях, если кто из среды воинов обличен будет в преданности варварам и единомыслии с персами, не только сам он подвергается опасности, но и всякий из знавших об этом, но не объявивших вождю. А как и вы составляете войско Христово, то тщательно разыскивайте и разузнавайте, не вмешался ли между вами кто-нибудь из иноплеменников, и объявляйте о нем, не для того, чтобы мы, подобно тем (вождям), убили его, или истязали и наказали, но для того, чтобы нам избавить его от заблуждения и нечестия, и свое дело исполнить во всей точности. Если же не хотите этого, и зная (виновного), станете скрывать; то будьте уверены, что подвергнетесь одинаковому с ним наказанию. И Павел подвергает наказанию не только *творящих* зло, но и *соизволяющих* им (Рим. 1:32); и пророк одинаково осуждает как тех, кои крадут, так и тех, кои бегут вместе с ними (Пс. 69:18); и это справедливо. Кто, зная о злодее, прикрывает его, тот дает ему повод к большему своеволию, и располагает его делать зло с большим бесстрашием.

5. Но надобно опять возвратиться к больным. Итак подумайте, с кем имеют общение постящиеся теперь? С теми, которые кричали: “**Распни, распни Его!**” (Лк. 23:21); с теми, которые говорили: “**Кровь Его на нас и на детях наших**” (Мф. 27:25). Осмелился ли бы ты подойти к осужденным за покушение на верховную власть и говорить с ними? Не думаю. Как же странно, - с таким старанием избегать сделавших зло человеку, а с оскорбившими Бога иметь общение, и поклонникам Распятого праздновать вместе с распявшими Его? Это не только глупо, но и крайне безумно. А как некоторые считают синагогу местом досточтимым; то необходимо сказать несколько и против них. Почему вы уважаете это место, тогда как его надлежит презирать, гнушаться и убегать? В нем, скажете, лежит закон и пророческие книги. Что же из этого? Ужели, где будут эти книги, то место и будет свято? Вовсе нет. А я потому-то особенно и ненавижу синагогу и гнушаюсь ею, что, имея пророков, (иудеи) не веруют пророкам, читая Писание, не принимают свидетельств его; а это свойственно людям, в высшей степени злобным. Скажи мне: если бы ты увидел, что какого-нибудь почтенного, знаменитого и славного человека завели в корчемницу, или в притон разбойников, и стали бы его там поносить, бить и крайне оскорблять, неужели бы ты стал уважать эту корчемницу или вертеп потому, что там оскорбляем был этот славный и великий муж? Не думаю: напротив, по этому-то самому ты почувствовал бы особенную ненависть и отвращение (к этим местам). Так рассуждай и о синагоге. Иудеи ввели туда с собою пророков и Моисея не для того, чтобы почтить, но чтобы оскорблять и бесчестить их. Ибо, когда они говорят, будто (пророки и Моисей) не знали Христа и ничего не сказали о Его пришествии, то какое же еще может быть большее оскорбление для этих святых, как не обвинение их в том, будто они не знают своего Владыку и участвуют в нечестии иудеев? Значит, поэтому-то больше и следует ненавидеть их, вместе с синагогою, что они оскорбляют святых тех. Но что говорить о книгах и местах? Во время гонений палачи держат в руках у себя тела мучеников, терзают, поражают бичами: так ужели их руки стали святы оттого, что держали тела святых? Нисколько. Если же руки, державшие тела святых, скверны по тому самому, что держали беззаконно; то те, которые имеют у себя Писания святых и оскорбляют их столько же, как и палачи тела мучеников, неужели поэтому будут заслуживать уважение? Не крайне ли было бы это безумно? Если беззаконное держание тел (святых) не только не освящает, но делает еще более скверными держащих: тем более чтение Писаний (пророческих) без веры не может принести пользы читающим. Так это именно настроение, с каким иудеи держат у себя (священные) книги, обличает их тем в большем нечестии. Не имея пророков, они не заслуживали бы такого осуждения; не читая

книг, не были бы так нечисты и мерзки. Теперь же они не заслуживают никакого снисхождения; потому что, имея проповедников истины, питают враждебное настроение и к самим проповедникам и к истине. Следовательно, поэтому-то они особенно мерзки и нечисты, что, имея пророков, пользуются ими с враждебным настроением. Поэтому умоляю вас бегать и уклоняться их собраний: (иначе, произойдет) не малый вред для немощных братий и не малый повод к гордости для иудеев. Когда они увидят, что вы, поклонники распятого им Христа, выполняете и почитаете их (обряды); то как им не подумать, что все обряды их прекрасны, а наши ничего не стоят, так как вы, почитая и соблюдая эти последние, в тоже время бежите к уничижающим их? "**Ибо если кто-нибудь увидит, что ты**, - говорит апостол, - **имея знание, сидишь за столом в капище, то совесть его, как немощного, не расположит ли и его есть идоложертвенное?**" (1Кор. 8:10). И я говорю: если кто увидит, что ты, имея знание, уходишь в синагогу и смотришь на (праздник) труб, немощная совесть его не расположится ли к почитанию иудейских обычаев? Падающий наказывается не за свое только падение, но и за то, что роняет других; равно как и устоявший не только награждается за свое мужество, но заслуживает уважения и за то, что и в других возбуждает ревность к тому же. Итак, избегайте и собраний, и мест, где бывают иудеи; и никто да не питает уважения к синагоге из-за (священных) книг, но из-за них-то пусть ненавидит ее и гнушается ею, потому что иудеи оскорбляют святых, не веря их словам и представляя их повинными в крайнем нечестии.

6. И чтобы вы убедились, что книги не придают святости месту, но что душевное настроение собирающихся в нем оскверняет его, расскажу вам одну древнюю историю. Птоломей Филадельф, собирая отовсюду книги и узнав, что у иудеев есть Писания, преподающие учение о Боге и о наилучшем устройстве жизни, вызвал из Иудеи мужей и чрез них перевел эти Писания, и положил их в храм Сераписа (он был язычник), где и доселе находится этот перевод пророческих книг. Что же? Ужели храм Сераписа из-за этих книг стал свят? Нет; сами они святы, но месту не сообщают святости, вследствие нечистоты собирающихся в нем. Так надобно судить и о синагоге. Если там не стоит идол, зато живут демоны. И это говорю не о здешней только синагоге, но и о той, которая в Дафне: там пропасть, называемая пропастью Матроны, еще более пагубная. Слышал я, что многие из верующих ходят туда и спят подле этого места. Но нет, я никогда не назову таких людей верующими: для меня одинаково нечисто всякое капище как Матроны, так и Аполлона. Если же кто обвинит меня (за эти слова) в дерзости, и я в свою очередь обвиню того в крайнем безумии. Ибо скажи мне: не нечестиво ли то место, где живут демоны, если даже и не стоит там идол? (А место), где собираются христоубийцы, где преследуют крест, где хулят Бога, не знают Отца, поносят Сына, отвергают благодать Духа, где еще находятся и самые демоны, - такое место не более ли пагубно? Ибо там (в языческом капище) нечестие явно и очевидно, и не так легко привлечет или обольстит человека умного и здравомыслящего; но здесь (в синагоге иудеи), говорящие о себе, что поклоняются Богу, отвращаются идолов, имеют и почитают пророков, этими словами устраивают только большую приманку и ввергают в свои сети людей простых и неразумных, по их неосторожности. Значит, нечестие как у иудеев, так и у язычников, одинаково; но обольщение у первых действует гораздо сильнее, потому что у них не виден ложный жертвенник, на котором они заклают не овец и тельцов, а человеческие души. Словом: если ты уважаешь все иудейское, то что у тебя общего с нами? Если иудейское важно и достойно почтения, значит, наше ложно; но если наше истинно, а оно и в самом деле истинно, то иудейское исполнено обмана. Говорю ни о Писаниях, нет; они привели меня ко Христу; но (говорю) о нечестии и нынешнем безумии иудеев. Но пора уже показать, что там, в (синагоге), живут и демоны, и не только в этом месте, но и в самых душах иудеев. "**Когда нечистый дух**, - сказал (Иисус Христос), - **выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и, не находя, говорит:**

возвращусь в дом мой, откуда вышел. И, придя, находит [его] незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом" (Лк. 11:24; Мф. 12:43-45). Видишь, что демоны живут в душах их, и нынешние - еще лютее прежних. И очень справедливо: потому что иудеи тогда оскорбляли пророков, а теперь ругаются над самим Владыкою пророков. Так вы собираетесь в одно место с людьми, одержимыми демонами, имеющими в себе столько нечистых духов, воспитанными в смертоубийствах и - не ужасаетесь? Следует ли даже обмениваться с ними приветствиями и делиться простыми словами? Напротив, не должно ли отвращаться их, как всеобщей заразы и язвы для всей вселенной? Какого зла они не сделали? Не все ли пророки употребляли множество длинных речей на обличение их? Какого злодейства, какого беззакония не затмили они своими гнусными убийствами? Они заклали в жертву демонам своих сыновей и дочерей, не познали самой природы, забыли муки деторождения, пренебрегали воспитанием детей, ниспровергли до основания законы родства, стали свирепее всех зверей. И звери часто жертвуют и жизнью и пренебрегают собственною безопасностью для защиты своих детенышей; а эти, без всякой необходимости, собственными руками заклали свои порождения, чтобы угодить врагам нашей жизни, неприязненным демонам. Чему прежде изумляться в них? Нечестию ли, или жестокости и бесчеловечию? Тому ли, что они заклали своих сыновей, или тому, что заклали их в жертву демонам? А похотливостью не превзошли ли они самых похотливых животных? Послушай, что пророк говорит о их невоздержности: "**Это откормленные кони: каждый из них ржет на жену другого**" (Иер. 5:8); не сказал: каждый питал похоть к жене ближнего; нет, с особенною силою выразил их неистовую похоть ржанием (известных) животных.

7. О чем еще сказать вам? О хищениях, о лихоимстве, о притеснении бедных, о кражах, о корчмничестве? Но для рассказа об этом не достанет и целого дня. Но праздники их, скажете, имеют в себе что-то важное и великое! - И их сделали они нечистыми. Послушай пророков, или лучше, послушай самого Бога, какое сильное отвращение показывает Он к ним: "**Ненавижу, отвергаю праздники ваши**" (Ам. 5:21). Бог ненавидит их, а ты принимаешь в них участие? Не сказано, (что ненавидит) такой-то и такой-то праздник, но вообще все. Хочешь знать, что Бог ненавидит (иудейское) служение Ему посредством тимпанов, цитр, псалтирей и других инструментов? "**Удали от Меня, - сказал Он, - шум песней твоих, ибо звуков гуслей твоих Я не буду слушать**" (ст. 23). Бог говорит: "**Удали от Меня"**, - а ты идешь слушать трубы? Но не мерзки ли сами жертвы их и приношения? "**Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня**" (Ис. 1:13). Кадило их - мерзость, а место - не мерзость? И когда же мерзость? Прежде, чем они совершили самое главное злодеяние, - прежде Креста, прежде христоубийства. Так не гораздо ли более (мерзко их кадило) теперь? Что может быть благовоннее кадила? Но Бог судит о приношениях, обращая внимание не на свойство даров, а на расположение приносящих. "**И призрел Господь на Авеля и**, - потом уже, - **на дар его**"; увидел Каина, и потом отвратился от жертв его. "**На Каина, -** сказано, - **и на дар его не призрел**" (Быт. 4:4-5). Ной принес в жертву Богу овец, тельцов и птиц: "**И обонял Господь**, - говорит Писание, - **приятное благоухание**" (Быт. 8:21), то есть, принял принесенное. У Бога конечно нет ноздрей: Божество - бестелесно. С жертвенника возносится кверху запах и дым от сожигаемых тел, а зловоннее этого запаха ничего не может быть; однако же, чтобы ты знал, что Бог то принимает жертвы, то отвращается их, смотря по расположению духа приносящих, (Писание) называет этот запах и дым вонею благоухания, а кадило - мерзостию потому, что душа возносящих его исполнена великого зловония. Хочешь ли знать, что Бог отвращается, вместе с жертвами, органами, праздниками, фимиамом, и от храма, из-за людей, которые собираются в нем? Лучше всего Он показал это на деле, когда в известное время предал (храм иудейский) в руки варваров, а потом и совершенно

разрушил. Впрочем, и до разрушения, Он взывает и говорит чрез пророка: “**Не надейтесь на обманчивые слова: здесь храм Господень, храм Господень, храм Господень**” (Иер. 7:4). Не храм, говорит Он, освящает собирающихся в нем, но собирающиеся делают его святым. Если же храм не приносил пользы тогда, когда в нем находились херувимы и кивот; тем менее он принесет пользы, когда все это уничтожено, когда Бог совершенно отвратился от него, и когда открылось еще больше причин для такого отвращения. Как же глупо и безумно праздновать вместе с людьми, покрытыми бесчестием, оставленными Богом, и раздражавшими Господа? Если бы кто убил твоего сына, скажи мне, ужели ты мог бы смотреть на такого человека, слушать его разговор? Не избегал ли бы ты его, как злого демона, как самого диавола? Иудеи умертвили Сына твоего Владыки; ты осмеливаешься сходиться с ними в одном и том же месте? Умерщвленный (Иисус Христос) почтил тебя так, что сделал Своим братом и сонаследником; а ты столь бесславишь Его, что уважаешь убийц и распинателей Его, и угождаешь им участием в их праздниках, ходишь в скверные места их собраний, вступаешь в нечистые преддверия и участвуешь в бесовской трапезе? Так называть пост иудеев должен я после того, как они совершили богоубийство. И как же не демонам служат те, которые делают противное Богу? Но ты ищешь у демонов исцеления? Если демоны уже свиней загнали в море, когда Христос дозволил им войти в них; то пощадят ли человеческое тело? О, если бы они не убивали человека, если бы не строили козней (против него)! Они изгнали его из рая, лишили вышней почести: будут ли те врачевать его тело? Это - насмешка и басни. Демоны умеют только строить козни и вредить, а не врачевать. Они не щадят души; ужели, скажи мне, пощадят тело? Стараются извергнуть (человека) из царства: так захотят ли избавить его от болезни? Разве ты не слышал, как пророк, или вернее - сам Бог чрез пророка говорит, что они не могут сделать ни добра, ни зла? Но если бы они даже и могли и хотели врачевать, - что, впрочем невозможно, - тебе однако же не следует из-за малой и скоропреходящей пользы навлекать на себя бесконечную и вечную погибель. Ужели хочешь уврачевать тело, чтобы погубить душу? Не хороша твоя прибыль: просишь своего зложелателя об уврачевании (тела), и раздражаешь Бога, сотворившего тело! Не легко ли же какому-нибудь нечестивому человеку, своим врачебным искусством, увлечь тебя к поклонению языческим богам? И язычники своим искусством часто вылечивали от многих болезней и восстановляли здоровье недужных. Что же? Неужели этому должно принимать участие в их нечестии? Нет. Послушай, что Моисей говорит иудеям: “**Если восстанет среди тебя пророк, или сновидец, и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет притом: "пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им", - то не слушай слов пророка сего, или сновидца сего**” (Втор. 13:1-3). Эти слова означают вот что: если явится какой-нибудь пророк и сотворит чудо, напр. воскресит мертвого, или очистит прокаженного, или исцелит расслабленного, и, по совершении чуда, будет склонять тебя к нечестию; не верь ему из-за совершенного им чуда. Почему? “**Ибо [чрез] [сие] искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, от всего сердца вашего и от всей души вашей**” (ст. 3). Отсюда видно, что демоны не исцеляют. Если же иногда, по попущению Божию, и сделают они какое исцеление, как и люди; то такое попущение бывает для твоего испытания, не потому, чтобы Бог не знал (тебя), но чтобы ты научился не принимать от демонов и исцеления. И что говорить об излечении тела? Если бы кто-нибудь грозил тебе геенною, чтобы принудить тебя отречься от Христа; не соглашайся; если бы обещал царство, только бы отвлечь тебя от единородного Сына Божия: отвратись и возненавидь его, будь учеником Павла, поревнуй тем словам, которые громко произнесла эта блаженная и доблестная душа: “**Ибо я уверен**, - говорил он, - **что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее**, **ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем**” (Рим. 8:38-39). Его не могли отлучить от любви Божией ни ангелы, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни другая какая-нибудь тварь: а

тебя отлучает врачевание тела? Какое же будет нам извинение? Христос должен быть для нас страшнее и геенны, вожделеннее и царства. Пусть будем мы больны: лучше остаться больным, нежели, для освобождения от болезни, впасть в нечестие. Демон, если и уврачует, больше повредит, нежели принесет пользы: доставит пользу телу, которое, спустя немного, непременно умрет и сгниет; а повредит он бессмертной душе. Как похитители людей, предлагая маленьким детям лакомства, пирожки, игорные кости и другое, тому подобное, и чрез это приманивая их к себе, часто лишают их свободы и самой жизни; так и демоны, обещая человеку уврачевать тело, совершенно губят спасение души его. Но мы не потерпим этого, возлюбленные; напротив, всячески постараемся избегать нечестия. Не мог ли Иов, согласно убеждению жены, произнести хулу на Бога и освободиться от постигшего его несчастия? "**Похули Бога**, - говорила она, - **и умри**" (Иов. 2:9). Но он решился лучше страдать и мучиться, и перетерпеть невыносимый тот удар: нежели произнести хулу на Бога и избавиться от тяготевших на нем бедствий. Поревнуй ему и ты; пусть демон тысячу раз обещает избавить тебя от постигших тебя зол: не склоняйся, не уступай, как и тот праведник не послушался жены; нет, решись лучше перенести болезнь, нежели потерять веру и спасение своей души. Бог часто попускает тебе впасть в болезнь не потому, чтобы Он оставил тебя, но с тем, чтобы более прославить тебя. Итак, будь терпелив, чтобы и тебе услышать: "**Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?**" (Иов. 40:3).

8. Можно бы сказать и больше этого, но, чтобы не затруднить вам памятование о сказанном, я здесь окончу свою беседу словами Моисея: "**Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю**" (Втор. 30:19), что, если кто из вас, здесь ли находящихся или отсутствующих, отправится смотреть трубы (иудейские), или пойдет в синагогу, или взойдет в храм Матроны, или будет участвовать в посте и субботах, или совершать другой какой-нибудь малый или великий иудейский обряд, я чист от крови всех вас. Эти беседы предстанут и мне, и вам, в день Господа нашего Иисуса Христа. Если вы послушаете, они доставят вам великое дерзновение; а если не послушаете и прикроете кого из отваживающихся на такие дела, они противостанут вам, как строгие обличители. Я не упустил "**возвещать вам всю волю Божию**" (Деян. 20:27), напротив, еще отдал "**серебро мое торгующим**" (Мф. 25:27): вам уже предоставляется умножить данное и плоды от слушания (беседы) употребить на спасение ваших братий. Но, скажет кто-нибудь, тяжко и неприятно объявлять о виновных в этом (участии в иудейских обрядах)? - Нет, тяжко и неприятно молчать об этом: потому что такое молчание и для вас, которые, скрываете, и для тех, которых скрываете, гибельно тем, что вооружает против вас Бога. Не гораздо ли лучше досадить подобным нам рабам, лишь бы приобрести спасение, нежели раздражать против себя Господа? Ближний, хотя теперь и понегодует, не может, однако же сделать тебе никакого вреда, а впоследствии будет еще благодарен тебе за врачевство; но Бог, если ты умолчишь и скроешь, в угодность своему ближнему, для него гибельную, - подвергнет тебя самому тяжкому наказанию. Значит, молчанием ты и Бога вооружишь против себя, и брату повредишь; а объявлением и открытием (виновного) и Бога умилостивишь к себе, и брату принесешь пользу, и сделаешь его самым пламенным другом, когда он на опыте узнает твое благодеяние. Итак не думайте, будто вы угождаете вашим братьям, когда, увидев, что они делают что-либо дурное, не обличаете их со всею строгостию. Если у тебя пропадет одежда, не одинаково ли считаешь своим врагом как укравшего, так и того, кто знает вора и не объявляет о нем? Общая мать наша (церковь) потеряла не одежду, но брата: украл его диавол, и держит теперь в иудействе. Ты знаешь укравшего, знаешь украденное; видишь, что я, зажегши, как бы светильник, слово учения, везде ищу (украденное) с плачем, и стоишь в молчании, и не объявляешь? Какого же ожидаешь ты себе снисхождения? Церковь не сочтет ли тебя величайшим врагом своим, не признает ли супостатом и изменником? Но не дай Бог, чтобы кто-либо из слушающих это наставление дошел когда до такого греха, чтобы ты предал брата, за которого Христос

умер. Христос пролил за него кровь Свою; а ты не хочешь и слова сказать? Не (делайте этого), прошу; но, вышедши отселе, тотчас поспешите на эту ловлю, и каждый из вас пусть приведет ко мне одного из таких больных. Но лучше бы, если бы и не нашлось столько больных: так пусть двое или трое, или даже десять или двадцать из вас, приведут ко мне одного, чтобы я, увидев пойманную в сети добычу, предложил вам в тот день обильнейшую трапезу. Ибо, если увижу, что нынешний совет мой приведен будет в дело, с большим усердием примусь за врачевание больных, и великая будет польза как вам, так и им. Не поленитесь же, но все без изъятия, со всем усердием, ловите таких больных, женщины женщин, мужчины мужчин, рабы рабов, свободные свободных, дети детей, и, поймав, приходите в следующее собрание, чтобы и от нас получить вам похвалу, и, прежде еще наших похвал, заслужить от Бога награду, великую и неизреченную, которая гораздо превосходит труды подвизающихся в добре. Чего да удостоимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава Отцу, вместе со Святым Духом, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

---

[1] Т. е. Исаия, Давид и Павел.

[2] Ангелы, херувимы и серафимы.

[3] Здесь указывается на посл. к Гал. 4:22-26, где Христова церковь или *вышний Иерусалим* уподобляется свободной Сарре, а иудейская церковь или *нижний*, земной Иерусалим - рабыне Агари.

[4] Επιγινωσκιτε αλληλους равносильно диаконскому возглашению в литургии верных: *возлюбим друг друга*, по употреблению в Св. Писании, 1 Кор. 16:18.

ПРОТИВ ИУДЕЕВ.

СЛОВО ВТОРОЕ.

"Против тех, которые содержат иудейский пост, и против самих иудеев. Сказано за пять дней до их поста, после того, как уже было произнесено другое (αλλης) слово".

УЖЕ при дверях беззаконный и нечистый пост иудейский. Не удивляйтесь, что я назвал этот пост нечистым: что делается против воли Божией, то сквернее всего, будет ли то жертва, или пост. Итак, через пять дней уже наступит беззаконный пост иудеев; а я за десять дней, или и больше, сделал вам предварительное увещание, чтобы предохранить от опасности ваших братьев. Но никто не обвиняй нас в неблаговременности слова, что мы предложили его за столько дней. Ведь, и тогда, как опасаются горячки, или другой какой болезни, предварительно стараются многими лекарствами предохранить тело человека, угрожаемого болезнью, и прежде, чем она придет на самом деле, спешат избавить его от угрожающих бед. Так и мы, видя, что угрожает самая тяжкая болезнь, заранее и задолго вперед объявили о ней, чтобы употреблены были вспомогательные средства прежде, чем зло постигнет нас на деле. Я не отложил увещания до наступления самых дней поста, чтобы тогда краткость времени не помешала вам ловить ваших братьев, но чтобы вы, пользуясь большим промежутком времени, могли с полною свободою отыскать и

излечить страждущих этою болезнью. Так поступают и те, которые хотят справлять брак и готовят великолепный обед: они, не в самые дни (праздника), но задолго прежде сговариваются с рыбаками и птицеловами, чтобы после, когда времени будет уже мало, им не встретить какой помехи к приготовлению пиршества. Так и мы, намереваясь предложить вам трапезу (беседу) о безумии иудеев, наперед сговорились с вами - ловцами, чтобы вы поймали в сети слабейших братьев ваших и привели их послушать наши слова. Те из вас, которые уже поймали и держат крепко в сетях, пусть перевяжут (пойманных) словом увещания; а которые еще не наловили этой прекрасной добычи, имеют довольно времени за эти пять дней, чтобы справиться с ловом. Раскинем же сети учения, станем кругом, как ловчие псы, и будем отовсюду сгонять их в пределы церкви. А, если угодно, выведем на них, как какого-нибудь превосходного ловчего, блаженного Павла, который вопиет и говорит: "**Вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа**" (Гал. 5:2). Многие из диких и неукротимых животных, скрывающихся в лесу, услышав голос охотника, от страха выскакивают, и гонимые силою этого голоса, против воли понуждаемые сильным криком, попадают в самые тенета. Так и ваши братия, скрывающиеся в иудействе, как бы в каком лесу, если услышат голос Павла, я уверен, легко попадут в сети спасения, и совершенно отринут иудейское заблуждение. Ибо и говорит не Павел, но Христос, движущий его душою. Значит, когда услышишь, что тот взывает и говорит: "**Вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа**", - представляй, что это только голос Павла, а мысль и учение - Христа, Который внутренне наставляет его. Но, может быть, кто скажет: ужели обрезание так вредно, что при нем бесполезно все домостроительство Христово? Точно, обрезание так вредно не само по себе, а по неразумию (обрезывающихся). Было некогда время, когда закон был полезен и необходим; но теперь он пришел и остается без действия. Посему, если ты примешь его не вовремя, он сделает для тебя бесполезным дар Божий. Потому-то и "**не будет вам никакой пользы от Христа"**, - что вы не хотите придти (к Нему). Если бы кто, за прелюбодеяние и (другие) гнуснейшие пороки, заключен был в темницу, а потом, когда уже надлежало бы произвести суд и произнести ему обвинительный приговор, пришло от царя письмо об освобождении всех заключенных в темнице, без всякого допроса и исследования; между тем тот (человек), не захотев принять (царской) милости, стал бы настаивать на том, чтобы его подвергли допросам и розыскам; то он, конечно уже не может воспользоваться этою милостью: предав сам себя суду, розыску и приговору, он добровольно лишил себя царской милости. То же случилось и с иудеями. Смотрите: все человечество уличено в самых гнусных пороках. "**Все согрешили**", - говорит апостол (Рим. 5:12), и заключены были под проклятием греха, как бы в темнице; надлежало уже произнести приговор над ними, как пришло с небес послание Царя, или лучше - пришел сам Царь и освободил всех от уз греха, не произведя ни исследования, ни допросов.

2.Посему все, прибегающие (к Спасителю), пользуются даром и спасаются благодатью; а те, которые хотят оправдаться законом, лишаются и благодати. Стараясь спастись собственными силами, они не могут и воспользоваться царским человеколюбием, и привлекают на себя проклятие закона, "**ибо делами закона не оправдается никакая плоть**" (Гал. 2:16). Посему-то апостол и говорит: "**Если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа**" (Гал. 5:2); ибо усиливающийся спастись делами закона не имеет никакого общения с благодатью. То же самое разумел Павел, когда говорил: "**Но если по благодати, то не по делам; иначе благодать не была бы уже благодатью. А если по делам, то это уже не благодать; иначе дело не есть уже дело**" (Рим. 11:6). И опять: "**А если законом оправдание, то Христос напрасно умер**" (Гал. 2:21). И еще: "**Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати**" (Гал. 5:4). Ты умер для закона, сделался мертвым, и уже не находишься под игом и неволею его. К чему же всуе и напрасно усиливаешься беспокоить сам себя? Но для чего Павел

поставил здесь свое имя, и не сказал просто: “**Это я говорю вам**”? Он хотел напомнить галатам о той ревности, какую сам прежде показал в пользу иудейства. Если бы я был из язычников, говорит он, и не знал иудейства; то иной, может быть, сказал бы, что я потому изгоняю обрезание из церковных догматов, что не знаю силы его, так как сам не жил в иудействе. Вот для чего он поставил свое имя, - чтобы напомнить им о том, что сделал он для закона. Как бы так говорит он: это делаю не по вражде к обрезанию, но по знанию истины; это говорю я, Павел, тот Павел, который “**обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, по ревности - гонитель Церкви Божией** ” (Флп. 3:5-6); “**входя в домы и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу**” (Деян. 8:3); - все это может убедить самых безрассудных, что я постановил этот закон (об упразднении обрезания), не по вражде какой, или по незнанию иудейства, но по знанию высочайшей Христовой истины. “**Еще свидетельствую всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь закон**” (Гал. 5:3). Для чего не сказал: возвещаю же, или заповедую же, или говорю же, но: “**свидетельствую**”? Для того, чтобы этим выражением напомнить нам о будущем суде; ибо, где свидетели, там суд и приговор. Так он устрашает слушателя, напоминая ему о царском престоле, и показывая, что эти слова будут ему свидетелями в тот день, когда каждый должен будет дать отчет в том, что он сделал, что сказал, и что слышал. Эти (слова апостола) слышали некогда галаты, а теперь пусть послушают и страждующие болезнью галатов; если их и нет здесь, пусть от вас услышат, как Павел взывает и говорит: “**Свидетельствую всякому человеку обрезывающемуся, что он должен исполнить весь закон**”. Не говори мне, что обрезание составляет только одну заповедь: эта одна заповедь налагает на тебя все иго закона. Если ты хотя частью подчиняешь себя владычеству закона, то необходимо должен повиноваться и прочим повелениям его; если же не исполняешь их, то по всей необходимости подлежишь наказанию и навлекаешь на себя проклятие. Когда воробей попадает в тенета, то, хоть у него запутывается только нога, однако и все остальное тело находится в плену. Подобно этому, и исполняющий одну заповедь закона: об обрезании ли то, или о посте, из-за этой одной заповеди отдал всего себя во власть закона, и не в состоянии уже освободиться от неё, пока имеет желание повиноваться ему, хотя отчасти. Мы говорим это не с тем, чтобы обвинять закон, нет; но чтобы показать преизобильное богатство благодати Христовой. Закон не противоречит Христу; да и как это может быть, когда он дан Им и к Нему руководит нас? Но говорить обо всем этом мы вынуждаемся неуместною ревностию тех, которые пользуются законом не так, как должно. Они-то и оскорбляют закон, когда: то повелевают отстать от него и приступить к Христу, то снова держатся его. Согласен и я, и никогда не буду отрицать, что закон принес очень много пользы нашему роду; но ты, держась его не вовремя, не даешь (вполне) обнаружиться его великой пользе. Как для воспитателя самою великою похвалою бывает то, что воспитанный им юноша уже не имеет нужды в его надзоре для сохранения целомудрия, потому что уже довольно укрепился в этой добродетели; так и для закона величайшею похвалою является то, что мы уже не имеем нужды в его помощи. Ибо этим-то самым мы и обязаны закону, что душа наша сделалась довольно способною к принятию высшего любомудрия. Значит, кто доселе остается при законе и ничего не может видеть больше того, что там написано, тот не получил от него большой пользы; а я, который оставил его и возвысился до высочайших догматов Христовых, могу восхвалять его особенно за то, что он сделал меня способным возвыситься над мелочностью написанного в нем и взойти на высоту учения, преподанного нам Христом. Закон много принес пользы нашей природе, если только приблизил нас к Христу; а если нет, то повредил еще тем, что, привязав нас к меньшему, лишил большего, и доселе держит в бесчисленных греховных ранах. Ибо, если из двух врачей, из которых один слабее, а другой сильнее (в своем искусстве), один приложит к ранам лекарства и не в состоянии будет освободить больного от боли, возбужденной ими [1]...

3.....брат твой..... “**оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой**” (Мф. 5:24). Не сказал: совсем оставь жертву и уйди, но: оставь дар пока не принесенным, и ступай, примирись с братом твоим. Впрочем, Он сказал так не только здесь, но еще и в другом месте. Так, если кто имеет жену неверную, то есть, язычницу, то не принуждается прогонять ее. “**Если какой брат, -** говорит апостол, **- имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее**” (1 Кор. 7:12); а если - распутную и прелюбодеицу, то ему не возбраняется прогнать ее: “**Кто**, - говорит Иисус Христос, - **разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать**” (Мф. 5:32). Следовательно, за любодеяние можно отпускать жену. Видишь человеколюбие и попечительность Божию? Если, говорит, жена твоя язычница, не прогоняй; а если прелюбодеица, то не возбраняю сделать это. Если она, говорит, оскорбит Меня - не прогоняй, а если обесчестит тебя, никто не мешает прогнать. Такой-то Бог удостоил нас чести; а мы неужели не почтим Его, и столько же (сколько Он почтил нас), но дозволим своим женам оскорблять Его, зная притом, что нас постигнет величайшее мучение и казнь, если пренебрежем спасением жен? Для того-то Он и сделал тебя главою жены, для того-то и Павел повелел: “**Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают [о том] дома у мужей своих**” (1 Кор. 14:35), чтобы ты, как учитель, попечитель и предстоятель, возбуждал ее к благочестию. А вы, когда время собрания призывает в церковь, не пробуждаете (жен) от беспечности; когда же диавол зовет их к трубам и они с готовностью повинуются ему, не останавливаете их, но равнодушно смотрите, как они увлекаются к преступному нечестию и предаются невоздержности. Ибо туда, обыкновенно, собираются и любодеицы, и изнеженные мужчины, и целая толпа плясунов. И что говорить о совершающихся там прелюбодеяниях? Ужели ты не боишься того, что жена твоя возвратится оттуда с диаволом в душе? Разве ты не слышал, как ясно показало нам предыдущее слово, что демоны обитают и в душах иудеев, и в местах, где они собираются? Как же осмеливаешься ты, скажи мне, после пляски с демонами снова идти в апостольское собрание? Как не страшишься приступать к священной трапезе, участвовать в ней и приобщаться драгоценной крови после того, как ты ходил к пролившим кровь Христа и имел с ними общение? Тебя не ужасают, не приводят в страх такие преступления? Или ты не благоговеешь пред самой этой трапезой? Все, что сказал я вам, вы передайте им [2], а они пусть передадут своим женам: “**назидайте один другого**” (1 Фес. 5:11). Если страждущий этою болезнью (иудейством) будет оглашенный, то да извержется из преддверия; если верный и посвященный, да будет отлучен от священной трапезы. Ибо не все грехи требуют только увещания и совета; нет, есть и такие, которые исправляются решительным и самым быстрым пресечением. Как более легкие раны уступают слабейшим лекарствам, а загнившие, неизлечимые и губящие все тело требуют острия железного и огня; так и из грехов, одни имеют нужду в продолжительном увещевании, а другие - в строгих обличениях. Потому и Павел велел не увещевать только, но и строго обличать, говоря так: “**По сей причине обличай их строго**” (Тит. 1:13). Обличим же их теперь нещадно, чтобы они, устыдившись наших слов и осудив сами себя, не заражались более беззаконным (иудейским) постом. Для того и я, оставив наконец увещание, свидетельствую и провозглашаю: “**Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маранафа**” (1 Кор. 16:22). А чем более может кто-либо доказать, что он не любит Господа, как не тем, когда участвует в празднике (иудеев), убивших Его? Таковых не я предал анафеме, а Павел; или даже и не Павел, а Христос, говорящий чрез Павла и выше сказавши, что “**Вы, оправдывающие себя законом … отпали от благодати**” (Гал. 5:4). Скажите им эти слова, прочтите этот приговор, и, со всею заботливостью спасши их и исхитив из челюстей диавола, приведите к нам в день поста, чтобы мы, отдав вам остальное из обещанного, единодушно и одними устами с нашими братиями, прославили Бога и Отца Господа Иисуса Христа, потому что Ему слава во веки. Аминь.

[1] Здесь недостает окончания, а в следующем отделении начала.

[2] т. е., склонных к иудейству.

ПРОТИВ ИУДЕЕВ.

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

"К тем, которые по-прежнему постятся в пасху". Слово это, как показывает самое начало, произнесено после второго, или даже и третьего, слова против аномеев.

ОПЯТЬ крайняя и настоятельная нужда, прервав порядок прежних бесед, заставляет нас сегодня говорить о ней самой и отвлекает от прений с еретиками. Мы намерены были побеседовать с вашей любовью опять о славе Единородного, но нелепое упорство желающих по-прежнему поститься в пасху вынуждает нас все нынешнее поучение употребить на их врачевание. И хороший пастух, не только отгоняет волков (от своего стада), но и со всей заботливостью лечит заболевших овец: ибо какая польза, когда овцы, хоть и избегают пасти зверей, за то истребляются болезнью? Так и наилучший военачальник, не только отражает замыслы (внешних) врагов, но еще прежде этого умиряет волнующийся город, зная, что внешняя победа не принесет никакой пользы, пока будет продолжаться внутренняя, междоусобная война. А чтобы тебе увериться, что нет ничего гибельнее (внутреннего) раздора и несогласия, послушай, что говорит Христос: "**всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет**" (Матф. 12:25). Что, кажется, могущественнее государства, у которого есть и денежные доходы, и оружие, и стены, и крепости, и огромное войско, и конница, и бесчисленное множество других средств, увеличивающих его силу? Однако же, если в нем возникнет междоусобие, вся эта сила сокрушается: ибо ничто так не ослабляет (общества), как ссоры и распри, и напротив, ничто столько не усиливает и не укрепляет, как любовь и согласие. Сознавая это, и Соломон говорил: "**Брат от брата вспомоществуемый – как город крепкий и высокий, и силен, как прочное царство**" (Причт. 18:19). Видишь, как сильно единодушие, и как гибелен раздор? Царство, раздираемое междоусобием, гибнет; а два человека, соединившиеся и тесно связанные между собой, - непоколебимее всякой стены. Знаю, что у нас, по милости Божьей, большая часть стада свободна от этой болезни; однако, поэтому не должно еще пренебрегать врачеванием. Если бы даже больных было только десять человек, или пять, или два, или только один, и тогда не надлежало бы оставлять его без внимания; пусть он и один, притом незначительный и презренный человек, однако и он брат, за которого Христос умер. О малых-то Христос заботится много. "**А кто соблазнит**", говорит Он, "**одного из малых сих верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской**" (Матф. 18:6). И опять: "**так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне**" (Матф. 25:45). И еще: "**нет воли Отца вашего небесного, чтобы погиб один из малых сих**" (Матф. 18:14). Как же будет безрассудно, если мы вознерадим о малых, когда Христос столько заботится о них? Не о том говори, что он (больной) один, но о том, что один, оставленный без внимания, передает свою болезнь и прочим. "**Малая закваска**", говорит апостол, "**заквашивает все тесто**" (Гал. 5:9). Это-то и губит и расстраивает все, что мы пренебрегаем малым; от того-то и (малые) раны делаются большими, точно так же, как большие легко сделаются малыми, если о них позаботятся надлежащим образом.

Так вот что мы наперед скажем им [1]: ничего нет хуже, как раздор и брань, как расторгать церковь и раздирать на многие части хитон, которого не осмелились разорвать и разбойники. Не довольно ли других ересей? Нет, мы еще рассечем сами себя! Разве не слышишь, что говорит Павел: "**если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом**" (Гал. 5:15)? Ходишь ты вне стада, и не боишься, скажи мне, льва, который бродит около (стада)? "**Потому что противник ваш дьявол**", говорит апостол, "**ходит как рыкающий лев, ища кого поглотить**" (1 Петр. 5:8). Смотри мудрость пастыря: не пустил (зверя) в самую середину овец, чтобы не перепугать стада: не прогнал его и далеко, чтобы опасением зверя заставить всех (овец) собраться вместе. Не боишься ты Отца? Побойся врага: если отделишься от стада, он, наверно, схватить тебя. Христос мог бы прогнать его и далеко, но позволил ему рыкать около (стада), чтобы заставить тебя быть бодрым и заботливым, и постоянно прибегать к матери (церкви), чтобы находящиеся в стаде, слыша голос его, больше соединялись между собой и прибегали друг к другу. Так поступают и сердобольные матери: когда дети расплачутся, они грозят бросить их на съедение волкам, не с тем, чтобы в самом деле бросить, но чтобы дети перестали плакать. Так Христос все сделал, чтобы мы жили в мире и согласии друг с другом.

2. Поэтому и Павел, хотя мог обличать коринфян во многих и важных (грехах), но, прежде всего, обличает их в раздорах. Так, он мог бы осудить их и за блуд, и за гордость, и за языческие судилища, и за пиршества в идольских капищах, и за то, что жены их не покрывали своих голов, а мужчины покрывали; кроме этого, за презрение к бедным, за превозношение дарованиями и (за сомнение) касательно воскресения мертвых; но, так как мог он, вместе со всем этим, обличить их еще за раздор и несогласие между собой, то, оставив все прочие пороки, наперед исправляет этот последний. И если я не затрудню вас, то докажу самыми словами Павла, что это действительно так. Так, что они блудодействовали, об этом послушай, что говорит он: "**есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние**" (1 Кор. 5:1). Что они были горды и надменны: "**как я не иду к вам, некоторые возгордились**" (1 Кор. 4:18). Что судились у язычников: "**как смеет кто у вас, имея дело с другим, судится у нечестивых**" (1 Кор. 6:1)? Что ели идоложертвенное: "**не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской**" (1 Кор. 10:21). Послушай, как он укоряет их и за то, что женщины у них не покрывались, а мужчины напротив: "**всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытой головой, постыжает свою голову**. **И всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытой головой, постыжает свою голову**" (1 Кор. 11:4-5). А что они презирали бедных, и это ясно показал апостол словами: "**иной бывает голоден, иной же упивается**" (1 Кор. 11:21); и еще: "**или пренебрегаете церковь Божью, и унижаете неимущих**" (1 Кор. 11:22)? Так как все они домогались больших дарований духовных, и никто не хотел принимать меньших, то он говорит: "**все ли апостолы, все ли пророки**" (1 Кор. 12:29)? А что они сомневались касательно воскресения мертвых, и об этом говорит: "**но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут**" (1 Кор. 15:35)? Но, несмотря на то, что мог он обличить их в столь многом, (апостол) ни о чем не сказал им прежде, как о несогласии и раздоре, лишь только начал послание, уже и говорит так: "**умоляю вас, братья, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений**" (1 Кор. 1:10). Он знал, очень хорошо знал, что это не терпело отлагательства. Блудник, и гордец, и зараженный другим каким-нибудь пороком, очень скоро отстанет от него и исцелится, если всегда будет ходить в церковь и постоянно слушать поучения; но кто прервал связь с этим собранием, уклонился от отеческого наставления и убежал из лечебницы, тот, хотя и кажется здоровым, скоро подвергнется болезни. Как искусный врач прежде прекращает горячку и потом залечивает раны и вереды, так поступил и Павел; уничтожив наперед раздор, он потом начал уже врачевать и раны каждого члена. Поэтому, прежде всего он говорит о

том, чтобы (коринфяне) не ссорились между собой, не выбирали сами себе начальников, и не рассекали тела Христова на многие части. Впрочем, он говорил это не им только, но и тем, которые после них страждут той же болезнью; таких людей и я хотел бы спросить, что значит Пасха? Что такое Четыредесятница? Что такое иудейская пасха и что наша? Почему та ежегодно бывает только однажды, а эта совершается в каждое собрание [2]? Что такое опресноки? (Хотел бы спросить еще) и о многом другом, что только относится к этому же самому предмету. И тогда вы хорошо бы узнали, как неразумно упорство тех, которые и не могут дать отчета в своих поступках, и не учатся у других, как будто они умнее всех. А это-то и заслуживает крайнего осуждения, когда они и сами не знают дела, и приказаний не слушают, но, действуя без рассуждения, по глупой привычке стремятся в бездну и пропасть.

3. Как же они умничают, когда мы так возражаем им? Вы сами, говорят они, не так ли постились прежде [3]? Не твое дело говорить об этом мне, а я вправе сказать тебе, что и мы прежде постились в это же время, однако общее согласие предпочли совпадению времен. Что Павел говорил галатам, то и я говорю вам: "**будьте, как я, потому что и я, как вы**" (Гал. 4:12). Что это значит? Он убеждал их отстать от обрезания, оставить субботы, и дни, и все другие обряды, предписываемые законом. Потом, заметив их боязнь и опасение, как бы им за нарушение закона не подвергнуться ответу и наказанию, он ободряет их собственным примером, говоря: "**будьте, как я, потому что и я, как вы**". Разве я, говорит он, пришел от язычников? Разве я не знаю подзаконной жизни и того наказания, которое ожидает нарушителей закона? "**Еврей от евреев, по учению фарисей, по ревности - гонитель церкви Божьей, по правде законной - непорочный. Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетой**" (Фил. 3:5-7), то есть решительно отстал от них. Итак, будьте, как и я; потому что и я был, как вы. И что говорю я о себе? Более трех сот отцов, собравшись в Вифинской стране, постановили это [4], и ты бесчестишь всех их? Одно из двух: ты обвиняешь их или в невежестве, будто бы они не знали хорошо (того, что учреждали), или в робости, будто бы они, хотя и зная, лицемерили и изменили истине. Это необходимо следует, коль скоро ты не исполняешь их постановления. Но что они обнаружили тогда и великую мудрость и мужество, это показывают все деяния (собора). О мудрости их свидетельствует изложенная тогда вера, которая заградила уста еретиков и, как непоколебимая стена, отразила все козни их; а о мужестве - только что окончившееся гонение и несогласие в церквах. Как храбрые воины, воздвигшие бесчисленное множество трофеев и покрытые многими ранами, пришли тогда со всех сторон предстоятели церквей, нося на себе раны Христовы и свидетельствуя о множестве мучений, которые претерпели они за исповедание веры. Одни из них могли рассказать о рудокопнях и перенесенных ими там страданиях; другие о лишении всего имущества, иные о голоде, а иные о частых бичеваниях. Одни могли указать на истерзанные ребра; другие на избитую спину, иные на исторгнутые глаза или на другую какую-нибудь часть тела, которой лишились они за Христа. Из таких-то подвижников состоял тогда весь собор; они-то, вместе с изложением веры, постановили и то, чтобы праздник (пасхи христиане) совершали все вместе и согласно. Итак, могли ли эти мужи, не изменившие вере в столь тяжкие времена, лицемерить в назначении известных дней (поста и пасхи)? Смотри, что ты делаешь, когда осуждаешь столь многих отцов, так мужественных и мудрых. Если фарисей, осудив мытаря, потерял все, что было у него доброго; то какое извинение, какое оправдание будешь иметь ты, когда восстаешь против столь многих боголюбезных учителей, и притом несправедливо и совершенно неосновательно! Разве ты не слышал, что говорит сам Христос: "**ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них**" (Матф. 18:20)? Если же Христос находится посреди двух или трех, тем более Он находился, все определял и постановлял там, где было более трех сот. А ты обвиняешь не только их, но и всю вселенную; потому что и она одобрила их определение. Или думаешь, что иудеи умнее отцов, собравшихся со всей

вселенной; иудеи, которые лишились всего отечественного устройства и ни одного праздника не совершают (по надлежащему)? Что у них нет ни опресноков, ни пасхи (многие, как слышу я, говорят и то, что пасха (христианская) должна быть с опресноками), - что у них нет опресноков, выслушай об этом слова законодателя (Моисея): "**не можешь ты закалать пасху в котором-нибудь из жилищ твоих, которые Господь Бог твой даст тебе: но только на том месте, которое изберет Господь Бог твой, чтобы пребывало там имя Его**" (Втор. 16:5-6), разумея здесь Иерусалим. Видишь, как Бог, привязав этот праздник к одному городу, впоследствии разрушил и самый город, чтобы и по неволе отклонить их от прежнего порядка жизни? Всякому известно, что Бог предвидел будущее. Для чего же Он собрал их туда со всей вселенной, если предвидел, что этот город погибнет? Не ясно ли, что Он хотел отменить и самый праздник? Бог отменил его, а ты последуешь иудеям, о которых пророк говорит: "**кто так слеп, как раб Мой; и глух, как вестник Мой**" (Иса. 42:19)? В самом деле, к кому не были они неблагодарны и бесчувственны? К апостолам ли, к пророкам ли, к учителям ли своим? Но что и говорить об учителях и пророках, когда они убивали даже детей своих! Они, ведь, закалали в жертву демонам своих сыновей и дочерей (Пс. 105:37). Они не познали самой природы, и усердствовали соблюдать дни? Попрали родство, забыли детей, забыли самого Бога, создавшего их: "**Заступника, родившего тебя**", говорит Моисей, "**ты забыл, и не помнил Бога, создавшего тебя**" (Втор. 32:18); оставили Бога, и - усердствовали соблюдать праздники? Кто бы мог сказать это? И Христос праздновал с (иудеями) пасху, не для того, чтобы мы праздновали ее с ними, но чтобы посредством тени ввести истину. Он и обрезанию подвергся, и наблюдал субботы, и совершал их праздники, и вкушал опресноки, и все это делал в Иерусалиме; но мы ни к чему этому не обязаны; напротив, Павел взывает к нам: "**если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа**" (Гал. 5:2). И опять об опресноках: "**посему станем праздновать, не со старой закваской, не с закваской порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины**" (1 Кор. 5:8). Наши опресноки состоят не в замешанной муке, но в безукоризненном поведении и добродетельной жизни.

4. Для чего же Христос совершил тогда (пасху)? Так как древняя пасха была образом будущей, а за образом надлежало следовать истине; то Христос, наперед показав тень, потом предложил на трапезе и истину. А с появлением истины, тень уже скрывается и делается неуместной. Итак, не представляй мне этого в возражение, а докажи, что Христос повелел делать это и нам. Я, напротив, докажу, что Он не только не повелел нам наблюдать дней (Моисеева закона), но и освободил нас от этой необходимости. Послушай, что говорит Павел; а когда назову Павла, разумею Христа, потому что Он движет душой Павла. Так что же говорит он? "**Наблюдаете дни, месяцы, времена, и годы. Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас**" (Гал. 4:10-11). И опять: "**ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей, и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете**" (1 Кор. 11:26). А словом: *елижды* (всякий раз) апостол отдал на волю (христианину, когда) приступать (к таинству евхаристии), и таким образом вовсе освободил его от наблюдения времен. Ведь пасха и четыредесятница не одно и то же; но иное - пасха, иное - четыредесятница. Четыредесятница в каждый год бывает однажды, а пасха (евхаристия) трижды в неделю, а иногда и четырежды, и даже столько раз, сколько мы захотим; потому что (наша) пасха - не пост, а приношение и жертва, совершающаяся всякий раз, как бывает собрание (литургия). А что (наша) пасха в этом и состоит, послушай слов Павла: "**пасха наша, Христос, заклан за нас**" (1 Кор. 5:7); и: "**всякий раз, когда вы едите хлеб сей, и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете**" (1 Кор. 11:26). Значит, всякий раз, как ты приступаешь (к приобщению святых таин) с чистой совестью, ты совершаешь пасху, - не тогда, т. е. когда постишься, но - когда участвуешь в этой жертве. "**Всякий раз, когда вы едите хлеб сей, и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете**"; а возвещение смерти Господней и есть пасха. И сегодняшнее приношение, и то, которое

совершено вчера, и совершается каждодневно, одинаково с тем, которое совершилось тогда в субботний день; и то нисколько не священнее этого, и это не ниже того, но и то и другое - одинаково, равно страшно и спасительно. Для чего же, скажете, мы постимся в эти сорок дней? В древности многие приступали к святым тайнам, без разбора и как случилось, особенно в то время, когда Христос преподал их. Заметив вред, какой происходит от небрежного приступления, отцы, собравшись вместе, назначили сорок дней поста для молитв, слушания (слова Божья), и церковных собраний, дабы все мы, тщательно очистив себя в эти дни молитвами, милостыней, постом, всенощными бдениями, слезами, исповедью, и всеми другими средствами, приступали, таким образом, с чистой совестью, насколько нам это возможно. И что они сделали великое дело, когда, по такой снисходительности, установили у нас обычай поститься, это видно из следующего. Вот, мы в течение всего года не перестаем взывать и проповедовать о посте, и - никто не внимает словам нашим; но лишь настанет время четыредесятницы, тогда, хотя бы никто не убеждал и не советовал, и самый ленивый пробуждается, потому что получает совет и убеждение от самого времени. Итак, если иудей и еллин спросят тебя: для чего постишься? не говори, что для пасхи или креста: этим ты дашь ему сильное оружие против тебя. Нет, мы постимся не для пасхи и не для креста, но ради своих прегрешений, потому что намереваемся приступить к тайнам; пасха же есть предмет не поста и плача, но веселья и радости. Ибо крест изгладил грех, сделался очищением всего пира, примирением долговременной вражды; отверз врата небесные, людей ненавистных (Богу) сделал друзьями, возвел наше естество на небо, и посадил одесную Престола, доставил нам и другие бесчисленные блага. Итак, из-за всего этого должно не плакать и сокрушаться, а веселиться и радоваться. Поэтому и Павел говорит: "**а я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа**" (Гал. 6:14). И опять: "**но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками**" (Римл. 5:8). И Иоанн вот что говорит: "**ибо так возлюбил Бог мир**" (Иоан. 3:16). Как, скажи? Умолчав обо всем прочем, он указал на крест. Ибо сказав: "**ибо так возлюбил Бог мир**", прибавил: "**что отдал Сына Своего Единородного на распятие, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную**". Итак, если крест есть предмет любви и похвалы, то не будем говорить, что мы из-за него плачем: нет, мы плачем не из-за него, но из-за своих прегрешений. Вот почему мы постимся.

5. Только оглашенный никогда не совершает пасхи, хотя и постится ежегодно, потому что он не участвует в приношении (евхаристии); между тем, как и не постящийся, но приступающий с чистой совестью, совершает пасху, сегодня ли, завтра ли, или вообще всякий раз, когда он участвует в приобщении. Ибо достойное причащение зависит не от наблюдения времени, но от чистой совести. А мы делаем напротив: сердца не очищаем, но, если только приступим в (субботний) день, то уже и думаем, что совершаем пасху, хотя бы и обременены были бесчисленными грехами. Но это не так, нет; напротив, если ты приступишь и в субботу с лукавой совестью, то все-таки не получишь приобщения, и уйдешь, не совершив пасхи; и наоборот, если и сегодня приобщишься, загладив грехи свои, то в точности совершишь пасху. Итак, эту-то точность и тщательность вы должны бы показывать не в наблюдении времен, но в приступлении (к причащению). И, как вы теперь готовы лучше перенести все, нежели переменить обычай, так надлежало бы вам пренебречь этим обычаем и решиться все претерпеть и сделать, только бы не приступать (к приобщению) в грехах. А что Бог не обращает внимания на такое наблюдение времен, послушай, как Он судит: "**ибо алкал Я**", говорит Он, "**и вы дали Мне есть; жаждал и вы напоили Меня; был наг и вы одели Меня**" (Матф. 25:35-36); а стоящих ошуюю укоряет за противное этому. И опять, когда приведен был иной раб, (Бог) наказывает его за злопамятство: "**злой раб! весь долг тот я простил тебе: не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя**" (Матф. 18:32-33)? Он не

впустил также юродивых дев в чертог жениха за то, что у них не было елея в светильниках; а одного осудил за то, что он вошел не в брачном одеянии, но в нечистых одеждах, то есть, осквернённый прелюбодеянием и нечистотой; напротив, никто никогда не был наказан и осужден за то, что совершал пасху в такой-то и такой-то месяц. И что говорить о нас, которые освобождены от всякой такого рода необходимости, и живем гор*е* - на небесах, где нет ни месяцев, ни солнца, ни луны, ни годичного круговращения? Кто захочет тщательно вникнуть в дело, тот увидит, что сами иудеи не много обращают внимания на время, но выше его ставят место - Иерусалим. Ибо когда люди, пришедши к Моисею, говорили: "**мы нечисты от прикосновения к мертвым телам человеческим: для чего нас лишать того, чтобы мы принесли приношение Господу**" (Числ. 9:7): "**постойте**", сказал им Моисей, "**я послушаю, что повелит Господь о вас**" (Числ. 9:8). Потом, вознеся жертву, дал им закон, предписывающий, что "**если кто будет нечист от прикосновения к мертвому телу, или будет в дальней дороге, в четырнадцатый день второго месяца совершит Пасху Господню**" (Числ. 9:10). Таким образом, даже у иудеев допускается нарушение определенного времени, только бы пасха совершалась в Иерусалиме; а ты не предпочитаешь времени единение с церковью, но, чтобы соблюсти дни, оскорбляешь общую нашу матерь и рассекаешь святое собрание? Как же можешь ты заслужить прощение, когда без всякой причины решаешься на такой грех? И что говорить об иудеях? Ведь и мы, сколько бы ни желали, ни старались, никак, однако же, не можем соблюсти тот день, в который Христос распят: это видно из следующего. Если бы иудеи и не согрешили, и не сделались неблагодарными, бесчувственными, небрежными и презрителями; если бы они и не потеряли отечественного устройства, но вполне сохраняли бы его доселе: и тогда невозможно было бы нам, последуя им, соблюсти тот день, в который Христос был распят и совершил пасху. А как это, я и скажу теперь. Когда Христос был распят, тогда был первый день опресноков и пяток; но пяток и первый день опресноков не всегда могут совпадать. Вот, например, в настоящем году первый день опресноков совпадает с воскресеньем: поэтому надлежало бы поститься всю неделю, и нам, когда уже пройдут и страсти, и настанет крест (распятие Христово) и воскресение, пришлось бы все еще поститься. И часто случалось, что пост (иудейский) продолжался после креста, после воскресения, пока не кончится неделя. Таким образом, никак нельзя соблюсти время.

6. Не будем же спорить и говорить: я столько лет соблюдал (иудейский) пост, и теперь ли переменить мне обычай? Поэтому-то самому и перемени: столько времени ты отделялся от церкви, возвратись же, наконец, к матери. Ведь никто не говорит: так как я столько времени был во вражде, то теперь стыдно мне помириться. Стыдно коснеть в неразумной настойчивости, а не переменяться на лучшее. То-то и погубило иудеев, что они, стараясь всегда соблюдать древний обычай, дошли до нечестия. И что говорить о посте и наблюдении дней? Павел строго соблюдал закон, много подъял трудов, много совершил путешествий, много перенес и других бедствий, и точностью в исполнении обрядов иудейских превосходил всех своих сверстников; однако, и по достижении высшего совершенства в (иудейской) жизни, как только узнал, что все это он делал к вреду и на погибель (себе), тотчас переменился. Он не спрашивал себя: что это такое? Ужели я напрасно употреблял столько усердия, потерял столько труда? Нет, для того-то он и переменился скорее, чтобы снова не понести той же потери, для того и презрел праведность законную, чтобы получить праведность от веры: "**что для меня было преимуществом**", взывает он, "**то ради Христа я почел тщетой**" (Фил. 3:7). – "**Если ты принесешь дар твой**", говорит Иисус Христос, "**к жертвеннику, и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя: оставь там дар твой перед жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой**" (Матф. 5:23-24). Что скажешь на это? Когда просто брат твой имеет что-нибудь против тебя, Христос не дозволяет тебе принести жертву, доколе не помиришься с братом; а когда

имеет (нечто) против тебя вся церковь и столько отцов, ты осмеливаешься и дозволяешь себе приступать к божественным тайнам, не прекратив этой неразумной вражды? И как же можешь ты, в таком расположении духа, совершить пасху? Говорю это не к тем только, но и к вам - здоровым, чтобы вы, сколько ни увидите таких, всех их с великой осторожностью и ласковостью взяли и собрали, и привели к матери. Если даже они будут противиться, будут уклоняться, или другое что делать, не отстанем, доколе не убедим их; ибо ничто не может сравниться с миром и согласием. Поэтому и отец наш (епископ), вошедши (в церковь), не прежде восходит на эту кафедру, как, испросив всем вам мир; и встав, не прежде начинает учить вас, как, преподав всем мир. И священники, когда хотят благословлять, прежде всего, испросят мир для вас, и потом уже начинают благословлять; также и диакон, приглашая молиться, вместе с прочими прошениями повелевает в молитве просить ангела мирного; да и все возносимые им моления исполнены мира, и наконец, отпуская вас из сего собрания, он желает вам этого же, говоря: "**идите с миром"**. Вообще, без мира ничего нельзя ни сказать, ни сделать. Он есть наш питатель и отец, который лелеет нас с великой заботливостью. Мир же я разумею не тот, что состоит в пустом приветствии и общении трапез, но мир в Боге, происходящий от духовного единения. Это-то единение многие теперь расторгают, когда, по неразумной ревности, уничижая наши постановления и придавая большую важность иудейским, считают их (иудеев) учителями, заслуживающими большего доверия, чем наши отцы, и христоубийцам верят (в том, что касается) страдания (Христова). Что может быть бессмысленнее этого? Разве не знаешь, что иудейская пасха есть образ, а христианская - истина? Смотри, какая между ними разность: та избавляла от телесной смерти, а эта прекратила гнев (Божий), которому подпала вся вселенная; та избавила некогда от Египта, эта освободила от идолослужения; та погубила фараона, эта - дьявола; после той - Палестина, после этой - небо. Что же ты сидишь со свечой, когда уже взошло солнце? Зачем хочешь питаться молоком, когда дается тебе твердая пища? Для того тебя и кормили молоком, чтобы ты не оставался на молоке; для того и светила тебе свеча, чтобы ты пришел к солнцу. Итак, когда настало совершеннейшее состояние, не будем возвращаться к прежнему, - не будем наблюдать дней, времен и годов, но во всем неуклонно последуем церкви, всему предпочитая любовь и мир. Если бы даже и ошибалась церковь, и в таком случае не столько бы было похвально точное наблюдение времен, сколько осуждения достойны разделение и раскол. Вот я нисколько не забочусь о времени, так как и Бог не (заботится), что мы уже и показали (ибо и об этом я уже много говорил); одного только домогаюсь, чтобы нам делать все в мире и единомыслии, чтобы, когда мы постимся со всем народом, и священники совершают общественные молитвы за вселенную, в это время ты не оставался дома пьянствовать. Подумай, ведь это - дьявольское наваждение, и составляет не один, не два, не три греха, но гораздо более: отделяет тебя от стада (Христова), заставляет обвинять столь многих отцов, ввергает в упорство, увлекает к иудеям и выставляет тебя на соблазн и домашним и чужим. Ибо как станем мы упрекать их в том, что они сидят дома, когда и ты бежишь к ним? А кроме этих важных грехов может произойти больший вред, когда ты во время постов тех (с иудеями) не будешь пользоваться ни Писанием, ни собраниями, ни благословением, ни общими молитвами, но все это время проведешь с нечистой совестью, в страхе и трепете, чтобы не уличили тебя, как какого-нибудь иноплеменника и инородца, между тем как тебе надлежало бы, вместе с церковью, совершать все с дерзновением, с удовольствием, с радостью и совершенной свободой. Церковь не знала строгого наблюдения времен; но когда затем всем отцам (церкви) угодно было собраться вместе из различных стран и назначить определенный день (пасхи), то церковь, во всем почитающая согласие и любящая единомыслие, приняла их определение. А что ни вам, ни нам и никому другому (из христиан) не возможно так ограничивать наш воскресный день, это достаточно доказано выше. Не будем же сражаться с тенью, и, споря из-за случайного, не повредим себе в важнейшем. Поститься в то или другое время - не предосудительно, но разделять

церковь, жить в раздорах, производить расколы и постоянно уклоняться от (церковного) собрания, это не простительно, достойно осуждения и влечет за собой тяжкое наказание. Можно бы сказать и больше этого, но для внимательных достаточно и сказанного; а для не внимательных не было бы пользы, если бы сказано было и больше. Посему, заканчивая здесь слово, все вместе попросим наших братьев возвратиться к нам, возлюбить мир, отстать от неразумного упорства, и, оставив без внимания маловажное, проникнуться возвышенными и важными мыслями, и освободиться от наблюдения дней, чтобы всем нам единодушно, едиными устами прославлять Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Христианам, держащимся иудейства.

[2] Здесь и в других местах этого слова св. Златоуст под Пасхой христианской разумеет таинство евхаристии.

[3] т. е. вместе с иудеями, до определения Никейского собора о праздновании христианской Пасхи не в одно время с иудейской.

[4] т. е. касательно празднования христианской Пасхи не в одно время с иудейской. Разумеется первый вселенский собор в 325 г. по Р. Х.

ПРОТИВ ИУДЕЕВ.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

Полное заглавие: "его же (Златоуста) против иудеев слово четвертое, на трубы их пасхи. Говорено в Антиохии, в великой церкви". Самое начало этой беседы показывает, что она произнесена, спустя довольно долго после первых трех слов против иудеев.

ОПЯТЬ, жалкие и несчастнейшие из всех людей, иудеи хотят поститься, и опять нужно оградить стадо Христово. И пастухи, пока не беспокоит их никакой зверь, расположившись под дубом или сосной, играют на свирели, оставляя овец пастись на всей воле; а как приметят приближение волков, бросив свирель, берут в руки пращу, и, оставив рожок, вооружаются палками и камнями, и, став впереди стада и подняв большой и сильный крик, часто одним этим криком, не делая еще нападения на зверя, прогоняют его. Так и мы, в предшествующие дни услаждаясь, как бы на лугу каком изъяснением Писания, не употребляли ни одного спорного слова, потому что никто не беспокоил нас; а как сегодня, свирепейшие всех волков, иудеи хотят окружить наших овец, то необходимо бороться и ратовать, чтобы ни одна овца не была похищена у нас зверями. И не дивитесь, что мы, еще за десять и более дней до наступления поста (иудейского), уже вооружаемся и ограждаем ваши души: ведь и трудолюбивые земледельцы, если имеется по близости быстрый поток, опустошающий нивы, не во время дождливой погоды, но еще до этой поры, ограждают и берега (потока), и поднимают насыпи, и проводят канавы, и всячески укрепляются против него. Пока он еще тих и маловоден, легко удержать его; но когда увеличится и весьма быстро понесет воды свои, тогда уже не так легко останавливать его: вот почему (земледельцы) за долго предупреждают напоры его, придумывая все возможные преграды. Так же поступают, обыкновенно, и воины, и корабельщики, и жнецы. Те, еще до сражения, вычищают и латы, и осматривают щиты, и заготовляют удила, и кормят лошадей с большим старанием, и все прочее устраивают старательно. И

корабельщики, прежде чем спустить корабль в пристань, исправляют и киль, и подновляют бока (корабля), и обтесывают весла, и сшивают паруса, и упорядочивают все остальные принадлежности корабля. Подобным образом и жнецы, за много дней оттачивают и серпы, и подготовляют гумно, и волов, и телегу, и все прочее, что потребно для жатвы. Да и все люди, известно, заранее делают приготовления к своим занятиям, чтобы, когда настанет время занятий, легко было им сделать дело. Им-то подражая, и мы за много дней вперед ограждаем ваши души, и увещеваем вас бегать от этого нечестивого и беззаконного поста (иудейского). Не говори мне, что (иудеи) постятся; но докажи то, согласно ли с волей Божьею они это делают; если же нет, то пост их - беззаконнее всякого пьянства. Должно не на дела их только смотреть, но исследовать и причину дел. Что бывает по воле Божьей, то, хотя бы казалось и худым, лучше всего; а что противно и не угодно Богу, то, хотя бы и казалось самым лучшим, хуже и беззаконнее всего. Если кто даже совершит убийство по воле Божьей, это убийство лучше всякого человеколюбия; но если кто пощадит и окажет человеколюбие вопреки воле Божьей, эта пощада будет преступнее всякого убийства. Дела бывают хорошими и худыми не сами по себе, но по Божьему о них определению.

2. И чтобы удостовериться тебе в справедливости этого, выслушай вот что. Некогда Ахав, взяв в плен одного сирийского царя, вопреки воле Божьей сохранил ему жизнь, посадил его вместе с собой (на колесницу) и отпустил с великой честью. Затем один пророк, пришедши к ближнему своему, сказал: "**по слову Господа бей меня: но этот человек не захотел бить его; и сказал ему: за то, что ты не слушаешь гласа Господня, убьет тебя лев, когда пойдешь от меня. Он пошел от него; и лев, встретив его, убил его. И нашел он другого человека, и сказал: бей меня: этот человек бил его до того, что изранил**" лицо его (3 Цар. 20:35-37). Что может быть страннее этого? Поразивший пророка остался цел, а пощадивший - наказан: знай же, что, когда Бог повелевает, тогда не должно рассуждать о свойстве самого дела, но только повиноваться. И вот, чтобы первый (ближний) не пощадил пророка из уважения к нему, пророк не просто сказал ему "**бей меня**", но: "**по слову Господа**", то есть, Бог повелел, ни о чем больше не спрашивай; царь предписал закон, уважь достоинство повелевшего, и повинуйся со всей готовностью. Но тот не послушался, за что и потерпел тяжкое наказание, и своим несчастьем вразумляет потомков повиноваться и покоряться всему, что ни повелит Бог. Потом, когда второй поразил и поранил пророка, этот обвязал голову свою полотном, прикрыл глаза и сделал так, чтобы его не узнали. А для чего он сделал это? Он хотел обличить царя и произнести над ним суд за спасение сирийского царя. Так как царь был нечестив и ненавидел пророков, то чтобы, увидев его, не прогнал с глаз, а, прогнав, не остался без исправления, пророк прикрывает и свое лицо и рассказ о самом деле, дабы иметь возможность говорить (с царем) и получить от него сознание в том, в чем хотелось (пророку). И вот, когда царь проходил мимо, пророк закричал к нему и сказал: "**раб твой ходил на сражение, и вот человек подвел ко мне человека, и сказал: стереги этого человека; если его не станет, твоя душа будет за его душу, или ты должен будешь отвесить талант серебра. Когда раб твой занялся теми и другими делами, его не стало; и сказал ему царь израильский: таков тебе и приговор, ты сам решил. Он тотчас снял покрывало с глаз своих, и узнал его царь, что он из пророков. И сказал ему: так говорит Господь: за то, что ты выпустил из руки твоих человека, заклятого Мной, душа твоя будет вместо его души, народ твой вместо его народа**" (3 Цар. 20:39-42). Смотри, как не только Бог, но и люди судят одинаково, - обращая внимание не на свойство дел, но на их цель и причины. Вот и царь говорит пророку: ты сам себе судья передо мной, ты совершил убийство. Ты, говорит, человекоубийца, потому что отпустил неприятеля. Вот для чего пророк и покрыл себя покрывалом и потребовал суда как бы по чужому делу, чтобы царь произнес правильное решение; - что и случилось. Ибо, когда царь произнес над ним суд, пророк сняв покрывало, сказал: "**за то, что ты выпустил из руки твоих**

человека, заклятого Мной, душа твоя будет вместо его души, народ твой вместо его народа". Видишь, как (Ахав) осужден за человеколюбие, и какое наказание потерпел за пощаду? Он сохранил жизнь (врагу), и - наказан; а другой совершил убийство, и - заслужил похвалу. Вот Финеес в одно мгновение совершил два убийства, умертвил мужа и жену, и почтен священством: так он руку свою не только не осквернил кровью, но еще сделал более чистой. Итак, видя, что бивший пророка остается цел, а не бивший погибает, что пощадивший наказывается, а не пощадивший похваляется, во всех случаях старайся узнать прежде волю Божью, а не свойство самого дела, и, что найдешь согласным с ней, то только и одобряй.

3. Этим-то правилом руководствуясь, будем судить и об этом (иудейском) посте. Если мы не станем так делать, но будем выставлять и рассматривать только голые дела, как они есть, то произойдет большое замешательство, большой беспорядок. Например, терпят побои и разбойники, и гробокопатели, и обманщики, но то же терпят и мученики; дела одинаковы, но расположение духа и причина, по которой они бывают, не одинаковы, а потому между (мучениками) и теми людьми большое различие. И как в этом случае мы обращаем внимание не на одни мучения, но, еще прежде того, на расположение души и на причину, из-за которой бывают мучения, а поэтому и мучеников любим не за то, что они мучатся, но за то, что мучатся за Христа, и разбойников презираем не за то, что они наказываются, но за то, что наказываются за злодеяния; так же суди и о том, что делается у иудеев. И если увидишь, что они постятся для Бога, похвали это; если же увидишь, что делают это вопреки воле Божьей, отвратись и возненавидь их более чем пьянствующих и неумеренных в пище и питье. Но в этом посте должно смотреть не на причину только, но и на место и на время. Впрочем, прежде чем бороться с иудеями, лучше побеседуем с теми из наших членов, которые, по-видимому, стоят вместе с нами, но на деле следуют иудейским обычаям, и всячески защищают их, и которых поэтому я считаю более достойными осуждения, чем самих иудеев. В этом согласятся с нами не только мудрые и умные люди, но и все, кто только имеет сколько-нибудь разума и смысла. Чтобы доказать это, не нужно умствований, исследований и длинных оборотов речи; нет, довольно только спросить их и - уловить на самом ответе их. Что же? Спрошу я у каждого из страдающих этим недугом: ты христианин? Для чего же следуешь обычаям иудеев? Или ты иудей? Так зачем беспокоишь церковь? Перс не соблюдает ли того, что в обычае персов? Варвар не следует ли обычаям варваров? Живущий в римском государстве не подчиняется ли нашему уставу? И если кто из живущих между нами будет обличен в том, что поступает как варвар, такой, скажи мне, не тотчас ли подвергается наказанию без суда и исследования, хотя бы и представлял тысячу оправданий? Равно, если кто из варваров окажется соблюдающим римские законы, не потерпит ли и он того же самого? Как же ты думаешь спастись, уклоняясь к иудейским беззаконным обычаям? Разве ничтожно различие между нами и иудеями? Разве спор у нас о пустых вещах, так что можно считать за одно и то же (и христианство и иудейство)? Что ты соединяешь несоединимое? Они распяли Христа, Которому ты поклоняешься: видишь какое различие! Как же бежишь к ним, убийцам, ты, говорящий о себе, что поклоняешься Распятому? Я ли выдумаю этот способ обвинения и этот род обличения? Не этот ли способ употребляет против них и Писание? Послушай, что говорит именно против них Иеремия: "**пошлите в Кидар, и рассмотрите; пойдите на острова Хиттимские, и посмотрите: было ли что-нибудь подобное сему**". Что же это такое? "**Переменил ли какой народ богов своих, хотя они и не боги? А Мой народ променял славу свою на то, что не помогает**" (Иер. 2:10-11). А это значит вот что: те (язычники), говорит, поклоняясь идолам и служа демонам, так тверды были в своем заблуждении, что не захотели оставить идолов и обратиться к истине; а вы, поклонники истинного Бога, оставив отеческое благочестие, перешли к чуждым обычаям; вы даже не показали и того постоянства в истине, какое имеют те в заблуждении. Вот почему говорит: "**было ли что-нибудь подобное сему? Переменил ли**

какой народ богов своих, хотя они и не боги? А Мой народ променял славу свою на то, что не помогает". Не сказал: "**променяли Бога своего**", потому что Бог неизменяем (Малах. 3:6), но: "**променяли славу свою**". Не Меня, говорит, оскорбили вы; ибо Мне нельзя сделать вреда; вы обесчестили сами себя, умалили не Мою славу, но свою собственную. Позвольте же и мне сказать это и к нашим, если только должно называть нашими тех, которые мыслят по иудейски: пойдите в синагоги и посмотрите, переменили ли иудеи свой пост, постились ли в пасху с нами, ели ли когда в этот день? Их пост не есть несть[1], но беззаконие, грех и преступление; и однако же они не переменили его; а вы переменили славу свою на то, от чего не получите никакой пользы, и перешли на их сторону. Когда постились они в пасху? Когда совершали с нами праздник мучеников? Когда сообщались с нами в день Богоявления? Они не бегут к истине, а вы бежите к нечестию: называю (праздники их) нечестием потому, что совершаются не в свое время. Было некогда время, когда надлежало соблюдать эти праздники, но теперь - не время. Вот почему то, что некогда было законно, теперь беззаконно.

4. Позвольте мне сказать к этим людям словами Илии. Он, видя, как иудеи поступают нечестиво, и то повинуются Богу, то служат идолам, так говорит к ним: "**долго ли вам хромать на оба колена? Если Господь есть Бог, последуйте Ему; а если Ваал, то ему последуйте**" (3 Цар. 18:21). Это же и я теперь скажу к ним: если вы почитаете истинным иудейство, то зачем обременяете собой церковь? Если же истинно христианство, каково оно и есть, то неуклонно следуйте ему. Скажи мне, ты участвуешь в таинствах, поклоняешься Христу, как христианин, у Него испрашиваешь благ, и - празднуешь с Его врагами? С какой же, наконец, совестью приходишь ты в церковь? Но довольно сказали мы против тех, которые говорят о себе, что мыслят по-нашему, и между тем следуют иудейским обычаям. А как я хочу сразиться с иудеями, то позвольте мне предложить более пространное поучение и показать, как иудеи уничижают закон, постясь теперь, и попирают заповеди Божьи, делая всегда только противное Ему. Вот, когда Он хотел, чтобы иудеи постились, они утучняли себя и расширялись; когда же хочет, чтобы не постились, они упорствуют поститься. Когда хотел, чтобы приносили жертву, они бежали к идолам; а когда не хочет, чтобы они совершали свои праздники, тогда усердствуют праздновать. Поэтому Стефан говорил к ним: "**вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы**" (Деян. 7:51). Вы, говорит, о том только и старались, как бы сделать противное тому, что Бог заповедовал. Так поступают они и теперь. Откуда это видно? Из самого закона, ибо в отношении к праздникам иудейским закон повелел наблюдать не только время, но и место (празднования). Так, заповедуя им и об этой пасхе, он говорит вот что: "**не можешь ты закалать пасху в котором-нибудь из жилищ твоих, которые Господь, Бог твой, даст тебе**" (Втор. 16:5). Напротив, постановив совершать пасху в четырнадцатый день первого месяца, закон также повелел праздновать ее только в Иерусалиме; равно и для празднования пятидесятницы назначил определенное место и время, повелев совершать ее спустя семь недель, и опять прибавив: "**в месте, какое изберет Господь Бог твой**" (Втор. 12:11). Точно также (постановлено) и о празднике кущей. Но посмотрим, что из этих двух более необходимо - время или место: то есть, если когда нельзя соблюсти то и другое вместе, должно ли пренебречь местом и соблюсти время, или, пренебрегши временем, соблюсти место? Я хочу сказать вот что: Господь повелел совершать пасху в первый месяц, в Иерусалиме, т. е. в определенное время и в определенном месте. Теперь предположим, что совершают пасху двое: один пусть нарушает место, а соблюдает время; другой пусть соблюдает место, а нарушает время, притом, соблюдающий время, но нарушающий место, пусть совершает пасху в первый месяц и вне Иерусалима, где-нибудь вдали, а соблюдающий место, но преступающий время, совершает пасху в Иерусалиме, не в первый месяц, а во второй. Затем посмотрим, кто из двух этих достоин осуждения, и кто одобрения, преступивший ли время и совершившей пасху в определенном месте, или оставивший место и соблюдавший время?

Если приступивший время с тем, чтобы совершить пасху в городе, окажется достойным одобрения, а соблюдавший время, но пренебрегший местом - осуждения и обвинения, как нечестивец; то очевидно, что и иудеи поступают нечестиво, когда не совершают пасхи в своем месте, хотя бы и тысячу раз говорили о себе, что соблюдают время. Откуда же видно это? От самого Моисея. Когда (евреи) совершили пасху вне (Иерусалима), то пришли они к Моисею, говоря: "**мы нечисты от прикосновения к мертвым телам человеческим: для чего нас лишать того, чтобы мы принесли приношение Господу в назначенное время среди сынов Израилевых? И сказал им Моисей: постойте, я послушаю, что повелит Господь о вас. И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым: если кто из вас или из потомков ваших будет нечист от прикосновения к мертвому телу, или будет в дальней дороге, то и он должен совершить Пасху Господню в четырнадцатый день второго месяца**" (Числ. 9:7-11). Это значит: кто в первый месяц будет на пути, тот пусть не совершает (пасхи) вне города, но пусть совершит во второй месяц, когда придет в Иерусалим; пусть преступит время, только бы не быть вне города. Это показывает, что соблюдение места более необходимо, чем соблюдение времени. Что же могут сказать на это совершающие (пасху) вне Иерусалима? Ведь, когда они опускают более необходимое, их не может оправдать соблюдение менее необходимого. Значит, они, хотя бы тысячу раз уверяли себя, что не нарушают времени, поступают крайне беззаконно. И это видно не только отсюда, но и из примера пророков. Известно, что пророки и не приносили жертв, и не воспевали песней, и не соблюдали ни одного такого поста на чужой земле: какое же эти (нынешние иудеи) могут иметь извинение? Те, хотя и ожидали возвращения прежнего устройства, однако оставались в повиновении закону, и исполняли предписания его, как закон того требовал; а эти, не имея никакой надежды на возвращение прежнего устройства (ибо каким местом из пророков могут доказать это?), не хотят успокоиться. Между тем, если бы они даже ожидали, что порядок тот возвратится, и в таком случае им следовало бы подражать святым тем, и не поститься и не делать что-либо другое, тому подобное.

5. А для удостоверения, что те (святые) ничего такого не делали, послушай, что они отвечали спрашивавших их. Когда иноплеменники настоятельно и с принуждением заставляли их употребить в дело свои органы, говоря: "**пропойте нам из песней сионских**", они, хорошо зная, что закон не позволяет им делать это вне (Иерусалима), отвечали: "**как нам петь песнь Господню на земле чужой**" (Пс. 136:3-4)? И опять, три отрока, жившие в Вавилоне, говорили: "**нет у нас в настоящее время ни князя, ни пророка, ни места, чтобы нам принести жертву Тебе и обрести милость**" (Дан. 3:38). Места, конечно, там было много, но так как не было храма, то они оставались без жертвоприношений. Да и к другим Бог (говорит) через Захарию: "**уже семьдесят лет для Меня ли вы постились**" (Зах. 7:5), разумея здесь годы (вавилонского) плена. Как же ты ныне постишься, скажи мне, когда предки твои и не приносили жертв, и не постились, и не праздновали? Уже и отсюда видно, что они не совершали и пасхи: ибо, где не было жертвы, там не было и праздника, потому что все (праздники) надлежало совершать с жертвоприношениями. Но чтобы представить тебе и доказательство на это, послушай, что говорит Даниил: "**в эти дни я, Даниил, был в сетовании три седмицы, вкусного хлеба я не ел; мясо и вино не входило в уста мои, и мастями я не умащал себя до исполнения трех седмиц дней. А в двадцать четвертый день первого месяца видел видение**" (Дан. 10:2-4). Здесь слушайте меня со вниманием; ибо из этих слов видно, что иудеи (в Вавилоне) не совершали пасхи. Как же это, я и скажу теперь. В дни опресноков иудеям не позволялось поститься; а Даниил в течение двадцати одного дня не вкушал ничего. Но из чего, скажешь, видно, что эти двадцать один день были дни опресноков? Из того, что он сказал: "**в двадцать четвертый день первого месяца**"; а пасха оканчивается в двадцать первый день; ибо, начав четырнадцатым днем первого месяца, и потом празднуя семь дней, иудеи таким образом доходят до двадцать первого дня. Но Даниил, и

по прошествии пасхи, продолжал еще не вкушать; потому что, начав с третьего дня первого месяца, потом, продолжив (пост) двадцать один день, он, таким образом, провел четырнадцатый день, а за ним еще семь и три дня. Итак, не беззаконно ли и не нечестиво ли поступают иудеи, что, тогда как те святые никаких обрядов не совершали на чужой земле, они по упорству и настойчивости делают противное? Ведь, если бы говорили и делали это какие-нибудь беспечные и неблагочестивые люди, то несоблюдение ими (праздников) можно бы приписать их беспечности; но если это были люди благочестивые и боголюбивые, такие, которые и душу свою отдали за заповеди Божьи, то явно, что они не соблюдали закона (о праздниках) не по беспечности, но по убеждению из самого закона в том, что ни одного из этих обрядов не должно соблюдать вне Иерусалима. Из этого открывается и другая важнейшая истина, - именно, что соблюдения жертв, суббот, новомесячий, и всего тому подобного требовало тогдашнее (иудейское) устройство не необходимо, и что ни соблюдение их не могло придать ничего особенного добродетели, ни опущение - сделать доброго (человека) худым, или отнять что-либо от душевного любомудрия. Так эти (святые мужи), провождавшие на земле жизнь равную ангельскому любомудрию, хотя и не делали ничего этого, - не приносили жертв, не совершали праздника, не соблюдали такого поста, однако так угодили Богу, что стали выше и самой природы, и тем, что случилось с ними, обратили всю вселенную к Богопознанию. Что может сравниться с Даниилом? Что с тремя отроками, которые так задолго выполнили уже на деле величайшую евангельскую заповедь, - главизну всех благ? Ибо (в Евангелии) сказано: "**нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих**" (Иоан. 15:13); а они душу свою положили за Бога. Впрочем, они достойны удивления не по этому только, и потому еще, что делали это не за какую-либо награду. Потому-то и говорили, что "**Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем**" (Дан. 3:17-18). Довольно нам, говорят, и той награды, что умираем за Бога. И это они делали, такую являли доблесть, не соблюдая ничего предписанного в законе (обрядовом).

6. Для чего же, скажете, Бог установил эти (обряды), если не хотел исполнения их? А если бы хотел исполнения, то для чего разрушил ваш город? Если бы Он хотел, чтобы эти обряды соблюдались постоянно, то надлежало бы сделать Ему одно из двух: или не повелевать приносить жертвы на одном только месте, если уже Он хотел рассеять вас по всей вселенной, или, если хотел, чтобы вы приносили жертвы только там (в Иерусалиме), не рассеивать вас по вселенной и не делать для вас недоступным того именно города, в котором одном надлежало приносить жертву. Что же? Бог, скажешь, противоречит самому Себе: повелев приносить жертвы в одном только месте, сам же потом запер это место? Вовсе нет; напротив, Он совершенно верен Себе. Сначала Он и не хотел позволить вам жертвы; свидетелем этого приведу самого пророка, который говорит так: "**слушайте слово Господнее, князья Содомские; внимай закону Бога нашего, народ Гоморский**" (Иса. 1:10). А это говорит он не к содомлянам и не к жителям Гоморры, но к иудеям. Называет же их так за то, что они, подражая нечестию тех, вступили в родство с ними. Точно также он называет их и псами (Ис. 56:11) и конями женонеистовыми (Иер. 5:8), не потому, чтобы они приняли природу этих животных, но потому, что высказывали их похотливость. "**К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь**" (Иса. 1:11). А мы не видим, чтобы жители Содома когда-нибудь приносили жертвы: значит, слово это обращено к иудеям, и называет их именем тех по указанной мной причине. "**К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями овнов, и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лицо Мое; кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы мои?**" Слышал ты глас (Божий), весьма ясно говорящий, что сначала Он не требовал от вас этих жертв? Ибо, если бы требовал их, то этим установлениям первыми подчинил бы всех древних, которые еще до них прославились. Для чего же, скажешь, Он позволил

после? Снисходя к вашей немощи. Как врач, видя, что больной горячкой человек, своенравный и нетерпеливый, хочет напиться холодной воды, и угрожает, если ему не дадут, накинуть на себя петлю, или броситься со стремнины, для предотвращения большего зла, допускает меньшее, только бы отклонить больного от насильственной смерти; так точно поступил и Бог. Как увидел Он, что (евреи) беснуются, скучают, хотят жертв, готовы, если им не позволят этого, обратиться к идолам, или даже не только готовы обратиться, но уже и обратились, то позволил им жертвы. И что это было причиной, можно видеть из самого времени (позволения). Бог позволил им жертвы уже после того, как они совершили праздник в честь злых демонов, как бы так говоря им: вы беснуетесь и хотите приносить жертвы; так приносите их, по крайней мере, Мне. Впрочем, и позволив это, Он не навсегда дал такое позволение, но, премудрым способом опять отнял его. Как врач (ничто не мешает мне опять употребить тот же пример), уступая прихоти больного, приносит из своего дома сосуд и приказывает ему пить из него одного, а потом, когда больной согласится на это, тайно велит подающим питье разбить этот сосуд, чтобы незаметно и, не подавая вида, отклонить больного от его прихоти: так поступил и Бог. Позволив иудеям приносить жертвы, Он не позволил делать это ни в каком другом месте, кроме Иерусалима; потом, когда они несколько времени приносили жертвы, разрушил этот город, чтобы, как врач разбитием сосуда, так и Бог разрушением города - отвлечь их, и по неволе, от этого дела. Если бы Он прямо сказал: перестаньте; они не легко бы согласились оставить страсть к жертвам; но теперь по самой необходимости их местопребывания Он незаметно отвел их от этой страсти. Так пусть будет врач - Бог, сосуд - город, больной - упорный народ иудейский, холодное питье - позволение и свобода приносить жертвы. И вот, как врач отводит больного от его неразумного требования, разбивая сосуд; так и Бог отклонил (иудеев) от жертв, разрушив самый город и сделав его для всех недоступным. Если бы Он не это имел в виду, то для чего заключил все богослужение в одном месте, будучи вездесущим и все наполняя? Для чего же Он, соединив богослужение с жертвами, жертвы с местом, место со временем, время с одним городом, потом разрушил этот самый город? И вот что удивительно и странно: вся вселенная открыта иудеям, и нигде на ней не позволено приносить жертв; один Иерусалим недоступен, а в нем только и позволялось им приносить жертвы. Итак, не ясна ли и не очевидна ли, даже для самых несмышленых, причина разрушения Иерусалима? Если домостроитель, положив уже основание, выведши стены, устроив свод и прикрепив его к одному, положенному в средине камню, отнимет этот камень, то разрушит весь состав здания; так и Бог, сделав город как бы связью (иудейского) богослужения, и потом, разрушив его, этим самым разрушил и все остальное здание того богослужения.

7. Но перестанем пока бороться с иудеями. Сегодня мы только начали сражение, сказав столько, сколько требовалось для предостережения наших братьев, или даже гораздо больше. Нужно, наконец, убедить и вас, здесь присутствующих, чтобы вы усердно позаботились о наших членах, и не говорили: "какая мне надобность? Зачем мне хлопотать и беспокоиться?" Господь наш умер за нас: а ты не хочешь и слова сказать? Какое же будешь иметь извинение? Какое получишь оправдание? Как, скажи мне, станешь с дерзновением перед судилищем Христовым, показав равнодушие к погибели стольких душ? Если бы мог я знать всех, кто только бегает туда (в синагоги), то не нуждался бы в вас, но сам весьма скоро исправил бы их. Когда нужно исправить брата, то, хотя бы понадобилось отдать и душу, не откажись; поревнуй своему Владыке; есть у тебя слуга, или жена, удерживай их дома с великой строгостью. Если ты не позволяешь им ходить в театр, тем более не позволяй ходить в синагогу, потому что это преступление больше того: там - грех, а здесь - нечестие. Говорим это не с тем, чтобы вы позволяли им ходить в театр, ибо и это худо; но чтобы гораздо более воспрещали им ходить в синагогу. Что бежишь ты видеть в синагоге богопротивных иудеев, скажи мне? Людей, трубящих в трубы? Но надлежало бы тебе, сидя дома, скорбеть о них и плакать о том, что они

противятся заповеди Божьей, ликуют вместе с дьяволом. Ибо, как я сказал прежде, делаемое вопреки воле Божьей, хотя бы и было когда дозволено, после становится беззаконием и влечет за собой множество наказаний. Трубили некогда иудеи, когда были у них жертвы; а теперь им не позволяется это делать. Послушай, для чего и получили они трубы? "**Сделай себе**", говорит Бог, "**две трубы серебряные, чеканные сделай их**" (Чис. 10:2); потом, говоря об их употреблении, прибавляет: "**рубите трубами на всесожжениях ваших и при мирных жертвах ваших**" (Чис. 10:10). Где же теперь жертвенник? Где кивот? Где скиния и святое святых? Где священник? Где херувимы славы? Где золотая кадильница? Где очистилище? Где чаша? Где сосуды возлияния? Где огонь, свыше ниспосланный? Все оставил ты, и удерживаешь только трубы? Видишь ли, что иудеи скорее играют, чем служат (Богу)? Но если их мы упрекаем за то, что они беззаконничают, тем более - вас за то, что сходитесь с беззаконниками; (упрекаем) не только тех, которые бегут туда, но и тех, которые могли бы удержать их, и не хотят. Не говори мне: "что у меня общего с ним? Он мне чужой и незнакомый". Пока он верный, приобщается одних с тобой тайн, и ходит в ту же церковь, дотоле он ближе к тебе и братьев, и знакомых, и родственников, и всех вообще. Следовательно, как подвергаются одинаковому наказанию не только крадущие, но и те, которые могли им помешать и не помешали; так одинаково же наказываются не только сами нечестивцы, но и те, которые могли отклонить их от нечестия, но не хотели по нерадению, или по беспечности. И зарывший талант возвратил его господину в целости; но так как не умножил его, то и наказан. И ты, если даже сам останешься чистым и непорочным, но не умножишь своего таланта, и погибающего брата не обратишь к спасению, то потерпишь одинаковую с (рабом) тем участь. Многого ли требую от вас, возлюбленные? Пусть каждый из вас обратит к спасению одного из братьев, пусть позаботится об этом, пусть потрудится, чтобы в следующее собрание нам придти с великим дерзновением, неся дары Богу, дары самые драгоценные, возвращая (к Нему) души заблудших. Пусть даже придется понести обиды, получить удары, потерпеть что-либо другое, - все сделаем, только бы возвратить их. Ведь мы сносим же упрямство, оскорбления и брань от больных, не огорчаемся обидами, но желаем только одного, чтобы здоров был тот, кто так безрассудно поступает. И у врача больной часто разрывает одежду, но тот не перестает из-за этого лечить его. Если же заботящиеся о телах показывают столько усердия, то, как неуместно предаваться беспечности, когда гибнет столько душ, и не решаться перенести какую-либо неприятность, когда гниют наши члены? Не так поступал Павел; а как? "**Кто**", говорил он, "**изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы и я не воспламенялся**" (2 Кор. 11:29)? Зажги и ты в себе этот огонь; и, если увидишь брата погибающим, пусть он тебя бранит, пусть оскорбляет, пусть бьет, пусть угрожает сделаться твоим врагом, пусть делает что бы то ни было другое: все перенеси благодушно, только бы тебе приобрести его спасение. Пусть он сделается тебе врагом, за то Бог будет твоим другом, и наградит тебя великими благами в тот день (суда). Дай Бог, чтобы молитвами святых, и заблудшие обратились ко спасению, и вы имели успех в этой ловле, и самые те богохульники (иудеи), оставив нечестие, познали Христа, за них распятого, да все мы единым сердцем и едиными устами прославим Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава вместе со Святым Духом во веки веков. Аминь.

---

[1] Здесь или отсканировано плохо, или опечатка, не имея под рукой книги не могу исправить. – ред.

ПРОТИВ ИУДЕЕВ.

СЛОВО ПЯТОЕ.

ОТЧЕГО это у нас сегодня собрание сделалось многочисленнее? Конечно, вы собрались для истребления обещанного, пришли получить очищенное огнем серебро, которое я обещал отдать вам. "**Слова Господни**", сказано, "**слова чистые, серебро, очищенное от земли в горниле**" (Псал. 11:7). Благословен Бог, вложивший в вас такое усердие к слушанию духовного наставления! Как пристрастные к вину и напиткам, каждый день, лишь только встав, разведывают и осведомляются, где напитки, пиры и ужины, праздники и собрания пьющих, сосуды, чаши и стаканы: так и вы каждый день, лишь встанете, осведомляетесь, где увещание и совет, поучение и наставление, и слово во славу Христа. Поэтому и мы тем охотнее беремся за это дело, и со всей готовностью предлагаем, что обещали. Итак, наша борьба с иудеями окончилась, как следует: поставлен и трофей, сплетен нам и венец, получили мы награду уже и за предыдущую беседу. Нашей целью было доказать, что делаемое теперь иудеями есть беззаконие и нечестие, брань и война людей против Бога: это и доказано, при помощи Божьей, со всей точностью. Ибо, если бы они и имели надежду опять получить свой город, возвратиться к прежнему устройству и видеть свой храм восстановленным, чего, впрочем, никогда не будет, то и в таком случае не могли бы ничем оправдать того, что теперь делают. Вот, и три отрока, и Даниил, и все другие, жившие в плену (вавилонском), надеялись опять получить свой город, через семьдесят лет увидеть отечественную землю и жить по прежним законам; однако и, имея ясное и несомненное обетование, они, до исполнения этого обетования и до возвращения (в Иерусалим), не дерзали сделать что-либо из постановленного (о праздниках), как это делают нынешние иудеи. Так можешь и ты заградить уста иудею. В самом деле, спроси его: почему ты постишься, не имея города? И если он скажет: потому, что надеюсь опять получить город; скажи ему: так оставайся в покое, пока не получишь; ибо те святые, пока не возвратились в свое отечество, не осмеливались делать то, что ты делаешь теперь. Отсюда видно, что ты теперь, если и надеешься, как ты говоришь, опять получить город, поступаешь беззаконно, нарушаешь заветы с Богом, и оказываешь неуважение самому учреждению иудейства. Итак, для обуздания наглости иудеев и обличения их в том, что они поступают беззаконно, достаточно и сказанного вашей любви в предыдущей беседе. Но так как мы поставили себе целью не только, чтобы заградить уста иудеям, но и то, чтобы больше научить церковь собственным догматам; то вот теперь докажем подробно и то еще, что и храм (иерусалимский) уже не будет восстановлен, и иудеи не получат опять прежнего устройства. Таким образом, и вы вернее узнаете апостольские догматы, и они более будут уличены в нечестии. А свидетелем этого представим не ангела, не архангела, но самого Владыку всей вселенной, Господа нашего Иисуса Христа. Вошедши в Иерусалим и увидев храм, Он сказал, что "**Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников**" (Лук. 21:24), то есть, время до скончания мира. Эту же угрозу Он произнес и о храме, сказав ученикам, что "**не останется здесь камня на камне; все будет разрушено**" (Матф. 24:2); и, таким образом, предвозвестил совершенное разрушение и конечное запустение храма. Но иудей, конечно, отвергает это свидетельство и не принимает сказанного (Иисусом Христом). Это сказал, говорит он, мой враг; я распял его, как же приму его свидетельство? Это-то и дивно, иудей, что Тот, Кого ты распял, уже по распятии своем, разрушил твой город, рассеял твой народ и разбросал по всему лицу земли твое племя; а этим и показал, что Он воскрес и жив и теперь на небесах. Так как ты не захотел познать Его могущество в благодеяниях, то Он дал тебе понять Свою непобедимую и необоримую силу в карах и наказаниях. Но ты и после этого не веришь, и не признаешь Его Богом и Владыкой всей вселенной, но считаешь обыкновенным человеком. Но рассуди (о Нем), даже как о (простом) человеке. А как мы делаем рассмотрение о людях? Когда увидим, что известные люди всегда говорят правду, и ни в чем никогда не лгут, то хотя бы они были нам и враги, мы, если только у нас есть

ум, принимаем их слова; напротив, как увидим, что они лгут, то, хотя бы они о чем-либо сказали и правду, мы не легко принимаем слова их.

2. Теперь посмотрим, каков обычай Христа, каков нрав Его. Он предсказал и предвозвестил не то одно, но много и другого, чему надлежало совершиться спустя долгое время. Представим же эти пророчества, и, если увидишь, что в них Он говорит ложь, не принимай и не считай верным и этого (пророчества о разрушении храма); но если увидишь, что Он всегда говорит правду, что и это пророчество исполнилось, и что неизмеримое время свидетельствует об истине предсказанного, то перестань бесстыдствовать, не спорь против таких дел, которые - яснее солнца. Посмотрим же, что и еще Он предсказал. Приступила к Нему женщина, с алавастровым сосудом драгоценного мира, и возлила (на Него) миро. Вознегодовали на это ученики, говоря: "**для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим**" (Иоанн. 12:5). Но (Иисус) укорил их и сказал так: "**что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня. Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала**" (Матф. 26:10,13). Что же, солгал Он, или сказал правду? Сбылось пророчество, или нет? Спроси иудея; и, пусть будет он безмерно нагл, не может, однако же, спорить против этого пророчества. Мы слышим, как о той женщине читается во всех церквах, и слушателями во всех городах стоят консулы, полководцы, мужчины, женщины, благородные, знатные, славные; куда бы ты ни пришел, везде найдешь, что все в глубоком молчании слушают (повествование) о поступке той женщины и нет места во вселенной, в котором бы он был не известен. Сколько было царей, которые оказали много великих благодеяний городам, успешно воевали, воздвигли себе трофеи, спасли народы, построили города, и собрали себе бесчисленные сокровища; однако же, о них и о делах их не говорится ни слова. Много было и цариц и великих жен, оказавших бесчисленные благодеяния подчиненным; но и они никому не известны и по имени. А эта бедная женщина возлила только миро, и прославляется по вселенной; столько уже прошло времени, но память о ней не изгладилась, и не изгладится никогда. Между тем и дело ее не важное: ибо, что такое возлить миро? И личность она не знатная: ибо она была женщина отверженная; и свидетелей немного: ибо она сделала это при (одних) учениках; и место не открытое: ибо сделала это не на зрелище, но в доме, где было только человек десять. Однако ни незначительность лица, ни малочисленность свидетелей, ни безвестность места, ни другое что не могло истребить памяти о ней: нет, эта женщина теперь славнее всех цариц и всех царей, и такое продолжительное время не предало забвению поступка ее. Отчего, скажи мне? Кто сделал это? Не Бог ли, Которому она тогда послужила, распространил этот слух (о ней) повсюду? Итак, скажи мне, человеческой ли способности свойственно предсказать такое событие? Какой же умный человек скажет это? Чудно и необычайно, когда (Христос) предсказывает о чем-либо таком, что сам Он сделает; но гораздо важнее и удивительнее, когда Он предсказывает еще и о том, что сделают другие, и устраивает так, что это становится для всех достоверным и очевидным. Опять Он предсказал Петру: "**на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее**" (Матф. 16:18). Что же, скажи мне, иудей, можешь ты возразить против этих слов и доказать, что это пророчество ложно? Но этого не позволит тебе свидетельство самых дел, как бы ты ни усиливался. Сколько браней воздвигалось на церковь! Приготовлялись великие полчища, изощрялись оружия, изобретаемы были все виды казней и мучений, сковороды, оружия расстрела, котлы, печи, ямы, стремнины, зубы зверей, моря, ссылки и другие бесчисленные истязания, которых нельзя ни изобразить словом, ни перенести на деле; и такие истязания не от чужих только, но и от своих. Все объяла тогда какая-то междоусобная война, или даже такая, которая свирепее всякой междоусобной брани; ибо сражались не только граждане с гражданами, но и родные с родными, свои со своими, друзья с друзьями. Однако же ничто не разрушило церкви, не обессилило ее; и что особенно дивно и необычайно, все это

происходило в первое время (существования церкви). Если бы эти бедствия постигли ее тогда, когда проповедь была уже насаждена и укоренена во всей вселенной, не так было бы дивно то, что церковь не разрушилась. Но если столько браней возгоралось в самом начале (христианского) учения, когда семя веры только что было брошено, и умы слушателей были еще очень слабы, а между тем наши дела не только не потерпели никакого ущерба, но еще более усилились: это уже выше всякого чуда. Чтобы ты не говорил, будто теперь церковь стоит твердо по причине мира с царями, Бог попустил ей терпеть гонение тогда, когда она была меньше и казалась слабее, дабы ты убедился из этого, что и нынешняя твердость ее зависит не от мира с царями, но от силы Божьей.

3. А что это правда, подумай, сколь многие хотели ввести между еллинами (новое) учение, и установить новый образ жизни, как-то: Зенон, Платон, Сократ, Диагор, Пифагор, и весьма многие другие; однако они так мало имели успеха, что неизвестны народу даже по имени. А Христос не только предписал (новый) образ жизни, но и насадил его во всей вселенной. Сколько говорят о делах Аполлония Тианского? Но дабы ты знал, что все ложь и вымысел, и нет тут ничего истинного, (дело Аполлония) рушилось и покончилось. Пусть никто не считает оскорблением для Христа, что, говоря о Нем, мы упомянули о Пифагоре и Платоне, Зеноне и (Аполлоние) Тианском; это мы делаем не по своему произволу, но снисходя к немощи иудеев, почитающих (Христа) простым человеком. Так поступил и Павел: пришедши в Афины, он говорил афинянам не из пророков и не из евангелий, но начал увещание с жертвенника; не потому, чтобы считал жертвенник более достойным вероятия, нежели Евангелие, и не потому, чтобы сделанная на том жертвеннике надпись была важнее писаний пророческих, но потому, что он говорил с язычниками, которые не веровали ничему нашему; так он уловил их их же учением (Деян. 17:23). Вот почему, говорит он, "**для Иудеев я был как Иудей, для чуждых закона - как чуждый закона, - не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу**" (1 Кор. 9:20-21). Так поступает и Ветхий Завет, когда, беседуя о Боге к иудеям, говорит: "**кто, как Ты, Господи, между богами**" (Исх. 15:11)? Что говоришь, Моисей? Может ли быть какое сравнение между Богом истинным и ложными богами? Я сказал это, говорит он, не потому, чтобы делал сравнение, а потому, что беседую с иудеями, которые имеют высокое понятие о демонах; снисходя к их немощи, употребил я такой образ учения. Так как и у нас речь к иудеям, которые Христа считают простым человеком, и притом нарушителем закона, то посему мы и привели в пример тех, которые особенно уважаются еллинами. Если же хотите (видеть примеры) и таких людей, которые между самыми иудеями покушались на то же, собирали себе учеников, провозглашали себя начальниками и предводителями, и - тотчас исчезли: представим и такие примеры. Так заградил (иудеям) уста и Гамалиил. Когда увидел он, что иудеи беснуются и жаждут пролить кровь учеников (Христовых); то, чтобы обуздать их неукротимую ярость, он, приказав вывести Апостолов на короткое время, так говорил к ним: "**подумайте сами с собою о людях сих, что вам с ними делать. Ибо незадолго перед этим явился Февда, выдавая себя за кого-то великого, и к нему пристало около четырехсот человек; но он был убит, и все, которые слушались его, рассеялись и исчезли. После него во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек за собою довольно народа; но он погиб, и**" ученики его погибли. "**И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело - от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; [берегитесь], чтобы вам не оказаться и богопротивниками**" (Деян. 5:35-39). Откуда же можем видеть, что если "**дело от человеков**", то разорится? Имеете, говорит, пример в Иуде и Февде. Так, если и этот (Христос), проповедуемый сими (апостолами), таков же, как и те (Иуда и Февда); если и здесь все делается не божественной силой; то потерпите немного, и самый исход дела уверит вас, по концу увидите ясно, обманщик ли он (Христос) и беззаконник, как говорите вы, или Бог, все содержащий и неизреченной силой устраивающий наши дела. Так и было; подождали они,

и божественная и необоримая сила открылась в самых делах; а та хитрость, выдуманная для обольщения людей, обратилась на голову дьявола. Когда дьявол увидел, что Христос пришел, то, стараясь затмить Его пришествие и истинное домостроительство, выслал несколько обманщиков, о которых мы выше сказали, с тем, чтобы и Христа относили к числу их. Что он сделал по отношению к кресту, подготовив двух разбойников к распятию с Христом, то же сделал и по отношению к Его пришествию, - силился примесью лжи помрачить истину: однако же, нисколько не успел ни там, ни здесь, напротив, это самое особенно и показало силу Христову. Почему, скажи мне, из трех распятых в одном и том же месте, в одно и тоже время, и по определению одних и тех же судей, о тех (двух разбойниках) все молчат, а одному (Христу) покланяются? Отчего опять, хотя многие старались ввести новый образ жизни и иметь учеников, они неизвестны доселе и по имени, а этому служат по всей вселенной? Дела объясняются особенно через сравнение. Сравни же, иудей, и познай превосходство истины. Какой обманщик устроил себе столько церквей по всей вселенной, распространил свою религию от концов до концов земли, всех подчинил себе, и притом не смотря на бесчисленное множество препятствий? Нет ни одного такого. Итак, явно, что Христос не обманщик, но Спаситель, Благодетель, Промыслитель и Начальник жизни нашей. Приведу еще одно пророчество (Христово), и затем возвращусь к своему предмету. "**Не мир пришел Я**", сказал Христос, "**принести, но меч"** (Матф. 10:34), разумея не то, чтобы Он хотел этого, но то, что таков будет исход самых событий. "**Ибо Я пришел**", говорит Он, "**разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее**" (Матф. 10:35). Как бы Он мог предсказать это, скажи мне, если бы был простой, обыкновенный человек? Слова Его имеют такой смысл: так как случалось, что в одном доме был один верный, а другой неверный, и отец увлекал своего сына к нечестию, то, предсказывая это, Христос говорит: сила проповеди будет иметь такую власть, что дети презрят отцов, и дочери - матерей, и родители - детей; верные решатся не только оставить родных, но и отдать свою душу, потерпеть и перенести все, только бы не отречься от благочестия. Как мог Он и узнать и устроить это, если бы был обыкновенный человек? Откуда пришло Ему на мысль, что Он будет и для детей почтеннее родителей, и для родителей приятнее детей, и для жен любезнее мужей? И это не в одном доме, не в двух, или трех, не в десяти, или двадцати, или в сотне, но во всей вселенной, во всех городах и странах, на суше и на море, в местах обитаемых и необитаемых. Нельзя сказать и того, что Он только сказал это, но не привел в исполнение. Ибо в начале и в первые времена (церкви) было много таких, да и теперь еще есть такие, которых ненавидят за благочестие, изгоняют из отеческих домов; однако же, они не обращают на это внимания, находя себе достаточное утешение в том, что терпят это за Христа. Какой человек мог когда сделать это, скажи мне? Итак, Христос, предсказавший все это, - и о той жене, и о церкви, и об этой борьбе, - предсказал также и то, что храм разрушится, Иерусалим будет взят, и город этот не будет более городом иудеев, как прежде. Если Он в том солгал, если те пророчества не исполнились, не верь и этому; но, если видишь, что те блистательно исполнились, и с каждым днем получают новую силу, - что врата адовы не одолели церкви, о поступке жены через столько времени проповедуется во всей вселенной, и люди, уверовавшие в Него, предпочли Его и родителям, и женам, и детям своим, то для чего, скажи мне, не веришь одному этому пророчеству, особенно когда свидетельство времени заграждает уста твоей наглости? Когда бы после взятия (Иерусалима) прошло каких-нибудь десять, или двадцать, или тридцать, или пятьдесят лет; то и тогда не следовало бы упорствовать, хотя охотникам спорить и оставался бы еще некоторый предлог к этому. Но вот, не пятьдесят, но сто, дважды и трижды столько, и даже гораздо более лет прошло после разрушения (Иерусалима), а доселе не видно ни следа, ни тени ожидаемой вами перемены: для чего же упорствуешь напрасно и без всякого основания?

4. Достаточно бы и сказанного нами для доказательства, что (иерусалимский) храм никогда не восстановится. Но как у истины весьма обильны средства, то, оставив Евангелие, обращусь к пророкам, которым иудеи, по-видимому, особенно верят, и на них докажу, что иудеи никогда не получат ни храма, ни города. Для меня собственно и не было никакой нужды доказывать, что (храм) не восстановится, и не мое, а их было бы дело доказать противное, т. е. что будет восстановлен. У меня в самом времени имеется доказательство, которое свидетельствует и стоит за меня; но они, которых опровергают самые события и которые не в состоянии подтвердить слова свои делами, а только хвастаются попусту и без основания, они-то именно и должны представить это свидетельство. То, что я говорю, подтверждается самыми делами; и то, например, что город пал, и то, что он не восстановлен через столько времени; а что они говорят, все то заключается в пустых словах. Им следовало бы доказать, что город снова будет восстановлен: и в судебных местах, как видим, доказательства производятся таким же образом. Когда люди спорят между собой о чем-либо, и один из них представляет письменные доказательства слов своих, а другой отвергает показания (соперника), то этот именно и должен уже представить свидетелей и другие опровержения на то, что дело не так было, как гласят письменные показания (противника), а не тот, кто, представляет эти показания. Так надлежало бы сделать теперь и иудеям, представить нам пророка, который бы говорил, что город их непременно будет восстановлен; потому что, если бы настоящему их пленению надлежало окончиться, пророки непременно предсказали бы об этом. Это очевидно для всякого, кто хотя сколько-нибудь вникал в книги пророческие. У иудеев издревле пророки обыкновенно заранее предсказывали обо всем, чему только надлежало случиться с ними хорошего, или худого. Для чего это, и почему? По великому вероломству и бесстыдству (иудеев). Они постоянно забывали о Боге, оказывавшем им благодеяния, а все события приписывали демонам, и их считали виновниками добра. Так, по выходе из Египта, когда разделилось море и совершались другие чудеса, они, забыв Бога, сотворившего эти чудеса, приписали их тем, которые не суть боги, и говорят Аарону: "**сделай нам бога, который бы шел перед нами**" (Исх. 32:1). А к Иеремии являются с такими словами: "**слова, которое ты говорил нам именем Господа, мы не слушаем от тебя; но непременно будем делать все то, что вышло из уст наших, чтобы кадить богине неба и возливать ей возлияния, как мы делали, мы и отцы наши, цари наши и князья наши: потому что тогда мы были сыты и счастливы и беды не видели. А с того времени, как перестали мы кадить богине неба и возливать ей возлияния, терпим во всем недостаток и гибнем от меча и голода**" (Иер. 44:16-18). Итак, чтобы иудеи ни одного события не приписывали идолам, но верили, что и наказания и благодеяния всегда насылаются на них от Бога, - те за их грехи, а эти по человеколюбию (Божьему), пророки заранее предсказывали им о будущем. А дабы тебе убедиться, что это было причиной предсказания, послушай, что говорит велегласнейший Исаия к народу иудейскому: "**я знал, что ты упорен, и жилы железные**", т. е. непреклонна, "**в шее твоей, и лоб твой – медный**", т. е. бесстыдно (Иса. 48:4). Так и мы часто имеем обыкновение бесстыдных людей называть меднолобыми. "**И объявлял тебе**", говорит пророк, "**задолго, прежде, нежели это приходило**" (Иса. 48:5). Потом, изъясняя причину предсказания, прибавил: "**чтобы ты не сказал: идол мой сделал это, и истукан мой и изваянный мой повелел этому быть**". Притом, так как были люди, которые по своему упорству и лживости, даже после самого исполнения (пророчеств) нагло противоречили, как будто бы и не слышали (предсказания); то пророки не только предсказывали о будущем, но еще брали на это свидетелей. Так тот же Исаия говорит: "**и я взял себе верных свидетелей: Урию священника и Захарию, сына Варахиина**" (Иса. 8:2). Мало этого; (Исаия) записал еще свое пророчество в новую книгу, чтобы, по исполнении его, самые письмена свидетельствовали против иудеев, что это наперед и задолго предсказано им. Поэтому пророк и пишет, не просто в книге, но в новой книге, которая могла бы сохраниться долго, не так легко бы повредилась, но осталась бы целой до исполнения

того, что в ней написано. И что это правда, что Бог предсказывал иудеям обо всем будущем, докажу не только отсюда, но и из самых событий иудейских, как бедственных, так и счастливых.

5. Три рабства, самые тяжкие, испытали иудеи, и ни одного Бог не навел на них без предсказания, напротив, обо всех предвозвестил им, предсказав с точностью и место, и время, и лицо, и вид бедствия, и избавление от него, и все прочее. Прежде всего, скажу о египетском рабстве. - Беседуя с Авраамом, (Господь) так говорит: "**знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет. Но Я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении**", сказал Бог: "**в четвертом роде возвратятся они сюда с большим имуществом**" (Быт. 15:13-14,16). Видишь, как Бог сказал и о числе лет – "**четыреста лет**", и о качестве рабства, потому что не просто "**поработят**", но и "**озлобят**". Послушай же, как впоследствии Моисей повествует об этом озлоблении: "**соломы не дают рабам твоим, а кирпичи, говорят нам, делайте**" (Исх. 5:16). Притом, каждый день бичевали их. Вот что значит: "**поработят и озлобят**. **Но Я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении**" (говорит Бог), и этим указывает на потопление египтян в Черном море. А Моисей, описывая это в песнях, так говорит: "**коня и всадника его ввергнул в море**" (Исх. 15:1). Потом сказано и об образе возвращения (иудеев из Египта), - что они возвратятся с множеством сосудов: "**выпросит у соседки своей и у живущей в доме ее вещей серебряных и вещей золотых**" (Исх. 3:22). Так как иудеи проработали долго и не получили платы, то Бог заставил египтян и заплатить им. И восклицает пророк: "**и вывел [Израильтян] с серебром и золотом, и не было в коленах их болящего**" (Пс. 104:37). Так вот одно рабство предсказано со всей подробностью! Теперь обратим речь и к другому. К какому же? К вавилонскому. И о нем с точностью предсказал Иеремия, говоря: "**Ибо так говорит Господь: когда исполнится вам в Вавилоне семьдесят лет, тогда Я посещу вас и исполню доброе слово Мое о вас, чтобы возвратить вас на место сие. и возвращу вас из плена и соберу вас из всех народов и из всех мест, куда Я изгнал вас, говорит Господь, и возвращу вас в то место, откуда переселил вас**" (Иер. 29:10,14). Видишь, как Бог и здесь опять указал и город, и число лет, и то, откуда хотел собрать их, и куда собрать? Поэтому Даниил не прежде стал и молиться за них, как когда увидел, что семьдесят лет уже исполнилось. Кто же об этом говорит? Сам Даниил так: "**и я, Даниил, начал заниматься царскими делами; я изумлен был видением сим и не понимал его**" (Дан. 8:27). "**Сообразил по книгам число лет, о котором было слово Господне к Иеремии пророку, что семьдесят лет исполнятся над опустошением Иерусалима. И обратил я лицо мое к Господу Богу с молитвою и молением, в посте и вретище и пепле**" (Дан. 9:2-3). Слышал ты, как и это рабство предсказано, и как пророк не осмелился, ранее определенного времени, вознести молитву и прошение к Богу, чтобы не молиться напрасно и без пользы, чтобы не услышать того же, что услышал Иеремия: "**ты же не проси за этот народ и не возноси за них молитвы и прошения, и не ходатайствуй предо Мною, ибо Я не услышу тебя**" (Иер. 7:16)? Но когда (Даниил) увидел, что (Божье) определение исполнилось, и уже наступило время возвращения (из плена); тогда начинает молиться, и не просто, но "**в посте и вретище и пепле**". По отношению к Богу он поступил так, как обыкновенно бывает между людьми. И мы, когда увидим, что какие-нибудь (господа), за большие и частые проступки, посадили своих слуг в тюрьму, не сейчас, не сразу, не в самом начале наказания просим (за виновных), но, дав им в течение нескольких дней образумиться, потом уже приступаем к господам с просьбой, имея подмогу себе и в самом времени. Так поступил и пророк: когда иудеи потерпели уже наказание, хотя и не соразмерное с их преступлениями, но потерпели вполне, тогда он и приходит к Богу помолиться за них. Если хотите, выслушаем и самую молитву. "**Исповедался**", говорит пророк, "**и сказал: Молю Тебя, Господи Боже великий и дивный, хранящий завет и милость любящим Тебя и соблюдающим**

повеления Твои" (Дан. 9:4). Что делаешь ты, Даниил? Ходатайствуя за людей, согрешивших и оскорбивших (Бога), упоминаешь о тех, которые хранят Его законы? Ужели заслуживает прощения преступающие заповеди Его? Не ради этих говорю это, отвечает пророк, но ради древних праотцев, ради Авраама, ради Исаака, ради Иакова. Им, говорит, Бог обещал (милость Свою), им, которые сохранили заповеди Его. Так как эти (потомки) не имеют никакого права на спасение, поэтому я и упомянул о предках. И дабы ты не подумал, что пророк это говорит об этих (потомках), он, после слов: "**хранящий завет и милость любящим Тебя и соблюдающим повеления Твои**", тотчас присовокупил: "**согрешили мы, поступали беззаконно, действовали нечестиво, упорствовали и отступили от заповедей Твоих и от постановлений Твоих; и не слушали рабов Твоих, пророков**" (Дан. 9:5-6). Грешникам, после грехов, остается одно оправдание, - исповедание своих грехов. А ты обрати здесь внимание и на добродетель праведника, и на нечестие иудеев. Тот, не зная за собой ничего худого, весьма строго осуждает себя, говоря: "**согрешили мы, поступали беззаконно, действовали нечестиво**"; а эти, виновные в бесчисленных грехах, поступали напротив, говоря: "**соблюдали постановления Его; и ныне мы считаем надменных счастливыми: лучше устраивают себя делающие беззакония**" (Малах. 3:14-15). Ибо, как праведным обычно смиряться и после добрых дел, так злым - тщеславиться после грехов. Ничего не знавший за собой говорил: "**действовали нечестиво, отступили от заповедей Твоих**"; а те, у которых было на совести бесчисленное множество грехов, говорили: "**соблюдали постановления Его**"! Это говорю для того, чтобы мы этого (тщеславия) избегали, а тому (смиренно) подражали.

6. Обличив беззаконие иудеев, пророк говорит затем и о наказании, которое они потерпели, стараясь и этим преклонить Бога на милость: "**и за то излились на нас**", говорит, "**проклятие и клятва, которые написаны в законе Моисея**" (Дан. 9:11). Какая эта клятва? Хотите, прочтем ее? "**Если же не будешь стараться исполнять все заповеди, говорит Моисей, Господа Бога твоего, пошлет на тебя Господь народ издалека, народ наглый, которого языка ты не разумеешь, и останется вас немного**" (Втор. 28:15,49-50,62). На это самое указывали и три отрока; и они, показывая, что такое наказание постигло их за их дела, и, исповедуясь перед Богом в общих грехах (народа), говорили: "**и предал нас в руки врагов беззаконных, ненавистнейших отступников, и царю неправосудному и злейшему на всей земле**" (Дан. 3:32). Видишь, как исполнилась та клятва, гласившая: "**останется вас немного**"; и еще: "**пошлет на тебя народ наглый**". На это же самое указывает Даниил и здесь, говоря: "**наведя на нас великое бедствие, какого не бывало под небесами и какое совершилось над Иерусалимом**" (Дан. 9:12). Какое же это зло? Матери ели своих детей. Моисей предсказывает об этом, а Иеремия говорит, как уже о случившемся. Тот говорит, что "**Женщина, жившая у тебя в неге и роскоши, которая никогда ноги своей не ставила на землю по причине роскоши и изнеженности, при недостатке во всем, тайно будет есть сына своего и дочь свою**" (Втор. 28:56-57). А Иеремия, показывая, что это случилось, говорил: "**руки мягкосердых женщин варили детей своих**" (Плач. 4:10). Но и сказав о грехах, которые иудеи сделали, и, представив наказание, которое они потерпели, (Даниил) еще не считает их поэтому достойными помилования. Смотри, какой это добросовестный раб! Показав, что иудеи еще не потерпели столько, сколько заслужили грехами, и своими страданиями не загладили беззаконий, он прибегает наконец к благоутробию и человеколюбию Божьему, говоря: "**и ныне, Господи Боже наш, изведший народ Твой из земли Египетской рукою сильною и явивший славу Твою, как день сей! согрешили мы, поступали нечестиво**" (Дан. 9:15). Как их Ты спас не за добрые дела их, но потому, что увидел (их) скорбь и тесноту, и услышал вопль их, так и нас освободи от настоящих бедствий по единому Твоему человеколюбию; другого права на спасение нет у нас. Сказав это, и поплакав довольно, Даниил представляет наконец город, как некую пленную жену, и

говорит: "**воззри светлым лицом Твоим на опустошенное святилище Твое, Приклони, Боже мой, ухо Твое и услышь, открой очи Твои и воззри на опустошения наши и на город, на котором наречено имя Твое**" (Дан. 9:17-18). Так как, пересмотрев людей, он не увидел между ними ни одного, который бы мог умилостивить Бога; то обращается к зданиям, выставляет на вид самый город, указывает на его запустение, и, заключив этим слово (молитвы), умилостивил Бога, как это видно из последующего. Но о чем говорил я? Нужно опять возвратиться к самому предмету слова; впрочем, и это ввел я не напрасно и не без намерения, но чтобы дать несколько отдохнуть вашему уму, утомленному беспрестанными прениями. Итак, возвратимся к тому, с чего началось это отступление, и покажем, что имевшие постигнуть иудеев бедствия заранее были предсказаны со всей точностью. Рассуждение о двух рабствах доказало, что они постигли иудеев после пророчеств, а не внезапно и неожиданно. Остается, наконец, представить и третье рабство, а потом уже сказать и о настоящем, в котором они находятся теперь, и ясно показать, как ни один пророк не обещал, что они получат избавление и освобождение от нынешних своих бедствий. Какое же третье рабство? То, которое было при Антиохе Епифане. Когда Александр, царь македонский, низвергнув Дария, царя персидского, и подчинив себе владения его, умер, ему преемствовали четыре царя. От одного из них произошел, спустя много времени, Антиох: он-то сжег храм, опустошил святое святых, истребил жертвы, поработил иудеев и ниспроверг все общественное их устройство.

7. И все это, со всей точностью, даже до единого дня, предсказано Даниилом, - предсказано, и когда будет, и как, и от кого, и каким образом, и где кончится, и на что переменится. Но вы яснее увидите это, когда выслушаете о самом видении, которое пророк изложил нам в притче, назвав персидского царя Дария овном, греческого царя, т. е. Александра Македонского, козлом, восставших после него царей четырьмя рогами, а самого Антиоха последним рогом. Впрочем, лучше выслушать самое видение. "**Видел я в видении**", говорит пророк, "**как бы я был у реки Улая**" (так он называет на персидском языке одно место): **поднял я глаза мои и увидел: вот, один овен стоит у реки; у него два рога, и рога высокие, но один выше другого, и высший поднялся после. Видел я, как этот овен бодал к западу и к северу и к югу, и никакой зверь не мог устоять против него, и никто не мог спасти от него; он делал, что хотел, и величался. Я внимательно смотрел на это**" (Дан. 8:2-5). Это он говорит о персидском могуществе и господстве, которое простиралось на всю землю. Потом, рассказывая об Александре Македонском, говорит: "**и вот, с запада шел козел по лицу всей земли, не касаясь земли; у этого козла был видный рог между его глазами**" (Дан. 8:5). Далее говорит о нападении Александра на Дария и о решительной победе его над ним: "**он пошел на того овна, имеющего рога, и рассвирепел на него и поразил овна**", - можно сократить рассказ, - "**и сломил у него оба рога, и не было никого, кто мог бы спасти овна от него**" (Дан. 8:6-7). Затем, упомянув о смерти Александра, говорит о появлении после него четырех царей: "**но когда он усилился, то сломился большой рог, и на место его вышли четыре, обращенные на четыре ветра небесных**" (Дан. 8:8). Наконец, отселе перешедши к царствованию Антиоха, и показывая, что этот Антиох произошел от одного из тех четырех царей, так говорит: "**от одного из них вышел небольшой рог, который чрезвычайно разросся к югу и к востоку**" (Дан. 8:9). Далее показывает, что и Антиох разрушил иудейское царство, говоря: "**и отнята была у Него ежедневная жертва, и поругано было место святыни Его. И воинство предано вместе с ежедневною жертвою за нечестие**". Действительно, по ниспровержении алтаря и попрании святыни, Антиох поставил внутри храма идола, и заказал беззаконные жертвы демонам. "**И он, повергая истину на землю, действовал и успевал**" (Дан. 8:12). Потом, говоря в другой раз об этом самом царствовании Антиоха, о пленении и взятии (Иерусалима) и опустошении храма, пророк определяет и самое время. Именно, начав с царствования Александра и к концу книги рассказав обо всем, что случилось в течение этого времени,

что сделали, во взаимной борьбе, Птоломеи и Селевкиды и их полководцы, о кознях и победах, о походах и войнах на море и на суше, и дошедши до Антиоха, пророк оканчивает этот рассказ так: "**и поставлена будет им часть войска, которая осквернит святилище могущества, и прекратит ежедневную жертву**" (Дан. 11:31), разумея под "**всегдашним**" постоянные ежедневные жертвоприношения; "**и поставит мерзость запустения, поступающих нечестиво против завета**", то есть иудеев, нарушающих закон, "**привлечет к себе лестью**", возьмут с собой и переселят; "**но люди, чтящие своего Бога, усилятся**", разумея здесь подвиги Маккавеев, совершенные Иудой Симоном и Иоанном. "**И разумные из народа вразумят многих, хотя будут несколько времени страдать от меча и огня**", - это говорится опять о сожжении города, - "**от плена и грабежа; и во время страдания своего будут иметь некоторую помощь**": этими словами пророк дает разуметь, что среди самых тех бедствий (иудеи) получат возможность отдохнуть и освободиться от постигших их зол. "**И многие присоединятся к ним, но притворно. Пострадают некоторые и из разумных для испытания их**": этими словами пророк показывает, что многие из стоявших падут. Потом высказывает и причину, по которой Бог попустил иудеям впасть в такие бедствия. Какая же это причина? "**Для испытания их, очищения и для убеления к последнему времени; ибо есть еще время до срока**". То есть, Бог для того попустил это, чтобы очистить их и показать верных между ними. Затем, рассказывая о могуществе того же самого царя (Антиоха), пророк говорит: "**будет поступать царь тот по своему произволу, и вознесется и возвеличится**". А, указывая на богохульные замыслы его, пророк прибавляет, что он "**и о Боге богов станет говорить хульное и будет иметь успех, доколе не совершится гнев**", и этим дает разуметь, что Антиох так усилился не по собственной воле, но по гневу Божьему на иудеев. Наконец, еще с большей подробностью сказав о том, сколько зла причинит (Антиох) Египту и Палестине, как возвратится, и по чьему зову, и по какой побудительной причине, Даниил говорит и о перемене обстоятельств, - о том, что иудеи, пережив все это, получат помощь, именно к ним на помощь послан будет ангел: "**и восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа твоего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени; но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге**" (Дан. 12:1), т. е. достойные спасения.

8. Однако же вопрос наш доселе еще не решен. В чем же он состоит? В том, что Бог определил, сколько иудеям провести времени и в этом рабстве, подобно как в первом четыреста, а во втором семьдесят лет. И так посмотрим, не означается ли и здесь какое-нибудь время. Но где можно найти это? В дальнейшем повествовании (пророка Даниила). Когда он услышал о многих и тяжких бедствиях, о сожжении (Иерусалима), ниспровержении государства (иудейского), пленении своих единоплеменников, то захотел узнать, будет ли конец этим бедствиям. И сказал он, вопрошая об этом: "**господин мой! что же после этого будет? И отвечал он: иди, Даниил; ибо сокрыты и запечатаны слова сии**" (указывая этим на неясность слов) "**до последнего времени**". Потом открывает причину попущения бедствий: "**многие очистятся, убелятся и переплавлены будут [в искушении]; нечестивые же будут поступать нечестиво, и не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют**" (Дан. 12:8-10). Затем, предсказывая и самое время, в продолжение которого будут тяготеть над ними эти бедствия, говорит: "**со времени прекращения ежедневной жертвы**". Всегдашней называлась ежедневная жертва потому, что была постоянная и непрерывная. У иудеев был обычай приносить жертву Богу вечером и утром каждого дня: отчего и жертву ту пророк назвал всегдашней. И так как Антиох, пришедши, уничтожил этот обычай и прекратил его, то ангел и говорил, что "**со времени прекращения ежедневной жертвы**", т. е. со времени прекращения этой жертвы, "**тысяча двести девяносто дней**", то есть, три года с половиной, и несколько более. Потом, открывая, что будет конец и прекращение этим

бедствиям, он присовокупил: "**блажен, кто ожидает и достигнет тысячи трехсот тридцати пяти дней**", приложив, т. е. к тысяче двумстам девяноста дням сорок пять дней; потому что один месяц с половиной продолжалась война, которая кончилась (для иудеев) блистательной победой, и вместе с совершенным освобождением от тяготевших (над иудеями) бедствий. Итак, словами: "**блажен, кто ожидает и достигнет тысячи трехсот тридцати пяти дней**", ангел предрек освобождение (от бедствий); впрочем, сказал он не просто: "**достигнет**", но "**кто ожидает и достигнет**". Многие и из нечестивых увидели перемену обстоятельств, но не ублажает ангел без разбора, а только тех, которые пострадали во время бедствий, не изменили благочестию и потом уже достигли покоя. Вот почему он не просто сказал: "**достигнет**", но "**кто ожидает и достигнет**". Что может быть яснее этого? Видишь, как пророк предсказал и о плене, и об освобождении от плена со всей точностью, не только до последнего года и месяца, но до последнего дня. А в подтверждение, что я говорю это не по своей только догадке, приведу вам и другого свидетеля, которого иудеи почитают заслуживающим особенного вероятия, - разумею Иосифа, который и описал трогательно бедствия их, и подробно изложил весь Ветхий Завет. Живя уже после пришествия Христа и поговорив о предсказанном Им пленении (иудеев римлянами), Иосиф рассказал и об этом, бывшем (при Антиохе Епифане) пленении, причем и истолковал видение пророка об овне, козле, четырех рогах и о последнем, явившемся за ними, роге. И чтобы не стал кто подозревать слов наших, вот мы предложим подлинные его слова. Восхвалив Даниила до чрезмерности и поставив его выше всех других пророков, Иосиф обращается и к этому видению и говорит так [1]: "он (Даниил) оставил писания, в которых предложил нам точное и достоверное описание своего пророчества. Он говорит, что в Сузах, столице Персии, вышел он в поле с некоторыми из своих, и, как случилось внезапное землетрясение, друзья его убежали, и он остался один. Тогда он пал на лице, опершись на обе руки; и, как некто прикоснулся к нему и велел встать и посмотреть, чему надлежало, после многих поколений, случиться с его соотечественниками, он встал, и ему показался великий овен, у которого выросло много рогов, но последний из них был выше других. Потом, взглянув на запад, увидел несущегося по воздуху козла, который сразился с овном, дважды ударил его рогами, повалил на землю и истоптал. После этого увидел, что козел стал выше, и на лбу у него вырос пребольшой рог; когда этот рог был сломан, выросли другие четыре, обращенные к каждому из (четырех) ветров; а из них вышел другой меньший (рог), который потом вырос. Показав это (Даниилу), Бог сказал, что народ его будет побежден, город взят силой, храм разграблен, жертва прекращена; и это продолжится до тысячи двухсот девяносто дней. Вот что видел Даниил, как сам он написал, на поле в Сузах, а изъяснение видения, говорит он, дал ему Бог, Который сказал, что овен означает царство персидское и мидийское, а рога - будущих царей; последний рог означает последнего царя, который превзойдет всех богатством и славой. Козел означает, что от греков произойдет царь, который, дважды напав на персидского царя, победит его на войне и совсем лишит власти. Большой (первый) рог на лбу козла означает первого царя; а четыре другие, выросшие по сокрушении его и обращенные к четырем странам света, указывают на преемников первого царя и на разделение между ними царства; ибо ни дети, ни родственники его не будут, в течение многих лет, властвовать над вселенной. От этих-то (преемников) произойдет один царь, который завоюет (иудеев), отменит и законы и постановления их, разграбит храм, и запретит на три года жертвоприношения. И все это довелось потерпеть нашему народу от Антиоха Епифана, как предсказал и записал Даниил за много лето, до самого события".

9. Что может быть яснее этого? Пора теперь, впрочем, если только мы не утомили вас, обратиться к главному предмету, т. е. к настоящему пленению, к нынешнему рабству (иудеев), из-за которого мы и сказали все это. Будьте же внимательны, ибо у нас дело идет не о маловажных предметах. Сидящие на олимпийских играх с полуночи до полудня ждут

увидеть, кому достанется венок; принимают на обнаженную голову раскаленные лучи солнца, и оставляют зрелище не прежде, как когда произнесен будет суд о подвигах борцов; так неуместно теперь и нам и жаловаться на утомление, когда борьба идет даже не за подобный венок, но за нетленный венец. Итак, мы достаточно уже доказали, что было предсказано о трех пленениях, из коих одно продолжалось четыреста лет, другое семьдесят, а третье три с половиной года. Скажем теперь и о нынешнем. А что и о нем предвозвестил пророк, свидетелем представлю опять того же самого Иосифа, их (иудеев) единомышленника. После того, как он сказал о вышеописанном, послушай, что говорит далее: "подобным образом Даниил написал и о владычестве римлян, и о том, что Иерусалим будет ими взят и храм опустошен". Здесь прими во внимание то, что написавший это, хотя был и иудей, однако же, не решился подражать вам в страсти к препирательствам. Ибо, сказав, что Иерусалим будет взят, он не осмелился прибавить, что (этот город) снова будет восстановлен, и указать определенное для этого время; но, так как знал, что пророк не назначил времени, то, хотя выше, относительно победы Антиоха и произведенного им опустошения, сказал, сколько дней и лет будет продолжаться пленение, однако касательно владычества римлян ничего этого не прибавил; написал только, что Иерусалим и храм будут опустошены, а будет ли когда конец произведенному ими опустошению, этого не прибавил, потому что видел, что и пророк не прибавил этого. "Когда же все это, говорит (Иосиф), Бог показал Даниилу, он записал и оставил нам, чтобы мы, читая пророчества его и видя их исполнение, дивились той чести, какой Бог удостоил Даниила". Итак, посмотрим, где Даниил сказал, что храм будет опустошен? После того, как он сотворил вышесказанную молитву во вретище и в пепле, пришел к нему Гавриил и сказал: "**семьдесят седмин определены**" о народе твоем, "**и святого города твоего**" (Дан. 9:24). Вот здесь, скажете, указано и время? Да, время, только не (окончания) плена, а время, после которого должен случиться плен. Ибо иное дело сказать, сколько времени будет продолжаться плен, иное - через сколько времени он должен последовать и настать. "**Семьдесят седмин**", говорит, "**определены для народа твоего**"; не сказал: о народе моем, хотя пророк и говорил: "**воззри на народ твой**"; нет, Бог уже чуждается (народа иудейского) за будущий его грех. Потом указывает и причину: "**чтобы покрыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония**". Что значит: "**запечатаны были грехи и заглажены беззакония**"? Много, говорит, грешат они (иудеи), но верх их беззаконий будет тогда, когда они умертвят своего Владыку. Об этом говорит и Христос: "**дополняйте же меру отцов ваших**" (Матф. 23:32). Вы, говорит, убили рабов: прибавьте уже и кровь Владыки. Смотри, какое согласие в мыслях. Христос сказал: *дополняйте*; пророк говорит: "**запечатаны были грехи и заглажены беззакония**". Что значит: "**запечатаны**"? То, что уже не останется ничего (сделать иудеям столь беззаконного). "**Чтобы приведена была правда вечная**". Какая же это вечная правда, если не та, которая дарована Христом? "**И запечатаны были видение и пророк, и помазан был Святый святых**", т. е. прекратится наконец пророчество, - ибо это значит запечатать, - прекратится помазание, прекратится видение. Посему то Христос сказал: "**все пророки и закон прорекли до Иоанна**" (Матф. 11:13). Видишь, как Бог угрожает здесь иудеям совершенным опустошением и возмездием за грехи и нечестия? Не (обещает) простить, но угрожает наказать их за грехи!

10. Когда же это сбылось? Когда пророчества совсем прекратились? Когда уничтожилось помазание так, что никогда уже не восстановится? Если мы умолчим, то камни возопиют: так ясно говорят события! Да и не можем мы указать на какое либо другое время, в которое бы это исполнилось, кроме настоящего, которое столько уже продолжается и еще более продолжится. Далее Бог, еще точнее, говорит: "**разумей: с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до Христа Владыки семь седмин и шестьдесят две седмины**" (Дан. 9:25). Теперь слушайте меня со вниманием: ибо здесь заключается весь вопрос. Семь седмин и шестьдесят две седмины составляют четыреста

восемьдесят три года: седмины здесь разумеются не дней или месяцев, но годов. Но от Кира до Антиоха Епифана и (бывшего при нем) пленения прошло (только) триста девяносто четыре года. Итак (Бог) дает разуметь, что Он говорит не о том опустошении храма (от Антиоха Епифана), но о бывшем после него от Помпея, Веспасиана и Тита; и, таким образом, проводит время далее. Затем, чтобы показать нам, откуда должно вести счисление, говорит, что (считать надобно) не со дня возвращения, а откуда? *С того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима*; но он был выстроен не при Кире, а при Артаксерксе Лонгимане. Ибо по смерти (Кира) восшел на (престол) Камбиз, за ним Маги, после них Дарий Истасп, потом Ксеркс, сын Дария, после него Артабан; после Артабана царствовал в Персии Артаксеркс Лонгиман, и в его-то царствование, в двадцатый год его правления, Неемия, возвратившись (из плена), восстановил город. Об этом подробно рассказал нам Ездра. Итак, если мы отсюда начнем считать четыреста восемьдесят три года, то, верно, дойдем до времени этого (последнего) разрушения (храма). Поэтому говорит (Бог): *обстроятся улицы и стены*. Так с того времени, говорит, как (город) восстанет (из развалин) и получит свой вид, считай семьдесят седмин, и увидишь, что еще не кончается настоящее пленение. И чтобы еще яснее показать это, т. е., что бедствия, которые тяготеют над иудеями, не будут иметь конца, Он говорит так: "**по истечении шестидесяти двух седмин предан будет смерти Христос, и не будет; а город и святилище разрушены будут народом вождя, который придет, и конец его будет как от наводнения**", так что не будет уже ни останков, ни корня, который бы вновь пустил росток; "**и до конца войны будут опустошения**". И опять об этом же плене говорит: "**прекратится жертва и приношение, и**" сверх того "**и на крыле святилища мерзость запустения, и окончательная предопределенная гибель постигнет опустошителя**" (Дан. 9:26-27). А когда слышишь ты, иудей, "**до конца**", то чего тебе еще ожидать? "**И сверх того**": что значит это "**сверх того**"? Значит, что к этому, о чем сказано, к отнятию жертвы и возлияния присоединится еще новое большее зло. Какое же? "**И на крыле святилища мерзость запустения**" святилищем называется здесь храм, а мерзостью запустения статуя, которую разрушитель города поставил в храме. "**И окончательная**", говорит он, "**предопределенная гибель**". Поэтому и Христос, во плоти пришедший уже после Антиоха Епифана, предсказывая о предстоявшем пленении (иудеев), и показывая, что об этом-то пленении пророчествовал Даниил, говорит: "**когда увидите мерзость запустения, сказанную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, - читающий да разумеет**" (Матф. 24:15). Так как у иудеев всякий идол и всякое изваяние человеческое почиталось мерзостью; то Христос, таинственно указав на ту статую, предсказал вдруг, и когда, и от кого произойдет пленение. А что это сказано о римлянах, засвидетельствовал и Иосиф, как мы показали выше. Итак, что нам остается еще сказать, когда пророки о других пленениях предсказали с назначением времени (продолжения их), а для нынешнего не только не назначили никакого времени, но еще прибавили противное, что "**окончательная предопределенная гибель постигнет опустошителя**"? И что сказанное - не ложь, на это мы представим и свидетельство самого опыта. Если бы (иудеи) не покушались построить храм, то могли бы говорить, что когда бы мы захотели приступить и приняться за постройку, так наверно успели бы в этом. Но вот я покажу, что они не раз, не два, но даже три раза покушались и были отражены как это (бывает с бойцами) на олимпийских играх, так что венец (победы) бесспорно принадлежит церкви.

11. Когда же покушались они, эти всегда противящиеся Святому Духу, затейливые и мятежные иудеи? После опустошения, произведенного при Веспасиане и Тите, возмутившись при Адриане, они усиливались восстановить у себя прежнее государство, а того не знали, что идут против определения Божьего, положившего, чтобы город их навсегда оставался в запустении, и что, воюя против Бога, невозможно победить. Итак, восстав против (римского) царя, они только заставили его опустошить (город) в конец.

Ибо он, поразив и усмирив их, и уничтожив все, что еще оставалось (в Иерусалиме), чтобы они вперед не могли уже поступать дерзко, поставил (там) свою статую; потом, размыслив, что она от времени может когда-нибудь разрушиться, и, желая наложить на иудеев неизгладимое пятно поражения и обличительный знак их мятежности, остаткам города (Иерусалима) дал свое имя. Так как сам он назывался Элием-Адрианом, то так же повелел именоваться и городу: от этого (Иерусалим) и доселе называется Элией, по имени того, кто его взял и разрушил. Видишь первое покушение бесстыдных иудеев? Посмотри и на бывшее после него. При Константине они опять покушались на то же; но царь (в наказание им) обрезал им уши, и, положив на их теле знак их возмущения, водил их всюду, как беглецов и негодяев, таким искажением тела делая их приметными для всех, и вразумляя живших повсюду (иудеев) не отваживаться на подобные дела. Но все это (скажете) старое и было давно; однако и о нем знают еще ваши старики; а вот, что я скажу сейчас, то известно и самым молодым; ибо случилось не при Адриане и Константине, но при царе, который жил только за двадцать лет, на нашем веку. Когда Юлиан, превзошедший нечестием всех царей, сперва приглашал (иудеев) к идолослужению и склонял к собственному нечестию, потом предлагал (восстановить) древнее (иудейское) богослужение, говоря, что и предки-де ваши так служили Богу; тогда они и по неволе исповедали то самое, что мы доказывали теперь, т. е. что им не позволено приносить жертвы вне города, и что те поступают беззаконно, которые совершают (священные) обряды на чужой земле. Итак, говорили они (Юлиану), если хочешь, чтобы мы приносили жертвы, возврати нам город, восстанови храм, открой нам святая святых, возобнови алтарь, и мы - будем приносить жертвы и теперь так же, как и прежде. И не стыдились, негодные и бесстыдные, просить об этом царя нечестивого и язычника, и приглашать скверные руки его к созиданию святыни; не чувствовали, что они покушаются на невозможное, и не постигали, что если бы человек разрушил эту святыню, то человек же мог бы и восстановить ее, но когда Бог разрушил их город, человеческая сила никогда не может переменить положенного определением Божьим. "**Ибо Господь Саваоф определил, и кто может отменить это? рука Его простерта, - и кто отвратит ее?**" (Иса. 14:27)? Что Он восставит и захочет, чтобы было твердо, того людям не возможно разрушить; равно, что Он разорит и хочет, чтобы навсегда оставалось разоренным, того восстановить также не возможно. Допустим, однако же, иудеи, что царь возвратил бы вам храм и восстановил алтарь, чего вы напрасно ожидаете: но мог ли бы он низвести вам свыше и огонь небесный? А без него ваша жертва была бы и нечиста и нечестива. Дети Аароновы за то и погибли, что внесли чуждый огонь. Но, слепые для всего этого, они упросили и умолили его соединиться с ними и приступить к созиданию храма. А он назначил и деньги на издержки, послал и смотрителей за работами, вызвал отовсюду и художников, все делал, все приводил в движение, чтобы постепенно и мало-помалу довести их до принесения жертв, думая, что от этого они легко перейдут и к идолослужению, и вместе надеясь, умоисступленный и безумный, уничтожить определение Христово, что не будет восстановлен храм их. Но "**уловляет мудрых в лукавстве их**" (1 Кор. 3:19) тотчас показал на деле, что Божьи определения сильнее всего и могущественны действия слов Божьих. Ибо, как только иудеи взялись за это беззаконное дело, и начали расчищать основание, и вытащили не мало земли, и уже хотели приступить к постройке, вдруг вышедший из земли огонь сжег многих людей, и даже камни, бывшие на том месте, и остановил эту неблаговременную дерзость, так что не только принявшиеся за работу, но многие и иудеи, видевшие это, приведены были в изумление и стыд. Услышав об этом, царь Юлиан, хотя и имел столь безумную ревность к этому делу, однако же, убоялся, чтобы, продолжив его далее, не привлечь огня на свою голову, и прекратил работу, побежденный таким образом со всем язычеством. И вот, если бы ты пошел в Иерусалим, то увидишь только одни основания; а если бы спросил о причине, то не услышишь никакой другой, кроме этой (о которой мы сказали). Свидетели этого все мы, ибо это случилось при нас, не так давно. Смотри же, как знаменита победа.

Случилось это не при благочестивых царях, дабы не сказал кто, что христиане напали и помешали иудеям; нет, когда вера наша была гонима, когда все мы опасались за свою жизнь и лишены были всякой свободы, а язычество процветало; когда одни из верных скрывались в домах, другие переселялись в пустыни и бежали из городов, тогда и случилось это, чтобы иудеям не осталось никакого предлога к бесстыдному упорству.

12. Итак, еще ли ты упорствуешь, иудей, когда видишь, что против тебя свидетельствуют и предсказание Христово, и доказательство, заимствованное из пророков и из самых событий? Но и не удивительно: таков уже ваш народ, искони бесстыдный, сварливый, привыкший всегда спорить против очевидного. Хочешь ли, вооружу против тебя и других пророков, которые ясно говорят то же, что ваше (иудейское) прекратится, а наше (христианство) будет процветать, что проповедь Христова распространится по всей вселенной, и введена будет иная жертва, с уничтожением ваших жертв? Послушай же Малахию, который пришел уже после других пророков: не привожу пока свидетельства ни из Исаии, ни из Иеремии, ни из других пророков, живших до пленения, чтобы ты не сказал, что эти бедствия, о которых они предсказывали, случились во время пленения (вавилонского); нет, привожу пророка, который жил уже по возвращении вашем из Вавилона и по восстановлении города, и - ясно предсказал о судьбе вашей. В самом деле, после того, как иудеи уже возвратились (из плена) и вновь построили город, создали храм, и начали приносить жертвы, Малахия, предсказывая о настоящем пленении и уничтожении жертв, так говорит от лица Божия: "**может ли Он милостиво принимать вас? говорит Господь Саваоф. Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву: а вы хулите его**" (Мал. 1:9,11-12). Когда случилось это, иудей? Когда стал приноситься на всяком месте фимиам Богу? Когда жертва чистая? Не можешь указать ни на какое другое время, кроме того, которое настало после пришествия Христова; потому что если пророк предсказывает не об этом времени, не о нашей жертве, но об иудейской, то его пророчество будет противозаконно. Так как Моисей не позволил приносить жертв ни в каком другом месте, но только в том, которое изберет Сам Господь Бог, и так как Он привязал иудейские жертвы к одному месту; то пророк, говоря, что фимиам и жертва чистая будут приноситься на всяком месте, восстал и пошел бы против Моисея. Но противоречия и разногласия нет: потому что об иной жертве говорил Моисей, и об иной после него пророчествовал Малахия. Из чего это видно? И из того, что уже сказано, и из других весьма многих признаков. И во-первых - из места: ибо Малахия предсказал, что богослужение будет совершаться не в одном городе, как у иудеев, но "**от востока до запада**"; потом из самой жертвы: ибо назвал ее "**чистой**"; этим показал он, о какой жертве он говорит; наконец - из лиц приносящих ее; ибо не сказал: в Израиле, но "**между народами**". И дабы ты не подумал, что это богослужение будет учреждено в одном, или двух, или трех городах, он не просто сказал: "**на всяком месте**", но "**от востока до запада**", показывая, что всю землю, какую только освещает солнце, обнимет и проповедь (Христова). А жертву называет "**чистой**" потому, что прежняя была нечиста, не по своей природе, но от расположения приносящих. Потому и сказал: "**курение отвратительно для Меня**" (Ис. 1:13). Впрочем, если сравнить и самую жертву (ветхозаветную с новозаветной), то найдем между ними великое и неизмеримое расстояние, так что, при таком сравнении, одну только эту жертву (новозаветную) по преимуществу и должно назвать чистой. И что сказал Павел о законе и благодати, что "**то прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы**" (2 Кор. 3:10); то же и мы можем смело сказать здесь, - что эта жертва в сравнении с той (древней) одна только может быть названа чистой: ибо приносится не с дымом и испарениями, не с кровью и выкупом, но с благодатью Духа. Послушай, как и другой пророк предсказывает о том же и говорит, что служение Богу не будет заключено в одном месте, но все люди, наконец, познают Его. Вот что говорит

Софония: "**страшен будет для них Господь, ибо истребит всех богов земли, и Ему будут поклоняться, каждый со своего места**" (Соф. 2:11); между тем Моисей не позволил этого, но повелел служить (Богу) в одном месте. Итак, когда слышишь, как пророки предсказывают и предвозвещают, что люди уже не будут принуждены собираться отовсюду в один город и в одно место, но каждый будет служить Богу, сидя дома; то к какому другому времени можешь отнести это, как не к настоящему? Послушай, как и евангелие и апостол согласны с этим пророком (Софонией). Пророк сказал: "**явится Господь**"; апостол говорит: "**явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков**" (Тит. 2:11). Тот сказал: "**на народы**"; этот говорит: "**для всех человеков**". Тот сказал: "**истребит всех богов земли**"; этот: "**научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке**". Опять, Христос говорит жене самарянке: "**поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине**" (Иоан. 4:21,24). Этими словами Он уничтожает уже необходимость наблюдения места, и вводит Богослужение возвышеннее и более духовное. Можно бы, вместе с этим, доказать еще и то, что у иудеев не будет уже ни жертвы, ни священства, ни царя. Конечно, все это ясно доказано самым разрушением города; но можно бы привести пророков, которые прямо говорят об этом же. Но я вижу, что вы утомились продолжительностью беседы, и боюсь, чтобы мне, напрасно и без пользы не обременить вас. Посему, обещая сказать вам об этом в другое время, теперь прошу вас вот о чем: спасите ваших братьев, избавьте от заблуждения, возвратите к истине. Ибо нет никакой пользы от слушания поучений, когда слова не доказываются делами. Да и то, что сказано, сказано не для вас, а для тех немощных, чтобы они, узнав это от вас, и оставив худую привычку, обнаружили в себе чистое и истинное христианство, и избегали вредных собраний и синагог иудейских, как в городе, так и в предместий бывающих, - этих вертепов разбойничьих, этих жилищ демонских. Итак, не пренебрегите их спасением, но, разведав и отыскав больных, приведите их опять к Христу, чтобы нам и в настоящей и в будущей жизни, получить награду свыше заслуг, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с которым слава Отцу, со Святым и Животворящим Духом, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Josephi Flavii Antiqu. Jud. lib. X, cap. XI, 7.

ПРОТИВ ИУДЕЕВ.

СЛОВО ШЕСТОЕ.

"Произнеся раньше длинную беседу против иудеев и получив горловую болезнь от продолжительности речи, (Златоуст) сказал теперь это (слово)".

ЗВЕРИ, пока живут в лесах и не вступают в борьбу с людьми, бывают довольно смирны и кротки. Но как скоро охотники, поймав их, приведут в город, и, заперев в клетку, возбудят к бою с людьми, и они, напав (на людей), отведают мяса и испьют крови человеческой; то уже не так легко могут отстать от этого лакомства, но с великой жадностью бросаются на такую добычу. Это же случилось и с нами. И мы, как вступили в борьбу и, напав на бесстыдные их возражения, ниспровергли их замыслы и "**всякое превозношение,**

восстающее против познания Божия", и умствования пленили "**в послушание Христу**" (2 Кор. 10:5), то возымели еще большую охоту воевать с ними. Но что мне делать? Видите, что голос у меня ослабел и не может выдержать еще такой же продолжительной беседы, и мне кажется, что со мной случилось теперь то же, что с воином, который, изрубив несколько неприятелей, и с великой яростью напав на вражеский отряд и повергнув многих врагов, переломил свой меч, и с прискорбием возвращается к своим. Наше горе даже еще тяжелее. Воину, переломившему меч, можно выхватить другой у кого-нибудь из стоящих, и воспользовавшись (воинским) жаром, выказать великую храбрость; но когда спал голос, у другого нельзя взять голоса. Что же? Воротиться и нам? Но не позволяет сила вашей любви. Стыжусь и присутствия отца нашего, стыжусь и вашего усердия. Потому, поручив себя вполне его молитвам и вашей любви, попытаюсь взяться и за то, что выше сил моих. И никто из вас да не укоряет слово наше в неблаговременности за то, что сегодня, когда созвали нас мученики, мы, оставив сказание об их подвигах, выступаем против иудеев: и для них (мучеников) это слово приятнее. От наших похвал они нисколько не сделаются славнее. В самом деле, какая нужда в наших словах тем, которых и подвиги выше смертной природы, и награды выше силы и понятия (человеческого)? Они пренебрегли настоящей жизнью, попрали пытки и мучения, презрели смерть, воспарили к небу, освободились от волнения житейских забот, достигли тихой пристани, неся с собой не золото и серебро и драгоценные одежды, но сокровища некрадомые - терпение, мужество и любовь. Они востекают теперь в общение с Павлом, окрыляясь, еще до (получения) венцов, ожиданием венцов, и избегая, наконец, неизвестности будущего. Какая же им нужда в наших словах? И вот почему им приятнее настоящий предмет. От наших похвал, как я сказал выше, ничего не прибудет к их славе; а от наших ратований против иудеев будет им великое удовольствие, и они охотно выслушают особенно слова, высказываемые в защиту славы Божьей. Мученики особенно не любят иудеев, потому что сильно возлюбили Того, Которого те распяли. Те говорили: "**кровь Его на нас и на детях наших**" (Матф. 27:25); а эти пролили и свою кровь за Того, Кого те убили. Так они с удовольствием выслушают эти слова.

2. Итак мы достаточно доказали, что, если бы настоящее рабство иудеев должно было окончиться, то пророки и об этом предсказали бы и не умолчали; (мы доказали это), показав, что все пленения - египетское, вавилонское и бывшее при Антиохе Епифане, постигли иудеев по предсказанию. Мы доказали божественным Писанием, что для каждого из этих пленений предвозвещено и место, и время, а настоящему ни один пророк не назначил времени (продолжения). Что оно настанет, все приведет в запустение, изменит общественное устройство (иудеев), также, через сколько времени по возвращении из Вавилона случится, - об этом предсказал Даниил; но что оно будет иметь конец, и что эти бедствия когда-нибудь прекратятся, этого ни этот, ни другой пророк не открыл: напротив, Даниил предсказал еще, что это рабство будет тяготеть над ними до скончания века. Самое время подтверждает слова наши: столько протекло его с тех пор, а доселе не видно ни следа, ни начала полезной для них перемены, хотя они и многократно покушались восстановить храм. Да, они покушались и раз, и два, и три, при Адриане, Константине и Юлиане, но всякий раз были останавливаемы, - сперва воинами, а после огнем, вышедшим из оснований и прекратившим их безвременную попытку. А мне хотелось бы, наконец, спросить их: отчего это, скажи мне, прожив столько времени в Египте, вы опять получили свое отечество; потом, отведенные в Вавилон, также возвратились в Иерусалим; опять, потерпев столько бедствий при Антиохе, снова пришли в прежнее положение, снова получили, с прежним достоинством, и жертвы, и жертвенник, и святое святых, и все прочее? А теперь ничего этого не случилось; нет, вот уже прошло сто лет, дважды, трижды, четыре раза столько, и даже гораздо более: ибо с того времени (от Антиоха) до нашего прошло уже пятьсот лет; а мы не видим, чтобы где-нибудь показался хотя намек на такую перемену, напротив дела их расстроились в конец, и даже

во сне не представляют такой надежды, какую - прежде. Если они укажут на свои грехи и скажут: так мы согрешили пред Богом и оскорбили Его, за это и не получаем родной земли; если эти люди, которые без стыда слышали постоянные обличения пророков, и не сознавались, когда те сильно упрекали их в убийствах, если они теперь исповедуют и сознают грехи свои, то я еще спрошу каждого из них: так за грехи свои, иудей, ты живешь столько времени вне Иерусалима? Что же здесь нового и необычайного? Разве вы теперь только живете в грехах, а прежде жили праведно и добродетельно? Разве вы не искони и не изначала пребывали в бесчисленных беззакониях? Разве не обличал вас в бесчисленных (злых делах) пророк Иезекииль, когда представил двух блудниц - Олу и Оливу и сказал, что вы сделали блуд в Египте, безумствовали с иноплеменниками, и служили чуждым богам (Иез. 23)? Что же? Когда разделялось море, расторгались камни, и столько чудес совершалось в пустыне, разве тогда вы не поклонялись тельцу? Разве вы не часто покушались убить Моисея, то бросая в него камни, то изгоняя его, то нанося ему другие бесчисленные оскорбления? Разве не часто произносили хулу на Бога? Разве не служили Веельфегору? Разве не приносили сынов своих и дочерей своих в жертву демонам? Разве не совершали всякого рода нечестия и грехи? Разве не говорил вам пророк от лица Божия: "**сорок лет Я был раздражаем родом сим, и сказал: это народ, заблуждающийся сердцем**" (Пс. 94:10)? Как же Бог тогда не отвратился от вас, но и после детоубийств, после идолослужения, после великого нечестия, после невыразимой неблагодарности, позволил еще быть у нас пророку - великому Моисею, и совершал дивные и необычайные знамения? И чего не было ни с кем из людей, то случилось с вами, - облако простерлось над вами вместо покрова, столп путеводил вас вместо светильника, враги добровольно покорялись вам, города сдавались почти от одного только звука голоса. Вам не было нужды в оружии, ни в войске, ни в сражении: вы только протрубили, и стены рушились сами собою. У вас была новая и необычайная пища, так что пророк восклицает: "**хлеб ангельский ел человек; послал Он им пищу до сытости**" (Пс. 77:25). Отчего же, скажи мне, вы тогда, хотя и жили нечестиво, служили идолам, убивали детей, побивали камнями пророков, совершали бесчисленные преступления, однако пользовались таким благоволением, таким покровительством Божьим; а теперь, хотя и не служите идолам, не умерщвляете детей, не побиваете камнями пророков, однако живете все в рабстве? Разве тогда был один Бог, а теперь другой? Разве не один и тот же (Бог) и тогдашние дела устраивал и нынешние совершает? Отчего же, скажи мне, когда больше были грехи (ваши), тогда велика была честь вам у Бога, а когда теперь меньше беззаконничаете, Он совершенно отвратился от вас и предал вас постоянному бесчестью? Ведь если теперь Он отвращается от вас за грехи, тем более надлежало (Ему отвращаться) тогда; если же Он тогда снисходил к вам, хотя и жили вы нечестиво, тем более надлежало бы снизойти теперь, когда вы не делаете таких преступлений. За что же Он не оказал снисхождения? Если вы стыдитесь сказать причину, скажу прямо я, или вернее - не я, но сама действительная истина: за то, что вы убили Христа; за то, что подняли руки на Владыку; за то, что пролили драгоценную кровь; вот за что нет вам облегчения, нет, наконец, прощения, нет извинения. Тогда вы оскорбляли рабов, - Моисея, и Исаию, и Иеремию; тогда, хотя и совершалось нечестие, но еще не было сделано главное зло. А теперь вы затмили все прежние (беззакония), и после злодейства против Христа для вас не остается уже никакого большого беззакония. Вот почему вы и наказываетесь теперь больше. Иначе, если не в этом причина вашего настоящего унижения, почему Бог терпел вас тогда, когда вы убивали детей, а теперь, когда ничего такого не делаете, отвращается? Ясно, что, убив Христа, вы сделали более великое и тяжкое преступление, чем детоубийство и всякое другое беззаконие.

3. Итак, ужели вы, скажите мне, осмелитесь после этого называть Его обманщиком и беззаконником? Не убежите ли, напротив, и не скроетесь ли, вместо того, чтобы противоречить столь ясной истине событий? Если бы Иисус был, как вы говорите,

обманщик и беззаконник, то вам следовало бы еще прославиться тем, что вы убили Его. Если Финеес, умертвив одного кого-то, совершенно прекратил этим гнев (Божий) на (иудейский) народ: "**восстал**", сказано, "**Финеес и произвел суд, - и остановилась язва**" (Пс. 105:30); если он поражением одного беззаконника избавил от гнева Божия такое множество людей виновных в нечестии; тем более так должно бы случиться с вами, если бы Распятый вами был беззаконник. Отчего же Финеес, умертвив беззаконника, оправдан и почтен священством; а вы, распяв, как говорите, какого-то обманщика и противника Богу, не только не заслужили похвалы и чести, но еще подверглись большим бедствиям, чем в то время, когда закалали собственных сыновей? Не очевидно ли для самых малоумных, что вы терпите такое наказание за то, что поступили беззаконно со Спасителем и Владыкой вселенной? Теперь вы удерживаетесь и от преступного кровопролития (детей) и соблюдаете субботы, а тогда нарушали и этот день. И Бог обещал через Иеремию пощадить ваш город, если перестанете носить тяжести в субботу (Иер. 17:21); но вот теперь вы так и делаете, не носите тяжестей в субботу, и, однако же, Он не примиряется с вами, потому что этот ваш грех (против Христа) больше всех грехов. Значит, вы напрасно указываете на нынешние грехи свои (как на причину настоящих бедствий ваших). Нет, не за другие дела ваши, но за то именно (величайшее) беззаконие вы терпите такие бедствия, - так что, если бы его не было, Бог не отвращался бы столь долго от вас, хотя бы вы сделали бесчисленное множество грехов. Это видно как из всего сказанного, так и из того, о чем я намерен теперь сказать. Что же это такое? Мы слышали, как Бог часто говорил через пророков вашим отцам, что вы достойны были бесчисленных бедствий, "но Я, говорит, творю (милость) ради имени Моего, чтобы оно не обесславилось у язычников". И опять: "**не для вас Я сделаю это, дом Израилев, а ради святого имени Моего**" (Иезек. 36:22,32). Это значит: вы заслуживали еще более тяжкого наказания и мучения, но дабы кто не сказал, что Бог, по слабости и неимению сил спасти, предал иудеев в руки врагов, я заступаюсь и помогаю вам. Значит, если бы Христос, которого вы распяли, был беззаконник, то, хотя бы вы сделали бесчисленное множество грехов, даже более тяжких, чем прежние, Бог наверно спас бы вас для того, чтобы имя Его не обесславилось, чтобы Того (Христа) не почитали великим, и не сказали, что вы это потерпели за Него. Ибо, если (Бог) ради Своей славы, по-видимому, пренебрегает вашими грехами; тем более Он поступил бы так теперь, одобрил бы это убийство и изгладил бы множество ваших грехов. Но когда Он показывает совершенное отвращение к вам, то, очевидно, этим своим гневом и совершенным оставлением вас, вразумляет и самых упорных, что убитый вами был не беззаконник, но сам Законодатель и виновник бесчисленных благ. Вот почему вы, поступившие с Ним нечестиво, находитесь в угнетении и бесчестии, а мы, поклоняющиеся Ему, прежде бывшие бесчестнее всех вас, теперь по благодати Божьей, славнее и почтеннее всех вас. - Но откуда, скажете, видно, что Бог отвратился от нас? Нужно ли еще словами доказывать это, скажи мне? Когда самые дела вопиют и издают звук громче трубы, - разрушением города, опустошением храма и всем прочим, что только случилось с вами, - ужели еще нужно вам словесное доказательство? Но на нас, скажете, навели эти бедствия люди, а не Бог. Напротив, это сделал именно Бог. Если же ты приписываешь свои несчастия людям, то возьми в рассмотрение то, что люди, сколько бы ни покушались на это, не могли бы исполнить своего предприятия, если бы оно было неугодно Богу. Когда варвар напал (на Иудею), ведя за собой всю Персию, надеялся этим набегом захватить всех, и запер всех в городе, как в сетях и тенетах; тогда, так как Бог был милостивее к вам, (враг) и без войны, без сражения, без боя, бежал от вас, оставив сто восемьдесят пять тысяч убитых воинов, и считая за счастье, что хоть сам спасся. И множество других войн часто так же решал Бог. Значит, и теперь если бы Он не оставил вас вовсе, люди не могли бы разрушить ваш город и опустошить храм, запустение не продолжалось бы доселе, и столь многочисленные ваши попытки (восстановить его) не остались бы безуспешными.

4. Но кроме этого постараюсь и иначе доказать вам, что римские цари сделали вам все это не своей силой, но потому, что Бог прогневался на вас и оставил вас. Если бы это было дело человеческое, то надлежало бы вашим бедствиям ограничиться только пленением и вашему унижению не простираться далее. Пусть будет по вашему, что люди разорили стены, разрушили город и ниспровергли жертвенник: но ужели люди же прекратили и (ряд) пророков? Ужели они отняли (у вас) благодать Духа? Ужели они же разрушили и прочие святыни ваши, как-то: голос от святилища, силу помазания и "**явление**" (Исх. 28:30) на камнях (одежды) священника? Начала устройства иудейского не все были земные, но большинство и самые важные из них были свыше, с небес. Например, Бог позволил приносить жертвы; жертвенник, конечно, был на земле, также и дрова, и нож, и священник; но огонь, долженствовавший сходить в то святилище и поедать жертвы, имел начало свыше. Ибо не человек вносил огонь в храм, но свыше сходило пламя и исполняло службу при жертве. Также, если когда надобно было узнать что-либо, то исходил голос изнутри херувимов от святилища, и предвозвещал будущее. Опять на камнях, которые были на груди первосвященника, было некоторое сияние, или так называемое "**явление**", и через него открывалось будущее. Кроме этого, когда нужно было совершать над кем-нибудь помазание, ниспосылалась благодать Духа и нисходила на елей: пророки совершали эти действия и часто облако и дым покрывали святилище. Итак, чтобы иудеи не упорствовали и не приписывали своего порабощения людям, Бог попустил не только пасть городу и разрушиться храму, но прекратиться и тому, что имело свое начало с неба, как-то: огню, голосу, сиянию камней и т. п. Посему, когда иудей станет говорить тебе: люди восстали на нас, люди сделали зло, скажи ему, что люди не восстали бы, если бы Бог не попустил этого. Пусть люди разрушили твою стену: но ужели человек запретил нисходить огню свыше? Ужели человек возбранил голосу, который постоянно слышался от святилища? Ужели и откровение на камнях, и священное помазание, и все прочее уничтожил человек? Не Бог ли истребил это? Всякому понятно. Почему же Он истребил? Не очевидно ли, что по гневу и совершенному отвращению к вам? - Нет, скажете, но, так как у нас нет столицы, то нет и этого. А отчего у вас нет столицы? Не оттого ли, что Бог оставил вас? Впрочем, чтобы совершенно заградить бесстыдные уста иудеев, докажем из самого Писания и то, что причиной прекращения пророчества было не разрушение храма, но гнев Божий, и что они теперь раздражают Его враждой на Христа гораздо более, чем тогда, когда поклонялись тельцу. Когда пророчествовал Моисей, тогда не было ни храма, ни жертвенника, и, однако же, хотя они делали бесчисленное множество нечестивых дел, помазание пророческое не отнималось у них; напротив, были тогда как этот великий и доблестный муж, так и другие, кроме его, семьдесят пророков. Да не только тогда (были у них пророки), но и после, когда дан был храм и весь чин богослужения. Потом, когда (храм) был сожжен и все иудеи отведены были в Вавилон, и тогда Иезекииль и Даниил, хотя и не видели святого святых, не стояли перед жертвенником, а находились в земле иноплеменнической, среди беззаконных и нечистых людей, однако же, исполнялись Духа, предсказывали будущее, даже говорили о более многочисленных и дивных предметах, чем прежние (пророки), и видели божественное видение, насколько им возможно было видеть его. Отчего же, скажи мне, теперь нет у вас пророков? Не оттого ли, очевидно, что Бог отвратился от вас? За что же Он отвратился от вас? Очевидно также, что за Распятого и за (совершенное над Ним) беззаконное дело. Из чего это видно, скажешь? Из того, что вы прежде, хотя и жили нечестиво, однако же, имели все; а теперь, после креста, хотя живете, по-видимому, лучше, терпите, однако же, большее наказание и ничего прежнего не имеете.

5. Но, чтобы вам узнать причину настоящих бедствий и от самих пророков, которые ясно и подробно возвещали об этом, послушайте, что говорит Исаия, как предсказывает и о будущих всем благодеяниях Христовых, и о вашей неблагодарности. "**Ранами Его мы исцелились**", говорит Он, предсказывая о спасении всех крестом. Потом, изъясняя, кто

таковы мы, прибавил: "**все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу**". А изъясняя крестные страдания, так говорит: "**как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят**" (Иса. 53:5-8). А где можно видеть это исполнившимся? В беззаконном судилище Пилата. Ибо, после того, как было столько свидетелей против Иисуса, Он, говорит (евангелие), ничего не отвечал им. И когда правитель сказал ему: "**не слышишь, сколько свидетельствуют против Тебя**" (Матф. 27:13), Он ничего не отвечал, но стоял молча. Об этом-то и сказал пророк задолго прежде: "**как овца, веден был Он на заклание, и как агнец перед стригущим его безгласен**". Потом, показывая, какое беззаконие совершилось тогда в судилище, он говорит: "**от уз и суда Он был взят**". Ибо тогда никто не произносил праведного суда над Ним, но приняли ложные свидетельства против Него. Причиной же было то, что Он не хотел защищаться: ибо, если бы захотел, то все бы поколебал и потряс. Если уже, будучи на кресте, Он расторг камни, помрачил вселенную, отвратил солнечные лучи, из дня сделал ночь по всей земле; то, конечно, мог сделать то же самое и в судилище. Но Он не восхотел этого, чтобы показать Свою кротость и смирение. Поэтому и говорит пророк: "**от уз и суда Он был взят**". Потом, показывая, что Он не был из числа обыкновенных людей, пророк присовокупил: "**но род Его кто изъяснит**"? В самом деле, о ком это говорит пророк, что "**Он отторгнут от земли живых**"? Поэтому и Павел говорит: "**жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге. Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе**" (Кол. 3:3-4). Но так как я предположил сказать и доказать, что за Него именно иудеи терпят настоящие бедствия, то время уже привести слова Исаии. Где же он говорит об этом? Сказав о судилище, об убийстве, о принятии Им на Себя (наших грехов), сказав, "**Он отторгнут от земли живых**", пророк присовокупил: "**Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого**" (Иса, 53:9). Не просто сказал: иудеев, но "**злодеев**". Ибо кто может быть лукавее тех, которые, после стольких благодеяний, убили своего Благодетеля? Если бы не произошло этого, если бы вы не опозорили себя теперь, и не лишились всего отеческого; если бы храм ваш не обратился в развалины, и ваша судьба не была плачевна свыше всякого описания, ты мог бы еще не верить, иудей; но, если вопиют дела и пророчество сбылось, то для чего напрасно и попусту упорствуешь? Ибо где теперь ваша святыня? Где первосвященник? Где одежда, и слово судное (Исх. 27:15), и явление (Исх. 27:30)? Не говори мне о (нынешних ваших) патриархах, - корчемниках, торгашах, исполненных всякого беззакония. Какой тут священник, скажи мне, когда нет того древнего помазания, ни всей прочей святыни? Какой священник, скажи мне, когда нет ни жертвы, ни алтаря, ни богослужения? Хочешь, расскажу тебе законы о священстве, по которым в древности были поставляемы (первосвященники), дабы ты знал, что нынешние, так называемые вами, патриархи не священники, но только носят личину священников, и играют как бы на сцене, или даже, не могут выдержать и личины, - так далеки они, не только от истины, но даже от ее подобия. Итак, вспомни, как тогда Аарон поставлен был священником, сколько Моисей принес о нем жертв, сколько заклал животных, как омыл его, как помазал у него край уха, правую руку, правую ногу, потом приказал ему пробыть внутри (скинии) назначенное число дней. Но лучше выслушать и самые слова Писания. "**Вот**", сказано, "**участок Аарону и участок сынам его**" (Лев. 7:35). "**И сказал Господь Моисею, говоря: возьми Аарона и сынов его с ним, и одежды и елей помазания, и тельца для жертвы за грех и двух овнов, и корзину опресноков и собери все общество к входу скинии собрания. И сказал Моисей к обществу: вот что повелел Господь сделать**". *И* потом "**привел**" их - изложим сокращенно – "**омыл их водою, возложил на него хитон, и опоясал его поясом, и надел на него верхнюю ризу, и возложил на него ефод, и опоясал его поясом ефода, и возложил на него наперсник, и на наперсник положил урим и туммим, и возложил на голову его кидар, а на кидар с передней стороны его возложил полированную дощечку**"; потом "**взял Моисей елей помазания, и покропил им на жертвенник, и помазал жертвенник и все принадлежности его и**

умывальницу и подножие ее, чтобы освятить их, и возлил елей помазания на голову Аарона"; тоже сделал и с сынами его, "**и привел тельца**". И как заклал его, то, по возложении рук Аарона и сынов его, взял "**и взял крови, и перстом своим возложил на рога жертвенника со всех сторон, и очистил жертвенник, а [остальную] кровь вылил к подножию жертвенника и освятил его, чтобы сделать его чистым**". Потом, сжегши некоторые части тельца, одни внутри, другие вне скинии, привел еще овна и принес его во всесожжение. Далее, привел другого "**овна посвящения**", и, по возложении на него рук Аарона и сынов его, заклал его, и, взяв "**взял крови его, и возложил на край правого уха Ааронова и на большой палец правой руки его и на большой палец правой ноги его**"; тоже сделал и с сыновьями его. Потом, взяв некоторые части жертвы, положил на руки Аарона и сынов его, и так принес (Богу). И опять взял "**Моисей елея помазания и крови, которая на жертвеннике, и покропил Аарона и одежды его, и сынов его и одежды сынов его с ним**". И освятил их, и повелел сварить мясо во дворе скинии и там съесть его. "**Семь дней не отходите от дверей скинии собрания**", сказал он, "**пока не исполнятся дни посвящения вашего, ибо семь дней должно совершаться посвящение ваше**" (Лев. 8:1-3,5-12,15,23,30,33). Итак, когда (Писание) говорит, что Аарон таким образом поставлен, таким образом очищен, таким образом освящен, таким образом умилостивил Бога, а теперь ничего этого не бывает, - ни жертвы, ни всесожжения, ни возлияния крови, ни помазания елеем; когда нет и скинии собрания, и нынешний священник иудейский не пребывает определенного числа дней в святилище; то, очевидно, что он и не совершен, и не чист, и беззаконен, и скверен, и гневит Бога. Ибо, если священник не иначе мог быть поставлен, как таким образом, то, очевидно, что у них нет священства, когда нет этих обрядов. Видишь, я справедливо сказал, что они далеко уклонились не только от истины, но и от самого подобия ее.

6. Впрочем, не только из этого, но и из другого еще можно узнать, как почтенно было достоинство священства. Так, когда некоторые нечестивые и зловредные люди восстали против Аарона, покушаясь лишить его начальства, и оспаривая у него честь, кротчайший Моисей, желая вразумить их самым делом, что он не потому возвел Аарона в его достоинство, что он ему брат, родной и свой человек, но что вручил ему священство, повинуясь определению Божью, - повелел принести по жезлу каждому колену, а также и Аарону. Когда принесли, он, взяв все жезлы, положил их в скинии, и, положив там, повелел ожидать Божьего решения через эти жезлы. И вот, когда все жезлы остались в том же виде, один Ааронов вдруг прозяб, покрылся листьями и плодами, дабы познали, что Владыка природы опять рукоположил (Аарона), употребив листья вместо письмен. Ибо, кто сказал в начале: "**да произрастит земля зелень, траву**", и возбудил силу ее к плодоношению, Тот заставил прозябнуть и это древо, сухое и бесплодное, без земли и корня. И был уже тот жезл обличением и свидетельством, как злобы тех людей, так и суда Божьего, не издавая голоса, но самым видом сильнее трубы вразумляя всех чтобы впредь не покушались на подобные дела. И не только этим, но и другим еще образом Бог рукоположил Аарона. Когда многие, возмутившись, захотели Ааронова чести (власти, как-то домогаются и желают многие), - Моисей опять повелел им принести кадильницы, положить в них фимиама, и ждать решения свыше. И когда они воскурили фимиам, земля разверзлась, поглотила всех соучастников их, а взявших кадильницы сжег небесный огонь. А чтобы это с течением времени не забылось и потомки знали о дивном решении Божьем, Моисей повелел кадильницы те повесить около жертвенника, дабы как жезл и без голоса говорил своим видом, так и эти дощечки всем потомкам говорили, внушали и советовали не подражать в безумии предкам, чтобы не потерпеть одинакового с ними наказания. Видишь, как в древности рукополагались священники? А теперь у иудеев все детские игрушки, все смех, и срам, и корчемничество, все исполнено неисчислимого беззакония. Так неужели им-то последуешь ты, скажи мне, им, которые всегда усиливаются и делать и говорить только противное законам Божьим? В их-то синагоги

бежишь? И не боишься, что упадет с неба молния и сожжет твою голову? Разве не знаешь, что, хотя бы кто и не разбойничал, но только оказался в вертепе разбойников, подвергается одинаковому с ними наказанию? И что говорить о разбойниках? Вы все, конечно, знаете и помните, что, когда некоторые негодяи и обманщики низвергли у нас (царские) статуи, то не только эти преступники, но и все, кто только оказался при этом, были схвачены вместе с ними, отведены в судилище, и потерпели жестокое наказание? А ты торопишься, скажи мне, бежать туда, где оскорбляется Отец, хулится и Сын, где уничижается Святый и Животворящий Дух? И не боишься, не трепещешь, входя в эти мерзкие и нечистые места? Какое же будешь иметь оправдание, скажи мне, какое извинение, когда сам добровольно толкаешь себя в бездну и бросаешься в пропасть? Не говори мне, что там лежит закон и книги пророков: этого не довольно для освящения места. Что важнее, то ли, когда (священные) книги лежат в (известном) месте, или то, когда (люди) говорят о том, что содержится в этих книгах? Очевидно то, когда и говорят и размышляют о содержащемся в книгах? Что же, скажи мне, когда дьявол говорил от Писания, неужели освятились уста его? Нельзя, сказать этого: он остался тем, чем был, дьяволом. А демоны? И они проповедовали и говорили: "**сии человеки - рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения**" (Деян. 16:17): ужели поэтому поставим их в ряду апостолов? Никак; напротив, мы также (как и прежде) отвращаемся их и ненавидим. Так даже произношение (священных) слов не освящает; а книги тем, что лежат, освящают? Как же это возможно? За то-то особенно и ненавижу синагогу, что в ней лежат закон и пророки, и ненавижу теперь более чем когда бы в ней не было их. А почему? Потому, что это служит сильной приманкой, большим соблазном для простых душ. Потому-то и Павел скорее изгнал демона, когда он заговорил, чем когда бы он молчал: "**вознегодовав**", сказано, "**сказал духу: повелеваю тебе выйти из нее**" (Деян. 16:18). За что? За то, что кричал: "**сии человеки - рабы Бога Всевышнего**". Храня молчание, (демоны) не так бы прельщали; но, говоря, они увлекали бы многих слабых людей, и заставляли бы слушать себя и в других случаях. Чтобы отворить дверь своим обманам и придать лжи больше благовидности, демоны примешали к ней несколько и истины, подобно тому, как приготовляющие ядовитые составы, обмазывая края сосуда медом, достигают того, что вредное зелье легко принимается. Вот почему особенно Павел не стерпел и поспешил заградить им уста, что они присваивали себе не принадлежавшее им достоинство. И я за то ненавижу иудеев, что они имеют закон, но нарушают его, и тем стараются обольстить простодушных. Они не были бы так виновны, если бы отвергали Христа потому, что не верили бы пророкам. А теперь они лишили себя всякого извинения, говоря о себе, что верят пророкам, и, однако же, понося Того, о Ком те пророчествовали.

7. Наконец, если ты считаешь место святым от того, что там лежат закон и книги пророческие, то тебе уже придется считать святыми и идолов и храмы идольские. Случилась некогда у иудеев война; азотяне, победив их, взяли ковчег и внесли его в свое святилище (1 Цар. 5). Так ужели их храм стал свят от того, что в нем был ковчег? Нет, он остался мерзким и нечистым, и это тотчас оказалось на деле. Чтобы враги узнали, что победа их произошла не от слабости Бога, но от нечестия служивших Ему, ковчег, и взятый в плен, в чужой земле показал свою силу, дважды повергши идола на землю так, что он разбился. Ковчег не только не освятил места, но еще противоборствовал этому месту. Притом же, какой теперь ковчег у иудеев, когда у них нет ни святилища, ни помазания, ни скрижалей завета, ни святого святых, ни завесы, ни архиерея, ни фимиама, ни всесожжения и жертвы, ни всего другого, что делало тогда ковчег досточтимым? Мне кажется, этот (нынешний) ковчег их ничем не лучше, и даже гораздо хуже тех сундуков, которые продаются на площади: эти нисколько не могут вредить подходящим, а тот каждодневно наносит великий вред приближающимся к нему. "**Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы**" (1 Кор. 14:20); и тех, кто питает страх к этим вещам, освобождайте от этого неуместного страха, и вразумите, что должно страшиться и

бояться, - не ковчега этого, но того, чтобы не разрушить храм Божий хождением в синагогу, привязанностью к иудейству, этим безвременным соблюдением (иудейских обрядов). Ибо сказано: "**оправдывающие себя законом, отпали от благодати**" (Гал. 5:4). Вот чего нужно бояться, как бы вам в тот день не услышать от Того, Кто будет судить вас: "**отойдите, не знаю вас**" (Лук. 13:27); потому что вы сообщались с распявшими Меня, вопреки Моей воле, восстанавливали праздники, которые Я отменил, и бегали в синагоги иудеев, которые беззаконно поступили со Мной. Я разрушил их храм, превратил в развалины это святилище, содержавшее в себе страшные вещи; а вы оказывали почтение таким храминам, которые ничем не лучше корчемниц и разбойничьих вертепов. Если уже тогда, когда были херувимы, когда был ковчег еще, когда обитала (в храме иудейском) благодать Духа, Господь говорил, в одном месте: "**вы сделали его вертепом разбойников**" (Матф. 21:13), в другом: "**дом торговли**" (Иоан. 2:16), (и назвал его так) за беззакония и убийства иудеев; то теперь, когда оставила их благодать Духа и уничтожена вся их святыня, а они между тем, вопреки воле Божьей, совершают свое беззаконное служение, чем назвать (их) синагоги, как найти достойное их имя? Если (храм) был вертепом разбойников уже тогда, когда еще содержал свой устав; то теперь, назовешь ли его любодейным домом, местом ли беззакония, жилищем ли демонов, крепостью ли дьявола, губителем ли душ, пропастью ли и рвом совершенной погибели, или как бы то ни было, все не назовешь так, как он заслуживает. Желаешь видеть храм? Не беги в синагогу, но будь сам храмом. Бог разрушил один храм в Иерусалиме, и воздвиг тысячи храмов, которые гораздо досточтимее того: "**вы храм Бога живого**", сказано (2 Кор. 6:16). Укрась этот дом, изгони (из себя) всякий злой помысел, чтобы тебе сделаться почетным членом Христовым, чтобы быть храмом Духа; сделай и других такими же. Видя бедных, вы не хотите пройти мимо их; так, и, видя бегущего в синагогу, не пропускай его, но удержи словом, как бы уздой, и приведи в церковь. Эта милостыня больше той и прибыль от нее больше десяти тысяч талантов. И что говорю - десяти тысяч талантов? (Больше) всего видимого мира, так как и человек дороже всего мира: для него созданы и небо, и земля, и море, и солнце, и звезды. Подумай же о достоинстве того, кого можешь спасти, и не оставь позаботиться о нем. Хотя бы кто роздал тысячи денег, он сделает не столько, сколько тот, кто спасает душу, отводит от заблуждения и руководит к благочестию. Подавший убогому утолит голод, а исправивший иудействующего прекратит нечестие; тот облегчит бедность, этот остановит беззаконие; тот избавит тело от муки; этот исхитит и душу из геенны. Я показал сокровище, не потеряйте прибыли. Здесь нельзя жаловаться на бедность, нельзя ссылаться на нищету: вся трата в словах, вся издержка в речах. Так не поленимся, но со всем усердием и ревностью будем уловлять наших братьев, и, привлекши их - даже против воли - в свои дома, предложим им обед и сегодня же разделим с ними трапезу, чтобы, они, у нас же на виду разрешив пост, и дав нам достаточное свидетельство и удостоверение в своей перемене на лучшее, сделались виновниками вечных благ для себя и для нас, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу, вместе со Святым Духом, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ ИУДЕЕВ.

СЛОВО СЕДЬМОЕ

НЕ ПРЕСЫТИЛИСЬ ли вы уже борьбой с иудеями? Или хотите, чтобы и сегодня занялись мы тем же предметом? Хотя много уже сказано и прежде, однако вы, кажется мне, желаете еще слышать о том же предмете; ибо, кто не пресыщается любовью к Христу, тот никогда не пресытится и войной с врагами Его. Кроме того, это (против иудеев) слово необходимо для нас и по другой причине: еще есть остатки их праздников. Как трубы их были беззаконнее позорищных, и посты бесчестнее пьянства и всякого пирования, так и

кущи, которые они теперь строят, нисколько не лучше корчемниц, в которых водятся женщины распутные и играющие на флейте. И пусть никто не считает этих слов за дерзость: напротив, было бы крайней дерзостью и нечестием иначе думать об этом. В самом деле, как не произнести (об иудеях) такого приговора, когда они упорствуют против Бога и противятся Святому Духу? Праздник этот был некогда досточтимым, когда совершался по закону и по Божьему повелению, а теперь уже не то: все достоинство его уничтожено тем, что он совершается вопреки воле Божьей. И, однако же, те, которые наиболее нарушают и закон и древние праздники, те думают о себе, что они теперь лучше всех соблюдают их; тогда как более всех почитаем закон мы, которые оставляем его в покое, как старца, не влечем его на старости на поле битвы и не принуждаем сражаться не во время. А как мы достаточно уже доказали и прежде, что теперь не время закона и древнего порядка вещей, то сегодня рассмотрим и остальное. Довольно уже на основании всех пророков доказано, что совершать такие праздники вне Иерусалима есть беззаконие и нечестие; ибо, если бы и справедливо было то, о чем всегда с хвастовством толкуют (иудеи), т. е., что они снова получат город, и тогда они не могли бы быть свободными от обвинения в нарушении закона. Но мы вполне доказали и то, что город их никогда не будет восстановлен и они уже не получат опять своего (древнего) устройства. А когда это доказано, то, очевидно, стало и все прочее, то есть, что не может стоять никакой вид жертвы, ни всесожжение, ни сила закона, ни что-либо другое из того (древнего) учреждения. Во-первых, закон повелевал всякому человеку мужеского пола приходить в храм трижды в год; но это уже не возможно, когда храм разрушен. Затем, он повелевал, чтобы семеноточивый, прокаженный, жена в месячной (болезни) и родильница приносили жертвы: и это также не возможно, когда нет места и не существует жертвенника. Повелевал он петь священные песни; но мы прежде уже доказали, что и это ограничено местом и что пророки осуждают (иудеев) за то, что они читали закон и произносили исповедание вне (Иерусалима). Итак, если нельзя было даже читать закон вне города, то, как же можно исполнять его вне города? Посему-то Господь и говорил в угрозу им: "**Я оставлю наказывать дочерей ваших, когда они блудодействуют, и невесток ваших, когда они прелюбодействуют**" (Ос. 4:14). Что же это значит? Постараюсь объяснить, прочитав вам древний закон. Какой же это закон? "**Если изменит кому жена, и нарушит верность к нему, и переспит кто с ней и изольет семя, и это будет скрыто от глаз мужа ее, и она осквернится тайно, и не будет на нее свидетеля, и не будет уличена, и найдет на него дух ревности, и будет ревновать жену свою, когда она осквернена**" (Числ. 5:12-14). Эти слова (закона) вот что значат: если жена совершит любодеяние и муж станет подозревать ее в прелюбодеянии, или если она и не совершит любодеяния, но он будет подозревать ее в том, между тем не будет ни свидетеля, ни беременности, которая бы изобличала ее; тогда "**пусть приведет муж жену свою к священнику**", сказано, "**и принесет за нее в жертву десятую часть ефы ячменной муки**" (Числ. 5:15). Отчего же не крупчатой и не пшеничной, а ячменной? Так как дело идет о неприятности, обвинении и подозрении в худом поступке; то и наружный вид жертвы согласовался с домашним несчастием. Поэтому (закон) говорит: "**но не возливает на нее елея и не кладет ливана**": Потом (скажем короче) "**священник пусть приведет и поставит ее перед лицом Господним, и возьмет священник святой воды в глиняный сосуд, и возьмет священник земли с полу скинии и положит в воду; и поставит священник жену перед лицом Господним. И заклянет ее священник и скажет жене: если никто не переспал с тобой, и ты не осквернилась и не изменила мужу своему, то невредима будешь от этой горькой воды, наводящей проклятие. Но, если ты изменила мужу твоему и осквернилась, и если кто переспал с тобой, кроме мужа твоего: да предаст тебя Господь проклятию и клятве в народе твоем**". Что значит: "**проклятию и клятве**"? То, что станут говорить: о, если бы со мной не случилось того, что случилось с этой женой! "**И да сделает Господь лоно твое опавшим: и да пройдет вода сия, наводящая проклятие, во внутренность твою, чтобы опух живот [твой] и опало лоно [твое]. И**

скажет жена: аминь, аминь. И, когда напоит ее водой, тогда, если она нечиста, горькая вода, наводящая проклятие, войдет в нее, к вреду ее, и опухнет чрево ее и опадет лоно ее, и будет эта жена проклятой в народе своем. Если же жена не осквернилась и была чиста, то останется невредимой и будет оплодотворяема семенем" (Числ. 5:15-22,27-28). Итак, поскольку с того времени, как (иудеи) отведены были в плен, ничего этого быть не могло, потому что не было ни храма, ни жертвенника, ни скинии, ни жертвоприношения, то Господь и угрожал им такими словами: "**Я оставлю наказывать дочерей ваших, когда они блудодействуют, и невесток ваших, когда они прелюбодействуют**" (Ос. 4:14).

2. Видишь ли, что закон заимствует силу от места? А отсюда видно уже и то, что не может быть и священника, когда нет города. Как нельзя быть царю, когда нет ни войска, ни диадемы, ни порфиры, ни других принадлежностей царской власти; так не возможно быть и священнику, когда упразднена жертва, возбранено приношение, разрушено святилище, уничтожен весь чин (богослужения); ибо священство во всем этом и состояло. Таким образом, как я сказал выше, для доказательства, что не восстановятся ни жертвы вообще, ни всесожжения, ни прочие (жертвы) очищения, ни другое что-либо из иудейского устройства, достаточно уже было показать, что храм (иерусалимский) не будет восстановлен. Ибо, как теперь, когда его нет, все уничтожено, и если что, по-видимому, бывает, то делается беззаконно; так, когда словом доказано, что (храм) никогда не будет восстановлен в (прежний) свой вид, вместе с этим доказано и то, что и остальное служение не придет опять в прежнее положение, не будет (у иудеев) ни священника, ни царя. Если уже никому из племени их, даже частному человеку, не позволялось служить иноземцам, тем более самому царю не позволительно подчиняться чужим. Но так как цель нашего труда и заботы состоит не в том только, чтобы заградить уста иудеям, но и вразумить вашу любовь; то вот мы еще иначе докажешь то же самое, т. е. что их жертвы и священство прекратились, и уже не будут восстановлены в прежнее состояние. Кто говорит об этом? Дивный и великий пророк Давид. Желая показать, что одна жертва имеет быть отменена, а введется другая, он сказал так: "**много сделал Ты, Господи, Боже мой: о чудесах и помышлениях Твоих о нас - кто уподобится Тебе! - хотел бы я проповедовать и говорить**" (Пс. 39:6). Замечай мудрость пророка. Сказав: "**много сделал Ты, Господи, Боже мой: о чудесах и помышлениях Твоих**", и изумившись чудным делам Божьим, он ничего не говорит нам ни о видимой твари, - о небе и земле, о море, воде и огне, ни о дивных чудесах, совершившихся в Египте, ни о других подобных знамениях, но что называет дивным? "**Жертвы и приношения Ты не восхотел**" (Пс. 39:7). Что говоришь, скажи мне; это ли дивно и чудно? Никак, говорит. Просвещенный свыше, он пророческими очами видел не это одно, но и обращение (к вере Христовой) язычников, - как они, преданные (ложным) богам, поклонявшиеся камням и бывшие хуже бессловесных, вдруг прозрели и познали Владыку всех, и, оставив скверное служение демонам, стали совершать чистое и бескровное служение Богу; видел еще, что не только язычники, но и иудеи, из более простодушных, оставив жертвы и всесожжения и прочие чувственные обряды, обратились к нашему любомудрию; и, размыслив о неизреченном человеколюбии Божьем, превосходящем всякий ум, и изумившись тому, какая произошла перемена в делах и как Бог преобразил все, как людей из демонов сделал ангелами и ввел (между ними) образ жизни достойный неба (а все это сбылось тогда, когда была отменена древняя жертва и введена другая жертва тела Христова), - изумившись и удивившись этому, (пророк) сказал: "**много сделал Ты, Господи, Боже мой: о чудесах и помышлениях Твоих**". А (чтобы показать), что он произнес все это пророчество от лица Христова, Давид к словам: "**жертвы и приношения Ты не восхотел**", прибавил: "**но тело уготовал Мне**", разумея тело Владычное, общую за вселенную жертву, которая очистила наши души, разрешила грехи, уничтожила смерть, отверзла небеса, показала нам многие и великие надежды и все прочее устроила. Видя это, и Павел воскликнул так: "**о, бездна**

богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его" (Римл. 11:33). Провидя все это (Давид) и сказал: "**много сделал Ты, Господи, Боже мой: о чудесах и помышлениях Твоих**". Потом, сказав от лица Христова: "**всесожжения и жертвы за грех Ты не потребовал**", он присовокупил: "**тогда я сказал: вот, иду**" (Пс. 39:7-8). "**Тогда**" - когда же? Когда наступит время совершеннейшего учения; ибо, менее совершенному (люди) должны были научиться от рабов Его, а возвышеннейшему и превышающему природу человеческую от Самого Законодателя. Посему-то и Павел сказал: "**многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, через Которого и веки сотворил**" (Евр. 1:1-2). И Иоанн также: "**закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа**" (Иоан. 1:17). Значит, величайшая заслуга закона и в том, что он приготовил природу человеческую для этого Учителя. Потом, дабы ты не подумал, будто (Христос) есть новый Бог и вводит какое-нибудь новшество, вот что говорит: "**в свитке книжном написано о мне**" (ст. 8). То есть, пророки издревле предвозвестили Мое пришествие, и в самом начале священных книг открыли людям познание о Моем Божестве.

3. Так, когда Бог говорит в начале творения: "**сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему**" (Быт. 1:26), то гадательно открывает нам Божество Сына, к Которому он обращает речь. Потом, желая показать, что новое не противно прежнему учреждению, но что была воля Божия и на то, чтобы та жертва прекратилась и на место ее введена была эта (тут было в самом деле стремление к улучшению, а не противоречие и не борьба), Давид к словам: "**в свитке книжном написано о мне**", присовокупил: "**я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и закон Твой у меня в сердце**". Затем, чтобы изъяснить, в чем состоит воля Божья, он, не упоминая о жертвах, всесожжениях и приношениях, о трудах и тяжких подвигах, говорит: "**Я баговествовал правду Твою в собрании великом**" (ст. 10). Что значит: "**баговествовал правду**"? Не сказал он просто: я дал, но: "**баговествовал**". Что же это значит? То, что (Христос) оправдал род наш, не за добрые дела, не за труды, не за удовлетворение (правосудию Божьему), но единой благодатью. Это-то объясняя, и Павел сказал: "**ныне, независимо от закона, явилась правда Божия**" (Рим. 3:21): правда же Божия (достигается) верой Иисуса Христа, а не какими-либо трудами и усилиями. Эти же слова (Давида) приводит он в свидетельство, когда говорит, "**закон, имея тень будущих благ, а не самый образ вещей, одними и теми же жертвами, каждый год постоянно приносимыми, никогда не может сделать совершенными приходящих. Посему [Христос], входя в мир, говорит: жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне**" (Евр. 10:1,5), разумея здесь пришествие Единородного в мир, домостроительство воплощения. Ибо Он пришел к нам не так, чтобы переменил одно место на другое (как сказать это о вездесущем и все наполняющем?), но так, что явился нам во плоти. Но так как у нас борьба не с иудеями только, но и с язычниками и многими из еретиков, то раскроем вам глубже, какой здесь смысл, и исследуем, почему Павел, имея тьмы свидетельств, доказывающих упразднение закона и древнего учреждения, упомянул именно об этом. Не просто же и не случайно он сделал это, но по какой-нибудь неизреченной мудрости и основанию. А что он мог, если бы захотел, привести и другие более обширные и разительные свидетельства о том же предмете, в этом все будут согласны. Вот и Исаия говорит: "**к чему Мне множество жертв ваших? Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы Мои? Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня**" (Ис. 1:11-13). Он же в другом месте: "**а ты, Иаков, не взывал ко Мне; ты, Израиль, не трудился для Меня. Жертвами твоими не чтил Меня, и не послужил Мне в дарах твоих; Я не заставлял тебя служить Мне хлебным приношением и не отягощал тебя фимиамом**" (Иса. 43:22-23).

И Иеремия: "**для чего Мне ладан, который идет из Савы, и благовонный тростник из дальней страны? Всесожжения ваши неугодны**" (Иер. 6:20); он же: "**всесожжения ваши прилагайте к жертвам вашим и ешьте мясо**" (Иер. 7:21). Другой пророк так сказал: "**удали от Меня шум песней твоих, ибо звуков гуслей твоих Я не буду слушать**" (Амос. 5:23). И еще в другом месте, когда иудеи говорили: "**но можно ли угодить Господу тысячами овнов или неисчислимыми потоками елея? Разве дам Ему первенца моего за преступление мое и плод чрева моего - за грех души моей**" (Мих. 6:7), пророк, укоряя их, сказал: "**о, человек! сказано тебе, что - добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить перед Богом твоим**" (Мих. 6:8). И Давид так говорил: "**не приму тельца из дома твоего, ни козлов из дворов твоих**" (Пс. 49:9). Почему же, имея возможность указать на столь многие свидетельства, в которых Бог видимо, отвергает эти (иудейские) жертвы, новомесячия, субботы, праздники, (апостол), оставив все те свидетельства, упомянул об этом одном? Не без причины и не случайно, но вот почему. Многие из неверных, и даже из самых иудеев, ратуя против нас, говорят, что древняя религия отменена не по несовершенству своему, и не потому, что введена лучшая наша (христианская) религия, но по развращению тех, которые приносили тогда жертвы. Так, Исаия говорит: "**и когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу**" (Ис. 1:15). Потом, представляя причину, присовокупляет: "**ваши руки полны крови**". Здесь не жертвы обвиняются, но обличается нечестие приносящих; и Бог потому не принимал жертв, что (иудеи) приносили их нечистыми руками. И Давид, сказав: "**не приму тельца из дома твоего, ни козлов из дворов твоих**", прибавил: "**грешнику же говорит Бог: "что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои, а сам ненавидишь наставление Мое и слова Мои бросаешь за себя? Когда видишь вора, сходишься с ним, и с прелюбодеями сообщаешься; уста твои открываешь на злословие, и язык твой сплетает коварство; сидишь и говоришь на брата твоего, на сына матери твоей клевещешь** (Пс. 49:16-20). Отсюда видно, что Бог здесь отверг жертвы не без причины, но потому, что иудеи прелюбодействовали, крали, строили ковы братьям. Да и каждый, говорят, из пророков, обвиняя приносящих жертвы, дает знать, что за это-то Бог и отверг их.

4. Так говорят наши противники, но Павел нанес им сильный удар, и достаточно заградил бесстыдные уста их этим свидетельством. Желая доказать, что Бог отверг и упразднил иудейскую религию, как несовершенную, он воспользовался этим именно свидетельством, в котором нет обвинения на приносящих жертвы, а открывается в наготе несовершенство самой религии. Ибо пророк, не обвинив иудеев ни в чем, просто говорит: "**жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне**, **Всесожжения и [жертвы] за грех неугодны Тебе**". А Павел, изъясняя это, сказал: "**отменяет первое, чтобы постановить второе**" (Евр. 10:9). Если бы он, сказав: "**жертвы и приношения Ты не восхотел**", замолчал, такая речь давала бы (противникам) некоторую возможность к оправданию; но теперь он, сказав: "**но тело уготовал Мне**", и указав на введение другой жертвы, не подал уже никакой надежды на восстановление прежней. Это самое изъясняя, Павел сказал: "**по сей-то воле освящены мы единократным принесением тела Иисуса Христа**" (Евр. 10:10). "**Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телицы, через окропление, освящает осквернённых, дабы чисто было тело, то насколько больше Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел**" (Евр. 9:13-14). Итак, этим достаточно доказано, что иудейские жертвы прекращены и никогда уже не восстановятся, а на место их введена другая жертва. Теперь, наконец, прямо и ясно покажем из самого Писания то, что давно мы старались доказать, (то есть), что прежнего священства и нет уже, и не будет опять. Сначала предпошлем некоторое предисловие, чтобы сделать понятнее изъяснение того, о

чем будет речь. Авраам, возвратившись из Персии, родил Исаака, потом этот - Иакова; Иаков - двенадцать патриархов, от которых произошли двенадцать, или вернее тринадцать колен, потому что вместо Иосифа сделались начальниками колен дети его, Ефрем и Манассия. И как по имени каждого из сынов Иакова назывались колена: Рувимовым, Симеоновым, Левииным, Иудовым, Неффалимовым, Гадовым, Асировым, Вениаминовым; так и по именам детей Иосифовых, Ефрема и Манассии, названы были два колена, одно Ефремовым, а другое - Манассииным. Из этих тринадцати колен все другие владели полями и большими доходами, все возделывали землю, и исправляли другие житейские работы; одно колено Левиино, почтенное священством, было освобождено от житейских дел, и не обрабатывало земли, не занималось ремеслами и ничем подобным, но прилежало одному священству и получало от всего народа десятину и вина, и пшеницы, и ячменя, и всех прочих плодов; все давали (левитам) десятину, и в этом заключался их доход. Не позволялось священнику быть ни из какого другого колена. Ибо из этого колена, то есть, из Левиина, был Аарон, и потомки его по преемству принимали священство, а из других колен никогда не было ни одного священника. Итак, эти левиты получали от тех (прочих колен) десятины и этим питались. Но еще до Иакова и Исаака, при Аврааме, когда не было ни Моисея, ни писанного закона, когда не явилось еще священства левитского, не было ни скинии, ни храма, ни отдельных колен, когда не видно было Иерусалима, и никто еще не получил власти править иудейскими делами, был некто Мелхиседек, священник Бога Вышнего. Этот Мелхиседек был вместе и царь и священник: ему надлежало быть образом Христа, и Писание ясно упоминает о нем. Когда Авраам, напав на персов, и отняв из их рук племянника своего Лота, и взяв с собой всю добычу, возвращался после совершенной над ними победы, то (по этому случаю) Писание так говорит о Мелхиседеке: "**и Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино, - он был священник Бога Всевышнего, - и благословил его, и сказал: благословен Авраам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли; и благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои. [Авраам] дал ему десятую часть из всего**" (Быт. 14:18-20). Итак, если явится какой-либо пророк и скажет, что после Аарона и его священства, после этих (иудейских) жертв и приношений, восстанет иной священник, не из того (Левиина) колена, но из другого, из которого никогда не бывало священника, не по чину Ааронову, но по чину Мелхиседекову; то будет очевидно, что древнее священство прекратилось, а на место его введено другое новое; потому что, если бы древнее священство должно было оставаться в силе, ему следовало бы именоваться не по чину Мелхиседекову, но по чину Ааронову. Кто же об этом говорит? Тот самый, кто говорил о жертвах; он же в другом месте, беседуя о Христе, вот что говорит: "**сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня**" (Пс. 109:1).

5. Дабы не подумал кто, будто это говорится о каком-нибудь обыкновенном человеке, говорит это не Исаия, не Иеремия, и не другой какой-либо пророк из частных людей, но сам царь; а царь (ты знаешь) никого не может назвать своим Господом, как только Бога. Если бы это был частный человек, то иной бесстыдный мог бы сказать, что (Давид) говорит о человеке; но теперь, будучи царем, он, конечно, не назвал бы своим Господом человека. Если бы Давид говорил это о каком-нибудь простом человеке, то, как бы он сказал что (этот человек) сел одесную великой и неизреченной славы (Господа)? Это невозможно. А он об этом (лице) говорит: "**сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**". Потом, чтобы ты не подумал, что будто (это лицо) слабое и бессильное, Давид присовокупил: "**в день силы Твоей**" (Пс. 109:3). А чтобы показать это еще яснее, сказал: "**из чрева прежде денницы подобно росе рождение Твое**". Но прежде денницы не родился ни один человек. "**Ты священник вовек по чину Мелхиседека**" (Пс. 109:4). Не сказал: по чину Ааронову. Спроси же иудея: если древнее священство не должно было уничтожиться, то почему (Бог) ввел другого Священника - по чину Мелхиседекову? До этого-то места дошедши

Павел, смотри, как объяснил его. Сказав о Христе, что "**клялся Господь и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека**", он присоединил: "**о сем надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать**" (Евр. 5:11); потом, укорив учеников, - скажем сокращенно, - он говорит, кто такой Мелхиседек, и приводит вот какую историю о нем: "**который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, которому и десятину отделил Авраам от всего**". Затем, раскрывая значение этого образа, говорит: "**видите, как велик тот, которому и Авраам патриарх дал десятину из лучших добыч своих**" (Евр. 7:1-2,4). Это сказал он не просто, но с тем, чтобы показать, что наше священство гораздо важнее иудейского. И это превосходство наперед уже открывается из самых образов вещей. Авраам был отец Исаака, дед Иакова и прадед Левия; ибо, у Иакова был сын Левий. От Левия получило свое начало иудейское священство. Но этот-то Авраам, прародитель левитов и священников иудейских, перед Мелхиседеком, который был образом нашего священства, стал на месте мирянина, и показал это двояким образом: тем, что дал ему десятину, ибо миряне давали священникам десятину; и тем, что получил от него благословение, ибо миряне же получают благословение от священников. Так смотри, сколь велико превосходство нашего священства, когда Авраам, патриарх иудеев, прародитель левитов, благословляется Мелхиседеком и дает ему десятину. О том и другом рассказывает Ветхий Завет, т. е. и о том, что Мелхиседек благословил Авраама, и о том, что Авраам дал ему десятину (Быт. 14:19-20). Это-то самое поставив на вид, Павел сказал: "**видите, как велик тот**". Кто? "**Мелхиседек**", говорит, "**которому и Авраам патриарх дал десятину из лучших добыч своих**" (Евр. 7:4). "**Получающие священство из сынов Левиных имеют заповедь - брать по закону десятину с народа, то есть со своих братьев, хотя и сии произошли от чресл Аврамовых**" (Евр. 7:5). Это значит: левиты, иудейские священники, имели право по закону получать десятину от других иудеев. Хотя все произошли от Авраама, как левиты, так и остальной народ, но, не смотря на то, левиты получают десятину от братьев своих. А Мелхиседек, "**не происходящий от рода их**" (ибо произошел не от Авраама, и не от колена левитского, но от другого рода), " **получил десятину от Авраама**", т. е. взял от него десятину. Но кроме этого он сделал еще и нечто другое. Что же такое? "**и благословил имевшего обетования**" (Евр. 7:6). Что же, скажешь, это значит? То, что Авраам гораздо меньше Мелхиседека. Как это? "**Без всякого же прекословия меньший благословляется большим**" (Евр. 7:7). Значит, если бы Авраам, прародитель левитов, не был меньше Мелхиседека, то этот не благословил бы того, и тот не дал бы ему десятину. Потом, желая показать, что с Мелхиседеком так и было, Павел прибавил: "**и, так сказать, сам Левий, принимающий десятины, в [лице] Авраама дал десятину**" (Евр. 7:9). Что же это значит? То, что сам Левий, еще не родившись, дал уже десятину Мелхиседеку в лице отца своего. "**Ибо он был еще**", говорит, "**в чреслах отца, когда Мелхиседек встретил его**" (Евр. 7:10). Поэтому-то Павел и сказал наперед: "**и, так сказать**". И чтобы показать, для чего он говорил об этом, делает вон какой вывод: "**если бы совершенство достигалось посредством левитского священства, - ибо с ним сопряжен закон народа, - то какая бы еще нужда была восставать иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться**" (Евр. 7:11)? Что же это значит? Если иудейские обряды были совершенны и закон не был тенью будущих благ, но сам всему давал совершенство и не должен был уступить (своего места) другому; если прежнее священство не должно прекратиться и на его место быть введено новое; то почему пророк сказал: "**Ты священник вовек по чину Мелхиседека**" (Пс. 109:4)? Надлежало бы сказать: "**по чину Аронову**". Вот почему Павел говорит: "**если бы совершенство достигалось посредством левитского священства*:* какая бы еще нужда была восставать иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться**"? Из этого видно, что то священство кончилось и на его место введено новое, гораздо лучшее и возвышеннее. Если же это справедливо, то справедливо и то, что введется и другое устройство жизни, сообразное с (новым) священством, и законодательство лучшее, именно наше. Это-то

доказывая, Павел и говорит: "**с переменою священства необходимо быть перемене и закона, все - от Единого**" (Евр. 7:12; Евр. 2:11). Так как большая часть постановлений закона касалась обязанностей священства, а прежнее священство было отменено; то, очевидно, что, с введением другого священства, надлежало ввести и лучшее законодательство. Далее, объясняя, о ком это говорится, апостол продолжает: "**Тот, о Котором говорится сие, принадлежал к иному колену, из которого никто не приступал к жертвеннику. Ибо известно, что Господь наш воссиял из колена Иудина, о котором Моисей ничего не сказал относительно священства**" (Евр. 7:13-14). Таким образом, когда показано, что Христос происходит от этого колена, т. е. Иудина, и есть священник по чину Мелхиседека, а Мелхиседек гораздо выше Авраама, вместе с этим уже вполне доказано и то, что и другое священство, вводимое вновь, гораздо выше первого. Ибо, если образ (Мелхиседек) был так велик и гораздо славнее иудейского священства, тем более самая истина. Это-то доказывая, Павел и сказал: "**по подобию Мелхиседека восстает Священник иной, Который таков не по закону заповеди плотской, но по силе жизни не перестающей**" (Евр. 7:15-16). Что это значит: "**не по закону заповеди плотской, но по силе жизни не перестающей**"? То, что ни одна из (Христовых) заповедей не была плотской: Он повелел не овец и тельцов закалать, но служить Богу душевной добродетелью, и в награду за это предложил нам жизнь, никогда не перестающую. И опять, Он Своим пришествием воскресил нас, умерших от грехов, и оживотворил, разрушив двоякую смерть, смерть греха и смерть плоти. Так, поелику Он принес нам столь великие блага, поэтому Павел говорит: "**не по закону заповеди плотской, но по силе жизни не перестающей**".

6. Итак, этим доказано уже и то, что с переменой священства необходимо надлежало быть перемене и закона. Впрочем, можно бы это же самое доказать и прямо, и привести еще в свидетели пророков, которые говорят, что закон переменится, общественное устройство получит лучший вид, и что у иудеев никогда уже не будет царя. Но так как надобно говорить столько, сколько может принять слушатель, а не все за один раз и вдруг; то, отложив это до другого времени, здесь теперь окончим слово, с советом вашей любви помнить, что (теперь) сказано, и присоединить это к прежде сказанному. И теперь опять попросим о том же, о чем и прежде просили мы вас: обратите ваших братьев к спасению, и усердно позаботьтесь о пренебреженных членах. Мы не для того подъемлем такой труд, чтобы только говорить, или слышать рукоплескания и шум, но для того, чтобы уклонившихся возвратить на путь истины. И никто не говори мне: "у меня нет ничего общего с ним; дай Бог мне исправить свои собственные дела". Никто не может исправить своих дел, не любя ближнего и не заботясь о его спасении. Поэтому и Павел говорит: "**никто не ищи своего, но каждый [пользы] другого**" (1 Кор. 10:24), зная, что собственная польза каждого соединена с пользой ближнего. Ты здоров, но брат твой болен. Итак, если у тебя доброе сердце, ты сильно поболезнуешь о страждущем и станешь подражать в этом блаженному (Павлу), который говорил: "**кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся**" (2 Кор. 11:29)? Если мы радуемся, когда подадим кому-нибудь две мелкие монеты и издержим на бедных несколько серебра; то, какое получим удовольствие, если успеем спасти души ближних? Какой удостоимся награды в будущем веке? Ибо и здесь мы, сколько раз ни будем встречаться с ними, всегда будем чувствовать от этой встречи великое удовольствие, припоминая об оказанном им добре; и там - на страшном судилище, увидев их, получим великое дерзновение. Как люди несправедливые и любостяжательные, похищающие чужое и делающие своим ближним множество зла, когда отойдут туда (в вечную жизнь) и увидят обиженных ими (а увидят их непременно, как показывает история о богатом и Лазаре), то не в состоянии будут ни уста открыть, ни сказать что-нибудь в свое оправдание, но покрытые стыдом и бесчестьем, от лица тех (обиженных) отведены будут в реки огня; так, напротив, те, которые в здешней жизни учат и наставляют (ближних),

когда увидят там, что спасенные ими ходатайствуют за них, исполнятся великого дерзновения. Объясняя это, Павел сказал: "**мы будем вашей похвалой, равно и вы нашей**" (2 Кор. 1:14). Когда? Скажи. "**В день Господа нашего Иисуса Христа**". И Христос убеждает к этому, говоря: "**приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители**" (Лук. 16:9). Видишь, какое великое дерзновение будет нам от облагодетельствованных нами теперь? Если же такие венцы, такая награда, такое воздаяние только за издержку денег; то не большие ли и не важнейшие ли блага будут (даны) нам за помощь, оказанную душе? Если Тавифа возвращена от смерти к жизни за то, что одевала вдовиц и помогала бедным; если слезы облагодетельствованных ею снова ввели в тело ее отошедшую душу, когда еще не настало воскресение; то чего не сделают слезы тех, которые спасены тобой? Как эту, вдовицы, окружив, возвратили от смерти к жизни, так и тебя тогда окружат спасенные тобой, исходатайствуют тебе великое человеколюбие (Судии), и исхитят тебя из геенского огня. Зная это, будем пламенны и усердны не до настоящего только часа но, вышедши отсюда, воспламените огонь, который теперь в вас, и устройте спасение всего города; а если не знаете, кто болен, постарайтесь отыскать таковых. Тогда и мы будем беседовать с вами охотнее, узнав по самому опыту, что посеяли не на камень; и вы сами будете усерднее к добродетели. Как в денежных делах, получивший прибыли две златницы воспламеняется большим желанием собрать и скопить еще десять и двадцать; так бывает и с добродетелью: кто сделает одно доброе дело и подвиг, тот от этого самого подвига получает побуждение и поощрение к предприятию других (подвигов). Итак, чтобы нам и братьев спасти, и себе предуготовить прощение в грехах, а особенно великое дерзновение (к Богу), и, прежде всего другого, содействовать прославлению имени Божьего, выйдем, вместе с женами, детьми и домочадцами, на эту ловлю, исхитим из сетей дьявола плененных им в его волю, и не отстанем, пока не сделаем все возможное для нас, будут ли они слушаться нас, или нет. Впрочем, невозможно, чтобы они, христиане, не послушались. А чтобы не было у вас и этой отговорки, скажу вот что: когда ты, истощив много слов и исполнив все зависящее от тебя, увидишь, что ближний упорствует, отведи его к священникам; они, конечно, при помощи Божьей благодати, поймают добычу; а успех весь будет принадлежать тебе, как приведшему его. Об этом говорите мужья с женами, жены с мужьями, отцы с детьми, и друзья с друзьями. Пусть иудеи и те, которые кажутся единомышленными нам, но (на самом деле) держатся их образа мыслей, пусть узнают, что мы стараемся, заботимся и неусыпно печемся о наших братьях, которые убегают к ним. И, наверно, прежде нас, они прогонят от себя тех, которые от нас убегают к ним. А скорее - никто уже и не осмелится от нас перебегать к ним, напротив, тело церкви будет чисто. Бог же, "**хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины**" (1 Тим. 2:4), и вас да укрепит на эту ловитву, и их да изведет из этого заблуждения и, спасши всех вообще, да сделает достойными царства небесного, - во славу Свою, ибо Ему подобает слава и держава во веки веков. Аминь.

ПРОТИВ ИУДЕЕВ.

СЛОВО ВОСЬМОЕ

ПРОШЕЛ пост иудейский, а вернее сказать - пьянство иудейское. Можно ведь и без вина упиваться, можно и в трезвом состоянии быть пьяным и неистовствовать от упоения. Если бы нельзя было упиваться без вина, то пророк не сказал бы: "**они пьяны, но не от вина**" (Иса. 29:9). Если бы нельзя было упиваться без вина, Павел не сказал бы: "**не упивайтесь вином**" (Еф. 5:18). Так как можно упиваться и иным чем-то, поэтому он и сказал: не упивайтесь "**вином**". Можно, действительно можно упиваться и гневом, и нечистой похотью, и сребролюбием, и тщеславием, и бесчисленным множеством других страстей. Ибо упоение есть не иное что, как потеря здравых понятий, умоисступление, расстройство

душевного здоровья. Итак, не только о том, кто выпил много вина, но и о том, кто питает в душе другую страсть, можно сказать, что он сильно опьянел. Опьянен, например, тот, кто любит чужую жену и живет с блудницами. Как выпивший много вина и обессиленный им произносит неприличные слова и видит одно вместо другого; так и объятый нечистой похотью, как бы вином каким, не произносит ни одного здравого слова, а (говорит) только срамные, развратные, низкие и смеха достойные (слова), и видит одно вместо другого; слеп ко всему, что перед глазами, а везде только и видит ту, к которой питает страсть, и, подобно помешанному и безумному, в собраниях и на пиршествах, во всякое время и на всяком месте, о чем кто бы ни говорил ему, не слышит, кажется, ничего, но о ней только и думает, о грехе только и мечтает; все подозревает, всего боится, и ничем не лучше какого-нибудь животного, пораженного стрелой. Опьянен так же и одержимый гневом, у него и лицо раздувается, и голос делается хриплым, и глаза наполняются кровью, и ум помрачается, и смысл теряется, и язык трясется, и взор блуждает, и уши слышат одно вместо другого, потому что гнев сильнее всякого вина ударяет в мозг и производит в нем бурю и неукротимое волнение. Если же опьянен всякий одержимый похотью и гневом, тем более опьянен и безумен человек нечестивый, оскорбляющий Бога, противящийся Его законам и никак не хотящий оставить это неразумное упорство; он хуже и неистовых, и умоисступленных, хотя сам, кажется, и не чувствует этого. Опьянению особенно и свойственно то, что человек, поступая бесчинно, нисколько не чувствует этого, так как и несчастье сумасшествия заключается особенно в том, что больные не сознают даже и того, что они больны. Так и иудеи, пьянствуя теперь, не чувствуют этого. Итак, их пост, позорнее всякого пьянства, прошел; но мы, однако же, не прекратим попечения о наших братьях, и не будем думать, будто не время уже заботиться о них, но поступим, как поступают воины. По окончании сражения обратив врагов в бегство, они, возвращаясь от преследования, не тотчас бегут в палатки, но наперед идут на место сражения, отбирают падших своих товарищей, и - умерших зарывают в землю, а если кого найдут между трупами еще дышащим и неубитым до смерти, того, подняв, уносят в палатки со всей бережливостью, извлекают из него стрелы, и, позвав врачей и отерев кровь, дают ему лекарства, и, употребив все другие пособия, возвращают ему здоровье. Так и мы, как уже прогнали, по милости Божьей, иудеев, вооружив против них пророков, теперь, возвращаясь, посмотрим во все стороны, не пал ли кто из наших братьев, не увлекся ли кто этим постом, не участвовал ли кто в празднике иудейском; погребению-то не предадим никого, а всех поднимем и вылечим. На внешних сражениях воин, который раз пал и отдал душу, не может уже восстать и возвратиться к жизни; а на этой войне и брани, хотя кто и получит смертельную рану, мы можем, если захотим, при содействии благодати Божьей, возвратить его к жизни. Здесь смерть не по природе, как там, но по свободе и произволению; а умершую волю можно воскресить, мертвую душу можно заставить возвратиться к своей жизни и познать своего Господа.

2. Не поленимся же, братья, не ослабеем, не потеряем бодрости. Никто не говори мне таких слов, что надобно-де было предостеречь и сделать все еще до поста (иудейского), а теперь, как пост уже окончился, как грех сделан, как беззаконие совершено, какая будет польза (от вразумления)? Кто знает, что такое попечение о братьях, тот знает и то, что теперь-то особенно и должно позаботиться и показать все усердие. Должно не только предостерегать прежде греха, но после падения подать руку. Если бы и Бог из начала поступал так, если бы, т. е. предостерегал только прежде греха, а после греха, отвергал (человека) и оставлял навсегда лежать в падении, в таком случае никто из нас не спасся бы никогда. Но Он, человеколюбивый и милостивый, и более всего желающий нашего спасения, не делает этого, но и после грехов (наших) показывает (о нас) великое попечение. Так Он и Адама предостерег еще до греха, и сказал ему: "**от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь**" (Быт. 2:16-17). Вот (Бог) предостерегал

и легкостью закона, и обилием дозволенных (плодов) и строгостью угрожаемого наказания, и скоростью его последования (ибо не сказал: спустя один, или два, или три дня, но: в тот самый день, "**в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь**"), и всяким способом, каким только надлежало предостеречь человека. Однако же, когда человек, и после такого попечения, научения, вразумления и облагодетельствования, пал и не послушал повеления, Бог не сказал: "чего еще ожидать больше добра? Какой пользы? (Человек) вкусил, пал, преступил закон, поверил дьяволу, не почтил Моей заповеди, получил удар, сделался мертвым, предался смерти, подпал осуждению; к чему еще говорить с ним?" Ничего такого не сказал Он; напротив, тотчас пришел к нему, беседовал с ним, утешал его, и дал ему еще врачевство - труд и пот, и дотоле не переставал употреблять все меры и средства, пока восстановил падшую природу, освободил от смерти, возвел на небо, и дал ей блага большие потерянных, самым делом показав дьяволу, что он ничего не выиграл своим наветом; напротив, изгнав людей из рая, увидит их, спустя немного, на небе вместе с ангелами. Так же (Бог) поступил и с Каином. И его остерегал и вразумлял еще до греха, говоря: "**если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним**" (Быт. 4:7). Смотри, сколько премудрости и разума! Ты боишься, говорит Бог, чтобы брат твой, Мной почтенный, не отнял у тебя преимущества, принадлежащего первородным, чтобы не похитил принадлежащего тебе первенства (ибо первородным надлежало пользоваться большей честью, нежели родившимся после них). Будь благонадежен, не бойся, и не беспокойся об этом: "**он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним**". То есть, оставайся при чести первородного, будь брату прибежищем, покровом и защитой, и обладай и господствуй над ним; только не вдайся в убийство, не дойди до законного поражения (брата). Однако же, Каин и после этого не послушал и не успокоился, но совершил гнусное то убийство, и погрузил правую руку свою в братнюю выю. Что же? Сказал ли Бог: "оставим его, наконец, какого еще ожидать добра? Он совершил убийство, умертвил брата, пренебрег Моим вразумлением, дерзнул на неисправимое и непростительное смертоубийство, после того, как столько пользовался таким попечением, наставлением и увещанием; все это выбросил из ума, ни на что не обратил внимания. Так пусть же будет он, наконец, оставлен и брошен, и не удостоится никакого с Моей стороны попечения". Ничего такого Бог не сказал, не сделал; напротив, еще приходит к нему в другой раз, исправляет этого человека, и говорит: "**где Авель, брат твой**"? (Быт. 4:9). Не оставляет его и тогда, когда он отрекается; напротив доводит его, и против воли, до сознания в преступлении; и когда (Каин) ответил: "**не знаю**", - "**голос**", сказал (Бог), "**крови брата твоего вопиет ко Мне**" (Быт. 4:10); самое дело, говорит, возвещает о смертоубийстве. Что же Каин? "**Наказание мое больше, нежели снести можно; вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь**" (Быт. 4:13-14). Это значит: я согрешил так тяжко, что не заслуживаю извинения, ни прощения, ни оставления вины; но если бы Ты захотел отмстить мне за содеянное, то я, лишенный Твоей защиты, да буду подлежать всем (желающим убить меня). Что же Бог? "**За то всякому, кто убьет Каина, отомстится всемеро**" (Быт. 4:15). Не бойся этого, говорит; ты будешь долго жить, и кто убьет тебя, тот подвергнется многим наказаниям (число семь в Писании означает неопределенное множество). Так как Каин обречен был многим наказаниям, - беспокойству, трясению, стенаниям, унынию и расслаблению тела; то умертвивший тебя (Каина), говорит Бог, и освободивший от этих наказаний, сам навлечет на себя казнь. Слова эти кажутся тяжкими и невыносимыми, однако же, показывают великое попечение. Желая вразумить потомков, Бог изобрел такой способ наказания, который мог и самого Каина очистить от греха. Если бы Он тотчас умертвил Каина, этот умер бы, скрыв свой грех, и не был бы известен потомкам. Но теперь, оставленный жить долгое время в трясении том, он сделался учителем для всех, с кем ни встречался, самым видом своим и трясением тела убеждал всех не покушаться на подобные дела, чтобы не потерпеть таких же и наказаний. С другой стороны, и сам он делался лучшим: ибо трепет и страх, постоянное беспокойство и

расслабление тела удерживали его, как бы какой уздой, и не позволяли ему опять впасть в другое такое же преступление, непрестанно напоминали о прежнем грехе, и таким образом душу его делали более смиренной.

3. Но между тем, как я говорил это, мне пришло на мысль предложить вопрос: почему Каин, хотя исповедал свой грех, осудил свой поступок, и сказал о себе, что согрешил непростительно и совершенно не заслуживает извинения, однако же, не мог очиститься от греха (тогда как пророк говорит: "**скажи ты беззакония твои прежде, да оправдаешься**" (Ис. 43:26), напротив - еще осужден? Потому что не сказал, как повелел пророк. Пророк сказал не просто: "скажи ты беззакония твои", но как? "**скажи ты беззакония твои прежде**". Главное вот в чем: не просто сказать, но сказать первому, не выжидать обличителя и обвинителя. А Каин не сказал первый, но выждал обличения от Бога, да и тогда, как Бог обличал его, отрицался. Наконец, и сознался в грехе уже тогда, когда дело решительно обнаружилось, а это уже не исповедь. Так и ты, возлюбленный, когда согрешишь, не выжидай обличения от другого, но прежде, нежели будешь обличен и обвинен, сам осуждай свои поступки; потому что, если уже обличит тебя другой, твоя исповедь будет не твоим делом, но плодом стороннего обличения. Вот почему и другой некто говорит: "**праведный себя самого обвиняет в первых словах**" (Притч. 18:17). Значит, главное дело не в том, чтобы обвинять себя, но в том, чтобы обвинять себя первому, а не выжидать обличения от других. Вот и Петр, так как после тяжкого своего отречения (от Христа) сам тотчас вспомнил о своем грехе и исповедал свою вину без всякого обличителя, - и "**плакал горько**" (Матф. 26:75); то омыл свое отречение так, что сделался даже первым между апостолами, и ему вверена была вся вселенная. Но надобно возвратиться к предмету. Сказанное достаточно показало нам, что падающих братьев не должно оставлять без попечения и в небрежении; что надобно и предостерегать их от греха, и много заботиться о них после греха. Так делают и врачи: и здоровым людям говорят, что может сохранить их здоровье и отогнать всякую болезнь, и не бросают пренебрегших их приказаниями и впадших в болезнь, но тогда-то особенно и показывают великую заботливость о том, чтобы освободить их от болезни. Так поступил и Павел: не бросил блудника после того тяжкого беззакония, которого не обретается и между язычниками, но и тогда, как он отвергал узду, не хотел принять врачевства, скакал и отбивался, довел его до излечения, и довел так, что опять соединил с телом Церкви. И не сказал сам себе: какого ожидать успеха, какого добра? Он соблудил, сделал грех, и не хочет отстать от разврата, но еще надмился, гордится и делает рану неизлечимой; так оставим его и бросим. Ничего такого не сказал; напротив, по этому-то самому и показал особенную заботливость, что видел его повергшимся в ужасный разврат, и не переставал устрашать, грозить и наказывать, употреблять все меры и средства, и сам и через многих других, пока не привел его к сознанию греха, к ощущению беззакония, и не очистил совершенно от всякой скверны. Так сделай и ты; поревнуй тому евангельскому самарянину, который показал столько заботливости о раненом. Там шел мимо и левит, шел и фарисей; и ни тот, ни другой не наклонился к лежащему, но оба без жалости и сострадания оставили его и ушли. Некий же самарянин, нисколько не близкий к нему, не прошел мимо, но, остановившись над ним, сжалился, и возлил на него масло и вино; посадил его на осла, привез в гостиницу, и одну часть денег отдал, а другую обещал за излечение совершенно чужого ему человека (Лук. 10:30-35). И не сказал сам себе: какая мне нужда заботиться о нем? Я самарянин, у меня нет ничего общего с ним; мы вдали от города, а он не может идти. Что, если он не в состоянии будет вынести дальности пути? Мне придется привести его мертвым, могут заподозрить меня в убийстве, обвинять в смерти его? Ведь многие, когда, идя по дороге, увидят раненых и едва дышащих людей, проходят мимо не потому, чтобы им тяжело было поднять (лежащих), или жалко было денег, но по страху, чтобы самих их не повлекли в суд, как виновных в убийстве. Но тот добрый и человеколюбивый (самарянин) ничего этого не побоялся, но, пренебрегши всем,

посадил (раненого) на осла и привез в гостиницу; не страшился он ничего: ни опасности, ни траты денег, ни другого чего. Если же самарянин был так сострадателен и добр к незнакомому человеку, то мы чем извиним свое небрежение о наших братьях, подвергшихся гораздо большему бедствию? Ведь и эти (христиане), постившиеся ныне, впали в руки разбойников - иудеев, которые даже свирепее всех разбойников, и делают больше зла тем, кто им попался. Не одежду они разодрали у них, не тело изранили, как те (разбойники), но изъязвили душу, и, нанесши ей тысячу ран, ушли, а их оставили лежать во рве нечестия.

4. Не оставим же без внимания такое бедствие, не пройдем без жалости мимо столь жалкого зрелища, но, хотя бы другие так сделали, ты не делай так; не скажи сам себе: я человек мирской, имею жену и детей, это дело священников, дело монахов. Ведь самарянин тот не сказал: где теперь священники? Где теперь фарисеи? Где учители иудейские? - Нет, он, как будто нашедши самую великую ловитву, так и схватился за добычу. И ты, когда увидишь, что кто-либо нуждается в лечении для тела или для души, не говори себе: почему не помог ему такой-то и такой-то? Нет, избавь (страждущего) от болезни, и не обвиняй других в беспечности. Если бы ты, скажи мне, нашел лежащее золото, то неужели сказал бы себе: почему такой-то и такой-то не подняли его? Напротив, не поспешишь ли унести его прежде других? Так рассуждай и на счет падших братьев, и попечение о них почитай находкой сокровища. Ибо, если ты на падшего возлиешь, как бы масло, слово учительное, если обвяжешь его кротостью, если исцелишь терпением; он обогатит тебя более всякого сокровища. "**Если извлечешь**", говорит Господь, "**драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста**" (Иерем. 15:19). Что может сравниться с этим? Чего не может сделать ни пост, ни лежание на земле, ни всенощные бдения, ни другое что-либо, то делает спасение брата. Подумай, сколько раз согрешали уста твои, сколько произнесли срамных слов, сколько извергли богохульств, сколько ругательств; и все это ты можешь возместить попечением о падшем, потому что одним этим добрым делом можешь очистить всю эту скверну. И что говорю очистить? Ты сделаешь свои уста устами Божьими. Что может сравниться с этой честью? Не я обещаю это; сам Бог сказал, что если хоть одного кого изведешь, уста твои будут, как Его уста, чисты, святы. Итак, не вознерадим о братьях, и не будем, хотя везде, говорить о том, сколь многие постились, сколь многие обольщены; но лучше позаботимся о них. Хотя бы многие и постились, ты, возлюбленный, не разглашай и не выставляй на показ это несчастье церкви, но постарайся исправить его. И, если кто скажет, что постились многие, загради ему уста, чтобы этот слух не распространился; и скажи ему: я же никого не знаю; ты, друг, обманулся и говоришь неправду; увидел ты двух или трех обольстившихся, и говоришь, что их много. Так и разглашателю загради уста, да и обольщенных не оставь без внимания, чтобы церкви была великая польза и от того, что не распространяется этот слух, и от того, что и сами увлеченные (в синагоги) опять приходят к священному стаду. Не будем же, ходя повсюду, разглашать, кто согрешил; но постараемся о том, как бы только нам исправить согрешивших. Дурная, истинно дурная привычка - только поносить братьев, но не заботиться о них; только разглашать о страданиях больных, но не врачевать их. Искореним же, возлюбленные, эту дурную привычку; потому что она причиняет не малый вред, и вот именно как. Кто-нибудь услышал от тебя, что многие постились с иудеями и, ничего не разведав, передал эту весть другому; тот, опять не разведав ничего, пересказал об этом другому: таким образом, эта худая молва мало-помалу распространяется, и с тем вместе более и более бесславится церковь, а погибшим не бывает никакой пользы, напротив - еще (бывает) вред и им, и многим другим. Хотя бы их было и немного, но мы, множеством рассказов, умножаем их, и тех, которые еще стоят, ослабляем, а близких к падению толкаем. Брат, услышав, что многие постились, и сам будет беспечнее; равно и слабый, услышав о том же, побежит ко множеству падших. Итак, хотя бы было и много согрешивших, не станем злорадствовать этому несчастию так,

чтобы разглашать о них и говорить, что их много; но будем удерживать от этого (и других) и заграждать им уста. Не говори мне, что многие постились, но исправь этих многих. Я не для того потратил столько слов, чтобы ты поносил многих, но чтобы многих-то сделал немногими или даже и этих самых немногих спас. Итак, не разглашай о грехах, но врачуй их. Разглашающие, и только этим одним занятые, делают то, что, хоть согрешивших и немного, однако же считается много: напротив, возбраняющие и заграждающие уста разглашателям, и притом пекущиеся о падших, хотя бы этих было и много, легко исправляют и их самих, и никому другому не дают потерпеть вред от молвы об их падении. Не слышал ли ты, что говорил Давид, оплакивая Саула? "**как пали сильные! Не рассказывайте в Гефе, не возвещайте на улицах Аскалона, чтобы не радовались дочери Филистимлян, чтобы не торжествовали дочери необрезанных**" (2 Цар. 1:19-20). Если же Давид не хотел, чтобы разглашалось дело явное, дабы не радовались неприятели; тем более не должно доводить об этом (грехе христиан) до слуха не только чужих, но даже и наших, чтобы и враги, слыша о том, не радовались, и свои, узнавая, не падали; напротив, должно возбранять и всячески удерживать (от разглашения). Не говори мне: я сказал лишь такому-то; удержи слово у себя, потому что как ты не вытерпел смолчать, так и он не сдержит себя.

5. Говорю это не только о настоящем посте, но и о других бесчисленных грехах. Не на то только будем смотреть, многие ли увлеклись (к греху), но на то посмотрим, как бы отвести их (от греха). Не станем возвышать дела врагов и унижать наши; не будем выказывать врагов сильными, а свои дела слабыми: но поступим совершенно наоборот. Молва часто и подавляет и возбуждает душу; внушает ревность, которой дотоле не было, и погашает ту, которая была. Поэтому убеждаю распространять ту молву, которая возвышает наши дела и придает им важность, а не ту, которая покрывает бесславием общество братьев. Таким образом, если услышим что доброе, сообщим о нем всем; а если что худое и дурное, скроем это у себя и всячески постараемся искоренить. И теперь вот обойдем везде, разведаем, посмотрим, кто пал; и, хотя бы надобно было войти в дом, не поленимся. Если же падший будет тебе незнакомый и совсем чужой человек, разведай и разузнай, кто ему друг и приятель, кому он больше всего доверяет, и, взяв этого человека, войди в дом; не стыдись, не красней. Если бы ты пришел просить денег и получить от него какой-нибудь подарок, тогда следовало бы стыдиться; но если ты идешь для его спасения, эта причина твоего прихода освобождает тебя от всех нареканий. Сядь же и поговори с ним, начав, впрочем, с другого чего-либо, чтобы не (вдруг) было приметно твое желание исправить его. Хвалишь ты, скажи мне, иудеев за то, что они распяли Христа, и теперь хулят Его, и называют беззаконником? Конечно, он не решится, если только он христианин, хотя бы и тысячу раз иудействовал, не решится сказать: хвалю; напротив, зажмет уши и скажет тебе: нет, друг, говори о чем-нибудь другом. Потом, как получишь его согласие, опять начни и скажи: как же ты сообщаешься с ними? Зачем участвуешь в их празднике? Зачем постишься вместе с ними? Затем, осуди их нечестие, укажи все беззаконие, которое я изложил вашей любви в предшествовавшие дни, и которое обличается и местом, и временем, и храмом, и предсказаниями пророков; покажи, что они напрасно и попусту все делают, никогда не получат прежнего (общественного) устройства, и что им не позволено совершать вне Иерусалима ничего такого. А сверх этого, напомни о геенне, о страшном судилище Господнем, о тамошних истязаниях, и о том, что за все это мы дадим ответ, и отваживающихся на это ожидает немалое наказание. Напомни и о Павле, который говорит: "**оправдывающие себя законом, отпали от благодати**" (Гал. 5:4), и опять угрожает: "**если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа**" (Гал. 5:2). Скажи еще, что, как обрезание, так и пост иудейский постящегося лишает небес, хотя бы у него была тысяча других добрых дел. Скажи, что мы для того и называемся христианами, чтобы нам повиноваться Христу, а не для того, чтобы бегать к этим врагам. Если же он укажет на какие-нибудь врачевания, и скажет тебе, что

(иудеи) обещают вылечивать, и поэтому-то он и бегает к ним: раскрой их хитрости, чары, привески, снадобья. Они не иначе и вылечивают, как этим способом; впрочем, только кажется, что вылечивают, а на самом деле и не вылечивают, - совсем нет. Я пойду еще далее, и скажу вот что: если иудеи и точно вылечивают, то лучше умереть, нежели прибегнуть к врагам Божьим, и через них получить исцеление. Какая, в самом деле, польза вылечивать тело, когда гибнет душа? Какая выгода здесь (на земле) получить некоторое облегчение, а там быть отосланным в огонь не угасающий? А чтобы не указывали на эти исцеления, послушай, что говорит Бог: "**если восстанет среди тебя пророк, или сновидец, и представит тебе знамение или чудо, и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет притом: "пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им", - то не слушай слов пророка сего, или сновидца сего; ибо [чрез] [сие] искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, от всего сердца вашего и от всей души вашей**" (Второз. 13:1-3). Это значит: если какой пророк скажет: могу воскресить мертвеца, или исцелить слепого, только послушайте меня, и поклонимся демонам, или послужим идолам; затем, если бы даже говорящий это исцелил слепого, или воскресил мертвого, не слушай его и после этого. Почему? Потому что Бог, искушая тебя, попустил ему сделать это, не от того, чтобы сам Он не знал расположения души твоей, но для того, чтобы дать тебе случай доказать, точно ли ты любишь Бога. А любящему свойственно не оставлять любимого, хотя бы старающиеся отвлечь нас от него воскрешали и мертвых. Если же Бог так говорил иудеям, тем более - нам, которых Он привел к высшему любомудрию, которым отворил дверь воскресения, которым повелевает не привязываться к настоящему, но все надежды устремлять к жизни будущей.

6. Но что говоришь ты? Что тебя мучит и терзает болезнь телесная? Но ты еще не потерпел столько, сколько блаженный Иов, (не потерпел) даже и малейшей части (страданий) его. У него после того, как вдруг погибли стада овец и волов и все прочее (имущество), похищены были и все дети; и все это случилось в один день, чтобы не только свойством искушений, но и непрерывным следованием их подавить подвижника. А после всех этих потерь, он, получив неисцелимые язвы на теле, видел, как из тела его выползали черви, нагой сидел на куче навозной, и представлял для всех зрелище бедственности - он, "**был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла**" (Иов. 1:1). Но бедствия не остановились и на этом, нет; присовокупились болезни дневные и ночные, и мучил его какой-то странный и необыкновенный голод. "**До чего не хотела коснуться душа моя, то составляет отвратительную пищу мою**" (Иов. 6:7). Далее ежедневные поношения, ругательства, брань, смех. Слуги мои, говорил он, и "**дети чрева моего**" восстали на меня (19:16-18); потом ужасы в сонных видениях, какое-то непрерывное волнение в мыслях (Иов. 7:14). И от всех этих бедствий жена обещала ему избавление, говоря так: "**похули Бога и умри**" (Иов. 2:9), произнеси, то есть, хулу на Бога, и освободишься от тяготеющих над тобой бедствий. Что же? Этот совет поколебал ли святого мужа? Напротив, только более укрепил его, так что он еще укорил жену свою. Он хотел лучше скорбеть, бедствовать и терпеть бесчисленные несчастья, нежели богохульством приобрести избавление от столь многих бедствий. Так и находившийся в болезни тридцать восемь лет (расслабленный) ежегодно приходил к купели, и всякий раз уходил, не получив исцеления; видел ежегодно, что другие, имея много прислужников, исцелялись, а он постоянно оставался в расслаблении, за неимением, кто бы помог ему. И не смотря на это, он не прибег к волшебникам, не пошел к чародеям, не навязал на себя перевязок, но ожидал помощи от Бога; поэтому и получил, наконец, чудесное и необычайное исцеление (Иоан. 5:5-9). А Лазарь постоянно томился голодом, болезнью и одиночеством, не тридцать восемь только лет, но целую жизнь: так он умер, лежа у ворот богатого, терпя презрение и насмешки, терзаемый голодом, брошенный как бы на съедение псам, потому что тело его так

расслабело, что он не мог отгонять и собак, которые прибегали и лизали гной на нем. И, однако, он не искал волхвователя, не обвешивал себя привесками, не прибегал к волшебству, не приглашал к себе чародеев и не делал вообще чего-либо запрещенного, но решился лучше умереть в этих бедствиях, нежели хоть сколько-нибудь изменить благочестию (Лук. 16:20-21). Чем же извинимся мы, если в то время как эти люди терпеливо перенесли столько несчастий, мы либо из-за лихорадки, либо из-за ран, бежим в синагоги и приглашаем в свои дома чародеев и волшебников? Не слышал ли ты, что говорит Писание? "**Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения; прилепись к Нему и не отступай, дабы возвеличиться тебе напоследок. Все, что ни приключится тебе, принимай охотно, и в превратностях твоего уничижения будь долготерпелив, ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу,— в горниле уничижения**" (Сирах. 2:1-5). Если ты побьешь своего слугу, а он, получив тридцать или пятьдесят ударов, тотчас с воплем потребует освобождения, или оставит тебя, своего господина, и уйдет к другому кому-либо из числа твоих недругов, и этим раздражит (тебя): может ли он, скажи мне, получить прощение? Может ли кто заступиться за него? Никак. Почему же? Потому что господин имеет право наказывать слугу; да и не поэтому только, но и потому, что, если уже надобно было (слуге) прибегнуть (к кому-нибудь), так не к врагам, не к ненавистникам, но к искренним друзьям (господина). И ты, как увидишь, что Бог наказывает тебя, прибегай не к врагам Его - иудеям, чтобы не раздражить Его еще более, но к друзьям Его - мученикам, святым угодникам Его, которые имеют к Нему великое дерзновение. Но что говорить о слугах и господах? Сын не может сделать этого из-за побоев от отца, и отказаться от родства с ним. И естественные, и самими людьми установленные законы повелевают (сыну) благодушно переносить все: бьет ли его (отец), лишает ли стола, выгоняет ли из дому, наказывает ли каким бы то ни было образом; и если (сын) не покоряется и не сносит (наказания), его не прощает никто. Нет, сколько бы побитый сын ни жаловался, все говорят ему такие слова: "тебя побил отец и господин, который властен сделать все, что ему угодно; и должно (тебе) все переносить с кротостью". Так слуги переносят от господ и сыновья от отцов часто даже и тогда, как они наказывают их несправедливо; а ты не потерпишь наказания от Бога, Который и выше (всех) господ, и любит тебя больше (всех) отцов, Который все предпринимает и делает не по гневу, но для (твоей) пользы? Напротив, лишь случится какая-нибудь легкая болезнь, тотчас уклоняешься от Его владычества, бежишь к демонам, и спешишь в синагоги?! Можешь ли получить, наконец, прощение? Как будешь в состоянии опять призвать Его? Может ли кто и другой, хотя бы имел дерзновение Моисеево, попросить за тебя? Никто. Разве не слышишь, что Бог говорит Иеремии об иудеях? "**Ты же не проси за этот народ и не возноси за них молитвы и прошения, и не ходатайствуй предо Мною, ибо Я не услышу**" их (Иер. 7:16; 15:1). Так есть грехи, которые выше всякого прощения и не могут быть оставлены. Не будем же навлекать на себя столь великого гнева (Божия). Притом иудеи, хотя бы, по-видимому, и прекращали горячку (в теле) своими чарами, - на самом-то деле они не прекращают, - за то вводят в совесть другую жесточайшую горячку, так как мысль каждый день будет уязвлять тебя, совесть - мучить и говорить: "ты поступил нечестиво, совершил беззаконие, нарушил завет со Христом, из-за легкого недуга изменил благочестию. Разве ты один подвергся этому? Не гораздо ли более тебя потерпели другие? Однако же, никто из них не отважился на подобное (твоему) дело: а ты, слабый и изнеженный, сгубил душу свою. Как ответишь Христу? Как призовешь Его в молитвах? С какой совестью, наконец, войдешь в церковь? Какими глазами будешь смотреть на священника? Какой рукой прикоснешься к священной трапезе? Какими ушами станешь слушать читаемое там Писание"?

7. Вот что будет ежедневно говорить тебе терзающая мысль и мучащая совесть. Какое же это здоровье, когда внутри у нас столько обвинителей? Но если потерпишь немного, если

отвергнешь и с великим бесчестием выведешь из своего дома тех, кто захотел бы или наговорить тебе какое-либо чарование, или обвязать тело какой-либо перевязкой: сейчас получишь росу (успокоения) от совести. Пусть горячка жжет, сколько угодно: твоя душа доставит тебе прохладу лучше и спасительнее всякой росы, всякой влаги. Как по принятии волшебного снадобья ты, если и выздоровеешь, будешь чувствовать себя хуже больных горячкой, от мысли о грехе; так и теперь, отвергши тех нечестивцев, хоть и будешь страдать горячкой и терпеть множество бедствий, почувствуешь себя лучше всякого здорового, от того, что мысль твоя будет светла, душа весела и радостна, совесть станет тебя хвалить, одобрять, и говорить: "хорошо, хорошо, друг мой, раб Христов, верный муж, подвижник благочестия, готовый лучше умереть бедственно, нежели изменить вверенному (тебе) благочестию; в тот день (суда) ты станешь с мучениками". Они порешили терпеть бичевания и пытки, чтобы получить честь (от Бога): и ты сегодня порешил терпеть удары и муки от горячки и ран, только бы не принять нечестивых чарований и перевязок; и, питаемый этими надеждами (на вечные награды), ты не будешь и чувствовать тяжких болезней. Если не унесет тебя эта горячка, то унесет, конечно, другая; если не умрем теперь, умрем после. Тленное получили мы тело, не для того, чтобы из-за его болезней увлекаться к нечестию, а для того, чтобы его болезнями утверждаться в благочестии. Самая тленность и смертность тела послужит нам, если только будем благоразумны, основанием славы и доставит в день (судный) великое дерзновение, и не только в тот день, но и в настоящей жизни. Ибо, когда ты выгонишь волшебников из дому с великим бесчестьем, все, услышав об этом, похвалят тебя, подивятся, и скажут друг другу: такой-то, в болезни и недуге, хотя некоторые просили его, убеждали и уговаривали воспользоваться какими-то волшебными снадобьями, не принял их, но сказал: лучше умереть так, чем изменить благочестию. Затем последуют многие рукоплескания от слушателей, которые все будут изумляться, прославлять Бога. А это скольких статуй будет для тебя почетнее, скольких картин славнее, какой чести знаменитее? Все (и тебя) похвалят, ублажат и увенчают; и сами будут лучше, поревнуют и станут подражать твоему мужеству. Если и другой сделает то же (что ты), награду получишь именно ты, как сделавший почин к этой ревности. Впрочем, последствием твоего доброго дела будут не одни только похвалы, но и самое скорое прекращение болезни, потому что и самая доблестная решимость твоя подвигнет Бога к большему благоволению, и все святые будут сорадоваться твоему усердию и из глубины сердца молиться о тебе. Если же здесь такие награды за это мужество, то подумай, сколько венцов получишь там, когда Христос, в присутствии всех ангелов и архангелов, придет и, взяв тебя за руку, выведет на середину того зрелища, и в слух всем скажет: "этот человек, объятый некогда огневицей, когда весьма многие убеждали его излечиться от болезни, ради Моего имени и страха, чтобы не оскорбить Меня как-нибудь, отверг и презрел обещавших вылечить его (волшебными) средствами, и порешил лучше умереть от болезни, нежели изменить любви ко Мне". В самом деле, если (Христос) выводит на среду (прославляет) тех, которые напоили Его, одели и напитали, тем более тех, которые ради Его порешили потерпеть мучения огневицы. Не все равно, дать ли хлеб и одежду, или вытерпеть продолжительную болезнь; нет, последнее гораздо труднее первого. А чем больше труд, тем блистательнее будет и венец. Об этом-то будем и сами размышлять, и здоровые и больные, и с другими говорить; и как увидим себя когда-либо в тяжкой горячке, скажем себе вот что: "а что, если бы кто взвел на нас обвинение, затем повлекли бы нас в суд, а там схватили бы и начали бить по бокам, не пришлось ли бы нам, и по неволе, вытерпеть все, и притом без всякой пользы и награды?" Так будем рассуждать и теперь; будем притом представлять себе и награду за терпение, которая может ободрить и впавшую (в уныние) душу. Но если горячка жестока? Так сопоставь с этой горячкой огонь геенский, которого ты наверно избегнешь, если порешишь терпеливо вынести эту болезнь. Вспомни об апостолах, сколько они страдали; вспомни о праведниках, как они постоянно были в скорбях. Вспомни о блаженном Тимофее, - он никогда не имел покоя от болезни, но жил в

постоянном недуге. На это-то указывая, Павел говорил: "**употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов**" (1 Тим. 5:23). Если же такой праведник и святой, которому вверено было управление вселенной, который воскрешал мертвых, изгонял демонов и исцелял других от бесчисленных болезней, если он страдал так тяжко; то какое извинение будешь иметь ты, который и в кратковременных болезнях смущаешься и ропщешь? Не слышал ли ты, как Писание говорит, что "**кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает**" (Евр. 12:6)? Как многие и сколько раз хотели получить мученический венец? Вот это (терпение в болезни) настоящий мученический венец! Мучеником бывает не тот только, кто, получив повеление (от мучителя) привести жертву (языческим богам), порешил лучше умереть, чем принести эту жертву; нет, мученичество, очевидно, есть и то, когда человек вообще соблюдает (ради Христа) что-либо такое, чем может навлечь на себя смерть.

8. А чтобы увериться тебе, что это точно так, вспомни, как умер Иоанн (Креститель), отчего и почему, - и как Авель. Ни тот, ни другой, из них не видел ни горящего жертвенника (идольского), ни стоящего идола, и не был принуждаем принести жертву демонам; но одному отсекли голову за то только, что обличил Ирода, а другой убит за то, что принес Богу лучшую жертву, нежели брат его. Ужели же они не получили мученических венцов? Кто осмелится сказать это? Самый род смерти их может удостоверить всех, что они стоят в лике первых мучеников. Если же ты хочешь видеть и Божье о том определение, послушай, что говорит Павел; а что вещает он, то, очевидно, есть (вещание) Духа: "**а думаю**", говорит он о себе, "**и я имею Духа Божия**" (1 Кор. 7:40). Что же говорит Павел? - Начав с Авеля, и сказав, что он "**верой Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин, ею он и по смерти говорит еще**" (Евр. 11:4), затем перешедши к пророкам, дошедши до Иоанна, и сказав: "**умирали от меча, терпя недостатки**" (Евр. 11:37), и упомянув о множестве различных смертей, Павел заключил так: "**имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинающий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще**" (Евр. 12:1). Видишь, что он мучениками назвал и Авеля, и Ноя, и Авраама, и Исаака, и Иакова. Ибо и они так же умерли ради Бога, как и Павел говорит о себе: "**я каждый день умираю**" (1 Кор. 15:31), хотя он не умирал на самом деле, но только готовностью (умереть) терпел смерть. Так и ты, если отвергнешь волхвования, чары и ворожбы, и умрешь от болезни, будешь совершенный мученик, потому что, когда обещали тебе выздоровление посредством нечестия, ты порешил лучше умереть с благочестием. Это сказано нами к тем, которые хвалятся и говорят, что демоны исцеляют. А чтобы тебе увериться, что и это неправда, послушай, что Христос говорит о дьяволе: "**он был человекоубийца от начала**" (Иоан. 8:44). Бог говорит: "**человекоубийца**", а ты бежишь, как к врачу? Какой же, скажи мне, дашь ответ на обвинение в том, что обманам этих людей веришь более, нежели изречению Христа? Если Бог говорит, что (дьявол) человекоубийца, а эти люди, вопреки Божьему решению, говорят, что он может врачевать болезни, и ты принимаешь их чары и волшебные лекарства, то таким поступком своим ты показываешь, что им веришь более, нежели Христу, хотя и не высказываешь этого словами. А если дьявол - человекоубийца, то, очевидно, таковы же и служители его - демоны. Это Христос показал тебе на самом деле: когда Он позволил им войти в свиное стадо, они все это стадо потопили в море (Лук. 8:33), дабы ты знал, что они то же сделали бы и с людьми, и тотчас погубили бы их, если бы Бог позволил им. Но вот Он удержал и обуздал их, и не позволил им делать что-либо такое: это и доказали они, когда получили власть над свиньями. Ибо, если они не пощадили свиней, тем более не пощадили бы нас. Итак, возлюбленный, не увлекайся их обольщениями, но будь тверд в страхе Божьем. Как войдешь ты в синагогу? Если запечатлеешь лицо свое (крестным знамением), тотчас убежит вся вражеская сила, обитающая в синагоге; а если не запечатлеешь, то уже при самом входе ты бросишь свое оружие, и тогда дьявол, нашедши тебя беззащитным и

безоружным, причинит тебе множество зла. Но к чему нам говорить об этом? Что и сам ты считаешь величайшим грехом идти в нечистое то место (синагогу), это видно из того, как ты отправляешься туда. Ты стараешься уйти туда тайно, и слугам, и друзьям, и соседям запрещаешь доносить на тебя священникам; а если кто донесет, сердишься. Как же безумно - от людей стараться укрыться, а пред очами Бога вездесущего, совершать без стыда, такое беззаконие? Но ты не боишься Бога? Так постыдись хоть самих иудеев. Какими глазами станешь смотреть на них? Каким языком будешь говорить с ними, когда, исповедуя себя христианином, бежишь в их синагоги и просишь у них помощи? Или не думаешь, какой они поднимают над тобою смех, какие ругательства, какое поношение, какой срам, какой позор, если и не явно, так в совести своей?

9. Можно ли, скажи мне, терпеть, можно ли сносить это? Если бы надлежало тысячу раз умереть, если бы надлежало вытерпеть самые тяжкие страдания: не лучше ли было бы перенести все эти страдания, нежели сделаться предметом насмешек и поруганий для этих нечестивцев, и жить с нечистой совестью? Говорю это не для того, чтобы вы только слушали, но чтобы врачевали болящих этим недугом. Как их укоряем мы в том, что они немощны в вере, так укоряем и вас в том, что не хотите исправлять немощных. Разве в том дело, возлюбленный, чтобы ты, вышедши сюда, выслушал поучение? Это-то и служит к осуждению, когда со слушанием поучений не соединяется самое дело. Ты христианин для того, чтобы подражал Христу и повиновался Его законом. Что же Он делал? Не сидел в Иерусалиме и не призывал больных к Себе, но ходил по городам и селениям, врачуя болезни - и телесные и душевные. Мог, конечно, Он, находясь в одном месте, привлечь к себе всех: однако же, не делал этого, подавая нам пример, как (следует) ходить везде и искать погибающих. На это же самое указал Он и притчею о пастыре. И этот не сел при девяноста девяти овцах, и не стал выжидать, пока заблудшая придет к нему; нет, он сам пошел, нашел ее, и, нашедши, положил на плеча свои, и принес (Лук. 15:4-6). Не видишь ли, что и врачи поступают точно так же? Они не требуют, чтобы больные, лежащие на постелях, приносимы были в их дома, но сами приходят к ним. Так поступи и ты, возлюбленный, зная, что настоящая жизнь кратка, и что, если мы (здесь) не соберем таких приобретений, там никак не получим спасения. Часто приобретение и одной души может уничтожить бремя бесчисленных грехов, и сделаться для нас выкупом в день (судный). Подумай, для чего посылались так часто пророки, для чего - апостолы, для чего - праведники, для чего - ангелы? Для чего пришел Сам Единородный Сын Божий? Не для того ли, чтобы спасти людей? Не для того ли, чтобы заблудших возвратить на путь? Это сделай и ты по силе своей, покажи все старание и заботливость о возвращении заблудших на путь (истины). К этому постоянно убеждаю вас в каждое собрание, и будете ли вы внимать, или не будете, я не перестану говорить. Нам постановлено от Бога законом исполнять это служение, будет ли кто слушать, или не будет. Только, если вы станете слушать и исполнять слова наши, мы будем делать это с великим удовольствием; если же будете небрежны и беспечны, - с великой скорбью. Ибо нам-то, конечно, не будет никакого вреда от вашего непослушания, потому что мы исполнили свой долг; однако же, хоть мы сами и безопасны, исполнив свой долг, но скорбим, что вы будете обвинены в тот день. Да, слушание (поучений) будет не безопасно для вас, если оно не будет сопровождаться делами. Послушай, как Христос, осуждая учителей за сокрытие слова, в то же время угрожает и поучаемым. Сказав: "**надлежало тебе отдать серебро мое торгующим**", и присовокупив: "**и я, придя, получил бы мое с прибылью**" (Матф. 25:27), этим Он показал, что принявшие наставление, по выслушивании его (это-то и есть отдача серебра), должны приносить прибыль. А прибыль учения состоит не в другом чем, как в делах. Итак, поскольку и мы передали серебро (учения) слуху вашему, то необходимо уже, чтобы вы представили Господу прибыль, то есть, спасение ваших братьев. Поэтому, если вы только удержите в себе эти слова мои, и не сделаете ничего сами, я боюсь, чтобы вам не быть осужденными подобно закопавшему талант. Ибо и он связан был по рукам и

ногам, и выброшен во тьму кромешную (Матф. 25:30) за то, что не передал другим, что сам слышал. Итак, чтобы и нам не подвергнуться той же участи, будем подражать получившим пять и два таланта; и нужно ли будет для спасения ближнего употребить слово, или деньги, или телесный труд, или другое что-либо, не поленимся, дабы, всячески умножив данный нам от Бога талант, каждый в своей мере, могли мы услышать этот блаженный голос: "**хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего**" (Матф. 25:21). Ее-то да сподобимся мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава и держава Отцу, вместе со Святым Духом, во веки веков. Аминь.

СЛОВО
О ПРОКЛЯТИИ

Предлагаемое Слово составлено св. Иоанном Златоустым по поводу образовавшихся в Антиохии отдельных обществ, из которых одно состояло из преданных епископу Мелетию (мелетиан), другое - из признававших своим епископом Павлина (павлиниан), третье - из ариан с епископом Евзовием, и четвертое - из приверженцев не православного Аполлинария Лаодикийского. Так как во взаимных пререканиях иногда одни из них позволяли себе проклинать других, то для прекращения соблазна в местной церкви святитель Иоанн вскоре по рукоположении своем во пресвитера в 386 году и произнес это Слово, которого полное заглавие следующее: "о том, что не должно проклинать ни живых ни умерших".

ПРЕЖДЕ беседуя с вами о познании непостижимого Бога и предложив много собеседований об этом [1], я доказывал как словами Писания, так и рассуждениями естественного разума, что совершенное познание Божества недоступно и для самых невидимых сил, - для тех сил, которые ведут невещественную и блаженную жизнь, и что мы, живущие во всегдашней беспечности и рассеянности и преданные всяким порокам, (напрасно) усиливаемся постигнуть то, что неведомо и для невидимых существ; мы впали в этот грех, руководствуясь в таких рассуждениях соображениями собственного разума и суетной славой перед слушателями, не определяя благоразумием границ своей природы и не следуя божественному Писанию и отцам, но увлекаясь, как бурным потоком, неистовством своего предубеждения. Теперь же, предложив вам надлежащую беседу о проклятии и показав важность этого зла, считаемого ничтожным, я через это загражу необузданные уста и открою вам недуг тех, которые употребляют проклятие, как случится. У нас дошло дело до такого бедственного состояния, что, находясь в крайней опасности, мы не сознаем этого, и не преодолеваем гнуснейших из страстей, так что на нас исполнилось пророческое изречение: "**неочищенные и не обвязанные и не смягченные елеем**" (Иса. 1:6). С чего же я начну говорить об этом зле? С постановлений ли заповедей Господних, или с вашей неразумной невнимательности и бесчувственности? Но, когда буду говорить об этом, не станут ли некоторые смеяться надо мной, и не покажусь ли я исступленным? Не возопиют ли против меня, что я намереваюсь беседовать о таком прискорбном и достойном слез предмете? Что же мне делать? Я скорблю и сокрушаюсь душой и терзаюсь внутренне, видя такую бесчувственность, когда наши дела превзошли преступления иудеев и нечестие язычников. Я встречаю на дороге людей, не имеющих ума, научившегося божественному Писанию, и даже вовсе ничего не знающих

из Писания, и с великим стыдом молчу, видя, как они беснуются и пустословят, "**не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают**" (1 Тим. 1:7), невежественно дерзают преподавать одно только свое учение и проклинать то, чего не знают, так что и чуждые нашей вере смеются над нами, - людей, не заботящихся о доброй жизни, ни научившихся делать добрые дела.

2. Увы, какие бедствия! Увы мне! Сколько праведников и пророков "**желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали**" (Матф. 13:17); а мы обращаем это в шутку! Вникните в эти слова, увещеваю вас, дабы нам не погибнуть. Ибо, если через ангелов возвещенное учение было твердым, и всякое преступление и преслушание получало справедливое наказание, то, как мы избежим его, не радея о таком спасении? Какая, скажи, цель евангелия благодати? Для чего совершилось явление Сына Божия во плоти? Для того ли, чтобы мы терзали и снедали друг друга? Заповеди Христовы, которые во всем совершеннее повелений закона, особенно требуют от нас любви. В законе говорится: "**люби ближнего твоего, как самого себя**" (Лев. 19:18); а в новом завете повелевается и умирать за ближнего. Послушай, что говорит сам Христос: "**некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился, и подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем. а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе. Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же**" (Лук. 10:30-37). О чудо! Не священника, не левита назвал Он ближним, но того, кто, по учению, был отвержен от иудеев, т. е. самарянина, чуждого, во многом богохульствовавшего, этого одного Он назвал ближним, потому что он оказался милостивым. Таковы слова Сына Божия; то же показал Он и делами Своими, когда пришел в мир и принял смерть не за друзей только и близких к Себе, но и за врагов, за мучителей, за обманщиков, за ненавидевших, за распявших Его, о которых Он прежде сотворения мира знал, что они будут такими, и которых предвидя сотворил, победив предвидение благостью, и за них Он пролил собственную кровь, за них принял смерть. "**Хлеб же**", говорит Он "**есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира**" (Иоан. 6:51). И Павел говорит в послании: "**будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его**" (Римл. 5:10); также и в послании к Евреям говорит, что Он "**вкусил смерть за всех**" (Евр. 2:9). Если же сам Он так поступал, и Церковь следует этому образцу, каждый день совершая молитвы за всех, то как ты осмеливаешься говорить свое? Ибо, скажи мне, что значит то, что ты называешь проклятием (anaqema)? Вникни в это слово, рассуди, что ты говоришь; понимаешь ли ты силу его? В богодухновенном Писании найдешь это слово произнесенным об Иерихоне: "**город будет под заклятием, и все, что в нем, Господу**" (Иис. Нав. 6:16). И у нас до настоящего дня господствует всеобщий обычай говорить: такой-то, совершив это, сделал приношение (anaqema) такому-то месту. Итак, что значит слово: анафема? Оно говорится и о каком-либо добром деле, означая посвящение Богу. А изрекаемое тобою "анафема" не то ли значит, чтобы такой-то был предан дьяволу, не имел участия в спасении, был отвержен от Христа?

3. Но кто ты, присваивающий себе такую власть и великую силу? "**Тогда сядет**" Сын Божий, "**и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов - по левую**" (Матф. 25:31,33). Почему же ты присваиваешь себе такую честь, которой удостоен только сонм апостолов и истинные и во всем точные их преемники, исполненные благодати и силы? И

они, строго соблюдая заповедь, отлучали еретика от церкви, как бы исторгая этим у себя правый глаз, чем доказывается их великое сострадание и соболезнование, как бы при отнятии поврежденного члена. Посему и Христос назвал это исторжением правого глаза (Матф. 5:29), выражая сожаление отлучающих. Поэтому они, будучи строго исполнительными как во всем другом, так и в этом деле, обличали и отвергали ереси, но никого из еретиков не подвергали проклятию. И апостол, как видно, по нужде в двух только местах употребил это слово, впрочем, не относя его к известному лицу; именно в послании к Коринфянам он сказал: "**кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маранафа**" (1 Кор. 16:22); и еще: "**кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема**" (Гал. 1:9). Почему же, тогда как никто из получивших власть не делал этого или не смел произносить такого приговора, ты осмеливаешься делать это, поступая вопреки (цели) смерти Господней, и предупреждаешь суд Царя? Хотите ли знать, что сказал один святой муж, бывший прежде нас преемником апостолов и удостоившийся мученичества? Объясняя тяжесть этого слова, он употребил такое сравнение: как облекший себя в царскую багряницу простолюдин - и сам и его сообщники предаются смерти, как тираны; так, говорит он, и злоупотребляющие определением Господним и предающие человека церковной анафеме подвергают себя совершенной погибели, присваивая себе достоинство Сына Божия [2]. Или вы считаете маловажным - прежде времени и Судии произнести на кого-нибудь такое осуждение? Ибо анафема совершенно отлучает от Христа. Но что говорят люди, способные на всякое зло? Он еретик, говорят они, имеет в себе дьявола, произносит хулу на Бога и своими убеждениями и суетной лестью ввергает многих в бездну погибели; посему он отвержен отцами, особенно учитель его, произведший разделение в церкви, - разумея Павлина или Аполлинария. Различия между тем и другим они по большей части не касаются, ловко избегая нового разделения и служа доказательством того, что заблуждение усилилось в недрах грубейшего предубеждения. Но ты поучай, "**с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети дьявола, который уловил их в свою волю**" (2 Тим. 2:25-26). Простри сеть любви, не для того, чтобы хромлющий погиб, но лучше, чтобы он исцелился; покажи, что ты по великому добродушию хочешь собственное благо сделать общим; закинь приятную уду сострадания, и, таким образом, раскрыв сокровенное, извлеки из бездны погибели погрязшего в ней умом. Научи, что принимаемое по пристрастию или по неведению за хорошее - несогласно с преданием апостольским, и если человек заблуждающийся примет это наставление, то, по изречению пророка, он "**то и он жив будет, потому что был вразумлен, и ты спас душу твою**" (Иез. 3:21); если же он не захочет и останется упорным, то, дабы тебе не оказаться виновным, засвидетельствуй только об этом с долготерпением и кротостью, чтобы Судия не взыскал души его от руки твоей, - без ненависти, без отвращения, без преследования, но оказывая искреннюю и истинную любовь к нему. Ее ты приобретай и, хотя бы ты не получил никакой другой пользы, это - великая польза, это - великое приобретение, чтобы любить и доказать, что ты - ученик Христов. "**По тому**", говорит Господь, "**узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собой**" (Иоан. 13:35), а без нее ни познание тайн Божьих, ни вера, ни пророчество, ни нестяжательность, ни мученичество за Христа не принесут пользы, как объявил апостол: "**если**", говорит он, "**имею [дар] пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что [могу] и горы переставлять, а не имею любви, нет мне в том никакой пользы: Если я говорю языками ангельскими, и если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, то я ничто: Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит**" (1 Кор. 13:1-7).

4. Никто из вас, возлюбленные, не показал такой любви к Христу, как эта святая душа (Павла); никто из людей, кроме его, не осмелился произнести таких слов. Сама душа его горела, когда он говорил: "**восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых**" (Кол. 1:24); и еще: "**я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти**" (Римл. 9:3); и еще: "**кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал**" (2 Кор. 11:29)? И, однако, имея такую любовь к Христу, он никого не подвергал ни обиде, ни принуждению, ни анафеме: иначе он не привлек бы к Богу столько народов и целых городов; но, подвергаясь сам унижению, бичеванию, заушению, посмеянию от всех, он делал все это, оказывая снисхождение, убеждая, умоляя. Так, прибыв к афинянам и нашедши всех их преданными идолопоклонству, он не стал укорять их и говорить: безбожники вы и совершенные нечестивцы; не сказал: вы все почитаете за Бога, одного только Бога отвергаете, Владыку и Творца всех. Но что? "**Проходя**", говорит он, "**и, осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано "неведомому Богу". Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам**" (Деян. 17:23). О, дивное дело! О, отеческое сердце! Он назвал богочтительными еллинов - идолопоклонников, нечестивых. Почему? Потому, что они, подобно благочестивым, совершали свое богослужение, думая, что они чтут Бога, быв сами уверены в этом. Подражать этому увещеваю всех вас, а вместе с вами и самого себя. Если Господь, предвидящий расположение каждого и знающий, каков будет каждый из нас, сотворил этот (мир) для того, чтобы вполне показать дары и щедрость Свою, и, хотя сотворил не для злых, но удостоил и их общих благ, желая, чтобы все подражали Ему; то как ты делаешь противное, ты, который приходишь в церковь и приносишь жертву Сына Божия? Разве вы не знаете, что Он "**трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит**" (Иса. 42:3)? Что это значит? Послушай: Иуду и подобных ему падших Он не отверг, доколе каждый не увлек сам себя, предавшись заблуждению. Не за неведение ли народа мы приносим моления? Не за врагов ли, ненавидящих и гонящих, нам заповедано молиться? Вот мы и совершаем это служение, и увещеваем вас: рукоположение не к властолюбию ведет, не к высокомерию располагает, не господство предоставляет; все мы получили одного и того же Духа, все признаны к усыновлению: кого Отец избрал, тех Он сподобил с властью служить братьям своим. Итак, исполняя это служение, мы увещеваем вас и заклинаем отстать от такого зла. Ибо тот, кого ты решился предать анафеме, или живет и существует еще в этой смертной жизни, или уже умер. Если он существует, то ты поступаешь нечестиво, отлучая того, кто еще находится в неопределенном состоянии и может обратиться от зла к добру: а если он умер, то - тем более. Почему? Потому, что он "**перед своим Господом стоит, или падает** (Римл. 14:4), не находясь более под властью человеческой. Притом опасно произносить суд свой о том, что сокрыто у Судии веков, который один знает и меру ведения и степень веры. Почему мы знаем, скажи мне, прошу тебя, за какие слова он подпадет обвинению или как оправдает себя в тот день, когда Бог будет судить сокровенные дела людей. Поистине "**как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его: кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?**" (Римл. 11:33-34; Иса. 40:13)? Неужели никто из нас, возлюбленные, не думает, что мы сподобились крещения, и никто не знает, что будет некогда суд? Что я говорю: суд? О самой смерти и исходе из тела мы не помышляем от ослепившей нас привязанности к предметам житейским. Отстаньте, увещеваю вас, от такого зла. Вот я говорю и свидетельствую перед Богом и избранными ангелами, что в день суда оно будет причиною великого бедствия и невыносимого огня. Если в притче о девах людей, имевших светлую веру и чистую жизнь, Господь всех, видевший дела их, отверг от чертога за недостаток милосердия (Матф. 25:11); то, как мы, живущие в совершенной беспечности и немилосердно поступающие с единоплеменниками своими, удостоимся спасения? Посему увещеваю вас, не оставляйте без внимания этих слов. Еретические учения, несогласные с принятым нами, должно проклинать и нечестивые догматы обличать, но людей нужно всячески щадить и молиться об их спасении. О, если бы все

мы, питая любовь к Богу и ближнему и исполняя заповеди Господни, удостоились встретить небесного Жениха с елеем и горящими светильниками в день воскресения, и представить Ему многих, обязанных славой нашему состраданию, благодатью и человеколюбием Единородного Сына Божия, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава ныне и всегда и во веки. Аминь.

---

[1] Разумеются Слова против аномеев.

[2] Подобные мысли находятся в послании св. Игнатия Богоносца к Смирнянам, отд. 4-6.

СЛОВО НА НОВЫЙ ГОД.

Это слово сказано святителем Иоанном Златоустом в Антиохии 1-го января 387 года по Р. Х., как с вероятностью можно заключать из самого его содержания, и потому помещается между его словами, произнесенными в 386 и 387 годах. Полное его заглавие следующее: "Слово в Календы, в отсутствии епископа антиохийского Флавиана, сказано против наблюдающих новомесячия и совершающих ликования в городе, и на слова апостола: "все делайте в славу Божию" (1Кор. 10:31).

КАК для хора нужен начальник и для общества мореплавателей кормчий, так и сонм священников желал бы сегодня быть вместе с своим архиереем и общим отцом. Но в хоре и на корабле за отсутствием начальников часто многого недостает для порядка и безопасности; а здесь не так; потому что, хотя (епископ) не присутствует здесь телом, но присутствует духом; и ныне он с нами, хотя сидит дома, равно как и мы с ним, хотя стоим здесь. Сила любви такова, что она обыкновенно совокупляет и соединяет находящихся на далеком расстоянии друг от друга. Того, кого любим, мы представляем себе каждый день, хотя бы он жил на чужбине и был отделен от нас обширными морями; равно как того, кто нам не нравится, хотя бы он находился близ нас, часто как бы совсем не видим. Так, где есть любовь, там расстояние места нисколько не вредит; а где нет ее, там нет никакой пользы от близости мест. Недавно, когда я говорил в похвалу блаженного Павла, вы были в таком восторге, как бы видели его самого присутствовавшим с нами, хотя тело его лежит в царственном городе Риме, а душа в руке Божией; "**души праведных в руке Божией, и мучение не коснется их**" (Прем. 3:1); однако сила любви представляла его пред вашими глазами. Хотел бы я и сегодня заняться тем же предметом, но слово мое стремится к другим неотложным предметам, к сегодняшним погрешностям всего города. Желающим слышать похвалы Павлу наперед должно сделаться подражателями добродетелей Павла и достойными слышать о них. Итак, хотя нет с нами нашего отца, но ободряясь его молитвами, я предложу вам поучение. Так и Моисей, хотя телом не находился вместе с сражавшимися (израильтянами), но не менее, а гораздо более сражавшихся способствовал победе, простертием рук подкрепляя своих и приводя в трепет противников (см. Исх. 17). Как сила любви не останавливается расстоянием мест, так и действие молитвы; но как любовь соединяет разлученных друг от друга, так и молитва может принести величайшую пользу находящимся вдали друг от друга. Итак,

смело вступим в борьбу; ибо и нам теперь предстоит борьба не с амаликитянами, напавшими, как в то время, и не с другими какими-либо варварами, сделавшими набег, но с демонами, которые ходят торжественно по площади. Происходящие сегодня дьявольские всенощные гулянья, шутки, бранные крики, ночные пляски и смешные забавы хуже всякого неприятеля пленили наш город; и тогда, как должно было бы сокрушаться, плакать, стыдиться, как согрешившим, так и несогрешившим, одним смотря на свои грехи, а другим смотря на бесчиние братий, наш город веселится, красуется и увенчивается; площадь, как любящая наряды и роскошная женщина, сегодня заботливо украшается, облекаясь в золотые и драгоценные одежды, обувь и прочее тому подобное; всякий мастеровой, выставляя на показ свои работы, старается перещеголять своего товарища. Такое соревнование, хотя показывает ребяческий ум и душу неспособную к великим и возвышенным помыслам, но не слишком большой влечет за собою вред: есть только какое-то безрассудное рвение, навлекающее на соревнователей осмеяние. Если ты хочешь украшать, то украшай не мастерскую, но твою душу, - не площадь, но ум, чтобы ангелы дивились, и архангелы одобряли твое дело, и Владыка ангелов наградил тебя Своими дарами, а хвастовство совершающееся ныне, возбуждает и смех и зависть, - смех в тех, которые мыслят несколько выше, а зависть и великую ненависть в тех, которые подвержены тем же болезням.

2. Но, как я выше сказал, такое соревнование заслуживает небольшого порицания; а более всего прискорбны состязания, которые происходят сегодня в гостиницах и преисполнены распутства и великого нечестия: нечестия потому, что занимающиеся ими замечают дни, гадают и думают, что если первый день этого месяца они проведут в удовольствии и веселии, то и во весь год будет то же; а распутства потому, что на самом рассвете и женщины и мужчины, наполнив стаканы и чаши вином, напиваются с великою неумеренностью. Это несообразно с нашим любомудрием, сами ли вы делаете это, или позволяете делать другим, слугам, или друзьям, или соседям. Неужели ты не слыхал слов Павла: "**наблюдаете дни, месяцы, времена и годы. Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас**" (Гал. 4:10-11)? Крайне безумно по одному счастливому дню ожидать того же на весь год; и не только от безумия, но и от диавольского влияния происходит та мысль, будто в делах вашей жизни надобно полагаться не на собственную ревность и деятельность, а на дневные обращения времени. Счастлив для тебя будет год во всем не тогда, как ты будешь пьянствовать в первый день, но если и в первый и в каждый день будешь делать угодное Богу. День бывает худ или хорош не по своей природе, - потому что день ото дня ничем не разнится, но - по нашему усердию или беспечности. Если ты сделал добро, то день для тебя хорош, а если ты согрешил, то - худ и неразлучен с наказанием. Если ты будешь так рассуждать и так настраивать себя, совершая каждый день молитвы и милостыни, то весь год для тебя будет счастлив; а если ты, не заботясь о добродетели, будешь ожидать радостей для души своей от начала месяцев и исчисления дней, то не будет тебе ничего доброго. Диавол, зная это и стараясь отклонить нас от подвигов добродетели и подавить душевную ревность, научил людей счастье и несчастье приписывать дням. Кто убежден, что есть дни счастливые и несчастливые, тот в несчастливый день не будет заниматься добрыми делами, думая, что весь его труд останется тщетным и бесполезным по роковому свойству дня; равно и в счастливый день не займется теми делами, думая, что его нерадение нисколько не повредит ему, по хорошему свойству самого дня, и таким образом он в том и другом случае будет терять свое спасение, и, считая труды свои то бесполезными, то излишними, будет провождать жизнь недеятельную и порочную. Зная это, мы должны избегать козней дьявола, исторгать из души такое убеждение, не наблюдать дней, не пренебрегать одним днем и не привязываться к другому. Лукавый демон ухищряется против нас таким образом не только для того, чтобы ввергнуть нас в нерадение, но чтобы и оклеветать и создания Божии, и вовлечь души в нерадение и вместе в нечестие. Мы должны удаляться от этого,

и ясно знать, что нет зла, кроме одного греха, и нет добра, кроме одной добродетели и угождения Богу во всем. Радость бывает не от пьянства, но от духовной молитвы, не от вина, но от назидательного слова. Вино производит бурю, а слово - тишину; вино причиняет шум, а слово прекращает смятение; вино помрачает ум, а слово просвещает и помраченный; вино вселяет скорби, которых не было, а слово отгоняет и те, которые были. Ничто обыкновенно так не ведет к спокойствию и радости, как правила любомудрия - презирать настоящее, стремиться к будущему, не считать ничего человеческого постоянным - ни богатства, ни власти, ни почестей, ни покровительства. Если ты научился так мудрствовать, то не будет терзать тебя зависть, когда увидишь богатого, и когда впадешь в бедность, не унизишься от бедности; и таким образом, будешь в состоянии постоянно праздновать. Христианину свойственно праздновать не в известные месяцы, не в первый день месяца, не в воскресные дни, но всю жизнь провождать в приличном ему праздновании. Какое же прилично ему празднование? Об этом послушаем Павла, который говорит: "**Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины**" (1 Кор. 5:8). Итак, если у тебя чиста совесть, то ты имеешь постоянный праздник, питаясь добрыми надеждами и утешаясь упованием будущих благ; если же ты не спокоен в душе и виновен во многих грехах, то и при тысячах праздников и торжеств ты будешь чувствовать себя не лучше плачущих. Какая мне польза от светлого дня, когда душа моя помрачена укоризнами совести? Итак, если ты хочешь получить пользу и от начала новых месяцев, то поступай так: по окончании года возблагодари Владыку, что Он сохранил тебя до этого предела годов; сокрушись своим сердцем, исчисли время твоей жизни, и скажи сам себе: дни бегут и проходят; годы оканчиваются; много пути нашего мы уже совершили; а что мы сделали доброго? Неужели пойдем отсюда без всего, без всякой добродетели? Суд при дверях, остальная жизнь клонится к старости.

3. Так любомудрствуй при начале новых месяцев; это приводи на память при годовых кругообращениях; станем помышлять о будущем дне, чтобы не сказал кто-нибудь о нас того же, что сказал пророк об иудеях: "**Исчезли дни их в суете и лета их в смятении**" (Пс. 77:33). Такой праздник, о каком я сказал, постоянный, не ожидающий круговращения годов, не ограничивающийся известными днями, может равно праздновать и богатый и бедный; потому что здесь не деньги нужны, не богатство, а одна добродетель. Нет у тебя денег? Но есть страх Божий, сокровище лучшее всяких богатств, которое не повреждается, не изменяется и не истощается. Посмотри на небо, на небеса небес, на землю, море, воздух, разнородных животных, разнообразные растения, на всю человеческую природу; помысли об ангелах, архангелах, вышних силах; вспомни, что все это - богатство твоего Владыки. Быть не может, чтобы слуга столь богатого Владыки был беден, если Господь его милостив к нему. Наблюдать дни несообразно с христианским любомудрием, но это - дело языческого заблуждения. Ты приписан к вышнему граду, принят в тамошнее гражданство, вступил в общество ангелов, где нет света переходящего во тьму, ни дня оканчивающегося ночью, но всегда - день, всегда - свет. Туда будем стремиться непрестанно. "**Ищите горнего**", говорит (апостол), "**где Христос сидит одесную Бога**" (Кол. 3:1). Ты не имеешь ничего общего с землею, где есть течение солнца и круговращения времен года и дней; но если ты живешь праведно, то и ночь для тебя становится днем, равно как для тех, которые проводят жизнь в распутстве, пьянстве и невоздержании, день обращается в ночной мрак, не потому, чтобы померкло солнце, но потому, что ум их омрачен пьянством. Замечать дни, находить в них особенное удовольствие, зажигать на площади светильники, плести венки, есть дело детской несмысленности; а ты уже вышел из этой немощи, достиг мужеского возраста и вписан в гражданство небесное; не освещай же площади чувственным огнем, но озаряй ум твой светом духовным. "**Так да светит**", сказал (Господь), "**свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**"(Мф. 5:16).

Такой свет принесет тебе великое воздаяние. Не украшай венками дверей своего дома, но веди такую жизнь, чтобы получить на свою голову от руки Христовой венец правды. Ничего не должно делать напрасно, без цели; Павел заповедал делать все во славу Божию. "**Едите ли, пьете ли**", говорит он, "**или иное что делаете, все делайте в славу Божию**"

(1 Кор. 10:31). Но как можно, скажешь ты, есть и пить во славу Божию? Призови бедного, участником твоей трапезы сделай Христа; и таким образом ты ел и пил во славу Божию. И не только это делать во славу Божию заповедал апостол, но и все прочее, как то: выходить на улицу и оставаться дома; то и другое должно быть для Бога. А как возможно, чтобы то и другое было для Бога? Когда ты приходишь в церковь, когда участвуешь в молитве и духовном поучении, то тогда выход из дома бывает во славу Божию. Также и дома оставаться можно для Бога. Как и каким образом? Когда ты слышишь, что шум, бесчиния, диавольские торжества, порочные и распутные люди наполнили площадь, останься дома, удались от этого шума, и ты останешься дома во славу Божию. Как оставаться дома и выходить из дома можно для Бога, так можно (во славу Божию) и хвалить и обличать. Как можно, скажешь, хвалить кого-нибудь или укорять во славу Божию? Вы иногда сидите в мастерских, видите, как проходят мимо дурные и негодные люди, нахмурив брови, с надменным видом, в сопровождении множества нахлебников и льстецов, в дорогих одеждах и пышных украшениях, люди, похищающие чужое и любостяжательные; тогда, если кто скажет: как завидно их состояние, как они счастливы! - такого укори, обличи, загради ему уста, жалей, плачь: это значит укорять для Бога. Такая укоризна для сидящих вместе с тобою будет уроком любомудрия и добродетели о том, чтобы не увлекаться вещами житейскими. Того, кто сказал это, спроси: почему ты считаешь его счастливым? Потому ли, что у него чудный конь, с позлащенною уздою, что у него много слуг, что он одет в светлую одежду, и безмерно упивается и роскошествует каждый день? Но поэтому он несчастен и жалок и достоин обильных слез. Я вижу, что в нем самом вы не можете ничего похвалить, а хвалите все вне его: коня, узду, одежду; а все это - не он. Что же, скажи мне, может быть горестнее того, когда конь его, узда коня, красота одежды и телесное благообразие слуг возбуждают удивление, а в нем самом не находится ничего похвального? Кто может быть беднее того человека, который не имеет никакого собственного добра и ничего такого, с чем бы мог отойти отсюда в (вечность), но украшается всем чужим? Собственное наше богатство и украшение составляют не слуги, одежды и кони, но добродетель души, богатство добрых дел и дерзновение пред Богом.

4. Напротив, когда увидишь нищего, пренебрегаемого, презираемого, живущего в бедности, но добродетельно; и когда сидящие с тобою назовут его жалким: ты похвали его; и твоя похвала проходящему мимо будет наставлением и увещанием к жизни честной и добродетельной. Если скажут: как он несчастен и жалок! - ты скажи, что он блаженнее всех; потому что имеет Бога своим другом, живет добродетельно, приобрел богатство никогда неоскудевающее, имеет чистую совесть. Что за потеря для него, что нет денег, когда он получит в наследие небо и небесные блага? Если ты и сам будешь так мудрствовать и наставлять других, то получишь и за укоризну и за похвалу великое возмездие; так как и то и другое ты делал во славу Божию. Что я не напрасно говорю это, что великое воздаяние уготовано от Бога тем, которые так размышляют, и что великую добродетель составляет подобное суждение о провождающих такую жизнь, послушай, что говорит пророк, и как он поставляет в числе добродетелей обличение людей порочных и прославление боящихся Бога. Исчислив прочие добродетели человека, имеющего получить почести от Бога, и сказав, каков должен быть тот, "**кто обитает во святом жилище Его**"; что "**он ходит непорочно и делает правду, и говорит истину в сердце своем**"; и еще сказав: "**не клевещет языком своим, не делает искреннему своему зла и не принимает поношения на ближнего своего**", потом он присовокупляет: "**в глазах которого презрен отверженный, но который боящихся Господа славит**" (Пс. 14:1-4);

этим он показывает, что к числу добродетелей принадлежит и то, чтобы презирать порочных и хвалить и ублажать добродетельных. О том же говорит он и в другом месте: "**А мне весьма почтенны друзья Твои, Боже, весьма надежно их владычество**"[1] (Псал. 138:17). Кого хвалит Бог, того ты не порицай; а Он хвалит того, кто живет праведно, хотя бы он был и беден. Кого Бог отвращается, того не хвали; а Он отвращается того, кто живет порочно, хотя бы он изобиловал богатством. Будешь ли хвалить кого или порицать, делай то и другое согласно с волею Божиею. Можно и порицать во славу Божию. Как? Мы часто досадуем на слуг наших; каким же образом можно порицать их для Бога? Если ты видишь, что слуга, или друг, или кто другой из близких к тебе пьянствует, крадет, ходит на зрелища, нерадит о своей душе, клянется, преступает клятвы, лжет; то вознегодуй, накажи, вразуми, исправь его, и все это ты сделаешь для Бога. Если же увидишь, что он виновен против тебя, нерадив в услужении тебе, то прости его; и ты простишь для Бога. А ныне многие поступают напротив и с друзьями и со слугами своими. Когда кто согрешит против них самих, тогда они делаются жестокими и неумолимыми судиями; а когда кто оскорбляет Бога, и губит свою душу, то они не обращают на это никакого внимания. Еще нужно ли приобрести друзей? Приобретай для Бога. Нужно ли приобрести врагов? Приобретай для Бога. Но как можно приобретать друзей и врагов для Бога? Если будем искать дружбы не с тем, чтобы достать денег, участвовать в трапезе, найти покровительство человеческое, но будем искать и делать своими друзьями таких людей, которые могут всегда вразумлять нашу душу, давать надлежащие советы, укорять за грехи, обличать за проступки, восстановлять после падения и при помощи советов и молитв приводить нас к Богу. Также можно и врагов приобретать для Бога. Если ты видишь человека распутного, негодного, порочного, зараженного нечистыми мнениями, угрожающего причинить тебе падение и вред, то отойди, отбеги от него, как повелел и Христос, сказав: "**если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя**" (Мф. 5:29), повелевая и таких друзей, которые дороги для нас, как глаза, и необходимы в делах житейских, устранять и отвергать, если они вредят спасению нашей души. Если находишься в обществе и ведешь длинную речь, делай и это для Бога; и если молчишь, молчи для Бога. А как можно быть в обществе для Бога? Если ты, сидя там, будешь разговаривать не о житейских делах, не о пустых, тщетных и нисколько не относящихся к нам, но о нашем любомудрии; о геенне, о небесном царстве, а не о чем-нибудь излишнем и бесполезном, например: кто достиг власти, кто лишен власти, за что такой-то наказан, от чего такой-то получил прибыль и разбогател, что такой-то по смерти оставил такому-то, почему лишен наследства такой-то, думавший быть в числе первых наследников? - и прочем тому подобном. Об этом и сами мы не будем разговаривать, и другим не будем позволять, но будем обращать внимание на то, какими делами или словами можно угодить Богу. Также можно и молчать для Бога тогда, когда тебя обижают, поносят, и причиняют тебе тысячи огорчений, а ты переносишь все великодушно и ни одним словом не злословишь того, кто так с тобою поступает. Не только можно хвалить и укорять, оставаться дома и выходить, говорить и молчать, но и плакать и печалиться, и радоваться и веселиться можно во славу Божию. Когда ты, видя, что брат твой грешит, или сам ты впал в грех, будешь воздыхать и скорбеть, то ты посредством такой скорби приобретешь спасение, о котором не будешь раскаиваться, как говорит Павел: "**печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению**"

(2 Кор. 7:10). Если видя, что другой благоденствует, не позавидуешь ему, но за это, как бы за собственное благо возблагодаришь Бога, соделавшего брата твоего столь славным, то за эту радость ты получишь великую награду.

5. Что может быть, скажи мне, горестнее состояния завистливых людей, которые, имея возможность радоваться и получать возмездие за свою радость, вместо этого предаются

скорби о благополучии других и с такою скорбью еще навлекают на себя наказание от Бога и невыносимые мучения? Но что говорить о похвалах и укоризнах, о печалях и радостях, когда и от самых маловажных и низменных дел можно получать весьма великую пользу, если мы совершаем их во славу Божию? Что маловажное стрижения волос? Но и это можно делать для Бога. Если ты не будешь изысканно убирать волос, не будешь украшать лица, не будешь наряжаться к соблазну и прельщению взирающих на тебя, а оденешься просто, как случится, и как требует только нужда; то ты сделаешь это для Бога и без сомнения получишь награду за то, что обуздал порочную похоть и укротил неуместное тщеславие. Подлинно, если тот, кто подает для Бога "**чашу холодной воды**", наследует царство небесное (Мф. 10:42), то представь, какое получит возмездие тот, кто все делает для Бога! Можно и ходить для Бога и смотреть для Бога. А как можно смотреть и ходить для Бога? Когда ты не стремишься к нечестию, не занимаешься чужою красотою; когда, видя идущую навстречу женщину, удерживаешь свое зрение, ограждаешь лице свое страхом Божиим, то ты сделаешь это для Бога; также когда мы одеваемся не в дорогие и изнеживающие нас одежды, но в такие, которые могут только прикрыть нас. Можно распространить это правило и на обувь. Многие дошли до такой изнеженности и роскоши, что даже обувь свою украшают и всячески испещряют не менее, чем другие лице, это - знак нечистой и развращенной души. Хотя это кажется маловажным, однако как в мужчинах, так и в женщинах это есть знак и доказательство великого невоздержания. Итак и обувь можно употреблять для Бога, если всегда будем удовлетворять только нужде ее ставить мерою при пользовании вещами. А что и походкой и одеянием можно прославлять Бога, о том, послушай, что говорит мудрый муж: "**одежда и осклабление зубов и походка человека показывают свойство его**" (Сир. 20:27). Если мы в одежде будем соблюдать приличие и степенность и во всем показывать великую скромность, то и неверный и невоздержный и буйный, как бы он ни был бесчувствен, при первой встрече с таким человеком будет удивляться ему. Когда мы в брак вступаем, то и это должны делать для Бога, имея в виду не то, чтобы получить богатое имение, но чтобы найти в жене благородство души, не множество денег и знаменитость предков, но добродетель и кротость нравов; мы должны брать спутницу в жизни, а не участницу в пиршествах. Но к чему исчислять все? Мы можем, подобно вышесказанному, проследить каждое событие и дело, и все совершать для Бога. Как торговцы, плавающие по морю и пристающие к городам, выходят из пристани на торжище не прежде, как узнав, что можно получить прибыль от своих товаров, так и ты ничего не делай и не говори, от чего не будет пользы во славу Божию. Не говори мне, что невозможно делать все для Бога. Если обувь, стрижение волос, одежда, походка, взгляд, беседы и собрания, входы и выходы, шутки и похвалы, укоризны и одобрения, дружба и вражда могут быть для Бога, то что еще остается, что не может совершаться для Бога, если мы захотим? Что хуже положения темничного стража? Жизнь его не почитается ли ниже всякой другой? Однако может и он, если захочет, проводить эту жизнь с пользою для себя, когда будет щадить узников, услуживать заключенным неправедно, не торговать чужими несчастиями, когда будет общим пристанищем для всех имеющих в том нужду. Так спасся **темничный страж**, приставленный к Павлу (см. Деян. 16). Отсюда видно, что мы от всего, если захотим, можем получить себе пользу.

6. Что, скажи мне, тяжелее убийства? Но и оно некогда было вменено в правду дерзнувшему совершить его; так важно делать что-нибудь для Бога. А каким образом убийство могло быть вменено в правду? Мадианитяне, желая некогда возбудить гнев Божий против иудеев и надеясь преодолеть их, когда лишат их благоволения Господня, наряжали своих дочерей, ставили их в виду войска и, прельщая евреев, приводили их сперва к блудодеянию, а потом и к нечестию. Видя это, Финеес взял меч и, застав двух блудодействующих в самом действии греха, пронзил обоих, и тем, отклонил гнев Божий от исполнения (мщения) (см. Чис. 25). Таким образом, хотя это действие было убийством,

но следствием его было спасение всех погибавших, а потому вменено сделавшему его в правду. Такое убийство не только не осквернило рук его, но сделало их более чистыми, и весьма справедливо: потому что он сделал это не из ненависти к убитым, но для спасения прочих; убил двоих, а спас многие тысячи. Он поступил так, как поступают врачи, когда они, отсекая гниющие члены, сохраняют здоровье всего тела. Посему и говорит псалмопевец: "**и восстал Финеес и произвел суд, - и остановилась язва, и [это] вменено ему в праведность в роды и роды во веки**" (Пс. 105:30-31). Памятование о таком поступке осталось бессмертным. Другой напротив молился, и разгневал Бога; так опасно делать что-нибудь не для Бога; я разумею фарисея (ср. Лк. 18). Финеес сделал убийство и снискал Божие благоволение; а этот, молясь, разгневал Бога, конечно, не молитвою, но расположением духа, с каким он молился. Таким образом и духовное действие может причинить великий вред, когда совершается не для Бога; напротив и житейское дело может принести великую пользу тому, кто совершает его из любви к Богу. Что может быть хуже и тяжелее убийства? Однако и оно сделало праведником осмелившегося совершить его. Какое же мы будем иметь оправдание, утверждая, что нельзя отвсюду получать пользу и делать все для Бога, когда нашелся такой, который получил пользу даже от убийства? Если мы захотим быть внимательными, то во всю жизнь можем вести такую духовную торговлю - как в купле, так и в продаже; например, когда не будем требовать цены незаконной, когда не будем ожидать времени дороговизны, чтобы тогда продать нуждающимся. "**Кто удерживает у себя хлеб**", говорится в Писании, "**того клянет народ**" (Прит. 11:26). Но к чему говорить о всем порознь, когда можно представить все в одном примере? Как строящие дом, намереваясь выстроить стену, протягивают размерный шнурок из угла в угол, и таким образом воздвигают здание, в котором поверхность не имеет никакой неровности, так и мы, вместо этого размера, будем употреблять апостольское изречение: "**едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию**" (1 Кор. 10:31). Итак, молимся ли мы, или постимся, обвиняем или прощаем, хвалим или укоряем, входим или выходим, продаем или покупаем, молчим или разговариваем, или другое что делаем, будем делать все во славу Божию; а что не служит к славе Божией, того не станем ни делать, ни говорить и, где бы мы ни находились, будем носить с собою, вместо великого жезла, вместо оружия, охраны и несчетных сокровищ, сказанное изречение, начертав его в уме, дабы делая и говоря и предпринимая все во славу Божию, нам получить от Него славу и здесь и по отшествии отсюда. "**Прославляющих Меня**", говорит Господь, "**Я прославлю**" (1 Цар. 2:30). Итак, не словами только, но и делами будем прославлять Его непрестанно со Христом Богом нашим; Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

---

[1] Перевод Юнгерова.

О ЛАЗАРЕ.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

Семь слов о Лазаре, т.е. на евангельскую притчу о богатом и Лазаре, произнесены святителем Иоанном в Антиохии в течение 387 года, с некоторыми промежутками времени. Первое из них сказано на другой день после "слова на новый год", как можно заключать из его содержания и видно из полного заглавия его - такого: "сказано в

следующий день после Календ в Антиохии против пьянствующих и входящих в кабаки и устрояющих пляски в городе, и о том, что учителю не должно отчаиваться в учениках, хотя бы в настоящее время они не убеждались, и о бедном Лазаре и о богатом".

ВЧЕРАШНИЙ день, бывший сатанинским праздником, вы сделали праздником духовным, приняв слова мои с великою благосклонностью, и большую часть дня проведши здесь, насладившись питием, исполненным любомудрия, и ликовавши вместе с Павлом. Таким образом вы получили двойную пользу: уклонились от бесчинной пляски пьянствующих, и предавались восторгам духовным, совершающимся с великою благопристойностью; пили из чаши, не вино изливающей, но исполненной духовного учения, и сделались свирелью и кифарою для Святого Духа; тогда как другие ликовали в честь диавола, вы, соделав себя чрез пребывание здесь органами и сосудами духовными, предоставили Духу коснуться ваших душ и вдохнуть благодать Свою в ваши сердца; оттого вы и возгласили стройную песнь, услаждающую не только людей, но и горние силы. Посему и сегодня вооружим язык против пьянства и восстанем против нетрезвой и распутной жизни; обличим провождающих ее не для того, чтобы их стыдить, но чтобы избавить их от стыда; не для того, чтобы их осуждать, но чтобы исправить их; не для того, чтобы их выставить на позор, но чтобы удалить от гнусного позора и вырвать из рук диавола, потому что, кто проводит время в пьянстве, разгуле и объедении, тот подпал жестокой власти самого диавола. И о, если бы произошла какая-нибудь польза от слов моих! Впрочем, если они и после увещания останутся в том же состоянии, я и тогда не перестану предлагать им совет. Источники текут, хотя бы никто не черпал из них, и родники источают воду, хотя бы никто не брал ее, и реки бегут, хотя бы никто не пил из них; так и проповедник, хотя бы никто не внимал ему, должен исполнять все от него зависящее. Ибо вам, принявшим служение Слова, постановлен человеколюбивым Богом закон - никогда не оставлять своего дела и не молчать, хотя бы слушали нас, хотя бы убегали. Когда Иеремия, изрекавший иудеям много угроз и предсказывавший будущие бедствия и за то поносимый слушателями и осмеиваемый целый день, хотел прекратить такие пророчества, по слабости человеческой не могши переносить насмешек и злословий, то послушай, что сам он говорит в следующих словах: "**и подумал я: "не буду я напоминать о Нем и не буду более говорить во имя Его"; но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог**" (Иер. 20:9). Смысл слов его такой: я хотел прекратить пророчество - говорит он - потому что иудеи не слушали; но как только я решился на это, сила Духа, как огонь, напала на душу мою и опалила все внутренности, изможда и снедая кости мои, так что я не мог вынести этого жара. Если же тот, кто каждый день подвергался осмеянию, поношению и злословию, испытал такое мучение, когда решился замолчать; то как могли бы удостоиться прощения мы, если бы, не потерпев еще ничего такого, по небрежности некоторых впали в малодушие и перестали предлагать им учение, и особенно тогда, когда есть столько внимающих?

2. Впрочем я говорю это не для своего утешения и ободрения; я убедил душу свою, чтобы, доколе буду дышать и Богу угодно будет продолжать мою настоящую жизнь, исполнять это служение и делать повеленное, будет ли кто слушать меня, или не будет слушать; но так как есть такие люди, которые расслабляют руки у многих и кроме того, что сами не приносят никакой пользы для нашей жизни, ослабляют усердие и в других, насмехаясь, издеваясь и говоря: оставь советовать, перестань увещевать; не хотят слушать тебя; не сообщайся с ними; - так как есть некоторые говорящие это, то, желая исторгнуть из души

народа эту злобную и бесчеловечную мысль и диавольский навет, я поведу речь об этом подолее. Я знаю, что даже и вчера произносили такие слова многие, которые, увидев некоторых проводивших время в корчемнице, с насмешкою и издевательством говорили: так хорошо они убедились; совсем никто не пошел в корчемницу; все отрезвились! Что говоришь ты, человек? Разве я обещал уловить всех в один день? Если бы убедились только десять человек, если бы только пять, если бы даже один: не достаточно ли и этого для моего утешения? Скажу еще большую крайность. Пусть будет, что никто не убедился моими словами, хотя невозможно, чтобы осталось бесплодным слово, посеянное в слух столь многим; но пусть это будет так; однако и в таком случае слово мое не бесполезно. Если они и входили в корчемницу, то входили уже не с таким бесстыдством; и за столом часто вспоминали о словах моих, укоризне, обличении, и вспоминая стыдились, краснели мысленно, и делали обычные дела уже не с такою наглостью. А вполне почувствовать стыд, вполне осудить свои дела, это - начало спасения и прекрасной перемены. Кроме того произошла от этого и другая не меньшая польза для меня. Какая? Та, что трезвых я сделал более степенными и словами своими убедил в том, что лучше всех ведут себя те, которые не увлекаются толпою. Я не восстановил болящих? Но здоровых сделал более благонадежными. Слово не отклонило некоторых от порока? Но живущих добродетельно сделало более внимательными. Присовокуплю к этому и нечто третье. Не убедил я сегодня? Но, может быть, успею убедить завтра. И завтра не успею? Но, может быть, послезавтра, или еще в последующий за тем день. Кто сегодня слушал и отверг слышанное, тот, может быть, завтра послушает и примет; а кто сегодня и завтра оказал пренебрежение, тот, может быть, спустя много дней окажет внимание к словам моим. Так и рыболов нередко, целый день закидывая сеть напрасно и уже намереваясь уйти, вечером уловляет во весь день убегавшую от него рыбу, и с нею уходит. Если бы мы, вследствие всегдашних случающихся неудач, вздумали оставаться в праздности и отстать от всех дел, то у нас расстроилась бы вся жизнь и погибло бы все не только духовное, но и житейское. Так, если бы земледелец, вследствие случившейся один и два и несколько раз дурной погоды, решился бросить земледелие, то мы все скоро погибли бы от голода. И если бы кормчий, вследствие случившейся один и два и несколько раз бури, оставил море, то никто из нас не плавал бы по морю, и от этого жизнь наша опять потеряла бы много полезного. И в каждом искусстве, если о нем будешь так же судить и внушать, все совершенно погибнет, и земля сделается необитаемою. Зная это, все, хотя один и два и несколько раз не достигают окончания дел, которыми занимаются, однако опять принимаются за них с одинаковым усердием.

3. Зная все это, и мы возлюбленные, увещеваю вас, не будем так рассуждать, не станем говорить: какая нам нужда в столь многих словах? Никакой нет пользы от этих слов. Земледелец, засеявши один и два и несколько раз одну и ту же ниву и не получив плода, однако опять возделывает ее, и часто в один год вознаграждает убыток всего прежнего времени. И купец часто, потерпев много кораблекрушений, не отстает от пристани; но стаскивает судно, подряжает корабельщиков и, занявши денег, принимается за те же дела, хотя будущее ему так же неизвестно. И всякий, чем бы кто ни занимался, обыкновенно поступает так же, как земледелец и купец. Если же они оказывают такое усердие к житейскому, хотя окончание дел им неизвестно, то неужели мы, как скоро слова наши не будут выслушиваемы, тотчас перестанем говорить? Какое же мы будем иметь прощение, какое оправдание? Притом тех в случае неудач никто не вознаградит за потери; например, если море потопит корабль, то никто не избавит от обеднения потерпевшего кораблекрушение; если наводнение затопит ниву и заглушит семена, то земледелец должен уйти домой с пустыми руками. Но с нами, говорящими и увещевающими, бывает не так; но, если ты повергаешь семена, и слушатель не примет их и не принесет плода послушания, тебе уготована награда от Бога за совет, и ты получишь такое же воздаяние - хотя он не послушался - какое ты получил бы, если бы он и послушался; потому что ты

исполнил все с своей стороны. Наш долг не убедить слушателей, но только посоветовать; наше дело предложить увещание, а убедиться - их дело. Как, если они сделают много добрых дел без наших увещаний, вся награда будить принадлежать им одним, а нам не будет никакой пользы, потому что мы не предлагали совета; так и если они не послушаются наших увещаний, все наказание постигнет их, а нам не будет никакого осуждения, но еще будет дана великая награда от Бога, потому что мы все свое исполнили. Нам повелевается только "**отдать серебро торгующим**" (Мф. 25:27), сказать и предложить совет. Скажи же и сделай увещание брату. Но он не послушался? А тебе уготована награда, только бы ты всегда делал это, только бы не отставал, доколе не убедишь, доколе не воодушевишь его. Окончанием совета пусть будет послушание принимающего увещание. Диавол непрестанно противодействует нашему спасению, сам не получая от этого усердия никакой пользы, но еще испытывая величайший вред; и однако он одержим таким неистовством, что нередко отваживается даже на невозможные дела, и нападает не только на тех, которых надеется непременно побороть и низвергнуть, но и на тех, которые, вероятно, преодолеют козни его. Так услышав, что Иова хвалит ведущий все сокровенное Бог, он возымел надежду, что успеет низложить и его, и не переставал, коварный, употреблять все меры и хитрости, чтобы побороть этого человека, и не отчаивался в этом нечистый и злейший демон, хотя сам Бог признал в праведнике такую добродетель. После этого, скажи мне, как нам не стыдиться и не краснеть, если, тогда как диавол никогда не отчаивается в нашей погибели, а всегда ожидает ее, мы будем отчаиваться в спасении братьев? Ему надлежало бы, и, не делая опыта, отступить от борьбы, потому что Бог свидетельствовал о добродетели праведника; однако он не отступил, но по великому неистовству своему против нас, и после свидетельства Божия, надеялся преодолеть того доблестного мужа. А нас ничто такое не заставляет впадать в отчаяние, и, однако, мы отступаем. Диавол, не смотря на воспрещение Божие, не отступает от борьбы с нами; а ты уклоняешься, когда Бог располагает и побуждает тебя к поднятию падших? Диавол слышал Бога, изрекшего: "**человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла**", и "**нет такого, как он, на земле**" (Иов. 2:3), и однако после столь многих и столь сильных похвал продолжал говорить: а может быть непрерывностью и величиной наводимых на него бедствий я успею преодолеть его и низложить эту великую башню!

4. Какое же будет прощение нам, возлюбленные, и какое оправдание, если злой демон с таким неистовством действует против нас, а мы не окажем и малой части подобного усердия к спасению наших братьев, имея притом Бога своим помощником? Итак, когда ты увидишь брата жестоким и непокорным и невнимательным к тебе, скажи сам себе: может быть, со временем не успеем ли убедить его? Так и Павел повелел делать: "**рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины**" (2 Тим. 2:24-25). Не видишь ли, как отцы, нередко уже отчаявшись в своих сыновьях, садятся при них, плачут, горюют, целуют их и делают все с своей стороны до последнего издыхания? Так и ты поступай с братом. Они плачем и слезами не могут ни прогнать болезнь, ни отклонить угрожающую смерть; а ты нередко можешь, с терпением и настойчивостью, плачем и слезами привлечь и восстановить отчаянную душу. Ты советовал, и не убедил? Плачь, и приступай к нему часто; стенай горько, чтобы он, устыдившись твоей попечительности, обратился ко спасению. Что успею сделать я один? Я не могу один каждый день быть со всеми вами; мне недостает сил одному беседовать с таким множеством. Если же вы захотите принять участие в спасении друг друга, и взять на себя каждый по одному из беспечных братий, то у нас быстро пойдет вперед дело назидания. Нужно ли говорить о тех, которые исправляются после тщательного увещания? Даже и о тех, которые страждут неисцельной болезнью, не следует отчаиваться и нерадеть, хотя бы мы предвидели ясно, что они и после долгого о

них попечения и вразумления не получат никакой пользы. Если эти слова кажутся вам странными, то я подтвержу верность их тем, что сделал и сказал Христос. Мы, люди, не знаем будущего, и потому не можем утверждать о слушателях, убедятся ли они, или не убедятся нашими словами; а Христос, ясно зная и то и другое, не переставал до конца исправлять того, кто имел оказаться непослушным Ему. Зная, что Иуда не отстанет от предательства, Христос не переставал отклонять его от этого предательства советами, увещаниями, благодеяниями, угрозами и всяким способом вразумления, и постоянно удерживать словом, как бы какою уздою. Он делал это, научая и нас, чтобы мы, хотя бы и знали наперед, что братия не послушаются, исполняли все с своей стороны, так как нам за совет уготована награда. Смотри же, как Он постоянно и мудро удерживал Иуду Своими словами: "**один из вас предаст Меня**" (Мф. 26:21); и еще: "**не о всех вас говорю; Я знаю, которых избрал**" (Ин. 13:18); и еще: "**один из вас диавол**" (Ин. 6:70). Ему угодно было подвергнуть беспокойству всех, чтобы не выставить на позор предателя и явными обличениями не сделать его более бесстыдным. А что эти слова причиняли и прочим (ученикам) беспокойство и страх, хотя они не сознавали за собою ничего худого, послушай, как каждый из них говорил со смущением: "**не я ли, Господи**?" (Мф. 26:22)? Но не только словами, но и делами Христос вразумлял Иуду. Так как Он часто и во всем являл Свое человеколюбие, очищая прокаженных, изгоняя демонов, исцеляя больных, воскрешая мертвых, укрепляя расслабленных, всем благотворил, но никого не наказывал и постоянно говорил: "**Я пришел не судить мир, но спасти мир**" (Ин. 12:47): то, дабы не подумал Иуда, что Христос может только благотворить, а не наказывать, Господь научает его и этому, т. е., что Он может и наказывать и карать согрешающих.

5. Посмотри, как мудро и целесообразно Он и Иуду научил, и никого из людей не подверг наказанию и не покарал. Как же (Он поступил), чтобы ученик познал карательную силу Его? Если бы Он наказал кого-нибудь, то показалось бы, что Он противоречит собственным словам Своим: "**Я пришел не судить мир, но спасти мир**" (Ин. 12:47). С другой стороны, если бы Он никого не наказал, ученик остался бы невразумленным, не узнав на деле карательной силы Его. Чему же надлежало быть? Чтобы и ученик устрашился и не сделался по небрежности худшим, и никто из людей не был поражен и не потерпел наказания и кары, Христос являет эту силу на смоковнице, сказав: "**да не будет же впредь от тебя плода вовек**" (Мф. 21:19), и простым словом тотчас иссушив ее. Таким образом и люди все остались невредимыми, и Он явил Свою силу, когда наказанию подверглось дерево. Ученик же, если бы он был внимателен, получил бы великую пользу от этого наказания; однако он и через это не исправился. А Христос, хотя и предвидел это, сделал и кроме этого еще другое, гораздо большее. Когда иудеи, вооружившись на Него мечами и кольями, хотели наложить на Него руки, тогда Он ослепил всех их; ибо это выражает Он словами: "**кого ищете?**" (Ин. 18:4). Так как (Иуда) часто говорил: "**что вы дадите мне, и я вам предам Его?**" (Мф. 26:15), то Господь, желая и иудеев убедить и его вразумить в том, что Он добровольно идет на страдание и что все зависит от Него, а злоба Иуды не может преодолеть Его, в то время, как сам предатель стоял вместе со всеми, говорит: "**кого ищете?**" Разве Иуда не знал Того, кого намеревался предать? Но Господь ослепил его зрение; и не только это сделал, но поверг их всех на землю Своими словами (Ин. 18:6). Когда же и это не сделало их более кроткими и не отклонило от предательства нечестивца, который остался неисцельным, и тогда Христос не оставил еще Своего благоволения и попечения о нем, но посмотри, как трогательно касается бесстыдной души его, и произносит слова, которые могли бы смягчить и каменную душу. Когда Иуда устремился облобызать Его, тогда что Он говорит? "**Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого?**" (Лк.22:48), не стыдишься и самого способа предательства? Это сказал Христос, чтобы тронуть его и напомнить ему о прежнем общении. Но, несмотря на то, что Господь столько и делал и говорил, Иуда не сделался лучшим, не по немощи Вразумлявшего, но по собственной беспечности. А Христос, хотя и предвидел все это, не

переставал, с начала до конца, делать все с своей стороны. Итак, зная все это, возлюбленные, и мы должны непрерывно и постоянно исправлять и дружески вразумлять беспечных братий наших, хотя бы и не было никакой пользы от увещания. Если такое попечение о человеке, не хотевшем воспользоваться вразумлением, имел Тот, Кто знал, что таков будет конец; то можем ли удостоиться прощения мы, когда, не зная исхода дел, так нерадим о спасении ближних, оставляя их после первого и второго увещания? После всего сказанного, обратим внимание и на себя самих, как мы ежедневно ослушиваемся Бога, каждый день вещающего нам чрез пророков и апостолов, и однако Он не перестает всегда вещать и убеждать непокорных и невнимательных. И Павел взывает так: "**Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом**" (2 Кор. 5:20). Если можно сказать еще нечто удивительное, то достоин не таких похвал тот, кто предлагает увещание, зная наперед, что принимающий увещание непременно послушается, каких - тот, кто многократно говорил, и советовал, и не имел успеха, и однако не переставал делать это. Первого, хотя бы он был ленивее всех, возбуждает к увещанию надежда, что слушатель убедится; а последний, постоянно увещевая и не видя послушания и однако не переставая делать это, представляет доказательство пламеннейшей и искреннейшей любви, как не ободряемый никакою подобною надеждою, но единственно по любви к слушателю не оставляющий попечения о брате. Впрочем довольно уже доказано, что не должно никогда оставлять падших, хотя бы мы наперед знали, что они не послушаются нас. Надобно наконец перейти к обличению предающихся веселью; ибо, доколе продолжается этот праздник и диавол наносит раны опьянения душам пьянствующих, дотоле и нам должно прикладывать к ним врачевства.

6. Вчера мы приводили против них Павла, который говорит: "**едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию**" (1 Кор. 10:31). А сегодня укажем им на Владыку Павла, Который не только увещевает и советует воздерживаться от веселья, но и наказывает и карает живущего в веселье; ибо повествование о богатом и Лазаре, и о судьбе того и другого, указывает не на что-либо иное, как именно на это. Впрочем, чтобы нам не сделать это поверхностно, я прочитаю вам притчу с самого начала. "**Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его**" (Лк. 16:19-21). Для чего Господь говорил притчами, и почему одни из них изъяснял, а другие не объяснял, и что такое притча, и все подобные вопросы отложим до другого времени, чтобы не уклониться от предстоящего теперь предмета речи; а пока скажем вам только о том, кто из евангелистов повествует, что Христос сказал эту притчу. Кто же? Один Лука. Необходимо знать и то, что из сказанного [Иисусом Христом] одно изложили все четыре [евангелиста], а другое каждый особо. Для чего же? Для того, чтобы и чтение прочих [евангелистов] было для нас необходимо и видно было совершенство их согласия; ибо, если бы они все сказали обо всем, то мы не всем им внимали бы прилежно, так как и один мог научить всему: а если бы они все говорили обо всем различно, то не видно было бы совершенства их согласия. Посему они о многом написали и все вообще, и каждый особо. Итак, этою притчею Христос научает следующему. Некоторый человек, говорит Он, был богат, жил весьма порочно, не испытывал никакого несчастия, но все притекало к нему, как бы из источников. Что с ним не случалось ничего неожиданного, никакого повода к унынию, никакой житейской неприятности, на это самое указывают слова: "**каждый день пиршествовал блистательно**". А что он жил порочно, это видно и из постигшей его кончины, и еще прежде кончины, из оказанного им презрения к бедному. Этот самый бедняк доказал собою, что богач не имел сострадания не только к нему, лежавшему у ворот, но и ни к кому другому; ибо, если даже тому, который припадал постоянно к воротам и лежал пред глазами, которого он по необходимости, входя и выходя, ежедневно видел, и не раз, и не

два, а многократно: потому что (бедняк) лежал не на распутье и не в тайном и тесном месте, но там, где богач непрестанно входил и выходил, и невольно должен был видеть его, - если он не оказал сострадания даже тому, который находился в таком жестоком страдании и жил в такой нищете, или лучше - во всю жизнь мучился болезнью, и болезнью жесточайшею, то к кому же из встречавшихся с ним был он сострадателен? Если он в первый день прошел мимо (Лазаря), то во второй надлежало бы ему почувствовать что-нибудь; если же и в этот день пренебрег им, то в третий, или в четвертый, или в последующий день ему непременно надлежало бы тронуться, хотя бы он был свирепее диких зверей. Но он не чувствовал никакого сострадания, а был жесточе и безжалостнее того судии, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился (Лк. 18:2-5); того, сколь он ни был жесток и суров, настойчивость вдовы заставила оказать милость и склонила на просьбу; а этого ничто не могло склонить на помощь бедному, хотя и просьба была неодинакова, но просьба этого бедного была гораздо удобоисполнимее и справедливее. Та просила судью против врагов своих, а этот просил утолить голод его и не презреть погибающего; та беспокоила частыми просьбами, этот же многократно в день являлся богатому лежащим в молчании: а это очень может смягчить даже и каменную душу. Когда часто беспокоят нас, то мы раздражаемся; но когда видим, что нуждающиеся стоят с полным молчанием и не говорят ничего, что они, и не достигая никогда успеха, не негодуют, но только молчаливо являются к нам, тогда мы, хотя бы были бесчувственнее самых камней, трогаемся, стыдясь их чрезмерной скромности. Кроме того было и нечто другое, не меньшее этого, именно: самый вид бедного был жалкий, изможденный голодом и продолжительною болезнью. Однако все это нисколько не смягчило богача жестокосердного.

7. Итак, первый порок богатого - жестокость и бесчеловечие в высшей степени. Ибо не все равно - не помогать нуждающимся тому, кто живет в бедности, или пренебрегать другими, изможденными голодом, тому, кто наслаждается таким веселием. Опять не все равно, - раз или два раза, увидя бедного, пройти мимо его, или видеть его каждый день и даже этою непрерывностью зрения не пробудиться к жалости и человеколюбию. Опять не все равно - не помогать ближним тому, кто сам находится в несчастиях, скорбях и в дурном расположении духа, или оставлять без внимания других, изможденных голодом, тому, кто наслаждается таким веселием и постоянным благоденствием, ожесточиться и не сделаться более человеколюбивым даже от самых радостей. Вы знаете, что мы, хотя бы были жестокосерднее всех, от благополучия обыкновенно делаемся благосклоннее и добрее. Но этот богач и от благополучия не сделался лучшим, но оставался зверским или, лучше сказать, своими нравами превзошел жестокость и бесчеловечие всякого зверя. И однако, живший в пороках и бесчеловечный наслаждался благополучием, а праведный и преданный добродетели находился в крайнем злополучии. А что Лазарь был праведен, это также показала кончина его, и еще прежде кончины самое терпение среди бедности. Как вам кажется, не видите ли вы самые дела их пред собою? У богатого корабль был полон товара и плыл при попутном ветре. Но не дивитесь: он поспешал к кораблекрушению, потому что не хотел обращаться с грузом осторожно. Хочешь ли, я покажу тебе, в чем состоял и другой порок его? В том, что он каждый день веселился без опасения. Ибо и это крайнее зло, не только теперь, когда требуется от нас такое любомудрие но и прежде - в ветхом завете, когда такое любомудрие еще не было открыто. Послушай, что говорит пророк. Горе вам, "**приходящие в день злой, приближающиеся и прикасающиеся субботам лживым?**"[1] (Амос. 5:18). Что значит: *прикасающиеся субботам лживым*? Иудеи думают, что суббота дана им для праздности. Но не эта причина (установления субботы), а та, чтобы они, воздерживаясь от житейских дел, весь досуг употребляли на дела духовные. Что действительно суббота назначена не для праздности, а для духовной деятельности, это видно из самых обстоятельств. Священник в этот день делает двойное дело: тогда как каждый день приносится простая жертва, в этот день повелевается

приносить двойную. А если бы суббота решительно назначена была для праздности, то священнику прежде всех надлежало бы быть праздным. Посему, так как иудеи, освободившись от дел житейских, не занимались духовными - целомудрием, скромностью и слушанием божественных вещаний, но делали противное этому, угождая чреву, упиваясь, пресыщаясь, предаваясь веселью, за это и осуждал их пророк. Сказав: горе вам, *приходящии в день злой*, и присовокупив: *прикасающиеся субботам лживым*, этим прибавлением он объяснил, как у них ложны были субботы. Как же они делали их ложными? Совершая беззакония, предаваясь веселью, упиваясь и делая множество постыдных и злых дел. А что это действительно так, выслушай последующее, ибо то, что я говорю, выражает и пророк, тотчас присовокупляя следующия слова: "**вы, которые лежите на ложах из слоновой кости и нежитесь на постелях ваших, едите лучших овнов из стада и тельцов с тучного пастбища, поете под звуки гуслей, думая, что владеете музыкальным орудием, как Давид, пьете из чаш вино, мажетесь наилучшими мастями**" (Ам.6:4-6). Ты получил субботу для того, чтобы освободить душу от пороков, а ты делаешь их еще более. Что может быть хуже этой изнеженности, как спать на ложах из слоновой кости? Другие грехи доставляют хотя малое какое-нибудь удовольствие; например - пьянство, корыстолюбие, сладострастие; а спать на ложах из слоновой кости - какое удовольствие, какое утешение? Неужели красота ложа делает сон приятнее и слаще? Скорее от этого он бывает самым тяжелым и самым неприятным, если мы благоразумны; ибо, если ты представишь, что, когда ты спишь на ложе из слоновой кости, другой не может и хлеба вкушать спокойно, то не осудит ли тебя совесть и не восстанет ли с обвинением против такой несообразности? Если же предосудительно спать на ложах из слоновой кости, то какое мы будем иметь оправдание, когда они еще будут со всех сторон обложены серебром? Хочешь ли видеть красоту ложа? Я покажу тебе теперь благолепие ложа, принадлежащего не простолюдину и не воину, а царю. Я знаю, что ты, хотя бы был самолюбивее всех, не захочешь иметь ложа благолепнее царского, и, что еще важнее, не какого-нибудь царя, но первого и знаменитейшего из всех царей, и доныне воспеваемого по всей вселенной; я покажу тебе ложе блаженного Давида. Какое же оно было? Оно было со всех сторон украшено не серебром и золотом, но слезами и исповеданиями (грехов). Об этом сам он говорит так: "**каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою**" (Пс. 6:7). Слезы, как жемчужины, виднелись на нем со всех сторон.

8. И посмотри, какая у него боголюбивая душа: так как днем беспокоили и развлекали его многочисленные заботы о правителях, военачальниках, племенах, народах, воинах, сражениях, мире, о делах общественных и домашних, дальних и близких, то свободное время, которое все мы проводим во сне, он проводил в исповедании (грехов), молитвах и слезах. И это делал он не одну ночь, а в другую успокаивался, не две и не три ночи, а в промежутки переставал, но каждую ночь делал это: "**каждую ночь**", говорит он, "**омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою**", указывая на обилие и непрерывность слез. Когда все покоились и находились в тишине, он один взывал к Богу, и неусыпающее Око было присуще скорбевшему и плакавшему, и исповедывавшему грехи свои. Такую постель и ты устрой; потому что постель, обложенная серебром, и в людях возбуждает зависть, и свыше воспламеняет гнев. А такие слезы, каковы Давидовы, могут погасить самый геенский огонь. Хочешь ли покажу тебе и другое ложе? Разумею ложе Иакова. Он имел под собою землю, а под головою своею камень; посему и увидел духовный Камень и ту лествицу, по которой восходили и нисходили ангелы (см. Быт. 28). Такие постели устроим и мы, чтобы видеть такие же сны. Если же будем лежать на серебряном ложе, то не только не получим никакого удовольствия, но и потерпим скорбь; ибо, когда ты представишь, что в крайнюю стужу, среди ночи, когда ты спишь на ложе, бедняк лежит на соломе в преддверии бань, прикрывшись тростником, дрожа, корчась от холода и терзаясь голодом, то, хотя бы ты был каменным больше всех, я уверен, осудишь

себя за то, что сам нежишься сверх нужды, а ему не даешь пользоваться и необходимым. "**Никакой воин**", говорит (апостол), "**не связывает себя делами житейскими**" (2 Тим. II, 4). Ты воин духовный, а такой воин спит не на ложе из слоновой кости, но на земле, и не намащается маслом; потому что такая забота свойственна людям сладострастным и испорченным, живущим на сцене и в беспечности; а тебе должно благоухать не мастями, но добродетелью. Ничего нет грязнее души, когда тело имеет такое благовоние; потому что благовоние тела или одежды может быть доказательством внутреннего зловония и нечистоты. Когда диавол, приступив к душе, изнеживает ее и ввергает в великое расслабление, тогда она нечистоту своего растления отражает и на теле посредством благовоний. И как страждущие насморком марают и одежду, и руки, и лицо, постоянно отирая текущую из носа влагу, так и душа сообщает телу нечистоту своей дурной влаги. Кто подумает что-нибудь благородное и доброе о человеке, который пахнет мастями и уподобляется женщине, или лучше - блуднице и подражает жизни пляшущих? Пусть благоухает душа твоя духовным благовонием, чтобы тебе приносить величайшую пользу и себе самому и живущим с тобою. Нет, нет ничего хуже веселья. Послушай, что еще говорит о нем Моисей: "**и утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и отвергся возлюбленный**"[2] (Втор. 32:15). Не сказал *отступил*, но: *отвергся возлюбленный*, показывая нам упрямство и непокорливость его. И еще в другом месте: "**когда будешь есть и насыщаться, тогда благословляй Господа, Бога твоего, за добрую землю, которую Он дал тебе. Берегись, чтобы ты не забыл Господа, Бога твоего**" (Втор. 8:10-11). Так веселье обыкновенно доводит до забвения. Ты же, возлюбленный, когда сядешь за трапезу, вспомни, что после трапезы тебе должно молиться: и затем умеренно наполняй чрево, чтобы, обременивши себя, не сделаться бессильным преклонить колено и помолиться Богу. Не видите ли, что подъяремные животные от яслей выступают в дорогу, несут тяжести и исполняют свою службу? А ты после трапезы бываешь неспособен и негоден ни к какому делу; не будешь ли ты хуже и самых ослов? Почему? Потому, что тогда особенно и должно не спать и бодрствовать; ибо время после трапезы есть время благодарения, а благодарящему должно не пьянствовать, но не спать и бодрствовать. Будем же от трапезы обращаться не на ложе, но на молитву, чтобы нам не быть бессмысленнее бессловесных.

9. Знаю, что многие осудят эти слова, как вводящие в жизнь обычай новый и странный, но я еще более осужу дурную привычку, теперь владеющую нами. Что за пищею и трапезою должны следовать не сон и покой, но молитвы и чтение божественных Писаний, это весьма ясно показал Христос. Напитав тогда в пустыне несметное множество народа, Он не отослал его на ложе и ко сну, но призвал к слушанию божественных вещаний. Он не переполнил их чрева пищею и не довел до упоения, но, удовлетворив их потребности, привел к пище духовной. Так и мы будем поступать и приучимся употреблять пищи столько, сколько необходимо только для поддержания жизни, а не для пресыщения и отягощения. Ибо мы не для того родились и живем, чтобы есть и пить, но для того едим, чтобы жить. Не жизнь для пищи, но пища для жизни дарована от начала. А мы, как будто для ядения пришли в мир, все проживаем на это, всю жизнь тратим на это. Но, чтобы обличение веселья было сильнее и больше коснулось живущих в нем, теперь обратим опять речь к Лазарю. Таким образом увещание и совет будут у нас вернее и действительнее, когда вы не из слов, но из дел увидите, как вразумляются и наказываются преданные пресыщению. Итак, богач жил в таком нечестии и веселился каждый день и одевался блистательно, навлекая на себя жесточайшее наказание, приготовляя больший пламень, заслуживая себе осуждение неумолимое и мучение неотменяемое. А бедный лежал у ворога его, и не роптал, не богохульствовал и негодовал; не сказал самому себе, как говорят многие: "что это значит? Этот человек, живущий в нечестии, жестокости и бесчеловечии, пользуется всем сверх потребности, и не терпит ни печали, ни какого-либо другого неожиданного бедствия, которых много бывает с людьми, но наслаждается

чистым удовольствием, а я не могу получить и необходимой пищи; к нему, проживающему все на тунеядцев и льстецов и на пьянство, все течет, как из источников; а я, истощаемый голодом, лежу притчею для зрителей, позором и посмешищем; неужели это от Промысла? Неужели какая-то правда надзирает за делами человеческими?" Ничего такого он не сказал и не подумал. Из чего это видно? Из того, что ангелы, окружая его, отнесли и положили в лоно Авраама, столь великой чести он не удостоился бы, если бы был богохульником. Многие удивляются этому человеку потому только, что он был в бедности; а я могу насчитать девять мучений, которые он вытерпел не в наказание, но для того, чтобы сделаться более славным, что и исполнилось. И бедность действительно есть бедствие; это знают испытавшие ее; никакое слово не может изобразить той скорби, какую терпят живущие в нищете и не умеющие любомудрствовать. Но у Лазаря не одно это было бедствие, и присоединялась к тому и болезнь, и притом чрезмерная. И смотри, как (Господь) показывает, что то и другое несчастие дошло до крайности. Что бедность Лазаря была тогда выше всякой бедности, это Господь выразил, сказавши, что он не получал и крупиц, падавших от трапезы богатого; а что и болезнь его дошла одинаково с бедностью до той меры, далее которой простираться уже невозможно было, это самое также Господь выразил, сказавши, что псы лизали раны его. Лазарь был так слаб, что и псов не мог отгонять, и лежал живым трупом, видя их, прибегающих к нему, но прогнать их не имея сил. Так у него члены были расслаблены, так иссушены болезнью, так изможденны страданием! Видишь ли, что и бедность и болезнь с крайней жестокостью осаждали тело его? Если же каждое из этих бедствий само по себе невыносимо и ужасно, то, когда они соединились вместе, не адамантом ли был терпевший их? Многие часто бывают больны, но не нуждаются в необходимой пище; другие живут в крайней бедности, но наслаждаются здоровьем, и одно бывает облегчением другого; но здесь сошлись вместе то и другое зло. Ты, может быть, назовешь мне кого-нибудь, который находится в болезни и бедности? Но - не в такой беспомощности. Тот, лежа на открытом месте, мог, если не от себя и не от домашних, то от видевших его получить помощь; а у этого вышесказанные бедствия еще более отягчались отсутствием каких-либо помощников; и эту беспомощность опять еще более тяжкою делало то, что он лежал в воротах богатого. Если бы он так страдал и был пренебрежен, лежа в пустыне и месте необитаемом, ему было бы не так больно: ибо то самое, что никого нет, невольно заставляет переносить приключающееся; но лежать посреди столь многих упивающихся и благоденствующих и ни от кого не получать ни малейшего сострадания, это еще более усиливало в нем чувство скорби и еще более производило уныние. Мы, обыкновенно, страдаем в несчастиях, не столько тогда, когда нет помощников, сколько тогда, когда и есть они, но не хотят подать руку помощи, отчего тогда и он страдал. Не было никого, кто бы или словом успокоил, или делом утешил его: ни друга, ни соседа, ни сродника, никого из видевших его: потому что развращен был весь дом богатого.

10. Притом скорбь его умножало еще и то, что он видел другого благоденствующим; не потому, чтобы он был завистлив и зол, но потому, что все мы обыкновенно яснее сознаем свои несчастия при благоденствии других. А при богатом было нечто другое, что еще более могло мучить Лазаря. Он сильнее чувствовал свои бедствия не только от сравнения собственного злополучия с благоденствием богатого, но и от мысли о том, что этот при жестокости и бесчеловечности своей во всем счастлив, а он, при своей добродетели и кротости, терпит крайние бедствия; от этого он страдал неутешною скорбью. Если бы богач был человек праведный, кроткий, дивный и исполненный всякой добродетели, то не опечалил бы Лазаря, а теперь, когда он живет порочно, и дошел до крайней степени нечестия, и такое показывает бесчеловечие, и питает самое враждебное расположение, и проходит мимо его, как мимо камня, бесстыдно и безжалостно, и после всего этого наслаждается таким благополучием, - представь, какими непрерывными, так сказать, волнами он вероятно заливал душу бедного; представь, каково было Лазарю видеть, как

тунеядцы, льстецы, слуги поднимались вверх, сходили вниз, выходили, входили, бегали, шумели, упивались, скакали и делали всякие другие бесчинства. Как будто пришедши для этого именно, чтобы быть свидетелем чужого благополучия, он лежал в воротах, имея в себе жизни столько, чтобы только чувствовать собственные бедствия, испытывая кораблекрушение в пристани, близ источника мучась в душе жесточайшею жаждою. Сказать ли еще о другом бедствии сверх того? Он не мог видеть другого Лазаря. Мы, хотя бы терпели бесчисленные бедствия, можем, воззревши на него, получить достаточное утешение и иметь великую отраду; потому что для скорбящих бывает великое утешение, когда они находят соучастников своих бедствий, на самом ли то деле, или в рассказах. Но он не мог видеть никого другого, страдавшего одинаково с ним; не мог даже и слышать, чтобы кто-либо из его предков так же страдал; а это - в состоянии омрачить душу. Можно к этому прибавить еще и то, что он не мог сколько-нибудь любомудрствовать о воскресении, но думал, что настоящие дела оканчиваются с настоящею жизнью; ибо он был из числа живших до благодати. Если же теперь между нами, при таком богопознании, при радостных надеждах воскресения, при ожидающих там грешников наказаниях и уготованных добродетельным благам некоторые бывают так малодушны и жалки, что не исправляются и этими ожиданиями; то как должен был страдать он, не имея и этого якоря? Он еще не мог ни о чем таком любомудрствовать, потому что еще не наступило время этих догматов. Было при этом и еще нечто другое, - то, что неразумные люди могли иметь о нем превратное мнение. Обыкновенно толпа, видя кого-нибудь в непрестанном голоде и недуге и в крайних бедствиях, составляет о таких людях недоброе мнение, от несчастия заключает о жизни, и думает, что они так бедствуют непременно за свои пороки, и много другого подобного говорит между собою, хотя неразумно, однако говорить: "если бы этот человек был любезен Богу, Он не попустил бы ему бедствовать в нищете и других несчастиях". Так было и с Иовом и с Павлом. Тому говорили: "**[если] попытаемся мы [сказать] к тебе слово, - не тяжело ли будет тебе? Впрочем кто может возбранить слову! Вот, ты наставлял многих и опустившиеся руки поддерживал, падающего восставляли слова твои, и гнущиеся колени ты укреплял. А теперь дошло до тебя, и ты изнемог; коснулось тебя, и ты упал духом. Богобоязненность твоя не должна ли быть твоею надеждою, и непорочность путей твоих - упованием твоим?**" (Иов. 4:2-6)?

Смысл этих слов такой: если бы ты сделал что-нибудь доброе, то не потерпел бы того, что ты потерпел; но ты несешь наказание за свои грехи и беззакония. Это более всего и огорчало блаженного Иова. И о Павле тоже говорили варвары: ибо, когда они увидели повисшую на руке его змею, то не подумали о нем ничего доброго, но сочли его за одного из величайших беззаконников, как видно из слов их: "**когда его, спасшегося от моря**" говорили они, "**суд [Божий] не оставляет жить**" (Деян. 28:4). А обыкновенно и это не мало возмущает нас. И однако, когда волны были столь многочисленны и неслись одна за другою, ладья (Лазаря) не потонула; но находясь в раскаленной печи, он любомудрствовал так, как бы прохлаждался непрерывною росою.

11. Он не сказал в самом себе ничего такого, что обыкновенно говорят многие: "если этот богач по смерти будет там наказан и предан мучению, то одно за одно; а если и там он будет наслаждаться такими же почестями, то два - не одно". Не носятся ли многие из вас с этими словами по торжищам и из конского ристалища и языческих театров не вносят ли их в церковь? Я стыжусь и краснею, что высказал эти слова пред всеми, но надобно сказать о них, чтобы вы избавились от непристойного смеха и срама, и вреда, происходящего от этих слов. Их многие часто произносят, смеясь, но и это - дело диавольской злобы: под видом шутливых слов вводит в жизнь нашу неправильные мнения. Их многие непрестанно повторяют и в мастерских, и на площади, и в домах; а это происходит от крайнего неверия и безумия, поистине смешного и детского смысла. Ибо

говорить: если порочные по смерти будут наказаны, и не иметь твердого убеждения, что они непременно будут наказаны, свойственно неверующим и сомневающимся; а думать, что если и это случится, как и действительно случится, то они получат равное с праведными воздаяние, крайне безумно. Скажи мне, что это ты говоришь: "если богач по смерти наказывается там, то одно за одно?" Основательно ли это? Сколько лет хочешь ты дать ему наслаждаться здесь богатством? Хочешь ли, дадим сто? Я, со своей стороны, полагаю двести, и триста, и дважды столько, а если хочешь - и тысячу, что невозможно, потому что "**Дней лет наших - семьдесят лет**" , говорится в Писании, "**восемьдесят лет**" (Пс. 89:10); но пусть будет и тысяча. Разве можешь ты, скажи мне, представить здесь жизнь, не имеющую конца и не знающую предела, какова жизнь праведных там? Итак, скажи мне, если бы кто, в продолжение ста лет, увидев в одну ночь приятный сон и во время его насладившись великим весельем, за это был наказываем сто лет, неужели он может говорить об этом: "одно за одно" и одну ночь сновидений считать равною со ста годами? Нельзя сказать этого. Так рассуждай и о будущей жизни. Что одно сновидение в сравнении со ста годами, то настоящая жизнь в сравнении с будущею жизнью, или лучше сказать - гораздо менее; что малая капля в сравнении с беспредельным морем, то тысяча лет в сравнении с будущею славою и блаженством. Что еще больше можно сказать (о будущей жизни) кроме того, что она не имеет предела и не знает конца, и какое различие между сновидениями и действительностью, такое же различие эта между настоящим и тамошним состоянием? С другой стороны порочные и живущие во грехах, еще прежде тамошнего наказания, уже и здесь наказываются. Не говори мне только о том, что этот человек наслаждается роскошным столом, одевается в шелковые одежды, окружен толпами слуг и гордо выступает по площади, но открой пред мною совесть его, и увидишь внутри великий мятеж грехов, постоянный страх, бурю, смущение; - (увидишь), что ум, как бы на судилище, восшедши на царский престол совести и восседая подобно судии, представляет помыслы, как бы палачей, истязает душу и терзает ее за грехи и громко взывает, тогда как никто не знает об этом, кроме одного всевидящего Бога. Так прелюбодей, хотя бы был безмерно богат и не имел ни одного обвинителя, сам непрестанно обвиняет себя внутренне; удовольствие у него кратковременно, а скорбь постоянна; отовсюду страх и трепет, подозрение и беспокойство; он боится переулков, страшится самых теней, собственных рабов, как тех, которые знают, так и тех, которые не знают, той самой, которую он обесчестил, и оскорбленного мужа ее; где ни ходит, везде носит с собою жестокого обвинителя - совесть, сам осуждает себя и не может нимало успокоиться. Ибо и на ложе и за столом, и на площади и дома, и днем и ночью, и в самых сновидениях он часто видит образы своего греха, проводит жизнь Каина "**изгнанником и скитальцем на земле**" (Быт. 4:12) и, чего никто не знает, внутри себя имеет огонь, всегда пламенеющий. То же испытывают и хищники и корыстолюбцы, то же и пьяницы и вообще каждый из живущих во грехах; потому что невозможно извратить это судилище. Хотя бы мы и не совершали добродетели, однако скорбим, что не следуем ей; и хотя бы делали зло, однако, по прошествии греховного удовольствия, чувствуем скорбь. Не будем же говорить о живущих здесь в богатстве и пороках и о праведниках, наслаждающихся там, что "одно за одно" и что "два - не одно". Праведным и тамошнее и здешнее доставляют великое удовольствие: а порочные и корыстолюбивые и здесь и там наказываются. Они и здесь наказываются ожиданием тамошнего мучения, худым всеобщим о них мнением, и тем самым, что грешат и растлевают свою душу, и по отшествии отсюда терпят невыносимые мучения. Напротив праведники, хотя бы здесь терпели бесчисленные бедствия, питаются добрыми надеждами, вкушая удовольствие чистое, постоянное, непоколебимое; а после получат бесчисленные блага, как и этот Лазарь. Не говори мне, что он был в ранах, но обрати внимание на то, что он имел душу драгоценнее всякого золота, или лучше сказать, имел не только душу такую, но и тело; потому что доблесть тела состоит не в тучности и дородности, но в перенесении многих и столь тяжких страданий. Не тот достоин отвращения, кто имеет на теле такие раны, но

тот, кто, имея на душе бесчисленные язвы, нисколько не заботится о них, каков был и тот богач, внутренне весь изъязвленный. Как у Лазаря псы лизали раны его, так у богатого демоны - грехи его; и как первый жил в алчбе пищи, так последний - в алчбе добродетели.

12. Зная все это, будем любомудрствовать и не станем говорить, что, если бы такого-то Бог любил, то не попустил бы ему быть бедным. Это самое и служит величайшим доказательством любви Его: "**Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает**"(Евр. 12:6). И еще: "**Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд"**(Сир. II,3:1-2). Отвергнем же, возлюбленные, те негодные мысли и те простонародные слова: "**сквернословие**", говорит апостол, **"пустословие и смехотворство, никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших**"

(см. Еф. 5: 34; 4:29). Не будем и сами произносить их, а если увидим, что другие произносят их, заградим и им уста, сильно восстанем против них, удержим их бесстыдный язык. Если бы ты увидел, что какой-нибудь предводитель разбойников бегает по дорогам, нападает на проходящих, похищает находящееся на полях, зарывает золото и серебро в пещерах и подземельях, и запирает там много стад, одежд и рабов, приобретая их своими набегами; то скажи мне, стал ли бы ты называть его блаженным за это богатство, и не назвал ли бы несчастным по имеющему постигнуть его наказанию? Хотя он еще не схвачен и не предан в руки судии, и не попал в темницу, и не обвинялся, и не осужден приговором, но веселится, пьянствует, наслаждается великим достатком; однако мы не считаем блаженным за настоящее и видимое, но называем несчастным по ожидающему его будущему. Так рассуждай и о богачах корыстолюбивых. Они - какие-то разбойники, засевшие при дорогах, грабящие проходящих и зарывающие имущества других в своих кладовых, как бы в пещерах и подземельях. Не станем же ублажать их за настоящее, но будем называть их несчастными за будущее, то страшное судилище и неизбежные истязания, тьму кромешную, которая постигнет их. Хотя разбойники нередко избегали рук человеческих; однако и зная это, мы и себе и врагам не желали бы их жизни и проклятого богатства. Но о Боге нельзя сказать этого: никто не избегнет Его приговора; но все, живущие любостяжанием и хищением, непременно навлекут на себя от Него наказание вечное и не имеющее конца, как и тот богач. О всем этом помышляя в самих себе, возлюбленные, будем считать блаженными не богатых, но добродетельных, а называть несчастными не бедных, но порочных; будем взирать не на настоящее, но на будущее, рассматривать не внешнее одеяние, но совесть каждого, и, стремясь к доблести и радости, проистекающей от добрых дел, будем и богатые и бедные подражать Лазарю. Он перенес не один, не два и не три только, но множество подвигов добродетели; именно: бедность, болезнь, отсутствие помощников, перенес все эти бедствия в доме, который мог прекратить их, и не удостоился ни от кого утешения, видел пренебрежение от наслаждавшегося таким весельем, и не только наслаждавшегося таким весельем, но и жившего в нечестии, и не терпевшего никакого бедствия; не мог видеть другого Лазаря, и не был в состоянии сколько-нибудь любомудрствовать о воскресении; кроме сказанных бедствий, терпел еще от толпы худое о себе мнение за эти несчастия, и не два или три дня, но во всю жизнь видел себя в таком несчастном состоянии, а богатого в противоположном. Какое же мы будем иметь оправдание, если, тогда как он с таким мужеством переносил все совокупившияся бедствий, мы не перенесем и половины их? Ибо ты не можешь, не можешь указать и назвать еще другого, кто бы потерпел столь многие и столь тяжкие бедствия. Посему Христос и выставил его на вид, чтобы мы, если когда-либо впадем в несчастье, видя чрезмерность скорбей этого бедняка, получили достаточное ободрение и утешение от его любомудрия и терпения; он представляется общим во вселенной учителем для претерпевающих какое либо бедствие, предлагая всем смотреть на него и превосходя всех чрезмерностью собственных несчастий. Итак,

возблагодарив за все это человеколюбивого Бога, будем извлекать пользу из этого повествования, постоянно имея при себе (Лазаря) и в собраниях, и дома, и на площади и везде и тщательно собирая все богатство из этой притчи, чтобы нам и настоящие бедствия переносить беспечально и получить будущие блага, чего да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, честь, поклонение, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

---

[1] Здесь русифицированный славянский перевод.

[2] Последние слова даются в соответствии с Септуагинтой.

О ЛАЗАРЕ

СЛОВО ВТОРОЕ.

Полное заглавие этого слова следующее: "О Лазаре, и о том, что души умерших насильственною смертью не делаются демонами, и о суде и милостыне".

Я удивлялся вам, возлюбленные, когда недавно предлагал слово о Лазаре, что вы и хвалили терпение бедного и осуждали жестокость и бесчеловечие богатого: это - не малые доказательства доблести. Если мы, даже и не стяжав добродетели, однако хвалим добродетель, то, конечно, можем и стяжать ее; и если не избегаем порока, однако порицаем порок, то конечно можем и избегнуть его. Итак, если вы приняли с великим благорасположением ту беседу, то теперь я предложу вам и остальное. Тогда вы видели Лазаря в воротах богатого, сегодня посмотрите на него в лоне Авраама; видели его облизываемого псами, посмотрите на него несомого ангелами; видели его тогда в бедности, посмотрите теперь на него в наслаждении; видели в голоде, посмотрите в великом изобилии, видели подвизающимся, посмотрите на венчаемого; видели его труды, посмотрите на его награды, - (посмотрите) и богатые и бедные: богатые, чтобы вам не почитать великим богатство без добродетели; а бедные, чтобы вам не почитать бедности злом; для тех и других он стал учителем. Ибо, если он в бедности не роптал, то какое получат прощение делающие это в богатстве? Если он в голоде и стольких бедствиях благодарил, то какое будут иметь оправдание те, которые в достатке не хотят стяжать такой же добродетели? С другой стороны, какое получат прощение бедные, которые от нищеты негодуют и ропщут, тогда как он в голоде и бедности, в беспомощности и постоянной болезни, живя в доме богатого, оставаясь в пренебрежении от всех и не видя другого страдавшего подобно ему, оказывается столь любомудрым? От него научимся богатых не называть блаженными, а бедных несчастными; а лучше, если правду сказать, богат не тот, кто имеет многое, но тот, кто не нуждается во многом; и беден не тот, кто ничего не имеет, но тот, кто желает многого; это должно считать мерою бедности и богатства. Итак, если ты увидишь кого желающим многого, то считай его беднее всех, хотя бы он владел имениями всех; и с другой стороны, если увидишь кого не нуждающимся во многом, то считай его богаче всех, хотя бы он не имел ничего. Мы обыкновенно судим о бедности и богатстве по расположению души, а не по мере имущества. Как мы не назовем здоровым одержимого непрестанною жаждою, хотя бы он имел во всем достаток, хотя бы находился при реках и источниках (ибо что пользы от

этого обилия воды, когда он остается в неутолимой жажде?); так будем относиться и к богатым: непрестанно желающих и жаждущих чужого никогда не будем считать здоровыми и наслаждающимися довольством. Кто не может удержать своего желания, тот хотя бы владел имениями всех, как будет когда-либо в избытке? А тех, которые довольствуются своим и остаются при своем, не засматриваясь на чужое имущество, хотя бы они были всех скуднее, должно считать благоденствующими более всех; ибо тот и благоденствует более всех, кто не нуждается в чужом, а с любовью довольствуется своим. Впрочем, если угодно, обратимся к предположенному предмету. "**Умер**, - говорит Господь, Лазарь, - **и отнесен был Ангелами**" (Лк. 16:22). Здесь хочу я исторгнуть из вашей души злой недуг. Многие из простых людей думают, будто души умерших насильственною смертью делаются демонами. Нет, нет. Демонами делаются не души умерших насильственною смертью, но души живущих во грехах, не потому, чтобы переменилось их существо, но потому, что воля их подражает злобе демонов. Указывая на это, и Христос говорил иудеям: "**Ваш отец диавол**" (Ин. 8:44); сынами диавола Он назвал их не потому, чтобы они изменились в существо его, но потому, что совершали дела его; поэтому Он и присовокупил: "**И вы хотите исполнять похоти отца вашего**" (Ин. 8:44). Также Иоанн говорит: "**Порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойные плоды покаяния и не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам**" (Лк. 3:7-8). Писание обыкновенно называет узами родства не те, которые бывают от природы, но которые - от добродетели и порока; и с кем кто одинаков в нравах, того Писание называет и сыном и братом его.

2. Но для чего диавол вселил такое дурное мнение? Он хотел поколебать славу мучеников. Так как они умирают насильственною смертью, то он, желая распространить дурное мнение о них, употребил это средство, но не успел в этом; ибо они продолжают сиять своею славою. Он же сделал другое тягчайшее зло, убедив этими мнениями служащих ему чародеев убивать многих простых юношей, в надежде, что они сделаются демонами, и потом будут служить им. Но это неправда, неправда! Почему же, скажешь, демоны говорят: "я душа такого-то монаха"? - Поэтому я и не верю, что говорят это демоны; потому что они обманывают слушающих. Посему и Павел заградил им уста, хотя они и правду говорили, чтобы они, воспользовавшись случаем, к истине не примешали и лжи, и не показались заслуживающими доверия. Так, когда они говорили: "**Сии человеки - рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения**" (Деян. 16:17); то (Павел), наскучив этим, запретил прорицательному духу, и повелел ему выйти; между тем, что худого они говорили? "**Сии человеки - рабы Бога Всевышнего**". Но так как многие из простых людей не умеют всегда обсуживать то, что говорят демоны, то (Павел) прямо лишил их доверия. Ты, говорит он, из числа отверженных, не смеешь говорить, молчи, онемей: не твое дело проповедовать; это - право апостолов; для чего похищаешь чужое? Молчи, ты отвержен. Так сделал и Христос. Когда демоны говорили Ему: "**Знаю Тебя, кто Ты**" (Мк. 1:24; Лк. 4:34), Он весьма строго запретил им, научая никогда не верить демону, хотя бы он говорил тебе что-либо здравое. Зная это, не будем ни в чем верить демону, но, хотя бы он говорил что-либо истинное, отвратимся и убежим от него; потому что здравое и спасительное учение можно узнать верно не от демонов, но из божественного Писания. А (то), что душа, вышедшая из тела, не подлежит насилию демонов, об этом послушай, что говорит Павел: "**Умерший освободился от греха**" (Рим. 6:7), т. е. уже не грешит. Если диавол не может сделать насилия душе, обитающей в теле, то, очевидно, - и вышедшей из тела. Как же, скажешь, грешат (души), если не терпят насилия? По своей воле и своему желанию предавая (греху) сами себя, а не по принуждению, не насильно; это доказали все те, которые преодолели козни диавола. Так Иова, сколько ни смущал, диавол не мог заставить произнести какое-либо богохульное слово (Иов. 2:9-10). Отсюда ясно, что мы властны следовать и не следовать его внушениям, и что не подлежим никакому принуждению и насилию со стороны его.

Впрочем, не только из сказанного, но и из предложенной притчи очевидно, что, вышедши из тела, души не остаются здесь, но тотчас отводятся, и послушай, как. "**Умер нищий**, - говорит (Господь), - **и отнесен был Ангелами**" (Лк. 16:22). Но туда отводятся души не только праведных, но и живших порочно; это видно из примера другого богача. Когда "**у одного богатого человека был хороший урожай в поле; и он рассуждал сам с собою … И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие**" (Лк. 12:16-18). Нет ничего жальче такой мысли. Точно, он разорил свои житницы; потому что безопасные житницы суть не стены, но утробы бедных; а он, оставив эти, заботился о стенах. Что же говорит ему Бог? "**Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя**" (ст. 20). Посмотри, там сказано: "**отнесен был Ангелами**", а здесь: "**возьмут**"; этого отвели, как узника, а того понесли с торжеством, как увенчиваемого. Как получившего на ристалище много ран и обагренного кровью, потом украшенного венцом, стоящие пред ристалищем с великою славою берут и отводят домой, рукоплеща, восхваляя, удивляясь: так и Лазаря отвели тогда ангелы; а душу богача взяли некоторые страшные силы, может быть посланные для этого; ибо душа не сама собою отходит в ту жизнь, так как это и невозможно. Если мы, переходя из города в город, имеем нужду в руководителе; то тем более душа, исторгнутая из тела и переселяющаяся в будущую жизнь, нуждается в путеводителях. Поэтому часто она, готовясь выйти из тела, то возвышается, то ниспадает, и страшится и трепещет. Сознание грехов и всегда мучит нас, но особенно в тот час, когда предстоит нам быть отведенными на тамошние истязания и страшное судилище. Тогда похитил ли кто, или присвоил себе что-нибудь, оклеветал ли кого-нибудь, или враждовал против кого-нибудь несправедливо, или сделал другое какое-либо зло, - весь этот ряд грехов возобновляется; предстает пред глазами и мучит душу. И как живущие в темнице всегда бывают унылы и печальны, но особенно в тот день, в который они должны быть выведены и приведены к самым дверям судии, а стоя пред решетками судилища и слыша внутри голос судии, задыхаются от страха и бывают нисколько не лучше мертвых; так и душа, хотя и в самое время греха весьма скорбит и мучится, но гораздо более тогда, когда она должна быть исторгнута и отведена отсюда.

3. Вы молчите, слушая это? Благодарю вас за это молчание более, нежели за рукоплескания; рукоплескания и похвалы делают меня славнейшим, а это молчание делает вас благоразумнейшими. Знаю, что слова мои огорчают, но и доставляют великую и невыразимую пользу. Если бы тот богач имел кого-нибудь, кто преподал бы ему подобное наставление, а не льстецов, которые предлагали все советы в угождение ему и влекли его к веселью, то он не был бы отведен в геенну, не подвергся бы невыносимым мучениям, и не раскаивался бы потом безутешно; но так как все говорили в угодность ему, то и предали его огню. О, если бы возможно было всегда и непрестанно так любомудрствовать и говорить о геенне! "**Во всех делах твоих**, - говорит (премудрый), - **помни о конце твоем, и вовек не согрешишь**" (Сир. 8:39). И еще: "**Соверши дела … окончи их на поле твоем, и потом устрояй и дом твой**" (Притч. 24:27). Если ты у кого похитил что-либо, возврати, и скажи подобно Закхею: "**Воздам вчетверо**" похищенное (Лк. 19:8). Если ты оклеветал кого, если сделался врагом кому-либо, примирись до судилища. Все окончи здесь, чтобы тебе без забот увидеть то седалище (судии). Доколе мы здесь, дотоле имеем добрые надежды; а когда отойдем туда, то уже не в нашей власти будет покаяться и смыть с себя грехи. Посему должно приготовляться непрестанно к исходу отсюда. Что, если Владыке угодно будет позвать нас вечером? Что если завтра? Будущее не открыто нам, чтобы мы всегда были озабочены и готовы к отшествию туда, подобно как Лазарь постоянно был в скорби и терпении; за то и отведен был с такою честью. "**Умер и богач, и похоронили его**" (Лк. 16:22); душа его закопана была в теле, как в могиле, и носила на себе плоть, как гроб. Он был связан, как бы какими оковами, пьянством и чревоугодием, потому и душу свою сделал недеятельною и мертвою. Не оставляй без внимания, возлюбленный, слов: "**похоронили его**"; но представь здесь

посребренные столы, постели, ковры, покрывала, все прочие домашние вещи, масти, ароматы, множество вина, разнообразные яства, сласти, поваров, льстецов, оруженосцев, рабов и всю прочую роскошь - померкшею и исчезнувшею. Все - пепел, все - прах и пыль, слезы и вопли; никто уже не может ни помочь, ни возвратить отшедшую душу. Тогда обличилась сила золота и великого богатства. От такого множества прислужников он отводим был нагим и одиноким, бессильным унести отсюда что-нибудь из такого богатства, оставленным всеми, беспомощным; не было при нем никого из служивших, кто бы помог ему и избавил его от наказания и мучения, но отторгнутый от всех, он один влеком был на невыносимые муки. Подлинно, "**Всякая плоть - трава, и вся красота ее - как цвет полевой. …Трава засыхает, цвет увядает, а слово Бога нашего пребудет вечно**" (Ис. 40:6,8). Пришла смерть, и все это истребила, и, как пленника, взяла и отвела его, поникшего долу, покрытого стыдом, оробевшего, трепещущего, устрашенного, как будто во сне насладившегося всем прежним весельем; и теперь богач стал просить нищего и нуждаться в трапезе того, кто некогда томился голодом и доступен был устам псов; так изменились обстоятельства и все узнали, кто был этот богач, и кто был этот нищий, и что Лазарь был богаче всех, а тот - беднее всех. Как на сцене являются принимающие на себя лица царей, и военачальников, и врачей, и риторов, и софистов, и воинов, на самом деле не будучи ничем этим; так и в настоящей жизни - и бедность и богатство суть только маски. Посему, как ты, сидя в театре и увидев кого-либо из играющих внизу представляющим лицо царя, не называешь его счастливым и не считаешь за царя, и сам не пожелал бы быть таким, но, зная, что это - кто-либо из обращающихся на торжище, может быть, веревочник, или медник, или другой кто-либо такой, не считаешь его счастливым за его маску и одежду, и по ним не судишь об его жизни, напротив - отвращаешься от него за ничтожество его в других отношениях; так и здесь в мире, как бы сидя в театре и смотря на играющих на сцене, когда увидишь многих богатеющими, не почитай их истинно богатыми, но только представляющими мнимые лица богатых. Как тем, представляющим на сцене царя и военачальника, часто бывает раб или из числа продающих на рынке смоквы и виноград; так и этот богач часто бывает беднее всех. Если снимешь с него маску, раскроешь совесть и вникнешь в душу, то найдешь там великую бедность в добродетели, и его - самым бесчестным из всех людей. Ибо, как в театре, по наступлении вечера и по выходе сидевших там, эти представлявшиеся всем царями и военачальниками, вышедши вон и сбросив поддельный вид, являются уже тем, что они на самом деле; так и теперь, когда приходит смерть и зрелище закрывается, все отходят туда, сложив с себя мнимые виды богатства и бедности, и только, судя по делам, оказывается, кто из них истинно богатые и кто бедные, кто - досточтимые, а кто - бесчестные.

4. Часто иной из здешних богачей оказывается там беднее всех, подобно как и тот богач. Когда наступил вечер, т. е. смерть, и вышел он из зрелища настоящей жизни и сбросил мнимое лице, то оказался там беднее всех, и столь бедным, что не имел в своем распоряжении даже капли воды, но и её просил, и даже этого просимого не получил. Что может быть беднее такой бедности? И, послушай, как это было: "**Он поднял глаза свои, … и, возопив, сказал: отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой**" (Лк. 16:23-24). Видишь ли, что значит бедствие? Когда Лазарь был близко, он пробегал мимо его; а теперь, когда тот далеко, зовет его; на кого часто, и, входя и выходя, не смотрел, на того издали смотрит пристально. А для чего смотрит на него? Много раз, может быть, говаривал этот богач: "какая мне нужда в благочестии и добродетели? Все течет ко мне, как из источников; я наслаждаюсь великим богатством, великим благоденствием, не терплю никакой неприятности; для чего мне заботиться о добродетели? Этот нищий, живя в правде и благочестии, терпит бесчисленные бедствия". Это же многие и ныне часто говорят. Чтобы вырваны были с корнем подобные злые мысли, богач видит, что и пороку уготована казнь, и подвигам благочестия - слава и венец. Но не для этого только богач

смотрел на Лазаря, но и для того, чтобы ему потерпеть теперь в большей мере то, что терпел бедный; как у того усиливалось страдание тем, что он лежал в воротах богатого и видел чужое благоденствие; так и у этого наказание отягчалось теперь тем, что он лежал в геенне и видел блаженство Лазаря, так что его мучение было невыносимее не только по свойству наказаний, но и по сравнению с почестью бедного. Как, изгнавши Адама из рая, Бог поселил его *напротив рая* (Быт. 3:24 – со слав.) для того, чтобы постоянное воззрение на рай - возобновляя скорбь, пробуждало в нем живейшее чувство потери благ, так и этого богача Он поместил прямо против Лазаря для того, чтобы он увидел, чего лишил себя. Я послал, говорит Он, к тебе в ворота нищего Лазаря, чтобы он был для тебя наставником добродетели и предметом человеколюбия; ты пренебрег этим благом и не хотел надлежащим образом пользоваться этим средством ко спасению; прими же его, как средство к большему наказанию и мучению. Из этого мы познаем, что все, нами оскорбляемые и обижаемые, предстанут тогда пред лицем нашим. Хотя Лазарь ни в чем не был обижен богатым, так как богатый не брал его денег, и только не давал ему своих. Если же не уделявший своего имеет обвинителем того, кому не оказал милости, то похитивший чужое, какое получит прощение, когда со всех сторон окружат его обиженные? Там не нужны ни свидетели, ни обвинители, ни доказательства, ни подтверждения: но самые дела явятся пред очами нашими в том виде, как мы их совершили. Вот человек, сказано будет, и дела его! - А не уделять из своего имущества есть также похищение. Может быть, слова мои кажутся вам удивительными; но не удивляйтесь; я представлю вам из божественных Писаний свидетельство о том, что не только похищать чужое, но и не уделять из своего другим означает хищение, и любостяжание, и отнятие. Какое же это свидетельство? Укоряя иудеев, Бог через пророка говорит: земля принесла плоды свои, и вы не внесли десятин; но похищенное у бедного в домах ваших (Мал. 3:10). Так как вы, говорит, не дали обыкновенных приношений, то похитили собственность бедного. Этими словами Он внушает богатым, что они владеют собственностью бедных, хотя бы получили отцовское наследство, хотя бы собрали богатство каким-либо другим способом. И еще в другом месте говорит: “**Не отказывай в пропитании нищему**” (Сир. 4:1); а лишающий - отнимает чужое; потому что отнятием называется то, когда мы берем и удерживаем у себя чужое. Итак, из этого мы научаемся, что, когда мы не подаем милостыни, то будем наказаны наравне с похитителями. Эти имущества Господни, откуда бы мы их ни собрали; и если мы уделим из них бедным, то приобретем великое богатство. Бог попустил тебе иметь больше других не для того, чтобы ты тратил на блудодеяние, и пьянство, и пресыщение, и дорогие одежды, и на другие предметы роскоши, но для того, чтобы ты уделял нуждающимся. Как казнохранитель, получивший царские деньги, если не раздаст их кому приказано, а истратит на собственную прихоть, подвергается наказанию и погибели; так и богач есть как бы приемщик денег, следующих к раздаче бедным, получивший повеление разделить их нуждающимся из его сослужителей; посему, если он истратит на себя сколько-нибудь сверх необходимой нужды, то подвергнется там жесточайшей ответственности; потому что имущество его принадлежит не ему собственно, но его сослужителям.

5. Будем же беречь имущество, как чужое, чтобы оно стало нашим. Как же нам сберечь его, как чужое? Если будешь тратить его не на излишние надобности, и не на свои только, но и уделять в руки бедных; если ты богат, но тратишь сверх нужды, то ты дашь отчет во вверенных тебе деньгах. Это бывает и в домах вельмож; многие вверяют свои сокровища слугам своим; а получившие берегут вверенное им и не злоупотребляют сокровищами, но раздают их, кому и когда прикажет господин. Так поступай и ты; ибо не для того ты получил и принял больше других, чтобы истрачивать одному, но чтобы и для других ты был хорошим домоправителем. И то достойно рассмотрения, почему богатый видел Лазаря не у другого праведника, а в лоне Авраама. Авраам был гостеприимен; поэтому богатый видит Лазаря с ним для того, чтобы и это было обличением его

негостеприимства. Тот и мимоидущих уловлял и привлекал в дом свой; а этот пренебрегал и лежавшим в доме его, и, имея такое сокровище и средство ко спасению, каждый день пробегал мимо его, и не воспользовался надлежащим образом покровительством нищему. Но патриарх поступал не так, а совсем напротив: сидя пред дверями, он уловлял всех проходивших; и подобно как рыболов, забрасывая сеть в море, вытаскивает рыбу, а часто вытаскивает и золото и жемчужины, так и он, уловляя людей, уловил некогда и ангелов, и, что удивительнее, сам того не зная. Изумляясь этому, и Павел увещевает так: "**Страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам**" (Евр. 13:2). И хорошо сказал он: "**не зная**". Если бы патриарх, зная, принял их с такою благосклонностью, то не сделал бы ничего великого и дивного; но вся заслуга его в том, что, не зная, кто были проходившие, и, полагая, что это обыкновенные путники, - он с таким усердием пригласил их в свой дом. Так и ты, если покажешь великое усердие, принимая какого-нибудь знаменитого и славного человека, не сделаешь ничего удивительного; потому что знатность гостя часто заставляет и негостеприимного человека показать всю готовность; но весьма важно и дивно то, когда мы и людей обыкновенных, отверженных и низких принимаем с великим радушием. Посему и Христос, похваляя поступающих так, говорил: "**Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне**" (Мф. 25:40). И еще: "**Нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих**" (Мф. 18:14). И еще: "**А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской**" (ст. 6). И везде у Христа выражается великое попечение о малых и меньших. Зная это, и Авраам не расспрашивал проходивших, кто они и откуда, как мы ныне делаем; но просто принимал всех проходивших; потому что оказывающий благотворительность должен не жизнь бедного исследовать, но помочь бедности и удовлетворить нужде. Одно оправдание у бедного - недостаток и нужда; ничего больше не спрашивай у него; но если он, хотя бы был порочнее всех, нуждается в необходимой пище, то утолим голод его. Так поступать повелел и Христос: "**Да будете**, - говорил Он, - **сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф. 5:45). Милосердный есть пристань для нуждающихся, а пристань принимает всех, потерпевших кораблекрушение, и спасает от опасностей; злые ли, или добрые, или кто бы ни были те, которые находятся в опасности, - она принимает их в свои объятия. Так и ты, видя человека подвергшегося на земле кораблекрушению бедности, не осуждай и не требуй отчета, но избавь от несчастия. Для чего ты навлекаешь на себя труды? Бог освободил тебя от всякой заботы и беспокойства. Сколько стали бы многие говорить и негодовать, если бы Бог повелел - сперва с точностию разведывать жизнь, разузнавать поведение и поступки каждого, и потом уже подавать милостыню? А теперь мы освобождены от всякого такого затруднения. Для чего же мы сами навлекаем на себя излишние заботы? Иное - судия, иное - податель милостыни. Милостыня потому так и называется, что мы подаем ее и недостойным. Так поступать увещевает и Павел: "**Делая добро**, - говорит он, - **да не унываем**, … **будем делать добро всем, а наипаче своим по вере**" (Гал. 6:9-10). Если мы станем расспрашивать и разведывать о недостойных, то и достойные не скоро попадутся нам; а если будем подавать и недостойным, то и достойные и подобные всем им попадут в наши руки, как и случилось с блаженным Авраамом, который, не расспрашивая и не разведывая о проходящих, сподобился принять некогда и ангелов. Будем же и мы подражать ему, а с ним и потомку его Иову; ибо и этот со всею точностью подражал великодушию предка, и потому говорил: "**Двери мои я отворял прохожему**" (Иов. 31:32); не для такого-то открыта, а для другого затворена, но для всех вообще была открыта.

6. Так, увещеваю, будем делать и мы, ничего не разведывая сверх надлежащего. Достоинство бедного составляет одна нужда; кто бы когда ни пришел к нам с нею, не

станем ничего исследовать более; потому что мы подаем не нраву, а человеку, и жалеем его не за добродетель, а за несчастье, чтобы и самим нам привлечь на себя великую милость от Господа, чтобы и самим нам, недостойным, сподобиться Его человеколюбия. Если же мы станем в сослужителях наших отыскивать и исследовать достоинства, то и с нами Бог сделает то же; и, стараясь истребовать отчет от равных нам рабов, сами лишимся вышнего человеколюбия. “**Ибо каким судом судите**, - говорит Господь, - **[таким] будете судимы**” (Мф. 7:2). Но обратим речь опять к своему предмету. Итак богач, увидев Лазаря в лоне Авраама, говорит: “**Отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря**” (Лк. 16:24). Почему он обратил речь не к Лазарю? Мне кажется, потому, что он постыдился и посовестился, и по своим с ним поступкам полагал, что Лазарь непременно будет злопамятствовать. Если я, полагал он, наслаждаясь таким богатством и не потерпев никакого оскорбления, пренебрег этим человеком, находившимся в таких бедствиях, и не уделял ему даже крупиц, то тем более он, так пренебреженный, не склонится на милость. Говорю это не в осуждение Лазаря; нет, он был не таков; но потому, что богач, убоявшись этого, не его попросил, но воззвал к Аврааму, который, по его мнению, не знал происходившего (на земле), и попросил того перста, которому часто попускал быть лизанным псами. Что же тот? “**Чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей**” (ст. 25). Посмотри на любомудрие, посмотри на милосердие праведника. Он не сказал: бесчеловечный, жестокий и презлобный, столько зла причинивший этому человеку; ты вспоминаешь теперь о человеколюбии, милости и сострадании, и не совестишься и не стыдишься? Но что сказал он? “**Чадо! … ты получил уже доброе твое**”, “**Не смущай сердца уже огорченного**”, - говорит премудрый, говорит премудрый (Сир. 4:3); довольно для него наказания; не будем еще нападать на него в несчастии. А с другой стороны, чтобы богач не подумал, будто Авраам по злопамятству за прошлое не посылает Лазаря, называет его чадом, как бы защищая самого себя этим названием. В чем властен я, говорит он, то даю тебе: но отсюда придти туда - уже не в нашей власти. “**Ты получил уже доброе твое**”. Почему он не сказал: *приял*, но: *восприял* (**получил**)[1]? Великая, вижу я, бездна мыслей здесь открывается нам. Посему, тщательно соблюдая все сказанное, со всею верностью будем хранить сказанное как теперь, так и прежде; и пусть послужит это к тому, чтобы вам сделаться более способными к слышанию имеющего быть сказанным; если вам будет возможно, помните все; если же не можете всего, то вместо всего, прошу, непрестанно помните то, что не уделять бедным из своего имущества значит - похищать у бедных и отнимать у них жизнь, и что мы владеем не нашею, но их собственностью. Если мы будем так настроены, то, конечно, станем раздавать свое имение, и, напитав здесь алчущего Христа и сложив там великое богатство, сподобимся получить будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, честь, держава, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

---

[1] В синодальном переводе мы видим одно слово "**получил**", которое не передает те оттенки смысла, который видит здесь Златоуст, т.е. можно просто "взять", а можно "взять у кого-нибудь".

О ЛАЗАРЕ

СЛОВО ТРЕТЬЕ

Полное заглавие этого слова следующее: "о Лазаре и о том, почему не сказал Авраам; приял "уже доброе твое в жизни твоей", но: *восприял* "получил", и почему праведники часто подвергаются опасностям, а грешники избегают их"

ПРИТЧА о Лазаре не мало пользы доставила нам, и богатым и бедным, одних научив легко переносить бедность, а других расположив не надмеваться богатством, самыми делами показав, что несчастнее всех тот, кто живет в роскоши и не уделяет никому из своего имущества. Поэтому и сегодня опять займемся тем же предметом; так и те, которые работают в рудниках, продолжают копать там, где увидят много золотых жил, и отстают не прежде, как извлекши все, что открывается. Возвратимся же к тому месту, где мы недавно остановили речь, и оттуда начнем ее. Конечно, можно было и в один день изъяснить вам всю эту притчу; но мы заботимся не о том, чтобы только сказать о многом и уйти, но чтобы вы, тщательно приняв и усвоив сказанное, получили от такой внимательности духовную пользу. Так, если чадолюбивая мать, намереваясь грудное дитя перевести на твердую пищу, станет вдруг вливать в его уста много вина, то не получает никакого успеха, потому что дитя извергает вон то, что ему дается, и заливает у себя на груди рубашку; но если мать станет вливать постепенно и понемногу, то дитя безвредно принимает данное. Посему, чтобы и вы не извергли преподанного, я не вдруг предложил вам чашу учения, но разделил ее для вас на многие дни и дал вам в промежутки этих дней успокоиться от труда слушания, чтобы и то, что уже преподано, твердо укоренилось в уме вашем, возлюбленные, и то, что имеет быть сказано, вы приняли душой спокойною и бодрою. Для этого я часто за несколько дней наперед говорю вам содержание того, о чем будет сказано, чтобы вы в эти промежуточные дни, взяв Библию, прочитав весь отдел ее и узнав, что уже сказано и что еще осталось, сделали свой ум более способным к слушанию того, о чем будет сказано после. Я всегда внушаю и не перестану внушать, чтобы вы не только здесь внимали тому, что говорится, но и дома постоянно занимались чтением божественных Писаний. Это я всегда внушал и тем, которые частным образом бывают вместе со мною. Никто пусть не говорит мне этих холодных и достойных всякого осуждения слов: я привязан к судилищу, занимаюсь делами общественными, упражняюсь в ремесле, имею жену, воспитываю детей, управляю домом, я человек мирской; не мое дело читать Писания, но тех, которые отказались от мира, поселились на вершинах гор и ведут такую жизнь постоянно. Что говоришь ты, человек, будто не твое дело заниматься Писаниями, - вследствие того, что ты развлекаешься бесчисленными заботами? Нет, это - твое дело больше, нежели их; потому что они не столько имеют нужду в помощи божественных Писаний, сколько обращающиеся среди множества дел. Монахи, удалившись от торжища и от смятений торжища, устроив келии в пустыне и не имея ни с кем никакого общения, но любомудрствуя беспрепятственно в своей мирной тишине, как бы сидя в пристани, наслаждаются великою безопасностью; а мы, волнующиеся, как бы среди моря, и впадающие во множество грехов, всегда нуждаемся в постоянном и непрерывном утешении от Писаний. Те сидят вдали от борьбы, от чего и немного получают ран; а ты постоянно находишься в боевом строе и получаешь непрерывные удары; поэтому и больше нуждаешься во врачевствах. И жена раздражает тебя, и сын огорчает, и слуга приводит в гнев, и враг строит козни, и друг завидует, и сосед клевещет, и сослуживец поставляет ногу, не редко и судья угрожает, и бедность опечаливает, и небрежность домочадцев заставляет плакать, и счастье надмевает, и несчастие повергает в уныние; и со всех сторон окружают нас многие случаи и поводы то к гневу, то к заботам, то к унынию и печали, то к тщеславию и гордости, и отвсюду несутся бесчисленные стрелы. Посему нам постоянно нужно всеоружие Писаний. "**Знай**", говорит премудрый, "**что ты посреди сетей идешь и по зубцам городских стен проходишь**" (Сир. 10:18). И похоти плотские сильнее восстают на обращающихся среди людей; ибо и благообразное

лицо и красивое тело поражают нас чрез глаза, и постыдное слово, вошедши чрез слух, возмущает нашу мысль; а часто и песнь, искусно пропетая, нарушает доброе настроение души. Но что я говорю об этом? То, что кажется ничтожнее всего этого, именно запах благовоний, навеянный как-нибудь на пути распутными женщинами, по простой случайности увлекает человека в свой плен.

2. И много есть подобных обстоятельств, которые осаждают нашу душу; почему нам нужны божественные врачевства, чтобы мы могли и врачевать раны, уже полученные, и предотвращать еще не полученные, но угрожающие, издали обессиливая и отражая диавольские стрелы постоянным чтением божественных Писаний. Ибо невозможно, невозможно спастись никому, кто не упражняется постоянно в духовном чтении; но и то еще хорошо, если мы, пользуясь непрестанно этим врачевством, успеем спастись когда-нибудь. Если же, получая каждый день раны, мы не будем пользоваться никаким врачевством, то какая нам надежда на спасение? Не видишь ли, как медных, золотых и серебряных дел мастера, или занимающиеся каким бы то ни было ремеслом, берегут в целости все орудия своего ремесла, и, хотя бы принуждал голод или угнетала бедность, лучше решаются потерпеть все, нежели продать, для своего пропитания, какое-нибудь из орудий своего ремесла? Многие часто решались скорее войти в долги, чтобы прокормить дом и детей, нежели продать даже малейшее из орудий своего ремесла; и весьма справедливо. Они знают, что когда проданы будут орудия, то все мастерство будет для них бесполезно и уничтожится всякая возможность благоприобретения; а когда орудия целы, то, упражняясь постоянно в своем ремесле, они могут со временем уплатить сделанные займы; если же поспешат продать их другим, то уже не будут в состоянии найти где-нибудь облегчение своей нищеты и голода. Так и мы должны настраивать себя. Как для них орудиями ремесла служат молот, наковальня и клещи; так и для нас орудиями нашего искусства служат апостольские и пророческие книги и все Писание, "**богодухновенное и полезное**" (2 Тим. 3:16). И как они теми орудиями обделывают всякие сосуды, за какие ни возьмутся: так и мы этими пособиями устрояем душу нашу, исправляем расстроившуюся, обновляем обветшавшую. Притом они показывают свое искусство не более, как в устройстве внешнего вида вещей: ибо не могут изменить вещества сосудов, ни сделать серебра золотом, но только изменяют формы их; а ты - не так: ты можешь сделать больше их; взяв деревянный сосуд, можешь когда-нибудь сделать его золотым. Свидетель этому Павел, который говорит так: "**А в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и одни в почетном, а другие в низком употреблении. Итак, кто будет чист от сего, тот будет сосудом в чести, освященным и благопотребным Владыке, годным на всякое доброе дело**" (2 Тим. 2:20-21). Итак, не будем пренебрегать приобретением (священных) книг, чтобы нам не получить смертельных ран; не будем зарывать золото в землю, но станем собирать себе сокровище духовных книг. Золото, когда умножается, тогда особенно и вредит приобретшим его; а эти книги приносят великую пользу имеющим их у себя. Как хранящиеся где-нибудь царские орудия, хотя бы и никто не пользовался ими, доставляют великую защиту живущим в том месте, потому что ни разбойники, ни подкапыватели стен, ни другие какие-либо злодеи, не осмеливаются напасть на этот дом; так, где есть духовные книги, оттуда прогоняется всякая сила диавольская, и живущим там бывает великое назидание в добродетели. Даже один вид таких книг делает нас более воздержными от греха; если мы и дерзаем на что-нибудь запрещенное и сделаем себя нечистыми, то, возвратившись домой и взглянув на эти книги, мы более осуждаем себя в совести и делаемся менее склонными к повторению тех же грехов, а если, напротив, будем жить благочестиво, то получим оттуда еще большую пользу. Как только кто касается Евангелия, то тотчас благоустрояет ум свой, и при одном только взгляде на него - отрешается от (всего) житейского. Если же присоединится и внимательное чтение, то душа, как бы вступая в таинственное святилище, очищается и делается лучшею, так как с

нею беседует Бог через эти Писания. А что, скажут, если мы не понимаем содержащегося в них? Даже если ты и не понимаешь содержащегося в них, от самого чтения бывает великое освящение. Впрочем невозможно, чтобы ты одинаково не понимал всего; благодать Духа для того именно и устроила, что эти книги сложили мытари, рыбари, скинотворцы, пастыри овец и коз, люди простые и неученые, чтобы никто из простых людей не мог прибегать к такой отговорке, чтобы всем было удобопонятно то, что говорится, чтобы и ремесленник, и слуга, и вдовая женщина, и необразованнейший из всех людей получали пользу и назидание от слушания; ибо не для суетной славы, как внешние (мудрецы), но для спасения слушателей сложили все это те, которые в начале удостоились благодати Духа.

3. Внешние философы, и риторы, и писатели, искавшие не общей пользы, но имевшие в виду только возбудить удивление к самим себе, если и говорили что-нибудь полезное, прикрывали это, как бы каким мраком, постоянной неясностью. Но апостолы и пророки делали все напротив: они преподали учение ясное и понятное для всех, как общие учители вселенной, чтобы каждый и сам собою при одном чтении мог понять сказанное. Предвозвещая это и пророк говорил: "**и будут все научены Богом, и уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: "познайте Господа", ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого**" (Иер. 31:34; Ин. 6:45). И Павел говорит: "**и когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости**"

и еще: "**И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы**", и еще: "**Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих**" (1 Кор. 2:1,4,6). И для кого неясно все, что заключается в Евангелиях? Кто, слыша, что "**блаженны кроткие, блаженны милостивые, блаженны чистые сердцем**" (Мф. 5:5,7,8) и подобное этому, будет нуждаться в учителе, чтобы сколько-нибудь понять сказанное? А обстоятельства знамений и чудес и исторических повествований не всякому ли понятны и ясны? Вышесказанное есть только предлог, отговорка и прикрытие лености. Ты не понимаешь того, что содержится? Но как и понять тебе, когда ты не хочешь даже просто взглянуть в книгу? Возьми в руки книгу; прочитай всю историю, понятное удержи в памяти, а неясное и непонятное прочитай несколько раз; если же и при частом чтении не в состоянии будешь понять того, о чем говорится; ступай к мудрейшему, пойди к учителю, снесись с ним о сказанном, покажи великое усердие; и Бог видя, что ты употребляешь такое старание, не презрит твоей неусыпной заботливости; если человек не изъяснит тебе искомого, то Он сам несомненно откроет. Вспомни о евнухе царицы ефиопской, который, быв иноплеменником и занят множеством забот и отовсюду окружен многими делами, хотя не понимал того, что читал, однако читал, сидя в колеснице. Если же он на пути показал такое усердие, то представь, каков он был, находясь дома; если во время путешествия он не хотел оставаться без чтения, то тем более, сидя в доме; если и не понимая читаемого он не оставлял чтения, то тем более после того, как стал понимать. А что он не понимал читаемого, об этом послушай, что говорит ему Филипп: "**разумеешь ли, что читаешь**" (Деян. 8:30)? Он же, услышав это, не покраснел, не устыдился, но признался в своем неведении и сказал: "**как могу разуметь, если кто не наставит меня**" (Деян.8:31). Так как он, еще не имея руководителя, читал столь усердно, то за это скоро получил и руководителя. Бог увидел его ревность, принял усердие, и скоро послал ему учителя. Но ныне нет Филиппа? За то есть Дух, подвигнувший Филиппа. Не будем же возлюбленные, пренебрегать своим спасением; "**все это написано для нас, описано в наставление нам, достигшим последних веков**" (1 Кор. 10:11). Великая защита от грехов - чтение Писаний, а незнание Писаний - великая стремнина и глубокая пропасть; великая потеря для спасения - не знать ничего из божественных постановлений. Это

незнание породило ереси; оно привело и к развратной жизни; оно перевернуло все вверх дном; ибо невозможно, невозможно, чтобы без плода остался тот, кто постоянно с усердием занимается чтением (Писаний). Вот одна притча сколько пользы принесла нам? Сколько улучшила нашу душу? Я хорошо знаю, что многие ушли отсюда, получив довольно пользы от слушания; если же есть такие, которые не столько собрали плодов, однако и они, по крайней мере в тот день, когда слушали, конечно были лучше. Не маловажное дело и один день провести в сокрушении о грехах, устремить взор к высшему любомудрию и дать душе, хотя немного, успокоиться от житейских попечений. А если мы будем делать это при каждом собрании и неопустительно, то такая непрерывность слушания произведет в нас великое и прекрасное благо.

4. Теперь я сообщу вам и последующие обстоятельства притчи. Что же следует? Когда богатый сказал: "**пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой**"; послушаем, что говорит Авраам: "**чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь - злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь; и сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят**" (Лк. 16:24-26). Тяжки эти слова и много содержат в себе прискорбного для нас. Знаю это и я; но чем сильнее они действуют на совесть, тем больше приносят пользы душе испытывающих это действие. Если бы это там сказано было нам, как и богачу, то поистине надлежало бы плакать, скорбеть и сетовать о том, что нам уже не осталось времени на покаяние; но так как мы слышим это здесь, где возможно и покаяться, и омыть грехи, и приобрести великое дерзновение, и исправиться, убоявшись несчастия, случившегося с другими; то будем благодарить человеколюбивого Бога, наказанием других избавляющего нас от беспечности и пробуждающего нас от сна. Для того и сказано это упреждающе, чтобы нам не потерпеть того же. Если бы (Бог) хотел наказать нас, то не сказал бы этого предупреждения; но так как Он не хочет подвергнуть нас мучению, то наперед говорит об нем, чтобы мы, вразумившись этим предостережением, не испытали мучения на самом деле. Но почему не сказал (Авраам): приял *еси благая твоя*, а - *восприял*? Вы, конечно, помните сказанное мною, что здесь открывается нам великая и неизмеримая бездна мыслей. Словом: *восприял* показывается и раскрывается некоторый долг; ибо воспринимают должное. Если же этот богач был нечестив и преступен, и жесток и бесчеловечен; то почему Авраам не сказал ему: приял *еси благая твоя*, а - *восприял*, как бы по праву принадлежащее ему и должное? Чему научаемся мы отсюда? Тому, что, хотя некоторые и нечестивы и дошли до крайности во зле, но иногда и они делали хотя бы одно, или два, или три добрых дела. А что я говорю это теперь не по догадке, видно из следующего. Кто был преступнее, бесчеловечнее, нечестивее неправедного того судии, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился? Но, живя в таком нечестии, он сделал и нечто доброе: он сжалился над вдовою, которая постоянно беспокоила его, преклонился на милость, исполнил просьбу ее и наказал тех, которые обижали ее (Лк. 18:2-5). Так бывает, что иной невоздержен, но иногда милостив; или бесчеловечен, но целомудрен; если же невоздержен и жесток, однако сделал когда-нибудь в жизни хотя бы одно доброе дело. То же, наоборот, надобно думать и о людях добрых. Как самые нечестивые иногда делают что-нибудь доброе, так и честные и добродетельные нередко в чем-нибудь погрешают; ибо "**кто может сказать:**", говорит премудрый, "**я очистил мое сердце, я чист от греха моего?**" (Прит. 20:9)? Поэтому, так как вероятно, что и богач, хотя дошел до крайнего нечестия, делал что-нибудь доброе, и Лазарь, хотя достиг верха добродетели, погрешал в чем-нибудь неважном, то посмотри, как на то и другое указал патриарх словами: *восприял еси благая твоя, и Лазарь такожде злая*. Смысл слов такой: если ты сделал что-нибудь доброе и тебе за это следовала награда, то ты все уже восприял в том мире, живя в веселии и в богатстве, наслаждаясь великим благоденствием и благополучием; и Лазарь, если сделал что-нибудь худое, то воспринял все, пострадав от

бедности, голода и крайних бедствий; и каждый из вас пришел сюда обнаженным - он от грехов, а ты от дел правды; поэтому здесь он имеет чистое утешение, а ты терпишь безотрадную муку. Подлинно, если добрые дела наши малочисленны и незначительны, а грехов великое и невыразимое бремя, и при этом еще будем здесь наслаждаться благополучием и не потерпим никакого бедствия, то отойдем отсюда совершенно обнаженными и отчужденными от награды и за добрые дела, как уже восприявшие все здесь; равно как, если наши добродетели велики и многочисленны, а грехи малочисленны и незначительны, между тем мы потерпим какое-либо бедствие, то, сложив с себя здесь и эти немногие грехи, мы там получим чистое и совершенное воздаяние за добрые дела. Итак, когда ты увидишь, что кто-либо, провождая жизнь в нечестии, не терпит здесь никакого бедствия, не ублажай его, но плачь и сожалей о нем, как о человеке, который там подвергнется всем бедствиям, как и этот богач. Напротив, когда увидишь, что кто-либо печется о добродетели и терпит бесчисленные искушения, ублажи его и подражай ему; потому что ему и здесь разрешаются все грехи, и там уготовляются многие награды за терпение, как было и с этим Лазарем.

5. Из людей одни наказываются только здесь, а другие здесь не терпят никакого бедствия, но все наказание получают там; иные же наказываются и здесь и там. Которых же из этих трех (разрядов людей) вы ублажаете? Знаю, что - первых, которые здесь наказываются и слагают с себя грехи. А после них - которых ставите вторыми? Вы, может быть, тех, которые здесь ничего не терпят, но все наказание получают там? А я не этих, но тех, которые наказываются и здесь и там; потому что кто здесь понес наказание, тот легчайшей подвергнется казни там; а кто должен там понести все наказание, тот подвергнется непременному осуждению; подобно как и этот богач, не получив здесь никакого разрешения от своих грехов, там наказан так жестоко, что не мог получить и малой капли воды. Но и из этих грешников, которые не терпят здесь никакого бедствия, более несчастными я считаю тех, которые кроме того, что не наказываются здесь, наслаждаются еще весельем и счастьем. Как то, что грешники не несут наказания за грехи здесь, приготовляет им тягчайшее наказание там; так то, что они еще наслаждаются благополучием, весельем и богатством, бывает для них поводом и причиною большего наказания и мучения там. Когда мы, несмотря на грехи наши, пользуемся милостью от Бога, то это самое наиболее может ввергнуть нас в сильнейший огонь. Если испытывающий на себе только долготерпение (Божие), но не воспользовавшийся им, как должно, подвергнется тягчайшему наказанию, то кто избавит его от такого наказания, если он, при долготерпении, будет получать еще величайшие милости, и несмотря на это пребудет в нечестии? А что пользующиеся здесь долготерпением (Божиим) собирают себе полное наказание там, если не покаются, об этом, послушай, что говорит Павел: "**Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие [дела] и (сам) делая то же? Или пренебрегаешь богатство благости, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благость Божия ведет тебя к покаянию? Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога**" (Рим. 2:3-5). Итак, когда мы увидим, что некоторые обладают богатством, живут в роскоши, намащаются благовониями, проводят дни в пьянстве, пользуются великою властью и славою, великим блеском и знатностью и, несмотря на грехи свои, не терпят никакого бедствия, то будем плакать и сожалеть о них особенно потому самому, что они, согрешая, не наказываются. Как, видя кого-нибудь одержимым водяною болезнью или расстройством печени, или страждущим какою-либо заразою и со всех сторон множеством ран, и при всем том предающимся пьянству и веселью и таким образом усиливающим свою болезнь, ты не только не удивляешься ему и не считаешь его счастливым от веселья, но по этому самому особенно и называешь его несчастным; так рассуждай и о душе. Когда ты увидишь, что человек живет в нечестии, однако наслаждается великим благоденствием и не терпит никакого бедствия; то потому

более и пожалей его, что он, подвергшись болезни и самой тяжкой заразе, усиливает болезнь, от веселья и неумеренности делаясь худшим; ибо не наказание есть зло, но грех; он удаляет нас от Бога; а наказание приводит к Богу и прекращает гнев Его. Откуда это видно? Послушай пророка, который говорит: "**утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш; говорите к сердцу Иерусалима и возвещайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сделано удовлетворение, ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои**" (Ис. 40:1-2). И еще: "**Господи! Ты даруешь нам мир; ибо и все дела наши Ты устрояешь для нас**"(Ис.26:12). А чтобы вам убедиться, что одни наказываются здесь, другие там, а иные и здесь и там, об этом, послушайте, что говорит Павел, обличая тех, которые недостойно приобщаются таинствам. Сказав, что вкушающий и пьющий недостойно Тело и Кровь Господа, "**виновен будет против Тела и Крови Господней**", он тотчас присовокупил: "**от того многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром**" (1 Кор. 11:27, 30-32). Видишь ли, как здешнее наказание избавляет нас от тамошнего мучения? И о прелюбодее он говорит: "**предать сатане во изможднение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа**" (1 Кор. 5:5). И из примера Лазаря видно, что, если он сделал что-либо худое, то омыл это здесь, а таким образом отошел туда чистым; то же видно и из примера расслабленного, который, быв одержим недугом тридцать восемь лет, продолжительностью болезни загладил грехи. А что он так страдал за грехи, об этом, послушай, что говорит Христос: "**вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже**" (Ин. 5:14). Из всего этого видно, что некоторые здесь наказываются и освобождаются от грехов.

6. А что некоторые наказываются и здесь и там, если здесь не получат наказания соответствующего тяжести грехов, об этом, послушай, что говорит Христос, касаясь содомлян. Сказав: "**если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то отрясите прах от ног ваших**", Он присовокупил: "**отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому**" (Мф. 10:14-15). Словом "**отраднее**" Он показал, что и содомляне будут наказаны, но легче, потому что и здесь уже потерпели наказание. А что есть такие, которые, не потерпев здесь никакого бедствия, там понесут все наказание, это показал нам упомянутый богач, претерпевающий там неослабную казнь и не получающий и малой отрады, потому что там ожидало его все наказание. Посему, как из грешников те, которые здесь не терпят никакого бедствия, большему наказанию подвергнутся там, так и из праведников те, которые здесь терпят много бедствий, большую честь получат там. И как из двух грешников, из которых один здесь наказан, а другой не наказан, наказанный блаженнее ненаказанного; так и из двух праведников, из которых здесь один потерпит большие, а другой меньшие скорби, блаженнее претерпевший большие, потому что Господь каждому воздаст по делам его. Что же? Неужели, скажут, нет ни одного такого, который бы и здесь и там наслаждался спокойствием? Трудно это, человек, и даже невозможно. Невозможно, поистине невозможно тому, кто живет здесь в нерадении и беспечности, постоянно наслаждается всем и проводит жизнь тщетно и напрасно, удостоиться чести там. Если его не мучит бедность, то мучит похоть, и он предается ей, а в этом - немалый труд; если не беспокоит болезнь, то разжигает гнев, а победа над гневом сопряжена с немалым огорчением; если не нападают искушения, то непрестанно восстают лукавые помыслы. Не легко обуздать порочную похоть, укротить тщеславие, смирить гордость, отстать от веселья, вести строгую жизнь; а кто этого и тому подобного не делает, тому невозможно спастись. А что живущие в весельи не спасутся, послушай, что говорит Павел о вдовице: "**сластолюбивая заживо умерла**" (1 Тим. 5:6). Если же это сказано о жене, то тем более о муже. И что ведущему роскошную жизнь невозможно достигнуть небес, это объяснил и Христос, сказав так: "**тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их**"

(Мф. 7:14). Как же, скажут, Он говорит: "**иго мое благо и бремя мое легко**" (Мф. 11:30)? Если путь тесен и прискорбен, то как Он еще называет его удобным и легким? То - по свойству искушений, а это - по произволению идущих; ибо и невыносимое по свойству своему может сделаться легким, если мы примемся за него с охотою. Так и апостолы, потерпев побои возвращались с радостью о том, что удостоились принять бесчестие за имя Господне (Деян. 5:41); хотя мучения, по свойству своему обыкновенно причиняют боль и скорбь, но произволение потерпевших побои победило самую природу вещей. Поэтому и Павел говорит: "**все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы**" (2 Тим. 3:12); так что, если не преследует их человек, то враждует против них диавол; и нужно нам много любомудрия и великое терпение, чтобы бдеть и бодрствовать в молитвах, чтобы не желать чужого, чтобы раздавать имение нуждающимся, чтобы решительно отказаться от всякой роскоши как в одежде, так и в трапезе, чтобы избегать любостяжания, пьянства, злословия, чтобы воздерживать язык и не кричать бесчинно, как говорит апостол: "**всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас**"

(Еф. 4:31), чтобы не сквернословить, чтобы не произносить шуточных слов. А немалый труд - соблюдать это с точностью. Чтобы понять тебе, как трудно любомудрствовать и как не совместен с этим делом покой, послушай, что говорит Павел: "**усмиряю и порабощаю тело мое**" (1 Кор. 9:27). Этими словами он указал на то принуждение и великий труд, какие необходимо употреблять желающим сделать тело свое благопокорным во всем. И Христос говорил ученикам: "**в мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир**" (Ин. 16:33). Эта скорбь, говорит Он, доставит вам покой; настоящая жизнь есть место борьбы; а на месте борьбы и среди подвигов не может наслаждаться покоем тот, кто хочет быть увенчанным. Итак, если кто хочет быть увенчанным, тот пусть изберет жизнь суровую и трудную, чтобы, потрудившись здесь немного времени, насладиться там вечною почестью.

7. Сколько огорчений встречается каждый день! Какова же должна быть душа, чтобы не роптать и не унывать, но благодарить, прославлять и почитать поклонением Того, Кто попускает такие искушения? Сколько неожиданностей, сколько стеснительных обстоятельств! Между тем надо подавлять лукавые помыслы и не позволять языку произносить что-нибудь неуместное, как и блаженный Иов, претерпевая бесчисленные скорби, не переставал благодарить Бога. А есть такие, которые, если потерпят в чем-нибудь неудачу или услышат злословие от кого-либо, или подвергнутся болезни, например, ног или головы, или какой-нибудь другой, тотчас начинают богохульствовать, и таким образом тяжесть болезни несут, а пользы от нее лишаются. Что делаешь ты, человек, произнося хулу на своего Благодетеля, Спасителя, Заступника и Промыслителя? Или не чувствуешь, что ты несешься к пропасти и ввергаешь себя в бездну крайней погибели? Неужели ты облегчишь свое страдание, если будешь богохульствовать? Нет, ты только увеличиваешь его и делаешь свое мучение более тяжким. Для того диавол и наводит бесчисленные бедствия, чтобы низринуть тебя в эту бездну; и если видит, что ты богохульствуешь, то немедленно умножает и усиливает горести, чтобы мучимый ими, ты опять возроптал; а если видит, что ты переносишь мужественно, и чем более усиливается страдание, тем более благодаришь Бога, то он тотчас отступает, как уже нападающий тщетно и напрасно. Как пес, стоя у стола и видя, что человек, вкушающий пищу, часто бросает ему что-нибудь из лежащего на столе, остается тут безотлучно; если же, постоявши раз и два раза, не получит ничего, то отходит прочь, как пристававший тщетно и напрасно; так и диавол постоянно стоит пред нами с открытою пастью; если бросишь ему, как псу, богохульное слово, то он, схватив его, опять приступит; если же всегда будешь благодарить Бога, то уморишь его голодом и скоро отгонишь и заставишь отбежать. Но ты не можешь молчать, страдая от горести? И я не запрещаю тебе говорить,

но вместо хулы - благодарение, вместо ропота - благословение. Исповедуйся Господу, молясь, громко восклицай, прославляя Бога; от этого у тебя и страдание облегчится, так как диавол отбежит вследствие благодарения, а помощь Божия приблизится. Если ты будешь богохульствовать, то и помощь Божию отстранишь и диавола усилишь против тебя, и себя подвергнешь большим страданиям; если же будешь благодарить, то и козни лукавого демона отразишь и привлечешь к себе помощь Бога-промыслителя. Часто язык по привычке порывается произнести худое слово. Но когда он будет порываться, то, прежде нежели он произнесет такое слово, прикуси его крепко зубами. Лучше ему теперь истечь кровью, нежели тогда, почувствовав нужду в капле воды, не получить этого утешения; лучше ему потерпеть временную боль, нежели тогда подвергнуться наказанию вечным мучением, подобно как и язык того богача, опаляемый огнем, не получил никакой прохлады. Бог заповедал тебе любить твоих врагов, а ты отвращаешься и от любящего тебя Бога? Заповедал превозносить поносящих, благословлять проклинающих, а ты злословишь Благодетеля и Покровителя, не потерпев ничего худого? Разве Он не мог отвратить искушения? Но он попустил для того, чтобы ты сделался опытнее. Но вот, говоришь ты, я падаю и гибну. - Не от свойства искушения, а от собственной твоей беспечности. Что легче, скажи мне, хула или благодарение? Та не делает ли слышащих ее врагами тебе и неприятелями, не ввергает ли в уныние и не причиняет ли потом великой скорби? А это не доставляет ли тебе бесчисленных венцов за любомудрие, бесчисленных знаков удивления от всех и великих наград от Бога? Почему же ты, оставляя полезное, удобное и приятное, вместо этого гонишься за тем, что вредит, печалит и мучит? Кроме того, если бы причиною богохульства была тяжесть искушения и бедности, то всем бедным надлежало бы богохульствовать; а между тем многие из живущих в крайней бедности, постоянно благодарят Бога; а другие, наслаждаясь богатством и весельем, не перестают богохульствовать. Таким образом не существо вещей, а наше произволение бывает виною того и другого. Для того я и прочитал эту притчу, чтобы ты знал, что беспечному не поможет и богатство, а внимательному и бедность не может повредить. Что я говорю, бедность? Если совокупятся даже все бедствия человеческие, то и они не возмутят души боголюбивого и любомудрого, и не принудят оставить добродетель (свидетель этому Лазарь); равно как нерадивому и изнеженному никогда не могут принести пользы ни богатство, ни здоровье, ни постоянное благоденствие, ни что-либо другое.

8. Итак, не будем говорить, что бедность, и болезнь, и нападения опасностей принуждают богохульствовать. Не бедность, а безумие; не болезнь, а небрежность; не нападения опасностей, а скудость благочестия доводит невнимательных и до богохульства и до всякого зла. Но почему, скажешь, одни наказываются здесь, другие там, а не все здесь? Почему? Потому что, если бы так было, мы все погибли бы; так как все мы подлежим наказанию. С другой стороны, если бы никто не наказывался здесь, очень многие сделались бы еще небрежнее, а многие сказали бы, что нет и Провидения; ибо, если и теперь так многие богохульствуют, хотя и видят, что многие из порочных наказываются, то чего они не сказали бы, если бы и этого не было? До какого зла не дошли бы тогда? Посему Бог одних здесь наказывает, а других не наказывает; наказывает некоторых, отсекая их грехи и облегчая для них тамошнее наказание, или и совершенно освобождая их от него, их наказанием вразумляя живущих в нечестии; а других напротив не наказывает, чтобы они, если будут внимательны к самим себе, покаявшись и устыдившись долготерпения Божия, избавились и от здешнего наказания и от тамошнего мучения; а если пребудут в нечестии, не вразумляясь долготерпением Божиим, то подверглись бы большему наказанию за свою крайнюю небрежность. Если же кто из считающих себя сведущими станет говорить, что наказываемые терпят несправедливость (потому что они могли бы покаяться), то мы скажем, что, если бы Бог предвидел их раскаяние, то и не наказал бы их. Если Он терпит тех, о которых знает, что они останутся неисправимыми,

то тем более тех, о которых бы знал, что они употребят во благо Его долготерпение, пощадил бы в настоящей жизни, чтобы они отсрочкою времени воспользовались для покаяния. Между тем, поражая их ранее, Он и для них облегчает тамошнее наказание, и других вразумляет их наказаниями. А для чего Он это делает не со всеми грешниками? Для того чтобы остающиеся (в живых) вразумились страхом и наказаниями других, и, восхвалив долготерпение Божие и устыдившись Его снисхождения, оставили нечестие. Но они, скажешь, ничего такого не делают? В этом уже виновен не Бог, а беспечность тех, которые не захотели воспользоваться такими пособиями к своему спасению. А чтобы тебе увериться, что для этого Он так поступает, послушай. Смешал некогда Пилат кровь галилеян с кровью жертв, о чем некоторые, пришедши, возвестили Христу; Он же сказал: "**думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете**" (Лк. 13:2-3). Еще другие восемнадцать погибли под развалинами некоторой башни; и о них Он сказал то же (Лк. 13:4-5). Словами: : "**думаете ли вы, что эти были грешнее всех; нет, говорю вам**", Он выразил, что и оставшиеся в живых подлежали тому же; а словами: "**если не покаетесь, все так же погибнете**", показал, что и тем Бог попустил пострадать для того, чтобы оставшиеся в живых, устрашившись случившегося с другими и покаявшись, сделались наследниками царствия. Что же, скажешь, другой наказывается для того, чтобы я сделался лучше? Не для этого он наказывается, а за свой грех; но кроме того для внимательных он становится средством к спасению, страхом случившегося с ним делая их более исправными. Так поступают и господа: часто, наказав одного слугу, они страхом делают других более благоразумными. Итак, когда увидишь, что некоторые или погибли при кораблекрушении, или задавлены зданием, или истреблены пожаром, или потонули в реке, или другим каким-нибудь насильственным образом окончили жизнь, между тем как другие, грешившие подобно им или еще хуже, ничего такого не потерпели, не смущайся и не говори: почему согрешившие одинаково не пострадали одинаково? Но рассуждай так, что Бог одному попустил быть убитым и задавленным, чтобы облегчить ему тамошнее наказание, или и совсем освободить от него; а другому не попустил потерпеть ничего такого, чтобы он, вразумившись наказанием первого, сделался благонравнее; если же он будет оставаться в тех же грехах, то, по собственной своей беспечности, навлечет на себя неизменное наказание, и Бог не будет виною этого невыносимого мучения. Опять, если увидишь, что праведник скорбит или терпит все вышесказанное, не падай духом: эти бедствия служат ему к получению светлейших венцов. И вообще всякое наказание, если оно постигает грешников, облегчает тяжесть грехов, а если праведников, то делает душу их более светлою; и для тех и других бывает величайшая польза от скорби, только бы мы переносили ее с благодарностью; ибо это и требуется от нас.

9. Для того история божественного Писания наполнена множеством таких примеров и представляет нам злостраждущими и праведных и порочных, чтобы, праведник ли кто, или грешник, имея такие примеры, переносил несчастья великодушно. Но она представляет тебе грешников не только страждущих, но и благоденствующих, для того, чтобы ты не возмущался их счастьем, узнав из случившегося с этим богачом, какой после ожидает их огонь, если они не исправятся. Итак нельзя, скажешь, и здесь и там наслаждаться покоем? Нельзя. Поэтому праведники и проводили здесь многотрудную жизнь. Что же, скажешь, Авраам? Но кто потерпел столько бедствий? Не оставил ли он отечества? Не отделился ли от всех сродников? Не терпел ли голода в чужой земле? Не переходил ли постоянно, как скиталец из Вавилона в Месопотамию, отсюда в Палестину, а оттуда в Египет? Что сказать о борьбе его за жену, о битвах с варварами, о плене родственного ему семейства, о других бесчисленных неприятностях? Когда же он получил сына, то не тягчайшую ли претерпел скорбь, услышав повеление заклать собственными руками своего вожделенного и возлюбленного? А обреченный на заклание Исаак не

постоянно ли был гоним отовсюду соседями? Не был ли лишен жены, как и отец, и не оставался ли столько времени бездетным? А Иаков, воспитанный дома, не потерпел ли бедствий еще более жестоких, нежели дед его? Но чтобы нам, перечисляя все, не сделал слова продолжительным, послушай, что говорит он о всей своей жизни: "**малы и несчастны дни жизни моей и не достигли до лет жизни отцов моих**" (Быт. 47:9). Кто, увидев своего сына сидящим на царском престоле и пользующимся столь великою славою, не забыл бы прошедших несчастий? Но он так был сокрушен скорбью, что и при таком счастье не забыл прежних бедствий. А что Давид? Какие он испытал печали? Не то же ли, что Иаков, и он выражает словами: "**дней лет наших - семьдесят лет, а при большей крепости - восемьдесят лет; и самая лучшая пора их - труд и болезнь**" (Пс. 89:10)? А что Иеремия? Не проклинает ли он и день своего рождения, вследствие непрерывных бедствий (Иер. 20:10, 14)? А что Моисей? Не говорил ли он в изнеможении: "**когда Ты так поступаешь со мною, то [лучше] умертви меня**" (Числ. 11:15)? А Илия, эта небесная душа, заключивший небо, после многих чудес не вопиял ли с плачем к Богу: "**довольно уже, Господи; возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих**" (3 Цар. 19:4)? Но для чего говорить о каждом из них? Павел о всех их вместе повествует так: "**скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин**" (Евр. 11:37-38). И вообще, желающему угождать Богу и быть добродетельным и чистым, совершенно необходимо вести жизнь не спокойную, приятную и беспечную, но прискорбную и исполненную многих трудов и подвигов; "***ибо никто***", говорит (апостол), "**не увенчивается, если незаконно будет подвизаться**" (2 Тим. 2:5); и в другом месте говорит: "**все подвижники воздерживаются от всего**"(1 Кор. 9:25), и от слова, и от взгляда, и от звука постыдного, и от злословия, и от хуления, и от срамословия (Кол. 3:8). Отсюда мы научаемся, что, если и не постигнет нас искушение извне, то мы сами должны каждый день упражнять себя постом, суровой жизнью, скудной пищей, простой трапезой, избегая роскоши во всем; ибо иначе нельзя угодить Богу. Никто не говори мне этих пустых слов, будто такой-то наслаждается и здешними и тамошними благами; это не может быть с людьми, живущими в богатстве, веселье и во грехах. Но о поражаемых бедствиями и скорбями можно сказать, что они наслаждаются и здешними и тамошними благами: тамошними, получая награду, а здешними, питаясь надеждою тех благ и не чувствуя настоящих бедствий от ожидания будущих благ. Но выслушаем и то, что следует далее: "**и сверх всего того**", говорит (Авраам), "**между нами и вами утверждена великая пропасть**" (Лк. 16:26). Итак справедливо сказал Давид, что "**человек никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него**" (Пс. 48:8); ибо невозможно это, хотя бы то был брат, хотя бы отец, хотя бы сын. Посмотри: Авраам назвал богача чадом, но ничего отеческого оказать ему не мог, богач назвал Авраама отцом, но отеческим благоволением, каким обыкновенно пользуется сын, воспользоваться не мог, дабы ты знал, что ни родство, ни дружба, ни сострадание, ни другое что-либо не может принести пользы тому, кто ранее предал себя собственной жизнью.

10. Говорю это потому, что многие часто, когда мы убеждаем их быть внимательными к себе и бодрствовать, остаются беспечными, обращают увещание в смех и говорят: ты заступишься за меня в тот день, и - я ободряюсь и не боюсь. А другой говорит: у меня отец - мученик; а иной: у меня дед - епископ; другие еще указывают на всех домашних своих. Но все это пустые слова; ибо тогда не может принести нами пользы добродетель других. Вспомни о тех девах, которые не уделили елея пяти девам: сами они вошли в брачный чертог, а те остались за дверями. Великое благо иметь надежду спасения в собственных добрых делах; а никакой друг никогда не защитит там. Если и здесь, где от нас зависит перемена, Господь говорит Иеремии: "**ты же не проси за этот народ и не возноси за них молитвы и прошения**" (Иер. 7:16); то тем более там. Что говоришь ты? У тебя отец - мученик? Это самое особенно и может послужить к большему твоему

осуждению, когда ты, имея дома примеры добродетели, окажешь себя недостойным добродетели предков. Но ты имеешь доблестного и дивного друга? И он тебе не поможет тогда. Как же говорит Христос: "**приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители**" (Лк. 16:9)? Не дружба здесь является защитою, а милостыня. Если бы одна дружба защищала, то надлежало бы сказать просто: "**приобретайте себе друзей**"; между тем, желая показать, что не дружба одна защищает, Он присовокупил: "**богатством неправедным**". Может быть, кто-нибудь скажет: я могу без богатства приобрести себе друга, и гораздо лучшего, нежели при помощи богатства. Но чтобы ты знал, что милостыня служит защитою для тебя, твое собственное дело и твоя добродетель, для этого Он повелел тебе полагаться не просто на дружество святых, но на дружество, приобретаемое через богатство. Итак, зная все это, возлюбленные, будем внимательны к самим себе со всем тщанием; наказываемся ли мы, будем благодарить; наслаждаемся ли благоденствием, будем беречь себя, и, вразумляясь бедствиями других, будем изъявлять благодарность покаянием и сокрушением и непрестанным исповеданием; и, если мы предались какому-либо греху в настоящей жизни, то, отвергнув его и с великим усердием очистив душу свою от всякой скверны, будем молить Бога, чтобы Он удостоил всех нас, по отшествии отсюда придти туда так, чтобы нам не с богачом, а с Лазарем успокоиться в лоне патриарха и наслаждаться вечными благами, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

О ЛАЗАРЕ

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ

Полное заглавие этого слова следующее: "о богатом и Лазаре, и о том, что совесть обыкновенно припоминает нам прежние грехи, и об Иосифе"

СЕГОДНЯ надобно окончить притчу о Лазаре. Вы, может быть, думаете, что у нас все сделано; но я не хочу воспользоваться вашим неведением для обмана, и не отстану, пока не возьму из притчи всего, что только представится, и тогда отойду; и земледелец, снявши весь виноград, не уходит дотоле, пока не оборвет и последние ягоды. Так и я теперь вижу, что под словами (притчи), как бы под листьями, скрываются еще мысли, которые теперь и соберу тщательно, употребив вместо серпа слово. Виноградник, раз быв обобран, остается без плода, с одними листьями; но не так бывает с духовным виноградником божественных Писаний; но, хотя бы мы взяли все, что видим, в нем остается еще более. Многие конечно и прежде нас говорили об этом предмете; многие, может быть, будут говорить и после нас: но никто не будет в состоянии исчерпать все его богатство. Таково свойство этого богатства: чем более станешь проникать в глубину, тем более будут истекать божественные мысли; это источник неиссякающий. Надлежало бы отдать вам этот долг еще в предшествовавшее собрание; но я признал не безопасным пройти молчанием подвиги блаженного Вавилы и двоицы святых мучеников после него бывших [1]; поэтому я отсрочил уплату долга, сберегая вам полную уплату до настоящего дня. Теперь же, когда мы и отцам воздали славу, не по достоинству их, а по нашим силам, я преподам и вам остаток повествования о Лазаре. Но вы не утомляйтесь, пока я не дойду до конца, начав слово с того, на чем прежде остановил его. На чем же я остановил его? На пропасти, отделяющей праведных от грешников. Когда богач сказал: “**Пошли Лазаря**”, - Авраам отвечал ему: “**Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят**” (Лк. 16:26). Я

много уже говорил в доказательство того, что, после человеколюбия Божия, должно полагать надежду спасения в собственных делах, не рассчитывая на отцов, дедов и прадедов, ни на сродников, друзей, домашних и соседей, ибо "**человек никак не искупит брата своего**" (Пс. 48:8)? Сколько бы ни просили и ни умоляли отшедшие отсюда с грехами, все слова их будут тщетны и напрасны. И пять дев просили елея у своих сверстниц, но не получили (Мф. 25:9); и скрывший в землю талант, хотя много оправдывался, однако был осужден (Мф. 25:28); и не напитавшие Христа алчущего и не напоившие жаждущего, хотя думали защититься неведением, но не получили прощения и оправдания (Мф. 25:45). А другие даже ничего не могли сказать, как напр. тот, который одет был в нечистую одежду: когда он был обвиняем, то молчал (Мф. 22:12). И не только этот, но и другой, который, злопамятствуя на ближнего, требовал ста динариев и потом за это самое был обвиняем господином в жестокости и бесчеловечии, также ничего не мог сказать (Мф. 18:28-34). Отсюда ясно, что нам ничто не поможет там, если не будем иметь добрых дел, но, станем ли мы умолять и просить или молчать, одинаково постигнет нас наказание и мучение. Послушай, как и этот богач, обратившись к Аврааму с двумя просьбами, не успел ни в одной из них. Сперва он просил о себе словами: "**Пошли Лазаря**"; - потом уже не о себе, а о братьях; но не успел ни в той, ни в другой просьбе. Первая была неисполнима, а вторая о братьях была излишня. Впрочем, если угодно, выслушаем внимательно самые слова их. Если в то время, когда начальник, выведши подсудимого на площадь, и, поставив около него палачей, начнет пытать его, все поспешно стекаются, чтобы услышать, что будет спрашивать судия, и что станет отвечать подсудимый, то тем более здесь должно со вниманием слышать, о чем просит этот подсудимый, т. е. богач, и что отвечает ему праведный Судия чрез Авраама. Ибо не патриарх был судиею, хотя он говорил; но как в мирских судах, подсудимых разбойников и убийц законы поставляют вдали от судии и не позволяют им слышать голос его, обращая и это, между прочим, к бесчестию их, но какой-либо посредник передает вопросы судии и ответы подсудимых; так было и тогда. Подсудимый не слышал голоса Божия к нему, но Авраам был посредником, передававшим слова Судии подсудимому; ибо он не от себя говорил то, что говорил, но изрекал богатому законы Божии и передавал приговоры, произносимые свыше; поэтому богатый и не мог прекословить.

2. Будем же усердно взимать словам (притчи). Я с намерением останавливаюсь на ней, и четвертый день не отстаю от неё потому, что вижу великую пользу от этого повествования и для богатых, и для бедных, и для тех, которые смущаются благоденствием порочных и бедностью и скорбью праведных. Подлинно, ничто столько не соблазняет и не смущает народ, как то, что богатые, живущее нечестиво, наслаждаются великим благоденствием, а праведники, живущие добродетельно, впадают в крайнюю бедность, и терпят множество других бедствий более тяжких, нежели бедность. Но эта притча может доставить врачевство, вразумляя богатых и утешая бедных; тех научая не превозноситься, а бедных утешая в настоящих бедствиях; тем внушая не восхищаться, когда порочные не терпят наказания здесь, так как они подвергнутся тягчайшей муке там, а бедных убеждая не смущаться при виде чужого благоденствия и не думать, будто нет о нас промысла, когда праведный здесь страдает, а порочный и нечестивый наслаждается постоянным благополучием. Тот и другой получат должное там, один - венцы за страдание и терпение, другой - наказание и мучение за нечестие. Эту причту напишите и богатые и бедные: богатые - на стенах домов ваших, а бедные - на стенах души; и если она когда-либо изгладится от забвения, опять начертайте чрез воспоминание. А лучше, и богатые напишите ее прежде, чем на стенах дома, на сердце, и всюду носите с собою, и будет она для вас училищем и источником всякого любомудрия. Если мы всегда будем иметь ее написанной на сердце, то ни радостные обстоятельства настоящей жизни не возмогут надмить нас гордостью, ни печальные - повергнуть в уныние и отчаяние, но на те и на другие мы будем смотреть так же, как на картины, написанные на стенах. Как,

видя на стене изображение богатого и бедного, мы ни тому не завидуем, ни этого не презираем, потому что видимое нами есть тень, а не действительность; так, узнав свойство богатства и бедности, славы и бесчестия, и всего другого печального и радостного, мы будем свободны от смущения, ими производимого. Все это обманчивее тени, и человека возвышенного и благородного не может ничто блестящее и славное надмить гордостью, и ничто смиренное и уничиженное довести до отчаяния. Впрочем, уже время нам выслушать слова богатого. "**Прошу тебя, отче**, - говорит он, т. е. прошу, умоляю, - **пошли его в дом отца моего, ибо у меня пять братьев; пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения**" (Лк. 16:27-28). Не успев в просьбе о себе, он просит о других. Посмотри, как человеколюбив и кроток он стал от наказания. Тот, кто презирал Лазаря, бывшего при нем, заботится о других отсутствующих; тот, кто проходил мимо лежавшего пред глазами его, теперь вспоминает о тех, которых не видит, и с великим почтением и усердием просит, чтобы сделано было им какое-либо внушение для избежания угрожающих им зол. Он просит послать Лазаря в дом отца его, где открыто было ему место подвигов и поприще добродетелей; пусть, говорит, увидят Лазаря увенчанным те, которые видели его подвизавшимся; свидетели его бедности, голода и множества бедствий, пусть будут теперь свидетелями происшедшей с ним перемены, его чести и славы, дабы они, вразумившись тем и другим, и, узнав, что дела наши не окончатся с настоящею жизнью, приготовились так, чтобы могли избежать будущего наказания и мучений. Что же Авраам? "**У них есть**, - говорит он, - **Моисей и пророки; пусть слушают их**" (ст. 29); ты, говорит, не столько печешься о своих братьях, сколько создавший их Бог; Он приставил к ним множество учителей, которые убеждают, советуют, внушают. Что же опять богатый? "**Нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним, покаются**" (ст. 30). Это - слова народной толпы. Где теперь те, которые говорят: кто приходил оттуда? Кто воскресал из мертвых? Кто сказал о том, что в аде? Сколько такого и тому подобного говорил самому себе богач, когда веселился. Не без причины он просил, чтобы восстал кто-либо из мертвых, но потому, что сам, слушая Писания, пренебрегал ими, насмехался и считал сказанное в них баснями; и как сам относился к ним, так думал и о братиях. И они, говорит он, рассуждают так же: но, если кто из мертвых придет, они не будут не веровать ему, не станут насмехаться, но скорее внемлют словам его. Что же Авраам? "**Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят**" (ст. 31). А истину того, что не слушающий Писаний не послушает и воскресших из мертвых, доказали иудеи: так как они не слушали Моисея и пророков, то не уверовали и тогда, когда видели мертвых воскресшими, но то искали убить Лазаря, то нападали на апостолов, хотя многие воскресли из мертвых во время крестной смерти (Христовой).

3. Но чтобы тебе и другим образом убедиться, что учение пророков достовернее сказания умерших, прими во внимание то, что каждый из умерших есть раб, а то, о чем говорят Писания, изрек Владыка; поэтому, хотя бы мертвый воскрес, хотя бы ангел сошел с неба, Писания достовернее всех, потому что их дал в виде закона Владыка ангелов, Господь мертвых и живых. А что желающие, чтобы мертвые пришли оттуда, требуют излишнего, это, кроме сказанного, можно доказать и примером нынешних судилищ. Геенна невидима для неверующих: для верующих она очевидна и ясна, а для неверующих невидима; но судилища видимы, и каждый день мы слышим, что такой-то наказан, имущество такого-то описано, иной работает в рудниках, другой сожжен на огне, иной погиб другим родом казни и мучения. Однако, слыша это, порочные, злодеи и обманщики не вразумляются. Но что я говорю: не вразумляются никогда не подвергавшиеся этим наказаниям? Многие даже из осужденных, избежав наказания, подкопав темницу и убежав из неё, нередко обращались к тем же преступлениям и совершали гораздо тягчайшие дела. Итак, не будем стараться услышать от мертвых то, чему гораздо яснее каждый день учат нас Писания. Если бы Бог признавал, что воскресшие из мертвых могут принести пользу живым; то Он,

устрояющий все на пользу нашу, не оставил бы и не опустил бы столь полезного средства. Кроме того, если бы мертвые постоянно воскресали и извещали нас о всем тамошнем, то и это опять с течением времени было бы пренебрежено; а притом и диавол весьма удобно вводил бы нечестивое учение. Он часто мог бы показывать призраки, или, показывая некоторых притворно умерших и погребенных как бы воскресшими из мертвых, чрез них уверять умы обольщаемых во всем, в чем бы ни захотел. Если теперь, когда нет ничего такого, не редко обманывают и обольщают многих ночные призраки, представляющиеся в образе умерших, то гораздо более тогда, если бы это было на самом деле и утвердилось в умах людей, т. е., будто многие из умерших опять приходили сюда, нечистый демон строил бы бесчисленные козни и вводил бы в жизнь великое обольщение. Посему Бог заключил двери (вечности), и не попускает никому из отшедших возвращаться и возвещать о тамошней жизни, чтобы диавол, воспользовавшись этим, не ввел чего-либо от собственного (измышления). Так, когда были пророки, он воздвигал лжепророков; когда были апостолы, - лжеапостолов; когда явился Христос, - лжехристов; когда введены были здравые догматы, он ввел нездравые, повсюду рассеивая плевелы. Таким образом, если бы и то случилось, он и под это постарался бы подделаться чрез свои орудия, не на самом деле воскрешая мертвых, но, обольщая зрителей какими-нибудь призраками и обманами, или, как я прежде сказал: представляя некоторых притворно умершими, и все превратил бы вверх дном и привел в беспорядок. Но Бог, предвидя все это, преградил ему путь к таким козням, и, щадя нас, не попустил, чтобы кто-либо приходил оттуда возвещать живущим о тамошнем, научая нас признавать божественные Писания достовернейшими всех. Он явил нам такие дела, которые разительнее явления мертвых: обратил (к вере) всю вселенную, рассеял заблуждение, ввел истину; совершил все это чрез рыбарей и простых людей, и повсюду представил нам достаточные доказательства Своего промышления. Не будем же думать, что дела наши ограничиваются пределами настоящей жизни, но будем веровать, что непременно настанет суд и воздаяние за все, здесь нами сделанное. Это так ясно и очевидно для всех, что и иудеи, и язычники, и еретики, и все вообще люди согласны в этом. Хотя не все мыслят, как должно, о воскресении, но касательно суда, наказания и тамошних судилищ все согласны в том, что есть там воздаяние за здешние дела; ибо, если бы этого не было, то для чего Бог распростер столь великое небо, распространил землю, расширил море, разлил воздух, явил такое промышление, - (для чего все это), если бы Он не хотел до конца иметь о нас попечение?

4. Не видишь ли, сколь многие из живших добродетельно претерпели многочисленные бедствия и отошли, не получив ничего доброго; а другие, напротив, жили весьма нечестиво, похищали чужое имущество, грабили и притесняли вдов и сирот, наслаждались богатством, роскошью и бесчисленными благами, и отошли, не потерпев ни малейшего бедствия? Когда же первые получат награду за добродетель, а последние понесут наказание за нечестие, если дела наши оканчиваются с здешнею жизнью? Если Бог существует, как и действительно существует, то всякий скажет, что Он праведен; если же Он праведен, то, несомненно и то, что и тем и другим Он воздаст по достоинству. Если же Бог имеет воздать тем и другим по достоинству, а здесь никто из них не получил, тот - наказания за грехи, а этот - награды за добродетель, то, очевидно, будет еще время, когда и тот и другой получат должное воздаяние. Иначе для чего Бог поставил в душе нашей этого непрерывно бодрствующего и неусыпного судию, т. е. совесть? Нет, подлинно нет между людьми ни одного судии, столь неусыпного, как наша совесть. Внешние судии и деньгами подкупаются, и лестью смягчаются, и от страха потворствуют, и много есть других средств, извращающих правоту их суда; а судилище совести ничему такому не подчиняется, но, хотя бы ты давал деньги, хотя бы льстил, хотя бы угрожал, или другое что делал, она произносит справедливый приговор против греховных помыслов, и согрешивший осуждает сам себя, хотя бы никто другой не обвинял его. Притом совесть делает это не однажды, не дважды, но многократно и во всю жизнь; и хотя бы прошло

много времени, она никогда не забывает сделанного, но сильно обличает нас и при совершении греха, и до совершения, и по совершении, и особенно - по совершении. При самом совершении греха мы, упоенные удовольствием, бываем не так чувствительны (к упрекам совести); но, когда преступление сделано и окончено, тогда особенно, за исчезнувшим удовольствием, наступает язвительное чувство раскаяния, - противоположно тому, что бывает с рождающими женами. Они до рождения младенца терпят великое и невыносимое страдание и жестокие муки с расторгающими их (ложесна) болями; а после рождения чувствуют облегчение, как будто вместе с плодом выходит и болезнь; здесь же - не так; но пока мы зачинаем и рождаем беззаконные намерения, дотоле радуемся и веселимся; когда же родим злое исчадие - грех, тогда, увидя гнусность рожденного, скорбим и мучаемся тяжелее рождающих женщин. Посему убеждаю вас не принимать в самом начале порочной похоти, а если примем, то подавлять в себе эти семена; если же по беспечности и это не сделаем, то перешедший в дело грех умерщвлять исповедью слезами, осуждением самих себя; ибо ничто столько не губительно для греха, как его обличение и осуждение, с покаянием и слезами. Ты осудил свой грех? Чрез это ты сложил с себя бремя. Кто говорит это? Сам Судия - Бог. “**Скажи ты беззакония твои прежде, чтобы оправдаться**" (Ис. 43:26). Почему, скажи мне, ты стыдишься и стесняешься сказать грехи свои? Разве ты сказываешь человеку, который станет упрекать тебя? Разве исповедуешься пред равным тебе рабом, который разгласит их? Владыке, промыслителю, человеколюбцу, врачу, ты показываешь рану. Разве Тот, Который знает наши дела еще до совершения их, не будет знать, если ты не скажешь? Разве грех от обличения его делается тяжелее? Напротив, сноснее и легче. Бог требует от тебя признания не для того, чтобы наказать, но чтобы простить; не для того, чтобы Ему узнать грех твой, - разве Он и без этого не знает? - но для того, чтобы ты узнал, какой долг Он прощает тебе. Он хочет показать тебе величие Своей благости для того, чтобы ты непрестанно благодарил Его, чтобы ты был медлительнее на грех и ревностнее к добродетели. Если же ты не скажешь, как велик твой долг, то не узнаешь и превосходства благодати. Я не заставляю тебя, говорит Он, выйти на средину зрелища и окружить себя множеством свидетелей; Мне одному, наедине, скажи грех, чтобы я уврачевал рану и избавил тебя от болезни. Вот для чего вложил Он в нас совесть, которая действует с любовию более, нежели отеческою. Отец, однажды или дважды, или трижды, или десять раз наказав сына, если увидит его неисправимым, в отчаянии отрекается от него, изгоняет его из дома и исключает из родства; но не так поступает совесть: хотя бы однажды или дважды, или трижды, или тысячу раз ты не послушал её голоса, она снова будет говорить и не отстанет до последнего твоего издыхания; и в доме, и на распутьях, за трапезою, и на торжище, и на пути, а часто и в самых сновидениях она представляет нам образы и виды соделанных грехов.

5. И посмотри на премудрость Божию. Бог не сделал обличение совести ни непрерывным (ибо мы, непрестанно быв обличаемы, не снесли бы этой тяжести), ни столь слабым, чтобы она, после первого или второго увещания, прекратила его. Если бы она стала угрызать нас каждый день и час, мы были бы подавлены унынием; а если бы, напомнив однажды или дважды, перестала обличать, мы не много получили бы пользы. Поэтому Он сделал это обличение, хотя и всегдашним, но не непрерывным: - всегдашним, чтобы мы не впали в беспечность, но, слыша всегда её напоминания, пребыли до самой кончины бдительными; - не непрерывным и не непрестанным, чтобы мы не падали духом, но ободрялись, получая некоторое облегчение и отраду. Как совершенное равнодушие к грехам пагубно и порождает в нас крайнюю бесчувственность, так непрерывное и чрезмерное сокрушение о них вредно. Чрезмерное уныние, не редко отнимая естественную рассудительность, может подавить душу и сделать неспособною ни к чему доброму. Посему Бог и устроил, чтобы обличение совести восставало на нас с промежутками времени, так как оно весьма жестоко, и обыкновенно уязвляет грешника

сильнее всякого острия. Совесть сильно восстает и громко вопиет против нас, не только тогда, когда мы сами грешим, но и когда другие грешат, подобно нам. Блудник, прелюбодей, вор - чувствует как бы на себе удары не только, когда обвиняют его самого, но и когда слышит, что других обвиняют в подобных преступлениях; ибо укоризны, делаемые другим, напоминают ему об его собственных грехах; обвиняют другого, а он, и не подвергаясь обвинению, терпит поражение, если виновен в таких же, как тот, преступлениях. То же бывает и относительно добрых дел: когда другие прославляются и увенчиваются, тогда и совершившие подобные дела радуются и восхищаются, как бы не те, а сами они были прославляемы. Что же может быть несчастнее грешника, если он мучается и тогда, как другие бывают обвиняемы? Что блаженнее добродетельного, если он радуется и торжествует и тогда, как другие прославляются, - от похвал других получая напоминание о собственных добрых делах? Это - дела премудрости Божией; это - знаки величайшего Его промышления о нас. Обличение совести есть как бы некоторый священный якорь, не допускающий нас совершенно погрузиться в бездну греха. Часто совесть, не только в то время, когда мы грешим, но и по прошествии многих лет напоминает нам о прежних грехах; и на это я представлю ясное доказательство из самых Писаний. Продали некогда Иосифа братья, не за какую-либо вину его, а за то, что он видел сны, предвещавшие будущую славу его. Видел я, говорил он, что "**ваши снопы стали кругом и поклонились моему снопу**" (Быт. 37:7). За это надлежало бы беречь его; потому что он имел быть венцем всего дома и славою всего рода своего. Но такова зависть: она идет против собственного блага, и завистливый лучше решится терпеть тысячу бедствий, нежели видеть ближнего прославляемым, хотя бы последствия этого прославления имели перейти на него самого. Что может быть жальче этого? Этой страсти предались и братья Иосифа; увидев его издали, несшего к ним пищу, они говорили друг другу: "**Пойдем теперь, и убьем его,** … **и увидим, что будет из его снов**" (ст. 20). Если уже ты не устыдился его, как брата, и не уважил (единства) природы, то, по крайней мере, постыдился бы самой трапезы и услуги его, пришедшего с пищею для тебя. Заметь, как они даже против своей воли пророчествуют: "**Пойдём**, - говорят, - **убьём его, и увидим, что будет из его снов**". Если бы они не замыслили зла, не устроили козней и не составили этого бесстыдного замысла, то не узнали бы силы тех слов; ибо не одно и то же, взойти ли на престол египетский, не претерпев никакого бедствия, или после стольких препятствий и затруднений достигнуть такой же славы. Если бы братья не замыслили зла, то не продали бы Иосифа в Египет; если бы не продали его в Египет, то не воспламенилась бы госпожа страстью к нему; если бы госпожа не воспламенилась страстью, то он не был бы ввержен в темницу, не толковал бы снов, не достиг бы царского достоинства; а если бы не достиг этого достоинства, то братья не пришли бы за покупкою хлеба и не поклонились бы ему. Таким образом, чрез то самое, что погубили его, они узнали значение снов его. Что же? Они ли были виновниками всех последующих благ и славы его? Нет; они замыслили предать его смерти, скорби, рабству и крайним бедствиям; но премудрый Бог направил злобу строивших козни к прославлению того, кого они продали и замыслили погубить.

6. А чтобы мы не думали, будто события жизни зависят от какого-то случая, или от непостоянства вещей, Бог чрез тех самых людей, которые противодействуют и препятствуют, приводит в исполнение то, чему они препятствуют; Он врагов Своих употребляет в орудия Своей славы, чтобы ты знал, что определения Божии никто не расстроит и высокой десницы Его никто не отвратит; чтобы ты, когда будет кто злоумышлять против тебя, не упадал духом и не негодовал, но был уверен, что умысел будет иметь для тебя добрый конец, только бы ты великодушно переносил случающееся. Вот и здесь зависть братьев приобрела Иосифу царское достоинство, ненависть доставила диадему и принесла престол; замышлявшие против него сами довели его до этой великой власти; тот, против кого строились козни, получил царство, а строившие козни сделались

рабами; тот принимал поклонение, а эти кланялись. Итак, когда будут постигать тебя частые и непрерывные бедствия, не смущайся и не унывай, но ожидай конца; потому что непременно последует достойное великой благости Божией, если только ты с благодарностью будешь переносить все, случающееся с тобою. И Иосиф хотя после тех снов был доведен до крайней опасности и продан братьями, хотя подвергся наветам госпожи, и потом был ввергнут в темницу, но не сказал самому себе: что же это такое? Сны эти были обман, я изгнан из отечества, лишен свободы; для Бога я не покорился госпоже, склонявшей к прелюбодеянию; за целомудрие и добродетель терплю наказание; и Он не отмстил и не простер руки, но попустил, чтобы я предан был постоянным узам и непрестанным бедствиям: после рва - рабство, после рабства - злоумышление, после злоумышления - клевета, после клеветы - темница. Но все это не смутило его; напротив, он пребывал в твердой надежде и уверенности, что слово Божие никогда не останется без исполнения. Бог, конечно, в тот же день мог исполнить слово Свое; но, чтобы показать и Свою силу и веру рабов Своих, Он дает пройти долгому времени и встретиться многим препятствиям, дабы ты и познал Его силу в том, что Он исполняет Свои обещания даже тогда, когда по-видимому не остается никакой надежды, и увидел терпение и веру рабов Его, которые не теряют доброй надежды, что ни случилось бы с ними. Между тем, братья Иосифа, как я сказал, пошли в Египет, когда голод, как воин какой, насильно гнал их и привел к начальствующему Иосифу, и хотели купить хлеба. Что же он говорит им? “**Вы соглядатаи**” (Быт. 42:9). Они подумали: что это значит? Мы пришли купить хлеба; почему же подвергаемся опасности жизни? По справедливости; он принес вам некогда пищу, и подвергся опасности жизни; только он пострадал на самом деле, а вы терпите мнимую опасность; потому что он не враг, а только принял вид врага, чтобы вернее узнать о доме (родительском). Так как они были злы и неблагодарны к нему, а он не видел с ними Вениамина, то, опасаясь за этого отрока, не пострадал ли он, подобно ему, Иосиф повелевает одного из них связать и оставить в Египте, а всех прочих отпускает с хлебом назад, угрожая им смертью, если не приведут своего брата. Когда это происходило и он сказал им: оставьте кого-нибудь здесь и приведите вашего брата; иначе будете преданы смерти; тогда что они говорили друг другу? “**Точно мы наказываемся за грех против брата нашего; мы видели страдание души его, когда он умолял нас**” (Быт. 42:21). Видишь ли, через сколько времени они вспомнили о своем грехе? Отцу своему они сказали: “**Хищный зверь съел его**” (Иосифа) (Быт. 37:33); но в присутствии и в слух Иосифа исповедали грех свой. Что может быть удивительнее этого? Суд происходит без обличений, оправдание - без обвинения и доказательство - без свидетелей; сами сделавшие дело обличают себя и обнаруживают сделанное втайне. Кто убедил, кто принудил их открыть преступление, сделанное за столько времени? Не явно ли, что совесть, этот неумолимый судия, непрестанно тревожила их ум и смущала душу? Тот, кого они погубили, сидел тогда безмолвно и судил их; и когда еще не было произнесено против них никакого определения, они сами произнесли на себя обвинительный приговор. Так говорили они; а один из них оправдывался такими словами: “**Не говорил ли я вам: не грешите против отрока?**” Не делайте ему никакого зла, так как он брат наш, – “**вот, кровь его взыскивается**” (Быт. 42:22). Говоривший это (Рувим) ничего не сказал об убийстве и насилии, и сидевший (Иосиф) не спрашивал ни о чем таком, а только требовал к себе другого брата; но совесть их при этом случае восстала, и начала терзать их душу и заставила их, без всякого постороннего принуждения, сознаться в преступлении. Тоже часто бывает и с нами по отношению к прошедшим грехам: подвергаясь несчастьям и горестным обстоятельствам, мы вспоминаем о прежних грехах наших.

7. Зная все это, мы, сделав что-нибудь худое, не будем ожидать несчастий и злоключений, опасностей и уз, но каждый день и час будем воздвигать у себя это судилище и произносить на себя приговоры; постараемся всячески оправдаться пред Богом, и ни сами не будем сомневаться в воскресении и суде, ни другим не позволим высказывать такие

сомнения, но всячески будем заграждать им уста тем, что сказано. Если бы не предлежало нам дать отчет в грехах там, то и здесь Бог не поставил бы в нас этого судилища (совести). Но и это есть доказательство Его человеколюбия. Так как Он тогда потребует от нас отчета в грехах, то Он поставил этого неподкупного судию (совесть), чтобы он, осуждая нас здесь за грехи и исправляя, избавил от суда, имеющего быть там. Об этом говорит и Павел: “**Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы**” Господом (1 Кор. 11:31). Итак, чтобы нам тогда не быть наказанными и не подпасть суду, пусть каждый войдет в свою совесть, и, исследовав жизнь, и тщательно рассмотрев все грехи, пусть осудит душу, соделавшую их, пусть обуздает помыслы, скорбит и сокрушается в сердце своем, и накажет себя за грехи самоосуждением, строгим покаянием, слезами, исповедью, потом и милостынею, воздержанием и любовию, дабы всеми способами отложив здесь свои грехи, мы могли отойти туда с великим дерзновением, чего да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Т. е. мучеников Ювентина и Максимина.

О ЛАЗАРЕ

СЛОВО ПЯТОЕ

Заглавие этого слова следующее: "На слова апостола: “Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели” (1Фес.4:13), - также об Иове и Аврааме"

ЧЕТЫРЕ дня употребил я на изъяснение вам притчи о Лазаре, на исчерпывание сокровища, которое мы нашли в покрытом ранами теле (Лазаря), сокровища, содержащего в себе не золото и серебро, и драгоценные камни, но любомудрие, мужество, терпение и великую твердость. Как с чувственными сокровищами бывает, что на поверхности их только терния, волчцы и жестокая земля, а если раскопать глубже, то открывается великое богатство; так случилось и с Лазарем: сверху раны, в глубине неизъяснимое богатство; тело расслабленное, а душа мужественная и бодрая; и здесь можно было видеть исполнение слов апостольских: “**Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется**” (2 Кор. 4:16). Можно бы и сегодня говорить о той же притче и бороться с еретиками, которые поносят Ветхий Завет, осуждают патриархов и изощряют язык против Создателя всех - Бога; но, чтобы речь не произвела в вас пресыщения, я отложу эту борьбу до другого времени, а теперь обращусь к иному предмету; однообразная пища производит пресыщение, а яства разнообразные частою переменою усиливают позыв к еде. Посему, чтобы так не было и с слушанием, возвратимся сегодня, после долгого времени, к блаженному Павлу; благовременно сегодня прочитано нам место апостольское, изъяснение которого будет согласно с тем, о чем недавно говорено было. Итак вы слышали, как Павел сегодня взывал и говорил: “**Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды**” (1 Фес. 4:13). То - евангельское сказание о Лазаре, это - апостольское изречение; но вещают они вполне согласно. И в той притче мы много рассуждали о воскресении и будущем суде, и теперь слово привело нас опять к тому же предмету. Таким образом, хотя мы станем разбирать апостольское место, но здесь найдем то же сокровище; ибо и тогда вся моя речь клонилась к тому, чтобы научить слушателей -

считать за ничто блестящие предметы настоящей жизни, но устремлять надежды далее и ежедневно помышлять о тамошних приговорах, о страшном судилище и о неумолимом Судии. Это сегодня внушает нам и Павел в прочитанных словах. Внимайте же. “**Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших** (κεκοιμημενων), **дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним**” (1 Фес. 4: 13-14). Здесь наперед надобно обратить внимание на то, почему апостол, когда говорит о Христе, называет смерть Его смертью, а когда говорит о нашей кончине, то называет ее не смертью, а успением. Не сказал: "**об умерших**"; но что? – “**об усопших**”. И еще: “**То и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним**” (*тако и Бог усопшия во Иисусе приведет с Ним*), а не сказал: "**умершие**". И еще: “**Мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших**” (*мы живущии оставшии в пришествие Господне не имамы предварити усопших* (ст. 15). И здесь не сказал "**умерших**", но во всех трех местах смерть их назвал успением; а о Христе не так, но как? “**Ибо, если мы веруем, что Иисус умер**”. Не сказал: "усоп", но: “**умер**”. Почему же смерть Христову апостол назвал смертию, а нашу успением? Не просто и не без цели он употребляет эти различные выражения, но имея в виду нечто мудрое и великое. Говоря о Христе, он употребил слово: "смерть", чтобы показать действительность Его страданий, а о нас - "успение", чтобы умерить нашу скорбь. Там, где уже совершилось воскресение, он смело употребляет слово: "смерть", а там, где воскресение есть предмет надежды, употребляет слово: "успение", самым названием и утешая нас и укрепляя благие надежды. Спящий конечно, встанет; а смерть есть не что иное, как продолжительный сон. Не говори мне, что умерший не слышит, ни говорит, ни видит, ни чувствует; ибо таково же состояние и спящего. Если можно сказать нечто странное, то и душа спящего как бы спит; а у умершего, напротив, бодрствует. Но умерший, скажешь, гниет и тлеет и превращается в прах и пепел. Что же из этого, возлюбленный? Поэтому самому и надобно особенно радоваться. Тот, кто хочет перестроить развалившийся и ветхий дом, наперед выводит из него живущих, потом разрушает этот дом и снова воздвигает в лучшем виде. Выведенные не скорбят об этом, а еще радуются; потому что обращают внимание не на видимое разрушение, но воображают будущее, хотя еще и невидимое, здание. Так и Бог разрушает наше тело, намереваясь создать его (вновь), и сперва изводит живущую в нем душу, как бы из какого дома, дабы, потом воздвигнув его в лучшем виде, опять ввести в него душу с большею славою. Будем же обращать внимание не на разрушение, а на будущую славу.

2. Также, если у кого статуя испортилась от ржавчины и от времени, и многие части ее отвалились, то он, разбив ее, бросает в горнило и, тщательно переплавив, делает ее лучшею. И как разрушение такой статуи в горниле не есть уничтожение ее, но возобновление, так и смерть наших тел не есть уничтожение, но обновление их. Итак, когда ты увидишь, что тело наше, как бы в горниле, разлагается и тлеет, то не останавливайся на этом внешнем виде, но ожидай обновления, и этою стороною примера не довольствуйся, но простирайся умом к более важному. Ваятель, ввергая (в горнило) медное тело, получает оттуда статую не золотую и бессмертную, но делает ее такою же медною, а Бог, ввергая (в землю) тело перстное и смертное, возвращает тебе статую золотую и бессмертную; ибо земля, приняв тело смертное и тленное, возвращает его нетленным и бессмертным. Итак, видя умершего, не на то смотри, что он сомкнул глаза и лежит безгласным, но на то, как он воскреснет и получит неизъяснимую, изумительную и дивную славу, и от настоящего внешнего вида возведи помыслы к надежде будущего. А ты, по привычке, при этом скорбишь и плачешь? Но не странно ли, - когда ты отдашь дочь в замужество и муж отправится с нею в далекую страну и там будет жить счастливо, - не считать этого бедствием, так как скорбь разлуки облегчается слухом о их благополучии, а здесь, - когда не человек, не подобный тебе раб, но сам Владыка берет к Себе твоего ближнего, - печалиться и сетовать? Как же, скажешь, возможно человеку не скорбеть? Я и

не говорю этого; я отвергаю не скорбь, а чрезмерность скорби; скорбь естественна, но скорбь чрезмерная свойственна душе безрассудной, умоисступленной и слабой. Поскорби, поплачь, но не ропщи, не малодушествуй, не негодуй; воздай благодарение Взявшему и, украсив отшедшего, препроводи его к Нему в светлой погребальной одежде. Если станешь роптать, то оскорбишь и умершего, и прогневаешь Взявшего, и повредишь самому себе; но если будешь благодарить, то и его украсишь, и прославишь Взявшего, и сделаешь пользу самому себе. Плачь, как Владыка твой плакал о Лазаре, показав нам меру, правила и пределы скорби, которых преступать не должно. Так и Павел сказал: "**Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды**". Скорби, говорит он, но не как язычник, не ожидающий воскресения, не имеющий надежды на будущую жизнь. Я стыжусь, поверьте мне, и краснею, когда вижу, как на торжище толпы женщин бесчинствуют, рвут на себе волосы, ломают руки, царапают щеки, и притом - в глазах язычников. Чего не скажут они, чего не наговорят о нас? Это ли любомудрствующие о воскресении? Должно быть они; но дела их не согласуются с учением; на словах они рассуждают о воскресении, а на деле поступают, как не ожидающие его; если бы они твердо убеждены были, что есть воскресение, то не делали бы этого; если бы уверены были, что умерший отошел к лучшей жизни, то не плакали бы. Это и еще больше этого говорят неверные, слыша такой плач. Постыдимся же, образумимся, и не станем делать столько вреда и себе и видящим это. Почему, скажи мне, ты плачешь так об отшедшем? Потому ли, что он был порочен? В таком случае должно благодарить, что положен предел его порокам. Или потому, что он был честный и добрый человек? И о нем надобно радоваться потому, что скоро "**восхищен**", прежде нежели "**злоба не изменила разума его**" (Прем. 4:11), и отошел в страну, где пребывает уже в безопасности, где нельзя опасаться никакой перемены. Или потому, что он был молод? И за то прославь Взявшего, что скоро призвал его к лучшей жизни. Или потому, что он был стар? И за это опять благодари и прославь Взявшего. Постыдись самого вида выноса: псалмопения, молитвы, сонм отцов и такое множество братий - не для того, чтобы ты плакал, скорбел и роптал, но чтобы благодарил Взявшего. Как призываемых к власти многие провожают с почестями, так и верующих отходящих все провожают с великою славою, как призванных к высшей почести. Смерть есть успокоение, освобождение от житейских трудов и забот. Итак, когда увидишь, что кто-либо из ближних отошел отсюда, не ропщи, но умились сердцем, войди в самого себя, испытай совесть, помысли, что и тебя немного после ожидает такой же конец. Вразумись и убойся, видя смерть другого, отринь всякую беспечность, рассмотри свои дела, исправь прегрешения, изменись к лучшему. Мы тем и отличаемся от неверующих, что иначе судим о вещах. Неверующий видит небо - и покланяется ему, потому что признает его за бога; видит землю - и чтит ее, и прилепляется к чувственным вещам. А мы - не так; но видим небо - и удивляемся Создавшему его; потому что веруем, что оно не бог, а дело Божие; вижу всю тварь - и чрез нее восхожу к Создателю. Неверующий видит богатство - и изумляется, благоговеет: я вижу богатство - и посмеиваюсь; он видит бедность - и скорбит: я вижу бедность - и радуюсь. Иначе я смотрю на вещи, иначе он. Так поступаем и в отношении к смерти: он видит мертвого - и считает мертвым; я смотрю на умершего - и взираю на смерть, как на сон. И как на буквы все мы, и знающие и незнающие грамоту, смотрим одинаковыми глазами, но неодинаковою мыслию; незнающие, видя их, считают простыми буквами, а знающие искусно постигают заключающийся в них смысл; так и в жизни мы смотрим на события одинаковыми глазами, но не одинаковою мыслию и разумением. Итак, отличаясь от язычников во всем прочем, неужели мы сойдемся с ними в суждениях о смерти?

3. Помысли, к кому отошел умерший, и утешься; он отошел туда, где Павел, где Петр, где весь сонм святых; помысли, в какой славе и светлости он восстанет; помысли, что слезами и воплями ты не можешь исправить случившегося и крайне повредишь себе; помысли, кому ты в этом подражаешь, и убегай общения в грехе. Кому же ты подражаешь и

соревнуешь? Неверным, не имеющим упования, как и Павел сказал: “**Дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды**”. Обрати внимание на точность выражения; он не сказал: неимущие упования воскресения, но просто: “**не имеющие надежды**”. Ибо не имеющий упования тамошнего суда, не имеет никакой надежды, не знает ни того, что есть Бог, ни того, что Он промышляет о всем настоящем, ни того, что над всем наблюдает божественная правда. А кто не знает и не помышляет об этом, тот бессмысленнее всякого зверя, и изгнал из души своей законы, и суды и определения, и вообще все доброе; ибо кто не готовится отдать отчет в делах своих, тот будет уклоняться от всякой добродетели и предаваться всякому пороку. Размыслив об этом и рассудив о невежестве и безумии язычников, с которыми мы сходствуем в сетовании об умерших, будем избегать такого согласия с ними. Для того и Павел упомянул об них, чтобы ты, размыслив о бесчестии, до которого ты ниспадаешь, стал выше согласия с ними и возвратился к свойственному тебе благородству. И не здесь только, но и во многих других местах блаженный Павел часто делает это. Когда он хочет удалить нас от грехов, то показывает, с кем сообщаемся мы чрез грехи, чтобы, устыдившись качества этого лица, ты убегал от такого сообщества. Так в послании к Фессалоникийцам он говорил: “**Чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения, как и язычники, не знающие Бога**” (1 Фес. 4:4-5). И в другом месте: “**Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего**” (Еф. 4:17). Также и здесь: “**Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды**”. Обыкновенно не свойство событий повергает нас в печаль, а наше произволение, не смерть скончавшегося, а немощь сетующих; верующего же ничто настоящее не может огорчить; он отличается от неверующих и тем, что, еще прежде будущих благ, в настоящей жизни получает немалые блага от христианского любомудрия, доставляющего ему величайшее благодушие и постоянную радость. Посему и Павел говорит: “**Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь**” (Флп. 4:4). Таким образом, еще прежде воскресения, мы получаем немалую награду в том, что не упадаем духом ни в каком случающемся бедствии, но имеем великое утешение в надежде будущих (благ). Как мы получаем двойную пользу, так неверующий терпит двойной вред - и оттого, что в будущей жизни подвергается наказанию за неверие воскресению, и оттого, что в настоящей впадает в отчаяние, не ожидая после ничего доброго. Итак, мы должны благодарить Бога не только за воскресение, но и за надежду воскресения, которая может утешить сетующую душу и расположить к благодушию при разлуке с отшедшими, как имеющими воскреснуть и соединиться с нами. Если надобно скорбеть и плакать, то нужно плакать и сетовать о тех, которые живут во грехах, а не о тех, которые отошли с добродетелью. Так делает и Павел; в послании к Коринфянам он говорит: “**Чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и [чтобы] не оплакивать мне многих, -** не сказал: умерших, но **- которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали**” (2 Кор. 12:21). О таких надобно плакать. Тому же поучает и другой такими словами: “**Плачь над умершим, ибо свет исчез для него; плачь и над глупым, ибо разум исчез для него. Меньше плачь над умершим, потому что он успокоился, а злая жизнь глупого — хуже смерти**” (Сир. 23:9-10). Если же всегда достоин плача потерявший рассудок, то тем более - не имеющий праведности и оставивший надежду на Бога. Таких людей и мы будем оплакивать; такой плач полезен; своими слезами мы часто исправляем их. Сетование же об умерших бесполезно и вместе вредно. Итак, не станем превращать порядка, но будем плакать только о грехе; а все прочее - и бедность, и болезнь, и преждевременную смерть, и обиду, и клевету, и какое-нибудь другое из зол, постигающих человека, - все будем переносить благодушно. Эти бедствия послужат для нас поводом к получению многих венцов, если мы будем бодрствовать.

4. Но как можно, скажешь ты, человеку не скорбеть? Напротив я скажу: как можно скорбеть человеку, почтенному словом и разумом и надеждами будущих благ? Но кто, скажешь ты, не предавался этому чувству? Многие, и часто, и из нас, и из предков наших. Послушай, что сказал Иов, когда лишился целого сонма детей: "**Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!**" (Иов. 1:21). Дивны эти слова, когда и просто слышишь их; а если еще тщательно рассмотришь их, то они окажутся еще более дивными. В самом деле, подумай, что диавол не половину детей взял у него, а другую половину оставил, не большую часть взял, а меньшую оставил; но он сорвал весь плод, а дерева не повалил; все море возмутил волнами, а ладьи не потопил; истощил всю силу, а столба не потряс; напротив, отовсюду потрясаемый, он стоял непоколебим; тучи стрел неслись, а его не поражали; или лучше - направлялись в него, но не уязвляли. Подумай, каково видеть погибель столь многих детей! Чего не доставало, чтобы поразить его? Все дети похищены, все вместе и в один день, в самом цвете лет, отличавшиеся великою добродетелью; окончили жизнь таким родом казни; после столь многих ударов нанесен этот последний удар отцу, который был сердобольный, а отшедшие - любезны ему. Если кто лишится детей порочных, то хотя и поражается скорбью, но не столь сильною: ибо порочность умерших не дает печали быть сильною; но если дети были добродетельны, то рана не закрывается, память о них не теряется, скорбь не имеет утешения, возбуждаясь двойною силою, - и чувством природы, и мыслию о добродетели скончавшихся. А что дети Иова были добродетельны, видно из следующего: отец так много об них заботился, что, вставши от сна, приносил за них жертвы, опасаясь и за тайные грехи их; и важнее этой заботы для него ничего не было. А это доказывает не только добродетель детей, но и чадолюбие отца. Если же Иов был отец, и столь чадолюбивый, питавший к ним привязанность, возбуждаемую не только природою, но и благочестием, и умершие были так добродетельны, то отсюда происходит тройное пламя скорби. Опять, когда похищаются только некоторые из детей, в скорби есть еще некоторое утешение; потому что оставшиеся умеряют печаль об умерших; но когда умрут все дети, то на кого может посмотреть (отец) многочадный, вдруг сделавшийся бесчадным? К этим можно еще присовокупить и пятый удар. Какой это? Тот, что все эти похищены внезапно. Если тогда, как умирают иные в три или пять дней, женщины и родственники все плачут особенно о том, что умерший так скоро и нечаянно похищен от взоров их; то тем более мог скорбеть Иов, не в три, не в два и не в один день, но в один час лишившийся всех детей. Бедствие, ожидаемое несколько времени, хотя бы было крайне тяжко, становится легче от самого ожидания; но случившееся сверх чаяния и внезапно бывает невыносимо. Когда бедствие и само по себе тяжко и еще увеличивается тем, что случилось неожиданно, подумай, как оно бывает невыносимо: оно выше всякого описания! Хочешь ли слышать и шестой удар? Иов потерял всех детей в самом цветущем их возрасте. Вы знаете, как прискорбны преждевременные смерти, и как много причиняют они слез. А эта смерть была не только преждевременная, но и насильственная; это был седьмой удар: ибо они не на ложе изнемогли и испустили дух, но задавлены зданием. Представь же, каково было тому, кто, разрывая эту груду, вынимал оттуда то камень, то часть своего сына, и видел то руку еще держащуюся за чашу, то другую лежащую на блюде, то самый труп обезображенный, с придавленным носом, с разбитою головою, вырванными глазами, раскиданным мозгом, - вообще весь образ искаженный до того, что, за множеством ран, отцу нельзя было распознать черты любезных ему лиц. Вы смутились и плачете, слыша об этом; подумайте же, каково было ему это видеть. Если мы, после столь долгого времени, не можем без слез слышать об этом печальном событии, и притом слышать о чужом несчастии; то какой адамант был тот, кто видел это своими глазами, и любомудрствовал не над чужими, а собственными бедствиями? Однако он не возроптал, и не сказал ничего такого: что это значит? Это ли награда за мою благотворительность? Для того ли я отворял дом странникам, чтобы видеть его гробом детей? Для того ли я прилагал о них всякое попечение, чтобы они потерпели такую смерть? Ничего такого он не сказал и не подумал;

но перенес все великодушно, хотя и лишился их после такого о них попечения. Как искусный ваятель, отделывая золотые статуи, украшает их весьма тщательно; так и Иов образовывал, улучшал и украшал души детей. И как трудолюбивый земледелец постоянно орошает пальмовые или оливковые деревья, ограждает, окапывает их и всячески ухаживает за ними; так и Иов не переставал, как бы какую плодоносную маслину, душу каждого из детей усовершать в добродетели; увидев же, что эти растения напором злого духа вырваны, повержены на землю и бедственно погибли, не только не произнес никакой хулы, но еще благодарил Бога, и тем нанес диаволу смертельную рану.

5. Но, скажешь ты, у Иова было много сыновей, а иной нередко лишается единственного сына, поэтому и скорбь неодинакова? Хорошо ты говоришь; и я скажу, что скорбь неодинакова, но скорбь Иова гораздо больше. Какую пользу принесло ему многочадие? Его несчастие было тем поразительнее и скорбь тем мучительнее, что он получил рану в лице многих детей. Если же хочешь видеть и другого святого, который имел единородного сына, и оказал такое же, и даже большее, мужество: то вспомни о патриархе Аврааме, который, хотя не видел Исаака умершим, но - что было еще мучительнее и прискорбнее - получил повеление (от Бога) самому заклать его и не воспротивился этому повелению, не возроптал и не сказал чего-нибудь подобного: за тем ли Ты сделал меня отцом, чтобы сделать детоубийцею? Лучше было бы прежде не давать его мне, чем, давши, отнять его таким образом. Ты хочешь взять его? Для чего же повелеваешь мне самому заклать и обагрить мою руку его кровью? Не чрез этого ли отрока Ты обещал заполнить моими потомками вселенную? Как же произведешь плоды, вырвавши корень? Как обещаешь потомство, повелевая заклать сына? Кто видал, кто слыхал это? Я обманут, я обольщен. Ничего такого он не сказал и не подумал, не попрекословил Повелевшему, не потребовал объяснения, но, услышав: “**Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе**” (Быт. 22:2), исполнил повеление с такою готовностью, что сделал еще больше повеления. Он скрыл это и от жены, утаил и от рабов, оставив их внизу горы, и взошел на нее, взяв с собою только жертву; так не против своей воли, но с великою готовностью он исполнил повеление. Представь же, каково было ему разговаривать с сыном наедине, без свидетелей, когда сердце сильнее разгорается и любовь бывает пламеннее, и это не в один или два дня, но в продолжение многих дней. Если бы он тотчас же исполнил повеление, то и это было бы удивительно и велико, однако не столь удивительно, как то, что он, в продолжение многих дней, испытывая страдание и борьбу душевную, не показал человеческой слабости в отношении к отроку. Бог для того и продолжил подвиги и распространил место борьбы, чтобы ты вернее узнал ратоборца. Поистине это был ратоборец, сражавшийся не с человеком, но с самою силою природы. Какое слово может изобразить его мужество? Он возвел отрока на гору, связал, положил на дрова, взял нож и хотел нанести удар. Затем, как и что сказать, не знаю; знает только сам сделавший это; никакое слово не может изобразить, как не оцепенела рука, как не ослабела крепость мышц, как не смутил его любезный вид отрока. Достоин удивления здесь и Исаак. Как отец его повиновался Богу, так он - отцу; и как тот, когда Бог повелел ему принести жертву, не потребовал объяснения, так и этот, когда отец связывал его и возлагал на жертвенник, не сказал: для чего ты делаешь это? - но преклонился под отеческую руку. Здесь виден был отец и вместе жрец, жертва бескровная, всесожжение без огня, образ смерти и воскресения на жертвеннике; потому что отец и заклал сына и не заклал: не заклал рукою, но заклал произволением. И Бог дал ему такое повеление не потому, чтобы хотел видеть пролитие крови, но для того, чтобы показать тебе произволение Авраама, посреди всей вселенной возвестить о доблести его, и всех потомков научить, что заповеди Божии должно предпочитать и детям, и природе, и всему имуществу, и самой душе своей. Итак, он сошел с горы, имея при себе Исаака, как живого мученика. Какое же прощение, скажи мне, какое оправдание будем иметь мы,

если, видя этого доблестного с такою готовностью повинующимся Богу и во всем Ему покорствующим, сами будем роптать? Не говори мне о горести, ни о несносной тяжести несчастия, но размысли о том, что он и жестокую скорбь превозмог. Повеление было в состоянии смутить его ум, повергнуть его в недоумение и поколебать веру в предшествовавшие обетования. Кто из обыкновенных людей не почел бы обманом все сказанное о множестве потомков, обещанных ему? Но не таков был Авраам. Не менее должно удивляться и любомудрию Иова в несчастии, особенно потому, что он после такой добродетели, после такого милосердия и человеколюбия, когда ни за собою, ни за детьми не сознавал ничего худого, а между тем испытывал столь великое, необычайное и неожиданное бедствие, какого ни с кем из крайне преступных людей не случалось, не огорчился, подобно обыкновенным людям, не помыслил, что добродетель бесполезна и сам он прежде поступал худо. Обоим этим мужам должно не только удивляться, но и соревновать и подражать их добродетели. Никто пусть не говорит, что они были дивные люди. Подлинно, они были дивны и велики; но от нас теперь требуется еще более любомудрия, нежели от них и всех живших в ветхом завете. “**Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**” (Матф. 5:20). Итак, отовсюду получив вразумление и припомнив это и все, что сказано нами о воскресении и о тех святых, будем непрестанно повторять душам своим, не только во время печали, но и когда бываем свободны от скорби. Поэтому и я, хотя никого не вижу в скорби, предложил ныне это слово, чтобы мы, когда подвергнемся подобному бедствию, припоминая сказанное, имели достаточное утешение; так и воины в мирное время занимаются воинскими упражнениями, чтобы, при наступлении войны, когда потребуется опытность в деле, благовременно показать искусство, в котором они усовершенствовались во время мира. Приготовим же и мы себе оружие и врачевство во время мира, чтобы, когда настанет борьба с неразумными страстями, или печалью, или унынием, или другим чем-либо подобным, мы, хорошо вооружившись и оградившись со всех сторон, могли с великою опытностью отражать нападения лукавого и верными мыслями, вещаниями Божиими, примерами праведных мужей, и вообще всеми способами защищать самих себя. Таким образом мы можем и настоящую жизнь провести благодушно, и сподобиться царства небесного о Христе Иисусе, Которому слава и держава, со Отцом и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

О ЛАЗАРЕ

СЛОВО ШЕСТОЕ

Полное заглавие этого слова следующее: "о землетрясении, и о богатом и Лазаре, и о том, откуда произошло рабство"

ВИДЕЛИ вы Божию силу, видели Божие человеколюбие? Силу в том, что Бог потряс вселенную; человеколюбие в том, что падающую ее остановил: а лучше, в том и другом - и силу и человеколюбие; и потрясти и остановить - дело силы и человеколюбия; потому что Он поколебал вселенную и утвердил ее, и колебавшуюся ее, и готовую упасть, восстановил. Но, хотя землетрясение миновало, страх пусть остается; колебание прошло, а благоговение пусть не проходит; три дня мы молились, но не прекратим нашего усердия. За то (постигло нас) землетрясение, - за нерадение наше; мы вознерадели - и вызвали землетрясение; исправились - и отклонили (Божий) гнев; не будем же опять предаваться нерадению, чтобы опять не вызвать гнева и наказания; Бог не хочет “**смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был**” (Иез. 33:11). Видели вы бренность рода человеческого? Когда происходило землетрясение, я размышлял сам с

собою так: где хищничество? где любостяжание? где могущество? где высокомерие? где господство? где угнетения? где разграбления бедных? где тщеславие богатых? где власть начальников? где угрозы? где страхи? Одна минута времени - и все расторглось легче паутины, все это расстроилось; и был плач в городе, и все бежали в церковь. Подумайте, что было (бы) с нами, если бы Богу угодно было все ниспровергнуть. Говорю это для того, чтобы постоянно жив был в вас страх от случившегося и укреплял умы всех. Потряс (Господь землю), но не ниспроверг; потому что, если бы хотел ниспровергнуть, то не потряс бы; но так как Он того не хотел, то землетрясение, как глашатай, предвозвещающий всем гнев Божий, предварительно произошло, чтобы мы, от страха сделавшись лучшими, отклонили от себя наказание на деле. Так поступил Он и с иноплеменниками: "**Еще сорок дней** (три дня) **и Ниневия будет разрушена**" (Иона. 3:4). Почему же не превращаешь? Грозишь ниспровергнуть: почему же ты не ниспровергаешь? - Так как Я не хочу ниспровергнуть, то и угрожаю. - Для чего же говоришь? - Чтобы не сделать того, что говорю; пусть словом предупреждено и отвращено будет дело. "**Еще сорок дней и Ниневия будет разрушена**", - говорил тогда пророк, а ныне издают голос стены. Говорю это и не перестану говорить и бедным и богатым; подумайте, как велик гнев Божий, как все Ему легко и удобно; отстанем же от пороков; в краткую минуту времени Он так сокрушил душу и ум каждого, и потряс основания сердца; подумаем же, что в тот страшный день, когда будет не одна минута времени, но бесконечные веки, и потоки огня, и грозный гнев, и силы, влекущие на суд, и страшный престол, и нелицеприятное судилище, и дела каждого предстанут пред очи, и никто не будет заступником, ни сосед, ни ритор, ни сродник, ни брат, ни отец, ни мать, ни иноплеменник, ни кто-либо другой, - что тогда, скажи мне, мы будем делать? Навожу на вас страх, чтобы устроить ваше спасение. Я сделал учение более резким, чем железо, чтобы каждый из вас, имеющий язву, освободился от нее. Не всегда ли я говорил, и ныне говорю, и не перестану говорить: доколе вы будете привязаны к настоящему? Ко всем говорю, но особенно к недужным и невнимающим тому, что говорится; или лучше, это слово полезно тому и другому: больному - для выздоровления, здоровому - для избежания болезни. Доколе деньги? Доколе богатство? Доколе великолепие зданий? Доколе неистовство в бездушной любви к удовольствиям? Вот пришло землетрясение; какую пользу принесло богатство? Труд того и другого пропал, погибло имущество вместе с владением, дом вместе со строителем. Город сделался общим для всех гробом, устроенным внезапно не руками мастеров, но несчастным случаем. Где богатство? Где любостяжание? Видите ли, как все оказалось ничтожнее паутины?

2. Но скажешь мне: какая польза от слов твоих? Есть польза, если кто слушает меня. Я делаю свое; сеятель сеет. Вышел сеятель сеять; и пали семена - одни подле дороги, другие на камень, иные на терние, а иные на добрую землю (Мф. 13:3-8); три части (семян) погибли, одна только сохранилась; однако же (сеятель) не отстал от земледелия; но так как одна часть сохранилась, то и не перестал трудиться над землею. И теперь невероятно, чтобы семя, повергаемое в такое множество (слушателей), не принесло мне колоса; если не все послушают, половина послушает; если не половина, то третья часть; если не третья часть, то десятая; если не десятая, то хотя один из такого множества послушает, лишь бы послушал. Немаловажно спасти и одну овцу; так и тот пастырь (Мф. 18:12), оставив девяносто девять овец, пошел за одною заблудшею. Я не пренебрегаю человеком; хотя бы он был один, но это - человек, живое существо, любезнейшее Богу; хотя бы он был раб, я не считаю его достойным презрения; потому что не звания ищу, а добродетели, не господства, не рабства, а души; хотя бы он был один, но это - человек, для которого небо распростерто, и солнце сияет, и луна течет, и воздух разлит, и источники бегут, и море расширено, и пророки посылались, и закон дан, но для чего перечислять все? - для которого единородный Сын Божий соделался человеком. Владыка мой был заклан и пролил кровь Свою за человека, и я ли буду пренебрегать им? Какое будет мне прощение?

Не слышите ли, что Господь разговаривал с самарянкою и изрек множество слов? Он не презрел ее за то, что она была самарянка, но оказал к ней внимание, потому что она имела душу; не пренебрег ею за то, что она была блудница, но приложил великое о ней попечение, потому что и она могла быть спасена и показала веру. Не перестану говорить и я, хотя бы никто не слушал: я врач, и предлагаю врачевство; я учитель, и должен увещевать, потому что говорит (Господь): "**Поставил тебя стражем дому Израилеву**" (Иез. 3:17). Никого не исправлю? Что же такое? Я не лишусь награды. Впрочем, это сказал я по преувеличению; невероятно, чтобы в таком множестве никто не исправился. Но таковы отговорки и предлоги нерадивых слушателей. Каждодневно, говорят, я слушаю, и не делаю. Слушай, хотя бы ты и не делал; потому что от слушания доходят и до делания; хотя бы ты и не делал, но будешь стыдиться за грех; хотя бы и не делал, но переменишь образ мыслей; хотя бы и не делал, но будешь осуждать себя за то, что не делаешь. А откуда это твое осуждение самого себя? Оно - плод моих слов. Когда ты скажешь: увы! я слышал, и не делаю! - это "увы" есть начало перемены к лучшему. Ты согрешил и поплакал? Этим ты загладил грех; потому что (написано): "**Станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться**" (Ис. 43:26). Лишь бы ты печалился и скорбел; эта скорбь ведет ко спасению не по своему свойству, но по человеколюбию Владыки. Для имеющего грехи немалым служит облегчением скорбь о самом себе; ибо "**видел**, - говорит (Господь), - что опечалился, **и исцелю его**" (Ис. 57:17-18). О неизреченное человеколюбие! неизъяснимая благость! Он опечалился, и Я исцелил его! Что же особенного в том, что он опечалился? Ничего особенного; но Я нашел в том повод исцелить печали его. Видите ли, как Он в краткую минуту времени все совместил? Размышляйте же непрестанно о том вечере землетрясения. Все другие устрашились землетрясения, а я устрашился причины его. Понимаете, что я сказал? Другие боялись, чтобы не обрушился город, и чтобы они не погибли; а я устрашился того, что Владыка гневается на нас; потому что не умереть тяжко, но тяжко - разгневать Владыку. Так я убоялся не землетрясения, а причины землетрясения; причина землетрясения есть гнев Божий, а причина этого гнева - грехи наши. Никогда не бойся наказания, но бойся греха, навлекающего наказание. Трясется город? Что же такое? Пусть только не колеблется душа твоя; так и в случае болезней и ран мы оплакиваем не тех, которые лечатся, но больных неизлечимо. А грех есть то же, что болезнь и рана, и наказание - то же, что отсечение и врачевание.

3. Поняли вы, что я говорю? Будьте внимательны; хочу преподать вам любомудрое наставление. Почему мы оплакиваем наказываемых, а не согрешающих? Не так тяжко наказание, как тяжек грех; потому что грех есть причина наказания. Итак, когда ты увидишь какого-нибудь человека, имеющего гнилую рану, у которого из тела выходят черви и гной, и который оставляет без внимания эту язву и гниение, а - другого такого, который, страдая тем же, пользуется пособием врачей, допускает прижигания и отсечения, и пьет горькие лекарства, то которого из них ты будешь оплакивать, скажи мне, - того ли, который болен - и не лечится, или того, который болен - и лечится? Очевидно того, который болен - и не лечится. Подобным образом, пусть будут два грешника, один наказываемый, а другой не наказываемый. Не говори: этот блажен, потому что богат, грабит сирот, утесняет вдов, не болеет, и при грабительстве своем пользуется хорошим мнением, наслаждается почестью и властью, не испытывает ни одного из человеческих бедствий, ни горячки, ни чахотки, ни другой какой-либо болезни; у него сонм детей, маститая старость; но его-то преимущественно и оплакивай, потому что он и болен, и не лечится. Как? Я скажу. Если увидишь человека, одержимого водяною, у которого от болезни в селезенке раздулось тело, но который не спешит к врачу, а постоянно употребляет холодное питье, имеет роскошную трапезу, каждый день упивается, окружен прислужниками, и усиливает свою болезнь, то, скажи мне, блаженным ли считаешь его, или несчастным. А если увидишь другого, одержимого водяною, но пользующегося пособием врачей, изнуряющего себя голодом,

отказывающего себя во многом, постоянно принимающего горькие лекарства, которые хотя неприятны, но этою неприятностью способствуют здоровью, то не станешь ли ты ублажать этого человека более, чем того? Разумеется, потому что тот болен - и не лечится, а этот болен - и пользуется врачеванием. Но лечение неприятно? Зато конец его полезен. Так бывает и в настоящей жизни. Перенесись мыслью от тел к душам, от болезней к грехам, от горечи лекарств к наказаниям и суду Божию; ибо наказание от Бога есть то же, что и лекарство от врача, отсечение и прижигание. Как огонь, чрез многократное прикосновение, прижигает рану и останавливает ее развитие; и как железо отсекает гнилость, причиняя боль, но доставляя пользу; так и голод, и моровые язвы и все кажущиеся бедствия насылаются на душу вместо железа и огня, чтобы остановить, как это бывает с телами, развитие ее болезней и сделать ее лучшею. Опять, пусть будут два блудодея – допустим, это на словах для примера, - два блудодея: но один богатый, а другой бедный. Который из них имеет больше надежд на спасение? Разумеется, бедный. Не говори же: этот богач блудодействует и богатеет, и поэтому ублажаю его. Скорее надлежало бы тебе ублажать его тогда, когда бы он, блудодействуя, был беден и терпел голод; потому что он невольно имел бы в бедности учительницу любомудрия. Когда ты увидишь порочного благоденствующим, плачь; потому что здесь два несчастия: и болезнь и неисцельность. Когда же увидишь порочного в несчастии, утешайся, не потому только, что он становится лучшим, но и потому, что заглаждаются здесь многие из грехов его. Слушай внимательно мое слово. Многие из людей и здесь наказываются и там осуждаются; другие только здесь, а иные только там. Пойми это учение; потому что, если хорошо выразумеешь слова мои, они избавят ум твой от многих смятений. Но, если угодно, представим сперва такого человека, который там наказывается, а здесь наслаждается весельем. Пусть и богатые и бедные внимают моим словам; ибо это учение полезно и тем и другим. Что многие осуждаются и здесь и там, об этом послушай, как говорит Христос: “**В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете; а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится. А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому**” (Мф. 10:11-15). Отсюда явно, что жители Содома и Гоморры и здесь осуждены и там наказываются; ибо, когда говорит (Господь), что отраднее будет содомлянам, чем этим людям, то показывает, что те хотя и наказываются, но не так, как эти.

4. Еще есть такие, которые наказываются только здесь, как тот прелюбодей, о котором, блаженный Павел, в послании к Коринфянам, говорил так: “**Есть верный слух, что у вас [появилось] блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого не слышно даже у язычников, что некто [вместо] [жены] имеет жену отца своего. И вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело. А я, отсутствуя телом, но присутствуя [у вас] духом, уже решил, как бы находясь у вас: сделавшего такое дело, в собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа, обще с моим духом, силою Господа нашего Иисуса Христа, предать сатане во изможднение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа**” (1 Кор. 5:1-5). Видишь ли, как этот здесь наказывается, а там не наказывается? Так как здесь наказано было тело его, то там он уже не наказывается. Наконец хочу показать такого человека, который здесь веселился, а там наказывается. “**Некоторый человек был богат**” (Лк. 16:19). Вы уже наперед видите ход этого повествования, но подождите окончания слова. Конечно, мне честь, а вам похвала за то, что, когда только еще сеются начатки, вы уже собираете колосья. Постоянное слушание поучений сделало вас учителями; но так как с вами вошли сюда и некоторые чужие, то не спешите, но

подождите хромающих. Церковь есть тело; есть в ней глаз, есть и голова. Как если пяту уколет терние, глаз преклоняется вниз, потому что он есть член тела, и не говорит: я восседаю на высоте, презираю низший член; но преклоняется, оставляя свою высоту; что ниже пяты, или благороднее глаза? - однако это неравенство исправляется сочувствием, и все соединяется любовию. Так и ты поступай; если ты быстр и приготовлен к слушанию, но имеешь брата, который не может следовать за тем, что предлагается, глаз твой пусть преклонится к пяте, пусть окажет сострадание к хромающему члену, чтобы он от твоей быстроты и своей медлительности не остался без научения. Не злоупотребляй твоим разумением к его погибели, но благодари Бога за свою быстроту. Ты богат? Радуюсь и восхищаюсь; но тот еще беден: пусть же не остается он в бедности вследствие твоего богатства. У него есть терние - неспокойный помысел: снизойди же к нему и исторгни терние. Что же говорит (Господь)? Человек "**некоторый был богат**" - по имени, а не на самом деле. "**Некоторый был богат"** и "**одевался в порфиру**", предлагал роскошную трапезу, имел чаши с вином, украшенные венками, устроял каждый день пиршества. Другой же - "**некоторый нищий, именем Лазарь**". А где имя богача? Нигде, он без имени. Сколько богатства, - а у самого нет и имени! Какое же это богатство? Это - дерево, красующееся листьями, но не имеющее плода; дуб, распростершийся в высоту, но дающий желуди в пищу бессловесным; человек, не имеющий плода человеческого. Где богатство и хищничество, там виден волк; где богатство и свирепость, там вижу льва, а не человека; он погубил свое благородство неблагородством пороков. "**Некоторый был богат"** и каждодневно "**одевался в порфиру**", а в душе был покрыт паутиной; дышал благовониями, а исполнен был зловония; предлагал роскошную трапезу, кормил тунеядцев и льстецов, утучнял рабыню - плоть, а госпожу - душу оставлял изнуряться голодом; дом у него был украшен венками, а основание состояло из извести греха; душа была погружена в вине. Итак, этот богач имел роскошную трапезу и украшенные венками чаши вина, кормил тунеядцев и льстецов - это непотребное сборище диавольское, этих волков, которые пленяют многих из богачей, насыщая собственное чрево, устрояют их погибель, великою услужливостью и лестью истребляют их богатство. Не погрешит, кто назовет волками таких людей, которые, выставляя богача пред всеми, как овцу, превозносят его похвалами, надмевают величаниями, и не дают ему увидеть собственную рану, но ослепляют его ум и увеличивают его гнилость. Потом, как наступит перемена обстоятельств, эти друзья убегают, и остаемся состраждущими мы, обличающие, а те притворные личности скрываются, как это и ныне часто бывает.

5. Итак, этот богач кормил тунеядцев и льстецов, обратил дом свой в театр, наполнял каждого вином, жил в великом благоденствии; а другой некто Лазарь, покрытый ранами, сидел у ворот богача и желал крупиц от трапезы его. Возле источника он томился жаждою; подле изобилия голодал. И где он брошен был? Не на распутье, не на улице, не в переулке, не среди площади; но в воротах богача, которыми этот должен был и входить и выходить, дабы не говорил: я не видал, не приметил, мои глаза не досмотрели. При входе твоем лежит жемчужина в грязи, и ты не видишь? Врач у ворот, и ты не лечишься? Кормчий в пристани, и ты терпишь кораблекрушение? Кормишь тунеядцев, а бедных не питаешь? Это было тогда; но бывает и теперь. Для того и написано это, чтобы потомки научились от этих событий и не подверглись тому, чему подвергся богач. Итак, лежал в воротах бедный, бедный по внешности, но богатый внутренне; лежал покрытый ранами на теле, как сокровище, у которого наверху терния, а внизу жемчужины. Какой ему вред от болезни тела, когда душа здорова? Пусть слышат это бедные, и не сокрушаются унынием; пусть слышат богатые, и отстанут от нечестия. Для того и предложены нам эти два образца, богатства и бедности, жестокости и мужества, любостяжательности и терпения, чтобы ты, когда увидишь бедного в ранах и пренебрежении, не называл его жалким, и, когда увидишь богатого в блеске, не считал его блаженным. Прибегай к этой притче; когда будет смущать тебя колебание помыслов, беги в эту пристань; получи утешение от

этого повествования; представь Лазаря пренебрегаемого, представь богача благоденствующего и наслаждающегося роскошью, и никакое событие в жизни пусть не смущает тебя. Если ты будешь иметь верное суждение, то не потопят тебя волны; не погрузится ладья твоя, если благоразумным суждением будешь различать свойства вещей. Для чего ты говоришь мне: тело мое в бедственном положении? Был бы ум твой не поврежден. Такой-то богат и нечестив: что же такое? Нечестие не подлежит чувствам. Не суди о человеке по внешности, но по внутренним его качествам. Когда ты видишь дерево, что рассматриваешь в нем - листья, или плод? Так и в отношении к человеку; когда видишь человека, то суди о нем не по внешним, а внутренним его качествам, рассматривай плод, а не листья: не дикая ли это маслина, хотя и считается настоящею маслиною; не волк ли это, хотя и считается человеком. Узнавай человека не по (телесной его) природе, но по произволению, не по виду, но по образу мыслей; и не только по образу мыслей, но разведай и жизнь его. Если он нищелюбив, то он - человек; если же предан торговым оборотам, то он - дуб; если свиреп сердцем, то он - лев; если хищник, то - волк; если коварен, то - аспид. Но скажешь: я человека ищу; для чего же ты показываешь мне зверя вместо человека? - Познай, в чем состоит доблесть человека, и не смущайся. Итак, Лазарь лежал при воротах, покрытый ранами, мучимый голодом. Псы приходили и лизали раны его: псы были человеколюбивее человека, лизали раны Лазаря, снимали и очищали гной. А он лежал, поверженный, как золото в пещи, делаясь более блестящим; не говорил, как говорят многие из бедных: это ли промышление? - разве Бог взирает на дела человеческие? Я при праведности беден; а этот при неправедности богат. Ничего подобного он не помыслил, но предавался непостижимому человеколюбию Божию, очищая свою душу, перенося страдания, являя терпение; лежа телом, но стремясь умом, окрыляясь мыслию, готовясь получить награду, удалившись от зла и сделавшись образцом добра. Он не говорил: тунеядцы наслаждаются до излишества, а я не удостаиваюсь и крупиц; но что? Благодарил и прославлял Бога. Умер богач, и был похоронен; отошел и Лазарь; не скажу: умер; потому что смерть богача была действительно смертью и погребением, а смерть бедного - отношением и представлением к лучшему, переходом с поприща борьбы к наградам, из моря в пристань, от сражения к торжеству, от подвигов к венцу. Отошли оба туда, где предметы имеют истинный вид; театр закрылся и маски сняты. На здешнем театре в самый полдень употребляются завесы, и многие являются на сцене в чужом виде и с масками на лице, пересказывают старую басню и повествуют о тогдашних делах; иной представляется философом, не будучи философом; иной царем, не будучи царем, но только имея вид царя по содержанию басни; иной - врачом, не умея управиться и с деревом, но только надевши платье врача; иной - рабом, будучи свободным; иной - учителем, не зная и грамоты; представляются не тем, что они суть на самом деле, а что они действительно, тем не показываются: показывается врачом тот, кто вовсе не врач; показывается философом тот, кто только на маске имеет философскую прическу; показывается воином тот, у кого только платье воина; но как ни обманчив вид маски, он не изменяет природы, которой действительность извращает; маски держатся, пока увеселяющиеся сидят (в театре); но когда наступит вечер, театр закроется, и все разойдутся, тогда маски сбрасываются, и кто в театре представлялся царем, вне его оказывается медником; маски сброшены, обман прошел, открылась истина: и оказывается вне театра рабом, кто внутри его представлялся свободным; внутри (театра), как я сказал, обман, а вне - истина; настал вечер, кончилось зрелище - и открылась истина. Так и в жизни и при кончине. Настоящее - театр; здешние предметы - обманчивая внешность, и богатство, и бедность, и власть, и подвластность, и тому подобное; а когда окончится этот день и наступит та страшная ночь, или лучше - день: ночь для грешников, а день для праведников; когда закроется театр; когда обманчивые виды будут отброшены; когда будет судим каждый со своими делами, не с богатством своим, не с властью своею, не с почестями и могуществом своим, но каждый с делами своими - и начальник, и царь, и женщина, и мужчина; когда (Судия) спросит нас о жизни

и добрых делах, а не о важности званий, не о низком состоянии бедности, не о высоком состоянии надменности, (и скажет): подай Мне дела, хотя ты был раб, лучшие, чем у свободного, хотя ты была женщина, более мужественные, чем у мужчины; когда отброшены будут обманчивые внешности: тогда обнаружится и богатый и бедный. И как здесь, по окончании театра, иной из сидевших вверху, увидев в театральном философе медника говорит: э, не был ли этот в театре философом? - а теперь вижу его медником; этот не был ли там царем? - а здесь вижу в нем какого-то низкого человека; этот не был там богачом? - а здесь вижу его бедным; так будет и там.

6. Не распространяю речи, чтобы слушателя не привести в замешательство обилием сказанного; но хочу представить обманчивость зрелища только в двух лицах. Я представлял два лица, чтобы чрез них проложить вам дорогу и дать направление. Я расширил мысль вашу изображением настоящей жизни, чтобы каждый мог познать различие вещей. Итак, два лица: одно представлял богатый, а другое бедный; лицо бедного - Лазарь, лицо богатого - богач; видимые предметы - мнимые лица, а не действительные. Оба они отошли туда, и богатый и бедный; Лазаря приняли ангелы, после псов - ангелы, после ворот богача - лоно Авраамово, после голода - нескончаемое изобилие, после скорби - непрестанная радость; а богача после богатства постигла бедность, после роскошной трапезы - наказание и мучение, после наслаждений - невыносимые скорби. И посмотри, что делается: они отошли туда - и зрелище прекратилось, маски сняты - и являются наконец действительные лица. Оба они отошли туда, и богач, сгорая в огне, видит Лазаря в лоне Авраамовом, благодушествующим, наслаждающимся, веселящимся, и говорит: “**Отче Авраме! … пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем**”. Что же Авраам? “**Чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь - злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь; и сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут**” (Лк. 16:24-26). Будьте внимательны, потому что слово об этом полезно: оно устрашает, но и очищает; огорчает, но и исправляет. Прими то, что говорится. Богач, находясь в муках, взглянул и увидел Лазаря, - увидел новые предметы. В твоих воротах был он каждый день; не раз ты входил и выходил, и не видел его; а теперь, находясь в пламени, видишь издали? Когда ты жил в богатстве, когда в твоей воле было видеть, ты не хотел видеть его: от чего же теперь ты так зорко видишь? Не в воротах ли твоих он был? Как же ты не видел его? Вблизи не видел его, а теперь издали видишь, когда между вами такая пропасть? И что он делает? Авраама называет отцом! Как ты называешь отцом того, кому не подражал в гостеприимстве? Этот называет его отцом, а тот его - чадом; имена родственные, но помощи никакой. Впрочем (Господь) произносит эти названия, чтобы вы знали, что от родства нет никакой пользы. Благородство не в знатности предков, но в добродетельных нравах. Не говори мне: отец у меня консул. Что мне в этом? Не о том речь; отнюдь не говори мне: отец у меня консул. Хотя бы твоим отцом был апостол Павел, а братьями мученики, но если ты не подражаешь их добродетели, то нет тебе никакой пользы от такого родства, а скорее оно повредит тебе и послужит к осуждению. Мать моя, говоришь, милосердная. А что от этого тебе бесчеловечному? Ее человеколюбие увеличивает виновность твоего злонравия. Что говорит Иоанн Креститель к народу иудейскому? “**Сотворите же достойные плоды покаяния и не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам**” (Лк. 3:8). Ты имеешь знаменитого предка? Если ты будешь подражать ему, то получишь пользу; но если не будешь подражать, то знаменитый предок будет твоим обвинителем, за то, что ты от доброго корня вышел горьким плодом. Никогда не называй блаженным человека, имеющего родственником праведника, если он не подражает его нравам. Мать у тебя святая? Тебе ничего от этого. Мать у тебя порочная? И из этого тебе ничего. Как добродетель той не приносит тебе пользы, если не подражаешь ее добродетели: так и порочность этой не вредит тебе, если ты не предан порокам. Как там

больше осуждения тебе, потому что, имея у себя образец, ты не подражал добродетели; так и здесь больше тебе похвалы, что, имея порочную мать, ты не подражал ее порокам, но от горького корня вышел сладким плодом. Не знаменитость предков требуется от нас, а добродетельный образ жизни. Я и раба назову благородным, и господина достойным цепей, когда узнаю образ жизни; и знатный для меня не благороден, если имеешь рабскую душу; ибо кто действительно раб, кроме совершающего грехи? Другое рабство зависит от неблагоприятных обстоятельств; а это рабство заключается в развращении сердца; так как и в начале отсюда произошло рабство.

7. В древности не было раба; Бог, созидая человека, сотворил его не рабом, но свободным. Он сотворил Адама и Еву, и оба они были свободны. Откуда же произошло рабство? Род человеческий уклонился от правого пути, и, преступив меру в желаниях, дошел до развращения; а как это, послушай. Настал потоп, общее крушение вселенной, отворились окна (небесные) и разверзлись бездны (Быт. 7:10), все стало водою, все видимое разложилось на стихии и разлилось, земли не видно было, но все стало морем, на основании гнева Божия; повсюду были волны, повсюду моря; высоко поднимались горы, но море и их покрыло; и было только море и небо; род человеческий погиб, и осталась лишь искра рода нашего - Ной, искра посреди моря, однако не погасшая, заключавшая в себе начатки рода нашего, жену и детей, с голубем и вороном и всеми прочими существами. И были все внутри ковчега, а ковчег носился поверх воды среди бури, и не подвергся крушению; потому что кормчим его был Владыка всего; не доски спасли, а крепкая десница (Божия). И посмотри на чудо. Когда омылась земля, когда потреблены были делавшие зло, когда укротилась буря - явились верхи гор, ковчег сел, Ной выпустил голубя. Но в изложенном событии заключались тайны; прошедшее было прообразом будущего; именно: ковчег - церковь, Ной - Христос, голубь - Дух Святый, масличная ветвь - человеколюбие Божие. Кроткое животное было выпущено и удалилось от ковчега; но то образ, а ныне - истина; посмотри же на превосходство истины. Как ковчег спасал среди моря бывших внутри его, так и церковь спасает всех блуждающих; но ковчег только спасал, а церковь делает нечто большее; например: ковчег принял в себя бессловесных, - и спас их бессловесными; церковь приняла неразумных людей, и не только спасает их, но и преобразует; ковчег принял ворона, и выпустил ворона; церковь принимает ворона, а выпускает его голубем; принимает волка, а выпускает его овцой. Когда войдет сюда человек хищный, корыстолюбивый, и послушает вещаний божественного учения, то переменяет образ мыслей и из волка делается овцой: волк похищает и чужое, а овца уступает и свою шерсть... Ковчег остановился, и отворились его двери; Ной вышел, спасшись от потопления, и увидел землю опустошенную, увидел гробницу, образовавшуюся из грязи, общую гробницу для скотов и людей, в которой все тела лошадей, и людей, и всякого бессловесного скота, вместе были зарыты. Посмотрел он на это печальное зрелище, посмотрел на землю, преисполненную бедствий, и впал в великое уныние; все погибли; ни человек, ни скот, ни другое какое-либо из существ, оставшихся вне ковчега, не спаслись; он видел только небо. Мучимый унынием и удручаемый скорбью, он выпил вина, и предался сну, чтобы облегчилась рана уныния. Лежал он на ложе, предавшись сну, как врачу, чтобы произвести в уме забвение о случившемся, как это бывает с состарившимся, пьющим вино и предающимся сну. Надобно сказать в оправдание праведника, что случившееся с ним произошло не от пьянства и страсти; но он просто врачевал свою рану. Так и Соломон говорил: “**Дайте сикеру опечаленному и вино болящему**” (Притч. 31:6). Посему многие из людей, особенно во время похорон, когда кто лишится сына или жены, когда скорбь терзает, и уныние одолевает, и сознание этого оказывает свою силу, берут друзей в дом свой и устрояют обильный пир, и подается вино опечаленному, чтобы облегчилась рана его. То же случилось тогда и с этим старцем: мучимый унынием, он употребил вино, как лекарство, и от вина склонился ко сну. Но вам надобно узнать, откуда произошло рабство. Спустя немного времени взошел проклятый

сын его, сын его по природе, а не сын по нраву (опять называю благородством не знатность предков, но добродетельный нрав); вошедши, сын увидел наготу отца. Следовало бы прикрыть ее, накрыть платьем, ради старости, ради горя, ради несчастия, ради того, что это - отец его; а он, вышедши, разгласил и сделал из того печальное зрелище. Но прочие его братья, взяв одежду, вошли, смотря назад, чтобы не видеть того, о чем тот разглашал, и прикрыли отца. Отец, вставши, узнал все, и начал говорить: "**Проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих**" (Быт. 9:25). Смысл слов его такой: ты будешь рабом, потому что обнаружил срамоту отца своего. Видишь ли, что рабство - от греха, что от нечестия произошло рабство? Хочешь ли, я покажу тебе освобождение от рабства? Был некто Онисим, раб, презренный беглец; он убежал и пришел к Павлу, принял крещение, омыл грехи и остался у ног апостола. Павел пишет к господину его: "**Он был некогда негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне; … ты же прими его, как мое сердце**". Что же произошло? "Прошу тебя о сыне моем Онисиме, **Которого родил я в узах моих**" (Флм. ст. 10-12).

8. Видишь ли благородство? Видишь ли, что нрав доставляет свободу? Раб и свободный - суть простые названия. Что такое раб? Одно название. Сколько господ лежат пьяные на постели, а слуги стоят подле них трезвые! Кого же назвать рабом, - трезвого, или пьяного? Раба ли, служащего человеку, или пленника страсти? У того рабство внешнее; а этот внутри себя носит невольничество. Говорю это, и не перестану говорить, чтобы вы имели понятие о вещах, соответствующее природе их, и не увлекались заблуждением толпы, но знали, что такое раб, что бедный, что неблагородный, что блаженный, что страсть. Если вы научитесь различать это, то не подвергнетесь никакому смятению. Впрочем, чтобы слово, слишком распространяясь, не уклонилось к постороннему, обратимся к предмету. Итак, этот богач наконец стал бедным; или лучше, он был беден и тогда, как был богат. Ибо что пользы человеку, если он имеет чужое, а своего не имеет? Что пользы человеку приобресть деньги, и не приобресть добродетели? Для чего ты берешь чужое, а свое теряешь? Я имею, скажешь ты, землю плодоносную? Что же такое? Но не имеешь души плодоносной. Имею рабов? Но не имеешь добродетели. Имею одежды? Но ты не приобрел благочестия. Чужое имеешь, а своего не имеешь. Если бы кто вверил тебе залог, разве я мог бы назвать тебя богатым? Никак. Почему? Потому, что ты владеешь чужим; потому, что это - залог; и о, если бы это было только залогом, а не прибавлением к твоему наказанию! Итак, богач, увидев Лазаря, говорит: "**Отче Аврааме! умилосердись надо мною**" (Лк. 16:24). Слова бедного, нищего, убогого! "**Отче Аврааме! умилосердись надо мною**". Чего ты хочешь? "**Пошли Лазаря**". Мимо кого тысячу раз ты проходил, на кого и взглянуть не хотел, того теперь просишь послать к тебе для спасения? "**Пошли Лазаря**". А где теперь твои виночерпии? Где ковры? Где тунеядцы? Где льстецы? Где надменность? Где гордость? Где закопанное золото? Где одежды, изъеденные молью? Где серебро, почитаемое тобою? Где блеск и наслаждение? То были листья; настала зима - и все они посохли; то было сновидение; наступил день - и сновидение улетело; то была тень; пришла действительность - и тень исчезла. "**Пошли Лазаря**". Но почему богач видит не другого какого праведника, не Ноя, не Иакова, не Лота, не Исаака, но Авраама? Почему? Потому, что Авраам был странноприимный и привлекал прохожих в свою палатку; любовь его к странникам становится более сильною обвинительницею бесчеловечия богача. "**Пошли Лазаря**". Слыша это, возлюбленные, убоимся, как бы и нам, увидев бедных, не пройти мимо их, чтобы вместо одного Лазаря не было у нас тогда многих обвинителей. "**Пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем**". Но какою мерою мерите, такою возмерится вам (Мф. 7:2); ты не дал крупиц, не получишь и капли. "**Пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем**" Что же ему Авраам? "**Чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь - злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь**"*Чадо, восприял еси благая*

твоя в животе твоем, и Лазарь такожде злая своя; и ныне же зде утешается, ты же страждеши (Лк. 16:24-25). Здесь опять он не сказал: *приял*, но: "**Получил**" (*восприял*). Большую разность делает приложение предлога. Много раз говорил я вам, возлюбленные, что надобно нам принимать во внимание и слоги, потому что сказано: "**Исследуйте Писания**" (Ин. 5:39); часто и одна иота или одна черта возбуждает мысль. Если же хочешь убедиться, что и прибавление одной буквы дает мысль, то этот патриарх Авраам прежде назывался Аврамом, и сказал ему Бог: "**Не будешь ты больше называться Аврамом, но будет тебе имя: Авраам**" (Быт. 17:5); прибавил букву "а", и сделал его отцом многих народов. Вот, как прибавка одной буквы показала великое благородство (патриарха). Итак, не пробегайте этого без внимания. Он не сказал: "**Получал уже доброе твое**" - *приял еси благая твоя*, но: "**получил**" - *восприял*; а кто восприемлет, тот получает должное ему. Обрати внимание на то, что я говорю. Иное дело - принять, а иное - воспринять. Восприемлют то, что имели; а принимают иногда то, чего не имели. *Восприял еси благая твоя, и Лазарь злая своя*. Вот, и богач восприял благое свое, и Лазарь злое свое! Все это сказано мною в виду тех, которые наказываются здесь, а не там, и тех, которые здесь веселятся, а там наказываются. Внимай же тому, что я говорю. "**Ты получил уже доброе твое, а Лазарь - злое**", - должное им, что следовало им. Обратите внимание на этот предмет, а я (по пословице) "спешу к месту, - дай мне окончить ткань". Но не смущайтесь при самом начале: когда я говорю что-нибудь подобное, подождите конца. Хочу изощрить ваш взор, и не поверхностно занимать вас, но низвести в глубину божественных Писаний, в глубину, недоступную бури, глубину более безопасную, чем тихая поверхность. Чем ниже спустишься, тем большую найдешь безопасность; потому что здесь не беспорядочное волнение вод, а стройное расположение мыслей. "**Ты получил уже доброе твое (в жизни твоей), а Лазарь - злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь**". Здесь - важный предмет для исследования. Я сказал, что восприемлет тот, кто получает должное. Что Лазарь был праведен, как и действительно был, это показали лоно Авраамово, венец, награды, покой, наслаждение, твердость, терпение; но богач был грешник, нечестивый, бесчеловечный, преданный удовольствиям и пьянству, предлагавший роскошную трапезу, живший в таком распутстве и непотребстве; почему же ему говорит (Авраам): "**Ты получил уже**"? Что следовало воздать ему, - человеку богатому, развратному и бесчеловечному? Что следовало воздать ему? Почему Авраам не сказал: *приял еси*, но: "**получил**" - *восприял*?

9. Обрати внимание на эти слова: ему следовали мучения, ему следовали наказания, ему следовали скорби. Почему же не сказал (Авраам): ты принял их, но: "**Ты получил уже доброе твое в жизни твоей**", т. е. ту жизнь, "**а Лазарь - злое** "? Напряги же ум твой; я спускаюсь в глубину мыслей. Из всех существующих людей одни - грешники, другие - праведники. Заметь различие между праведниками; один праведен, а другой еще праведнее; выше стоит этот, а иной и его превосходит. И как есть много звезд, и солнце, и луна; так есть различие и в праведниках; "**Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе**" (1 Кор. 15:41); одни выше славою, а другие ниже. Каковы тела небесные, таковы и тела земные. И как между этими телами иное - олень, иное - собака, иное - лев, иное - какой-нибудь другой зверь, иное - аспид, иное еще что-нибудь подобное: так есть различие и в грехах. Итак между людьми одни праведные, другие грешные; но и между праведниками великое различие, и между грешниками великое и беспредельное. Послушай же: хотя бы кто был праведен, хотя бы был тысячу раз праведен и достиг до самой вершины, так что отрешился от грехов, он не может быть чист от скверны; хотя бы он был тысячу раз праведен, но он - человек. "**Кто может сказать: "я очистил мое сердце, я чист от греха моего**"?" (Притч. 20:9). Посему и повелено нам говорить в молитве: "**И прости нам долги наши**" (Мф. 6:12), чтобы мы, постоянно употребляя эту молитву, вспоминали, что мы там подлежим наказаниям. Даже Павел апостол, сосуд избранный, храм Божий, уста Христовы, лира Духа, учитель

вселенной, обошедший землю и море, исторгший терния грехов, посеявший семена благочестия, тот, который был богаче царей, могущественнее богачей, сильнее воинов, мудрее философов, красноречивее риторов, который, ничего не имея, обладал всем, тенью своею разрешал узы смерти, одеждами своими прогонял болезни, поставил трофеи на море, восхищен был до третьего неба, входил в рай и проповедовал Христа Бога, - и он говорит: "**Ибо [хотя] я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь**" (1 Кор. 4:4), - он, который стяжал так много и таких добродетелей, говорит: "**Судия же мне Господь**". Итак, "**кто может сказать: "я очистил мое сердце, я чист от греха моего**"?" Невозможно человеку быть безгрешным. Что ты говоришь: такой-то праведник, милосерд, нищелюб? Но и он имеет какой-нибудь недостаток: или обижает несправедливо, или тщеславится, или делает другое что-нибудь подобное; нет нужды исчислять все. Иной милосерд, но часто не целомудрен; а иной и целомудрен, но не милосерд; этот славится одною добродетелью, а тот - другою. Пусть будет кто-либо праведен, но часто и праведный, имеющий все добродетели, и начинал гордиться этою праведностью, и гордость вредила его праведности. Фарисей, постившийся дважды в неделю, не был ли праведен? А что он говорит? "**Я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь**" (Лк. 18:11). Нередко человек с чистою совестью впадает в гордость; и если не повредил ему грех, то вредит гордость. Не может человек быть совершенно праведным так, чтобы быть чистым от греха; и с другой стороны не может ни один человек быть столь злым, чтобы не иметь какого-нибудь, хотя малого, добра. Например: такой-то похищает, предается любостяжанию, вредит; но иногда подает милостыню, иногда бывает целомудрен, иногда говорит доброе слово и хотя одному человеку оказал помощь, иногда плакал, иногда сокрушался. Таким образом, нет праведника без греха; нет и грешника без всякого добра. Что было нечестивее Ахава? Он сделал и похищение, и убийство: однако, так как он стал сокрушаться, Бог говорит Илии: "**Видишь, как смирился предо Мною Ахав**" (3 Цар. 21:29)? Видишь ли в какой бездне грехов нашлось еще некоторое малое добро? Что хуже Иуды предателя, пленившегося сребролюбием? Однако и он сделал потом некоторое, хотя малое добро: "**Согрешил я**, - говорит он, - **предав кровь невинную**" (Мф. 27:4). Порочность, как я говорил, не такова по свойству своему, чтобы добродетель при ней не имела места. Овца никогда не может быть свирепою, потому что она от природы кротка; волк никогда не может сделаться кротким, потому что он свиреп от природы. Законы природы не нарушаются и не колеблются, но остаются неизменными. Но во мне этого нет; я бываю и свирепым, когда захочу, и кротким, когда пожелаю, потому что я не связан природою, но одарен свободным произволением. Итак, нет, как сказал я, ни столь доброго человека, который бы не имел ни малого пятна, и нет столь злого, который бы не имел ни малого доброго. Так, за все есть воздаяние, и за все есть возмездие; хотя бы кто был убийца, хотя бы нечестивец, хотя бы корыстолюбец, но сделал что-нибудь доброе, будет ему воздаяние за это доброе, и за пороки, которые он совершил, доброе не останется без награды. Также, хотя бы кто совершил тысячу добрых дел, но сделал что-нибудь худое, будет ему возмездие за это худое. Удержи это, соблюди твердо и непоколебимо: нет доброго человека без греха, нет и злого без добродетели. Повторяю опять то же, чтобы укоренить это, чтобы насадить и положить в глубине души вашей. Диавол наводит на душу какие-нибудь заботы, чтобы ввести ваш ум в заблуждение и изгладить из него слова мои; поэтому я внедряю их в глубину. Если здесь сбережешь их верно, то, и вышедши отсюда, не можешь утратить их. Как, положив золото в кошелек, я завязываю и запечатываю его, чтобы вор и в мое отсутствие не взял золота; так я поступаю и относительно вас, возлюбленные: непрестанным повторением учения закрепляю и запечатываю, ограждаю ваш ум, чтобы он не растерялся от беспечности, но чтобы мне, лучше сохранив его, здешнею тишиною отклонить внешнее смятение. Итак, сказанное мною есть не многословие, но слова заботливости, любви и желания учителя, чтобы слова его не пропали. Говорить об этом "**для меня не тягостно, а для вас назидательно**" (Флп. 3:1). Я

хочу научить, а не просто показать себя. Итак, нет праведника, который бы не имел греха, и нет грешника, который бы не имел добра, а так как есть воздаяние за все, то смотри, что бывает. Грешник получает за добрые свои дела соразмерное воздаяние, как бы ни было мало его добро; и праведник получает за грех свой соразмерное осуждение, хотя бы сделал какое-нибудь малое зло. Что же бывает, и что делает Бог? Он определил быть возмездию за грех и в настоящей жизни, и в будущем веке. Если кто праведен, но сделал что-нибудь худое и, пострадав здесь, подвергся наказанию, ты не смущайся, но подумай в самом себе и скажи: этот праведник когда-нибудь сделал какой-либо малый грех, и получает возмездие здесь, чтобы там не быть наказанным. Опять, если увидишь грешника, предающегося хищению и корыстолюбию и делающего множество зла, и, однако, благоденствующего, то подумай: он сделал когда-нибудь нечто доброе, и получает здесь блага, чтобы там не требовать награды. Так и праведник, если терпит какое-нибудь бедствие, то получает возмездие здесь, чтобы здесь сложить с себя грех, и отойти туда чистым; и грешник, преисполненный зла, имеющий множество неисцельных болезней, предающийся хищению и корыстолюбию, для того наслаждается здесь благоденствием, чтобы там не требовать награды. Так как и Лазарю случалось совершать некоторые грехи, и богачу нечто доброе, поэтому Авраам и говорит: здесь ничего не ожидай: “**Ты получил уже доброе твое (в жизни твоей), а Лазарь – злое**”. А чтобы тебе убедиться, что я не без основания говорю это, но что действительно так, (Авраам) говорит: “**Получил уже доброе твое**”. Какое? Ты сделал какое-нибудь добро? За то и “**получил**” свое богатство, здоровье, веселье, власть, честь: тебе ничего уже не следует в воздаяние; “**получил уже доброе твое**”. А Лазарь ни в чем не согрешил? Нет, согрешил, и получил злое. Когда ты получал “доброе”, тогда и Лазарь – “злое”; поэтому “**ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь**”. Итак, когда увидишь, что праведник наказывается здесь, почитай его блаженным, и говори: этот праведник или сделал грех и наказывается за него, и отходит туда чистым, или наказывается сверх меры грехов его, и избыток праведности вменится ему. Там бывает расчет, и говорит Бог праведнику: моего у тебя столько-то; например, Бог вверяет ему десять оболов, и в счет ему ставит десять оболов. Если же он употребит на дело шестьдесят оболов, то Бог говорит ему: десять оболов засчитываю тебе за грех, а пятьдесят вменяю в праведность. А чтобы тебе убедиться, что остальное вменяется ему в праведность, (припомни): Иов был праведен, непорочен, справедлив, благочестив, удалялся от всякого порочного дела; но тело его наказано было здесь, чтобы там он мог требовать наград; ибо что говорит ему Бог? “**Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя**” (Иов. 40:3)? Итак, если и мы покажем терпение, подобное терпению праведных, если и мы покажем искусство, соразмерное с добродетельною их жизнью, то получим блага, уготованные святым, любящим Бога, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

О ЛАЗАРЕ

СЛОВО СЕДЬМОЕ

Полное заглавие этого слова следующее: "Против тех, которые ушли на воинские ристалища, и о евангельском изречении: “Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими (Мф. 7:13), - а к концу о богатом и Лазаре"

ХОЧУ опять приняться за обычное учение и предложить вам духовную трапезу; но медлю и удерживаюсь, видя, что вы не извлекаете никакого плода из непрестанного учения. И

земледелец, после того, как щедрою рукою бросит семена в недра земли и не увидит произрастаний, соответственным трудам, уже не с прежнею охотою принимается за обрабатывание земли; потому что всегда надежда на плодородие облегчает тяжесть трудов. Так и я легко бы перенес этот великий труд учения, если бы знал, что от моего увещания что-нибудь прибавляется для вашей пользы. А теперь, когда я увидел, что, после столь многих моих увещаний, после столь многих внушений и угроз (ибо я не переставал постоянно напоминать вам о страшном судилище и неизбежных наказаниях, и об огне неугасающем, и о черьве неумирающем), некоторые из слышавших это (не против всех изрекаю осуждение, да не будет!), забыв все это, опять предались сатанинскому зрелищу конского ристалища, с какою еще надеждою примусь за те же труды и предложу им это духовное учение? Видя, что они не извлекают отсюда никакой для себя пользы, но просто по привычке и рукоплещут словам моим, и показывают, будто с удовольствием принимают мои слова, а после того опять бегут на конское ристалище, и еще больше и с неудержимым неистовством рукоплещут возницам, и с великою стремительностью стекаются, часто препираются между собою и говорят: этот конь не хорошо пробежал, а тот, споткнувшись, упал, и один берет сторону того возницы, другой - другого, а никогда не подумают и не вспомнят о моих словах, ни о духовных и страшных таинствах, здесь совершаемых, но, как бы плененные сетями диавола, проводят там целые дни, предаваясь сатанинскому зрелищу и выставляя себя на позор и иудеям и язычникам, и всем, кто хочет осмеивать наше (учение), - кто, хотя бы он был совсем каменный или бесчувственный, может перенести это без скорби, а не только мы, старающиеся показать отеческое о всех вас попечение? Нас опечаливает не только то, что наш труд оказывается для вас бесполезным, но гораздо более мы сокрушаемся, когда помыслим о том, что так поступающие навлекают на себя тягчайшее осуждение. Мы за труды свои ожидаем награды от Владыки; так как сделали все свое - предложили серебро, раздали вверенный нам талант и не опустили ничего, что следовало нам сделать; но получившие это духовное серебро какое будут, скажи мне, иметь оправдание, какое прощение, когда потребуется от них не только это серебро, но и прибыль от него? Какими глазами они будут смотреть на Судию? Как они перенесут тот страшный день, те нестерпимые казни? Разве они могут сослаться на неведение? Каждый день мы взываем, увещеваем, убеждаем, показываем гибельность обольщения, великость вреда, обманчивость сатанинского празднества, и однако не могли тронуть вас! Но что я говорю о том страшном дне? Займемся пока здешним. Как, скажи мне, могут участвовавшие в том сатанинском зрелище придти сюда с дерзновением, когда их совесть восстает против и вопиет громко? Или не слышат они, что говорит блаженный Павел, учитель вселенной: “**Что общего у света с тьмою? Или какое соучастие верного с неверным?**” (2 Кор. 6:14-15). Какого не заслуживает осуждения то, что верный, участвовавший в совершаемых здесь молитвах и страшных таинствах и духовном учении, после здешнего священнодействия уходит и садится на сатанинском зрелище вместе с неверным, - с блуждающим во мраке нечестия озаренный светом Солнца правды? Как же, скажи мне, можем мы заградить уста язычникам или иудеям? Как станем вразумлять их и убеждать обратиться к благочестию, когда они видят, что принадлежащие к нашему обществу смешиваются с ними на этих гибельных и всякой мерзости исполненных зрелищах? И для чего, скажи мне, ты, побыв здесь и очистив ум и настроив душу к бодрствованию и сокрушению, уходишь туда и снова оскверняешься? Или не слышишь, что говорит один премудрый: “**Когда один строит, а другой разрушает: то что они получат для себя кроме утомления?**”(Сир. 35:23). Тоже бывает и теперь. Когда построенное нами здесь посредством непрестанного учения и увещания духовного, ты, ушедши туда, все вдруг разрушишь и сравняешь, так сказать, с землею: какая польза в том, что мы снова созидаем здание, а вы снова разрушаете? Не крайне ли это безрассудно и безумно? Скажи мне: если бы ты увидел, что кто-нибудь делает это с вещественными зданиями, построяемыми из камней, то не смотрел ли бы ты на него, как на безумного, который тщетно и напрасно трудится и тратит все свои средства не

надлежащим образом? Так же рассуждай и заключай и об этом духовном строении. Вот я, с тех пор как поставлен на это (служение) благодатью Божиею, каждый день воздвигаю в высоту это духовное здание, и стараюсь привести вас к учению о добродетели; а некоторые из приходящих сюда возведенное с великим трудом строение, по неизъяснимому легкомыслию, в одну минуту времени, почти собственными руками, разрушают до основания, причиняя чрез то мне великую скорбь, а себе величайший вред и невыносимую потерю.

2. Может быть, я сделал слишком строгое обличение; оно слишком строго по моей любви к вам, но по важности прегрешения еще не довольно сильно. Впрочем, так как должно подавать руку и падшим, и являть отеческую заботливость о дошедших до такой беспечности, то я и теперь не отчаиваюсь в их спасении, только бы они решились не впадать опять в те же проступки, не простирать дальше свою беспечность, и отказаться от хождения на конские ристалища и от всякого подобного сатанинского зрелища. Мы имеем человеколюбивого, кроткого и попечительного Владыку, Который, зная немощь нашей природы, когда мы, по беспечности преткнувшись, впадем в какой-нибудь грех, требует от нас только того, чтобы мы не отчаивались, но отстали от греха и поспешили к исповеданию. И если мы сделаем это, Он обещает нам скорое помилование; ибо сам Он говорит: “**Разве, упав, не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются?**” (Иер. 8:4). Итак, зная это, не будем невнимательными к человеколюбивому Владыке, но преодолеем вредную привычку, и не будем ходить пространными вратами и широким путем, как сегодня слышали вы от общего всех Владыки, Который в Евангелии предлагает такое увещание: “**Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими**” (Мф. 7:13). Слыша о пространных вратах и широком пути, не обольщайся таким началом, и не смотри на то, что многие идут по этому пути, но помысли о том, что в конце он делается тесным. И о том разумно подумай, что здесь говорится не о чувственных вратах и не просто о пути, но предлагается увещание касательно всей жизни нашей, и касательно добродетели и порока. Потому Господь и начал речь словами: “**Входите тесными вратами**”, - называя так врата добродетели; потом, сказав: “**Входите тесными вратами**”, - объясняет нам и причину, по которой Он делает такое увещание. Хотя, говорит Он, и тесны эти врата, и весьма трудно войти в них, но если немного потрудитесь, то выйдете на великую широту и простор, который может доставить вам великую отраду. Итак, говорит Он, не смотрите на то, что эти врата тесны, пусть не смущает вас начало, и теснота входа пусть не делает вас нерадивыми; потому что пространные врата и широкий путь ведут к погибели. Так многие, обольстившись началом и входом, и не посмотрев наперед, что будет далее, пришли к погибели! Посему Он и говорит: “**Потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими**”. И справедливо назвал Он пространными врата и широким путь, ведущие к погибели. Те, которые спешат идти на конские ристалища и на другие сатанинские зрелища, небрегут о целомудрии, нисколько не пекутся о добродетели, хотят распутствовать, предаются веселью и пресыщению, каждодневно истощаются безумною и неистовою страстью к деньгам и прилепляются к делам настоящей жизни, действительно идут пространными вратами и широким путем; когда же они, далеко ушедши вперед и собравши себе великое бремя грехов, придут к концу пути изнуренными, то уже не могут идти дальше, так как теснота пути задерживает их, и они, обремененные тяжестью грехов, не в состоянии пройти по нему; потому неизбежно низвергаются в самую пропасть погибели. Какая же польза, скажи мне, прошедшим недолго широким путем, подвергаться вечной погибели, и повеселившимся, так сказать, во сне наказание терпеть в действительности? Подлинно, вся настоящая жизнь в сравнении с ожидающим нас наказанием и мучением есть то же, что сновидение одной ночи. Неужели все это написано для того, чтобы мы только читали? Действием благодати Духа вещания Господа преданы письмена для того, чтобы мы, получая отсюда

предохранительные врачевства против наших страстей, могли избежать угрожающего нам наказания. Посему и тогда Владыка наш Христос, прилагая врачевства, соответствующие ранам, предложил такое увещание: “**Входите тесными вратами**”. Узкими назвал Он эти врата не потому, чтобы они по своему свойству были узки, а потому, что наша воля, наклонная больше к беспечности, считает их узкими. И не для того Он назвал их тесными, чтобы нас отвратить (от них), но для того, чтобы мы, уклонившись от других широких врат и узнав тот и другой пути по их концу, скорее избрали для себя путь тесный.

3. Но, чтобы речь была для всех ясна, теперь, если угодно я представлю таких людей, которые вошли в пространные врата и шли широким путем, и мы посмотрим, каков был у них конец; представлю и таких, которые вошли узкими вратами и шли скорбным путем, и мы узнаем, каких благ они достигли. Для этого я представлю вам одного из вошедших в пространные врата, и одного из шедших по пути узкому и скорбному, и докажу истину слов Господа, при посредстве опять той же притчи Господней. Итак, кто это вошедший в пространные врата, и шедший широким путем? Наперед надобно сказать, кто это такой, и какое пространство пути он прошел, идя по широкому пути, а затем объяснить вам, к какому он пришел концу. Знаю, что вы, как сведущие, уже поняли, что будет сказано; однако и мне необходимо сказать. Припомните же того богача, который каждодневно одевался в порфиру и виссон, устроял блистательные пиршества, кормил тунеядцев и льстецов, наливал много вина, пресыщался каждый день, предавался великому веселью, вошел в пространные врата, и постоянно был в удовольствии и радости житейской. Все к нему притекало, как бы из источников, - многочисленная прислуга, неописанное веселье, телесное здоровье, избыток денег, почет от народа, похвалы от льстецов, и ничто пока не печалило его. Кроме того, что, живя среди такого изобилия в напитках и лакомствах, он не только наслаждался телесным здоровьем и всяким удовольствием, но и мимо бедного Лазаря, лежавшего в воротах, покрытого ранами, окруженного и облизываемого псами и терзаемого голодом, он проходил безжалостно и не подавал ему даже крупиц. Так этот богач, вошедши в пространные врата, шел по широкому пути веселья, распутства, смеха, утех, объедения, пьянства, изобилия в деньгах, изнеженности в одежде. И долго, во все время настоящей жизни, шел он по широкому пути, не испытывая никакой печали, но постоянно стремясь как бы с попутным ветром; и так как он шел всегда по широкому пути, то и стремился с великою приятностью. Нигде не было ни скал, ни стремнин, ни подводных камней, ни кораблекрушения, ни необычайного переворота, но, как бы идя постоянно по твердой и ровной дороге, так он прошел настоящую жизнь; хотя он был каждодневно заливаем волнами пороков, но этого не чувствовал; хотя каждодневно терзаем был гнусными пожеланиями, но еще услаждался этим; хотя был постоянно осаждаем невоздержностью, пресыщением, безумною страстью к деньгам, но нисколько не чувствовал этих зол, и не мог предвидеть, чем кончится его путь: напротив, наслаждаясь только приятностью настоящего, он и не думал о вечной скорби, но, так сказать, в очаровании шел по широкому пути, стремясь к самой пропасти, которой не мог видеть от великого опьянения. Успех во всех житейских делах, отуманив его ум, ослеплял мысленное око его и он, как потерявший зрение, шел, не зная, куда направляется. А может быть, он и не помышлял уже о человеческой природе, видя, что ему не было ни в чем неудачи. Он не только веселился, но и был богат; не только был богат, но и пользовался телесным здоровьем; не только пользовался телесным здоровьем, но и услугами других; и при этой большой услужливости, видя, что все притекает к нему, как бы из источников, жил в беспрерывном удовольствии. Видите ли, возлюбленные, какими удовольствиями наслаждался человек, который вошел пространными вратами и шел постоянно по широкому пути? Но никто из слушающих это пусть не решается ублажать его прежде конца, но пусть подождет окончания дел, и тогда произнесет приговор. Теперь, если угодно, я представлю и того, кто вошел узкими вратами и шел скорбным путем, и тогда, посмотрев на конец того и другого, мы произнесем надлежащее мнение о каждом. Кого

же другого можно представить теперь, как не Лазаря, который лежал в воротах богача, покрыт был ранами, видел, как языки псов касались язв его, и не имел силы даже прогнать их? Как тот, вошедши пространными вратами, шел по широкому пути; так этот, блаженный (уже называю его блаженным за то, что он решился войти узкими вратами) вошел узкими вратами, во всем противоположными широким. Как тот непрестанно веселился, так этот непрерывно боролся с голодом. Тот, при роскоши и телесном здоровье, наслаждался и избытком денег, и тратил все время в пресыщении и пьянстве; а этот, при голоде, изнуряясь крайнею бедностью, постоянною болезнью и невыносимыми ранами, не имел даже необходимой пищи, но желал крупиц от трапезы богача, и тех не удостаивался.

4. Видишь ли, как этот, вошедши узкими вратами, постоянно шел по тесному пути? Видишь ли, как тот проходил чрез пространные врата и по широкому пути? Посмотрим же на конец их обоих, как тот пришел к тесному концу, а тот к широкому и исполненному великой отрады, чтобы, хорошо узнав это, нам не домогаться всячески широкого пути и не стараться входить пространными вратами, но искать врат узких и идти по пути тесному, дабы достигнуть доброго и отрадного конца. Когда пришел конец жизни каждого (богатого и Лазаря), посмотри, что говорит (Господь) прежде о том, который шел скорбным путем. "**Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово**" (Лк. 16:22). Может быть, ангелы отводили его, предшествуя ему и окружая его, а после многих скорбей и тесного шествования препровождая в страну покоя. Видишь ли, какой простор открывается в конце узких врат и тесного пути? Посмотри потом и на гибельный конец широкого пути. "**Умер и богач, -** говорит (Господь), - **и похоронили его**". Никто не предшествует ему, никто не окружает, никто не путеводит его, как Лазаря. Так как он всем этим наслаждался на широком пути, имел много окружавших его и угождавших ему, т. е. льстецов и тунеядцев; то, когда пришел к концу, лишился всего и остался одиноким после многих прежних удовольствий, или лучше, после краткого довольства и благоденствия; потому что вся настоящая жизнь кратка в сравнении с будущим веком. Итак, после кратковременного довольства, которым он наслаждался, идя по широкому пути, он вступил в страну тесноты и скорби. Тот покоился на лоне патриарха, получая воздаяние за труды и многие страдания, и после голода, ран и лежания в воротах, наслаждался неизреченною и неизъяснимою отрадою; а этот, после веселья и довольства, после великого пресыщения и пьянства, подвергшись неизбежному наказанию, страдал в пламени. И, чтобы тот и другой из них на деле узнал, первый - пользу тесного пути, а последний - вред и гибельность широкого, они видят друг друга на большом расстоянии. Послушай, как: "**И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его**" (Лк. 16:23). Думаю, что богач почувствовал сильнейшую скорбь, когда увидел столь внезапную перемену обстоятельств, как тот, который лежал в воротах, и был тревожим языками псов, пользуется таким дерзновением и пребывает на лоне патриарха, а сам он покрыт таким стыдом, и притом еще горит в огне. Таким образом, видя, что обстоятельства пришли в противоположное состояние, что сам он, так сказать, повеселившись во сне и тению, теперь терпит невыносимое наказание, и что широкий путь и пространные врата привели его к такому тесному концу, а с (Лазарем) произошло противное тому, и он за здешнее терпение наслаждается тамошними неизреченными благами, богач, пришедший в смущение и узнавши по опыту, что он подвергся полному обольщению, избрав широкий путь, обращается с просьбою к патриарху и произносит слова жалкие и исполненные слез. Тот, кто прежде не хотел и обращаться к Лазарю и смотреть на этого бедняка, лежавшего в воротах, и, можно сказать, гнушался им по причине зловония ран его и по причине собственной изнеженности, в какой постоянно жил он с весельем, теперь умоляет патриарха и говорит: "**Отче Авраме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем**" (Лк. 16:24). Слова эти могли бы привести в

жалость; однако он и таким образом не помог себе; потому что исповедание было не своевременно, и молитва приносилась не в надлежащую пору. Пошли, говорит он, Лазаря, этого бедняка, которым прежде я гнушался, которому не уделял и крупиц; в нем я нуждаюсь теперь и ищу того перста, который лизали псы. Видишь ли, как смирило его наказание? Видишь ли, к какому тесному концу привел широкий путь? Он обращается с просьбою не к Лазарю, а к патриарху; и справедливо: потому что на бедного он и взглянуть не смел. Думаю, что он вспомнил о собственном бесчеловечии, и, размыслив, как безжалостно поступал с Лазарем, думал, что этот, может быть, не удостоит его даже ответом. Поэтому и не обращается к нему с просьбою, но умоляет патриарха. Однако он и таким образом не получил никакого успеха: так велико зло - неблаговременность и злоупотребление временем жизни, которое дано нам Божиим человеколюбием на дело нашего спасения. Какого адаманта не смягчили бы эти слова и не расположили бы к жалости и состраданию? Однако и при этом патриарх не склоняется на просьбу, но хотя удостаивает его ответом, объясняет ему, что сам он был виновником своих бедствий. Патриарх говорит ему: “**Чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь - злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь; и сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят**” (Лк. 16:25-26). Страшны эти слова и могут тронуть имеющих ум. Чтобы дать богачу понять, что хотя он со своей стороны оказывает ему сострадание и преклоняется на жалость, видя тяжесть его наказания, но не может ничего сделать к его облегчению, патриарх, как бы оправдывая себя, говорит ему: хотел бы я подать тебе руку помощи, облегчить твои страдания и уменьшить силу мучений, но ты сам заранее лишил себя этого утешения. Посему и говорит: “**Чадо! вспомни**”. Посмотри на благость патриарха: чадом называет его! Но это хотя и может показать кротость Авраама, однако не доставляет богачу никакой помощи, потому что он предал сам себя. “**Чадо**, - говорит, - **вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей**”. Приведи на мысль прошедшее, не забудь, каким ты наслаждался весельем, каким довольствием, какою пышностью, как провел всю жизнь в пресыщении и пьянстве, думая, что в этом состоит вся жизнь и считая это благами. Он сделал богачу ответ сообразно с его же мнением; ибо не помышляя ни о чем высоком, и не имея пред глазами ожидавших его будущих бедствий, он почитал эти наслаждения благами.

5. И ныне многие из пристрастившихся к роскоши и пресыщению, когда хотят выразить весьма великое довольство, имеют обычай говорить: мы имеем много благ. Не называй, человек, только эти вещи благом, рассуждая так, что они даны от Владыки на то, чтобы мы, пользуясь ими с умеренностью, поддерживали жизнь и подкрепляли немощь тела, но - есть другие истинные блага. Ничто из здешнего не есть благо - ни веселье, ни богатство, ни драгоценная одежда, но все это имеет только название блага. Что я говорю: имеет только название блага? Часто эти предметы бывают еще причиною нашей погибели, когда мы будем пользоваться ими не надлежащим образом. Так богатство тогда было бы благом для обладателя, когда бы он тратил его не на веселье только, не на пьянство и вредные удовольствия, но, умеренно пользуясь весельем, остальное раздавал бы бедным на пропитание: тогда богатство - благо! Если же кто будет предаваться веселью и другому распутству, то богатство не только не принесет ему никакой пользы, но и низведет его в глубокую пропасть, что и случилось с этим богачом. Посему патриарх и говорит ему: “**Чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей**”. Что считал ты истинными благами, то и восприял; “**а Лазарь - злое** ”; - не потому, чтобы Лазарь считал это злом, - да не будет! - но применительно ко мнению богача сказал (Авраам) и эти слова. Ибо он составил себе такое мнение, что богатство, веселье, пресыщение и изнеженность считал благами, а бедность, голод и тяжкую болезнь признавал злом. Посему, как сам ты полагал, имея такое ложное суждение, то припомни, что ты, согласно твоему мнению, воспринял эти блага, когда шел по широкому и пространному пути, и Лазарь - зло, также

по твоему суждению, когда он шел узкими вратами и тесным путем. Между тем как ты имел в виду только начало пути, он смотрел и на конец, не делаясь беспечнее по началу пути; поэтому ныне здесь он утешается, а ты страждешь; конец у того и у другого из вас вышел противоположный. Видели вы на самом деле конец широкого и пространного пути; узнали, как, чрез узкие врата и тесный путь, избравший их пришел к благому концу; выслушайте же и, еще более страшное. “**И сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят**”. Не пройдем, возлюбленные, этих слов без внимания, но размыслим о точности выражений и о том, какою честью и высоким местом пользуется лежавший в воротах, презренный, нищий, постоянно боровшийся с голодом, покрытый ранами, доступный псам. С охотою обращаюсь так часто к этому предмету, чтобы никто из живущих в бедности или в болезнях и голоде не презирал себя и не считал несчастным, но, перенося все с терпением и благодарностью, питался благими надеждами и ожидал тех неизреченных наград и воздаяния за труды. “**И сверх всего**”. Что это такое - “**и сверх всего**”? Сказав богатому: ты восприял в настоящей жизни все, что считал благом, а Лазарь восприял то, что ты считал злом, Авраам присовокупил эти слова, внушая ему, что каждый из них и достиг соответственного конца, сверх всего сказанного: ты - скорби, тесноты и неугасимого огня после наслаждения тем, что почитал благом, а он - отрады и наслаждения благами и пребывания со святыми, после борьбы в течение всей жизни с тем, что ты считал злом. И так как каждый из вас достиг соответственного конца - тебя пространные врата и широкий путь привели к этой тесноте, а его узкие и тесные врата к этой отраде, то и “**и сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть**”. Посмотри: бедняк, который был покрыт ранами (опять говорю об этом), отнесен к патриарху и приобщен к сонму праведников; “**между нами и вами**”, - говорит он. Видишь ли, какой участи сподобился тот, кто с терпением и благодарностью переносил тяжкую болезнь и голод? “**Между нами и вами**”, - говорит, - **утверждена великая пропасть**”. Многое, говорит, разделяет нас, и не просто пропасть, но великая; потому что действительно велико расстояние и велико различие между добродетелью и пороком: последний пространен и широк, а первая узка и тесна; роскошь пространна и широка, а бедность и нужда узка и тесна. Посему, как здесь пути противоположны, и один идет по пути узкому и тесному, соблюдая целомудрие, предпочитая нестяжательность и презирая тщеславие; другой же, спеша идти по пути пространному и широкому, предается пьянству и веселью, безумной страсти к деньгам, невоздержанию и гибельным зрелищам, а велико различие между тем и другим! - так и во время наказания и награды окажется великое различие в воздаянии. “**Великая пропасть**, - говорит, - **между нами и вами утверждена**”, - то есть, праведными, добродетельными, сподобившимися этой участи, *и вами*, то есть, проведшими жизнь в нечестии и грехе. И столь велика эта пропасть, что “**хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят**”. Видишь ли великость пропасти? Видишь ли ответ более тяжкий, нежели геенна? Когда вы в начале слышали о благоденствии богача и о большой услужливости, какою пользовался он окружаемый всеми и каждодневно предававшийся веселью; не считали ли вы его блаженным; также, видя лежавшего в воротах и страдавшего от жестоких ран, не считали ли жизнь его жалкою? Но вот теперь при конце всего мы видим противное, - того в пламени после веселья и пьянства, а этого в лоне патриарха после крайней бедности и голода! Впрочем, чтобы не слишком продолжить слово, можно окончить здесь поучение и попросить вас, возлюбленные, не искать пространных врат и широкого пути и не домогаться всячески удовольствий, но помышлять о конце того и другого пути и представляя в уме участь постигшую богача, широкого пути избегать, а искать врат узких и пути тесного, чтобы после здешней скорби придти в страну отрады. Убегайте же, увещаю вас, сатанинских зрелищ и вредного посещения конских ристалищ; ибо по поводу тех, которые увлеклись и пошли по широкому пути, я и был вынужден сказать это, чтобы они, вразумившись, оставили этот путь и пошли путем тесным, т. е. путем добродетели, и

таким образом удостоились, подобно Лазарю, лона Авраамова, и чтобы всем нам вообще избавившись от геенского огня, насладиться теми неизреченными благами, ”**не видел того глаз, не слышало ухо**” (1 Кор. 2:9), чего да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том II

Книга 1

I. Беседы к Антиохийскому народу о статуях.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. Чудесная красота и разнообразие св. Писания. - Даже наималейшие изречения в нем драгоценны. - Объяснение текста: "Употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов" (1 Тим. 5:23). - Добродетели Тимофея. - Чем более святые достигают заслуг, тем более страдают. - Позволение употреблять немного вина. - В бедствиях святых более обнаруживается могущество Бога. - Почему Бог допускает святых страдать и подвергаться различным бедствиям? Почему Бог отдал тело Иова во власть дьявола? - Наши отношения ограничены пределами настоящей жизни. - Увещание к богохульникам об исправлении.

БЕСЕДА ВТОРАЯ. Скорбь проповедника о совершившемся в Антиохии безумном мятеже, во время которого низвергнуты были царские статуи. - Бедственное состояние жителей города. - Христианин должен все сносить с надеждой на будущее. - Против богохульников. - В чем состоит истинное богатство. - Похвала и награда гостеприимству. - Плоды милостыни. - Непрочность богатства. - Бедность для тех, кто благоразумно сносит ее, есть великое богатство. - Об истине св. евхаристии.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ. Об отправлении епископа Флавиана ходатайствовать пред императором о помиловании несчастного города. - В чем состоит истинный пост. - Бог хочет, чтобы люди сами к Нему прибегали. - Бесполезность поста, если мы не воздерживаемся от пороков. - Описание настоящего бедствия. - Частые землетрясения в Антиохии. - Нравственное увещание.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ. Увещание к народу о терпении. - Пример праведного Иова и трех отроков. - О воздержании от клятв. - Плоды скорбей. - Бедствие, как причина перемены к лучшему. - Поклонение персов огню как Богу. - Нравственное увещание.

БЕСЕДА ПЯТАЯ. Терпение Иова - основа его славы. - Бедствия настоящей жизни - ничто. - Единственное истинное бедствие есть грех. - Нужно бояться не смерти, а оскорбления своими грехами Спасителя. - Чистая совесть не страшится смерти. - Покаяние утишает гнев Божий. - Покаяние ниневитян. - Нужно воздерживаться от клятвы.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ. Власти отвращают от преступления внушаемым ими страхом. - Церковь утешает тех, кто были устрашены властями. - Различные побуждения к утешению жителей Антиохии: прежние и теперешние невзгоды достаточны для божественного милосердия. Бог уже показал знаки своего покровительства: препятствия, замедлившие прибытие царских уполномоченных. - Милость императора по случаю

праздника Пасхи. - Не должно бояться смерти; должно бояться греха. - Лазарь и бессердечный богач. Три отрока в пещи огненной. - Увещание не клясться.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ. Нужно скорбеть только о грехе. - На слова: В начале сотворил Бог небо и землю. - Адам, где ты? - В них заключается много утешения. - Нужно отстать от привычки клясться.

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ. Св. Писание есть неиссякаемый источник утешения. - Преимущества, какие оно доставляет людям. - На слова: Бог ходил вечером по раю. - Страх Адама; страх грешника вообще. - Увещание к добродетели. - Должно воздерживаться от клятвы.

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ. Любовь проповедника к жителям Антиохии. - Поздравление им с их преуспеянием в добре. - Сожаление, что многие пренебрегают священными словами. - Почему св. Писание явилось так поздно? - Красота творения. - Звезды. - Ночь и день. - Порядок времен, земля и стихии, солнце - все это поведует всемогущество и премудрость Творца. - Должно воздерживаться от клятвы.

БЕСЕДА ДЕСЯТАЯ. Великая польза от слушания слова Божия. - Чудеса творения. - Представляемое ими изумительное разнообразие. - Неизвинительность язычников в том, что они боготворили вселенную. - Должно воздерживаться от клятвы.

БЕСЕДА ОДИННАДЦАТАЯ. Милость и прощение жителей Антиохии. - Чудеса творения. - Тело человеческое. - Глаза. - Уши. - Мозг. - Сердце. - Превосходство человека над животными. - Польза, какую человек получает от разных видов животных. - Должно воздерживаться от клятвы и готовиться достойно отпраздновать праздник Пасхи.

БЕСЕДА ДВЕНАДЦАТАЯ. Благодатное действие прощения оскорблений, нанесенных императору. - О том, что Бог проявляется в творении. - Творя человека, Бог вложил в его сердце начала естественного закона. - Тщательно должно избегать клятвы.

БЕСЕДА ТРИНАДЦАТАЯ. Поздравление народу по поводу того, что он избавился от своей тревоги и что после бури наступила тишина. - Возвращение к прежнему предмету. - Естественный закон, совесть и другие средства, которыми пользуется божественная благость для приведения нас к добродетели. - Дурная привычка антиохийцев - клясться при общественных и частных делах. - Радость об исправлении некоторых от этой привычки, но желательно было бы полное избавление от нее. - Увещание к исправлению.

БЕСЕДА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Новый тревожный слух после успокоения. - Неосновательность его и благодарение Богу за отвращение угрожавшей бури. - Продолжение прежнего предмета о клятвах. - Гибельность клятвы, доказываемая примером Ирода, который для исполнения своей безумной клятвы погубил Иоанна Крестителя. - Даже клятва частного лица причиняет много неудобств, а клятва государя может сделаться истинным бедствием для целого народа. - Пример неразумных клятв Саула и Иеффая. - Зло, причиненное царем Седекией иудейскому народу чрез нарушение клятвы в верности Навуходоносору. Как все воздерживались от бань во исполнение запрещения, наложенного Феодосием, так все должны исполнять и повеление Спасителя о непозволительности клятвы. - В Антиохии впервые последователи Христа стали называться христианами; поэтому ей следует быть и первым городом, изгоняющим всякое богохульство. (Исправления - Людмила Жмурина, С.-Петербург)

БЕСЕДА ПЯТНАДЦАТАЯ. Полезность страха. - Он больше приносит пользы, чем веселость. - Толкование на текст из книги Иисуса Сираха 9:18. - Средства обеспечения нас от опасностей мира сего. - Клясться хуже чем убивать. - Увещание о том, чтобы верные избегали клятв. (Исправления - Людмила Жмурина, С.-Петербург)

БЕСЕДА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Страх жителей Антиохии при слухе о прибытии в их город воинов и успокоение их правителем. - Обличение этой слабости, недостойной христиан. - Продолжение беседы о клятве. - Узы ап. Павла и их поучительность. - Христианин, подобно ап. Павлу, должен любить страдания, ведущие его к славе вечной жизни. По поводу третьей недели великого поста проповедник увещевает слушателей не столько высчитывать количество протекшего времени, сколько сумму своего преуспеяния в добродетели и особенно в борьбе с дурной привычкой клясться. (Исправления - Людмила Жмурина, С.-Петербург)

БЕСЕДА СЕМНАДЦАТАЯ. Благодарение Богу за отвращение угрожавшего Антиохии бедствия и похвала ревности иноков и отшельников, ходатайствовавших о помиловании города. - Равнодушие языческих философов к бедствию города и превосходство христианской любви. Утешение народу по случаю лишения Антиохии некоторых прав и преимуществ. - Истинная слава города должна быть не во внешних преимуществах, а во внутренних добродетелях его жителей. - Антиохия славна тем, что в ней впервые верные получили имя христиан, она щедро помогала Иерусалиму во время голода и отвергла заблуждения, которые хотели распространить иудеи. - Такие преимущества неотъемлимы у нее. - Увещание к поддержанию благочестия и религиозности. (Исправления - Людмила Жмурина, С.-Петербург)

БЕСЕДА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Порицание тех, которые чрезмерно радовались тому, что прошла половина великого поста. - Нужно радоваться степени достигнутой за это время духовного преуспеяния. - Объяснение слов ап. Павла: "Радуйтесь всегда". Доказательства того, что ни богатства, ни почести, ни здоровье, ни все земные блага не могут дать чистой и истинной радости. - Такая радость принадлежит только христианину, пребывающему верным закону Господню. - Скорбь апостола и превосходство этой скорби над всеми удовольствиями мира сего, потому что она находит себе неиссякаемое утешение в надежде на жизнь вечную. - Обличение жителям Антиохии за то, что они стали уже предаваться играм и удовольствиям, хотя начальники их еще находились в темнице. (Исправления - Людмила Жмурина, С.-Петербург)

БЕСЕДА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Похвала мученикам по случаю перенесения их мощей. - Похвала их вере и простоте. - Превосходство их неведения над всеми познаниями древних философов. Объяснение богохульства и привычки клясться. - Печальные последствия этой дурной привычки. - Бедствия, навлеченные на народ клятвой царя Седекии. - Необходимость усилий в деле исправления. - Выражение надежды, что Антиохия совершенно избавится от греховной привычки клятвы и клятвопреступничества. (Исправления - Людмила Жмурина, С.-Петербург)

БЕСЕДА ДВАДЦАТАЯ. Недостаточность сорокодневного пощения для надлежащего приготовления к пасхальному причащению. - Прежде и более всего необходима добродетель. - Увещание забывать обиды. - Мщение за обиды мучит людей раньше огня адского. - Не должно клясться. - О тех, которые еще не исправились от этой дурной привычки. (Исправления - Людмила Жмурина, С.-Петербург)

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. О возвращении епископа Флавиана и о прощении, данном императором городу Антиохии. - Ходатайственная речь епископа Флавиана пред

императором и ответ Феодосия. Наставление антиохийцам о том, как жить и вести себя в будущем. (Исправления - Людмила Жмурина, С.-Петербург)

II. Слова огласительные.

СЛОВО ПЕРВОЕ. К готовящимся к крещению. - Похвала усердию и благоговению сподобившихся крещения. - Различные наименования крещения - баня, возрождение, просвещение и другие. - Отличие крещения от омовений ветхого завета. - Крещение в отличие от них омывает душу, а не тело. - Крещение очищает нас от грехов. - О покаянии после крещения. - Увещание к удалению от грехов, особенно грехов языка, клятвы и клятвопреступления.

СЛОВО ВТОРОЕ. Преимущества, даваемые св. крещением. Крещенный называется верным, потому что он верует в Бога и Бог дает ему чистоту и святость души, усыновление и царство небесное. - Обязанности, налагаемые крещением. - Смысл слов: "отрекаюсь от сатаны". Нужно отрекаться не только от сатаны, но и от всех его обольщений, как театр, цирк, суеверное наблюдение дней, чары и тому подобные мерзости, которых должен избегать человек, воспринявший учение Иисуса Христа.

III. Беседы о бессилии дьявола.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. Похвала усердию слушателей даже к продолжительным беседам. - О божественном промышлении. - Не Бог лишает нас своих даров, а мы сами теряем их. - Мы получили лучший из даров - вечное блаженство. - Бог всегда печется о нашем благе. - Пример этого - смешение языков, которое также послужило ко благу людей. - О нравственном и физическом зле, различие между ними: последнее служит лекарством для первого. - Что сделали бы дьяволы, если бы мир был предоставлен им. - Почему из двух злых людей один наказывается, а другой нет? Увещание о том, что не должно обвинять Промысл Божий.

БЕСЕДА ВТОРАЯ. Приветствие епископу Флавиану, присутствовавшему при беседе. - Возвращение к прежнему предмету. - Почему не был уничтожен дьявол? - Уничтожение дьявола уменьшило бы заслугу христиан. - Злоба происходит не от природы, а от злого употребления, какое человек делает из своей свободы. - Между тем как все служит в пользу человеку благонамеренному, все вредит тому, кто не хочет добра. - Последний злоупотребляет всем - творением, своим телом, крестом, апостольской проповедью. - Сам Иисус Христос, будучи светом миру, ослепляет немощные души. - Нужно постоянно бодрствовать над собою - в молодости ли, в старости ли. - Различные способы покаяния. (Исправления - Людмила Жмурина, С.-Петербург)

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ. Два класса людей: одни слушали беседу о лукавстве дьявола, а другие в это же время находились в театре, чтобы услаждаться соблазнами дьявола. - От чего происходит это различие? - От воли тех и других, потому что только воля делает нас или добродетельными или порочными. - Если будем иметь добрую волю, то даже дьявол вместо того, чтобы вредить, будет служить нам. - Вот почему Бог не уничтожил дьявола и почему Он допускает совместно жить и добрым и злым. - Следовательно только воля наша делает нас виновными, и эта истина доказывается притчей о десяти девах, покаянием ниневитян, падением Адама и торжеством Иова. Заключительное увещание. (Исправления - Людмила Жмурина, С.-Петербург)

IV. Беседы о покаянии.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. Любовь проповедника к своим слушателям. - Отчаяние и небрежение одинаково опасны. - От этих двух недостатков погибли сатана и Иуда. Смиренное упование спасло ап. Павла, мытаря, ниневитян. - В коринфском блуднике ап. Павел более опасается отчаяния, чем самого греха. - Дальнейшее развитие этой мысли и подтверждение ее историй блудного сына. (Исправления - Людмила Жмурина, С.-Петербург)

БЕСЕДА ВТОРАЯ. Не должно отчаяваться грешнику. - Если Каин не получил прощения, то это за отчаяние. - Если Давид получил прощение, то это за свое упование и за исполнение того, что сказал ему пророк. - Исповедать свой грех - первый путь покаяния. - Пример Ахава в деле Навуфеева виноградника. - Иона и ниневитяне. - Третий путь покаяния - смирение. - Пример фарисея и мытаря. - Смирение ап. Павла. - Увещание к слушателям. (Исправления - Людмила Жмурина, С.-Петербург)

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ. Обзор предыдущей беседы о трех путях покаяния. - Путь четвертый - милостыня. - Объяснение притчи о десяти девах. - Без масла человеколюбия девство не может открыть неба. - Сила милостыни. - Она будет защитой делателей ее в день судный. - Продолжение притчи о десяти девах. - Трудность девства, неизвестного древним. - Обобщение и заключение. (Исправления - Людмила Жмурина, С.-Петербург)

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ. Утешительность покаяния. - Пример других как ободрение нам в деле покаяния. - Легкость делания добродетели в бедствии и трудность его в благоденствии. - Святые не унывают в несчастии, не надмеваются в счастии. - Христиане должны искать себе убежища не у людей, а в недрах Божиих. - Если Бог попускает нам часто страдать, то это для того, чтобы побудить нас прибегать к Нему.

БЕСЕДА ПЯТАЯ. Пост собирает нас в доме Божием и приводит нас в объятия нашей матери Церкви. - Он отгоняет демонов, поддерживает добродетель отшельников, приводит Моисея и Илию в присутствие Божие. - Пренебрежением к посту навлекается смертный приговор, чрез соблюдение его отменяется этот приговор. - Пример ниневитян. - Трехдневный пост спас их. - Покаяние очищает грехи в продолжительное время. - Пример ап. Петра. - Постом Даниил избавился от львов и три отрока от пещи огненной. - Пост полезен даже для здоровья. - Заключение.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ. Вступительные замечания по поводу многочисленности собрания. - Пост не приносит пользы тем, которые, воздерживаясь от пищи, не воздерживаются в то же время от греха. - Бесполезно поститься и в то же время посещать зрелища. - Слово против зрелищ. - Пребывание в театре - влечет за собою прелюбодеяние. - Объяснение изречения: кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. - Кажущаяся трудность этого изречения. - Бог не требует ничего невозможного. - И ветхий и новый закон происходят от одного и того же Законодателя. - Доказательство этого у пр. Иеремии. - В нагорной проповеди сопоставляются законы ветхого и нового завета, чтобы показать, что они не противоречат между собою, а дополняют друг друга.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ. Покаяние, как целебное средство для греха. - Чудесное долготерпение Божие к грешникам, доказываемое тем, что от худого корени могут иногда происходить добрые плоды. - Пример Иова, происшедшего от Исава. - Причина долготерпения к грешникам заключается в надежде на их исправление. - Ко благу всех Бог бывает часто снисходителен к грешнику и строг к праведнику. - Покаяние достигается не продолжительностью времени, а расположением сердца. - Человек медлителен к созиданию, скор к разрушению, - что противно Богу. - Бог семь дней назначил для

разрушения Иерихона. - О Рааве, как покаявшейся грешнице и сделавшейся прообразом Церкви. - Грехом порождается скорбь, а скорбью разрушается грех. - Кто дает бедному, тот одолжает этим Бога.

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ. Подобно Ноеву ковчегу, церковь принимает в свои недра коршунов, волков и змей; но в то время, как ковчег выпустил их такими же, как и принял, церковь преобразует их покаянием в голубей, овец, агнцев. - Покаяние принесет пользу и тому, кто всю свою жизнь проводил в грехе. - Милосердие Божие безгранично. - Греховность человека исчезает в милосердии Божием, как искра в море. - Не должно стыдиться прибегать к церкви с покаянием. - Стыдиться нужно только греха. - Дьявол внушает нам дерзость к греху и стыд к покаянию. - Доказательство этой истины в св. Писании. - Объяснение первой главы из книги пророка Исаии.

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ. О необходимости добрых дел. - Опровержение возражений о трудности этих дел среди суеты мира сего. - Увещание к посещению церкви и к благоговейному пребыванию в ней во время совершения страшных Таин Христовых. - Напоминание о кончине мира. - Необходимость совершения добрых дел и покаяния на земле, потому что по окончании настоящей жизни закончится возможность для них.

Похвальные беседы на праздники Господа нашего Иисуса Христа и Его святых.

V. Беседа в день Рождества Господа нашего Иисуса Христа.

О времени установления праздника Рождества Христова. - Тайна Рождества Христова. - Укрепление верующих против издевательств язычников. - Обличение злоупотребления при св. причащении. - К св. тайнам должно приступать с благоговением и благоприличием. - Величие и святость этого таинства.

VI. Беседа о Крещении Господа и о Богоявлении.

Увещание народу о посещении церкви. - О двояком явлении Иисуса Христа: о Его явлении волхвам и о будущем последнем пришествии, когда Он явится во славе своей. - Чудесное сохранение крещенской воды от порчи. - Различие между крещением иудейским и христианским, между крещением Иоанна Предтечи и Господа Христа. - Объяснение того, как Христос исполнил всякую правду. - Увещание к народу о том, что к св. причащению должно приступать с благоговением и страхом.

VII. О предательстве Иуды.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. Вопрос о злополучии Иуды и тех, кто гонят праведников. - Несчастны не те, кого гонят, а те, кто гонят, потому что гонения первым открывают двери рая, а последним врата ада. - Посему гонимые должны молиться о гонящих. - Изложение истории предательства Иуды. - Необходимость и всем нам беречься того, чтобы не впасть в грех этого апостола. - Дело Иуды и женщины-грешницы, как доказательство свободы воли. - Тайная вечеря и пасха иудейская. - Установление таинства евхаристии. - Прощение обид, как одно из лучших средств приготовления к св. причащению.

БЕСЕДА ВТОРАЯ. Изложение мысли, что должно оплакивать не тех, кто страдают, а тех, которые причиняют страдания другим. - Почему нужно молиться о врагах своих, а не проклинать их. - Изложение обстоятельств предательства Иуды. - Подробности Тайной Вечери и установления св. Евхаристии. - Сравнение пасхи христианской с пасхой

иудейской. - Невозможность совершения последней после рассеяния народа. - Увещание к народу приступать к св. причащению с благопристойностью и благоговением.

VII. О кладбище и кресте.

О названии кладбища и о кресте Господа и Бога, Спасителя нашего Иисуса Христа. - Причина произнесения беседы вне города. - О том, как Христос победил смерть. - Чем победил дьявол, тем и сам побежден был. - Победа эта без нашего труда. - Почему разодралась завеса в храме? - О том, как должно приступать к св. причащению. - Призывание Св. Духа.

IX. О кресте и разбойнике.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. Прославление св. креста. - Он есть жертвенник, на котором Господь Иисус Христос совершил свою жертву, и открывает нам небо. - Все наше счастье происходит от креста. - Он есть ключ, открывающий нам двери рая. - Первый вошел в эти двери добрый разбойник. - Пример этого разбойника, как поощрение дерзновению веры. - Крест, который явится в последний день несомый ангелами и архангелами. Необходимость молиться за врагов в подражание Христу-Спасителю и в послушание поучений св. ап. Павла, тем более, что и в ветхом завете, где менее изобиловала благодать, Моисей, Давид и Самуил молились за врагов. - Мы должны следовать по их стопам. (Исправления - Людмила Жмурина, С.-Петербург)

БЕСЕДА ВТОРАЯ. Прославление св. креста. - Вытекающие от него блага. - Почему Иисус Христос, жертва нового завета, был заклан вне стен Иерусалима? - Добрый разбойник. - Изъяснение сказанных им слов на кресте. - Великая награда за славное исповедание веры. - Иисус Христос в последний день явится со Своим крестом. - Увещание верующим прощать своих врагов. - Указание на пример Господа Христа и святых праведников как в ветхом, так и в новом завете. (Исправления - Людмила Жмурина, С.-Петербург)

X. О воскресении мертвых.

Истина воскресения мертвых. - Доказательства ее. - Учением о Промысле Божием. - О способе направлять свою жизнь согласно с волей Божией. - Христиане должны сносить страдания, имея в виду вечное блаженство. - Награды, предстоящие добродетельным людям в будущей жизни. - Объяснение нескольких относящихся сюда текстов. - О тленности земных благ. - Обличение заблуждения манихеев и доказательство того, что тело и природа человеческие не суть зло сами по себе. - Пояснение истины воскресения.

XI. Против упивающихся и о вескресении.

Истинный пост состоит в воздержании от греха. - Все могут содержать такой пост и этому не может не препятствовать слабость здоровья. - Изображение упившегося человека, который хуже бесноватого. - Объяснение текста: "Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом" (Ефес. 5:18). Есть следовательно упоение духовное. - День воскресения Христова - общая радость на небе и на земле. - Возможность для всех участвовать в этой радости. - Род человеческий умер в Адаме и воскрес в Иисусе Христе. - Развитие этой истины. - Увещание к новокрещенным избегать даже и того, что может казаться безразличным, как смех, нескромные взгляды, - что может повесть и к дальнейшим порокам.

XII. О вознесении.

Объяснение цели и значения праздника. - Это есть примирение человека с Богом, примирение, посредником которого явился Иисус Христос. - В вознесении природа человеческая поставлена превыше небес. - Чтобы понять это необычайное возвышение нашего естества, необходимо видеть, как она была унижена. - Ангелы страдали вследствие нашего падения и потому возликовали при виде того, как наш Избавитель родился и затем вознесся на небо. - Явление ангелов-утешителей осиротелым апостолам. - Верные, как богатые, так и бедные должны обращать свои взоры к небу в ожидании возвращения Спасителя и своею доброю жизнью удостоиться того, чтобы быть превознесенными с Иисусом Христом, когда Он придет судить живых и мертвых.

XIII. О Пятидесятнице.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. Необходимость непрерывного празднества в церкви Христовой. - В ветхом завете было три праздника в году. - Для христиан все дни должны быть посвящены Богу. - Поэтому кто из них является в церковь только по великим праздникам, оказывается неверным своему призванию. - Ап. Павел показывает, в чем должно состоять это непрерывное празднество (1 Кор. 5:8). - Дар Духа Святого есть дар примирения. - Вот почему Он сошел только после того, как прославлен был Иисус Христос, т. е. изгладил наши грехи, препятствовавшие примирению. - Истина примирения и сошествия Св. Духа, доказывается чудесами, которые совершали апостолы. - Ответ на возражение: если чудеса служат доказательством присутствия Св. Духа, то значит Его нет в церкви теперь, так как в ней не совершается чудес. - Если бы Св. Дух не обитал в церкви, то в ней не было бы ни крещения, ни священства и других таинств. - Объяснение того, почему Св. Дух сошел в день Пятидесятницы и в виде огненных языков. - Увещание слушателям о богоугодной жизни.

БЕСЕДА ВТОРАЯ. Увещание слушателям радоваться по случаю праздника, который есть главизна праздников. - В этот день мы получили исполнение обетования Сына Божия. - Все благодатные дары мы получаем от Духа Святого. - Его Божественность вопреки лжеучению македонян. - Объяснение того, почему Иисус Христос не тотчас послал Св. Духа своим ученикам по вознесении и почему Св. Дух сошел в виде огненных языков. - Необходимо украшать свои души всеми добродетелями, чтобы получить плоды, приносимые Св. Духом. - Увещание к человеколюбию и обличение зависти. - Увещание новокрещенным о том, чтобы сохраняли полученный ими дар благодати.

БЕСЕДЫ О СТАТУЯХ,
ГОВОРЕННЫЕ К АНТИОХИЙСКОМУ НАРОДУ

Знаменитые беседы к Антиохийскому народу о статуях произнесены святым Иоанном Златоустом в святую четыредесятницу 388 года. Поводом к их произнесению послужил страшный мятеж, произведенный в Антиохии уличной чернью, которая оскорбила и разбила императорские статуи. Первая беседа была произнесена еще до мятежа, но вторая уже после мятежа, о чем ясно говорит и ее содержание. Всех бесед было произнесено 21, и в них с поразительной живостью изображается состояние Антиохии в это страшное время.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ,

произнесенная в бытность пресвитером, в Антиохии, в старой церкви [1], на слова: "употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов"(1 Тимоф. 5:23)

Слышали вы апостольский голос, небесную трубу, духовную лиру? В самом деле, (голос) как труба, которая, подавая страшный боевой сигнал, пугает врагов, поднимает упавший дух своих, возбуждает в слышащих великое мужество и делает их непобедимыми для дьявола, или как лира, которая, приятно услаждая нас, укрощает волнения нечистых помыслов и вместе с удовольствием доставляет нам и великую пользу. Итак, слышали вы сегодня, как Павел беседует с Тимофеем о многих важных предметах? Так он писал ему в послании о рукоположении: "**рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах**" (1 Тим. 5:22), и представил тяжкую опасность такого беззакония, показав, что за грехи одних подвергнутся наказанию вместе с ними и другие, так как через хиротонию они сообщают силу нечестию. Затем он говорит: "**употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов**" (1 Тим. 5:23). Он беседовал с нами сегодня и о повиновении слуг, и о безумии сребролюбцев, и о безрассудности богатых, и о многом другом. Так как всего зараз изъяснить невозможно, то, что из сказанного пожелаете вы, чтобы мы взяли для беседы с вами, возлюбленные? В прочитанном, как будто на лугу, я вижу множество разнообразных цветков, обилие роз, фиалок и лилий, - повсюду рассеянный разнообразный и обильный плод духа и великое благоухание. Вернее же сказать, чтение божественных писаний есть не только луг, но и рай, потому что цветы эти имеют не одно лишь простое благоухание, но и плод, который может питать душу. Так что же из сказанного желаете вы, чтобы мы представили вам сегодня? Желаете, чтобы мы занялись теперь тем, что кажется самым легким и удобопонятным для всякого? Я согласен, да и вам, как хорошо я знаю, понравится это. Но что, легче прочего? Что же иное, как не то, что представляется и легким для всякого и кратко может быть высказано? Что же это такое? "**Употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов**". Итак, употребим всю беседу на это изречение.

Не по честолюбию делаем мы это, и не из стремления похвалиться даром слова, потому что мы говорим не свое, а то, что внушает благодать Духа; говорим для того, чтобы возбудить беспечных из слушателей и убедить, сколь великое сокровище Писаний как не надежно и не безопасно проходите их без внимания. В самом деле, если случится, что это легкое и ясное изречение, которое, как многим кажется, не заключает в себе ничего необходимого, послужит нам причиной великого богатства и поводом к высочайшему любомудрию, то гораздо больше те (изречения), которые и сами по себе показывают свое богатство, наполнят бесчисленными сокровищами внимающих им. Не будем поэтому пренебрегать и теми мыслями Писаний, которые почитаются маловажными, потому что и они от благодати Духа; благодать же Духа никогда не бывает малой и скудной, а великой, удивительной и достойной щедроты Давшего. Итак, будем слушать их не поверхностно. Ведь и очищающие руду, когда бросят ее в плавильную печь, вынимают не только одни куски золота, а с великой тщательностью собирают и маленькие крупинки; так как и мы очищаем золото, извлеченное из апостольских рудников, не в плавильню бросая, а влагая в помышления вашей души, не пламя возжигая, а воспламеняя огонь духа, то будем тщательно собирать и маленькие крупинки, потому что хоть и кратко изречение, но велико значение. Как драгоценные камни получают свою цену не от тяжести составного вещества, а от красоты, так точно и чтение божественных Писаний. Языческая наука, раскрывая много пошлостей и внушая слушателям много пустяков, отпускает их с пустыми руками, ни много, ни мало не приобретшими себе чего-либо хорошего. Благодать же Духа не так, а совершенно напротив: немногими словами она внушает любомудрие всем, кто внимает ей, и часто бывает достаточно взять отсюда одно только речение, чтобы иметь средства на весь путь жизни.

2. Если таково богатство, то воспрянем и трезвенной мыслью воспримем то, что будет сказано, так как я намереваюсь далеко углубиться словом. Многим кажется, что вышеуказанное наставление и не нужно, и излишне. Говорят: разве Тимофей сам по себе не мог знать, чем надо пользоваться, а ожидал узнать это от учителя? Неужели учитель не только дал повеление, но и запечатлел письменами, вырезав его как бы на медном столбе в данном ему послании, и не постыдился написать об этом в послании ученику, назначенном для народного чтения? (Это для того сделано), чтобы тебе знать, что наставление не только не излишне, но и необходимо и чрезвычайно полезно. И это, - т. е. что оно было не сказано только, а изложено в письме и через послание передано всем грядущим поколениям, - не дело Павла, а благодати Духа. Перейду сейчас к самому доказательству. В самом деле, наряду с указанным некоторые не меньше недоумевают и относительно еще другого, спрашивал себя: для чего допустил Бог, чтобы муж, имевший такое дерзновение, муж, кости и останки которого изгоняли демонов, подвергся такой болезни? В самом деле, он не просто болел, а всегда и беспрестанно, непрерывно следовавшими друг за другом недугами, не дававшими ему отдыха даже на краткое время. Откуда видно это? Из самых слов Павла. Он не сказал: "**ради недуга**", но: "**ради недугов**", и не просто "**недугов**", но указал и на их непрерывность, говоря: "**частых твоих недугов**". Пусть выслушают это те, которые, подвергшись продолжительной болезни, сетуют (на свои страдания) и изнемогают. Но вопрос заключается не в одном лишь том, что он (Тимофей) болел, будучи святым, и болел так беспрестанно, а в том, что ему вверены были и общественные дела. Если бы он был одним из тех, которые удалились на вершины гор, поставили свою хижину в уединении и избрали жизнь, чуждую общественных занятий и трудов, то вопрос не был бы так затруднителен. Но подвергнуть узам недуга человека, поставленного на служение общественное, человека, которому вверены заботы о стольких церквах, который с таким рвением и старанием устраивает целые города, народы и всю вселенную, - это больше всего способно смутить того, кто не относится к этому с надлежащим вниманием. В самом деле, ее уже не ради себя самого, то, по крайней мере, ради других необходимо было, чтобы он был здоров. Он был доблестнейшим вождем. Война у него была, говорит (Писание), не только с неверными, но и с демонами, и с самим дьяволом. Все эти враги нападали с великой силой, рассевая войско и захватывая в плен; а он мог обратить к истине бесчисленное множество, и был немощен. Если от болезни, говорит, и не происходило никакого еще ущерба для дела, то все же она одна способна уже была сделать верных более боязливыми и беспечными. Если воины, видя своего вождя прикованным к постели, становятся унылы и нерешительны в битве, то гораздо более естественно было, чтобы и верные, видя тогда своего учителя, совершившего столько знамений, в постоянных недугах и телесных страданиях, испытали нечто свойственное людям. Но не одно только это, а и нечто еще другое служит вопросом для сомневающихся, именно - почему, если Тимофей находился в таком состоянии, ни сам он не исцелил себя, ни его учитель. Они пробуждали мертвых, изгоняли демонов, вполне властвовали над смертью, а одного немощного тела не исцелили; показав столь великую силу и при жизни и по смерти на чужих телах, не восстановили пришедшего в упадок желудка. Но самое главное в том, что Павел, после стольких и таких знамений, которые он совершил одним простым словом, не совестился и не стыдился писать Тимофею, чтобы он прибегал к услугам вина. (Представляется это особенно важным) не потому, что постыдно пить вино, - да не будет! это учение еретиков, - а потому, что он не почитал стыдом того, что без помощи вина нельзя исправить болящего члена, и так был далек от стыда за это, что выставил даже это (наставление) на вид всем будущим поколениям. Видите, до какой глубины мы довели свое слово? Видите, как кажущееся ничтожным изобилует бесчисленными вопросами? Приведем же и решение. Я для того и сошел в великую глубину, чтобы, возбудив ваш ум, подготовить наши мысли.

3. Но позвольте мне прежде, чем привести решение этих вопросов, сказать кое-что о добродетели Тимофея и заботливости Павла. Что, в самом деле, было нежнолюбивее того, кто, находясь на столь дальнем расстоянии и будучи занят множеством дел, так беспокоился о здоровье желудка ученика и так заботливо писал об излечении болезни? Что, с другой стороны, равно было добродетели Тимофея? Он так презирал роскошь и смеялся над пышным столом, что впал даже в недуг от слишком сурового образа жизни и чрезмерного поста. Что он был таким не от природы, а постом и употреблением воды разрушил силу желудка, послушайте, как сам Павел определенно говорит об этом. Он не просто сказал: "**употребляй немного вина**", а, сказав наперед: "**впредь пей не одну воду**", затем уже присоединил совет употреблять вино; словом же: "**впредь**" он обозначал, что до того времени Тимофей пил воду и вследствие этого стал болен. Кто не подивится его любомудрию и строгости? Он достиг самых небес, взошел на вершину добродетели, и это свидетельствует о нем его учитель, говоря: "**послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына**" (1 Кор. 4:17). А когда Павел называет его чадом, и чадом верным и возлюбленным, то этих слов достаточно, чтобы показать всю его добродетель, потому что суждения святых не зависят ни от расположения, ни от вражды, но чужды всякого пристрастия. Тимофей не был бы так достоин удивления, если бы был чадом Павла по естеству, как он дивен теперь, потому что, не будучи нисколько родным ему по плоти, он усыновил себя ему через сродство по благочестию, тщательно сохраняя во всем черты его любомудрия. Как телец, сопряженный с волом, он влачил вместе с ним по всей вселенной ярмо и нисколько не ослабевал вследствие своего возраста, а был полон стремления соперничать в трудах с учителем. И этому свидетель опять сам Павел, который говорит: "**никто не пренебрегай его: ибо он делает дело Господне, как и я**" (1 Кор. 16:10-11). Видишь, как свидетельствует он о равной ему самому ревности (Тимофея)? Затем, чтобы не показалось, будто он говорит это по расположению, он самих слушателей делает свидетелями добродетели своего сына, говоря: "**его верность вам известна, потому что он, как сын отцу**", так "**служил мне в благовествовании**", вы узнали добродетель его и испытанную душу (Филипп. 2:22). И, однако, поднявшись до такой высоты совершенства он и тогда не был самонадеян, а оставался робким и чрезвычайно боязливым, почему он строго и постился, и не испытал того, что бывает со многими теми, которые, подвергнув себя лишь на десять или двадцать месяцев посту, тотчас же оставляют все. А он не потерпел ничего подобного и не сказал даже себе чего-нибудь в роде следующего: что мне за нужда теперь поститься? Я победил, стал господином страстей, умертвил свое тело, демонов устрашил, дьявола отогнал, мертвых воскресил, прокаженных очистил, я страшен для супротивных сил. Что мне теперь за нужда в посте и в той безопасности, какую дает он?

Ничего подобного он ни сказал, ни подумал, но чем больше преисполнялся бесчисленных заслуг, тем более боялся и трепетал. И такому любомудрию он научился у учителя, ибо и тот, будучи восхищен на третье небо и вознесен в рай, слышав неизреченные глаголы и став участником таковых таинств, и как бы на крыльях обтекая всю вселенную, говорил в послании к Коринфянам: боюсь, "**дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (1 Кор. 9:27). Если же Павел страшился после совершенных им столь славных и великих дел, Павел, который мог сказать: "**для меня мир распят, и я для мира**" (Гал. 6:14), то гораздо больше следует бояться нам, и тем - именно - больше, чем больше приобретаем мы совершенства потому что и дьявол становится тогда лютее, тогда делается более свирепым, когда видит, что мы заботливо устраиваем свою жизнь. Когда видит, что грузы добродетели сложены и изобильно накоплены, тогда-то и старается причинить более тяжкое крушение. Ибо человек ничтожный и презренный, если и поскользнется и падет, приносит обществу не столь большой вред; а тот, кто стоит наверху добродетели с великой славой как бы на какой высоте, будучи виден и известен всем и составляя у всех предмета удивления, когда падает, подвергшись искушению,

причиняете великое разрушение и вред; не потому только что он сам пал с высоты, но и потому еще, что он сделал более беспечными многих из тех, кто взирал на него. И подобно тому, как в теле не бывает еще большого вреда, когда разрушен какой-нибудь иной член, а когда выколоты глаза или повреждена голова, то все тело становится бесполезным, так следует сказать тоже и о святых и людях с великими заслугами: когда они гаснут, когда причинят себе бесчестие, то приносят всецелый и непоправимый вред и остальному телу.

4. Тимофей, зная все это, отовсюду защитил себя. Так он знал, что юность трудна, что она легко воспламеняема, легко поддается обольщениям, легко попадает на скользкий путь и нуждается в очень крепкой узде, потому что она есть как бы костер, который захватывает все лежащее вне его и легко воспламеняется; и он тотчас же отовсюду оградил его, чтобы умерить его, и всячески старался погасить этот пламень; и коня без узды и удил укрощал он с великой силой, пока совершенно не усмирил его бешеных прыжков, пока не сделал его покорным удилам и предал руки разума обуздывающего его с великой силой. Пусть немоществует, говорил он, тело, но пусть не ослабевает душа; пусть обуздывается плоть, но да не будет препятствий для течения души к небу. Но вместе с этим, больше всего можно удивляться в нем еще тому, что, будучи столь немощным и борясь с таким тяжелым недугом, он не не радел о делах божественных, но повсюду летал больше, чем здоровые и сильные телом, то в Ефес, то в Коринф, часто в Македонию, в Италию, повсюду являясь с учителем на суше, на море, принимая участие во всех его подвигах и непрестанных опасностях; и слабость тела не поругалась над любомудрием души. Такова ревность по Боге, столь легкие крылья дает она. Как людям, имеющим сильные и здоровые тела, нет никакой прибыли от здоровья, если душа презренна, беспечна и ленива, так и обессиленным нет никакого вреда от слабости, если душа благородна и находится в бодрствующем состоянии. Некоторым кажется, что это наставление и совет дают оправдание для более беззастенчивого употребления вина. На самом деле не так. Если кто-нибудь тщательно исследует это изречение, то увидит, что наставление предписывают скорее пост. Заметь, в самом деле, что Павел дал этот совет не сначала и не с первых шагов, а посоветовал тогда только, когда увидел, что все силы (у Тимофея) уже подорваны. И тогда он не просто посоветовал, а с некоторым предварительным ограничением; не просто сказал он: "**вино употребляй**", а: "**немного вина**"; не потому, что Тимофей нуждался в таком наставлении и совете, а потому, что мы нуждаемся. Написав послание ему, он ставит нам меру и пределы употребления вина, повелевая пить столько, сколько надо для того, чтобы восстановить ослабевшие силы, сколько требуется, чтобы доставить здоровье телу, а не новую еще болезнь, потому что неумеренное питье вина не меньше, чем и чрезвычайное употребление воды, даже гораздо больше причиняет тяжких болезней и душе и телу, производя борьбу страстей, внося в ум бурю нечистых помыслов, расслабляя и расшатывая силы тела. Не так разрушается земля, обременяемая постоянным обилием вод, как расшатывается, расслабляется и исчезает сила тела, постоянно затопляемая питьем вина. Будем поэтому избегать крайностей с той и другой стороны, заботясь и о здоровье тела и сдерживая его необузданные порывы. Вино дано Богом не для того, чтобы мы упивались до пьяна, а чтобы были трезвыми, чтобы веселились, а не скорбели, ибо "**вино**", говорится, "**веселит сердце человека**" (Пс. 103:15), а ты делаешь его причиной печали. И действительно, чрезмерно упивающиеся бывают мрачны духом, так как над умом их разливается великий мрак. Наилучшее лекарство - когда ты соблюдаешь полнейшую умеренность. Это - полезная нам твердыня и против еретиков, клевещущих на создание Божье; потому что если бы вино было одним из запрещенных предметов, то Павел не дозволил бы его, не сказал бы, что надо употреблять вино. Да не только против еретиков, а и против более простых из братьев наших, которые всякий раз, как видят, что некоторые вследствие пьянства ведут себя непристойно, забывая порицать этих последних, поносят данный Богом плод, говоря: да

не будет вина! Скажем поэтому им: да не будет пьянства, потому что вино дело Божье, а пьянство - дело дьявола. На вино производит пьянство, а невоздержание производит пьянство. Не поноси творения Божия, а порицай безумие со-раба. А ты, оставив без наказания и исправления согрешающего, оскорбляешь Благодетеля?

5. Итак, когда услышим, что кто-нибудь говорит подобное, то заставим его молчать, потому что не пользование, а неумеренность производит пьянство, пьянство - корень всех зол. Вино дано для того, чтобы восстанавливать силы слабого тела, а не для того, чтобы разрушать силу души, чтобы устранять немощь плоти, а не вредить здоровью души. Не доставляй поэтому своим неумеренным пользованием даром Божьим поводов (к порицанию его) людям неразумным и бесстыдным. Что, в самом деле, достойно большего сожаления, чем пьянство? Пьяница живой мертвец; пьянство - демон самозваный, недуг, не имеющий прощения, падение, лишенное оправдания, общий позор рода нашего. Пьяница не только бесполезен в собраниях, не только в делах частных и общественных но и по одному просто виду противнее всех, дыша зловонием. Изрыгания, позевания и крики пьяных неприятны и противны, и тем, кто видит и присутствует вместе с ними, внушают крайнее отвращение. Но верх зла в том, что этот недуг делает для пьяницы недоступным небо, и не дозволяет достичь вечных благ, так что вместе с позором здесь и там ожидает страдающих этим недугом тягчайшее наказание. Посему уничтожим эту дурную привычку и послушаемся слов Павла: "**употребляй немного вина**". Да и самое это употребление в небольшом количестве он позволил ради немощи, так что, если бы не было этой изнуряющей немощи, он не заставил бы ученика принимать и малого количества. Так и данные нам необходимые для жизни пищу и питье мы всегда должны измерять временем и необходимостью, никогда не переходить за пределы необходимости и ничего не делать безрассудно и беспорядочно. Теперь, когда мы узнали заботливость Павла и добродетель Тимофея, направим беседу на самое решение поставленных вопросов. В чем же эти вопросы? Необходимо повторить их снова, чтобы яснее было решение. Для чего (спрашивают), допустил Бог впасть в недуг такому святому и совершавшему столь великие дела, и почему ни сам он, ни учитель не могли устранить болезни, а возымели нужду в помощи вина? В этом состоял вопрос. Самое же решение нужно привести так, чтобы не только если бы кто-нибудь подвергся такой болезни и недугу, но и если бы кто-нибудь из людей святых, великих и достойных удивления подвергся бедности, голоду, узам, истязаниям, обидам, клеветам и всем вообще бедствиям настоящей жизни, то и относительно их в том, что будет сказано сегодня, можно было отыскать точную и яснейшую защиту против желающих обвинять (за это Бога). Вы ведь слышали, как многие спрашивают: почему, в самом деле, один, будучи человеком смиренным и кротким, каждый день привлекается в суд каким-нибудь преступником и злодеем, терпит множество бедствий, - и Бог допускает это? Почему другой, ложно обвиненный, умер несправедливо? Один, говорят, потоплен, другой низринут со скалы; и мы могли бы назвать многих святых, живших и в наше время и при наших предках, которые потерпели много разнообразных и разнородных мучений. Чтобы понять смысл всего этого, и ни самим не смущаться, ни других не допустить до соблазна, обратим тщательное внимание на то, что будет теперь сказано.

6. Я могу указать вашей любви восемь причин всякого рода и вида бедствий святых. Поэтому все усиленно напрягите ваше внимание, зная, что нам не будет уже никакого извинения и оправдания, если мы будем соблазняться приключающимися бедствиями, если, при существовании стольких причин, станем смущаться и тревожиться, как будто бы (их) не было ни одной. Итак, первая состоит в том, что Бог попускает им терпеть беды, чтобы они вследствие величия своих заслуг и чудес не впадали скоро в гордость. Вторая в том, чтобы другие не думали о них больше, чем свойственно человеческой природе, и не полагали, будто они боги, а не люди. Третья, - чтобы сила Божия являлась

могущественной, побеждающей и умножающей проповедь через людей слабых и связываемых узами. Четвертая, - чтобы яснее обнаружилось терпение их самих, как людей, которые служат Богу не из-за награды, а являют такое благомыслие, что и после великих бедствий обнаруживают чистую любовь к Нему. Пятая, - чтобы мы любомудрствовали о воскресении. В самом деле, когда ты увидишь, что муж праведный, исполненный великой добродетели, терпит без конца бедствия, так и уходит из этого мира, то ты невольно вынужден будешь подумать о тамошнем суде, потому что если люди не дозволяют трудящимся за них уйти без награды и воздаяния, то гораздо больше Бог не захочет когда-нибудь отпустить не увенчанными тех, кто столько потрудился; а если Он никогда не захочет лишить их воздаяния за труды их, то необходимо должно быть какое-нибудь время после здешней смерти, в которое они получат воздаяния за здешние труды. Шестая (причина) в том, чтобы все, подвергающиеся несчастиям, имели достаточное утешение и облегчение, взирая на них и помня о случившихся с ними бедствиях. Седьмая, чтобы, когда мы призываем вас (подражать) добродетели их и каждому из вас говорим: "подражай Павлу и соревнуй Петру", вы, по причине чрезмерной высоты заслуг, не подумали, что они были людьми иной природы, и не отказались боязливо от подражания. Восьмая, чтобы, когда нужно ублажать и сожалеть, мы знали, кого нужно почитать блаженным, а кого жалким и несчастными. Таковы причины. Но их все надо подтвердить из Писаний, и с точностью показать, что все сказанное не изобретение человеческих размышлений, а мысли божественных Писаний. Тогда и слово наше будет заслуживать большего доверия, и глубже западет в ваши души. Что скорби содействуют святым к тому, чтобы быть кроткими и смиренными, а не надмеваться от знамений и заслуг, и что поэтому Бог попустил быть им, послушай, как относительно этого самого говорят и пророк Давид и Павел. Первый говорит: "**благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим**" (Пс. 118:71), а второй, сказав, что восхищен был на третье небо и вознесен в рай, прибавил: "**и чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился**" *(*2 Кор. 12:7). Что яснее этого? "**Чтобы я не превозносился**", говорит он, - по причине этого Бог допустил ангелам сатаны мучить меня. Ангелами же сатаны он называет не каких-либо демонов, а людей, служащих дьяволу - неверных, тиранов, язычников, которые постоянно его теснили и постоянно гнали. В словах же его смысл такой: Бог, как бы так говорит он, мог прекратить непрерывные гонения и притеснения; но когда я восхищен был на третье небо и вознесен в рай, то, чтобы из-за чрезмерности этих откровений я не возгордился и не стал высокомерен, Бог допустил эти гонения и дозволил ангелам сатаны мучить меня гонениями и скорбями, чтобы я не превозносился. Хотя и святы и достойны удивления сподвижники Павла и Петра, и все, кто ни есть такие, но все-таки они люди и нуждаются в большой осторожности, чтобы не впасть легко в гордость. И святые больше всего (нуждаются в этом); потому что ничто так не влечет к гордости, как сознание заслуг и дерзновенная душа. Чтобы они не потерпели ничего подобного, Бог и попустил быть искушениям и скорбям, которые могли бы смирять их и побуждать во всем соблюдать меру.

7. А что бедствия святых много содействуют и к проявлению силы Божьей, об этом послушай у того же апостола, который сказал то раньше. Чтобы ты не говорил, как думают неверные, что Бог, допускающий эти бедствия, бессилен, и что, не имея власти избавить своих (чтителей) от опасностей, допускает им постоянно бедствовать, посмотри, как показал Павел, что происходящее не только не свидетельствует о Его бессилии, но еще более являет всем Его силу. Сказав: "**дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня**"*,* и указав этими словами на непрерывные искушения, он присовокупил: "**трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня; но Господь сказал мне: довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**" (2 Кор. 12:8-9). Тогда, говорит, обнаруживается Моя сила, когда вы в немощи, и через вас, когда

вы кажетесь слабыми, растет и всюду распространяется слово проповеди. Так, когда после бесчисленных ударов он отведен был в темницу, то пленил темничного стража. В колоде были ноги, в цепях руки, но темница потряслась в полночь, когда воспели (апостолы).

Видишь ли, как сила Его в немощи совершается? Если бы Павел был свободен и поколебал темницу, то случившееся не было бы так удивительно. Поэтому Бог и говорит: оставайся в узах, и да потрясутся отовсюду стены, и да разрешатся от оков узники, чтобы больше видна была сила Моя, когда через тебя связанного и скованного, освобождаются все узники. И темничного стража поразило тогда именно то самое, что, будучи содержим так крепко, Павел одной только молитвой мог потрясти основания, растворить двери темницы и разрешить всех узников. Но не здесь только, а и с Петром и с самим Павлом, и с остальными апостолами, можно видеть, что постоянно случается это, что (т. е.) благодать Божия всегда обнаруживается в преследованиях, является в утеснениях и громко возвещает о своей силе. Поэтому Он говорил: "**довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**". А что многие склонны были бы часто предполагать о них (святых) больше, чем свойственно человеческой природе, если бы не видели их терпящими такие бедствия, послушай, как страшился этого Павел. "**Если захочу**", говорит он, "**хвалиться, не буду неразумен, но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал обо мне более, нежели, сколько во мне видит или слышит от меня**" (2 Кор. 12:6). Что значат его слова? Я мог бы, говорит он, указать на гораздо большие чудеса, но не хочу, чтобы величие знамений не внушило людям обо мне большого мнения. Поэтому и бывшие с Петром, когда исцелен был хромой и все с изумлением смотрели на них, успокаивая народ и убеждая, что они ничего не обнаружили сами от себя и своей силой, говорят: "**что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит**" (Деян. 3:12)? Опять и в Листрах были не только поражены, но и привели украшенных венками быков и хотели принести жертву Павлу с Варнавой. Заметь коварство дьявола: через кого Господь хотел искоренить во вселенной нечестие, через тех самых он старался ввести его, опять убеждая признавать людей богами, что он делал и в прежние времена. И это его дело больше всего дало начало и корень идолослужению, потому что многие и счастливо окончившие войны, и водрузившие трофеи, и построившие города и совершившие иные какие-нибудь подобного рода благодеяния для тогдашних людей признаны были богами, почтены храмами и алтарями, и весь список языческих богов состоит из этих людей.

Чтобы не случилось этого и со святыми, Бог попустил им быть постоянно гонимыми, принимать бичевания, подвергаться недугам, чтобы крайняя телесная немощь и обилие искушений убеждали живших тогда, что совершавшие столь великие чудеса были все же людьми и ничего не приносили сами от себя, а все совершала через них, одна лишь благодать. Ибо если, те сочли за богов людей, совершивших незначительные и ничтожные дела, то гораздо более заподозрили бы они этих, творивших такие дела, каких никто никогда не видал и не слыхал, если бы последние не испытывали ничего, свойственного людям. Если, даже не смотря на то, что они подвергались бичеваниям, низвергались, заключались в узы, изгонялись, сталкивались каждый день с опасностями, некоторые все-таки впали в это нечестивое мнение, то гораздо больше они подумали бы, если бы те не терпели ничего, свойственного людям.

8. Такова третья причина бедствий. Четвертая же состоит в том, чтобы не думали люди, будто бы святые служат Богу по надежде на настоящее счастье. В самом деле, многие, живя распутно, будучи часто упрекаемы многими и призываемы к подвигам добродетели, и слыша о похвалах святым замужество в бедствиях, начинают на них клеветать по этому поводу. И не только люди, а и сам дьявол заподозрил то же самое. В самом деле, когда Иов владел большим богатством и наслаждался полным изобилием, то злой тот демон,

будучи за него упрекаем Богом, не имея ничего сказать, ни оправдаться в своих преступлениях, ни набросить сомнение на добродетели праведника, тотчас же прибегает к этой защите, говоря: "**не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него**" (Иов. 1:10). За награду, говорит он, - наслаждаясь таким изобилием, - он добродетелен. Что же Бог? Он, желая показать, что не за награду служат Ему святые, лишил его всего богатства, предал бедности и допустил подвергнуться тяжелой болезни. Затем, укоряя дьявола, что он напрасно заподозрил, говорит, что (Иов) "**доселе тверд в своей непорочности; а ты возбуждал Меня против него, чтобы погубить его**" (Иов. 2:3). Для святых достаточной наградой и воздаянием служит самое служение Богу, как и для любящего довольно и той награды, чтобы любить, кого любит, так что он и не ищет ничего сверх того, и не думает, чтобы что-нибудь было больше этого. Если же так бывает в отношении к человеку, то гораздо больше в отношении к Богу. Поэтому и Бог, желая показать это, дозволил больше, чем требовал дьявол. Тот говорит: "**простри руку Твою и коснись**" его (Иов. 2:5), а Бог не так, но говорит: "**вот, он в руке твоей**" (Иов. 2:б). Подобно тому, как на мирских состязаниях сильные и здоровые телом атлеты являются не тогда, когда бывают окутаны увлажненной маслом одеждой, а выступают на арену, сбросив ее, нагими, и тогда поражают зрителей полной соразмерностью всех членов, когда ничто уже не скрывает их тела; так и Иов: когда окружен был всем тем богатством, то для многих неизвестно было, каков он; когда же бросил его подобно тому, как атлет снимает одежду, и вышел нагим на подвиг благочестия, то в таком обнаженном виде, так поразил всех зрителей, что и само воинство ангельское, зревши это, громко воскликнуло, видя твердость души его, и рукоплескало победителю. Как я сейчас сказал, он не тогда виден был людям, когда владел всем тем богатством, а тогда, когда, сбросив его, подобно одежде, оказался нагим посреди вселенной, как бы в театре, и все были поражены хорошим состоянием души его; и не только благодаря этой наготе он выказал себя, но благодаря также и борьбе и терпению в болезни.

Как я сказал раньше, его поразил не сам Бог, чтобы дьявол опять не сказал: "Ты пощадил и навел не такое искушение, какое нужно было бы", а отдал самому дьяволу и гибель стад и власть над телом. Я, говорит Он, уверен в борце; поэтому не препятствую употребить с ним, какие хочешь, приемы борьбы. Но подобно тому, как хорошие и вполне полагающиеся на свое искусство и крепость тела борцы часто вступают в борьбу с противниками не прямо стоя и не на равных условиях, а дозволяют им перехватить себя посередине, чтобы сделать более блистательною победу, так и Бог допустил дьяволу схватить святого посередине, чтобы, когда тот победит после такого преимущества борьбы (на стороне дьявола) и распростpет его на земли, был более блистательным венец. Золото испытано; как хочешь пытай его, как хочешь пробуй, ты не найдешь в нем грязи. Но (Бог) показывает нам не только мужество других, но и представляет еще иное великое утешение. Что, в самом деле, говорит Христос? "**Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так**" творили и пророкам отцы их (Матф. 5:11-12). И Павел опять, желая утешить македонян, говорит: "**ибо вы, братия, сделались подражателями церквам Божьим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев**" (1 Фесс. 2:14). Точно также он увещевает и евреев, перечисляя всех праведников, (страдавших) в печах, ямах, в пустынях, горах, в пещерах, проводивших жизнь в голоде и тесноте (Евр. 11:38), потому что общение в страданиях доставляет некоторое утешение изгнанникам. А что страдания святых дают, опять, поводы говорить и о воскресении, послушай, как говорит об этом сам Павел: "**по [рассуждению] человеческому, когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза, если мертвые не воскресают**" (1 Кор. 15:32)? И еще: "**если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков**" (1 Кор. 15:19). Бесчисленные терпим мы бедствия в настоящей жизни,

говорит он; поэтому, если нельзя надеяться на другую жизнь, то кто был бы несчастнее нас?

9. Отсюда очевидно, что наша жизнь не ограничивается пределами настоящего существования. И это становится ясным из искушений. Никогда бы не потерпел Бог, чтобы претерпевшие столько великих бедствий и проведшие всю настоящую жизнь в искушениях и бесчисленных опасностях не были вознаграждены гораздо большими дарами. Если же Он не потерпел бы (этого), то, очевидно, что Он уготовал некую иную, лучшую и более светлую жизнь, в которой Он должен увенчать борцов благочестия и прославить (их) перед взорами всей вселенной. Итак, когда ты увидишь, что праведник находится в нужде, терпит бедствия, подвергается недугу, бедности, и заключает настоящую жизнь множеством других бедствий, тогда скажи себе, что если бы не было воскресения и суда, то Бог не попустил бы потерпевшему за Него столько зол отойти отсюда, не испытав ничего хорошего. Очевидно отсюда, что Он уготовал им другую жизнь гораздо более приятную и счастливую, чем настоящая, потому что если бы было не так, то Он не дозволил бы многим нечестивым жить в роскоши в течение настоящей жизни, а многим праведникам не допустил бы оставаться в бесчисленных бедствиях. Но так как уготован иной век, в котором Он намерен воздать всякому по достоинству, одному - мзду нечестия, другому - мзду добродетели, то Он и терпит, видя, как один бедствует, а другой роскошествует. И другую причину постараюсь представить от Писаний. В чем же она заключается? В том, чтобы мы, будучи призываемы к той же самой добродетели, не говорили, что они (святые) имели иную природу, или что они не были людьми. Поэтому некто, говоря о великом Илии, сказал так: "**Илия был человек, подобный нам**" (Иак. 5:17). Видишь ли, что соучастием в страданиях апостол показывает, что он (Илия) был человеком, как и мы? И еще: "**и я человек смертный, подобный всем**" (Прем. 7:1), - и это ручается за общность природы. А чтобы ты знал, что страдания святых научают нас ублажать того, кого (именно) нужно ублажать, это ясно из следующего. Когда ты слышишь Павла, который говорит, что "**даже доныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся**" (1 Кор. 4:11), и что "**Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает**" (Евр. 12:6), то ясно, что мы будем восхвалять не тех, кто наслаждается спокойствием, а тех, которые терпят притеснения и скорби за Бога, и будем соревновать живущим добродетельно и заботящимся о благочестии. Так и пророк говорит: "**которых десница - десница лжи, дочери наши - как искусно изваянные столпы в чертогах: плодятся овцы наши тысячами и тьмами на пажитях наших, волы наши тучны. Да не будет ни расхищения, ни пропажи, ни воплей на улицах наших. Блажен народ, у которого это есть**" (Псал. 143:11-15). Ты же что говоришь, пророк? – "**Блажен народ, у которого Господь есть Бог**" (Псал. 143:15). Не того, кто обогащается имуществом, а того, кто украшается благочестием, говорит он, я считаю блаженным, хотя бы он терпел бесчисленные бедствия. Если же нужно назвать и девятую причину, то мы указали бы на то, что скорби делают более испытанными тех, кто подвергается им, ибо "**от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает**" (Римл. 5:3-5). Видишь ли, что искусство, являющееся из скорби, внушает нам надежду на будущее, и пребывание в искушениях заставляет нас иметь хорошие надежды на будущее? Таким образом, я не без основания говорил, что эти скорби утешают нас надеждами на воскресение и делают искушаемых лучшими: "**золото испытывается в огне**", так и человек принятый в "**горниле уничижения**" (Сирах. 2:5). Можно указать и десятую причину. Какую же именно? Ту самую, которую я называл уже часто и раньше, именно, - если у нас есть какие-нибудь пороки, то устраним здесь и их. И на это указывая, патриарх говорил богатому, что "**Лазарь**" воспринял свое "**злое**", почему "**утешается**" (Лук. 16:25). И кроме этой найдем опять иную причину. В чем же эта? В том, чтобы умножить нам венцы и награды, потому что в той мере, как возрастают скорби, умножаются и воздаяния, вернее же - гораздо

больше, потому что "**недостойны**", говорит апостол, "**нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас**" (Римл. 8:18). Итак, имея возможность указать столько причин страдания святых, не будем ни роптать в искушениях, ни сомневаться, ни смущаться, а станем и сами воспитывать свои души, и других научать этому. И если ты увидишь человека, который живет добродетельно, стремится к любомудрию, угождает Богу, и затем терпит бесчисленные бедствия, то не соблазнись, возлюбленный! И если ты увидишь, что кто-нибудь приступает к духовным делам и думает достичь чего-нибудь полезного, затем терпит неудачу, то не смущайся. И я знаю, что многие спрашивают так: один, говорят, отправился в Мартирион [2], чтобы доставить средства помощи бедным, но подвергся кораблекрушению и погубил все. Другой, опять, делая то же самое, попался разбойникам и едва спас свою жизнь, убежав от них нагим. Что же сказать нам? То, что не должно сетовать ни о чем этом, потому что хотя (тот человек) и подвергся крушению, однако он имеет совершенный плод правды, так как выполнил все свое: собрал имущество, сохранил, приступил к делу, отправился в путь, а кораблекрушение нисколько уже не зависело от его решения. Но для чего Бог допустил это? Для того, чтобы сделать этого человека испытанным. Но бедные, говорят, лишились денег? Не так ты заботишься о бедных, как создавший их Бог, потому что если они и лишились их, то Он может с другой стороны доставить им еще больший источник благосостояния.

10. Не будем, поэтому, требовать у Него отчета в происходящем, а прославим за все. Не без цели и не напрасно попускает Он часто подобное, но, не покидая заботой тех, кто должен бы получить утешение от этих денег, доставляя только им вместо того другой способ пропитания, Он делает и более искушенным потерпевшего крушение и большую награду приготовляет ему, потому что благодарить Бога, подвергшись таким бедам, составляет гораздо большую заслугу, чем давать милостыню.

В самом деле, не только то, что мы отдаем, творя милостыню, но и то, что мы мужественно переносим, когда у нас отнимают другие, приносит нам обильный плод. И чтобы ты знал, что последнее больше первого, я поясняю это примером случившегося с Иовом. Последний, когда владел имуществом, отворял свой дом для бедных, отдавал все, что было; но он не был так славен тогда, когда отворял свой дом бедным, как тогда, когда, услышав, что дом обрушился, не отчаялся. Он не был так славен, когда, обстригая овец, одевал нагих, как был славен и знаменит, когда, услышав, что упал огонь и уничтожил все стада его, возблагодарил Бога. Тогда он был человеколюбив, теперь стал любомудр. Тогда он жалел бедных, теперь же благодарил Владыку. И он не сказал себе: что же это? Стада уничтожены, от которых питалось множество бедных; если уж я не достоин был наслаждаться этим богатством, то, по крайней мере, следовало бы пощадить ради тех, которые получали (от них) долю. Но ничего подобного он ни сказал, ни помыслил, а знал, что Бог все устраивает на пользу. И чтобы ты знал, что Иов нанес дьяволу более сильный удар именно тогда, когда, будучи лишен (всего), возблагодарил (Бога), чем когда, владея (имуществом), являл сострадание, поразмысли о том, что, когда он владел, дьявол мог высказать некоторое подозрение, хотя и ложное, он все же мог сказать: "разве даром Иов чтит Тебя?" - а после того, как у него взял все, лишил его всего, и Иов сохранил ту же самую любовь к Богу, тогда совершенно замкнулись бесстыдные уста, и дьявол не мог уже сказать ничего, потому что еще славнее, чем прежде, был праведник. Итак, будучи лишенным всего, мужественно и с благодарностью переносить (несчастие), как показано на примере этого праведника, - гораздо большая добродетель, чем, живя в богатстве, творить милостыню. Тогда у Иова было великое дружелюбие к со-рабам, теперь он показал великую любовь к Владыке. Не напрасно я распространяюсь об этом, а потому, что многие, творя милостыню, питая вдовиц, часто лишаются имения; другие теряют все благодаря приключившемуся пожару, иные подвергаются крушениям, еще иные,

благодаря ложным обвинениям и подобным неправдам, после обильной милостыни доводятся до крайней бедности, до бессилия и болезни, и ни от кого не получают никакой помощи. Итак, не станем говорить, как говорят многие: "никто ничего не знает", - всего сказанного достаточно, чтобы устранить такое смущение. Один, говорят, творя столько милостыни, потерял все. И что в том, что он все потерял? Если он возблагодарит за эту утрату, то приобретет у Бога гораздо большее благоволение и получит в будущей жизни не вдвое, как Иов, а во сто крат больше. Если же он бедственно страдает здесь, то именно это самое, т. е. что он все мужественно переносит, готовит ему большее сокровище, потому что, призывая его к большим подвигам и к более тяжкой борьбе, Бог допустил (ему) впасть из богатства в бедность. Случающийся пожар часто уничтожает твой дом и истребляет все имущество? Вспомни случившееся с Иовом, возблагодари Владыку, который мог воспрепятствовать и не воспрепятствовал, - и ты получишь такую же награду, какую получил бы, если бы все это отдал в руки бедных. Но ты влачишь жизнь в бедности и голоде и среди бесчисленных опасностей? Вспомни Лазаря, боровшегося и с болезнью, и с бедностью, и с лишениями; вспомни апостолов, которые проводили жизнь в голоде, и в жажде, и наготе; вспомни пророков, патриархов, праведников, - и ты найдешь, что все они были не из числа богатых и наслаждавшихся жизнью, а из числа терпевших нужду, скорби и тесноту.

11. Слагая это в себе, возблагодари Владыку за то, что Он сподобил тебя такой участи, не по ненависти, а по сильной любви, потому что Он не попустил бы и тем потерпеть таких бедствий, если бы не сильно любил (их), ибо через эти бедствия Он сделал их более славными. Нет блага, равного благодарности как нет ничего хуже хулы. Не будем дивиться, что, прилежа к духовным делам, мы терпим много бедствий. Подобно тому, как разбойники делают подкопы и тщательно выслеживают не там, где сено, мякина и солома, а где золото и серебро, так и дьявол налегает больше всего на тех, кто занимается духовными делами. Там много козней, где добродетель; там зависть, где милостыня. Но у нас есть одно величайшее оружие, которое способно отразить все такие козни - благодарить за все это Бога. Авель, не тогда ли, как приобрел жертву от начатков пал от братней руки, скажи мне? И, однако, Бог попустил это, не по ненависти к почтившему, а по сильной любви и желая доставить ему, кроме венца за прекраснейшую ту жертву, другой венец - мученичества. Моисей захотел помочь неправедно обижаемому, и подвергся крайней опасности, (так что) бежал из отечества. И Бог попустил это, чтобы ты знал терпение святых. В самом деле, если бы мы принялись за духовные дела, зная наперед, что не потерпим никакого несчастия, то при таком ручательстве в безопасности мы оказались бы не делающими ничего великого; теперь же делающие такие дела больше всего достойны удивления именно потому, что, предвидя и опасности, и лишения, и смерть, и бесчисленные бедствия, все-таки не отстают от таких подвигов и не становятся недеятельными из опасения страданий. Поэтому, как три отрока говорили: "**есть Бог**" на небе "**силен спасти нас. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся**" (Дан. 3:17-18), так и ты, когда должен совершать что-нибудь, подобающее Богу, предусматривай много опасностей, много лишения, много смертей, и ни изумляйся, ни смущайся, когда это случается. "**Сын мой**", говорит мудрый, "**если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению**" (Сирах. 2:1). Никто, решаясь состязаться, не ожидает стяжать венка без ран; поэтому и ты, начав всеми силами бороться с дьяволом, не гонись за безопасной и полной приятностей жизнью, потому что не здесь Бог обещал тебе воздаяния и обетования, а все славное в будущем веке. Поэтому, когда ты или сам, сделав что-нибудь доброе, получишь неприятности, или увидишь, что другой потерпел это, то веселись и радуйся, потому что это служит тебе к большему воздаянию. Не падай духом, не бросай усердия, не становись ленивым, а - напротив - прилагай еще большее рвение. И апостолы, когда проповедовали, то, подвергаясь

бичеваниям, побиванию камнями, постоянно обитая в темницах, не только после избавления от опасностей, а и в самых опасностях возвещали проповедь истины с большим рвением. И можно видеть, как Павел в самой темнице, в самых узах обучает, наставляет тайным, и на суде, опять, делает то же самое, и во время крушения, и в бурю, и среди множества опасностей. И ты соревнуй этим святым, - пока в силах, не отказывайся от добрых дел, и хотя бы видел, что бесконечное число раз прерывает тебя дьявол, никогда не отставай. Ты, перенося деньги, подвергся, может быть, крушению; а Павел, неся то, что дороже было всяких денег,- слово, отправился в Рим, подвергся крушению и потерпел множество бедствий. И это он сам выразил, говоря: много раз "**хотел**" прийти к вам, но "**воспрепятствовал нам сатана**" (1 Фесс. 2:18). И Бог попускал это, с избытком, проявляя Свою силу и показывая, что хотя бы дьявол представлял бесчисленные препятствия, дело проповеди нисколько от этого не терпело ущерба и не прекращалось. Поэтому-то Павел за все благодарит Бога, зная, что через это Он делал его более славным, и во всем обнаруживал великую силу своей ревности, не будучи удерживаем никакими препятствиями. Поэтому и мы, сколько бы раз ни постигла нас неудача, всякий раз будем приступать к духовным делам, и не будем говорить: для чего допустил Бог препятствия? Потому и допустил Он, чтобы ты больше показал свою ревность многим и великую любовь, так как любящему больше всего свойственно никогда не отказываться от того, что нравится любимому. Слабый и малодушный падает духом тотчас же при первом ударе, а сильный и бодрый, хотя бы без конца встречал преграды, тем более будет прилежать к делам Божьим, исполняя все, что ему следует, и благодаря за все. Сделаем же это и мы. Благодарность - великое сокровище, великое богатство, непобедимое благо, крепкое оружие, равно как хула усиливает настоящую уже потерю и заставляешь нас лишиться еще больше сверх того, что мы уже потеряли. Ты лишился имущества? Если ты будешь благодарить, то ты приобрел душу и овладел большим сокровищем, снискав у Бога большее благоволение. Если же ты будешь хулить, то потерял и свое спасение, и того не возвратил, и душу, которую имел, и ту убил.

12. Но раз у нас зашла теперь речь о хуле, то я хочу просить всех вас об одной услуге, взамен этой речи и рассуждения, - именно, чтобы вы унимали в городе тех, кто богохульствует. Если ты услышишь, что кто-нибудь на распутье или на площади хулить Бога, подойди, сделай ему внушение. И если нужно будет ударить его, не отказывайся, ударь его по лицу, сокруши уста, освяти руку твою ударом; и если обвинят тебя, повлекут в суд, иди. И если судья перед судилищем потребует ответа, смело скажи, что он похулил Царя ангелов, ибо если следует наказывать хулящих земного царя, то гораздо больше оскорбляющих Того (Царя). Преступление - одного рода, публичное оскорбление, обвинителем может быть всякий, кто хочет. Пусть узнают и иудеи и эллины, что христиане - хранители, защитники, правители и учители города; и пусть то же самое узнают распутники и развратники, что - именно - им следует бояться рабов Божьих, дабы, если и захотят когда сказать что-либо подобное, оглядывались всюду кругом и трепетали даже теней, опасаясь, как бы христианин не подслушал, не напал и сильно не побил. Ты слышал, что сделал Иоанн? Он увидел тирана, ниспровергающего брачные законы, и смело посреди площади заговорил: "**не должно тебе иметь жену брата твоего**" (Марк. 6:18). А я привел тебя не к тирану, не к судье, и не за противозаконные браки, не за оскорбляемых со-рабов, а удостаиваю тебя исправлять равного за бесчинное оскорбление Владыки. Не правда ли, ты счел бы меня сумасшедшим, если бы я сказал тебе: наказывай и исправляй царей и судей, поступающих противозаконно? И, однако, Иоанн сделал это; следовательно, это не свыше наших сил. Теперь же исправляй, по крайней мере, хоть со-раба, хоть равного себе, и если даже надо будет умереть, не переставай вразумлять брата. Это будет для тебя мученичеством. И Иоанн ведь был мучеником. Ему не приказывали ни принести жертвы, ни поклониться идолу, но он сложил голову за святые законы, когда они подвергались поруганию. Так и ты до смерти борись за истину, и Господь будет

поборать за тебя. И не говори мне таких бессердечных слов: что мне заботиться? У меня нет с ним ничего общего. У нас нет ничего общего только с дьяволом, со всеми же людьми мы имеем много общего. Они имеют одну и ту же с нами природу, населяют одну и ту же землю, питаются одной и той же пищей, имеют одного и того же Владыку, получили одни и те же законы, призываются к тому же самому добру, как и мы. Не будем, поэтому, говорить, что у нас с ними нет ничего общего, потому что это голос сатанинский, дьявольское бесчеловечие. Не станем же говорить этого, а покажем подобающую братьям заботливость. А я обещаю со всей уверенностью и ручаюсь всем вам, что если все вы, присутствующие здесь, захотите разделить между собой заботу о спасении обитающих в городе, то последний скоро исправится весь. И хотя здесь малейшая часть города, но малейшая по количеству, а по благочестию главная. Разделим между собой заботу о спасении наших братьев. Достаточно одного человека, воспламененного ревностью, чтобы исправить весь народ. А когда на лицо не один, и не два, и не три, а такое множество могущих принять на себя заботу о нерадивых, то не по чему иному, как по нашей лишь беспечности, а отнюдь не слабости, многие погибают и падают духом. Не безрассудно ли, в самом деле, что если мы увидим драку на площади, то бежим и мирим дерущихся; да, что говорю я - драку? Если увидим, что упал осел, то все спешим протянуть руку и поставить его на ноги; а о гибнущих братьях не заботимся? Богохульник - тот же осел, не вынесший тяжести гнева и упавший. Подойди же и подними его и словом и делом, и кротостью и силой; пусть разнообразно будет лекарство. И если мы устроим так свои дела, будем искать спасения и ближних, то вскоре станем желанными и любимыми и для самих тех, кто получает исправление. И - что всего важнее - мы насладимся предстоящими благами, которые все мы да достигнем благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Старой называлась часть города, расположенная при реке Оронте; здесь была церковь, называвшаяся также "старой" или еще "апостольской", так как основана была апостолами.

[2] Μαρτύριον - этим именем назывался храм Спасителя в Иерусалиме.

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА ВТОРАЯ,

произнесенная в Антиохии, в церкви, так называемой, старой, когда он был пресвитером - о бедствии, постигшем город, по случаю низвержения статуй благочестивого царя Феодосия Великого, на слова апостола: "богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали" (1 Тим 6:17), и против любостяжания

Что мне сказать, и о чем говорить? Теперь время слез, а не слов; рыданий, а не речей; молитвы, а не проповеди. Так тяжко преступление, так неизлечима рана, так велика язва: она выше всякого врачевства и требует высшей помощи. Так и Иов, лишившись всего, сидел на гноище, и, услышав об этом, друзья пришли и, увидев его издали, разодрали одежды, посыпали себя пеплом и сильно восстенали. То же и теперь надлежало бы сделать всем окрестным городам, - придти к вашему городу и с полным участием оплакать случившееся. Тогда Иов сидел на гноище; ныне наш город сидит в великой сети. Тогда дьявол напал на стада, на рогатый скот и на все достояние праведника: теперь он

излил свое неистовство на целый город. Впрочем, и тогда и теперь попустил это Бог: тогда для того, чтобы тяжкими испытаниями более прославить праведника; теперь для того, чтобы этим чрезмерным бедствием сделать нас более смиренными. Дайте мне оплакать настоящее. Семь дней молчал я, как друзья Иова: дайте мне теперь открыть уста и оплакать это общее бедствие. Кто пожелал зла нам, возлюбленные? Кто позавидовал нам? Откуда такая перемена? Ничего не было славнее нашего города; теперь ничего не стало жальче его. Народ, столь тихий и кроткий и, подобно ручному и смирному коню, всегда покорный рукам правителей, теперь вдруг рассвирепел и натворил таких бедствий, о которых и говорить непристойно. Плачу и рыдаю теперь - не о великости угрожающего наказания, а о крайнем безрассудстве сделанного. Если царь и не оскорбится, и не разгневается, не накажет нас и не предаст мучениям: то, скажи мне, как мы перенесем стыд от наших дел? От плача прерывается моя беседа; едва могу открыть уста, двигать языком и произносить слова: тяжкая печаль, как узда, удерживает мой язык и останавливает слова. Ничего не было прежде счастливее нашего города; теперь нет ничего горестнее его. Жители его, как пчелы, жужжащие около улья, каждый день толпились на площади, и все доселе почитали нас счастливыми за такое многолюдство. Но вот теперь этот улей опустел; потому что, как пчел (разгоняет) дым, так и нас разгоняет страх. И что сказал пророк, оплакивая Иерусалим, то же и нам прилично сказать теперь: город наш стал, "**как дуб, которого лист опал, и как сад, в котором нет воды**" (Ис. 1:30). В неорошаемом саду торчат деревья без листьев и плодов; таков стал теперь и наш город: как оставила его помощь Всевышнего, он опустел и лишился почти всех жителей. Нет ничего любезнее родины; но теперь нет ничего горестнее ее. Все бегут из родного города, как из сети; оставляют его, как пропасть, выскакивают, как из огня. Как от дома, объятого пламенем, с великой поспешностью бегут не только живущие в нем, но и все соседи, стараясь спасти хоть нагое тело; так и теперь, когда гнев царя, подобно огню, угрожает упасть сверху, каждый спешит удалиться и спасти хоть нагое тело, прежде чем этот огонь, идя своим путем, не дойдет и до него. Наше бедствие стало загадкой: без врагов бегство; без сражения переселение; без пленения плен! Не видали мы огня варварского; не видали и лица врагов: а терпим то же, что плененные. Все знают теперь о нашем бедствии, потому что, принимая к себе наших беглецов, слышат от них о поражении нашего города.

2. Но я не стыжусь этого и не краснею. Пусть знают все о злополучии нашего города, для того, чтобы, сострадая матери, вознесли общий от всей земли голос к Богу и единодушно умолили Царя небесного о спасении общей всем им матери и питательницы. Недавно наш город подвергся землетрясению, а теперь сотрясаются самые души жителей; тогда колебались основания домов, теперь содрогается у каждого самое основание сердца. Все мы каждый день видим смерть перед глазами, живем в непрестанном страхе и терпим наказание Каиново, страдая более, нежели заключенные в темнице, и выдерживая осаду необыкновенную и новую, ужаснее которой и вообразить нельзя. Выдерживающие осаду от врагов бывают заключены только внутри городских стен, а для нас и площадь сделалась недоступной и каждый заключен в стенах своего дома. И как для осажденных не безопасно выйти за городскую стену, по причине окружающих ее врагов; так для многих из жителей нашего города не безопасно выйти из дома и явиться на площади, потому что везде ловят виновных и невинных хватают среди площади и влекут в суд без всякого разбора. Поэтому господа, вместе со слугами своими, сидят в домах своих, как связанные. Кто схвачен? Кто посажен в темницу? Кто сегодня наказан? Как и каким образом? Вот о чем только и выведывают и спрашивают они у всякого, у кого только можно узнать безопасно. Они влачат жизнь, которая жальче всякой смерти: принуждены каждый день оплакивать чужие бедствия, трепещут за собственную безопасность и ничем не лучше мертвых, потому что сами давно умерли от страха. А если бы кто, не имея этого страха и беспокойства, и захотел выйти на площадь, то печальный вид ее тотчас прогнал бы его домой: он увидел бы, что там, где за несколько дней перед тем людей было более,

нежели волн в реке, бродит один, много два человека, и то с поникшим лицом и в глубоком унынии. Теперь все прежнее многолюдство исчезло. Неприятен вид леса, в котором вырублено множество деревьев, или - вид головы, во многих местах лишенной волос: так и наш город, когда меньше стало в нем людей и только немногие появляются там и здесь, сделался скучным и на всех, кто ни посмотрит на него, наводит густую мглу скорби. И не только город, - самый воздух и даже светлый круг солнца, кажется, теперь помрачился скорбью и сделался темнее, не потому, чтобы изменилось свойство стихий, но потому, что наши глаза, омраченные мглой печали, не могут ясно и с прежней легкостью принимать свет солнечных лучей. Теперь сбылось, что некогда оплакивал пророк: "**зайдет**" для них "**солнце в полдень и омрачится земля среди светлого дня**" (Ам. 8:9). А это сказал он не потому, чтобы в самом деле скрылось солнце и померк день, но потому, что скорбящие, по причине мрака печали, не могут видеть света даже в полдень. Что и случилось теперь: куда бы кто ни посмотрел, на землю ли, на стены ли, на столпы ли города, или на своих ближних, везде он, кажется, видит ночь и глубокий мрак. Так все исполнено печали! Везде страшное безмолвие и пустота; исчез приятный шум многолюдства; город так безмолвен, как будто все жители его скрылись под землей; все стали похожи на камни; уста, связанные бедствием, как оковами, хранят такую глубокую тишину, как будто напали враги и сразу истребили всех огнем и мечем. Прилично теперь сказать: "**позовите плакальщиц, чтобы они пришли, и к женам**" мудрым и поднимут плач о нас (Иер.9:17). Пусть очи ваши источат воду, и ресницы ваши прольют слезы. Плачьте холмы, и рыдайте горы. Призовем всю тварь сострадать нашим бедствиям. Город столь великий, глава восточных городов, находится в опасности быть изглаженным с лица вселенной; имевший много чад, теперь вдруг сделался бесчадным и некому помочь, потому что оскорблен тот, кому нет равного на земле; он - царь, вождь и глава всех живущих на земле. И потому прибегнем к Царю небесному; Его призовем на помощь: если не получим милости свыше, то нам не останется никакого утешения в бедствии.

3. Я хотел было на этом и окончить слово, потому что души скорбящие не любят продолжительных речей. Как черная туча, став на пути солнечных лучей, преграждает весь блеск их, так и облако печали, когда станет перед нашей душой, не дает свободного прохода слову, но подавляет его и с великим насилием удерживает внутри. И это бывает не только с проповедниками, но и со слушателями, потому что печаль как не позволяет слову свободно изливаться из души говорящего, так не дает ему упадать, со свойственной ему силой, и на сердца слушателей. И иудеи, удрученные "**глиной и кирпичами**" (Исх. 1:14), не могли слушать Моисея, когда он часто и много говорил им об их избавлении (Исх. 6:9), потому что печаль преграждала слову путь к их душе и закрывала у них слух. Поэтому и я хотел окончить здесь слово: но подумал, что облако не всегда только пресекает путь солнечным лучам, а часто и само подвергается от него действию, так как солнце, постоянно усиливающеюся теплотой своей, разрежая облако, часто разрывает его в самой середине, и тогда, вдруг просияв, во всем свете предстает перед нашими взорами. Это же и я надеюсь сделать сегодня; надеюсь, что слово, постоянно действуя на ваши души и долго пребывая в них, расторгнет облако печали и осветит ваши мысли обычным наставлением. Предайте же мне ваши души, приклоните на некоторое время ваш слух; отбросьте печаль; возвратимся к прежнему обычаю; и как привыкли мы всегда быть здесь с благодушием, так сделаем и теперь, возложив все на Бога. Это послужит нам и к прекращению бедствия, потому что когда Он увидит, что мы со вниманием слушаем Его слово и в самое бедственное время не оставляем любомудрия, то скоро подаст нам помощь, совершит благую перемену и утишит настоящую бурю.

Христианин должен и тем отличаться от неверных, чтобы все переносить благодушно, и, окрыляясь надеждой на будущее воспарять на высоту, недосягаемую для человеческих бедствий. На скале стоит верный, и потому не доступен ударам волн. Пусть воздымаются

волны испытаний: они не достигнут до его ног; он стоит выше всякого такого навета. Не упадем же духом, возлюбленные! Не столько мы сами заботимся о своем спасении, сколько сотворивший нас Бог; не столько мы печемся, чтобы не потерпеть какого-либо бедствия, сколько Тот, кто даровал нам душу, и затем еще дает такое множество благ. Окрылим себя такой надеждой, и с обычной ревностью выслушаем что будет сказано. Недавно предлагал я вашей любви пространную беседу [1], - и видел, что все следовали за мной и никто не воротился с половины дороги. Благодарю вас за такое усердие; в нем получил я награду за труды. Но тогда же просил я у вас еще и другой награды; вы, думаю, знаете это и помните. Какой же награды? - Наказать и вразумить богохульников, находящихся в нашем городе, обуздать оскорбляющих Бога и бесчинствующих. Не думаю, чтобы я сказал тогда это от себя; но сам Бог, предвидящий будущее, вложил в мою душу такие слова, и если бы мы наказали тех, которые так дерзко поступали, - теперь не случилось бы того, что случилось. Если уже надобно было подвергаться опасности, то не лучше ли было потерпеть что-нибудь, вразумляя и обуздывая этих людей (что принесло бы нам и венец мученичества), - нежели теперь бояться, трепетать и ожидать смерти из-за их бесчинства? Вот преступление сделано немногими, а вина пала на всех. Вот все мы из-за них теперь в страхе, и за причиненное ими буйство сами терпим наказания. Но если бы мы предварительно изгнали их из города, или вразумили и исцелили больной член, то не подвергались бы настоящему страху. Знаю, что жители нашего города издавна отличаются благородным нравом, и что некоторые только пришельцы и бродяги, нечестивцы и злодеи, отчаявшиеся в своем спасении, решились на такую дерзость. Поэтому я непрестанно взывал к вам и настаивал; укротим неистовство богохульников, образумим их, позаботимся об их спасении, хотя бы это стоило нам жизни; великую награду принесет нам такой подвиг; не допустим, чтобы нанесено было оскорбление общему Владыке; городу приключится великое несчастие, если мы оставим это без внимания.

4. Так я предсказывал, так и случилось теперь, и мы за эту беспечность терпим наказание. Ты не обратил внимания на то, что оскорбляешь Бога, - и вот Он попустил, чтобы нанесено было оскорбление царю, и чтобы всем нам угрожала крайняя опасность, и, таким образом, в настоящем страхе мы получили наказание за свое нерадение. Неужели напрасно и без причины я предсказывал и постоянно тревожил вашу любовь? И, однако же, успеха не было. По крайней мере, теперь пусть будет иначе: умудрившись настоящим бедствием, обуздаем бесчинную наглость этих людей, заградим им уста, заключим, как смертоносные источники, и обратим в противную сторону: тогда прекратятся бедствия, постигшие город.

Церковь - не зрелище, чтобы в ней слушать нам для одного удовольствия; из нее выходить должно с назиданием, с каким-нибудь важным приобретением; вот как должно выходить отсюда! Напрасно и попусту приходим сюда, если только на время получив наставление, выйдем без всякой от него пользы. Что мне за польза от этих рукоплесканий? Что - в похвалах и кликах? Для меня будет похвалой то, если вы своими делами оправдаете все мои слова. Тогда я счастлив и блажен, когда вы с полным усердием будете не принимать только, но исполнять все, что услышите от меня. Пусть каждый исправляет своего ближнего, потому что сказано: "**назидайте**" друг друга (1 Фессал. 5:11). Если же мы не станем делать этого, то преступление каждого будет наносить общий и тяжкий вред всему городу. Вот и теперь, хотя мы и не принимали участия в преступлении дерзких людей, однако же, не менее их поражены страхом, и трепещем, чтобы всех нас не постиг гнев царя. И нам нельзя сказать в извинение: я не был при этом, не знал, не участвовал. За это-то самое, говорят, ты и должен быть наказан и осужден по всей строгости, что ты не был при том, не воспрепятствовал, не удержал бесчинных, не подверг себя опасности за честь царя. Ты не участвовал в дерзости виновных? - Хвалю это и одобряю; но ты не

воспрепятствовал тому, что случилось, а это достойно осуждения. Такие же слова мы услышим и от Бога, если будем молчать в то время, когда против Него раздаются хулы и поношения. Закопавший талант (Матф. 25:25-30) осужден не за то, что умалил его, потому что он возвратил вверенные деньги в целости, а за то, что не увеличил его, - не научил других; что не отдал серебра купцам, т. е. не наставил, не посоветовал, не удержал, не исправил своих ближних, - бесчинных грешников: вот за что он без всякой пощады предан тяжкому наказанию! Но если не прежде, то, по крайней мере, теперь вы позаботитесь - я твердо уверен - о таком исправлении, и не допустите, чтобы Бог подвергался оскорблению. Если бы к этому и никто не убеждал, то уже случившееся достаточно может убедить самых бесчувственных позаботиться о своем спасении. Но уже время мне предложить вам обычную трапезу из слов Павла; и мы возьмем и предложим всем ныне вычитанное изречение. Что же сегодня было читано? "**Богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе**" (1 Тим. 6:17). Сказав: "**богатых в настоящем веке**"*,* он показал, что есть и другие богатые - будущего века. Таков был Лазарь, нищий в настоящей жизни, и богатый в будущей, - богатый не золотом, серебром и тому подобными гибнущими и преходящими вещами, но теми неизреченными благами, "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**" (1 Кор. 2:9).

В самом деле, истинное богатство и изобилие состоит в благах совершенных и неподверженных никакой перемене. Но не так был богат презревший Лазаря: напротив, он стал беднее всех, так что впоследствии просил капли воды, но и ее не мог получить: до такого крайнего дошел убожества! Апостол для того назвал их богатыми в "**нынешнем веке**"*,* чтобы ты знал, что здешнее изобилие оканчивается с настоящей жизнью и не простирается далее, не переходит в другую жизнь вместе со своими обладателями, но часто оставляет их еще прежде смерти. На это самое и он указывает, говоря: "**уповали не на богатство неверное**" (1 Тим. 6:17). Подлинно, - как уже часто говорил я и не перестану говорить, - нет ничего столь ненадежного, как богатство: это - беглец неблагодарный, раб неверный; наложи на него тысячу цепей, - он уйдет и с цепями. Владельцы часто запирали его замками, затворяли дверями и приставляли к нему стражу из рабов; но оно, обольстив самых рабов, убегало вместе со своими стражами, увлекая их с собой, как цепь, и таким образом самая стража ни к чему не служила. Что же может быть ненадежнее богатства? Что жальче тех, которые так заботятся о нем? Они всеми силами стараются собирать то, что так скоро гибнет и исчезает, и не слушают, что говорит пророк: горе "**надеющимся на силы свои и хвалящимся множеством богатства своего**" (Псал. 48:7). Почему же, скажи, горе? "**Суетится, собирает**"*,* говорит он, "**и не знает, кому достанется то**" (Псал. 38:7): труд несомненен, а наслаждение ненадежно. Часто ты трудишься и мучишь себя для врагов; часто, после твоей смерти, твое достояние переходит к тем, которые наносили тебе обиды и строили тысячи козней, и вот тебе достались одни грехи, а наслаждение другим!

5. Но надобно рассмотреть и то, почему апостол не сказал: "**богатым в нынешнем веке**" заповедуй не обогащаться, заповедуй обнищать, заповедуй растратить имение, а сказал: "**увещевай, чтобы они не высоко думали о себе**". Знал он, что гордость есть корень и основание богатства, и что, кто умеет жить скромно, тот не станет много заботиться о богатстве. И для чего, скажи мне, ты окружаешь себя множеством рабов, тунеядцев, ласкателей и всеми другими знаками пышности? Конечно, не по нужде, а по одной гордости, чтобы через это показаться важнее других людей. Кроме того (апостол) знал, что богатство не запрещено, если кто употребляет его для своих нужд. Не вино зло, как уже говорил я, а пьянство: так точно не богатство - зло, а любостяжание и сребролюбие. Иное дело сребролюбец, и иное - богач. Сребролюбец не есть богач; сребролюбец во многом нуждается, а нуждающийся во многом никогда не может быть богатым. Сребролюбец есть страж своего имения, а не владелец; раб, а не господин. Для него легче

отдать кому-либо часть своего тела, нежели уделить сколько-нибудь из закопанного золота. Он с такой заботливостью хранит свое сокровище, как будто ему строго запретил кто даже дотрагиваться до этого клада, и бережет свое, как чужое. И в самом деле, это - чужое; потому что как может он считать своим то, чего никак не решится разделить с другими и дать бедным, хотя бы потерпел тысячу наказаний? Какой же это владелец имущества, когда не употребляет его и не пользуется им? К тому же, апостол не всем все заповедует, но снисходит к немощи слушателей, как и Христос делал. Тому богачу, который пришел и беседовал с Ним о жизни вечной, не сказал Он: "**иди, продай имение твое**" (Матф. 19:21); но, оставив это, говорил ему о других заповедях. Потом, когда тот спросил Его: "**чего еще недостает мне**" (Матф. 19:20), и тогда не просто сказал: "**продай имение твое**", но – "**если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое**": предоставляю это твоему произволению, даю тебе власть самому решить, не ставлю тебя в необходимость. Поэтому и Павел говорил богачам не о бедности, но о смиренномудрии, - как по немощи слушателей, так и потому, что знал совершенно, что скромность скоро заставит их отказаться от гордости и заботы о богатстве. Заповедав не высокомудрствовать, он научил и тому, каким образом могут они не высокомудрствовать. Каким же это образом? - Если узнают свойство богатства, - как оно ненадежно и неверно. Поэтому он и сказал далее: "**и уповали не на богатство неверное**" (1 Тим. 6:17). Богат не тот, кто приобрел много, но тот, кто много роздал. Авраам был богат, но не был сребролюбив; потому что не заглядывал в чужой дом, не любопытствовал о чужом имении, но, выходя (из своего дома), смотрел, нет ли где странника, нет ли где нищего, чтобы помочь нищете и принять путника. Не под золотым кровом жил он, но, поставив кущу у дуба, довольствовался тенью листьев: и жилище его было столь великолепно, что даже ангелы не стыдились остановиться у него, потому что искали не дома великолепного, но души добродетельной. Будем, возлюбленные, и мы подражать Аврааму, и разделим, что есть у нас, с бедными. Жилище у него было самое простое, но оно сделалось блистательней царских дворцов.

Ни один царь никогда не принимал у себя ангелов, а он удостоился такой чести, сидя под дубом и поставив кущу: не за простоту жилища он был почтен, но получил такой дар за красоту души и за сокрытое в ней богатство. Будем же и мы украшать не дома, но, прежде домов, души свои. Да и как не стыдно украшать мрамором стены без нужды и без пользы, и допускать, чтобы Христос ходил среди нас без одежды! Что тебе, человек, в доме? Умирая, разве ты возьмешь его с собой? Нет, не возьмешь; а душу непременно возьмешь. Вот теперь постигла нас такая опасность: пусть же помогут нам дома, пусть избавят нас от грозящей опасности: но они не могут сделать этого! Свидетели тому вы, которые совсем оставляете их и убегаете в пустыню, страшась их, как сетей и западни. Пусть помогают теперь деньги: но они ничего не значат. Если же деньги бессильны и против гнева человеческого, то тем более на божественном и неподкупном суде. Если теперь, когда мы оскорбили и разгневали человека, золото нисколько не помогает нам, то тем более бессильно будет оно, когда разгневается Бог, не имеющий нужды в деньгах. Мы строим дома, чтобы в них жить, а не тщеславиться ими. Все, что сверх нужды, излишне и бесполезно. Надень обувь, которая больше ноги, и она обеспокоит тебя, потому что будет препятствовать тебе идти: так и дом, более обширный, чем нужно, препятствует идти к небу. Ты хочешь строить великолепные, обширные дома? Не запрещаю, только строй не на земле; построй обители на небесах, в которых бы мог ты и других принять, - обители, которые никогда не разрушатся. Почему ты с таким неистовством гонишься за тем, что убегает и остается здесь? Нет ничего обманчивее богатства; оно сегодня с тобой, а завтра против тебя; оно со всех сторон вооружает против тебя завистливые глаза; это неприятель, живущий под одним с тобой кровом; это враг домашний. Свидетели этому вы, которые владеете им и всячески зарываете и скрываете его: и ныне именно богатство и увеличивает для нас тяжесть бедствия. Ты видишь, как легки, ничем не связаны и на все

готовы бедные, и как, напротив, богатые испытывают множество затруднений, ходят туда и сюда, и ищут, где бы скрыть свое золото, ищут, у кого бы его положить. Зачем ищешь, человек, подобных тебе рабов? Вот Христос готов принять и сохранить, что ты ни веришь Ему, и не только сохранить, но и умножить и возвратить с большей прибылью! Из Его руки никто не похитит; Он не только сберегает вверенное Ему, но и освобождает тебя от неразлучных с этим беспокойств. Люди, приняв на сохранение наше богатство, думают, что оказали нам услугу, если сберегают принятое: Христос, напротив, говорит, что когда принял Он от тебя богатство, то не Он тебе, но ты Ему оказал услугу, и за свою заботливость, с какой Он сохраняет твое сокровище, не требует от тебя награды, но сам награждает тебя.

6. Итак, какого заслуживаем мы извинения, какого прощения, когда оставляем Того, Кто и может сохранить наше достояние, и за сохранение умеет быть благодарным, и воздает неизреченные и великие награды; а вручаем свою собственность слабым блюстителям, - людям, которые думают, что этим оказывают нам услугу, и возвращают нам впоследствии только то, что получили от нас? Ты здесь странник и пришелец; твое отечество на небесах: переложи туда все, чтобы еще прежде тамошнего наслаждения и здесь получить награду. Кто питается благими надеждами и с уверенностью ожидает будущего, тот уже и здесь вкусил царства (небесного); потому что ничто столько не услаждает и не усовершенствует душу, как благая надежда на будущее, - если, т. е. туда переложишь ты свое богатство и с надлежащим усердием позаботишься о собственной душе. Заботящиеся только об украшении своего дома, богатые только внешними благами, нерадят о внутренних благах и не обращают внимания на то, что душа их пуста, нечиста и покрыта паутиной. Но если, презрев внешнее, они всю свою заботливость обратят на душу свою и будут украшать ее со всех сторон: душа таких людей сделается жилищем Христовым. А что может быть блаженнее того, в ком живет Христос? Хочешь ли быть богатым? Найди себе друга в Боге, и будешь богаче всех. Хочешь быть богатым? Не будь высокомерен; это полезно для жизни не только будущей, но и настоящей. Ничто так не возбуждает зависти, как человек богатый; а если еще присоединится гордость, то двойная пропасть открывается перед ним, и все объявляют ему жесточайшую войну. Если же ты сумеешь вести себя скромно, то своим смиренномудрием отнимешь силу у зависти, и безопасно будешь владеть своим имением. Таково свойство добродетели, что она не только полезна нам для будущего, но и здесь доставляет уже награду. Не будем же гордиться богатством и ничем другим. Если падает и погибает надмевающийся духовными совершенствами, то тем более - телесными. Подумаем о своей природе, поразмыслим о своих грехах, познаем, кто мы, и это будет для нас достаточным побуждением к смиренномудрию. Не говори мне: "у меня лежат доходы, собранные во столько-то и столько лет, - тысячи талантов золота, прибытки, возрастающие с каждым днем".

Все, что ты не скажешь, скажешь напрасно и попусту. Часто все это улетает из дому в один час и в краткое мгновение времени, подобно тому, как легкий прах поднимается вверх от дуновения ветра. Таких примеров полна жизнь ваша, и Писание наполнено учением об этом. Сегодня богат, завтра беден. Поэтому я часто смеялся, читая в завещаниях: "такой-то пусть владеет полями, или домом, а другой пусть ими пользуется". Все мы пользуемся, а владеть никто не может; потому что если бы богатство и оставалось при нас во всю жизнь, не испытав никакой перемены, то при смерти, волей или неволей, мы уступим его другим, и таким образом только попользовавшись им, отойдем в ту жизнь, потеряв над ним всякую власть. Отсюда видно, что только те владеют богатством, которые и употреблением его не дорожат и наслаждение им презирают. Кто отказался от своего имущества и роздал его нищим, тот воспользовался им, как должно, и сохранит власть над ним при переходе и в другую жизнь; и не только не лишится своего стяжания во время самой смерти, но все, и даже гораздо больше получит тогда, когда особенно

нужна будет помощь - в день суда, когда все мы должны будем дать отчет в своих делах. Итак, кто хочет и приобрести богатство, и пользоваться и владеть им, тот пусть откажется от всего имения; так как не сделавший этого неминуемо оставит его во время смерти, а часто еще и прежде смерти потеряет среди бесчисленных опасностей и бедствий. И тяжко не только то, что такая перемена происходит вдруг, но и то еще, что богачу приходится терпеть нищету, не приготовившись к ней. Не такова участь бедного. Он "**уповает**" не на золото и серебро, эти бездушные вещества, "**но на Бога, дающего все обильно**" (1 Тим. 6:17). Таким образом, состояние богатого более сомнительно, нежели бедного, потому что оно подвержено частым и разнообразным переменам. Что же значат слова: "**дающего нам все обильно для наслаждения**"? Бог в изобилии нам подает все, что гораздо нужнее денег, как-то: воздух, воду, огонь, солнце и все подобное. Нельзя сказать, что богатый наслаждается лучами солнца более, а бедный менее; нельзя сказать, что богатый более вдыхает воздуха, чем бедный: но все это дано в равной мере всем. Для чего же Бог сделал общим то, что важнее и необходимее, от чего зависит наша жизнь; а то, что маловажное и ничтожнее, не составляет общей собственности, - разумею деньги? Для чего? - Чтобы жизнь наша была обеспечена, и мы имели поприще для добродетели. В самом деле, если бы необходимое не было общим, быть может, богатые, по обычному любостяжанию, подавили бы бедных; потому что, если они это делают в отношении денег, то чего не сделали бы в отношении тех благ. Опять, если бы и деньги были общими, и всем равно принадлежали, не было бы случая к милостыне и повода к благотворительности.

7. Итак, чтобы нам можно было жить безопасно, для этого общим у нас сделано все, от чего зависит наша жизнь; а чтобы нам иметь случай заслужить венцы и похвалы, для этого деньги не сделаны общими, - дабы мы, отвращаясь любостяжания и любя правду и раздавая свое имение нуждающимся, могли таким способом получать некоторое облегчение в своих грехах. Бог сделал тебя богатым: зачем же ты сам делаешь себя бедным? Бог сделал тебя богатым для того, чтобы ты помогал нуждающимся, чтобы своей щедростью к другим искупал собственные грехи; дал тебе богатство не для того, чтобы ты запер его на свою погибель, но чтобы расточил для своего спасения. Для того Он и самое обладание богатством сделал ненадежным, чтобы и через это самое ослабить безумную страсть к нему. Если владеющие богатством, и теперь, когда не могут положиться на него, а напротив видят, что оно порождает множество опасностей, воспламеняются такой страстью к нему: то кого бы они пощадили, если бы еще богатство имело и эти качества - постоянство и неизменность? Кого бы не коснулись? Какой вдовы, каких сирот, каких убогих? Посему не будем почитать богатство великим благом: великое благо - не деньги нажить, но стяжать страх Божий и благочестие. Вот теперь, если бы среди нас был праведник, имеющий великое дерзновение к Богу: он хотя бы был беднее всех людей, мог бы прекратить настоящие бедствия; довольно было бы только ему воздеть руки к небу и призвать Бога, и туча прошла бы. А между тем (у нас) лежит столько золота, и - оно меньше всякой грязи способно прекратить постигшее нас бедствие! И не только в настоящей опасности, - но и тогда, когда постигает нас болезнь, или смерть, или другое что-нибудь подобное, обнаруживается, как ничтожна сила денег, и как они не могут сами по себе доставить нам никакого утешения в несчастии. Одним только богатство, по-видимому, превосходит бедность - тем, что дает возможность каждый день веселиться и вкушать много удовольствий на пирах. Но это случается видеть и за столом бедных; они наслаждаются даже большим удовольствием, чем все богатые. Не изумляйтесь и не почитайте странностью слова мои; я объясню это вам свидетельствами самого опыта. Все вы, конечно, знаете, и согласны в том, что удовольствие на пирах зависит обыкновенно не от свойства яств, но от расположения пирующих. Например: кто садится за стол проголодавшись, для того и самая простая пища будет приятнее всяких приправ, сластей и разных лакомств. Напротив, кто идет к столу, не имея потребности в пищи и предупреждая чувство голода, как это делают богатые: тот, хотя бы нашел на столе самые

любимые кушанья не почувствует удовольствия, потому что в нем еще не пробудился позыв на пищу. Что это действительно так, тому и вы все свидетели; а вот и Писание говорит то же самое: "**Сытая душа попирает и сот, а голодной душе все горькое сладко**" (Притч. 27:7). Что может быть слаще соты медовой? Но и он, говорит, не доставляет удовольствия тому, кто не голоден. А что неприятнее горького? Но и оно бывает сладко для живущих в нужде. А что бедные приступают в пище не иначе, как, почувствовав потребность в ней и голод, богатые же не ожидают такого побуждения, это известно всякому: оттого богатые и не вкушают настоящего и чистого удовольствия. Это самое бывает не только в отношении пищи, но и в отношении питья: как там голод производит удовольствие, независимо от свойства пищи, так и здесь жажда, обыкновенно, делает питье самым приятным, хотя бы это была простая вода. И на это самое указывает пророк, когда говорит: "**насыщал бы их медом из скалы**" (Псал. 80:17). Но мы нигде не читаем в Писании, чтобы Моисей извел из камня мед, а везде находим, что он извел реки воды, прохладные источники. Что же значат эти слова? Писание не говорит неправды. Когда жаждущие и истомленные нуждой нашли холодные источники, пророк, желая представить приятность этого питья, назвал медом воду - не потому, чтобы природа ее превратилась в мед, но потому, что состояние пивших сделало эти источники слаще меда. Понял ты, как и питье обыкновенно делается сладким от расположения жаждущих? Так и бедные, после труда и утомления, палимые жаждой, пьют простую воду с вышесказанным удовольствием: а богатые, и тогда, когда пьют вино сладкое, благовонное и имеющее все наилучшие качества, не чувствуют подобного удовольствия.

8. То же самое можно заметить и относительно сна. Не мягкая постель, не посеребренное ложе, не тишина в спальни и не другое что-либо подобное делает сон сладким и спокойным, но труд, усталость и обыкновение ложиться спать, когда сильно клонит ко сну и нападает дремота. Об этом свидетельствует и опыт, а еще прежде опыта приговор Писания. Соломон, живший всегда в удовольствии, желая показать это самое, сказал "**сладок сон трудящегося, мало ли, много ли он съест**" (Екклес. 5:11). Почему он присовокупил: "**мало ли, много ли он съест**"? Потому что и то и другое - и голод и пресыщение, обыкновенно производят бессонницу: голод - иссушая тело, окостеняя веки и не давая им сомкнуться; пресыщение - стесняя и подавляя дыхание, порождая множество болезней. Но таково благотворное действие трудов, что раб может спать в том и другом случае (в голоде и пресыщении). Целый день бегая повсюду на служении своим господам, подвергаясь побоям, перенося усталость, и нисколько не отдыхая, рабы получают достаточную за такие беспокойства и труды награду в приятном сне. И это - дело человеколюбия Божия, что удовольствия покупаются не золотом и серебром, а трудом, работой, нуждой и всяким любомудрием. Не так у богатых: лежа на своих постелях, они часто проводят в бессоннице целую ночь и, не смотря на множество ухищрений, не вкушают приятного сна. А бедняк, окончив дневные труды, с усталыми членами, едва упадет в постель, уже погружается в глубокий, сладкий и здоровый сон, и в нем получает немалую награду за свои праведные труды. Итак, если бедный и спит, и ест, и пьет с большим удовольствием, нежели богатый; то какую, после этого, имеет цену богатство, когда оно не доставляет и того, в чем только, по-видимому, и состоит его преимущество перед бедностью? Поэтому и в начале Бог наложил на человека труд, не в наказание и мучение, но для вразумления и научения его. Адам, когда жил без трудов, ниспал из рая; но апостол, когда провождал жизнь труженическую и тягостную, "**в труде и подвиге**", как сам он говорит, "**ночь и день**" (2 Фессал. 3:8), - взошел в рай и восхищен на третье небо. Не будем охуждать труд, не будем пренебрегать работой; потому что от них мы получаем, еще прежде царствия небесного, величайшую награду, - сопровождающее их удовольствие, и не только удовольствие, но - что еще важнее удовольствия - самое цветущее здоровье. Богатых, кроме лишения этого удовольствия, постигают многие болезни; а бедные не впадают в руки врачей. Если иногда они и

подвергаются недугам, то скоро и восстанавливают себя, будучи далеки от всякой неги и имея здоровое телосложение.

Бедность - великое стяжание для тех, которые мудро переносят ее; это сокровище некрадомое, жезл несокрушимый, приобретение неоскудеваемое, убежище безопасное. Но бедного, говорят, угнетают? Зато богатый подвержен гораздо большим наветам. Бедного презирают и обижают: богатому завидуют. Одолеть бедного не так легко, как богатого; потому что последний со всех сторон представляет к этому случаи, как дьяволу, так и коварным людям, и бывает рабом всех, по великому множеству дел. Имея надобность во многих лицах, он принужден многим льстить и угождать с великим раболепством; бедного же, если он благоразумно ведет себя, не может одолеть и дьявол. Иов и прежде был крепок, а когда лишился всего, тогда сделался еще могущественнее и одержал над дьяволом блистательную победу. Бедный даже не может быть и обижен, если он ведет себя мудро; и что я сказал об удовольствии в пище, именно, что оно зависит не от роскошных яств, а от расположения ядущих, - то же говорю и об обиде, именно, что обида состоится, или не состоится не по желанию наносящих ее, но по расположению тех, которые терпят обиду. Например, тебе нанес кто-нибудь обиду тяжкую и нестерпимую. Если ты посмялся над этой обидой, не принял к сердцу оскорбительных слов, ты стал выше удара, - не обижен. Если бы у нас было адамантовое тело, то, хотя бы со всех сторон сыпались на нас тысячи стрел, мы не чувствовали бы ударов; потому что раны происходят не от руки, пускающей стрелы, а от свойства тел, подверженных страданию. Так и здесь: обиды и унижения, соединенные с обидами, происходят не от злобы обижающих, но от слабости обижаемых. Если бы мы были мудры, то могли бы и не обижаться и не чувствовать никаких оскорблений. Тебя обидел кто-нибудь, но ты не почувствовал обиды, и не опечалился? Тогда ты не обижен: напротив, скорее ты поразил, чем сам поражен. Когда обидевший видит, что его удар не достигает до души оскорбляемых им, тогда сам он сильно терзается; и как обижаемые молчат, то удар обид сам собой обращается назад и поражает того, кем он послан.

9. Итак, возлюбленные, будем во всем любомудрыми, и - бедность нисколько не сможет повредить нам; она даже принесет величайшую пользу и сделает нас славнее и богаче всех богачей. Кто, скажи мне, был беднее Илии? Но потому он и превзошел всех богачей, что был так беден и что самую бедность избрал по богатству своей души. Он возлюбил такую бедность потому, что все обилие богатства ставил ниже своей высокой души и почитал недостойным своего любомудрия. Если бы он высоко ценил настоящие блага, то имел бы не одну милоть; но он так пренебрегал всей настоящей суетой и смотрел на золото, как на попираемую персть, что, кроме той одежды, не имел ничего более. Потому и царь нуждался в этом бедняке, и имевший столько золота с жадностью ловил слова того, кто не имел ничего, кроме милоти. Настолько милоть была блистательнее порфиры, и пещера праведника величественнее царских чертогов! Поэтому, и возносясь на небо, он не оставил своему ученику ничего, кроме милоти. С ней, говорил он, я сражался с дьяволом; ей и ты вооружайся против него; нестяжательность есть оружие крепкое, убежище неодолимое, столп незыблемый. Елисей принял милоть, как величайшее наследие; и действительно, это было величайшее наследие, драгоценнее всякого золота. И с того времени Илия сделался сугубым: был Илия на небе и Илия на земле. Знаю, что вы ублажаете этого праведника, и каждый из вас желал бы быть таким, как он. Но что, если докажу вам, что все мы, участвующие в таинствах, получили нечто такое, что даже несравненно больше того?

Илия оставил своему ученику милоть, а Сын Божий, возносясь, оставил нам Свою плоть. Илия остался без милоти, а Христос и нам оставил плоть Свою, и с ней же вознесся. Не будем же падать духом, не будем сетовать, не будем бояться тяжких времен: откажется ли

сделать что-либо для нашего спасения Тот, кто не отрекся пролить за всех нас Свою кровь, и дал нам плоть и ту же самую кровь Свою? Воодушевляясь такими надеждами, будем непрестанно взывать к Нему и воссылать молитвы и моления; будем со всем усердием заботиться о всякой добродетели, чтобы и избегнуть настоящих опасностей и достигнуть будущих благ; чего и да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу, со Святым Духом, во веки веков. Аминь.

---

[1] Разумеется 1-я беседа, произнесенная еще до мятежа в Антиохии.

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ,

по случаю отправления епископа Флавиана для ходатайствования перед царем о городе, также о том, - что такое истинный пост, что злословить хуже, чем снедать человеческую плоть, - о казненных за возмущение, и против жаловавшихся на то, что многие схвачены невинно.

Когда посмотрю на этот престол, праздный и оставленный учителем, то вместе и радуюсь и плачу: плачу, потому что не вижу здесь отца; радуюсь, потому что он отправился в путь для нашего спасения, и пошел избавить такое множество народа от царского гнева что и для вас украшение, и для него венец: для вас украшение, что имеете такого отца; для него венец, что так он любвеобилен к чадам, и оправдал самыми делами то, что сказал Христос услышав, что "**пастырь добрый полагает жизнь свою за овец**" (Иоан. 10:11), он пошел с готовностью положить свою душу за всех нас, хотя и многое препятствовало ему отправиться в путь и принуждало его остаться здесь. Это, прежде всего, его престарелые лета; потом - немощь телесная, и время года, и приближение святого праздника; наконец - сестра, которая у него одна и находится при последнем издыхании. Но он презрел и родство, и старость, и немощь, и трудность времени, и тягость путешествия: и, всему предпочитая вас и ваше спасение, расторг все эти узы, и, как юноша, летит теперь старец, окрыленный ревностно. Если Христос, говорил он, предал Себя за нас; то какого извинения и прощения будем достойны мы, которым вручено управление столь многочисленным народом, если не решимся и сделать и потерпеть все для безопасности вверенных нам? Если, говорил он, патриарх Иаков, приставленный к животным, пасший бессловесных овец и имевший дать отчет человеку, проводил ночи без сна, и переносил и зной, и стужу, и все перемены воздуха, чтобы не погибло ни одно из этих животных; то тем более мы, поставленные не над бессловесными, а над духовными овцами, и обязанные дать отчета в этом служении не человеку, а Богу, не должны отказываться и уклоняться ни от чего, что только может быть полезно для стада. Напротив, чем лучше наше стадо того стада, люди - бессловесных, а людей - Бог; тем большее и сильнейшее и мы должны показывать попечение и усердие. Он хорошо понял, что у него теперь дело не об одном городе, но обо всем востоке; так как наш город есть глава и мать городов, лежащих на востоке. Поэтому он порешил потерпеть всякую опасность, и ничто не могло удержать его здесь. И уповаю, что наши надежды будут не тщетны; потому что Бог не презрит такого усердия и попечения, и не попустит, чтобы Его служитель возвратился без успеха. Знаю, что, как только он предстанет и увидит благочестивого царя, то одним своим видом в состоянии будет тотчас укротить гнев; потому что у святых не только слова, но и самые

лица исполнены духовной благодати. А он исполнен и великой мудрости, и, будучи сведущ в божественных законах, скажет ему то же, что и Моисей сказал Богу: "**прости им грех их, а если нет**" умертви и меня с ними (Исх. 32:32). Таково сердце святых, что умереть со своими чадами им приятнее, чем жить без них. Он и в самом времени найдет защиту нам, укажет на святую Пасху, напомнит о времени, в которое Христос отпустил грехи всей вселенной; убедит (царя) подражать Господу; приведет ему на память и притчу о тысяче талантов и ста динариях. Знаю я дерзновение нашего отца; он не преминет устрашить его этой притчей и сказать: смотри, чтобы и тебе не услышать в тот день: "**злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего**" отпустить клевретам твоим (Матф. 18:32-33); для себя сделаешь больше пользы, чем для них, потому что за прощение немногих грехов получишь отпущение больших. Присовокупит к сказанному и ту молитву, которой вводившие царя в священные таинства научили его молиться и говорить: "**прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим**" (Матф. 6:12). Затем изъяснит, что преступление сделано не целым городом, но несколькими людьми - чужими и пришельцами, которые все делают не с рассуждением, но дерзостно всяким бесчинием; что было бы несправедливо за безрассудство нескольких человек разорить столь большой город и казнить не сделавших никакой вины. Да хотя бы и все согрешили, - они довольно уж наказаны, будучи терзаемы страхом в продолжение столь многих дней, ожидая каждый день смерти, будучи преследуемы, предаваясь бегству, ведя жизнь более жалкую, чем осуждаемые на казнь, чувствуя, что кровь течет в их жилах, и - не имея уверенности в своей жизни. Удовлетворись таким наказанием, не простирайся далее в гневе, умилостивь для себя верховного Судью, оказав человеколюбие к своим со-рабам. Подумай о величии города, и о том, что у нас теперь дело не об одной душе, не о двух, не о трех, не о десяти, но о несчетных тысячах, о главе всей вселенной. Это тот город, в котором в первый раз верующие стали называться христианами; почти же Христа, уважь город, который первый провозгласил это вожделенное и сладостное для всех имя. Он был жилищем апостолов, обителью праведников. Это теперь первое и единственное его преступление против державных, а все прошедшее время (благоприятно) свидетельствует о нравах этого города. Если бы в нем постоянно происходили мятежи, то следовало бы обвинить его в злонравии; но если это случилось однажды за все время, то ясно, что преступление произошло не от врагов города, но от людей, которые без нужды и без дела пришли в него.

2. Все это и еще больше этого скажет святитель с великим дерзновением; и царь выслушает это! Царь человеколюбив, а епископ тверд, так что с обеих сторон подаются благие надежды. Но еще больше, чем на твердость учителя и человеколюбие царя, будем уповать на Божью милость: Бог сам станет посредником между умоляемым царем и умоляющим святителем, смягчая сердце царя, воодушевляя язык святителя, даруя успех словам его, располагая душу царя благосклонно выслушать слова и внять мольбам. И город наш любезнее Христу всех городов по добродетели, как предков, так и вашей. Как из апостолов Петр первый проповедал Христа, так из городов, - как я уже сказал, - наш город первый украсился, точно дивным венцом, наименованием христиан. Если же Бог обещал спасти всех жителей такого города, в котором было бы только десять праведников; то, как не ожидать доброго и не надеяться всем нам на пощаду, когда здесь верных служителей Божьих не десять только или двадцать, и не вдвое столько, но гораздо более? Многие, слышал я, говорят: "**гнев царя - как рев льва**" (Притч. 19:12), и от этого впадают в малодушие и уныние. Что сказать им? То, что Тот, Кто сказал: "**волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком, и лев, как вол, будет есть солому**" (Иса. 11:6-7), - может и этого льва сделать кротким агнцем. Призовем же Его и помолимся Ему - и Он, несомненно, укротит гнев царя, и избавит нас от всех угрожающих нам скорбей. Отец там предстательствует (перед Царем земным), а мы здесь

будем предстательствовать перед Царем небесным и помогать ему молитвами. Много может целая церковь, если мы вознесем молитвы со скорбящей душой и сокрушенным сердцем. Не нужно переплывать моря, не нужно пускаться в дальний путь; каждый и каждая, и приходящие в церковь и остающиеся дома, призовем Бога с усердием, и Он, конечно, приклонится к нашим мольбам.

Из чего это видно? Из того, что Он сильно желает, чтобы мы всегда к Нему прибегали, молили Его обо всем, и без Него не делали и не говорили ничего. Люди, когда мы постоянно беспокоим их своими делами, раздражаются, убегают нас и питают к нам неприязнь. Бог совершенно напротив, - не тогда гневается, когда мы постоянно молимся Ему о своих делах, но, когда не делаем этого, тогда наиболее негодует. Послушай, в чем Он укоряет иудеев: "**делают**", говорит Он, "**совещания, но без Меня, и заключают союзы, но не по духу Моему**" (Иса. 30:1). Таково свойство любящих они желают, чтобы через них совершались все дела любимых ими, и чтобы без них те ничего и не делали и не говорили. Потому и Бог, не только здесь, но и в другом месте, укоряя иудеев в том самом, сказал: "**поставляли царей сами, без Меня; ставили князей, но без Моего ведома**" (Ос. 8:4) Не обленимся же постоянно прибегать к Нему, и, какое бы ни случилось бедствие, оно непременно будет иметь благоприятный исход. Устрашил тебя человек? Прибегни к вышнему Владыке - и не потерпишь никакого зла. Так избавлялись от бедствий древние, не только мужчины, но и женщины. Была одна женщина-еврейка, имя ей Есфирь; эта Есфирь избавила целый народ иудейский от угрожавшей ему погибели таким образом. Когда персидский царь повелел совершенно истребить всех иудеев, и никто уже не мог остановить этого гнева, - эта женщина, сложив с себя светлую одежду, облекшись во вретище и посыпав себя пеплом, начала молить человеколюбивого Бога, да внидет Он с ней к царю, и молясь об этом, так говорила: даруй, Господи, благодать словам моим, "**даруй устам моим слово благоприятное**" (Есф. 4:17). Этого же будем теперь просить у Бога и для нашего учителя. Если женщина, умолявшая об иудеях, могла укротить гнев варвара, - тем более наш учитель, ходатайствующий о таком городе и с такой церковью, успеет преклонить этого милостивейшего и кротчайшего царя. Если он получил власть разрешать грехи против Бога, - тем более ему будет возможно изгладить и уничтожить грехи против человека. И он - владыка, и владыка честнейший того: потому что священные законы предали и подчинили его рукам даже царственную главу; и когда нужно бывает испросить какое-нибудь благо свыше, то, обыкновенно, царь прибегает к святителю, а не святитель к царю. И он имеет броню правды, имеет и препоясание истины, имеет и гораздо более великолепную обувь "**благовествования мира**" (Еф. 6:15), имеет и меч, не железный, но духовный, имеет и венец на главе. Это всеоружие его блистательнее, эти доспехи славнее, дерзновение тверже, сила могущественнее. Таким образом, и по высоте власти, и по величию своей души, а прежде всего другого - по надежде на Бога, он будет говорить к царю с великим дерзновением, с великим. благоразумием.

3. Не будем же отчаиваться в своем спасении, но станем воссылать к небесному Царю прошения, молитвы, моления и предстательства со многими слезами. Пусть и настоящий пост будет нашим сподвижником и помощником в этом благом предстательстве. Как по прошествии зимы и с наступлением лета, мореходец выводит в море свое судно, воин чистит оружие и готовит коня на сражение, земледелец точит серп, путешественник смело отправляется в дальнюю дорогу, борец слагает с себя одежду и приготовляется к борьбе; так и мы, с наступлением поста, этого духовного лета, как воины - вычистим оружие, как земледельцы - наточим серп, как кормчие - противопоставим свои помыслы волнам беспорядочных пожеланий, как путники - начнем путь к небу, как борцы - приготовимся к борьбе. Верующий есть и земледелец, и кормчий, и воин, и борец, и путник. Поэтому и Павел говорит: "**наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против**

властей. Для сего примите всеоружие Божье" (Еф. 6:12-13). Видел ты борца? Видел воина? Если ты борец, тебе надобно вступать в борьбу нагим. Если ты воин, тебе должно стать в строю вооруженным. Как же возможно то и другое вместе: быть и нагим и не нагим, одетым и не одетым? Я скажу - как. Сложи с себя житейские дела, и ты стал борцом. Облекись в духовные доспехи, и ты стал воином. Обнажись от забот житейских, потому что наступило время борьбы. Облекись в духовные доспехи, потому что у нас возгорелась жестокая война с демонами. Для того и должно быть нагим, чтобы дьяволу, вступая в борьбу с нами, не за что было схватить нас; должно облечь себя доспехами со всех сторон, чтобы нам ни с которой стороны не получить смертельного удара. Возделай ниву твоей души, посеки терния, посей слово благочестия, насади прекрасные растения любомудрия и с великой заботливостью ухаживай за ними, - и ты будешь земледельцем, и скажет тебе Павел: "**трудящемуся земледельцу первому должно вкусить от плодов**" (2 Тим. 2:6). И он занимался этим искусством, и потому в послании к Коринфянам сказал: "**я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог**" (1 Кор. 3:6). Изостри твой серп, который притупил ты пресыщением, - изостри постом. Вступи на путь, ведущий к небу, вступи на путь тесный и узкий, - и поди по нему. Как же ты можешь и вступить на этот путь, и идти по нему? Изнуряя и порабощая свое тело; потому что на тесном пути много препятствует тучность от пресыщения. Укроти волны беспорядочных страстей, усмири бурю злых помыслов, сохрани в целости ладью, покажи большую опытность, - и ты кормчий. Для всего этого да будет у нас и поприщем и учителем пост, - пост разумею не тот, который содержат многие, но тот истинный, - воздержание не от пищи только, но и от грехов: потому что пост сам по себе не может спасти соблюдающих его, если не будет сообразен с поставленным законом. И борец, сказано, "**не увенчивается, если незаконно будет подвизаться**" (2 Тим. 2:5). Итак, чтобы нам, и совершив подвиг поста, не лишиться венца за него, поучимся, как и каким способом должно совершать этот подвиг. И фарисей постился, но после поста вышел (из храма) лишенным плодов, произращаемых постом. Мытарь же не постился, и не постившийся превзошел постившегося, чтобы ты знал, что нет никакой пользы от поста, если ему не сопутствует и все прочее.

Постились ниневитяне, и привлекли к себе благоволение Божье; постились и иудеи, и не только ничего не успели, но и были осуждены (Иса. 58:3,6). Если же пост угрожает такой опасностью не знающим, как надобно поститься, то изучим законы поста, чтобы нам "**не течь безвестно**" (1 Кор. 9:26), не бить воздуха, не сражаться с тенью. Пост есть лекарство; но лекарство, хотя бы тысячу раз было полезно, часто бывает бесполезным для того, кто не знает, как им пользоваться. Нужно знать и то, в какое время должно принимать его, и - количество самого лекарства, и телосложение того, кто принимает, и свойство страны, и время года, и приличный род пищи, и многое другое; и если одно что-нибудь будет оставлено без внимания, то нанесен будет вред всему прочему. Если же для нас нужна такая точность, когда надобно лечить тело; то тем более необходимо со всей строгостью разбирать и рассматривать все, когда лечим душу и врачуем помыслы.

4. Посмотрим же, как постились ниневитяне, и как они избавились от гнева того. "**Ни люди**"*,* говорит (пророк), "**ни скот, ни волы, ни овцы ничего не ели, не ходили на пастбище и воды не пили**" (Ион. 3:7). Что говоришь, скажи мне? И бессловесные постятся? И лошади и мулы покрываются вретищем? Да, говорит. Как по смерти богатого человека родственники одевают во вретище не только рабов и рабынь, но и коней, и, поручив их конюхам, заставляют следовать за гробом, чтобы этим выразить тяжесть потери и возбудить во всех сожаление; так и тогда, когда городу (Ниневии) угрожало истребление, жители облекли во вретище бессловесную тварь и наложили на нее иго поста. Бессловесных, говорили они, нельзя вразумить в гневе Божьим словом: пусть же вразумятся голодом, что Бог послал это наказание; потому что если погибнет город, то будет общим гробом не только для нас, но и для них; они должны будут разделить с нами

наказание, пусть же разделят и пост. Впрочем, ниневитяне в этом случае поступили так же, как делают пророки: они, когда увидят, что с небес угрожает тяжкий удар, и обреченные на наказание не имеют никакой защиты, покрыты стыдом и никакого не заслуживают прощения и извинения; то, не зная, что делать и где найти для осужденных защиту, обращаются к животным, и, оплакивая их смерть, ради их умоляют о пощаде, указывая на их погибель, как на достойную жалости и многих слез. Так, когда голод постиг иудеев, и их страна подверглась великой засухе и все погибало, один из пророков говорил: "**как стонет скот! Уныло ходят стада волов, ибо нет для них пажити, животные на поле взывают к Тебе, потому что иссохли потоки вод**" (Иоил. 1:18,20). Другой пророк, оплакивая бедствия бездождия, опять вот что сказал: "**даже и лань рождает на поле и оставляет [детей], потому что нет травы. И дикие ослы стоят на возвышенных местах и глотают, подобно шакалам, воздух; глаза их потускли, потому что нет травы**" (Иер. 14:5-6). Так и сегодня вы слышали, что сказал Иоиль: "**пусть выйдет жених из чертога своего и невеста из своей горницы, соберите отроков и грудных младенцев**" (Иоил. 2:16). Почему, скажи мне, он призывает к молитве этот незрелый возраст? Очевидно, по той же самой причине. Так как все достигшие мужеского возраста огорчили и прогневали Бога; то пусть, говорит, умоляет Прогневанного возраст еще не знающий греха. Но, как я сказала, посмотрим, что же удалило этот неотвратимый гнев? Не пост ли только и вретище? Нет, но перемена всей жизни. Из чего это видно? Из самых пророческих слов. Тот же самый пророк, который сказал о гневе Божьем и о посте (ниневитян), о примирении (с ними Божьем) и причине примирения говорит так: "**и увидел Бог дела их**" (Ион. 3:10). Какие дела? Что они постились, что облекались во вретище? Совсем не то: но, умалчивая обо всем этом, он присовокупил: "**то они обратились от злого пути своего, и пожалел**" Господь "**о бедствии, о котором сказал, что наведет на них",** (Ион. 3:10). Видишь, что не пост избавил от опасности, но перемена жизни сделала Бога благим и милостивым к иноплеменникам.

Это сказал я не для того, чтобы мы бесчестили пост, но чтобы почитали его; а честь поста составляет не воздержание от пищи, но удаление от грехов, так что кто ограничивает пост только воздержанием от пищи, тот более всего бесчестит его. Ты постишься? Докажи мне это своими делами. Какими, говоришь делами? Если увидишь нищего, подай милостыню; если увидишь врага, примирись; если увидишь своего друга счастливым, не завидуй; если увидишь красивую женщину, пройди мимо. Пусть постятся не одни уста, но и зрение, и слух, и ноги, и руки, и все члены нашего тела. Пусть постятся руки, пребывая чистыми от хищения и любостяжания. Пусть постятся ноги, перестав ходить на противозаконные зрелища. Пусть постятся глаза, приучаясь не устремляться на благообразные лица, и не засматриваться на чужую красоту. Зрение есть пища очей: если она противозаконна и запрещена, то вредит посту и разрушает спасение души; если же законна и дозволена, то украшает пост. Всего нелепее было бы - в отношении яств воздерживаться и от позволенной пищи, а глазами пожирать и то, что запрещено. Ты не ешь мяса? Не вкушай же и глазами нескромности. Пусть постится и слух; а пост слуха в том, чтобы не принимать злословия и клеветы: "**не внимай**" говорит (слово Божие), "**пустому слуху"** (Исх. 23:1).

5. Пусть и язык постится от сквернословия и ругательства. Что за польза, когда мы воздерживаемся от птиц и рыб, а братьев угрызаем и снедаем? Злословящий снедает тело братнее, угрызает плоть ближнего. Потому и Павел с угрозой сказал: "**если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом**" (Гал. 5:15). Ты не вонзил зубов в плоть (ближнего), но вонзил в его душу злую речь, ранил ее худой молвой, сделал тысячу зол и себе самому, и ему, и многим другим; потому что, осуждая ближнего, ты (во-первых) причинил зло и тому, кто тебя слышал. Если это грешник, то он делается беспечным, нашедши себе сообщника в грехе; а если - праведник,

то впадает в гордость и надмевается из-за чужого греха, получая повод высоко думать о себе самом. Вместе с тем, ты (во-вторых) повредил всей церкви, потому что все слышащие не грешника осуждают, но поражают укоризнами весь народ христианский. Не слышно, чтобы неверные говорили, что такой-то блудник и развратник; но, вместо виновного, тенью поносят всех христиан. Затем, (в-третьих) ты подал повод к уничижению славы Божьей, потому что имя Божье славится, когда мы живем хорошо, а когда грешим, оно хулится и бесчестится. В-четвертых, ты посрамил того, о ком распускаешь худую молву, сделал его через то более бесстыдным, и нажил в нем себе врага и неприятеля. В-пятых, ты сделал самого себя достойным взыскания и наказания, взявшись за такие дела, которые нисколько не касаются тебя? Никто не говори: "тогда злословил бы я, когда бы говорил неправду; но, если говорю истину, то уже не злословлю". Хотя бы в твоем злословии и была истина, и в таком случае оно преступно. Фарисей, злословя мытаря, говорил истину; но это не принесло ему никакой пользы. В самом деле, скажи мне, разве мытарь не был мытарь и грешник? Всякий видит, что - мытарь; но при всем том, фарисей, за осуждение его, все потерял. Хочешь исправить брата? Поплачь, помолись Богу, дай ему увещание наедине, посоветуй, попроси. Так и Павел делал: "**опять, когда приду**", говорит он, "**не уничижил меня у вас Бог мой и [чтобы] не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали**" (2 Кор. 12:21). Покажи любовь к грешнику; уверь его, что напоминаешь ему о грехе, усердствуя и заботясь о нем, а, не желая обесславить его; обними его ноги и облобызай, не устыдись, если только истинно хочешь исцелить его. Так часто поступают и врачи: несговорчивых больных они целуют, упрашивают, и, таким образом, заставляют принять спасительное лекарство. Так и ты сделай: покажи рану священнику; это и будет значить, что ты беспокоишься, печешься и заботишься (о ближнем). Но убеждаю тебя заграждать уши не только от злословящих, но и от тех, которые слушают злословящих, и подражать пророку, который говорит: "**тайно клевещущего на ближнего своего изгоню**" (Псал. 100:5). Скажи ближнему: ты намерен похвалить кого-нибудь и одобрить? Открываю слух, чтобы принять это благовоние. Если же хочешь злословить, заграждаю вход твоим словам, потому что не могу принять помета и нечистоты, что за польза для меня узнать, что такой-то злой человек? Напротив, отсюда величайший вред и крайний урон. Скажи ему: позаботимся о себе самих, - о том, как нам дать ответ за свои грехи; и обратим на собственную жизнь эту пытливость и это беспокойное выведывание. Какого нам ждать извинения, какого прощения, когда мы о своих грехах и не думаем, а о чужих так любопытствуем? Как неприлично и весьма стыдно мимоходом заглядывать в дом и подмечать, что в нем делается; так крайне неблагородно и любопытствовать о чужой жизни. Еще смешнее то, что ведущие такую жизнь и не заботящиеся о своих делах, открывая какую-нибудь тайну, умоляют и заклинают того, кто их слушает, не пересказывать никому другому, чем и доказывают, что они сделали дело, достойное осуждения. Если ты упрашиваешь его не пересказывать никому другому, то тем более тебе самому не следовало прежде говорить ему об этом. Слово было у тебя в полной власти; а ты, предав его, теперь заботишься о сохранении его! Если хочешь, чтобы оно не перенесено было к другому, то и сам не говори. А когда уже ты передал хранение слова другому, то лишнее и бесполезное дело уговаривать и заклинать, чтобы он хранил, что ему сказано. Но приятно злословить? - Нет, приятно-то не злословить. Злословящий бывает беспокоен, подозрителен и боязлив, раскаивается и кусает свой язык, страшась и трепеща, чтобы слово, разнесшееся между многими, не навлекло на тех, кем оно сказано, большой опасности, и не произвело напрасной и пагубной вражды. А кто хранит у себя (слово), тот будет жить в совершенной безопасности и великом удовольствии.

"**Выслушал ты слово**", говорит (премудрый), "**пусть умрет оно с тобою: не бойся, не расторгнет оно тебя**" (Сир. 19:10). Что значит – "**пусть умрет оно с тобою**"*?* - Скрой его,

закопай, не позволь ему выйти, ни даже как-нибудь вообще двинуться. Но всего более старайся даже не допускать, чтобы тебе говорили худо о других. А если когда и услышишь что-нибудь, подави, умертви сказанное; предай забвению, как будто ты и не слышал: тогда будешь проводить настоящую жизнь весьма мирно и безопасно. Сами злословящие, когда узнают, что мы питаем больше отвращения к ним, нежели к тем, кого они оговаривают, оставят когда-нибудь эту худую привычку, исправятся от своего недостатка, станут потом хвалить (других), и нас самих провозгласят своими спасителями и благодетелями. В самом деле, как доброе слово и похвала служат началом дружбе, - так злоречие и клевета бывают началом и поводом к вражде, ненависти и тысяче распрей. И не другое что доводит нас до нерадения о своих делах, как пытливость и разведывание о чужих делах, - потому что кто любить злословить и разведывать о чужой жизни, тому некогда позаботиться о собственной жизни. Так как он употребляет все свое старание на разведывание о чужом, то все принадлежащее ему самому, по необходимости, остается в пренебрежении. И как было бы хорошо, если бы ты, употребляя все время на попечение и суждение о своих собственных грехах, мог сделать какой-нибудь успех! Но так как ты постоянно заботишься о чужом, то когда тебе подумать о своих собственных недостатках?

6. Будем же, возлюбленные, избегать злословия, зная, что это - настоящая пропасть дьявола и западня, устроенная его коварством. Дьявол довел нас до этой привычки для того, чтобы мы не заботились о самих себе и подвергли себя тягчайшей ответственности. Но беда не в том только, что мы дадим тогда отчет в словах своих, но и в том, что мы через это сделаем свои собственные грехи более тяжкими и лишим себя всякого извинения. Кто строго расследует чужие проступки, тот не получит никакого снисхождения к своим собственным, потому что Бог произнесет суд соответственно не только свойству наших преступлений, но и твоему суду о других. Поэтому и внушает Он: "**не судите, да не судимы будете**" (Матф. 7:1); так как грех явится там не только таким, каков он был, но и получит большое и неизбежное прибавление от произнесенного тобой суда о твоем собрате. Как человеколюбивый, кроткий и снисходительный человек значительно уменьшает тяжесть грехов; так жестокий, суровый и неумолимый много прибавляет к своим грехам. Исторгнем же из уст наших всякое злословие, зная, что, если станем есть и прах, то и от такой строгой жизни не будет нам никакой пользы, когда не воздержимся от злословия; потому что "**не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека**" (Матф. 15:11). Если бы кто-нибудь начал ворочать помет в то время как ты проходишь, - скажи мне, не стал ли бы ты бранить его и укорять? Так поступи и со злословящими, - потому что не столько тронутая с места нечистота поражает обоняние тех, до кого доходит ее зловоние, сколько рассказы, выводящие наружу чужие грехи и раскрывающие нечистую жизнь, оскорбляют и возмущают душу тех, кто их слышит. Будем же воздерживаться от злословия, сквернословия, хулы, и не станем злословить ни о ближнем, ни о Боге, так как многие из злоречивых дошли до такого безумия, что от со-рабов обратили свой язык на Господа. А как велико это зло, можешь судить по вашим теперешним обстоятельствам. Вот оскорблен человек, и все мы боимся и трепещем - как нанесшие оскорбление, так и те, которые не чувствуют за собой никакой подобной вины. А Бога оскорбляют каждый день; что говорю: каждый день? - каждый час, - оскорбляют богатые, бедные, наслаждающиеся покоем, терпящие скорбь, обижающие, обижаемые, - и никто об этом не подумает. Потому Он и попустил потерпеть оскорбление со-рабу [1], чтобы ты из опасности, последовавшей за этим оскорблением, познал человеколюбие Господа. Это оскорбление было теперь первое и единственное; но и, несмотря на это, мы не надеемся получить прощение и извинение. Бога же мы гневим каждый день, и нисколько не раскаиваемся, а Он все переносит со всяким долготерпением. Видишь, сколь велико человеколюбие Господа? И хотя виновники настоящего преступления схвачены, посажены в темницу и наказаны, но мы все еще боимся. Оскобленный еще не слышал о том, что случилось, и не

произнес суда, - а мы все трепещем. Бог же каждый день слышит оскорбления, Ему наносимые, и никто не обращает на это внимания, - и это тогда, как Бог столь кроток и человеколюбив! Перед Ним довольно только исповедать грех, и вина разрешится. У людей совершенно напротив: когда виновные признаются в преступлении, тогда более и наказываются, - что и теперь случилось.

Одни погибли от меча, другие от огня, иные отданы на растерзание зверям, - и не только взрослые, но и дети. Ни незрелость возраста, ни многочисленность обвиненных, ни то, что все это сделали люди, объятые бешенством демонов, ни видимая невыносимость взыскания, ни бедность, ни то, что это общий всех грех, ни обещание никогда более не делать подобного, и ни что другое не спасло виновных; но без всякой пощады они были отводимы на смерть, окруженные вооруженными воинами, которые наблюдали, чтобы кто-нибудь не освободил осужденных. Матери следовали издали, смотря на разлученных с ними детей, но оплакивать свое несчастье не смея, потому, что страх побеждал любовь, и боязнь одолевала природу. Как смотрящие с земли на подвергшихся кораблекрушению, сколько ни сожалеют, однако же, не могут придти и спасти утопающих; так и здесь матери, удерживаемые, как бы волнами какими, страхом от воинов, не только не смели подойти и освободить детей от наказания, но боялись и плакать. Понимаете ли вы отсюда, каково человеколюбие Божье? Как оно неизреченно, как беспредельно, как превышает всякое слово! Здесь оскорбленный и одинаковую имеет с нами природу, и только однажды во все время понес это оскорбление, и не лично, не в своем присутствии, не видя и не слыша; и, однако же, никто из виновных не получил прощения. О Боге же нельзя сказать ничего этого. Расстояние между человеком и Богом таково, что и самое слово не может выразить того, а терпит Он оскорбления каждый день, присутствуя при них, видя и слыша их; однако же, ни молнии не посылает, ни морю не велит выступить на землю и всех потопить, ни земле расступиться и поглотить всех, оскорбивших Его, - но сносит и долготерпит, и обещает даже прощение оскорбителям, если только они покаются и дадут обещание впредь не делать этого. Поистине прилично теперь воскликнуть: "**кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его**" (Псал. 105:2)? Сколь многие не только ниспровергли, но и попрали образы Божьи? Потому что, когда ты душишь должника, когда грабишь, когда влачишь его, то попираешь образ Божий. Послушай, как говорит Павел, что "**муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия**" (1 Кор. 11:7), и еще, как говорит сам Бог: "**сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему**" (Быт. 1:26). Если скажешь, что человек неодинаковой природы с Богом, так что ж из этого? И медная статуя не одинаковой природы с царем, и, однако же, виновные преданы наказанию. Так и в отношении людей: пусть они и не одинаковой природы с Богом, как и в самом деле не одинаковой; но они названы образом (Божьим), и ради такого названия им надлежит воздать честь. А ты за малость золота попираешь их, душишь, влачишь, и доселе еще не понес никакого наказания.

7. Дай Бог, чтобы произошла какая-нибудь добрая и счастливая перемена. Я, однако же, предсказываю и объявляю, что, если и пройдет эта туча, а мы останемся при прежней беспечности, то нас постигнут бедствия еще более тяжкие, нежели те, каких мы теперь ожидаем. Да и теперь боюсь не столько гнева царского, сколько вашей беспечности. Чтобы получить нам прощение, не довольно помолиться два и три дня; надобно произвести перемену во всей жизни, и оставив порок, постоянно пребывать в добродетели. Как для больных, если они не ведут постоянно правильной жизни, нет никакой пользы от того, что они благоразумно проведут два или три дня; так и грешники, если не навсегда воздержатся от порока, ничего не получат от двухдневного или трехдневного исправления. Как, говорят, моющийся, потом опять марающийся в грязи не получает никакой пользы; так и каявшийся в течение трех дней и опять возвратившийся к прежнему не сделал никакого успеха (в добродетели).

Не поступим же и теперь так, как мы всегда поступаем. Когда нас так часто постигали землетрясения, и голод, и засуха, мы делались на три и четыре дня скромнее и воздержаннее, а потом опять возвращались к прежнему: оттого и случилось настоящее несчастье. Но, если уже не прежде, по крайней мере, теперь будем постоянны в благочестии, сохраним навсегда одинаковую скромность, чтобы нам опять не иметь нужды в другом ударе. Разве Бог не мог предотвратить того, что случилось? Но Он допустил это, чтобы страхом от со-раба более вразумить и смирить оскорбляющих Его. И никто не говори мне, что многие из виновных укрылись, а многие из невинных схвачены; и это, слышу я, часто многие говорят не только во время настоящего волнения, но и при многих других подобных обстоятельствах. Что же сказать говорящим это? - То, что если схваченный и невинен в настоящем возмущении, однако же, когда-нибудь сделал другой более тяжкий грех, и, поелику не исправился впоследствии, то и наказан теперь. Так обыкновенно поступает Бог: когда мы грешим, Он не тотчас карает за преступления, но отлагает наказание, давая нам время для покаяния, чтобы мы исправились и переменились. Но, если из того, что мы не наказаны, заключим, что грех уже изглажен, и предадимся беспечности; то после этого нас непременно постигнет наказание там, где мы и не ожидаем. А это бывает для того, чтобы мы когда согрешим и не будем наказаны, не оставались спокойными, доколе не переменимся, зная, что непременно подвергнемся наказанию там, где мы и не ожидаем. И потому, возлюбленный, если ты согрешишь и не будешь наказан, не надмевайся этим, но тем более страшись, зная, что для Бога всегда, когда только захочет, легко воздать тебе. Тогда Он не наказал тебя для того, чтобы дать тебе время для покаяния. Не будем же говорить, что такой-то невинный схвачен, а другой виновный укрылся. Невинный, который теперь схвачен, получил, как я сказал, наказание за другие грехи; а укрывшийся теперь, если не исправится, впадет в другую сеть. Если мы будем так рассуждать, то никогда не забудем о своих грехах, но, всегда страшась и трепеща как бы не подвергнуться когда-нибудь наказанию, легко будем вспоминать о них. Обыкновенно ничто так не напоминает о грехе, как взыскание и наказание. Это видно из примера братьев Иосифа. Хотя с тех пор, как они продали праведного, прошло тринадцать лет; но, опасаясь наказания и страшась за свою жизнь, они вспомнили о грехе, и один другому говорили: "**точно мы наказываемся за грех против брата нашего**" Иосифа (Быт. 42:21). Видишь, как страх напомнил им о том преступлении. Когда они совершили грех, не чувствовали этого; а когда ждали наказания, вспомнили (о грехе).

Зная все это, переменим и исправим свою жизнь, и, прежде избавлены от гнетущего нас бедствия, позаботимся о благочестии и добродетели. А между тем я хочу предложить вам три заповеди, которые выполнили бы вы во время поста: никого не злословить, ни с кем не быть во вражде и совершенно изгнать из уст злую привычку клясться. Как всякий, услышав, что наложена подать, спешит домой, и, призвав жену, детей и рабов, думает с ними и советуется, чем бы ему уплатить этот налог; так сделаем и мы в отношении этих духовных заповедей. Каждый, возвратившись домой, призови жену и детей, и скажи, что сегодня наложена подать духовная - подать, от которой будет зависеть освобождение и избавление от настоящего бедствия, - подать, которая платящих делает не бедными, но более богатыми; вот она: ни с кем не быть во вражде, никого не злословить и отнюдь не клясться. Подумаем, позаботимся, посоветуемся, как бы нам выполнить эти заповеди; приложим все старание, будем друг другу напоминать, друг друга исправлять, чтобы перейти нам туда должниками, и потом, когда будет нам нужно занять у других, не подвергнуться участи глупых дев, и не лишиться вечного спасения. Если так настроим свою жизнь, даю вам слово и обещаю, что за это будет конец и настоящему бедствию и избавление от этих зол, и, что всего важнее, наслаждение вечных благ. Надлежало бы внушить вам исполнений всех добродетелей; но считаю наилучшим способом исправления то, чтоб исполнять заповеди по частям, принимаясь сперва за одну, потом переходить к другим. Как земледелец с наступлением полевых работ распахивает на поле

одну часть за другой, и, таким образом, доходит до конца; так и мы, если положим себе такой закон, чтобы в настоящую четыредесятницу исполнить в точности эти три заповеди, то, без сомнения, твердо укоренив в себе добрую привычку, с большей легкостью перейдем и к прочим заповедям, и достигнув самой вершины любомудрия, и настоящую жизнь проведем с благой надеждой, и в будущей предстанем Христу с великим дерзновением, и получим неизреченные блага. Чего да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава во веки веков. Аминь.

---

[1] т. е. императору.

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ.

Увещание к народу о твердости и терпении примерами Иова и трех отроков и о воздержании от клятв

БЛАГОСЛОВЕН Бог, утешивший ваши скорбящие души, успокоивший ваши мятущиеся мысли! А что вы получили достаточное утешение, это показали вы своим усердием и ревностью к слушанию, потому что душа скорбящая и объятая облаком печали не может с охотою слушать наставлений, а вы, я вижу, внимаете мне с великою охотою и с полным усердием, отрясши всю печаль и любовью к слушанию отогнав настоящую скорбь. Потому благодарю Бога, вместе с вами, это несчастье не одолело вашего любомудрия, страх не ослабил вашей бодрости, скорбь не погасила вашей ревности, опасность не охладила вашего рвения, страх от людей не победил вашей любви к Богу, тяжкое время не сокрушило вашего усердия, - и не только не сокрушило, но еще укрепило, не только не ослабило, но еще усилило, не только погасило, но еще более воспламенило. Опустела площадь, но наполнилась церковь; та возбуждает печаль, эта подает радость и духовное веселье. И потому, возлюбленный, когда ты выйдешь на площадь, и вздохнешь, увидев ее пустою, прибегни к матери, - и она тотчас утешит тебя множеством своих чад, покажет тебе полный лик братьев и прогонит от тебя всякую печаль. В городе мы ищем людей, как будто живем в пустыне, а когда прибегаем в церковь, нас объемлет многолюдство. Когда море волнуется и ярится от сильной бури, страх принуждает всех убегать оттуда в пристань; так и теперь волны площади и буря города заставляют всех стекаться отовсюду в церковь, и связуют членов между собою союзом любви. Возблагодарим же Бога и за то, что от скорби мы получили такой плод, что искушение доставило нам такую пользу. Не будь искушения, не было бы и венца; не будь подвигов, не было бы и наград; не будь борьбы, не было бы и почестей; не будь скорби, не было бы и утешения; не будь зимы, не было бы и лета. И это можно видеть не только на людях, но и на самых семенах. И здесь, чтобы мог вырасти тучный колос, нужны - большой дождь, большое скопление облаков, большой холод: время сеяния есть вместе и время дождя. И теперь, когда настало ненастье не в воздухе, а в душах, посеем и мы, во время этого ненастья, чтобы пожать летом; посеем слезы, чтобы пожать радость. Не я говорю это, но возвещает пророк: "**сеявшие со слезами будут пожинать с радостью**" (Пс. 125:5). Не столько дождь, падающий на семена, помогает им прозябать и возрастать, сколько дождь слезный взращивает и приводит в зрелость семя благочестия; он очищает душу, орошает ум и помогает быстро возрастать семени учения. Для этого надобно проводить и глубокою

борозду, к чему убеждает и пророк, говоря так: "**распашите себе новые нивы и не сейте между тернами**" (Иер. 4:3). Как земледелец глубоко разрывает землю плугом, приготовляя надежное хранилище для семян, чтобы они, будучи посеяны, не оставались на поверхности, но скрывались в самых недрах земли и безопасно пускали корни: так и нам должно делать, и скорбью, как бы плугом, разрыть глубину сердца. К этому убеждает и другой пророк, говоря: "**раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши"** (Ио. 2:13). Расторгнем же сердца, чтобы если в нас есть какое-нибудь худое растение и лукавый помысл, исторгнуть его с корнем и очистить нивы для семян благочестия. Если теперь не обновим (ниву), если теперь не посеем, если теперь не прольем слез, когда у нас скорбь и пост, - в какое же другое время предадимся сокрушению? Ужели во время покоя и веселья? Но это невозможно, потому что покой и веселье обыкновенно ведут к беспечности, тогда как скорбь приводит к заботливости и заставляет душу, рассеянную вовне и развлеченную многими предметами, обращаться к самой себе. Не будем же унывать из-за настоящего бедствия, но еще возблагодарим Бога, потому что много пользы от скорби. Земледелец, посеяв семена, собранные им с большим трудом, молится о том, чтобы пошел дождь; и незнающий дела с изумлением будет смотреть на все это, и, может быть. скажет сам в себе: что такое делает этот человек? Он разбрасывает то, что собрал, и не только разбрасывает, но еще весьма старательно смешивает с землею, так, чтобы нельзя было и собрать легко; и не только смешивает с землею, но еще и молится, чтобы пошел сильный дождь, и чтобы все посеянное сгнило и превратилось в грязь. И беспокоится такой человек, видя, как раздаются громы и ниспадают молнии. А земледелец не так: напротив, радуется и ликует, видя ненастье, потому что смотрит не на настоящее, но ожидает будущего, думает не о громах, но о снопах, не о гниющих сменах, но о зеленеющих колосьях, не о сильном дожде, но о приятнейшей для него пыли на гумне. Так и мы будем смотреть не на скорбь и печаль настоящую, а на пользу, которая из нее происходит, на плод, который она рождает. Будем ожидать снопов на гумне: потому что, если станем бодрствовать, то можем собрать за это время много плодов и наполнить житницы нашей души. Если станем бодрствовать, то не только не потерпим никакого зла от этой скорби, но и получим неисчислимые блага. Если же будем беспечны, то и покой нас погубит. Беспечному то и другое вредит, а старательному и то и другое приносит пользу. Как золото сохраняет свой блеск и тогда, когда лежит в воде, и еще светлее делается, когда брошено в горнило, напротив глина и сено, и упав в воду, первая расплывается, а последнее гниет, попав же в огонь, первая засыхает, а последнее сгорает: так и праведник и грешник, - первый, и наслаждаясь покоем, остается светлым как золото, погруженное в воду, и подвергшись искушению, делается еще светлее, как золото, испытываемое огнем, а грешник, и вкушая покой, расплывается и гниет, как сено и глина, брошенные в воду, и подвергшись искушению, сгорает и гибнет, как сено и глина от огня.

2. Не будем же сетовать о настоящем бедствии. Если у тебя есть грехи, они легко истребятся и попалятся скорбью. Если же у тебя есть добродетель, от скорби она сделается светлее и блистательнее. Если станешь непрестанно бодрствовать и трезвиться, то, будешь выше всякого вреда, потому что причиною падений, обыкновенно, бывает не свойство искушений, а беспечность искушаемых. Итак, если хочешь быть веселым и наслаждаться покоем и удовольствием, - не удовольствия ищи, и не покоя, но старайся, чтобы душа твоя обладала мужеством и была способна к терпению, потому что, если не будешь иметь этих качеств, тебя не только победит искушение, но еще скорее погубит и низложит покой. А дабы увериться, что не удар бедствий, а беспечность нашей души разрушает наше спасение, послушай, что говорит Христос: "**всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил**

дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое" (Мф. 7:24-27). Видишь, что не удары искушений, а неразумие строителей было причиною падения, потому что и там дождь и здесь дождь; и там реки и здесь реки; и там напоры ветров и здесь то же самое; и тот строил и этот строил; то же строение и те же искушения, но неодинаков конец, потому что неодинаково основание. Таким образом, не свойство искушений, а неразумие строившего было причиною падения. Иначе бы должен был упасть и дом, построенный на камне; но вот он не потерпел ничего такого. Но не думайте, что это сказано о доме: речь идет о душе, которая, слушая слово Божие, делами или подтверждает его, или отвергает. Так устроил дом своей души Иов: "**пошел дождь**"*,* то есть, ниспал с неба огнь и истребил все стада; "**разлились реки**" - частые, непрерывные, один за другим следовавшие вестники бедствий, которые говорили о погибели: один - стад, другой - верблюдов, третий - детей; "**подули ветры**" - жестокие слова жены: **"похули"***,* говорила она, "**Бога и умри**" (Иов. 2:9); "**и он не упал**" - не преткнулась душа, не произнес хулы праведник, но еще возблагодарил и сказал: "**Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно**!" (Иов. 1:21). Видишь ли, что не свойство искушений, а небрежность беспечных, обыкновенно, бывает причиною падения? А крепкого скорбь делает еще более крепким. Кто сказал это? - Воспитанный в скорби, блаженный Павел; он так говорил: "**от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда**" (Рим. 5:3- 4). Как крепких деревьев не вырывают с корнем порывы ветра, сколько бы ни устремлялись на них, ни нападали со всех сторон; напротив делают их через эти порывы еще более твердыми и крепкими: так и душу святую и живущую благочестиво напирающие порывы искушений и скорбей не низвергают, но возбуждают еще к большему терпению, как и блаженного Иова сделала они более славным и досточтимым. Теперь человек гневается на нас, - человек подобострастный и имеющий такую же, как и мы, душу, - и мы страшимся; а тогда злобствовал на него демон коварный и лютый, и не просто злобствовал, но еще воздвиг всякие козни, употребил все лукавство, - и все-таки никак не одолел доблестного праведника. Царь, как человек, сегодня гневается, а завтра престает от гнева, тем не менее мы умираем от страха; а тогда враждовал дьявол, который никогда примиряется с человечеством, но ведет с нашим родом брань непримиримую и войну нескончаемую, и тем не менее праведник посмеялся над его стрелами. Какое же мы можем иметь извинение, или какое прощение, когда не переносим человеческого искушения, мы - благодатью наученные такому любомудрию, тогда как он, еще до благодати, в ветхом завете, так доблестно выдержал ту тяжкую борьбу?

Будем же, возлюбленные, всегда беседовать между собою об этом, и такими беседами наставлять друг друга. Вы и ваша совесть свидетели, сколько пользы получили мы от настоящего испытания. Невоздержный сделался теперь целомудренным, дерзкий более скромным, беспечный заботливым; никогда не видевшие церкви, но проводившие все время на зрелищах, теперь по целым дням находятся в церкви. Ужели ты, скажи мни, скорбишь о том, что Бог посредством страха сделал тебя старательным, чрез скорбь привел тебя к мысли о своем спасении? Но твоя совесть мучится, но твое сердце терзается каждый день, ожидая смерти и лютейшей казни? И от этого будет у нас великое приращение в добродетели, так как скорбью увеличивается наше благочестие. Бог может и сегодня же прекратить все бедствия; но Он не прекратит скорби, пока не увидит, что мы очистились, пока не увидит, что в нас произошла перемена и (наступило) покаяние твердое и непоколебимое. И золотых дел мастер не вынимает золота из горна, пока не увидит, что оно хорошо не очистилось. Так и Бог не отведет этой тучи, пока совершенно не исправит нас. Попустивший испытание сам знает и время, когда положить конец испытанию. Играющий на цитре и не слишком натягивает струну, чтобы не оборвать ее, и не ослабляет чрез меру, чтобы не расстроить гармонического созвучия; так поступает и Бог: не оставляет нашей души ни в постоянном покое, ни в продолжительной скорби,

устраивая то и другое по Своей мудрости. Он не попускает нам наслаждаться всегда покоем, чтобы мы не сделались беспечнее; но не попускает также быть и в непрерывной скорби, чтобы мы не упали духом и не пришли в отчаяние.

3. Итак, Ему предоставим время прекращения бедствий, а сами будем только молиться, сами будем жить благочестиво; потому что наше дело обратиться к добродетели, а прекратить бедствия - дело Божие. Бог сильнее, чем ты, подверженный испытанию, хочет погасить этот огонь, но Он ожидает твоего спасения. Поэтому, как от покоя произошла скорбь, так и от скорби надобно ожидать покоя. Не всегда зима, и не всегда лето; не всегда волны, и не всегда тишина; не всегда ночь, и не всегда день: так и не всегда скорбь, но наступит и покой, если только мы будем, во время скорби, непрестанно благодарить Бога. Три отрока были ввергнуты в печь и, несмотря на это, не забыли благочестия, их не устрашил пламень, но, объятые огнем, они усерднее сидящих в чертоге и не терпящих никакого зла воссылали священные те молитвы. Потому огонь сделался для них стеною, пламень - одеждою, и печь - источником; приняв их связанными, она возвратила их разрешенными: приняла тела смертные и не коснулась их, как бессмертных; не познала природы, но почтила благочестие. Мучитель связал ноги, а ноги связали силу огня. О чудное дело! Узников разрешил пламень, и сам потом был связан узниками. Благочестие отроков изменило природу вещей, а лучше сказать - не природу изменило, но, что еще удивительнее, не изменяя природы, остановило (ее) действие. Оно не угасило огня, но заставило его, и горя, не оказывать своей силы, и, что также чудно и дивно, это случилось не только с телами святыми, ни и с их одеждою и обувью. Как у апостолов - одежды Павла прогоняли болезни и демонов, и тень Петра обращала в бегство смерть; так и здесь обувь этих отроков погасила огонь. Не знаю, как и сказать, потому что чудо превышает всякий рассказ. Огонь и угасал и не угасал; потому что, когда прикасался к телам святых отроков, тогда угасал, а когда надобно было расторгнуть оковы, не угасал; и оковы расторг, но пят не коснулся. Видишь, какое совпадение. Огонь и не потерял своей силы, и не дерзнул идти далее оков. Сковал мучитель, а разрешил пламень, чтобы узнал ты и свирепость варвара, и покорность стихии. Для чего же мучитель сковал их, вознамерившись ввергнуть в огонь? - Чтобы чудо было величественнее, чтобы знамение было удивительнее, чтобы происходящего не принял ты за обман глаз. Если бы этот огонь не был огнем, то не сжег бы оков, и, что еще более, не попалил бы воинов, которые были вне печи. Но теперь он на бывших вне показал силу, а на бывших внутри печи обнаружил свою покорность. А ты примечай везде, как дьявол тем, чем вооружается против рабов Божиих, разрушает собственную силу, не по своей воле, но потому, что премудрый и благоустрояющий Бог обращает его оружие и хитрости на его же голову, - что и здесь случилось. Дьявол, по внушениям которого действовал тогда мучитель, не попустил ни обезглавить святых мечом, ни предать их зверям, ни казнить другим каким-либо подобным способом, но внушил ввергнуть их в огонь, чтобы не сохранились даже и останки святых отроков, когда уничтожатся их тела и их пепел смешается с пеплом дров. Но Бог это самое обратил к низложению нечестия, и вот каким образом.

Огонь у персов признается богом, и варвары, живущие в той стране, еще и теперь воздают ему поклонение. И потому Бог, желая низложить нечестие в самом основании, попустил такой род казни, чтобы даровать победу своим рабам пред глазами всех поклонников огня, и убедить их самым делом, что боги язычников боятся не только Бога, но и рабов Божиих.

4. Еще заметь, как неприятели сплетают венец победный, как сами враги делаются свидетелями торжества! "**И послал**", говорит Писание, "**Навуходоносор собрать сатрапов, наместников, воевод, верховных судей, казнохранителей, законоведцев, блюстителей суда и всех областных правителей, чтобы они пришли на**

торжественное открытие истукана, которого поставил царь Навуходоносор. И собрались" [все] (Дан. 3:2-3). Враг составляет зрелище, сам собирает зрителей, сам назначает состязание; и (составляет) зрелище не из случайных, не из простых людей, не все из почетнейших и начальствующих, чтобы свидетельство их было более достоверно для народа. Созваны были все для одного, а увидели другое; пришли поклониться истукану, а ушли с презрением к нему, быв поражены Божьей силой, открывшейся в чудесных событиях с отроками. И заметь: где было устроено зрелище. Не в городе, и не в каком-нибудь селении, но на полях ровных и открытых устрояется это публичное зрелище. На поле Деире, вне города поставлен был истукан, и вестник, всюду проходя, взывал: "**объявляется вам, народы, племена и языки: в то время, как услышите звук трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и симфонии и всяких музыкальных орудий, падите и поклонитесь золотому истукану, которого поставил царь Навуходоносор**" (и в самом деле, поклониться идолу значило: пасть); "**а кто не падет и не поклонится, тотчас брошен будет в печь, раскаленную огнем**" (Дан. 3:4-6). Видишь, какая трудная борьба, какая непреодолимая сеть, какая глубокая пропасть и стремнина с той и другой стороны! Но не бойся: чем больше козней употребит враг, тем более обнаружит он мужество отроков. Для того приготовлено было согласие столь многих музыкальных орудий, для того разожженая печь, чтобы душами зрителей овладело или удовольствие, или страх. Тверд и непреклонен кто из предстоящих? Пусть смягчит его, говорил мучитель, очаровательная мелодия стройной музыки. Стоит он выше этой сети? Пусть же устрашит и поразит его вид пламени. Так действовал и страх и удовольствие: удовольствие вкрадывалось в душу посредством слуха, страх посредством зрения. Однако же ни то, ни другое не победило мужества отроков; но как ввержённые в огонь, они одолели пламень, так посмеялись и над всяким удовольствием и страхом. Все это для них приготовил дьявол, потому что не сомневался в подданных царя, напротив был твердо уверен, что никто из них не воспротивится царскому повелению. Но когда все пали и были побеждены, тогда выводятся на середину одни отроки, чтобы и от этого самого победа была блистательнее, - что они побеждают и являются торжествующими среди такого множества народа. Не так было бы удивительно, если бы они показали мужество, явившись первыми, пока никто еще не преткнулся. Но то весьма велико и чудно, что множество падших не устрашило и не ослабило их; и не сказали они друг другу что-нибудь такое, что многие привыкли часто говорить: если бы мы первые и одни решились поклониться истукану, то наш поступок был бы достоин обвинения, если же мы делаем это вместе с столь многими тысячами, то кто не простит, кто нас не сочтет достойными извинения? Нет, увидев падения столь многих своих мучителей, ничего такого и не сказали, и не подумали они. Посмотри и на злобу обвинителей, как они и хитро и жестоко обвиняли отроков: "**Есть**", говорят они, "**мужи Иудейские, которых ты поставил над делами страны Вавилонской**"(Дан. 3:12). Не просто напомнили об их происхождения:, но упомянули и о почести, для того, чтобы воспламенить в царе гнев; они как бы так говорили: рабов, пленных, лишенных отечества, сделал ты нашими начальниками, а они и эту честь презирают, и оскорбляют того, кто удостоил их такой чести. Поэтому говорят: "**эти мужи не повинуются повелению твоему, царь, богам твоим не служат и золотому истукану, которого ты поставил, не поклоняются**" (Дан. 3:12). Обвинение это - величайшая похвала; укоризны эти - одобрение и свидетельство несомненное, потому что его представляют сами враги! Что же царь? Он повелел вывести их на средину, чтобы устрашить всячески; но ничто не поколебало их, ни гнев царя, ни то, что они одни стояли отдельно среди такого множества, ни вид огня, ни трубные звуки, ни то, что все смотрели на них сверкающими, как огонь, глазами; но посмеявшись над всем этим, они, как бы собираясь броситься в струи прохладного источника, вошли в печь, произнося блаженные эти слова: "**богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся**" (Дан. 3:18). Не без цели рассказал я эту историю, но для того, чтобы убедились вы, что ни гнев царя, ни коварство воинов, ни

зависть врагов, ни плен, ни пустыня, ни огонь, ни печь, ни тысячи бедствий, - ничто не может победить или устрашить праведника. Если там, где царь был нечестивый, отроки не устрашились гнева мучителя; тем более мы, у коих царь человеколюбивый и кроткий, должны не унывать, а благодарить Бога за эту скорбь, узнав из сказанного, что скорби делают более славными, и пред Богом и пред людьми, тех, которые умеют переносить их мужественно. Если бы отроки не сделались рабами, мы не узнали бы и об их свободе; если бы они не сделались пленниками, мы не уразумели бы благородства их души; если бы они не лишились дольнего отечества, мы не узнали бы, что они по добродетели достойны отечества горнего; если бы на них не разгневался земной царь, мы не уразумели бы благоволения к ним Царя небесного.

5. Посему и ты, если Он благоволит к тебе, не отчаивайся, хотя бы ввергли тебя и в печь; а если Он гневается, не предавайся самонадеянности, хотя бы ты был в раю. Адам и в раю был, но как прогневал Бога, то и рай ничего не помог ему; отроки были в печи, но как благоугодили (Богу), что и печь не причинила им вреда. Адам быль в раю, и - пал, потому что сделался беспечным; Иов сидел на гноище, - и победил, потому что был бдителен. Во сколько раз рай лучше гноища?.. Однако же превосходство жилища не помогло обитателю, когда он сам предал себя, точно так, как и нечистота места не повредила тому, кто со всех сторон огражден был добродетелью. Укрепим же и мы свою душу, и тогда будем блаженнее всех, хотя бы достигла нас потеря богатства и даже смерть, только бы никто не похитили у нас благочестия. Это заповедал и Христос, говоря: "**будьте мудры, как змии**" (Мф. 10:16). Как змей готов потерять все тело, только бы спасти голову; так и ты не унывай, хотя бы тебе пришлось потерять богатство, хотя бы тело, хотя бы настоящую жизнь, хотя бы все, только бы сохранить благочестие: потому что если с ним отойдешь, Бог все возвратит тебе в большем блеске - и тело воскресит в большей славе, и вместо богатства даст такие блага, которых не может выразить никакое слово. Иов не нагой ли сидел на гноище, проводя жизнь, которая тягостнее тысячи смертей? Но так как он не оставил благочестия, то опять в преизбытке получил все прежнее, - здоровье и красоту тела, весь состав детей, имущество и, что всего важнее, блистательный венец терпения. Как бывает с деревьями, что, хотя бы кто и сорвал плод с листьями, хотя бы отсек все ветви, но, если останется корень, дерево снова вырастает в совершенной целости и еще большей красоте; так бывает и с нами: если останется корень благочестия, то, хотя бы отнято было богатство, хотя бы расстроилось тело, все опять возвращается нам с большей славой. Посему, оставив всякое беспокойство душевное и излишнюю заботливость, обратимся к самим себе, и украсим и тело и душу красотою добродетели, "**представляя члены**" нашего тела "**в орудия праведности**", а не "**в орудия неправды**" (Рим. 6:13); и прежде всего приучим язык быть служителем духовной благодати, извергнув из уст всякий яд злоречия и сквернословия. В нашей власти сделать каждый член свой орудием и лукавства и правды. Послушай, как они сделали свой язык орудием греха, а другие орудием правды: "**язык**" их "**острый меч**" (Пс. 56:5); а другой говорит о своем языке: "**язык мой - трость скорописца**" (Пс. 44:2). Тот язык совершил убийство, а этот написал Божественный закон, и потому тот был мечом, а этот - тростью, не по собственной природе, но по воле употреблявших; природа того и другого одна, но действие не одно. И в отношении к устам опять можно видеть то же самое. У одних уста были полны гнилости и лукавства, и поэтому обличающий их сказал: "**уста**" их "**полны проклятия, коварства и лжи**" (Пс. 9:28), а уста его самого не таковы; нет, - "**уста мои изрекут премудрость, и размышления сердца моего - знание**" (Пс. 48:4). У других, опять, руки были осквернены беззаконием, и, осуждая их, он опять сказал: "**у которых в руках злодейство, и которых правая рука полна мздоимства**" (Пс. 25:10); а у него самого руки ни в чем другом не упражнялись, как только в том, чтобы простираться к небу, почему он и сказал о них: "**воздеяние рук моих - как жертва вечерняя**" (Пс. 140:2). И в отношении к сердцу опять можно видеть то же самое. У тех сердце суетно, а у

него истинно, и потому об их сердце он говорит: "**сердце их - суетно**" (Пс. 5:10), а о своем: "**излилось из сердца моего слово благое**" (Пс. 44:2). То же самое можно видеть и в отношении к слуху. Те имели слух зверский, безжалостный и неумолимый, и, осуждая их, он сказал: "**как глухого аспида, который затыкает уши свои**" (Пс. 57:5); а у него слух был вместилищем Слова Божия, что самое и показал он, говоря: "**приклоню ухо мое к притче, на гуслях открою загадку мою**" (Пс. 48:5).

б. Итак, зная это, оградим себя со всех сторон добродетелью, и этим отвратим гнев Божий. Сделаем члены нашего тела орудиями правды; приучим и глаза, и уста, и руки, и ноги, и сердце, и язык, и все тело служить одной добродетели. Вспомним и о тех трех заповедях, о которых говорил я вашей любви, когда внушал ни с кем не быть во вражде, не говорить худо о ком-либо из оскорбивших вас, и изринуть из уст ваших греховную привычку клясться. О других двух заповедях поговорим в другое время, а в продолжение всей настоящей недели будем говорить вам о клятвах, полагая начало с заповеди более легкой. Совсем нетрудно победить привычку клясться, если захотим приложить хотя бы немного старания, делая друг другу напоминания, вразумления, замечания, а забывающих подвергая взысканию и ответственности. И что за польза нам воздерживаться от пищи, если не изгоним из души порочных привычек? Вот теперь целый день провели мы без пищи, а вечером поставим себе трапезу, непохожую на вчерашнюю, но уже другую, более скромную. Но может ли кто из нас сказать, что он сегодня переменил и жизнь свою, как и трапезу, что отменил и порочную привычку, как и пищу? Не думаю. Что же нам за польза от поста? Поэтому убеждаю и не перестану убеждать, чтобы вы, взяв каждую заповедь отдельно, два-три дня употребляли на ее исполнение. Иные соревнуют друг другу в воздержания от яств, и вступают между собою в чудное состязание: одни целые два дня проводят без пищи, а другие, удалив с своего стола не только вино и масло, но и всякое варево, в течении всего Великого Поста употребляют только хлеб и воду. Так и мы станем состязаться друг с другом, чтоб искоренить употребление клятв: это полезнее всякого поста, это благодетельнее всякой строгой жизни. Покажем в воздержании от клятв такое же старание, какое прилагаем к воздержанно от пищи; иначе подвергнемся обвинению в крайнем неразумии, что не обращаем внимания на запрещенное, а выказываем всю заботливость о вещах безразличных. Не есть запрещено, но запрещено клясться; а мы, отказываясь от позволенного, посягаем на запрещенное. Поэтому прошу любовь вашу сделать какую-либо перемену, и начало ее показать нам отселе. Если настоящий пост проведем с такою ревностью, что в эту неделю вовсе перестанем клясться, в следующую погасим гнев, в ту, которая за нею наступит, искореним злословие, а в дальнейшую - исправимся и во многом другом; то, восходя этим путем выше и выше, мало-помалу достигнем самой вершины добродетели. Тогда и избегнем настоящей опасности, и умилостивим Бога; и возвратится в наш город многолюдство, и ныне убежавших научим вверять надежду нашего спасения - не местам безопасным, не какому-нибудь убежищу и уединению, но душевному благочестию и добрым нравам. Таким образом мы достигнем и земных, и небесных благ, которых да удостоимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу, со святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА ПЯТАЯ

Еще увещание к народу о мужественном перенесении угрожающего бедствия по примеру того, что случилось с Иовом и ниневитянами; и о том, что бояться должно не смерти, а греха; и о том, что, значит умереть худо; и о том, что нужно со всяким тщанием избегать клятв.

ПОВЕСТВОВАНИЕ о трех отроках и печи вавилонской немало, кажется, утешило вчера любовь вашу; а еще более, пример Иова и гноище, которое славнее всякого царского престола, так как от воззрения на царский престол видевшим его нет никакой пользы, только кратковременное удовольствие, не приносящее никакой выгоды, от воззрения же на гноище Иова каждый получает великую пользу, великое вразумление и наставление в терпении. Поэтому многие ныне предпринимают дальний и морской путь, и с концов земли отправляются в Аравию, чтобы увидеть это гноище, и, увидев, облобызать землю, которая была поприщем подвигов этого венценосца, и приняла в себя кровь, драгоценнее всякого золота. Не столько блестит багряница, сколько блистало тогда это тело, обагренное не чужой, но собственной кровью. А раны его были драгоценнее всяких камней, потому что жемчужины сами по себе не приносят нам в жизни никакой пользы, и у владеющих ими не восполняют никакой существенной нужды, раны же те доставляют утешение во всякой скорби. И, дабы тебе увериться в истине этого, покажи тому, кто лишился законного и единственного сына, бесчисленное множество жемчужин: ты не облегчишь его несчастия и не уврачуешь скорби; но если напомнишь ему о ранах Иова, то легко можешь уврачевать такими словами: зачем печалишься, человек? Ты лишился одного только детища, а блаженный тот, потеряв целый сонм детей, поражен был и в самую плоть, и нагой сидел на гноище, обливаясь со всех сторон гноем, между тем как плоть его мало-помалу истаивала; а это был муж "**непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла**" (Иов. 1:1), о добродетели коего свидетельствовал Бог. Если скажешь эти слова, то потушишь в сетующем печаль и уничтожишь все горе, - и, таким образом, раны праведника оказываются полезнее жемчужин! Посему, вообразите и вы себе этого подвижника и представьте, что видите сами то гноище, и на этом гноище сидит он, - эта золотая статуя, осыпанная драгоценными камнями, и, как бы еще назвать, не знаю, - потому что не могу приискать столь дорогого вещества, которому бы можно было уподобить это окровавленное тело. Так плоть эта была несравненно драгоценнее всякого и самого дорогого вещества, и раны - светлее лучей солнечных. Лучи озаряют телесный взор, а те просвещают очи ума нашего; они же совершенно ослепляют дьявола. Вот почему дьявол, после того поражения, отступил, и - не являлся более. Ты же, возлюбленный, познай и отсюда, сколь велика бывает польза от скорби. Пока праведник был богат и наслаждался покоем, дьявол имел повод клеветать на него; хоть и ложно, однако же, мог сказать: "**разве даром богобоязнен Иов**" (Иов. 1:9)? А, как отнял у него все и сделал его бедным, то не смел уже и уст открыть. Пока Иов был богат, дьявол обещал бороться с ним, и грозил низринуть его; а как сделал его бедным, лишил всего, и поверг в крайнюю болезнь, тогда удалился. Пока тело его было здраво, дьявол поднимал на него руки, когда же покрыл ранами плоть его, то, побежденный, обратился в бегство.

Видишь, насколько для рассудительных бедность лучше и полезнее богатства, немощь и болезнь - здравия, искушение - спокойствия, и насколько более славными и сильными делают они подвижников! Кто видел, кто слышал о столь чудесном состязании? Обыкновенные борцы, лишь только поразят в голову своих противников, тотчас одерживают победу и получают венцы; а дьявол, когда поразил тело праведника, покрыл многоразличными язвами и довел до изнеможения, тогда-то и побежден был и отступил прочь; и хотя со всех сторон пронзил ребра его, однако не добился этим ничего, потому что не похитил хранившегося там сокровища, а для нас сделал его виднее, и сквозь эти отверстия дал всем возможность смотреть во внутренность (страдальца) и видеть все богатство его. Когда надеялся он одержать верх, тогда-то и удалился с великим стыдом, и не испустил более ни одного звука. Что случилось, дьявол? Для чего убегаешь? Разве не исполнилось все по твоему желанию? Разве не истребил ты его овец, волов, коней и мулов? Разве не погубил и всех его детей, и не изранил всей плоти? Для чего же убежал ты? А вот для чего, - отвечает он: хотя исполнилось все по моему желанию, но то, чего я особенно домогался и для чего сделал все прочее, не исполнилось: он не произнес хулы на

Бога! Для того чтобы добиться этого, я и делал все другое; а как скоро этого не случилось, то мне нет никакой пользы от истребления его богатства, погибели детей и поражения его тела; вышло противное тому, чего я желал: своего противника я сделал более славным и блистательным. Убедился ли ты, возлюбленный, сколь велика польза от несчастия? Красиво было здоровое тело Иова; но стало еще прекраснее, когда изъязвлено было ранами: так, шерсть красива бывает и до окраски, но, сделавшись пурпуровой, получает неизъяснимую красоту и приятность. И если бы дьявол не обнажил Иова, мы не узнали бы доблести победителя; если бы не поразил тела его язвами, то изнутри не просияли бы лучи; если бы не посадил его на гноище, мы не узнали бы его богатства. Не столь блистателен царь, сидящий на престоле, сколь славен и блистателен был Иов, сидящий на гноище: после царского престола смерть, а после этого гноища царство небесное.

2. Размышляя обо всем этом, ободримся от овладевшего вами уныния. Эти истории предлагаю я вам не для того, чтобы вы хвалили речь мою, но чтобы подражали добродетели и терпению тех доблестных мужей; чтобы из самых дел узнали вы, что из всех зол человеческих один грех есть действительное зло, а не бедность, не болезнь, не обида, не злословие, не бесчестие и даже не смерть, - это, по-видимому, самое крайнее из всех зол. Эти бедствия для любомудрствующих таковы только по имени, а не на самом деле: прогневать Бога и сделать что-либо Ему неугодное, - вот истинное несчастье! В самом деле, что страшного в смерти, скажи мне? То ли, что она скорее приводит тебя в тихую пристань и в ту безмятежную жизнь? Если и не умертвит тебя человек, то самый закон природы, в известный срок, разве не разлучит тела с душой? Пусть теперь и не случится то, чего мы боимся; но это будет спустя немного. Говорю так не потому, чтобы ожидал я чего-либо страшного или печального, но потому, что стыдно мне за тех, кто боится смерти. Ожидаешь ты таких благ, "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**" (1 Кор. 2:9), и не спешишь насладиться ими, нерадишь и медлишь, и не только медлишь, но еще боишься и трепещешь? И как тебе не стыдно скорбеть из-за смерти, когда Павел воздыхал из-за настоящей жизни, и в послании к Римлянам говорил: "**вся тварь совокупно стенает и мучится доныне; и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем**" (Римл. 8:22-23)? И говорил это не в осуждение настоящего, но по сильному желанию будущего. Вкусил я, говорит он, благодати, и не терплю замедления; имею начаток духа, и стремлюсь к полному обладанию; восходил я на третье небо, видел неизреченную ту славу, видел царственное великолепие, узнал, чего лишаюсь, пребывая здесь, и поэтому воздыхаю. Скажи мне, - если бы кто ввел тебя в царский дворец и показал сияющее на всех стенах золото и всякое другое благолепие, потом перевел бы тебя оттуда в хижину бедного, а через несколько дней обещал бы опять ввести в тот царский дворец и дать тебе там место для всегдашнего жительства: не стал ли бы ты скорбеть и тяготиться даже и в эти немногие дни? Так рассуждай и о небе и земле, и воздыхай с Павлом не из-за смерти, но из-за настоящей жизни. Так дай мне, говоришь ты, сделаться подобным Павлу, и - я никогда не стану бояться смерти. А что тебе, человек, препятствует сделаться подобным Павлу? Разве он был не беден? Разве не делатель палаток? Разве не простой человек? Если бы он был богат и благородного происхождения, бедные, призываемые к подражанию ему, конечно, могли бы отговариваться своей бедностью. Но теперь ты ничего такого сказать не можешь, потому что этот человек был ремесленник и снискивал себе пропитание ежедневными трудами. К тому же, ты в детстве наследовал от родителей благочестие, и с первых лет напитан Святым Писанием; а он был и богохульник, и гонитель, и обидчик, и разорял церковь, - но, несмотря на это, так внезапно изменился, что превзошел всех силой своей ревности, и - взывает: "**будьте подражателями мне, как я Христу**" (1 Кор. 11:1). Он подражал Господу, а ты не подражаешь и со-рабу, ты, который от юности воспитан в благочестии, - тому, кто уже впоследствии изменился и принял веру. Ужели не знаешь, что грешники, хотя и живут, мертвы, а праведники, хотя и умирают, живы? И это не мои слова, а приговор Христа,

сказавшего Марфе: "**верующий в Меня, если и умрет, оживет**" (Иоан. 11:25). Разве басня наше учение? Если ты христианин, то веруй Христу; если веруешь Христу, то покажи мне веру в делах. Как же ты покажешь веру в делах? - Если будешь презирать смерть: этим мы и отличаемся от неверных.

Они справедливо боятся смерти, потому что не имеют надежды на воскресение; но ты, идя лучшим путем и имея возможность любомудрствовать о надежде на будущее, какое найдешь оправдание, когда, веруя в воскресение, боишься смерти, подобно неверующим в воскресение? Но я боюсь, говоришь ты, не смерти; не умереть боюсь, но умереть худо, быть обезглавленным. Так неужели Иоанн умер худо, потому что был обезглавлен? И Стефан также худо умер, потому что побит камнями? И мученики все, по-вашему, умерли жалкой смертью, потому что одни огнем, а другие железом лишены жизни; одни брошены в море, другие со стремнин; а иные в челюсти зверей, и таким образом скончались? Умереть худо, человек, значит не насильственной смертью умереть, но умереть в грехах. Послушай, как любомудрствует об этом пророк. "**Убьет грешника зло**" (Псал. 33:22), - говорит он. Не сказал: насильственная смерть люта, но: "**убьет грешника зло**". И справедливо: потому что, по отшествии их отсюда - нестерпимое наказание, нескончаемые муки, червь ядовитый, огонь неугасающий, тьма кромешная, узы неразрешимые, скрежет зубов, скорбь, теснота и вечное осуждение.

3. Когда такие бедствия ожидают грешников, - какая будет им польза от того, дома ли и на постели своей они окончат жизнь? Равно как и праведникам не будет никакого вреда от того, что окончат настоящую жизнь от меча, или железа и огня, когда они имеют перейти к вечным благам. Поистине "**убьет грешника зло**". Такова была смерть того богача, который показал презрение к Лазарю и, хотя окончил жизнь дома, на постели, в присутствии друзей, своей смертью, но, по отшествии, горел в огне и не мог найти там никакого утешения в благоденствии настоящей жизни. Не то с Лазарем: хотя он на дворе богача, среди псов, лизавших раны его, потерпел насильственную смерть (ибо, что может быть мучительнее голода?), но, по отшествии, стал там наслаждаться вечными благами, веселясь на лоне Авраама. Какой же был ему вред оттого, что он умер насильственно, и какая польза богачу оттого, что он умер ненасильственно?

Но мы, говоришь, боимся умереть не насильственно, а безвинно; боимся, не сделав ничего такого, в чем нас подозревают, быть наказанными наравне с уличенными в преступлении. Что говоришь? - скажи мне. Боишься умереть безвинно, умереть по делам - хочешь? И кто же будет так жалок и несчастен, что, когда бы предстояла ему незаслуженная смерть, захотел бы лучше умереть по делам? Если должно бояться смерти, то бояться той, которая постигает нас по делам: потому что умерший незаслуженно, через это самое входит в общение со всеми святыми. Большая часть благоугодивших Богу и прославившихся умерла незаслуженной смертью, и первым из них - Авель. Убит он не за то, что погрешил в чем против брата, или оскорбил Каина, но за то, что почитал Бога. А Бог попустил это, любя ли его, или ненавидя? Очевидно, что, любя и желая за столь неправедную смерть дать ему блистательнейший венец. Видишь, что должно бояться не насильственной и незаслуженной смерти, но смерти в грехах. Авель умер незаслуженно, Каин жил "**стеная и трясясь**" (Быт. 4:12): кто же, скажи, был блаженнее, - почивший ли в правде, или живущий в грехах, - умерший ли незаслуженно, или наказываемый по делам? Хотите, я скажу любви вашей, почему мы боимся смерти? Нас не уязвила любовь к царствию, не воспламенило желание будущих благ; иначе мы, подобно блаженному Павлу, презрели бы все настоящее; сверх того, мы не боимся геенны, и потому боимся смерти; не знаем нестерпимой тяжести тамошнего наказания, и потому боимся не греха, а кончины. Если бы тот страх поселился в душе нашей, то этот не мог бы войти в нее. И это попытаюсь объяснить не дальними какими-либо обстоятельствами, но здешними, - теми самыми,

которые на этих днях случились с нами. Когда пришел от царя указ о собрании подати, которая показалась несносной, все возмутились, все заспорили, начали досадовать и негодовать, и, встречаясь друг с другом, говорили: "нам жизнь не в жизнь; город разорен; никто не в состоянии вынести столь тяжкого налога!" - и все сокрушались, как будто доведены были до последней крайности. Потом, когда совершилось преступное дело; и некоторые непотребные и развратные люди, поправ законы, ниспровергли статуи, и всех вовлекли в крайнюю опасность, так что, раздражив царя, мы стали бояться теперь за самую жизнь, - нас уже не тревожит более потеря имущества, но, вместо всех тех речей, я слышу другие: "пусть царь возьмет наше достояние; мы охотно откажемся и от полей и от имений, - только бы обещал нам спасти хоть голое тело". Итак, пока не объял нас страх смерти, мы беспокоились о потере имущества; когда же произведены были те беззаконные буйства, наступивший страх смерти изгнал скорбь о потере. Точно так, если бы обладал душами нашими страх геенны, не овладел бы нами страх смерти; но как в телах, когда постигнут нас две болезни, сильнейшая обыкновенно подавляет слабейшую, так и тут случилось бы. Если бы был в душе страх будущего наказания, он подавил бы всякий человеческий страх, так что, кто непрестанно будет памятовать о геенне, тот с улыбкой станет смотреть на всякую смерть; и это не только освободит его от настоящей скорби, но избавит и от будущего пламени. Кто всегда боится геенны, тот никогда не впадет в огонь геенский, потому что этот постоянный страх умудряет его. Позвольте мне теперь благовременно сказать вам: "**братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы**" (1 Кор. 14:20).

Мы действительно питаем детский страх, когда боимся смерти, а не боимся греха. Малые дети пугаются масок, а не боятся огня, и, если случится поднести их к зажженной свече, они, ничего не опасаясь, протягивают руку к свече и огню; ничтожная маска пугает их, а того, что, в самом деле, страшно – огня - они не боятся. Так и мы боимся смерти, которая есть ничтожная маска, а не боимся греха, который действительно страшен и, подобно огню, пожирает совесть. И это, обыкновенно, происходит не от существа самого дела, но от нашего неразумия: так что, если мы рассудим, что такое смерть, то никогда не будем ее бояться. Что же такое смерть? То же, что снятие одежды: тело, подобно одежде, облекает душу, и мы через смерть слагаем его с себя на краткое время, чтобы опять получить его в светлейшем виде. Что такое смерть? Временное путешествие, - сон, который дольше обыкновенного. Поэтому, если боишься смерти, бойся и сна, если сокрушаешься об умерших, то сокрушайся о ядущих и пьющих: как это дело естественное, так и то. Не печалься о том, что бывает по закону природы, - печалься более о том, что происходит от злого произволения; не плачь об умершем, но плачь о живущем в грехах.

4. Хочешь, скажу и другую причину, по которой мы боимся смерти? Мы не живем, как должно, не имеем чистой совести. Будь это, - нас ничто не устрашило бы, ни смерть, ни голод, ни потеря имущества, ни другое что-либо такое. Живущему добродетельно ничто подобное не может повредить и лишить его внутреннего удовольствия, потому что кто питается благими надеждами, того ничто не может повергнуть в уныние. В самом деле, могут ли люди сделать что-либо такое, что мужа доблестного заставило бы скорбеть? Отнимут у него деньги? Но у него есть богатство на небесах. Выгонят из отечества? Но через это переселяют его в горний град. Наложат на него оковы? Но он имеет свободную совесть, и не чувствует внешних цепей. Умертвят тело? Но оно опять воскреснет. И как сражающийся с тенью и бьющий по воздуху никого не может поразить; так и враждующий против праведника сражается только с тенью, тратит свою силу, а тому не может нанести ни одного удара. Итак, дай мне только твердую веру в царствие небесное, и - умертви меня, ежели хочешь, сегодня же. Я поблагодарю тебя за смерть, потому что через нее ты скоро переселяешь меня к тем благам. Об этом-то особенно, говорят, и мы скорбим, что, задерживаемые множеством грехов, не достигнем тамошнего царствия. Так

перестань плакать о смерти и плачь о грехах своих, чтобы загладить их. Для того и печаль, чтобы мы пользовались ею к уничтожению наших грехов, а не для того, чтобы скорбели о потере имущества, о смерти, или о чем-либо другом тому подобном. Что это так, объясню вам примером. Лекарства назначены для тех только болезней, которые могут они уничтожать, а не для тех, которым от них нет никакой пользы. Примерно скажу, чтобы речь моя была еще яснее: лекарство, которое может пользовать только больные глаза, а не другую какую-либо болезнь, справедливо признаешь назначенным только для глазной болезни, а не для желудка, не для рук, и не для другого какого-либо члена. Переведем же речь на печаль и - найдем, что она ни в каких других обстоятельствах не помогает нам, а только исправляет грех: поэтому, очевидно, она и назначена только для уничтожения его. Разберем же каждое из приключающихся нам бедствий, и, приложив к ним печаль, посмотрим, какая от нее польза. Потерял кто имущество? Опечалился он; но не вознаградил потери. Лишился кто сына? Поскорбел он; но не воскресил мертвого, и не принес пользы отошедшему. Потерпел кто побои, заушение, обиду? Предался он горести; но обиды не отвел от себя. Впал кто в немощь и в самую тяжкую болезнь? Стал он сокрушаться; но болезни не уничтожил, напротив еще усилил ее. Видишь, что ни в одном из этих бедствий печаль не помогает нисколько? Но согрешил кто, и опечалился: он уничтожил грех, загладил вину свою. Откуда видно это? Из слов Господа: говоря об одном грешнике, Он сказал: "**за грех корыстолюбия его Я гневался и поражал его, скрывал лице и негодовал; но он, отвратившись, пошел по пути своего сердца**" (Ис. 57:17). Поэтому и Павел сказал: "**ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние к спасению, а печаль мирская производит смерть**" (2 Кор. 7:10). Посему, как видно из сказанного, если печаль не может вознаградить ни потери имущества, ни обиды, ни позора, ни побоев, ни болезни, ни смерти, ни чего-либо другого тому подобного, но только способствует к уничтожению греха и изглаживает его; то, очевидно, что для него одного она и назначена. Итак, не будем более скорбеть о потере имущества, но станем скорбеть тогда только, когда грешим. В этом случае великая польза от скорби. Лишился ты чего? Не скорби: этим нисколько не пособишь. Согрешил? Скорби: это полезно. Вникни в разум и премудрость Божью. Два плода породил нам грех: скорбь и смерть. "**В день, в который ты вкусишь от него**", говорит Бог, "**смертью умрешь"** (Быт. 2:17), и к жене: "**в болезни**"[1] "**будешь рождать детей**" (Быт. 3:16). Этими же двумя средствами (Бог) истребил и грех, и устроил так, что мать гибнет от чад своих. А что, подобно скорби, и смерть уничтожает грех, - это видно как из примера и учеников, так и из слов Павла к согрешающим: "**от того многие из вас немощны и больны и немало умирает**" (1 Кор. 11:30). Вы грешите, говорит, потому и умираете, дабы смертью загладились грехи. Почему и прибавил: "**ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром**" (1 Кор. 11:31-32). Как червь и рождается от дерева, и точит дерево, и как моль съедает шерсть, от которой и зарождается; так скорбь и смерть родились от греха и истребляют грех. Итак, не будем бояться смерти, но станем бояться только греха и о нем скорбеть. Это говорю я не потому, чтобы ожидал чего-либо страшного: нет, но потому, что желаю, дабы вы постоянно имели в себе этот страх, и самым делом исполняли закон Христов. "**Кто не берет креста своего**", говорит Господь, "**и следует за Мною, тот не достоин Меня**" (Матф. 10:38). Сказал же так не для того, чтобы мы носили дерево на плечах, но чтобы всегда имели смерть перед своими глазами, как и Павел умирал каждодневно (1 Кор. 15:31), смеялся над смертью и презирал настоящую жизнь. Ты воин, и непрестанно стоишь в строю; а воин, который боится смерти, никогда не сделает ничего доблестного. Так и человек христианин, который боится опасностей, не сделает ничего великого и славного; напротив, его самого легко одолеть могут; смелый же и великодушный - неодолим и непобедим. И как три отрока, не убоявшись огня, избежали огня; так и мы, если не будем бояться смерти, избегнем смерти. Они не убоялись огня, потому что сгореть - не преступление; но убоялись греха, потому что жить нечестиво преступление. Будем

подражать этим и всем подобным им праведникам; не станем бояться опасностей - и избегнем опасностей.

5. "**Я не пророк и не сын пророка**" (Амос. 7:14), однако же, верно знаю, что будет; и громко и ясно возглашаю, что если мы переменимся, попечемся сколько-нибудь о своей душе и отстанем от греха, то не будет нам ничего неприятного и печального. И это ясно знаю на основании человеколюбия Божия и того, как поступал Господь с людьми, с городами, племенами и целыми народами. Он угрожал и городу ниневитян, и сказал: "**еще три дня[2] и Ниневия будет разрушена**" (Ион. 3:4). Что же - скажи мне, - превратилась Ниневия и город разрушен? Нет; а вышло противное: она восстала, сделалась еще славнее и, по истечении стольких лет, не потеряла своей славы; напротив, все еще и ныне воспевают Ниневию и удивляются ей за то, что с того времени она сделалась наилучшей пристанью для всех согрешающих, не попуская им впасть в отчаяние, но всех призывая к покаянию, и тем, что она сделала и чем заслужила милость Божью, убеждая никогда не отчаиваться в своем спасении, но вести жизнь добродетельную и питать благую надежду, и затем твердо верить, что все завершится счастливым исходом. В самом деле, кто, слыша о бывшем с ниневитянами, не ободрится, хотя бы он был самый беспечный человек? Так, Бог попустил лучше не исполниться Своему пророчеству, чем погибнуть городу. Впрочем (нельзя сказать, что), и пророчество не исполнилось. Если бы приговор не приведен был в исполнение тогда, как люди оставались в тех же грехах, то можно бы еще порицать предсказание; но если Бог перестал гневаться тогда, как они переменились и перестали грешить, то кто может еще обвинять пророчество и обличать во лжи предсказание? Бог и тогда сохранил тот закон, который от начала постановил Он всем людям через пророка. Какой же закон? "**Иногда Я скажу о каком-либо народе и царстве, что искореню, сокрушу и погублю его; но если народ этот, на который Я это изрек, обратится от своих злых дел, Я отлагаю то зло, которое помыслил сделать ему**" (Иер. 18:7-8). Сохраняя этот закон, Он спас исправившихся, и отступивших от беззакония избавил от своего гнева. Знал Он добродетель иноплеменников, потому и понуждал пророка спешить. И вот смутился город, услышав пророческий глас; но от этого страха не потерпел вреда, а еще получил пользу. Страх этот породил спасение; угроза отвела опасность; приговор о разрушении остановил разрушение (Ион. 3:4). О, чудное и изумительное дело! Приговор, угрожавший смертью, породил жизнь! Приговор, после того, как уже был произнесен, остался без исполнения, не так, как у мирских судей: у этих - произнести приговор, значит, привести его в исполнение, а у Бога, напротив, произнести приговор, значит, сделать его недействительным. Если бы приговор не был произнесен, грешники не услышали бы; а если бы не услышали, то не раскаялись бы, не отклонили бы наказания и не получили бы чудесного спасения. И как же не чудное дело, когда судья произносит приговор, а подсудимые уничтожают приговор покаянием? Они ведь не убежали из города, как мы теперь, но остались и тем укрепили его. Он был западней, а они сделали его оплотом; был рвом и пропастью, а они превратили его в охранную башню. Слышали они, что падут здания - и не убежали от зданий, но убежали от грехов; никто не оставил своего дома, как мы теперь, но каждый оставил злой путь свой. Неужели, в самом деле (говорили они), стены породили гнев Божий? Мы виновники раны, - мы же должны и врачевство приготовить. Поэтому ниневитяне вверили свое спасение не перемене мест, но перемене нравов.

6. Так поступили и иноплеменники: а мы не стыдимся и не краснеем оттого, что, тогда как те переменили свои нравы, мы меняем только места, делаем дела, свойственные людям нетрезвым, и выносим свое имущество? Господь гневается на нас, а мы, не заботясь отвратить гнев Его, носимся всюду со своим имением и бродим, отыскивая места, где бы положить его; между тем как следовало бы поискать такого места, где бы положить свою душу, а лучше бы и этого не искать, но поручить безопасность ее добродетельной и

честной жизни. Мы сами, если бы разгневались и вознегодовали на слугу, а он вместо того, чтобы оправдать себя в виду этого гнева, ушел бы в свою комнату и, собрав и связав все платья и домашние вещи свои, порешил бежать, - мы сами не перенесли бы благодушно такой дерзости. Бросим же неблаговременную заботливость и скажем, каждый о себе, к Богу: "**куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу**" (Псал. 138:7)? Поревнуем любомудрию иноплеменников: они покаялись при неизвестности прощения, потому что в приговоре не было прибавлено, что, если обратитесь и покаетесь, оставлю в целости города; но просто сказано: "**еще три дня, и Ниневия будет разрушена**" (Ион. 3:4). Что же они? "**Кто знает**", говорят, "**может быть пожалеет Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на нас**" (Ион. 3:9-10)? – "**Кто знает**"? Не знают исхода дела - и не пренебрегают покаянием; не знают свойства человеколюбия Божия - и при такой неизвестности переменяются! Они, в самом, деле, не могли посмотреть на других ниневитян, которые бы покаялись и спаслись; не читали пророков, не слышали патриархов, не получали ни совета, ни наставления, и не были убеждены в том, что могут несомненно умилостивить Бога покаянием. Этого не было и в угрозе: но хотя они недоумевали и не были уверены в этом, однако покаялись со всей искренностью. Какое же будет оправдание нам, когда они, не будучи уверены в исходе, показали такую перемену, а мы, которые уверены в человеколюбии Божьем, часто получали много залогов Его попечения, слушали и пророков и апостолов, и научены самыми делами, не поревнуем сравняться с ними в добродетели? Велика и добродетель этих людей, но гораздо больше человеколюбие Божье, и - это можно видеть из самой великости угрозы. Бог для того и не прибавил к приговору: "если покаетесь, пощажу", чтобы самой неопределенностью приговора увеличить страх, а, увеличив страх, скорее побудить к покаянию. Пророк стыдится, предвидя будущее и полагая, что не исполнится предсказание; но Бог не стыдится, а ищет только одного - спасения человеческого, и исправляет раба своего. Когда (Иона) взошел на корабль, Бог тотчас взволновал море: из этого видишь, что где грех, там буря, где непокорность, там волнение; как за грехи ниневитян колебался город, так за непокорность пророка колебался корабль. И вот корабельщики бросили Иону в море, и корабль перестал колебаться: потопим же и мы свой грех, и город наверно успокоится! Итак, нам нет никакой пользы в бегстве, подобно тому, как и Ионе бегство не помогло, но еще повредило. Он убежал с земли, но не убежал от гнева Божия. Убежал с земли, и навел бурю на море, и не только сам не получил от бегства никакой пользы, но и тех, кои приняли его, подверг крайней опасности. Когда он плыл на корабле, и с ним были и корабельщики, и кормчие, и все корабельные снаряды, тогда-то и подвергся крайней опасности: а как брошен был в море, и, загладив грех этим наказанием, упал в подвижной корабль, т. е. в чрево кита, тогда стал наслаждаться великой безопасностью. Из этого узнай, что, как живущему в грехе не помогает и корабль, так свободного от греха и море не потопляет, и звери не пожирают. Взяли его волны, и не задушили; взял кит, и не умертвил; напротив, и животное и стихия возвратили Богу залог в целости. И все это вразумляло пророка быть человеколюбивым и кротким, а не показать жестокосердие неразумных мореплавателей, свирепых волн и зверей. Да и мореплаватели выбросили его не тотчас, при первой опасности, но уже в крайней необходимости; и море и зверь сберегли его с великой заботливостью, - потому что все это происходило по устроению Божьему. И вот он возвратился, проповедал, произнес угрозу, убедил, спас, устрашил, исправил, обезопасил одной только первой проповедью. Не требовалось много дней и продолжительного увещания: он сказал только несколько простых слов - и всех привел в раскаяние. Бог не прямо с корабля привел его в город, но корабельщики передали его морю, море - киту, кит - Богу, Бог - ниневитянам, и таким долгим путем возвратил Он беглеца, научая этим всех, что руки Божьей избежать невозможно, что, куда бы кто ни ушел, нося с собой грех, - потерпит бесчисленные бедствия, и хотя бы не было ни одного человека, - сама природа со всех сторон восстанет против него с великой силой. Итак, не бегству вверим свое спасение, но перемене нравов. Неужели Бог гневается на тебя за то,

что ты находишься в городе, чтобы тебе бежать отсюда? Ты согрешил, - на это Он и гневается. Посему оставь грех и останови источник зла там, где причина раны: и врачи советуют лечить противное противным. Родилась от пресыщения лихорадка, - они врачуют эту болезнь воздержанием. От уныния заболел кто, - говорят, что веселье хорошее для него лекарство. Так должно поступать и в болезнях душевных. Беспечность наша возбудила гнев Божий, - отвратим его усердием и покажем полную перемену. Есть у нас великий помощник и споборник - пост, а, сверх поста, настоящее бедствие и страх угрожающей опасности. Сделаем же теперь вовремя принуждение душе своей: мы легко можем склонить ее ко всему, чего не захотим. Боязливый и трепещущий, лишенный всяких удовольствий и живущий в страхе легко склоняется к любомудрию и с великой готовностью принимает семена добродетели.

7. Итак, склоним ее (душу) начать исправление избежанием клятв. Хотя я и вчера и третьего дня говорил вам об этом предмете, однако не перестану и сегодня, и завтра, и послезавтра, внушать то же. И что говорю, - завтра или послезавтра? Не перестану, пока не увижу, что вы исправляетесь. Если уже преступающие закон не имеют стыда, тем более мы, внушающие не преступать закон, не должны стыдиться постоянного увещания. Постоянное напоминание об одном и том же зависит не от говорящего, но от слушающих, которые требуют непрерывного наставления в простых и удобоисполнимых делах. Да и что может быть легче того, как не клясться? Это дело одной привычки, и не требует ни телесного труда, ни траты денег. Хочешь знать, как можно преодолеть эту болезнь, как освободиться от этой дурной привычки? Я укажу тебе средство, которым если воспользуешься, то наверно успеешь. Когда увидишь, что или сам ты, или кто из рабов или детей, или жена, подвержены этому пороку, и после неоднократных напоминаний не исправились, прикажи им лечь спать не ужинавши; наложи и на себя и на них это наказание: оно принесет не вред, а пользу. Таковы духовные наказания: они приносят и пользу и весьма скорое исправление. Язык, находясь в постоянной пытке, и без стороннего напоминания, получает достаточное вразумление, когда, например, бывает томим жаждой и голодом; и - как бы ни были мы бесчувственны, однако, в течение целого дня вразумляемые тягостью этой пытки, не будем нуждаться еще в другом совете и наставлении. Вы одобряете слова мои? Так покажите на деле свое одобрение; иначе, какая будет польза от настоящего собрания? Если отрок каждый день ходит в школу, а между тем ничему не научается - ужели будет достаточным в наших глазах оправданием для него то, что он ежедневно ходит туда? Не выставим ли против него самым большим обвинением то, что он ходит туда каждый день и делает это без пользы? Так станем судить и о нас самих и скажем себе: столько времени ходим мы в церковь и причащаемся страшной и спасительной вечери; но если будем выходить отсюда все такими же, какими приходим, и не исправим ни одного из своих недостатков, - какая будет нам польза от хождения сюда? Многие дела делаются не ради их самих, но ради их последствий. Например: сеющий не для того сеет, чтобы только сеять, но чтобы и пожать, - так что, если этого не будет, сеющий потерпит убыток, сгноив понапрасну семена. Купец не для того плавает, чтобы только плавать, но чтобы через мореплавание умножить свое имение, - так что, если этого не будет, последует крайний убыток, и мореплавание купцов окажется вредным. Так будем рассуждать и о себе: и мы ходим в церковь не для того только, чтобы побывать здесь, но чтобы вынести отсюда великую и духовную пользу. Итак, если мы будем выходить отсюда без всякой пользы, то и усердие будет нам в осуждение. Дабы не случилось этого и нам не причинить себе крайнего вреда, - по выходе отсюда, рассуждайте, друзья между собой, отцы с детьми, господа со слугами, и старайтесь выполнить, что вам заповедано, чтобы когда опять сюда придете и услышите от нас наставление о том же предмете, не придти вам в стыд от упреков совести, но радоваться и веселиться, видя, что большая часть наставления вами уже исполнена. Но не здесь только будем так любомудрствовать, потому что этого кратковременного

наставления недостаточно для искоренения всего (худого): пусть и дома слышит об этом муж от жены, и жена от мужа; пусть между всеми будет взаимное соревнование в исполнении этого закона, и упредивший в исполнении пусть обличает не исполнившего, чтобы упреками сильнее возбудить его; а кто отстал и не исполнил, пусть смотрит на упредившего и старается скорее догнать его. Если будем думать и заботиться об этом, у нас скоро пойдут успешнее и другие дела. Ты позаботься о Божьем, и Бог попечется о твоем. Не говори мне: что если кто поставит нас в необходимость клясться? Что если он не поверит? Там-то особенно, где нарушается закон, и не должно помнить о необходимости; одна необходимость неизбежна - не оскорблять Бога. Между тем советую вот что: воздержись пока от ненужных клятв, произносимых без причины и без необходимости, дома, при друзьях, при слугах. Если отстанешь от этих клятв, то, для избежания прочих, не будешь уже иметь нужды во мне: тогда самые уста, приученные бояться и избегать клятв, хотя бы кто и тысячу раз заставлял (поклясться), не позволят уже впасть в эту привычку. Как мы теперь, хотя с великим усилием и чрезвычайной настойчивостью устрашаем, угрожаем, увещеваем, советуем, однако же, едва ли успели приучить (ваши) уста к другой привычке; так и тогда, в какую бы кто ни поставил нас крайность, не принудит он нас преступить закона. И как никто никогда не согласится принять яд даже и в самой крайности, так и мы тогда не решимся произнести клятву. Исполнение этого будет для вас увещанием и побуждением приступить и к совершению других добродетелей. Ничего не исполнивший делается беспечным и скоро падает духом; но кто сознает о себе, что исполнил хотя одну заповедь, тот, ободренный этим, с большим рвением приступит и к исполнению прочих заповедей, потом, исполнив другую, скоро перейдет к следующей, и остановится не прежде, как достигнув самой вершины. Если и денег чем более кто приобретает, тем более еще желает; то тем более это может быть в отношении духовных совершенств. Вот почему я спешу и тороплюсь дать начало делу и положить в душах ваших основание добродетели, и прошу и умоляю вас помнить слова мои не только в настоящий час, но и дома, и на площади, и где бы вы ни были. О, если бы мог я постоянно быть с вами! Тогда не было мне нужды в этом долгом собеседовании. Но как это теперь невозможно, то помните, вместо меня, слова мои и, садясь за стол, представляйте себе, что я вошел, стою перед вами и внушаю то, о чем здесь теперь говорю вам; и, где только у вас зайдет речь обо мне, прежде всего вспомните об этой заповеди, и эту награду дайте мне за мою любовь к вам. Когда увижу, что вы исполнили эту заповедь, тогда я достиг всего, получил полное возмездие за труды! Итак, дабы вы и нас сделали более ревностными, и сами были бодры, и приобрели больше легкости в исполнении прочих заповедей, сохраните тщательно этот закон в душах ваших - и тогда узнаете пользу моего наставления. И золотая одежда, конечно, бывает красива, если даже просто смотрим на нее; но она кажется нам еще красивее, когда наденем ее на наше тело. Так и заповеди Божьи прекрасны и тогда, как только хвалят их; но они оказываются еще прекраснее, когда их исполняют. Вот и вы теперь хвалите слова мои только на короткое время; но если исполните их, то всякий день и во всякое время будете хвалить и нас и самих себя. Но еще не важное дело, что мы будем взаимно хвалить друг друга; важно то, что Сам Бог восхвалит нас, и не только восхвалит, но и наградит теми великими и неизреченными дарами, которых да удостоимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого слава Отцу и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

---

[1] εν λύπαις - в скорбях.

[2] Везде, где в Септуагинте и славянском переводе стоит "три дня и Ниневия будет разрушена", в синод. переводе стоит "сорок дней".

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

о том, что бояться начальников полезно, и рассказ о случившемся на пути с теми, кои несли к Царю весть о возмущении; также о том, что кто терпит что-либо неправедно и благодарит Бога, попускающего это, равен тому, кто терпит за Бога; предлагаются опять примеры трех отроков и печи вавилонской; и о воздержании от клятв.

МНОГО, однако, дней мы употребили на утешение любви вашей; не отстанем от этого предмета, но, пока продлится рана печали, будем прилагать и врачевство утешения. Если и врачи не перестают лечить телесные раны, пока не увидят, что болезнь прекратилась; тем более должно делать это по отношению к душе. Печаль есть рана души, и - должно непрестанно лечить ее словами утешения. И не так смягчают телесную опухоль теплые воды, как унимают боль души слова утешения. Здесь не нужна губка, как у врачей, но, вместо губки, употребим язык. Здесь не нужен огонь для согревания воды, но, вместо огня, воспользуемся благодатью Духа. Так вот и сегодня сделаем это же самое. Если мы вас не утешим, от кого же другого получите утешение? Судьи устрашают? Так пусть утешают священники. Начальники угрожают? Так пусть ободряет церковь. И с малыми детьми бывает так: учители устрашают и наказывают детей, и, как заплачут они, отсылают их к матерям; а матери, взяв их на руки к себе, держат и обнимают крепко, и, утерев слезы, целуют их, и ободряют прискорбную душу их, внушая им своими словами, что бояться учителей для них полезно.

Так, когда и вас начальники устрашили и сделали печальными, церковь, общая мать всех нас, отверзши объятья и приняв (вас) с распростертыми руками, каждодневно утешает, говоря, что полезен и страх от начальников, полезно и предлагаемое здесь утешение. Страх со стороны начальников не позволяет расслабляться от беспечности, а утешение церкви не попускает падать от уныния: и посредством того и другого Бог устраивает наше спасение. Он и начальников вооружил (Римл. 13:4), дабы устрашали дерзких; Он же и священников рукоположил, чтобы утешали скорбящих: о том и другом, вместе с Писанием, учит и самый опыт. В самом деле, когда уже при начальниках и вооруженных воинах, неистовство нескольких бродяг и пришельцев в самое короткое время произвело у нас такой пожар и воздвигло такую бурю, что заставило всех бояться кораблекрушения; то, если бы не было совсем страха от начальников, до какого неистовства не дошли бы эти люди? Не разрушили ли бы они у нас города до основания, и, перевернув все вверх дном, не лишили ли бы нас и самой жизни? Уничтожь судилища - и уничтожишь всякий порядок в нашей жизни; удали с корабля кормчего - и потопишь судно; отними вождя у войска - и предашь воинов в плен неприятелям. Так, если отнимешь у городов начальников, мы будем вести себя безумнее бессловесных зверей, - станем друг друга угрызать и снедать (Гал. 5:15): богатый - бедного, сильнейший - слабого, дерзкий - кроткого. Но теперь, по милости Божьей, ничего такого нет. Живущие благочестиво, конечно, не имеют нужды в мерах исправления со стороны начальников: "**праведнику закон не положен**", сказано (1 Тим. 1:9). Но люди порочные, если бы не были удерживаемы страхом от начальников, наполнили бы города бесчисленными бедствиями. Зная это, и Павел сказал: "**нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены**" (Римл. 13:1). Что связи из бревен в домах, то и начальники в городах. Если те уничтожишь, стены, распавшись сами собой, обрушатся одна на другую: так, если отнять у вселенной начальников и страх, внушаемый ими, - и дома, и города, и народы с

великой наглостью нападут друг на друга, потому что тогда не кому будет их удерживать и останавливать, и страхом наказания заставлять быть спокойными.

Итак, не будем скорбеть, возлюбленные, из-за страха от начальников, но еще поблагодарим Бога за то, что он пробудил нас от беспечности и сделал более рачительными. Скажи мне, что вредного произошло от этого опасения и беспокойства? То ли, что мы сделались более степенными и скромными, более рачительными и внимательными? Что не видим ни одного пьяного и поющего любострастные песни, а напротив совершаются у нас непрестанные молебствия, и плач, и молитвы? Что отовсюду изгнан неумеренный смех, сквернословие и всякая вольность, и - весь город наш уподобляется теперь скромной и благородной жене? Из-за этого ли ты скорбишь, скажи мне? Нет; из-за этого надобно радоваться и благодарить Бога, что Он немногодневным страхом вывел нас из такой беспечности. Это правда, говоришь ты; если бы только страхом и оканчивалась беда наша, в таком случае мы уже довольно получили пользы; но вот мы боимся, чтобы зло не простерлось далее, и нам всем не впасть бы в крайнюю опасность. Не бойтесь; утешает вас Павел, говоря: "**верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести**" (1 Кор. 10:13); "**ибо Сам сказал: не оставлю тебя и не покину тебя**" (Евр. 13:5). Если бы Он захотел наказать на деле и на самом опыте, то не предал бы нас страху на столько дней. Когда Он не хочет наказать, тогда устрашает, потому что, если уже намерен Он наказать, то не к чему страх, не к чему угроза. Но вот мы вытерпели такую жизнь, которая хуже тысячи смертей: в продолжение стольких дней страшимся и трепещем, пугаемся самых теней, несем наказание Каиново, и среди сна вскакиваем от непрестанного беспокойства; так что, если мы и прогневали Бога, то уже умилостивили Его, вытерпев такое мучение. Пусть наше наказание и не соответствует еще грехам нашим, но его довольно для человеколюбия Божия.

2. Впрочем, не по этому одному, но и по многим другим причинам мы должны ободриться. Бог дал уже нам не мало залогов доброй надежды. И, во-первых, то, что отправившиеся отсюда с горестной вестью, полетев как бы на крыльях и думая скоро поспеть в столицу, находятся еще на половине пути: столько встретилось им затруднений и препятствий, что, оставив коней, они едут теперь в повозках, - отчего, по необходимости, прибудут туда позже. Как Бог подвигнул отсюда святителя и общего отца нашего и побудил его отправиться и взять на себя это ходатайство; так Он же задержал и тех на половине пути, дабы они, опередив, не раздули огня, и, раздражив слух царя, не поставили учителя в невозможность поправить дело. А что такая остановка случилась не без соизволения Божьего, это видно из следующего. Люди, которые всю жизнь провели в таких путешествиях, и только то и делали, что постоянно ездили на конях, теперь, разбившись от самой верховой езды, принуждены остановиться; и случилось ныне противное тому, что было с Ионой. Того (Бог) заставил идти, когда он не хотел; а этим (гонцам) воспрепятствовал идти, когда они хотели. Новое и чудное дело! Тот не хотел проповедать о разрушении (Ниневии) - и Бог заставил его против воли; эти с великой скоростью спешат возвестить о низвержении (статуй) - и Он остановил их, также против их воли. Что это значит? То, что здесь поспешность причинила бы вред, а там пользу. Поэтому Бог и того понудил через кита, и этих остановил через коней. Видишь ли премудрость Божью? И тот и эти встретили препятствие в том самом, через что надеялись достигнуть желаемого. Иона надеялся на корабле уклониться - и корабль сделался для него цепью; (гонцы) надеялись на конях скорее достигнуть до царя - и кони оказались помехой; но лучше сказать, воспрепятствовали им не кони, как и (Ионе) не корабль, а Промысел Божий, все устраивающий по Своей премудрости. И смотри, какое попечение: и устрашил, и утешил! Попустив посланным отправиться к царю с вестью обо всем случившемся, в тот самый день, когда учинены были все те преступные дерзости, Он этой

скоростью их отъезда всех устрашил; когда же они отправились и два-три дня провели в пути, и мы уже считали бесполезным отъезд нашего святителя, думая, что он опоздает, тогда Бог рассеял наш страх и утешил нас, задержав посланных, как сказал я, на половине пути, и устроив так, что приехавшие к нам оттуда той же дорогой рассказали всем нам о случившихся с теми (гонцами) неприятностях, дабы мы сколько-нибудь отдохнули и сложили с себя часть беспокойства, что и случилось. Услышав об этом, мы воздали поклонение виновнику сего - Богу, Который и ныне благопопечительнее всякого отца устроил все наши обстоятельства, какой-то невидимой силой задержав этих недобрых вестников, и как бы говоря им: что спешите? Зачем торопитесь погубить такой город? Не добрые вести несете вы к царю: стойте же здесь, пока дам я возможность служителю Моему, как опытнейшему врачу, поспешить и упредить ваше прибытие. Если же оказано такое о нас попечение в самом начале раны от преступления, тем большее получим мы успокоение после обращения, после раскаяния, после такого страха, после слез и молитв. Иона с целью был понуждаем, - именно, чтобы привести (ниневитян) к покаянию; но вы уже показали раскаяние и великую перемену: поэтому и нужно теперь утешение, а не угрожающая весть. Вот для чего Бог и подвиг отсюда (нашего) общего отца, хотя и много было препятствий. Если бы Он не заботился о нашем спасении, то не побудил бы его, напротив еще остановил бы, когда он хотел отправиться.

3. Хочу сказать еще и о третьем обстоятельстве, которое может возбудить в вас бодрость, именно о настоящем празднике, который уважают почти все и неверные, - которому и сам боголюбивый царь оказал такое уважение и почтение, что в этом превзошел он всех бывших до него благочестивых самодержцев. В эти дни он, изданным в честь праздника указом, освободил почти всех заключенных в темнице; и этот-то указ святитель наш, пришедши прочтет перед царем, напомнит ему о собственных его законах, и скажет к нему: будь сам для себя увещателем и вспомни о собственных делах; пример человеколюбия у тебя дома. Ты не хотел произвести и праведной казни: решишься ли совершить неправедную? Уличенных и осужденных ты из уважения к празднику, освободил: невинных ли и ничего не сделавших злого осудишь, - скажи мне, - и притом в самый праздник? Нет, государь! В этом указе, обращаясь ко всем городам, ты говорил: о, если бы мог я воскресить и мертвых! Вот мы нуждаемся в этом человеколюбии, нуждаемся в этих словах. Для царей не столько славно победить врагов, сколько преодолеть ярость и гнев. Там успех в деле зависит от оружия и воинов: здесь торжество принадлежит тебе одному и никто не разделит с тобой славы любомудрия. Ты одержал победу в войне с варварами: победи же и гнев царский; пусть знают все неверные, что страх Христов может обуздать всякую власть! Прославь своего Господа, простив согрешения со-рабам, дабы и Он еще более прославил тебя, дабы в день суда, вспомнив об этом человеколюбии твоем, воззрел на тебя кротким и милостивым оком. Так и больше того скажет он, и, конечно, избавит нас от (царского) гнева. Впрочем, настоящий пост служит нам величайшим споборником не только к умилостивлению царя, но и к мужественному перенесению случившегося с нами. Это время доставляет нам не малое утешение: уже то самое, что каждый день собираемся здесь, наслаждаемся слушанием Божественного Писания, видим друг друга, вместе скорбим, молимся, получаем благословение, и таким образом отходим домой, - это одно отнимает у нас большую половину скорби. Итак, не упадем духом и не погубим себя унынием, но будем ожидать лучшего и со вниманием послушаем, что будет говорено. И сегодня хочу я побеседовать опять о презрении смерти. Вчера [1] говорил я вам, что мы боимся смерти не потому, что она страшна, но потому, что нас не воспламенила любовь к царствию и не объял страх геенны, а сверх того и потому, что не имеем доброй совести. Хотите, скажу и четвертую причину этой неуместной боязни, - причину не менее важную, и еще более верную, нежели предыдущие. Мы не ведем строгой жизни, какая прилична христианам, но

полюбили эту изнеженную, роскошную и беспечную жизнь; отчего конечно, и привязаны к настоящему.

Но если бы мы проводили жизнь в посте, и всенощных бдениях, и воздержании, обсекая беспорядочные свои пожелания, отвергая удовольствия, пребывая в подвигах добродетели, по слову Павла: "**умерщвляю тело и порабощаю**" (1 Кор. 9:27), "**попечения о плоти не превращайте в похоти**" (Римл. 13:14), идя тесным и скорбным путем; тогда бы мы тотчас возжелали будущих благ и спешили освободиться от настоящих трудов. И дабы увериться тебе, что не ложно слово наше, взойди на вершины гор и посмотри на тамошних иноков, одетых во власяницу, носящих вериги, изнуренных постом, заключившихся во мраке, - и увидишь, что все они желают смерти и называют ее успокоением. Как боец спешит уйти с ристалища, чтобы избавиться от ран, и борец желает окончания зрелища, чтобы освободиться от трудов; так и ведущий добродетельную, строгую и суровую жизнь желает смерти, чтобы и освободиться от настоящих трудов, и беспрепятственно получить уготованные венцы, приплыв в тихую пристань и переселившись туда, где уже не нужно опасаться кораблекрушения. Поэтому Бог и устроил жизнь нашу трудной и тяжкой, чтобы мы, будучи теснимы здешними скорбями, возжелали будущих благ. Если и теперь, когда со всех сторон окружает нас столько огорчений, опасностей, страхов и забот, так привязаны мы к настоящей жизни; то возжелали ли бы мы будущих благ, когда бы ничего такого не было, но вся наша жизнь была бы беспечна и безбедна.

4. Так поступил Бог и с иудеями. Желая пробудить в них мысль о возвращении (в отечество) и заставить их возненавидеть Египет, Он попустил им быть отягощаемыми "**глиной и кирпичами**" (Исх. 1:14), дабы они, будучи подавляемы великостью трудов и тяжестью работы, воззвали к Богу о возвращении. Если же они, и при таких обстоятельствах вышедши, опять вспоминали о Египте и тяжком рабстве, и готовы были возвратиться под прежнее тиранство; то, не испытав этого от иноплеменников, захотели ли бы когда оставить чужую землю? Посему, чтобы и мы, привязавшись к настоящему, не скорбели и не забыли о будущем, Бог сделал нашу жизнь тягостной. Не будем же более надлежащего любить настоящую жизнь. Какая нам польза, какая выгода от чрезмерной привязанности к этой жизни? Хочешь знать, почему настоящая жизнь составляет для нас благо? Потому что она служит нам началом и приготовлением к будущей жизни, поприщем и местом борьбы для получения тамошних венцев; так что она если не будет для нас этим, жальче тысячи смертей. Если мы в этой жизни не хотим угождать Богу, то лучше умереть. Что особого, что нового для нас здесь? Не то же ли солнце, не ту же ли луну видим ежедневно? Не ту же зиму? Не то же ли лето? Не те же ли предметы? "**Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться**" (Екл. 1:9). Итак, не будем ни живых считать просто блаженными, ни умирающих оплакивать; станем лучше скорбеть о грешниках, будут ли они жить, или умрут, а добродетельных будем ублажать, где бы они ни были. Ты одной смерти боишься и плачешь, а Павел умирал каждодневно, и из-за этого не только не плакал, но еще радовался и веселился. О, если бы и я страдал за Бога, говоришь ты, я ни о чем бы не беспокоился! Но не унывай и теперь: славен не тот только, кто терпит что-либо за Бога, но и тот, кто страждет неправедно и переносит это мужественно и благодарит Бога за таковое попущение; и этот славен не меньше того, кто страждет за Бога. Блаженный Иов безвинно и незаслуженно потерпел много невыносимых ударов от козней дьявола; но как он мужественно перенес их и возблагодарил Бога, попустившего это, то и получил полный венец.

Итак, не скорби из-за смерти: она - от природы; скорби из-за греха: он - беззаконное дело произволения. Если же скорбишь об умерших, то скорби и о рождающихся, потому что как это дело естественное, так и то. Посему, если кто станет грозить тебе смертью, скажи

ему: от Христа научился я не бояться "**убивающих тело, души же не могущих убить**" (Матф. 10:28); если будет грозить отнятием имущества, скажи ему: "**наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь**" (Иов. 1:21); "**ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести**" (1 Тим. 6:7); если ты не возьмешь, придет смерть, и возьмет; если ты не умертвишь, закон природы в известный срок принесет смерть. Не будем же бояться ничего такого, что постигает нас по закону природы, но убоимся того, что бывает с нами от злого произволения; это подвергает нас наказанию. При всех постигающих нас нечаянностях, будем непрестанно размышлять, что печалью нам не поправить их, и мы перестанем скорбеть; а вместе с тем подумаем и о том, что если мы в настоящей жизни терпим какое-либо несчастие незаслуженно, то этим заглаживаем множество грехов. Великое благо - сложить грехи здесь, а не там. Богач не потерпел здесь никакого бедствия, зато там горел в огне. И дабы увериться, что это было причиной, почему он не получил никакого утешения, послушай, что говорит Авраам: "**чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей**", поэтому "**страдаешь**" (Лук. 16:25). А для удостоверения, что и Лазарь получил блаженство не только за добродетельную жизнь, но и за перенесение здесь бесчисленных бедствий, послушай, как и об этом говорит патриарх. Сказав богачу: "**получил уже доброе твое**", он присовокупил: "**а Лазарь – злое**", и поэтому "**утешается**". Как живущие добродетельно и страждущие получают от Бога двойную награду; так и живущий в грехе и благоденствующий понесет двойное наказание. Опять и это говорю не в обвинение бегущих из города ("**сердца огорченного**" сказано, "**не смущай**" - Сир. 4:3), и не в укоризну им (потому что больной имеет нужду в утешении); нет, я стараюсь исправить их, желаю, чтобы мы не вверяли своего спасения бегству, но бежали бы греха, сошли бы со злого пути. Если греха избежим, то и среди бесчисленного множества воинов никто не может нас поранить, а если его не избежим, то, хотя бы мы взошли на самую вершину гор, и там найдем тысячи врагов. Вспомни опять о тех трех отроках: они были в печи и не потерпели никакого зла; а ввергнувшие их были вне ее, однако же все, сколько их ни стояло вокруг, истреблены. Что чудеснее этого? Тех, кои были во власти огня, он отпустил, а кои не были в его власти, тех охватил! Чтобы познал ты, что не место, но расположение души бывает причиной и спасения и наказания, вот, бывшие в печи остались невредимы, а бывшие вне ее - истреблены. У тех и других одинаковые тела, но не одинаковые мысли, а потому и не одинаковая восприимчивость к страданиям. Сено лежит и вне (печи), но тотчас возгорается; тогда как золото, и, находясь внутри (печи), еще более блестит.

5. Где теперь говорящие: пусть царь возьмет все и оставит нам тело свободным? Пусть узнают они, что это значит: тело свободное. Не безнаказанность делает тело свободным, но жизнь постоянно добродетельная. Вот, тела этих отроков были свободны и брошенные в печь; потому что они давно сбросили рабство греха, а в этом-то единственно и состоит свобода, а не в том, чтобы не терпеть наказания и никакого несчастия. А ты, услышав об этой печи, вспомни об огненных реках, которые потекут в тот страшный день. Как здесь огонь одних охватил, а других пощадил; так будет и в тех реках: у кого будут дрова, сено, тростник, тот даст, чем гореть огню; а у кого будет золото, серебро, тот сам сделается блистательнее. Это-то вещество и станем собирать, и будем мужественно переносить настоящие бедствия, зная, что настоящая скорбь избавит нас и от тамошнего наказания, если мы сумеем любомудрствовать, и здесь сделает лучшими, не только нас, но и притеснителей наших, если мы будем бдительны (такова сила любомудрия), как это и в то время случилось с мучителем. Когда он увидел, что отроки не потерпели никакого вреда, послушай, как он переменил (речь). "**Рабы Бога Вышнего**", говорит, "**выйдите и подойдите**" (Дан. 3:93). Незадолго перед тем не ты ли говорил: "**тогда какой Бог избавит вас от руки моей**" (Дан. 3:15)? Что же случилось? Откуда такая перемена? Бывших вне печи увидел ты погибшими, и зовешь находящихся внутри? Откуда пришло к тебе такое

любомудрие? Вот, какая перемена произошла в царе! Когда отроки еще не были в его власти, он богохульствовал; а как ввергнул их в огонь, так и стал любомудрствовать. Поэтому Бог и попустил быть всему, чего хотел мучитель, чтобы показать, что хранимому Им никто не может повредить; здесь Он сделал то же, что сделал с Иовом. И там Он попустил дьяволу выказать всю свою силу; и когда этот истощил все стрелы, и уже не оставалось более никакого рода козней, - тогда-то Бог и вывел подвижника с поприща, чтобы победа была славна и несомненна. Точно так Он сделал и здесь. Захотел мучитель разрушить город их (отроков) - и Он не воспрепятствовал; захотел отвести их в плен - не остановил; захотел связать - дозволил; ввергнуть в печь - допустил; разжечь пламя сверх меры - и это позволил, и когда уже ничего более не оставалось, и мучитель истощил всю свою силу, тогда и Бог показал Свое могущество и терпение отроков. Видишь, что Бог попустил этим бедствиям дойти до крайней степени - для того, чтобы показать притеснителям и любомудрие притесняемых и Свое промышление. И мучитель, познав то и другое, воскликнул: "**рабы Бога Вышнего! выйдите и подойдите**". Но обрати внимание на великодушие отроков: они не вышли прежде зова, дабы не подумал кто, что они устрашились огня; а, быв позваны, не остались внутри, дабы не почли их честолюбивыми и упорными. Когда узнал ты, говорят, чьи мы рабы; когда познал нашего Господа, - тогда мы выходим, как проповедники силы Божьей всем предстоящим. А сказать правду, - не только они, но и сам гонитель собственным голосом, и устно и посланием, возвестил всем и о мужестве подвижников, и о силе Подвигоположника. Как глашатаи на середине зрелища объявляют имена борцов-победителей и называют их города, говоря: такой-то из такого-то города; так и мучитель, вместо города, провозгласил их Господа: "**Седрах, Мисах и Авденаго, рабы Бога Всевышнего! выйдите и подойдите**" (Дан. 3:93). Что случилось, что называешь их рабами Божьими? Не твои ли они были, рабы? Но они, говоришь, сокрушили мою власть, попрали мою гордость, делами показали своего истинного Господа. Если бы они были рабами людей, их не убоялся бы огонь, от них не отступило бы пламя; потому что тварь не умеет уважать и чтить рабов человеческих. Поэтому, говорит, "**благословен Бог Седраха, Мисаха и Авденаго**" (Дан. 3:95). Здесь обрати внимание на то, как он сперва возвещает о Подвигоположнике: "**благославен Бог, Который послал Ангела Своего и избавил рабов Своих**" (Дан. 3:95). Это о силе Божьей; скажи и о добродетели подвижников: "**которые надеялись на Него и не послушались царского повеления, и предали тела свои огню, чтобы не служить и не поклоняться иному богу**" (Дан. 3:95). Что может сравниться с добродетелью? Прежде, когда они говорили: "**богам твоим не служим**" (Дан. 3:18), он разгорелся сильнее печи; а теперь, когда это доказали на самом деле, он не только не разгневался, но еще похвалил и восхищался по поводу того, что они не послушали его. Вот, какое благо добродетель: она и в самых врагах возбуждает к себе удивление и похвалу. Отроки сразились и победили, а побежденный стал благодарить за то, что их не устрашил вид пламени, но воодушевила надежда на Бога; он и Бога вселенной называет по трем отрокам, не для того, чтобы ограничить Его владычество, но потому, что эти три отрока стоили вселенной. Поэтому и хвалит мучитель презревших его, и, минуя столько правителей, и царей, и начальников, покорных ему, восторгается тремя пленниками и рабами, посмеявшимися над его жестокостью. Они сделали это не по любопрению, но по любомудрию; не по дерзости, но по благочестию; не надмившись гордостью, но воспламенясь ревностью. Подлинно, великое благо надежда на Бога! Это познал и этот иноплеменник, и - желая показать, что через нее избавились отроки от угрожавшей опасности, воскликнул: "**которые надеялись на Него**" (Дан. 3:95).

6. Говорю это теперь, и представляю все истории, в которых описываются искушения, и беды, и гнев царей, и козни, - для того, чтобы мы ничего так не боялись, как прогневать Бога. Вот, и тогда разожжена была печь, но отроки посмеялись над ней, а греха убоялись,

потому что знали, что от огня они не потерпят никакого вреда, а за нечестие подвергнутся крайней опасности.

Грех сам есть величайшее наказание, хотя бы и мы не были наказаны, равно как добродетельная жизнь сама составляет величайшую честь и счастье, хотя бы мы и терпели наказание. Грехи удаляют нас от Бога, как и Сам Он говорит: *не грехи ли ваши разлучают между вами и Мною* (Ис. 59:2)? А наказания обращают нас к Богу: "**Ты даруешь нам мир**", говорит, "**все дела наши Ты устраиваешь**" (Ис. 26:12). У кого есть рана, тому чего должно бояться, - гниения, или сечения от врача? Ножа, или распространения раны? Грех есть гниение, наказание - нож врачебный. У кого загноилась рана, тот терпит боль, хотя и не подвергается сечению; и тогда-то особенно бывает он в худом положении, когда не подвергается сечению; так и согрешающий несчастнее всех, хотя и не терпит наказания; и тогда-то особенно он несчастен, когда не терпит наказания и никакого зла. Страждущие расстройством печени и водяной болезнью, когда употребляют много пищи, холодное питье, сладкие и вкусные яства, тогда особенно и бывают несчастнее всех, потому что невоздержанием увеличивают болезнь; напротив, когда по предписаниям врачей изнуряют себя голодом и жаждой, тогда имеют некоторую надежду на выздоровление. Так и живущие в нечестии, если терпят наказание, то имеют добрую надежду, а если при нечестии наслаждаются спокойствием и удовольствиями, то несчастнее невоздержных - больных водянкой, и это тем более чем душа лучше тела. Итак, если увидишь, что между делающими одинаковые грехи, одни борются непрестанно с голодом и бесчисленными бедствиями, а другие упиваются, пресыщаются и роскошествуют, - почитай более блаженными тех, кои терпят бедствия, так как этими бедствиями ослабляется пламя греховной похоти, и эти люди отходят к будущему суду и к страшному тому судилищу с немалым облегчением, и выйдут из него, изгладив понесенными здесь бедствиями многие грехи свои.

Но довольно утешения, - время уже перейти к увещанию об избежании клятв и к опровержению того напрасного и пустого извинения, которым клянущиеся думают оправдать себя. Именно, когда мы обвиняем их, они указывают нам на других, которые делают то же самое, и говорят: такой-то и такой-то клянутся. Итак, скажем им: но такой-то не клянется; а Бог произнесет над тобой приговор по сравнению с подвигами праведных. Грешники не приносят пользы грешникам взаимным общением в беззакониях, а праведные служат к осуждению грешных. Не напитавших и не напоивших Христа было много (Матф. 25:41), но они нисколько не пособили друг другу; равно как и пять дев (юродивых) не получили никакого облегчения одна от другой, но как те, так и эти осуждены самым сравнением с праведными и наказаны. Итак, бросив это пустое оправдание, будем смотреть не на согрешающих, но на делающих добро, и постараемся запастись воспоминанием о настоящем посте. Часто мы, приобретши одежду, или служителя, или драгоценный сосуд, вспоминаем о времени (приобретения) и говорим друг другу: такого-то служителя я приобрел в такой-то праздник, такую-то одежду купил в такое-то время. Так, исполняя и этот закон, будем говорить: в такую-то четыредесятницу я отстал от клятв; до того времени я клялся, но, услышав простое увещание, удержался от этого греха. Но привычку, скажешь, трудно исправить? Это и я знаю, и потому спешу ввести вас в другую привычку, полезную и выгодную. Ты говоришь: трудно отставать от привычки? Но по этому самому и постарайся отстать, верно зная, что если приобретешь себе другую привычку не клясться, то не будешь уже нуждаться ни в каком труде. Что труднее: не клясться, или целый день быть без пищи, и изнурять себя, употребляя одну воду и мало хлеба? Очевидно, что это труднее того; однако привычка делает это возможным и легким, так что иной, хотя бы кто в наступивший пост тысячу раз упрашивал его, хотя бы тысячу раз заставлял и принуждал пить вино или вкусить чего-либо неположенного в посты, скорее решится вытерпеть все, чем прикоснуться к

запрещенной пище. Хотя мы и любим вкусную трапезу, но по навыку, ободряемому совестью, благодушно переносим все эти лишения. То же самое будет и с клятвами: как теперь, хотя бы кто ставил тебя в крайнюю необходимость, ты держишься привычки; так и тогда, хотя бы кто тысячу раз упрашивал тебя, не отстанешь от привычки.

7. Посему, возвратясь домой, побеседуй об этом со всеми домашними. Со многими бывает, что, уходя с луга, они берут розу, или фиалку, или какой-либо другой цветок, и несут в руках; другие, выходя домой из сада, уносят с собой древесные ветви с плодами; иные, опять, с богатых обедов приносят своим родным остатки от стола. Так и ты, уходя отсюда, отнеси наставление к жене, детям и всем родным. Это наставление полезнее и луга, и сада, и стола; эти розы никогда не увядают, эти плоды никогда не засыхают, эти яства никогда не портятся. От тех временное удовольствие, а от этих всегдашняя польза, не только после исполнения, но и при самом исполнении совета. Подумай только, как хорошо, оставив все другие дела, и общественные и частные, постоянно, разговаривать о божественных законах, - и за столом, и на площади, и в других собраниях. Если этим будем заниматься, то не скажем ни одного слова опасного и вредного и не согрешим и невольно. Да и от настоящей печали можем освободить свою душу, когда станем заниматься беседой об этом, вместо тех беспокойных речей, какие мы теперь постоянно говорим друга другу: "что-то, услышал ли царь о случившемся? Разгневался ли он? Какой дал приговор? Упросил ли его кто-нибудь? Неужели он позволит совсем истребить столь большой и многолюдный город?" - Это и все таковое предоставив Богу, позаботимся только о Его заповедях; таким способом отвратим все эти бедствия. И пусть из нас только десять человек исправятся: из этих десяти вскоре будет двадцать, из двадцати - пятьдесят, из пятидесяти - сто, из ста - тысяча, из тысячи - целый город. Как, зажегши десять светильников, легко можно осветить весь дом, так и по отношению к духовным подвигам: пусть только десять человек исправятся, мы зажжем целый костер, который осветит собой город и доставит безопасность. И не так скоро пламя, запав в лесу, зажигает одно за другим близстоящие деревья, как ревность о добродетели, запав в немногие души и постепенно распространяясь, может обнять весь город. Итак, дайте мне похвалиться вами и в настоящей жизни, и в тот день, когда приведутся (на суд) получившие таланты. Достаточная мне награда за труды - ваша добрая слава; и, лишь увижу, что вы живете благочестиво, - я все получил. Сделайте же, что я и вчера внушал вам, и сегодня говорю, и не перестану говорить: определив наказание клянущимся, - наказание, приносящее пользу, а не вред, - постарайтесь представить нам и доказательство своего преуспеяния. А я постараюсь, по выходе из этого собрания, с каждым из вас иметь продолжительную беседу, чтобы во время такой беседы усмотреть мне, кто исправился; и если увижу кого-либо клянущимся, объявлю его перед всеми исправившимися, дабы упреками, обличением и вразумлением тотчас отклонить его от дурной привычки. Ведь гораздо лучше здесь вытерпеть стыд и исправиться, чем быть посрамленным и наказанным перед лицом всей вселенной, в тот день, когда грехи наши откроются перед очами всех. Впрочем, не дай Бог, чтобы кто-либо из сего почтенного собрания явился там в таком несчастном положении; но молитвами святых отцов наших, исправив все грехи и принесши обильный плод добродетели, да отойдем отсюда с великим дерзновением, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу со святым Духом во веки веков. Аминь.

---

[1] См. предыдущ. V бесед. п. 3 и сл.

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ

о том, что скорбь полезна только к уничтожению греха, и на слова: "в начале сотворил Бог небо и землю", где показывается, что сотворение мира служит источником величайшего утешения; также на слова: "Адам, где ты"? и об избежании клятв

МНОГО и о многом говорил я вчера к вашей любви, но из многого, если не возможно вам всего удержать, прошу вас запомнить более всего то, что Бог наслал на нас скорбь не ради чего-либо другого, как только ради греха, и - это доказал Он самым делом. Когда мы скорбим и печалимся о потере имущества, о болезни, о смерти и о других постигающих нас бедствиях, то от печали не только не получаем никакого облегчения, но еще увеличиваем несчастье; если же будем скорбеть и печалиться о грехах, то уменьшаем тяжесть греха, великий (грех) делаем малым, а часто и совершенно изглаживаем его. Помните об этом непрестанно, чтобы вам скорбеть только о грехе, а не о чем другом; (помните) также и о том, что грех, привнесши в жизнь нашу смерть и скорбь, ими же и истребляется, как это ясно мы показали прежде [1]. Итак, ничего не будем так бояться, как греха и преступления. Не будем бояться наказания - и избежим наказания: и три отрока не убоялись печи - и избежали печи. Таковы должны быть рабы Божьи! Если воспитанные в Ветхом Завете, когда еще не умерщвлена была смерть, не сломаны врата медные и не сокрушены вереи железные, - если они столь мужественно встречали кончину; то какое оправдание, или какое извинение, будем иметь мы, которые, получив такую благодать, не достигаем и одинаковой с ними меры в добродетели, теперь - когда смерть есть одно только имя без значения? Смерть есть не что иное, как сон, путешествие, переселение, успокоение, тихая пристань, избавление от смятения и освобождение от житейских забот. Но здесь мы прекратим слово утешения; потому что пятый уже день утешаем любовь вашу, и, кажется, становимся уже и в тягость. Правда, для внимательных достаточно и сказанного, а для малодушных не будет никакой пользы, если к сказанному прибавим и еще больше. Время уже нам обратить поучение к изъяснению Писания, потому что, если бы мы ничего не сказали о настоящем бедствии, нас обвинили бы в жестокости и бесчеловечии: равно как, если бы мы постоянно только и говорили о нем, - нас справедливо обвинили бы в малодушии. Итак, поручив души ваши Богу, могущему проглаголать вашему сердцу (Ис. 40:2) и изгнать из него всю печаль, приступим теперь к обычному наставлению, тем более, что и вообще всякое изъяснение Писания доставляет утешение и ободрение. Таким образом, хотя мы, по-видимому, уклоняемся от (преподавания) утешения, но изъяснением Писания опять нападаем на тот же предмет. И что все Писание внимательным доставляет утешение, - это я тотчас же объясню вам. Не стану даже обозревать исторических сказаний Писания и отыскивать (в нем) только какие-либо утешительные слова: напротив, чтобы представить яснейшее подтверждение своего обещания, возьму ныне читанную нам книгу и, если угодно, предложу вам ее начало и вступление, которое в особенности, кажется, не представляет и следа утешения, но совсем лишено утешительных слов, и этим объясню сказанное мной. Что же это за вступление? "**В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною**" (Быт. 1:1-2). Думается ли кому из вас, что эти слова заключают в себе утешение в скорби? Не исторический ли это рассказ, и не учение ли о творении?

2. Хотите ли, я покажу, что в этом изречении сокрыто утешение? Итак, ободритесь и тщательно внимайте тому, что будет сказано. Когда услышишь, что небо, землю, море, воздух, воды множество звезд, два великие светила, растения, четвероногих, плавающих и летающих животных, вообще все видимое Бог создал для тебя, и для твоего спасения и славы, - не тотчас ли получаешь достаточное утешение? И не величайшее ли

доказательство любви Божьей откроешь для себя, когда размыслишь, что столь прекрасный, великий и чудный мир воззвал Бог к бытию для тебя - столь малого? Посему, когда услышишь, что "**в начале сотворил Бог небо и землю**", не проходи без внимания этих слов, но обойди умом (всю) широту земли и размысли, какой роскошный и богатый стол раскрыл Он перед нами, и сколь великое со многих сторон предложил нам наслаждение! И что важнее всего, - дал Он нам столь прекрасный и великий мир не в награду за труды и не в возмездие за добрые дела; но лишь только нас создал, как и почтил род наш этим царством. "**Сотворим человека**", говорит, "**по образу нашему и по подобию**" (Быт. 1:26). Что значит: "**по образу нашему и по подобию**"? Разумеет образ начальства: как, говорит, на небе нет никого выше Бога, так на земле да не будет никого выше человека. Итак, Бог почтил человека, во-первых, тем, что сотворил по образу (Своему); во-вторых, тем, что дал нам начальство не в награду за труды, но как чистый дар своего человеколюбия; в-третьих, тем, что это начальство сделал для нас прирожденным. Одни начальства прирожденные, а другие вручаемые. К первым относится, например, владычество льва над четвероногими, или орла над птицами; к последним владычество царя над нами: он не по природе властвует над (своими) сорабами, потому нередко и слагает с себя начальство. Таково все, что дается не от природы; оно легко изменяется и переиначивается. Но не так со львом: он по природе владычествует над четвероногими, равно как и орел над птицами. Потому в этой породе животных царственное достоинство всегда наследственно, и никто не увидит, чтобы лев когда-либо сложил с себя владычество. Таковое царственное достоинство и нам даровал Бог вначале и поставил нас над всем. Да не только этим почтил Он нашу природу, но и превосходством самого места, назначив нам в прекрасное жилище рай и одарив нас разумом и бессмертной душой.

Но не буду и говорить об этом; скажу: богатство попечительности Божьей столь велико, что благость и человеколюбие Его можем указать не только в том, чем Он почтил нас, но и в самых наказаниях. Это-то особенно и прошу вас твердо знать, - что Бог одинаково благ - и когда оказывает честь и благотворит, и когда наказывает и карает. Потому, когда у нас возникнут с язычниками или с еретиками споры и рассуждения о человеколюбии и благости Божьей, будем доказывать благость Его не только тем, чем Он почтил нас, но и самыми наказаниями. Если Бог тогда только благ, когда оказывает честь, и не благ, когда наказывает, то Он благ только в половину; но это не так: нет. В людях, конечно, бывает это, когда они наказывают в гневе и страсти; но Бог, будучи бесстрастен, благотворит ли, наказывает ли, - одинаково благ: и угроза геенной доказывает Его благость не меньше, чем и обещание царствия. Как это? Объясню. Если бы Он не грозил геенной, если бы не приготовил наказания, многие не получили бы царствия. Многих не столько обещание благ склоняет к добродетели, сколько угроза несчастьем, внушая страх, заставляет и побуждает заботиться о душе. Таким образом, хотя геенна и противоположна царствию небесному, но то и другое ведет к одному концу, - спасению человеческому: это (царствие) привлекает к себе, а та (геенна) понуждает идти к нему же, и страхом исправляет нерадивых.

3. Не без причины распространяюсь об этом, но потому, что часто во время голода, засухи и войны, при обнаружении царского гнева, и в других этого рода неприятных случаях, многие обольщают простодушных и говорят, что эти бедствия несовместны с Промыслом Божьим. Посему дабы нам не обманываться, но верно знать, что посылает ли на нас Бог голод, или войну, или другое какое несчастье, это Он делает по человеколюбию и великой попечительности, я и нашел нужным остановиться на этом слове. Так и отцы, более всего любящие детей, лишают их стола, подвергают побоям, наказывают бесчестьем, и множеством других мер исправляют своевольных; а все-таки они - отцы, не только когда ласкают детей, но и когда делают такие взыскания, да тогда-то особенно они и отцы,

когда делают это. Если же о людях, негодованием и гневом часто увлекаемых за пределы полезного, говорим, что они наказывают тех, кого любят не по жестокости и бесчеловечью, но по заботливости и любви, - тем более должно думать так о Боге, Который великостью Своей благости превосходит всякую отеческую любовь. И чтобы не подумал ты, что это сказано по догадке, обратимся к самому Писанию. Когда человек был обольщен и обманут лукавым демоном, посмотрим, как Бог поступил тогда со сделавшим такой грех: погубил ли его совершенно? Справедливость требовала совсем истребить и погубить того, кто, не сделав ничего доброго, удостоился такой милости и потом тотчас же отступил (от Бога); однако Бог не сделал этого, не возгнушался и не отверг того, кто показал себя столь неблагодарным к благодетелю, но - идет к нему, как врач к больному. Не пропускай этих слов без внимания, возлюбленный, но подумай, каково это, что Он не послал ангела, ни архангела, ни другого кого из подобных человеку рабов, но Сам Господь снизошел к падшему, и восстановил лежащего, и один на один пришел к нему, как друг к несчастному и впавшему в великое бедствие другу. Что Он сделал это по великой Своей попечительности, показывают и самые слова, которые Он сказал к нему: они показывают Его неизреченную любовь. И что говорить обо всех словах? Первое уже слово тотчас обнаружило любовь Его. Он не сказал, как бы следовало сказать оскорбленному: нечестивый и непотребный! Ты удостоился от Меня такой милости, почтен такой царственной властью, возвеличен перед всем на земле без всякой заслуги, на самом деле получил залоги Моей попечительности и верное доказательство промышления, и лукавому демону, губителю и врагу твоего спасения поверил ты более, чем Господу и Промыслителю! Что такое оказал он тебе, как (оказал) Я? Не для тебя ли Я создал небо, землю, море, солнце, луну, все звезды? Ангелы не имели нужды в таком творении; но для тебя и для твоего покоя Я создал такой прекрасный и великий мир. А ты, поверив более пустым словам, ложному и обманчивому обещанию, нежели на деле оказанному благодеянию и промышлению, предался ему (дьяволу), и попрал Мои законы!

Это и больше этого следовало бы сказать оскорбленному; но не так (поступил) Бог, а совсем напротив. Первыми уже словами Он тотчас восстановил лежащего; Сам первый позвал его и - устрашенного и трепещущего заставил ободриться. А лучше сказать: показал любовь и великое о нас попечение не в том только, что первый позвал его, но и в том, что назвал его по имени и сказал: "**Адам, где ты**" (Быт. 3:9)? Все вы знаете, что это свидетельствует о настоящей любви. Так обыкновенно делают и зовущие к умершим: они непрестанно повторяют их имена, тогда как, наоборот, ненавидящие и злобящиеся на кого-либо не могут и вспомнить имен своих оскорбителей. Так Саул хотя и ни в чем не оскорбленный, напротив сам много и сильно оскорблявший Давида, из отвращения и ненависти к нему не хотел вспоминать и его имени; напротив, заметив, что все собрались у него, а Давид не пришел, что говорит? Не сказал: где Давид? Но - где "**сын Иессеев**" (1 Цар. 20:27)? Назвал его по отцу. То же делают и иудеи в отношении к Христу. Поелику они не любили Его и ненавидели, то не сказали: где Христос? Но – "**где Он**" (Иоан. 7:11)?

4. Но Бог, желая и в этом показать, что грех не погасил любви и преслушание не истребило в Нем благоволения к человеку, а что Он еще промышляет и печется о падшем, говорит: "**Адам, где ты**"*?* (Говорит так) не потому, чтобы не знал, где он был, но потому, что у согрешивших сомкнуты бывают уста: грех останавливает у них язык, совесть удерживает его, и они остаются безмолвны, связанные молчанием, как цепью. Итак, желая вызвать Адама к смелости в разговоре, придать ему бодрости и побудить к оправданию своего греха, чтобы получить ему какое-либо извинение, Бог Сам, первый позвал его; произнесением имени (Адама) Он много убавил у него робости, и этим зовом прогнал страх его и отворил ему уста. Вот почему и сказал: "**Адам, где ты**"*?* В другом положении, говорит, оставил Я тебя, и в другом - теперь обретаю: оставил в дерзновении и славе, а нахожу теперь в бесчестии и молчании. Посмотри и еще на попечительность Божью. Не

позвал Он Еву, не позвал змия, но кто легче всех согрешил, того первого и ведет на суд, дабы начав с того, кто мог заслуживать некоторое извинение, произвести более милостивый приговор и той, которая тяжко согрешила. И судьи не сами допрашивают своих со-рабов, имеющих одинаковую с ними природу, но, избрав посредником кого-либо из служителей своих, велят ему передавать свои вопросы подсудимому: через него и говорят и выслушивают, что хотят, когда допрашивают преступников; но Бог не нашел нужным иметь посредника между собой и человеком: Он Сам лично судит и расспрашивает. Кроме этого достойно удивления и то, что Он еще и исправляет грехи. Судьи, когда поймают разбойников и гроборасхитителей, заботятся не о том, чтобы сделать их лучшими, но чтобы наказать их за преступления. Бог совсем напротив: когда уловит согрешившего, не о том заботится, чтобы наказать его, но - чтобы исправить, сделать лучшим и впредь неуловимым (от греха). Таким образом, Бог вместе - и судья, и врач, и учитель; как судья допрашивает, как врач исправляет, как учитель вразумляет согрешивших, вводя их во всякую премудрость. Если же одно простое и краткое изречение показало в Боге столь великую попечительность, то что, если бы мы прочли вам обо всем этом суде (над Адамом) и изложили вполне все это событие? Видишь, как все Писание служит к утешению и наставлению. Но об этом скажем в свое время, а наперед нужно бы сказать, когда дана эта книга: не вначале же, не тотчас после Адама это написано, но после многих уже поколений. Достойно также исследования, почему (написано это) после многих уже поколений, почему только для иудеев, а не для всех людей, почему на еврейском языке, и почему в пустыне Синайской? Не без причины же апостол упоминает об этом месте, но и через это подает нам великую мысль, когда говорит так: "**это два завета: один от горы Синайской, рождающий в рабство**" (Гал. 4:24).

5. Много бы и другого нужно исследовать, но вижу, что время не позволяет нам пуститься со словом в такое море. Почему, отложив это до удобного случая, опять поговорим с вами об избежании клятв, и попросим любовь вашу позаботиться об этом с большим старанием. И не странно ли, что слуга не смеет назвать господина своего по имени без нужды и по пустому случаю, - а мы имя Господа ангелов произносим везде без нужды и с великой небрежностью! Когда нужно тебе взять Евангелие, ты, умыв руки, берешь его с великим почтением и благоговением, с трепетом и страхом, а имя Господа Евангелия без нужды везде носишь на языке? Хочешь ли знать, как произносят имя Его горние силы, с каким трепетом, с каким ужасом, с каким изумлением? "**Видел**", говорит, "**Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном. Вокруг Него стояли Серафимы, И взывали они друг к другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф**" (Иса. 6:1-3). Видишь, с каким страхом, с каким трепетом называют Его они, когда славословят и воспевают? Ты призываешь Его с великой небрежностью и в молитвах и прошениях, когда бы следовало трепетать, быть осторожным и внимательным. А в клятвах, где и совсем не надлежало бы приводить это чудное имя, сплетаешь разные одну с другой божбы! И какое будет нам извинение, какое оправдание, хотя и тысячу раз станем ссылаться на привычку? Рассказывают о каком-то языческом риторе, что он имел глупую привычку идучи, беспрестанно подергивать правым плечом; однако он победил эту привычку, - стал класть на оба плеча острые ножи, чтобы опасением пореза отучить эту часть тела от неуместного движения. Сделай то же и ты с языком, и, вместо ножа, наложи на него страх наказания Божия – и, наверное, будешь иметь успех. Быть не может, чтобы остался без успеха тот, кто делает это заботливо и старательно. Теперь вы хвалите слова мои, но, когда исправитесь, будете еще более хвалить не только нас, но и самих себя: станете с большим удовольствием слушать, что говорено будет, и с чистой совестью произносить имя Бога, Который так бережет тебя, что говорит: "**ни головою твоею не клянись**" (Матф. 5:36). А ты так пренебрегаешь Им, что клянешься и Его славой! Но что мне, говоришь, делать с теми, кто ставит меня в необходимость? В какую это

необходимость, человек? Пусть все узнают, что ты скорее решишься все претерпеть, чем преступить закон Божий - и не станут принуждать тебя. Не клятва дает человеку веру, но свидетельство жизни, непорочное поведение и добрая о нем слава: многие часто надрывались клянясь - и никого не убеждали; а другие одним наклонением головы приобретали себе более веры, нежели столько клявшиеся. Зная все это и имея перед глазами ожидающее клянущихся наказание, отстанем от этой дурной привычки, чтобы, после этого, перейти нам и к другим добродетелям и получить будущие блага, которых да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава, держава и честь Отцу и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

---

[1] См. предыдущ. VI бесед. п. 4

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ.

Увещание к добродетели, и на слова: "ходящего в раю во время прохлады дня" (Быт. 3:8), и - о воздержании от клятв.

ВЫ НЕДАВНО [1] узнали, как все Писание доставляет утешение и отраду, хотя бы то было историческое повествование. Изречение: "**в начале сотворил Бог небо и землю**" (Быт. 1:1) излагает историю, но слово показало, что в этом изречении заключается великое утешение: именно, что Бог устроил двоякую трапезу, предложив вместе землю и море; возжег вверху двоякого рода светило - солнце и луну, и сделал два тока времени - день и ночь, тот для деятельности, а это для успокоения.

И ночь, не меньше дня, оказывает нам услуги, - подобно тому, как и о деревьях сказал я, что бесплодные доставляют пользу наравне с плодовитыми, не принуждая нас употреблять на постройку садовые деревья; равно как и дикие и свирепые животные доставляют нам пользу не меньше кротких, потому что и страхом сгоняют нас в города, и делают более осмотрительными, и тесно соединяют нас друг с другом, и в одних упражняют силу, а других освобождают от болезней (потому что врачи приготовляют из них многие лекарства), и напоминают нам о древнем грехе. Так, когда услышу: "**да страшатся и да трепещут вас все звери земные**" (Быт. 9:2), и увижу потом, что эта честь утрачена, то вспоминаю о грехе, который и истребил (в зверях) страх перед нами, и подорвал нашу власть, - и становлюсь лучшим и благоразумнейшим, узнав, какой урон понесли мы через грех. Итак, повторяю: как эти вещи, о которых сказано, и еще большее количество других, которые знает создавший их Бог, приносят нам в жизни немалую пользу, так и ночь не меньше дня доставляет пользы, служа успокоениям от трудов и врачевством от болезней. Часто бывает, что врачи, употребив великие усилия и испытав множество лекарств, не могут освободить больного от болезни; а приходит сам собой сон - и совсем прекращает болезнь и избавляет врачей от бесчисленных трудов. Но ночь служит врачевством не только от недугов телесных, но и от душевных болезней, успокаивая скорбящие души. Как часто иной, лишившись сына, несмотря на бесчисленное множество утешавших его, не мог удержаться от рыданий и стона; а с наступлением ночи уступал силе сна, смыкал вежды и получал хотя малое облегчение дневного горя! Но пора уже возвратиться к предмету, по поводу коего мы и это сказали, так как я хорошо знаю,

что все мы заняты им и каждый из вас с нетерпением желает узнать, для чего не вначале дана эта книга (Бытия). Но вижу, что и теперь не время этому исследованию. Почему так? Потому, что у нас уже к концу пришла неделя, и я боюсь, что, коснувшись этого предмета, придется тотчас же и прервать наставление. Для этого предмета требуется много дней кряду и непрерывного напоминания: поэтому мы опять откладываем его. Но не досадуйте, - мы непременно с лихвой заплатим вам долг, потому что это выгодно и нам, которые его выплачиваем. А теперь скажем о том, о чем не договорено вчера. Что же не договорено вчера? "**Ходящего**", говорит, "**Бога в раю во время прохлады дня**" (Быт. 3:8). Что говоришь, скажи мне, "**ходящий Бог**"? Не ходил Бог, потому что как ходить вездесущему и все исполняющему? А только вложил в Адама такое чувство, чтобы он смирил себя, чтобы не был беспечен, и чтобы его бегство и укрывательство хотя несколько заслужило извинение еще прежде, нежели он станет говорить. Как готовящиеся идти в судилище и дать отчет в преступлениях, являются перед судьями неопрятными, нечистыми, печальными и смиренными, чтобы и самым видом расположить их к человеколюбию, милости и снисхождению, - так было и с Адамом. И ему надлежало войти в это судилище сокрушенным; поэтому Бог предварительно смирил его. Но - пусть он чувствовал, что ходит кто-то: отчего же подумал он, что ходит Бог? Так обыкновенно бывает с грешниками: они все подозревают, боятся теней, пугаются всякого шума, и думают, что всякий идет против них. Видя, как многие спешат совсем по другому делу, грешники часто думают, что эти люди идут за ними, и, когда другие говорят между собой совсем об ином, знающие за собой грех думают, что те о них говорят.

2. Таков грех: он выдает грешника, когда никто не обличает его, осуждает, когда никто не обвиняет, и делает его боязливым и робким; а правда производит противное действие. Послушай же, как Писание изобразило и робость грешника, и дерзновение праведника. "**Бежит**", говорит, "**нечестивый, когда никто не гонится**" (Притч. 28:1). Как бегает, когда никто не гонит? Внутри имеет он гонящего, обличителя, именно совесть, и носит его (в себе) повсюду; и как не может убежать от самого себя, так и от внутреннего своего гонителя; но куда бы ни ушел, везде терпит удары и получает неизлечимую рану. Не таков праведный; а каков, послушай: "**а праведник смел, как лев**" (Притч. 28:1). Таков был Илия. Увидел он, что царь идет к нему, и когда тот сказал: "**ты ли это, смущающий Израиля? не я смущаю Израиля**", говорит, "**а ты и дом отца твоего**" (3 Цар. 18:17). Поистине, этот праведник смел, как лев: потому что он, как лев на какого-нибудь ничтожного пса, восстал на нечестивого царя. Тот был и в порфире, но на этом была милоть - такая одежда, которая дороже той порфиры.

Порфира та породила ужасный голод, а эта милоть прекратила бедствие; она разделила Иордан; Елисея сделала сугубым Илией. О, как велика добродетель святых! Вся тварь оказывает всегда честь не только словам и телам, но и самым одеждам их. Милоть Илии разделяла Иордан, обувь трех отроков попрала огонь, древо Елисея изменило воду и заставило железо подняться на поверхность, жезл Моисея разделил Чермное море, рассек камень, одежда Павла прогнала недуги, тень Петра обратила в бегство смерть.

Прах святых мучеников отгоняет лукавых демонов. Поэтому праведники все делают со властью, как и Илия. Он смотрел не на диадему и не на внешний блеск царя, но - на душу, покрытую рубищем, нечистую, смрадную и более всякого преступника жалкую; и, увидев его пленником и рабом страстей, не устрашился его власти: он, казалось, будто на сцене, а не на самом деле видел царя. Да и какая польза от внешнего богатства, когда внутри такая бедность? И какой вред от внешней бедности, когда внутри лежит такое богатство? Таким львом был и блаженный Павел: вошедши в темницу, он только возопил - и поколебал все основания, разорвал узы - не зубами, а словами (Деян. 16:25 и дал.). Поэтому праведников должно называть не только львами, но и чем-то большим львов: потому что лев часто,

попав в сети, бывает уловляем, а святые в узах становятся еще сильнее, - как и этот блаженный сделал тогда в темнице, разрешив узников, поколебав стены, словом благочестия связав и пленив темничного стража (Деян. 16:26-31). Лев рыкает - и разгоняет всех зверей: святой вопиет - и отовсюду гонит демонов. Оружие льва - грива, острота когтей и отточенные зубы; оружие праведного - любомудрие, воздержание, терпение, презрение ко всему настоящему. Имеющий это оружие посмеется не только над злыми людьми, но и над вражескими силами. Итак, позаботься, человек, о жизни в Боге - и никто никогда не одолеет тебя, но, хотя бы ты казался всех слабее, будешь сильнее всех: равно как, если вознерадишь о добродетели душевной, то, хотя бы ты был сильнее всех, легко будешь уловлен всяким, кто строит ковы. Это доказали уже и представленные примеры; но если хочешь, я постараюсь научить тебя и делами, что победить праведных невозможно, а одолеть грешников легко. Послушай же, как на то и на другое указал пророк. "**Не так – нечестивые**", говорит, "**но они - как прах, взметаемый ветром**" (Псал. 1:4). Как прах легко поддается порывам ветров и воздымается, так и грешник вращается кругом от всякого искушения. Когда уже он ведет брань с собой, и эту войну носит повсюду, - то какая у него надежда на спасение, если он сам себя предал и водит с собой постоянного врага - совесть? Но не таков праведный; а каков? Послушай, что говорит тот же пророк: "**надеющийся на Господа, как гора Сион**" (Псал. 124:1). Что это значит: "**как гора Сион**"? "**не подвигнется: пребывает вовек**", говорит. Сколько бы ты ни употребил хитростей, сколько бы ни бросал стрел, чтобы повалить гору, никогда не одолеешь ее: да и возможно ли это? Только все хитрости истощишь и силу свою потратишь. Таков и праведник: сколько бы он ни получил ударов, сам не потерпит никакого зла, а истощит силу наветующих - не только людей, но и самых демонов. Ты не раз слышал, сколько наветов строил дьявол против Иова, и, однако, не только не поколебал этой горы, напротив сам изнемог и отступил, потому что от этой осады (Иова) стрелы его переломались и хитрости оказались бесполезными.

3. Зная это, попечемся о своей жизни, и не станем заботиться ни о богатстве гибнущем, ни о славе угасающей, ни о теле стареющем, ни о красоте увядающей, ни об удовольствии скоротечном, но все старание обратим на душу и ее-то врачевать будем всячески. Излечить заболевшие тела не всякому легко, а уврачевать недугующую душу легко всем. На лечение болезни телесной требуются и лекарства и деньги, а врачевство для души приобретается легко и без издержек. Тело с великим трудом освобождается от удручающих его ран, потому что часто нужно бывает употреблять и железо и горькие лекарства; но с душой не бывает ничего такого: напротив, стоит только захотеть и пожелать - и все исправлено. И это было дело Промысла Божия: так как от болезни телесной не может быть большего вреда (потому что, если мы и не заболеем, придет смерть - и непременно повредит и разрушит тело), все напротив заключается в здравии души нашей, - то врачевание гораздо полезнейшей и необходимейшей части Бог сделал удобным, и безубыточным, и безболезненным. Какое же мы будем иметь оправдание, какое извинение, когда в случае болезни телесной, где нужно и истратить деньги, и пригласить врачей, и вытерпеть великую боль, показываем такую заботливость, и это тогда, как от болезни той нам не бывает большего вреда; а о душе небрежем, и это тогда, как не нужно нам ни тратить денег, ни беспокоить других, ни терпеть боли, но и без всего этого, одной решимостью и волей, можем совершенно исправить ее, верно зная при том, что, если мы не сделаем этого, то подвергнемся крайнему осуждению, неизбежным наказаниям и мучениям? Скажи мне, если бы кто обещал научить тебя врачебному искусству в самое краткое время, без денег и труда, не почел ли бы ты его благодетелем? Не согласился ли бы и сделать и потерпеть все, что бы ни велел обещавший это? Вот теперь есть возможность без трудов найти лекарства не для тел, но для ран души, и без всякой боли привести ее в здоровое состояние: не будем же нерадивы. И какая боль, скажи мне, перестать гневаться на оскорбившего? Вот боль, - когда памятозлобствуют и

не примиряются! Какой труд помолиться и попросить бесчисленных благ от скородающего Бога? Какой труд никого не злословить? Какое неудобство освободиться от зависти и ненависти? Какая тягость любить ближнего? Какая беда не говорить срамных слов, не браниться, не обижать? Какая трудность не клясться? Опять перейду к тому же увещанию. Клясться - вот величайший труд! Сколько раз мы, в раздражении и гневе, клялись не примиряться с оскорбившими нас; потом, когда гнев угасал и раздражение утихало, мы и хотели бы примириться, но, будучи удерживаемы клятвами, скорбели, как захваченные какой-либо сетью и связанные неразрешимыми узами. Поэтому и дьявол, зная, что гнев есть огонь и легко погасает, а по угасании гнева бывает примирение и дружба, - зная это и желая, чтобы огонь этот оставался неугасимым, нередко связывает нас клятвой, дабы, если и прекратится гнев, то остающийся еще за нами долг клятвы поддержал в нас пламя, и произошло одно из двух: или, примирившись, мы нарушили бы клятву, или, не примирившись, подвергли бы себя осуждению за злопамятство.

4. Зная это, будем избегать клятв, и уста наши пусть научатся говорить непрестанно: поверь. Это будет у нас основанием всякого благочестия, потому что язык, научившись говорить одно это слово, стыдится и краснеет произносить срамные и неприличные слова; а если когда и увлечется привычкой, то, имея много обвинителей, опять воздержится. Когда увидит кто, что не клянущийся произносит срамные слова, легко нападет на него, осмеет его и скажет с насмешкой: ты, который при всяком случае говоришь: поверь, - не хочешь произнести клятву, а язык свой бесчестишь срамными словами? Таким образом, понуждаемые присутствующими, мы, и поневоле, обратимся к благочестию. Что же, скажешь, если будет необходимость клясться? Там, где закон нарушается, нет необходимости. И можно ли, скажешь, совсем не клясться? Что говоришь? Бог повелел - и ты смеешь спрашивать: можно ли соблюсти закон? Невозможно не соблюдать его; и в этом, что не не клясться, но клясться невозможно, хочу я убедить вас настоящими обстоятельствами. Вот жителям нашего города приказано внести подать, превышающую, по-видимому, силы народа, и большая часть ее внесена, но сборщики, слышно, еще говорят: что медлишь, человек? Что проводишь нас день за днем? Дело неизбежное; закон царев не терпит отлагательства. Что говоришь, скажи мне? Царь, повелел внести деньги, и не внести невозможно: Бог повелел избегать клятв, и говоришь, что невозможно избегать клятв? Это шестой день, как убеждаю вас соблюдать эту заповедь: теперь же, расставаясь, хочу договориться с вами, чтобы вы были осторожны. Уже не будет вам никакого оправдания, ни извинения. Если бы и ничего не было вам сказано, вы сами собой должны были бы сделать это, потому что дело это не многосложное, и не требует большого приготовления. Но когда вы получили уже такое вразумление и наставление, то, что можете сказать в свое оправдание, когда будете обвиняемы, стоя на страшном судилище и давая отчет в этом грехе? Невозможно сказать никакого оправдания: но необходимо - или исправиться, и так умереть, или, не исправившись, подвергнуться наказанию и терпеть величайшее мучение. Размыслив обо всем этом и вышедши отсюда с великой заботой, убедите друг друга тщательно сохранить в уме вашем все сказанное в течение стольких дней, дабы, когда и мы будем молчать, вы сами, научая, назидая и увещевая друг друга, показали великое преуспеяние и, исполнив все прочие заповеди, получили вечные венцы, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу и Сыну и Святому Духу и во веки веков. Аминь.

---

[1] См. предыдущ. VII бесед. п. 4

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ.

Похвала тем, кои оставили привычку клясться, и о том, что никто не должен думать, будто бы после принятия пищи нельзя слушать в церкви слово Божье; также о том, почему спустя много времени дано Святое Писание, и на слова: "небеса проповедуют славу Божью" (Псал. 18:2), и к концу - об избежании клятв.

И НЕДАВНО к вам, и теперь к вам говорю: о, если бы и всегда быть с вами! А впрочем, я всегда с вами, если и не телом, то силой любви, потому что для меня и нет другой жизни, кроме вас и заботы о вашем спасении. Как земледелец только и заботится, что о семенах и посевах, и кормчий - о волнах и пристанях; так проповедник - о слушателях и их преуспеянии, как и я теперь. Потому я и ношу всех вас в уме моем, не только здесь, но и дома. Хотя число народа и велико, а мера моего сердца мала, зато любовь обширна, и "**вам не тесно в нас**" (2 Кор. 6:12); а что далее, того уже не скажу, потому что и мы не тесно помещаемся у вас. Откуда это видно? - Многие сказали мне о себе: "мы исполнили приказанное, постановили друг другу законы, определили взыскания клянущимся, наложили наказание на преступающих закон", - наказание приличное вам, доказывающее весьма великую любовь. И не стыжусь я разведывать об этом, потому что эта любознательность происходит не от пытливости, но от заботливости. Не бесчестие для врача осведомляться о болящем; и нам не зазорно всегда разузнавать о вашем спасении, поелику, узнав таким образом, что вами исполнено, и что осталось не сделанным, мы с должным разумением приложим и остальные лекарства.

Итак, по разведании, мы узнали это, и возблагодарили Бога, что не на камне посеяли мы, не в терния бросили семена, и не потребовалось нам продолжительного времени и большой отсрочки, чтобы пожать ниву. Вот почему всегда имею вас в уме моем; вот почему не чувствую труда от учительства: меня облегчает польза слушания! Этой награды достаточно, чтобы ободрить нас, и окрылить, и сделать отважными, и убедить к перенесению всякого за вас труда. Посему, так как вы показали великое усердие к добру, то и мы заплатим остальной долг, который обещали недавно, хотя и не вижу, чтобы все пришли сюда, при ком я дал здесь то обещание. Что же тому причиной? Что отогнало их от нашей трапезы? Вкусивший чувственной трапезы, кажется, подумал, что после чувственной пищи не должно идти к слушанию слова Божия. Но несправедливо так думают, потому что и Христос не сказал бы долгих и многих речей после Тайной Вечери, если бы это было неуместно; Он же, насытив неоднократно народ в пустыне, не предложил бы ему беседы после трапезы, если бы это было неприлично. А если нужно сказать что удивительное, так это то, что (после трапезы) всего полезнее - слушать слово Божье. Когда будешь ты убежден, что после пищи и питья, необходимо пойти и в (церковное) собрание, то, конечно, и невольно позаботишься о трезвости, и не впадешь в пьянство и объедение: забота и мысль идти в церковь учит принимать пищу и питье с должной умеренностью, чтобы, пришедши в церковь и став вместе с братьями, не пахнуть тебе вином и не рыгать бесчинно, и не быть за это осмеянным всеми присутствующими. Это говорю теперь не к вам, но к отставшим от вас, чтобы через вас они узнали об этом. Не еда мешает слушанию, но беспечность; а ты, считая грехом не попоститься, прибавляешь еще другой больший и тягчайший грех - тот, что не участвуешь в этой священной трапезе и, напитав свое тело, моришь голодом душу! Какое же будешь иметь оправдание? Насчет поста у тебя, может быть, есть извинение - слабость тела; но что можешь сказать на счет слушания (слова Божия)? Слабость тела не препятствует участвовать в слове Божьем. Если бы я сказал: никто, пообедав, не приходи в собрание; никто, поевши, не слушай поучений, - ты имел бы какое-нибудь извинение... А теперь,

когда мы влечем, и тянем, и зовем к себе, чем вы станете оправдываться в том, что уклоняетесь отсюда? Негодный слушатель будет не тот, кто поел и попил, но кто невнимателен к поучению, зевает и развлекается; кто телом здесь, а умом бродит в другом месте: такой, если и постится, неспособен к слушанию. Напротив, бодрый и бдительный, и напрягающий свою мысль, если и примет пищу и питье, будет у нас самый способный слушатель. В мирских судилищах и советах по необходимости утвердился такой порядок [1], так как там не умеют любомудрствовать: поэтому и едят не для того, чтобы насытиться, но только бы не лопнуть; и пьют часто до излишества; делая себя через это неспособными к производству дел с полдня и до вечера запирают уже советы и судилища. Здесь совсем не так, - нет: напротив, и вкусивший, по душевной трезвости, будет равен постящемуся; потому что он ест и пьет не для того, чтобы разорвать чрево и помрачить рассудок, но чтобы подкрепить ослабевшее тело.

2. Но довольно этого увещания; время уже взяться за предмет, хотя мысль у нас останавливается и не расположена к этому поучению, из-за тех, кои не пришли сюда. Как любящая мать, приготовив стол, сокрушается и скорбит, когда дети не все тут, так страдаю и я теперь; и, помышляя об отсутствии наших братьев, медлю исполнить обещание. Но вы властны прогнать эту неохоту: если только обещаете мне все передать тем с точностью, мы охотно выложим вам все. Таким образом, и для тех поучение любви вашей будет утешением за отсутствие, и вы послушаете нас внимательнее, зная, что вам нужно и другим пересказать об этом. Итак, чтобы слово у нас было яснее, начнем его повторением прежнего.

Недавно мы спрашивали [2], для чего Писание дано спустя столько лет; книга эта, ведь дана не при Адаме, не при Ное и Аврааме, но при Моисее; и многие, слышу, говорят, что, если она была полезна, следовало бы дать ее вначале, а если бесполезна, не надлежало давать и после. Пустое умствование! Никак не следует, что, если что полезно впоследствии, то должно быть дано вначале; И, если что дано вначале, тому уже не должно оставаться после. И молоко полезно, однако не всегда дают его, но дают нам только в детстве; и крепкая пища полезна, но никто не дает нам ее вначале, но тогда, как мы выйдем из детского возраста. Опять, полезно лето, но не всегда появляется; и зима нужна, но и она проходит. Что же, Писание же, скажешь, не полезно? Весьма и полезно и необходимо. Почему же, скажешь, оно не дано нам вначале? Потому, что Бог хотел учить человеческую природу не Писанием, но делами. Что значит - делами? Самым творением. За эту-то взявшись мысль и опровергая язычников, кои говорили, что "мы не научены вначале богопознанию из Писания", - апостол вот как ее доказывал. Сказав, что "**открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдой**" (Римл. 1:18), когда увидел он, что ему противопоставляют возражение и спрашивают многие, откуда могли язычники узнать истину Божью, присовокупил: "**что можно знать о Боге, явно для них**" (Римл. 1:19). Как же явно для них? Как могли они познать Бога? И кто показал? Объясни это. "**Потому что Бог явил им**", - говорит (апостол). Каким способом? Какого послал Он пророка, какого евангелиста, какого учителя, если еще не было Писания? "**Ибо невидимое Его**", говорит "**вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы**" (Римл. 1:20). Смысл слов такой: перед глазами всех предложил Он тварь, чтобы от дел заключали к Творцу. О чем и другой (премудрый) сказал: "**от величия красоты созданий сравнительно познается Виновник бытия их**" (Прем. Сол. 13:5). Видел ты величие? Подивись могуществу Создавшего. Видел красоту? Изумись премудрости Украсившего. Это же объясняя, и пророк сказал: "**небеса проповедуют славу Божью**" (Псал. 18:1). Как, скажи мне, поведают? Голоса они не имеют, уст не получили, языка у них нет: как же поведают? Самым видом. Когда увидишь красоту, величие, высоту, положение, вид, столь долговременное существование, - то, как бы слыша голос и

научаемый видом, ты покланяешься Создавшему столь прекрасное и чудное тело. Молчит небо, но вид его издает звук громче трубы, научая нас через зрение, а не через слух, ибо то чувство по самой природе вернее и яснее этого. Если бы Бог стал учить посредством книг и письмен, то знающий грамоту разумел бы написанное, а незнающий, без стороннего наставления, не получил бы отсюда никакой пользы; притом, богатый купил бы книгу, а бедный не мог бы приобрести ее. Опять, знающий, этот язык, какой означается через письмена, разумел бы содержащееся в них, а скиф, и варвар, и индеец, и египтянин, и все незнающие того языка, не узнали бы ничего. Но о небе нельзя сказать этого: напротив, и скиф, и варвар, и индеец, и египтянин, и всякий человек, какой только ходит по земле, услышит этот голос, потому что он доходит до нашего ума не через уши, но через чувство зрения: познание же видимых предметов посредством глаз одинаково (у всех) и не различно так, как (познание) посредством языков.

В эту книгу может смотреть одинаково и простой человек и мудрец, и бедный и богатый; и куда бы кто ни шел, лишь взглянет на небо - и получит достаточное наставление от этого взгляда. И сам пророк, намекая на это, и показывая, что творение издает голос, внятный и для варваров, и для еллинов, и для всех вообще людей, так сказал: "**нет языка, и нет наречия, где не слышался бы голос их**" (Псал. 18:4). Это значит: нет народа, нет языка, который не мог бы понять этого голоса; но таков звук (небес), что может быть слышим всеми людьми; и таков звук не только неба, но и дня и ночи. Как же это - дня и ночи? Небо и красотой и величием, и всем прочим изумляет зрителей и заставляет удивляться Создавшему его: но день и ночь - что такое могут показать нам? Ничего такого, - конечно; зато другое, что не меньше того - стройность, порядок самый строгий. Когда подумаешь, как они разделили между собой весь год и как бы на весах размерили длину всего времени, то удивишься Установившему этот порядок. Как брат и сестра [3], с великой любовью разделившие между собой отцовское наследство, и ни в какой малости не обидевшие друг друга, так и день и ночь со всей точностью разделили между собой год в такой равной мере, и хранят свои пределы и никогда не выгоняют друг друга. Никогда после стольких уже поколений, день не бывал долог зимой, равно как и летом ночь никогда не бывала долгой, но в течение такого продолжительного времени один ничего не захватил у другой более, ни малейшей частицы, ни получаса, ни мгновения ока.

Поэтому и псалмопевец, изумившись их равенству, воскликнул так: "**ночь ночи открывает знание**" (Псал. 18:3). И ты, если умеешь любомудрствовать об этом, удивишься Тому, Кто от начала установил эти неподвижные пределы. Пусть услышат надменные и высокоумные, и не хотящие другим уступить первенства. День уступает ночи, и не входит в чужие пределы; а ты, пользуясь всегда честью, и не хочешь поделиться ей с братьями?! Посмотри и еще на премудрость Законодателя. Он постановил, чтобы ночь была долгая зимой, когда семена еще довольно нежные, нуждаются в большой прохладе, и не выносят слишком жаркого луча; когда же они возрастут, то вместе с ними опять начинает увеличиваться день, и, наконец, бывает он самый долгий, когда плод уже станет созревать. Впрочем, это полезно не семенам только, но и телам (человеческим). Как зимой и мореход, и кормчий, и путешественник, и воин, и земледелец, будучи связаны холодом, сидят большей частью дома, и зимнее время есть время досуга; то Бог и сделал, что большая часть времени тратится на ночь, чтобы день не был слишком долог тогда, когда люди ничего не могут делать. А что сказать о стройном порядке годичных времен, как и они, подобно девам в хороводе, весьма стройно идут одно за другим кругом, и не перестают постепенно и тихо переходить через средние к противоположным! Поэтому и лето принимает нас не от зимы, и зима не тотчас от него, но в середине поставлена весна, чтобы, переводя нас неприметно и мало-помалу, безвредно приводить к лету уплотнившиеся тела наши. Так как внезапные переходы к противоположному состоянию причиняют болезнь и крайний вред, то Бог и устроил,

чтобы от зимы принимала нас весна, от весны лето, от лета осень, и потом передавала зиме, чтобы для нас были безвредны и постепенные переходы из противоположных времен года через средние. Кто же будет столько жалок и несчастен, что, видя небо, видя также море и землю, видя и такое точное благорасположение годичных времен и неизменный порядок дня и ночи, будет думать, что это произошло само собой, а не поклонится Тому, Кто устроил все это с надлежащей премудростью? Скажу еще и более того: не только величие и красота, но и самый образ сотворения указывает на всесодержащего Бога. Поелику мы не были при том, как Он вначале творил и создавал вселенную, а если бы и были, то не знали бы, как она происходила, потому что ее устроила невидимая сила; то Он сделал для нас наилучшим учителем самый образ сотворения, устроив все сотворенное выше естественного порядка. Быть может, сказанное мной несколько темно: так нужно еще сказать об этом пояснее. Все согласятся, что по естественному порядку вода должна носиться поверх земли, а не земля на водах, потому что земля, будучи густа, жестка, упруга и плотна, легко может держать на себе воду, а вода, будучи жидка и удобоподвижна, мягка и текуча, и уступчива всяким напорам, не могла бы поддерживать ни одного тела, даже и самого легкого; часто она, при впадении малого камешка, уступает и дает ему место, и пропускает его в глубину. Поэтому, когда увидишь, что носится поверх воды не малый камешек, но вся земля, и не погружается; то подивись силе, так сверхъестественно чудодействующей. А откуда это видно, что земля носится поверх воды? Пророк говорит об этом так: "**ибо Он основал ее на морях и на реках утвердил ее**" (Псал. 23:2); и опять: "**утвердил землю на водах**" (Псал. 135:6). Что говоришь? Малого камешка вода не может снести на своей поверхности, а носит такую землю, и горы, и холмы, и города, и растения, и людей, и бессловесных - и (земля) не погружается. Что говорю - не погружается? Как она, будучи столь долгое время омываема снизу водой, не расплылась, и вся не превратилась в грязь? И деревья, пробыв несколько времени в воде, загнивают и разрушаются; и что говорю - деревья? Что может быть крепче железа? Но и оно часто слабеет, когда постоянно остается в воде: и весьма естественно, потому что и оно имеет происхождение от земли. Вот почему многие беглые слуги, когда убегут в оковах и цепях, пришедши к протокам воды, и положив в нее скованные ноги, и сделав через то железо мягче, ударяют его камнем и так легко ломают. Так от воды и железо умягчается, и деревья гниют, и камни разрушаются, а такая громада земли столько времени лежит на водах - и не погрузилась, не разрушилась, не погибла!

4. Кто же не изумится и не удивится этому, и не скажет смело, что это дела не природы, но сверхъестественного Промысла? Поэтому некто говорит: "**повесил землю ни на чем**" (Иов. 26:7); а другой некто: "**в Его руке глубины земли**" (Псал. 94:4), и: "**основал ее на морях**" (Псал. 23:2). Эти слова, по-видимому, противоречащие, а на самом деле весьма согласны между собой. Сказавший; "**основал ее на морях**", выразил тоже самое, что и сказавший: "**повесил землю ни на чем**"; потому что стоять на водах то же, что и висеть ни на чем. Где же поэтому земля висит и стоит? Послушай, что говорит тот же (пророк): *в* "**в Его руке глубины земли**", - не то, что у Бога есть руки, но чтобы ты знал, что та самая сила Его, которая промышляет обо всем, поддерживает и носит тело земли. Но ты не убеждаешься словами? Тогда поверь тому, что видишь, - так как и на другой стихии можно заметить это же чудное явление. Огонь по своей природе стремится вверх, всегда рвется и летит на высоту, и, хоть бы тысячу раз его нудили и заставляли, не устремится вниз. Сколько бы раз ни брали мы горящий факел и ни наклоняли его вниз верхушкой, - однако, не можем заставить пламя склониться вниз, напротив и тогда оно бежит вверх и снизу стремится на высоту. Но с солнцем Бог сделал совершенно противное: обратил лучи его к земле и заставил свет стремиться вниз, как бы говоря ему этим положением: смотри вниз, и свети людям; для них ты и сотворено. И пламя свечи не позволило бы сделать этого с собой, а столь великая и чудная звезда склоняется вниз, и смотрит к земле, в противоположность огню, - по силе Повелевшего. Хочешь, скажу и другое, тому же

подобное? Хребет видимого неба со всех сторон окружают воды - и не стекают, не спадают, хотя не таково свойство вод: напротив, они легко стекают во впадины; если же тело будет выпуклое, они со всех сторон сбегают, и ни малая часть их не устоит на такой форме. Но вот чудо это случилось с небесами; и на это самое опять указывая, пророк говорит: "**хвалите Его, небеса небес и воды, которые превыше небес**" (Псал. 148:4). И вода не погасила солнца, и солнце, столько времени ходя внизу, не высушило лежащей наверху воды. Хочешь, сведем тебя опять на землю, и покажем еще чудо. Не видишь ли этого моря кипящего волнами и порывистыми ветрами? Но это море пространное и великое, и бушующее, ограждается слабым песком. И заметь премудрость Божью: (Бог) не дал морю быть тихим и покойным, чтобы ты не подумал, что это благоустройство в нем от природы; нет, оставаясь в пределах своих, оно ревет и бушует, сильно шумит и воздымает волны на несказанную высоту; когда же дойдет до берегов и увидит песок, ослабев приходит опять в себя, научая тебя тем и другим, что, если оно пребывает в собственных пределах, так это дело не природы, но силы Правящего им. Поэтому и сделал он стену слабую, и не накидал на эти берега ни дерев, ни камней, ни гор, чтобы им не приписал ты благоустройства этой стихии. Об этом некогда и сам Он говорил иудеям с упреком: "**Меня ли вы не боитесь, Я положил песок границею морю, которого не перейдет**" (Иер. 5:22)? Но удивительно не то только, что Бог создал мир великим и чудным, и что утвердил его превыше естественного порядка, но также и то, что составил его из противоположных стихий - теплой и холодной, сухой и влажной, - из огня и воды, из земли и воздуха: и эти противоположные стихии, из которых составлена вселенная, враждуя одна против другой, не истребили, однако же, друг друга, - и огонь не напал и не пожег всего, и вода не набежала и не потопила вселенную. С нашими телами, однако, бывает это, и - при умножении желчи рождается лихорадка, и всему организму причиняется вред; при избытке мокроты появляются многие болезни, и повреждают организм. Но с этой вселенной ничего такого не случается: напротив - каждая стихия, будучи удерживаемая волей Творца, как бы какой уздой и цепью, хранит свои пределы, и борьба их бывает причиной мира для вселенной. Не ясно ли и для слепца, и не понятно ли для самых неразумных, что это создано и поддерживается каким-то Промыслом? Кто же на столько глуп и бесчувствен, что, видя такую массу тел, такую красоту, такой состав, непрерывную борьбу, противоборство и устойчивость таких стихий, - не размыслит сам с собой и НЕ скажет: если бы не было какого-либо Промысла, поддерживающего эту массу тел и не попускающего вселенной распасться, она не могла бы существовать более и продолжаться? Такой порядок времен года, такое согласие дня и ночи, породы столь многих бессловесных животных, и растений, и семян, и трав - все идут своим путем, и ничто до настоящего дня не пропало и не погибло совершенно.

5. Впрочем, надлежало бы сказать не только об этом, но и о многом другом, что еще важнее этого и глубже: надлежало бы полюбомудрствовать и о самом творении; но, отложив это до следующего дня, постараемся сказанное удержать тщательно и передать другим. Знаю, что слух ваш не привык к глубоким мыслям; но, если будем несколько бдительны, то и себя приучим к таким мыслям, и для других легко сделаемся учителями. А пока вот что нужно сказать любви вашей: как Бог прославил нас таким созданием, так и мы прославим его чистотой жизни. "**Небеса проповедуют славу Божью**" одним только видом своим: так и мы возвестим славу Божью, изумляя всех не только словами, но и молчанием, и светлостью своей жизни: "**так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Матф. 5:16). В самом деле, когда неверный увидит тебя - верного сокрушенным, скромным, добронравным, - изумится и скажет: истинно велик Бог христианский! Каких устроил людей, - какими из каких сделал! Ангелов сделал из людей! Обидит ли кто, не бранят; ударит ли кто, не сердится; оскорбит ли кто, молятся об оскорбителе; врага не имеют, злопамятства не знают, пустословить не умеют, лгать не научились, не любят преступать

клятву и даже клясться, но скорее решатся на отсечение языка, чем выпустить из уст какую-либо клятву. Вот что дадим повод им говорить о нас, изгоним дурную привычку клясться, и окажем Богу хоть такую же честь, какую оказываем лучшим своим одеждам. Как же это не странно, что имеющие лучшую перед прочими одежду не хотят беспрестанно употреблять ее, а имя Божье влачат везде без разбора и как попало! Нет; прошу и умоляю, не будем так пренебрегать своим спасением, но усердие, какое сначала показали мы об этой заповеди, доведем до конца. И я непрерывное делаю увещание о клятвах не потому, чтобы обвинял вас в беспечности, но потому, что вижу, что большая часть вами уже исполнена; и я спешу и ускоряю, чтобы все было довершено и окончено. Так делают и зрители: больше поощряют тех, кои близки к наградам. Не ослабеем же и мы, потому что и мы приблизились к полному исправлению, и трудность была только вначале. Когда же большая часть привычки отсечена теперь, и остается уже малая часть, то нет нужды в каком-либо труде, а требуется от нас только небольшая осмотрительность и небольшая тщательность, чтобы, сами исправившись, мы могли сделаться учителями и для других, с дерзновением увидеть святую пасху и с великим удовольствием вкусить радость, вдвое и втрое большую обыкновенной. В самом деле, не так радостно для нас освободиться от трудов и подвигов поста, как - исправившись, встретить тот священный праздник, со светлым венцом, с венцом никогда неувядающим. Но дабы ускорить исправление, сделай, что скажу. Напиши на стене дома твоего, и на стене сердца твоего тот "**летит свиток**" (который видел пророк Захарии 5:1), и представляй, что он летит на пагубу, и размышляй о нем непрестанно; и если увидишь, что другой клянется, удержи его, останови, и позаботься о своих слугах. Если мы будем стараться не только о том, как бы самим нам исправиться, но и о том, как бы и других привести к этому, то скоро и сами придем к концу, - потому что, взявшись учить других, мы будем краснеть и стыдиться, если сами окажемся не исполняющими того, что заповедуем другим. Не нужно больше слов; об этом много говорено было и прежде, да и теперь сказано только для напоминания. Бог же, Который более нас печется о душах, да совершит нас и в этом и во всяком добре, чтобы, принесши всякий плод правды, сподобиться нам царствия небесного, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу, со Святым Духом, во веки веков. Аминь.

---

[1] Т. е. ходить в присутственные места до обеда. Так было, например, в Афинах.

[2] См. Бес. VIII, 4.

[3] Τινες αδελφαί - "некие сестры", так как в греч. подлиннике и день и ночь - слова женского рода.

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА ДЕСЯТАЯ.

Похвала тем, которые, вкусив пищи, пришли слушать (беседу); учение о естестве мира, также против боготворящих тварь, и об избежании клятв.

РАДУЮСЬ и сорадуюсь всем вам, что недавнее увещание наше о не постящихся и из-за этого остающихся (дома), вы исполнили на деле. Сегодня, думаю, здесь присутствуют и многие из вкусивших уже пищи, и они наполняют это почтенное собрание; думаю так

потому, что собрание у нас стало блистательнее и стечение слушателей многочисленнее. Не напрасно, значит, расточили мы недавно о них много слов, умоляя вашу любовь - увлекать их к матери (Церкви) и убеждать, что можно и после принятия пищи телесной участвовать в пище духовной. И когда, скажите мне, возлюбленные, поступили вы лучше? В прошедшее ли собрание, когда после трапезы обратились ко сну, или ныне, когда после трапезы сошлись на слушание божественных заповедей? Тогда ли, когда проводили время на площади и участвовали в собраниях, не имеющих в себе ничего хорошего, или ныне, когда стоите вместе с вашими братьями и слушаете слова пророческие? Не пищу принимать стыдно, возлюбленные, но что? - Приняв ее, оставаться дома и лишать себя этого священного торжества. Оставаясь дома, ты пробудешь в бездействии и праздности, а, пришедши сюда, отрясешь всякий сон и всякую леность; отбросив же не только леность, но и всякую унылость, будешь ты лучше и благодушнее чувствовать себя во всех приключениях. И что говорить о другом? Стань только подле постящегося, и сейчас почувствуешь его благоухание. Постящийся есть духовное миро, - он и глазами, и языком, и всем обнаруживает благоустройство души. Сказал я это не в осуждение принявших пищу, но - чтобы показать пользу поста.

Постом же называю не воздержание только от яств, но, еще более этого, воздержание от грехов. И, вкусивший пищу, но пришедший сюда с должной скромностью, немного отстал от постящегося, так же как и постившийся, но без усердия и внимания слушающий поучение, немного получит пользы от поста. Вкушающий и участвующий в священном собрании с должным усердием - гораздо лучше того, кто не вкушает и остается дома, потому что неядение отнюдь не может принести нам столько пользы, сколько доставляет пользы и добра участие в духовном учении. Да и в каком другом месте ты услышишь то, о чем любомудрствуешь здесь? Пойдешь ли в суд? Там распри и споры. В думу? Там забота о делах городских. В дом? там со всех сторон давит попечение о делах частных. В собрания и сходбища на площади? И там все земное и тленное: собирающиеся там рассуждают или о предметах купли, или о податях, или о роскошном столе, или продаже полей, или о других сделках, или о завещаниях, или о наследствах, или о других подобных вещах. Войдешь ли даже в царские дворцы? И там опять то же услышишь, - все рассуждают о деньгах, о власти, о славе, здесь уважаемой, а о духовном ни о чем. Здесь же все напротив: здесь мы рассуждаем о небе и вещах небесных, о душе, о нашей жизни, о том, для чего живем здесь столько времени, куда отходим отсюда, и что ожидает нас после, почему у нас тело из персти, что такое жизнь настоящая и что - будущая; словом, ни о чем земном, а все о духовном; и, таким образом, получив великую подмогу к спасению, выходим мы отсюда с доброй надеждой.

2. Посему, так как не напрасно бросили мы семена, но, как я просил вас, вы уловили всех, отставших от вас; то вот и мы вознаградим вас и, напомнив вам немногое из прежде сказанного, доскажем и остальное. О чем же говорено было прежде? Мы рассуждали, как и каким образом Бог устраивал дела наши, когда еще не было дано Писание, и говорили, что Он поучал род наш через природу, распростерши и предложив среди всех небо - эту величайшую книгу, назидательную и для простых и для мудрых, и для бедных и для богатых, и для скифов и для варваров, и вообще для всех живущих на земле, - книгу, которая гораздо важнее множества других изучаемых (книг). Многое сказали мы и о ночи и о дне, и о порядке и о согласии, в точности соблюдаемых ими; многое и о числе времен года и их равенстве. Как день, за весь год, и на полчаса не бывает больше ночи; так и эти (времена года) разделили между собой все дни поровну. Впрочем, как и прежде я сказал, на Творца указывает не величие только и красота твари, но и самый состав ее и устройство сверхъестественного порядка. По естественному порядку следовало бы воде носиться поверх земли; но теперь видим напротив, что земля на водах держится. По естественному порядку, огонь должен бы стремиться кверху; но теперь видим напротив,

что лучи солнечные стремятся вниз - к земле; что есть "**воды превыше небес**" - и не разливаются; что солнце течет ниже - и не погашается водами, да и само не уничтожает этой влаги. Еще сказали мы, что вселенная состоит из четырех стихий, противоположных и противоборствующих друг другу, и, однако, ни одна из них не истребила другой, хотя они губительны друг для друга. Отсюда очевидно, что какая-то невидимая сила обуздывает их, и - узами для них служит воля Божия. Об этом-то хочу сегодня поговорить поболее; только и вы стойте бодро и слушайте меня со вниманием. А чтобы чудо сделалось яснее, учение об этом начну с вашего тела. Тело наше, этот сокращенный и малый (мир), состоит из четырех стихий: теплой - именно крови, сухой - желчи желтоватой, влажной - слизи и холодной - желчи черной. Да не подумает кто-либо, что нам неприлично такое рассуждение: "**духовный судит обо всем, а о нем судить никто не может**" (1 Кор. 2:15). И Павел, беседуя с нами о воскресении, коснулся соображений о предметах земледельческих и сказал: "**то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет**" (1 Кор. 15:36). Если же этот блаженный говорил о предметах земледелия, то да не упрекают и нас, что мы касаемся медицинских мнений; ведь у нас теперь слово о творении Божьем, и нам необходимо изложение этих мнений. Итак - наше тело, сказал я, состоит из четырех стихий; и если одна нарушит согласие с целым, то от такого расстройства происходит смерть: например, когда разольется желчь, рождается горячка, и если она усилится через меру, то причиняет немедленную смерть. Опять, когда преобладает холодная стихия, происходят параличи, судороги, апоплексические удары и другие бесчисленные болезни. И вообще, всякого рода болезни происходят от преизбытка этих стихий, когда, т. е. одна, перешедши за свои пределы, берет перевес над другими и нарушает всякую соразмерность.

Спроси же того, кто говорит, что все (в мире) произошло случайно и существует само собой, (спроси): если это малое тело, и при помощи лекарств и врачебного искусства, при внутреннем управлении им со стороны души, при великом любомудрии и других бесчисленных пособиях, не может всегда оставаться в благосостоянии, но часто от происходящего в нем расстройства гибнет и разрушается – то, как бы столь великий мир, имеющий в себе такие массы тел и состоящий из тех же стихий, как бы он пробыл столько времени не расстроенным, если бы не был храним Провидением? Нельзя и подумать, чтобы, если даже наше тело, оберегаемое и извне и изнутри, с трудом поддерживает свое существование, - столь великий мир, будучи оставлен без всякого промышления, во столько лет не терпел ничего такого, что терпит наше тело. Как это, скажи мне, ни одна из этих стихий не вышла из своих пределов и не истребила все прочие? Кто соединил их вначале? Кто связал? Кто обуздал? Кто удерживает их столько времени? Если бы еще мир был тело простое и однородное, то сказанное нами было бы не так невозможно; но когда такая борьба стихий была от начала, то, кто так безумен, что станет думать, будто они сошлись сами с собой и никто не соединял их, и, сошедшись, так остаются? Если и мы, озлобившись друг на друга не по природе, а по произволению, не можем примириться сами собой, пока останемся врагами и питаем неудовольствие друг против друга, но имеем нужду в постороннем, чтобы он свел нас, сведши соединил и убедил жить в согласии и впредь не расходиться: то как же стихии, не имеющие ни смысла, ни чувства, враждебные и противные друг другу по природе, могли бы сойтись и соединиться и быть вместе друг с другом, если бы не было какой-то неизреченной силы, которая и соединила их, и, соединив, постоянно удерживает в этом союзе?

3. Не видишь ли, как это тело, по выходе из него души, разлагается, истлевает и гибнет, и каждая из его стихий возвращается в прежнее свое состояние? То же самое случилось бы и с миром, если бы сила, постоянно им управляющая, оставила его без своего промышления. Если и корабль без кормчего не держится, но скоро утопает – то, как бы устоять столько времени миру без Управляющего им? Короче сказать: представь, что мир

есть корабль, киль его - земля, паруса - небо, плаватели - люди, лежащая внизу бездна - море. Как же в течение столь долгого времени не произошло кораблекрушения? Пусти корабль хотя на один день без кормчего и матросов, и увидишь, что он тотчас потонет; а мир ничего такого не потерпел, хотя существует уже пять тысяч, и даже еще гораздо более лет? Да, что говорить о корабле? Пусть кто построит небольшой шалаш в винограднике, и, по собрании плода, оставит его пустым: он часто не простоит и двух дней, но скоро разрушится и упадет. Если же и шалаш не может стоять, когда никто не оберегает его; то как бы могло столько времени стоять невредимо без Промысла столь великое, прекрасное и удивительное создание, - и законы дня и ночи, и круговращения времен, и какое-то разнообразное и многоразличное течение природы на земле, и на море, и на воздухе, и на небе, и в растениях, и в животных, летающих, плавающих, ходящих, пресмыкающихся, и в превосходнейшем из всех их - роде человеческом? Вместе с этим представь себе луга, сады, разнородные цветы, всякие травы, их употребление, благоухание, виды, положение, имена одни, дерева плодовитые и бесплодные, свойство металлов, животных морских, земных, плавающих, летающих в воздухе, горы, холмы, луга, луг дольний и луг горний (ибо и на земле луг, и на небе луг), различные цветы звезд; внизу розы, вверху радуга. Хочешь ли, покажу тебе и луг с птицами? Посмотри на разноцветные и превосходящие всякую живопись перья павлина, и на порфировидных птиц [1]. Подумай о красоте неба, сколько времени оно существует и не постарело, но так сияет и блестит, как будто только сегодня созданное; (подумай) о силе земли, как утроба ее столько времени рождает и не истощается. Подумай об источниках, как они изобилуют водой, и не иссякли, хотя беспрерывно, день и ночь, текут с тех пор, как созданы; подумай о море, как оно, принимая в себя столько рек, не преступило за пределы. Но долго ли нам гнаться за недостижимым? О каждом из вышеупомянутых творений должно сказать: "**как многочисленны дела Твои, Господи! Все сделал Ты премудро**" (Псал. 103:24)! Но как хитро отвечают неверующие, когда мы станем показывать им величие и красоту природы, обилие и избыток во всем! Это-то самое, говорят, и есть главная вина, т. е. что Бог сотворил мир столь прекрасным и великим, потому что, если бы Бог не сотворил его прекрасным и великим, мы и не боготворили бы его, теперь же, поражаясь его величием и удивляясь его красоте, мы думаем, что он есть Бог. Пустые речи! Не величие и не красота мира причиной их нечестия, но их безумие; этому доказательством мы, которые никогда до этого не доходили. Почему мы не обоготворили его? Разве не такими же глазами смотрим на него? Разве не так же наслаждаемся природой, как и они? Разве не такую же имеют душу? Не такое же тело? Разве не по той же ходим земле? Отчего же красота и величие (природы) не заставили нас думать так же, как думают они? Впрочем, не из этого только, но из другого еще видно, что они обоготворили его не ради красоты, но по собственному безумию: за что, в самом деле, обоготворили они обезьяну, крокодила, собаку, эти самые ничтожные из животных? Поистине, "**осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели**" (Римл. 1:21-22). Но не этим только будем опровергать их: скажем и еще нечто более.

4. Бог, провидя это искони, по Своей премудрости, отнял у них и этот предлог (неверия). Для этого он создал мир не только удивительным и великим, но и тленным и скоропреходящим, и положил на нем много признаков несовершенства: Он с целым миром сделал то же, что сделал с апостолами. Что же он сделал с апостолами? Так как они творили много знамений и чудес великих и удивительных, то Бог попустил им терпеть непрерывно бичевания, гонения, узы и телесные немощи, быть в непрестанных скорбях, чтобы величие их знамений не расположило людей почитать их за богов. Поэтому, даровав им столь великую благодать, Он оставил тело их смертным, а у многих и болезненным; и не освободил их от немощей, дабы показать их настоящую природу. Не мои это слова, а самого Павла, который говорил: "**если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне**

более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня" (2 Кор. 12:6), и опять: "**сокровище сие мы носим в глиняных сосудах**" (2 Кор. 4:7). Что значит: в скудельных сосудах? Значит: в этом теле, смертном и тленном; потому что как скудельный сосуд делается из глины при помощи огня, так точно и тело святых апостолов, будучи перстным и испытав действие духовного огня, стало скудельным сосудом. Для чего же это было, для чего Бог заключил столь великое сокровище и обилие дарований в смертном и тленном теле? "**Чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам**" (2 Кор. 4:7). В самом деле, когда увидишь, что апостолы воскрешают мертвых, а сами немоществуют и не в состоянии освободиться от недугов, то ясно уразумеешь, что воскресение мертвого совершилось не силой воскресившего, но действием Духа. А что они часто немоществовали, послушай, что говорит Павел о Тимофее: "**употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов**" (1 Тим. 5:23); и опять о другом: "**Трофима же я оставил больного в Милите**" (2 Тим. 4:20); и в послании к Филиппийцам: "**Епафродит болен при смерти**" (Фил. 2:27). Если же и при всем этом их приняли за богов и хотели принести им жертву, говоря: "**боги в образе человеческом сошли к нам**" (Деян. 14:11); то без этого до какого только не дошли бы нечестия, видя тогдашние чудеса? Итак, как у апостолов, по причине величия их знамений, Бог оставил природу немощную и попустил им подвергаться непрестанным искушениям, чтобы их не сочли за богов, - так и в природе сделал Он нечто подобное тому. Он создал ее прекрасной и великой, а вместе и тленной, как учит о том и другом Писание. Так, описывая красоту небес, пророк говорит: "**небеса проповедуют славу Божью**" (Псал. 18:1), и еще: "**Он распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья**" (Ис. 40:22); и опять: *содержащий круг неба восседает над кругом земли* [2]. А другой, показывая, что мир, сколь ни прекрасен и велик, однако же, тленен, говорит так: "**в начале Ты, основал землю, и небеса - дело Твоих рук; они погибнут, а Ты пребудешь; и все они, как риза, обветшают, и, как одежду, Ты переменишь их, и изменятся**" (Пс. 101:26-27). И в другом месте о солнце Давид говорит: "**выходит, как жених из брачного чертога своего, радуется, как исполин, пробежать поприще**" (Пс. 18:6). Видишь ли, как он изобразил тебе красоту и величие этой звезды? Как бы жених, появившись из какого чертога, солнце разливает лучи свои с востока, украшая небо, как бы шафранным покровом, обливая облака розовым цветом и, беспрепятственно протекая во весь день, не останавливается ничем в своем течении. Видишь ли красоту его? Видишь ли его величие? Посмотри же теперь и на признак его несовершенства. Чтобы и это показать, один мудрый сказал: "**что светлее солнца? но и оно затмевается**" (Сир. 17:30). Впрочем, не из этого только можно видеть несовершенство его, но и из сгущения облаков. Часто случается, что когда подойдет под него облако, оно (солнце), сколько ни испускает лучей и сколько ни усиливается разорвать облако, не может сделать этого, когда именно облако слишком густо и не дает ему разорвать себя. Скажут: оно питает семена? Но не одно оно питает, а имеет для этого нужду в земле, в росе, дождях, ветрах и благосостоянии времен годичных: и если все это не сойдется вместе, то и действие солнца будет бесполезно.

Но Богу не свойственно нуждаться в посторонней помощи для совершения того, что захочет Он сделать: напротив Богу более всего свойственно - не нуждаться ни в чем. Семена из земли Он извел не так (как солнце), но только повелел - и все произросло. И вот, чтобы ты знал, что не сами стихии, но повеление Божье творит все, что и самые стихии оно же вызвало из небытия, - Бог и иудеям, без всякой сторонней помощи, ниспослал манну: "**хлеб небесный дал им**" (Псал. 77:24). И что говорить, что солнце имеет нужду в других стихиях для сообщения зрелости и крепости плодам, когда и само оно нуждается во многом, для своего существования, и само для себя недостаточно? Чтобы ходить, ему нужно небо, как бы подостланный какой пол; чтобы светить, нужна ему чистота и тонкость воздуха, так что, если воздух чрезмерно сгустится, то и солнце не может показать света своего; и чтобы не быть ему нестерпимым для всех и не сжечь всего,

опять нужна для него прохлада и роса. Итак, если другие стихии и одолевают солнце и восполняют его недостатки (одолевают, например, облака, стены и некоторые другие тела, закрывающие свет его; восполняют его недостатки, например, роса, источники и прохлада воздуха), - то, как оно может быть Богом? Богу свойственно не нуждаться ни в чем, и ничего не требовать ни от кого, но самому сообщать все блага всем, и никем не быть останавливаемым, как и говорят о Нем Павел и пророк Исаия. Один из пророков от лица Божьего так говорит: "**не наполняю ли Я небо и землю? говорит Господь**" (Иерем. 23:24); и еще: "**разве Я - Бог только вблизи, а не Бог и вдали**" (Иерем. 23:23). Также и Давид: "**Ты - Господь мой; блага мои Тебе не нужны**" (Псал. 15:2). А Павел, объясняя вседовольство Божье и доказывая, что Богу в особенности свойственно, во-первых, ни в чем не иметь нужды и, во-вторых, давать всем все, говорит так: "**Бог, сотворивший мир и все, что в нем, не требует ничто, Сам давая всему жизнь и дыхание и все**" (Деян. 17:24-25).

5. Можно бы рассмотреть и прочие стихии, небо, воздух, землю, море, и показать их несовершенство и то, как каждая из них имеет нужду в другой, а без того гибнет и разрушается. И земля, например, если бы покинули ее источники и влага, наносимая на нее из моря и рек, тотчас погибла бы от засухи. Так и прочие стихии имеют нужду в других, например, воздух в солнце, а солнце в воздухе. Но чтобы не сделать слова слишком продолжительным, удовольствуемся и тем, что в сказанном мы дали желающим достаточные основания для размышления. Ибо, если солнце, более всякого творения удивительное, оказалось так несовершенным и недостаточным, - тем паче прочие части мира таковы. Посему я, как и сказал, дав усердным основание для размышления, сам опять стану беседовать с вами от Писания и доказывать, что не одно солнце, но и весь этот мир тленен. Если стихии взаимно вредят друг другу, если, например, слишком сильный холод ослабляет силу солнца, а усилившаяся теплота опять уничтожает холод и вообще все они производят одна в другой и претерпевают одна от другой противоположные свойства и состояния, - то очевидно, это служит доказательством великой тленности и того, что все видимое есть тело. Но так как это учение превышает нашу простоту, то поведем вас на сладкий источник Писания и успокоим слух ваш. Не о небе и земле, в частности, скажем вам, но укажем на апостола, который обо всей вообще твари внушает нам это же самое и ясно говорит о том, что вся тварь ныне рабствует тлению, (разъясняя также), для чего рабствует, когда освободится от него, и в какое перейдет состояние. Сказав: "**нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас**", он присовокупил: "**ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божьих: потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде**" (Римл, 8:18-20). Смысл слов такой: тварь сделалась тленной; это и значит: "**покорилась суете**". А сделалась тварь тленной потому, что так повелел Бог; а Бог повелел так для рода нашего. Как она должна была питать человека тленного, то и самой надлежало ей быть такой же; потому что телам тленным не следовало обитать в природе нетленной. Впрочем, говорит апостол, она не останется такой, но "**сама тварь освобождена будет от рабства тлению**" (Римл. 8:21); потом, желая показать, когда это будет и через кого, присовокупил: "**в свободу славы детей Божьих**". Когда, говорит, мы воскреснем и получим тела нетленные, тогда и тело неба и земли и всей твари будет нетленным и неразрушимым. Посему, когда увидишь солнце восходящим, подивись Создателю; когда же увидишь его скрывающимся и исчезающим, познай несовершенство природы его, и не покланяйся ему, как Богу. Для этого-то Бог не только положил на природе стихий знак их несовершенства, но и соизволил рабам своим - человекам повелевать ими, чтобы, если по виду их не узнаешь их рабства, то от повелевающих ими ты научился, что все они подобные тебе рабы. И вот Иисус Навин говорит: "**стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою**" (Иис. Нав. 10:12). Еще и пророк Исаия, при царе Езекии, заставил его идти назад (Ис.

38:8); и Моисей повелевал воздуху, и морю, и земле, и камням; Елисей переменил естество воды (4 Цар. 2:22); три отрока одолели огонь. Видишь, как и в том и другом Бог показал Свое о нас попечение: красотой стихий ведя нас к познанию Его божества, а несовершенством удерживая от поклонения им?

6. За все это прославим Его - Промыслителя нашего, не словами только, но и делами; будем вести себя сколько возможно лучше - как во всем прочем, так и в воздержании от клятв. Не всякий грех несет одинаковое наказание, но, от чего легче воздержаться, за то и наказываемся больше. На это указывает и Соломон, когда говорит: "**не спускают вору, если он крадет, чтобы насытить душу свою, когда он голоден. Кто же прелюбодействует, тот губит душу свою**" (Притч. Солом. 6:30,32), т. е. тяжко грешит вор, но не так тяжко, как прелюбодей. Тот в защиту свою может привести хоть и неосновательную причину - нужду от бедности; а этот, не влекомый никакой нуждой, от одного безумия, впадает в бездну греха. То же надобно сказать и о клянущихся: и они не могут представить никакого извинения, кроме своей небрежности. Знаю, что кажусь я уже скучным и обременительным, досаждая непрерывным повторением этого увещания: однако не отстаю, чтобы вы, устыдившись хоть моего нестыдения, отстали от дурной привычки к клятвам. Если и судья немилосердный и жестокий (Лук. 18:2 и сл.), устыдясь неотступных просьб вдовицы, переменил нрав свой, - тем более сделаете это вы, особенно когда увещевающий вас делает это не для себя, но для вашего спасения; а по правде сказать, это и для себя я делаю, потому что ваши добродетели считаю моими заслугами. Желал бы я, чтобы, сколько я теперь тружусь и забочусь о вашем спасении, столько же и вы пеклись о своей душе: тогда дело это, без сомнения, пришло бы к концу. И что говорить много? Если бы не было ни геенны, ни наказания ослушникам, ни награды послушным, а только я, пришедши к вам, попросил бы вас об этом, как о милости: неужели бы вы не послушались? Неужели бы не исполнили просьбы просящего такой небольшой милости? Но у вас просит милости Сам Бог, и не для Себя получающего, но для вас же дарующих: кто же будет так неблагодарен, так жалок и несчастен, что не окажет милости Богу - просящему, и особенно, когда оказавший милость сам же и воспользуется ей? Подумайте же об этом, и возвратившись отсюда домой, говорите обо всем сказанном, и исправляйте всячески невнимательных, чтобы получить нам награду и за свои и за чужие добродетели, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

---

[1] У Элиана в De Animalibus III, 42 упоминается птица Porphyrion, которая отличалась даже большей красотой, чем павлин.

[2] *Окружи небо окружением славы* - Сир. 43:13.

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА ОДИННАДЦАТАЯ.

Благодарение Бога за освобождение от бедствий, ожидаемых вследствие возмущения, и воспоминание о том, что тогда случилось; также против унижающих наше тело, о сотворении человека вообще, и наконец - о воздержании от клятв.

КОГДА подумаю о прошедшей буре и о настоящем спокойствии, то не перестаю говорить: благословен Бог, "**творящий и претворяющий**" (Амос. 5:8), "**сотворивый свет из тьмы**" (Иов. 37:15), "**низводит в преисподнюю и возводит**" (1 Цар. 2:6), "**наказывает, но мы не умираем**" (2 Кор. 6:9); и хочу, чтобы это же и вы говорили всегда и не переставали (говорить): потому что, если Он облагодетельствовал нас на деле, то заслуживали бы мы какого-нибудь извинения, когда бы не воздали Ему даже словами? Посему, увещеваю вас никогда не переставайте благодарить Его: если мы будем признательны за прежние (благодеяния), то, очевидно, получим и другие большие. Итак, будем непрестанно говорить: благословен Бог, давший и нам безбоязненно предложить вам обычную трапезу, и вам без страха внимать словам нашим. Благословен Бог, что мы стекаемся сюда, уже не избегая внешней опасности, но, желая слушать (поучение); сходимся друг с другом уже не с робостью, трепетом и опасением, но с великой смелостью и отбросив всякую боязнь. А в предшествующие дни мы были ничем не лучше обуреваемых на море и ежеминутно ожидающих кораблекрушения; всякий день были поражаемы, возмущаемы и колеблемы бесчисленными слухами со всех сторон; всякий день разведывали и спрашивали: кто пришел из столицы? Какие принес вести? Правду или ложь говорит он? Мы проводили ночи без сна, и, смотря на город, оплакивали его, как готовый тотчас погибнуть. Поэтому и мы в эти предшествующие дни молчали, оттого, что город наш совсем опустел и все переселились из него в пустыни, а оставшиеся были покрыты облаком печали. Душа, совершенно объятая печалью, бывает вовсе не способна слушать. Поэтому и друзья Иова, пришедши и увидев несчастья этого дома и самого праведника сидящим на гноище и покрытым ранами, разорвали свои одежды, восстенали, и сидели в молчании, показывая тем, что скорбящим сначала более всего приятно спокойствие и молчание: да и страдания (Иова) были выше утешения (Иов. 2:13). Поэтому и иудеи, приставленные к глине и деланию кирпичей, увидев пришедшего Моисея, не могли внимать словам его от малодушия и скорби своей (Исх. 5:21). И что удивительного, если было так с людьми малодушными, когда видим, что и ученики (Христовы) подверглись той же немощи? После Тайной Вечери, когда Христос беседовал с ними наедине, ученики сначала то и дело спрашивали Его: "**куда Ты идешь**" (Иоан. 13:36); но когда Он сказал им о бедствиях, имевших немного спустя постигнуть их, о бранях, гонениях, о ненависти ото всех, о бичах, темницах, судилищах, ссылках, - тогда душа их, подавляемая, как бы самым тяжким бременем, страхом сказанных бедствий и унынием от угрожающих зол, сделалась наконец безмолвной. Потому Христос, увидев их смущение, укорил их за это и сказал: "**иду к Пославшему Меня, и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но от того, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше**" (Иоан. 16:5-6). Поэтому и мы сначала молчали, выжидая настоящего случая, так как если и намеревающийся просить кого-нибудь, хоть и справедливую просьбу предложить хочет, выжидает, однако, удобного случая, чтобы найти того, от кого зависит исполнение просьбы, кротким и в добром расположении духа, и при помощи благоприятного случая получить милость; то, тем более, проповеднику нужно искать удобного времени, чтобы преподать наставление слушателю, когда он находится в добром расположении и свободен от всякой заботы и уныния. Так именно и мы сделали.

2. И вот теперь, когда вы прогнали от себя уныние, мы и хотим напомнить вам о прежнем, чтобы слово наше было яснее для вас. Что сказали мы о природе, т. е., что Бог сотворил ее не только прекрасной, удивительной и великой, но вместе и слабой и тленной, и положил на ней многие признаки этого, устраивая то и другое для нашей пользы, именно, красотой твари возбуждая в нас удивление Создателю, а несовершенством предохраняя от обоготворения твари, - то же самое можно видеть и на нашем теле. И о нем многие, как из врагов истины, так и из единомышленных нам, спрашивают: почему оно сотворено тленным и смертным?

Многие из язычников и еретиков говорят даже, что оно и сотворено не Богом: оно не стоит того, чтобы сотворил его Бог, говорят они, указывая на нечистоты, пот, слезы, труды, изнурения, и все прочие несовершенства тела. Но я, если речь уже зашла об этом, скажу, во-первых, вот что: не говори мне об этом падшем, уничтоженном, осужденном человеке; но если хочешь знать, каким Бог сотворил тело наше вначале, то пойдем в рай и посмотрим на человека первосозданного. То тело не было такое смертное и тленное; но как светло блестит золотая статуя, только что вышедшая из горнила, так и тело то было свободно от всякого тления: его ни труд не тяготил, ни пот не изнурял, ни заботы не мучили, ни скорби не осаждали, и никакое подобное страдание не удручало. Когда же человек не сумел воспользоваться благополучием, но оскорбил своего Благодетеля, поверил более демону-обольстителю, нежели Промыслителю Богу, возвеличившему его, понадеялся быть Богом и возмечтал о своем достоинстве более надлежащего, тогда-то, тогда Бог, желая вразумить его уже самым опытом, сделал его тленным и смертным, и связал множеством этих нужд, не по ненависти и не по отвращению, но из заботливости о нем, - чтобы остановить в самом начале злую и пагубную эту гордость и не дать ей пойти далее, но самым опытом научить человека, что он смертен и тленен, и через это заставить его - никогда не думать и не мечтать о себе так. Дьявол сказал (первым людям): "**будете, как боги**" (Быт. 3:5). Чтобы вырвать эту мысль с корнем, Бог сделал тело человека слабым и болезненным, самой природой научая его - никогда не иметь такой мысли. Справедливость этого весьма ясно видна и из того, что случилось с человеком: он осужден на это наказание уже после того пожелания (быть Богом). И заметь, как Бог премудр: Он не дал умереть (Адаму) первым, но попустил претерпеть смерть сыну его, чтобы он, увидев перед глазами у себя тело тлеющее и разрушающееся, получил от этого зрелища великий урок любомудрия, познал, что (с ним) сделалось, и, хорошо вразумленный этим, отошел отсюда.

Итак, это, как я сказал, весьма ясно видно уже из случившегося (с Адамом); но не менее ясно и из того, что сказано будет затем. Если и при всем том, что тело наше связано такой нуждой, что все умирают, истлевают, сгнивают и обращаются в прах перед глазами всех, так что языческие философы сделали одно известное определение породы людей (на вопрос: что такое человек, они сказали: он есть животное разумное, смертное); если, при таком всеобщем признании, некоторые дерзнули обессмертить себя во мнении народа, и тогда как глаза свидетельствуют о смерти, захотели называться богами и почтены были такими: то, до какого нечестия не дошли бы многие из людей, когда бы смерть наперед не убеждала всех в смертности и тленности их природы? Послушай, что говорит пророк об одном иноплеменном царе, который дошел вот до какого неистовства: "**выше звезд Божьих вознесу престол мой**", сказал он, "**буду подобен Всевышнему**" (Иса. 14:13-14). Посмеиваясь над ним и указывая на смерть его, (пророк) говорит: "**под тобой подстилается червь, и черви - покров твой**" (Иса. 14:11), т. е. ты ли, человек, которого ожидает такой конец, дерзнул так мечтать о себе? И о другом царе, именно о тирском, который так же помышлял и хотел называться Богом, сказано: "**скажешь ли тогда перед твоим убийцею: "я бог", тогда как в руке поражающего тебя ты будешь человек, а не бог**" (Иезек. 28:9). Итак, Бог сотворил таким тело наше для того, чтобы с самого начала и совершенно истребить основание идолослужения. И удивительно ли, что это случилось с телом, когда и в душе можно видеть нечто подобное? Смертной, правда, Бог не сделал ее, а допустил ей быть бессмертной: зато подверг ее забывчивости, неведению, унынию и заботам, и это сделал для того, чтобы она, увидев благородство своей природы, не помыслила о своем достоинстве более надлежащего. Ведь если и при всем этом некоторые дерзнули сказать, что душа имеет сущность божескую, то, до какого безумия не дошли бы они, когда были бы свободны от этих недостатков? Впрочем, что я сказал о природе, то же скажу и о теле, т. е. что одинаково удивляюсь Богу и потому, что Он сделал тело тленным, и потому, что в тленности его обнаружил собственную силу и премудрость. Что мог Он

создать его и из лучшего вещества, это показал в теле небесном и солнечном: создавший эти тела мог бы таким же создать и тело (человеческое); но причина, почему оно создано слабым, заключается в вышесказанном основании. И это нисколько не унижает дивного величия Создателя, но еще более возвышает его: несовершенство вещества особенно и показывает великость и совершенство искусства Того, Кто праху и пеплу сообщил такую гармонию и такие чувства, столь различные и разнообразные и способные так любомудрствовать!

3. Итак, чем более низким представляется тебе вещество (тела), тем более удивляйся величию искусства (Божия). И ваятелю удивляюсь я не столько тогда, когда он делает прекрасную статую из золота, сколько тогда, когда он из распадающейся глины, силой искусства, может образовать удивительную и невообразимую красоту художественного произведения: там и вещество несколько помогает художнику, а здесь проявляется чистое искусство. Если хочешь знать, какова премудрость Создавшего нас, подумай, что делается из глины: что же другое, кроме кирпича или черепицы? И, однако, великий художник - Бог из этого вещества, из которого делается только кирпич и черепица, мог устроить глаз, столько прекрасный, что удивляются ему все смотрящие, и сообщить ему такую силу, что он простирается взором на столь великую высоту в воздух, и при помощи небольшого зрачка обнимает столь великие тела, и горы, и леса, и холмы, и моря, и небо. Не говори мне о слезах и гнойной влаге: это произошло из-за твоего греха; но подумай о его красоте, о способности видеть, и о том, как он, проходя такое пространство воздуха, не утомляется и не ослабевает. Ноги, и немного прошедши, устают и ослабевают, а глаз, пробегая такую высоту и такую широту, не чувствует никакого изнеможения. Как он из всех членов для нас самый необходимый, то Бог не попустил ему утомляться от труда, чтобы его служение нам было свободно и беспрепятственно. Впрочем, в состоянии ли какое слово изобразить все совершенство этого члена? И что говорит о зрачке и силе зрения? Если рассмотришь только ресницы глаза, - этот, по-видимому, самый ничтожный из всех членов: и в них увидишь великую премудрость Зиждителя - Бога. Как ости на колосьях, выдавшись вперед на подобие копий, отгоняют птиц и не дают им садиться на плод и ломать еще очень слабый стебель; так и на глазах волоски ресниц выдаются как бы ости и копья, отражают от глаз пыль, сор и все, что беспокоит извне, и предохраняют веки от повреждения. Увидишь и в бровях не меньше того премудрости. Кто не изумится их положению? Они и не слишком выставляются вперед, чтобы не затмевать глаза, и не углублены внутрь более надлежащего; но, выдаваясь сверху, наподобие кровельного навеса на доме, принимают на себя стекающий с головы пот, и не дают вредить глазам. Поэтому-то и волосы у них сплотнились между собой: этой плотностью они удерживают стекающую влагу, и весьма искусно прикрывая глаза, придают им и великое благообразие. И не этому только удивляться можно, но и другому, что не меньше того. Для чего, скажи мне, волосы на голове растут и стригутся, а на бровях - нет? Ведь и это сделано не без причины и не случайно, но для того, чтобы они, спустившись вниз, не затмевали глаз, как это иногда бывает у людей, пришедших в глубокую старость. А кто может постигнуть всю премудрость, являемую в устройстве мозга? Во-первых, Бог создал его мягким, так как он дает истоки всем чувствам; потом, чтобы он не повредился (по нежности) собственной природы, оградил его со всех сторон костями; далее, чтобы, касаясь костей, он не терпел от их жесткости, протянул между ними перепонку, и не одну только, но две, одну внизу под переднею частью головы, а другую вверху вокруг мозгового вещества, и при том первую гораздо тверже последней. Это сделал Бог, как по вышесказанной причине, так и для того, чтобы удары, наносимые в голову, не мозг принимал первый, но наперед встречали бы их эти перепонки, и таким образом уничтожали всякий вред и сохраняли мозг неприкосновенным. И то, что покрывающая его кость не сплошная и цельная, но со всех сторон имеет множество швов, - и это опять служит для мозга не маловажным предохранительным средством: с одной стороны,

накопляющиеся около него испарения, легко могут через эти швы выходить наружу, и, таким образом, не сдавливают его; с другой стороны, если и будет откуда-либо нанесен удар, то повреждение произойдет не повсеместное. Если бы эта кость была цельная и сплошная, то и нанесенный в одну часть ее удар повредил бы ее всю; но теперь, когда она разделяется на многие части, этого быть не может. Если и случится одной части получить ушиб, то повреждается только та кость, которая лежит близ этой части, а прочие все остаются невредимыми, потому что общность удара разъединяется раздельностью костей и не может простираться на близлежащие части. Вот для чего Бог устроил мозговой покров из многих костей! И как строящий дом полагает наверху кровлю и черепицы, так и Бог положил вверху на голове эти кости, и повелел вырасти волосам, чтобы служить для головы как бы вместо колпака. То же самое Он сделал и с сердцем. Так как сердце у нас главнейший из членов и ему вручено начало всей нашей жизни, в случае же его поражения бывает смерть; то Бог оградил его со всех сторон плотными и твердыми костями, - спереди выпуклой грудью, а сзади плечными лопатками. И с ним сделал то же, что с перепонками (около мозга): чтобы оно, находясь в постоянном биении и трепетании во время гнева и других подобных движений и ударов об окружающие его жесткие кости, не терпело боли от этого трения, Бог протянул тут множество перепонок; и подложил еще легкое, как бы мягкую постель для движений его, дабы оно, ударяясь об нее без боли, не терпело никакого вреда. Но что и говорить о голове и сердце, когда, если рассмотришь и самые ногти, откроешь и в них великую премудрость Божью, - в их виде, свойствах и положении. Можно бы еще сказать и о том, почему у нас не все пальцы равны, и о многом другом, что важнее этого: но для внимательных и из сказанного довольно сияет премудрость создавшего нас Бога. Посему, предоставив трудолюбивым исследовать эти части с точностью, обращусь к другому возражению.

4. Многие, кроме вышесказанного, вот что еще возражают: что это такое? Если человек есть царь бессловесных, то почему многие из животных превосходят его и силой, и легкостью, и быстротой? Быстрее человека - конь, терпеливее - вол, легче - орел, сильнее - лев. Что же сказать нам на это? То, что отсюда-то особенно можем мы познать премудрость Божью и ту честь, которой Он удостоил нас. Конь быстрее человека, - правда; но человек может совершать путь гораздо скорее коня. Конь, как он ни быстр и силен, едва пробежит в день двести стадий; а человек, впрягая попеременно несколько лошадей, может проехать и две тысячи стадий. Таким образом, что тому быстрота, то этому дает ум и искусство, притом с великим избытком. У человека не так крепки ноги, как у коня: зато ноги коня служат ему не меньше своих. Ни одно из бессловесных животных не может подчинить себе другого на свою службу, а человек подчиняет всех их, и при помощи разнообразного искусства, данного ему от Бога, заставляет каждое из животных выполнять наиболее пригодное для него служение. Если бы ноги у людей были так же крепки, как у лошадей, то они были бы негодны для другого, - для того чтобы ходить по местам неудобопроходимым, подниматься на высоты, влезать на деревья: копыто, как известно, мешает такой ходьбе. Поэтому, хотя ноги у людей и слабее, зато они способнее к большему числу полезных движений, и нисколько не терпят от своей слабости, получая услугу от силы коня, а способностью к разнообразному хождению еще превосходят последнего. Далее, у орла - легкие крылья; но у меня есть ум и искусство, посредством которых могу заманивать и ловить всех птиц. Если же хочешь видеть и мое крыло, у меня есть оно гораздо легче орлиного, поднимается не на десять или на двадцать стадий, и не до неба, но выше самого неба и превыше неба, где Христос сидит одесную Бога. Бессловесные на теле у себя имеют оружие, - например, вол - рога, кабан - зубы, лев - когти; а у меня Бог устроил не в теле, но вне тела, дабы показать, что человек есть кроткое животное, и что ему не всегда нужно это оружие. В самом деле, часто я слагаю его, нередко и вооружаюсь им. Поэтому, чтобы мне быть свободным и несвязанным, и не иметь надобности постоянно носить оружие, Бог создал его отдельным от моей природы.

Мы превосходим бессловесных не только разумной душой, но и по телу имеем преимущество перед ними. И тело Бог создал сообразным с благородством души и способным выполнять ее веления; создал не просто каким-нибудь, но таким, каким ему нужно быть для служения разумной душе, так что если бы оно не было таким, действия души встретили бы сильные препятствия. Это и видно во время болезней: когда состояние тела хоть немного уклонится от надлежащего своего устройства, например, если мозг сделается горячее или холоднее, то многие из душевных действий останавливаются. Итак, и на теле можно видеть Промысел Божий, - не только из того, что Он вначале сотворил его лучшим нынешнего, и что и нынешнее устроено так к благу, но и из того, что Он опять воскресит его к гораздо большей славе. Если же хочешь узнать и с иной стороны, какую премудрость Бог явил в устройстве тела, - я скажу то, чему, кажется, постоянно и больше всего удивлялся апостол Павел. Что ж это такое? То, что члены тела превосходят друг друга не одним и тем же, но одни красотой, другие силой. Например, глаз красив, но ноги крепче его; важна голова, но она не может сказать ногам: не имею в вас нужды (1 Кор. 12:21). Это же можно видеть и между бессловесными; это же - и во всей жизни. Царь имеет нужду в подданных, подданные в царе, как голова в ногах. И между бессловесными, опять, одни сильнее, другие красивее; одни забавляют нас, другие питают, иные одевают: забавляет павлин, питают куры и свиньи, одевают овцы и козы, трудятся с нами вол и осел. Есть еще такие, которые ничего подобного не доставляют нам; зато упражняют наши силы, например, дикие звери укрепляют мужество охотников, страхом вразумляют род наш и делают более осторожным, да еще с тел своих вносят не малую дань на врачевание наше. Итак, если кто скажет тебе: что ты за владыка бессловесных, когда боишься льва? Скажи ему, что вначале так не было, когда я был в благоволении у Бога и жил в раю, но как я оскорбил Господа, то и сделался подвластен рабам, впрочем, и ныне не совсем подвластен, но обладаю некоторым искусством, с помощью которого и одолеваю зверей. Так бывает и в знатных домах: когда дети, хотя и благородные, не достигли еще совершеннолетия, то боятся многих и из рабов; а когда притом сделают проступок, боязнь их еще более увеличивается. Это надобно сказать и о змеях и скорпионах и ехиднах, т. е. что они страшны нам из-за греха.

5. Такое разнообразие можно видеть не только в нашем теле, не только в различных состояниях жизни, и не только в бессловесных животных, но и в деревьях. И между ними увидишь, что самое малое имеет иногда преимущество перед большим; и не во всех их есть все, - дабы все они были нам необходимы и из них мы видели многообразную премудрость Господа. Не вини же Бога за тленность твоего тела, но за это еще более благоговей перед Ним и удивляйся Его премудрости и промышлению: премудрости, что в таком тленном теле Он мог выказать такую гармонию; промышлению, что сделал тело тленным для блага души, дабы смирить гордость и низложить высокоумие ее. Почему же, скажешь, Бог не сотворил человека таким вначале? Против этого Сам Он ответствует тебе самыми делами и как бы так говорит самым событием: я призвал тебя к большей славе, но ты сделал себя недостойным дара, потеряв рай; впрочем и после этого Я не презрю тебя, но исправлю твой грех и возведу тебя на небо; для того я попустил тебе столько времени подвергаться гниению и тлению, чтобы в течение долгого времени тверд стал у тебя урок смиренномудрия, и ты никогда не возымел прежней мысли. Итак, за все это возблагодарим человеколюбивого Бога, и за попечение Его о нас воздадим Ему воздаянием полезным для нас же; позаботимся усердно исполнить заповедь, о которой я постоянно беседую с вами. Да и не перестану (беседовать), пока вы не исправитесь; так как не о том забочусь, чтобы только говорить мало или много, но чтобы говорить дотоле, пока не склоню вас. Иудеям Бог говорил через пророка: "**вы поститесь для ссор и распрей, зачем**" (Ис. 58:4); а вам скажет через нас: если вы в клятвах и клятвопреступлениях поститесь, то для чего поститесь? И как мы воззрим на священную пасху? Как примем святую жертву? Как приобщимся чудных тайн тем языком, которым

попрали закон Божий, тем языком, которым осквернили душу? Если и за царскую порфиру никто не дерзнет взяться нечистыми руками, как же мы примем тело Господне языком нечистым? Клятва - от лукавого, а жертва - Господня. "**Что общего у света с тьмой? Какое согласие с Велиаром**" (2 Кор. 6:14-15)? Знаю хорошо, что вы старались отстать от этого греха, но как каждому из нас самому по себе не легко сделать это, то составим братства и товарищества; и как бедные, когда хотят устроить пир и каждый из них сам по себе не может угостить всех, собираются вместе и в складчину делают пир, так поступим и мы: поодиночке мы беспечны, так составим братства, станем делать друг другу советы, увещания, убеждения, укоризны, напоминания, угрозы, дабы при усердии каждого из нас исправиться всем нам. Как мы лучше видим чужие недостатки, нежели свои, то и будем предостерегать других, а им поручим наблюдать за нами; и совершим это прекрасное состязание, чтобы, так преодолев злую привычку, с дерзновением достигнуть нам этого святого праздника, и с доброй надеждой и благой совестью приобщиться святой жертвы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Благодарение Богу за прощение виновных против царя; учение о естестве мира, также о том, что Бог, сотворив человека, дал ему естественный закон, - и о самом тщательном воздержании от клятв.

И ВЧЕРА я сказал: "**благословен Бог**", и сегодня скажу опять это же самое. Хотя бедствия и прошли, но да не проходит памятование о бедствиях, не для того, чтобы нам скорбеть, но чтобы благодарить. Если останется памятование о бедствиях, то никогда не станут и самые бедствия. И к чему будут бедствия, когда и памятование о них умудряет нас? Поэтому как Бог не попустил нам потонуть в наступивших скорбях, так и мы не дадим себе расслабиться по миновании их. Ободрил Он нас тогда в унынии, возблагодарим же Его теперь в радости; утешил Он нас в печали и не предал, не предадим же и мы сами себя в счастье и не впадем в беспечность. "**Вспоминай**", говорит (премудрый), "**о времени голода и во дни богатства**" (Сирах. 18:25). Будем же и мы помнить время искушения в день спокойствия; да и с грехами сделаем то же самое. Если ты согрешишь и Бог простит тебе грехи: прими прощение и поблагодари (Бога), но о грехе не забывай - не для того, чтобы тебе мучить себя мыслью (о грехе), но чтобы научить душу не предаваться легкомысленной веселости и не впадать в те же грехи. Так поступил и Павел, - сказав: "**признал меня верным, определив на служение**", он прибавил: "**который прежде был хулитель и гонитель и обидчик**" (1 Тим. 1:12-13). Пусть, говорит, сделается явной жизнь раба, чтобы открылось человеколюбие Владыки: хотя и получил я прощение грехов, но воспоминания о них не оставляю. И через это не только открылось человеколюбие Владыки, но и Павел сделался славнее. Когда ты узнаешь, каков он был прежде, то будешь удивляться ему сильнее; когда увидишь, из кого и кем он стал, то почтишь его более; и если сам ты много согрешил, то, начиная переменяться, получишь от этого примера добрую надежду: так как он, кроме вышесказанного, утешает и ободряет впадших в отчаяние. Это же будет и с нашим городом: все случившееся и доказывает вашу добродетель, так как вы покаянием могли отклонить столь великий гнев, и возвещает о человеколюбии Бога, Который ради малого обращения отвел такую тучу, и ободряет всех отчаивающихся, научая их нашими событиями, что, кто смотрит горе - к Божьей помощи, тот не может потонуть, хотя бы его со всех сторон обнимали тысячи волн. Видел ли кто, слышал ли кто когда-нибудь о бедствиях, подобных нашим? Ежедневно ожидали мы, что город наш, вместе с жителями, будет истреблен до

основания; но, когда дьявол надеялся потопить нашу ладью, тогда-то Бог и сделал полнейшую тишину. Не забудем же великости бедствий, чтобы помнить и величие благодеяний, оказанных Богом. Незнающий свойства болезни не узнает и искусства врача. Расскажем это и нашим детям, и передадим в роды родов, чтобы знали все, как дьявол усиливался истребить и самое место города, и как Бог перед глазами всех восстановил этот падший и низверженный город, и не попустил ему потерпеть ни малейшего вреда, но с великой скоростью и разогнал страх, и устранил опасность. На прошедшей неделе мы все ожидали расхищения наших имений, нашествия воинов, и воображали себе множество других бедствий; но вот, все это прошло, подобно облаку и тени мимолетной, и наказаны мы только ожиданием бедствий или - лучше сказать - не наказаны, а научены и сделались лучшими, оттого, что Бог смягчил сердце царево. Будем же говорить всегда и каждый день: "**благословен Бог**"; станем с большим усердием приходить в собрание и притекать к Церкви, от которой получили столько пользы. Знаете, куда вначале вы прибегли, куда стеклись, откуда пришло к нам спасение. Будем же держаться за этот священный якорь, и как он не выдал нас во время опасностей, так и мы не оставим его во время спокойствия, но останемся при нем неотлучно, ежедневно будем составлять собрания, творить молитвы, слушать слово Божье, и свободное время, которое употребляли на разведыванье, расспрашивание и беганье около приходивших из столицы, и на заботу об угрожавших бедствиях, - все это время станем употреблять на слушание божественных заповедей, а не на занятия неуместные и бесполезные, чтобы опять не подвергнуться нам тому же смятению.

2. В три прошедшие дня мы рассматривали один способ богопознания и окончили его объяснением - как "**небеса проповедуют славу Божью**" (Псал. 18:2), и что значит изречение Павла: "**ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы**" (Римл. 1:20); и показали, как прославляется Создатель сотворением мира, как - небом, землей и морем. Сегодня, полюбомудрствовав немного опять о том же предмете, перейдем к другому. Бог не только сотворил мир, но сотворенному даровал и способность действовать, так, впрочем, что и не весь оставил его без движения, и не всему повелел двигаться. Небо стоит неподвижно, как говорит пророк: "**Он распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья**" (Иса. 40:22); а солнце, с прочими звездами, бежит ежедневно. Земля, опять, стоит твердо, а воды текут постоянно, и не только воды, но и облака и дожди, частые и сменяющие друг друга в свое время. И хотя природа дождей одна, но происходящее из них различно: в винограде дождь бывает вином, в маслине - маслом, а в других растениях превращается в их соки. Утроба земли одна, но различно приводит все в зрелость - иное медленнее, другое скорее. Кто не изумится и не удивится этому? Впрочем, не то только удивительно, что Бог устроил природу различной и разнообразной, но и то, что предложил ее всем вообще, и богатым и бедным, и грешным и праведным, как сказал Христос: "**повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Матф. 5:45), - наполнил ее бесчисленным множеством животных и, дав им врожденные наклонности, повелел нам одним подражать, а других избегать. Например, муравей трудолюбив и работает неутомимо: поэтому, если будешь внимателен, получишь от этого животного весьма важное наставление - не предаваться неге и не бегать от забот и трудов. Потому и Писание к нему отсылает ленивца, говоря: "**пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым**" (Притч. 6:6). Не хочешь, говорит, понять из Писания, что трудиться доброе дело, и что не трудящийся не должен и есть; не хочешь выслушать этого от учителей: научись же от бессловесных. Так поступаем мы и у себя дома: когда старшие и считающиеся лучшими сделают какой-либо проступок, мы часто велим им смотреть на рачительных детей, и говорим: посмотри, он меньше тебя, а как прилежен и заботлив!

Так и ты прими от муравья величайший урок трудолюбия, и подивись твоему Господу, не в том только, что Он создал солнце и небо, но и в том, что создал и муравья: это животное хоть и малое, но представляет собой великое доказательство премудрости Божьей. Поразмысли же, как оно умно, и подивись, как Бог в таком малом теле мог поместить такую неутомимую охоту к трудолюбию. Итак, у муравья учись трудолюбию, а у пчелы любви - и к чистоте, и к труду, и к ближним. Она каждодневно трудится и работает не столько для себя, сколько для нас: и христианину более всего свойственно искать пользы не себе, но другим. Как пчела облетает все луга, чтобы приготовить трапезу другому, так делай и ты, человек: если накопил ты денег, употреби их на других; если у тебя есть слова назидания, не закопай их, но предложи нуждающимся; если - другой какой избыток, будь полезен имеющим нужду в плодах трудов твоих. Не видишь ли, что пчела уважается более других животных не за то, что трудится, но за то особенно, что трудится для других? Ведь и паук трудится и хлопочет, растягивает по стенам тонкие ткани, выше всякого искусства женского, но его не уважают, потому что работа его для нас совершенно бесполезна: таковы те, которые трудятся и хлопочут только для себя. Подражай незлобию голубя, подражай любви осла и вола к своему господину, подражай беззаботности птиц: можно, многим можно воспользоваться от бессловесных к исправлению нравов. И Христос учит нас примером этих животных: "**будьте мудры**", говорит: "**как змии, и просты, как голуби**" (Матф. 10:16); и опять: "**взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их**" (Матф. 6:26). И пророк, стыдя неблагодарных иудеев, говорит: "**вол знает владетеля своего, и осел - ясли господина своего; а Израиль не знает Меня**" (Иса. 1:3); и опять: "**и горлица, и ласточка, и журавль наблюдают время, когда им прилететь; а народ Мой не знает определения Господня**" (Иерем. 8:7). От этих и подобных им животных учись делать добро, а от противоположных им научайся убегать порока. Как пчела любит делать добро, так аспид - вредить; отринь же злобу, чтобы не услышать тебе: "**яд аспидов под устами их**" (Пс. 139:4). Собака, затем, бесстыдна: возненавидь и это зло. Лисица хитра и коварна: не подражай этому пороку. Но, как пчела, летая по лугам, не все уносит с собой, но, выбирая полезное, прочее оставляет, так сделай и ты: рассмотрев породу бессловесных, бери себе, что есть в них полезного, и, какие у них добрые качества от природы, те усовершенствуй ты в себе свободной волей; тем-то ты и почтен от Бога, что Он дал тебе возможность - естественное у бессловесных добро совершать по свободному изволению, дабы получил ты за это и награду. Они делают добро не по свободе и не по рассуждению, а по влечению только природы; например, пчела делает мед, наученная этому не разумом и размышлением, но природой. Ведь если бы это не было делом природы и наследственной способностью всего рода (пчел), то, без сомнения, некоторые из них не знали бы этого искусства; между тем, с самого сотворения мира до настоящего дня, никто не видал таких пчел, которые бы не делали ничего и не составляли меда. Естественное - общее всему роду, а что от свободы, то - не всеобщее; потому что для совершения этого нужен труд.

3. Итак, взяв все наилучшее, обладай им: ты - царь бессловесных, а цари в избытке имеют у себя то, что ни есть наилучшего у подданных, золото ли, серебро ли, драгоценные ли камни, или великолепные одежды. И смотря на природу, удивляйся своему Господу. Если же что-либо из видимого превышает тебя и не можешь ты найти цели, прославь Создателя и за то, что мудрость создания превосходит твое разумение. Не говори: для чего это? К чему это? Всякая вещь полезна, хотя мы и не знаем цели. Как, вошедши в лечебницу и увидев множество приготовленных инструментов, ты удивляешься их разнообразию, хоть и не знаешь их употребления; так сделай и в отношении к природе: видя множество животных, трав, растений и других вещей, которых употребления не знаешь, подивись их разнообразию, и изумись великому художнику Богу за то, что Он и не все открыл тебе, и не все оставил сокровенным. Не все оставил Он сокровенным, чтобы ты не сказал, будто

существующее оставлено без Промысла; не все сделал тебе известным, чтобы великое знание не надмило тебя гордостью. Так и первого человека злой демон низверг обещанием большего знания, а лишил того, какое у него было. Поэтому и Премудрый советует так: "**Через меру трудного для тебя не ищи, и, что свыше сил твоих, того не испытывай. Что заповедано тебе, о том размышляй**" (Сир. 3:21-22); потому что большая часть дел Божьих сокровенна. И далее: "**тебе открыто очень много из человеческого знания**" (Сир. 3:23). А это сказал он в утешение тому, кто скорбит и сетует, что не все он знает; и то, говорит, что дано тебе знать, гораздо выше твоего разума; и это узнал ты не сам собой, а наученный от Бога. Будь же доволен данным богатством, и не ищи большего, поблагодари за то, что получил; не ропщи из-за того, чего не получил; прославляй (Бога) за то, что знаешь, и не соблазняйся из-за того, чего не знаешь. То и другое Бог устроил на пользу; одно открыл, а другое скрыл - для твоего спасения. Итак, один способ богопознания, из рассматривания природы, может, как я сказал, занять нас на много дней. Впрочем, чтобы рассмотреть с точностью устройство и одного человека (с точностью, говорю, возможной для нас, а не с совершенной точностью: ибо, хотя мы сказали о многих свойствах вещей, но есть гораздо более и других непостижимых, которые знает создавший Бог, а мы не знаем всех их); итак, чтобы с точностью рассмотреть все устройство человека и открыть премудрость в каждом члене, разделение и положение нервов, жил, артерий, и устройство всего прочего, для этого раскрытия не достало бы нам и целого года. Посему окончим здесь это рассуждение, и, дав случай трудолюбивым и любознательным на основании сказанного рассмотреть и прочие части природы, обратим слово к другому предмету, который также может показать божественное промышление. Какой же это - другой предмет? Тот, что Бог, вначале созидая человека, даровал ему естественный закон. Что такое естественный закон? Бог запечатлел в нас совесть, и познание добра и зла сделал врожденным. Нам не нужно учиться, что блуд есть зло, а целомудрие - добро; мы знаем это от начала. И для удостоверения, что мы знаем это от начала, Законодатель давая впоследствии законы, и сказав: "**не убей**" (Исх. 20:13), не прибавил, что убийство есть зло, а сказал просто: "**не убей**"; Он только запретил грех, а не учил о нем. Почему же, сказав: "**не убей**", Он не прибавил, что убийство есть зло? Потому что совесть предварительно научила нас этому, и Он говорит об этом как уже со знающими и разумеющими. Но когда говорит о другой заповеди, не открытой нам совестью, тогда не только запрещает, но и прилагает и причину. Так, полагая закон о субботе, и говоря: "**в день седьмой не делай никакого дела**", Он присовокупил и причину покоя. Какую? "**почил в день седьмой Бог от всех дел Своих, которые делал**" (Исх. 20:10-11; Быт. 2:2); и еще: "**ты был рабом в Египте**" (Второз. 24:18). Почему же, скажи мне, к заповеди о субботе он присовокупил и причину, а касательно убийства не сделал ничего такого? Потому, что та не из первоначальных и не открыта нам совестью, но есть заповедь частная и временная - поэтому она и отменена впоследствии, - а заповеди необходимые и составляющие основание нашей жизни суть: "**не убей, не укради, не прелюбодействуй**". Поэтому он не прилагает к ним причины и не вводит учения, но довольствуется простым запрещением.

4. Впрочем, не из этого только, но и из другого попытаюсь доказать вам, что человек от природы получил познание добра. Адам сделал первый грех, и после этого греха тотчас скрылся. Если бы он не знал, что сделал что-то злое, то для чего бы стал скрываться? Еще не было ни письмен, ни закона, ни Моисея: как же он узнал грех и скрывается; и не только скрывается, но, еще будучи обвиняемым, пытается сложить вину на другого, и говорит: "**жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел**" (Быт. 3:12)? И эта опять слагает вину на другого, на змия. Посмотри же на премудрость Божью. Когда Адам сказал: "**голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся**" (Быт. 3:10), Бог не тотчас обличил его в деле и не сказал: почему ты вкусил от древа? - но как? "**Кто сказал тебе**", говорит Он, "**что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я**

запретил тебе есть" (Быт. 3:11)? Бог и не умолчал, и не обличил его прямо: не умолчал, чтобы вызвать его к признанию в грехе; не обличил прямо, чтобы не все было делом Божьим и человек не лишился прощения, которое даруется нам за раскаяние. Потому Бог и не высказал прямо причины, от которой произошло познание (греха), но начинает речь в виде вопроса, оставляя человеку возможность дойти до признания. То же самое можно видеть опять на Каине и Авеле. Они первые принесли Богу начатки трудов своих. Мы хотим доказать примером не только зла, но и добра, что человек (по природе) знает то и другое. Человек знает, что грех есть зло, - это показал Адам; а что он знает также, что добродетель есть добро, это опять показал Авель. Он принес свою жертву не по чьему-либо наставлению, и не по внушению закона, который говорил бы тогда о начатках, но наученный сам собой и совестью. Не свожу речи далее, но занимаюсь первыми людьми, когда еще не было ни письмен, ни закона, ни пророков, ни судей, но один Адам с детьми, - для того, чтобы ты узнал, что познание добра и зла первоначально вложено в природу человека. Откуда бы иначе узнал Авель, что доброе дело - приносить жертву, доброе дело - почитать Бога и благодарить за все? Что же, скажешь, Каин разве не принес жертвы? Принес и он: но не так (как Авель). И отсюда опять открывается познание, внушаемое совестью: Каин, когда по зависти вознамерился убить почтенного (Богом) брата, скрывает это коварное намерение, и что говорит? "**Пойдем на поле**" (Быт. 4:8). С виду одно - личина дружелюбия; а в мысли другое - намерение братоубийства. Если бы Каин не знал, что это намерение - злое: для чего бы стал скрывать его? И по совершении убийства, когда Бог спрашивал его: "**где Авель, брат твой**"? - он опять говорит: "**не знаю; разве я сторож брату моему**" (Быт. 4:9)? Почему же он не признается? Не ясно ли, что он сильно осуждает сам себя? Как отец его скрылся, так и он не признается; а после обличения сам же говорит: "**наказание мое больше, нежели снести можно**" (Быт. 4:13). Но язычник не принимает этого; побеседуем же и с ним, и, что сделали мы относительно природы, сразившись с язычниками не только Писанием, но и умозаключениями, то же будем делать теперь и касательно совести. И Павел также, сражаясь с ними, употребил этот способ доказательства. Что же говорят они? Нет у нас, говорят, врожденного закона в совести; Бог не положил его в природе. С чего же, скажи мне, с чего их законодатели написали законы о браке, об убийствах, о завещаниях, о залогах, о не притеснении ближних и о многом другом? Нынешние законодатели, может быть, научились от предшественников, эти от прежних, а эти опять от древнейших: но от кого научились те, которые вначале и первые издали у них законы? Не ясно ли, что от совести? Ведь они не могут сказать о себе, что были с Моисеем, - что слушали пророков: как этому быть, когда они язычники? Отсюда очевидно, что на основании закона, дарованного Богом человеку вначале, при сотворении, на основании его они и постановили законы и изобрели искусства и все прочее. И искусства так же изобретены, т. е. первые люди дошли до них по внушению природы. Так произошли и судилища, так установлены и наказания; о чем говорит и Павел. Многие из язычников хотели спорить, и говорили: как Бог будет судить людей, живших прежде Моисея? Не послал еще Он законодателя, не дал закона, не послал ни пророка, ни апостола, ни евангелиста: как же будет взыскивать с них? Поэтому Павел, желая показать, что они имели врожденный закон и хорошо знали что должно делать, сказал вот что: "**ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах**". Как это - без письмен? "**о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую) в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные дела человеков через Иисуса Христа**" (Римл. 2:14-16).И еще: "**те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут; а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся**" (Римл. 2:12). Что значит " **вне закона и погибнут** "? Значит не закон осудит их, а мысли и совесть. А если бы они не имели закона в совести, то им не следовало бы за грехи погибать: как же иначе, если они "**не имея закона, согрешили**"? Но словом – "**не имея закона**" апостол

выражает не то, будто они вовсе не имели закона, но - что не имели закона письменного, закон же естественный имели. И еще: "**слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, потом и Еллину**" (Римл. 2:10).

5. Так говорит (апостол), рассуждая о прежних временах, протекших до пришествия Христова. Еллином называет здесь не идолослужителя, но поклоняющегося единому Богу, только не связанного иудейскими обрядами, т. е. субботами, обрезанием и разными очищениями, а живущего весьма мудро и благочестиво. И опять, рассуждая о том же, говорит: "**скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых, Иудея, потом и Еллина**" (Римл. 2:9). И здесь еллином он называет человека, свободного от соблюдения иудейских обрядов. Если же такой человек ни закона не слыхал, ни с иудеями не обращался, то почему постигнет его ярость, и гнев, и скорбь за дела худые? Потому, что он имел совесть, которая внутри говорила ему, наставляла и учила его всему. Из чего это видно? Из того, что он сам наказывал других за преступления, издавал законы, учреждал судилища. Это самое показывая, Павел сказал о людях порочных: "**они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют**" (Римл. 1:32). А из чего, скажешь, узнали они, что воля Божья такова, чтобы живущие нечестиво наказываемы были смертью? Из чего? Из того, почему они сами осуждали других согрешающих. В самом деле, если ты не почитаешь злом убийство, то, поймав убийцу, не казни его своим судом; если не почитаешь злом прелюбодеяние, то, когда попадется прелюбодей, оставь его без наказания. Если же ты против чужих грехов и пишешь законы, и определяешь наказания, и бываешь строгим судьей, то, какое можешь получить извинение в собственных твоих грехах, говоря, будто ты не знал, что должно делать? И ты прелюбодействовал, и он: почему же его наказываешь, а себя считаешь достойным прощения? Если бы ты не знал, что прелюбодеяние есть зло, не надлежало бы наказывать и другого; если же другого наказываешь, а себя считаешь неподлежащим наказанию, то согласно ли с разумом об одинаковых грехах произносить неодинаковый приговор? За это самое обвиняя, Павел сказал: "**неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие дела и сам делая то же**" (Римл. 2:3). Нет, это не так. Тем судом, говорит, какой ты произнес на другого, и тебя Бог осудит тогда: ведь, конечно, не ты только справедлив, а Бог - несправедлив! Если же ты не оставляешь без внимания проступков другого, то как оставит Бог? Если ты исправляешь грехи других, то, как Бог не будет исправлять тебя? Если же Он не тотчас посылает на тебя наказание, не надмевайся этим, но тем более страшись. Так повелел и Павел: "**или пренебрегаешь богатство благости, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благость Божия ведет тебя к покаянию**" (Римл 2:4). Не для того, говорит он, Бог долго терпит, чтобы ты сделался хуже, но чтобы раскаялся; если же не хочешь, - Его долготерпение послужит основанием к большому наказанию твоей нераскаянности. И это самое, показывая, апостол сказал: "**но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога, Который воздаст каждому по делам его**" (Римл 2:5-6). Итак, поелику Бог воздаст каждому по делам, и вложил в нас естественный закон, а потом дал и писанный, для того, чтобы за грехи наказывать, а за добродетели увенчать; то будем устраивать дела свои с великой тщательностью, как готовящиеся предстать некогда перед страшное судилище, зная, что не получим никакого прощения, если, при законе естественном и писанном, после такого наставления и непрерывного увещания, вознерадим о своем спасении.

6. Хочу опять поговорить с вами о клятвах, но стыжусь. Не тяжело мне говорить вам день и ночь одно и то же, но боюсь, чтобы, проследив за вами столь много дней, не обвинить мне вас в великой беспечности тем, что нужно вам постоянно напоминать о таком легком деле. Да не только стыжусь, но и боюсь за вас, потому что непрерывное наставление

внимательным полезно и спасительно, а нерадивым вредно и опасно. Чем чаще слышит кто, тем большее навлекает на себя наказание, если не исполняет слышанного. За это-то упрекая иудеев, Бог и сказал: "**посылал к ним рабов Моих, пророков, посылал с раннего утра, но они не слушали**" (Иер. 29:19). Правда, мы делаем это ради великого попечения (о вас); но боимся, чтобы это увещание и этот совет не восстали против всех вас в тот страшный день (суда), потому что, если и самое дело легко, и напоминают о нем непрестанно, то, что можем мы сказать в свое оправдание? И какой ответ избавит нас от наказания? Скажи мне: если ты дашь кому взаймы денег, не напоминаешь ли об этом займе должнику всякий раз, как с ним встретишься? Так поступи и здесь: каждый из вас пусть считает ближнего должником себе, обязанным вместо денег исполнять эту заповедь, и при встрече с ним пусть напоминает ему об уплате долга, зная, что не малая угрожает нам опасность, если нерадим о братьях. Поэтому и не перестаю говорить одно и то же: боюсь я, чтобы не услышать в тот день: "**лукавый раб и ленивый, надлежало тебе отдать серебро мое торгующим**" (Матф. 25:26-27). Вот я и отдавал его не раз и не два, но многократно; ваше уже дело представить и прибыль; а прибыль от слушания есть исполнение (слышанного) на деле, потому что отдаваемое - Господне. Итак, примем не с небрежением, но тщательно сохраним этот залог, чтобы возвратить его в тот день с великой прибылью. Если ты не склонишь и других к той же добродетели, то услышишь тот же голос, какой услышал закопавший талант в земле. Но дай Бог услышать вам не этот, а другой голос, который обратил Христос к сделавшему прибыль: "**хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю**" (Матф. 25:21). И мы услышим этот голос, если окажем такое же, как он, усердие; а такое усердие окажем мы, если исполним то, о чем говорю. Вышедши отсюда, пока у вас еще живо слышанное, увещевайте друг друга, и как расстаетесь все вы с пожеланием здравия, так и уходи каждый домой с увещанием и говоря ближнему: помни и смотри, как бы тебе соблюсти эту заповедь; тогда мы, конечно, будем иметь успех. Если и друзья отпустят тебя с таким советом, и жена, когда будешь ты дома, станет напоминать о том же, и, когда будете одни, с вами неотлучно будет слово наше - мы скоро бросим эту дурную привычку. Знаю, что вы удивляетесь, почему я так забочусь об этой заповеди; но исполните, что приказано, и тогда скажу причину. Теперь пока вот что скажу: заповедь эта - закон божественный, и преступать ее не безопасно. Если же увижу, что она исполнена, скажу вам и другую причину, не меньшую первой, чтобы вы знали, что я справедливо так забочусь об этом законе. Но время уже окончить слово молитвой. Скажем же все совокупно: Боже, *не хотящий смерти грешника, но чтобы обратиться и живым быть ему* (Иез.3:11), сподоби нас исполнить и эту и все прочие заповеди, и таким образом предстать престолу Христа Твоего, дабы, получив великое дерзновение, наследовать нам царствие во славу Твою: ибо Тебе подобает слава, с единородным Твоим Сыном и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА ТРИНАДЦАТАЯ.

Еще благодарение Богу за прекращение печали и воспоминание о тех, которые по случаю мятежа схвачены и наказаны; потом еще исследование о сотворении человека и о том, что он получил естественный закон; и о совершенном воздержании от клятв.

С ТОГО же начала и тем же вступлением, которыми начал я вчера и третьего дня, начну и сегодня; скажу и ныне: *благословен Бог!* Какою видели мы прошедшую среду, и какою видим теперь настоящую? Какой мрак был тогда, и какая тишина теперь? В тот день в городе происходило ужасное то судилище, потрясало сердца всех, и день делало ничем не лучше ночи, не потому, чтобы потухнул свет, но потому, что уныние и страх помрачили

ваши глаза. Поэтому, чтобы получить нам еще большее удовольствие, хочу рассказать немногое из того, что тогда случилось. Притом нахожу рассказ об этом полезным и для вас и для всех потомков; ведь и спасшимся от кораблекрушения приятно вспомнить о волнах, о буре и ветрах, когда приплывут они в пристань; и впавшим в болезнь весело, после болезни, рассказывать другим о лихорадках, которые едва не довели их до смерти. В самом деле, когда пройдут несчастия, рассказ о них имеет приятность, потому что душа тогда уже не боится, напротив, вкушает еще большее удовольствие, и воспоминание о прошедших несчастиях всегда дает лучше видеть настоящее благополучие.

Когда большая часть города от страха и грозы той переселилась в пустыню и пещеры, и в места сокровенные, потому что страх отовсюду гнал их; когда в домах не стало женщин и на площади не было мужчин, а едва показывались двое или трое идущие по ней друг с другом, и то как будто бродящие мертвецы: тогда ходили мы в судилище, чтобы видеть конец дела, и увидев там собранными остатки города, более всего подивились тому, что, несмотря на множество стоявших у дверей, была глубочайшая тишина, как будто не было никого; все смотрели друг на друга, и никто не смел ни спросить стоявшего подле, ни выслушать что от него. Каждый подозревал ближнего, потому что многие уже, сверх всякого чаяния, схвачены были на самой площади и содержались внутри судилища; и все мы вместе взирали на небо, в безмолвии воздевали руки, ожидая высшей помощи и умоляя Бога, да поможет Он подсудимым, да смягчит сердца судей и приговор сделает милостивым. И как видящие с земли погибающих от кораблекрушения придти к ним, подать руку и спасти от погибели не могут, будучи удерживаемы волнами, а только издали с берега простирают руки, и со слезами умоляют Бога помочь утопающим; так и здесь все в безмолвии мысленно призывали Бога, умоляя, чтобы Он простер руку к подсудимым, как бы погибающим в волнах, и не допустил ладье потонуть и приговору судей разразиться полнейшим кораблекрушением. Так было пред дверьми. Когда же вошли мы во внутренность двора, увидели еще другое, более того ужасное, - воинов, которые, вооруженные мечами и палицами, охраняли тишину вокруг заседающих внутри судей. Так как все близкие к подсудимым - жены и матери, и дочери, и отцы, стояли пред дверьми судилища, то, чтобы, когда приходилось кого отводить на смерть, никто, будучи поражен зрелищем несчастия, не произвел какого-либо шума и беспорядка, воины пугали всех издали, наперед поражая страхом их сердце.

Но вот что всего трогательнее: мать и сестра одного из допрашиваемых на суде сидели в самом преддверии судилища, распростершись на земле и представляя из себя общее зрелище для всех предстоящих, закрывая лица, и сохраняя стыдливость настолько, насколько позволяла лишь крайность несчастия; не было при них ни служанки, ни соседки, ни приятельницы, ни другой какой сродницы, но одни, в бедных одеждах, среди такого множества воинов трепетали, повергшись на земле у самых дверей; страдали больнее самих подсудимых, слыша голос палачей, звук ударов, вопли бичуемых, страшную угрозу судей, и из-за каждого наказываемого терпели более жестокие мучения, нежели сами наказываемые. Так как в показаниях других заключалась опасность улики в виновности (подсудимых); то они (мать и дочь) лишь только примечали, что кто-нибудь ударами понуждается указать на виновных и издает плачевные вопли, взирая на небо, молили Бога дать ему силу и терпение, чтобы безопасности близких им не погубила слабость других, не могших вынести жестокой боли от ударов. И здесь опять было то же, что с застигнутыми бурею. Как те, лишь только увидят натиск волны издали поднимающийся и мало помалу возрастающий, и грозящий потопить судно, еще раньше, нежели волна приблизится, почти умирают от страха; так и эти, лишь только слышали разносившиеся голоса и вопли, боясь, чтобы изнемогшие в пытках, быв понуждаемы делать показания, не оговорили кого из их сродников, видели пред глазами у себя тысячи смертей. И можно было видеть пытки внутри (судилища) и пытки вне его; тех

(подсудимых) мучили палачи, а этих (жен и сестер) сила природы и сердечное сочувствие; и внутри был плач, и вне плач: внутри (плач) виновных, вне - их родных. Впрочем, не только эти, но и сами судьи плакали в душе, и страдали сильнее всех, будучи вынуждены производить такое горестное дело.

2. А я, сидя там и смотря на то, что и жены, и девы, не выходившие из дома, теперь сделались предметом общего зрелища для всех, и почивавшие на мягких постелях лежали на земле, и пользовавшиеся услугами стольких служанок, евнухов и всякою другою роскошью теперь, лишась всего этого, припадают к ногам всех, умоляя, чтобы каждый помог подсудимым по мере сил своих, и чтобы от всех была как бы общая складчина милости, - (видя это) я припомнил изречение Соломона: ”**суета сует, все суета**” (Еккл. 1:2). Да, увидел я исполнившимся на самом деле, как это, так и другое изречение, которое гласит, что ”**всякая плоть - трава, и вся красота ее - как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет**”

(Ис. 40:6-7). Тогда обличилось бессилие и богатства, и благородства, и знатности, и заступничества друзей, и родства, и всего житейского, - потому что сделанный грех и проступок ниспроверг всю эту помощь. И как мать воробьев, когда похищены будут дети ее, прилетев и нашедши гнездо пустым, не может вырвать похищенных своих птенцов, но, летая около рук птицелова, выражает тем свою печаль; так делали тогда и жены те, когда дети были похищены у них из домов и, как бы в сетях и тенетах, содержались внутри (судилища): они не могли подойти и исхитить узников, но выражали свою скорбь тем, что, распростершись у самых дверей, плакали и вздыхали, и старались быть близ стражи. Это-то видя тогда, я привел себе на мысль будущее страшное судилище, и сказал себе: если теперь, когда судят люди, ни мать, ни сестра, ни отец, ни другой кто, хотя сами и невиновны в учиненных буйствах, не могут освободить подсудимых, - кто же на страшном судилище Христовом защитит нас судимых? Кто осмелится подать голос? Кто освободит влекомых на нестерпимые мучения? Подсудимые были хоть и первыми в городе и цветом благородства, однако рады были бы, если бы кто, взяв у них все, даже, если нужно, и самую свободу, дал им только пользоваться настоящею жизнью. А когда день уже окончился и настал глубочайший вечер, и ожидаем был окончательный приговор, тогда все были еще в большем смятении и молили Бога, чтобы случилось какое-нибудь замедление и остановка, и чтобы судьям внушил Он представить на усмотрение царя то, что было дознано по следствию; может быть, думали, будет какая-нибудь польза от этой отсрочки. И были воссылаемы к человеколюбцу Богу общие от народа молитвы, чтобы Он спас остатки города и не допустил совсем разрушиться ему до основания, и не видно было ни одного, кто бы без слез взывал об этом. И однако ничто из всего этого не тронуло тогда судей, слушавших внутри дело; они имели в виду одно только, - чтобы произвести строгое расследование преступления. Наконец, наложив на виновных оковы и заключив их в железо, отсылали в темницу чрез площадь, и это - людей, которые, содержа коней, управляли общественными играми, считали за собою тысячи других важнейших должностей; затем налагали запрещение на их именье, и на дверях всех их виднелись печати. И жены их, изгоняемые из отеческих домов, все на деле испытывали то же, что жена Иова: они переходили из дома в дом, с места на место, ища пристанища. Да и это было для них не легко, потому что каждый опасался и страшился принять и призреть кого-либо из родственников виновных. При всем том, - пострадавшие были довольны всем этим, потому что не потеряли еще жизни. Ни потеря денег, ни бесчестие, ни такой позор, ни другое что подобное не печалило их: величина несчастия и то, что они потерпели еще менее, нежели как ожидали, расположили душу их к любомудрию. И тогда узнали они, как нетрудна, легка и удобоисполнима для нас добродетель, и что тяжелою кажется она только от нашей беспечности. Эти люди, которые прежде не перенесли бы благодушно небольшой траты денег, теперь, когда были объяты большим страхом, и

потеряв уже все свое имение, были в таком расположении, как будто нашли сокровище, потому что не потеряли жизни. Так, если бы в нас было чувство будущей геенны, и мы имели в уме своем те нестерпимые мучения; то, хотя бы отдали мы за законы Божии и имение, и душу, и тело, - не скорбели бы, зная, что приобретаем большее, - избавление от будущих страданий. Может быть, достаточно уже размягчила сердце ваше печальная картина рассказанного, но не тяготитесь. Так как хочу я вдаться в более тонкие мысли и имею нужду в уме более мягком; то и сделал это с намерением, - чтобы, страшным рассказом заставив ум ваш отбросить всю беспечность и, отвлекши его от всего житейского, с большим удобством внедрить в глубину вашей души силу слова.

3. И прежде своей беседой мы достаточно доказали, что в нас лежит естественный закон добра и зла; но, чтобы доказательство было нам яснее, займемся и теперь опять тем же предметом слова. Что Бог при самом сотворении человека создал его знающим то и другое - это показывают люди. Так все мы, когда грешим, стыдимся и подчиненных; и часто господин, идя к развратной женщине и увидев кого-нибудь из более скромных слуг, застыдившись, сходит с этой негодной дороги. Опять, когда другие бранят нас худыми словами, мы называем это обидою и сделавших ее влечем в суд, хотя и сами терпим от этого неприятности. Итак знаем мы, что такое порок и что добродетель.

То же самое и Христос показывая, и объясняя, что Он заповедует не что-либо новое или превышающее нашу природу, но то, что искони уже вложил в нашу совесть, по изречении многих тех блаженств, сказал так: ”**во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними**” (Мф. 7:12). Не нужно, говорит, многих слов, ни пространных законов, ни разнообразного наставления: воля твоя да будет законом. Хочешь ты получать благодеяния? Облагодетельствуй другого. Хочешь, чтобы тебя хвалили? Похвали другого. Хочешь, чтобы тебя миловали? Помилуй ближнего. Хочешь, чтобы тебя любили? Полюби сам. Хочешь пользоваться первенством? Уступи его прежде другому. Сам будь судьею, сам будь законодателем твоей жизни. И опять: ”**что ненавистно тебе самому, того не делай никому**” (Тов. 4:15). Это изречение ведет к удалению от греха, а предыдущее к совершению добродетели. ”**Что ненавистно тебе самому, того не делай никому**”. Не любишь терпеть обиды? Не обижай другого. Не любишь, чтобы тебе завидовали? И сам не завидуй другому. Не любишь, чтобы тебя обманывали? И сам не обманывай другого. Да и во всех вообще случаях, станем только держаться этих двух изречений - и не будем иметь нужды еще в другом наставлении. Знание добродетели вложил Бог в нашу природу, но приведение в дело и исполнение предоставил нашей свободе. Сказанное, может быть, не ясно; так постараюсь сделать его более ясным. Чтобы знать, что целомудрие - добро, для этого нам не нужно рассуждений или наставлений, потому что мы сами по природе имеем это знание, и не требуется ни усилий, ни забот, чтобы разыскать и найти, хорошо ли и полезно ли целомудрие, - напротив, все мы общим голосом признаем это, и никто не сомневается насчет этой добродетели. Так и блуд почитаем злом; и здесь также не нужны нам ни усилия, ни учение, чтобы узнать преступность этого греха; но все мы от природы научены этим суждениям, и хвалим добродетель, хотя и не делаем ее, равно как ненавидим грех, хотя и делаем его. И со стороны Бога величайшим благодеянием было то, что Он нашу совесть и волю расположил любить добродетель, а против греха враждовать, еще до совершения их на деле. Итак, как сказал я, знание о той и о другом положено в совести всех людей, и мы не нуждаемся ни в каком учителе, чтобы узнать о них; но самое исполнение предоставлено уже свободе, старательности и трудам нашим. Почему так? Потому что, если бы (Бог) все сделал даром природы, мы остались бы без венцов и без наград; и как бессловесные за те совершенства, которыми обладают они по природе, не могут получать ни награды, ни одобрения, так и мы не получили бы ничего этого. Совершенства естественные служат к похвале и чести не обладающих, а Того, Кто дал их. Вот почему

Бог не предоставил всего природе. С другой стороны, не допустил Он и свободе взять на себя все бремя и знания и исполнения, чтобы она не ужаснулась труда добродетели: напротив, совесть предписывает ей, что делать, а к исполнению этого она сама привносит от себя труды. Так, что целомудрие есть добро, мы знаем без всякого труда: это знание от природы, но соблюсти целомудрие мы не могли бы, если бы не употребляли усилий, не обуздывали похоти, и не предпринимали великого труда; это уже не дано нам от природы, как знание, но требует с нашей стороны усердия и старания. Впрочем, не этим только (Бог) облегчил для нас тяжесть, но еще и другим способом, - допустив, чтобы и из самых совершенств некоторые были у нас естественными. Так, всем нам естественно негодовать вместе с обижаемыми (мы сейчас же становимся врагами обидевших, хотя сами и ничего не потерпели), радоваться с получающими защиту и помощь, скорбеть о несчастьях других, и услаждаться взаимною любовью. Обстоятельства, правда, производят между нами неприязнь; но вообще, мы имеем любовь друг к другу. И указывая на это, один мудрый сказал: ”**всякое животное любит подобное себе, и всякий человек — ближнего своего**” (Сир. 14:19).

4. Много и других учителей, кроме совести, приставил к нам Бог, как то: родителей к детям, господ к рабам, мужей к женам, наставников к ученикам, законодателей и судей к подначальным, друзей к друзьям. Часто даже и от врагов мы получаем пользы не менее, чем от друзей: когда они укоряют нас в проступках, то побуждают нас, и против воли, к исправлению от них. А столько учителей приставил к нам Бог для того, чтобы нам было легко найти и сделать полезное, так как многие, побуждая нас к этому, не дают нам уклониться от полезного. Если мы пренебрежем родителями, то, убоявшись начальников, наверняка будем скромнее; если и их презрим и будем грешить, то никак не сможем избегнуть упрека совести; если и ее не уважим и не послушаем, то, опасаясь общественного мнения, станем лучшими; если и этого не устыдимся, то врожденный страх пред законами может образумить нас и против воли. Так молодых людей берут на свое попечение и направляют учители и отцы, а возрастных - законодатели и начальники; рабы, как более склонные к беспечности, понуждаются к надлежащей деятельности, кроме сказанных лиц, еще и господами, а жены мужьями; и вообще, у нашего рода много со всех сторон оград, чтобы не увлекаться легко и не впадать в грех. Но сверх всего этого, учат нас и болезни, и несчастные обстоятельства: так, и бедность удерживает, и потеря вразумляет, и опасность смиряет, и многое другое тому подобное. Не страшит тебя ни отец, ни учитель, ни начальник, ни законодатель, ни судия? Не пристыжает тебя друг? Не уязвляет тебя враг? Не вразумляет господин? Не научает муж? Не исправляет тебя совесть? А вот приходит телесная болезнь, и нередко исправляет все; также и потеря делает дерзкого скромным. Еще же важнее то, что великую приносят нам пользу, не только наши собственные, но и чужие несчастия; даже когда сами ничего не терпим, а только видим, что другие наказываются, мы вразумляемся не меньше их. Это бывает и с добрыми делами: как от того, когда злые наказываются, другие делаются лучшими, так и тем, когда добрые делают что-либо хорошее, многие увлекаются к соревнованию им. Так случилось и с избежанием клятв. Многие, видя, что другие бросили эту дурную привычку, стали подражать их усердию и сами одолели этот грех. Поэтому мы тем усерднее опять беремся за то же увещание. Никто не говори мне, что многие исправились; не это требуется, но чтобы все (исправились). Пока не увижу этого, не могу успокоиться. Пастырь (Мф. 18:12-13) имел сто овец, но когда заблудилась одна, он не довольствовался целостью девяноста девяти, пока не нашел заблудшей и не привел опять в стадо. Не видишь ли, что это бывает и с телом? Если ударим обо что и сломим один ноготь, все тело болит с этим членом. Поэтому не говори, что неисправившихся осталось лишь немного, но смотри на то, что эти немногие, не исправившись сами, портят много и других. И один блудник был между коринфянами, однако Павел так стенал, как будто весь город погибал; и весьма справедливо: он знал, что если этот не вразумится, болезнь быстро пойдет своим

путем и постигнет других всех. Недавно видел я в судилище знатных мужей связанными и потом ведомыми по площади; и когда некоторые удивлялись чрезмерности этого бесчестия, - "нечему удивляться", говорили другие, "где суд, там не помогает знатность". Следовательно, тем более не поможет знатность там, где будет нечестие!

5. Размышлением об этом станем же возбуждать себя, потому что, если вы со своей стороны не приложите старания, все наши труды будут напрасны. Почему так? Потому что дело учительства не таково, как прочие искусства. Серебряных дел мастер, каким вычеканит сосуд и поставит, таким найдет его и пришедши на другой день. И медник, и мраморщик, и всякий художник, каким оставят свое произведение, таким и найдут опять. Но у нас не так, а совсем напротив; потому что образуем не бездушные сосуды, но разумные души. Поэтому и находим вас не такими, какими оставляем, но после того, как здесь мы с большим трудом настроим вас, исправим, сделаем более усердными, - по выходе отсюда вас со всех сторон окружает множество всяких дел и опять развращает, и причиняет нам еще большее затруднение. Посему прошу и молю, подайте руку содействия нам, и, сколько я здесь стараюсь о вашем исправлении, столько же и вы, выйдя отсюда, покажите заботливости о своем спасении. Если бы возможно было мне за вас делать доброе, а вам получать награду за добрые дела! Я и не беспокоил бы вас так. Но что делать? Это невозможно: (Господь) воздаст каждому по делам его. И вот, как мать, видя дитя в горячке, став при нем, когда оно мучится и горит, со слезами говорит нередко к больному дитяти: о, если бы возможно было мне, чадо, взять на себя твою горячку и на саму себя перенести этот жар; так и я говорю теперь: о, если бы возможно было мне за всех вас потрудиться и сделать добро! Но этого нельзя, нельзя; а каждому необходимо самому дать отчет в своих делах, и не видано, чтобы один наказываем был за другого. Поэтому скорблю и плачу, что когда в тот день вы будете осуждаемы, я не буду в состоянии помочь вам, да и нет у меня такого дерзновения к Богу. А если бы и было у меня дерзновение, - так я не святее Моисея и не праведнее Самуила, о которых, хотя они достигли столь высокой добродетели, Бог сказал, что не могут нисколько пособить иудеям, потому что сам народ предался великой беспечности (Иер. 15:1). Итак, поскольку мы за свои дела и наказываемся и спасаемся, то постараемся, умоляю, исполнить, вместе со всеми прочими, и эту заповедь, чтобы, отошедши отсюда с доброй надеждой, получить нам обещанные блага по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Когда весь народ освободился от беспокойства и стал благодушен, некоторые снова возмутили город, выдумывая ужасные слухи, и были изобличены: посему и сказана эта беседа, с увещанием о клятвах, для чего приведена история об Ионафане, Сауле и Иеффае, и показано, сколько от одной клятвы бывает клятвопреступлений.

НЕ МАЛО дьявол возмутил вчера наш город, не мало и Бог опять утешил нас сегодня, - так что и каждому из нас благовременно сказать пророческие слова: “**При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою**” (Пс. 93:19). Впрочем, Бог показал Свое попечение о нас не только тем, что утешил, но и тем, что попустил нам быть возмущенными: никогда я не переставал говорить, и сегодня скажу, что не только прекращение бедствий, но и попущение их бывает по благоволению Божию. Когда (Бог) увидит, что мы склоняемся к беспечности, удаляемся от единения с Ним и ни мало не заботимся о духовном, Он несколько оставляет нас, чтобы мы, вразумившись

этим, с большим усердием обратились к Нему. И чему дивишься, что Он делает это с нами, беспечными, когда и Павел той же причине приписывал искушения, и свои, и учеников своих? Посылая к Коринфянам второе послание, он так говорит: “**Ибо мы не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Асии, потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых. Но сами в себе имели приговор к смерти**” (2 Кор. 1:8-9). Эти изречения значат: нас постигли столь великие опасности, что мы отчаялись в жизни, и уже не надеялись ни на какую счастливую перемену, но только ожидали смерти (таков смысл слов: “**Сами в себе имели приговор к смерти**”): однако же, после такой безнадежности, Бог прекратил бурю, отвел тучу и исторг нас из самых врат смерти. Показывая потом, что и допущение до такой опасности было делом великой попечительности, (Павел) упоминает о пользе от искушений; она состояла в том, чтобы постоянно взирать к Богу, а не высокомудрствовать и не превозноситься. Поэтому, сказав, что “**сами в себе имели приговор к смерти**”, - он указал и причину. Какая же это причина? “**Надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых**” (ст. 9). Искушения, когда мы спим и падаем духом, обыкновенно пробуждают, и восстановляют, и делают нас благочестивее. Поэтому, когда увидишь, возлюбленный, что искушение то прекращается, то опять настает, не падай духом, не приходи в отчаяние, но имей благие надежды, размышляя с собою так, что Бог предает нас в руки врагов не по ненависти и не по отвращению, но чтобы сделать нас более усердными и более близкими к Нему. Не станем же (ни) унывать, ни отчаиваться в перемене на лучшее, но будем ожидать самого скорого мира, и, предоставив Богу прекращение всех овладевших нами смятений, сами возьмемся опять за свое дело, и предложим обычное поучение. Я хочу опять побеседовать с вами о том же предмете, чтобы вырвать с корнем из души вашей злую привычку к клятвам.

Для этого необходимо снова прибегнуть к той же просьбе. Недавно просил я вас, чтобы каждый, взяв усеченную и еще каплющую теплой кровью главу Иоаннову, так и пошел отсюда домой, и думал, что видит ее пред собою, издающую голос и говорящую: возненавидите моего убийцу - клятву. Чего не сделало обличение, то сделала клятва; чего не мог тиранский гнев, то совершила необходимость исполнить клятву. Тиран, когда обличаем был всенародно в слух всех, благодушно перенес обличение; а как связал себя клятвою, тогда отсек блаженную ту главу. Этого же самого и теперь прошу, и не перестану просить, чтобы мы, куда ни пойдем, уходили с этою главою, и всем показывали ее, вопиющую и осуждающую клятвы. И хотя бы мы были крайне беспечны и нерадивы, но видя, как очи этой главы страшно смотрят на нас и грозят клянущимся, - сдерживаемые этим страхом сильнее всякой узды, легко можем обуздывать и отвращать язык от наклонности к клятвам. Клятва имеет в себе не то одно зло, что, будет ли соблюдена или нарушена, подвергает наказанию связанных ею (чего не бывает ни с одним из прочих грехов), - но и другое, не меньшее. Что же это такое? То, что давшие клятву часто, при всем желании и старании, не могут не нарушить ее. И, во-первых, кто часто клянется добровольно и против воли, бессознательно и с сознанием, по делу, и шутя, а нередко увлекаясь гневом и многими другими страстями, тот неизбежно нарушает клятву. И этому никто не будет противоречить: так ясно и очевидно, что часто клянущийся по необходимости бывает клятвопреступником. Во-вторых, пусть он и не сделал этого по увлечению, невольно и без сознания: но по самому существу дела принужден будет непременно нарушить клятву с сознанием и произвольно. Так, часто бывает, что, когда мы обедаем дома, и кто-нибудь из слуг провинится, жена поклянется высечь его; а муж в свою очередь поклянется в противном, будет стоять наперекор и не уступать: здесь что бы (муж и жена) ни сделали, неизбежно будет клятвопреступление. Как бы они ни желали и ни старались, уже не могут исполнить клятву; но, что бы ни произошло, один из них впадет к клятвопреступление, или даже, наверное, оба; а как это, я сейчас скажу, потому что это-то и удивительно. Поклявшийся высечь слугу или служанку и потом удержанный

от этого, и сам нарушает клятву, потому что не делает того, в чем клялся, и того, кто удержит его и воспрепятствует исполнить клятву, делает он виновным в клятвопреступлении, потому что одинаково виновны, как нарушающие клятву, так и поставляющие других в необходимость нарушить ее. Впрочем, это видеть можно не только в домах, но и на площадях, и особенно в боях, когда бьющиеся клянутся друг перед другом - один, что он побьет, другой, что не даст себя побить; один, что стащит одежду, другой, что не позволит этого; один, что взыщет деньги, другой, что не отдаст; и много других, одну другой противоположных, клятв делают в подобных ссорах. Кто не видал этого и в мастерских и школах? Бывает, мастер поклянется, что не позволят ученику есть и пить, пока тот не окончит данного ему дела; то же нередко делает и наставник с юношей и госпожа с служанкой. И вот, как настанет вечер, а дело не кончено, неизбежно бывает - или неисправным умереть с голоду, или поклявшимся - нарушить клятву. Лукавый демон, всегда злоумышляющий против нашего счастья (ведь, тут и стоит он, подслушивая, когда налагают на себя клятвы), давших клятву повергает в беспечность, или делает другое затруднение, чтобы, когда дело не сделается, последовали и побои, и оскорбления, и клятвопреступления, и тысячи других зол. Как дети, с большим усилием тянущие в разные стороны длинную и сгнившую веревку, все падают навзничь, когда веревка перервется, и одни повреждают голову, другие - другую часть тела; так и клянущиеся друг перед другом в противном, когда клятва по неизбежным обстоятельствам будет нарушена, впадают (обе стороны) в бездну клятвопреступления: одни потому самому, что нарушили клятву, другие потому, что прочим подали повод к клятвопреступлению.

2. А чтобы это видно было не только из того, что бывает каждодневно в домах и на площадях, но из самого Писания, расскажу вам одну древнюю историю, близкую к сказанному. Когда на иудеев напали однажды неприятели, и Иоанафан (а это был сын Саулов) одних побил, а других обратил в бегство, - Саул, отец его, желая еще более возбудить войско против остальных и отступить не прежде, как победив всех, сделал противное тому, чего желал, поклявшись, что никто не вкусит хлеба до вечера, - до окончательного поражения врагов его. Что может быть безумнее этого? Надлежало бы утрудившимся и весьма утомленным воинам дать покой, и, когда бы они подкрепились, выслать их против неприятеля; а он поступил с ними жесточе, чем сами враги, наложением клятвы предав их жесточайшему голоду. Опасно клясться и за себя одного, потому что мы много зависим от обстоятельств, но связать волю других насильно нашими клятвами еще опаснее, особенно, когда кто клянется не за одного, двух или трех, а за бесчисленное множество, что Саул сделал тогда так неосмотрительно. Не подумал он ни о том, что из такого бесчисленного множества легко, быть может, хотя один кто-либо преступит клятву, ни о том, что воины, и притом сражающиеся, далеки от любомудрия и не умеют обуздывать чрева, особенно после большого труда. Но все это выпустив из виду, он за целое войско поклялся, как за одного раба, которого можно бы легко удержать. Этим он широко отворил дверь дьяволу, который из этой клятвы в краткое время сплел не два только, не три или четыре, но гораздо более клятвопреступлений. Как если мы совсем не станем клясться, то заграждаем ему всякий вход; так, и произнеся хоть одну клятву, доставляем ему великую свободу устроить тысячу клятвопреступлений. И как сплетающие веревки, если есть у них кому держать за начальный конец, успешнее производят все плетенье, а если некому подержать, не могут взяться и за начало; так и дьявол: когда, сплетая вервия наших грехов, не получит начала от нашего языка, не может и приняться; а лишь только сделаем начало, он, когда мы языком, как рукою, держимся за клятву, с великою свободою выказывает свое лукавое искусство, из одной клятвы слагая и сплетая бесчисленное множество клятвопреступлений, что и теперь сделал он с Саулом. Смотри, какая сеть быстро делается из одной клятвы. Войско проходило чрез дубраву, где был пчельник, и “**был там на поляне мед. И вошел народ в лес, говоря: вот, течет мед**”

(1 Цар. 14:25-26). Видишь ли, какая пропасть? Трапеза устроена без приготовления, чтобы и удобство приступить к ней, и приятность пищи, и надежда скрыть дело - вызвали воинов к нарушению клятвы. Между тем и голод, и труд, и время (вся *земля*, сказано, *обедаше*, 1 Цар. 14:25), все влекло тогда к преступлению. И самый вид сотов возбуждал их, расслабляя крепость духа; а приятность и готовность трапезы, равно как и трудность быть уличенными в этом тайном деле, были в состоянии поколебать всякое мужество. Если бы это было мясо, которое надлежало бы варить и жарить, оно не так бы соблазнило их душу, потому что для сварения (варки) и приготовления его к столу они должны бы остановиться, замедлить и подвергнуться опасности быть застигнутыми. Но теперь ничего такого не было; только мед, для (употребления) коего не требовалось никакого подобного труда, но довольно было обмакнуть конец пальца, чтобы вкусить этой пищи, и скрыться. Однако воины воздержали желание и не сказали про себя: какое же нам дело? Разве из нас кто поклялся в этом? Он будет наказан за необдуманную клятву: зачем он клялся? Нет, ничего такого они не подумали, но с великим опасением прошли мимо и устояли, не смотря на то, что столько было для них обольщений: говоря: "**Вот, течет мед**"*и выходили люди говоря* (1 Цар. 14:26). Что это - *говоря*? Они разговаривали между собою, чтобы беседою облегчить скорбь свою.

3. Что же? Если весь народ устоял, то ничего и не случилось более, клятва соблюдена? Нет, не соблюдена, а нарушена. Как и каким образом? Сейчас услышите - и узнаете все лукавство дьявола. "**Ионафан же не слышал, когда отец его заклинал народ, и, протянув конец палки, которая была в руке его, обмокнул ее в сот медовый и обратил рукою к устам своим, и просветлели глаза его**" (1 Цар. 14:27). Смотри, кого увлек дьявол к нарушению клятвы, - не кого-либо из воинов, а самого сына поклявшегося: он не только хотел устроить клятвопреступление, но замышлял и детоубийство, подготовлял это издалека, и силился вооружить саму природу против себя; и, что сделал некогда с Иеффаем, то же надеялся сделать и теперь. И тот, дав Богу обет заклать первого вышедшего на встречу ему после победы на войне, впал в детоубийство, потому что, как первая встретила его дочь, он и принес ее в жертву, а Бог не остановил этого.

Знаю, что из-за этой жертвы многие из неверных обвиняют нас в жестокости и бесчеловечии; но я могу сказать, что попущение этой жертвы есть доказательство великой попечительности и человеколюбия (Божия), и что, заботясь о нашем роде, Бог не остановил этого заклания. Если бы Он, после того обета и обречения, остановил жертву, многие и после Иеффая, в надежде, что Бог не примет, стали бы делать множество таких обетов и таким путем доходили бы до детоубийства. Но теперь, попустив детоубийству совершиться на деле, Он отвел от него всех людей последующего времени. И что это правда, так - после заклания дочери Иеффая, дабы это событие всегда было памятно и несчастие не предалось забвению, у иудеев стало законом, чтобы девы, сходясь в известное время, сорок дней оплакивали сделанное убийство, и плачем этим возобновляя память о жертве, вразумляли всех потомков и научали, что оно сделано не по воле Божией. Иначе Бог и не попустил бы девам скорбеть и плакать. И что говорю это не по догадке, показало последствие. После этой жертвы никто уже не давал подобного обета Богу. Для того Он этой жертвы не остановил, а ту, которую сам заповедал, - жертву Исаака, остановил, чтобы тем и другим показать, что не услаждается Он такими жертвами. Но злой демон усиливался и теперь сделать такое же ужасное дело: потому-то Ионафана и увлек к нарушению (клятвы). Если бы кто из воинов преступил закон, в этом, казалось ему, не было бы большого зла; ненасытимый человеческими бедствиями и никогда недовольный нашими несчастиями, он не придавал важности тому, если бы совершил простое убийство: напротив полагал, что не сделает ничего великого, если не осквернит руки царевой детоубийством. И что говорю о детоубийстве? Нечистый этот задумал изобрести и еще более ужасное убийство; если бы (Ионафан) согрешил с

сознанием и был умерщвлен, произошло бы только детоубийство; но теперь, согрешив по неведению (ведь он и не слышал), и потом быв умерщвлен, оп причинил бы отцу двойную скорбь, потому что этот заклал бы сына и сына нисколько невиновного. Но обратимся к остальному содержанию нашей истории. После того, как Ионафан вкусил, "**просветлели глаза его**", - сказано. И здесь обличает (Писание) великое неразумие царя, показывая, что голод почти ослепил всех воинов и на глаза их навел великую тьму. Потом, говорит, один из воинов, увидя (Ионафана), сказал: "**И сказал ему один из народа, говоря: отец твой заклял народ, сказав: "проклят, кто сегодня вкусит пищи"; от этого народ истомился**. **И сказал Ионафан: смутил отец мой землю**" (1 Цар. 14:28-29). Что значит "**смутил**"? *смути*? Погубил, испортил всех. И вот, когда клятва была нарушена, все молчали, и никто не смел указать на виновного; это также было не малое преступление, - потому что участвуют в грехе не только нарушающие клятву, но и те, которые, зная это, прикрывают.

4. Но посмотрим, что далее. "**И сказал Саул: пойдем [в погоню] за Филистимлянами ночью и оберем их до рассвета и не оставим у них ни одного человека. Священник же сказал: приступим здесь к Богу**" (1 Цар. 14:36). В древности Бог был вождем во время браней, и без его соизволения никогда не осмеливались (евреи) начинать сражение: война была у них делом благочестия. Если они когда и побеждаемы были, то не от слабости телесной, но от грехов были побеждаемы; а когда и побеждали, то не силою и мужеством, но по благоволению свыше побеждали. И победа и поражение были для них школою и училищем добродетели, и не только для них, но и для врагов их; потому что и для этих явно было, что война с иудеями решалась не оружием, но жизнью и делами воюющих. Зная это и понимая, как непобедим этот народ, и как трудно одолеть его оружием и воинскими хитростями, а можно разве пленить только грехом, мадианитяне нарядили благообразных девиц и, поставив их пред войском (еврейским), увлекали воинов к разврату, чтобы чрез прелюбодеяние отнять у них помощь Божию, что и случилось. Как впали они в грех, то стали для всех удобопобедимыми, и кого не могли одолеть ни оружие, ни кони, ни воины, никакие хитрости воинские, тех связал грех и предал врагам; щиты и копья, и стрелы - все это было бессильно, а красота лица и похотливость души победили этих храбрецов. Поэтому некто увещевает так: "**Не засматривайся на чужую красоту… Не выходи навстречу развратной женщине**" (Сир. 10: 8,3): "**ибо мед источают уста чужой жены, и мягче елея речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый**" (Притч. 5:3-4). Блудница любить не умеет, а только коварствует; в ее лобзании - яд, в устах - губительная отрава. Если же это и не тотчас обнаруживается, должно тем более избегать ее, что она прикрыла гибель, носит смерть сокровенную, и не дает усмотреть ее в начале. Итак, кто ищет удовольствия и жизни приятной, тот беги сообщества развратных женщин, потому что они вносят в душу своих поклонников тысячи войн и смятений, возбуждая их всем - и словами и делами - к браням и ссорам. И как самые жестокие враги, так и они все делают и ведут к тому, чтобы повергнуть их в бесславие, в нищету и в крайние бедствия. Как звероловы, раскинув сети, стараются заманить диких животных, чтобы заколоть их; так и эти женщины, раскинув всюду сети любострастия, и глазами, и телодвижениями, и словами завлекают и опутывают своих любовников, и отстают не прежде, как выпив и самую кровь их, а после сами же нападают на них, смеются над их глупостью и много издеваются над ними. И действительно, такой человек достоин не сожаления, а смеха и поругания, так как оказывается глупее женщины, и женщины непотребной. Поэтому и мудрец тот еще увещевает так: "**Пей воду из твоего водоема и текущую из твоего колодезя**" (Притч. 5:15); и опять: "**Пусть беседует с тобою лань любви и жребя твоих наслаждений**" (ст.19). Вот что говорит он о жене, живущей в законном браке: зачем оставляешь помощницу и бежишь к наветнице? Зачем отвращаешься от сообщницы в жизни и угождаешь той, которая расстраивает твою жизнь? Эта - твой член и тело, а та - меч

острый. Посему, возлюбленные, бегайте прелюбодеяния, и ради настоящих зол, и ради будущего наказания. Быть может кому покажется, что мы уклонились от предмета, но это не уклонение. Мы не просто хотим читать вам истории, но с тем, чтобы исправить каждую из возмущающих вас страстей. Поэтому и делаем частые увещания, предлагая вам разнообразную беседу. Как в таком многолюдстве конечно и болезни разнообразны, и врачевать предстоит не одну только рану, но и многие и различные; то и врачевство учения должно быть разнообразно. Возвратимся же к тому, от чего уклонились мы, чтобы сказать это. "**Священник же сказал: приступим здесь к Богу. И вопросил Саул Бога: идти ли мне [в погоню] за Филистимлянами? предашь ли их в руки Израиля? Но Он не отвечал ему в тот день**" (1 Цар. 14:36-37). Посмотри на кротость и благость человеколюбивого Бога: не послал молнии, не потряс земли, но, как поступают друзья с друзьями в случае оскорбления, так и Господь поступил с рабом. Он только умолчал, и этим молчанием выразил и высказал ему весь гнев. Сознал это Саул и сказал: "**Тогда сказал Саул: пусть подойдут сюда все начальники народа и разведают и узнают, на ком грех ныне? ибо, - жив Господь, спасший Израиля, - если окажется и на Ионафане, сыне моем, то и он умрет непременно**" (1 Цар. 14:38-39). Видишь ли опрометчивость? Царь видел, что первая клятва нарушена, и не вразумляется этим, а прибавляет еще и другую. Посмотри и на коварство дьявола. Он знал, что сын, если будет уличен и привлечен к суду, самым видом может тотчас тронуть отца и смягчить гнев царя: поэтому опять поспешил связать душу Саула другой клятвой, чтобы держать его как бы на двойной цепи, и не давать ему быть властным в собственной воле, но со всех сторон нудить его к беззаконному убийству. Еще не был открыт виновный, а Саул уже сделал решение; еще не знал он преступника, а осудил; отец сделался палачом, и, прежде расследования, произнес обвинительный приговор: что может быть безрассуднее этого?

5. Итак, когда Саул сказал это, народ еще более убоялся, и были все в трепете и сильном страхе; а дьявол радовался, приведши всех в смятение. "**Но никто,** - сказано, - **не отвечал ему из всего народа. И сказал [Саул] всем Израильтянам: вы станете в рабство, а я и сын мой Ионафан станем в рабство**"[1] (1 Цар. 14:39-40). Это значит: раздражая против себя Бога тем, что не выдаете виновного, вы ничего другого не сделаете, как только предадите себя врагам и из свободных станете рабами. А вот и другая несообразность от клятвы: следовало бы, если он хотел отыскать виновного, ничем таким не грозить и не привязывать наказания к клятве, чтобы воины, будучи свободны от страха, скорее обнаружили виновного; а он, от гнева и сильного неистовства, с прежним безрассудством опять сделал противное тому, чего хотел. Что много говорить? Он предоставил дело жребию - и Саул и Ионафан метают жребий. "**Тогда сказал Саул: бросьте жребий между мною и между Ионафаном, сыном моим. и пал жребий на Ионафана. И сказал Саул Ионафану: расскажи мне, что сделал ты? И рассказал ему Ионафан и сказал: я отведал концом палки, которая в руке моей, немного меду; и вот, я должен умереть**"(1 Цар. 14:42-43). Кого бы не тронули, кого бы не привели в жалость слова эти? Подумай, какую же бурю Саул терпел, когда раздиралась его внутренность и открывалась пропасть с той и с другой стороны: однако он и этим не вразумился, но что говорит? "**Пусть то и то сделает мне Бог, и еще больше сделает; ты, Ионафан, должен сегодня умереть!**" (ст.44). Вот еще третья клятва, и не просто третья, но с большим сокращением времени; он не сказал просто: "**умрешь**", но – "**сегодня**. Спешил, очевидно, спешил дьявол понуждать и увлекать его к этому беззаконному убийству: потому не допускает и дать отсрочку приговору, чтобы замедлением как-нибудь не было исправлено зло. "**Но народ сказал Саулу: Ионафану ли умереть, который доставил столь великое спасение Израилю? Да не будет этого! Жив Господь, и волос не упадет с головы его на землю, ибо с Богом он действовал ныне**" (ст.45). Вот и народ поклялся в другой раз, и поклялся в противном царю. Теперь припомните веревку, которую тянут дети, - как обрывается она, и тянущих роняет навзничь. Поклялся Саул, не раз и не два, но

многократно; вопреки ему поклялся народ, и заспорил: неизбежно клятве быть нарушенною, потому что нельзя же всем им выполнить свои клятвы.

И не говори мне о конце этого дела, а подумай, сколько здесь зарождалось бедствий и как дьявол подготовлял несчастное дело и возмущение Авессаломово. Если бы царь захотел настоять и выдержать клятву, весь народ восстал бы и произошло ужаснейшее возмущение; опять, если бы сын, для своего спасения, захотел предаться войску, он тотчас сделался бы отцеубийцею. Видишь, как от одной клятвы произошли бы и возмущение, и детоубийство, и отцеубийство, и междоусобная война и брань, и убийства, и кровопролитие, и тысячи трупов! Если бы произошло сражение, то, может быть, и Саул, и Ионафан были бы убиты, пало бы много и воинов; и таким образом ничья клятва не пришла бы в исполнение. Посему не смотри на то, что этого не случилось, а подумай о том, что самое существо дела принуждало к этому, только народ одержал верх. Теперь исчислим, сколько произошло клятвопреступлений. Первая клятва Саула нарушена сыном; вторая и третья об умерщвлении сына - самим Саулом. Народ, по-видимому, выполнил свою клятву: но, если обсудить дело с точностью, то и народ весь подлежит вине клятвопреступления, потому что, не выдав отцу сына, принудил отца Ионафанова нарушить клятву. Видишь, сколько людей одна клятва повергла в клятвопреступление, волею или неволею! Сколько причинила бедствий! Сколько произвела убийств!

6. Начиная беседу, я обещал доказать, что в случае противоположных клятв неизбежно клятвопреступление; но раскрытие истории доказало гораздо более, нежели я предполагал: она представила не одного, не двух и не трех человек, но целый народ; не одну, не две и не три клятвы нарушенных, но гораздо более. Можно бы рассказать и другую историю, и показать из нее, как одна клятва произвела несчастие еще более жестокое и великое: в самом деле, одна клятва причинила и пленение городов, жен и детей, и опустошение огнем, и нашествие варваров, и осквернение святыни, и бесчисленное множество других более ужасных бедствий всем иудеям. Но вижу, что слово становится пространным: поэтому прекратив, здесь передачу этой истории, прошу вас, вместе с повествованием о главе Иоанновой, рассказывать друг другу и об умерщвлении Ионафана, и о погибели целого народа, хотя не совершившихся на деле, однако долженствовавших быть по силе клятвы; - напоминать об этом (во избежание клятв) и дома, и на площади, и женам, и друзьям, и соседям, и всем вообще людям, и не думать, будто достаточное для нас оправдание, если сошлемся на привычку. Что это только отговорка и предлог, и грех происходит не от привычки, а от беспечности, постараюсь вам доказать тем, что уже случилось.

Закрыл царь городские бани и не позволил никому мыться и никто не осмелился преступить закон, ни жаловаться на такое распоряжение, ни ссылаться на привычку; но, хотя находящиеся в болезни, и мужчины и женщины, и дети, и старцы, и многие, едва освободившиеся от болезней рождения, жены, все часто нуждаются в этом врачевстве, однако, волею и неволею, покоряются повелению, и не ссылаются ни на немощь тела, ни на силу привычки, ни на то, что наказываются за чужую вину, ни на другое что-либо подобное, но охотно несут это наказание, потому что ожидали большего бедствия, и молятся каждый день, чтобы на этом остановился царский гнев. Видишь, что где страх, там привычка легко бросается, хотя бы она была весьма долговременная и сильная! Не мыться, ведь, тяжело: как ни любомудрствуй, тело выказывает немощь свою, когда от любомудрия душевного не получает никакой пользы для своего здоровья. А не клясться - дело весьма легкое, и не причинит никакого вреда ни телам, ни душам, но доставит еще много пользы, великую безопасность, обильное богатство. Как же не странно - по повелению царя переносить самую тяжелую вещь, а когда Бог заповедует не тяжкое и не трудное дело, но совершенно легкое и удобное, показывать небрежность и презорство, и

ссылаться на привычку? Не будем, умоляю вас, не будем до такой степени нерадивы о своем спасении, но убоимся Бога, как боимся человека. Знаю, что вы ужаснулись, слыша это: но ужаснее не воздавать Богу даже и такой чести (как людям), и, исполняя строго царские законы, попирать божественные, нисшедшие с небес, и заботу о них почитать излишнею. Какое же, наконец, будет нам извинение, какое прощение, когда и после такого увещания остаемся в том же грехе? Это увещание начал я с самым началом несчастья, постигшего наш город; и вот, оно готово кончиться, а мы не исполнили еще и одной заповеди. Как же мы будем просить избавления от постигших нас зол, не могши исполнить и одной заповеди? Как станем ожидать счастливой перемены? Как будем молиться? Какими устами призывать Бога? Если исполним закон, получим великое удовольствие, когда царь умилостивится над городом; но если останемся в беззаконии, отвсюду будет нам стыд и позор, что хотя Бог прекратил опасность, мы остались при той же беспечности. О, если бы возможно было мне обнажить души многоклянущихся и выставить им пред глаза раны и язвы, которые они каждодневно получают от клятв! Тогда нам не нужно было бы предлагать увещание или совет, потому что вид этих ран, сильнее всякого слова, мог бы и крепко привязанных к этой злой привычке отвести от греха. Но если и невозможно глазам, то разуму возможно представить позор их души, и показать, как она загнила и повреждена. “**Ибо,** - сказано, - **как раб, постоянно подвергающийся наказанию, не избавляется от ран, так и клянущийся непрестанно именем Святаго не очистится от греха**” (Сир. 24:10). Невозможно, невозможно, чтобы уста, привыкшие клясться, не нарушали часто клятвы. Поэтому молю всех изринуть из души эту гибельную и злую привычку, и украситься иным венцом. И как везде поют о нашем городе, что он первый из всех во вселенной украсился именем христиан; так дайте всем говорить, что Антиохия, одна между всеми городами во вселенной, изгнала клятвы из своих пределов. Кроме того, если это случится, она не только сама увенчается, но и в других городах возбудит ревность к тому же. И как имя христиан, начавшись отселе, как из некоего источника, распространилось по всей вселенной, так и это доброе дело, получив здесь корень и начало, сделает вашими учениками всех людей, населяющих землю, так что будет вам двойная и тройная награда - и за собственные добрые дела, и за научение других. Это будет для вас блистательнее всякой диадемы; это сделает ваш город матерью градов не на земле только, но и на небе, это защитит нас и в тот день, и доставит нам венец правды, который да получим все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Св. Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Здесь Септуагинта и слав. перев. не согласуются с Синодальным переводом. – ред.

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Еще о бедствии антиохийского народа; также о том, что страх везде полезен и плач благотворнее смеха; и на слова (Писания): “Знай, что ты посреди сетей идешь”, - и о том, что клясться хуже, чем убивать.

НАДЛЕЖАЛО бы и сегодня, и в предшедшую субботу, предложить слово о посте, и никто да не думает, что это сказано неблаговременно. В дни поста, конечно, не нужно увещание и убеждение к нему, так как самое наступление этих дней возбуждает и самых

беспечных к подвигу поста. Но поелику многие, готовясь вступить в пост, как раз пред этим самым и предаются особенно объедению и пьянству, как будто чреву их предстоит подвергнуться какой-нибудь продолжительной осаде, и опять, окончив пост, как будто освободясь от продолжительного голода и из жестокого заключения, с великим бесстыдством спешат к трапезам, как бы стараясь безмерным пресыщением опять уничтожить происшедшую от поста пользу; то необходимо было и тогда, и теперь предложить слово о воздержании.

Однако, и прежде не сказали мы ничего такого, и теперь не скажем: страх от настоящего бедствия, и без всякого увещания и совета, в состоянии образумить души всех. Кто так жалок и неразумен, что станет упиваться в такую бурю? Кто так бесчувствен, что, когда город так волнуется и угрожает такое кораблекрушение, не будет бодрствовать и трезвиться, и не исправится этим несчастием лучше всякого совета и увещания? Слово не может сделать столько, сколько делает страх: и это самое можно доказать тем, что случилось ныне. Сколько потратили мы слов, увещевая многих из беспечных и уговаривая оставить зрелища и происходящие от них непотребства? И - они не оставляли, но постоянно до сего дня сходились на беззаконные позорища плясунов, и дьявольское сборище поставили против собрания церкви Божией, и - на здешние псалмопения раздавались тамошние крики, несшиеся с великою силою. Но вот ныне, когда мы молчим и ничего не говорим об этом, они сами закрыли место пляски, и конское ристалище опустело. Перед этим, многие из наших уходили к ним, а ныне все оттуда устремились в церковь, и воспевают нашего Бога.

Видишь, какая польза произошла от страха! Если бы страх не был благом, то ни отцы не приставляли бы надзирателей к детям, ни законодатели начальников к городам. Что ужаснее геенны? Но нет ничего полезнее страха ее, потому что страх геенны приносит нам венец царствия. Где страх, там нет зависти; где страх, там не мучит сребролюбие; где страх, там погашен гнев, усмирена злая похоть, искоренена всякая безумная страсть. И как в доме воина, постоянно вооруженного, не посмеет появиться ни разбойник, ни вор, ни другой подобный злодей; так, когда и страх объемлет души наши, ни одна из низких страстей не может легко войти в нас, но все удаляются и бегут, гонимые отвсюду силою страха. И не эту одну пользу получаем мы от страха, но и другую, гораздо большую этой: он не только отгоняет от нас злые страсти, но и с великим удобством вводит всякую добродетель. Где страх, там и заботливость о милостыне, и усердие к молитве, и слезы теплые и непрерывные, и стенания, выражающие великое сокрушение. Ничто так не истребляет греха, а добродетели не способствует расти и процветать, как непрестанный страх. Поэтому, кто не живет в страхе, тому невозможно быть добродетельным; равно как и живущему в страхе невозможно грешить. Не будем же, возлюбленные, скорбеть и отчаиваться из-за настоящего бедствия, но подивимся изобретательности Божией премудрости. Чем дьявол надеялся разрушить наш город, тем Бог восстановил и исправил его. Дьявол внушил некоторым нечестивым людям поругаться даже над царскими статуями, чтобы разрушить и самое основание города; а Бог это самое происшествие употребил к большему нашему вразумлению, страхом ожидаемой казни изгнав всякую беспечность. И из того самого, что демон устроил, вышло противное тому, чего хотел он: город у нас с каждым днем очищается, и переулки, и перекрестки, и площади свободны стали от блудных и соблазнительных песен; и куда бы кто ни посмотрел, везде молитвы, и славословия, и слезы вместо бесчинного смеха, и любомудрые речи вместо слов срамных; и весь город сделался у нас церковью, потому что закрылись мастерские, и все проводят целый день в молитвах, и единогласно с великим усердием призывают Бога. Какое слово могло бы когда-либо сделать это? Какое увещание? Какой совет? Какая продолжительность времени?

2. Будем за это благодарить, а не роптать и негодовать. Что страх есть благо, видно уже и из сказанного. Но послушай и Соломона, который так любомудрствует о нем, - Соломона, который жил во всякой роскоши и наслаждался великим спокойствием. Что же говорит он? "**Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира**" (Еккл. 7:2). Что говоришь ты (премудрый), объясни мне? Лучше идти туда, где плач и слезы, стенания, и скорбь, и уныние, нежели туда, где пляски, и кимвалы, и смех, и веселье, и пресыщение, и пьянство? Да, говорит. Почему, скажи мне, и для чего? Потому что там зарождается наглость, а здесь скромность. Кто побывает на пире у человека, который богаче его, тот уже не с прежним удовольствием будет смотреть на свой дом, но со скукой возвратится к жене, со скукой сядет за стол и в тягость будет и слугам, и детям, и всем домашним, оттого, что из-за чужого богатства яснее увидит свою бедность. И худо не это только, но и то, что он часто завидует пригласившему его на пир; и вообще возвращается домой, не получив ничего доброго. Но о плачущих ничего такого сказать нельзя; напротив, (у них) много любомудрия, много скромности. Как только войдет кто в преддверие дома, в котором есть умерший, и увидит мертвеца лежащего безгласным, и жену, рвущую на себе волосы, терзающую ланиты, ломающую руки, тотчас поражается, делается печален, и каждый из сидящих там ни о чем другом не говорит с ближним, как о том, что мы ничто, и что греховность наша - не сказанна. Что может быть разумнее этих слов, которыми мы и бедность своей природы признаем, и нечестие наше обличаем, и настоящее считаем за ничто, произнося, другими, правда, словами, но в той же силе, это чудное и исполненное мудрости, изречение Соломона: "**Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, - все суета!**" (Еккл. 1:2). Вошедший в дом плачущих тотчас и сам плачет по отшедшем, хотя бы был и враг ему. Видишь, сколько этот дом лучше того? Там он, будучи и другом, завидует; здесь, и будучи врагом, плачет; а этого-то больше всего и хочет Бог, чтобы мы не злорадствовали оскорбившим. Впрочем, не эти только блага можно получить там, но и другие, не меньшие этих; потому что каждый воспоминает там и о своих грехах, и о страшном судилище, и о тех наказаниях, и о суде; и, хотя бы потерпел он от других тысячу зол, и имел домашние неприятности, однако выходит оттуда с врачевством против всех их. Подумав, что, спустя немного, подвергнется тому же и сам он, и все надмевающиеся, что все настоящее, приятное и горькое, кратковременно, он возвращается домой без всякой печали и зависти, с облегченною и окрыленною душой; и таким образом сделается добрее ко всем, снисходительнее, благосклоннее и благоразумнее, - оттого, что страх будущего проник в его душу и истребил все терния. Все это сознавая, и сказал Соломон: "**Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира**" (Еккл. 7:2). Там рождается беспечность, здесь - беспокойство; там небрежение, здесь - страх, научающий нас всякой добродетели. Если бы страх не был благом, Христос не изрек бы многих и пространных наставлений о тамошнем наказании и мучении. Страх есть не иное что, как стена и ограда, и столп необоримый; а нам и нужно великое ограждение, потому что отвсюду множество засад, как тот же самый Соломон, увещевая, опять сказал: "**Знай, что ты посреди сетей идешь и по зубцам городских стен проходишь**" (*познавай, яко посреде сетей минуеши, и по забралом града ходиши*) (Сир. 10:18). О, сколько добра заключает в себе и это изречение! Не меньше, чем и предыдущее!

Напишем же его каждый в уме своем, будем всегда носить в памяти - и не скоро согрешим. Напишем, но наперед изучим его со всем тщанием. Он не сказал: "смотри", "**что ты посреди сетей идешь**", но – "**знай**" (*познавай*). Почему же сказал: *познавай*? Сеть, говорит, прикрыта: в том ведь и состоит особенность сети, что опасность не является открыто, и гибель не явна, но сокрыта со всех сторон; поэтому и говорит: *познавай*. Нужна тебе великая осмотрительность и тщательная осторожность, потому что как дети прикрывают сеть землею, так и дьявол - грехи житейскими удовольствиями. Но *познавай*, тщательно исследуя, и, если представится прибыль, не смотри только на прибыль, но исследуй тщательно, не скрывается ли грех и смерть в этой прибыли, и если

увидишь это, беги прочь. Опять, когда представится наслаждение и удовольствие, не смотри только на удовольствие, но тщательно разведай, не скрылось ли в глубине удовольствия какое беззаконие, и если найдешь, удались. Советует ли кто, льстит ли, услуживает ли, обещает ли почести, или что-нибудь другое, все будем исследовать тщательно и осматривать со всех сторон, нет ли нам какого вреда, нет ли какой опасности от совета, почести, или услуги; не будем увлекаться скоро и необдуманно. Если бы была только одна или две сети, легко было бы остеречься; но послушай, как говорит Соломон, чтобы показать их многочисленность: “**Знай, что ты посреди сетей идешь**”. Не сказал: "подле сетей ходишь", но – “**посреди сетей**”. С обеих сторон у нас пропасти, с обеих сторон козни. Пришел иной на площадь, увидел врага - и воспламенился от одного этого взгляда; увидел друга, пользующегося хорошим мнением - и поревновал; увидел бедного - и презрел, возгнушался; увидел богатого - и позавидовал; увидел кого-нибудь обижаемым - и огорчился; увидел обижающего - и вознегодовал; увидел красивую женщину - и пленился. Видишь, возлюбленный, сколько сетей; поэтому и сказал (премудрый): “**Знай, что ты посреди сетей идешь**”. И дома - сети, и за столом - сети, и в собраниях - сети. Нередко иной по доверчивости скажет необдуманно между друзьями какое-нибудь слово, которого не следовало бы произносить, и причинит такую беду, что разрушит целый дом.

3. Итак, будем рассматривать дела внимательно со всех сторон. Часто и жена бывает сетью для невнимательных, часто - дети, часто - друзья, часто - соседи. Для чего же, скажете, столько сетей? Для того, чтобы мы не стремились долу, но искали горнего. И птиц уловить не легко, пока они летают высоко в воздухе: так и ты, пока будешь стремиться к горнему, не легко будешь уловлен сетью или другою какою хитростью. Дьявол - это птицелов: будь же выше силков его. Взошедший на высоту не станет дивиться житейскому. Когда взойдем мы на вершину горы, нам представляется малым и город, и стены, а люди, ходящие по земле, кажутся как муравьи. Так, когда и ты взойдешь к высоким помыслам любомудрия, ничто на земле не в состоянии будет поразить тебя; но, поелику смотришь ты на небесное, то все будет казаться тебе малым - и богатство, и слава, и могущество, и честь, и все другое тому подобное. Так и Павлу все казалось малым, и блеск настоящей жизни - бесполезнее трупов. Поэтому он и восклицал так: “**Для меня мир распят**” (Гал. 6:14); поэтому и нас увещевает он, говоря: “**О горнем помышляйте**” (Кол. 3:2). Горнем? О каком горнем говоришь, скажи мне. О том ли, где солнце, где луна? Нет, говорит. О каком же? Где ангелы, архангелы, херувимы, серафимы? Нет, говорит. Так о каком же? “**Где Христос сидит одесную Бога**” (Кол. 3:1). Поверим же этому, и будем непрестанно размышлять о том, что, как птичке, попавшей в сеть, нет пользы от крыльев, и напрасно, и тщетно бьет она ими; так и тебе нет пользы от разума, если ты попал под власть злой похоти: сколько бы ни бился, ты - в плену. Для того крылья у птиц, чтобы избегать сетей; для того у людей разум, чтобы избегать грехов. Какое же будем иметь извинение, какое оправдание, когда мы неразумнее бессловесных?

Воробей, раз пойманный в сеть, и из нее улетевший, и лань, попавшая в тенета и потом убежавшая, не легко попадутся в них опять, потому что опыт для того и другой бывает учителем осторожности; а мы, и часто быв уловлены одним и тем же (грехом), впадаем в него же; и, наделенные разумом, не подражаем предусмотрительности и осторожности бессловесных. Сколько раз, наприм., увидя женщину, терпели мы тысячу бед, - возвращались домой с возбужденною похотью, и мучились в течение многих дней; однако не вразумляемся, но, едва уврачевали прежнюю рану, опять впадаем в тот же (грех), уловляемся тою же (похотью), и за краткое удовольствие глаз терпим постоянную и продолжительную скорбь. Но если мы научимся постоянно повторять себе это изречение, то избегнем всех бед. Величайшая сеть - красота женская; или вернее, не красота женская, а сладострастный взгляд. Мы осуждаем вовсе не вещи, а себя и свою беспечность; и не говорим: не будь женщин, но - не будь блудодеяний; не говорим: не будь красоты, но - не

будь прелюбодеяния; не говорим: не будь чрева, но - да не будет пресыщения; потому что не чрево рождает пресыщение, а наша беспечность. Не говорим, будто все зло от того, что едим и пьем: не от этого оно, а от нашей беспечности и жадности. Дьявол не ел и не пил - и пал; а Павел ел и пил - и взошел на небо. Сколько, слышу я, говорят: если бы не было бедности! Заградим уста тех, которые ропщут так, потому что говорить это - богохульство. Итак, скажем им: да не будет малодушия; бедность же вносит бесчисленные блага в жизнь нашу; без бедности и богатство бесполезно. Не будем же обвинять ни этого, ни той: бедность и богатство суть оружия, и приведут оба к добродетели, если мы захотим. И как храбрый воин, какое бы не взял оружие, выкажет свою силу; так слабый и робкий затрудняется всяким. А чтобы узнать, что это правда, вспомни Иова, который был и богачом, и бедняком, владел тем и другим оружием, и тем и другим победил. Когда он богат был, говорил: "**Двери мои я отворял прохожему**"; когда же стал беден, говорил: "**Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!**"(Иов. 31:32,1:21). Когда богат был, показал много страннолюбия; когда сделался бедным, - много терпения. И ты богат? - покажи великое милосердие; стал беден? - великое терпение и благодушие. Ни богатство, ни бедность не составляют сами по себе зла; но делаются оба таковыми по изволению пользующихся ими.

4. Итак, приучим себя не иметь таких суждений о вещах, и станем винить не дела Божии, но злую волю человеческую. Малодушному и богатство не может принести пользы, великодушному и бедность никогда не повредит.

Познаем же сети, и будем ходить дальше от них; познаем стремнины, и не будем приближаться к ним. Мы будем совершенно безопасны, если станем избегать не только грехов, но и того, что, хоть и кажется безразличным, однако бывает для нас преткновением ко греху. Так, например, смех и шуточные слова не кажутся явным грехом, а ведут к явному греху: часто от смеха рождаются скверные слова, от скверных слов еще более скверные дела; часто от слов и смеха ругательство и оскорбление, от ругательства и оскорбления удары и раны, от ран и ударов смертельные поражения и убийства. Итак, если желаешь себе добра, убегай не только скверных слов и скверных дел, - не только ударов, ран и убийств, но даже и безвременного смеха, даже и шуточных слов; потому что они бывают корнем последующих зол. Поэтому Павел говорит: "**Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших. Также сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны [вам]**" (Еф. 4:29, 5:4); потому что оно, хоть само по себе и кажется незначительным, но бывает для нас причиною великих зол. Опять, роскошество не представляется явным и открытым грехом, но порождает нам много зол - пьянство, неистовство, любостяжание, хищничество. Человек, преданный роскоши и тратящий много, несущий для чрева тяжелые службы, часто вынуждается и красть, и похищать чужое, и захватывать лишнее, и делать насилия. Посему, если избежишь роскошества, то отнимешь повод и к любостяжанию, и к хищничеству, и к пьянству, и к тысяче зол, - заранее отсечешь корень греха. Поэтому и Павел сказал: "**Сластолюбивая** (вдовица) **заживо умерла**"(1 Тим. 5:6). Опять, ходить на зрелища, и смотреть на конские ристалища, и играть в кости - для многих не кажется преступлением, но все это вводит в жизнь тысячу зол. Пребывание на зрелищах порождает прелюбодеяние, невоздержность и всякое бесстыдство; от смотренья на конские ристалища заводят споры, брани, удары, обиды, вражды постоянные; любовь к игре часто бывает причиною злословия, убытка, гнева, брани и тысячи других, еще более тяжких, зол. Будем же избегать не только грехов, но и того, что, хоть кажется безразличным, однако мало помалу увлекает нас к этим грехам. Идущий подле стремнины, если и не упадет, так содрогается, и часто от этого содрогания низвергается и падает; так и тот, кто не удаляется от грехов, но ходит близ них, будет жить в страхе, и часто впадать в них. Наприм., засматривающийся на чужую красоту, если и не совершил блуда, так уже возымел похоть и сделался, по суду Христову,

прелюбодеем; а часто этою похотью увлекается он в грех и на деле. Будем же держаться вдали от грехов. Хочешь быть целомудренным? Бегай не только блуда, но и нескромного взгляда. Хочешь быть далеким от скверных слов? Избегай не только скверных слов, но и беспорядочного смеха и всякой похоти. Хочешь быть дальше от убийств? Бегай ругательств. Хочешь стать далеко от пьянства? Избегай увеселений и роскошных столов, и с корнем вырви этот порок. Большая сеть - необузданность языка; ей нужна и великая узда. Поэтому и сказал некто: "**Опутал себя словами уст твоих, пойман словами уст твоих**" (Притч. 6:2).

5. Итак, прежде всех других членов умерим этот (язык), обуздаем его, и изгоним из уст ругательства, и брани, и сквернословие, и злоречие, и злую привычку к клятвам. Слово опять привело нас к тому же увещанию. Хотя вчера я обещал вашей любви не говорить более об этой заповеди; потому что о ней уже довольно говорено было во все предыдущие дни: но что делать? Пока не увижу вас исправившимися, не могу удержаться от увещания. Так и Павел, сказав Галатам: "**Впрочем никто не отягощай меня**" (Гал. 6:17), снова потом является вместе с ними и беседует. Таково сердце у отцов, - хоть и скажут, что отстанут, но не отстают, пока не увидят детей исправившимися. Слышали вы, что пророк сегодня сказал нам о клятве? "**И опять поднял я глаза мои,** - говорит, - **и увидел: вот летит свиток** (в греч. тексте серп). **И сказал Он мне: что видишь ты? Я отвечал: вижу летящий свиток; длина его двадцать локтей, а ширина его десять локтей**. …**Это проклятие**… **и оно войдет**, - говорит, - **в дом татя и в дом клянущегося Моим именем ложно, и пребудет в доме его, и истребит его, и дерева его, и камни его**" (Зах. 5:1-4). Что означают эти слова, и для чего казнь, поражающая клянущихся, представляется в образе серпа, и серпа летящего? Для того, чтобы видел ты, что невозможно избежать суда и уклониться от наказания: от меча летящего иной, может быть, и уклонится; но от серпа, упавшего на шею и ставшего вместо веревки, не убежит никто; а когда будут у него еще и крылья, то какая, наконец, надежда на спасение? Но для чего ж он *скончает* (разрушит) "**и дерева его, и камни его**" клянущегося? Для того, чтобы казнь эта послужила к вразумлению других. Так как клянущийся, по смерти, необходимо будет сокрыт в земле, то разрушенный и обращенный в развалины дом его своим видом будет внушать всем проходящим и видящим не покушаться на то же, чтобы и не потерпеть того же; будет всегдашним обличителем греха умершего. Не так поражает меч, как клятва; не так убивает меч, как удар клятвы. Поклявшийся, хоть и кажется живым, получил уже рану и умер. Как взявший веревку [1], еще прежде нежели выйдет из города, и придет к пропасти [2], и увидит пред собою палача, уже умирает при самом выходе из дверей судилища; так то же бывает и с клянущимися. Будем размышлять об этом, и не станем принуждать братьев к клятве. Что ты делаешь, человек? Заставляешь клясться пред священною трапезою, и там, где лежит Христос закланный, закалаешь брата своего? Разбойники убивают на дорогах, а ты убиваешь сына пред лицом матери - и совершаешь убийство преступнее Каинова! Тот умертвил своего брата в пустыне, и - временною смертью; а ты наносишь брату смерть среди церкви, и - смерть вечную! Ужели для того устроена церковь, чтобы нам клясться? Нет, - для того, чтобы молиться. Ужели для того стоит трапеза, чтобы мы заставляли (других) клясться? Нет, для того стоит она, чтобы разрешили мы грехи, а не вязали.

Но если ты (не стыдишься) ничего другого, так постыдись этой самой книги, которую подаешь для клятвы; раскрой Евангелие, которое, держа в руках, заставляешь ты другого клясться, и, услышав, что Христос говорит там о клятвах, вострепещи и удержись. Что же Он говорит там о клятвах? "**А Я говорю вам: не клянись вовсе**" (Мф. 5:34). А ты этот закон, запрещающий клятву, делаешь клятвою? О, дерзость! О, безумие! Ты делаешь то же, как если бы кто самого законодателя, воспрещающего убийство, заставил быть помощником в убийстве. Не так стенаю и плачу я, когда слышу, что иных убивают на

дорогах, как стенаю и плачу, и содрогаюсь, когда вижу, что кто-нибудь подходит к этой трапезе, полагает на нее руки, прикасается к Евангелию - и клянется. На счет денег ты сомневаешься, скажи мне, и убиваешь душу? Приобретешь ли ты столько, сколько делаешь вреда душе - и своей и ближнего? Если веришь, что этот человек правдив, не налагай на него обязательства клятвы; а если знаешь, что он лжив, не заставляй его совершить клятвопреступление. Но это для того, говоришь, чтобы мне быть вполне спокойным. Нет, когда ты не заставишь клясться, тогда-то и будешь вполне спокоен; а теперь, возвратившись домой, ты постоянно будешь угрызаем совестью, размышляя так: не напрасно ли я заставил его поклясться? Не совершил ли он клятвопреступления? Не стал ли я причиною греха? Но если ты не заставишь (другого) поклясться, то, возвратившись домой, получишь большое утешение, благодаря Бога, и говоря: слава Богу, что я воздержался, и не заставил поклясться напрасно и без нужды. Пусть гибнет золото, пусть пропадают деньги, только бы иметь нам полную уверенность, более всего, в том, что мы и сами не приступили закона, и другого не заставили это сделать. Подумай, ради чего ты не заставил другого поклясться, и этого будет довольно для твоего успокоения и утешения. Часто мы, во время ссоры, подвергаясь оскорблению, великодушно переносим, и говорим оскорбившему: что мне делать с тобой? Мне мешает такой-то, твой покровитель; он связывает мне руки. И этого бывает довольно для нашего утешения. Так и ты, когда думаешь заставить кого поклясться, воздержи себя, останови, и скажи тому, кто должен бы поклясться: что мне делать с тобой? Бог повелел не принуждать к клятвам; Он теперь удерживает меня. Этого довольно и для чести Законодателя, и для твоей безопасности, и для устрашения того, кто должен бы дать клятву. Когда увидит он, что мы так боимся принуждать к клятвам других, - тем более сам устрашится поклясться опрометчиво. И ты, сказав эти слова, возвратишься домой с великим спокойствием. Послушай Бога в заповедях, чтобы и Он услышал тебя в молитвах. Слова эти запишутся на небе, станут за тебя в день суда и загладят множество грехов. И будем так рассуждать не о клятве только, но и о всех делах. Когда захотим сделать что-либо доброе ради Бога, а оно причиняет некоторый ущерб, будем смотреть не только на ущерб от этого дела, но и на пользу, которую получим от того, что сделаем его для Бога. Например: оскорбил тебя кто - перенеси благодушно; а перенесешь благодушно, когда будешь думать не об обиде только, но и о достоинстве Повелевшего переносить - и перенесешь с кротостью. Подал ты милостыню - думай не о расходе, но и о прибыли от этого расхода. Потерпел ты потерю денег - благодари, и смотри не на одну скорбь от потери денег, но и на пользу от благодарения. Если мы так настроим себя, - никакое из случающихся с нами бедствий не опечалит нас, но мы еще получим пользу от того, что кажется прискорбным, - и потеря денег будет для нас приятнее и вожделеннее богатства, печаль - удовольствия и радости, и оскорбление - чести; все невзгоды послужат к нашей пользе; мы и здесь будем наслаждаться великим спокойствием, и там достигнем царствия небесного, которого да удостоимся все по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава и честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Т. е., преступник, которого с веревкою на шее ведут на место казни.

[2] Т. е., в которую он будет брошен палачом.

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Настоящая беседа сказана была после того, как градоначальник, получив известие о волнении народа и о том, что все помышляют о бегстве, пришел в церковь и утешил (народ); также о том, что не должно клясться, и на слова апостола: “Павел, узник Иисуса Христа” (Флм. 1).

ГРАДОНАЧАЛЬНИКА я похвалил за попечительность, что он, увидя город в волнении и всех помышляющими о бегстве, пришедши (в церковь), утешал вас и внушил вам благие надежды; а за вас постыдился и покраснел, оттого, что, после столь многих и продолжительных поучений, вам понадобилось стороннее утешение. Я желал, чтобы земля разверзалась подо мною и поглотила меня, когда слушал я, как он говорил к вам, и то успокаивал, то порицал этот безвременный и неразумный страх. Не вам бы следовало учиться у него, но вы бы должны быть учителями для всех неверных. Павел не позволил и судиться у неверных (1 Кор. 6:1), а тебе понадобились внешние учителя после такого наставления отцов, и несколько беглых и негодных людей взволновали и обратили в бегство такой город. Какими же глазами будем смотреть на неверных, когда мы так робки и боязливы? Каким языком будем говорить к ним и убеждать их не бояться наступающих бедствий, когда мы по этой тревоге стали боязливее всякого зайца? Что ж делать? говорят; мы люди. Поэтому-то самому и не следует смущаться, что мы люди, а не бессловесные твари. Эти боятся всякого шума и стука, потому что у них нет смысла, могущего прогнать боязнь; а ты почтен разумом и смыслом: как же ниспадаешь до их низкого состояния? Пришел сюда кто-то, возвестил о приближения воинов? Не смущайся, но оставя его, преклони колена, призови своего Господа, восстенай горько - и (Господь) отклонит беду. Ты получил неверный слух о приближении войска, и уже вообразил себя в опасности лишиться настоящей жизни; а вот блаженный Иов, слыша, как вестники, один за другим, приходили и объявляли о несчастиях, и, наконец сказали о невыносимой потере детей, не восстенал, не зарыдал, но обратился к молитве и возблагодарил Господа. Ему и ты подражай; и когда придет кто и скажет, что воины окружили город и хотят разграбить имения, прибегни к своему Господу и скажи: “**Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!**” (Иов. 1:21). Его (Иова) не устрашило самое бедствие; а тебя пугает один слух! Какого же будем достойны уважения, когда, будучи обязаны не бояться и смерти, так пугаемся ложного слуха? Кто смущается, тот строит себе страх, которого нет, и тревогу, которой не видно; а кто тверд и спокоен в душе, тот уничтожает и настоящий страх. Не видишь ли, как кормчие, когда море бушует, облака сгущаются, громы разражаются и все на корабле находятся в смущении, - сами сидят у кормила, без смущения и тревоги занимаются своим делом и смотрят, как бы отвратить приближающуюся бурю? Им и ты подражай, и, взявшись за священный якорь - надежду на Бога, будь неподвижен и непоколебим. “**А всякий, кто слушает сии слова Мои,** - сказал (Господь), - **и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое**” (Мф. 7:26-27). Видишь ли, что падать и низвергаться дело безумное? А мы не только похожи стали на этого безумца, но пали жальче и его. Его дом упал после (разлития) рек, после того, как пошел дождь и подули ветры; а мы обрушились и потеряли весь плод любомудрия, когда еще дожди не упали на нас, реки не приступили, ветры не налегли на нас, - прежде чем испытали несчастие, - от одного слуха. Каково, думаете, теперь у меня на душе? Как мне укрыться? Как спрятаться? Как я должен краснеть? Если бы отцы [1] силою не понудили меня, я не встал бы и не заговорил бы, омрачен будучи печалью о вашем малодушии. Но и теперь еще не могу придти в себя: так гнев и печаль овладели моей душою! Да и кто бы не стал досадовать, кто бы не стал негодовать, когда, после такого наставления, понадобились учители внешние, чтобы утешить вас и убедить к великодушному перенесению

настоящего страха? Молитесь же, чтобы нам дано было слово во отверзение уст наших, и чтобы могли мы отогнать эту печаль и несколько воспрянуть духом: стыд из-за вашего малодушия сильно поразил нашу душу.

2. О многом недавно говорил я к вашей любви: и о сетях, отвсюду расставленных нам, и о страхе и печали, и о плаче и весельи, и о серпе, летящем на дома клянущихся. Из всего этого многого запомните в особенности то, что сказано о серпе летящем и упадающем на дом клянущегося, разрушающем камни и дерево, и истребляющим все. А с этим помните и то, что клясться с Евангелием в руках, и свидетелем клятвы делать тот самый закон, который запрещает клятву, крайне безумно, - и что лучше потерпеть ущерб в деньгах, чем заставить ближних клясться, потому что этим оказывается великая честь Богу. Когда ты скажешь Богу: ради Тебя я не заставил клясться такого-то, учинившего воровство и злодейство, - за эту честь Он воздаст тебе великую награду и в настоящей жизни и в будущей. Это и другим говорите, и сами соблюдайте. Знаю, что здесь (в церкви) мы бываем более благоговейны и вовсе отлагаем эту злую привычку; но нужно нам не только здесь вести себя благоразумно, а с этим благоговением выходить и отсюда, - туда, где особенно в нем нуждаемся. И почерпающие воду не у источника только наполняют сосуды водою, и не опоражнивают их, уходя домой; но дома-то именно ставят их с осторожностью, чтобы они не опрокинулись и не сделался напрасным их труд. Будем и мы подражать им и, пришедши домой, станем тщательно хранить сказанное. Ежели вы здесь будете наполнены, а домой придите пустыми, не удержав слышанного в сосудах ума вашего, - для вас не будет никакой пользы от наполнения здесь. Покажи мне борца не на месте учения, но на месте состязания: покажи и благоговение не во время слушания, но во время деятельности. Ты хвалишь, что говорится теперь? Когда тебе придется клясться, тогда припомни все это. Если вы скоро исполните эту заповедь, я преподам наставление и о других важнейших предметах. Вот уже другой год беседую я с вашею любовью, а не успел изъяснить вам и ста стихов из Писания. А причина та, что мы должны учить вас тому, что вы можете сделать дома и сами собою, и что большая часть наставления употребляется на нравоучение. Но этому бы не следовало быть так: улучшению нравов вы должны бы учиться дома, сами собою, а нам предоставить изъяснение мыслей и учений Писания. Если же бы и понадобилось вам послушать (об этом) и от нас, то потребовалось бы на это не более одного дня, потому что такой предмет не разнообразен, не труден и не требует доказательства. Когда говорит Бог, тогда не время умствовать. Бог сказал: “**Не клянись**” (Мф. 5:34): не требуй же от меня доказательств. Это закон царский; Постановивший этот закон знает основание закона: Он не возбранил бы, не запретил бы, если бы это не было полезно. Цари издают законы часто и не все полезные, потому что они люди и не могут так легко найти полезное, как Бог; однако мы, не смотря на это, повинуемся. Женимся ли мы, делаем ли завещания, хотим ли купить рабов, или дома, или поля, или сделать что-нибудь другое: все это делаем не по своему произволу, но как они постановили; мы не вполне властны распоряжаться и нашими делами по своей воле, но во всем подчиняемся их постановлениям, а если сделаем что вопреки их воле, то сделанное бывает без силы и пользы. Вот какую честь воздаем мы человеческим законам! А Божии законы неужели будем так попирать, скажи мне? И какого это достойно извинения, какого прощения? (Бог) сказал: : “**Не клянись**”; не постановляй же противного Ему закона своими делами, чтобы тебе безопасно все и делать и говорить.

3. Но довольно об этом; а теперь мы предложим вам одно изречение из нынешнего чтения, и тем закончим слово. “**Павел, узник Иисуса Христа, -** говорит (апостол), **- и Тимофей брат**” (Флм. 1). Велико это наименование Павла, - имя не по власти и чести, но по оковам и узам; истинно велико. Многое и другое делает его знаменитым - восхищение до третьего неба, вознесение в рай, слышание неизреченных слов (2 Кор. 12:2-4); но он не указал ничего из этого, а вместо всего упоминает об узах, потому что они более, чем все

другое, сделали его знаменитым и славным. Почему же? Потому, что то - дары человеколюбия Господа, а это - знак твердости и терпения раба; любящие же, обыкновенно, хвалятся более тем, что они терпят за любимых, нежели благодеяниями, какие получают от них. Не так царь любуется диадемою, как (Павел) красовался оковами; и весьма справедливо. Диадема доставляет только украшение увенчанной главе; а узы - и украшение гораздо большее, и еще - безопасность. Царский венец часто бывал предателем облеченной в него главы, привлекал множество злоумышленников, и возбуждал страсть к тирании, а во время сражений это украшение так опасно, что его скрывают и слагают. Цари на войне переменяют и одежду, и уже прямо становятся в ряды сражающихся: столько предательства бывает от венца! А узы ничего такого не делают носящим их, но все наоборот. Когда наступает война и брань с демонами и вражескими силами, - узник, ограждаясь узами, отражает их нападения. Из светских начальников многие не только тогда, когда начальствуют, но и когда сложат начальство, называются еще по нему: такой-то, говорят, бывший консул, такой-то бывший градоначальник. А апостол, вместо всего этого, говорит: "**Павел, узник**"; - и весьма справедливо. Те степени начальства не составляют верного доказательства добродетели душевной, потому что покупаются деньгами и при помощи ласкательства друзей; а эта власть от уз есть доказательство любомудрия душевного и величайшее свидетельство любви ко Христу. Те скоро теряются, а у этой власти нет преемника. Вот, сколько уже протекло времени с тех пор доныне, а имя этого узника делалось все более и более славным. Все консулы, сколько их ни было в прежние времена, преданы забвению, даже по имени неизвестны народу; а имя этого узника - блаженного Павла велико и здесь, велико и в стране варваров, велико и у скифов и индийцев; дойди до самых пределов вселенной, и там услышишь это имя, и куда бы кто ни пришел, везде увидит, что имя Павла у всех носится на устах. Да и удивительно ли, что это так на суше и на море, когда и на небе имя Павла велико у ангелов, у архангелов, у горних сил, и у Царя их - Бога? Какие же это, скажешь, были узы, что они доставили такую славу связанному (ими)? Разве не из железа они были сделаны? Правда, они были сделаны из железа; но в них проявлялась великая благодать Духа, потому что они были носимы за Христа. О чудо! Рабы связаны, Господь распят, а проповедь с каждым днем распространяется, и то, что, кажется, должно бы ее остановить, ускорило ее; и крест и узы, которые казались предметом отвращения, теперь соделались знамениями спасения, и это железо стало для нас дороже всякого золота, не по своей природе, но по этой именно причине и основанию. Но вижу, что отсюда рождается у нас некоторый вопрос. Если будете внимать с усердием, - я и вопрос скажу, и решение предложу. Какой же это вопрос? Тот же Павел, пришедши однажды к Фесту, и в беседе с ним опровергая обвинения, взведенные на него иудеями, и рассказывая, как он видел Иисуса, как слышал блаженный Его голос, как чрез слепоту прозрел, как пал и восстал, как вошел в Дамаск пленником, связанным без уз, - сказав также о пророках и законе, и показав, что и они предсказали все это, пленил судью и почти убедил его перейти на свою сторону.

4. Таковы души святых: когда они подвергнутся опасностям, не о том заботятся, как бы им избавиться от опасностей, но все употребляют к тому, чтобы уловить преследователей, как это случилось и тогда. Вошел (Павел), чтобы самому оправдаться, а вышел, пленив судью. И это засвидетельствовал сам судья, говоря: "**Ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином**" (Деян. 26:28). Этому надлежало бы быть и сегодня; надлежало бы и этому начальнику подивиться вашему великодушию, любомудрию, совершенному спокойствию, и уйти отсюда с уроком от вашего поведения; подивиться собранию, похвалить собравшихся, и узнать на самом деле, какое различие между язычниками и христианами. Но (возвратимся к предмету): когда, как сказал я, Павел пленил своего судью, и этот сказал: "**Ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином**",- Павел отвечал так: "**Молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались** христианами (такими, как я), **кроме этих уз**"

(Деян. 26:29). Что говоришь, Павел? В послании к Ефесянам ты говоришь: "**Итак я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны**" (Еф. 4:1), а беседуя с Тимофеем: "**(по благовествованию моему-ст.8), за которое я страдаю даже до уз, как злодей**" (2 Тим. 2: 8-9), и опять (беседуя) с Филимоном: "**Павел, узник Иисуса Христа**" (Флм. 1), состязаясь с иудеями, говоришь: "**За надежду Израилеву обложен я этими узами**" (Деян. 28:20), а писав к Филиппийцам, говорил ты: "**И большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие**" (Флп. 1:14), - везде рассказываешь об узах, везде выставляешь на вид оковы и хвалишься ими; а пришедши в судилище, где бы всего более надлежало показать дерзновение, ты изменил любомудрию, и говоришь судье: "**Молил бы я Бога, чтобы**" быть тебе христианином, "**кроме этих уз**". Если узы - благо, и такое благо, что доставляют и другим дерзновение говорить в защиту благочестия, как это самое ты высказал словами: "**Большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие**" (Флп. 1:14), - почему же ты не хвалишься ими пред судьею, но делаешь противное? Не представляется ли в сказанном нами недоумение? Но я сейчас же дам решение. Павел сделал это не по робости и не по страху, но по великой мудрости и благоразумию духовному; а как это, вот я и скажу. Он беседовал с язычником, неверным и не знающим нашего учения: поэтому не хотел убеждать его указанием на вещи трудные, но, как говорил он о себе – "**для чуждых закона - как чуждый закона** " (1 Кор. 9:21), так поступил и здесь. Если, говорит (апостол), услышит (судья) о узах и скорбях, тотчас убежит, потому что не знает силы уз. Пусть прежде уверует, пусть вкусит проповеди: тогда и сам устремится к этим узам. Я слышал слово Господа моего, что "**никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленой ткани, ибо вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже. Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают**" (Мф. 9:16-17). Душа этого человека есть риза ветхая и мех ветхий: она не обновлена верою, не возрождена благодатью Духа, еще немощна и земна, думает о житейском, привязана к блеску мирскому, любит настоящую славу. Если в самом начале он услышит, что, сделавшись христианином, он потом сделается узником и отягчен будет оковами, то, устыдясь, и покраснев, убежит от проповеди. Вот почему (Павел) сказал: "**Кроме этих уз**", - не порицая самые узы, - да не будет! - но снисходя к немощи судьи; сам же он так любит и лобызает их, как любящая наряды женщина свои золотые ожерелья.

Откуда это видно? "**Ныне радуюсь в страданиях моих за вас,** - говорит он, - **и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его**" (Кол. 1:24); и опять: "**потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него**" (Флп. 1:29); и опять: "**и не сим только, но хвалимся и скорбями**" (Рим. 5:3). Если же он радуется и хвалится скорбями, и называет их даром благодати, то очевидно, что он по той причине говорил так, беседуя с судьею. И в другом месте, будучи опять поставлен в необходимость хвалиться, он доказывает тоже самое так: "**Я гораздо охотнее буду хвалиться**, - говорит, - **своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова**" (2 Кор. 12:9-10). И опять: "**Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею**" (2 Кор. 11:30). И еще в одном месте, сравнивая себя с другими, и чрез это сравнение показывая нам (свое) превосходство, говорит так: "**Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше**" (ст.23). И, чтобы показать это превосходство, он не сказал о себе, что воскрешал мертвых, изгонял демонов, очищал прокаженных и сделал что-либо другое подобное, - но что? Сказал, что он претерпел тысячи бедствий. В самом деле, сказав: "**Я больше**", - он указал на множество искушений, говоря так: "**Безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока [ударов] без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине**

[морской]" (2 Кор. 11:23-25), - и все прочее. Так Павел везде хвалится скорбями и чрезвычайно славится ими! И весьма справедливо: потому что тем особенно и доказывается сила Христова, что этими-то средствами апостолы и победили (мир): узами, скорбями, ранами и крайними бедствиями. И Христос предвозвестил два эти (состояния) - скорбь и покой, подвиги и венцы, труды и награды, наслаждения и горести; но горести предоставил настоящей жизни, а наслаждения отложил до века будущего, показывая, что Он не обманывает людей, и желая этим порядком облегчить самую тяжесть бедствий. Кто обманывает, тот сначала предлагает наслаждения, и потом подвергает горестям; например: торгующие людьми, уводя и похищая малых детей, не обещают им раны и побои, или что-либо подобное, но дают пряники, закуски и прочее такое, чем обыкновенно услаждается детский возраст; чтобы они, обольстившись этим, и отдав свою свободу, впали в крайнее бедствие. Таким же способом птицеловы и рыбаки заманивают свою добычу, предлагая наперед обыкновенную и приятную для нее пищу, и этою пищею прикрывая сеть. Так обманщикам более всего свойственно предлагать прежде приятное, а после наводить горе: истинно заботливые и попечительные поступают совершенно напротив. Отцы поступают иначе, чем торгующие людьми: посылая детей в училище, они приставляют к ним надзирателей, грозят наказаниями, внушают страх, и когда дети проведут так первый возраст, тогда им, достигшим уже совершеннолетия, передают почести, и власть, и удовольствия, и все свое богатство.

5. Так поступил и Бог: не по обычаю торгующих людьми, но по примеру заботливых отцов, Он наперед подверг нас горестям, предав настоящим скорбям, как надзирателям и учителям, чтобы мы, наставленные и вразумленные ими, показав полное терпение, научились всякому любомудрию, и таким образом, достигши совершенного возраста, наследовали царство небесное; наперед он делает нас способными распоряжаться даруемым богатством, и потом уже вручает самое богатство. И если бы Он этого не сделал, то дарование богатства было бы не даром, а наказанием и мукой. Неразумный и расточительный отрок, получив родительское наследство, от этого самого погибает, потому что у него нет столько благоразумия, сколько бы нужно для управления имуществом; напротив, если будет благоразумен, скромен, целомудрен и умерен, если употребляет отцовское имущество на нужды, тогда он становится еще более знаменитым и славным. Так должно быть и с нами. Когда мы приобретем духовное благоразумие, когда все "**придем…в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова**" (Еф. 4:13), тогда Бог даст нам все, что обещал; а теперь, как малых детей, учит Он нас, ободряя и утешая. И не эта одна польза от того, что скорби предшествуют (блаженству); есть и другая, не меньшая этой. Кто наперед наслаждается, а после наслаждения ожидает мучения, тот, вследствие ожидания будущих бедствий, не ощущает и настоящего наслаждения; а кто прежде терпит горести и после них надеется наслаждаться весельем, тот ни во что ставит и настоящие неприятности, в надежде будущих благ. Так Бог определил наперед быть бедствиям, не только для безопасности, но и для удовольствия и утешения нашего, чтобы мы, будучи облегчаемы надеждою на будущее, нисколько не чувствовали настоящего. Указывая на это самое, и Павел говорит: "**Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое**" (2 Кор. 4:17-18). Он назвал скорбь легкою, не по собственной природе бедствий, но по ожиданию будущих благ. Как купец не чувствует тягости плавания, будучи облегчаем надеждою на прибыль, и борец мужественно переносит удары в голову, имея в виду венец; так и мы, взирая на небо и небесные блага, мужественно перенесем все, какие ни постигнут нас, бедствия, укрепляясь доброю надеждою не будущее. Итак, с этим изречением [2] и выйдем отсюда: оно и просто и кратко, но заключает в себе великий урок любомудрия. Кто в печали и скорби, тот находит здесь достаточное утешение; кто в наслаждении и роскоши, тот - великое вразумление. Когда, возлежа за трапезой, вспомнишь это изречение, то скоро

уклонишься от пьянства и пресыщения, узнав из этого изречения, что нам должно подвизаться, - и скажешь самому себе: Павел в узах и темницах, а я в упоении и за роскошною трапезою; какое же будет мне прощение? Это изречение полезно и для жен. Любящие наряды и расточительные, обвешивающие себя со всех сторон золотом, вспомнив об этих узах (Павловых), возненавидят, я уверен, и с презрением бросят те украшения, и прибегнут к этим оковам, - потому что те украшения часто были причиною многих зол, вносили в дом тысячи браней, порождали и зависть, и зложелательство, и ненависть, а эти (оковы) разрешили грехи вселенной, устрашили демонов и дьявола обратили в бегство. С ними Павел, и в темнице, убедил темничного стража, с ними привлек к себе Агриппу, с ними приобрел множество учеников. Потому и сказал он: "**(по благовествованию моему-ст.8), за которое я страдаю даже до уз, как злодей**" (2 Тим. 2:9). Как невозможно связать луча солнечного, ни запереть в доме, так невозможно - и слова проповеди. И еще того более: учитель был связан, а слово летало; он жил в темнице; а учение, как бы на крыльях, обтекало всю вселенную.

6. Итак, зная это, не станем упадать духом в несчастиях, но тогда-то особенно и будем более возмогать и укрепляться, потому что "**от скорби происходит терпение**" (Рим. 5:3). Не станем скорбеть, когда постигают бедствия; но будем за все благодарить Бога. Мы провели уже вторую неделю поста; но не на это будем смотреть, потому что провести пост значит не то, чтобы провести только время, но чтобы провести его в добрых делах. Подумаем о том, сделались ли мы рачительнее, исправили ли какой-нибудь из своих недостаток, омыли ли грехи. Во время четыредесятницы, обыкновенно, все спрашивают о том, сколько недель кто постился; и можно слышать от одних, что они постились две, от других, что - три, а от иных что - все недели. Но что пользы, когда мы проведем пост без добрых дел? Если скажет иной: постился всю четыредесятницу, - ты скажи: я имел врага и примирился, имел привычку злословить и оставил ее, имел привычку клясться и оставил эту дурную привычку. Для мореходцев нет никакой пользы в том, что они переплывут большое пространство моря, но полезно для них, когда приплывут с грузом и со многими товарами. И для нас нет никакой пользы от поста, когда мы проведем его просто, как-нибудь и суетно. Если мы постимся, воздерживаясь только от пищи, то, по прошествии сорока дней, проходит и пост. А если воздерживаемся от грехов, то, и по прошествии этого поста, он еще продолжается, и будет нам постоянная от него польза, и, еще прежде царствия небесного, он здесь воздаст нам не мало наград. Как живущий во грехе, и прежде геенны, наказывается угрызением совести; так богатеющий добрыми делами, и прежде царствия, наслаждается величайшею радостью, питаясь благими надеждами. Поэтому Христос говорит: "**Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас**" (Ин. 16:22). Кратко изречение, но в нем много утешения. Что бы это значило: "**радости вашей никто не отнимет у вас**"? У тебя есть деньги? Радость о богатстве многие могут взять у тебя - и вор, разламывающий стену, и раб, уносящий вверенное ему, и царь, отбирающий имение в казну, и завистливый человек, вводящий клевету. Имеешь ты власть? Многие могут *взять* у тебя радость о ней. Когда прекратится начальствование, прекратится и удовольствие; да и во время самого начальствования много встречается дел трудных и соединенных с заботами; они уменьшают твою радость. Пользуешься крепостью тела? Постигла тебя болезнь - и расстроила радость о ней. Ты красив и благообразен? Пришла старость - и сокрушила и унесла эту радость. Станешь наслаждаться роскошною трапезою? С наступлением вечера окончится и радость пиршества. Так всякая мирская вещь легко повреждается и не может доставить нам прочного удовольствия; но благочестие и доблесть душевная - совсем другое дело. Если подашь милостыню, - никто не может отнять у тебя этого доброго дела. Пусть нападут со всех сторон войска, цари, тысячи клеветников и злоумышленников: они не могут отнять приобретения, сокрытого на небе; нет, радость эта остается навсегда. "**Он расточил,** - говорит, - **роздал нищим; правда его пребывает во веки**" (Пс. 111: 9). И весьма

справедливо, - потому что она хранится в небесных сокровищницах, где вор не подкапывает, разбойник не отнимает, моль не съедает (Мф. 6:20). Если будешь совершать постоянные и прилежные молитвы, - никто не может похитить плода их, потому что этот плод утвердился корнем в небесах, безопасен от всякого повреждения и остается не доступен. Если, потерпев зло, сделаешь добро; если терпеливо перенесешь злословие; если, быв поруган, станешь благословлять: эти добрые дела останутся на всегда, и "**радости**" о них "**никто не отнимет**", но всякий раз, как вспомнишь о них, будешь радоваться, веселиться и вкушать великое удовольствие. То же самое будет, если мы успеем в том, чтобы избегать клятв и заставим язык наш воздерживаться от этой гибельной привычки: доброе это дело сделается в короткое время, а радость от него будет постоянна и непрерывна. Впрочем, вы должны быть и для других учителями и руководителями; должны брать, наставлять и руководить - ближние друзей, рабы сорабов, и юноши сверстников. Если бы кто-нибудь обещал тебе по одному червонцу за исправление каждого человека, не употребил ли бы ты всего старания, не просиживал ли бы с ним по целым дням, убеждая и увещевая его? Но вот, Бог обещает тебе в награду за эти труды не один, не десять, не двадцать, не сто, не тысячу червонцев, даже и не всю землю, но дает тебе то, что больше всего мира, царство небесное, и не одно это царство, но и другое кроме его. Что же это такое? "**Если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста**", - говорит Он (Иер. 15:19). Что может сравниться с этим по чести и благонадежности? Какое же для нас извинение и прощение, когда мы, после столь великого обещания, не заботимся о спасении ближнего? Когда ты увидишь слепца, падающего в пропасть, то простираешь руку, и считаешь недостойным оставить без помощи погибающего; а видя, как ежедневно все братья падают стремглав в дурную привычку клясться, не смеешь сказать слова? Но ты сказал раз, и (ближний) не послушал? Так скажи и в другой, и в третий, и сколько бы ни было, пока не убедишь. Бог говорит к нам каждый день, а мы не слушаем, и Он не перестает говорить; и ты подражай этой попечительности о ближнем. Для того мы и живем вместе, населяем города и собираемся в церквах, чтобы "**бремена друг друга**" носить (Гал. 6:2), чтобы исправлять друг друга от грехов. Как люди, живущие в одной лавке, хотя и разные продают товары, но все доходы складывают в общую кассу: так будем делать и мы. Какое кто может сделать добро ближнему, не ленись и не отрицайся: да будет и между вами такая продажа и уплата духовная, чтобы нам, все сложив в общее (место), и приобретши великое богатство, и составив великое сокровище, всем вместе получить царство небесное, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава Отцу, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Т. е., пресвитеры антиохийские.

[2] Т. е., *"Павел юзник Иисус Христов"*.

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА СЕМНАДЦАТАЯ.

На начальников, Еллевиха вождя и Кесария магистра, посланных императором Феодосием для расследования о виновных в низвержении статуй.

БЛАГОВРЕМЕННО воспели мы сегодня все вместе: “**Благословен Господь Бог, Бог Израилев, един творящий чудеса!**” (Пс. 71:18). Подлинно, чудные и дивные совершились дела: целый город и столь многочисленный народ, который сейчас готов был погрузиться и потонуть, и погибнуть совершенно, в одно мгновение (Господь) избавил совсем от кораблекрушения. Возблагодарим же Его не только за то, что прекратил бурю, но и за то, что допустил ей быть; не только за то, что избавил нас от кораблекрушения, но и за то, что попустил впасть нам в такое беспокойство и нависнуть над нами крайней опасности. Так и Павел повелел благодарить за все. А когда он сказал: “**За все благодарите**” (1 Фес. 5:18), то этим выразил (благодарите) не только по прекращении бедствий, но и в продолжение их, потому что “**любящим Бога … все содействует ко благу**” (Рим. 8:28). Возблагодарим Его за прекращение испытаний, и не забудем о них никогда; будем пребывать в молитвах, в непрестанных молениях, в великом благоговении. Когда только что загорелся ужасный огонь этих бедствий, я говорил, что не время тогда учения, а время молитв: это же и теперь, когда погас этот огонь, говорю, что теперь-то особенно, более чем прежде, время молитв, теперь-то особенно время слез и сокрушения, и скорби душевной, великой тщательности и великой осторожности. Тогда самое свойство скорбей и против воли обуздывало нас, заставляло быть скромными и вело к большой осмотрительности. А теперь, как снята узда и прошла туча, можно опасаться, чтобы мы не впали в беспечность, не сделались опять небрежнее от спокойствия, чтобы и о нас не сказал кто: “**Когда Он убивал их, они искали Его и обращались, и с раннего утра прибегали к Богу**” (Пс. 77:34). Потому и Моисей увещевал иудеев так: “**И когда будешь есть и насыщаться, …берегись, чтобы ты не забыл Господа, Бога твоего**” (Втор. 6:11-12). Теперь-то и откроется ваша искренность, если вы постоянно сохраните ту же богобоязливость. Тогда многие приписывали вашу ревность страху и приключившимся бедствиям; а теперь доброе дело будет вполне ваше, если вы продолжите показывать ту же ревность. И отроку никто не удивляется, что он, пока находится под руководством грозного надзирателя, живет скромно и кротко, но все приписывают скромность этого отрока страху, внушаемому надзирателем. Когда же он, и сложив с себя эту неволю, остается при той же скромности, тогда все ему самому приписывают скромность его и в прежнем возрасте. Это же сделаем и мы: пребудем в том же благонравии, чтобы получить нам от Бога великую похвалу и за прежнюю ревность. Бесчисленных ожидали мы бедствий, (ожидали), что будут расхищены имущества всех, сожжены дома и с жителями, город взят будет из среды вселенные, и все остатки его погибнут, что по земле его пройдет плуг; но вот, все это остановилось только на ожидании и не перешло в дело! И чудно не только то, что Бог прекратил такую опасность, но и то, что Он и нас весьма облагодетельствовал, и город наш украсил, и сделал (нас) чрез это испытание и несчастие более достойными хвалы: а как это, сейчас скажу.

Когда посланные царем для исследования о случившемся здесь открыли страшное то судилище, и призывали всех к ответам в учиненном преступлении, и все ожидали разных смертей, - тогда иноки, обитающие на вершине гор, выказали свое любомудрие. Прожив безвыходно столько лет в своих пещерах, они, никем не призванные, никем не наученные, как только увидели, что город облегло такое облако, оставили свои кущи и пещеры и стеклись со всех сторон, как сошедшие с неба ангелы; и стал тогда город подобен небу, потому что везде появлялись эти святые и одним своим видом утешали скорбящих и располагали к совершенному презрению несчастия. В самом деле, кто бы, увидя их, не посмеялся над смертью, не пренебрег жизнью? Но, сверх этого, удивительно было еще то, что они (иноки), пришедши к самым начальникам, говорили смело за виновных, готовы были все пролить кровь и положить головы свои, только бы исхитить узников от угрожавших бедствий, и сказали, что не отступят, пока судьи или не пощадят граждан, или не пошлют их самих к царю вместе с обвиняемыми. "Государь нашей земли, говорили они, боголюбив, предан вере, живет в благочестии: поэтому мы непременно умилостивим

его; не допустим и не позволим вам обагрить меч кровью, ни отсечь кому-либо голову. Если же вы не остановитесь, то и мы непременно умрем с ними. Преступление велико - в этом сознаемся и мы - однако виновность дела не превышает человеколюбия царева". Говорят, что один из них [1] сказал и другое, исполненное любомудрия, слово: "низверженные статуи опять воздвигнуты и приняли свой вид, и дело поправлено весьма скоро: а вы, если умертвите образ Божий, как можете поправить сделанное, как воскресить погибших, и возвратить души в тела?" Много иноки говорили с начальниками и о суде.

2. Кто не изумится, кто не подивится любомудрию этих мужей? Когда мать одного из виновных, с открытою головою, с обнаженными сединами, схватив за узду лошадь судьи и так пробежав площадь, вместе с ним вошла в судилище - мы все изумились, все удивились такой нежной любви, такой силе духа. Как же не удивляться еще более этим (инокам)? Нисколько не удивительно, если бы та мать и умерла за сына, потому что велика власть природы и непобедима силы болезней рождения. А эти (иноки) кого не родили и не воспитали, кого не видели, о ком не слыхали, с кем никогда не встречались, кого узнали по одному только несчастью, - тех возлюбили, так что, если бы имели и тысячу жизней, решились бы отдать все (жизни) за их (подсудимых) спасение. Не говори мне, что (иноки) не были убиты и не пролили крови: говори о том, что они показали пред судиями такую смелость, какую могли бы показать только решившиеся на смерть; а с таким намерением они и пришли с своих гор в судилище. В самом деле, если бы они заранее не приготовились ко всякой смерти, то и не могли бы они тогда так смело говорить к судьям и показать такую силу духа. Они просиживали целые дни пред дверями судилища, будучи готовы отнять у палачей тех, кого поведут (на место казни).

Где теперь те, которые одеваются в плащи, выставляют на показ длинную бороду, и носят в правой руке палку, - языческие философы, - эти презренные циники, которые хуже подстольных псов, и все делают только для чрева? Все они тогда оставили город, все убежали, все скрылись в пещерах: одни те, которые самыми делами доказывают любомудрие, явились на площади так бесстрашно, будто бы никакое бедствие не постигло города. Жители городов убежали в горы и пустыни; а обитатели пустынь поспешили в город, доказывая самым делом то, о чем я в предшествующие дни говорил непрестанно, именно - что живущему добродетельно не может повредить и печь [2]. Таково любомудрие души: оно выше всего - и приятного и горестного; ни тем не расслабляется, ни этим не подавляется и не унижается, но всегда бывает одинаково, обнаруживая свою крепость и силу. Кого не обличила (в слабости) трудность настоящего времени? Занимавшие у нас первые должности, начальствующие, владеющие несчетным богатством, пользующиеся великим дерзновением пред царем, все они, оставив дома пустыми, помышляли только о своем спасении; тогда-то оказалось, что значит вся дружба и родство их; кого они прежде знали, тех во время злополучия и знать не хотели, и сами желали быть ими не знаемы. А иноки, люди бедные, не имеющие ничего, кроме худой одежды, жившие в сельской простоте, казавшиеся дотоле ничтожными, пребывавшие на горах и в лесах, предстали, как некие львы, с великим и высоким духом, в то самое время, как все боялись и трепетали, - (предстали) и прекратили бедствие, не в продолжение многих дней; а в краткий промежуток времени. И как храбрые герои, не только самою борьбою с противниками, но и одним появлением в стане и криком своим обращают в бегство врагов; так и эти (иноки) в один день и сошли (с гор), и говорили (с судьями), и прекратили бедствие, и возвратились в свои жилища. Таково любомудрие, введенное Христом между людьми! И что говорить о богатых и облеченных (низшею) властью; когда даже и получившие право судить и исправлявшие самые высшие начальнические должности, умоляемые этими самыми иноками произнести милостивый приговор, сказали, что они не властны в окончательном решении, и что страшно и опасно было бы

не только оскорбить царя, но и захватив оскорбивших, оставить их без наказания? А эти (иноки) оказались могущественнее всех: умоляя с великодушием и терпением, они убедили (судей) показать такую власть, которой эти не получили от царя; успели, даже после того как виновные были уже открыты, склонить судей не произносить обвинительного приговора, но предоставить решение воле царя; обещали, что сами убедят его непременно даровать прощение преступникам, и уже готовы были отправиться в путь. Но судьи, пораженные их любомудрием и изумленные высотою духа, не попустили их предпринять такой дальний путь, и сказали, что, если только они получат заявление их на бумаге, то сами отправятся и умолят царя оставить весь гнев, - что, надеемся мы, и сбудется. Действительно, когда происходило разбирательство, иноки, вошедши (в судилище), произносили весьма мудрые слова, письменно умоляли царя, напомнили о (страшном) суде и сказали, что сложат свои головы, если не будет (дано помилования). И изложив эти слова на бумаге, судьи отправились. Вот что украсит ваш город блистательнее всякого венца. 'Теперь о случившемся здесь услышит царь, услышит и великий город [3]; вся вселенная услышит, что в антиохийском городе живут такие иноки, которые показали дерзновение апостольское; теперь, как бумага эта будет читаться в столице, все удивятся величию духа (иноков), все ублажат наш город, и мы отстраним от себя худую славу; все узнают, что случившееся было делом не жителей города, но чужих и развратных людей. Свидетельство иноков будет достаточным удостоверением нравов города. Не будем же унывать, возлюбленные, но станем питать благие надежды. Если дерзновение пред людьми могло отклонить столь великое бедствие, то чего не сделает их (иноков) дерзновение пред Богом? Это будем говорить и язычникам, когда они осмелятся рассуждать с нами о своих философах. Из настоящего (поведения философов) видно, что и прежнее у них было ложно; а из этого (любомудрия иноков) ясно, что и прежнее у нас было истинно, - все, что говорится об Иоанне, и о Павле, и о Петре, и о всех других. Так как иноки наследовали их (апостолов) благочестие, то их же и дерзновение показали; так как воспитались в тех же законах (в каких апостолы), то их же доблести и поревновали. Не нужно нам даже прибегать к Писанию, чтобы доказать доблесть апостольскую, потому что самые дела вопиют, и ученики являют собою учителей; не нужно нам слов, чтобы обличить лживость язычников и малодушие их философов, потому что самые дела, и настоящие и прежние, вопиют, что все у них - басня, личина и притворство. Не одни, впрочем, иноки, но и священники показали тоже великодушие, и приняли участие в нашем спасении. Один из них [4] отправился в столицу, пренебрегши все из-за вашей любви, и будучи готов сам умереть, если не убедит царя; а прочие (пастыри антиохийские), оставаясь здесь и поступая так же, как иноки, собственными руками удерживали судей и не допускали войти в (судилище), пока (судьи) не обещали (милостиво) окончить суд. И пока они видели, что судьи не соглашаются, дотоле и сами показывали великую смелость. Когда же увидели, что (судьи) соглашаются, то припадали к их ногам и коленам, и лобызали им руки; так они с преизбытком обнаружили ту и другую добродетель, - и свободу и скромность. Что их смелость не была дерзостью, это они доказали особенно тем, что лобызали колена и припадали к ногам (судей); а что это не было ни ласкательством, ни раболепством, и проистекало не из низкого духа, засвидетельствовала предшествовавшая смелость их. Впрочем, мы приобрели от испытания не только эти блага, но и великую воздержность, великую скромность: город внезапно сделался у нас монастырем. Не так украсил бы его кто, если бы поставил на площади золотые статуи, как светел и блистателен он теперь, выставив прекрасные статуи добродетели и обнаружив богатство свое.

Но прискорбны (распоряжения), последовавшие от царя? - Нет; и они не тягостны, напротив, принесли много пользы. Что тягостного, скажи мне, в этих распоряжениях? Ужели то, что (царь) закрыл театр, что сделал недоступным конское ристалище, что заключил и заградил источники нечестия? О, если бы они и никогда не открывались! Из

них-то выросли в городе корни нечестия, из них выходят люди, подвергающие нареканию его нравы, продающие свои голоса пляшущим, и отдающие им за три овола собственное спасение, приводящие все в крайний беспорядок. Об этом ли скорбишь, возлюбленный? Но об этом надобно радоваться и веселиться, и изъявлять благодарность царю, что его наказание было исправлением, истязание - наставлением, гнев - научением. (Ты скорбишь) о том, что у нас закрыты бани? Но это не невыносимо, и невольно ведет к любомудрию тех, которые живут в неге, роскоши и распутстве. Или - о том, что (царь) отнял у города его преимущество, и не позволил ему впредь называться главным городом? Но что же надлежало сделать? Похвалить за сделанное (преступление) и изъявить благодарность? А кто бы не обвинил его, если бы он не показал даже и вида негодования? Не видишь ли, что много такого делают и отцы с своими сыновьями? Они отворачиваются от них и не допускают их к столу. Это сделал и царь, наложив на город такие наказания, которые не причиняют никакого вреда, а приносят много исправления. Подумай, чего мы ожидали, и что последовало: и тогда-то особенно узнаешь милость Божию.

Ты скорбишь, что у города отнято преимущество? Но пойми, в чем состоит преимущество города, и тогда ясно увидишь, что, если сами живущие в городе не погубят его преимущества, то никто другой не сможет отнять его. Не в том, чтобы быть главным городом, или иметь великие и красивые здания, или многочисленные колонны, обширные портики и места для прогулок, и не в том, чтобы пользоваться большею пред другими городами известностью, но в добродетели и благочестии жителей - вот в чем и преимущество, и красота, и безопасность города, так что без этого город хуже всех городов, хотя бы получил от царей тысячу почестей. Хочешь ли узнать преимущество твоего города, хочешь ли уведать древнюю его красоту? Я расскажу это подробно, чтобы ты не только знал, но и поревновал. Что же составляет преимущество нашего города? "**Ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами**" (Деян. 11:26) - этого (преимущества) не имеет ни один город во вселенной, ни даже город Ромула. Вот почему он может смело смотреть на всю вселенную, - по своей любви ко Христу, по дерзновению, по благородству. Хочешь ли услышать и о другом преимуществе и украшении нашего города? Некогда угрожал сильнейший голод (Деян. 11:28), и живущие в Антиохии положили, каждый по достатку своему, послать (милостыню) святым, живущим в Иерусалиме (ст. 29). Вот и другое преимущество - братолюбие во время голода! Не удержало их время, не остановило ожидание несчастия; но когда все другие собирают себе, и чужое, они отдавали свое, не только бывшим вместе с ними, но и жившим вдали. Видишь, какая вера в Бога и любовь к ближнему? Хочешь ли узнать еще и иное преимущество этого города? В Антиохию пришли некоторые из Иудеи и стали искажать проповедь (евангельскую) и вводить иудейские обряды. Не снесли (антиохийцы) в молчании этого нововведения и не остались в покое, но, сошедшись и составив сбор, послали в Иерусалим Павла и Варнаву, и сделали то, что апостолы разослали по всей вселенной догматы чистые, свободные от всякой иудейской немощи [5] (Деян. 15). Вот это достоинство, вот это преимущество города: это делает его главным городом не на земле, а на небе. А все другие отличия тленны, непрочны, и прекращаются вместе с настоящею жизнью, часто оканчиваются и прежде настоящей жизни, как это случилось и теперь. По мне, город, в котором нет боголюбивых жителей, хуже всякой деревни и бесславнее всякой пещеры. И что говорить о городе? Чтобы узнал ты основательно, что одна добродетель украшает жителей, я ничего не стану говорить тебе о городе, но постараюсь это доказать, взяв в пример то, что досточтимее всякого города, именно храм Божий в Иерусалиме. Это - храм, в котором (приносились) жертвы и молитвы, (совершались) богослужения, где (находились) Святое Святых, и херувимы, и Завет, и стамна златая, - эти великие знамения промышления Божия о народе; где были даваемы постоянные откровения свыше, вдохновляемы Богом пророки; где устройство было делом не человеческого искусства, но мудрости Божией; где стены повсюду блистали

множеством золота, и (где) чрезвычайная драгоценность материала и тщательность искусства, сочетавшись между собою, показывали, что это тогда был единственный такой храм на земле. Вернее же сказать, не одна тщательность искусства, но и мудрость Божия участвовала в построении этого здания, потому что Соломон предначертал его и воздвиг таким не по своему произволу, не сам собою, но быв наставлен во всем от Бога и получив предначертание с неба. И однако, этот прекрасный, удивительный и святой храм, когда молившиеся в нем развратились, был так обесчещен, опозорен и осквернен, что еще прежде разрушения своего назван вертепом разбойников (Иер. 7:11; Мф. 21-13) и пещерою гиены, а впоследствии предан был в варварские, нечистые и скверные руки. Хочешь ли узнать это же самое и о городах? Что было великолепнее городов содомских? У них и дома, и здания, и стены были великолепны, и страна тучная и плодородная, уподоблявшаяся раю Божию. А хижина Авраамова была бедна и мала, и не имела никакого укрепления. Однако, иноплеменники, когда произошла однажды война с ними, разорили и взяли города, укрепленные стенами, и жителей увели с собою в плен, а против напавшего на них, пустынного жителя, Авраама, не устояли. И это весьма естественно; потому что он обладал такою силою, которая благонадежнее многолюдства и стен, - обладал благочестием. Если ты христианин, то нет у тебя города на земле: “**которого художник и строитель** нашего города **Бог**” (Евр. 11:10); хотя бы мы приобрели себе всю вселенную, все останемся в ней странниками и пришельцами. К небу приписаны мы, там жительствуем (Флп. 3:20): не будем же, как дети, пренебрегая великим, дивиться малому.

Не величина города, а добродетель душевная служит для него украшением и безопасностью. Если же ты (величину) считаешь преимуществом города, то подумай, сколько соблазнителей, сколько людей изнеженных и развратных и преданных бездне пороков участвует с тобою в этом преимуществе, - и пренебреги наконец этим отличием. Но не таков тот (небесный город): в нем не может иметь части, кто не показал себя вполне добродетельным. Итак, не будем безрассудны, но станем сетовать тогда, когда отнимет кто-либо достоинство у нашей души, когда мы соделаем грех, когда оскорбим общего всех Владыку. Между тем, случившееся теперь [6] не только ни мало не повредит городу, но, если мы будем бдительны, принесет и величайшую пользу. В самом деле, наш город теперь стал подобен благородной и целомудренной жене: страх сделал его скромнее и честнее и освободил от тех нечестивцев, которые дерзнули совершить преступление. Не будем же плакать по-женски; многие, слышал я, говорили на площади: "горе тебе, Антиохия! Что сталось с тобою? Как ты обесчещена!" Услышав это, я посмеялся над детским умом говорящих такие слова. Это не теперь надобно говорить, а когда увидишь пляшущих, пьянствующих, поющих, богохульствующих, клянущихся, нарушающих клятвы, лгущих, - тогда приговаривай эти слова: "горе тебе, город! Что с тобою сделалось?" Если же увидишь на площади, хоть и немного, мужей скромных, степенных и воздержных, называй такой город блаженным. Малолюдство нисколько не может повредить ему, когда в нем есть добродетель, равно как и многолюдство нисколько не принесет пользы, когда в нем порок. “**Ибо, хотя бы народа у тебя, Израиль, [было] столько, сколько песку морского, только остаток его обратится**” (Ис. 10:22; сн. Рим. 9:27), - то есть, многолюдство не может умилостивить Меня, говорит Бог. Так поступил и Христос: Он изрек горе городам не за малолюдство их, не за то, что они не были главными. И Иерусалиму Он изрек горе опять по этому же самому, говоря так: “**Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе!**” (Мф. 23:37). И какую пользу, скажи, приносит мне многолюдство, если оно живет в пороке? Напротив, от этого бывает еще и вред. Что другое было причиною и случившегося теперь? Не беспечность ли, не небрежность ли и нечестие жителей? Принесло ли какую-нибудь пользу городу его преимущество, обширность зданий, и то, что он был главным городом? Если же это и пред земным царем нисколько не помогло преступному городу, напротив все те отличия уничтожены, - тем более, нисколько это

преимущество его не поможет ему пред Господом ангелов. Не принесет нам в день (страшного суда) никакой пользы то, что мы живем в главном городе - с обширными портиками и другими подобными преимуществами. И что говорю: в день (суда)? Какую пользу может принести тебе и в настоящей жизни то, что твой город - главный? Разве кто чрез это поправил развалившийся дом, или имел от этого какую прибыль? Разве при помощи этого преимущества прогнал уныние, или прекратил болезнь телесную, или отстал от пороков душевных? Не будем же, возлюбленные, поступать легкомысленно и смотреть на мнения толпы, но узнаем, что, в самом деле, составляет преимущество города, что делает его главным городом. Это говорю я, конечно, в надежде, что город опять получит и это отличие и явится на своем высоком месте, так как царь человеколюбив и боголюбив: хочу, однако, чтобы, если и будут возвращены (городу его преимущества), вы этим не гордились и не хвалились, и из-за этого не превозносили бы пред нами города. Когда захочешь хвалить город, то не говори мне о предместии - Дафне, ни о множестве и величине кипарисов, ни об источниках вод, ни о том, что много людей живет в городе, ни о том, что можно с совершенною безопасностью быть на площади до самого глубокого вечера; (не говори) и об обилии товаров: все это - тленное и остается только до конца настоящей жизни. Но если можешь сказать о добродетели, о скромности, и милостыни, о всенощных бдениях, о молитвах, о трезвости, о любомудрии душевном, - вот этими (добродетелями) прославляй город. Они, когда бывают и у живущих в пустыни, делают ее великолепнее всякого города; напротив, и город бывает хуже всех, если у жителей его нет этих добродетелей. Так поступим не только в отношении к городу, но и в отношении к людям. Если увидишь человека тучного, достигшего большой дородности, высокого, и ростом тела превосходящего других, - не удивляйся ему, пока не узнаешь его души. Станем всех ублажать не за внешнее благообразие, но за красоту душевную. Мал и не высок телом был Давид; однако этот не высокий и малый, не имевший никакого оружия, низложил одним ударом целое войско и ту (плотяную) башню: не бросил он копья, не пустил стрелы, не обнажил меча, но все сделал вержением малого камня. Поэтому некто и увещевает так: “**Не хвали человека за красоту его, и не имей отвращения к человеку за наружность его. Мала пчела между летающими, но плод ее – лучший из сластей**” (Сир. 12:2-3). То же будем говорить и о городе и о людях; будем и любомудрствовать между собою, и благодарить непрестанно Бога и за настоящее и за прошедшее, и молить Его все вместе и со всем усердием, чтобы и сидящие в темнице, и присужденные к переселению в чужой край, были - первые освобождены, а последние возвращены. И они - члены наши, с нами вместе подверглись волнению, с нами претерпели бурю: станем же молить человеколюбивого Бога, чтобы они с нами насладились и тишиною. Никто не говори: "а мне что еще заботиться? Я избавился от опасности; пусть погибнет такой-то, пусть пропадет другой!" Не станем оскорблять Бога таким небрежением, но будем так скорбеть, так усердно молить Бога, как будто бы мы сами были в несчастии, - исполняя следующее изречение Павлово: “**Помните узников, как бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находитесь в теле**” (Евр. 13:3), и: “**Радуйтесь с радующимися … последуйте смиренным**” (Рим. 12:15-16). Это и нам самим доставит величайшую пользу, потому что ничто так не приятно Богу, как то, когда мы с великою искренностью скорбим о наших сочленах. Будем же умолять Его все вместе и о настоящем и о будущем, чтобы Он избавил нас и от того наказания. Настоящие бедствия, каковы бы они ни были, могут быть перенесены и имеют конец; а тамошние мучения бесконечны и неизбежны. Но вместе с молитвою, будем и сами стараться не впадать впредь в те же грехи, зная, что иначе не можем мы уже получить и прощение. Итак, падем все вместе пред Богом, и как здесь, так и дома у себя будем говорить: “**Ибо праведен Ты**, Господи, **во всем, что соделал с нами, …совершил истинные суды во всем, что навел на нас**” (Дан. 3:27-28). Ежели грехи наши восстали против нас, то сотвори нам (милость) ради имени Твоего и не допусти впредь испытать такие бедствия, “**и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки**” (Мф. 6:13). Аминь.

[1] Это был Македоний. См. Theodor. Hist. XIII.

[2] Т. е. как не повредила трем святым отрокам разженная вавилонская печь.

[3] Константинополь.

[4] Епископ Флавиан.

[5] Так св. Златоуст называет обряды иудейские, которые потеряли всю силу свою с пришествием Спасителя.

[6] Т. е. отнятие у Антиохии некоторых преимуществ.

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

О прежнем предмете - возмущении, также о посте, и на изречение апостола: “Радуйтесь всегда в Господе” (Флп. 4:4).

МНОГИЕ, видел я, радуются и говорят друг другу: мы победили, мы одолели; половина поста убыла. Таковых прошу не радоваться тому, что убыла половина поста, а смотреть на то, убыла ли половина грехов - и тогда ликовать. Это действительно достойно радости, это и есть искомое, для этого все и делается, чтобы т. о. исправили мы свои недостатки, чтобы вышли из поста не такими, какими вступили в пост, но омылись и отстали от всех дурных привычек, и так провели священный праздник. А если не так, то нам не только не будет никакой пользы, но и величайший вред от того, что пройдет пост. Не будем же радоваться, что мы прошли поприще поста: это вовсе не важно; но станем радоваться, когда проведем его в добрых делах, чтобы, и по прошествии поста, сиял плод его. И польза зимы обнаруживается особенно тогда, когда она пройдет: зеленеющие нивы и покрытые листьями и плодами деревья видом своим возвещают о пользе, происшедшей для них от зимы. Это же да будет и с нами! И мы зимою, во время поста, пользовались продолжительными и непрерывными дождями, быв непрестанно поучаемы, приняли (в себя) духовные семена и отсекли терния удовольствий. Будем же тщательно хранить принятое, чтобы, и по прошествии поста, процветал плод его, и чтобы по тем благам, которые получим он поста, помнить нам и самый пост. Если мы так настроим себя, то и будущий пост примем с радостью. Многие, вижу я, так малодушны, что теперь же беспокоятся о будущей четыредесятнице; многие, слышал я, говорят, что по окончании поста они не чувствуют радости отдохновения вследствие заботы о будущем годе. Что может быть малодушнее этого, скажи мне? А что причиною тому? То, что с наступлением поста мы не о том стараемся, как бы благоустроить душу, а поставляем пост только в воздержании от яств.

Если бы мы получили от него много пользы к исправлению нравов, то, на самом деле ощущая благие действия его, пожелали бы, чтобы хоть каждый день был пост; никогда не перестали бы любить его, и, ожидая поста, не были унылы и беспокойны. Человека, благонастроенного по уму и пекущегося о своей душе, никакая решительно вещь не может опечалить: он будет наслаждаться чистою и непрерывною радостью. И что это

правда, вы слышали, как Павел сегодня убеждал нас и говорил: “**Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь**” (Флп. 4:4). Знаю, что (исполнение) этих слов для многих кажется невозможным. Как возможно, говорят, человеку непрестанно радоваться? Радоваться не трудно, скажет, быть может, кто-нибудь, но радоваться непрестанно - это мне кажется уже невозможным, потому что нас постигают со всех сторон многие неизбежные скорби. Иной потерял или сына, или жену, или искреннего друга, которые роднее всякого родственника; или понес ущерб в имуществе, или впал в болезнь, или претерпел другое какое-либо несчастие, или огорчен незаслуженной обидой; или (случился) голод или язва, или налог непосильный, или расстроились домашние дела; а впрочем, и не перечтешь всего, что в частном и в общественном быту обыкновенно огорчает нас. Как же, говорят, возможно всегда радоваться? Конечно возможно, человек! А если бы было невозможно, то Павел не стал бы убеждать, не стал бы советовать он, обладающий духовною мудростью. Поэтому я постоянно говорил вам, и не перестану говорить, что, чему нельзя нигде и ни от кого научиться, о том вы можете любомудрствовать здесь. Удовольствий и радости желают все, и для этого все и делают, и говорят, и трудятся. И купец для того плавает, чтобы собрать денег, а деньги собирает для того, чтобы, обладая ими, радоваться. И воин для того сражается, и земледелец для того возделывает землю, и всякий для того занимается своим ремеслом, и ищущие власти для того ищут ее, чтобы наслаждаться славою, а наслаждаться славою хотят для того, чтобы радоваться. Да и всякое дело, как видеть можно, делается у нас для этой цели; и каждый, ее имея в виду, спешит дойти до нее всякими средствами.

Итак, все, как сказал я, любят радость, но не все могут достигнуть ее, потому что не знают пути, ведущего к ней. Многие думают, что богатство бывает причиною радости. Но, если бы оно было причиною, - никто из имеющих деньги никогда не скорбел бы; а между тем, многие из богачей жизнь считают не жизнью, и желают тысячи смертей, когда почувствуют какое-либо огорчение; и если кто печалится много, так они - более всех. Не смотри на их пиршества, ни на их ласкателей и тунеядцев, но на то, что бывает из-за этих (пиршеств), - на разорения, клеветы, опасности, беспокойства, и, что еще хуже, на то, что, подвергаясь этим превратностям, сверх чаяния, богачи не умеют и любомудрствовать и великодушно переносить несчастия. Потому и бедствия представляются им не такими, каковы они - по природе; напротив, и легкое кажется им невыносимым. Не так бывает с бедными: и невыносимое кажется им сносным, потому что они сами уже думали о многом таком. Ведь не столько от свойства вещей, сколько от расположения страждущих зависит, что постигающие нас бедствия представляются то великими, то малыми. И чтобы не приводить мне издалека примеров на то и на другое, возьму их из случившегося с вами. Посмотрите же: бедные все избежали, простые люди избавились от опасности, и наслаждаются полной свободой; а управлявшие городом, содержавшие лошадей, председательствовавшие на играх и исправлявшие другие общественные должности, - эти люди сидят теперь в темнице, боятся до крайности, терпят одни наказание за преступления всех, живут в непрестанном страхе и находятся теперь в самом жалком положении, не по великости опасностей, но потому, что в прежнее время жили в роскоши.

2. И точно, многие, когда мы их утешали и убеждали мужественно переносить несчастие, говорили: "ведь мы никогда ни о чем таком и не думали, и не умели так любомудрствовать; поэтому нуждаемся во многом утешении". Другие опять думают, что здоровье - причина удовольствия. Нет: многие из здоровых и сами тысячу раз желали умереть, не могши перенести постигавших их огорчений. Иные опять говорят, что наслаждение славою, обладание властью и начальствование, и ласкательство от многих доставляют непрестанную радость. И это не так. Да что и говорить о других властях? Если мы взойдем мыслию до самого царского сана, то найдем, что живущий в этом сане окружен множеством огорчений, и тем более имеет неизбежных поводов к скорби, чем

большим занят он количеством дел. Нечего уж и говорить о войнах, сражениях и нападениях варваров: (царь) часто боится даже домашних своих. Действительно, многие из прежних царей, избежав рук неприятельских, не избежали козней от своих телохранителей. А поводов к печали у царей столько, сколько волн у моря. Итак, если и царский сан не делает жизни беспечальною, что же другое может сделать это? Из житейского - ничто; а изречение Павлово, при том краткое и малое, - оно одно откроет нам это сокровище. Не нужно много слов, ни продолжительного разглагольствия: размыслим только об этом изречении - и найдем путь, ведущий к истинной радости. Павел не просто сказал "**радуйтесь всегда**", но присовокупил и причину непрерывной радости, сказав: "**Радуйтесь всегда в Господе**". Радующийся о Господе ни в каком случае не может быть лишен этой радости. Все другое, о чем мы радуемся, превратно, непостоянно и удобоизменчиво; и не только это имеет в себе недостаток, но и то еще, что, и будучи продолжительно, не доставляет нам такой радости, которая бы прогоняла и затмевала печаль, причиняемую нам другими предметами. А страх Божий имеет то и другое: он тверд и неподвижен, и столько источает радости, что мы бываем совершенно нечувствительны к другим бедствиям. Боящийся Бога как должно, и надеющийся на Него, приобрел себе самый корень радости и владеет вполне источником благодушия. И как малая искра, упав в безбрежное море, легко исчезает, так, что бы ни случилось с боящимся Бога, все, упадая как бы в великое море благодушия, угасает и исчезает. А в особенности удивительно то, что такой человек не перестает радоваться и тогда, когда есть причина для печали. Если бы ничто не причиняло печали, не было бы велико для него и то, что он может непрестанно радоваться. Но быть выше всего, когда постигают многие бедствия, повергающие в скорбь, и радоваться среди печали - вот это необычайно! Как никто не удивлялся бы, что три отрока не сгорели, если бы они были вдали от Вавилонской печи, - изумило же всех то, что они, пробыв столько времени среди огня, вышли невредимее не бывших в нем, - так и о святых должно сказать, что, если бы их не постигало никакое искушение, мы не удивились бы, что они непрестанно радуются; а изумления достойно и превышает человеческую природу то, что они, будучи окружены со всех сторон бесчисленными волнами, находятся в лучшем расположении, чем наслаждающиеся совершенною тишиною.

Итак, из сказанного ясно, что нельзя найти у мирских людей ни одного рода жизни, в котором бы благодушие было постоянным достоянием; а что верующий не может не наслаждаться непрестанною радостью, и это постараюсь опять доказать, чтобы вы не только узнали эту беспечальную жизнь, но и поревновали о ней. Представим же человека, который не знает за собою никакой вины, но имеет добрую совесть, стремится к будущему и пребывает в благих надеждах: что может, скажи мне, повергнуть его в печаль? Не всего ли невыносимее представляется смерть? Но ожидание ее не только не печалит, а еще весьма радует его: он знает, что наступление смерти есть избавление от трудов и приведение к венцам и наградам, назначенным для подвизавшихся в благочестии и добродетели. А безвременная кончина детей? Но и это переносит он мужественно, и говорит словами Иова: "**Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!**" (Иов. 1:21). Если же смерть и потеря детей не могут опечалить, - тем более ущерб в имуществе, поношения, обвинения, клеветы и болезни телесные никогда не могут поразить столь великой и доблестной души. Так и апостолы подвергались побоям, но не скорбели. Велико уже и это: но гораздо важнее то, что они не только не скорбели, но и самые бичи делали поводом к еще большей радости, и возвратились "**из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие**" (Деян. 5:41). Оскорбил кто и обругал такого человека? Но он научен Христом радоваться среди поношений: "**Радуйтесь, -** говорит (Христос), **- и веселитесь, …когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня …, ибо велика ваша награда на небесах**" (Мф. 5: 11-12). Впал он в болезнь? Но он слышал, как другой увещевает и

говорит: “**В болезни твоей**” и в бедности “**веруй Ему, ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, – в горниле уничижения**” (Сир. 39:9; 3:5-6). Если же ни смерть, ни потеря имущества, ни болезнь телесная, ни бесчестие, ни поругание, ни иное что подобное не может его опечалить, напротив еще и радует, - то какая будет у него еще причина печали? Что же, скажешь, разве святые не скорбели? Не слышишь ли, что говорит Павел: “**Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему**” (Рим. 9:2)? Вот это самое и удивительно, что скорбь приносила пользу и радость от самого плача. Как бичи причиняли (апостолам) не боль, а радость, так опять и скорбь доставляла (Павлу) великие те венцы. И вот что еще удивительно: мирская - не только печаль, но и радость наносит крайний вред, а в делах духовных совсем напротив: не только радость, но и печаль имеет великое сокровище благ; а как это, я скажу. Нередко иной в мире радуется, увидя врага в несчастии, и этою радостью навлекает на себя великое наказание. Другой, опять, скорбит, увидя брата падшим, и этою скорбью приобретает себе от Бога великое благоволение.

3. Видишь ли, как печаль по Боге лучше и полезнее радости мирской? Так и Павел печалился о грешниках, о неверующих в Бога, и за эту печаль получил великую награду. Но, чтобы сделать мне слова свои яснее, и чтобы вы узнали, что сказанное, хотя и удивительно, однако истинно, и что плач действительно часто ободряет скорбящие души и облегчает обремененную совесть (скажу вот что): многие из жен, потеряв любимейших детей, когда им препятствуют поплакать, порыдать и постенать, надрываются и умирают; если же сделают все, что свойственно скорбящим, то облегчаются и получают утешение. И удивительно ли, что это бывает с женами, когда можно видеть, что и пророк испытывает то же? Вот почему он непрестанно говорит: “**Оставьте меня, я буду плакать горько; не усиливайтесь утешать меня в разорении дочери народа моего**” (Ис. 22:4). Итак, печаль часто приносит утешение. Если же это бывает в мире, тем более в делах духовных. Посему (Павел) говорит: “**Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению**” (2 Кор. 7:10). Слова эти кажутся неясными; они вот что означают: опечалился ты об имуществе - не получил от этого никакой пользы. Опечалился о болезни - нисколько не помог, но еще более повредил себе.

Я сам слышал, как многие, испытав это, винят себя и говорят сами себе: что пользы, что я скорбел? И денег не возвратил, и себя расстроил. Но если ты печалишься о грехе, то и его загладишь, и получишь величайшую радость. Если попечалишься о падших братиях, то и себя вразумишь и утешишь, и их восстановишь; а если и не принесешь им никакой пользы, так сам получишь величайшую награду. И чтобы увериться тебе, что эта печаль о падших, хотя бы мы нисколько не помогли им, приносит нам величайшую награду, послушай, что говорит Иезекииль, или лучше, что чрез него вещает сам Бог. Когда посылал Он некоторых разорить город (Иерусалим), и истребить огнем и мечом все здания с их жителями, то одному из них повелевает так: “**На челах людей скорбящих, воздыхающих о всех мерзостях, совершающихся среди него, сделай знак**”. А другим, повелев и сказав: “**И начните от святилища Моего**”, **-** присовокупил сии слова: “**Но не троньте ни одного человека, на котором знак** (Иез. 9:4,6). Почему это, скажи мне? Потому что они, если и нисколько не помогают (грешникам), все же стенают и болезнуют о происходящем. А других еще упрекает (Бог) в том, что они, предаваясь роскоши и чревоугодию, и наслаждаясь великою свободою, не скорбели и не разделили печали, когда видели, как иудеи были отводимы в плен. Упрекает же их такими словами: “**Не болезнуете о бедствии Иосифа**” (Ам. 6:4-6), - называя Иосифом весь народ. И опять: “**Не убежит и живущая в Цаане; плач в селении Ецель не даст вам остановиться в нем**” [1] (Мих. 1:11). Хотя (грешники) и справедливо наказываются, однако (Бог) хочет, чтобы мы соболезновали об этом, а не радовались и веселились. Ежели Я, Который наказываю, говорит Он, делаю это, не радуясь, и не услаждаюсь их мучением (“**Разве Я хочу смерти**

беззаконника?” - Иез. 18:23, 32; (не хочу смерти грешника) сн. 33:11); то и ты должен подражать Господу, и болезновать о том самом, что (грешник) дал случай и повод к праведному наказанию. Посему кто печалится по Боге, тот получает от этого великую пользу. Если же претерпевающие побои блаженнее тех, которые наносят их, если наши [2] страдальцы блаженнее язычников, живущих в покое, и скорбящие - веселящихся, то какой же еще может быть у нас повод к скорби? Поэтому никого не должно называть блаженным, кроме живущего только по Боге; этих одних ублажает и Писание. “**Блажен**, **-** говорит, **- муж, который не ходит на совет нечестивых**” (Пс. 1:1). “**Блажен человек, которого вразумляешь Ты, Господи, и наставляешь законом Твоим**” (Пс. 93:12). “**Блаженны непорочные в пути**” (Пс. 118:1). “**Блаженны все, уповающие на Него**” (Пс. 2:12). “**Блажен народ, у которого Господь есть Бог**” (Пс. 32:12). “**Блажен, кого не зазирает душа его**” (Сир. 15:2). “**Блажен муж, боящийся Господа**” (Пс. 111:1). И Христос опять (говорит) так: “**Блаженны плачущие, блаженны нищие духом, блаженны кроткие, блаженны миротворцы, блаженны изгнанные за правду**” (Мф. 5:3-11). Видишь, как божественные законы везде ублажают не кого-либо из богатых, не из знатных родом, не из пользующихся славою, но стяжавшего добродетель! Это потому, что требуется, чтобы основанием всех наших дел, или страданий, был страх Божий; и если ты заранее насадишь этот корень, то не только покой, честь, слава и уважение, но и обиды, и клеветы, и оскорбления, и бесчестие, и мучения, и все вообще бедствия произрастят тебе плоды радости. И как корни дерев сами горьки, а плоды приносят нам весьма приятные, так и печаль по Боге принесет нам великую радость. Кто только часто молился со скорбью и проливал слезы, те знают, какую получили они радость, как очищали совесть, как восставали с благою надеждою. Это потому, что, как я всегда говорю, не свойство вещей, а мысль наша обыкновенно печалит и радует нас. Итак, если мы настроим ее, каковою ей быть должно, то будем иметь залог всякого благодушия. Как вредит и пользует не столько свойство воздуха и внешние влияния, сколько собственное предрасположение; точно то же самое и с душою, и тем еще более, что там неизбежность природы, а здесь все зависит от свободной воли. Поэтому Павел, претерпев бесчисленные бедствия: кораблекрушения, брани, насилия, разбойников, и все, чего и исчислить словом невозможно, и умирая каждый день, не только не скорбел и не роптал, но и хвалился, и радовался, и говорил: “**Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его**” (1 Кол. 1:24). И опять: “**И не сим только, но хвалимся и скорбями**” (Рим. 5:3). А хвалиться значит радоваться в высшей степени.

4. Итак, если желаешь радости, не ищи ни денег, ни телесного здоровья, ни славы, ни власти, ни веселья, ни роскошных трапез, ни шелковых одежд, ни многоценных полей, ни блистательных домов, и ничего другого тому подобного, но устремись к любомудрию по Боге и держись добродетели: тогда ничто ни из настоящего, ни из ожидаемого не сможет опечалить тебя. То, что других опечаливает, для тебя будет приращением радости. И бичи, и смерть, и потери, и злословия, и обиды, и все подобные бедствия, если только наводятся на нас ради Бога, и этот имеют корень, вносят в нашу душу великую радость.

Никто не сможет сделать нас несчастными, если мы сами не сделаем себя такими; равно как никто не сможет сделать нас и блаженными, если не сделаем себя таковыми мы сами, по благодати Божией. И чтобы вы уверились, что блажен один тот, кто боится Господа, это докажу вам теперь не прошедшим, но тем, что случилось с нами. Всему нашему городу угрожало полное истребление, и из богатых, знатных и знаменитых людей никто не осмелился показаться среди города, но все убежали и ушли вон. А боящиеся Бога, обитатели монастырей, эти, пришедши сюда с великим дерзновением, порешили все, и случившиеся уже бедствия, и ожидаемые еще ужасы так мало могли их устрашить и повергнуть в уныние, что, находясь вдали от несчастия и не имея ничего общего (с жителями города), они бросились сами в средину огня и всех исторгли оттуда. И что всем

кажется страшным и ужасным - смерть - они готовы были принять со всею охотою, стремились к ней с большею радостью, чем другие - к властям и почестям; знали они, что в этом и состоит величайшая власть и честь, и самыми делами доказали, что блажен только тот, кто держится высшего любомудрия: он и не терпит никакой перемены, и не подвергается никакому злополучию, но наслаждается непрерывным благоденствием и посмевается над всеми мнимыми неприятностями. Вот теперь первые сановники (города) находятся в великой печали, сидя в темнице, отягченные цепями, и каждый день ожидая смерти, - а эти (иноки) наслаждаются чистейшим удовольствием, если б даже им пришлось претерпеть какое несчастие. И что другим кажется страшным, то для них вожделенно, потому что они знают, к чему стремятся, и какая участь ожидает их по отшествии отсюда. И живя так строго и посмеваясь смерти, они однако же болезнуют о других, и от этого получают опять величайшую пользу. Постараемся же иметь попечение о своей душе, и никакая нечаянность не в состоянии будет опечалить нас. Будем умолять Бога и о заключенных в темницу, чтобы Он избавил их от постигшего их несчастия. Бог мог бы и вдруг прекратить бедствие, и не оставить и малых следов его; но, чтобы мы опять не впали в прежнюю беспечность, Он положил потоку этих бедствий утихать постепенно и мало помалу, чем и удерживает нас в одинаковом благоговении. И что это правда, и многие впали бы опять в прежнюю беспечность, если бы все (несчастие) прекратилось вдруг, это видно вот из чего. Еще есть остатки несчастия, еще неизвестно решение царя, и все, управлявшие делами города, в узах; а многие из жителей нашего города, по страсти мыться, бегут на реку, делают там тысячу позорных дел, бесчинствуют, пляшут, водят хороводы, увлекают за собою женщин. Какое могут они заслужить прощение, какое извинение? Или лучше, какого не заслужат наказания и мучения? Глава города в темнице, члены наши в ссылке, приговор о них не известен; а ты, скажи мне, строишь хороводы, заводишь игры и смеешься! Не можем же, говорят, оставаться немытыми? О, бесстыдная, неблагодарная и развращенная мысль! Сколько прошло, скажи мне, месяцев, сколько годов? Еще нет двадцати дней, как заперты для тебя бани, и ты сетуешь и ропщешь, как будто не мылся целый год! Так ли, скажи мне, было с тобою, когда ты ожидал нападения воинов, когда каждый день думал умереть, когда убегал в пустыни и спешил на вершины гор? Если бы тогда предложил кто тебе не мыться целый год, чтобы избавиться от предстоящей опасности, не с готовностью ли бы ты принял и перенес это? И вот, когда бы должно было благодарить Бога, прекратившего эту (опасность) без всякого для нас вреда, ты опять пляшешь и бесчинствуешь, и, как страх прошел, опять впал ты еще в большую беспечность. Так ли тронули тебя бедствия, что ты желаешь еще бань? Если бы бани и были открыты, то несчастие содержимых еще (в темнице) не достаточно ли для того, чтобы заставить и не находящихся в бедствии забыть о всяком удовольствии? В опасности жизнь, а ты помнишь о банях и хочешь веселиться? Потому ли оказываешь небрежение, что избег теперь (бедствия)? Смотри, не поставь себя в опасность еще большего наказания, не вызови опять минувшей грозы с большею силою, и не подвергнись тому, что говорит Христос о демонах. Когда, говорит Он, нечистый дух выйдет и потом найдет дом праздным и очищенным, то, взяв с собою еще “**семь других духов, злейших себя**”**,** входит в душу **–** “**и бывает для человека того последнее хуже первого**” (Лук. 11:24-26). Убоимся же и мы, чтобы, избавившись от прежнего несчастия, последующим нерадением не навлечь нам на себя больших против прежнего бедствий. Знаю, что вы чисты от этого неразумия: так удерживайте, обуздывайте, вразумляйте и бесчинствующих, чтобы нам радоваться всегда, как заповедал Павел, чтобы и за свои добрые дела, и за попечение о других, и здесь и в будущей жизни, получить нам великую награду, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого Отцу, со Святым Духом, слава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков Аминь.

[1] В славянск. перев. Библии: *в Сеннааре*.

[2] Т. е. христианские.

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

В воскресенье спасительной [1] недели к сельским жителям, и о том, что не должно клясться.

ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ дни вы радостно отпраздновали память святых мучеников, насладились духовным торжеством, поликовали добрым ликованием. Вы видели обнаженные бока, рассеченные ребра, льющуюся отовсюду кровь, бесчисленные роды мучений. Вы видели, как природа человеческая являет дела выше природы и как венки сплетаются из крови. Вы устроили прекрасное торжественное шествие по всему городу под водительством славного вождя. А меня болезнь принудила против воли остаться дома. Впрочем, если я и не принимал участия в торжестве, то все же был участником радости, если и не имел удовольствия быть на празднестве, то все же был соучастником вашего веселья. Такова уж сила любви: она заставляет и неиспытывающих удовольствия радоваться наравне с испытывающими, побуждая считать общими (всем нам) блага ближних. Поэтому-то я, и дома сидя, радовался вместе с вами, (а сегодня), хоть и не совсем еще оправился от болезни, поднялся и побежал к вам, чтобы видеть ваши любезные лица и принять участие в настоящем празднестве. А настоящий день, полагаю я, представляет величайшее торжество, по причине присутствия наших братьев, которые придали сегодня блеск нашему городу и украсили наше собрание. Люди эти хотя и отличны от нас по языку [2], но согласны с нами по вере, живут в тихом спокойствии и проводят воздержную и достославную жизнь. В самом деле, у этих мужей нет ни театров с их бесчинством, ни конских состязаний, ни развратных женщин, ни прочей сумятицы городской. Распутство во всех его видах изгнано, и повсюду обильно процветает благонравие. А причина этого в том, что жизнь их полна труда, и училище добродетели и воздержности они находят в возделывании земли, занимаясь тем самым искусством, которое Бог прежде всех прочих ввел в нашу жизнь. Адаму еще до согрешения, когда он наслаждался полной свободой, было предписано заниматься некоторого рода земледелием, не тяжелым, правда, и чуждым изнурительного утомления, но вместе с тем доставлявшим ему великое любомудрие. Поставил его, говорится (в Писании), “**возделывать … и хранить**” рай (Быт. 2:15). На кого бы вы ни посмотрели из этих мужей, вы увидели бы, как каждый из них в одно время впрягает пашущих волов, тащит плуг и рассекает глубокую борозду, в другое - восходит на священное возвышение и возделывает души подчиненных, то он срезает серпом терния с поля, то словом счищает с душ грехи, потому что они не стыдятся занятий землей, как жители нашего города, а стыдятся праздности, зная, что она научила всякому злу и искони была наставницей порока для возлюбивших ее. Эти люди больше, чем кто-либо, мудрствуют наивысшею мудростью, показывая свою добродетель не по внешности, а по самому убеждению. Что касается мудрецов языческих, то они ничуть не лучше актеров и комедиантов, так как не в силах показать ничего большего, кроме плаща [3], бороды и длинной мантии; а эти люди, совершенно наоборот, распрощавшись с посохом, бородою, и прочими принадлежностями, украсили свою душу предписаниями истинного любомудрия, да и не одними лишь предписаниями, а и самыми делами. И если вы спросите кого-нибудь из этих деревенских жителей, ничего не знающих кроме своего заступа и плуга, о тех

истинах, относительно которых языческие мудрецы не смогли сказать ничего здравого, несмотря на бесконечные свои изыскания и длинные рассуждения, он с великой мудростью точно ответит вам все. Да не это одно только удивительно, а и то еще, что они и делами своими подтверждают веру, основанную на истинах, потому что они непоколебимо уверены, что мы имеем бессмертную душу, должны будем дать отчет о совершенном здесь, и предстать страшному престолу, почему и всю жизнь свою устроили сообразно этим надеждам, и стали выше всякой житейской суеты, будучи научены божественным Писанием, что "**суета сует, - все суета!**" (Еккл. 1:2), и не стремятся ни к какому призрачному блеску.

Эти люди и о Боге умеют любомудрствовать так, как заповедал Бог. Если ты возьмешь одного из них, и приведешь затем какого-нибудь языческого мудреца, или - поелику теперь такового не найти - если, взяв кого-нибудь из тех, и раскрыв книги древних мудрецов, прочтешь (написанное в них) и, сопоставив, сравнишь, что отвечают эти люди ныне, и что мудрствовали тогда те, то увидишь, сколь велика мудрость первых, и как велико неразумие последних. В самом деле, в то время как некоторые из этих последних говорят, что и сущее не руководится Провидением, и творение произошло не от Бога, и добродетель будто бы не достаточна сама по себе, а нужны еще деньги, благородное происхождение и внешний блеск, и много другого, еще более достойного смеха, - эти люди, наоборот, мудрствуют и о Промысле, и о загробном суде, и о творческой деятельности Бога, приведшей все из несущего, и о всем прочем, нисколько, при этом, не будучи обязаны языческой науке. Кто не познает отсюда силы Христа, которая неученых и простецов показала настолько мудрейшими много хвалившихся своею мудростью, насколько разумные мужи превосходят малых детей? Какой им вред от того, что речь их проста, когда помышления их исполнены глубокой мудрости? Какая, наоборот, польза язычникам в обработанном слове, когда ум их остается чужд мыслей? Это похоже на то, как если бы кто-нибудь имел нож, у которого рукоятка серебряная, а самое лезвие мягче всякого свинца. Так точно и у них: речь изукрашена словами и именами, а мысль крайне немощна и ни на что решительно для них не пригодна. Совсем не так у этих мудрецов, а как раз напротив: ум их полон глубокой духовной мудрости, и жизнь следует учению. У них нет изнеженных женщин, нет ни украшений в одеждах, ни подкрашиваний и подрисовываний: всякое подобного рода растление нравов изгнано. Оттого-то они и подчиненных себе людей очень легко приучают к воздержности, и с полною точностью соблюдают закон Павла, повелевающий иметь одежду и пропитание, и не искать ничего больше (1 Тим. 6:8). У них нет обычая натираться благовонными мазями, отуманивающими ум, а сама земля, порождая травы, искуснее всякого мировара, изготовляет для них тонкое благоухание цветков. И так как они изгнали всякую роскошь и удалили гибельные потоки пьянства, а пищу употребляют в таком лишь количестве, сколько нужно для поддержания жизни, то и тело у них вследствие этого пользуется таким же полным здоровьем, как и душа. Итак, не будем презирать этих людей за их внешний вид, а станем лучше дивиться их разуму. Что пользы, в самом деле, во внешних одеждах, когда душа облачена жалостнее всякого нищего? Хвалить и удивляться человеку следует не за одежды, равным образом и не за тело, а за душу. Раскрой душу этих людей, и ты увидишь красоту ее и богатство по речи, по убеждениям и по всему состоянию нравов.

2. Итак, пусть устыдятся язычники, пусть закроют в смущении лицо свое и скроются со стыда за своих философов и за свою мудрость, которая немощнее всякого безумия. В то время как их мудрецы при своей жизни едва смогли научить своим мнениям самое ничтожное число людей, да и этих лишились при малейшей случившейся опасности, - ученики Христа, - рыболовы, мытари, делатели палаток, - в течение немногих лет обратили к истине всю вселенную, и, не смотря на бесчисленные, возникавшие с тех пор

опасности, проповедь не только не угасла, а процветает и ныне и делает большие и большие успехи; они же научили мудрствовать людей несведущих - земледельцев и пастухов. Эти-то последние, имея вместе со всем прочим внедренную в сердце любовь, - виновницу всякого добра, - не смотря на дальний путь, поспешили придти к нам, чтобы обнять своих братьев.

Вот и мы за такие дары, - разумею любовь и расположение, - отпустим их, снабдив средствами на дорогу, и поведем опять речь о клятвах, чтобы с корнем вырвать у всех из ума эту порочную привычку. Но наперед я хочу сегодня немного напомнить из сказанного вам раньше. После того как иудеи, удалившись из Персии и освободившись от этой тирании, возвратились в свое отечество, "**вижу**, - говорится, - **летящий свиток** (в греч. серп)**; длина его двадцать локтей, а ширина его десять локтей**", и от пророка, учившего их, слышали, что "**это проклятие, исходящее на лице всей земли**" и входящее в "**дом клянущегося Моим именем ложно, и пребудет в доме его, и истребит его, и дерева его, и камни**" (Зах. 5:1-4). При чтении этих слов в свое время [4], мы исследовали, почему (Господь) губит не только самого клянущегося, а разрушает и дом его, и указывали причину этого в том, что Бог хочет, чтобы наказания за тягчайшие преступления навсегда оставались, дабы все после этого были благоразумны. А так как клятвопреступник по смерти неизбежно погребается и предается недрам земли, то чтобы не похоронить вместе с телом и его нечестие, Бог и сделал самый дом могильным памятником, именно для того, чтобы все проходящие, видя его и зная причину разрушения, бежали подражания греху. Это случилось и с содомлянами: когда они возгорелись похотью друг на друга, сожжена была и сама земля ниспосланным с небес огнем, так как Бог хотел, чтобы наказание и за этот грех пребывало постоянно (Быт. 19). И заметь человеколюбие Бога: не самих грешников заставил Он непрестанно гореть в огне до настоящего дня, но, попалив их раз навсегда пожаром, сожег лицо земли и выставил его на вид всем желающим после того видеть; и теперь вид той земли блистательнее всякого голоса убеждает все последующие поколения, как бы взывая и говоря: не дерзайте на дела содомлян, не так поражает ум, как ужасающий вид, постоянно носящий следы несчастия. Это могут засвидетельствовать и побывавшие в тех странах; прежде, не смотря на то, что им часто приходилось слышать об этом при чтении Писания, они боялись не особенно сильно, а когда побывали и прошли ту страну, видели совершенное ее опустение, созерцали следы пожара и нигде не замечали настоящей земли, а все лишь золу и пепел, они уходили с ужасом, получив от этого зрелища великий урок благоразумия, так как самый способ казни напомнил образ греха. Как те ввели смешение бездетное, не завершавшееся чадорождением, так точно и Бог навел мщение, которое сделало чрево земли раз навсегда бездетным и лишенным всяких плодов. Поэтому-то Бог угрожает разрушить и дома клянущихся, дабы чрез их наказание сделать других более благоразумными.

3. А я укажу вам сегодня не один, и не два, и не три дома, разрушенных за клятву, а целый город и народ боголюбезный, племя, всегда пользовавшееся особенным попечением Промысла, и род, избежавший многих опасностей. В самом деле, - Иерусалим, град Божий, имевший святой кивот и все его служение, город, где были пророки и благодать Духа, и кивот, и скрижали завета, и стамна златая, где часто появлялись ангелы, - этот самый город, не смотря на бесконечное множество случавшихся войн и многочисленные нападения на него варваров, как будто окруженный стальною стеной, всегда лишь смеялся над всеми этими (врагами), и в то время, как вся страна была уже разорена, он один не потерпел никакого несчастия. Еще удивительнее то, что он даже прогонял врагов, часто нанося им тяжкие удары, и пользовался у Бога столь великим попечением, что Сам Бог говорил: "**Как виноград в пустыне, Я нашел Израиля; как первую ягоду на смоковнице, в первое время ее, увидел Я отцов ваших**" (Ос. 9:10); и относительно,

затем, самого города: “**когда в виноградной кисти находится сок, тогда говорят:** “**не повреди ее, ибо в ней благословение**”” (Ис. 65:8). И все-таки этот возлюбленный Богом город, избежавший и столь многих опасностей, и получивший прощение за многие преступления, и один лишь смогший избежать пленения, в то время как все остальные были пленены не раз, не два, а многократно, был низринут за одну только клятву. Как (именно), об этом я сейчас скажу. Стал у них царем некто Седекия. Этот Седекия дал Навуходоносору, варварскому царю, клятву, оставаться его союзником; после этого изменил и перебег на сторону царя египетского, показав полное презрение к клятве, и потерпел то, что сейчас вы услышите. Но наперед необходимо сказать самую притчу пророка, которою он предуказывал все это. “**И было ко мне слово Господне**, - говорит пророк, - **сын человеческий! предложи загадку и скажи притчу; скажи: так говорит Господь Бог: большой орел с большими крыльями, с длинными перьями** (слав. – полный ногтей)” (Иез. 17:1-3). Здесь пророк назвал орлом царя вавилонского, а великим и великокрылым, и долгим по протяжению, и исполненным ногтей наименовал его по множеству войск, силе могущества и быстроте нападения, потому что подобно тому, как для орла крылья и ногти служат оружием, так и у царей таковым являются воины и кони. Итак, этот орел, говорится, “**имеет повеление прийти на Ливан**” (ст. 3). Что значит: *повеление*? - Решение, твердое намерение. А Ливаном пророк назвал Иудею, потому что последняя лежит подле этой горы. Затем, намереваясь говорить о клятве и договоре, (пророк) продолжает: “**И взял от семени этой земли, и посадил на земле семени, поместил у больших вод, как сажают иву. И оно выросло, и сделалось виноградною лозою, широкою, низкою ростом, которой ветви клонились к ней, и корни ее были под нею же**” (ст. 5-6) [5]. Здесь виноградом пророк назвал город Иерусалим, а указанием на то, что лозы его лежали над самим орлом, а корни его были внизу последнего, пророк означал договор и союз с ним, и что он сам подчинил себя ему. Затем, желая указать беззаконие, (пророк) говорит: “**И еще был орел**, **-** говоря о царе египетском, **- с большими крыльями и вот, эта виноградная лоза потянулась к нему своими корнями** [6], **и простерла к нему ветви свои, чтобы он поливал ее из борозд рассадника своего**” (ст. 7, 9), т. е. преступивший договор и клятвы будет ли в силе устоять, спастись и не пасть? Затем, показав, что этого не будет, и город непременно погибнет за клятвопреступление, (пророк) рассуждает о самом наказании и называет причину: “**Не вырвут ли корней ее, и не оборвут ли плодов ее, так что она засохнет?**” (ст. 9)? И желая показать, что он будет разрушен не человеческою силой, но (именно) потому, что чрез клятвопреступление он сделал себе врагом Бога, (пророк) присовокупил: “**И не с большою силою и не со многими людьми сорвут ее с корней ее**” (ст. 9). Такова притча. Далее пророк разъясняет ее, говоря так: “**Вот, пришел царь Вавилонский в Иерусалим**” (ст. 12). Затем, сказав далее кое о чем другом, (пророк) говорит о клятве и союзе: “**Обязал**, - говорит, - **его клятвою**” (ст. 13); затем, указывая на измену, говорит: “**Но тот отложился от него, послав послов своих в Египет, чтобы дали ему коней и много людей**” (ст. 15), и вслед за этим, показывая, что вся гибель происходит за клятвопреступление, присовокупляет: “**Живу Я, говорит Господь Бог: в местопребывании царя, который поставил его царем, и которому данную клятву он презрел, и нарушил союз свой с ним, он умрет у него в Вавилоне. С великою силою и с многочисленным народом фараон ничего не сделает для него в этой войне. Он презрел клятву, чтобы нарушить союз. Посему так говорит Господь Бог: живу Я! клятву Мою, которую он презрел, и союз Мой, который он нарушил, Я обращу на его голову**” (ст. 16-20). Видишь, как не один, не два раза, а многократно говорит Господь, что Седекия терпит все это за клятвопреступление: неумолим Бог, когда позорят клятву. С какою ревностью заботится Бог о том, чтобы не попирались клятвы, это можно видеть не только из наказания наведенного на город за клятвопреступление, но и из того, что Бог медлит (наказанием) и дает срок (на исправление). “**В девятый год царствования своего**, - говорится, - **в десятый месяц, в десятый день месяца** [7]**, пришел Навуходоносор,**

царь Вавилонский, со всем войском своим к Иерусалиму, и осадил его, и устроил вокруг него вал. **И находился город в осаде до одиннадцатого года царя Седекии. В девятый день месяца усилился голод в городе, и не было хлеба у народа земли**. **И взят был город**" (4 Царств. 25:1-4). Конечно, Бог мог бы тотчас же с первого дня предать их и подчинить власти врагов, но Он соизволил в течение трех лет помедлить и заставил их испытать тягчайшую осаду, для того именно, чтобы они, теснимые и извне - страхом пред врагами, и изнутри - голодом, одержащим город, принудили царя, хотя бы и против воли, подчиниться иноплеменнику, и, чтобы таким образом, несколько ослабилось преступление. А что это правда, а не моя догадка, послушайте, что говорит ему Бог чрез пророка: "**Если ты выйдешь к князьям царя Вавилонского, то жива будет душа твоя, и этот город не будет сожжен огнем, и ты будешь жив, и дом твой; а если не выйдешь к князьям царя Вавилонского, то этот город будет предан в руки Халдеев, и они сожгут его огнем, и ты не избежишь от рук их. И сказал царь Седекия Иеремии: я боюсь Иудеев, которые перешли к Халдеям, чтобы [Халдеи] не предали меня в руки их, и чтобы те не надругались надо мною. И сказал Иеремия: не предадут; послушай гласа Господа в том, что я говорю тебе, и хорошо тебе будет, и жива будет душа твоя. А если ты не захочешь выйти, то вот слово, которое открыл мне Господь: вот, все жены, которые остались в доме царя Иудейского, отведены будут к князьям царя Вавилонского, и скажут они: "тебя обольстили и превозмогли друзья твои; ноги твои погрузились в грязь, и они удалились от тебя". И всех жен твоих и детей твоих отведут к Халдеям, и ты не избежишь от рук их; но будешь взят рукою царя Вавилонского, и сделаешь то, что город сей будет сожжен огнем**" (Иерем. 38:17-23). Но когда пророк этими словами не убедил Седекию, и последний остался во грехе и беззаконии, то через три года Бог предал город, показав и свое человеколюбие и неразумие царя. Войдя с великой легкостью, (враги) сожгли дом Господень, и дом царя, и домы Иерусалима, и начальник телохранителей все большие здания сожег и разрушил стены Иерусалима, и повсюду был огонь варварский, потому что клятва руководила пожаром и везде разносила пламень. И остаток народа, бывший в городе, и перешедших к царю (вавилонскому) выселил начальник телохранителей. "**И столбы медные, которые были у дома Господня, и подставы, и море медное, которое в доме Господнем, изломали Халдеи, и отнесли медь их в Вавилон; и тазы, и лопатки, и ножи, и ложки, и все сосуды медные, которые употреблялись при служении, взяли; и кадильницы, и чаши, что было золотое и что было серебряное, взял начальник телохранителей: столбы [числом] два, море одно, и подставы, которые сделал Соломон в дом Господень, - меди во всех сих вещах не было весу. И взял начальник телохранителей Сераию первосвященника и Цефанию** [8]**, священника второго, и трех, стоявших на страже у порога,** *и Сафана архистратига* [9]**. И из города взял одного евнуха, который был начальствующим над людьми военными, и пять человек, предстоявших лицу царя, которые находились в городе, и писца главного в войске, записывавшего в войско народ земли, и шестьдесят человек из народа земли, находившихся в городе. И взял их Навузардан, начальник телохранителей, и отвел их к царю Вавилонскому в Ривлу. И поразил их царь Вавилонский, и умертвил их в Ривле, в земле Емаф**" (4 Цар. 25:13-16, 18-21). Итак, вспомните теперь о серпе летящем и вселяющемся в доме клятвопреступника, и разрушающем стены и дерево и камень. Вспомните, как эта клятва, войдя в город, разрушила и дома, и храм, и стены, и блестящие здания, и превратила город в могилу; и ни Святое Святых, ни священные сосуды, ни что другое не отстранило казни и мщения за преступление клятвы. Так несчастно разрушен был город. Но сам царь потерпел судьбу еще более жалкую и скорбную. И подобно тому, как тот летящий серп истребил здания, так точно он поразил и этого, когда он бежал. "**[Царь] ушел дорогою к равнине**, - говорится, - **и погналось войско Халдейское за царем, и настигли его на равнинах Иерихонских, и взяли царя, и отвели его к царю Вавилонскому в Ривлу, и произвели над ним суд: и сыновей Седекии закололи пред глазами его, а [самому]**

Седекии ослепили глаза и сковали его оковами, и отвели его в Вавилон" (ст. 4-7). Что значит: "**произвели над ним суд**"? - Он потребовал у него отчета, рассудился с ним, и сначала заколол его детей, чтобы он был зрителем своего несчастия и видел это жалостное и ужасное событие, а потом ослепил уже и его. Для чего, опять, совершается это? Для того, чтобы он отправился к варварам и обитающим там иудеям в качестве учителя, и чтобы взирающие познали чрез ослепленного, какое зло есть клятвопреступление, да не только эти, а чтобы и все, обитающие по пути, видя связанного и ослепленного, познали из этого несчастия тяжесть греха. Посему-то один из пророков говорит: "**Он** (Седекия) **не увидит ее**" (Иез. 12:13), а другой, что "**он** (царь Вавилонский) **отведет Седекию в Вавилон**" (Иер. 32:5). По-видимому, пророчество противоречиво. Однако нет, - истинно и то, и другое. Действительно, Вавилона (Седекия) не видел, но в то же время был и отведен в Вавилон. Итак, как он не видел Вавилона? А так, что в Иудее он подвергся ослеплению, потому что здесь вероломно нарушена была клятва, здесь же она и отмщена, и сам он потерпел казнь. А как отведен был в Вавилон? - Ставши пленником. Так как, следовательно, было два наказания - ослепление и плен, то пророки и разделили их, и один, указывая на его ослепление, говорит: *не узрит Вавилона*, а другой, намекая на его пленение, говорит: *отведется в Вавилон*.

4. Итак, братия, зная это и вспоминая сказанное раньше, отстанем наконец от дурной этой привычки; вот о чем прошу и умоляю всех вас. В самом деле, если в Ветхом Завете, когда от иудеев не требовалось совершенной мудрости, а допускались во многом послабления, за одно только клятвопреступление постиг столь великий гнев, такое разграбление и плен, то что придется терпеть тем, которые клянутся теперь, после явления закона, запрещающего делать это, и такого восполнения заповедей? Разве от нас требуется лишь то, чтобы мы пришли в собрание и прослушали то, о чем говорится здесь? Если мы, постоянно слушая, не исполняем того, что говорится, - это поведет лишь к большему осуждению и неумолимому наказанию. Какое оправдание и какое извинение будет у нас, когда мы, с раннего возраста и до последнего дня жизни собираясь здесь и получая такие наставления, остаемся подобными тем (иудеям) и не стараемся исправить ни одного недостатка? Не указывай мне на привычку. Я только негодую и сержусь, когда говорят, будто привычки мы победить не можем: если мы не победим привычки, то как станем выше похоти? Корень последней имеет свое начало в самой природе, потому что (иметь) желание естественно; но желать дурного - во всяком случае - дело свободной воли; а что до клятвы, то она получила начало даже и не в свободной воле, а в одном лишь легкомыслии. И чтобы тебе знать, что не вследствие трудности дела, а благодаря лишь нашему легкомыслию до такой степени распространился этот порок, поразмыслим, как много гораздо более трудных дел совершают люди, и притом не ожидая отсюда никакой награды. Поразмыслим, какие дела предписал дьявол, сколько требуют они труда, как много усилий; и, однако, трудность не послужила препятствием к исполнению этих предписаний. Скажи мне, что может быть труднее, как когда какой-нибудь юноша, отдав себя в распоряжение (людей), долженствующих размягчить его тело и сделать гибкими его члены, ревностно старается изогнуть все тело в точное подобие колеса и вертеться по полу, и вращением глаз, поворотами рук и всякими другими ужимками силится уподобиться женщине, и не размышляет ни о трудности, ни о постыдности подобных занятий? Кто не поразится опять, видя на сцене плясунов, которые пользуются членами своего тела как бы крыльями? А те, что бросают в воздух один за другим ножи, потом ловят все их за ручку, кого бы не в состоянии были пристыдить из тех, кто не желает поднять никакого труда ради добродетели? Или что можно бы сказать про тех мужей, которые, нося на челе шест, на подобие как бы дерева, утвержденного корнями в земле, так и сохраняют его в неподвижном состоянии? И что удивительно еще более, - они заставляют даже на верху шеста бороться маленьких детей; и ни руки, никакой другой член тела, а один лишь лоб надежнее любой привязи носит этот шест без колебаний.

Иной, опять, по самой тонкой веревке шагает с таким бесстрашием, с каким люди проходят по ровной плоскости. И однако, все это, кажущееся неудобопостижимым и для ума, стало возможным для искусства. Скажи мне, что подобное можем сказать мы о клятвах? Какую укажем трудность? Какое усилие? Какое искусство? Какую опасность? Нам нужно только немного старания, и все для нас вскоре будет достигнуто. И не говори мне, что большую часть ты уже исполнил: если ты не исполнил всего, считай, что ты решительно ничего не сделал, потому что это немногое, оставленное без внимания, уничтожает и все остальное. Часто ведь люди, построив дом и наложив крышу, но, не обратив внимания на одну лишь ниспавшую черепицу, губили весь дом. То же самое можно наблюдать и на одеждах: и тут случившийся маленький разрыв, не будучи зашит, производит огромную прореху. Это часто бывает и с потоками, так как и эти, раз захватят только маленький вход, тотчас же введут и всю воду. Поэтому и ты, если и отовсюду оградил себя, а маленькая часть остается без защиты, то и эту последнюю огради от дьявола, чтобы тебе быть обезопашенным отовсюду. Видел серп? Видел главу Иоанна? Слышал историю с Саулом? Слышал об образе пленения иудейского? Вместе с тем слышал изречение Христа, гласящее, что не только клятвопреступление, а и клятва чем бы то ни было, есть дело дьявольское, и всецело изобретение врага (Мф. 5:33-34)? Узнал ты, что за клятвою всюду следует клятвопреступление? Итак, собери все это и напиши в уме своем. Не видишь, как женщины и малые дети привешивают к шее Евангелия в качестве великой охраны, и носят их повсюду, куда бы ни пошли? А ты заповеди и законы евангельские начертай в своем уме. Тут не надо золота и денег, не требуется покупать и книгу, а нужно лишь одно произволение и расположение воодушевленной души, - и будешь иметь вернейшее Евангелие, нося его не совне, а слагая его внутри, в тайниках души. Посему, встав с постели и выходя из своего дома, приводи себе на память следующий закон: “**А Я говорю вам: не клянись вовсе**” (Мф. 5:34), и будет тебе это изречение вместо поучения; не нужно много труда, а только немного внимания. А что это правда, очевидно вот откуда. Призвав своего сына, пострашай и погрози немного посечь его, если он не исполнит этого закона, - и увидишь, как он тотчас же отстанет от привычки. Как, поэтому, не безрассудно, если малые дети, боясь нашего страха, исполняют заповедь, а мы даже и так не боимся Бога, как боятся нас сыновья! Итак, что я говорил раньше, то же самое говорю и теперь. Положим себе закон - не заниматься ни публичными, ни частными делами до тех пор, пока не выполним этого закона, а побуждаемые всячески необходимостью, мы легко достигнем успеха и украсим себя, украсим вместе с тем и весь город. Поразмысли только, чего бы стоило, если бы по всей вселенной разнесся слух о том, что в Антиохии господствует обычай, свойственный христианам, что там не встретишь ни одного человека, который бы произнес клятву, хотя бы настояла в том и крайняя нужда. Без сомнения, об этом услышали бы соседние города, вернее же не только соседние, а и до самых концов земли дошла бы молва, так как естественно, что и торговцы, имеющие с вами сношения, и другие, приходящие оттуда, рассказали бы обо всем этом. Многие, когда хвалят другие города, указывают на гавани, на рынок, на богатство товаров: дайте же приходящим сюда возможность говорить, что того, что есть в Антиохии, нельзя видеть нигде в других городах, так как люди, обитающие в этом городе, предпочтут скорее вырезать язык, чем произнести клятву. Это нам будет украшением и твердыней; мало того - доставит еще и великую награду, так как несомненно, что вам станут соревновать и подражать другие. А если приобретший даже одного или двоих получит у Бога великую награду, то какого вознаграждения не получите вы, воспитывающие всю вселенную? Итак, должно стараться бодрствовать и трезвиться, зная, что мы получим величайшее воздаяние не только за собственное исправление, но и за исправление других, и найдем великое благоволение у Бога, которое все мы непрестанно получая, да достигнем царства небесного во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Τή Κυριακή τής επισωζομένης... Семеон Алляций в соч. de Dominicis et hebdomadibus Graecorum говорит, что Επισωζομένη назывался у каппадокийцев праздник Вознесения Господня: там же он замечает, что η Κυριακή τής ήπις. называлось 5-е воскресенье по Пасхе, т. е. то самое, которое предшествовало Вознесению. Но Тильмон, а за ним и новейшие издатели творений Златоуста - Монфокон и Минь склонны скорее признать в η Κυριακή τής επισωζομένης одно из последних воскресений четыредесятницы, в частности - воскресение страстей (т. е. неделю ваий).

[2] Жители сел и деревень в окрестностях Антиохии говорили сирским языком.

[3] Τρίβων - спартанский плащ (короче и грубее, чем иматий), а также - потертое платье, которое носили бедные; со времени Сократа - обычная одежда всех философов.

[4] Беседа 15:5.

[5] Последние слова 6-го ст. читаются в тексте LXX: του επιφαινεσθαι αυτη (αμπελω) τα κληματα αυτης (αμπελου) επ αυτην και αι ριζαι αυτης υποκατω αυτης (αμπελου); в тексте Злат. вместо επ αυτην и υποκατω αυτης читается: επ αυτον (αετον), υποκατω αυτου (αετου), т.е. лозы его (винограда) на нем (орле) и корни его (винограда) под ним (орлом) были.

[6] Этим словам (и оплетение его на нем, και ο ελιξ αυτης επ αυτον) в слав. соответствуют: "и корение его к нему" (και αι ριζαι αυτης προς αυτον).

[7] В слав. пер.: "бысть в лето девятое царства его, в месяц десятый прииде… Греч. (LXX) изд. 1810 г. εν τω μηνι τω δεπατω ενδεκατη του μηνος (одиннадцатый день месяца).

[8] τον Σαφαν; в слав. "Софонию" (Σοφονιαν).

[9] Слов "Сафана архистратига", совершенно нет в слав. переводе, равно как и у LXX.

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА ДВАДЦАТАЯ.

О том, что поста четыредесятницы недостаточно для приготовления к приобщению, а требуется преимущественно душевная добродетель; также о том, как возможно не злопамятствовать, - что у Бога много значит этот закон, и что злопамятство, еще до геенны, наказывает преданных ему; наконец, о воздержании от клятв, и о не переставших клясться.

ВРЕМЯ подходит у нас уже к концу поста: посему и мы предадимся большей (ревности о) добродетели. Как бегущим (на ристалище) нет никакой прибыли (от того, что бегут), если они не получают наград; так и нам не будет никакой пользы от множества трудов и подвигов в течение поста, если не будем в состоянии вкусить священной трапезы с чистою совестью. Для того и пост и четыредесятница, и столь многодневные собрания и беседы, и молитвы и поучения, чтобы мы, такою ревностью о божественных заповедях смыв приставшие к нам в течение целого года грехи, с духовным дерзновением приобщились благоговейно бескровной той жертвы: иначе, напрасно, и без цели, и без

всякой пользы подъяли мы столько труда. Итак, каждый пусть подумает сам с собою, какой недостаток исправил, какое доброе качество приобрел, какой грех откинул, какое пятно смыл, в чем сделался лучше. И, если он найдет, что от поста у него оказалась прибыль в этой прекрасной купле, и убедится, что много позаботился о своих ранах, то пусть приступает. Но, если он был беспечен, и может похвалиться только постом, а ни одного из добрых дел не сделал, то пусть остается вне, и войдет тогда, когда очистится от всех грехов. Пусть никто не надеется на один пост, если только он остался без исправления в грехах. Не постящийся может получить извинение, ссылаясь на немощь телесную, но не исправившемуся в грехах нельзя получить оправдания.

Ты не постился по немощи плоти; а для чего не примирился с врагами своими, скажи мне? И здесь не хочешь ли сослаться на слабость тела? Опять, если ты питаешь зависть и злобу, - чем станешь оправдываться, скажи мне? В (оправдание) этих пороков никак нельзя ссылаться на немощь телесную. И это было делом человеколюбия Христова, что главнейшие и служащие опорою нашей жизни заповеди нисколько не терпят от немощи тела. Итак, если и все священные законы одинаково необходимы нам, но более всех тот, который повелевает не иметь ни с кем вражды, и не оставаться навсегда во гневе, но тотчас примиряться; то вот мы сегодня и побеседуем с вами об этой заповеди. В самом деле, если блудодею и богохульнику невозможно быть причастником священной трапезы, - тем более имеющему врага и злопамятствующему невозможно вкусить святого причастия. И весьма справедливо! Блудник и любодей, лишь только удовлетворил похоть, то и положил конец греху; и если, воспрянув, захочет восстать от падения и обнаружить потом великое раскаяние, то получает некоторое облегчение; но злопамятствующий каждый день делает грех, и никогда не кончает его. Там сделано преступление, и кончен грех: здесь каждодневно совершается грех. Итак, какое найдем мы, скажи мне, извинение, добровольно отдаваясь такому злому зверю? И как хочешь ты, чтобы Господь был к тебе снисходителен и кроток, когда сам ты жесток и неумолим к подобному тебе рабу? Но этот раб оскорбил тебя? И ты часто оскорбляешь Бога. Какое же сравнение между подобным тебе рабом и Господом? Притом, может быть, тот оскорбил тебя, будучи сам обижен тобою, и ты пришел в раздражение; но сам ты оскорбляешь Господа, не потерпев от Него вреда и оскорбления, а получая каждодневно благодеяния. Подумай же, что, если Бог захочет строго взыскивать за все, что ни делается против Него, мы не проживем и одного дня. “**Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония,** - говорит пророк, **- Господи! кто устоит**” (Пс. 129:3)**?** Не говорю уже о всех других грехах, которые знает только совесть грешника, и свидетель которых один Бог, а из людей никто: если бы потребовался у нас отчет в этих явных и открытых грехах, - чем бы мы извинились в них? Если бы Бог стал взыскивать за наше нерадение и беспечность в молитвах, - за то, что, стоя пред Богом и молясь Ему, не оказываем Ему и такого благоговения и почтения, какое оказывают рабы господам, воины начальникам, друзья друзьям? Когда ты разговариваешь с другом, то делаешь это со вниманием; а когда молишься Богу о грехах, просишь прощения столь многих беззаконий, и умоляешь о даровании тебе помилования, то нередко делаешь это с небрежением, и, между тем как колена твои преклонены на землю, уму своему ты позволяешь блуждать по площади и дому, так что уста твои произносят слова без смысла и без цели; и так делаем мы не один раз и не два, но многократно. Если бы за это одно Бог захотел взыскать с нас, нашли ли бы мы извинение? Могли ли бы оправдаться? Не думаю.

2. Что же, если Он выведет наружу те злые речи, которые мы каждый день говорим друг о друге, и те неуместные суждения, которые произносим о ближнем, не по какому-либо делу, но по склонности осуждать и порочить (других): что можем тогда сказать в свое оправдание? А если станет разбирать наши пытливые взгляды, и злые похоти, возбуждаемые в нашем сердце, когда от непозволительного блуждания очей получаем мы скверные и нечистые помыслы: какому подвергнемся наказанию? Опять, если потребует у

нас ответа за бранные слова (“**А Я говорю вам**, - сказано, - **что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду**” (Мф. 5:22): можем ли мы открыть уста, или даже заикнуться и сказать против этого что-нибудь - малое или великое? А тщеславие, какое выказываем и в молитве, и в посте, и при подаянии милостыни, если станем разбирать: не говорю - Бог, но мы сами - грешники: будем ли в состоянии взглянуть на небо? А коварства, какие сплетаем мы друг против друга, когда, то хвалим брата в глаза и говорим с ним по-дружески, то хулим за глаза? Вынесем ли должные за них наказания? Что сказать о клятвах, о лжи, о клятвопреступлениях, о несправедливом гневе, о зависти, какую часто питаем к счастливым, не только ко врагам, но и друзьям? Также о том, что радуемся несчастью других и чужое горе почитаем облегчением нашего?

Что потерпим, если (Бог) потребует у нас ответа за ту небрежность, какую показываем в церковных собраниях? Вы знаете, что нередко, когда сам Бог говорит ко всем нам чрез пророка, мы в это время ведем большие и длинные разговоры с ближним о вещах, нисколько до нас не касающихся. Какая же будет у нас надежда на спасение, если Он, оставя все прочее, захочет наказать нас за один этот грех? Не сочти его за маловажный проступок, но, если хочешь видеть тяжесть его, рассмотри этот самый проступок по отношению к людям - и тогда увидишь тяжесть греха. Осмелься, когда говорит с тобою начальник, или даже какой друг из числа более почетных, - осмелься, оставив его, разговаривать с своим слугой: тогда увидишь, на какую дерзость отваживаешься, делая это по отношению к Богу. Тот, если будет из числа более знатных, подвергнет тебя и наказанию за оскорбление; а Бог, хотя каждодневно терпит столь много, и еще более этих оскорблений, не от одного, не от двух и трех человек, но от всех почти нас, однако переносит долготерпеливо, и не только эти, но и другие, более тяжкие оскорбления. В самом деле, это грехи явные и ведомые всем, и почти всеми делаемые; но есть еще другие грехи, о которых знает только совесть грешников. Если подумаем и размыслим обо всех их, то хотя бы мы были самые жестокие и грубые люди, рассмотрев множество грехов своих, от страха и тоски не в силах будем и вспомнить о нанесенной нам другими обиде. Вспомни об огненной реке, о ядовитом черве, о страшном суде, на котором все будет обнажено и объявлено, подумай, что скрываемое теперь открыто будет тогда. И вот, если простишь ближнему согрешения, все это, чему предстоит тогда открыться, изгладится здесь, и ты отойдешь отсюда, не влача за собою ни одного из грехов твоих, - так что ты (прощая) больше получаешь, нежели даешь. Много, конечно, сделали мы таких грехов, о которых никто из посторонних не знает: поэтому, от мысли, что в тот день, на всеобщем зрелище вселенной, наши грехи будут открыты пред всеми, мы страдаем более, нежели от самого наказания, будучи мучимы и терзаемы совестью. Но такой стыд, такие грехи, такое наказание можно отвратить прощением ближнему: нет ничего равного этой добродетели. Хочешь узнать силу этой добродетели? “**Хотя бы предстали пред лице Мое Моисей и Самуил, -** говорит Господь, **- душа Моя не [приклонится] к народу сему**” (иудеям) (Иер. 15:1). Однако кого Моисей и Самуил не могли спасти от гнева Божия, тех могла спасти эта заповедь (о прощении обид). Вот почему (Бог) тем самым, о которых сказал Он эти слова, постоянно внушал: “**Зла друг против друга не мыслите в сердце вашем**” (Зах. 7:10); и: “**Никто из вас да не мыслит в сердце своем зла против ближнего своего**” (Зах. 8:17). Не сказал только - оставь, но - и в уме не имей, и не помышляй, оставь весь гнев, истреби эту болячку. Ты думаешь, что мстишь врагу, но - прежде, чем его, ты мучишь себя, приставив к себе со всех сторон внутри, как палача, гнев, и терзая свою собственную утробу.

И что может быть жальче человека, который непрестанно гневается? Как беснующиеся никогда не бывают спокойны, так и злопамятный и враждующий никогда не будет вкушать мира: он непрестанно воспламеняется, каждый день усиливает бурю помыслов, припоминая себе слова и дела оскорбителя своего и раздражаясь при одном имени его.

Произнеси только имя врага, - он приходит в ярость и терпит внутри сильную боль; увидит одно лицо его - пугается и трепещет, как будто подвергается крайнему бедствию. Даже если увидит кого из близких к нему, или его одежду, дом, улицу: от всего этого терпит мучение. Как при виде дружеских - и одежд, и лиц, и обуви, и домов, и улиц мы тотчас окрыляемся; так, что ни увидим из принадлежащего нашим врагам и неприятелям - слугу ли, друга ли, дом, улицу, или другое что, - всем этим мы уязвляемся, и от каждого из этих предметов бывают нам частые, непрерывные удары.

3. К чему же такая досада, такое мучение и наказание? Если бы и не угрожала злопамятливым геенна, то из-за того мучения, какое нам причиняет вражда, надлежало бы прощать оскорбителям согрешения: но, когда еще угрожают бесконечные наказания, - что может быть безумнее, как, думая мстить врагу, наказывать самого себя и здесь и там? В самом деле, мы увидим ли его счастливым, умираем с печали; (увидим ли) несчастным, боимся, чтобы не произошла какая-нибудь благоприятная перемена: а за то и другое готовится нам неизбежное наказание. “**Не радуйся, когда упадет враг твой**” (Притч. 24:17). Не говори мне о великости обиды: не она причиною твоей гневливости, но то, что ты не помнишь о своих собственных грехах и не имеешь пред очами геенны и страха Божия. Что это действительно так, я постараюсь доказать тебе событиями нашего города. Когда виновные в законопреступных тех дерзостях приведены были в судилище, когда огонь пылал внутри, и палачи стояли вокруг и секли по бокам; тогда, если бы кто из стоявших тут сказал им со стороны: "если есть у вас враги, перестаньте гневаться, и мы освободим вас от этого наказания" - не стали ли бы они целовать ноги? Если бы даже кто велел им пойти в услужение к ним, - и от этого не отказались бы. Если же человеческое и конец имеющее наказание может обуздать гнев, - тем более будущее наказание, если бы постоянно владело нашим умом, изгнало бы из души не только вражду, но и всякую злую мысль. И что легче, скажи мне, как перестать гневаться на оскорбившего? Разве нужно для этого пускаться в дальний путь? Тратить деньги? Упрашивать других? Довольно только захотеть, и дело кончено. Какого же не заслуживаем мы наказания, когда из-за мирских дел оказываем и раболепную услужливость, и недостойную нас угодливость, и тратим деньги, и разговариваем с привратниками, чтобы только польстить негодным людям, и все делаем и говорим, лишь бы удалось наше предприятие; а ради Божиих заповедей не хотим и попросить оскорбившего нас брата, даже почитаем за стыд придти первыми? Того ли стыдишься, скажи мне, что первый получишь пользу? Стыдиться должно противного - коснения в страсти (гнева) и выжидания, чтобы оскорбивший пришел примириться: вот это для тебя и стыд, и позор, и вред величайший; потому что, кто первый придет, тот все и получит. Если ты перестанешь гневаться, будучи упрошен другим, то ему и вменяется этот подвиг, потому что ты исполнишь заповедь (о примирении) не из покорности Богу, а из угождения тому человеку. Но если тогда, когда никто не упрашивал тебя, когда и сам оскорбитель не пришел к тебе и не просил (прощения), ты, выбросив из ума всякий стыд и всякую медлительность, сам поспешишь к оскорбившему тебя и прекратишь вражду, то этот подвиг будет весь твой, и ты получишь всю награду. Если скажу я тебе - постись, ты представляешь мне в свое извинение немощь телесную; если скажу - подавай бедным, указываешь на воспитание детей и бедность; если скажу - ходи в церковь, - на житейские заботы; если скажу - слушай наставления и понимай смысл поучения, - на свою простоту; если скажу - исправь другого, говоришь, что "он советов моих не послушает, потому что слова мои не раз уже были не уважены". Пустые, конечно, это предлоги, но, по крайней мере, можешь ты иметь хоть предлог; а если скажу - перестань гневаться, на какой из этих предлогов можешь указать? Не можешь указать ни на слабость тела, ни на бедность, ни на простоту, ни на недосуг, ни на что-либо другое: так, этот грех более, чем всякий другой, не извинителен!

Как можешь ты простереть руки к небу? Как повернуть язык? Как попросить о прощении? Если и захочет Бог простить грехи твои, то сам ты не позволяешь (простить), не прощая долгов подобному тебе рабу. Но он жесток, суров и свиреп, - он жаждет наказания и мести? Поэтому-то особенно и прости. Много ты потерпел обид и лишений, много бесчестия и вреда в самых важных делах, и поэтому хочешь видеть врага наказанным? И для этого опять тебе полезно простить. За что сам ты отмстишь и отплатишь, словами ли, или делами, или молитвою о наказании врага, за то Бог не будет уже мстить, так как уже сам ты наказал за себя; и не только не будет мстить (за тебя), но и тебя подвергнет наказанию, как оскорбленный (тобою).

4. И у людей бывает, что, когда мы ударим чужого слугу, господин его гневается и считает поступок наш за обиду себе, потому что, когда случится нам потерпеть оскорбление, от рабов ли, или от свободных, мы должны искать суда у начальников и у господ. Если же и между людьми не безопасно самим мстить за себя, то тем более там, где судит Бог. Но ближний обидел и огорчил тебя, и сделал тебе множество зла?

И в этом случае ты сам не мсти ему, чтобы не оскорбить тебе своего Господа; предоставь Богу, и Он устроит дело гораздо лучше, нежели как тебе хочется. Тебе Он повелел только молиться за оскорбившего, а как поступить с ним, это повелел предоставить Ему. Сам ты никогда не отмстишь за себя так, как Он готов отмстить за тебя, если только Ему предоставишь это, - если не будешь молиться о наказании оскорбившего, но предашь суд в Его волю. В самом деле, хотя бы мы и простили обидевшим, хотя бы примирились с ними, хотя бы молились за них, но, если они и сами не переменятся и не сделаются лучшими, Бог не простит им, не простит, впрочем, для их же пользы. Тебя он похвалит и одобрит за любомудрие, а (врага) накажет, чтобы он не сделался худшим от твоего любомудрия. Отсюда неосновательно мнение толпы. В самом деле, многие, на упрек с нашей стороны в том, что не внимали убеждению примириться с врагами, нередко представляли следующее извинение, - которое есть не более, как покрывало их злости: "не хочу примириться (с врагом), чтобы не сделать его худшим и более дерзким, чтобы после того он не стал меня презирать еще более". А к этому прибавляют еще и вот что: "многие подумают, будто я по слабости первый иду мириться и упрашиваю врага". Все это пустое: неусыпающее око видит твое расположение; поэтому не должен ты смотреть на подобных тебе рабов, лишь бы тебе преклонить (к себе) Судию, Который будет тебя судить. Если же опасаешься, чтобы враг из-за твоей кротости не сделался худшим, то знай, что худшим он сделается не в этом случае, а скорее в том, если не примиришься с ним. Будь он самый негодный человек, но, если и не словами, и не открыто, то по крайней мере тайно одобрит твое любомудрие, отдаст честь твоей кротости в совести своей. Если же он, не смотря на (твои) доброту и угождения, останется при той же злобе, то будет иметь величайшего мстителя в Боге. И чтобы увериться вам, что и в том случае, когда мы будем молиться за врагов и оскорбителей, Бог не простит им, если они из-за нашего непамятозлобия сделаются худшими, расскажу вам древнюю историю. Осудила некогда Мариам Моисея: что же Бог? - Наслал на нее проказу и сделал ее нечистою, хотя, в прочем она была скромна и целомудренна. Потом, когда сам оскорбленный Моисей просил прекратить гнев, Бог не соизволил на это, но что сказал? “**Если бы отец ее плюнул ей в лице, то не должна ли была бы она стыдиться семь дней? итак пусть будет она в заключении семь дней вне стана**” (Числ. 12:14). Смысл этого изречения такой: "если бы у нее был отец, и наплевал ей в лицо, - не перенесла ли бы она этого бесчестия? Тебя хвалю за братскую любовь, кротость и снисходительность, а когда ее освободить от наказания, это знаю Я". И ты окажи брату полное снисхождение, и прости ему грехи, - не из желания ему большего наказания, но по любви и доброму расположению. Будь уверен, что, чем более он пренебрежет твою доброту, тем большее навлечет на себя наказание. Что говоришь - скажи мне: от доброты он делается худшим? Это - ему осуждение, а тебе похвала: тебе

похвала, потому что ты, и видя, что он делается таким, не прекращаешь своей доброты к нему для угождения Богу; а ему осуждение, потому что он не сделался лучшим и от твоей доброты. А Павел говорит: "лучше пусть другие будут осуждены ради нас, нежели мы ради других". Не говори мне этих пустых слов: "не подумал бы (враг), что я пришел к нему по страху; не стал бы он еще более презирать меня". Эти слова приличны душе детской, безрассудной и гоняющейся за славою человеческою. Пусть думает (враг), что ты пришел по страху, - тебе же тогда будет большая награда за то, что ты, и наперед зная это, все перенес ради страха Божия. Кто для того примиряется, чтобы получить славу от людей, тот умаляет плод воздаяния; а кто, верно зная, что многие осудят и осмеют его, не перестает, однако, искать примирения, тот получит двойной и тройной венец. А таков и есть в особенности тот, кто делает это для Бога. Не говори мне, что (враг) нанес такую-то и такую обиду: если бы он выказал на тебе всю злобу человеческую, и в таком случае Бог повелел тебе простить все.

5. Вот, наперед говорю и объявляю, и громким взываю голосом: никто из имеющих врага да не приступает к священной трапезе и не принимает тела Господня; никто приступающий да не имеет врага! Имеешь врага - не приступай. Хочешь приступить - примирись, и тогда приступи, и прикоснись к святыне. Впрочем, не я говорю это, но сам Господь, распятый за нас. Он, чтобы примирить тебя с Отцом, не отказался умереть и пролить кровь; а ты, чтобы примириться с подобным тебе рабом, не хочешь и слова сказать и придти первый? Послушай, что Он говорит о таких людях. “**Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя**” (Мф. 5:23). Не сказал: подожди, пока он придет к тебе, или: переговори с ним чрез какого-либо посредника, или: попроси кого другого, но: сам пойди к нему, - “**и пойди прежде примирись с братом твоим**” (ст. 24). Чудное дело! Он не считает для Себя бесчестием, когда оставляют дар; а ты почитаешь унижением - первому придти и примириться! Как же можно это простить, скажи мне? Если увидишь, что у тебя отрублен какой-либо член, не делаешь ли все, чтобы соединить его с телом? Так же поступи с братьями: когда увидишь, что отсечены от дружбы твоей, поспеши скорее принять их в свои объятия; не выжидай, чтобы они первые пришли к тебе, но сам первый устремись получить награду.

С одним только повелено нам быть во вражде - с дьяволом: с ним никогда не примиряйся; а к брату никогда не питай в сердце злобы, но если и случится какое огорчение, пусть будет оно разве на один день, и долее дня да не продолжается. “**Солнце**, - сказано, - **да не зайдет во гневе вашем**” (Еф. 4:26). Если примиришься прежде вечера, получишь от Бога прощение; но, если долее пробудешь во вражде, то неприязнь твоя будет знаком не увлечения от раздражительности и гнева, но злости, - знаком души развращенной и преданной греху. Впрочем, зло не в том только, что ты сам себя лишаешь прощения, а в том, что и прекращение вражды становится более затруднительным: прошел один день, стыд уже стал больше; проходит другой день, стыд еще увеличивается; а как пропустишь третий и четвертый день, то прибавится и пятый; таким же образом пять (дней) сделаются десятью, десять двадцатью, двадцать сотнею; и наконец, рана будет уже неизлечима, потому, что чем более проходит времени, тем более расходимся мы друг с другом. Но, человек, не дай в себе места ни одной из этих неразумных страстей; не стыдись и не красней, и не говори про себя: "недавно мы так выбранили друг друга; насказали тьму таких слов, которых нельзя и говорить; и теперь пойду мириться? Кто же не осудит моего легкомыслия?" Никто, у кого есть разум, не обвинит тебя в легкомыслии, напротив, когда ты останешься непримиримым, тогда-то все будут смеяться над тобой, тогда-то дашь ты большой простор дьяволу. Ведь вражда становится неудобопримиримою не только от времени, но и от случившихся в течение этого времени дел. Как “**любовь покрывает множество грехов**” (1 Пет. 4:8), так вражда составляет и небывалые грехи, и у нее

находят веру все клеветники, - все, кто радуется чужому несчастию и разглашает чужие пороки. Зная все это, предупреди и удержи брата, пока он совсем не отдалился; и, хотя бы для этого надлежало в тот день обежать весь город, хотя бы выйти за стены городские, хотя бы пройти дальний путь: оставь все, что у тебя в руках, и озаботься этим одним, - как бы примириться с братом. Если это дело и трудно, подумай, что все это делаешь ты для Бога - и получишь достаточное ободрение, и душу, коснящую и медлящую, краснеющую и стыдящуюся, пробуди, постоянно напевая ей такие речи: что медлишь? Что откладываешь и удерживаешься? Дело у нас не о деньгах, и не о другом чем-либо временном, а о спасении. Бог повелел делать это - и все должно уступить Его заповедям? Дело это есть некоторая духовная купля: не будем беспечны, не будем небрежны; пусть враг знает, что столь великое усердие показали мы для угождения Богу; и пусть он станет опять оскорблять нас, бить, или еще что-нибудь худшее делать, - благодушно перенесем все, так как чрез это не столь окажем добра ему, сколько самим себе: добродетель эта более всех поможет нам в тот день. Много и тяжко мы согрешили, и преступили закон, и прогневали Владыку нашего; но Он, по Своему человеколюбию, дал нам этот способ примирения: не отвергнем же этого прекрасного сокровища. Разве Он не был властен повелеть только примириться, не предлагая нам за то никакой награды? Ведь, никто не может противоречить Его повелениям и поправлять их. Однако Он, по великому Своему человеколюбию, обещал нам и награду - великую и неизъяснимую, которой мы более всего желаем, - прощение наших грехов, - и этим облегчил для нас самое послушание.

6. Какое же заслужим прощение, когда, имея получить и столь великую награду, не повинуемся Законодателю, но остаемся презрителями? А что это действительно - презрение, видно из следующего. Если бы царь издал такой указ, чтобы все враждующие мирились друг с другом, иначе потеряют голову, - не все ли мы поспешили бы примириться с ближними? Я думаю. Какое же будем иметь извинение, когда не воздаем Господу и такого почтения, какое оказываем сорабам нашим? Поэтому повелено нам говорить: “**И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим**” (Мф. 6:12).

Что может быть мягче, что милосерднее этого повеления? Тебя сделал Он судьею в прощении твоих грехов: мало ты простишь - мало и тебе будет прощено; много простишь - много и тебе будет прощено; простишь от чистого сердца - так и Бог тебе простит; простив врагу, ты еще сделаешь его и другом своим - так и Бог поступит с тобою. Итак, тем более кто согрешил против нас, тем более должны мы спешить к примирению с ним, потому что он становится причиной прощения нам большего числа грехов. Хочешь ли знать, что нет никакого прощения нам, и никто не избавит нас, если мы злопамятствуем? Объясню слова мои примером. Чем оскорбил тебя ближний? Похитил деньги, описал, присвоил себе? Не довольствуюсь этим, но прибавлю и другие, еще большие этих, оскорбления, какие только угодно тебе будет: он задумал убить тебя, устроил тебе тысячу опасностей, сделал тебе всякое зло, и вообще не опустил ничего, что только свойственно человеческой злобе? И, чтобы не говорить обо всем порознь, положим, что он нанес тебе такую обиду, какой никто никогда ни делал никому: и в таком случае тебе не будет прощения, если станешь злопамятствовать. Как это? - сейчас скажу. Если бы слуга твой был тебе должен сто золотых, а другой кто-нибудь был ему должен несколько серебряных монет; этот должник слуги твоего пришел бы и стал бы просить тебя и молить о прощении, и ты, призвав своего слугу, приказал бы ему простить долг этому человеку, сказав: "долг этот я принимаю вместо твоего долга мне"; потом этот бесстыдный и злой слуга стал бы опять душить своего должника: мог ли бы кто исторгнуть его из твоих рук? Не дал ли бы ты ему тысячу ударов, как оскорбленный им до крайности? И поделом!

Это же и Бог сделает; в тот день Он скажет тебе: "злой и негодный раб! Разве ты из своего простил ему? Тебе приказано было отдать из того, что ты был мне должен: прости, сказано, и прощу тебе. Даже, если бы и этого Я не присовокупил, тебе и тогда надлежало бы простить из послушания господину; но вот Я не приказывал, как господин, но просил милости, как у друга, притом из Моей собственности, и обещал еще дать больше; и при всем этом ты не сделался лучшим". Люди в таких случаях поступают так: слагают с своих слуг столько, сколько этим должны другие; наприм., слуга должен сто золотых, а слуге должен кто-либо десять золотых; если этому слуга простит долг, господин прощает ему не сто, но только десять, а все прочие взыскивает. Бог же не так; но, если ты простил сорабу твоему немногое, Он простит тебе все. Из чего это видно? Из самой молитвы. "**Ибо если вы будете прощать**, **-** говорит, - **людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный**" долги ваши (Мф. 6:14). Но сколько разности между сотнею динариев и десятью тысячами талантов, столько между теми и этими долгами. Какого же не будешь достоин наказания, когда, имея получить десять тысяч талантов за сто динариев, не прощаешь и этих немногих монет, и таким образом молитву эту обращаешь против самого себя? Ведь, когда скажешь: "**И прости нам долги наши, как и мы прощаем**", - и между тем сам не простишь; то молишь Бога не о другом о чем, как о том, чтобы Он лишил тебя всякого извинения и прощения. Но, не смею, говоришь ты, сказать: прости мне, как я прощаю, а только (говорю): прости мне. К чему же это? Хоть ты и не скажешь, но Бог так делает: как ты простишь, так и Он простит. И это показал Он в следующих словах: "**А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш** (небесный) **не простит вам согрешений ваших**" (Мф. 6:15). Не считай поэтому знаком благоговения произносить неполное прошение, и не твори молитву в половину; но, как повелел (Бог), так и молися, чтобы хоть необходимость произносить эти слова каждодневно устрашала и побуждала тебя к прощению ближнего. Не говори мне: "много я убеждал, упрашивал и умолял - и (враг) не примирился"; не отставай, пока не примиришься. Не сказал Господь: оставь дар твой, и поди, попроси брата твоего, но - "**и пойди прежде примирись**"; следовательно, сколько бы ни пришлось тебе просить, не отставай, пока не убедишь. Бог всякий день просит нас, и мы не слушаем; однако Он не перестает просить: а ты не хочешь попросить подобного тебе раба? Как же можешь спастись? Но ты много раз просил, и столько же раз был отвергнут? За то большую получишь награду: тем более увеличится награда тебе; чем с большим затруднением делается дело, чем большего труда стоит примирение, тем большее будет ему осуждение, а тебе блистательнейшие венцы за терпение. Это не только будем хвалить, но и выполним на деле; и не отстанем, пока не восстановим прежней дружбы (с врагами). Мало того, чтобы не огорчать и не обижать врага, и не иметь в сердце злобы на него, должно и его заставить иметь к нам любовь.

7. Многие, слышу, говорят: "я не враждую, и не огорчаюсь, да и не имею ничего общего с ним". Но Бог не это повелел, чтобы не имел ты ничего общего с ним, но чтобы многое было у тебя общее с ним. Потому-то он и брат твой; потому-то (Господь) не сказал: прости брату твоему, что имеешь на него; но что? "**и пойди прежде примирись**" с ним, если он имеет что на тебя; и не отставай, пока не приведешь члена к единению. Для приобретения доброго слуги ты и тратишь золото, и переговариваешь со многими купцами, часто отправляешься и в дальний путь; а чтобы врага сделать другом, для этого не двигаешься и не делаешь ничего, скажи мне? Как же можешь умолить Бога, пренебрегая так законы Его? Приобретение слуги не великую доставит нам пользу, а расположение врага в дружбе - и Бога сделает к нам милостивым и благоснисходительным, и легко разрешит нас от грехов, и доставит нам похвалу от людей и великую безопасность в жизни, - потому что нет ничего опаснее, как иметь и одного врага. Когда он всем говорит о нас тьму худого, то и честь жизни нашей страждет, и сердце наше не спокойно, и совесть возмущается, и мы выдерживаем непрерывную бурю помыслов. Зная все это, спасем себя от наказания и мучения, почтим предстоящий

праздник исполнением всего сказанного, и чего мы, ради его, желаем от царя, тем воспользоваться и сами дадим другим. Многие, слышу, говорят, что царь, конечно, из почтения к святой Пасхе помилует город и простит все грехи. Как же не странно, что, когда нам нужно получить прощение от других, мы ссылаемся на праздник и на его важность, а когда нам повелевают примиряться с другими, не уважаем его и ставим ни во что? Действительно, никто так не унижает это священное торжество, как совершающий его с злопамятством. Но, сказать правду, такой человек не может и совершать этого праздника, хотя бы пробыл без пищи десять дней сряду, потому что ни поста, ни праздника не может быть там, где вражда и злоба. Ты не осмеливаешься прикоснуться неумытыми руками к священной жертве, хотя бы настояла великая нужда: не приступай же и с неомытою душою; это гораздо преступнее того и влечет за собою большее наказание. Но ничто так не наполняет душу нечистотою, как гнев, постоянно в ней остающийся. Где злоба и гнев, туда не прилетает Дух кротости. А человек, лишенный Святого Духа, какую может иметь надежду на спасение? Как пойдет прямым путем? Итак, возлюбленный, не подвергай себя гибели и не лишай Божия заступления желанием мстить врагу. Если бы даже и трудно было это дело, то тяжести наказания за неисполнение было бы достаточно, чтобы возбудить и самого сонливого и беспечного человека, и заставить его понести всякий труд; между тем слово показало, что это дело весьма легкое, лишь бы мы захотели. Не будем же беспечны на счет своей жизни, но постараемся и сделаем все, чтобы приступить нам к священной трапезе, не имея врагов. Ни одна, ни одна из заповедей Божиих не будет трудна, если мы будем внимательны: это видно из примера тех, которые уже исправились. Сколь многие увлекались привычкою к клятвам и считали ее неисправимою? Однако, по милости Божией, как употребили вы несколько старания, то большую часть этого порока смыли с себя. Поэтому прошу отбросить и остальное, и сделаться учителями для других. А тем, которые еще не исправились, но указывают нам на долгое время, в которое они прежде клялись, и говорят, что невозможно в краткое время вырвать укоренившееся в течение многих лет, - скажу вот что: где должно исполнить какое-либо повеление Божие, там требуется не время, не множество дней, не продолжительность лет, но только страх (Божий) и душа, исполненная благоговения: тогда мы, несомненно, успеем и в краткое время!

8. Чтобы не подумалось вам, будто я говорю это так просто, возьмите человека, которого почитаете пристрастившимся к клятвам, который больше произносит клятв, чем слов: отдайте его мне только на десять дней, и если я в течение этих немногих дней не истреблю в нем этой привычки совершенно, присудите меня к крайнему наказанию. Что эти слова не хвастовство, ясно будет вам из прежних событий. Что было неразумнее и безрассуднее ниневитян? Однако, эти иноплеменники и неразумные, никогда не слыхавшие ни одного любомудра, никогда не получавшие таких заповедей (христианских), услышав слова пророка: “**Еще сорок дней и Ниневия будет разрушена!**” (Иона. 3:4), в три дня совсем бросили худую привычку: развратный сделался целомудренным, дерзкий кротким, грабитель и хищник воздержным и милостивым, беспечный трудолюбивым. Не одну, не две, не три и не четыре страсти они уврачевали, но исправили все свои пороки. Откуда же, скажешь, это видно? Из слов пророка: кто осудил их и сказал: “**Злодеяния его дошли**” их до небес (Иона. 1:2), тот сам же засвидетельствовал о них и противное, сказав: “**И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего**” (Иона. 3:10). Не сказал: от блуда, или прелюбодеяния, или воровства, но “**от злого пути своего**”. Как же они обратились? Как ведает Бог, а не как судил человек И мы не стыдимся, не краснеем, что, тогда как иноплеменники в три только дня бросили все пороки, мы, в продолжение столь многих дней оглашаемые и поучаемые, не можем одолеть и одной худой привычки? Они прежде уже дошли до крайнего нечестия (потому что, как услышишь, что “ **злодеяния его дошли до Меня**”, - разумей здесь чрезмерность нечестия их); несмотря на это, могли в три дня обратиться

совершенно к добродетели. Где страх Божий, там нет надобности во многих днях и в долгом времени; равно как - где бесстрашие, там нет пользы от (множества) дней. Кто заржавевшие сосуды станет мыть только водою, тот хоть и много потратит времени, не выведет всей этой нечистоты, но, кто бросит их в горн, тот в краткий срок времени сделает их светлее новых. Так и душа, покрытая ржавчиною греха, не получит никакой пользы, если станет очищать себя и каждый день каяться просто и кое-как; но, если повергнет себя в горн страха Божия, то в короткое время смоет с себя всю нечистоту. Итак, не будем откладывать до завтра, потому что не знаем, "**что родит тот день**" (Притч. 27:1); не будем говорить: одолеем эту привычку понемногу, потому что этому "понемногу" никогда не будет конца. Вместо этого, станем говорить вот что: не отстанем, пока сегодня же не исправимся от клятв, хотя бы подавляла нас тысяча дел, хотя бы пришлось умереть, хотя бы - потерпеть наказание, хотя бы - всего лишиться; не дадим дьяволу власти своею беспечностью и предлога к промедлению. Когда увидит Бог, что душа воспламенилась и ревность пробудилась в тебе, то и Сам поможет тебе исправиться. Так, прошу и умоляю, постараемся, чтобы и нам не услышать, что "**Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его**" (Лк. 11:32), потому что они, услышав (увещание) однажды, исправились, а мы, и много раз слыша, не обратились; они совершили всякую добродетель, а мы - ни одной; они устрашились, услышав о разрушении города, а мы, слыша и о геенне, не устрашаемся; они - не имея пророчеств, а мы - пользуясь непрерывным учением и великою благодатию. Говорю это теперь, осуждая вас не за ваши собственные, но за чужие грехи. Вы, как известно мне и как прежде сказал я, исполнили уже этот закон о клятвах: но этого недостаточно для нашего спасения, если мы, притом, не научим и не исправим и других; потому что и принесший талант тот, хотя возвратил врученные деньги в целости, однако подвергся наказанию за то, что не приумножил данного (Мф. 25:30). Итак, не будем смотреть только на то, освободились ли мы сами от греха, не отстанем, пока не освободим и других; и каждый, слуг ли имеешь, или учеников, собрав около себя друзей десять, приведи их к Богу. Но нет у тебя ни учеников, ни слуг? Так есть друзья: их исправь. И не говори мне: "от частого употребления клятв мы отстали, а только изредка увлекаемся к ним"; брось и это - "изредка". Если потеряешь один золотой, не обойдешь ли всех с расспросами и поисками, только бы найти его? Так поступи и с клятвами. Если увидишь, что вырвалась у тебя одна клятва, плачь, стенай, как будто бы все имущество твое пропало. Опять говорю, что и прежде: запрись дома, займись и потрудись с женою, с детьми и домашними; скажи наперед сам себе: не примусь ни за частные, ни за общественные дела, пока не исправлю душу свою. Если вы научите детей своих, и они научат своих детей, и таким образом исполнение заповеди, дошедши до конца века и до пришествии Христова, всю награду за это принесет тем, кто положил корень. Если сын твой научится говорить: *поверь*, то не пойдет уже в театр, не войдет в корчемницу, не займется игрою в кости: слово это, лежа в устах подобно узде, и против воли заставит его краснеть и стыдиться; если же когда он и покажется там, оно понудит его тотчас выбежать оттуда. Но такие-то смеются (над тобою)? Поплачь об их развращении. Многие смеялись и над Ноем, когда он строил ковчег; а как пришел потоп, тогда он посмеялся над ними; впрочем, вернее сказать, праведник и не посмеялся над ними, но поплакал и восстенал. Итак, когда увидишь смеющихся, подумай, что смеющиеся теперь будут некогда весьма горько плакать и скрежетать зубами, и вспомнят об этом смехе, когда в тот день будут стенать и скрежетать: тогда и ты вспомнишь об этом смехе. Сколько смеялся богач над Лазарем? А после, увидев его в лоне Авраама, оплакивал уже самого себя.

9. Размышляя обо всем этом, понуждай всех, не медля, к исполнению этой заповеди. И не говори мне, что (будешь делать это) понемногу; не откладывай до завтра: этому *завтра* - никогда нет конца. Сорок дней уже прошло; если еще пройдет и святая Пасха, то никому уже не прощу, и употреблю не увещание, но запрещение и отлучение, которым нельзя

пренебрегать: ссылка на привычку - не сильное оправдание! Почему вор не ссылается на привычку и не освобождается от наказания? Почему также и убийца, и прелюбодей? Итак, наперед говорю и объявляю всем, что, если я, сошедшись с вами наедине, и сделав опыт (а непременно сделаю), найду, что некоторые не исправились в этом недостатке, - таких подвергну наказанию, прикажу не допускать к святым тайнам, не для того, чтобы они оставались без них, но - чтобы исправились и затем приступили, и с чистою совестью вкусили священной трапезы: потому что, это и значит быть причастником. Молитвами же предстоятелей и всех святых, исправив эти и все другие недостатки, да получим царство небесное, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О СТАТУЯХ

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

На возвращение епископа Флавиана и примирение царя с городом, и к виновным в низвержении статуй.

СЛОВАМИ, которыми всегда во время опасностей имел я обычай начинать беседу к вашей любви, - теми же словами и сегодня начну слово к вам, и скажу с вами: “Благословен Бог”, - сподобивший нас совершить сегодня этот священный праздник с великою радостью и весельем, и возвративший телу главу, овцам пастыря, ученикам учителя, воинам вождя, священникам святителя; благословен Бог, “**Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем**” (Еф. 3:20)! Нам казалось достаточным избавиться от тяготевших над нами бедствий, и мы об этом только и молились; а Бог человеколюбивый и всегда даянием несравненно превышающий прошения наши, возвратил нам, сверх всякого чаяния, и отца. Кто мог ожидать, что в столь немногие дни он и отправится, и побеседует с царем, и прекратит бедствия (Антиохии), и опять возвратится к нам, - так скоро, что успеет предварить и священную Пасху и праздновать ее с нами? Но вот, это неожиданное сбылось, и получили мы отца, и тем большее вкушаем удовольствие, что получили его теперь сверх ожидания. За все это будем благодарить человеколюбивого Бога, и удивляться Его силе и человеколюбию, премудрости и попечительности о (нашем) городе. Дьявол покусился совсем разрушить (наш город) дерзким поступком [1], а Бог чрез это несчастие прославил и город, и святителя, и царя, и всех показал в большем блеске. Город прославился тем, что, когда постигла его такая опасность, он, миновав всех облеченных властью, владеющих великим богатством, имеющих великую силу у царя, прибегнул к церкви и к святителю Божию, и с великою верою предался вышней надежде. Так, когда, по отшествии общего отца [2], многие смущали заключенных в темницу и говорили, что царь не смягчается в гневе, но еще более раздражается и замышляет совершенно разрушить город, и много распускали других слухов, - узники от этих слов нисколько не делались боязливее; но, когда мы говорили, что слухи эти ложны и суть козни дьявола, хотящего повергнуть уныние в умы ваши, - "не нуждаемся мы в словесном утешении", отвечали они нам, "знаем, к кому вначале мы прибегли, и какой надежде предали себя: к священному якорю прикрепили мы свое спасение, вверили его не человеку, но Богу всемогущему; поэтому и полагаем, что конец, наверно, будет хороший; невозможно, невозможно, чтобы эта надежда была когда обманута". Скольким венцам, скольким похвалам равнозначаще это для нашего города? Какое привлечет Божие благоволение и в прочих делах? Нет, не всякая душа может, во время напора опасностей, сохранять бодрость, взирать к Богу, и, презрев все человеческое, искать той помощи!

Так, вот как прославился город. Но и святитель прославился не меньше, чем город. Он предал душу свою за всех, и хотя были многие препятствия - зима, старость, праздник, а не менее того, сестра, бывшая при последнем издыхании, - он стал выше всех этих препятствий, и не сказал себе: "что это? Одна осталась у меня сестра, со мною влечет она иго Христово и жила вместе столько времени, и та теперь при последнем издыхании, а мы, оставив ее, уйдем отсюда, и не увидим, как будет она испускать дыхание и последние звуки? Она каждодневно молила нас и закрыть ей глаза, и сложить и сомкнуть уста, и позаботиться обо всем прочем, что нужно к погребению; а теперь, как сирая и беспомощная, ничего этого не получит от брата, от которого получить особенно желала, но, разлучаясь с жизнью, не увидит того, кто ей любезнее всех? Скольких же смертей это будет ей тяжелее? Если бы даже она была далеко (от меня), не надлежало ли бы (мне) бежать, и сделать, и перенесть все, чтобы доставить ей это удовольствие? А теперь, будучи близ нее, оставлю ее, и уйду отсюда? Как же перенесет она последующие дни?" - Ничего такого он, не только не сказал, но и не подумал: напротив, предпочтя страх Божий всякому родству, он хорошо знал, что, как кормчего выказывают бури и вождя опасности, так и иерея - искушение. "Все, говорил он, смотрят на нас, и иудеи и язычники; не обманем же их надежд на нас, и не пропустим с небрежением такое кораблекрушение, но, поручив Богу всю судьбу нашу, отдадим и самую жизнь". Посмотри же, вслед за великодушием иерея, и на Божие человеколюбие: всем, что презрел он, всем этим насладился, - для того, чтобы и получил награду за усердие, и в неожиданном наслаждении вкусил тем большее удовольствие. Решился он, для спасения города, провести праздник на чужой стороне, вдали от своих; а Бог возвратил его нам прежде Пасхи, так что этот всеобщий праздник провел он с нами, и в этом получил и награду за решимость, и вкусил тем большую радость. Не побоялся он (зимнего) времени года - и было тепло во все время его путешествия; не обратил внимания на старость - и прошел этот далекий путь, так легко, как бодрый юноша; не подумал о смерти сестры, не поддался слабости – и, возвратившись, нашел ее в живых. Так все, что презрел он, все получил.

2. Так-то святитель прославился пред Богом и пред людьми! А царя это дело украсило блистательнее диадемы. И, во-первых, тогда сделалось явным, что он иереям готов даровать такую милость, какой - никому другому; потом, - что и весьма скоро даровал эту милость, и перестал гневаться. Но, чтобы яснее узнать великодушие царя и мудрость святителя, а прежде и того и другой - человеколюбие Божие, позвольте мне пересказать вам немногое из бывшего там разговора.

А скажу то, что узнал от одного из стоявших в царском дворце: сам отец [3] не сказал нам ни мало, ни много, но, подражая великодушию Павла, всегда скрывает свои добродетели, и кто бы и где ни спрашивал его: "что сказал он царю, как убедил его, и как изгнал из него весь гнев?" отвечал такими словами: "мы нисколько не пособили делу; сам царь, как смягчил Бог его сердце, еще до наших слов оставил весь гнев и прекратил ярость, и, разговаривая о деле, вспоминал обо всем случившемся без всякого гнева, как будто другой кто-то оскорблен был". Но, что он скрыл по смирению, то Бог вывел наружу. Что же это такое? Расскажу вам; только поведу речь несколько с начала. Святитель, отправившись из (нашего) города, где он оставил всех в таком унынии, перенес гораздо большие скорби, нежели мы, бывшие в самом бедствии. Во-первых, встретившись на половине дороги с посланными от царя на следствие по делу, и узнав от них, для чего они посланы, и представляя в уме грозившие городу бедствия, - возмущения, смятения, бегство, страх, беспокойство, опасности, - проливал потоки слез, потому что разрывалось сердце его: отцы, обыкновенно, скорбят гораздо более, когда не могут быть вместе с своими злостраждущими детьми. То же случилось и с этим сердобольнейшим (отцом): плакал он не только о грозивших нам бедствиях, но и о том, что он - вдали от нас, терпящих оные. Впрочем, и это было для нашего спасения: когда узнал он от посланных о

том (для чего они посланы), то пролил горячайшие потоки слез, прибегнул к Богу с усерднейшею молитвою, и проводил ночи без сна, умоляя, чтобы помог Он так страждущему городу и укротил сердце царево. Когда же достигнул великого града того [4] и вступил в царские палаты, то остановился вдали от царя, безгласен, проливая слезы, склоняя лицо вниз, закрываясь, как будто сам он сделал все те (дерзости). Так поступил он для того, чтобы сперва положением, видом, слезами подвигнуть царя на милость, а потом начать и ходатайствовать за нас: для виновных остается одно оправдание - молчать и ничего не говорить о сделанном. Хотел святитель одно чувство исторгнуть, а другое возбудить (в царе): исторгнуть гнев, а возбудить скорбь, чтобы таким образом открыть путь словам защитительным; - что и случилось. И как Моисей, взошедши на гору, когда народ согрешил, стоял безгласен, пока не вызвал его Бог, сказав: “**Оставь Меня,** … **и истреблю**” народ сей (Исх. 32:10), - так сделал и святитель.

И вот царь, увидя его плачущим и поникшим долу, сам подошел к нему, и что чувствовал он из-за слез святителя, то выразил словами, обращенными к нему. Это были слова не гневающегося и негодующего, но скорее скорбящего и объятого тяжкою печалью; и что это правда, узнаете, как услышите самые слова. Не сказал (царь): "что это значит? Идешь ты ходатайствовать за людей негодных и непотребных, которым бы и жить не следовало, - за непокорных, за возмутителей, достойных всякой казни?" Нет, оставя все эти слова, он сложил в свою защиту речь, исполненную скромности и важности, исчислил свои благодеяния, какие только оказывал нашему городу за все время своего царствования, и при каждом говорил: "это ли мне надлежало потерпеть за те благодеяния? За какие несправедливости сделали они мне эту обиду? В чем, малом или великом, могут они винить меня, что нанесли оскорбление не только мне, но и умершим? Не довольно было остановить ярость на живых; нет, они подумали, что не сделают еще достаточной дерзости, если не оскорбят и погребенных. Обидели мы, как они думают; так все-таки надлежало пощадить мертвых, не сделавших никакой обиды; их-то уже не могли они винить в этом. Не всегда ли предпочитал я этот город всем, и не считал ли его любезнее родного города? И не всегдашним ли моим желанием было - увидеть город этот, и не пред всеми ли делал я такую клятву?"

3. Здесь святитель, горько возопив и пролив горячайшие слезы, не стал уже долее молчать; так как видел, что царево оправдание служит тем к большему обвинению нас. Поэтому он, тяжело и горько восстенав, сказал: признаем и не можем отрицать, государь, эту любовь, которую показал ты к нашей родине и поэтому-то особенно плачем, что демоны позавидовали столь любимому (городу), и мы оказались неблагодарными пред благодетелем и прогневали сильно любящего нас. Разрушь, сожги, умертви, или другое что сделай: все еще не накажешь нас по заслугам; мы сами заранее поставили себя в такое положение, которое хуже тысячи смертей. Что может быть хуже того, что мы оказались прогневавшими, без причины, благодетеля и столько любящего, - что знает это вся вселенная и обвиняет нас в крайней неблагодарности? Если бы варвары, напав на город наш, разрушили стены, зажгли дома, и, взяв пленников, ушли с ними, - несчастие было бы меньше. Почему? Потому что, пока ты жив и показывал бы такое к нам благоволение, оставалась бы надежда, что все такие бедствия прекратятся, - мы опять придем в прежнее положение и получим еще более блестящую свободу. Но теперь, когда отнимется твое благоволение и погаснет любовь, которая защищала нас лучше всякой стены, к кому, наконец прибегнем мы? В какое другое место посмотреть можем, раздражив столь любезного владыку и кроткого отца? Поэтому, если (антиохийцы) совершили, по-видимому, нетерпимые преступления, то они и пострадали более всех; не смеют ни на одного человека взглянуть, не могут свободно смотреть глазами и на солнце, потому что стыд со всех сторон сжимает ресницы и заставляет закрываться. Лишившись таким образом душевной свободы, они теперь несчастнее всех пленников, терпят крайнее

бесславие, и, помышляя о великости зол и о том, до какой дошли они дерзости, не могут и вздохнуть, потому что всех, населяющих вселенную, людей восставили против себя обвинителями, более строгими, нежели сам оскорбленный. Но, если захочешь, государь, есть врачевство для этой раны, и средство против стольких зол. Нередко и между частными людьми бывало, что тяжкие и нестерпимые оскорбления служили поводом к великому благорасположению. Так случилось и с нашей природой. Когда Бог создал человека, ввел в рай и удостоил великой чести, дьявол, не терпя такого счастья, позавидовал ему и низринул его с данной ему высоты. Но Бог не только не оставил его, но еще, вместо рая, отверз нам небо, этим самым и являя свое человеколюбие, и еще более наказывая дьявола. Сделай это и ты: демоны подвигли теперь все, чтобы лишить твоего благоволения город, более всех любезный тебе; зная это, накажи нас, как хочешь, только не лишай прежней любви. Но сказать ли нечто и удивительное? Если хочешь наказать устроивших это демонов, покажи к нам еще большее благоволение и впиши опять город наш в число первых, любимых тобою городов. Если разрушишь его, распашешь и уничтожишь, так сделаешь лишь то, чего они издавна хотели; но если оставишь гнев и снова объявишь, что любишь его, как любил прежде, то нанесешь им смертельную рану и крайнему подвергнешь наказанию, показав, что не только не было им успеха в замысле, но еще случилось совершенно противное тому, чего они хотели. Да и справедливо поступишь, если это сделаешь и помилуешь город, которому демоны позавидовали из-за любви твоей: если бы ты не так сильно любил его, то и они так не позавидовали бы ему. Поэтому, как ни странно, но справедливо говорю, что это потерпел (город) из-за тебя и из-за твоей любви. Скольких пожаров, какого разрушения не горестнее те слова, которые сказал ты в свое оправдание? Говоришь, что теперь ты оскорблен и потерпел то, чего - никогда ни один из прежних царей. Но, если хочешь, человеколюбивейший, мудрейший и благочестивейший, - это оскорбление украсит тебя венцом, который будет лучше и блистательнее, нежели эта диадема. Диадема эта, конечно, есть доказательство и твоей доблести; но служит также и свидетельством щедрости давшего ее. Венец же, сплетаемый тебе этим человеколюбием, будет делом собственно твоим и твоего любомудрия: и все будут не столько дивиться тебе из-за этих драгоценных камней, сколько хвалить тебя за победу над гневом. Низвергнули твои статуи? Но тебе можно воздвигнуть еще более блистательные. Если простишь вину оскорбившим и не подвергнешь их никакому наказанию, они воздвигнут тебе не медный, не золотой и не каменный столб на площади, но такой, который дороже всякого вещества, - украшенный человеколюбием и милосердием. Так, каждый из них поставит тебя в сердце своем, и у тебя будет столько статуй, сколько есть и будет людей во вселенной. Не только мы, но и наши потомки, и потомки их, все услышат об этом, и подивятся и полюбят тебя, как будто сами они получили благодеяние. И что не из лести говорю это, но так будет непременно, в доказательство этого расскажу тебе одну древнюю повесть, чтобы узнал ты, что царей прославляют не столько войска, оружие, деньги и многочисленность подданных, сколько любомудрие и кротость души.

"О блаженном Константине рассказывают, что, когда однажды его изображение избито было камнями, и многие возбуждали его предать виновных суду и казни, говоря, что бросавшие камни изранили все лицо его, он, ощупав рукою лицо и кротко улыбнувшись, сказал: "не вижу на лице никакой раны, напротив цела голова, цело и все лицо"; и люди эти, со стыдом и срамом, оставили такой недобрый совет. Слова эти доселе воспеваются всеми, и столь продолжительное время не ослабило и не истребило памяти об этом любомудрии. Скольких же победных памятников будет это блистательнее! Много воздвиг он великих городов, много победил и варваров - и ничего этого не помним; а слова эти до сего дня воспеваются: их услышат все, - и наши потомки, и потомки их. И не это только дивно, что услышат, но и то, что пересказывающие (эти слова) будут говорить, а слышащие - принимать их с похвалами и одобрением, и не будет никого, кто бы, услышав

их, мог смолчать, но тотчас же воскликнет, и похвалит сказавшего, и пожелает ему множества благ и по смерти. Если же он, за эти слова, заслужил такую славу у людей, то сколько венцов получит от человеколюбивого Бога!

"И что говорить о Константине и представлять чужие примеры, когда можно убеждать тебя и твоими собственными подвигами? Вспомни недавнее время, когда, по наступлении этого праздника, разослал ты по всей вселенной повеление освободить заключенных в темнице и простить им вины, и, как будто бы этого было недостаточно для доказательства твоего человеколюбия, написал: "о, если бы возможно мне было и умерших воззвать, и воскресить, и возвратить к жизни!" Вспомни эти слова теперь: вот время воззвать и воскресить, и возвратить к жизни умерших! И эти (антиохийцы) уже умерли, и, еще до произнесения приговора, город стал уже при самых вратах адовых. Воздвигни же его оттуда (это ты можешь сделать) без денег, без издержек, без траты времени и без всякого труда. Довольно тебе сказать только - и поднимешь лежащий во мраке город. Дай теперь ему называться уже по твоему человеколюбию; он будет благодарен не столько первому своему основателю, сколько твоему приговору; и весьма справедливо. Тот дал ему начало - и отошел; а ты воздвигнешь его тогда, как он, сделавшись обширным и великим, пал после этого долгого благоденствия. Не столько было бы удивительно, когда бы овладели им враги и напали варвары, а ты освободил его от опасности, сколько будет удивительно, если пощадишь теперь: то делали часто и многие цари, а это сделаешь ты один, и первый, сверх всякого ожидания. Защищать подданных - в этом нет ничего удивительного и необычайного: это дело обыкновенное; но, потерпев столько и столь великих оскорблений, прекратить гнев - это выше всей природы человеческой! Подумай, что теперь должно тебе позаботиться не только об этом городе, но и о твоей славе, даже о всем христианстве. Теперь и иудеи, и язычники, и вся вселенная, и варвары (ведь, и они услышали об этом) обратили взоры на тебя и ждут, какой произнесешь приговор по этому делу. И если произнесешь (приговор) человеколюбивый и кроткий, все похвалят таков решение, прославят Бога, и скажут друг другу: "вот каково могущество христианства! Человека, которому нет равного на земле, который властен все погубить и разрушить, оно удержало, и обуздало, и научило терпению, какого и простой человек не показывал. Истинно велик Бог христианский: из людей Он делает ангелов, и ставит их выше всякой естественной необходимости!" Не бойся того напрасного страха, и не внимай тем, которые говорят, будто прочие города будут хуже и окажут еще более неуважения, если этот не будет наказан. Конечно, этого надлежало бы опасаться, когда бы ты не был в состоянии наказать, и сделавшие это имели силы более твоего, или были тебе равносильны. Но, когда они поражены ужасом и умирают от страха; когда, в лице моем, прибегнули к стопам твоим, и всякий день ничего другого не ожидают, кроме погибели; когда творят общие молитвы взирая на небо и прося Бога, да приидет и ходатайствует вместе с нами; когда каждый распорядился уже о делах своих, как бы находясь при последнем издыхании - не излишне ли такое опасение? Они и тогда, когда бы обречены были на смерть, не страдали бы так, как страдают теперь, проводя столько дней в страхе и трепете, и по наступлении вечера не надеясь увидеть зарю, а с появлением дня не чая дожить до вечера. Многие даже сделались добычею зверей, когда убежали в пустыни и переселились в места непроходимые; не только мужчины, но и малые дети, и благородные и прекрасные жены в продолжение многих ночей и дней скрываются в пещерах, пропастях и оврагах пустынных. Нового рода плен постиг наш город: даже и стены целы, а жители бедствуют хуже погоревших городов; нет ни одного варвара, не видно неприятеля, а они несчастнее пленников, и движение одного листа всех их пугает каждодневно. Это все знают, и не столько вразумились бы, если бы увидели город разрушенным, сколько (вразумляются) теперь, слыша об этом несчастии его. Итак, не думай, будто прочие города будут хуже. Нет, если бы ты разрушил другие города, и тогда не вразумил бы их так, как ныне, когда смутным ожиданием будущего наказал ты их

жесточе всякой казни. Не протягивай же долее их несчастий, но дай им наконец вздохнуть. Наказать виновных и взыскать за проступки, конечно, легко и удобно; но пощадить оскорбивших и дать прощение провинившимся в непростительном деле, - это возможно разве для одного - двух, и особенно, когда оскорбленный будет царь. Затем, покорить себе страхом - легко; но сделать всех друзьями, и заставить полюбить твое царствование и воссылать не только всем общие, но и каждому свои особенные молитвы о твоем правлении - это дело трудное. Пусть кто истратит тысячи денег, пусть двинет тысячи войск, пусть сделает, что угодно; не легко будет ему привлечь к себе расположение такого множества людей, а для тебя теперь это будет легко и удобно. Сколько стоило бы тебе денег, сколько стоило бы трудов - приобрести в краткое мгновение времени всю вселенную, и заставить всех людей, как нынешних, так и будущих, просить (у Бога) и твоей главе всего, чего только просят они детям своим? Если же так от людей, подумай, какую награду получишь от Бога, не только за то, что теперь делается, но и за то, что впоследствии будет сделано другими. Ведь, если когда случится подобное нынешнему происшествие, чего не дай Бог, и некоторые из оскорбленных замыслят отмстить оскорбившим, твоя кротость и терпение будут им вместо всякого наставления и увещания, и стыдно и совестно им будет, имея такой образец любомудрия, показаться худшими. Так, будешь ты учителем всех потомков, и, хотя бы они дошли до той же высоты любомудрия, однако ты будешь иметь над ними преимущество, потому что не все равно - самому ли первому показать такую кротость, или, смотря на других, подражать их делам. Поэтому, какое бы ни показали последующие за тобою (цари) человеколюбие и кротость, вместе с ними получишь награду и ты: кто дал корень, тот будет виновником и плодов. Поэтому, с тобою никто не может разделять теперь награду за человеколюбие: оно собственно твое только дело; а ты со всеми, кто только впоследствии явится подобным тебе, можешь одинаково участвовать в добром деле, и получить такую же долю, какую наставники в учениках. А если никого не будет такого, опять твоя слава и честь возрастать будут с каждым поколением. Подумай, каково это: услышат все потомки, что, когда столь великий город подпал наказанию и мести, когда трепетали и устрашились все - и военачальники, и градоправители, и судьи, и не смели подать голоса за несчастных, - предстал один ходатай Божий, облеченный священством, и одним видом, простою беседою преклонил державного; и - чего этот не давал никому из подданных, то, из уважения к законам Божиим, дал одному старцу. Ведь, и этим самым город не мало почтил тебя, государь, что послал меня ходатайствовать по этому делу: они произнесли о тебе самое лучшее и прекрасное суждение, - что, тогда как всякое начальство под тобою, ты оказываешь предпочтение священникам Божиим, как бы ни были они незначительны. Впрочем, не от них только иду теперь, но еще прежде, чем от них, от общего Владыки ангелов послан я сказать кротчайшей и снисходительнейшей душе твоей, вот что: “**Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный**” (Мф. 6:14). Итак, вспомни о том дне, в который все мы дадим отчет в делах своих. Подумай, что, если и ты согрешил в чем, то можешь загладить все согрешения этим приговором и решением, - без трудов, без усилий. Так, другие ходатаи приносят золото, серебро и другие подобные дары; а я пришел к твоему царскому величеству с священными законами, и представляю их вместо всяких даров, и молю тебя поступить подобно Владыке твоему, Который, хотя каждодневно бывает нами оскорбляем, не престает однако сообщать всем дары Свои. Не посрами же наших надежд и обещаний не сделай тщетными. Скажу тебе, между прочим, и то, что, если решишься помиловать город, оказать ему прежнее благоволение, и оставить праведный этот гнев, я возвращусь с великим дерзновением; если же отринешь город от сердца твоего, не только не возвращусь в него и не увижу земли его, но однажды навсегда отрекусь от него, и запишусь в другой город. Нет, никогда не припишусь к тому городу, с которым ты, человеколюбивейший и кротчайший из всех людей, не хочешь примириться и войти в общение".

4. Сказав это и еще больше этого, святитель так тронул царя, что произошло то же, что некогда случилось с Иосифом. Как этот тогда, увидя братьев, хотел бы плакать, но скрывал скорбь, чтобы не изменить притворству; так и царь - плакал в душе, но не показывал этого из-за бывших тут. Однако, наконец он не мог скрыть чувства и против воли обнаружил его. После этой речи уже не нужно было ему других слов, а только одно произнес он слово, которое украсило его гораздо более диадемы. Что же это за слово? - "Что удивительного и великого, - сказал он, - если перестанем гневаться на оскорбивших - на людей, мы - люди же, когда Владыка вселенной, пришедши на землю и ради нас сделавшись рабом, и будучи распят облагодетельствованными Им, молил Отца о распявших Его так: “**Прости им, ибо не знают, что делают**” (Лк. 23:34); так что удивительного, если мы простим подобным нам рабам?" А что эти слова были не лицемерны, это доказали все события, а не меньше их и то, о чем намереваюсь теперь сказать. Когда святитель сам хотел совершить там (в Константинополе) вместе с царем настоящий праздник, (царь) насильно заставил его ускорить (отбытием) и поспешить, и явиться гражданам (Антиохии). "Знаю, - сказал он, - что теперь души их мятутся, и много еще следов несчастия: иди, утешь. Когда увидят кормчего, то и не вспомнят о миновавшей буре, но совсем изгладят и самую память о бедствиях". Когда же святитель стал просить настоятельно, чтобы (царь) послал сына своего, он, желая показать ясно, что совершенно истребил в душе весь гнев - "молитесь, - сказал, - чтобы устранились эти препятствия, чтобы утихли эти войны - и непременно я сам приду". Что может быть добрее этой души? Пусть устыдятся наконец язычники, или лучше, не устыдятся, но пусть вразумятся, оставят свое заблуждение, обратятся к силе христианства, узнав от царя и от святителя наше (христианское) любомудрие. Боголюбивейший царь не остановился тогда и на этом: после того, как святитель уже и выбыл из города (столичного) и переплыл море [5], царь послал туда некоторых справиться и понаблюсти, чтобы тот не тратил времени и не отнимал на половину радости у города (Антиохии), проводя праздник в другом месте. Какой кроткий отец показал бы такую заботливость об оскорбивших его? Скажу и еще нечто в похвалу этого праведного (епископа). Совершив такое дело, он не поспешил, как сделал бы всякий другой славолюбец, сам принести грамоту, которою прекращалось наше бедствие; но как сам он шел довольно медленно, то упросил одного из искусных в верховой езде опередить его и принести городу добрые вести, чтобы от медленности его путешествия не продлилось уныние. Единственным желанием было у него не то, чтобы самому принести эти счастливые и весьма радостные вести, но - чтобы скорее успокоилось отечество наше.

Итак, что тогда сделали вы, украсив площадь венками, зажегши светильники, разостлав пред мастерскими ковры, и как тогда торжествовали, как будто бы город родился вновь: то же делайте и во всякое время, (только) иначе, украшаясь не венками из цветов, но добродетелью, возжигая в душе своей свет (добрых) дел, радуясь духовною радостью. Никогда не перестанем и благодарить Бога за все это, и изъявлять пред Ним великую признательность не только за то, что прекратил бедствия, но и за то, что попустил их: чрез то и другое Он прославил наш город. “**Передайте об этом, - по слову пророческому, - детям вашим; а дети ваши пусть скажут своим детям, а их дети следующему роду**” (Иоиль. 1:3), - чтобы все, кто ни будет жить до скончания века, познав человеколюбие Божие, проявившееся на городе, и ублажали нас, получивших такую милость, и дивились нашему Владыке, восстановившему так падший город, да и сами получили бы пользу, всеми этими событиями побуждаясь к благочестию. Повествование о случившемся с нами может приносить весьма великую пользу, не только нам, если будем всегда о том помнить, но и нашим потомкам. Размышляя обо всем этом, будем всегда, не только при прекращении бедствий, но и при попущении их, благодарить человеколюбивого Бога, - узнав и из божественного Писания, и из случившегося с нами, что Он всегда устрояет все ко благу нашему с подобающим Ему человеколюбием, которым постоянно пользуясь, да

получим мы и царство небесное, чрез Господа нашего Иисуса Христа, Коему слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Т. е. низвержением царских статуй.

[2] Епископа Флавиана в столицу.

[3] Епископ Флавиан.

[4] Константинополя.

[5] Конечно, Босфор, которым отделяется европейский берег, где стоит Константинополь, от азиатского.

СЛОВА ОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ

Два огласительных слова к готовящимся к крещению произнесены святым. Иоанном Златоустым, как полагают, в 387 г. во время святой Четыредесятницы: первое за тридцать дней до Пасхи, второе - десять дней спустя после первого. (т. 2, ч. 1)

СЛОВО ПЕРВОЕ

К готовящимся к просвещению, и о том, почему крещение называется баней пакибытия, а не оставления грехов, и что опасно не только нарушать клятву, но и клясться, хотя бы мы клялись справедливо.

КАК вожделен и любезен нам сонм юных братьев! Я называю вас братьями еще прежде рождения и приветствую вас, как родных, еще прежде, нежели вы родились. Я знаю, верно знаю, какой вы имеете удостоиться чести и какой власти, а тех, которым предстоит получить власть, обыкновенно все уважают еще прежде получения этой власти, чтобы услужливостью предварительно снискать себе их благосклонность на будущее время. Это теперь делаю и я, так как вам предстоит получить не только власть, но самое царство, и притом не просто царство, но царство небесное. Посему, прошу и умоляю вас, вспомните обо мне, когда достигнете этого царства; Иосиф говорил начальнику виночерпиев: "**вспомни же меня, когда хорошо тебе будет**" (Быт. 40:14), так и я теперь говорю вам: "**вспомните меня, когда хорошо вам будет**". Не за истолкование снов я прошу у вас этого воздаяния, подобно ему, так как я пришел не сны разгадывать вам, но возвещать о предметах небесных и преподать благовестие о тех благах, "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**"; таковы блага, "**что приготовил Бог любящим Его**" (1 Кор. 2:9). Иосиф говорил виночерпию: "**через три дня фараон вознесет главу твою и возвратит тебя на место твое, по прежнему обыкновению, когда ты был у него виночерпием**" (Быт. 40:13); а я не говорю: еще три дня, и вы сделаетесь виночерпиями властителя, - но: еще тридцать дней, и не фараон, а Царь небесный возведет вас в горнее отечество, в свободный Иерусалим, в город небесный. Тот говорил: "**и ты подашь чашу фараонову в руку его**" (Быт. 40:13); а я не говорю: вы будете подавать чашу в руки царя, - но: сам Царь даст в руки ваши чашу страшную, и

исполненную великой силы и драгоценнейшую всякой твари. Посвященные в тайны знают силу этой чаши; узнаете и вы спустя немного. Итак, вспомните обо мне, когда войдете в то царство, когда получите царскую одежду, когда облечетесь в порфиру, обагренную кровью Владычной, когда наденете диадему, испускающую со всех сторон лучи светлее солнечных. Таковы дары Жениха, хотя превышающие ваше достоинство, но достойные Его человеколюбия.

Посему я и ублажаю вас еще прежде вступления вашего в тот священный брачный чертог, и не только ублажаю, но и хвалю ваше благоразумие, что вы приступаете к крещению не при последнем дыхании, как беспечнейший из людей, но как благоразумные рабы, готовые с великим благорасположением повиноваться Господу, уже с этого времени с великой покорностью и рвением склоняете выю души под иго Христово, принимаете это благое иго и возлагаете на себя это легкое бремя. Хотя и равны дары благодати для вас и для принимающих таинство при конце жизни, но неодинаково расположение воли и приготовление к делу. Те принимают таинство на одре, а вы в недрах Церкви, общей всем нам матери; те - в скорби и слезах, а вы - в радости и веселье; те - со стенанием, а вы - с благодарностью; те - объятые сильной горячкой, а вы - исполняясь великого духовного удовольствия. Поэтому здесь все соответствует дару, а там все противоположно дару: там принимающие таинство предаются великому сетованию и плачу, стоят кругом дети плачущие, жена, бьющая себя по ланитам, друзья печальные, слуги, обливающиеся слезами, вид всего дома уподобляется какому-то ненастному и мрачному дню; а если раскроешь самое сердце лежащего, то найдешь его скорбным более всего этого. Как ветры, с великой силой устремляющиеся один против другого, разделяют море на многие части, так и мысли о постигающих его тогда бедствиях, внедряясь в душу больного, разрывают сердце его на множество забот. Взглянет ли он на детей, - представляет их сиротство; взглянет ли на жену, - думает об ее вдовстве; взглянет ли на слуг, - приходит на мысль запустение всего дома; обратится ли к самому себе, - припоминает свою настоящую жизнь и, готовясь расстаться с ней, покрывается великим облаком печали. Такова душа намеревающегося тогда принять таинство. Потом, среди такого смятения и беспокойства, входит священник, который для больного страшнее самой горячки, а для приближенных к больному ужаснее смерти, потому что прибытие священника считается знаком большей безнадежности, нежели голос врача, отчаивающегося в жизни больного, и источник вечной жизни кажется знаком смерти. Но я еще не сказал о самом главном зле: часто, среди смятений со стороны родных и приготовлений, душа, покинув тело, отлетает; а многим и присутствие ее не приносит никакой пользы, потому что если готовящийся принять таинство не узнает присутствующих, не слышит их голоса и не может произнести тех слов, посредством которых он должен вступить в блаженный завет с общим всем нам Владыкой, но лежит, как безжизненное дерево или камень, нисколько не отличаясь от мертвого, - то какая польза от принятия таинства при таком бесчувствии?

2. Тому, кто намеревается приступить к священным и страшным таинствам, надлежит быть трезвенным и бодрым, свободным от всякого житейского попечения, исполненным великого целомудрия и великой ревности, исторгнуть из ума всякие помыслы, чуждые таинствам, и сделать храмину свою во всех отношениях чистой, как намеревающемуся принять самого Царя. Так подготовлен ваш ум, таковы ваши помыслы, таково настроение вашей души. Ожидайте же за столь прекрасное расположение достойной награды от Бога, Который воздаяниями Своими превышает заслуги оказывающих Ему повиновение. Но так как и сослужителям надлежит привносить должное с их стороны, то и мы привнесем должное с нашей стороны, или лучше - и это не наше, а также Владычнее; ибо "**что ты имеешь**", говорит апостол, "**чего бы не получил**"? "**А если получил, что хвалишься, как будто не получил**" (1 Кор. 4:7)? Хотел бы я, прежде всего, сказать, почему наши отцы узаконили из всего года в это время допускать чад Церкви к принятию таинства

(крещения) и для чего они положили, после наших поучений, раздевать вас и разувать, и раздетых и разутых, покрытых только одной срачицею (рубашкою), препровождать к словам заклинателей. Не просто и не напрасно они установили и этот вид и это время; но то и другое имеет таинственное и глубокое значение. Хотел бы я открыть его вам, но вижу, что теперь беседа призывает нас к другому нужнейшему предмету. Нужно сказать, что такое крещение, для чего оно введено в нашу жизнь, и какие блага оно доставляет нам.

Но, если хотите, будем беседовать наперед о названии этого таинственного очищения. Оно называется не одним наименованием, но многими и различными. Так, это очищение называется баней пакибытия: "**спас нас**", говорит апостол, "**баней возрождения и обновления Святым Духом**" (Тит. 3:5). Называется и просвещением, как называет его опять Павел: "**вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий**" (Евр. 10:32); и еще: "**ибо невозможно - однажды просвещенных и отпадших, опять обновлять покаянием**" (Евр. 6:4,6). Называется и крещением: "**все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись**" (Гал. 3:27). Называется и погребением: "**мы погреблись с Ним**", говорит, "**крещением в смерть**" (Римл. 6:4). Называется и обрезанием: "**в Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым**" (Кол. 2:11). Называется и крестом: "**ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное**" (Римл. 6:6). Можно указать много и других его наименований, но, чтобы нам не употребить всего времени на исчисление названий этого дара, обратимся теперь к первому названию и, объяснив его значение, прекратим беседу; речь же начнем немного издалека. Есть общее всем людям омовение посредством бань, которое обыкновенно омывает нечистоту телесную. Есть омовение иудейское, которое хотя важнее первого, но гораздо ниже благодатного, - так как и оно омывает нечистоту телесную, но не только телесную, а и зависящую от немощной совести. Есть много вещей, которые по свойству своему не нечисты, но становятся нечистыми от немощи совести. Как в отношении к детям маски и прочие пугалища, которые по свойству своему не страшны, кажутся детям страшными по слабости их естества, так и в отношении к тому, о чем я сказал, например, прикосновение к мертвым телам по свойству своему не нечисто, но когда оно случится с человеком немощной совести, то делает прикоснувшегося нечистым. Что это дело по свойству своему не нечисто, показал сам учредитель закона Моисей, который нес с собой мертвого Иосифа, и, однако, остался чистым. Посему и Павел, рассуждая о такой нечистоте, происходящей не от природы, а от немощи совести, говорит так: "**нет ничего в себе самом нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто**" (Римл. 14:14). Видишь ли, что нечистота происходит не от свойства вещей, а от немощи помышления? И еще: "**все чисто, но худо человеку, который ест на соблазн**" (Римл. 14:20). Видишь ли, что не вкушение, но соблазнительное вкушение бывает причиной нечистоты?

3. Такую скверну очищало иудейское омовение; а омовение благодатное очищает не такую нечистоту, но действительную, которая производит великое осквернение вместе с телом и в душе: оно делает чистыми не тех, которые прикоснулись к мертвым телам, но которые коснулись мертвых дел. Развратник ли кто, или блудник, или идолослужитель, или сделал какое-либо другое зло, хотя бы даже он соединил в себе все человеческие пороки, но если он войдет в водную купель, то выйдет из этих божественных струй чище лучей солнечных. А чтобы ты не считал сказанного преувеличением, послушай Павла, который говорит о силе этой купели: "**не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют**" (1 Кор. 6:9-10). Но как это, скажешь, относится к вышесказанному? Требуется показать,

очищает ли все это сила купели. Выслушай же дальнейшее. "**И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего**" (1 Кор. 6:11). Мы обещали вам показать, что входящие в эту купель очищаются от всякой порочности, но речь наша показала больше, т. е. что они делаются не только чистыми, но и святыми и праведными: он не только сказал: "**омылись**", но также: "**освятились и оправдались**". Что может быть удивительнее этого, когда без трудов, усилий и добрых дел происходит оправдание? Таково человеколюбие божественного дара: он делает праведными и без усилий. Если указ царя, написанный в немногих словах, отпускает на свободу виновных в бесчисленных преступлениях, а других возводит на высочайшую степень почестей, то тем более Святый Дух Божий, всемогущий, может и избавить нас от всякого зла, и даровать нам великую праведность, и исполнить нас великого дерзновения. И как искра, упавшая в необъятное море, тотчас угасает, и, поглощенная множеством воды, становится невидимой; так и вся человеческая порочность, погружаясь в купель божественного источника, потопляется и исчезает скорее и легче той искры. Если же эта купель отпускает все наши грехи, то почему, скажешь, она называется не купелью отпущения грехов или купелью очищения, но "**баней возрождения**"? Потому, что она не просто отпускает нам грехи, не просто очищает нас от прегрешений, но делает это так, что мы как бы вновь рождаемся. Подлинно, она вновь создает и устраивает нас, не образовывая нас опять из земли, но, созидая из другой стихии, из естества водного: она не просто омывает сосуд, но снова переплавляет его всецело. Омываемое, хотя бы тщательно было очищено, сохраняет следы своего качества и носит остатки нечистоты; но, ввергаемое в горнило и обновляемое посредством пламени, очистившись от всякой нечистоты и быв вынуто из печи, испускает такой же блеск, как и вновь отлитые вещи. Как кто-нибудь, взяв золотую статую, загрязнившуюся от долгого времени, дыма, пыли и ржавчины, и перелив ее, возвращает ее нам чистейшей и блестящей; так и Бог, взяв наше естество, поврежденное ржавчиной греха, затемненное великим дымом прегрешений и потерявшее ту красоту, которую Он даровал ему в начале, снова переплавляет его, ввергая в воды, как в горнило, и вместо огня ниспосылая благодать Духа, и потом выводит нас оттуда пересозданными, обновленными и в блеске не уступающими лучам солнечным, сокрушив ветхого человека и устроив нового, более светлого, нежели прежний.

4. На это сокрушение и таинственное очищение указывая нам, пророк некогда сказал: "**сокрушишь их, как сосуд горшечника**" (Псал. 2:9). А что здесь речь о верных, ясно показывают нам предшествующие слова: "**ты Сын Мой**", говорит, "**Я ныне родил Тебя**"*:* "**проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе**" (Псал. 2:7-8). Видишь ли, как он упомянул о Церкви из язычников и указал на устроенное везде царство Христово? Потом еще говорит: "**ты поразишь их жезлом железным**", не тяжелым, но крепким, "**сокрушишь их, как сосуд горшечника**". Вот представляется и купель в таинственном смысле; он не просто сказал: "**сосуды глиняные**", но: "**сосуд горшечника**". Вникните: разбитые глиняные сосуды не могут быть исправлены, по причине однажды полученной ими твердости в огне; а сосуды горшечника, только приготовленные из глины, но еще не обожженные, если и повредятся, легко могут принять другой вид от искусства художника. Посему, говоря о каком-нибудь неисправимом бедствии, (Бог) приводит в пример не сосуды горшечника, а сосуд глиняный. Так, когда Он хотел внушить пророку и иудеям, что Он предал город неисправимому бедствию, то повелел взять глиняный сосуд, разбить его перед всем народом и сказать: так погибнет город и сокрушится (Иер. 19:10-11). Когда же Он хотел подать им добрые надежды, то привел пророка в дом горшечника и не указал ему на сосуд глиняный обожженный, а указал ему на сосуд необожженный, выпавший из рук горшечника, и прибавил, говоря: если горшечник этот, подняв выпавший сосуд, снова исправил, то тем более Я разве не смогу исправить вас падающих (Иер. 18:2-6)? Итак, Бог

может не только исправить нас бренных посредством бани возрождения, но и, по принятии силы Духа, падших привести в прежнее состояние посредством искреннего покаяния. Впрочем, теперь не время говорить вам о покаянии; или лучше, да не будет такого времени, когда бы вы нуждались в этом врачевстве, но да сохраните вы навсегда неповрежденную ту красоту и светлость, какую вы имеете получить ныне. А чтобы вам всегда сохранять ее, побеседуем с вами немного и об образе жизни. В этой школе борьбы не опасны для ратоборцев падения, потому что идет борьба между своими и все упражнения делаются на телах учителей. Когда же наступит время подвигов, когда откроется поприще, когда соберутся зрители, когда явится Подвигоположник, тогда уже необходимо будет или будучи нерадивыми, пасть и удалиться с великим бесчестием, или же, оказав рвение, получить венцы и награды. Так и для вас эти тридцать дней подобны некоторой школе борьбы, времени учения и упражнения. Поучимся в эти дни побеждать злого беса, потому что после крещения мы должны будем против него выступить, с ним бороться и сражаться. Будем же с этого времени узнавать козни его, как он коварен, откуда он удобно может вредить нам, чтобы, по наступлении подвигов, нам не изумляться и не смущаться, видя новыми для себя уловки его, но, приготовившись упражнением между нами самими и изучив все его козни, смело вступать в борьбу с ним.

Он обыкновенно вредит нам всеми мерами, но особенно посредством языка и уст. Никакой другой член так не пригоден ему для обольщения и погибели нашей, как невоздержанный язык и необузданные уста. Отсюда происходит с нами много падений, через это мы впадаем в тяжкие вины. Объясняя, как легко пасть через язык, некто говорит: "**многие пали от острия меча, но не столько, сколько павших от языка**" (Сирах. 28:21); и, показывая тяжесть такого падения, он же прибавляет: "**преткновение от земли лучше, нежели от языка**" (Сир. 20:18). Смысл слов его следующий: лучше, говорит, упасть и разбить тело, нежели произнести такое слово, которое губит нашу душу. И не только говорит он о падениях, но и увещевает иметь великую предусмотрительность, чтобы не падать: "**устам твоим**", говорит, "**сделай дверь и запор**" (Сир. 28:29), - не то, чтобы мы приготовили двери и запоры, но чтобы с великой заботливостью удерживали язык от непристойных слов. И еще в другом месте пророк, показывая, что при нашем старании и прежде нашего старания мы имеем нужду в высшем содействии, чтобы удержать внутри этого зверя, и, простирая руки к Богу, говорит: "**воздеяние рук моих - как жертва вечерняя: положи, Господи, охрану устам моим, и огради двери уст моих**" (Псал. 140:2-3). Также и тот, которого увещания приведены прежде, и он опять говорит: "**кто даст мне стражу к устам моим и печать благоразумия на уста мои**" (Сир. 22:31)? Видишь ли, как каждый из них страшится этих падений, плачет, дает советы и молится, чтобы язык был тщательно сохраняем? Но почему, скажешь, Бог дал нам этот член вначале, если он приносит нам такую погибель? Потому, что он приносит и великую пользу; и если бы мы прилагали старание, то он приносил бы только пользу и - никакого вреда. Послушай, что говорит тот, кто сказал и прежнее: "**смерть и жизнь - во власти языка**" (Притч. 18:22) [1]. И Христос выражает то же самое, когда говорит: "**от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься**" (Матф. 12:37). Язык находится посередине между таким или иным употреблением, а ты - господин его. Так и меч лежит посередине: если ты употребишь его против врагов, то он делается спасительным для тебя орудием; если же ты нанесешь удар самому себе, то причиной поражения бывает не свойство железа, а твое беззаконие. Так будем рассуждать и о языке: он - меч, лежащий посередине; изощряй же его для обличения своих грехов, а не для нанесения удара брату. Для того Бог и оградил его двойной стеной, рядом зубов и оградой губ, чтобы он не произносил непристойных слов скоро и неосмотрительно. Удерживай его за ними; если же он не удерживается, то смиряй его зубами, предавая плоть его им, как бы палачам, и кусая его, - потому что лучше ему ныне быть искусанным за грехи, нежели тогда жаждать капли воды и, иссыхая в огне, не получать облегчения. А он обыкновенно совершает

много и других грехов, когда злословит, хулит, сквернословит, клевещет, клянется, нарушает клятвы.

5. Но чтобы, говоря вам сегодня обо всем вдруг, не обременить вашего ума, мы предложим вам сперва один закон - хранить себя от клятв, предупреждая, что если вы не будете избегать клятв, т. е., не только клятвопреступлений, но если не будете избегать и клятв, произносимых при делах справедливых, то мы не будем говорить вам более ни о каком другом предмете. Нелепо было бы, если бы в то время как учители грамоты не преподают детям другого урока, пока не увидят, что первый хорошо запечатлен в их памяти, - мы стали преподавать дальнейшее тем, которые не могут с точностью пересказать прежнего учения; это значило бы не что иное, как лить воду в дырявую бочку. Итак, чтобы вам не заградить наших уст, приложите великую ревность к этому предмету. Подлинно, тяжек этот грех, и весьма тяжек: он весьма тяжек потому, что не кажется тяжким; потому я и боюсь его, что никто не боится его; потому эта болезнь и неизлечима, что она не считается болезнью. Как простой разговор не есть вина, так и это не представляется виной, но с великой дерзостью совершается это беззаконие, и если кто станет осуждать, то поднимается тотчас смех и множество насмешек, не над теми, которые осуждаются за клятву, а над теми, которые стараются исправить это зло. Потому-то я и веду продолжительную речь об этом, что хочу исторгнуть глубокий корень и уничтожить долговременное зло; разумею не только клятвопреступления, но и самые справедливые клятвы. Но такой-то, скажет, человек хороший, имеющий сан священства, живет весьма целомудренно и благочестиво, однако клянется? Не говори мне об этом хорошем, воздержанном, благочестивом и имеющем сан священства; но, если хочешь, пусть это будет Петр, или Павел, или ангел, нисшедший с неба, я и тогда не посмотрю на достоинство лица, потому что я читаю закон о клятве не рабский, но царский; а когда читается царский указ, тогда должно умолкнуть всякое достоинство рабов. Если ты можешь утверждать, что Христос повелел клясться или что Христос не наказывает за это, - докажи, и я покорюсь. Если же Он с такой ревностью запрещает это и оказывает такую попечительность об этом предмете, что ставит клянущегося наравне с лукавым, - "**а что сверх этого, то от лукавого**", говорит Он (Матф. 5:37), - то для чего ты представляешь мне такого-то и такого-то? Бог произнесет приговор над тобой, основываясь не на небрежности подобных тебе рабов, а на предписании Своих законов. Я повелел, скажет Он, и нужно было повиноваться, а не ссылаться на такого-то и не заниматься чужими грехами. Если великий Давид впал в тяжкий грех, то, скажи мне, неужели поэтому для нас безопасно грешить? Посему нужно остерегаться этого и соревновать только добродетелям святых, а где нерадение и преступление закона, оттуда нужно убегать с великим тщанием, так как мы имеем дело не с подобными себе рабами, а с Владыкой, и Ему мы дадим отчет во всем, что сделали во время жизни. Итак, будем готовиться к тому суду; как бы ни был удивителен и велик тот, кто нарушает этот закон, он непременно получит наказание, назначенное за преступление, потому что Бог не лицеприятен. Как же и каким образом можно избежать этого греха? Нужно не только показать, как тяжек грех, но и дать совет, как избежать его. Ты имеешь жену, имеешь слугу, имеешь детей, и друга, и родственника, и соседа? Всем им поручи охранять тебя в этом отношении. Привычка - дело важное; трудно отстать от нее и уберечься; она часто сбивает нас против нашей воли и нашего сознания. Итак, чем более ты знаешь силу привычки, тем более старайся освободиться от худой привычки и приучай себя к другой, полезнейшей. Как теперь худая привычка часто может увлекать тебя, несмотря на твое старание, опасение, осторожность, заботливость, так тогда, когда ты приучишь себя к доброй привычке - не клясться, ты никогда не допустишь себя впасть в грех клятвы, не смотря даже на свое желание и небрежность. Привычка, поистине, великое дело: она имеет силу природы. Посему, чтобы не трудиться непрестанно, приобретем себе другую привычку; у каждого из живущих и обращающихся с тобой проси милости, чтобы он советовал и увещевал тебя избегать клятв, и обличал

тебя, когда ты окажешься виновным в этом. Делаемое ими тебе предостережение послужит и для них советом и побуждением к такой же добродетели, так как осуждающий другого за клятвы не скоро сам впадет в эту пропасть; а частые клятвы - не малая пропасть, не только тогда, когда они касаются предметов маловажных, но и тогда, когда касаются предметов весьма важных. Мы же, и покупая овощи, и споря о двух оболах, и гневаясь на слуг, и угрожая им, во всем призываем в свидетели Бога. По таким предметам ты не посмеешь на торжище призвать в свидетели и человека свободного, облеченного каким-нибудь обыкновенным саном, если же решишься, то подвергнешься наказанию за обиду, а Царя небесного и Владыку ангелов ты влечешь в свидетельство в разговоре и о торговле, и о деньгах, и о других мелочах: возможно ли терпеть это? Каким же образом мы можем освободиться от этой худой привычки? Обставим себя теми стражами, о которых я сказал, назначим себе определенное время для исправления и положим наказание, если по прошествии того времени не исправимся. А сколько времени достаточно будет нам для этого? Я не думаю, чтобы людям весьма трезвенным, бдительным и неусыпно пекущимся о своем спасении нужно было более десяти дней для совершенного оставления худой привычки клясться. Если же мы и после десяти дней будем замечены в клятве, то наложим на себя наказание и назначим величайшее возмездие и пеню за преступление. Какое же наказание? Этого я не определяю, но предоставляю вам самим власть приговора. Так будем поступать с самими собой не только в отношении к клятвам, но и в отношении к другим проступкам: будем назначать себе время для тягчайших наказаний, если когда допустим эти проступки, чтобы нам придти чистыми к нашему Владыке, избавиться от огня геенского и с дерзновением предстать перед престолом Христовым, чего да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Святой Иоанн Златоуст приписывает эти слова Иисусу сыну Сирахову

СЛОВА ОГЛАСИТЕЛЬНЫЕ

СЛОВО ВТОРОЕ

К готовящимся к просвещению, и о женах, украшающих себя плетением волос и золотом, и о тех, которые занимаются приметами или привесками, или заговорами, - что все чуждо христианству.

Я ПРИШЕЛ потребовать от вас, прежде всего, плодов того, что сказано было вашей любви недавно, - так как мы говорим не для того, чтобы вы только слушали, но чтобы и помнили сказанное и показывали то нам делами, или лучше не нам, а Богу, знающему тайны души. Для того наше поучение и называется оглашением, чтобы оно и в нашем отсутствии возглашалось в душе вашей. Не удивляйтесь, что мы пришли требовать плодов от семян по прошествии только десяти дней: и в продолжение одного дня можно вместе и посеять семена, и собрать жатву, потому что мы выступаем на подвиги, опираясь не на свою только силу, но и на помощь Божью. Итак, те, которые усвоили сказанное и исполнили на деле, пусть продолжают стремиться вперед; а те, которые еще не начинали этого доброго дела, пусть теперь начнут, чтобы последующим усердием отклонить от себя осуждение за беспечность. Да, можно, можно и тому, кто был весьма беспечен, вознаградить всю потерю прошедшего времени усиленным последующим усердием.

Посему, говорит псалмопевец, "**если бы вы ныне послушали гласа Его: не ожесточите сердца вашего**" (Псал. 94:7-8). Этими словами он увещает и советует никогда не отчаиваться, но, пока мы здесь, иметь благие надежды, простираться вперед и стремиться "**к почести вышнего звания Божия**" (Фил. 3:14). Будем же так поступать и исследуем названия этого великого дара. Как неведение о величии сана делает беспечными тех, которые почтены им, так познание делает их признательными и располагает их к большему усердию. С другой стороны стыдно и смешно было бы, получивши от Бога такую честь, не знать, что значат ее названия. Но что я говорю об этом даре? Если ты станешь размышлять об общем имени рода нашего, то и отсюда получишь величайший урок и увещание к добродетели. Это имя – "**человек**" - мы определяем не так, как внешние (язычники), но как повелевает Божественное Писание. Человек - не тот, кто имеет только руки и ноги человеческие, и не тот, кто имеет только разум, но кто с ревностью упражняется в благочестии и добродетели. Так, послушай, что Писание говорит об Иове: сказав, что "**был человек в земле Уц**", оно не описывает его теми признаками, которыми описывают человека внешние, и не говорит, что он имел две ноги и широкие ногти, но, соединяя отличительные черты его благочестия, говорит: "**непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла**" (Иов. 1:1), выражая, что это и есть "**человек**". Так и другой говорит: "**бойся Бога, и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека**" (Еккл. 12:13). Если же название "**человек**" заключает в себе такое увещание к добродетели, то тем более название "**верный**". Верным ты называешься потому, что веруешь в Бога и тебе самому Он верит, подавая оправдание, освящение, чистоту души, усыновление, царство небесное, все это Он вверил и предоставил тебе, а ты со своей стороны вверяешь и предоставляешь Ему другое: милостыню, молитвы; целомудрие и все прочие добродетели. Но что я говорю - милостыню? Если ты подаешь Ему даже "**чашу холодной воды**" (Матф. 10:42), и это не погибнет для тебя, но и это Он верно сохранит до того дня и воздаст с великим избытком: то и удивительно, что Он не только сохраняет вверенное Ему, но и умножает это воздаяниями.

То же повелел Он и тебе, по твоим силам, делать с тем, что тебе вверено: увеличивать святость, которую ты получил, делать более светлой праведность, полученную через крещение, являть более блистательным этот дар, - как поступал и Павел, который последующими трудами, ревностью и усердием умножил все блага, им полученные. И заметь попечение Божье: Он и не все дал тебе здесь, и не всего лишил, но одно дал, а другое обещал. Для чего же Он не все дал здесь? Для того чтобы ты показал веру в Него, по одному обещанию Его, веруя в то, что еще не дано. А для чего, с другой стороны, Он не отложил всего до той жизни, но даровал и благодать Духа, и праведность, и освящение? Для того чтобы облегчить тебе труды и через то, что уже дано, возбудить благую надежду на то, что будет. Потому ты и будешь называться новопросвещенным, что у тебя всегда будет, если захочешь, новый свет, никогда неугасающий. Обыкновенный свет, хотя бы мы желали или не желали, сменяется мраком, а это солнце не знает тьмы: "**свет во тьме светит, и тьма не объяла его**" (Иоан. 1:5). Действительно, не столько светел бывает мир при лучах восходящего солнца, сколько ясна и светла душа, получившая благодать Духа. Вникни тщательнее в природу вещей: ночью во время мрака, иной, увидев веревку, часто принимает ее за змея, от приближающегося друга убегает как от врага, и, услышав какой-нибудь шум, объемлется страхом, а днем не бывает ничего такого, но все является таким, каково оно есть. То же случается и с нашей душой: когда нисшедшая благодать изгоняет из ума тьму, тогда мы познаем точное значение вещей и для нас становится ничтожным то, что прежде казалось страшным. Мы уже не боимся смерти, верно научившись от этого священного тайнодействия, что смерть не есть смерть, а сон и временное успокоение; не боимся ни бедности, ни болезни, и ничего другого

подобного, узнав, что мы шествуем к жизни лучшей, нетленной, бессмертной и свободной от всякого такого нестроения.

2. Итак, не будем более прилепляться к житейскому, - ни к роскошной трапезе, ни к драгоценным одеждам; ты имеешь одежду важнейшую, имеешь трапезу духовную, имеешь славу высшую, и Христос для тебя все - и трапеза, и одежда, и дом, и глава, и корень. "**Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись**" (Гал. 3:27), - вот, как Он стал одеждой для тебя. Хочешь ли знать, как Он делается для тебя и трапезой? "**Ядущий Меня**", говорит Он, "**как послал Меня живый Отец, и Я живу Отцом, жить будет Мной**" (Иоан. 6:57). Он делается и домом для тебя: "**ядущий Мою Плоть пребывает во Мне, и Я в нем**" (Иоан. 6:56). Также и корнем: "**Я есть лоза**", говорит Он, "**а вы ветви**" (Иоан. 15:5). Он же и брат твой, и друг, и жених: "**Я уже не называю вас рабами: вы друзья Мои**" (Иоан. 15:14-15). И Павел говорит: "**я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистой девой**" (2 Кор. 11:2). И еще: "**дабы Он был первородным между многими братьями**" (Римл. 8:29). И не только мы - братья Его, но и дети: "**вот**", говорит, "**я и дети, которых дал мне Господь**" (Иса. 8:18). И не только дети, но и "**члены**" Его и "**тело**" Его (1 Кор. 12:27). Но, находя все вышесказанное как бы недостаточным для выражения любви и благоволения, которые Он являет к нам, Он предложил и другое, большее и ближайшее доказательство, назвав Себя нашей "**главой**" (Ефес. 1:22). Зная все это, возлюбленный, воздавай своему Благодетелю лучшим образом жизни, и, представляя себе величие жертвы, украшай члены своего тела. Подумай, что принимаешь ты рукой - и никогда не допускай ей ударить кого-нибудь, чтобы не посрамить руки, удостоившейся такого дара, грехом биения; подумай, что принимаешь ты рукой, и соблюдай ее чистой от любостяжания и всякого хищения. Помышляй, что не только рукой ты принимаешь, но и к устам приближаешь жертву, и соблюдай язык чистым от срамных и обидных слов, от богохульства, клятвопреступления и всего другого подобного, так как гибельно - тот язык, который служит столь страшным таинствам, обагрен такой кровью и сделался золотым мечом, обращать в орудие злословия, оскорблений и посмеяния; устыдись чести, которой удостоил его Бог, и не унижай его бесчестием греха. Обрати внимание также на то, что после руки и языка еще сердце приобщается этого страшного таинства, и никогда не строй козней против ближнего, но соблюдай ум свой чистым от всякого злоумышления; таким же образом ты можешь оградить и глаза, и уши. Разве не нелепо после этого таинственного голоса и нисходящего с небес, т. е. от херувимов, осквернить слух блудными песнями и развратными напевами? Не достойно ли крайнего наказания - теми же глазами, которыми созерцаешь неизреченные и страшные таинства, смотреть на блудниц и мысленно совершать прелюбодеяние? Ты, возлюбленный, приглашен на брак; не входи же одетым в грязные одежды, но возьми одежду, приличную браку. Если люди, приглашенные на чувственные браки, хотя бы они были беднее всех, часто заимствуют или покупают чистую одежду и, таким образом, являются к пригласившим их, - то ты, приглашенный на брак духовный и пиршество царское, подумай, какую тебе нужно было бы купить одежду, или - лучше - и покупать не нужно, а сам Зовущий дает тебе ее даром, чтобы ты не мог ссылаться и на бедность. Храни же ту одежду, которую ты получил; если ты потеряешь ее, то уже не сможешь ни занять, ни купить ее, потому что такая одежда нигде не продается. Слышал ли ты, как некогда приглашенные к таинству стенали и били себя в грудь от угрызения совести? Смотри же, возлюбленный, чтобы и тебе когда-нибудь не потерпеть этого; а как не потерпишь, если не оставишь худой привычки к злу? Посему я и прежде говорил, и теперь говорю, и не перестану говорить, что, кто не исправил своих нравственных недостатков и не приготовил себя к добродетелям, тот пусть и не крестится. Эта купель может отпустить прежние грехи; но не мал страх и не маловажна опасность, чтобы мы опять возвратились к ним, и чтобы врачевство не сделалось для нас язвой. Чем больше благодать, тем строже будут наказаны те, которые после того согрешают.

3. Итак, научимся отсюда - не возвращаться к прежней блевотине (2 Петр. 2:12). А что нужно наперед покаяться и отстать от прежних пороков, и, таким образом, приступать к благодати, об этом, послушай, что говорит Иоанн, и что верховный из апостолов, имеющим креститься. Первый говорит: "**сотворите же достойные плоды покаяния и не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам**" (Лук. 3:8); а второй говорил спрашивавшим его: "**покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа**" (Деян. 2:38). Кающийся уже не допускает тех дел, в которых покаялся; посему нам и заповедано говорить: "**отрекаюсь от тебя, сатана**", - чтобы нам уже не возвращаться к нему. Как бывает у живописцев, так пусть будет и теперь: те, положив доски, начертив на них белые линии и изобразив царский образ, прежде нежели наведут истинные краски, со всей свободой одно стирают, а другое вместо того пишут, исправляя погрешности и переделывая то, что нехорошо сделано, но когда, наконец, наведут краски, то, уже не властны опять стирать и перерисовывать, иначе они повредили бы красоту образа и дело вышло бы дурное; так точно поступай и ты: представляй, что душа твоя есть образ. Итак, прежде, нежели наведена будет на тебя истинная краска Духа, изгладь находящиеся в тебе худые привычки - божиться, или лгать, или оскорблять, или сквернословить, или смехотворствовать, или, если имеешь привычку - делать что-нибудь другое непозволительное, истреби эту привычку, чтобы после крещения опять не возвращаться к ней. Купель уничтожает грехи, а ты исправь привычку, чтобы, когда уже наведены краски и воссиял царский образ, тебе не изгладить его и на данную тебе от Бога красоту не наложить язвин и рубцов. Укроти гнев, угаси ярость; если кто причинил тебе вред или оскорбил, оплакивай его, а не досадуй, сострадай, а не раздражайся, и не говори: душе моей нанесен вред. Ничьей душе никем не может быть нанесено вреда, - если мы сами не причиним вреда своей душе; а как, я скажу. Отнял ли кто у тебя имение? Он нанес не душе твоей ущерб, но деньгам; если же ты будешь злопамятствовать, то сам ты нанесешь вред душе своей. Отнятые деньги не причиняют ей никакого ущерба, но еще приносят пользу; а ты, не оставив гнева, отдашь там отчет за это злопамятство. Злословил ли кто и оскорбил тебя? Он не нанес никакого вреда ни душе твоей, ни даже телу; а если ты наоборот стал злословить и оскорблять его, то сам ты причинил вред душе своей, так как должен будешь отдать отчет в тех словах, которые ты говорил. Это особенно я желаю внушить вам, - что именно душе христианина и верующего никто не может причинить вреда, даже и сам дьявол. И не только то удивительно, что Бог сделал нас недоступными для всяких козней, но и то, что Он сделал нас способными к совершению добродетелей, не смотря ни на какие препятствия, если только мы захотим этого, - будем ли мы бедны, или слабы телом, или отвержены, или незнатны, или рабы. Ни бедность, ни болезнь, ни увечье телесное, ни рабство и ничто подобное никогда не может быть препятствием к добродетели. Но что я говорю о бедном, и рабе, и незнатном? Если бы даже ты был узником, и это не служит для тебя препятствием к добродетели; а как, - я скажу. Огорчил ли тебя кто-нибудь из сожителей и раздражил? Оставь гнев на него; разве узы, и бедность, и уничиженное состояние препятствуют тебе в этом? И что я говорю: препятствуют? Даже помогают и содействуют к обузданию самомнения. Видишь ли другого благоденствующим? Не завидуй: и здесь бедность не составляет препятствия. Также когда нужно тебе молиться, делай это с трезвым и бодрым умом: и здесь не будет никакого препятствия. Оказывай всю кротость, целомудрие и степенность: и для этого не нужна внешняя помощь. Величие добродетели особенно и состоит в том, что она не имеет нужды ни в богатстве, ни во власти, ни в славе, и ни в чем другом подобном, а в одной только душе освященной, и не требует ничего больше. Смотри: то же самое бывает и с благодатью; хром ли кто, или лишен глаз, или увечен телом, или крайне слаб здоровьем, - ни к кому из них благодать не находит препятствий приходить; она требует одной только души, принимающей ее с усердием, и это все внешнее оставляет в стороне. От мирских воинов, для зачисления их в войско, требуются и известная мера роста, и телесное здоровье; и не только это нужно иметь намеревающемуся сделаться воином, но и нужно

быть свободным, а кто в рабском состоянии, тот отвергается; Царь же небесный ничего такого не требует, но принимает в свое воинство и рабов, и старцев, и расслабленных членами, и не стыдится никого. Что может быть человеколюбивее этого? Что милосерднее? Он требует только того, что от нас зависит. Рабство и свобода не от нас зависит; также высокий и малый рост, старость и цветущий возраст, и все тому подобное, не в нашей власти; но быть кротким и добрым и тому подобное - зависит от нашей воли. Бог и требует от нас только того, что в нашей власти; и это весьма естественно, потому что Он не для собственной нужды, а для нашего блага призывает нас к Своей благодати, тогда как цари - на службу себе; притом, те ведут на войну чувственную, а Он на борьбу духовную. И не только во внешних войнах, но и в ратоборствах можно видеть такой же пример. Те, которые намереваются выступить на это зрелище, начинают подвиги не прежде, чем глашатай, взяв их, обведет кругом перед глазами всех, восклицая и говоря: не обвиняет ли кто его? Между тем там борьба не духовная, а телесная; для чего же требовать доказательств благородства? А здесь нет ничего такого, все же - напротив, так как искусство борьбы зависит у нас не от рукопашных схваток, но от любомудрия души и доблести разума. Здесь Распорядитель подвигов поступает напротив; Он не берет подвижника, не обводит его и не говорит: не обвиняет ли кто его, - но взывает: хотя бы все люди, хотя бы бесы с дьяволом предстали и обвиняли его в крайних и гнусных преступлениях, Я не отвергаю его, Я не отвращаюсь, но, избавляя его от обвинителей и освобождая от пороков, веду на подвиги. И это так и должно быть, потому что там распорядитель подвигов есть соратник и помощник в подвигах благочестия, содействующий подвижникам в борьбе против дьявола.

4. И не только то удивительно, что Он отпускает нам, но и то, что не открывает их, не делает их явными и общеизвестными, не заставляет нас выходить на середину и объявлять свои прегрешения, но повелевает отдавать отчет Ему одному и исповедоваться перед Ним. Если бы кто из мирских судей предложил кому-нибудь из пойманных разбойников или раскапывателей могил рассказать свои преступления, и, таким образом, избавиться от наказания, то они со всей охотой приняли бы это, презирая стыд ради своего спасения. А здесь не бывает ничего такого, но Бог и отпускает грехи, и не заставляет объявлять их в присутствии других, но требует только одного, чтобы сам получающий отпущение познал величие дара. Посему, не нелепо ли, что тогда как Он, благодетельствуя нам, довольствуется одним нашим свидетельством, мы, оказывая Ему служение, стараемся иметь других свидетелями этого и делаем иное на показ? Итак, удивляясь Его снисхождению, будем оказывать должное с нашей стороны, и, прежде всего прочего, будем обуздывать невоздержанность языка и не говорить непрестанно, ибо "**при многословии не миновать греха**" (Прит. 10:19). Если ты имеешь сказать что-нибудь полезное, то раскрой уста; если же нет ничего необходимого, то молчи; это - лучше.

Ремесленник ли ты? Пой псалмы, сидя. Но ты не хочешь петь устами? Делай это мыслью. Псалом - великий собеседник; от этого ты не подвергаешься ничему опасному, но и в мастерской будешь сидеть, как в монастыре, потому что не удобство мест, но строгость нравов доставляет нам спокойствие. Так Павел, занимаясь рукоделием в мастерской, не потерпел никакого вреда для своей добродетели. Итак, не говори: как я, ремесленник и бедняк, могу любомудрствовать? Потому-то особенно ты и можешь любомудрствовать, что для благочестия бедность нам пригоднее богатства и деятельность - праздности, а невнимательным богатство служит даже препятствием. Когда нужно укротить гнев, погасить зависть, обуздать ярость, совершить молитву, оказать скромность и кротость, благорасположение и любовь, тогда бедность может ли быть препятствием? Чтобы достигнуть этого, нужно не серебро расточать, но проявлять добрую волю. Милостыня особенно нуждается в деньгах, но и она в большем блеске обнаруживается при бедности; так, положившая два обола была беднее всех людей, однако превзошла всех (Лук. 21:2-4).

Итак, не будем считать богатство чем-либо великим и не станем думать, будто золото лучше грязи; достоинство вещества зависит не от естественных свойств его, но от нашего мнения о нем. Кто тщательно будет исследовать, тот найдет, что железо гораздо необходимее золота, так как последнее не имеет никакого приложения к жизни, а первое доставляет нам много пользы, помогая в бесчисленных ремеслах. Но для чего я делаю сравнение между железом и золотом? Даже и простые камни нужнее драгоценных, так как из последних не может быть ничего полезного, а из первых сделаны и дома, и стены, и города. Покажи мне, какая может быть польза от жемчужин, или лучше, какого не может быть от них вреда? Чтобы тебе носить одно такое зерно, тысячи бедных томятся голодом; какое же ты найдешь оправдание, какое прощение?

Ты желаешь украсить лицо свое? Украшай его не жемчугом, но целомудрием и скромностью; тогда мужу приятнее будет смотреть на тебя. То украшение обыкновенно дает повод к ревности, вражде, несогласию и ссорам, - а нет ничего неприятнее лица подозреваемого, - украшение же милостыней и целомудрием удаляет всякую худую мысль и привязывает супруга крепче всяких уз. Не столько природа делает лицо красивым, сколько расположение взирающего на него; а расположение обыкновенно ничем так не приобретается, как целомудрием и скромностью. Таким образом, хотя бы жена была красивой, но, если муж чувствует к ней ненависть, то она будет казаться ему гнуснейшей из всех; напротив, хотя бы она и не была благообразной, но, если муж к ней расположен, то она будет казаться ему красивейшей из всех, потому что мнение зависит не от естественных свойств видимого, но от расположения видящих. Итак, украшай лицо целомудрием, скромностью, милостыней, человеколюбием, любовью, приветливостью к мужу, кротостью, смирением, терпеливостью; вот краски добродетели; ими ты привлечешь любовь не людей только, но и ангелов; за них восхвалит тебя Сам Бог; когда же Бог будет благоволить к тебе, то, конечно, Он привяжет к тебе и мужа. Если "**мудрость человека просветляет лицо его**" (Еккл. 8:1), то, тем более, добродетель жены просветит лицо ее. Если же ты считаешь великим свое украшение, то, скажи мне, какая будет тебе польза в тот день от этих жемчужин? И нужно ли говорить о том дне, когда можно показать все это и в отношении к настоящему? Так, когда некоторые, обвиняемые в оскорблении царя, были привлечены в судилище и подвергались крайней опасности, тогда их матери и жены, сняв с себя ожерелья, и золотые вещи, и жемчуг, и все украшения, и золотые одежды, и надев простую и бедную одежду, посыпав себя пеплом и повергшись перед дверями судилища, таким образом преклоняли (к милости) судей. Если же и в здешних судилищах золотые украшения, жемчуг и разноцветная одежда могли бы изменить и предать, а скромность, кротость, пепел, слезы и бедные одежды скорее склоняют судей, то тем более будет это на том неподкупном и страшном суде. Какой, скажи мне, ты в состоянии будешь дать ответ, какое оправдание, когда Господь станет осуждать тебя за этот жемчуг и выведет на середину бедных, погибших от голода? Посему, Павел сказал: "**не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценной одеждой**" (1 Тим. 2:9), так как с этой стороны может быть измена; и даже если бы мы и постоянно пользовались ими, то, при смерти, во всяком случае, лишимся их. Напротив, добродетель доставляет всякую безопасность; она не изменяет и не отпадает, но и здесь делает нас более безопасными, и туда сопутствует нам. Хочешь ли приобрести жемчужины и никогда не лишаться этого богатства? Возьми все украшения и передай их через бедных в руки Христовы. Он сбережет для тебя все богатство и, когда тело твое воскреснет с великой светлостью, тогда Он доставит тебе богатство лучшее и украшение большее, нежели настоящее - ничтожное и смешное, Подумай, кому ты хочешь нравиться и для кого надеваешь это украшение, - чтобы канатчик, медник и лавочник взирая на тебя, удивлялись? И ты не стыдишься и не краснеешь, показывая себя тем, которых не считаешь достойными даже твоего привета, и делая все это для них?

Каким же образом тебе презреть весь этот мнимый блеск? Если вспомнишь слова, произнесенные тобой при совершении таинства: "**отрекаюсь от тебя, сатана**", и гордыни твоей, и служения тебе. Страсть к украшению драгоценными камнями есть сатанинская гордость. Ты получил золото не для того, чтобы связывать им тело, но чтобы освобождать и питать бедных. Итак, чаще повторяй: "**отрекаюсь от тебя, сатана**". Ничего нет надежнее этого изречения, если мы будем оправдывать его делами.

5. Узнайте это и вы, намеревающиеся принять таинство, прошу вас, потому что это изречение есть договор с Господом. Как мы, покупая рабов, наперед спрашиваем самих продаваемых, желают ли они служить нам, - так делает и Христос: намереваясь принять тебя в служение, Он наперед спрашивает, желаешь ли оставить того свирепого и жестокого тирана, и принимает от тебя договорные условия, потому что власть Его не соединена с принуждением. И посмотри на человеколюбие (Божье)! Мы прежде, нежели отдадим плату, спрашиваем продаваемых, и когда узнаем их желание, тогда и отдаем плату; а Христос не так, но Он уже отдал плату за всех нас, драгоценную кровь Свою, - "**ценой**", говорит (апостол), "**куплены**" (1 Кор. 7:23), - и, однако, не принуждает тех, которые не хотят служить Ему; если не угодно тебе, говорит Он, и сам собой добровольно не хочешь записаться на службу Мне, Я не принуждаю и не заставляю. Притом мы отнюдь не решаемся покупать дурных рабов, если же когда и решаемся, то покупаем их с дурным намерением и такую даем за них и цену; а Христос, искупая рабов неблагодарных и беззаконных, заплатил за них цену, как за самого лучшего раба, даже гораздо большую, настолько большую, что ни словом, ни мыслью невозможно представить ее величия, - ведь не небо и землю и море дал Он, но, - что драгоценнее всего этого, - заплатил кровью Своей и, таким образом, искупил нас; и после всего этого Он не требует от нас ни свидетелей, ни рукописаний, но довольствуется одним изречением, и если ты скажешь от души: "**отрекаюсь от тебя, сатана**", и гордыни твоей, то Он получил все. Посему скажем: "**отрекаюсь от тебя, сатана**", скажем так, как имеющие там в тот день отдать отчет в этих словах, и будем соблюдать их, чтобы этот залог возвратить тогда в целости; а гордыню сатанинскую составляют зрелища, конские ристалища и всякий грех, также наблюдение дней, ворожба и приметы.

А что такое, скажешь, приметы? Иногда кто-нибудь, вышедши из своего дома, видит человека одноглазого или хромого, и принимает это за дурное предзнаменование. Это - сатанинская гордость, так как не встреча с человеком делает день дурным, но греховная жизнь. Посему, когда ты выйдешь, одного только берегись, чтобы тебе не встретиться с грехом; грех подвергает нас падению, а без него и дьявол нисколько не сможет повредить нам. Что говоришь ты? Видишь человека и принимаешь это за предзнаменование, а не видишь сети дьявола, как он вооружает тебя против того, кто не нанес тебе никакой обиды, как он делает тебя врагом брату без всякого справедливого основания? Бог повелел любить и врагов, а ты отвращаешься и от того, кто ничем не обидел тебя, не зная, в чем винить его, и не подумаешь, как это смешно, как стыдно, а еще более, как опасно? Сказать ли еще нечто другое, более смешное? Я стыжусь и краснею, однако вынужден сказать для вашего спасения. Если встретится девица, то говорят: день будет бесплоден; а если встретится блудница, то - счастлив, хорош и весьма прибылен. Вы закрываетесь, ударяете себя в чело и потупляете взоры в землю? Но это нужно делать не тогда, когда произносятся слова, а когда совершаются дела. Посмотри и здесь, как дьявол прикрывает свои козни, чтобы мы отвращались от целомудренной женщины, а приветствовали и любили развратную. Так как он слышал слова Христовы: "**всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем**" (Матф. 5:28), и видел, что многие преодолевали невоздержание, - то он, желая другим путем опять ввести их в грех, внушил им через такую примету с удовольствием взирать на развратных женщин.

А что сказать о тех, которые употребляют заговоры и привески и привязывают к головам и ногам своим медные монеты Александра Македонского? Таковы ли, скажи мне, наши надежды, чтобы после креста и смерти Владыки нам полагать надежду спасения в изображении языческого царя? Неужели ты не знаешь, что совершил крест? Он разрушил смерть, подавил грех, упразднил ад, сокрушил силу дьявола, - и неужели он не достоин веры в отношении к телесному здоровью? Он восстановил всю вселенную, - и ты не надеешься на него? Чего же, скажи мне, ты достоин? И не только привески ты употребляешь у себя, но и заговоры, вводя в дом свой пьяных и из ума выживших старух, и не стыдишься и не краснеешь, после такого любомудрия прилепляясь к таким делам? И вот что всего тяжелее в этом обольщении: когда мы увещеваем и отклоняем от него, думающие оправдываться говорят, что женщина, заговаривающая таким образом, есть христианка и ничего другого не произносит, кроме имени Божьего. Но потому особенно я и ненавижу ее и отвращаюсь от нее, что она употребляет имя Божье, в оскорбление Ему, что она, называя себя христианкой, оказывает дела языческие. И бесы произносили имя Божье, но оставались бесами; и они говорили Христу: "**знаю Тебя, кто Ты, Святый Божий**" (Марк. 1:24), и, однако, Он запретил им и изгнал их. Посему увещеваю вас быть чистыми от этого обольщения и иметь при себе это изречение, как бы жезл. Как никто из вас не решится выйти на площадь без обуви и одежды, так и без этого изречения никогда не выходи на площадь, но когда ты намереваешься переступить порог сеней, то произнеси наперед эти слова: "**отрекаюсь от тебя, сатана**", и гордыни твоей, и служения тебе, "**и сочетаюсь с Тобой, Христос**"; и никогда не выходи без этого изречения; оно будет для тебя и жезлом, и оружием, и необоримым оплотом. Вместе с этими словами изобрази и крест на челе своем; тогда не только встретившийся человек, но и сам дьявол не в состоянии будет повредить тебе, видя тебя везде с этим оружием. Все это усвой себе уже с настоящего времени, дабы, когда ты получишь печать, тебе быть готовым воином и, одержав победу над дьяволом, получить венец правды, которого да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДЫ О ДЬЯВОЛЕ.

Три нижеследующие беседы, сказанные святым Златоустом в Антиохии в 388 г., имеют связь между собой по главной мысли, в них излагаемой, именно что виной всех зол, какие дьявол вводит в жизнь человеческую, служит наша беспечность и нерадение.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ.

Против тех, которые говорят, что демоны управляют человеческими делами, - равно и тех, которые негодуют на наказания Божьи и соблазняются благополучием нечестивых и несчастиями праведных

Я ДУМАЛ, что от непрерывного собеседования вы почувствуете отвращение к нашим словам, но, вижу, выходит противное: не отвращение рождается в вас от непрерывности бесед, но увеличивается желание; не пресыщение чувствуете вы, но удовольствие; - выходит то же, что и на мирских пиршествах бывает с любителями вина. Они чем более пьют вина, тем большую возжигают в себе жажду: и в вас, чем более мы предлагаем учения, тем большую возжигаем охоту, тем более увеличиваем желание, усиливаем любовь. Поэтому я, хотя и сознаю в себе крайнюю бедность, не перестаю подражать разумным хозяевам, предлагать вам непрерывную трапезу и ставить полную чашу учения, так как вижу, что вы, и, выпив ее всю, уходите отсюда с новой жаждой. Это обнаруживалось во всякое время, но особенно в прошлое воскресенье. Что вы имеете ненасытимую жажду к словам Божьим, это показал особенно тот день, в который я

говорил к вам, что не должно злословить друг друга; когда я указал вам и безопаснейший предмет для осуждения, увещевая вас порицать собственные грехи, а не любопытствовать о чужих; когда приводил в пример святых, которые осуждали самих себя, но щадили других, - (приводил) Павла, который говорил о себе, что он первый из грешников (1 Тим. 1:15), и что его - богохульника, и гонителя, и обидчика помиловал Бог (1 Тим. 1:13), который называл себя извергом, и не считал достойным даже имени апостольского (1 Кор. 15:8-9), - Петра, который говорил: "**выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный**" (Лук. 5:8), - Матфея, который называл себя мытарем и во время апостольства (Матф. 10:3), - Давида, который взывал и говорил: "**беззакония мои превысили голову мою, как тяжелое бремя отяготели на мне**" (Псал. 37:5), - Исаию, который рыдал и с плачем вопиял: "**я человек с нечистыми устами**" (Иса. 6:5), - трех отроков, которые в печи огненной исповедали и говорили о себе, что они согрешили, преступили закон, и не сохранили повелений Божьих (Дан. 3:29-30), - Даниила, который плакал о том же. Когда, перечислив этих святых, я назвал осуждающих мухами и представил справедливую причину такого сравнения, то есть, что, как те (мухи) садятся на чужие раны, так и осуждающие уязвляют чужие грехи, причиняя через это болезнь и сообщающимся с ними; когда делающих противное назвал пчелами, не теми, которые причиняют болезни, но - которые устраивают ульи величайшего благочестия и затем летают по лугу добродетели святых: тогда-то, тогда показали вы ненасытимую свою любовь! Речь наша продлилась (тогда) долго, безмерно долго, как никогда еще не бывало, и многие ожидали, что от такой продолжительности слова погаснет в вас усердие (к слушанию); но вышло противное: в вас еще более разгорелось сердце, более воспламенялось усердие. Из чего же это видно? Из того, что рукоплескания под конец увеличились и восклицания усилились, и случилось то же самое, что бывает в печах. Как там сначала не очень ярок бывает блеск огня, но, когда пламя охватит положенные дрова, то и поднимается на большую высоту; так точно случилось и в тот день. Сначала это собрание волновалось не сильно; но когда речь простерлась далеко, обняла все части предмета, и предложено было обильнейшее наставление, тогда-то именно и разгорелась в вас охота к слушанию, и стали раздаваться сильнейшие рукоплескания. Поэтому я тогда, хотя и располагал было сказать меньше, нежели, сколько сказал, преступил, однако же, обыкновенную меру; а лучше сказать, нисколько не преступил я меры, потому что количество учения привык я измерять не множеством слов, но расположением слушающих. У кого слушатели нерадивы, тот, хотя и сократит беседу, кажется скучным; а у кого слушатели усердны, внимательны и бодры, тот, если и далеко продлит речь, и тогда еще не удовлетворит желанию (слушателей).

Впрочем, так как в таком множестве слушателей есть, конечно, и слабые, которые не могут проследить (до конца) за продолжительным словом, то я посоветую таковым вот что: выслушав, что могут, пусть примут они это, и, приняв, сколько для них вместимо, пусть и удалятся отсюда; никто не запрещает им (уходить), никто не принуждает их и оставаться здесь сверх силы; пусть не заставляют они нас прервать слово прежде времени и обычного часа. Ты насытился, но брат твой еще алчет; ты упоен обилием сказанного, но брат твой еще жаждет. Пусть же и он не отягощает твоей слабости, заставляя тебя принять что-либо сверх силы; и ты не оскорбляй его усердия, препятствуя ему принять все, что только он может вместить.

2. Это бывает и на мирских трапезах. Одни насыщаются скорее, другие медленнее; но ни эти не укоряют тех, ни те не осуждают этих. Только там выйти (из-за стола) скорее - похвально; а здесь выйти (из церкви) скорее - не похвально, но (только) простительно. Там оставаться дольше предосудительно и позорно; а здесь выходить позднее - похвально и достойно величайшего одобрения. Почему так? Потому, что там от пресыщения происходит расслабление, а здесь от духовного усердия и богоугодной ревности рождается постоянство и терпение.

Но для вступления довольно, время уже нам перейти к тому долгу, который остался за нами от того дня. О чем же тогда говорено было? О том, что у всех людей речь была одна (Быт. 11:1), как и природа одна, и не было никого, кто говорил бы на другом наречии, или языке. Откуда же такое разноречие? От беспечности тех, кои получили дар (слова). О том и другом сказали мы тогда, доказав единоречием - человеколюбие Господа, а разноречием - неблагодарность рабов, потому что Он, хотя и предвидел, что мы потеряем дар, однако же, дал его; а те, коим дар был вверен, оказались небрежными в хранении вверенного. Итак, первое оправдательное доказательство то, что не Бог отнял дар, но мы потеряли данное. Второе затем то, что впоследствии мы получили большие, в сравнении с потерянными, дары; за временные труды Он почтил (нас) вечной жизнью, за терния и волчцы произрастил в душах наших плод Духа. Ничего не было презреннее человека, и ничто не сделалось почтеннее человека. Он был самой низшей частью разумного творения, но ноги сделались головой, и вместе с первенцем [1] вознеслись на царский престол. Как если бы великодушный и благотворительный человек, увидев, что кто-либо, избежав кораблекрушения, мог спасти от волн одно только тело, принял (его) с распростертыми руками, одел в светлую одежду и оказал ему самую высокую почесть, так и Бог поступил с нашей природой. Человек потерял все, что имел, - дерзновение, общение с Богом, собеседование в раю, беспечальную жизнь, и вышел из рая нагим, как бы после кораблекрушения; но Бог, приняв его, тотчас одел и, исподволь ведя его за руку, возвел на небо, хоть кораблекрушение и не заслуживало извинения, потому что вся эта буря произошла не от напора ветров, а от беспечности пловца.

Но Бог не посмотрел на это, а пожалел о великости несчастья, и - того, кто потерпел кораблекрушение в пристани, принял так благосклонно, как будто бы он подвергся оному на самой середине моря. Ведь пасть в раю есть то же, что потерпеть кораблекрушение в пристани. Почему так? Потому что человек преткнулся и пал тогда, когда еще в нашу природу не вторглись ни скорбь, ни забота, ни труды, ни беспокойства, ни бесчисленные волнения страстей. И как морские разбойники, просверлив иногда небольшим железом корабль, впускают снизу в судно целое море, так и тогда дьявол, увидев корабль Адамов, т. е. душу, наполненную множеством добра, подошел, и одним словом, как бы небольшим каким железом, просверлив (этот корабль), похитил из него все богатство, и самое судно потопил. Но Бог сделал прибыль больше потери, - возвел нашу природу на царский престол. Поэтому и Павел взывает, говоря: "**и воскресил с Ним, и посадил**" нас одесную Его "**на небесах дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей в благости к нам**" (Еф. 2:6-7). Что говоришь? Дело сделано и окончено, а ты говоришь: "**дабы явить в грядущих веках**"? Разве Он еще не явил? Явил уже, только не всем людям, но мне - верующему, а неверующий еще не видел чуда. Но тогда, в тот день, весь род человеческий, выступив на середину, удивится тому, что сделано; при том и для нас тогда будет это яснее. Мы и теперь веруем, но не с одинаковой ясностью представляют это чудо слух и зрение. Удивляемся мы царям и тогда, как слышим о порфире, диадеме, золотых одеждах и царском троне, но еще более удивляемся, когда, по открытии завес, видим самого (царя) сидящим на высоком престоле. То же надобно сказать и о Единородном. Когда увидим мы, что небесные завесы поднялись, и Царь ангелов сходит оттуда, окруженный небесными сонмами, тогда зрение представит нам это чудо в большем виде; да и каково, подумай, увидеть, что наша природа носится на херувимах и окружена всей ангельской силой!

3. Посмотри и на мудрость Павлову: сколько выискивает он имен, чтобы изобразить человеколюбие Божье! Не сказал просто: "**благодать**"; не сказал также просто: "**богатство**", но что? – "**преизобильное богатство благодати Своей в благости**". Однако же, и так выразился еще не довольно сильно. Как скользкие тела, и будучи удерживаемы тысячью рук, вырываются у нас и легко ускользают, так и человеколюбия Божьего,

какими бы именами ни изображали мы, не можем обнять вполне, но великость его чрезмерно превышает слабость наших слов. И Павел, испытав это и видя, что великость человеколюбия (Божия) преодолевает силу слов, сказал только одно слово - и отступил. Какое же это слово? "**Благодарение Богу за неизреченный дар Его**" (2 Кор. 9:15). В самом деле, никакое слово и никакой ум не сможет выразить попечительности Божьей. Поэтому апостол здесь говорит, что она неизреченна, а в другом месте - что она превосходит и ум наш, так говоря: "**мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши**" (Фил. 4:7).

Но доселе, как сказал я, найдены эти два оправдательные доказательства: одно то, что не Бог отнял, но мы потеряли (дар); а другое то, что нам дарованы блага, гораздо многочисленнейшие и большие в сравнении с потерянными. Теперь я хочу сказать и о третьем доказательстве. Какое же это третье? - То, что, если бы Бог и не дал нам впоследствии большие блага в сравнении с потерянными, но только отнял (прежде) дарованные нам, когда мы сами подали повод к тому (это надобно прибавить), - то и это одно уже достаточно доказывало бы Его попечительность о нас. Не только дать, но и отнять данное, есть знак величайшего человеколюбия; и (в доказательство), если хотите, предложим слово о рае. Бог дал рай, - это знак Его попечительности; мы оказались недостойными дара, - это знак нашей непризнательности; Он отнял рай у недостойных, - это было делом Его благости. Какая же благость, скажешь, в отнятии дара? Подожди, и, наверное, услышишь. Подумай, в самом деле, чем был бы Каин, если бы жил в раю после убийства. Если уже он, и будучи изгнан из того жилища, осужден на страдание и труд, видя близкую угрозу смерти, - если, имея перед глазами несчастье отца, и осязая еще, как бы руками, следы гнева Божия, - если и останавливаемый столькими бедствиями, впал в такое нечестие, что не узнал природы, забыл об общности мук родившей, убил не причинившего ему никакой обиды, коснулся братнего тела, обагрил кровью правую руку свою, и не послушался Бога, Который увещевал его быть спокойным, но оскорбил Творца и нанес бесчестие родителям: смотри, на какое злодейство не решился бы он, если бы оставался в раю. Если он и тогда, как лежало на нем столько узд, сделал смертельные скачки, то в какую бы пропасть он не низринулся, когда бы отняты были эти преграды?

Хочешь ли и от матери его узнать, сколь великим было благом изгнание из райского жилища? Рассмотри, что была Ева прежде, и чем стала после. Прежде она обольстителя дьявола, этого злого демона, почитала более достойным веры, нежели заповеди Божьи, и от одного взгляда на дерево попрала данный Богом закон; когда же изгнана была из рая, то, смотри, как она стала лучше и благоразумнее: она, родив сына, говорит: "**приобрела я человека от Господа**" (Быт. 4:1). К Господу тотчас прибегла та, которая перед тем презрела Господа; уже не природе приписывает плод свой, и не силе брака усваивает рождение сына, но признает Владыку природы, и Ему приносит благодарность за рождение дитяти. Та, которая прежде обольстила мужа, впоследствии и дитя свое научила, и дала ему такое имя, которое могло приводить ему на память дар Божий; а, родив еще другого сына, говорит: "**Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин**" (Быт. 4:25). Жена помнит о несчастии, и не ропщет, но еще благодарит Бога, и называет дитя по дару, доставляя ему в этом всегдашний предмет для научения. Так и в самом лишении Бог дал еще большие блага! Жена изгнана была из рая, но через изгнание приведена к богопознанию, так что приобрела больше, чем потеряла. Но если полезно было, скажешь, это изгнание из рая, то для чего и вначале Бог дал рай? Полезно это было, человек, по причине нашей беспечности, так как, если бы (прародители) были внимательны к самим себе, и признательны к Господу, и умели вести себя воздержанно и скромно, то остались бы в чести; но когда пренебрегли данным даром, тогда полезным оказалось изгнание. Для чего же вначале Бог дал (рай)? Для того, чтобы показать Свое человеколюбие и то, что Он готов всегда возвести нас в большую честь, но

что мы сами виной всех наказаний и мучений своих, лишая себя, по беспечности, данных нам благ. И вот, как любящий отец вначале позволяет сыну своему жить дома и пользоваться всем отцовским; когда же увидит, что сын от этой чести стал хуже, лишает его стола и удаляет от своего лица, а часто выгоняет и из самого дома отцовского, чтобы он, по изгнании, сделавшись лучше от этого позора и бесчестия, показал себя достойным опять возвратиться (в дом) и получить отцовское наследство: так сделал и Бог. Он дал человеку рай, но, когда человек оказался недостойным, изгнал его, чтобы он, живя вне (рая) и в бесчестии, сделался лучше и благоразумнее, и затем оказался достойным возвращения. И вот, когда он впоследствии сделался лучше, Бог опять вводит его (в рай), и говорит: "**ныне же будешь со Мною в раю**" (Лук. 23:43). Видишь, что не только дать рай, но и изгнать из рая, было делом величайшей попечительности? Если бы человек не был изгнан из рая, то и не оказался бы опять достойным рая.

4. Это слово будем хранить в памяти всегда; распространим его, если хотите, и на предлежащий предмет. Бог дал всем общий язык: это дело Его человеколюбия. Люди не воспользовались даром, как должно, но уклонились в крайнее безумие. Он опять отнял данное; потому что если они и тогда, как имели один язык, впали в такое безумие, что захотели построить башню до неба, то не пожелали ли бы они ухватиться за самую вершину неба, если бы не тотчас были наказаны? Конечно, это было и невозможно для них, однако же, судя по намерению, они готовы были на такое нечестие. Все это предвидя, Бог, за то, что они не воспользовались, как должно, одноречием, разъединяет их в надлежащей степени разноречием. И посмотри на Его человеколюбие. "**На всей земле был один язык**", говорит, "**и вот что начали они делать**" (Быт. 11:1,6).

Для чего не тотчас приступил он к разделению языка, но прежде оправдывается, как бы готовясь судиться в судилище? Никто ведь не скажет Ему: что Ты сделал? - напротив, Он властен делать все, что только хочет. Однако же, Он, как будто подлежащий ответу, представляет оправдания, научая нас быть кроткими и человеколюбивыми. В самом деле, если Владыка оправдывается перед рабами, и при том оскорбившими (Его), тем более мы должны извиняться друг перед другом, хотя бы потерпели величайшие оскорбления. Смотри же, как Он оправдывается: "**на всей земле был один язык и одно наречие, и вот что начали они делать**" (Быт. 11:1,6). Как бы так сказал: никто, видя разделение языка, не поставляй этого Мне в вину; никто не думай, будто разноречие это введено в людях вначале. "**На всей земле был один язык и одно наречие**", но они не воспользовались даром, как должно. И чтобы ты знал, что Бог не столько наказывает за настоящее дело, сколько наперед исправляет будущее, выслушай следующие затем слова: "**и не отстанут они оттого, что задумали делать**" (Быт. 11:6). Смысл этих слов такой: если теперь они не потерпят наказания, и не будут остановлены при самом корне грехов, то нигде не остановятся во зле; это и значит: "**и не отстанут они оттого, что задумали делать**", - как бы так сказал: сверх этих, они сделают и другие, еще большие беззакония. Таков грех! Когда он не будет остановлен в самом начале, то, подобно огню, охватившему дрова, поднимается на несказанную высоту. Видишь, что, и уничтожение одноречия было делом великого человеколюбия? Бог поверг людей в разноречие, чтобы они не впали в большее нечестие. Итак, храните это слово в памяти, и да будет у вас всегда твердой и непоколебимой мысль, что Бог благ и человеколюбив, не только когда благотворит, но и когда наказывает, потому что и наказания Его и кары составляют величайший удел благодеяния, важнейший вид промышления. Итак, когда увидишь, что случились неурожаи, и язвы, и засухи, и наводнения, и беспорядочные перемены в воздухе, или другой подобный бич человеческой природы, то не изъявляй досады и негодования, но поклонись Творцу, подивись Его попечительности. Он делает это, и наказывает тело, чтобы вразумить душу. И это, скажешь ты, Бог делает? Да, Бог делает это; и пусть предстанет здесь весь город, пусть вся вселенная, я не побоюсь сказать это. О, если бы у

меня был голос сильнее трубы и мог я стать на высоком месте и перед всеми воскликнуть и засвидетельствовать, что Бог делает это! Не по безумию говорю это, но имею на своей стороне пророка, который со мной восклицает и говорит: нет зла "**в городе, которое не Господь попустил**" (Амос. 3:6). Но так как слово "**зло**" имеет два смысла, то я и хочу сообщить вам точное его значение с той и другой стороны, чтобы вы, из-за двусмысленности названия перемешав самые предметы, не впали в богохульство.

5. Итак, есть зло - действительное зло, блуд, прелюбодеяние, любостяжание и бесчисленное множество пороков, достойных крайнего осуждения и наказания. Опять есть зло, а лучше сказать, не есть, а называется (злом), голод, язва, смерть, болезнь, и тому подобное: все это не может быть (истинным) злом, - потому я и сказал, что это называется только злом. Почему же? Потому, что если бы все это было злом, то не делалось бы для нас виной благ, не обуздывало бы гордости, не искореняло бы беспечности, не возбуждало бы нас к рачительности и не делало бы более внимательными к самим себе. "**Когда Он убивал их**", говорит Писание, "**они искали Его и обращались, и с раннего утра прибегали к Богу**" (Псал., 77:34). Зло разумеется здесь то, которое нас вразумляет, делает доблестными и более рачительными, приводит к любомудрию, а не то, которое достойно проклятия и осуждения; это не Божье дело, но изобретение нашего произволения, а то служит к уничтожению этого. Злом называется здесь страдание, причиняемое нам наказаниями, и называется так оно не по собственной его природе, но приспособительно к мнению людей. Так как мы привыкли называть злом не только воровство и прелюбодеяние, но и несчастья, то (Бог) назвал так страдание, применяясь к мнению людей. Так, вот что означают слова пророка: "**бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы**". Это же выразил Бог и через Исаию: "**Я, Господь делаю мир и произвожу бедствия**" (Иса. 45:7), злом называя и здесь бедствия. На это зло делает намек и Христос в Евангелии, когда говорит ученикам: "**довольно для [каждого] дня своей заботы**" (Мф. 6:34), т. е. огорчение, беспокойство. Итак из всего видно, что злом (Бог) называет здесь наказания, и что эти наказания Сам Он насылает на нас, являя в них важнейший вид Своего Промысла. И врач не только тогда достоин хвалы, когда выводит больного в сады и луга, или в бани и купальни, или когда предлагает ему роскошный стол, но и когда заставляет его оставаться без пищи, мучит голодом и томит жаждой, - когда приковывает к постели, и дом делает темницей, лишает больного самого света и закрывает комнату со всех сторон завесами, - когда подвергает его и сечению, и жжению, и предписывает горькие лекарства: и тогда он тот же врач. Поэтому, не странно ли - того, кто причиняет столько неприятностей, называть врачом, а Бога, если он сделает одну такую неприятность, например, наведет голод, или смерть, хулить и не признавать Промыслителем вселенной? А Он-то один и есть истинный врач душ и тел. Потому-то часто Он, приняв в Свое попечение нашу природу, которая скачет от полноты счастья, а между тем одержима греховной горячкой, избавляет ее от болезней - бедностью, голодом, смертью, и другими бедствиями, и иными, какими Сам знает, врачевствами. Но, скажешь, одни бедные чувствуют голод? Нет, Он наказывает не одним голодом, но и другими бесчисленными бедствиями. Бедного Он часто вразумляет голодом, а богатого и в изобилии живущего - опасностями, болезнями и преждевременными смертями, потому что Он изобретателен и имеет различные врачевства для нашего спасения.

Так поступают и судьи: они не только оказывают почести жителям городов, не только награждают их венцами, не только дают им дары, но часто и наказывают их. Поэтому у них и меч изощрен, и изготовлены ямы, и колеса, и палки, и палачи, и другие бесчисленные виды наказаний. Но что у судей палач, то у Бога голод, который, подобно палачу, наказывает нас и отводит от зла. То же можно видеть и у земледельцев: они не только закрывают корень винограда, не только огораживают его, но и обрезывают и отсекают у него множество ветвей. Поэтому у них есть не только заступ, но и серпы,

годные к сечению. Однако мы не осуждаем их, напротив, еще хвалим их, особенно тогда, когда видим, что они отсекают множество бесполезных ветвей, чтобы, отняв излишние, лучше сохранить остальные. Итак, не странно ли: - отца, и врача, и судью, и земледельца так одобрять, и ни отца, который выгоняет сына из дома, ни врача, который изнуряет больного, ни судью, который наказывает, ни земледельца, который отсекает ветви, не порицать и не обвинять, а Бога, если когда Он захочет нас, как бы страждущих головной болью, излечить от великого опьянения в нечестии, порицать и осыпать бесчисленными укоризнами? Какое безумие - не давать Господу и того права к защите Себя, какое даем мы подобным нам рабам!

6. Это говорю теперь из опасения за самих обвинителей, чтобы они, наступая на острия, не окровавили ног, чтобы, бросая камни на небо, не поранили себе голову. Но сверх того намерен я сказать и еще нечто, гораздо более важное. Не стану рассуждать более, по снисхождению к ним, о том, для нашей ли пользы Бог взял от нас (дар), и скажу только вот что: если бы Он взял (только) данное, так и за это никто не мог бы обвинять Его; потому что Он был властен в Своем. И людей, когда они доверяют нам свои деньги и дают взаймы серебро, мы благодарим за то время, на которое они ссудили нас, а не браним за то время, когда они берут от нас свою собственность: неужели же, скажи мне, станем мы винить Бога, когда Он хочет взять Свое? Не будет ли это крайне безумно? Но не так поступил великий и доблестный Иов: он, не только когда получал, но и когда терял, - и тогда свидетельствовал величайшую благодарность, говоря так: "**Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно**" (Иов. 1:21). Если же должно благодарить за то и другое в отдельности, и потеря не менее полезна, как и самый дар, то какое, скажи мне, будем иметь извинение, когда станем платить неблагодарностью Тому, Кто столько кроток, человеколюбив и попечителен, Кто мудрее всякого врача, сердобольнее всякого отца, правдивее всякого судьи, и рачительнее всякого земледельца заботится о душах наших, - когда станем негодовать на Того, перед Кем должно благоговеть? Можно ли быть еще безумнее и несмысленнее тех, которые, при таком благоустройстве (вселенной), говорят, что Бог не промышляет о нас? Если тот, кто стал бы утверждать, что солнце темно и холодно, обнаружил бы таким суждением свое крайнее неразумие, то тем более тот, кто сомневается в Божьем Промысле, заслуживает еще гораздо больших упреков в безрассудстве.

Не так светло солнце, как явно Провидение Божье: и, однако же, некоторые дерзают говорить, что демоны управляют нашими делами. Что мне делать? Человеколюбив твой Владыка: Он хочет лучше, чтобы ты оскорблял Его этими словами, нежели, чтобы, вверив демонам управление делами твоими, убедился опытом, каково управляют демоны. Тогда ты хорошо узнал бы их злобу на самом деле. Впрочем, можно и теперь представить вам ее на небольшом примере. Встретились с Христом некоторые бесноватые, вышедшие из гробов, и просили Его демоны позволить им войти в стадо свиное. Он позволил, и они пошли, и тотчас низвергли всех (свиней) с утеса в море (Матф. 8:28-32): вот как управляют демоны. Но до свиней у них не было никакого дела, а с тобой всегда война непримиримая, брань непрестанная, вражда вечная. Если же тех (животных), с коими у них ничего не было общего, (демоны) не могли потерпеть и на малое мгновение времени, то, чего бы не сделали они, когда бы взяли под свою власть нас, которые враги им и беспрестанно уязвляем их? Каких бы непоправимых зол не причинили нам? Поэтому Бог и позволил им войти в стадо свиное, чтобы на телах бессловесных узнал ты их злобу. А что демоны и с бесноватыми сделали бы то же самое, что и со свиньями, если бы бесноватые, и во время самого беснования, не были хранимы Промыслом Божьим, это ясно всякому. Итак, и теперь, когда увидишь человека, одержимого демоном, возблагоговей перед Владыкой, познай злобу демонов, потому что можно видеть на этих беснуемых и то, и другое - человеколюбие Божье, и злобу демонов, - злобу демонов, когда

они возмущают и мучат душу одержимого, - человеколюбие Божье, когда (Бог) столь лютого демона, который, вселившись в человека, усиливается низринуть его в бездну, удерживает и останавливает, не попуская ему вполне выказать свою силу, но, дозволяя обнаружить ее столько, сколько нужно для вразумления человека и для обличения собственной его (демона) злобы. Хочешь видеть опять и из другого примера, как управляет демон, когда Бог позволит ему выказать свою силу? Подумай о стадах волов и овец Иова, как он потерял все в одно мгновение времени; подумай о жалкой смерти его детей, о поражении тела его, - и увидишь, как жестока, бесчеловечна и беспощадна злоба демонов, а из этого ясно познаешь, что, если бы Бог предал во власть их и вселенную, они все привели бы в смятение и беспорядок, и с нами поступили бы так же, как со свиньями и теми стадами, не пощадили бы нашего спасения и на краткое мгновение времени. Если бы демоны управляли, то мы были бы ничем не лучше бесноватых, - напротив, еще и хуже их, потому что тех Бог не совсем предал неистовству демонов, иначе они терпели бы гораздо большие мучения, нежели какие терпят теперь. Но я желал бы говорящих это спросить еще вот о чем: какой беспорядок в мире видят они, что все, случающееся с нами, приписывают управлению демонов? Напротив, мы видим, что солнце в течение стольких лет каждый день ходит правильно, многоразличный хор звезд соблюдает свой порядок, луна течет безостановочно, день и ночь сменяются точно, все твари, и горние, и дольние, как бы в стройном каком хороводе, даже гораздо лучше и точнее, удерживают каждая свое место, и не выходят из того порядка, какой вначале, при создании их, установил Бог.

7. Но что пользы от этого, скажешь ты, когда небо, и солнце, и луна, и хор звезд, и все прочие твари находятся в великом порядке, а наши дела в неустройстве и беспорядке? В каком это, человек, неустройстве и беспорядке? Такой-то, говоришь, богат, и притесняет, грабит, похищает, и каждый день истрачивает на вино имущество бедных - и не терпит никакого несчастия; а другой живет скромно, украшается воздержанием, справедливостью и всеми другими добродетелями - и терпит бедность, и болезни, и крайние бедствия? Так это соблазняет тебя? Это говоришь. В таком случае, почему, когда видишь ты, что и из грабителей многие терпят несчастья, и из добродетельных некоторые, или даже чрезвычайно многие, наслаждаются счастьем, почему не оставляешь такого мнения, и не прославляешь Господа? А меня это именно еще более соблазняет. Почему же из двух злых один наказывается, а другой умирает без наказания, и из двух добрых один получает почести, а другой всю жизнь бедствует? И в этом самом сказывается величайшее дело Промысла Божия. Если бы Он здесь всех злых наказывал и всех добрых награждал, то излишен был бы день суда. Опять, когда бы ни одного злого не наказывал, и никого из добрых не награждал, тогда порочные сделались бы еще развратнее и хуже, так как они гораздо более честных людей склонны к беспечности; и охотники до злоречия еще более стали бы винить Бога, и сказали бы, что дела наши остаются совсем без Промысла. Если и теперь, когда некоторые злые наказываются, а добрые награждаются, говорят, будто дела человеческие не управляются Промыслом, то когда бы и этого не было, чего (богохульники) не сказали бы? Каких слов не изрыгнули бы? Вот почему Бог одних из злых людей наказывает, а других не наказывает, и одних из добрых награждает, а других не награждает. Не наказывает всех, чтобы уверить тебя, что есть воскресение; наказывает некоторых, чтобы беспечных сделать более рачительными, возбуждая в них страх наказанием других. Опять, некоторых из добрых награждает, чтобы этими наградами побудить других к ревности о добродетели; но не награждает всех, чтобы ты знал, что есть другое время, в которое всем даны будут награды. Если бы здесь все получали, что заслуживают, то не стали бы верить учению о воскресении; а если бы никто не получал по заслугам, то очень многие сделались бы более беспечными. Поэтому (Бог) одних наказывает, а других не наказывает, и делает это к благу и наказываемых и не наказываемых: в одних Он истребляет порок, а других через наказание первых делает более благоразумными. И это ясно видно из того, что сказал сам Христос: когда

возвестили Ему, что обрушившаяся башня задавила несколько человек, Он сказал иудеям: вы думаете, что только одни те были грешны? "**Нет, говорю вам, но, если не покаетесь**", и вы потерпите то же самое (Лук. 13:2-3).

Видишь, как и те погибли за грех, и прочие спаслись не за свою правду, но для того, чтобы, благодаря наказанию тех, сделаться лучше! Итак, наказанным, скажешь, сделана обида, потому что и сами они, не будучи наказаны, могли бы сделаться лучше от наказания других? Но, если бы Бог знал, что они исправятся покаянием, то не наказал бы их, потому что если Он, и предвидя, что многие не воспользуются Его долготерпением, терпит, однако же, их с великим снисхождением, совершая Свое дело и давая им возможность как-нибудь отстать от своего безумия, то как же Он лишил бы плодов покаяния тех, которые могут исправиться от наказания других? Стало быть, этим людям не сделано никакой обиды, коль скоро и порок в них истреблен наказанием, и тамошнее мучение будет им легче оттого, что они здесь уже пострадали. Опять, и ненаказанные не понесли никакой обиды: они могли, если бы захотели, воспользоваться долготерпением Божьим к исправлению себя, и, удивившись незлобию (Господа), возблагоговеть перед безмерным снисхождением, перейти когда-нибудь к добродетели, и чужие наказания обратить в собственное спасение. Если же они остаются во зле, то виной этого не Бог, Который для того и долготерпит, чтобы опять стяжать их Себе, но сами они недостойны извинения, потому что не воспользовались, как должно, Божьим долготерпением. Впрочем, не эту только указать можно причину того, почему не все злые наказываются здесь, но и другую, не меньшую той. Какую же это? Ту, что, если бы Бог всех подвергал наказаниям тотчас после преступлений, то род наш давно бы уже истребился, и не мог бы поддерживаться. И, чтобы увериться тебе, что это правда, послушай, что говорит пророк: "**будешь замечать беззакония, - Господи! кто устоит**" (Псал. 129:3)? Если же угодно и рассмотреть силу этого изречения, то, не входя в точное исследование жизни каждого (да и невозможно нам знать, что каждый сделал в своей жизни), укажем на то, в чем, беспрекословно, мы все согрешаем, и из этого будет нам видно и ясно, что если бы мы наказывались за каждый грех, то давно бы погибли. Назвавший брата уродом "**подлежит геенне огненной**" (Матф. 5:22), говорит Писание. Кто из нас не виновен в этом грехе? Что же? (Каждого виновного) тотчас надлежало бы истребить? Но, таким образом, мы все были бы давным-давно истреблены и уничтожены. Опять, о клянущемся сказано, что он, хотя бы и не ложно клялся, делает дела от лукавого (Матф. 5:27). Кто же не клялся? Еще более, кто не нарушал когда-либо клятвы? Взирающий на жену любострастными очами, по слову Писания, есть настоящий любодей (Матф. 5:28). И в этом грехе многие найдутся виновными. Итак, если и явные грехи так велики и невыносимы, и каждый из них порознь навлекает на нас неизбежное наказание, то, когда мы подумаем еще о тайных грехах своих, тогда-то особенно признаем Промысел Божий, который не посылает на нас наказания за каждый грех. Посему, когда увидишь, что иной грабит, неправедно обогащается, и за это не наказывается, - раскрой и ты свою совесть, рассмотри свою жизнь, исследуй свои грехи, и узнаешь хорошо, что тебе первому не выгодно быть наказываемому за каждый грех. Потому-то многие и кричат нещадно, что не смотрят на свои грехи прежде чужих, но, оставив свои, все мы занимаемся чужими. Но, впредь, не будем делать этого, а станем делать противное; и если увидишь, что иной праведник терпит наказание, вспомни об Иове. Как бы ни был кто праведен, не будет, однако же, ни праведнее его, ни сколько-нибудь близок к нему; и хотя бы терпел он бесчисленное множество бедствий, все еще не перенес столько, сколько тот.

8. Итак, приняв это во внимание, перестань обвинять Господа, зная, что Бог не оставляет человека, когда попускает ему страдать, но желает увенчать его и сделать более славным. Если же увидишь, что грешник наказывается, вспомни о расслабленном, который тридцать восемь лет лежал на одре. В удостоверение, что и он предан был этой болезни за

грех, послушай, что говорит Христос: "**вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже**" (Иоан. 5:14). Мы получаем или возмездие за грехи, когда бываем наказываемы, или повод к приобретению венцов, если, живя добродетельно, терпим несчастие, - так что, в правде ли мы живем, или в грехах, наказание полезно для нас, потому что оно или делает нас более славными, или заставляет быть осмотрительнее, и облегчает для нас будущие муки. Что наказанный здесь и перенесший это наказание с благодарностью, так потерпит легчайшее мучение, послушай, как об этом говорит Павел: "**от того многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром**" (1 Кор. 11:30-32).

Зная все это, будем так и любомудрствовать о Промысле Божьем, и прекословящим заграждать уста; и если какого-либо происшествия не объяснит ум наш, не станем, поэтому, думать, будто нет Промысла о делах наших, но, постигнув отчасти Промысел Божий, непостижимое предоставим Его неисследимой премудрости. В самом деле, если простому человеку невозможно понять и человеческого искусства, - тем более уму человеческому нельзя постигнуть беспредельного Промысла Божия: "**непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его**" (Римл. 11:33). Впрочем, так как и из малого получили мы ясное и верное познание обо всем, то будем благодарить Господа за все, что ни случается. Есть ведь для желающих любомудрствовать о Промысле Божьем и другое непререкаемое доказательство. Мы спросим противников: есть ли Бог? Если они скажут, что нет, то мы не будем и отвечать, потому что, как безумные, так и говорящие, что нет Бога, не стоят ответа. Если и корабль с малым числом корабельщиков и пловцов не переплывет благополучно и одной стадии без управляющей им руки, то тем более столь великий мир, заключающий в себе такое множество тел, составленных из разных стихий, не просуществовал бы столько времени, если бы не было Промысла, управляющего им, и эту вселенную постоянно поддерживающего и сохраняющего. Если же они, уважив всеобщее мнение и опыт, сознаются, что есть Бог, то скажем им вот что: если есть Бог, как и, действительно, есть, то следует, что Он и справедлив, ибо, коль скоро Он несправедлив, то и не Бог; а если справедлив, то каждому воздаст по заслугам. Но, мы видим, не все здесь получают по заслугам; поэтому необходимо надеяться, что готовится какая-либо другая награда, дабы тогда, когда каждый получит по заслугам, открылось правосудие Божье. И вот это доказательство ведет нас к мысли не только о Промысле, но и о воскресении. Итак, зная это, будем и сами размышлять о Промысле и воскресении, и учить других; всячески постараемся заграждать уста неистовствующих против Господа, и сами прославим Его во всем. Таким образом, мы более привлечем к себе Его попечительность, и получим великую помощь, а вместе с тем возможем освободиться от действительного зла и достигнуть будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Т. е. с Христом (1 Кор. 15:20. Кол. 1:18).

О ДЬЯВОЛЕ

БЕСЕДА ВТОРАЯ.

Против возражающих, почему дьявол не истреблен; также о том, что злоба его нисколько не вредит нам, если мы внимательны к самим себе, — и о покаянии.

ИСААК, пожелав некогда вкусить снедь из рук сына, выслал его из дома на ловлю; а наш Исаак [1], пожелав принять снедь из наших рук, не нас выслал из дома, но сам притек к нашей трапезе. Что может быть любвеобильнее, что смиреннее его, удостоившего показать столь пламенную любовь и соизволившего так снизойти? Потому и мы, хоть и потеряли и силу голоса и крепость ног от утренней беседы, увидев отеческое лицо, тотчас забыли слабость, отринули усталость, окрылились радостью; увидели светлые седины — и душа исполнилась света. Поэтому и предлагаем трапезу с охотою, чтобы он, вкусив, благословил нас. Здесь нет подлога и обмана, как там. Тогда велено было принести одному, а принес другой; нет, мне и приказано принести, я и принес. Благослови же нас, отец, благословением духовным, которое все мы желаем получать всегда и которое полезно не только тебе, но и мне, и всем этим [2]; умоли общего нашего Владыку, да продлит Он жизнь твою до глубокой старости Исаака: это и для меня, и для этих дороже и необходимее росы небесной и тука земного.

Но время уже предложить трапезу. Какая же она? Это остатки того, о чем недавно сказано было к вашей любви: мы все еще ведем слово о дьяволе, которое начали за два дня пред сим, которое и (ныне) утром [3] предложили готовящимся к крещению, когда беседовали с ними об отречении (от дьявола) и сочетании (со Христом). Делаем же это не потому, чтобы нам было приятно говорить о дьяволе, но потому, что учение о нем доставляет нам безопасность: он враг и неприятель, а ясно знать о врагах весьма нужно для безопасности. Мы сказали недавно, что он не побеждает (людей) ни силою, ни жестокостью, ни принуждением, ни насилием, потому что, если бы это было, он всех погубил бы. И в доказательство этого мы привели свиней, над которыми демоны не осмелились показать свою злобу прежде позволения Господа (Мф. 8:31); (указали на) стада волов и овец Иова, потому что и этих дьявол не осмелился истребить, пока не получил власти свыше. Итак, мы узнали, во-первых, то, что дьявол не одолевает нас ни силою, ни принуждением; затем, во-вторых, присовокупили, что хотя он и одолевает обманом, но и то не всех, и в пример этого, опять представили мы самого подвижника — Иова, против которого сколько ни строил (дьявол) козней, однако же не одолел его, напротив, сам был побежден — и отступил. Остается еще один вопрос. Какой же это? Говорят, что если (дьявол) не побеждает силою, так — хитростью, а поэтому лучше было бы истребить его. Пусть Иов победил, за то Адам был обольщен и преткнулся; а если бы дьявол однажды навсегда был уничтожен, то и Адам не пал бы некогда: теперь же, оставаясь, дьявол побеждается одним, а одолевает многих; его побеждает десять, а он одолевает и поражает тысячи; — тысячи эти не погибли бы, если бы дьявол был совсем уничтожен. Что же скажем на это? Во-первых, то, что побеждающие гораздо большей достойны чести, чем побеждаемые, хотя бы последних было больше, а первых меньше: “**Лучше**, - сказано, - **один праведник**, творящий волю Божию, **нежели тысяча грешников**” (Сир. 17:3). А во-вторых, то, что, с уничтожением противника, сам победитель терпит от того вред: если попустишь оставаться противнику, то беспечные терпят вред, не из-за рачительных, а от своей беспечности; а если уничтожишь противника, то рачительные из-за нерадивых потерпят вред, — не обнаружат своей силы, и не получат венцов.

2. Может быть, вы еще не поняли сказанного: так нужно сказать об этом поясней. Пусть будет один противник, пусть будут и два борца, которые должны с ним бороться, и из этих двух борцов один пусть будет расстроенный от пресыщения, преданный беспечности, изможденный, обессиленный, а другой старательный, крепкий здоровьем, постоянно занимающийся в палестре различными упражнениями, всячески изучающий искусство борьбы. Если ты уничтожишь противника, которому из них причинишь вред?

Нерадивому ли и беспечному, или старательному, который столько трудился? Явно, что старательному: он, с уничтожением противника, потерпел бы вред из-за нерадивого, а нерадивый и в том случае, когда бы противник оставался, потерпел бы вред не из-за старательного, потому что пал бы от собственного нерадения.

Скажу и другое решение на этот вопрос, чтобы ты узнал, что не дьявол причиняет вред людям, но собственная беспечность невнимательных везде подвергает их падению. Оставим дьявола; он весьма зол, только не по природе, но по произволу и свободе; а что дьявол зол не по природе, это можем узнать из самых наименований его. Он назван клеветником (διαβολος), от слова (διαβαλλειν), потому что он оклеветал человека пред Богом, сказав: "**Разве даром богобоязнен Иов? Но простри руку Твою и коснись всего, что у него, - благословит ли он Тебя?**" (Иов. 1: 9, 11). Оклеветал опять и Бога пред человеком, сказав: "**Огонь Божий упал с неба и опалил овец**" (Иов. 1:16); он старался уверить Иова, будто война эта возгорелась свыше — с небес, и вооружил раба против Владыки, и Владыку против раба, а вернее сказать, не вооружил, но покушался, только не успел (вооружить). Так, когда увидишь, что и другой раб восстает против Господа, — Адам против Бога, и верит клевете дьявола, то знай, что дьявол получил успех, не от своей силы, но от беспечности и нерадения Адама. Вот почему он назван дьяволом (клеветником)! Но клеветать и не клеветать — не от природы, но есть такое действие, которое бывает и перестает быть, является и исчезает; а такие действия не входят в состав ни природы, ни сущности. Знаю, что для многих непонятно это слово о сущности и случайностях; впрочем, есть и такие, которые способны слушать и более тонкие (рассуждения), потому мы и сказали это. Хотите, перейду и к другому наименованию (дьявола)? Увидите, что и оно есть наименование не сущности и не природы. Дьявол называется злым, а злость не от природы, но от произволения; потому что и она то бывает, то перестает быть. Не говори мне, что злость всегда есть в дьяволе: и в нем она не была вначале, но явилась после, почему и называется он отступником; и хотя много есть злых и людей, но он один по преимуществу называется злым. Почему же так называется? Потому что он, не потерпев никакого зла от нас, не имея довода винить нас ни в малом, ни в великом, (а только) увидев человека в чести, тотчас позавидовал его блаженству. Что может быть хуже этой злости, когда возникает вражда и война без всякой благовидной причины? Итак, оставим дьявола и выведем на сцену тварь (природу), чтобы ты познал, что не бывает дьявол виною наших грехов, если только мы захотим быть внимательными, — чтобы ты познал, что слабый волею, нерадивый и беспечный (человек) и без дьявола падает и низвергается во многие пропасти греха. Дьявол зол, — знаю это и я, знают все; но внимай тщательно тому, что будет сказано теперь. Это немаловажный предмет, но такой, что о нем говорят многие часто и во многих местах; о нем великая распря и война не только у верующих с неверующими, но и у верующих с верующими: а это весьма прискорбно!

3. Итак, все, как сказал я, признают дьявола злым. Что же скажем об этой прекрасной и чудной твари (природе)? Ужели и тварь зла? Но кто столько нечестив, кто столько безрассуден и безумен, чтобы опорочить тварь? Итак, что скажем о ней? Она не зла, напротив прекрасна, и служит доказательством Божией премудрости, и силы, и человеколюбия. Послушай, как удивляется ей пророк, говоря: "**Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро**" (Пс. 103:24): не стал он исследовать каждое (дело Божие) порознь, но поник пред непостижимою премудростью Божией! А что (Бог) создал тварь столь прекрасною и величественною с благою целью, послушай, как говорит некто: "**От величия красоты созданий сравнительно познается Виновник бытия их**" (Прем. 13:5); послушай и Павла, который говорит: "**Невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны**" (Рим. 1:20). Тот и другой словами своими указали на то, что (тварь)

руководит нас к богопознанию, что она помогает нам познавать Господа. Что же? Если увидим, что эта самая прекрасная и чудная тварь бывает для многих причиною нечестия, ужели станем винить ее? Никак; напротив, (винить должны мы) тех, кои не воспользовались, как должно, лекарством. Как же стала причиною нечестия эта (тварь), руководительница к богопознанию? "**Омрачилось несмысленное их сердце**; - говорит Писание, - **называя себя мудрыми,** … **поклонялись, и служили твари вместо Творца**" (Рим. 1:21-25). Здесь является на сцену отнюдь не дьявол, отнюдь не демон, но одна лишь тварь, — учительница богопознания. Как же сделалась она причиною нечестия? Не по своей природе, но от беспечности невнимательных. Что же? Не уничтожить ли нам и тварь, скажи нам?

Но что говорить о твари? Перейдем к нашим членам; найдем, что и они бывают причиною погибели, когда мы невнимательны, — не по собственной их природе, но от нашей беспечности. Смотри: глаз дан для того, чтобы ты, взирая на тварь, прославлял Владыку; но, если ты не хорошо станешь пользоваться глазом, он бывает для тебя виновником любодеяния. Язык дан для того, чтобы ты прославлял, чтобы хвалил Творца; но, если ты не имеешь надлежащей внимательности, он бывает у тебя виною богохульства. Руки даны для того, чтобы ты воздевал их на молитву; но, если ты невоздержен, то простираешь их на хищничество. Ноги даны для того, чтобы ты тек на добрые дела; но, если ты беспечен, то пойдешь ими на худые дела. Видишь, что слабому все вредит; видишь, что слабого и спасительные лекарства подвергают смерти, не по собственной их природе, а по его слабости? Бог создал небо, чтобы ты, подивившись делу (рук Его), поклонился Владыке; но иные, оставив Творца, поклонились самому небу, а это от их нерадения и неразумия. Но что говорить о твари? Что может быть спасительнее креста? Но и этот крест для слабых сделался соблазном. "**Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, - сила Божия**" (1 Кор. 1:18); и опять: "**Мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие**" (Кор. 1:23). Что может быть учительнее Павла и апостолов? Но эти апостолы для многих были запахом смертоносным, почему и сказано: "**Для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь**" (2 Кор. 2:16). Видишь, что слабый и от Павла получает вред, а сильный и от дьявола не терпит зла?

4. Хочешь, предложим слово и о Христе? Что сравнится с тем спасением? Что благотворнее того пришествия? Но и это спасительное, благотворное пришествие для многих послужило к умножению наказания. "**На суд**, - говорит Спаситель, - **пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы**" (Ин. 9:39). Что говоришь? Свет сделался причиною слепоты? Не свет сделался причиною слепоты, но слабые очи души не могли принять света. Видишь, что слабый от всего терпит вред, а сильный от всего получает пользу, потому что везде виною произволение, везде властвует воля. А дьявол, если хочешь знать, даже полезен нам, только бы мы умели обращаться с ним: тогда он доставляет нам многие выгоды и не маловажные приобретения. Это многократно доказали мы и примером Иова, но можно то же узнать и от Павла. Писав о кровосмеснике, он так говорит: "**Предать сатане во изможднение плоти, чтобы дух был спасен**" (1 Кор. 5:5). Вот, дьявол сделался и виновником спасения, только не по своей воле, но по искусству апостола. Как врачи берут змей и, отсекая у них вредные части, приготовляют из этих ядовитых животных лекарства, так поступил и Павел: из причиняемого дьяволом страдания он взял, что только было полезно, а прочее оставил. И чтобы знал ты, что (здесь) дьявол не виновник спасения, напротив, старался погубить и поглотить человека, но что апостол своею мудростью сокрушил ему челюсть, послушай, что говорит он (апостол) о том же кровосмеснике во втором послании к Коринфянам: "**Лучше уже простить его и утешить, дабы он не был поглощен чрезмерною печалью. И потому прошу вас оказать ему любовь … чтобы не сделал нам ущерба сатана**" (2 Кор. 2:7-8,

11), т. е. поспешим исхитить человека из челюстей зверя. Апостол часто пользовался дьяволом, как палачом; а палачи наказывают преступников, не как сами хотят, но как позволяют судьи, потому что закон для палача — наказывать, как велят судьи. Видишь, на какое достоинство взошел апостол? Облеченный телом распоряжался бестелесным, как палачом и что говорит дьяволу об Иове общий всех Владыка, повелевая так: "**Вот, он в руке твоей, только душу его сбереги**" *коснись плоти его, но души его не касайся* (Иов. 2:6), полагая ему пределы и меру наказаний, чтобы этот свирепый зверь (дьявол) не напал на него (Иова) слишком нагло, — тоже делает и апостол. Предавая блудника дьяволу, он говорит "**во изможение плоти**" (1 Кор. 5:5), т. е., души его не касайся. Видишь власть раба? Не бойся же дьявола, хоть он и бестелесен, потому что он пал, а нет ничего слабее павшего, хотя бы он не был облечен телом; равно как и нет ничего сильнее имеющего дерзновение (пред Богом), хотя бы он облечен был в смертное тело.

5. Все это сказано мною теперь не для того, чтобы дьявола освободить от обвинений, но чтобы вас отвести от беспечности. Он-то сильно желает, чтобы мы вину наших грехов слагали на него, дабы, питаясь этими надеждами и делая всякого рода грехи, увеличили мы свое наказание и не получили никакого извинения оттого что на него слагаем вину, подобно тому, как не получила и Ева. Но мы не будем делать этого, а познаем самих себя, узнаем свои раны: тогда будем в состоянии приложить и лекарства; потому что не знающий болезни нисколько не заботится об (излечении) недуга. Много согрешили мы, знаю это и я: все мы находимся в эпитимиях, — однако же не оставлены без (надежды на) помилование, не лишены покаяния, потому что стоим еще на поприще борьбы, и находимся в подвигах покаяния. Старец ты, и достиг крайнего предела жизни? Не думай однако же, будто отнято у тебя покаяние; не отчаивайся в своем спасении, но подумай о разбойнике, который на кресте спасен. Что короче того часа, в который он получил венец? Однако же и этого часа достаточно было ему для спасения. Юноша ты? Не полагайся на юность, и не думай, что у тебя впереди довольно времени для жизни: "**День Господень так придет, как тать ночью**" (1 Фес. 5:2). Для того (Бог) и сделал неизвестною нашу кончину, чтобы мы сделали известною свою заботливость и осмотрительность. Не видишь ли, сколько каждый день похищается преждевременно смертью? Поэтому и увещевает некто: "**Не медли обратиться к Господу и не откладывай со дня на день**" (Сир. 6:8), чтобы, когда будешь медлить, не погибнуть тебе. Старец да последует тому увещанию, а юноша этому внушению. Но ты в безопасности; ты богат и изобилуешь деньгами; с тобою не бывает никакой неприятности? Но послушай, что говорит Павел: "**Когда будут говорить: "мир и безопасность", - тогда внезапно постигнет их пагуба**" (1 Фес. 5:3). Дела (наши) весьма переменчивы; мы невластны в смерти; будем же властны в добродетели: человеколюбив Господь наш Христос!

6. Хотите, скажу и о путях покаяния? Они многочисленны, разнообразны и различны, и все ведут к небу. Первый путь покаяния есть осуждение грехов: "**Станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться**" (Ис. 43:26). Поэтому и пророк говорил: "**Я сказал: "исповедаю Господу преступления мои", - и Ты снял с меня вину греха моего**" (Пс. 31:5). Итак, осуди и ты грехи свои: этого достаточно для Господа к твоему оправданию, потому что осудивший грехи свои не так скоро решится опять впасть в них. Пробуди внутри у себя обличителя — твою совесть, дабы там — на судилище Господнем не иметь тебе обличителя. Вот один путь покаяния, прекраснейший! Есть и другой, не хуже этого, состоящий в том, чтобы не злопамятствовать на врагов, сдерживать гнев, прощать грехи сорабам, потому что в таком случае простятся нам и наши грехи против Господа. Вот и второе средство очиститься от грехов! "**Ибо если вы будете прощать людям,** - говорит Господь, - **согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный**" (Мф. 6:14). Хочешь знать и третий путь покаяния? Это пламенная и усердная молитва, возносимая притом от самой глубины сердца. Не видел ли ты, как та вдовица умилостивила жестокого судию

(Лк. 18:3-5)? А у тебя Владыка кроткий, снисходительный и человеколюбивый! Она просила (о защите) против врагов, а ты просишь не против врагов, но о своем спасении. Если же хочешь знать и четвертый (путь покаяния), то назову милостыню: она имеет великую и несказанную силу. И Навуходоносору, который совершал всякого рода грех и всякое нечестие, Даниил говорит: "**Царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным**" (Дан. 4:24). Что может сравниться с этим человеколюбием? После бесчисленных грехов, после стольких беззаконий, грешнику обещается прощение, если он будет человеколюбив к своим сорабам. Также, скромность и смиренномудрие, не менее всех сказанных средств, заглаждают грехи: свидетель тому мытарь, который не мог указать на свои добрые дела, но, вместо всех (таких дел), выставляет смирение — и слагает с себя тяжкое бремя грехов (Лк. 18:13). Вот мы показали пять путей покаяния: первый — осуждение грехов, второй — отпущение грехов ближним, третий — состоящий в молитве, четвертый — в милостыне, пятый — в смиренномудрии. Итак, не оставайся в праздности, но каждый день проходи по всем этим путям, потому что и пути удобные, и ты не можешь отговориться бедностью. Нет, хотя бы жил ты беднее всех, можешь и оставить гнев, и смириться, и помолиться усердно, и осудить грехи, — словом: бедность ни в чем этом не служит помехою. И что говорю об этом, когда и на том пути покаяния, на котором нужно издерживать деньги (разумею милостыню), и там бедность нисколько не препятствует нам исполнить заповедь? Это показала вдовица, положившая две лепты (Мк. 12:42). Итак, узнав способ врачевания наших ран, будем постоянно употреблять эти лекарства, чтобы, восстановив в себе истинное здравие, и вкусить нам с дерзновением священной трапезы, и сретить с великою славою Царя славы — Христа, и получить вечные блага, благодатью, и щедротами, и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава, держава, честь Отцу со всесвятым, и благим и животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Епископ Флавиан.

[2] Т. е. предстоящим в храме.

[3] Упоминаемая здесь утренняя беседа не дошла до нас.

О ДЬЯВОЛЕ

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ.

О том, что грех от беспечности, а добродетель от рачительности, и что бдительному не могут повредить ни злые люди, ни сам дьявол; также доказательство, почерпнутое из многого другого и из того, что касается Адама и Иова.

ПРЕД вчерашним днем мы беседовали с вашей любовью о дьяволе, а иные пред вчерашним же днем, когда шла здесь такая беседа, сидели в театрах и смотрели на дьявольский праздник; они слушали блудные песни, вы внимали духовным наставлениям; они вкушали скверну дьявольскую, вы насыщались духовным миром. Кто же увлек их? Кто отлучил их от священного стада? Ужели и их обольстил дьявол? Как же он не обольстил вас? Вы и они — одинаковые люди, разумею — по природе; у вас и у них одинаковая душа, одинаковые природные наклонности: как же вы и они не одинаковы в

делах? Так как не одинакова воля у вас и у них, то они — в обольщении, а вы — не в обольщении. Говорю это опять не в оправдание дьявола, но чтобы освободить вас от грехов. Зол дьявол, признаю это и я; но он зол для себя, а не для нас, если только мы бдительны. Таково свойство греха: он пагубен только делающим его; не такова, напротив, добродетель: она может приносить пользу не только делающим ее, но и ближним. И чтобы уверился ты, что злой зол для себя, а добрый добр и для других, представляю тебе свидетельство из Притчей. "**Сыне, -** сказано, **- если ты мудр, то мудр для себя; и если буен, то один потерпишь**" (Притч. 9:12).

Они обольщены в театрах, а вы не обольщены: это самое важное опытное доказательство, ясное свидетельство и неопровержимый довод на то, что во всем властна воля. Этим-то доказательством воспользуйся и ты. Когда увидишь, что человек живет порочно и делает всякий грех, между тем жалуется на Промысл Божий и говорит, будто Он предал нашу природу неизбежному року и судьбе, и жестокому владычеству демонов, — что этот человек во всем снимает вину с себя и слагает на Создателя и Промыслителя вселенной: загради ему уста, не словом, но делом, указав на другого, такого же как и он, человека, живущего добродетельно и честно. Не нужно длинных речей, не нужно стройного расположения (доказательств), ни умозаключений; доказательство — в делах. Скажи ему: и ты раб, и он раб; и ты человек, и он человек; в том же мире живешь ты, под тем же небом, тою же питаешься пищею: как же ты живешь порочно, а он добродетельно? Для того и Бог попустил злым смешаться с добрыми, и не дал злым одной земли, а добрых не поместил на другую вселенную, но смешал этих с теми, чтобы доставить (людям) великую пользу. Добрые являются в большей славе, когда, находясь среди препятствующих им жить праведно и влекущих к греху, крепко держатся добродетели. "**Надлежит быть**, - сказано, - **и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные**" (1 Кор. 11:19).

Так вот, для этого Бог и попустил злым быть среди (добрых), чтобы добрые просияли более. ВИДИШЬ, какая польза? Впрочем, польза (собственно) не от злых, но от мужества добрых. И Ною мы удивляемся, не потому только, что он был праведник, и не потому, что был совершен, но потому, что соблюл добродетель среди того племени развращенного и грешного, когда не было пред ним примера добродетели, когда все увлекали его к пороку, а он во всем шел напротив им, как какой-либо путник, который идет по дороге наперекор быстро стремящейся многочисленной толпе. Поэтому не просто сказано: "**Ной был человек праведный и непорочный, -** но прибавлено: **в роде своем**" (Быт. 6:9), — в развращенном, в отчаянном, потому что не было никакой заботы о добродетели. Вот какая польза добрым от злых! Так и деревья делаются крепче, когда качают их противоположные ветры. Впрочем, и злым есть польза от сообщества с добрыми: они их стыдятся, краснеют, совестятся; если и не отстают от греха, по крайней мере, делают зло скрытно. И то не мало значит, что они не делают зла нагло: жизнь других служит обличением порочности их. Послушай, что говорят (нечестивые) о праведнике: "**Тяжело нам и смотреть на него**" (Прем. 2:15). Не маловажное уже начало исправления, когда (нечестивые) мучатся присутствием праведника; они и не говорили бы этого, если бы вид праведника не терзал их. А мучение и терзание совести от присутствия праведника будет для них не малым препятствием — делать зло с бесстыдством. Видишь, сколько пользы и добрым от злых, и злым от добрых? Поэтому Бог не отделил их, но попустил смешаться между собою.

2. Тоже самое должны мы сказать и о дьяволе. И его (Бог) оставил здесь для того, чтобы тебя сделать крепче, чтобы подвижника показать в большей славе, чтобы борьба была важнее. Итак, когда кто будет говорить: для чего Бог оставил дьявола? — скажи ему вот какие слова: бдительным и внимательным (дьявол) не только нимало не вредит, но и

приносит пользу, — не по своей воле, потому что она зла, но по мужеству тех людей, потому что они пользуются его злобою, как должно. Вот и с Иовом сразился (дьявол), только не для того, чтобы его сделал славнее, но — чтобы низринуть: он зол по такому хотению и намерению своему; однако же, нисколько не повредил праведнику, напротив, этот получил еще большую пользу от борьбы, как это мы и доказали, и — демон выказал свою злобу, а праведник свое мужество. Но он, скажешь, многих и низлагает? По их слабости, а не по своей силе; и это уже доказано многим. Итак, исправь свою волю — и никогда ни от кого не потерпишь вреда, напротив, еще получишь величайшую пользу, не только от добрых, но и от злых. Для того Бог, как я сказал прежде, и попустил людям быть вместе, и особенно добрым с злыми, чтобы те и этих привлекали к своей добродетели. Послушай, что Христос говорит ученикам: "**Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все**" (Мф. 13:33). Итак, праведники имеют силу закваски, чтобы злых делать такими, каковы они сами. Но праведников немного, так как и закваска невелика? Но эта малость не вредит тесту, напротив, и небольшая та закваска заключающеюся в ней силою, заквашивает все тесто (1 Кор. 5:6). Так точно и сила праведников — не в количестве численном, но в благодати Духа. Апостолов было двенадцать: видишь, как мала закваска? Вся вселенная была в неверии: видишь, как много теста? Но эти двенадцать обратили к себе всю вселенную. Закваска и тесто одинаковой природы, но не одинакового качества: поэтому Бог оставил между праведниками злых, чтобы они, будучи одинаковы с праведниками по природе, сделались одинаковыми и по расположению воли.

Помните это, заграждайте этим уста ленивым, слабым, небрежным, уклоняющимся от трудов добродетели, обвиняющим общего Владыку. *Согрешил ли еси*, сказано, *умолкни* (Быт. 4:7). Не прибавляй другого, более тяжкого, греха: не так тяжко — грешить, как — после греха обвинять Господа. Постарайся узнать виновника греха — и найдешь, что это не иной кто, как ты, сделавший грех, Во всем нужна добрая воля: это я доказал вам не голыми умозаключениями, но примерами подобных вам рабов, которые жили в этом же мире. Этим доказательством воспользуйся и ты; так и общий Владыка будет судить нас. Научитесь этому способу доказательства, и никто не будет в состоянии оспорить вас. Блудодействует ли кто? Покажи ему другого — целомудренно живущего. Лихоимствует ли кто и похищает чужое? Укажи ему на подающего милостыню. Предан ли кто зависти и зложелательству? Укажи ему на свободного от этой страсти. Одержим ли кто гневом? Выставь пред ним умеющего обладать собою. Должно не только прибегать к древним сказаниям, но и брать примеры из настоящего, потому что и ныне, по благодати Божией, есть подвиги не меньше прежних. Не верит кто Писанию и считает его ложным? Не верит, что Иов был таков (каким изображается)? Укажи ему на другого человека, который подражает в жизни этому праведнику. Так и Господь будет судить нас: Он поставит рабов с такими же рабами, и произнесет решение не по Своему суду, чтобы кто не начал опять говорить, как тот слуга, который получил талант, и вместо таланта возвратил обвинение: "**Ты человек жестокий**" (Мф. 25:24). Надлежало бы ему стенать о том, что не удвоил таланта, а он сделал еще более тяжкий грех, прибавив к своей беспечности клевету на господина. Что именно говорит он? "**Я знал тебя, что ты человек жестокий**". Несчастный и жалкий, неблагодарный и беспечный! Надлежало бы тебе обвинять себя в праздности, и тем несколько уменьшить прежний грех твой, а ты взнес обвинение на господина — и удвоил, вместо таланта, грех.

3. Бог ставит рабов с рабами для того, чтобы одни судили других, и последние, будучи судимы первыми, не могли уже обвинять Господа. Поэтому (Христос) говорит: "**Приидет Сын Человеческий во славе Отца Своего**" (Мф. 16:27). Смотри на равенство славы; не сказал; во славе, подобной славе Отца, но: во славе Отца. И соберет "все народы" (Мф. 25:32). Страшное судилище, — страшное для грешников и виновных; напротив,

вожделенное и приятное для сознающих за собою добрые дела! “**И поставит овец по правую Свою сторону, а козлов - по левую**” (Мф. 25:33). И эти и те — люди: почему же те овцы, а эти козлята? Не по разности природы, но по различию воли. Почему же не дающие милостыни названы козлятами? Потому, что это животное бесплодно, и не может доставлять владельцам пользы ни молоком, ни приплодом, ни шерстью, будучи совсем негодно к такому плодоношению по незрелости своего возраста. Вот почему (Христос) неприносящих плода милостыни назвал козлятами; а *сущих одесную* - овцами, потому что от них большая прибыль — шерстью, приплодом, молоком. Что же (Господь) говорит этим? Видели вы меня алчущим, и напитали; нагим, и одели; странником, и приняли (Мф. 25:35). А тем (говорит) противное, хотя и эти и те — одинаковые люди, и эти и те получили одинаковые обетования, тем и другим предложены одинаковые награды за добрые дела, к этим и к тем пришел Он в одинаковой наготе, в одинаковой бедности и одинаково странником: все одинаково и у тех, и у этих.

Почему же конец не одинаков? Потому что помешала воля; она одна сделала такую разницу. Вот, почему те (пошли) в геенну, а эти в царство. Если бы же у тех виною грехов был дьявол, то они не подлежали бы наказанию, так как другой согрешил и подвигнул (на грех). Видел ты здесь и грешников, и праведников? Видел, как (грешники), увидя подобных себе рабов (праведников), принуждены замолчать? Вот, сведем речь и на другой пример. Было, говорится, десять дев (Мф. 25:1-11). И здесь опять, по воле и делают добро, по воле и грешат, чтобы чрез сравнение увидел ты и грехи этих, и добродетели тех: сравнение делает предмет яснее. И эти — девы, и те; и этих пять, и тех; и у этих, и у тех были светильники; все ожидали жениха. Почему же одни вошли (в чертог), а другие не вошли? Потому что эти были бесчеловечны, а те кротки и человеколюбивы. Видишь опять, что виною такого конца воля, а не дьявол? Видел ты, как произносится суд и решение по сравнению подобных с подобными? (Так) рабы будут судить подобных себе рабов. Хочешь, покажу тебе сравнение и неподобных друг другу? Сравнение неподобных делается для того, чтобы очевиднее был обвинительный приговор. “**Ниневитяне**, - сказано, **- восстанут на суд с родом сим и осудят его**” (Мф. 12:41). Подсудимые уже не одинаковы: одни иноплеменники, другие иудеи; эти пользовались наставлениями пророков, а те никогда не слышали слова Божия. Но различие не только в этом, а также и в том, что туда приходил раб, а сюда Владыка, и тот, пришедши, предвозвещал разрушение (Ниневии), а Сей благовествовал о царстве небесном. Кто же более должен был поверить: иноплеменники ли, неразумные и никогда не слышавшие божественного учения, или те, кои с юных лет питались пророческими книгами? Очевидно всякому, что иудеи более: но вышло напротив. Эти не поверили и Господу, Который возвещал царство небесное, а те поверили рабу, который угрожал разрушением, — дабы тем яснее обнаружилась и благопокорность тех (ниневитян), и злонравие этих (иудеев). Что же тут демон? Что дьявол? Что рок? Что судьба? Не всякий ли был сам виною и греха, и добродетели? Если бы (иудеи) не сами были виновны, (Христос) не сказал бы: “**осудят род сей**”; не сказал бы, что “**царица южная восстанет**” и осудит иудеев (Мф. 12:42). Так, не только народы осуждают народы, но нередко и один человек осуждает целый народ, когда те, которые могли бы скорее поддаться обольщению, оказываются устоявшими против обольщения, а те, которые всячески должны бы одолеть, являются побежденными. Поэтому вспомнили мы (теперь) и об Адаме и об Иове: надобно же опять обратиться к тому предмету, чтобы досказать и остальное. На Адама напал (дьявол) простыми словами, а на Иова делами; у этого отнял все богатство и детей, а у того не взял ничего, ни малого, ни великого. Но лучше, рассмотрим и самые слова, и способ нападения. Пришел, сказано, “**и сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?**” (Быт. 3:1). Здесь змий, там — у Иова жена; великая разность и в советниках: тот раб, а эта подруга в жизни; эта помощница, а тот подчиненный. Видишь, какой непростительный грех? Эту (Еву) прельстил подчиненный и раб, а того (Иова) не могла низринуть и

подруга, и помощница. Но посмотрим еще, что змий говорит. “**Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?**” Но Бог сказал не так, а напротив. Смотри же на хитрость дьявола: он сказал то, что (Богом) не сказано, чтобы узнать, что сказано. А жена что? Вместо того, чтобы заградить уста (дьяволу), вместо того, чтобы не отвечать ему, она, по неразумию, высказала волю Господню, и этим дала ему крепкую опору.

4. Смотри, какое зло — вверяться необдуманно врагам и зложелателям! Поэтому Христос сказал: “**Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы … обратившись, не растерзали вас**” (Мф. 7:6). А это случилось с Евою: дала она святое псу, свинье, а тот (дьявол) попрал слова и, обратившись, растерзал жену. И смотри, как он лукав: *не смертию умрете*, говорит. Здесь обратите внимание на то, что жена в состоянии была узнать обман. (Дьявол) тотчас объявил вражду и брань против Бога, тотчас заговорил против (Него). Пусть так, ты говорила с ним пред тем, как он хотел знать волю (Божию): но зачем слушала его после того, как он сказал противное? Бог сказал: *смертию умрете*; а он заговорил против этого, и сказал: *не смертию умрете*. Что яснее этого противоречия? Откуда еще надлежало узнать врага и противника, как не отсюда — из того, что он заговорил против Бога? Так, надлежало бы тотчас бежать от яда, надлежало бы отскочить от сети. “**Нет, не умрете**, **-** говорит дьявол; **- но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги**” (Быт. 3:4-5). Обещанием большего исторг (дьявол у прародителей) и то добро, какое было у них в руках; обещал сделать их богами, и подверг владычеству смерти. Итак, почему, жена, поверила ты дьяволу? Что доброго увидела в нем? Не довольно ли было тебе высокого достоинства Законодателя, т. е. что Он — Бог, Творец и Создатель, а тот дьявол и враг? Но если б я и не назвал его дьяволом, — ты ведь думала, что это простой змий, — так змия, по твоему, надлежало удостоить такой откровенной беседы, — объявить ему даже волю Господню? Видишь, что возможно было (жене) увидеть обман, но она не захотела? Бог дал довольно доказательств Своей благости и явил Свою попечительность на деле: создал человека из ничего, вдунул в него душу, сотворил его по образу Своему, поставил владыкою над всем земным, дал ему помощницу, насадил рай, и, позволив ему пользоваться прочими деревами, запретил только касаться одного, да и это самое запретил для его пользы. Дьявол же не показал на деле ни малого, ни великого добра, а только надмил жену голыми словами и пустыми надеждами — и обманул. Однако же жена признала дьявола более заслуживающим веры, нежели Бога, Который делами доказал Свою благость; поверила тому, кто представил одни голые слова, и ничего более. Видишь, что обман произошел от одного неразумия и беспечности, а не от принуждения? И чтобы это узнать тебе яснее, послушай, как Писание обвиняет жену. Не сказало оно, что (жена) *яде*, быв обманута, но: увидя “**что дерево … приятно для глаз и вожделенно**” (Быт. 3:6). Стало быть вина — в невоздержном зрении (жены), а не в одном обмане со стороны дьявола: жена побеждена собственною похотью, а не злостью демона. Поэтому она и не получила прощения, но после того, как сказала: “**Змей обольстил меня**” (Быт. 3:13), подверглась крайнему осуждению, потому что в ее власти было не пасть. И чтобы тебе узнать это еще яснее, обратим слово к Иову, от побежденных к победившему, от пораженных к одолевшему: этот придаст нам более ревности, чтобы поднять руки на дьявола. Там обольщал змий, и одолел; здесь жена, и не успела, хоть она и способнее была склонить, нежели тот. Притом, на Иова сделано это нападение после потери богатства, после погибели детей и всего имения; а там ничего такого не было: Адам не потерял детей, не лишился богатства, не сидел на куче помета, но жил в *раю сладости* (ст. 23), пользовался всякого рода древами, источником, реками, и всяким другим удобством. Не было у него ни труда, ни болезни, ни горя, ни забот, ни оскорблений, ни поруганий, ни (других) бесчисленных бед, какие обрушились на Иова: однако же, хоть ничего такого не было, он (Адам) преткнулся и пал. Не очевидно ли, что (он пал) по беспечности? Равно

как и Иов, если устоял мужественно и не пал, когда все те бедствия обрушились и тяготели на нем, — не очевидно ли, что и он (устоял) по бдительности душевной?

5. Так от того и другого можешь, возлюбленный, получить весьма великую пользу: остерегайся подражать Адаму, зная, сколько зла рождается от беспечности; поревнуй благочестию Иова, видя, сколько добра произрастает от старательности. Этого увенчанного победителя имей всегда в мыслях, и во всякой скорби и беде получишь достаточное утешение. Этот блаженный и доблестный стоит как бы на всеобщем зрелище вселенной, и постигшими его несчастиями увещевает всех переносить мужественно, что ни случится, и не поддаваться ни одному из постигающих бедствий. Нет, нет ни одного человеческого страдания, в котором бы невозможно было получить от него утешения: все страдания, какие только рассеяны в целой вселенной, сошлись вместе и обрушились на одно его тело. Какое же будет прощение не могущему перенести с благодарением некоторую только часть постигших его бедствий, — его, который является переносящим не часть только бедствий, но все несчастия человеческие? А чтобы слова мои не показались тебе преувеличенными, рассмотрим порознь каждое из постигших его бедствий, и подтвердим справедливость этих слов. И, если угодно, на первом месте выставим то, что кажется невыносимее всего, — разумею бедность и происходящую от нее скорбь: это бедствие оплакивают все люди, везде. Итак, что было беднее Иова? Не беднее ли он был даже валяющихся в банях, спящих на печном пепле, и вообще всех людей? У этих есть хоть изодранная одежда, а он сидел нагой, да и эту единственную одежду, которую имел он от природы, — одежду плоти дьявол испортил всю сильным гноем; эти, опять, бедняки находятся хоть под кровлею банных сеней, скрываются хоть в шалаше, а он день и ночь проводил под открытым небом, не получал защиты и от простой кровли; и, что еще важнее, эти сознают за собою много худого, а он не знал за собою ничего, так как надобно заметить на счет каждого из постигших его бедствий, что он не знал и причины этих бедствий, и это самое усиливало его скорбь, увеличивало горесть. Итак, эти, сказал я, могли винить себя во многом, а сознание, что наказываешься справедливо, не мало облегчает в несчастии; но Иов лишен был и этого утешения, потому что он, после жизни самой добродетельной, подвергся таким наказаниям, каких заслуживают только величайшие преступники. Эти, что у нас, бедные издавна и сначала ознакомились с бедностью, а он впал в бедность неожиданно, лишился богатства внезапно. Как знание причины бедствий весьма много способствует к утешению, так и жизнь в бедности легче для того, кто уже сначала свыкся с бедностью: праведник лишен был и того, и другого утешения, — и однако же, не пал. Видел ли ты его дошедшим до крайней бедности, — до такой, больше которой и найти нельзя? — В самом деле, что может быть беднее нагого, того, кто не имеет и крова? А Иов не мог пользоваться даже и землею: он сидел не на земле, а на куче помета. Так, когда увидишь и себя в бедности, подумай о страдании этого праведника, и тотчас воспрянешь и прогонишь всякую печальную мысль. Итак, это одно несчастие (бедность) почитается у людей основанием всех в совокупности бедствий. Второе после него, а лучше — прежде него, поражение тела (болезнью). Кто же и когда болел так (как Иов)? Кто подвергался такому недугу? Кто получал, или видел другого получавшим такую рану? Никто. У него (Иова) тело час от часу измождалось; из всех членов, как из источника, точились черви; это течение было непрерывное; зловоние отовсюду сильное; постепенное изнурение и измождение тела от такой гнилости делало самую пищу неприятною, и голод у него был странный и необычайный, потому что он не мог вкушать и предлагаемой ему пищи. “**До чего не хотела коснуться душа моя, -** говорит он, **- то составляет отвратительную пищу мою**” (Иов. 6:7). Итак, человек, когда впадешь в болезнь, вспомни об этом теле, об этой святой плоти: точно, она была свята и чиста, хоть имела столько ран. Пусть кто, и находясь в войске напрасно и без всякой благовидной причины, будет подвешен на дереве и избит по бокам: и такой не считай этого позором для себя и не вдавайся в горе, представляя себе

этого святого. Но этому, скажешь, не малое утешение и отраду доставляла уверенность, что эти бедствия посылает на него Бог? Эта-то мысль особенно и беспокоила и смущала его, - мысль, что правосудный Бог, Коему он всячески угождал, — Он-то и восстает на него. Точно, он не мог найти никакой благовидной причины своих бедствий. А как узнал после причину, смотри, какую показал богобоязливость. Когда Бог сказал ему: "**Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?**" (Иов. 40:3), он в изумлении отвечал: "**Руку мою полагаю на уста мои. Однажды я говорил, … даже дважды, но более не буду**" (Иов. 39:34-35); и опять: "**Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле**" (Иов. 42:5-6).

6. Если ты считаешь это достаточным к утешению, то можешь и сам иметь это утешение. Пусть случится тебе терпеть какое-либо несчастие, не для Бога, а от злобы людской: но, если ты будешь благодарить, а не поносить Того, Кто мог воспрепятствовать, однако же попустил (это несчастие) для твоего испытания, то, как венчаются пострадавшие для Бога, так и ты получишь такую же награду, за то, что мужественно перенес причиненные тебе людьми несчастия и возблагодарил Того, Кто мог бы, но не благоволил остановить их. Так вот, видел ты, что на праведника (Иова) наведены были и бедность, и болезнь, — обе в крайней степени. Хочешь, покажу тебе, что с такою же свирепостью напала тогда на этого доблестного (мужа) и война со стороны природы? Он потерял десятерых детей, десятерых вдруг, десятерых в самом цвете лет, десятерых отличавшихся добродетелью; и (потерял) не по общему закону природы, но от насильственной и жалкой смерти. Кто может выразить такое несчастие? Никто. Так, когда потеряешь сына и дочь вместе, прибегни к этому праведнику, и, конечно, найдешь себе великое утешение. Но эти ли только несчастия постигли его? Нет; оставление и измена со стороны друзей, поношения и поругания, брань и насмешки от всех: а быть у всех в посмеянии — как это невыносимо! Обыкновенно, уязвляют нашу душу не столько самые несчастия, сколько люди, кои позорят нас в несчастиях. А у Иова не только не было утешителя, но еще нападали на него многие ругатели со всех сторон. И ты видишь, как он жалуется на это, и говорит: даже и вы напали на меня (Иов. 19:5); называет друзей безжалостными (ст. 14), и говорит: оставили меня ближние мои, и слуги мои говорили против меня; "**даже малые дети презирают меня**" (ст. 17-18). Другие же, говорит, плевали на меня, и стал я всем в притчу (Иов. 30:9); "**и возгнушаются мною одежды мои**" (Иов. 9:31). Это и слышать невыносимо, не только что вытерпеть на самом деле. Бедность крайняя; болезнь нестерпимая, новая и необычайная; потеря стольких и таких детей и таким образом; поношение, насмешки и ругательства от людей; одни издевались, другие поносили, иные презирали, — не только враги, но и друзья, не только друзья, но и слуги; и не только издевались и поносили, но и гнушались; притом, не два, не три и не десять дней, но в течение многих месяцев; и, — что случилось с ним одним, — он и ночью не имел отрады, но дневные страдания его усиливало еще видение ночных ужасов. А для удостоверения, что он во время сна терпел еще тягчайшие страдания, послушай, что говорит он: "**Ты страшишь меня снами и видениями пугаешь меня**" (Иов. 7:14)? Какой железный человек, какой адамант вынес бы столько страданий? Если и каждое из этих страданий, порознь, нестерпимо, так подумай, какую бурю подняли они, сошедшись вместе. Однако же он все те страдания перенес, - "**Во всем этом не согрешил Иов устами своими**" (Иов. 2:10), и не было лукавства в устах его.

7. Да будут же страдания его лекарством для наших бед, и его ужасное волнение — пристанью для наших страданий. Будем, во всех своих несчастиях, вспоминать об этом святом, и, видя, как одно тело (Иова) перенесло все страдания человеческие, мы благодушно перенесем постигающие нас только немногие несчастия. Будем всегда прибегать к этой книге, как к сердобольной матери, которая простирает руки во все

стороны, и принимает, и ободряет испуганных детей, — и, пусть постигнут нас самые тяжкие бедствия, мы во всех их получим достаточное утешение.

Если же скажешь: “то был Иов, и поэтому перенес, а я не таков, как он”, - то этими словами ты только больше осудишь себя, а праведника похвалишь. Тебе бы надлежало более перенести, нежели ему. Почему же? Потому, что он (жил) до благодати и до закона, когда не было большой строгости в жизни, не было такой благодати Духа, когда трудно было побеждать грех, когда владычествовала клятва, когда смерь была страшна; а теперь борьба стала легче, потому что, по пришествии Христовом, все эти (препятствия) уничтожены. Стало быть, мы совершенно лишены извинения, если после столь долгого времени, после такой помощи и столь многих даров, сообщенных нам от Бога, не можем достигнуть одинакового с Иовом совершенства. Все это имея в мыслях, т. е. что страдания Иова были более тяжки (нежели наши), и что он выступил на брань и сразился тогда, когда борьба была труднее, — будем переносить все постигающие нас бедствия мужественно и с великою благодарностью, чтобы могли мы получить такие же, как он, венцы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О ПОКАЯНИИ

БЕСЕДА ВТОРАЯ

О покаянии и о печали царя Ахаава, а также и о пророке Ионе.

ВИДЕЛИ вы в прошедший воскресный день брань и победу - брань дьявола, а победу Христа? Видели, как покаяние было похваляемо, и дьявол не снес поражения, но убоялся и вострепетал? Отчего ты боишься, дьявол, когда покаяние похваляется? Отчего скорбишь? Отчего трепещешь? Да, говорит, не напрасно я скорблю и сокрушаюсь: дорогие мои сосуды похитило это покаяние. Какие же сосуды? Блудницу, мытаря, разбойника, хулителя. И подлинно, много сосудов похитило у него покаяние, разрушило и самую его твердыню, нанесло ему смертельный удар. Это можешь ты узнать, возлюбленный, из того, что недавно показал опыт. Но отчего же мы не любим собираться сюда, и не приходим каждый день в церковь для покаяния? Ты грешник? Приди в церковь, чтобы исповедать грехи твои. Ты праведник? Приди, чтобы не потерять праведности: церковь есть пристань для того и другого.

Ты грешник? Не отчаивайся, но приди, принеси покаяние. Ты согрешил? Скажи Богу: я согрешил. Какой тут труд? Какое обременение? Какая скорбь? Какая тягость - сказать слово: я согрешил? Если сам ты не назовешь себя грешником, то разве не будешь обвинен дьяволом? Предупреди же и лиши его этой чести; а его честь состоит в том, чтобы обвинять. Почему же не предупреждаешь его, и не исповедуешь греха, и не изглаждаешь преступления, когда знаешь, что есть против тебя такой обвинитель, который не может умолчать? Ты согрешил? Приди в церковь, скажи Богу: я согрешил. Ничего другого я от тебя не требую, кроме одного этого. Божественное Писание говорит: “**Станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться**” (Ис. 43:26): скажи грех, чтобы разрешить грех. Для этого не нужны ни труд, ни многословие, ни денежная издержка, ни что другое подобное: произнеси слово, откройся в грехе, и скажи: я согрешил. Но откуда известно, скажет кто-нибудь, что, если я первый скажу грех, то разрешу грех? В Писании есть пример и такого человека, который исповедал грех - и загладил его, и такого, который не исповедал - и был осужден. Каин умертвил брата своего Авеля из зависти, - убийство было следствием зависти; он убил его, взяв его с собою в поле. И что же говорит ему Бог? “**Где Авель, брат твой”** (Быт. 4:9)? Тот, кто знает все, спрашивает не по неведению, но чтобы

привлечь убийцу к покаянию. А что Он спрашивал не по неведению, это доказал сам вопросом: “**Где Авель, брат твой?”** Каин же отвечал: “**Не знаю; разве я сторож брату моему**” (ст. 9)? Пусть так, ты не страж: для чего же убийца? Ты не оберегал: для чего же умертвил? Но ты признаешься в том [1]? Ты должен бы и беречь его. Что же Бог к нему? “**Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли**” (ст. 10). Тотчас обличил его и наложил на него наказание, не столько за убийство, сколько за бесстыдство, потому что Бог ненавидит не столько согрешающего, сколько бесстыдного. И когда Каин раскаивался, (Бог) не принял его, без сомнения, потому, что он не первый исповедал свой грех. Что говорит (Каин)? “**Наказание мое больше, нежели снести можно**” (ст. 13); как бы так сказал: тяжко я согрешил, недостоин и наслаждаться жизнью. Что же к нему Бог? “**Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле**” (греч. и слав.: "*Стеня и трясыйся будеши на земли*" (ст. 12); таким образом определил ему страшное и тяжкое наказание. Не лишаю, говорит, тебя жизни, дабы истина не была предана забвению, но делаю из тебя закон, который бы могли все читать, чтобы твое бедствие стало матерью любомудрия. И Каин ходил всюду, как живой закон, как столп движущийся, - безмолвный, и, однако же, издававший голос звучнее всякой трубы. Никто не делай, говорил он, того же, что я сделал, дабы не потерпеть того же, что я терплю. Он подвергся наказанию за бесстыдство; осужден за грех, потому что не сам исповедал его, но был обличен в нем. А если бы он сам первый сказал свой грех, то загладил бы его.

2. Но чтобы убедиться тебе, что это действительно так, посмотри, как некто другой, первым исповедав грех, загладил его. Обратимся к Давиду, пророку и царю. Впрочем, я охотнее называю его по пророчеству, так как царство его простиралось на Палестину, а пророчество - до пределов вселенной; царство разрушилось в короткое время, а пророчество приносит вечные глаголы. Лучше пусть солнце померкнет, чем слова Давида предадутся забвению. Он впал в прелюбодеяние и убийство. Он увидел, говорит Писание (2 Цар. 11:2), моющуюся красивую женщину, и возгорел к ней любовью; потом свои помыслы привел в исполнение. И вот пророк в прелюбодеянии, драгоценный перл - в грязи. Но он еще не сознавал, что согрешил, так был усыплен страстью! Когда правящий колесницею не трезв, то и колесница несется беспорядочно; а колесница и правящий ею то же, что наше тело и душа. Если душа омрачена, то и тело погрязает в нечистоте. Доколе правящий колесницею стоит твердо, дотоле и колесница бежит хорошо; но когда он теряет силы и не может править вожжами, тогда и самая колесница является в самом худом положении. Так бывает и с человеком. Доколе душа трезва и бодра, дотоле и само тело пребывает в чистоте; а когда душа омрачена, тогда и само тело погрязает в нечистоте и сладострастии. Что же Давид? Совершил прелюбодеяние, но не сознавал этого, и ни от кого не был обличаем. Притом, (совершил это) в глубокой старости, дабы знал ты, что, если будешь беспечен, то и старость не принесет тебе пользы, и наоборот, если будешь рачителен, то и юность не может повредить тебе. Не от возраста добрые нравы, но от душевного расположения добрые дела. Вот Даниил был только двенадцати лет - и судил; а старцы были преклонных лет - и замыслили прелюбодеяние (Дан. 13:45-64); и как последним не принесла пользы старость, так первому не повредила юность. И чтобы ты узнал, что дела целомудрия зависят не от возраста, но от душевного расположения, вот Давид, уже в старости, впал в прелюбодеяние, совершил убийство и был в таком состоянии, что и сам не знал, что он согрешил, так как управитель - ум был упоен невоздержанием. Что же Бог? Посылает к нему Нафана пророка. Пророк приходит к пророку. Так бывает и с врачами: когда врач сделается болен, тогда нуждается он в другом враче. То же самое и здесь. Пророк согрешил, пророк же принес и врачевство. Итак, приходит к нему Нафан, и не сейчас, как переступил порог, обличает его, не говорит: беззаконник, непотребный, прелюбодей и убийца! Столько почестей получил ты от Бога - и попрал заповеди Его! Ничего такого не сказал Нафан, дабы не сделать его бесстыдным, потому что оглашение грехов вызывает согрешившего на бесстыдство. Итак,

Нафан приходит к Давиду и сплетает рассказ о тяжебном деле. Что же говорит? Царь, у меня есть к тебе жалоба. Был человек богатый, и был другой бедный. У богатого были стада и много волов; а бедный имел только одну агницу, которая пила из его чаши, ела от стола его и спала на груди у него. Здесь (пророк) указывает на любовь мужа к жене. Но пришел к богатому один гость, и он пожалел своего, и взял овцу бедного и заколол ее (2 Цар. 12:1-4). Видишь, как Нафан здесь сплетает рассказ, скрывая нож под губкою? Что же царь? Думая, что осуждает другого, он тотчас же произнес приговор. Таковы люди! Против других они охотно и быстро составляют и произносят приговоры. И что же говорит Давид? "**Жив Господь! Достоин смерти** (таковой) **человек, сделавший это**; **и за овечку он должен заплатить вчетверо**" (ст. 5,6). А что Нафан? Он не стал долго смягчать рану, но тотчас открывает ее, и весьма быстро разрезывает, чтобы не уменьшить чувства боли. "Это ты, царь". Что же говорит царь? "**Согрешил я пред Господом**". Не сказал: кто ты такой, что обличаешь меня? Кто послал тебя так смело говорить? Как ты дерзнул сделать это? Ничего такого не сказал, но сознал грех и сказал: "**Согрешил я пред Господом**". Что же Нафан к нему? "**И Господь снял [с тебя] грех твой**" (ст. 13). Ты сам осудил себя, я освобождаю тебя от осуждения; ты принес искреннее признание - и загладил грех; ты сам подверг себя осуждению, я уничтожил приговор. Видишь, как исполнилось слово Писания: "**Станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться**"? Какой это труд - сказать первому свой грех?

3. Но есть и другой путь покаяния. Какой же это? Оплакивание греха. Ты согрешил? Плачь, и изгладишь грех. Какой это труд? Ничего больше не требую от тебя, кроме плача о грехе. Не приказываю тебе ни рассекать моря, ни входить в пристани, ни путешествовать, ни отправляться в дальний путь, ни тратить деньги, ни вверять себя бурным волнам, - но что? Поплачь о грехе. Но откуда, скажешь, известно, что, если буду плакать, то уничтожу грех? Есть для тебя и на это доказательство в божественном Писании. Был некто Ахаав царь. Сам он, говорится, был справедлив; но из-за Иезавели, жены своей, царствовал худо. Он пожелал иметь виноградник одного израильтянина, Навуфея, и послал к нему сказать: отдай мне твой виноградник, который мне захотелось иметь, и возьми от меня или деньги, или другое место. Тот отвечал: не дай Бог, чтобы я продал тебе наследие отцов моих. Ахаав, хоть и желал иметь виноградник (Навуфея), однако же, не хотел взять его силою, так что от этого впал в болезнь. Но вот приходит к нему Иезавель, женщина бесстыдная и бессовестная, распутная и непотребная, и говорит: что ты печалишься и не ешь? Встань и ешь; я сделаю, что ты получишь виноградник Навуфея израильтянина. И вот пишет от лица царя к старейшинам письмо такого содержания: объявите пост, и поставьте лжесвидетелей против Навуфея, (которые бы показали), что он (не) благословил Бога и царя, то есть, произнес хулу на них. О, пост, исполненный крайнего нечестия! Объявили пост, чтобы совершить убийство! Что же последовало? Навуфей побит был камнями и умер. А Иезавель, узнавши об этом, говорит Ахааву: встань, овладеем виноградником, потому что Навуфей умер. Ахаав, хоть на время и опечалился, однако же, пошел и овладел виноградником. Бог посылает к нему Илию пророка: поди, говорит, скажи Ахааву: за то, что ты убил (Навуфея) и овладел (виноградником его), прольется кровь твоя, и псы будут лизать кровь твою, и блудницы мыться в крови твоей. Гнев Божеский, приговор решительный, осуждение окончательное! И смотри, куда (Бог) посылает его (Илию)? В виноградник. Где беззаконие, там и наказание (3 Цар. 21:2,18). Что же далее? Увидев его (Илию), Ахаав говорит: "**Нашел ты меня, враг мой!"** (ст. 20); **-** это значит: ты застиг меня виновным, потому что я согрешил; теперь имеешь случай напасть на меня. "**Нашел ты меня, враг мой**!" Так как Илия всегда обличал Ахаава, то Ахаав, зная, что согрешил, говорит: ты и всегда меня обличал, но теперь благовременно наступаешь на меня; он сознавал, что согрешил. В ответ на это (Илия) объявляет ему приговор: "**Так говорит Господь, -** говорит он: **ты убил, и еще вступаешь в наследство?"**, и пролил кровь мужа праведного, то прольется и твоя кровь, **-**

"псы будут лизать и твою кровь". (ст. 19). Услышав сие, Ахаав опечалился и плакал о грехе своем; он сознал беззаконие, и Бог отменил приговор, произнесенный на него. Впрочем Бог наперед оправдал Себя пред Илиею, чтобы он не оказался лжецом и чтобы не случилось с ним того же, что случилось с Ионою. А вот что случилось с Ионою. Бог говорит ему: пойди, возвести в городе Ниневии, где живет сто двадцать тысяч человек, исключая жен и детей: "**Еще сорок дней** (греч. – три дня) **и Ниневия будет разрушена**" (Иона. 3:4). Зная человеколюбие Божие, Иона не захотел пойти; но что делает? Предается бегству. Вот, говорит, я пойду проповедовать, а Ты, по Своему человеколюбию, отменишь Свой приговор, и убьют меня, как лжепророка. Однако же, море, приняв его, не скрыло, но возвратило земле и спасло для Ниневии, точно так как добрая служанка сохраняет свою сослужанку. "**И встал Иона**, **-** говорит Писание, **- чтобы бежать в Фарсис** … **и нашел корабль, отправлявшийся в Фарсис, отдал плату за провоз и вошел в него**" (Иона. 1:3). Куда бежишь, Иона? В иную землю уходишь? Но "**Господня - земля и что наполняет ее**" (Пс. 23:1). Или в море? Но разве не знаешь, что "**Его - море, и Он создал его**" (Пс. 94:5)? Или на небо? Но разве не слышал ты, что говорит Давид: "**Взираю я на небеса Твои - дело Твоих перстов**" (Пс. 8:4)? Но, не смотря на это, он, объятый страхом, якобы убежал, потому что на самом деле невозможно убежать от Бога. Когда же море выбросило его, он пришел в Ниневию, и проповедовал так: "**Еще сорок дней и Ниневия будет разрушена!**" (Иона. 3:4). А что действительно он предался бегству, имея в мыслях то, что Бог по человеколюбию раскается о зле, которое определил ниневитянам, и что он явится лжепророком, это доказывает сам он. Проповедав в Ниневии, он вышел из города и наблюдал, что будет. Когда же увидел, что три дня прошли и нигде не случилось ничего, чем угрожал он, - возвращается к прежней своей мысли и говорит: "**Не это ли говорил я, когда еще был в стране моей? … ибо знал, что Ты Бог благий и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и сожалеешь о бедствии**" (Иона. 4:2)? Итак, чтобы не случилось того же с Илиею, что и с Ионою, Бог объявляет ему причину, по которой Он простил Ахаава. Что же говорит Бог Илии? "**Видишь, как смирился предо Мною Ахав?"** *Видел ли*, как ходил Ахаав в скорби и печали пред лицом Моим? Не сделаю (поэтому) по нечестию его (3 Цар. 21:29). Чудное дело! Господь становится защитником раба, и Бог пред человеком ходатайствует за человека. Не думай, говорит, будто Я без причины простил его; он переменил свой нрав, и Я отменил и укротил гнев Мой. Но и ты не будешь сочтен за лжепророка; и ты сказал правду. Если бы он не изменил своего нрава, то потерпел бы, что назначено по приговору; но он переменил нрав, и Я укротил Свой гнев. И говорит Бог Илии: *видел ли*, как ходил Ахаав в скорби и печали? Не сотворю по гневу Моему. Видишь ли, что плач заглаждает грехи?

4. Есть у тебя и третий путь покаяния. Я представляю тебе многие пути покаяния, чтобы чрез разнообразие путей сделать для тебя удобнее спасение. Какой же это третий путь? Смиренномудрие. Будь смиренномудр, и разрешишь узы греховные. И на это есть доказательство в Божественном Писании, - в повествовании о мытаре и фарисее. Пришли, говорит Писание (Лк. 18:10), фарисей и мытарь в церковь помолиться, и начал фарисей вычислять свои добродетели. Я, говорит, не такой грешник, как все люди, или как этот мытарь. Бедная и несчастная душа! Ты осудила всю вселенную: для чего же еще оскорбила и ближнего твоего? Мало было бы тебе вселенной, если бы ты не осудила и мытаря? Поэтому ты обвинила всех, и не пощадила даже и одного человека. "Я не таков, как все люди, или как этот мытарь: дважды в неделю пощусь, даю бедным десятую часть моего имущества". Надменные слова произнес (фарисей)! Несчастный человек! Пусть ты осудил всю вселенную: для чего же уязвил и стоящего близ тебя мытаря? Ты не удовольствовался бы осуждением вселенной, если б не осудил и стоящего с тобою (мытаря)? Что же мытарь? Услышав это, он не сказал: ты кто таков, что говоришь это обо мне? Откуда знаешь жизнь мою? Ты не имел сношений, не жил со мною, не проводил много времени. Почему столько превозносишься? Кто свидетель твоих добрых дел? Зачем

хвалишь сам себя? Зачем льстишь сам себе? Ничего такого не сказал мытарь, но, преклонившись, помолился и говорил: **“Боже! будь милостив ко мне грешнику**” (ст. 14)! Чрез такое смиренномудрие мытарь сделался праведным. Фарисей вышел из храма, потеряв праведность, а мытарь вышел, стяжав праведность, - и слова победили дела. Один делами погубил праведность, а другой словом смиренномудрия стяжал праведность. Впрочем, это и не было смиренномудрие. Смиренномудрие состоит в том, когда кто, будучи великим, уничижает себя; но признание мытаря было не смиренномудрие, а сущая правда: слова его были справедливы, потому что он был грешник.

5. В самом деле, скажи мне, что хуже мытаря? Он пользуется чужими несчастиями, участвует в плодах чужих трудов; о трудах не помышляет, а в прибыли берет себе долю. Так, грех мытаря - самый тяжкий. Мытарь есть не что иное, как обезопашенное насилие, узаконенный грех, благовидное хищничество. Что хуже мытаря, который сидит при пути и собирает плоды чужих трудов, - который, когда надобно трудиться, нисколько об этом не заботится, а когда предстоит выгода, берет часть из того, над чем не трудился? Если же мытарь, будучи грешником, получил столь великий дар за смиренномудрие, то не гораздо ли более (получит) человек добродетельный и смиренный? Итак, если ты исповедуешь грехи твои и покажешь смиренномудрие, то будешь оправдан. Но хочешь ли узнать, кто истинно смиренномудр? Посмотри на Павла, подлинно смиренномудрого, - на Павла, учителя вселенной, духовного витию, сосуд избранный, пристань необуреваемую, столп неколебимый, - (на Павла), который в малом теле обошел вселенную и как бы на крыльях обтек ее. Посмотри, как он смиренно любомудрствует, он - простолюдин и мудрец, бедняк и богач. Его-то называю истинно смиренномудрым, - его, который понес бесчисленные труды, одержал над дьяволом бесчисленные победы, проповедует и говорит: “**Благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился**” (1 Кор. 15:10). Он, потерпевший темничное заключение, удары и бичевания, уловивший посланиями вселенную, призванный небесным голосом, он-то смиренномудрствует, когда говорит: “**Ибо я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом**” (ст. 9). Видишь великость смиренномудрия? Видишь, как Павел смиренномудрствует, называя себя меньшим (из апостолов)? “**Ибо я, -** говорит, **- наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом**” В том-то и состоит истинное смиренномудрие, чтобы смиряться во всем и называть себя меньшим. Подумай, кто был сказавший эти слова? Павел, гражданин небесный, хотя еще облеченный немощным телом, столп церкви, земной ангел, человек небесный. Люблю останавливаться на этом муже и созерцать красоту его добродетели. Не столько радует мои очи взошедшее и испускающее светлые лучи солнце, сколько освещает мою душу Павел. Солнце озаряет глаза, а Павел как бы на крыльях возносит нас к самым сводам небес, и возводит душу выше солнца и луны. Такова сила добродетели: человека она делает ангелом, и душу как бы на крыльях возносит к небу. Этой добродетели учит нас Павел: постараемся соделаться ревнителями его добродетели. Но мы не должны уклоняться от своего предмета. Нашею целью было показать, что смиренномудрие есть третий путь покаяния, что мытарь не смиренномудрствовал, но говорил правду, когда обнаруживал грехи свои; что стал он праведным, хотя и не тратил денег, не переплывал морей, не предпринимал дальних путешествий, не обтекал беспредельных морей, не упрашивал друзей и не потратил много времени. Нет, одним уничижением он стяжал праведность и удостоился царствия небесного, которое да получим мы все по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

[1] Т. е., что не был стражем брату.

О ПОКАЯНИИ

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ.

О милостыне и о десяти девах.

ЗНАЕТЕ ЛИ, откуда у нас началось недавно слово и где кончилось, или, с какого предмета и до какого доведена прежняя беседа? Вы, думаю, забыли, где у нас остановилось слово; а я знаю, и не виню вас в этом, не осуждаю. Каждый из вас имеет жену, печется о детях и заботится о делах домашних; одни заняты службою в войске, другие - ремесленники; словом: каждый из вас озабочен различными нуждами. А мы с этим [1] имеем дело, этим занимаемся, и в этом проводим свое время. Стало быть, вас нельзя порицать за это [2], но должно хвалить за ревность, - за то, что вы ни в одно воскресенье не покидаете нас, но, оставляя все, приходите в церковь. Это-то и составляет величайшее украшение нашего города, - не шум его, не предместья, не позлащенные дома и столовые комнаты, но жители ревностные и бодрые. И добрую породу дерева мы узнаем не по листьям, но по плодам. Тем-то мы и отличаемся пред бессловесными животными, что имеем (дар) слова, изъясняемся словом и любим слово. Человек, не любящий слова, гораздо глупее скотов: он не знает, для чего он почтен (даром слова), и откуда получил такую честь. Хорошо сказал пророк: “**Но человек в чести не пребудет; он уподобится животным, которые погибают**” (Пс. 48:13). Ты - человек, одаренный словом, и не любишь слова? Скажи же, какое будешь иметь извинение? Потому из всех вы для меня самые незаменимые, что, как на крыльях, слетаетесь к (слушанию) слова о добродетели и поставляете все ниже божественных речений. Так вот и мы возьмемся за предмет и продолжим беседу о том, о чем говорили недавно: я должен вам, и охотно плачу долг, потому что это приносит мне не бедность, но доставляет богатство. В делах мирских должники бегают от заимодавцев, чтобы не отдать (долга); а я гонюсь (за вами), чтобы отдать - и весьма справедливо, потому что в мирских делах отдача производит бедность, а в слове отдача рождает богатство. Например: я должен кому-нибудь деньги; если возвращу их, они не могут быть и у него, и у меня; нет, от меня они ушли, а к нему пришли. Но если заплачу слово, оно и при мне находится, и вы все его имеете. Если задержу слово и не сообщу (его), тогда я беден, а когда заплачу, тогда становлюсь богаче. Если не заплачу слова, тогда я один богат; а если заплачу, то получаю плод вместе со всеми вами.

Итак, отдадим долг. Что же это за долг? Недавно рассуждали мы о покаянии и сказали, что есть многие и различные пути покаяния, чтобы легко было для нас спасение. Если бы Бог дал нам один путь покаяния, мы стали бы отговариваться так: не можем идти этим путем, не можем спастись. Но вот, чтобы отнять у тебя этот предлог, Он дал тебе не один только путь, и не два, и не три, но многие и различные, дабы чрез это множество сделать для тебя легким восхождение на небо. Сказали мы также, что покаяние не трудно, и что нет в нем никакой тяжести. Ты грешник? Войди в церковь, скажи: я согрешил - и загладишь грех. В пример представили мы и Давида, который согрешил и загладил грех. Потом предложили и другой путь, то есть, плач о грехе, и говорили: какой это труд? Не нужно ни потратить деньги, ни пройти длинный путь, ни сделать что-либо другое подобное, а надобно только поплакать о грехе. Тут привели мы из Писания то, что Бог переменил свое определение об Ахааве, потому что он заплакал и опечалился; и это сам (Бог) сказал Илии: *видел ли*, как ходил Ахаав в скорби и печали пред лицом Моим? Не сотворю по гневу моему (3 Цар. 21:29). Затем указали мы и третий путь покаяния, и представили из Писания фарисея и мытаря, - то есть, что фарисей, надменно

похвалившись, лишился праведности, а мытарь, показав чувство смирения, вышел с плодом праведности и, не употребив никакого труда, сделался праведным, - дал слова, а получил дела. Теперь пойдем дальше и представим четвертый путь покаяния. Какой же это путь? Это милостыня, царица добродетелей, весьма скоро возводящая людей в небесные своды, наилучшая защитница. Великое дело - милостыня; посему и Соломон восклицал: "**Великое – человек, и драгоценное – человек милосердный**" (Притч. 20: 6). Велик полет у милостыни: она рассекает воздух, проходит луну, восходит выше лучей солнечных, достигает до самых небес. Но и там она не останавливается; напротив, проходит и небо, обтекает и сонмы ангелов, и лики архангелов, и все высшие силы, и предстает самому престолу царскому. Научись этому из самого Писания, которое говорит: "**Корнилий!** … **молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом**" (Деян. 10:3,4). А слова "пред Богом" значит вот что: хотя у тебя много грехов, но, так как милостыня твоя защитница, то не бойся; ни одна из вышних сил не останавливает ее; она требует должного, имея в руках собственное рукописание. Это глас Самого Господа, что, кто сотворил "**одному из сих братьев Моих меньших**", тот Мне сотворил (Мф. 25:40). Таким образом, сколько бы ни было у тебя других грехов, твоя милостыня перевешивает все.

2. Разве не знаешь в Евангелии притчу о десяти девах, как не имеющие милостыни, хотя и подвизавшиеся в девстве, остались вне брачного чертога? Были, говорит (Писание), десять дев, пять глупых, и пять мудрых; у мудрых был елей, а у глупых не было елея, поэтому их светильники стали гаснуть. Пришедши к мудрым, глупые сказали: дайте нам елея из ваших сосудов (Мф. 25:1-8). Стыжусь я, и краснею, и плачу, когда слышу о деве глупой; краснею, когда слышу, что они названы так после столь великой добродетели, после подвигов девства, после того, как они возлетели телом на небо и соревновали вышним силам, - перенесли жар и одолели пламя сладострастия. После этого они названы глупыми - и справедливо, потому что, сделав великое, побеждены были малым. И пришли, сказано, глупые, и сказали мудрым: дайте нам елея из сосудов ваших. А эти отвечали: не можем дать вам, "**чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас**" (ст. 8,9). И сделали они это не по жестокости и не по злобе, но по тесным обстоятельствам времени, - потому что ожидали пришествия жениха. Были у глупых светильники, но в светильниках мудрых был елей, а у тех не было. Ведь девство есть огонь, а милостыня - елей. Потому, как огонь гаснет, когда не будет для него подливаться елей, так гаснет и девство, когда не имеет милостыни. Дайте нам елея (сказали глупые) из сосудов ваших. А мудрые в ответ им: не можем дать вам. Это сказано не по злобе, а от страха: "**чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас**" - как бы нам, когда все мы стараемся войти, как бы всем не остаться (вне брачного чертога). Пойдите лучше и купите у продающих. Кто же продавцы этого елея? Бедные, ради милостыни сидящие пред церковью. А за сколько (продается) он? За сколько хочешь: цены не назначаю, чтобы ты не ссылался на бедность. Сколько у тебя есть, за столько и купи. Есть у тебя овол [3]? Купи небо, не потому, что небо дешево, но потому, что Господь человеколюбив. Нет у тебя и овола? Подай чашу холодной воды. "**И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды,** (ради Меня)… **не потеряет награды своей**" (Мф. 10:42). Предметом купли и продажи - небо, и мы не заботимся! Дай хлеб, и возьми рай; дай малое, и возьми великое; дай смертное, и возьми бессмертное; дай тленное, и возьми нетленное. Если б была ярмарка, и на ней продавались бы дешево и в большом количестве съестные припасы, и многое можно бы приобрести за малую цену: не распродали ли бы вы имущества, и, оставив все в стороне, не приняли ли бы участие в том торге? И вот, где тленное, там вы показываете столько ревности; а где идет дело о бессмертном, там вы столько нерадивы и беспечны? Дай бедному, и, - пусть сам ты будешь молчать, - тысячи уст заговорят в защиту тебя, потому что милостыня восстанет и защитит (тебя): милостыня есть выкуп души. Поэтому, как пред дверьми церковными стоят сосуды, наполненные водою, чтобы ты мыл руки, так вне церкви сидят и бедные,

чтобы ты омывал руки души. Омыл ты чувственные руки водою? Омой руки души милостынею. Не ссылайся на бедность. Вдовица и в крайней бедности ввела в дом свой Илию, и бедность не была (для нее) препятствием, но с великою радостью она приняла его; потому и получила достойные плоды и собрала жатву милостыни. Но, может быть, слушатель скажет: дай мне Илию. Что ищешь Илию? Господа Илии даю тебе, и не питаешь Его: как же ты принял бы Илию, если б нашел его? Христос, Господь всяческих, сказал: кто сотворил "**одному из сих братьев Моих меньших**", - Мне сотворил (Мф. 25:40). Если бы царь позвал кого-нибудь на вечерю и, когда бы предстали слуги, сказал к ним: возблагодарите его много за меня; он пропитал и принял меня в дом свой, когда я был в бедности, он оказал мне много благодеяний во время нужды, - не каждый ли бы употребил и потратил все свои деньги для того, кому царь изъявил благодарность? Не каждый ли бы постарался сблизиться и подружиться с ним?

3. Видели вы силу слова (царского)? Если же у царя - человека оно имеют такую честь, то представь себе, что Христос в тот день взывает пред ангелами и всеми силами, и говорит: этот человек на земле ввел Меня в дом свой; он оказал Мне множество благодеяний; он принял Меня - странника. Затем представь себе дерзновение (этого человека) среди ангелов, радость среди чинов небесных. О ком Христос свидетельствует, тому как не иметь дерзновения пред ангелами? Итак, братия, великое дело - милостыня. Возлюбим ее, - ей нет ничего равного; она может и загладить грехи, и избавить от суда. Ты молчишь, - а она стоит и защищает; или лучше, тогда как ты молчишь, тысячи уст благодарят за тебя. Столько-то благ от милостыни, а мы нерадим и не заботимся? Дай, по возможности, хлеба. Нет у тебя хлеба? Дай овол. Нет овола? Дай чашу холодной воды. Нет и этого? Поплачь с несчастным, и получишь награду, - награду не за вынужденное, но за свободное дело. Но вот, беседуя об этом, мы забыли о девах; возвратимся же к предмету. Дайте нам, говорят, елея из сосудов ваших. Не можем дать вам, "**чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас**"; пойдите лучше и купите у продающих. "**Когда же пошли они покупать, пришел жених**", и те, у которых были светлые лампады, "**вошли с ним на брачный пир, и двери затворились** (брачного чертога)". Пришли и пять глупых, и начали стучать в двери чертога, восклицая: "**Отвори нам**"; а в ответ им глас жениха изнутри: отойдите от меня, "**не знаю вас**" (Мф. 25:8-12). Итак, после столь великих трудов, что они услышали? "**Не знаю вас**". Это значит, как я сказал, что они напрасно и без пользы приобрели себе великое достояние девства. Подумай, они отвержены после столь великих трудов, после того, как обуздали невоздержание, после того, как имели состязание с небесными силами, после того, как посмеялись над житейскими делами, перенесли великий зной, переступили через преграды, после того, как возлетели от земли на небо, не разломили печати тела, приобрели великую красоту девства, вошли в состязание с ангелами, попрали требования плоти, забыли природу, в теле совершили свойственное бестелесным, после того, как приобрели великое и необоримое достояние девства, после всего этого они услышали: отойдите от меня, "**не знаю вас**". Не подумай, будто я считаю маловажным достоинство девства: девство таково, что из древних никто не мог сохранить его. Потому-то и велика благодать, что страшное для пророков и для древних ныне стало весьма доступно. Что, в самом деле, было всего тяжелее и невыносимее? Девство и презрение смерти. Но их не страшатся ныне и слабые девы. В самом деле, соблюдение девства было так тяжко, что из древних никто не мог хранить его. Ной был праведен и имел свидетельство от Бога, но жил с женою. Равным образом Авраам и Исаак, сонаследники ему в обетовании, жили с женами. Целомудренный Иосиф отказался сделать великий грех прелюбодеяния, но и он жил с женою, потому что тяжко было состояние девства. Девство утвердилось с тех пор, как вырос цвет девства. Итак, никто из древних не мог хранить девство, потому что великое дело - обуздать тело. Изобрази словом вид девства, и познай величие этой добродетели. У ней каждый день брань, которая никогда не может умолкнуть; эта брань хуже войны с варварами. На войне

с варварами бывает время отдыха, - когда ведут переговоры; там иногда сражаются, иногда нет; там наблюдается порядок и время. А на войне, которая ведется против девства, нет отдыха, потому что воюет дьявол, который не знает определенного времени к нападению, не ожидает условного знака к сражению, но всегда стоит и старается найти деву безоружною, чтобы нанести ей смертельную рану; и дева никогда не может отдохнуть от этой брани, но всегда носит в самой себе тревогу и воителя. И осужденные не так бедствуют, хотя и видят начальника только по временам; а дева, куда ни пойдет, везде имеет при себе судию и носит с собою врага. Этот враг не дает ей покоя ни вечером, ни ночью, ни утром, ни в полдень, но воюет непрестанно, представляя ей наслаждение, указывая на брак, чтобы исторгнуть из ней добродетель и породить в ней порок, чтобы изгнать из нее целомудрие и всеять в нее блуд: каждый час разгорается, приятно поджигаемая, печь сладострастия. Подумай, как труден этот подвиг: а они (глупые девы) после всего этого услышали: отойдите от меня, “**не знаю вас**”. Смотри, какое великое дело девство: когда оно имеет у себя сестру - милостыню, тогда никакие бедствия не одолевают его, но оно становится выше всего. Они потому не вошли (в брачный чертог), что при девстве не имели милостыни. Стыдно сказать: поборовши сладострастие, ты не презрела денег, но, будучи девою, отрешившеюся от жизни, и распявши себя, любишь деньги! Если бы ты возжелала мужа, и тогда была бы вина не столь велика, потому что ты возжелала бы предмета одинакового (с тобою) по существу; но теперь вина гораздо больше, потому что ты возжелала чуждого (тебе) предмета. Вот, замужние злобно выказывают бесчеловечие, ссылаясь на детей; если скажешь им: дай мне милостыню, - у меня дети, говорят они, не могу. Бог дал тебе детей, ты получила плод чрева, для того, чтобы тебе быть человеколюбивою, а не бесчеловечною; повода к человеколюбию не обращай в предлог к бесчеловечию. Хочешь оставить доброе наследство твоим детям? Оставь милостыню, чтобы все стали хвалить тебя, и память твоя осталась славною. Но ты, не имеющая детей и распявшаяся для жизни, ты для чего собираешь деньги?

4. Но у нас живо (в уме) слово и о пути покаяния, и о милостыне. Сказали мы, что милостыня есть великое приобретение; затем перешли к морю девства. Итак, великий (путь) покаяния ты имеешь в милостыне, которая может освободить (тебя) из уз греховных; но есть для тебя и другой путь покаяния, также весьма удобный, чрез который можешь освободиться от грехов. Молись каждый час, не изнемогай в молитве, и неленостно умоляй человеколюбие Божие, а Бог не отвратится от постоянно молящегося, но простит тебе грехи твои и исполнит прошения твои. Если ты, молясь, будешь услышан, продолжай молиться, чтобы принести (Богу) благодарение; если же не будешь услышан, пребывай в молитве, чтобы быть тебе услышанным. И не говори: "много я молился, и не услышан", - потому что и это часто бывает для твоей же пользы. Бог знает, что ты ленив и беспечен, и что, если получишь нужное, то отойдешь и больше не станешь молиться; и вот, самою нуждою заставляет тебя чаще беседовать с Богом и упражняться в молитве. Если ты, в такой нужде и имея надобность, ленишься и не продолжаешь молитвы, что было бы, если б ты ни в чем не нуждался? Стало быть, и это Он делает для твоей пользы, желая, чтобы ты не оставлял молитвы. Итак, пребывай в молитве, возлюбленный, и не ленись, потому что молитва может совершить многое; и не приступай к молитве, как к маловажному делу. А что молитва доставляет прощение грехов, это можешь узнать из божественного Евангелия. Что же оно говорит? Подобно царствие небесное человеку, который запер двери свои и лег спать с детьми своими. Между тем вечером пришел некто взять у него хлебов и стучит, говоря: отвори мне, мне нужны хлебы. А он ему: не могу дать тебе теперь, потому что легли спать и мы, и дети наши. Тот продолжал стучать в дверь, а этот опять говорит к нему: не могу тебе дать, потому что легли спать и мы, и дети. Но тот и после этого продолжал стучать, и не отходил, пока домохозяин не сказал: встаньте, дайте ему, и пусть от отойдет (Лк. 11: 5-8) Итак, (Писание) учит тебя молиться и никогда не унывать, но и тогда, как не получишь (просимого), пребывать (в молитве),

пока не получишь. Много и других путей покаяния найдешь в Писании. Покаяние, и прежде пришествия Христова, проповедовалось Иеремиею, который говорит: “**Разве, упав, не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются**” (Иер. 8:4)? И опять: после этого, после того как она прелюбодействовала, сказал ей: "**возвратись ко Мне**" (Иер. 3:7). Много и других [4] различных путей покаяния (Бог) дал нам для того, чтобы отнять у нас всякий предлог к нерадению. Если б у нас был только один путь, мы бы не могли пойти по нему. От этого оружия всегда убегает дьявол. Согрешил ты? Войди в церковь, и загладь свой грех. Сколько бы ты ни падал на площади, - всякий раз встаешь: также точно сколько раз ни согрешишь, - покайся во грехе, не отчаивайся; согрешишь в другой раз, в другой раз покайся, чтобы по нерадению совсем не потерять тебе надежды на обещанные блага. Ты в глубокой старости - и согрешил? Войди (в церковь), покайся: здесь врачебница, а не судилище; здесь не истязуют, но дают прощение в грехах. Одному Богу скажи грех твой: “**Тебе, Тебе единому согрешил я и лукавое пред очами Твоими сделал**” (Пс. 50:6), - и отпустится тебе грех. Есть у тебя и иной путь покаяния, не трудный, а самый легкий. Какой же это путь? Поплачь о грехе своем. Об этом узнаешь ты из божественного Евангелия. Петр, верховный из апостолов, первый в церкви, друг Христов, получивший откровение не от человеков, но от Отца, как свидетельствует о нем Господь, говоря: “**Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой**” (Мф. 16:17), - этот Петр (когда называю Петра, разумею камень несокрушимый, скалу неподвижную, великого апостола, первого из учеников, первозванного, и первого последовавшего на зов), он-то сделал не какое-либо маловажное преступление, но очень великое, - отрекся от Самого Господа. Это говорю не в обвинение праведника, но чтобы дать тебе побуждение к покаянию. Так он отвергся Самого Господа вселенной, Попечителя и Спасителя всех. Но расскажем этот случай сначала. Спаситель знал, что во время Его предания некоторые отойдут (от Него), и говорит Петру: не хочешь ли и ты отойти? Но Петр отвечал: “**Хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя**” (Мф. 26:35; сн. Ин. 6:67). Что говоришь, Петр? Бог определил, а ты противодействуешь? Но, хотя воля (Петра) и выказала свое (желание), однако же слабость природы (его) изобличилась. Когда же это? В ночь, в которую предан был Христос. Тогда, сказано, стоял Петр у горящих дров и грелся; и вот подошла к нему одна служанка и говорит: вчера и ты был с этим человеком; а он в ответ: не знаю сего человека. Потом (отрекся) и в другой, и в третий раз - и исполнилось определение (Божие). Засим Христос взглянул на Петра, и этим взглядом подал голос; не заговорил с ним устами, чтобы не обнаружить его пред иудеями и не пристыдить своего ученика, но взглядом сказал ему: вот, Петр, сбылось то, о чем Я говорил. Тогда и Петр пришел в чувство и начал плакать, но заплакал не просто, а горько, и из слез очей сделал второе крещение. Но заплакав так горько, он загладил свой грех, и после этого ему вверены ключи небесные. Если же плач Петра загладил столь великий грех, то как тебе не загладить греха, если будешь плакать? Отречься от своего Господа - было преступление не малое, но великое и весьма важное, - и, однако же, слезы загладили грех. Плачь же и ты о грехе своем, только плачь не просто и не для вида, но горько, как (плакал) Петр; изведи потоки слез из самой глубины души, чтобы Господь, умилосердившись, простил тебе прегрешение. Человеколюбив Господь; Он Сам сказал: “**Не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был**” (Иез. 33:11). От тебя хочет небольшого труда, а Сам дает великое; от тебя ожидает повода, чтобы дать тебе сокровище спасения. Предложи слезы, а Он даст тебе прощение; принеси покаяние, а Он дарует тебе отпущение грехов. Ты представь хоть малый предлог, чтобы иметь благовидное оправдание, потому что (в деле спасения) одно зависит от Него, а другое от нас. Если мы представим, что зависит от нас, то и Он дарует, что зависит от Него. Но вот Он уже даровал, что зависело от Него, - утвердил солнце, луну и разнообразный ход звезд, разлил воздух, распростер землю, оградил море, дал горы, долины, холмы, источники, озера, реки, бесчисленные роды растений, сады и все прочее. Принеси же и ты немногое,

чтобы таким образом Он даровал тебе и высшие блага. Итак, не будем беззаботны о самих себе, и не отступимся от своего спасения, имея такую бездну человеколюбия Господа всех, Который даже кается о наших грехах. Предлагается царство небесное и рай, и блага, “**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его**” (1 Кор. 2:9), - и мы не будем всячески стараться привнести что-нибудь с своей стороны, чтобы не лишиться этих благ? Разве не знаешь, что говорит Павел, который много потрудился и одержал бесчисленные победы над дьяволом, - который в теле прошел вселенную, обтек землю, и море, и воздух, и, как бы на крыльях, облетел вселенную, - который был забросан камнями, побит, потерпел побои, все перенес ради имени Божия, призван был свыше небесным голосом? Смотри, что говорит он, какое произнес слово: мы получили, говорит, благодать от Бога, но и я потрудился и сделал свое: “**Благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился**” (1 Кор. 15:10). Знаем, говорит, знаем великость благодати, которую мы получили; но не праздным она нашла и меня: известны дела мои. Так и мы приучим руки к милостыне, чтобы привнести с своей стороны нечто малое; станем плакать о грехе, стенать о беззаконии, чтобы видно было, что и мы привносим хоть что-нибудь малое, между тем как то, что имеет быть даровано нам, велико и превышает наши силы. Это рай и царство небесное, которого да сподобимся все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Т. е., проповеданием.

[2] Т. е., непамятование о предмете прежней беседы.

[3] Самая мелкая монета.

[4] Т. е., кроме милостыни и молитвы.

О ПОКАЯНИИ

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ.

о покаянии и молитве.

ПАСТУХИ водят овец постоянно туда, где видят траву гуще, и дотоле не выгоняют их оттуда, пока стадо не пощиплет всю траву. Подражая им, и мы вот уже четвертый день пасем свое стадо на пастбище покаяния, да и сегодня еще не располагаемся встать, потому что видим еще много пищи, много наслаждения и, вместе, пользы.

Не столько древесные ветви, служащие для овец кровом в полдень, успокаивают овец, доставляя приятную и полезную тень и располагая к весьма сладкому сну, сколько чтение божественного Писания ободряет и оживляет скорбящие и одержимые печалью души, уничтожая силу и жар скорби, и доставляя утешение, которое приятнее и сладостнее всякой тени. И, действительно, оно доставляет нам великое утешение, не только в потере имущества, не только в утрате детей, или в другом подобном несчастии, но и в обстояниях греховных. Когда падет человек, уловленный и низринутый грехом, когда потом будет угрызать его совесть, и он, непрестанно памятуя о грехе, подавляется чрезмерной

печалью, каждый день горит в огне, и, не смотря на множество утешителей, не получает утешения, тогда войдя в церковь и услышав, что многие из святых после падения восстали и снова вошли в прежнюю славу, - неприметно получает утешение. Притом, людям мы, согрешив, часто не смеем и открыть своего греха, потому что нам стыдно и совестно; а если и откроем, то не получим такой пользы. Но когда Бог утешает и касается нашего сердца, тогда сейчас убежит всякая сатанинская печаль. Для того и описаны нам падения праведных, чтобы и добродетельные, и грешники получили от них величайшую пользу. Грешник не приходит в отчаяние и безнадежность, видя, что другой пал и, однако же, мог опять восстать; а добродетельный будет ревностнее и благонадежнее: когда он увидит, что многие из тех, которые гораздо лучше его, пали, то, вразумляемый страхом их падения, будет всегда бдителен и покажет великую внимательность к самому себе. И, таким образом, один, усовершенствуясь в добродетели, а другой, грешник, избавляясь от отчаяния, первый будет стоять твердо, а последний скоро возвратится в то состояние, из которого ниспал. Когда человек утешает нас в печали, мы, по-видимому, и утешаемся на несколько времени, но потом опять впадаем в прежнюю печаль. А когда Бог вразумляет примером других, согрешивших и покаявшихся, и спасшихся, тогда Он делает ясной нам Свою благость, чтобы мы не сомневались в своем спасении, получая верное и надежное утешение. Итак, древние повествования писаний подают всем желающим достаточное для скорбящих врачевство, как в обстояниях греховных так и в приключающихся опасностях. Постигнет ли нас лишение имущества, или обиды от клеветников, или узы, или побои, или другое какое-либо бедствие, - смотря на праведников, которые потерпели и испытали то же самое, мы скоро можем придти в себя. В болезнях телесных, если больной смотрит на (других) больных, он через это увеличивает свою болезнь, а часто получает и новую болезнь: например, некоторые, увидев больных глазами, и сами получали болезнь от одного взгляда. Но в болезнях душевных не так, а напротив: частое размышление о потерпевших одинаковые с нами бедствия облегчает для нас скорбь о наших бедствиях. Поэтому и Павел точно так утешает верных, выставляя им на вид святых, не только живых, но и умерших. Беседуя с евреями, которые готовы были преткнуться и пасть, он выставляет на вид святых мужей - Даниила, трех отроков, Илию, Елисея, говоря так: "**заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, были побиваемы камнями, испытали поругания и побои, а также узы и темницу; скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин**" (Евр. 11:33-38).

А общение в страданиях доставляет скорбящим утешение: как терпеть одному какое-либо бедствие есть безотрадное несчастье, так найти другого, удрученного такими же бедствиями, значит облегчить свою рану.

2. Итак, чтобы не унывать нам ни в каких тяжких обстоятельствах, будем усердно внимать повествованиям Писаний. Отсюда мы получим великое ободрение к терпению, потому что не только будем утешены общением с потерпевшими одинаковые с нами бедствия, но и научимся, как избавиться от постигающих нас зол, как и по успокоении (от бед) оставаться ровными, - и не впадать в беспечность и не надмеваться гордостью. Ничего нет удивительного, если мы в несчастье смиряем и уничижаем себя и выказываем великое благочестие, потому, что самые искушения заставляют и имеющих каменное сердце делать это, т. е. печалиться. Но (только) душе благочестивой и непрестанно имеющей Бога перед очами свойственно, и после избавления от искушений, никогда не впадать в забвение; а это часто случалось с иудеями. Потому и пророк, посмеиваясь им, говорил: "**когда Он убивал их, они искали Его и обращались, и с раннего утра прибегали к Богу**" (Псал. 77:34). И Моисей, сознавая за ними то же самое, часто увещевал их, говоря: "**будешь есть и насыщаться, тогда берегись, чтобы не забыл ты Господа**" (Втор. 6:11-12). Между тем это и случилось, потому что сказано: "**и утучнел Израиль, и отолстел и**

разжирел; и оставил он Бога" (Втор. 32:15). Итак, надобно удивляться святым не потому, что они были так благочестивы и любомудры во время сильной скорби, но потому, что, и по прошествии бури и с наступлением тишины, продолжали быть одинаково скромными и старательными. И коню особенно надобно удивляться тогда, как он может без узды идти ровно; если же он прямо идет потому, что удерживается вожжами и уздой, то в этом нет ничего удивительного: тогда эту стройность приписать должно не благородству животного, но силе узды. Это же должно сказать и о душе: не удивительно, если она ведет себя скромно, когда гнетет ее страх; нет, тогда покажи мне душевное любомудрие и всяческое благонравие, когда пройдут искушения и снимется узда страха. Но боюсь, чтобы, осуждая иудеев, мне не осудить нашего образа жизни. Когда и мы страдали от голода и заразы, от града и засухи, от пожаров и нашествия неприятелей, то не каждый ли день церковь тесна была от множества собиравшихся? Великое тогда было у нас любомудрие и пренебрежение мирскими делами; не тревожили нас ни любовь к деньгам, ни искание славы, ни страсть и стремление к распутству, и никакой другой злой помысел, но все вы предавались благочестию, с молитвой и слезами. Блудник стал тогда воздерживаться, злопамятный спешил мириться, сребролюбец склонялся к подаянию милостыни, гневливый и дерзкий обращался к смиренномудрию и кротости. Но когда Бог рассеял тот гнев, отвел бурю, и после такого волнения устроил тишину, мы опять обратились к прежним делам. Об этом я и тогда, во время самых искушений, наперед говорил и предостерегал непрестанно, однако же, не имел никакого успеха, но все те (внушения) вы выбросили из ума, как сон и мимошедшую тень. Посему-то боюсь теперь больше, нежели тогда, и, о чем тогда говорил я, особенно боюсь теперь, чтобы нам не навлечь на себя несчастий, более тяжких, чем прежние, и затем не получить от Бога неизлечимой раны. Когда часто согрешающий получает от Бога прощение, и, между тем, не располагается таким долготерпением к оставлению нечестия, то такой человек наконец доводит Бога до того, что Он и против воли насылает на него самое великое бедствие, искореняет его в конец, и уже не дает ему нисколько времени для покаяния, - как это случилось и с фараоном. Когда он, испытав великое долготерпение Божье в первой, и во второй, и в третьей, и в четвертой, и в последующих казнях, нисколько не воспользовался этим, то, наконец, был истреблен и совершенно уничтожен со всем городом. Это же потерпели и иудеи. Потому и Христос, определяя истребить их и подвергнуть конечному разорению, говорил так: "**сколько раз хотел Я собрать чад твоих, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст**" (Лук. 13:34-35). Итак, боюсь, чтобы и нам не потерпеть того же, потому что мы не вразумляемся ни чужими, ни своими бедствиями. Впрочем, говорю это не вам только, теперь присутствующим здесь, но и тем, которые прервали повседневное усердие и забыли о прежних скорбях, - которым я непрестанно, с крайним усилием, говорил, что, хотя и прошли искушения, но память о них должна оставаться в душах наших, чтобы мы, постоянно памятуя о благодеянии, непрестанно благодарили Бога, даровавшего его.

3. Это и тогда говорил я, и теперь говорю вам, а через вас - им: будем подражать святым, которые ни скорбями не были побеждаемы, ни от покоя не расслабевали, что бывает теперь со многими из нас, как с легкими ладьями, которые от всякого напора волн заливаются водой и тонут. Часто и бедность, нашедши на нас, заливает и потопляет нас, и богатство, прибывши к нам, опять надмевает нас и повергает в крайнюю беспечность. Потому прошу, пусть каждый из нас, оставив все, настроит душу свою к спасению. Когда она хорошо настроена, тогда, какое бы ни постигло нас бедствие, голод ли, болезнь ли, клевета ли, расхищение ли имущества, или что бы то ни было другое, - все будет удобоносимо и легко, по заповеди Господа и по надежде на Него; равно как, наоборот, у кого душа не благоустроена в отношении к Богу, такой человек испытает много скорбей и забот, хотя бы и богатство текло к нему, хотя бы были у него дети, и бесчисленное множество денег. Итак, не будем ни искать богатства, ни убегать бедности, но, прежде

всего, позаботимся каждый о своей душе и сделаем ее способной и к распоряжению настоящей жизнью, и к отшествию отсюда туда. Еще не много - и будет испытание каждого из нас, когда все мы предстанем страшному судилищу Христову, окруженные своими делами, и увидим собственными глазами, - то слезы сирот, то постыдное распутство, которым осквернили мы душу свою, то стоны вдов, то побои (нанесенные) бедным, и разграбление нищих; (увидим) не только это и подобное этому, но и все, что только сделали мы худого даже и в мыслях, так как Он (Бог) есть судья помышлений и ценитель мыслей (Евр. 4:12), и опять: "**испытываешь сердца и утробы**" (Пс. 7:10), и "**воздаст каждому по делам его**" (Римл. 2:6).

Но это слово мое относится не только к живущим в мире, но и к тем, которые, по любви к уединенной жизни, построили себе кельи в горах, потому что они должны блюсти не только тела свои от осквернения блудом, но и душу от всякого сатанинского любостяжания. Апостол Павел рассуждает не о женах только, но и о мужах, и всей церкви, когда говорит, что девствующая душа должна быть "**святой и телом и духом**" (1 Кор. 7:34), и опять: представьте тела ваши "**чистой девой**" (2 Кор. 11:2). А как чистую? "**Не имеющей пятна, или порока**" (Еф. 5:27). И те девы, у коих угасли светильники, были девы телом, но не чисты сердцем; и хотя муж не растлил их, но растлила их любовь к деньгам. Тело у них было чисто, а душа была преисполнена блуда, потому что ими овладели злые помыслы, - сребролюбие, и жестокосердие, и гнев, и зависть, и леность и забывчивость, и гордость, и все это погубило достоинство их девства. Потому и Павел говорит: "**да будет дева свята и телом и духом**" (1 Кор. 7:34), и опять: "**представить Христу чистой девой**" (2 Кор. 11:2). Как тело растлевается блудом, так и душа оскверняется сатанинскими помыслами, превратными правилами, нечистыми мыслями. Кто говорит: я девственник по телу, а в душе завидует брату, тот не девственник: его девство растлила связь с завистью. Тщеславный также не девственник: его девство растлила любовь к злословию; вошла (в него) эта страсть - и нарушила его девство. А кто ненавидит своего брата, тот более человекоубийца, чем девственник; и вообще, какой кто одержим бывает злой страстью, ей и растлевает свое девство. Поэтому Павел устраняет (нас) от всех этих злых связей и повелевает нам быть девами, так чтобы добровольно не принимали мы в душу никакого противного помысла.

4. Что же нам сказать на это? Как заслужить помилование? Как спастись? Вот что скажу: будем всегда носить в сердце молитву и плоды ее, то есть, смиренномудрие и кротость. "**Научитесь от Меня**", говорит Господь, "**ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим**" (Матф. 11:29); и опять Давид: "**жертва Богу - дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже**" (Пс. 50:19). Ничего так не принимает и не любит Бог, как душу кроткую, смиренномудрую и благодарную. Смотри же и ты, брат, когда что-либо неожиданно постигнет и опечалит тебя, не прибегай к людям и не полагайся на человеческую помощь, но, оставив всех (людей), востеки мыслью твоей к врачу душ. Уврачевать сердце может единственно Тот, Кто один создал сердца наши и знает все дела наши; Он может войти в совесть нашу, коснуться сердца и утешить душу. Если же Он не утешит сердец наших, то бесполезны и тщетны будут утешения человеческие; равно как и наоборот, когда Бог успокаивает и утешает, тогда, пусть люди тысячекратно станут беспокоить нас, они не в состоянии будут нисколько повредить нам, потому что, когда Он укрепит сердце, тогда никто не может поколебать его.

Итак, зная это, возлюбленные, будем всегда прибегать к Богу, Который и хочет, и может избавить нас от несчастия. Когда надобно умолять людей, то нам необходимо наперед и поговорить с привратниками, и упросить прихлебников и льстецов, и пройти длинный путь. Но у Бога нет ничего такого; Его можно упросить без посредника; Он склоняется на

молитву без денег, без издержек; довольно только возопить сердцем и принести слезы, и - лишь только войдешь, тотчас привлечешь Его к себе. Притом, умоляя человека, мы часто боимся, чтобы какой-нибудь враг, или друг (наших врагов), или противник (наш) не услышал о нашем деле, или другой кто не рассказал того, о чем мы говорим, и не извратил правды; а у Бога нельзя опасаться ничего такого. Когда ты хочешь, говорит Он, умолить Меня, приступи ко Мне один, без всякого свидетеля, то есть, воззови сердцем, не приводя в движение уст. "**Войди**", говорит, "**в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно**" (Матф. 6:6). Смотри, какая высокая честь: когда ты умоляешь Меня, говорит Он, пусть никто не видит этого; а когда я оказываю тебе честь, то вселенную привожу в свидетели этого благодеяния. Убедимся же, и будем молиться не напоказ и не об отмщении нашим врагам; не будем учить Его, каким образом помочь нам. Если и людям, защищающим нас и говорящим за нас перед мирскими судьями, мы рассказываем только дела наши, а образ защиты предоставляем им, чтобы они по своему усмотрению распорядились нашими делами, тем более так поступать должно в отношении к Богу. Сказал Ему твое дело, сказал, что ты потерпел, - но отнюдь не говори при этом, как помочь тебе; Он сам хорошо знает, что полезно тебе. А есть много таких, которые на молитве высказывают тысячу особых прошений, и говорят: Господи, дай мне здоровье телесное, удвой мое имущество, отомсти моему врагу. Это весьма неразумно. Потому надобно, оставив все это, молить и просить только по примеру мытаря, который говорил: "**Боже! будь милостив ко мне грешнику**" (Лук. 18:13); а Он уже Сам знает, как помочь тебе: "**ищите**", говорит Он, "**прежде Царства Божия, и это все приложится вам**" (Матф. 6:33). Так-то, возлюбленные, будем любомудрствовать (молиться), с усердием и смирением, ударяя себя в грудь, по примеру того (мытаря) - и мы получим, чего просим. Если же мы молимся в гневе и раздражительности, то мерзки мы и ненавистны перед Богом. Сокрушим же наше сердце и уничижим нашу душу, и будем молиться как о самих себе, так и об оскорбивших нас. Если хочешь склонить Судью к подаянию помощи твоей душе и привлечь Его на свою сторону, никогда не жалуйся Ему на того, кто опечалил тебя. Таков нрав у Судьи: Он внемлет и подает просимое особенно тем, которые молятся за врагов, не помнят зла и не восстают против своих врагов. И в какой мере они делают это, в той мере и Бог отмщает их врагам, если эти не обратятся к покаянию.

5. Смотрите же, братия, когда кто-нибудь нанесет нам какое-либо бесчестие, не будем тотчас досадовать и печалиться, но станем благодарить, терпеливо перенося (обиду) и ожидая помощи от Господа. Разве Бог не мог, еще прежде прошения, подать нам блага, даровать нам жизнь беспечальную и свободную от всякой скорби? Но Он делает то и другое по любви к нам. В самом деле, для чего Он попускает нам испытывать скорби, и не скоро избавляет от них? Для чего? Для того чтобы мы обращались к Нему с мольбой о защите, прибегали к Нему и непрестанно призывали Его к себе на помощь. Для того и болезни тела, для того и скудость плодов, для того и голод, чтобы мы из-за этих бедствий всегда прилеплялись к Нему, и, таким образом, через временные скорби сделались наследниками вечной жизни. Стало быть, и за них мы должны благодарить Бога, Который многими способами врачует и спасает души наши. Люди, если окажут нам ничтожное благодеяние, а мы впоследствии хоть и невольно оскорбим их какой-нибудь малостью, тотчас попрекают нас своим благодеянием, так что многие проклинают себя за то, что приняли от них какое бы то ни было благодеяние. Но Бог не так поступает; напротив, когда, и после полученных от Него благодеяний, люди пренебрегают и оскорбляют Его, - Он сам защищается и оправдывается перед оскорбившими Его, говоря так: "**народ Мой! что сделал Я тебе**" (Мих. 6:3)? Они не хотели именовать Его Богом, а Он не переставал их называть людьми, они отрекались от Его владычества, а Он не отвергал их, но приближал и привлекал к себе, говоря: "**народ Мой! что сделал Я тебе**" (Мих. 6:3)? Разве Я, говорит, был тяжел для вас, или суров, или обременителен? Этого вы не можете

сказать. Но если бы и это было, и в таком случае не следовало вам бежать (от Меня): "**есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец**" (Евр. 12:7)? Однако же, и этого не можете сказать. И опять в другом месте: "**какую неправду нашли во Мне отцы ваши**" (Иер. 2:5)? Важны и удивительны эти слова; они значат вот что: в чем Я погрешил? Бог говорил людям: в чем Я погрешил; между тем, как и рабы не допускают, чтобы господин их сказал это! Притом (Бог) не говорит: в чем Я согрешил против вас, - но против отцов ваших. Вы, говорит, не можете даже сказать и того, что питаете ко мне отцовскую вражду, потому что и предкам вашим Я никогда не подавал повода жаловаться на Мое промышление, как будто бы Я пренебрег их в малом или великом. И не просто сказал: какое (погрешение) "**имели**" отцы ваши, но "**какое нашли**"? Много выискивали, много выслеживали они, будучи столько лет под Моим владычеством, однако же, не нашли во Мне ни одного погрешения. По всему этому будем непрестанно прибегать к Нему, и во всякой печали искать Его утешения, во всяком несчастье - Его избавления, Его милости, во всяком искушении - Его помощи. Какое бы ни было бедствие, сколь бы велико ни было несчастье, Он может все прекратить и отстранить. Впрочем, благость Его подаст нам не только это, но и всякую безопасность, и силу, и добрую славу, и телесное здоровье, и душевное любомудрие, и благие надежды, и то, что мы не будем спешны на грех. Итак, не будем роптать, как неблагодарные рабы, не будем и обвинять Господа, но за все благодарить Его и почитать несчастьем только одно, именно - грех против Него. И если мы так будем расположены к Богу, то не постигнет нас ни болезнь, ни бедность, ни бесчестье, ни скудость плодов и никакое другое кажущееся бедствие, но всегда наслаждаясь чистой и невинной радостью, мы получим и будущие блага, по благости и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О ПОКАЯНИИ

БЕСЕДА ПЯТАЯ.

О посте, также о пророке Ионе, Данииле, и о трех отроках, сказана перед наступлением святого поста

СВЕТЛЫЙ сегодня у нас праздник, и торжественнее обыкновенного собрание. Какая же тому причина? Это, я знаю, дело поста еще не наступившего, но ожидаемого. Он нас собрал в отеческий дом, он сегодня привел в материнские объятия и тех, которые доселе были ленивы. Если же пост, только еще ожидаемый, внушил нам столько ревности, то, сколько благочестия он произведет в нас, когда явится и наступит? Так и город, ожидая прибытия страшного начальника, отлагает совсем беспечность и выказывает великую рачительность.

Но, услышав о посте, не испугайтесь (его, как) страшного начальника: он страшен не нам, но демонам. Если кто одержим злым духом, покажи ему лицо поста, и он, сковываемый страхом и удерживаемый как бы какими цепями, станет неподвижнее самых камней, особенно когда увидит в союзе с постом сестру и подругу поста - молитву. Поэтому и Христос говорит: "**сей же род изгоняется только молитвою и постом**" (Матф. 17:21). Если же он так прогоняет неприятелей нашего спасения и так страшен врагам нашей жизни, то надобно его любить и принимать с радостью, а не бояться. Если чего должно бояться, то бояться надобно пьянства и объедения, а не поста. Те, связав у нас сзади руки, предают нас рабами и пленниками жестокому владычеству страстей, как некоему свирепому господину; а пост, найдя нас в рабстве и в узах, разрешает от уз, избавляет от жестокого владычества и возвращает на прежнюю свободу. Так, когда пост и воюет против наших врагов, и освобождает (нас) от рабства, и возвращает на свободу, то, какого

еще большего надобно тебе доказательства его дружбы к нашему роду? Ведь величайшим доказательством дружбы считается то, когда (другие) и любят, и ненавидят тех же самых, кого и мы.

Хочешь узнать, какое украшение для людей пост, какая он оборона и защита? Подумай о блаженном и чудном роде монашествующих. Они, убежав от мирского шума, и востекши на вершины гор, и построив кельи в тишине пустыни, как в некоей спокойной пристани, взяли себе пост в товарищи и сообщники на всю жизнь. Зато он и сделал их из людей ангелами; да и не их одних, но кто и в городах соблюдает его, - всех возводит он на самую высоту любомудрия. И Моисей, и Илия - столпы ветхозаветных пророков, хотя знамениты и велики были по другим (добродетелям), и имели великое дерзновение, однако же, когда хотели приступить к Богу и беседовать с Ним - сколько это возможно человеку, - прибегали к посту и на его руках возносились к Богу. Поэтому и Бог, лишь только создал человека, тотчас отдал его на руки посту, ему поручил его спасение, как нежной матери и наилучшему наставнику. "**От всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него**" (Быт. 2:16-17) - это ведь род поста. Если же пост необходим в раю, то гораздо более вне рая; если лекарство полезно прежде раны, то гораздо более после раны; если оружие было нужно нам еще до начала войны с похотями, то гораздо более необходимо споборничество поста по открытии такой брани со стороны похотей и демонов. Если бы Адам послушал этого голоса [1], то не услышал бы другого: "**прах ты и в прах возвратишься**" (Быт. 3:19). Но как не послушал он того (голоса), так за это (постигли его) смерть, и заботы, и горести, и печали, и жизнь тягостнее всякой смерти; за это терния и волчцы; за это труды и болезни, и полная скорбей жизнь.

Видел ты, как Бог гневается, когда презирают пост? Узнай же, как Он и радуется, когда чтут пост. За пренебрежение поста Он наказал преступника смертью, напротив, за уважение к посту избавлял (постящихся) от смерти. И чтобы показать тебе силу поста, (Бог) дал ему власть, после уже приговора (над преступниками), по отправлении их на казнь, брать ведомых на смерть с самой середины пути и возвращать к жизни. И это сделал пост не с двумя, или тремя, или двадцатью человеками, но даже с целым народом. Тогда, как великий и дивный город ниневитян лежал уже на коленах, склонил голову к самой пропасти, и готов был принять направленный сверху удар, - пост, как некая свыше слетевшая сила, исторг его (город) из самых врат смерти и возвратил к жизни. Но если угодно, послушаем и саму историю. "**И было**", сказано, "**слово Господне к Ионе**": "**встань, иди в Ниневию, город великий**" (Ион. 1:1-2). Бог, предвидя бегство пророка, с самого начала хочет возбудить (в Ионе) жалость величием города. Но послушаем и проповеди.

2. "**Еще сорок дней и Ниневия будет разрушена**" (Ион. 3:4). Для чего же наперед говоришь о том зле, которое хочешь сделать? Для того, что не сделаю того, о чем говорю наперед. Для того Он угрожал и геенной, чтобы не отвести в геенну: пусть, говорит, устрашают вас слова - и не опечаливают дела. А для чего он ограничивает срок столь кратким временем? Для того чтобы ты и узнал добродетель иноплеменников, - иноплеменников, то есть ниневитян, которые в три дня могли утишить такой гнев (Божий) на их грехи, - и подивился человеколюбию Бога, Который удовольствовался трехдневным покаянием за столь великие беззакония, и сам ты не впадал бы в отчаяние, хотя бы и без числа согрешил. Как вялый душой и беспечный, хоть и получит много времени для покаяния, по лености не сделает ничего важного и не примирится с Богом, так добрый и пылающий рвением, и с великой ревностью совершающий покаяние, может и в краткое мгновение загладить грехи многих годов. Петр не трижды ли отрекся? Не с клятвой ли, в третий раз? Не оттого ли, что испугался слов какой-то ничтожной служанки? Что же? Много ли годов нужно было ему для покаяния? Нисколько; но в одну и ту же ночь он и

пал и восстал, получил и рану и лекарство, и заболел и выздоровел. Как и каким образом? Тем, что он плакал и рыдал, или лучше тем, что плакал не просто, но с великой горячностью, и от сердца; потому и евангелист не сказал, что он только плакал, но – "**плакал горько**" (Матф. 26:75). А какова сила его слез, этого, говорит, никакое слово не может изобразить; только последствия ясно показывают. Преступно было то падение (Петра), потому что ни один грех не может сравняться с отречением (от Христа), - однако же, и после столь великого греха, (Христос) снова возвел его в прежнее достоинство и поручил ему управление вселенской церковью, и - что всего важнее - представил его имеющим больше любви к Господу, нежели все апостолы, потому что сказал: Петр, "**Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они**" (Иоан. 21:15)? А с такой любовью ничто не может сравняться в качестве добродетели. Так, чтобы ты не сказал, что Бог по справедливости простил ниневитян, как иноплеменников и несмысленных, - сказано ведь: "**раб, который не знал волю господина своего, и сделал достойное наказания, бит будет меньше**" (Лук. 12:47-48), - чтобы ты, говорю, не сказал этого, для этого Он и представил тебе Петра, - раба вполне знавшего волю Господа. И хотя он сделал самый тяжкий грех, однако же, смотри, на какую взошел высоту дерзновения.

Так и ты не отчаивайся из-за грехов: в грехе всего преступнее то, когда остаются в грехе, и в падении всего хуже то, когда лежат по падении. Об этом и Павел плачет и рыдает; это называет он достойным слез: (боюсь) да не так, говорит, когда приду к вам, "**уничижит**" меня "**Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих**", не просто, "**согрешивших**", но "**не покаявшихся в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали**" (2 Кор. 12:21). А для покаяния какое время может быть удобнее времени поста?

3. Но возвратимся к истории. Услышав эти слова [2], пророк "**и встал Иона, чтобы бежать в Фарсис от лица Господня, и пришел в Иоппию**" (Ион. 1:3). Куда бежишь, человек? Разве ты не слышал, что говорит пророк: "**куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу**" (Псал. 138:7)? На землю? Но "**Господня - земля и что наполняет ее**" (Пс. 23:1). В ад? "**Сойду ли**", сказано, "**в преисподнюю - и там Ты**" (Пс. 138:8). На небо? Но "**взойду ли на небо - Ты там**" (Пс. 138:8). Или в море? Но "**и там**", сказано, "**удержит меня десница Твоя**" (Пс. 138:10), что и с ним (Ионой) случилось. Но таков грех: он доводит душу нашу до великого неразумия. Как люди с отяжелевшей от опьянения головой бродят без цели и без разбора, и случится ли перед ними яма, или стремнина, или что другое, они падают туда от неосмотрительности, - так и стремящиеся к греху, как бы опьянев, от желания совершить грех, не знают, что делают, не видят ничего - ни настоящего, ни будущего.

От Господа бежишь, скажи мне? Так подожди немного, и на самом деле узнаешь, что ты не можешь убежать и из рук подвластного Ему моря. Действительно, едва (Иона) взошел на корабль, как оно воздвигло волны и поднялось высоко. Как верная служанка, нашедши беглого со-раба, похитившего что-либо из господского имущества, дотоле не перестает всячески беспокоить принявших его, пока не возьмет его с собой, - так точно и море, нашедши и узнав своего со-раба, всячески беспокоит корабельщиков, мятется, воет, и хоть не влечет в суд, но угрожает потоплением кораблю вместе с людьми, если не отдадут ему со-раба. Что же корабельщики при этом? "**И стали бросать в море кладь с корабля**" (Ион.1:5). Но корабль не облегчался, так как вся тяжесть оставалась еще на нем, т. е. тело пророка, - бремя тяжкое не по существу тела, но по тяжести греха, потому что нет ничего настолько тяжкого и неудобоносимого, как грех и непокорность. Поэтому и Захария изобразил его под видом слова (Зах. 5:7), а Давид, описывая существо его, сказал: "**беззакония мои превысили голову мою, как тяжелое бремя отяготели на мне**" (Псал. 37:5). И Христос к тем, которые жили во многих грехах, взывал: "**придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас**" (Матф. 11:28). Так грех и тогда

отягощал корабль и готов был погрузить его в воду; а Иона спал и храпел. Тяжелый это был сон, - не сон удовольствия, но скорби, - не беспечности, но печали, потому что добрые слуги скоро сознают свои грехи, что случилось и с Ионой. Совершив грех, он тогда же познал и тяжесть греха. Таково свойство греха, что он после того, как родится, пробуждает болезни в породившей его душе; не так, как бывает при нашем рождении. Мы, лишь только родимся, прекращаем болезни рождения, а он, коль скоро родится, терзает болезнями породившие его помыслы. Что же кормчий? "**Пришел**", сказано, "**к нему**" (Ионе), "**и сказал ему: встань, воззови к Богу твоему**" (Ион. 1:6). Он уже из опыта узнал, что то была не обыкновенная буря, но наказание, ниспосланное от Бога, - такое волнение, перед которым бессильно искусство человеческое, и что тут бесполезны руки кормчего; для укрощения его нужен был другой, лучший кормчий, управляющий всем миром; потребна была помощь свыше. Поэтому и корабельщики, оставив весла и паруса, и снасти, и все, отняв руки от весел, подняли их к небу, и молили Бога. Когда же и это не помогло, тогда, говорит Писание, "**метнули жребий**" (Ион. 1:7), и жребий открыл, наконец, виновного. Впрочем, они не просто взяли его и бросили в воду, но среди столь великого смятения и тревоги, как бы среди великой тишины, устроили на корабле судилище, дали ему (Ионе) говорить, дозволили защищаться, и все исследовали тщательно, как будто должны были отдать кому отчет в своем приговоре. Послушай же, как они исследуют все, как бы в судилище. "**Скажи нам, за кого постигла нас эта беда? какое твое занятие, и откуда идешь ты? где твоя страна, и из какого ты народа**" (Ион. 1:8)? Море уже обвиняло его, вопия против него, обличил и засвидетельствовал против него жребий - однако же, они, не смотря ни на вопль моря, ни на свидетельство жребия, не произносят еще приговора, но, как в судилище, хотя присутствуют и обвинители, предстоят и свидетели и улики, судьи дотоле не произносят приговора, пока сам подсудимый не повинится в своем грехе, так и здесь корабельщики, люди иноплеменные и несмысленные, соблюдали порядок, какой бывает в судах. И это (сделали они) среди столь великого страха, столь великого волнения, столь великой тревоги, когда море не давало им и вздохнуть, - так оно шумело и ярилось, с неистовством и воем воздымая непрестанные волны. Откуда же, возлюбленные, происходила такая попечительность о пророке? От устроения Божия. Бог так устроил это, вразумляя через это пророка быть человеколюбивым и кротким, и как бы взывая к нему и говоря: подражай корабельщикам, несмысленным. Они не пренебрегают и одной душой, не безжалостны и к одному твоему телу; а ты предал, сколько от тебя зависело, целый город, в котором столько тысяч жителей. Они, и открыв виновника приключившихся им бедствий, не спешат произнести обвинительный приговор, а ты, не имея причины обвинять ниневитян, потопил их и погубил. Притом ты не послушал, когда Я повелевал тебе идти с проповедью воззвать их (ниневитян) к спасению; а эти (корабельщики), и без всякого приказания, употребляют все средства, чтобы тебя, оказавшегося виновным, избавить от наказания. В самом деле, корабельщики и после обвинения от моря, после улики через жребий, когда и сам (Иона) обвинял себя и признался в бегстве, и тогда не устремились на погибель пророка, но медлили, удерживались и употребляли все средства, чтобы, и после такого обличения, не предать его неистовству моря. Но этого не дозволило море, или - лучше - не допустил Бог, желая вразумить Иону, как через корабельщиков, так и через кита. И точно, услышав: "**возьмите меня и бросьте меня в море, и море утихнет для вас**" (Ион. 1:12), - они усиливались подойти к земле, но волны не дозволили.

4. Так вот ты видел пророка бегущим: послушай же, как он и исповедуется из глубины - из чрева кита. То сделал (бежал) он, как человек, а это (исповедание) совершил, как пророк. Итак, море, приняв его, ввергло, как в некую темницу, в чрево кита, чтобы сохранить Господу беглеца невредимым. Ни лютые волны, взявшие его, не задушили его, ни более лютый, чем волны, кит, поглотивший его, не погубил в чреве, но сохранил и привел в город. И море, и кит оказали сверхъестественное послушание, чтобы пророк

всем вразумился. И вот он, пришедши в город, прочел приговор, как царскую грамоту о наказании, и воззвал, говоря: "**еще сорок дней и Ниневия будет разрушена**" (Ион. 3:4).

Услышали это ниневитяне, и не показали неверия и пренебрежения, но тотчас поспешили к посту все - мужи, жены, рабы, господа, начальники, подчиненные, дети, старцы; даже и бессловесные не были изъяты от этого общественного подвига; всюду вретища, всюду пепел, всюду плач и вопль. И сам облеченный диадемой, сойдя с царского престола, разостлал под собой вретище, посыпал пепел, и, таким образом, исхитил город из опасности. Открылось необычайное явление: порфира уступила вретищу! В самом деле, для чего бессильна была порфира, то могло сделать вретище; чего не сделала диадема, то совершил пепел. Видишь, не напрасно сказал я, что бояться надобно не поста, но пьянства и объедения? Пьянство и объедение поколебали и грозили ниспровергнуть город, когда он стоял, а пост поддержал его и тогда, как колебался и готов был упасть. С постом и Даниил, войдя в ров львиный, вышел оттуда так, как будто был там с кроткими овцами. Львы, хоть и кипели яростью, и бросали убийственные взгляды, однако же, не коснулись лежавшей перед ними трапезы [3], но отказались от этой пищи, тогда как и сама природа возбуждала их (потому что нет ничего лютее этих зверей), и голод (потому что они не ели семь дней), как некий внутренний палач, понуждал их растерзать пророческую утробу. С постом и три отрока войдя в вавилонскую печь, и долгое время пробыв в огне, вышли из печи с телами светлее самого огня. Но если тот огонь был действительно огонь, как же он не сделал того, что свойственно огню? Если тела отроков были точно тела, как же они не потерпели того, что свойственно телам? Как? Спроси у поста, и он ответит тебе, и сам разрешит тебе загадку: это действительно была загадка. Природа тел боролась с природой огня, и победа осталась за телами! Видел ты чудную борьбу? Видел еще чудную победу? Подивись посту и прими его с распростертыми руками. Если он и помогает в печи, и сохраняет во рве львином и изгоняет демонов, и изменяет определение Божье и укрощает неистовство страстей и возводит нас к свободе, и производит великую тишину в помыслах наших, то не крайне ли было бы безумно убегать и бояться его, когда столько благ в руках у него? Он, говорят, изможает наше тело до немощи. Но чем более "**внешний наш человек тлеет**", тем более "**внутренний со дня на день обновляется**" (2 Кор. 4:16). А лучше сказать, если захочешь тщательно исследовать дело, то найдешь, что пост есть мать и здоровья телесного. И если не веришь моим словам, спроси об этом у врачей, и они яснее покажут это. Воздержание они называют матерью здоровья, а о болезнях в ногах, и о болезнях головных, об апоплексии и о рвоте, и о водяной болезни, и о воспалениях и опухолях, и о бесчисленном множестве других болезней говорят, что они происходят от лакомства и пресыщения, как от самого нечистого источника нечистые ручьи, пагубные и для здоровья тела, и для целомудрия души.

5. Итак, не будем бояться поста, который избавляет нас от столь великих зол. Не без причины внушаю вам это, но потому, что вижу много таких людей, которые уклоняются и бегут прочь, как будто их хотят отдать в руки какой-либо суровой жене, и губят сегодня сами себя пьянством и пресыщением. Поэтому советую: не губите наперед, объедением и пьянством, ожидаемой от поста пользы. И люди с расстроенным желудком, когда перед тем, как надобно им принять горькое лекарство, наполнят себя излишней пищей, и потом примут лекарство, то - горечь эту вытерпят, а пользы не получат, потому что они затруднили действие лекарства на испорченные мокроты. Поэтому врачи и советуют им ложиться спать не ужинавши, чтобы вся сила лекарств тотчас же обратилась на излишние мокроты, причиняющие болезнь. Так бывает и с постом. Если ты сегодня предашься великому пьянству, а завтра примешь врачевство поста, этим сделаешь, что оно будет для тебя бесполезно и бесплодно, и ты хоть понесешь труд, но не соберешь плодов поста, потому что он всю свою силу употребит против вреда, только что причиненного пьянством. Если же ты приготовишь для него легкое тело и примешь лекарство с трезвой

мыслью, то можешь очистить много прежних грехов. Итак, не будем – и, вступая в пост упиваться, и после поста опять предаваться пьянству, дабы не случилось того же, что бывает, когда кто ударяет ногой больное тело, только что оправляющееся от болезни, и этим снова повергает его в более тяжкую болезнь. Это бывает и с нашей душой, когда мы в обоих случаях - и в начале и в конце поста - омрачаем облаком пьянства трезвость, полученную нами от воздержания. Как готовящиеся сражаться с дикими зверями сперва ограждают главные члены свои многими орудиями и щитами, и затем уже вступают в борьбу со зверями, так и теперь есть много людей, которые, готовясь сражаться с постом, как бы с диким зверем, ограждают себя объедением, и, до крайности обременив и омрачив себя, весьма неразумно встречают тихое и кроткое лицо поста. И если спрошу тебя: для чего сегодня идешь в баню? - ты скажешь: чтобы с чистым телом встретить пост. А если спрошу: отчего упиваешься? - ты опять скажешь: оттого, что готовлюсь вступить в пост. Но не странно ли этот прекраснейший праздник встречать с телом чистым, а с душой нечистой и опьяневшей? Можно бы сказать и больше этого, но для здравомыслящих и этого довольно для исправления. Итак, надобно прекратить слово, потому что хочу я послушать и голоса отца. Мы, как малые пастушеские дети, играем на легкой свирели, сидя под сенью этого святилища, как бы под дубом или тополем: а он, подобно тому, как отличный какой музыкант, настроив золотую арфу, стройностью звуков восхищает всех слушателей, - так и он доставляет нам великую пользу не стройностью звуков, но согласием слов и дел. Таких-то учителей и Христос ищет: "**кто сотворит**", сказал Он, "**и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном**" (Матф. 5:19). Таков и этот [4]; потому он и велик в царствии небесном. Да сподобимся же и мы, по молитвам его и всех сослужителей, получить царство небесное, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Т. е. повеления Божьего - не вкушать от дерева познания добра и зла.

[2] *Встань и иди в Ниневию* и проч. (Ион. 1:2).

[3] Т. е. брошенного в ров пророка.

[4] Т. е. епископ Флавиан, в присутствии коего говорена была беседа.

О ПОКАЯНИИ

БЕСЕДА ШЕСТАЯ.

О посте, сказанная в шестую неделю святой Четыредесятницы.

КАК приятны для нас волны этого духовного моря, - приятнее и волн морских! Эти воздвигаются возмущением ветров, а те желанием слышать (поучение); эти, воздымаясь, приводят кормчего в великий страх, а те, появляясь, влагают в говорящего великое дерзновение. Эти служат знаком ярящегося моря, а те признаком радостной души; эти, ударяясь о камни, производят глухой шум, а те, приражаясь к слову учения, издают приятный звук. Равным образом и дуновение легкого ветра, когда падает на нивы и то приклоняет к земле, то поднимает вверх головки колосьев, - представляет на суше подобие морских волн. Но и тех нив приятнее эта нива [1], потому что не дуновение

ветерка, а благодать Святого Духа возбудила и согрела души ваши; и огонь, о котором некогда сказал Христос: "**огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся**" (Лук. 12:49), - этот огонь, вижу я, ввергнут и горит в душах ваших. Поелику же страх Христов возжег для нас столько лампад, то вольем в них елей учения, дабы свет у нас был продолжительнее.

Вот уже время поста склоняется у нас к концу; дошедши до середины поприща, мы подошли уже к концу (его), потому что, как тот, кто начал, двинулся к середине, так тот, кто дошел до середины, касается конца. Итак, время (поста) склоняется к концу, и ладья смотрит уже в пристань; но дело не в том, чтобы войти в пристань, а чтобы ввести (в нее) ладью не без прибыли. Прошу всех вас и молю, пусть каждый в своей совести рассмотрит (свою) торговлю постом, и если найдет, что прибыток велик, пусть еще умножает (его) торговлей; если же (найдет, что) ничего не собрано, пусть употребит на эту торговлю остальное время. Пока стоит ярмарка, станем торговать для приобретения большой прибыли, чтобы не уйти (нам) с пустыми руками, чтобы, подъявши труд поста, не лишиться награды за пост. Можно ведь и понести труд поста, и не получить награды за пост. Как? Когда от пищи мы воздерживаемся, а от грехов не удерживаемся; когда мяса не едим, а поедаем дома бедных; когда вином не упиваемся, а упиваемся злой похотью; когда весь день проводим без пищи, и весь же день бываем на бесстыдных зрелищах. Вот и труд поста, и никакой награды за пост, когда ходим на зрелища беззакония. Не к вам (мое) слово; знаю, что вы чисты от вины; но опечаленные имеют обычай изливать гнев на присутствующих, когда нет при них виновников (их печали). Какая выгода постящимся ходить на зрелища беззакония, посещать общее училище бесстыдства, публичную школу невоздержания, восседать на седалище пагубы? Да, не погрешит тот, кто сцену, это пагубнейшее место, полное всякого рода болезней, эту вавилонскую печь, назовет и седалищем пагубы, и школой распутства, и училищем невоздержания, и всем, что ни есть постыднейшего. Действительно, дьявол, ввергнув город в театр, как бы в какую печь, затем поджигает снизу, подкладывая не хворост, как некогда иноплеменник тот [2], не нефть, не паклю, не смолу, а что гораздо хуже этого, любодейные взгляды, срамные слова, развратные стихотворения и самые негодные песни. Ту печь разожгли руки иноплеменнические, а эту печь разжигают помыслы, более неразумные, чем иноплеменники. Эта печь хуже той, потому что и огонь (здесь) пагубнее: он не тела сжигает, но разрушает благосостояние души; а еще хуже то, что горящие (в этом огне) даже и не чувствуют, потому что если бы чувствовали, то не производили бы громкого смеха при виде того, что происходит. А это-то и хуже всего, когда больной не знает даже и того, что он болен, и, сгорая жалким и бедственным образом, не чувствует воспалений. Какая польза в посте, когда тело ты лишаешь дозволенной законом пищи, а душе даешь пищу противозаконную; когда целые дни просиживаешь там (в театре), смотря на посрамление и унижение общей (человеческой) природы, на жен - блудниц, на лицедеев, которые, собирая все, что есть худого в каждом доме, представляют зрелища любодеяния? Да, там можно видеть и блудодеяния, и прелюбодеяния, можно слышать и богохульные речи, так что болезнь проникает в душу и через глаза, и через слух; (там лицедеи) представляют чужие несчастия, от чего дано им и позорное имя. Итак, какая прибыль от поста, когда душа питается всем этим? Какими глазами посмотришь ты на жену после тех зрелищ? Как взглянешь на сына, как на слугу, как на друга? Надобно ли быть бесстыдным, рассказывая о том, что бывает там, или молчать, краснея от стыда. Но отсюда уходишь не таким, нет, ты можешь смело пересказывать дома все, что здесь говорится, - вещания пророческие, учения апостольские, законы Господни, - можешь предлагать всю трапезу добродетели; а таким повествованием жену ты сделаешь более целомудренной, сына более разумным, слугу более преданным, друга более искренним, да и самого врага заставишь прекратить вражду.

2. Видишь, как эти наставления во всем спасительны, а те представления совершенно непотребны. Какая же польза в посте, скажи мне, когда телом ты постишься, а глазами любодействуешь? Ведь любодеяние состоит не только в соитии или совокуплении телесном, но и в бесстыдном взгляде. Какая же польза, когда ты бываешь и здесь, и там? Я учу, а тот развращает; я прилагаю лекарство к болезни, а тот усиливает причину болезни; я погашаю пламя природы, а тот разжигает пламя похоти. Какая же польза, скажи мне? "**Когда один строит, а другой разрушает: то, что они получат для себя кроме утомления**" (Сир. 34:23)? Итак, будем проводить время - не здесь и там, но только здесь, чтобы здесь проводить его с пользой, не попусту, не напрасно и не в осуждение. "**Когда один строит, а другой разрушает: то, что они получат для себя кроме утомления**"? Если бы даже и много было созидающих, а один разоряющий, и тогда легкость разрушения восторжествовала бы над множеством созидающих. Поистине, великий стыд, что и юноши, и старцы спешат к таким занятиям. И пусть бы зло ограничивалось только стыдом, хотя и это для человека благородного не легко, напротив для благоразумного весьма важная потеря - и позор и стыд; но не в стыде только наказание, нет, за это угрожает еще великая казнь и мучение. Сидящие там (на зрелищах) все, по необходимости, уловляются грехом любодеяния, не потому, чтобы совокуплялись с находящимися там женами, а потому, что смотрят на них бесстыдными глазами. А что и они неизбежно становятся виновными в любодеянии (в доказательство этого), скажу вам не свое слово, чтоб вы не пренебрегали (им), но прочитаю вам закон Божий, которым уже нельзя пренебрегать. Что же говорит закон Божий? "**Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем**" (Матф. 5:27-28). Видел ты совершенного прелюбодея? Видел вполне учиненный грех? И что еще хуже - прелюбодея, уличенного в любодеянии, не на человеческом, но на Божественном судилище, где наказания нескончаемы? "**Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем**". (Спаситель) исторгает не болезнь только, но и корень болезни. Корень любодеяния бесстыдная похоть, потому Он наказывает не только за любодеяние, но и за похоть, матерь любодеяния. Так поступают и врачи: они вооружаются не только против болезней, но и против самых причин (их); и если увидят, что больны глаза, останавливают течение худых мокрот сверху, из висков. Так делает и Христос. Любодеяние есть тяжкая глазная болезнь, болезнь глаз, не только телесных, но еще более душевных; поэтому (Он) там и остановил ток бесстыдства страхом закона; поэтому и определил наказание не только за любодеяние, но и за похоть. "**Уже прелюбодействовал с нею в сердце своем**": а когда растлено сердце, то, что пользы в остальном теле? Когда в растениях и деревьях увидим сердцевину изъеденной, мы уже ни во что ставим остальную часть: так и в человеке, когда сердце погибло, тщетно уже здоровье остального тела. Возница пал, погиб, низринут: так напрасно уже бегут кони. Труден закон и имеет в себе много тяжкого, зато великий дает и венец; таковы именно дела трудные, что они доставляют великие награды. Но ты обращай внимание не на труд, а размышляй о воздаянии; так бывает и в житейских делах. Если будешь иметь в виду трудность подвигов, дело покажется тяжелым и невыносимым, а если будешь смотреть на награду, оно будет легко и удобоносимо. Так и кормчий, если бы смотрел только на волны, - никогда бы не вывел ладьи из пристани: но, смотря на прибыток, а не на волны, он отваживается пускаться и в неизмеримое море. Так и воин, если будет смотреть на раны и поражения, - никогда не наденет брони; если же будет смотреть не на раны, а на трофеи и победы, то устремится на сражение, как на луг. Таким образом, и тяжкое, по природе, становится легким, когда мы не о трудах только размышляем, но и смотрим на награды за них. Хочешь ли знать, как трудное по природе становится легким? Послушай Павла, который говорит: "**кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу**" (2 Кор. 4:17). Слова эти загадочны. Если "**страдание**", то, как "**легкое**"? Если "**легкое**", то, как "**страдание**"? Одно с другим

несовместно. Но (Павел) разрешил загадку, показав легкость (печали) следующими затем словами. Какими? "**Когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое**". Предложил венец - и сделал подвиг легким; показал награду - и облегчил труды. Так и ты, когда увидишь жену, красивую лицом и в светлой одежде; когда увидишь, что похоть подстрекает (тебя), и что душа (твоя) ищет этого зрелища: воззри на уготованный тебе на небе венец - и пройдешь мимо такого зрелища. Ты увидел подобную тебе рабыню? Помысли о Владыке - и, несомненно, прекратишь недуг. Если и дети, идя за учителем, не резвятся, не смотрят по сторонам, не пугаются, тем более ты не испытаешь ничего такого, видя при себе мысленно Христа. "**Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем**". С удовольствием и очень часто повторяю я слова этого закона; о, если бы мог я и целый день говорить об этом вам, или лучше, не вам, но виновным в грехах, - а, впрочем, и вам, потому что и вы будете более безопасны, и находящиеся в болезни скорее выздоровеют. "**Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем**".

3. Одного чтения этих слов достаточно для очищения всякой гнилости греха. Но будьте снисходительны: мы очищаем раны, а очищающему раны необходимо употреблять и острые лекарства. Чем долее будете вы внимать (этим) словам, тем более будет очищаться гной. Как огонь, чем сильнее объемлет золото, тем более истребляет ржавчину; так и страх, внушаемый этими словами, чем глубже проникнет в душу вашу, тем более очистит весь грех невоздержания. Сожжем же его здесь словом учения, чтобы не быть нам в необходимости сжечь его там - огнем геенским: этот огонь не коснется души, отошедшей отсюда чистой, но он обымет душу, отошедшую отсюда в грехах. "**Каждого дело**", говорит Писание, "**огонь испытает, каково оно есть**" (1 Кор. 3:13). Будем испытывать самих себя ныне без болезни, чтобы не быть испытанными тогда с болезнью. Что ни говори, скажешь, а закон труден. Что же? Бог повелевает нам невозможное? Нет, говорю я; сомкни свои уста, не обвиняй Господа; это не оправдание, а новый грех хуже прежнего. А что у многих грешников есть обычай возводить обвинение на Господа, - так послушай. Приступил получивший пять талантов и принес другие пять; приступил получивший два таланта и принес другие два; приступил получивший (один) талант и, поскольку не мог принести другого таланта, то вместо таланта принес обвинение. Как? "**Я знал тебя**", говорит, "**что ты человек жестокий**". О, бесстыдный раб! Он не довольствуется грехом, но возносит еще обвинение на господина: "**жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал**" (Матф. 25:20-24). Так и в настоящей жизни все те, которые не делают ничего доброго, усугубляют грехи свои обвинением Господа.

Итак, не обвиняй Господа: Он не заповедал невозможного? Хочешь знать, что Он не заповедал невозможного? Многие делают даже больше заповеданного, но они не сделали бы этого при всем своем усердии, если бы заповеданное было невозможно. Господь не заповедал девства, а многие хранят (его); не заповедал нищеты, а многие бросают свое (имущество), свидетельствуя делами, что заповеди закона весьма легки: они сделали бы больше заповеданного, если бы заповеданное не было легким. Господь не заповедал девства, потому что кто заповедует девство, тот подчиняет человека необходимости закона и против воли его, а кто только советует, тот оставляет слушателя господином (своей) воли. Посему-то и Павел говорит: "**относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет**" (1 Кор. 7:25). Видишь, не повеление, но совет? Видишь, не заповедь, а внушение? А тут большая разность: одно - дело необходимости, другое - дело произволения. Не повелеваю, говорит, чтобы не обременить; убеждаю и советую, чтобы склонить. Так и Христос не сказал: все пребывайте в девстве, потому что, если бы Он повелел быть девственниками всем, и эту заповедь сделал законом, то и исполнивший (ее) не получил бы той великой чести, какую получает теперь, и преступивший понес бы самое тяжкое наказание. Видишь, как Законодатель щадит нас, как печется о нашем

спасении? Разве Он не мог дать и эту заповедь и сказать: хранящие девство да прославятся, а не хранящие да будут наказаны? Но (через это) Он обременил бы нашу природу, а Он щадит ее. Он поставил девство вне поприща, поставил выше места борьбы, чтобы и соблюдающие обнаружили величие своей души, и не соблюдающие воспользовались снисхождением Владыки. Не дал Он также заповеди и о нищете, не просто сказал: продай имение твое, но: "**если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим**" (Матф. 19:21). Пусть (это) будет в твоей воле; будь господином (своего) намерения; не принуждаю, не обременяю; нет, исполняющего я венчаю, а не исполняющего не наказываю. Что делается по повелению и долгу, то не заслуживает великой награды; а что по произволению и собственной ревности, то доставляет блистательные венцы. И свидетелем этого представляю Павла: "**если я благовествую**", говорит он: "**нечем мне хвалиться**". Почему? "**Потому что это необходимая [обязанность] моя, и горе мне, если не благовествую**" (1 Кор. 9:16). Видишь, исполняющий предписанное законом не заслуживает великой награды, потому что это необходимая обязанность; а не исполняющий подлежит наказанию и мучению. "**Горе**", говорит, "**мне, если не благовествую**". А в рассуждении прочего, что (зависит) от произволения, не так; но что? "**За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно, не пользуясь моею властью в благовествовании**" (1 Кор. 9:18). Там был закон, поэтому (Павел) не заслуживал великой награды; а это было делом произволения, потому он получил великую награду.

4. Все это сказано мной не без причины, но ради закона Божия, чтобы показать, что он не тяжек, не обременителен, не труден и не неисполним. Теперь же докажем это и самыми словами Христа. "**Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем**". Знал это и Христос, что многие будут обвинять закон в трудности: посему не предложил его просто и в отдельности, но тут же припоминает и древний закон, чтобы через сравнение показать и легкость (закона), и свое человеколюбие. А как, - послушайте. Не сказал просто: "**Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем**" (слушайте это со вниманием); но прежде напомнил о древнем законе, говоря: "**Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем**". Видел ты два закона - древний и новый, (один), который дал Моисей, и (другой), который вводит сам Он? Впрочем, и тот (Моисеев) Он же дал, потому что и через Моисея Он говорил. А откуда видно, что и тот закон дал Он же? Приведу свидетельство не из Иоанна и не из апостолов, так как у меня теперь состязание с иудеями, но из пророков, которым они, кажется, верят, - из них докажу, что и древний, и новый (завет) имеют одного Законодателя. Итак, что говорит Иеремия? "**Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет**" (Иер. 31:31). Видишь и нового (завета) имя в ветхом? Видишь, что, и это название известно стало за столько лет? "**Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет**". Но откуда видно, что и ветхий завет Он же (Христос) дал? Сказавши: "**Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет**", (Господь) присовокупил: "**не такой завет, какой Я заключил с отцами их**" (Иер. 31:32). Это так; но все еще мы не доказали своего предмета. Надобно выставить на вид и объяснить все, что представляет случай к спору, чтобы наше слово со всех сторон было чисто и чтобы бесстыдным не осталось никакой отговорки. "**Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет**, **не такой завет, какой Я заключил с отцами их**". Бог постановил завет с Ноем, когда был потоп, желая избавить нас от страха, чтобы мы, и при виде наводнения, и всегда, как видим дождь, не боялись, что и опять будет та всеобщая гибель; поэтому, говорит, "**Я поставляю завет Мой с вами и с потомством вашим после вас**" (Быт. 9:9). Постановил также с Авраамом завет обрезания; постановил и через Моисея завет, известный всем. Иеремия сказал: "**Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет**, **не такой завет, какой Я**

заключил с отцами их". Скажи, каким отцам? И Ной был отец, и Авраам был отец: о каких же говорит Он отцах? Неопределенность лиц производит темноту. Здесь будьте внимательны. "**Не такой завет, какой Я заключил с отцами их**". Дабы ты не сказал, что (Бог) говорит о завете с Ноем, - дабы не сказал, что говорит о завете с Авраамом, - Он вот как напомнил и о самом времени заветов. Сказав: "**Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет**, **не такой завет, какой Я заключил с отцами их**", тут же указал и на время: "**в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской**". Видишь, какую ясность сообщило определение времени? Теперь уже и иудей не противоречит: вспомни время, и прими законодательство. "**В тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской**". Но для чего Бог говорит и об образе исхода (иудеев из Египта)? "**Когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской**". Чтобы показать Свою отеческую любовь, Он вывел их, не как рабов, но взял, как отец дитя, и так освободил; не повелел, как рабу, позади себя идти, но взял за правую руку, как сына благородного и свободного, и так вывел. Видел ты, что у обоих заветов Законодатель один? Теперь, когда состязание мы уже кончили, я докажу тебе это же и из нового (завета), чтобы ты видел согласие (обоих) заветов. Видел ты пророчество посредством слов? Познай и пророчество посредством образов. Но, как и это, опять неясно, что такое пророчество посредством образа, и что такое пророчество посредством слова, - то и это вкратце объясню. Пророчество посредством образа есть пророчество событий, а другое пророчество есть пророчество посредством слов; разумнейших (Господь) убеждал словами, а неразумных видением событий. Так как имело произойти событие великое, и Бог имел принять на Себя плоть; так как земля имела сделаться небом, и наше естество возвыситься до благородства ангелов; так как проповедь о будущих благах превышала надежду и ожидание, - то, чтобы новое и необычайное, явившись внезапно, не смутило тех, которые тогда будут его видеть и слышать, (Бог) заранее предызображал (все это) посредством дел и слов, и, таким образом, приучал наш слух и зрение и приготовлял будущее. А это и было то самое, о чем мы говорили, т. е. что означает пророчество посредством образа и что означает пророчество посредством слова: одно - посредством событий, другое - посредством слов. Скажу тебе пророчество и событием и словом об одном и том же: "**как овца, веден был Он на заклание, и как агнец перед стригущим его безгласен**" (Иса. 53:7). Это пророчество словом. А когда Авраам приносил Исаака, то, увидев овна, запутавшегося рогами, принес его в жертву на самом деле, и в нем, как в образе, предвозвестил нам спасительную страсть.

5. Хочешь, докажу тебе делами, что как я говорил, оба эти завета имеют одного Законодателя? Видел овна в (пророчестве посредством) слова (Иса. 53:7): познай (его) и в событии. "**Скажите мне вы, желающие быть под законом**" (Гал. 4:21). Хорошо (апостол) сказал: "**желающие быть**", - потому что (они) не были; а если бы были под законом, то не были бы под законом. Слова эти, может быть, загадочны: (объясним их). Закон внимательных (к нему) приводит к Христу; а кто отвергает Учителя (Христа), тот не знает и детоводителя (закона, Гал. 3:25). Потому, говорит "**скажите мне вы, желающие быть под законом: разве вы не слушаете закона? Ибо написано: Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной, в этом есть иносказание**" (Гал. 4:21-22,24). Видишь пророчество посредством события? Иметь жен - не слово, а событие. Я показал тебе рабу и свободную в словах, что один Законодатель обоих заветов: узнай (теперь) то же самое и в образах. Авраам имел двух жен: это два завета и один Законодатель. Как там овен и овен - один в слове, другой в деле, и при этом великое согласие в делах и словах, так и здесь два завета, и их-то Иеремия предрек словом, а Авраам изобразил событием, - тем, что имел двух жен, потому что как один муж и две жены, так один Законодатель и два завета. Но все это сказано и предложено (мной) - не должно ведь отступать от предмета - по поводу слов: "**Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем**". Так, но дело, для

которого все это мы предложили, в том, для чего (Христос) читает им (Своим слушателям) древний закон? Он говорит им: "**Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй**". Знал Он, что заповедь трудна, не сама по себе, но по нерадению слушающих. Многое и легкое само по себе становится неудобоисполнимым, когда мы нерадивы, равно как и трудное делается легким и удобоносимым, когда мы ревностны, потому что трудность - не в природе вещей, но в воле делающих. А что это так, видно из следующего, мед по своей природе сладок и весьма приятен, но для больных он и горек, и неприятен, однако же, не по собственной природе, а по болезни тех. Так и закон, если кажется трудным, то не по своей природе, но по нашему нерадению. Немногого стоит мне труда доказать, что он легок для исполнения; чтобы сделать его трудным, для этого надлежало бы сказать иное. Теперь Он говорит: убегай взгляда на жену, отложи невоздержание; а чтобы он был трудным, для этого надлежало бы сказать наоборот: ближе знакомься с женщинами, засматривайся на чужую красоту, и затем побеждай похоть. Вот это было бы трудно. А что Он говорит: беги от печи, удались от огня, не приближайся к пламени, чтобы быть тебе невредимым, - это весьма легко, потому что такая заповедь сообразна с природой. "**Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй**". Итак, для чего (Христос) напоминает нам о древнем законе, намереваясь ввести другой? Дабы ты из сравнения (обоих законов) познал, что нет противоречия между тем и другим, потому что когда бывает сравнение (двух предметов), то суждение (о них) становится очевиднее. Так как некоторые готовы были возразить, что (Христос), говоря это, вводит противный прежнему закон, то вот, говорит Он, Я полагаю оба закона рядом: испытай и познай их согласие. Впрочем, делает Он так, не для этого только, но и для того, чтобы показать, что (новый закон) и легок, и благовременно вводится. С этой целью говорит: "**вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй**": столько-то времени вы упражнялись в древнем законе! Как учитель, обращаясь к ленивому отроку, который хочет еще заниматься старыми уроками, и, намереваясь повести его к высшим (познаниям), говорит: подумай, сколько времени употребил ты на это ученье, - так и Христос: чтобы напомнить, что (слушатели) много времени упражнялись в древнем законе и (много) посвятили ему, и что пора уже перейти к высшему закону, указал им на бывшее некогда у отцов их законодательство, говоря: "**вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй**". То сказано было древним, - "**Я же говорю вам**". Если бы Он говорил древним, ты имел бы причину жаловаться, потому что тогда природа наша была менее совершенна; а когда природа (наша) пришла в большую силу и сделалась более совершенной, тогда уже настало время и для учения более совершенного. Поэтому Христос, лишь только еще начинает законодательство, (в предотвращение того), чтобы кто-нибудь, видя большую строгость любомудрия, не предался беспечности и нерадению, говорит: "**если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**" (Матф. 5:20). Большего от меня требуешь труда? Почему? Разве я не одинаковой природы с теми (древними)? Разве я не (такой же) человек, как и они? Так, чтобы не сказали этого, зачем т. е. увеличил для нас труды, зачем назначил большие подвиги, Господь наперед отстранил это возражение, сказав о царстве небесном: большие, говорит, предлагаю я и награды. Сказав о трудах, сказав о подвигах, сказав о большей строгости законодательства, Он напомнил о наградах. Не Палестину, говорит, даю вам, не землю, текущую молоком и медом - нет, предлагаю вам самое небо. Впрочем, если мы имеем преимущество (перед древними), в наградах за добродетели, то подлежим, в случае преступления закона, и большему наказанию за грехи. Как жившие до закона подверглись легчайшему наказанию, чем те, кто жил во время закона: "**те, которые**", говорит, "**не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут**" (Рим. 2:12), то есть, не будут иметь обвинителем своим закона, но произнесу, говорит, приговор над ними через самую природу их, "**о чем свидетельствует совесть их и мысли их**", - так и согрешающие под благодатью потерпят тягчайшее наказание, чем те, которые согрешали в законе. Различие

между теми и другими Павел показал так: "**отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет**" (Евр. 10:28-29)? Видишь, под благодатью наказание больше, так как и награды больше? Но как я напомнил вам о страшных и духовных тайнах, то убеждаю вас, и молю, и прошу, и желаю со всем усердием, да приступаете к этой страшной трапезе, отложив всякий грех. "**Мир**", говорит апостол, "**старайтесь иметь со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа**" (Евр. 12:14). А кто недостоин видеть Господа, тот недостоин и приобщения тела Господня. Поэтому Павел говорит: "**испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей**" (1 Кор. 11:28). Не обнаружил раны, не выставил вины на всеобщий позор, не представил свидетелей преступления: нет, внутри - в совести, в отсутствии всех, кроме всевидящего Бога, твори суд и исследование своих грехов, и, разбирая всю жизнь, веди грехи на судилище ума; исправь проступки, и потом уже с чистой совестью приступай к священной трапезе, и причащайся святой жертвы. Это имея в уме, также помня сказанное нами о невоздержании и то, какое наказание угрожает бесстыдно смотрящим на лица жен, а прежде и геенны имея перед очами страх и любовь Божью, будем очищать себя во всем и, таким образом, приступать к священным тайнам, да примем их не в суд и осуждение, но во спасение и здравие души, и в непрестанную надежду на это спасение, о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Т. е. собрание слушателей.

[2] Т. е. Навуходоносор, царь вавилонский.

О ПОКАЯНИИ

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ.

О покаянии и сокрушении сердца, а также о том, что Бог скор на спасение и медлен на наказание; здесь же дивная повесть о Раави.

БОЖЕСТВЕННЫЙ апостол всегда говорит божественным и небесным языком, и с великим искусством преподает евангельское слово, изрекая правила веры не от собственного разума, а по царской своей власти. Преимущественно же он обнаруживает такое искусство тогда, когда обращается с речью о покаянии к согрешающим. О том же самом предмете и я буду беседовать с вами. Итак, вы слышали, - коснусь сказанного лишь отчасти, - как этот доблестный и дивный муж, беседуя с коринфянами, говорил: (боюсь) "**чтобы, по пришествии моем не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись**" (2 Кор. 12:20-21). По природе этот великий учитель был человек, а по воле - Божий служитель, почему он и говорит как бы небесным языком, и, как будто возглашая из самых небес и грешников устрашает угрозами, и кающимся обещает прощение. Когда я говорю это, то приписываю власть не (личному) слову Павла, а возвожу все к благодати Божьей, о чем говорил ныне он сам: или вы "**ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне**" (2 Кор. 13:3)? Итак, он предлагает грешникам целительное врачевство и спасительное покаяние. Но сегодня с апостольским чтением совпало и евангельское властное изречение Спасителя, изобильно дарующее

отпущение грехов. Исцеляя расслабленного, Спаситель, как вы только что слышали, сказал: "**чадо! прощаются тебе грехи твои**" многие (Марк. 2:5), а отпущение грехов - источник спасения и воздаяние покаяния. Покаяние есть врачевство, истребляющее грех; оно есть дар небесный, чудесная сила, благодатью побеждающая силу законов, почему оно ни блудника не отвергает, ни прелюбодея не отгоняет, ни пьяницы не отвращается, ни идолослужителем не гнушается, ни поносителя не отметает, ни хулителя не гонит, ни гордеца, но всех переменяет, потому что покаяние - горнило греха. Но необходимо наперед познать намерение Божье (когда Он терпит согрешающих), приступая к такому рассмотрению не по нашим домыслам, а показывая, как истина свидетельствуется самими божественными Писаниями. Когда Бог долготерпит грешникам, то имеет двоякую спасительную цель: с одной стороны Он ищет через покаяние спасения им самим, а с другой - предуготовляет благодеяние для их потомков, которые будут успевать в добродетели. Бог, - повторю опять, - долготерпит, чтобы и сам грешник покаялся, и своим потомкам не заключил пути к спасению, потому что, хотя сам грешник и остается нераскаянным, Бог часто щадит корень, чтобы сохранить плоды, часто же, как прежде сказал я, исправляет и самый корень; а когда последний подвергается окончательной порче, то Бог отсрочивает наказание, ожидая, чтобы другие спаслись через покаяние. А как? Выслушай (следующее): Фарра, отец Авраама, был идолослужитель, однако не был наказан здесь за свое нечестие; да это так и следовало, потому что откуда произрос бы такой плод веры, если бы Бог пресек корень? Что хуже Исава? Посмотри здесь на другой пример божественного милосердия. Что бесстыднее его нечестия? Не он ли был блудодей и осквернитель, как сказал апостол (Евр. 12:16)? Не матереубийца, не отцеубийца ли он? Не убийца ли брата, по крайней мере, в мыслях? Не он ли ненавидим был Богом, как свидетельствует Писание, говоря: "**Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел**" (Римл. 9:13)? Если же он и блудник, и братоубийца, и осквернитель, и ненавидим Богом, то почему он не удаляется (из мира), почему не исторгается, почему не постигает его тотчас же достойная кара? Почему? Подлинно, следует указать причину. Если бы Бог погубил его, то мир лишился бы величайшего плода правды, а какого - послушай: Исав родил Рагуила, Рагуил - Зару, Зара - Иова. Видишь, какой погиб бы цвет терпения, если бы Бог наперед предал казни корень?

2. Так рассуждай и обо всех событиях. Так, Бог показывает долготерпение в отношении к египтянам, произносившим нетерпимые хулы, ради тех церквей, которые цветут ныне в Египте, ради монастырей и избравших ангельское житие. В самом деле, и законоведы утверждают, и римские законы предписывают беременную женщину, если последняя совершит преступление, влекущее смертную казнь, предавать смерти не прежде, как она родит носимое в чреве. И такой закон весьма справедлив; составители законов не сочли справедливым губить зараз с преступной матерью неповинного младенца. Если же людские законы щадят ни в чем неповинных, то не гораздо ли больше, как и должно думать, сохранит корень Бог, предуготовляя плодам его благодеяние покаяния. Обрати, наконец, внимание на благодеяние покаяния и для самих грешников; причина божественного милосердия и в отношении к ним - та же самая. Если бы наказание предупреждало исправление, то мир окончательно бы погиб и уничтожился. Если бы Бог ускорял наказанием, церковь не приобрела бы Павла, не стяжала бы столь святого и великого мужа. Но Бог терпел его хулы, чтобы показать его обращение. Долготерпение Божье сделало гонителя проповедником, долготерпение Божье превратило волка в пастыря, долготерпение Божье из мытаря сделало евангелиста, через долготерпение Божье мы все помилованы, все переменились, все обратились. Когда увидишь, как бывший некогда пьяницей стал постником; когда увидишь, что хулитель стал богословом; когда увидишь, как сквернивший некогда свои уста постыдными песнями теперь очищает душу божественными песнопениями, - прославляй долготерпение Божье, восхваляй покаяние и, смотря на такую перемену, говори: "**вот изменение десницы Всевышнего**" (Пс. 76:11).

Бог благ ко всем людям, но преимущественно являет Свое долготерпение согрешающим. И если хочешь послушать нечто странное, - странное, впрочем, в обычном смысле, но истинное в рассуждении благочестия, - то выслушай.

К праведникам Бог везде является строгим, а к грешникам благим, и, будучи скор на помилование, Он восстанавливает падшего грешника и говорит ему: "**упав, не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются**" (Иер. 8:4)? И еще: для чего отвратилась ″**крепко держится обмана**" несмысленная дщерь Иудина (Иер. 8:5)? И опять: "**обратитесь ко Мне, и Я обращусь к вам**" (Зах. 1:3). И в другом месте Он, по великому Своему человеколюбию, клятвой подтверждает, что спасение дается покаянием: "**живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был**" (Иезек. 33:11). Праведнику же Бог говорит: если сотворит человек всякую правду и всякую истину, и, совратившись, согрешит, не помяну правды его, но в грехе своем умрет (Иезек. 18:24). Какая строгость к праведнику! Какое щедролюбие к грешнику! Так Бог употребляет разнообразные и различные средства, не Сам переменяясь, но разделяет щедроты Своей благости сообразно нашей пользе. А как? Послушай. Если Он устрашит грешника, упорно пребывающего в грехах, то приведет его к отчаянию и лишит надежды; а если похвалит праведника, то ослабит силу его добродетели и сделает то, что последний, как человек уже удостоившийся похвалы, будет нерадив к подвигам (добродетели). Поэтому-то Он грешника милует, а праведника устрашает. "**Страшен**", говорит Писание, "**Он для всех окружающих Его**" (Пс. 88:8), и: "**благ Господь ко всем**" (Пс. 144:9). "**Страшен**", говорит, "**Он для всех окружающих Его**". Кто же эти окрестные, как не святые? "**Бог**", говорит Давид, "**страшен в великом сонме святых, страшен Он для всех окружающих Его**" (Пс. 88:8). Если Он увидит падшего, простирает руку милосердия; если увидит стоящего, наводит (на него) страх, и поступает Он так по справедливости и правосудию, потому что праведника страхом Он подкрепляет, а грешника милосердием восставляет. Желаешь знать, как благовременна бывает Его благость, и как полезна и пригодна бывает нам Его строгость? (В таком случае) тщательно внимай (словам моим), чтобы это высокое рассуждение не ускользнуло от тебя. Жена грешница, погрязшая во всякого рода грехах и беззакониях, повинная в стольких грехах, одержимая бесчисленными греховными делами, возжаждав спасения от покаяния, проникла на пир святых, - пиром же святых я называю (этот пир) потому, что здесь присутствовал Святый святых. Когда Спаситель возлежал в доме Симона фарисея, пришла эта грешная жена, коснулась ног Спасителя, омывала слезами ноги Его и отирала волосами. И Человеколюбец восстанавливает погребенную в бесчисленных грехах, говоря: "**прощаются грехи ее**" (Лук. 7:47). Я не намерен теперь исследовать всей этой истории, а (хочу) привести одно только свидетельство. Итак, смотри, какая щедрость! "**А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много**". Итак, грешная эта жена получила прощение стольких грехов, а Мария, сестра Моисея, за малый ропот, осуждается на проказу (Числ. 12:1). Грешникам Бог говорит: "**если будут грехи ваши, как багряное, - как снег убелю**" (Иса. 1:18); покаянием Он изменяет мрак в свет и словом благости разрешает бесчисленные грехи; к ходящему же в правде говорит: "**кто скажет брату своему: "безумный", подлежит геенне огненной**". (Матф. 5:22). За одно слово он определил такое наказание, а при множестве грехов обнаруживает великое снисхождение.

3. Заметь еще и вот что достойное удивления. Грехи наши считаются как бы долгами, и тогда как кающимся грешникам Бог прощает весь долг, от праведников требует напротив еще и лихвы. Приступил к Нему человек, который должен был много талантов, и так как он, каясь, и с усиленной просьбой молил о деле, и сказал: "**потерпи на мне, и все тебе заплачу**" (Матф. 18:26), то Человеколюбец не ждал уплаты, а вменил признание вместо уплаты долга. Должнику десяти тысяч талантов Он простил все решительно, тогда как от

праведников, говорит Он, будет требовать еще лихвы: "**для чего же не**" дали "**серебра моего в оборот, чтобы я, придя, получил его с прибылью**" (Лук. 19:23). Я говорю это не потому, что Бог будто бы враждебно относится к праведникам, - для Бога нет ничего вожделеннее праведника, - а потому, что, как я сказал раньше, грешника Он утешает, чтобы восстановить, а праведника устрашает, чтобы утвердить (в правде); и первым прощает многочисленные грехи как врагам и надменным, в последних же строго примечает и маловажное, желая, чтобы не было никакого недостатка в их совершенстве. Что в этом мире богатый, то праведник у Бога, и что в мире бедный, то у Бога грешник. Ничего нет беднее грешника, и ничего нет богаче добродетельного. Поэтому-то о живущих в благочестии и правоте Павел говорит: "**благодарю Бога, потому что в Нем вы обогатились всем, всяким словом и всяким познанием**" (1 Кор. 1:4-5), а о нечестивых блаженный Иеремия говорит: "**они глупы, потому что не**" могут слышать слово Господне (Иер. 5:4). Видишь, как убогими называет отторгнувшихся от благочестия? Итак, грешников, как убогих, Бог милует, от праведников же, как от богатых, взыскивает; первым снисходит ради убожества, а от последних, по богатству их благочестия, строго требует отчета. Как поступает Он с праведниками и грешниками, так точно поступает с богатыми и убогими. Подобно тому, как грешника Он восстанавливает милосердием, а праведника устрашает строгостью, так точно Он проявляет Свое попечение и в делах мира. Если Он видит блистающих достоинствами могущественных царей, князей, всех (словом) кто изобилует богатством, то говорит с ними, возбуждая страх, и с пользой присоединяет к власти страх. "**Итак, вразумитесь, цари; научитесь, судьи земли! Служите Господу со страхом и радуйтесь с трепетом**" (Пс. 2:10-11), потому что Он есть "**Царь царствующих и Господь господствующих**" (1 Тим. 6:15). Где начальство власти, там Он прилагает страх Своего царства, где смирение простоты, там приносит врачевство Своего милосердия, потому что Он великий Бог - Царь царствующих и Господь господствующих, и Он, снисходя со Своего достоинства, является по изображению Священного Писания и Отцом сирых, и Судьей вдовиц, будучи в то же время Царем царствующих, Князем княжащих и Господом господствующих. Видишь, сколь велико Его щедрое милосердие? Видишь, как полезен (тот) страх при благочестии и власти, (который внушает Он)? Там, где Он усмотрел, что довольно будет для утешения власти, приложил с пользой страх; а где усмотрел угнетенное приниженностью сиротство и обнищавшее в изнеможении вдовство, там дал в утешение милосердие. Я отец сирых (Пс. 47:6). Бог поступает двояко: являет Свое милосердие и наказывает могущество. Он называет Себя Отцом сирых, желая утешить несчастных и в то же время устрашить людей сильных, чтобы они не обижали сирот и вдовиц. Так как смерть похитила у них: у одного - отца, у другой - мужа, то закон божественной любви восстанавливает тех, кого поразил закон природы, и та же самая благодать в лице Царя святых вдове дает судью, а сироте отца. Итак, если ты, нечестивец, притесняешь вдовиц, то раздражаешь Пекущегося о них, если обижаешь сирот, обижаешь сынов Божьих. Я, говорит, Отец сирых и Судья вдовиц (Пс. 47:6). Кто же так дерзок в своем нечестии, чтобы обижать сынов Божьих и оскорблять вдовиц, о которых заботится Бог? Видишь, как мудро уготовляет Он врачевство благочестия; (видишь, как Он), не изменяясь Сам, а приспособляясь к нуждам человеческим, одним внушает страх, а другим являет милосердие? Итак, воспользуемся спасительным врачевством покаяния, или лучше - получим от Бога врачующее нас покаяние, потому что не мы Ему приносим его, а Он нам даровал его. Видишь строгость Его в законе? Видишь милосердие Его в благодати? Когда я говорю о строгости в законе, то не порицаю суда, а прославляю милосердие евангельской благодати, потому что закон неумолимо наказывал согрешающих, а благодать с великим долготерпением отлагает казнь, чтобы привести (согрешающего) к исправлению. Итак, братия, примем спасительное врачевство покаяния, примем врачевство, очищающее наши грехи. Но истинное покаяние не то, которое произносится лишь на словах, а то, которое утверждается делами и, исходя из самого сердца, истребляет скверну нечестия.

"**Омойтесь**", сказано, (и) "**очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих**" (Иса. 1:16). Что значит это излишество слов в выражении? Не достаточно ли было сказать: "**удалите злые деяния ваши**", чтобы показать все? Почему же прибавлено: "**от очей Моих**"? Потому, что иначе видят глаза людские, и иначе видит око Божье. "**Человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце**" (1 Цар. 16:7). Не по виду лишь притворяйтесь кающимися, а покажите плоды покаяния "**от очей Моих**", которые испытывают тайники сердца.

4. Но и очистившись от грехов, мы должны иметь эти самые грехи перед своими глазами. И если Бог по Своему милосердию простит тебе грех, ты имей его перед глазами ради безопасности своей души, потому что память о прежних грехах предохраняет от будущих, и кто сокрушается о прежних, тот остерегается их повторения. Потому-то и Давид говорит: "**грех мой всегда передо мной**" (Пс. 50:5), чтобы, имея перед глазами прежние грехи, не впасть в будущие. А что Бог требует от нас такого памятования, послушай, как Сам Он говорит: "**Я Сам изглаживаю**" грехи "**твои**", и не "**помяну. Ты же припомни Мне; станем судиться**", говорит Господь; "**говори ты, чтоб оправдаться**" (Ис. 43:25-26). Бог не требует для покаяния продолжительного срока: сказал твой грех - и ты оправдан, покаялся - и помилован; не время оправдывает, а усердие кающегося уничтожает грех. Может случиться, что и трудившийся много времени не достигнет спасения, и в короткое время искренно покаявшийся освободится от греха. Блаженный Самуил употребил много времени на молитву о Сауле и много ночей провел без сна, (молясь) о спасении согрешившего, но Бог, не взирая на время, потому что с молитвой пророка не соединилось покаяние согрешившего, говорит Своему пророку: "**доколе будешь ты печалиться о Сауле, которого Я отверг**" (1 Цар. 16:1). Слово: "**доколе**" означает продолжительность (молитвы) и настойчивость молившегося. И Бог пренебрег продолжительностью молитвы пророка, потому что с ходатайством праведника не соединилось покаяние царя. Напротив, блаженному Давиду, который, получив от святого пророка Нафана обличение греха, тотчас же вслед за угрозой обнаружил искреннее обращение и сказал: "**согрешил я перед Господом**" (2 Цар. 12:13), - одно это слово, в одно мгновение произнесенное от чистого сердца, тотчас же лишь только он покаялся, принесло всецелое спасение, потому что за этим словом последовало немедленное исправление. Поэтому Нафан говорит ему: "**и Господь снял с тебя грех твой**" (2 Цар. 12:13).

Смотри же, как Бог медлителен на наказание и скор на спасение. И подумай, прежде всего, сколько времени милосердый (Бог) отлагал обличение. Давид согрешил; жена понесла во чреве, и никакого обличения в грехе не последовало; целитель греха посылается после того, как родился уже зачатый от греха младенец. Почему же Бог не тотчас же привел к исправлению согрешившего? Потому что знал Он, что в увлечении грехом душа грешников слепотствует, что уши погруженных в глубь греха глухи; поэтому Он и медлит оказанием помощи душе, в которой пылает страсть, и спустя так много времени дает обличение, - и в одно мгновение совершается и покаяние и прощение. "**и Господь снял с тебя грех твой**". О, домостроительство Божье, приводящее к спасению угрозой! Видишь, как скор Бог на спасение? Точно также поступает Он и с другими людьми, медля на погибель и ускоряя на спасение. У нас, у людей, - употреблю такое сравнение, - здания строятся много времени, и простой дом мы строим немало времени; чтобы построить, требуется, таким образом, много времени, а чтобы разрушить - не много. А у Бога - наоборот. Когда Он устраивает, то строит скоро, а когда разрушает, то разрушает медленно. Скор Бог на устроение, медлен на разрушение, потому что Богу пристойно и то и другое; в первом обнаруживается Его могущество, во втором - благость; по преизбытку могущества Он скор, по великой благости - медлен. Слова наши подтверждаются самым делом. В шесть дней Бог сотворил небо и землю, великие горы, равнины, скалы, долины, леса, травы, источники, реки, рай, все (словом) разнообразие,

поражающее глаза наши - это великое и широкое море, острова, приморские и внутренние страны; весь этот видимый мир, со всей его красотой, Бог сотворил в шесть дней; и наполняющие этот мир разумные и неразумные существа и весь видимый нами распорядок Он созидает в шесть дней. И этот Бог, столь скорый в создании (вселенной), по Своей благости оказался медлителен, когда захотел погубить один город. Он хочет разрушить Иерихон и говорит Израилю: обходите его семь дней, и в седьмой день падет стена (Иис. Нав. 6:3-4). Ты созидаешь весь мир в шесть дней, и один ли город разрушаешь в семь дней? Что же препятствует Твоему могуществу? Почему не вдруг разрушаешь его? Не о Тебе ли восклицает пророк: "**если бы Ты расторг небеса и сошел! горы растаяли бы от лица Твоего, как от плавящего огня**" (Иса. 64:1-2)? Не поведав ли о делах Твоей силы, говорит Давид: "**не убоимся, хотя бы поколебалась земля, и горы двинулись в сердце морей**" (Пс. 45:3)? Ты можешь переставлять горы, ввергать их в море, а не хочешь (зараз) разрушить одного непокорного города и назначаешь семь дней на его разорение. Почему? Не потому, говорит, что могущество бессильно, а (потому, что) милосердие долготерпеливо. Дарую семь дней, как три дня Ниневии; может статься, что город примет проповедь покаяния и спасется. Но кто будет проповедовать им покаяние? Враги облегали город, вождь окружал стены; велик страх (в городе), велико смятение! Какой же путь покаяния открыл Ты им? Послал ли Ты пророка? Прислал ли благовестника? Был ли кто-нибудь у них, кто внушил бы им полезное? Да, говорит, у них был такой учитель покаяния - та дивная Раав, которую спас Я покаянием. Она была из одного и того же рода; но так как она не была одинаковых с ними мыслей, то, не приобщившись их неверию, она не приобщилась и греху их.

5. И посмотри, какая необычная проповедь милосердия! Тот, который говорит в законе: "**не прелюбодействуй**", не соблуди (Исх. 20:14), переменяя слово (закона) по милосердию, восклицает через блаженного Иисуса: Раав блудница да будет жива (И. Нав. 6:16). Этот Иисус, сын Навина, говорящий: блудница да будет жива, был прообразом Господа Иисуса, Который говорит: "**мытари и блудницы**" предварят "**вас идут в Царстве**" небесном (Матф. 21:31). Но если ей надлежит жить, то зачем она блудница? А если блудница, то для чего "**да будет жива**"? Я, говорит, указываю на прежнее ее состояние, чтобы ты подивился происшедшей затем перемене. Что же такого, скажешь, сделала Раав, что принесло ей спасение? То ли, что приняла она с миром соглядатаев? Так поступает и (всякая) содержательница гостиницы. Не речами одними только приобретает она спасение, а предшествовавшей им верой и любовью к Богу. И чтобы тебе знать высоту ее веры, послушай, как само Писание повествует и свидетельствует о совершенных ей добрых делах. Она жила в непотребном доме, как драгоценный камень, валяющийся в грязи, как золото, затонувшее в тине, как цвет благочестия, заглушенный тернием; благочестивая душа была заключена в злочестивом месте. Обратите тщательное внимание на слова мои. Она приняла соглядатаев; и от Кого отрекся Израиль в пустыне, Того Раав проповедала в непотребном доме. Для чего упоминаю я об Израиле в пустыне? Когда гора исполнена была облаком, мраком, шумом труб, молнией и другими страшными явлениями, то из среды огня Израиль услышал от Бога: "**слушай, Израиль: Господь, Бог**" твой, "**Господь один есть**" (Втор. 6:4), "**да не будет у тебя других богов**" (Исх. 20:3). Я "**на небе вверху и на земле внизу, и нет еще**, Бога "**кроме**" Меня (Втор. 4:39). Израиль после того, как выслушал это, слил тельца и отверг Бога; он забыл Владыку, отвергнул Благодетеля и говорит Аарону: "**сделай нам бога**" (Исх. 32:1). Если "**боги**", то почему "**сотвори**"? Как могут быть богами, если их можно сотворить? Так-то слепая страсть воюет сама с собой и сама себя губит. Один вылит телец, а неблагодарный Израиль восклицает: "**вот боги твои, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской**" (Исх. 32:4). "**Вот боги**"; одного только видят тельца, один созданный кумир, почему же (говорят) "**вот боги**"? Этим народ хотел показать, что он покланяется не тому только, что было перед его взорами, а воображает себе и многобожие, высказывает свою мысль, а не

просто рассуждает о лежащем перед глазами. Но возвратимся к нашему предмету. Что слышал Израиль, ограждаемый столь многими чудесами, руководимый наставлениями закона, и от чего отвергся, то прославляет Раав, заключенная в непотребном доме. Она говорит соглядатаям: мы узнали, что сотворил Бог ваш египтянам. Иудей говорит: "**вот боги твои, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской**", а блудница приписывает спасение не богам, а Богу: мы узнали, говорит она, что сотворил Бог ваш египтянам в пустыне, услышали, и истаяло сердце наше и нет в нас силы (И. Нав. 2:9,11). Узнали, что сотворил Бог ваш. Видишь, как она верой воспринимает слово Законодателя? Знаю, говорит она, "**Бог ваш есть Бог на небе вверху и на земле внизу**" и кроме Его нет Бога (И. Нав. 2:11).

Раав прообразовала церковь, некогда осквернённую демонским блудодеянием, а ныне принявшую соглядатаев Христа - апостолов, посланных не Иисусом Навином, но Иисусом - истинным Спасителем. "**Знаем**", говорит, "**Бог ваш есть Бог на небе вверху и на земле внизу**" и кроме Его нет Бога. Это (учение) приняли иудеи, и не сохранили; это (учение) услышала церковь, и верно соблюла. Итак, всякой похвалы достойна Раав, прообразовавшая собой церковь. Потому-то и доблестный Павел, уразумев достоинство ее веры и смотря на нее не как на отверженную по причине прежнего состояния ее, а как на угодную Богу по ее благочестивому обращению, сопричисляет ее ко всем святым, и сказав: "**верой Авель принес жертву**" (Евр. 11:4), верой Авраам сделал то-то и то-то, "**верой Ной подготовил ковчег**" (Евр. 11:7), верой Моисей сделал и совершил такие-то и такие-то дела и, упомянув по порядку многих святых, наконец присовокупил: "**верой Раав блудница, с миром приняв соглядатаев и проводив их другим путем, не погибла с неверными**" (Евр. 11:31). И посмотри, с какой великой мудростью соединяет она свои добрые чувства. Когда посланные царем сыскать соглядатаев говорят ей: "не вошли ли к тебе мужи?" - она отвечает им: "да, вошли". Сначала она утверждает истину, чтобы присоединить затем ложь, потому что сама по себе одна ложь никогда не заслужит доверия, если не оградит себя наперед истиной. Поэтому-то те, кто желает солгать убедительно, сначала говорят правду, и то, что известно всем, а затем присоединяют уже ложное и сомнительное. "**Вошли к тебе соглядатаи**?" "**Да**", - говорит она. Если бы она сначала сказала "**нет**", то подала бы посланным повод к розыску. Но она говорит: вошли и вышли таким-то путем; "**гонитесь скорее за ними, вы догоните их**" (И. Нав. 2:5). О, прекрасная ложь! О, прекрасный обман, не предающий (на поругание) божественного, но сохраняющий благочестие! Итак, если Раав покаянием удостоилась такого спасения, если она прославляется устами святых, устами Иисуса Навина, возглашающего в пустыне: да жива будет Раав блудница, равно как и Павла, который говорит: "**верой Раав блудница, не погибла с неверными**", то не тем ли больше получим спасение мы, если принесем покаяние? Настоящая жизнь есть время покаяния; обременяющие нас грехи грозят нам великой опасностью, если покаяние не предотвратит наказания. "**Предстанем лицу Его со славословием**" (Пс. 94:2), угасим пожар греховный, не изобильной водой, а малыми слезами. Велик огонь греха, но угасает от немногих слез, потому что слеза гасит пожар греховный и омывает зловоние греха. Об этом свидетельствует блаженный Давид, когда он, указывая, как сильна слеза, говорит: "**каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою**" (Пс. 6:7). Если бы он хотел означить только обилие слез, то достаточно было бы сказать: "**слезами моими омочаю постель мою**"; для чего же он наперед сказал: "**омываю**"? Для того чтобы показать, что слезы омывают и очищают от грехов.

6. Грехи служат причиной всех несчастий; за грехи насылаются печали, за грехи беспокойства, за грехи войны, за грехи болезни и все тяжкие страдания, какие только с нами ни случаются. Подобно тому, как искусные врачи не довольствуются исследованием видимых (признаков) болезней, а разыскивают причину видимых (ими болезней), так и

Спаситель, желая показать, что грех служит причиной всех человеческих бедствий, обращаясь к расслабленному телом, - так как Целитель душ знал, что последний сначала расслабел душой, а затем уже и телом, - говорит ему: "**ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже**" (Иоан. 5:14); следовательно, причиной и предшествующей болезни был грех. Он служит причиной наказания, он причина печали, он бывает источником и всякого несчастья. Впрочем, я дивлюсь тому, как Бог, определивший вначале человеку печаль (в наказание) за грех, нарушает (новым) определением (бывшее раньше) определение и уничтожает (новым) осуждением (прежде бывшее) осуждение. А как, - послушай. За грех дана была печаль, и печалью разрушается грех. Тщательно внимай словам моим. Бог, угрожая жене и налагая наказание за преступление, говорит ей: "**в болезни будешь рождать детей**" (Быт. 3:16), и этими словами показал, что болезнь - плод греха. Но, о, Великощедрый! То самое, что дал в наказание, обратил (в средство) к спасению. Грех породил печаль, печаль истребила грех. Как червь, рождаясь из дерева, губит самое дерево, так и печаль, рожденная грехом, истребляет грех, когда сопровождается покаянием. Поэтому Павел и говорит: "**печаль ради Бога производит неизменное покаяние к спасению**" (2 Кор. 7:10). Прекрасна печаль в душах искренно кающихся; приличен грешникам плач о грехах: "**блаженны плачущие, ибо они утешатся**" (Матф. 5:4); восплачь о грехе, чтобы тебе не восплакать о наказании; оправдайся перед Судьей прежде, чем предстанешь перед судилищем. Или ты не знаешь, что все, желающие смягчить судью, умоляют его не при самом разбирательстве дела, а умоляют еще до прихода на суд или через друзей, или через покровителей, или каким-нибудь иным способом? То же следует сказать и относительно Бога: во время суда нельзя уже склонить Судью, до наступления же суда можно умолить Его. Потому-то и говорит Давид: "**предстанем лицу Его со славословием**" (Пс. 94:2). Там Великого Судью уже не прельстит ораторское искусство, не поколеблет могущество; Он ни на достоинства не взирает, ни лица на стыдится, ни деньгами не подкупается, но страшно и неумолимо Его правосудие.

Итак, будем здесь смягчать и молить Судью; здесь станем преклонять Его всеми силами, но не деньгами; впрочем, если нужно сказать правду, Человеколюбец преклоняется и деньгами, которые принимает Он не Сам, а через бедных. Дай нуждающемуся денег - и ты умолил Судью. Говорю это, заботясь о вас, как близких друзьях, потому что покаяние без милостыни мертво и лишено крыльев; не может окрылиться покаяние, не имея крыла милостыни. Вот почему для Корнилия, чистосердечно покаявшегося, милостыня сделалась крылом благочестия: "**милостыни твои**", говорится в Писании, "**и молитвы твои пришли**" на небо (Деян. 10:4), потому что, если бы покаяние его не имело крыла милостыни, то не взошло бы на небо. Теперь (и нам) отверзлось торжище милостыни: мы видим пленников и нищих, видим бродящих на площади, видим вопиющих, видим плачущих, видим стонущих; дивное торжище предлежит нам; цель же всякого торжища и забота всякого купца состоят не в ином чем, как в том, чтобы за малую цену купить, что продается, а продать за большую. Не в этом ли цель всякого купца? Не с тем ли намерением начинают заниматься торговлей, чтобы за дорогую цену продать дешево купленное, и, таким образом, получить во много раз большие барыши? Такое-то торжище предложил нам и Бог; приобрети оправдание не дорогой ценой, чтобы за дорогую продать его впоследствии, если только воздаяние можно назвать перепродажей. Здесь оправдание покупается недорогой ценой: ничего не стоящим куском хлеба, дешевой одеждой, чашей холодной воды: "**кто напоит чашей холодной воды, истинно говорю вам**", говорит Учитель духовной купли, "**не потеряет награды своей**" (Матф. 10:42). За чашу студеной воды есть награда, а за одежды и деньги, подаваемые с целью благодеяния, не будет награды? Наоборот, даже великая награда. Итак, для чего упомянул Он о чаше студеной воды? Он хотел этим указать на милостыню, не требующую никаких издержек. На студеную воду ты не тратишь ни дров, не иждиваешь и ничего другого. Если же так

высоко ценится милость благодеяния там, где подаяние чуждо издержек, то какого воздаяния следует ожидать от праведного Судьи в том случае, когда снабжают (бедных) одеждами, раздают деньги и обильно наделяют прочими благами? Итак, доколе будут лежать перед нами добродетели, которые можно приобрести недорогой ценой, возьмем их, восхитим, купим у Великощедрого. "**Жаждущие**", говорит Писание, "**идите все к водам; даже и вы, у которых нет серебра, идите, покупайте**" (Иса. 55:1). Доколе предлежит торг, купим милостыню, лучше же сказать - милостыней купим спасение. Ты одеваешь Христа, когда одеваешь нищего. Это, скажешь, я знаю прекрасно и твердо; это я и раньше знал, не ты первый учишь, не от тебя от первого слышу это; не необычное ты проповедуешь, а чему часто учили нас многие из присутствующих. Знаю и сам я, знаю, что вас часто наставляли в этих и подобных истинах: но, о, если бы мы, часто обучаясь им, хотя немного сделали хорошего! "**благотворящий бедному дает взаймы Господу**" (Притч. 19:17). Дадим взаймы Богу милостыню, чтобы воспринять от Него милосердное воздаяние. О, сколь мудро это изречение: "**благотворящий бедному дает взаймы Господу**"! Почему не сказано: "**благотворящий бедному**" дает Богу, а: "**дает взаймы**"? Знало Писание наше корыстолюбие, приметило, что алчность наша, питаемая любостяжанием, ищет излишества; для того и сказало оно не просто: "**благотворящий бедному**" дает Богу, дабы ты не подумал, что дело идет о простом возмездии, но сказано: "**благотворящий бедному дает взаймы Господу**". Если Бог берет у нас взаймы, то Он уже наш должник. Итак, каким же хочешь ты иметь Его - судьей, или должником? Должник чтит дающего взаймы, судья же не щадит получающего взаймы.

7. Необходимо рассмотреть еще и другую причину, почему Бог сказал, что подающий бедняку дает взаймы Мне. Так как Он знал, что наше любостяжание стремится к прибытку, как я сказал раньше, и что имеющий деньги ни в каком случае не захочет дать в займы без ручательства, потому что заимодавец требует или залога, или обеспечения, или поручителя, и под этими тремя ручательствами вверяет свои деньги, т. е. когда, как выше сказано, или возьмет поручительство, или залог, или обеспечение; так как знал Бог, что без таких ручательств никто не дает взаймы, что всякий руководится не человеколюбием, а взирает на одну только прибыль, между тем бедняк лишен подобного рода ручательств, потому что не имеет ни залога, - ибо ничем не владеет, - ни обеспечения, - ибо наг, - ни поручителя, - ибо по бедности ему не доверяют; так как знал Бог, что бедняк подвергается опасности по своей бедности, а имеющий деньги подвергается опасности за свое жестокосердие, то сделал Себя посредником (между тем и другим), для бедняка стал поручителем, а для заимодавца залогом. Не веришь ты, говорит Он, бедняку ради его скудости, поверь Мне ради Моего богатства. Увидел бедного - и оказал сожаление, увидел бедного - и не презрел, но Себя Самого дал порукой за неимущего и по Своей великой благости пришел на помощь нуждающемуся, о каковом Его милосердии свидетельствует блаженный Давид, говоря: "**ибо Он стоит одесную бедного**" (Пс. 108:31). "**Благотворящий бедному дает взаймы Господу**" (Притч. 19:7). Будь, говорит, благонадежен: Мне взаймы даешь. Что же такое приобрету я, если даю Тебе взаймы? Поистине, преступнейшее дело - требовать отчета от Бога. Впрочем, снисходя твоему беззаконию и желая милосердием победить твою жестокость, исследуем и это. Какую пользу получаешь ты, когда даешь взаймы другим? Какого прибытка ищешь ты от них? Не на сто ли ищешь один, если ищешь законной лихвы; а если обогащаешься, увлекаясь своей алчностью, то соберешь двойной или тройной неправедный плод. Но я награждаю большим твою страсть к любостяжанию; иду дальше твоих ненасытных желаний; богатством моим покрываю твои безмерные стремления. Ты ищешь в сто раз меньшего, а Я даю тебе в сто раз большее. Итак, Ты заимствуешь, Господи, Ты берешь здесь от меня взаймы милостыню, подаваемую нищему, чтобы некогда мне воздать ее? Тогда я ищу договора и желаю утвердить взаимные условия; объяви мне время уплаты, назначь определенный срок, когда я получу обратно долг. Совершенно излишни такие условия.

"**Верен Господь во всех словах своих**" (Пс.144:13). Но так как честный должник обыкновенно определяет срок и назначает день (уплаты), то послушай, когда и где воздаст тебе долг Тот, Кто взял у тебя взаймы через нищего. Когда "**сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов - по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его**" (здесь обрати внимание, как честно поступает должник по отношению к заимодавцу, с какой великой благодарностью воздает взявший взаймы): "**придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**". За что? За то, что "**алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; наг**" был, "**и вы одели Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне; был странником, и вы приняли Меня**" (Матф. 25:31,33-36). Тогда хорошо послужившие в этой жизни, взирая на собственную немощь и на достоинство взявшего взаймы, говорят: "**Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили**" (Матф. 25:37). Тебя, на Которого "**очи всех уповают, и Ты даешь им пищу их в свое время**" в изобилии (Пс. 144:15)? О, великая благость! Он скрывает Свое величие ради милосердия. "**Алкал Я, и вы дали Мне есть"**. О, великая благость! О, безмерная милость! "**Дает пищу всякой плоти**" (Пс. 135:25), отверзающий руки Свои и исполняющий "**все живущее по благоволению**" (Пс. 144:16), алкал, говорит, и "**дали Мне есть**", не по унижению Своего достоинства, а по человеколюбию Своему, ставшему порукой за бедных. "**Жаждал, и вы напоили Меня**". Кто говорит это? Тот, Кто вливает водное естество в озера, реки и источники, Тот, Кто говорит в Евангелии: "**кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой**" (Иоан. 7:38), Тот, Кто сказал: "**кто жаждет, иди ко Мне и пей**" (Иоан. 7:37). Но говорит еще: "**наг**" был, "**и одели Меня**". Мы одели Того, Кто одевает небо облаками, Кто облекает всю церковь и вселенную. "**Все вы**", говорится в Писании, "**во Христа крестившиеся, во Христа облеклись**" (Гал. 3:27). "**В темнице**" был. Ты ли в темнице, "**освобождает узников от оков**" (Пс. 67:7)? Изъясни, что говоришь, потому что величие отрицает говоримое Тобой. Когда видели мы Тебя в такой нужде? Когда сделали это? "**Так как**", отвечает Он, "**сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне**" (Матф. 25:40). Не истинно ли изречение: "**Благотворящий бедному дает взаймы Господу**"? И вот что, заметь, удивительно: ни о какой другой добродетели не упоминает Он, кроме дел милостыни, хотя и мог сказать: "**придите благословенные**", потому что вы целомудренно жили, потому что сохранили девство, избрали евангельское житие, но умалчивает об этом, не потому, чтобы недостойно было упоминания, а потому, что эти добродетели ниже милосердия. Но как этим, стоящим одесную, Он назначил царство, дарованное за милосердие, так, наоборот, стоящим с левой стороны грозно изрек наказание за не принесение плода (милостыни). "**Идите проклятые**" в мрак кромешный, "**уготованный дьяволу и ангелам его**" (Матф. 25:41). Почему? За что? За то, что алкал, "**и не дали Мне есть**" (Матф. 25:42). Не сказал: за то, что блудодействовали, прелюбодействовали, за то, что воровали, лжесвидетельствовали, за то, что нарушили клятву; нет сомнения, и это - пороки, но более простительные, чем бесчеловечие и немилосердие. Почему, Господи, не упоминаешь Ты о других грехах? Не сужу, говорит, грех, но жестокость; не сужу согрешивших, но не покаявшихся. За жестокосердие осуждаю вас, за то, что, имея такое великое и сильное врачевство к спасению - милостыню, которой заглаживаются все грехи, вы презрели такое благодеяние. Итак, я поношу жестокосердие, как корень зла и всякого нечестия; хвалю (напротив) милосердие, как корень всех благ, - и одним угрожаю огнем вечным, а другим обещаю царство небесное. Хороши, Владыка, и обетования Твои, прекрасно и Твое ожидаемое царство, равно полезна и геенна, которой Ты угрожаешь; одно - потому что поощряет нас, другая - потому что устрашает. Прекрасно поощряет царство, а геенна к пользе устрашает, потому что Бог грозит геенной не потому, чтобы желал ввергнуть в геенну, а чтобы избавить нас от геенны: если бы Он хотел наказать, то не грозил бы наперед, чтобы мы не предостерегались и не избежали угрозы. Бог угрожает мщением, чтобы мы избежали

действительного мщения; устрашает словом, чтобы не наказать самым делом. Итак, дадим Богу взаймы милосердие. Дадим взаймы, чтобы, как я сказал раньше, обрести Его должником, а не судьей, потому что должник стыдится заимодавца, стыдится - и оказывает ему почтение. Если заимодавец придет к дверям должника, то последний убегает, если не имеет средств (к уплате), а если имеет, смело принимает его. Обрати внимание еще и на нечто другое, что заставляет удивляться Праведному Судье, если сравнить это с образом поведения людей. Если ты дашь взаймы какому-нибудь бедняку, а должник впоследствии разбогатеет и окажется, наконец, в силах уплатить долг, тогда он отдает его, таясь от людей, чтобы не испытывать стыда за прежнее свое состояние, и выражает (заимодавцу) благодарность, а благодеяние его скрывает, стыдясь прежней нужды. Бог же поступает не так: Он тайно берет взаймы, а возвращает долг явно, потому что когда Он получает заем, то получает его через тайную милостыню, а когда отдает, то отдает перед взорами всей твари. Но, может быть, кто-нибудь скажет: почему же Бог точно так же, как Он даровал мне - богатому, не дал и бедному? Конечно, Он мог дать одинаково и тебе, и убогому; но не пожелал Он, чтобы и твое богатство было бесплодно, и его бедность оставалась без награды. Тебе - богатому Он повелел богатеть милостыней и расточать в правде, ибо "**расточил**", сказано, "**роздал нищим; правда его пребывает во веки**" (Пс. 111:9). Видишь, что богатый посредством милостыни собирает себе правду вечную? Рассуди опять и о бедном: у него нет богатства, которым он мог бы заслужить правду; но зато у него есть бедность, которой он приобретает терпение вечное, ибо "**надежда бедных не погибнет**" во век (Пс. 9:19) о Христе Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

О ПОКАЯНИИ

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ.

О Покаянии.

ХОТЯ вчера я отлучился от вас, но не по своей воле, а по необходимости; отлучился от вас телом, но не сердцем, отлучился плотью, но не мыслью, потому что я, насколько было сил моих, обнимал всех вас и носил в своей памяти. И вот опять, братья, лишь только временная эта болезнь оставила меня, я как можно скорее поспешил увидеть лицо ваше, и с остатками еще недуга побежал к вашей любви. Больные, излечившись от недуга, спешат в купальни и бани, а я счел достойным посмотреть вожделенные лица ваши и удовлетворить, по долгу моему, вашему желанию слушать меня, – пожелал увидеть это великое море, в котором нет соли, море, не вздымаемое волнами; пришел я посмотреть вашу очищенную ниву. Где, в самом деле, такая пристань, как церковь? Где такой рай, как наше собрание? Нет здесь змея – наветника, но Христос, открывающий тайны. Нет Евы, виновницы падения, но церковь – восстановительница падшего. Нет здесь листов древесных, но плод духовный. Нет здесь ограды терновой, но лоза плодовитая. А если я найду здесь терновник, то превращу его в маслину, потому что, то, что бывает здесь, зависит не от недостатка природы, а от свободного произволения. Если же увижу я волка, сделаю его овцой, не через изменение самой природы, а переменой его воли.

Поэтому не погрешил бы тот, кто назвал бы церковь лучше ковчега, потому что ковчег принимал животных и сохранял их такими же животными, а церковь принимает животных и переменяет их. Например, вошел туда ястреб – и вышел он (оттуда) ястребом, вошел волк – волком и вышел; а здесь кто входит ястребом, выходит голубем, входит волк – выходит овца; входит змея, и выходит ягненок, не потому, что переменяется природа, а оттого, что зло изгоняется. Вот почему я не перестаю говорить вам о покаянии, потому что покаяние, тягостное и страшное для грешника, есть врачевство грехов, средство,

истребляющее беззаконие, иждивение слез, дерзновение к Богу, оружие на дьявола, меч, отсекающий его голову, надежда на спасение, устранение отчаяния; оно отверзает человеку небо, оно возводит его в рай, оно побеждает дьявола. Вот почему не перестаю беседовать о покаянии, вселяющем в нас смелую надежду на победу (над врагом). Ты грешник? Не отчаивайся; не перестану укреплять вас этими лекарствами, потому что знаю я, каково это оружие против дьявола – не предаваться нам отчаянию. Если у тебя есть грехи, не отчаивайся, – не перестану постоянно повторять это, – и если каждый день согрешаешь, каждый день кайся. Подобно тому, как в обветшавших домах, когда они сгниют, мы удаляем сгнившие части и заменяем новыми, и никогда не покидаем подобных забот, так точно и ты: обветшал сегодня от греха? Обнови себя покаянием. Можно ли, скажешь, спастись покаявшемуся? Вполне возможно. Хотя бы я всю жизнь провел в грехах, но если покаюсь, спасусь? Конечно. Чем это может быть доказано? Милосердием твоего Владыки. Разве я надеюсь на твое покаяние? Разве твое покаяние может, в самом деле, очистить такие скверны? Если бы одно только покаяние было, тебе действительно следовало бы бояться; но так как с покаянием соединяется Божье милосердие, а для божественного милосердия меры нет и нельзя изречь словом Его благости, – твоя злоба имеет меру, а у врачевства нет меры; твоя злоба, какова бы ни была, есть злоба человеческая, а человеколюбие Божье неизреченно, – то надейся, что оно преодолеет твою злобу. Подумай, может ли упавшая в море искра светиться? Как мала искра в отношении к морю, так ничтожен и грех в отношении к милосердию Божьему, да и не так, а в гораздо сильнейшей степени, потому что море, как бы оно велико ни было, все же имеет пределы, а Божье милосердие безгранично.

Говорю это не с той целью, чтобы сделать вас нерадивыми, но чтобы внушить вам больше ревности. Часто убеждал я не ходить в театр. Ты слышал, но не повиновался, ходил в театр, не послушал моего слова; не стыдись опять придти (сюда) и слушать. Слышал, скажешь ты, и не исполнил: как могу придти (сюда) опять? Но ты, по крайней мере, уже сознаешь, что не исполнил; ты уже стыдишься; тебе совестно; ты безо всякого обличителя налагаешь уже на себя узду; слово мое уже вкоренилось в тебе, поучение мое исправляет тебя даже без моего присутствия. Ты не соблюл (сказанного), но ты осудил себя и тем наполовину уже соблюл; хоть ты и не соблюл, однако признался (по крайней мере), что не соблюл. Кто осуждает сам себя за неисполнение, тот стремится уже к выполнению. Ты был на зрелище? Совершил преступление? Стал пленником блудницы? Но, вышедши из театра, ты опять опамятовался и почувствовал стыд? Приди. Ты опечалился? Помолись Богу: ты не далек уже от исправления. Горе мне, скажешь, – слышал я, и не исполнил: как войду в церковь? Как стану опять слушать? Но тогда-то, напротив, и войди сюда, когда не соблюл, чтобы опять выслушать и исполнить. Если врач приложит тебе пластырь, но не вылечит тебя, то не прикладывает ли его опять на другой день? Когда дровосек, желая срубить дуб, берет топор, рубит корень, то если с одного удара не упадет бесплодное дерево, не наносит ли он второго удара, четвертого, пятого, десятого? Так и ты делай. Блудница тот же дуб, бесплодное дерево, произращающее желуди – пищу бессловесных свиней; она издавна укоренилась в сердце твоем, в деревянной ограде заключила твою совесть. Слово мое тот же топор. Ты слушал его один день; как же в один день упадет то, что вкоренилось издавна? Если и дважды услышишь, если и трижды, если и сто, и тысячу раз, не будет удивительно; только вырви застарелый порок, дурную привычку. Манну вкушали иудеи и требовали египетского луку, говоря: хорошо было нам в Египте. Так гнусна и зловредна привычка. И хотя бы ты десять дней пожил добродетельно; хотя бы сто, триста дней, я не буду еще доволен, и стану благодарить и обнимать тебя; я хочу только одного, – чтобы ты не ослабевал, а стыдился бы и осуждал себя.

2. Опять, беседовал я о любви; ты выслушал, ушел и ограбил? Делами ты не оправдал наставления? Не стыдись вновь придти в церковь. Стыдись грешить, но не стыдись

каяться. Смотри, что сделал тебе дьявол. О двух вещах следует рассудить: о грехе и покаянии. Грех есть рана, покаяние – врачевство. Что для тела раны и лекарства, то для души грехи и покаяние. Но грех сопровождается стыдом, а покаяние дает дерзновение. Обрати тщательное внимание, умоляю тебя, на слова мои, – чтобы тебе не смешивать предметов, и не лишиться пользы (от моего наставления). Язва и врачевство, грех и покаяние. Язва – грех; врачевство – покаяние. В язве – гной; в лекарстве – очищение гноя. В грехе – гной, в грехе – поношение, в грехе – посмеяние; в покаянии – дерзновение, в покаянии – свобода, в покаянии – очищение грехов. Обрати тщательное внимание. За грехом следует стыд; покаяние сопровождается дерзновением. Уразумел, что говорю я? Сатана извратил естественный порядок: греху он дал дерзость, а покаянию – стыд. Не отстану до вечера (объяснять это), до тех пор, пока не разрешу (того, о чем начал говорить). Я должен исполнить обещание и не могу отступить. Есть язва и лекарство. В язве гной; лекарство обладает силой очищать гной. В лекарстве ли гной? В язве ли целительна сила? Не имеют ли и то и другое своего собственного свойства. Может ли сообщиться первое последнему, или последнее первому? Ни в каком случае. Перейдем к душе, отягченной грехами. Грех имеет своим уделом поношение и бесчестие; покаяние сопровождается смелой надеждой, покаяние соединено с постом, покаяние дает оправдание. "**Говори ты, чтоб оправдаться**" (Иса. 43:26). "**Праведный себя самого обвиняет в первословии**" (Притч. 18:17)[1]. Итак, сатана, зная, что за грехом следует стыд, который легко может отвратить от него согрешающего, а покаяние сопровождается дерзновением, которое в силах привлечь кающегося, извратил естественный порядок, и стыд отдал покаянию, а дерзновение – греху. Каким же это образом? А вот как: пленяется кто-нибудь безумной страстью к всенародной блуднице; следует он за блудницей как пленник, входит в ее жилище, и, не стыдясь, не краснея, отдается блуднице, совершает грех, и нет у него ни стыда, ни стеснения. По окончании греха он выходит оттуда и стыдится покаяться. Несчастный! Когда отдавался блуднице, тогда тебе не было стыдно, а когда пришел каяться, тогда стыдишься? О чем он, скажи мне, стыдится теперь, если не стыдился, когда предавался блуду? Делает (постыдное) дело, и не стыдится, а слова стыдится? Злодейство дьявола это. В грехе он не допускает ему стыдиться, а всенародно дозволяет ему бесчестить себя, потому что знает, что если грешник почувствует стыд, то убежит от греха; в покаянии (напротив) заставляет его стыдиться, зная, что стыдящийся не покается. Два зла учиняет он: вовлекает в грех и удерживает от покаяния. В чем же стыд, наконец? Когда предаешься блуду, – не стыдишься, а когда принимаешь врачевство, – стыдишься? Тебе стыдно, когда освобождаешься от греха? Тогда надлежало тебе стыдиться, тогда должен был чувствовать стыд, когда грешил. Когда был грешником, – не стыдился, когда же стал праведником, – стыдишься? "**Говори ты, чтоб оправдаться**" (Иса. 43:26). О, милосердие Владыки! Не сказал, "**чтобы не быть наказанным**", но: "**чтоб оправдаться**". Неужели для него не достаточно, что Ты не наказываешь его, а еще делаешь праведным? Подлинно так. Но обрати тщательное внимание на изречение. Праведником, говорит, сделаю его. Где же сделал это Бог? Когда Он спас разбойника за то лишь, что тот сказал другому: "**или ты не боишься Бога; мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли**", Спаситель говорит ему: "**ныне же будешь со Мной в раю**" (Лук. 23:40-41,43). Не сказал: освобождаю тебя от наказания и муки, но вводит его оправданным в рай.

Видишь, как он через исповедание стал праведником? Многомилосерд Бог! Он Сына не пощадил, чтобы пощадить раба; предал Единородного, чтобы искупить неблагодарных рабов; кровь Сына Своего положил вместо цены. О, человеколюбие Владыки! И не повторяй мне опять: много согрешил я, – как я могу спастись? Ты не можешь, Владыка твой может, и так, что изгладит грехи. Тщательно внимай слову. Изглаживает Он так грехи, что не остается даже и следа их. На телах это невозможно: как бы много ни старался врач, сколько бы снадобий ни прикладывал к ране, – только рана скроется; и

часто случается, что кто-нибудь получит удар по лицу и залечит рану, а шрам остается и безобразием лица указывает на бывшую рану. Врач старается всевозможными средствами уничтожить и шрам, но оказывается не в силах, потому что ему противится и слабость природы, и бессилие искусства, и ничтожество лекарств. Когда же Бог изглаживает грехи, то не оставляет ни шрама, не попускает остаться и следу, но вместе со здоровьем дарует и благообразие, вместе с освобождением от наказания дает и оправдание и делает согрешившего равным не согрешившему. Он уничтожает грех, и обращает его ни во что, как будто его и не было; так Он истребляет его, (что не остается) ни шрама, ни следа, ни приметы, ни знака.

3. Но откуда видно это? Я должен представить и доказательство тому, о чем говорю, но не от собственных домыслов, а от Писаний дать подтверждение, чтобы свидетельство было вполне надежно. Приведу вам (в качестве доказательства) людей, покрытых ранами, целый народ, исполненный язвами, гноем, червями (до того, что он) весь – рана, весь – язва, и, однако, может так излечиться, что не останется ни шрама, ни следа, ни знака; приведу людей, которые имеют не одну рану, не две, не три, не четыре, а в ранах с ног до головы. Прилежно внимай словам моим, потому что всех касается это наше спасительное слово. Я приготовляю лекарства лучшие, чем (готовят) врачи, такие, каких не могут приготовить и цари. Что может царь? Выпустить может из темницы, но освободить от геенны не в силах; может дать денег, а души спасти не в состоянии. Я вручаю вас покровительству покаяния, чтобы вы узнали его могущество, чтобы узнали его силу, чтобы узнали, что грех не может победить его и что нет греха, который в силах был бы преодолеть его могущество. Приведу не одного, не двоих, не троих, а тысячи людей, покрытых струпьями, язвами, зараженных бесчисленными грехами, которые так могли спастись покаянием, что не осталось ни следа, ни знака прежних язв. Но усердно внимайте словам, да и не только внимайте, а и запоминайте то, что будет сказано, чтобы вы могли наставить и отсутствующих, и, таким образом, возжечь ревность тех, которые лишены пользы нынешнего слова. Итак, пусть предстанет Исаия, зревший серафимов, слышавший их таинственную песнь, и прорекший много о Христе. Спросим, что говорит он. "**Видение Исаии, которое он видел об Иудее и Иерусалиме**" (Иса. 1:1). Скажи видение, какое видел ты, скажи мне. "**Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит**" (Иса. 1:2). Иное ты обещал, и иное говоришь. Что же иное обещал я? Ты начинаешь словами: "**Видение об Иудее и Иерусалиме**", а потом, оставив Иудею и Иерусалим, беседуешь с небом и обращаешь слово к земле, оставив же и словесных людей, беседуешь с бессловесными стихиями? Это потому, что словесные стали неразумнее бессловесных. И не только поэтому, но подобно тому, как Моисей, намереваясь ввести иудеев в землю обетования и предвидя будущее, – что они пренебрегут дарованными им благами, – говорит: "**внимай, небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих** " (Вт. 32:1), засвидетельствую вам, иудеи, небом и землей, говорит Моисей, что если войдете в обетованную землю и оставите Господа Бога, то рассеяны будете по всем народам; так и Исаия, когда (при нем) угроза готова была исполниться на деле, не мог призвать в свидетели умершего уже Моисея и тех, кто слышал его и давно скончался, почему и призывает свидетелями те самые стихии, которыми свидетельствовал Моисей. Вот вы отпали от обетования; вот вы оставили Бога: как поставлю в свидетели тебя, Моисей? Ты умер и скончался. Как призову Аарона? И он предался смерти. Не можешь поставить меня в свидетели? Призови стихии, потому что и я при своей жизни не свидетельствовал ни самим Ааароном, ни кем другим, потому именно, что они должны были скончаться, а пребывающими стихиями засвидетельствовал вам, – небом и землей. Итак, Исаия говорит: "**слушайте, небеса, и внимай, земля**", Вас повелел призвать сегодня в свидетели Моисей. Но не поэтому только призывает он эти стихии, а и потому еще, что он говорил к иудеям. "**Слушай, небо**", потому что ты одождило манну; "**внимай, земля**", потому что ты дала перепелов. "**Слушай, небо**",

слушай, потому что ты одождило манну, ты явило сверхъестественное, – вверху было и гумну уподобилось. "**Внимай, земля**", потому что ты была долу, и устроила трапезу без предуготовлений. Бездействовала природа, но действовала благодать. Не трудились волы, но произрастал колос; не было ни рук поварских, ни приказания, но манна, освященный источник, служило им вместо всего. Природа забыла о своей немощи. Как не изнашивались одежды их? Как не ветшала обувь их? Все готово было к их услугам. "**Слушайте, небеса, и внимай, земля**". Не смотря на все удостоверения (Божьего покровительства) и явные благодеяния, Владыка терпит оскорбление. К кому обращу слово, как не к вам? Человека не имею, который послушал бы (меня). Вот я пришел, и нет человека; говорил, и не было слушающего. С неразумными беседую, потому что разумные пали ниже неразумных. Поэтому и другой пророк, видя, как безумствует царь, как почитается кумир, а Бог предается бесчестию, и все одержимы страхом, говорит: послушай, алтарь, послушай меня (3 Цар. 13:2). Ты говоришь с камнем? Да, потому что царь бесчувственнее камня. Послушай меня, алтарь, послушай: "**так говорит Господь**", и тотчас же алтарь расселся (3 Цар. 13:5). Камень послушал, камень распался и пролил жертву. Как же не услышал человек? Он простер руку свою, чтобы схватить пророка. Что же делает Бог? Он сделал сухой его руку. Примечай, что сотворил (Бог), заметь милосердие Владыки и грех раба. Почему с самого начала не иссушил Он его руки? Потому, что хотел вразумить его разрушением камня. Если бы не разрушился камень, пощадил бы я тебя; но так как камень развалился, а ты не исправился, то навожу на тебя гнев мой. Простер (царь) руку свою, чтобы схватить пророка, и высохла рука. Так водружен был трофей. Столько оруженосцев и вождей, такое громадное войско присутствовало здесь, а он (царь) не мог согнуть руки своей, рука так и оставалась (простертой), громко возвещая о поражении нечестия и победе благочестия, милосердии Божьем и о безумии царя. И согнуть ее (царь) не мог.

4. Но чтобы нам, при постоянных уклонениях в сторону, не потерять из виду нашего предмета, покажем то, что обещали. Что же я обещал? Обещал я доказать, что если кто имеет и множество ран, но покается и сделает доброе дело, то Бог так заглаживает их, что не остается ни знака, ни следа, ни признака грехов. Это я обещал, это постараюсь доказать. "**Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит**". Скажи мне, что "**говорит**" Он? "**Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня. Вол знает владетеля своего**" (они бессловесных бессловеснее); "**и осел - ясли господина своего**" (несмысленнее ослов они); "**а Израиль не знает [Меня], народ Мой не разумеет. Увы, народ грешный**" (Иса. 1:2-4). Зачем он говорит это? Разве нет надежды на спасение? Зачем, скажи мне, говоришь ты: "**увы**"? Затем, что не нахожу исцеления. Почему говоришь: "**увы**"? Потому, что давал я врачевство и не зажила рана, – поэтому Я и отвратился. Что же мне делать? Не стану и стараться об излечении. Словом "**увы**" Он подражает плачущей женщине, и хорошо поступает. Обратите, прошу вас, тщательное внимание. Почему говорит: "**увы**"? Потому что, то же самое бывает и при телесных болезнях. Когда врач видит, что для больного нет надежды на спасение, то плачет, и домашние с родственниками рыдают и стенают, но уже тщетно и напрасно, потому что когда больной должен умереть, то хотя бы восплакал весь мир, он не воздвигнет его. Плач этот происходит следовательно от печали, а не оттого, что будто бы он мог возвратить здоровье. Но в отношении к душе этого не бывает; если ты восплачешь, то часто случается, что и воскресишь мертвого душой. Почему? Потому, что умершее тело не восстает человеческой силой, а умершая душа восстает через покаяние. Смотри на блудника и восплачь о нем, и не раз восставишь его. Поэтому-то и Павел не только писал, не только увещевал, но и слезно плакал, уча (тому же) всех вас. Пусть ты учишь; для чего еще и плачешь? Для того чтобы, если бессильно будет наставление, помогли слезы. Так точно плачет и пророк. И Господь наш, предвидя разрушение Иерусалима, говорит: "**Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных**" к нему

(Матф. 23:37), – обращается с речью к падшему городу, подражая плачущему человеку. Так и пророк говорит: "**увы, народ грешный, народ, обремененный беззакониями**" (Иса. 1:4). Нет здорового места на теле. Видишь, как они покрыты язвами? "**Племя злодеев, сыны погибельные**" (Иса. 1:4). Почему плачешь ты, скажи мне? "**Оставили Господа, презрели Святого Израилева**" (Иса. 1:4). "**Во что вас бить еще**" (Иса. 1:5)? Чем еще поражу вас? Голодом ли? Губительной ли язвой? Все наказания посланы, а нечестие ваше не истребилось. "**Продолжающие свое упорство - вся голова в язвах, и все сердце исчахло**" (Иса. 1:5). Нет ни струпа, ни язвы (Иса. 1:6). Новое говоришь ты. Незадолго ты говорил: "**племя злодеев, сыны погибельные***;* **Оставили Господа, презрели Святого Израилева**", и: "**увы, народ грешный**". Ты плачешь, скорбишь, рыдаешь, считаешь раны, а потом говоришь: "**язвы, пятна**"? Обрати внимание. Рана называется так тогда, когда все прочие части тела здоровы, а одна часть поражена нечувствительностью. А здесь (пророк) говорит, что все тело – струп. "**От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и не обвязанные и не смягченные елеем. Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнем; поля ваши в ваших глазах съедают чужие**" (Иса. 1:6-7). Все это сделал Я, и вы не исправились; Я употребил все искусство, а больной остается мертв. Придите, "**слушайте слово Господне, князья Содомские и Гоморрские! К чему Мне множество жертв ваших**" (Иса. 1:10-11)? Так что же, Он обращает речь к содомлянам? Нисколько, а самих иудеев называет содомлянами; так как они подражали образу жизни последних, то и называет их именем. Придите, "**слушайте слово Господне, князья Содомские и Гоморрские! К чему Мне множество жертв ваших***,* **говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Не носите больше даров тщетных: курение отвратительно для Меня. Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои**" (Иса. 1:11,13-15). Что может сравниться с таким гневом? Пророк призывает в свидетели небо; плачет, проливает слезы, рыдает и говорит народу израильскому: нет "**ни струпа**", нет "**ни язвы**". Бог гневается, Он не принимает ни жертвы, ни новомесячия, ни субботы, ни семидала, ни молитвы, ни воздаяния рук. Видишь язву? Видишь неисцелимую болезнь не у одного, не у двоих, не у десяти, а у тысяч? Что же затем? "**Омойтесь, очиститесь**" (Иса. 1:16). Есть ли грех, за который можно бы предаваться отчаянию? Сам Бог говорит: не слышу вас (Иса. 1:15), и затем говорит: "**омойтесь**". Для чего Ты говоришь это? То и другое говорится для пользы: то, – чтобы меня устрашить, другое, – чтобы привлечь. Если Ты не слышишь их, у них нет надежды на спасение; если они не имеют надежды спастись, то, как говоришь Ты: "**омойтесь**"? Но Он есть человеколюбивый Отец, единый благий, милосердствующий более всякого отца. И чтобы увериться тебе, что Он Отец, Он говорит им: что сделаю с Иудой? Не знаешь, что сделаешь? Знаю, но не хочу. Свойство грехов требует (наказания), но обилие милосердия удерживает. Что сделаю тебе? Пощажу ли тебя? Но ты станешь еще беспечнее. Поражу ли тебя? Но этого не терпит милосердие. Что сделаю тебе? Истреблю ли тебя огнем, как Содом, или разрушу тебя, как Гоморру? "**Повернулось во Мне сердце Мое**" (Ос. 11:8). Бесстрастный подражает страстному человеку, или лучше нежно любящей матери. "**Повернулось**"; так сказала бы жена отроку: превратилось сердце мое по природе материнской. Но Он не удовольствовался первыми словами. Смутился в раскаянии моем (Ос. 11:8). Бог ли смущается? Нет! Да не будет! Божество чуждо смущения; но, как сказал я, Бог подражает нашей речи. "**Повернулось сердце Мое**; **омойтесь, очиститесь**". Что я обещал вам? То, что Бог, принимая кающихся грешников, хотя бы обремененных бесчисленными грехами и покрытых (греховными) струпьями, так врачует их, что у них не остается ни следа грехов, не остается ни знака, не остается никакого напоминания. "**Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния**" ваши "**от душ ваших, научитесь делать добро**" (Иса. 1:16-17). Какое добро повелеваешь Ты?

"**Спасайте угнетенного, защищайте сироту**" (Иса. 1:17). Не тяжки повеления; сама природа ведет к ним, потому что естественно оказывать сострадание к женщине. "**Придите - и рассудим**". Сделайте ничтожное, а остальное приложу Я, немногое дайте Мне, и Я дарую все. "**Придите**". Куда же пойдем? Ко Мне, Которого вы раздражили, Которого прогневали, ко Мне, Который сказал: "**не слушаю вас**", чтобы, устрашившись угрозы, утолили вы гнев Мой. "**Придите**" к неслышащему, чтобы я услышал. Что же сотворишь Ты? Не оставлю следа (грехов), не оставлю знака, не оставлю струпа. "**Придите - и рассудим, говорит Господь**" (Иса. 1:18), и говорит: "**если будут грехи ваши, как багряное, - как снег убелю**" (Иса. 1:18). Неужели нигде нет струпа? Нигде скверны? И даже еще с цветом чистоты? "**Если будут красны, как пурпур, - как волну убелю**" (Иса. 1:18). Неужели нигде нет черноты, нигде нет пятна? Как же будет это? Но разве не таковы обетования? "**Ибо уста Господни говорят**" (Иса. 1:20). Вот, ты видел не только величие обетований, но и достоинство Даровавшего их. Все возможно Богу, могущему сделать чистое из скверного. Итак, прослушав слова Его и познав врачевство покаяния, станем воссылать ему славу, ибо Его слава и держава во веки. Аминь.

---

[1] В переводе Юнгерова это место звучит так: "Обвинитель в первой речи своей на суде - прав по отношению к себе", но поскольку Златоуст это место понимает иначе, мы оставили тот смысл, который присущ славянскому переводу. – ред.

О ПОКАЯНИИ

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ.

О покаянии и о тех, кто оставляют собрания; здесь же о священной трапезе и суде.

КАК сеятелям нет никакой пользы, когда они бросают семена при дороге, так и нам нет никакой пользы от того, что именуемся христианами, если не оправдываем наименования соответствующими делами. Если желаете, представлю вам достоверного свидетеля (этому), брата Божия, Иакова, который говорит: "**вера без дел мертва**" (Иак. 2:20). Итак, всюду необходимо упражнение в (добрых) делах, а без него и наименование христианином не может принести нам пользы. И не удивляйся. Скажи мне, в самом деле, какая польза воину от того, что он состоит на военной службе, когда он не достоин ее, и, будучи питаем за счет царя, не сражается за него? Может быть, — хотя и ужасно слово мое, — лучше было бы ему не вступать вовсе в военную службу, чем, вступивши не радеть о царской чести. Как может не подвергнуться наказанию тот, кто живет за счет царя, а за царя не сражается? Да что говорю я, за царя? Пусть хоть заботились бы мы о своей душе. Но как, скажешь, живя в мире, среди беспокойства, могу я спастись? Что ты говоришь, человек? Хочешь, я кратко укажу тебе, что не место спасает, а образ жизни и произволение? Адам в раю, как бы в пристани, потерпел крушение, а Лот, живя среди содомлян, как бы в море, спасся. Иов заслужил оправдание, будучи на гноище, а Саул, пребывая в чертогах, лишился и здешнего царства, и будущего. Нельзя оправдываться словами: не могу я жить в мире, среди беспокойства, и спастись. Откуда берется такое оправдание? Оттого, что вы не часто приходите, одни — на молитву, другие — на божественные собрания. Разве вы не видите, как стараются те, кто желает получить почести от земного царя, и как они склоняют к ходатайству (за них) других, чтобы не лишиться того, чего они домогаются? Это говорится о тех, кто оставляет освященные собрания и в час страшной и таинственной трапезы занимается беседами и пустыми

разговорами. Что делаешь ты, человек? Не обещался ли ты священнику, и на его слова: *горе имеем* ум наш и "**сердца**", не сказал ли: *имеем ко Господу*? Ты не чувствуешь страха, не стыдишься оказаться лжецом в самый страшный час? Удивительно! Когда уготована таинственная трапеза, когда закалается за тебя Агнец Божий, когда за тебя подвизается священник, когда духовный огонь истекает от пречистой трапезы, предстоят херувимы, летают серафимы, шестикрылые закрывают свои лица, все бестелесные силы молят за тебя вместе с иереем, духовный огонь снисходит с неба, от пречистого ребра изливается в чашу кровь в твое очищение, — ты не боишься, не стыдишься в этот страшный час оказаться лжецом? Из ста шестидесяти восьми часов в неделе один лишь единственный час отделил Себе Бог: неужели ты и тот потратишь на дела житейские, на смех и разговоры? С какой, после этого, дерзостью приступишь ты к таинствам? С какой оскверненной совестью? Неужели ты, с пометом в руках, осмелился бы коснуться края одежды земного царя? Ни в каком случае.

Не полагай, что (это) хлеб, и не думай, что вино, потому что они не выходят из человека, как прочие роды пищи. Нет; не рассуждай так! Но, подобно тому, как воск, соприкасаясь с огнем, ничего из себя не теряет, и ничего не получает, так точно думай и здесь, что тайны сорастворяются с сущностью тела. Поэтому и приступая, не думайте, будто вы принимаете божественное тело от человека, а представляйте, что вы принимаете божественное тело как бы огонь из клещей самих серафимов, которых видел Исаия (Иса. 6), спасительную же кровь станем принимать как бы касаясь устами божественного и пречистого ребра. Не будем поэтому, братья, оставлять собраний, равно как и в них предаваться праздным разговорам: будем стоять со страхом и трепетом, опустив взор долу, а душу имея горе, и с воздыханиями будем восклицать не голосами, а сердцем. Не видите ли, как предстоящие видимому, тленному, временному и земному царю бывают недвижимы, молчаливы, спокойны, не блуждают взором в разные стороны, а стоят, потупившись, смирно и со страхом? Возьми их в образец себе, человек. Так стойте перед Богом, прошу вас, как если бы вы явились перед лицом земного царя. Перед небесным Царем должно стоять и гораздо с большим страхом. Не перестану повторять, что часто и раньше говорил, пока не увижу вас исправившимися. Входя в церковь, войдем как пристойно перед Богом, не питая в душе злобы, чтобы при молитве нам не молиться против самих себя, говоря: "**прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим**" (Матф. 6:12). Страшно слово это, и кто произносит его, как бы так взывает к Богу: я оставил, Владыка, оставь и Ты; я отпустил, отпусти и Ты; простил, прости и Ты; сам я не простил, не прощай и Ты; если я не отпустил ближнему, и Ты не отпускай моих согрешений. Какой мерой мерил я, пусть отмерится и мне.

Зная это и помышляя о том страшном дне и представляя тот огонь и страшные наказания, обратимся, наконец, от пути, по которому блуждали. Настанет час, когда прекратится зрелище этого мира и не будет уже времени для подвигов. Нельзя по окончании жизни заниматься делами, нельзя по прекращении зрелища стяжать венок. Настоящее время — время покаяния, будущее — время суда, теперь — время подвигов, тогда — время венцов; теперь — пора труда, тогда — время отрады; теперь — время изнурения; тогда — время воздаяния. Воспряньте, молю, воспряньте и с усердием выслушаем то, что говорят нам. Мы жили по плоти, станем же теперь жить по духу; мы жили в плотских удовольствиях, будем теперь жить в добродетелях; жили в небрежении (о грехах), поживем же в покаянии. "**Что гордится земля и пепел**" (Сир. 10:9)? Что надмеваешься, человек? Что слишком хвалишься? На какую мирскую славу и богатство ты надеешься? Пойдем, прошу тебя, к гробам и увидим совершающиеся там таинства, увидим разрушившееся естество, изъеденные кости, сгнившие тела. Если ты мудр, поразмысли, и если разумен, скажи мне: кто тут царь и кто простолюдин, кто благородный и кто раб, кто мудрый и кто неразумный? Где тут красота юности, где привлекательный взгляд, где миловидные очи,

где прекрасный нос, где розовые уста, где цвет ланит, где блестящее чело? Не все ли прах? Не все ли пепел? Не все ли персть? Не все ли червь и зловоние? Не все ли тление? Имея все это в уме и помышляя о нашем последнем дне, обратимся, братия, пока есть у нас время, с нашего пути, по которому мы блуждали. Честной кровью искуплены мы (1 Петр. 1:19). Для того Бог на земле явился; для тебя, человек, Бог на земле явился; не имея, "**где приклонить голову**" (Лук. 9:58). О, чудо! Судья ради осужденных приходит на суд; Жизнь вкушает смерти; Создатель терпит заушение от создания; Невидимый серафимами рабом оплевается, оцта (уксуса) и желчи вкушает, копьем протыкается и в гроб полагается. И ты, человек, скажи мне, нерадишь, спишь и пренебрегаешь (такими чудесами). Не знаешь, что если ты даже прольешь за Него свою кровь, то и тогда еще не выполнил своего долга, потому что иная кровь владычная и иная кровь рабская? Предупреди покаянием и исправлением исход души, чтобы, когда придет смерть, не оказалось уже бессильным всякое врачевство покаяния, потому что только на земле имеет силу покаяние, а в аду оно уже бессильно. Взыщем Господа, пока есть у нас время. Будем делать добро, чтобы нам избавиться и от будущей бесконечной геенны и удостоиться царства небесного благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

ПОХВАЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ

на праздники Господни и святых

БЕСЕДА

в день Рождества Спасителя нашего

Иисуса Христа, каковой день тогда еще не был общеизвестным, но за немного перед тем стал известным от некоторых, пришедших с запада и возвестивших о нем[1].

О ЧЕМ некогда скорбели праотцы и предсказывали пророки и что желали видеть праведники, то сбылось и сегодня получило исполнение. [Бог] "**явился на земле**" во плоти, "**и обращался между людьми**" (Вар. 3:38). Посему возрадуемся и возвеселимся, возлюбленные, так как если Иоанн, будучи во чреве матери, взыграл при входе Марии к Елизавете, то гораздо более нам, взирающим не на Марию, но на Самого Спасителя нашего, родившегося сегодня, надлежит взыграть и веселиться, поражаться и дивиться величию домостроительства (Божия), превосходящего всякий ум. Представь, как было бы величественно, если бы мы увидели солнце сшедшим с небес, идущим по земле и отсюда изливающим на всех лучи свои. Если же видеть такое событие с чувственным светилом для всех было бы изумительно, то подумай и рассуди теперь, как величественно видеть Солнце правды, изливающим лучи свои из нашей плоти и просвещающим наши души. Давно я жаждал видеть этот день, и не просто видеть, но вместе с таким множеством народа, и непрестанно молился, чтобы наше собрание было полно так, как полным видим его теперь. Итак, это сбылось и получило исполнение. Хотя нет еще десяти лет, как этот день стал известен и знаком нам, но, как будто издавна и за много лет преданный нам, так он прославился от вашего усердия. Поэтому не погрешил бы тот, кто назвал бы его и новым и вместе древним, - новым потому, что он недавно стал известен нам, а древним и давним потому, что он скоро сравнялся с древнейшими и возрос до одинаковой с ними степени. Прекрасные и благородные растения, быв посажены в землю, скоро достигают великой высоты и отягчены бывают плодами: так и этот день, живущим на западе издавна известный, а к нам принесенный теперь и не за много лет, вдруг так возрос и принес столь великий плод, что, как можно теперь видеть, ограды наши наполнены и вся церковь

стеснена от многолюдного стечения. Ожидайте же себе достойного воздаяния за такое усердие от родившегося сегодня по плоти Христа; Он, конечно, вознаградит за такую ревность, потому что любовь и усердие к этому дню служит величайшим доказательством любви к Родившемуся. Если же нужно принести что-нибудь и от нас, сослужителей ваших, то и мы принесем то, что по силам нашим, или лучше, что благодать Божия даст нам сказать для вашей пользы. О чем же вы желаете слышать сегодня? О чем другом, как не об этом же дне? Я хорошо знаю, что многие и теперь еще спорят между собою, одни - осуждая, другие - оправдывая, и много везде говорят об этом дне, одни - против него, доказывая, что он новый и недавний и теперь только введенный, и другие - за него, утверждая, что он древний и давний, так как еще пророки предсказывали о Рождестве Его и издавна этот день известен и славен у живущих от Фракии до Кадикса. Итак, об этом и начнем речь. Если он, оставаясь спорным, пользуется такою любовью от вас, то очевидно, что сделавшись более известным, он будет пользоваться гораздо большим уважением, когда ясное наставление произведет в вас большее к нему расположение.

Я могу привести три доказательства, из которых мы вполне узнаем, что в это именно время родился Господь наш Иисус Христос, Бог-Слово. Из этих трех доказательств одно состоит в том, что этот праздник везде так скоро сделался известным, достиг такой высоты и прославился. И как Гамалиил говорил о (Христианской) проповеди, что "**если это предприятие и это дело - от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; [берегитесь], чтобы вам не оказаться и богопротивниками**" (Деян. 5:38-39), так и я об этом дне сказал бы с дерзновением, что, так как Бог Слово - от Бога, то через это он (т. е. день сей) не только не разорился, но и возрастает с каждым годом и становится более знаменитым. Проповедь в немного лет объяла всю вселенную, и хотя распространявшие ее везде были изготовителями палаток, рыбаками, неучеными, простецами, но уничиженность служителей нисколько не повредила ей, потому что сила Проповедуемого предварительно устраивала все, уничтожала препятствия и являла собственное могущество.

2. Если кто из любящих споры не удовольствуется сказанным, то можно привести и другое доказательство. Какое же это? - Из переписи, о которой упоминается в Евангелиях. "**В те дни",** говорит Евангелист, "**вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сириею. И пошли все записываться, каждый в свой город. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Мариею, обрученною ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице**" (Лк. 2:1-7). Отсюда видно, что Христос родился при первой переписи. А из древних кодексов, публично хранящихся в Риме, всякий желающий может с точностью узнать и время этой переписи. Что же, скажут, до этого нам, которые и теперь не находимся там и ранее не были? Выслушай и не сомневайся, потому что мы приняли этот день от тех, которые в точности знают это и живут в том городе, обитающие там, празднуя его издавна и по древнему преданию, теперь переслали сведение о нем и нам. И Евангелист не без цели означил время (Рождества Христова), но дабы сделать явным и известным для нас и самый день и показать домостроительство Божие. И Август не произвольно и не сам от себя издал тогда такое повеление, но потому, что Бог подвигнул его душу, дабы он, хотя бы невольно, послужил явлению Единородного. Как же это, скажут, содействует тому домостроительству? Не мало и не случайно, возлюбленный, но весьма много, и есть одно из необходимых и нарочито устрояемых дел. Как же это? Галилея есть область в Палестине, а Назарет - город галилейский. Так и Иудея есть область, называемая так по имени своих обитателей, а Вифлеем - город иудейский. О

Христе все пророки предсказывали, что Он не из Назарета, но из Вифлеема придет и там родится. Именно так написано: "**и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля**" (Мф. 2:6, Мих. 5:2). И иудеи на вопрос Ирода: "**где должно родиться Христу?**", привели ему тогда это свидетельство (Мф. 2:5). Поэтому, когда и Нафанаил Филиппу, сказавшему: "**мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета**", отвечал: "**из Назарета может ли быть что доброе?**", то Христос изрек о нем: "**вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства**" (Ин. 1:45-47). За что же, скажут, Христос похвалил его? За то, что он не увлекся сообщением Филиппа, но знал ясно и точно, что не в Назарете и не в Галилее надлежит родиться Христу, но в Иудеи и в Вифлееме, как это действительно было. Так как Филипп не знал этого, а Нафанаил, изучавший закон, отвечал согласно со сказанным в древнем пророчестве, зная, что Христос придет не из Назарета, то Христос и сказал: "**вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства**". Поэтому и некоторые из иудеев говорили Никодиму: "**рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк**" (Ин. 7:52); и еще в другом месте: "**не сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давидова и из Вифлеема**" (Ин. 7:42)? И общее у всех было убеждение, что непременно оттуда надлежало придти Ему , а не из Галилеи.

Посему, так как Иосиф и Мария, бывшие гражданами Вифлеема, но оставившие его, расположились на жительство в Назарете и там пребывали, как это случается часто со многими людьми, оставляющими те города, в которых они родились, и живущими в других, к которым они не принадлежат по своему рождению, а между тем Христу надлежало родиться в Вифлееме, то и вышло повеление, которое, по устроению Божию, заставляло их невольно идти в тот город. Закон, повелевавший каждому вписаться в своем отечестве, заставлял их двинуться оттуда, т. е. из Назарета, и придти в Вифлеем, чтобы вписаться. На это самое теперь указывая, и Евангелист говорит: "**Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Мариею, обрученною ему женою, которая была беременна. Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына своего Первенца**" (Лк. 2:4-7).

3. Видишь ли, возлюбленный, домостроительство Бога, и чрез неверных и чрез верных устрояющего дела свои, дабы чуждые благочестия узнали силу и могущество Его? Звезда вела волхвов с востока, а закон влек Марию в отечество, предсказанное пророками. Отсюда для нас очевидно, что и Дева была из рода Давидова; так как она происходила из Вифлеема, то очевидно, что она была из рода Давидова. Это и выше объяснил Евангелист в словах: "**пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова**". Поскольку родословие Иосифа изложено, а предков Марии никто не исчислил нам так, как его предков, то, чтобы ты не сомневался и не говорил: откуда видно, что и она происходит от Давида? - послушай (как говорит Евангелист): "**в шестой же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова** " (Лк. 1:26-27). Слова: "**из дома Давидова**", надобно принимать сказанными о Деве. И здесь, таким образом, то же выражается. Поэтому и вышло повеление и закон, приведший их в Вифлеем; как только они пришли в город, вскоре и родился Иисус, а так как много народу стеклось тогда со всех сторон, места были заняты и происходило великое стеснение, то Он и был положен в яслях. Вот почему и волхвы там поклонились Ему. Но чтобы представить вам доказательство яснее и очевиднее, прошу вас, будьте теперь особенно внимательны: я хочу предложить пространное повествование и изложить древние законы, дабы речь моя была яснее для вас во всех отношениях.

У иудеев был древний закон, или лучше, начнем речь с более раннего. Когда Бог избавил еврейский народ от египетских мук и рабства чужеземному царю, то, видя, что они имеют остатки нечестия, увлекаются чувственными предметами и удивляются величию и красоте храмов, повелел им построить храм, который не только ценностью материала и разнообразием искусства, но и видом постройки превосходил все храмы на земле. Как чадолюбивый отец, к которому возвратился его сын, долгое время обращавшийся с людьми порочными, развратными и потерянными и отведавший большой роскоши, - окружает его вместе с безопасностью и почетом еще изобилием, дабы он, ни в чем не нуждаясь, не вспомнил о прежних удовольствиях и не пожелал обратиться к ним; так и Бог, видя, что иудеи увлекаются чувственными предметами, доставляет им и это в превосходном виде, дабы они никогда не пришли к пожеланию египетского или того, что они испытали у египтян. Он созидает храм по образу всего мира, чувственного и умственного. Как в мире есть земля и небо и средостение между ними - твердь, так Он повелел построить и храм. Разделив этот храм на две части и в середине их распростерши завесу, внешнюю часть от завесы Он сделал доступною для всех, а внутреннюю - недоступною и незримою для всех, кроме одного только первосвященника. Что это - не наша догадка, но действительно храм устроен был по образу всего мира, послушай, что говорит Павел о Христе, восшедшем на небо: "**Христос вошел не в рукотворенное святилище, по образу истинного [устроенное]**" (Евр. 9:24), показывая, что устроенное здесь было образом истинного. А что и завеса отделяла святое святых от внешнего святилища, как это небо отделяет находящееся над ним от всего, находящегося у нас, послушай, как и на это указал он, назвав небо завесою. Говоря о надежде, "**которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий**", он прибавил: "**входит во внутреннейшее за завесу, куда предтечею за нас вошел Иисус**", выше неба (Евр. 6:19-20). Видишь ли, как он назвал небо завесою? Вне завесы находились светильник, и трапеза, и медный жертвенник, принимавший жертвы и всесожжения; а внутри за завесою - ковчег, обложенный со всех сторон золотом, вмещавший в себе скрижали завета, золотой сосуд с манною, и жезл Ааронов процветший, и золотой жертвенник не для жертв и всесожжений, но для одного только фимиама. Во внешнюю часть позволялось входить всем, а во внутреннюю - одному первосвященнику. Об этом самом я опять представляю свидетельство Павла, который говорит: "**первый завет имел постановление о Богослужении и святилище земное**", - святилищем земным он называет внешнюю скинию, потому что туда позволялось входить всему миру, - "**ибо устроена была скиния первая, в которой был светильник, и трапеза, и предложение хлебов, и которая называется "святое". За второю же завесою была скиния, называемая "Святое святых", имевшая золотую кадильницу и обложенный со всех сторон золотом ковчег завета, где были золотой сосуд с манною, жезл Ааронов расцветший и скрижали завета, а над ним херувимы славы, осеняющие очистилище; о чем не нужно теперь говорить подробно. При таком устройстве, в первую скинию всегда входят священники совершать Богослужение; а во вторую - однажды в год один только первосвященник, не без крови, которую приносит за себя и за грехи неведения народа**" (Евр. 9:1-7). Видишь ли, что сюда входил один только первосвященник, и притом однажды в целый год?

4. Как же, скажут, это относится к настоящему дню? Подождите немного и не выражайте нетерпения. Мы раскрываем источник с самого начала и стараемся дойти до самой вершины, чтобы удобнее сделалось все для нас ясным; впрочем, дабы не слишком долго речь моя была прикровенною и, оставаясь неясною, не утомила вас своею продолжительностью, теперь скажу вам причину, почему я излагал все это. Какая же причина? В то время, как Елисавета уже шестой месяц носила во чреве Иоанна, зачала Мария. Итак, если мы узнаем, какой был этот шестой месяц, то узнаем, когда зачала

Мария; узнав затем, когда она зачала, узнаем, когда и родила, исчислив девять месяцев от зачатия.

Откуда же мы узнаем, какой был шестой месяц беременности Елисаветы? Если узнаем, какой был месяц, в который она зачала. Откуда же мы узнаем, какой был месяц, в который она зачала? Если узнаем, в какое время получил благую весть Захария, муж ее. А это самое откуда может быть нам известно? Из божественных Писаний, - святое Евангелие говорит, что Захарии, находившемуся внутри святого святых, ангел принес благую весть и предсказал ему о рождении Иоанна. Итак, если будет ясно показано из Писаний, что первосвященник входил во святое святых однажды и один, и в какое время и в какой месяц года совершалось это вхождение однажды, то известно будет время, в которое принесена была благая весть; а когда это будет ясно, то и начало зачатия будет всем известно. А что первосвященник входил однажды в год, это и Павел показал, и Моисей это же самое делает ясным, говоря так: "**и сказал Господь Моисею: скажи Аарону, брату твоему, чтоб он не во всякое время входил во святилище за завесу пред крышку, что на ковчеге, дабы ему не умереть**" (Лев. 16:2), и еще: "**ни один человек не должен быть в скинии собрания, когда входит он для очищения святилища, до самого выхода его. И так очистит он себя, дом свой и все общество Израилево. И выйдет он к жертвеннику, который пред лицем Господним**" (Лев. 16:17-18). Отсюда видно, что не во всякое время входил он во святое святых и, когда он находился внутри, никому не позволялось подходить, и надлежало стоять вне завесы. Но заметьте это тщательно, потому что остается показать, какое было время, в которое входил он во святое святых, делая это только однажды в год. Откуда это известно? Из той же самой книги. В ней так говорится: "**в седьмой месяц, в десятый [день] месяца смиряйте души ваши и никакого дела не делайте, ни туземец, ни пришлец, поселившийся между вами, ибо в сей день очищают вас, чтобы сделать вас чистыми от всех грехов ваших, чтобы вы были чисты пред лицем Господним; это суббота покоя для вас, смиряйте души ваши: это постановление вечное. Очищать же должен священник, который помазан и который посвящен, чтобы священнодействовать ему вместо отца своего: и наденет он льняные одежды, одежды священные, и очистит Святое-святых и скинию собрания, и жертвенник очистит, и священников и весь народ общества очистит. И да будет сие для вас вечным постановлением: очищать сынов Израилевых от всех грехов их однажды в году**" (Лев. 16:29-34). Здесь говорится о празднике кущей; тогда именно первосвященник входил однажды в год: это показал и сам Моисей, сказав: "**[очищать… их] однажды в году**".

5. Итак, если во время праздника кущей входил во святое святых один только первосвященник, то теперь мы докажем, что именно тогда явился ангел Захарии, когда он находился во святом святых, - потому что явился ему одному, когда он воскурял фимиам, а один первосвященник никогда не входил, как только в это время. Впрочем, ничто не препятствует выслушать самые слова (Писания). "**Во дни Ирода, царя Иудейского, был священник из Авиевой чреды, именем Захария, и жена его из рода Ааронова, имя ей Елисавета. Однажды, когда он в порядке своей чреды служил пред Богом, по жребию, как обыкновенно было у священников, досталось ему войти в храм Господень для каждения, а все множество народа молилось вне во время каждения**" (Лк.1:5,8-10). Припомни здесь, возлюбленный, то свидетельство, которое говорит: "**ни один человек не должен быть в скинии собрания, когда входит он для очищения святилища, до самого выхода его**" (Лев. 16:17). "**Явился ему Ангел Господень, стоя по правую сторону жертвенника кадильного**" (Лк. I, 11). Не сказал: алтаря жертвенного, но: "**жертвенника кадильного**", - потому что алтарь внешний был алтарем для жертв и всесожжений, а алтарь внутренний был алтарем кадильным. Так, и из этого, и из явления ему одному только, и из слов, что вне был народ, ожидавший его, очевидно, что он вошел

во святое святых. "**Захария, увидев его, смутился, и страх напал на него. Ангел же сказал ему: не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн. Между тем народ ожидал Захарию и дивился, что он медлит в храме. Он же, выйдя**"объяснялся с ними знаками "**и не мог говорить к ним**"

(Лук. 1:12, 13, 21, 22). Видишь ли, что он был внутри за завесою? Тогда и сообщена ему благая весть. А временем этого благовествования был праздник кущей и пост; таков именно смысл слов: "**смиряйте души ваши**" (Лев. 16:29). Этот праздник совершается у иудеев в последние дни месяца сентября, как и вы тому свидетели, потому что тогда мы много и долго говорили против иудеев, осуждая неуместный пост их. Тогда же и зачала Елисавета, жена Захарии, и "**таилась пять месяцев и говорила: так сотворил мне Господь во дни сии, в которые призрел на меня, чтобы снять с меня поношение между людьми**" (Лк. 1:24-25). Теперь благовременно показать, что на шестом месяце беременности ее Иоанном, Мария получает благую весть о зачатии. Гавриил пришел к ней и сказал: "**не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус**" (Лк. 1:30-31). Когда же она смутилась и пожелала узнать о способе (исполнения), то, отвечая, ангел изрек ей: "**Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим. Вот и Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц, ибо у Бога не останется бессильным никакое слово**" (Лк. 1:35-37). Итак, если Елисавета зачала в месяце сентябре, как показано, то надобно сосчитать следующие шесть месяцев; это будут: октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль, март.

Значит, после этого шестого месяца зачала Мария; сосчитав отсюда еще девять месяцев, мы и дойдем до настоящего месяца. Таким образом, первый месяц зачатия Господа есть апрель, затем май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь - настоящий месяц, в который мы празднуем этот день. Впрочем, чтобы сказанное было для вас еще более ясным, я опять кратко повторю то же самое вашей любви. Однажды в год входил один только первосвященник во святое святых. Когда это происходило? В месяце сентябре. Итак, тогда входил Захария во святое святых, тогда и сообщена ему благая весть об Иоанне. Посему, когда он удалился оттуда, то и зачала жена его. После же сентября, когда Елисавета была беременна шестой месяц, которым был март, зачала и Мария. Сосчитав с апреля девять месяцев, мы и дойдем до настоящего месяца, в который родился Господь наш Иисус Христос.

6. Вот касательно этого дня мы объяснили вам все; скажу еще об одном, и прекращу речь, предоставив сказать большее общему нашему учителю.

Так как многие из эллинов (т. е. язычников), слыша, что Бог родился во плоти, смеются с глумлением и многих из простецов беспокоят и смущают, то необходимо и к ним сказать нечто, а также и к смущающимся, чтобы никогда не приходили в беспокойство, убеждаемые безумными людьми, и не смущались от смеха неверных. И малые дети часто смеются, когда мы говорим о предметах серьезных и занимаемся вещами необходимыми, но смех (их) служит доказательством не ничтожности осмеиваемых предметов, а неразумия смеющихся. Так же можно сказать и об эллинах, что они, будучи в состоянии едва ли не большего неразумия, чем дети, глумятся над тем, что достойно трепета и может исполнить великим удивлением, а поистине смешное почитают и уважают. Впрочем, и наши предметы, осмеиваемые ими, остаются при своей почтенности, никакого не терпя ущерба для своей славы от их смеха; и их предметы, всячески украшаемые, выказывают собственное безобразие. Это ли не крайнее безумие, когда они сами, люди на каждом

шагу спотыкающиеся, вводя собственных богов и в камни, и в деревья, и в ничтожных истуканов, и заключая их как бы в темнице, думают, что они ни делают, ни говорят ничего постыдного, а нас осуждают, которые говорим, что Бог, устроив для себя Духом святым живой храм, чрез него оказал благодеяние вселенной? Что же в этом предосудительного? Если постыдно Богу обитать в человеческом теле, то гораздо более - в камне и дереве, и тем более, чем камень и дерево ниже человека, - если только не кажется им род наш ничтожнее этих бесчувственных вещей. Сами они дерзают низводить существо Божие до кошек и собак, а многие из еретиков - даже до животных еще худших, чем эти. Мы же ничего такого не говорим и никогда не потерпели бы слушать, но то утверждаем, что Христос воспринял от девического чрева плоть чистую, святую, непорочную и такую, которая явилась недоступною никакому греху, и восстановил собственное создание. Они и подобно им нечестиво поступающие манихеи, низводя существо Божие до собак, обезьян и различных зверей (так как они утверждают, что душа всех этих животных происходит из Его существа), не содрогаются и не прячутся от стыда; а о нас говорят, что мы утверждаем недостойное Бога, - тогда как не можем даже допустить в уме ничего подобного, но утверждаем то, что было прилично и подобало Ему, т. е. что Он, пришедши, восстановил Свое творение таким способом рождения. Что, скажи мне, говоришь ты, человек? Утверждая, что душа человекоубийц и волшебников - из существа Божия, ты осмеливаешься осуждать нас за то, что мы не только сами не допускаем и не можем слышать ничего подобного, но и утверждающих это считаем причастными нечестию, - и говорим, что Бог, устроив Себе святый храм, через него ввел небесный распорядок в нашу жизнь? И не достойны ли вы бесчисленных смертей и за обвинения, которыми осуждаете нас, и за нечестивые дела, в которых не перестаете нечествовать? Если непристойно Богу обитать в чистом и непорочном теле, как говорите вы, то гораздо непристойнее быть в теле волшебника, расхитителя могил, разбойника, обезьяны или собаки, а не в теле святом, непорочном и седящем ныне одесную Отца. Да и какой вред или какое осквернение может быть для Бога от такого домостроительства (нашего спасения)? Не видите ли вы это солнце, у которого тело чувственное и разрушимое, и скоропреходящее, хотя бы эллины и манихеи, слыша это, тысячекратно задыхались от досады? Не только оно, но и земля, и море, и все вообще видимые твари подверглись суете. Послушай, как Павел объясняет это, когда говорит: "**тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде**". Потом, объясняя, что значит "**покориться суете**", он продолжает, говоря: "**что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих**" (Рим. 8:20-21). Следовательно, теперь она скоро преходяща и тленна, потому что быть в "**рабстве тлению** значит не что иное, как быть тленною. Итак, если солнце, тленное тело, испускает повсюду лучи, касаясь грязи, нечистот и многих других подобных вещей, от прикосновения к этим телам нисколько не повреждается в чистоте своей, но опять собирает чистыми свои лучи, сообщая свои совершенства многим из воспринимающих его тел, само же не получая ни малейшего зловония и осквернения, - то гораздо более Солнце правды. Владыка бестелесных сил, войдя в чистую плоть, не только не осквернился, но и ее сделал еще более чистою и святою. Помышляя о всем этом и припоминая голос, говорящий: "**вселюсь в них и буду ходить [в них]**" (Лев. 26:12; 2 Кор. 6:16), и еще: "**вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас**" (1 Кор. 3:16), будем и мы говорить против тех и заградим постыдные уста нечестивых, а нашим благам будем радоваться и прославим воплотившегося Бога за такое снисхождение и по силам нашим окажем Ему достойную честь и воздаяние; а для Бога от нас никакого иного воздаяния быть не может, как только спасение нас и душ наших и попечение о добродетели.

7. Не будем же неблагодарными к Благодетелю, но станем все по силам нашим приносить все - веру, надежду, любовь, целомудрие, милосердие, страннолюбие. И к чему я прежде убеждал вас, к тому же и теперь, и всегда не перестану убеждать. К чему же именно?

Намереваясь приступить к страшной и божественной этой трапезе и священному тайнодействию, делайте это со страхом и трепетом, с чистою совестью, с постом и молитвою, без шума, не беспокоя и не толкая ближних, потому что служит знаком крайнего безумия и необыкновенного презрения и навлекает на поступающих так великое наказание и отмщение. Представь, человек, какой намереваешься ты касаться жертвы, к какой приступить трапезе; обрати внимание, что ты, земля и пепел, причащаешься крови и тела Христовых. Когда царь приглашает вас на пиршество, то вы возлежите со страхом и принимаете предлагаемые яства с почтением и спокойствием; а когда Бог приглашает к Своей трапезе и предлагает собственного Сына, когда ангельские силы предстоят со страхом и трепетом, херувимы закрывают лица свои и серафимы с трепетом взывают: свят, свят, свят Господь, - как ты, скажи мне, осмеливаешься кричать и с шумом приступать к этому духовному пиршеству? Разве ты не знаешь, что в это время душа должна быть полна глубокой тишины? Нужны великий мир и спокойствие, а не шум, гнев и смятение, так как это делает приступающую душу нечистою. Какое может быть прощение, если мы после столь многих грехов, даже и тогда, когда приступим к таинству, не очищаем себя от тех безумных страстей? Что вообще необходимее предлагаемого здесь, или что нас так смущает, чтобы мы, оставив духовное, устремились к плотскому? Нет, прошу и умоляю, не будем навлекать на себя гнев Божий. Предлагаемое здесь есть спасительное врачевство для наших ран, богатство неоскудевающее и доставляющее нам царство небесное. Будем же приступать с трепетом, благодарить, припадать, исповедуя прегрешения свои, проливать слезы, оплакивая свои бедствия, воссылать к Богу усердные молитвы, и таким образом, очищая себя, тихо и с надлежащим благочинием будем подходить, как приближающиеся к Царю небесному; приняв же непорочную и святую жертву, будем лобызать ее, обнимать ее глазами, согревать свой дух, чтобы наше собрание не послужило к суду или к осуждению нашему, но к целомудрию души, к любви, к добродетели, к примирению с Богом, прочному миру и к залогу бесчисленных благ, дабы нам и себя освятить, и ближним доставить назидание. Об этом я часто говорю и не перестану говорить. И что пользы - стекаться сюда напрасно и тщетно, не научаясь ничему полезному? И какое приобретение - всегда говорить вам в угоду? Настоящее время кратко, возлюбленные: будем же трезвиться, бодрствовать, воздерживаться, искренно оказывать всякое попечение о всех и богобоязненность во всем; нужно ли слушать божественные изречения, или молиться, или приступать (к таинству), или делать что-нибудь другое, пусть делается это со страхом и трепетом, чтобы нерадением не навлечь на себя проклятие, - ибо "**проклят**", говорит (пророк), "**всякий кто дело Господне делает небрежно**" (Иер. 48:10). Шум и гнев служат оскорблением предложенной жертвы. Крайнее небрежение - представлять себя Богу осквернённым. Послушай, что говорит об этом апостол: "**если кто разорит храм Божий, того покарает Бог**" (1 Кор. 3:17). Итак не будем возбуждать гнева Божия вместо примирения с Ним, но, оказывая все усердие и всю красоту и безмятежность души, будем приступать с молитвою и сокрушенным сердцем, дабы и этим самим умилостивив Владыку нашего Иисуса Христа, мы могли получить обетованные нам блага, благодатию и человеколюбием Самого Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Настоящая беседа произнесена была Златоустом, как полагают, 25 декабря 386 г. Так как обычай праздновать день Рождества Христова 25 декабря был новым в Антиохийской церкви - еще десяти лет не прошло с тех пор, как он был перенесен сюда с запада (раньше же в Антиохии как и вообще на востоке, Рождество Христово праздновалось в один день с

Богоявлением - 6 декабря), то среди Антиохийской паствы возникли споры по поводу нового праздника: одни признавали его, другие отвергали. Настоящею беседою св. Златоуст желает прекратить эти споры и приводит три доказательства в пользу того, что день Рождества Христова должен праздноваться 25 декабря.

СЛОВО

в день Богоявления,

против неприсутствующих в священных собраниях, и о святом спасительном крещении Спасителя нашего Иисуса Христа, и о недостойно причащающихся, и о том, что оставляющие божественную литургию прежде ее окончания и выходящие прежде заключительной молитвы уподобляются Иуде[1].

ВСЕ вы сегодня в радости, а я один только в печали. Когда я посмотрю на это духовное море и вижу несметное богатство церкви, и потом подумаю, что, по прошествии праздника, это множество, отхлынув, опять удалится от нас, то терзаюсь и скорблю душою о том, что церковь, родившая столько детей, может утешаться ими не в каждое собрание, но только в праздник. Какое было бы духовное веселье, какая радость, какая слава для Бога, какая польза для душ, если бы мы при каждом собрании видели ограды церкви так наполненными! Мореплаватели и кормчие делают все, как бы переплыть море и достигнуть пристани, а мы ревнуем о том, чтобы непрестанно носиться по морю, постоянно погружаться в волны житейских дел, обращаться на площадях и в судилищах, здесь же встречаться едва однажды или дважды в целый год.

Или вы не знаете, что Бог устроил церкви в городах, как пристани на море, дабы мы, прибегая сюда от бури житейских смятений, наслаждались величайшею тишиною? Подлинно, здесь не нужно бояться ни бурного движения волн, ни нападения разбойников, ни нашествия злодеев, ни силы ветров, ни засады зверей; это - пристань свободная от всего такого, это - духовная пристань душ. И вы сами свидетели сказанному. Если бы кто-нибудь из вас раскрыл теперь свою совесть, то нашел бы внутри себя великое спокойствие: ни гнев не волнует, ни похоть не воспламеняет, ни зависть не иссушает, ни гордость не надмевает, ни страсть тщеславия не снедает, но все эти звери укрощены, так как слушание божественных Писаний, как бы некоторая божественная чарующая песня, проникает чрез слух в душу каждого и усыпляет эти безумные страсти. Как же не жалеть о тех, которые, имея возможность наслаждаться таким любомудрием, не обращаются и не приходят постоянно к общей матери всех церкви? Какое мог бы ты указать мне занятие необходимее этого? Какое собрание полезнее? И что препятствует пребыванию здесь? Ты, конечно, скажешь мне, что бедность бывает для тебя препятствием участвовать в этом прекрасном собрании; но это - неосновательный предлог. Неделя имеет семь дней; эти семь дней Бог разделил с нами так, что Себе не взял больше, и нам не дал меньше, и даже не разделил их поровну - не взял Себе трех и не дал нам трех, но тебе отделил шесть дней, а для Себя оставил один. Ты же и в этот весь день не хочешь воздержаться от дел житейских, но как поступают святотатцы, так и ты осмеливаешься поступать с этим днем, похищая и употребляя его на житейские заботы, тогда как он освящен и назначен для слушания духовных поучений. Но что говорить о целом дне? Как поступила вдовица с милостынею (Мк. 12:42), так поступай и ты с временем этого дня: она положила две лепты, и приобрела великое благоволение от Бога, так и ты удели Богу два часа, и внесешь в дом свой прибыль бесчисленных дней. А если не воздержишься, то смотри, чтобы ты, не желая отрешиться от земных приобретений в течение малой части дня, не лишился трудов целых годов. Бог может, когда пренебрегают Им, уничтожить и собранные богатства, как Он, угрожая, говорил иудеям, когда они не радели о храме: "**и что принесете домой, то Я**

развею" (Агг. 1:9)[2]. Если ты приходишь к нам один раз или дважды в год, то, скажи мне, чему необходимому мы можем научить тебя - о душе, о теле, о бессмертии, о царстве небесном, о наказании, о геенне, о долготерпении Божием, о прощении, о покаянии, о крещении, об отпущении грехов, о тварях небесных и земных, о природе человеческой, об ангелах, о коварстве бесов, о кознях дьявола, о поведении, о догматах, о правой вере, об извращенных ересях? Это и гораздо больше этого должно знать христианину и о всем давать ответ спрашивающим вас. А вы не можете узнать и малейшей части этого, собираясь сюда однажды в год, и притом мимоходом и по обычаю праздника, а не по благочестивому душевному расположению, - ибо и то было бы хорошо, если бы кто, присутствуя здесь при каждом собрании, мог в точности удержать все это. Многие из вас, присутствующих здесь, имеете рабов и сыновей, и, когда намереваетесь отдать их учителям искусств, каких изберете, то вместе с тем делаете свой дом недоступным для них раз навсегда, и заготовив одежду и пищу и все прочее необходимое для них, помещаете их вместе с учителем, запрещая им ходить в ваш дом, дабы от постоянного пребывания там и неразвлекаемого никакими заботами занятия учение их было успешнее. Но имея научиться не обыкновенному искусству а, величайшему из всех, - как угодить Богу и достигнуть небесных благ, вы думаете, что можно сделать это мимоходом? Не безумно ли это? А что [эта] наука есть дело требующее великого внимания, послушай, что говорит [Христос]: "**научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем**" (Мф. 11:29); и опять пророк: "**придите, дети, послушайте меня: страху Господню научу вас**"

(Пс. 33:12); и еще: "**остановитесь и познайте, что Я - Бог**" (Пс. 45:11). Итак, много нужно [посвятить] времени для занятий тому, кто хочет усвоить себе это любомудрие.

2. Впрочем, чтобы нам не употребить всего времени на обличение отсутствующих, мы, удовольствовавшись тем, что сказано для исправления их нерадения, полюбомудрствуем теперь несколько о настоящем празднике. Многие празднуют праздники и с названиями их знакомы, но поводов, по которым они установлены, не знают. Так, о том, что настоящий праздник называется Богоявлением, всем известно; а какое это Богоявление, и одно ли оно или два, этого еще не знают; между тем крайне стыдно и весьма смешно - каждый год празднуя этот праздник, не знать повода, по которому он установлен. Поэтому прежде всего необходимо сказать вашей любви, что не одно Богоявление, но два: одно настоящее, которое уже произошло, а другое - будущее, которое произойдет со славою при кончине [мира]. О том и другом вы слышали сегодня от Павла, который, беседуя с Титом, говорит так о настоящем: "**Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке**"; а о будущем: "**ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа**"

(Тит. 2:11-13). И пророк об этом последнем сказал так: "**Солнце превратится во тьму и луна - в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и страшный**" (Иоил. 2:31). Почему же Богоявлением называется не тот день, в который Он родился, а тот, в который Он крестился? Настоящий день есть тот самый, в который Он крестился и освятил естество вод. Посему в этот праздник в полночь все, почерпнув воды, приносят ее домой и хранят во весь год, так как сегодня освящены воды; и происходит явное знамение: эта вода в существе своем не портится от продолжительности времени, но, почерпнутая сегодня, она целый год, а часто два и три года остается неповрежденною и свежею, и после столь долгого времени не уступает водам, только что взятым из источников. Почему же этот день называется Богоявлением? Потому, что Христос сделался известным для всех не тогда, когда Он родился, но когда Он крестился; до этого дня Он не был известен народу. А что народ не знал Его и не разумел, кто Он был, об этом

послушай Иоанна Крестителя, который говорит: "**стоит среди вас [Некто], Которого вы не знаете**" (Ин. 1: 26). И удивительно ли, что другие не знали Его, когда и сам Креститель не знал Его до того дня? "**И я**", говорит он, "**не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым**" (Ин. 1:33). Отсюда видно, что два Богоявления; а почему Христос приходит на крещение, об этом необходимо сказать, а также и о том, на какое Он приходит крещение, - и то и другое необходимо знать. И наперед надобно сказать вашей любви о последнем, так как из этого мы узнаем и первое. Было крещение иудейское, которое очищало телесные нечистоты, но не грехи совести. Так, кто совершал прелюбодеяние, или кто решался на воровство, или кто сделал какое-нибудь другое беззаконие, того оно не освобождало от вины. Но кто касался костей умершего, кто вкушал пищу, запрещенную законом, кто приходил из [места] заразы, кто обращался с прокаженными, тот омывался, и до вечера был нечист, а потом очищался. "**Тот должен вымыть одежды свои и омыться водою и нечист будет до вечера**"

Да омјет тело свое водою чистою, говорится в Писании, "**зайдет солнце и он очистится**" (Лев. 15:5, 22:7). Это не были в самом деле грехи или нечистоты, но так как иудеи были несовершенны, то Бог, делая их через это более благочестивыми, с самого начала приготовлял их к точнейшему соблюдению важнейшего.

3. Итак, иудейское очищение освобождало не от грехов, а только от телесных нечистот. Не таково наше: оно гораздо выше и исполнено великой благодати, потому что освобождает от грехов, очищает душу и подает дар Духа. И крещение Иоанново было гораздо выше иудейского, но ниже нашего; оно было как бы мостом между обоими крещениями, ведущим чрез себя от первого к последнему, так как понуждало их [иудеев] не к соблюдению телесных очищений, но вместо таковых увещевало и советовало переходить от порока к добродетели и надежду спасения полагать в совершении [добрых] дел, а не в разных омовениях и очищениях водою. [Иоанн] не говорил: вымой одежду твою, омой тело твое, и будешь чист; но что? "**Сотворите же достойный плод покаяния** " (Мф. 3:8). Потому именно оно было выше иудейского, но ниже нашего, что крещение Иоанново не сообщало Духа Святого и не доставляло благодатного прощения; оно повелевало каяться, но не было властно отпускать [грехи]. Поэтому [Иоанн] и говорил: "**я крещу вас в воде в покаяние, Он будет крестить вас Духом Святым и огнем**"

(Мф. 3:11). Очевидно, что Он не крестил Духом. Что же значит: "**Духом Святым и огнем**"? Вспомни тот день, в который апостолам "**явились разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них**" (Деян. 2:3). А что крещение Иоанново было несовершенно, не сообщало Духа и отпущения грехов, видно из следующего: Павел, "**найдя [там] некоторых учеников, сказал им: приняли ли вы Святаго Духа, уверовав? Они же сказали ему: мы даже и не слыхали, есть ли Дух Святый. Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния**" - покаяния, не отпущения грехов; для чего же Он крестил? "**Говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса. Услышав это, они крестились во имя Господа Иисуса, и, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святый**" (Деян. 19:1-6). Видишь ли, как несовершенно было крещение Иоанново? Если бы оно не было несовершенно, то Павел не крестил бы их снова, не возлагал бы на них рук; исполнив же то и другое, он показал превосходство апостольского крещения, и то, что крещение Иоанново гораздо ниже его. Но из этого мы узнали различие крещений; теперь необходимо сказать, для чего Христос крестился и каким крещением. Ни прежним - иудейским, ни последующим - нашим, потому что Он не имел нужды в отпущении грехов; да и как может нуждаться в этом Тот, Кто не имеет никакого греха? "**Он не сделал**",

говорится в Писании, "**никакого греха, и не было лести в устах Его**" (1 Петр. 2:22); и еще: "**кто из вас обличит Меня в неправде?**" (Ин. 8:46)? И Духу не была непричастна плоть Его; да и как могло быть иначе, когда она вначале была произведена Духом Святым? Итак, если и плоть Его не была непричастна Духу Святому, и Он не был подвержен грехам, то для чего Он крестился? Но прежде нам нужно узнать, каким Он крестился крещением, тогда и то будет ясным для нас. Каким же крещением Он крестился? Не иудейским, и не нашим, но Иоанновым. Для чего? Для того, чтобы ты из самого свойства крещения познал, что Он крестился не по причине греха и не потому, что имел нужду в даре Духа; как мы показали, это крещение было чуждо того и другого. Отсюда видно, что Он приходил на Иордан не для отпущения грехов, и не для получения дара Духа. Но чтобы кто-нибудь из присутствовавших тогда не подумал, что Он приходил для покаяния, подобно прочим, послушай, как Иоанн предупредил и это. Тогда как другим он говорил: "**сотворите же достойный плод покаяния** " (Мф. 3:8), послушай, что он говорит Ему: "**мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?**" (Мф. 3:14)? Этими словами он показал, что Христос приходил к нему не по той же нужде, по которой приходил народ, и что Он тем более далек был от нужды - креститься по той же причине, что был гораздо выше и несравненно чище и самого Крестителя. Для чего же Он крестился, если сделал это ни для покаяния, ни для отпущения грехов, ни для получения дара Духа? По другим двум причинам, из которых об одной говорит ученик, а о другой Он Сам сказал Иоанну. Итак, какую же причину этого крещения высказал Иоанн? Ту, чтобы Христос стал известным народу, как и Павел говорил: "**Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем**" (Деян. 19:4); это было завершением крещения. Если бы обходить жилище каждого и, подойдя к дверям, вызывать на улицу и, держа Христа, говорить: это есть Сын Божий, то это делало бы свидетельство подозрительным и было бы весьма затруднительно; также, если бы, взяв Христа, войти в синагогу и показать Его, то и это самое опять сделало бы свидетельство подозрительным; но когда весь народ стекся из всех городов к Иордану и пребывал на берегах реки, то уже то обстоятельство, что и Сам Он пришел креститься и получил удостоверение свыше голосом Отца и наитием Духа в виде голубя, делало свидетельство о Нем Иоанна несомненным. Поэтому он и говорит: " **я не знал Его**", представляя свидетельство свое достоверным (Ин. 1:31), так как они были по плоти родственниками между собою ["**Вот и Елисавета, родственница Твоя, и она зачала сына**" - говорил ангел Марии о матери Иоанна (Лк. 1:36); если же матери были в родстве, то, очевидно, и дети]. Итак, поскольку они были родственниками, то, дабы не показалось, будто Иоанн свидетельствует о Христе по родству, благодать Духа устроила так, что Иоанн провел весь ранний свой возраст в пустыне, дабы не показалось, будто свидетельство высказывается по дружбе или по какому-нибудь подобному предвзятому основанию; но Иоанн, как был научен от Бога, так и возвестил о Нем. Вот он и говорит: " **я не знал Его**". Откуда же ты узнал? "**Пославший меня**"

, говорит, "**крестить в воде сказал мне**". Что Он сказал тебе? "**На Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым**" (Ин. 1:33). Видишь ли, что Дух Святый снисшел не так, как в первый раз нисшел на Него, но дабы показать проповеданного, наитием Своим, как бы перстом, указуя Его всем? По этой причине Он пришел на крещение. Была и другая причина, о которой Он Сам говорит; какая же именно? Когда Иоанн сказал: "**мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?**", - то Он отвечал так: "**оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду**" (Мф. 3:14-15). Видишь ли благоразумие раба? Видишь ли смирение Владыки? Что же значит: "**исполнить всякую правду**"? "**Правдою**" называется исполнение всех заповедей, как говорится: "**Оба они**

были праведны пред Богом, поступая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно" (Лк. 1:6). Так как исполнять эту правду должны были все люди, но никто из них не соблюл и не исполнил ее, то Христос, приходя, исполняет эту правду.

4. А какая, скажет кто-нибудь, правда в том, чтобы креститься? Повиновение пророку было правдою. Как Христос обрезался, принес жертву, хранил субботы и соблюдал иудейские праздники, так присоединил и это остальное - повиновался крестившему пророку. Воля Божия была, чтобы тогда все крестились, о чем, послушай, как говорит Иоанн: "**пославший меня крестить в воде**" (Ин. 1:33); также и Христос: "**И весь народ, слушавший [Его], и мытари воздали славу Богу, крестившись крещением Иоанновым; а фарисеи и законники отвергли волю Божию о себе, не крестившись от него**" (Лк. 7:29-30). Итак, если повиновение Богу составляет правду, а Бог послал Иоанна, чтобы крестить народ, то Христос [вместе] со всем другим, что требуется законом, исполнил и это. Представь себе, что заповеди закона суть двести динариев; этот долг должен был уплатить род наш; но мы не уплатили, и нас, подпавших такой вине, объяла смерть. Христос, пришедши и найдя нас одержимыми ею, уплатил этот долг, исполнил должное и исхитил [от нее] тех, которые не могли уплатить. Посему Он не сказал: нам должно сделать то и то, но: "**исполнить всякую правду**". Мне, Владыке имеющему, говорит Он, надлежит уплатить за неимеющих. Такова причина Его крещения, чтобы видели, что Он исполнил весь закон; и эта причина, и та, о которой сказано прежде. Поэтому и Дух нисшел в виде голубя: где примирение с Богом, там и голубь. Так и в ковчег Ноев голубь принес масличную ветвь - знак человеколюбия Божия и прекращения бедствия; и теперь в виде голубя, а не в телесном виде (это особенно должно заметить), нисходит Дух, возвещая вселенной милость Божию и вместе показывая, что духовный человек должен быть незлобив, прост и невинен, как и Христос говорит: "**если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное**" (Мф. 18:3). Но тот ковчег, по прекращении бедствия, остался на земле; а этот ковчег, по прекращении гнева, взят на небо, и ныне это непорочное и нетленное Тело находится одесную Отца.

Но так как я упомянул о Теле Господнем, то необходимо сказать вам немного и об этом, и потом окончить речь. Я знаю, что многие у нас приступят к этой священной трапезе по случаю праздника. Итак должно, как я часто и прежде говорил, не праздники наблюдать, чтобы приобщаться, а очищать совесть, и тогда касаться священной жертвы. Преступный и нечистый не имеет права и в праздник причащаться этой святой и страшной плоти; а чистый и омывший свои погрешения искренним покаянием в праве и в праздник и во всякое время причащаться божественных тайн и достоин наслаждаться божественными дарами. Но поскольку, не знаю почему, некоторые не обращают на это внимание, и многие, исполненные бесчисленных грехов, видя наступивший праздник, как будто побуждаясь самим этим днем, приступают к святым тайнам, на которые и смотреть не должно находящимся в таком состоянии, то тех, которые известны нам, мы сами непременно удалим, а неизвестных нам, предоставим Богу, знающему тайны помышлений каждого; теперь же постараемся исправить то, в чем все явно согрешают. В чем же состоит этот грех? В том, что приступают не с трепетом, но с давкою, ударяя других, пылая гневом, крича, злословя, толкая ближних, полные смятения. Об этом я часто говорил и не перестану говорить. Не видите ли, какое бывает благочиние на олимпийских играх, когда распорядитель проходит по площади, с венцом на голове, одетый в длинную одежду, держа в руке жезл, а глашатай объявляет, чтобы было тихо и благопристойно? Не нелепо ли, что там, где торжествует дьявол, бывает такое спокойствие, а там, где призывает к Себе Христос, бывает великий шум? На площади безмолвие, а в церкви крик? На море тишина, а в пристани волнение? К чему ты, скажи мне, беспокоишься, человек? Что гонит тебя? Необходимые дела, конечно, призывают тебя? В этот час ты особенно сознаешь, что у тебя есть дела, особенно помнишь, что ты находишься на земле, и

думаешь, что обращаешься с людьми? Но не каменной ли душе свойственно думать, что в такое время ты стоишь на земле, а не ликуешь с ангелами, с которыми ты воссылаешь таинственное песнопение, с которыми ты возносишь победную песнь Богу? Для того Христос и назвал нас ордами, сказав: "**где будет труп, там соберутся орлы**" (Мф. 24:28), чтобы мы восходили на небо, чтобы парили в высоте, возносясь на крыльях духа; а мы, подобно змеям, пресмыкаемся во прахе и едим землю. Хотите ли, я скажу, отчего бывает этот шум и крик? Оттого, что мы не на все время запираем для вас двери, но позволяем прежде последнего благодарения стремительно выходить и уходить домой. Это и само по себе выражает великое пренебрежение. Что делаешь ты, человек? Когда присутствует Христос, предстоят ангелы, предлежит эта страшная трапеза, и братья твои еще участвуют в таинствах, сам ты, оставив все, убегаешь? Быв приглашен на обед, ты, хотя бы и прежде других насытился, не осмеливаешься выходить прежде друзей, когда другие возлежат еще; а здесь, когда еще совершаются страшные таинства Христовы, когда еще продолжается священнодействие, ты в самой средине составляешь все и выходишь? И где это может быть достойно прощения? Какое может быть оправдание? Хотите ли, я скажу, чье дело делают те, которые уходят прежде окончания и не совершив благодарственных песнопений по окончании трапезы? Может быть, покажется жестоким то, что будет сказано, однако необходимо сказать по причине нерадения многих. Иуда, приобщившись последней вечери в ту последнюю ночь, поспешно вышел, тогда как все прочие еще возлежали. Вот кому подражают и те, которые спешат прежде последнего благодарения! Если бы он не вышел, то не сделался бы предателем; если бы не оставил соучеников, то не погиб бы; если бы не отторгнул себя от стада, то волк не захватил бы его одного и не пожрал бы; если бы не отделил себя от пастыря, то не сделался бы добычею зверя. Посему он был с иудеями, а те с Господом вышли, воспевая. Видишь ли, по какому образцу совершается последняя молитва после жертвоприношения? Будем же, возлюбленные, представлять себе это, будем помышлять об этом, страшась предстоящего за то осуждения. Он [Христос] дает тебе Свою плоть, а ты не воздаешь Ему даже словами, и не благодаришь за полученное? Когда ты вкушаешь телесную пищу, то после трапезы обращаешься к молитве; а когда приобщаешься пищи духовной и превосходящей всякую тварь, видимую и невидимую, ты, человек и уничиженный по естеству, не остаешься благодарить Его словами и делами? Не достойно ли это крайнего наказания? Говорю это не для того, чтобы вы только хвалили меня, или шумели и кричали, но чтобы вы, благовременно вспоминая эти слова, показывали надлежащее благочиние. Таинства и называются и суть таинства; а где таинства, там великое молчание. Итак, будем приступать к этой священной жертве с глубоким молчанием, с великим благочинием, с надлежащим благоговением, чтобы нам заслужить большее благоволение у Бога, очистить свою душу и достигнуть вечных благ, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, и держава, и поклонение ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Беседа произнесена, как с вероятностью можно думать, в 387 г. в праздник Богоявления: следовательно, спустя несколько дней после предшествующей беседы - в день Рождества Христова.

[2] Так у Златоуста, в славянской же Библии: „**что принесете в храм, то Я развею**".

О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ ИУДЫ

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

О предательстве Иуды и о Пасхе, о преподании таин, а также и о непамятозлобии. (Сказана) в Святой и великий четверток [1].

НЕМНОГО нужно сегодня сказать вашей любви; немного нужно сказать не потому, чтобы вы тяготились множеством проповедуемого, — невозможно найти другой город, который был бы так любовно расположен к слушанию духовных бесед. Итак, не потому мы скажем немного, что мы надоедаем вам множеством проповедуемого, но потому, что сегодня есть важная причина к сокращению речи: я вижу, что многие из верующих поспешают к приобщению страшных тайн. Поэтому, дабы они не лишились и этой трапезы, и не остались без той, необходимо пищу распределить соразмерно, чтобы и с той и с другой стороны вам была польза и чтобы вы отошли, снабженные в путь этой трапезой и нашими беседами, и приступили к страшному и ужасному приобщению со страхом, трепетом и надлежащим благоговением.

Сегодня, возлюбленные, Господь наш Иисус Христос был предан; в этот наступающий вечер иудеи взяли Его и пошли. Но не предавайся унынию, услышав, что Иисус был предан; или лучше, предайся унынию и плачь горько, но не о преданном Иисусе, а о предателе Иуде, потому что преданный спас вселенную, а предавший погубил свою душу; преданный сидит ныне одесную Отца на небесах, а предавший находится ныне в аду, ожидая неизбежного наказания. О нем плачь и воздыхай, о нем скорби, как и Владыка наш плакал о нем. Увидев его, говорится [в Писании], "**возмутился духом, и сказал: один из вас предаст Меня**" (Иоан. 13:21). О, сколь велико милосердие Владыки: преданный скорбит о предавшем! Увидев его, говорит [евангелист], "**возмутился духом, и сказал: один из вас предаст Меня**". Для чего Он опечалился? Для того, чтобы показать любовь Свою и вместе научить нас, что не того, кто терпит зло, а того, кто причиняет зло, нужно постоянно оплакивать. Последнее хуже первого, или лучше сказать, первое, т. е. терпеть зло, не есть зло, а причинять зло есть зло. Терпеть зло, — это доставляет царство небесное; а причинять зло, — это подвергает нас геенне и наказанию. "**Блаженны**", говорит Господь, "**изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное**" (Матф. 5:10). Видишь ли, как претерпевающий зло получает награду и воздаяние — царство небесное? Послушай, как причиняющий зло подвергается наказанию и отмщению. Павел, сказав об иудеях, что они "**убили и Господа Иисуса и Его пророков изгнали**" (1 Фессал. 2:15), присовокупил: "**но конец их будет по делам их**" (2 Кор. 11:15). Видишь ли, как гонимые получают царство, а гонящие наследуют гнев [Божий]? Это сказано мной теперь не без цели, а для того, чтобы мы не гневались на врагов, но жалели их, оплакивали их и сострадали им: они-то именно и терпят зло, враждуя против нас. Если мы так настроим душу свою, то в состоянии будем и молиться за них. Для того я и беседую с вами уже четвертый день о молитве за врагов, чтобы это слово наставления было твердо усвоено, укоренившись в вас от непрестанного внушения. Для того я непрестанно и изливаюсь в словах, чтобы опала опухоль гнева и утихло воспаление, так чтобы приступающий к молитве чист был от гнева. Христос заповедал это не только для врагов, но и для нас, прощающих им грехи, так как ты сам больше приобретаешь, чем даешь, прекращая гнев на врага. Как же, скажешь, я больше приобретаю? Если ты простишь грехи врагу, то тебе будут прощены твои прегрешения против Владыки. Эти неисцелимы и непростительны, а для тех есть великое облегчение и прощение. Послушай, как Илий говорил сыновьям своим: "**если согрешит человек против человека, то помолятся о нем Богу; если же человек согрешит против Господа, то кто будет ходатаем о нем**" (1 Цар. 2:25)? Таким образом, эта рана не легко исцеляется и молитвой; но, не исцеляясь молитвой, она исцеляется прощением грехов ближнему. Поэтому грехи в отношении к Владыке Христос

назвал тысячами талантов, а грехи в отношении к ближнему — сотней динариев (Матф. 18:23-35). Прости же сто динариев, чтобы тебе были прощены тысячи талантов.

2. Впрочем, о молитве за врагов довольно сказано; возвратимся, если угодно, к речи о предательстве и посмотрим, как предан был Господь наш. "**Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его**" (Матф. 26:14-15)? Эти слова, по-видимому, ясны и ничего более в них не подразумевается; но если кто тщательно исследует каждое из этих слов, то найдет в них много предметов для размышления и великую глубину мыслей. И, во-первых - время; не напрасно Евангелист означает его, не просто сказал он: "**пошел**", но прибавил: "**тогда пошел**". "**Тогда**"; скажи мне: когда? И для чего он означает время? Чему он хочет научить меня? Не без цели сказано это: "**тогда**", — говорящий Духом не говорит напрасно и без цели. Что же значит это "**тогда**"? Перед тем самым временем, перед тем самым часом приходила блудница, "**с алавастровым сосудом мира**", и возлила этот елей на главу Господа (Матф. 26:7). Она показала великую услужливость, показала великую веру, великое послушание и благоговение; изменила прежнюю жизнь, сделалась лучше и целомудреннее. Но когда блудница раскаялась, когда она снискала себе благоволение Владыки, тогда ученик предал Учителя. Для того и сказано: "**тогда**", чтобы ты не обвинял Учителя в немощи, когда увидишь, что ученик предает Учителя. Сила Учителя была такова, что она привлекала и блудниц к повиновению Ему.

Почему же, скажешь, обращавший блудниц не в силах был привлечь к себе ученика? Он в силах был привлечь к себе ученика, но не хотел сделать его добрым по необходимости и привлечь к Себе насильно. "**Тогда пошел**". Немаловажный предмет для размышления заключается и в этом слове: "**пошел**"; не быв призван первосвященниками, не быв принужден необходимостью или силой, но сам по себе и от себя он произвел коварство и предпринял такое намерение, не имея никого сообщником этого нечестия. "**Тогда пошел один из двенадцати**". Что значит: "**один из двенадцати**"? И в этих словах: "**один из двенадцати**" выражается величайшее против него осуждение. У Иисуса были и другие ученики, числом семьдесят; но те занимали второе место, не пользовались такой честью, не имели такого дерзновения, не участвовали в стольких тайнах, как двенадцать учеников. Эти были особенно отличены и составляли хор около Царя; это было приближенное общество Учителя; и отсюда ниспал Иуда. Итак, дабы ты знал, что не простой ученик предал Его, но один из высшего разряда, для этого и говорит евангелист: "**один из двенадцати**". И не стыдился написать это святой Матфей. Для чего не стыдился? Для того, чтобы ты знал, что евангелисты всегда во всем говорят истину, и ничего не скрывают, даже и того что кажется унизительным, потому что и это, по-видимому, унизительное, показывает человеколюбие Владыки: предателя, разбойника, вора Он удостоил таких благ и до последнего часа терпел его, вразумлял, увещевал и всячески оказывал попечение о нем. Если же он не внимал, то виной не Господь; свидетельница этому — блудница, она была внимательна к самой себе — и спаслась. Итак, не отчаивайся, взирая на блудницу; и не будь самонадеян, взирая на Иуду. То и другое гибельно, и самонадеянность и отчаяние; самонадеянность стоящего заставляет падать, а отчаяние лежащему не позволяет встать. Поэтому и Павел увещевал так: "**кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть**" (1 Кор. 10:12). Ты имеешь примеры того и другого — как ученик, казавшийся стоящим, пал, и как блудница павшая восстала. Склонен к падению наш ум, удобопреклонна воля; поэтому нам нужно со всех сторон оберегать и ограждать себя. "**Тогда пошел один из двенадцати, называемый Иуда Искариот**". Видишь ли, из какого хора ниспал он? Видишь ли, каким учением пренебрег он? Видишь ли, какое зло — беспечность и нерадение? "**Называемый Иуда Искариот**". Для чего ты мне называешь его город? О, если бы мне не знать его! "**Называемый Иуда Искариот**". Для чего же ты называешь его город? Был другой ученик — Иуда, называемый Зилотом

(ревнителем). Чтобы от одинаковости имени не произошло какой-нибудь ошибки, евангелист и отличил того от этого; этого назвал по доброму качеству его: "**Иуда Зилот**", а того не назвал по злому его качеству — не сказал: "**Иуда предатель**". Хотя следовало бы, как этого назвал он по доброму качеству, так и того назвать по злому качеству и сказать: "**Иуда предатель**"; но, дабы научить тебя соблюдать язык свой чистым от осуждения, он щадит и самого предателя. "**Пошел**", говорит, "**один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его**"*?* О, нечестивые эти слова! Как они исторглись из уст, как подвинулся язык? Как не оцепенело все тело? Как не омрачился ум?

3. "**Что вы дадите мне, и я вам предам Его**"? Этому ли, скажи мне, научил тебя Христос? Не поэтому ли говорил Он: "**не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои**" (Матф. 10:9), заранее сдерживая твою склонность к сребролюбию? Не к этому ли убеждал Он постоянно, и вместе с тем говорил: "**но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую**" (Матф. 5:39)? "**Что вы дадите мне, и я вам предам Его**"? О, безумие! За что? скажи мне. В чем малом или великом имея обвинить (Его), ты предаешь Учителя? За то, что Он тебе дал власть над демонами? За то, что дал силу исцелять болезни, очищать прокаженных? За то, что дал силу воскрешать мертвых, что поставил господином над властью смерти? За эти благодеяния даешь ты такую оплату? "**Что вы дадите мне, и я вам предам Его**"? О, безумие, или лучше, сребролюбие! Оно породило все это зло; им увлеченный, он предал Учителя. Таков этот злой корень; он хуже беса приводит в неистовство души, которыми овладевает, производит в них забвение обо всем — и о себе, и о ближних, и о законах природы, лишает самого смысла и делает безумными. Смотри, сколько вещей он изгладил из души Иуды: сообщество [с Иисусом Христом], приязнь, общение в трапезе, чудеса, учение, увещание, наставление; все это тогда сребролюбие ввергло в забвение. Поэтому справедливо Павел говорил: "**корень всех зол есть сребролюбие**" (1 Тим. 6:10). "**Что вы дадите мне, и я вам предам Его**"? Велико безумие этих слов. Неужели, скажи мне, можешь предать Того, Кто держит все, владычествует над бесами, повелевает морем, есть Владыка всей природы? И дабы укротить его безумие и показать, что, если бы Сам Он не хотел, то не был бы предан, послушай, что делает [Господь]. В самое время предательства, когда вышли на него "**с фонарями и светильниками и оружием**", Он говорит им: "**кого ищете**" (Иоан. 18:3-4)? Они не знали Того, Кого намеревались взять. Так далек был Иуда от возможности предать Его, что даже не видел присутствия Того, Кого намеревался предать, тогда как были светильники и столько света. На это дал указание и евангелист, сказав: они имели "**фонари и светильники**", и не видели Его.

Каждый день Господь напоминал ему и делами и словами, внушая, что предатель не скроется [от Него]; не явно обличал его перед всеми, чтобы он не сделался более бесстыдным, и не молчал, чтобы он, думая, что скрыт, не приступил к предательству без страха, но часто говорил: "**один из вас предаст Меня**" (Иоан. 13:21), — впрочем, не делал его известным. Много говорил Он и о геенне, много и о царстве, и в том и другом показывал Свою силу, и в наказании грешников и в награждении добродетельных. Но все это Иуда отверг, а Бог не влек его силой. Так как Бог создал нас господами в выборе и худых и добрых дел, и желал, чтобы мы были добрыми по своей воле, Он не принуждает и не заставляет, если мы не хотим, потому что быть добрым по принуждению не значить быть добрым. Поэтому, так как и (Иуда) был господином своих помыслов и в его власти было не повиноваться им и не склоняться к сребролюбию, то он, очевидно, сам ослепил свой ум и отказался от собственного спасения: "**что вы мне**", говорит, "**дадите, и я вам предам Его**"? Обличая слепоту ума его и безумие его, евангелист говорит, что во время прибытия их стоял близ них Иуда, сказавший: "**что вы дадите мне, и я вам предам Его**"? И не из этого только можно видеть силу Христову, но и из того, что по произнесении Им

простого слова они отступили и пали на землю. Но так как они и после этого не оставили бесстыдства, то Он, наконец, предает Себя, как бы так говоря: Я сделал все со Своей стороны, явил силу Свою, показал, что вы предпринимаете невозможное дело; Я хотел обуздать злобу вашу; но так как вы не захотели этого, а остались при своем безумии, то, вот, Я предаю Себя. Это сказано мной для того, чтобы кто-нибудь не стал осуждать Христа, говоря: почему Он не изменил Иуду? Почему не сделал его благоразумным и добрым? Как следовало сделать его добрым? По принуждению, или по воле? Если — по принуждению, то, таким образом, он не мог сделаться лучшим, потому что никто не может быть добрым по принуждению; если же — по воле и свободному решению, то Он [Христос] употребил все меры, которые могли испытывать волю и намерение. А если тот не хотел принять врачевство, то это вина не врача, а отвергшего врачевание. Посмотри, сколько сделал Христос, чтобы склонить его на свою сторону и спасти его: научил его всякому любомудрию и делами и словами, поставил его выше бесов, сделал способным совершать многие чудеса, устрашал угрозой геенны, вразумлял обетованием царства, постоянно обличал тайные его помышления, но обличая не выставлял на вид всем, омыл ноги его вместе с прочими [учениками], сделал участником Своей вечери и трапезы, не опустил ничего — ни малого, ни великого; но он добровольно остался неисправимым. А чтобы тебе убедиться, что он, имея возможность измениться, не хотел, и все произошло от его беспечности, послушай. Предав Христа, он бросил тридцать сребреников и сказал: "**согрешил я, предав кровь невинную**" (Матф. 27:4). Что это? Когда ты видел Его совершающим чудеса, то не говорил: "**согрешил я, предав кровь невинную**", но: "**что вы дадите мне, и я вам предам Его**"? А когда зло преуспело и предательство достигло исполнения, и грех совершен, тогда ты сознал этот грех? Чему же мы научаемся отсюда? Тому, что, когда мы предаемся беспечности, то и увещание не приносит нам пользы; а когда бываем внимательны, то и сами собой можем восстать. Так и он: когда Учитель увещевал его, — не слушал; а когда никто не увещевал, то собственная совесть его пробудилась, и без всякого учителя он переменился, осудил то, на что дерзнул, и бросил тридцать сребреников. "**Что вы дадите мне, и я вам предам Его**"? ″**Они предложили**", говорит евангелист, "**ему тридцать сребреников**" (Матф. 26:15); предложили цену за кровь, не имеющую цены. Для чего ты, Иуда, принимаешь тридцать сребреников? Христос пришел даром пролить эту кровь за вселенную; а ты о ней делаешь бесстыдные договоры и условия. И, в самом деле, что может быть бесстыднее такого договора?

4. "**Тогда приступили ученики**" (Матф. 26:17). Тогда; когда? Когда то произошло, когда предательство совершилось, когда Иуда погубил себя, тогда "**приступили ученики к Иисусу и сказали Ему: где велишь нам приготовить Тебе пасху**"? Видишь ли ученика? Видишь ли [прочих] учеников? Тот предает Владыку, а эти заботятся о пасхе; тот заключает условия, а эти предлагают услугу. Тот и эти пользовались одинаковыми чудесами, одинаковыми наставлениями, одинаковой властью; откуда же такая перемена? От воли; она всегда бывает причиной всех благ и зол. "**Где велишь нам приготовить Тебе пасху**"? Это было в нынешний вечер; Владыка не имел дома, и поэтому они говорят Ему: "**где велишь нам приготовить Тебе пасху**"? Мы не имеем определенного пристанища, не имеем ни шатра, ни дома. Пусть узнают живущие в великолепных домах, в широких портиках, в пространных оградах, что Христос не имел, где приклонить главу. Вот [ученики] и спрашивают: "**где велишь нам приготовить Тебе пасху**"? Какую пасху? Не эту — нашу, а пока иудейскую; ту именно приготовили ученики, а эту нашу — Он Сам приготовил, и не только Сам приготовил ее, но и Сам же Он стал пасхой. "**Где велишь нам приготовить Тебе пасху**"? Это была иудейская пасха, та, которая получила начало в Египте. Для чего же Христос вкушал ее? Для того чтобы исполнить все, требуемое законом. Он когда и крестился, говорил: "**так надлежит нам исполнить всякую правду**" (Матф. 3:15); Я пришел искупить человека от клятвы закона; ибо "**Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы**

искупить подзаконных", и прекратит самый закон (Гал. 4:4-5). Дабы кто-нибудь не сказал, что Он потому уничтожил закон, что не мог исполнить его, как тяжкий, трудный и неудобоисполнимый, — Он сначала исполнил его весь, а потом и отметил. Потому Он совершил и пасху, что пасха была предписана законом. А для чего закон предписал вкушать пасху? Иудеи были неблагодарны к своему Благодетелю и тотчас после благодеяний забывали о повелении Божьем. Так, когда они вышли из Египта, то, даже видев море, разделившееся и опять соединившееся, и другие бесчисленные чудеса, говорили: "**сделай нам бога, который бы шел перед нами**" (Исх. 32:1). Что говоришь ты? Чудеса еще перед тобой, а ты уже забыл о Благодетеле? И вот, так как они были столь бесчувственны и неблагодарны, то с учреждением праздников Бог связал воспоминание о дарах Его; поэтому Он повелел закалать и пасху, дабы, когда спросит тебя, говорит Он, сын твой: что означает эта пасха? — ты говорил, что наши предки в Египте помазали некогда двери кровью овцы, чтобы губитель, пришедши и увидев, не дерзнул входить и не наносил удара (Исх. 12:27-28). Таким образом, потом этот праздник стал постоянным напоминанием о спасении. И не только ту пользу получали они, что он напоминал им о древних благодеяниях, но и другую, большую, оттого, что он прообразовал будущее. Тот агнец был образом другого Агнца - духовного, овца - Овцы; то была тень, а это — истина. Когда же явилось Солнце правды, тогда тень, наконец, исчезла, так как при восходе солнца тень скрывается. Поэтому на самой этой трапезе совершается та и другая пасха, — и преобразовательная, и истинная. Как живописцы на одной и той же доске проводят черты и изображают тень и потом накладывают на нее истинные краски, так поступил и Христос: на одной и той же трапезе Он и преднаписал преобразовательную пасху, и присоединил истинную. "**Где велишь нам приготовить Тебе пасху**"? Тогда была пасха иудейская; но когда взошло солнце, то светильник пусть уже не является; когда наступила истина, то тень пусть уже исчезнет.

5. Говорю это к иудеям, так как они мнят, что совершают пасху, и, необрезанные сердцами, с бесстыдным намерением предлагают опресноки. Как, скажи мне, иудей, ты совершаешь пасху? Храм разрушен, жертвенник уничтожен, святое святых попрано, всякого рода жертвы прекращены; для чего же ты дерзаешь совершать эти беззаконные дела? Ты отошел некогда в Вавилон, и там говорили пленившие тебя: "**пропойте нам из песней Сионских**" (Псал. 136:3); но ты не согласился. Это выразил Давид, сказав "**при реках Вавилона, там сидели мы и плакали: на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы**" (Псал. 136:1-2), т. е. псалтирь, цитру, лиру и прочее, так как их употребляли они в древности и посредством их пели псалмы. Отправившись в плен, они взяли их с собой, чтобы иметь напоминание о жизни в отечестве, а не для того, чтобы употреблять их. "**Там**", говорит, "**пленившие нас требовали от нас слов песней**"; а мы сказали: "**как нам петь песнь Господню на земле чужой**" (Псал. 136:3-4)? Что говоришь ты? Песнь Господню ты не поешь на земле чужой, а пасху Господню совершаешь на земле чужой? Видишь ли неблагодарность? Видишь ли беззаконие? Когда враги принуждали их, то они не смели даже сказать псалма на земле чужой; а теперь сами от себя, в то время как никто не принуждает и не заставляет их, воздвигают войну против Бога. Видишь ли, как нечисты опресноки, как беззаконен их праздник, как уже не существует пасха иудейская? Была некогда пасха иудейская, но теперь отменена, и наступила пасха духовная, которую преподал тогда Христос. Когда они [ученики] ели и пили, то Он, говорится [в Евангелии], "**взял хлеб, преломил и сказал: примите, ешьте: сие есть Тело Мое, за вас ломимое во оставление грехов**" (Матф. 26:26). Посвященные в тайны разумеют сказанное. Также и взяв чашу, сказал: "**сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов**" (Матф. 26:28). И Иуда присутствовал, когда Христос говорил это. "**Сие есть тело**", которое ты, Иуда, продал за тридцать сребреников; "**сия есть кровь**", о которой ты недавно заключил бесстыдные условия с неблагодарными фарисеями. О, человеколюбие Христово! О, безумие, о, неистовство Иуды! Этот продал Его за тридцать

динариев, а Христос и после того не отказался бы самую проданную кровь Свою отдать продавшему "**во оставление грехов**", если бы этот захотел. Ведь и Иуда присутствовал и участвовал в священной трапезе. Когда ноги его вместе с прочими учениками умыл Христос, так и в священной трапезе он участвовал, для того, чтобы он не имел никакого предлога к оправданию, если останется при своем нечестии. Христос сказал и употребил все со Своей стороны, а он упорно остался при своем нечестивом намерении.

6. Впрочем, уже время приступить к этой страшной трапезе. Приступим же все с надлежащей скромностью и вниманием; и никто пусть не будет Иудой, никто пусть не будет злым, никто пусть не скрывает в себе яда, нося одно на устах, а другое в уме. Предстоит Христос и теперь; Кто учредил ту трапезу, Тот же теперь устраивает и эту. Не человек претворяет предложенное в тело и кровь Христову, но Сам распятый за нас Христос. Представляя Его образ, стоит священник, произносящий те слова; а действует сила и благодать Божия. "**Сие есть тело Мое**", сказал Он. Эти слова претворяют предложенное, и как то изречение: "**плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю**" (Быт. 1:28), хотя произнесено однажды, но в действительности во все время дает нашей природе силу к деторождению; так и это изречение, произнесенное однажды, с того времени доныне и до Его пришествия делает жертву совершенной на каждой трапезе в церквах. Итак, никто пусть не приступает коварным, никто — исполненным злобы, никто — имеющим яд в мыслях, чтобы не причащаться "**в осуждение**". И вот, после принятия предложенного, в Иуду вошел дьявол, презрев не тело Господне, но, презрев Иуду за его бесстыдство, дабы ты знал, что на тех, которые недостойно причащаются божественных тайн, особенно нападает и постоянно входит дьявол, как и тогда в Иуду. Так почести приносят пользу достойным, а недостойно пользующихся ими подвергают большему наказанию. Говорю это не для того, чтобы устрашить, но чтобы предостеречь. Пусть же никто не будет Иудой; никто, приступая, пусть не имеет в себе яда злобы. Эта жертва есть духовная пища; и как телесная пища, попадая в желудок, имеющий худые соки, еще больше усиливает немощь, не по своему свойству, но по болезни желудка, так обыкновенно бывает и с духовными таинствами. И они, когда сообщаются душе, исполненной злобы, то больше повреждают и губят ее, не по своему свойству, но по болезни принявшей души. Итак, пусть никто не имеет внутри себя злых помыслов, но очистим ум; мы приступаем к чистой жертве, — сделаем же душу свою святой; а сделать это можно и в один день. Как и каким образом? Если ты имеешь что-нибудь против врага, то оставь гнев, исцели рану, прекрати вражду, чтобы тебе получить пользу от этой трапезы, потому что ты приступаешь к страшной и святой жертве. Постыдись того, что служит основанием самого этого приношения. Предлежит закланный Христос. Почему Он заклан и для чего? Для того чтобы умиротворить небесное и земное, чтобы сделать тебя другом ангелов, чтобы примирить тебя с Богом всех, чтобы из врага и противника сделать тебя другом. Он отдал душу Свою за ненавидящих Его; а остаешься враждующим против подобного тебе раба? Как же ты можешь приступить к трапезе мира? Он не отказался даже умереть за тебя; а у тебя недостает сил для себя самого оставить гнев на подобного тебе раба? Какого это может удостоиться прощения? Он обидел меня, скажешь, и весьма много отнял у меня. Что же? Ущерб только в деньгах, — он еще не ранил тебя так, как Иуда Христа; однако Христос самую кровь Свою, которая пролита, отдал для спасения проливших ее. Что можешь ты сказать равное этому? Если ты не простил врага, то не ему нанес вред, а самому себе; ему ты часто вредил в настоящей жизни, а себя самого сделал недостойным прощения и безответным в будущий день. Ничего так не отвращается Бог, как человека злопамятного, как сердца надменного и души раздражительной. Послушай же, что говорит Он: "**если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь**" раньше, стоя перед алтарем, "**что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой**" (Матф. 5:23-24). Что говоришь ты: оставлю (дар)? Да, для

мира, говорит, с братом твоим и принесена эта жертва. Посему, если эта жертва принесена для мира твоего с братом, а ты не заключаешь мира, то напрасно ты участвуешь в этой жертве, бесполезным для тебя становится это благо. Сделай же наперед то, для чего принесена эта жертва, и тогда прекрасно ею воспользуешься. Для того снисшел Сын Божий, чтобы примирить естество наше с Владыкой; не только Сам для этого пришел Он, но [еще озабочен был тем], чтобы и нас, совершающих это, сделать причастниками имени Его. "**Блаженны**", говорит Он, "**миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божьими**" (Матф. 5:9). Что сделал Единородный Сын Божий, тоже сделай и ты по силам человеческим, ставши виновником мира и для себя самого и для других. Поэтому тебя, миротворца, Он и называет сыном Божьим; поэтому и применительно ко времени жертвы Он не упомянул ни о какой другой заповеди, кроме примирения с братом, выражая, что это важнее всего. Я хотел еще более продолжить речь, но и сказанного довольно для внимательных, если они будут помнить. Будем же, возлюбленные, постоянно помнить эти слова, и святые лобзания, и страшные приветствия, которые делаем друг другу. Это соединяет наши души и производит то, что мы все становимся одним телом, как и причащаемся все одного тела. Соединимся же в одно тело, не тела сочетая друг с другом, но души связывая между собой союзом любви; таким образом, мы можем с дерзновением вкушать от предлагаемой трапезы. И хотя бы имели бесчисленное множество праведных дел, но, если будем злопамятными, то все будет тщетно и напрасно, и никакого от них мы не сможем получить плода для спасения. Итак, сознавая это, прекратим всякий гнев и, очистив совесть свою, со всем смирением и кротостью приступим к трапезе Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, всякая слава, честь, держава, ныне и присно [и во веки веков]. Аминь.

---

[1] Время произнесения этой беседы с точностью неизвестно; можно только полагать, что она произнесена ранее нижеследующей второй беседы.

О ПРЕДАТЕЛЬСТВЕ ИУДЫ

БЕСЕДА ВТОРАЯ

О святой и тайной вечери Спасителя и предательстве Иуды, о пасхе и установлении божественных таинств, и о непамятозлобии, сказанная во Святый и великий четверг.

ХОТЕЛ я, возлюбленные, продолжить беседу о патриархе [Аврааме] и здесь предложить духовный пир, но неблагодарность предателя увлекает наш язык к беседе о последнем, и обстоятельства [настоящего] дня пробуждают сказать о безрассудном его преступлении. Сегодня Господь наш Иисус Христос предан в руки иудеев собственным своим учеником. Ты, возлюбленный, слыша это, не будь, однако, печален и не огорчайся, слыша, что предан Владыка, вернее же сказать, и скорби и плачь, но не о преданном Иисусе, а о предавшем Его Иуде. В самом деле, преданный Иисус спас вселенную, а предавший Иуда погубил свою душу; преданный Иисус, сидит одесную Отца на небесах, а предавший Иуда теперь в аду, ожидая неумолимого и вечного наказания. Вот о чем скорби, вот о чем плачь, потому что и Сам Господь наш Иисус Христос, видя Иуду, возмутился (духом) и заплакал. Видя его, говорит Евангелие, "**возмутился духом, и сказал: один из вас предаст Меня**" (Иоан. 13:21). Почему возмутился Он? [Очевидно] при мысли о том, что после стольких наставлений и советов Иуда не замечал, в какую бездну он себя толкает. Видя безумие ученика и сожалея его, Господь возмутился и заплакал. Об этом говорят все

евангелисты, чтобы сильнее удостоверить истину домостроительства. Возмутился Господь, видя крайнюю неблагодарность ученика, научая нас [через это] плакать больше всего о тех, кто творит зло, а не о тех, кто терпит зло. Те, кто терпит обиды и неправды, скорее достойны почитаться блаженными. Поэтому-то и говорил Христос: "**блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное**" (Матф. 5:10). Видишь, какое приобретение указал Он для тех, которые терпят неправду? Посмотри опять в другом месте, (какое) неумолимое наказание (надлежит) творящим зло. Послушай блаженного Павла, который говорит: "**ибо вы, братия, сделались подражателями церквам Божьим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев, которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись, и через это всегда наполняют меру грехов своих; но приближается на них гнев до конца**" (1 Фес. 2:14-16). Видишь, что всего больше достойно плакать и скорбеть о творящих зло? Поэтому и милосердный Господь возмутился и плакал, видя дерзкий поступок ученика, являя и сострадание к ученику и показывая величие Своего милосердия, что вплоть даже до самого предательства не переставал заботиться об исправлении ученика. Итак, лучше о нем горько плачь, и скорби, потому что и Господь печалился о нем. "**Возмутился духом**", сказано, Иисус "**и сказал: один из вас предаст Меня**". О, сколь велико милосердие, сколь велика благость Владыки! Преданный скорбит о предателе. Видя, что он упорно остается в нечестии, возмутился "**и сказал: один из вас предаст Меня**". Смотри, какое долготерпение! Какое человеколюбие! Как щадит неблагодарного! Он не хочет даже, чтобы Иуда совершил свой поступок без всякого стыда, а приводит в смущение и страх всех учеников, чтобы доставить ему некоторый повод раскаяться в безумии. Но так как душа (предателя) остается бесчувственной, не в состоянии будучи воспринять семени благочестия, не внемлет ни совету, ни увещанию, но омрачается страстью, стремится к погибели, то он и не получил никакой пользы от столь великого долготерпения. "**Один из вас**", говорит, "**предаст Меня**". Для чего возмущался Он и скорбел? Для того, чтобы показать Свое человеколюбие, и вместе с тем научить нас, что больше всего должно плакать о тех, которые причиняют зло своему ближнему, потому что они навлекают на себя гнев (Божий). Не о том, кто терпит зло, а кто причиняет зло, – о том всегда следует скорбеть, потому что терпение неправды доставляет нам царство небесное, а причинение зла другому является для нас причиной геенны и наказания. "**Блаженны**", говорит, "**изгнанные за правду**". Видишь, как страдание приносит в награду и воздаяние царство небесное. Послушай, как, наоборот, злодейство влечет за собой казнь и мщение. Павел, сказав об иудеях, что они убили Господа и изгнали пророков, присовокупил: "**но конец им по делам их**" (2 Кор. 11:15). Видишь, как гонимые получают царство небесное, а уделом гонителей бывает гнев Божий?

Не без причины рассуждаю с вами об этом, возлюбленные, а с намерением – чтобы научиться нам не гневаться на наших врагов, напротив, скорее жалеть их, плакать и скорбеть о них, потому что (подлинно) терпящие зло суть именно те, кто напрасно враждует на нас. Если мы так настроим свою душу, что не будем не только гневаться, а станем даже скорбеть о них, то будем в состоянии, по слову Господа, и молиться о них, а через это привлечем и великое благоволение с неба. Поэтому-то я четвертый уже день беседую с вами о молитве за врагов, чтобы от непрестанного повторения увещания слово наставления глубже запечатлелось и укоренилось в ваших душах. Потому без перерыва обращаюсь к вам с речью, чтобы уничтожить опухоль гнева, чтобы утишить воспаление, чтобы чист был от гнева приходящий на молитву. И Христос не ради врагов только убеждает делать это (молиться за врагов), а и ради нас самих, когда мы отпускаем им согрешения. Ты получаешь больше, чем даешь, оставляя гнев свой на врага. Как, скажешь, получаю больше? Внимай с тщанием: если ты отпускаешь грехи врагу, тебе прощаются прегрешения по отношению к Владыке. Эти тяжки и едва могут быть прощены, а те

доставляют (тебе) милость и великое утешение (от Господа). Послушай Илия, который говорит своим сыновьям: "**если согрешит человек против человека, то помолятся о нем Богу; если же человек согрешит против Господа, то кто будет ходатаем о нем**" (1 Цар. 2:25)? Так велика рана, что даже и молитвой не легко исцеляется. Но тогда как молитвой не уничтожается такой грех, прощением грехов врагам он тотчас же отпускается. Поэтому-то те – грехи в отношении к Господу – Бог назвал десятью тысячами талантов, а эти сотней динариев (Мф. 18:23). Если ты простишь эти последние, будут оставлены тебе десять тысяч талантов.

2. О молитве, однако, довольно сказано. Если же угодно, займемся тем, о чем сказано несколько выше, возвратимся к слову о предательстве, и посмотрим, как предан был наш Господь. А чтобы видеть все безумие предателя и уразуметь неблагодарность ученика и неизреченное милосердие Господа, послушаем евангелиста, как он нам повествует о дерзком поступке (Иуды). "**Тогда**", говорит, "**один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его**" (Матф. 26:14-15)? Кажется, рассказ ясен и не заключает ничего особенного. Но если бы кто-нибудь рассмотрел каждое из этих речений, (то оказалось бы, что) здесь многое подлежит рассмотрению и много глубоких мыслей. И, прежде всего, время. Не без цели, в самом деле, обозначает его евангелист. Он не сказал просто: "**пошел**", а присовокупил: "**тогда пошел**". "**Тогда**", – когда? И зачем он обозначает время? Не напрасно указывает нам время евангелист, говорящий от Духа Святого, потому что говорящий от Духа ничего не изрекает напрасно и без причины. Итак, что же значит это: тогда? Как раз перед тем, перед этим самым часом, подошла молодая женщина с алавастровым сосудом мира и возливала этот елей на голову Господа. Женщина обнаружила великую веру, показала великую заботливость, послушание и благочестие, – она отказалась от своей прежней жизни и сделалась лучшей и более разумной. И вот в то время, когда блудница покаялась, когда познала Господа, тогда ученик предал Учителя. "**Тогда**", – когда? Когда блудница, подойдя и вылив алавастровый сосуд мира на ноги Иисуса (Лук. 7:36-50), отерла их своими волосами и обнаружила великую любовь, изглаживая в себе грехи за всю свою жизнь таким исповеданием, когда он видел ее показавшей такое усердие служить Учителю, тогда-то он поспешил на беззаконное предательство. И в то время как та с самой глубины нечестия взошла на самое небо, этот после бесчисленных чудес и знамений, после стольких наставлений, после неизреченного снисхождения Господа, ниспал в самую глубину ада. Вот каким злом является нерадивость и растленная воля! Поэтому и Павел говорил: "**кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть**" (1 Кор. 10:12), и пророк восклицал: "**разве, упав, не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются**" (Иер. 8:4)? (Эти два выражения сказаны), чтобы тот, кто стоит, не был слишком самонадеян, а постоянно пребывал в борьбе, и тот, кто пал, не отчаивался. Так велико могущество Учителя, что оно заставляло подчиняться себе даже блудниц и мытарей.

Что же, скажешь, Тот, Кто склонил блудницу, не имел силы привлечь ученика? Без сомнения, Он силен был склонить к Себе и ученика, но не хотел сделать его добрым по принуждению и привлечь к Себе насильно. Поэтому-то евангелист, повествуя нам о поступке этого неблагодарного ученика, говорил: "**тогда пошел**", т. е. не потому, что позван был другими, и не по насилию с чьей-нибудь стороны, не по стороннему побуждению, а склонился к этому благодаря собственному внутреннему движению, показав, что устремился на этот беззаконный и дерзкий поступок по собственной воле и решению, толкнул себя на предательство Владыки не движимый к тому никакой сторонней причиной, а исходящей изнутри злобой. "**Тогда пошел один из двенадцати**". И это выражение: "**один из двенадцати**" служит не малым обвинением (против Иуды). Так как было еще семьдесят других учеников, то (евангелист) сказал: "**один из двенадцати**", т. е. из избраннейших, из тех, которые каждый день обращались с Ним,

наслаждались самым близким обществом с Ним. Итак, чтобы ты знал, что Иуда был в числе избранных учеников, евангелист говорит: "**один из двенадцати**", не умалчивает об этом, дабы тебе убедиться, что это, по видимому, постыдное обстоятельство, именно – что Он удостоил предателя и вора таких великих благ и не переставал увещевать его до самого последнего вечера, – показывает попечительность о нас Господа. Видишь, как блудница спаслась, потому что омыла (ноги Иисуса), а ученик по нерадению погиб? Посему, смотря на блудницу, не отчаивайся, но и не будь самонадеянно дерзок, взирая на ученика. Пагубно то и другое. Легкосклонен к падению ум наш и превратна воля. Необходимо поэтому отовсюду оградить себя. "**Тогда пошел один из двенадцати, называемый Иуда Искариот**". Видишь, от какого лика отпал он? Видишь, какого учения лишился? Видишь, какое зло беспечность? "**Иуда**", – говорит, – "**Искариотский**", потому что был еще другой, соименный ему, Иуда, называемый Иаковлев. Видишь мудрость евангелиста, что он обозначает его нам не по преступлению, а по месту, а того (Иуду Иаковлева) делает известным не по месту, а по имени отца. Хотя о первом последовательнее было бы сказать: Иуда предатель, но чтобы научить нас хранить свой язык чистым от обвинения, он воздерживается от этого слова "**предатель**". Итак, научимся не упоминать укоризненно ни о ком из врагов. Если этот блаженный (апостол), повествуя о беззаконном преступлении (Иуды), не захотел упрекнуть предателя, а умолчал об этом, и называет его по месту, откуда происходил он, то достойны ли будем мы какого-нибудь прощения, если станем порицать ближних? А мы часто упоминаем с укоризной не только о врагах, но и о лицах, расположенных к нам. Убеждаю – не делать этого. И Павел увещевает к тому же, говоря: "**никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших**" (Еф. 4:29). Поэтому-то блаженный Матфей, будучи чист от всякого подобного рода страсти, говорил: "**тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его**" (Матф. 26:14-15)? О, злодейский голос! О, безумное преступление! Трепещу, возлюбленные, когда помышляю об этом. Как вырвалось слово из уст? Как повернулся язык? Как душа не покинула тела? Как не онемели уста? Как не помутился рассудок?

3. "**Что вы дадите мне, и я вам предам Его**"? Скажи мне, Иуда, этому ли поучал тебя Учитель столько времени? Неужели ты забыл многократные советы? Не для того ли говорил Он: "**не берите с собою ни золота, ни серебра**" (Матф. 10:9), с самого начала подавляя чрезмерную безумную любовь твою к деньгам? Не увещевал ли Он, говоря: "**но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую**" (Матф. 5:39)? За что, скажи мне, предаешь ты Учителя? За то ли, что Он даровал тебе власть над демонами, так что ты мог исцелять и болезни, и очищать прокаженных, и показывать много других подобных чудес? Итак, за такие благодеяния ты так оплачиваешь Ему? О, безумие, вернее же – сребролюбие! Все это зло причинило сребролюбие, корень зол – сребролюбие, которое омрачает наши души и попирает самые законы природы, лишает нас рассудка и не допускает помнить ни дружбы, ни родства, ни чего другого, но раз ослепив умные наши очи, так и заставляет блуждать во мраке. Чтобы тебе яснее знать это, посмотри, сколько (доброго) изгнала (эта страсть) из души Иуды. Беседу (с Христом), жизнь (с Ним), общение, чудное учение, все это предало забвению вкравшееся (в Иуду) сребролюбие. Хорошо говорил Павел, что "**корень всех зол есть сребролюбие**" (1 Тим. 6:10). "**Что вы дадите мне, и я вам предам Его**"? И ты, Иуда, предаешь Того Кто все держит словом? Предаешь Непостижимого, Творца неба и земли? Создателя нашего естества? Все составившего словом и мановением? Чтобы показать, что Он предан по Своей воле, послушай, что делает Он. В самый момент предательства, когда к Нему подошли вооруженные мечами и оружием, со светильниками и факелами, Он говорит последним: "**кого ищете**" (Иоан. 18:4)? Они не знали даже, кого должны были взять. Вот насколько бессилен был Иуда предать Его: Он не мог даже видеть Того, Кого намеревался предать, когда Он был тут, и это при светильниках и таком изобилии света. Что на это намекая

именно, евангелист сказал, что у них были светильники и факелы, и они все-таки не могли найти Его, это видно из слов: "**стоял же с ними и Иуда**" (Иоан. 18:5), тот, кто сказал: "**я вам предам Его**". Господь ослепил ум их, желая показать собственное могущество, и чтоб они сознали, что предпринимают невозможное дело. Затем, услышав Его голос, они отступили назад и пали на землю. Видишь, как они не могли даже вынести голоса и падением ниц явно обнаружили свое бессилие? Заметь милосердие Господа. Когда и этим Господь не тронул сердца ни бесстыдного предателя, ни неблагодарных иудеев, тогда Он предает Себя и как бы так говорит: когда Я показал, что они предпринимают невозможное, Я хотел удержать их безумие; но они не хотят и упорно продолжают оставаться в нечестии. Вот Я предаю Себя.

Говорю это вам, чтобы кто-нибудь не порицал Христа, говоря: почему Он не переменил Иуду? Почему не сделал его лучшим? Но как следовало сделать Иуду благоразумным и послушным? По принуждению, или по (собственному) решению? Если по принуждению, то и в таком случае он не мог стать лучшим, потому что по принуждению никто не становится лучшим. А если по решению и воле, то Господь употребил все, что могло исправить его. Если же Иуда не захотел принять врачевания, то вина не врача, а того, кто отверг услугу последнего. Желаешь знать, сколько средств употребил Господь, чтобы опять приобрести Иуду? Он даровал ему много чудес, предрек ему о предательстве, не оставил ничего из того, что следовало показать в отношении к ученику. И чтоб знать тебе, что Иуда, будучи в состоянии покаяться, не пожелал сделать этого, и что все произошло от его беспечности (обрати внимание вот на что): когда он предал Господа и до конца обнаружил свое безумие, он бросил тридцать сребреников, говоря: "**согрешил я, предав кровь невинную**" (Матф. 27:4). Перед этим же говорил: "**что вы дадите мне, и я вам предам Его**"? Когда совершился грех, тогда познал грех! Отсюда научимся, что когда мы беспечны, ни убеждение, ни увещание не принесут нам пользы, а когда ревностны, то можем восстать и сами собой. Подумай, в самом деле: когда Господь увещевал его и предостерегал от замышляемого злодеяния, он не послушал и не принял увещания, а когда не было никакого советника, собственная совесть восстала (против него), и он покаялся без всякого учителя и бросил тридцать сребреников. "**Предложили**", говорится, "**ему тридцать сребреников**" (Матф. 26:15). Цену крови назначили они Неимеющему цены. Зачем берешь ты, Иуда, тридцать сребреников? Даром пришел Христос пролить за вселенную кровь, о которой ты теперь договариваешься. Что постыднее этой торговли? Кто видел (подобную), кто слышал когда-нибудь?

4. Но чтоб нам узнать, каково было различие между предателем и учениками, послушаем (евангелиста). Евангелист обстоятельно повествует нам обо всем. Когда, говорит, совершилось это, когда приблизилось предательство, когда Иуда погубил себя, когда он заключил беззаконный договор "**искал удобного случая**", говорит, "**предать Его**" (Матф. 26:16), тогда приступили к Нему ученики, говоря, "**где велишь нам приготовить Тебе пасху**" (Матф. 26:17)? Видишь учеников, видишь ученика? Этот заботился, как бы предать (Господа), а те – как бы услужить. Этот договаривался и замышлял получить цену Владычной крови, а те готовятся к служению (Господу). И этот и те были участниками одних и тех же чудес, одних и тех же учений. Откуда же различие? От направления воли; она служит виновницей зла и добра. Был вечер, когда ученики говорили: "**где велишь нам приготовить Тебе пасху**"? Познаем отсюда, что Христос не имел определенного жилища. Пусть выслушают те, что строят пышные дома и обширные чертоги, что Сын Человеческий не имеет, где главы приклонить. Поэтому-то ученики говорят Ему: "**где велишь нам приготовить Тебе пасху**"? Какую пасху? Иудейскую, получившую начало в Египте, потому что в первый раз иудеи совершили ее там. И зачем Христос совершает ее? Подобно тому, как Он исполнил все прочие требования закона, так поступает и здесь. Поэтому Он и Иоанну говорил: "**так надлежит нам исполнить всякую правду**" (Матф.

3:15). Итак, ученики хотели приготовить не нашу пасху, а иудейскую. Они приготовили эту пасху, а нашу уготовал Христос, или лучше Он Сам стал пасхой через честные страдания. Для чего идет Он на страдания? Чтобы искупить нас от клятвы закона. Поэтому и Павел восклицал: "**Бог послал Сына Своего (Единородного), Который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных**" (Галат. 6:4-5). Итак, чтоб не говорил кто-нибудь, будто Он потому отменил закон, что не мог исполнить его, как тягостный, обременительный и трудно исполнимый, Он уничтожил его (лишь) тогда, когда выполнил его весь. Поэтому Он совершил и пасху, так как праздник пасхи был одним из предписаний закона. (А для чего этот праздник) – послушай: иудеи были неблагодарны к Благодетелю и скоро забывали Его благодеяния. И вот тебе доказательство: вышли они из Египта, прошли Чермное море, видели, как разделилось оно и снова соединилось, и немного спустя после этого говорят Аарону: "**сделай нам бога, который бы шел перед нами**" (Исх. 32:1). Что говоришь ты, неблагодарный иудей? Ты видел такие чудеса и забыл Бога, питающего тебя, и совершенно не помнишь Благодетеля? Итак, так как они забыли о Его благодеяниях, то Бог установлением праздников закрепил воспоминание о дарах, чтобы волей-неволей они держали их постоянно в памяти. Так (праздновали пасху) они. Зачем? Дабы, когда (говорит Писание), спросит тебя сын твой: "**что это**" (Исх. 12:26), ты сказал, что кровью этого агнца (отцы) помазали косяки дверей и избежали смерти, которую навел (ангел) губитель на всех живущих в Египте, а благодаря этой крови он не мог войти (в их дома) и навести поражение. Итак, у них жертвы не добровольные, здесь же закалается Христос по Своей воле. Почему? Потому, что та жертва была образом жертвы духовной. И чтобы убедиться тебе, смотри, сколько сродства (между той и другой). (Там) агнец, (и здесь) Агнец, только один – бессловесный, а другой – словесный. (Там) овца (и здесь) овца, но (там) тень, (а здесь) истина: явилось Солнце правды, и тень исчезла, так как при солнце тень скрывается. Поэтому, и на таинственной трапезе (предлежит) Агнец, чтобы мы освящались Его кровью. С восходом солнца не может быть виден светильник, потому что бывшее служило образом будущего.

5. Говорю это иудеям, чтоб не думали, обманывая себя, будто совершают пасху, потому что бесстыдной мыслью предваряют они опресноки и восхищают праздник, – иудеям, которые не обрезаны сердцем и тяжко слышат ушами. Как, скажи мне, совершаешь ты пасху, иудей? Храм срыт до основания, жертвенник разрушен, святое святых разорено, уничтожены все жертвы. Почему же ты осмеливаешься преступать закон? Отведенный некогда в Вавилон, ты слышал, как пленившие вас говорили: "**воспойте нам**" песнь Господню (Пс. 136:3), и ты не исполнил (желания их). Так почему совершаешь пасху вне Иерусалима? Ты сказал: "**как нам петь песнь Господню на земле чужой**" (Псал. 136:4)? И указывая на это, блаженный Давид говорит: на реке Вавилонской "**там сидели мы и плакали: на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы**" (Псал. 136:1-2), – т. е. псалтирь, цитру и лиру, потому что ими пользовались в древности и под их звуки пели псалмы. "**Там**", говорит, "**пленившие нас требовали от нас слов песней**", и мы ответили: "**как нам петь песнь Господню на земле чужой**" (Псал. 136:3-4)? Что, скажи мне, говоришь ты? Ты не поешь песни Господней в чужой земле, а пасху в чужой земле совершаешь? Видишь несмысленность иудеев? Когда понуждали враги, они не хотели пропеть псалма на чужбине, а ныне сами по себе, когда никто не принуждает, враждуют с Богом. Поэтому-то и блаженный Стефан говорил им: "**вы всегда противитесь Духу Святому**" (Деян. 7:51). Видишь, как нечисты опресноки? Как противозаконен иудейский праздник? Была некогда иудейская пасха, но прекратилась. Тогда, говорит (Евангелие), когда они ели и пили, Иисус, взяв хлеб в святые и пречистые Свои руки, возблагодарив и преломив, сказал ученикам Своим: "**примите, ешьте, сие есть тело Мое**", за вас и за многих ломимое во оставление грехов. Потом, взяв чашу, дал им, говоря: "**сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов**" (Матф. 26:26-28).

Был тут и Иуда, когда Господь говорил эти слова. "**Сия есть кровь**", о, Иуда, которую ты продал за тридцать сребреников! "**Сия есть кровь**", о которой ты не задолго перед тем бесстыдно сторговался с неблагодарными фарисеями. О, великое милосердие Христа! О, неблагодарность Иуды! Владыка питал, а раб продавал. Этот продал Его, взяв тридцать сребреников, а Христос дал выкупом за нас собственную кровь, да и продавшему дал бы, если бы конечно пожелал тот, потому что до предательства был тут и Иуда, был участником святой трапезы и вкушал тайную вечерю. Как Господь омыл ноги ученикам, так и в священной трапезе Иуда принимал участие (вместе со всеми), чтобы он не имел никакого оправдания, а получил свой суд. Он остался упорен в нечестивом решении и, удалившись, вместо поцелуя совершил предательство, не вспомнив благодеяний Господа, а после предательства бросил тридцать сребреников, говоря: "**согрешил, предав кровь неповинную**". О, слепота! Ты был участником вечери, и предал Благодетеля? Но Господь добровольно исполнил написанное, "**но горе тому человеку, через которого соблазн приходит**" (Матф. 18:7).

6. Но время, наконец, приступить к этой страшной и грозной трапезе. Итак, приступим все с чистой совестью. Пусть не будет здесь Иуды, с лукавством относящегося к своему ближнему, (да не приступает) никто из нечестивых, имеющий в сердце своем скрытый яд. И теперь присутствует Христос, устраивая трапезу. Не человек тот, кто претворяет предлежащее в тело и кровь Христову. Священник стоит только, исполняя образ, и приносит молитву, а все совершает благодать и сила Божия. "**Сие**", говорит, "**есть тело Мое**". Это изречение прелагает предлежащее. И подобно тому, как то изречение, гласившее: "**плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю**" (Быт. 1:28), было словом – и стало делом, давая человеческой природе силы к чадорождению, так и это изречение, гласящее (сие есть тело Мое), постоянно взращивает силой благодати тех, кто достойно принимает (священную трапезу). Итак, да не будет (здесь) ни лукавого, ни нечестивого, ни хищника, ни ругателя, ни братоненавистника, ни сребролюбца, ни пьяницы, ни корыстолюбца, ни мужеложника, ни завистника, да не будет (здесь) преданного блуду, ни вора, ни злоумышленника, чтобы не подвергнуться суду. Тогда Иуда недостойно был участником тайной вечери и, выйдя, предал Господа. (Это случилось так для того) чтобы ты знал, что кто недостойно участвует в таинствах, на тех особенно всегда нападает дьявол, и что они подвергаются большему наказанию. Говорю это не с целью устрашить вас, а чтобы сделать вас более внимательными к себе. Как телесная пища, попавши в худосочный желудок, усиливает болезнь, так и пища духовная, когда она принимается недостойно, навлекает большое осуждение. Итак, убеждаю, пусть никто (не приступает), имея в душе нечистые помыслы, но очистим наше сердце. Мы храмы Бога, если пребываем чисты. Сделаем чистой душу нашу. Ведь это можно сделать в один день. Как и каким образом? Если имеешь что-нибудь против врага, брось гнев, прекрати вражду, чтобы получить от трапезы отпущение грехов. Ты приступаешь к страшной и святой жертве. В качестве закалаемого предлежит Христос. Но подумай, ради чего Он был заклан. О, каких тайн лишился ты, Иуда! Христос добровольно пострадал, чтобы разрушить "**стоявшую посреди преграду**" (Еф. 2:14) и соединить земное с небесным, чтобы тебя, врага и недруга, сделать сообщником ангелов. Христос душу свою предал за тебя, а ты питаешь вражду к со-рабу? И как можешь ты приступать к трапезе мира? Владыка твой не отказался претерпеть все ради тебя, а ты не хочешь даже оставить свой гнев? Почему? скажи мне. Любовь – корень, источник и мать всех благ. Очень сильно, скажешь, обидел он меня, причинил слишком много зол, едва не подверг меня смертельной опасности? Но что в этом? Он еще не распял тебя на кресте, как иудеи распяли Господа. Если ты не оставишь ближнему своему обиды, то и Отец твой Небесный не отпустит тебе грехов твоих. И с какой совестью скажешь ты "**Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое**" и следующие слова (Матф. 6:9)? Равным образом и кровь, которую пролили иудеи, Христос дал за спасение проливших. Что равного этому

можешь сделать ты? Если ты не простишь врагу, то ты обидишь не его, а самого себя. Ты часто вредил ему в течение настоящей жизни, а себе приготовил вечное наказание в будущий день (суда), потому что Бог никого так не ненавидит, ни от кого так не отвращается, как от человека злопамятного, как от сердца гневливого и души пылающей (ненавистью). Послушай, что говорит Господь: "**если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой**" (Матф. 5:23-24). Что говоришь? Я оставлю там дар, т. е. жертву? Да, говорит, потому что ради мира с братом твоим установлена и самая жертва. Итак, если жертва (приносится) ради мира с ближним, а ты не соблюдаешь мира, то хотя бы ты и участвовал в жертве, для тебя бесполезно это участие без желания хранить мир. Итак, сделай сначала то (т. е. позаботься о мире), ради чего и жертва принесена, и тогда пользуйся благими плодами последней. Для того и Сын Божий пришел в мир, чтобы примирить наше естество Отцу, как и Павел говорит: "**ныне примирил**" себе все, "**посредством креста, убив вражду на нем**" (Колос. 1:22; Ефес. 2:16). Поэтому Он не только Сам пришел, чтобы сотворить мир, но ублажает и нас, если творим то же, и делает нас общниками Своего имени (говоря): "**блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божьими**" (Матф. 5:9). Итак, что сделал Христос, Сын Божий, то делай и ты по силе человеческой, заботясь о мире и с самим собой, и со своим ближним. Вот почему Сыном Божьим (Господь) называет миротворца, вот почему и при принесении жертвы Он не упомянул ни о каком другом деянии праведном, кроме примирения с братом, показав, что любовь больше всех добродетелей. Хотелось бы мне, возлюбленные, продолжить речь дальше, но и сказанного достаточно для тех, кто со вниманием и разумением принимает семя благочестия и желает внимать тому, что говорят. Будем же всегда помнить, убеждаю (вас), эти слова и то страшное приветствие, которое даем друг другу. Это приветствие соединяет души наши и делает то, что они все становятся единым телом и членами Христа, потому что все мы участники одного тела. Будем же поистине единым телом не тела смешивая, а души соединяя между собой союзом любви. Поступая так, мы будем в состоянии с дерзновением наслаждаться предлежащей трапезой и сделаться, наконец, сосудами мира, дарованного Христом. Если же мы имеем бесчисленные совершенства, а остаемся злопамятными, то все делаем тщетно и напрасно и не получим никакого плода в рассуждении спасения. Спаситель перед самым восхождением к Отцу вместо временной славы и великого богатства оставляет следующее наследие ученикам: "**мир оставляю вам, мир Мой даю вам**" (Иоан. 14:27). В самом деле, какое богатство или какое изобилие имущества было бы дороже того мира Христова, который превосходит всякий ум и слово? Вот почему и пророк Малахия, зная, что это самый тяжкий порок, говорил как бы от лица Божия: люди мои, "**говорите истину друг другу, никто из вас да не мыслит в сердце своем зла**" в сердце искреннему своему да не помышляет "**и ложной клятвы не любите**" и не умрете, дом Израилев, говорит Господь (Зах. 8:16-17); это как если бы Он сказал: если будете лжецы, злопамятны, клятвопреступники, забудете заповеди мои, то смертью умрете. Итак, зная все это, возлюбленные, оставим всякий гнев, станем пребывать в мире друг с другом и, вырвав корень зла и очистив свою совесть, с кротостью, смирением и великим благоговением приступим к принятию страшных этих и ужасных таинств, подойдем не толкаясь, не топая ногами, без шума и крика, в великом страхе и трепете, с сокрушением и слезами, чтоб и милосердный Господь, призрев с небес на наше мирное состояние, нелицемерную любовь и братское общение любви, удостоил всех нас и настоящих и обетованных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА О КЛАДБИЩЕ И О КРЕСТЕ

Господа и Бога и Спасителя Иисуса Христа[1].

ЧАСТО я размышлял сам в себе, для чего отцы наши, обойдя молитвенные дома, находящиеся в городах, установили, чтобы сегодня собирались вне города, и здесь (совершали богослужение); не напрасно же и не без причины, кажется мне, они сделали это. Я доискивался причины, и по благодати Божией нашел причину справедливую и основательную и приличную настоящему празднику. Какая же это причина? Мы совершаем воспоминание о кресте; а распятый на кресте был распят вне города: вот почему выводят нас за город. За пастырем, говорится [в Писании], следуют овцы; где царь, там и воины, и где труп, там и орлы. Поэтому-то вне города [мы собираемся], - но лучше наперед докажем и из божественных писаний, что именно поэтому. Дабы вы не подумали, что это наша догадка, я приведу вам в свидетели Павла. Что говорит он о жертвах? "**Так как тела животных, которых кровь для [очищения] греха вносится первосвященником во святилище, сжигаются вне стана, - то и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат**"(Евр. 13:11-12). Выйдем же к Нему вне стана, перенося Его уничижение. Это сказал, повелел Павел; мы послушались и вышли. Итак, вне [города] мы собираемся поэтому. Но для чего именно в этом храме мучеников, а не в другом каком-либо? По благодати Божией наш город со всех сторон ограждается останками святых. Почему же именно здесь, а не в другом храме мучеников отцы повелели нам собираться? Потому, что здесь покоится множество умерших. Так как сегодня Иисус нисшел к умершим, то мы и собираемся здесь. Поэтому и самое место названо усыпальницею (koimhthrion), дабы ты знал, что скончавшиеся и лежащие здесь не умерли, но покоятся и спят. Прежде пришествия Христова смерть называлась смертью. "**В день, в который ты вкусишь**" от древа, сказано, "**смертью умрешь**" (Быт. 2:17); и еще: "**душа согрешающая, та умрет**" (Иез. 18:20). И Давид говорит: *смерть грешников люта* (Пс. 33:22); и еще: "**дорога в очах Господних смерть святых Его!**" (Пс. 115:6). Также Иов: *смерть мужу покой* (Иов. 3:23). И не только смертью она называлась, но и адом. Послушай Давида, который говорит: "**Но Бог избавит душу мою от власти ада, когда примет меня**" (Пс. 48:16); и Иаков: "**сведете вы седину мою с печалью во ад[2]**" (Быт. 42:38). Такие названия имела наша кончина прежде; но когда пришел Христос и умер за жизнь мира, то смерть уже не называется смертью, а сном и успением. А что она действительно называется успением, видно из того, что Христос сказал: "**Лазарь, друг наш, уснул**" (Ин. 11:11). Не сказал: "**умер**", хотя тот уже был умершим. И дабы тебе знать, что это название смерти успением не было обычным, посмотри, как ученики, услышав это, смущаются и говорят: "**Господи! если уснул, то выздоровеет**" (Ин. 11:12); так они еще не знали, что значили эти слова. Также Павел говорит к некоторым: "**поэтому и умершие во Христе погибли**" (1 Кор. 15:18)? И еще в другом месте он говорит об умерших: "**мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших**" (1 Фесс. 4:15); и еще в ином месте: "**встань, спящий**" (Еф. 5:14); и, дабы показать, что он говорит это о мертвом, прибавляет: "**и воскресни из мертвых**". Видишь, как везде смерть называется сном; посему и это место названо усыпальницею, так как и самое это название полезно для нас и исполнено великого любомудрия. Итак, когда ты провожаешь сюда мертвого, не сокрушайся, потому что провожаешь его не к смерти, а ко сну. Этого названия достаточно тебе для утешения в несчастии. Знай же куда провожаешь его, - в усыпальницу; и когда провожаешь, - после смерти Христа, когда узы смерти уже расторгнуты. Таким образом и от места и от времени вы можете получить великое утешение. В особенности же слова наши относятся к женщинам, так как этот пол преимущественно чувствителен и склонен к унынию. У тебя есть достаточное врачевство против уныния - название места. Поэтому мы и собираемся здесь.

2. Сегодня Господь наш обошел все места ада; сегодня он "**медные двери сокрушил и запоры железные сломал**" (Ис. 45:2; Пс. 106:16). Заметь точность выражения. Не

сказано: отверз медные врата, но: "**сокрушил врата медные**", чтобы темница сделалась негодною; и не снял запоры, но "**сломал**" их, чтобы стража сделалась бессильною. Где нет ни двери, ни засова, там не удержат никого, хотя бы кто и вошел. Итак, когда Христос сокрушил, кто другой в состоянии будет исправить? Что Бог разрушит, то кто потом восстановит? Цари, когда намереваются освободить узников, то, посылая предписания, не так поступают, но оставляют и двери и стражей темницы, и тем показывают, что необходимо опять войти туда или тем же, которые освобождаются, или другим вместо них. А Христос поступил не так: желая показать, что смерти пришел конец, Он сокрушил ее "**врата медные**". Медными назвал их пророк не потому, чтобы эти врата были из меди, но чтобы показать жестокость и неумолимость смерти. А дабы тебе убедиться, что медь и железо означают здесь только суровость и непреклонность, послушай, что говорит Он одному бесстыдному: "**в шее твоей жилы железные, и лоб твой - медный**" (Ис. 48:4); Он сказал это не потому, чтобы тот имел железную жилу, или медное чело, но потому, что он имел вид упорный, бесстыдный и ожесточенный. Хочешь ли знать, как смерть была упорна, неумолима и тверда, точно алмаз? В течение столь долгого времени никто не склонил ее отпустить никого из находящихся в ее власти, пока Владыка ангелов, снизойдя, не принудил ее к тому. Сначала Он связал сильного, а потом расхитил сосуды его; потому пророк и прибавляет: "**хранимые во тьме сокровища и сокрытые богатства**" (слав. - *сокровища темная, невидимая*) (Ис. 45:3). Хотя эти выражения одинаковы, но смысл их двоякий, - потому что есть места темные, но такие, которые часто могут быть видимыми, как скоро внесен будет светильник и свет, а это место ада было самое мрачное и безотрадное и никогда не причастно было природе света: посему Он и назвал их *темными, невидимыми*. И подлинно, они были темными, пока не сошло туда Солнце правды, не осветило и не сделало ада небом, - потому что где Христос, там и небо. Он называет ад "**сокровищами**" темными; и это справедливо: там хранилось великое богатство. Все естество человеческое, составляющее богатство Божие, было ограблено обольстившим первого человека дьяволом и предано в узы смерти. А что все естество человеческое было богатством для Бога, это выражает Павел, когда говорит: "**один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его**" (слав. - *Бог всех, богатеющий во всех призывающих Его*) (Рим. 10:12). Как иной царь, поймав предводителя разбойников, нападавшего на города, грабившего везде и скрывшегося в пещере и спрятавшего там богатство, связывает этого разбойника и предает его казни, а сокровища его переносит в царское казнохранилище, - так сделал и Христос: начальника разбойников и темничного стража, дьявола и смерть, Он связал своею смертью, а все богатство, т. е. род человеческий, перенес в царское хранилище. Это и Павел выражает, когда говорит: "**избавившего нас от власти тьмы и введшего в Царство возлюбленного Сына Своего**" (Кол. 1:13). И удивительно то, что Сам Царь явился; между тем никакой царь никогда не удостоил бы сделать этого, но обыкновенно они освобождают узников чрез своих слуг. А здесь не так, но Сам Царь пришел к узникам, и не постыдился и узников, - потому что Он не станет стыдиться того, кого создал, - сокрушил врата, сломил запоры, явился в ад, бессильною сделал всякую охрану его и, взяв связанным темничного стража, таким образом возвратился к нам. Мучитель приведен пленным, сильный связан, сама смерть, бросив оружие, обнаженной прибегла к ногам Царя.

Видишь дивную победу? Видишь ли действия креста? Сказать ли тебе и нечто другое, более удивительное? Узнай способ победы, и тогда ты изумишься еще более. Чем победил дьявол, тем же преодолел его Христос; взяв его же орудия, Он ими и победил его; а как, послушай. Дева, древо и смерть были знаками нашего поражения: девою была Ева, так как тогда она еще не познала мужа; древом было дерево рая; смертью было наказание Адама. Но вот, опять дева, древо и смерть, эти знаки поражения, сделались знаками победы. Вместо Евы - Мария: вместо дерева познания добра и зла - древо креста; вместо смерти Адамовой - смерть Христова. Видишь ли, что чем победил дьявол, тем и сам

побеждается? Чрез древо поразил дьявол Адама; чрез крест преодолел дьявола Христос; то древо низвергло в ад, это же древо и отшедших извлекло оттуда. И опять, то древо укрыло пленника обнаженного, это же древо с высоты открыло всем Победителя обнаженного. Также и смерть: на ту смерть осуждались те, кто будут жить после нее, эта же смерть воскресила и тех, кто жил прежде нее. "**Кто изречет могущество Господа**" (Пс. 105:2)? Чрез смерть мы сделались бессмертными; таковы действия креста. Узнал ли ты победу? Узнал ли способ победы? Узнай же, как легко (для нас) совершилось это дело. Мы не обагряли оружия кровью, не стояли в строю, не получали ран и не видели сражения, а победу получили; подвиг - Владыки, а венец - наш. Итак, если эта победа стала и нашею, то все мы, подобно воинам, воскликнем ныне победную песнь; скажем, воспевая Владыку: "**поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?** " (1 Кор. 15:54, 55)? Вот что совершил для нас крест; крест - трофей против бесов, оружие против греха, меч, которым Христос пронзил змия; крест - изволение Отца, слава Единородного, радость Духа, украшение ангелов, утверждение церкви, похвала Павла, твердыня святых, свет всей вселенной. Как в доме, объятом тьмою, кто-нибудь, зажегши светильник и поставив его на возвышении, прогоняет тьму, так и Христос во вселенной, объятой мраком, водрузив крест, как бы некоторый светильник, и подняв его высоко, рассеял весь мрак на земле. И как светильник содержит свет вверху на своей вершине, так и крест вверху на своей вершине имел сияющее Солнце правды. Увидев Его пригвожденным, мир вострепетал, земля заколебалась, камни распались. Но, хотя и камни распались, бесчувственность иудеев не распалась; завеса разодралась, но не разодралось их нечестивое единомыслие.

Почему разодралась завеса? Потому, что храм не мог видеть Владыку распинаемым; тем, что произошло с его завесою, он, как бы поощряя, говорил: пусть теперь всякий желающий попирает Святое святых. Какая мне польза в нем, когда вне его принесена такая жертва? Какая мне польза в завете? Какая мне польза в законе? Напрасно и тщетно учил я их столь долгое время. То же выразил и пророк, взывая: "**зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное?**" (Пс. 2:1)? Они слышали, что "**как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен**" (Ис. 53:7), и, изучая столь долгое время это пророчество, не уверовали, когда событие совершилось. Видишь ли, как они "**замышляют тщетное?**" Для того произошло раздирание в храме, чтобы предуказать запустение, имеющее после этого быть в нем постоянно.

3. Так как и мы в нынешний вечер увидим пригвожденного на кресте, как агнца, закланного и принесенного в жертву, то приступим, увещеваю вас, со страхом, с великим почтением и благоговением. Разве вы не знаете, как стояли ангелы при гробе, не имевшем тела Его, при гробе пустом? Так как он всецело воспринял в себя тело Владычнее, то они воздают великую честь и самому месту. Ангелы, превосходящие наше естество, с таким почтением и благоговением стояли при гробе; а мы, намереваясь приступить не к гробу пустому, но к самой трапезе, содержащей Агнца, приступим с шумом и смятением? Какое же будет нам после того извинение? Не напрасно я говорю это, но потому, что вижу, как многие в этот вечер шумят, кричат, теснят друг друга, толкают, бранят и скорее уготовляют себе наказание, чем спасение; поэтому я и обращаю к ним это увещание. Что делаешь ты, человек? Когда стоит пред трапезою священник, воздевая руки к небу, призывая Духа Святого, чтобы он сошел и коснулся предлежащего, то бывает великая тишина, великое безмолвие. Когда же Дух даровал благодать, когда Он сошел, когда Он коснулся предлежащих даров, когда ты видишь Агнца уже закланного и изготовленного, тогда начинаешь шум, тогда смятение, тогда спор, тогда брань? Как же ты можешь причаститься этой жертвы, приступая к трапезе с таким смятением? Не довольно для нас того, что мы приступаем с грехами, но и во время самого приступания мы не хотим воздержаться от прегрешений? В самом деле, когда мы спорим, когда шумим, когда

угрызаем друг друга, то как будем без грехов? К чему спешишь ты, скажи мне? Для чего теснишься, видя закланного Агнца? Если бы даже во всю ночь пришлось взирать на эту жертву, то неужели, скажи мне, такое зрелище могло бы произвести пресыщение? Целый день ты ждал, провел большую часть ночи, и такой подвиг ты теряешь и губишь в краткое мгновение времени? Помысли, что такое предлежит, и по какой причине. Агнец заклан для тебя, а ты с пренебрежением взираешь на Него закланного. "**Ибо**", сказано, "**где будет труп, там соберутся орлы**" (Мф. 24:28). А мы приступаем не как орлы, но как псы; таково наше бесстыдство! Помысли, что было некогда пролито. Это - кровь, кровь, которая изгладила рукописание грехов, кровь, которая очистила твою душу, которая омыла твои нечистоты, которая восторжествовала над началами и властями, ибо "**отняв силы**", говорит, апостол, "**у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними**" на кресте (Кол. 2:15). Этот трофей, говорит он, имеет на себе много знаков победы, на вершине креста высоко повешена добыча. Как мужественный царь, с победою окончив труднейшую войну, выставляет на высоком трофее латы, щит и оружие властителя и побежденных его воинов, так и Христос, с победою окончил войну против дьявола, повесил на вершине креста, как бы на каком-нибудь трофее, все его оружия - смерть, клятву, чтобы все видели этот трофей, и силы вышние, которые на небесах, и люди, живущие внизу - на земле, и сами побежденные злые бесы. Итак, если мы получили столь великий дар, то покажем себя по силам своим достойными дарованных нам благ, дабы сподобиться и царства небесного, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, честь, держава, во веки веков. Аминь.

---

[1] Беседа произнесена, как полагают, в великую пятницу 392 г.

[2] В синод. пер. "во гроб".

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

О кресте и разбойнике, и о втором пришествии Христа, и о непрестанной молитве за врагов [1].

СЕГОДНЯ Господь наш Иисус Христос – на кресте, и мы празднуем, чтобы ты знал, что крест – праздник и духовное торжество. Прежде крест служил именем наказания, а теперь стал почетным делом, прежде был символом осуждения, а теперь – знаком спасения. В самом деле, он стал для нас причиною бесчисленных благ: он освободил нас от заблуждения, он просветил сидящих во мраке, он примирил нас бывших во вражде с Богом, он сделал друзьями отчужденных, он сделал близкими бывших далеко. Крест – уничтожение вражды, он – охрана мира, он стал для нас сокровищем бесчисленных благ. Благодаря кресту мы уже не блуждаем в пустынях, потому что познали истинный путь, уже не обитаем вне царства, потому что нашли дверь, не боимся огненных стрел дьявола, потому что увидели источник. Благодаря кресту мы уже не вдовствуем, потому что получили жениха, не боимся волка, потому что имеем доброго пастыря. "**Я есмь**, **-** говорит, **- пастырь добрый**" (Ин. 10:11). Благодаря кресту мы не трепещем пред тираном, потому что находимся около царя. Вот почему мы и празднуем, совершая память креста. Так повелел праздновать ради креста и Павел. "**Посему станем праздновать**, **-** говорит, **- не со старою закваскою,** … **но с опресноками чистоты и истины**" (1 Кор. 5:8). Затем, указывая причину, присовокупил, что "**Пасха наша, Христос, заклан за нас**"

(ст. 7). Видишь, каким образом повелевает он праздновать ради креста? На кресте "**Христос заклан за нас**", а где жертва, там уничтожение грехов, там примирение с Господом, там праздник и радость. "**Пасха наша, Христос, заклан за нас**". Где, скажи мне, "**заклан за нас**"? На высоте помоста. Необычен жертвенник этой жертвы, потому что и жертва необычайная и небывалая. В самом деле, один и тот же был и жертвой и священником: жертвой был плотью, а священником – духом. Один и тот же приносил и был приносим плотью. Послушай, как изъяснил то и другое Павел. "**Ибо всякий первосвященник**, **-** говорит он, **- из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, …а потому нужно было, чтобы и Сей также имел, что принести**" (Евр. 5:1, 8:3); вот Сам Он приносит Себя; а в другом месте говорит, что "**так и Христос, однажды принеся Себя в жертву, чтобы подъять грехи многих, … для ожидающих Его во спасение**" (Евр. 9:28). Здесь Он принесен, там – принес Себя. Видишь, как стал Он и жертвой и священником, а жертвенником был крест? Почему же, скажешь, жертва приносится не в храме, а вне города и стен? Чтобы исполнилось пророчество, что "**и к злодеям причтен был**" (Ис. 53:12). Почему же закалается Он на высоте помоста, а не под кровом? Чтобы очистить воздушное естество; посему на высоте, не под простирающейся кровлей, а под кровом неба. Очищался воздух, когда в высоте приносился в жертву Агнец, но очищалась и земля, потому что на нее капала кровь из ребра. Для того – не под кровлей, для того – не в храме иудейском, чтобы не утаили жертвы иудеи, и ты не подумал, что она приносится только за один этот народ. Для того – вне города и стен, чтобы тебе знать, что жертва всеобща, что приношение за всю землю, чтобы ты знал, что очищение всеобщее, не частное, как у иудеев. Иудеям Бог повелел оставить всю землю и приносить жертвы и молиться в одном месте потому, что вся земля была нечиста, так как на ней носились дым, гарь и всякие другие зловония от языческих жертв. А нам теперь, так как пришедший Христос очистил всю вселенную, всякое место стало местом молитвы. Поэтому и Павел смело увещевал безбоязненно молиться везде, говоря: "**Итак желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения**" (1 Тим. 2:8). Видишь, как очистилась вселенная? На всяком месте мы можем воздевать святые руки, потому что вся земля стала святее внутреннего святилища (храма): там приносилась бессловесная овца, здесь же духовная, а насколько больше жертва, настолько больше и освящение. Поэтому-то крест есть празднество.

2. Хочешь знать и другое совершенное им (крестом) дело? Он отверз нам сегодня рай, остававшийся заключенным слишком пять тысяч лет, потому что в этот день, в этот час Бог ввел (туда) разбойника, означая (этим) два совершенные Им дела: одно – что отверз рай, другое – что ввел разбойника. Сегодня Он возвратил нам древнее отечество, сегодня опять привел в отечественный город и даровал обитель всему человеческому естеству. "**Ныне же**, **-** говорит, **- будешь со Мною в раю**" (Лк. 23:43). Что говоришь? Ты распят и пригвожден, и обещаешь рай? Да, говорит, чтобы ты познал на кресте Мое могущество. Так как печально было зрелище, то чтобы ты обратил внимание не на естество креста, а познал могущество Распинаемого, Он совершает на кресте это чудо, особенно обнаруживающее Его силу. Не мертвого воскрешая, не морю, ни ветрам повелевая, не демонов изгоняя, а, будучи распинаем, оскорбляем, оплевываем, поносим, бесславим, Он мог переменить порочную душу разбойника, чтобы ты видел Его могущество в обоих случаях: Он привел в смятение всю тварь, потряс скалы, привлек и удостоил чести душу разбойника, которая была бесчувственнее камня: "**Ныне же**, **-** говорит, **- будешь со Мною в раю**". Херувимы, конечно, охраняли рай, но Христос – Владыка и херувимов; пламенный меч был в руках их, но Христос имеет власть и над пламенем и геенной, и над жизнью и смертью. Конечно, ни один царь никогда не согласился бы посадить вместе с собою разбойника или какого-нибудь другого раба и ввести его таким образом в город, а Христос это сделал, и, входя в священное отечество, вводит с Собою разбойника, не

попирая и не бесчестя рая стопами разбойника, а напротив прославляя рай, потому что честь раю иметь такого Владыку, Который и разбойника делает достойным райского блаженства. Когда Он ввел в царство небесное мытарей и блудниц, то сделал и это не бесчестя его, а напротив почтил, показав, что Господь небесного царства так могуществен, что и блудниц и мытарей делает столь славными, что они являются достойными тамошней чести и награды. Подобно тому, как мы особенно дивимся врачу тогда, когда видим, что он освобождает от недуга людей с неисцелимыми болезнями и возвращает им здоровье, так точно следует удивляться и Христу, когда Он врачует неисцелимые раны, когда мытаря и блудницу приводит в такое состояние здоровья, что они оказываются достойными небес. Но что такого обнаружил, скажешь, разбойник, чтобы после креста получить рай? Хочешь, кратко укажу тебе доблесть его? Когда Петр отрекся долу, тогда разбойник исповедал горе. Говорю это, не Петра порицая, – да не будет! – а желая показать величие души разбойника. Ученик не вынес угрозы ничтожной девушки, а разбойник, видя, как весь предстоящий народ, кричит, беснуется и бросает хулы и насмешки, не обратил на них внимания, не посмотрел на видимое ничтожество Распятого, но, проходя все это мимо очами веры и оставив ничтожные препятствия, познал Владыку небес, и припав к Нему, говорил: "**Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!**" (Лк. 23:42). Не оставим вниманием этого разбойника и не постыдимся взять в качестве учителя того, кого Господь наш не устыдился ввести первым в рай. Не постыдимся взять в учители человека, который оказался прежде всей твари достойным жительства на небесах, но тщательно исследуем в отдельности (все его поступки), чтобы нам познать силу креста. Не сказал ему (Христос), как Петру: "Иди **за Мною, и Я сделаю** тебя ловцем **человеков**" (Мф. 4:19), не сказал ему, как двенадцати (ученикам): "**Сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых**" (Мф. 19:28). Напротив, Он даже не удостоил его совсем и слова. Он не показал ему чуда; разбойник не видел ни воскрешаемого мертвеца, ни изгоняемых демонов, не видел повинующегося моря; Христос ничего не сказал ему ни о царстве, ни о геенне, и, однако, разбойник исповедал Его прежде всех, притом, когда другой поносил, – потому что другой разбойник поносил Его. Распят же был со Христом и другой разбойник, чтобы исполнилось пророчество: "**и к злодеям причтен был**" (Ис. 53:12), потому что иудеи хотели затмить славу Его, и везде, что ни делали, оскорбляли (Его), но истина сияла везде и возрастала чрез самые препятствия. Итак, другой разбойник поносил Его. Видишь того разбойника и этого разбойника? Оба на кресте, оба за разбойническую жизнь, оба за нечестие, но участь того и другого не одинакова. Один наследовал царство небесное, другой послан в геенну. Так и вчера. Ученики и ученик, Иуда и одиннадцать. Те говорили: "**Где велишь нам приготовить Тебе пасху?**" (Мф. 26:17), а этот готовил предательство и говорил: "**Что вы дадите мне, и я вам предам Его?**" (ст. 15). Те готовились к служению и к божественному тайноводству, а этот поспешал на предательство. Так и здесь – разбойник и разбойник, но один поносит, а другой поклоняется, один хулит, а другой прославляет и унимает хулителя, говоря: "**Или ты не боишься Бога?** … **мы [осуждены] справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли**" (Лк. 23:40-41).

3. Видишь дерзновение разбойника? Видишь дерзновение его на кресте. Видишь любомудрие во время мучения и благочестие при наказании? Кто не поразится (видя), что он сохранил присутствие духа, что он остался в разуме, будучи пронзен гвоздями. Но он не только сохранил присутствие духа, но и, забывая себя самого, заботился о спасении других, став учителем на кресте, когда с упреком говорил: "**Или ты не боишься Бога?**" Не обращай внимания, говорит он, на земной суд; есть другой невидимый Судия, есть суд неподкупный; не смотри поэтому, что Он осужден на земле. Небесный суд не таков. Здесь, на земном суде, и праведники осуждаются, и неправедные избегают наказания, и виновные освобождаются, и невинные наказываются, потому что судьи волей-неволей

много погрешают, или, не ведая правды и поддаваясь обману, или, хоть и знают, но произносят часто приговор, будучи подкуплены деньгами. В небесном же суде нет ничего подобного. Бог – Судия праведный, и суд Его выйдет как свет, не затемняемый ни мраком, ни неведением. Так (из-за опасения), чтобы тот не говорил ему, что Христос осужден земным судом, он возвел его к суду небесному, напомнил (ему) о том страшном судилище, говоря как бы так: смотри туда, и ты не произнесешь осуждающего приговора, не станешь на сторону растленных земных судей, но с верою примешь суд на небе. Видишь любомудрие разбойника? Видишь его благоразумие и мудрость? Тотчас с креста он переселился на небо. Затем, сильно порицая другого разбойника, говорит: не боишься, что мы осуждены на то же. Что значит: осуждены на то же? На то же самое наказание. Не на кресте ли и ты? Итак, упрекая другого, ты, прежде чем его, порицаешь себя, потому что как тот, кто находится во грехах, порицая другого, порицает, прежде чем того, себя, так и находящийся в несчастии и ставящий в укор другому несчастие, укоряет, прежде чем другого, себя самого. “**Когда и сам осужден на то же?**”... Он читает ему апостольский закон, евангельские слова, гласящие: “**Не судите, да не судимы будете**” (Мф. 7:1). “**Когда и сам осужден на то же?**” Что ты делаешь, разбойник? Стараясь защитить Его, ты делаешь Его общником разбойника? Нет, говорит. Я уничтожаю такую мысль следующими словами. Дабы ты не подумал, что чрез общение в мучениях он сделал Его общником греха, он присоединил поправку, говоря: “**И мы [осуждены] справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли**” (Лк. 23:41). Видишь совершенное исповедание? Видишь, как он на кресте освободился от грехов? “**Станем судиться; говори ты**, **-** сказано, **- чтоб оправдаться**” (Ис. 43:26). Никто не принуждал, никто не насиловал его, а сам выставил себя на поругание, говоря: “**И мы [осуждены] справедливо, потому что достойное по делам нашим** пострадали, **а Он ничего худого не сделал**”. И после этого говорит: “**Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!**”. Он не осмелился сказать прежде: “**Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!**”, **-** чем сложил чрез исповедание тяжесть грехов.

Видишь, что значит исповедание? Исповедал – и отверз (себе) рай; исповедал – и получил столь великое дерзновение, что просит царства после разбоя. Видишь, причиною скольких благ служит для нас крест? Ты вспоминаешь о царстве? Что же такого ты видишь (что напоминало бы о нем), скажи мне? Видны гвозди и крест. Но самый-то этот крест, говорит, есть символ царства. Потому называю Его царем, что вижу Его распинаемым на кресте, так как долг царя – умереть за подвластных. Он Сам сказал: “**Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец**” (Ин, 10:11), – так точно и добрый царь полагает свою душу за подвластных. Посему, так как Он положил душу Свою, то я и называю Его за это царем. “**Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!**”.

4. Видишь, как крест является символом царства (небесного)? Хочешь знать другие тому доказательства? Христос не оставил его на земле, поднял его (с Собою) и вознес на небо. Откуда видно это? Оттуда, что Он имеет придти с ним во второе и славное Свое пришествие. Чтобы ты знал, какая честь подобает кресту, для того Он назвал его и славой. Но посмотрим, как Он придет с крестом. Необходимо привести этому доказательство. “**Если скажут**, **-** говорит, **- вам: "вот, [Он] в пустыне", - не выходите; "вот, [Он] в потаенных комнатах", - не верьте**” (Мф. 24:26), говорит так о Своем втором славном пришествии, в виду лжехристов, лжепророков и антихриста, чтобы кто-нибудь, заблудившись, не попался последнему. Так как прежде Христа придет антихрист, то чтобы кто-нибудь, ища пастыря, не попался волку, для того указываю тебе признак пришествия пастыря. Так как первое Его пришествие было тайным, то дабы ты не подумал, что и второе будет таким же, Он дал этот знак. Тому пришествию естественно бы быть тайным, потому что Он пришел взыскать погибшего, но то будет не таково. Как же, скажи? “**Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так**

будет пришествие Сына Человеческого" (Мф. 24:27). Он явится всем за раз, и никто не будет иметь нужды спрашивать: здесь, или там Христос? Подобно тому, как, при появлении молнии, мы не имеем нужды спрашивать, явилась ли она, так, когда совершится пришествие Христово, для нас не будет нужды исследовать, пришел ли Христос. Но вопрос в том, с крестом ли придет Он? Мы не забыли обещания, – выслушай поэтому следующее. *Тогда*, говорит. Когда это: *тогда*? Когда придет Сын человеческий. (Тогда) "**солнце померкнет, и луна не даст света своего**" (Мф. 24:29). Таково-то будет тогда изобилие света, что и самые блестящие звезды станут невидимы. (Тогда) "**звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе**" (ст. 29, 30). Видишь, сколь велика сила знамения креста? Солнце помрачится, и луна не будет видна, а оно является и блистает, дабы ты знал, что оно светлее солнца и луны. И подобно тому, как, при вступлении в город царя, воины, взяв так называемые знамена, несут их на своих плечах, предвозвещая вход царя, так и при нисхождении Господа с небес предшествуют воинства ангелов и архангелов, неся на ременах знамение креста и возвещая нам царское Его пришествие. (Тогда) "**силы небесные поколеблются**" (ст. 29), – говорит об ангелах, – трепет охватит их тогда и великий страх. Почему, скажи мне? Страшен будет тот суд, потому что вся природа наша должна будет судиться и предстоять страшному Судии. Но почему ангелы боятся и трепещут? Ведь не они будут судиться? Подобно тому, как когда судит начальник, не только подлежащий ответу, но и стоящие вблизи (воины), не сознавая за собой никакой вины, боятся и трепещут из-за страха пред судией, так и тогда, хотя будет судима наша природа, но и не сознающие за собой никакого преступления ангелы будут бояться вследствие крайнего страха, внушаемого Судиею. Но для чего явится тогда крест и для чего Спаситель придет с ним? Для того, чтобы распявшие Его познали свою собственную неблагодарность, – для того именно Он и показывает им самый этот символ их бесстыдства. А что для этого Он принесет его, послушай пророка, который говорит: "**и будут рыдать о Нем**", видя Обвинителя и сознавая свой грех. И что ты дивишься, что Он придет с крестом, если Он покажет тогда и самые даже раны? "**Воззрят**, **-** говорит (пророк**), - на Него, Которого пронзили**" (Зах. 12:10). Подобно тому, как сделал Он с Фомой, желая уничтожить неверие ученика, и по воскресении показал ему знаки гвоздей и язвы, говоря: "**Подай руку твою и вложи в ребра Мои … и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет**" (Ин. 20:27; Лк. 24:39), так точно и тогда Он покажет раны и крест, дабы доказать, что Он есть тот, который был распят.

5. Но не только крест, и самые слова, сказанные на кресте, являют неизреченное Его человеколюбие. Распинаемый на кресте, **подвергаясь** при этом осмеяниям, поруганиям и заплеваниям, Он говорил: "**Отче! прости им** (грех)**, ибо не знают, что делают**" (Лк. 23:34). И распинаемый молится за распинателей, хотя те напротив говорили: "**Если Ты Сын Божий, сойди с креста… и уверуем** (в тебя)" (Мф. 27:40,42). Но потому-то именно, что Он Сын Божий, Он и не сходит с креста, так как для того Он пришел, чтобы быть распятым за нас. "**Сойди, -** говорят, **- с креста… и уверуем** (в тебя)". Это слова и отговорка неверия, потому что восстать из гроба, к которому привален был камень, было гораздо более великим делом, чем сойти с креста; извести из гроба четвородневного мертвого Лазаря, повитого пеленами, (также) было гораздо более великим делом, чем сойти с креста. Итак, они говорили: "**Спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий**". Он делал все, чтобы спасти поносящих Его, говоря: "**Прости им** (грех)**, ибо не знают, что делают**". Что же? Отпустил им грех? Отпустил, если они хотели каяться, а если бы Он не отпустил им греха, то Павел не сделался бы апостолом; если бы не отпустил им греха, то не уверовали тотчас ни три тысячи, ни пять тысяч, ни бесчисленное множество. А что уверовало бесчисленное множество иудеев, послушай, что говорят апостолы Павлу: "**Видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они ревнители закона**" (Деян. 21:20)?

Итак, будем подражать Господу и молиться за врагов. Опять обращаюсь с этим увещанием: сегодня (уже) пятый день беседую с вами об этом предмете, не потому, чтобы я заметил невнимательность с вашей стороны, – да не будет, – а главным образом в надежде, что вы убедитесь (моими советами). А если есть (между вами) жестокосердые, гневливые, злопамятные, которые не внемлют сказанному о молитве (за врагов), то может быть они, устыдившись числом дней, отложат как-либо свою вражду и злобу. Подражай своему Владыке. Он был распинаем и обращался с молитвой к Отцу за распинателей. Как, скажешь, могу я подражать Господу? Можешь, если желаешь, потому, если бы ты был не в состоянии подражать, то, как бы сказал (Спаситель): "**Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим**" (Мф. 11:29)? Если бы не возможно было подражать, то не сказал бы Павел: "**Будьте подражателями мне, как я Христу**" (1 Кор. 11:1). Если, впрочем, ты не хочешь подражать Владыке, то подражай сорабу, – разумею апостола Стефана, так как и он подражал Господу. И как Христос среди распинателей, оставив крест, оставив все, касающееся Его Самого, умоляет Отца за распинателей, так и этот раб среди побивающих, поражаемый всеми, под ударами камней, не обращая внимания на происходившие от этого страдания, говорил: "**Господи! не вмени им греха сего**" (Деян. 7:60). Видишь, как говорит Сын? Видишь, как молится раб? Тот говорит: "**Отче! прости им** (грех)**, ибо не знают, что делают**", а этот говорит: "**Господи! не вмени им греха сего**". А чтобы ты знал, что он молится с усердием (обрати внимание на то, что) он молится не просто стоя, будучи побиваем камнями, а сказал свою молитву, преклонив колена, с сердечным сокрушением и с великим состраданием. Хочешь, укажу тебе и другого сораба, который потерпел гораздо больше, чем этот? Павел говорит: "**Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, … ночь и день пробыл во глубине [морской]**" (2 Кор. 11:25). Что же затем? "**Я желал бы**, **-** говорит, **- сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти**" (Рим. 9:3). Не желаешь ли видеть еще другого не в Новом Завете, а в Ветхом? Это-то всего и удивительнее, что там, где не было повеления любить врагов, а (предписывалось) вырывать око за око и зуб за зуб (Исх. 21:24-25) и (за зло) воздавать одинаковым злом, там дошли до апостольского любомудрия. Послушай, что говорит Моисей, который многократно побиваем был камнями от иудеев и презираем ими. "**Прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал**" (Исх. 32:32). Видишь, как каждый из них предпочитает спасение других своему собственному спасению? Ты ни в чем не согрешил; так почему же ты хочешь быть участником в наказании вместе с ним? Потому, говорит, что недостаточно чувствую счастье, когда страдают другие. Довольно для нас и этих примеров. А чтобы нам совершенно исправить себя, постараюсь представить еще одного (святого), который любомудрствует об этом. Блаженный кроткий Давид, когда возмутилось против него все его войско и, вооружив сына его Авессалома, вручило последнему власть и хотело убить его, затем, когда Бог разгневался на это (ибо что в том, что (Бог) привел другой предлог для избиения?) и послал ангела с мечом, чтобы поразить народ с неба, то, видя, как все погибают, что говорит он? Я, пастырь, согрешил, и я, пастырь, зло сотворил: "**Пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего**" (2 Цар. 24:17). Видишь, как сходны добродетели (в В. и Н. Завете)? Хочешь, укажу тебе и еще? Не затруднюсь (представить) еще одного, который любомудрствует таким же образом. Пророк Самуил был так оскорблен, отвержен, пренебрежен иудеями, что Бог, желая утешить его, говорил: "**Не тебя они отвергли, но отвергли Меня**" (1 Цар. 8:7). Что же этот уничиженный, пренебреженный, оскорбленный? "**Не допущу себе греха пред Господом**, **-** говорит, **- чтобы перестать молиться за вас**" (1 Цар. 12:23). Он считал грехом не молиться за врагов. Да не будет мне согрешить так, чтобы не молиться о вас. Христос говорит: "**Отче! прости им** (грех)**, ибо не знают, что делают**"; Стефан говорит: "**Господи! не вмени им греха сего**"; Павел говорит: "**Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти**"; Моисей говорит: "**Прости им грех их, а если нет, то**

изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал"; Давид говорит: "**Пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего**"; Самуил говорит: "**Не допущу себе греха пред Господом**, **чтобы перестать молиться за вас**". Итак, скажи мне, будем ли иметь какое-нибудь извинение мы, когда и Владыка, и рабы, и святые ветхо- и новозаветные, все побуждают нас к молитве за врагов, если станем делать противное и молиться против врагов? Не станем делать так, братия, увещеваю вас, не станем, – потому что чем больше примеров, тем больше и наказание, если мы не будем подражать им. Молитва за врагов больше молитвы за друзей, и последняя не приносит нам столько пользы, сколько первая. "**Ибо если вы будете любить любящих вас**, - вы не делаете, говорит Христос, ничего великого: **не то же ли делают и мытари**?" (Мф. 5:46), так что если мы будем молиться за друзей, то мы еще нисколько не лучше язычников и мытарей, а если будем любить врагов, то по мере сил человеческих становимся подобными Богу, Который "**повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф. 5:45). Итак, будем подобны Отцу. *Будьте*, говорит Христос, подобны Отцу вашему, *иже есть на небесех*, чтобы нам удостоиться и царства небесного благодатию и человеколюбием Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Время произнесения этой, равно и следующей – второй беседы, неизвестно.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

О кресте, – сказана во святый и великий пяток, – и об исповедании разбойника, и о том, что нам должно молиться за врагов.

МЫ СОВЕРШАЕМ сегодня, возлюбленные, праздник и торжество, так как Господь наш на кресте пригвожден гвоздями. Не удивляйся, что мы празднуем, тогда как это событие прискорбно; таково все духовное; оно бывает противно обычаю человеческому. Дабы тебе точно знать это, вот крест прежде был именем осуждения и наказания, а теперь стал предметом почтенным и вожделенным; прежде крест был орудием позора и казни, а теперь стал источником славы и чести. А что крест действительно есть слава, послушай Христа, Который говорит: "**Прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира**" (Ин. 17:5), называя славою крест. Крест – глава нашего спасения; крест – причина бесчисленных благ. Чрез него мы, бывшие прежде бесславными и отверженными, теперь приняты в число сынов; чрез него мы уже не остаемся в заблуждении, но познали истину; чрез него мы, прежде поклонявшиеся деревьям и камням, теперь познали Создателя всех; чрез него мы, бывшие рабами греха, приведены в свободу праведности; чрез него земля, наконец, сделалась небом. Он освободил нас от заблуждения, он привел нас к истине, он устроил примирение между Богом и людьми, он, извлекши нас из глубины порока, возвел на самую вершину добродетели, он истребил бесовское заблуждение, он уничтожил, обольщение. Чрез него уже не стало дыма, смрада и пролития крови бессловесных животных, но везде духовные служения, песнопения и молитвы; чрез него бесы обращены в бегство, чрез него дьявол изгнан, чрез него человеческое естество стало соревновать жизни ангельской, чрез него девство водворилось на земле, потому что с того времени, как пришел Родившийся от Девы, естество человеческое узнало этот путь к добродетели. Он просветил нас, сидевших во тьме, он примирил нас, враждовавших (с Богом), он сделал близкими нас, бывших далеко, он сделал своими нас, бывших чужими, он сделал гражданами неба нас, бывших

странниками, он сделался у нас прекращением войн, он стал для нас опорою мира. Чрез него мы уже не боимся разженных стрел дьявола, так как нашли источник жизни; чрез него мы перестали быть во вдовстве, так как приобрели жениха; чрез него мы уже не боимся волка, так как узнали доброго пастыря. "**Я есмь**, **-** говорит (Господь), **- пастырь добрый**" (Ин. 10:11). Чрез него мы уже не страшимся тирана, так как прибегли к царю. Видишь ли, скольких благ причина для нас крест? Поэтому справедливо мы совершаем праздник. Так и Павел увещевает праздновать, когда говорит: "**Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины**" (1 Кор. 5:8). Почему же ты, блаженный Павел, повелеваешь нам праздновать? Скажи причину. "**Ибо Пасха наша, Христос**, **-** говорит, **- заклан за нас**" (ст. 7). Видишь ли, как крест служит предметом празднования? Узнал ты, что он повелевает праздновать ради креста? На кресте принесена жертва; а где жертва, там отпущение грехов, там примирение с Господом, там праздник и радость. "**Пасха наша, Христос**, **-** говорит, **- заклан за нас**". Где, скажи, Он "**заклан**"? На высоком кресте. Новый и дивный жертвенник, потому что и жертва дивная и необычайная. Сам Он – и жертва и священник, жертва по плоти, а священник по духу; Сам Он и принес, и был принесен. Послушай опять Павла, который говорит: "**Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, …а потому нужно было, чтобы и Сей также имел, что принести**" (Евр. 5:1; 8:3). Вот доселе Он приносит. А в другом месте апостол говорит: "**Так и Христос, однажды принеся Себя в жертву, чтобы подъять грехи многих**" (Евр. 9:28). Вот здесь Он *принесен*, а там *принес* Самого Себя. Видишь, как Он сделался и жертвою и священником, а жертвенником был крест. Впрочем нужно знать, почему эта жертва принесена не в храме, – разумею храм иудейский, – а вне города, за его стенами. Вне города Он распят, как какой-нибудь преступник, чтобы исполнилось сказанное пророком: "**И к злодеям причтен был**" (Ис. 53:12).

Для чего же за городом Он распят на высоком месте, а не под какою-нибудь кровлею? И это не без причины, а для того, чтобы очистить естество воздуха. – Поэтому на высоком месте, не под навесом кровли, но, вместо кровли, под сводом неба, чтобы очистилось все небо, в то время как этот Агнец был закалаем на высоте. Очистилось небо, очистилась и земля. Кровь капала из бока Его на землю и очистила все ее осквернение. По этой-то причине жертва принесена не под кровлею. Но почему же не в самом храме иудейском? И это опять не без причины, а для того, чтобы иудеи не сделали своею собственностью эту жертву, для того чтобы ты не думал, будто за один только этот народ принесена эта жертва; потому она принесена вне города, за его стенами, дабы ты знал, что это – жертва вселенская, дабы ты знал, что это – приношение за всю землю, и что это – общее очищение всего естества нашего. Иудеям Бог повелел оставить всю землю и приносить жертвы на одном месте, молиться на одном месте, потому что вся земля была тогда нечиста от дыма, смрада, крови идольской и прочих нечистот языческих; поэтому Он назначил им одно место. Но когда пришел Христос и пострадал вне города, то очистил всю землю, сделал всякое место удобным для молитвы. Хочешь ли знать, как вся земля наконец сделалась храмом, и как всякое место стало удобным для молитвы? Послушай опять блаженного Павла, который говорит: "**На всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения**" (1 Тим. 2: 8). Видишь ли, как Он очистил вселенную? Видишь ли, как мы везде можем воздевать чистые руки? Вся земля сделалась наконец святою, даже святее святынь иудейских. Почему? Потому, что там приносилась бессловесная, а здесь принесена словесная овца. Посему сколь выше словесное бессловесного, столь превосходнее и здешнее освещение. Итак поистине крест – праздник.

2. Хочешь ли знать и другое величайшее действие креста, превосходящее всякий человеческий ум? Сегодня он отверз заключенный рай; сегодня он ввел в него разбойника, совершил два величайших дела – и рай отверз и разбойника ввел, возвратил ему древнее отечество, привел его в отечественный город. "**Ныне же**, **-** сказал (Господь), **- будешь со Мною в раю**" (Лук. 23:43). Что говоришь Ты? Сам распят и пригвожден к кресту гвоздями, а обещаешь рай? Как же ты доставишь это? И Павел ведь говорит: "**Распят в немощи**" (2 Кор. 13:4). Но выслушай, что прибавляет он: "**но жив силою Божиею**". И еще в другом месте: "**Сила Моя совершается в немощи**" (2 Кор. 12:9). Посему, говорит, Я и обещаю теперь на кресте, чтобы и из этого ты познал Мою силу. Так как событие было печальное, то, дабы ты, обращая внимание на свойство креста, не предавался унынию, но взирая на могущество Распятого, был весел и бодр, для этого он и здесь показывает тебе силу Свою. Не мертвого воскрешая, не морю повелевая, не бесам запрещая, но, быв распят, пригвожден, подвергаясь оскорблению, оплеванию, злословию, осмеянию и поношению у всех, Он имел силу привлечь к Себе порочную душу разбойника. Посмотри, как могущество Его блистает с двух сторон: Он поколебал основание (земли), расторг камни, и душу разбойника, которая была бесчувственнее камня, сделал мягче воска. "**Ныне же будешь со Мною в раю**". Что говоришь ты? Херувим и пламенный меч стерегут рай, а ты обещаешь вход туда разбойнику? Да, говорит, потому что Я – Владыка и херувимов и имею власть над пламенем и геенной, над жизнью и смертью. Поэтому Он и говорит: "**Ныне же будешь со Мною в раю**". Когда эти силы видят Владыку, тотчас отступают и устраняются. Никакой царь никогда не решился бы посадить с собою разбойника, или другого кого-нибудь из подобных рабов, и таким образом вступить в город; а человеколюбивый Владыка сделал это. Входя в священное отечество, Он вводит с Собою разбойника, не бесчестя рая ногами разбойника, – да не будет, – но тем еще более оказывая честь раю, потому что честь для рая иметь такого Владыку, столь могущественного и человеколюбивого, что и разбойника Он может сделать достойным райских наслаждений. И когда Он призывал в царство мытарей и блудниц, делал это, не посрамляя царства, но, еще более воздавая ему честь, и показывая, что таков Господь небесного царства, что и блудниц и мытарей Он делал столь безукоризненными, что они оказывались достойными тамошней чести и награды. Как врачу мы удивляемся тогда, когда видим, что он, избавив от немощи людей, одержимых неизлечимыми болезнями, возвратил им полное здоровье, так и Христу удивляйся, возлюбленный, и изумляйся, что Он, взяв людей, одержимых неизлечимыми душевными болезнями, мог избавить их от порока и явить достойными небесного царства тех, которые дошли до крайнего нечестия. "**Ныне же будешь со Мною в раю**". Велика честь, беспредельно человеколюбие, неизреченно изобилие благости: войти вместе с Владыкою – это большая честь, нежели войти в рай. Но что это, скажи мне? Что такое сделал разбойник, чтобы вдруг с креста оказаться достойным рая? Хочешь ли, я кратко скажу об этом и покажу доблесть разбойника? Когда Петр, верховный из учеников, отрекся внизу, тогда он, находясь вверху – на кресте, исповедал (Христа). Говорю это не в осуждение Петра, – да не будет, – но желая показать величие души разбойника и превосходное его любомудрие. Тот не устоял пред угрозою простой служанки; а этот, видя, как весь народ неистовствовал, стоял кругом, кричал и произносил тысячи злословий Распятому, не посмотрел на уничижение Распятого, но, прозирая, чрез все это очами веры и оставив все унижения и препятствия внизу, признал небесного Владыку, сказав краткие те, но показывающие его достойным рая, слова: "**Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!**" (Лк. 23:42). Не оставим без внимания этих слов, не постыдимся взять себе учителем разбойника, которого Владыка наш не постыдился ввести в рай прежде всех; не постыдимся взять себе учителем человека, который первый из всего рода человеческого оказался достойным жизни в раю. Исследуем же каждое из слов его, чтобы и отсюда познать нам силу креста. Ему не говорил Господь, как Петру и Андрею: "Идите **за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков**" (Мф. 4:19); не говорил ему, как

двенадцати ученикам:): “**Сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых**” (Мф. 19:28); даже не удостоил его ни слова. Он не видел чудес – ни мертвого восстающего, ни бесов изгоняемых, ни моря повинующегося велению Господа, ни беседовал с Ним о царстве; откуда узнал он и название царства? Посмотрим же на великое его благоразумие. Другой разбойник, говорится в Евангелии, “**злословил Его**” (Лук. 23:39), потому что и другой разбойник был распят вместе с Ним, чтобы исполнилось сказанное пророком: “**и к злодеям причтен был**” (Ис. 53:12). Безумные иудеи хотели помрачить славу Его и со всех сторон искажали происшедшее; но истина от всего возрастала и от самых препятствий делалась яснейшею. Итак, другой разбойник хулил Его; один же из евангелистов говорит, что оба они поносили Иисуса (Мк. 15:32). И это справедливо; но это еще более возвышает доблесть того разбойника. Вероятно вначале и он злословил, но потом вдруг столь великую показал перемену. Итак, другой разбойник, говорится, “**злословил Его**”. Видишь ли разбойника и разбойника? Оба они на кресте, оба за пороки, оба за разбойническую жизнь; но не одна и та же участь постигла обоих: один наследовал царство, а другой ввержен в геенну. Так и вчера были ученик и ученики; но один готовился к предательству, а другие предлагали услуги. Тот говорил фарисеям: “**Что вы дадите мне, и я вам предам Его?**” (Мф. 26:15)? А эти, приступив к Иисусу, говорили: “**Где велишь нам приготовить Тебе пасху?**” (ст. 17)? Так и здесь разбойник и разбойник; но один злословит, а другой заграждает ему уста; один хулит, а другой укоряет его, – и это тогда, когда он видит, что Христос распят и осужден, и народ снизу злословит и громко кричит; однако ничто из всего этого не отвратило его и не отклонило от надлежащего прославления, но и на другого разбойника он сильно нападает и говорит ему: “**Или ты не боишься Бога**” (Лк. 23:40)?

3. Видишь ли дерзновение разбойника? Видишь ли, как и на кресте он не забывает своего собственного ремесла, но самым исповеданием похищает царство? “**Или ты не боишься Бога?**”, **-** говорит он. Видишь ли дерзновение (его) на крест? Видишь ли любомудрие, видишь ли благоговение? Он был при своем сознании, сохранил здравомыслие, хотя был прибит гвоздями и терпел невыносимые страдания от гвоздей; не достоин ли он удивления за такое благородное мужество? Я сказал бы, что он не только достоин удивления, но и по справедливости должен быть ублажаем, так как он не только не обращал внимания на свои страдания, но, оставив себя, заботился и о другом, старался избавить его от заблуждения и сделаться учителем на кресте. “**Или ты, -** говорит, **- не боишься Бога?**” Он как бы так говорит ему: не смотри на то судилище, которое здесь внизу, не суди по виду, не взирай только на происходящее; есть другой Судия – невидимый и неподкупное судилище, не могущее ошибаться. Итак, не смотри на то, что Он осужден внизу, вверху – не то. Здесь в нижнем судилище часто и невинные осуждаются, а виновные освобождаются, праведные приговариваются к наказаниям, а неправедные избегают их, потому что многие из людей частью добровольно, частью невольно извращают дела судимых, – или, не зная правды и обманываясь, или же зная, но, будучи подкуплены деньгами, изменяют истине и осуждают невинных. Но там вверху нет ничего подобного, потому что Бог есть Судия праведный, и суд Его изыдет, как свет: не имеет тьмы, не имеет прикровенности, не допускает никакого искажения. Дабы (этот разбойник) не сказал: Он осужден здесь внизу, к чему же ты защищаешь Его? – возвел его к горнему судилищу, к страшному престолу, к неподкупному суду, к непогрешимому Судии, напомнил ему о страшном суде. Туда смотри, говорит, и ты не произнесешь осуждающего приговора, не станешь вместе с людьми, находящимися внизу, но подивишься и примешь вышний суд. “**Или ты, -** говорит, **- не боишься Бога?**” Видишь ли любомудрие разбойника, видишь ли благоразумие, видишь ли учение? Вдруг с креста он воспарил на небо. Посмотри, как он уже исполняет апостольский закон, не себя только имеет в виду, но делает все и употребляет все меры, чтобы и другого избавить от заблуждения и привести к истине, – сказав: “**Или ты не боишься Бога?**”, он

присовокупил: “**Когда и сам осужден на то же?**” (Лк. 23:40). Посмотри на совершенное исповедание. Что значит: “**Сам осужден на то же**”? На то же самое, говорит, наказание, так как и мы находимся на кресте. Посему, понося Его, ты, прежде Него, подвергаешь злословию себя самого. Как находящийся во грехах, осуждая другого, осуждает себя самого, прежде него, так и находящийся в несчастии, и поносящий несчастие другого, прежде него, поносит себя самого. “**Сам осужден на то же**”, говорит он; читает ему апостольский закон, изрекающий евангельские слова: “**Не судите, да не судимы будете**” (Мф. 7:1). “**Когда и сам осужден на то же**”. Что делаешь ты, разбойник? Не делаешь ли ты Христа сообщником вашим, когда говоришь: “**Сам осужден на то же**”? Нет, говорит, я прибавляю для исправления слов своих следующее: “**И мы [осуждены] справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли**” (Лк. 23:41). Дабы ты услышав его слова: “**Сам осужден на то же**”, **-** не подумал, будто он представляет Христа сообщником греха, для этого он прибавляет поправку и говорит: “**И мы [осуждены] справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли**”. Видишь ли совершенную исповедь на кресте? Видишь ли, как он омыл свои грехи этими словами? Видишь ли, как он исполнил пророческое наставление: “**Станем судиться; говори ты**, **чтоб оправдаться**” (Ис. 43:26). Никто не принуждал его, никто не обвинял, никто не нападал, сам он становится обвинителем себя самого; посему никого уже другого после не имеет обвинителем. Он предвосхитил дело обвинителя, и сам выставил свое имя на позорном столбе, сказав: “**И мы [осуждены] справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли**”. Видишь глубочайшее благоговение? Когда таким образом он обвинил сам себя, когда обнаружил свои дела, когда произнес защиту за Владыку, сказав: “**И мы [осуждены] справедливо… а Он ничего худого не сделал**”, – тогда осмелился предложить и просьбу: “**Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!**” (Лк. 23:42). Он не дерзал прежде сказать: *помяни мя*, пока исповеданием не очистил себя от нечистоты грехов, пока осуждением своим не сделал себя невинным, пока обвинением себя не сложил прегрешений своих.

Видишь ли, как много имеет силы исповедание и на самом кресте? Слыша это, возлюбленный, никогда не отчаивайся, но, представляя неизреченное величие человеколюбия Божия, поспеши исправлением от грехов. Если Он разбойника, бывшего на кресте, удостоил столь великой чести, то тем более удостоит нас Своего человеколюбия, если мы захотим исповедаться в наших прегрешениях. Итак, дабы и нам воспользоваться Его человеколюбием, не устыдимся исповедать грехи свои, потому что велика сила исповеди и много может сделать она. Вот и разбойник исповедался – и нашел отверстый рай; исповедался – и получил дерзновение, будучи разбойником, просить царства. До того времени он не просил небесного царства. Как, скажи мне, разбойник, ты вспомнил о царстве? Что такое ты увидел теперь? Гвозди и крест пред глазами твоими, обвинения, насмешки и злословия. Да, говорит он, но самый крест кажется мне знаком царства; потому я и называю Его царем, что вижу Его распятым, – царю свойственно умирать за подданных. Он сам сказал: “**Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец**” (Ин. 10:11): так и добрый царь полагает душу свою за подданных. Посему, так как Он положил душу Свою, то я и называю Его царем. “**Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое**”.

4. Хочешь ли знать, как крест служит знаком царства, и как этот предмет достоин почтения? Господь не допустил ему оставаться на земле, но извлек его и вознес на небо. Откуда это известно? С ним Он имеет придти при втором пришествии Своем. Посмотрим же, как Он имеет придти с ним. Послушай, как говорит об этом Сам Христос: “**Если скажут вам: "вот, [Он] в пустыне", - не выходите; "вот, [Он] в потаенных комнатах", - не верьте**” (Мф. 24:26); говорит так о втором Своем пришествии, по поводу лжехристов, лжепророков, антихриста, чтобы кто-нибудь, обманувшись, не подпал власти

его. Так как прежде Христа придет антихрист, то, дабы ищущие пастыря не попали на волка, Я объявляю, говорит, вам признаки пришествия пастыря. Если первое пришествие Его было прикровенное, то не подумайте, говорит, что и второе будет такое же. То по справедливости было прикровенно, потому что Он приходил найти погибшее; а это будет не так. А как? Скажи и научи. "**Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого**" (Мф. 24:27). Он явится всем вдруг; никому не нужно будет спрашивать. Как при явлении молнии мы не имеем нужды исследовать, была ли молния, так и при явлении Его нам не нужно будет исследовать, пришел ли Христос. Впрочем, мы еще и теперь не сказали о предложенном вопросе, с крестом ли придет Он. Послушай же, как Он и это ясно объявляет. *Тогда*, говорит, т. е. когда Я приду, "**солнце померкнет, и луна не даст света своего**" (Мф. 24:29). Такой будет тогда избыток света, что и светлейшие звезды скроются. "И **звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе**" (Мф. 24:30). Видишь ли, сколь велико превосходство этого знамения, какова светлость, каков блеск? Солнце помрачается, луна не показывается, звезды падают, а оно одно является, дабы ты знал, что оно светлее луны и блистательнее солнца. Как при входе царя предшествующие ему войска несут на плечах знамена и предвозвещают прибытие царя, так и при нисшествии Владыки твари с небес будут предшествовать воинства ангелов и архангелов, неся это знамение и предвозвещая нам пришествие Царя. *Тогда*, говорит Он, "и **силы небесные поколеблются**", разумея ангелов и архангелов, и все невидимые силы, потому что их обнимет трепет, великий страх и ужас. Почему же, скажи мне, и те силы приходят в страх? По основательной причине: страшное будет тогда судилище, все естество человеческое будет судимо, будет отдавать отчет и предстоять пред страшным престолом. Почему же, однако, и ангелы тогда будут трепетать и бесплотные силы придут в ужас, между тем как не они будут судимы? Как тогда, когда судия призывает на суд виновных и садится на высоком месте, не одни только виновные, но и одинаковые с ними по званию предстоящие, хотя не сознают за собою ничего, однако боятся и трепещут от страха пред судиею, – так и тогда, когда естество наше будет судимо и станут от него требовать отчет в прегрешениях, и ангелы, не сознающие за собою ничего, и прочие силы будут страшиться и трепетать пред грозным Судиею. Таким образом это мы узнали. Но для чего и почему Он придет с крестом? Узнай и этому причину. Дабы распявшие Его уразумели из самых дел свое собственное безумие, для этого Он покажет им самое обличение их безумия. Но дабы тебе знать, что Он принесет крест именно для того, чтобы обвинить их, послушай, как говорит о нем евангелист: "**Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные**", видя обвинителя и сознавая свой грех (Мф. 24:30). И чему ты удивляешься, что Он придет, неся крест? Он придет, нося на Себе даже Свои язвы. Откуда известно, что Он придет, нося на Себе язвы? Послушай пророка, который говорит: "**Воззрят на Него, Которого пронзили**" (Зах. 12:10). Как поступил он с Фомою – желая исправить неверие этого ученика, показал ему язвы гвоздиные и самые раны и сказал: "**Подай перст твой сюда и …подай руку твою** … **и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет**" (Ин. 20:27; Лк. 24:39), дабы показать ему, что Он истинно воскрес, – так и тогда Он принесет Свои язвы и крест, дабы показать им, что Он именно тот, которого распяли. Это – великое и спасительное благо и ясное свидетельство человеколюбия Божия!

5. Впрочем, не только крест, но и самые слова сказанные Им на кресте, показывают Его неизреченное человеколюбие. Выслушай эти слова. Когда распявшие (его) стояли вокруг Его и пылали яростью, тогда Он сказал: "**Отче! прости им** (грех)**, ибо не знают, что делают**" (Лк. 23:34). Видишь ли человеколюбие Владыки? Будучи распят, Он просил за распинающих, хотя они насмехались и поносили Его, говоря: "**Если Ты Сын Божий, сойди с креста**" (Мф. 27:40). Но потому Он и не сошел с креста, что Он есть Сын Божий,

так как для того Он и пришел, чтобы быть распятым за нас. “**Пусть теперь сойдет с креста, -** говорили они, **- и уверуем в Него**” (Мф. 27:42). Посмотри на слова бесстыдства и предлоги неверия: Он сделал дела важнее схождения со креста, и они не веровали, а теперь говорят: “**Сойди с креста**”, – и поверим Тебе. Гораздо важнее схождения с креста – воскресить мертвого, ко гробу которого привален камень; гораздо важнее схождения с креста – вывести из гроба четвородневного Лазаря с пеленами, которыми он был обвит. Видишь ли слова безумия? Видишь ли чрезмерное неистовство? Но слушайте со вниманием, прошу вас, дабы вам видеть чрезмерное человеколюбие Божие, и как Христос самым безумием их воспользовался, как поводом к прощению. “**Отче**, **-** сказал Он, **- прости им** (грех)**, ибо не знают, что делают**” (Лк. 23:34). Он как бы следующее выражает этими словами: они не в своем уме и не знают, что делают. Они говорили: “**Спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий**” (Мф. 27:40); а Он старался спасти их, поносивших Его, издевавшихся и злословивших. “**Прости им** (грех)**, -** говорит, **- ибо не знают, что делают**”. Что же? Отпустил ли им [Бог] этот грех? Отпустил тем, которые захотели иметь покаяние. Если бы Он не простил им этого греха, то Павел не был апостолом; если бы Он не простил им этого греха, то не уверовали бы в Него вдруг три тысячи и пять тысяч и потом многое множество иудеев. Послушай, что говорит Иаков Павлу в Иерусалиме: “**Видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они ревнители закона**” (Деян. 21:20)?

Будем же и мы, увещеваю вас, подражать Владыке и молиться за врагов. К чему вчера я убеждал вас, и теперь к этому опять убеждаю: видя величие прекрасного деяния, подражайте своему Владыке, – Он был распят и молился за распинающих. Но как могу я, скажешь, подражать Владыке? Если захочешь, можешь; если бы это было невозможно, то Он не сказал бы: “**Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим**” (Мф. 11:29); если бы невозможно было для человека подражать Ему, то Павел не сказал бы: “**Будьте подражателями мне, как я Христу**” (1 Кор. 11:1). Впрочем, если ты не желаешь подражать Владыке, то подражай подобному тебе рабу, – говорю о Стефане, который первый открыл двери мученичества: он подражал Владыке, потому что как Владыка, вися (на кресте) среди распявших Его, молился за распинателей, так и этот раб, находясь среди побивавших его камнями, когда все бросали и он принимал на себя тучи камней, тогда, не обращая внимания на причиняемые ими страдания, говорил: “**Господи! не вмени им греха сего**” (Деян. 7:60). Видишь, как Сын беседует (с Отцом), и как раб молится. Тот говорит: “**Отче! прости им** (грех)**, ибо не знают, что делают**”, а этот говорит: “**Господи! не вмени им греха сего**”. И чтобы ты знал, что он делает это с усердием, он не просто молился, не небрежно и не стоя, но преклонив колена, с сокрушением, с великим состраданием. Хочешь ли, я покажу тебе и другого подобного тебе раба, еще более великого, который также произносил молитву за врагов? Послушай, что говорит блаженный Павел. Сказав, сколько он потерпел, именно: “**От Иудеев пять раз дано мне было по сорока [ударов] без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение**” (2 Кор. 11:24, 25); исчислив ряд (бедствий) и козни, которые он терпел от них ежедневно, он же говорил: “**Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть Израильтян**” (Рим. 9: 3-4). Хочешь ли видеть и других, не только в новом, но и в ветхом завете, которые делали то же самое? Это особенно удивительно, когда те, кому не было повелено любить врагов, но исторгать око за око и зуб за зуб и мстить равным за равное, достигали до высоты апостольской. Послушай, что говорит Моисей, |в которого иудеи часто бросали камни: “**Прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал**” (Исх. 32:32). Видишь ли, как каждый из праведников предпочитал безопасность других собственному спасению? Ты ни в чем не согрешил: для чего же хочешь участвовать в их наказании? Я, говорит, не чувствую себя счастливым, когда другие страждут. Можно указать еще на другого, который произносил такую же

молитву. Я нарочито привожу много примеров, чтобы, по крайней мере таким образом мы исправили себя и исторгли из души своей эту тяжкую болезнь, т. е. зложелательство врагам. Послушай и блаженного Давида, что говорит он, когда Бог разгневался и послал ангела для наказания народа, когда он видит ангела, показывавшего обнаженный меч, готового нанести удар: "**Я согрешил, я поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они? пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего**" (2 Цар. 24:17). Видишь ли опять сродные прекрасные деяния? Хочешь ли – я укажу тебе и еще на другого, который делал то же? Самуил пророк был так оскорблен, презрен и унижен иудеями, что Бог хотел утешить его. Слушайте со вниманием, увещеваю вас. Бог сказал ему: "**Не тебя они отвергли, но отвергли Меня**" (1 Цар. 8:7). Что же тот, которого уничижили, унизили, презрели, оскорбили? Послушай, что говорит он: "**Не допущу себе греха пред Господом**, **чтобы перестать молиться за вас**" (1 Цар. 12:23). Он считал грехом – не молиться за врагов. Да не будет со мною, говорит, такого греха, чтобы не молиться за вас. Видишь ли, как каждый из праведников старался следовать Владыке в этом прекрасном деянии? Итак, сделаем снова обозрение вышесказанного. Владыка говорит: "**Отче! прости им** (грех)**, ибо не знают, что делают**". Стефан сказал: "**Господи! не вмени им греха сего**". Павел говорит: "**Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти**". Моисей подобным же образом: "**Прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал**". Давид говорит: "**Пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего**". Самуил также: "**Не допущу себе греха пред Господом**, **чтобы перестать молиться за вас**". Какое же мы будем иметь извинение, когда все, жившие и в новом и в ветхом завете, побуждают нас к молитве за врагов, а мы не будем стараться со всем тщанием исполнять это? Итак, не будем нерадивыми, увещеваю вас. Чем больше примеров, тем больше будет наказание, если не станем подражать им. Гораздо важнее – молиться за врагов, нежели за друзей; не столько приносит нам пользы молитва за друзей, сколько молитва за врагов. Послушай Христа, Который говорит: "**Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари**" (Мф. 5:46)? Посему, когда мы будем молиться за друзей, то мы еще не лучше мытарей; а если будем любить врагов и молиться за врагов, то будем подобными Богу по силам человеческим. *Да будете*, говорит Он, подобны Отцу вашему *иже есть на небесех,* "**ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф. 5:45). Итак, если и от Владыки и от рабов мы имеем примеры, – покажем ревность, станем исполнять эту добродетель, дабы нам удостоиться получить царство небесное и с большим дерзновением приступить к этой страшной трапезе, очистив свою совесть, и достигнуть обетованных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

О воскресении мертвых.

ПРЕЖДЕ мы беседовали с вами о догматах и о славе Единородного Сына Божия, заграждая уста унижающих Его достоинство и отчуждающих Его от Родителя[1]. Сегодня хочу заняться учением преимущественно нравственным и предложить поучение вообще о жизни и поведении; вернее сказать, и эта беседа будет не только нравственная, но и догматическая, так как я намерен изложить учение о воскресении. Этот предмет многосторонен; он и в догматах служит руководством для нас, благоустраивает и жизнь нашу, освобождает и Промысел Божий от всякого обвинения. Как неверие в него расстраивает нашу жизнь, наполняет ее бесчисленными бедствиями и ниспровергает все, так верование убеждает нас в бытии Промысла, располагает тщательно заботиться о

добродетели и с великой ревностью избегать порока и наполняет все спокойствием и миром. В самом деле, кто не ожидает воскресения и не верит, что он отдаст отчет за свои здешние дела, а думает, что все наше ограничивается настоящей жизнью и за ней нет больше ничего, тот не будет заботиться о добродетели, — да и как он будет заботиться, когда не ожидает никакого воздаяния за труды? — не отстанет и от зла, не ожидая себе никакого наказания за злые дела свои; но, предавшись постыдным страстям, впадет в пороки всякого рода. А кто убежден в будущем суде и имеет перед очами то страшное судилище, неизбежный отчет в делах и неподкупный приговор, тот всячески будет стараться соблюдать и целомудрие и кротость и другие добродетели, а невоздержания и дерзости и всякого другого порока избегать; через это он будет в состоянии без всякого затруднения и заградить уста обвиняющим Промысел Божий.

В самом деле, некоторые, видя, что люди кроткие, целомудренные и живущие по правде терпят бедность, бывают притесняемы, подвергаются клеветам, едва имеют необходимое пропитание, часто страдают и продолжительной болезнью, и тяжкими недугами, и не получают никакой помощи, а обманщики, нечестивцы и преданные разным порокам изобилуют богатством, роскошествуют, одеваются в блестящие одежды, сопровождаются огромной толпой слуг, служат предметом удивления, пользуются властью, имеют великое дерзновение перед самим царем, — видя это, некоторые обвиняют Промысел Божий и говорят: где же тут Промысел? Где же праведный суд? Целомудренный и кроткий бедствует, а невоздержный и развратный благоденствует; тому удивляются, а этого презирают; тот наслаждается великой роскошью, а этот — в бедности и крайнем затруднении. Сомневающийся в будущей жизни замолчит и решительно ничего не скажет, а умеющий мудрствовать о воскресении легко остановит хулу и негодующим на это скажет: перестаньте изощрять язык свой против сотворившего вас Бога; дела наши не ограничиваются настоящей жизнью, но мы стремимся к другой жизни, гораздо более продолжительной, или — лучше — не имеющей конца; и там этот бедняк, живущий добродетельно, непременно получит воздаяние за труды свои, а развратник и обманщик подвергнутся наказанию за свое нечестие и неправедные удовольствия. Итак, не будем судить о Промысле Божьем только по настоящему, а станем судить и по будущему. Настоящая жизнь есть борьба, подвиг, поприще, а будущая — воздаяние, венец, награда. Как ратоборцу в борьбе нужно сражаться в поту, в пыли, в зное, в трудах и страданиях, так и праведнику здесь нужно много терпеть и все переносить великодушно, если он хочет получить там светлые венцы. А если кого смущает благоденствие нечестивых, тот пусть еще представит, что, как разбойники, и расхитители гробниц, и человекоубийцы, и морские пираты, прежде, нежели они попадут в судилище, наслаждаются изобилием, приобретая свое благополучие чужими несчастьями, собирая неправедное богатство и всякий день пьянствуя, когда же подвергнутся приговору судьи, то за все это получают наказание, — так и те, которые покупают блудниц, устраивают сибаритские пиршества, гордо поднимают брови, величаются на торжище и притесняют бедных; и они в то время, когда придет Единородный Сын Божий с ангелами Своими, сядет на престоле и поставит перед Собой всю вселенную, будучи приведены нагими и без всякой пышности, не имея ни в ком ни защитника, ни покровителя, без всякой пощады будут ввержены в огненные реки. Посему, не ублажай их за здешние их наслаждения, но плачь о предстоящем им наказании, равно и праведного не называй несчастным за здешнюю его бедность, но ублажай за будущее богатство благ, и вкорени в душе своей учение о воскресении, дабы тебе, если ты благочестив и подвергаешься искушениям, сделаться более терпеливым, черпая более ревности в надеждах на будущее, а если — нечестив, отступить от нечестия, соблюдая себя целомудреннейшим по страху будущего наказания.

2. Поэтому и Павел непрестанно повторяет нам учение о воскресении, как и сегодня вы слышали такие слова его: "**знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится,**

мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный" (2 Кор. 5:1). Впрочем, обратимся к тому, что сказано выше, и посмотрим, как он перешел к учению о воскресении. Не спроста и не случайно выдвигает он постоянно это учение, а с намерением научить будущему и, вместе с тем, желая укрепить подвижников благочестия. Ныне, правда, по благодати Божьей, мы наслаждаемся полным миром, так как и цари живут в благочестии, и начальники узнали истину, и простолюдины и города и народы, освободившись от заблуждения, все покланяются Христу; но тогда, в начале проповеди, когда семена благочестия только что засевались, была война сильная, разнородная. На верных восставали и начальники, и цари, и домашние, и родные, и все; даже вопреки самой природы велась эта война, часто отец предавал сына, мать — дочь, господин — раба. И не только одни города, не только страны, а часто и дома восставали друг на друга, и тогдашнее смятение было тяжелее всякой междоусобной войны, так как и имущество расхищалось, и свобода отнималась, и самой жизни грозила опасность, и не потому, что нападали и притесняли варвары, а потому, что сами те, которые считались повелителями и начальниками, были настроены к подчиненным хуже всяких неприятелей. И Павел, указывая на это, говорил: "**выдержали великий подвиг страданий, то сами среди поношений и скорбей служа зрелищем для других, то принимая участие в других, находившихся в таком же состоянии, ибо вы и моим узам сострадали и расхищение имения вашего приняли с радостью**" (Евр. 10:32-34). И галатам он говорит: "**столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы**" (Гал., 3:4); и фессалоникийцам и филиппийцам, и всем вообще, кому посылает письма, он свидетельствует о многом подобном. И не то только было тяжело, что извне была воздвигаема жестокая и постоянная война, но и то, что между самими верующими возникали некоторые соблазны, споры, состязания, несогласия; выражая это самое, Павел говорил: "**извне - нападения, внутри – страхи**" (2 Кор. 7:5). И эта война была гораздо тяжелее внешней и для учеников, и для учителей. Поэтому-то и Павел не так боялся козней врагов, как внутренних падений и преступлений между своими. Так, когда впал в блуд некто у коринфян, — он проводил все время в сетовании о преступнике, терзаясь сердцем и горько рыдая.

Было еще и третье обстоятельство, которое не меньше вышесказанных тяготило верующих, именно — самое свойство дела, требовавшего многих усилий и трудов. Не легок, в самом деле, и не удобен был путь, по которому вели их апостолы, но трудный и неудобопроходимый, для которого нужна душа любомудрая, неусыпная и во всех отношениях безукоризненная. Поэтому и Христос назвал этот путь узким и тесным. Им нельзя было жить без страха, как язычникам, в делах постыдных, пьянстве, объедении, роскоши и пышности, им нужно было и обуздывать гнев, и укрощать непристойные пожелания, и презирать богатство, и пренебрегать славой, и быть выше зависти и клеветы. А каких трудов требуют такие подвиги, это знают те, которые ежедневно борются со страстями. Что, скажи мне, свирепее нечистой похоти, которая, подобно бешеному псу, непрестанно бросается на нас, всякий день беспокоит нас и требует души, постоянно бодрствующей? Что мучительнее гнева? Приятно отомстить обидевшему, но это не позволялось. И что я говорю: не позволялось мстить обидевшему? Должно было благодетельствовать обижающим, благословлять злословящих, не произносить даже ни одного оскорбительного слова. Целомудрие же требовалось обнаруживать не в делах только, но и в самых помышлениях; нужно было удерживаться не только от нечистого дела, но и от (нечистого) взгляда, и даже не взирать с услаждением на лица благообразных женщин, так как и за такой взгляд можно подвергнуться крайнему наказанию. Так велика была война извне, велик страх внутри, много трудов в совершении дел добродетельных. К этому присоединилось и четвертое обстоятельство — неопытность тех, которые имели подвизаться столь великим подвигом. Апостолы приняли таких людей, которые не наследовали от предков благочестие, но были воспитаны в неге, роскоши, пьянстве,

распутстве и невоздержании. А это не мало затрудняло подвиги, то есть, что они не издревле и не от предков научились такому любомудрию, а только теперь приступили к этим подвигам.

3. Итак, когда подвижникам представлялось столько затруднений, апостол, желая ободрить их в труде, часто говорил о воскресении. И не этим только он увещевает и укрепляет ратоборцев, но и повествованием о собственных страданиях. Поэтому, прежде чем завести речь о воскресении, он излагает свои страдания, говоря так: "**мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем**" (2 Кор. 4:8-9), указывая этим на ежедневные смерти, т. е. что подвижники были как бы живыми мертвецами, ежедневно предаваемыми на смерть. Внушив им это, он потом ведет речь о воскресении. "**Веруем, что**", говорит, "**Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит перед Собой с вами: посему мы не унываем**" (2 Кор. 4:14-16), имея величайшим утешением в подвигах надежду на будущие блага. И не сказал им: "**посему не унывайте**"; но что? "**Посему мы не унываем**", — выражая, что и сам он непрестанно в подвигах. На олимпийских состязаниях ратоборец подвизается внутри, распорядитель же, сидя вдали, подает помощь словами, и настолько лишь помогает ратоборцу, насколько может кричать и восклицать; а подойти ближе и подать помощь руками не позволяет ему никакой закон. А в подвигах благочестия бывает не так; но здесь один и тот же бывает и распорядителем борьбы и вместе ратоборцем. Поэтому он сидит не вне поприща, но вступает в самые состязания и укрепляет тех, которые борются вместе с ним, говоря: "**посему мы не унываем**". Не сказал: "**посему мы не унываю**", но: "**посему мы не унываем**", желая ободрить их похвалами. "**Но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется**" (2 Кор. 4:16). Посмотри на мудрость апостольскую: сперва он ободрил их самыми страданиями их, сказав: "**отовсюду притесняемы, но не унываем";** ободрил и воскресением Иисуса, сказав: "**Воскресивший Господа Иисуса воскресит и нас**".

Потом употребляет и другой способ утешения. Так как многие из людей, малодушные, слабые и жалкие, хотя и верят в воскресение, но обращают на него мало внимания, за отдаленностью времени, колеблются и падают, то он прежде воскресения указывает им на другую награду и воздаяние. В чем же именно это последнее? "**Но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется**". Внешним человеком называет он тело, внутренним человеком именует душу. Смысл слов его следующий: еще прежде воскресения и наслаждения будущей славой, мы уже получаем не малое воздаяние за труды в том, что от самых скорбей душа наша обновляется, становится более мудрой и благоговейной, приобретает большее терпение, становится твердейшей и сильнейшей. Как те, которые совершают телесные подвиги, еще прежде венцов и наград получают великую награду в самом упражнении и борьбе, делая через упражнение свои тела более здоровыми и крепкими и избегая всякой болезни, так точно и в подвигах добродетели, еще прежде, чем отверзнется небо, прежде чем придет Сын Божий, прежде чем мы получим воздаяние, великую награду мы получаем от них уже в том, что душа наша становится более любомудрой. Как те, которые много плавали по морям, испытали множество волнений, боролись со многими зверями, выдержали много бурь, еще прежде выгод самой торговли получают не малую пользу от такого продолжительного путешествия в том, что приобретают смелость и отважность на море, и бесстрашно и с удовольствием совершают морские странствования, — так точно и в настоящей жизни тот, кто перенес много скорбей для Христа, кто потерпел много бедствий, еще прежде царства небесного получает великое воздаяние в том, что приобретает уже дерзновение перед Богом и делает душу свою более возвышенной, так что, наконец, посмеивается над всеми бедствиями.

А чтобы сказанное стало очевиднее, я хочу пояснить это на примере. Сам именно Павел, испытавший множество бедствий, не малое получал воздаяние уже и в том, что посмеивался над мучителями, противостоял неистовому народу, презирал всякое мучение, оставался непреклонным и перед зверями, и перед железом, и перед морями, и перед пропастями, и перед возмущениями, и перед кознями, и перед всеми бедствиями; а с этим что может сравниться? В самом деле, человека неопытного и не переносившего никакой беды обыкновенно смущают и маловажные дела, или — лучше — не только самые дела, но и одно лишь ожидание их; что я говорю: одно ожидание? — даже тени пугают и устрашают такого человека. Напротив, кто приступает к подвигам, испытав все и претерпев бесчисленные бедствия, тот бывает выше всех их и посмеивается над угрожающими, как над каркающими воронами. Не мал этот венец, не маловажна эта награда, когда ничто человеческое не может опечалить его, когда страшное для других делается для него не стоящим внимания, когда над тем, чего другие страшатся и трепещут, он может посмеиваться, силой своего терпения достигнув любомудрия сил ангельских. Подлинно, если мы ублажаем тело, которое может без боли переносить и холод, и зной, и голод, и недостаток, и путешествие, и другие труды, то гораздо больше должно ублажать душу, которая может мужественно и неустрашимо переносить все удары бедствий, и во всех обстоятельствах сохранять свой ум свободным от рабства. Такой человек царственнее самих царей, потому что царю могут много вредить своими замыслами и злодеяниями и оруженосцы, и друзья, и враги, а тому, у кого такая душа, как я теперь сказал, не может повредить ни царь, ни оруженосец, ни слуга, ни друг, ни враг, ни сам дьявол: да и как это было бы возможно, когда он научился не признавать бедствием ничего, что другими считается бедствием?

4. Таков был блаженный Павел; поэтому он и говорил: "**кто отлучит нас от любви**" Христовой; "**скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание: Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас**" (Рим. 8:35-37). То же самое выразил он и там, сказав: "**Но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется**" (2 Кор. 4:16). Слабее, — как бы так говорит он, — становится тело, но душа делается сильнее и крепче и более окрыляется. Подобно тому, как воин, носящий тяжелое оружие, как бы он ни был мужествен и храбр, не может быть страшен для неприятелей, потому что тяжесть оружия препятствует быстроте ног и воинской ловкости, а если возьмет оружие легкое и удобоносимое, то налетает на противников, подобно птице, так и тот, кто не утучняет своей плоти ни пьянством, ни негой, ни роскошью, но постами, молитвами и великим терпением в скорбях делает ее более легкой и тонкой, как птица, несущаяся сверху, с великой стремительностью нападает на полки бесов, легко низлагает супротивные силы и покоряет их себе. Так и Павел, приняв много побоев, попав в темницу и быв закован в колоду, имел тело уже изнуренное трудами, но душу крепкую и сильную, и столь силен был в узах, что одним голосом потряс основания темницы, свободного от уз темничного стража привел узником к ногам своим и отверз запертые двери. Итак, Павел доставил нам не малое утешение еще прежде воскресения тем, что от искушений мы делаемся лучше и любомудреннее. Поэтому он и говорит: "**от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает**" (Рим. 5:3-5). И другой некто говорит: муж неискушенный неискусен, а неопытный не имеет никакой цены (Сирах. 34:10). Таким образом, от скорби мы получаем не мало пользы еще прежде воскресения тем, что душа наша становится испытаннее, мудрее и разумнее, и избавляется от всякой робости. Посему он и говорит: "**но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется**". Как, скажи, он обновляется? Так, что изгоняется всякое малодушие, подавляются непристойные пожелания, сребролюбие, тщеславие, истребляются и прочие все вообще растленные помыслы. Как душа, преданная бездействию и беспечности, легко

овладевается этими страстями, так душа, непрестанно занятая подвигами благочестия, не имеет даже и досуга подумать когда-нибудь о них, потому что заботливость о подвигах отвлекает ее от всех страстей. Посему он и сказал: "**со дня на день обновляется**". Потом, желая еще утешить души, скорбящие среди приключающихся бедствий и не умеющие любомудрствовать, он ободряет их надеждой на будущее, говоря так: "**ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно**" (2 Кор. 4:17-18). Смысл слов его следующий: скорбь много пользы приносит нам и здесь, делая нашу душу более разумной и любомудрой, но после она доставит нам и бесчисленные блага в будущем, блага не равноценные трудам, но далеко превосходящие подвиги и в количестве и в качестве. Объясняя, говорю, то и другое, Павел делает сравнение важности опасностей с важностью наград, и кратковременному противополагает вечное, легкому — тяжелое, скорби — славу. Скорбь, говорит, временна и легка, а успокоение, — впрочем, он не сказал: успокоение, а "**слава**", что гораздо больше успокоения, — вечно, постоянно и велико. "**Тяготой**" же здесь он выразил не обременительность и трудность, а многоценность и важность, по обычаю тех многих, которые обыкновенно называют многоценное и веским. Итак, когда он говорит: "**тяготу славы**", он разумеет великость славы. Не о том только думай, — как бы так говорит он, — что тебя мучат и преследуют, но и о венцах и наградах, которые гораздо больше и блистательнее настоящих благ, и не имеют ни конца, ни предела. Но эти блага, скажешь, на опыте, а те в надежде; эти явны, а те не видны, отдаленны и высоки. Но хотя они и не видны, однако явственнее видимых. Что я говорю: явственнее? — их ты можешь видеть лучше, нежели эти; потому что эти проходят, а те всегда пребывают. Поэтому он и присовокупил: "**когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно**".

5. Если же ты скажешь: как могу я взирать на невидимое и не взирать на видимое? — то я постараюсь привести тебя к вере в это посредством дел житейских. И тленными вещами, находящимися в мире, не скоро стал бы заниматься кто-нибудь, если бы прежде видимого не взирал на невидимое. Например: торговец переносит много бурь, волнений, кораблекрушений и разных затруднений, но становится богатым после бурь, когда сложит товары и долго будет производить торговлю. Таким образом, бури прежде, а товары после; моря и волны уже являются ему, когда он выходит из пристани, а прибыли еще не видно, — она еще пока в надежде. И, однако, если бы он наперед не видел этой неявной и неприсущей, находящейся не в руках, а только в надежде, прибыли, то не дотронулся бы и до (этого) присущего и видимого. Так и земледелец запрягает волов, влачит плуг, проводит глубокую борозду, бросает семена, тратит все, что имеет, переносит и мороз, и иней, и дожди, и много других неприятностей, а после этого труда ожидает увидеть богатую жатву и полное хлеба гумно. Видишь ли, как и здесь наперед труд, а потом награда, и притом награда неизвестна, а труд известен и очевиден, та еще в надежде, а этот на опыте? Однако и он, если бы наперед не смотрел на неизвестную, неявную и невидимую телесными глазами награду, то не только не запрягал бы волов, не влачил плуга, не бросал семян, но и не вышел бы никогда из дома для такой работы. Итак, не безрассудно ли — в делах житейских прежде явного смотреть на неявное, прежде наград переносить труды, прежде терпеть все неудобства, а потом ожидать от того пользы, и побуждаясь надеждой на невидимое приниматься за видимое, а в делах Божьих колебаться и недоумевать, требовать воздаяний прежде трудов, являться малодушнее и земледельцев и мореплавателей? И не потому только мы оказываемся хуже их, что не доверяем будущему, но не меньше того и по другой причине. Почему же именно? Потому, что те, даже вовсе не имея уверенности в благополучном окончании своих дел, не оставляют трудов, а ты, имея достоверного поручителя за венцы, не смотря даже и на это, не подражаешь их терпению. В самом деле, земледелец, посеяв семена, обработав землю и

увидев богатые нивы, часто теряет плоды трудов своих от града, или от зловредной росы, или от саранчи, или от какой-нибудь другой подобной беды, и после многих усилий возвращается домой с пустыми руками. Также и торговец, проплыв широкое море с наполненным товарами судном, часто при самом входе в пристань, подвергшись нападению ветров, ударяется о какую-нибудь скалу, едва спасши лишь тело, нагим выходит (на берег). И вообще во всех житейских делах при конце нередко случается много подобных бедствий. А в твоих подвигах этого не бывает; но кто подвизался, кто сеял благочестие и перенес много трудов, тот непременно достигает конца, потому что награды за эти труды Бог вверил не переменчивости воздуха и не стремлению ветров, а положил их на небесах, в недоступных сокровищницах. Посему и Павел сказал: "**от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает**" (Рим. 5:3-5). Итак, не говори, что будущее не явно, потому что если ты захочешь тщательно исследовать, то оно гораздо виднее того, что в руках. Это самое и показывает нам Павел, когда называет одни блага вечными, а другие временными, под "**временностью**" разумея тленность их. И в самом деле, они лишь только явятся, как и улетают; лишь только придут, как и убегают; смены их быстры, обладание ими неверно. Это случается (как вы можете видеть) и с богатством, и славой, и властью, и благообразием тел, и силой, и вообще со всем житейским. Поэтому и пророк, обличая роскошествующих и неистово пристрастившихся к богатству и всем другим пустым вещам, говорит: "**думают, что это ценное, а не преходящее**"[2] (Амос. 6:5); как нельзя удержать тень, так и житейские предметы, — одни из них разрушаются при смерти, а другие еще прежде смерти уплывают быстрее всякого потока. Будущее же не таково; оно не знает перемены, не допускает переворота, не испытывает старости, не терпит никакого изменения, но постоянно цветет и пребывает в одном и том же благолепии. Таким образом, если надобно назвать что-нибудь неявным, неизвестным и неверным, то следует назвать так блага настоящие, которые не остаются у приобретших их, но сменяют владельцев и каждый день переходят от одного к другому, а от другого к третьему. Объяснив нам все это и потому настоящее назвав временным, а будущее вечным, Павел начинает речь о воскресении и говорит так: "**знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный**" (2 Кор. 5:1).

6. Посмотри опять и здесь, какие точные он употребляет выражения, самыми названиями обнаруживая силу мыслей. В самом деле, не спроста назвал он тело обиталищем души, но указывает нам на временность настоящей жизни и объявляет о перемене на лучшее, как бы так говоря: зачем ты воздыхаешь и плачешь, возлюбленный, что тебя бьют, гонят и заключают в темницу? Зачем ты оплакиваешь эти частные бедствия, когда тебе надобно подвергнуться всецелому разрушению тела, или — лучше — не просто тела, но тления, находящегося в теле? А чтобы доказать, что эти частные бедствия не только не должны печалить нас, но еще радовать, он заявляет, что всеобще и последнее разрушение составляет для нас предмет желаний, называя так разрушение через смерть. И далее: "**от того мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище**" (2 Кор. 5:2). Двумя словами: "**хижина тела**" — он или называет самое тело, или под хижиной тела разумеет дома, в которых мы обитаем, города, внешний вид настоящей жизни. И не просто сказал: "**знаю**", но: "**знаем**", ссылаясь и на ведение слушателей; я беседую, как бы так говорит он, не о сомнительных и неизвестных предметах, но о том, что вы уже приняли верой, уверовав в воскресение Господа. Посему мы и называем тела умерших храминами. Посмотри еще, какое точное он употребил выражение; не сказал: истребится и уничтожится, но: "**разрушится**", показывая, что оно — тело, разрушается, чтобы восстать более блистательным и светлым. Затем, подобно тому, как он сравнивал труды с наградами по качеству, продолжительности и количеству, так точно поступает он и здесь, называя разрушающееся тело "**обиталищем**", а восстающее "**жилищем**", и не просто

жилищем, но "**вечным**", и не просто вечным, но "**небесным**", показывая превосходство его и по продолжительности и по месту; то земное, а это небесное; то временное, а это вечное. Теперь мы, по немощи плотской, имеем нужду и в теле и в жилище; а тогда одно и то же будет и телом и жилищем, не имея нужды ни в кровле, ни в каких-нибудь покровах, потому что для него нетление будет достаточно вместо всего. Далее, показывая превосходство соблюдаемых для нас благ, он говорит: "**ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем**" (2 Кор. 5:4). Не сказал: "**воздыхаю**", но обобщает эту мысль. "**Ибо в нем**", говорит, "**воздыхаем**", желая привлечь и слушателей к своему любомудрию и сделать их общниками своего суждения. "**От того мы и воздыхаем, желая облечься** (επενδυσασθαι) **в небесное наше жилище**". Не сказал просто: "**облечься**" (ενδυσασθαι), но дополнил: "**пооблещися**"[3] (επενδυσασθαι), и прибавил: "**только бы нам и одетым не оказаться нагими**" (2 Кор. 5:3). Эти слова кажутся неясными; но они становятся ясными из следующего за ними прибавления: "**ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем: потому что не хотим совлечься, но облечься**". Видишь, как он не забывает своих слов, и не называет этого тела жилищем, но опять — обиталищем: "**потому что не хотим совлечься, но облечься**"? Здесь он наносит смертельный удар тем, которые унижают телесное естество и порицают нашу плоть. Когда он сказал, мы "**воздыхаем**" и не желаем "**совлечься**", то, чтобы ты не подумал, будто он убегает от тела, как от зла, причины нечестия, врага и неприятеля, послушай, как он предостерегает от этого мнения, во-первых, словами: "**воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище**", потому что облекающийся надевает на действительное еще нечто другое; потом словами: "**воздыхаем: потому что не хотим совлечься, но облечься**". Смысл слов его следующий: Не плоть, как бы так говорит он, хотим сложить с себя, а тление; не тело, а смерть. Иное — тело и иное — смерть; иное — тело и иное тление; ни тело — не тление; ни тление — не тело; тело, правда, тленно, однако тело не есть тление; тело смертно, тем не менее, тело не есть смерть; но тело было делом Божьим, а тление и смерть введены грехом. Итак, я хочу, говорит, снять с себя чуждое, не свое; а чуждое — не тело, но тление; поэтому он и говорит: "**потому что не хотим совлечься**", то есть, тела, но "**облечься**" в теле нетлением. Тело есть среднее между тлением и нетлением. Оно снимает с себя тление и облекается в нетление; свергает с себя то, что получило от греха, и приобретает то, что даровала благодать Божия. И чтобы ты убедился, что он относит слово: "**совлечься**" не к телу, а к тлению и смерти, выслушай прибавленное непосредственно вслед за тем. Сказав: "**не хотим совлечься, но облечься**", он не сказал: "*чтобы тело поглощено было нетлением*" но что? — "**чтобы смертное поглощено было жизнью**", то есть, чтобы оно уничтожилось, чтобы оно истребилось, так что, следовательно, он говорит об истреблении не тела, но смерти и тления. Грядущая жизнь уничтожает и истребляет не тело, а приставшее к нему тление и смерть. Итак, воздыхание бывает не ради тела, но ради присущего ему тления. Тело и на самом деле тягостно, обременительно и грубо, не по собственному естеству, а от приставшей к нему позднее смертности; само же тело не есть тленно, но нетленно. Его благородство таково, что и в самом тлении оно показывает свое достоинство. Тень, например, апостолов прогоняла бестелесные силы; их прах и пепел побеждал бесов; и одежды, находившиеся на их телах, уничтожали болезни и возвращали здоровье.

7. Не говори мне о мокроте, желчи, поте, нечистоте и о прочем, на что указывают порицающие тело, потому что это принадлежало не естеству тела, а пришедшей после тленности. Если ты хочешь убедиться в достоинстве, то вникни в расположение всех частей его, их внешний вид, действия и взаимное согласие, и ты увидишь, что отношение этих членов друг к другу правильнее, чем в любом городе, который управляется хорошими законами и где все граждане — люди мудрые. Если же ты, оставив это без внимания, станешь указывать только на его тленность и смертность, то и здесь мы не затруднимся представить оправдание. Что отсюда не только не происходит никакого

вреда, но и великая польза для рода человеческого, очевидно из следующего: все святые, находясь в этом теле, явили ангельскую жизнь, и не было от него для них никакого вреда на пути добродетели; а склонные к нечестию в тленности тела имели не малое препятствие к продолжению своего беззакония. Уж если многие из людей, быв облечены в это тленное и страстное тело, возмечтали о своем равенстве с Богом и для приобретения себе такой славы делали много усилий, то, если бы они не имели страстного и тленного тела, обличителя их слабости, кого из неразумных не обольстили бы они? Итак, когда тело является препятствием к нечестию, которое есть последний предел зла, и святым доставляет повод оказывать душевное мужество, то какое извинение могут иметь те, которые его порицают и злословят? И не только это мы можем сказать о нем, но и то еще, что оно содействует нам в богопознании. Если в самом веке "**невидимое Его, от создания мира через рассматривание творений видимы**" (Рим. 1:20), и "**вера от слышания**" (Рим. 10:17), то, очевидно, что душа посредством глаз и ушей руководится к познанию создавшего ее Бога. Поэтому-то самому и Павел любит его и восклицает, говоря, что "**не хотим совлечься**" его, "**но облечься**" с ним в бессмертие (2 Кор. 5:4).

И не говори мне: как тело может опять восстать и сделаться нетленным? Когда действует сила Божия, то "**как**" не должно иметь места. Но что я говорю о Боге? Он устроил, что сам ты совершаешь воскресение, то в семенах, то в искусствах, то в металлических веществах. Так семена, если наперед не умрут, не сгниют и не истлеют, то не произращают колоса. Таким образом, как там, смотря на гниющее и разлагающееся зерно, ты не сомневаешься в его восстании, но считаешь это яснейшим для себя доказательством, — потому что если бы оно не сделалось гниющим и тлеющим, то никогда не восстало бы, — так рассуждай и о своем теле: когда видишь тление, тогда особенно и любомудрствуй о воскресении. Смерть, действительно, есть не что иное, как совершенное уничтожение тления, потому что смерть разрушает не просто тело, но тленность его. То же можно видеть и на металлических веществах. Опытные в этих делах берут золотоносную землю и, бросив ее в горнило, вырабатывают золото; также из смеси песка и других веществ делают чистое стекло. Теперь, скажи мне, неужели благодать Божья не в состоянии будет сделать того, что делает сила огня? Кто из имеющих сколько-нибудь ума может сказать это? Помысли, как Бог сотворил тебя вначале, и не сомневайся в воскресении. Не землю ли Он взял тогда и образовал? Что труднее, — сотворить ли из земли плоть, жилы, кожу, кости, нервы, вены, артерии, органические и простые тела, глаза, уши, ноздри, ноги, руки, и каждому из этих членов сообщить и особенную и общую деятельность, или подвергшееся тлению сделать бессмертным? Не видишь ли, как земля однообразна, а тело разнородно и многообразно и по действиям, и по цвету, и по сложению, и по свойствам, и по всему другому? Как же, скажи мне, ты сомневаешься в будущем? Но какая нужда говорить о телах? Как, скажи мне, Бог сотворил бесчисленные силы и сонмы ангелов, архангелов и высшие чины их? Я не в состоянии указать иного способа, кроме того, что для Него достаточно было только захотеть. Неужели же сотворивший столько бестелесных воинств не может опять обновить истлевшее тело человеческое и даровать ему высшее достоинство? Кто так безрассуден, чтобы сомневаться в этом и отвергать воскресение? Подлинно, если не воскреснет тело, то не воскреснет человек, потому что человек есть не только душа, но душа и тело. Поэтому, если воскреснет только душа, то существо воскреснет наполовину, а не всецело; притом же в отношении к душе собственно нельзя и говорить о воскресении, так как воскресение свойственно умершему и разложившемуся, а разлагается не душа, но тело. Что же значит изречение: "**только бы нам и одетым не оказаться нагими**" (2 Кор. 5:3)? Здесь предлагается нам великая и неизреченная тайна. Какая же именно? Та, о которой апостол говорит в послании к Коринфянам: "**все оживут, каждый в своем порядке**" (1 Кор. 15:22-23). Что же значат эти слова? То, что и эллин, и иудей, и еретик, и всякий человек, пришедший в этот мир, воскреснет в тот день.

Указывая на это самое, он говорил: "**не все мы умрем, но все изменимся вдруг, в мгновение ока, при последней трубе**" (Кор. 15:51-52).

8. Так как воскресение будет для всех вообще, для благочестивых и нечестивых, злых и добрых людей, то чтобы в виду этого ты не подумал, будто произойдет несправедливый суд, и не сказал себе: что это такое: воскресну я, с усердием столько трудившийся и бедствовавший, воскреснет также и язычник, и не чествовавший, и покланявшийся идолам и не знавший Христа, и насладится такой же честью? — дабы ты, говоря это, не смущался, то послушай, что изрекает апостол: "**только бы нам и одетым не оказаться нагими**" (2 Кор. 5:3). Но как, скажешь, можно облекшемуся в нетление и бессмертие оказаться нагим? Как? Когда мы будем чужды славы и лишимся дерзновения перед Богом. Тела грешников действительно восстанут нетленными и бессмертными; но эта честь будет для них средством к наказанию и мучению: они восстанут нетленными для того, чтобы постоянно гореть, потому что, если тот огонь неугасим, то для него нужны и тела, никогда не уничтожаемые. Поэтому он говорит: "**только бы нам и одетым не оказаться нагими**". Не то только, на самом деле, желательно, чтобы мы воскресли и облеклись в бессмертие, но чтобы, воскресши и облекшись в бессмертие, не явились лишенными славы и дерзновения перед Богом, чтобы нас не предали огню. Поэтому он и говорит: "**только бы нам и одетым не оказаться нагими**". Далее, желая сделать учение о воскресении достовернейшим и сказав, что "**смертное поглощено было жизнью**", он присовокупил: "**на сие самое и создал нас Бог**" (2 Кор. 5:4-5). Смысл слов его следующий: вначале Бог сотворил человека не для того, чтобы он погиб, но чтобы шествовал к нетлению, так что и тогда, когда Он допустил смерть, допустил ее с той мыслью, чтобы ты вразумлялся этим наказанием и, сделавшись лучшим, мог опять достигать бессмертия. Такова была воля и мысль Божья издревле и от начала, и с таким определением Он создал первого человека; это показал Он нам тотчас в самом начале. В самом деле, если бы ОН не хотел вначале открыть нам дверей воскресения, то не попустил бы Авелю, украшавшемуся всеми добродетелями и бывшему любезным Ему, претерпеть то, что он претерпел; теперь же, показывая нам, что мы идем к другой жизни и существует некоторый другой век праведных, в котором приготовлены награды и венцы, Он попустил первому праведнику отойти отсюда, не получив здесь наград за труды свои, чтобы он страданиями своими взывал и говорил всем, что после здешней жизни есть некоторое воздаяние, награда и возмездие. Потому Он и Еноха переселил и Илию восхитил, чтобы внушить нам учение о воскресении. Таким образом, для удостоверения в этом достаточно могущества Творца; но если кто-нибудь из немощнейших желает получить другое доказательство и залог будущего воскресения, то и это Бог даровал с великой щедростью, ниспослав в великом изобилии благодать Духа. Поэтому и Павел, подтвердив учение о воскресении Христовым воскресением и тем, что Виновник его Бог, присовокупил следующее изречение: "**и дал нам залог Духа**", не денег, не золота и серебра, но "**залог Духа**" (2 Кор. 5:5); а залог есть часть всего и ручательство за все. Как в договорах тот, кто получил залог, не сомневается и уверен во всем прочем, так и ты, получив залог, то есть, дары Духа, уже не сомневайся в уготованных благах. Если ты воскрешаешь мертвых, исцеляешь слепых, изгоняешь бесов, очищаешь прокаженных, врачуешь болезни, разрушаешь смерть, можешь совершать столь много и таких дел в слабом и смертном теле, то, как получишь ты прощение, сомневаясь в воскресении? Если теперь, когда еще не настало время воздаяния, но еще продолжаются подвиги, Бог наградил нас такими венцами, то представь, какие блага даст Он тебе во время воздаяния. Если же кто-нибудь скажет: мы не видим теперь таких знамений и не имеем такой силы, то я замечу, что нет никакого различия, теперь ли, или прежде совершалось это. А что это совершаемо было прежде — при апостолах, о том свидетельствуют церкви по всей вселенной, народы, города и племена, притекшие к простым людям и рыбарям. Не покорили бы, в самом деле, вселенной люди неученые, бедные, неимущие и уничиженные, если бы они не имели

помощи в знамениях. Впрочем, и ты не остался чуждым благодати Духа, но еще и ныне много знамений этого дара, которые гораздо важнее и удивительнее даже вышеперечисленных, потому что не одно и то же — воскресить умершее тело, или избавить от погибели душу, умерщвленную грехами, что совершается через крещение; не одно и то же — отогнать болезни плоти, или сложить бремя грехов; не одно и то же — исправить поврежденный глаз, или озарить светом помраченную душу. Так, если бы не было залога Духа и ныне, то не существовало бы крещения, не было бы ни отпущения грехов, ни оправдания и освящения, не получали бы мы усыновления, не были бы причастниками таинств, — потому что без благодати Духа не могло бы быть таинственного тела и крови; не имели бы мы и священников, потому что без Его наития не может быть рукоположений. Можно было бы указать и много других знамений благодати Духа. Таким образом, и ты имеешь залог Духа, слагаешь мертвенность души и неправоту помыслов и оставляешь нечистую жизнь. Не будем же сомневаться в будущем, получив такие залоги; всесторонне усвоив учение о воскресении, покажем и жизнь, достойную этого учения, чтобы достигнуть неизменяющихся благ, превосходящих всякое слово и ум человеческий, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Указывается на беседы против аномеев и, так как беседы против аномеев сказаны в 386 году, то и беседу о воскресении мертвых нужно относить к ближайшему затем времени, всего вероятнее к началу 387.

[2] Слав.: "*аки стояща мнеша сия, и не яко бежаща*". Здесь мы делаем прямой перевод с греч., потому что в синод. перев. смысл совсем иной. – и.Н.

[3] Здесь есть оттенки смысла, которые пропадают в русском переводе. В греческом оригинале стоит не просто "облечься", но то, что в славянском выражено "пооблещися", т.е. одеть сверху. Об этом Златоуст и рассуждает далее. – и.Н.

СЛОВО

ПРОТИВ УПИВАЮЩИХСЯ И О ВОСКРЕСЕНИИ,

сказанное в святую и великую неделю Пасхи[1].

МЫ ОТЛОЖИЛИ бремя поста, но не будем откладывать плодов поста, потому что можно отложить бремя поста и собирать плоды поста. Прошел труд подвигов, но не должно проходить усердие к добрым делам; прошел пост, но пусть останется благочестие; или лучше сказать: не прошел и пост. Впрочем, не бойтесь; это сказал я, не думая проповедовать вам о другой четыредесятнице, но, желая внушить вам такие же добродетели. Прошел пост телесный, но не прошел пост духовный; этот лучше того, и тот установлен для этого. Как тогда, когда вы постились, я говорил вам, что, постясь можно не поститься, – так и теперь говорю, что можно не постясь поститься. Может быть, эти слова кажутся загадкой, но я приведу и разрешение вопроса. Как можно постясь не поститься? Это бывает тогда, когда кто-нибудь воздерживается от яств, а не воздерживается от грехов. Как можно не постясь поститься? Это бывает тогда, когда кто-нибудь вкушает пищу, но не услаждается грехом. Этот пост лучше того, и не только

лучше, но и легче; во время того поста многие ссылались на свою телесную слабость, на жестокий зуд: я весь в чесотке, говорили они, не могу выносить неомовения; питье воды мне вредно; я не могу употреблять в пищу овощей. Много такого слышал я тогда от многих; а при этом посте нельзя сказать ничего подобного. Пользуйся омовениями, участвуй в трапезе, употребляй вино умеренно, и если хочешь вкушать мясо, никто не препятствует; пользуйся всем, но только воздержись от греха. Видишь ли, как этот пост легок для всех? При нем нельзя ссылаться на слабость телесную; это – чистое дело души. Можно и не пивши вина быть пьяным, равно можно пить вино и быть трезвым. А что бывает опьянение без вина, послушай пророка, который говорит: "**горе, пьяные без вина**"[2] (Иса. 28:1). Как можно упиваться без вина? Когда ты не будешь умерять необузданности страстей благочестивым размышлением. Можно пить вино и не быть пьяным; если бы это было невозможно, то Павел в послании к Тимофею не дал бы такого предписания: "**употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов**" (1 Тим. 5:23). Опьянение есть не что иное, как неестественное исступление души, извращение помыслов, недостаток рассуждения, отсутствие соображения. А это происходит не от одного опьянения вином, но и от опьянения гневом и непристойной похотью. Как горячку производит и бессонница, производит и изнурение, производит и уныние, производят и испорченные соки и различные причины, а страдание и болезнь бывает одна и та же, так и здесь: опьянение происходит и от вина, происходит и от похоти, происходит и от испорченных соков и от различных причин, а страдание и болезнь одна и та же. Будем же воздерживаться от пьянства; не говорю: будем воздерживаться от вина, но: будем воздерживаться от пьянства. Не от вина происходит пьянство, – вино есть создание Божье, а создание Божье не причиняет ничего худого, – но порочная воля производит пьянство. А что можно упиваться и иначе, не одним вином, послушай, что говорит Павел: "**не упивайтесь вином**", выражая, что можно упиваться и иначе, "**не упивайтесь вином, от которого бывает распутство**"[3] (Ефес. 5:18). Удивительным образом в кратких словах выразил он все осуждение пьянству. Что значит: "**не упивайтесь вином, от которого бывает распутство**"? Блудными называем мы тех молодых людей, которые, получив отцовское наследство, тратят все вдруг, не рассуждая, кому что нужно дать, и когда дать, но без разбора – и одежды, и золото, и серебро, и все отцовское богатство издерживают на блудниц и развратников. Таково пьянство: овладевая умом пьянствующих, как бы распутным юношей, и пленив их рассудок, оно заставляет их истрачивать весь запас мыслей неосмотрительно и без всякой осторожности. Пьяный не знает, что нужно говорить и о чем молчать, но постоянно открыт рот его; нет ни затвора, ни дверей на устах его; пьяный не умеет распоряжаться речами своими с рассуждением, не умеет расположить богатства мыслей, не умеет одно приберечь, а другое издержать, но все тратит и извергает. Пьянство есть добровольное неистовство, утрата рассудка; пьянство есть несчастье, над которым смеются, болезнь, над которой издеваются, произвольное беснование, – оно хуже умопомешательства.

2. Хочешь ли знать, как пьяный бывает хуже и бесноватого? Бесноватого все мы жалеем, а от этого отвращаемся; тому сострадаем, а на этого гневаемся и негодуем. Почему? Потому, что у того болезнь от (дьявольской) напасти, а у этого от беспечности; у того от козней врагов, а у этого от козней собственных помыслов. Но терпит пьяный то же самое, что и бесноватый, так же кружится, так же приходит в исступление, так же падает, так же извращает глазные зрачки, так же трясется, лежа на земле, испускает изо рта пену и, таким образом, изливает нечистую слюну, и уста его наполняются невыносимым зловонием. Такой человек неприятен для друзей, смешон для врагов, презирается слугами, отвратителен для жены, несносен для всех, противнее самых бессловесных. Бессловесные животные пьют дотоле, пока чувствуют жажду, и ограничивают пожелание потребностью, а этот по невоздержанию своему простирает пожелание далее потребности и становится безрассуднее бессловесных. Особенно же тяжело то, что эта болезнь, полная стольких зол

и производящая столько несчастий, даже и не считается виной; но за столами богачей бывает соперничество и состязание в этом сраме и сильно спорят друг с другом о том, кто покажет себя образцом (в этом деле), кто более возбудит смеха, кто более ослабит свои нервы, кто более изнурит свои силы, кто больше оскорбит общего Владыку; тогда можно видеть дьявольское состязание и соревнование. Пьяный жалок более мертвого. Этот лежит бесчувственный и не может делать ни добра, ни зла; а тот способен делать зло и, зарыв душу как в могиле в своем теле, мертвым являет свое тело. Видишь ли, как он жальче бесноватого, как бесчувственнее мертвых? Хочешь ли, я скажу еще нечто большее и тягчайшее всего этого? Пьянствующий человек не может войти в царство небесное. Кто говорит это? Павел. "**Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют**" (1 Кор. 6:9-10). Слышал ли, в какой сонм он поместил его? Вместе с развратниками, с блудниками, с идолослужителями, с прелюбодеями, с хульниками, с любостяжателями, с грабителями. Итак, что же? Неужели, скажешь, пьяница и развратник одно и то же? Неужели пьяница и идолослужитель одно и тоже? Не говори мне этого, человек; я прочитал тебе божественные законы; не требуй у меня отчета; спроси Павла и он ответит тебе. Я не могу сказать, вместе ли с ними, или не вместе с ними он подвергнется наказанию, но что он, подобно идолослужителю, будет лишен царства, это я могу утверждать со всей силой; а если это несомненно, то для чего ты требуешь у меня отчета в том, как велика мера этого греха? Если он останется за дверями, если он лишится царства, если не получит спасения, если будет послан на вечное мучение, то для чего ты представляешь мне меры, весы и степени грехов? Поистине, возлюбленные, ужасное и весьма тяжкое дело – пьянство. Не о вас я говорю, – да не будет, – я вполне убежден, что ваша душа чиста от этой болезни и этой страсти, и доказательством вашего здоровья служит пребывание ваше здесь, усердное собрание, внимательное слушание, потому что никто, упивающийся вином, не может жаждать божественных изречений. "**Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом**" (Ефес. 5:18). Вот прекрасное опьянение: насыщай душу свою Духом, чтобы не насыщать ее пьянством; наперед займи этим свою душу и свои помыслы, чтобы не нашла места в них та бесстыдная страсть. Посему он и не сказал: причащайтесь Духа, но: "**исполняйтесь Духом**". До верха наполни Духом свою душу, как чашу, чтобы дьявол уже не мог вложить в нее ничего; нужно не просто причащаться Духа, но исполняться Духом, "**псалмами и славословиями и песнопениями духовными**" (Еф. 5:19), которыми вы исполнились сегодня. Поэтому я и уверен в вашем воздержании. Есть у нас прекрасная чаша упоения, – чаша упоения, производящая воздержание, а не расслабление. Какая же? Чаша духовная, чаша спасительная, чистая чаша крови Господней. Она не производит пьянства, не производит расслабления; она не расслабляет сил, а возбуждает силы; не ослабляет нерв, но напрягает нервы; она производит бодрость; она служит предметом благоговения для ангелов, предметом ужаса для бесов, предметом почитания для людей, предметом любви для Владыки. Видишь, как говорит Давид об этой чаше духовной, предлежащей на этой трапезе: "**Ты приготовил передо мной трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша Твоя, напоевающая меня, как (она) сильна**" (Псал. 22:5). Дабы ты, услышав слово "**упоение**", не испугался вдруг и не подумал, что оно производит слабость, он прибавил, "**как сильна**". Новый образ упоения влагает крепость, делает бодрым и сильным! Он истекает из духовного камня; он не извращает помыслов, а возбуждает помыслы духовные.

3. Будем же упиваться этим "**упоением**", а от того будем воздерживаться, чтобы нам не посрамить настоящего праздника; настоящий же праздник есть праздник не земли только, но и неба. Ныне радость на земле, ныне радость на небе. И если при обращении одного грешника бывает радость на земле и на небе (Лук. 15:10), то тем более будет радость на небе, когда вся вселенная исторгнута из рук дьявола. Ныне ликуют ангелы, ныне

радуются архангелы, ныне херувимы и серафимы празднуют с нами настоящий праздник; они не стыдятся подобных им рабов, но сорадуются нашим благам. Хотя получена эта благодать от Владыки нами, но удовольствие общее у них с нами. И что я говорю о подобных нам рабах? Сам Владыка их и наш не стыдится праздновать вместе с нами. Почему же следует сказать, что и Он не стыдится? "**Очень желал**", говорил Он, "**Я есть с вами сию пасху**" (Лук. 22:15); а если Он возжелал праздновать вместе с нами пасху, то – очевидно – праздновать и воскресение. Итак, когда радуются ангелы и архангелы, и Владыка всех небесных сил празднует вместе с нами, – какой может оставаться еще повод к печали?

Никто из бедных пусть не унывает по причине своей бедности, потому что это духовный праздник; никто из богатых пусть не превозносится богатством, потому что от денег нисколько не может увеличиться радость этого праздника. На праздниках мирских, житейских, где бывает великое невоздержание, где обильная трапеза и объедение, где бесчинство и смех, где всякая сатанинская роскошь, там по справедливости бедному бывает грустно, а богатому весело. Почему? Потому, что богатый устраивает обильную трапезу и более наслаждается роскошью, а бедному бедность препятствует показать такую же пышность. А здесь нет ничего подобного; одна трапеза для богатого и для бедного; богат ли кто, он не может прибавить ничего к этой трапезе; беден ли кто, он при своей бедности нисколько не меньше может участвовать в предложенном, потому что это – божественная благодать. И что удивляешься ты, если одна и та же трапеза и для богатого и для бедного? Для самого царя, носящего диадему, облеченного в багряницу, которому вручена власть над землей, для этого царя и для бедняка, просящего милостыни, предлагается одна и та же трапеза. Таковы дары Владыки; Он допускает к участию в них, сообразуясь не со знатностью, а с произволением и образом мыслей.

Когда ты увидишь в церкви бедного, стоящего вместе с богатым, простолюдина с начальником, незнатного со знатным, вне церкви трепетавшего перед вельможами, стоящим внутри церкви без страха перед вельможами, то разумей, что значит: тогда "**волк будет жить вместе с ягненком**" (Иса. 11:6). Волком Писание называет богатого, а агнцем бедного. Откуда же видно, что богатый с бедным будет вместе, как волк с агнцем? Слушай внимательно. Часто богатый и бедный стоят в церкви; наступает час принятия божественных тайн; богатый удаляется, как не посвященный, а бедный вступает в небесную обитель, и богатый не изъявляет негодования, так как знает, что он чужд божественных тайн. Но, – о, божественная благодать! – не только равночестность существует в церкви по благодати Божьей, но и часто бедный имеет перед богатым первенство в благочестии, когда они стоят в церкви; богатство не приносит никакой пользы имеющему его без благочестия, и бедность нисколько не вредит верующему, с дерзновением приступающему к святому жертвеннику. Это я говорю, возлюбленные, об оглашенных, а не вообще о богатых. Обрати внимание, возлюбленный, как иногда господин удаляется из церкви, а верующий раб приступает к таинствам; госпожа уходит, а раба остается, – ибо "**Бог не взирает на лицо человека**" (Гал. 2:6). Итак, в церкви нет раба и свободного; но рабом Писание признает того, кто предан греху, – ибо "**делающий грех**", говорит оно, "**есть раб греха**" (Иоан. 8:34), – и того признает свободным, кто освобожден божественной благодатью.

К этой трапезе и царь и бедняк приступают с одинаковым дерзновением, с одинаковой честью, а иногда бедняк даже с большей честью. Почему? Потому, что царь, связанный бесчисленными делами, со всех сторон обуревается, как корабль, и делается причастным множеству грехов; а бедный, заботясь только о необходимой пище, проводя не обремененную делами и безмятежную жизнь, оставаясь спокойным, как бы сидя в пристани, приступает к этой трапезе с великой безопасностью. Опять, на мирских

праздниках бедняку бывает грустно, а богатому весело, не только по причине трапезы, но и по причине одежды, так как, что они претерпевают по отношению к трапезе, то же переносят и по отношению к одежде: когда бедный видит человека зажиточного, одетого в драгоценную одежду, то сокрушается и жалуется всем на свое злополучие. А здесь устранен и этот недостаток, так как здесь у всех одна одежда, – спасительная купель: "**все вы**", сказано, "**во Христа крестившиеся, во Христа облеклись**" (Гал. 3:27). Итак, не будем срамить этого праздника пьянством; Владыка наш одинаково почтил богатых и бедных, рабов и господ; отплатим же Владыке за такое благоволение к нам; а самая лучшая отплата – чистота жизни и трезвенность души. Для такого праздника и торжества нужны не деньги и не издержки, а доброе произволение и образ мыслей, потому что именно такого рода здесь предметы купли. Здесь продается не что-нибудь вещественное, но слушание божественных изречений, молитвы отцов, благословения священников, единомыслие, мир и согласие, духовные дары, духовная награда.

Будем же праздновать этот величайший и светлый праздник, в который воскрес Господь, будем праздновать его светло и вместе благочестиво. Господь воскрес – и воскресил вместе с Собой вселенную; Он воскрес, расторгнув узы смерти. Адам согрешил – и умер; а Христос не согрешил, но также умер. Это необычайно и дивно: тот согрешил – и умер, а Этот не согрешил – и также умер. Для чего? Для того чтобы согрешивший и умерший мог через не согрешившего и умершего освободиться от уз смерти. Так бывает и в денежных делах: часто один бывает должником и, не имея возможности заплатить, содержится в узах; а другой, не будучи должником, но, имея возможность заплатить, уплачивает и освобождает виновного. Так было и с Адамом; Адам сделался должником и был во власти дьявола, но не имел возможности заплатить; Христос не был должником и не находился во власти дьявола, но мог заплатить долг. Он пришел и заплатил смертью за того, кто был во власти дьявола, чтобы избавить его.

4. Видишь ли действия воскресения? Мы умерли двоякой смертью и потому ожидаем двоякого и воскресения. Христос умер одной смертью, потому Он и воскрес одним воскресением. Как это? Я скажу. Адам умер и по телу и по душе, умер и грехом и естеством: "**в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь**" (Быт. 2:17). Однако естеством он не умер в тот же день, но умер грехом; это – смерть души, а то – смерть тела. Впрочем, когда ты слышишь о смерти души, то не подумай, что душа умирает: она бессмертна; а смерть души есть грех и вечное наказание. Посему и Христос говорит: "**не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне**" (Матф. 10:28); а погибшее существует, но только незримо для того, кто лишился его. Смерть, как я сказал, у нас двоякая, потому и воскресение должно быть двоякое. А у Христа одна смерть, так как Христос не согрешил, но и эта одна смерть была для нас, так как Он не подлежал смерти: Он не был повинен греху, следовательно, и смерти. Посему Он и воскрес воскресением только от одной смерти; а мы, умершие двоякой смертью, воскресаем и двояким воскресением. Одним мы воскресли пока от греха, так как погреблись вместе с Ним в крещении, и восстали вместе с Ним через крещение. Это – одно воскресение, отпущение грехов, а второе воскресение – воскресение тела. Он дал тебе большее, ожидай и меньшего; первое воскресение гораздо важнее последнего, так как гораздо важнее – избавиться от грехов, нежели видеть тело воскресшим. Тело пало потому, что согрешило; посему, если грех есть начало падения, то начало восстания есть освобождение от греха. Мы уже восстали большим воскресением, свергнув тяжкую смерть греховную и сняв с себя ветхую одежду; не будем же отчаиваться в меньшем. И мы некогда восстали этим воскресением, когда были крещены, и эти прекрасные агнцы, вчера вечером удостоившиеся крещения. Третьего дня Христос был распят, но воскрес в прошедшую ночь, и они третьего дня были объяты грехом, но восстали вместе с Ним; Он умер телом –

и восстал телом, а они были мертвы грехом – и восстали, освободившись от грехов. Земля произращает нам в это время весны розы, фиалки и другие цветы, а воды явили нам луг еще более приятным, нежели земля. Не удивляйся, что из вод произросли цветы; и земля производит растения не по собственной природе, а по повелению Владыки. И вначале природа вод произвела движущихся животных: "**да произведет**", сказано, "**вода пресмыкающихся, душу живую**" (Быт. 1:20) – и повеление стало делом, и неодушевленное вещество произвело одушевленных животных; так и ныне "**да произведет вода**" не "**пресмыкающихся, душу живую**", но духовные дары. Тогда воды произвели бессловесных и безгласных рыб, а ныне они произвели рыб словесных и духовных рыб, уловленных апостолами: "**идите**", сказал им Христос "**и Я сделаю вас ловцами человеков**" (Матф. 4:19). Он говорил тогда об этой именно ловле. Поистине, это – новый способ ловли; рыболовы извлекают из воды, а мы ввергаем в воду, и, таким образом, уловляем. Была некогда купель и у иудеев; но послушай, какую имела силу эта купель, чтобы тебе узнать бедность иудеев, чтобы узнать богатство церкви. То была купель водная, и ангел сходил туда и возмущал воду; потом, после возмущения воды, входил в нее один из больных и исцелялся, один только в год исцелялся, и тотчас благодать отнималась, не по бедности Дающего, а по слабости принимающих. Итак, ангел сходил в купель и возмущал воду, и один из больных исцелялся; сошел Владыка ангелов в Иордан и возмутил воду – и исцелил всю вселенную. Посему там второй, сходивший после первого, не исцелялся, потому что такая благодать дана была иудеям немощным, бедным, а здесь если после первого войдет второй, после второго третий, после третьего четвертый, и хотя бы десять, хотя бы двадцать, хотя бы сто, хотя бы тысячи и хотя бы ты вверг всю вселенную в эту купель, благодать не иссякает, дар не истощается, струи не оскверняются. Новый род очищения, – он не телесный: там, чем больше тел будет омывать вода, тем более загрязняется; а здесь, чем больше лиц омывает она, тем делается чище.

5. Видишь ли величие дара? Соблюдай же человек, величие этого дара. Не позволительно тебе жить безразлично; назначь себе закон со всей точностью, потому что жизнь есть подвиг и борьба, "**все подвижники воздерживаются от всего**" (1 Кор. 9:25). Сказать ли тебе один лучший и безопасный образ действий? Извергнем из души то, что кажется безразличным, но рождает грехи. Из действий одни суть грехи, а другие не грехи, но бывают причиной грехов: например, смех по природе не есть грех, но он бывает грехом, если простирается через меру, потому что от смеха происходит насмешливость, от насмешливости – срамословие, от срамословия – постыдные дела, а за постыдными делами – наказание и мучение. Исторгни же прежде корень, чтобы исторгнуть всю болезнь; если мы будем остерегаться безразличного, то никогда не впадем в запрещенное. Так, для многих кажется безразличным – смотреть на женщин; но от этого рождается бесстыдное вожделение, из вожделения – блуд, а от блуда опять – наказание и мучение. Так и роскошь, по-видимому, ничего не представляет страшного, но отсюда – пьянство и бесчисленное множество зол, сопряженных с пьянством. Итак, во всем будем истреблять начало грехов. Для этого вы получаете непрестанные наставления каждый день; для этого мы кряду семь дней делаем собрание, предлагая вам духовную трапезу, давая вам вкушать от божественных изречений, приготовляя вас каждый день к борьбе, вооружая вас против дьявола, так как ныне он свирепее нападает, – чем больше дар, тем больше и борьба. Если дьявол не потерпел, видев одного в раю, то как, скажи мне, потерпит он, видя столь многих на небе? Ты раздражил зверя, но не бойся; ты получил большую силу, изощренный меч: им поражай змея. Для того Бог и попустил ему рассвирепеть против тебя, чтобы ты на самом опыте узнал могущество силы твоей. Как превосходный учитель (ратоборства), взяв какого-нибудь ратоборца нечистого, бессильного и находившегося в пренебрежении, и намастив его, обучив и исправив тело его, не позволяет ему потом оставаться в бездействии, но повелевает выйти на подвиги, чтобы показать на опыте,

какая сообщена ему сила, – так сделал и Христос. Он мог уничтожить врага; но дабы ты познал превосходство благодати, величие духовной силы, которую ты получил в крещении, Он попускает ему вступать с тобой в борьбу, доставляя тебе много случаев к получению венцов. Поэтому семь дней кряду вы пользуетесь наставлениями, чтобы в точности научиться приемам борьбы. С другой стороны совершающееся теперь есть духовный брак; а брачное торжество продолжается семь дней. Посему и мы установили, чтобы вы семь дней присутствовали здесь при этом священном браке. Но там после семи дней торжество прекращается; а здесь, если хочешь, можешь постоянно присутствовать при священном браке. В мирских браках невеста после первого или второго месяца бывает уже менее любезной жениху; а здесь не так, но чем больше проходит времени, тем пламеннее делается любовь жениха, тем искреннее объятия, тем духовнее общение, если мы будем бодрствовать. Кроме того, для тех после юности наступает старость; а здесь – после старости юность и юность, никогда не имеющая конца, если мы захотим этого. Велика благодать, но она будет еще больше, если мы захотим; и Павел был велик, когда крестился, но стал еще больше впоследствии, когда проповедовал, когда опровергал иудеев; потом он был восхищен в рай, восходил на третье небо. Таким образом, и нам можно, если пожелаем, возрастать, увеличивать благодать, данную нам в крещении; а увеличивается она через добрые дела, делается светлейшей и нам доставляет яснейший свет. Если это будет, то мы с великим дерзновением войдем в брачный чертог вместе с Женихом и станем наслаждаться благами, уготованными любящим Его, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава и поклонение во веки веков. Аминь.

---

[1] Предполагают, что сказано в 395 г.

[2] Здесь использован не синод. перевод. – ред.

[3] Буквальный перевод: "не упивайтесь вином, в котором есть блуд".

БЕСЕДА

НА ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА,

сказана в храме мучеников в Романезии, куда перенесены были тела мучеников, лежавшие под спудом близ трупов еретиков, и положены особо наверху [1].

И в то время, когда мы совершали память креста, мы совершали праздник вне города; и теперь, когда чтим вознесение Распятого в этот славный и светлый день, мы празднуем опять вне города. Мы делаем это, желая не город унизить, но, стараясь почтить мучеников. Дабы эти святые не стали укорять нас и говорить: "мы не удостоились видеть ни одного дня Владыки нашего празднуемым в наших обителях", дабы эти святые не стали укорять нас и говорить: "вот мы пролили за Него кровь свою и сподобились положить за Него головы свои, а не сподобились видеть день праздника Его совершаемым в наших жилищах", для этого мы, оставив город, прибегли к ногам этих святых по случаю настоящего дня, оправдываясь перед ними и за прошедшее время. Если и прежде надлежало прибегать к этим мужественным подвижникам благочестия, когда они лежали под спудом, то, тем более, нужно делать то же теперь, когда эти жемчужины лежат особо, когда овцы отделены от волков, когда живые отлучены от мертвых. Для них самих и

прежде не было никакого вреда от того, что они находились в общем с еретиками месте погребения, так как чьи души на небесах, тех тела не терпели вреда от такого соседства, чья душа в руке Божьей, того останки ничего не терпят от местоположения. Для них самих не было никакого вреда и прежде; но народ у нас терпел не малый вред от местности, прибегая к останкам мучеников, и, совершая молитвы с колебанием и сомнением, потому что не знал, где гробницы святых и где лежат истинные сокровища. Здесь происходило то же, что было бы со стадами овец, которые, стремясь напиться чистых потоков, пришли бы к чистым источникам, но, почувствовав вблизи смрад и зловоние, отступили бы назад; так бывало и с нашей паствой. Народ приходил к чистым источникам мучеников, но, чувствуя еретическое зловоние, распространявшееся вблизи, отступал назад. Видя это, мудрый наш пастырь и общий учитель, устраняющий все к назиданию церкви, пламенный любитель и ревнитель мучеников [2], не мог долее сносить такого зла. Что же он сделал? Посмотрите на мудрость его: мутные и смрадные потоки он засыпал и отвел вниз, а чистые источники мучеников поставил в чистом месте. И заметьте, какое оказал он человеколюбие к мертвым, какую честь мученикам, какое попечение о народе: к мертвым он оказал человеколюбие, не сдвинув костей их, но, оставив их на прежнем месте; мученикам воздал честь, освободив их от худого соседства; о народе явил попечение, не попустив ему более совершать молитвы с сомнением.

Посему мы и привели вас сюда, чтобы собрание было торжественнее, зрелище блистательнее, когда собрались не только люди, но и мученики, и не только мученики, но и ангелы. Подлинно, здесь и ангелы присутствуют: сегодня составилось собрание ангелов и мучеников. Если ты хочешь видеть и ангелов и мучеников, то открой очи веры, и увидишь это зрелище; ведь, если воздух наполнен ангелами, то тем более церковь; если церковь, то тем более в настоящий день, когда возносится Владыка их. А что весь воздух наполнен ангелами, послушай, как говорит апостол, увещевая жен иметь покрывало на голове: "**жена должна иметь на голове своей знак власти над ней, для Ангелов**" (1 Кор. 11:10). Также Иаков: "**Ангел, избавляющий меня**" от юности моей (Быт. 48:16). И бывшие в доме вместе с апостолами говорили Роде: "**это Ангел его**" (Деян. 12:15). И еще Иаков: я видел, говорит, полк ангелов (Быт. 32:2). Почему он видел полк и воинство ангелов на земле? Как царь повелевает войскам находиться в каждом городе, дабы неприятель не сделал нападения и не вторгся в город, так точно и Бог, поскольку в этом воздухе находятся свирепые и жестокие бесы, всегда воздвигающие войны, и враги мира, противопоставил им воинства ангелов, чтобы они одним появлением своим укрощали бесов, а нам всегда доставляли мир. А чтобы тебе знать, что есть ангелы мира, послушай, как диаконы всегда произносят в молитвах: **ангела мирна** просим. Видишь ли, что здесь присутствуют и ангелы и мученики? Посему кто жальче тех, которые сегодня отсутствуют? Кто блаженнее нас, которые пришли и наслаждаемся этим торжеством? Впрочем, речь об ангелах мы оставим до другого времени, а теперь поведем речь по поводу настоящего праздника.

2. Какой же ныне праздник? Важный и великий, возлюбленные, превосходящий человеческий ум и достойный щедрости устроившего его Бога. Ныне примирение у Бога с родом человеческим, ныне долговременная вражда прекратилась и продолжительная война окончилась, ныне наступил некоторый дивный мир, никогда не ожидавшийся прежде. И кто мог надеяться, что Бог намерен был помириться с человеком? Это не потому, чтобы Владыка был не человеколюбив, но потому, что слуга нерадив; не потому, чтобы Господь был жесток, но потому, что раб неблагодарен. Хочешь ли знать, как мы оскорбили сего человеколюбивого, кроткого нашего Владыку? Надлежит знать причину прежней нашей вражды, чтобы ты, увидев нас, врагов и неприятелей, удостоенными чести, подивился человеколюбию Почтившего, чтобы ты не думал, будто перемена произошла от собственных наших заслуг, чтобы ты, познав чрезмерность благодати Его,

не переставал постоянно благодарить Его за величие даров. Итак, хочешь ли знать, как мы оскорбили нашего Владыку, человеколюбивого, кроткого, благого, устраивающего все для нашего спасения? Он имел в мыслях некогда совершенно истребить род наш и так разгневался на нас, что определил погубить нас с женами и детьми, зверями и скотами и со всей землей. Если желаешь, я тебе дам выслушать самое определение: "**истреблю**", говорил Он, "**с лица земли человеков, которых Я сотворил**", и звери и скоты: "**ибо Я раскаялся, что создал**" человека (Быт. 6:7). А дабы ты знал, что Он не возненавидел естество наше, но отвращался пороков, Он, сказал: "**истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил**", говорит человеку: "**конец всякой плоти пришел перед лицом Моим**" (Быт. 6:13). Если бы Он ненавидел человека, то не стал бы беседовать с человеком. А теперь видишь, как Он не только не желал совершить то, что угрожал совершить, но еще оправдывался — Господь перед рабом, беседовал с ним, как с равным Себе другом, и объявлял причины предстоявшей гибели, не для того, чтобы человек знал эти причины, но чтобы, сказав о том другим, сделал их более благоразумными. Итак, род наш, как я сказал, так худо вел себя прежде, что находился в опасности — быть истребленным с самой земли. А ныне мы, казавшиеся недостойными земли, вознесены на небеса; мы, недостойные земного владычества, возвысились до горнего царства, взошли выше небес, заняли царский престол, и то же самое естество, от которого херувимы охраняли рай, ныне воссидит выше херувимов. Как же совершилось это дивное и великое дело? Как мы, оскорбившие Бога, казавшиеся недостойными земли и потерявшие земное владычество, вознеслись на такую высоту? Как окончена война? Как прекратился гнев? Как удивительно то, что мир произошел таким образом, что не люди, несправедливо враждовавшие против Бога, (просили о мире), но, Сам Бог, справедливо гневавшийся, увещевал нас. "**От имени Христова просим**", говорит апостол, "**как бы Сам Бог увещевает через нас**" (2 Кор. 5:20). Что это? Он оскорблен и Сам увещевает? Да; Он — Бог и потому увещевает, как человеколюбивый отец.

И смотри, что происходит: посредником делается Сын увещевающего, а не человек, не ангел, не архангел, и никто из рабов. Что же делает посредник? То, что свойственно посреднику. Как там, где какие-либо два человека отвращаются друг от друга и не хотят примириться, кто-нибудь третий, пришедши и предложив себя в посредники между ними, прекращает взаимную их вражду, так сделал и Христос. Бог гневался на нас, мы отвращались от Бога, человеколюбивого Владыки; Христос же, предложив Себя в посредники, примирил то и другое естество. Как же Он предложил Себя в посредники? Он принял на Себя наказание, которое мы должны были понести от Отца, и претерпел следовавшее затем мучение и здешнее поношение. Хочешь ли знать, как Он принял на Себя то и другое? "**Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвой**", говорит апостол (Гал. 3:13). Видишь ли, как Он принял наказание, угрожавшее свыше? Посмотри, как претерпел Он и поношения, причиняемые на земле. "**Злословия злословящих Тебя**", говорит псалмопевец, "**падают на меня**" (Псал. 68:10). Видишь ли, как Он прекратил вражду, как Он не переставал делать и терпеть все и употреблять все меры, пока не привел неприятеля и врага к Самому Богу и не сделал его другом? И основание этих благ — настоящий день, когда Христос, как бы взяв начаток естества нашего, вознес его Владыке. Как бывает с плодоносными полями, когда кто-нибудь, взяв немного колосьев, сделав малый сноп и принесши его Богу, этой малой честью низводит благословение на всю ниву, так поступил и Христос: одной плотью Своей, как начатком, Он низвел благословение на весь род наш. Но почему Он вознес не все естество наше? Потому что не будет начаток, когда кто принесет все; но тогда будет он, когда кто, принесши малое, через это малое уготовит благословение на все. Но скажешь, для начатка следовало бы принести первозданного человека, так как начатком называется, то, что первым происходит, первым произрастает. Нет, возлюбленный, это не будет начатком, когда мы принесем первый плод, незрелый и тощий, но — когда принесем плод

совершенный. Посему, так как тот плод был подвластен греху, то он и не был принесен, хотя был и первый; а этот плод свободен от греха, и потому он принесен, хотя явился после: это и есть начаток.

3. Дабы тебе убедиться, что начаток есть не первый произрастающий плод, но плод совершенный, прекрасный и достигший надлежащей зрелости, я приведу тебе свидетельство из Писаний: "**когда придете**", говорил Моисей к народу, "**в землю, которую Господь Бог даст вам, и посадите какое-либо плодовое дерево, то плоды его три года должно почитать их за необрезанные, не должно есть их: а в четвертый год все плоды его должны быть посвящены для празднеств Господних**" (Лев. 19:23-24). Если бы начатком было первое произрастающее, то надлежало бы приносить Господу плод, произраставший в первый год; но здесь говорится: "**плод его три года должно почитать их за необрезанные**" тебе, — оставь его, потому что дерево слабо, плод его тощ и незрел; **а в четвертый год все плоды его должны быть посвящены Господу**". И посмотри на мудрость Законодателя: Он не позволил и вкушать этого плода, дабы человек не принимал его прежде Бога, не позволил и приносить его, дабы не был приносим Господу плод незрелый. Оставь это, говорит Он, потому что это — первые плоды, и не приноси их, потому что они недостойны чести Принимающего. Видишь ли, что начаток есть не первое произрастающее, но совершенное? Это сказано нами о плоти, которую принес Христос. Итак, Он принес Отцу начаток нашего естества; а Отец оказал такое почтение к этому дару, как по достоинству Принесшего, так и по чистоте принесенного, что принял его собственными руками, поместил дар подле Себя и сказал: "**сиди одесную Меня**" (Псал. 109:1). К какому естеству Бог сказал: "**сиди одесную Меня**"? К тому, которое выслушало: "**прах ты и в прах возвратишься**" (Быт. 3:19). Не довольно ли было для него возвыситься над небесами? Не довольно ли было стать вместе с ангелами? Не была ли неизреченной и эта честь? Но оно превзошло ангелов, прошло мимо архангелов, превзошло херувимов, вознеслось выше серафимов, миновало начальства, и остановилось не прежде, как достигши престола Владыки. Видишь ли это пространство от неба до земли? Или — лучше — начнем снизу: видишь ли, какое расстояние от ада до земли, также от земли до неба, потом от неба до неба горнего, а от этого до ангелов, до архангелов, до вышних сил, до самого престола царского? Выше всего этого расстояния и этой высоты Он вознес наше естество. Смотри, как низко (человек) находился и как высоко вознесен; невозможно было ни сойти ниже того, куда нисшел человек, ни вознестись выше того, куда вознес его Христос. Это выражая, Павел говорил: "**Нисшедший, Он же есть и восшедший**" (Еф. 4:10). Куда Он нисходил? "**В преисподние места земли**" (Еф. 4:9); а восшел "**превыше всех небес**". Заметь, кто восшел, или какое естество, или в каком состоянии оно было прежде. Я с охотой останавливаюсь на ничтожестве нашего рода, чтобы познать чрезвычайную честь, дарованную нам человеколюбием Владыки. Мы были землей и прахом, но это еще не вина, потому что это — немощь природы. Мы сделались несмысленнее бессловесных животных, потому что человек "**подобен животным, которые погибают**" (Псал. 48:21). А уподобиться бессмысленным значит сделаться хуже бессмысленных, потому что быть бессмысленным по природе и оставаться в бессмыслии, это — дело естественное, а ниспасть в безумие тем, которые почтены разумом, это — вина воли. Посему, когда ты слышишь: "**подобен животным**", то не думай, что псалмопевец сказал это, желая представить людей равными бессмысленным животным: он сказал это, желая показать, что они и хуже животных. Подлинно, мы были хуже и бесчувственнее бессловесных, не потому только, что ниспали так, будучи людьми, но и потому, что дошли до еще большего неразумия. Выражая это, Исаия говорил: "**вол знает владетеля своего, и осел - ясли господина своего; а Израиль не знает Меня** (Иса. 1:3). Впрочем, не будем стыдиться прежнего: "**когда умножился грех, стала преизобиловать благодать**" (Рим. 5:20). Видишь, как мы были бессмысленнее скотов; хочешь ли видеть, как мы были бессмысленнее и птиц? "**Горлица,**

и ласточка, и журавль наблюдают время, когда им прилететь; а народ Мой не знает определения Господня" (Иер. 8:7). Вот мы бессмысленнее и ослов, и волов, и птиц, горлицы и ласточки. Хочешь ли узнать и другое бессмыслие наше? Премудрый делает нас учениками муравьев: так мы потеряли естественный смысл! "**Пойди**", говорит он, "**к муравью, посмотри на действия его**" (Притч. 6:6). Мы, сотворенные по образу Божьему, сделались учениками муравьев; но виной этого не Творец, а мы, не сохранившие образа Его. Что я говорю о муравьях? Мы были бесчувственнее камней. Хочешь ли, я приведу свидетельство и на это? "**Слушайте, горы, суд Господень, и вы, твердые основы земли: ибо у Господа суд с народом Своим**" (Мих. 6:2). Ты судишься с людьми, а призываешь основания земли? Да, говорит Он, потому что люди бесчувственнее оснований земли. Какой же еще станешь ты требовать крайности порока, когда мы бесчувственнее ослов, бессмысленнее волов, неразумнее ласточки и горлицы, глупее муравьев, бесчувственнее камней, и даже оказываемся равными змиям? "**Яд у них**", сказано, "**как яд змеи**" (Псал. 57:5); "**яд аспидов под устами их**" (Пс. 139:4). Но нужно ли говорить о бесчувственности бессловесных, когда мы, оказывается, именуемся чадами самого дьявола? "**Ваш**", говорит, "**отец дьявол**" (Иоан. 8:44).

4. И, однако, мы бесчувственные, неразумные, бессмысленные, бывшие бесчувственнее камней, ниже всех, бесчестные и презреннейшие, — как мне сказать, как выразиться, как произнести это слово? — презренное естество, безумнейшее всех, ныне стало выше всех. Ныне ангелы получили то, чего давно желали; ныне архангелы узрели то, чего давно жаждали: узрели наше естество блистающим на престоле царском, сияющим славой и красотой бессмертной. Да, этого давно желали ангелы, этого давно жаждали архангелы. Хотя наша честь и превзошла их (честь), однако они радуются нашим благам; равно и тогда, когда мы несли наказание, они скорбели; херувимы, хотя охраняли рай, тем не менее, скорбели. И как слуга, взяв сослужителя своего под стражу по приказанию господина, хотя и стережет сослужителя своего, однако, из сострадания к этому сослужителю, скорбит о случившемся с ним, — так и херувимы, хотя и приняли рай для хранения, однако скорбели на этой страже. А чтобы тебе убедиться, что они действительно скорбели, я объясню тебе это примером людей. Когда ты видишь, что люди сострадают своим сослужителям, то после того уже не сомневайся о херувимах, потому что эти силы гораздо любвеобильнее людей. А кто из праведников не скорбел о людях, которые были наказываемы справедливо и после бесчисленных грехов? Удивительно, что они скорбели, зная грехи людей и видя, что они оскорбили Владыку. Так Моисей, после идолослужения евреев, говорил: "**прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал**" (Исх. 32:32). Что это? Ты видишь нечестие и скорбишь о наказуемых? Потому я и скорблю, говорит он, что они наказываются и подали причины к справедливому наказанию. А Иезекииль, увидев ангела, поражающего народ, с великим воплем и стенанием возгласил: "**о, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля**" (Иезек. 9:8)? И Иеремия: "**наказывай меня, Господи, но по правде, не во гневе Твоем, чтобы не умалить меня**" (Иер. 10:24). Если же Моисей, Иезекииль и Иеремия скорбели, то ужели силы небесные нисколько не сострадают нам в наших бедствиях? Может ли это быть? Что они наше считают за свое, вспомни, какую радость изъявили они, когда увидели, что Владыка примирился с нами. Если бы они не скорбели прежде, то не возрадовались бы после. А что они радовались, видно из слов Христовых: "**так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся**" (Лук. 15:7). Если же ангелы, видя одного обращающегося грешника, радуются, то как им не испытывать величайшего удовольствия, видя ныне все естество, в начатке его, вознесенным на небо? Выслушай и еще, как радуются вышние сонмы о нашем примирении (с Богом). Когда Господь наш родился по плоти, то они, увидев, что Он примирился с людьми, — а если бы Он не примирился, то и не снизошел бы настолько, — увидев это, они составили хор на земле и восклицали, говоря: "**слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках**

благоволение" (Лук. 2:14). Дабы тебе убедиться, что они потому прославляют Бога, что земля получила блага, они присовокупили и причину: "**на земле мир**", говорят они, "**в человеках благоволение**", враждебных, неблагодарных. Видишь, как они прославляют Бога за чужие блага, или — лучше — за свои, потому что наши блага они считают своими. Хочешь ли знать, что и, ожидая увидеть Его возносящимся, они радовались и восхищались? Послушай Христа, Который говорит, что они восходили и нисходили непрестанно; а это свойственно желающим видеть дивное зрелище. Откуда же известно, что они восходили и нисходили? Послушай Самого Христа, Который говорит: "**отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божьих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому**" (Иоан. 1:51). Таково свойство любящих: они даже не ожидают времени, но предупреждают срок своей радостью. Посему они нисходят, стремясь увидеть необычайное и дивное то зрелище, — человека, явившегося на небе. Посему всегда являлись ангелы, — и когда Он родился, и когда воскрес, и ныне, когда возносился. "**Вдруг**", сказано, "**предстали им два мужа в белой одежде**", самым видом своим обнаруживая радость, "**и сказали**" ученикам: "**мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо**" (Деян. 1:10-11).

5. Здесь слушайте меня со вниманием. Для чего ангелы говорят это? Разве ученики не имели глаз? Разве они не видели события? Не сказал ли евангелист, что "**взяло Его из вида их**" (Деян. 1:9)? Почему же предстали ангелы, научая их, что Христос вознесся на небо? По двум причинам: во-первых, потому что разлука с Христом всегда печалила учеников; а что она печалила их, послушай, что Он говорил им: "**никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но оттого, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше**" (Иоан. 16:5-6). Если мы не можем (равнодушно) переносить разлуку с друзьями и родственниками нашими, то ученики, видя Спасителя, наставника, попечителя, человеколюбивого, кроткого, благого, разлучающимся с ними, могли ли не печалиться, могли ли не скорбеть? Посему и предстал ангел, утешая их в скорби об отшествии Господа вестью о втором Его пришествии: "**Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом**" (Деян. 1:11). Вы впали в скорбь, говорит он, что Христос вознесся? Не скорбите: Он опять придет. Дабы они не сделали того же, что сделал Елисей, который, увидев учителя своего взятым на небо, "**одежды свои разодрал**" (4 Цар. 2:12), — так как никто не предстал ему и не говорил, что Илия придет опять, — дабы и они не сделали того же, для этого предстали ангелы, утешая их в печали. Вот одна причина явления ангелов. Не менее важна и другая причина, по которой ангел и присовокупил: "**вознесшийся**". Какая же это причина? Христос вознесся "**на небо**". Велико расстояние между землей и небом, и сила зрения не могла следить за телом, возносившимся до небес, но как птица, летящая в высоту, чем более возвышается, тем более скрывается от нашего взора, так точно и тело Христово, чем более восходило в высоту, тем более скрывалось, так как глаза по слабости своей, не могли следить за ним на столь великом расстоянии. Посему предстали ангелы, возвещая восшествие Его на небо, дабы ученики не подумали, что Христос восшел "**яко на небо**", подобно Илие, но — что Он вознесся на самое небо. Потому и сказано: "**вознесшийся от вас на небо**", — и это прибавлено не напрасно. Илия взят был "**яко на небо**", потому что он был раб; Иисус же вознесся "**на небо**", потому что Он — Владыка; тот — на колеснице огненной, а этот — на облаке. Когда нужно было призвать раба, послана была колесница; а когда — Сына, то — престол царский, и не просто престол царский, но Отеческий. Об Отце говорит Исаия: "**вот, Господь воссидит на облаке легком**" (Ис. 19:1). Посему, так как Отец "**сидит на облаке**", то и Сыну Он послал облако. Илия при восхождении ниспустил милость на Елисея; а Иисус, восшедши, ниспослал дары на учеников, делающие не одного пророка, но множество Елисеев, или лучше сказать, гораздо больших и славнейших его. Восстанем же, возлюбленные, и устремим взоры наши ко второму пришествию Христову. Павел

говорит: "**Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божьей, сойдет с неба: потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе**" (1 Фессал. 4:16-17), но не все. А что мы не все будем восхищены, но одни останутся, а другие будут восхищены, об этом послушай, как говорит Христос: "**в ту ночь две будут молоть вместе: одна возьмется, а другая оставится; двое на одной постели: один возьмется, а другой оставится**" (Лук. 17:34-35; Матф. 24:40-41). Что значит эта притча? Что значит эта сокровенная тайна? Жернов означает всех, живущих в бедности и скорбях; а одр и успокоение означает всех, наслаждающихся богатством и почестями. Господь, желая показать, что и из бедных спасаются и погибают, сказал, что из мелющих жерновами "**одна возьмется, а другая оставится**", и из лежащих на одре, "**один возьмется, а другой оставится**". Он выражает то, что грешники оставляются здесь и ожидают наказания, а праведники подъемлются на облака. Как при восшествии царя в город, облеченные саном и властью и имеющие великое дерзновение перед царем выходят из города навстречу к нему, а преступники и осужденные остаются под стражей внутри города, ожидая царского приговора, — так и во время пришествия Господа, имеющие дерзновение перед Ним встретят Его на воздухе, а виновные и сознающие за собой множество грехов будут здесь ожидать Судью. Тогда и мы "**восхищены будем**". Сказав: "**мы**", я не включаю себя самого в число восхищаемых; я не столь бесчувствен и неразумен, чтобы не сознавать собственных грехов. Если бы я не опасался возмутить радость настоящего праздника, то горько восплакал бы, вспомнив это изречение, потому что вспомнил и о собственных грехах. Но так как я не хочу нарушать веселья настоящего праздника, то здесь окончу речь, оставив в вас живое памятование о том дне, чтобы ни богатый не радовался о богатстве своем, ни бедный не считал себя несчастным по причине бедности своей, но каждый поступал так или иначе, смотря по тому, что сознает он за собой. Ни богатство не делает блаженным, ни бедность — несчастным; но кто удостоится "**восхищения**" на облаках, тот блажен и преблажен, хотя бы он был беднее всех; равно как и лишившийся того несчастен и пренесчастен, хотя бы он был богаче всех. Говорю это для того, чтобы мы, пребывающие в грехах, оплакивали самих себя, а все, живущие в добрых подвигах, ободрялись, и не только ободрялись, но имели твердую уверенность. Впрочем, и первые должны не только плакать, но и исправлять себя, так как и порочный может, оставив пороки, обратиться к добродетели и сравниться с теми, которые от начала проводили добродетельную жизнь: об этом и мы будем стараться. Те, которые сознают себя добродетельными, пусть пребывают в благочестии, постоянно умножая это благое приобретение и увеличивая прежнее дерзновение; а не имеющие дерзновения и сознающие за собой много грехов, будем исправляться, дабы и нам достигнуть до их дерзновения, и всем вместе и единодушно с подобающей славой встретить Царя ангелов и сподобиться блаженной радости во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава с Отцом и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

---

[1] Романезия — загородная местность в Антиохии. Год произнесения беседы неизвестен.

[2] Епископ Флавиан.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

НА СВЯТУЮ ПЯТИДЕСЯТНИЦУ

и о том, почему ныне не бывают знамения, и что дела и слова наши записываются [1].

ОПЯТЬ праздник, опять торжество и опять многодетная и чадолюбивая церковь украшается множеством чад. Но какая ей польза от чадолюбия, если она только в праздники, а не постоянно видит вожделенные лица своих детей, подобно тому, как если бы кто, имея прекрасную одежду, не имел дозволения пользоваться ей постоянно? Многочисленность приходящих есть одежда церкви, как и пророк в древности сказал, говоря о церкви: "**всеми ими ты облечешься, как убранством, и нарядишься ими, как невеста**" (Иса. 49:18). Как целомудренная и благородная женщина, облекшись в одежду, простирающуюся до пят, кажется благообразнейшей и лучшей, так и церковь, покрываясь множеством тел ваших, как бы длинной одеждой, является сегодня более блистательной. Не видно у нее сегодня ни одной части обнаженной, как в предшествующие дни; виновники же тогдашнего ее обнажения те, которые только сегодня пришли, а не всегда прикрывают мать свою. А что не малая опасность видеть мать свою обнаженной, вспомним древнюю историю, вспомним о том, кто видел отца своего обнаженным, и за этот взгляд потерпел наказание. Хотя не он сам обнажил отца, но только увидел отца обнаженным, однако он не избавился от наказания, за то только, что увидел (Быт. 4:20-25); те же, которые пришли сегодня, а прежде не приходили, не только видят мать свою обнаженной, но делают ее обнаженной. Если же видевший наготу не избег наказания, то как могут удостоиться прощения те, которые причиняют наготу? Это я говорю, желая не устрашить вас, но для того, чтобы нам избежать наказания, чтобы избежать проклятия Хама, чтобы заслужить благоволение, подражая Симу и Иафету, и чтобы и нам всегда прикрывать мать свою. Это иудеям свойственно было являться перед Богом только трижды в год, им было сказано: "**три раза в году должен являться весь мужеский пол твой перед лицом Владыки, Господа**" (Исх. 23:17); а от нас Бог желает, чтобы мы являлись перед Ним непрестанно. У них причиной столь немногих собраний были расстояния мест; тогда богослужение ограничено было одним местом; времена их собрания и присутствования при нем были немногочисленны, так как необходимо было покланяться в Иерусалиме, а в другом месте – нигде. Поэтому им повелено являться перед Богом трижды в год, – расстояние пути служило им оправданием; а для нас не может быть никакого способа оправдания. Они были рассеяны по всей земле: "**находились**", говорится (в Писании), "**В Иерусалиме Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небом**" (Деян. 2:5). А мы все живем в одном городе, обитаем в одних и тех же стенах, часто не отделяемся от церкви даже одним переулком, и, однако, так редко заходим в это священное собрание, как будто мы отделены широкими морями. Им повелено было праздновать только в три времени, а нам повелено делать это непрестанно, так как у нас всегда праздник. А дабы вам удостовериться, что у нас всегда праздник, я скажу вам о причинах праздников, и вы узнаете, что у нас в каждый день праздник. Итак, первый праздник у нас Богоявление [2]. Какая же причина этого праздника? Та, что Бог "**явился на земле и обращался между людьми**" (Варух. 3:38), та, что Бог, Единородный Сын Божий, был с нами; а это бывает всегда. "**Се**", говорит Он, "**Я с вами во все дни до скончания века**" (Матф. 28:20); посему Богоявление можно праздновать во все дни. Что значит праздник Пасхи? Какая его причина? Мы тогда возвещаем смерть Господа, – это и есть Пасха; но и это мы делаем не в одно определенное время. Павел, желая доставить нам независимость от времен и показать, что можно всегда совершать Пасху, говорит: "**всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете**" (1 Кор. 11:26), Итак, если мы всегда можем возвещать смерть Господню, то можем всегда совершать и Пасху. Хотите ли знать, что и сегодняшний праздник может быть совершаем ежедневно, или – лучше, что он бывает ежедневно? Посмотрим, какая причина настоящего праздника и почему мы празднуем его? Это потому, что Дух нисшел к нам, – как Единородный Сын Божий находится с людьми верными, так и Дух Божий. Откуда это известно? "**Если любите Меня**", говорит (Спаситель), "**соблюдите Мои**

заповеди. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины" (Иоан. 14:15-17). Посему, как Христос сказал о Себе: "**се, Я с вами во все дни до скончания века**", и мы можем всегда праздновать Богоявление, так и о Духе Он сказал: "**будет с вами во век**", и мы можем всегда праздновать Пятидесятницу.

2. Дабы вам убедиться, что нам можно праздновать постоянно, что нет для этого определенного времени, и мы не связаны зависимостью от времени, послушайте, что говорит Павел: "**посему станем праздновать**" (1 Кор. 5:8). Тогда, когда он писал это: не было праздника, не было ни Пасхи, ни Богоявления, ни Пятидесятницы; но он желает показать, что не время составляет праздник, а чистая совесть, что праздник есть не что иное, как радость, радость же духовную и разумную производит не что иное, как сознание добрых дел, – посему, кто имеет добрую совесть и такие же дела, тот может постоянно праздновать. Итак, желая показать это самое, Павел сказал: "**посему станем праздновать не со старой закваской, не с закваской порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины**" (1 Кор. 5:8). Видишь ли, как он не связывает тебя зависимостью от времен, но увещевает иметь чистую совесть? Я хотел бы употребить на это всю беседу: захватившие кого-нибудь в свои руки после долгого времени, не легко выпускают его, и так как мы вас, приходящих сюда через год, захватили в свои сети, то не хотим отпустить сегодня. Но чтобы вам не удалиться без наставления касательно праздника, надобно от этого увещания обратить речь к причине праздника. Многие блага многократно нисходили с неба для всего рода человеческого; но такие, какие ниспосланы сегодня, не были ниспосылаемы никогда прежде. Узнайте же, какие блага были прежде и какие сегодня, чтобы вам видеть различие между теми и другими. "**Одождил на них манну в пищу, и хлеб небесный дал им: хлеб ангельский ел человек**" (Псал. 77:24-25); дело, поистине, великое и достойное человеколюбия Божия! После того ниспослан был огонь для исправления заблудшего народа иудейского и пожрал жертву с жертвенника (3 Цар. 18:38). Потом, когда все были истощены голодом, был ниспослан дождь и произвел великое плодородие. Велики эти блага и удивительны; но настоящие гораздо больше, потому что не манна, огонь и дождь ниспосланы сегодня, но поток духовных дарований, ниспосланы свыше обильные дожди, не землю возбуждающие к плодородию, но располагающие человеческое естество воздавать плоды добродетели Возделывателю людей. И те, которые приняли каплю оттуда, тотчас забывали свое естество, и внезапно вся земля наполнилась ангелами, ангелами не небесными, но такими, которые в человеческом теле показывают добродетель, свойственную бесплотным силам. Не ангелы низошли долу, но, что удивительнее, дольние возвысились до их добродетели; они не свергли плоти и не одними душами восходили, но, пребывая в своем естестве, сделались ангелами по произволению. А дабы ты знал, что и прежнее наказание, когда было сказано: "**прах ты и в прах возвратишься**" (Быт. 3:19), не было наказанием, Бог благоволил оставить тебя на земле, чтобы еще более открылась сила Духа, совершающая такие дела через бренное тело. В самом деле, можно было видеть, как бренный язык повелевал бесами; можно было видеть, как бренная рука исцеляла болезни; или – лучше – можно было видеть, как не рука только бренная, но, что гораздо удивительнее, тени бренных тел преодолевали и смерть и бесплотные силы, т. е. бесов. Как при появлении солнца тьма рассеивается, дикие звери удаляются в свои логовища, убийцы, разбойники и раскапыватели могил убегают на вершины гор, так и тогда, когда являлся Петр и возвышал свой голос, – тьма заблуждения рассеивалась, дьявол удалялся, бесы обращались в бегство, плотские страсти подавлялись, душевные болезни исцелялись, всякий порок изгонялся и добродетель водворялась на земле. Как если бы кто-нибудь из царской сокровищницы, заключающей в себе золото и драгоценные камни, мог взять хотя малую часть того, что с почетом охраняется в ней, хотя бы один только камень, то сделался бы обладателем великого богатства, так – и от уст апостольских: уста их были царскими сокровищницами, заключавшими в себе сокровище исцелений, и каждое слово,

исходящее из них, доставляло великое богатство духовное. Тогда поистине можно было видеть, что "**слова Господня вожделеннее золота и даже множества золота чистого**" (Псал. 18:11), так как чего не могли сделать ни золото, ни драгоценные камни, то делали слова Петра. Какое количество талантов золота могло бы исцелить хромого от рождения? А слово Петра в состоянии было исправить этот природный недостаток. Он сказал: "**во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи**" (Деян. 3:6), и слово стало делом. Видишь ли, как слова их "**вожделеннее золота и даже множества золота чистого**"? Видишь ли, что уста их были царскими сокровищницами? Поистине они были и врачами вселенной, и земледельцами, и кормчими: врачами, потому что исцеляли болезни; земледельцами, потому что сеяли слово благочестия; кормчими, потому что укрощали бурю заблуждений. Посему и Христос иногда говорил им, как врачам: "**ходя же больных исцеляйте**" (Матф. 10:7-8); иногда говорил, как земледельцам: "**Я послал вас жать то, над чем вы не трудились**" (Иоан. 4:38); а иногда беседовал с ними, как с кормчими и рыбарями, и говорил в одном месте: "**Я сделаю вас ловцами человеков**" (Матф. 4:19), и Петру: "**не бойся; отныне будешь ловить человеков**" (Лук. 5:10). И можно было видеть чудеса за чудесами. За десять дней перед этим наше естество взошло на царский престол, а сегодня Дух Святый нисшел на наше естество; Господь вознес наш начаток, и низвел Духа Святого. Иной Господь наделяет этими дарами, так как и Дух есть Господь, домостроительство же о нас разделили между собой Отец, Сын и Святый Дух. Еще не прошло десяти дней, как вознесся Христос, и уже ниспослал Он нам духовные дарования, дары примирения. Дабы никто не сомневался и не недоумевал, сделал ли что-нибудь Христос, по вознесении, примирил ли с нами Отца, умилостивил ли Его, дабы показать нам, что Он (действительно) примирил Его с нашим естеством, Он тотчас послал нам дары примирения. Так, когда враги соединяются и примиряются между собой, то за примирением тотчас следуют обмен приветствий, дружеские приемы и дары. Вот и мы послали веру – и получили оттуда дарования, послали послушание – и получили оправдание.

3. А чтобы вы знали, что дарование Святого Духа есть дар Божьего примирения, я постараюсь убедить вас в этом из Писаний, сначала объяснив слова свои от противного и показав, что Бог удерживает благодать Духа, когда гневается на нас, дабы ты, убедившись, что отсутствие Святого Духа есть знак Его гнева, и увидев, что Дух опять ниспосылается, познал, что, если бы Он не примирился, то и не послал бы Духа Святого. Откуда же мы узнаем это? Престарелый Илий был человек в других отношениях почтенный и благоразумный, но не умевший исправлять порочность детей своих, по чрезмерной к ним любви. Послушайте вы, которые имеете детей, как вы должны умерять свою к ним любовь и ласковость. Илий огорчил этим Бога и привел Его в такой гнев, что Он отвратился от всего народа. Посему, написавший об этом, желая показать, что Бог совершенно отвратился от них, говорит: "**слово Господне было редко в те дни, видения были не часты**" (1 Цар. 3:1), называя здесь "**честным**" редкое; этим он выразил, что дары пророчества тогда были редки. Также другой, плача и рыдая о гневе Божьем, говорит: "**нет в настоящее время ни князя, ни пророка**" (Дан. 3:38). И евангелист говорит: "**ибо еще не было на них Духа Святого, потому что Иисус еще не был прославлен**" (Иоан. 7:39). Так как Он еще не был распят, то, говорит, и Дух Святый не был дарован людям, – "**прославлен**" значит: "**распят**". Хотя это событие по природе своей позорно, но так как оно было совершено за любимых, то Христос называет его славой. А почему, скажи мне, Дух не был дарован прежде распятия? Потому, что вселенная была еще в грехах, в злобе, во вражде и бесчестии, так как еще не был принесен в жертву Агнец, взявший на себя грехи мира. Итак, доколе Христос еще не был распят, дотоле не было и примирения; а доколе не было примирения, дотоле по справедливости не был ниспослан и Дух. Таким образом, ниспослание Духа есть знак примирения. Посему и Христос говорит: "**лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам**" (Иоан.

16:7). Если я не пойду, говорит Он, и не примирю Отца, то не пошлю вам Утешителя. Видите ли, сколько доказательств мы представили вам на то, что отсутствие Духа Святого в людях есть знак гнева Божия? "**Слово Господне было редко в те дни, видения были не часты**" (1 Цар. 3:1). "**Нет в настоящее время ни князя, ни пророка**" (Дан. 3:38). "**Ибо еще не было на них Духа Святого, потому что Иисус еще не был прославлен**" (Иоан. 7:39). "**Лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам**" (Иоан. 16:7). Итак, отсутствие Духа Святого есть знак гнева Божия. А когда ты видишь, что Дух Святый ниспосылается обильно, то уже нисколько не сомневайся в примирении. Где же, скажешь, ныне Дух Святый? Тогда действительно можно было говорить это, когда были знамения: мертвые воскресали и все прокаженные очищались; а ныне чем мы докажем, что Дух Святый с нами? Не бойтесь; я покажу, что Дух Святый пребывает и у нас ныне. Как и каким образом? Так: если бы не было у нас Духа Святого, то, как эти, просвещенные в эту священную ночь, избавились бы от грехов? Без действия Духа не может быть и отпущения грехов. Послушайте Павла, который говорит: "**ибо и мы были некогда несмысленны, непокорны, заблудшие, были рабы похотей и различных удовольствий: Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога, Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом**" (Тит. 3:3-5). И еще в другом месте: "**не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют**" (1 Кор. 6:9-10). Видишь ли все виды пороков? "**И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались**". Каким образом? Вопрос в том, через Духа ли Святого мы освободились от пороков. Послушай же: "**но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего**" (1 Кор. 6:11). Видишь ли, что Дух Святый изгладил все те пороки?

4. Где теперь хулящие достоинство Духа? Если Он не отпускает грехов, то напрасно принимается в крещении; если же Он отпускает грехи, то напрасно хулится еретиками. Если бы не было Духа Святого, то мы не могли бы назвать Господом Иисуса, потому что "**никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым**" (1 Кор. 12:3). Если бы не было Духа Святого, то мы верные не могли бы призывать Бога, а мы говорим: "**Отче наш, сущий на небесах**". Как не могли бы мы называть Иисуса Господом, так не могли бы называть и Бога Отцом. Откуда это видно? Из слов того же апостола: "**а как вы – сыны**", говорит он, "**то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: Авва, Отче!"** (Гал. 4:6). Итак, когда ты называешь Отцом, то помни, что ты удостоился так называть Его потому, что Дух движет душу твою. Если бы не было Духа, то в Церкви не было бы слова премудрости и ведения: "**одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания**" (1 Кор. 12:8), Если бы не было Святого Духа, то не было бы в церкви пастырей и учителей, потому что и они поставляются Духом, как и Павел говорит: "**в котором Дух Святый поставил вас**" пастыри и "**епископы**" (Деян. 20:28). Видишь ли, что и это – от Духа? Если бы не было Духа Святого в нашем общем отце и учителе, то, когда незадолго перед этим он входил на это священное возвышение и преподал всем вам мир, вы не ответствовали бы ему все вместе: *и духови твоему*. Посему не только тогда когда он восходит (сюда), и беседует с вами, или молится за вас, вы произносите эти слова, но и тогда, когда он предстоит перед этой священной трапезой, когда намеревается принести страшную жертву, – посвященные в тайны знают, о чем я говорю, – он не касается предлежащего прежде, нежели испросит вам благодать от Господа, и вы ответите ему: *и духови твоему*, напоминая себе этим ответом, что сам присутствующий ничего не совершает и что предлежащие дары совершаются не человеческим естеством, но благодать Духа, присущая и на все нисходящая, уготовляет эту таинственную жертву. Хотя присутствует человек, но действует через него Бог. Итак, не смотри на природу

видимого; но представляй благодать невидимую. На этом священном престоле не совершается ничего человеческого. Если бы не присутствовал Дух, то не существовала бы и церковь; если же церковь существует, то, очевидно, что Дух присутствует.

Почему же, скажешь, не бывает ныне знамений? Здесь слушайте меня со вниманием; я от многих слышу этот непрестанный и всегдашний вопрос: почему тогда все крещаемые говорили языками, а ныне уже нет? Наперед узнаем, что значит говорить языками, а потом скажем и причину. Что же значит говорить языками? Крещаемый тотчас начинал говорить на языке индийцев, египтян, персов, скифов, фракиян, и один человек получал многие языки; и если бы эти, крещенные ныне, крещены были тогда, то ты тотчас услышал бы их говорящими разными языками. Павел, говорится (в Писании), нашедши некоторых крещенных крещением Иоанновым, сказал им: "**приняли ли вы Святого Духа, уверовав? Они же сказали ему: мы даже и не слыхали, есть ли Дух Святый**". Он тотчас повелел им креститься, "**когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святый**", и все "**стали говорить иными языками**" (Деян. 19:2,6). Почему же ныне прекращена и отъята от людей эта благодать? Не потому, чтобы Бог хотел унизить нас, но потому напротив, что оказывает нам великую честь. Как? Я скажу. В то время люди, недавно отставшие от идолов, были более несмысленны; ум их был еще очень туп и груб; они были преданы и изумлялись всему вещественному; у них еще не было никакого понятия о дарах бестелесных, и они не знали даже, что такое благодать духовная и созерцаемая одной верой: поэтому тогда и были знамения. Одни из духовных дарований невидимы и постигаются одной только верой, а другие обнаруживаются и в чувственном знамении для удостоверения неверных. Например: отпущение грехов есть дело духовное, есть дар невидимый, потому что мы не видим телесными глазами, как очищаются грехи наши. Почему? Потому, что очищается душа, а душа не бывает видима телесными очами. Итак, очищение грехов есть дар духовный, который не может быть заметен для телесных очей; а способность говорить разными языками, хотя также происходит от духовного действия Духа, однако представляет знамение чувственное и удобозримое для неверных. Язык, слышимый вне, есть обнаружение и показатель действия, происходящего внутри души, т. е. невидимого. Посему и Павел говорит: "**каждому дается проявление Духа на пользу**" (1 Кор. 12:7). Итак, я не имею ныне нужды в знамениях. Почему? Потому, что и без дарования знамения я научился веровать во Владыку. Неверующий имеет нужду в залоге, а я, верующий, не нуждаюсь ни в залоге, ни в знамении, но, хотя я и не говорю языками, однако знаю, что я очищен от грехов. Те тогда не поверили бы, если бы не получили знамения: поэтому им и давались знамения, как залог веры, которой они веровали, так что знамения давались им, не как верным, но как еще неверным, чтобы они сделались верными. Так и Павел говорит: "**знамение не для верующих, а для неверующих**" (1 Кор. 14:22). Видите ли, что прекращение знамений служит доказательством не того, что Бог унижает нас, но того, что Он оказывает нам честь? Он сделал это, желая показать веру нашу, – что мы веруем в Него без залогов и знамений. Те, если бы наперед не получили знамения и залога, то не поверили бы Ему в невидимом; а я и без этого показываю всю веру. Вот причина, почему ныне не бывают знамения.

5. Хотел бы я сказать и о причине праздника и показать, что такое Пятидесятница, почему в этот праздник подан дар, почему в огненных языках и почему через десять дней; но вижу, что поучение слишком затянулось. Поэтому, прибавив немногое, окончу речь. "**При наступлении дня Пятидесятницы, явились им разделяющиеся языки, как бы огненные**" (Деян. 2:1,3), – не огненные, но "**как огненные**", чтобы ты не подозревал в Духе ничего чувственного. Как на струи иорданские Он сошел не голубем, но в виде голубя (Лук. 3:22), так и здесь не огнем, но в виде огня. Также и выше сказано: "**сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра**" (Деян. 2:2), не **шум от сильного ветра**", но "**шум, как бы от несущегося сильного ветра**". Почему же Иезекииль получил

дар пророчества не посредством подобия огня, но посредством книги, а апостолы получают дары посредством огня? О нем говорится, что [Бог] дал в уста его свиток книжный, в котором "**исписано было внутри и снаружи, и написано на нем: плач, и стон, и горе"** (Иезек. 2:10), и он съел его, и "**было в устах его сладко, как мед**" (Иезек. 3:3). А об апостолах не так, но: "**явились им разделяющиеся языки, как бы огненные**". Итак, почему там свиток и письмена, а здесь язык и огонь? Потому, что тот шел обличать грехи и оплакивать иудейские бедствия, а эти шли истреблять грехи вселенной, – посему тот получил свиток для памятования о грядущих бедствиях, а эти получили огонь, чтобы попалить и истребить все грехи вселенной. Как огонь, упав в терние, легко истребляет его всецело, так и благодать Духа истребляет грехи людей. Но при этом событии бесчувственные иудеи, вместо того, чтобы изумляться, трепетать и поклоняться Подателю дара, опять показывают свое собственное безумие, обвиняя апостолов, исполненных Духа, в опьянении. Они, говорят, "**напились сладкого вина**" (Деян. 2:13). Представь неблагодарность людей и посмотри на благодарность ангелов. Ангелы, увидев начаток наш возводимым [на небо], радовались и говорили: "**поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь славы**" (Псал. 23:7); а люди, увидев нисшедшую к нам благодать Духа, говорят, что принявшие благодать пьяны, и не смутились даже временем года: ведь во время весны не возможно было найти вина, а тогда была весна. Впрочем, оставим их и посмотрим на воздаяние человеколюбивого Бога. Христос взял начаток нашего естества и воздал нам благодать Духа; и как бывает после продолжительной войны, когда кончено сражение и заключается мир, так что бывшие между собой во вражде дают друг другу поруку и заложников, так произошло и между Богом и человеческим естеством; оно послало Ему в поруку и заложником свой начаток, который вознес Христос, а Он, взамен, послал нам в поруку и заложником Духа Святого. А что мы имеем поруку и заложника, это видно из следующего: порука и заложники должны быть царского рода, поэтому и ниспослан нам Дух Святый, как царственный по естеству, равно как и вознесшийся от нас был царского рода, потому что Он был от семени Давидова. Поэтому я уже больше не страшусь, так как начаток наш восседает горе; поэтому, хотя бы кто говорил мне о черве не умирающем, или об огне не угасающем, или о других наказаниях и мучениях, я уже не боюсь, или лучше, хотя и боюсь, но не отчаиваюсь в своем спасении. В самом деле, если бы Бог не желал даровать великие блага роду нашему, то не взял бы начатка нашего горе. Прежде мы, взирая на небо и представляя бесплотные силы, яснее усматривали свое ничтожество через сравнение с вышними силами, а теперь, когда мы хотим видеть свое благородство, то взираем горе, на небо, на самый престол царский, – так восседает начаток от нас. Так и придет Сын Божий с неба судить нас. Поэтому будем приготовляться, чтобы не лишиться той славы, – а непременно придет и не замедлит общий наш Владыка, придет ведя с Собой воинства, полки ангелов, соборы архангелов, строи мучеников, лики праведников, сонмы пророков и апостолов, и среди этих невещественных воинств явится Сам, как царь, в невыразимой и неизреченной славе.

6. Итак, будем делать все, чтобы не лишиться той славы. Хотите ли, я скажу и страшное? Это не для того, чтобы опечалить (вас), но чтобы исправить. Тогда перед тем престолом будет течь река огненная; тогда раскроются книги; суд будет страшный и ужасный; как в судилище, будут читаны записи о нашей жизни. Об этих книгах много говорят и пророки. Так, Моисей говорит: "**прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал**" (Исх. 32:32). Также и Христос говорил ученикам: "**однако же, тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах**" (Лук. 10:20). И пророк Давид: "**в Твоей книге записаны все дни, для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было**" (Псал. 138:16), и еще: "**да изгладятся они из книги живых и с праведниками да не напишутся**" (Псал. 78:29). Видишь ли, что одни изглаживаются, и другие вписываются? Хочешь ли знать, что не

только праведные вписываются в тех книгах, но вписаны там и грехи наши? Теперь время праздника: будем поучаться тому, чем мы можем избавиться от наказания. Страшно это слово, но вместе полезно и прибыльно, потому что избавляет нас от необходимости испытать (наказание) на самом деле. Итак, будем знать, что грехи записываются, и что мы здесь ни скажем, тотчас вносится туда и записывается. А откуда это известно? О таких предметах нельзя изъясняться просто. Малахия [3] говорит иудеям: горе прогневляющим Господа, и "**чем прогневляем мы Его? Тем, что говорите: всякий, делающий зло, хорош перед очами Господа**"; это – слова рабов неблагодарных; и "**таким Он благоволит**", т. е. в развращенных, говорит, не служивших Ему (Малах. 2:17). Вот мы "**соблюдали постановления Его и считаем надменных счастливыми**"; мы, говорили они, ежедневно служим, а другие наслаждаются благами (Малах. 3:14-15). Это часто говорят и рабы о господах. Впрочем, человеку говорить это о человеке не столь опасно, хотя и опасно; но говорить это об общем Владыке вселенной, Владыке милостивом и человеколюбивом, достойно всякого осуждения и крайнего наказания. А дабы тебе убедиться, что такие слова записываются, послушай, что говорит пророк: вот это "**написано в книге**" живущих "**в память**" перед лицом Бога (Малах. 3:16). Записываются не потому, чтобы Богу вспомнить день, но чтобы представить книгу, как некоторую улику и обвинение. Может быть, я потряс душу вашу страхом; но не вашу, а наперед свою. Итак, прекращу речь, или – лучше – страх, а еще лучше, не прекращу, но смягчу; пусть он остается и очищает душу вашу, но суровость его мы уменьшим. Как же мы можем уменьшить ее? Если покажем, что грехи не только записываются, но и изглаживаются. В судилище все, что подсудимый ни скажет при записывании, непременно записывается навсегда и уже не может быть изглажено; а в той книге, хотя бы ты и сказал что-нибудь худое, потом, если захочешь, опять изгладится. Откуда это известно? Из Писания: "отврати лице Твое", говорит псалмопевец, "**от грехов моих, и все беззакония мои очисти**" (Пс. 50:11), Никто не изглаживает того, что не написано; и так как грехи записаны, то он и молится об их изглаживании. А некто другой научает и тому, как они изглаживаются: "**милостынями и верой**", говорит он, *очищаются грехи* (Притч. 15:27), – не только изглаживаются, но и очищаются, так что не остается и следа. Притом изглаживается не только то, что вписано после крещения, но и то, что вписано прежде этого омовения, – все то очищается водой крещения и крестом Христовым, как говорит Павел: "**истребив учением бывшее о нас рукописание, которое было против нас, и Он взял его от среды и пригвоздил к кресту**" (Кол. 2:14). Видишь ли, как изглажено это рукописание? И не только изглажено, но и разорвано; гвозди крестные так разорвали его, что оно сделалось непригодным. Впрочем, это все изглажено благодатью и человеколюбивой силой распятого Христа; и сделанное после крещения требует великого старания, чтобы оно опять было изглажено. Так как уже нет второго омовения, а нужны наши слезы, покаяние, исповедь, милостыня, молитва и всякое другое благочестивое занятие, то и очищаются сделанные после крещения грехи с великим трудом и усилием. Итак, будем прилагать всякое старание, чтобы изгладить их здесь и избавиться от тамошнего стыда и наказания. И хотя бы мы сделали бесчисленное множество грехов, мы можем, если захотим, сложить все это бремя грехов. Будем же иметь такое желание, потому что гораздо лучше немного потрудиться здесь и избавиться от неизбежного наказания, нежели, проведши это краткое время в нерадении, впасть в те нескончаемые мучения. Впрочем, уже время обозреть сказанное. Мы сделали укор приходящим сюда только через год, что они оставляют мать свою обнаженной, напомнили им древнее событие, и проклятие, и благословение; беседовали о праздниках иудейских и о том, почему Бог повелел иудеям являться перед Ним трижды в год; сказали, что у нас праздник бывает во всякое время, и Пятидесятница, и Пасха, и Богоявление; сказали, что праздник производится чистой совестью, а не определенным кругом дней и времен; потом мы перешли к дарам, ниспосланным свыше, – сказали, что они суть знак примирения; доказали присутствие Духа Святого отпущением грехов, ответом пастырю, словом

премудрости и ведения, рукоположениями, таинственной жертвой; сказали, что мы имеем взаимных заложников и поруку; присовокупили причину, по которой ныне уже не видны знамения; после того напомнили о страшном суде, о книгах, которые тогда раскроются, и о том, что все наши грехи записываются; объяснили, что они опять изглаживаются, если мы захотим. Помните все это; если же невозможно помнить все, то из всего удержите в памяти сказанное о книгах, и все, что бы вы ни говорили, говорите с осторожностью, точно имея при себе писаря; всегда сохраняйте эти слова в свежей памяти, чтобы тем из вас, которые вписаны в книге праведных, умножать добродетели, а тем из нас, которые имеют записанными много грехов, изгладить их здесь, когда никто не видит, и избавиться от будущего их обнаружения. А возможно, как мы показали, изгладить все записанные грехи старанием, молитвой и усиленным благочестием. Итак, будем стараться об этом во всякое время, чтобы, по отшествии туда, нам получить прощение и всем избежать неминуемых наказаний, чтобы, избавившись от них, всем нам удостоиться царствия небесного, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

---

[1] 1-я и 2-я беседа в день Пятидесятницы произнесены в Антиохии; год произнесения неизвестен.

[2] Из важнейших праздников святой Златоуст перечисляет только три, причем первым называет Богоявление, вторым – Пасху, третьим – Пятидесятницу: вероятно, он приспособлялся в этом случае к издревле установившемуся обычаю у антиохиан – почитать эти три праздника за самые важные, и так как Рождество Христово, которое в ряду праздников должно бы быть поставлено на первом месте, еще недавно в Антиохии стало праздноваться особо от Богоявления, то он не упоминает его особо.

[3] У Златоуста вместо Малахии назван Михей.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

На Святую Пятидесятницу.

ВЕЛИКИ, возлюбленные, и выше всякого слова человеческого дары, ниспосланные нам сегодня от человеколюбивого Бога, – будем, поэтому все мы вместе радоваться и с восторгом прославлять нашего Владыку. И подлинно, нынешний день для нас праздник и торжество. Как в преемстве дней и времен года одна перемена следует за другой, так точно и в церкви праздник следует за праздником и один отсылает нас к другому. Недавно мы праздновали кресту, страданию, воскресению, потом вознесению на небо Господа нашего Иисуса Христа; а сегодня, наконец, достигли до самой вершины благ, вступили в самую столицу праздников, пришли к самому плоду обетования Господня. "**Если Я пойду**", сказал Он, "**иного утешителя пошлю к вам, и не оставлю вас сиротами**" (Иоан. 14:18; 16:7). Видите ли Его попечение? Видите ли неизреченное человеколюбие? Перед этими днями Он восшел на небо, воспринял царский престол и воссел одесную Отца, а сегодня дарует нам пришествие Святого Духа, и через Него ниспосылает нам с небес бесчисленные блага. И что, скажи мне, из относящегося к нашему спасению не Духом устроено для нас? Через Него мы освобождаемся от рабства, призываемся в свободу, вводимся в усыновление, вновь, так сказать, созидаемся, слагаем с себя тяжкое и смрадное бремя грехов; через Духа святого мы видим лики священников, имеем полки учителей; от

этого источника и дары откровений, и дарования исцелений; и всем прочим, что обыкновенно украшает ее, церковь снабжается отсюда. И Павел взывает так: "**все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно**" (1 Кор. 12:11). "**Как Ему угодно**", говорит он, а не как Ему повелевается; "**разделяя**", а не подвергаясь разделению; "**властвуя сам**", а не подлежа власти. Таким образом, Павел приписывает и Духу Святому такую же власть, какую по свидетельству его, имеет Отец. Как об Отце он говорит: "**Бог один и тот же, производящий все во всех**" (1 Кор. 12:6), так и о Святом Духе: "**вся же сие**", говорит, "**производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно**". Видишь ли совершенную власть? У кого одна сущность, у тех, очевидно, одна и самобытность; у кого равночестно достоинство, у тех одна и сила и власть. Через Него мы получили отпущение грехов; через Него мы смыли всякую нечистоту; по Его дару мы, притекшие к благодати, стали из людей ангелами, не переменившись по естеству, но, что гораздо удивительнее, оставаясь в естестве человеческом проявляем жизнь ангельскую. Такова сила Святого Духа. Как чувственный огонь, приняв мягкую глину, делает ее твердой черепицей, так точно и огонь Духа, объяв благомыслящую душу, хотя бы нашел ее мягче глины, делает ее тверже железа, и того, кто незадолго был осквернен нечистотой греховной, вдруг являет светлейшим солнца. Этому научая нас, блаженный Павел взывал так: "**не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют**" (1 Кор. 6:9-10). Исчислив, так сказать, все виды нечестия и научив, что виновные в таких грехах чужды царствия, он тотчас прибавил: "**и такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались**". Как и каким образом? Скажи, – в этом и вопрос. "**Именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего**" (1 Кор. 6:11). Видишь ли, что Дух Святый истребил все это нечестие и тех, которые прежде погибали от собственных грехов, вдруг возвел до высочайших почестей.

2. Кто же достойно пожалеет и оплачет тех, которые решаются хулить достоинство Духа, которые, как бы умоисступленные, даже величием благодеяний не могут быть удержаны от своего безумия; но осмеливаются делать все к вреду своего спасения, отнимая у Него, сколько это возможно для них, достоинство Владыки, и стараются низвести Его в ряд тварей? Я хотел бы спросить их: для чего вы объявляете такую войну против достоинства Духа, или лучше, против собственного спасения, и не хотите взять в рассуждение сказанное Спасителем ученикам: "**идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа**" (Матф. 28:19)? Видишь ли равночестное достоинство? Видишь ли точно выраженное согласие? Видишь ли нераздельность Троицы? Разве есть здесь различие, или изменение, или уменьшение? К чему вы осмеливаетесь прибавлять к словам Господа новое повеление? Или вы не знаете, что и в человеческих делах, если бы кто покусился или дошел до такой дерзости, что прибавил бы что-нибудь или убавил в грамоте царя, который одного с нами рода и причастен одному и тому же естеству, то подвергся бы крайнему наказанию и ничто не могло бы избавить его от этого наказания? Если же столь велика опасность из-за человека, то, какое может быть прощение тем, которые оказывают столь великое безумие, покушаются искажать слова общего нашего Спасителя и не хотят слушать и Павла, который имел в себе Христа, и который громким голосом взывал и говорил так: "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его**" (1 Кор. 2:9)? Итак, если ни око не видало, ни ухо не слыхало, ни сердце не могло вместить познания о том, что уготовано любящим Его, то откуда мы, блаженный Павел, можем получить познание об этом? Подожди немного, и услышишь, как он объясняет и это. Он прибавляет: "**нам Бог открыл это Духом Своим**" (1 Кор. 2:10); и на этом не останавливается, но чтобы показать и величие силы и единосущие Духа с Отцом и Сыном, говорит: "**Дух все проницает, и глубины Божьи**". Потом, желая из примера человеческого преподать нам точнейшее

наставление, присовокупляет: "**кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божьего**" (1 Кор. 2:11). Видишь ли совершенное наставление? Как того, что находится в уме человека, говорит он, может знать никто другой, а только сам он один знает свое, так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия, – а это весьма важно и вполне достаточно показывает достоинство Духа. Приводя этот пример, он как бы так говорит: невозможно, чтобы кто-нибудь из людей когда-нибудь не знал того, что находится в уме его; и как это не возможно, так и Божье, говорит он, с такой же точностью знает Дух Святый. Недоумеваю, – неужели и эти слова блаженного Павла не повлияют на людей, которые по собственному предубеждению, к вреду своего спасения, объявляют такую войну против достоинства Духа, отнимают у Него, сколько это возможно для них, достоинство Владыки и низводят Его в ничтожество тварей? Но если они расположены спорить, восставая против сказанного в божественном Писании, – то мы, принимая божественные наставления, как свыше принесенные прорицания, станем воссылать подобающее славословие, показывая с правой верой и правильное разумение истины. Итак, против тех, которые решаются учить противно изреченному Духом, довольно сказано; но вашей любви необходимо сказать, почему Господь не тотчас после Своего вознесения даровал нам виновника таких благ, а попустил, чтобы ученики прежде провели несколько дней и пробыли одни с самими собой, и тогда ниспослал благодать Духа. Не напрасно и не без причины было и это. Он знал, что род человеческий недостаточно ценит те блага, которые у него в руках, и не чтит по достоинству того, что является приятным и великим, если не случится что-нибудь и из противоположного. Например, скажем об этом яснее: здоровый и сильный телом не чувствует и не может в точности знать, сколько благ доставляло ему здоровье, если он не испытает болезни, когда его постигнет немощь; также и тот, кто видит днем, не так ценил бы свет, если бы его не сменяла темнота ночи. Подлинно, испытание противоположного всегда бывает ясным учителем относительно того, чем мы прежде наслаждались. Посему и тогда, так как ученики в присутствии (Христа) наслаждались бесчисленными благами и во время обращения с Ним были в великом благоденствии, – все ведь жители Палестины взирали на лица их, как на некоторые светильники, потому что они и воскрешали мертвых, и очищали прокаженных, и изгоняли бесов, и исцеляли болезни и много других являли чудес, – посему, так как они были столь неизвестны и славны, то Он и попустил им на малое время лишиться силы Содействовавшего им, дабы они, оставшись без нее, узнали, как много Его присутствие доставляло им благости, и, восчувствовав важность прежних благ, с большей готовностью приняли и дар Утешителя. Дух Святый и утешил их в скорби и светом Своим озарил их, сетовавших по причине разлуки с Учителем и исполненных уныния, и воздвиг почти лежащих, и разогнал облако печали, и разрешил недоумение. Так как они слышали повеление Господа: "**идите, научите все народы**" (Матф. 28:19), но еще недоумевали и не знали, куда каждому из них должно направиться и в какой стране вселенной нужно проповедовать учение, – то приходит Дух Святый в виде языков, отделяя каждому из них страны учительства во вселенной, и данным языком как бы на некоторой скрижали обозначая каждому предел вверенного ему начальства и учительства.

Вот почему Дух сошел в виде языков; и не только поэтому, но и для того, чтобы напомнить нам о древнем событии. Так как в древности люди, впав в безумие, вздумали построить башню, которая достигала бы до неба, а Бог через разделение языков разрушил их злое согласие, то ныне Дух Святый нисходит на апостолов в виде огненных языков, чтобы через это соединить разделенную вселенную. И совершилось дело новое и дивное: как тогда в древности, языки разделили вселенную и расторгли злое согласие, так ныне языки соединили вселенную и бывшее разделенным привели в единомыслие. Итак, для этого Он сошел в виде языков, а языки были как огненные, потому что в нас разрослось терние греха. Как земля тучная и плодородная, если остается невозделываемой,

произращает великое множество терний, так точно и наше естество, вышедши из рук Создателя прекрасным и способным к произведению плодов добродетели, но, не принимая в себя плуга благочестия и семени богопознания, породило нечестие, как бы некоторое терние и другое бесполезное растение. И как часто бывает не видно лица земли от множества терний и дурных трав, так и благородства и чистоты души нашей не видно было, пока Возделыватель человеческого естества, пришедши и ниспославши огонь Духа, не очистил ее и не сделал способной к принятию небесного семени.

3. Такие и еще большие блага дарованы нам в настоящий день. Поэтому я увещеваю, – станем и мы праздновать сообразно с достоинством дарованных нам благ, не венки возлагая на ворота, но, украшая души, не площадь убирая покровами, но просветляя душу одеждами добродетелей, дабы таким образом мы могли и принять благодать Духа, и собрать происходящие от Него плоды.

Какие же плоды Духа? Послушаем Павла, который говорит: "**плод же духа: любовь, радость, мир**" (Гал. 5:22). Посмотри на точность его выражений, на последовательность учения: сначала он поставил любовь, и потом упомянул о том, что следует далее; положил корень, и потом показал плод; утвердил основание, и потом возвел здание, начал с источника, и потом перешел к потокам. Не прежде может быть положено основание радости, как если наперед мы станем считать благоденствие других своим собственным и блага ближнего принимая за свои собственные; а это может произойти не иначе, как если возобладает в нас сила любви. Любовь есть корень, источник и матерь всего доброго. Подлинно она, как корень, произращает бесчисленные ветви добродетелей; как источник, производит множество потоков; как мать, объемлет в лоне своем прибегающих к ней. Зная это, блаженный Павел и назвал ее плодом Духа; а в другом месте он усвоил ей такое преимущество, что назвал ее даже исполнением закона: "**исполнение закона**", говорит он, "**любовь есть**" (Римл. 13:10). И Владыка всех, в качестве надежного признака и достоверного отличия Своих учеников, предложил нам не иное что, но любовь, сказав: "**по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собой**" (Иоан. 13:35). Поэтому, увещеваю, к ней все мы прибегнем, к ней прилепимся и с ней встретим этот праздник, так как где любовь, там перестают проявлять себя душевные недостатки, где любовь, там утихают неразумные порывы души. "**Любовь**", сказано, "**не превозносится, не гордится, не бесчинствует**" (1 Кор. 13:4-5). Любовь не делает зла ближнему; где господствует любовь, там не бывает Каина, убивающего брата. Уничтожь источник зависти, уничтожишь и поток всех зол; отрежь корень, уничтожишь вместе и плод. Это я говорю, заботясь более о тех, которые завидуют, так как первые особенно и причиняют себе величайший вред и навлекают на себя великую гибель; а для тех, которым завидуют, зависть служит, если они захотят, даже поводом к получению венцов. Посмотри, как праведного Авеля воспевают и прославляют каждый день, и причина убиения сделалась для него поводом к прославлению. Он и после смерти смело вещает своей кровью и громким голосом обвиняет убийцу; тот, оставшись в живых, в воздаяние за дела, получил плод дел своих, и проводил жизнь "**стеная и трясясь на земли**"[1] (Быт.6:12), тогда как убитый и лежащий на земле, после смерти, показывал еще большее дерзновение. И как тому и живому грех приготовил жизнь несчастнее мертвых, так этого и по смерти добродетель еще более прославила. Поэтому и мы, дабы приобрести нам и здесь и там большее дерзновение, дабы получить нам большую радость от праздника, снимем с души все нечистые одежды, особенно же сбросим одежду зависти, потому что хотя бы мы, по-видимому, совершили бесчисленное множество добрых дел, но лишимся всего, если на нас лежит бременем эта ужасная и жестокая зараза, – и дай Бог избежать ее всем нам, особенно же тем, которые сегодня, благодатью крещения, совлекли с себя ветхую одежду грехов и могут блистать подобно лучам солнечным. Итак, убеждаю вас, вписанных сегодня в сыновство и облекшихся в эту светлую одежду: соблюдайте ту

светлость, в какой вы теперь находитесь, всячески охраняя ее, со всех сторон заграждая вход дьяволу, дабы, получив обильнейшую благодать Духа, вы могли принести плоды – иной в тридцать крат, иной в шестьдесят, а иной во сто, и удостоились с дерзновением встретить Царя небесного, когда Он благоволит придти и распределять неизреченные блага между проведшими настоящую жизнь добродетельно, во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] По славянскому переводу.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том II

Книга 2

XIV. Беседы о св. Апостоле Павле

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. Духовная красота св. апостола Павла - Он в необычайной степени соединил в себе все, что есть великого и доброго, не только между людьми, но даже и между ангелами. - Он имел все добродетели Авеля, Ноя, Авраама, Исаака, Иакова, Иова, Моисея, Давида, Илии и Иоанна Крестителя, а также и ангелов.

БЕСЕДА ВТОРАЯ. Св. апостол Павел осуществлял добродетель во всех ее отношениях и исполнял ее без всяких видов ни на земное возмездие, ни даже на небесное. - Он не избегал страданий, а даже искал их и наслаждался ими; скорбел из-за спасения всех вообще и каждого в отдельности. - На земле он жил, как будто будучи на небе. - Он сподобился самых великих милостей и самых знаменательных даров благодати. - Наконец он есть превосходный образец добродетели, который не недоступен и всем нам.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ. Величие человеколюбия св. ап. Павла. - Он любил врагов и тех, кто делал ему зло, желал спасения иудеям, воздвигавшим на него гонения. - Это человеколюбие внушало ему великую нежность как к соотечественникам, так и к иноплеменникам, желание спасения всем людям, побуждало его к щедрой помощи нуждающимся. - Он не только был одушевлен человеколюбием, но был сам воплощенной любовью. - Мы должны подражать великому апостолу в этой главнейшей добродетели.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ. Призвание св. ап. Павла к апостольству. - Верность, которую он сохранял бывшему ему призванию свыше. - Причины успешного распространения веры в мире, несмотря на немощность проповедников. - Мужество и успехи ап. Павла в деле проповедания Евангелия.

БЕСЕДА ПЯТАЯ. Похвала добродетелям св. ап. Павла. - Никакое препятствие не могло ни ослабить, ни остановить их совершения. - Средства, которыми апостол пользовался для достижения своей цели. - Формы, в которых выражалась его ревность о спасении всех людей. - Применительность их к временам и лицам, насколько это было возможно.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ. Опровержение некоторых укоров, делаемых св. апостолу Павлу за то, что он в некоторых случаях боялся ударов и смерти; иногда позволял себе произносить проклятия и наносить оскорбления. - Все это не только не унижает великого апостола, а содействует возвышению его славы.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ. При всем величии добродетелей св. апостола Павла, мы все можем достигать их, потому что и он был подобострастный нам человек. - Ревность и уверенность, которые он внушал своим ученикам и которые тем более возрастали, чем

сильнее ему препятствовали, заключая его в узы. - Все препятствия и стеснения содействовали только большему успеху его проповеди.

XV. Похвальная беседа о святом отце нашем Мелетие.

Похвалы св. Мелетию, поселившему в антиохийцах великую любовь к нему, и антиохийцам, сохраняющим эту любовь. - Проявления этой любви при вступлении св. Мелетия на кафедру. - Обстоятельства изгнания святого из Антиохии - пример любви ко врагам. - Изгнание усиливает еще более любовь к святителю, проявления ее при возвращении его. - Путешествие св. Мелетия в Константинополь, кончина на вселенском соборе и принесение мощей его в Антиохию. Утоление преемником скорби о кончине святого и еще большее усиление любви к почившему и памяти о нем. Св. Мелетий - ходатай перед Богом за антиохийцев.

XVI. Похвальная беседа о святом мучение Лукиане.

Малочисленность слушателей сравнительно с предшествующим праздником; увещание постоянно посещать церковь и разъяснение пользы для души от пребывания в церкви. Мученичество - крещение. Мучение св. Лукиана голодом, тяжесть этого рода муки. Единственный ответ мученика на суде: я - христианин. Значение этого ответа в устах христианина. Увещание презирать роскошь и смело исповедовать Христа.

XVII. О св. священномученике Вавиле.

Св. Вавила - епископ Антиохии и мученик. Возможность для мученика подвигов и по смерти, удостоверяющая воскресение. Отступничество Юлиана, его усилия истребить христианство; невозможность этого, доказанная событиями. Перенесение мощей святого из предместья, по требованию оракула. Не мертвое тело есть скверна, а злая воля. Страх Юлиана перед мощами мученика. Сожжение капища Аполлона молнией. Похвала усердию антиохийцев и епископа их к мученику.

XVIII. Слово о блаженном Вавиле и против Юлиана.

Предсказание Господа о совершении чудес последователями Его, невозможное в язычестве. Приношение людей в жертву обличает происхождение язычества от демонов. Беспредельная благость Спасителя. Деяния Апостолов свидетельствуют об исполнении предсказания Господа, а истинность их повествования удостоверяется и современным состоянием христианства и язычества, и первоначальным успехом проповеди апостолов. Гнусное убийство римским царем взятого в заложники мира царского сына. Бог не тотчас наказывает грешников, давая время и случай для покаяния. Св. Вавила не допускает этого царя войти в церковь. Правомерность этого подвига сравнительно с угодливостью языческих жрецов и хвастливой, но пустой смелостью иных философов. Необходимость охранять законы Божии и при вероятной безуспешности этого охранения. Развитие греха в душе при невнимании к нему. Заключение св. Вавилы в темницу, скорбь его о погибели нечестивого царя, кончина и завещание положить в гроб и узы в свидетельство того, что поношение за Христа - истинная слава. Возможность для мученика подвигов и по смерти, ибо Бог оставляет на земле мощи святых для возбуждения именно живых к добродетели. Перенесение мощей в Дафну, предместье, бывшее по самому мифу о Дафне обычным местом разгула, прекращает силой мученика этот разгул и принуждает к молчанию бывший здесь оракул Аполлона. Воцарение Юлиана, его языческий образ жизни; его приказ, по требованию оракула, удалить из Дафны гробницу мученика обличает страх перед мучеником и демона и Юлиана. Примеры наказания Богом гонителей. Молния

сожигает капище Аполлона в Дафне при таких обстоятельствах, которые делают несомненным, что это было наказание от Бога. Речь Ливания по поводу этого события и разбор ее. Премудрость Божия проявилась в сохранении остатков капища в назидание потомкам, а благость - в том, что удар направлен не на царя прямо, которому даны и другие знамения для обращения его к истине. Неудачная попытка Юлиана восстановить Иерусалиский храм, старание вызвать внутренние раздоры в христианстве, бедствия похода персов и смерть Юлиана. Благость и премудрость Божия проявились в том, что крайние бедствия постигли Юлиана лишь в конце, когда он упорно оставался неисправимым, хотя Бог и предвидел эту неисправимость, и в том, что бесполезные для него самого бедствия эти дают урок всем остальным людям.

XIX. Похвальная беседа о свв. мучениках Иувентине и Максимине.

Попытки Юлиана истреблять христианство, не воздвигая открытого гонения, которое лишь укрепляет христиан. Выражение свв. мучениками скорби о таком положении христианства, заключение в темницу за это, собрания христиан там, безуспешные попытки соблазнить их наградами к отречению от Христа, тайная казнь их ночью и погребение христианами. Заключительная похвала мученикам.

XX. Похвальная беседа о св. мученице Пелагии, в Антиохии пострадавшей.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. Мужество мучеников - следствие пришествия Христа. Св. Пелагия, для сохранения девства, добровольной смертью спаслась от схвативших ее для представления в суд воинов. Мужество ее в этом, божественная помощь ей, посрамление гонителей, слава мученицы по смерти. Увещание подражать мученице, презревшей ради Христа жизнь, воздержанием от удовольствий жизни. Должно удерживать собратий от беспорядочного провождения времени, а самим полезно, возвращаясь из храма, вспоминать подвиги мученицы.

БЕСЕДА ВТОРАЯ. Посрамление диавола отроковицей, захваченной уже воинами, но смертью спасшейся от поругания. Вера и мужество мученицы разрушили коварство диавола. Увещание к воздержанию от страстей.

XXI. Похвала св. мученику Игнатию Богоносцу.

Мученические подвиги доступны всем - мужам и женам. Св. Игнатий - и епископ, и апостол, и мученик. Игнатий поставлен в епископа самими апостолами, следовательно - обладал всеми добродетелями, которых требовал от епископа Павел; он управлял церковью в самое трудное время, при гонениях извне и неустроенности еще внутри, - управлял антиохийской, очень большой, церковью, - преемствовал самому ап. Петру. Гонения диавол направляет на предстоятелей, чтобы ослабить церковь, и предает их смерти вдали от их церквей, чтобы и их утомить долгим путем, и церквам не дать хорошего примера; но Бог путешествие Игнатия в Рим обратил в средство научения и укрепления в истине и римлян, и всех попутных церквей. Мученическая смерть - очевидное доказательство воскресения Христа, особенно столь публичная, как смерть св. Игнатия. Торжественное перенесение его мощей в Антиохию еще увеличило пользу для церкви от его путешествия в Рим. Увещание прибегать к гробнице мученика и в счастьи и и в несчастьи, ибо это спасительно для всех и всегда.

XXII. Похвала св. отцу нашему Евстафию, архиепископу Антиохии великой.

Ублажать людей можно только после их смерти, потому что все на земле изменчиво. Мертвые и вообще блаженны более живых; а особенно - умершие за Христа. Св. Евстафий умер во Фракии, церковь ему в Антиохии, все присутствующие - памятники его, ибо в них - его благоухание. Св. Евстафий - мученик, хотя умер своей смертью. Жертвоприношение Исаака - прообраз бескровной жертвы христианской. Деятельность св. Евстафия против ариан и изгнание его. Бог попускает гонение на церковь, чтобы показать силу истины, преуспевающей во время гонений, и немощь ересей и язычества, разрушающихся и в мирное для них время. Св. Евстафий и в изгнании продолжает заботиться о церкви до времени св. Мелетия.

XIII. Похвальные слова о св. мученике Романе.

СЛОВО ПЕРВОЕ. Общение между мучениками и всеми другими членами церкви в силу любви, соединяющей всех. Сорадование труднее сострадания, оно уничтожает зависть. Любовь выше даже мученичества. Св. Роман соединял любовь с мученичеством; в жестокое гонение он ободряет и укрепляет христиан; диавол отсекает ему язык, чтобы верующие лишились его наставлений, а сам он не подтвердил бы увещаний своих смертью и мучился бы, не имея возможности подкреплять падающих, но Бог дарует мученику и без языка дар слова, как и всегда Он злоумышления диавола обращает в благодеяния для человека. Это чудо - доказательство возможности воскресения тела, подобно чуду с жезлом Аарона. Увещание к ревности о спасении, потому что Бог несомненно спасет, лишь бы люди исполнили, что с их стороны нужно для этого.

СЛОВО ВТОРОЕ. Подобное буре гонение на церковь; мужество св. Романа на различных мучениях; ребенок спрошенный признает истину христианства; св. Роману отрезан язык, но он и без языка продолжает говорить. Это чудо обличает Македония, доказывает возможность дара языков. Картина встречи св. Романом гонителя, молитва его ко Господу и речь к мучителю, не прерываемая и отсечением языка.

XXIV. Беседы о святых Маккавеях

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. Мощи святых устрашают демонов. - Благодать дает мужество мученикам. - Сила души матери Маккавеев. - Матери христианские должны подражать ее примеру и наставлять своих детей в добрых правилах. - Стойкость этой святой женщины не дает извинения тем старым или молодым мужчинам, у которых недостает мужества в виду испытаний гонительства.

БЕСЕДА ВТОРАЯ. Мы не можем должным образом восхвалять мучеников. - Но мы должны стараться о том. - Похвала младшему из св. мучеников Маккавеев. Сравнение его с Исааком. - Величие души матери Маккавеев. Увещание христианам подражать ей.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ. Похвала старцу Елеазару, семи братьям-мученикам и их матери. - Противоположность между неслыханной жертвой этой святой женщины и малодушием некоторых христиан, жалеющих иногда пожертвовать даже немного серебра.Еще о Маккавеях. Отрывок, извлечение из трактата св. Иоанна Дамаскина "об иконах".

XXV. Похвальная беседа о св. мученицах Вернике, Просдоке и Домнине.

Дерзновение мучениц - плод смерти Христовой, упразднившей страх смерти. Авраам, страшась смерти, называл в Египте Сарру сестрой, а не женой. Несправедливость упрека, будто бы Авраам при этом жертвовал целомудрием жены ради спасения своей жизни. Иаков и Илия также боялись смерти, а ныне жены презирают ее, потому что тогда смерть

была грозным наказанием, ныне же она - переход к лучшей жизни, ко Христу. По умершим ныне не плачут, а поют - символ радости. Св. мученицы во время жестокого гонения покидают родной город, жертвуя всем ради спасения веры, и Бог охраняет их в пути; жизнь их в Едессе, усиление гонения согласно с предсказанием Христа; цель этого предсказания. Муж и отец их является гонителем и схватывает их, но по пути они уходят ночью от воинов и бросаются в реку, принимая истинное крещение. Тяжесть такого подвига, особенно для их матери; не пыток боялась она, но желала охранить дочерей от поруганий, а эти оказали высшую степень послушания матери.

XXVI. Слово о четвородневном Лазаре.

Спаситель воскресил Лазаря перед Своими страданиями для того, чтобы удостоверить неразлучное соединение в Себе Божества с человечеством, предстоящее воскресение Свое и будущее воскресение всех людей. Похвалы мученицам применительно к обстоятельствам их кончины.

XXVII. Беседа о мучениках, а также о сокрушении и милостыне.

Превосходство церковных праздников перед мирскими зрелищами. Души святых - колесница Божия и храм. Равенство города и села в деле религии. Изобилие мучеников в селе возмещает недостаток учителей; мученики и молча учат и убедительнее проповедников они. Их тела оставлены Богом на земле, чтобы люди люди приходя к ним облегчали душу от житейских треволнений. Недостойно причащающиеся распинают Христа. Самоосуждение строгое и плач о грехах избавляют от будущего суда. Поучение церковное - светильник для души; и по выходе из церкви, куда диавол не имеет доступа, надо сохранять этот свет и проводить учение в жизнь, не увлекаясь, в особенности, богатством и роскошью.

XXVIII. Беседа о том, что говорить к народу с угодливостью опасно.

Оправдание строгости проповедника в обличении недостойно причащающихся. - Цель проповедника - не удалить от чаши Господней, а привлекать к ней для достойного причащения. - Проповедник не должен скрывать недостатков слушателей, иначе не будет пользы от проповеди. - Не нужно забывать даже грехов уже прощенных. - Памятование о них полезно. - Нужно постоянно каяться в них с сокрушением сердечным.

XXIX. Беседа о мучениках.

Праздновать в честь мучеников надо подражанием их, чистотой совести. Хорошее дело - посещать гробницы мучеников, но надо и после богослужения сохранять благоговение к мученикам. Пьяница не наследует царства Божия и здесь не испытывает настоящего удовольствия. У гробов мучеников можно иметь свое, духовное наслаждение и должно учиться мужеству, борьбе со страстями, а не предаваться чувственным удовольствиям.

XXX. Похвальное слово о св. мученике Юлиане.

Слава мучеников на земле и несомненность большей еще славы на небе. Награда за земные подвиги отложена Богом для того, чтобы она была вечной и чтобы ожидание ее облегчало и самые подвиги. История св. Юлиана: его происхождение, продолжительность исповедничества и добрые последствия от этого для самого мученика и для других христиан; последние мучения и смерть, уподобившая Юлиана Даниилу во рве львином и Ною в ковчеге. Тела святых оставлены на земле в научение нам. Увещание слушателям

воздержаться от участия на другой день в разгульном празднестве в Дафне; превосходство настоящего праздника перед завтрашним и по роду удовольствий, и по результатам. Увещание тем, кто сам не пойдет завтра в Дафну, позаботиться, не боясь ложного стыда, остановить и идущих туда на дороге еще и привести их в храм мученика.

XXXI. Похвала св. мученику Варлааму.

Похвала истинная мученикам - подражание им. Можно и без гонения подражать им - бороться с огнем страстей. Диавол медленностью мучений и необычностью их пытается победить мучеников. На руку св. Варлаама кладут горячие уголья и ладан над жертвенником идола. Уронить ладан на жертвенник при этом не было бы отречением от Христа, но мученик, при помощи Божией, не уронил. Увещание всем всегда сохранять в памяти образ мучеников, как оружие в житейской борьбе с увлечениями чем-либо видимым, и таким образом подражать мученикам.

XXXII. Похвала св. великомученице Дросиде и о памятовании смерти.

Посещение пригородного храма - прогулка за город. Вид гробниц напоминает о смерти, непрочности всего земного, необходимости готовиться здесь к вечности. Воспоминание о мучениках смиряет высокое мнение о себе, предохраняет и от отчаяния. Смерть мучеников - доказательство воскресения Христова, обличение бессилия бесов, осуждение их неблагодарности к Творцу. Воспоминание о подвигах мучеников побуждает людей к добродетели. Противопоставление смерти мучениц падению Евы. Обстоятельства кончины св. Дросиды и прославление ее. Увещание не заботиться о месте погребения своего. Иосиф, своим завещанием о перенесении костей, предупреждал обоготворение его египтянами и утверждал в евреях веру в обетования Божии. Увещание не заботиться о роскошном погребении. Богатые похороны грешника, загробная судьба его и дурная слава о нем на земле. Смерть бедняка праведного, его погребение ангелами, прославление Богом и память благодарная о нем на земле.

XXXIII. Похвала египетским мученикам.

В богоборном Египте - изобилие мучеников, так что и другие страны он наделяет ими. Мощи святых лучше оружия ограждают город от видимых врагов и Самого Бога разгневавшегося могут преклонить на милость. Тяжесть мучений. Мучители, при всем неистовстве, не только не похитили душевных сокровищ мучеников, но даже умножили их. Диавол умножал мучения, чтобы одолеть подвижников, а Бог попускал это, чтобы более прославить их. Страдания мучеников в рудниках, самые тяжкие по существу дела, легки для них по их душевному настроению. Увещание - взирая на мучеников, не искать в этой жизни наслаждений, но трудами и скорбями снискивать блага вечные.

XXXIV. Беседа о св. священномученике Фоке и против еретиков.

Перенесение мощей священномученика, призыв участвовать в празднестве. Борьба с еретиками направляется не против людей, но против заблуждения, не губит людей, а лечит их. Кротость Христа перед рабом первосвященника. Обличение Иеровоама пророком - пример долготерпения Божия и урок людям прощать личные обиды. Церковь всех призывает и, если увещания еретикам бесполезны, виной их развращенная воля. Еретики перетолковывают Св. Писание себе только в погибель, не вредя ни Богу своими хулами, ни достоинству Писания. Св. Писание не Отцу только усвояет имя Бог, но и Сыну. Имя Господь не ниже имени Бог.

XXXV. Похвала всем святым, во всем мире пострадавшим.

Мученики равны ангелам; через мученичество смерть стала для человека приобретением и величайшее зло, нанесенное диаволом, премудрость Божия обратила в добро людям. Мученичество - и ликование, и битва, более обычных сражений ужасная, при беззащитности мучеников. Победа в нем безоружных над вооруженными. Мученичество - лествица на небо; тяжесть мучений, несравнимая, однако, с величием награды за них: они и сами награда - общение в страданиях Христа, награждаются еще и в будущем веке. Восхождение мучеников на небеса, к престолу Господа, принимающего их, как друзей. Способы приготовления к мученичеству в мирное время. Подвиги добродетели облегчаются мыслью о награде и сами - награда. Сладость ночной молитвы. Увещание всегда помнить о мучениках и украшать этим душу свою, как жилище Царя Небесного.

XXXVI. Беседа после землетрясения.

Любовь проповедника к своей пастве. - Благочестие жителей Антиохии. - Плоды перенесения бедствий. - Насколько верующие сделались лучше под влиянием покаяния, к которому побудило их землетрясение. - Утишение гнева Божия. - Пороки богатых навлекли это наказание, добродетели бедных - спасли город.

XXXVII. О предательстве Иуды.

Беседа произнесена в предместье Антиохии Дафны, и по некоторым особенностям слога некоторые исследователи относят ее к dubia. - В ней излагается кратко история предательства Иуды, о чем более подробные беседы смотри выше.

***Творения св. Иоанна Златоуста, отнесенные в издании Миня к отделу* Dubia, *т.е. Возбуждающих сомнение в их принадлежности святителю*:**

XXXVIII. В память Васса.

Поучение должно приносить пользу говорящему и слушающим, а мученик в похвалах людей не имеет нужды. Ужас землетрясения и милосердие Божие к людям, даже возбудившим грехами своими гнев Его. Разъяснение от лица Господа слов "кроток есмь и смирен сердцем" через противопоставление смирения смирения Господа воплотившегося высокомерию людей и Его Божественной славы уничиженному Его состоянию, воспринятому добровольно, ради спасения людей, для научения их смирению. Увещание к смирению и напоминание о праведном суде по смерти. Изображение этого суда, притчи о неразумных девах и увещание воспользоваться настоящей жизнью для покаяния.

XXXIX. Слово об ап. Петре и пророке Илие.

Почему священники должны противиться главным грехам. - Петру позволяется впасть в грех, чтобы был снисходителен к другим. - Илии Бог попустил впасть в грех, чтобы милосерднее был к другим. - Почему Бог предпочел людям людей, а не ангелов. - Обман языческих жрецов.

XL. О блаженном Аврааме.

В церковных делах старость не препятствует. - Почему Авраам не открыл своей жене намерения принесть Исаака в жертву. - Внушается слушателям родительская любовь. - Великие дела Бог предзнаменовал per umbras.

XLI. Похвала св. первомученице и равноапостольной Фекле.

Дни памяти святых должны напоминать нам их деяния. Св. Фекла - дева и мученица. Девство особый вид мученичества, так как требует постоянной борьбы со страстями. Высота девства: оно свободно от бесчисленных забот, неразлучных с брачной жизнью, свободно и от наказания, возвещенного Еве, оно предначинает на земле еще жизнь небесную. Св. Феклу убеждают все вступить в брак, но безуспешно. Опасность, угрожавшая ей на пути к ап. Палу. - Упование на Бога.

XLII. О судьбе и провидении шесть слов

СЛОВО ПЕРВОЕ. Истинное спокойствие дает только праведно настроенный дух. - Кого нужно считать блаженными.

СЛОВО ВТОРОЕ. Богохульство - великое преступление. - Различные виды богохульства. - Судьба или свободная воля руководит жизнью человеческой.

СЛОВО ТРЕТЬЕ. Опровержение мнения, что судьба управляет всеми.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ. О будущем суде.

СЛОВО ПЯТОЕ. О судьбе и провидении.

СЛОВО ШЕСТОЕ. О судьбе или против прожорливости.

XLIII. о молитве

СЛОВО ПЕРВОЕ. Нужно радоваться, что святые оставили нам писанные образцы молитв. - Необходимость молитвы. - Давид - царь и пророк, вооруженный молитвами.

СЛОВО ВТОРОЕ. Кто молится, тот беседует с Богом.

XLIV. Творения, отнесенные в издании Миня к разряду* Spuria*, т. е. подложных

1. Беседа о пророчестве Захарии и о зачатии Елисаветы.

2. Похвала на зачатие св. Иоанна пророка Предтечи и Крестителя.

3. На Благовещение преславной Владычицы нашей Богородицы.

4. Беседа на слова: "Изыде повеление от кесаря Августа", и на внесение в перепись святой Богородицы.

5. О святом Иоанне Предтече.

6. На праздник св. Богоявления.

7. Слово о Сретении Господа нашего Иисуса Христа, и о Богородице, и о Симеоне.

8. На святую и великую пятницу.

9. О честном и животворящем кресте и о преступлении первых людей.

10. На тридневное Воскресение Господа нашего Иисуса Христа.

XLV. Творения, отнесенные в издании Миня к* Spuria *и помещенные в первом томе его.

1. Беседа о том, что аскету не должно предаваться шутливости и забавам.

2. Слово о посте и милостыне.

3. Феодора падшего письменный ответ святому отцу нашему и вселенскому учителю Иоанну Златоусту.

4. Седьмое слово о священстве.

5. Слово о том, что ученику надлежит быть кротким.

6. Беседа о том, что должно избегать притворного и неистинного вида.

7. К иудеям, и эллинам и еретикам.

8. Весьма полезное слово о вере, и о законе природы и о Св. Духе.

9. О Святой и Единосущной Троице.

БЕСЕДЫ О СВ. АПОСТОЛЕ ПАВЛЕ

Семь бесед о св. апостоле Павле произнесены в Антиохии. – Время произнесений неизвестно; по некоторым соображениям (Тиллемона) это было в 387-м году.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ.

о святом апостоле Павле.

Не погрешил бы тот, кто назвал бы душу Павла лугом добродетелей и раем духовным: так обильно процветал он благодатью и столь достойное благодати явил любомудрие души! Так как он сделался избранным сосудом и хорошо очистил себя, то на него обильно излился дар Духа. Отсюда источил он нам и дивные реки, не четыре только, подобно райскому источнику, но гораздо многочисленнейшие, которые текут ежедневно и не землю орошают, а возбуждают души человеческие к принесению плодов добродетели. Какое же слово будет достаточно для изображения совершенств его, или какой язык будет в состоянии достойно изобразить похвалу ему? Когда в одной душе совмещаются все добродетели человеческие, притом все с преизбытком, и не только человеческие, но и ангельские, то как мы найдем похвалы, равные ее величию? Однако из-за этого мы не будем молчать, но по этому самому и больше всего поэтому именно и будем говорить. В том и состоит величайший род похвалы, когда величие совершенств своим превосходством превышает искусство слова, и поражение тогда бывает для нас славнее тысячи трофеев. Итак, откуда всего удобнее было бы начать похвалы? Откуда же больше, как не с того, чтобы прежде всего показать, что он имел добродетели всех (святых)? В самом деле, что ни оказали доблестного пророки, патриархи, праведники, апостолы, мученики, все это в сововупности имел он в такой высокой степени, в какой никто из них не обладал в отдельности тем даром, который имел из них каждый. Посмотри: Авель

принес жертву (Быт. 4:4) – и за то прославляется; но если представить жертву Павлову, то окажется, что она столько превосходит ту, сколько небо – землю. На какую бы указать вам? Потому что жертва его не одна. Он каждый день приносил в жертву себя самого, и это приношение опять совершал вдвойне – и умирая каждый день и нося мертвенность в теле своем (1Кор.15:31; 2Кор.4:10). Он непрестанно боролся с опасностями, и закалал себя волей своей, и так умерщвлял естество плотское, что нисколько не меньше находился в состоянии закалаемых жертв, но еще гораздо больше. Не волов и овец приносил он, но себя самого вдвойне закалал каждый день. Поэтому он и осмелился сказать: "**Ибо я уже становлюсь жертвою**", называя жертвой кровь свою (2Тим.4:6).

Впрочем, он не довольствовался этими жертвами, но, совершенно посвятив себя, принес (Богу) и вселенную, и сушу и море, и Элладу и варварскую страну, и всю вообще землю, какую только освещает солнце; ее он, как бы какая птица, облетал всю, не просто обходя, но истребляя терние грехов, посеевая учение благочестия, изгоняя заблуждение, распространяя истину, делая из людей ангелов, или – лучше – делая людей из бесов ангелами. Посему, готовясь отойти после многих трудов и непрестанных побед своих, он в утешение ученикам говорил: "**если я и соделываюсь жертвою за жертву и служение веры вашей, то радуюсь и сорадуюсь всем вам. О сем самом и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне.**" (Флп.2:17-18). Что же может сравниться с этой жертвой, которую он заклал мечем духовным, которую принес на жертвеннике, находящемся превыше небес? Авель был коварно убит Каином, и потому прославился; но я исчислил тебе множество смертей, – столько, сколько дней провел в деле проповеди этот блаженный (апостол). Если же ты хочешь знать и о смерти, которая постигла его на самом деле, то Авель пал от руки брата, которому он не сделал ни обиды, ни благодеяния, а Павел был умерщвлен теми, которых он старался избавить от бесчисленных зол и для которых переносил все свои страдания. Ной был праведен и совершен в роде своем, и был таков один только между всеми (Быт.6:9). Но и Павел был таков один лишь между всеми. Тот спас только себя самого с детьми; а этот, когда гораздо сильнейший потоп объял вселенную, исторг из среды волн, не посредством ковчега, сколоченного из досок, но вместо досок составив послания, – не двух, трех или пятерых родственников, но всю вселенную, которая готова была погрузиться в них. Да и не таков был этот ковчег, чтобы пребывать на одном месте, но достигал до пределов вселенной, и с тех пор доныне Павел вводит всех в этот ковчег, потому что он устроен соразмерно с множеством спасаемых и, принимая таких, которые бессмысленнее бессловесных животных, делает их подобными вышним силам, – и таким образом превосходит тот вовчег. Тот, приняв ворона, выпускал опять ворона (Быт.8), и приняв волка, не изменял его зверства; а этот не так, но приняв волков, делал их овцами, приняв ястребов и коршунов, отпускал их голубями, устраняя от природы человеческой всякую бессловесность и зверство, внедрял кротость духа; и доныне остается плавающим этот ковчег, и не разрушается. Буря нечестия не смогла разбить досок его, а напротив он, плавая среди бури, укротил свирепость ее; и весьма естественно, потому что не замазкой и смолой намащены эти доски, но Духом Святым. Аврааму все удивляются, потому что он, услышав: "**пойди из земли твоей, от родства твоего**" (Быт.12:1), оставил отечество, и дом, и друзей, и родственников, – повеление Божие было для него всем. Этому удивляемся и мы; но что может сравниться с Павлом? Он оставил для Иисуса не отечество, дом и родственников, но самый мир, вернее – презрел самое небо и небо небес, и искал только одного – любви Иисуса. Послушай, как он сам выражает это, когда говорит: "**ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, не может отлучить нас от любви Божией**" (Рим.8:38-39). Тот, подвергая себя самого опасностям, избавил племянника своего от иноплеменников; а этот не племянника, не три или пять городов, но всю вселенную исхитил из рук не иноплеменников, но самих бесов, подвергаясь каждый день бесчисленным опасностям и собственными смертями доставляя великую безопасность другим. Там верх добродетелей и крайнюю степень любомудрия составляет

принесение сына в жертву; но и здесь у Павла мы найдем преимущество, потому что не сына, а себя самого он тысячекратно приносил в жертву, как я сказал выше. Чему можно удивляться в Исааке? Кроме многого другого, особенно его незлобию, тому, что он, копая колодцы и быв изгоняем из своих пределов (Быт.26), не противился, но терпел, видя засыпаемые колодцы, и постоянно переходил на другое место, не вооружаясь никогда на обижавших его, но уступая и везде отказываясь от собственного имения, доколе не насытил неправедной жадности их. Но Павел, видя не колодцы, засыпаемые камнями, но собственное свое тело, не уступал только, как тот, а тех самых, которые бросали на него камни, старался возвести на небо; чем больше засыпали этот источник, тем больше он прорывался и обильнейшие изливал постоянно реки. Писание удивляется терпению сына Исаакова. Но какая адамантовая душа может оказать терпение Павлово? Он трудился не дважды семь лет, но всю жизнь за невесту Христову, перенося не зной только дневной и холод ночной, но терпя безчисленные тучи искушений, то принимая бичевания, то подвергаясь побиванию тела камнями, то сражаясь с зверями, то борясь с морем, непрестанно день и ночь претерпевая голод и холод, подпадая всюду опасностям и исторгая овец из пасти диавола. Иосиф был целомудрен. Но я боюсь, не будет ли смешно – восхвалять за это Павла, который распял себя для мира и не только на красоту телесную, но и на все вещи смотрел так, как мы (смотрим) на прах и пепел, и был нечувствителен к ним, вак мертвый к мертвому. Так он, тщательно укрощая естественные пожелания, никогда не питал никакого пристрастия ни к чему человеческому.

Все люди удивляются Иову, и весьма справедливо: он был действительно великий подвижник и может равняться с самим Павлом по терпению, по чистоте жизни, по исповеданию Бога, по крепкой борьбе, по дивной победе, последовавшей за борьбой. Но Павел не несколько месяцев провел в таких подвигах, а много лет, не глыбы земли обливая гноем, сидя на гноище, а непрестанно впадая в самую пасть невидимого льва и, борясь с бесчисленными искушениями, был тверже всякого камня; и не от трех или четырех друзей, но от неверующих лжебратий терпел оскорбления, оплевания и злословия. Велико было гостеприимство Иова и попечение о нуждающихся? И мы не будем опровергать этого; но находим, что оно столько ниже попечения Павлова, сколько тело ниже души. Что тот делал для страждущих телом, то этот делал для немощных душой, исправляя всех храмлющих и слепотствующих умом и облекая нагих и непристойных одеждой любомудрия; да и в отношении к телесным нуждам он столько превосходил его, сколько важнее помогать нуждающимся, когда сам терпишь бедность и голод, нежели делать это от избытка. У того дом отворен был для всякого приходящего; а у этого душа была открыта для всей вселенной и принимала в себя все народы. Поэтому он и говорил: "**Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно**" (2Кор.6:12). Тот был щедр для нуждающихся, имея у себя бесчисленное множество овец и волов; а этот, не имея у себя ничего, кроме тела, самым этим телом трудился для нуждающихся: "**нуждам моим",** говорит он, "**и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии**" (Деян.20:34), то есть, телесными работами доставлял он содержание алчущим и жаждущим. Черви и раны причиняли Иову жестокие и нестерпимые мучения? Признаю это и я; но если противопоставишь этому бичевания, какие терпел Павел столько лет, непрестанный голод его, наготу, узы, темницу, опасности, козни против него от своих, от чужих, от властителей, от всей вселенной, и вместе с этим еще более тяжелое, именно – скорби о падающих, заботу о всех церквах, пламенное беспокойство, какое испытывал он о каждом из соблазняющихся, – то увидишь, как душа, переносившая это, была тверже камня и превосходила (крепостью) железо и адамант. Таким образом, что тот переносил телом, то этот душой, и сильнее всякого червя снедала душу его скорбь о каждом из соблазняющихся. Поэтому он непрестанно проливал источники слез не только днем, но и ночью, и о каждом из них мучился тяжелее всякой жены рождающей; потому и говорил: "**Дети мои, для которых я снова в муках рождения**" (Гал.4:19). Кому можно удивляться

после Иова? Конечно, Моисею. Но Павел и его превзошел во многом. Много в нем великого, главное же и высшее достоинство этой святой души состоит в том, что он для спасения иудеев соглашался сам быть изглажденным из книги Божией (Исх.32:32). Но он решался погибнуть вместе с другими; а Павел решался не вместе с другими погибнуть, но так, чтобы другие спаслись, а он сам лишился вечной славы. Тот боролся с фараоном, а этот – с диаволом ежедневно; тот подвизался за один народ, а этот – за всю вселенную, обливаясь не потом, но кровью вместо пота, и исправляя не только населенные земли, но и пустынные, не только Элладу, но и варварскую страну.

Затем надлежало бы представить Иисуса (Навина), и Самуила, и прочих пророков, но чтобы слишком не распространить беседы, перейдем к главнейшим из них, потому что когда он окажется выше этих, то и о прочих не останется никакого сомнения. Итак, кто главнейшие?

Кто же после вышеупомянутых, если не Давид, и Илия, и Иоанн, из которых один – предтеча первого, а другой – предтеча второго пришествия Господня, и потому называются один именем другого? Что отличного в Давиде? Смиренномудрие и любовь к Богу. Но кто больше, или по крайней мере кто не меньше Павловой души имел то и другое? Что удивительного в Илие? То ли, что он заключил небо, навел голод и низвел огонь? Нет, я думаю, а то, что он ревновал о Господе и был в этом сильнее огня. Но если посмотришь на ревность Павла, то увидишь, что он столько превосходит Илию, сколько тот превосходит прочих пророков. Что в самом деле может сравниться с теми словами, которые он говорил, ревнуя о славе Господней: "**я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти**" (Рим.9:3)? Поэтому, тогда как ему предстояли небеса, венцы и награды, он не спешил, медлил и говорил: "**оставаться во плоти нужнее для вас**" (Флп.1:24). Посему ни одной ни из видимых тварей, ни из невидимых он не считал достаточной для выражения его любви и ревности, но искал другой, не существующей, чтобы выразить то, чего хотел и желал. Иоанн ел акриды и дикий мед. Но Павел среди вселенной жил так, как тот в пустыне, – не акридами питаясь и диким медом, но имея трапезу гораздо беднее и даже нуждаясь в необходимой пище по ревности к проповеди. Тот показал великую смелость в обличении Ирода? Но этот заграждал уста не одному, двум или трем, а бесчисленному множеству подобных ему, или, лучше сказать, гораздо более свирепым, чем тот тиран. Остается, наконец, сравнить Павла с ангелами: поэтому, оставив землю, вознесемся на своды небесные, Никто пусть не считает речи нашей дерзкой. Если Писание называет ангелом Иоанна и священников, то что удивительного, когда мы сравним с этими силами того, кто превосходнее всех? Что же в них есть великого? То, что они во всей точности повинуются Богу, о чем и Давид с удивлением говорит: "**крепкие силою, исполняющие слово Его**" (Пс.102:20). Подлинно, нет ничего равного этому, хотя бы они были тысячекратно бестелесными, так как то особенно и делает их блаженными, что они повинуются повелениям (Божиим) и ни в чем не ослушиваются. Но и в Павле можно видеть, как он соблюдал это в точности: он не только исполнял слово Божие, но и все повеления и даже сверх повелений, как он сам выразил это, сказав: "**За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно**" (1Кор.9:18)? Что еще с удивлением говорит пророк об ангелах? "**Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими – огонь пылающий**" (Пс.103:4). Но и это можно видеть в Павле, потому что он, как дух и огонь, обтекал всю вселенную и очищал землю. Но он еще не достиг неба? Это и удивительно, что он был таков на земле и, быв облечен смертным телом, равнялся с бестелесными силами. Какого же осуждения достойны мы, если, тогда как один человек совмещает в себе все добродетели, мы не стараемся подражать ему даже в малейшей части? Итак, помышляя об этом, постараемся избавить себя от осуждения и подражать его ревности, чтобы удостоиться получить такие же блага, благодатью и человеколюбием Господа

нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

о святом апостоле Павле.

Что такое человек, каково благородство нашей природы и к какой добродетели способно это существо, – больше всех людей показал на себе Павел. С того времени, как стал (апостолом), доныне он громким голосом оправдывает Господа против всех, осуждающих Его за такое устроение нас, побуждает к добродетели, заграждает бесстыдные уста хулителей и показывает, что между ангелами и людьми не велико расстояние, если мы захотим быть внимательными к самим себе. Он получил не иное естество, имел не иную душу, жил не в ином мире, но был воспитан на такой же земле, в такой же стране, под такими же законами и обычаями, и превзошел всех людей, бывших с того времени, как стали существовать люди. Где же те, которые говорят, что добродетель трудна, а порок легок? Павел утверждает противное им: "**Ибо кратковременное легкое страдание,** говорит он, **производит в безмерном преизбытке вечную славу**" (2Кор.4:17). Если же легки скорби, то тем более – внутренние удовольствия.

И не только то в нем удивительно, что от избытка ревности он не чувствовал трудов, подъятых для добродетели, но что и этой последней он предан был не ради награды. Мы и при предстоящих наградах не выдерживаем трудов для добродетели; а он и без наград исполнял и любил ее, и кажущиеся препятствия к ней побеждал со всей легкостью, не ссылаясь ни на слабость тела, ни на множество дел, ни на власть природы, и ни на что другое. Не смотря на то, что он был обременен заботами больше всех военачальников и царей на земле, он с каждым днем однако возрастал в силах, и с увеличением для него опасностей приобретал новую ревность, как он сам выражал это, когда говорил: "**забывая заднее и простираясь вперед**" (Флп.3:13); и ожидая смерти, призывал к участию в этой радости, говоря: "**радуйтесь и сорадуйтесь мне**" (Флп.2:18); и при виде опасностей, обид и всякого бесчестия, также ликовал, и в послании к Коринфянам говорил: "**Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях**" (2Кор.12:10). Все это он называл оружием правды, выражая, что и отсюда он получал величайшую пользу, и со всех сторон был неуловим для врагов. Везде встречая удары, оскорбления, злословия, он, совершая как бы торжественное шествие и воздвигая по всей земле непрерывные трофеи, восхищался и возносил благодарность Богу, говоря: "**Но благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать**" (2Кор.2:14).

Бесчестия и оскорбления за проповедь он искал больше, чем мы – чести, смерти больше, чем мы жизни, бедности больше, чем мы богатства, трудов больше, чем другие покоя, и не просто больше, но гораздо больше, печали больше, нежели другие радости, и молитв за врагов больше, нежели другие молитв против врагов. Таким образом он превращал порядок вещей, или лучше – мы превратили его, а он соблюдал его так, как установил Бог. Все первое естественно, а последнее напротив. Кто служит тому доказательством? Павел, который был человеком и однако искал первого больше, нежели последнего. Одно только было для него страшно и опасно – оскорбить Бога, а более ничто; равно и вожделенным для него было не что иное, как угождать Богу; не говорю: ничто из настоящего [не было для него вожделенно], но даже и из будущего. Не говори мне о городах, народах, царях, войске, оружии, богатстве, начальстве и власти, – это он не считал даже и за паутину; но представь то, что на небесах, и тогда увидишь силу любви его ко Христу. Питая эту любовь, он не удивлялся достоинству ни ангелов, ни архангелов, и ничему другому подобному, потому что имел в себе то, что выше всего, – любовь Христову, – и с ней он

считал себя блаженнее всех, а без нее не желал быть ни с Господствами, ни с Началами, ни с Властями; с этою любовью он лучше желал быть в числе последних и наказываемых, нежели без нее в числе высших и получающих почести; единственное наказание для него было – лишиться этой любви: это было для него геенною, мучением, верхом зол; равно как иметь ее было наслаждением: в этом для него была жизнь, мир, ангел, настоящее, будущее, царство, обетование, верх благ. Все другое, что не относилось сюда, он не считал ни прискорбным, ни приятным, но презирал все видимое точно гнилую траву. Властители и народы, дышащие гневом, казались ему комарами, а смерть, казни и бесчисленные мучения – детскиии игрушками, кроме разве, когда он терпел из-за Христа: тогда и ими он восхищался, и узами величался так, как не величался и Нерон, имея диадему на голове, и в темнице жил, как на самом небе, и раны и бичевания принимал с большим удовольствием, нежели другие хватают награды. Он любил труды не меньше награды, считая самые труды наградой для себя, – почему и называл их благодатью. Посмотри: разрешиться и быть со Христом было для него наградой, а оставаться во плоти – подвигом; однако он избирает последнее преимущественно перед первым, и говорит, что это для него необходимее. Быть отлученным от Христа было для него подвигом и трудом, или – вернее – выше и подвига и труда, а быть со Христом – наградой, однако, для Христа он избирает первое преимущественно перед последним. Но, может быть, кто-нибудь скажет, что все это было ему приятно ради Христа. И я также говорю, что ему доставляло великое удовольствие то, что нам причиняет скорбь. Но для чего я говорю об опасностях и других бедствиях? Он был непрестанно в скорби, – посему и говорил: "**Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?**" (2Кор.11:29)? Кто-нибудь скажет, что и в скорби есть удовольствие; например, многие, потеряв детей и имея свободу плакать, находят утешение, а если им препятствуют в этом, то печалятся. Так и Павел, проливая слезы ночь и день, находил в них утешение, потому что никто так не плакал о собственных бедствиях, как он о чужих. Что, думаешь ты, чувствовал он, когда, видя, что иудеи не спасаются, просил быть самому ему лишенным вышней славы, чтобы они спаслись (Рим.9:3)? Отсюда видно, что неспасение их было для него гораздо тяжелее, потому что если бы это не было тяжелее, он не просил бы о том; он избрал то (лишение небесной славы), как легчайшее и более утешительное, и не просто лишь желал, но и взывал так: "**что для меня печаль и мучение сердцу моему**" (Рим.9:2). Итак, кто ежедневно, так сказать, плакал о живущих по всей вселенной, и о всех вообще народах и городах, и о каждом порознь, того с чем можно сравнить? С каким железом? С каким адамантом? Какой можно назвать эту душу? Золотой или адамантовой? Она была тверже всякого адаманта, дороже золота и драгоценных камней; первый он превосходил своей твердостью, а последние – своей драгоценностью. С чем же можно сравнить ее? Ни с чем существующим.

Если бы адамант сделался золотом и золото адамантом, тогда составилось бы из них некоторое для нее подобие. Но для чего мне сравнивать ее с адамантом и золотом? Весь мир противопоставь ей, и тогда увидишь, что душа Павлова важнее его. В самом деле, если о тех, которые скитались в милотях, в пещерах и в малой части вселенной, он говорит [что весь мир не был достоин их] (Евр.11:38), то гораздо более мы можем сказать о нем самом, что он достоинством своим был равен всем. Но если мир не стоит его, то кто же стоит? Может быть небо? Нет, и оно мало, потому что, если он сам небу и тому, что на небе, предпочел любовь Господню, то гораздо более Господь, Который столько превышает его благостью, сколько добро выше зла, предпочтет его множеству небес. Он любит нас не так, как мы Его, но настолько больше, что невозможно выразить никаким словом. Посмотри, чего удостоил Он Павла еще прежде будущего воскресения: восхитил его в рай, вознес на третье небо, сообщил ему такие тайны, каких нельзя пересказать никому из имеющих человеческую природу; и весьма справедливо, потому что он, ходя еще по земле, все делал так, как бы жил в обществе ангелов, быв связан смертным телом,

являл их чистоту и, быв подвержен таким немощам, старался быть нисколько не ниже вышних сил. Подлинно, как птица, он летал по вселенной, и, как бестелесный, презирал труды и опасности, и, как бы уже достигший неба, пренебрегал всем земным, и, как бы обращающийся с самими бестелесными силами, был постоянно бодр. Хотя и ангелам часто были вверяемы различные народы, но ни один из них не устроил так вверенного себе народа, как Павел всю вселенную. Не говори мне, что не Павел был устроителем ее, с этим согласен и я. Но если и не сам он успевал в этом, то и в таком случае нельзя лишить его похвалы за это, так как он сделал себя достойным такой благодати. Михаилу вверен был народ иудейский, а Павлу – суша и море, обитаемые страны и необитаемые. Говорю это не к унижению ангелов, нет, но дабы показать, что, и будучи человеком, можно быть вместе с ними и стоять подле них. И для чего не ангелам было вверено это? Для того, чтобы ты не имел никакого извинения в своем нерадении, и не ссылался на различие естества для оправдания своей беспечности. А между тем произошло и еще более дивное. В самом деле, разве не удивительно, и не странно, что слово, произносимое бренным языком, прогоняет смерть, разрешает грехи, исправляет поврежденную природу и делает землю небом? Потому я и удивляюсь силе Божией, потому и изумляюсь ревности Павла, что он принял такую благодать, что он так приготовил себя. И вас увещеваю не удивляться только, но и подражать этому образцу добродетели, потому что таким образом мы можем сделаться участниками одинаковых с ним венцов. Если же ты удивляешься, слыша, что, совершив то же, и ты получишь то же, то послушай, как он сам говорит: "**Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его**" (2Тим.4:7-8). Видишь ли, как он призывает всех участвовать в том же? Итак, если всем предстоит то же, постараемся все сделаться достойными обетованных благ; будем смотреть не на величие только и превосходство дел его, но и на силу его ревности, которою он приобрел себе такую благодать, и на сродство природы, по которому он имел все то же, что и мы. Таким образом и весьма трудное для исполнения окажется для нас удобным и легким, и потрудившись в это краткое время, мы удостоимся носить нетленный и бессмертный венец, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

о Святом Апостоле Павле.

Блаженный Павел, выражая силу человеческой ревности и то, что мы можем достигать до самого неба, – оставив ангелов, архангелов и прочие силы, иногда повелевает только по нему одному подражать Христу: "**Будьте подражателями мне, как я Христу**" (1Кор.11:1); а иногда и без себя возводит их к Самому Богу: "**Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные**" (Еф.5:1). Потом, желая показать, что ничто столько не составляет этого подражания, как общеполезная жизнь и старание – быть полезным для каждого, он присовокупляет: "**живите в любви**" (Еф.5:2). Поэтому, сказав: "**будьте подражателями мне**", он тотчас начинает беседовать о любви, выражая, что эта особенно добродетель приближает к Богу. Все прочие ниже ее, и все имеют отношение к одному человеку, напр., борьба с похотью, война с чревом, сопротивление сребролюбию, сражение с гневом; а любовь – это общее у нас с Богом. Поэтому и Христос говорил: "**молитесь за обижающих вас, да будете**" подобными Отцу вашему, Сущему на небесах (Мф.5:44-45). И Павел, признавая это главным из благ, совершал его с великим усердием. Подлинно, никто так не любил врагов, никто так не благодетельствовал строившим ему козни, никто так не страдал за оскорбителей своих, – потому что он смотрел не на то, что сам терпел, но помышлял об общности природы, и чем больше они свирепствовали, тем

больше он жалел об их неистовстве. Как отец скорбит о сыне, впадшем в сумасшествие, и чем больше больной оскорбляет и бьет его, тем больше он жалеет и оплакивает его, – так и Павел, по чрезмерности бесовских действий заключая о силе болезни оскорблявших его, располагался к большему о них попечению.

Послушай, с какой кротостью, с каким состраданием он говорит нам о тех самых, которые пять раз бичевали его, побивали камнями, связывали, жаждали его крови и ежедневно желали растерзать его: "**Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению**" (Рим.10:2). И в другом месте, обуздывая тех, которые превозносились над ними, говорит: " **не гордись, но бойся. Ибо если Бог не пощадил природных ветвей, то смотри, пощадит ли и тебя**" (Рим.11:20,21). Так как он знал определение Господа, произнесенное против них, то делал все, что было в его власти, – непрестанно плакал о них, скорбел, останавливал желавших нападать на них и по возможности старался найти для них хотя тень извинения. И так как не мог убедить их словом, по упорству их и ожесточению, то обращался к непрестанным молитвам: "**братия,** говорил он, **желание мое и молитва к Богу о них[1] во спасение**" (Рим.10:1). Напоминал им и о благих надеждах: "**нераскаянна бо,** говорил, **дарования и звание Божие**" (Рим.11:29), – чтобы они не отчаялись совершенно и не погибли. Все это было знаком его попечительности и великой к ним горячности, равно как и следующие его слова: "**придет от Сиона Избавитель, и отвратит нечестие от Иакова**" (Рим.11:26). Так сильно он мучился и терзался, видя погибающих! Поэтому старался найти себе и много утешений в такой скорби, и говорил: "**придет Избавитель, и отвратит нечестие от Иакова**", и еще: "**так и они противились вашей милости[2], чтобы и сами они были помилованы**" (Рим. 11: 31). Так поступал и Иеремия, стараясь и употребляя все силы найти какое-нибудь оправдание грешникам, и говорил: "**беззакония наши свидетельствуют против нас, твори с нами ради Тебя[3]**" (Иер.14:7), и еще: "**что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим**" (Иер.10:23). И в другом месте говорится: "**помнит[4], что мы - персть**" (Пс.102:14). Так обыкновенно поступают молящиеся за грешников: если они не могут сказать ничего основательного, то придумывают какую-нибудь тень оправдания, которая хотя не может быть принята за непреложную истину, однако утешает тех, которые скорбят о погибающих. Поэтому и мы не будем в точности исследовать таких оправданий, но помня, что это – слова скорбящей души, ищущей сказать что-нибудь за грешников, так и будем принимать их. Но разве он был такой только в отношении к иудеям, а ко внешним не таков? Нет; он был всех сострадательнее и к своим, и к чужим. Послушай, что говорит он Тимофею: "**рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю**" (2Тим.2:24-26). Хочешь ли видеть, как он беседовал и с согрешившими? Послушай, что говорит он в послании к Коринфянам: "**Ибо я опасаюсь, чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю**" и немного после: "**чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте и непотребстве, какое делали**" (2Кор.12:20-21). И в послании к Галатам говорит: "**Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!**" (Гал.4:19). Послушай, как и о блуднике он скорбит не меньше его самого и ходатайствует за него, говоря: "**окажите ему любовь**" (2Кор.2:8), и когда отлучал его, то делал это со многими слезами: " **От великой скорби,** говорит, **и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам**" (2Кор.2:4); и еще: "**для Иудеев я был как Иудей, для подзаконных был как подзаконный, для немощных был как немощный, для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых**" (1Кор.9:20,22); и еще в

другом месте: "**чтобы представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе**" (Кол.1:28). Видишь ли душу, которая выше всей земли? Всякого человека он хотел представить таким, и, с своей стороны, всех представил. Подлинно, как бы сам родив всю вселенную, он беспокоился, трудился, старался всех ввести в царство, исцеляя, увещевая, обещая, молясь, упрашивая, устрашая бесов, прогоняя развращающих, своим присутствием, посланиями, словами, делами, через учеников и сам лично поднимая падающих. укрепляя стоящих, восстанавливая поверженных, врачуя сокрушенных, возбуждая беспечных, страшно вопия против врагов, грозно взирая на противников; подобно какому-нибудь военачальнику или отличному врачу, он сам был и оруженосцем, и щитоносцем, и защитником, и помощником, сам был всем для войска; и не только о духовных потребностях, но и о телесных обнаруживал великое попечение, великую заботливость. Послушай, как он пишет об одной женщине к целому народу: "**Представляю вам,** говорит, **Фиву, сестру нашу, диакониссу церкви Кенхрейской. Примите ее для Господа, как прилично святым, и помогите ей, в чем она будет иметь нужду у вас**" (Рим.16:1-2). И еще: "**вы знаете семейство Стефаново: и вы подчиняйтесь[5] таковым**"; и еще: "**почитайте таковых**" (1 Кор.16:15-16,18). Любви святых свойственно помогать и в этих нуждах. Так и Елисей не духовную только пользу оказал принявшей его женщине, но старался вознаградить ее и вещественными благами; поэтому и говорил: "**не нужно ли поговорить о тебе с царем, или с военачальником?**" (4Цар.4:13). Что же удивительного, если Павел употреблял ходатайство в посланиях и, призывая кого-нибудь к себе, не считал недостойным и того, чтобы позаботиться о нужном для них на пути и упомянуть об этом в послании? Так в послании к Титу он говорит: "**Зину законника и Аполлоса позаботься отправить так, чтобы у них ни в чем не было недостатка**" (Тит.3:13). Если же он, делая поручения, так тщательно заботился, то тем более сделал бы все, когда бы видел находящихся в опасности. Посмотри, как он в послании к Филимону заботится об Онисиме, как мудро, как ревностно пишет о нем. Если же об одном рабе, и притом сбежавшем и унесшем много от господина своего, он не отказался составить целое послание, то представь, каков он был в отношении к другим. Одно только он считал постыдным – пренебрегать чем-нибудь, потребным для спасения. Поэтому он употреблял все средства и не щадил ничего для спасаемых, ни слов, ни имущества, ни тела; многократно жертвуя своей жизнью, он тем более не пожалел бы имущества, если бы имел его. Но что я говорю: если бы имел? Не смотря и на отсутствие (у него имущества), можно доказать, что он не жалел его. Не принимай этих слов за загадку, а послушай опять, как он сам говорит: "**Я охотно буду издерживать свое и истощать себя за души ваши**" (2Кор.12:15). И в речи к Ефесянам говорит: "**сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии**" (Деян.20:34). Будучи велик в главной из добродетелей – любви, он был сильнее всякого пламени; как железо, брошенное в огонь, все делается огнем, так и он, пылая огнем любви, весь стал любовью; и как общий отец всей вселенной, он поступал со всеми подобно родителям, или – лучше – превосходил всех родителей заботами о телесных и духовных нуждах, не щадя для возлюбленных ничего, ни имущества, ни слов, ни тела, ни души. Поэтому он и называл любовь исполнением закона, союзом совершенства, матерью всех благ, началом и концом добродетели, поэтому и говорил: "**Цель же увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести**" (1Тим.1:5); и еще: "**Ибо заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, и все другие заключаются в сем слове: люби ближнего твоего, как самого себя**" (Рим.13:9). Итак, если и начало, и конец, и все блага – в любви, будем и в ней соревновать Павлу, потому что и он чрез нее сделался таким. Не указывай мне на мертвых, которых он воскрешал, и на прокаженных, которых он очищал: Бог не потребует от тебя ничего такого. Приобрети любовь Павлову – и получишь совершенный венец. Кто говорит это? Сам питавший в себе любовь; он поставлял ее выше и знамений, и чудес, и многого другого. Так как он вполне руководился ею, то и знал в точности силу ее. Через нее он и сам сделался таким, и ничто столько не доставило ему достоинства, как

сила любви, – почему он и говорил: "**Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший**", называя любовь этим превосходным и удобным путем (1Кор.12:31). Будем же и мы постоянно ходить этим путем, дабы нам увидеть Павла, или – лучше – Господа Павлова, и сподобиться нетленных венцов, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Так у святителя. В Библии: "об Израили". – ред.

[2] В греческом тексте: ηπειθησαν τω υμετερω ελεει (непослушны для помилования вас) – славянский перевод этого буквален, а русский синодальный очень неточен – ред.

[3] В Библии: "ради имени Твоего" – ред.

[4] В оригинале: помяни – видимо, опечатка или неточность в рукописи – ред.

[5] Греч.: υποτασσησθε (слав. будьте почтительны) – ред.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ

о святом апостоле Павле.

Блаженный Павел, сегодня собравший нас и вселенную просветивший, был некогда поражен слепотой, во время (своего) призвания; но слепота его послужила к просвещению вселенной. Так как он худо смотрел, то Бог хорошо ослепил его, чтобы он прозрел с пользой: этим Он и доказательство Своей силы представил, и предизобразил в страдании будущее, и научил способу проповедания, тому, что он, отвергши от себя все прежнее и закрыв самые глаза, должен был последовать (Христу). Поэтому и сам он, выражая то же самое, восклицал: "**Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым**" (1Кор.3:18); так что и ему невозможно было хорошо прозреть, наперед не ослепнув хорошо, не отвергнув собственных, возмущавших его помыслов и не предавшись во всем вере. Впрочем никто, слыша это, пусть не думает, что это призвание его было вынужденным; он мог возвратиться и опять к тому, от чего отстал. Многие, видев даже большие чудеса, возвращались к прежнему, как в новом, так и ветхом завете, как, например, Иуда, Навуходоносор, Елима волхв, Симон, Анания и Сапфира, весь иудейский народ. А Павел не так; но, прозрев, он устремился к чистому свету и воспарил к небу. Если хочешь знать, для чего он был ослеплен, послушай его самого: "**Вы слышали,** говорит он, **о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее, и преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий**" (Гал.1:13-14). Так как он был силен и упорен, то для него нужна была и узда сильнейшая, чтобы, увлекшись порывом ревности, он не ослушался и того, что будет ему сказано. Поэтому Господь, желая удержать ярость его, сначала укрощает волны бурной его страсти посредством ослепления, а потом беседует с ним, показывая непостижимость Своей премудрости и превосходство ведения и научая, что с Кем он борется, от Того не может перенести не только наказания, но и благодеяния, так как не мрак ослепил его, но избыток света омрачил его. Почему же, скажешь, не было сделано этого вначале? Не спрашивай об этом, и не исследуй, а предоставь благопотребность времени

непостижимому Промыслу Божию. Так поступает и сам Павел, когда говорит: "**Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего**" (Гал.1:15-16). Поэтому и ты не исследуй ничего больше, когда говорит так Павел. Тогда, тогда это было благовременно, когда прекращены были соблазны. А мы научимся отсюда, что никто никогда ни из бывших прежде (Павла), ни он не находил (Христа) сам собою, но Христос являл Себя, почему и говорил: "**Не вы Меня избрали, а Я вас избрал вас**" (Ин.15:16). Иначе, почему Павел не уверовал, видя мертвых, воскрешаемых Его именем? Видя хромого ходящим, бесов обращающимися в бегство, расслабленных укрепляющимися, он не получил никакой пользы, – а не знать этого не мог тот, который так следил за апостолами, и когда Стефана побивали камнями, он был при этом и видел лице его, "**как лице ангела**" (Деян.6:15), но и отсюда не получил никакой пользы. Почему же он не получил отсюда никакой пользы? Потому, что еще не был призван.

Впрочем, слыша это, не подумай, что призвание бывает вынужденное. Нет, Бог не принуждает, но оставляет (нас) и после призвания властными в своих расположениях. Так, Он открыл Себя и иудеям, когда надлежало, но они не хотели принять Его по любви к славе человеческой (Ин.12:43). А если кто из неверующих скажет: откуда видно, что Он призвал Павла с неба, и этот уверовал, – для чего и меня Он не призвал? – то мы ответим ему следующее: ты, человек, скажи мне, веруешь ли этому? Если веруешь, то этого достаточно тебе для доказательства; а если ты не веруешь, что Господь призвал Павла с неба, то как ты говоришь: почему и меня Он не призвал? Если же веруешь, что Он призвал, то этого достаточно тебе для доказательства. Веруй же; и тебя Он призывает с неба, если у тебя душа благопослушна; а если ты не благопослушен и развращен, то и сошедший свыше голос не будет достаточен для твоего спасения. Сколько раз иудеи слышали голос, сходящий с неба, – и не уверовали! Сколько видели знамений и в новом и в ветхом завете – и не сделались лучшими! Напротив в ветхом завете они после бесчисленных чудес слили тельца; а иерихонская блудница, не видевшая ничего подобного, показала удивительную- веру пред соглядатаями. И в земле обетованной, при знамениях, они оставались бесчувственнее камней; а ниневитяне, только увидев Иону, уверовали и покаялись, и отклонили гнев Божий. В новом завете, во время самого пришествия Христа, разбойник, увидев Его распятым, исповедал Его; а они, видев Его воскрешающим мертвых, связали и распяли.

Что же в наше время? Огонь, исшедший из оснований храма иерусалимского, не поразил ли строителей и таким образом не удержал ли их от тогдашнего беззаконного предприятия – и все-таки они не переменились и не оставили своего упорства? Сколько после того было тогда и других чудес – и однако они не получили отсюда никакой пользы? Таковы, напр., молния, ниспавшая на кровлю храма аполлонова, ответ самого того беса, который понудил тогдашнего царя перенести лежавшего вблизи мученика, сказав, что он не может прорицать, пока будет видеть близ себя гробницу мученика, – так как она стояла по соседству. Затем дядя этого царя, осквернивший священные сосуды, умер съеденный червями; а заведовавший царской казной, за другое беззаконие, сделанное им в отношении к церкви, погиб, лопнув посредине (чрева). Также источники наши, которые превосходили реки своим течением, внезапно скрылись и иссохли, чего прежде с ними никогда не случалось, но (случилось тогда), когда царь осквернил страну жертвами и возлияниями. Что сказать о голоде, бывшем при этом царе в городах по всей вселенной, о смерти самого царя в стране персидской, о сумасшествии его пред смертью, о войске, оставленном среди варваров, как бы в каком неводе и сетях, и его удивительном и необыкновенном возвращении оттуда? И когда нечестивый царь погиб жалким образом, а другой благочестивый преемствовал ему, тогда тотчас все бедствия прекратились, и воины, попавшие в сети и не находившие нигде никакого выхода, избавившись, наконец,

по мановению Божию от варваров, возвратились с полной безопасностью. Кого не в состоянии все это привлечь к благочестию? А настоящее не гораздо ли удивительнее прежнего? Не крест ли проповедуется – и стекается вселенная? Не поносная ли смерть возвещается – и все прибегают? Разве не тысячи людей были распинаемы? Разве не висели с самим Христом два разбойника? Разве мало было мудрых? Разве мало было сильных? А чье имя когда-нибудь имело такую силу? И что я говорю о мудрых и сильных? Разве не было знаменитых царей? А кто в столь короткое время овладел вселенной? Не говори мне о различных и разнообразных ересях: все они проповедуют одного и того же Христа, хотя и не все здраво; но все поклоняются Ему, распятому в Палестине при Понтии Пилате. Не представляет ли все это более ясного доказательства силы Его, чем тот голос, который нисшел с неба? Почему ни один царь не одержал такой победы, какую одержал Он, и притом при бесчисленных препятствиях? Ведь и цари воевали, и властители вооружались, и все народы восставали – и однако наше не было побеждено, но сделалось еще славнее.

Откуда же, скажите мне, такая сила? Он, скажешь, был волхв. Итак, только Он один был такой волхв? Вы, конечно, слышали, что много было волхвов и у персов, и у индийцев, и теперь еще есть; но даже и имени их нигде не слышно. Но, скажешь, тианский обманщик и чародей также прославился. Где и когда? В малой части вселенной и на короткое время, и вскоре исчез и погиб, не оставив ни церкви, ни народа, ничего другого подобного. Но что я говорю об исчезнувших волхвах и чародеях? Отчего запустели все капища богов, и Додонское, и Кларийское, и все эти нечестивые прорицалища молчат и замкнули уста свои? Отчего бесы трепещут не только Самого Распятого, но и костей тех, которые умерщвлены за Него? Отчего они, лишь услышав о кресте, обращаются в бегство? Кажется, им следовало бы смеяться, потому что разве крест – что-нибудь славное и знаменитое? Напротив, постыдное и поносное: он есть орудие смерти преступника, смерти самой последней, проклятой у иудеев, поносной у язычников. Отчего же бесы страшатся его? Не правда ли, что от силы Распятого на нем? Если бы они боялись креста самого по себе, то и это было бы весьма недостойно богов; но многие и до Него и после Него были распяты, а два даже вместе с Ним. Что же, если кто станет призывать имя разбойника распятого, или того или другого кого-нибудь, побежит бес? Нет, но еще посмеется. А когда упомянешь Иисуса Назарянина, то они бегут, как от огня. Итак, что скажешь? Отчего в Нем такая сила? Не оттого ли, что Он обманщик? Но не таковы Его заповеди; притом обманщиков было много. Не оттого ли, что Он волхв? Но не то свидетельствует Его учение; да и волхвов часто бывало великое множество. Не оттого ли, что Ои мудр? Но и мудрецов часто бывало много. Итак, кто имел такую силу? Никто никогда, даже приблизительно в малой мере. Отсюда очевидно, что не потому, будто Он был волхв или обманщик, а потому, что Он был исправитель таковых и некая божественная и непобедимая сила, и вот почему Он и Сам преодолел все, и в этого скинотворца (Павла) вдохнул такую силу, о которой свидетельствуют самые дела. В самом деле, человек, стоявший на торжище, занимавшийся кожевенным ремеслом, оказал такую силу, что в тридцать не полных даже лет привел к истине и римлян, и персов, и индийцев, и скифов, и эфиопов, и савроматов, и парфян, и мидян, и сарацин, и весь вообще род человеческий. Каким же образом, скажи мне, этот простой человек, живший в мастерской, работавший долотом, и сам стал так любомудрствовать, и других научил – и народы, и города, и страны, не обнаруживая красноречия, а совсем напротив, отличаясь крайним неискусством? Послушай, как он сам не стыдясь говорит: "**хотя я и невежда в слове, но не в познании**" (2Кор.11:6). Богатства он не имел; об этом сам он говорил: "**Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся**" (1Кор.4:11). Да что говорить о богатстве, когда он часто нуждался в необходимой пище и не имел одежды для одеяния себя? А что и по ремеслу он не был славен, и это показывает ученик его: "**и, по одинаковости ремесла,** говорит, **остался у** Акилы и Прискиллы**; ибо ремеслом их**

было делание палаток" (Деян.18:3). Не был он знаменит ни по предкам – как мог быть таким занимавшийся подобным ремеслом? – ни по отечеству, ни по своему народу. И однако, выступив и явившись только, он все у неприятелей приводил в смятение, все расстраивал и, подобно огню, попавшему в хворост и сено, истреблял дела бесовские и все изменял в то, во что хотел. И не только то удивительно, что он сам, быв таким, имел такую силу, но и то, что большая часть и учеников его были люди бедные, простые, неученые, терпевшие голод, незнатные и происходившие от незнатных. Об этом сам он свидетельствует и не стыдится говорить об их бедности и даже просить для них милостыни: "**иду,** говорит он, **в Иерусалим, чтобы послужить святым**" (Рим.15:25); и еще: "**В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, чтобы не делать сборов, когда я приду**" (1Кор.16:2). А что большая часть их состояла из простолюдинов, об этом он в послании к Коринфянам говорит: "**Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много мудрых по плоти, не много сильных, не много,** говорит, **благородных**"; и не только были незнатные, но и весьма уничиженные: "**и немощное мира,** говорит, **избрал Бог, и ничего не значащее, чтобы упразднить значащее**" (1Кор.1:26-28). Но, будучи простым и неученым, не был ли он убедителен на словах? И этого не было, как он сам опять показывает, когда говорит: "**И я приходил к вам, братия, возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости**", возвещая вам свидетельство (Божие). "**ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого, и слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости**" (1Кор.2:1-2,4). Но предмет проповеди не был ли привлекателен? Напротив, послушай, что говорит он и об этом: "**Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие**" (1Кор.1:22,23). Но не пользовался ли он безопасностью? Напротив, он никогда не имел и отдыха от опасностей. "**и был я,** говорит, **у вас в немощи и в страхе и в великом трепете**" (1Кор.2:3). И не только он сам, но и ученики его терпели то же: "**Вспомните,** говорит, **прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий, то сами среди поношений и скорбей служа зрелищем, то принимая участие в других, находившихся в таком же** [состоянии]; **ибо вы расхищение имения вашего приняли с радостью**" (Евр.10:32,34); и в послании к Фессалоникийцам говорит: "**потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев, которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся**" (1Фес.2:14-15); и в послании к Коринфянам говорит: "**Ибо умножаются в нас страдания Христовы**"; и как вы участвуете в страданиях, так и в утешении (2 Кор. 1: 5); и к Галатам: "**Столь многое потерпели,** говорит, **без пользы? О, если бы только без пользы!**" (Гал.3:4).

Итак, если и проповедник был простолюдин и бедный и незнатный, и предмет проповеди не имел привлекательности, представлял даже соблазн, и слушатели были бедные, слабые и ничтожные, и опасности следовали друг за другом как для учителей, так и для учеников, и проповедуемый был распятый, то что помогло ему победить? Не очевидно ли, что некая божественная и неизреченная сила? Совершенно очевидно, и это же можно видеть и из противного. В самом деле, когда мы видим, что соединилось все противоположное тому: и богатство, и благородство, и знатность отечества, и сила красноречия, и безопасность, и великие пособия, и однако все предпринятое тотчас же разрушено, а противники победили, то, скажи мне, какая бы тому была причина? Здесь случилось бы то же, как если бы царь с войском, оружием и воинским искусством не мог победить варваров, а какой-нибудь бедняк, нагой и одинокий, не имея ни копья, ни одежды, пришел и совершил то, чего другие не могли сделать с оружием и снарядами. Итак, не будь безрассуден, но ежедневно рассуждай об этом и поклоняйся силе Распятого. Если бы ты увидел, что кто-нибудь строит укрепления, проводит рвы, приставляет к стенам машины,

кует оружие, собирает воинов, имеет бесчисленное множество денег, и между тем не может взять одного города, а другой сражается с обнаженным телом, пользуется одними лишь руками, и проходит не один, не два, не двадцать городов, а бесчисленное множество по вселенной и берет их с самыми жителями, то сказал ли бы ты, что это – дело человеческой силы? Так, очевидно, и здесь. Потому Бог попустил и разбойникам быть распятыми (вместе с Христом), и прежде Него явиться некоторым обманщикам, чтобы чрез сравнение открылось превосходство истины для самых бесчувственных, и дабы ты знал, что он не был из числа их, но между Ним и ими великое и беспредельное различие, И ничто не в силах было помрачить славы Его, – ни общение (с разбойниками) в одних и тех же страданиях, ни то, что Он жил в одно время (с обманщиками). Если бесы боялись креста, а не силы Распятого, то говорящим так заграждают уста два разбойника; а если (скажут), что всему благоприятствовали обстоятельства времени, то против этого говорят последователи Февды и Иуды, которые в то же время покушались на нас, при помощи даже многих знамений – и были истреблены. Это, как я сказал, Бог допустил для того, чтобы с преизбытком показать дела Свои. Для того Он попустил явиться и лжепророкам при пророках, и лжеапостолам при апостолах, дабы ты знал, что ничто не может помрачить дел Его.

Представить ли тебе и с другой стороны дивную и необычайную силу проповеди, показать ли тебе, как она росла и распространялась через самих врагов? Некоторые, враждуя некогда против Павла, стали проповедовать его учение в Риме. Желая раздражить Нерона, враждебного к Павлу, они сами стали проповедовать, чтобы, при большем распространении учения и умножении учеников, гнев тирана еще более воспламенился и этот зверь рассвирепел еще более. Об этом говорит сам Павел в послании к Филиппийцам: "**Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования, так что большая часть из братьев, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие. Некоторые, правда, по зависти и любопрению, а другие с добрым расположением проповедуют Христа. Одни по любопрению проповедуют Христа не чисто, думая увеличить тяжесть уз моих; а другие – из любви, зная, что я поставлен защищать благовествование. Но что до того? Как бы ни проповедали Христа**" (Флп.1:12,14-18). Видишь ли, как многие проповедовали из зависти? Однако истина побеждала и посредством врагов.

Вместе с этими были и другие препятствия. Так, и древние законы не только не помогали (проповеди), но еще и противодействовали, и (на христиан) восставали как злоба, так и невежество клеветников: они имеют, говорили, царем Христа, – потому что они не знали вышнего царства Его, страшного и бесконечного, а клеветали на христиан, будто они вводят тиранию во вселенную, и преследовали их по общественным побуждениям все и по частным – каждый в отдельности: по общественным за то, будто (христианами) подрывается государственное устройство и низвращаются законы, а по частным – за то, будто от них каждый дом расторгается и расстраивается. Тогда отец восставал на сына, сын отрекался от отца, жены от мужей, мужья от жен, дочери от матерей, родные от родных, друзья от друзей, и происходила многоразличная и разнообразная борьба, и вторгавшаяся в дома, разделявшая родственников, смущавшая советы, беспокоившая судилища, так как разрушались отеческие обычаи, уничтожались празднества и служение бесам, о чем древние законодатели заботились больше всего другого. Вместе с тем и подозрение в тирании производило то, что христиан везде гнали. И никто не может сказать, что так (шло между язычниками, а между иудеями было спокойно; напротив, последние нападали еще с большей лютостью, потому что и они обвиняли христиан в ниспровержении государственного устройства. "**Не перестает,** говорили они (о Стефане), **говорить хульные слова на святое место сие и на закон**" (Деян.6:13). Но тогда, как

пламень поднимался отвсюду – от домов, от городов, от полей, от пустыни, от язычников, от иудеев, от начальников, от подчиненных, от родных, от земли, от моря, от царей, и все друг друга возбуждали к жестокости и нападали свирепее всякого зверя, блаженный Павел, попав в такие печи, стоя среди волков и получая со всех сторон удары, не только не был низложен, но и всех тех обратил к истине. Скажу еще и о других войнах, самых трудных; это – война с лжеапостолами и, что больше всего печалило его, война с немощными из своих, потому что многие верующие развращались, – но и это он преодолел. Как и какой силой? "**Оружия наши,** говорит он, **не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь:** [ими] **ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия**" (2Кор.10:4-5). От этого все вдруг изменялось и преобразовывалось. Как тогда, когда зажжены костры, терние, истребляясь мало по малу, уступает и исчезает перед пламенем и оставляет нивы чистыми, так точно и тогда, когда язык Павла говорил и обнимал все сильнее огня, уступало и исчезало все – и служение бесам, и празднества, и торжества, и отеческие обычаи, и нарушение законов, и неистовство народов, и угрозы властителей, и козни своих, и злоухищрения лжеапостолов; или – лучше – как при восходе солнца и мрак исчезает, и дикие звери скрываются и уходят в логовища, и разбойники убегают, и человекоубийцы уходят в пещеры, и морские разбойники удаляются, и расхитители гробниц убегают, и прелюбодеи, и воры, и грабители, опасаясь быть обличенными светом, уходят куда-нибудь далеко и скрываются, и все становится ясным, и светлым, и земля и море, потому что лучи свыше озаряют все: моря, горы, страны, города, – так точно и тогда, когда явилась проповедь, которую Павел сеял везде, заблуждение исчезало, а водворялась истина; смрад и дым, кимвалы и тимпаны, пьянство и обжорство, блудодеяния и прелюбодеяния и прочее, совершавшееся в идольских капищах, о чем и говорить непристойно, прекращалось и уничтожалось, подобно тому как воск тает от огня, или как солома истребляется пламенем, а светлое пламя истины восходило ярко и высоко до самого неба, будучи возвышаемо самыми противящимися ему и усиливаемо препятствующими, и ни опасности не останавливали неудержимого его стремления и разлива, ни власть застарелой привычки, ни сила отеческих обычаев и законов, ни неудобоприемлемость учения заповедей, и ничто иное из сказаннаго. А чтобы тебе убедиться, как это важно, погрози язычникам, не говорю – опасностями, смертью и голодом, но малым лишением имущества, и ты увидишь, что они тотчас изменятся. А наши не таковы; но, тогда как все они были рассекаемы, умерщвляемы и гонимы везде различными способами преследований, – делались еще бодрейшими.

И что говорить о нынешних язычниках, низких и презренных? Представим тех, которые были некогда знамениты и славились любомудрием, Платона, Диагора[1], Клазоменянина (Анаксагора) и многих других подобных, и тогда увидишь силу (евангельской) проповеди. После того, как Сократ принял яд, иные удалились в Мегару, боясь пострадать таким же образом; иные лишились и отечества и свободы, не склонив на свою сторону никого, кроме одной женщины; а Киттеянин (Платон), оставив свою политику в письменах, с тем и умер. И хотя тогда ничто не препятствовало – ни опасность, ни невежество, а напротив они были и сильны красноречием, и обладали богатством, и принадлежали отечеству у всех прославленному, однако ничего не успели сделать. Таково свойство заблуждения, – что оно рассеивается и тогда, как никто не тревожит его; и таково свойство истины, – что она возвышается и тогда, как многие восстают против нее. Об этом свидетельствует сама действительность: не нужно ни слов, ни речей, когда отвсюду взывает вселенная – города, села, земля, море, обитаемые страны и необитаемые, и вершины гор. Господь не оставил и пустыню без участия в благодеяниях Его, но и ее преисполнил благами, которые Он, пришедши с неба, принес нам через язык Павла, через дарованную ему благодать. Так как он имел ревность, достойную этого дара, то и благодать обильно воссияла в нем и большая часть сказанного совершена была его устами.

Итак, если Бог так почтил род наш, что одного человека удостоил сделаться виновником столь многих доблестных дел, то станем и мы соревновать, подражать и стараться быть подобными ему, и не будем считать этого невозможным. Я часто говорил и не перестану говорить, что и тело у него было такое же, как у нас, и пища такая же, и душа такая же; но воля у него была великая и ревность пламенная. Это и сделало его таким. Поэтому никто пусть не унывает, никто пусть не отчаивается. Если ты приготовишь свою душу, то ничто не воспрепятствует и тебе получить такую же благодать, потому что Бог не лицеприятен. И Павла Он создал, и тебя Он же произвел; как его Он – Владыка, так – и твой; как его прославил, так и тебя хочет увенчать. Дадим же обещание очистить себя, чтобы и нам, получив обильную благодать, удостоиться тех же благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] По другому чтению – Пифагора.

БЕСЕДА ПЯТАЯ

о святом апостоле Павле.

Где теперь те, которые обвиняют смерть и говорят, что это страстное и тленное тело служит для них препятствием к добродетели? Пусть они слушают о делах Павла – и оставят эту злую клевету. Какой вред нанесла смерть нашему роду? Каким препятствием для добродетели послужила тленность? Посмотри на Павла, и увидишь, что смертность доставила нам даже величайшую пользу. Если бы он не был смертным, то не мог бы сказать, или – лучше – не мог бы показать того, что он выразил делами: "**каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашею, которую я имею во Христе Иисусе**" (1Кор.15:31). Во всем нам должно иметь душевное усердие, – и нисколько не будет препятствием то, что мы подвержены вышесказанному. Разве Павел не был смертным? Разве не был простолюдином? Разве не был бедным и не приобретал пищу ежедневными трудами? Разве не имел тела, подверженного всем естественным потребностям? А что воспрепятствовало ему сделаться таким, каким он был? Ничто. Поэтому никто из бедных пусть не падает духом, никто из простолюдинов пусть не унывает, никто из уничиженных пусть не сетует, но только те, которые имеют душу расслабленную и ум обессилевший. Одно только бывает препятствием к добродетели – порочность души и расслабление ума, а кроме того ничто другое. Это видно из примера блаженного (апостола), собравшего нас ныне. Как ему нисколько не повредило вышеуказанное, так напротив язычникам не принесло никакой пользы ни красноречие, ни обилие богатства, ни знатность рода, ни величие славы, ни власть. Что говорить о людях? Или лучше, для чего долго держать речь о земле, когда можно нам сказать о вышних силах, началах, властях и миродержителях тьмы века сего? Какую пользу принесло им то, что они получили такое естество? Не явятся ли все эти силы, чтобы быть судимыми Павлом и подобными ему? "**Разве не знаете,** говорит он, **что мы будем судить ангелов, не тем ли более** [дела] **житейские**?" (1Кор.6:3). Итак, не будем печалиться ни о чем другом, кроме одного только порока, и не будем веселиться и радоваться ничему другому, кроме одной только добродетели. Если мы будем ревностно упражняться в ней, то ничто не воспрепятствует нам сделатъся подобными Павлу. И он сделался таким не только по благодати, но и по собственной ревности, и по благодати потому, что был ревностен. С избытком было в нем то и другое – и дарования Божии сообщены были ему, и собственное расположение было в нем. Хочешь ли знать дарования Божии? Одежд Павла

боялись бесы. Но я не удивляюсь этому, равно как и тому, что тень Петра прогоняла болезни, удивляюсь же тому, что он явился делающим дивное еще до получения благодати, с самого порога и с самого начала; еще не имея такой силы, и не получив рукоположения, он воспламенился такой ревностью ко Христу, что восстановил против себя весь народ иудейский. Видя себя в такой опасности, что даже стали стеречь город (Деян.9:24-25; 2Кор.11:32), он спустился по стене в корзине и удалился; но и затем не впал в беспечность, в робость и страх, а возымел от этого еще большую ревность, и благоразумно устраняясь от опасностей, не устраняясь однакож ни от какого подвига проповеди, но взяв опять крест, последовал, хотя и имел перед собой пример Стефана и видел, что иудеи всего больше против него дышат ненавистью и желают пожрать самую плоть его. Таким образом он не подвергал себя безрассудно опасностям, а с другой стороны, убегая их, не оставался недеятелъным. Он весьма любил настоящую жизнь по причине пользы, происходящей от нее, но и весьма презирал ее по любомудрию, до которого достиг он через это презрение, или по сильному желанию отойти к Иисусу. И вот что всегда я говорю о нем, и никогда не перестану говорить: никто, впадая в противоположные обстоятельства, не обращал так в пользу и тех и других; никто столько не любил настоящей жизни даже из тех, которые сильно любят свою душу, и никто столько не презирал ее даже из тех, которые насильственно убивают себя. Так он был чист от всякого пожелания и не пристращался ни к чему настоящему, но всегда соглашал свое желание с волей Божией; иногда говорил, что жизнь необходимее союза и общения со Христом, а иногда считал ее столь тяжкой и невыносимой, что воздыхал и стремился к отрешению от нее. Он желал только того, что приносило ему пользу по Боге, хотя иногда это и было противоположно прежним его действиям. Он был неодинаков и разнообразен, не из лицемерия, – да не будет, – но был всем, чего требовала польза проповеди и спасение людей, подражая в этом своему Господу. И Бог ведь являлся и человеком, когда надлежало быть этому, и в огне, когда требовали этого обстоятельства, – (являлся) то в образе вооруженного воина, то в виде старца, то в ветре, то как путник, то как настоящий человек, при чем не отказался даже умереть. Когда я говорю: этому надлежало быть, то пусть никто не считает сказанного необходимостью (для Бога), но только делом Его человеколюбия. Иногда Он восседал на престоле, а иногда на херувимах: но все это делал по целям домостроительства, – почему и говорил через пророка: "**и умножал видения, и чрез пророков употреблял притчи**" (Ос. 12: 10). Так и Павел, подражая своему Господу, не подлежит осуждению за то, что он являлся то как иудей, то как незнающий закона; то соблюдал закон, то пренебрегал законом; иногда дорожил настоящей жизнью, иногда презирал ее; то просил денег, то отвергал и предлагаемые; приносил жертвы и остригался – и снова проклинал делающих то же; то совершал обрезание, то отвергал обрезание. Эти действия были противоположны, но мысль и намерение, с какими это делалось, были весьма последовательны и согласны между собой.

Одного искал он – спасения слушавших и видевших. Поэтому-то именно он то превозносит закон, то отвергает его, так как он был неодинаков и разнообразен не только в делах, но и словах, – не переменяя мысли и не делаясь то тем, то другим, но оставаясь тем, чем был, и приспособляя каждое слово свое к данным обстоятельствам. Не порицай же его за это, а напротив за это самое особенно прославляй его и увенчай. Так и врача, когда видишь, как он то прижигает, то делает припарки, то употребляет железо, то лекарство, иногда лишает пищи и питья, а иногда дозволяет больному вполне насыщаться ими, иногда окутывает его со всех сторон, а иногда приказывает этому же самому больному, когда он согрелся, выпить целый сосуд холодной воды, – ты не будешь осуждать за разнообразие и постоянную перемену средств, напротив, тогда-то особенно и будешь хвалить искусство, видя, как то самое, что нам кажется противным и вредным, он употребляет с уверенностью и предлагает безопасно. Так действует человек искусный. Если же мы одобряем врача за его противоположные действия, то гораздо более должно

прославлять душу Павла, которая так приспособлялась к страждущим, потому что страждущие душой не меньше больных телом нуждаются в искусстве и разнообразных пособиях, и если прямо приступить к ним, то потеряется всякая надежда на их спасение. И что удивительного, если так поступают люди, когда Бог всемогущий употребляет такой же способ врачевания и не всегда прямо беседует с нами? Так как Он желает, чтобы мы были добрыми по своей воле, а не по принуждению и насилию, то нужно было и для Него разнообразие действий, не по Его бессилию, – да не будет, – а по нашей немощи. Для Него достаточно только сделать мановение, или – вернее – только захотеть, чтобы сделать все, чего Он ни захочет; а мы, однажды сделавшись властными над самими собой, не соглашаемся во всем покоряться Ему. Таким образом, если бы Он стал влечь нас против воли, то отнял бы то, что Сам даровал, т. е. свободу произволения. Посему, чтобы этого не случилось, необходимы для Него многие способы действования. Это сказано нами не просто, а в виду разнообразных и мудрых действий блаженного Павла. Так, когда ты видишь его избегающим опасностей, то удивляйся ему столько же, сколько и тогда, когда видишь его идущим на них; как последнее – знак его мужества, так первое – мудрости. Когда видишь его говорящим о себе высоко, удивляйся столько же, сколько и тогда, когда видишь его уничижающим себя; как последнее – знак смиренномудрия, так первое – великодушия. Когда видишь его хвалящимся, удивляйся столько же, сколько и тогда, когда видишь его отвергающим от себя похвалу; последнее – знак нрава негордого, а первое – любвеобильного и человеколюбивого, потому что он поступал так, устрояя спасение многих, почему и говорил: "**Если мы выходим из себя, то для Бога; если же скромны, то для вас**" (2Кор.5:13). Подлинно, никто другой не имел столько поводов к гордости, и однако никто другой не был так чист от надменности. Посмотри: "**знание надмевает**" (1Кор.8:1), и это все мы можем сказать вместе с Павлом. И в нем было столько разума, сколько ни в ком из людей, когда-либо существовавших, однако он не превозносится им, но и в этом самом уничижает себя. Так он говорит: "**отчасти знаем, и отчасти пророчествуем**" (1Кор.13:9); и еще: "**Братия, я не почитаю себя достигшим**" (Флп.3:13); и еще: "**Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает**" (1Кор.8:2). Пост также надмевает; это показывает фарисей, который говорил: "**пощусь два раза в неделю**" (Лк.18:12). А Павел не только постясь, но и претерпевая голод, называл себя извергом (1Кор.15:8). Что говорить о посте и разуме, когда у него были такие и столь частые беседы с Богом, каких не имел никто ни из пророков, ни из апостолов, и однако поэтому он смирялся еще более? Не говори мне о беседах написанных, – о большей части их он умолчал: не о всех сказал, чтобы не приписать самому себе великой славы, и не о всех умолчал, чтобы не разверзлись уста лжеапостолов. Ничего не делал он спроста, но все по справедливой и основательной причине, и с такой мудростью совершал противоположные дела, что во всем оказывается достойным одинаковых похвал. Говоря это, вот что я разумею: великое благо – не говорить о себе ничего великого; но Павел делал и это так благовременно, что заслуживает похвал больше тогда, когда сказал, нежели когда бы молчал, и если бы он не сделал этого, то заслуживал бы осуждения больше. нежели те, которые безвременно хвалят себя, потому что, если бы он не хвалился, то погубил бы и предал все, и возвысил бы дела врагов. Так он умел всегда пользоваться временем, делать и запрещенное с правой мыслью и с такой пользой, что заслуживает за это похвалы не меньше, чем и за исполнение предписанного. Подлинно, Павел, хвалясь, заслужил больше одобрения, нежели иной – скрывая свои добрые дела, так как никто из скрывавших свои дела не совершил столько добрых дел, сколько он, говоривший о своих. И то здесь еще удивительнее, что он не только говорил о них, но и говорил столько, сколько было нужно. Когда обстоятельства предоставляли ему великую свободу говорить о себе, он не полъзовался ей неумеренно, а знал, до какого предела нужно было дойти. И этим он не ограничился., но чтобы не соблазнить других и не расположить их к самохвальству, он называет себя за то безумным, потому что сам делал это по требованию нужды. Могло случиться, что другие, взирая на него, стали бы

понапрасну и неразумно пользоваться его примером, – как бывает часто с врачами, когда один благовременно употребляет какое-нибудь лекарство, а другой, употребляя то же безвременно, причиняет вред, и отнимает силу у лекарства. Чтобы не случилось этого и здесь, смотри, какую употребляет он предосторожность, намереваясь хвалить себя: он не однажды и не дважды, но многократно уклоняется: "**О, если бы вы,** говорит, **несколько были снисходительны к моему неразумию!**" (2Кор.11:1); и еще: "**что скажу, то скажу не в Господе, но как бы в неразумии: А если кто смеет** [хвалиться] **чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я**" (2Кор.11:17,21). Сказав это, он не ограничился тем, но, намереваясь опять приступить к похвалам (себе), скрывает себя и говорит: "**знаю человека**", и еще: "**Таким могу хвалиться; собою же не похвалюсь**" (2Кор.12:2,5), и после всего этого: "**я дошел,** говорит, **до неразумия; вы меня принудили**" (2Кор.12:11). Итак, кто столь безрассуден и крайне бесчувствен, что видя, как этот святой, даже при требовании такой необходимости, медлит и уклоняется говорить о себе что-нибудь великое, – подобно коню, который, подбегая к оврагу, постоянно отскакивает назад, – хотя бы и намереваясь совершить великое дело, не станет всеми силами избегать похвалы себе и только по требованию обстоятельств прибегнет к этому? Хочешь ли, я представлю тебе в нем нечто и другое подобное? Поистине, удивительно и то, что он не считал достаточным свидетельства совести, но и нас учил, как должен каждый приступать к этому, не сам только оправдываясь требованием обстоятельств, но и других научая – не избегать похвалы в случае нужды, а с другой стороны не прибегать к ней безвременно. В самом деле, теми словами, которые он сказал, он как бы выразил следующее: великое зло говорить о себе что-нибудь великое и дивное; признак крайнего безумия, возлюбленный, величать себя похвалами без всякой нужды и нужды настоятельной; это не значит говорить по Господу, а больше служит знаком глупости и лишает нас всякой награды за многие подвиги и труды. Все это и больше того Павел говорил всем, когда оправдывался (в похвалах себе) и в случае необходимости. Но еще важнее то, что он, и в случае необходимости, не все высказывал, но умалчивал о большем и важнейшем. "**ибо я приду**", - говорил он, - "**к видениям и откровениям Господним; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня**" (2Кор.12:1,6). Этими словами он научает всех, чтобы мы, даже в случае необходимости, высказывали не все, что сознаем за собой, а только то, что полезно для слушателей.

Так поступал и Самуил; и об этом святом упомянуть не излишне, так как и его похвалы служат в нашу пользу; он также некогда хвалил себя и высказывал свои добрые дела. Но какие? Те, которые знать полезно было слушателям. Он не распространялся ни о целомудрии, ни о смиренномудрии, ни о непамятозлобии, но о чем? О том, что особенно нужно было знать царствовавшему в то время, – о справедливости и о том, чтобы иметь руки чистые от даров (1Цар.12:3). Также Давид, когда хвалился, то хвалился тем, чем мог исправить слушателя; и он не говорил о какой-нибудь другой своей добродетели, но указал на медведя и льва (1Цар.17:34), и ничего более, потому что говорить о себе больше надлежащего свойственно человеку честолюбивому и тщеславному, а говорить то, что может быть необходимым для настоящей пользы, свойственно человеколюбивому и имеющему в виду пользу многих. То же делал и Павел. На него клеветали, будто он не истинный апостол и не имеет никакой силы. Поэтому необходимо было обратиться к тому, что особенно доказывало его достоинство. Видишь ли, чем он научал слушателя не хвалиться напрасно? Во-первых, объяснением того, что он делал это по необходимости; во-вторых, тем, что называл себя даже безумным и выставлял много оправданий; в-третьих, тем, что не все высказывал, но о большем умалчивал да и то, когда требовала необходимость; в-четвертых тем, что говорил от другого лица, Сказав: "**знаю человека**" (2Кор.12:2); в-пятых, тем, что выставлял на вид не всю какую-нибудь добродетель, а ту сторону ее, которая особенно была нужна для настоящего случая. И не только тогда, когда хвалил себя, но и когда укорял других, он был таков. Хотя и запрещено укорять брата, но

Павел и это делал так пристойно, что заслужил похвалу больше одобряющих. Так, галатов он называет несмысленными и раз и два (Гал.3:1,3), и критян – утробами праздными и злыми зверями (Тит.1:12); однако и за это он прославляется, потому что он преподал нам правило и закон – не поблажать людям, небрегущим о Боге, но обращать к ним речь обличительную. И всему у него есть мера; потому-то он достоин похвалы за все, что ни делал и ни говорил: укоряет ли он, или хвалит, отвращается ли от кого, или заботится, превозносит ли себя, или уничижает, хвалится, или смиряется. И что тебе удивляться, если укоризна и порицание доставляют похвалу, когда доставляло похвалу и убийство, и обман, и хитрость, как в ветхом, так и в новом завете? Итак, исследовав все это тщательно, будем и удивляться Павлу, и прославлять Бога, и сами так пользоваться его (примером), чтобы достигнуть вечных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ

о святом апостоле Павле.

Желаете ли сегодня, возлюбленные, чтобы мы, оставив великие и дивные дела Павла, представили то, что некоторым кажется заслуживающим некоторого порицания? Мы увидим, что и последнее не меньше первых делает его славным и великим. Что же в нем заслуживает порицания? Видели некогда, говорят, как он страшился побоев. Действительно видели, когда били его ремнями, и не только тогда, но и в другом месте, у порфиропродательницы, когда он даже защищался пред теми, которые хотели вывести его; поступая так, он имел не иную какую-нибудь цель, как доставить себе безопасность, и чтобы опять не подвергнуться тому же. Что же скажем мы? То, что ничто не показывает его так великим и дивным, как это сказанное, потому что имея как будто такую душу, не дерзкую и не отчаянную, и тело, столь чувствительное к ударам и трепещущее побоев, он не менее бестелесных сил презирал все, кажущееся страшным, когда требовало этого время. Итак, когда ты видишь его перед ударами предающимся. страху, то припомни те слова, которыми он превзошел небеса и соревновал ангелам: "**Кто отлучит нас,** говорил он, **от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или опасность, или меч?**" (Рим.8:35)? Припомни те слова, которыми он выражает ничтожество подобных бедствий: "**Ибо кратковременное, говорит, легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое**" (2Кор.4:17-18). Присовокупи к тому ежедневные скорби, смерти каждый день, и, представив это, удивляйся Павлу, и сам не предавайся отчаянию. Эта самая видимая слабость природы служит величайшим доказательством его добродетели, когда он оказался таким, не быв чуждым многих нужд. Так как чрезмерность опасностей могла многим внушить мнение и, может быть, расположила бы подозревать, будто он был выше людей и потому сделался таким, то и попущено было ему страдать, дабы ты знал, что по природе ои был один из многих, а по ревности стал не только выше многих, но и одним из ангелов. С такой душой и с таким телом он переносил тысячи смертей и презирал настоящее и будущее, почему и произнес эти великие и для многих невероятные слова: "**я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти**" (Рим.9:3). Возможно в самом деле, если только мы захотим, победить всякую природную немощь силой хотения, и нет ни одной из заповедей Христовых, которой невозможно было бы исполнить людям, потому что если мы окажем такую ревность, какую можем иметь, то и Бог подаст нам великую помощь, и таким образом мы останемся непобедимы для всех случающихся бедствий. Не страх побоев достоин осуждения, а совершение из-за страха побоев чего-нибудь недостойного благочестия, так что боязнь побоев делает непобедимого в подвигах более достойным удивления, сравнительно с тем, кто не боится

их. Чрез это более просиявает сила хотения, потому что страшиться побоев свойственно природе, а не делать ничего непристойного из боязни побоев свойственно воле, исправляющей этот недостаток природы и преодолевающей немощь ее. Так и скорбеть не предосудительно, но предосудительно от скорби говорить илн делать что-нибудь неугодное Богу. Если бы я сказал, что Павел не был человеком, то ты справедливо мог бы указать мне на недостатки его природы, чтобы этим обличить мою речь; если же я говорю и утверждаю, что он был человек и ничем не выше нас по природе, но сделался выше по воле, то напрасно ты представляешь мне это, или – лучше – не напрасно, а в пользу Павла. В самом деле, этим ты показываешь, каков он был, если, имея такую природу, мог совершать то, что выше природы; и не только его превозносишь, но и заграждаешь уста нерадивым, не позволяя им ссылаться на насилие природы, а направляя их к упражнению воли.

Но, скажут, (Павел) страшился некогда смерти? Так; но и это зависело от природы; и однако тот самый, который боялся смерти, говорил: "**Ибо мы, находясь в этой хижине[1], воздыхаем под бременем**" (2Кор.5:4); и еще: "**мы сами в себе стенаем**" (Рим.8:23). Видишь ли, как он противопоставлял природной немощи силу воли? Так и многие мученики, будучи ведомы на смерть, часто бледнели и исполнялись страха и трепета; но потому особенно они и удивительны, что; страшась смерти, не избегали смерти ради Иисуса. Так и Павел, боясь смерти, не отказывается даже от геенны из любви к Иисусу, и, страшась кончины, желает отрешиться (от тела). И не один он был таков, но и верховный из апостолов, часто говоривший, что он готов отдать душу, весьма страшился смерти. Послушай, что об этом говорит ему Христос: "**а когда состаришься, препояшут тебя, и поведут, куда не хочешь**" (Ин.21:18), выражая немощь природы, не воли. Природа оказывает свое действие (над нами) и против нашей воли, и преодолеть ее немощи невозможно даже и весьма желающему и старающемуся об этом; но отсюда мы не получаем никакого вреда, а еще делаемся более удивительными. Что за вина – бояться смерти? и не похвально ли – страшась смерти, не делать из страха ничего недостойного свободного человека? Не в том вина, чтобы иметь природу с недостатками, а в том, чтобы раболепствовать этим недостаткам, так что побеждающий немощь ее силой воли велик и достоин удивления: этим он показывает, какова сила воли, и заграждает уста тем, которые говорят: для чего мы не сотворены добрыми по природе? Какое различие – быть таким по природе. или по воле? И последнее не лучше ли первого? Во столько лучше, сколько доставляет венцов и светлой славы. Но действие природы твердо? А если ты постараешься иметь мужественную волю, то последняя будет тверже первой. Разве ты не видишь в телах мучеников, рассекаемых мечами, как природа уступала железу, а воля не уступала ему и не посрамлялась? Не видишь ли, скажи мне, в Аврааме, как воля победила природу, когда ему повелено было принести в жертву сына, и как первая явилась могущественнее последней? Не видишь ли, как то же самое случилось с тремя отроками? Не слышишь ли и мирскую пословицу, которая говорит, что воля от привычки делается второй природой? А я сказал бы, что и первой, как видно из вышесказанного. Видишь ли, что можно иметь и свойственную природе крепость, если воля будет мужественна и бодра, и что большей заслуживает похвалы тот, кто избрал и захотел быть, а не по принуждению стал добрым? Это – добро по преимуществу. Посему, когда Павел говорит: "**умерщвляю тело мое и порабощаю**" (1Кор.9:27), тогда особенно я восхваляю его, видя, что он не без труда исполнял добродетели, и потому легкость (этого дела) у него не может служить предлогом к лености для живущих после него. И когда еще он говорит: "**я распят для мира**" (Гал.6:14), то я увенчиваю его волю. Возможно, подлинно возможно ревности воли соперничать с силой природы. Если мы представим (Павла), этот самый столб добродетели, то найдем, что добру, приобретенному им по воле, он старался сообщить крепость природы. Так, он чувствовал боль, когда подвергался ударам, но презирал их не менее бесплотных сил, не чувствующих боли, так что от него можно было слышать слова,

которые заставляют думать, что он был даже не нашей природы. Именно, когда он говорит: "**для меня мир распят, и я для мира**" (Гал.6:14), и еще: "**и уже не я живу, но живет во мне Христос**" (Гал.2:20), то что иное можно сказать, как не то, что он отрешился от самого тела? Что же значат слова его: "**дано мне жало в плоть, ангел сатаны**" (2Кор.12:7)? Это не что иное, как указание на то, что такое страдание ограничивалось телом его, не потому, будто оно не простиралось внутрь, а потому, что силой воли Павел отклонял и прогонял его. А что значит, когда он говорит много другого, более удивительного, когда радуется среди бичеваний и хвалится узами? Что же иное мог бы этим сказать, как не то, о чем я сказал, т. е. что слова: "**усмиряю и порабощаю тело мое,** и боюсь, **дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (1Кор.9:27), показывают немощь природы, а предыдущие, приведенные мной, – превосходство воли?

То и другое сказано для того, чтобы ты за величие не приписал ему другой природы и сам не стал отчаиваться, а за уничижение не укорял святой души, но чтобы и чрез это также, бросив отчаяние, предался лучшим надеждам. Потому-то он указывает и на благодать Божию с преизбытком, или – лучше – не с преизбытком, но с благой мыслью, чтобы ты ничего не считал принадлежащим себе, а о своей ревности говорит для того, чтобы ты, возложив все на Бога, не предался сну и нерадению. У Павла ты найдешь всему меры и правила, тщательно определенные. Но, скажут, он порицал некогда медника Александра. Что же? Это были слова не гнева, но скорби об истине: он скорбел не о себе, а о том, что медник противился проповеди. "**ибо он сильно противился**", говорит, не мне, но "**нашим словам**" (2Тим.4:15), – так что это порицание не только показывало любовь его к истине, но и служило утешением для учеников. Так как все могли соблазняться, если бы противники истины ничего не терпели, то он и говорит это. А некогда он молил Бога против некоторых других, говоря: "**ибо праведно пред Богом – оскорбляющим вас воздать скорбью**" (2Фес.1:6)? Но он не желал наказания им, – да не будет, – а старался утешить оскорбляемых; поэтому и прибавил: "**а вам оскорбляемым отрадою**" (ст.7). Когда он сам терпел что-нибудь неприятное, то, послушай, как любомудрствовал и воздавал противникам: "**злословят нас,** говорит, **мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим**" (1Кор.4:12-13). Если же сказанное или сделанное им за других ты припишешь гневу, то можешь сказать, что он по гневу ослепил и укорил и Елиму, что также и Петр по гневу поразил смертью Ананию и Сапфиру. Но никто не будет так неразумен и бессмыслен, чтобы сказать это. Мы находим и многое другое в словах и действиях Павла; что кажется тяжелым; но это в особенности и показывает кротость его. Так, когда он предает сатане Коринфского блудника, то делает это из великой любви и доброго расположения, как видно из второго послания. Когда он угрожает иудеям и говорит: "**приближается на них гнев до конца**" (1Фес.2:16), то делает это не потому, будто был исполнен гнева, – ты ведь слышишь, как он непрестанно молится за них, – но потому, что желал устрашить их и сделать благоразумнейшими. Но, скажут, он оскорбил первосвященника, сказав: "**Бог будет бить тебя, стена подбеленная**" (Деян.23:3). Мы знаем, что некоторые в оправдание этого говорят, что эти слова были пророчеством; я не осуждаю говорящих это, потому что действительно это исполнилось и так умер первосвященник. Если же какой-нибудь упорнейший противник станет противоречить и, разбирая дело с излишней точностью, возразит: если это было пророчество, то для чего (Павел) извинялся, говоря, "**я не знал, что он первосвященник**" (ст.5), – то мы скажем: для того, чтобы других вразумить и научить обращаться с начальниками почтительно, как поступал и Христос. Он, высказав о книжниках и фарисеях много такого, что говорилось и не говорилось о них, замечает: "**на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, делайте**" (Мф.23:2-3).

Так точно и Павел здесь сохранил и достоинство (первосвященника), и вместе предсказал будущее. Если же он отверг Иоанна (Деян.15:38), то и это сделал достойно своего попечения о проповеди. Кто принял такое служение, тот не должен быть ни медленным, ни беспечным, а мужественным и твердым, не должен и касаться этого прекрасного дела, если он не намерен тысячекратно подвергать свою жизнь смерти и опасностям, как и Сам говорит Христос: "**если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною**" (Мф.16:24). А кто не имеет такого расположения, тот губит и многих других, и гораздо полезнее было бы ему оставаться в покое с самим собой, нежели выставляться на вид и принимать бремя. превосходящее его силы; иначе он погубит и себя и вверенных ему. Как, в самом деле, не безрассудно, если в то время как никто, не зная искусства кормчего и борьбы с волнами, не решается сесть при руле, хотя бы тысячи принуждали его, – идущему на проповедь приниматься за это дело без подготовки и как случится, и неосмотрительно брать на себя дело, угрожающее тысячей смертей? Подлинно, ни кормчему, ни борцу с зверями, ни решающемуся на единоборство, ни кому-нибудь другому не нужно иметь души, столь готовой на смерть и истязания, сколько тому, кто принимает на себя дело проповеди. Здесь и опасности больше, и противники свирепее, и такого рода смерть, и цель поставлена не маловажная: небо назначено в награду, геенна в наказание грешникам, и погибель души и спасение. Такая готовность необходима не только для принимающего на себя дело проповеди, но и для всякого верующего, потому что всем заповедуется взять крест и следовать (Христу): если же – всем, то гораздо более учителям и пастырям, из которых был тогда и Иоанн, называемый Марком. Поэтому он справедливо был отвергнут, так как, поставив себя впереди войска, он стоял весьма не мужественно; потому Павел и отверг его, чтобы его нетвердость не остановила его собственного сильного стремления. Если же Лука говорит, что между ними произошло"**огорчение**" (Деян.15:39), то не ставь им этого в укоризну. Не сердиться есть зло, а сердиться неразумно и без всякой причины: "**несправедливый гнев,** говорит Премудрый, **не может быть оправдан**" (Сир.1:22), не просто ярость, но – неправедная. И Христос говорит: "**гневающийся на брата своего напрасно**" (Мф.5:22), а не просто – "**гневающийся**". И пророк говорит: "**гневаясь, и не согрешайте**" (Пс.4:5). Если бы не следовало обнаруживать этого душевного движения, даже по требованию обстоятельств, то напрасно и без цели оно было бы прирождено нам; но ведь не напрасно. Творец внедрил его в нас для исправления грешников, возбуждения ленивой и беспечной души, для пробуждения спящего и предавшегося расслаблению; как острота в железном оружии, так сила гнева внедрена в нашей душе, чтобы мы пользовались им надлежащим образом. Поэтому и Павел часто пользовался им, и во гневе своем был вожделеннее говорящих кротко, делая все в надлежащее время для пользы проповеди. Ведь кротость не вообще хороша, но тогда, когда этого требует время; а без этого и она бывает слабостью, и гнев дерзостью. Все это говорил я не в оправдание Павла: он не нуждается в нашей речи, так как "**ему похвала не от человека, но от Бога**" (Рим.2:29), – но чтобы научить слушателей пользоваться всем по надлежащему, как я сказал выше. Таким образом мы будем в состоянии отовсюду извлекать пользу, и с большим богатством достигнуть безмятежной пристани, и удостоиться нетленных венцов, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] В оригинале, и в слав. Н.З.: "в теле", но в гр. Н.З., как и в русс.: εν το σκηνει = в хижине – ред.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ

о святом апостоле Павле

Когда несущие царские знамена входят в города при звуках трубы и в сопровождении многих воинов, тогда обыкновенно весь народ стекается, чтобы послушать звуков и посмотреть на знамя высоко несомое и на мужество несущего. Так как и Павел сегодня входит, не в город, а во вселенную, то соберемся и мы все. Он несет знамя не земного царя, но крест вышнего Христа, и ему предшествуют не люди, но ангелы, как в честь несомого, так и для безопасности несущего.

В самом деле, если устрояющим собственную жизнь и не делающим ничего для общества, от Господа всем дарованы ангелы хранители, как некто говорит: "**ангел, избавляющий меня**" от юности моей (Быт.48:16), – то гораздо более тем, которым вверена вселенная и которые носят такое бремя даров, присущи вышние силы. У людей мирских удостоившиеся вышеуказанной чести облекаются в одежды, надевают на шею золотое украшение и во всех отношениях бывают блистательными; а этот, облекшись (оковами вместо золота, несет крест; этот испытывает гонения; этот терпит бичевания и голод. Но не скорби, возлюбленный; это украшение гораздо лучше и блистательнее того и угодно Богу, почему Павел, нося его, и не утомлялся. Подлинно удивительно, что с узами, бичеваниями и ранами он был славнее носящих пурпур и диадему. А что он был славнее, и что эти слова не пустой звук, это доказали его одежды. Если бы ты положил на больного тысячу диадем и столько же порфир, то не мог бы прекратить ни малейшей доли пламени; а его полотенца, приложенные к телам страждущих, прогоняли всякую болезнь. Это и естественно: если разбойники, видя то знамя, не осмеливаются приступить, но убегают без оглядки, то тем больше болезни и бесы, видя это знамение, обращаются в бегство. Носил же (его Павел) не с тем, чтобы только самому одному нести его, но чтобы всех сделать такими же и научить нести его. Поэтому он и говорил: "**подражайте мне, по образу, какой имеете в нас**" (Флп. 3:17); и еще: "**что слышали и видели во мне, то исполняйте**" (Флп.4:9); и еще: "**вам дано не только веровать в Него, но и страдать за Него**" (Флп.1:29). Достоинства настоящей жизни тогда имеют большую важность, когда они соединяются только в одном человеке; а в отношении к духовным бывает напротив: тогда особенно блестят эти почести, тогда многие делаются участниками достоинства, когда участвующий не один, но многие вместе с ним пользуются одним и тем же.

Вот ты видишь, что все христиане знаменоносцы и каждый носит имя Христово перед народами и царями; а Павел – и в виду геенны и в виду мучения. Но последнего он не сказал, потому что все не могли вынести (этого). Видишь ли, к какой добродетели способно наше естество: почтеннее человека нет ничего, хотя он и остается смертным? В самом деле, на что мог бы ты указать мне больше его? На что равное? Каким ангелам и архангелам не равен тот, кто сказал такое изречение? Если он, находясь в смертном и тленном теле, отдавал за Христа все, что было у него, и даже чего не было, – отдавал же он и настоящее, и будущее, и высоту, и глубину, и иную тварь, – то, если бы он был бестелесен по естеству, чего не сказал бы он, чего не сделал бы? Так и ангелам я удивляюсь потому, что они удостоились такой чести, а не потому, что они бестелесны, – и диавол ведь бестелесен и невидим, однако он несчастнее всех, так как оскорбил Создателя Бога. Отсюда и людей мы называем несчастными не тогда, когда видим их облеченными телом, но когда они пользуются им не надлежащим образом. И Павел был облечен телом. Отчего же он стал таким? И сам от себя, и от Бога, и потому от Бога, что сам от себя, – так как Бог не лицеприятен. Если же скажешь: как возможно подражать таким мужам? то послушай, что говорит он: "б**удьте подражателями мне, как я Христу**" (1Кор.11:1). Он был подражателем Христу, а ты не можешь – и подобному себе рабу? Он соревновал Господу, а ты не можешь – и подобному себе служителю? Какое же ты будешь иметь оправдание? А как, скажешь, он подражал Христу? Это можешь видеть с самого начала и

вступления его (в христианскую церковь). Он из священных вод (крещения) вышел с таким пламенем, что не ожидал себе учителя, не ожидал Петра, не ходил к Иакову, ни к кому-нибудь другому, но, движимый ревностью, так воспламенил (своей проповедью) город, что против него поднялась жестокая война. Когда он был еще иудеем, то делал больше своего звания, связывая (христиан), отводя (в темницы), выводя пред народ. Так и Моисей, не быв еще никем поставлен, защищал своих единоплеменников от несправедливости иноплеменников.

Это – знак мужественной души и благородного сердца, не могущего безмолвно переносить несчастья других, хотя бы никто не поставлял на то. А что Моисей справедливо стремился к власти, это показал Бог, поставив его на то впоследствии, как поступил Он и с Павлом. А что и последний хорошо сделал, приступив тогда к проповеди и учению, это показал Бог, вскоре возведши его в звание учителя. Если бы они стремились к делам для своей чести и власти и для угождения себе самим, то справедливо заслуживали бы осуждение; но так как они возлюбили опасности и искали смерти, чтобы спасти всех других, то кто будет так жалок, чтобы обвинять их за такую ревность? А что они делали это из любви к спасению погибающих, это показало и определение Божие, показала и погибель тех, которые нечестиво желали этой чести. Стремились некогда и другие к чести и власти, но все погибли, одни быв сожжены огнем, другие быв поглощены разверзшейся землей, – потому что они делали это не для руководительства (другими), а по властолюбию. Покушался (священнодействовать) и Озия, но стал прокаженным (2Пар.26:16-20); покушался и Симон, но был осужден и подвергся крайней опасности (Деян.8); решился и Павел, и был увенчан не священством и почестями, но служением, трудами и опасностями. И так как он решился на это по великой ревности и усердию, за то он и прославляется и с самого начала сделался знаменитым. Как поставленный начальник, если не надлежащим образом исполняет свое дело, заслуживает большого наказания, так тот, кто хотя не поставлен, но исправляет надлежащим образом, не говорю – дела священства, но дела попечения о многих, достоин всякой чести. Так и Павел, сильнейший огня, ни одного дня не провел покое, но как только вышел из священного источника вод, возжег в себе великий пламень, и не обратил внимания ни на опасности, ни на насмешки и посрамление со стороны иудеев, ни на их неверие, и ни на что другое подобное, но, получив другое зрение, зрение любви, и другой разум, устремился с великой силой, как бы какой поток, ниспровергая все иудейское и доказывая Писаниями, что Иисус есть Христос. Еще не было в нем многих даров благодати, еще не был он удостоен такого Духа, и однако тотчас стал пламенеть и делать все до пожертвования своей душой; так он поступал во всем, точно вознаграждая за прошедшее время, и старался броситься в то место битвы, которое изобиловало опасностями и страхом.

Но, будучи столь смелым, стремительным, и дыша огнем, он с другой стороны был столь кроток и послушен учителям. что не противился им при таком порыве своей ревности. Так, они сказали ему, пламеневшему тогда и доходившему до исступления, что ему должно идти в Тарс и Кесарию, и он не противоречил; сказали, что ему должно спуститься по стене, и он согласился; посоветовали остричься, и он не воспротивился, сказали, чтобы он не выходил на зрелище, и он послушался. Так он во всем имел в виду одну полъзу верующих, мир и согласие, и всегда сохранял себя для проповеди. Поэтому, когда ты слышишь, что он посылает к тысяченачальнику племянника, желая избавиться от опасностей, что он требует суда кесарева и спешит в Рим, то не думай, будто он делает это по робости. Кто воздыхал о том, что оставался в этой жизни, тот как не решился бы лучше быть со Христом? Кто презирал небо и пренебрегал ангелами для Христа, тот как мог желать благ настоящих? Для чего же он так поступал? Для того, чтобы продолжать проповедь и отойти отсюда с многими людьми, увенчав всех их. Подлинно, он боялся, чтобы ему не отойти отсюда бедным и не достигшим спасения многих, почему и говорил:

"**а оставаться во плоти нужнее для вас**" (Флп.1:24). Поэтому же видя, что суд произнес выгодный для него приговор, что и Фест сказал[1]: "**можно было бы освободить этого человека, если бы он не потребовал суда у кесаря**" (Деян.26:32), и будучи связан и ведом вместе с множеством других узников, совершивших бесчисленные злодеяния, он не стыдился быть связанным вместе с ними, но еще заботился о всех, плывших с ним, не боясь за себя и зная, что сам был в безопасности. Переплывая такое море в узах, он радовался, как будто отправляясь для получения величайшей власти. Обращение города римлян представлялось ему не малой наградой. Между тем он не оставлял без внимания и бывших с ним на корабле, но вразумлял и их, рассказывая бывшее ему видение, из которого они узнали, что все плывшие с ним спасаются ради него. Это делал он не с тем, чтобы превознести себя, но чтобы расположить их к послушанию себе. Для того и Бог попустил взволноваться морю, чтобы всячески открылась Павлова благодать, и через непослушание ему и через послушание. Так, когда он советовал не плыть, и не послушались его, то опасность дошла до крайности; однако он и тогда не был жесток, но опять заботился о них, как отец о детях, и делал все для того, чтобы никто не погиб.

Прибыв в Рим, он и там с какой кротостью возвещает истину? С какой свободой заграждает уста непокорным? Впрочем и здесь он не останавливается, но и отсюда отправляется в Испанию. Так среди опасностей он делался смелее, и от них становился дерзновеннее, не только он один, но через него и ученики. Как тогда, когда они видели бы его ослабевающим и недеятельным, они, может быть, и упали бы духом; так точно, когда видели, что он делается мужественнейшим среди опасностей и умножавшихся гонений, они проповедовали с дерзновением. На это указывая, он говорил: "**большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие**" (Флп.1:14). Если военачальник бывает храбр не только тогда, когда поражает и убивает (врагов), но и когда сам получает раны, то он делает своих подчиненных смелее, и притом (достигает этого) в большей степени тогда, когда получает раны, нежели когда наносит раны. Когда они видят, что он облит кровью и изранен, и однако не отступает перед врагами, но стоит мужественно, потрясает копьем, бросает его в неприятелей, и не поддается страданиям, то и сами сражаются с большим рвением. Тоже было и с Павлом. Видя его связанным и проповедующим в темнице, подвергающимся бичеванию и обращающим бичующих, ученики его получали большее дерзновение. Посему, выражая это, он не сказал просто: "**ободрившись**", но прибавил: "**начали с большею смелостью, безбоязненно проповедывать слово**", т. е. братия стали смелыми теперь больше, нежели когда я был свободен от уз. Тогда и сам он исполнялся большего рвения, потому что тогда больше нападал на врагов; усиление гонений усиливало и смелость его и побуждало к большему дерзновению. Был он некогда заключен в темницу, и так просиял, что потряс ее основания, открыл двери, обратил к себе темничного стража, и едва не убедил судью, как тот говорил: "**ты немного не убеждаешь меня сделаться христианином**" (Деян.26:28). Бросали в него также камни, а он обратил город, бросавший в него камни; призывали его на суд, то иудеи, то афиняне – и судьи делались его учениками, противники – послушными. Как огонь, попавши в различные вещества, более разгорается, и от подлагаемого вещества более усиливается, – так и язык Павла, к кому бы ни обращался, привлекал их к себе, и восставшие на него, будучи уловляемы его речами, скоро делались пищей этому духовному огню, а через них проповедь опять возрастала и переходила к другим. Поэтому он и говорил: я в узах, "**но для слова Божия нет уз**" (2Тим.2:9). Его гнали, но это гонение имело последствием посольство учителей; и что сделали бы друзья и сообщники, то самое делали враги, не позволяя ему оставаться в одной стране, а своими кознями и гонениями препровождая всюду врача, так чтобы все могли слушать беседу его. Опять связывали его, и еще более возбуждали его ревность; преследовали учеников, и через это посылали учителя к тем, которые не имели его; препровождали в высшее судилище, и через это доставляли пользу

большему городу. Поэтому-то иудеи с горестью говорили об апостолах: "**что нам делать с этими людьми?**" (Деян.4:16). Чем мы стесняем, говорят они, тем самым более усиливаем. Они предали Павла темничному стражу, чтобы стерег его тщательно, – а он был еще тщательнее связан Павлом; отправили его с узниками, чтобы он не убежал, – а он научил узников христианскому учению; отправили его морем, чтобы по неволе совершить путь скорее, – но случившееся кораблекрушение послужило поводом к наставлению плывших вместе с ним; угрожали бесчисленными наказаниями, чтобы заглушить проповедь, – но она еще более возрастала. И как о Господе говорили: убьем Его, да не "**придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом**" (Ин.11:48), а случилось противное, – так как именно потому, что убили Его, римляне взяли и народ их и город, и что считали препятствием, то сделалось пособием проповеди, – так и тогда, когда проповедовал Павел, что враги предпринимали для истребления учения, тем самым распространяли его и вознесли до неизреченной высоты. За все это возблагодарим виновника Бога, ублажим Павла, через которого это совершилось, и будем молиться, чтобы и нам сподобиться таких же благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

---

[1]В Деян.26:32: Агриппа Фесту.

ПОХВАЛЬНАЯ БЕСЕДА

О святом отце нашем Мелетие,

архиепископе Антиохии великой, и о ревности собравшихся[1].

Со всех сторон обводя глазами это священное стадо и видя город весь здесь присутствующим, не знаю, кого мне ублажать прежде, – святого Мелетия, что он и по смерти пользуется такой честью, или вашу любовь, что вы оказываете столько расположения к своим пастырям и после их смерти. Подлинно, блажен он, что смог оставить такое очарование любви во всех вас; блаженны и вы, что, приняв залог любви, доныне постоянно сохраняете его неизменным в отношении к тому, кто дал его вам. Уже пятый год прошел с того времени, как он отошел к вожделенному Иисусу, но вы поспешили навстречу ему сегодня с такой кипучей ревностью, как будто виделись с ним вчера или третьего дня. Поэтому можно позавидовать ему, что произвел таких детей; но можно позавидовать и вам, что вашим жребием было иметь такого отца. Благороден и удивителен корень, но и плоды достойны этого корня. В самом деле, как корень какой-либо дивный, скрываясь в недрах земли, хотя сам и не виден, обнаруживает однакож добрую силу свою чрез плоды, так точно и блаженный Мелетий, скрытый в этой гробнице, хотя сам невидим для нас для глаз телесных, обнаруживает однакож чрез вас плоды свои, силу своей благодати; и если бы мы стали молчать, то и одно это празднество и горячее ваше усердие достаточно для того, чтобы громче трубы возгласить о любви святого Мелетия к детям, потому что он воспламенил в душе вашей такую любовь к себе, что вы и имя его одно горячо принимаете и возбуждаетесь при самом его названии.

Поэтому и я теперь не просто, но нарочито и с намерением постоянно вставляю среди моих слов это имя, и как иной, сплетая золотой венец и осыпая его перлами, множеством

камней делает диадему блистательнее, так и я, сплетая сегодня венец похвал для блаженной этой главы, вставляю в слове своем постоянные упоминания его имени, как бы множества перлов, надеясь этим сделать его более приятным и блистательным. Таков закон и таково свойство любящих, – привязываться и к одним только именам любимых, и к самым названиям относиться с горячностью, что и вы испытали в отношении к сему блаженному. В самом начале, как он прибыл в город и вы приняли его, каждый из вас называл свое дитя его именем, думая чрез это имя ввести святого в дом свой, и матери, минуя отцов, дедов и прадедов, давали новорожденным детям имя блаженного Мелетия. Благочестивая ревность побеждала природу, и дети с этого времени были любезными для родителей не по естественной только любви, но и по расположению к такому имени. Самое имя это считали и украшением родства, и утверждением дома, и спасением для называющихся им, и утешением любви; и как сидящие во тьме, как скоро зажжена одна лампада, зажигают от нее много светильников, и каждый вносит их в дом свой, так точно и тогда, когда это имя, как свет, явилось в городе, каждый вносил в свой дом имя этого блаженного, как бы зажигая светильник и как бы приобретая чрез такое название сокровище бесчисленных благ. Подлинно, происходившее тогда было обучением благочестию: по необходимости постоянно вспоминая это имя и содержа в душе самого святого, находили в имени его оружие для отгнания всякой безумной страсти и помысла; и сделалось оно столь общеупотребительным, что везде, и на улицах, и на торжищах, и на полях, и на дорогах, отовсюду слышалось это имя. Впрочем не к имени только его вы питали такую привязанность, но и к внешнему его виду. Как вы поступали с его именем, так поступали и с его изображением. Многие начертывали этот святой образ и на перстнях – вместо камней, и на печатях, и на чашах, и на стенах комнат, везде, – чтобы не только слышать святое имя его, но и везде видеть телесный образ его, и иметь двойное утешение в разлуке с ним.

Тотчас по вступлении он был изгнан из города, потому что враги истины преследовали его; а Бог попустил это, желая показать вместе и его добродетель, и ваше мужество. Так как он, пришедши как бы Моисей в Египет, избавил город от еретического заблуждения и, отсекши гнилые и неисцельно больные члены от остального тела, возвратил целой церкви совершенное здоровье, то враги истины, не вынося такого исправления, склонили тогда царя изгнать его из города, надеясь таким образом восторжествовать над истиной и разрушить исправление прежде бывшего. Но случилось противное тому, чего они ожидали, и еще более обнаружилась ваша ревность, и еще яснее просияло его умение научать: его (умение) – в том, что в течение неполных тридцати дней он смог так утвердить вас в ревности по вере, что когда и бесчисленные ветры потом налегали, учение это осталось непоколебимым; а ваша ревность обнаружилась в том, что вы с таким тщанием приняли семена, посеянные им в течение неполных тридцати дней, что они пустили корни в глубину вашей души и не поддались уже ни одному из случавшихся после того искушений.

2. Несправедливо было бы опустить и то, что случилось при самом изгнании. Когда начальник города, посадив на колеснице близ себя святого, проезжал быстро среди площади, то камни, как град, со всех сторон посыпались на голову начальника, потому что граждане не переносили разлуки и хотели лучше лишиться настоящей жизни, нежели видеть отторгнутым этого святого. Что же сделал тогда этот блаженный? Увидев бросаемые камни, он покрыл голову начальника своими одеждами, и врагов пристыдив чрезмерной кротостью, и вместе ученикам своим преподав наставление, какое должно оказывать незлобие к обижающим, и как не только не следует делать им никакого зла, но, если и от других угрожает им опасность, то и ее отклонять со всей ревностью. Кто не изумлялся тогда, видя и неистовую любовь граждан, и поражаясь высоким любомудрием учителя, его смирением и кротостью? Подлинно, неожиданно было случившееся тогда.

Пастырь был изгоняем, а овцы не рассеивались; кормчий был выбрасываем, а ладья не погружалась; земледелец подвергался преследованию, а виноград приносил больший плод. Так как вы были связаны друг с другом союзом любви, то ни наведенные искушения, ни возникшие опасности, ни дальность пути, ни продолжительность времени, и ничто другое не смогло отлучить вас от общения с блаженным пастырем.

Он был изгоняем для того, чтобы стал далеким от детей; но случилось противное: он еще теснее соединился с вами узами любви, и отправился в Армению, взяв с собой весь город. Тело его, конечно, оставалось в том отечестве, но сердце и ум, воспаряя благодатью Духа, как бы на каких крыльях, и постоянно присутствуя среди вас, содержали весь этот народ в душе его. То же самое испытали и вы. Сидя здесь в пределах этого города, вы духом любви ежедневно улетали в Армению, смотрели на святое лице, слушали приятнейший и блаженный голос, и затем опять возвращались. По этой причине Бог н попустил ему тотчас быть изгнанным из города, чтобы, как я прежде сказал, показать нападающим на вас врагам и твердость вашей веры, и его опытность в учении.

Это ясно и из того, что, возвратившись после первого изгнания, он пробыл здесь не тридцать только дней, но (целые) месяцы и годы, не один и не два, а больше, и так как вы дали достаточное доказательство твердости в вере, то Бог и дал вам снова безбоязненно наслаждаться отцом. Подлинно, величайшее было наслаждение – видеть святое лицо его. Не только когда он учил, или говорил, но и когда просто смотрели на него, он был в состоянии внедрить всякое учение добродетели в душу зрителей. Поэтому, когда он возвращался к вам и весь город перешел на дорогу, то одни близко подходили к нему, прикасались к ногам, целовали руки и слушали голос; а другие, задержанные толпой, только издали глядя на него, получали от лицезрения его как будто достаточное благословение, чувствовали себя нисколько не хуже находившихся вблизи, и таким образом уходили с полным довольством. И что бывало при апостолах, то же случилось и при нем. Как при апостолах, те, которые не могли подойти и быть близко, от тени их, простиравшейся и издали касавшейся их, получали такую же благодать и одинаково здоровыми уходили, – так точно и теперь те, которые не могли подойти, чувствовали как бы некоторую духовную славу, исходившую от святой главы сей и достигавшую до самых отдаленных, и все уходили, от одного лицезрения его исполнившись всякого благословения.

3. Когда наконец общему всех Богу угодно было воззвать его из настоящей жизни и поставить в лик ангелов, то и это произошло не просто, но вызывает его грамота царя, подвигнутого к тому Богом, – вызывает его не в близкое какое-либо и соседнее место, в самую Фракию, чтобы и галаты, и вифиняне, и киликийцы и каппадокийцы и все живущие близ Фракии узнали наше сокровище, чтобы епископы всей земли, взирая на святость его, как на первоначальный образец, и получив в нем очевидный, ясный пример служения в этом достоинстве, имели верное и яснейшее правило, по которому должно устроять церкви и управлять. Тогда многие из многих мест вселенной стеклись туда, как ради величия города, так и по причине пребывания в нем царя; епископы же церквей все созваны были туда царскими грамотами, потому что церкви, оправившись от долгой войны и бури, начинали пользоваться миром и тишиной. Поэтому тогда прибыл туда и он (святой Мелетий). И как при трех отроках, когда они имели быть прославленными и увенчанными, погасив силу огня, поправ гордость властителя и обличив всякий вид нечестия, сидели зрители со всей вселенной, (сатрапы же и власти высшие и местные со всей земли были созваны по другой причине, но сделались зрителями и этих подвижников), так точно случилось и теперь, чтобы составилось для блаженного блестящее собрание зрителей: присутствовали созванные по иной причине епископы, управлявшие церквами всей земли, и созерцали этого святого. Когда же они насмотрелись

на него, и верно познали его благочестие, мудрость, ревность по вере и всякую совершенную в нем добродетель, подобающую священнослужителю, тогда Бог воззвал его в Себе.

Случилось же это и из жалости в нашему городу. Если бы он здесь испустил дух, невыносимо должно бы было стать бремя этого несчастия. Кто мог бы видеть этого блаженного испускающим последние вздохи? Кто мог бы видеть веки глаз его закрывающимися и уста смыкающимися, вещающими последние слова? Кто, видя это, не пал бы духом от великого несчастья? Посему, чтобы не было этого, Бог устроил, что он испустил дух в чужой стране, дабы в промежуточное время размыслив о несчастии и приучив наш ум к горести, мы не были потрясены в душе, когда увидим его прибывшего мертвым, как действительно и случилось. Когда город встречал святое тело его, то, хотя и в таких обстоятельствах сетовал и сильно рыдал, но скоро оставил этот плач как по сказанной причине, так и по другой, о которой намереваюсь сказать.

Именно: человеколюбивый Бог, сжалившись над нашей скорбью, скоро указал нам другого пастыря[2], который с великой точностью сохраняет черты предшественника и представляет образец всякой добродетели, который, по вступлении на престол, тотчас сложил с нас печальную одежду и угасил скорбь, а память о блаженном возобновил еще более. Боль исчезла, уныние совершенно устранено, а любовь воспламенилась еще сильнее, хотя обыкновенно этого не бывает и при потере самых любимых. Когда кто-нибудь потеряет любимого сына или жена – уважаемого мужа, то, доколе сохраняет о нем живую память, и скорбь более сильно снедает душу; а когда время проходя смягчит скорбь, то вместе с силой скорби угасает и живость воспоминания. С этим же блаженным было напротив: уныние уже совершенно изгнано, а память о нем не исчезла вместе с печалью, но еще больше возрасла. И свидетели этому – вы, которые, спустя столько времени (после его кончины), как пчелы сот, окружили тело блаженного Мелетия. Побуждением к тому было не естественное расположение к нему, но здравое суждение ума: поэтому память о нем и не угасла с его смертью и не ослабела от времени, но увеличивается и более возрастает не только в тех из вас, которые видели его, но и в невидавших. Это-то и удивительно, что даже и те, которые были еще очень молоды при его жизни, сами воспламеняются любовью к нему. Таким образом вы, старцы, имеете преимущество перед невидевшими его в том именно, что были вместе с ним и наслаждались святым общением; а невидевшие имеют то преимущество пред вами, что, не видев этого мужа, оказывают любовь к нему не менее вас, видевших его. Будем же молиться все вместе, начальники и подчиненные, жены и мужи, старцы и юноши, рабы и свободные, – имея самого блаженного Мелетия участником этой молитвы (а ныне у него большее дерзновение и более горячая любовь к нам), чтобы эта любовь в нас возрастала, и чтобы всем нам удостоиться подобно тому, как здесь находимся близ его гробницы, так и там иметь возможность быть близ его вечной обители, и получить уготованные блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Память св. Мелетия празднуется 12 февраля, и в этот же день, в 387 году по всей вероятности произнесена беседа.

[2] Т. е. епископа Флавиана.

ПОХВАЛЬНАЯ БЕСЕДА

о святом мученике Лукиане[1].

Чего боялся я вчера, то и случилось, сбылось ныне: когда прошел праздник, ушел с ним вместе от нас и народ, и собрание у нас сделалось меньше. Я знал вполне, что это случится, однако не отменил поэтому поучения, так как хотя не все, слушавшие вчера, оказали повиновение, но не все и непослушны оказались; а это не мало для нас в смысле утешения. Поэтому и сегодня я не уклонюсь от поучения, так как если и не чрез нас, то чрез вас во всяком случае они услышат сказанное. Подлинно, кто мог бы в молчании перенести такую беспечность их, или извинить и оправдать тех, которые, видев столько времени мать свою (церковь) и насладившись в ней благами, удалились и не смогли вторично опять возвратиться, уподобились не голубице Ноевой, но ворону, и притом тогда, как зима и волнение еще продолжаются, и все более жестокая каждый день поднимается буря, а этот святый ковчег стоит посредине и всех зовет и привлекает в себе и прибегающим к нему доставляет великую безопасность? Он отражает не удары воды и волн, но непрестанные восстания неразумнейших страстей, истребляет зависть, низлагает безумие. Здесь и богатый не сможет презирать бедного, слыша из божественных Писаний, что "**всякая плоть – трава, и вся слава человеческая**[2] **– как цвет полевой**" (Ис.40:6), и бедный, увидев другого богатым, не предастся зависти, слыша и сам слова другого пророка: "**не бойся, когда богатеет человек, когда слава дома его умножается: ибо умирая не возьмет ничего; не пойдет за ним слава его**" (Пс.48:17-18). Такова природа этого богатства: оно не сопутствует имеющим его, не переселяется отсюда вместе с приобретшими его, не защищает, когда они бывают судимы там и подвергаются наказаниям, но совершенно отлучается от них смертью, а многих покидало и прежде смерти; пользование им неверно, наслаждение ненадежно, приобретение опасно. Но не таковы свойства добродетели и милостыни; это сокровище неприкосновенно. Откуда известно это? Тот, кто любомудрствовал о здешнем богатстве и сказал, что не снидет с ним слава его позади его, он же и о сокровищах милостыни, всегда пребывающих и никогда не похищаемых, научил нас, сказав так: "**Он расточил, роздал нищим; правда его пребывает во веки**" (Пс.111:9). Что может быть удивительнее этого? Собираемое погибает, а расточаемое остается целым, – и весьма справедливо, так как одно принимает Бог, а из руки Божией никто не может похитить, другое же сохраняется сокровищах человеческих, где подвергается многим козням, где много зависти и недоброжелательства. Итак, возлюбленный, не ленись проводить здесь время, потому что, если какая-нибудь скорбь возмущает тебя, здесь она прогоняется; если – житейские заботы, они убегают; если – безумные страсти, они погасают; а с торжища, от зрелищ и из других внешних собраний мы возвращаемся домой, обремененные множеством забот, скорбями и болезнями душевными. Если ты постоянно будешь проводить время здесь, то непременно сложишь с себя и то зло, какое ты получил отвне; а если станешь уклоняться и убегать, то н те блага, какие ты приобрел от божественных Писаний, непременно потеряешь, мало по малу расточая свое богатство во внешних собраниях и беседах. А что это справедливо, постарайтесь, вышедши отсюда, повидать небывших здесь сегодня, и вы увидите, сколько различия между вашим благодушием и их душевным расстройством. Не так прекрасна и приятна невеста, сидящая в брачном чертоге, как дивна и славна душа, являющаяся в церкви благоухающей духовными ароматами. Кто приходит сюда с верою и усердием, тот выходит с бесчисленными сокровищами; как только он откроет уста, тотчас исполняет присутствующих всяким благоуханием и духовным богатством; и хотя бы постигли его бесчисленные бедствия, он все перенесет легко, получив здесь от божественных Писаний достаточное побуждение к терпению и любомудрию. И как стоящий постоянно на скале смеется над волнамн, так и участвующий постоянно в (церковных) собраниях и орошаемый божественными изречениями, утвердив себя как бы на скале правильного

суждения о вещах, не увлечется ничем человеческим, ставши выше напора житейских дел. Получив великую пользу и душевное утешение не только от поучения, но и от молитвы, и от отеческого благословения, и от общего собрания, и от любви братий, и от многого другого, он таким образом возвращается, принося домой бесчисленные блага. Посмотри же, какого вы сподобитесь сегодня благословения, и какую те понесут потерю. Вы уйдете отсюда, получив награду мучеников, а они, кроме того, что лишатся этой прибыли, потерпят еще другой вред, навлекши на себя от бесполезных занятий большую кучу забот. Как "**кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника**" (Мф.10:41), так и принимающий мученика во имя мученика получит награду мученика; а прием мученика – собираться в память его, участвовать в беседе о его подвигах, дивиться совершенному им, соревновать добродетели, передавать другим доблести его. Таково угощение мучеников; так принимают этих святых, – так и вы поступили сегодня!

2. Итак, вчера Господь наш крестился водой, а сегодня раб крещается кровью; вчера отверзлись врата неба, сегодня попраны врата ада. Не удивляйтесь, если я мученичество назвал крещением: и здесь Дух витает с великим обилием, и бывает изглаждение грехов и дивное некое и чудное очищение души, и как крещаемые – водой, так претерпевающие мученичество омываются собственной кровью, что случилось и с этим (мучеником Лукианом). Но прежде речи об убиении его, необходимо сказать о коварстве диавола. Увидев ясно, что мученик посмевался всякому наказанию и мучению внешнему и что, и печь разжегши, и яму ископав, и колесо приготовив, и подняв на дерево, и свергнув в пропасть, и бросив на зубы зверей, не смог он преодолеть любомудрия святого, (диавол) придумал другой, жесточайший способ и постарался изыскать такое мучение, которое было бы и самым резким и вместе самым продолжительным. Так как из наказаний невыносимые доставляют весьма скорое избавление, а более продолжительные причиняют меньшую боль, то он постарался найти наказание, совмещающее то и другое, и продолжительность и чрезвычайную, невыносимую боль, чтобы и силой, и продолжительностью времени сокрушить твердость души мученика.

Что же он делает? Он предает святого сего голоду. А ты, услышав о голоде, не оставляй этого слова без внимания; это самая жестокая из всех смертей; свидетелями тому – испытавшие голод; не дай Бог нам испытать его; мы хорошо научены молиться, "**чтобы не впасть в искушение**" (Мф.26:41). Он (голод), как бы палач какой, сидящий внутри утробы, терзает все члены, сильнее всякого огня и зверя пожирая со всех сторон тело, причиняя постоянную и невыразимую боль. И чтобы знал ты, каков голод, (скажу, что и детей) часто съедали матери, не вынесши силы этого зла. И пророк, оплакивая это бедствие, сказал: "**Руки мягкосердых женщин варили детей своих**" (Плач.4:10). Матери ели тех, кого родили, и чрево родившее делалось гробом для рожденных им детей, и голод побеждал природу, или вернее – не природу только, но и волю; но мужества этого святого он не победил. Кто не изумится, услышав это? Что в самом деле сильнее природы? Что переменчивее воли? И однако, чтобы ты знал, что нет ничего сильнее страха Божия, воля оказалась тверже природы; матерей посрамляло это мучение и заставляло забывать болезни рождения, а этого святого не могло уронить; не преодолела его любомудрия, и не победила его мужества эта казнь, но пребывал он тверже всякого адаманта, услаждаясь благими надеждами, восхищаясь поводом к подвигам, имея достаточное утешение в самой причине борьбы, особенно же слушая постоянно слова Павла: "**в голоде и жажде, на стуже и в наготе**" (2Кор.11: 27); и еще: "**Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу и побои**" (1Кор.4:11), так как он знал, верно знал, что "**не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих**" (Мф.4:4). Когда же скверный демон увидел, что он не поддается и такой крайности, то сделал мучение еще более тяжким: взяв идоложертвенное и наполнив им трапезу, он положил это пред его глазами,

чтобы готовой возможностью ослабить твердость его воли, потому что мы не так уловляемся, когда не видно соблазнительных предметов, как в то время, когда они находятся пред нашими глазами, как и похоть к женщинам легче одолеваем, не видя благообразной женщины, нежели постоянно смотря на нее. Однако праведник победил и эту хитрость, и чем диавол думал ослабить его мужество, это более всего и укрепило его к подвигам: он не только не потерпел ничего от взгляда на идоложертвенное, но еще более стал отвращаться от него и гнушаться. И что мы испытываем по отношению к врагам, – чем больше мы смотрим на них, тем больше ненавидим их и отвращаемся, – это же испытал он тогда в отношении к той мерзкой жертве: видя ее, он еще больше гнушался и избегал ее, и постоянное созерцание возбуждало в нем еще более ненависти и отвращения к предложенному. Хотя голод и сильно вопиял внутри и повелевал коснуться предложенного, но страх Божий отводил руки и заставлял забыть самую природу; смотря на скверную и проклятую трапезу, (мученик) вспоминал о другой, страшной и исполненной Духа трапезе, и так воспламенялся, что избрал лучше перенести и вытерпеть все, нежели вкусить тех скверных снедей. Вспоминал он и о трапезе трех отроков, которые, будучи в молодости взяты в плен и лишены всякой защиты, в земле чужой и стране варварской показали такое любомудрие, что мужество их воспевается доныне. Тогда как иудеи, и собственной владея землей, предавались нечестию, и в храме находясь, служили идолам, эти юноши, отведенные в варварскую страну, где идолы и повод ко всякому нечестию, постоянно соблюдали отеческие обычаи. Если же пленники и рабы, и юные, говорит он, прежде благодати показали такое любомудрие, то какого прощения будем достойны мы, если не сможем опередить их даже и в той же самой добродетели?

3. Размышляя обо всем этом, он посмевался злобе диавола, презирал его козни и не поддавался ничему видимому. Поэтому, когда нечистый тот увидел, что ни в чем ему никакой нет пользы, то ведет его опять в судилище и пытая предлагает непрерывные вопросы. А он на каждый вопрос отвечал одно только: я христианин; и когда палач говорил: какого ты отечества? – я христианин, отвечал он; какое у тебя занятие? – я христианин; кто предки? – он на все отвечал: я христианин, одним этим простым словом поражая голову диавола и нанося ему постоянные одну за другой раны. Хотя он обладал и внешним образованием, но верно знал, что в таких состязаниях нужно не риторство, а вера, не сила слова, а боголюбивая душа; достаточно, говорит, одного слова, чтобы обратить в бегство все полчище диавольское. Для тех, которые не тщательно вникают в дело, этот ответ покажется, пожалуй, неуместным; но кто остановит на нем внимание, тот усмотрит и из него мудрость мученика. Сказав: я христианин, он объяснил этим и свое отечество, и род, и занятие, и все. Каким образом? Я говорю: христианин не имеет города на земле, но вышний Иерусалим: "**вышний Иерусалим,** говорит (апостол), **свободен: он – матерь всем нам**" (Гал.4:26). Христианин не имеет занятия на земле, но посвящает себя вышнему образу жизни: "**наше же жительство,** говорит (апостол), **на небесах**" (Флп.3:20). Христианин имеет своими сродниками и согражданами всех святых: мы "**сограждане святым,** говорит (апостол), **и свои Богу**" (Еф.2:19). Таким образом он (мученик) одним словом с точностью указал, кто он, откуда, и от кого, и чем обыкновенно занимался. С этим словом он и жизнь кончил, и отошел, понесши ко Христу залог в целости, и потомков убеждая своими страданиями – быть твердыми и не бояться ничего, разве только греха и отречения.

Итак, зная это, будем и мы во время мира заботиться о том, что нужно для войны, дабы с наступлением войны и нам воздвигнуть блистательный трофей. Он презрел голод, презрим и мы роскошь и уничтожим власть чрева, чтобы, когда настанет время, требующее от нас такого же мужества, мы, наперед приготовившись посредством меньших подвигов, явились славными во время борьбы. Он говорил смело перед начальниками и царями: будем делать это ныне и мы, и если будем заседать в собраниях

богатых и славных язычников, станем смело исповедовать веру, посмеваться их заблуждению. Если они начнут свое превозносить, а наше унижать, не станем молчать и переносить спокойно, но, раскрыв их гнусность, будем прославлять все христианское с великой мудростью и смелостью; и как царь диадему на голове, так и мы будем везде носить исповедание веры. Не столько его украшает венец, сколько нас обыкновенно – вера и ее исповедание; и не словами только, но и самыми делами станем делать это, являя и жизнь во всем достойную исповедания, чтобы гнусностью дел не посрамить догматов, но, во всем прославляя нашего Владыку, насладиться и здесь и там честью, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу слава, держава и честь, со Святым и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Память его праздновалась 7 января, когда – в 387 году – и произнесена. беседа.

[2] В русс.пер.: "красота ее"; но в септуаг., как и в слав.: δοξα αντρωπου=слава человека – ред.

СЛОВО

о блаженном Вавиле, а также против Юлиана, и к язычникам[1].

Господь наш Иисус Христос, готовясь уже идти на страдание и умереть животворной смертью, в самую последнюю ночь, призвав особо учеников Своих, о многом и ином беседовал наставляя их, и между прочим сказал им следующее: "**Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит**" (Ин.14:12). Было много и других учителей, и учеников имели они, и чудеса показывали, как хвалятся язычники, но ни один из них никогда не брал себе и в голову что-либо подобное, не дерзнул и сказать. И никто из язычников, как ни бесстыдны они во всем; не мог бы доказать, что у них находится такое предсказание, или изречение. Хотя многие рассказывают о разных у них чудотворцах, которые будто показывали призраки умерших и образы некоторых мертвых, и говорят, будто иные слышали какие-то голоса из гробниц: но чтобы кто-нибудь из людей, живших и почитаемых у них, или из тех, которых после смерти они признали богами, сказал ученикам своим что-нибудь подобное, этого никто из них не стал бы никогда утверждать. Если хотите, я скажу и причину, почему они, лгавшие обо всем другом не краснея и с открытой головой, ничего подобного никогда не смели выдумать. Не просто и не без основания удержались они от такой выдумки, но злодейски соображали эти губители, что намеревающийся оболъстить должен составить нечто вероятное, полное всяких прикрас и, чтобы не быть обличенным, трудное для распознавания. Опытные рыболовы и птицеловы обыкновенно кладут не голые сети, но тщателъно прикрывают их со всех сторон приманками и таким образом каждый из них овладевает той и другой добычей; а если они, открыв сети, оставят их видными для тех, кого хотят ловить, то ни рыбы, ни птицы никогда не попадут в эти сети, и даже не станут подходить к ним, так что рыбак и охотник уйдут домой каждый с пустыми руками. Так как и языческие учители хотели ловить людей, то и они не бросали голого обмана в море жизни, но выдумав и сочинив то, что могло уловить более неразумных, остереглись заходить далеко во лжи, опасаясь преувеличения и боясь, чтобы неумеренностью второго не уничтожить и первого. Если бы они сказали, что кто-либо у них возвестил нечто такое, что наш Спаситель сказал Своим ученикам, то и обманутые ими стали бы смеяться над

ними, как над людьми, которые не смогли и солгать с вероятностью, потому что подобное предсказать и исполнить поистине свойственно одной только Его блаженной силе.

Если же демоны и могли некогда несколько обольщать обманутых ими, то это было, когда источник света еще не был известен большинству. Но и тогда само собой видно было, и при остальных обманах, и при самых жертвоприношениях, что совершавшееся было делом бесов. Приказывать, чтобы жертвенники их обагрялись человеческой кровью, и требовать, чтобы такия жертвы приносились им родителями, – какого не превышает это величайшего безумия? Никогда не насыщаясь нашими бедствиями и не зная никакого предела и конца борьбы с нами, но вечно неистовствуя, они, как будто не довольно было им насыщать ярость тем, что вместо овец и волов закалались ка их жертвенниках женщины и дети, придумали необыкновенное преступление человекоубийства и ввели новейший род нечестия. Кому должно было оплакивать убиение погубляемых, тех самых они убедили приводить их на это несчастное убиение. И чтобы унижались не одни только людьми постановленные законы, они извратили в самом основании даже и законы природы, возбудив ее до неистовства против себя самой и введя в жизнь человеческую самое преступное из всех убийств. Никаких врагов, наконец, так не боялись все, как родителей; и, на кого больше всех должно было надеяться, этих-то больше всех и подозревали и отвращались. Так эти каратели посредством тех самых, через кого Бог приводил (детей) к созерцанию этого мира, посредством тех же старались лишить их этого дара, делая виновниками смерти тех, которые послужили к жизни, как будто желая показать, что им не было никакой иной пользы от благости Божией: не будут они нуждаться в других убийцах кроме родивших их. Так было бы и в том случае, если бы воспоследовало какое-нибудь великое чудо (а из сказанного видно, что все тут маловажно, недостойно никакого внимания и исполнено великого обмана), но так же и в том случае, если бы совершилось великое что-нибудь, и тогда сказанного мной достаточно для того, чтобы доказать не совсем лишенным ума, каковы были делавшие это, как они полны скверны, и как все устрояли для извращения и жизни и состояния нашего.

2. Господь же наш Иисус ничего такого не повелевал нам, но дивен будучи по Своим чудесам, а не менее чудес и по заповедям, справедливо от всех почитается поклонением и верой в Его божество. Он пришедши превратил это беззаконие и, что более удивительно, избавил от этого свирепого и жестокого насилия не только нас поклоняющихся Ему, но и тех, которые злословят Его, так как и из язычников никто уже не принуждается приносить такие жертвы своим демонам. С таким всегда человеколюбием относится Он к роду нашему; и больше сделал Бог врагам Своим добра, нежели демоны причинили друзьям своим зла. Демоны заставляли своих служителей и почитателей становиться убийцами собственных детей; а Христос отвращающихся от Него избавил от этих приказаний и свободу от этого зверкого служения и дивный этот мир не ограничил одними только Своими, но ввел и среди чужих, показав, что те были мучителями, врагами и губителями нашего рода, а потому и поступали с преданными им, как с чужими, и были они чужды друг другу, Он же был Царь, Устроитель н Спаситель всего рода человеческого, почему и отчуждавшихся от Него щадил, как Своих. Да и все естество человеческое, – Его создание, как говорит и ученик Его: "**Пришел к своим, и свои Его не приняли**" (Ин.1:11). Но описывать все Его человеколюбие в настоящее время неуместно; и даже, если бы кто стал целые века говорить о Нем, и имел столько силы, сколько подобает бесплотным силам, то и тогда он не дотронулся бы до Его достоинства. Как Он благ, это знает только Он один, потому что и благ так только Он один. Посмотри же, что говорит Он ученикам: "**Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит**" (Ин. 14: 12). Не сообщил бы Он им столь великой чести, если бы не был весьма и безконечно благим. Если же кто с

сомнением спросит у нас, когда исполнилось это предсказание, то взяв в руки книгу, которая называется Деяниями Апостолов, – она впрочем содержит не все деяния и не всех их, но только одного, или двух, и притом немногочисленные, – он увидит, что больные, лежавшие на одрах, получали здоровье, как скоро достигала до них только тень этих блаженных, а многим из бесноватых не нужно было ничего, кроме одежд Павла, для избавления их от мучившего их демона. Если же кто станет называть это хвастовством и рассказыванием невероятных вымыслов, то видимого ныне достаточно для того, чтобы заградить и пристыдить хульные уста и остановить необузданный язык. Нет в нашей вселенной ни страны, ни народа, ни города, где бы не воспевались эти чудеса, которые не возбудили бы никогда удивления, если бы были вымыслами. Засвидетельствовать это можете вы сами; и нам не нужно даже брать у других удостоверения на эти слова, когда вы, враги наши, доставляете его нам. Скажи мне, почему какого-нибудь Зороастра и Замолксиса и по имени болыпинство не знают, а вернее – никто не знает, кроме некоторых немногих? Не потому ли, что все, рассказываемое о них, было вымыслом? А между тем и они, и составившие рассказ о них были, говорят, способны – первые изобретать и совершать чародейства, последние – прикрывать ложь вероятностью рассказа. Но все бывает напрасным и тщетным, когда предмет рассказа гнил и ложен; равно как, когда он крепок и истинен, напрасным и тщетным бывает опять все придумываемое врагами для его опровержения, потому что сила истины не нуждается ни в какой помощи, и, хотя бы тысячи угашали ее, она не только не исчезает, но чрез тех самых, которые стараются повредить ей, выступает блистательнее и возвышеннее, посмеваясь над неистовствующими и тщетно изнуряющими самих себя.

События наши, которые вы называете вымыслом, старались опровергнуть и тираны, и цари, и непобедимые на словах софисты, даже философы, и чародеи, и волхвы, и демоны, – "**и ослабел**", по слову пророческому, "**язык их, и раны от них – (то же, что) стрелы младенцев[2]**" (Пс.63:8-9). Цари получили только ту выгоду от козней против нас, что приобрели себе у всех славу свирепости; в ярости против мучеников увлекшись до жестокости противоестественной, они бессознательно подвергли себя бесчисленным порицаниям. А философы и искусные риторы, пользовавшиеся у большинства великой славой, одни за (свою) почтенность, а другие за красноречие, после борьбы с нами сделались смешными и стали считаться нисколько не лучшими болтающих попросту детей. Из столь многих племен и народов они не смогли переубедить ни мудрого, ни глупого, ни мужчины, ни женщины, ни даже малого дитяти, а написанное ими так смешно, что и самые книги их давно уничтожились, большая же часть, как только появились, уже и исчезли. Если же где и находится что-нибудь сохранившимся, то находят это сохранившимся у христиан, – так далеки мы от того, чтобы опасаться вреда какого-либо от их козней, так посмеваемся великой изысканности их ухищрений! Как не боялись бы мы – впрочем и показали мы это, – если бы у нас были тела адамантовые и нетленные, брать руками скорпионов, змей и огонь, так и теперь, когда Христос так настроил нам души и веру, мы не страшимся иметь при себе яды врагов. И если нам повелено попирать ногами змеев, скорпионов и всякую тиранию диавола. то тем более червей и жуков, а таково различие между вредом от них и кознями лукавого демона.

3. Таковы наши дела; а что касается до ваших, то против них никто никогда не воевал, так как непозволительно христианам ниспровергать заблуждение принуждением и насилием, но (заповедано) – убеждением, словом и кротостью совершать спасение людей. Поэтому ни один царь из принявших учение Христово не издавал против вас таких указов, какие выдумали против нас служившие учению демонов. Однако, наслаждавшееся таким спокойствием и никогда никем не тревожимое заблуждение языческого суеверия само собой угасло и само собой распалось, подобно тому, как тела, подвергшиеся продолжительной чахотке, не испытывая ни от кого вреда, сами собой тлеют и,

разлагаясь, мало по малу уничтожаются. Так, хотя этот сатанинский смех еще не совсем истреблен с земли, но и то, что уже совершилось, достаточно для того, чтобы уверить вас и касательно будущего. Когда большая часть уже разрушена в такое короткое время, то никто не подымет спора об остальном. Когда город взят, и стены разрушены, и места совещаний, зрелищ и гуляний сожжены, и все взрослые умерщвлены, тогда никто, при виде полусожженных портиков и стоящих еще частей немногих зданий, со старухами и малыми детьми, не станет спорить с победителем. преодолевшим большее, что будто бы он не может сделать остального. А дела рыбарей не таковы, но процветают с каждым днем, хотя достигли они нашего времени не на свободе и в спокойствии, а среди скорби, преследований и борьбы. Язычество, распространенное по всей земле и владевшее душами всех людей, после такой силы и возрастания, так наконец разрушено силой Христовой; а наша проповедь не тогда стала иметь врагов, когда везде распространилась и утвердилась, но прежде, чем укрепилась и укоренялась в душах слушателей, с самого начала должна была противостать всей вселенной, "**против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы**" (Еф.6:13), потому что, когда еще не разгорелась хорошо искра веры, потекли на нее реки и бездны со всех сторон. А вы знаете, что не все равно, вырывать ли растение, укоренившееся множеством лет, или только что посаженное в землю. Но и при таком положении дел, хотя, как я сказал, эту еще малую искру благочестия затопило море противников, она не только не погасла от него, но, становясь больше и светлее, скоро проникала всюду, легко разрушая и истребляя дела врагов, а дела своих возвышая и поднимая до неизреченной высоты, не смотря на то, что ей служили люди незначительные и неизвестные. Причиной же этого были не речи и чудеса рыбарей тех, но действовавшая в них сила Христова. В числе совершавших это один был скинотворец – Павел, а Петр – рыбарь; таким простым и уничиженным людям никогда не пришло бы и выдумать что-нибудь подобное, разве только кто скажет, что они с ума сошли и безумствовали. Но что они не безумствовали, ясно как из того, что они совершили словами, так и из того, что еще и ныне верят им. Так никогда не лгали и так просто не хвалились. И, как я сказал вначале, кто хочет обмануть, тот конечно лжет, но лжет не так, чтобы это было явно для всех. Если и по совершении событий, когда свидетельствуют о достижении цели столь многие, частью уверовавши и в те времена, частью в последующее время повсюду прославляя это, не только у нас, но и у варваров, и у людей еще более диких, – находятся все-таки иные, которые после столь многих доказателъств и после, так сказать, свидетельства целой вселенной, не верят этим событиям, и притом многие без всякого испытания и исследования – то кто вначале, не видев таких дел и не имея достоверных о них свидетельств, принял бы душой эту веру? Да что вообще и побудило бы апостолов выдумать и составить нечто подобное? Не полагались же они ни на силу слова (как и полагаться, если иной из них совсем не знал и грамоты?), ни на обилие богатства, так как они едва имели необходимую пищу и оба жили трудом рук своих. Не кстати им было высокомудрствовать и по знаменитости рода, так как об отце одного из них мы даже не знаем, кто он был, – до того он был незнатен и неизвестен, а Петров отец, хотя известен, но имеет только то преимущество пред другим, что Писание сделало лишь известным для нас его имя, и то ради сына. Если же кто захочет узнать страну и народ, то найдет, что один киликиянин, а другой гражданин незнатного города, или лучше не города, а последнего селения – Вифсаиды; так называется местечко в Галилее, из которого происходил этот блаженный. А кто услышит и об их ремеслах. то увидит, что и в них не было ничего великого и важного, так как хотя скинотворец почтеннее рыбаря, но ниже остальных ремесленников. Откуда же, скажи мне, откуда взяли они смелости разыграть такую сцену? Какими воодушевлялись они надеждами? На что полагались? Не на удочку ли и крючок, или на нож и шило? Не удавитесь ли сами вы, где-либо вдали, или не броситесь ли в пропасть, навлекая на себя упрек в таком безумии?

4. Но, если хотите, положим по вашему, что и невозможность эта стала возможна, что один, пришедши с озера, говорит: тень моего тела воскрешает мертвых; а другой, убежав от кож скинотворческой швальни, хвастает тем же самым относительно своих одежд: кто из слушающих это был бы так безумен, чтобы в таких делах поверить голым словам? Почему же никто из художников того времени никогда не говорил о себе ничего подобного, или кто-нибудь другой об нем? А если бы наши чудеса были вымыслом, то естественно было ожидать, что жившие после апостолов легче стали бы лгать подобным же образом. Они не имели пред собой примера других, чтобы надеяться на успех вымысла; а жившие после них, глядя на них, скорее решались бы на вымысел, когда пример первых побуждал бы вторых действовать смело, как будто на земле нет никого имеющего ум, но все пришли исступление и безумие, и как будто всем желающим возможно и говорить о себе, что угодно, и находить этому веру. Пусты, смешны и свойственны языческой глупости такие речи. Как, если бы кто-нибудь вздумал стрелять в небо, чтобы рассечь его своими стрелами, или вычерпывать океан, чтобы опустошить его своими руками, то каждый из образованных стал бы смеяться над ним, а более степенные и оплакали бы его обильными слезами; так точно и когда язычники возражают нам, можно и смеяться над ними и плакать, потому что они берутся за дела гораздо более трудные, нежели тот, кто надеется ранить небо и исчерпать бездну. Свет никогда не будет мраком, пока он свет; и истина наших дел не будет опровергнута, потому что она – истина, а сильнее ее нет ничего. Итак, всякий не сошедший с ума и не безумный согласится, что и древнее, известное нам по слуху, достоверно не менее настоящего и видимого нами; а чтобы еще более возвысить нашу победу, я хочу рассказать об одном дивном событии, совершившемся при нашем поколении. Но не смущайтесь, если я, обещаясь рассказать о чуде, бывшем при нас, начну рассказ повествованием из древней истории, потому что я не остановлюсь на нем только одном и не о таком древнем буду говорить, которое чуждо новейшему событию: оба они имеют отношение между собой и разрывать последовательноеть их нельзя, как вы сами хорошо узнаете, выслушав самые события.

5. При наших предках был один царь; я не могу говорить, каков был этот царь в остальном, но, услышав о злодеянии, на которое он дерзнул, вы поймете, как и в остальном был жесток нрав его. Какое же было это злодеяние? Один народ, воевавший с этим царем, решился прекратить войну, чтобы и других не убивать и самим больше не быть убиваемыми от других, освободиться от хлопот, опасностей и страха, довольствоваться своим состоянием и не искать ничего большего, так как лучше без опасения наслаждаться умеренным, нежели стремясь е большему быть всегда в страхе и трепете, всю жизнь делать зло другим и себе получать (то же) от других. Итак, решившись прекратить войну и жить спокойно, они надумали скрепить это благо твердым договором и надежными условиями. И заключив договор и обменявшись клятвами, старались сверх того убедить своего царя, что если бы он отдал своего сына, совсем еще ребенка, надежным залогом мира, то внушил бы прежним врагам своим уверенность и доставил им доказательство собственного настроения, – что искренно он заключает мир с ними. Такими речами они убедили его и царь отдал своего сына, как думалось ему, друзьям и союзникам, но, как показал конец, свирепейшему из всех зверю. Взяв по закону дружбы и договора это царское дитя, враг все разом попрал и ниспроверг – и клятвы, и условия, и стыд пред людьми, и благоговение пред Богом, и жалость к возрасту; ни юность отрока не смягчила этого зверя, ни следующий за такими преступлениями суд не устрашил этого дикаря, не повлияли на него и слова отца, отдавшего сына, которыми тот, вручая сына, вероятно просил его, умоляя содержать его с великой заботливостью, называя его отцом дитяти и убеждая воспитывать и содержать его так, как бы он сам родил его, и сделать его достойным благородства своих предков, и при этих словах вложив правую руку сына в правую руку убийцы, и потом расставшись со слезами. Ни о чем потом не думал этот

злодей, но вдруг, выбросив все из души своей, совершает убийство, преступнейшее из всех убийств. Подлинно, такое злодеяние хуже и детоубийства; свидетелями вы сами, которые, – если только по моим чувствам можно заключать о ваших, – не столько скорбели бы, если бы услышали, что он убил собственного сына, так как тогда казались бы ниспровергнутыми вместе с общественными законами и законы природы, а здесь вместе сошлось многое, что своим множеством преодолевает и естественное влечение. Когда я представлю себе мальчика, не сделавшего другому никакого зла, отданного отцом, отторгнутого от прародительского царства, променявшего собственную роскошь, славу и честь на жизнь в чужой стране, для того чтобы злодею можно было быть уверену в твердости договора, и потом подвергшегося дурному от него обращению, лишившегося для него домашних удовольствий и наконец убитого им, то я испытываю противоположные чувствования, душевное томление и досаду, из которых одно происходит от гнева, а другое от скорби. А когда я представлю себе, как этот злодей вооружается, поднимает меч, берет юношу за шею, и той самой рукой, которой принял залог, вонзает в нее меч, то я рвусь и задыхаюсь от гнева. Опять же когда посмотрю на юношу, испугавшегося и трепещущего, испускающего последние вопли, призывающего своего отца и называющего его виновником этого, приписывающего убийство не тому, кто вонзает ему меч в горло, но своему родителю, не имеющего возможности ни убежать, ни отмстить за себя, но тщетно укоряющего своего отца, и наконец принимающего удар, от которого он содрогается, бьется на полу и обагряет землю потоками крови, тогда терзается моя внутренность, помрачается ум и какая-то густая мгла скорби разливается в глазах. Но этот зверь не чувствовал ничего такого, а как будто намеревался зарезать ягненка или теленка, так относился и к этому гнусному убийству. И когда мальчик, получив удар, лежал мертвым, убийца после преступления вновь начинает борьбу, стараясь последующим затаить прежнее. Может быть, кто подумает, что я скажу о погребении, или о том, что после убиения он не дал убитому и клочка земли; нет, я скажу о другом, еще более дерзком. Обагрив беззаконные свои руки такой кровью и совершив эту новую трагедию, этот бесстыдник, жестокий более самых камней, как будто не совершив вовсе никакой дерзости, пошел в церковь Божию. Быть может, некоторые удивляются,. как столь дерзкий не был поражен ударом от Бога, как Бог не послал на него свыше гром, не сжег пред входом бесстыдное лицо молнией. Но если некоторые думают так, то я хвалю их и удивляюсь их горячности, однако говорю, что в этом удивлении и похвалах есть у них не малый недостаток. Они справедливо вознегодовали на беззаконное убийство отрока и на столь дерзкое оскорбление божественных заповедей; но кипя гневом, не столько рассмотрели, сколько нужно увидеть. На небесах есть другой закон, много высший этого правосудия. Какой же это закон? Тот, чтобы на грешников не тотчас посылать наказание, но давать преступнику время и срок очиститься от грехов и посредством покаяния сравняться с теми, которые не совершили никакого зла, что именно и тогда показал Бог на этом злодее, хотя он не получил никакой пользы, но остался неисправимым. Человеколюбивый Господь, и это предвидевший, все-таки не презрел его, не оставил делать свое дело, а Сам и посетил больного и соделал, что было нужно для его выздоровления; но тот не захотел принять лекарство, а убил и врача, посланного к нему. Лекарство же и способ лечения были таковы.

6. В то время, когда дерзко совершалась эта бесчеловечная и жалкая драма, случилось, что нашей паствой управлял один великий и дивный человек, если только нужно называть его человеком; имя ему было Вавила. Этот человек, которому вверена. была тогда здешняя Христова церковь, благодатью Духа, не скажу – превосходил Илию и подражателя его Иоанна, чтобы не сказать слишком много, но достиг того, что нисколько не уступал в дерзновении этим доблестным мужам. Не тетрарха немногих городов, не царя одного народа, но того, который владел большей частью всей вселенной, этого самого человекоубийцу, который обладал многими народами, многими городами и бесчисленным

войском, и был страшен везде как по величию своей власти, так и по дерзости своего нрава, он отлучил от церкви, как низкого и недостойного вовсе уважения невольника с такой твердостью и с таким бесстрашием, с каким пастух отделил бы от стада паршивую и больную овцу, препятствуя переходу болезни от больной на прочих. Он сделал это, подтверждая на деле слово Спасителя, что раб только тот, кто совершает грех, хотя бы он имел на голове своей тысячи венцов, хотя бы казался владыкой всех людей на земле; а кто не сознает за собой ничего худого, тот, хотя бы считался в ряду подданных, царственнее всех царей. Таким образом подначальный распоряжался начальником, и подчиненный судил владеющего всеми и произносил осуждающий его приговор. А ты, слыша это, не пропускай сказанного без внимания: уже это известие, что царя изгнал из преддверия храма некто из подчиненных его власти, само по себе достаточно для того, чтобы возбудить и поразить душу слушателей. Если же хочешь в точности понять все это дивное событие, то не слова голые слушай, но представь себе копьеносцев, щитоносцев, военачальников, вельмож, живущих в царских чертогах и поставленных над городами, пышность предшествующих, множество сопровождающих, скороходов, всю остальную свиту; потом среди них самого (царя), идущего с великой надменностью и кажущегося еще более величественным от одежд, багряницы и драгоценных камней, покрывающих всю правую сторону и застежку хламиды и блистающих от диадемы на самой голове. Но не останавливай на этом свою картину, а представь далее себе и раба Божия, блаженного Вавилу, смиренный его вид, простую одежду, сокрушенную душу и ум чуждый дерзости. И тогда, нарисовав и противопоставив так их обоих, ты хорошо поймешь это дивное событие, или – лучше сказать – и тогда ты не во всей точности воспримешь его: этого дерзновения не может представить никакое слово, ни зрелище, но один только опыт и применение его. Твердость этой доблестной души может хорошо понять только тот один, кто сам может достигать одинаковой с ним высоты дерзновения. Как подошел старец? Как он растолкал копьеносцев? Как открыл уста? Как говорил? Как обличал? Как положил правую руку на грудь, еще пламеневшую гневом и дышавшую убийством? Как отлучил человекоубийцу? Ничто из происходившего тогда не устрашило его и не удержало от намерения. О, непреклонная душа и высокий ум! О, небесные помыслы и ангельская твердость! Как будто все то великолепие он видел только написанным на стене, – так невозмутимо совершал все это доблестный муж! Он наставлен был божественным учением, что все предметы мира суть тень и сновидение, и даже ничтожнее их. Посему ничто подобное не устрашило его, но еще более ободряло; то зрелище видимого переносило душу его к вышнему Царю, сидящему на херувимах и видящему бездны, к престолу славному и высокому, к воинству небесному, к мириадам ангелов. к тысячам архангелов, к седалищу страшному, к судилищу нелицеприятному, к реке огненной, к самому Судии. Поэтому, переселив всего себя с земли на небо, как бы предстоя тому Судии и слыша Его повеление изгнать из священной паствы преступника и злодея, – он изгнал его и отлучил от прочих овец и не обращал внимания ни на что видимое и кажущееся страшным, но, весьма мужественно и благородно отлучив его, защитил оскорбляемые им законы Божии. Какой же, должно ожидать, смелостью отличался он в отношении к остальным? Тот, кто с такой властью относился к царю, кого из прочих побоялся бы? Я предполагаю, или – лучше – не предполагаю, а уверен, что этот муж никогда ни делал, ни говорил ничего в угождение или по вражде, но и в отношении к страху, и в отношении к более сильному – к лести, и в отношении ко всему подобному, чего много между людьми, оставался доблестным и мужественным, и никогда ни мало не нарушал правого суда. И если "о**дежда и осклабление зубов и походка человека показывают свойство его**" (Сир.19:27), то гораздо более подобные подвиги достаточно могут показать нам всю добродетель остальной жизни; и нужно удивляться в нем не только смелости, но и тому, что он простер смелость до такой степени, и тому, что с другой стороны отнюдь не довел ее до излишества.

7. Такова мудрость Христова: она не позволяет ратоборствовать ни слишком мало, ни слишком много, но во всем соблюдает соразмерность. Между тем св. Вавила мог бы, если бы захотел. пройти и дальше. Тому, кто отказался от жизни (а он и не начинал бы дела, еслн бы не вооружился такими мыслями), – свободно можно было сделать все, и осыпать царя оскорблениями, и сорвать с его головы диадему, и нанести удары в лицо, когда уже положил свою руку на его грудь. Но он не сделал ничего такого: его душа была проникнута духовной солью, почему он и не делал ничего тщетно и напрасно, а все с правильным разумным суждением и здравым расположением, не так, как мудрецы языческие, которые никогда не бывают дерзновенными в меру, а всегда, так сказать, или больше или меньше надлежащего, так что никогда нельзя приписать им мужества, но всегда неразумные страсти: или робость, когда они недостаточно смелы, или, когда они преступают меру, то все замечают в них надменность и тщеславие. Но не так этот блаженный: он не просто пришедшее на ум делал, но, все тщательно разобрав и сообразив свои мысли с законами божественными, потом и приводил их в исполнение. Посему он не на поверхности только делал надрез, чтобы не осталась большая часть пораженного болезнью, но и не глубже надлежащего, чтобы излишеством разреза опять не повредить здоровья, но, сообразив разрез с болезнью, производил превосходное врачевание. Поэтому я смело могу сказать, что он был чист и от гнева, и робости, и гордости, и тщеславия, и вражды, и страха, и лести.

А если надо сказать и нечто странное, то я удивляюсь этому блаженному не столько за то, что он решился противостать ярости властителя, сколько за то, что понял, в какой мере надо было это сделать, и ничего лишнего ни сделал, ни сказал. Что последнее удивительнее первого, можно видеть из того, что многие первого достигли, а последнего не могли сделать, так как просто быть дерзновенным свойственно часто и обыкновенным людям, но чтобы оказывать себя таким сколько должно, в надлежащее время, с приличной соразмерностью и с благоразумием, для этого требуется душа весьма великая и дивная. Так и Семей весьма сильно порицал блаженного Давида и назвал его убийцей (2Цар.16:7); но я не могу назвать этого дерзновением, а – невоздержностью языка, дерзостью ума, необузданностью, неразумием, всем скорее, нежели дерзновением. Я думаю, тому, кто хочет быть обличителем, должно как можно дальше отклонять душу свою от дерзости и гордости и показывать силу свою только в сущности слов и дел. Так и питомцы врачей, когда им нужно разрезывать загноившиеся члены, или остановить в них воспаление, приступают к врачеванию, не приводя себя наперед в гнев, а напротив тогда особенно и стараются сохранить ум свой в надлежащем спокойствии, чтобы его смущение не повредило их искусству. Если же тот, кто хочет лечить тело, имеет нужду в таком спокойствии, то врачующего души, в какое, скажи мне, поставим мы состояние и какого потребуем от него любомудрия? Очевидно, гораздо большего, такого, какое показал этот доблестный мученик. Он, как бы полагая нам некоторые правила и законы, чтобы от них нам и в остальном заимствовать соразмерные указания, так отверг того несчастного от священной ограды. И по-видимому, один подвиг совершен был; но если кто вникнет в него и тщательно рассмотрит со всех сторон, то найдет в нем вместе еще и другое и третье доброе дело и великое сокровище пользы. Хотя изгнанник тогда был один, но пользу через него получили многие. В подвластной тирану области (а это была большая часть вселенной), – все неверующие были поражены и удивились, узнав, какое дерзновение сообщает Христос рабам Своим, осмеивали свое раболепство, неволю и унижение, видели, сколько различия между благородством христиан и постыдным состоянием язычников. У них те, которым вверено попечение о храмах, служат больше царям, нежели богам и идолам, и из страха к ним сидят при своих истуканах, так что злые демоны царям обязаны благодарностью за оказываемую им честь. Как скоро случится кому-нибудь, не разделяющему их образа мыслей, достигнуть этой власти, то всякий, входящий в идольские храмы, увидит по стенам везде растянутые ткани пауков и пыль, лежащую на

истукане в таком количестве, что не видно ни носа, ни глаза и никакой другой части лица; а из жертвенников от одних остаются только остатки, большая же часть разрушена, другие же со всех сторон окружает такая высокая трава, что незнающий может принять видимое им за кучу сора. Причиной же то, что прежде им можно было воровать, сколько хотели, и кормиться посредством служения истуканам, а теперь для чего они станут мучить себя? Сидя при идолах и изнуряясь, они не ожидают от них никакой награды, потому что это – дерево и камни, побуждение же оказывать идолам притворное служение, т. е. честь от властителей, уничтожилось, когда цари сделались благоразумными и стали поклоняться Сыну Божию.

8. Не так бывает у нас, а совершенно напротив. Когда восходит на царский престол кто-нибудь, согласный с нами в исповедании Бога, тогда христиане бывают более равнодушны к своим делам: так далеки они от того, чтобы укрепляться человеческими почестями; а когда получит власть человек нечестивый, везде преследующий нас и подвергающий бесчисленным бедствиям, тогда наше положение становится превосходным и более блистательным, тогда время доблестей и трофеев, тогда случай достижения венцов, похвал и всякого отличия. Если же кто-нибудь скажет, что и теперь есть города, оказывающие такое же суеверие в безумном почитании идолов, то во-первых насчитает немного и небольших, а кроме того и не ослабит этим наших слов. Предмет тот же, только вместо царя жители города воздают им такую же честь; и причина служения – пирушки, попойки вседневные и всенощные, флейты и тимпаны, срамные без всякого стыда речи, и еще более срамные дела, лопание от обжорства, неистовствование от пьянства и впадение в постыднейшее бешенство; этими позорными издержками поддерживается еще и сохраняется падающее заблуждение. Богатейшие, собирая людей, которые из-за бездельничания мучатся голодом, содержат их в виде паразитов и собак, питающихся от стола, набивают бесстыдное чрево их остатками от беззаконных пирушек, и пользуются ими так, как хотят. А мы, раз навсегда возненавидев ваше безумие и беззаконие, не кормим людей, живущих в праздности и потому необходимо страдающих от голода, но убеждаем их трудами доставлять содержание и себе и другим; тем, которые увечны телом, мы позволяем пользоваться только необходимой пищей от людей достаточных; а пирушки, попойки и всякое остальное безумие и бесстыдство у нас изгнаны, и вместо этого введено, "**что только честно, что чисто, что справедливо, что достославно, что только добродетель и похвала**" (Флп.4:8). И все прочее, что хвастливо рассказывают о бывших у них философах, доказывает их тщеславие, дерзость и свойства детского ума. У нас никто не заключал себя в бочку и не расхаживал по площади, одевши рубище. Такие действия, хотя кажутся удивительными и сопряжены с великим трудом и крайними страданиями, но не заслуживают никакой похвалы. Вот злоба диавола: служащих ему он предает таким трудам, которые и мучат обольщенных и делают их смешными больше всех, так как труд, не приносящий никакой пользы, не заслуживает никакой похвалы.

И ныне есть люди испорченные и исполненные бесчисленных пороков, которые показывают гораздо больше того философа: одни из них глотают острые отточенные гвозди, другие жуют и проглатывают подошвы, иные решаются на дела и этих еще худшие; но хотя подобное гораздо удивительнее бочки и рубища, мы не одобряем этого, равно как и того, а наравне с тем философом порицаем и оплакиваем и их и всех, понапрасну совершающих подобные прельщения. Но он показал великое дерзновение пред царем? Посмотрим и великое это дерзновение, не пустее ли и оно прельщения с бочкой. Какое же дерзновение? Когда, македонянин шел на персов и ставши пред ним побуждал объявить, не имеет ли он в чем нужды, то он отвечал: ни в чем, кроме того, чтобы царь не затенял его, так как философ грелся тогда на солнце. Вы не стыдитесь? Не закрываетесь? Не уходите зарыться где-нибудь в землю, превозносясь тем, чего следовало

бы стыдиться? Не гораздо ли было бы лучше, надев на себя одежду взрослого, быть деятельным и попросить тогда у царя чего-нибудь полезного, нежели сидеть в рубище и греться, подобно маленьким грудным детям, которых мамки, вымыв и намазав, кладут для того же, для чего сидел тогда и философ, прося себе милости, какой могла бы просить жалкая старуха? Но, может быть, удивительно его дерзновение? Напротив, ничего нет страннее его. Хорошему человеку нужно все делать для общей пользы и для нсправления жизни других; а просьба о том, чтобы не заслоняли солнца, спасла ли какой город, какой дом, какого мужчину, какую женщину? Покажи пользу от этого дерзновения, как мы показали ее относительно мученика и в последующем покажем ее еще яснее.

9. Между тем (св. Вавила) наказал беззаконника, – настолько, насколько можно священнику наказать, – обуздал высокомерие начальствующих, охранил от колебания законы Божии, совершил отмщение за убитого злобно юношу, отмщение самое тяжелое из всех для имеющих ум. Вы, конечно, помните, как в то время, когда я говорил об убийстве, каждый из слушателей воспламенялся, желал взять злодея в свои руки. и молился, чтобы откуда-нибудь явился мститель за убийство. Это и сделал тот блаженный и наложил на него наказание, приличное и достаточное для его вразумления, если бы он не был совершенно бесчувственным; не просил он царя отступить и не заслонять согревавшее его солнце, но бесстыдно вторгавшегося в священную ограду и все приводившего в смятение отогнал от дворов Господних, как какого-нибудь пса и раба непотребного. Видишь ли, что не хвастаясь говорил я, доказывая, что дивные дела ваших философов – он обличил как дела детского ума? Но, скажешь, тот синопянин (Диоген) был и целомудрен, и жизкь проводил в воздержании, не вступал даже и в законный брак. Прибавь же: как и каким образом? Но ты не прибавишь этого, а охотнее лишишь его похвал за целомудрие, нежели скажешь, каково было его целомудрие: так оно было гнусно и полно великого срама. Я мог бы указать на болтовню и других, на их пустые и постыдные дела; в каком отношении полезно, скажи мне, питаться человеческим семенем, как делал стагирит (Аристотель)? Какая польза смешиваться с матерями и сестрами, как установил вождь стоической философии (Зенон)? И о начальнике академии и его учителе и о других, которых еще более почитают, я доказал бы, что они постыднее и этих, и педерастию, которую они считают чем-то почтенным и относящимся к любомудрию, я раскрыл бы, сняв всякое иносказание, если бы наше слово не вышло слишком длинным, и не поспешало к другому предмету, и если бы не обличались достаточно и по одному смешные стороны всех их.

В самом деле, когда главный из них, которого философия была, по-видимому, строже и по свободе речи и по воздержанию, является столь постыдным, нелепым и неумеренным (говорил же он, что питаться человеческой плотью дело безразличное), то какие у нас будут еще разговоры с остальными, если стоявший во главе этого занятия и блиставший больше прочих оказался для всех столь смешным, незрелым и неразумным? Возвратимся поэтому к тому, от чего мы отступили, заведя речь об этом. Блаженный таким образом обуздал неверных, а верных сделал более благоговейными, не только частных людей, но и воинов, и военачальников, и градоначальников, показав, что и царь, и последний из всех у христиан суть только одни имена, и что носящий диадему будет ничем не лучше самого последнего, когда он должен быть обличен и наказан. Кроме того он заградил уста всем тем бесстыдникам, которые говорят, что у нас все хвастливые вымыслы, показав на деле апостольское дерзновение и научив, что и в древности без сомнения были такие же мужи, когда проявление знамений давало им еще большую власть. Есть и третий немаловажный подвиг: у имеющих впоследствии священствовать и царствовать – у последних он смирил умы, а у первых возвысил, показав, что получивший священство есть более властный блюститель над землей и над совершающимся на земле, нежели носящий багряницу, и что надобно не уменьшать величие этой власти, но скорее отказываться от жизни, нежели от прав, которые Бог свыше уделил в жребий этой власти. Умерший таким образом мог бы и

по смерти приносить пользу всем, а покинувший свой пост не только по смерти не приносит никому пользы, но и при жизни делает большую часть подвластных ему более слабыми, и у внешних становится предметом презрения и посмеяния. Отшедши же отсюда, он с великим стыдом и унижением предстанет престолу Христову, а оттуда опять повлекут его в печь приставленные к тому силы. Посему некое мудрое слово и увещевает: "**не будь лицеприятен против души твоей**" (Сир.4:26). Если же не безопасно лицемерить, когда обижают человека, то какого наказания не будет достоин тот, кто молчал и не обращал внимания, когда были оскорбляемы законы божественные? Вместе с этим он преподал и еще иной добрый урок, не меньший тех, – что каждый должен делать свое дело, хотя бы никто не получал от того пользы. И он сам тогда не принес никакой пользы царю своим дерзновением, однако исполнил все свое дело и не опустил ничего.

Но больной по собственному безумию погубил искусство врача, с великим гневом отняв лекарство от раны. Точно для нечестия недостаточно было убить и бесстыдно вторгнуться в храм Божий, – он к убийству прибавил другое убийство, как бы стараясь превзойти первое вторым и вместе затмить. предшествовавшие страдания чрезмерностью последующих (таково-то неистовство диавола, – что он соединяет и противоположное), и через это обоим этим убийствам он дал ту особенность, что между ними есть некоторое соответствие. Первое убийство, т. е. отрока, более второго жалко; а второе, т. е. блаженного Вавилы, более первого преступно. Душа, однажды вкусившая греха и пришедшая в бесчувственное состояние, более и более увеличивает свою болезнь. Как искра, упавшая в огромный лес, тотчас зажигает попавшееся ей, но не останавливается на одном только этом, а распространяется и на все прочее, и чем более обнимает своим пламенем, тем большую приобретает силу для истребления остального, так что множество объятых огнем дерев бывает как бы засадой для имеющих быть объятыми, оттого что пламя в охваченном всегда находит оружие против остающегося еще, – такова и природа греха: когда он займет помыслы чьей-нибудь души и не будет никого, кто прекратил бы это зло, то, простираясь далее, он становится более тяжким и трудноистребимым; поэтому-то грехи последующие часто бывают упорнее прежних, так как душа от прибавления последующих более и более надмевается гордостью и презрителъностью, и через это собственную силу ослабляет, а силу греха питает. Так многие, сами того не замечая, впадали в грехи всякого рода, потому что не погашали начинавшегося пламени. Так и этот несчастливец прибавил к прежним грехам другие, более тяжкие. После того, как погубил того юношу, он от убийства устремился к оскорблению храма, а отсюда опять идя далее этим путем, вооружился безумно против священства, и связав святого железными узами и ввергнув в темницу, таким образом мстил ему, подвергая его наказанию за благодеяние, и за что должно было прославить его, увенчать и почитать более родителей, за то заставил его терпеть узы злодеев. подвергая страданию от этих уз.

10. Таким образом, как я сказал, грех, начавшись и не имея никого, кто препятствовал бы ему идти далее, становится неукротимым и неудержимым, подобно бешеным коням, которые, выкинув изо рта удила и сбросив всадника с хребта своего навзничь, бывают неудержимы для встречающихся, и, когда никто не останавливает их, в беспорядочном стремлении несутся в пропасть. Враг нашего спасения для того и приводит такие души в неистовство, чтобы, захватив их в отсутствие врачей, погубить и подвергнуть бесчисленным бедствиям. Так и больные телом, доколе позволяют врачам приходить к ним, имеют много надежды на выздоровление; но когда, впав в сумасшествие, начинают бить и кусать тех, которые хотят излечить их от болезни, тогда делаются неисцелимо больными, не по свойству болезни, а по отсутствию тех, которые могли бы избавить их от бешенства. В такое состояние привел себя и этот (царь): встретив врача, который хотел исцелить его рану, он тотчас прогнал его и отвел как можно дальше от своего дома. Здесь можно было событие с Иродом не только узнать по слуху, но и видеть глазами в большем

объеме, так как диавол опять вывел его на зрелище жизни, только с большей торжественностью и обстановкой, на место тетрарха поставив царя и вместо одной вины давши делу двойное содержание, много более притом гнусное, сравнительно с первой, так что не по числу только, но и по самому свойству действий эта трагедия стала более блестящей. Не брак здесь оскорблялся, как там, и не из беззаконного смешения лукавый сплел это происшествие, но из преступнейшего осквернения детоубийством, из жесточайшего насилия и из беззакония, не в отношении к жене, но к самой святыне. Брошенный таким образом в темницу, блаженный радовался узам своим, но скорбел о погибели того, кто связал его. Ни отец, ни воспитатель, когда приобретают известкость вследствие пороков и неудач – первый своего сына, а второй ученика, не испытывают от этой известности чуждого печали удовольствия. Поэтому и блаженный Павел говорил коринфянам: "**молим Бога, чтобы вы не делали никакого зла, не для того, чтобы нам показаться, чем должны быть; но чтобы вы делали добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть**" (2Кор.13:7). Так и для этого дивного мужа вожделеннее наград за узы было тогда спасение ученика и то, чтобы ученик, вразумившись, лишил его этих похвал, или лучше, чтобы он вовсе не впадал в такую развращенность. Святые не хотят, чтобы венцы им сплетались из чужих несчастий; если же не хотят из чужих, то тем более из несчастий, случающихся со своими. Потому и блаженный Давид после трофеев и победы сетовал и плакал, так как эта победа соединена была с несчастьем его сына; и отправлявшимся военачальникам заповедал многое в защиту этого мятежника, желавших убить его удерживал, говоря: "**сберегите отрока Авессалома**" (2Цар.18:5), и, когда тот пал, оплакивал его и с стонами и горькими слезами призывал своего врага.

Если же плотский отец так чадолюбив, то тем более духовный. А что духовные отцы попечителънее отцов плотских, послушай Павла, который говорит: "**Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?**" (2Кор.11:29). Впрочем здесь представляется нам равенство; хотя (плотские) отцы едва ли могут произносить такие слова, но допустим, что они достигают и до этого, – а нам нужно доказать нечто большее. Чем же мы докажем это? Тем же опять сердцем и словами законодателя (Моисея). Что же говорил тот? "**прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал**" (Исх.32:32). Ни один отец, которому можно наслаждаться бесчисленными благами, не пожелал бы подвергнуться наказанию вместе с детьми; но апостол, как живший под благодатью, и такую любовь еще усиливает ради Христа. Он желал не вместе с другими подвергнуться наказанию, как тот, но молился о своей погибели ради того, чтобы другим удалось спастись, говоря: "**я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти**" (Рим.9:3). Таково благосердие и сострадание в душах святых! Поэтому и св. Вавила более и более терзался в сердце, видя, что царь идет далее и далее к погибели. И что делал он, делал не только страдая за храм, но и по чувству любви к царю, потому что кто наносит оскорбление служению Божию, тот нисколько не вредит ему, а на себя навлекает бесчисленные бедствия.

11. Посему этот чадолюбивый отец, видя, что наглец в ярости стремится в пропасть, старался удержать его безумное стремление, как какого-нибудь необузданного коня, поспешая укоризной оттолкнуть его назад. Но тот несчастный не допустил этого; а, закусив удила и сопротивляясь, предавшись гневу и бешенству вместо правых помыслов, бросился в бездну крайней погибели; выведя святого из темницы, он приказал отвести его связанным на смерть. Действительно совершавшееся было противоположно тому, что было видимо. Связанный разрешался разом от всех уз и железных и тех, которые еще крепче, т. е. от забот и трудов, и от всего прочего, окружающего нас в этой тленной жизни; а тот, кто казался свободным от железа и стали, облагался другими более тяжелыми узами, связываемый цепями грехов. Итак, готовясь быть убитым, блаженный

завещал, чтобы тело его погребено было вместе с железными оковами, указывая, что и кажущееся позорным, когда оно ради Христа, бывает почтенно и славно, и что испытывающему это не только не нужно скрываться, но нужно еще хвалиться этим. И в этом он подражал блаженному Павлу, который со всех сторон показывал свои язвы, узы, цепь, хвалясь и величаясь тем, чего другие стыдились. А что стыдились, это сам он сделал ясным для нас своей защитительной речью перед Агриппой. Когда тот сказал: "**ты немного не убеждаешь меня сделаться христианином**", то Павел отвечал: "**молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все,** стоящие вокруг[3]**, сделались** христианами[4]**, кроме этих уз**" (Деян.26:28-29); этого он не прибавил бы, если бы вещь эта не казалась для многих позорной. А святые, любя Владыку, с великим усердием принимали страдания за Владыку и становились от них более радостными. Так один говорит: "**радуюсь в страданиях моих**" (Кол.1:24); а Лука говорит это же самое о прочем хоре апостолов: после многих бичеваний они ушли, говорит, "**радуясь, что за имя** Христово **удостоились принять бесчестие**" (Деян.5:41). Итак, чтобы кто-нибудь из неверных не подумал, будто его подвиги были следствием необходимости и унижения, он велит погребсти с телом и самые знаки этих подвигов, выражая, что они ему весьма приятны и любезны, по сильной привязанности его к любви Христовой. И теперь лежат эти узы вместе с его прахом, внушая всем предстоятелям церквей, что хотя бы надлежало быть связанными, или быть убитыми, или потерпеть что бы то ни было, все они должны переносить охотно и с великим удовольствием, дабы не предать и не постыдить вверенной нам власти ни в малейшей части. Так блистательно кончил жизнь свою этот блаженный! Может быть кто подумает, что здесь и мы окончим слово, – потому что по окончании жизни не бывает поводов к подвигам и мужеству, подобно тому, как невозможно сплетать венки борцам, когда кончились состязания. Но так думать естественно язычникам, которые надежду свою ограничили настоящей жизнью; а мы, для которых здешняя смерть бывает началом другой радостнейшей жизни, далеки от такого мнения и предположения. И что – справедливо, мы яснее докажем в другом слове; пока же и деяния, совершенные доблестным Вавилой после смерти, достаточны для того, чтобы дать много веры нашему слову. После того, как он до смерти подвизался за истину, и до крови противоборствовал греху, и чтобы не оставить места, которое назначил ему великий Царь, отдал свою душу, и умер блистательнее всякого героя, его приняло небо, а тело, которое послужило ему в борьбе, приняла земля, и таким образом тварь разделила подвижника. Он мог бы быть преложен, подобно Еноху, или восхищен, подобно Илии, которым он подражал; но Бог, человеколюбивый и дающий нам бесчисленные случаи ко спасению, вместе с прочими путями проложил нам и этот, достаточно призывающий нас к добродетели, оставив пока у нас мощи святых. И подлинно, после силы слова второе место занимают гробы святых в деле возбуждения взирающих на них душ к такой же ревности; и когда кто предстанет где-нибудь пред такой гробницей, он тотчас начинает ясно чувствовать ее действие. Вид гробницы, проникая в душу, и поражает ее, и возбуждает, и приводит в такое состояние, как будто сам лежащий в ней молится вместе, стоит перед нами и мы видим его; и таким образом человек, испытывающий это, исполняется великой ревности и уходит отсюда, сделавшись иным человеком. Всякий может убедиться, что представление об умерших возбуждается в душах живых самыми местами (их погребения), если приведет себе на память людей плачущих, которые, как скоро приблизятся к гробницам умерших, то как будто видя стоящими вместо гроба самих лежащих в гробе, тотчас от входа начинают призывать их. А многие из одержимых невыносимой печалью поселялись навсегда при гробах умерших, чего они, конечно, не делали бы, если бы не получали некоторого утешения из созерцания самых мест. Но что я говорю о месте и гробе? Часто один взгляд на одежду умерших и одно слово их, пришедшее на ум, возбуждает душу и восстановляет слабеющую о них память. Поэтому Бог и оставил нам мощи святых.

12. А что я теперь вовсе не хвастая говорю это, но сделал это для нашей пользы, в этом достаточно удостоверяют как чудеса, каждодневно совершаемые мучениками, так и множество стекающихся к ним людей, не менее же того и доблестные дела этого блаженного, совершенные по смерти. После того, как он был погребен, как сам завещал, и прошло уже много времени после его погребения, так что в гробе остались только кости и прах, одному из последующих царей угодно было перенесть гробницу в это предместие – Дафну; угодно было потому, что Бог подвигнул к тому душу царя. Он, видя, что это место попало во власть распутных юношей и находится в опасности сделаться недоступным для более почтенных и желающих жить скромно, пожалел о бедственном его состоянии и послал ему защитника от оскорблений. Бог сделал это место прекрасным и привлекательным и по обилию вод, и по красоте, и по свойству земли, и по благорастворению воздуха, для того, чтобы мы не только отдыхали здесь, но чтобы и прославляли за это превосходного Художника; а враг нашего спасения, который всегда коварно обращает дары Божии во зло, наперед заняв это место толпой развратных юношей и жилищами демонов, разгласил о нем и некоторую постыдную басню, так что через нее приятное предместие было посвящено демону. А басня была следующая.

Дафна, говорят, была девица, дочь реки Ладона; представлять же реки рождающими и превращать существа рождающиеся в бесчувственные вещи и выдумывать много подобных небылиц всегда свойственно заблуждающимся. Эту-то благообразную девицу, говорят, увидел некогда Аполлон, и увидевши, почувствовал страсть к ней и в страсти погнался за ней, чтобы схватить, а она побежала и, добежав до этого предместия, остановилась; мать защитила ее от такого оскорбления, отверзла тотчас свои объятия и приняла девицу, а вместо нее произвела соименное ей растение; необдуманный любовник, потеряв предмет любви, стал обнимать дерево, присвоил себе и растение и место, сидел потом постоянно в этой местности и полюбил его и пристрастился к нему более всех мест на земле; а потом тогдашний царь повелел построить для него храм и жертвенник, чтобы демон мог утешать этим местом свое неистовство. Это – басня; но вред, происходивший от басни, уже не был басней. Так как развратные юноши раньше уже, как я сказал, осквернили красоту предместия, проводя там время в пирушках и попойках, то, желая усилить такое зло, диавол и басню эту выдумал и демона поселил, чтобы такая повесть еще более разжигала их распутство и нечестие. Для уничтожения таких зол наш царь нашел самое мудрое средство – переселить святого и послать к больным врача. Если бы повелением и властью царской был загражден путь в предместие жителям города, это показалось бы делом насилия, или – лучше – жестокости и великой грубости; а если бы прибавлено было, чтобы приходили сюда люди более скромные и воздержные, а невоздержных и распутных не пускали бы, то это повеление было бы невыполнимо, так как нужно было бы ежедневно производить суд, разбирая жизнь каждого; присутствие же блаженного оказалось единственным превосходным выходом из этих затруднений; (царь считал) мученика достаточно сильным для того, чтобы и разрушить силу диавола, и исправить развратность юношей, – и не обманулся в надежде. Как скоро кто приходит в Дафну и в преддверии предместия видит храм мученика, тотчас становится сдержаннее, подобно какому-нибудь юноше, увидевшему на пирушке наставника, стоящего подле и взглядом приказывающего с надлежащим благочинием и пить, и есть, и говорить, и смеяться, остерегаясь, чтобы, преступив меру, не посрамить своей чести; а сделавшись более благоговейным от этого созерцания, и представляя себе блаженного, он тотчас поспешает к гробнице, и придя туда, проникается еще большим страхом и, отвергнув всякое легкомыслие. окрыляется, и таким образом уходит. Тех, которые идут из города, мученик, встречая на пути, посылает с таким целомудрием отдохнуть в Дафне, только что не восклицая к ним такими словами: "**радуйтесь Господу с трепетом**" (Пс.2:11), и прилагая апостольское слово: "**итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию**" (1Кор.10:31). А тех, которые по принятии пищи возвращаются в

город, если им случится по рассеянности сбросить с себя узду и впасть в опьянение или неуместное невоздержание, он, приняв опять в свое пристанище нетрезвыми, не отпускает уходить домой с вредом от опьянения, но, вразумив страхом, возвращает их в то состояние трезвости, какое они соблюдали прежде, чем впали в опьянение. Подлинно, как бы легкий ветерок какой веет отовсюду на присутствующих в храме мученика, ветерок не чувственный и укрепляющий тело, но могущий проникать в самую душу, благоустрояющий ее во всех отношениях и свергающий с нее всякое земное бремя; он оживляет ее, обремененную и падающую, и делает более легкой.

13. Красота Дафны привлекает к себе и более ленивых; а мученик, как бы сидя на ловитве и подстерегая входящих, удерживает их некоторое время, и, приведя их сперва в порядок, отпускает так, что они после уже не распутно, а честно пользуются любимым местом. Так как одни из людей по нерадению, а другие по житейским заботам не хотят приходить к гробам мучеников, то Бог устроил, чтобы они были уловляемы таким способом и получали душевное врачевание; и бывает подобное тому, как если бы кто-нибудь больного, не принимающего полезных лекарств, перехитрил, примешав к лекарству какую-нибудь сласть. Таким образом с течением времени врачуемые приходят в такое состояние, что уже не одно только удовольствие, но и любовь к святому для многих делается побуждением к путешествию в это предместие; или – лучше сказать – более скромные приходят сюда только по одному этому побуждению, менее их скромные по тому и другому, а еще более этих несовершенные приходят только для одного удовольствия; но когда они придут, то призвавший их и угостивший своими благами мученик, хорошо вооружив их, не допускает им чувствовать ничего худого. И совершаемое здесь вразумление людей рассеянных и беспечных и как бы изъятие их из среды неистовства одинаково удивительно, как если бы кто-либо, попав в печь, не потерпел от огня ничего. Когда молодость и безрассудная смелость, вино и пресыщение сильнее пламени охватывают мысли, тогда роса от блаженного, нисходя через взоры в душу взирающих, погашает пламя, останавливает пожар и орошает ум великим благоговением. Так блаженный сокрушил насилие распутства; а как он угасил силу демона? Этим самым он прежде всего сделал бездейственным и его присутствие и вред от басни, а потом изгнал и самого демона. Но прежде, чем говорить о способе изгнания, прошу вас заметить то, что он не тотчас по прибытии своем изгнал его, а остававшегося его сделал недействующим, заградил ему уста и показал его безгласнее камней; преодолеть же его остававшегося было делом не менее важным, чем и изгнать его. Тот, кто всех повсюду обольщал прежде, не смел взглянуть и на прах блаженного Вавилы; такова сила святых: при жизни их не выносят ни теней их, ни одежд, а по смерти трепещут и гробниц! И если кто не верит делам, совершенным апостолами, тот, видя настоящее, пусть отстанет от своего бесстыдства. Тот, кто искони побеждал все у язычников, получив запрещение от мученика, как от владыки, прекратил свой лай и не издавал ни звука. Сперва, конечно, казалось, что он делает это потому, что не стал получать жертв и прочего служения. Таково именно свойство демонов, что, когда служат им смрадом жертв, дымом и кровью, то они приходят лакать, как кровожадные и прожорливые псы; а когда никто не доставляет им этого, то они как бы погибают каким-то голодом. Когда совершаются жертвоприношения и постыдные посвящения в таинства, – а таинства их суть не что иное, как непристойные любовные связи, деторастления, нарушения браков, разрушения семейств, не говорю уже на сей раз о преступных способах убийства и более убийств беззаконных вечерях, – когда совершается это, тогда они присутствуют и веселятся, хотя бы совершающие это были злодеи, или обманщики, или язва (сама); а лучше – другие никто и не совершают этого служения. Человек благоразумный, кроткий и честный не станет терпеть бесчинства и пьянства, и не будет ни сам говорить срамных слов, ни слушать какого-нибудь другого такого бесстыдника. В самом деле, если бы диавол заботился о человеческой добродетели и хотя мало внимания

обращал на благоденствие прилепляющихся к нему, то, конечно, не искал бы ничего, кроме хорошей жизни и чистоты нравов, и оставил бы все постыдные пиршества; но так как для демонов нет ничего дороже погибели человеческой, то и понятно, что они и услаждаются, и почитаются тем, что обыкновенно извращает нашу жизнь и истребляет все доброе с самого основания.

14. Итак сначала казалось, что и этот (демон) потому же молчит, но впоследствии был он обличен, что связан был крепкой необходимостью. Сильный страх, напавший на него, как бы какая узда, препятствовал ему употреблять против людей обычное обольщение. Откуда это известно? Не смущайтесь; я приступаю к самому доказательству, после которого и привыкшим к бесстыдству невозможно будет с тем же бесстыдством отвергать ни древних чудес, ни силы мученика, ни слабости демона. Я не имею нужды объяснять это какими-нибудь предположениями и вероятными доводами, но представлю свидетельство об этом самого демона. Он сам нанес вам смертельный удар и пресек всю вашу дерзость в речах. Но не гневайтесь на него; не добровольно разрушил он свои дела, но сделал это вынужденный высшей силой. Как же это было и каким образом? Когда умер царь, перенесший мученика, тогда преемником этой власти объявил брата его тот, кто и первому прежде дал эту честь; впрочем и этот получает царскую власть без диадемы, потому что такая же степень власти принадлежала и умершему брату. Будучи же обманщиком и нечестивцем, он[5] сначала притворялся мыслящим по-христиански ради давшего ему власть; а когда этот окончил жизнь, то, сбросив наконец маску, он с открытой головой объявил и всем сделал известным суеверие, которого он тайно держался издавна, и послал по всей вселенной повеления возобновлять храмы идолов, восстановлять жертвенники, воздавать старинные почести демонам и доставлять им большие доходы из многих мест. Поэтому волхвы, колдуны, гадатели, наблюдатели полета птиц и ежемесячных перемен и производители всякого волшебства стеклись отовсюду с вселенной, и можно было видеть царские чертоги наполненными людьми бесчестными и беглыми. И давно томившиеся голодом, и те которые были пойманы в приготовлении ядов и в злодеяниях, и жившие в темницах, и работавшие в рудниках, и другие, которые едва могли жить постыдными промыслами, вдруг оказавшись жрецами и иерофантами, были в большой чести. Царь удалял и ни во что ставил военачальников и правителей, а мужчин развратных и женщин блудных, выведши из домов, где они прежде жили, водил с собой по всему городу и переулкам. Конь императорский и все оруженосцы следовали позади на большом расстоянии; а содержатели блудниц и сводницы, и весь хоровод развратников, окружив царя, находившегося среди их, ходили по торжищу, произнося такие слова и так смеясь, как свойственно людям этого ремесла. Знаем, что потомкам нашим покажется это невероятным по чрезмерности и неуместности: ведь и частный человек из людей, ведущих низкую и постыдную жизнь, не захотел бы так бесчинствовать публично. Но тем, которые еще живут, мне ничего не нужно говорить; они присутствовали и видели эти события, они же и слушают теперь этот рассказ. Я потому и описываю это пред живыми свидетелями, чтобы кто не подумал, что я лгу с великой смелостью, рассказывая о древнем перед невидавшими того. Из видевших это еще находятся в живых и старики и юноши; их всех я прошу, если что-нибудь прибавлено мной, подойти и обличить меня. Но не в прибавках они могут обличить меня, а только в пропусках, потому что невозможно представить словом всю чрезмерность его безобразия. Тем же, которые после этого не будут верить, я сказал бы, что ваш демон, которого вы называете Афродитой, не стыдитея иметь таких служителей; нисколько поэтому не удивительно, что и этот несчастный, однажды предав себя на посмеяние демонам, не скрывал того, чем хвалятся почитаемые им боги. А что сказать о вызывании мертвых и убиении детей? Эти жертвы, которые дерзали приносить прежде пришествия Христова, а после Его явления прекратились, (язычники) опять возымели дерзость приносить,

впрочем не явно, так как, хотя он был и царь и все делал своей властью, но чрезмерная преступность этих действий превышала и величие его власти; дерзали однако и на это.

15. Этот царь, постоянно ходивший в Дафну с множеством даров и множеством жертв и проливавший потоки крови от убиения животных, сильно налегал на демона, требуя предсказания и прося высказать, что у него на уме. Но тот мудрец. который. как говорят, знает число песка и объемы моря, понимает немого и слышит не говорящего, уклонился сказать прямо и открыто (на том основании), что он не мог говорить, так как уста его заграждены святым Вавилой и исходящей от соседей силой; боясь сделаться смешным у своих почитателей, но желая прикрыть свое поражение, он высказал такой предлог молчания, который более самого молчания сделал его смешным. Тем он обнаружил бы только свою слабость, а теперь показал и слабость, и гнусность, и бесстыдство, стараясь затемнить незатемняемое. Какой же это предлог? Место Дафна, сказал он. наполнено мертвыми, и это препятствует предсказанию. Насколько лучше было бы, о, несчастный, исповедать силу мученика, нежели отговариваться так бесстыдно? Так поступил демон; а безрассудный царь, как бы забавляясь на сцене и разыгрывая представление, тотчас устремился на блаженного Вавилу. Но, гнусные и прегнусные, не обманывали ли вы намеренно друг друга и не притворствовали ли на погибель остальным? Для чего ты (демон) безымянно и неопределенно говоришь о мертвых, а ты (император), как бы выслушав определенное указание по имени, оставив прочих, беспокоишь одного только святого? По изречению демона следовало вырыть все гробы, находящиеся в Дафне, и отправить как можно дальше от взора богов это страшилище. – "Но он говорил не о всех мертвых". – Так почему же не высказал этого прямо? Вероятно тебе, разыгрывающему обманчивое представление, он задал эту загадку. Я, сказал он, говорю о мертвых, чтобы не стало очевидным мое поражение, и кроме того я боюсь назвать святого по имени; а ты понимай сказанное, и вместо всех подвинь мученика, потому что он заградил нам уста. Он знал, что безумие почитателей его так велико, что они не могли понять и столь явного обмана; если бы все пришли в исступление, если бы сошли с ума, и в таком случае не осталось бы непонятым это поражение: так оно ясно и очевидно для всех! Если мертвые тела людей, как говоришь ты, какая-то скверна и мерзость, то тем более трупы животных, насколько этот род презреннее рода человеческого; а близ храма зарыты были кости многих и собак, и обезьян, и ослов; их больше нужно было перенести, если только ты не считаешь людей более обезьян презренными. Где ныне те, которые оскорбляют прекрасное создание Божие – солнце, сотворенное для служения нам, приписывая это светило демону и даже называя его демоном? Солнце разливает свой свет по вселенной, хотя бесчисленные мертвецы лежат в земле, и нигде не скрывает ни лучей своих, ни силы их по причине осквернений; а ваш бог не отвращается и не ненавидит срамной жизни, волхвований и убийств, напротив и любит их, и радуется, и благоволит о них, от наших же тел отвращается, между тем как всякий вид зла самим совершающим его кажется достойным бесконечного осуждения, а тело мертвое и неподвижное не подлежит никакой укоризне и вине. Но таково настроение ваших демонов, что они гнушаются тем, что не гнусно, а почитают и одобряют то, что достойно всякой ненависти и отвращения. Человек добрый не встретит препятствия от мертвого тела ни захотеть чего-нибудь полезного, ни сделать что-нибудь должное, но если он здрав душой, то, живя и у самых гробов, окажет и целомудрие, и справедливость, и всякую добродетель. И всякий художник беспрепятственно сделает все, что относится к его искусству, и предложит нуждающимся в нем, не только сидя близ мертвых, но даже если бы ему нужно было сооружать самые гробницы для умерших; также и живописец, и каменщик, и плотник, и медник, и все исполняют свои дела; один только из всех Аполлон говорит, что мертвые препятствуют ему провидеть будущее. И у нас были мужи великие и дивные, и предсказывали о будущем за четыреста и за тысячи лет и, предсказывая, ничего этого ни требовали, не порицали, не приказывали разрывать гробы мертвых и выбрасывать лежащих, не

выдумывали странного и бесстыдного способа раскапывания гробниц; но одни из них, живя среди народов безбожных и нечестивых, а другие находясь среди варваров, где совершалось все, поистине достойное отвращения и омерзения, истинно предсказывали все, и нечистота других нисколько не препятствовала им в предсказании. Почему же это? Потому, что они, если что говорили, говорили по действию истинно божественной силы; а демон, как непричастный этому действию и лишенный его, не мог ничего предсказать; но чтобы не показаться беспомощным, он по необходимости представляет только вероятные, хотя и смешные предлоги. В самом деле, скажи мне, почему он в прежнее время никогда не говорил и не возглашал чего-либо подобного? Потому, что тогда он имел предлог в том, что его не почитают; а когда у него было отнято оправдание, то он прибег к мертвым, опасаясь, чтобы не потерпеть чего-нибудь. Он не хотел быть посрамленным, но вы принудили его к тому, многим служением отняв у него оправдание и не оставив ему возможности укрываться недостатком жертв.

16. Услышав это, лицемер (Юлиан) повелел унести гробницу, чтобы поражение сделалось явным и известным для всех. Если бы тот сказал: по причине святого не могу я говорить, но ничего не трогайте и не тревожьте более, – то это было бы известно одним только его приверженцам, которые постыдились бы передать это другим; а теперь, как бы стараясь разгласить свою слабость, он заставил сделать все то, после чего и желающему невозможно было прикрыть происшедшего. Невозможно уже было поддержать обман, потому что никто из остальных мертвецов, а только один мученик был перенесен оттуда. И не только жители этого города, предместия и селений, но и вдали от этих мест находящиеся, не видя стоящей гробницы и потом спрашивая о причине, тотчас узнавали, что демон, упрашиваемый царем дать предсказание, отвечал, что он не может сделать этого, пока кто-нибудь не удалит от него блаженного Вавилу. Между тем ты, достойный посмеяния, мог бы прибегнуть и к другим уловкам, какие ты часто делаешь, всегда изобретая множество хитростей в затруднительных случаях: так, лидийцу (Крезу) ты сказал, что он, перешедши реку Алис, разрушит великое государство – и показал его на костре; и накануне Саламина ты употребил ту же самую хитрость, и сделал смешное прибавление, потому что изречение: погубишь ты детей жен, было подобно изречению для лидийца; а прибавление: или при посеве Димитры или при сборе ее – весьма смешно и похоже иа то, что говорят шуты на перекрестках. Но ты не захотел этого. Можно было и прикрыть слово неясностью, потому что и это всегда свойственно твоему искусству; но опять стали бы настаивать все, не понявши и требуя разрешения. Также можно было тебе прибегнуть к звездам; и это ведь часто ты делаешь и не стыдишься и не краснеешь, так как речь у тебя не к мужам, обладающим умом, но к скотам и даже безумнейшим скотов; они были не мудрее эллинов, слушавших подобные изречения и не удалившихся от обмана. – "Но они поняли бы ложь". – В таком случае следовало сказать правду одному только жрецу, а он лучше тебя сумел бы прикрыть поражение; а теперь кто убедил тебя, несчастный, ввергнуть себя в столь явное бесстыдство? Но, может быть, ты нисколько не виноват, а царь худо перетолковал, так как, выслушав о мертвых неопределенно, устремился на одного только святого. Да, он обличил тебя и обнаружил обман, но конечно не намеренно, так как невозможно было, чтобы один и тот же и почтил такими жертвами, и с другой стороны оскорбил того же самого. Нет, всех вас вместе помрачила сила мученика и не допустила разуметь происходящее; и хотя все делалось как будто против христиан, но посмеяние обратилось не на терпящих насмешки, а на самих насмешников. Как сумасшедшие всегда представляют себе, что они мстят ближним, нанося удары стенам и угрожая присутствующим возможными и невозможными бедствиями, но срамят своими действиями не их, а самих себя, – так точно было и тогда. Гробница была влекома по всему пути, и мученик, как атлет какой, возвращался со вторым венцом в свой город, в котором он был увенчан и первым. Таким образом, если кто не допускает воскресения (мертвых), то пусть наконец устыдится, взирая на блистательные дела этого мученика

после его кончины. Он, как бы какой герой, присоединял трофеи к трофеям, к великим большие и к удивительным удивительнейшие. В самом деле, тогда он боролся с одним только царем, а теперь и с царем и с демоном; тогда он от священной ограды отогнал властителя, а теперь от всей местности Дафны отвел губителя, не рукой действуя, как прежде, но невидимой силой побеждая невидимую. При жизни его человекоубийца не вынес его дерзновения, а по смерти не стерпел его праха ни царь, нп демон, побуждавший царя сделать это. А что он поразил большим страхом этих последних, нежели первого, видно из следующего: тот, взяв его, связал и убил, а эти только перенесли (его тело). Почему ни тот не повелел, ни этот не захотел потопить гробницу? Почему не сокрушил ее и не сжег? Почему не приказал отнести ее в пустыню и необитаемое место? Если это была мерзость и скверна и если по отвращению, а не по страху, он двинул ее оттуда, то не в город следовало вносить эту мерзость, а удалить в горы и леса.

17. Но этот несчастный не хуже самого Аполлона знал силу блаженного и дерзновение его перед Богом, и боялся, чтобы, сделав это, не навлечь на себя молнии или какого-нибудь другого бедствия. Он имел много доказательств силы Христовой, явленной как на царствовавших прежде него, так и на управлявших тогда вместе с ним его государством. Из царствовавших прежде те, которые дерзали на подобное, после многих невыносимых несчастий оканчивали жизнь постыдно и жалко; так, например, у одного еще при жизни сами собою выскочили зрачки глаз, – это был Максимин; другой сошел с ума; третий подвергся иному подобному несчастью, и таким образом скончался. А из живших тогда с ним дядя его по отцу, который более легкомысленно неистовствовал против нас и дерзнул коснуться священных сосудов нечистыми руками, и, не довольствуясь и этим, зашел в поругании еще далее (он именно, переворотив их, поставив на полу и разложив, сел так на них), – тотчас подвергся наказанию за это преступное сидение. В загнивших срамных членах его зародились черви – и так, что явно было, что эта болезнь была ниспослана от Бога; врачи, закалая жирных и иностранных птиц и прикладывая их к зараженным членам, вызывали червей; но черви не уходили, а упорно держались в загнивших членах, и таким образом, истощая его в течение многих дней, жестоко погубили. А другой некто, поставленный хранителем царских сокровищ, прежде чем переступил порог царских чертогов, внезапно лопнул по средине, потерпев наказание за какое-то другое подобное преступление. Все это и большее того (перечислять же все теперь не время) представляя в уме своем, нечестивец боялся простирать дерзость свою далее. А что я говорю это теперь не от себя самого, очевидно будет для нас из того, что было совершено им после этого; но пока мы будем держаться порядка событий.

Что же было вслед за тем? Это – удивительное дело, показывающее не только силу, но и неизреченное человеколюбие Божие. Святый мученик находился внутри священной ограды, в которой он был и прежде, нежели придти в Дафну, а лукавый демон тотчас понял, что он тщетно изобретал обольщения и что вел борьбу не с мертвым, а с живым и действующим, с тем, кто сильнее не только его, но и всех демонов (мучеником). Умолив Бога ниспослать огонь на капище, вместе сжег всю кровлю, и истребив идола до конца ног и показав, что он пепел и прах, стены все оставил стоять в целости. И если бы кто теперь пришел к тому месту, то не сказал бы, что это происшествие было делом огня; пожар был не беспорядочный и происходил точно и не от бездушного вещества, но как будто какая-нибудь рука водила огонь и указывала, что следовало пощадить, и что истребить, – так стройно и искусно раскрыто было капище, и стало оно подобным не просто сожженным зданиям, но таким, которых ограды в надлежащем виде, а не достает одной только кровли. Все прочее, и колонны, как поддерживающие кровлю, так и преддверие, все устояли, кроме одной в задней части здания; но и эта не просто была предана тогда разрушению, но по причине, о которой мы скажем после. Когда же это случилось, тотчас ведут жреца этого демона в судилище и заставляют назвать виновника; но так как он не мог, то,

подвергнув его пыткам, нанесли ему много ударов; а потом, подняв его на воздух, скоблили ему бока, но не узнали ничего более, а произошло подобное бывшему при воскресении Христовом. И тогда были поставлены воины стеречь тело Иисусово, чтобы, как говорили, ученикам не удалось совершить покражу; но дело вышло так, что не осталось даже и бесстыдной отговорки у желающих повредить вере в воскресение. И здесь жрец был привлечен, чтобы он засвидетельствовал, что происшествие было делом не гнева Божия, а злоумышления человеческого; но, среди пыток и мучений не могши выдать никого, он засвидетельствовал, что огонь был послан от Бога, так что и желающим быть бесстыдными не осталось уже никакого основания. Но теперь благовременно сказать то, что я хотел сейчас пред этим сказать, но отложил. Что же именно? То, что мученик страхом поразил душу царя, так что он не смел простираться далее. Наверное жреца, которому прежде оказывал такую честь, он не подверг бы за кровлю таким страданиям и не растерзал бы хуже кровожадного зверя, – а он, пожалуй, и поел бы плоти его, если бы только это не казалось гнусным для всех, – святого же, заградившего самые уста демона, опять не перенес бы в город, чтобы он был в большей чести. Если уже не прежде, когда демон признался в своем поражении, то после пожара он все ниспроверг бы и истребил, сожег бы и гробницу и оба храма мученика, как находящийся в Дафне, так и находящийся в городе, если бы страх не был больше гнева, и ужас не превышал досады. Ведь большинству людей свойственно, когда завладеет ими гнев и печаль, и если не схватят они виновников страданий, изливать гнев просто на попадающихся и подозрительных. А мученик не был далеко от этого подозрения, потому что вместе с тем как он прибыл в город, и огонь сошел на капище. Но, как я сказал, страсть боролась со страстью и боязнь превышала гнев. Представь, в каком состоянии был этот добряк, войдя в предместие, и видя храм мученика стоящим, а капище сожженным, и идола уничтоженным, и жертвы истребленными и всякую память о его собственной щедрости и сатанинской пышности изглаженной. Наверное, если бы при виде этого и не объял его ни гнев, ни досада, он все-таки не перенес бы стыда и великого посмеяния, но простер бы беззаконные руки и на храм блаженного мученика, если бы то, о чем я сказал, не удерживало его. Подлинно, событие было не маловажное, но пресекло всю дерзость язычников, угасило всю радость их и навело на них такой мрак уныния, как будто погибли все капища.

18. А что я не хвастливо говорю это, в доказательство приведу самые слова плача и речи, которую тогда составил городской софист (Ливаний) об этом демоне. Начало плача таково: "мужи, глаза которых, равно как и мои, покрыл мрак, – не станем уже называть этого города ни прекрасным, ни великим". Потом, упомянув и сказав нечто о басне касательно Дафны (предлагать всю речь здесь не время, чтобы не сделать беседы слишком пространной), – он говорит, что некогда царь персидский, взявши город, пощадил капище; вот эти слова: "ведший против нас войско почел за лучшее для себя сохранить храм, и красота статуи одержала верх над яростью варвара; а теперь, о, солнце и земля, кто или откуда этот враг, который и без тяжеловооруженных, и без всадников, и без легких войск, малой искрой истребил все? Затем показывая, что его победил блаженный (Вавила) тогда, когда дела язычников особенно процветали жертвоприношениями и обрядами, говорит: "нашего храма и великий тот потоп не разрушил, а при ясной погоде, когда прошла уже туча, он низвергнут", – называя тучей и потопом время прежнего царя. И опять немного далее оплакивает то же самое еще горестнее, говоря: "потом, когда жертвенники твои жаждали крови, ты, Аполлон, и пренебрегаемый, оставался верным стражем Дафны; а иногда будучи и оскорбляем и лишаем внешнего украшения, ты переносил это; теперь же, после множества овец и множества волов, приняв к ноге своей священные уста царя, увидев того, о ком ты предсказывал, созерцаемый этим предвозвещенным, избавившись от злого соседства одного мертвеца, беспокоившего тебя вблизи, среди самого почитания ты быстро удалился; чем еще мы будем хвалиться перед людьми, помнящими твои священнодействия и статуи? Что говоришь ты, плачевный певец? Подвергаясь бесчестию

и оскорблениям, он оставался непоколебимо стражем Дафны; а принимая почести и служение, не имел силы сохранить и собственный храм, и притом зная, что после его падения подвергнется еще большему бесчестию, чем прежде? Кто же, софист, мертвец-то, беспокоивший твоего бога? Какое это злое соседство? Здесь он, дойдя до подвигов блаженного Вавилы и не имея возможности умолчать о своем посрамлении, закрылся просто и пробежал мимо. Что демон испытывал беспокойство и стеснение от мученика, сказал, но не прибавил того, как демон, стараясь прикрыть свое поражение, еще более обнаружил его, – потому и говорит просто: "избавившись от злого соседства". Почему же ты, пустослов, не говоришь о мертвеце, кто он был, почему он один беспокоил твоего бога и почему он один был перенесен? И почему, скажи мне, ты называешь его злым соседством? Не потому ли, что он обличил обман демона? Но это дело не какого-нибудь злого соседства, равно как и не мертвого, но живого, действующего, доброго, покровительствующего, заботящегося и принимающего все меры к вашему спасению, если бы только вы захотели. И дабы вам больше невозможно было обольщать самих себя и говорить, будто демон, гневаясь и жалуясь на недостаток жертв и оставаясь недоволен прочим служением, удалился добровольно, для того мученик и прогнал его со всего этого места, которое больше всех было любезно ему и которое он так предпочитал остальным, что и подвергаясь бесчестию сидел в нем. Ты сам предупредил об этом, сказав: "и в такое время, когда множество овец и множество волов закалал ему царь", – так что со всех сторон становится ясно, что Дафну он оставил, вынужденный и гонимый большей силой. Можно было прогнать его, и оставив идола в целости, но вы не поверили бы, как не верили и прежде, когда он был связан мучеником, упорно продолжая служить. Посему св. мученик, оставив прежде идола стоять, тогда низверг его, когда пламя нечестия высоко поднялось, показывая этим, что победителю нужно так побеждать, не усмиренных преодолевая врагов, но надмевающихся и ликующих. Почему сам он не повелел тогда царю, вводившему его в Дафну, разрушить капище и перенести идола, как перенесли его гробницу? Потому, что он не терпел вреда от него, не имел и нужды в телесной помощи, но и тогда и теперь низверг его без руки человеческой. Первой победы своей он и не открыл нам, но только заградил (Аполлону) уста, и успокоился. Таковы святые: они желают только исполнить нужное для спасения людей, а не объявлять еще о себе народу, что это – их подвиги, разве когда заставит какая-нибудь необходимость; необходимостью же я опять называю попечение о спасаемых, как и было тогда. Так как зло обольщения усиливалось, то наконец открывается нам и победа, но открывается не победителем, а самим побежденным. Так это свидетельство стало несомненным и для врагов, когда святой и при наставшей необходимости уклонялся говорить о самом себе; а так как заблуждение и таким образом не прекращалось, но бесчувственнейшие камней еще продолжали упорно призывать побежденного и оставались слепыми к столь явной истине, то по необходимости ниспослан был огонь на идола, чтобы через этот пожар погасить другой пожар – идолослужения.

19. Итак, для чего ты упрекаешь демона, говоря: "среди самого почитания ты быстро удалился?" Не добровольно он удалился, но прогнан и извержен против воли и по принуждению тогда, когда особенно хотел оставаться и ради дыма и ради жертв. Действительно, тогдашний властитель, как будто для того и царствовавший, чтобы истребить животных всей вселенной, так нещадно закалал овец и волов при жертвенниках и дошел до такого неистовства, что многие и из почитаемых у них философами называли его поваром, мясником и тому подобными названиями. От столь обильной трапезы, и смрада жертв, и дыма, и потоков крови не удалился бы добровольно демон, который и без этого, как говоришь ты, оставался там по безумной страсти к возлюбленной. Впрочем, остановив пока наше слово, послушаем затем плача софиста. Оставив Аполлона, к Зевсу обращается он опять с воплями, говоря: "какого, о, Зевс, лишились мы пристанища для страждущей души; как свободна от шума местность Дафна, а еще свободнее – храм, как

бы пристань в пристани, устроенная самой природой; оба они свободны от треволнений, но еще больше спокойствия доставляет второй; кто не избавлялся там от болезни, кто – от страха, кто – от скорби, кто пожелал бы островов блаженных?" Какого же пристанища лишились мы, нечестивый? Более ли свободно от шума это капище и какая неволнуемая пристань там, где флейты, тимпаны, бесчинства, пирушки и попойки? Кто не избавлялся там, говорит он, от болезни? Но кто из приверженных к тебе не получал там болезни, хотя прежде был и здоров, и притом болезни самой тяжелой из всех? Кто покланяется демону и слушает басню о Дафне и видит такое неистовство бога, что он и по исчезновении его возлюбленной еще сидит на том месте и при том же дереве, тот какого не получит отсюда пламени неистовства, какой бури, какого смятения, какой болезни, какой страсти? Это ли называешь ты пристанищем души и неволнуемой пристанью? Это ли – избавлением от болезней? И удивительно ли, что ты прилагаешь противоречия к противоречиям? Ведь находящиеся в исступлении не понимают свойства ни одного из предметов, как он есть, но произносят суждения противоположные действительности. "Олимпийские игры не очень далеко", – я опять перейду к его плачу, дабы показать, какой удар получили тогда все язычники, живущие в городе, и как царь не перенес бы этого с кротостью, но излил бы весь гнев свой на гробницу мученика, если бы не удерживал его более сильный страх. Что же говорит тот? "Олимпийския игры не очень далеко; созовет этот праздник города, которые придут, приводя волов в жертву Аполлону. Что же мы будем делать? Куда скроемся? Кто из богов разверзет нам землю? Какой глашатай, какая труба не будет вызывать слезы? Кто назовет праздником эти олимпийские игры, когда недавно такое несчастье поразило (нас) горем? Дай мне лук и хлеба на день, говорит трагедия; а я говорю: и немного прозрения, чтобы одним уловить, а другим застрелить сделавшего это. О, нечестивая дерзость! О, нечистая душа! О, наглая рука! Это – какой-нибудь другой Титий, или Идас, брат Линкея, но не великий, как тот, и не стрелок, как этот, а знающий только одно – безумствовать против богов. Сыновей Алоя, только еще замышлявших козни против богов, ты удержал смертью, Аполлон; а этого, издалека несшего огонь, не встретила стрела, попав ему в самое сердце. О, яростная десница! О, несправедливый огонь! Куда он упал прежде всего? Что было началом зла? С кровли ли начав, он перешел на прочее, на голову ту, на лицо, на чашу, на диадему, на одежду, простиравшуюся до пят? Ифест, хранитель огня, не пригрозил истреблявшему огню, хотя должен бы воздать благодарностью этому богу за древнее указание; но и Зевс, управляющий дождями, не послал воды на пламя, хотя он некогда погасил костер для царя лидийцев, находившегося в несчастии. Что прежде всего сказал себе предпринявший эту войну? Откуда такая дерзость? Как он сохранил свое возбуждение? Как не оставил своего намерения, постыдившись красоты бога?" Доколе ты, несчастный и жалкий, не разглядишь сути, называя это делом руки человеческой и подобно сумасшедшим противореча себе и противоборствуя? Если у царя персидского, ведшего огромное войско, взявшего город, сжегшего прочие храмы, державшего в руках факел и уже намеревавшегося поднести его к этому капищу, демон изменил намерение (ведь и это говорил ты в начале плачевной речи, сказав так: "у царя персидского, предка того, что воюет с нами, предательством взявшего город и сжегшего, прибывшего в Дафну, чтобы сделать то же, этот бог изменил намерение, и он, бросив факел, поклонился Аполлону; так он укротил его и изменил своим видом"), – если он преодолел ярость варварскую и такое войско, как говоришь ты, и был в состоянии тогда избегнуть опасности (а ты еще говоришь, что и сыновей Алоя, замышлявших козни против богов, он удержал смертью), – как же он, имевший столько силы, не сделал теперь ничего подобного? Между тем, если ни над кем иным, то над жрецом, мучимым несправедливо, следовало сжалиться и открыть виновника. И если тогда при пожаре убежал он, то, когда тот несчастный висел и терпел скобление боков и допрашиваемый о том, кто сделал, не мог сказать, тогда надлежало представить и выдать виновника, или по крайней мере только указать, если уже не было силы выдать; а теперь он, неблагодарный и нерассудительный, оставляет без внимания своего служителя,

несправедливо терзаемого, оставляет без внимания и царя, подвергающегося посмеянию после столь многих жертв. Подлинно, все смеялись над ним, как над бешеным и сумасшедшим, когда он изливал гнев на того несчастного. Как же тот, который предсказал о прибытии царя, еще бывшего далеко (а и это говорил ты выше в своем плаче), не видал стоявшего близко и сожигавшего его? Вы говорите, что он предсказатель, разделяя другие искусства между другими богами вашими, точно между людьми; этому вы приписали искусство прорицания, и однако ты не просишь его уделить тебе этого искусства. Как же он не узнал собственных несчастий, хотя это не скрылось бы и от человека? Не спал ли он в то время, когда зажигался огонь? Но нет никого столь бесчувственного, чтобы тотчас не встать, когда подносится к нему пламень, и не задержать подносящего. Поистине, эллины всегда дети, а старца у эллинов ни одного. Надлежало бы оплакивать собственное безумие, именно, что и тогда, когда самые дела вопиют об обмане демонов, вы не отстаете, но, предавая самих себя погибели и теряя ваше спасение, стремитесь подобно животным, куда приказывают вам стремиться, и сидите, оплакивая погибель истуканов; а ты еще требуешь лука, нисколько не отличаясь от того, кто говорит это в трагедии. Не ясное ли и очевидное безумие – ожидать какого-нибудь успеха от того оружия, которое имевшему его не принесло никакой пользы? Если же ты сам говоришь, что у тебя больше чем у демона и искусства и опытности, то не следовало почитать его, как менее сведущего и слабейшего в том, в чем вы считаете его сильнее всех. А если ты уступаешь ему первенство и в стрельбе и в предсказывании, то как ты с частью знания надеялся сделать то, чего не смог обладающий целым знанием?

20. Смешно это и вздорно. Не имел он нисколько дара предсказаний и если бы и имел, не получил бы успеха. Не человек, не человек сделал это, но некоторая божественная сила. Причину я скажу после; а пока неизлишне узнать, за что он обвиняет Ифеста в неблагодарности, такими словами: "Ифест, хранитель огня, не пригрозил истреблявшему огню, хотя должен был воздать благодарность этому богу за древнее указание". Какую благодарность? Какое древнее указание? Скажи. Для чего скрываешь ты почтенные деяния богов твоих? Ведь если бы ты и об услуге самой сказал, то еще более показал бы неблагодарность Ифеста. Но ты стыдишься и краснеешь, – так мы смело скажем эа тебя. Какая же это услуга? Говорят, что некогда Арей, влюбившись в Афродиту, но боясь Ифеста (который был ее мужем), подстерег его отсутствие и пришел к ней. Аполлон же, увидев их совокупившимися, пошел к Ифесту и донес о прелюбодеянии, а этот, пришедши и нашедши обоих их на ложе, связал их так, как они были, и призвал богов на постыдное зрелище, и таким образом наказал их за прелюбодеяние. Будучи за это, говорит он, обязан благодарностью, Ифест не воздал благодарности, когда обстоятельства требовали. А что Зевс, прекрасный человек? И его ты также обвиняешь в жестокости. "И Зевс, управляющий дождями, – говоришь ты, – не послал воды на пламя, хотя он некогда погасил костер для царя лидийцев, находившагося в несчастии". Хорошо ты сделал, напомнив нам и о лидийце, так как и его этот нечистый демон обманул, возбудив гордость пустыми надеждами и ввергнув в явную погибель. И если бы Кир не был человеколюбив, то нисколько не помог бы тому царю и Зевс, так что напрасно ты обвиняешь Зевса, будто он предпочел лидийца своему сыну; он и себе-то самому не мог помочь, будучи поражен молнией там, где был почитаем более всех городов, т. е. в городе Ромула. Но выслушаем и остальные слова плача: таким образом мы хорошо узнаем скорбь, которая объяла их души. "Мужи, я влекусь душой к образу бога, и мысль представляет глазам моим его образ, мягкость вида, нежность кожи, и притом в камне, пояс, около груди стягивающий золотую одежду, так что одни части ее скрываются, а другие выставляются. Весь же облик его чьего не укрощал кипучего гнева? Он уподоблялся поющему стройную песнь, а некто и слышал его, как говорят, в полдень играющим на цитре. Счастливые уши! А эта песнь, быть может, была хвалой земле, на которую, кажется мне, он делал и возлияние из золотой чаши за то, что она скрыла девицу, разверзшись и опять сомкнувшись". Потом,

погоревав несколько о пожаре, он говорит: "взывал путник при виде поднимавшегося пламени; смутилась живущая в роще Дафны жрица бога; удары в грудь и пронзительный вопль, сильный и страшный, пройдя по лесистой местности, достигает до города; глаза властителя, только что вкусившие сон, восстали от ложа при горестном слове. Бешено гнал он, требуя крыльев Ермия, сам отправился отыскивать корень зла, пламенея внутри не менее храма; между тем балки с потолка летели вниз, унося с собой огонь, истребляя все, к чему приближались, Аполлона тотчас же, как стоявшего не далеко от кровли, а потом и прочие украшения, статуи бывших там Муз, блестящие камни, красивые колонны. Толпа же стояла вокруг, испуская вопли, но не имея возможности помочь, как случается с теми, которые видят кораблекрушение с земли, от которых помощь – оплакивание случившегося. Великий, конечно, подняли плач вышедшие из источников нимфы, великий (плач) – и Зевс, находящийся вблизи, как и следовало при разрушении знаков почитания его сына, великий (плач) – и толпа бесчисленных демонов. живущих в роще, нисколько не меньший плач подняла среди города Каллиопа, когда распорядитель хора Муз терпел от огня". Затем к концу говорит: "будь же и теперь, Аполлон, таким", каким сделал тебя Хрис, проклинавший ахеян, исполненным гнева и подобным ночи, – потому что, когда мы возвращали тебе украшения н восстановляли все, что было отнято, тогда предвосхищено то, что мы почитали, как будто какой-нибудь жених удалился, когда уже сплетались венки".

21. Таков плач, или – лучше – немногие части этого плача. А во мне рождается удивление, как он думает возвеличить бога тем, чего следовало бы стыдиться, представляя его в полдень играющим на цитре нисколько не лучше невоздержного и развратного юноши, говоря, что предметом песни была возлюбленная, и называя счастливым и уши, внимавшие постыдной песни. Что некоторые из жителей Дафны и соседи их плакали, и начальник города воспламенился и ничего больше плача не сделал, это нисколько не удивительно; а что и сами боги были в такой же беспомощности и только плакали подобно им, и ни Зевс, ни Каллиопа, ни великая толпа демонов, ни самые нимфы не могли ничего сделать с пожаром, а все только поднимали вопли и стоны, – это весьма смешно. Итак, сказанное достаточно доказывает, что они получили великий удар, – потому что среди плачевной речи он прямо признался, что они таким образом поражены были смертельно. Посему царь не перенес бы этого с кротостью, если бы не удерживал его более сильный страх и трепет. Теперь время указать и причину, почему Бог излил гнев свой не на царя, а на демона, и почему огонь истребил не весь храм, но, истребив кровлю, уничтожил вместе и идола. Не просто и не без причины сделалось это, но все совершено Божиим человеколюбием к заблуждающимся. Он, знающий все прежде бытия его, между прочим знал и то, что, если бы молния устремилась на царя, то присутствующие и видевшие удар устрашились бы на время, а по прошествии второго и третьего года и память о событии прошла бы и многие не стали бы верить чуду. А если капище будет захвачено огнем, то оно яснее всякого глашатая не только жившим тогда, но и всем последующим будет возвещать гнев Божий, так что и у желающих быть бесстыдными и скрывать это событие будет отнят всякий предлог. Каждый, прибывший на это место, получает такое впечатление, как будто пожар случился недавно, и какой-то ужас находит на него, и, воззрев на небо, он тотчас прославляет силу Совершившего это. Подобно тому, как если кто-нибудь, разорив пещеру и убежище какого-либо предводителя разбойников, выведет связанным жившего там, и, взяв все его имущество, оставит то место в прибежище диким зверям и воронам, тогда каждый из подходящих к этому убежищу, взглянув на место, воображает и представляет себе набеги и разбои, и наружность прежде жившего в нем, – так бывает и здесь. Издали увидев колонны, потом подошедши и переступив порог, представляют себе отвратительность демона, обольщение и козни его, и отходят, изумляясь гневу и силе Божией, – так что прежнее жилище заблуждения и богохульства теперь становится поводом к славословию: так премудр наш Бог! И такие

дивные чудеса Он совершает не в первый раз теперь, но издревле и от первых родов. Исчислять все теперь не время, но я напомню о том, что кажется вполне подобным этому. Во время войны, возникшей некогда в Палестине у иудеев с некоторыми иноплеменниками, враги, оставшись победителями и взяв кивот Божий, как военную добычу и лучшую часть ее, посвятили его одному из туземных идолов, – имя ему было Дагон. Когда кивот был внесен, то сперва истукан упал и лежал лицом вниз; но так как они не поняли могущества силы Божией по этому падению, но поднявши опять поставили идола на своем месте, то, пришедши на следующий день утром, увидели его уже не упавшим только, но совершенно разломанным. Руки его, оторванные от плеч, были брошены на порог капища вместе с ногами, а остальная часть истукана растерзанная разбросана была в другое место (1Цар.5). Также и у содомлян, – если можно сравнить малое с великим, – для того вместе с жителями и земля сожженная огнем погибла и стала бесплодной, чтобы не только жившие тогда, но и все, после них, вразумлялись теми местами (Быт.19). Если бы наказание ограничилось людьми, то после не стали бы верить событию; поэтому получает удар и место, которое может существовать долгое время и напоминает каждому из наступающих поколений, что совершающим такие дела положено законом терпеть такие бедствия, хотя бы и не тотчас потерпели они наказание. Вот уже двадцатый год с того времени, и ничто более из здания, пощаженного огнем, не погибло, но твердо и крепко стоят части его, избежавшие огня, и так они крепки, что выдержат и сто лет, и еще дважды столько, и даже гораздо большее того время. И удивительно ли, что ни одна из колонн, отделившаяся от другой, не упала на землю? Одна из колонн, у задней стороны здания, тогда только разбитая, и та не упала, но сдвинувшись с своего места и припав к стене, так и осталась; и одна часть ее, от основания до излома, косо оперлась на стену, а другая, от излома до вершины, стоит ровно поддерживаемая нижней частью. Хотя и ветры часто сильно налетали на это место и землетрясения были и земля колебалась, но не поколебались остатки от пламени, а стоят твердо, только что не крича, что они сохранены для вразумления будущих поколений.

22. Это, можно сказать, было причиной, почему не все капище было истреблено огнем; а почему молния не царя поразила, на это можно исследующему найти и другую причину, происходящую из того же источника, т. е. от благости и человеколюбия Христова. Потому Он отклонил огонь от головы царя и низверг его на кровлю, чтобы царь, наученный несчастьями других, избежал назначенного ему наказания, переменившись и освободившись от заблуждения. Не одно только это и не первое знамение Своей силы дал ему Христос, но кроме того давал и много других не меньших этого. Так, и дядя его и хранитель сокровищ – оба лишились жизни, и голод случился в городе тотчас с ним вместе, и недостаток воды, какого никогда не случалось прежде, чем он стал приносить жертвы при источниках, и многое кроме этого другое, случившееся как в войске, так и в городах, достаточно для того, чтобы смягчить и каменную душу, не только своим множеством и тем, что все происходило вместе и одно за другим и вслед за дерзостями, как некогда при царе египетском, но и сами по себе показанные чудеса были таковы, что одно не нуждалось в другом для обращения видящих, но каждое из них и само по себе в состоянии было произвести это. Не говоря о прочих, кого из людей, не слишком бесчувственных, не поразило бы знамение, показанное на основаниях древнего храма иерусалимского? Что же это было? Этот тиран, видя, что вера Христова распространилась по всей подвластной ему области, достигла уже и персов и других дальнейших варваров, делает опять успехи далее внутри их и заняла, так сказать, всю подсолнечную, терзался и досадовал и готовился к войне против церквей; но не разумел, несчастный, что он прал против рожна. И во-первых, он пытался восстановить храм в Иерусалиме, который сила Христова разрушила до основания, язычник служил делу иудеев, желая через это испытать силу Христову. Он призвал некоторых из иудеев и приказал им приносить жертвы. потому что предки их, говорил он, совершали богослужение таким образом; но

так как они прибегли к той отговорке, что им не позволительно после падения храма совершать это вне древней столицы, то он велит им, взяв деньги из царского казнохранилища и все прочее, что нужно было доставить на постройку, идти и восстановить храм и возвратиться к древнему обычаю жертвоприношений. Те безумные, заблуждающиеся от рождения и до старости имеющие нужду в учении, отправились содействовать царю; но как скоро начали вырывать землю, то огонь вырвавшийся из оснований, тотчас истребил всех их. Когда об этом донесено было царю, то он не решился потом простирать далее свою дерзость, потому что удерживал его страх; но не хотел отстать и от заблуждения демонов, однажды подчинившись им, – однако успокоился пока.

Когда же прошло немного времени, он принялся за тот же тщетный труд, храм-то уже не осмеливаясь строить, но с других сторон бросая в нас стрелы; пуститься в войну открыто он пока медлил, во-первых и больше всего по убеждению, что взялся бы за очевидно невозможное, а во-вторых потому, что не хотел доставить нам никакого повода – увенчаться венцом мученичества. Подлинно, для него было невыносимо и хуже всякого несчастья; если кто-нибудь, выведенный публично, до смерти переносил мучения за истину; такую душевную показывал он вражду к нам. Он знал, верно знал, что, если бы он дерзнул на это, все отдали бы души свои за Христа; но, будучи злобен и коварен, он везде отпускал на свободу всех, наказанных предстоятелями церквей за какие-нибудь проступки и лишенных власти, давая таким образом власть людям нечестивейшим, низвращая церковные законы и вооружая всех друг против друга, так как надеялся, что их легко будет наконец уловить, если они наперед изнурят себя войной друг с другом. Так одного, лишенного церковной власти и за извращение учения и за порочную жизнь (имя ему был Стефан), он велит опять возвести на престол учителя; и имя Господне старался истребить, сколько это зависело от него, называя галилеянами вместо христиан и сам в своих указах и начальникам повелевая делать тоже. Среди тех знамений, о которых я говорил, обнаружившихся в голоде и засухе, он оставался при том же бесстыдстве и жестокосердии. Затем, предпринимая поход против персов и выступая с такой гордостью, как будто истребит он весь народ варварский, он угрожал нам бесчисленными угрозами, говоря, что по возвращении оттуда он совершенно истребит всех. Война с нами, думал он, тяжелее персидской, и должно наперед окончить ту меньшую, и тогда приступить к этой, большей. Это сообщили нам те, которые участвовали в его намерении. Однако, кипя гневом против нас и с каждым днем предаваясь большему неистовству, он никогда не останавливался на одной и той же мысли, но, отложив прежнее намерение, опять стал угрожать нам гонением. Но Бог, желая удержать и усмирить его горячее воодушевление, опять показал знамение, ниспослав огонь на капище в Дафне.

23. Он же и при этом не укротил своей ярости. но терзаясь желанием нашей погибели, даже не дожидал времени, которым угрожал, а, готовясь перейти Евфрат, стал делать опыт над воинами и, совратив некоторых немногих лестью, воспротивившихся однако не отпустил из войска, боясь, чтобы, отпустив их, не ослабить войска против персов.

Кто расскажет нам последующее за тем, гораздо ужаснейшее всего, что происходило и в пустыне, и на море, и в Египте, когда был наказываем бесчувственный фараон и все (египтяне) потонули? Как тогда египтянин за то, что не хотел покориться и сделаться лучшим ни при одном из таких бедствий, погиб наконец с самим войском, так и теперь, когда царь стоял бесстыдно перед всеми дивными делами Божиими и не хотел ничем от них воспользоваться, но оставался неисправимым, Бог окружил его наконец крайними бедствиями, дабы, если он не хотел образумиться бедствиями других, то другие сделались лучшими от его страданий. Уведя с собой столько десятков тысяч воинов, сколько не водил никогда никто из царей, и надеясь взять всю Персию одним набегом и без труда, он действовал так несчастно жалко, как будто он имел с собой войско из женщин больше и

малых детей, а не из мужей. И во-первых, он по собственному неблагоразумию привел их в такую нужду, что они питались конским мясом и умирали, погибая одни от голода, а другие от жажды. Как бы предводительствуя персами и стараясь не их захватить, но предать им своих, он заключил этих последних в места непроходимые и, только что не связавши, предал врагам. Впрочем всех бывших там бедствий не может пересказать никто из тех, которые видели и испытали их: так они превышают всякое вероятие. Кратко сказать: когда он пал постыдным и жалким образом, – одни говорят, что он умер, застреленный кем-то из обозной прислуги, негодовавшим на положение дел, а другие говорят, что они не знают его убийцы, но что только он был ранен и просил погребсти его в земле киликийской, где и лежит теперь, – когда он пал постыдным образом, то воины, видя себя в крайнем положении, обратились с просьбой к врагам и, дав им клятву – очистить самую твердую из всех крепость, которая была как бы несокрушимой стеной всей нашей страны, – благодаря человеколюбию варваров, спаслись таким образом бегством и возвратились из многих немногие, и притом изнуренные телом, стыдясь заключенного ими договора, но вынуждаемые клятвой отступить от своего отеческого достояния. И можно было видеть зрелище, плачевнейшее всякого плена: жители того города от тех самых, от кого они надеялись получить благодарность за то, что подобно ограде доставляли безопасность всем живущим внутри (государства) и за всех подвергались сами постоянно всем опасностям, – от тех потерпели действия враждебные, будучи переселяемы в чужую землю, оставив свои дома и поля и лишившись всего прародительского достояния, и все это потерпев от своих. Такие блага мы получили от доблестного царя! Это сказано не без причины, но чтобы разрешить недоумение спрашивающих, почему Бог не наказал царя с самого начала? Потому, что хотел удержать его, часто неистовствовавшего, от дальнейшего увлечения, и исправить бедствиями других; но так как он противился, то предал его крайним бедствиям, оставляя истинное воздаяние за его дерзости до великого дня, настоящим же наказанием возбуждая ленивейших и делая их более благоразумными. Таково долготерпение Божие: тех, которые не надлежащим образом пользуются им, оно подвергает, наконец, жесточайшему наказанию, и как для кающихся оно полезно, так для непокорных и упорных бывает поводом к большим наказаниям. Если же кто скажет: что же, – разве Бог не предвидел, что этот тиран будет неисправим? – то мы скажем, что предвидел, но Он никогда не перестает, по предведению нашей злобы, делать Свое дело, и, хотя бы мы и не принимали внушения, Он оказывает собственное человеколюбие. А если мы предаемся большему злу; то уже это не от Него, Который долготерпел не для того, чтобы нам погибнуть, а чтобы нам спастись, но от нас, возгордившихся против неизреченного Его долготерпения. Так является беспредельность Его человеколюбия. Когда мы не захотим сами воспользоваться великим Его долготерпением, тогда Он обращает его в пользу других, повсюду являя вместе и человеколюбие и премудрость, как было и тогда. Тиран таким образом окончил жизнь, а памятниками его неистовства и силы блаженного Вавилы, стоят и капище и храм мученика, первое в запустении, а последний с той же силой, какую имел и прежде. Рака же мученика опять не переносится по устроению и в этом случае Божию, для того, чтобы приходящим были яснее известны славные дела святого. Каждый из приходящих с чужой стороны, приблизившись к этому месту и отыскивая мученика, и потом не видя его там, тотчас идет спрашивать о причине, и выслушав таким образом всю историю, уходит, получив больше пользы, нежели прежде; таким образом, и приходя в Дафну и опять оставляя ее, он делает величайшее приобретение.

Такова сила мучеников живых и умерших, и остающихся на местах и опять оставляющих их. Подлинно, от начала до конца славные дела этого мученика следовали в непрерывной связи. Посмотри, он вступился за оскорбляемые законы Божии, и за убитого подверг наказанию, какому следовало; показал, какое различие между священством и царской властью, укротил всю мирскую гордость и попрал житейское тщеславие, научил царей не

простирать своей власти далее данной им от Бога меры, показал и священным лицам, как должно им пользоваться своей властью. Это и больше этого он сделал, когда был во плоти; а когда преставился и отошел, то разрушил силу демона, обличил заблуждение язычников, раскрыл пустословие гадания, сокрушил его маску и показал в наготе все лицемерие его, заградив уста бывшему, по-видимому, господствующим в этом деле и захватив его с великой силой. И теперь стоят стены капища, возвещая всем посрамление, посмеяние и бессилие демона, венцы, победу и силу мученика. Таково могущество святых; так оно непобедимо и страшно – и для царей, и для демонов, и для самого предводителя демонов.

---

[1] Время составления слова (предназначавшегося, по-видимому, для чтения, а не для произнесения) в точности неизвестно, – приблизительно лишь можно предполагать, что в 382-м году.

[2] Перев. проф.Юнгерова. Русский синод. текст имеет совсем другой смысл – ред.

[3] В Библии: "слушающие меня сегодня" – ред.

[4] В Библии: "**такими, как я**" – ред.

[5] Т. е. Юлиан Богоотступник.

ПОХВАЛЬНАЯ БЕСЕДА.

О святых мучениках Иувентине и Максимине[1],

пострадавших при Юлиане Отступнике.

Недавно собирал нас здесь блаженный Вавила с тремя отроками[2], сегодня двоица святых воинов поставила в строй воинство Христово; тогда четверица мучеников, а теперь двоица мучеников. Различен их возраст, но одна вера; не одинаковы подвиги, но то же самое мужество; те древни по времени, эти юны и недавно убиты. Такова сокровищница церкви: в ней есть и новые и старые жемчужины, но одна красота у всех. Не увядает цвет их, не пропадает от времени; этот блеск по свойству своему не допускает ржавчины старости. Вещественное богатство проходит и уступает продолжительности времени: и одежды изнашиваются, и домы разрушаются, и золото ржавеет, и всякого рода чувственное богатство истребляется временем и пропадает; в сокровищах же духовных – не так, но всегда и во всем мученики остаются в одинаковом цвете и юности, сияя и блистая славой собственного света. Зная это, и вы не почитаете иначе древних и иначе новых мучеников, но всех их почитаете и принимаете с одинаковым усердием, с одинаковой любовью, с одинаковым расположением. Вы не время исследуете, но ищете мужества, благочестия душевного, веры непоколебимой, ревности окрыленной и горячей, такой, какую показали собравшие нас сегодня. Они так кипели любовью к Богу, что возмогли без гонения украситься венцом мученичества, без сражения поставить трофей, без войны одержать победу, без борьбы получить награду; а как это, я скажу; но позвольте мне начать рассказ немного выше.

Был в нашем веке один царь, превзошедший нечестием всех бывших прежде, о котором и я недавно беседовал с вами. Этот царь, видя, что обстоятельства наши становятся блистательными от этого, т. е. от смерти мучеников, и что не только мужи, но и нежные дети и незнавшие брака девы, и вообще всякий возраст и каждый пол стремятся на смерть за благочестие, терзался и досадовал, и не хотел открыто провозгласить войну. Все, говорил он, как пчелы на сот, полетят на мученичество; и это узнал он не от другого кого-нибудь, но от своих предков. В самом деле, и властители воевали против церкви, и народы непрестанно восставали, когда еще мала была искра благочестия; однако они не погасили ее и не погубили, но сами они погибли, – а искра та, увеличиваясь, поднялась на высоту и объяла всю вселенную, тогда как все верные были убиваемы, сожигаемы, низвергаемы с утесов, потопляемы в море, отдаваемы диким зверям. Они попирали угли, как грязь, на моря и волны смотрели, как на луга, стремились к мечу, как к диадеме и венцу, и посрамляли всякого рода мучения, перенося их не только мужественно, но и с великой радостью и охотой. Как растения скорее растут, будучи орошаемы, так и вера наша, подвергаясь нападениям, более цветет, и, испытывая гонения, более умножается, и не столько водная влага обыкновенно делает сады цветущими, сколько кровь мучеников напояет церкви. Зная все это и больше этого, тот царь боялся открыто поднять на нас войну, чтобы, говорил он, не доставить им возможности воздвигать постоянно трофеи, одерживать непрестанно победы и украшаться венцами. Что же он делает? Посмотрите на его коварство. Всем врачам, и воинам, и софистам, и риторам он повелел или отказаться от своих должностей или с клятвой отречься от веры, издали таким образом направляя против нас войну, чтобы, если они уступят, поражение их было достойно смеха, из-за того, что они не предпочли благочестия богатству, а если мужественно устоят и преодолеют, то победа не была бы совершенно блистательной и трофей не был славен, так как не великое дело – пренебречь искусство и ремесло для благочестия. И на этом одном он не останавливается; но если кто в прежние времена, когда были благочестивые цари, или ниспровергал жертвенники, или разрушал капища, или брал жертвы, или сделал что-нибудь подобное, то был он привлекаем в судилище и убиваем, и не только сделавший что-нибудь подобное, но и только обвиненный в этом. Множество и других разнообразных предлогов придумывал он, чтобы погубить всех, живущих в благочестии. И все это он делал, желая помрачить венец мученичества, чтобы убийства у него продолжались и умерщвления совершались, а награды мучеников не являлись блистательными. Но в этом он не имел никакого успеха, потому что пострадавшие имеют получить венец, во всяком случае, не по его приговору и не от его злобы, а по суду неподкупному, т. е. вышнему.

2. Итак, когда дела находились в таком положении, а царь тот мучился желанием начать войну против нас и боялся поражения, – тогда случилось быть воинскому пиршеству, в котором участвовали собравшие нас сегодня мученики, и, как обыкновенно бывает на пиршествах, между множеством разговоров, когда другие говорили об ином, они стали оплакивать настоящие бедствия, ублажали прежнее время и говорили между собой и присутствовавшим: стоит ди вообще жить после этого, дышать и смотреть на это солнце, когда попираются священные законы, благочестие подвергается оскорблениям, общий Владыка твари терпит бесчестие, когда все наполнилось смрадом и дымом от нечистых жертв, и мы даже не можем дышать чистым воздухом? Не пропусти ты у меня этих слов без внимания, но представь, в какое время они были сказаны, посмотри и на благоговение говоривших. Если на воинском пиршестве, где бывает цельное вино, пьянство, соревнование в крайнем пресыщении и состязание в невоздержании и беспутстве, они так воздыхали и так плакали, то каковы они были дома, находясь одни между собой? Каковы были во время молитв те, которые в самое время пиршества так сокрушались и являли сердца апостольские? Другие падали, а они плакали; иной безбожничал, а они пламенели; они не чувствовали собственного здоровья по причине болезни братий, но, как бы

назначенные общими предстателями вселенной, так скорбели и плакали о постигавших ее бедствиях. Эти слова их не остались втайне; но один из участвовавших в этой трапезе, коварный и льстивый, желая угодить царю, пересказал ему все, что было говорено. Он же, найдя то, чего давно искал, и ухватившись за предлог, по которому можно было лишить их мученических наград, приказывает взять в казну все их имущество, обвиняя в преступлении за такие речи, и повелел отвести их обнаженными в темницу. А они радовались и величались. К чему нам, говорили они, богатство и драгоценная одежда? Даже, если бы нужно было для Христа снять и последнюю одежду – самую плоть, то и ее мы не пожалеем, но отдадим и ее. Дома их затем были запечатаны и все имущество их разграблено. Как люди, намеревающиеся отправиться в далекое отечество, часто посылают вперед деньги, вырученные за дом свой, так точно случилось и с ними. Так как они имели отойти на небо, то наперед отправлено было их имущество, и сами враги содействовали этой отправке, потому что не только в виде милостыни раздаваемое богатство переходит на небо, но и то, которое расхищают враги веры и гонители живущих в благочестии, и оно собирается там же. А что последнее не меньше первого, послушай, что говорит Павел: "**и расхищение имения вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее**" (Евр. 10:34). Итак, мученики были в темнице, и весь город стекался туда. Хотя ужасы, угрозы и великие опасности предстояли тому, кто пришел бы и беседовал и сообщался с ними в речах, но страх Божий отклонял все это, и многие тогда ради них сделались мучениками за общение с ними, презирая настоящую жизнь; при стечении множества людей там совершались постоянные псалмопения, священные всенощные бдения, собеседования, исполненные духовного назидания; и когда закрыта была церковь, тогда темница сделалась церковью. Не только приходившие отвне, но и пребывавшие внутри получали величайшие уроки добродетели и целомудрия от терпения и веры этих святых. Услышав об этом, царь еще более мучился, и, желая довести их до падения и истребить это усердие, подослал к ним с злым умыслом некоторых нечестивых и хитрых людей, которые, сидя часто с ними, когда заставали их одних, и предлагая советы как бы от самих себя, а не по поручению царя, убеждали их оставить благочестие и перейти к нечестию; таким образом, говорили они, вы не только отстраните угрожающую вам опасность, но и получите большую честь и большую власть, укротив так гнев царя; не видите ли, что и другие товарищи ваши сделали то же самое? Но они отвечали: по этому самому мы и будем стоять мужественно, чтобы принести самих себя, как бы в жертву, за падение тех. Человеколюбив у нас Владыка: Он умеет, приняв и одну жертву, примиряться со всей вселенной. И как три отрока говорили: "**и нет у нас в настоящее время ни князя, ни пророка, ни вождя, ни всесожжения, ни жертвы, ни места, чтобы нам принести жертву Тебе и обрести милость: но с сокрушенным сердцем и смиренным духом да будем приняты**" (Дан.3:38-39), так и эти мученики, видя алтари разрушаемыми, церкви запираемыми, священников изгоняемыми, всех верных гонимыми, старались принести себя Господу за всех, и, оставив воинские ряды, спешили присоединиться к ликам ангельским. Если мы, говорили они, и не умрем теперь, то непременно умрем немного позднее и испытаем то же самое; лучше же умереть за Царя ангелов, нежели за человека столь нечестивого; лучше поднять оружие за отечество вышнее, нежели за нижнее и ногами попираемое; здесь, если кто и умрет, не получит от царя ничего достойного своего усердия: ведь что человек может дать уже умершему? Часто, даже не удостоивши и погребения, его оставляют лежать на добычу псам. А если мы умрем за Царя ангелов, то получим тела с большею славою, восстанем с великим блеском и получим гораздо большие трудов воздаяния и венцы. Итак, возьмем духовное оружие; не нужно нам стрел и луков, не нужно никакого другого чувственного оружия; на все достаточно нам языка. Подлинно, уста святых суть колчан, ими постоянно одни за другими наносятся удары в голову диавола.

3. Это и подобное этому было донесено царю; но он не отставал, а принимался вновь предлагать через тех обольщения. Так действовал этот хитрый, коварный и умный на злое дело человек для того, чтобы, если мученики, ослабев, покорятся, вывести их перед глазами всех и заставить наконец принести жертву; а если они неизменно будут проявлять твердое мужество и доблестно устоят в борьбе, то победа их не была бы видима, а обвинил бы он их и казнил как будто за преступление. Но Тот, Кто открывает глубокое и сокровенное, не попустил скрыться козням и остаться коварству невидимым. А как тогда жена египетская, схватившая Иосифа в своей комнате, в великой тишине надеялась укрыться от всех людей, но не укрылась от неусыпного ока, и не от него только, но и от людей, живших после, и что она говорила Иосифу без свидетелей, то возвещается по всей вселенной, – так точно и этот царь надеялся укрыться, говоря в темнице через подосланных советников, но не укрылся; напротив, все после узнали козни, коварство, победу и трофей. Когда именно потрачено было и протекло много времени, и множество дней не ослабило их ревности, но еще более укрепило их усердие и сделало очень многих подражателями их, царь наконец повелевает в полночь отвести их на место казни. И выведены были эти светильники среди мрака, и обезглавлены. Тогда головы их сделались еще более страшными для диавола, нежели когда они издавали голос, подобно голове Иоанна, которая была не так страшна, когда говорила, как тогда, когда безмолвно лежала на блюде, потому что и кровь святых имеет голос, не ушами слышимый, но охватывающий совесть убийц. После блаженной кончины мучеников те, которые, подвергая собственную жизнь опасности, стремятся к приобретению таких останков, унесли этих героев, и сделались сами живыми мучениками. Хотя они и не были обезглавлены, но они, наперед решившись потерпеть это, устремились на приобретение тел мучеников. Бывшие при этом и удостоившиеся видеть эти новоубиенные тела говорят, что, когда они перед погребением лежали друг подле друга, то на лицах их сияла такая благодать, какая, по словам Луки, была у Стефана, когда он имел защищаться перед иудеями (Деян.6:15), и не было никого, кто предстоял бы тогда перед ними без страха. Так самый вид поражал всех взиравших, и все взывали словами Давида: "**неразлучные**[3] **в жизни своей, не разлучились и в смерти своей**" (2Цар.1:23). Они вместе и были исповедниками, и жили в темнице, и отведены на место казни, и сложили головы, и одна гробница содержит тела обоих, равно как и одна обитель примет опять эти тела на небесах, когда они будут восхищены с большей славой. Этих мучеников достойно назвать и столпами, и скалами, и башнями, и светильниками, и вместе тельцами. Как столпы, они поддерживают церковь; как башни, ограждают ее; как скалы, отражают всякое нападение, доставляя великую тишину находящимся внутри; как светильники, они отогнали тьму нечестия, и как тельцы, душой и телом с одинаковой ревностью влекли благое иго Христово. Будем же постоянно приходить к ним, прикасаться к гробнице их и с верой обнимать их останки, дабы получить отсюда некоторое благословение. Как воины, указывая на раны, полученные ими от врагов, с дерзновением беседуют с царем, – так и они, неся на руках отсеченные головы свои и выставляя их на вид, легко могут получить все, чего ни пожелают, от Царя небесного. Итак, с великой верой, с великим усердием будем приходить туда, чтобы и от вида этих святых памятников, и от мысли о подвигах, и от всего получив много великих сокровищ, могли мы и настоящую жизнь провести согласно с волей Божией и в ту пристань прибыть с великой прибылью, получить Царство Небесное, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь и поклонение, во веки веков. Аминь.

[1] Произнесена в Антиохии вскоре после беседы о св. Вавиле и перед четвертой беседой о Лазаре, в день памяти свв. Иувентина и Максимина, совершавшейся, как видно отсюда, в конце января.

[2] Т. е. Урваном, Прилидианом и Еполлонием, которых память празднуется вместе с памятью св. Вавилы.

[3] В синод.пер.: "**согласные**" – ред.

ПОХВАЛЬНАЯ БЕСЕДА

о св. мученице Пелагии, что в Антиохии[1].

Благословен Бог: вот и жены уже забавляются смертью, и отроковицы посмеваются кончине, и девы весьма юные и незнавшие брака прыгают на самое жало ада и не терпят никакого вреда. Все эти блага получили мы ради Христа, родившегося от Девы; после того блаженного зачатия и поразительнейшего рождения расслабла смерть, сокрушилась сила диавола и сделалась наконец презренной не только для мужей, но и для жен, и не для жен только, но и для отроковиц. Как ловкий пастух, поймав льва, который пугал его скот и вредил всему стаду, выбив у него зубы, обрезав когти и обстригши гриву, делает его презренным и смешным и наконец отдает его для забавы пастушеским детям и отроковицам, – так точно и Христос, уловив смерть, которая была страшна для нашего естества и пугала весь род наш, и рассеяв весь этот страх, отдал ее в забаву даже девам. Посему и блаженная Пелагия устремилась на нее с такой радостью, что не дожидалась и рук палачей, не вошла и в судилище, но преизбытком собственной ревности предупредила их жестокость. Она была готова и к мучениям, и к пыткам, и ко всякого рода наказаниям, но боялась, чтобы не потерять венца девства. И чтобы ты знал, что она боялась наглости нечестивых, для того она и предупреждает их и предвосхищает себя от постыдного оскорбления. Из мужей никто никогда не решался на что-либо подобное, но все они следовали в судилище и там показывали свое мужество; а жены, по природе более доступные оскорблениям, придумали для себя такой род кончины. Если бы можно было и сохранить девство и получить венцы мученичества, то она не отказалась бы идти в судилище; но так как там она непременно лишилась бы того или другого, то она почла крайним неразумием умереть увенчанной только в половину, тогда как ей возможно было одержать обе победы. Посему она и не хотела уйти в судилище, чтобы не сделаться зрелищем для наглых взоров, чтобы не позволить бесстыдным взглядам насладиться созерцанием ее лица и поругаться над святым ее телом, но из внутренней комнаты и женскаго терема пошла в другую комнату – на небо. Великое дело – видеть палачей, стоящих вокруг и терзающих ребра; но и это не меньше того. Когда чувство уже притупилось от разнообразных мучений, то и смерть кажется уже не страшной, но некоторым освобождением и отдохновением от налегающих бедствий; а для той, которая еще не испытала ничего подобного, имеет тело еще неповрежденное и еще не чувствует никакой боли, нужно много решимости и мужества, чтобы насильственной смертью лишить себя настоящей жизни. Таким образом, если ты удивляешься терпению тех, то подивись и ее мужеству; и если ты изумляешься выносливости тех, то изумись и ее отваге, что она решилась на такую смерть. Не без внимания прослушай случившееся, но представь, в каком расположении духа была нежная отроковица, не знавшая ничего кроме своей комнаты, когда вдруг прибыли воины, стали у дверей, зовут ее в судилище, влекут на площадь для таких и столь важных дел. Не было там с ней ни отца, ни матери, ни кормилицы, ни служанки, ни соседки, ни подруги; но она одна была захвачена в среду тех палачей. Не достойно ли восторга и изумления, что она имела силы выйти и отвечать этим палачам воинам, открыть уста, произнести слово, смотреть, стоять и дышать? Это было

делом не человеческой природы, большую часть внесло мановение Божие. Впрочем, и сама она не оставалась праздной, но оказала все и с своей стороны: готовность, присутствие духа, мужество, желание, решимость, поспешность, ревность; а что все это пришло к концу, это зависело от Божией помощи и вышнего благоволения, так что следует и удивляться ей и ублажать ее: ублажать за Божие содействие, а удивляться за собственную ее готовность. Кто по справедливости не удивится, услышав, что она в одно мгновение времени и задумала такое намерение, п решилась на него, и привела в исполнение? Вы все, конечно, знаете, как часто мы, задумав что-нибудь за долгое время, когда наступит время нашего испытания и малый страх обнимет нашу душу, теряем все свои мысли, вдруг испугавшись подвига. А она в одно мгновение времени была в состоянии и предпринять такое страшное и ужасное намерение, и постановить решение, и исполнить самым делом, и ни страх перед присутствующими, ни краткость времени, ни беспомощность преследуемой, ни одиночество ее в доме, и ничто другое подобное не смутило этой блаженной; но как бы в присутствии каких-либо друзей и знакомых, она делала все без боязни. И вполне справедливо, потому что она не одна была в доме, но имела советником своим Иисуса. Он был при ней, Он касался ее сердца, Он ободрял ее душу, Он один прогонял страх. Впрочем, Он делал это не без причины, но потому, что сама мученица предварительно сделала себя достойной Его помощи.

2. Итак вышедши, она попросила у воинов позволения опять войти и переодеться; и вошедши, переоделась, облекшись в нетление вместо тления, в бессмертие вместо смерти, в жизнь бесконечную вместо жизни временной. Кроме вышесказанного я удивляюсь и тому, как воины дали это позволение, как жена обманула мужей, как они не заподозрили ничего из имевшего случиться, как они не поняли обмана. Нельзя же сказать, чтобы никто не делал ничего подобного; напротив, вероятно, многие и разбивались о скалы, и бросались в море, и пронзали себе грудь мечом, и надевали себе петлю, и многими подобнъши действиями изобиловало то время; но Бог ослепил сердце их, так что они не поняли обмана. Посему она и вырвалась из сетей; как лань, попавшая прямо в руки ловчих и потом убежавшая от них на неприступную вершину горы, куда не достигают ни ноги ловчих, ни пущенные стрелы, наконец останавливается на бегу и безбоязненно смотрит на тех, которые прежде преследовали ее, – так точно и зта мученица, попав в самые руки ловчих и быв захвачена в стенах, как бы в сетях, взбежала не на вершину горы, но на вершину самого неба, куда наконец им уже невозможно было придти. Потом, взирая оттуда на них, возвращающихся с пустыми руками, она радовалась, видя великий позор, причиненный неверным. Подлинно, представь,что это было такое: судья сидел, палачи стояли перед ним, пытки были приготовлены, весь народ собрался, дожидали воинов, все услаждались удовольствием, надеясь получить добычу, а ушедшие для этого возвращаются назад с поникшими взорами и рассказывают о случившемся происшествии. Какой стыд, какая досада, какой срам естественно объяли всех неверных! Как удалялись они с поникшими взорами, пристыженные, научившись. самым делом, что война у них была не на людей, а на Бога! Когда Иосифа хотела обольстить госпожа его, то он, оставив тогда у этой варварской женщины одежду свою, схваченную нечестивыми руками, вышел нагим; а эта мученица не позволила даже, чтобы тело ее было схвачено наглыми руками, но вознесшись обнаженной душой и оставив святую плоть свою у врагов, привела их в великое затруднение, – и они не знали, что делать затем с ее останками. Таковы славные дела Божии: рабов Своих Он изводит из затруднительных обстоятельств в великое благоустройство, а врагов Своих и противников, хотя бы они по-видимому находились в благоприятных обстоятельствах, приводит в крайнее затруднение. Что может быть хуже того затруднения, в которое попала тогда эта отроковица? И что лучше того удобства, в котором находились тогда воины? Они захватили ее одну, заключенную в доме как бы в темнице, и однако ушли, не получив добычи. С другой стороны отроковица была лишена помощников и защитников, не видела ниоткуда никакого выхода из бедственного

положения, находилась уже близ пасти тех диких зверей, и, можно сказать, вырвавшись из самой глотки их, избегла козней и победила воинов, судей, начальников. Пока она была жива, то они все надеялись преодолеть ее; а когда скончалась, то они попали в великое затруднение, показавшее им, что смерть мучеников есть победа мучеников. И случилось то же самое, как если бы большой грузовой корабль, наполненный драгоценными камнями, подвергшись нападению опасной волны. угрожавшей залить его и потопить при самом устье гавани, ускользнул из под самого напора воды и, получив с тем вместе толчок, с большей скоростью вошел бы в пристань. Так точно и блаженная Пелагия. Прибытие воинов, страх ожидаемых пыток, угроза судьи, напав на нее сильнее всякой волны, побудили ее с большой скоростью возлететь на небо; и та волна, которая имела затопить корабль, привела его в безмятежную пристань; и упало затем вниз это тело, светлейшее всякой молнии, поражая взоры диавола. И подлинно, не так бывает страшна для нас молния, низвергающаяся с небес, как тело мученицы ужаснее всякой молнии устрашало полки демонов.

3. А дабы убедиться, что это совершилось не без божественной помощи, это особенно ясно из самой силы решимости, также из того, что воины не поняли обмана и дали позволение, и из того, что дело пришло к концу; но не меньше сказанного можно понять это и из самого образа кончины. Многие, упавши с высокой кровли, не терпели никакого вреда; другие же, повредив некоторые члены тела, жили опять долгое время после падения; а с этой блаженной Бог не попустил случиться ничему подобному, но повелел душе тотчас оставить тело, приняв ее, как уже довольно подвизавшуюся и совершившую все. Смерть ее была следствием не естественного падения, а повеления Божия. Потом это тело лежало не на ложе, а на земле; но, лежа на земле, оно не стало бесчестным, а напротив самая земля сделалась достопочитаемой, потому что приняла тело, облеченное такой славой. Таким образом от самого этого лежания на земле это тело было более всего достопочтенным, – потому что поругания за Христа доставляют нам увеличение чести. Итак, это девственное и чистейшее всякого золота тело лежало на земле, в тесном месте; но ангелы окружали его, и все архангелы почитали, и Христос был при нем. Если господа сопровождают более достойных рабов своих умерших, и не стыдятся, – то тем более Христос не постыдится почтить Своим присутствием ту, которая за Него положила свою душу, и подверглась такой опасности. Так она лежала, имея великий погребальный покров – мученичество, украшаясь красотой исповедания, облекшись одеждой, драгоценнейшей всякой царской багряницы, всякой драгоценной порфиры, и притом двоякой одеждой – девства и мученичества; с этими покровами она предстанет и к престолу Христову. Будем же и мы стараться и при жизни и по смерти облекаться в подобную одежду, зная, что иной украсивший свое тело золотыми одеждами не получает никакой пользы, но еще навлекает на себя осуждение многих, как не оставивший тщеславия и при смерти; а того, кто облек себя добродетелью, многие будут хвалить и после смерти. Славнее самых палат царских будет у всех тот гроб, где лежит тело, жившее в благочестии и добродетели. И свидетели этому вы, пробегающие мимо гробниц богачей, хотя бы и с золотыми одеждами, как мимо пещер, а к этой святой прибегающие с усердием потому, что эта мученица отошла, облекши себя вместо золотых одежд мученичеством, исповеданием и девством. Будем же подражать ей по силе нашей: она презрела жизнь, будем и мы презирать удовольствия, посмеемся роскоши, оставим пьянство, убежим объядения. Не без причины я говорю это теперь, но потому, что вижу, как многие, по окончании этого духовного зрелища, бегут на пьянство и объядение, к трапезам в гостиницах и на прочее бесчинство. Посему прошу и умоляю – всегда иметь в памяти и уме эту святую, не срамить торжества и не терять дерзновения, приобретаемого нами от этого праздника. Не напрасно и беседуя с язычниками, мы хвалимся множеством собирающихся на праздник, пристыжая их и говоря, что одна умершая отроковица каждогодно привлекает к себе целый город и столько народа, и что спустя столь много лет никакое время не прекратило торжества в

честь ее; но если они узнают, что делается на этом празднике, то мы утратим большую часть похвал. Это множество, присутствующее ныне, если соберется с благопристойностью, составит для нас величайшее украшение; а если с небрежностью и великой рассеянностью, то – позор и обвинение.

4. Итак, чтобы нам похвалиться множеством вашей любви, будем возвращаться домой с такою благопристойностью, с какой следует возвращаться бывшим вместе с такой мученицей. А кто не так возвратится домой, тот не только не получил никакой пользы, но еще навлек на себя величайшую опасность. Знаю, что вы свободны от этих болезней, но этого недостаточно для вашего оправдания, а нужно и братий бесчинствующих обращать к величайшему благочинию и приводить в приличный вид. Ты почтил мученицу своим присутствием? Почти же ее и исправлением сочленов твоих; если ты заметил неуместный смех, неприличное беганье, нескромную походку и ненадлежащий вид, то подойди к делающим это и посмотри на них строго и гневно. Но они не обратят внимания и засмеются еще больше? Возьми с собой двух, или трех, или и более братий, чтобы самое множество ваше внушало уважение. Если же и так ты не проймешь их безумия, то объяви о них священникам; а впрочем быть не может, чтобы они дошли до такого бесстыдства, что и после порицаний и увещаний не послушаются, не постыдятся и не прекратят неуместного и ребяческого ликования. Если ты приобретешь хотя десять человек, хотя трех, хотя двух, хотя только одного, то придешь получив великую прибыль. Путь весьма длинен; воспользуемся же длинностью его для того, чтобы возобновить в памяти сказанное; наполним многолюдный путь ароматами. Подлинно, не столь прекрасным показался бы этот путь, если бы кто-нибудь, разложив по всему нему кадильницы, наполнил воздух благовонием, сколь прекрасным покажется он теперь, если все, идущие по нему сегодня, пойдут домой, рассказывая друг другу подвиги мученицы, и каждый сделает язык свой кадильницей. Не видите ли вы, когда царь вступает в город, с каким благочинием с обеих сторон стройно идут вооруженные воины, внушая друг другу идти тихо и с большим страхом, чтобы зрителям стоило посмотреть на них? Будем и мы подражать им, потому что и мы предшествуем Царю, Царю не видимому, не земному, но Владыке ангелов. Так станем входить и мы благочинно, внушая друг другу идти стройно и в порядке, чтобы нам приводить зрителей в изумление не многочисленностью только, но и порядком. Даже если бы и не было никого другого, но мы одни только шли по пути, и тогда не следовало бы бесчинствовать, ради неусыпающего Ока, везде присутствующего и все видящего; но теперь представьте, что среди нас замешалось много еретиков, и если они увидят, что мы так ликуем, смеемся, кричим, пьянствуем, то уйдут, крайне осудив нас. Если же соблазняющий одного подвергается неизбежному наказанию, то мы, соблазняя столь многих, какому подвергнемся наказанию? Впрочем, не дай Бог, чтобы, после этих слов и такого увещания, кто-нибудь нашелся виновным в вышесказанном. Если и прежде такие дерзкие поступки были неизвинительны, то после таких советов и обличения они делают наказание гораздо более неизбежным и для тех, которые совершают их, и для тех, которые равнодушно смотрят на совершаемое. Итак, чтобы вам и тех избавить от наказания, и самим приобрести большую награду, примите на себя попечение о наших братиях, расположите их припоминать и повторять сказанное, чтобы, занявшись этим во время пути, а также и дома оставшимся и оставленным принесши остатки этой трапезы, составить и там светлое пиршество. Таким образом мы и больше насладимся этим праздником, и приобретем себе большее благоволение святой мученицы, почитая ее истинным почитанием. Ей гораздо больше удовольствия доставит, когда мы уйдем отсюда с плодами и некоторой духовной пользой, нежели когда мы придем сюда и будем бесчинствовать. Молитвами этой святой и подвизавшихся подобно ей, да сподобитесь вы помнить в точности и это и прочее сказанное, и, показав все на деле, постоянно благоугождать во всем Богу, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

[1] Произнесена в Антиохии. Память св. Пелагии 8 октября.

БЕСЕДА ВТОРАЯ.

о св. мученице Пелагии[1].

Большего, конечно, собрания достойна была бы святая дева Пелагия; велики были подвиги этой девы, и требуют потому более многочисленного собрания зрителей. Но для ней довольно Христа, Который, и один присутствуя, украшает праздник и торжество этой девы больше всякого украшения, потому что, где присутствует Христос, там находится лик всех ангелов. Правда, и все мученики показали, что тела их крепче мучений, и потому сделали из себя некоторое великое зрелище борьбы против диавола, преодолев самым телом бестелесных духов, и представив плоть свою твердо сопротивлявшейся железу; но когда я вижу, как и самые отроковицы жаждут умереть за распятого Христа, тогда еще более смеюсь над безумием диавола, который, придумав себе множество мест для оракулов, как будто он станет предсказывать в них будущее, не мог предвидеть и предсказать то, какое посрамление, достойное всякого смеха, потерпит он сегодня. В самом деле, что можно привести смешнее того, что ныне потерпел диавол? Он уловил в сеть деву, и однако не получил самой добычи; схватил отроковицу, и не мог удержать ее, как будто схватил тень, а не деву. Так как она соединяла в себе простоту голубя с мудростью змия, то хотя была захвачена, как простой голубь, однако убежала, как мудрый змий; быв захвачена, она не отчаивалась в победе; быв задержана по телу, не была пленена по духу или уму, но придумала некоторую хитрость, которою бы могла осмеять неразумие тех, кем была захвачена и оставить их изумленными. Что же это было? Отроковица притворно объявила, будто переменила свое намерение, и чтобы это казалось вероятным, явила лице свое веселым, хотя поставлена была в опасности такого волнения и кораблекрушения. Воины, увлеченные этим вымыслом и обманутые веселостью отроковицы, начали обращаться с ней человеколюбивее. Когда она попросила у них позволения отлучиться на столько времени, пока она наденет себе украшение, приличное невесте, то воины дали ей возможность идти, так как они думали, что этим они не только сделают приятное деве, но и самим судьей более будут похвалены, если приведут отроковицу в красивой одежде. Она же, получив возможность выполнить свое намерение, тотчас оделась в одежду, которая поистине прекрасна. Облекшись и укрепив себя душевным мужеством и великой надеждой воскресения, она побежала до самого верха кровли и оттуда бросилась вниз. Таким образом она совершила такого рода подвиг, который, как нечто великое, диавол осмелился некогда предложить самому Господу, когда сказал: "**если Ты Сын Божий, бросься вниз**" (Мф.4:6). Весьма изумляюсь я вере и величию души этой отроковицы. Чего не подумала бы тогда сама в себе другая дева? Она конечно сказала бы: я бросаюсь вниз с этого места, так как принуждена сделать это по тому самому, что боюсь позора. Похвально намерение, если только за падением этим последует смерть, потому что хотя бы враги и стали неистовствовать надо мной мертвой, я не буду чувствовать, и они сделают это без моего ведома. Но если члены упавшего на землю тела будут изломаны, а душа останется в членах, то, страдая и болезненно перенося телесное уродство, я однако и тогда буду приведена к судье и потерплю то, чего всегда боялась; предадут позору тело мое с поврежденными членами и отпустят меня обесчещенной, и таким образом я понесу двоякое бедствие, – повреждение телесных членов и лишение девства. Этого, конечно, достаточно было бы для того, чтобы смутить другую деву. А она была так уверена, как будто кто-нибудь ручался ей в окончании дела, и потому охотно поспешила броситься вниз. Итак ты, диавол, побежден мужеством и

величием души юной девы. На то, что предлагал ты некогда самому Господу, вызвала тебя отроковица, Его служительница, и, добежав до вершины кровли, сама бросилась оттуда вниз; и хотя была вызвана судьей, но не повиновалась тебе, внушившему это, и не приняла коварной борьбы: знала она твои хитрые замыслы, – что ты часто имеешь обыкновение призывать самих дев к судьям, как будто для получения наказаний, но после без борьбы с теми, которые пошли на борьбу, выбрасываешь их как еще более жалких пленников. Но если ты действительно вызываешь отроковицу на борьбу или на состязание, то сразись с ней теперь, когда она бросается с кровли, и удержи ее, падающую оттуда; осмелься стать против нее и выдержать борьбу; употреби хитрость, какую хочешь; пред тобой земля вместо поля сражения; вынимай теперь мечи свои, чтобы нанести смерть; подставь жестокие орудия убийства умерщвляемым людям; устрой погибель падающей отроковице. Да, она превзошла все твои тайные и коварные козни, как бессильнейшие, и, что еще больше, не просила у Бога и того, что написано: "**ангелом Своим заповедай** о мне, Господи, **да не преткнусь о камень ногою**" моею (Лк.4:10-11); но просила о том, чтобы после самого падения Он повелел душе выйти из тела. О, отроковица, по роду и полу женщина, а по духу мужчина! О, дева, которую должно восхвалять двумя названиями, как поставленную в сонме дев и в лике мучеников! О, отроковица, столь скромная. что не доставила невоздержному судье возможности насладиться даже самым видом твоим! Будем же и мы подражать скромности этой отроковицы и воздвигать трофеи победы против своих страстей; сокрушим нападение неумеренности и невоздержания и укрепим дух свой к сохранению благочестия; отклоним самых судей от искушений, а когда будет благовременно, покажем себя не дерзкими, но смелыми; наконец умертвим члены наши, которые на земле, дабы сам Господь сделал это смиренное тело наше таким и привел в такое состояние, чтобы сообщить ему вид собственного Его тела: Ему да будет слава и держава во веки. Аминь.

---

[1] Беседа эта издана только в латинском переводе.

ПОХВАЛА

святому священномученику Игнатию Богоносцу,

бывшему архиепископу Антиохии великой, который был отведен в Рим и там потерпел мученичество, а оттуда опять перенесен в Антиохию[1].

Щедрые и честолюбивые учредители пиршеств устрояют частые и непрерывные пиршества для того, чтобы и показать свое богатство, и вместе обнаружить свое благорасположение к друзьям. Так и благодать Духа, представляя нам доказательство своей силы и показывая великое благорасположение к друзьям Божиим, предлагает нам постоянно и непрерывно трапезы мучеников. Недавно угощала нас с великим радушием весьма юная и безбрачная отроковица, блаженная мученица Пелагия; сегодня опять возобновил праздник ее блаженный и доблестный мученик Игнатий. Различны лица, но трапеза одна; меняются подвиги, но венец один; разнообразны состязания, но награда та же самая. К внешним состязаниям, где нужны телесные труды, по справедливости допускаются одни только мужи; а здесь, где все состязание касается души, поприще открыто для того и другого пола, зрители сидят для того и другого рода. Не одни только мужи вступали сюда, дабы жены, ссылаясь на слабость пола, не думали иметь

благовидное оправдание, и не одни только жены подвизались, дабы не был посрамлен мужской пол; но и из тех и из других многие провозглашены победителями и получили венцы, дабы ты самым делом убедился, что во Христе Иисусе "**нет мужеского пола, ни женского**" (Гал.3:28), что ни пол, ни слабость телесная, ни возраст, и ничто другое подобное не может препятствовать шествующим по пути благочестия, если мужественная готовность, бодрое настроение духа и горячее и пламенное чувство страха Божия вкоренены в душах наших. Поэтому и отроковицы, и жены, и мужи, и юноши, и старцы, и рабы, и свободные, и всякое звание, и всякий возраст, и тот и другой пол выступали на эти подвиги и ни откуда не потерпели никакого вреда, так как мужественную решимость вносили они в эти подвиги. Впрочем, время зовет уже нас к повествованию о славных делах этого блаженного мужа; но ум смущается и тревожится, не зная, о чем говорить во-первых, о чем во-вторых, о чем в-третьих: такое множество похвал заливает нас со всех сторон! Мы находимся в таком же состоянии, как если бы кто, войдя на луг и увидев множество роз, множество фиалок, и столько же лилий и других весенних цветов, различных и разнообразных, недоумевал, на что ему посмотреть прежде, на что после, – потому что каждый из видимых цветов привлекает к себе взоры его. Так и мы, войдя на этот духовный луг деяний Игнатия и созерцая не весенние цветы, но самые плоды Духа различные и разнообразные в душе его, смущаемся и недоумеваем, не зная, на что прежде обратить внимание, когда каждый из этих видимых плодов отвлекает от соседних ему душевный взор наш и привлекает его к созерцанию своей красоты. Посмотрите: он управлял нашей церковью доблестно и с такой тщательностью, какой желает Христос. Он показал на деле тот высочайший образец и правило епископства, которые определил Христос. Слыша слова Христовы, что "**пастырь добрый полагает жизнь свою за овец**" (Ин.10:11), он предал ее за овец со всем мужеством. Он близко обращался с апостолами и почерпал от них духовные струи. Каков же естественно был тот, кто с ними воспитывался и везде при них находился, имел общение с ними и в речах и в неизреченном, и был признан ими достойным такой власти? Наступило опять время, которое требовало мужества и души, презирающей все настоящее, кипящей божественной любовью и предпочитающей невидимое видимому, – и он с такой легкостью сложил с себя тело, с какой иной снял бы с себя одежду. О чем же нам сказать прежде? Об учении ли апостольском, которое он выражал во всем, или о презрении настоящей жизни, или о добродетельной ревности, с какой он управлял церковью? Кого мы прежде будем прославлять: мученика, или епископа, или апостола? Благодать Духа сплела тройственный венец и украсила им эту святую голову, или – лучше сказать – венец многоразличный, потому что, если кто тщателько разберет каждый из его венцов, то найдет, что из них и другие венцы произрастают нам.

2. Если желаете, приступим наперед к похвалам епископство его. Кажется, не один ли это венец? Но разберем его в слове, и вы увидите, что из него произойдут у нас и два венца, и три, и более. Я удивляюсь этому мужу не потому только, что он оказался достойным такой власти, но и потому, что эта власть вручена ему была теми святыми и что руки блаженных апостолов касались священной головы его. А это не мало служит в похвалу ему, не потому только, что он получил свыше большую благодать, и не потому только, что они низвели на него обильнейшую силу Духа, но и потому, что они засвидетельствовали присутствие в нем человеческих добродетелей. А каким образом, я скажу. Павел в послании к Титу, – а когда я говорю о Павле. то разумею не только его одного, но и Петра, и Иакова, и Иоанна и весь их сонм, потому что как в одной лире, хотя различны струны, но гармония одна, так и в сонме апостолов, хотя различны лица, но учение одно, так как один был художник, Дух Святый, приводивший в движение души их, что и выражает Павел, говоря: "**итак я ли, они ли, мы так проповедуем**" (1Кор.15:11), – итак в послании к Титу, показывая, каков должен быть епископ, Павел говорит: "**Ибо епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель, не себе угождающ[2], не**

гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец, но страннолюбив, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив, воздержан, держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здравом учении и противящихся обличать" (Тит.1:7-9). И опять к Тимофею, пиша о том же предмете. он говорит так: "**если кто епископства желает, доброго дела желает. Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, честен, страннолюбив, учителен, не бийца, не пьяница, но тих, не завистлив, не сребролюбив**" (1Тим.3:1-3). Видишь ли, какого совершенства добродетели требует он от епископа? Как отличный какой живописец, составив различные краски, чтобы сделать первоначальный портрет с царского лица, выполняет это дело со всей тщательностью, чтобы все, которые будут подражать ему и писать с него, имели верный портрет, так точно и блаженный Павел, как бы изображая царский портрет и приготовляя первообраз его, соединил различные краски добродетелей и в совершенстве изобразил нам отличительные черты епископства, чтобы каждый, восходящий на эту степень власти, взирая на него, столь же тщательно сообразовался с ним во всем. Итак, я смело могу сказать, что блаженный Игнатий напечатлел в душе своей весь этот образец с точностью, и был и непорочен, и безукоризнен, и не самолюбив, и не гневлив, и не пьяница, и не бийца, и не сварлив, и не сребролюбив, но справедлив, преподобен, воздержен, держался верного слова, согласно с учением, трезв, целомудрен, благочинен, к все прочие имел качества, каких требовал Павел. А какое, скажешь, доказательство на это? (То, что) сами, сказавшие это, рукоположили его с такой тщательностью; убеждая других производить испытание тем, которые имели восходить на этот престол власти, они сами не могли делать этого небрежно и если бы не видели всех этих добродетелей насажденными в душе этого мученика, то и не вручили бы ему этой власти. Они вполне знали, какая опасность предстоит тем, которые совершают такие рукоположения без разбора и как случится. Это самое опять объясняя, Павел в послании к тому же Тимофею говорил: "**рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах**" (1Тим.5:22). Что говоришь ты? Другой согрешил, а я буду участником его вины и наказания? Да, говорит он, так как ты даешь возможность грешить. Как, если кто вручит человеку неистовому и безумному острый меч, и безумный совершит им убийство, вину принимает на себя давший этот меч, – так и тот, кто дает право этой власти человеку, живущему в пороках, навлекает на свою собственную голову весь огонь его грехов и дерзостей: кто посадил корень, тот всегда бывает виновником того, что произрастает от него. Видишь ли, как венец его епископства явился у нас двойным, и как достоинство рукоположивших его сделало его власть блистательнейшей и вполне засвидетельствовало об его добродетелях?

3. Хотите ли, я открою вам и другой венец, произрастающий из этого же самого? Представим то время, в которое он получил власть епископства. Не все ведь равно – управлять церковью теперь, или тогда, как не все равно – идти по дороге, уже проложенной и хорошо устроенной, после многих путников, или по дороге, которая теперь в первый раз должна быть проложена, которая наполнена пропастями, камнями и зверями, и по которой еще никогда никто не проходил. Ныне, по благости Божией, нет никакой опасности епископам, но везде глубокий мир, и все мы наслаждаемся спокойствием, так как учение благочестия распространилось до концов вселенной, и цари вместе с нами тщательно соблюдают веру. Но тогда ничего этого не было; напротив, куда ни посмотришь, везде были утесы, пропасти, войны, сражения, опасности; и начальники, и цари, и народы, и города, и племена, и свои, и чужие замышляли зло против верующих. И не в одном только этом состояло бедствие, но и в том, что многие из самих уверовавших, как недавно принявшие чуждое им учение, имели нужду в великом снисхождении, были еще слабы и часто были сбиваемы с ног; а это не менее внешних войн огорчало учителей, или – вернее сказать – гораздо более, потому что внешние битвы и нападения доставляли им даже великое удовольствие вследствие надежды на

уготованные награды. Поэтому и апостолы возвращались "**из синедриона, радуясь**", что подверглись бичеванию (Деян.5:41); и Павел взывает говоря: "**радуюсь в страданиях моих**" (Кол.1:24), и всегда хвалится скорбями. А раны близких и падения братий не давали им и дух перевести, но, подобно тягчайшему ярму, постоянно обременяли и угнетали выю души их. Послушай, как горько скорбит об этом Павел, так радовавшийся среди страданий: "**Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?**" (2Кор.11:29) И еще: "**Ибо я опасаюсь, чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю, также чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете**". И немного после: "**чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и [чтобы] не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали**" (2Кор.12:20-21). И постоянно видишь его скорбящим и плачущим о своих, всегда боящимся и трепещущим за верующих. Итак, как мы кормчему удивляемся не тогда, когда он на спокойном море и на корабле, гонимом благоприятным ветром, сможет сохранить плывущих, но в том случае, если море свирепствует, волны воздымаются, самые путники на корабле бунтуют, великая буря и совне и совнутри облегает плывущих, а между тем он сможет управлять судном со всей безопасностью; так и тем, кому поручены были тогда церкви, мы должны гораздо больше удивляться и изумляться, нежели тем, которые ныне управляют ей; потому что тогда была сильная война и извне и внутри, было еще более нежно растение веры и требовало великой заботливости, и церковное общество, подобно новорожденному младенцу, имело нужду в великом попечении и в душе особенно мудрой, которая бы могла воспитывать его. А чтобы вы яснее узнали, каких венцов достойны были те, кому вверена была тогда церковь, и как трудно и опасно приниматься за дело в самом начале и прежде других приступать к нему, я приведу вам свидетельство Христа, Который за то подает голос и подтверждает высказанную нами мысль. Он, видя многих идущих к Нему и желая показать апостолам, что пророки больше их трудились, говорит: "**другие трудились, а вы вошли в труд их**" (Ин.4:38). Хотя апостолы трудились гораздо больше пророков, но так как те первыми сеяли слово благочестия и привлекали к истине еще неученые души людей, то им и присуждается большая часть труда.

Не все равно – учить, пришедши после многих других учителей, или самому первому бросать семена: то, что уже было изучаемо и сделалось привычным для многих, легко бывает принимаемо; а то, что слышат теперь в первый раз, смущает душу слушателей и представляет много затруднений для учащих. Потому и в Афинах смутились слушатели и отступили от Павла, укоряя его: "**что-то странное ты влагаешь в уши наши**" (Деян.17:20). Если и теперь управление церковью доставляет много заботы и труда ее кормчим, то представь, не вдвое ли, и втрое и во много раз больше труда было тогда, когда были постоянные опасности, войны, козни и страх. Невозможно, невозможно выразить словом те трудности, которые переносили тогда эти святые мужи; их может знать только тот, кто сам испытал их.

4. Скажу и о четвертом венце, который является нам из того же епископства. Какой же это? Тот, что он управлял нашим отечественным городом. Трудно управлять и сотней людей или только пятьюдесятью; но иметь на руках такой город и народ, простирающийся до двух сот тысяч человек, это какую, думаешь ты, показывает добродетель и мудрость? Как в войсках важнейшие и многочисленнейшие отряды вручаются более мудрым полководцам, так и города большие и многолюднейшие вверяются опытнейшим правителям. Притом и сам Бог имел великое попечение об этом городе, как показал Он это самыми делами: Петру, предстоятелю всей вселенной, которому вручил ключи неба, которому предоставил руководить и устроять все, Он повелел провести здесь долгое время, – так для Него наш город был равен всей вселенной.

Но упомянув о Петре. я усмотрел и пятый венец, сплетающийся отсюда, тот, что Игнатий преемствовал Петру во власти. Как вынимающий большой камень из основания, старается конечно поставить вместо него другой, равный ему, если не хочет поколебать и испортить все здание, так точно и тогда, когда Петр имел уйти отсюда, благодать Духа поставила вместо него другого равного Петру учителя, чтобы уже построенное здание не было испорчено незначительностью преемника. Итак, мы насчитали пять венцов, от величия власти, от достоинства рукоположивших его, от трудности времени, от обширности города, от добродетели передавшего ему епископство. Сплетши все эти венцы, можно было бы нам говорить и о шестом, и седъмом, и более; но чтобы, употребив все время на беседу об епископстве, не лишиться нам повествования о мученике, приступим наконец к изложению и этого подвига. Некогда была воздвигнута против церквей жестокая война и, как бы при владычестве на земле жесточайшей тирании, все были захватываемы среди площади, будучи обвиняемы не за что-либо неуместное, но за то, что, оставив заблуждение, обращались к благочестию, отступали от служения демонам, признавали истинного Бога и покланялись Единородному Его Сыну. За что следовало их удостоить венцов, удивления и почестей, за то были подвергаемы наказанию и терзаемы бесчисленными мучениями все, принявшие веру, особенно же предстоятели церквей. Диавол, коварный и искусный изобретатель таких козней, надеялся, что, погубив пастырей, он легко сможет расхитить стада. Но "**уловляет мудрых в лукавстве их**" (1Кор.3:19), желая показать ему, что не люди управляют Его церквами, а сам Он везде пасет верующих в Него, попустил быть этому, чтобы диавол, видя, что и по истреблении пастырей благочестие не уменьшается и слово проповеди не угасает, а еще более возрастает, узнал из самых дел и сам и все служащие ему такими гонениями, что наши дела не человеческие, но основа учения имеет корень свыше, с небес, что сам Бог везде управляет церквами и что воюющий с Богом никогда не может остаться победителем. И не одно только это зло делал диавол, но и другое не меньшее этого: он не дозволял умерщвлять епископов в тех городах, в которых они предстоятельствовали, но убивал их, уводя в чужую страну; а делал он это и как попытку уловить их, лишенных необходимого, так и в надежде ослабить их трудностью пути, что сделал он и с этим блаженным мужем. Он вызвал его из нашего города в Рим, назначая ему длиннейшие, двойные расстояния для бега, надеясь и длиннотой пути и множеством дней низвергнуть мужество его, но не зная того, что он имел сотрудником и спутником своим в таком путешествии Иисуса, и потому становился еще более сильным, представлял большие доказательства присущей ему силы и больше скреплял церкви. Попутные города, стекаясь со всех сторон, ободряли подвижника, и провожали его с великим запасом для пути, подвизаясь вместе с ним молитвами и молениями. И сами они получали не малое утешение, видя мученика идущим на смерть с такой готовностью, с какой естественно было идти призываемому в царские небесные чертоги. Из мужественной ревности и светлого взора его они самым делом убеждались, что то, на что он шел, было не смерть, но некоторое отшествие, переселение и восхождение на небо. Этому научал он и словами и делами все города, какие проходил. И что случилось с иудеями, когда они, связав Павла и отослав его в Рим, думали, что посылают его на смерть, а между тем послали учителем для живших там иудеев, то же самое было и с Игнатием, и притом с избытком. Он прошел дивным учителем не только для жителей Рима, но и для всех городов, лежащих на пути. убеждая презирать настоящую жизнь, ни во что вменять видимое, любить будущее, взирать на небо и не смущаться никакими бедствиями настоящей жизни. Научая их этому и большему этого самыми делами, он совершал путь, как какое-либо солнце, восходящее с востока и текущее на запад, или – лучше сказать – даже светлее его, потому что солнце шествует вверху, изливая чувственный свет, а Игнатий сиял прямо внизу, изливая в души мысленный свет учения, и солнце, склоняясь в страны западные, скрывается и тотчас производит ночь, а этот муж, удалившись в западные страны, воссиял оттуда еще светлее; оказал даже на пути всем величайшие благодеяния, когда же вступил в город (Рим), то и

его научил любомудрию. Для того Бог и попустил ему там окончить жизнь, чтобы кончина его стала уроком благочестия для всех, живущих в Риме. Вы, по благодати Божией, не нуждались более ни в каком доказательстве, уже укоренившись в вере; а жители Рима, где великое тогда было нечестие, имели нужду в большей помощи. Посему и Петр, и Павел, и после них этот муж, все там принесены были в жертву, как для того, чтобы этот город, осквернённый кровью идолов, очистить собственной кровью, так и для того, чтобы самым делом представить доказательство воскресения распятого

Христа, убедив жителей Рима, что они не презирали бы настоящей жизни с таким удовольствием, если бы не были сами вполне убеждены, что они взойдут к распятому Иисусу и увидят Его на небесах. Сильнейшим поистине доказательством воскресения служит то, что Христос умерщвленный явил после смерти такую силу, что живых людей убедил презирать и отечество, и дом, и друзей, и родных, и самую жизнь ради исповедания Его, и настоящим удовольствиям предпочитать бичевания, опасности и смерть. Такие подвиги свойственны не мертвецу и не оставшемуся во гробе, но воскресшему и живому. Иначе как объяснить то, что при жизни Его все апостолы, обращавшиеся с Ним, от страха оказались слабыми, предали учителя и разбежались; а когда Он умер, то не только Петр и Павел, но и Игнатий, не видавший Его и не насладившийся общением с Ним, показали такую ревность по Нем, что предали за Него самую душу?

5. Итак, чтобы все жители Рима на деле убедились в этом, Бог попустил святому там окончить жизнь; а что именно по такой причине, это я удостоверю самым способом его кончины. Он принял обвинительный приговор не вне городских стен, в овраге, или в темнице, или в каком-нибудь углу, но среди театра, в присутствии всего города, претерпел мученичество от выпущенных на него зверей, чтобы, перед глазами всех воздвигнув трофей победы над диаволом, сделать всех зрителей подражателями своих подвигов, не только умирая столь мужественно, но и умирая с радостью. Он так радостно смотрел на диких зверей, как будто не насильственно должен был расстаться с жизнью, но призывался в жизнь лучшую, духовнейшую. Откуда это видно? Из слов, которые он произнес, приготовляясь к смерти. Услышав, что его ожидает такой род казни, он сказал: желал бы я получить пользу от этих зверей! Таковы любящие: они с радостью принимают все, что ни терпят за любимых, и тем более считают удовлетворенным свое желание, чем мучительнее их страдания, как случилось и с ним. Он старался подражать апостолам не только смертью, но и готовностью к смерти. Слыша, что они, приняв бичевание, возвращались с радостью, и он хотел не только кончиной, но и радостью своей подражать учителям, – потому и говорил: желал бы я получить пользу от зверей! Уста зверей он считал гораздо более кроткими, нежели язык мучителя, и весьма справедливо, потому что этот призывал к геенне, а уста тех препровождали к царству. Затем, когда окончил он там жизнь свою, или – вернее – возшел на небо, он возвратился увенчанным. И это было делом Промысла Божия, что Он опять возвратил его к нам и разделил мученика между городами. Рим принял текущую кровь его, а вы почтены его останками; вы наслаждались его епископством, а те насладились его мученичеством; они видели его подвизающимся, побеждающим и увенчиваемым, а вы постоянно имеете его с собой; на малое время Бог отлучил его от вас, и даровал его вам с большей славой. Как взявшие взаймы деньги отдают с лихвой то, что получили, так и Бог, взяв от вас на малое время это драгоценное сокровище и показав его тому городу, отдал его вам с большим блеском. Вы отпустили епископа – и приняли мученика; отпустили с молитвами – и приняли с венцами; и не вы одни только, но и все лежащие на пути города. С какими чувствами, думаете, они взирали на эти возвращающиеся останки? Какое они получали удовольствие? Как радовались? Какими похвалами со всех сторон осыпали увенчанного победителя? Как храброго атлета, победившего всех своих противников и с блестящей славой вышедшего с места борьбы,

зрители тотчас принимают и не дают ему даже ступить на землю, но несут его домой на руках своих, осыпая бесчисленными похвалами, – так точно и этого святого города, начиная от Рима, преемственно принимали тогда и несли на раменах своих до здешнего города, восхваляя увенчанного победителя, прославляя Судию борьбы, смеясь над диаволом за то, что его хитрость получила противоположное окончание, и что он думал делать против мученика, то становилось в пользу ему. Тогда мученик доставил пользу и утверждение всем тем городам, а с того времени до настоящего дня он обогащает ваш город; и как постоянное сокровище, каждый день разделяемое и неоскудевающее, обогащает всех, заимствующих от него, так точно и блаженный Игнатий приходящих к нему отпускает домой, исполняя благословений, дерзновения, бодрости и великого мужества.

Итак, не сегодня только, но и каждый день будем приходить к нему для получения от него духовных плодов. Может, поистине может приходящий сюда с верой получить великие блага, потому что не только тела, но и самые гробницы святых исполнены духовной благодати. Если при Елисее случилось, что мертвый, прикоснувшись только к гробнице его, расторг узы смерти и снова возвратился к жизни, то гораздо более ныне, когда благодать обильнее, когда действие Духа сильнее, прикасающийся к этой гробнице с верой может получить от нее великую силу. Поэтому Бог и оставил нам мощи святых, желая привести нас к одинаковой с ними ревности и дать

нам надежное прибежище и утешение в бедствиях, постоянно постигающих нас. Итак, убеждаю всех вас, находится ли кто в унынии, или в болезнях, или в скорбях, или в каком-нибудь другом житейском несчастьи, или в глубине грехов, пусть с верой приходит сюда, и он избавится от всего этого, и возвратится с великой радостью, получив облегчение совести от одного созерцания; или – лучше – не одним только находящимся в несчастьях необходимо приходить сюда, но хотя бы кто находился в радости, в славе, во власти, или имел великое дерзновение перед Богом, и тот пусть не пренебрегает этой пользой. Он, пришедши сюда и увидев этого святого, сделает свои блага непоколебимыми, воспоминанием об его подвигах научив душу свою умерять себя и не допустив совести своей превозноситься своими делами. А не малое дело для находящихся в счастьи – не гордиться своим благоденствием, но уметь скромно пользоваться счастьем. Таким образом для всех это сокровище полезно, это прибежище благопотребно, – для падших, чтобы им избавиться от искушений, для благоденствующих, чтобы блага их остались прочными, для недужных, чтобы им возвратить себе здоровье, и для здоровых, чтобы им не впасть в болезнь. Помышляя о всем этом, будем предпочитать пребывание здесь всякой радости и всякому удовольствию, чтобы и радуясь и вместе получая пользу, мы возмогли и там сделаться сожителями и сообщниками этим святым, молитвами самих святых, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Слово это произнесено в Антиохии, после беседы о св. Пелагии, вероятно в день памяти св. Игнатия, 20 декабря.

[2] "**не себе угождающ**" в синод.пер. отсутствует – ред.

ПОХВАЛА

святому отцу нашему Евстафию, архиепископу Антиохии великой[1]**.**

Один мудрый и опытный в любомудрии муж, в точности изучивший природу дел человеческих и познавший их непрочность, что ничего нет надежного и верного, внушает всем вообще людям не ублажать никого прежде смерти (Сир.11:28). Посему, так как блаженный Евстафий уже скончался, мы со всей смелостью уже можем прославлять его, потому что если никого не должно ублажать прежде смерти, то ублажать достойных после их кончины можно безукоризненно. Подлинно, он уже прошел пучину житейских дел, избавился от возмущения волн, приплыл в тихую и безмятежную пристань, не подлежит неизвестности будущего, не подвержен падению, но, как бы стоя теперь на каком-нибудь камне и высокой скале, смеется над всякими волнами. Итак, ублажать его – безопасно, прославлять его – безукоризненно, потому что он уже не боится перемены, не опасается падения. Мы, еще живущие, подобно колеблющимся среди моря, подлежим многим переменам; как те то поднимаются вверх, когда воздымаются волны, то низвергаются в самую бездну, при чем ни это возвышение не безопасно, ни это низвержение не постоянно, потому что то и другое зависит от вод, текущих и не останавливающихся, – так точно и в делах человеческих нет ничего твердого и постоянного, но часты и быстры перемены. Один счастьем вознесен на высоту, а другой несчастьем низринут в глубокую бездну; но и тот пусть не гордится, и этот не отчаивается, потому что каждого постигнет весьма скорая перемена, – тот же не (испытывает этого), кто переселился на небо, отошел к вожделенному Иисусу, пришел в страну безмятежную, откуда "**болезнь**[2]**, печаль и воздыхание удалятся**" (Ис.35:10). Там нет ни подобия перемены, нет ни тени изменения, но все твердо и непоколебимо, все крепко и устойчиво, все нетленно и бессмертно, все неразрушимо и пребывает навсегда. Поэтому и говорится: "**прежде смерти никого не ублажай**" (Сир.11:28). Почему? Потому, что будущее неизвестно, и естество наше слабо; воля не деятельна, грех легко овладевает нами и много сетей: "**знай,** говорится, **что ты посреди сетей идешь**" (Сир.9:18); непрестанные искушения, великое множество дел, постоянное нападение бесов, непрерывные восстания страстей: вот почему и говорится: прежде смерти не блажи никогоже. Итак, ублажать достойного после его смерти безопасно; или лучше. не просто после его смерти, но после смерти такой, когда кто окончит жизнь с венцом, с исповеданием и верой нелицемерной. Если некто назвал блаженными и просто умерших, то не гораздо ли более (можно так назвать) умерших таким образом?

Кто же, скажешь, назвал блаженными просто умерших? Соломон, премудрый Соломон. Не будь невнимателен к этому мужу, но представь, кто он был, как жил, в какой безопасности и наслаждении провел приятную и беспечальную жизнь. Он прошел все роды удовольствий, обдумал все способы душевного наслаждения, изыскал различные и многообразные виды радостей, и, повествуя о них, говорил: "**построил себе домы, посадил себе виноградники, устроил себе сады и рощи сделал себе водоемы приобрел себе слуг и служанок, и домочадцы были у меня; также** имущество из **крупного и мелкого скота было у меня, собрал себе серебро и золото,** как песок**; завел у себя певцов и певиц, виночерпиев и виночерпиц[3]**" (Еккл.2:4-8). Итак, что сам он говорит при таком обилии богатства, имуществ, удовольствий и наслаждений? "**И ублажил я,** говорит, **мертвых, более живых, а блаженнее их обоих тот, кто еще не существовал**" (Еккл.4:2-3). Поистине достоверный обличитель наслаждений, произносящий о них такой приговор. Если бы кто-нибудь из живших в бедности и нищете произнес этот приговор против удовольствий, то можно было бы подумать, что он осуждает их не по справедливости, а по незнанию их; но когда порицает их тот, кто прошел все эти удовольствия и исследовал каждый путь их, то осуждение уже не подлежит сомнению. Может быть, вы думаете, что слово наше уклонилось от настоящего своего предмета; но если мы вникнем, то найдем, что сказанное находится с ним в ближайшем отношении. В

дни памяти мучеников необходимо последовательно и беседы вести о любомудрии. Говорим это не осуждая настоящую жизнь, – да не будет, – но порицая удовольствия, потому что не жизнь есть зло, но – жизнь бесцельная, необдуманная.

2. Итак, кто прожил настоящую жизнь в добрых делах и в надежде будущих благ, тот возможет сказать, подобно Павлу, что "**а оставаться во плоти несравненно лучше**"[4]; ибо это плод дела (Флп.1:23-24), – как было и с блаженным Евстафием, который и жизнью и смертью воспользовался по надлежащему. Он потерпел смерть за Христа не в собственной стране, а в чужой. Это – дело врагов; они изгнали его из отечества, дабы посрамить его, но он сделался еще славнее и знаменитее через изгнание на чужбину, как доказал и конец дел. Такова слава его, что, тогда как тело его покоится во Фракии, память его ежедневно процветает у нас, и, хотя гроб его находится в той варварской стране, но любовь наша, не смотря на столь великое расстояние и столь долгое время, ежедневно возрастает: или лучше, если нужно сказать правду, и гроб его у нас, а не только во Фракии. Памятниками святых служат не могилы, гробницы, столбы и надписи, но добрые дела, ревность по вере и чистая перед Богом совесть. Подлинно, блистательнее всякого столба воздвигнута мученику эта церковь, заключающая в себе письмена не безгласные, но самыми делами громче трубы возвещающие его память и славу; и каждый из вас, присутствующих здесь, есть гробница этого святого, гробница одушевленная и духовная. Если я раскрою совесть каждого из вас, присутствующих, то найду, что этот святой пребывает внутри души вашей. Видите ли, как враги не приобрели ничего, как они не угасили славы его, но еще более возвысили ее и сделали блистательнейшей, устроив столько гробниц вместо одной, гробниц одушевленных, гробниц издающих голос, гробниц приготовляющихся к такой же ревности? Поэтому я и называю тела святых источниками, и корнями, и миром духовным. Почему? Потому, что каждый из упомянутых предметов не удерживает собственной доброты в себе только, но и распространяет ее на далекое расстояние. Например: источники дают много воды и не удерживают ее в своих недрах, но, производя длинные реки, соединяются с морем, и длиной их, как бы протянутой рукой, берутся за морские воды. Также корень растений скрывается внизу, в недрах земли, но не удерживает всей силы своей в глубине; и особенно таково свойство виноградных лоз, вьющихся по деревьям. Когда они распространяют свои ветви по высоким стволам, то простирают вьющиеся по этим подпоркам отрасли на далекое расстояние, образуя густотой своих листьев какую-то длинную кровлю. Таково свойство и мира: часто оно лежит в каморке, но благоухание его, распространяясь через окна на улицы, переулки и площади, и ходящим вне дает знать о скрывающейся внутри доброте ароматов. Если же источник, и корень, и растения, и ароматы по природе своей имеют такую силу, то гораздо более тела святых; а что сказанное мной неложно, свидетели – вы сами. Так, тело этого мученика лежит во Фракии; а вы, не во Фракии находясь, но отстоя далеко от той страны, ощущаете благоухание на таком расстоянии, – и поэтому и собрались, так что ни дальность пути не воспрепятствовала, ни продолжительность времени не заглушила. Таково свойство духовных доблестей; они не прерываются никаким телесным препятствием, но цветут и возрастают каждый день, и ни продолжительность времени не ослабляет их, ни пространство пути не преграждает.

Не удивляйтесь однакож, что, начиная это слово и похвалы, я назвал этого святого мучеником; он своей смертью окончил жизнь: как же он мученик? Я часто говорил вашей любви, что мучеником делает не одна только смерть, но и душевное расположение. Не за конец дела, но и за намерение часто сплетается венец мученичества. И не я, но Павел дает такое определение мученичеству, говоря именно так: "**я каждый день умираю**" (1Кор.15:31). Как ты умираешь каждый день? Как возможно одному смертному телу принять множество смертей? Расположением, говорит, и готовностью к смерти. Так судит

и Бог; и Авраам не окровавил меча, не обагрил жертвенника, не заклал Исаака. – однакоже совершил жертвоприношение. Кто говорит это? Сам принявший жертву: "**ты не пожалел,** говорит Он, **сына твоего, единственного твоего, для Меня**" (Быт.22:12). Между тем Авраам взял его живым и возвратил здоровым; как же он не пожалел? А так, что о таких жертвах я сужу, говорит Господь, не по концу дел, но по расположению решающихся. Не умертвила рука, но умертвило намерение; не вонзился меч в горло отрока, не перерезал шеи, но бывает жертва и без крови. Знают, о чем говорится, посвященные в тайны. Посему и та жертва совершилась без крови, так как она имела быть прообразом этой. Видишь ли, как еще в ветхом завете предначертан образ? Не отрицай же истины.

3. Итак этот мученик, – а наше слово показало его мучеником, – готов был на бесчисленные смерти. и все их претерпел расположением и ревностью, – много опасностей, постигших его, перенес и самым опытом. И из отечества изгнали его, и на чужбину отправили, и многое другое воздвигли тогда против этого блаженного, хотя не имели никакой справедливой причины к обвинению, а только то, что, слушаясь слов Павла: "**поклонялись, и служили твари вместо Творца**" (Рим.1:25), он удалился от нечестия и убоялся беззакония; но это достойно венцов, а не обвинения. Ты же посмотри на злобу диавола. Так как еще недавно прекратилась языческая война и все церкви только что отдохнули от жестоких и непрерывных гонений, и еще немного прошло времени, как затворены были все храмы (идольские), погашены жертвенники и сокрушено все бесовское неистовство, то это печалило злого беса, и он не мог спокойно переносить мира церкви; что же он делает? Он производит еще другую жестокую войну. Та была внешняя, а эта внутренняя; в такой же войне гораздо труднее сберечь себя, и легче погибнуть подвергающимся ей.

В это-то время блаженный этот управлял нашей церковью. Болезнь эта, как некоторая сильная зараза, поднялась из стран Египта; потом, пройдя чрез промежуточные города, скоро вторглась и в наш город. Но он, бодрствуя, и наблюдая, и предвидя издалека все, имевшее случиться, отклонял приближавшуюся войну, и, как мудрый врач, прежде чем болезнь вторглась в город, пребывая здесь, приготовлял лекарства, и управлял этим священным кораблем с великой предусмотрительностью, посещая все места, воодушевляя корабельщиков, мореходцев, всех пловцов, и возбуждая их к вниманию и бодрствованию, как будто морские разбойники нападали и покушались отнять сокровище веры. И не только здесь он применял такое попечение, но и повсюду посылал людей, которые бы учили, убеждали, советовали, заграждали доступ противникам. Он был хорошо научен благодатью Духа, что предстоятель церкви должен заботиться не о той одной церкви, которая вручена ему Духом, но и о всей церкви по вселенной; этому научился он из священных молитв. Если должно, говорил он, творить молитвы за вселенскую церковь, от концов до концов вселенной, то тем более должно проявлять и попечение об ней о всей, равно заботиться о всех (церквах) и пещись о всех. И что было со Стефаном, это случилось и с ним. Как иудеи не в силах будучи противиться мудрости Стефана, побили того святого камнями (Деян.7:58), – так и эти, не в силах будучи противиться мудрости Евстафия и видя, что укрепления охраняются, изгоняют наконец проповедника из города. Но голос его не замолк; человек был изгнан, а слово учения не было изгнано. Так и Павел был связан, а слово Божие не было связано (2Тим.2:9); и этот был в чужой стране, а учение его с нами. Итак, изгнавши его, они стремительно напали, подобно сильному потоку, но ни растений не исторгли, ни семян не залили, ни возделанной нивы не повредили: так укоренилось хорошо и искусно возделанное его мудростью! Впрочем нужно сказать, для чего Бог попустил ему быть изгнанным отсюда. Эта церковь только что передохнула; имела не малое утешение в управлении Евстафия; он со всех сторон ограждал ее и отражал нападения врагов.

Для чего же он был изгнан, для чего Бог попустил гонителям его? Для чего? Не подумайте, что слова мои послужат к разрешению одного только этого недоумения; нет, если случится вам говорить о подобном и с язычниками, или еретиками, то, что будет сказано, будет достаточно к разрешению без всякого недоумения. Бог попускает истинной и апостольской вере Своей подвергаться многим нападениям, а ересям и язычеству попускает наслаждаться спокойствием; для чего? Для того, чтобы ты познал слабость их, когда они, и не тревожимые, сами собой разрушаются, и чтобы ты убедился в силе веры, которая терпит нападения, и через самих противников умножается. А что это не моя догадка, но божественный ответ, данный свыше, послушаем, что говорит об этом Павел, – и он ведь некогда испытывал нечто человеческое, потому что, хотя он был и Павел, но причастен был нашего естества. Что же он испытывал? Он был гоним, подвергался нападениям, терпел бичевания, подвергался бесчисленным козням отвне и извнутри, от казавшихся своими, от чужих; и нужно ли исчислять, сколько он перенес бедствий? Итак, изнемогая и уже не перенося нападений врагов, которые всегда разрушали его учение и противились его слову, он припадает к Господу, призывает Его и говорит: "**дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня. Трижды молил я Господа** об этом**. Но** [Господь] **сказал мне: "довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи""** (2Кор.12:7-9). Знаю, что некоторые считают это немощью телесной; но это не так, не так, – а называет он ангелом сатаны людей, противодействовавших ему, потому что это сатана есть слово еврейское; сатана значит: противник. Таким образом орудия диавола и людей, служащих ему, Павел называет ангелами его. Почему же, скажут, прибавлено: плоти? Потому, что плоть подвергалась бичеваниям, но душа была легка, возбуждаясь надеждой будущих благ; козни врагов не касались души его и не сокрушали внутренних помыслов, но достигали только плоти, и эта война не могла проникнуть внутрь. Так как плоть была раздираема, бичуема, связываема – связать же душу невозможно было, – то он и говорит: "**дано мне жало в плоть, ангел сатаны**", намекая на искушения, скорби, гонения. Потом что? О сем трикраты, говорит, Господа молих, то есть, часто я молился, говорит, чтобы хотя немного отдохнуть от искушений. Но вы помните причину, о которой я сказал, что Бог попускает рабам Своим терпеть бичевания, быть гонимыми и испытывать бесчисленные бедствия, именно для того, чтобы показать Свою силу. Вот и здесь апостол, молившийся о том, чтобы отступили от него бесчисленные бедствия и противники, не получил просимого; приводит и причину, почему он не получил просимого. Какая же это причина? Ничто не препятствует опять напомнить ее. "**довольно для тебя,** говорит Он, **благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**".

4. Видишь ли, что Бог для того попускает ангелам сатаны нападать на рабов Его и причинять им бесчисленные бедствия, чтобы проявилась сила Его? Поистине, с язычниками ли или с жалкими иудеями мы станем рассуждать, для нас достаточно будет для доказательства божественной силы то, что вера, подвергаясь бесчисленным войнам, одержала верх, и тогда как вся вселенная противоборствовала и все с великим жаром гнали тех двенадцать человек, т. е. апостолов, они, бичуемые, гонимые и терпевшие бесчисленные бедствия, были в состоянии в короткое время с полным превосходством победить причинявших им это. Для того Бог попустил и блаженному Евстафию быть отправленным на чужбину, чтобы еще более показать нам и силу истины и бессилие еретиков. Итак он, отправляясь в ссылку, хотя покинул город, но любви к вам не покинул, и хотя был изгнан из церкви, но не считал себя чуждым предстоятельства и попечения о вас, а тогда еще более оказывал попечение и заботливость, и, призвав всех, увещевал не отлучаться, не уступать волкам и не предавать им паствы, но оставаться внутри, заграждая им уста и обличая их, а простейших из братьев утверждая. А что он повелел хорошо, это показал конец дела: если бы вы тогда не остались в церкви, то большая часть города погибла бы, потому что в пустыне волки пожирают овец; но его речь воспрепятствовала

им бесстыдно обнаружить свою злобу. Впрочем, не один только конец дела показал это, но и слова Павла, так как он по наставлению апостола сделал такое увещание. Что же говорит Павел? Готовясь некогда быть отведенным в Рим в последнее путешествие, после которого уже не надеялся видеть учеников, он говорил: я более не увижу вас; говорил это, не опечалить их желая, но утвердить. Итак, намереваясь отправиться оттуда, он утверждал их такими словами: "**знаю, что, по отшествии моем, войдут к вам лютые волки; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно**" (Деян.20:29-30). Троякая война: естество диких зверей, жестокость войны, то, что нападают не чужие, а свои, поэтому естественно война более жестока. В самом деле, если кто станет нападать на меня и воевать отвне, то я легко смогу победить его; если же рана зарождается внутри, от самого тела, то зло становится трудно исцелимым. Так точно было и тогда. Поэтому он и увещевал, говоря: "**внимайте себе и всему стаду**" (ст.28); не сказал: покинув овец, бегите вон. Следуя этому наставлению, и блаженный Евстафий увещевал учеников своих, – что именно слышал этот мудрый и доблестный учитель, это слово исполнил он на деле. Так, при нападении волков, он не покинул овец, и хотя не восходил на престол начальствования, но это ничего не значило для благородной и любомудрой души. Почести начальников он оставлял другим, а труды начальников переносил сам, обращаясь среди волков. Зубы зверей нисколько не вредили ему: настолько вера его была сильнее их угрызений! Таким образом, вращаясь внутри, и занимая всех их борьбой с ним самим, он доставлял овцам великую безопасность. Но он не одно только это делал, что заграждал уста врагам, и отражал богохульства, но обходил и самых овец и узнавал, не уязвлен ли кто стрелой, не получил ли тяжелой раны, и тотчас прикладывал лекарство. Делая это, он во всех вложил закваску истинной веры, и не прежде отошел, как когда уже, по устроению Божию, блаженный Мелетий пришел принять все это тесто; тот посеял, а этот пришедши пожал. Так было и при Моисее и Аароне. Они, подобно закваске, обращаясь среди египтян, сделали многих ревнителями своего благочестия. Об этом свидетельствует и Моисей, когда говорит, что "**множество разноплеменных людей вышли**" вместе с израильтянами (Исх.12:38). Этому Моисею подражая, блаженный еще прежде начальствования исполнял дела начальства, потому что и Моисей, еще не получив руководительства народом, весьма сильно и мужественно наказывал обижающих, защищал обижаемых, и оставив царскую трапезу, почести и преимущества, поспешил к глине и деланию кирпичей, полагая, что попечение о своих почтеннее всякой роскоши, удовольствия и почестей. На него взирая тогда, и этот увещевал всех начальников иметь попечение о народе, и предпочел покою труды и изгнания отовсюду, подвергаясь непрестанным озлоблениям каждый день. Но все для него было легко, потому что самое дело доставляло ему достаточное утешение в случившемся. За все это воздав благодарность Богу, будем подражать добродетелям этих святых, чтобы участвовать с ними и в венцах, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, честь и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Слово это произнесено в Антиохии позднее беседы об обличении ап. Петра ап. Павлом и перед похвалой св. мученику Роману. Память св. Евстафия празднуется 11 ноября.

[2] В синод.перев. этого слова нет – ред.

[3] В синод.перев. этих слов нет – ред.

[4] В Библии наоборот: "**разрешиться и быть со Христом...несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас**" (Флп.1:23-24); видимо И.Златоуст это и имел в виду, но в цитате допустил неточность – ред.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ ПЕРВОЕ

о святом мученике Романе[1].

Опять память мучеников и опять праздник и духовное торжество. Они страдали, и мы радуемся; они подвизались, и мы веселимся; их – венец, и слава – общая, или – лучше – слава всей церкви. Как же, скажешь, это может быть? Так, что мученики суть наши части и члены; но "**страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены**" (1Кор.12:26). Венчается голова – и остальное тело веселится. Один делается победителем на Олимпийских играх – и весь народ радуется и принимает его с великой похвалой. Если же на Олимпийских играх получают такое удовольствие те, которые нисколько не участвовали в трудах, то тем более это может быть при подвижниках благочестия. Мы – ноги, а мученики – голова; но "**не может сказать голова ногам: вы мне не нужны**" (1Кор.12:21). Прославлены члены, но превосходство славы не отчуждает их от союза с остальными частями: тогда особенно они и славны, когда не отклоняются от союза с нами; так и глаз, будучи светлее всего остального тела, тогда сохраняет свойственную ему славу, когда не отделяется от остального тела. И что я говорю о мучениках? Если Владыка их не устыдился быть нашей главой, то тем более они не стыдятся быть нашими членами, потому что в них вкоренена любовь, а любовь обыкновенно соединяет и связывает разделенное и не слишком разбирает достоинства. Поэтому как они сострадают нам в грехах наших, так мы радуемся с ними их подвигам. Так и Павел повелел делать, сказав: "**радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими**" (Рим.12:15). Но плакать с плачущими не трудно, а радоваться с радующимися не очень легко: мы легче сострадаем находящимся в несчастьях, нежели сорадуемся благоденствующим. Там самое свойство несчастья достаточно для того, чтобы подвинуть к состраданию и камень; а здесь, при благосостоянии, зависть и недоброжелательство не дозволяют не очень любомудрому быть участником в удовольствии. Подлинно, как любовь соединяет и связывает разделенное, так зависть разделяет соединенное. Поэтому, прошу, будем стараться сорадоваться благоденствующим, чтобы очистить свою душу от зависти и недоброжелательства, – ничто так не отгоняет эту тяжкую и трудноизлечимую болезнь, как сорадование живущим добродетельно. Послушай, как Павел высок в том и другом отношении: "**кто**", говорит он, "**изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?**" (2Кор.11:29). Не сказал: и я не печалюсь, но: "**и я не воспламенялся**", желая словом "**воспламеняться**" представить нам напряженность своей скорби. И еще, в другом послании: "**вы стали царствовать без нас**", говорит, "**и о, если бы вы царствовали, чтобы и нам с вами царствовать!**" (1Кор.4:8). И еще: "**теперь мы живы, когда вы стоите в Господе**" (1Фес.3:8). Смотри, как вожделенно было для него благоденствие братий: он даже не считал себя живущим, если они не спасаются. Человек, восхищенный до третьего неба, вознесенный в рай, участвовавший в неизреченных тайнах и получивший такое дерзновение перед Богом, не очень чувствовал зти блага, если не видел и братий спасающимися вместе с ним. Он знал, верно знал, что ничто не больше любви и не равно ей, даже самое мученичество, которое есть верховное из всех благ; а каким образом, послушай. Любовь и без мученичества делает учениками Христа, а мученичество без любви не могло бы сделать этого. Откуда это видно? Из самых слов Христа; Он говорил ученикам: "**По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою**" (Ин.13:35). Вот, любовь без мученичества делает учениками. А что мученичество без любви не только не делает учениками, но и не

приносит никакой пользы тому, кто терпит, послушай Павла, который говорит: "**если я отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы**" (1Кор.13:3).

2. Потому особенно я люблю этого святого, собравшего нас сегодня, блаженного Романа, что вместе с мученичеством он явил великую любовь; поэтому и был отсечен ему святой язык. Подлинно, не излишне исследовать и то, почему не повел его диавол на истязания, казни и мучения, но отрезал ему язык. Он сделал это не напрасно, а с большим лукавством: ведь это – зверь коварный и делает и воздвигает все против нашего спасения. Исследуем же, для чего он решился на отсечение языка; но поведем речь несколько выше: таким образом мы узнаем и Божие человеколюбие, и терпение мученика, и злобу диавола, а познав Божие человеколюбие, возблагодарим Господа, узнав терпение мученика, будем подражать подобному нам рабу, поняв же злобу диавола, будем отвращаться этого врага. Для того Бог и дал нам разуметь козни его, чтобы, возненавидев его более, мы удобнее побеждали его. А что можно узнавать замыслы его, послушай, что говорит Павел о прелюбодее. В послании к Коринфянам он говорит так: "**окажите к нему любовь, чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы**" (2Кор.2:8,11). Что же за причина, по которой он отсек мученику язык? Позвольте мне начать рассказ несколько выше. Жестокая война некогда была возбуждена против церквей: не варвары делали набеги на города и не какие-либо иноземцы, но сами те, которые по-видимому были предстоятелями нашей вселенной, поступали с подчиненными суровее и свирепее всех варваров, врагов и тиранов; не свобода только, и отечество, и имущество, и настоящая жизнь тогда были в опасности, но царство небесное, и уготованные блага, и бессмертная жизнь, и исповедание Христово. Придуман был некоторый новый способ пленения; не из здешнего города изгоняли, но старались лишить вышнего Иерусалима свободного, и принуждали каждого принести в жертву душу на жертвенниках, отречься с клятвой от своего Господа, подчиниться тирании бесов, служить губителям и врагам нашего спасения – бесам, что было тягостнее и несноснее тысяч смертей и всякой геенны для душ христолюбивых. Тогда-то, когда многие были потопляемы, и буря усиливалась, и многие терпели кораблекрушение, этот блаженный Роман, пройдя в среду их, рассудил не тотчас предать самого себя опасностям, но наперед устрашенных, упавших духом, предающих собственное свое спасение – собрал, ободрил и приготовил к новой борьбе, упавших восстановляя, а стоявших укрепляя молитвами, и увещаниями, и советами, много любомудрствуя о будущих и о настоящих вещах, доказывая, что эти временны, а те вечны, противопоставляя трудам воздаяния, истязаниям венцы, страданиям награды, научая, какова жизнь настоящая и какова будущая, и сколь велико различие между той и другой, и что умереть нужно во всяком случае, если и не таким образом окончим мы жизнь, то, во всяком случае, по необходимому закону природы, спустя немного времени, расстанемся с этими телами. Такими и подобными этому увещаниями он укреплял ослабевшие руки, утверждал колена расслабленные (Евр.12:12), возвращал беглецов, отгонял страх, удалял уныние, внушал бодрость, делал вместо боязливых отважными, вместо серн и ланей львами, дышущими великой силой, устроял воинство Христово, обращал наш стыд на головы врагов. Поэтому диавол, увидев, что вдруг произошла перемена, и что те, которые вчера и третьего дня страшились его и трепетали, теперь смеются над ним и действуют смело, выступают против опасностей, кидаются на мучения, и узнав виновника, оставил всех и наконец весь дышал гневом на него, двигая против этой блаженной главы всю свою силу и неистовство. И что он делает? Посмотрите на злобу его. Он не повел мученика на истязания, не отсек его голову, потому что прошедшее время научило его, что все это было напрасно и тщетно: это не только не прекращало ревности верующих, но еще более напрягало ее, делало ее и более сильной и более горячей. Я, говорит, подстилал горячие уголья, а они шли как бы на розы; зажигал огонь, а они бросались как бы в источники прохладных вод; скоблил ребра, прорезал

глубокие борозды и изводил потоки крови, а они красовались, как бы осыпанные со всех сторон золотом; я низвергал с стремнин и погружал в море, а они, как будто не в пропасть нисходя, но восходя на самое небо, в таком были состоянии восхищения и восторга, и как бы ликуя на священном торжестве и играя на зеленеющем лугу, так бросался каждый из них на мучения, как будто принимали они не мучения, но весенние цветы и получали венцы, и избытком своей ревности предупреждали мои мучения. Что же, говорит, теперь нужно делать? Отсеку ли ему голову? Но произойдет то, чего он желает, и ученики получат большее увещание чрез дела его, так как он увещевал; что смерть мучеников есть не смерть, но жизнь, не имеющая конца, что ради нее особенно надобно терпеть все и что должно презирать смерть. Итак, если я отсеку голову, и он перенесет это мужественно, то делами еще яснее научит их, что так должно презирать смерть, и еще более ободрит их души и, скончавшись, вдохнет в них еще большую ревность. Поэтому он отсек ему язык, чтобы ученики мученика, лишившись голоса, которым наслаждались, оставшись без совета и без увещания, сделались более робкими и вновь пришли в прежнее уныние, не имея того, кто одушевлял их, возбуждал и вооружал.

3. И посмотри на злобу диавола. Ирод отсек голову Иоанна, а этот – не голову, а только язык. Почему? По великой злобе и жестокости. Если, говорит, я отсеку голову и он умрет, отойдет, не видя гибели своих братьев; а я хочу поставить его свидетелем падений и несчастия собственных его воинов, чтобы он томился мукой, видя падающих, но не имея возможности подать им руку и не будучи в состоянии предлагать советы, как прежде, так как голос пропадает вместе с языком.

Но "**уловляющий мудрых в лукавстве их**" (1Кор.3:19) обратил это ухищрение на его голову: диавол не только не лишил их совета, но и сделал то, что они получили большее увещание и стали пользоваться более духовным наставлением. Когда он настоял на этом, то призывается наконец для отсечения врач, и делается палачом вместо врача, не исправляя больной член, а повреждая здоровый; но, исторгнув язык, он не смог исторгнуть вместе с ним и голос. Язык телесный был отсечен, а язык благодати прилетел в уста блаженного; природа лишилась своего члена, будучи принуждена к тому железом, а благодать не допустила, чтобы вместе был потерян и голос, – почему ученики и стали пользоваться более духовным наставлением, слушая не человеческий голос, как прежде, но некоторый божественный, и духовный, и высший нашей природы; и все стекались, сверху ангелы и снизу люди, каждый желая видеть уста без языка и слышать того, кто так говорил. Так было чудно и необычайно, что уста говорили без языка, принося диаволу много стыда, а мученику много славы, ученикам же великое утешение и побуждение к терпению. Таково обыкновение у Бога издревле и с самого начала: то, что диавол замыслит против нас, Он обращает на его голову и устрояет к нашему спасению. Смотри: тот изгнал человека из рая, а Бог открыл ему небо; тот лишил его владычества земного, а Бог дал ему царство небесное и поместил наше естество на царском престоле. Так всегда Он дает блага, большие тех, какие диавол старается отнять. А делает Он это для того, чтобы заставить его быть медленнее в кознях против нас, а нас научить никогда не бояться его ухищрений, как и здесь случилось с мучеником. Диавол надеялся лишить его голоса, а Бог даровал ему гораздо лучший и превосходнейший, потому что не одно и то же было – говорить с языком и – без языка: то было дело естественное и общее для всех, а это сверхъестественное и принадлежащее только ему одному. Если бы даже мученик и остался безгласным по отсечении языка, и тогда у него выполнены были бы все условия борьбы и венец был бы готов, потому что величайшим поражением диавола и ясным доказательством его было самое отсечение языка. Если ты, скверный и всескверный, не боялся языка, то для чего ты отсек его? Для чего ты не оставил орудия борьбы, но затворил ристалище? Как если бы кто, желая состязаться в борьбе, но получив тяжкие раны, и наконец, не в состоянии будучи противиться, приказал отрубить руки противнику,

и таким образом стал бить его, то не нужно было бы другого доказательства для того, чтобы присудить победу тому, у кого отрублены руки, – так точно и в отношении к мученику отсечение языка было яснейшим из всех доказательством победы над диаволом. Хотя язык был смертен, но так как он наносил диаволу бессмертные раны, то поэтому диавол весь и дышал гневом против него, подвергая самого себя большему посрамлению, а мученику доставляя светлейший венец, потому что как удивительно – видеть дерево без корня и реку без источника, так и – голос без языка.

4. Где теперь те, которые не веруют в воскресение тел? Вот голос и умер и воскрес, и в одно мгновение времени произошло то и другое. Это даже гораздо больше воскресения тел, потому что там естество тел остается, а разрушается только их сочетание, а здесь самое основание голоса было истреблено, и однако он опять стал еще более светлым. Если ты отнимешь от флейты дульца, то этот инструмент будет потом бесполезным; но не такова флейта духовная, – напротив, даже лишенная языка, она не только не была безгласной, но издавала песнь еще более благозвучную и таинственную и с более изумительным искусством. Также и от цитры, если кто отнимет только кольцо, то празден становится художник, бесполезно искусство, инструмент никуда не годен; а здесь ничего такого, но все напротив. Цитрой были уста, кольцом язык, художником душа, искусством исповедание; и, хотя отнято было кольцо, т. е. язык, однако ни художник, ни искусство, ни инструмент не сделались бесполезными, но все показали свойственную им силу. Кто сделал это? Кто показал такие чудные и необычайные дела? Бог, Который один творит чудеса, о Котором говорит Давид: "**Господи, Господь наш! Как чудно имя Твое по всей земле! Ибо величие Твое превознеслось выше небес. Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу**" (Пс.8:2-3). Но тогда – из уст младенец и ссущих, а теперь – из уст безъязычных; тогда природа не созревшая, а теперь уста, лишенные языка; тогда в детях был корень нежный, но плод совершенный, а здесь самый корень был истреблен, и это не препятствовало рождению плода, так как плод языка – голос. Позднейшие чудеса удивительнее прежних. Дабы мы не отказались верить этим чудесам, для этого им предшествовали те, чтобы мы не смущались последними, приучив ум наш к прежним; и для того совершились новые чудеса, чтобы тем, сокрытым и давним, мы верили при помощи явных и бывших недавно. Так некогда и жезл Аарона произрастил, как теперь произрастили уста мученика. Но почему тогда произрастил жезл Аарона? Потому, что бесчестили священника. Почему же теперь произрастили уста мученика? Потому, что хулили великого архиерея, Иисуса Христа. Посмотри, какое сродство в чуде и превосходство. Как тот жезл, не будучи соединен с корнем и не извлекая влаги из земли, лишенный доставляемого ей питания и потерявший плодородную силу, вдруг показал плод, – так точно и здесь голос, лишившись корня и не имея силы от этого орудия, вдруг произрос в устах сухих и бесплодных. В этом сродство, а в другом превосходство, потому что великое различие между тем и другим плодом. Тот был чувственный, а этот духовный, и самые небеса открывал он тому, кто издавал тогда этот голос. Будем о всем этом радоваться вместе с мучеником, будем прославлять Бога, совершившего такие чудеса, будем подражать терпению подобного нам раба, возблагодарим Владыку за Его благодать, примем в сказанном достаточное утешение в искушениях и, изумляясь могуществу создавшего нас Бога и Его попечению, будем представлять все, нужное от нас, а потребное от Него непременно последует. Хотя бы люди, хотя бы бесы, хотя бы сам диавол поражал нас, – ни в чем не успеют враждующие против нас, только бы мы оказывали собственную ревность и представляли все, что должно представлять от нас. Таким образом мы и здесь приобретем помощь Божию и в будущей жизни получим великую славу и спасение, которого да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, честь и держава, во веки веков. Аминь.

[1] Произнесено в Антиохии после похвального слова св. Евстафию, в день памяти св. Романа – 18 ноября.

СЛОВО ВТОРОЕ

о святом мученике Романе[1].

Гимнастические упражнения доставляют телам крепость и знание искусства атлетов; а воспоминания о мучениках вооружают души против ухищрений бесов и научают бороться с ними. Показывая силу подвижников и непреклонную борьбу с истязаниями, они придают благочестию смелость, представляя в повествованиях о мучениях, как бы на месте подвигов, пройденное каждым мучеником поприще. Таково и воспоминание о подвижнике, увенчанном сегодня. В самом деле, кто не выступит смело на поприще против диавола, наставив свою душу подвигами мученика, которого не поколебало множество таких опасностей? Тогда по миру водила хороводы великая тирания нечестия; жизнь уподоблялась морю, колеблемому с самой глубины; огромные морския волны переливались на землю, и сильная буря нечестия со всех сторон обливала корабль благочестия, так что среди нее много кормчих умерло, и пловцов не малое число потонуло, и все было исполнено горького страха и кораблекрушений. Цари дышали сильнее бури, тираны поднимали страшные волны, престолы правителей колебались, судьи провозглашали отречение от Христа, законодатели угрожали жестокими наказаниями, мужей похищали к бесовским жертвоприношениям, жен влекли к мерзости жертвенников, и дев тащили к этому безумию, священников предавали на изгнание и убиение, верных изгоняли из священных оград. Для столь великой битвы вооружился мученик, и таким опасностям он противопоставил свою душу, смеясь над этой борьбой, как над каким-то сражением с тенью, и точно пылью на ристалище попирая судей верой, он возбудил душу тогдашнего судьи, остановив задуманный им против церкви бег. За это доблестный муж тотчас был восхищен на казнь, и хотя употреблено было множество разнообразных мучений, но мученик уподоблялся цитре, кольцом истязаний движим будучи к изданию звуков; палачи, обступившие его, сокрушали ему тело, а он, как медь какая, получая удары, издавал песнь благочестия; повесив на дереве, они терзали его, а он приветствовал это дерево, как древо жизни; они раздирали щеки праведника, как ребра, а он проповедывал, как бы получив множество уст, и посрамлял противника новым поражением. Когда он увидел, что судья призывает его к служению бесам, то просит привести дитя с торжища, чтобы сделать его судьей требований судьи, и приведенному дитяти предложил вопрос об этом предмете. Дитя, сказал он, Богу ли справедливо покланяться, или называемым ими богам? Велико превосходство мудрости мученика: судьей судьи он ставит ребенка; а он тотчас подал голос за Христа, чтобы очевидно было, что и дети умнее нечестивых судей, или лучше, чтобы мученик явился не только мучеником, но и руководителем мучеников. Однако и это не ослабило неистовства судьи, но тотчас мученик, вместе с дитятей, был схвачен в колоду, за мучением в колоде следовала темница, а за ней приговор, назначивший подвижникам различные казни: дитя он присудил к смерти, а мученика к отсечению языка. Кто слыхал о таком образе суда? Судьи бичуют подсудимых, принуждая их сознаться в том, что они знают за собой; а этот нечестивый судья отсекает язык, заставляя молчать о том, что он знает за собой. О, жестокое изобретение обмана! Я не мог, говорит, сразить мудрствующую о Христе душу; по крайней мере отсеку язык, говорящий о Христе. Отсеки язык, мучитель, чтобы тебе познать, что природа и без языка проповедует о Христе; исторгни язык из уст, чтобы тебе познать, что истинен Обещавший дары языков. Орудие языка было отсечено, а слово

полилось еще сильнее, освободившись от языка, как бы от какого-нибудь препятствия. Новое и необыкновенное зрелище: телесный с телесными беседует бестелесно. Так приличествует этому мученику песнь пророка: "**наполнились уста наши радостью и язык наш веселием**" (Пс.125:2); исполнились радости уста, принесши Христу новую жертву – язык, объят был великим веселием язык, явившись мучеником, предтечей мученика. О, язык, предваривший душу в сонмах мучеников! О, уста, породившие сокровенного мученика! О, язык, имевший жертвенником уста! О; уста, имевшие жертвой язык! Никто не знал, доблестный муж, что ты в устах твоих имеешь храм, храм, в котором ты заклал необычного агнца, – единокровный язык.

2. Какой же оратор достойно увенчает твои добродетели? Ты получил от природы язык, но ты воспитал из него мученика; ты получил уста, хранилище языка, но ты устроил из уст жертвенник для языка; ты получил кольцо, чтобы извлекать звуки, но ты показал его колосом отсекаемым; ты получил язык, служителя слов, но ты принес его в жертву Христу, как непорочную овцу. Каким же приличным названием я почту язык твой? Каким именем украшу язык твой? Палачи приложили к нему железо, а он, подобно связанному Исааку, не отскочил, но, лежа в устах, как на жертвеннике, с радостью принял удар, научая языки людей, что им должно не только говорить ради Христа, но и быть усекаемыми. Ты, доблестный муж, восхитил честь равную жертвоприношению патриарха, принесши единородную отрасль языка вместо единородного сына. Посему прекрасно Христос насадил тебе другой язык, потому что нашел тебя добрым возделывателем прежнего; прекрасно даровал Он тебе язык бестелесный, потому что ангельской душе не был приличен плотский; прекрасно воздал Он тебе воздаяние за язык: ты принес язык свой в жертву Владыке, а Он уплатил за него витийствующим голосом; и произошло между языком и Христом взаимное соглашение: язык отсекается за Христа, а Христос говорит вместо языка.

Где теперь у нас Македоний, сражающийся против Утешителя, подавшего дарование языков? А что я не лгу, прилагая Божеству Утешителя благодатные дары, свидетель нам блаженный Павел, который ныне взывает к вашему вниманию: "**Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно**" (1Кор.12:11); как Ему угодно, говорит, а не как ему повелевается. Но, чтобы, делая какие-нибудь прибавления к этим словам, не завалить нам вашей памяти множеством, запомним одно это сильное изречение об Утешителе, и таким образом выйдем отсюда, презирая тех, но снисходя пока к заблуждающимся и поклоняясь Божеству Утешителя. Итак, пророческая труба, предуказывая вселенское согласие о Христе, говорила: "**ибо будут знать Меня, от малого до большого**" (Иер.31:34), и "**каждый язык будет исповедоваться Богу[2]**" истинному (Ис.45:23). Пророк, как я сказал, объемлет сетью боговедения всякий язык; а мы сегодня послушаем и безъязычного оратора, защищающего благочестие, потому что он, как некоторая цитра, без кольца, прославляет Создателя. Итак, пусть скажет и блаженный Роман: "**язык мой – трость скорописца**" (Пс.44:2). Какой язык? Не тот, который отняло железо, но тот, который изваяла благодать Духа, потому что, когда исторгнут был язык, то благодать Духа заняла его место. Имели и апостолы языки, но, чтобы явилась сила Действующего, брение бездействовало, а говорил огонь небесный. Имело и Моисеево писание образ того, что выше слова: у него купина и огонь. Огонь апостольский в купине прообразовал звуки проповеди и голос дается бездушному, чтобы поверили ему, когда он коснется одушевленных орудий. Если прикосновение этого огня сделало и бездушное говорящим, то не должен ли он был, наполнив души разумные, своим прикосновением извлечь из них самую стройную песнь? Этой благодати был причастником и славный Роман, который, и по отсечении языка, обличал мучителя яснейшим голосом. Этот мучитель никак не поспешил бы отсечь язык, если бы не боялся токов обличений, если бы

не страшился потока проповеди, если бы не надеялся усмирить волны евангельского красноречия. Но посмотрим, что заставило мучителя пойти на такую дерзость.

3. Некогда нечестивец, принесший жертву бесам, преисполненный дыма и смрада жертв и осквернённый каплями нечестия, поспешно шел к церкви и, неся перед собой окровавленную секиру, искал бескровного жертвенника для беззаконного священнодействия. Но неистовство мучителя не утаилось от мученика: тотчас, выбежав в преддверие, он удерживает уже несущийся разлив нечестия, и как искусный кормчий, видя, что море устремляется на нос корабля, не остается в бездействии, но быстро перебегает через весь корабль и, рулем приведши в движение корму, ставит судно прямо против волн и, приподняв часть его, находившуюся в опасности, рассекает громадную волну и с некоторым искусством бороздит взволнованное море, – так сделал и блаженный Роман. Когда море идолопоклонства ревело богохульством, и неистовствовало против корабля церковного, и изрыгало на жертвенники пену крови, он один вооружается против бушующего моря и, видя, что корабль находится в крайней опасности, пробуждает находящегося на корабле Владыку, пробуждает Его, уснувшего сном долготерпения. Он видит море, возмущаемое противными ветрами, и произносит слова бедствовавших учеников: "**наставниче, спаси, погибаем**" (Лк.8:24); морские разбойники окружают корабль, волки осаждают стадо, воры подкапывают чертог твой, блудные песни оглашают невесту твою, опять змий разрушает стену рая, основной камень церкви колеблется; но Ты брось с неба евангельский якорь, и укрепи потрясаемый камень: "**наставниче, спаси, погибаем**". Общая опасность разделяет мученика: он и к Господу взывает с дерзновением, и против мучителя устремляет поток языка своего. Останови, тиран, говорит он, этот бешеный бег; познай меру своего бессилия; чти пределы Распятого; а пределы Распятого – не стены церкви, но концы вселенной; стряхни мрак неистовства; взгляни на землю – и пойми слабость своей природы; взгляни на небо – и подумай о великости борьбы; отвергни бессильную помощь бесов; рассмотри, что бесы, пораженные крестом, выставляют тебя защитником своих жертвенников. Для чего ты гонишься за неуловимым? Для чего пускаешь стрелы в беспредельное? Разве Бог ограничивается стенами? Божество неограниченно. Разве Владыку нашего можно видеть очами? Он незрим и безвиден по существу, а изображается и бывает видимым по человечеству. Разве Он обитает в дереве и камне и продает свое промышление за быка и овцу? Разве жертвенник служит посредником в соглашениях с Ним? Это – жадное нищенство твоих бесов. Мой Владыка, или – лучше, – Владыка всех – Христос обитает на небе и управляет миром, и жертва Ему – душа, обращающая к нему взоры, и одна для Него пища – спасение верующих. Перестань поднимать оружие против церкви: стадо на земле, а пастырь на небе; ветви на земле, а виноградная лоза на небе; если отсечешь ветви, то поможешь разрастись лозе. Руки твои полны крови; меч твой обагрен бессловесными жертвами; пощади невинных животных, и обрати меч на нас, обличающих тебя; пощади бессловесных, которые молчат, и умерщвляй нас, осуждающих тебя. Я боюсь не столько меча, убивающего людей, сколько жертвенной секиры; меч, убивающий людей, рассекает тело, а жертвенная секира убивает душу; меч, убивающий людей, закалает приносимое в жертву, а жертвенная секира погубляет вместе и приносимое в жертву и приносящего жертву. Режь мою шею, но не оскверняй жертвенника; ты имеешь добровольную жертву, – для чего же связываешь пленного вола, противящегося? Если ты хочешь принести жертву, то в преддверии церкви приноси жертву словесную. Не выносит мучитель чрезмерного дерзновения мученика, но тотчас начинает жертвоприношение с его языка. Итак, он отсекает язык не потому, чтобы хотел истребить его, но потому, что враждовал на проповедь, не столько по ненависти к проповеднику, сколько по недоброжелательству к проповедуемому. Но "**уловляющий мудрых в их лукавстве**" (1Кор.3:19) возвращает с неба отсеченное орудие голоса, невидимым языком подпирает охромевший звук и дарует голос безъязычному, самым делом показывая мучителю сотворение человека. И как

выкапывающие колодезь, раскапывая жилы, дают воде более широкий исток, так и мучитель, перекопав железом корень языка, был облит сильнейшими потоками обличений. Хотел я до конца веселиться речью о мученике, но наступило соответствующее время и побуждает меня замолчать; впрочем сказанного достаточно для вашей пользы, а для довершения сказанного нужны наставления нашего отца. Сокроем же сказанное в недрах памяти, а для того, что будет сказано раскроем бразды души; и за все будем поклоняться творящему чудеса Христу, потому что Ему слава со Отцем и Всесвятым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Принадлежность этого слова св. Златоусту сомнительна в виду большого различия в слоге и языке между ним и подлинными словами св. отца.

[2] Здесь в русском синод. переводе совсем другой смысл, а в септуагинте то же, что и в славянском: εξομολογησεται πασα γλωσσα τω῾ θεω῾ – ред.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ[1]

о святых Маккавеях и о матери их.

Как блистателен и радостен у нас город! Сегодняшний день светлее всего года, не потому, чтобы солнце сегодня бросало на землю лучи светлее обыкновенных, а потому, что свет святых мучеников озарил наш город блистательнее всякой молнии. Подлинно, они светлее тысячи солнцев и блистательнее великих светил; от них земля сегодня великолепнее неба. Не говори мне о прахе, не представляй пепла и истлевших от времени костей их, но открой очи веры и посмотри на присущую им силу Божию, на облекшую их благодать Духа, на окружающую их славу небесного света. Не такие лучи падают на землю с солнечного круга, какое сияние и блеск исходит из этих тел, ослепляя даже взоры диавола. Как предводители разбойников и расхитители гробниц, увидев лежащее где-нибудь царское оружие: латы, щит и шлем, все сияющее золотом, тотчас отскакивают прочь, и не смеют ни приблизиться, ни прикоснуться к ним, имея в виду великую опасность, если осмелятся сделать что-нибудь подобное, – так точно и бесы, эти истинные предводители разбойников, где увидят лежащие тела мучеников, тотчас отскакивают прочь и обращаются в бегство. Они смотрят не на смертную их природу, но на неизреченное величие Христа, Который действовал в них. Подлинно, в эти оружия облекался не ангел, не архангел и не другая какая-либо сотворенная сила, но сам Владыка ангелов. И как Павел восклицал: "**вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне**" (2Кор.13:3), так и они могут восклицать и говорить: или вы ищете доказательства на то, что в нас подвизался Христос? Драгоценны эти тела, потому что они приняли раны за своего Господа, потому что они носят язвы за Христа. И как царский венец, украшенный со всех сторон различными камнями, производит разнообразный блеск, так точно и тела святых мучеников, усеянные язвами за Христа, как бы дорогими камнями, являются драгоценнее и великолепнее всякой царской диадемы. Мирские распорядители ратоборств, назначив борьбу, считают за величайшую славу, когда выводят на поприще и на подвиги молодых и крепких бойцов, которые бы, прежде нежели отличатся в ратоборстве, благоустройством своих членов возбуждали в зрителях удивление; но здесь не так, а совершенно напротив. Христос, открыв ратоборство, не такое, как те, но страшное и ужасное, потому что здесь не сражение людей с людьми, а борьба людей с бесами, – открыв нам такое ратоборство, вывел на подвиги не молодых и крепких борцов, но малолетних отроков и с ними старца Елеазара, и кроме того престарелую жену, мать

этих отроков. Что же это значит, Владыко? Столь неспособный возраст ты выводишь на поприще для ратоборства? Кто слыхал, чтобы когда-нибудь выходила на борьбу женщина в такой старости? Никто не слыхал этого; но Я, говорит Он, самыми делами оправдаю это дивное, новое и никогда неслыханное событие; Я не такой распорядитель ратоборств, чтобы предоставлять все силе ратоборцев, но Я сам нахожусь при Моих подвижниках, помогаю им и подаю руку, и большая часть действий их происходит от Моей помощи.

Итак, когда ты увидишь, что женщина дряхлая, престарелая, нуждающаяся в посохе, выходит на борьбу, низлагает бешенство тирана, превосходит бесплотные силы, легко побеждает диавола, с великой силой сокрушает крепость его, то подивись благодати Распорядителя ратоборства, изумляйся перед силой Христовой. Не крепки телом эти ратоборцы, но крепки верой; немощна их природа, но могущественна умастившая их благодать; ослабели тела от старости, но окрепли умы любовью к благочестию. Это не чувственная борьба; посему взирай на этих подвижников не по внешности, а проникни мыслью в благоустроение души их, познай силу их веры, дабы убедиться, что сражающийся с бесами не имеет нужды ни в крепком телесном сложении, ни в цветущем возрасте, но, хотя бы он был весьма, молод, или достиг до крайней старости, а имел бы душу доблестную и твердую, – от возраста он нисколько не терпит вреда в подвигах.

2. Что и говорить о старце и юноше, когда и женщины выходили на эти подвиги и получали светлые венцы? На мирские ратоборства, требующие известного и возраста, и пола, и звания, не допускают ни рабов, ни женщин, ни стариков, ни детей; а здесь поприще со всей свободой открыто для всякого звания, для всякого возраста и для всякого пола, дабы ты познал щедродательность и неизреченную силу Учредителя этого подвига и видел на самом деле подтверждение апостольского изречения: "**сила"** Его "**совершается в немощи**" (2Кор.12:9), потому что, когда дети и старцы оказывают силу сверхъестественную, то совершенно ясно видна благодать действующего в них Бога.

А чтобы ты убедился, что эта внешняя (телесная) немощь подвижников делает их еще более славными венценосцами, мы теперь, оставив старца и отроков, представим слабейшую их, женщину, престарелую, мать семерых детей, потому что и болезни рождения служат не малым препятствием к таким подвигам. Что же прежде всего достойно в ней удивления? Слабость ли пола, или преклонность возраста, или удобораздражаемость (материнского) сочувствия? И это все – великие препятствия к подвигу, требующему такого терпения. Но я могу сказать и еще нечто другое, важнейшее этого, из чего мы увидим и мужество жены, и все коварство диавола. Что же это такое? Посмотри на злобу нечистого беса: он ее не прежде всех извлек на поприще, но после детей вывел на подвиги. Для чего? Для того, чтобы, мучениями семерых детей предварительно помутив ее рассудок и сокрушив крепость души, после того, как от зрелища сыновних страданий истощатся ее силы, потом легко победить ее, уже изнемогшую. Не на то смотри, что они терпели мучения, но заметь то, что она при каждом из них чувствовала тягчайшие страдания и с каждым из них подвергалась смерти. То, что говорю я, хорошо знают те женщины, которые испытали болезни деторождения и сделались матерями. Часто мать, видя свое дитя страждущим горячкой, готова бывает вытерпеть все, и даже перевести пламя болезни из его тела на саму себя: так матери считают страдания детей более несносными, нежели свои собственные бедствия. Если же это справедливо, как и действительно справедливо, то эта мать терзалась страданиями детей сильнее самих детей, и большее мученичество было у матери, нежели у детей. В самом деле, если один только слух о болезни одного дитяти раздирает утробу матери, то чего не вытерпела она, когда был умерщвляем не один сын, а такой сонм детей, и когда она не по слуху узнавала об их страданиях, но своими глазами видела случившееся? Как она не лишилась рассудка, видя, как каждого из них медленно убивали различными и

страшными муками? Как не исторглась душа из ее тела? Как она при первом взгляде не бросилась на костер, чтобы избавиться от зрелища последующих мучений? Хотя она была и любомудрая жена, но – мать; хотя и боголюбивая, но – облеченная плотью; хотя преданная (вере), но – причастная женской природе; хотя пламеневшая ревностью к благочестию, но – связанная узами болезней деторождения. Если мы, мужчины, видя преступника, которого ведут по торжищу с веревкой при устах и влекут к месту казни, часто сокрушаемся от одного этого зрелища, не имея никакого основания любить его, а имея даже достаточное побуждение удерживаться от такого чувства сострадания в злодействах осужденного, – то что должна была перенести она, видя не какого-нибудь одного преступника, ведомого на казнь, но семерых сыновей своих, вместе в один день убиваемых не скорой смертью, но разнообразными пытками? Подлинно, если бы это была женщина каменная, если бы внутренность ее была составлена из адаманта, и тогда не возмутилась ли бы, не почувствовала ли бы она чего-нибудь такого, что свойственно чувствовать женщине и матери? Вспомни, как мы удивляемся праотцу Аврааму, что он, принося в жертву своего сына, связал его и положил на жертвенник, и тогда ты хорошо поймешь, каково мужество этой жены. О, горестнейшее и вместе приятнейшее зрелище: горестнейшее по свойству того, что происходило; приятнейшее по расположению той, которая была зрительницей! Она не смотрела на текущую кровь, но взирала на сплетаемые венцы правды; не смотрела на строгаемые бока, но взирала на уготовляемые вечные обители; не смотрела на около стоявших палачей, но взирала на окружавших (ее с детьми) ангелов; забыла о болезнях рождения, презрела природу, не смотрела на возраст, презрела природу, действующую столь тиранически, природу, которая обыкновенно владычествует и над зверями. Так, многие из зверей, с трудом уловимых, уловляются, когда они по привязанности к детям забывают о собственном спасении, и по небрежению о себе попадают в руки ловчих; и нет ни одного животного столь слабого, чтобы оно не защищало детей своих, или столь кроткого, чтобы оно не раздражалось, когда убивают его детей. А эта жена преодолела власть природы, простирающуюся и на разумных людей и на бессловесных животных, и не только не бросилась на голову тирана и не исцарапала ему лица, видя терзаемых детей своих, но показала такое чрезвычайное любомудрие, что даже сама приготовляла для него бесчеловечное пиршество, и тогда как первые дети еще были мучимы, укрепляла остальных к перенесению таких же страданий.

3. Пусть слушают это матери, пусть подражают мужеству этой жены и любви ее к детям, пусть они так воспитывают детей своих. Не родить только – дело матери: это зависит от природы, но воспитывать – дело матери, потому что это зависит от воли. А чтобы ты убедился, что не рождение делает матерью, но хорошее воспитание их, послушай Павла, который удостоивает венца вдову не за рождение, а за воспитание детей. Сказав: "**вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя, известная по добрым делам**", он указал потом на главное из добрых дел. Какое же именно? "**Если она воспитала детей**", говорит; не сказал: если она родила детей, но: "**если она воспитала детей**" (1Тим.5:9-10). Представим же, что должна была вытерпеть эта жена, – если только должно назвать ее женой, – которая видела; как пальцы (сына ее) трепетали на горячих угольях, голова спадала, железная рука ложилась на голову другого сына и сдирала с нее кожу, и между тем страдалец еще стоял и разговаривал. Как она могла раскрыть уста? Как могла двигать язык? Как душа ее не вылетела из тела? Как? – Я объясню это. Она не смотрела на землю, но готовилась только к будущему; она боялась только одного, чтобы тиран не сделал пощады и раньше не прекратил борьбы, чтобы не расторг сонма детей ее, чтобы некоторые из них не остались неувенчанными. А что она этого боялась, видно из того, что последнего сына она почти руками своими взяла и поставила на жаровню, употребив вместо рук словесное к нему увещание и наставление. Мы не можем без скорби слышать и о чужих бедствиях, а она без скорби смотрела на собственные. Будем же не просто слушать об этом, но каждый из слушателей пусть перенесет все эти печальные

события на своих собственных детей; пусть представит любезные лица их и, представив перед собой своих возлюбленных, пусть припишет им эти страдания, – тогда он и поймет хорошо силу сказанного; или – лучше – и тогда не поймет вполне, потому что собственных страданий не может изобразить никакое слово, а только опыт дает о них понятие. Теперь, после увенчания семи сыновей, уместно сказать о ней следующее пророческое изречение: ты же "**как зеленеющая маслина, в доме Божием**" (Пс.51:10). На олимпийских играх, где часто сходятся тысячи бойцов, венец возлагается только на одного; а здесь из семи ратоборцев стало семь венценосцев. Какую ниву можешь ты показать мне столь плодородную, какое чрево – столь плодовитое, какое деторождение подобное этому? Мать сынов Зеведеевых сделалась матерью апостолов, но – только двоих, а чтобы одно чрево произвело семь мучеников, – этого я не знаю; притом она и сама себя приложила к ним, сделав прибавку не одной только мученицы, но гораздо большего числа. Из семерых сыновей стало только семь мучеников; а тело матери, придавшей и себя к ним, хотя было одно, но заменяло собою дважды семь мучеников, как потому, что она мучилась при каждом из них, так и потому, что она же и их сделала такими, родив нам целую церковь мучеников. Семерых сыновей родила она, и ни одного для земли, но всех для неба, или – лучше – всех их родила для Царя небесного, в жизнь будущую. Итак, диавол вывел ее на ратоборство последней по той причине, о которой я выше сказал, т. е., чтобы, наперед истощившись в силах зрелищем мучений (сыновей своих), она сделалась удобопобедимой, выступив последней против врага. Если люди, видя текущую кровь, впадают часто в изнеможение, и много нужно пособий, чтобы возвратить оставляющую их жизнь и отлетающую из тела душу, то эта жена, видя такие потоки крови, истекавшие не из чужого, но из сыновнего тела, чего не вытерпела, какого смущения не испытала в душе? Итак диавол, как я выше сказал, привлек ее на подвиги после детей для того, чтобы она сделалась слабее, но произошло противное: она вышла на подвиги еще с большей бодростью. Отчего и почему? Потому, что она уже не боялась и не беспокоилась за кого-нибудь из оставшихся при ней детей, чтобы они, как-нибудь ослабев духом, не лишились венцов; но, как бы сложив всех их в безопасное хранилище, – на небо, препроводив их к горним венцам и неизменным благам, она смело вышла на борьбу с великой радостью; и сама, приложив собственное тело к сонму детей, как бы драгоценнейший камень к какому-либо венцу, отошла к возлюбленному Иисусу, оставив нам величайшее утешение и увещание, увещание делами своими – с твердой душой и возвышенным умом принимать все бедствия. В самом деле, какой муж, какая жена, какой старец, какой юноша может получить извинение или иметь оправдание, если страшится угрожающих ему за Христа опасностей, после того, как жена престарелая, мать столь многих детей, подвизавшаяся прежде благодати, когда еще заключены были врата смерти, грех еще не был истреблен и смерть не была поражена, с таким усердием и мужеством претерпела такие мучения для Бога? Помышляя о всем этом, и жены и мужи, и юноши и старцы, начертав на сердце своем, как бы на какой-нибудь доске, подвиги и ратоборство этой жены, будем сохранять в душе нашей ее терпение, как постоянное наставление к презрению бедствий, дабы мы, будучи здесь подражателями добродетелей этих святых, и там могли быть общниками венцов их. Какое они показали любомудрие в опасностях, такое и мы покажем терпение в обуздании безумных страстей – гнева, корыстолюбия, сластолюбия, тщеславия и всего прочего подобного. Если мы преодолеем пламень этих страстей, как они – огонь, то будем иметь возможность стать близ них и иметь одинаковое с ними дерзновение, которого да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Все три беседы о свв. Маккавеях произнесены в Антиохии, в каком году – неизвестно.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

о святых Маккавеях.

Всех святых мучеников восхвалить одним языком невозможно, и хотя бы мы имели тысячи уст и столько же языков, нас недостало бы для этих похвал. Взирая на подвиги семи мучеников, я нахожусь в таком же состоянии, как если бы сребролюбивый человек, стоя при источнике, источающем золото и имеющем семь устьев, захотел исчерпать из него все, но после долгого и невыразимого труда, оставив в нем большую часть, принужден был бы отойти, потому что, сколько ни черпай из источника, в нем остается еще больше. Что же? Если мы не можем воздать по достоинству, то молчать ли нам? Нет, потому что принимающие эти дары суть мученики, которые в рассуждении таких приношений подражают своему Владыке. А как поступает Он? Когда кто-нибудь принесет к Нему дары, то Он соразмеряет награду не с величиной принесенного, но с усердием принесшего. Так поступил Он с известной вдовицей: эта жена положила две лепты, и была предпочтена тем, которые положили много (Лук.21:2-4), потому что Бог взирает не на малость денег, а на драгоценность расположения; денег – две лепты, а расположение дороже тысячи талантов золота. Поэтому смело приступим к похвалам, и, что мы сделали вчера, тоже пусть будет, если угодно, и сегодня. Вчера мы, взяв одну мать, о ней вели всю речь, – сделали же это не с тем, чтобы отделить ее от сонма детей, но чтобы это богатство было у нас безопаснее; так точно поступим и теперь: взяв отдельно одного из сыновей, скажем немного об нем, потому что нужно опасаться, чтобы похвалы семи мученикам, соединившись вместе, подобно семи рекам, не затопили у нас речи. Итак, возьмем одного из юношей, не с тем, чтобы отделить и его от сонма братьев, но чтобы сделать для себя бремя легким; и когда один будет восхвален, то венец будет общим и для прочих, так как все они участвовали в одних и тех же подвигах. Впрочем и сегодня мать непременно войдет в нашу речь, хотя мы не ее касаемся, потому что самая последовательность речи непременно привлечет ее и не допустит, чтобы она оставила детей: если она не отстала от своих чад в подвигах, то не отлучится от них и в похвалах.

Кого же нам взять из семи подвижников? Первого ли, или второго, или третьего, или последнего? Лучше сказать, между ними нет никого последнего, потому что это – сонм, а в сонме не видно ни начала, ни конца; но чтобы сделать восхваляемого более известным, мы скажем о последнем по возрасту. Подвиги их – братские, и дела – сродные; а где сходство дел, там нет первого и второго. Возьмем же последнего по возрасту и равновозрастного по духу, равновозрастного не только братьям, но и самому старцу (Елеазару). Он один из братьев веден был на мучения не связанный, потому что он не дожидался рук палачей, но собственной ревностью предупредил жестокость их, и был веден не связанный. Не был зрителем его ни один из братьев, потому что все они уже скончались; но были у него зрители достопочтеннее братьев – глаза матери. Не говорил ли я вам, что и без нашего усилия мать непременно войдет (в нашу речь)? Вот и привела ее последовательность речи. Это зрелище было так достопочтенно и велико, что и самое воинство ангелов, также и братья смотрели на него, – уже не с земли, а с небес, потому что они сидели увенчанные, как судьи на олимпийских играх, не мнение произнося о борьбе, но готовые принять увенчанного победителя. Итак, он стоял несвязанный и произносил слова, исполненные любомудрия; он хотел обратить тирана к собственному благочестию, но так как не мог, то сделал наконец свое дело – предал себя на мучение. Тот жалел об его юности, а этот оплакивал его нечестие; не на одно и тоже смотрели тиран и мученик, – у них обоих были одинаковы глаза плотские, но очи веры не одинаковы: тот смотрел на настоящую жизнь, а этот взирал на будущую, к которой имел

он возлететь; тиран видел сковороды, а мученик видел геенну, в которую тиран имел ввергнуть сам себя.

Если мы удивляемся Исааку, что он, будучи связан и положен отцом, не соскочил с жертвенника и не убежал, видя поднятый на него нож, – то гораздо более надобно удивляться этому мученику, что он не был связан, не имел даже и нужды в узах и не дожидался рук палачей, но сам для себя был и жертвой, и священником, и жертвенником. Посмотрев кругом и не видя ни одного из братьев, он смутился и решился поспешить и достигнуть того, чтобы не отделиться от этого прекрасного сонма. Вот почему он и не дожидался рук палачей; он боялся сострадания тирана, чтобы этот, сжалившись над ним, не отторг его от общества братьев, – поэтому он наперед избавил себя от бесчеловечного человеколюбия. А многое могло тронуть тирана: юность возраста, мучения столь многих братьев, которыми мог бы насытиться и дикий зверь (хотя он не насытился), старость матери и то, что для него не было никакой пользы от казни предшествовавших.

2. Представив все это, юноша предал себя на мучение, которого избегать не следовало, и бросился на жаровню, как бы в источник прохладных вод, считая ее божественной баней и крещением. Как люди, палимые жаром, кидаются в струи холодной воды; так он, пламенея любовью к братьям, устремился на эту казнь.

Притом и мать присовокупила увещание, не потому, чтобы он имел нужду в увещании, но чтобы ты узнал опять твердость этой жены. Она ни при одном из семи сыновей не показала материнской скорби, или лучше, при каждом из них испытала материнскую скорбь; не сказала самой себе: что это? – сонм детей похищен у меня; остался один этот; после него мне угрожает бесчадие; кто же будет питать меня в старости, если этот умрет? – не довольно ли было бы для меня отдать половину, а если не половину, то две части (сыновей)? – неужели и этого, который один остался мне на утешение в старости, неужели и его еще отдам? Ничего такого она не сказала и не подумала, но словесным увещанием, как бы руками, подняв положила сына на жаровню, прославляя Бога за то, что Он принял весь плод чрева ее, и никого не отвергнул, но собрал все плоды с дерева. Итак, я смело могу сказать, что она вытерпела больше детей, потому что у них самое изнеможение убавляло много боли, а она с несмущенным умом и светлым сознанием естественно воспринимала яснейшее ощущение происходившего. И нужно было видеть троякий огонь: один – зажженный тираном, другой – зажженный природой, третий – воспламененный Духом Святым. Не так разжег печь вавилонский тиран, как разжег печь этот тиран для матери; там пищей огня были нефть, смола, охлопье и хворост; а здесь – природа, болезни деторождения, чадолюбие, согласие детей. Не так терзались они, лежа на огне, как терзалась она от любви к детям; и однако она победила силой благочестия; природа боролась с благодатью, и победа осталась на стороне благодати; благочестие преодолело болезни деторождения, и огонь восторжествовал над огнем – духовный над естественным, разженным жестокостью тирана. Подобно тому как морская скала, принимая удары волн, сама остается неподвижной, а волны разбивает в пену и легко уничтожает, так точно и сердце этой жены, принимая удары скорбей, как скала в море – волны, само оставалось непоколебимым, а удары эти сокрушало мыслью твердой и исполненной любомудрия. Она старалась доказать тирану, что она – истинная мать их, а они – истинные дети ее, не по сродству природы, а по общению в добродетели; в огне думала она видеть не казнь, а брачный светильник. Не так радуется мать, украшая детей на брак, как радовалась она, видя их казненными; и как будто на одного надевая брачную одежду, другому сплетая венки, третьему приготовляя брачный чертог, – так она веселилась, видя одного идущим на жаровню, другого бегущим на сковороду, третьего лишаемым головы. Все было полно дыма и смрада, и всеми чувствами она ощущала детей, – глазами видя, слухом слыша любезнейшие слова, самыми ноздрями принимая дым от тел приятный и неприятный,

неприятный для неверных, а для Бога и для нее всего приятнейший, тот дым, который заражал воздух, но не заразил сердца жены, потому что она стояла твердой и непоколебимой, терпеливо перенося все происходившее. Впрочем, уже время прекратить беседу, чтобы им были возданы большие похвалы от общего нашего учителя[1].

Пусть подражают этой жене отцы, пусть соревнуют матери, и жены, и мужья, и живущие в девстве, и одетые в рубища, и облеченные в золотые цепи, – потому что какой бы мы ни достигли степени строгости в жизни и любомудрия, любомудрие этой жены идет впереди нашего терпения. Поэтому никто из достигших до высокой степени мужества и терпения пусть не считает недостойным иметь своей учительницей эту престарелую жену; но все вообще, и живущие в городах, и обитающие в пустынях, и хранящие девство, и с честью пребывающие в непорочном супружестве, и презирающие все настоящее, и распявшие тело, – будем молиться, чтобы, совершив одинаковый с ней подвиг, удостоиться одинакового с ней дерзновения, и стать близ нее в тот день; молитвами этой святой и детей ее и дополняющего сонм их Елеазара, старца великого, доблестного и показавшего в бедствиях адамантовую душу. А можем удостоиться мы этого, если при их святых молитвах сделаем все, зависящее и от нас самих, прежде борьбы и бедствий во время мира преодолевая свои страсти, укрощая беспорядочные движения плоти, изнуряя и порабощая тело. Если мы так будем жить во время мира, то получим светлые венцы за предуготовительные подвиги; а если человеколюбивому Богу угодно будет вывести нас на такую же борьбу, то мы выйдем на бой готовыми, и получим небесные блага, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, честь и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Т. е. епископа Флавиана.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

о святых Маккавеях.

Имея в виду с одной стороны похвалу, подобающую мученикам за дела их, а с другой – взирая на тесную толпу собравшихся, я недоумеваю. Поэтому, если угодно, в настоящее время отложим наставление, и постараемся подражать твердости мучеников. Итак, первый пусть предстанет перед нами старец Елеазар, начало подвигов, основание мученичества, вступление в борьбу, предводитель мужества, предтеча терпения, юная старость, первомученик ветхого завета, подобие верховного из апостолов Петра. Утомился враг, употребляя ласки и мучения, но не перестал мучимый произносить свою речь; стоял старец, дрожащий от старости, и сидел тиран, дышащий угрозой и убийством; но дрожащий отошел торжествующим, а надмевающийся отошел побежденным; стояла дряхлость, подвергаемая мучениям, и производила суд юность, гордо свирепствовавшая, но победа осталась на стороне дряхлости. О, новый род победы! Все воинство метавших стрелы обратил в бегство один старец, подвергавшийся ударам. Дивные подвиги старца не попускают мне перейти к мужеству юношей; однако нам нужно обратиться и к ним, показавшим силу свою над тираном; и они одержали над ним славную победу, потому что не подобало юности оказаться менее бесстрашной, чем старости. Итак, один за другим были увенчаны семь доблестных юношей, дети одной утробы, вышедшие на одно сражение. Впрочем, если угодно, я не стану говорить о них (вам), ревностные почитатели твердых мучеников. Затем, как я сказал, были увенчаны семь доблестных юношей, дети

одной утробы, вышедшие на одно сражение, украшенные братством по рождению и одинаковыми нравами, предавая себя один после другого на подвиги. Теперь мне нужно повторить перед вами, великодушные слушатели, это евангельское изречение: "**блаженно чрево, носившее**" вас, "**и сосцы**", вас "**питавшие**" (Лк.11:27). Упомянув о сосцах и чреве, я перейду теперь к матери этих доблестных подвижников, которая в одном своем теле неоднократно умирала или – лучше – была неодновратно убиваема, и ни разу не предалась сетованию, – к неуязвимой и вместе много уязвленной. Не столько смущал ее первый из сыновей, влекомый на смерть, сколько страшил второй, еще не выступивший на подвиги; не столько потом огорчала ее смерть второго, сколько страшила жизнь третьего сына, которой конец был еще неизвестен; мало озабочивал ее третий и четвертый сын, предаваемый смерти, пока пятый еще не был умерщвлен; и падение шестого не победило ее любомудрия; оставался наконец последним для подвигов седьмой, дополнивший семитонную цитру мучеников. Что же? Смутилась ли она от незрелости его возраста, стала ли скорбеть при виде отнимаемого остатка ее природы? Напротив, она сама влекла дитя на смерть, если не руками, то советами. Не расторгай, сын мой, говорила она, числа венцов; будь общником братьев, как в рождении, так и в подвигах; подражай сродству природы сродством в делах; покажи себя и в борьбе братом убитых; седьмым сыном родился ты у меня по природе, седьмым мучеником будь у меня по воле; не допусти, сын мой, чтобы я называлась матерью семи сыновей, но шести мучеников. Где теперь те, которые не хотят делать приношения Богу даже из своего имущества? Ныне мать привела к Господу семерых юных сыновей – и не смутилась, жертвуя своей утробой; а у нас многие иногда жалеют принести и несколько мелких монет. Будем же приносить в жертву Богу и души, и имущества, и тела, во всем прославляя Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Еще о маккавеях[1]**.**

Оттиски царских изображений можно находить не только блещущими на золоте, серебре и драгоценных предметах, но тот же самый образ можно видеть начертанным и на меди. И различие материалов не отнимает у изображения его достоинства: изображения, сделанные из драгоценных материалов, нисколько не теряют своей чести от того, что те же самые изображения воспроизводятся на материалах низшего качества, потому что всем им дает одинаковое достоинство царский образ, который, нисколько не унижая себя родом материалов, делает более почетным тот, который его принимает.

---

[1] Из соч. св. Иоанна Дамаскина "Об иконах". Этого отрывка нет ни в одной из трех бесед, быть может, потому, что которая-нибудь из них, всего вероятнее третья, дошла до нас не в целом виде.

ПОХВАЛЬНАЯ БЕСЕДА

о святых мученицах Вернике и Просдоке девах и о матери их Домнине[1]**.**

1. Не прошло еще и двадцати дней, как мы совершали память креста, и вот уже совершаем память мучениц. Видишь ли, как скоро явился плод смерти Христовой? Ради той Овцы потерпели заклание эти юницы, ради того Агнца эти жертвы, ради той Жертвы эти приношения. Не прошло еще двадцати дней, и уже древо креста произрастило прекрасные отрасли мучеников; таковы действия Христовой смерти. Итак, смотри доказательство

сказанного тогда, оправдавшееся сегодня самыми делами. Тогда я говорил: "**Он сокрушил врата медные и вереи железные сломил**" (Пс.106:16); сегодня это открылось на самом деле. Если бы Он не сокрушил врат медных, то жены не дерзнули бы войти так легко, при заключенных вратах; если бы Он не сломил железной вереи, то девы не смогли бы снять ее; если бы Он не сделал темницу непригодной, то мученицы не вошли бы с таким бесстрашием. Благословен Бог, – жена смело восстает на смерть, – жена, введшая смерть в нашу жизнь, (жена) – древнее орудие диавола, это (орудие) низложило силу диавола; сосуд немощный и удобосокрушимый стал оружием непобедимым; жены смело восстают на смерть: кто не изумился бы? Да посрамятся язычники, да постыдятся иудеи, неверующие воскресению Христову. Для чего, скажи мне, ищешь ты большего знамения этого воскресения, когда видишь совершившейся такую перемену в делах? Жены смело восстают на смерть, на то, что прежде и для святых мужей было страшно и ужасно.

Узнай же прежний страх пред ней, чтобы, видя нынешнее презрение к ней, дивился ты виновнику этой перемены – Богу; узнай прежнюю ее силу, чтобы, убедившись в настоящем ее бессилии, ты благодарил Христа, Который сделал ее совершенно бессильной. Прежде, возлюбленный, не было ничего сильнее смерти и ничего слабее нас, а теперь нет ничего слабее ее и ничего сильнее нас. Видишь ли, какая превосходная произошла перемена, как Бог сделал сильное слабым, а слабое сильным, явив нам в том и другом свое могущество? Но чтобы сказанное не было только одним выражением личного мнения, я приведу и доказательство. И во-первых, если угодно, мы покажем, как прежде боялись смерти не только грешники, но и святые люди, имевшие великое дерзновение пред Богом, отличавшиеся доблестными делами и достигшие всякой добродетели. Впрочем я показываю это не для того, чтобы осуждать нам святых, но чтобы подивиться силе Божией. Итак, откуда видно, что лик смерти прежде был страшен и все ужасались ее и трепетали? Из примера первого патриарха. Авраам, патриарх, праведник, друг Божий, оставивший отечество, и дом, и родных, и друзей, и презревший все настоящее ради повеления Божия, так боялся и страшился смерти, что, намереваясь войти в Египет, сказал жене своей следующее: "**я знаю, что ты женщина, прекрасная видом; и когда Египтяне увидят тебя, убьют меня, а тебя оставят**[2]" Что же? "**Скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя чрез тебя**" (Быт.12:11-13). Что это, святой и патриарх? Ты пренебрегаешь бесчестием жены, оскорблением брачного ложа, разрушением брака? Так боишься ты, скажи мне, смерти? И не только пренебрегаешь этим, но и сплетаешь обман вместе с женой, разыгрываешь вместе с ней постыдную драму, и чтобы царь египетский, покушаясь на прелюбодеяние, не сделал этого явно, надеваешь ей маску сестры, снимая с нее имя жены? Впрочем я боюсь, чтобы стараясь ослабить силу смерти, нам не показаться осуждающими праведника; поэтому, я постараюсь сделать то и другое, и показать бессилие смерти и исхитить его от такого осуждения. Но прежде необходимо доказать, что он боялся смерти, и тогда избавить его от нареканий. Посмотрим же, какое страшное и невыносимое дело испытал он, – потому что видеть свою жену посрамляемой и смотреть, как с ней совершают прелюбодеяние, это невыносимее и тысяч смертей. Но что я говорю: как с ней совершают прелюбодеяние? Даже, если муж имеет в душе простую мысль подозрительную касательно ее, и тогда для него вся жизнь становится не в жизнь. Страсть ревности составляет для него огонь и пламень неукротимый, которого мучительную и непреодолимую силу выражая, некто сказал: "**ревность - ярость мужа, и не пощадит он в день мщения, не примет никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножал даров**" (Прит.6:34-35); и еще в другом месте: "**люта, как преисподняя, ревность**" (Песн.8:6). Как невозможно, говорит он, склонить ад деньгами, так и ревнивого успокоить и примирить. Многие часто отдали бы душу свою, чтобы найти прелюбодея, и охотно стали бы пить самую кровь человека, оскорбившего жену, и решились бы сделать и потерпеть все для этого; а праведник однако перенес эту невыносимую, мучительную и

непреодолимую страсть с величайшим терпением и пренебрег оскорблением жены своей по страху смерти и кончины.

2. Итак, отсюда видно, что он боялся смерти; теперь же время избавить его от нареканий и обвинения за это, сказав наперед самое обвинение. Какое же это обвинение? Ему, говорят, должно было лучше умереть, нежели пренебречь оскорблением жены; за это и обвиняют его некоторые, что он решился лучше спасти свою жизнь, нежели целомудрие жены. Что говоришь ты? Ему должно было лучше умереть, нежели пренебречь оскорблением жены? Но какая была бы польза? Если бы он умирая мог исхитить этим жену от оскорбления, то вы говорите это прекрасно; но если умерши он не приносил никакой пользы жене для спасения от оскорбления, то для чего ему тщетно и напрасно жертвовать своей жизнью? А дабы тебе убедиться, что он и умерши не мог бы исхитить ее от прелюбодеяния, послушай, что говорит он: "**когда Египтяне увидят тебя, тебя оставят, а меня убьют**" (Быт.12:12). Таким образом имели произойти два преступления, прелюбодеяние и убийство; делом не малого благоразумия было из этих двух предотвратить по крайней мере одно. Если бы он (опять скажу то же), предав душу свою, спас жену от оскорбления, и египтяне, убив праведника, не коснулись бы Сарры, то ты обвиняешь справедливо; но если и по смерти его жена одинаково имела подвергнуться оскорблению, то для чего ты осуждаешь праведника за то, что когда имели случиться два преступления, прелюбодеяние и убийство, он своей мудростью предотвратил одно из

них, т. е. человекоубийство? За это, напротив, должно было хвалить его, что именно он сохранил руку прелюбодея чистой от крови. Ты не можешь сказать, что она самыми словами "я сестра его" увлекала египтянина к оскорблению, потому что, если бы она и сказала "я жена его", и в таком случае он не отстал бы. Это объяснил и сам Авраам, сказав: "**когда увидят тебя, меня убьют , а тебя оставят**". Так, если бы она сказала, что она была женою его, то совершилось бы и прелюбодеяние и убийство; но когда она сказала, что сестра, то убийство предотвращалось. Видишь, как из двух имевших совершиться преступлений, он своей мудростью устранил одно?

Хочешь ли узнать, как он, по возможности с своей стороны, уничтожил также и вину прелюбодеяния, так что не допустил египтянина сделаться и совершенным прелюбодеем? Выслушай опять внимательно самые слова его: "**скажи**", говорит, "**что ты мне сестра**". Что говорит он? Взявший сестру его не прелюбодей, потому что прелюбодей судится по намерению. Так и Иуда, вошедший к невестке своей Фамари, не считался прелюбодеем, потому что вошел к ней не как к невестке, но как к блуднице (Быт.38:15). Так и здесь египтянин, имевший взять ее не как жену Авраама, но как сестру, не стал бы считаться прелюбодеем. Но, скажут, как это относится к Аврааму, который знал, что отдавал жену свою, а не сестру? И в этом он не виновен. Если бы египтянин, услышав, что она жена Авраама, удержался бы от оскорбления, то ты справедливо осуждал бы праведника, а если имя жены нисколько не могло помочь Сарре в отражении оскорбления, как и сам он сказал: рекут, яко жена его есть сия, и снабдят тебе, то тем более надо хвалить праведника за то, что в таких затруднительных обстоятельствах он мог и сохранить египтянина чистым от крови и, по своей возможности, уменьшить вину оскорбления.

Обратим теперь слово и к внуку его – Иакову, и ты увидишь, что и он боялся и страшился смерти, человек с юного возраста показавший апостольское любомудрие. Как Павел дал закон ученикам, говоря: "**имея пропитание и одежду, будем довольны тем**" (1Тим.6:8), так и он просил у Бога следующего: "**если даст мне**" Господь "**хлеб есть и одежду одеться**", то довольно нам (Быт.28:20). Однако и он, не искавший ничего более необходимого, презревший дом свой, получивший благословения, повиновавшийся матери, друг Божий, мудростью пересиливший природу (так как он, будучи вторым по

природе. стал первым по благословениям), он, имевший такую силу, бывший столь любомудрым, показавший такое благочестие, – после бесчисленных трудов, после бесчисленных состязаний, после бесчисленных подвигов и многих венцов, возвращаясь в отечество и готовясь встретиться с братом, как бы ожидая увидеть дикого зверя и боясь его злопамятства, припадает к Богу и взывает:"**избавь меня от руки брата моего, ибо я боюсь его, чтобы он, придя, не убил меня и матери с детьми**" (Быт.32:11). Видишь ли, как и он боялся смерти, как трепетал и взывал к Богу об этом? Хочешь ли, я покажу опять тебе и другого великого человека, испытавшего то же самое? Представь себе Илию, душу, достигавшую до небес и божественную. Тот, который заключил небо и опять отверз его, низвел огонь свыше, принес дивную жертву, ревновал по Боге, показал ангельскую жизнь в человеческом теле, не имел ничего, кроме милоти, был выше всего человеческого, – так трепетал и боялся смерти, что после всего этого, после неба и жертвоприношения, после милоти и пустыни, после такого любомудрия и дерзновения, убоялся слабой женщины и вследствие того обратился в бегство. Когда Иезавель сказала: "**пусть то и то сделают мне боги, и еще больше сделают, если я завтра к этому времени не сделаю с твоею душею того, что [сделано] с душею каждого из них**", то "**убоялся[3] Илия**", говорится в Писании, и бежал путь сорока дней[4] (3Цар.19:2-3).

3. Видишь, как страшна смерть? Прославим же Владыку, что страшное для пророков Он сделал презренным для жен. Илия убегал от смерти, жены прибежали на смерть; он отскочил от смерти, а они стремились к смерти. Видишь, какая вдруг совершилась перемена? Мужи, подобные Аврааму и Илие, боятся смерти, а жены попрали смерть, как грязь, своими ногами. Но не будем осуждать и тех святых; это не их вина, это была немощь природы, а не вина воли. Бог хотел, чтобы тогда смерть была страшна, дабы после открылось величие благодати; хотел, чтобы она была страшна, так как она была наказанием; потому не хотел Он, чтобы угроза наказания ослабела, дабы люди после того не сделались более безпечными. Пусть остается, говорил Он, этот приговор, устрашая и вразумляя их, будет, будет время, когда они освободятся и от этого страха, что действительно и случилось. А что Он освободил нас от этого страха, это показывают мученики, прежде же мучеников показывает Павел. Ты слышал, как в ветхом завете говорил Авраам: тебе снабдят, мене же убиют? Слышал, как говорил Иаков: "**избавь меня**", Господи, "**от руки Исава брата моего, ибо я боюсь его**"?

Видел, как Илия бежал от женской угрозы ради смерти? Послушай же, как относится к этому делу Павел, считает ли он смерть страшной, как они, печалится ли при ее наступлении и боится ли. Напротив, он считает ее даже вожделенной, и потому говорит: "**разрешиться и быть со Христом несравненно лучше**" (Флп.1:23); для тех страшно, а для него лучше; для тех неприятно, а для него приятно; и весьма естественно, потому что прежде смерть низводила в ад, а теперь смерть препровождает во Христу. Поэтому Иаков говорит: "**сведете вы седину мою с печалью во гроб**" (Быт.42:38); а Павел говорил: "**разрешиться и быть со Христом**" мне "**несравненно лучше**". Впрочем, он говорил это не осуждая настоящей жизни, (да не будет, остережемся, чтобы не дать места нападениям еретиков), и не избегая ее, как зла, но стремясь к будущей, как к лучшей. Он не сказал: разрешитися и со Христом быти хорошо просто, но лучше, а лучшее бывает лучше чего-либо хорошего. Как в словах: "**выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше**" (1Кор.7:38), он показывает, что брак хорош, но девство лучше, так точно и здесь: хороша, говорит, настоящая жизнь, но будущая гораздо лучше. И в другом месте, рассуждая об этом же самом, он говорил: "**если я и соделываюсь жертвою за жертву и служение веры вашей, то радуюсь и сорадуюсь всем вам. О сем самом и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне**" (Флп.2:17-18). Что говоришь ты? Ты умираешь, Павел, и призываешь людей к участию в радости? Что, скажи мне, случилось с тобою? Я не умираю, говорит он, но восхожу к лучшей жизни. Как люди, получающие

власть, приглашают многих участвовать в их радости, так и Павел, идя на смерть, призывал других сочувствовать ему, потому что смерть есть отдых и избавление от трудов, воздаяние за подвиги, награда за борьбу и венец. Поэтому вначале по умершим бывали рыдания и плач, а теперь – псалмы и песнопения. Так Иакова оплакивали сорок дней, столько же дней и Моисея оплакивали, и иудеи сетовали, потому что смерть тогда была смертью, а теперь не так, но бывают песнопения, молитвы и псалмы; все это показывает, что смерть заключает в себе удовольствие – ведь псалмы символ радости: "**весел ли кто из вас**", говорится, "**пусть поет**" (Иак.5:13). Так как мы исполнены радости, то и поем по умершим псалмы, которые убеждают нас не бояться смерти. "**Возвратись, душа моя, в покой твой**", говорится, "**ибо Господь облагодетельствовал тебя**" (Пс.114:6). Видишь, что смерть есть благодеяние и отдых? Вошедший в этот покой почил от дел своих, как Бог – от Своих.

4. Это о смерти; теперь же обратимся к похвале мученицам, если вы не утомились слушать, потому что сказанное заимствовало для себя повод от похвалы мученицам; но необходимо обратить речь немного выше. Некогда возбуждена была против церкви тяжелая война, жесточайшая из всех войн; это была война двоякая – внутренняя и внешняя; одна с домашними, другая с врагами, одна с чужими, другая с близкими. Если бы она была и простой войной, зло было бы невыносимо, и если бы она наступала только отвне, и тогда размеры бедствий были бы велики; но теперь она была двоякой, и та, которая велась с домашними, была тяжелее внешней. Открытого врага легко можно остеречься; но тот, кто имеет маску друга, а скрывает в себе враждебные чувства, трудно уловим для подвергающихся его козням. Итак, тогда была двоякая война, одна междоусобная, другая надвигалась от внешних, или – лучше – если нужно сказать правду, та и другая война была междоусобной. И нападающие отвне, судьи и начальники и воины, были не иноплеменники какие-нибудь и варвары, или люди иного правления и царства, но управлялись одними и теми же законами, жили в одном и том же отечестве, участвовали в одной и той же общественной жизни. Итак, междоусобной была война и с судьями, но более жестокая была война с родными, необыкновенная, странная и исполненная великой свирепости. Братья предавали братьев, отцы детей, мужья жен, все права родства были попираемы, вся вселенная была в смятении, и никто тогда никого не признавал, потому что диавол владычествовал с чрезмерной силой. Итак, среди такого смятения и войны эти жены, если только можно называть их женами, – так как в женском теле они показали дух мужей, или – лучше – не только показали дух мужей, но и превзошли самую природу и состязались с бестелесными силами, – итак эти жены, оставив город и дом и родных, переселились в чужую страну. Когда Христос, говорили они, подвергается бесчестию, то не должно быть для нас ничего драгоценного и нужного; поэтому, оставив все, они ушли. Подобно тому, как в загоревшемся среди ночи доме спящие внутри, услышав смятение, тотчас вскакивают с постели и убегают из дверей дома, не взяв с собой ничего из находящегося внутри, потому что заботятся только об одном, как бы скорее унести свое тело от пламени и опередить течение огня, распространяющегося с великой скоростью, – так точно сделали и эти жены. Видя всю вселенную в пламени, они тотчас вскочили и выскочили из ворот города, заботясь только об одном, чтобы всеми мерами соблюсти спасение своей души. Подлинно, тогда был сильный пожар и господствовал глубокий мрак, мрак темнее ночного, и потому, как бы во мраке, друзья не узнавали друзей и мужья предавали жен, мимо врагов проходили, а на друзей и на домашних нападали, – было жестокое ночное сражение, и все полно было великого смятения.

Тогда они вышли, оставив отечество и подражая патриарху Аврааму, которому было сказано: "**пойди из земли твоей, от родства твоего**" (Быт.12:1). Время гонения побудило и их уйти от земли и от сродников, чтобы унаследовать небо. И вот вышла из дома жена, имея при себе двух дочерей. Не пропусти этого без внимания, слыша, что вышли

женщины, благородно воспитанные и никогда не испытавшие таких бедствий, но представь в уме своем, каково было это несчастье, сколько трудностей заключало в себе это дело. Если люди, предпринимающие умеренное путешествие, запасшиеся лошадьми, имеющие слуг, путешествующие с безопасностью, имеющие возможность возвратиться, когда им угодно, испытывают много трудностей, переносят много неприятностей, – то, когда отправляется женщина и девы, когда нет слуг, а есть предательство друзей, и смятение, и беспорядок, и невыносимый страх, и разнообразные для них опасности, и бегство ради души, и враги со всех сторон, какое слово может представить подвиги этих жен, мужество, великодушие, веру? Если бы вышла одна мать, то подвиг не был бы столь невыносимым; но теперь она повела и дочерей, и притом двух дев, так что опасность была двойная и забота много увеличивалась, потому что чем больше имения, тем труднее охрана. Итак она вышла, имея при себе дев, и не имея возможности скрывать их во внутренних покоях. Вы знаете, что для сохранения цвета девства употребляются и внутренние покои, и женские отделения в доме, и двери, и запоры, и стражи, и наблюдатели, и служанки, и воспитательницы, и постоянное присутствие матери, и попечение отца, и множество забот со стороны родителей, и при всем том он едва сохраняется; а она была лишена всякой подобной охраны: как же она могла сохранить их? Через соблюдение божественных законов. Она не имела вокруг себя стен жилища, но имела крепкую руку, покрывающую свыше; она не имела ни двери, ни запора, но имела истинную дверь, ограждающую от козней. И как дом Лота, хотя и был осаждаем среди Содома, но не потерпел никакого вреда, потому что внутри его находились ангелы, – так точно и эти мученицы, находясь между содомлянами и всякими врагами и осаждаемые со всех сторон, не потерпели никакого вреда, потому что в их душах обитал Владыка ангелов; и проходя пустынным путем, они нисколько не пострадали, потому что держали истинный путь, ведущий их на небо. Поэтому среди такой войны и смятения, объятые волнами, они шли с безопасностью; и удивительно, что овцы были ведены среди волков, агнцы проходили среди львов, и однако никто не смотрел на них нескромными глазами, но как содомлянам, стоявшим близ двери, Бог не попустил видеть входа (Быт. 9: 10), так и тогда Он ослепил взоры всех, чтобы не были оскорблены девственные тела.

5. Итак, они отправляются в город, называемый Едессой, в город, который был грубее многих, но и благочестивее, так как что, по мнению их, могло сравниться с этим городом, чтобы найти убежище среди такого волнения и иметь пристань среди такой бури? И город принимает странниц, странниц земли, но гражданок неба; и, приняв, сохранил этот залог. Впрочем пусть никто не обвиняет этих жен в слабости за то, что они убежали; они исполняли повеление Господа, которое говорит: "**когда будут гнать вас в одном городе, бегите в другой**" (Мф.10:23). Слышав это, и они убежали, и пока сплетен был им один венец; какой же это? Венец за презрение всего настоящего: "**всякий, кто оставит братьев, или сестер**", или отечество, или дом, или друзей, или родных, "**получит во сто крат**", сказано, "**и наследует жизнь вечную**" (Мф.19:29). И были они там, имея сожителем Христа, – "**где двое или трое собраны**", там Он "**посреди них**" (Мф.18:20); а когда они были не только собраны, но и бежали ради имени Его, то не гораздо ли более привлекли себе Его помощь? Когда эти жены проживали там, вдруг везде стали рассылаться лукавые повеления, исполненные великого насилия и варварской жестокости; в них говорилось: пусть домашние предают домашних, мужья – жен, отцы – детей, дети – отцов, братья – братьев, друзья – друзей. Ты же припомни здесь слова Христовы и подивись Его предсказанию, – все это Он предсказал раньше: "**предаст**", сказал Он, "**брат брата, и отец - сына; и восстанут дети на родителей**" (Мф.10:21). А предсказал Он это тогда для следующих трех целей: во-первых, для того, чтобы мы познали Его силу и то, что Он есть истинный Бог, провидящий издалека еще не елучившееся; а что действительно ради этого Он предсказывал будущее, послушай, как Он сам говорит: "**И вот, Я сказал вам [о том], прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда**

сбудется", что это Я (Ин.14:29). Во-вторых же, чтобы никто из врагов не говорил, что это происходит по Его неведению или немощи; ранее предвидевший мог и воспрепятствовать, но не воспрепятствовал, чтобы венцы были более блистательными, поэтому Он предсказывал это. И ради иной – третьей цели Он предсказывал. Какая же это именно? Та, чтобы сделать подвиг более легким для находящихся на арене, так как неожиданные бедствия, каковы бы они ни были, кажутся тяжелыми и невыносимыми, а ожидавшиеся и наперед обдуманные бывают легкими и удобными. Таким образом тогда враги, издавая такие повеления, и обнаруживали свою жестокость, и невольно подтверждали пророчество Христово; братья предавали братьев и отцы детей; самая природа восставала на саму себя, родство разделялось между собой, все законы извращались до основания, и все было исполнено некоторого смятения и беспорядка, и бесы наполняли тогда домы кровью родных. Отец, предавший сына, конечно и убивал его; хотя он и не вонзал меча и не совершал убийства своей рукой, но намерением совершал все, потому что кто предал убийце имеющего быть убитым, тот сам совершил убийство. Сделаем же их детоубийцами, говорили бесы, сделаем детей отцеубийцами посредством предательства: а в древности приносились им такие жертвы, и отцы закалали детей. Об этом взывал пророк, говоря: "**приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам**" (Пс.105:37); и такой они жаждали крови!

Так как Христос прекратил эти нечестивые и отвратительные жертвоприношения, то они старались опять возобновить их, но не смели бесстыдно и открыто сказать: закалайте детей ваших, – потому что никто не стал бы слушаться, – а иным путем они проводят это повеление и хитро выдумывают этот закон, приказав через судей отцам предавать детей. Для нас, говорят они, нет разницы, заколет ли кто сам, или предаст на заклание сына, потому что и тот и этот – детоубийца. Итак, можно было видеть отцеубийц, детоубийц, братоубийц, и все исполненным смятения и беспорядка; но эти жены наслаждались глубоким миром, потому что их со всех сторон ограждала надежда на будущее. Находясь и в чужой стране, они не были на чужбине: они имели истинное отечество – веру, имели свой город – исповедание, и, питаясь благими надеждами, не чувствовали ничего настоящего, потому что взирали только на будущее. Когда дела были в таком положении, останавливается в том городе отец, имея при себе воинов для ловли добычи, останавливается отец и муж, отец этих дочерей и муж этой жены, если только можно назвать отцом или мужем того, кто служит таким делам. Впрочем, лучше пощадим его, сколько возможно, так как он был отцом мучениц и мужем мученицы, – не станем нашими обвинениями делать рану его более тяжкой.

6. Посмотри на благоразумие этих жен: когда должно было бежать, они убежали, а когда нужно было вступить в состязания, они остановились и, будучи схвачены, следовали любви Христовой, потому что как не должно навлекать на себя искушений, так нужно бороться с ними, когда они наступят, чтобы там показать кротость, а здесь мужество. Это именно и они тогда сделали: и возвратились, и стали подвизаться, потому что и поприще открылось и время призывало к подвигам, – а подвизались они следующим образом.

Пришли они в город, называемый Иераполем, а оттуда взошли в город, поистине священный, таким способом. Около той дороги, по которой они возвращались, протекала река, и они скрылись от воинов, когда эти обедали и пьянствовали, а некоторые говорят, что и отец содействовал им обмануть воинов, чему я и верю: может быть, он сделал это для того, чтобы через такое предательство можно было ему в день суда представить хотя малое оправдание в свою пользу, то именно, что он содействовал, помогал и сделал более легким шествие их к мученичеству. Приняв, таким образом, его в помощники и нашедши через него возможность обмануть воинов, они вошли в середину реки и опустились в ее волны. Вошла мать с двумя дочерьми, – пусть слушают и матери и девы, и пусть одни так

повинуются матерям, а другие так воспитывают дочерей, так любят детей своих. Итак, вошла мать в середине, держа по обе стороны дочерей, замужняя среди незамужних; и было супружество среди девства, а посреди их Христос. Как корень дерева, имеющий по обе стороны две стоящие ветви, так и эта блаженная вошла тогда, имея по обе стороны этих дев, и опустила их в воду; и таким образом они утонули, или – лучше – не утонули, но крестились новым и необыкновенным крещением. И если ты хочешь убедиться, что это событие было несомненным крещением, послушай, как Христос называет смерть Свою крещением. Так, беседуя с сынами Зеведеевыми, Он говорит: "**чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься**" (Мф.20:23). А каким крещением крестился Христос, после крещения Иоаннова, кроме смерти и креста? Как Иаков, не распятый, но усеченный в голову мечем, крестился крещением Христовым, так и эти, хотя и не были распяты, но скончавшись от воды, крестились крещением Христовым; а крестила их мать. Что говоришь ты? Женщина крестит? Да, таким крещением и женщины крестят как именно и она тогда крестила и была священником; она привела разумные жертвы, и произволение было для нее рукоположением; и то удивительно, что, принося жертву, она не имела нужды ни в жертвеннике, ни в дровах, ни в огне, ни в ноже, так как стала всем, и жертвенником, и дровами, и ножом, и огнем; и одно и то же было жертвоприношением и крещением, несомненным более обыкновенного крещения. Об этом говорит Павел: "**соединены с Ним подобием смерти Его**" (Рим.6:5); а о крещении мучеников уже не говорит: подобию смерти Его, но: "**сообразуемся смерти Его**" (Флп.3:10). Итак, мать ввела дочерей в реку, как бы не в реку намереваясь ввести их, но как бы вводя в самые чертоги священные, ввела их, держа по обе стороны и говоря: "**Вот я и дети, которых дал мне Бог**" (Ис.8:18); Ты мне дал их, Тебе я вручаю их, достояние мое и саму себя. Таким образом мученичество этой жены было двоякое или лучше троякое: через саму себя однажды, и чрез двух дочерей дважды она потерпела мученичество. И как намереваясь броситься сама, она имела нужду в великом терпении, так и увлекая за собой детей, нуждалась в другом таком же терпении, или лучше, в гораздо большем, – потому что жены обыкновенно не так скорбят тогда, когда сами готовятся умереть, как, когда дочери их должны потерпеть это. И она большее потерпела мученичество через дочерей, – она сопротивлялась силе самой природы, устояла против пламени материнских мук, против невыносимого смятения сердца и против возмущения утробы. Если при виде одной умирающей дочери жизнь считают не в жизнь, то эта, не умирающими у ней вдруг видя двух дочерей, но собственной рукой увлекая их на смерть, представь, какие показала на себе мучения, на самом деле потерпев то, что для других невыносимо даже слышать. Воины, ничего не зная об этом, оставались в надежде взять их опять, а они уже были с воинами Христовыми, с небесными ангелами; но стражи не видали этого потому, что не имели очей веры. Павел говорит о матери, что она "**спасется через чадородие**" (1Тим.2:15); а здесь дочери спаслись посредством матери. Так матерям должно рождать детей. Подлинно, эти болезни рождения лучше первых; хотя в них сильнее страдания, но больше пользы. Об этих муках рождения знают те, которые были матерями; они знают, каковы муки – видеть умирающими дочерей своих; но самой собственноручно стать причиной их смерти, это невыразимо большая степень.

7. Но почему эта жена не пошла в судилище? Она хотела прежде сражения получить трофей, прежде подвигов схватить венец, прежде борьбы получить награды, боясь не мучений, а наглых взоров неверных; она не боялась того, чтобы кто-нибудь не стал терзать ее ребер, но боялась, чтобы кто-нибудь не растлил девства дочерей. А что она боялась этим страхом, а не тем, и поэтому не пошла в судилище, – видно из следующего: в реке она испытала гораздо большие мучения, потому что гораздо тяжелее и болезненнее, как я прежде сказал, потоплять своей рукой собственную утробу, т. е. дочерей, и видеть их утопающими, нежели видеть свою плоть терзаемой; и гораздо больше любомудрия нужно было ей для того, чтобы быть в состоянии держать руки детей и увлекать их с

собой в речные волны, нежели для того, чтобы переносить пытки; не одинаково мучительно – видеть дочерей страждущими от других, или самой содействовать их смерти, самой стать орудием кончины, самой заменять для них палачей: последнее гораздо тяжелее и невыносимее первого. Слова мои засвидетельствуете все вы, которые были матерями, испытывали болезни рождения, имели дочерей. Как она схватила за руку детей своих? Как не оцепенела рука ее? Как не ослабли жилы? Как не изменил рассудок? Как ум мог служить тому, что делалось? Подлинно, происходившее было горше тысячи пыток, потому что у нее вместо тела была терзаема душа. Впрочем доколе мы будем усиливаться достигнуть недостижимого? Никакое слово не сможет представить величие этого страдания; но одна только испытавшая это и подвизавшаяся жена знает, каковы эти подвиги. Пусть слушают это матери, пусть слушают девы: матери для того, чтобы так воспитывать дочерей, а девы для того, чтобы так повиноваться матерям. Нужно не только хвалить мать, повелевшую это, но удивляться и дочерям, которые послушались ее в этом; ни мать не имела нужды в узах для этих жертв и приношений, ни юницы не отскочили, но с одинаковым духом и усердием влекли ярмо мученичества, и таким образом вошли в реку, оставив обувь на берегу; сделали же они это из жалости к стражам, – такова была предусмотрительность этих святых! Они постарались оставить им способ оправдаться в судилище, чтобы жестокий и суровый судья не мог обвинить их в измене и в том, что они, взяв серебро, отпустили этих женщин; поэтому они и оставили обувь, которая подтверждала сознание воинов, что не с ведома их, но без ведома, они сами бросились в реку. Может быть, велика стала у вас любовь к этим святым: будем же с этим пламенем припадать к их останкам; будем обнимать их гробницы, потому что и гробницы мучеников могут иметь великую силу, равно как и кости мучеников имеют великую силу. И не только в день этого праздника, но и в другие дни будем постоянно при них, будем призывать их, будем просить, чтобы они были нашими предстательницами; они имеют великое дерзновение не только при жизни, но и по смерти, и гораздо более по смерти, потому что ныне они носят язвы Христовы, а показывая эти язвы, они могут о всем умолить Царя. Итак, если у них такая сила и близость к Богу, то мы, поставив себя в близость к ним непрестанным посещением их и постоянным пребыванием с ними, будем снискивать себе через них человеколюбие Божие, которого да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Произнесена спустя менее двадцати дней после сказанной в великий пяток беседы о кладбище и о кресте, в день памяти св. мучениц, совершавшейся, вероятно, в средине (15-го) апреля.

[2] Греч. περιποιησονται – в рус.перев. "**оставят в живых**"; в слав."**снабдят**". Златоуст, по-видимому, имеет в виду другое значение слова περιποιηω – "оставить себе", присвоить – ред.

[3] В синод.пер. вместо этого сказано "**И увидев это**" – ред.

[4] В оригинале это выделено как цитата, но в 3Цар.19:8 "**шел сорок дней и сорок ночей**" – ред.

СЛОВО

о четвородневном Лазаре[1]**.**

Недавно перед вами, возлюбленные, сплетая цветистый венок весны и изображая словами, как бы на картине, это время года, мы показывали не только цветущие рощи и зеленеющие луга и способствующие оживлению ветерки, но изложили, что и наше естество проявляет в это время признаки воскресения, и желая найти предмет, соответствующий времени, привлекли ожившего Лазаря. Но, будучи не в состоянии исполнить обещание, мы окончили речь в самом начале. Исследуя прежде всего, почему о Лазаре умолчали прочие евангелисты, а написал один только Иоанн, мы сказали, что Дух Святый, пресекая заранее подозрение относительно вымысла, допустил евангелистам сходно и согласно описать чудеса Спасителя, но при этом устроил, что один из них опускал одно, другой – другое, представляя в этом очевидное доказательство того, что Евангелия написаны ими без дурного умысла, без приготовления, не по соглашению и не из угождения кому-либо, так что все выражает безыскусственную истину и тогда, когда оказывается что-нибудь недостающее. Но так как это достаточно подготовлено нами тогда, то посмотрим, какая была благовременная нужда евангелисту в чуде, совершенном над Лазарем. Спаситель, много и часто беседуя с учениками о Своем страдании, видел, что они цепенеют и ужасаются таких слов, считают предуказываемое страдание более следствием слабости, нежели домостроительства, колеблются еще человеческими суждениями и трепещут. Поэтому, когда уже приближается страдание и готов водрузиться крест, Он воскрешает умершего Лазаря, чтобы самым делом научить учащихся, что крест и смерть не следствие слабости, чтобы убедить присутствующих, что Он повелевает смертью и вызывает душу, отрешившуюся от земных уз. С некоторой целью Он сопоставляет добровольную смерть, быть может, предначертывая на Лазаре Свое трехдневное воскресение, утешая малодушных сокращенным сроком пребывания Своего под землей, в преддверии креста ослабляя надлежащим образом страх учеников и показывая, что дарованное Им другому легко будет осуществлено Им и для Себя самого, самыми делами вразумляя сомневающихся, и таким образом приноровляя слова к делам, и делами Своими возвещая приблизительно следующее: никогда не оставлял Я воспринятого человечества непричастным божественной силы; но то как человек, то как Бог, или являя естество, или удостоверяя домостроительство, и научая более низкое усвоять человечеству, а более высокое возносить к Божеству, и через такое неравное смешение дел, изъясняя неравное соединение естеств, а посредством власти над страданиями показывая добровольность Своих страданий, – Я, как Бог, обуздал естество, продолжив пост на сорок дней, и, как человек, потом взалкал, и изнурился; Я, как Бог, усмирил бушующее море; Я, как человек, был искушаем от диавола и, как Бог, повелением изгонял бесов; Я, как человек, имею страдать за людей; но, чтобы вы не приписали этого слабости, Я перед приходом смерти вызываю одержимого смертью, и явив сперва силу Божества, потом уплачиваю древний долг человечества; разрешив узы, потом сам принимаю узы, и самыми этими делами (показываю), что "**Имею власть отдать жизнь Мою и власть имею опять принять ее**" (Ин.10:17-18). Таково учение Спасителя, преподаваемое делами. Если бы не так это было, и если бы Он не с целью некоторой откладывал чудотворение над Лазарем, то, несомненно, когда на пути возвестили Ему о болезни Лазаря, – "**послали**", говорит евангелист, "**сестры**" его к Господу, "**сказать Ему: Вот, кого Ты любишь, болен**" (Ин.11:3), – Он, услышав нечто такое, не отложил бы надолго, но, как сделал с сотником и сиро-финикиянкой и спас сына первого отсутствующего и дочь последней отсутствующую, так сделал бы и с Марфой, извещавшей о брате, что он болит. Теперь же Он нарочито ожидает его смерти, и долго медлит, и с намерением откладывает свое прибытие, чтобы показать победу над смертью прежде своей борьбы со смертью; Он откладывает на три дня, для подтверждения действительности смерти; в присутствии иудеев открывает гроб, чтобы сделать вестниками чуда тех, которые гнали Его; молитвою и призыванием Отца пробуждает

Лазаря, чтобы не показалось, будто Он восстает против законов Создателя. Посмотри и на эту особенность: Он не сказал: Лазарь оживи; но что? "**Лазарь! иди вон**" (Ин.11:43), чтобы научить присутствующих, что Он – Тот, Который "**называет несуществующее, как существующее**" (Рим.4:17), чтобы показать присутствующим, что Он – Бог живых, а не мертвых, чтобы благовременно показать, что нет препятствий для божественного повеления, и напомнить предстоящим о Том, Который сказал:" **да будет твердь, да соберется вода в одно место, да произрастит земля зелень, да произведет вода пресмыкающихся, душу живую**" (Быт.1:6,9,11,20). "**Лазаре! иди вон**"; это – для умножения и укрепления веры собравшихся, чтобы одежда и повязки свидетельствовали о смерти, а немедленное послушание и беспрепятственный страх возвестили о власти Господа. Лазаре, гряди вон, и разложившийся встал, сгнивший стал чувствовать, мертвец повиновался, связанный побежал, и оплакиваемый запрыгал. Но для чего Спаситель употребил в настоящем случае громкое воззвание? Евангелист говорит: "**сказав это, Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон**" (Ин.11:43). Этим воззванием Он, может быть, предызобразил будущее воскресение; "**ибо вострубит**", сказано, "**и мертвые воскреснут**" (1Кор.15:52). Много и еще я мог бы сказать об этом, но меня отвлекает другой предмет, и от гроба я принужден перейти ко гробу.

Подлинно, благовременно сравнить гроб Лазаря с гробами, и не неблаговременно, кажется, смерть жен празднуется на самом его гробе. Там гроб, и здесь гроб; но гроб Лазаря отверзаемый открывает силу Христову, а гроб этих жен заключенный к действующий проповедует благодать Спасителя; там мертвый сверхъестественно выходящий из гроба, здесь жены неестественно прибегают к гробам; там знамение божественной силы, здесь доказательство доблестной воли; там Лазарь... смерти... смело вступает[2]; там оживление после смерти, здесь жизнь; там смерть насильственно ограблена, здесь смерть явно попирается; того (Лазаря) смерть, ссудивши жизнью, скоро опять взяла назад, или – лучше – как сказано: "**жены получали умерших своих воскресшими**" (Евр.11:35), по повелению Божию, а эти от временной жизни перескочили в жизнь бесконечную, мать и дочери, собравшие нас сегодня, – благочестивая мать, претерпевшая болезни рождения, и дочери, неиспытавшие этих болезней, мать, разрешившая девство для рождения дев, мать, родившая чистоту, мать, родившая дев по закону естественному. Мучитель, повсюду ратовавший против благочестивых, обращавший меч варварских убийств против единокровных, мучитель, гнавший незримого Христа, мучитель, думавший посредством стада поразить Пастыря, мучитель, пытавшийся метать стрелы в небо, мучитель, завидовавший распространению царства Христова, этот мучитель был муж преследующий и несочетавшийся, неприступные же девы – сочетавшиеся в борьбе. Имущество было разграблено, отечество отнято, нечестивые воины влекли любительниц целомудрия и скромности, как разбойники, принуждая поклониться изображению мысленного Навуходоносора. Но и эта вавилонская печь сделала для трех мучениц то же, что и та, разрешив узы и тела и души, отпустила души свободно лететь на небо. А древний змий, который преследовал Еву в раю, который уловляет простые и невинные души, видя реку, сделавшуюся кровавой купелью, и поток, исполнившийся божественного Духа, и преследуя блаженных до самой реки, был отражен водами, растворенными огнем духовным, и скрыв в самом себе гордость свою, оплакивал неуспешность своей древней хитрости, видел, как те жены, которые прежде легко были обольщаемы и приводимы в ужас, самоуверенно выступают против смерти, и смотрел, как та пята, которую он стерег уязвить, взлетает от земли на небо. Впрочем, достаточно восхвалив победоносных жен, присоединив везде к предмету речи полезные замечания, украсив древний гроб новым гробом, соединив необыкновенное оживление с терпеливой смертью, предложив мужам и женам примеры добродетели и благочестия, и показав восхваляемую смерть и вожделенное воскресение, возблагодарим Христа, имеющего

власть жизни и смерти, Которому слава и держава, с Отцем и Святым и Животворящим Духом, во веки веков. Аминь.

---

[1] Произнесено, судя по выражению: смерть жен празднуется на самом гробе Лазаря, в день св. мучениц Домнины, Верники и Просдоки. Относительно подлинности этого слова возможны сомнения.

[2] Здесь текст рукописи испорчен и дает лишь отрывочные слова.

БЕСЕДА

о мучениках и о сокрушении и милостыне, – сказана в городе, когда епископ отбыл на село для празднования дня мучеников[1].

Вчера день мучеников, и сегодня день мучеников; о, если бы и всегда нам совершать день мучеников! Если помешавшиеся на зрелищах и глазеющие на конские ристалища, никогда не насыщаются этими непристойными зрелищами, то гораздо более нам должно иметь ненасытимое расположение к праздникам святых. Там диавольское торжество, а здесь христианский праздник; там скачут бесы, а здесь ликуют ангелы; там погибель душ, а здесь спасение всех собирающихся. Однако и там есть некоторое удовольствие? Но не такое, какое здесь. Что за удовольствие – смотреть на коней, бегающих тщетно и напрасно? А здесь ты видишь не запряжки бессловесных, но бесчисленные колесницы мучеников и Бога, стоящего на этих колесницах и устремляющего путь к небу. А что души святых суть колесница Божия, послушай пророка, который говорит: "**колесниц Божиих тьмы тем, тысячи ликующих**[2]" (Пс.67:18). Чем одарил Он вышние силы, то даровал и нашему естеству. Он сидит на херувимах, как и псалом говорит: "**воссел на Херувимов и полетел**" (Пс.17:11); и еще: "**восседающий на Херувимах**" и "**видящий бездны**" (Дан.3:54). Это Он дал также и нам; на них Он сидит, в нас обитает: "**вселюсь и буду ходить**" в вас (2Кор.6:16; Лев.26:12). Они стали колесницей, мы храмом. Видишь ли сродство чести? Видишь ли, как Он умиротворил горнее и дольнее? Поэтому мы нисколько не отстали от ангелов, если захотим. Но, как я сказал вначале, вчера день мучеников, и сегодня день мучеников, не тех, которые у нас, но тех, которые в селе, или – лучше – и те у нас. Город и село в делах житейских различаются между собой, но в отношении к благочестию обобщаются и имеют единение. Не смотри на варварский язык тамошних жителей, но – на любомудрую их душу. Какая польза от согласия в речи, когда мысли не согласны? И какой вред от различия в речи, когда есть единение в вере? В этом отношении и село ничем не хуже города, потому что в главном из благ они равночестны. Поэтому и Господь наш Иисус Христос не в городах только пребывал, а села оставлял пустыми и праздными, но "**ходил по всем городам и селениям, проповедуя Евангелие, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь**" (Мф.9:35). Ему подражая, и общий наш пастырь и учитель оставил нас и пошел к тем, или – лучше – не оставил нас, уйдя к ним, потому что ушел к нашим братьям. И как, когда совершался праздник Маккавеев, все село стеклось в город, так теперь, когда отправляется праздник тамошних мучеников, всему городу следовало бы переселиться к ним. Для того Бог и насадил мучеников не только в городах, но и в самом селе, чтобы по случаю праздников мы имели необходимый повод к взаимному общению, – и больше (мучеников) в селе, нежели в городе. Недостаточному Бог дал более обильную честь; это – немощнейший член, потому он и получил большее врачевание, так как живущие в городах постоянно пользуются учением, а живущие в деревне не участвуют в этом изобилии.

Итак Бог, утешая в недостатке учителей обилием мучеников, устроил, что у тех больше погребено мучеников. Они не слышат непрестанно голоса учителей; за то слышат голос мучеников, который вещает к ним из гроба и имеет большую силу. А чтобы убедиться, что мученики и молча имеют более силы, нежели мы говорящие, (вспомните, что) многие, часто беседуя со многими о добродетели. не имели никакого успеха, другие же молча совершили величайшие дела своей светлой жизнью; тем больше совершили это мученики, издавая не голос из уст, но гораздо высший изустного – голос самых дел, которым они беседуют со всем человеческим естеством, говоря такие слова: посмотрите на нас, какие мы потерпели бедствия. А что мы потерпели, будучи осуждены на смерть и найдя вечную жизнь? Мы удостоились положить тела свои за Христа; но если бы мы теперь не предали их за Христа, то, спустя немного, должны были бы и невольно разлучить их с временной жизнью; если бы мученичество не пришло и не взяло их, то общая природная смерть пришла бы и разрушила бы их. Потому мы непрестанно благодарим Бога, что Он удостоил нас смертью, неизбежно необходимой, воспользоваться ко спасению наших душ, и то, что составляет необходимый долг, принял от нас, как дар, и притом с величайшей честью. Однако мучения тяжки и несносны? Но они продолжаются краткий момент времени, а блаженство от них – бесконечные веки; или – лучше – даже и на краткое мгновение времени эти мучения не тяжки для тех, которые взирают на будущее и стремятся к Распорядителю подвигов. Так и блаженный Стефан очами веры созерцал Христа, и поэтому не видел дождя камней, но вместо них исчислял награды и венцы (Деян.7:55). Так и ты перенеси взор свой от настоящего к будущему, и не получишь даже кратковременного ощущения бедствий.

2. Это и больше того говорят мученики, и убеждают гораздо больше, нежели мы. В самом деле, когда я говорю, что мучение не заключает в себе ничего тяжкого, то слова мои не кажутся достоверными, так как рассуждать о подобном на словах нисколько не трудно; а мученик, говорящий делами, не встречает ни в ком противоречия. И как бывает в банях, когда ванна наполнена горячей водой, и никто не осмеливается спуститься в нее, – пока сидящие на краях побуждают к этому друг друга словами, то никого не убеждают; а когда один кто-нибудь из них или опустит руку или, разув ногу, смело бросится всем телом, то и молча, лучше говорящих много, убедит сидящих вверху спуститься в ванну, – так и у мучеников: здесь, вместо ванны с водой, предстоит костер. Таким образом снаружи, стоящие кругом, хотя бы увещевали бесчисленными речами, не очень убеждают; а когда один кто-нибудь из мучеников не ногу только или руку спустит вниз, но ввергнет все тело, предлагая сильнейший всякого увещания и совета опыт на самом деле, то изгоняет страх из окружающих.

Видите ли, сколько сильнее голос и безмолвствующих мучеников. Поэтому Бог и оставил нам тела их; поэтому они, давно победив, доселе еще не воскресли, но, хотя уже за столько времени претерпели подвиги, еще не получили воскресения, не получили ради тебя и ради твоей пользы, чтобы и ты, помышляя о таком подвижнике, возбуждался к подобному подвигу. Им самим нет никакого вреда от этого замедления; а для тебя происходит величайшая польза от этого обстоятельства. Они впоследствии получат то, чего не получают ныне; а если бы Бог теперь же взял их отсюда, то лишил бы нас великого назидания и утешения, так как поистине величайшее назидание и утешение бывает всем людям от гробов этих святых. Свидетели сказанного – вы сами. Часто мы угрожали, ласкали. устрашали, увещевали вас, но вы не оказывали такого усердия к молитве и не возбуждались; а пришедши во храм мучеников, не слыша ни от кого совета, увидев только гроб святых, вы стали проливать обильные источники слез и стали горячи в молитвах. Мученик лежит безгласен. в совершенном молчании: что же такое трогает совесть и заставляет ручьи слез литься, как из источника? Самое представление о мученике и воспоминание о всем совершенном им. Как бедные, когда увидят других

богатыми, достигшими высоких званий, окруженными телохранителями, пользующимися у царя великой честью, из благосостояния других яснее познавая собственную бедность, проливают слезы, – так точно и мы, когда вспомним о дерзновении мучеников, какое имеют они перед Царем всех – Богом, о светлости и славе их, вспомним также о собственных грехах, то из богатства их яснее увидев собственную бедность, сетуем и скорбим, познавая, как далеко мы отстоим от них; это и производит слезы. Для того Бог и оставил нам здесь тела их, чтобы, когда куча занятий и множество житейских забот наведет густой мрак на нашу душу от частных или общественных дел (а их так много), тогда, оставив дом, вышедши из города, простившись с этим шумом, мы удалились бы в храм мучеников, насладились тамошним духовным веянием, забыли о множестве дел, утешились спокойствием, побыли вместе со святыми, помолились Распорядителю их подвигов о нашем спасении, пролили многие моления, и, через все это сложив бремя с своей совести, возвратились опять домой с великой душевной радостью.

Гробницы мучеников суть ничто иное, как безопасные гавани, источники духовных вод, сокровища богатства неистощимые и никогда неисчерпаемые. Как гавани, принимая корабли, заливаемые множеством волн, поставляют их в безопасность, так точно и гробницы мучеников, приняв наши души, заливаемые житейскими делами, поставляют их в великую тишину и безопасность. И как источники холодных вод оживляют тела, изнуренные трудом и жаром, так точно и эти гробницы прохлаждают души, опаленные неуместными страстями, и погашают при одном на них взгляде, и неуместную похоть, и иссушающую зависть, и пламенный гнев, и все другое, что ни тревожило бы нас. И сокровищ они гораздо лучше, потому что денежные сокровища подвергают многим опасностям тех, кто находит их, и, будучи разделены на многие части, от этого разделения уменьшаются; а здесь нет ничего такого, но в противоположность чувственным сокровищам и приобретение безопасно, и разделение не производит уменьшения. Те, как я сейчас сказал, будучи раздроблены на части, делаются меньше; а эти, когда будут разделены между многими, тогда еще более показывают свое богатство. Таково естество предметов духовных: они от раздробления увеличиваются, от разделения умножаются. Не так приятны луга, представляющие зрителям розы и фиалки, как – гробы мучеников, доставляющие душам зрителей некоторое неувядающее и ненарушимое удовольствие.

3. Итак, с верой прикоснемся к этим гробницам, воспламенимся душой, подымем плач. Много грехов совершено нами, – и великих грехов; поэтому мы имеем нужду в великом врачевании, в крепком исповедании. Святые мученики пролили кровь свою – твои глаза пусть прольют слезы; и слезы могут погасить костер грехов. Им были раздираемы ребра, они видели вокруг себя палачей, – так и ты сделай со своей совестью: посади судящий ум на престол неподкупного суждения, выведи на средину все грехи твои, приставь к проступкам грозные мысли, укроти непристойные пожелания, от которых произошли грехи, пусть будут они раздираемы великой силой. Если мы таким образом позаботимся судить сами себя, то избежим и того страшного судилища. А что судящий ныне сам себя и требующий от себя строгого отчета во грехах, не подвергнется осуждению в будущем, об этом послушай Павла, который говорит: "**ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы**" от Господа (1Кор.11:31). Укоряя тех, которые недостойно приобщались таин, он так говорил: "**кто ест и пьет недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней**" (ст.27,29). А этим говорит он следующее: как распявшие Иисуса, говорит, так и недостойно приобщающиеся таин понесут наказание. Пусть никто не осудит это слово за преувеличение. Тело Господне есть царская одежда; а разорвавший царскую багряницу и замаравший ее нечистыми руками одинаково оскорбляют, – посему одинаково и наказываются; так бывает и в отношении к телу Христову. Иудеи растерзали его гвоздями на кресте, а ты, живя во грехах, – нечистым языком и мыслью. Поэтому и одинаковым наказанием пригрозил тебе Павел, и дальше говорит: "**от того многие из вас немощны и**

больны и немало умирает" (ст.30). Затем, показывая, что требующие от самих себя здесь отчета во грехах, осуждающие проступки свои, и потом уже не впадающие в те же грехи, смогут исхитить себя от будущего, страшного и неумолимого приговора, он прибавляет: "**ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром**" (ст.31-32). Итак, будем терзать свою душу, сильно наказывая невоздержные помыслы; будем смывать нечистоты свои слезами; велик плод этих рыданий, велико назидание и утешение. Как велико наказание за смех и распущенность, так напротив постоянные рыдания производят утешение: "**блаженны плачущие**", говорится, "**ибо они утешатся**" (Мф.5:4); "**горе смеющимся ныне, ибо они восплачут**" (Лк.6:25). Поэтому и Павел, хотя не сознавал за собой никакого греха, проводил все время в слезах и рыданиях. Кто говорит об этом? Сам этот блаженный: "**три года**", говорит он, "**день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас**" (Деян.20:31). Он – три года, а мы – хотя бы один месяц; он – ночи и дни, он – за чужие грехи, а мы – хотя бы за собственные проступки, он – ничего не сознавая за собой, а мы – хотя бы ради обремененной нашей совести. Почему же он плачет? Для чего не только учит и увещевает, но прибавляет и слезы? Как чадолюбивый отец, у которого единственный сын впал в болезнь и не принимает лекарств от врачей, но отвергает их, севши при нем, ласкает его, целует, обнимает, и этой чрезмерной заботливостью желает привлечь его и убедить принять помощь врачевания, – так и Павел, любя верующих всей вселенной, как единственного сына, и видя, что многие впали в худое состояние и в неисцельные болезни душевные и однако не принимают охотно обличение и исправление укоризной, но удаляются от него, удерживал их слезами, чтобы они, видя его плачущим и рыдающим, и тронувшись этим видом, приняли врачевание и, избавившись от болезни, пришли в прежнее здоровье; поэтому он, поучая, всегда плакал.

Если же Павел прилагал такую заботливость к чужим грехам, то какую нам должно прилагать ревность к исправлению собственных? Велика – в смысле пользы – сила печали по Боге; о ней говоря, Исаия, или – лучше – Бог чрез Исаию возвестил так: "**за грех слегка[3] опечалил его**" (Ис.57:17). Я не наложил, говорит, наказания, соразмерного преступлению. В добрых делах Бог превышает меру воздаяниями, а за грехи, по Своему человеколюбию многократно обличая, налагает на преступивших малое наказание. Намекая на это и здесь, Он сказал: "**за грех слегка опечалил его, и видел**", как "**опечалился, и пошел смущенным[4], и исцелил пути его**" (Ис.57:17-18).

4. Видишь ли, как и быстра очень и велика польза покаяния? Немного наказав его за грехи, и увидев, что он стал прискорбен и печален, Я оставил, говорит Бог, и это малое наказание. Так Бог готов к примирению с нами и только ищет малого повода к этому! Доставим же Ему случаи – показать любовь к нам, постараемся соблюдать себя чистыми от грехов; если же когда-нибудь преткнемся, скоро восстанем, оплакивая проступки с полной искренностью, чтобы нам получить радость по Боге. Если грешник примирил с собой Бога тем, что "**опечалился, и пошел смущенным**", то чего не сделает тот, кто и слезы прибавит к этому и будет призывать Его с великим напряжением? Знаю, что душа ваша теперь разгорелась; но, чтобы нам, вышедши отсюда, не охладить этого жара, но удержать его в себе, сделаем это. Нива души вашей плодоносна, принимает семена и тотчас дает колосья, не нуждается ни в промедлении, ни во времени; но я боюсь вашего врага.

Вне церкви стоит диавол; он не смеет войти в эту священную ограду, потому что где стадо Христово, там волк не показывается, но, боясь Пастыря, стоит вне. Когда мы выйдем отсюда, не станем тотчас отдаваться непристойным собраниям, или праздным речам и бесполезным занятиям, но, пока еще держим в памяти сказанное, поспешим домой, и каждый, севши с женой и детьми, пусть внимательно размыслит о сказанном. А если не

хотите пойти домой, то, собрав дружески тех, которые слушали вместе с вами, сядьте наедине, и, предлагая от себя каждый то, что мог сохранить, вторично составьте полное поучение, чтобы вам собираться сюда не напрасно. Повеления и Божии суть светильник: "**потому что заповедь закона - светильник и свет, и обличение и научение и путь жизни**" (Прит.6:23); а кто зажигает светильник, тот не останавливается на торжище, но спешит домой, дабы не погас огонь от дуновения ветра, дабы не истощился пламень от долгого промедления; так точно поступим и мы. Дух Святый зажег нам Свое учение, поэтому. вышедши отсюда и будучи исполнены того, что слышали, с другом ли, с родственником ли, с домашним ли, или с кем другим мы встретимся, пройдем мимо, чтобы, когда мы будем разговаривать с ним о лишнем и бесполезном, не погас между тем огонь учения, но чтобы он пламенел в душе, как в доме, и, горя в возвышенных помыслах, как бы на каком светильнике, освещал все внутреннее. Подлинно. странно было бы – видеть душу, оставленную без учения. тогда как мы никогда не терпим видеть вечером дом без светильника и света. Оттого у нас и происходит много грехов, что мы не скоро зажигаем светильник в душе; оттого мы и падаем каждый день, оттого многое и лежит у нас в душе без пользы и как случится, что мы, выслушав божественные изречения, еще прежде, нежели пройдем преддверие церковное, тотчас бросаем их, и, погасив свет, ходим в большом мраке.

Но, если это было прежде, пусть после того уже не будет; постараемся иметь постоянно горящий светильник в душе, и, прежде чем дом, будем украшать душу. Тот ведь остается здесь, а эту мы возьмем, и отходя отсюда; посему и должно удостоивать ее болъшего попечения. А теперь есть такие жалкие люди, которые украшают здешние домы свои и золотыми потолками, и разноцветными камнями, и живописными картинами, и блестящими столбами, и всем прочим; а душу небрежно оставляют в состоянии хуже всякой опустелой гостиницы, исполненной грязи, дыма, великого зловония, в невыразимом запустении. А причиной всего этого то, что в нас не горит постоянно светильник учения; поэтому необходимое оставлено в пренебрежении, а ничего не стоющее пользуется великим вниманием. Это сказано мной не к богатым только, но и к бедным. И эти часто, украшая по силе дом свой, душу оставляют в небрежении. Посему я делаю общее тем и другим наставление, увещевая и советуя – о делах настоящей жизни заботиться не много, а все старание тратить на попечение о предметах духовных и необходимых. Бедный пусть взирает на вдовицу, положившую две лепты[5] (Лк.21:2), и не считает бедности препятствием к делам милости и человеколюбия. Богатый пусть помышляет об Иове, и как тот употреблял все свое имущество не на себя, а на бедных, так и он. Потому Иов и перенес доблестно отнятие имущества, что еще прежде искушения диавольского приучился отчуждать его. Так и ты презирай имеющееся богатство, чтобы, если некогда оно и отойдет, тебе не предаваться скорби. Трать его на нужное, когда имеешь его, чтобы, когда лишишься, тебе иметь двоякую пользу, – уготованную тебе награду за прекрасную трату, и происходящее от презрения любомудрие, которое бывает полезно во время лишения богатства. Для того оно и называется имуществом (χρηματα), чтобы мы употребляли (χρησωμεθα) его на нужное, а не зарывали бы; для того оно называется стяжанием (κτηματα), чтобы мы владели (κτησωμεθα) им, а не были его владением. Ты – господин большого богатства? Не будь же рабом того, чего владыкой сделал тебя Бог, а не бываешь рабом тогда, когда тратишь его на должное, а не зарываешь. Нет ничего непостояннее богатства, нет ничего изменчивее благосостояния. Итак, поелику обладание ими непрочно и часто они улетают от нас быстрее всякой птицы и убегают неблагодарнее всякого беглого раба, то, пока мы владыки над ними, будем пользоваться ими на должное, чтобы нам, приобретши на непрочное богатство прочные блага, наследовать уготованное на небесах сокровище, которого да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Произнесена после бесед о Маккавеях и своим содержанием возбудила в некоторых неудовольствие, ответом на которое была далее помещаемая беседа о том, что опасно говорить к народу с угодливостью.

[2] Перев. проф. Юнгерова

[3] Гр.септуаг.: "**βραχυ τι**" = слав. "**мало что**" – ред.

[4] Гр.: "**και ελυπηθη και επορευθη στυγνος**"; слав. "**опечалися и пойде дряхл**" – в рус.синод.перев. этот смысл не усматривается – ред.

[5] Аттическая монета около 4 копеек. Нужно ли сохранять это примечание? Царские 4 коп. действительно были дневным пропитанием, теперь это мало кому будет понятно – ред.

БЕСЕДА

о том, что говорить к народу с угодливостью опасно как для тех, кто говорит, так и для тех, кто их слушает, и что речь против собственных прегрешений – полезна и является величайшей справедливостью.

Достаточно, я думаю, мы недавно нападали на вас, и причинили вам очень глубокую рану. Следовательно, сегодня необходимо предложить врачевание и доставить более приятные лекарства. Это – наилучший способ врачевания: не только резать, но и перевязывать раны; это – достойный удивления закон наставления: не только порицать, но и увещевать и утешать. Так повелел и Павел: "**обличай, запрещай, увещевай**" (2Тим.4:2). И если кто всегда утешает, то этим делает слушателей более беспечными; и если только порицает, то делает их более ожесточенными, потому что, не имея возможности перенести бремя непрерывных обличений, они тотчас поспешно убегают. Поэтому должно, чтоб был какой-нибудь разнообразный способ наставления. Итак, поелику в предшествующий день речь очень силъно огорчила ум каждого, сегодня нам необходимо более ласковое наставление, и на огорчения, происшедшие от обличений, необходимо накапать, как бы елей, ласковость речей, сначала напомнив вам о самых обличениях.

Недавно мы прочитали вам постановление Павла относительно общения в таинствах, предназначенное для всех, посвященных в таинства. Закон же был таков, – ведь ничто не препятствует и теперь снова прочитать его: "**да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба и пьет из чаши**" (1Кор.11:28). Посвященные в таинства знают, что говорим, и какой это – хлеб, какая – чаша. "**Кто ест и пьет**", говорит (Писание), "**недостойно**" Господа, "**виновен будет против Тела и Крови Господней**" (– 29,27). Мы прочитали вам этот закон; изъяснили и смысл изречения. Мы сказали, что значит: повинен будет телу и крови Господни, – что он понесет то же наказание, какое потерпят распявшие Христа. Как те, говорит, убийцы сделались повинными в крови, так и эти, недостойно причащающиеся таинств; это именно и значит: повинен будет телу и крови Господни. Казалось, что сказанное страдает большим преувеличением, и угроза эта нестерпима; мы присоединили и размышление, с помощью примера, имеющее большое соответствие. Подобно тому, говорил я, как если кто разрывает царскую багряницу, и пятнает грязью, то он почти что оскорбляет царя, облеченного в нее, – так, конечно, и здесь: и те, которые убили Тело Господне, и те, которые принимают Его с нечистой

мыслью, равно оскорбляют царское одеяние. Иудеи разорвали Его на кресте, оскверняет и тот, кто принимает Его с нечистой душой, так что, хотя и различны грехи, но одинаково оскорбление. Это многих потревожило, это многих смутило; уязвило совесть слушателей, лучше же сказать: не только слушателей, но прежде, чем вас, и меня – говорящего; обще наставление, общи раны; поэтому прилагаю и общие врачества. Это было дело Божия человеколюбия, чтобы и говорящий, и слушающие подлежали одним и тем же законам, были причастны одному и тому же естеству, чтобы каждый был одинаково ответствен в том, что преступает закон. Для чего? Для того, чтобы он предлагал упрек в соразмерной степени, чтобы сделался снисходительным к согрешающим, чтобы, вспоминая о своей собственной немощи, не причинял несносного обличения. Поэтому Бог не свел с небес ангелов и не приставил их учителями к человеческому естеству, чтобы по причине превосходства своей природы и по причине неведения человеческой немощи они не делали упреков против нас очень беспощадно; но Он дал смертных людей учителями и священниками, людей, облеченных немощью, чтобы одно и то же, виновность в том же самом и говорящего, и слушающих сделалась уздой для языка говорящего чедовека, не позволяющего делать обвинений свыше меры. И что это – истинно, сам Павел, положивший этот закон, разъяснил нам и причину, сказавши так: "**ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется, могущий снисходить невежествующим и заблуждающим**" (Евр.5:1-2). По какому случаю и почему? "**потому что и сам обложен немощью**" (–2). Видишь, что немощь делается основанием к состраданию и сродство естества не позволяет упрекающему когда-либо впасть в безмерность, хотя бы он был одержим и большим соревнованием? Но зачем я сказал это? Чтобы вы не говорили: ты, – будучи чист от грехов, будучи свободен от скорби, происходящей по причине упрека, – с великой силой наносишь нам очень глубокую рану. Я прежде чувствую боль, так как и сам я подвержен прегрешениям. Потому "**что все мы находимся под эпитимиями**" (Сир.8:6); и: никто не "**похвалится, что имеет чистое сердце**" (Прит.20:9). Итак, я сделал те обличения не потому, что любомудрствовал в области чуждых мне бедствий и не вследствие какого-либо безчеловечия, но движимый великой заботливостью. При врачевании тей, тот, кто наносит удар, не получает никакого ощущения удара, а тот, кого режут, один только он разрывается от болей; но при врачевания душ бывает не так, – если только я сколько-нибудь не ошибаюсь, о делах прочих людей судя по моим собственным, – но говорящий сам прежде мучится от боли, всякий раз как упрекает других. Мы не так скорбим, обличаемые со стороны других, как обличая других за грехи, в которых мы виновны, потому что тотчас совесть начинает порицать говорящего, и то обстоятельство, что облеченный достоинством учительства впадает в одни и те же с учениками прегрешения и имеет нужду в тех же самых обличениях, причиняет говорящему более горькую печаль.

2. И не без причины оплакиваю теперь это, но, так как многие, не вынесши тяжести сказанного, по возвращении назад, выражали недовольство, негодовали, говоря: ты отводишь нас от священной трапезы и прогоняешь от приобщения, – то по этой причине я и был вынужден сказать, чтобы вы поняли, что я не отвожу, но скорее – собираю вместе; не прогоняю и не удаляю, но путем обличений более привлекаю к себе. Страх перед возвещенным наказанием, падая на совесть грешников так, как огонь на воск, уничтожает и расплавляет наши прегрешения, постоянно будучи в действии, а делая ум чистым и блистающим, влагает в нас большее дерзновение; от дерзновения же и вследствие веселого настроения дух может сделаться более склонным к непрерывному общению в неизреченных и страшных таинствах. И подобно тому, как дающий горькие лекарства людям, лишенным аппетита, и очищающий дурные соки пробуждает в них потерянный аппетит, и производит то, что они с большей готовностью касаются обычной пищи, – точно так и говорящий горькие слова и очищающий ими ум от дурных помыслов и устраняющий тяжелое бремя прегрешений дает совести возможность перевести дыхание и

производит то, что она с большим удовольствием вкушает Господня Тела. Поэтому не негодовать должно за то, что сказано, а прославлять и хвалить.

Если же некоторые – очень немощны и не переносят этой нашей защиты, то я мог бы сказать им, что изъясняю вам не свои собственные законы, а читаю письмена, сшедшие с небес; и необходимо, чтобы, когда мне вверено это служение, я или сказал все с дерзновением, что содержится в них, всюду ища пользы для слушателей, а не удовольствия, или чтобы, боясь ненависти слушателей, путем этой неблаговременной угодливости, пожертвовал и своим, и их спасением. А что и для говорящего, и для слушателей весьма опасно умалчивать о чем-либо из божественных законов, и что учителя судятся как виновники в убийствах, когда не изъясняют всех законов Божиих без страха, – я опять представлю вам в свидетели Павла. Прибегаю же во всех делах непрерывно к этой святой душе по той причине, что изречения Павла суть некоторые полезные и божественные законы, так как не Павел говорит, но Христос, движущий его душу, через него говорит все, что тот сказал. Итак, что говорит Павел? Призвав жителей Ефеса и сказав им последнюю речь, так как уже намерен был удалиться от них, – уча начальников их тому, что как проливающие кровь учеников, так и не говорящие им полезного подлежат взысканиям и наказаниям, – так почти говорит: "**чист я от крови всех**". Почему? "**Не упускал возвещать вам всю волю Божию**" (Деян.20:26-27); если бы он убоялся возвестить, то не был бы чист от крови, но был бы судим, как человекоубийца, и вполне естественно, потому что человекоубийца умерщвляет одно только тело, а говорящий льстиво и делающий слушателей более беспечными губит душу; тот предает нынешней смерти, а этот губит душу и отсылает на бессмертные мучения и наказания. Итак, разве один только Павел говорит это? Никоим образом, но и прежде Павла Бог, в Свою очередь, устами пророка загадочно предвещает то же самое, так говоря: "**Я поставил тебя стражем дому Израилеву**" (Иез.3:17). Что значит: стражем? Стражем называется тот, кто, в то время как войска находятся внизу, занимает высокую и холмистую местность и оттуда наблюдает за нападающими неприятелями, и находящимся внизу объявляет о наладении, и возбуждает к приготовлению на сражение, так чтобы не напали на них не охраняемых и не умертвили их с большой легкостыо. Итак, поелику многих ужасов из числа угрожающих нам мы не видим, проводя жизнь на земле, – то благодать Божия устроила, чтобы стоящие как бы на высоком месте пророчества, святые пророки заранее предуказывали, что нам угрожает грядущий гнев Божий, чтобы мы придя в себя через покаяние и исправив нашу падшую душу, задолго раньше отвели от себя Богом посланный удар. Поэтому Он говорит: стража дах тя дому Израилеву, чтобы ты предвозвестил, что угрожает грядущее несчастье, – подобно тому как тот возвещает о наступлении врагов. И не малое наказание Он налагает на непредваряющего о Божием гневе. Какое именно? Души погибающих, говорит Он, **"от руки твоей взыщу"** (ст.20). Кто же в такой степени жесток и бесчеловечен, и нечувствителен, чтобы стал обвинять говорящего и непрестанно беседующего о Божием гневе, имеющего подвергнуться столь великому наказанию, если бы он промолчал? Итак, что не полезно нам – говорящим умалчивать об этом, достаточно научили нас и пророк и апостол; а что и вам – слушающим не полезно это, будет ясно из следующего. Если бы я, умолчав, скрывал молчанием грехи, то по праву стал бы негодовать каждый, справедливо стал бы сердиться, если бы я и не молчал; если же, сколько бы ни молчали мы теперь, во всяком случае там грехи по необходимости обнаружатся, то – какая польза могла бы быть от молчания? Пользы – никакой, а вред – крайний. Всякий раз, как я скажу теперь, – веду к покаянию и сокрушению душевному; если же буду молчать, то здесь и не вспомним о тех грехах, какие допущены нами, и не раскаемся; там же увидим их перед глазами своими обнаженными и открытыми, и будем плакать без пользы и тщетно.

3. Итак, если во всяком случае необходимо, чтобы или там, или здесь мы сокрушались о своих прегрешениях, то лучше – здесь, а не там. Откуда это ясно? Из пророческих слов, из евангельских. Пророк говорит: "**в аду кто исповедается Тебе[1]?**" (Пс.6:6). Не потому, что не исповедуемся, но потому, что делаем это напрасно. Христос же научил этому самому и через притчу. Был некий бедняк – Лазарь, говорит Он; всюду был он покрыт струпьями (Лк.16:20), имея неизлечимую болезнь; некоторый же другой человек – богач не уделял бедняку даже крошек. Впрочем зачем нужно излагать всю притчу? Вы знаете всю эту историю, о бесчеловечии богача, как он не уделял бедняку от трапезы, – о бедности последнего и голоде, с которым он непрерывно боролся. Но так в здешней жизни; а после того, как каждый умер, богач видит того бедняка на лоне Авраамовом. И что говорит: "**отче Аврааме, пошли**" его (Лазаря), "**чтобы омочил концом перста своего язык мой**", чтобы отдохнуть от боли (ст.24). Видел ты воздаяние? Он не уделял крошек, – не получает за то и капли воды. "**Какою мерою**", говорится, "**мерите, такою отмерено будет вам**" (Мк.4:24). Что же Авраам? "**Чадо, ты получил уже доброе твое, а Лазарь - злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь**" (Лк.16:25). Но, – что и исследуется, – хотя люди сокрушаются из-за грехов и переменяются и, благодаря геенне, делаются лучшими, однако это нисколько не приносит им пользы в отношении к облегчению мук пламени, так как "**отче, пошли его в дом отца моего,**" – говорит тот, – чтобы он возвестил моим сродникам, "**чтобы и они не пришли в это место мучения**" (ст.27-28). Сам не получив благодеяния, пытается доставить после спасение другим. Ты видел, как он до этого времени был бесчеловечен, как после этого стал человеколюбив? Пока был жив, он проходил мимо лежавшего перед его глазами Лазаря, теперь же заботится и об отсутствующих родственниках; тогда, находясь среди изобилия, не склонялся к милосердому созерцанию бедняка, теперь же, будучи среди мучений и неотвратимых пыток, заботится о своих родственниках и просит, чтоб был послан имеющий возвестить им об этом. Видишь, как человеколюбив стал он, и кроток, и сострадателен?

Что же? Извлек ли он для себя какую-либо пользу из покаяния? Получилась ли какая-либо для него выгода от сокрушения? Никоим образом, так как это покаяние неблаговременно. Зрелище окончилось, бои прекратились, уже не осталось удобного времени для состязаний; поэтому увещеваю и прошу, и умоляю: здесь должно горевать и плакать из-за грехов. Пусть здесь опечаливают нас слова, и пусть там не устрашают дела; пусть здесь уязвляет нас слово, и пусть не уязвляет нас там ядовитый червь; пусть здесь жжет нас порицание, и пусть не жжет там геенна огненная. И последовательно, чтобы печалящиеся здесь были утешены там; совершенно необходимо, чтоб здесь роскошествующие и смеющиеся и беспечально относящиеся к своим прегрешениям опечалились там и скорбели и скрежетали зубами. Не мое это слово, но самого Того, Кто тогда будет судить нас. "**Блаженны**", говорит Он, "**плачущие, ибо они утешатся**" (Мф.5:4). "**Горе вам, смеющимся ныне, ибо восплачете**" (Лк.6:25). Итак, что лучше – променять продолжающееся лишь определенное время сокрушение и сетование на вечные блага и на наслаждение, не имеющее конца, – или, проведя здесь в веселии эту краткую и преходящую жизнь, отойти из нее с тем, чтобы там подвергнуться вечным наказаниям? Быть может ты стыдишься и краснеешь перед мыслью высказать прегрешения? Но если бы даже надлежало говорить об этом или обнаруживать при людях, то и при таких условиях не должно было бы стыдиться: впадать в грех – стыд, а не признаться в допущенном грехе; теперь же и нет надобности исповедоваться в присутствии свидетелей. Перед размышлениями совести пусть происходит исследование содеянных грехов; судилище пусть будет без свидетелей; Бог один только да видит тебя – исповедующегося, – Бог, не порицающий грехи, но разрешающий их из-за исповедания. Но даже и при таких условиях ты медлишь и отговариваешься? Знаю и я, что совесть не выносит воспоминания о собственных прегрешениях, так что, если только придем к воспоминанию о

допущенных нами прегрешениях, то ум прыгает, как бы какой неукротимый, молодой и непокорный конь. Но удержи его, обуздай, погладь рукой, сделай его кротким, убеди, что, если теперь он не исповедуется, то будет исповедоваться там, где – большее наказание, где – большее бесчестие. Здесь судилище без свидетелей, и ты – согрешивший – ведешь суд с собой самим; там же все грехи будут приведены в средину зрелища вселенной, если наперед не изгладим их здесь. Ты стыдишься сознаться в прегрешениях? Стыдись делать грехи. Мы же, всякий раз как делаем их, отваживаемся безрассудно и бесстыдно; а когда нужно бывает сознаться, тогда стыдимся и медлим, между тем как должно было бы делать это с готовностью. Порицать за грехи не стыд, но – справедливость и добродетель; если бы не было справедливостью и добродетелью, то Бог не назначил бы за это награды. А что исповедание имеет награды, послушай, что говорит (Писание): "**говори ты беззакония твои прежде[2], чтоб оправдаться**" (Ис.43:26). Кто стыдится дела, благодаря которому становится праведным? Кто стыдится исповедать прегрешения, чтобы уничтожить последние? Ужели Господь для того повелевает сознаться, чтобы наказать? Не для того, чтобы наказать, но – чтобы даровать прощение.

4. Во внешних судилищах за сознанием следует наказание. Посему и псалом, предусматривая это самое, чтобы кто-либо, боясь наказания после исповедания, не стал отрицать своих грехов, говорит: "**исповедайтесь Господу, ибо Он благ, ибо в век милость Его[3]**" (Пс.105:1). Ужели Он не знает твоих прегрешений, если ты не сознаешься? Итак, какого ты достигаешь успеха через то, что не исповедуешься? Ужели ты можешь остаться скрытым? Хотя бы ты не сказал, Он знает; если же ты скажешь, Он забывает, потому что вот Я – Бог, "**изглаживающий преступления твои, и не помяну**" (Ис.43:25). Видишь ли? Я не помяну, говорит, так как это свойственно человеколюбию; ты же вспомни, чтобы получить случай к исправлению. Услышав это, Павел сам непрерывно вспоминал о тех грехах, о которых Бог не помнил, – вспоминал, так именно говоря: "**я недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь**" (1Кор.15:9); и: "**Христос пришел в мир спасти грешников, из которых я первый**" (1Тим.1:15). Не сказал: был [первым], но: есть. Возымело место прощение грехов от Бога, – а воспоминание о прощенных грехах не помрачалось у Павла; что Господь изгладил, это он сам обнаруживал. Вы слышали пророка, говорящего: и "**не помяну**"; ты же помни. Бог называет его сосудом избранным (Деян.9:15), а он называет себя первым из грешников. Если же он не забывал о прощенных прегрешениях, то поразмысли, как он помнил о Божиих благодеяниях. И зачем я говорю о том, что память о грехах не посрамляет? Не столь славными делает нас память о добрых поступках, как воспоминание о грехах; лучше же сказать: воспоминание о добрых поступках не только не делает славными, но даже исполняет стыда и осуждения; память же о грехах преисполняет нас дерзновением и великой праведностью. Кто говорит это? Фарисей и мытарь. Один, объявив прегрешения, возвратился оправданным; другой же, объявив добрые поступки, возвратился, став ниже мытаря. Видишь, какой вред – вспоминать о добрых поступках, – какая польза не предать забвению прегрешения? И весьма естественно, потому что кто помнит о добрых поступках, тот увлекается высокомерием, презирает остальных людей, что именно и случилось с фарисеем, который не дошел бы до столь великого тщеславия, не сказал бы: "**я не таков, как прочие люди**" (Лк.18:11), если бы не помнил о своем посте и десятине; память же о грехах укрощает ум, убеждает быть смиренномудрым и через смиренномудрие привлекает Божие благоволение. Послушай, прошу, как и Христос повелевает нам предавать забвению свои добрые поступки. "**Когда исполните все**" это, "**говорите: мы рабы ничего не стоящие**" (Лк.17:10). Ты говори о себе, что – непотребный раб, – не я делаю тебя непотребным; если ты сознаешься в своей ничтожности, я делаю тебя славным и увенчиваю.

Видишь, сколькими доказательствами нам засвидетельствовано, что память о грехах доставляет пользу и что память о добрых поступках приносит вред, – и, в свою очередь, наоборот, что за забвение грехов навлекается наказание нам, а за забвение добрых поступков бывает нам польза? Желаешь понять и с другой стороны, что величайшая добродетель – помнить о грехах? Послушай Иова. Как он в других случаях гордился, так и при исповедании прегрешений, так именно говоря: "**Если я согрешал невольно[4], не стыдился пред множеством народа поведать грех мой[5]**" (Иов.31:33-34). А что он говорит, имеет такой смысл: никогда собрание сорабов не привело меня в стыд. Какая польза от того, что о мне не знают люди, когда Судия знает все; какой вред от того, что они знают о допущенных мной прегрешениях, когда Тот желает освободить от наказания? И хотя бы все осуждали, я нисколько не забочусь о мнении их, если оправдает Судия; и хотя бы все восхвалили и изумились мне, опять для меня нет никакой пользы от их приговора, если Тот меня осуждает. Всюду должно смотреть на Того, и делать в отношении к прегрешениям то же самое, что именно делаем в отношении к трате денег. Тотчас после того, как встали с постели, прежде чем пойдем на рынок или займемся каким-либо частным или общественным делом, призвав слугу, требуем отчет в истраченном, чтобы знать, что истрачено дурно, а что на должное, и как много осталось; и если мы узнаем, что оставшегося – немного, то всячески придумываем средства к доходам, чтобы не быть незаметно истребленными голодом. Итак, станем делать это и в отношении к нашим делам. Призвав нашу совесть, дадим ей отчет в словах, делах, в помышлениях; исследуем, что истрачено на должное, а что – к нашему вреду; какое слово истрачено дурно, на поношения, на сквернословие, на оскорбления; какая мысль побудила глаз к распутству; какой помысл, ко вреду нашему, перешел в дело, осуществленный или с помощью рук, или – языка, или – самых глаз; и постараемся отстать от неуместной траты, а вместо того, что однажды истрачено дурно, постараемся сберечь другие доходы; вместо слов, произнесенных безрассудно, будем произносить молитвы, вместо взоров, ставших нецеломудренными, прибегнем к милостыням, постам. Если мы намерены тратить неразумно, ничего не сберегая, не собирая себе добра, то, впав в крайнюю бедность, незаметно стяжем себе наказание вечным огнем. Итак, мы имеем обыкновение давать отчет в деньгах около рассвета, а в делах, в том, что совершено нами после того, как настал день, и во всем сказанном потребуем от себя отчетов после ужина и после наступления самого вечера, лежа на постели, когда никто не беспокоит, когда никто не тревожит; и если увидим, что в чем-либо согрешили, то накажем совесть, сделаем выговор уму, уязвим рассудок так сильно, чтобы более мы уже не дерзнули, встав, привести себя к той же самой бездне греха, помня о вечерней ране.

5. Что это время более удобно для такового требования отчетов, послушай, что говорит пророк: "**о чем говорите в сердцах ваших, о том сокрушайтесь на ложах ваших[6]**" (Пс.4:5). Многое по наступлении дня делаем не так, как желаем; и друзья раздражают, и слуги приводят в неистовство, и жена огорчает, и дитя опечаливает, и множество житейских и общественных дел окружает нас; и не можем тогда понимать даже и того, каким образом обманываем себя. Но, освободившись от всего этого и вечером оставшись наедине с самими собой, и наслаждаясь большим спокойствием, устроим на ложе судилище, чтобы с помощью такового суда умилостивлять Бога. Если же ежедневно будем грешить и ранить нашу душу, никогда не вникая в это, то подобно тому, как получающие непрерывные раны, а потом нерадеющие о них, приобретают себе лихорадки и навлекают невыносимую смерть, – так, конечно, и мы вследствие этого непрерывного бесчувствия навлекаем на себя неминуемое наказание. Я знаю, что сказанное – тягостно, но оно приносит большую выгоду. У нас – милостивый Господь; Он желает только найти предлог, и тотчас обнаруживает всякое человеколюбие. Если бы, согрешая и оставаясь ненаказанными, мы не делались худшими, то Он и удалял бы от нас наказание; но Он ясно знает, что безнаказанность согрешающих вредит им не меньше самых грехов. Поэтому

налагает наказание, не за прошедшее взыскуя вину, но исправляя будущее. И чтобы ты понял, что это – истинно, послушай что Он говорит Моисею: "**оставь Меня, да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их**" (Исх.32:10). Оставь Меня, говорил Он, не потому, что Моисей удерживал Его, так как тот ничего не сказал Ему, но предстоял в молчании, – а желая дать ему случай к мольбе за них. Так как те допустили грех, достойный наказания и наказания неизбежного, и, однако, Он не хотел наказать их, а проявить к ним человеколюбие, но так как это делало их более беспечными, то Он устраивает одно и другое, так чтобы и наказания не было нанесено, и чтобы те вследствие безнаказанности не сделались более беспечными, поняв, что они избежали гнева Господня не в виду их собственного достоинства, а по предстательству Моисея. Это и мы часто делаем, и, не желая ни подвергать наказанию слуг, допустивших проступки, достойные наказания, ни освобождать от страха перед ожидающим наказанием, просим друзей исхитить их из наших рук, так чтобы и страх в них оставался в полной силе, и чтобы они избежали с нашей стороны ударов. То же сделал и Бог; а что это – истинно, ясно из самых слов: "**оставь Меня,** говорит, **да воспламенится гнев Мой...**" И мы, когда желаем наказывать, а нам не позволяют этого, приходим в состояние гнева. Он же говорит: остави Мя, и возъярився гневом, – чтобы ты понял, что гнев не страсть в Боге, но что называется этим именем назначаемое нам наказание. Итак, когда услышишь, что Моисей говорит: "**прости им грех их**" (Исх.32:32), то прежде, чем перед рабом, приди в изумление перед Господом по той причине, что Он сам доставил ему случаи к этому человеколюбию. Но не здесь только сделал Он это, но то же самое говорит и к Иеремии, и к Иезекиилю: "**походите и посмотрите по улицам Иерусалима; если есть кто творящий суд и правду, милостив буду к ним**[7]" (Иер.5:1)[8]. Ты увидел человеколюбие? Добродетелью одного пользуются многие даже и порочные люди, но из-за порочности множества, даже если среди многочисленного народа и один окажется поступающим добродетельно, (последний) не разделяет их участи; напротив, один человек, право живущий, будет в состоянии исхитить от гнева Божия целый народ, а целое государство развращенное не будет в состоянии привлечь к собственному наказанию и мучению и погубить человека справедливо живущего. Это ясно и из истории Ноя: когда все, действительно, погибали, один только он был сохраняем; ясно и из жизни Моисея: один только он, действительно, оказался в состоянии явиться с ходатайством за таковой народ. Я же могу представить и другое, большее доказательство Божия человеколюбия. Когда Он не найдет живых людей, имеющих дерзновение и могущих явиться с ходатайством за согрешивших, то прибегает к умершим и говорит, что ради их отпускает грехи, как действительно и сказал Езекии: "**защищу город сей ради Себя и ради Давида, раба Моего**" (4Цар.20:6), уже умершего. Итак, зная, что Бог все движет и делает, чтобы освободить нас от наказания и мучения, будем доставлять Ему многочисленные случаи к этому, исповедуясь, раскаиваясь, плача, молясь, прекращая гнев на ближних, улучшая бедность близких, бодрствуя в молитвах, обнаруживая смиренномудрие, непрестанно помня о грехах.

Не достаточно сказать, что я – грешник, но должно вспомнить и о самых грехах о каждом в отдельности. Подобно тому как огонь, попавший в терновник, легко уничтожает его, так помышление, постоянно направленное на допущенные грехи, легко уничтожает их и потопляет. Бог же, оставляющий без внимания беззакония, удаляющий неправды, да избавит нас ог грехов и да удостоит небесного царства, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу слава со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Гр.: "**εξομολογησεται σοι**" = букв. "**исповедается тебе**" – св.Иоанн понимает это выражение именно в таком смысле, как исповедание грехов; в синод.перев.: "**будет славить Тебя**"; у проф. Юнгерова: "**исповедает Тебя**" – оба варианта допустимы, но не выражают того, о чем говорит святитель. – ред.

[2] В синод.перев. эти слова пропущены – ред.

[3] Перев. проф. Юнгерова – ред.

[4] У св. И. Злат. **добровольно**.

[5] Перев. проф. Юнгерова – ред.

[6] Перев. проф. Юнгерова – ред.

[7] Перевод поправлен по септуагинте. В рус.синод. смысл тот же, но в иных выражениях – ред.

[8] В Библии читаем: "**обыдите пути Иерусалимские и воззрите... аще обрящете мужа творящаго суд и ищуща веры, и милосерд буду ему...**"

БЕСЕДА

о мучениках[1].

Праздники мучеников признаются не только по круговороту дней, но и по расположению празднующих. Например: ты стал подражать мученику, поревновал его добродетели, пошел по следам его любомудрия? Вот ты, и без наступления дня мученика, отпраздновал праздник мученика, потому что честь мученику – подражание мученику. Как те, которые совершают худые дела, бывают и в праздники без праздников, так и те, которые следуют добродетели, и без торжества совершают праздник, потому что праздник отмечается чистотой совести. Это выражал и Павел, когда говорил: "**посему станем праздновать не со старою закваскою, порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины**" (1Кор.5:8). Таким образом есть опресноки[2] у иудеев, есть и у нас; но у них опресноки из муки, а у нас – чистота жизни, жизнь свободная от всякого порока, так что, кто соблюдает жизнь свою чистой от нечистоты и пятен, тот каждодневно празднует и всегда торжествует, хотя бы и не в день мучеников, и не в их храмах, но и сидя дома. Можно и у себя праздновать праздник мучеников. Говорю это не для того, чтобы нам не приходить к гробам мучеников, но чтобы, пришедши, мы встречали праздник с надлежащим усердием и не только в дни их, но и без этих дней, оказывали одинаковое благоговение. Кто не порадуется сегодня нашему собранию, этому светлому зрелищу, кипучей любви, горячему расположению, неудержимой страсти? Почти весь город переселился сюда, и ни раба не удержал страх перед господином, ни бедного – нужда бедности, ни старца – слабость возраста, ни жену – нежность пола, ни богатого – гордость от изобилия, ни начальника – надменность власти; но любовь к мученикам, устранив всякое подобное неравенство, и слабость природы, и нужду бедности, одной цепью привлекла сюда такое множество и окрылила любовью к мученикам, как будто теперь вы устраиваетесь жить на небе: поправ всякую похоть невоздержания и непотребства, вы пламенеете любовью к мученикам. Как при восхождении солнца, дикие звери разбегаются и скрываются в свои пещеры, так и когда свет мучеников озаряет наши души, все болезни ее погребаются, и возгорается светлый пламень любомудрия. А чтобы нам не только теперь, но и постоянно, и по окончании настоящего духовного зрелища, сохранять этот пламень, возвратимся и домой

с тем же самым благоговением, не пускаясь в места пьянства и блудодеяния, в опьянение и пиршества. Вы обратили ночь в день, посредством священных всенощных бдений; не обращайте же опять дня в ночь посредством пьянства и невоздержания и блудных песней. Ты почтил мучеников своим прибытием, слушанием, усердием; почти же их и пристойным возвращением домой, чтобы кто-нибудь, увидев тебя бесчинствующим в месте пьянства, не сказал, что ты приходил не ради мучеников, а чтобы усилить свою страсть, чтобы удовлетворить порочной похоти. Говорю это, не препятствуя веселиться, но препятствуя грешить, не препятствуя пить, а препятствуя пьянствовать. Не вино худо, но неумеренность порочна; вино есть дар Божий, а неумеренность – изобретение диавола. Итак, "**служите Господу со страхом и радуйтесь Ему с трепетом**" (Пс.2:11).

Ты хочешь насладиться веселием? Наслаждайся дома, где, если и произойдет опьянение, много прикрывающих, – а не в месте пьянства, чтобы тебе не быть общим зрелищем для присутствующих и соблазном для других. Говорю это, не приказывая дома пьянствовать, но не проводить время в местах пьянства. Представь, как смешно, – после такого собрания, после всенощных бдений, после слушания священного Писания, после приобщения божественных таин и после духовного ликования, мужу или жене являться в месте пьянства и проводить там целые дни. Разве вы не знаете, какое положено наказание пьянствующим? Они извергнутся из царства Божия, лишатся неизреченных благ и будут посланы в вечный огонь. Кто говорит это? Блаженный Павел: "**ни лихоимцы**", говорит он, "**ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют**" (1Кор.6:10). Что может быть несчастнее пьяницы, когда он за малое удовольствие лишится наслаждения таким царством? Лучше сказать: даже и удовольствием не может воспользоваться пьяница, потому что удовольствие – в умеренности, а в неумеренности – бесчувственность. Кто не чувствует, где он сидит или лежит, тот как может чувствовать удовольствие от питья? Кто самого солнца не может видеть от густого облака опьянения, тот как может наслаждаться радостью? Мрак его таков, что и лучи солнечные не в состоянии разогнать у него эту тьму. Всегда, возлюбленные, пьянство зло, но особенно в день мучеников. Здесь вместе с грехом есть и величайшее оскорбление, и глупость, и унижение божественных вещаний, – поэтому может быть и двойное наказание. Итак, если ты, пришедши к мученикам, намереваешься, по выходе отсюда, пьянствовать, то лучше бы тебе оставаться дома, и не бесчинствовать, не оскорблять праздника мучеников, не соблазнять ближнего, не вредить душе, не прибавлять грехов. Ты пришел посмотреть на людей, терпевших скобления, облитых кровью, украшенных множеством ран, отказавшихся от настоящей жизни, стремившихся к будущей: будь же достоин этих подвижников. Они презирали жизнь, ты презирай удовольствия; они отказались от настоящей жизни, ты откажись от страсти к пьянству.

Но ты хочешь получить удовольствие? Оставайся при гробе мученика, проливай там источники слез, сокрушайся душой, получай благословение от этого гроба; приобретши ходатайство его в молитвах, проводи всегда время в слушании повествований об его подвигах, обнимай его гробницу, пригвозди себя к его раке, потому что не только кости мучеников, но и гробы их и раки источают великое благословение. Прими святый елей и помажь все свое тело, язык, уста, шею, глаза, и никогда не впадешь в кораблекрушение пьянства, так как елей своим благоуханием напоминает тебе о подвигах мучеников, обуздывает всякое невоздержание, удерживает в великом терпении и побеждает душевные болезни. Но ты хочешь проводить время в рощах, лугах и садах? Только не теперь, когда столько народу, но в другой день; сегодня время подвигов, сегодня зрелище борьбы, а не удовольствия и не отдохновения. Ты пришел сюда не для того, чтобы предаться лености, но чтобы научиться бороться, сражаться всеми способами и, будучи человеком, сокрушать силу невидимых бесов. А никто, пришедши на место борьбы, не предается удовольствиям, и, прибывши во время подвигов, не занимается украшением

себя, и во время сражения не заботится о трапезах. Поэтому и ты, пришедши посмотреть на мужество души и крепость ума, на трофей новый и необычайный, на некоторую особенную борьбу, на раны и сражения, на всевозможное состязание человеческое, не вводи действий бесовских, предаваясь пьянству и удовольствиям после этого необыкновенного и страшного зрелища, но приобретши душевную пользу, отправляйся с ней домой, самым видом своим показывая всем, что ты возвратился, видев мучеников. Как возвращающиеся со зрелищ заметны для всех потому, что бывают смущены, расстроены, расслаблены, и носят в себе образы всего там происходившего, – так и возвращающемуся от созерцания мучеников надлежит быть заметным для всех по взору, по осанке, по походке, по сокрушению, по сосредоточенности душевной, дышать пламенем, быть скромным, сокрушенным, трезвенным, бодрым, в самых движениях тела выражающим внутреннее любомудрие. Так будем мы возвращаться в город, с надлежащей благопристойностью, с благоприличной походкой, с благоразумием и целомудрием, с кротким и мирным взором: "**одежда и осклабление зубов и походка человека показывают свойство его**" (Сир.19:27). Так всегда будем возвращаться от мучеников, от духовных ароматов, небесных лугов, новых и дивных зрелищ, чтобы и нам самим получить великое облегчение, и для других стать защитниками свободы, и сподобиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Произнесена в селе близ Антиохии по поводу того, что многие по окончании богослужения тотчас отдались недостойному провождению времени.

[2] В ориг. "безквасное". Здесь приведено в соответствие с цитатой – ред.

ПОХВАЛА

святому мученику Юлиану[1].

Если на земле таковы почести мученикам, то по отшествии отсюда какие венцы сплетаются на небесах святым их главам? Если прежде воскресения такова слава их, то каково будет сияние их после воскресения? Если от подобных себе рабов они получают такое почитание, то какого благоволения сподобятся от Господа? Если мы, лукавые, умеем так почитать подвижников из подобных нам рабов и благоговеть перед ними, потому что они подвизались за Христа, то насколько более Отец наш небесный даст бесчисленные блага потрудившимся для Него (Мф.7:11)? Подлинно, щедр и человеколюбив Он; но не поэтому только ожидают их великие почести, а и потому, что Он – должник их. Не за нас были закалаемы мученики, и однако мы стекаемся в честь их. Если же мы, за которых они не были закалаемы, стекаемся, то чего не сделает Христос, за Которого они положили свои головы? Если тем, кому Он ничего не был должен, дал Он

столь великие блага, то каких даров не воздаст Он тем, перед кем Он – должник? Ничего Он не был прежде должен вселенной: "**потому что все**", говорит Павел, "**согрешили и лишены славы Божией**" (Рим.3:23); или – лучше – за Ним в долгу были казнь и мучения, и однако, будучи должен воздать нам казни и мучения, Он даровал жизнь вечную. Итак, если тем, кому Он должен был казнями, дал Он царство, то чего не даст тем, кому должен жизнью вечной? Какими почестями не почтит Он их? Если за ненавидевших Его Он

распялся и пролил кровь, то чего не сделает для тех, которые пролили кровь свою за Его исповедание? Если отвращающихся и удаляющихся Он возлюбил так, что даже умер за них, то возлюбивших Его в высочайшей степени (ибо "**нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих**" (Ин.15:13)), – с каким примет Он благоволением и почитанием? Подвижники внешних состязаний на одном и том же ристалище и ратоборствуют, и побеждают, и провозглашаются победителями, и увенчиваются; но с подвижниками благочестия бывает не так: ратоборствовали они в настоящем веке, а увенчиваются в будущем; борятся с диаволом и побеждают здесь, а провозглашаются победителями там. И дабы вам убедиться, что это справедливо, что не здесь даются им венцы, но там ожидают их все дары, послушайте Павла, который говорит: "**подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды**"; где и когда? "**который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный**" (2Тим.4:7- 8). Здесь он состязался, а там увенчивается; здесь победил, а там провозглашается. Послушайте, что и сегодня он взывает и говорит: "**все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались**" (Евр.11:13). Для чего же у подвижников внешних вместе и победы и венцы, а у подвижников благочестия победы и венцы не вместе, но на таком расстоянии времени? Они подвизались, трудились здесь, потерпели бесчисленное множество ран, и Господь не тотчас увенчивает их? Не тотчас, говорит (апостол), – потому что настоящая жизнь по природе своей не вмещает величия той чести; настоящий век скоропреходящ и краток, а тот беспределен, бессмертен и бесконечен.

Посему Господь и уделил труды веку краткому и временному, а венцы сохранил для нестареющегося и бесконечного, чтобы и тяжесть трудов облегчалась, ограничиваясь краткостью времени, и наслаждение венцами было постоянно и нескончаемо,

простираясь на вечность тех беспредельных веков. Таким образом Он отложил дар, желая больше почтить их; и не только для этого, но и для того, чтобы они имели удовольствие уже чистое. Как тот, кто прежде наслаждается и пользуется удовольствиями, а после того страдает, не чувствует настоящего наслаждения по причине ожидания будущих бедствий; так тот, кто прежде борется, подвизается, терпит бесчисленные бедствия, а после того увенчивается, не чувствует настоящих зол, ободряемый надеждой будущих благ. И не только надеждой в будущем Он облегчил им настоящий труд, но и тем, что устроил быть скорби по порядку прежде наслаждения, чтобы они, взирая на него, не очень были угнетаемы настоящими бедствиями. Так и бойцы охотно принимают раны, взирая не на боль, а на венец; так и мореплаватели, перенося бесчисленные опасности, бури и тяжкую какую-то войну, будучи готовы к бою и с дикими зверями и с морскими разбойниками, не думают ни о чем подобном, а смотрят на пристани и обогащение торговлей. Так и мученики, претерпевая бесчисленные страдания и испытывая терзание тела различными мучениями, не смотрели ни на что подобное, но устремляли взор к небу и к тамошним благам. А дабы вам убедиться, что тяжкое по природе и невыносимое становится легким и весьма удобным от надежды на будущее, послушайте первостоятеля таких благ: "**Ибо**", говорит он, "**кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу**", – каким, скажи мне, образом? – "**когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое**" (2Кор.4:17-18).

2. Все это сказано мной не попросту, но для вас, чтобы вы, когда увидите кого-нибудь наслаждающимся и пользующимся удовольствиями в этой жизни, а там имеющего подвергнуться наказанию, не ублажали его за настоящие наслаждения, а пожалели по причине будущего наказания. И с другой стороны, когда кого-нибудь из имеющих там наслаждаться велпкой честью увидите в скорби, в тесноте и среди бесчисленных бедствий в этой временной жизни, то не оплакивайте его за настоящие бедствия, но ублажайте и

считайте достойным ревнования ради назначенных ему венцов в тех беспредельных веках. Празднуемого ныне святого произвел киликийский народ, который произвел и Павла; он был согражданин апостола, и оба служителя церкви оттуда предложены нам.

Когда открылось поприще благочестия, и время призывало его к подвигам, то он попадает к жестокому зверю, бывщему тогда судъе. И посмотрите, какова хитрость! Видя твердое убеждение святого и невозможность сокрушить силу его решимости жестокостью казни, судья употребляет против него медленность и отсрочки, постоянно то вызывая мученика, то отсылая назад. Он не в один день, выслушав, отсек ему голову, чтобы скорость казни не сделала для него подвиг более легким, но ежедневно вызывал его и отсылал назад, делал допросы, угрожал бесчисленными пытками, соблазнял льстивыми речами, пуская в ход все хитрости, стараясь поколебать это непоколебимое основание, – и водил его целый год по всей Киликии, желал посрамить его, а лучше сказать, чего не предполагал он, делая его более славным; сам же мученик восклицал и воспевал с Павлом: "**благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе Иисусе, и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте**" (2Кор.2:14). Как миро, пока лежит в одном месте, в нем только наполняет воздух благоуханием, а когда будет пронесено по многим местам, то все их наполняет своей добротой, – так точно случилось тогда и с этим мучеником. Его водили, намеревалсь посрамить, но вышло противное: через такие проводы подвижник становился славнейшим и всех жителей страны киликийской делал соревнователями своей добродетели. Его водили везде, чтобы не только по слуху знади о его подвигах, но и собственными глазами видели бы зрители самого венценосца; и чем дальнейшие расстояния (мучитель) устроял ему, тем славнее становились все его шествия, чем большие полагал ему препятствия, тем более удивительными являлись подвиги, чем долговременнее растягивал ему скорбь, тем виднее делал его терпение. Золото, чем более времени подвергается действию огня, тем становится чище; так и душа этого святого, мучимая тогда, от времени более просиявала, и мучитель водил в мученике не что иное, как трофей победы над самим собой и диаволом, обличение жестокости язычников, доказательство благочестия христиан, величайшее знамение силы Христовой, назидание и внушение верным, чтобы и они охотно выдерживали такие же подвиги, проповедника славы Божией, учителя в искусстве таких подвигов. Подлинно, он призывал всех последовать его ревности, не голосом только советуя, но и самыми делами своими издавая звук громче трубы. Как "**небеса проповедуют славу Божию**" (Пс.18:1), не голос издавая, но великолепием вида своего приводя зрителя в удивление перед Создателем, так точно поведал славу Божию и этот мученик, будучи и сам небом, и притом гораздо блистательнейшим этого видимого, потому что не столько хоры звезд придают блеска небу, сколько струи ран умножали блеск тела мученика. А дабы вам убедиться, что раны мученика блистательнее утвержденных на небе звезд, посмотрите. На то небо и на звезды смотрят и люди, и бесы, а на раны мученика люди верные смотрят, но бесы не смеют прямо смотреть; если же и пытаются взглянуть, то тотчас ослепляются взоры их, не имея силы вынести исходящего оттуда блеска. Я докажу это не только давними случаями, но бывающими еще и ныне. Взяв кого-нибудь, одержимого бесом и беснующегося, приведи к этому святому гробу, где останки мученика, и ты увидишь, что он непременно отскочит и убежит. Как будто ему предстоит идти по горячим угольям, так он выскакивает тотчас из самого преддверия, не осмеливаясь взглянуть даже на самую раку. Еели же теперь, спустя столь долгое время, когда мученик стал прахом и пеплом, бесы не смеют взглянуть на памятник и на обнаженные кости святого, то явно, что и тогда, когда они видели его обагренным кровью со всех сторон, блиставшим ранами более, нежели солнце лучами, они были поражаемы и с пораженными взорами убегали.

3. Видишь, как раны мучеников блистательнее и удивительнее звезд небесных и большую имеют силу? Таким образом святый выведен был на средину, и горькие муки окружали

его отвсюду, – страх будущего, тяжесть настоящего, боль от наступившего, томление от ожидаемого. Палачи, окружавшие тело его, подобно диким зверям, терзали ребра его, скоблили плоть, обнажали кости, доходили до самых внутренностей; но, хотя переискали все, не смогли однако похитить сокровище веры. В царских сокровищницах, где хранится золото и другое неоцененное богатство, как только разломаешь стены, или отворишь двери тотчас увидишь лежащее сокровище; а здесь, с этим святым и христоносным храмом, произошло противное: палачи разломали стены, расторгли грудь, однакож лежавшего в ней богатства не видали и не могли взять; но что испытали жители Содома, которые стояли у самой двери Лотова жилища, и не нашли входа (Быт.19:11), тоже и они, – переискали везде тело мученика, но овладеть сокровищем и опустошить богатство веры не могли. Таковы душевные доблести святых: неотъемлемые и непреодолимыя, они заключены в непоколебимости души их, как бы в каком-нибудь недоступном убежище, и ни взоры мучителей не увидят их, ни руки палачей не в состоянин отнять их, но, хотя бы они растерзали самое сердце, которому преимущественно вверено душевное мужество, хотя бы рассекли его на мелкие части, – и таким образом не опустошили бы они этого богатства, а еще более увеличили бы его; причиной же то, что в таких душах обитает Бог, а воюющему с Богом никогда не возможно одержать победы, но неизбежно должно удалиться посрамленным и потерпевшим постыдное поражение. Поэтому и в то время произошло прямо противное обычному. Везде дела одерживают верх над словами; а тогда слова одержали верх над делами. Каким образом? Мучители употребляли в действие огонь, железо, пытки; употребляли истязания, мучения, бичевания; совершенно истерзали ребра его; но страдалец остался неодолим: он только говорил, издавал один только голос – и слово одержало верх над делами. Из уст мученика исходил святой голос – и вместе с ним изливался свет блистательнее луча солнечного. Свет этого луча таков, каково расстояние от неба до земли, или лучше, даже и этого всего расстояния он не может пройти, когда посреди встретится или кровля, или стена, или облако, или какое-нибудь другое тело, но отражается и дальнейшее движение его преграждается этими препятствиями; а голос мученика, исшедши из святых уст его, воснесся на самое небо. Он прошел небо небес; увидели его ангелы, и отступили, – архангелы, и посторонились; херувимы и прочие силы повели его вверх, и не прежде остановились, как когда привели его к самому престолу царскому.

После этого голоса, когда тогдашний судья увидел, что все средства употреблены тщетно и напрасно, что он идет против рожна и разбивает адамант, что он делает? Он приступает наконец к явному своему поражению, и лишает мученика настоящей жизни, – так как смерть мучеников есть явное поражение убивающих и блистательная победа убиваемых. Но посмотри, какой ужасный и жестокий придумал он род смерти, достаточно показывающий жестокость мучителя и мужество мученика. Какой же именно род казни? Принесши мешок и наполнив его песком, он сажает туда скорпионов, змей, ехидн и драконов, сажает вместе с ними и святого, и бросает в море. И вот был мученик вместе с зверями, и заключен опять праведный человек вместе с зверями; я сказал: опять, чтобы вы вспомнили древнее повествование о Данииле. Того заключили в ров, а этого посадили в мешок; тогда привалили камень, а здесь зашили мешок, сделав для праведника еще теснейшую темницу. Но звери везде уважают тела святых, в посрамление и осуждение тех, которые почтены даром слова и удостоены быть людьми, но чрезмерной лютостью своей затмевают свирепость диких зверей, – каков, конечно, был и этот мучитель. И можно было видеть дивное чудо, не меньшее чуда с Даниилом. Как тогда удивились вавилоняне, увидев его через много дней вышедщим из рва львиного, так удивились ангелы, видя душу Юлиана из мешка и волн восходящей на небо. Даниил поразил и победил двух львов, впрочем телесных; этот поразил и победил одного льва, но мысленного, врага нашего диавола, который, говорится, "**ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить**" (1Пет.5:8); но и он был побежден мужеством мученика, который

сложил с себя яд греха, а потому его он и не поглотил, потому и не боялся ни льва, ни ярости зверей.

4. Хотите, я расскажу еще другое древнее повествование, где праведник и звери? Вспомните о потопе при Ное и о ковчеге. И тогда праведник и звери вместе; но Ной вошел человеком, и вышел человеком, а Юлиан вошел человеком, и вышел ангелом; тот вошел с земли, и вышел опять на землю, а этот вошел в мешок с земли, и из мешка отошел на небо. Море взяло его не для того, чтобы умертвить, но чтобы увенчать, и, увенчав, возвратило нам тело мученика, этот святой ковчег; его мы храним до настоящего дня, как сокровищницу бесчисленных благ. Бог разделил с нами мучеников: Сам взяв душу их, тела Он как бы дал нам, чтобы святые кости их были у нас постоянным напоминанием об их добродетели. В самом деле, если тот, кто смотрит на окровавленное оружие бойца, на его щит, копье и латы, тотчас, хотя бы это был ленивейший из всех, вскакивает, горячится и стремится к войне, видом этого оружия побуждаясь к созершению таких же подвигов, – то мы, взирая не на оружие, а на самое тело святого, удостоившееся быть окровавленным за исповедание Христово, хотя бы мы были боязливее всех, можем ли не возыметь великой ревности, когда это зрелище, как бы какой огонь, проникает в нашу душу и призывает нас на такой же подвиг? Для того Бог и оставил нам тела святых до времени воскресения, чтобы мы имели в них урок величайшего любомудрия. Впрочем, немощью нашего языка да не уменьшаются похвалы мученика, но да ожидают распорядителя подвигов – Бога. Кто дает им венцы, тот и восхвалит их; похвала им не от людей, но от Бога; и то, что мы сказали, сказали не для того, чтобы показать мученика более светлым, но чтобы вас сделать более ревностными. Оставив же похвалы ему, обратим всю речь к вам, – а лучше сказать, похвалы мученикам невозможно прекратить, когда кто беседует в церкви о предметах полезных. Будьте же внимательны; я хочу сегодня истребить дурной старинный обычай, чтобы нам не только приходить к мученикам, но и подражать мученикам, так как чествование мучеников не только в том. чтобы приходить к ним, но еще прежде этого в том, чтобы соревновать их мужеству. Поэтому прежде всего надобно указать дурной обычай. потому что, не зная болезни, неудобно применять и врачество; и я раскрою прежде рану, а потом приложу лекарство. Какой же это дурной обычай? Некоторые из собравшихся здесь сегодня (я не стану обвинять в этой вине всю церковь), по беспечности и простоте, оставив нас, завтра устремятся в Дафну – расточать завтра то, что мы собрали сегодня, и разрушать то, что мы создали. Итак, чтобы присутствие здесь не осталось для них бесплодным, скажем немного об этом, и окончим речь. Зачем, скажи мне, спешишь ты в это предместие города? Вот здесь – предместие горнего Иерусалима; вот здесь – духовная Дафна! Там источники вод, здесь источники мучеников; там кипарисы, бесплодные деревья, здесь останки святых, корни насаждения на земле, и простирающиеся до неба ветви. Хочешь видеть и плод этих ветвей? Открой очи веры, и я тотчас покажу тебе естество этих дивных плодов. Плод этих ветвей не яблоки, не орехи, и не другое что-нибудь тленное и погибающее, но исцеление увечных тел, отпущение грехов, истребление порока, уврачевание душевных болезней, непрестанная молитва, дерзновение перед Богом, все – духовное и преисполненное небесных благ. Эти плоды, постоянно срываемые, всегда остаются в изобилии, и никогда не бывает в них недостатка у тех, кто их возделывает. Притом деревья, растущие на земле, приносят плоды однажды в год, и если не сорвешь их, то с наступлением зимнего времени и деревья теряют свое благолепие, когда плоды портятся и опадают; а эти не знают ни зимы, ни лета, не подлежат влиянию времен года, и никогда нельзя видеть их обнаженными от их плодов, но всегда они стоят в одинаковом благолепии; не касается их ни тление, ни перемена времен. Так, сколь многие с тех пор, как это тело насаждено на земле, собирали бесчисленные исцеления от этой святой гробницы, и однако плодов не убавилось, – жатвы пожинали, а колосья не оскудели, черпали из источника, а потоки не опустели. напротив происходит некоторый постоянный прилив, никогда не иссякающий, но в замен

почерпаемого всегда производящий еще обильнейшее чудо. Впрочем не только совершаются чудеса. но и преподаются уроки любомудрия. Если ты богат, и гордишься, и имеешь надменную душу, то, пришедши сюда, увидев мученика и обдумав разность между твоим богатством и его изобилием, ты тотчас смиришь гордость и, отложив надменность, уйдешь отсюда с полным здоровьем в душе; если же ты беден, и считаешь себя презираемым, то, пришедши, увидев богатство мученика и посмеявшись над внешним богатством, выйдешь отсюда, исполнившись великого любомудрия, и хотя бы нанесены были тебе оскорбления, или убытки, или раны, увидев, что ты еще не столько пострадал, сколько этот святой мученик, ты также получишь отсюда достаточное утешение. Видишь, каковы плоды этих корней, как они неиссякаемы, как духовны, как они касаются самой души? Я не запрещаю ходить в предместие, но запрещаю – идти завтра. Для чего? Для того, чтобы наслаждение было безукоризненным, чтобы удовольствие было чистым, чтобы не привходило осуждение. В иной день можно и насладиться удовольствием, и избежать греха. Если же ты хочешь и ныне наслаждаться удовольствием, то что приятнее этого собрания, что прелестнее этого духовного зрелища, собрания сочленов твоих, твоих братьев? Но ты хочешь участвовать и в телесной трапезе? Можно, по окончании собрания, здесь подле храма мучеников, расположившись под смоковницей, или под виноградником, и телу дать отдых, и совесть избавить от осуждения. Мученик, видимый вблизи, находящийся подле и предстоящий самой трапезе, не допустит удовольствию разлиться в грех; но, как бы какой наставник, или превосходный отец, созерцаемый очами веры, он сдерживает смех, отсекает непристойнные удовольствия, уничтожает все порывы плоти, которых там невозможно избежать. Почему? Потому, что завтра захватят предместие хороводы людей; а вид таких людей часто и желающего быть благоразумным невольно приведет к подражанию подобному бесстыдству, и особенно, когда среди их присутствует и диавол, – а он бывает там вызываемый блудными песнями, срамными речами, бесовским ликованием. Но ты отрекся от всего этого ликования и определил себя на служение Христу в тот день, в который удостоился священных таин. Помни же те слова и тот обет, и избегай их нарушения.

5. Я хочу побеседовать и с теми, которые присутствуют здесь и не пойдут туда, и поручить им спасение прочих. Так и врач, пришедши к больному, не много говорит с лежащим, но, призвав приближенных к нему, им дает все наставления касательно лекарств, кушанья и остального ухода. Почему? Потому, что больной не сейчас принимает совет, а здоровый с полной готовностью выслушивает, что говорится. Поэтому и я, после них, хочу побеседовать и с вами. Заранее захватим завтра ворота, займем дороги, снимем с повозок мужчины мужчин, а женщины женщин, приведем их сюда, не будем стыдиться. Где спасение брата, там нет стыда. Если они не стыдятся, отправляясь на беззаконное ликование, то гораздо более нам не должно стыдиться, намереваясь возвратить их к этому священному торжеству Когда предстоит спасение брата, не будем отказываться ни ог чего. Если Христос умер за нас, то нам должно терпеть все за них; хотя бы они стали наносить удары, хотя бы стали браниться, ты держи и не прежде отставай, пока приведешь их к святому мученику; хотя бы пришлось устроить суд из прохожих, желающие пусть слушают: я хочу, скажи, спасти брата, вижу погибающую душу и не могу пренебречь родством. Кто хочет, пусть осуждает; кто хочет, пусть обвиняет; но, вернее, никто не осудит, напротив, все похвалят, все одобрят. Не за деньги, не в отмщение за личную обиду, и не за иное что-нибудь житейское я спорю и сражаюсь, а за спасение брата: кто не одобрит этого, кто не подивится? Нас, ничем не связанных друг с другом по родству плотскому, родство духовное связало любовью сильнее родителей. Если хотите, возьмем с собою и мученика, – он не постыдится пойти и спасти братий. Представим его очам их, пусть устрашатся его присутствия, пусть постыдятся его увещания и просьбы, – а он не постыдится и просить. Если Владыка его умоляет естество наше: "**мы - посланники**

от имени Христова", говорит Павел, "**как бы Сам Бог увещевает через нас: примиритесь с Богом.** " (2Кор.5:20), – то тем более сделает это раб Его. Одно только печалит его – погибель наша, одно радует – спасение наше, и потому он не откажется сделать ничего для этого. Не будем же и мы стыдиться и не будем считать этого излишним. Если охотники ходят по стремнинам, горам, пропастям и по всякому непроходимому месту, желая поймать зайца, или серну, или что-нибудь другое подобное, или часто даже каких-нибудь диких птиц, – то как ты, имея в виду отвесть от погибели не ничтожное бессловесное, но духовного брата, за которого умер Христос, отказываешься и стыдишься не горы и леса проходить, а только выйти к воротам? Какое, скажи мне, будешь ты иметь оправдание? Разве ты не слышишь, как один мудрый увещевает и говорит: "**есть стыд, ведущий ко греху**" (Сир.4:25)? Но ты боишься, чтобы кто-нибудь не осудил тебя? Сложи вину на меня, сказавшего это; скажи, что так велел учитель; я готов судиться с осуждающими и представить оправдание. Но, лучше сказать, ни вас, ни нас не осудит никто, хотя бы был и очень бесстыден; напротив, одобрят все, не только жители нашего отечественного города, но и соседних городов, и подивятся нам за попечительность, за то, что такова у нас сила любви, такова ревность взаимной привязанности. Но что я говорю о людях? Сам Владыка ангелов одобрит нас. Итак, зная награду, не презрим этой охоты, возвратимся завтра сюда не одни, но пусть каждый придет, ведя с собой добычу. Если только ты придешь в тот час, когда выходящий из дома отправляется в дорогу, и отвлечешь его на путешествие сюда, то потом не будет никакого затруднения; напротив, по прошествии некоторого времени, и он принесет тебе великую благодарность, и все прочие похвалят вас и подивятся; а что всего важнее, небесный Владыка даст вам за это великие награды, умножит и эту прибыль и эту хвалу. Таким образом представляя себе прибыль, какая произойдет для нас отсюда, рассеемся все перед городом, схватим наших братьев и приведем сюда, чтобы и завтра у нас было полное зрелище и всецелое торжество, чтобы святый мученик, за здешнее усердие, принял нас в вечные обители с великим дерзновением, которого да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу слава, со Святым и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Слово это произнесено в Антиохии, где почивали и мощи мученика и храм был его имени. Память св. Юлиана – 21 июня.

ПОХВАЛА

святому мученику Варлааму[1].

К этому священному празднику и торжеству созвал нас блаженный Варлаам, не для того, чтобы мы прославляли его, но чтобы подражали ему, не для того, чтобы нам быть слушателями похвал, но чтобы быть подражателями его подвигов. В делах житейских люди, достигающие высокой власти, никогда не захотят видеть других участниками одной с ними чести, потому что там зависть и ненависть нарушают любовь; а в делах духовных не так, но совершенно напротив: мученики тогда особенно и чувствуют свою честь, когда видят подобных себе рабов достигшими участия в их благах, так что кто хочет хвалить мучеников, пусть подражает мученикам, кто хочет превозносить похвалами подвижников благочестия, пусть подражает трудам их, – это принесет мученикам удовольствие не меньше собственных их доблестей. А чтобы убедиться тебе, что действительно они тогда особенно чувствуют собственные блага, когда видят нас в безопасности, и считают это

величайшей для себя честью, послушай Павла, который говорит: "**теперь мы живы, когда вы стоите в Господе**" (1Фес.3:8). И Моисей прежде него говорил Богу: "**прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал**" (Исх.32:32); я не чувствую, говорит, вышней почести по причине их несчастья. Общество верных есть связное тело: какая же польза голове быть увенчанной, когда ноги подвергаются мучению? А как можно, скажешь, подражать теперь мученикам? Теперь не время гонения. Знаю это и я; не время гонения, но время мученичества; не время таких подвигов, но время венцов; не преследуют люди, но преследуют бесы; не гонит мучитель, но гонит диавол, который тяжелее всех мучителей; ты не видишь перед собой угольев, но видишь разженный пламень похоти. Они попирали уголья, а ты попирай огонь естества; они боролись с зверями, а ты обуздывай гнев, этого дикого и неукротимого зверя; они устояли против невыносимых мук, а ты преодолевай непристойные и порочные помыслы, изобилующие в твоем сердце, – так подражай мученикам. Ныне бо "**наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы**" (Еф.6:12). Похоть естества есть огонь, огонь неугасимый и постоянный, есть пес бешеный и неистовый; хотя бы тысячи раз ты отгонял его, он тысячи раз нападает и не отстает; жесток пламень угольев, но этот пламень похоти еще хуже; мы никогда не имеем перемирия в этой войне, никогда не имеем отдыха в настоящей жизни, но борьба постоянная, чтобы и венец был светел. Поэтому Павел всегда и вооружает нас, так как всегда время войны, так как враг всегда бодрствует. Хочешь знать, что похоть жжет не меньше огня? Послушай Соломона, который говорит: "**может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих? То же бывает и с тем, кто входит к жене ближнего своего: кто прикоснется к ней, не останется без вины**" (Прит.6:28-29). Видишь, что похоть по естеству своему соперничает с естеством огня? Как невозможно прикасающемуся к огню не получить обжога, так взгляд на красивые лица быстрее огня охватывает невоздержную на взгляды душу; и чем служит для огня горючее какое-нибудь вещество, тем красота телесная для глаз людей похотливых. Посему не должно давать огню похоти пищи – внешнего созерцания, но всячески прикрывать его и погашать благочестивыми мыслями, обуздывая дальнейшее распространение пламени и не позволяя ему сокрушать твердость нашего духа. И всякое удовольствие, во время преобладания страстей, обыкновенно сильнее огня сожигает душу, если кто не будет мужественно, с терпением и верой, противодействовать каждой страсти, подобно тому, как блаженный и доблестный подвижник Христов Варлаам поступил с своей рукой. Он держал в правой руке целый костер, и не поддался боли, но оставался бесстрастнее статуй; или – лучше – хотя и испытывал боль и страдал, – так как у него было тело, а не железо, – но, испытывая боль и страдая, показал в смертном теле любомудрие бесплотных сил.

2. Но чтобы эта история была более ясна, я дальше начну рассказ об его мученичестве, а ты посмотри на коварство диавола. Одних святых он ставил на сковороды, других бросал в котлы, кипящие сильнее огня, одним скоблил бока, других погружал в море, иных предавал зверям, других ввергал в печь, одним раздроблял члены, с других еще с живых сдирал кожу, иным под окровавленные тела подлагал уголья, и искры, попадавшие в раны, терзали их резче всякого зверя, для иных выдумывал иные более тяжелые мучения. Но видя, что все это осталось осмеянным, и что страдальцы преодолевали это с великой твердостью и приходившим после них на те же подвиги служили величайшим побуждением к мужеству, – что он делает? Он придумывает новый род козней, чтобы неожиданностью и необычностью мучения низвергнуть душу мученика, так как то, что знаем и о чем слыхали, будь оно и невыносимо, бывает пренебрегаемо, как известное уже и ожидаемое, а неожиданное, хотя и легкое, бывает несноснее всего. Итак, пусть будет новая борьба, и пусть будет необыкновенная хитрость, чтобы новость и неожиданность, смутив подвижника, легко уронили его. Что же он делает? Он выводит святого из

темницы связанным. И то было делом его коварства, чтобы не вдруг с самого начала употреблять тяжелые орудия и причинять страшные мучения, но начинать борьбу с меньшего. Для чего? Для того, чтобы, если подвижники будут поражены, поражение их было позорным, потому что они не устояли и против малого; если же они преодолеют и победят, то чтобы, изнурив силы свои на меньшем, были при большем легко одолимыми. Поэтому он наперед употреблял меньшие, чтобы, преодолеет ли он или не преодолеет, не обмануться: если я преодолею, говорил он, то посмеюсь; а если не преодолею, то сделаю более слабыми для будущего. Итак, он выводит его из темницы, а он вышел, как доблестный подвижник, долгое время упражнявшийся в палестре; и в самом деле темница для мученика была школой борьбы, и там, наедине беседуя с Богом, он научился от Него всякой борьбе, потому что где такие узы, там и Христос.

Итак, он вышел, сделавшись более крепким от более долгого пребывания в темнице; когда же по выходе его диавол через служителей своего беззакония вывел его на средину, то не привязал его к дереву и не окружил палачами, так как видел, что он желает этого и наперед освоился с мыслью об этом наказании; но употребляет против этой башни некоторое необыкновенное, новое и неожиданное орудие, которое могло бы произвести ее падение: ведь он во всех случаях старается больше обманом свалить святых, нежели мучить болью. Какое же это орудие? Приказав ему протянуть перевернутую навзничь руку над жертвенником, они положили на ней горячие уголья и ладан, чтобы, если он почувствует боль и перевернет руку, то они вменят это ему в жертвоприношение и отречение (от веры). Видишь ли, как коварен диавол? Но посмотри, как "**уловляющий мудрых в лукавстве их**" (1Кор.3:19) сделал тщетными козни его, и самую напряженность разнообразных хитростей обратил к возвышению и умножению большей славы мученику. Когда враг, употребив бесчисленные злоухищрения, отходит затем побежденным, тогда подвижник благочестия является еще более славным, как случилось и здесь. Блаженный Варлаам простоял, не наклонив и не перевернув руку, как будто она была составлена из железа, между тем как, если бы и перевернулась рука, и тогда это не было бы виной мученика.

3. Здесь внимательно слушайте меня все, чтобы убедиться, что, если бы его правая рука и перевернулась, это не было бы поражением. Почему? Потому, что как мы судим о тех, которым терзают ребра, или мучат как-либо иначе, так должно судить и здесь. Если они не выдержат и принесут жертву, это вина их слабости, что, не перенесши страданий, они принесли жертву; если же они, претерпевая мучения, заболеют от страданий, но не изменят благочестию, то никто не обвиняет их за эти болезни, но мы еще больше хвалим их и удивляемся за то, что они, и изнемогая от страданий, вытерпели и не отреклись. Так и здесь: если бы блаженный Варлаам, не вынося сожигания, обещался принести жертву, то был бы побежден; а если бы рука его перевернулась, тогда как он не уступал, то это не вина воли мученика: это произошло бы по немощи не воли, но естества жил, соответственно их силе, рука склонилась бы от огня против воли святого. Как мы не осуждаем тех, которым терзают ребра, за то, что разрывается их плоть, или лучше, – приведу более близкий пример, – как никто не станет порицать страждущих горячкой и судорогами за то, что изгибаются их руки, потому что это происходит не от их изнеженности, но от болезненного жара, который истощает влагу и неестественно стягивает связь нервов, так никто не стал бы порицать и этого святого, если бы перевернулась рука его. Если горячка, и без воли страждущего ей, обыкновенно стягивает и извращает члены, то тем более могли сделать это положенные на правую руку уголья, хотя бы мученик и не поддавался. Однако они не сделали этого, чтобы ты с избытком убедился, что благодать Божия была присуща и укрепляла подвижника и исправляла недостаток природы; поэтому и самая рука его не испытала свойственного ей, но как будто составленная из адаманта оставалась не перевернувшейся. Кто тогда, взирая на это,

не удивился бы? Кто не вострепетал бы? Смотрели свыше ангелы, взирали архангелы; зрелище было блистательное и поистине превышающее природу человеческую. Подлинно, кто не пожелал бы видеть человека, который подвизался и не испытывал свойственного людям, который сам был и жертвенником, и жертвой, и жрецом? Посему двоякое восходило курение, одно от сожигаемого фимиама, а другое от растопляемой плоти; и последнее курение было приятнее первого, последнее благоухание лучше первого. Здесь случилось то же, что и с купиной: как та купина горела и не сгорала, так и здесь рука горела, но душа не сгорала; тело истреблялось, но вера не истощалась; плоть изнемогала, но ревность не изнемогала; горячие уголья, прожигая средину руки, падали вниз, но мужество души не упадало; рука была повреждена и исчезла, – потому что была из плоти, а не из адаманта, – но душа требовала еще другой руки, чтобы и на ней показать свое терпение. Как храбрый воин, вошедший в среду неприятелей и разбивший строй сражающихся с ним, сломав свой меч от множества непрестанных ударов, ищет обернувшись другого меча, потому что еще не насытился избиением врагов, – так точно и душа блаженного Варлаама, потеряв одну руку, при поражении бесовских ополчений, требовала еще другой руки, чтобы и на ней показать свою ревность. Не говори мне, что он отдал только одну руку; но прежде этого представь себе, что предавший руку отдал бы и голову, предал бы и ребра, противостал и огню, и зверям, и морю, и пропасти, и кресту, и колесу, и всем, когда-либо слыханным мучениям, и все потерпел, если не самым опытом, то намерением. Мученики идут не на определенные мучения, но готовят себя на неизвестные казни; они не господа над волей мучителей и не назначают им пределов и меры мучений, но каким бы бедам ни пожелала подвергнуть их бесчеловечная и зверская воля мучителей, на те они и выходят с решимостью – разве только тело, изнемогши среди мучений, оставит неисполненным желание мучителей. Итак, плоть его истреблялась, а воля делалась более ревностной, превосходя самые уголья своим блеском и сияя больше их, потому что внутри его горел духовный огонь, гораздо более этого огня яркий. Потому он и не чувствовал внешнего пламени, что внутри его горел светлый и пламенный огонь любви Христовой.

4. Станем же, возлюбленные, не только слушать это, но и подражать. Как вначале я говорил, так и теперь говорю: каждый пусть не только в настоящий час удивляется мученику, но, и отходя домой, пусть ведет с собой этого святого, пусть введет его в свой дом, или – лучше – в свое сердце посредством воспоминания о сказанном. Прими его, как выше сказано, и в сердце своем поставь его с простертой рукой, прими увенчанного победителя и никогда не попускай ему выйти из ума твоего. Для того мы и привели вас к гробницам святых мучеников, чтобы и от взгляда на них вы получили некоторое побуждение е добродетели и подготовлялись к той же ревности. Так воина возбуждает и молва о герое, а гораздо более вид его и взгляд на него, особенно когда воин, вошедши в самый шатер героя, увидит окровавленный меч, лежащую голову неприятеля, висящую вверху добычу, свежую кровь, капающую с рук того, кто поставил трофей, везде лежащие копья и щиты, стрелы и всякое другое оружие. Посему и мы собрались здесь. Гроб мучеников есть воинский шатер; и если ты откроешь очи веры, то увидишь здесь лежащую броню правды, щит веры, шлем спасения, обувь благовествования, меч духовный, самую главу диавола, поверженную на землю (Еф.6:14-17). Когда у гроба мученика ты видишь бесноватого, лежащего навзничь, и часто терзающего себя самого, то видишь не что иное, как отсеченную голову лукавого. Эти оружия и теперь еще лежат при воинах Христовых; и как цари погребают героев вместе с оружием, так сделал и Христос, и погреб их с оружием, чтобы и прежде воскресения показать всю славу и силу святых. Познай же духовное их всеоружие, и ты отойдешь отсюда, получив величайшую пользу. Великая и у тебя, возлюбленный, война с диаволом, великая, сильная и постоянная.

Итак, изучай способы борьбы, чтобы подражать и победам; презирай богатство, деньги и всякое иное житейское великолепие; не считай блаженными богатеющих, но ублажай мучеников, не тех, что в роскоши, но тех, что на сковородах, не за роскошной трапезой, но в кипящем котле, не в банях ежедневно бывающих, но в жестоких печах, не благовониями пахнущих, но испускающих дым и смрад от сожигаемой плоти. Это благоухание лучше и полезнее того; то ведет к мучению употребляющих его, а это к наградам и вышним венцам. А чтобы тебе убедиться, что роскошь есть зло, равно как и намащение благовонными мастями, и пьянство, и неумеренное употребление вина, и роскошная трапеза, послушай, что говорит пророк: горе вам, "**которые лежите на ложах из слоновой кости и нежитесь на постелях ваших, едите лучших козлят[2] из стада и тельцов с тучного пастбища, пьете процеженое[3] вино, мажетесь наилучшими мастями**" (Амос. 6:4-6). Если же это запрещалось в ветхом завете, то тем более при благодати, где больше любомудрия. Это сказано мной как к мужам, так и к женам; поприще общее, – нет различия пола в стане Христовом, но одно собрание. И жены могут надевать броню, ограждать себя щитом и бросать стрелу, как во время мученичества, так и в другое, когда требуется великое дерзновение. Как превосходный стрелок, искусно бросив с тетивы стрелу, приводит в смятение весь строй неприятелей, – так и святые мученики и все поборники истины, противясь козням диавола, с языка своего, как бы с тетивы, искусно пускают слова, и они, подобно стрелам, летящим по воздуху, попадая в невидимые полчища бесов, приводят в смятение все их воинство. То же самое произошло и с блаженным этим Варлаамом: простыми словами, как бы летучими стрелами, он приводил в смятение диавольский стан. Будем и мы подражать этому искусству. Не видите ли, в каком изнеможении бывают возвращающиеся с зрелищ? А причиной то, что они тщательно внимают происходящему там, и оттуда они приходят, сохраняя в душах своих и извращения глаз, и движения рук, и кружения ног, и образы всех показанных видов извращения мучимого тела.Как же не нелепо, что они на погибель души своей оказывают такую заботливость и постоянно удерживают в памяти происходящее там, а мы, имея сравняться с ангелами через подражание здешнему, не оказываем равного с ними усердия к соблюдению сказанного? Нет, прошу и умоляю, не будем так нерадивы о своем спасении, но станем все сохранять мучеников в душах своих, с их сковородами, с котлами, с прочими мучениями, и, как живописцы часто очищают картину, потемневшую от дыма, от сажи и от продолжительности времени, так и ты, возлюбленный, пользуйся воспоминанием о святых мучениках: когда привходящие житейские заботы помрачат душу твою, ты очисти ее воспоминанием о мучениках. Если ты будешь иметь это воспоминание в душе своей, то ни богатству не будешь удивляться, ни бедности не станешь оплакивать, ни славы и власти не будешь восхвалять, и совершенно ничего из дел человеческих – из блистательных не станешь считать чем-нибудь великим, а из прискорбных – невыносимым, но, став выше всего этого, будешь иметь в постоянном созерцании этого образа урок добродетели. Кто видит каждый день воинов, мужественно действующих в войнах и битвах, тот никогда не пожелает роскоши и не изнеженной и рассеянной жизнью будет восхищаться, но строгой, твердой и готовой на подвиги. Да и что общего между пьянством и сражением, между чревоугодием и мужеством, между благовонными мастями и оружием, между войной и пиршествами? Ты – воин Христов, возлюбленный: вооружайся же, а не заботься об украшениях; ты – доблестный подвижник: будь же мужествен, а не заботься о нарядах. Так будем подражать этим святым; так почтим этих героев, увенчанных победителей, друзей Божиих, и, прошедши одинаковый с ними путь, мы удостоимся одинаковых с ними венцов, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Слово это произнесено в Антиохии, накануне беседы на слова: "**не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком**" (1Кор.10:1). Память св. Варлаама совершалась вероятно 31 мая.

[2] В синод.пер.: "**овнов**" – ред.

[3] В синод.пер.: "**из чаш**" – ред.

ПОХВАЛА

святой великомученице Дросиде, и о памятовании смерти[1].

Трудолюбивые из пастырей, увидев во время долгой зимы светлый луч и день потеплее, выводят овец из хлева и отводят их на обычные пастбища; подражая им и наш добрый пастырь вывел это священное стадо и духовную паству Христову на эти духовные пастбища святых. Хотя овцы насыщаются и стоя при яслях, но когда они выходят за ограды, тогда получают от полей большую пользу, с великим наслаждением склоняясь и обрывая зубами траву, дыша чистым воздухом, взирая на ясные и блестящие солнечные лучи, прыгая около озер, источников и рек; и самая земля, везде украшенная цветами, приносит им некоторое удовольствие. И не для них только, но и для нас в этом есть великая польза, так как хотя и внутри предлагалась нам трапеза, полная духовных яств, но выход к этим святым имеет и некоторое душевное удовольствие и пользу не менъпе удовольствия, не потому, что мы дышим чистым воздухом, но потому, что взираем на высокие дела этих доблестных лиц, восторгаясь не при водных реках, но при реках благодатных дарований, не склоняясь и обрывая траву зубами, но рассказывая о добродетелях мучеников, не землю видя украшенную цветами, но взирая на тела, преисполненные дарованиями духовными. И хотя каждый из мученических храмов доставляет собирающимся не малую пользу, но больше всех этот: как только кто-нибудь войдет в преддверие, тотчас множество гробов со всех сторон попадает на глаза и, куда он ни посмотрит, везде видит гробницы и памятники и раки отшедших. А это созерцание гробов немало содействует нам в деле любомудрия. От этого созерцания душа, если она беспечна, скоро сосредоточивается, а если ревностна и бодрственна, делается более ревностной; и тот, кто оплакивает свою бедность, от этого зрелища тотчас получает утешение, и тот, кто превозносится богатством, смиряется и сокрушается. Взгляд на гробницы заставляет каждого из взирающих и невольно любомудрствовать о собственной кончине, и убеждает не считать надежным ничего настоящего – ни скорбного, ни приятного; а кто убежден в этом, тот не легко уловляется сетью греха. Посему один премудрый и предлагает увещание: "**во всех словах[2] твоих помни о конце твоем, и вовек не согрешишь**" (Сир.7:39): и другой согласно с ним высказывает такой совет: "**приготовь к окончанию дела твои**", и приготовься к пути[3] (Прит.24:27), говоря не о чувственном пути, но об отшествии отсюда. Если мы постоянно и каждый день будем взирать на неизвестность кончины, то не скоро впадем в грехи: ни радости житейские не в состоянии будут надмевать нас, ни скорби низлагать и смущать, так как конец тех и других неизвестен. Часто сегодня живущий не доживает и до вечера. Так, проводящим время внутри города не очень удобно думать об этом и любомудрствовать; а те, которые вышли за стены его, пришли к этим гробницам и увидели множество отшедших, по необходимости, волей и неволей, получают такие мысли от этого зрелища, а получив делаются возвышеннее, и освобождаются от пристрастия к предметам житейским. И не только будем мы получать такие мысли, но будем иметь и достаточное побуждение спешить и готовиться к вечному нашему отечеству и устроять все, зависящее от нас для отшествия туда, познав, что если мы оставим что-либо здесь из нашего, оставленное принесет нам вред. Как путешественник, совершающий продолжительный путь и

поспешающий в свое отечество, непременно тратит и теряет все, что он оставит в гостинице, – так точно и мы теряем все, что оставим здесь из нашего, уходя отсюда. Поэтому нужно отправлять туда одно вместе с собой, а другое прежде себя. Настоящая жизнь есть путь, и нет в ней ничего постоянного, но мы проходим мимо и скорбей ее и радостей. Потому именно я и люблю эту местность больше всех других, что не только при собрании, но и без собрания часто приходя сюда, я постоянно вспоминал эти слова, между тем как глаза мои тихо, в великом безмолвии, взирают на гробницы и переносят душу к отшедшим и тамошнему их состоянию.

2. Потому я и удивляюсь этому доблестному отцу[4], что он, воспользовавшись тихим днем, вывел нас сюда, под предводительством и руководством блаженной Дросиды, которой память мы совершаем. Подлинно, кроме вышесказанного еще и другую большую пользу можно получать от этого места. Когда мы, прошедши мимо прочих гробниц, приходим к ракам мучеников, то наш ум делается возвышеннее, душа деятельнее, усердие сильнее, вера жарче.

Так, когда мы обдумаем труды, подвиги, награды, воздаяния и венцы этих святых, то находим еще другое большее побуждение к смиренномудрию. И хотя бы кто совершил великие дела, он станет считать себя несделавшим ничего великого, сравнивая свою добродетель с их подвигами; и тот, кто не сделал ничего великого и доброго, не будет отчаиваться в своем спасении, получив от их мужества побуждение заниматься приобретением добродетели и подумав в себе самом, что может быть случится и ему когда-нибудь, если удостоит Божие человеколюбие, сделать такие же прыжки, вдруг взойти на небо и сподобиться того величайшего дерзновения; и размышляя об этом и другом, гораздо более этого важном, они могут уходить отсюда. Смерть мучеников есть поощрение верных, дерзновение церкви, утверждение христианства, разрушение смерти, доказательство воскресения, осмеяние бесов, осуждение диавола, учение любомудрия, внушение презрения к благам настоящим и путь стремления к будущим, утешение в постигающих нас бедствиях, побуждение к терпению, руководство к мужеству, корень и источник и мать всех благ; и если вы хотите, мы докажем каждое из этих выражений и скажем, как она бывает поощрением верных, дерзновением церквей, доказательством воскресения, и всем прочим, что я сказал теперь. Итак, когда пойдут у нас в ход споры с язычниками и битвы о догматах и станут они клеветать на нашу веру, то вместе с прочим представим им и это, т. е. смерть мучеников, и скажем: кто убедил их презирать настоящую жизнь? Если Христос умер и не воскрес, то кто совершил эти сверхъестественные дела? Относительно того, что не может человеческая сила в течение столь долгого времени убеждать столь много тысяч не только мужей, но и жен и безбрачных дев и малых детей, чтобы они презирали настоящую жизнь, смело шли на диких зверей, смеялись над огнем, попирали всякого рода наказания и мучения, и стремились к будущей жизни, (противники наши) даже не будут иметь нужды в наших доводах, но спросят самих себя и получат достаточное доказательство сказанного. С того времени, как пришел Христос, были неверные цари, были и верные, но из неверных большая часть ввергали верующих в пропасти, в костры, в бездны, в моря, предавали бешенству диких зверей и разнообразным наказаниям и мучениям, всеми способами исторгая веру из души их, однако ничего не достигли, но отошли посрамленными, и хотя верующие были терзаемы всеми способами, но вера возрастала еще более. А благочестивый царь ни один никогда не решался наказывать и мучить кого-либо из неверующих, принуждая его отстать от заблуждения, – и однако заблуждение и так само собой проходит и исчезает, чтобы ты убедился и в силе истины и в слабости лжи, когда последняя сама собой и без всякого притеснения исчезает, а первая через самые препятствия возрастает и поднимается до неизреченной высоты: причина же та, что в душах мучеников и живет и действует Христос. Итак, когда скажут, что Он не воскрес, то

мы спросим их: кто же совершил эти дела? Мертвый, скажи мне? Но столько было мертвых, и ни один не сделал этого. Он был волшебник и заклинатель? Но было много и волшебников, и заклинателей, и обманщиков, и все они умолкли, и остатков их нет нигде, но вместе с их жизнью угасли и дела волшебства их; а дела Христовы возрастают каждый день, и вполне естественно, – потому что эти дела совершались не волшебством, но божественной силой, почему они и не разрушаются. Но лучше я представлю в доказательство силы не то только, что они возрастают, но и то, что (возрастают) ко благу и к спасению нашей жизни. После Его пришествия жители земли сделались из зверей людьми, или – лучше – из людей стали ангелами все, истинно внимающие Ему. Но, скажут, мученики были обмануты и обольщены, и потому презирали настоящую жизнь. Затем первые не разубедили вторых, вторые – третьих, но чем долее продолжались гонения, тем более возрастал и этот подвиг, и никто в течение столь долгого времени не сознал заблуждения. Но где смысл в этом?

Если они были оболыцены, то почему бесы боятся праха их? Почему убегают и от гробниц? Конечно, бесы не потому поступают так, будто они боятся мертвых. Вот, тысячи мертвых по всей земле, и однако бесы бывают близ них, и многих бесноватых можно видеть живущими в пустынях и гробницах; а где погребены кости мучеников, оттуда они бегут, как от какого-нибудь огня и невыносимого мучения, возвещая громким голосом бичующую их внутреннюю силу.

3. Этим доказывается, что смерть мучеников есть обличение бессилия бесов; а что она служит обвинением и бесчувственности их, видно из следующего. Когда они, то есть мученики, будучи подчинены телу и естественным нуждам, окруженные великим множеством скорбей и страданий, провождая тленную жизнь и обитая на земле, оказываются так презирающими настоящую жизнь по любви к создавшему их Богу; а те, будучи свободны от плоти и всей этой скорби и страдания, оказываются так высокомерны и неблагодарны к Благодетелю, – то какое они будут иметь оправдание, какое прощение? Никакого никогда, потому что добродетель мучеников с великой силой осуждает злобу их. Осуждают не только люди людей, более ревностные более беспечных, но ревность их и самих бесов осуждает. Это выразил и Павел, когда сказал: "**разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более [дела] житейские?**", разумея ангелов диавола, отступников (1Кор.6:3). Но как, скажешь, мы будем судить их? Не сидя – конечно – и требуя от них отчета, но нашей ревностью осуждая их беспечность. И это самое он выразил, сказав: "**если же вами будет судим мир**" (ст. 2); не сказал: перед вами, но: через вас. Равным образом, когда (Христос) говорит: "**Ниневитяне восстанут осудят род сей**" (Лк.11:32), то не в том смысле, что ниневитяне потребуют отчета от неверовавших тогда из иудеев, но что вера тех осудит неверие этих. От мучеников можно весьма многим воспользоваться и для добродетели и для презрения настоящих благ. Когда ты увидишь, что они презирали всю жизнь, то, хотя бы ты был бесчувственнее и нерадивее всех, ты получишь самые возвышенные помыслы, будешь смеяться над роскошью, презирать деньги, и пожелаешь тамошней жизни; будешь ли в болезнях, ты получишь величайшее побуждение к терпению в страданиях мучеников; будешь ли угнетаем бедностью, или каким-нибудь другим тягчайшим злом, ты, взирая на величие причиненных им мучений, получишь достаточное утешение во всех постигших тебя бедствиях. Поэтому я особенно люблю дни памяти мучеников, люблю и приветствую все, но особенно, когда встречаются подвижницами женщины. Чем слабее сосуд, тем больше благодать, тем блистательнее трофей, тем славнее победа, не по немощи естества подвижников, но и потому, что враг, чем одержал победу, тем же ныне сам уловлен. Через деву диавол умертвил некогда Адама; через Деву впоследствии Христос поборол диавола, и тот меч, который был изощрен у него против нас, отсек голову дракона, подобно тому, как случилось и при Давиде. Как тогда этот праведник, подбежавши, отсек голову Голиафа собственным

мечем этого иноплеменника, так точно и теперь: женою диавол победил, женою и побежден. Она была для него оружием прежде, она же теперь сделалась орудием его убиения, сосудом непобедимым. Первая жена согрешила и умерла, эта умерла, чтобы не грешить; та, возгордившись тогда надеждой от пустого обещания, попрала законы Божии, эта презрела и настоящую жизнь, чтобы не отречься от веры в Благодетеля. Какое же после того может быть оправдание изнеженным мужам, какое прощение, когда жены поступают так мужественно, когда они так смело выступают на подвиги благочестия? Подлинно, ни пол, ни возраст, и ничто другое не может воспрепятствовать, когда есть усердие, ревность и пламенная вера; этим всем будем и мы приобретать себе благодать Божию, как было и с этой блаженной (Дросидой). У ней было слабо тело, беззащитен пол, несовершен возраст, но нисшедшая благодать покрыла немощь всего этого, потому что нашла ревность мужественную, веру нелицемерную, и душу, готовую на опасности.

4. Нет, нет ничего сильнее того, кто с великой ревностью держит вкорененным в себе страх Божий; но, хотя бы угрожал ему огонь, или железо, или звери, или что бы то ни было другое, он презирает все с великой легкостью, как и эта блаженная Дросида. Когда тиран зажег костер, – не ввергнул же он ее в пропасть и не отсек ей голову, чтобы краткость мучения не сделала ей подвиг более легким, но желая поразить ее ум и одолеть не порабощенную душу ея видом костра, бросил ее в средину его, – итак, когда он зажег костер, и печь разгорелась и пламя поднималось весьма высоко, тогда блаженная мученица, взирая на это, и сама воспламенялась ревностью и кипела огнем любви Христовой, вспомнив трех отроков и помыслив сама в себе, что она участвует в их подвигах и возлагает на себя одинаковые с ними венцы. Как пришедшие в исступление не видят ничего из видимого, как оно есть, но, хотя бы видели изощренный меч, прямо головой бросаются на него, и хотя бы видели костер, или пропасть, или бездну, или море, или что бы то ни было другое, бесстрашно бросаются на все, – так точно и она, будучи объята исступлением не таким, – да не будет, – но другим, почтенным более всякого благоразумия, и погрузившись в любовь Христову, не видела ничего из видимого, но, переселившись на небо и туда переместивши душу, смеялась над всеми бедствиями и считала огонь не огнем, а росой. Поэтому я называю этот костер и чистейшим источником воды, и некоторой дивной красильней, и горнилом. Подлинно, как золото в горниле, так душа этой блаженной через этот костер делалась чистейшей. Плоть ее истаевала, кости иссушались, жилы сожигались, и телесный сок тек со всех сторон; но вера души делалась более твердой и светлой. Враги, взирая на это, считали ее погибшей, а она больше очищалась; и как несведущий человек, стоя и видя золото растаявшим, текущим и смешивающимся с пеплом, считает его погибшим и испорченным, но художник и вполне опытный в этом знает, что таким образом оно делается более чистым, и после раскаливания извлекает и собирает его совершенно светлым, – так точно и в отношении к ней, неверные, видя плоть ее истаевающей и растекающейся, думали, что она делается пеплом и прахом, а верные очень хорошо знали, что истаевая она отлагает всякую нечистоту и восходит светлейшей, получив бессмертие. Даже на самом костре, прежде воскресения, она одержала не малую победу над противными силами, так как плоть ее, разрушаемая огнем и издававшая треск, обращала их в бегство с великим превосходством. И как мужественный воин, облекшись медным оружием, самым шумом оружия поражает более боязливых из противников, – так точно и тогда блаженная Дросида треском своей кожи обращала в бегство те силы, и не только одним этим способом, но и другим, не меньшим этого. Лишь только она вошла на костер, как дым, поднявшись на высоту и распространившись в воздухе, задушил всех бесов, летающих в воздухе, прогнал диавола, очистил естество самого воздуха. После того как воздух был оскверняем дымом идолов, поднялся другой дым, который очистил приставшую к нему от них нечистоту. И сравнение с источником может быть приложено к этому костру. Как бы сняв одежду при источнике и омывая в нем тело, так она в этом пламени сложив свою плоть легче всякой

одежды и осветив душу, поспешила к Жениху в сопровождении свещеносцев. Если уж ангелы отвели того покрытого язвами Лазаря в лоно Авраама, то тем больше ее сопровождали они, как телохранители, взяв ее из пламени, как бы из какого-нибудь священного убежища и брачного чертога и возводя к вышнему Жениху. А почему я назвал этот костер также красильней? Потому, что она, как бы в какой-нибудь дивной красильне, сделавшись царской багряницей, отправилась к вышнему Царю и с великим дерзновением вошла на своды небесные, между тем как сам Христос невидимой рукой поддерживал святую голову мученицы и крестил ее огнем, как бы водою. О, чудный костер! Какое сокровище содержал он, – этот прах и пепел, дорогой более всякого золота, благовоннейший всяких ароматов, драгоценнейший всяких камней! И в самом деле, чего не может сделать богатство и золото, то могут – останки мучеников. Золото никогда ни болезни не исцеляло, ни смерти не прогоняло, а кости мучеников совершали и то и другое, одно при наших предках, другое и при нас. Это не только мы, но и жившие прежде пришествия Христова праведники умели понимать вполне точно; так, когда все выходили из Египта, и одни уносили золото, другие серебро, тогда Моисей вместо всякого богатства взял и нес кости Иосифа, относя в них с собой домой сокровище величайшее и исполненное бесчисленных благ.

5. Но, может быть, кто-нибудь скажет: для чего же он перенес их из Египта в Палестину? В день памяти мучеников особенно нужно исследовать это. Многие, весьма заботясь о своем погребении, завещали родственникам, чтобы, если им случится скончаться и в другом месте, они перенесли их для погребения домой; потом, укоряемые за это от нас в малодушии, прикрывались от нас этой историей, и когда мы говорили, что нет никакого различия, дома ли кто, или в чужой земле получит погребение, они говорили: если нет никакого различия, то для чего же Моисей, взяв кости Иосифа, перенес их из Египта в Палестину? А я скажу еще больше, что не только Моисей взял их, но что и Иосиф, умирая, завещал. А это, действительно, более важно. "**Посещением**", сказал он, "**Бог посетит вас, и вынесите кости мои**" (Быт.50:24-25). Для чего же и этот завещал, и тот послушался? Сказанное достойно исследования. Что говоришь ты? Патриарх, презиравший настоящую жизнь и пренебрегавший всем, которого не достоин был мир, странник и пришлец, помышлявший ежедневно о небесном, взиравший на вышний Иерусалим, этот, доколе жил, по страху Божию потерял и отечество и свободу, жил в темнице и не был увлечен в тамошние козни; а когда готовился умереть, то становится так мелочен, что так много заботится о перенесении костей своих и за столько времени повелевает вынести останки его? Кто может сказать это? Какая была прибыль, или какая польза умершему от перенесения костей его? Почему же он завещал это? Не о костях своих вовсе заботясь, но можно сказать, что боясь и нечестия египтян. Так как он сделал много великих благодеяний, был и питателем их и покровителем, нашел величайшее облегчение от голода, и то, что никому не было известно, он первый и один открыл и всем объявил, и, истолковав сновидения, не только предсказал голод, но и предложил достаточное врачество против него, так наполнив житницы египетские, что никто не чувствовал наступления голода, – то, чтобы за величие благодеяния не быть признанным по смерти за бога, – ведь те варвары легко делают из людей богов, – он, отнимая всякий повод к нечестию, и повелел перенести кости домой. Это – одна причина; можно сказать и о другой, несомненной, потому что ее можно доказать Писаниями. О какой же именно? Он знал, слышал от отца, а тот от деда узнал нисшедшее к нему слово, что египтяне будут много лет порабощать и притеснять евреев. "**Потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет**", сказал Бог Аврааму (Быт.15:13). Поэтому, чтобы они, изнемогая от продолжительности времени и не перенося бедствия, не отчаялись в своем возвращении и не пали духом, он, давая им величайший залог надежды, предсказал о возвращении костей своих, дабы они, помышляя в самих себе, что, если бы праведник не был крепко и вполне убежден, что все мы возвратимся, то

не завещал бы о костях своих, – имели несомненное доказательство и твердую надежду на возвращение в отечество. А что это истинно и что поэтому он предсказал о костях своих, не о погребении заботясь, а принимая меры против их неверия, послушай, что говорит Павел: "**верою Иосиф, при кончине, напоминал об исходе сынов Израилевых и завещал о костях своих**" (Евр.11:22). Что значит: верой? Как бы следующее: он предвидел, что должно было случиться спустя долгое время, и то, что потомки его непременно вновь займут родину. И вот, чтобы указать на это, он предсказал то и другое; и чудно и дивно было видеть, как при исходе были несены его кости. Тот самый Иосиф, который свел евреев в Египет, опять предшествовал им и при возвращении, укрепляя в них терпение и надежду на будущее. Видя перед глазами своими эти останки, затем вспоминая всю эту историю и размышляя сами в себе, как он подвергся козням от братьев, был ввержен в ров, подвергался крайней опасности, жил в темнице, и о всем прочем, случившемся с ним, потом представляя, как он после всего этого сделался царем и первым в Египте, и попечителем и покровителем столь многих, они имели достаточные надежды на избавление от бедствий, постоянно постигавших их, научаясь от костей праведника, что никто из веровавших в Бога и ожидавших от Него помощи никогда не был Им оставлен.

И подлинно, хотя бы что-нибудь прискорбное и неожиданное и случилось между обещаниями и их исполнением, оно никогда не может лишить надеющихся желанного конца, но непременно случится то, что предсказано вышним приговором, и сделает славнейшими ожидающих с терпением всего предсказанного Богом. Поэтому Иосиф и заповедал о костях своих.

6. Итак, не будем так много заботиться о погребении дома, и станем трепетать не перед смертью, а перед грехом. Не смерть родила грех, но грех произвел нам смерть, смерть же стала врачеством греха. А что нужно бояться не смерти, но греха, послушай, что говорит пророк: "**честна пред Господом смерть преподобных Его**" (Пс.115:6); и в другом месте: "**смерть грешников люта**" (Пс.33:22). Видишь ли, что внимательные к самим себе могут получить от смерти даже величайшую пользу, а беспечные и нерадивые принимают ее в виде наказания? Не попросту я веду речь и об этом предмете; но так как многие, слышу я, часто говорят о родах смерти, и одних из них, которые на самом деле не позорны, стыдятся, а других, достойных величайшего осуждения, не порицают, то ради этого я хочу сегодня исследовать и этот предмет. В день мучеников благовременно и этого рода любомудрие. Я слыхал много говорящих: хуже собаки умер такой-то в чужой стране, никто из родственников не был при нем и не предавал его земле, но едва немногие из соседей созвали друг друга, как-то в складчину одели его, и таким образом он предан был погребению. Посему чтобы это не огорчало нас, необходимо исправить и это мнение. Не это, о, человек, значит умереть хуже собаки; умереть хуже собаки значит умереть во грехе, а не окончить жизнь в чужой стране. Не говори ты мне о том, кого несут на позолоченном ложе, в сопровождении всего города, кого славословит народ, на кого набросаны в великом изобилии шелковые и золотые одежды: это значит не что иное, как только предлагать обильнейшую трапезу червям. Не указывай же мне на него, но покажи этого самого человека, сопровождаемого с такой почестью, в тот день, когда Христос сядет на высоком престоле, когда его введут, призовут, потребуют отчета в том, что он говорил, что делал, что думал. Тогда никто из этого множества народа не защитит его, не избавит его от наказания и мучения, не помогут ему эти возгласы и славословия, но с поникшей головой, с боязнью, со стыдом от обвинений за дела свои, он будет отведен, влекомый злыми силами в бесконечные мучения с жесточайшим скрежетом зубов, бесполезно наконец рыдая и терзаясь от невыносимых страданий.

Таково тамошнее, но и здешнее, право, также невыносимо. После славословий, произносимых при всех за деньги, или по какому-нибудь страху, все, услышишь, будут порицать его и на улицах, и на торжище, и дома, и в гостиницах, и в мастерских, и на пути, и в селениях, и везде каждый из проходящих с великим страхом будет рассказывать ближнему и говорить, какие он получит мучения, какие встретят его наказания, какие теперь ждут его страдания. Какая была ему польза от настоящей жизни? Какое приобретение сделал он от любостяжания? Он отошел, оставив богатство другим, а сам погребен, взявши с собой грехи, и много со всех сторон обвинителей его, сострадающих обиженным, хотя и не испытавших ничего худого. Как при благодеяниях и те, которые ничего не получили, сорадуются получившим и восхваляют благодетеля, так и при обидах даже и те, которые не потерпели никакого зла, сострадают потерпевшим и порицают причинившего обиды. Посему и говорит пророк: смерть грешников люта, как по причине здешних порицаний, так и по причине тамошних наказаний. Итак, этот вот умирает хуже собаки, а с праведником не бывает так, но хотя бы он оканчивал жизнь в пустыне, хотя бы никто не одевал его, хотя бы никто не присутствовал, он отходит, получая достаточное погребальное платье – дерзновение перед Богом, имеет дивный вынос от ангелов, которые присутствуют и руководят душу его, как я прежде показал это на Лазаре, и оставляет бесчисленных хвалителей его жизни; и, хотя бы оставил он детей, все жители города будут покровителями их и попечителями, воздавая им по благорасположению к отцу. А тот, кто умер во грехах и корыстолюбии, если отойдет, оставив детей, то оставляет их наследниками вражды к нему и покидает среди неприятелей; если же окончит жизнь бездетным, то в зданиях и в прочих владениях, которые он приобрел хищением и любостяжанием, оставляет бессмертное себе осуждение. Совсем не то – праведник; но и по отшествии он приобретает величайшие блага, принося пользу всем живым через воспоминание об его добродетели и делая их лучшими, между тем как порочный и в этом отношении наказывается, потому что те, которые везде оставляют следы своего любостяжания, не только при жизни, но и по смерти вредят многим. Итак, зная это, будем считать несчастными не умирающих в чужой стране, а умирающих во грехах, и ублажать не тех, которые отходят дома н на постели, а тех, которые отходят с добродетелью; и сами будем заботиться о добродетели и избегать порока, потому что первая приносит пользу и живым и отшедшим, а последний вредит с обеих сторон, подвергая их позору и уводя к вечным наказаниям. Бог же, удостоивший и эту блаженную, собравшую нас сегодня, предпринять и совершить подвиг, победить и быть увенчанной, да удостоит и нас всех вообще возможности, совершив настоящую жизнь согласно с Его повелениями и заповедями, войти в тот день в обители этой святой и насладиться бессмертными благами, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, со Святым Духом, во веки. Аминь.

---

[1] Слово это произнесено в селе близ Антиохии, куда собрал народ епископ Флавиан, пользуясь хорошим ясным днем. Память св. Дросиды совершалась вероятно 14 декабря.

[2] гр. "λογοις"; – в синод.перев. "делах" – ред.

[3] В ориг.: "και παρασκευαζου προς την οδον" – последние слова И.Златоуст, очевидно, приводит как цитату, но в имеющихся у меня текстах св.Писания этих слов не видно – ред.

[4] Т. е. епископу Флавиану.

ПОХВАЛА

египетским мученикам[1]**.**

Благословен Бог: и из Египта – мученики, из богоборного и безумнейшего Египта, откуда – безбожные уста, откуда – богохульные языки, из Египта – мученики, и не в Египте только, и не в ближайшей и соседней стране, но и повсюду во вселенной! Как при урожае земных произведений жители городов, видя, что плодородие превышает потребности обитателей, отсылают и в иностранные города, чтобы показать и собственное дружелюбие и вместе при избытке в этом легче приобрести себе от них то, в чем сами имеют нужду, – так поступили и египтяне с подвижниками благочестия. Видя, что у них, по благодати Божией, великое изобилие, они не заключили в своем городе этого великого дара Божия, но распространили по всей земле свои благие сокровища, показывая свое братолюбие, прославляя общего всех Владыку, возвышая свой город перед всеми и представляя его митрополией всей вселенной. В самом деле, если пустые и маловажные случаи и услуги, полезные нам только для настоящей жизни, могли доставить многим городам такую честь, то не более ли всего справедливо, чтобы достиг этого преимущества перед всеми тот город, который наделил других не чем-либо из этого временного и тленного, но мужами, доставляющими и по смерти великую безопасность ставшим их уделом городам? Подлинно, тела этих святых ограждают у нас город тверже всякой адамантовой и несокрушимой стены, и, подобно высоким скалам, расположенным со всех сторон, не только отражают нападения этих чувственных и видимых врагов, но и козни невидимых бесов, и все коварство диавола ниспровергают и разрушают с такой легкостью, с какой сильный муж ниспровергает и бросает вниз игрушки детей. Остальные употребляемые людьми средства, как то: стены, рвы, оружие, войска, и все, что придумывается для безопасности жителей, врагам возможно отбить при помощи других, больших и сильнейших средств, находящихся у них; но когда город ограждается телами святых, тогда враги, хотя бы истощили бесчисленные богатства, не в состоянии будут противопоставить имеющим эти тела городам никакого подобного орудия. И не только против козней людей и против коварства бесов полезно нам это сокровище, возлюбленный, но если бы прогневался на нас и общий наш Владыка за множество грехов, то, предложив в защиту себя эти тела, мы скоро сможем преклонить Его на милость к городу. Если совершившие великие подвиги при праотцах наших, предлагая в защиту имена святых мужей и прибегая к наименованию Авраама, Исаака и Иакова, получали некоторое утешение, а от воспоминания этих имен получали великую пользу, то много более мы, предлагая в защиту не имена только, но и самые тела подвизавшиеся, в состоянии будем преклонить Бога на милость, снисхождение и благоволение. А что слова наши не хвастовство, знают многие и из здешних жителей и из пришельцев с других мест; (они знают) какова сила этих святых и подтвердят сказанное, изведав на собственном опыте дерзновение их перед Богом; и весьма справедливо, – потому что они не как случилось боролись за истину, но так мужественно и сильно противостояли стремительному и невыносимому насилию диавола, как будто боролись в каменных и железных, а не в тленных и смертных телах, как будто уже преставлены были к бесстрастному и бессмертному естеству, не подверженному горьким и прискорбным бедствиям телесным. Палачи, подобно каким-то диким, лютым и свирепым зверям, окружив со всех сторон тела мучеников, прокапывали ребра, терзали плоть, открывали и обнажали кости, и ничто не останавливает их в жестокости и бесчеловечии; но и коснувшись хребта и внутренностей, и проникнув до самых внутреннейших частей, они не доискались до того, чтобы отнять скрытое в них сокровище веры, и испытали то же, как если бы какие-нибудь враги, осадив царственный город, наполненный великим богатством и содержащий достаточно сокровищ, разрушив его стены и подступив к самым казнохранилищам, выломали двери, уничтожили запоры, раскопали пол и,

переискав все, не смогли ограбить и унести богатства его. Таковы сокровища души: они не предаются при страданиях телесных, когда душа твердо хранит их, но хотя бы кто растерзал самую грудь и, схватив сердце, разрывал понемногу, и тогда она не выдаст сокровища, однажды вверенного ей верой. Это – дело всеустрояющей благодати Божией, которая может и в слабых телах совершать дивное. Но вот что еще удивительнее: столь много неистовствовавшие не только не похитили ничего из скрывавшихся у мучеников сокровищ, но и побудили мучеников хранить их с большей твердостью и сделали самих их более славными и богатыми. Не душа уже только, но и самое тело их стало причастным большей благодати, и не только не потеряло, после частых терзаний и рассечений, той крепости, которую имело, но и приобрело большую и высшую. Что может быть удивительнее этой победы, когда (враги) не смогли победить тех, которых держали и имели в своих руках, и связавши терзали по своей воле, а напротив сами жалким и несчастным образом были побеждены ими? Они воевали не против них, но против обитающего в них Бога; а всякому известно, что воюющему с Богом вполне необходимо потерпеть крайнее поражение, неся наказание за одно лишь начинание.

2. Таковы победы святых. Если же столь удивительны и необычайны их состязания и подвиги, то что сказать о наградах и венцах, уготованных им за их терпение? Они стояли не до этих только мучений и не здесь прекращали свое течение, но поприще их простиралось еще далее: лукавый бес ожидал. что он свалит подвижников увеличением мучений, а человеколюбивый Бог попускал и не препятствовал, чтобы и неистовство неверующих показать всем более очевидно, и для подвижников сплести светлейшие и многочисленнейшие венцы. И как было с Иовом, что лукавый бес просил у Бога больших мучений против него, надеясь увеличением бедствий преодолеть доблестного подвижника благочестия, а Бог попускал и соизволял на эти лукавые просьбы, делая подвижника своего еще более славным, – так точно было и здесь. После того как (бес) свирепее всякого зверя растерзал тело их со всех сторон и обагрил язык и уста свои, если не кровью святых, то бесчеловечными и жестокими своими приговорами, он отошел, побежденный их терпением, достаточно насытившись и пресытившись этим бесчеловечным пиршеством. Смотри, каково было терпение святых, которое своими страданиями насытило такую ярость. Но он опять напал, с неистовством возобновив борьбу и стараясь иной жестокостью превзойти всех зверей. Звери по природному влечению устремляются на такое пиршество, а насытившись удаляются, и потом хотя бы увидели тысячи тел, ни к одному из них не прикасаются; а этот и устремлялся на такую пищу по лукавству воли, и насытившись плотью их, сплетает другие против них козни, предав святых продолжительнейшей и тягчайшей смерти: он приказал им постоянно работать в рудниках. О, безумие! Получив столь ясное доказательство их мужества и терпения, он этим способом надеялся преодолеть их. Итак, поселились со зверями святые, сожители ангелов, граждане небесные, уже вписанные в вышний Иерусалим, и пустыня наконец сделалась священнее всякого города. В городах каждый день дерзко исполнялись эти беззаконные и жестокие повеления, а пустыня была свободна от этой бесчеловечной повинности; судилища были исполнены нечестивых действий и преступных распоряжений, а пустыни имели гражданами праведнейших из всех людей, сделавшихся из людей ангелами, и пустыня состязалась с небом в добродетели обитавпшх в ней граждан. Мучение по свойству своему было самое жестокое, но по душевному расположению подвижников оно сделалось не трудным, легким и удобным. Им тогда казалось, что они видят во много раз больший свет, о котором сказано у пророка, что "**свет луны будет, как свет солнца, а свет солнца будет светлее всемеро**" (Ис.30:26); этим светом, казалось им, они уже пользуются, так как нет, нет ничего светлее души, которая удостоилась потерпеть за Христа что-либо кажущееся для нас страшным и невыносимым. Они думали, что уже переселились на небо и ликуют с ангелами. И нужно ли больше было им небо и ангелы, когда Владыка ангелов – Иисус был с ними в пустыне?

Если "**где двое или трое собраны во имя**" Его, "**там**" Он "**посреди них**" (Мф.18:20), то много более Он был посреди них, как не только собранных тогда во имя, но и непрестанно мучимых за имя. Вы знаете, хорошо знаете, что нет другого наказания, жестокого более этого, и что осуждаемые на это наказание предпочли бы перенести тысячи других смертей, нежели терпеть тамошнее мучение. Осуждены были в рудники, где должны были выкапывать медь те, которые были сами часто драгоценнее золота и состояли из невещественного золота, выкапываемого не руками осужденных, но найденного ревностью верных мужей; работали в рудниках те, которые были исполнены несметных сокровищ. Они видели нечто и прискорбнее такой жизни и исполнение на самих себе тех повествований о великих мужах, которые Павел излагает, говоря о святых: "**скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли**" (Евр.11:37-38). То же было и при нашем поколении.

Итак, возлюбленные, зная, что и ныне и в древности, от начала рода человеческого, все друзья Божии наследовали жизнь печальную, трудную и исполненную бесчисленных бедствий, не будем и мы стремиться к жизни изнеженной, рассеянной и исполненной наслаждений, но к жизни прискорбной, трудной и исполненной скорбей и несчастий. Как борец не может посредством сна, лености и наслаждений достигнуть венцов, ни воин – трофеев, ни кормчий – пристани, ни земледелец – полного гумна, – так и верующий не может получить обетованных благ, проводя свою жизнь в беспечности. И не безрассудно ли было бы – во всех житейских делах полагать труды прежде удовольствия и опасности прежде безопасности, и притом когда от этих трудов ожидается небольшое и маловажное, а когда предстоит небо, почести ангельские, жизнь бесконечная, пребывание с ангелами и блага, которых невозможно ни представить умом, ни выразить словами, надеяться на получение их посредством беспечности, праздности и рассеянности душевной, не удостаивая их даже одинаковой с благами житейскими заботливости? Нет, увещеваю, не будем так худо заботиться о себе и о своем спасении, но, взирая на этих святых, доблестных и терпеливых подвижников, которые даны нам вместо светил, станем сообразовать свою жизнь с их мужеством и терпением, чтобы, по переселении отсюда, молитвами их могли мы увидеть их и приветствовать, и быть помещенными в небесные их обители, чего да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу и Святому Духу слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Слово это произнесено, вероятно, в Константинополе, потому что перенесение мощей из Египта, давшее повод к произнесению его, скорее могло быть в Константинополе, чем в Антиохии.

БЕСЕДА

о святом священномученике Фоке, и против еретиков, и на 141 псалом: "голосом моим к Господу воззвал я, голосом моим к Господу помолился"[1].

Блистателен был вчера у нас город, блистателен и великолепен не потому, что были в нем колонны, а потому, что был мученик, с торжеством прибывший к нам из Понта. Он видел ваше гостеприимство, и преисполнил вас благословением; он похвалил ваше усердие и благословил присутствовавших. Я назвал блаженными собравшихся и участвовавших в

его благоухании, а отсутствовавших я назвал несчастными; но чтобы потеря их не осталась неисправимой, мы прославляем его опять в другой день, чтобы и отсутствовавшие по нерадению усердием удвоили благословение от мученика. Как я часто говорил, так и не перестану говорить: я не наказания требую за грех, но приготовляю врачество для немощных. Ты отсутствовал вчера? Приди же хотя сегодня, чтобы тебе видеть его уходящим в собственное место. Ты видел его идущим через торжище? Посмотри его и плывущим по морю, чтобы обе стихии (воздух и вода) наполнились его благословением.

Никто пусть не уклоняется от этого священного торжества, – ни дева пусть не остается дома, ни жена пусть не задерживается в жилище; оставим город пустым и переселимся ко гробу мученика; ведь и цари ликуют вместе с нами. Какое же имеет оправдание частный человек, когда цари оставляют царские чертоги и сидят при гробе мученика? Такова сила мучеников, что она уловляет не только частных людей, но и носящих диадемы; она – посрамление язычников, она – порицание их заблуждения, она – погибель бесов, она – наше благородство и венец церкви, Я ликую вместе с мучениками и пляшу, вместо лугов взирая на их трофей, потому что вместо источников они источили кровь; кости их истощены, а память их юнеет каждый день. Как невозможно погаснуть солнцу, так и памяти мучеников, потому что сам Христос изрек: "**небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут**" (Мф.24:35). Впрочем похвалы мученику отложим до удобного времени: и сказанного достаточно по причине усердия тех, которые должны были собраться и сделать блестящим день праздника. Как я вчера говорил, так и сегодня опять говорю: для мученика не будет никакой славы от присутствия многих, а вам благословение будет прибылью от присутствия при мученике. Как взирающий на солнце не делает этого светила более светлым, но освещает собственные глаза свои, – так точно и почитающий мученика не его делает более славным, но сам от него приобретает просвещающее благословение.

Сделаем же опять море церковью, вышедши туда со светильниками, соединив огонь с водой и воду наполнив огнем. Никто пусть не боится моря; мученик не боялся смерти, а ты боишься воды? Впрочем довольно сказали мы об этом предмете; предложим теперь вам и из прочитанного сегодня обычную трапезу. Хотя и стеснены ваши тела, но пусть окрыляется душа; я смотрю не на тесноту вашу, а на усердие. Приятно для кормчего волнующееся море, приятна и для учителя морем разлившаяся церковь; в этих водах нет ни солености, ни подводного камня, ни чудовищ, но море и влага, исполненная благоухания; здесь корабли, переплывающие не от земли к земле, но от земли на небо, содержащие в себе не деньги, не золото и не серебро, но веру, любовь, ревность и мудрость.

2. Итак, направим тщательно корабль, который никогда не погибает и не подвергается кораблекрушению. Но слушайте внимательно то, что говорится; псалом сегодня выводит нас на ратоборство с еретиками, не для того, чтобы свалить их стоящих, но чтобы восставить лежащих; такова именно наша война: не из живых она делает мертвыми, но из мертвых приготовляет живых, изобилуя кротостью и великим смирением. Я гоню не делом, а преследую словом, не еретика, но ересь, не человека отвращаюсь, но заблуждение ненавижу и хочу привлечь к себе (заблуждающегося); я веду войну не с существом, потому что существо – дело Божие, но хочу исправить ум, который развращен диаволом. Как врач, леча больного, не против тела воюет, но истребляет повреждение тела, – так и я, если буду сражаться с еретиками, то сражаюсь не с самими людьми, но хочу истребить заблуждение и очистить гнилость. Мне привычно терпеть преследование, а не преследовать, быть гонимым, а не гнать. Так и Христос побеждал, не распиная, но распятый, не ударяя, но приняв удары. "**если Я сказал худо**", говорит Он, "**покажи, что**

худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня? " (Ин.18:23). Владыка вселенной оправдывается пред рабом первосвященника, приняв удары по устам, из которых исходило слово и укрощало море и возбудило из мертвых четверодневного Лазаря, от которых убегало зло, от которых разрешались болезни и грехи: это – чудо Распятаго. Имея силу послать молнию, поколебать землю, иссушить руку раба, Он не сделал ничего такого, но даже оправдывается и побеждает кротостью, научая тебя, человека, никогда не приходить в негодование, чтобы ты, хотя бы ты был распинаем, хотя бы получал удары, говорил то же, что Владыка твой:"**если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?**" И посмотри на Его человеколюбие, как Он обиды рабов отмщает, а обиды Себе пропускает. Был некогда один пророк, обличал нечестивого царя и, пришедши, говорит: "**жертвенник, жертвенник!**" послушай (3Цар.13:2). Так как царь Иеровоам стоял, принося жертву идолам, то пророк пришедши обращает речь к жертвеннику. Что делаешь ты, пророк? Оставляешь человека и беседуешь с жертвенником? Да, говорит он. Почему? Так как человек стал бесчувственнее камня, то я оставляю его и беседую с этим, чтобы ты узнал, что камень слушает, а человек не слушает. Послушай жертвенник, послушай, и тотчас "**жертвенник распался**" (ст.5). "**Простер руку свою**" царь, желая схватить пророка, и не мог согнуть ее (ст. 4). Видишь ли, что жертвенник слушал больше, нежели царь? Видишь ли, что он оставил разумного и беседует с неразумным, чтобы послушанием последнего исправить бесчувственность и злобу первого? Жертвенник сокрушился, а злоба царя не сокрушилась. Но посмотри на случившееся: царь протянул руку схватить пророка, и тотчас "**одеревенела рука его**" (ст.4). Так как наказанием жертвенника он не исправился, то собственным наказанием научается послушанию Богу. Щадя тебя, я хотел излить гнев на камень, но так как камень не сделался для тебя учителем, то прими ты наказание. И простре руку свою, и тут же усше. Она стала затем трофеем пророка, и не мог царь согнуть ее. Где диадема? Где порфиры? Где латы? Где щиты? Где войско? Где копья? Бог повелел, и все это погибло; вельможи предстояли, не имея сил помочь, но сделавшись только зрителями удара. И простре руку свою царь, и усше; когда она сделалась сухой, тогда принесла плод. Посмотри на пример древа, бывшего в раю, и древа крестного. Как то древо, будучи цветущим, произвело смерть, а древо креста, будучи сухим, породило жизнь, так было и с рукой царя: когда она была цветущей, тогда производила нечестие, а когда стала сухой, тогда привела послушание; вот дивные дела Божии!

Но, как я говорил, когда сам Он получал удары, то не делал никакого зла ударяющему; а когда рабу его угрожала обида, то Он наказал царя, научая тебя за оскорбления Бога мстить, а оскорбления тебя самого пропускать. Как Я Мои оскорбления пропускаю, а за твои отмщаю, – так и ты за Мои отмщай, а свои пропускай. Но с напряжением обратите ко мне слух свой (ведь напряженный нужно иметь слух слушателям, когда время подвигов), чтобы вам в точности знать, как я связываю, как разрешаю грехи противников, как я ратоборствую и как поражаю. Если и сидящие на зрелище нагибаются, когда двое борются, напрягают свой взор, привстают на носки, чтобы видеть борьбу, исполненную стыда, чтобы видеть борьбу, которой подражать постыдно, – то гораздо больше должно нам внимательно слушать божественные писания. Если ты хвалишь борца, то почему сам не делаешься борцом? Если же ты стыдишься сделаться борцом, то для чего подражаешь похвале им? А здесь борьба не такая, но общая для всех и полезная как для говорящих, так и для слушающих. Я ратоборствую с еретиком, чтобы и вас сделать ратоборцами, чтобы вы, не только когда поете, но и когда разговариваете, заграждали уста их. Что же говорит пророк? "**Голосом моим к Господу воззвал я, голосом моим к Господу помолился**" (Пс.141:1). Обрати внимание: ужели это слово кажется дающим повод к борьбе? Посмотри, как я сплетаю венец и предмет состязаний. Гласом моим ко Господу воззвах, гласом моим к Богу помолихся. Здесь призови ко мне еретика, присутствует ли он, или не присутствует. Если он присутствует, то пусть поучается от нашего голоса; а если не

присутствует, то пусть узнает через вас слушающих. Впрочем, как я сказал, я не гоню его присутствующего, но принимаю его гонимого не вами, но собственной совестью, по словам сказавшего: "**нечестивый бежит, когда никто не гонится**" (Прит.28:1). Церковь есть мать своих детей, которая и их принимает, и чужим открывает недра. Общим местом зрелища был ковчег Ноев, но церковь лучше и его. Тот принял неразумных животных и сохранил их неразумными, а эта принимает неразумных и изменяет их. Например: войдет ли сюда лисица – еретик, я делаю ее овцой; войдет ли волк, я делаю его агнцем, сколько зависит от меня; если же он не захочет, то это нисколько не от меня, а от собственного его неразумия. Так и Христос имел двенадцать учеников, и один сделался предателем, но не от Христа, а от собственной развращенной воли. Так и Елисей имел ученика сребролюбивого, но не по слабости учителя, а по нерадению ученика. Я бросаю семена; если ты – земля тучная, принимающая семена, то воздашь колос; а если ты – камень бесплодный, то это нисколько не от меня: будешь ли ты слушать, или не будешь слушать, я не перестану напевать тебе духовную песнь и поливать раны, чтобы мне не услышать в тот день: "**лукавый раб! надлежало тебе отдать серебро мое торгующим**" (Мф.25:26-27). "**Голосом моим к Господу воззвал я, голосом моим к Господу помолился**".

3. Что говоришь ты, еретик? О ком говорит пророк, и кого называет он Господом и Богом? Об одном ведь лице речь. Еретики, перетолковывая Писания на свою голову и изыскивая всегда доводы против своего спасения, не чувствуют, как они толкают сами себя в пропасть погибели: и славословящий Сына Божия не делает Его более славным, и злословящий не причиняеть ему вреда, потому что бестелесное Существо не имеет нужды в нашем славословии; но как называющий солнце светлым не прибавляет ему света, и называющий его темным не уменьшает его сущности, а только в приговоре своем представляет пример собственной слепоты, так и называющий Сына Божия не Сыном, а тварью, представляет доказательство собственного безумия, а признающий (божественное) существо Его показывает собственное благоразумие; и ни этот не приносит Ему пользы, ни тот не причиняет Ему вреда, но один борется против своего спасения, а другой за свое спасение. Они, как я сказал, перетолковывая Писания, остальное пропускают, а ищут, не найдется ли где-нибудь основания, по-видимому несколько содействующего их болезни. Не говори мне, что причиной этому Писание; не Писание причиной, но их неразумие, подобно тому, как и мед сладок, однакож больной считает его горьким, но это не меду упрек, а жалоба на болезнь. Так и сумасшедшие не видят предметов, но это не вина предметов видимых, а извращенное суждение сумасшедшего. Бог сотворил небо, чтобы мы взирали на создание и поклонялись Создателю, а язычники обоготворили создание; но причиной не создание, а их неразумие, и как неразумный ни от кого не получает пользы, так благоразумный получает пользу и от самого себя. Что равно со Христом? Однако и от Него Иуда не получил пользы. Что негоднее диавола? Однако Иов получил венец. Ни Иуде не принес пользы Христос, потому что он был неразумен, ни Иову не повредил диавол, потому что он благоразумен. Говорю это для того, чтобы никто не осуждал Писания, но неразумие худо толкующих сказанное хорошо. Ведь и диавол беседовал со Христом от Писания.

Но виной не Писание, а ум, худо толкующий сказанное хорошо. Желая доказать, что Сын меньше Отца, еретики ходят, отыскивая странные выражекия, и об этих именах: Бог и Господь, говорят, что Отец – Бог, а Сын – Господь, разделяют эти имена и приписывают имя Бог Отцу, а имя Господь Сыну, как настоящие делители Божества и раздаятели жребия. Приписывает ли Писание Сыну название: Господь? Это ли говорит оно? Разве ты не слышал, как псалом говорил сегодня к одному лицу: гласом моим ко Господу воззвах, гласом моим к Богу помолихся? Итак, оно называет его и Господом и Богом. Кто по твоему Бог – Сын, или Отец? Конечно скажешь, что эти имена принадлежат Отцу. Итак Сын – Бог, и Отец – Господь. Для чего же ты разделяешь эти имена, и одно там

прибавляешь, а другое здесь отделяешь? И Павел (о, если бы ты слушал Павла и был блаженным!) говорит: "**но у нас один Бог Отец, из Которого все, и один Господь Иисус Христос, Которым все**" (1Кор.8:6). Он разве назвал Сына Богом? Но как? Господом. Что же, скажи мне, Бог важнее, нежели Господь, и Господь меньше, нежели Бог? Слушайте, прошу вас, с напряженным вниманием; если я докажу, что Господь и Бог – одно, что ты скажешь? Ты говоришь, что Бог больше, а Господь меньпе? Послушай пророка, который говорит: "**Господь, сотворивший небеса, Он, Бог, образовавший землю**" (Ис.45:18); Господь – небо, и Бог – землю; слова Господь и Бог употребил он об одном и том же лице. И еще: "**слушай, Израиль: Господь, Бог**" твой[2], "**Господь един есть**" (Втор.6:4). Дважды – Господь, и однажды – Бог и сперва – Господь, потом – Бог, и опять – Господь. Если бы последнее было ниже, а первое выше, то о великом Существе он не употребил бы выражения меньшего прежде большего, но, сказав большее, удовольствовался бы и не прибавил бы меньшего. Поняли ли вы, что я сказал? Я повторю наставление, так как здесь не зрелище для показу, но поучение для душевного сокрушения, не для того, чтобы вы уходили отсюда безоружными, но чтобы возвращались вооруженньши. Бог, говоришь ты, еретик, выше, а Господь – ниже? Я указал тебе на пророка, который говорит: "**Господь, сотворивший небеса, Он, Бог, образовавший землю**". Указываю тебе, еще на Моисея, который говорит: "**слушай, Израиль: Господь, Бог**" твой, "**Господь един есть**". Как един, если два имени, одно меньшего, а другое большего существа? Существо конечно не больше и не меньше себя самого, но равно и неразрывно. Господь Бог твой Господь един есть; вот я доказываю тебе, что имя Господь то же, что и Бог. Вообще же, если Господь ниже, а Бог выше, то какое должно быть имя Его: меньшее – Господь, или большее – Бог? Если он скажет: как имя Мне? то что скажешь ты, еретик? Скажешь, что Господь имя Сына, а Бог – Отца, как более свойственное? Но если я докажу тебе, что имя Господь меньшее служит отличительным Его именем, то что ты сделаешь? "**Да познают, что имя тебе – Господь**", говорит пророк. Разве он сказал: Бог (Пс.82:19)? Хотя если имя Бог больше, то почему не сказал пророк: да познают, яко имя тебе Бог? Если собственное Его и свойственное Ему имя есть Бог, а чуждое Ему, как низшее, есть Господь, то почему он сказал: да познают, яко имя тебе Господь, имя малое, меньшее, низшее достоинства Его, а не сказал имя великое и высокое, достойное Его существа? Чтобы ты знал, что и это не есть малое, ни низшее, но имеет такую же силу: да познают, яко имя тебе Господь, ты един вышний по всей земли.

4. Но ты не отступаешь из сражения, а опять говоришь, что имя Бог – больше, а Господь - меньше? Итак, если я покажу, что Сын называется этим именем большим, что ты скажешь? Прекратишь ли сражение? Отстанешь ли от состязания? Признаешь ли свое спасение? Освободишься ли от безумия? Понял ты, что я сказал? Так как имя Господь приписывают Сыну, а Бог – Отцу, как большее, то, если я покажу тебе, что Сын называется этим большим именем – Бог, сражение окончено, – я покоряю тебя твоим оружием и на твоих крыльях становлюсь выше тебя. Ты сказал, что имя Бог больше, а Господь меньше; я хочу доказать, что меньшее не приличествовало Отцу, если Он был большим, и большее не приличествовало Сыну, если Сын был меньшим. Послушай пророка, который говорит: "**сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости. После того Он явился на земле и обращался между людьми**" (Варух.3:36-38). Что скажешь ты на это? Будешь опровергать эти слова? Но не можешь, – истина остается блистающей собственным светом и ослепляющей глаза еретиков, не желающих верить ей. Хотя глубоко это состязание и велик жар, но слово это больше, превосходнее неудобства слушающих, и жар утоляется росой поучения; и если мы собираемся однажды или дважды в неделю, то слушателю не должно быть нерадивым. Когда ты выйдешь отсюда, и кто-нибудь спросит тебя: о чем беседовал учитель? – ты скажешь: против еретиков; если он скажет: о чем он беседовал? – и ты не найдешься отвечать, то стыд тебе величайший; а если ответишь, то уколешь его; если то будет

еретик, исправишь его; если то будет нерадивый друг, привлечешь его; если невоздержная жена, вразумишь ее, – а отвечать ты обязан и жене: "**жены**", говорится, "**в церквах да молчат. Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают у мужей своих**" (1Кор.14:34-35). Когда ты придешь домой и жена спросит тебя: что принес ты мне из церкви? – скажи ей: не мяса, и не вина, и не золота, и не нарядов, украшающих тело, но слово, умудряющее душу. Когда ты придешь к жене, то предложи духовную трапезу; скажи наперед, пока свежа память: насладимся духовным, а потом насладимся чувственной трапезой, потому что если мы так устрояем дела свои, то будем иметь Бога среди нас, и трапезу благословляющего, и нас увенчивающего. За все же это будем благодарить самого Отца, с Сыном и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Произнесена в Константинополе и, если упоминание о том, что Златоуст привык сам терпеть преследования, а не других преследовать, считать указанием на изгнание именно Златоуста, то во время между первым и вторым изгнанием его, т. е. в конце 403 или в начале 404 года; но перенесевие мощей св. Фоки празднуется 22 июля.

[2] В Библии: "**наш**" – ред.

ПОХВАЛА

всем святым, во всем мире пострадавшим[1].

Еще не прошло семи дней после того, как мы совершали священное торжество Пятидесятницы, и вот опять настиг нас лик мучеников, или – лучше – ополчение и воинство мучеников, ничем не уступающее ополчению ангелов, которое видел патриарх Иаков (Быт.32:2), но подобное ему и равное. Мученики и ангелы различаются только именами, а делами соединены: ангелы обитают на небе, и мученики также; первые не причастны старости и бессмертны, и мученики будут иметь то же. Но те получили бестелесное естество? Что же? И мученики, хотя облечены телом, но бессмертным, или – лучше – еще прежде бессмертия смерть за Христа украшает тела их больше бессмертия. Не так светло небо, украшаемое хором звезд, как тела мучеников, украшаемые светлой кровью ран, так что, умерши, они сделали величайшее приобретение, и еще прежде бессмертия восприняли награды, получив от смерти венцы. "**Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его**", говорит Давид о естестве человеческом вообще (Пс.8:6); но и это малое Христос пришедши восполнил, осудив смертию смерть. Впрочем я не это доказываю, но то, что и этот недостаток, смерть, сделался приобретением, так как, если бы они не были смертными, то не сделались бы мучениками; если бы не было смерти, то не было бы и венца; если бы не было кончины, то не было бы мученичества; если бы не было смерти, то Павел не мог бы говорить: "**я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашею, которую я имею во Христе Иисусе**" (1Кор.15:31); если бы не было смерти и тления, то он также не мог бы говорить: "**радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых**" (Кол.1:24). Итак, не будем скорбеть, что мы стали смертными, но будем благодарить, что смертью открыто нам поприще мученичества; через тленность мы получили возможность наград, отсюда имеем мы повод к подвигам. Видишь ли премудрость Божию, как Он величайшее из зол, верх нашего бедствия, введенный диаволом, т. е. смерть, обратил нам в честь и славу, ведя через нее подвижников к наградам мученичества? Что же? Будем благодарить диавола за смерть? Да не будет: не по

его мысли – это добро, но дар премудрости Божией; он ввел, чтобы погубить людей и, возвратив в землю, отнять у них всякую надежду спасения, но Христос, взяв это, изменил, и через смерть опять возвел нас на небо. Поэтому никто да не осуждает нас, если я назвал весь сонм мучеников ликом и воинством, приписав одному предмету два противоположные названия; лик и воинство – названия противоположные, но здесь оба они соединились вместе: (мученики) шли на мучения с удовольствием, как ликующие, и вместе, как воинствующие, оказали всякое мужество и терпение и победили противников. Если посмотришь на существо событий, то эти события – сражение, война и ополчение; а если исследуешь смысл событий, то совершившееся – ликования, празднества, торжества и величайшее удовольствие.

Хочешь узнать, сколько эти подвиги, т. е. подвиги мучеников, ужаснее войны? Что ужасного в войне? С той и другой стороны стоят огражденные станы, блещущие оружием и озаряющие землю; со всех сторон пускаются тучи стрел, множеством своим помрачающие воздух; потоки крови льются по земле; везде в великом множестве, как колосья во время жатвы, падают воины, поражаемые друг другом. Теперь от них я переведу тебя к этому сражению. И здесь два ополчения, одно – мучеников, а другое – мучителей; но мучители вооружены, а мученикн сражаются с обнаженным телом, и победа остается за обнаженными, а не вооруженными. Кто не изумится, что бичуемый побеждает бичующего, связанный – несвязанного, сожигаемый – сожигающего, умирающий – умерщвляющего? Видишь ли, как эти подвиги страшнее тех? Те, хотя и страшны, но происходят естественно; а эти превосходят всякое естество и всякий порядок вещей, чтобы ты убедился, что это – дела благодати Божией. Притом, что несправедливее этой борьбы? Что беззаконнее этих сражений? На войнах обе сражающиеся стороны бывают вооружены; а здесь не так, но один наг, а другой вооружен; также в борьбе обоим противникам позволяется действовать руками, но здесь один связан, а другой свободно наносит удары. Выбравши себе, как бы по тирании, право делать зло, а праведным мученикам предоставив терпеть зло, судьи таким образом нападают на святых, и даже и так не побеждают их, но после такой неравной битвы отходят пораженными; и бывает то же, как если бы кто вывел воина на сражение и, отломив острие копья его и сняв с него броню, приказал ему так сражаться с обнаженным телом, а он, подвергаясь нападениям и ударам и получая бесчисленные раны, поставил бы трофеи. Таким же образом и эти, выведя мучеников нагими, связав им руки назад и со всех сторон нанося им удары и язвы, были побеждаемы; а они, получая раны, ставили трофей победы над диаволом. Как адамант, поражаемый ударами, не поддается и не смягчается, а напротив сокрушает ударяющее железо, – так точно и души святых, при столь многих наносимых им мучениях, сами не терпели никакого вреда, а силу тех, которые били их, сокрушали и заставляли их удаляться с борьбы побежденными со стыдом и бесчестием после многих и нестерпимых ударов. Их привязывали к дереву и строгали бока их, проводя глубокие борозды, как бы распахивая землю, а не тело раздирая, так что можно было видеть открытые внутренности, обнаженные ребра, расторгнутые груди; и здесь не останавливались в неистовстве те кровожадные звери, но, сняв с дерева, растягивали их на железной решетке над горячими угольями, и можно было видеть опять зрелища, ужаснейшие прежних: двоякие капли падали из тел, льющейся крови и растопляемой плоти, – но святые, возлежа на угольях, как на розах, с радостью смотрели на совершавшееся.

2. Ты же, слыша о железной решетке (имеющей: вид лестницы). вспомни о мысленной лествице, виденной патриархом Иаковом, которая простиралась от земли до неба; по той нисходили ангелы, а по этой восходят мученики; на той и другой стоит Господь (Быт.28:13). Не перенесли бы страданий эти святые, если бы не имели такой опоры. По той восходят и нисходят ангелы, а по этой, как всякому известно, восходят и мученики.

Почему? Потому, что те "**посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение**" (Евр.1:14); а эти, как ратоборцы и венценосцы, окончив подвиги, отходят наконец к Распорядителю подвигов. Впрочем, не будем просто слушать, когда говорится, что горячие уголья были подкладываемы под истерзанные тела, но представим, каково бывает нам, когда мы впадаем в горячку; тогда мы самую жизнь не считаем жизнью, досадуем, негодуем, раздражаемся, как малые дети, считая этот огонь нисколько не меньшим огня геенского; а они, не горячкой будучи объяты, но когда пламень со всех сторон осаждал их, и искры вторгались в их раны и терзали язвы их свирепее всякого зверя, тогда, как бы адамантовые и как бы видя это совершающимся в чужих телах, доблестно и с свойственным им мужеством стояли в словах исповедания, и оставались непреклонными во всяких бедствиях, блистательно обнаруживая и свое мужество и Божию благодать. Вы часто видите на рассвете солнце восходящим и бросающим багряновидные лучи? Таковы были тела святых, когда со всех сторон обливали их потоки крови, как бы багряновидные лучи, и озаряли тело их гораздо больше, нежели небо озаряется солнцем. Видя эту кровь, ангелы радовались, а бесы ужасались и сам диавол трепетал: то была не просто видимая кровь, но кровь спасительная, кровь святая, кровь достойная небес, кровь постоянно напаяющая добрые растения церкви. Видел эту кровь и ужасался диавол, потому что вспоминал о другой крови – Владычней; ради той текла и эта кровь, потому что с тех пор, как прободено ребро Владыки, ты видишь тысячи прободенных ребер. И кто не пойдет на эти подвиги с великой радостью, имея в виду приобщиться страданий Господних и сделаться сообразным смерти Христовой? Это – достаточное воздаяние, честь большая, награда превышающая труды, еще прежде царства небесного. Итак, не будем страшиться, слыша, что такой-то потерпел мученичество; но будем страшиться, слыша, что такой-то оказался слабым и пал, когда предстояли ему такие награды.

Если же хочешь слышать и о наградах будущих, то никакое слово не может представить их, – потому что "**не видел того глаз**", говорится, "**не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его**" (1Кор.2:9); а никто из людей не возлюбил Его так, как мученики. Впрочем потому, что величие назначенных благ превышает и слово и ум наш, мы не будем молчать о них, но, сколько возможно нам сказать и вам выслушать, постараемся, хотя неясно, изобразить вам блаженство, которое примет там мучеников; а ясно познают его только те, которые наслаждаются им на самом деле. Здешние жестокие и невыносимые страдания мученики терпят в течение краткого времени, а по отшествии отсюда они восходят на небеса, причем ангелы предшествуют им и архангелы сопровождают их, потому что не стыдятся подобных себе рабов и решились все сделать для них, как и те решились потерпеть все для Христа, своего Владыки. По восшествии на небо, сретают их все святые силы. Если тогда, когда приходят в город чужие ратоборцы, стекается весь народ отвсюду и, окружив их, рассматривает стройность их членов, – то гораздо больше тогда, когда восходят на небеса подвижники благочестия, ангелы сретают и все вышние силы стекаются отвсюду – видеть их раны, и, как некоторых героев, возвратившихся с войны и сражения с великими трофеями и после многих побед, радостно принимают всех их и приветствуют, потом ведут их с великим торжеством к Царю небесному, к тому престолу, исполненному великой славы, где херувимы и серафимы. Прибыв туда и поклонившись Седящему на престоле, мученики удостоиваются от Владыки гораздо большего благоволения, нежели от подобных себе рабов, потому что Он принимает их не как рабов (хотя и это величайшая честь, равной которой нельзя найти), но как друзей Своих: "**вы**", говорит Он, "**друзья Мои**" (Ин.15:14); и весьма справедливо, потому что сам Он сказал еще: "**нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих**" (Ин.15:13). Так как они показали величайшую любовь, то Он дружески и принимает их, и наслаждаются они тамошней славой, соединяются с ликами (ангельскими), участвуют в таинственных песнопениях. Если они,

еще находясь в теле, через общение в таинствах принадлежали к тамошнему лику, воспевая трисвятую песнь вместе с херувимами, как известно вам, посвященным в тайны, – то гораздо больше тогда, наслаждаясь сотоварищами по лику, они с великим дерзновением участвуют в тамошнем славословии. Не страшились ли вы мученичества прежде? А теперь не желаете ли мученичества? Теперь не сожалеете ли, что ныне уже не время мучений? Но будем и мы упражняться как во время мученичества. Они презирали жизнь, – ты презирай удовольствия. Они ввергали тела свои в огонь, – ты ввергай теперь деньги в руки бедных. Они попирали уголья, – ты погашай пламень похоти. Трудно это, но и полезно. Смотри не на прискорбное настоящее, а на приятное будущее, не на бедствия присущие, а на блага уповаемые, не на страдания, а на награды, не на труды, а на венцы, не на усилия, а на плату, не на скорби, а на воздаяния, не на горящий огонь, а на царство предстоящее, не на окружающих палачей, а на увенчивающего Христа.

3. Это лучший способ и удобнейший путь к добродетели – взирать не на труды только, но и на награды после трудов, – впрочем и не на них только самих по себе, Так, когда ты намереваешься подать милостыню, то обращай внимание не на издержки денежные, а на приобретение правды: "**расточил, роздал нищим; правда его пребывает во веки**" (Пс.111:9); не смотри на оскудение богатства, но взирай на умножение сокровища. Когда постишься, то думай не об изнурении от поста, но о легкости, происходящей от этого изнурения. Когда бодрствуешь в молитве, то помышляй не об усталости, причиняемой бодрствованием, а о дерзновении, доставляемом молитвой. Так делают и воины: они смотрят не на раны, а на награды, не на поражения, а на победы, не на падающих мертвыми, а на увенчиваемых героев. Так и кормчие прежде волн видят пристани, прежде кораблекрушений – торговые выгоды, прежде бедствий на море – благополучие после мореплавания. Так делай и ты: представь, сколь великое дело – среди глубокой ночи, когда спят все люди, звери и скот, когда господствует глубочайшая тишина, тебе одному бодрствовать и дерзновенно беседовать с общим всех Владыкой. Сладок сон? Но нет ничего слаще молитвы. Беседуя с Богом наедине, когда никто не беспокоит тебя и не отвлекает тебя от молитвы, ты можешь во многом иметь успех; самое время – союзник твой для получения того, чего желаешь. Но ты поворачиваешься лежа на мягкой постели, и медлишь встать? Представь сегодняшних мучеников, которые лежали на железной решетке, где не постель была подостлана, но подложены горячие уголья. Здесь я хочу окончить речь, чтобы вы ушли с живым и свежим воспоминанием об этой решетке и памятовали о ней ночью и днем; хотя бы удерживали нас тысячи уз, мы в состоянии будем легко разорвать все и восстать для молитвы, если будем постоянно представлять себе эту решетку. Впрочем не только решетку, но и прочие страдания мучеников начертаем на широте нашего сердца. Так делающие свои домы великолепными украшают их со всех сторон разноцветной живописью, – так и мы на стенах души нашей нарисуем казни мучеников. Та живопись бесполезна, а эта приносит пользу; для этой живописи не нужно ни богатства, ни издержек, ни какого-нибудь искусства, но вместо всего достаточно приложить усердие и ум мужественный и бодрственный, чтобы посредством него, как бы посредством искусной какой руки, изобразить их мучения. Итак, нарисуем в душе одних лежащими на сковородах, других растянутыми на угольях, иных ввергенными в котлы, других брошенными в море, иных скоблимыми, иных сгибаемыми на колесе, иных разбиваемыми об утес, иных борющимися с дикими зверями, иных низвергаемыми в пропасть, иных так, как каждому из них случилось окончить жизнь, чтобы, сделав разнообразием такой живописи жилище наше светлым. приготовить приличное пристанище для Царя небесного. Если Он увидит такие изображения в душе, то придет с Отцем и сотворит у нас обитель с Духом Святым; и будет, наконец, наша душа царским домом, и никакой непристойный помысл не сможет войти в нее, потому что воспоминание о мучениках, как бы какая живопись, постоянно будет сохраняться в нас и производить великий блеск, и Царь всего, Бог, будет непрестанно обитать в нас. Таким

образом, приняв Христа здесь, мы по отшествии отсюда сможем быть принятыми в вечные обители, чего да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава Отцу, со Святым и Животворящим Духом, во веки веков. Аминь.

---

[1] О месте (в Антиохии, или Константинополе) и времени произнесения – ничего неизвестно.

БЕСЕДА

после землетрясения[1].

Хотя нам болезнь воспрепятствовала участвовать вместе с вами в духовном торжесгве, но вас не привела в расслабление тяжесть путешествия. Хотя вы пришли сюда с трудом, утомленные и совершенно облитые потом, но словесное учение и мою болезнь обратило в здоровье и ваш труд облегчило песнопением. Посему и я, сам страдая болезнью, не связываю языка своего молчанием, и вы, утомленные, не отказываетесь слушать; но как только явилось слово, труд удалился, и как только открылось учение, утомление обратилось в бегство. Болезнь и труд принадлежат телу, а учение есть дело и врачество души; но сколько душа выше тела, столько и дела ее предпочтительнее. Поэтому не только тогда, когда препятствует болезнь, но и когда встречалось множество и других препятствий, я не переставал быть в единении с вашей любовью, не отказался быть и сегодня на этом прекрасном празднике. Доселе мы были пригвождены к одру (болезни), но Бог не попустил нам совершенно истомиться от голода. В самом деле, как для вас голод – не слушать, так и для меня голод – не говорить. Так и мать часто, больная, соглашается лучше допустить, чтобы дитя кормилось ее грудью, нежели видеть его томящимся от голода; пусть же будет приведено в напряжение и мое (больное) тело. Кто не пролил бы охотно самую кровь свою за вас, мужей, пламенеющих таким благочестием, такой любовью к слушанию, и являющих такое раскаяние в краткое мгновение времени? Вы не знаете дня и ночи, но то и другое время обращаете в день, не воздух изменяя, а всенощными бдениями просвещая ночи; у вас ночи без сна, и власть сна превратилась, так как любовь ко Христу победила слабость естества. Вы освободились от условий телесного бытия человеческого, подражая силам (бесплотным), являя неусыпное бодрствование, постоянный пост, столь тяжелый труд путешествия, тяжелый труд по естеству, но отдохновение по произволению. Таков плод страха, такова прибыль от землетрясения, прибыль, никогда не утрачиваемая, прибыль, и бедных делающая богатыми, и богатых еще более обогащающая; она не знает бедности, не знает богатства. Случилось землетрясение, и удалило неравенства в жизни. Где теперь одевающиеся в шелковые одежды? Где золото? Все это исчезло, рассеялось легче паутины и оказалось мимолетнее цветов весенних. Но так как вашу душу я вижу приготовленной, то хочу предложить вам обильнейшую трапезу. Я вижу, что тела ваши утомлены, но душа цветет юностью. Обильны потоки вашего пота, но они очищают совесть. Если борцы проливают даже кровь свою за лавровые листья, которые сегодня даются, а завтра увядают, то гораздо более вам, вышедшим на поприще подвигов, должно не уклоняться от трудов добродетели и не ослабевать. Ваше собрание – венец для меня, и один слушатель из вас для меня равносилен целому городу. Некоторые наполняли чаши до верха, другие учреждали сатанинские пиршества, иные приготовляли обильную трапезу; а вы совершили такое всенощное бдение и очистили весь город шествием святых ног ваших, перемерив площадь шагами и сделав самый воздух святым. И воздух становится святым от песнопения, как вы

слышали сегодня от Бога, сказавшего Моисею: "**ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая**" (Исх.3:5). Вы освятили землю и площадь, сделали город для нас церковью. Как бурный поток, протекая и несясь с великой стремительностью, низвергает все, так точно и поток духовный, "**река Божия, веселящая город Божий[2]**" (Пс.45:5;64:10), наполнился водами и очистил грязь нечестия. Нет ни одного развратного, или – лучше – если есть какой-нибудь развратник, то он исправляется. Он слышит голос, и душа его преобразуется; наступает песнопение, и нечестие удаляется, страсти корыстолюбия обращаются в бегство; если же не обращаются в бегство, то подобно тому, как дикие звери зимой скрываются в своих пещерах, так и невоздержная душа скрывается внутри, и подобно тому, как змеи от холода, сковывающего тела их, уходят в глубочайшие убежища, так точно и эти страсти, неблагородные и рабския, скрываются как бы в какую глубину. Без сомнения, и сами носящие в себе эти страсти стыдятся их: хотя они носят их, но уже мертвые. Вместо зимы для них служит наше песнопение. Достигает до слуха человека любостяжательного этот голос – и он, если не истребляет страсть, то умерщвляет эту страсть; достигает до слуха человека развратного и гордаго – и он, если не умерщвляет сладострастие и гордость, то скрывает это сладострастие и гордость. А немаловажное дело, если порок не заявляет о себе открыто. Говорил я и вчера, что велики плоды от землетрясения. Видите ли вы человеколюбие Господа, потрясающего город и утверждающего душу, колеблющего основания и укрепляющего помышления, показывающего непрочность города и делающего сильной волю? Обрати внимание на Его человеколюбие: Он поколебал недолго – и утвердил навсегда; землетрясение – на два дня, а благочестие должно остаться на все время; не надолго вы опечалились, а навсегда укоренились. Я хорошо знаю, что от страха Божия благочестие ваше получило корень; и если будет успокоение от бедствия, то плод останется. Уже не будет больше терний, подавляющих его, и сильный дождь не затопит его; хорошо возделал вас страх, послужив мне союзником в слове. Я замолчу, но основания говорят; я замолчу, но землетрясение, громче трубы, возвышает голос, говоря: "**щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив**" (Пс.102:8); – я пришло не для того, чтобы погребсти вас под развалинами, но чтобы укрепить вас. Так говорит землетрясение и восклицает: я устрашило вас, но не для того, чтобы огорчить, а чтобы сделать вас более внимательными к себе. Слушайте со вниманием эти слова: так как беседа становилась бессильной, то возгласило наказание; так как учение ослабевало, то прибыл на помощь страх. Это сказать вам кратко пришел я, и делаю свое дело: когда приведу вас в сокрушение, тогда и преподам вам учение, дабы это учение не было бессильно; нашедши камни и произрасшее терние, я очищаю ниву, чтобы потом бросать семена учения щедрой рукой. Потерпели ли вы какой-нибудь вред, опечалившись на краткое время? Вы сделались из людей ангелами, переселились на небо, – не по месту, но по нравам. А что я не льщу вам, говоря это, свидетельствуют дела. Чего не достает у вас для покаяния? Вы отринули ненависть, удалили низкие страсти, насадили добродетели, имели силу провести целую ночь в священном бдении с великой любовью и возвышенным настроением души. Никто не вспоминает о прибылях, никто не говорит о любостяжании, и не только руки чисты от грехов, но и язык свободен от беззакония и злословия; никто не оскорбляет ближнего, никто не идет на сатанинские пиршества; домы чисты, площадь омыта от нечистот, наступает вечер, и нигде сонмы юношей не поют театральных песней. Собираются сонмы, но не для разврата, а для добрых дел; и на площади можно слышать песнопения, и в домах сидят, одни воспевая псалмы, а другие – священные гимны; наступает ночь, и все идут в церковь, эту безмятежную пристань, тихое прибежище, свободное от волн. Я думал, что после первого и второго дня бессонница изнурит ваши тела; но теперь, чем более продолжается бдение без сна, тем более усиливается ваше усердие. Поющие у вас утомились, а вы оказываете юношескую бодрость; поющие у вас обессилили, а вы еще более укрепились. Где теперь, скажи мне, богатые? Пусть они узнают любомудрие бедных. Они спят, а бедные на земле не спят, но преклоняют колена, подражая Павлу и

Силе (Деян.16:25). Те пели и поколебали темницу, а вы поете и привели в недвижимое состояние колеблемый город. Окончания действий противоположны, но то и другое – для славы Божией. Он (Павел) поколебал темницу, чтобы потрясти душу неверных, чтобы разрешить темничного стража, чтобы возвестить слово Божие; вы же привели город в недвижимое состояние, чтобы прекратить гнев Божий; и то и это устроено различным образом, но я радуюсь, – не тому, что пришел в недвижимое состояние город, но тому, что он приобрел эту неподвижность при помощи ваших молитв, что ваши песнопения послужили для него основаниями. Свыше гнев, а снизу ваш голос; свыше нисходящий гнев удержан голосом, восходящим снизу. Отверзлись небеса, и произнесен был приговор, – изощренный меч; город должен был сравняться с поверхностью земли от неизбежного гнева. И ничего нам не потребовалось, кроме покаяния, кроме слез и стенаний, и все было прекращено; Бог изрек приговор, а мы прекратили гнев Его. Не погрешил бы тот, кто назвал бы вас защитниками и спасителями города. Где начальники? Где великие хранители? Поистине вы – и крепость, и стена, и охрана города. Те своим нечестием расшатали город, а вы своей добродетелью укрепили город. Если бы кто-нибудь спросил, отчего поколебался город, то, хотя бы никто не отвечал, несомненно, что это – за грехи, за корыстолюбие, за несправедливость, за беззаконие, за гордость, за похоти, за ложь. Кого же? Богатых. Также, если бы кто-нибудь спросил, отчего опять получил свою неподвижность, то несомненно, что это – за песнопения, за молитвы, за всенощные бдения. А это кого? Бедных. Поколебать город – их дело, а возвратить ему неподвижность – ваше, так что вы стали его спасителями и защитниками. Но здесь мы окончим слово, продолжая всенощные бдения и песнопения и воссылая славу Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Беседа произнесена, нужно думать, в Антиохии, которая часто подвергалась землетрясениям, особенно во время Златоуста. Когда случилось упоминаемое в беседе землетрясение, Златоуст лежал больной на постели; но, пылая ревностью учительства, он встал с одра болезни и произнес эту беседу в одной из загородных церквей. Год произнесения неизвестен.

[2] Здесь святитель объединяет два изречения из Псалтири: Пс.45:5 "речной поток веселит город Божий" и 64:10 "река Божия наполнилась воды" – ред.

БЕСЕДА

о предательстве Иуды[1].

Ныне Дафна[2] приятна и боголюбезна не потому только, что она источает прозрачнейшие потоки и питает прекраснейшие древесные ветви, но и потому, что заключает в себе необыкновенное растение – крест; ныне здесь поистине источник целомудрия, страшный для пифийского демона. Уже не для ног людей нечестивых расстилает она свою равнину, но для вас, благочестивых, предлагает свою рощу, подобие того вожделенного места, того сада, в котором совершилось дерзкое предательство Спасителя и насаждено было дело нашего спасения. Но я не знаю, о чем мне говорить при настоящем торжестве: торжество воздвигает язык мой обвинять Иуду, а человеколюбие Спасителя обращает уста мои к себе. И я объят и тем и другим: и иенавистью к предателю, и любовью к Господу; но любовь, будучи больше и сильнее, превозмогает ненависть. Посему, оставив предателя, прославлю Благодетеля, прославлю не столько,

сколько Он достоин того, но сколько я могу. Как Он преклонил небеса и сошел на землю? Как наполняющий собой весь мир пришел ко мне, сделавшись ради меня подобным мне? Как Он избрал в ученики свои того, о котором знал, что будет Его предателем, и повелел врагу следовать за Собою, как другу? Как Он не смущался предательством, а заботился о спасении предателя? "**Когда же настал вечер**", говорит евангелист, Иисус "**возлег с двенадцатью учениками; и когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня**" (Мф.26:20-21). Он предсказал о предательстве, чтобы предотвратить это беззаконие; но в предсказании не указал на лицо предателя, дабы не огласить беззакония ученика, которое еще не было известно совозлежащим. Видел ли кто такое человеколюбие Господа? Он и предается и любит предателя. Кто, испытывая презрение, милует презирающего? Кто, подвергаясь продаже, делает злого продавца участником своей трапезы? Кто щадит строящего козни? И ядущым им рече: аминь глаголю вам, яко един от вас предаст мя. Как человек, Он вкушал пищу, а как Бог, возвещал будущее; свойственное моему естеству Он делает ради меня. Когда же все ученики были поражены этими словами, и строго испытывали свою совесть, и время вечери обратилось у них во время скорби, когда каждый из них говорил: "**не я ли, Господи?**" (ст.22), желая таким вопросом устранить от себя дурное подозрение, тогда Спаситель, врачуя души неблаговременно пораженных, ответом Своим открывает того, который дотоле был неизвестен. "**Опустивший со Мною**", говорит Он, "**руку в блюдо, этот предаст Меня; впрочем Сын Человеческий идет, как писано о Нем, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться**" (ст.23,24). Он жалеет того, кто не хотел жалеть себя самого; щадит того, кто не щадил собственной души своей; не хотел обнажать того, который давно уже обнажил себя, дабы и ему дать время для покаяния, и других учеников избавить от скорби; но от всего этого предатель нисколько не сделался лучше. Ему надлежало бы тотчас после этих страшных слов встать из-за стола, надлежало бы просить ходатайства о себе соучеников своих, надлежало бы обнять колена Спасителя и умилостивлять Его такими словами: я согрешил, человеколюбче, я согрешил, сделал беззаконие, продав людям за малую цену неоцененную жемчужину, я сделал беззаконие, променяв на небольшие деньги неистощимое богатство; прости меня, купившего себе вред и погибель; прости меня, у которого золото похитило разум; прости меня, злобно обольщенного фарисеями. Но он ничего такого не сказал и не подумал, а дерзким вопросом обнаружил бесстыдство души своей, сказав: "**не я ли, Равви?**" (ст. 25). О, бесстыдный язык! О, бесчувственная душа! Как бы не зная, он спрашивает о том, что сам замышляет, и думает укрыться от недремлющего ока. В душе он носил коварство, а языком произносил слово неведения; в уме совершал предательство, а устами, как он думал, прикрывал свой грех; употреблял такие же выражения, как и прочие ученики, а одинакового с ними нрава не имел; будучи волком по душе, говорил голосом овец. Что же ему Спаситель? "**Ты сказал**", отвечал Он. Великодушным ответом Он вполне разоблачил лицедейство нечестиваго. Христос мог бы сказать ему: что говоришь ты, бесстыдный и лукавый? Что говоришь ты, раб денег и истинный сообщник диавола? Ты дерзаешь притворяться незнающим? Ты дерзаешь скрывать то, что не может быть сокрыто? Разве Я не присутствовал Божеством при твоем злодеянии? Разве Я не видел оком Божества, как ты приходил к первосвященникам? Разве Я и отсутствуя не слышал, как ты говорил: "**очто вы дадите мне, и я вам предам Его**" (Мф.26:15)? Разве Я не знаю, за сколько ты продал Меня? Что же? И после обличения ты остаешься столь бесстыдным? Для чего ты стараешься утаить то, что намереваешься сделать? Предо Мной все открыто. Так мог бы отвечать Христос, но Он не отвечал так, а просто, незлобиво и кротко сказал: ты рекл еси, научая нас поступать таким же образом с нашими врагами. Однако и после такого обращения Иуда остался больным, не по небрежности врача, а по нерадению самого больного. Первый доставил все средства к спасению, а последний не хотел принять их, но, предавшись одному сребролюбию, полюбил больше золото, нежели Христа; и остался предан и верен подкупившим его.

Иуда, подошедши, сказал Христу: "**радуйся, Равви! И поцеловал Его**" (Мф.26:49). Необычен этот способ предательства, совершаемый посредством лобзания и приветствия. "**Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришел?**" (ст.50). Для чего ты повелеваешь Мне радоваться, намереваясь огорчить Меня? Для чего ты льстишь словом, уязвляя делом? Для чего называешь Меня учителем, перестав быть учеником? Для чего злоупотребляешь правами любви? Для чего делаешь знак мира знаком предательства? Кому ты подражаешь в этом деле? Видел ли ты, чтобы так лобызала недавно ноги мои блудница? Видел ли, чтобы так преклонял колена предо Мной сотник? Видел ли, чтобы бесы так повергались предо Мной? Знаю, кто показал тебе путь коварного лобзания: диавол внушил тебе такие объятия, а ты, повинуясь злому советнику, исполняешь волю его; "**друг, для чего ты пришел?**" Исполняй гнусные условия, которыя ты заключил с фарисеями; скрепи документ продажи; подпишись под тем, что написано с твоих слов; предай Того, Кто сам желает быть предан; кроме ковчежца приобрети еще кошелек неправды; уступи место разбойнику, имеющему за свое исповедание получить то звание, которого ты лишил себя предательством. "**Тогда подошли и возложили руки на Иисуса, и взяли Его**" (Мф.26:50). И исполнилось пророческое изречение: "**окружили меня, как пчелы сот, разгорелись[3], как огонь в терниях**" (Пс.117:12); и еще: "**множество псов окружили меня, тельцы тучные обступили меня**" (Пс.21:17,13). О, незлобие, свойственное только одному Господу! На небе херувимы и серафимы, не дерзая взирать на чрезмерную Его славу, закрывают лица свои крылами, как бы руками; а на земле, когда руки беззаконных держали плоть Его, Он терпел. Видите ли, сколь долготерпеливого и человеколюбивого Владыки вы сделались рабами? Будьте же и вы к врагам своим, к подобным вам рабам, такими, каким, видите вы, был Господь к врагам Своим. И вы будете созваны на духовную вечерю; и вы будете совозлежать вместе с Владыкой: да не окажется же между вами кто-нибудь Иудой по нраву; все приступите в тишине и с миром; все прибегнем к Спасителю с чистой совестью. Он есть пост и пиршество верных, Он – питатель и пища, Он – пастырь и агнец. Ему слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Беседа приписывается Златоусту. О времени произнесения нет сведений.

[2] Предместие Антиохии.

[3] Перев. проф.Юнгерова. В синод. пер. "**угасли**" – ред.

Творения

св. ИОАННА ЗЛАТОУСТА,

считаемые сомнительными

Принадлежность нижеследующих бесед св. Иоанну Златоусту подвергается сомнению на основании главным образом особенностей слога.

БЕСЕДА В ПАМЯТЬ СВ. ВАССА

сказана об ужасах, и на слова: "научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем" (Мф. 11:29).

Так как на вас, христолюбивые, обыкновенно течет такой обильный источник поучений, и теперь чрез предваривших нас священников и учителей была уже предложена вам богатая духовная трапеза, то нам следовало бы придержать бедные росинки наших речей, тем более, что нас одолевает и долговременное телесное нездоровье, и слабость голоса, и притом еще заботы, одна за другой. Но так как и вас одолевает ненасытимая жажда слушать о божественном и вы побуждаете нас говорить, то, при помощи благодати Спасителя, предложим вашей кротости в кратких словах полезное и соответствующее времени. Думаю, прилично и для нас говорящих, и для вас слушающих – путем рассуждения приобретать для самих себя лучшее и полезное. Преподобный и многохвальный мученик и епископ Васс, сегодня составивший нам это торжество, уже обладает наградами за свои подвиги, вовсе не требует прибавления похвал от нас, но сам постоянно совершает о нас молитвы ко Господу, потому что чрез подвиг мученичества он и дерзновение пред Ним приобрел и получил от Нсго венец бессмертия, который Христос предуготовал и другим верующим. Обильны, по божественному апостолу, дары Владыки, Который и в древности раздавал дары мучеников искренно призывавшим Его, и особенно ныне, когда вскоре предстоит нам годичное воспоминание бывших ужасов и человеколюбивый гнев той страшной угрозы призывает нас к славословию. Мы видели поистине гнев, блистающий человеколюбием, когда опоясаны были страхом землетрясений, когда видели колебавшуюся тварь, когда потрясалась сильно земля, а Господь не оставлял Своего милосердия, когда мы ожидали горькой кончины, когда думали, что домы внезапно сделаются гробницами, когда, объятые землетрясением, мы не находили ни места, ни способа убежища, когда, достигнув полудня, не надеялись увидеть вечер, когда сверху висел меч, а снизу укреплялось с молитвой благотворение, когда народы единогласно взывали: помилуй, и Господь преклонился на милость, так как Он, взором потрясающий, рукой подкрепил трепещущую тварь. Но почему не сказать кратко: когда, "**если бы Господь**" Саваоф "**не помог**" нам, "**вскоре вселилась бы в ад душа**" наша (Пс.93:17)? Подлинно, кого не изумляет величие человеколюбия Спасителя? Чьи умы не побуждает к благодарности то, что случилось тогда, и не только тогда, но и то, что после, и то, что случилось с нами недавно? Он потряс твердыни земли, поколебал основания зданий; дома кидало, как барки в волнах моря; только обратил Он взор судии, и мы все заколебались, подобно находящимся на воде.

Велик страх, но много больше страха Его человеколюбие. Поколебав тварь, Он не ниспроверг ее; потрясши все, не сравнял с землей, не лишил землю красоты тварей. Он поколебал кровли только для нашего памятования и не привел нам даже и отведать погибели. Такова бездна милосердия Его к нам! Даже и основания земли Он потряс, как пекущийся об нас, как любящий милосердно. Он видел нас преступными и преогорчевающими; видел любящими хищения; видел "**присоединяющими дом к дому и село к селу приближающими, чтобы отнять что-нибудь у ближнего**[1]" (Ис.5:8); видел "**не милующими**[2] **сирот и к суду вдовиц не прислушивающимися**" (1:23); видел, как учители поступают вопреки тому, что говорят; видел, как ученики оскорбляют церковное благочиние зрелищными беспорядками; видел, как мы проводим жизнь в злобе и ненависти; видел, как мы коварство соединяем с ненавистью; видел, как мы бурями притворства топим простейших людей, как малые лодки; видел, как мы намеренно убиваем; видел, как мы обижаем, сколько можем; видел, как любовь терпит крушение, а обман благополучно плавает в море жизни; видел, как мы отвергаемся истины и прибегаем ко лжи; сказать кратко: видел, что мы служим более мамоне, нежели Господу, – и потряс землю, как наставника нам, детям, и явил нам чувства нежнолюбящей

матери, которая часто, желая своего грудного младенца, без пути плачущего, отучить от такой привычки, сильно потрясает малую колыбель его, не для того, чтобы поразить, но чтобы устрашить малютку. Так точно и Владыка всех, держа в руке Своей вселенную,

потрясает ее не для того, чтобы ниспровергнуть ее, но чтобы обратить к спасению живущих беспорядочно.

2. И пусть никто не укоряет нас, что мы сравнили Господа с нежнолюбящей матерью, когда сам Господь сравнил Себя с птицею, сказав в Евангелиях: "**Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих, и вы не захотели!**" (Мф.23:37;Лк.13:34). Итак, Человеколюбец поколебал бездушную землю, чтобы удержать одушевленную от беспорядочного движения; угрожал смертью телесной, чтобы мы остереглись от погибели душевной. Видишь ли, христолюбивый, как велико милосердие к нам Творца? Видишь ли угрозу, блистающую человеколюбием? Видишь ли милость, опережающую негодование? Видишь ли приговор, побеждаемый благостью? И это нисколько не странно: Он и ныне тот же кроткий и человеколюбивый Владыка наш, постоянно пекущийся о нашем спасении, Который в евантелиях ясно взывает, как было читано нам недавно: "**придите, научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем**" (Мф.11:28-29). О, как велико снисхождение Создателя, а созданный не благоговеет! Придите, научитесь от Меня, когда сам Владыка приходил для утешения падших рабов. Таков к нам Христос: оказывает милость, когда следовало бы казнить грешника; когда следовало бы уничтожить род прогневавших Его, говорит виновным кроткие слова: "**придите, научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем**". Бог смирен, а человек высокомерен; Судия кротов, а подсудимый горд; Художник говорит голосом бедняка, а глина разговаривает, как царь. Приидите, научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем. Вас не убедило предшествовавшее, не пристыдило последующее и бывшее недавно, каким образом и тогда, и ныне, потрясши тварь, Он опять утвердил ее, помиловав. Итак, "**придите, научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем**", Он имеет не бич поражающий, но естество врачующее.

Придите и посмотрите неизреченное человеколюбие. Кто не любит господина, который не бьет? Кто не удивляется судье, который просит подсудимого? Тебя, конечно, поражает кротость этих слов: Я Создатель и люблю Мое дело; Я художник, и щажу, кого Я создал; если бы Я стал пользоваться Моими почестями, то я не избавил бы падшего человечества, и если бы ему, неисцельно больному, Я не дал легких лекарств, то оно не укрепилось бы; если бы Я не поступал с падшим благосклонно, то он умер бы; если бы только погрозил, он погиб бы; поэтому Я и обложу его, лежащего, пластырями благости; из сострадания премного уничижаюсь, чтобы восстановить падшего. Стоящий не может восстановить низверженного от его паденил, если сам не спустит руки. "**Придите, научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем**". Не хвастаюсь Я словами, но делами доказал вам, что "**Я кроток и смирен сердцем**"; по тому, чем стал Я, пойми это. Посмотри на Мой вид, помысли о Моем достоинстве, и поклоняйся Моему ради тебя снисхождению; рассуди. откуда Я пришел и где беседую с тобой; имея престолом небо, Я стою на земле и говорю с тобой; горе Я прославляюсь, и (здесь), как долготерпеливый, не гневаюсь – "**ибо Я кроток и смирен сердцем**". Если бы Я, сын Царя, не был кротким, то не избрал бы Себе в матерь рабу; если бы Я, Творец невидимого и видимого бытия, не был кротким, то не пришел бы к вам; если бы не был кротким, то не допустил бы Я, Отец веков, обвить меня пеленами; если бы не был смиренным, то не принял бы Я, владеющий богатством всей природы, бедности яслей; если бы не был кротким, то не стал бы Я, на Которого не могуть взирать даже херувимы, жить вместе с бессловесными; если бы не был кротким, то не принял бы Я, плюновением дающий свет слепым, заплевания из беззаконных уст; если бы не был кротким, то не перенес бы Я, освобождающий рабов, рабского заушения; если бы Я не был кротким, то не дал бы хребта моего на бичевание за пленников. Но почему Я не говорю о важнейшем? Если бы Я не был кротким, то не заплатил бы, когда другие должны страдать, а Я нисколько неповинен, за них смертного долга; но Я заплатил, чтобы

и для тех, которые содержатся внизу во аде, разрешить приговор осуждения, так как Я не только Царь живых, но и Владыка умерших. Поэтому Я и прошел тот и другой путь домостроительства; явился человеком, был и мертвым на малое время, чтобы всем, и под землей сущим, уделить дар Моего нетления. Приидите, научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем. Уничижение Мое – от произволения, а не от естества; существо имею Я неприступное, помышление – постигающее все. Приидите, научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, а не достоинством; Я умерен по произволению, не по могуществу: по могуществу Я страшен для ангелов, по произволению смирен для людей. Приидите, научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем. Я говорю сообразно не с тем, что Я есмь, но беседую сообразно с Моим милосердием; больше властя Я люблю благость. Я, говорящий это тебе, Царь; велика сила Моя, но Я не поражаю твою немощь присущим Мне могуществом. Не говорю: приидите, научитеся от Мене, что Я – Владыка, Господь твари, "**призирающий на землю, и она трясется**" (Пс.103:32), Который "**измерил небо пядью и землю**" держит ладонью[3] (Ис.40:12), но: "**Придите, научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем**". Так Я кроток: ты согрешил, а Я потерпел бичевание; так добровольно Я смирен: пришел Я, Владыка, освободить тех, которые в рабстве, они же Меня, Освободителя, били по ланитам, и рабы распяли Меня, а Я, при этом, умоляя за них Отца Своего, говорил: "**Отче! прости им, ибо не знают, что делают**" (Лк.23:34), Итак, "**Придите, научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем**"; приидите, умоляю и прошу, не стыжусь умолять, предпочитаю призывать своих рабов, чтобы не быть вынужденным наказать, "**Придите, научитесь от Меня**" кротости прежде, нежели увидите от Меня страшное; придите, ныне Я врачую, а чрез краткое время требую отчета. Я ныне щажу, а мало спустя произношу приговор; ныне Я человеколюбив, а немного после явлюсь праведным Судией. "**Придите, научитесь, ибо Я кроток и смирен сердцем**". Или почтите кротость, или устрашитесь могущества. "**Придите**", предстаньте "**пред лицем**" Моим[4] "**во исповедании**", (Пс.94:29), потому что такое смирение Мое ограничено известным временем.

3. Одна лишь настоящая жизнь, есть проявление Моего долготерпения; придет время, когда затворится дверь этой Моей благости; придет время, когда льющиеся слезы грешников не принесут пользы; придет время, когда отовсюду звучащие трубы объявят Мое второе пришествие, когда ангелы, пролетая всю землю, представят на суд мириады мертвых, когда будет поставлено Мне седалище судии и Я приду на горних силах, когда начала и власти будут сопровождать Идущего, когда светила царства Моего озарят весь мир, когда книги житейских дел каждого откроются, когда (настанет) точное исполнение законов и точный расчет за дела, когда подсудимый будет стоять, имея защитниками себе одни только дела, когда мысли будут обвинять и совесть обличать, когда злые духи (будут стоять), внимая словам Судии, когда печь будет ожидать приговора этого Судии, когда слово: помилуй, наконец, бесполезно взывающему. Итак, приидите прежде, нежели Я затворю двери Моего милосердия; прежде, нежели закончится скоро торжество жизни; прежде, нежели минует зрелище житейское, так как назначенный срок кончины – при вратах. Приидите прежде, нежели Я начну судить, – так как если Я предварю, воссевши производить суд, то уже не буду миловать. Поэтому Я и представил ясный пример неразумных дев, светильники жизни которых, не имевшие елея правды, погасли, – как заключены были для них двери брачного чертога, и как на стук их отвечал Я извнутри: "**не знаю вас**" (Мф.25:12), предуказывая слово к грешникам на суде. Итак, братия, если мы научились из слов Спасителя благости Господней, то не будем невнимательны к Судии, человеколюбиво говорящему прежде суда, не потеряем времени раскаяния, облечем свои души добрыми делами и милостынями. Пусть каждый из нас приобретет уже себе необходимое для вечной жизни, а от пагубных дел отстанем. Если мы сохраним при добрых делах веру непоколебимой, то вместе с нами пребудет непоколебимой и тварь. Украсим наши души целомудрием, и приобретем себе прочно неоцененный перл

чистой веры; прежде, нежели прекратится время нашей жизни, прежде нежели вид мира, и цвет славы, и все приятности земные уничтожатся, будем угождать неподкупному Судии. Сам Он говорит: "**живу Я, говорит Господь: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился и жив был**" (Иез.33:11). Если бы Он желал наказать грешника, то молчал бы; Он хочет миловать, и потому увещевает; щадит, и потому убеждает; Он устрашает тебя предсказанием, чтобы предотвратить от тебя действительную опасность. Когда Бог угрожает, то хочет спасти; а когда молчит, то предполагает наказать. Мы научены этому из примеров. Он угрожал ниневитянам, и пощадил; молчал о содомлянах, и наказал. Он приготовил венцы, если мы сами на себя не навлечем мучений. Он хочет упразднить геенну, закрыть темницу мрака, хочет весь свой гнев оставить для одного диавола, хочет сесть Судиею не для того, чтобы кого-либо наказать, но чтобы всех увенчать. Итак, имея такого Владыку, поспешно схватим, исполненный благости, голос, послушаемся говорящего: приидите, научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, чтобы нам удостоиться услышать и тот вожделенный и блаженный голос, который скажет: "**приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам**" (Мф.25:34), которым да сподобимся наслаждаться все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Здесь пришлось переводить с Септуагинты, т.к. у Юнгерова этой книги нет, а синод.пер. не совпадает со славянским – ред.

[2] В септуаг.: "ου κρίνοντες"="не судящие" – ред.

[3] В Библ.: "**измерил небо пядью и землю горстью**" – ред.

[4] В Библ.: "**предстанем пред лицем Его**" – ред.

СЛОВО

Об апостоле Петре и пророке Илие.

Немного сегодня присутствующих с нами: какая причина этому? Мы совершаем память мучеников, а никто не пришел к нам. Не отдаленность ли пути была причиной их нерадения? Но, скорее, не отдаленность пути, а нерадение им воспрепятствовало. И как для ревностного и бодрого волей человека ничто не может служить помехой, так нерадивому и ленивому все может помешать. Мученики пролили свою кровь за истину, а ты не хочешь перенести и краткого пути? Они положили голову свою за Христа, а ты не желаешь даже выйти за город для Владыки? Владыка умер за тебя, а ты оказываешь нерадение к Нему? Ныне память мучеников, а ты предаешься лености и беспечности? Тебе надлежало придти и посмотреть, как диавол одолевается, мученик побеждает, Бог прославляется и церковь увенчивается. Но вот их предлог; я грешен, говорят они, и не могу придти. Да потому именно и приди, что ты грешен, дабы тебе не лишиться праведности. Кто из людей без греха, скажи мне? Но для того и существуют жертва и церковь, для того молитвы и посты, что есть много ран душевных: поэтому и найдено много врачебных средств против них, и против каждой раны душевной приготовлено соответственное врачество. Ты имеешь церковь, приносящую жертвы, молитвы отцов, помощь Святого Духа, службы в память мучеников, сонм святых и многое такое, что

может воззвать тебя от греха к праведности; но ты не прибег к молитве мучеников: какое же у тебя извинение? Никакого несчастия нет у тебя, и однако ты нашел препятствия к тому, чтобы показать единомыслие (с нами) ло отношению к мученикам. Не житейские ли заботы удержали тебя? В этом еще больше вины. Малого часа ты не уделил Богу, чтобы потом пользоваться целым днем? Я грешник, скажешь, и не могу сделать этого. Но потому и приди, что ты грешник; или ты не знаешь, что и сами предстоящие пред жертвенником подвержены грехам, так как и они облечены плотью, сопричастны крови и составлены из костей, – что и мы сами, которые сидим на седалище и учим, подвержены грехам, хотя и не отчаиваемся в человеколюбии Божием и не приписываем Ему бесчеловечия, так как все мы – люди, составленные из одного и того же. И однако мы не перестаем учить, взирая на бездну человеколюбия Божия. Вы, согрешившие, даже не столь виновны, если приходите сюда, потому что вы учитесь, а мы чем больше имеем преимущества по сану, тем большему подлежим обвинению: иное дело – грешить учащемуся, а иное – учащему. И однако мы не отказываемся от этого, чтобы под предлогом смирения не предаться беспечности. И это произошло по распоряжению Божию, – что и сами священники подвержены грехам. А как это, послушай. Если бы сами учители и священники не грешили и не были причастны страстям житейским, то они были бы бесчеловечны и немилосердны в отношении к другим: посему Бог устроил, что и сами священники и начальники бывают рабами страстей, дабы в том, чем сами страждут, они оказывали снисхождение другим. И всегда, не только ныне, но и в древности, Бог устроял так, что тем, которым Он благоволил вверять церковь и народ, Он попускал подвергаться грехам, дабы они от своих падений делались человеколюбивыми к другим. Если бы сами они не грешили, то не стали бы оказывать никакого снисхождения к грешникам, но, сделавшись бесчеловечными, всех стали бы отлучать от церкви. А что это действительно так, и я говорю это не по догадке, постараюсь объяснить наглядным примером. Петру имели быть вверены ключи неба, и имело быть вверено множество народа. Что говорил ему Господь? "**Что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах**" (Мф.16:19). Петр был иногда слишком строг; а если бы он был и безгрешным, то какое снисхождение могли бы получить от него поучаемые им? Поэтому божественная благодать попустила и ему впасть в грех, дабы в том, чем сам он страдал, он был снисходителен к другим. И посмотри, кому она попускает впасть в грех: этому Петру, верховному из апостолов, непоколебимому основанию, несокрушимому камню, первому в церкви, необуреваемой пристани, непоколебимому столпу. Тот самый Петр, который говорил Христу: "**хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя**" (Мф.26:35), Петр, который по божественному откровению исповедал истину: "**Ты - Христос, Сын Бога Живаго**" (Мф.26:16), в ту ночь, в которую был предан Христос, когда вошел и стал у костра, чтобы греться, и когда, повествует евангелист, приступи к нему едина рабыня, глаголющи: и ты был еси "**подошла к нему одна служанка и сказала: и ты**" вчера был с этим человеком, – этот Петр отвечал: "**не знаю Сего Человека**" (Мф.26:69,72). Недавно ты говорил: "**надлежит мне и умереть с Тобою**", а теперь отрицаешься и говоришь: "**не знаю Сего Человека**"? О, Петр, это ли обещал ты? Еще не видел ты ни пыток, ни бичей, а только услышал слова ничтожной рабыни, и прибег к отрицанию. Ты, Петр, отрицаешься? Еще не было ни мучений, ни бичей, ни ударов, ни ярости, ни владык, ни изощренных мечей, ни изданных постановлений, ни угрожающих царей, ни приближающейся смерти, ни темниц, ни пропастей, ни моря и ничего подобного, и ты отрекся: не знаю человека? Опять рабыня говорит ему: и ты вчера был с этим человеком, а он отвечает ей: не знаю человека, о котором ты говоришь. Кто же тот, что говорит тебе: отрекись? Не из важных кто-нибудь, а женщина, притом привратница, отверженная, пленница, не заслуживающая никакого внимания, – она говорит: отрекись. О, необычайные дела! Рабыня заставила отречься Петра; блудница, подошедшая к Петру, смутила его веру; Петр, этот столп, не выдержал угрозы (рабыни), но, как только она сказала, и этот столп поколебался и эта твердыня

потряслась. Кого видишь ты, Петр, что отрицаешься? Ничтожную рабыню и презренную привратницу; ее видишь и отрицаешься? И еще в третий раз сказали ему: и ты вчера был с этим человеком; он же отрекся и в третий раз.

Тогда наконец Иисус, взглянув, напомнил ему сказанное; и он, уразумев, начал плакать и каяться во грехе. Так человеколюбивый Господь попустил ему впасть в грех, зная, что он, как человек, подвергался человеческому; но, как я выше сказал, это устроено было потому, что ему имело быть вверено множество народа, чтобы он, оставаясь строгим и безгрешным, не был немилосерд к своим братиям. Он впал в грех, чтобы, помышляя о собственном прегрешении и прощении Владыки, оказывал другим милость человеколюбия, по божественному устроению, согласно с волей Божией. Таким образом попущено было согрешить тому, кому имела быть вверена церковь, столпу церквей, пристанищу веры: Петру, учителю вселенной, попущено было согрешить, чтобы это попущение послужило поводом человеколюбия к другим. Но для чего я сказал это? Для объяснения того, что и мы, священники, седящие на седалище и поучающие, связаны грехами. Потому и не вверено священство ни ангелу, ни архангелу, – так как они безгрешны, – дабы по строгости они внезапно не поражали молнией грешников из народа; но человеку, рожденному от человека, вверено это седалище, и он сам подвержен похоти и греху, чтобы, встретив какого-нибудь грешника, он вследствие собственных прегрешений был более человеколюбивым к этому грешнику. Подлинно, если бы священником был ангел, то он, встретив какого-нибудь прелюбодея, тотчас умертвил бы его, не будучи сам причастен такой страсти. Поэтому, если бы ангел получил власть священства то он не учил бы, но тотчас умертвил бы, так как, не будучи сам таковым, он воспламенялся бы гневом против такого человека. Но потому она вверена человеку, чтобы он, сознавая свои прегрешения и имея опыт, был снисходителен к грешникам и не раздражался гневом, и чтобы церковь не оскудела чрез такой образ действий.

2. Но что я ограничиваюсь Петром, излагая этот предмет, и ни одним словом не делаю перехода к другому лицу? Представим же теперь другого, именно Илию, пророка, земного ангела и небесного человека, ходившего по земле и управлявшего небесной колесницей, бывшего ростом в три локтя и достигавшего до великой высоты, поднявшегося до самых сводов небесных, повелителя вод, которого язык был хранилищем вод и ключем небес; он был и беден и богат, и простец и мудрец: беден потому, что ничего не приобретал, богат потому, что в устах своих содержал дождевые облака. И он был так строг к грешникам, что некогда молился, чтобы Бог не давал дождя. И что он говорил? "**Жив Господь**", говорит, "**в сии годы не будет дождя, разве только по моему слову**" (3Цар.17:1). Что делаешь ты, Илия? Что ты объявляешь? Помолись же Владыке, и таким образом исполни слова: жив Господь, аще будет дождь, точию от уст словесе моего. Где еретики, которые рассуждают о том, что Сын Божий молится? Несчастные, жалкие и бесстыдные! Вот Илия определяет; а Сын молится? Раб повелевает; а Владыка просит? Неужели, ты не уделишь Ему такой же чести, как Илие? Неужели не хочешь даровать Владыке такого же достоинства, как рабу? Илия не молится и не просит, а изрек слово истины и заключил небо. Молись же прежде ты, Илия. Но что же Илия? Знаю, говорит он, что Владыка мой послушает меня, потому что я делаю это по ревности. О, необычайные и дивные дела! Видишь ли Господа, побеждаемого благоизволением раба? Илия сделал это по великой ревности. Он видел много непристойных дел, видел блуд, царящий вместе с великим нечестием. Ночь обнимала всю вселенную; густейшее облако покрывало все; все погрязали во зле; было всеобщее кораблекрушение, не от воды, а от распутства; целомудрие изгонялось, а разврат торжествовал; добродетель преследовалась, а порок процветал; холмы, горы, покрытые лесом долины, пути, водохранилища и воздух осквернялись; солнце помрачалось от дыма, земля делалась нечистой, небо унижалось, все твари страдали от идолослужения; все блуждали, как во мраке, не вникая в существо

тварей: видели камень, и поклонялись ему, как Богу; видели дерево, и также почитали его за Бога. Густейший мрак объял людей: видели Творца, и поклонялись тварям. Один только Илия обладал светильником добродетели, возвышаясь любомудрием, как бы сидя на вершине горы, и упражняясь в нем; он один имел светильник благочестия, хотя свет его никому не приносил пользы, потому что люди находились в бесчувственном состоянии и предавались идолослужению. Поэтому Илия выходил из себя, терзался, сетовал, говорил речи, но никто не слушал; он увещевал, но никто не переставал; наконец, побуждаемый ревностью, он хочет привлечь их и вразумить, чтобы, хотя истощаемые голодом, они обратились с молитвой к Создателю, чтобы голод сделался для них побуждением к благочестию. Ничто не может вразумить их, говорил он, кроме голода; таким только образом, стесняемые со всех сторон, они прибегнут к Творцу всех. Итак, что же Илия? «Жив, говорит, Господь, аще будет дождь, точию от уст словесе моего. Произнесено было слово пророка, и тотчас воздух изменился; небо стало медным, не природу свою изменяя, но будучи задержано в своей деятельности; стихии тотчас преобразовались. Слово пророка пало, как огонь, в недра земли, и вдруг все начало засыхать, все пустеть, все исчезать; тотчас увидели, как травы начали сохнуть, растения и деревья, плодоносные и бесплодные, находившиеся как на полях, так и при море: все сохло, всякого возраста одушевленные твари погибали, – и был плач детей, рыдание матерей и великое отчаяние. Произнесено было одно слово пророка, и посмотри, сколько оно сделало. Таким образом все умирало – дикие звери, скот, дети, взрослые, животные и все птицы, было всеобщее кораблекрушение, и бедствие объяло вдруг всю землю; никто не мог спастись, но все умирали от засухи, высыхали растения, источники, реки, озера, и все вообще погибало; всеобщее кораблекрушение объяло всю землю, но не от воды, а от засухи; небо сперва было связано, наконец, совсем заключено и совершенно изменило свойства свои. Итак, все умирало и погибало от гнева, нисшедшего свыше; а Илия не заботился ни о чем, потому что он был переполнен ревностью. Тогда погибал всякий и незрелый возраст. Чго же делаешь ты, Илия? Пусть согрешили юноши: зачем же наказываются дети? Пусть согрешили люди: зачем же вместе с ними умирают животные? Ужели ты в такое облекся немилосердие? Ты не заботишься ни о ком из людей; ты не имеешь ни жены, ни детей; ты не обращаешь внимания на погибающих. Что же ему Бог? "**Пойди**", говорит Он, "**и скройся у потока Хорафа, а воронам Я повелел кормить тебя там**" (3 Цар.17:3-4). Опять я с удовольствием стал бы говорить с иудеем, вызвав его на средину, чтобы показать ему, что закон уничтожал писанное в законе и сам в себе не заключал ни постоянства, ни праведности, так как он был не истиной, а тенью: там была тень, а здесь истина; там прообраз, а здесь самое дело. Илия, которого ты почитаешь, которого пришествия ты ожидаешь, о котором много ты говоришь, которого ты называешь пророком, – как он принимал пищу от ворона? Ворон по закону нечист; так закон объявил, что ворон нечист. Как же пророк принимал пищу от нечистого ворона? Если закон называл ворона нечистым, то, конечно, становился нечистым и тот, кто принимал пищу от ворона. Однако этого не было; нет, не могло быть; и Илия принимал пищу от ворона, не считая ни одного из созданий Господа нечистым. Потом, по прошествии некоторого времени, когда поток наконец высох, Бог посылает пророка для снискания пищи. "**Пойди**", говорит Он, "**в Сарепту Сидонскую, Я повелел там женщине вдове кормить тебя**" (3Цар.17:9). Это сделал Бог с особенным намерением. Так как Илия не знал того, что совершалось (он сидел в одном месте и не видел всеобщего бедствия, как все высохло, и озера, н источники, и реки, и растения, и дерева, молодые и старые, плодоносные и безплодные, находящиеся при источниках и при озерных водах, как погибали птицы, и все прочие животные, умирали дети, рыдали матери, не видел этого всеобщего бедствия), – то Бог воздвигает его и повелевает ему пройти огромное пространство земли оттуда до Сидона, чтобы Илия, увидев происходившее, обратился к Владыке с молитвой о даровании дождя. Таким образом, Бог посылает его в длинный путь не потому, чтобы Он не мог питать его там, но желая показать Илие бедствие, чтобы он

помолился о дожде. Конечно, Бог мог сделать это и без него, но Он не хотел оскорбить своего раба, явив его виновником зол, а Себя самого – виновником благ, и ожидал молитвы раба. Однако тот не смягчился и этим, но впал в какое-то безумие и совершил путь, облеченный жестокостью и ни на кого не обращая внимания, потому что он был, как я сказал, переполнен ревностью. Для чего безумствуешь ты, Илия? Для чего облекся ты таким бесчеловечием? Подожди немного, и ты сам будешь обличен во грехе. За грехи жителей ты призвал засуху, заключил небо, надел узду на землю, остановил течение природы, и не хочешь помолиться о прекращении этого? Спустя немного времени и сам ты будешь обличен во грехе и получишь помилование от твоего Владыки, чтобы тебе сделаться более человеколюбивым к подобным тебе рабам.

3. Я стал сегодня говорить об этом для того, чтобы показать, что священником поставлен не ангел, но человек, рожденный от человека, дабы от безгрешного не были истребляемы грешники. Если бы священником был безгрешный ангел, то он немедленно наказывал бы согрешающих; потому и поставлен человек, дабы он был снисходителен к подобострастному, от собственных страстей получая напоминание о соучастниках своей природы. Потом мы изложили, что Бог попускал и великим мужам, которым вверял множество народа, впадать в грех и даровал им прощение, чтобы они, после того вразумившись этим, сами были более человеколюбивыми. Привел я в пример и Петра апостола, которому было попущено впасть в грех, но который покаянием изгладил этот грех по человеколюбию Божию. Теперь мы возвратимся к Илие и покажем бездну его великих дел, и то, как Бог желал оказать человеколюбие, а Илия не оказывал человеколюбия; Бог хотел послать дождь, но ожидал молитвы от раба. Что же? Илия прошел весь путь, пришел в Сарепту Сидонскую и увидел одну вдовицу, собиравшую дрова. Впрочем заметь любомудрие и веру Илии. Опять открылась другая бездна его добродетелей.

Не сказал он Богу: к кому Ты посылаешь меня? Зачем заставляешь меня переносить такие опасности и посылаешь меня ко вдовице на крайний голод? Разве нет других людей более богатых, которые в состоянии облегчить мою бедность? А я предпринимаю столь далекий путь, чтобы встретить вдовицу в самом средоточии бедствий, и не только вдовицу, но и бедную? Обрати внимание, как ничего такого не сказал слуга Божий, потому что надеялся на своего Владыку, который из невозможного делает возможное. "**Пойди**", сказал Он, "**в Сарепту Сидонскую. И вот, там женщина вдова собирает дрова**" (3Цар.17:9-10). Для чего же ты идешь дальше, Илия? Для чего прибегаешь к вдовице? Ты видишь преддверие бедности, – не спрашивай о степени нищеты; ты видишь вход (в обиталище) бедности, – не спрашивай о том, что есть внутри. Куда входишь ты, Илия? Ты видишь собирающую дрова, и просишь у ней пропитания? Однако он, имея залогом слово Владыки, пошел и вступил в беседу со вдовицей. Что же говорит он? "**Дай мне немного воды напиться**" (ст. 10). Видишь ли мудрость Илии, как он не вдруг начал с большего, но наперед с того, что менее дорого (стоило)? Не сказал он: дай мне хлеба, но: принеси ми воды. Прежде он просит воды, полагая, что, если она имеет воду, то может иметь и хлеб. Принеси ми, говорит, мало воды. Вдовица пошла и принесла ему, и он напился. И, таким образом получив надежду, он говорит: "**возьми для меня и кусок хлеба поесть**" (ст.11). Она отвечает ему: "**жив Господь Бог твой! у меня ничего нет печеного, а только есть горсть муки в кадке и немного масла в кувшине; и приготовлю это для себя и для сына моего; съедим это и умрем**" (ст.12). Что же Илия? "**Пойди**", говорит, "**прежде сделай небольшой опреснок для меня и принеси мне; а для себя и для своего сына сделаешь после**" (ст.13). Что делаешь ты, Илия? Пусть будет так, ты хочешь хлеба; почему же требуешь себе особо и прежде? Не должен ли ты благодарить, если будешь есть вместе с детьми? Ты хочешь один быть сытым, а детей уморить голодом? Я хочу, говорит он, не уморить, а облагодетельствовать. Я знаю щедрость моего Владыки.

Вдовица же не смутилась, не подумала ничего непристойного и не сказала: ты произвел этот голод, и остатками от голода хочешь напитаться у меня? Не сказала: ты прошел столько стран и пришел ко мне уморить голодом моих детей, будучи сам виновником голода? Но эта жена, достойная Авраама, пошла и сделала по слову пророка; и можно было видеть, как вдовица оказалась гораздо гостеприимнее самого Авраама. Тот, будучи богатым, угостил ангелов; а эта, ожидая смерти от голода, угостила пророка. Можно было видеть, как была презрена природа и почтено гостеприимство; можно было видеть, как отвергнута была утроба и принят пророк; весь сонм детей она положила во гроб, потому что, сколько зависело от произволения вдовицы, они уже мертвы, но по человеколюбию Божию продолжают жить и укрепляться в силах. Я не знаю, как мне восхвалить эту вдовицу: как она презрела детей и оказала гостеприимство, как не оцепенело самое естество ее, как не извратилась утроба, как не расторглись внутренности при виде целого сонма детей, имевших погибнуть от голода. Но она была выше всего этого и оказала гостеприимство пророку. Когда же пророк получил хлеб и вкусил, то потом воздал награду; вдовица посеяла гостеприимство, и тотчас пожала колос этого гостеприимства. Что говорит ей Илия? Жив Господь, "**мука в кадке не истощится, и масло в кувшине не убудет**" (ст.14). И сделалась правая рука вдовицы точилом, а левая гумном и снопами, в нужде приносившими плод и по слову пророка питавшими вдовицу. Дом вдовицы стал точилом и гумном; не роса, не дождь, не весна, не осень, не лето, не зной. не сила ветров, не перемена времен, а только одно слово, сказанное пророком и притом произнесенное по его собственному решению, доставляет изобилие вдовице.

Потом отсюда, – скажу кратко, – пророк пошел к царю Ахааву. Я говорю теперь о великих делах его для того, чтобы ты, увидев его согрешившим, познал благодать Божию, исполненную человеколюбия. Итак, что же говорит ему Ахаав? "**Ты ли это, смущающий Израиля?**" Пророк отвечает ему: "**не я, а ты и дом отца твоего**" (3Цар.18:17-18). Видишь ли дерзновение пророка, как он обличил царя? Затем, когда он сидел на горе и пришел к нему пятидесятник и сказал: "**человек Божий! царь зовет тебя: сойди**", пророк отвечает ему: "**если я человек Божий, то пусть сойдет огонь с неба и попалит тебя и твой пятидесяток**" (4Цар.1:9-10). Потом в другой раз другой пятидесятник сказал: "**человек Божий, сойди, царь имеет нужду в тебе**" (ст.11). И что же ему Илия? "**Если я человек Божий, то пусть сойдет огонь с неба и попалит тебя и твой пятидесяток**" (ст.12). После того еще, когда он пришел на условленную молитву, то призвал нечестивых жрецов Ваала и сказал им: станем молиться, – и присовокупил: устройте особый жертвенник, и изберите два вола и возложите на дрова одного, и огня не подкладывайте, тоже и я сделаю; "**и призовите вы имя бога вашего, а я призову имя Господа Бога моего. Тот Бог, Который даст ответ посредством огня, есть Бог**" истинный (3Цар.18:23-24). Тогда нечестивые жрецы устроили жертвенник и начали призывать Ваала, говоря: "**Ваале, услышь нас!**" (ст.26). Долго продолжалась их молитва, но никто не внимал им, ибо "**не было ни голоса, ни ответа**"; между тем Илия долготерпеливо ожидал, пока они молились. Когда же он увидел, что, не смотря на великое их старание, никто не слушал их, то, посмеваясь над ними, говорит, "**кричите громким голосом, может быть, спит**" бог ваш (ст.27). Наконец, когда уже был полдень и уходило время, он говорит им: "**теперь отступите, и я сотворю жертву мою**" (ст.29), – и устроил жертвенник, положил на него дрова и сказал: "**принесите воды**" вокруг алтаря, и принесли: "**Повторите. И они повторили, сделайте в третий раз. И сделали в третий раз**" (ст.34). Но обрати внимание, почему Илия делает и это. Потому, что обман обыкновенно присвояет себе свойственное истине, как, например, поступают распутные женщины, предупреждая и называя блудницами честных женщин, чтобы те не имели чем наоборот укорить их.

4. Впрочем, Илия и при этом случае поступает мудро. Почему? Но я хочу сказать то, чему сам я был очевидцем. В жертвенниках идольских бывают отверстия в нижней части жертвенника, а под ним устрояется незаметная яма; в этой яме скрываются совершители обмана и чрез те отверстия снизу вверх извергают огонь на жертву, так что многие обманываются и считают этот огонь небесным. Поэтому и Илия, дабы не подозревали его в совершении чего-нибудь подобного, налил воду для того, чтобы вода обнаружила, если есть отверстия, так как где вода находит отверстие, там она непременно не останавливается, а уходит. Итак, он наполнил водою жертвенник и стал молиться, говоря: "**послушай меня, Господи, огнем ныне**", ты послушал меня водою, "**послушай меня огнем**"[1] (ст.37). И вот, когда он призывал Его, огонь внезапно нисшел с неба и сжег жертву, и камни, и воду поглотил огонь (ст.38). Что же говорит он народу? "**Схватите пророков Вааловых, чтобы ни один из них не укрылся. И схватили**" и умертвили их, (ст.40) числом четыреста пятьдесят жрецов Ваала и четыреста дубравных. Услышала о случившемся Иезавель, жена Ахаава, "**и послала к Илии сказать: пусть то и то сделают мне боги, и еще больше сделают, если я завтра к этому времени не сделаю с твоею душею того, что [сделано] с душею каждого из них**" (3Цар.19:2). Илия, услышав это, обратился в бегство. Где же Илия, столь высокий и великий? Моя цель – показать, что и он впал в грех; говорю: в грех, не осуждая праведника, но желая показать спасительный урок, чтобы ты, когда увидишь праведников согрешившими и однако не отчаивающимися о себе, но сподобляющимися человеколюбия Божия, то, если и сам согрешишь, сильнее надеялся на спасение. Когда Иезавель сказала: сия и да сотворят ми бози, и сия да приложат ми, яко утро положу душу твою, яко же душу единаго от них, то Илия, услышав это, обратился в бегство и бежал сорок дней. О, чрезмерное малодушие! Услышал слово женщины – и обратился в бегство, находясь в пути сорок дней, – не один день, не два и не три, но, как только слово этой женщины достигло до пророка, он от малодушия не знал, что делал, обратившись в такое бегство. Что с тобою, Илия? Ты заключил небо, и остановил дождь, явил власть над воздухом, призвал свыше огонь, заклал жрецов, говорил царю Ахааву: "**ты развращающий Израиля и дом отца твоего**"; ты сказал: "**жив Господь, не будет дождя, разве только по моему слову**"; ты сделал дом вдовицы гумном и снопами, повелевал стихиями, а услышав слова блудницы, обратился в бегство, и одна женщина отвела тебя в плен? Две твердыни были поколеблены женщиною: Петр устрашился рабыни, а этот – Иезавели, оба впали в одинаковые грехи. И бежал Илия сорок дней. Где же та ревность твоя, Илия, когда ты говорил: "**жив Господь, не будет дождя, разве только по моему слову**", когда ты обличал царя Ахаава, когда призывал огонь? Столько сделал ты, и не перенес слов одной женщины? Где та твердость твоя, когда ты не хотел молить Господа твоего, чтобы Он послал дождь на землю? Он ясными знаками говорил тебе: помолись Мне, Который, хотя и без тебя могу дать дождь, но не хочу этого, дабы ты, как был виновником зол, так сделался и начинателем дарования благ. Подлинно ты, Илия, сделал дело, исполненное жестокости; Бог сжалился над бедствием, потому что Он – Творец всего и Создатель всех, равно как и Промыслитель о всем; Он хотел смягчить твое бесчеловечие, но ты оставался при нем. Он говорил тебе: Я знаю происходящее бедствие, слышу вопли матерей, вижу рыдания детей, вижу истребление земли, которую Я создал, и хочу умилосердиться; но не желаю оскорбить тебя и без твоего решения послать дождь, чтобы ты, бывший виновником зол, не остался чуждым благ; Я оказываю тебе честь. О, человеколюбие Владыки, побеждаемое благоволением к рабу! Впрочем, он много думал о себе, как безгрешный; а теперь сам оказался впавшим в грех, так как Бог попустил это с намерением, чтобы он, получив сам снисхождение, не был жестоким к другим. И бежал Илия, говорится в Писании, "**сорок дней**" (ст.8). Где те слова, которые говорил он к пятидесятникам, и которыми низводил огонь и сожигал их? Так Бог хотел показать, что и в то время, когда Илия совершал чудеса, не он сам собою действовал, но сила Божия; и потому, смотри, что происходит. Когда действовал Бог, тогда падали и цари, и начальники, и народ; а когда Бог отступил, то и женщина

показалась страшною; Бог отступил, и природа человеческая была посрамлена. Между тем, после сорокадневного бегства, Илия пришел и спал в одном месте; к нему приходит Бог, попечительный и человеколюбивый Владыка к рабу и что говорит ему? Хотя Он знал, для чего тот пришел сюда, однако спрашивает: "**что ты здесь, Илия?**" (ст.9) – намекая на его бегство, и как бы так говоря: ты убежал; где прежнее дерзновение твое? Научись же – не надеяться на самого себя. "**Что ты здесь, Илия?**". Илия отвечает, но одно имея в уме, а другое выражая словами. Что же говорит Илия? Господи, "**пророков Твоих убили, разрушили Твои жертвенники; остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять ее**" (3Цар.19:10). А что ему Бог? Он тотчас обличает его. Не поэтому убежал ты, Илия, говорит Он, так как не ты один не поклонился Ваалу; и затем, обличая его, продолжает: "**Я оставил семь тысяч [мужей], колени которых не преклонялись пред Ваалом**" (ст.18). Итак, Бог обличил его, что он не поэтому убежал, но убоявшись женщины. Одна женщина сделала изгнанником и беглецом столь высокого и великого мужа, дабы ты научился, Илия, когда совершаешь что-нибудь дивное, приписывать это не самому себе, но силе Божией. Видишь ли, как была посрамлена природа, когда отступила благодать? Илия бежал четыредесять дней. О, сила страха! О, чрезмерность малодушия! Бежал он не один день, не два, не три, но сорок дней, и удалился в самыя пустынныл места, не имея пищи, не запасшись съестными припасами, так как, переполнившись страхом, он не думал об этом, но стремился в места необитаемые. Слово женщины дошло до пророка, и подобно тому, как ветер, сильно ударяя в парус, стремительно несет судно, так и это слово женщины, достигнув до пророка, с великой стремительностью перенесло его в пустыню. Где же, Илия, прежнее твое дерзновение? Где устрашающие уста? Где язык, управлявший дождями? Где тот, который повелевал обеими стихиями, то заключал небо, то призывал огонь на жертву? Но, как я выше сказал, все это делал он по действию благодати: поэтому он и обличается от Бога. Видишь ли, как попущено было ему впасть в малый грех, чтобы облечься в целую одежду человеколюбия? Итак, Илия, наконец ты вразумлен; будь же человеколюбив, как Владыка твой, после того, как ты вразумлен и научен твоим Владыкой. Видишь ли, как Бог попустил впасть в малый грех столпам, оплотам и твердыням? Это для того, чтобы они в случае собственной безгрепшости не отлучали всех от церкви, чтобы они, когда увидят какого-нибудь грешника и захотят оказать по отношению к нему немилосердие, вспомнили о собственной греховности, и оказали ему такое же человеколюбие, какого сами удостоились от Владыки. Это сказали мы не для осуждения праведников, но желая подготовить вам путь ко спасению, дабы вы, когда согрешаете, не отчаивались в своем спасении, припоминая праведников согрешавших, но при помощи покаяния не испытавших умаления своей чести. Мы сказали наперед об их добродетелях, а потом упомянули о грехах. Так и ты, если грешен, не оставляй церкви; и если праведен, также не оставляй ее, чтобы, имея всегда в памяти своей ведение писаний, ты оставался праведным, помня о царстве небесном и тех благах, которые уготовал Бог любящим Его: Ему подобает слава, с Сыном и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Цит. по слав. Библ. – ред.

СЛОВО

о блаженном Аврааме.

Видели ли вы юную седину и цветущую старость? Видели ли мужественного ратоборца, боровшегося с природой и своим сердцем? Видели ли мужа, который в глубокой старости

крепче адаманта? Ослабела крепость его тела, но крепка сила его веры. Таковы дела служения церкви, что слабость тела нисколько не вредит бодрости веры; дряхлая седина, соединенная с окрыленной верой, служит украшением церкви, и этому особенно радуется церковь. Во внешних делах старец бесполезен и ни к чему не способен, но во всем заслуживает извинения, по слабости своей не имея возможности быть полезным в делах необходимых. Например старец не может ни выходить на войну, ни всходить на коня, ни бросать копья, ни обращать щита, ни переносить зноя солнца, ни выносить продолжительности путешествия, ни терпеть жестокости голода и тяжести тревог, но сидит в спокойном месте, находя себе оправдание в седине. То же можно видеть и на кораблях: старец не может ни управлять кормилом, ни рассекать морей, ни действовать веслом, ни поднимать парусов, ни бороться с противными ветрами, ни переносить жестокости холода, ни делать чего-нибудь другого подобного, но сидит в корабле, находя себе извинение в возрасте. То же можно видеть и у земледельцев: старец не может ни влечь плуга, ни проводить борозды, ни укрощать коней, ни удерживать силы мощных волов, ни выносить жара и сильного зноя и тяжести заступа, или чего-нибудь другого нужного в земледелии, но сидит дома, находя себе оправдание в седине. А дела церкви не таковы, – но когда состареются живущие добродетельно, тогда они становятся наиболее полезными, потому что здесь требуется не крепость тела, но сила веры. Таков был Авраам, ослабевший по телу, но сильный по вере. Он был стар, но в глубокой старости боролся с природой и воздвиг великие трофеи победы; был стар, но оказался крепче железа и тверже адаманта. Когда он был в юном возрасте, то не сделал ничего столь славного, но когда прошло время этого возраста, тогда он воздвиг трофей победы; он был в глубокой старости, но старость не была для него препятствием. Поэтому и Бог, зная твердость его, является ему и говорит: "**пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе**" (Быт.12:1). Авраам послушался этих слов, хотя уже был стар и слаб телом, и не сказал сам в себе: куда пойду я в глубокой старости? Как оставлю дом отца моего и землю, в которой я родился, где у меня обилие богатства и знатные родители, где у меня драгоценное имущество и приятное общество друзей? Конечно, при настоящем случае он печалился, но не ослушался; как любящий отечество, он жалел оставить его, но как любящий Бога, повиновался и послушался. И удивительно то, что Бог даже не сказал ему, в какое место (идти), но умолчанием названия испытывал волю его. Если бы Бог сказал ему: я отведу тебя в землю, текущую медом и молоком, то показалось бы, что Авраам не голоса Божия послушался, но предпочел одну землю другой. Итак, Авраам вышел, не зная, куда он идет. Видишь ли седину, почтенную по делам? Таковы, как я прежде сказал, наши дела; ни бессилие старости не ослабляет их, ни время не разрушает их, потому что эта седина не в телах, а в душе; поэтому здесь и нет старости. Таким образом Авраам вышел, не взяв с собой ничего, но еще живя в шалашах; и не предавался неверию и не унывал, потому что имел верный залог – голос Звавшего. Он был бесплоден и не имел детей, равно как и Сарра, жена его, но по обетованию получил сына Исаака; когда отказывала природа, тогда даровала благодать; он получил достойную награду за послушание, но наперед не зная этого, потому что если бы он знал, то не сделал бы ничего достохвального. А дабы тебе убедиться, что он повиновался не для этой награды, посмотри, как он и тогда, когда получил повеление заклать сына, не противится повелению, но отвергает природу и предается любви к Богу, попирает свою утробу и не отступает от Призвавшего его. Что же сказал ему Бог? "**Авраам! Он сказал: вот я. И сказал: возьми сына твоего, которого ты любишь, Исаака; и принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе**" (Быт.22:1-2). Бог даже не объявил ему горы, и умолчанием о горе поверг его в большее уныние; однако ничто не смутило Авраама, или лучше, смутило его, как имевшего человеческие чувства, но не довело до греха; он обуревался волнами, как отец, но не утопал, как любящий Бога; внутренность его горела, но вера победила. Не говори, что Авраам нисколько не страдал; представь, в каком он горел пламени, терзаясь внутренно, и посмотри на его любомудрие.

Он даже и Сарре не сказал о том, опасаясь, чтобы она не воспрепятствовала совершению таинства. Если бы он сказал ей, то она, вероятно, стала бы удерживать его, и сказала бы: куда ведешь ты сына своего, которого я получила сверх чаяния, которого получила за страннолюбие, которого Бог даровал мне в глубокой старости? Куда ты ведешь его? Куда берешь его? Никто не являлся тебе: как можно, чтобы Бог явился тебе и потребовал сына, которого Он дал мне сверх чаяния? Сам даровал и Сам же отнимает? Если Он дал его для того, чтобы отнять, то лучше было бы, если бы не давал, потому что не столько тяжело – не иметь, сколько – получить и потерять. Представь Сарру, разгорячившуюся, воспламенившуюся и растрогавшуюся по побуждению природы, утробу ее терзающуюся и сердце ее волнующееся; женщины чувствительны к этому, и чем она была нежнее и чувствительнее, тем более она стала бы возражать Аврааму, и воспрепятствовала бы жертвоприношению, и таинство не совершилось бы. Чего, в самом деле, не сделала бы Сарра, чтобы отнять сына своего? Она не могла бы допустить, чтобы сын, рожденный сверх чаяния, был умерщвлен, чтобы сын, дарованный ей в самой старости, был заклан, чтобы руки отца совершили детоубийство; не перенесла бы этого Сарра, но произвела бы великую ссору с Авраамом, а за ссорой неизбежно последовала бы какая-нибудь хитрость, а хитрость воспрепятствовала бы совершению таинства. Потому Авраам и не сказал жене, чтобы не произошло противоречия, чтобы от противоречия не дошло дело до ссоры, чтобы после ссоры не случилось раздора за сына, чтобы вследствие раздора за сына не замедлилось исполнение обещания, чтобы в случае замедления в исполнении обещания не употреблено было какой-нибудь хитрости, чтобы от хитрости таинство не осталось не совершившимся.

2. Но любомудрый Авраам, этот ратоборец, сражавшийся с природой, боровшийся с своим сердцем, вооружавшийся против природы, не ослушался, но, повинуясь повелению Божию, выслушал призвание и тотчас взял сына. С удовольствием останавливаюсь я на этих словах: "**возьми сына твоего, которого ты любишь, Исаака; и принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе**" (Быт.22:2); и взял Авраам Исаака, и осла, и двух рабов, и отправился. Потом, когда они дошли до некоторого места, он говорит рабам: "**останьтесь вы здесь, а я и сын пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам**" (Быт.22:5). Здесь Авраам невольно произнес пророчество, при помощи божественной благодати. Ты идешь заклать сына своего, и говоришь: возвратимся?

Так, стараясь скрыть это намерение от рабов, он делается пророком. И положил он дрова на плечи Исааку и, взяв огонь и нож, пошел на гору. Что же Исаак говорит отцу? "**Отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?**" Этот отвечает ему: "**Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой**" (Быт.22:7-8). Вот и второе пророчество. Не могу ни слов пройти, ни действий оставить без внимания. Представь эти имена, имеющие скоро потерять свое существенное значение. Тот называет его отцом, а он называет того сыном; в это время они были действительными именами, но потом имели потерять значение. Представь же, что чувствовал Авраам, когда Исаак, которого он намеревался заклать, называл его: отче. Как не распались его колена? Как не сокрушились его члены? Как он не смутился в уме, услышав это от сына Исаака? Однако он поднял и связал Исаака, и взял нож в правую руку, чтобы заклать сына своего.

О, десница, вооруженная против сына! Не знаю, как изобразить словом это событие. Как не оцепенела рука? Как не выпал нож из руки? Как он весь не ослабел и не изнемог? Как он мог стоять и смотреть на связанного Исаака? Как он тотчас же не пал мертвым? Как продолжали служить ему нервы? Как оставался в действии ум? Не знаю, как изобразить словом это событие. Вы, отцы и матери, соберитесь все, прострите руку, помогите моему

слову; это дело превышает мои силы; простите мне, и подайте помощь сами. Часто иной имеет пять или шесть сыновей и дочерей; но когда один из них сделается болен, то отец ходит около его постели, целует глаза сына, ласкает его руки, считает день ночью и свет мраком, не потому, чтобы изменились стихии, но потому, что горечь печали не позволяет ему наслаждаться ими; расстилаются мягкие постели, подле больного сидят врачи и множество прислужников, а отец весь совершенно изнывает; имеет ли он великое богатство, оно становится ненавистным для него; имеет ли множество забот, оставляет их всех, не в силах будучи ободриться от удручения скорбью, – и весь мир кажется ему страждущим неисцельно этой болезнью. Равным образом и мать ходит вокруг, растерзанная, смущенная и вся в пламени, ища средств – разделить болезнь с сыном, или – лучше – принять на себя всю ее, чтобы страждущее дитя избавилось от болезни. Ничто для нее – настоящая жизнь, ничто для нее – будущая, но всего этого дороже представляется ей как бы принять на себя всю болезнь сына. Не знаю, как изобразить такое страдание. Представь же и Авраама, чувствующего то же самое, и однако любомудрствующего и повинующегося повелению; он попирал природу, и повеление (Божие) было могущественнее его сердца. Он чувствовал как человек, – что и прежде сказал я, – но любомудрствовал, как любящий Бога. И нужно было видеть Исаака, мученика живого и уже неживого, умершего и еще не умершего. По намерению отца он умер, а по человеколюбию Божию не умер. Он был прообразом и подобием Владыки; прообраз совершился – и за ним последовала истина. Затем Исаак связывается, но не закалается, потому что свыше нисшел голос, исполненный милости и человеколюбия, и удержал праотца, который был весь устремлен и готов на заклание, сказав ему: Авраме, Авраме, да не возложиши руки твоя на отрочища"**Авраам! Авраам! не поднимай руки твоей на ребенка[1]**" (Быт.22:11-12). Почему не на отрока, а на ребенка? Почему он так уничиженно называет его? Потому, что это был человек; но нужен был Сын, а не ребенок, не раб, а истинный Сын Единородный, посланный к нам от Отца. "**Не поднимай руки твоей на ребенка**"; довольно совершил ты прообразование; пусть последует истина. И скрывая свое намерение от рабов, Авраам пророчествовал, а (теперь) он видит истину, сбывающуюся по словам его, – что именно он говорит? "**Останьтесь вы здесь, а я и сын пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам**" (Быт.22:5). Сказал он не то, что имел в уме; но случилось так, как сказал, а не так, как он думал. Рабов он оставляет для того, чтобы не быть принужденным поступить против воли Божией, чтобы они не подумали, что он, как старец, одержим какой-нибудь старческой болезнью, и не стали удерживать его стремления к жертвоприношению, говоря: что ты, господин, делаешь? Неужели ты хочешь заклать сына, рожденного по обетованию, возлюбленного, богодарованного, питателя в старости, наследника, преемника твоего, сына Сарры? Рассуди, что ты делаешь, посоветуйся с супругой, участницей рождения, претерпевшей болезни рождения сына, заколи прежде нас, а потом сына. Но мудрый старец не берет с собой рабов, которые могли помешать ему, а заставляет саму жертву нести дрова, чтобы она служила прообразом Спасителя, несущего крест. Неся их и беседуя, сын трогает сердце отца, но не отклоняет его от любви к Богу. Что он говорит? Отец. Представь, каково было это слово: отец. Ведь и мы, когда хотим заколоть ягненка или какое-нибудь другое животное и слышим его блеющего и взывающего к нам тихим, хотя и не членораздельным голосом, жалеем его и оказываем сострадание. Представь же, что сделала бы эта овца, если бы сказала слабому человеку: "**Отец, вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения**" (Быт.22:7)? А здесь сам говоривший был в мыслях отца этой овцой, возбуждавшей в жреце сострадание. Авраам не учился у Христа, Который говорит: "**кто любит отца или мать, или сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня**" (Мф.10:37), и между тем подражал Отцу, о Котором сказано: "**Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас**" (Рим.8:32). Где есть овча? благоразумно спрашивает сын. Что же говорит отец? Бог узрит Себе овча во всесожжение, чадо; не слугу, а Сына. Этот был единородный, и Бог – единородный; этот нес на плечах дрова, и Христос нес на плечах

крест; этот, не сделав никакого греха, имел быть заклан, и Сын Божий, не сделав никакого греха, был распят; этот был и заклан и не заклан, и единородный Сын Божий был и заклан и не заклан, и умер и не умер; этот по намерению умер, а в окончании события не умер, и Сын Божий по плоти умер, а божество Его осталось бесстрастным.

3. Бог, намереваясь совершить великое дело между людьми, всегда предупреждает и предначертывает его в тени, чтобы, когда явится истина, они не усумнились в ней, чтобы, имея в виду предшествующий образ, не остались неверующими истине. Например: пресвятая Дева имела родить; дело было невероятное, – как дева родит вопреки закону природы? Такое рождение не в порядке природы; кто от века видал, чтобы дева родила? Поэтому, чтобы иудеи не впали в великое неверие, Бог предупреждает и предначертывает эту истину в Сарре, чтобы, когда у них родится недоумение, как родила дева, они, вспомнив, сказали лучше, как родила Сарра, или – еще лучше – как родила девственная земля? Плуга еще не было; земледельца, который бы возделывал ее, не было; дождь не сходил; трава на ней не произрастала; борозды на ней проведены не были; она была не возделана, не принимала в себя семян; роса не увлажняла ее. Скажи же мне: как она, быв девственною, произрастила бесчисленные роды растений? Ты не можешь изъяснить этого события, но говоришь: так угодно было Богу. Таким же образом рассуждай и о Деве. Когда у тебя рождается недоумение, то старайся не исследовать того, что совершает Бог; не спрашивай, сообразно ли то с природой, когда действует Творец природы; не любопытствуй. Он сказал: "**да произрастит земля**" (Быт. и, 11) – и тотчас это слово проникло в недра земли, возбудило ее к рождению, и девственница рождает. Сначала было произнесено одно слово – и произросли бесчисленные роды растений, и земля получила свое украшение чрез это слово. И нужно было видеть, как земля пришла в движение, как явились птицы, рыбы, земные животные, луга, цветы, деревья, виноград, маслина и бесчисленные роды растений, рано приносящих плоды и поздних, находящихся на полях, при море, при озерах, при реках, при источниках, на горах. Действующим было одно слово, и земля получила свое благолепие. Как это? Объясни мне, иудей; но ты не можешь. Видишь ли, как заблуждение ниспровергается само собой? Слушай же внимательно. Когда Бог, как я сказал, намеревается совершить какое-нибудь дело, которое для людей может казаться невероятным, то предварительно представляет его образ и тень, чтобы истина, явившись внезапно, не повергла их в неверие. Так, надлежало придти Сыну Божию и крестить род человеческий, умертвить ветхого человека, обновить желающих этого, потопить грех, возвратить благословение, уничтожить проклятие, даровать оправдание и сделать людей ангелами; Ему нужно было принять блудного и сделать его сыном, как Он и сделал, нужно было взять недостойного земли и сделать его достойным неба. Это было великое и для многих невероятное чудо, – как одна и та же сущность умерщвляет человека и оправдывает, истребляет грех и возвращает истину; поэтому, дабы иудеи не говорили, что учение христианское есть басня, – как может, например, одна и та же вода и умерщвлять и оживотворять, как она, будучи одной водой, может производить два действия, – что предварительно совершает Бог, чтобы обличить бесстыдство иудеев? Оыны Израилевы в Египте изнемогали от трудов, угнетенные деланием кирпичей и другими работами, и с плачем и воплем взывали: кто избавит нас от рабства египетского? Погибаем мы, погибаем от тяжких трудов! Что же? Бог услышал их и посылает Моисея, вооружив его знамениями и чудесами. Моисей пришел и принес казни на фараона; навел войско злой саранчи, повелел мошке – и она явилась, воду превратил в кровь, произвел воспалительные струпы на людях и четвероногих; потом, когда фараон после этих казней не покорился, Бог навел наконец смерть на первенцев; затем, – скажу кратко (потому что нужно сократить речь, дабы, распространяясь об этом, не оставить неисполненным обещания), – они вышли из земли египетской и пришли к морю. Фараон погнался за ними с множеством колесниц и коней; и когда израильтяне увидели это ополчение, то устрашились. Уже пришли они к берегу моря, и говорит Бог Моисею: "**что ты вопиешь**

ко Мне?" (Исх.14:15) – хотя Моисей ничего не говорил. Но Я – Бог, говорит, Который слышу не только то, что исходит из уст, но знаю и то, что в сердце, дабы ты знал, что молитва состоит не в воплях, а в душевном настроении. "**Что ты вопиешь ко Мне?**" Уста Моисея не говорили, но сердце взывало; молитва должна быть от доброго сердца, а не состоять в сильном вопле. "**Что ты вопиешь ко Мне? Подними жезл твой и простри руку твою на море**", и пройди ты и весь Израиль (Исх.14:16). И простер Моисей жезл, который был в руке его, и ударил по воде, и бурные потоки вод обнажили сушу, забыв о своей природе. Когда повелевает Бог, то и эта стихия забывает о собственной природе, и обуздывает свою деятельность. Море, как преданный раб, увидев служителя Господня, повиновалось и покорилось из благоговения не к сухому дереву, но к Тому, Кто имел быть распят на древе. Оно увидело образ и тотчас уразумело истину – и отступило. Пройди, говорит Бог, ты и весь народ израильский. И прошел он сам и весь Израиль; а за ними последовали и египтяне, преследовавшие их – фараон и колесницы его, и всадники. Потом, когда сыны израильские прошли, вода надвинулась и покрыла египтян. Скажи же мне, иудей, спрашивающий, как вода в крещении производит два действия, одного умерщвляет, а другого оживотворяет, – скажи мне, как то море, будучи одно по своей природе, одним даровало жизнь, а других умертвило, одних потопило, а для других сделалось путем, хотя одни и те же были бурные потоки вод? Как оно одних почтило, как раб, а с другими поступило, как враг? Объясни мне это, иудей, неверующий кресту, как одна и та же вода этих умертвила, а тех спасла? Одна была вода, одно море, но одним оно и ноги не омочило, а других и следа не оставило, но взяв их, всех покрыло водой, так что море сделалось общим гробом для всего народа египетского. Скажи же, как это случилось? Видишь ли, как цредшествовала тень, чтобы поверили истине, как это было тенью, а то – истиной, это – тень, а то – самое дело? Видишь ли, что, как я сказал, когда Бог намеревается совершить какое-нибудь необычайное дело, то предварительно прообразует его и предначертывает в тени, чтобы таким образом прообразованная истина была удобоприемлемой? Впрочем, образу необходимо быть несовершеннее истины; если бы он был вполне совершенным, то он был бы уже не тенью, но истиной. Тень предшествует, а потом приходит истина (скрытая в) тени и являет чистый предмет. Итак, это был образ, а то – самое дело, подобно тому и с агнцем. Вселенной надлежало освободиться и избавиться от клятвы кровью Христовой. Так как это опять чудо великое и невероятное для несмысленной души иудеев, то Бог предустрояет и прообразует посредством агнца. Когда Он намеревался умертвить первенцев египетских, то, дабы не были умерщвлены вместе и первенцы сынов израилевых, что Он делает? Дабы ангел погубляющий, говорит Моисей (Исх.гл.12), не погубил вместе и первенцев сынов израилевых, то что? Говорит ему Бог: объяви сынам израилевым, чтобы взяли агнца непорочного, мужеского пола, однолетнего, по семействам их; если же их будет недостаточно, то пусть сосед призовет соседа и родственник призовет родственника, и, таким образом, взяв агнца, агнца непорочного, мужеского пола, однолетнего, заколите его, говорит, по родам и семействам; мясо его съешьте, испеченное на огне, и ничего пусть не останется от него, а кровью его помажьте пороги ваши. Ешьте же его, говорит, препоясавшись по чреслам, с сапогами на ногах ваших, – это признак путника, – и с светильниками зажженными. Почему? Потому, что наступала ночь. А почему вы должны есть так, как путники? Почему? Я скажу. Это и ради образа, и ради истины. Так как фараон неоднократно был поражаем и не отпускал их, и Моисей говорил им: сегодня он будет поражен и отпустит, и однако он, будучи поражаем, не отпускал, девять раз был поражаем и не отпускал, но в десятый имел отпустить их, – то он и говорит: примите вид путников, потому что после того, как вы съедите, у вас не будет ничего общего с Египтом. Возьмите же, говорит, агнца, непорочного, мужеского пола, однолетнего, и заколите его, и помажьте кровью его пороги ваши, дабы проходящий ангел, если не ради людей, то ради образа этой крови, пощадил (ваших первенцев). Это сделано было не для ангела, но ради крови, спасшей меня, потому что разве не мог ангел различить иудеев от египтян?

Различавший первенцев разве не мог различить египтян и евреев? Итак, когда иудей станет укорять тебя, как ты надеешься на кровь, то и ты скажи ему; неужели ты не стыдишься, бесстыдный? Ты был спасен кровью агнца, и я ли не спасусь кровью Господа? Так иудей, вкусив, спешил освободиться из Египта, и ты, христианин, вкушая, спеши освободиться от мира. И Павел так увещевает тебя: "**облекитесь в броню праведности, и обуйте ноги в готовность благовествовать мир**" (Еф.6:14-15).

Там обувь, и здесь обувь; там жезл, здесь броня; там Моисей, как для путников, здесь Павел, как для воинов; те шли из земли в землю, и потому они – путники, а я иду

от земли на небо, и потому я – воин; почему? Потому, что враги воздушные нападают на меня в пути, бесы встречают меня. Для этого я имею открытое дерзновение, длл этого – броню правды, для этого – препоясание истиною; я не только путник, но и воин. "**Узок и тесен путь, ведущий в жизнь**" (Мф.7:14). Заметь же, какие Павел предлагает внушения и какие Моисей представляет образы, каковы предметы чувственные и каковы духовные. Будем же и мы, возлюбленные, подражать Аврааму, чтобы нам быть принятыми в лоно его, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Гр. "**παιδάριον**". В рус.пер. "отрока". Гр. слово παίδον означает не только "отрок", но и "слуга, раб" – ред.

ПОХВАЛА

святой первомученице и равноапостольной Фекле[1].

Благодать Духа воздвигла нам прекрасные изображения святых в годовых днях памяти их, и чрез это постоянно сохраняет новыми их деяния, приходящие в забвение с течением времени. Каждый, встречая день памяти их, как бы некую картину, видит красоту деяний и созерцает дела, начертанные на этом, представляемом днем памяти, изображении. Так и сегодня, мне кажется, вижу я эту блаженную деву как бы стоящей на картине, представляемой днем памяти, держащей венец в одной руке – за борьбу с удовольствиями, а в другой – за борьбу с опасностями, и приносящей Владыке всех одной рукой девство, а другой – мученичество. Таким образом у нее были и подвиги девства, которые для тщательно вникающих кажутся в известном смысле велнким мученичеством прежде мученичества. И подлинно, удовольствия суть жестокие какие-то палачи для тела, а лучше сказать, они более палачей жестоки, потому что стягивают нерукотворенными узами, скоблят душу посредством глаз, подносят факел сладострастия к твердыне мысли посредством слуха, бичуют ум своим колючим бичем, воздвигают против нас одни нападения за другими. Когда кто повелел глазам быть слепыми к красоте, удовольствия чрез уши приоткрывают заключенное убежище, раскрывают его сладострастными песнями; когда встретят уши, заключенные для блудных песен, тогда нападают на помыслы, сладострастно прикрасившнсь; когда, кратко сказать, мы победим их, бодрствуя посгоянно, тогда они поборают нас спящих сновидениями: таков у них постоянный круговорот борьбы, не с солнцем пробуждающийся и ночью не успокаивающийся. Если же притом они схватывают юность, то огонь сплелся с огнем, хвороста коснулась горящая печь. Юность легко разжигается удовольствиями, будучи больше масла способной к воспламенению, а для подвигов целомудрия весьма нежной. Это-то все и делало девство для блаженной девы некоторым продолжителъным мученичеством; она билась с

удовольствиями, как мученик с дикими зверями, ратовала с помыслами, как тот с казнями, сражалась с мыслями сладострастными, как с пытками палачей, и однако оставалась победительницей в столь разнообразной и совокупной войне, потому что огонь ее воли был пламеннее огня естественного и свят. Но природа покорялась деве, и, у других господствуя и побуждая к сочетанию, у Феклы служила упражнением в целомудрии; а родители ее, не зная обетов девства своей дочери, ни того, что Христос Господь обручился с ней, подав десницу с неба, делали ей много пространных внушений касательно брака. Слух же девы оглашала песнь Павла: "**незамужняя заботится о Господнем, чтобы быть святою и телом и духом**" (1Кор.7:34). Вот венец девства; вот первый у ней вид заботливости; она заботится заботой, исполненной благословения, заботится думой, которая свободнее всякой беззаботливости: да будет свята и телом и духом. Ничего у нее общего с землей, никакого сродства с брачными нуждами, как, напр., (с нуждой) переносить неверность мужа, терпеть напрасные подозрения, не иметь свободы на полезные выходы из дома, заботиться о пище, украсившись подвергаться зависти, испытывать посмеяние прежде родов, как бы она была еще незамужняя, а родивши встречать укоризны за рождение. Родилась ли какая девочка? Муж глядит угрюмо, что не мальчик. Прибавился и мальчик? Родилось дитя? Как будто не красиво. Приятны оба по красоте? О красивых как будто тяжелее дума. Отняты ли они от молока? Наступила опять тревога о воспитании; когда они здоровы, страх о том, чтобы не заболели; когда заболят, боязнь, чтобы не умерли; когда умрут, страх, чтобы не быть потом в презрении за бесчадие; а если не умрут, то тягчайшая дума о живых, откуда средства на образование детей, как устроить им брачный союз, как (соблюсти) приличие в одежде, как разделить каждому рабов, сколько выделить из имущества старшему, как успокоить зависть младшего. Непосягшая печется о Господних, да будет свята и телом и духом. Я не позорю сущность брака, так как это общий способ сохранения рода, – но всем объявляю заботы брачной жизни, поставляю выше забот плотских попечение о небе, предпочитаю хорошему лучшее. Дева стоит выше и наказаний, назначенных Еве, так как слова: "**к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою**" (Быт.3:16) – недействительны в отношении к тем, которые неподвластны мужьям; и слова: в болезнех родиши чада – неприложимы к девствующим: нерождающая не подлежит приговору о скорбных болезнях рождения. Залогами будущего уже наслаждаешься ты, дева; живешь уже с святостью воскресения. "**Ибо воскресении**", сказал Господь, "**ни женятся, ни выходят замуж**" (Мф.22:30). Поэтому и падение в этом деле весьма велико, так как велик и успех; поэтому распутство девствующей гнуснее блудницы, так как не одинаково растление девствующей и блудницы, не одинаково растление простой жены и царицы, не одинаково похищение священного сосуда и обыкновенного. Сосуд ведь священный дева, – порфира, в которую не позволительно облекаться никому другому, кроме Царя всех, – невеста, постоянно обладающая девственным браком. О, блаженный брак, ложе которого девство! Ради него (предстояли) опасности блаженной мученице: она видела красоту жениха – и не отвращалась от его вида; настаивала мать, побуждая к браку, но она взывала к небесному Жениху: "**к Тебе возвожу очи мои, Живущий на небесах**" (Пс.122:1); часто приходил жених, обольщая беседой о браке, но она сама в себе сочетавалась Христу, говоря: "**к Тебе прилепилась душа моя**" (Пс.62:9); стекались родственники и употребляли ласки, но она представляла себе свидетельство Павла: "**я обручил тебя единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою**" (2Кор.11:2); умоляли слуги со слезами, но она воспевала с любовью своему Жениху: "**кто отлучит нас от любви**" Христовой (Рим.8:35); устрашали и судьи казнями, но она попирала их все, великодушно взывая: "**начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых**" (Рим.13:3). А так как нужно было мученице поставить статуи девства и на пути, то случается такое искушение с этой отроковицей. Отпущенная из суда, она поспешила на ловитву по следам Павла и, руководимая молвой, смело шла по путям, ведущим к Павлу; но диавол подстерегал деву и, подстерегши ее на пути, вооружил против девы жениха, как

разбойника в пустыне, на похищение девства. Когда она мужественно совершала путь, то распутнейший жених, высматривавший сзади, торжествовал уже захват ее. Затруднение – со всех сторон безвыходное: нападающий силен, а подвергающаяся нападению слаба; где какое-либо убежище при отсутствии убежища? Обратившись к небу, дева с воплями восклицала Тому, Кто везде присущ всем призывающим: "**Господи, Боже мой! на Тебя я уповаю**" (Пс.7:2)...

---

[1] Память ее празднуется 24 сентября.

ШЕСТЬ СЛОВ О СУДЬБЕ И ПРОВИДЕНИИ

СЛОВО ПЕРВОЕ

о судьбе и провидении.

Настоящая жизнь наша изобилует многочисленными тревогами и преисполнена беспокойств. Не это, однако, тягостно, возлюбленные, а то, что, будучи в состоянии сделать эти беспокойства и тревоги более слабыми или без боли переносить их, мы не заботимся ни о том, ни о другом, но все время проводим в унынии: один скорбит о бедности, другой о болезни, иной о множестве забот и надзоре за домом, иной о воспитании детей, иной о бесчадии. И обрати внимание на преизбыток безумия, потому что почти все сетуем по поводу не одних и тех же обстоятельств, но противоположных, хотя, если бы природа обстоятельств была причиной наших сетований, нам не следовало бы одинаково скорбеть по поводу противоположных вещей. Если бедность – зло и притом невыносимое, то никогда не должно было бы стенать тому, кто живет в богатстве; и если бесчадие – зло, то наслаждающемуся многочадием человеку надлежало бы веселиться. Опять, если бы вожделенно было управлять общественными делами, также наслаждатьсл почестями и иметь много подчиненных, то надлежало бы избегать жизни свободной от занятий и спокойной, и все люди должны были бы ее ненавидеть. Теперь же, когда ты видишь, что одинаково скорбят богатые и бедные, а часто пребывающий в богатстве с своей стороны делает это в большей степени, чем бедный, скорбят – наслаждающийся властью и подчиненный, отец многих детей и неимеющий совершенно ни одного, то мы считаем виной такого нестроения не обстоятельства, а тех, кто не может воспользоваться ими, как должно, и удалить от себя всякое уныние. Не внезапная перемена этих обстоятельств служит причиной тревоги и беспокойства, но мы и наш ум, так что, если он у нас хорошо образован, то мы всегда будем отдыхать в спокойном море и в гавани, хотя бы отовсюду поднимались бесчисленные бури, подобно тому, как в том случае, когда он не хорошо настроен, мы окажемся в положении нисколько не лучшем положения потерпевших кораблекрушение, хотя бы все дела наши были движимы попутным ветром. Это же можно усмотреть и в телах. Тот, кто укрепил свое тело, не только не потерпит ничего ужасного, хотя бы ему пришлось оказывать противодействие бесчисленнын переменам воздуха, но, благодаря упражнению и привычке к дурной температуре, даже получает прирост своей силы; если же он имеет слабое и тощее тело, то, хотя бы он наслаждался прекрасной, благорастворенной погодой, не извлечет себе из этого хорошего условия никакой выгоды, так как собственная его немощь противодействует хорошему влиянию погоды. То же самое видим мы и относительно пищи: когда наш желудок отличается крепостью и силой, то все, что бы он ни принимал, хотя бы то было и нечто жесткое, нечто для него грубое, превращает в чистый сок, так как хорошие естественные условия преодолевают заключающийся в пище дурной элемент. Когда же сила его

ослабела и сделалась вялой, то, хотя бы ты ввел в него пищу, более всего отличающуюся добрыми соками, он переделывает ее в самый худой вид и портит, так как немощь его действует вредоносно на хорошие качества пищи. Так и мы, всякий раз как заметим нестроение в делах, не будем, возлюбленные, обвинять Бога, потому что это не значит отыскать для раны лекарство, но к ране присоединить другую. Не будем приписывать управления миром демонам, не будем думать, что о настоящих делах никто не промышляет, не будем противопоставлять Промыслу Божию тирании какого-то рока и судьбы. Все это преисполнено богохульства, и поистине смятение и нестроение зависят не от течения дел, а от настроенного известным образом духа, который, хотя бы наслаждался безмерно благоприятным стечением обстоятельств, не получит себе никакой от того выгоды до тех пор, пока не исправит находящегося в нем самом нестроения и беспорядка; но подобно тому, как глаз, если он болен, то и в яснейший полдень будет видеть лишь тьму и одно вместо другого, и никакой для него выгоды не будет от солнечного луча, а если он здоров и крепок, то даже и вечером будет в состоянии с безопасностью вести тело, – точно так же и глаз нашего ума, пока он будет крепок, прекрасно станет видеть, хотя бы ему пришлось созерцать вещи, которые, по-видимому, неустроенны, когда же он поврежден, то, хотя бы ты возвел его на самое небо, и в том, что находится там, заметит большое нестроение и беспорядок. И что это так, я докажу тебе многими примерами древних и современных нам людей. Сколь многие спокойно переносят бедность – и не перестают воздавать за это благодарность Богу? Сколь многие, живя в богатстве и роскоши, не благодарят, но злословят Владыку? Сколь многие, непотерпевшие ничего ужасного, обвиняют всеобщий Промысл? Сколь многие, все время прожившие в темнице, переносят тамошнее страдание с большим благоразумием, чем – свое положение те, которые прожили в свободе и безопасности? Видишь, что душевное состояние и наш собственный ум служат причиной и этого и того, а не самая природа обстоятельств. Поэтому, если бы мы заботились о нашем духе, то не было бы беспокойства, не было бы нестроения, не было бы ничего ужасного, хотя бы обстоятельства нашей жизни колебались сильнее всякого морского волнения. Почему, скажи мне, воздает благодарность Павел? А между тем он принадлежит к числу людей, которые жили прекрасно, которые все время проводили добродетельно, которые и злейшие испытали беды: никто не был ни праведнее его из всех людей, живших под солнцем, ни потерпел более тягостного, чем он, с тех пор, как произошли люди, – однако же, видя, что многие живут порочно и радуются и наслаждаются настоящими богатствами, и сам он благодарит Бога, и всем остальным советует это. На него взирайте. И ты, когда увидишь, что порочный человек веселится, когда увидишь, что превозносится, когда увидишь, что одерживает верх над врагами, мстит за себя обидчикам, не терпит никакой потери, что к нему отовсюду притекают богатства, что все почитают и льстят ему, а что ты сам находишься в совершенно противоположном состоянии, что с тобой оскорбительно обходятся, что на тебя клевещут, злоумышляют, то не подумай, что ты – в числе отверженных, но, смотря на Павла, испытывавшего твою же участь, воспрянь духом, возстанови помыслы, не упади под действием уныния. О том, кто друг Богу и кто враг, не суди на основании здешних – счастья и несчастья, но, если ты увидишь, что кто-либо живет справедливо, истощается болезнью и взирает на то, что благочестиво, то ублажай его и считай достойным соревнования, хотя бы его окружали бесчисленные цепи и хотя бы беспрестанно он жил в темнице, хотя бы был рабом у недостойных, хотя бы жил в бедности, хотя бы работал в рудниках, хотя бы терпел что-нибудь ужасное в другом роде. Блажен этот человек, хотя бы у него выкалывали глаза, хотя бы жгли его, хотя бы понемногу изнурялось его тело. Если же ты увидишь, что другой, живущий распутно и порочно и совершающий крайние злодеяния, наслаждается большой честью, восходит на самый царский трон, надевает на себя диадему, имеет багряницу и владычествует над всей вселенной, то оплачь такового и по этой причине и называй несчастным. Поистине нет ничего тягостнее так настроенной души, хотя бы ей была подчинена вся вселенная. В

самом деле, какая польза иметь избыток в богатствах, когда – беднее всех добродетелью? Что же за выгода властвовать над столь многими, когда сам не в состоянии победить себя и свои собственные страсти? Ведь если мы заметим, что со стороны тела находится кто в дурном положении и страдает лихорадкой, или что внезапно приключилась боль в ногах, или какое-либо изнурение или другое неизлечимое страдание, то плачем, хотя бы он был богаче всех, и тем более, чем он богаче, потому что ощущение бедствий бывает более острым, когда кто-либо в изобилии владеет необходимыми вещами; тот, кто по причине бедности не имеет возможности наслаждаться чем-либо, утешением имеет эту нужду, а имея власть воспользоваться всякого рода наслаждением и встречая противодействие со стороны болезни, он по этому самому сильнее мучится. Как же не бессмысленно, если мы увидим, что кто-либо внезапно поражен телесной болезнью считать его несчастным, хотя бы он был богат, а когда душа его находится в дурном состоянии, душа, которой у нас нет ничего равного и более ценного, ублажать его ради немногих богатств или ради скоротечной чести, или ради иного из числа того, что остается здесь и покидает нас вместе с этой жизнью, а лучше сказать – часто и прежде конца последней. Не делай этого, прошу. Это – причина нашего смущения, это – причина беспокойства. Из-за этого многие обвиняют Бога, из-за этого думают, что о мире никто не промышляет. Если бы они знали, что в настоящей жизни нет блага, кроме одной только добродетели, (что не есть благо) – ни богатство, ни сокровища, ни здоровье, ни могущество, ни иное что-либо, и что в настоящей жизни нет зла, кроме одной только порочности и лукавства и душевной испорченности, (что не есть зло) – ни бедность и болезнь, ни ругательства и ложные доносы и остальное, считающееся несчастием, то никогда не говорилось бы то, что говорится теперь, никогда люди не проводили бы жизни в унынии, никогда не ублажали бы тех, кого надлежало считать несчастными, никогда не считали бы несчастными тех, кого надлежало ублажать, не относились бы таким образом к истинному достоинству людей. Ублажать людей за тучность, за обильные яства и за продолжительный сон – это не иное что, как относиться к ним, как бессловесным животным, потому что и их счастье в этом заключается, а лучше сказать: это служит злом и для бессловесных существ. Действительно, многие и ослы и лошади погибли из-за того, что жили в праздности и предавались обжорству. Если же это вредно для неразумных животных, у которых вся добродетель заключается в хорошем состоянии тела, то ужели мы в этом положим добродетель людей, вся сущность которых состоит в благородстве души, и ужели мы не устыдимся неба и сродных с нашей душой ангелов? Ужели ты не краснеешь от стыда даже пред самой природой тела и его формой? У нас не так, как у бессловесных животных, образовал его Бог, но так, как приличествовало образовать то, что должно было служить разумной и бессмертной душе. Почему у всех бессловесных Бог сотворил глаза наклоняющиеся вниз, давая же их тебе, поместил в голове, как бы в акрополе? Не потому ли, что у тех нет ничего общего с небом, а тебе и со стороны Бога, и со стороны природы изначала положен закон соверцать более всего то, что находится вверху? Почему у тебя Он сотворил тело, имеющее прямое положение, а у тех – наклоненное вниз? Не по той ли же опять причине, даже и чрез посредство самого образа твоего уча тебя не иметь ничего общего с землей и не быть предану настоящим вещам? Поэтому не изменим нашему благородному происхождению и не упадем до низкого происхождения бессловесных, чтобы и о нас не сказало Писание: "**человек, который в чести и неразумен**" (Пс.48:21). Определять счастие жизни на основании роскоши и богатства и настоящих вещей свойственно не людям, обращающим внимание на свое собственное благородство, но людям, сделавшимся лошадьми и ослами. Но да не будет, чтоб кто-либо таковой присутствовал здесь, во святом лике и среди духовных зрителей и в благочестивом собрании! И для того именно мы ежедневно наслаждаемся слушанием божественного слова, чтобы, обсекая словом, как бы серпом, уподобившиеся лесу болезни души, мы сделались плодоносными деревьями и принесли во время плод, откладываемый в царскую житницу, приносящий славу общему Владыке и Виноградарю душ наших, и

нам доставляющий бессмертную жизнь, которой да достигнем все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, и держава, и честь во веки веков. Аминь.

СЛОВО ВТОРОЕ

о судьбе и провидении.

"**Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти**" (Исх.21:16), говорит (Писание). Этот закон был дан в ветхом завете, когда не было особенной рачительности относительно установления наилучшей гражданской жизни, когда было только введение Божества, когда имели место детские повеления, когда – молоко, когда – пестун, когда – светоч, когда – образ и тень. Итак, что мы могли бы сказать относительно тех, которые теперь во время благодати и при истине вещей, также и при столь великом ведении злословят не отца и мать, но самого Бога всяческих? Какое таковых людей будет ждать наказание? Какое взыскание будет достаточно соответствовать степени зла? Какая огненная река, какой неумирающий червь, какая кромешная тьма, какие узы, какой скрежет. какое рыдание? Все мучения, как настоящие, так и будущие, не достаточны для души, находящейся в таком положении, ниспавшей до такой степени порочности. Видов же богохульства много и они различны, вследствие чего необходимо сегодня изложить их, чтоб нам не впасть добровольно ни в какой из таковых, и чтоб не оставить без внимания никого из впадающих в них – ни друта, ни врага. Подлинно нет, нет греха худшего, чем этот, нет даже и равного ему; в нем – умножение зол, в нем – то, чем все приводится в расстройство, и влечет безжалостное наказание и невыносимое мщение. Кто же злословящие Бога? Те, которые противопоставляют мудрости Его провидения обусловливаемое роком нестроение и необходимость. И нет ничего удивительного в том, что одержимы этой болезнью неверные, которые нелепо удивляются пред деревьями и камнями и служат им; а то – ужаснее всего и достойно многих действительно слез и рыданий, что освобожденные от этого заблуждения и рабства, удостоившиеся знать находящегося во всем Бога, истинного и действительного Бога, что они, как бы в силу какого-то обратного течения, увлекаются вниз к сильному морскому волнению, к тому образу мыслей и к тому безумию; те, которые, по их словам, поклоняются Христу, те, которые удостоены столь великих таинств и восприяли неизреченные догматы и снисшедшую к нам небесную мудрость, после столь великой чести, какую получили от Бога, добровольно низвергают себя, с большим неразумием отвергнув от себя ту свободу, какую им даровал Бог, подчинив себя тягчайшему рабству и своими помыслами выдумывая ужаснейшую тиранию, какой никогда не было, отсекая всякую добрую надежду и пытаясь лишить крепости тех, которые ревностно преданы добродетели. Подобно тому как на войне кто-либо из врагов, заметив воинов благородных и готовых самую душу свою отдать за отечество, и не имея возможности иным образом повредить им, ни отклонить от готовности служить царю, ни сделать их робкими, ни преодолеть с помощью уловок, причиняет им вред иначе, пытаясь убеждать, что они напрасно и бесполезно и без всякой причины проявляют столь много труда, – чтоб ослабить их руки, чтоб низложить их силу, чтоб угасить их усердие, чтоб чрез все это отклонить от присущей им ревности к войне, и чтоб, сочтя их после этого беззащитными и безоружными, взять их связанными в плен, – так поступил и диавол. После того как увидел, что большая часть вселенной, благодаря божественной благодати, осмеивает языческое заблуждение, всем сердцем и всей душой чтит слово о благочестии, что затем, вследствие этого, возникает великое уважение к добродетели и такое же презрение к пороку, – он не осмелился выступить и открыто сказать: "отступите от Христа, осмейте преподанные Им догматы, дело Его – басня и заблуждение, Он – какой-то порочный и нелюдимый человек", так как ему известно, что вследствие этого они еще поспешнее

убегут от его тирании и сильнее возненавидят его. Поэтому он не вносит обвинения прямой дорогой, но, ходя кругом, тайно рассеивает яд злочестивых догматов, по-видимому позволив людям пребывать в вере, а в действительности исторгая ее из них с корнем, разрушая все догматы истины и среди верующих разливая великую на Бога клевету. Посему у него и приготовлено это губительное средство и смертоносные яды рока, чтобы тайно ввести все то, о чем именно я сказал, чтобы показать пустоту наших мыслей и пустоту нашей веры, чтобы убедить людей иметь дурное суждение о Боге, – что, конечно, и вначале он сделал в отношении к Адаму, наклеветав на Бога что Он будто бы завистлив и недоброжелателен. Почти так он говорил, увещевая того: "знал Бог, говорил он, что очи ваши откроются, знал, что вы будете, как боги, позавидовал вам, не желал для вас большей чести". Ведь, если бы он не присоединял этих слов, то тем, что он раньше говорил дал им возможность подозревать то же. И замечай коварство Низвергнув определение Бога и сказав, что, если прародители окажут Ему неповиновение, то их уделом будут великие блага, как например: откроются их очи, они сделаются равными Богу и будут обладать соответствующим этому положению ведением, диавол еще не присоединил, что порочен тот, кто запрещает это, дабы не показалось, что говорит какой-то враг и неприятель, но надел личину советника и попечителя, дабы сделать злое увещание удобоприемлемым, – что именно и случилось. Словами, какие он говорил, диавол не желал научить ничему другому, как: "отступите от сотворившего вас Бога; Он – недоброжелателен и завистлив, по зависти отказывает вам в больших благах". Однако, открыто этих слов он не произнес, потому что, заподозрив в нем врага, они, конечно, уклонились бы от него; не пожелав же сказать им этого и умолчав, он предложил тот гибельный совет. Точно так же, конечно, и теперь он не говорит: "отступите от Христа, так как Его божественные догматы зазорны", потому что знает, что лгал бы и не встретил бы веры; но коварно, повидимому, оставляет нас при них и обнаруживает согласие с истиной, а иным путем удаляет нас, несведущих в них, от этого вечного наследия, подобно тому как если бы кто-либо, удерживая правой рукой законнорожденное и свободное, несколько простое и невинное дитя, не изгонял его из отцовского жилища, но в то же время убеждал делать то, чрез что оно волей-неволей лишится всего отцовского наследства. Невозможно, невозможно, чтоб человек, придающий значение року, оказался в состоянии достигнуть небес, лучше же сказать: невозможно, чтоб он оказался в силах избежать геенны и наказания, так как рок повелевает всем верить вопреки догматам Божиим. Бог говорит: "**Если захотите и послушаетесь Меня, то будете вкушать блага земли; если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо уста Господни говорят**" (Ис.1:19-20).

Ты видел, как говорит Бог и какие полагает законы? Послушай и судьбу, как говорит она и как вводит противололожные постановления, и пойми, как то сказано божественным Духом, а слова этой – лукавым демоном и некоторым свирепым чудовищем. Бог сказал: "если хотите" и "если не хотите", делая нас господами добродетели и порока и полагая это в зависимость от нашего образа мыслей. А что говорит тот, т. е. диавол? То что избежать определенного судьбой невозможно, хотим ли мы того, или не хотим. Бог говорит: аще хощете, благая земли снесте; судьба говорит: даже если мы и хотим, но если не будет дано нам, то никакой прибыли в этом желании нет. Бог говорит: "**если не хотите слушать слов Моих, меч пожрет вас**"; судьба говорит: если мы не желаем, а нам будет дано, то во всяком случае спасаемся. Не это ли говорит судьба? Что могло бы оказаться яснее этого сражения? Что – открытее этой войны, которую учители порока – демоны без стыда так предприняли против божественных изречений? Но, о чем я и сказал, нет ничего удивительнаго в том, что этому верят демоны и равные им люди, то есть, язычники; а тягостнее всего то, что вы, столь наслаждающиеся божественным и спасительным учением, не оказываете должного уважения, но перебегаете к тем неразумнейшим и губящим душу выдумкам. "**Ибо что мне судить и внешних?**" (1Кор.5:12)? У меня пока

слово к вам, члены Христовы, чада церкви, воспитанные в Отчем доме, наслаждающиеся божественными учениями, удостоенные столь великой чести. Поэтому я стенаю, поэтому плачу и рыдаю; и поистине достойно рыданий, когда кто-либо впадает в прегрешения, недостойные прощения. Да и какое, скажи мне, может быть прощение, когда открывает Себя Бог и когда демоны также в свою очередь говорят, и когда то, что говорится ими, даже друзьям Божиим кажется заслуживающим большей веры? Мы теперь не предпринимаем рассуждений, но лишь покажем бесстыдство доверяющих им людей. Бог говорит: "**предложил тебе огонь и воду, жизнь и смерть: на что хочешь, простреш руку твою**" (Сир.15:16-17); демон говорит, что не в твоей власти протягивание руки, но это зависит от некоторой необходимости и силы. И это тебе кажется заслуживающим большего доверия, и ты не размышляешь о том расстоянии, какое разделяет советников, о том, что один – Бог, а другой – демон; ты не оцениваешь различия совета, что один – спасительный и зовет к добродетели, а другой – поистине демонский и зовет к злу и пороку; ты не обращаешь внимания на то, что получено тобой от Бога и что – от демона, на то, что один так возлюбил тебя, что отдал за тебя даже Единородного Сына Своего, драгоценнее Которого у Отца не было ничего, также любит еще и теперь, призывая тебя чрез апостолов к твоему спасению и все делая для этого, а другой так возненавидел и ненавидит тебя, что всякими способами враждует с тобой и не только не доставляет тебе чего-либо доброго, но даже и то, что ты получил от Бога, и это пытается исторгнуть. Один позаботился о том, чтоб сделать тебя равным ангелам, а другой сделал тебя бесчестнее пресмыкающихся по земле и с своей стороны убедил тебя покланяться им; один влечет в небесное царство и к остальным почестям, а другой позавидовал и здесь данному тебе положению и не отстал прежде, пока не лишил тебя его. Если вы и не можете узнать догматов, – хотя для людей не очень непонятливых они яснее солнца, и именно, те догматы, которые принадлежат Богу, служат к выяснению добродетели и спасения, а демонские – порока, – если вы не можете проникнуть в них, то научитесь тому, что спасительно и что вредно, по крайней мере, от тех, которые дают вам советы. И как не бессмысленно в остальных делах держаться того взгляда, что если врач даст кому-либо пищу, то не любопытствовать о ней следует, а принимать, как доставляющую здоровье, если же чародей и волшебник, то не вдаваться в исследования, но гнушаться, как яда и вредоносной пищи; в отношении же к Богу не пользоваться такого рода приемами, хотя расстояние между Богом и демоном настолько больше расстояния между врачем и волшебником, что не возможно ни выразить его словами, ни представить умом и рассудком? Итак, разве не крайняя нелепость – не вдаваться в исследования там, где разница между предлагающими пищу ничтожна, но вместо всякого изучения дела обращать внимание лишь на качества лиц, – а где разница между советниками столь велика, иметь нужду в слове для понимания того, что одно спасительно, а другое вредно? Не будем, умоляю, неразумнее бессловесных существ, но поспешно убежим и не станем внимать своим слухом: "**худые сообщества развращают добрые нравы**" (1Кор.15:33), и прельщенным невозможно получить прощение. Почему, увидев местность заразительную и нездоровую, ты уклоняешься от пребывания там, хотя бы тебя влекли к тому жилищу бесчисленные условия, – предпочитая всему здоровье тела; когда же некоторые преисполнены заразительной речью и болезнью, не только губящей тело, но погубляющей и душу и делающей ее худшей и более негодной, то почему не убегаешь поспешно? Послушай, говорит один мудрый муж, не остановись, "**но отскочи, не медли**" (Прит.9:18), боясь даже и кратчайшего пребывания среди них. Говорим же это, не боясь силы проповедуемых ими догматов, но боясь вашей немощи. Для нас, утвердившихся в вере, догматы их кажутся, по Божией благодати, более слабыми, чем паутина, и хотя бы бесчисленное множество раз они очаровывали наш слух, тем больший встречают с нашей стороны смех, как безумные и бессмысленные; но мы боимся вашей немощи. Сказанное обращаю не против всех, но против тех, которые виновны в указанном мной, так как и Павел, властелин всего, не учение только выставляя на вид своему ученику Тимофею, но

и словопрение против чуждых, увещевает избегать пустых речей (2Тим.2:16). Непродолжительно время нашей жизни, незначительны средства к спасению. Итак, если даже это краткое время, данное нам для того, чтобы научиться чему-либо полезному, мы употребим на то, что излишне и бесполезно и вредно, то когда, наконец, в нашем распоряжении будет другое время для изучения того, что необходимо и в чем настоятельная нужда? Даже если бы время было и продолжительно, то более всего надлежало бы употреблять его всецело на то, что полезно; а когда оно и незначительно, и непродолжительно, то как же не считать делом крайнего неразумия тратить эту малость на догматы, развращающие нашу душу? Что за нужда тебе в лекарстве? Не принимай удара, не трать времени на лечение того, что получаешь от других и имеешь: собирай то, что здраво, из божественных Писаний, и если бы пришел кто-либо, говорящий нечто другое, то загради свои уши, тотчас поспешно убеги, не замедли. И если в том случае, когда произошло бы скопище против царей, ты не решился бы остаться в месте того совещательного собрания, так как ты во всяком случае подвергся бы опасности в силу того, что слушал о таких вещах, хотя бы и не выразил своего согласия, – то в том случае, когда что-либо говорится против Бога и когда изощряется догмат, исполненный обвинения против Него, ужели ты не убежишь, ужели не возненавидишь богохульного языка, ужели не заградишь безбожных уст? И как ты окажешься в состоянии с дерзновением молиться Богу, имея общение с распускаемыми против Него клеветами? Да не будет этого, умоляю. Это сказано мною не к присутствующим, – а впрочем, также и к присутствующим, потому что если вы и безукоризненны, но знаете, что какие-либо люди страдают этой болезнью, то направляйте против них эти и другие более многочисленные слова, чтобы извлечь зло с самым корнем. Но да будет по молитвам святых и друзей Божиих (так как не столько имеют силы наши слова, сколько их молитвы), да будет, чтоб все мы и все те, кто содействует полноте церкви, освободившись от этих зол, с дерзновением стали пред престолом Христа, Которому – слава. Аминь.

СЛОВО ТРЕТЬЕ

о судьбе и провидении.

Знаю, что недавно я говорил о судьбе пред вашей любовью но ничто не препятствует и сегодня заняться речью о том же самом предмете, не потому, что болезнь – сильна, но потому, что беззаботность наша – невыразима и делает великими даже незначительные болезни. Само собой ясно даже и слепому, что верный не должен нуждаться ни в словах, ни в учении для того, чтобы избегать этого зла. Подобно тому как человека, живущего в нашей земле и управляющагося имеющими у нас место законами, и подчиненного одним и тем же царям, нет надобности убеждать в том, что не следует вводить в нашей стране персидского государственного устройства, но должно только запрещать ему, – так, конечно, должно быть поступлено и здесь. Из грехов одни имеют нужду в слове и учении, а другие до такой степени ясны и очевидны, что могут быть отклоняемы страхом и одним только наказанием; например: убийство, прелюбодеяние, воровство не требуют слов, вследствие чего именно и законодатель не создал учения, говорящего нашим ушам о том, что это – дело порочное, так как это уже прежде было известно нашему рассудку, но только запретил: "**не прелюбодействуй, не убивай**" (Втор.5:17-18). Когда же беседует с нами о презрении вдовиц и об обмане относительно того, что вверено на сохранение, то присоединяет и рассуждения: сжалься над вдовицей, говорит, и пришельцем, потому что и ты был пришельцем в земле египетской (Втор.10:18-19). Субботу чти покоем (Исх.20:10;31:13-14). говорит он, – затем приводит и основание.

Итак, отвращение от рока принадлежит к числу не того, что требует рассуждения, но того, что – ясно. Подобно тому как ясно, что дурно – убивать и отвратительно –

прелюбодействовать, так ясно и то, что придавать значение року – дурно и недозволительно. На основании того, что есть доверяющие ему, не заключайте, что это относится к числу незапрещенных вещей, так как отваживаются и на убийство, хотя оно и воспрещено законами, также к числу запрещенных деяний относятся нарушения супружеской верности и грабежи, хотя и совершаются многими. А что даже по законам языческим повиновение инстинкту деторождения принадлежит к числу запрещенных вещей, подобно убийству, ясно из того, что если кто-либо из соблудивших с женой известного лица, придя, будет говорить в суде в ответ на обвинение, что виновен не я, но инстинкт деторождения, так как я желал быть целомудренным, а он меня толкнул и вовлек, то разве по этой причине он не получит более тяжкого наказанил, как человек, прибегающий к достойной смеха защите, разве он получит какое-либо снисхождение? Никоим образом. И однако, с точки зрения таких людей надлежало бы получить, потому что если все происходит по инстинкту деторождения, а не по нашей свободной воле, то нет защиты больше этой. Если же наше произволение имеет перевес и более могущественно, чем инстинкт деторождения, тогда последний не может иметь значения; и даже если бы кто-либо стал придумывать бесчисленные основания, что необходимо исполнять веления того инстинкта, что тот человек неосновательно наказывается и не получает себе снисхождения, то никто не послушал бы его, не внял бы защите и не дал бы прощения: в такой степени это дело всеми отвергнуто и кажется имеющим значение басни и глупой болтовни. И многие из числа начальников (хотя, если бы каким-либо человеком совершалось насилие, то обвиняемому достаточно было бы того же самого оправдания или – лучше сказать – не должно бы, кажется, остаться даже и места обвинению), многие, говорю, из начальников, обвиненные за несправедливые убийства, понесли наказание; палачей же, служащих смертной казни и собственноручно совершающих убийство, с самаго начала никто не привлекал в суд, даже и не разыскивал, так как защитой для них служит необходимость, авторитет начальства и страх подчинения. Затем, если прощают человеку, принуждаемому человеком соплеменным и принадлежащим к одному роду, то не гораздо ли более должно было бы оказывать прощение тому, кто вынуждается судьбой? Надлежало бы бежать? Но, как говорят, власть судьбы в такой степени непреодолима, что, хотя бы кто ушел в пустыню, хотя бы в море или еще куда-либо, не скроется от ее предначертаний. Итак, как же не безрассудно, чтоб человек, теснимый насилием варваров, легко получал снисхождение, и даже никогда не был обвиняем, а испытывающий принуждение со стороны более могущественной, как говорят, силы терпел наказание и ему не позволялось бы подобным же образом защищать себя? Никто из ссылавшихся в свое оправдание на судьбу никогда не был оправдан: ни злодей в судилищах, ни слуга в доме, ни дети в школе, ни ученики в мастерских, всякий раз как в чем-либо они погрешали. Поэтому как же некоторые уважают судьбу, если они в то же время так пренебрежительно относятся к ней и не дают никакого снисхождения стоящей в зависимости от нее необходимости? Таким образом искренно и в своей совести они весьма убедились, что дело это – басня. Когда же впадут в тяжкие прегрешения, то в свою очередь присоединяют к ним другой грех, чтобы этим путем ускользнуть от предстоящего им наказания, а не получить его в более тяжелой степени. Не так тягостно грешить, как тягостно после греха не иметь никакого стыда и из-за своих собственных пороков клеветать на Бога. Это – хуже всякого греха; о том конечно, позаботился и диавол, чтоб мы не только сделались нерадивыми к добродетели и склонными к пороку, приписывали Богу причину всего, но чтоб, под видом защиты, сделав богохульными и нашу душу, и наш язык, мы обвиняли Бога и с себя самих слагали обвинение в совершаемом, перенося его на Того, Кто в действительности не виновен. Однако даже если по отношению к людям окажется кто дерзнувший на что-либо подобное, то одного этого достаточно бывает для его обвинения и гибели. Когда клевещет на другого человек не совершивший ничего ужасного, то он подвергается наказанию, налагаемому на совершивших дерзкий поступок. Поэтому смотри, сколь великое зло ввел диавол чрез судьбу, а именно –

презрение добродетели, потому что, хотя бы душа наша была очень расположена к усиленным трудам для приобретения ее, он ослабляет ее, внушая убеждение, что никакое дело из приключающихся с нами не должно быть считаемо за порок. Когда кто-либо признает, что прелюбодей или убийца, также и подкапывающий стены не заслуживают упрека, то он не перестанет, как бы на стремнистой местности, ревностно несясь вперед, делать других клеветниками на Провидение, также и сам быть клеветником на Бога. Какое, скажи мне, зло могло бы быть хуже этого? Посему, возлюбленные, будем избегать этого идолослужения: истинно смерть находится в котле (4Цар.4:40) и всякий, почерпнувший отсюда хотя бы и малую какую-либо долю преисполненных заразы догматов, необходимо умирает совсем если не возвратится обратно и не отведает неподдельного здоровья. Итак, чтобы нам после этого не сетовать бесполезно когда в след за переселением отсюда будет пресечено назначенное нам время покаяния, постараемся покаяться, пока мы остаемся в силе, хоть и уловлены болезнью, – и вознегодуем на себя самих; а все, которые здоровы, соблюдем свое здоровье в неповрежденности и протянем руку захваченным этим недугом! Если в отношении к больным телесно мы обнаруживаем столь великую заботу и попечение, то, когда пред нашими глазами – немощь душевная, что не должно быть нами сделано? Чего не предпримем для того, чтобы вновь стяжать брата, вместе с нами принадлежащего к одному и тому же обществу членов и входящего в полноту церковного тела? Итак, ради этого употребим в дело все, все совершим из-за него, отгоняя собак и волков, и не будем думать, что для нас достаточно одного нашего спасения. Подобно тому как сказано: "**когда видишь вора, сходишься с ним, и с прелюбодеями сообщаешься**" (Пс.49:18), так точно, послушаемся и здесь; когда увидим, что кто-либо из наших братьев обольщает словами и наушничает, то послушаемся этого. Церковь – дом Господень, верные – драгоценные сосуды. Итак, когда, увидишь, что кто-либо из внешних желает похитить какой-нибудь из сосудов, то, хотя бы сам ты был неодолим и тебе не угрожала опасность, но если отнесешься с пренебрежением и не придешь сказать об этом тем, кто в состоянии исправить, то окажешься повинным в его душе, – ты, который видел. что вор делал подкоп, и не препятствовал или своими силами, или с помощию другого. Говорю это не потому, что опасность действительно повисла над тобою, но для того, чтобы охранить тебя, для того, чтобы склонить тебя к одинаковой заботе о спасении – своем собственном и остальных людей. При таких условиях мы будем в состоянии достигнуть и обещанных нам благ, благодатию Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ

о судьбе и провидении.

"**Писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно**" (Флп.3:1). Если же для Павла была нужда беспрестанно наставлять учеников, для Павла, который учил с помощью благодати Духа и властно прогонял врагов, а также уничтожал страдания всех, для Павла, окружаемого почестями, которого слушали все, как бы нисшедшего с небес ангела, лучше же сказать: как бы самого Христа, – итак, если для того была нужда беспрерывно говорить одно и то же, то гораздо более – для нас, которые не имеем никакой цены. И действительно, назидательно для вас часто слушать об одном и том же, и не только об одном и том же, но и одно и то же об одном и том же. Следовательно, никто пусть не негодует, и пусть не думает, что он отягощается с нашей стороны, если мы намерены об одном и том же предмете опять говорить одно и то же. Если бы даже можно было уповать, что, однажды услышав это, вы удалите от себя болезнь души, то и при таких обстоятельствах не следовало бы отступить, но еще надлежало бы говорить об одном и том же для того, чтоб сделать ваше здоровье прочным и крепким и вас необоримыми, так чтобы вы не впали снова в те же самые дела. А так как мы подозреваем,

что у слушателей сохраняются еще некоторые остатки зла, то необходимо и согласно с разумом наше непрерывное относительно этих предметов наставление. И сегодня необходимо сказать, как мы могли бы избежать того. Итак, каким образом мы могли бы избегнуть? Во-первых, с помощью молитв и беседы с Богом, во-вторых же, с помощью благочестивых размышлений. Если ты увидишь, что будет и что есть в настоящее время, и относительно того и другого произнесешь правильный приговор, то это зло никогда не коснется твоей души. Итак, когда увидишь, что кто-либо богат не по достоинству, то не ублажай, не подумай, что он достоин соревнования, не осуди провидения Божия, не думай, что настоящие дела движутся безрассудно и случайно, потому что такой-то обогащается не по заслугам. Вспомни о Лазаре и богатом (Лк.16:19), как один достиг до вершины изобилия и роскоши, хотя был и жесток, и безчеловечен, и более дик, чем даже собаки: действительно, если эти имели сострадание к бедному и служили, не боясь касаться своим языком ран, которые были распространены по всему телу, то тот не уделял ему даже и крошек. Поразмысли же, как он достиг до вершины изобилия, а тот бедняк, хотя в действительности богатевший и преизбыточествовавший, впал в самую крайнюю бедность и имел недостаток даже в необходимой пище, борясь и с болезнью и с постоянным голодом. И один имел меньше, нежели в чем нуждался, а другой изобиловал богатством свыше меры. Но, однако, тот не изъявлял негодования, не произнес нечестивого слова, не обвинил Бога, не порицал Провидения, не приписал случившегося судьбе, не сказал кому-либо, а даже не сказал и себе самому: "я, который не сделал ничего худого даже и по виду, терплю столь великое наказание и переношу крайнее мучение, изнуряемый голодом, истощаемый самой тяжкой болезнью, понемногу умерщвляемый и обезображиваемый, а этот обогащается и роскошествует, живя несчастьями других, глумясь над моими бедствиями; и этого бесчеловечного и незнакомого с состраданием, свирепого и жестокосердого Бог сделал господином столь великих сокровищ, а меня, который не раздражил Его даже и малейшим словом, оставил на терзания столь великими бедствиями. Как это достойно правосудия? Как достойно это Промысла и попечения о нас?" Ничего такого он не сказал. Поэтому, как же не нелепо, когда те самые, которые испытывают бедствия, так благословляют Господа во всем, – ты, стоящий вне борьбы, злословишь Бога за то, за что другие настроены благодарно? Тот, кто испытывает несчастье, даже если и скажет какое-либо грубое и неприятное слово, получает снисхождение, хотя и не столь великое, какое – другой, но, по крайней мере, очень малое; а тот, кто находится вне несчастий и губит свою душу ради других вещей, какого мог бы быть достоин снисхождения, если злословит Бога за то, за что человек, потерпевший бедствие, благодарит и никогда не перестает прославлять Его? Когда увидишь, что праведник терпит несчастия, то вспомни вот этот пример; ты не мог бы теперь назвать мне кого-либо, более праведного, чем тот человек, как это ясно из его терпения, ясно из наград за его подвиги, из того, что он получил в удел первое место упокоения, удостоившись чести вместе с патриархом Авраамом; ты не мог бы указать кого-либо, испытавшего большие несчастия, ни такого, кто был бы столь пренебрежен, В самом деле, что ты скажешь, когда он не мог насыщаться даже падавшими со стола крошками? Итак, когда ты видел самую крайнюю порочность, – а что бесчеловечнее того, кто не обращал внимания на человека, находившегося в столь великом несчастии? Какой порок ты назвал бы, который не был бы соединен с этим? Притом, что могло бы быть изобильнее той трапезы и одеяния, покрывавшего самую крайнюю роскошь и счастье? Опять, когда ты увидишь высочайшую праведность, – а что могло бы быть боголюбезнее души, терпящей таковое и благородно переносящей самое крайнее бедствие? Что могло бы быть тягостнее голода и болезни столь неизлечимой? После всего этого, какое для тебя, скажи мне, снисхождение, если соблазняешься в остальном? Разве дела не ограничены пределами настоящей жизни?

Подожди конца, и тогда ты увидишь воздаяние, сообразное с достоинством жизни каждого; не приходи в смущение прежде наград, прежде венцов. Итак, когда увидишь обоих вошедшими в судилище и выслушавшими приговор, тогда и сам произнеси суждение о каждом. Сколь многие теперь подстерегают на дорогах, сколь многие подкапывают стены, сколь многие разрывают могилы умерших, сколь многие злоумышляли против чужих браков, сколь многие погубили многих при посредстве губительных ядов? Разве за это мы обвиняем судью? Никоим образом. Если бы он, захватив их для произнесения приговора, отпустил, – и человека, потерпевшего зло, наказал, а нанесшего почтил и, увенчав его, освободил, – то он поистине был бы достоин обвинения и самых крайних упреков; когда же они еще не преданы и не настало время приговора, и он еще не требует судебных разысканий, то зачем ты преждевременно осуждаешь? Но надлежало бы, скажешь, уже здесь воздать наказание за грехи. Поразмысли, человек, о той жизни, которую ты провел сам, войди в свою совесть, и ты переменишь мнение; не будешь хвалить этого приговора, но прославишь человеколюбивого Бога за долготерпение, Если бы каждого надлежало привлекать в суд для наказания за погрешности одновременно с совершением самых грехов, то род наш, давно исторгнутый, не дожил бы до настоящего времени. "**Кто может сказать: "я очистил мое сердце, я чист от греха моего?"**"0 (Прит.20:9). Но, когда скорбишь из-за долготерпения Божия, то с тщательностью исчисляй допущенные тобой грехи, и будешь благодарен за то терпение, придя в изумление пред Его незлобием. Ты смущаешься и сетуешь и все наполняешь унынием, потому что такой-то обогащается не по заслугам и пользуется услугами со стороны большинства; потом ты не слышишь, что говорит псалмопевец: "**не бойся, когда богатеет человек, когда слава дома его умножается: ибо умирая не возьмет ничего; не пойдет за ним слава его**" (Пс.48:17-18)? Разве ты не слышишь, что пророк великим гласом взывает: "**всякая плоть - трава, и вся красота ее - как цвет полевой**" (Ис.40:6)? Разве не видишь, что сама истина дел свидетельствует согласно с изречениями пророков? Разве не видишь, что опыт и конец жизни подтверждают собой сказанное: "**умирая не возьмет ничего**"? Послушай Иова, говорящего то же самое: "**наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь**" (Иов.1:21), "**ибо умирая не возьмет ничего**" (Пс.48:18). Послушай Павла, любомудрствующего так же: "**мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести**" (1Тим.6:7). А ты ублажаешь человека, который не может отсюда вынести ничего такого, что должно помочь ему там в день суда. И какой другой предел несчастнее, какое иное состояние жальче, скажи мне, нежели то, когда человек, живший в большой роскоши, уходит отсюда с наибольшим бесчестием? Ты же, если бы увидел на площади кого-либо владеющего могуществом и высокомерного, пользующегося большой честыо в чужой стране, имеющего тунеядцев и льстецов, но по возвращении в отечество лишенного возможности взять что-нибудь из этого, нагого, неуважаемого, более нуждающегося, чем нищие, и представляющегося более их презренным, – то разве стал бы считать его достойным соревнования, наоборот – по этой причине не счел ли бы ты его скорее достойным сожаления и не назвал ли бы несчастным? Это делай и в отношении к богатым. Но есть некоторые люди, которые, – мы употребим в дело эти слова философии, – будучи подчиненными власти своего чрева наподобие свиней и козлов и рабами настоящих обстоятельств, думают, что после переселения отсюда ничего не остается; другие же, хотя полагают, что нечто остается, но предпочитают настоящее будущему. Итак, против тех, которые думают, что ничего не остается, но что уничтожившаяся наша душа не являет никакого разума, и полагают, что она не подвергается наказанию, может быть, даже смепшо и возражать, как против безумных и сумасшедших. В самом деле, если бы кто во время дня стал сомневаться в том, что налицо – день, и подвергал сомнению то, что признается всеми, то не стоило бы и убеждать такового словом и приводить его к (должному) мнению. Но, однакож, ради вашей любви побеседуем и с ним, как даст это Божия благодать. Что говоришь, человек, полагая, что после этой жизни нет ничего? Но

необходимо сказать, каким образом человека, однажды совратившегося с пути истины, диавол предает, как бы цепи каких-то зол, все более и более злочестивому мнению. Смотри же: он убедил пренебречь целомудрием, справедливостью, и иной добродетелью, сделал дурными в жизни, наконец, свыкшимися со злой совестью и старающимися перенести на других наказание за допущенные ими грехи, между тем как им следовало бы раскаиваться в пороке. Этого они не сделали, но измыслили догмат негодный и преисполненный бесчисленных зол, догмат касательно судьбы. Затем, опять опровергаемые на счет этого и принуждаемые допустить, что настоящее – ничто, они ниспровергают будущее и упраздняют слово о воскресении. Даже если опять опровергнем и это, то они беззаконствуют, впав в другое учение. Мы, однакож, опровергнем то, что под рукой. Ужели, человек, нет ничего после этой жизни, и ужели ты стоишь на стороне этих догматов? Таковое пустословили язычники, однакож, не воспротивились истине того догмата. Но, даже если ты и согласишься с ними, все-таки они допустили некоторую жизнь иосле этой, также и судебные разыскания и судилища в аду, и наказания, и почести, и решения, и приговоры. Даже если ты спросишь иудеев, даже еретиков, даже какого бы то ни было человека, он устыдится пред истиной того догмата, и хотя бы в других отношениях они были различных мнений, но в этом все согласны и говорят, что за случившееся здесь там требуются отчеты. Но ты не хочешь доверять ничему из этого, а однажды отдавшись заблуждению, ведешь себя бесстыдно. Итак, ради тех, которые еще живут трезво, необходимо повести речь об этом. Тому, кто признает, что после этой жизни нет ничего, необходимо признать, что нет и Бога. Видишь, что именно я сказал: что к числу более дурных принадлежат всегда те догматы, которые следуют за первыми, сменяют их собой? Если нет там после этой жизни ничего, то нет и Бога. Если есть Бог, то он праведен; если же праведен, то воздает каждому то, что следует по достоинству; если же после этой жизни нет ничего, то где каждый получит сообразно со своими заслугами? Обрати внимание: многие, как и сами они наперед согласились, благоденствуют здесь и пользуются почестями не по достоинству, другие же, живущие согласно с правдой, наказываются. Посему, если нет никакого времени после этой жизни, то праведные умрут потерпевшими несправедливость, а неправедные – не по заслугам благоденствовавшими; если же дело будет обстоять таким образом, то как могла бы существовать справедливость? Необходимо, чтоб было какое-либо время после этой жизни, когда каждому воздавалось бы по заслугам, потому что здесь мы не находим этого. Если же нет времени, то каким образом каждый получит то, что следует по достоинству? А если никто не получает следующего по заслугам, то и Бог в отношении к тебе несправедлив; если же Бог несправедлив, то Он не мог бы быть и Богом. Богохульство же да обратится на голову тех, кто вынуждает нас к этому! Смотрите, до какого богохульства дошла эта речь. Но, что Бог существует, об этом вопиют самые дела; Он также и справедлив; если же справедлив, то воздает каждому следуемое по заслугам; а если воздает всякому сообразно с его достоинством, то необходимо, чтоб после этой жизни было некоторое время, в которое каждый получит согласно с его заслугами, и получит наказание, и будет почтен за свои хорошие поступки. Придем в себя, возлюбленные: некоторые ведь живут в неведении Бога; придем в себя, будем бодрствовать! Ты согрешил, – не присоедини еще греха; ты согрешил, – успокойся. Ты согрешил, – не свяжи своих грехов дважды. Мы же связываем трижды и четырежды, внося в наши души бремя таковых догматов. Ты согрешил, – познай Владыку, сострадательного, человеколюбивого, благого, врача, снисходительного, легко умолимого, умилостивимого. Разве ты не слышал, что некто, истратив весьма большое число талантов (Мф.18:24) и погубив и уничтожив все господское имущество, когда был готов продать как свою жену, так и своих детей, нашел избавление и прощение всего того долга, после того как только пролил слезы, после того как только коснулся ног господина? Если же ты стал бы говорить, что последний вслед за этим предал его истязателям, то знающие эту историю знают и причину; тут речь идет об ином плане человеколюбия. И тогда господин, сжалившись, отпустил его, и снова

сжалившись над ним, вверг его в темницу: подобно тому как тогда поступял, помогая этому, так и теперь, помогая тому, требовал долг, для того чтоб этого научить не быть жестоким, ни бесчеловечным, а того чтоб освободить от насилия и бесчеловечия другого. Смотрите, возлюбленные; в то время, как я говорил, в меня вошла эта прекрасная мысль, каким образом не только корыстолюбие и хищение, но также и недостаток сострадания приготовляет нам геенну. Этот был предан мучителям не после того, как несправедливо взял чужое, а после того как бесчеловечно потребовал принадлежавшее ему самому. Именно сказано, что тот был должен; но, хотя тот был должен, также и на тебе лежал тот же самый долг, и в том и другом случаях надлежало, чтоб сохранялось одно и то же равенство. Посему тебе он отпустил, дабы показать тебе свое человеколюбие, сделать тебя подражателем Господней кротости. А после того как, получив благодеяние, ты не сделался лучшим, то исправляет тебя другим образом, при посредстве наказания, при посредстве истязания, так что и это – вид благодеяния. Он предал мучителям, чтобы, подобно тому как поступает прекрасный врач, вырвать из души порок. Ты не поддался приятному лекарству, для тебя нужно, наконец, железо и огонь. Тот, кто простил великое множество талантов, знал, что ты жесток и бесчеловечен, но Он ожидал, что оправдает себя пред тобой исходом дел, а это Он часто делает, зная, что поступает справедливо. После того, как оправдал Себя пред тобой, Он делает это. Так Он поступил и в отношении к жителям Содома: не прямо послал огонь и не исторгнул тех городов, но что? "**Вопль содомский и гоморрский**" (Быт.18:20), и не это только, но – "**сойду и посмотрю**" (ст.21). И не остановился даже и здесь, но послал ангелов, показывающих тебе порочность обитателей города, чтобы никто даже из бесстыдных людей не мог злословить Бога за то, что надлежало погибнуть людям негостепршмным, бесчеловечным, беззаконным и не знавшим законных требований справедливости, ниспровергнгам общие законы природы и преисполненным порока. Что может быть равно столь человеколюбивому и кроткому Богу? Мы, наказывая, часто не находим нужным говорить о причинах; а Он, если прежде не научил тебя, если прежде не убедил тебя и не получил с твоей стороны приговора, что Он справедливо наводит наказание, то не наказывает тех, которые давно были достойны наказания и мучения, и многократно готов давать тебе отчеты и вступает с тобой в суд, и не отказывается от судебного состязания. Видишь, что пророки преисполнены этих речей: всюду – суды Божии с людьми. И часто поступивших несправедливо – самих призывает в судьи, а часто призывает для произнесения приговора и тварь, показывая этим, что приговоры делаются открыто для всех сторон: Бог не отказывается призывать к произнесению судебного приговора ни самого противника, ни даже бесчувственную тварь, что именно и мы имеем обыкновение делать, когда уверены в своих собственных правах. "**Слушайте, горы, суд Господень, и вы, твердые основы земли**" (Мих.6:2); и опять: "**слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит**" (Ис.1:2). Часто же обращается и к самим тем виновным: "**народ Мой! что сделал Я тебе и чем отягощал тебя?**" (Мих.6:3). И Иеремия: "**какую неправду нашли во Мне отцы ваши?**" (Иер.2:5). Делает же это Он не по отношению к городам и народам только, но часто и по отношению к одному человеку. Он судится чрез посредство пророка с Давидом; и пред Ионой, отказывавшимся возвестить ниневитянам, защищается через посредство тыквы: если ты пожалел о тыкве, то "**Мне ли не пожалеть Ниневии**" (Ион.4:10-11)? И ты найдешь, что Писания преисполнены многими такого рода местами. Итак, зная это, будем покланяться Ему, удивляться, почитать Его, как то для нас возможно, потому что невозможно в той степени, в какой достойно. Позаботимся о настоящей жизни и будем верить, что Бог надзирает и что всем управляет Промысл, и после всего этого есть возможность, переселившись отсюда, получить обещанные блага, которые, о, если бы удалось стяжать всем нам, по благодати Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

СЛОВО ПЯТОЕ

о судьбе и провидении.

Поистине, возлюбленный, нет ни одного столь порочного и преисполненного неисцелимой гнилости учения, как учение о судьбе и роке. Помимо того, что оно влагает в души совращенных богохульное, нечестивое и гибельное мнение и убеждает говорить о Боге то, чего никто не сказал бы даже о демонах, оно также разрушительно влияет на нашу жизнь, все наполняет беспокойством и большим смятением; и то, что введено Богом и природой, чрез пророков и святых мужей для научения и исправлекия, оно ниспровергает и разрушает и доказывает, что это – бесполезно. И делает то же самое, как если бы кто-либо стал убеждать заболевшее и нуждающееся в лекарствах тело, – когда налицо находятся врачи и приготовляют врачество, – не пользоваться ничем из этого и не отстранять от себя болезнь, но, предавшись беспечности и легкомыслию, ожидать самой жалкой гибели. Или не это говорит судьба? Никто пусть не увещевает ни к чему полезному, никто пусть не слушает другого, который увещевает; напрасно существуют законы и судьи, напрасно – порицания и наставления, напрасно – страх наказания, напрасно – почести и почетные дары, также и награды за подвиги тем, кто хорошо поступает! Если ты проявишь заботливость, не будет отюда никакой пользы, и если ты будешь нерадив, не произойдет никакого вреда. Будучи дитятей, никто пусть не ходит в училище, став мужем, никто пусть не слушает законов, пусть не обращает внимания на советы и полезные вразумления! Что будет в состоянии принести труд? Подобно тому как ненагруженный и оставленный корабелыциками и кормчими корабль, тав пусть стремится человек, передав кормило ума порыву бури! Желаешь, скажи мне, чтоб мы послушались, и не стали делать ничего для спасения нашей жизни? На некоторое время оставим то, что касается души, в стороне, и побеседуем относительно обстоятельств настоящей жизни. Поверим ли судьбе, говорящей так, и не будем ли ни слуг, допускающих проступки, наказывать, ни тех, которые заражены распутством, обращать на путь истинный, ни поступающих несправедливо приводить в суд, ни слушаться законов? Желал бы я, чтоб это случилось хотя на короткое время, дабы на деле вы имели возможность понять эту губительную и вредную учительницу зол. Если всячески необходимо, чтоб произошло то, что определено судьбою, как в том случае, когда мы ревностно занимаемся чем-либо, так и в том, когда мы спим, то никакой земледелец пусть не запрягает волов и пусть не влечет плуга, и пусть не прорезывает борозды, и пусть не бросает семян, и пусть не выжидает удобного времени года, и пусть не терпит стужи и продолжительного дождя, и несчастья, и трудов в течение времен года, – пусть не точит серпа и пусть не жнет посеянного хлеба, пусть не растирает колосьев, пусть не насаждает и пусть не ухаживает за растениями, – отбросив совершенно всякую заботу о земледелии, пусть сидит дома и пусть спит все время: если все несомненно назначено ему судьбою и определено Парками, то блага придут в дом сами собою; если же Клофо[1] повернет веретено в противоположную сторону, то, хотя бы он трудился бесконечно, не будет для него никакого предела трудов и усилий. Итак, почему вы не увещеваете делать это, если только действительно верите судьбе? Почему не советуете, чтобы на самом деле узнали то прекрасное, что обусловливается судьбой? Желаешь ли показать мне, что в действительности предопределено судьбой? Прекрати земледелие, упраздни мореходство, изгони все житейские искусства, и ни домостроитель, ни медник, ни ткач, ни другой кто из приносящих пользу для нашей жизни пусть не заботится о своем искусстве, и тогда ты увидишь прекрасно, какова награда со стороны судьбы, тогда прекрасно испытаешь ее, тогда увидишь неизменность ее. И зачем я говорю об искусствах, которые поддерживают нашу жизнь? Пусть остаются искусства, и не упраздняй даже и одного, но в то время, как все они остаются на свойственном им месте, каждый в отдельности пусть нисколько не заботится о своих делах и пусть не печется о том, что относится к его дому, но пусть вверит управление всеми своими делами судьбе, и тогда узнает пользу от нее, когда, подвергая его мучениям и бичеваниям, будут требовать от него податей; а он, не имея их,

убежит под защиту той, но никто не обратит на него внимания. До какого времени нам быть детьми по уму? Доколе мы не перестанем пустословить? Доколе мы не познаем общего Владыки? Если судьба делает дурными и хорошими, то зачем ты даешь советы дитяти, зачем вразумляешь? Все – без пользы и напрасно. Если она делает богатыми и бедными, то не посылай в училища, не доставляй денег, не делай ничего могущего увеличить для него имущество, но дела его поручи судьбе. Однакож ты не отваживаешься на это. Видишь ли, как совсем не веря силе ея в меньших делах, доверяешь ей в больших? Если действительно судьба существует, то позволь дитяти и вступать в сношения с дурными людьми, и развращаться вместе с развращенными: всячески, если это определдено ему судьбой и назначено Парками, то будет лолезно и для тебя. Действительно, говорят, действительно существует судьба. Тогда зачем же доставляешь хлопоты и себе самому, и другому? И для чего я говорю относительно детей, когда ты не отважкшься делать этого, во всяком случае, даже и в отношении к слугам, но и угрожаешь, и стращаешь, и употребляешь всякие способы, чтобы слуга у тебя сделался прекрасным, и не полагаешься на рок? Почему же наказываешь, если он сделался дурным? Ведь произошел грех не от него, а от рока, который его толкал. Почему же хваляшь его, если он сделался прекрасным? Ведь не его – добродетель, а роковая. Лучше же сказать: никто не будет ни прекрасным, ни худым. Человек, не делающий ни того, ни другого по собственному побуждению, но получающий принуждение извне, не будет ни этим, ни тем. Ктак, почему же мы хвалим мужей? За что же порицаем? За что проклинаем, за что ублажаем других? Видишь, до какой нелепости довело нас слово о судьбе? Никто не целомудрен, никто не распутен, никто не корыстолюбив, никто не справедлив; и добродетель, и порок упразднены, и напрасно мы введены в эту настоящую жизнь, лучше же сказать: не напрасно, а даже – на несчастье. И как не нелепо быть толкаему в грех принуждением рока, а с другой стороны, терпеть крайнее наказание под его же воздействием, вместо того, чтобы пользоваться сожалением и состраданием, – подвергаться ненависти и наказанию, вместо того, чтобы пользоваться почтением? Того, кто терпит несправедливость и пострадал от насилия, следует не наказанию подвергать, а окружать почестями; а мы и терпим несправедливость, и переносим наказание. Что могло бы быть неразумнее этого: за то, что тяжко страдаем, ввергнутые в грех, за это терпеть и наказание? Судьба сотворила человекоубийцу, и берет жизнь за то, что человек повиновался ей: какой догмат мог бы быть пагубнее этого? Это похоже на то, как если бы кто, столкнув в пропасть и овладев свергнутым, снова домогался наказания его за это; или – как если бы кто, предав кого-нибудь бесчеловечной госпоже на изувечение и в жертву бесчисленным бедствиям, потребовал наказания преданного человека за его рабство и плен. Скажи мне: разве что-нибудь могло бы быть неразумнее этого или – более несчастно, чем этого рода люди? Если же это так, если даже враги и неприятели знают о снисхождении к своим врагам, когда те совершают что-либо тягостное для них недобровольно и не по желанию; а судьба не будет знать снисхождения к тем, кто ей послушен и во всем повинуется, лучше же сказать, к тем, которые подчинены ее принудительной силе, но за то, что принудила их совершить, за это самое требует их к наказанию; то, скажи мне, какое смятение, какой лабиринт, какой ураган будет изображением этого смешения? Мне недостаточно было одного вида несправедливости, что именно, ни в чем не согрешив, я ввержен в грех, и что другой, ни в чем не поступив добродетельно, становится добродетельным и наслаждается почестью; недостаточно одной только той несправедливости, что судьба безрассудно и неразумно сделала как меня дурным, так его прекрасным, – но она присоединяет и другую и не подражает человеческому правосудию; между тем как люди столь человеколюбивы и кротки, что различают невольное от добровольного, эта, управляющая человеческими делами, какая-то Эринния[2] и злой демон, все таким образом смешивает. Итак, если нет Бога, Который имеет наблюдение над этим, то данное мнение изобличается с другой стороны. Невозможко, чтоб при столь великом благоустройстве не было Провидения. Кроме того,

если нет Бога, то каким образом вообще это приведено в порядок? Если же существует, то как Он не имеет попечения об этом? Если сам Он сотворил, то обрати внимание на нечестие и на преизбыток богохульства; если же не сотворил, и если не имеет попечения о происшедшем, то опять – не меньшее прежнего обвинение. Видишь, как отовсюду стесняется диавол, склоняющий людей к неистовству против Владыки? Ты желаешь меня убедить, что веришь судьбе и что она, по твоему мнению, есть значительный догмат? Не обвиняй прелюбодействующую женщину, не преисполняйся гневом, не приводи прелюбодея в судилище к судье. Если увидишь, что подкапывается стена, то не захватывай того, кто подкапывает, и не домогайся наказания его, потому что он сделал это недобровольно, как сам же ты утверждаешь. Пренебреги всеми твоими делами, потому что во всяком случае тебя лостигнет то, что определено судьбой; брось золото, сколько ни имеешь его; пренебреги домами, торжищами, рабами, потому что твоя беззаботность не принесет никакого вреда беззаботности судьбы. Но ты не отважишься ни на что такое, так как убедился на деле в том, что нужно осудить догматы о судьбе. Итак, почему, всюду осудив ее, прикрываешь себя ею в грехах? Видишь, что этот догмат внесен не откуда-нибудь, как только со стороны беззаботности и нерадения и ослабления сил в отношении к самым трудам, предпринимаемым для снискания добродетели. Если есть рок, то нет суда; если есть рок, то нет веры; если есть рок, то Бога нет; если есть рок, то нет добродетели, нет порока; если есть рок, то все напрасно, все без пользы и делаем, и терпим; нет похвалы, нет порицания, нет стыда, нет позора, нет законов, нет судилищ. Итак, откуда такой-то обогащается, – говорят, – откуда другой пребывает в бедности? В особенности, если мы даже не знаем причин этого, то нам надлежало бы оставаться при незнании, а не воспринимать другого негодного догмата. Лучше хорошо не знать, чем худо знать, потому что одно свободно от вины, а другое лишено снисхождения. Но, кроме того, по благодати Божией, и теперь нам ясно стало, откуда один – богат, а другой перебывает в бедности? Именно, потому тот богат, что или получил отеческое наследство, или прибегал к морскому путешествию и мелочной торговле, или похитил и отнял силой принадлежащее другим, или заключил богатый брак, или занимался земледелием, или искусством, или чем-либо другим в таком же роде. И много способов обогащения: одни праведные, другие неправедные. Таким же, конечно, образом объясняется происхождение и бедности: сделался кто-либо жертвой клеветы или ябеды, или чьего-нибудь корыстолюбия, или своей расточительности, или сжился с леностью, или впал в безумие, или обеднел каким-нибудь другим образом, потому что – много способов для того, чтоб сделаться бедным. А почему, говорят, такой-то, содержа блудниц и тунеядцев, и льстецов, и принося вред делам посторонних, и проводя изнеженную и разнузданную жизнь, имеет богатства, которые притекают к нему как бы из источников; другой же, проводящий в свою жизнь милосердие и целомудрие, и справедливость, и остальные добродетели, не имеет даже и необходимого пропитания? Потому что один – хорош и избирает себе соединенную с трудом добродетельную жизнь, а другой – порочен и воспринял роскошный и разнузданный путь греха? Итак, для чего же злой обогащается, а добродетельный беден? Для того, чтобы и этот получил больший венец, если останется на своем посту и проявит терпеливость, и тот – большее наказание и мучение, если не переменится и не сделается лучшим и не познает Владыку своего. Послабления, даваемые со стороны Бога, более отягчают тех, которые остаются злыми, и изобилие, даваемое Им тем, кто не пользуется этим, как должно, делается умножением вины. Таким же образом, конечно, и бедствия, и затруднительные обстоятельства являются увеличением венцов, хотя бы иногда такие люди и впадали в заблуждения. Ведь соразмерен бывает приговор, потому что не просто произносится суд о грехах, но иначе судится богач, иначе бедный: один со снисхождением, другой же без снисхождения. Например, пусть будут вором и честолюбцем богач и бедняк; один, хотя и жалкое, но все-таки имеет некоторое прибежище в нужде, проистекающей от бедности, а другой не имеет даже никакой благовидной или правдоподобной увертки, так что бедный насколько умаляется в

настоящей жизни, настолько избыточествует в будущей соответственно своим добрым делам, и богач – сообразно с его прегрешениями. Поэтому, не подумай, что бедный терпит несправедливость, или что богач имеет преимущество. Подобно тому как и в отношении к несчастиям, те, кто здесь потерпят наказание, или совсем очищаются или там терпят меньшее наказание, как выдержавшие здесь напор великих злостраданий; так и в отношении к благам, те, кто здесь наслаждались честью и оставались дурными, имеют эти почести средством, ведущим к наказанию. Итак, смотри, каким образом Бог всюду укоряет порочных людей за здешние почести: Я дал тебе все, что принадлежало твоему господину (2Цар.12:8); и опять – жрецов во время Илия за почесть (1Цар.2:28); и в ином месте: Я дал вам "**из сыновей ваших в пророки и из юношей ваших – в назореи**" (Амос.2:11), – и всюду присоединяет о том, что было сделано в пустыне. Посему, когда увидишь, что богатый поступает несправедливо, корыстолюбив, совершает хищения, то по этой причине более всего оплачь его, так как он, будучи богат, делает это, – и тем большее получит наказание. Когда увидишь, что бедный проявляет болыпую заботу о справедливости, то по этой причине всего более удивись ему, так как он таков, не смотря на бедность. Если это тобою тщательно исполнено, то ты никогда не придешь в в смущение по поводу тех обстоятельств, какие происходят, если именно будешь взирать на будущее и ни во что не ценить настоящее, если всегда будешь надеяться на то, и отдаляться от этого. О, если бы, по благодати Христа, мы достигли всех благ! Аминь.

---

[1] Одна из Парк, прявших, по представлению язык. мифологии, нити человеческой жизни.

[2] Фурия, мстящая богиня, по греко-римской мифологии.

СЛОВО ШЕСТОЕ

о судьбе или против прожорливости.

"**Будем есть и пить, ибо завтра умрем!**" (Ис.22:13), – многие среди иудеев так говорили во времена пророков. Но нет ничего удивительного в том, что это говорили иудеи, "**которых бог - чрево, и слава их – в сраме**" (Флп.3:19); а что после благодати и презрения настоящих вещей, и столь великого совершенства и рачительности, еще и теперь есть некоторые если словами и не говорящие этого, то своими делами кричащие о том же самом, – это сколь великого достойно упрека? Существуют, поистине существуют такие, которые думают, что они ради того введены в настоящую жизнь, чтоб, предавшись роскоши и расстроив свое чрево, и утучнив свое тело, затем умереть, приготовляя из своей собственной плоти очень обильную трапезу червю. И если бы еще зло заключалось в том только, что они напрасно и без пользы тратили настоящее на то, на что не следовало, – хотя и это не свободно от упреков и от вины! Когда деньги, данные нам от Бога для пропитания тела и для помощи нуждающимся, мы истратим на распутство и студодеяние и на удовлетворение крайнего стремления к удовольствиям, то это негоднейшее мотовство не останется для нас без ответственности, но непременно мы дадим отчет, и то, что сказано о пяти талантах и двух, и одном (Мф.25:15), должно быть сказано также и о деньгах и обо всем остальном. Итак, – как я говорил, – если мы прожили без пользы и напрасно, то и такого рода поведение не останется не подлежащим ответственности; теперь же, кроме того, будет иметь место и другое наказание. Человеку, предающемуся роскоши и занимающемуся пьянством, и кормящему тунеядцев и льстецов, расстраивающему себя мясоядением и винопийством, часто и невольно и по

доброй воле бывает необходимо грешить, как в то время, в которое он живет в настоящем месте, так и после удаления оттуда. Подобно тому как корабль, нагруженный множеством годных для перевозки предметов, большим, чем сколько он может нести, отягчаемый величиной груза тонет, так и душа и природа нашего тела, приняв пищу в большем количестве, чем какое соответствует ее силе, угнетается страданием, и, не выдерживая тяжести принятого ею, тонет в море гибели, и вместе со всем губит также и кормчего, и корабельщиков, и подкормчего, и пассажиров, и самый груз. Итак, подобно тому как в отношении к кораблям, находящимся в такого рода положении, не бывают полезны ни тишина моря, ни искусство кормчего, ни множество матросов, ни хорошая оснастка, ни удобное время года, ни иное что не помогает столь стесняемому кораблю, – так, конечно, бывает и в отношении к предающимся роскоши: ни множество рассуждений, ни учение и увещание, ни предостережения и советы, ни иное что, ни страх пред будущим, ни стыд, ни упрек со стороны настоящего, вообще ничто не может спасти так стесняемую душу; но неумеренность преодолевает все, и человека, страдающего таковой болезнью, – желает ли он этого или не желает, – наконец, увлекает вниз и потопляет, производя жестокое кораблекрушение, откуда не легко подняться вверх. И таковой человек бывает бесполезным не только для будущего и тех отчетов, какие потребуются там, но даже и для настоящей жизни, и ни на что не бывает годным, но всюду осмеиваемым, как в государственных, так и частных делах. Даже, если бы предстояла надобность, чтоб было совершено что-либо крайне необходимое, у него не окажется никакой предусмотрительности, ни способности к управлению; для всех врагов он – удобоодолим, для всех друзей и родных – бесполезен. Таковой не только в опастностях и несчастьях – хрупок, не только при спокойствии и безопасности – несносен, но также и в затруднительных обстоятельствах, по причине недостатка умеренности, будет бесполезен для каждого встречного. Там, то есть, среди несчастий, им овладеет трусость, также робость и безмерный страх, и большая нерассудительность; а здесь – отвага и беспечность, и невоздержкость, неумеренность и кичливость, и хвастовство делают его для всех еще в большей, чем предыдущая, степени неприятным. Не только тела находящихся в таком положении людей и безобразны, и слабы, и размягченны, и отовсюду бывают преисполнены невыносимого зловония, но также и душа гораздо более безобразна, чем тело, принимает от неги гораздо более значительные болезни, чем каковы болезни тела. Так, тело извергает не только естественные нечистоты, но гораздо большее и отовсюду, – потому что глаза и ноздри, и уста, когда внутренность их обременяется образовавшимся избытком соков, наполняются отвратительнейшей мокротой и тлением, и самая природа тела, сделавшись более изнеженной, чем то допускается естественной соразмерностью, как бы наполненная грязью и нечистым илом, становится и зловонной, и бесполезной, и неспособной к какому бы то ни было хорошему делу. И сама земля, когда, преисполненная такого рода изобилием, потеряет свойственную ей и врожденную теплоту, вместе с тем теряет и свою силу, и не способна ни к деятельности, ни к свойственному ей рождению. Поэтому же люди, живущие среди постоянной роскоши, заболевают тяжкими и неисцелимыми болезнями: они бывают подвержены дрожанию членов и слабости, и истощению, и притуплению обоняния и слуха, и болезням ног, и болезням рук, и очень многим другим, о чем говорят питомцы врачей. Таким образом, если бы и не было геенны и наказания, и крайнего осуждения со стороны Бога, ни порицания от людей, ни излишней траты, ни другого бесчисленного, что приключается вследствие изнеженной жизни, а было налицо только одно это, то разве его не достаточно было бы для отклонения всех от прожорливости? Таковые трапезы нисколько не будут лучше губительных ядов, скорее же, – если должно сказать истину, – гораздо хуже. Эти (яды) тотчас похищают принявшего их и нечувствительно приближают смерть, так что умирающий по поводу этого самого даже и не скорбит; а те (трапезы) для людей, высоко ценящих их, устраивают жизнь более тягостную, чем бесчисленное множество смертей, жизнь, скажу так, не только жалкую, но и постыдную и достойную смеха. Прочие болезни

привлекают многих, высказывающих соболезнование, а те, которые происходят от роскоши и пьянства, не позволяют зрителям, даже если бы они и желали, соболезновать тем, кто порабощен ими: преизбыток несчастья склоняет к состраданию, а основание болезни, если оно известно, возбуждает противоположное чувство. Мы как будто испытываем некоторое среднее чувство: ни сожалея их, потому что этого не позволяет нам причина их несчастия, ни гневаясь, потому что этого не допускает размер несчастья, – получается нечто среднее между обвинением и прощением. Не природой они обижены, как те, и не являются жертвами злоумышления со стороны людей, но сами для себя сделались творцами этих своих болезней, добровольно ввергая себя самих в бездну зол. Итак, подобно тому как мы не очень жалеем людей, привязывающих к себе веревку с петлей и бросающихся с крутизны, и умерщвляющих себя посредством мечей, точно так же (не очень жалеем) и этих. Даже, если должно получить снисхождение, то скорее могли бы получить его те, чем эти, хотя и те сами не могут заслуживать какого-либо прощения. Те, или вследствие ложных доносов, или денежных штрафов, или под влиянием ожидаемой опасности, или в чаянии ударов, или в виду какой-либо другой боязни, исторгая себя из больших зол, прибегают к утешению смерти, устремляясь к ней, как бы к некоторому безопасному месту, или как бы спеша и торопясь от ожидаемых бурь в некоторую тихую гавань; а эти, не имея возможности сказать ничего такого, предаются жизни более тягостной, чем бесчисленное множество насильственных смертей. Поэтому благовременно теперь привести это изречение мудреца: "**кто пожалеет об ужаленном заклинателе змей и обо всех, приближающихся к диким зверям?**" (Сир.12:13). Роскошь есть зверь, зверь жестокий и дикий, и не в такой степени всюду причиняет вред скорпион или змея, засевшие в наших внутренностях, в какой страсть роскоши все разрушает и губит. У тех зверей умысел имеет в виду тело; а эта, когда водворится, то вместе с телом губит, сверх того, и душу. Поэтому да убежим от нее, говорю – как благоразумным. Если в ней есть что полезное, то не послушаемся, не поверим; если же истинно то, что сказано, и если это дело – гибель и крайнее поругание, то пощадите крепость вашего собственного тела, здоровье души. Я не говорю, чтобы ты стремился к суровой жизни, вопреки желанию: излишнее только отбросим, то, что выходит за пределы необходимого, отсечем. И какого снисхождения мы достойны, когда другие не наслаждаются даже необходимым, хотя это и в их власти, а мы шествуем и за пределами необходимого? Границей пищи да будет для нас то, что не приносит вреда, то, что может, без вреда для нас, прекратить наш голод; не будем же искать ничего, что лежит далее этого; а лучше, – если надлежит сказать нечто достойное удивления и стоящее в разрез с мнением толпы, но истинное, то знайте: даже когда ищем удовольствия, скорее найдем его в умеренности, чем в роскоши. Послушай, как то удовольствие – больше и обильнее этого. Одно не может даже произойти и не находит годной для себя природы яств; а другое может образоваться даже с помощью того, что враждебно. Кто говорит это? Тот, кто насладился преимущественно пред всеми. "**Душе**", говорит он, "**голодной все горькое сладко, а сытая душа попирает и сот**" (Прит.27:7). Видишь, как то легко может образоваться и из немногого, и даже из всего, а это – никоим образом? Если мы не принимаем меду, то что, наконец, могло бы быть для нас приятно? Если то, что слаще всего, не может доставлять удовольствия, то что будет в состоянии принести нам его? Поэтому, если мы ищем удовольствия, то скорее найдем его в умеренности. Как же не дело крайнего неразумия избегать трапезы, заключающей удовольствие и здоровье, и все блага, и боголюбезной, а устраивать другую, преисполненную бесчисленных несчастий, и неприятную, и печальную, и нездоровую, и, что всего более тягостно, раздражающую нашего Бога? Если вдовица "**сластолюбивая заживо умерла**" (1Тим.5:6), то что мы могли бы сказать о мужах? Если в ветхом завете это было запрещено с большой строгостью, и пророк употребляет сильный удар против предающихся роскоши, хотя он указал вид роскоши не слишком разорительный и, на самом деле, не пышный: "**едите лучших козлят из стада и тельцов молоком питаемых, пьете процеженое вино,**

мажетесь наилучшими мастями, лежите на ложах из слоновой кости и нежитесь на постелях ваших" (Амос.6:4,6), – если это достойно порицания, когда все было плотское, и когда не было никакого понятия о небе, когда иудеи и их дела находились под руководством пестуна, то что мы могли бы сказать о теперешней роскошной жизни? Если он осуждает, как проводящих жизнь роскошную и изысканную, тех, которые едят козлят и сосущих молоко телят, то что мы могли бы сказать о людях, исследующих самые удаленные углы моря и крайние пределы земли и отовсюду собирающих для себя разнообразных ловцов птиц и рыб? Если те, которые пьют процеженное вино, порицаются, то что ты мог бы сказать о тех, которые из-за вина предпринимают заморские путешествия и употребляют в дело все, чтобы не остался незамеченным никакой род винограда, как будто бы они должны потерпеть наказание или быть самым крайним образом осуждены, если не насытятся непомерно всяким родом вина? Если достойно порицания пользоваться слоновым ложем, то какое могли бы получить прощение те, которые обкладывают постели большим количеством серебра, лучше же сказать – куют их из одного только серебра, не ложа только, но и подножки, и тазы, и сосуды, и ночные горшки? Что малое или великое они будут в состоянии сказать во время тех судебных разбирательств? Я же присоединяю к этому то, что есть самое тягостное из всего: что это собрано, благодаря чужим несчастьям, хотя пророк этого не отметил, но только осудил роскошь. Когда же налицо будет и вина более тягостная, чем роскошь, то кто исторгнет делающих таковое из крайнего наказания? Какой Ной будет предстательствовать, какой Иов, какой Даниил? Нет никого такого. Но в отношении к тем можно сказать: возгорится гнев Мой, как дым (Ис.65:5). Не свойственно ли, спрашиваю, исполняться гневом и поистине крайним негодованием и раздираться, когда другой не наслаждается даже и необходимой пищей, а ты без пользы и напрасно куешь столь много серебра на то, на что не следует, даже и не на показ? Впрочем, и для этого последнего не получится у тебя пользы, но произойдет перемена в противоположную сторону. Ты делаешь это для того, чтоб стать славным и известным, а случается противоположное. Ты не славный какой-либо и известный человек, но все осуждают тебя в жестокости и корыстолюбии и крайних пороках. Сколь велика зависть, сколь велико нерасположение, сколь велика ненависть со стороны всех, сколь велико у всех страстное желание перемены твоего положения! Я оставляю в стороне те клеветы на Бога, какие порождаются таковыми богатствами, хотя это всего более тягостно: что бы ни случилось и что бы ты ни сказал, ты не найдешь ничего хуже этого. Но нет трапезы соразмерной и умеренной, какова – наша, которой не осмеивает пророк, не осуждает человек, не порицает Бог, не наказывает огонь, никто не гнушается, не ненавидит, не говорит дурно, которую напротив одобряет Бог, в которой принимают участие ангелы, которую хвалят люди и принимает небо. Эти трапезы встретили ангелов; при этих присутствует Христос, а не при тех. Таковы были трапезы пророков, таковы – апостолов, таковы – праведных. А те – тиранов и людей, порочно обогащающихся на земле, те – с танцовщиками и прочими из числа живущих на погибель человечества, те трапезы – разбойников и чародеев, и грабящих могилы. Когда ты предложишь таковую трапезу, то ангел поспешно убегает, а Бог раздражается, вождь же демонов радуется; гнушаются и ненавидят, и изнывают не враги только, но даже и те, которые кажутся людьми дружественно настроенными, более снедаемые завистью, нежели наслаждаясь тем, что возле них находится. Когда же кто-либо предложит ту трапезу, скромную и соразмерную и не имеющую ничего возбуждающего похоть, то она будет и приятнейшей, и угодной для всех друзей и для Бога, и ангелов, и людей; соприсутствует ей и Единородный Сын Божий, потому что, подобно тому как Он уклоняется от кичливости и от всякого высокомерного человека, и от всякой смуты, точно так Он – друг для человека смиренного и всегда находится вместе с ним, и всего его ограждает и отовсюду защищает. А когда присутствует Христос, то не должно искать ничего другого. Итак, зная это, возлюбленные, будем убегать от того, будем преследовать это, чтобы нам получить и настоящие, и будущие блага, по благодати

и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, честь, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО ПЕРВОЕ

о молитве.

По двум причинам надлежит ублажать слуг Божиих и удивляться им: потому что надежду на свое спасение они выразили в святых молитвах и потому что, сохранив на письме те гимны и образцы молитв, какие они с радостью и страхом возносили Богу, передали это свое сокровище н нам, для того чтобы быть в состоянии привлечь к своей собственной ревности и все потомство. Так и следует, чтоб характер учителей переходил на тех, кто входит с ними в сообщество, чтобы слушатели пророков являли себя подражателями их праведности, чтобы мы все время жили в молитвах и служении Богу и попечении о Нем, считая это именно жизнью, это – здоровьем и богатством, это – пределом благ, т. е. возношение молитв Богу чистой и неиспорченной душой. Как солнце – свет для тела, так молитва – для души. Итак, если для слепого служит бедствием – не видеть солнца, то сколь велико бедствие для христианина не молиться непрерывно и не вводить посредством молитвы в свою душу света Христова? Однако, кто не изумился бы и не удивился человеколюбию Бога, какое Он проявляет в отношении к нам, даруя людям столь великую честь, что удостоил и молитвы, и беседы Своей? Во время молитвы мы воистину говорим с Богом; чрез нее вступаем в соединение и с ангелами, и весьма ясно удаляемся от общения с неразумными существами. Молитва – и ангелов долг, возвышает и их достоинство, хотя беседовать с Богом – нечто высшее по сравнению с достоинством ангелов. А что и в самом деле – нечто высшее, об этом учат нас они сами, с великим страхом вознося свои молитвы, давая и нам знать и понимать, что приходящим к Богу надлежит делать это с радостью и страхом: со страхом, чтобы нам не оказаться недостойными молитвы, с радостью же вследствие обширности чести, вследствие того, что смертный род удостоен столь великого попечения, что непрерывно наслаждается даже божественной беседой, через посредство которой мы перестаем быть и смертными, и преходящими, по природе своей будучи смертными, а через общение с Богом восходя к бессмертной жизни. И необходимо, чтоб пользующийся общением с Богом сделался выше смерти и всякого тления. Подобно тому, как совершенно необходимо, чтобы наслаждающийся солнечным лучем избегал тьмы, точно так же совершенно необходимо, чтобы наслаждающийся божественным общением не был после этого смертным, потому что самая обширность чести переносит нас к бессмертию. В самом деле, если беседующим с царем и наслаждающимся идущей с его стороны честью невозможно быть бедными, то гораздо более невозможно иметь смертные души тем, кто воссылает моления Богу и беседует с Ним. Смерть души – нечестие и беззаконная жизнь. Следовательно, и жизнь души – служение Богу и приличные тому нравы; нравы же святые и приличествующие служению Богу образует и удивительным образом сберегает в наших душах молитва. Одержим ли кто страстной любовью к девству, или заботится о почитании целомудрия в браке, или господствовании над гневом и жизни в кротости, или о чистоте от зависти, или о совершении чего-либо иного из должного, – всякий раз как молитва служит для него проводником и предварительно выравнивает его жизненный путь, он будет иметь и удобную, и легкую дорогу к благочестию. И невозможно, невозможно, чтобы просящие от Бога целомудрия и справедливости, и кротости, и честности не получили согласно своей молитве: "**просите**", говорит (Писание), "**и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам**" (Мф.7:7), "**ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят**" (Лк.11:10). И опять в другом месте: которого же из вас, говорит Писание, "**сын попросит хлеба, подаст ему камень? или рыбы, подаст ему змею вместо рыбы? если вы, будучи злы, умеете**

даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святаго просящим у Него" (ст.11,13)? Такими словами и такими надеждами Господь всяческих призвал нас к молитве; нам же надлежит, повинуясь Богу, все время жизни проводить в славословии и молитвах, более прилежно заботясь о служении Богу, нежели о своей душе, так как при таких условиях для нас была бы возможность всегда вести жизнь, приличествующую людям. Кто не молится Богу и не желает непрестанно наслаждаться божественным общением, тот мертв и бездушен и лишен мыслительной способности. И это самое – величайший признак нерассудительности, именно – не понимать обширности чести и не любить страстно молитвы, и не считать смертью для дупш непоклонения Богу. Подобно тому как это наше тело, если в нем нет души, мертво и зловонно, так и душа, не побуждающая себя к молитве, мертва и несчастна, и зловонна. А что подлинно лишение молитвы надлежит считать более горьким, нежели всякая смерть, прекрасно учит нас Даниил, великий пророк, лучше предпочитавший умереть, чем быть лишенным молитвы в течение только трех дней (Дан.6:10). Тот царь персидский не повелел ему совершить что-либо нечестивое, но только имел в виду, чтобы он помедлил в течение трех дней. Поистине без божественного мановения не могло бы войти в наши души никакое благо. Божие же мановение помогает нам в трудах и прекрасно облегчает их, если заметит, что мы любим молитву и непрестанно неотступно просим Бога, и ожидаем, что оттуда снизойдут все блага. Итак, когда я увижу, что кто-либо не любит молитвы и не имеет к ней горячей и ревностной любви, то мне уже ясно, что он не владеет в своей душе ничем благородным. Когда же увижу, что кто-либо ненасытно печется о служении Богу и, если не молится непрерывно, то причисляет это к величайшим бедствиям, тогда заключаю, что таковой – надежный подвижник всякой добродетели и – храм Божий. Если **"одежда человека и походка и осклабление зубов"** объявляют то, что заключается в нем (Сир.19:27), согласно словам мудрого Соломона, то гораздо более молитва и служение Богу есть знак всякой праведности, будучи некоторым духовным и божественным одеянием, проливая в наши мысли большую красоту и прелесть, управляя жизнью каждого, не позволяя ничему дурному и неуместному господствовать над умом, убеждая почитать Бога и уважать ту честь, какая от Него даруется нам, уча удалять от себя всякое ухищрение лукавого, изгоняя постыдные и неприличные размышления, приводя душу каждого в состояние презрения к удовольствию. Вот гордость, единственно приличествующая почитающим Христа: не быть рабом чего-либо постыдного, но блюсти душу в свободе и чистой жизни.

Итак, что без молитвы совершенно невозможно свыкаться с добродетелью и с нею идти по жизненному пути, я думаю, ясно всем. Да и как мог бы кто упражняться в добродетели, не приступая и не припадая непрестанно к Вождю ее и Подателю? Как мог бы кто пожелать быть целомудренным и справедливым, не беседуя с удовольствием с Тем, Кто требует от нас и этого, и большего, чем это? Я же хочу в кратких словах доказать, что, даже если мы преисполнены грехов, а молитвы завладеют нами, то они скоро очищают. В самом деле, что могло бы быть славнее молитвы или божественнее, когда она оказывается некоторым противоядием для больных душевно? Известно, что ниневитяне являются первыми из числа тех, которые молитвой избавились от многих своих пред Богом грехов (Ион. пи). Вместе с тем, как овладела ими молитва, она сделала их праведными и быстро исправила город, привыкший жить среди распутства и порочно, и беззаконной жизнью, возымев большую силу, чем какую имела древняя привычка, сделав этот город полным небесных законов, вместе с собой привлекая и целомудрие, и человеколюбие, и кротость, и попечение о бедных. Без этого она не выносит обитания в душе; но тот ум, в который бы ни вселилась она, делает полным всякой справедливости, наставляя в добродетели и удаляя порок. И действительно, если бы тогда вошел в город Ниневию кто-либо из тех, которые прежде основательно были с ним знакомы, то он не узнал бы города: так он внезапно перешел от очень дурной жизни к благочестию. Подобно тому как женщину,

дотоле бедную и носившую рубища, если бы кто-либо потом увидел украшенной золотыми одеждами, то не узнал бы, – так и тот, кто прежде знал этот город нищенствовавшим и лишенным духовных сокровищ, не узнал бы, что это за город, который в такой сильной степени могла изменить молитва и возбудить его нравы и образ жизни в добродетели. И некоторая женщина, прожившая все время в распутстве и блуде, вместе с тем, как припала к ногам Христовым, получила и спасение (Лк.7:37...). Итак, молитва не только очищает грехи, но прогоняет даже и великие опасности. Царь и пророк, дивный Давид избежал большей части тяжких войн, благодаря молитве, выставляя впереди своего войска одно только это оружие и доставляя своим воинам тихое и безбоязненное наслаждение победой. Прочие, конечно, цари свою надежду на спасение полагали в опытности полководцев и в их искусстве, также и в стрелках из лука и тяжеловооруженных воинах, и всадниках; а великий Давид укреплял свое войско святыми молитвами, не взирая на спесь военачальников и отрядоначальников и предводителей конных сил и не собирая имуществ, и не приготовляя оружия, но с неба снося божественное всеоружие. Божественная молитва – воистину небесное всеоружие, и одна только она может безопасно оберегать предавшихся Богу. Неприятельские взоры, храбрость противников, и многое другое часто делают тщетными и силу тяжеловооруженных воинов, и их знание, и опытность стрелков, и их изворотливость; а молитва – непобедимое оружие и надежное охранительное средство, одинаково отгоняющее одного воина, одинаково и многие мириады: так и дивный Давид низложил того Голиафа, наступавшего, подобно какому-то страшному демону, не оружием и не мечами, но молитвами (1Цар.17). В такой степени крепким оружием в сражениях является для царей молитва; она – крепкое же оружие и для нас против демонов. Так и царь Езекия одерживает победу в войне с персами (4Цар.19), не войска вооружив, но противопоставив множеству противников только одни молитвы; таким образом он избежал и смерти, с подобающим благоговением униженно умолив Бога, и одна только молитва восстановила царю здоровье (Ис.38). И что молитва действительно легко очищает согрешившую душу, научает нас мытарь, пожелавший получить от Бога отпущение грехов и получивший (Лк.18:13); научает же и прокаженный, который вместе с тем, как униженно обратился к Богу с молитвой, тотчас и был очищен (Мф.8:2). Если же Бог быстро исцелил зараженное болезнью тело, то Он гораздо скорее человеколюбиво уврачует заболевшую душу, потому что насколько душа более драгоценна, чем тело, настолько более естественно Богу обнаруживать в отношении к ней и большее попечение. И всякий мог бы указать бесчисленное множество примеров как древних, так и новых, если бы пожелал перечислить всех тех, которые были спасены чрез посредство молитвы. Но, быть может, кто-либо из более нерадивых и не желающих ревностно и усердно молиться, скажет, что Бог произнес следующие слова: "**не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного**" (Мф.7:21)? Если бы я думал, что одной только молитвы достаточно для нашего спасения, то естественно было бы всякому воспользоваться этими словами; а так как я утверждаю, что молитва – самое важное из благ, также основание и корень плодотворной жизни, то никто да не воспользуется теми словами для того, чтобы извинить свою беспечность. И подлинно, ни целомудрие одно только без прочих добродетелей, ни попечение о бедных, ни благотворительность, ни иной какой-либо подвиг не может спасать, но требуется, чтоб все вместе стеклось в наши души; молитва же лежит под этим, как корень и основание. И подобно тому, как основания делают твердыми и скрепляют корабль и жилище, точно так же молитвы твердо держат нашу жизнь в сохранности; без нее же у нас не могло бы быть ничего – ни хорошего, ни спасительного. Поэтому Павел настаивает, непрерывно увещевая нас и говоря: "**будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней с благодарением**" (Кол.4:2); и в другом месте: "**непрестанно молитесь**", говорит он, "**за все благодарите: ибо такова о вас воля Божия**" (1Фес.5:17-18);

и опять в ином месте: "**молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением**" (Еф.6:18). Таким образом вождь апостолов непрестанио призывает нас к молитве многими и божественными словами. Поэтому надлежит, чтоб, наставляемые им, мы проводили жизнь в молитве и ею непрестанно освежали свой ум, так как мы – все люди – нуждаемся в ней не меньше, чем деревья – в водах. Ни те не могут производить плодов, если не пьют воды чрез посредство корней, ни мы не будем в состоянии изобиловать многоценными плодами благочестия, если не будем освежаемы молитвами. Вследствие этого именно должно, и вставая с ложа, всегда предупреждать солнце служением Богу, тоже и касаясь трапезы, и намереваясь спать; лучше же сказать – в каждый час вознося Богу одну только молитву, проводя в ней весь день, в зимнее же время, употребляя на молитвы даже большую часть ночи и сгибая колена с большим страхом, устремляя свои мысли на молитвы, считая себя счастливыми из-за служения Богу. Скажи мне, как ты будешь смотреть на солнце, не поклонившись Тому, Кто посылает твоим глазам сладчайший свет? Как ты будешь наслаждаться трапезой, не поклонившись Подателю и Источнику столь великих благ? С какой надеждой ты будешь достигать времени ночи? С какими сонными мечтаниями ты надеешься встретиться, не оградив себя молитвами, но отойдя ко сну без предохранительных средств? Ты будешь для лукавейших демонов презренным и весьма удобным для уловления; они непрестанно ходят вокруг, высматривая нас, кого бы, не укрепленного молитвой, они могли быстро захватить в плен. Если они заметят, что мы ограждены молитвами, то тотчас поспешно убегают, как разбойники и злодеи, видящие меч, висящий у головы воина. Если же действительно случится, что кто-либо не укреплен молитвой, то этот, внезапно схваченный, уносится демонами, и ввергается в грехи и несчастия, и бедствия. Боясь всего этого, мы должны всегда укреплять самих себя молитвами и славословием, чтобы Бог, умилосердившись над всеми, сделал достойными небесного царствия, чрез Единородного Сына Своего, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

СЛОВО ВТОРОЕ

о молитве.

Что молитва – основание всякого блага и способствует к достижению спасения и вечной жизни это решительно всякому известно; но, однако, необходимо поговорить об этом деле по мере сил, чтобы людей, привыкших жить в молитвах и ревностно заботиться о служении Богу, это слово сделало более ревностными, а жившие очень беспечно и оставившие свою душу не знающей молитвы, чтоб поняли, как то, что за убыток они понесли в течение прошедшего времени, так и сверх того не лишили самих себя спасения в остающуюся часть их жизни. Поэтому сейчас же мы имеем сказать о самом важном в молитве, что именно всякий, молясь, беседует с Богом; а как много значит, будучи человеком, говорить с Богом, это знает решительно всякий; но выразить эту честь словом никто не был бы в состоянии. Эта честь превосходит даже и величие ангелов, что те прекрасно понимая, почти все являются у пророков возносящими славословие и службы Господу с великим страхом, в силу великого благоговения закрывая и лица свои, и ноги, летанием же и неспособностью оставаться в спокойном состоянии обнаруживая сильный страх; уча, думаю, и нас, чтоб во время молитвы забывали о своей человеческой природе, чтоб одержимые усердием и страхом не видели ничего из находящегося налицо, но думали, что стоим среди ангелов и совершаем служение, тождественное с их служением. Все остальное, – говорю о том, что принадлежит им, и что нам, – и природа, и образ жизни, и мудрость, и разум, и все, о чем бы кто ни сказал, много отлично у них и у нас; но дело молитвы обще у ангелов вместе с людьми, и когда имеется в виду то, что касается молитвы, то между той и другой природой нет ничего промежуточного. Она (молитва)

отделяет тебя от бессловесных животных, она соединяет с ангелами, и если кто ревностно старается о том, чтоб посвятить всю свою жизнь на молитвы и служение Богу, то такой скоро сделает своим достоянием их устройство, и жизнь, и поведение, и честь, и благородство, и мудрость, и разум. Что могло бы быть святее беседующих с Богом? Что – праведнее? Что – благонравнее? Что – мудрее? Ведь, если говорящие с мудрыми мужами, вследствие постоянного сношения с ними, скоро становятся подобными им со стороны благоразумия, то что надлежит сказать о беседующих с Богом и молящихся Ему? Сколь великой мудростью, сколь великой добродетелью и разумом, и честностью, и целомудрием, и кротостью нравов наполняет их молитва и прошение! Поэтому не погрешил бы кто-либо, доказывая, что молитва – причина всякой добродетели и справедливости и что в душу, незнакомую с молитвой и прошением, не может войти ничто содействующее благочестию; но, подобно тому как не укрепленный стенами город легко покорился бы неприятелям, так как в нем в очень сильной степени недостает того, что оказало бы противодействие, точно так же и душу, не укрепленную молитвами, диавол легко порабощает себе и без труда заражает всякого рода грехом. И, во-первых, когда он увидит душу, укрепленную молитвами, то не дерзает к ней приблизиться, боясь крепости и силы, какую доставляют молитвы, лучше питающие душу, нежели в какой степени пища – тела; потом, ревностно молящиеся не допускают себя до чего-либо недостойного молитвы, но, стыдясь Бога, с Которым только что беседовали, быстро отталкивают от себя всякое коварство лукавого, размышляя в себе самих, сколь велик грех – только что беседовавшему с Богом и просившему у Него целомудрия и святости тотчас перейти на сторону диавола и принять в душу постыдные удовольствия, и дать диаволу дорогу к уму, только что созерцаемому Богом, и дозволить демонам входить в души, в которых благодать Духа показала великое человеколюбие и попечение. И каким образом, – выслушай. Человеку невозможно без силы Духа перенести божественную беседу, но должно, когда она присутствует и помогает в святых подвигах, войти и преклонить колена, и просить, и молиться. Так как беседовать с Богом – дело, превышающее человеческие условия, то надлежит, чтоб благодать Духа, войдя в нас, укрепила и ободрила, и раскрыла высоту чести. Итак, когда поймешь, что и говоришь с Богом, и принял силу Духа, намереваясь беседовать, то не дашь диаволу никакого доступа в освященную Духом душу. Как беседовавшие с царем и насладившиеся его кроткими речами и честью, не находят приличным войти в общение с нищими и отверженными, так и беседовавший с Богом и молившийся не мог бы счесть приличным допустить сообщество с лукавым и нечестивым демоном. Воистину раболепствующий пред удовольствиями находится в общении с демонами и соревнует их неистовству, – подобно тому как человек воздержный и подвизающийся в делах справедливости живет вместе с ангелами и подражает их великолепию. Мне кажется, что если бы кто сказал, что молитвы – нервы души, то он сказал бы истину. Думаю, что как тело связывается нервами, и бегает и стоит, и живет, и крепнет, благодаря им, а если бы кто вырезал их, то уничтожил бы и всю гармонию тела, – так и души соединяются с помощью святых молитв и твердо стоят, и легко бегут по пути благочестия. Если же ты лишишь себя молитвы, то сделаешь то же самое, как если бы ты извлек из воды рыбу, потому что как для той жизнь – вода, так для тебя – молитва. Чрез посредство ее, как бы через воду, можно улететь вверх и стать выше небес и приблизиться к Богу. Итак, достаточно и сказанного для доказательства силы святой молитвы; но, быть может, лучше будет, обратившись к божественным Писаниям, из изречений Христа понять то богатство, какое молитвы собирают для людей, желающих проводить в них всю жизнь. "**Сказал также**", говорит (Писание), "**и притчу к ним, им притчу о том, что должно всегда молиться: в одном городе был судья, который Бога не боялся и людей не стыдился. В том же городе была одна вдова, и она, приходя к нему, говорила: защити меня от соперника моего. Но он долгое время не хотел. А после сказал сам в себе: хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но, как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее, чтобы она не приходила больше докучать мне. И**

сказал Господь: слышите, что говорит судья неправедный? Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? сказываю вам, что подаст им защиту вскоре." (Лк.18:1-8). Поймем, братие, мудрость, сокрытую в словах Духа, исследуя ее сообразно с нашей силой, не какова она есть, но в какой мере она постижима нам. Те, которые проводят свою жизнь на море, спускаясь в самую пучину, приносят для находящихся на земле многоценные камни; мы же, исследуя море божественных Писаний, кинемся в самую пучину духовной мудрости, насколько это для нас возможно, чтобы принести вам совершенное сокровище, лучше украшающее души, чем как украшают головы царей выложенные драгоценными камнями венцы. Красота тех (венцов) находится в соответствии с настоящей жизнью; а тот, кто увенчивает свою душу словами Духа, и теперь со всякой безопасностью проводит время, и после конца жизни дерзновенно приближается к престолу Христову, преисполненный добродетели и чистый от всякой скверны. Итак, какое несем вам сокровище из глубины Писаний, не касаясь самой пучины мудрости, но спускаясь к ней настолько, насколько возможно? Христос, привлекая людей к молитве и желая показать проистекающую от нее пользу для наших душ, вводит некоего порочного и жестокого судью, отвергшего от своих глаз всякий стыд и изгнавшего из своей души страх Божий, хотя достаточно было бы предложить в пример кого-либо справедливого и милостивого и, сравнивши его справедливость с человеколюбием Божиим, показать силу молитвы, потому что если добрый и кроткий человек нежно принимает обращающихся с молением, то во сколько раз более Бог, обширность человеколюбия Которого превосходит не только наш ум, но даже и самих ангелов? Итак, – что я и говорил, – достаточно было бы привести в пример справедливого судью; теперь же Он вводит судью жестокого и нечестивого, и человеконенавидца, свирепого в отношении к прочим людям, а в отношении к тем, которые просят, доброго и кроткого, чтобы ты понял, что всякое моление легко привлекает к состраданию и милости даже и дурную природу. Итак, для чего Христос сделал это? Для того, чтобы никто из всех людей не оставался в неведении на счет силы молитвы. Поэтому, представив порочнейшему из всех судей вдову и показав его человеколюбивым, вопреки его природе, от этого порочного человека перенес речь к Своему Отцу, благому, кроткому, нежному, человеколюбивому, оставляющему без внимания беззакония, прощающему многие согрешения, злословимому ежедневно и переносящему это, снисходительно взирающему на воздаваемую демонам честь, на оскорбления, наносимые Ему, на злословия против Его Сына, на бесчисленное множество явных и тайных зол. Что же, злословимый таким образом, Он кротко переносит, а если увидит, что мы припадаем с подобающим страхом, то разве не помилует в скором же времени? "**Слышите**", говорит (Господь), "**что говорит судья неправедный? хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но, как эта вдова не дает мне покоя, защищу ее**" (Лк.18:6,4-5). Что говоришь? Над чем не возымел силы страх, над тем возымела силу молитва? И угроза, и ожидание наказания не привели этого человека к справедливости, а вдова, явившаяся с мольбою, укротила жестокого. Итак, что надлежит соображать о человеколюбивом Боге, если умоляющая вдова сделала жестокого человека столь кротким? Сколь великую доброту, сколь великое человеколюбие покажет в отношении к нам Бог, всегда желающий только быть милостивым, но никогда не хотящий наказывать, даже и наказаниями угрожающий нам в силу Своего великого человеколюбия и уготовавший великие почести, чтобы и страх, и ожидание чести – одно возбудило к добродетели, а другой удержал от дурных поступков! Не могу отклонить свой ум от неправедного судии, в его кротости, не соответствовавшей его природным качествам, созерцая неизреченное Божие человеколюбие. В самом деле, если тот, кто никогда не желал проявить с своей стороны ничего добросердечного, внезапно переменившись, сжалился над умолявшей, то сколь великое попечение доставят нам с неба молитвы? Каждый мог бы узнать силу и могущество святых молитв, рассматривая и созерцая, сколь великими благами ежедневно и ежечасно наслаждаются те, которые всегда униженно

умоляют Бога. И кто не знает, что и свет солнца, и звезд, и луны, и благорастворенность воздуха, и разнообразные виды пищи, и богатство, и жизнь, и бесчисленное множество благ Бог одинаково дарует всем людям – и праведным, и нечестивым, по той причине, что человеколюбие Его, проявляемое в отношении к нам, велико? Если же Он ежедневно так милостив и успокаивает тех, которые не просят и не требуют, то сколь великими благами естественно будут наслаждаться те, кто провел всю свою жизнь в прошениях и молитвах? А сколь многим из праведников удалось молитвами спасти и народы, и города, и всю вселенную, об этом мы хотим сказать вам. Но при воспоминании о молитве первым, достойным упоминания, лицем является Павел, – Павел, который в деле служения Богу был ненасытим, общий отец и старший из рабов Христовых. Итак, этот страж вселенной молитвой и непрестанным прошением спас все народы, всегда говоря нам: "**для сего преклоняю колени мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле, да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши**" (Еф.3:14-17). Видишь, сколь много имеет силы молитва и прошение? Соделывает людей Христовыми храмами, и как золото и многоценные камни и мрамор устрояют жилища царей, так молитва – храмы Христовы. Вселится, говорит он, Христу в сердца ваша. Что могло бы быть большей похвалой молитвы, нежели то, что она соделывает храмами Божиими? Кого не вмещают небеса, Этот входит в душу, проводящую свою жизнь в молитвах. "**Небо – престол Мой**", говорит (Господь), "**а земля - подножие ног Моих; где же построите вы дом для Меня**", говорит Господь, "**и где место покоя Моего?**" (Ис.66:1). Но, однако, Павел созидает дом святыми молитвами. "**Преклоняю**", говорит он, "**колени мои пред Отцем Господа нашего Иисуса Христа, да вселится Христос верою в сердца ваши**". И оттуда, конечно, всякий мог бы усмотреть силу святых молитв, что Павел, бежавший через всю вселенную, как бы окрыленный, и живший в темнице, и подвергавшийся бичеванию, и носивший оковы, и живший среди крови и опасностей, и прогонявший демонов, и воскрешавший мертвых, и исцелявший недуги, ни на что из этого не положился для спасения людей, но укрепил землю молитвами, и после знамений и воскресения мертвых прибегал к молитвам, подобно тому как некий атлет устремляется к месту борьбы за венцом. Подлинно, молитва – виновница и воскресения мертвых, и всего остального; и это естественно, потому что какую силу в отношении к деревьям имеют воды, такую в отношении к этой жизни – молитвы святых мужей. Ночью освежая молитвою свою душу, Павел легко переносил все беды, подставляя свою спину ударам так, как если бы он был статуей. Таким образом он потряс темницу в Македонии; таким образом, как лев, разорвал молитвами свои узы; таким образом исхитил темничного стража из заблуждения; таким образом сокрушил тиранию демонов (Деян.16). Конечно, мы знаем также и то, что он пишет всем людям: "**будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней с благодарением. Молитесь также и о нас, чтобы**" было дано мне слово, когда я дерзновенно открою мои уста, "**возвещать тайну**" евангелия (Кол.4:2-3). Что ты говоришь? Молитвы дают нам столь великое дерзновение, что мы можем дерзать умолять Бога о Павле? Какой воин дерзает умолять царя о великом полководце? И хотя никакой полководец не дружествен так царю, как Павел – Богу, однако, молитвы доставляют нам столь великую честь, что мы можем дерзать умолять Бога о Павле. Таким образом освободился из темницы и великий Петр, более блистающий, чем небо, – преимущественно благодаря своей собственной добродетели и ради общего человеческого спасения, а затем, и потому, что быстро отверзла заключенные двери темницы молитва церкви. Ведь не необдуманно написал Лука, что "**церковь прилежно молилась**" за Петра (Деян.12:5), но для того, чтобы мы поняли, сколь великую на небесах силу имеют молитвы, так что освобождают от опасностей Павла и Петра, столпов церкви, вождей апостолов, славных на небе, стену вселенной, общую охрану всей земли и моря. Скажи мне, каким образом Моисей спас Израиля во время войн? Не передал ли ученику оружие и войско, а сам не противопоставил ли множеству врагов свои

молитвы, уча нас, что молитвы праведников имеют гораздо большую силу, чем какова (сила) и оружия, и коней, и богатства, и войск. Поэтому и все войско, и многие мириады в молитве пророка имели надежду на спасение, так как, когда Моисей молился, то иудеи брали верх (Исх.17:10-11), когда же прекращал молитву, то они уступали врагам. Таким, конечно, образом и мы, молясь, легко победим диавола, живя же в беспечности, изощряем против самих себя лукавого. Даже и живший нечестиво народ Моисей спас одной только молитвой, и с помощью ее одной только достиг божественного лицезрения, и бесчисленных благ. Она сделала ему и жизнь, подобную жизни небожителей. Молитва уничтожила силу огня и укротила львов, – одно сделавши относительно Даниила, а другое относительно трех отроков (Дан.6:16 и след.;3гл). Через это, думаю, для всех стало ясным, что кем бы находящимся в опасности ни овладела молитва, всех она легко избавляет от угрожающих бед. Молитва – причина спасения, виновница бессмертия души, несокрушимая стена церкви, непоколебимая охрана, страшна для демонов, для нас же, благочестивых, спасительна. Она родила святого пророка Самуила (1Цар.1), потому что, после того как природа противодействовала матери в деле рождения детей, молитва, явившись, быстро исправила порок природы. Таков плод молитвы, такого родила молитва пророка. Отсюда произошел славный на небесах Самуил, лучший, чем свойственно человеку, соревнователь ангелам; и надлежало, думаю, явиться такому колосу молитвы, который превосходил бы остальных прекрасными качествами и добротой нравов и настолько имел бы преимущество пред бывшими до него святыми мужами, насколько в нивах тучнейшие и высочайшие из колосьев выделяются среди остальных. С ее помощью Давид удалил от себя великие войны, не употребляя в дело оружия, не потрясая копьем, не извлекая меча, но ограждая себя молитвами; благодаря ей, Езекия быстро обратил в бегство множество персов (4Цар.18:9-37;19:1-37). Те подводили к стене осадные орудия, а он укрепил стену молитвами; и война прекратилась без оружия, благодаря молитве, когда не издавала звука труба, когда войско не трогалось с места, когда оружие не приводилось в движение, когда земля не обагрялась кровью, – молитвы было достаточно для устрашения врагов. Молитва спасла и ниневитян и быстро отвратила устремлявшийся с неба гнев, и скоро исправила зараженную грехом жизнь. Такую мощь и силу имеет молитва, что хотя ниневитяне прожили всю свою жизнь постыдно и порочно, но когда вошла в город молитва, то быстро изменила все и вместе с собой внесла целомудрие, и справедливость, и дружбу, и единодушие, и попечение о бедных, и все блага. Подобно тому как необходимо бывает, чтобы после вступления в город какой-либо царицы вместе с ней следовало всякое богатство, точно так же, конечно, и после проникновения в душу молитвы вместе с ней входит и всякая добродетель. И что в жилище – основание, то же самое в душе – молитва. И нам всем должно, утвердив в душе прежде всего ее, как бы основание и некоторый корень, ревностно строить и целомудрие, и кротость, и справедливость, и попечение о бедных, и все законы Христовы, чтобы, согласно с ними прожив остальное время, мы получили небесные блага, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

о пророчестве Захарии и о зачатии Елисаветы[1].

Ничто не находится вне зависимости от Господних определений, потому что все следует и служит божественному повелению. "**Дал устав**", говорит (Писание), "**который не прейдет**" (Пс.148:6), потому что Кто вначале все произвел словом, Тот и опять может словом переделать творения. Он сказал некогда, чтоб безводная скала сделалась изобилующей водой, – и она тотчас изрыгает реки воды (Исх.17): "**ударил в камень, и потекли воды, и полились ручьи**" (Пс.77:20); и скала, которая прежде была сухой и

лишенной воды, сделалась источником рек и матерью вод (Ис.35:7), потому что ничто не бесплодно, чему Бог повелевает (совершать) рождение. Итак, Изменивший тогда бесплодную скалу в озеро, и теперь повелел бесплодной Елисавете явиться рождающей детей матерью и показал бесплодную плодоносной и отягченную старостью как бы новобрачной девицей. Когда спешила к могиле, тогда приготовлялась к деторождению; когда старость иссушила тело, тогда Бог возродил утробу; что потеряла она из-за времени, то вновь получила, благодаря Создателю; что потеряла юность, то старость получила назад; когда она сделалась близкой к смерти, тогда стала именоваться матерью дитяти; та, которая переступила уже за материнские времена, уведала материнскую заботу и носила на руке младенца, – та, которая по причине старости нуждалась в посохе для того, чтобы ходить; старица осязала перворожденное дитя, и бесплодная неожиданно родила, чтобы поверили Деве, рождающей сверх естества. То и другое ново и необыкновенно, потому что и бесплодная и Дева – неожиданные матери. Вестником же этого необыкновенного рождения был послан старцу Захарии архангел Гавриил; и, став по правую сторону от кадильного алтаря, явился ему: и "**смутился Захария**", говорится, "**увидев его, и страх напал на него**" (Лк.1:12). Он увидел то, чего никогда не видел, говорящий огонь, бестелесного человека, неосязаемый образ, несравнимое ни с чем зрелище, не похожее ни на что видение, быстро ходящего по воздуху, крылатое существо с человеческим образом, – и "**увидев смутился**". Увидев же его смутившимся, ангел прогоняет страх добрыми извещениями: "**не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн; и будет тебе радость и веселие, и многие о рождении его возрадуются**" (ст.13-14). Не бойся, Захария, я пришел не с целью наводить страх, но явился тебе вестником радости. Какой радости? "**Жена твоя Елисавета родит сына тебе, и наречешь имя ему Иоанн**". Он осветит мир, как денница, и прогонит мрак неведения, призывая Солнце правды, потому что идущий во след мене был прежде меня, "**у Которого я недостоин развязать ремень обуви Его**" (Мк.1:7). И он "**предъидет в духе и силе Илии**" (Лк.1:17). Дух Илии вселился и в Иоанна, потому что духи пророков повинуются пророкам; и почти во всем мы находим Иоанна подобным Илии. Тот жил в горах, и этот проводил время в пустыне; того питали вороны, и этот ел акриды; тот облекался в милоть, и этот в велблужди власы; тот был суров и обличитель, и этот равным образом; тот обличал Ахава, царя иудейского, и Иезавель, жену его: "**ты**", говорит он, "**развращающий Израиля, и дом отца твоего**" (3Цар.18:18), – и Иоанн обличал Ирода и Иродиаду: "**не должно тебе иметь жену брата твоего**" (Мк.6:18). И он "**предъидет в духе и силе Илии, чтобы возвратить сердца отцов детям**" (Лк.1:17). Что значит: "**возвратить сердца отцов детям**"? Отцы иудеев: Авраам, и Исаак, и Иаков, и двенадцать патриархов, и все праведники, видя грехолюбивый народ, с готовностью блудодействующий с чужими богами, отвращались от них, как от таковых. С тех же пор, как Иоанн возвестил крещение покаяния, многие обратились к Богу. Итак, отцы их, видя, что они обращаются к Богу, и сами обратили к ним свои сердца; вот что значит: "**возвратить сердца отцов детям, дабы представить Господу народ приготовленный**" (Лк.1:17), избранников Божиих, о которых Давид пророк предвозвестил, говоря: "**таков род ищущих лица Бога Иакова**" (Пс.23:6). Необыкновенное зачатие сына поражает изумлением старца Захарию, он не в состоянии перенести рождения, имевшего наступить по миновании соответствующего этому возраста, – не размыслив разумно, что гончар, устроивший чрево, может возобновить обветшавшую утробу. Поэтому он и низвергнулся в крутую пропасть неверия. Когда ангел говорит: "**вот жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн**" (Лк.1:13), Захария противостоит своим словом и говорит: "**по чему я узнаю это? ибо я стар, и жена моя в летах преклонных**" (Лк.1:18). Откуда мне, говорит, будет обеспечение? Какое можешь представить мне доказательство обещанного? Покажи мне теперь жезл, как при первосвященнике Аароне, расцветший, и тогда я поверю тебе, что и старость может произвести дитя. "**Ибо я стар, и жена моя в летах преклонных**". Слова

твои – хороши, но обещание таково, что ему верить трудно. Как посредник, обещаешь мне сына, надежду за надеждами; время моей молодости миновало; я бесплодно истратил все время юности. Когда я сделался как бы сухим деревом, тогда ты вынуждаешь меня приносить плод; с согнутым телом прохожу по площади, уже не имею силы смотреть вверх к небу; старость увлекает меня к сродной мне земле, потому что я – земля и отойду в землю; едва переставляю ступню ног; двух ног мне недостаточно для хождения; вместо третьей ноги ношу жезл, потому что доныне я не обогатился дитятею, которое вело бы меня за руку; я – движущийся гроб и ходящий мертвец. Итак, каким образом с теперешнего времени дитя будет называть меня отцом? Аз бо есмь стар, и жена моя заматоревши во днех своих. Когда старость приводит меня к могиле, тогда ли я взойду на брачное ложе и произведу дитя на закате солнца моей юности? И я ослабел из-за времени, и Елисаветы утроба омертвела. Итак, "**по чему я узнаю это? ибо я стар, и жена моя в летах преклонных**". "**Ангел сказал ему в ответ: я Гавриил, предстоящий пред Богом, и послан говорить с тобою и благовестить тебе сие; и вот, ты будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется, за то, что ты не поверил словам моим, которые сбудутся в свое время**" (Лк.1:19-20). "**И вот, ты будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить**". Желаю что-либо сделать, и как ты спрашиваешь? Я решился сотворить чадо, и ты расследуешь способ? Вообще же ты напрасно любопытствуешь относительно начала Моих дел. Разве невозможен для Бога всяк глагол? Скажи Мне: откуда был рожден Исаак? Не Авраам ли – старец – родил его, и не Сарру ли – неплодную – он назвал матерью? Ты, которому предстоит то же ожидание, почему не принял моих слов так, как – тот? Поэтому "**будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить за то, что ты не поверил словам моим**". Свяжу твой язык, пришедший в движение для бесчинного ответа; каким органом произвел грех, посредством того и будь наказан.

"**Кто чем согрешает, тем и наказывается**" (Прем.11:17). Поэтому "**будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить за то, что ты не поверил словам моим**"; ты, говоря, не поверил Моим словам, молча – ожидай Моих слов, "**которые сбудутся в свое время**" (Лк.1:20), потому что невозможное для людей возможно для Бога. Ему слава во веки. Аминь.

---

[1] Эта и следующие беседы в издании Миня относятся к разряду Spuria, т. е. неосновательно приписываемых св. И. Златоусту.

ПОХВАЛА

на зачатие святого Иоанна пророка – Предтечи и Крестителя.

1. Великий Моисей, слуга Божий, глава пророков, шествовавший по морю, кормчий воздуха, дававший в пищу манну, Божий законодатель, принявший священные скрижали, первый вводитель в жизнь того, что полезно, этот столь великий муж устроил израильскому народу скинию по тому образцу, какому был научен от Бога на горе. И он устроил все, как святое, так и священное в отдельности, что содержалось внутри – в огражденном месте; самое же внутреннее между этим было и неприступным, и недоступным местом, так называемым "Святым святых". По этому образцу скинии и Соломон построил храм, затмевавший все бывшие на земле храмы не драгоценностью вещества только и не тонкостью искусства, но и видом постройки, так что никогда и не

вздумалось бы пожелать тех, что были у египтян. И он делает храм на подобие всего мира, как чувственного, так и духовного. Подобно тому как есть земля и небо, и средняя перегородка – это твердь; так повелел Бог и тому быть, и разделив этот храм на две части и опустив посредине завесу, в часть, находившуюся вне завесы, позволил входить всем, а внутренняя часть была недоступна для всех и невидима никому, кроме одного только первосвященника, как заповедал ангел, сказавший Моисею, чтобы он передал сынам Израиля: "**в седьмой месяц, в десятый день месяца смиряйте души ваши**" (Лев.16:29); это сказано о сооружении скинии, потому что тогда, в день водружения скинии, однажды в год один только первосвященник входил во Святая святых воскурять фимиам. Итак, в этот праздник сооружения скинии вошел и Захария в чину чреды своея покадити и увидел ангела, стоявшего "**по правую сторону жертвенника кадильного. Захария, увидев его, смутился, и страх напал на него. Ангел же сказал ему: не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн; и будет тебе радость и веселие, и многие о рождении его возрадуются, ибо он будет велик пред Господом; не будет пить вина и сикера, и Духа Святаго исполнится еще от чрева матери своей; и предъидет пред Ним в духе и силе Илии, чтобы возвратить сердца отцов детям, и непокоривым образ мыслей праведников, дабы представить Господу народ приготовленный**" (Лк.1:11–15,17). Заметил ли ты обещание, превышающее пророческую силу? Это пророчество связало и развязало язык Захарии: связало, когда он не поверил рождению; развязало же его, когда рождение произошло. О, чудо! Иоанн из чрева – евангелист, из утробы – чудотворец, вскормленный в пустыне и ведущий равноангельскую жизнь, бывший после закона в числе пророков, второй Илия и истиннейший вестник, ревностью Духа изгоняющий заблуждение, Предтеча и Креститель, говорящий: "**покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное**" (Мф.3:2); сын Захарии и плод бесплодной, и совершенное дело молитв народа; искренний возвеститель покаяния и заступник верных – исповедующихся; исполнение закона и вождь благодати, и изобличение нечестия иудеев; утвердитель небесных догматов и неподкупный судья проступков народа; родившийся, сверх ожидания, от нерождавшей, бесплодной женщины и по благодати брачный друг Христа, Который извел из скалы воду; обуздатель иорданских волн и руководитель очищения грешников; предузнавший непостижимое таинство и пророк явления Того, Кто невидим: таков Иоанн, согласно с возвещением, родившийся у Захарии в глубочайшей старости. О, чудо! Вот самыми делами подтверждены те бывшие во чреве радостные движения Иоанна, какие он обнаружил. Мир увидел веселие, которое Предтеча во чреве живописал своими ногами. Но какую мы воздадим праведнику честь, отовсюду окружаемые его отменными подвигами? Он, находясь во чреве, благовествует, рождаясь, чудотворит, подвизаясь в пустынных местах, преуспевает; воспитывается, ведомый вперед Духом, служит посредником между законом и благодатью, возвещает крещение покаяния, крестит явившегося Господа, крестя, созерцает славу Троицы и поистине свидетельствует о благодати, взывая, показывает на Возвещенного пророками, исповедуя Владыкой более сильным, чем он сам; путеводит к Нему верующих, научая множество народа тому, что полезно, наставляет и крестящихся мытарей, обличает и противозаконно поступающего Ирода, принимает, наконец, и Того, Кто дарует блаженство. Поэтому, какими словами выразим свое удивление? Какой язык приведем в движение при этом? Что из этого пройдем молчанием и что будем в силах сказать относительно этого? Велико море похвал, велика и широта отменных подвигов; и одно только ознакомление с делами поражает говорящих изумлением. Но да придет и ныне Захария, отец праведного, осужденный на молчание и опять начавший говорить; тот как нелъзя более ясно поведает нам о своих делах, как он заговорил, после того как язык его был связан, как Иоанн рождается и высказанный ангелом приговор отменяется, как мщение уходит и приходит исцеление. Евангелист, вводя сокращенное повествование о Захарии и жене его – Елисавете, прежде обозначает их имена и род, и достоинство, а потом присоединяет похвалу их образу жизни

и трофей за их добрые дела, при чем указывает и на осуждение Захарии на молчание и извещает о восстановлении дара речи. И слушай потом евангельские слова: "**у них не было детей**", говорит Писание, "**ибо Елисавета была неплодна, и оба были уже в летах преклонных**" (Лк.1:7). И теперь я не только созерцаю их бесчадие, но и размышляю о древнем образе праведников, разумею – Авраама и Сарру; замечаю как неплодие, порождающее другое так и деторождение при помощи благодати и естества, необыкновенное деторождения таинство: таков образ и этого обетования. "**Тогда явился ему Ангел Господень, стоя по правую сторону жертвенника кадильного. Захария, увидев его, смутился, и страх напал на него. Ангел же сказал ему: не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн**" (Лк.1:11-13). Прекрасно стяжание обетования, велик дар видения, истинно Авраамова похвала, потому что как тому предвозвещено зачатие Сарры, так и этому – зачатие Елисаветы. Но, хотя предсказание одинаково, – не одинаково положение дел. Между тем как Авраам, вследствие обетования, не испытал ничего ужасного, Захария после благовествования оказывается безгласным, не поверив верному ангелу и приняв наказание безмолвием. "**И сказал**", говорит (Писание), Захария Ангелу: "**по чему я узнаю это? ибо я стар, и жена моя в летах преклонных**" (Лк.1:18). Что это, Господи? Я возношу Богу моления за весь народ, умилостивляя Его, и Ты сам возвещаешь мне благую весть, что у меня родится сын? Это – невозможно, потому что старость – бессильна и естество – расслабленно, и моя жена – бесплодная скала. И каким образом это со мной случится? Однако, если и родится у меня сын, как Ты сказал, то какая будет от него польза народу? Ангел же отвечает: чрез него будет великое спасение народу и всем языкам, так как он обратит всех с пути заблуждения и покажет им путь спасения, став посредником между Богом и людьми. "**Он предъидет в духе и силе Илии, и пророком Вышняго наречется**" (Лк.1:17,76). Он предъидет пред лицем Господним, говоря: "**вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира**" (Ин.1: 29).

2. Захария, отвечая на это, сказал ангелу: "**по чему я узнаю это?**" Ангел же сказал: так как ты нетерпеливо желаешь знамения рождения и не веришь моим словам, то возьми надежный залог: "**я Гавриил, предстоящий пред Богом, и послан говорить с тобою и благовестить тебе сие; и вот, ты будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется, за то, что ты не поверил словам моим, которые сбудутся в свое время**" (Лк.1:19-20). Неумолим суд погрешившему и безотлагателен наказующий гнев. Поистине не следовало бы оказывать недоверия ангелу, не следовало бы, чтобы алтарь был предметом презрения, не следовало бы думать, что время каждения – время обмана, – ведь когда он кадил – явился ангел. Он не вспомнил об истории Авраама; и тогда рождает дитя неплодная и старосгь, а сказанное тогда было встречено с полным доверием; (Захария же) получил чудесное подтверждение такового деторождения. Поэтому ангел говорит ему: "**будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется, за то, что ты не поверил словам моим**". О, человеколюбивое наказание, скорее соделавшее исправление! Ангел вразумляет и самый голос, которого Захария лишился, потому что "**выйдя, не мог говорить к ним; и они поняли, что он видел видение в храме; и он объяснялся с ними знаками, и оставался нем**" (Лк.1:22). Прекрасно написал евангелист: "**и оставался**", потому что молчание ожидало рождающегося голоса, Захария – Иоанна, старец – младенца. О, чудо! Слово приходит и голос предвозвещает; Господь грядет, и раб предпосылается. Но зачем теперь преждевременно говорю о проповеди в пустыне, имея некоторый другой необыкновенный и великий предварительный голос? Есть дела более ранние, которые выше этих речей. Креститель, еще живя во утробе матери, еще удерживаемый узами естества, еще обернутый материнскими свивальниками, проповедью вопиет об явлении Господа. Случилось, говорит (Писание), что когда Елисавета услышала приветствие Марии, "**взыграл младенец радостно во чреве моем**" (Лк.1:44). Еще не

рождается – и говорит радостными движениями; еще не имеет возможности кричать – и предвозвещает Бога. Поистине "**другие трудились, а**" мы "**вошли в труд их**" (ср.Ин.4:38); предвещали пророки и не молчали подвергаемые ударам; список патриархов находился в опасности: тираны выстраивались против них во враждебный строй; воевали цари; воспламенялся гневом народ; весь мир противоборствовал подвигам праедников; тут они приводились в суды, там подвергались бичеваниям; отовсюду – пытки и мучения! Но, благовествуя испытывавшим таковое несчастие в жизни прекращение зимы, Иоанн, еще связанный свивальниками естества, показал нам спасительную весну; и спеша возвестить своим голосом Того, о Ком объявил своими ногами, насильственно пытался переступить пределы естества, и торопил медленно рождавшую Елисавету; прыгал, и веселясь вместе, и досадуя из-за того, что находился во власти чрева; вопиял против периода месяцев; потрясал утробу, как тюрьму, в которой он неправедно был заключен, и восклицал своими радостными движениями, так говоря Елисавете: мать, ты, медленно рождая, поступаешь несправедливо, задерживая радость вселенной и препятствуя выйти Предтече; ты носишь во чреве пророка, удерживаешь царского воина; препятствуешь быстрому гонцу с проповедью благочестия; ты поступаешь несправедливо, мать; не знаешь будущего, не ведаешь имеющего быть. Приходит свет, – освободи утро; пусть взойдет солнце, пусть воссияет денница; Слово – при дверях, и уже нужда в голосе, вблизи Жених, и надлежит, чтобы был открыт чертог на Иордане; нужда – в крови, искупающей мир, и надлежит мне заранее указать на Агнца. Род человеческий опутан грехами, пришел Разрешитель скованных. Нужда – в вестнике, чтобы все, узнав, вышли на встречу Господу; и вот ты удерживаешь Предтечу в утробе. Итак, мать, поразмысли об Адаме, находящемся во власти ада, о вечных стенаниях Евы, – ведь доселе вопиет кровь Авеля, обвиняющая Каина в убийстве; вместе с ней стенают и самые стихии. Поэтому, конечно, ты и освободилась от несчастья бесчадия, чтобы родившийся от неплодной указал на Родившегося от Девы; поэтому я радостно прыгал во чреве, чтобы более не предавался пляскам в мире диавол. Вот что объявлял Елисавете своими радостными движениями еще не родившийся Иоанн. "**Елисавете же настало время родить, и она родила сына. И услышали соседи и родственники ее, что возвеличил Господь милость Свою над нею, и радовались с нею. В восьмой день пришли обрезать младенца и хотели назвать его, по имени отца его, Захариею. На это мать его сказала: нет, а назвать его Иоанном. И спрашивали знаками у отца его, как бы он хотел назвать его. Он потребовал дощечку и написал: Иоанн имя ему. И все удивились. И тотчас разрешились уста его и язык его, и он стал говорить, благословляя Бога**" (Лк.1:57-60,62-64). Подлинно, рождается дитя, и голос отца возвращается; таким образом обнаруживается восклицающий голос Иоанна, сила голоса указала и самое имя. "**Я**", говорил (Иоанн), "**глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу, прямыми сделайте стези Его**" (Ис.40:3; Ин.1:23). Восприяв озарение от Святого Духа, он показывал Творца тварям и на Создателя указывал пальцем всем людям, восклицая велегласно: "**вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира**" (Ин.1:29). "**сотворите же достойный плод покаяния и не думайте говорить в себе: "отец у нас Авраам", ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму**" (Мф.3:8-9). Но зачем вместе с горячей ревностью дитяти и наше сегодняшнее слово слишком растягивается? Удержим, если угодно, теперь на некоторое время свой язык, достаточно попрыгавший вместе с дитятей. Прекрасно соразмерять свое повествование с удобным временем и находить удоволъствие в сказанном, а также ожидать исследования того, что следует по порядку. И креститель своим радостным прыганием не переступил насильственно пределов естества, но и сам ожидал надлежащее время, зная, что и это ради нас после него исполнит Господь, восклицая: "**земля наполнится познанием славы Господа, как воды наполняют море**" (Аввак.2:14), и "**от востока солнца до запада велико будет имя Мое, и на всяком месте будут приносить имени Моему чистую жертву**" (Малах.1:11). Уже не один храм, как во времена закона, приемлющий жертвы, и

ими гордящийся, но по всей вселенской церкви беспорочно воссылают славу Богу. Там первосвященник был один на каждый год, смертный и исполненный всякого греха; мы теперь приняли первосвященника душ наших – Иисуса Христа, Который "**не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его**" (1Пет.2:22). "**Итак имеем**", говорит (Писание), "**Первосвященника великого, прошедшего небеса**", Господа нашего Иисуса Христа (Евр.4:14), Которому подобает всякая слава, честь и поклонение, со Отцем и Всесвятым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

На Благовещение.

преславной Владычицы нашей Богородицы.

1. Опять радостные благовествования, опять извещения о свободе, опять отозвание назад, опять возвращение, опять голос веселия, опять освобождение от рабства: ангел беседует с Девой, так как и с женой беседовал змий. "**В шестой же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога к Деве, обрученной мужу**" (Лк.1:26-27). Гавриил был послан объявить всемирное спасение; Гавриил был послан, неся Адаму обещание возвращения из плена; Гавриил был послан к Деве, чтобы изменить бесчестие женского пола в честь; Гавриил был послан, чтобы приготовить чистому Жениху достойный чертог; Гавриил был послан, чтобы помолвить создание с Создателем; Гавриил был послан к одушевленному дворцу Царя ангелов; Гавриил был послан к Деве, обрученной Иосифу, но сберегаемой для Сына; был послан бестелесный раб к чистой Деве; был послан свободный от греха к недопускающей тления; был послан светильник, чтоб указать на Солнце правды; было послано утро, бегущее впереди света дня; был послан Гавриил, показывающий Того, Кто находится в недрах Отца и в объятиях Матери; был послан Гавриил, показывающий на Того, Кто находится на троне и в вертепе; был послан воин, вопиющий о таинстве Царя, – таинстве, познаваемом верою, не исследуемом излишним любопытством, – таинстве, покланяемом, не взвешиваемом как бы на весах, – таинстве, исповедуемом, не измеряемом. В месяц шестый послан бысть Гавриил к Деве. О каком шестом месяце говорится? О каком? С какого Елисавета приняла благовествование, с какого зачала Иоанна. Откуда это ясно? Пусть объяснит сам архангел, говорящий Деве: "**вот**", говорит он, "**Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына, и ей уже шестой месяц**" (Лк.1:36). В месяц шестой. Шестой месяц зачатия Иоанна. Надлежало, чтоб прежде пришел воин, надлежало, чтоб прежде явился телохранитель, надлежало, чтоб сначала проложил путь возвеститель Господня пришествия. "**В шестой месяц послан был Ангел Гавриил к Деве, обрученной мужу**", не вступившей в брак; хотя обрученной, но сохраняемой. Почему – обрученной? Чтобы разбойник тот не узнал в скорости о таинстве. Что Царь придет с помощью Девы, лукавый знал, потому что и он сам слышал слова Исаии: "**се, Дева во чреве приимет**" (Ис.7:14); и естественно сторожил все в отдельности, что было предсказано о Деве, чтобы, где заметит, что исполняется это таинство, приготовить хулу. Поэтому Господь пришел чрез посредство обрученной, уже принявшей на себя обязательство. В месяц шестый послан бысть ангел Гавриил к Деве обрученней мужеви, емуже имя Иосиф. Послушай, что говорит пророк об этом муже и Деве. "**Дастся книга запечатанная человеку умеющему читать**" (Ис.29:11). Что это за книга запечатанная, если, конечно, не чистая Дева? От кого она дастся? Ясно, что от священников. Кому она будет дана? Плотнику Иосифу. Этот Иосиф, прежде живший в честном браке и родивший сыновей, потерял жену и остальное время жил в целомудрии, воспитывая детей в учении и наставлении Господнем. Ведь известно, что апостол Павел, придя для проповеди и найдя одного из его сыновей, пишет, говоря: "**другого же из Апостолов я не видел, кроме Иакова, брата Господня**" (Гал.1:19), не как рожденного от Девы Марии, но – от Иосифа. Итак, как священники сочетали Марию с целомудренным Иосифом, и предложили ее ему, выжидая удобного для брака времени, то он, принявши,

должен был сохранять Деву в неповрежденности. Это пророк предсказал много ранее: "**дастся**", говорит он, "**книга запечатаннная человеку умеющему читать**", то есть, сочетавшемуся браком, и он скажет: не могу прочитать. Почему не можешь, Иосиф? Не могу, говорит, прочитать, потому что книга запечатана. Для кого она сохраняется? Она сберегается в жилище для Творца всяческих. Но возвратимся к предмету. В месяц шестый послан бысть Гавриил к Деве, конечно, получив таковые приказания. Слушай – говорит – ангел, будь слугою страшного таинства, послужи сокровенному чуду, Мои сострадательные чувства понуждают Меня снизойти к разысканию заблудшего Адама. Грех сделал ветхим сотворенного по Моему образу, испортил творение Моих рук, помрачил красоту, которую Я создал; волк владеет Моим скотом; райское жилище опустело. Древо жизни охраняется пламенным мечом и заперто место наслаждения. Я оказываю сострадание тому, кто подвергся нападению, и желаю поймать врага. Я хочу, чтоб это было скрыто от всех находящихся на небе сил, тебе одному только поверяю тайну; иди к Деве Марии, отправься к одушевленным вратам, о которых говорит пророк: "**славное возвещается о тебе, град Божий!**" (Пс.86:3). Отправься к Моему раю, одаренному разумом; отправься к восточному городу; отправься к жилищу, достойному Моего Слова; отправься ко второму небу на земле; отправься к легкому облаку; объяви ему о дожде Моего явления; отправься к приготовленному для Меня святилищу; отправься к чертогу Моего вочеловечения; отправься к чистой брачной комнате Моего плотского рождения; скажи в уши разумного ковчега, уготовай мне преддверие слуха; но не приведи в смятение, не расстрой души Девы; со скромностью предстань ко святилищу; прежде всего воскликни к ней голосом радости; скажи Марии: "**радуйся, благодатная**" (Лк.1:28), чтобы Я оказал сострадание к страждущей Еве. Ангел услышал это и, как естественпо, размышлял сам собой: необыкновенное дело – превосходящее мысль слово; страшный для херувимов, на которого не могут зреть серафимы, непостижимый для всех ангельских сил, о каком возвещает обстоятельстве! Объявляет Деве о присутствии в ней Своего Лица, лучше же сказать: обещает ей о входе чрез посредство слуха! И осудивший Еву спешит столь много прославить ее Дочь и говорит: приготовь Мне входы слуха! И может ли чрево вместить Невместимого? Поистине страшное таинство! Когда ангел размышлял об этом, Господь говорит ему: что смущаешься и изумляешься, Гавриил? Не был ли ты недавно послан Мною к священнику Захарии? Не дал ли ты ему добрых известий относительно рождения Иоанна? Не наложил ли ты на неверовавшего иерея наказания молчанием? Не осудил ли ты старца на лишение голоса? Не ты ли провозвестил, не Я ли утвердил? Не последовало ли дело за твоим благовествованием? Не зачала ли неплодная? Не оказала ли повиновения утроба? Не отступила ли болезнь бесплодия? Не убежало ли бездействие естества? Не есть ли теперь приносящею плод та, которая доселе не приносила плодов? Разве "**останется бессильным**" у Меня – Творца "**какое слово**" (Лк.1:37)? Итак, почему ты охвачен сомнением? Что же опять ангел? Господи, исцелить недостатки естества, прекратить бурю страданий, призвать мертвенность членов к животворящей силе, повелеть естеству проявить силу деторождения, уничтожить неплодство в членах уже устаревших, видоизменить состаревшийся стебель в состояние зеленеющего, внезапно показать бесплодную ниву матерью колосьев, все это – дело Твоего могущества, обычно совершаемое, и свидетельствуют – Сарра и после нее Ревекка, и опять Анна, подчиненные рабству тягостной болезни неплодия, а потом принявшие от Тебя свободу. А чтоб родила дева, не вступившая в сношение с мужем, это – выше законов естества. Но и Твое пришествие Ты возвещаешь Девице. Пределы неба и земли не вмещают Тебя; и каким образом вместит Тебя девическая утроба? И Господь говорит: каким образом вместила Меня палатка Авраамова? Ангел говорит: потому что он владел полнотою гостеприимства. Потом подумай, Господи, там Ты явился патриарху в расположенной подле дороги палатке, и Ты, все наполняющий, прошел мимо. Каким образом вытерпит огонь божества Мария? Престол Твой пламенеет, озаряемый сиянием, и неужели Дева может без ужаса носить

Тебя? Да, конечно, если бы огонь в пустыне причинил вред купине (Исх. ш), то несомненно повредило бы и Марии Мое присутствие; если же тот огонь, изображавший явление с неба божеского огня, только оросил купину, а не сжег, то что ты мог бы сказать об истине, нисходящей не в пламенном огне, но в виде дождя? Тогда наконец, ангел исполнил повеленное ему, и, придя к Деве и войдя, воскликнул к Ней, говоря: "**радуйся, благодатная, Господь с Тобою**" (Лк.1:28). Уже диавол не против Тебя, потому что где прежде враг нанес рану, там врач налагает пластырь; откуда смерть получила начало нападения, оттуда жизнь соорудила вход жизни. Чрез жену разливается зло, чрез жену текут блага. "**Радуйся, благодатная**"; не стыдись, как виновница осуждения, потому что Ты делаешься Матерью Того, Кто осудил. "**Радуйся, благодатная**"; радуйся, непорочная, рождающая Жениха пребывавшему во вдовстве миру. "**Радуйся, благодатная**", потопившая в утробе матерней смерть; радуйся, одушевленный Божий храм; радуйся жилище, равное по своей цене небу и земле; радуйся, пространное вместилище невместимого естества. При таком положении, врач приступает к немощным, сидящим во тьме является солнце правды, обуреваемым – якорь и безопасная от морских волн гавань, рабам, непримиримо ненавидимым, родился Посол и союз мира, пленников посетил Избавитель, подверженных нападению неприятелей – крепкий Покров неизреченной радости и любви. "**Ибо Он есть мир наш**" (Еф.2:14), – как говорит божественный апостол, – мир, которым, о, если бы нам непрестанно наслаждаться, по благодати самого Христа и Бога нашего, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

на слова: "вышло повеление от кесаря Августа" и на внесение в перепись святой Богородицы.

1. Возлюбленные! Когда общий наш Снаситель Иисус Христос имел родиться, от кесаря Августа выходит общее повеление, касающееся вселенной. Так так всеобщая благодать должна была воссиять на всю землю, то некоторым образом и дело общественное соприкасается с религией, и, при рождении Спасителя, происходит одно повеление во всей вселенной. Итак, изыде повеление от кесаря Августа, чтоб была сделана перепись всей вселенной для приготовления единения религии, для приготовления пути евангельской проповеди, для приготовления пути учению. Прежде было, конечно, много местных начальственных учреждений; не было кесарева повеления, касавшегося того всеобщего объявления; а когда при посредстве проповеди вера благочестия должна была распространиться по всей вселенной, вселенная соединяется под одним лозунгом; и не только вселенная, но и земное – с небесным, и к пользе для людей благочестие доводится до общего сведения, чтобы божественная истина ни от кого не осталась сокрытой. Кесарь Август повелевает – и Иосиф повинуется и берет Деву. Когда ты спросишь эллина или даже самого иудея о том, почему Август удостоился чести много времени царствовать (а он царствовал пятьдесят шесть лет и четыре месяца), то они ничего не отвечают, но, не зная причины вещей и не веря Божией благодати, думают, что весьма продолжительное время выпало ему на долю по некоторому жребию. При нем родился Иисус Христос. Поэтому, если Август был римским императором и, притом, первым, то Христос естественно воспринял на Себя исполнение домостроительства Божия об Его воплощении при основании римской империи. Должен был быть введен жезл железный, жезл, о котором говорит Давид: "**будешь пасти[1] их жезлом железным**"; и: "**проси у Меня, и дам Тебе народы в наследие Твое, и концы земли во владение Твое**" (Пс.2:9,8), как будто бы Отец беседовал с Сыном и говорил: иудеи отреклись от Твоего царства и оскорбили Твою власть; это – народ презренный, немного таких, которые обратились. Проси от Мене, и дам Ти языки достояние Твое, и одержание Твое концы земли, не угол Палестины и не обрезанный народ, пустой и с душой без сердца, но: дам ти языки

достояние Твое, и одержание Твое концы земли. Ты же упасешь их, так как они не пожелали повиноваться евангелию, так как не захотели уступить чудесам, упасешь их, не словом, но делом и железным жезлом, римской властью; по этой причине они подчинены власти жезла. Иисус, когда пришел в Иерусалим и увидел в храме торговлю и корыстолюбивое занятие, – потому что внутри продавали и покупали, ввозя внутрь товар под предлогом жертвоприношений, – то, сделав жезл и бич из веревок, выгнал торжников из храма, говоря: "**дома Отца Моего не делайте домом торговли**" (Ин.2:16). И если бы они приняли тот жезл, то не были бы упасены жезлом железным; а так как они не почтили спасительного жезла, то подпали не под бич и не под слово, бичующее людей со здравыми чувствами, но под жезл железный; и часто они хотели удалить его, но их поражал жезл железный, не просто ударяя, но умерщвляя. Поэтому, когда железный жезл начал владычествовать в царствование Августа, тогда именно родился и Христос. Власть римлян – начало проповеди, четвертое царство времен. Можно заметить, что это у пророков таинственно сохранено, так как ни в новом ни в ветхом завете не находится ничего незаписанного, но ветхий предупредил собой новый, а новый истолковал собой ветхий. И часто я говорил, что – два завета и две рабыни, и две сестры, которые в роде как бы телохранителей сопровождают единого Господа. Господь возвещается у пророков; Христос проповедуется в новом завете; новое не ново, потому что ветхое предупредило; ветхое не погасло, потому что оно истолковано в новом завете. Ты мог бы увидеть, что тот Даниил, очень юный возрастом, но седой по пророческому дару, пророчествовал в Вавилоне. Почему в Вавилоне? Потому, что народ был отведен в рабство в Вавилон, и семьдесят лет провел в Ассирийской земле. Итак, там рождается Даниил, там воспитывается, ни в чем не потерпев вреда от иноплеменной земли. Он имел отеческое благоразумие, и от юности делается пророком, и Святой Дух вошел в его душу, и, достигши 18-летнего возраста, Даниил начал свою пророческую деятельность. И многое есть, о чем он пророчествует, но истолковывается также и четыре царства. Навуходоносор, ассирийский царь, видел в образе четыре различия, одно тело, но четыре цвета. Образ имел золотую голову, грудь же имел серебряную, а живот имел медный, ноги же имел железные, и этот образ состоял из четырех веществ (Дан.2:31...). И увидел царь; но не было того, кто бы изъяснил. Пришли маги, пришли халдеи, были приведены прорицатели, были призваны те, которые всегда вводили царя в заблуждение; и что же они говорят? Скажи нам сон, и мы истолкуем его (Дан.2:4). Итак, Бог, устраивая, чтоб они по обыкновению не обманули его, удаляет из памяти царя образ сновидения; и царь сказал: "**расскажите мне сон**" (Дан.2:9). А так как они ясно признавались, что невозможно рассказать сон другого, но они растолкуют в том только случае, если услышат о нем, то приглашается Даниил, о котором стало известно, что он силен в такого рода вещах; и он входит к царю Навуходоносору, после того как Святый Дух открыл ему содержание сна, и говорит царю: царь, ты видел это и это. И одновременно со словами пророка слушавший вспоминал о сне; и слышанное напомнило ему о видении. Итак, пророк изъясняет этот сон, – ведь после того, как он рассказал самый сон, он был уже истолкователем достойным доверия, – и говорит: образ, который ты видел, это – четыре царства, потому что четыре царства восстанут на земле (ст.37 и след.). Тот образ был цельный, и стояло одно тело. Но ты, царь, увидел, что оторвался без участия чьих-либо рук камень и сокрушил образ, и камень занял и наполнил всю землю. Вот – то, что ты увидел: ты увидел четыре царства. "**Ты – это золотая голова**" (ст.38), – потому что первыми царствовали ассирийцы, весьма богатые и весьма пышные, и весьма изнеженные. И говорит ему: "**Ты – это золотая голова. После тебя восстанет другое царство, ниже твоего**" (ст.38-39), – потому что после ассириян царствуют персы и мидяне; были же и эти весьма блистательны. Третье царство восстанет медное – царство греков и македонян, – когда именно Александр, будучи в Элладе, снарядив войска, сделал нападение на Персию и низложил Дария, а царство его подчинил своей власти. Итак, он сравнен с медью по причине благозвучия беседы и языка. Эллины, бывшие с

Александром, и сам Александр, бывшие красноречивыми в беседе, были сравнены с медью, так как золото, хотя и блестяще, однакож неблагозвучно; подобным же образом также и серебро; а медь, хотя и хуже по веществу, но благозвучна в отношении к издаваемому ею звуку. Поэтому он говорит: третье царство – то, которое обозначается чрез посредство меди; четвертое же царство и последнее – железное (Дан.2:40). Итак, "**будешь пасти их жезлом железным**" (Пс.2:9). Смотри на согласие пророчества: Даниил видел, что камень отсечен от горы без участия рук. Каким образом отсечен? Не железом, без содействия рук, потому что Дева рождает без постороннего содействия; камень же поразил образ и превратился в великую гору и наполнил всю вселенную. Один камень наполняет всю землю. Тот "**камень оторвался от горы без содействия рук, и сделался великою горою и наполнил всю землю**" (Дан.2:34-35).

2. Какой это камень? Слушай, что говорит Исаия: Вот, Я полагаю в Сионе камень претыкания и камень соблазна (ср.Ис.8:14;28:16): и "**всякий, верующий в Него, не постыдится**" (Рим.9:33). Но не один только Исаия говорит об этом камне, а пророчествует и Давид: "**камень, который отвергли строители, соделался главою угла: это – от Господа, и есть дивно в очах наших**" (Пс.117:22-23). Каким сделался углом? Всякий угол связывает собой две стены; а этот Камень связал новый и ветхий завет, два народа из язычников и из иудеев, почему "**это – от Господа, и есть дивно в очах наших**", не в глазах всех, но в глазах нас верующих. Поэтому, всякий раз как увидишь, что церковь из иудеев и эллинов сохраняется чрез посредство одного Камня, то более всего пусть приходит тебе на ум сказанное. Но, конечно, кто-нибудь, быть может, спросит: где среди нас кто-либо из иудеев? Из числа эллинов – тех мы видим. А те, что – из иудеев, где они находятся? Откуда был Павел? Откуда был Петр? Откуда был Андрей? Откуда Иоанн? Откуда многотысячная церковь в Иерусалиме? Прежде всего – из иудеев, потом – из эллинов. Когда уверовали те, которые были среди них, имея надежду благочестия, тогда пришел железный жезл и рассеял оставшихся в неверии, так как "**Ты поразишь их жезлом железным; сокрушишь их, как сосуд горшечника**" (Пс.2:9). Почему яко сосуд скудельничь? Если упадет глина в то время, когда она еще влажная, то она приводится в прежнее состояние; если же будет сделан сосуд и уже будет обожжен огнем и сделается весьма сухим глиняным черепком, то, после того как будет сокрушен, уже не допускает восстановления в прежнее состояние. Упасеши я жезлом железным, яко сосуды скудельничи сокрушиши я. Конечно, Христос рождается во время преобладания царства железного: камень отсечен без содействия рук. Смотри на согласные дела и на одинаковые слова: камень сокрушил образ и прекратил бытие существовавших на земле царств; сделался великой горой и наполнил всю землю. Навуходоносор, царь, увидел этот сон; забыл же он сон, чтоб не мог рассказать магам и чтоб по обычаю не был обманут ими, услышав от них одно вместо другого. Итак, спустя немного времени, сам Даниил другим образом видит сон; впрочем, то был не сон, а откровение видения. Казалось ему, что он находится при море; и говорит Даниил: "**четыре больших зверя вышли из моря**" (Дан.7:3). Но тихо и понемногу последуем за образом пророчества. "**Вышли**", говорит он, "**четыре больших зверя из моря, непохожие один на другого**", и, по его словам, между ними весьма велико различие. "**Первый – как львица, но у него крылья орлиные**" (ст.4). Там ты имеешь золото, здесь – львицу; почему здесь – львицу и там – золото? Там – золото по причине роскоши и богатства; здесь – львицу по причине женского пола и женской нежности, но однако – зверя. Первый, как львица. Второго же зверя увидел, как медведицу; и "**стоял с одной стороны**" (ст.5); там серебро, здесь медведица, по причине жестокости. Третьего зверя, говорит он, я видел, как барса[2] (ст.6), быстрейший зверь. Так как Александр, царь македонский, весьма быстро сделал нашествие на восток, то он сравнен с барсом. Там медь по причине благозвучности языка Эллады, здесь барс по причине весьма большой быстроты нападения. Говорит и о четвертом звере, но не называет по имени, а именует страшным, весьма страшным выше меры; "**у него большие**

железные зубы; он пожирает и сокрушает, остатки же попирает ногами; он отличен был от всех прежних зверей", бывших прежде его (ст.7); это был страшный зверь; пророк не сказал его имени. Так как это место пророчества должно было быть ясным, – его пророк относил к римлянам, – то, чтобы это царство не подверглось поруганию, он оставляет этого зверя без имени. Когда же, говорит он, я увидел этого четвертого зверя, то испугался и затрепетал, потому что он был очень страшен и ужасен: все попирал, все сокрушал, все пожирал; над всем неограниченно господствовал, – куда отправлялся, там подчинял своей власти. И что говорит пророк? Вдруг я увидел реку огненную: "**поставлен был престол, и воссел Ветхий днями; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним**" (ст.9-10), Ветхим днями. "**Раскрылись книги**" (ст.10), и "**вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями**" (ст.13). И что тотчас произошло? Уже не звери, уже не море, уже не страх перед зверем; но Тот принял власть и Сам стал неограниченно господствовать: "**владычество Его – владычество вечное, которое не прейдет**", так как власть Его – до рода родов, (ст.14). "**Здесь**", говорит пророк, "**конец слова**" (ст.28). И пророк таким образом видит четыре царства, как приличествовало ему, удалявшемуся от житейских дел; царь же, как ему приличествовало, видит четыре царства как бы в золоте и серебре, и меди, и железе. Если бы царь увидел царства под видом зверей, а потом истолковал ему Даниил, то было бы странно говорить ему: ты – первый зверь, так как показалось бы оскорбительным для слушателя; но царь видит, как царь, и пророк видит подобное же в другом образе. Это нами сказано, возлюбленные, не напрасно, и не без причины мы изучили эту древнюю историю, но для того, чтобы вы удостоверились, что царство Августа было прославлено, было почтено, было восхвалено, было долговременно, потому что при нем родился Христос, и тот муж настолько был почтен, что даже и имя его сделалось титлом достоинства. Надлежит вам знать, что он царствовал пятьдесят шесть лет; когда же исполнилось сорок два года, родился Христос; следовательно, Христос воспитывался в течение пятнадцати лет его царствования. За Августом же по порядку следует Тиверий, и в 18-м году царствования Тиверия Христос идет на крест и страдает, и воскресает, и возносится. Поэтому при Августе Он жил 15 лет, при Тиверии же 18. Иисус, в царствование Тиверия кесаря, будучи 30-летним, открыл о Своем божестве ученикам и проповедовал, сверх того, три года; всюду чтится Троица, поэтому, проповедавши в течение трех лет, на 18-м году Тивериева царствования шествует на страдание, исполнив во плоти домостроительство.

3. Итак, "**в те дни**", – чтоб нам восстановить то чтение, – "**вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле**" (Лк.2:1). Эта перепись – выяснение дел, первое обнажение истины, чтобы род человеческий не был в неизвестности: это – первая перепись. Ужели и сами пророки умолчали об этом? Сделаем отступление в ветхий завет, исследуем иудейские дела и дела иудейского неверия. Призываю во свидетельство Давида, мужа достойного доверия, чтимого у иудеев, даже если только сделано о нем одно воспоминание, достойного веры в глазах церкви. Итак, что же говорит Давид? "**Господь поведает в писании народов и владык сих**" (Пс.86:6). Это – слова пророка, а вот – дела евангельские: сие написание первое, взыде же и Иосиф от Галилеи, из града Назарета во Иудею, во град Давидов, иже нарицается Вифлеем, зане быти ему от дому и отечества Давидова, написатися с Мариею обрученою ему женою, сущею непраздною "**эта перепись была первая, пошел также**", говорит (евангелие), "**и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Мариею, обрученною ему женою, которая была беременна**" (Лк.2:2,4-5), – потому что при браках только происходит зачатие. "**Когда же они были там, наступило время родить Ей; и родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице**" (Лк.2:6-7). Ничего нет более простого, чем это дело, ничего нет беднее, чем

рождение Иисусово. Иисус сделался бедным ради нас, хотя и был богат; Мариамь положила Спасителя в яслях; не было ничего, что можно было бы подостлать, ничего, чем бы укрыться; Спаситель и не имел нужды в такого рода попечении о Нем и не нуждался во внешней заботливоети, подобно тому как и зачинается Он не по закону естества. Достаточно было услужения со стороны Девы; Он сам был устроителем всего. Таким образом, говорит (Писание), "**положила Его в ясли**" и "**в той стране были пастухи, которые содержали ночную стражу**" (ст.7-8). Матфей повествует, что пришли маги; Лука же, что "**в той стране были пастухи, которые содержали ночную стражу**"; там маги, здесь пастыри. И пришел к ним ангел, возвещая о великих делах: "**я возвещаю вам великую радость, ибо ныне родился в городе Давидовом Спаситель**" мира (Лк.2:10-11). И когда один ангел говорил, отверзлись небеса, и явилось единое согласное пение восхваляющих и говорящих: "**слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение**" (ст.14). Все должно сочетаваться, небо и земля вступить в единение, для того, чтобы нижнее сделалось верхним, чтобы был мир у тех, которые обитали далеко, и у ближних. Поэтому пастыри выслушивают радостную весть. Почему пастыри? Потому что мы заблудились на подобие овец, поэтому-то пришел для мира пастырь – Христос Иисус, Спаситель вселенной, и пастыри ради Пастыря получают радостную весть, и – слава в вышних Богу. Люди должны были прославлять и воссылать благодарность Пославшему на землю мир, потому что люди освободились от вражды, бывшей к Богу. Во человецех благоволение – надлежало, чтоб людям казалось хорошим то, что относилось к благочестию. Итак, пастыри, получив радостную весть и выслушав слово, увидели дела; пришли в пещеру; они не увидели ложа, не увидели постели, не увидели пригототовления трапезы, но сидящую Мариамь и Иосифа, и возлежавшее дитя. Евангелист не говорит прежде всего об отце, но сначала говорит о Мариамь, потому что она – поистине Мать, лучше же сказать: и Она сама не мать, так как Она не родила по естеству, но зачала преестественно. Она не знала происходившего, но была орудием Художника. Итак, они увидели Мариамь и Иосифа и дитя; услышав слово, они увидели самые дела, удивились, были спасены. Дитя, конечно, лежало, терпеливо снося пока еще несовершенное развитие тела и перенося увеличение его; и, подобно тому, как художник взял и приготовил инструмент, чтобы, напр., игрок на цитре воспользовался затем цитрой, или стрелок надлежащим образом воспользовался затем луком и стрелой, – так и Иисус, входя в общение со всеми, понемногу растет. Почему же не вдруг? Почему сразу не стал совершенным мужем? Он пришел, чтобы подражать нашему естеству, чтоб освятить бренность чрез пример. Конечно, если бы Он пришел совершенным по возрасту, то еретики поспешили бы говорить: Дева не родила Его, Он не воспринял бренности от нашего рода. Итак, Он родился от Девы, восприяв от общей бренности, чтобы освятить Адама – Свое создание; и по этой причине Он растет понемногу, и хотя, как человек обращается с людьми, но, будучи Господом естества, жил безгрешно. Поэтому, когда ты услышишь о Нем – дитяти, то припоминай то пророчество Исаии, которое он произнес: "**Младенец родился нам; владычество на раменах Его, Бог крепкий, Князь мира, Отец вечности**" (Ис.9:6). Когда услышишь о дитяти, то не презирай имени, но подивись человеколюбию Бога и подивись устроению спасения, чтобы тебе сделаться достойным слушания евангельских слов, тебе, сопутствуемому верою, упражняемому терпением, состязующемуся благочестием, усовершаемому любовью, ставшему всецело неповрежденным во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

---

[1] По синод.перев. – "**поразишь**" – ред.

[2] Гр. "παρδαλις" = "леопард, барс"; в слав. "рысь" – ред.

О святом Иоанне Предтече

Да совершим празднество в честь Иоанна Крестителя, да увенчаем своей любовью того, больше которого "**не восставал из рожденных женами**" (Мф.11:11), по слову Господню. Подлинно, ничто так не окружило пророка почестью, как то, что он окрестил Господа. Направимся же к Господнему крещению, всего более украсившему предтечу Царя небес, и своей любовью проникнем в те места Иудеи, из которых мы получили в качестве плода доступ к благам; лучше же сказать: опишем словами те дела и соберем здесь плод того, что прочитано немного раньше. Предположим себе тот Иордан, принявший своего Творца, пришедшего во плоти, что он течет среди нас; и подумаем, что Иоанн Креститель стоит ка берегах реки, и станем созерцать Христа – Господа, приходящего к Своему рабу к крестящегося от него, и пальцем указываемого с его стороны, а с неба – сошествием Духа; и поклонимся мы, почитатели единосущной Троицы, свидетельствовавшему Отцу и засвидетельствованному Сыну, и свидетельствовавшему Духу Святому. Последуем за книгой евангелий, путеводящей нас к тому, что мы страстно любим, и, ступая по божественным изречениям, как бы по следам, взбежим к всепрославляемому таинству вселенной. "**Тогда**", говорит (Писание), "**приходит Иисус от Галилеи на Иордан ко Иоанну креститься от него**" (Мф.3:13). Господь пришел к Иордану, так как Сокровище мудрости не совершило ничего безвременно и неразумно, но все, что предпринял Господь для нашего искупления, Он совершил в надлежащее время. Будучи Богом и Творцом всякого времени и всякого расстояния, Он установил время, и действиями тогдашнего снисхожденил, как цветами, усеял начала совершенного Им. Тогда приходит Иисус. Тогда; когда? Когда взошел на все ступени возраста; когда поднялся на всю лестницу естества; когда возблистало совершенство Его тела и души; когда, в течение тридцати годовых периодов, сделался совершенным человеком, – неложно тогда достиг Иордана и безгрешный вместе с грешниками пришел для крещения и, подклонив Свою голову под руку того, пылал желанием принять крещение. Иоанн же Креститель, точно узнав Того, Кого давно знал, благодаря отцу, еще в утробе своей матери, сняв с Его головы со страхом и великим трепетом правую свою руку, говорит: что это, Господи? Что значит это необыкновенное чудо? Что это за смиренное и что за тихое зрелище этого появления? Передо мной подклоняешь Свою голову, о, Глава церкви? Передо мной склоняешь Свою голову, преклонивый небеса и сошедший на землю, передо мной склоняешь Свою голову, имеющий главою Бога? Передо мной склоняешь голову, которой поклоняются херувимы? Передо мною склоняешь голову, которую почитают и пред которой трепещут серафимы? Передо мной склоняешь голову, соединивший брачными узами Адама и Еву в раю, как в чертоге, и словом наложивший на их головы венец, и присоединивший благословение обилия детей, и сказавший им: "**плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю**" (Быт.1:28); словом выведший из него естество, стройный состав естества, пославший Сына противником смерти, чтобы Он насадил большее число, чем сколько та обрезала; вращающий течение жизни, по своему желанию; исполняющий склоняющияся к тебе головы всяким освящением; нигде не вмещаемый; изливающий реки милосердия, – Ты желаешь вместе с другими погрузиться в эту реку? Творец источников – Ты решился пребыть в них? Требуешь крещения, которое именно Ты мне даровал для сообщения его нуждающимся? И какую нужду Ты имеешь в крещении покаяния, Сам оказывающий милосердие к кающимся? Что за нужду имеешь в такого рода врачестве, одним повелением Своим исцеляющий раны остальных? Зачем нужно покаяние Тебе, совершающему дела достойные похвалы? Не снизошел ли Ты к людям, только как человеколюбивый? Ты носишь зрак раба, который создал Себе, и чрез него Ты освятил Свой образ, который сокрушил диавол; Ты обновил этот образ, как восхотел; Ты сделался Отцем всех нас. Не в Тебе ли воззван назад изгнанный Адам? Не в Тебе ли царствует

некогда осужденный род? Не чрез Марию ли Ты воздвиг павшую Еву? Не употребляешь ли всех средств, желая сделать людей равными ангелам? Не изгоняешь ли из земли беззакония, как нечто злоумышляющее против человеческого рода? Не приводишь ли в жизнь благоустройства, как воспитателя человеческой природы? Не прогоняешь ли мрачной ночи обмана? Не велишь ли восходить дню богопознания для тех, кто желает созерцать красоту его? Не распростираешь ли в душах всех света истины? Не рассееваешь ли облаков злочестия, как дым? Не подобно ли солнцу правды, облеченному белым облаком тела, всюду рассыпаешь лучи Божества? Не девственник ли Ты по взору и поступи, и виду, и помышлению, и уму, и душе? Не от Девы ли устроил Себе девственное тело? Ужели оно нуждается в покаянии и в сокрушении? Итак, зачем буду крестить Тебя теперь, Творец реки и Податель крещения, по человеколюбию сделавшийся человеком? В Тебе нет следа беззакония, и пятно греха не осквернило Твоей непорочной плоти, и устами Твоими никогда не завладело коварство. Яд аспидов скрывается в иудейских устах, потому что иудеи – порождения ехидновы, и языки их – коварны; в Твоих же устах бьют ключем источники вечной жизни, потому что, будучи Жизнью, Ты изрекаешь жизнь и даруешь. Итак, как же, Податель настоящей и будущей жизни, Ты приходишь к этим бедным волнам? Все остальные. крещаемые мной, от меня слышат: "**покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное**" (Мф.3:2), и уверуйте в Господа Иисуса Христа, Сына Божия Единородного. В отношении же к Тебе, крещающемуся, что мне сказать? Что возглаголать? Сказать: покайся? Кто же примет Твое покаяние? Какой другой Бог – больше Тебя? Сказать: покайся, приближибося царствие небесное? И царству я буду благовествовать о царстве? И с Тобою буду беседовать о Тебе? Или Ты не знаешь того, что – Ты? Не знаешь царства небесного, неся которое людям Ты пришел с неба? Сказать Тебе: уверуй в Господа Иисуса Христа? Я буду увещевать Тебя уверовать в Тебя? И кто когда-либо был вразумляем веровать в самого себя? "**Надобно, чтобы приходящий веровал, что есть**" Бог (Евр.11:6); Ты же – Бог и Сын Божий, хотя и явился как человек, и достоин того, чтобы в Тебя все веровали. Сказать ли Тебе: уверуй в Твоего Отца? Но когда Ты являлся неверующим и враждебным Отцу? Когда Ты был разлучен с божеством Бога, Который Тебя родил? Итак, что сказать Тебе? Уверуй в Духа Святого? Но Он существует в Тебе и вместе с Тобой. "**Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?**" (Мф.3:14). Единородный Сын Божий к сыну Захарии? Родившийся от Девы к родившемуся от неплодной? Не нарушивший девства Своей Матери к прекратившему неплодство родившей? Тот, Кто был приветствован из чрева к узнавшему из утробы Твое господство? Вочеловечившийся к голосу пустыни? Столь высокий к тому, кто столь ничтожен? Господь всей твари к слуге, недостойкому Твоей благости? Богатый по природе к бедному по естеству, а богатому только по одной Твоей благодати? Небесный и земной к тому, кто только земной? Имеющий свыше божество, а снизу – человечество – к тому, кто прозяб только снизу? Такой Владыка – ко мне – ничтожному слуге? Но раб не освобождает господина, свеча не освещает солнца, глина не исправляет горшечника, овца не пасет пастыря, предтеча не украшает царя. Река не вмещает в себе Твоего божества; река не измеряет Того, Кого не вмещает небо; Иордан не омывает своего Творца; вода признает Сотворившего; эти потоки разве не знают света, и я разве дерзну на служение Тебе? Душа моя смущается, рука моя, дрожа, боится приблизиться к всесвятому Твоему телу.

2. Что мне сделать? Что совершить? И трепещу Тебя, Господи, и страстно люблю; и бежать не дерзаю, и приблизиться не отваживаюсь; и страшусь дать крещение, и страстно желаю получить освящение. Аз требую тобою креститися: я научился покланяться Тебе, а не крестить; скорее я подклоняю свою выю под Твою десницу. Благослови меня, Благословляющий годы праведных; сделай, чтоб я сегодня радосто вошел в иорданские струи, подобно тому как Ты сделал то, что я недавно прыгал в материнском чреве. Да, говорит Господь, Я удивляюсь твоей, Креститель, богобоязненности, но желаю

повиновения. Ты сделался проповедником Моего царства, но должен сделаться служителем и Моего домостроительства. Я пришел к тебе, так как это полезно и тебе, и тем которые тебе подобны; Я. пришел с небес, и весь нахожусь в недрах Отца, чтобы соединить тварь с Творцом; Я вот пришел, чтобы взять живыми беглецов; Я пришел, как человек, где уже прежде был, как Бог, чтобы сделать людей богами; Я взял из вашей среды бедную Мать, чтобы вы с дерзновением могли призывать Моего Отца; Я вскормлен, как дитя, молочною пищею, чтобы предложить верным Себя самого в пищу; Я был облечен детскими пеленами, чтобы расторгнуть узы беззакония; Я возлег не на царском ложе, но в ничтожных яслях, чтобы после Моего во яслях возлежания уже никто более из словесных не болел неразумием, как бессловесный; Я принял в Моей плоти обрезание, которое прежде Я узаконил, – чтобы привнести обрезание нерукотворненное; как первородный, Я – Единородный принес установленную законом жертву, чтобы переменить такого рода жертвоприношение и соделать самого Себя удивительной жертвой. Я бежал в Египет, но не перестал быть убежищем для всех; Я сделался малым дитятей, совершенным мужем, как ты видишь, чтобы даровать несовершенным совершенство; Я прошел чрез все степени возраста, чтобы всякий возраст укрепить постепенным преуспеянием. Я прибыл и на реку, чтобы устроить для земнородных восхождение на небо; и принимаю это крещение, чтобы доставить Моим ученикам крещение пакибытия. Я переношу погружение в воду, подобно тому как перенес и плотское рождение. Как законодатель, чту права закона, чтобы обновить символы благодати; как здоровый врач, принимаю участие в лекарстве больных, хотя и не имею в этом нужды, для того, чтобы измыслить для больных более новую помощь, помощь со стороны купели. Ради грешников принимаю крест, и ужели уклонюсь от безопасной купели? Я имею перенести тридневную смерть, и ужели не совершу погружения, не связанного ни с какой болью? Я пылаю желанием снизойти в самую глубину ада, и ужели не погружусь в волны реки? Итак, соверши надо Мной крещение, надо Мной, имеющим крестить и спасать желающих; окрести Меня, намеревающегося поднять на небесную высоту погруженную во грехи человеческую природу; окрести Меня, как человека на земле, а вверху прославляемого ангелами, как Бога. Будь скорым служителем Моих таинств; измени свой отказ в доброе действие; останови свой язык и приведи в движение свою десницу на дело; смело возложи руку поверх Моей головы, которая ради тебя воспринята из твоей бренности; получи выгоду от Моего крещения, чтобы тебе называться именем Крестителя. "**Оставь теперь**" (Мф.3:15); сначала соверши крещение, и тогда уже богословствуй; сначала окрести, и тогда уже поклонись. "**Ибо так надлежит нам исполнить всякую правду**" (ст.15). Ничто так не украшает возвышенного. как добровольное снисхождение, потому что истинная высота не пренебрегает дел скромных. "**Тогда допускает Его**" (ст.15) Иоанн, взывая к Нему: вот, Господи, я исполняю Твое повеление; чему я научился, не зная этого ранее, то с радостью исполняю. Вот я возлагаю свою десницу на Твою голову, так как Ты повелел это; я – Твой раб и сын Твоей рабыни; и рука моя – Твое творение. и река эта – произведение Твоего господства, и источники эти – Твои создания, и крещение это – Твой дар; и Ты один только знаешь, какое совершаешь таинство. Крестись, крестись, прошу; и спаси, как хочешь, тех, кого Ты сотворил. Я – блажен, благодаря Тебе я необыкновенно рожден и удивительно воспитан в пустыне, и теперь удостоен этого служения; блажен я, избранный Тобой для того, чтобы послужить столь великому таинству. О, десница, как много ты вознесена! О, бренный орган, как много ты почтен! Человеколюбивый и щедрый Господи, после того, как Ты соединил благодать с водами и даровал этим Своим погружением как бы некоторую закваску освящения, – выйдя из вод (униженно молю, Господи!) вознеси и обними человеческую природу, лежащую при последнем издыхании и изнемогающую, призри ее, добровольно сгорающую, восставь ее, распростертую на земле, как на ложе и болеющую различного рода болезнью; как врач, прогони эти болезни. Тебя ожидают хромые, чтобы по Твоему слову побежать; Тебя ожидают слепые, чтобы прозреть; Твоего голоса ожидают все

мертвые для того, чтоб воскреснуть; Твоего пришествил жаждут сожигаемые зноем несчастий, явись для всех, как роса исцеления. "**И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, - и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него**" (Мф.3:16). О, страшные и удивительные таинства! Небо свыше приветствует Того, Кого река незадолго пред тем омыла; и Дух Святый богословствует о Том, Кого окрестил раб. И вот – голос с небес, говорящий: "**Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение**" (– 17). Это – крестившийся, не по Своей собственной нужде, но по одному только человеколюбию, свидетельствуемый Святым Духом, возвещаемый Мною, ясно увидевшим Его; прежде веков рожденный от Меня и тетерь плотию родившийся от Марии, единосущный Мне и вам; совечный Мне и имеющий одинаковый образ с вашим; Создатель Адама и Отрасль Давида; Творец Девы и Сын Девы; воспринимаемый умом и являющийся видимым образом; созерцаемый верой и зрением; совершенный в божестве и совершенный в человечестве. Это – Сын Мой возлюблвпный. Это – и творящий чудеса, как Бог, и страдающий, как человек, Он Мой Сын, потому что крест не отделяет от Меня Того, Кто неразделим по естеству. Он, пронзаемый даже и гвоздями, Мой Сын, потому что гвозди Его не причиняют вреда божественной сущности. Он – Сын Мой, даже если и страдает, потому что страдание не в состоянии коснуться Его божества. Он, и добровольно умирающий, по Своему естеству противник смерти, Мой Сын, потому что умирать по божеству не есть что-либо естественное, не желает Он этого и не может, так как смерть не побеждает жизни, и смерть не преодолевает бессмертия. Он, и восстающий из мертвых, Мой Сын, потому что, как Творец вселенной, Он воскресит храм Своего тела, которому допустил быть разрушенным врагами. Он, с этой плотью восходящий на небеса, с которых и не удалялся, Мой Сын. Принимающий Его принимает вместе с Ним и Меня; поклонлющийся Ему Мне покланяется; веруюший в Него в Меня верует; умаляющий Его Меня умаляет, так как оскорбление Сына – обида, наносимая Отцу; приемлющий Его и не дающий места излишнему любопытству, но почитающий без ненужного исследования – блажен. Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих. Грешники, бегите к Тому, Кто вземлет грех мира; осужденные, обнимите человеколюбивого Судию; омертвелые из-за грехов, поспешите к Источнику жизни. Таковы прекрасвейшие дары празднества в честь Крестителя; все они доставлены нам ради нас явившимся Владыкой Христом Богом нашим. Ему – слава и держава, с Отцом и Всесвятым и Животворящим Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

На праздник святого Богоявления

Источник евангельских учений имеет отверстые потоки, и если кто-либо, испытывая жажду, пьет из этого источника, тот получает себе жизнь; получает же жизнь по духу и закону заповедей, испытывая радость, более приятную, чем вино. Сладость духовных словес не знает пресыщения, потому что она увеселяет не чрево, а сердце, и приводит помыслы благочестивых к божественной любви. Ты только что слышал в евангелии, как Иоанн Креститель взывал к собравшемуся отовсюду и крестившемуся иудейскому народу: "**я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня**" (Мф.3:11). Грядый по мне; по, т.е., в отношении к времени рождения. "**Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь**[1] **Его**" (ст.11). Какую же обувь, которую должно было носить, носил Господь, так как Иоанн говорил: "**я не достоин понести обувь**"? Здесь обувь говорит о таинствах домостроительства, потому что обувью называется вочеловечение Господне. И свидетель этого – Господь, возглашающий чрез пророка: "**на Едома простру сапог Мой**" (Пс.59:10). Поэтому и вочеловечение Господне прослыло как подножие, так как оно явилось на земле и обняло пределы земли. Это именно объясняя с той и другой стороны, и пророк возгласил: "**превозносите Господа, Бога нашего, и поклоняйтесь подножию Его: свято оно**" (Пс.98:5). "**Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за**

мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем; лопата Его в руке Его, и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым" (Мф.3:11-12). Когда Иоанн возвещал это и громко проповедовал о Господе, сильнейшем, нежели он, то крестимые им противились Иоанну, говоря: пророк, разве ты имеешь кого-либо, более сильного, чем ты? Зачем ты клевещешь на самого себя? Ты – сын великого Захарии, ты и вожделен для людей, и страшен для диких зверей. Ужели ты имеешь кого-либо, более сильного, чем ты? Что ты пустословишь? Нет более сильного, чем ты. Ты и родился согласно с обетованием, ты указан Гавриилом, ты явлен в алтаре, ты разрешил связанный Гавриилом язык родившего тебя, ты назван Иоанном, что обозначает благодать Божию. Итак, зачем ты клевещешь на самого себя? Ты не имеешь более сиьного, чем ты. Иоанн же, как раб, свидетельствовавший в пользу Владыки, не допустив присвоения себе божеского достоинства, громко отвечал противостоявшему народу, говоря: вы говорите то, чего не знаете; я свидетельствую о том, что знаю. Идет сильнейший меня. Я – ради Того; Он – не ради меня; я – от неплодной, Он – от Девы; я – воин, Он – Царь; я – предтеча, Он – небесный; я получил Духа заимообразно, Он доставляет жизнь всем людям; я – вестник покаяния, Он – Податель сыноположения; я крещу вас водой, предочищая вас, как сосуды, загрязненные грехами, Он предложит миро благодати. Той вы крестит Духом святым и огнем, не жгучим, но освятительным. Я привожу в движение язык увещания, Он несет лопату правосудия и снесет праведных, как спелый хлеб, в небесную житницу, а грешников и непокаявшихся предаст неугасимому огню, как мякину. "**Идущий за мною сильнее меня**", Того ожидайте к себе, от Него примите совершенное крещение; я – светильник в некоторой части, а Он – Солнце повсюду. "**Идущий за мною сильнее меня**". Когда Иоанн проповедовал это и подобное этому, крещенные им толпы народа ожидали, рассуждая друг с другом и говоря: потерпим и посмотрим на имеющее придти царство или блеск; Иоанн отягчил наши уши изумительными словами; он говорит, что явится сильнейший его, несущий лопату и огонь, и Духа. При этом, когда толпы народа нетерпеливо ожидали явления мирского царства, Иоанн увидел, что идет Господь всяческих и Бог, и вот Господь в человеческом виде, один только, бедный, в одном хитоне, как один из всех людей, достигнув Иордана, наклонил голову пред Иоанном, желая получить Себе от него крещение. Итак, сверх сильного ожидания, заметив Христа, приходящего в этом уничиженном виде, Иоанн Креститель смутился, недоумевал и был изумлен; высматривал кругом место для бегства, желая скрыться от Него, – и не нашел, потому что невидимой рукой был удерживаем и останавливаем; он воскликнул к удерживавшему его Господу, говоря: "**мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?**" (Мф.3:14). Что Ты делаешь, Господи? Зачем предаешь меня толпам народа на смерть? Теперь толпы народные побьют меня камнями, как сказавшего ложь; я возвестил о Тебе великое, и Ты явился, как бедный и пришлец. Что ты делаешь, Господи? И вверху – Сын Царя, и снизу – Царя же Сын, – и отнюдь нет царского скипетра? Покажи Свою десницу; зачем Ты явился один только и бедным? Где – множество Твоих ангелов? Где – легион архангелов? Где – служащие Тебе шестикрылые херувимы? Где – лопата? Где – огонь? Где – Твой Святый Дух? Ты прославил Моисея, показал светлое облако, произвел огненный столб, чтоб он шел пред ним, осиял лице его ангельской славой, раба облек столь великой славой, а Ты, Господи, явившись в виде обыкновенного человека, преклоняешь предо мной Свою голову? Посмотри вверх. Ты – Глава всех; покажи, что – Ты; Ты обнаружил уничиженное, – покажи и высокое; крести присутствующих, и прежде всех – меня. Что случится, если я пожелаю крестить Тебя? Иордан не перенесет; он узнал Тебя – Творца, повернул волны свои назад; не течет вперед своим обычным бегом, отвергает обычный порядок. Стихии узнают, и я ли не узнаю? Если желаешь быть крещенным, то окрести сам Себя. Я не простираю рук; они отказываются соединиться, цепенеют, сокращаются; что удерживать они не научились, того не принимают. Аз требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко Мне? Я знаю Тебя, кто Ты, и Тебе

известно, что я знаю Тебя. Зачем скрываешь от меня, который знает Тебя? Будучи связан в чреве моей матери и не находя выхода прежде определенного времени, я только созерцал Тебя – носимого Той, Которую Ты носишь; я узнал Тебя, и, не имея возможности что-либо говорить сам, воспользовавшись устами моей матери, воскликнул чрез ее посредство, говоря свои слова: "**откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне?**" (Лк.1:43). Там я не обманулся, и ужели здесь не узнаю? "**мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?**" Господь же, как только услышал, сказал ему: "**оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду**" (Мф.3:15). Оставь теперь; ты не знаешь, что говоришь; Я знаю, что делаю. Ты желаешь, чтобы была открыта тебе слава Моего божества; настоящее время не позволяет; все прекрасно в свое время. Ты говоришь истину, но не верят тебе, потому что народ иудейский неверен; не назвал ли ты иудеев порождениями ехидн (Лк.3:7[2])? Следовательно, как же ты хочешь, чтоб Я был открыт для них? Они не принимают твоего о Мне свидетельства; в силу своей подозрительности, они подозрительно относятся к твоим словам, что ты – Предтеча. Оставь теперь, они получат большее свидетельство. Остави ныне, тако бо подобает нам исполнити всяку правду. Иоанн же говорит Ему: как, Господи? И Господь – ему: подобно тому как Я был обрезан, чтобы исполнить закон, и крещусь, чтобы утвердить благодать. Если я исполню часть и часть оставлю без внимания, то оставляю домостроительство неполным; Мне надлежит исполнить все, чтобы после этого Павел написал: "**конец закона – Христос, к праведности всякого верующего**" (Рим.10:4). "**Оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду**". Оставь, Иоанн, чтобы естество воды получило освящение; Мне надлежит исполнить все. Если Я не получу от тебя крещения, то Царь не пожелает быть крещенным от бедного иерея. Оставь теперь, оставь, для того, чтоб свыше воскликнул Отец: "**Сей есть Сын Мой возлюбленный**" (Мф.3:17), для того, чтоб иудеи не начали называть Меня сыном плотника, но – небесного Отца. Оставь теперь, не противься Адаму: Я – второй Адам, желающий омыть нечистоту прегрешений того; если Я не буду окрещен, то как будет очищен тот Адам? Ведь поэтому Я и крещусь тридцати лет, выждав возраст того Адама, чтобы чрез то, что было свойственно ему, утвердить Мое. Оставь теперь, чтобы исполнилось сказанное устами пророка: "**глас Господень над водами**" (Пс.28:3). И можно было видеть зрелище страшное. Содрогающийся Иоанн коснулся главы Господа; а когда сверху разверзлись небеса, то ангелы смотрели на происшедшее; благодать же Духа, в виде голубя сходя на главу Господню, оттолкнула десницу Иоанна. И стояло множество народа, весьма недоумевавшего и говорившего друг к другу. кто это? Потом, как бы отвечая народным толпам, осведомлявшимся друг у друга о том, кто это, Отец воскликнул, говоря: "**Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение**" (Мф.3:17); "**Его слушайте**" (Мф.17:5)[3]. Родитель восклицает о Своей нежной любви к Сыну, чтобы ты понял намерения Создателя относительно мира, так как Он отдал такового Сына за таковых рабов, нежно Любимого – за ненавидимых, Безгрешного – за грешников. Славного – за бесславных. Итак, прославим явившегося Владыку с Отцем, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] С тексте: "сапоги", согласно слав. пер. Но греч. "υποδηματα" означает любую обувь, в первую очередь – сандалии. – ред.

[2] В тексте ошибочно ссылка на Мф.23:33, но там слова Господа, а не Предтечи. – ред.

[3] (Ссылка – ред.). Здесь Златоуст добавил слова, прозвучавшие с неба при Преображении Господем, а не при Крещении.

СЛОВО

о Сретении Господа нашего Иисуса Христа, а также о Богородице, и о Симеоне.

Господь наш Иисус Христос не только облекается плотью, но и, согласно с законом, обрезывается, чтобы отнять предел у иудейского неверия. Он идет к закону ради закона, чтобы чрез веру освободить учеников от закона: и принимает плоть, и обрезывается вместе с иудеями. Он имел общение в плоти, имел общение и в обрезании; укрепил родство, чтобы они не отреклись от происходящего от Давидова семени Христа, Которого и ожидали; показал доказательство родства. В самом деле, если они говорили, хотя Он и был обрезан: "**не знаем, откуда Он**" (Ин.9:29), то, если бы Он не был обрезан по плоти, отрицание их имело бы основательный предлог. Итак, "**по прошествии восьми дней, когда надлежало обрезать**" (Лк.2:21) дитя, – Иисус ожидал увеличения органа. "**По прошествии восьми дней, когда надлежало обрезать**", так как закон повелевает обрезывать в 8-й день, и если наступит 8-й день, то выходит на средину врач и берет в руки железное орудие и проявляет свое искусство, и ради обрезания пренебрегает субботой. Спросим же иудеев: суббота – покой; этот день – совершенный отдых; почему 8-м днем вытесняется седьмой? Почему 8-й день становится выше 7-го? Но Иудеи, конечно, не знают об иудейских делах; церковь же Христова знает Христа и иудейские учения. Дитя обрезывается в 8-й день, потому что в 8-й день надлежало быть воскресению, то есть Господню обрезанию всего мира. Почему не повелел Моисей обрезывать в 6-й день? Почему не в 9-й или 10-й? Ясен 8-й день, в который воскресает Господь. Итак, если кто не верит воскресению, тот не обрезан сердцем, отчужден от Бога неверием. Обрезание же – истинное познание и понимание веры. Поэтому, возлюбленный, обрезание передается верным чрез посредство святого крещения; а святое крещение – образ Христова воскресения. Поэтому перейди от плоти к духу, от телесного возвысся до духовного, и ты найдешь там плотское обрезание, а здесь – духовное и очищение грехов. 8-й день – обрезание; 8-й – также и воскресение; а крещение – образ воскресения; восхождение бывает от малых вещей к большим, от телесных – к более духовным. Поэтому пусть придут иудеи и преуспеют, так как надлежит преуспеть по сравнению с телесным, а не оставаться при одном и том же. Конечно, Господь наш Иисус Христос, пришедший "**не нарушить закон, но исполнить**" (Мф.5:17), был обрезан вместе с иудеями. Посему евангелист говорит: "**по прошествии восьми дней, когда надлежало обрезать [Младенца], дали Ему имя Иисус, нареченное Ангелом прежде зачатия Его во чреве**" (Лк.2:21). Мы называемся после рождения, Иисус же называется прежде рождения, потому что Он был прежде зачатия. Иисусом же был назван, потому что имел дело спасителя. "**А когда**", говорит (Писание), "**исполнились дни очищения их по закону Моисееву**" (Лк.2:22). Чьего очищения? Марии и Иосифа, потому что закон повелевал жене – родительнице пребывать особо от чистых, выжидать известные дни и не выходить из дома. Итак, "**когда исполнились дни очищения по закону Моисееву**" (хотя это не было необходимо для Девы, но, однако, исполнялся закон) "**принесли Его в Иерусалим, чтобы представить пред Господа, как предписано в законе Господнем**" (Лк.2:22-23). Где речь о телесном очищении, (Писание) говорит: по закону Моисееву; где – о представлении святого, говорит: "**как предписано в законе Господнем**", – не потому, что закон Моисея не был законом Господним, – ведь если говорит пророк, ведя речь при содействии Духа Святого, говорит не сам, но Господь внушает, – но, однако, так как и очищение имело телесный образ, то (Писание) говорит о Моисеевом законе, а так как предстояло Дитя первородное, то говорит: по закону Господню, почитая рождающееся: якоже есть писано в законе Господни: "**как предписано в законе Господнем, чтобы всякий младенец мужеского пола, разверзающий ложесна, был посвящен Господу**" (ст.23). Итак, это слово, и весь закон, и причина закона – все полагалось ради Имевшего разверзать ложесна. Все первородные существа из животных и людей никогда не

разверзали ложесн, но были только первородными; Кого же родила Дева, Один только Он разверз ложесна. Итак, обращай внимание, прошу, на учреждение всего закона ради Того только, Кто имел родиться от Девы. Откуда же иудеям возможно было понять это учреждение? Будучи плотскими, они как нельзя более далеко отстоят от того, чтоб постигать мысли, требующие духовного понимания. Затем приходят они дать "**жертву, по реченному в законе Господнем, две горлицы или двух птенцов голубиных**" (ст.24). Случилось же и это прообразовательно согласно с законом, чтобы не пропустить ничего в законе не исполненным. Эти иносказания – согласны с законом; но перейдем к евангельскому повествованию: "**тогда был в Иерусалиме человек, именем Симеон. Он был муж праведный и благочестивый, и Дух Святый был на нем. Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня**" (Лк.2:25-26). Был старец Симеон, и он ожидал исполнения благовествования; он оставался в храме, говоря с самим собой так: где бы Он ни родился, во всяком случае сюда придет. Этот старец "**пришел по вдохновению в храм**" (ст.27) в тот час, "**когда родители принесли Младенца**". Часто он приходил, но по своим делам; тогда же, руководимый Духом Святым, благовременно приходит, чтобы исполнилось обещанное ему. "**Он взял Его на руки, благословил Бога и сказал: Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром**" (ст.28-29). Откуда отпускаешь? Из рва этой жизни, потому что печальны обстоятельства ее, – жизнь эта – темница. Итак, он желал быть отпущенным; если же кто считает удаление отсюда наказанием, тот еще не совершен в вере. И вот он говорил: "**Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром**", потому что явился имеющий принести мир миру; пришел Миротворец, соединяющий небо с землей, и явился делающий землю небом чрез посредство евангельского учения. Симеон восклицает: "**ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое**" (ст.29-30), говорит. Что значит сказанное им? (Это значит:) прежде я веровал мыслью и знал помышлением; теперь же увидели и глаза мои; и то, чего я ожидал сердцем, вот увидели мои глаза уже совершившимся. Что же? "**Видели (очи мои) спасение Твое**". Какое? "**Которое Ты уготовал пред лицем всех народов**" (ст.31), не одного народа и не Израиля только, но "**пред лицем всех народов**", потому что родившийся – Учитель всей вселенной. "**Свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля**" (ст.32). Почему свет? Потому что народы пребывали во тьме и потому что Он просветил погруженные во тьму племена. "**Свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля**". Здесь – слава и там – откровение; там – начало научения, а здесь – последующее учение. "**Славу народа Твоего Израиля**". Но, конечно, кто-либо скажет: а где израильтяне? Ты имешь Петра, имеешь Павла, имеешь Иоанна, имеешь три тысячи человек, имеешь пять тысяч человек (Деян.2:41;4:4), имеешь иерусалимскую церковь, имеешь уверовавших из иудеев, так как в числе уверовавших был и этот народ. "**Если бы Господь Саваоф не оставил нам семени, то мы были бы то же, что Содом, уподобились бы Гоморре**" (Ис.1:9). Бог говорит: "**впрочем, Я оставил между Израильтянами семь тысяч [мужей]; всех сих колени не преклонялись пред Ваалом**" (3Цар.19:18). Таким образом в этом народе сохранилось семя веры, и не погиб весь народ. Да не будет! И не погибли все иудеи, так как и теперь в этом блаженном состоянии и звании хотя "**много званных, но мало избранных**" (Мф.20:16). Христос призвал всю вселенную и приготовил святую пищу евангелия. Но, когда придет во второй раз, то войдет и сделает выбор и с заботливостью исследует возлежащих; и если найдет, что кто-либо из возлежащих не имеет брачного одеяния, то скажет ему: "**друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде?**" (Мф.22:12). И отвергнет его, подобно тому как мы слышали в евангелиях. Итак, и там был выбор, и здесь будет выбор. На основании того, что мы призваны, ужели мы должны и вести себя надменно, как будто достигшие совершенства? Падение первых людей да будет нашей безопасностью. Таким образом, возлюбленный, и этот народ погиб не весь, и не весь он развратился, и не весь проявил неверие, и не весь преследовал апостолов, но чрез

апостолов уверовали три тысячи, не считая женщин и детей[1] (Деян.2:41). И в Иерусалиме произошла многотысячная церковь, когда храм еще не был разрушен, когда иудеи еще не были изгнаны, когда Иерусалим еще не был предан разорению. Была создана церковь, и слова Иоанна оказались очевидной истиной: "**Ему должно расти, а мне умаляться**" (Ин.3:30). Поэтому Симеон, будучи пророком, говорит: "**славу людей Твоих Израиля**". Славою ожидающих была встреча Того, Кто ожидался; и Иосиф, и Мария прославляют сказанное; ангел благовествовал, волхвы познали, пастыри слушали, воинства ангелов торжествовали, звезда сверху указывала, Симеон пророчествует, Анна, дочь Фануила, пророчествует, земля радовалась, небо чрез посредство звезды возвещало, волхвы отказались от повиновения тирану, пастыри поклонились Архипастырю, все узнало, Мать узнала, Иосиф услышал, трепетали при таких делах, по исходе дел они поняли. И благослови я Симеон и рече к Марии, Матери Его: "**се, лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в знамение прекаемое**[2]" (Лк.2:34). На чье падение? Ясно, что – неверующих, пререкающих, распинающих. На чье восстание? Признающих и благоразумно исповедающих Его. И в знамение прекаемое. Какое прекаемое знамение? Знамение креста, которое церковь знает как спасительное для мира, – знамение, против которого враждуют иудеи, которое часто возвещалось и небом. Прекание же встречает это знамение, чтоб победила истина, потому что без прекания победа не бывает полной. Надлежало, чтоб возымело место прекание, для того, чтобы Судия долготерпеливо произносил суд в течение всей вечности. Поэтому (Писание) говорит: и в знамение прекаемо; прекание же обнаруживают неверующие. И ты, говорит (Писание), считаешься Его Матерью. Итак, окажешься ли ты не подверженной искушению, после того как исповедала, что ты – Мать, после того как родила Его, после того как, полагаешь, вместила Его на время в своей утробе? Чрево твое было сосудом действия Духа. Пребудешь ли неподверженной искушению, после того как соделалась Богородицей, после того же как, будучи неискусобрачной, зачала, после того как соделалась Матерью своего Творца? Пребудешь ли ты неподверженной искушению? Даже и ты не пребудешь неподверженной последнему, но "**и Тебе Самой оружие пройдет душу**" (Лк.2:35). Почему, Господи? Чем Я согрешила? Ты, конечно, ничем не согрешила: но, когда увидишь, что Он висит на кресте, когда увидишь, что Он страдает за мир, когда увидишь, что руки Его распростерты на кресте и пригвождены на древе, тогда Ты начнешь сомневаться и говорить: ужели это – Тот, о Котором беседовал со мною ангел? Ужели это – Тот, по отношению к Которому случилось Мое чудесное зачатие? Я была девой и родила, и осталась Девой. Почему Он распинается? "**И Тебе Самой оружие пройдет душу**". Итак, никто не пребыл неподверженным искушению, согласно с пророчеством праведного Симеона. Петр, верховный из апостолов. трижды отрекся; прочие ученики, оставив Христа, убежали. Пастырь не имеет нужды в защите со стороны овец, прогоняя волков; и Поборник не имел нужды в помощниках, но все отступили; Христос же был один только, как бы висящий овен[3]. Итак, прошло оружие и ее душу; именно – искушение и сомнение. И тебе же самой душу пройдет оружие, "**да откроются помышления многих сердец**" (ст.35). Итак, Иисус страдает для изобличения неверия, для утверждения благомыслия верующих. Знамение же встречает прекание, чтобы изобличены были пререкавшие по причине своей порочности. Если бы истина не встречала себе со стороны людей никакого прекословия, то и благочестие должно было бы быть неиспытанным; допущение же прекания делает то, что избирается истина уже испытанная. Знамение встречает себе пререшние, так как иначе каким образом были бы испытаны во время преследований мученики? Каким образом они состязались бы, показывая себя победителями, благодаря своей твердости? Смотри, как много пользы принесло прекание; оно соделало не просто верных, как иной, быть может, скажет, но и таких свидетелей, которые шли вперед до мучений и смерти и своим терпением представляли доказательство в пользу Христовой благодати. Итак, когда Симеон говорит: "**лежит Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в знамение прекаемое**",

то должно думать, что Он ни падения не производит, ни восстания насильно не обусловливает; но лежит на падение для тех, кто спотыкается о камень преткновения, на восстание же для верующих по своей доброй воле; лежит, как если бы кто сказал: воссиявает свет, чтобы видели те, кто – здоров, а чтоб больные глазами еще больше убежали от лучей света. Каким же образом пали бы одни, которые были достойны изобличения, а другие восстали бы, по своей воле имея добрые надежды, если бы знамение не было пререкаемо? Как говорит Симеон: и в знамение пререкаемо? Чтобы пререкание не показалось странным для верующих. А что даже истина Божия встречает пререкание с соизволения Бога, это ясно, – так как никто не мог бы проявить противоречия, еслибы не позволял Бог; соизволение же это необходимо, чтобы стали очевидны достойные. Будет время, когда уже не останется места для пререкания, потому что, когда воссияет с небес знамение, тогда "**преклонится всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедает, что Господь Христос в славу Бога Отца**" (Флп.2:10-11). Самое знамение до тех только пор и является, и служит знамением, и бывает знамение пререкаемо, пока никоим образом не видим Тот, Кто знаменуется; а после того как Сам знаменуемый откроется при Своем втором пришествии, то уже никто не дерзнет противоречить знамению, так как Знаменуемый явится против пререкающих, имея очевидное для всех божество. Тогда принявшие знамение будут прославлены Тем, Кто был знаменуем, а прекословившие знамению будут осуждены явившимся; и тогда настанет конец пререканию, конец заблуждению, конец сомнению, конец неверию, начало же наград за подвиги и венцов, которых, о, если бы все мы достигли во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] "не считая женщин и детей" отсутствует в Деян.2 и взято по аналогии с рассказом о чуде умножения хлебов (Мф.15:38) – ред.

[2] В рус.пер. неточно: "**предмет пререканий**". Поскольку Златоуст здесь и далее говорит именно о знамении, я счел нужным оставить точный перевод, как в слав. – ред.

[3] Намек на жертвоприношение Авраама, который принес в жертву вместо своего сына овна.

На святую и великую пятницу

Уже исполнен нами подвиг поста, но он окончился крестом: да и как надлежало бы разрешиться концу победы, если не трофеем? А крест – трофей; однажды водруженный – он всегда обращает демонов в бегство. Где идолы и тщетные убийства животных? Где храмы и огонь злочестия? Он погас; все пало из-за единой святой крови. И крест – всемогущая сила, невидимая стрела, невещественное врачество, прекращающий огорчения источник, непостыдная слава; так что, хотя бы я говорил о Христе и иное многое, хотя бы я привел в изумление слушателя, повествуя о бесчисленных чудесах, я не в такой степени гордился бы по причине этого, как горжусь по причине креста. Например, я, положим, говорю: Иисус произошел от Девы; великое чудо – миновать брак и ввести новое в природу; но, если бы не было креста, то делами не спаслась бы первая Дева рая; теперь же во время креста спасается первая жена, новыми дарами исцеляющая древнее зло. Восстал мертвый в Галилее, но опять умер. Я же, восставши чрез крест, уже не могу подпасть власти смерти. Иисус переплыл море, Бог – в корабле: дерево скоротечное принесло пользу; я же получил дерево вечное, благое, пользуясь которым вместо кормила, удаляю от себя духовные волны греховности. Пять тысяч человек было напитано по

одному знаку креста. Итак, где остатки пищи? Каким образом я, не присутствовавший, получу останки, принадлежавшие присутствовавшим? Было 12 корзин кусков, которые остались: дар был соразмерен. Христос был распят – и мы всегда питаемся; и, насыщаясь, опять ищем, и еще более остается, так как благодать неистощима. Да будет восхвален тот день, который родил свет, – день, благодаря которому остальные дни были призваны к веселию. Каким образом? Слушай. Сегодня создан Адам в шестой день, сегодня он получил божественный образ, сегодня в мире образовался малый мир, сегодня человек – кормчий, стоящий впереди всех живых существ, удержал прекрасные кормила человеческой природы; сегодня получил добровольные заповеди, сегодня изгнан из рая, сегодня опять введен. О, многообразный день! О, весьма скорбный и лишенный скорбей! О, утром опечаливший, вечером же обрадовавший! Лучше же сказать: о, как многое исцеливший! Со скорбию я соглашаюсь с вами, встречаясь с древними страстями, слыша, что Адам изгнан от отеческого очага, что человек, рая гражданин, питался без обрабатывания земли, без дождя жил роскошно, что он нисколько не нуждался для жизни ни в соединенных с потом усилиях или заступе, или труде, или напряжении, утешался всегда цветущими деревьями, переходил от цветов к цветам, от плодов к плодам, имел потребное вслед за желаниями, но по причине красоты созерцаемого не знал, на что прежде положить свои руки; я часто оплакивал столь великое блаженство, видя, что он лишился его, – потому что это несчастие было обще и оно соприкасалось с нашим родом. А после того как я обратился к евангелиям и взял себе этот день (потому что шестой был и тот день и этот), то я и потерял печаль, и своим словом несу пред собою радость, и говорю себе и вам: отбежала скорбь, печаль, стенание; древнее миновало, вот настало все новое. Как ученики врачей излечивают нанесенные змеями раны, от них же получая защищающие от зла лекарства, и приготовляя их, борясь с болезнью при помощи того, что служило поводом к ней, – так и Спаситель воспользовался всеми случаями, которые вели к злу, для блага, изменив горькое в сладкое, превратив желчное во врачевание, обратив жало смерти против нее, прелагая вред от древа в спасение, взяв день, приведший в трепет мир, и возвращая его днем, возрадовавшим мир. Мне не верь, но своим глазам верь; взирай на присутствующее собрание – и перестань спорить с нами. День креста, и мы все радуемся и воздерживаемся от зол и очищаем все: внутреннее, внешнее. Это – смысл праздника, это – образ радости. Я говорю о немногих чудесах силы креста; воззри на круг вселенной, как много селений, как много городов, как много местностей, как много племен, как много островов, как много рек, как много морских берегов, как много поколений и племен, и варварских языков; все они ради креста воздерживаются от пищи, силой его распяв свои страсти; и для многих оканчивается ночь, но не оканчивается подвиг поста. И почему мы все сошлись теперь услышать что-либо о кресте и наполняем церковь, и толкаем друг друга, потея, трудясь, пред судьями часто удостоиваясь права сидеть на первых местах, а пред Иисусом с удовольствием стоя? Потому что и Иисус стоял ради нас, чтобы остановить волны греха. Итак, что совершено сегодня? Да не пройдут мимо наших ушей совершенно чудеса этого дня! Был уже свет и уже наступало утро, и Он со связанными руками вводится в преторий Пилата. С какими руками? Исцелявшими слепых, врачевавшими хромых. И пальцы, давшие зрение, пригвождаются узами, и Исцелитель естества удерживается насильно от исполнения свойственного Ему дела. Это воздано Господу. "**Заключающий воды в облаках**" (Иов.26:8) связан, "**изводящий окованных мужественно**" (Пс.67:7), дарующий "**пленным освобождение**" (Ис.61:1); связан разрешивший Лазаря от уз смерти; приведен в преторий дориносимый бесчисленным множеством ангелов. Предстоит Пилату имеющий Своим престолом небо; удерживался Творец влекомый творениями, Создатель – созданием, Совершитель – совершенным. Итак, что же затем? Что делается? "**И они**", говорит (Писание) "**не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы [можно было] есть пасху**" (Ин.18:28). О, великое беззаконие! Они совершают неправедное убийство и отказываются войти в преторий, остерегаясь, чтоб не осквернится, хотя они уже были осквернены, выкупая

овцу овцой. Итак, ожидал суда Судия всей вселенной; ожидал свидетелей Свидетель душ; Тот, Кто сотворил, был и судимым; и люди, судя, сидели, а Бог стоял, и, стоя, молчал, стоя возле преддверия человеческого – Господь небесных врат. Вопрошал Пилат, быть может, более человеколюбивый, чем иудеи. Зачем я говорю: быть может? Совершенные дела покажут истину. "**В чем вы обвиняете Человека Сего**" (Ин.18:29)? Кто может обвинить Бога? Я вынуждаюсь сказать от лица Пилата, так как Иисус молчит, не потому, что Слово имело недостаток в словах, но – чтобы ответом не устранить венца креста. И неимущий пожелал стяжаний? Чужих жилищ – Тот, Кто никогда не имел, где склонить Свою главу? Имуществ – Тот, Кто обнажил и Своих учеников до пояса? Не имея осла, достал чужого, чтобы благословить ваших детей. Скажите причину, придумайте, на законном основании умертвите. Иудеи ему ответили: "**если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе**" (Ин.18:30). Великое указание на дела, неопределенная причина! Назови проступок и не вводи в заблуждение слушателя. Пилат говорит им: "**возьмите Его вы, и по закону вашему судите**" (ст.31). Благомыслящий судья сложил тяжесть на голову иудеев: вы возьмите участника в злодеянии. Иудеи ему говорят: "**нам не позволено предавать смерти никого**" (ст.31). Итак, почему же вы убили Исаию, почему – Захарию, почему – каждого из пророков? Но вам "**не позволено предавать смерти**", не потому, что вы не желаете, но потому, что не можете, так как они были уже лишены такой возможности римлянами. Итак, закон уже разрушен, упраздненный на деле, сохраненный лишь в чернилах; разрушил же его Иисус, Который был связан. А Пилат говорит: "**я никакой вины не нахожу в Нем**" (ст.38). Не ты только, Пилат, но – ни иудеи, ни слепые, ни мертвые, ни солнце, ни луна, ни мир, ни все праведные пророки и мученики, ни пророк, говорящий: который "**не сделал греха, и не было лжи в устах Его**" (Ис.53:9). Все соглашаются с Пилатом, вынося правый приговор; спорят одни только иудеи, с криком обвиняя Его и с шумом соперничая затенить истину, и подтверждая то, что сказал Исаия: "**я ожидал, что он принесет добрые грозды, а он принес терние**[1]" и не правду, но вопль (Ис.5:4,7). Между тем как это совершалось, и Пилат не мог ни говорить, ни слушать по причине беспорядочного шума, и замышлялся мятеж, послала к нему жена его, прекрасная помощница, удерживая спешившего мужа и говоря: "**не делай ничего Праведнику Тому**" (Мф.27:19); если можешь, спаси Его; если же не можешь. то сбереги себя; она почти говорила то, что изрек Давид: "**не погуби души твоей**[2] **с грешниками и жизни твоей**[3] **с кровожадными**" (Пс.25:9). "**Не делай ничего Праведнику Тому, потому что я во сне много пострадала за Него**" (Мф.29:19). Другой Иосиф – она созерцает чрез сновидения истину, свидетельствуя вопреки крикам иудеев, так как надлежало, чтоб они были побеждаемы женщинами. Победила их Раав-блудница, победила их кровоточивая, победила хананеянка; и теперь опять женщина – против них. Они стеснены; иудеи ответили ему: "**мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть**" (Ин.19:7). Какой закон? Подтверждаемый какими изречениями? Быть может, теми, которые сегодня были прочитаны? "**Как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих, за преступления народа Моего претерпел казнь**" (Ис.53:7–8). Вот какие нахожу полезные для них слова; в другом же месте никоим образом не нахожу, чтоб Иисус был закалаем по праву. Пилат вошел в преторий, уступая гневу иудеев, стараясь погасить неугасимый пламень. Вошел и вышел; еще более зажег огонь. Он вышел с увенчанным Иисусом, что для иудеев было неприятным зрелищем, – показывая врага их уже увенчанным, уже победителем, уже облеченным царским видом. Хотя это было сделано ради осмеяния, но было иносказательным указанием на присущее Ему по естеству царское достоинство. Когда же они увидели Его, Которого часто видали и никогда не познали, на Которого, всегда взирая, воспламенялись, истощаемые собственным их огнем (а они пожелали бы, хотя бы и сожжены были огнем), то подняли свой содомский крик, подняли и пришли в неистовое состояние: "**возьми, возьми, распни Его. Царя ли вашего распну? Нет у нас царя, кроме кесаря**" (Ин.19:15), говорят они. Отречение – без преследования, безбожие – после

египетских зол: "**вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской**" (Исх.32:4). Вы не имеете царя, кроме кесаря? Кто же путеводил вас в пустыне? Или кто питал? К кому восклицает Моисей, говоря: "**Господь будет царствовать во веки и в вечность**" (Исх.15:18)? Итак, после того, как вы отреклись от своего Царя, – останьтесь на будущее время без царя, влача вечное ярмо рабства. Это совершено до данного часа. Но посмотрим и на оставшуюся часть дня, так как весь этот день – святой. Они взяли Его – увенчанного; чем? Терниями – этими иудейскими дарами. Ждах, да сотворит гроздие, сотвори же терние "**я ожидал, что он принесет добрые грозды, а он принес терние**" (Ис.5:2,4): Он был заушен, был бит, принял бичевания; но ничего этого не устыдился перенести. Стань вместе с Исаией и созерцай Бога его глазами. Итак, что тот говорит? "**Господи, кто поверил слышанному от нас? Мы видели Его, и не было в Нем ни вида, ни красоты**[4]**. Он был презрен и умален пред людьми**" (Ис.53:1-3). Он не имел красоты, ни вида, Он – Художник всякой красоты; Он оплакивал злодеяния иудеев, "**человек, израненный**[5] **и изведавший болезни**" (ст.3). Человек, не Бог, потому что подвергнут был ударам человек, а не Бог. Кто же это – переносящий много страданий и испытывающий много печалей и всеми биемый? Ужели праведно Он претерпел то, что претерпел? "**Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни**" (Ис.53:4). "**Я никакой вины не нахожу в Нем**" (Ин.18:38). Но не стыдись из-за позорных благ. Претерпев столь великое, Он остался бесстрастным; Он был ранен, оплеван, перенес самое постыдное, и Он же самый остается достойным почета, славным как бы один из уязвленных, как говорит сам Исаия: "**а мы думали, [что] Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши**" (Ис.53:4-5). Итак, и сам Он, и мы лежим раненые. "**Ранами Его мы исцелились**" (ст.5). Мертвый – врач мертвых; раненый – врачебное средство для обремененных заботами людей. Но доколе ты, о, человек, совращаешь с пути нашу свободу? Скажи яснее о том, что исследуется. "**Как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен**" (ст.7). Добрая овца, отданная дурным поварам; если закалаете, иудеи, то не стригите; если же стрижете, то пощадите овцу, которая доставляет вам много полезного. "**Вели с Ним на смерть и двух злодеев**" (Лк.23:32). Слово у нас доходит до одиннадцатого часа дня, чтобы никто не отчаивался в своей жизни. И я, конечно, желал бы пройти молчанием историю, вследствие того, что часто мы рассказывали ее, но вижу разбойника, который всегда меня принуждает. И не удивительно: он, изменив свое ремесло для спасения, насильно отворил двери рая. Стоял на кресте Агнец и два волка; но один остался на земле своими мыслями, а другой уже изменялся, говоря: "**помяни меня, когда приидешь в Царствие Твое**" (ст.42). О, могущество Иисусово! Разбойник – уже пророк, проповедующий со креста: "**помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое**". И что, свойственное царю, ты, разбойник, видишь? Заушение, оплеваше, гвозди и древо, и насмешки иудеев, и уже обнажаемое копье воинов. Но не вижу, говорит, того, что видимо: стоящих кругом ангелов вижу, убегающее солнце, раздираемую завесу, колеблющуюся землю, мертвых, уже помышляющих о бегстве; Иисус приемлет всех, давая тот же динарий и тем делателям, которые пришли около одиннадцатого часа. "**Истинно**[6] **говорю тебе**" (возьми и ты аминь, о, разбойник, ты, который сегодня – разбойник), "**ныне же будешь со Мною в раю**" (Лк.23:43). Я, Который изгнал тебя, ввожу, – Я, Который заключил двери райские, Который заградил их огненным мечем; если Я не введу тебя, то двери останутся запертыми. Сюда, о, разбойник, ограбивший диавола и увенчанный супротив него; увидев человека, Богу поклонился, отбросив древнее оружие, восприяв оружие веры. А когда это так происходило, и когда все освящалось: из области эфира – солнце, из растений же – дерево, а из животного мира – желчь, из тканей – неразрываемый хитон, из моря – пурпуровое одеяние, из металлов же и именно железа – копье и гвозди, и когда излились двоякие источники: кровь и вода, – тогда Спаситель исполнил то, что было Ему свойственно: "**Отче! прости им**" грех (ст.34). Кому – прощение? Эллинам, иудеям, пришельцам, варварам, просто сказать – всем,

потому что однажды Он сказал, и это дело совершается всегда. Не о врагах только сказал: "**прости**" – Он говорит ежегодно и всегда говорит, и тот, кто желает, получает. Сошлись все к преторию Пилата; что говоря? Знаем, "**что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну**" (Мф.27:63). Ты несомненно знаешь? Несомненно помнишь, что Он восстанет? Поставь стражу ко гробу; для меня охраняешь его; охрани мертвого, чтоб Он не убежал. "**Имеете**", говорит, "**стражу; пойдите, охраняйте, как знаете**" (ст.65); не выпускайте, как знаете; как знаете, приготовьте; как знаете, охраните; если бы вы не сохранили, то оставляете мне основание к извинению. Теперь же вам самим предаю Его, Который, когда был жив, был вами удержан, а когда был убит, от всех вас скрылся. Итак, останемся трезвыми, чтобы увидеть глубокий сон иудеев и праздновать вместе с небесными воинствами, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Гр. ακανθας; в синод.пер. "дикие ягоды" – ред.

[2] В псалме: мою.

[3] В псалме: мой.

[4] Гр. : καλλος – слав. "**доброты**" – ред.

[5] Гр.: εν πληγη ων = букв. "пребывающий в ране", слав. "в язве сый" – ред.

[6] В ориг., как в Еванг., "Аминь" – ред.

О честном и животворящем кресте и о преступлении первых людей

Что мне сказать, или что возглаголать? Или каким именем мне назвать вас? Овцами или пастырями? Корабельщиками или кормчими? Учениками или учителями? Каким образом мне выразить удивление вашей ревности, более сильной, нежели огонь? Назову ли вас овцами, потому что вы – кротки и тихи? Назову ли вас пастырями, потому что вы – подражатели своему Господу? Назвать мне вас корабельщиками, потому что вы на опыте выдержали бурю водоворотов. Назову ли вас кормчими, потому что вы – таковы, и как некий прекрасный кормчий, сидя у руля, с помощью искусства убегая от треволнений и сохраняя корабль неповрежденным, ведет его к тихой гавани, – так именно поступаете и вы? Не назвать ли мне вас учениками, потому что вы готовы к повиновению? Не назвать ли вас учителями? Опять скажу: вы – таковы, потому что вы сделались учителями всей вселенной. Итак, что сказать? Я желаю сегодня предложить вам духовную трапезу, не тело питающую, но укрепляющую дух, лучше же сказать: и тело питающую, и душу очищающую. Такова – трапеза духовная; она не то, что трапеза прожорливых людей, производящая пресыщение. Слово – духовно, оно дышит благоуханием, потому что, вспоминая о нем, человек, как бы поглощающий миро, испускает некоторое благовоние, не только себя самого награждая благоуханием, но делая так, чтоб и стоящие возле него исполнились того благовония. Внимайте же – я желаю произнести слово. Есть и такие водолазы, что бросаются с корабля в море, ходя всюду по морскому дну, желая извлечь себе жемчужную раковину; мы же, вместо корабля имея ветхий и новый завет, вместо руля – крест, вместо кормчего – Христа, вместо подкормчего – Отца, вместо зефира – Святого Духа, вместо паруса – благодать, вместо корабельщиков – учеников, вместо пассажиров – пророков, – бросимся с корабля в море мыслей, не для того, чтобы извлечь

себе жемчужную раковину, но то, что – драгоценнее жемчуга. Внимайте же мне, умоляю, доставьте мне послушание; я, как уже сказал, намереваюсь извлекать из глубины мыслей нечто ценнее жемчуга. Итак, не отнеситесь к себе с пренебрежением и не поступите с собой, как неразумные животные. Ведь написано: "**не бросайте жемчуга вашего перед свиньями и не давайте святыни псам**" (Мф.7:6). Когда же ты услышишь о свиньях, то не сочти их бессловесными животными; и когда услышишь о собаках, то не сочти и их за собак. Свиньями Писание называет живущих в распутстве; собаками же называет необдуманно беснующихся против Господа. Итак, сделайте самих себя достойными того жемчуга, который намереваюсь вам сегодня предложить. Земледельцы не бросают безрассудно своих семян, если сначала не запрягут волов и не провлекут плуга, и не извлекут терновника, и не прорежут борозд, – тогда только бросают свои семена на землю, чтобы дождь, найдя их, унес в пустоты земли; и тогда земля, взяв их, рождает колос. Но те семена выжидают и зиму, и лето, и небесный дождь, и лучи солнца, и время жатвы, – тогда только они собираются в житницы; я же не выжидаю ни зимы, ни лета, ни солнечных лучей, ни дождя, ни запрягаю волов, ни влеку плуга, ни прорезываю борозд, ни извлекаю терновника, сегодня сею, сегодня и жну, потому что обрабатываю не неразумную землю, но землю разумную, не бесчувственную, но чувственную, не бездушную, но одушевленную. И какой земли я, счастливец, избран возделывателем! Да, я тогда счастлив, когда говорю в уши слушающих, и опять (Писание) говорит: преслушание производит смерть (сравн. Втор.8:20). Итак, я блажен; блаженны и вы, потому что Иисус в Евангелии говорит ученикам: "**блаженны вы, когда исполняете**" Мое слово (Ин.13:17). Внимайте же, обращайте внимание на то, что говорится. А желаю я вам с помощью образов показать: что есть Бог? Пользуясь сказанием, говорю: Бог подобен человеку, сидящему на утесе и созерцающему все море, корабли, ходящие по нему, море – непостоянное, возбуждаемое треволнениями, вследствие того, что в нем дуют жестокие ветры; вот некоторый прекрасный кормчий, соперничая с волнами, пытается ввести корабль в спокойную гавань. потому что застигает позднее время, – пытается ввести, боясь, чтобы корабль не утонул, так как иные корабли идут по прямой дороге, а другие вследствие сильного натиска ветров погружаются в воду и погибают, при чем некоторые люди умирают, а некоторые остаются в живых и достигают земли, схватившись за какой-нибудь жалкий руль и выбрасываемые на сушу весьма сильными волнами; а также бывают выбрасываемы тела и умерших уже. Все же это созерцает сидящий на утесе; это – Бог, и, как я прежде сказал, я говорю, пользуясь сказанием. А когда я скажу о Боге, сидящем на высоких местах, то не думай, что Он находится только на высоких местах, но думай, что Он присутствует и всюду. Он не разделяется от чего-либо расстоянием места, Сам будучи Своим местом, Сам все вмещая, а Его не вмещает ничто. И что может вместить природу бестелесную и невещественную, и беспредельную, и неисследимую, и неподверженную гибели, и нетленную, и непостижимую? По мнению благочестивых людей таким-то образом должно мыслить Бога. Это – наша надежда, как написано: "**сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа**" (Ин.17:3). За это и порицают нас еретики, поистине безрассудные люди, читающие и непонимающие. Когда же ты услышишь о Христе, то не считай Его одним только Богом, и не думай об одном только домостроительстве во плоти, но о том и другом вместе, и о Боге – Слове и о плотском домостроительстве. Я знаю, что Христос алкал, знаю также, что Христос с помощью пяти хлебов и двух рыб напитал пять тысяч человек, кроме женщин и детей; знаю, что Христос жаждал, знаю также и то, что Христос превратил воду в вино; знаю, что Христос плавал на корабле, знаю и то, что Христос ходил по водам; знаю, что Христос умер, знаю и то, что Христос воскрешал мертвых; знаю, что Христос предстоял Пилату, знаю и то, что Христос сидит вместе с Отцем; знаю, что Христос терпел от иудеев оплевания, знаю и то, что Христу покланялись ангелы; и одно привожу, доказывая Его божество, а другое, доказывая Его человечество. Поэтому сказано то и другое вместе, так как я знаю, что Христос родился от Марии, и

знаю, что Христос существовал прежде веков. Итак, прославим Иисуса Христа, несокрушимую стену, основание, утвержденное на скале. Он сам говорит Петру: "**ты - Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее**" (Мф.16:18). Подобным же образом говорит и Павел: "**никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос**" (1Кор.3:11). Итак, умоляю вас, чтобы нам со всей кротостью обращать внимание друг на друга. В настоящей жизни мы прельщаемся пищей и питьем, и разнообразными удовольствиями, а в будущей – суд и наказание. Итак, не дадим места для диавола. "**Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего**" (Еф.6:12). Поспешим же убежать от вечного наказания. Бог не сотворил наказания, чтобы подвергнуть ему нас, но – чтобы тебя, впадшего в него, исторгнуть; ведь мы имеем такового – человеколюбивого и милосердного Бога. Давид свидетельствует, говоря: "**Бог - судья праведный и крепкий, и долготерпеливый, и не наводящий гнев ежедневно**" (Пс.7:12). "**Если не обратитесь, то Он оружие Свое изощрит, лук Свой Он натянул и приготовил его, И в нем приготовил орудия смерти, стрелы Свои сделал для сожигаемых**" (ст.13-14). Это говорит Бог, не для того, чтобы судить нас, но – чтобы мы не сделались более беспечными. Если бы Он желал погубить нас, то не пролил бы за нас Своей крови. Он умер, чтобы даровать тебе бессмертие; взалкал, чтобы напитать тебя Своей плотью; возжаждал, чтобы напоить тебя Своей кровью; садился на корабль, чтобы посадить тебя превыше херувимов; Он был крещен, чтобы просветить тебя; был заушен, чтобы освободить тебя; путешествовал, чтобы сделать тебя неутомимым; плавал на корабле, чтобы соделать тебя бесстрашным; спал, чтобы сделать тебя свободным от печалей; пришел от жены, чтобы проявить сострадание к преступлению Евы в раю; назван человеком, чтобы назвать тебя Богом; назван Сыном человеческим, чтобы назвать тебя сыном Божиим; восприял наше и даровал нам Свое; молился, чтобы сделать тебя верным, как говорит о Лазаре: "**Отче! прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя**"[1] (Ин.17:1). "**Тогда пришел с неба глас: и прославил и еще прославлю**" (Ин.12:28). "**Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал [сие] для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня**" (Ин.11:42). Итак, если что потерпел Он, то потерпел не ради Себя самого и не ради Своего Отца, но – чтобы чрез крест спасти человеческий род. И если ты, возлюбленный, желаешь узнать силу креста и то, что я мог бы сказать о кресте в похвалу его, то слушай. Крест – надежда христиан, крест – восстание мертвых, крест – путеводитель слепых, крест – надежда потерявших надежду, крест – путь заблудившихся, крест – мститель за обижаемых, крест – посох хромых, крест – утешение бедных, крест – удило для богатых, крест – низложение горделивых, крест – покаяние распутных, крест – трофей против демонов, крест – победа над диаволом, крест – учитель детей, крест – изобилие для недостаточных, крест – кормчий плавающих, крест – гавань обуреваемых, крест – стена для тех, на кого нападают неприятели, крест – отец сирот, крест – защитник вдов, крест – судья неправедных, крест – столп праведных, крест – успокоение страдающих, крест – страж детей, крест – глава мужей, крест – конец старцев, крест – свет сидящим во тьме, крест – великолепие царей, крест – человеколюбие варваров, крест – свобода рабов, крест – мудрость необразованных, крест – закон беззаконных, крест – проповедь пророков, крест – возвещение апостолов, крест – похвала мучеников, крест – подвижничество монахов, крест – целомудрие дев, крест – радость иереев, крест – основание церкви, крест – безопасность вселенной, крест – низложение храмов, крест – низпровержение алтарей, крест – удаление тука жертвоприношений, крест – соблазн иудеев, крест – погибель нечестивых, крест – сила бессильных, крест – врач болящих, крест – очищение прокаженных, крест – укрепление расслабленных, крест – хлеб алчущих, крест – источник жаждущих, крест – одежда нагих; всякий же раз как скажу о наготе, говорю не о телесной, а о наготе веры. Когда ты, уверовавши, будешь крещен, тогда назовешься облеченным. И послушай, что говорить Павел: "**все вы, во Христа крестившиеся, во Христа**

облеклись" (Гал.3:27). Когда же услышишь о Христе, то не подумай только о Боге, ни об одном только плотском домостроительстве, но о том и другом вместе. Я часто говорил, и теперь не перестану говорить: ибо "**для меня**" говорить "**не тягостно, а для вас назидательно**" (Флп.3:1), так как я хочу, чтоб все были учителями. Итак, Христом Он назван потому, что облекся в плоть; назван Иисусом Христом, – имя Его по плоти; назван Словом потому, что слово – от кого-либо; Сыном потому, что от Отца; Единородным потому, что один только и от одного только Бога; Богом потому, что Творец. И слушай, что говорит Иоанн: "**в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть**" (Ин.1:1-3). Видишь ли, что это – Тот, Кто словом простер небо и украсил разнообразное собрание звезд, и показал небо, как бы луг? Это – Тот, Кто возжег солнце и установил для него пути; это – Тот, Кто определил появление луны при закате солнца; это – Тот, Кто на водах основал землю; это – Тот, Кто повелел земле произвести былие травное и источникам изливать воды, и рекам течь, и озерам собраться вместе, – Кто чрез посредство песка положил пределы морю и повелел водам произвести живые души и ветрам – дуть, и горы взвесил на весах, облакам повелел двигаться, скотам четвероногим, пресмыкающимся, пернатым бегать по земле. А что мне сказать об ангелах, архангелах, престолах, херувимах, серафимах, началах, властях, порядках, временах и годах, и месяцах, и седмицах, и днях, и часах, и ночах, и свете, и мраке, и сущностях вещей? Сотворив же человека последним, по образу и по подобию Своему, Он поместил его в раю. Увидев же, что человеческий род побеждается злобой диавола, Он пожелал облечь на Себя наши начатки и пригвоздить их на древе. чтобы, как чрез древо произошло преступление, так опять чрез древо произошло и спасение. Итак, диавол, позавидовав, что, между тем как он низвергнут с неба, Адам был в раю, – воздействовал на него, воспользовавшись змеем, как бы оружием; и таким образом беседодовал с ними, когда они были в раю, потому что бестелесный не мог беседовать с телесными; и говорит Еве: это дерево – прекрасно и спело для вкушения, и: "**в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги**", все знающие (Быт.3:5). Убедив Еву, он обманул; затем та убедила и своего мужа, и они вкусили от дерева. Когда же они вкусили, то оказались наги; и говорит Бог Адаму: "**где ты?**" (ст.9). Когда услышишь: "**где ты?**", то не вмени Богу неведения. Говорил же Он: "**где ты?**", потому что диавол говорил им: "**в день, в который вы вкусите, будете, как боги**"; так как они полагали, что имеют сделаться, как боги, поэтому Бог говорил ему: "**Адам, где ты?**". Это значит: ты вкусил и остался человеком; не возвестил ли Я тебе, чтоб ты не вкушал от этого дерева? Но ты вкусил, и явился преступником; это значит: "**где ты?**". Листьями же смоковницы они были облечены, покрывая образ греха. И что говорит Адам: "**голос Твой я услышал в раю, и скрылся**" (ст.10). И говорит Бог: что ты сделал? И Адам говорит Богу: "**жена, которую Ты мне дал, она**" обольстила меня (ст.12). Потом Бог говорит Еве: кто прельстил тебя? И что говорит та? "**Змей обольстил меня**" (ст.13). О, Ева, ведь Я дал тебя мужу твоему, – ужели Я дал тебя и змею? Приводили же они это в свое оправдание, потому что желали устранить себя самих от наказания. И говорит Бог Адаму: "**проклята земля за тебя, терния и волчцы произрастит она тебе; в поте лица твоего будешь есть хлеб**" (ст.17-19). Потом – жене: "**в болезни будешь рождать детей; умножая умножу скорбь твою, и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою**" (ст.16). Затем – змею: "**ты будешь ходить на персях**[2] **и чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей**" и человек будет господствовать над тобою; Он "**будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту**" (ст.14-15). Почему же Он проклятием обрек змея на хождение на персех и чреве и – есть землю все дни жизни его? Проклял перси, потому что в них сидит сердце, выдумавшее зло; проклял чрево, потому что он обольстил чрез посредство вкушения, повелел же есть землю все дни жизни его, потому что Адам был из земли – земной. Итак, эти три получили приговор, потому что три также и совершили преступление. Так как преступление произошло от дерева, как я

раньше сказал, то поэтому Он пожелал пригвоздить эти начатки на древо, чтобы, подобно тому как чрез древо произошло преступление, так чрез древо же произошло и спасение. За все же это воспошлем славу Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Эти слова произнесены Спасителем не о Лазаре, а во время Тайной Вечери о Своих Крестных страданиях. Здесь автор смешивает сразу три разных события – ред.

[2] В синод.перев. просто: "на чреве" – ред.

На тридневное воскресение Господа нашего Иисуса Христа

"**Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь. Господь близко. Не заботьтесь ни о чем**" (Флп.4:4-6). Господь восстал из мертвых и вместе с Ним большое множество святых. Будем же праздновать сладостно, и трезвенно. Это поистине тот день, который "**сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный!**" (Пс.117:24). Возвестим о воскресении Спасителя, лучше же сказать: возопием о нашем спасении; возвестим память о том спасительном дне; возвестим об умерщвлении диавола, о пленении нечистых демонов, о спасении христиан, о воскресении мертвых. Чрез воскресение Христово угашается геенна огненная, умирает неусыпающий червь; ад приходит в смятение, диавол печалится, грех умерщвляется, злые духи преследуются, те, которые произошли из земли, взбегают на небеса, находящиеся в аду освобождаются от уз диавола и, прибегая к Богу, говорят диаволу: "**Смерть! где твоя победа? ад! где твое жало?**" (1Кор.15:55). Виновник же у нас этого святого праздника и торжественного собрания – Христос, Податель и всех нам благ. Он и сотворил нас искони и привел из не бытия в бытие; Он и теперь спас погибающих; Он оживотворил омертвелых; Он избавил от диавольской тирании; нас, бывших рабами греху, Он сделал свободными, "**истребив бывшее о нас рукописание**" (Кол.2:14). "**Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою**" (Гал.3:13). По этим причинам достойно и нам сказать: "**что воздадим Господу за все благодеяния Его**" к нам? (Пс.115:3). Будучи единородным Богом, Он благоволил ради нас сделаться человеком и "**был послушным даже до смерти**" (Флп.2:8), чтобы избавить нас от вечной смерти; носил "**образ раба**" (ст.7) Господь ангелов; восприял плоть Бог – Слово, и явился человеком Тот, Кто имел один с Отцем вид и одно существо; и претерпел это, чтобы исторгнуть нас из неправедного рабства и выкупить из бесчестия; поэтому перенес страдание плотию Податель нашей жизни; поэтому и был погребен Источник бессмертия, чтобы даровать смертным вечную жизнь. И Он пребывал на земле, совершая благодеяния и нсцеляя болезни людей, но от богопротивных иудеев воспринял воздаяния недостойные. Господь наш Иисус Христос, по великой Своей благости, очищал прокаженных, слепым даровал зрение, исцелял хромых, прогонял демонов, воздвиг из мертвых четвородневного Лазаря, пятью хлебами насытил пять тысяч человек, ходил по морю. превратил воду в вино, исцелил кровоточивую, возвратил к жизни умершую дочь начальника синагоги, и совершил много друтих таинств, достойных изумления, иудеи же, возбужденные завистью и недоброжелательством, то хотели побить Господа камнями, то пытались низвергнуть Его вниз со скалы, а наконец. возвели даже и на крест. Господь же наш Иисус Христос не подражал злобе богохульствовавших иудеев; но и "**предал хребет Свой биющим**", – по слову пророка, – "**и ланиты Свои поражающим; лица Своего не закрывал от поруганий и оплевания**"; и наконец, "**как овца, веден был Он на заклание, и как**

агнец пред стригущим его безгласен", Он не проявлял сопротивления, не противоречил (Ис.50:6;53:7). "**Будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному**" (1Пет.2:23). При первом Своем явлении Он не пришел наказать и отомстить неверным, но восхотел великодушием и терпением привести заблудившихся к истине. И пойми Господню благость и великую доброту. Иудеи злословили Его и говорили Ему: "**бес в Тебе**" (Ин.7:20); Господь же, будучи долготерпелив, прогонял из людей демонов. Иудеи плевали в лицо Спасителя, а Он врачевал их слепых; иудеи пытались побить Христа камнями, а Христос даровал их хромым силу бегать; и постоянно продолжал благодетельствовать оскорбителям и за зло воздавать тем неблагодарным и беззаконным людям добро; незлобиво же перенося оскорбления, быть может, даже считался немощным Дориносимый ангелами. И чтобы не показалось, что мы, говоря многое, удлинняем слово, перейдем к самым главным предметам. Итак, наконец, был веден на крест и смерть Царь славы, и пригвождается к древу славословимый херувимами и серафимами и покланяемый всеми силами и ангелами; но Он кротко перенес и терпел это, доставляя нам пример и сделавшись Учителем кротости. И мы поэтому должны доблестно переносить угрозы дурных людей. Ведь и на кресте повешенный Он проявил очень великие дела и очень многие чудеса, чтобы хотя таким образом положить конец неистовству безбожников, так чтоб они не имели повода к неверию и не могли говорить, что распяли только простого человека. Итак, прежде всего Христос снизошел до того, что был распят и поднят на воздух, чтобы прогнать находящихся в воздухе демонов; Он был повешен на древе, чтобы исцелить древний, чрез древо приросший к людям грех; а также был пронзен в ребро копьем, из-за жены, взятой от Адамова ребра. Так как змий прельстил Еву, а Ева устроила, что Адам сделался преступником [приговор же был произнесен против их обоих, и "**смерть царствовала от Адама до Моисея и над несогрешившими**" (Рим.5:14)], то поэтому ранится бок, чтобы мы поняли, что страдание Христа принесло спасение не только мужам, но и женщинам. Адам был сотворен первым, потом – Ева. И Адам не был прельщен, но жена, прельстившись, оказалась в преступлении; спасется же она чрез чадородие. Какое чадородие, если не чрез чадородие Марии? Она родила Спасителя – Христа, не сочетавшись с мужем, как свидетельствует Исаия (Ис.7:14), но после того, как осенил ее Святый Дух, как благовестил архангел Гавриил. По этому-то поводу поражается и ребро Христово, чтобы было устроено предреченное, и было возвещено таинство крещения, и воссияла грядущая благодать. Кровь и вода вытекает из ребра Христова, чтобы истребить "**бывшее о нас рукописание**" греха (Кол.2:14), и чтоб мы очистились кровью Его и получили рай. О, великое таинство! Разбойник раскаялся; была потребность в воде, чтоб он был крещен. Он висел на кресте, не было другого места для крещения, ни источника, ни озера, ни дождя, ни совершителя таинства, так как все ученики, вследствие страха пред иудеями, убежали; но Иисус не имел недостатка в источниках, а и вися на кресте был творцом вод. Так как разбойнику нельзя было войти в царство (небесное) без крещения, и надлежало, чтоб раскаявшийся не остался без крещения, то Спаситель источил из пронзенного ребра Своего воду и кровь, чтобы и разбойника освободить от угрожавших зол, и показать, что Его кровь сделалась выкупом для тех, кто возлагает на Него свои надежды. "**Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телицы, через окропление, освящает осквернённых, дабы чисто было тело**" (Евр.9:13), то во сколько раз более кровь Христа – Спасителя нашего – сделалась очищающей всех христиан? Итак, если кто-либо из неверных скажет тебе: почему распят Христос? – то скажи ему: чтобы распять диавола. Если скажет тебе: почему Он был повешен на древе? – то скажи ему: чтобы отозвать назад грех, привзошедший в раю чрез древо. Если скажет тебе: почему Он носил даже терния? – то скажи ему: чтобы исторгнуть терние и волчцы Адамовы, потому что Адам был осужден – стенать и трястись от страха и возделывать терние и волчцы. Иисус, будучи человеколюбив, желая позаботиться о Своем творении, ради нас перенес все, чтобы освободить нас от осуждения. И как рожден он был женой, чтобы уничтожить

привзошедший из-за жены в людей грех, так и увенчивается тернием, чтобы дурно возделанную преслушанием землю сделать более плодоносной чрез посредство собственного Его послушания. Если же скажет тебе: зачем Он пил желчь и оцет? – то скажи ему: чтобы мы изрыгнули смертоносный яд дракона, потому что та желчь сделалась моей сладостью, и тот оцет стал моим лекарством. Если же неверный снова скажет тебе: зачем Он облекся даже в багряницу и почему, подходя к Нему, падали на колена? – то скажи ему: чтобы иудеи поклонились Ему, даже и не желая, и чтоб исповедали Его царство на земле даже против своей воли. Теперь, насмехаясь, они покланялись, не зная того, что именно делали; в будущем же воскресении "**преклонится всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедает, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца**" (Флп.2:10-11). Аминь. Но та хламида имеет также и другое значение: она не только изображала царство, но указывала собой и на жажду крови, и на склонность к убийству, присущие иудеям. Дали же они и трость в руку Его, чтобы были записаны их грехи. Итак, это делали противники Христа, не зная Распинаемого, лучше же сказать – добровольно будучи ослеплены: тварь не неузнала своего Господа и Творца. Когда Спаситель еще висел на кресте, солнце – чувственное, узрев Солнце правды – Христа, оскорбляемого беззаконными, не перенося дерзости, убегает, погрузив землю во мрак и сочтя неуместным помогать и освещать глаза тех, которые совершали величайшее нечестие. Но не только убежало солнце, а и земля в смятении затряслась, не перенося беззакония того, что совершалось, показывая с своей стороны и уча, что Бог был распинаем; почему она и не стерпела, но выразила негодование, не желая носить на себе безбожных иудеев. Не так осквернил землю братоубийца Каин и не так отягчило ее столпотворение, производившееся великанами, и не так осквернили ее беззаконствовавшие содомляне и даже те самые, кто творил из нее идолов, не так отягчила ее пролитая кровь Захарии и Авеля, как иудеи, дерзнувшие на это великое нечестивое деяние. Поэтому расседались и сухие скалы, чтобы поняли люди, что Он – духовная и живая скала. "**Ибо пили**", говорит (Писание), "**из духовного последующего камня; камень же был Христос**" (1Кор.10:4). О, иудейская неблагодарность! Скалы расселись, а они остаются бесчувственными; бездушные предметы в смятении трясутся, а одушевленные не веруют; завеса церковная раздирается, чтобы, наконец, обнаружилось их запустение. Завеса же разодралась и обнажилось находившееся во храме, ради Христа, Который сказал: "**се оставляется дом ваш пуст**" (Мф.23:38). После христоубийства все святыни иудеев были опустошены, и пребывавшие в городе и храме ангелы перешли оттуда и вошли в Церковь. Многие же тела усопших святых воскресли вместе со Христом, чтобы мы поняли, что Христос, умерши, не восстает один только, но воскрешает из мертвых всех верующих в Него. Это, – коротко сказать, – святой праздник Пасхи; и эти таинства христиан мы прославляем по причине воскресения мертвых и вечной жизни. "**Посему станем праздновать не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины**" (1Кор.5:8), веруя в Отца и Сына, и Святого Духа, в Троицу единосущную, несозданную; веруя воскресению, ожидая, что Господь опять придет, однако, уже не уничиженно, но славно – с небесным великолепием, со светлыми ангелами, с трубным звуком и страхом, и радостью; радостью, конечно, святых и праведных, страхом же – неправедных и грешников. Бог же мира да удостоит всех нас воскресения со святыми, – нас, оказавшихся владеющими прекрасными делами и православной верой, – по благодати и человеколюбию Единородного Его Сына, с Которым слава, честь и поклонение Всесвятому и Благому, и Животворящему Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

о том, что аскету не должно предаваться шутливости[1].

Увещания блаженного Павла, повелевающие со страхом совершать свое спасение, всесвяты (Флп.2:12). Человек, совершающий подвиг добродетели не со страхом и не с великой заботливостью, испытывает много уклонений во зло и, как бы сбиваясь с прямого и царского пути, попадает на кривые и непроходимые из-за терновников и колючек дороги, почему непрестанные к Богу молитвы и бывают путеводителями ко благу для тех, кто говорит: "**направь меня на истину Твою**", и: "**утверди шаги мои на путях Твоих**" (Пс.24:5;16:5). Хорошо, конечно, добросердечие, и любовь – самое важное из благ; но за ними следуют сильная веселость и превосходящий меру смех, также и шутливость унижающая достоинство. Подлинно ужасно находить удовольствие в шутливости. Смех делает слабыми узы целомудрия, смех отталкивает, смех не воспоминает о страхе Божием, смех не боится угрозы геенны, смех – путеводитель блуда, шутливость – изобличение необузданного человека, смехотворство производит то, что мы впадаем в беспечность, смехотворство – повод к презрению. Поэтому блаженный апостол запрещает, говоря: "**пустословие и смехотворство не приличны**", из уст ваших да не исходят, "**а, напротив, благодарение**" (Еф.5:4), – говоря это для того, чтоб веселием вы не пользовались, как поводом к беспечности, но как основанием к благодарности Подателю его. Поэтому Иов свидетельствует, говоря о самом себе: "**ходил ли я с насмешниками?**" (Иов.31:5). Укоряет смешливое настроение и Соломон: "**Сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше. Сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья. Лучше слушать обличения от мудрого, нежели слушать песни глупых**" (Еккл.7:3-5). Изобличая же неприличие и бесчестность тех, кто предан смеху, говорит: "**смех глупых то же, что треск тернового хвороста под котлом**" (Еккл.7:6). К чему надлежит быть весьма веселым и радостным? Подвизайся в мудрости тихо, с достоинством, и страхом и заботой о том, что тебя видит Бог, удаляй излишнюю веселость. Находящие себе удовольствие в неумеренных радостях и забавах, кажется, не знают того, что касается их самих, отягчив свою душу некоторой забывчивостью и даже не ожидая пришествия Господня. Еще не достиг ты, человек, благоволения Господня, еще не достиг надежного избавления от зол; ты не знаешь того, что будет немного позже, чем будешь сам ты, что случится с тобою, и затем безумно смеешься и допускаешь шутливость, и ведешь себя бесстрашно, между тем как следовало бы усердно заняться молитвами к Богу, испытывать беспокойство за будущее и дрожать за себя, чтоб когда-либо не совратиться с пути добродетели, заботиться и бояться того, что случится, чтоб не постигло что-либо очень тяжкое и превышающее твою силу? Когда ты окружен столь великими войнами, душа твоя пусть считает себя в опасности: невидимо враждуют демоны, явно враждуют люди, враждуют внутренние душевные страсти, возбуждаемые телом удовольствия и несчастья, извне окружающие тело. Ты не скорбишь вместе с близкими, не изнемогаешь вместе с немощными, не плачешь с плачущими, не боишься за тех, которые некрепко утвердились в вере, чтоб они не отступили и не пали; не оплакиваешь павших, не простираешь руки лежащим, не удерживаешь внутренними стенаниями того, кто смеется, забыв о приготовленном ему наказании; размышление о времени, которое – сокращенно, не полагает конца твоей неуместной невоздержности, не делает этого и пришествие будущего страшного дия; но ты подражаешь тем, которые под звуки цитры и псалтири пьют вино, которым вместо радости пророк угрожал горем. Я, говорит Господь, возвестил плач и рыдание, и стрижение головы, и препоясание вретища; а они приготовили себе веселие и радость, говоря: "**"будем есть и пить, ибо завтра умрем!" И открыл мне в уши Господь Саваоф: не будет прощено вам это нечестие, доколе не умрете**" (Ис.22:13-14). Слыша это, убойся и восстенай; не подражай тем, которые ели и пили и, вставши, забавлялись и у которых, – скажу более горькое, – жертвоприкошения и пища, и забавы произвели забвение страха к Богу и увлекли к идолослужению. Побойся того, чтоб Господь не разгневался на тебя за твой смех, – Господь, назвавший блаженными плачущих, а смеющихся несчастными (Лк.6:21,25), убойся того, чтоб диавол, заметив твою веселость и громкий смех, отсутствие страха к

Богу и забвение того, что полезно, не вошел в твою душу и не посеял своих плевел. Были времена, в которые более приличествовало душевное успокоение, но, однако. и тогда у святых печаль занимала преимущественное место в сравнении с чрезмерной радостью; и псалмопевец говорит: "**весь день сетуя хожу**", и: "**каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою**" (Пс.37:7;6:7); будучи печален по причине своих грехов и скорбя о своих несчастиях, также и оплакивая несчастия Иерусалима, сидит пророк Иеремия. И ты, поэтому, не предавайся веселости и шутливости, отягченный головной болью и пьянством; ведь по этой причине отнята и цитра у тебя и ты не имеешь в руках тимпана; и Павел, всячески удерживающий человека от всякого расслабления и рассеянности, учил больше петь сердцем, нежели устами (1Кор.14:15). Отец Исаак играл со своей женой (Быт.26:8); но тебе вменено в обязанность вести себя даже и с женой более серьезно, потому что "**время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего**" (1Кор.7:29-31). Ты же не желаешь стеснять себя, хотя все дела находятся в состоянии стеснения, но и пред женщинами безразлично проливаешь слезы и умножаешь забавы, и предлагаешь то, что заставляет смеяться, и, изливая постыдные речи, предаешься громкому хохоту; не перенося происходящего в необузданном твоем теле воспламенения, ты, наконец, выносишь эту нечистоту вне и обнаруживаешь себя, каков – ты; каков – в словах, таков будешь и вообще и гораздо худшим во внутреннем человеке. Почему ты бесстрашно сообщаешься с женщинами? Почему сам по себе кидаешься в сеть? Зачем ввергаешь себя в опасность? Зачем весело обращаешься с женщинами и дерзаешь вместе с ними проводить жизнь? По этой причине существуют посты, по этой – молитвы, по этой – суровый образ жизни; поэтому люди придумывают разнообразные подвиги, поэтому поспешно устремляются в пустыни; некоторые же не насыщаются ни хлебом, ни водой, не по другой какой-либо причине, как только ради того, чтоб избежать тех соблазнов, ради того, чтоб, при встрече с женщинами, не случилось с ними постыдного прегрешения. Ты же, оставив все это без внимания и не поразмыслив об опасности от той сети, из-за которой первый человек лишился столь великого блаженства, не размышляешь об оружии диавола, которым раненный тот праотец был низвержен? Господь запретил даже и взирать на женщину, когда Он описывал прелюбодеяние; ты же до такой степени обезумел, что, присоединив для наименования любви вымышленные названия, под предлогом добросердечия, привлек к себе сожительницу, как Ева – змия. Завязав в пазуху огонь и положив светильник в сено, будешь иметь опасность вследствие того и другого: или подвергнешься опасности в отношении к целомудрию, впав в самую глубину бездны, или, если не испытаешь этого, то приобретешь себе постыдную славу, между тем как повелевается тебе заботиться о прекрасном не только пред Богом, "**но и пред людьми**" (2Кор.8:21).

Поэтому, имея церковное увещание, ты должен охранять все то, что честно (Флп.4:8); и не только это, но и то, что достославно. Измерь добросердечие честностью; приложи вразумляющий страх. Зачем ты оскверняешь прекрасное имя христианства? Зачем уловляешь в сеть и души других, привлекши себе сожительницу? Ведь не только дашь отчет, в защиту твоей души, но и за тех, которые из-за тебя соблазнились. Выбрось змею из твоей пазухи, отбрось от себя опасность. Если ты сильно желаешь, чтобы тебе служили женщины, то почему не сохранил древнего закона и не соединился законными брачными узами? Брак не подлежит наказанию, прелюбодеяние же – неизбежному; ведь сожительство с женщинами – прелюбодеяние и даже великое прелюбодеяние. Исследуй свою совесть, не потерпел ли ты когда-либо вреда, не получил ли удара или ночью, или днем. Я же раскрою твое сердце, хотя ты и станешь досадовать. Но это не заботит меня, так как я весьма скорблю, всякий раз как увижу, что аскет принимает к себе введенную к нему женщину; я же говорю тебе, что ты получаешь раны всякий час и ежечасно

делаешься добычей диких зверей, ослабляешь у себя узы целомудрия, ты, благородный ратоборец, ослабеваешь в силах, вместо победителя показываешь себя пленником. Ведь ты не камень? Ты – человек, подчиненный общим свойствам естества. Имеешь в пазухе огонь и не горишь? Но разве это основательно? Вложи в сено светильник и тогда посмотри, можешь ли сказать мне, что сено не горит. Если же ты отвергнешь то, что сено горит, то говори не мне, а Тому, Кто знает тайное, Кто идет собрать помышления, – Он способен судить о помышлениях и мыслях и понимает намерения сердец, потому что говорит: "**всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем**" (Мф.5:28). Смотри, чтоб ни в какой час не было замечаемо в тебе прелюбодейство. Ты, конечно, скажешь: постами и подвигами, и суровым образом жизни я ограждаю себя, чтобы не лишиться предположенного. Итак, не ради чего-либо другого имеет место твой подвиг, как только ради твоей сожительницы; ты уже не собираешь правду в сокровищницу, потому что та сожительница тайно похитила силу у твоего подвига. Поэтому, удали от себя ту, которая лишает тебя многих благ, не лиши себя рая, не сделай себя забавой для диавола; не помещай ее подле себя, чтоб, низвергнув тебя, не упала вместе с тобой в геенну. Убойся страшного Судии; заключи с собой завет и даже не смотри на женщину; постыдись седины находящихся тут же старцев и, стыдясь их, как отцев, удерживайся от пустословия и шутливости, и смеха. Не шути с юнейшим и не показывай пути легкомыслия, идя по нему сам впереди и произвола гораздо большее презорство; женщиины же бойся до того, чтоб даже и не смотреть ей в глаза. Твоя жизнь да будет для них образцом; покажи себя таким, чтоб женщины стыдились тебя и чтоб ты стал для них примером и началом стыда, так как муж более способен указывать путь, чем женщина, и не присоедини своего легкомыслия к еще более легкомысленной природе женской. Женщина пусть особенно стыдится, потому что бесстыдство женщины – более тяжкий срам. Если и говорить свободно с мужами – нечто весьма ужасное и безрассудное, так как женщине повелено скорее чувствовать страх пред своим мужем, нежели свободно говорить с ним, – "**жена**", говорит (Писание), "**да боится своего мужа**" (Еф.5:33), – итак, если имеющей мужа женщине определен таковой закон, то что же остается для тебя, которая не имеешь мужа? Вот что тебе прилично: совсем не приближаться к мужу, если возможно, и мужу ни под каким условием не взирать на твое лице. Ты – невеста Христова, так и иди вперед, как украшенная невеста, покрыв свое лице покрывалом, чтоб не ранить кого-либо своим видом и не получить себе наказания за его погибель. И мы говорим это согласно с неизреченными учениями Писаний; многие же женщины, не восприяв в свой ум и страха Божия, не убоявшись и того, что легко могут пасть, не предвидя и определенного им наказания, безразлично относились к тому и своей волей пришли к решению служить мужам, но не в смысле того предписания, какое дано замужней и имеющей мужа. Ты ведь не соблюдаешь и этого правила, потому что обращаешься с мужами не со страхом, а с большой свободой и презорством, и вместе ешь, и вместе пьешь, и беседуешь с ними, и вместе бесчинно смеешься; и после всего этого ты желаешь называться девою, но я уже не назову девою тебя, которая так ринулась и даже не убоялась опасности. Осмелюсь употребить пророческое изречение: "**подивитесь сему, небеса**" и да устрашится тварь (Иер.2:12), до какого мы дошли бесстыдства и до блудниц, находящихся в непотребных домах! Как те, собираемые комедиантами, становятся очень бесстыдными в отношении к непристойным деяниям, так и эти, возжелавшие жить вместе с мужами. Бог негодует, люди порочат, и те женщины, подражая неправедному судье, ни Бога не боятся, ни человека не стыдятся; но при всем том гораздо с большей говорят свободой, чем даже те, которые честно живут с мужами в браке. Они слишком гордо управляют делами тех, с кем они живут, и очень тревожат, и жестоко обижают, и желают господствовать над всем имуществом такого человека; и если иногда он захочет протянуть свою руку для доброго дела, то она препятствует и, наконец, делается уже не прислужницей, но госпожей. Итак, отстань, дева, от неприличного сожительства и не только от сожительства, говорю, но остерегайся даже и беседы с мужами или смеха

вместе с ними. Если благоразумному мужу позволено лишь только тихо улыбаться, то мудрой женщине едва советуется даже и это. Ведь и улыбаться женщине, посвящающей себя богопочитанию, нечто тяжкое и сопряженное с опасностью, потому что гораздо лучше – та женщина, которую видят живущею степенно, нежели весело и радостно. И действительно, писатель таинственной Песни, перенося похвалы от женщины на духовную невесту, удивляется ее молчанию и хвалит почтенность ее вида, называя ее грозной (Песн.6:4), так как то, что весьма достопочтенно, бывает для зрителей даже обстоятельством страх наводящим. Надлежит, чтоб почтенность ее была страшна для любопытных глаз и была способна отклонить от пытливого бесстыдства. По этой причине и отнято от нее украшение золотом и плетение волос, и драгоценная одежда, чтобы она не блистала лежащими на ней убранствами и не увеселяла глаза зрителей, и не вызывала на соблазн. По этой причине – посты и воздержание, и подвиги; и, в виду склонности природы ее к падению, дева должна иметь бледную и печальную наружность и очень простую одежду. Поэтому и Павел, посылая послание искреннему чаду Тимофею, оберегает его доброту при воздавании почестей женщинам охраной непорочности, говоря: очень молодых вдовиц почитай, "**как сестер, со всякою чистотою**" (1Тим.5:2). Если же божественное Писание лишает женщин телесного украшения, то во сколько раз более надлежит мужу быть совершенно неукрашенным и одеваться только необходимой одеждой, чтоб она была прикрытием, а не убранством, подобно тому как ее назвал Павел: "**имея пропитание и одежду, будем довольны тем**" (1Тим.6:8). Одеждами, приготовленными для украшения, скорее должны быть считаемы женские, нежели мужские, так как и закон говорит: "**мужчина не должен одеваться в женское платье**" (Втор.22:5). Поэтому муж да не изнеживается, так как даже и женскому полу не очень приличествует держать себя изнеженно пред Богом. Иоанн носил одежду из шерсти верблюда и кожаный пояс около чресл своих; и прежде него Илия, дух которого носил Иоанн, и тот был облечен только в милоть. Ленивой и беспечной душе свойственно удивляться разноцветному одеянию, с тонким искусством сделанному; душа же благородно мыслящая, чувствующая действительно истинное украшение, гнушается всякой нежной одежды, сильно желая более величественной, чем эта, неизысканной, более благоприличной, наиболее почтенной, всему предпочитая непорочность. Поэтому удовольствуйтесь воспоминанием о тех словах, которые сказаны, но блюдите, чтоб достоинства, которое и для самого слушателя, и для приближающихся бывает более сладким, чем мед и сот, не вывести за пределы умеренности, превратив его как бы в горькую суровость. Ведь духовная радость честно и благоприлично приводит душу в единение с Богом, наполняет сладостью также и тех, кто находится с таким человеком в сношениях. Но, по поводу моих слов, так как тебе запрещено много проводить времени в веселии, не начни вести себя угрюмо и сурово в отношении к приходящим братьям, и вместо полезного и ласкового не будь жестоким и недоступным и бесчеловечным, и в обхождении с приходящими братьями не будь угрюмым и при ответе и беседе нелюдимым. Во всякое время радоваться (1Фес.5:16) – апостольское повеление, также и следующее: "**увещавайте друг друга**", и "**будьте друг ко другу добры**": "**любовь**", говорит апостол, "**милосердствует**" (1Фес.5:11;Еф.4:32;1Кор.13:4); апостольские приветствия находятся также в их посланиях, где слушатели приветствуются, как дети, внимающие увещеваются, как братья. И об этой святой доброте, проистекающей из любви, можно многому научиться из святых Писаний. Не должно ни доходить до неумеренной веселости, ни осквернять смехотворством богоподобную доброту, но следует стоять в средине совершенной веселости и ни опечаливать вступающих в сношения людей, ни ослаблять и делать беспечными, ни упрекать тяжело, ни льстить лукаво, но с пользой обращать на истинный путь, и добросердечно увещевать. Кто избегает, говорит (Писание), произнесения жестокого слова, тот разумен (Притч.10:19); "**приятная речь – сотовый мед, сладка для души и целебна**", "**иной пустослов уязвляет как мечом, а язык мудрых – врачует**" (Притч.16:24;12:18). Прекрасно также в

умеренной степени заниматься и божественными песнями; такая веселость освящает душу, по апостолу: "**исполняйтесь**", говорит он, "**духом, поя и воспевая в сердцах ваших Господу**" (Еф.5:18-19). Посему, прекрасно со старанием преследовать такого рода веселие и, по причине какой-то суровости и жесткости характера, не относиться лениво к божественному песнопению, как если бы мы не считали достойным возносить голос для воспевания Бога. Надлежит, чтоб к такому божественному делу и к этой святой беседе мы были весело настроены, но не увлекались сладкогласием, не услаждались страстно божественными песнями, не восторгались нежными и мягкими звуками, не смотрели кругом – туда и сюда для того, чтоб тебя похвалили, а радовались в Боге и старались нравиться Одному только Ему, притом в особенности так, чтобы веселое оказывалось в сочетании с честностью, чтобы страх к Богу приносил нам честность, а божественное пение приводило к веселию и производило в нас подобие вечной радости, среди каковой прекрасно поступавшие здесь люди будут проводить будущую жизнь пред Господом, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Это и следующие творения, отнесенные в издании Миня к разряду Spuria, помещены в 1 т. этого издания. Так как они не вышли в 1 томе нашего издания, то мы и помещаем их в конце 2-го тома.

СЛОВО

о посте и милостыне.

Прекрасен пост, прекрасно также и чтение Писаний; но прекрасно в том случае, когда за ним следует дело, так как, если ты читаешь, а не делаешь, то чтение бывает тебе в осуждение и в повод к наказанию. "**Не слушатели закона**", говорится, "**праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут**" (Рим.2:13); и опять Христос говорит: "**если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем**" (Ин.15:22). Блажен говорящий в уши слушателей, в особенности когда они уплатят прибыль; а прибыль – послушание и исполнение заповедей Божиих, как говорит Господь: "**и я, придя, получил бы мое с прибылью**" (Мф.25:27). Итак, что ты, брат, собрал при помощи поста? Ведь и земледелец сеет для того, чтобы сжать, и купец для того совершает путешествия в чужие края, чтобы собрать имущество, и кормчий для того проплывает много морей, чтобы наполнить корабль товарами. Не говори мне, что "я столь много дней постился, того и другого не съел, не пил вина, претерпел нечистоту", но покажи мне, сделался ли ты кротким, между тем как был гневливым, и сделался ли человеколюбивым, между тем как до того был жестоким, потому что, если ты упоен гневом, то зачем угнетаешь свою плоть? Если внутри – зависть и корыстолюбие, то какая польза от питья воды? Теперь ищу не того, какова – трапеза, но – произошло ли изменение злого образа мыслей. Если госпожа, то есть, душа, прелюбодействует, то зачем бичуешь служанку, то есть, чрево? Если душа притупляется, то зачем истощаешь тело? Говорю это, не обвиняя вас, но – ради легкомысленных. Если бы я увидел, что вы высоко летите, то всетаки пожелал бы, чтоб вы возлетели выше: такова тирания любви. И, подобно тому как сребролюбцы, чем больше соберут золота, тем больше отыскивают, так и мы сильнее желаем вашего успеха. Итак, если хочешь быть принятым у Бога, то постись, брат, как ниневитяне; те закона не получили; это те, о которых говорит Павел: "**ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон**" (Рим.2:14). Поэтому не

хвастайся праздным постом, – один только пост не вводит на небо, если не имеет своей сестры – милостыни, потому что она соединена с ним, и между ними не только братские и тесные отношения, но милостыня служит даже опорой поста. И откуда это известно? Ангел говорил Корнилию: "**молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом**" (Деян.10:4). Милостыня – крыло молитвы; если не сделаешь молитве крыла, то она не летит, а когда душа окрылена, то она быстро несется на небо. Доколе сребролюбие и желание имуществ? Все это, брат, уничтожается вместе с настоящей жизнью. Но ты несомненно скажешь мне: "говори это самому себе". И себе самому, брат, говорю, и вам, потому что увещание касается всех. Слушая это и исправляясь, я получаю от вас благодеяние; и хотя бы тот, кто говорит, был раб, я принимаю совет, и хотя бы был свободен, я с готовностью слушаю. Не различие лиц, но польза совета делает, что я принимаю то, что говорится. И если Моисей, столь великий муж, беседовавший с Богом, не погнушался советов тестя своего, хотя тот был варвар, но даже и он принял их и Бог подтвердил (Исх.18:24), то во сколько раз более мы? Не говорю тебе: сделайся неимущим, но – истрать излишек на бедных, чтобы избыток твой сделался для тебя основанием спасения. Разве не видите на дороге многих бедных? Почему они остаются больными и нагими? Один очень молод, другой же очень стар; один опирается на другого, и страдание их велико. Итак, дай сорабу, чтобы иметь должником Господа, для Которого приятно быть должником и Который отдает капитал с лихвой. А лихва в отношении к внешним делам – преступление, в отношении же к Богу – похвала. Ты не даешь бедному? Обращай внимание на Того, Кто чрез него просит, и устыдись достоинства, присущего Приемлющему: бедняк получает – и Бог берет взаймы. Поразмысли, как нисшел Господь твой ради того, чтобы склонить тебя не быть жестоким и бесчеловечным. Вы видели Меня алчущим и не напитали, – жаждущим, и не напоили, – странником, и не приняли, – нагим, и не одели (Мф.25:42-43), и так далее. Итак, ты не даешь алчущему Христу? Ты и бедный вместе получаете с трапезы тело Его, одинаково причащаетесь из чаши Его. Он участвует с тобой в великих и страшных вещах, и ты не уделяешь ему малых? Разве то, что ты доставляешь ему, твое? Ведь хотя бы ты получил от родителей, хотя бы от предков, это принадлежит Богу. Зачем зарываешь это в землю? Дай бедному, и Господь сохранит тебе это весьма надежно. Разве не видишь, что делает земледелец? Часто, по причине бедности не имея семени, он отдает в залог свою одежду и получает то, что хочет, и вверяет земле? Хотя бы часто наступала неблагорастворенность времен и хотя бы он уходил, ничего не сжавши, но, однако, доверяет земле, потому что надеется. Итак, ужели то, что делает земля, не может совершить Господь? Подражай той вдове в ветхом завете, которая имела "**горсть муки в кадке и немного масла в кувшине**", – так как этим она угостила пророка (3Цар.17:12); или той – в Евангелии, которая, бросив две лепты, превзошла всех, потому что бросила все свое богатство (Лк.21:2-3). Но что ты говоришь? Я – беден и не имею денег. Не имеешь двух лепт? Если же и не имеешь, то Бог ищет избытка доброго образа мыслей. Поэтому Он говорил: если кто даст "**чашу холодной воды, не потеряет награды своей**" (Мф.10:42). Смотри. что Он говорит: "холодной воды", не горячей, чтобы из-за траты дров ты не лишился своей награды. И сколько золота ни заставил бы заплатить тебя царь, ты, вешаемый, мучимый пыточными веревками, даешь, что именно он желает; хотя бы ты был беден, он не обращает внимания на состоятельность лиц, но на свою собственную выгоду. Бог же поступает не так, но требует по силам каждого.

Почему они – бедны? Не потому, что Бог не мог ниспослать золотого дождя, но для того, чтобы бедность сделалась для тебя облегчением твоих прегрешений. "**Великое - человек и драгоценное - человек милосердный**"[1] (Притч.20:6). Смотри, сколь велика милостыня. Бог сравнивает сострадательного человека с самим Собой. "**Итак, будьте милосерды**", говорит Он, "**как и Отец ваш небесный милосерд**" (Лк.6:36). Если придет смерть, то сокровища остаются здесь. Почему же не предпосылаешь их для себя самого туда, чтобы в тот день бедные оказались ходатаями за тебя там, где нет ни ритора, ни

защитника? Вот бедные показывают свои одежды и повязки и уносят тебя из огня. Не так солнце, освещая лед, заставляет таять, как милостыня, столкнувшаяся со множеством грехов, истребляет их. А чтобы ты понял высоту милостыни, подумай: что соединено с болыними трудами, чем девство? Ничто. Добродетелей много: одни – великие, другие – большие, третьи – меньшие, но ничто не представляет большей трудности, чем девство: оно борется с природой; эта война не имеет перемирия; это – сражение, никогда не имеющее мира, разве только по милости Христовой. Дева стоит, собирая огонь против самой себя и не горя; дева, стоя на угольях, не сгорает; находясь в пещи, не пылает, орошаемая, как три отрока; состязаясь с невидимыми силами, подражает Михаилу и соперничает с Гавриилом. В раю было девство и погублено змием. Поэтому в промежуточное время оно не являлось; а когда пришел рожденный от Девы Иисус Христос – Сын Божий, тогда оно явилось опять. Желаешь узнать высоту девства? Моисей разделил море, изменил воздух, низвел манну, и злословили на него из-за его собственной жены – эфиоплянки, за то, что он вступил с ней в брак (Числ.12:1). И Авраам, и Исаак, и Иаков, а также и Иосиф, хотя и целомудренный, однако, после того вступил в брак. Желаешь понять, сколь велико – девство? Христос, придя, не связал его необходимостью, – возвеличив остальные добродетели, вместе с тем не возвеличил этой, для того, чтобы ты был увенчан в том случае, если будешь в ней преуспевать добровольно. Подвизающиеся в воздержании и нищете заботятся прежде всего о ней. "**Ибо есть скопцы, которые родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного**" (Мф.19:12), отсекши не члены, но удалив от себя необузданную похоть. "**Кто может вместить, да вместит**" (ст.12). И апостол, исчислив все добродетели, зная глубину этой, говорит: "**относительно девства я не имею повеления Господня**" (1Кор.7:25). Ты видел, как велико девство? И, однако, без милостыни оно не спасло; милостыни же без девства спасли. Пять юродивых дев, не имевшие елея, а только одно девство, не вошли в брачный чертог; они говорят мудрым: "**дайте нам вашего масла**" (Мф.25: 8). Справедливо же они названы юродивыми, потому что, преуспев в более трудном, они не совершили того, что не требовало труда, – низложили великого противника и были побеждены слабейшим. И когда пришел жених, то мудрые девы вошли в брачный чертог; также пришли и те – стуча; и он говорит им: "**не знаю вас**" (ст.12). Почему? Потому что видели меня алчущим, "**и не дали Мне есть**" (ст.42). Но да не будет, чтоб и мы услышали такой голос! Преуспевшим же в милостыне говорит: "**приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**" (ст.34). Почему? Потому что соблюли девство? Никоим образом; но потому, что "**алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен и в темнице, и вы посетили Меня**" (ст.35-36). А чтобы ты понял, сколь велика милостыня, опять желаю напомнить вам эту историю. Было десять дев: пять мудрых и пять юродивых: и был голос в полночь. Встаньте, идет жених. Полночь – воскресение, когда ангелы пробудят всех нас. Встав же, "**девы поправили светильники свои**" (ст.7). А светильник – девство, которое есть нечто чистое, пламенное, светлое. Юродивые говорят мудрым: "**дайте нам вашего масла**". Мудрые говорят им: боимся, "**чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас**" (ст.8-9) (не из зависти не дали, потому что там какая уже нужда в золоте, нет там ни богатого, ни бедного), но, отправившись, купите (ст.9). И кто – продавцы? Бедные; ты больше получаешь, чем даешь: даешь ты ему земное, а получаешь небесное. Итак, "**когда пошли они покупать, пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились**" (ст.10). Те же, придя начали стучать, и Он говорит им: "**не знаю вас**" (ст.12). Видишь, так как они милостыни не имели, то и потеряли труд девства и остались вне брачного чертога. Итак, поняв выгоду милостыни, будем, братие, творить ее, чтобы нам и попасть в брачный чертог, и насладиться вечными благами, по благодати Господа нашего Иисуса Христа, с Которым слава Отцу, со Святым и Благим, и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1]Перев. проф. П.А.Юнгерова – ред.

Феодора падшего письменный ответ святому отцу нашему и вселенскому учителю Иоанну Златоусту.

Те, которые находятся в безопасности в тихих гаванях, всегда стараются помочь обуреваемым среди моря, насколько они могут, двумя способами: или, как избежавшие бурь и помнящие о страшных волнах и о тех бедах, какие с ними случились на море, сожалеют страдающих, или, если они еще не были носимы бурей по волнам, как бы усвояют себе те опасности по той причине, что им надлежит плыть по тому же самому морю и, испытав те же самые беды от волн, точно так же стремиться к гавани успокоения; они стараются, при помощи бесчисленных средств, если возможно, спасти весь корабль; если же нет, то заботятся о сохранении в живых хотя бы нагими тех, кто потерпел кораблекрушение, и надеются получить за то от Бога праведное мздовоздаяние. Но мне, несчастному, подвергшемуся самому тяжкому кораблекрушению и обуреваемому – не говорю: среди моря, а в глубине морского дна, и подобно рыбе, силящейся из глубины всплыть на горнюю по верхность, старающейся освободиться от находящихся в глубине ядовитых пресмыкающихся, – никто не помогает, конечно, потому, что относительно нас держатся такого взгляда, что мы никогда не можем допустить чего-либо в подобном роде; оказались же мы теперь в таком положении, чтоб поучиться из того, что терпим. Итак, честные отцы, не проявляйте в отношении ко мне, падшему и уничиженному, тех чувств, чтоб не испытать того же самим, но, увидев мою рану, убойтесь! И что еще мне сказать? Разве у вас не оказывается бумаги, досуга двух дней, труда одного вьючного животного? Конечно, подобно тому, как опытнейшие из врачей, всякий раз, когда коснутся и взглянут на имеющих в скором времени умереть, то перестают давать врачебные средства, но с помощью живых приготовляют тому, кто скоро имеет отойти, относящееся к его погребению и объявляют друзьям о смерти больного, хотя он еще и жив, делаясь возвестителями ужасного горя, и не опасаясь промахов со стороны их искусства, но руководствуясь авторитетным мнением, высказываются против больного, – точно так и ваша святость удержалась от утешения, перестала увещевать, позаботилась о том, чтобы собрание братства рассеялось, и всем, живущим в этих именно пределах, возвестила о нашей смерти так, чтоб это было передано даже и тем, кто обитает за пределами нашей страны. И для богобоязливых и возлюбленных братьев отсюда – ужасная скорбь, а для тех, кто относится к вере иначе, веселие и радость. Вообще говорите: "**возгласила куропатка и собрала тех, которых не родила**", [таков] творящий милость свою[1]; "**на половине дней его оставят его и глупцом останется при конце своем**" (Иер.17:11). Поэтому, увидев мою рану, честные отцы, убойтесь, и прежде всего постарайтесь вашими святыми молитвами упросить Благоутробного, чтоб человеколюбие Его дошло даже до нас, как выше сказано, упавших на дно морской глубины и в средину ада; потом не замедлите помочь и доброй беседой. Еще дерзаю надеяться на вашу любовь: "**брат от брата вспомоществуемый**" (Притч.18:19). Я знаю, что вы не досадите, но скорее помолитесь и, увидев мою рану, побоитесь. Но не подумайте, что я показываю опыт своих ораторскпх талантов или сочиняю поучение; нет, клянусь вашей любовью; примите же меня, как ощущающего боль от великой раны и страх вечного наказания, и желание вечных благ, о которых я и слышал, и которых вкусил, среди которых и прожил некоторое время прежде, чем я был ранен врагами. Увидев это, те коварные позавидовали к, положив западни со всякого рода хитростями, воздвигли победный трофей. Поэтому каждый из вас, увидев мою рану, пусть убоится, и проводящий жизнь среди благ, о

которых сказано выше, имея кругом страшных и великих врагов, пусть замечает вокруг себя злоумышления, направленные к тому, что лишить его этого сокровища; а тот, кто еще не вкусил, но старается вкусить, – как имеющий многих и великих врагов, препятствующих ему, – пусть соблюдает осторожность. Но возвратимся к вопросу, подлежащему обсуждению, и испросим от вашей любви того, что полезно нам. Под влиянием удовольствия от речи мы понемногу воодушевились, хотя и не нанесли вреда бегущим, лучше же сказать – укрепили их. Ваша победа над врагом делает его более слабым, а нас побуждает, взяв оружие, опять идти на подвиги, не обращаясь в бегство из-за страха пред своей раной, но под влиянием веселого расположения духа, возбуждаемого вашей победой, устремляясь на ристалище более мужественно. Итак, опять, как уже часто я просил, и теперь отважился обратиться с просьбой к вашей богобоязненности, чтоб вы удостоили послать ваши молитвы, на подобие уды, в глубину морскую и там привлекли к себе смертную рыбу и ввели ее в невод, из которого сильными и ужасными волнами я был ниспровергнут на дно морское, – и чтоб, увидев мою рану, убоялись. Это я постарался написать для напоминания вашей любви, хотя и не говорю достойно предмета. О, если бы возможно было, чтоб я, став на оконечности высоких гор, вострубил своими устами и, на подобие грома, разослал бы по всему миру мой грех в триумфальном шествии и не оставил бы без внимания привлечения вселенной на помощь моему преуспеянию. Но это – дело невозможное, потому что я – человек, имеющий слабый голос, и недолговечен. Впрочем, увлекаемый словом, я осмелюсь припомнить божественные Писания, и сказать согласно с ними. "**Грешнику**", говорит (Писание), "**говорит Бог: что ты проповедуешь уставы Мои?**" (Пс.49:16). Теперь поистине могу громко произнести то пророческое изречение и сказать: "**кто даст голове моей воду и глазам моим - источник слез! я плакал бы о пораженных дщери народа моего**" (Иер.9:1). Если Иеремия людей, пораженных на войне в тела, считал достойными бесчисленных рыданий, то что мог бы иной сказать относительно столь великого несчастья души? "**Пораженные** мои[2] **не мечом убиты и не в битве умерли**" (Ис.22:2). Не о мертвых телах говорит он, но о жале истинной смерти, то есть, оплакивает тяжкий грех и раскаленные стрелы лукавого, варварски сожигающие души вместе с телами. Сильно стенают законы Божии вместе со святыми духами о столь великом страдании и взирая на меня. И для меня, друзья, конец тех сладких слов стал горек, и мне необходимо опять скорбеть о том, по поводу чего надлежало бы радоваться, так как, взяв члены Христовы, я сделал их членами блудницы. Кто при этом не сказал бы, заплакав: "**как сделалась блудницею верная столица?**" "**Подивилось сему небо, и содрогнулась, и ужаснулась**" земля, "**говорит Господь**" (Ис.1:21;Иер.2:12). Но благоволите, честные и святые отцы, вспомнить о моем прекрасном исповедании, какое я проявлял пред лицем Бога и ангелов, и людей. Чуждые, войдя в дом, стараются возбуждать великие беспокойства, чтоб произвести забвение даже самого исповедания; но по молитвам вашей любви Господь Саваоф оставил нам семя воспоминания, по каковой причине память, потопляя сердце печалью, удерживает слово и падающая слеза ослабляет голос, всякий раз как придут мне на ум те ужасы, какие со мной приключились, всякий раз, как мне придет на ум, что, дав исповедание Христу, я оказался в подчинении у антихриста, всякий раз как мне придет на мысль, что, начав духовным, я соделался плотским. Горе мне уничиженному и отпавшему, горе из-за той печали, какой я терзаюсь, из-за стыда и безответной защиты! Рожденный для жизни я предан смерти. Окажите мне сострадание, милостивые отцы и врачи, окажите сострадание, возрыдайте обо мне и оплачьте меня пораженного приманками ядовитой ехидны; возрыдайте обо мне и поскорбите о вас самих, прежде чем нанесен удар; слезы ваши да будут оплотами против того врага; уделите мне обильную слезу владеющие этим даром, так чтобы она вторглась в сердце и изгладила начертанные грехом законы. Так! Прошу вас, очистите его для начертания в нем законов царских, законов духовных, законов небесных. Господь Саваоф оставил у меня семя веры для того, чтоб мне не сделаться совсем Содомом. Помолитесь же вместе со мной, милостивые и

добросердечные отцы, чтоб я мог быть спасен покаянием вместе с ниневитянами. Пролейте обо мне слезы и восскорбите, подобно пророку Ионе – сделавшись для меня возвестителями. Тот не был лжецом, как и вы не лжецы, но благоутробие человеколюбивого Бога опечалило одного, дабы не погубить многих. Однакож, и тот был опечален не вследствие ненависти к людям, но из опасения, чтоб долю человеколюбия не превратить в клевету на Пославшего, как будто бы лжеца. Ваша же любовь не такова; но я знаю, что вы сорадуетесь, всякий раз как бывает на небе радость по причине раскаяния одного грешника, и непрестанно молитесь, чтоб человеколюбие Бога восприняло погибающие члены, так как вместе с ними страдают и все члены. Наконец, побеседую сам с собой и о том, что могло бы быть сказано со стороны вашей любви, как бы тайно получив слова от некоторой невидимой силы. Днем и ночью, держа в памяти дела утешения со стороны вашей любви, я стараюсь ободрить себя, имея в качестве помощи вашу молитву; и ежедневно увещание со стороны вашей любви, как бы возле находящееся учение, бывает для моей души утешением, доказывая пламенность вашей святой молитвы, – при чем блаженный Иезекииль упрекает меня и говорит, воспоминая о прежних благодеяниях: "**проходил Я мимо тебя, и увидел тебя, и вот, это было время твое**", время потопляющих тебя; "**и простер Я воскрилия [риз] Моих на тебя, и покрыл наготу твою; и поклялся тебе и вступил в союз с тобою, говорит Господь Бог, - и ты была Мне весьма прекрасна. Омыл Я тебя водою и смыл с тебя кровь твою и помазал тебя елеем. И надел на тебя узорчатое платье, и обул тебя в сафьяные сандалии, и опоясал тебя виссоном, и покрыл тебя шелковым покрывалом. И нарядил тебя в наряды, и положил на руки твои запястья и на шею твою ожерелье. И дал тебе кольцо на твой нос и серьги к ушам твоим и на голову твою прекрасный венец. Так украшалась ты золотом и серебром, и одежда твоя [была] виссон и шелк и узорчатые ткани; питалась ты хлебом из лучшей пшеничной муки, медом и елеем, и была чрезвычайно красива. И пронеслась по народам слава твоя ради красоты твоей, потому что она была вполне совершенна при том великолепном наряде, который Я возложил на тебя, говорит Господь Бог. Но ты понадеялась на красоту твою, и, пользуясь славою твоею, стала блудить и расточала блудодейство твое на всякого мимоходящего, отдаваясь ему. И взяла из одежд твоих, и сделала себе разноцветные высоты, и блудодействовала на них, как никогда не случится и не будет. И взяла нарядные твои вещи из Моего золота и из Моего серебра, которые Я дал тебе, и сделала себе мужские изображения, и блудодействовала с ними**" (Иез.16:8-17). Блаженный же Иеремия взывает и говорит об этом: "**разве, упав, не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются?**" "**Разве нет бальзама в Галааде? разве нет там врача?**" (Иер.8:4,22)? Ибо "**после того, как она все это делала, Я говорил: "возвратись ко Мне"**" (Иер.3:7). Но при этом я боюсь, чтоб ваша богобоязненность когда-либо не подумала, что мы излагаем как бы учение. Нет, клянусь вашей надеждой, которую имеете пред Богом; но подобно тому как мучимые ужасными страданиями, если поручат лечение своей болезни врачам, то надеждой на их врачебные средства утишают свои боли, точно так и я вследствие беседы с вашей любовью: раны как бы уже улучшены, стал более обнадеженным, потому что самая память о вашем утешении незаметно рождает в сердце свет. Поэтому прошу вас, божественное собрание христиан, святое сонмище, священный народ, помолитесь за меня ко Господу, так как я уже не выношу своего пребывания вне стада, вне невода, вне духовной ограды, но желаю быть внутри виноградника, внутри брачного чертога, внутри рая, чтоб в нем оказаться и вместе с вами. И, увидев мою рану, убойтесь; я не стыжусь признаваться, не ленюсь и часто говорить об этом; я стыдился, когда мне было стыдно. И, прочитав мое письмо, разошлите по всему братству, непрестанно молясь об обращении грешника с пути заблуждения, чтобы вам спасти и свои души и покрыть множество грехов. Здесь, наконец, положу предел своему слову. К тебе же, честнейший и боголюбезнейший брат и отец, у меня – речь потому, что я никогда не сомневался записать тебя в отцы, и воздать права старшинства, как брату. От

тебя я домогаюсь несколько большего, чем от всего братства, подобно тому как юные дети, даже если и непристойно резвятся у груди отцов, никогда не опасаются быть прогнанными из отеческого сердца, полагаясь на преизбыток отческого расположения. Но для меня и здесь замедление, и я переношу, может быть, достойное наказание за дела; однако, вспомни обо мне сам, боголюбезнейший отец Златоустый, чтоб тебе как-либо не получить наказания за безжалостность у праведного Судии – Бога. Богу известно, как при воспоминании о твоей сладости слезы препобеждают рассудок и задерживают слово. Поэтому здесь я и прекращу речь. Бог же будет Судьей между мной и тобой, сладчайший и боголюбезнейший отец Златоустый, потому что Его одного только – слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] В Библ. смысл противоположный: "собирающий богатство свое". Дальнейшее "оставят" должно относить к богатству, но автор послания имеет в виду себя. (перевод – ред.)

[2] В Библии: "твои" – ред.

Седьмое слово о священстве

Необыкновенное чудо! О, неизреченная сила! О, страшное таинство священства! Христос, придя, даровал его достойным, оно духовно и свято, достопочтенно и беспорочно. Припадаю и умоляю слезами и стенаниями о том, чтобы мне можно было проникнуть глазами в это таинство священства, таинство для тех, кто охраняет его достойно и свято. Дверной камень – блестящ и несравним и башня непоколебима, стена неразделима; крепко основание, восходящее от земли даже к небесному своду. И что я говорю, братие? Оно касается высочайших сводов, беспрепятственно идет на самые небеса небес, блистательно и легко шествует вперед среди ангелов вместе с бестелесными силами. И что я говорю – среди вышних сил? Делается собеседником самого Господа ангелов и Творца, и Светоподателя, и, по мере желания, тотчас с великим дерзновением получает то, о чем просит. Не перестаю, братие, превозносить и прославлять столь великую степень достоинства, которую Троица дала сынам Адама, чрез которую спасен мир и озарена тварь, – чрез которую, далее, горы и холмы, и долины, и скалы наполнились блистательными и достойными уважения установлениями блаженного рода, – я говорю, конечно, о монахах, – подобно тому как велегласнейший Исаия сказал: "**да возглашают с вершин гор**" (Ис.42:11) люди для славословия, – чрез которую удалено с земли и беззаконие, чрез которую пребывает на земле и целомудрие, чрез которую диавол, пав, лишен значения, распутные люди сделались священными сосудами, блудники – чистыми и непорочными, неразумные стали наставниками праведности, – чрез которую, далее, упразднена и сила смерти, и ад потерял свою силу, и уничтожено Адамово проклятие, и приготовлен небесный брачный чертог, – чрез которую естество человеческое изменяет свою силу до силы бестелесных. Что скажу или как восхвалю? Дар такой степени священства превышает и слово и ум. И, как я думаю, это и есть то, о чем Павел в изумлении загадочно говорит: "**о, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!**" (Рим.11:33). Оно парит от земли на небо, весьма быстро вознося к Богу наши прошения; за рабов служит послом пред Господом. С проницательностью устремим свои мысли, братие, в это таинственное и страшное повествование, что без доброчестного священства не дается смертным отпущения грехов. Устремите ваш ум, братие, так как вы – почитатели благочестия,

сияющие светом учений. Что недавно мы сказали относительно таинства священства? Ветвь виноградной лозы и зерно хлеба, и священство имеют сходство. Ветвь и хлеб – рабыни, а священство – свободно. Итак, когда, сверх сокровищ, будут собраны эти три, то каждое доставляет царю силу своих плодов в благоухание. Ветвь дает кровь, подобным образом и хлебное зерно – хлеб; а священство с полным дерзновением летит высоко от земли до неба, пока не увидит самого Невидимого, и, поклонившись пред высоким престолом, не помолится за рабов Владыке, неся слезы и стенания сорабов и принося их Владыке; подобным же образом просит об утешении и покаянии, о снисхождении и милосердии у благоутробного Царя, чтобы пришел Дух Утешитель и освятил предлежащие на земле дары. И когда бывают принесены страшные таинства, полные бессмертия, чрез посредство предстоящего иерея, предстательствующего за всех, тогда приближаются души, чрез таинства получающие очищение от нечистот. Посмотрите, боголюбцы, как эти два на земле не обнаруживают действия, если не присоединится небесный приговор и не освятит даров. Ты, человек, увидел ли блистательное чудотворение? Увидел ли священную степень, как она легко очищает душевные скверны? Благословен Спаситель, пославший на землю этот блистательный и очистительный дар, просветивший благодатью иереев для того, чтоб они сияли, как звезды, в мире. Народ, бывший до нас, неся рог с елеем, достигал успеха; мы же, непотребные рабы Благословенного, получили не рог, не чувственный елей, но сам Он, Глава, Высокий и Страшный, сошел с неба и даровал нам возложением рук Духа Своего, пришедшего на апостолов, как огонь. О, неизреченная сила, изволившая вселиться в нас чрез возложение иерейских рук! О, сколь великую степень имеет страшное священство! Блажен, кто живет в нем чисто и непорочно. Петр, названный Кифой, уловленный у морского берега, получивший свидетельство от великого Пастыря, что "**на сем камне Я создам Церковь Мою**" (Мф.16:18), чрез священство получил и ключи небесные. Подобным же образом и Павел, некогда гонитель, удостоенный этого дара, окрыленный устремлялся туда и сюда, возвещая на земле и море воскресение из мертвых. Взойдем к праведному Авелю, который был иереем при начале создания, и поучимся от него, что он вначале в качестве иерея принес свою жертву Богу. Не огонь ли, сошедший с неба, поел его жертву? Когда же он приносил Богу начатки, то, как говорит Писание, "**призрел Бог на**" жертву "**Авеля, на**" Каинову "**же не призрел**" (Быт.4:4-5). Опять же Ной, спасенный в ковчеге, когда вода убыла и когда он остановился на Араратских горах, в свою очередь, тотчас восприял это священство и беспорочно принес жертву Богу в "**приятное благоухание**" (Быт.8:21). Поэтому Бог заключил с ним завет не наводить более на землю потопа и дал ему благословение расти и множиться (Быт.9:1). Видел ли ты чудодействие священства? Видел ли первого священника Авеля при первом творении, как сошел с неба на землю огонь, благодаря беспорочному принесению им в жертву одних плодов? Видел ли опять Ноя, достойного уважения иерея при втором творении, как Бог заключил с ним завет? Это же священство удостоился восприять Авраам, и принес Богу Исаака, и совершил жертву из собственной утробы. Там Бог показывает ему великое чудо, рождение Господне под образом растения Савек, возрастание во мгновение и благословение, каким Он благословил его: "**благословятся в семени твоем все народы**" (Быт.22:18). Этого священства удостоился и Моисей, когда возшел на гору Синай – к Богу и получил от Него закон, почему и лице его было покрыто славой, так что оно блестело более. чем солнце. Подобным образом был удостоен этого же и Аарон, сделавшийся посланником к Богу о грехах народа. "**Моисей и Аарон между священниками Его**" (Пс.98:6). Подобным образом и Финеес при помощи этого всечестного священства отклонил от народа смерть; также и Илия, в свою очередь, облекшись им, был услышан относительно огня, и умертвил студных жрецов. Итак, братие, поймем, что достоинство священства велико и весьма важно. Слава Единородному и единому только Благому, чрез Свой новый и святой завет даровавшему его Своим апостолам. чтобы они и сами показали нам пример в возложении их рук на тех, кто достоин. Почтим же все чистосердечно имеющих степень

священства, зная, что, если кто любит друзей царя, то такого еще более любит царь. Возлюбим же иереев Божиих, так как они – друзья Божии и всегда ходатайствуют за нас; почти иереев, исполняя заповедь Христову, говорящую, что "**кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка**" (Мф.10:41). Если же ты не знаешь относительно первого встретившегося иерея, достоин ли он степени или недостоин, то все-таки не отнесись с презрением из-за Христовой заповеди. Подобно тому как золото, смешанное с грязью, не терпит вреда, и блестящий маргарит не испытывает изменения, когда войдет в соприкосновение с некоторыми нечистыми видами, таким же точно образом и священство не оскверияется ничем, хотя бы приемлющий и был недостоин его. Если кто удостоится получить эту честь и будет в ней ходить достойно к беспорочно, то она доставляет ему жизнь и нетленный венец; если же кто осмелится недостойно захватить эту честь, то он доставляет самому себе кромешнюю тьму и немилостивый суд. Предлагаю тебе, человек, и другой пример. чтобы ты не дерзнул в своем высокомерии недостойно получить степень священства, так как Бог не благоволит к тем, которые рукоположены в целях высокомерия. Итак, узнай, что потерпели те дерзкие, которые некогда восстали против Моисея и Аарона и дерзнули бесстыдно и нагло воскурить фимиам Богу. Не пожрал ли огонь всех их за то, что дерзко посягнули на степень, которой не были достойны? Опять же и Мариамь, пророчица Божия, за то, что некоторым кратким словом упрекнула Моисея относительно священства, таким по определению Всевышнего была наказана позором, что прокаженная была изгнана за пределы лагеря на семь дней. И ныне, братие, свято послужите священству, подражая Моисею и Аарону, и Елеазару. Посмотри на этих благочестивых иереев, как посредством священства они отражали полки врагов. Имея его, Моисей распростер руки к Богу и ранил Амалика неизлечимым ударом. Препоясанный им, Авраам обратил в бегство царей; восприявши его, Мельхиседек благословил Авраама преимущесгвенным благословением. Итак, достоин ли ты, брат, получить степень священства? Имей заботу о том, чтоб благоугождать Тому, Кто приобщил тебя к войску, чистотой и справедливостью, и духовной мудростью, и славным девством. Сделайся горячим ревнителем, как Илия, попечителем, как Иеремия, целомудренным, как Иосиф, и непорочным, как Иисус Навин, страннолюбцем, как Авраам, нежно любящим, как Давид, и кротким, как Моисей. Заблудшего возврати на путь, увечному сделай повязку, павшего подними, немощных поддержи и другое делай подобное этому. Я же, возлюбленные, изумляюсь – как это некоторые из неразумных имеют обыкновение отваживаться и замышляют бесстыдно и безрассудно получить священство, не будучи призваны благодатью Христовой, не зная, что они, несчастные, собирают себе самим огонь и смерть. Не то только говорю тебе, человек, чтобы ты не получал безрассудно священства, но говорю, чтобы ты даже не прикоснулся ни к какому из сосудов всечестного служения, как будто не читавший о том, что потерпел Оза в то время, когда коснулся ковчега Божия. Всегда, возлюбленный брат, вспоминай об этом божественном изречении Всевышнего, сказанном чрез пророка Исаию: "**на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим**" (Ис.66:2). Всегда помни об этой заповеди и приобрети сокровище – кроткий образ мыслей для того, чтобы ты чрез это был в состоянии духовно взойти в вышний Иерусалим и принести духовные жертвы Царю и Богу на горний алтарь, где сплетаются венцы нетления; и там пред лицем ангелов Христос повяжет тебе венец бессмертия и вместе с горними воинствами будешь воспевать победную песнь Святой Троице, во веки веков. Аминь.

СЛОВО

о том, что ученику Христову надлежит быть кротким и не гневаться поспешно.

Божественный голос Господа в Евангелиях, исполняющий закон, а не разоряющий (Мф.5:17), учит нас не гневаться на брата (ст.22), и этой прибавкой к речи восполняет изречение: "**не убивай**" (ст. 21), удаляя самый корень убийства и очищая сердце изнутри, а не руки с внешней стороны. Он наложил не такого рода наказание, какое закон, теснящее тотчас же, но наказание по судебному приговору, говоря: "**что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду**" (Мф.5:22). Наказания, налагаемые Христом, не быстро наступают, как в законе; но, хотя бывает большая отсрочка воздаяний, соответствующих справедливости, однако, после наступает страшное наказание. Так как большее заповедует, то больше и долготерпит, желая очищения сердца, каковое можно произвести только с трудом. Поэтому, если мы и бываем увлечены гневом, не тотчас наказывает. так как, если бы тотчас же наказывал, то не было бы возвращения чрез посредство покаяния. Поэтому Он отсрочивает наказание, для того, чтобы мы имели время покаяния, для того, чтобы вчера разгневавшийся на брата сегодня покаялся и заключил с самим собой договор не гневаться более на брата, дабы нам отчасти быть подобными Богу. Он удаляет нас от того, что отчуждает нашу жизнь от уподобления Богу и ведет после данного состояния к красоте, сообразной с природой; ведь мы ведемся к согласному с природой и к общению с божественным Духом, и постоянной жизни с Богом, состязаясь относительно столь великих дел. Обратим внимание на самих себя и не погубим своим презорством дела уподобления Богу из-за того, что Господь медлит придти, не дадим себе свободы в деле преступления глаголов Божиих, не оставим состязания, впав в отчаяние, как не могущие достигнуть этого богоуподобления, но надежда да будет нам присуща ради Того, Кто дал повеление и дарует силу для исполнения повеленного. Презорства же и беспечности да не будет, потому что вследствие Его долготерпения нас ожидает и более страшное наказание. Сколько Он долготерпит, ища исправления, столько же Он будет и негодовать, если мы не исправляемся, и быстро настигнет нас, как дерзко поступивших в отношении к благодати. Но скорее да будут пренебрежены нами все дела этого века, чем божественное повеление. Многие из тех вызывают на гнев людей чувствительных к гневу, быстро раздражающихся. Человек же, боящийся повеления страшного Царя, приказавшего вовсе не гневаться, отнесется с презрением ко всем, желающим раздражать его; он, далее, легко стерпит тех, кто оскорбляет его словами, проявит терпеливость в отношении к желающим оскорбить его делами, и ударяющему в щеку подставит и другую, и благородно перенесет от нападающего постыдное слово, произносимое ради ругательства, имея для себя удивительное утешение в том, что он за это назовется блаженным, также и для того, чтобы оказаться послушным Господу и погасить гнев на брата, и избежать определенного за таковой грех наказания. По этой причине Христос увещевает нас освободить себя от телесного возбуждения, избегать любви к деньгам и удаляться от славолюбия, совершенно не давать в себе места удовольствию, для того, чтобы вследствие чего-либо такого нам не погубить своей души и не сделаться чуждыми в отношении к Святому Духу. Человек, научившийся относиться с презрением к деньгам, каким образом будет раздражен из-за денег, даже если кто-либо и желает их похищать у него? И не стремящийся к славе каким образом придет в раздражение по причине славы? Поэтому совлеки с себя мирское одеяние и облекись в духовное; совлеки с себя ветхого человека, чтобы облечься в нового: посему это и возрождением называется и возглашается в божественных писаниях. Ведь наше спасение нуждается в перемене прежнего состояния для того, чтобы мы стали другими по сравнению с тем, что мы – теперь, для того, чтобы мы перестали быть тем, чем являемся ныне, начали иную жизнь, которую проводили до преступления. Не таков ты был у Бога, каким был с детства, и не такой образ мыслей ты имел после совершенного Богом творения, какой после человеческого рождения. Поэтому послушай клянущегося Господа и убойся: "**Истинно говорю**" вам, говорит Он, "**если кто не родится свыше, не может**" войти в Царствие Небесное (Ин.3:3). Поэтому начни более новую жизнь, оставь обветшавшую в грехах жизнь; вчерашний прелюбодей сегодня пусть

сделается целомудренным; тот, кто вчера неумеренно предавался пьянству, сегодня пусть будет постником; отбрось то, что после привзошло худое, для того, чтобы ты снова получил то, что хорошее было дано от начала. Мало – проводить время со спокойным духом и без гневливости.

Желающий жить по образу и подобию Божию должен быть презираемым всеми, стать предметом насмешек, неуважения, как на словах, так и в делах. По этой причине Он повелел не воздавать зла обидчику, чтобы воздавая обижающему, ты не погубил сообразной с природой кротости. Поэтому не возмечтай о себе, что ты вправе отмстить за себя обижающему. Помни о святых наставлениях Павла: "**не мечтайте**", говорит он, "**о себе; никому не воздавайте злом за зло**" (Рим.12:16-17). Не хорошо сделаться мстителем, ни искать возмездия за самого себя. но возложи возмездие за тебя на Бога, без гневливости отмщающего обидчикам. "**Не мстите за себя**", говорит (Писание), "**но дайте место гневу [Божию]. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь**" (Рим.12:19). Не говори: Бог воздает, буду воздавать и я; рассмотри, что показал тебе Христос, придя в мир, для того чтобы явить спасительный образ жизни, и поревнуй Ему, чтобы спастись. Он не пришел в качестве Судии и Отмстителя восстающим против Него: по незлобию Он не искал какой-либо выгоды для Себя, но совершал спасение для мира. Незлобие Христово низложило дерзость диавола и кротость Господня преодолела дикую ярость лукавого. И ты, поэтому, предложи себе этот образ для подражания. Ои не разгневался на тех, которые оскорбили Его, но, слыша о Себе: "самарянин" и "имеющий беса", милостиво и кротко отвечал говорившим: "**во Мне беса нет; но Я чту Отца Моего, а вы бесчестите Меня. Впрочем Я не ищу Моей славы: есть Ищущий и Судящий**" (Ин.8:48-50). Итак, и ты не мсти за себя, но ожидай Судию. Если сам Судия, в человеческом образе пришедший, не воздал, хотя и мог, но ожидал суда Божия ["**Будучи злословим**", говорится, "**Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал, но предавал то Судии Праведному**" (1Петр.2:23)], то и ты сделай так же и подражай Господу, Который сносил безбожную наглость даже до креста и достойным погибели предлагает спасение. Он говорил Отцу: "**прости им**" этот грех: "**ибо не знают, что делают**" (Лк.23:34). Брат обидел, явился недостойным братства; но ты не погуби братства. Брат явился подражателем братьям Иосифа, приготовил братоубийство, показал себя врагом против брата, обнаружил преизбыток злобы, обижает, сам ни в чем не обижаемый. Но ты сделай противоположное, чтобы и ты сказал, как псалмопевец Давид: "**с ненавидящими мир я мирен**" (Пс.119:6-7). Побеждай злого добром, поощряй его к добру, расторгни гнев кротостыо, покажи ему, что он несправедливо преследует находящегося в тебе Христа, выясняй, что ты не заслуживаешь преследования. Но он – неисправим и не изменяется при твоей кротости. Даже и звери изменяются пред человеческой кротостью, а тот – более дик, чем звери. Не будь сварлив с таковым и не противопоставь гневу гнева; но уклонись, подобно тому как мудрый кормчий уклоняется от опасных скал; остерегись, как "**глухого аспида, который затыкает уши свои и не слышит голоса заклинателя**" (Пс.107:5-6). Не потеряй времени, "**потому что дни лукавы**" (Еф.5:16); живи в мудрости, зная, что ты – странник и пришелец на земле и переселенец, подобно тому как все твои отцы (Лев.19:34). Так же и ты послан в качестве овцы в средину волков, как и апостолы; не будь волком вместо овцы; состязаясь с волками, остерегайся, насколько можешь, чтобы не погубить сокровища правды; остерегайся расхищающих; будучи мудрым, как змея, остерегайся злоумышлений; если же и повредит тебе волк, если и вознамерится разорвать тебя, то приготовься перенести, помня говорящего: "**считают нас за овец, [обреченных] на заклание**" (Пс.43:23;Рим.8:36), взирая на Самого Господа, Который, "**как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен**" (Ис.53:7). Придет время и твоей победы, когда победишь, терпя бедствия вместе со Христом. Господь не прекословил и не вопиял, никто не слышал голоса Его на улицах. И апостол говорит, что он готов "**наказать всякое непослушание, когда послушание исполнится**" тех, которые

повинуются (2Кор.10:6). Долготерпит Бог, – долготерпи и ты, потому что если ныне страдает Христос, в то время как ты страдаешь, то ради Христа должно терпеть и служителю Христову. Взывай к Нему, и Он совершит мщение в скором времени, положит конец лукавству грешников и направит праведного "**Бог - судья праведный и крепкий, и долготерпеливый**" (Пс.7:12); долготерпит же Он для того, чтобы обратить нас к Себе. Ему слава во веки. Аминь.

БЕСЕДА

о том, что должно избегать притворного и неистинного вида.

Опять надлежит нам взять в руки евангельскую трубу и высказать вам Господень совет: "**берегитесь**", говорит (Господь), "**лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их**" (Мф.7:15-16). Притворный вид их, говорит, обнаруживается повсюду чрез то, что ими ежедневно совершается, потому что дела проистекают из сердечного расположения; честный вид не изменяет произволения. Итак, попусту трудится лукавый человек пред мудрыми, которые в состоянии уловить его на основании плодов и понять, кто он в действительности и каковым кажется. Зачем же ты скрываешь себя в чуждом образе? Зачем шкурой овцы прикрываешь волка? Немного позже истина обнаруживает тебя, и, убегая от истины, ты будешь захвачен в плен истиной. Зачем ты рассеиваешь пред собой речи о человеколюбии, тая жестокий нрав? Не скроется твоя жестокость, хотя бы ты притворился очень нежным. Зачем ты надеваешь на себя личину дружбы, будучи врагом? Мы живем не во мраке: тайное обнаруживается и ненависть, которую ты скрывал, изобличается. Зачем ты притворяешься дружественным? Зачем льстишь, не будучи дружественно настроен? И дело лести породит тебе ненависть, неся вред, как бы от врага, а не пользу, как бы от друга. Ты хвалишь и дурное ради лести; но не так бессмыслен тот, кому расточается лесть; он должен возненавидеть того, кто хвалит его из-за грехов. Зачем, пребывая в неправдах и живя распутно, принимаешь на себя вид праведного и целомудренного? Зачем своим видом скрываешь кичливость и речью уничиженной и благоговейной не даешь заметить своей зависти? "**Ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано**" (Мф.10:26). Ложь – гнусное бесчестие человека; избежим обвинения, вызываемого ложью; не делай себя в глазах друга не заслуживающим доверия, боясь не встретить к себе более веры даже и тогда, когда говоришь истину; тот, кто оказался лжецом в одном, уже не стоит того, чтоб ему верили, даже и в том случае, если бы когда он сказал правду, так как "**соблюдение правды**", говорит (Писание), "**и правосудия более угодно Господу, нежели жертва**" (Притч.21:3). Благоприятный Богу дар принесешь: веру и истину; да и для тебя легко – говорить о вещах так, как они существуют, и не выдумывать таких, которых нет в действительности. Ты не будешь трудиться, насильно придавая лжи вид истины, и нисколько не будешь утомляться, говоря противоречивое себе так как лживое слово не стоит в согласии само с собой; не устыдишься, обманувши других, ты, который охраняешь истину; друзья будут считать слово твое более достоверным, чем клятва, и речь твоя, более надежная, чем всякое подтвержденное клятвой свидетельство, придаст твоему свидетельству значение справедливого и неоспоримого. Когда, придя, будешь свидетельствовать, то доставишь себе, благодаря истине, прекраснейшую славу, подвергающимся же опасности – спасение и обижаемым – пользу в судилище. "**Уста правдивые**", говорит (Писание), делают свидетельство истинным, свидетель же из людей неправедных – лукав (Притч.11:19). С удовольствием будет взирать на тебя судья, освобождая от имеющего при судебных разбирательствах место расследования. Однакоже, в очах Господа достоин похвалы и добродетельный поступок смиренномудрия, если мы будем в состоянии должным образом совершить его. Многие, действительно, удачно совершив что-либо добродетельное,

желают умалять себя в ущерб истине, лучше желая лгать на самих себя. Я же тебе говорю: человек, прояви покорность в отношении к истине; говори о себе во уши Божии уничиженное, как говорил Авраам: "**я прах и пепел**" (Быт.18:27); как говорил Павел: "**ибо я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию**". Но, в свою очередь, говоря истину, присоединил: "**Но благодатию Божиею есмь то, что есмь**" (1Кор.15:9-10). Если же это так отовсюду предложено для нашего наставления, то уклонимся от притворного вида. Зачем надеваем на самих себя личины, не будучи тем, чем показываем себя, принимая вид святых и влача свои хитоны даже по земле, а по своему характеру будучи дикими, по речи и одежде будучи святыми, а по образу мыслей и делам бесчеловечными? Одеяние не вводит в небесное царство, но – дела справедливости. Не так будет взирать человек, как будет взирать Бог: человек будет смотреть на лицо, а Бог – на сердце. "**Ты испытуешь сердца и утробы, Боже!**", говорит (Писание) (Пс.7:10); и ради Того, Кто идет собрать помышления человеческие: "**все обнажено и открыто перед очами Его**" (Евр.4:13); "**Ничто не укрыто от теплоты Его**" (Пс.18:7). Придет время, когда. сбросив эту маску, окажешься обнаженным, и тогда со стыдом явишься пред лицо Бога, как падший Адам. Там уже не вид требуется, а – дела. Часто мы здесь вводим в заблуждение и избегаем порицания, и, благодаря честному виду, кажемся как бы праведными, и часто нас ублажают; там же нельзя уже ввести в обман; там ищут дел, а не честную наружность. Лучше же сказать: будем иметь большее наказание и осуждение, принесши честную внешность, но не совершив дел, свойственных своему виду. Слушай, что говорит Спаситель об иудеях, а нам предлагая наставление: "**увеличивают**", говорит, "**воскрилия**" (Мф.23:5), на улицах "**молятся, чтобы показаться перед людьми**" праведными (Мф.6:5). И они получат большее осуждение. Ты сильно желаешь честного вида и сильно возлюбил имя христианства; не остановись на этом, но, как давший Богу обещание, воздай обещанное, представив свои дела. Зачем ты опрометчив в деле обещания, если не подкрепляешь его делами? Итак, надлежит и давать обеты с осторожностью, и воздавать обещанный долг с тщательностью. "**Помолитесь и воздайте Господу Богу вашему**" (Пс.75:12). Явись к Нему с чистой жизнью, то есть, (с чистыми) – телом, духом, и душой; ничего не отсеки от обещания, чтобы не испытать участи Анании и Сапфиры. Те, утаив из цены обещанного имущества, были осуждены на смерть; и нам должно бояться этого. Надлежит знать и не забывать, что обещаемое нами Богу уже более не принадлежит нам, но – Богу. Наше обещание – достояние Божие; и если мы уносим из него, то являемся берущими уже не наше, но грабящими как бы Божии сокровища, и действительно будем осуждены как святотатцы. Но бывает обещание не только имущества, а и слова и доброй воли. "**За всякое праздное слово**", говорит (Писание), дашь "**ответ в день суда**" (Мф.12:36). Божественное и великое таинство касается не денег, а совершенного произволения и веры в Бога, потому что все мы дали обещание и все мы – должники обещания. Поэтому необходимо девственнице исполнять обет девства, каковое она и обещала; воздержному же – воздержания, а пребывающему в браке – целомудрия и любви друг к другу. Если какая женщина даст обещание сохранять свое девство или быть воздержной в состоянии вдовства, но солжет против обещания и вступит в брак, то она имеет осуждение, так как отвергла первый залог верности. Естественно также, что и пресвитер должен исполнить обязанности священства благородно и диакон – свое служение беспорочно, не похищая воровски того, что относится к обязанности диаконства, чтобы не быть осуждену, как Иуда – предатель. Итак, здесь нужда в большом тщании, чтобы как-либо кто не обманул Бога, не исполняя своего обещания в его целости, лучше же сказать – не отдавая своего залога, который именно каждый из нас обещал. Он более не наш; но мы должны размышлять таким образом, что залог мы получили от Бога и для того, чтобы, с молитвой сохранив обещание без примеси обмана, мы предстали пред страшный престол Христов, чтобы, по примеру Анании, мнение Судьи не осудило нас, как вероломных. Итак, здесь нужда в большой осторожности, чтобы не погрешить в чем-либо и не оставить чего-либо из обещания не

исполненным, – постараемся же ревностно со тщанием исполнить обещание. Не будем думать, что христианство должно быть исповедуемо только по виду, и не будем этим довольствоваться, но, чрез утверждение делами пребыв последователями истины и справедливости, получим следующие за справедливостью почести от Христа, Которому слава во веки. Аминь.

К ИУДЕЯМ

и эллинам, и еретикам; и на слова; "был зван Иисус на брак" (Ин.2:2).

Птенцы ласточек сидят в гнезде, ожидая прибытия родителей, приносящих им пищу; а после того, как увидят, что они являются,...[1] летят на легком крыле ума. Подобным же образом и я, намереваясь приближаться к этому духовному гнезду, прежде, возвышая голос, прославляю Бога за го, что Он дал мне таковых нежно любящих детей. Но, конечно, у ласточек пища дается из уст в уста, у нас же не так бывает, но – из уст в ухо. И та (пища) имеет своим следствием тление, эта же – нетление; та питает тела, эта же утучняет душу. Но это все сказано мной не просто и не без причины; напротив, так как место прочтенного сегодня Евангелия руководствует нас к этому учению, то необходимо вас наставить. "**Был зван**", говорит (Писание), "**Иисус на брак**" (Ин.2:2). Но, прошу, соберитесь с мыслями, обращайте внимание на то, что говорится. Так как некоторые приводят в извинение брак, иные ссылаются на детей, иные на военную службу, иные на торговлю, иные на искусство, иные на рабство, иные на богатство, иные на бедность и на нечто другое подобное, то, поэтому, я хочу показать вам, что ни богатство не служит препятствием, ни бедность, ни военная служба, ни торговля, ни брак, ни дети, ни рабство, ни искусство, ни что-либо иное из такового. Зван бысть Иисус на брак. Пошел ли, или не пошел? Ясно, что отправился. Итак, если Он пошел, то каким же образом брак будет дурным? И ты не имеешь оправдания? Я же не только говорю, что Он пошел, но и принес дары, так как превратил воду в вино. Поэтому не приводи себе в извинение брака. Господь твой прибыл на брак и прославил брак, а ты бесчестишь брак и говоришь, что брак служит препятствием? Он не есть какое-либо препятствие для благочестия. Хочешь узнать, что нисколько не вредно иметь жену и детей? Не имел ли жены и детей Моисей? Не был ли девственником Илия? Не Моисей ли свел манну с неба, не Илия ли низвел с неба огонь? Не Моисей ли сделал, что прилетели перепелы? Не Илия ли словом заключил небо? Не с Моисеем ли беседовал Бог? Не беседовал ли Бог и с Илией? Не Моисей ли разделил море и перевел народ? Не Илия ли вознесся на огненной колеснице? Нисколько не повредило этому девство? Нисколько не послужили тому препятствием жена и дети? Ты видел Илию едущим по воздуху, ты видел Моисея путешествующим по морю; смотри и на Петра – столп церкви, что и он имел жену. Не написано, что Петр имел жену: откуда же ясно, что у него была жена? Я скажу: "**придя Иисус**", говорит (Писание), к теще Петровой; и та была больна, "**и коснулся ее, и горячка оставила ее; и она служила им**" (Мф.8:14-15). Видишь, что и Петр имел жену? Где – теща, там – ясно – есть и жена. Итак видишь, что и Петр имел жену? Не клевещи же на брак. Говорю же это, чтобы никто не выставил предлогом ни жены, ни детей, ни военной службы, ни торговли, ни искусства, ни рабства, ни богатства, ни бедности. Это – отговорки, это – предлоги, это – злоумышления диавола. Ты выставляешь предлогом военную службу и говоришь, что я – воин и не могу быть набожным. Сотник не был воином? А он говорит Иисусу, что "**я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой**" (Мф.8:8). И, удивившись, Иисус говорит: "**истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры**" (ст.10). Военная служба нисколько не послужила для него препятствием? Но что – ты? Ремесленник? Тоже и Павел, который был и гонителем церквей, а после того сделался проповедником и апостолом. Но что – ты? Богач? И Авраам – тоже, и при том он имел жену и детей. "**Поверил**", говорит (Писание), "**Авраам Богу, и это вменилось ему в**

праведность" (Рим.3:4), и назван другом Божиим. Ведь нисколько не послужили для него препятствием богатство и жена или дети? И ты не имеешь оправдания. Вот он имеет три предлога, на которые ты ссылаешься в свое оправдание, и жену, и детей, и богатство. Но что – ты? Раб? И Онисим был рабом; а Павел, пиша Филимону, говорил об Онисиме: "**он был некогда негоден, а теперь годен тебе и мне**" (Флм.10-11). Но что – ты? Царь? И Давид был царем: а вошел к нему Нафан пророк и обличил его за грех, который он сотворил. Ведь царь нисколько не поступил с ним тиранически? Ведь он нисколько не высказался против пророка? Не признавал ли он рабства и на царском престоле и не говорит ли: "**согрешил я пред Господом**"? И пророк, видя раскаяние его, говорит ему: "**Господь снял [с тебя] грех твой**" (2Цар.12:13). Быстро раскаяние, быстрее – прощение. Нисколько не призадумался царь и не сказал: я – царь, облечен в порфиру и имею на себе диадему, имею также лук и стрелы, и щиты, и шлемы, и воинов – защитников; ужели же убоюсь этого бедняка и не убью его, но перенесу его? Ничего такого он не сказал, но хотя был и царь, знал, что согрешил, и поэтому покаялся, так как знал, что совершил тяжкий грех. Ведь царское достоинство нисколько не послужило для него препятствием? Но что – ты? Отрок? И Даниил был отроком, а заградил уста львам, и растерзал дракона, и низложил Вила, и осудил старейшин, Сусанну же спас, и несовершенство юности нисколько не послужило препятствием для столь великой добродетели. Но что – ты? Братолюбец? И Иосиф – тоже, а сколь великое любомудрие и целомудрие обнаружил он в отношении к египтянке? Разорвал свой хитон, а веры своей не расторг; преодолел бесстыдство ее, а страстного желания ее не исполнил. Но что – ты? Вдова? И сидонянка была вдовой, та, которая приняла пророка Илию и напитала хлебом и водой, так что виновника голода голод не изнурил. Но что – ты? Блудница? Тоже и Раав, которая скрыла соглядатаев и после того, как сыны Израиля овладели землей обетования, спаслась – и сама она, и дом ее, и род ее. Но что – ты? Бедняк? Тоже и Лазарь, а сколь великое любомудрие и терпение он показал в бедности, и, находясь в такой нужде, не пал несчастно. Но что – ты? Женолюбец? Тоже и Сампсон; и хотя и был предан женщиной, но Бог доставил ему отмщение, и он был отмщен при содействии иноплеменников. Но что – ты? Детолюбец? Тоже и Иаков. Видишь,сколь многие спаслись? Ты имеешь веру? Все имеешь. Не имеешь веры, но ты – царь? Нисколько не полезно для тебя царское достоинство. Однако, я не позабыл об обещании. Итак, "**был зван Иисус на брак**". Когда же Он прибыл, не имели вина. Говорит Ему Матерь Его: "**вина нет у них. Иисус говорит Ей: что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой**". И сказав это, "**Иисус говорит: наполните сосуды водою**". И наполнили сосуды водой, и Он сделал воду вином (Ин.2:2 и след.). Но зачем Он сказал: "**наполните сосуды водою**"? Разве Тот, Кто словом сотворил небо и положил основание земле, и создал все, что на них, Которого взор иссушает бездны, Которого трепещет и страшится вся тварь как небесных, так земных и преисподних, не мог словом наполнить сосуды? Но Он говорит: почерпните воды. Зачем? Я скажу: для того, чтобы, если они отрекнутся, то руки их, почерпнувшие воду, и плечи их, несшие воду, обличили бы их; тоже самое Он сделал и в отношении к Лазарю. Прежде прибытия на место Он говорит ученикам: "**Лазарь, друг наш, уснул**" (Ин.11:11). Потом, когда пришли сестры Лазаря и говорят Ему, что Лазарь умер (ст.21,32), Он говорит им: "**где вы положили его?**" Они же говорят: "**пойди и посмотри**" (ст.34). О, новые и необыкновенные дела! Незадолго Ты говорил ученикам, что Лазарь умер – и теперь говоришь: где положисте его? Заранее извещаешь Своих учеников о смерти его – и не знаешь места погребения? Он знал, но говорит из-за иудеев, так как они были неблагодарны, так что изречение: где положисте его? не было признаком неведения, как и в раю Он говорил Адаму: "**Адам, где ты**" (Быт.3:9)? Разве же Он не знал, где тот был? Но, так как диавол говорил им, что "**в день, в который вы вкусите**" от древа "**будете, как боги**" (ст.5), и те полагали, что они имеют быть богами, то по этой причине говорит ему Бог: "**Адам, где ты**" – после того как ты вкусил и остался человеком? Поэтому-то Бог говорил ему: "**Адам, где ты?**". Так Он сделал и в отношении к Лазарю. Приблизившись к

гробнице, говорит иудеям: возьмите камень от гроба; и взяли. Говорит Ему сестра Лазаря: "**Господи! уже смердит**"; потому что он был "**четыре дня, как он во гробе**" (Ин.11:39). И "**Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон**" (ст.43); и он вышел, обязан повязками. Итак, разве Тот, Кто переставляет горы в глубины морей, не мог словом сдвинуть камень? Сокрушивший жало смерти, разрушивший двери ада не мог разорвать даже и повязок? И "**говорит им: развяжите его**" (ст.44). Для чего? Для того, чтобы, если они отрекутся, руки их и глаза изобличили их. Поэтому Он сказал: "**развяжите его**". И во время брака Он сделал тоже самое, потому что сказал им: "**наполните сосуды водою**"; и они наполнили сосуды, и Он сделал воду вином. Потому-то Он отовсюду утвердил их, так как иудеи всегда были неблагодарны и бесстыдны. Желаете узнать, сколь многое доставил им Бог, и они оказались непомнящими? Узнайте; но, прошу, сосредоточьтесь, обращайте внимание на то, что говорится, так как я желаю доказать вам, что иудеи искони были неблагодарны. Семьдесят пять душ пришло в Египет, и потом сделалось шестьсот тысяч. Умер Иосиф и восстал у них другой царь, который не помнил об Иосифе; он же сильно притеснял сынов Израильских. Поэтому они возопили к Богу, говоря: Господи, Ты поклялся отцам нашим, что "дам семени вашему землю, текущую молоком и медом"; и теперь, Господи, вспомни о том завете, который Ты заключил с нашими отцами, и избавь нас от руки фараона, царя египетского, и от египетского рабства. Бог, конечно, услышал голос их и послал к ним Моисея. Но сосредоточьтесь, прошу. Бог говорит Моисею: возьми агнца беспорочного, однолетнего, перворожденного, и принеси в жертву, и кровью его каждый помажет дверь, для того, чтобы, когда придет ангел с извлеченным мечем и увидит, что кровью помазано то жилище, то отступил бы; если же увидит, что нет, то чтоб вошел и истребил всех. И сделал Моисей таким образом, и дал народу; и те, взяв, каждый помазал свои двери (Исх.12). И пришел ангел с извлеченным мечем своим и видел кровь на дверях, и отступал; а где не видел, входил и истреблял всех. Все же это происходило не просто; но, так как мы имеем спасаться чрез кровь и древо, то поэтому Бог сказал, что каждый помажет кровью двери. Почему не сказал: помажь кровью стену? Потому что они не имели быть спасаемыми иначе, как чрез посредство древа. Итак, Моисей вывел их из Египта и привел их в пустыню, и они говорят Моисею: "**разве нет гробов в Египте, что ты привел нас умирать в пустыне?**" (Исх.14:11)? Разве не хорошо было нам в Египте, когда "**мы ели огурцы и дыни, и лук, и чеснок**" (Числ.11:5)? Видел ты неблагодарность? Сами говорили Богу, сами требовали: выведи нас из египетской земли, – и, придя в пустыню, проявили неблагодарность. Видел ты их неблагодарность? Но узнайте большее и особенное дело. Сорок лет они провели в пустыне; не увеличился их волос, ни ноготь; одежда их не загрязнилась, обувь их не износилась; они не трудились, не копали земли; не запрягали волов, не влекли плуга, не прорезывали борозд, не исторгали терновников, не бросали в землю семян и не выжидали дождя, не ожидали горячих лучей солнца, не ожидали времени жатвы, не точили серпа и не жали, не связывали колосьев и не поднимали, не вносили в гумно и не напрягались, не молотили, не очищали, не месили муки, не пекли и не делали хлебов, – ничего такого не было, однакож, они ели хлеб, возделанный не руками; им предлагалась трапеза без приготовления; по бесстрастию они подражали ангелам; естество позабыло о своей немощи. И после столь великих благодеяний они говорили Аарону: "**сделай нам богов, которые бы шли перед нами, ибо с этим человеком, с Моисеем, который вывел нас из земли Египетской, не знаем, что сделалось**" (Исх.32:1); и совершили большое насилие против Аарона. Тот, видя, что они были жестокосерды и необрезанны, говорит им: снимите ваши золотые украшения и бросьте в огонь, и если что-либо выйдет, то это и будет богом. И вышло животное с воловьей головой. Здесь представь мне неблагодарного еретика, тунеядца иудея, говорящего, что Бог родил и испытал изменчивость. Погибший, несчастный и бедный, ты это думаешь относительно Бога? Но мы не так, – да не будет, – но что Отец родил Сына, один только одного только, Бог Бога, Совершенный Совершенного; вот – помышления христиан. Итак, ты, повидимому, с любопытством исследующий горнее, скажи мне о

касающемся тебя самого, если тебе кажется, что знаешь: каким образом, после того как были брошены в костер золотые украшения, вышло животное с воловьей головой? Медник не приготовлял, не было плавильщика: как же вышло животное с воловьей головой, – дерзаешь сказать? Если не знаешь того, что – внизу, то как же излишне любопытствуешь относительно горнего? Не разумея своего собственного, как излишне любопытствуешь относительно чуждого? Еще они приводят нам евангельский голос самого Сына, говорящего ученикам: "**Я есмь лоза, а вы ветви**", – "**а Отец Мой – виноградарь**" (Ин.15:5,1). Видишь, говорит иудей, что Он сотворил Сына? Если виноградарь не обработает виноградника, то последний не может быть полезным. И думают, что говорят нечто великое и отменное. Но, прошу, будьте внимательны. Я сказал неблагодарным иудеям; позволь, скажу и бесстыдным еретикам. Можешь ли ты сказать мне, неблагодарный и бесстыдный еретик, что виноградарь не питается от виноградной лозы? Побеждаю тебя твоим оружием. Итак, подобно тому как виноградарь обрабатывает виноградник, так и Отец произвел Своего Сына. Посмотрим же, кто от чего питается, виноградник от виноградаря, или виноградарь от виноградника. По твоему мнению, Отец имеет бытие от Сына, так как нет виноградаря, который не питается от своих дел. Что же? Сын питает Отца? Нет, да не будет, это – дело крайнего безумия. Лучше – говорить: подобно тому как виноградарь радуется по поводу виноградника, так и Отец радуется по причине Сына; Он не сказал, что Отец Мой сотворил Меня, но: Отец Мой делатель, потому что Он радовался по причине Сына. Ты разве не слышал, как Он говорил, что "**Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение**" (Мф.3:17), когда Сын стоял в иорданских волнах? Не сказал, что "**Сей есть Сын Мой**", Которого Я создал, или: Которого Я сотворил? Но сказал: "**в Котором Мое благоволение**". Ужели ты отвергаешь даже и этот голос? И опять говорит: "**Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца**" (Ин.6:38). Кому Он говорил? Конечно, иудеям; так как они говорили Ему: это – сын плотника, и взирали на Него, как на безбожника, то поэтому Он и сказал, что "**Я сошел с небес**", И так как они говорили, что Он – безбожник, то поэтому Он говорил им, что не пришел "**чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца**". Так как они, по-видимому, почитали Отца, а Его отвергали, то поэтому Он снисходил к их немощи, потому что каким образом был послан Тот, Кто везде находится, Кто все наполняет? Итак, видишь, что ради иудеев сказал, что "**Я сошел с небес**". Неужели Он сказал ради Себя Самого? Ведь ты не имеешь оправдания? Но они приводят нам и другое свидетельство, принадлежащее апостолу, который говорит: "**один Бог Отец, из Которого все, и один Господь Иисус Христос, Которым все**" (1Кор.8:6). Ты говоришь, что нет иного Бога, такого, как Отец? И я тебе говорю, что нет иного Господа, такого, как Сын. Что же мы спорим? Нет, да не будет! Поэтому посмотрим, с кем беседовал Павел, и ради кого это сказано. Но со тщанием обращайте внимание на мое слово. Так как эллины почитали многих богов, а иудеи допускали единоначалие, то для того, чтобы упразднить и многобожие, и единоначалие, он говорил: "**ибо хотя и есть много богов и господ много, или на небе, или на земле, – но у нас один Бог Отец**" (ст.5-6). И сказав: един, он упразднил многобожие потому, что где – один, там нет многих; а сказав об Отце, упразднил единочалие, потому что где – отец, там ясно, что – и сын. Итак, по этой причине он сказал: един Бог Отец, из Негоже вся, и един Господь Иисус Христос, Имже вся. Видишь, что Павел обращался к эллинам и иудеям; поэтому и сказал: "**один Господь Иисус Христос, Которым все**", так как все произошло чрез Сына, видимое и невидимое. И послушай, что говорит Иоанн: "**в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть**" (Ин.1:1-3). Видишь, что Он – Творец всяческих. Ужели ты дерзаешь доказать мне, что Сын считается вместе со всем сотворенным? Но, неблагодарные, доколе вы будете обходить Писания, собирая с них цветы, чтобы каким-нибудь образом сказать, что Сын – создание и тварь? Желаете узнать? Если они услышат о Сыне речь возвышенную или соответственную Божию достоинству,

то приходят в неистовство; думают, что кто-либо ввергает в их уста навоз. Я хочу представить вам пример. Если кто сожигается немощию и сильными лихорадками и если он почувствует облегчение, то врачи приказывают обмазывать уста его медом; вот делают так, как приказывают врачи; но, когда о больном станут заботиться слуги, то он думает, что мед горек; и хотя присутствующие лица говорят: "это мед, господин, он прекрасен", убеждая больного, но все же в устах его мед кажется горьким, не потому, что мед горек, – ведь что слаще меда? – не в силу природных свойств меда, но вследствие немощи того, кто не принимает его в себя; точно так же происходит и с этими: если они услышат об Единосущном, то думают, что им дают пить горечь, и это происходит не вследствие слова того, кто говорит, но в силу немощного слуха того, кто не переносит слова. Отец называет Сыном; подобным образом – и апостолы, а они – тварью и созданием. Каким образом Он – тварь? Рождение и творение – одно и то же? Если всякий рождающий творит и всякий творящий рождает, то мы найдем, что все творения – сыны Божии; так как все произошло чрез Сына, то следовательно, Кто сотворил это, Тот и родил. Видишь, что творения – сыны Божии, соответственно тому, как ты говоришь? Доколе вы – останетесь неблагодарны? Скажите мне, каким образом почитается Сын? Тем – что Он называется Сыном? Называешься и ты. Но что? Богом? И ты. Но ты можешь сказать мне: Тот – Сын на деле, ты же по имени. Если – на деле, то, следовательно Он – Сын. Видишь, что уста твои обличают тебя? [Ни мало не тварь, вовсе не создание]. Тот – Сын по естеству, а ты по названию; Тот рожден от вечного Отца, а ты создан из подлежащего вещества. Это же мной сказано против иудеев и эллинов, и еретиков. Но мы прославим Отца и Сына и Святого Духа, во веки веков. Аминь.

---

[1] Здесь в греч. подлиннике, очевидно, пропуск.

ВЕСЬМА ПОЛЕЗНОЕ СЛОВО

о вере, и о законе природы, и о Святом Духе.

"**Все Писание богодухновенно и полезно**" (2Тим.3:16), имея Духа истины началом и источником благочестия. От святого и поклоняемого Духа, как бы от некоторого богатого и плодотворного источника, текут все божественные потоки. И то, что постановляет закон, что пророчествуют пророки, что возвещают апостолы, все это поистине усвояется и приписывается Святому Духу: "**все производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно**" (1Кор.12:11). Поэтому блистают всякие красоты благочестия и сияют слова истины, и изливаются сокровища боговдохновенной мудрости: сокровища, не в земле скрывающиеся, но созерцаемые в глубине благочестия, сокровища, веселящие души, озаряющие мысли, обращающие вселенную, обогащающие всю нищету Адама. Подобно тому как, совлекши с себя первообразную красоту благочестия, он был низведен в большое уничижение, так чрез снисхождение Спасителя нашего, Бога – Слова, он обогащен. И свидетельствует Павел, в одном месте говоря следующим образом: "**благодарю Бога потому что в Нем вы обогатились всем, всяким словом и всяким познанием**" (1Кор.1:4-5). Принимающий Божие слово обогащается; не принимающий же Божия слова делается бедным. Также Иеремия свидетельствует, говоря: "**и сказал я: это, может быть, бедняки, потому что не могут слушать слова[1] Господня**" (Иер.5:4). Но бедный злословится, а богатый величается, богатый словом истины, цветущий добродетелями плодоносного любомудрия, каков был Давид, говорящий: аз же, яко маслина плодовита, в дому Божии "**я же – как маслина плодовитая в доме Божием**"

(Пс.51:10) – плодоносная маслина, не листьями красующаяся, но отягченная плодами благочестия. Часто бывает, что душа, красующаяся ветвями и листьями, не приносит, однако, плода, подобно тому как Иеремия[2] говорил об Израиле: "**Израиль - ветвистый виноград**" (Ос.10:1) – ветвистый, необильный плодами. Тот был именно таков; пророк же восторгается, говоря: "**я же – как маслина плодовитая**", не вовне цветущая, но отягченная внутренними плодами, в доме Божием плодоносная маслина, потому что не хорошо жительство вне дома Божия. Действительно, ты найдешь, что многие и вне слова истины блистают добрыми повидимому делами, ты найдешь мужей сострадательных, милостивых, заботящихся о справедливости; но у дел нет никакого плода, так как (эти люди) не знали дела истины. И эти дела прекрасны, но должно, чтобы шло впереди дело высочайшее. Когда иудеи некогда говорили к Господу: "**что нам делать, чтобы творить дела Божии? **" (Ин.6:28), Он ответил им: "**вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал**" (ст.29). Смотри, как Он назвал веру делом. Итак, в одно время с тем, как поверишь, вместе с этим ты расцвел и делами, и не потому, что у тебя недостает дел, а потому, что вера сама по себе полна добрых дел. Дела бывают в отношении к людям и от людей, а вера – от людей в отношении к Богу; вера делает того, кто обращается, небесным гражданином; вера соделывает человека, сотворенного из земли, собеседником Божиим; ничто не бывает хорошим вне веры. Кажутся мне, братие, – чтоб мне воспользоваться некоторым подобием слова, – кажутся мне цветущие добрыми делами и неведевшие Бога благочестия похожими на останки мертвецов, хотя и прекрасно одетых, но неимеющих чувствования прекрасного. Что за польза в мертвой душе, омертвелой для Бога – Слова, но облеченной добрыми делами? Дела происходят, благодаря надежде на отплату и венцы. Если же ты не знаешь Подвигоположника, то за кого подвизаешься? Не должно, чтобы вера была лишена дел, для того, чтоб она не была поругаема; однакож, вера – выше дел. Подобно тому как у людей, заслуживающих имени человека, прежде всего необходимо, чтоб на первом месте шла жизнь и чтоб таким образом они питались (потому что пища сохраняет нашу жизнь), – точно также необходимо, чтобы впереди нашей жизни шла надежда на Христа и чтоб она потом была питаема и добрыми делами. Часто возможно жить тому, кто не питается, но неживущему невозможно питаться. Моисей постился сорок дней (Исх.34:28), но, так как имел в себе самом живое слово, то недостаток в земном нисколько не повредил ему. Так бывает и относительно душевного состояния; должно, чтоб душа питалась делами, но надлежит, чтоб прежде дел была принимаема вера; ты не можешь представить человека – жившего и совершавшего дела справедливости без веры, а верного без дела я могу указать, что он и жил, и удостоен царства. Никто не жил без веры; разбойник же, уверовав только, был оправдан (Лк.23:40-43). И не говори мне: он не имел времени жить праведно, потому что и я не оспариваю этого, но указываю на то, что вера сама по себе спасла. Если бы он с верой остался в живых и пренебрег делами, то лишился бы спасения. Рассматривается же теперь и расследуется то, что и вера сама по себе спасла, а дела сами по себе никогда не оправдывали совершителей. И желаем тщательно увидеть, что дела без веры не животворят? Имел доброе о себе свидетельство Корнилий из-за дел милостыни и молитв (Деян.10); но он не знал Христа, веруя Богу, но еще не узнав Слова Божия. И так как дела были прекрасны и удивительны, то они были угодны Раздаятелю благ и любвеобильному Богу; но так как великий глаз правды и истинъг, нелицеприятный и праведный Судия видел, что хотя дела прекрасны, но мертвы, потому что не имеют веры, то послал божественного ангела, раздающего награды за дела, чтоб прекрасного борца увенчать верой; тот говорит ему: Корнилий, "**молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом**" (Деян.10:4). Поэтому, если была услышана молитва, говорит он, и были приняты милостыни. то чего мне недостает для праведности? "**Итак, пошли в Иоппию**", говорит ангел, "**и призови Симона, называемого Петром**" (ст.5), который, придя, "**скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой**" (ст.6). Вот, дела не могли спасти. Если, благодаря тому, что возвещает Петр, спасается и сам Корнилий, и

дом его, то Корнилий еще не имел спасения по причине дел, пока вера не водворилась в нем – рядом с его делами. Поэтому и Петр, блаженный и чтимый Христом апостол, придя из Иоппии и увидев Божию благодать, излитую на тех, которые тогда считались иноплеменниками, проникнув в Божие определение, говорит: "**истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе поступающий по правде приятен Ему**" (Деян.10:34-35). Не сказал: "**во всяком народе поступающий по правде**" спасается, но: приятен Ему, то есть, делается достойным того, чтоб быть принятым. Поэтому должно, чтоб вера блистала прежде дел и чтоб за верою следовали дела. И никто да не поносит веры из-за ее бесплодия, ни бесчестит дел из-за неверия. Сделайся плодоносной маслиной, но в доме Божием. Прекрасные дела выражают то, что разумеется под плодоносной маслиной, а слова: в доме Божием – указывают на веру. Какие же дела Божии? Все мы их знаем, если пожелаем совершать, и ничто не скрыто. То, что касается догматов, подвергается сомнению, а то, что касается дел, не скрыто, потому что природа диктует законы. Мы знаем от нас самих о том, что – прекрасно и что – дурно; Бог вложил в природу неписанный закон, озаряющий наши мысли. Никто пусть не говорит: я не прочитал закона, я не знаю того, что относится к закону, потому что, если ты отвергнешь общий закон, то закон природы изобличит тебя. Хочешь узнать, что Бог в природе утвердил законы, различающие что – хорошо и что – дурно? Спроси нашу обиходную жизнь о том, как все те, кто делает зло, уклоняются от наименования злыми; как именно, послушай: прелюбодей прелюбодействует, но краснеет от стыда, если его называют прелюбодеем. Скажи явному прелюбодею: прелюбодей! – и чему он, совершая это, радуется, о том слыша стыдится. Итак, если ты думаешь, что грех – нечто хорошее, то зачем избегаешь наименования? Скажи клятвопреступнику: клятвопреступник! – и наименование своих собственных дел он сочтет за оскорбление. Таким образом, сама природа вопиет, что дурное – чуждо дела Божия. А то, что сотворил Бог, прекрасно и очень прекрасно, до такой степени прекрасно, что, соприкасаясь со злом, краснеет от стыда пред пороком. Скажи целомудренному: целомудренный! – и каким делом он услаждается, не стыдится и пред названием его. Назови справедливого справедливым, – он и делом увенчивается, и названием украшается, потому что, хотя в силу совестливости он и откажется от имени, но в душе принимает похвалу. Размысли, сколь великий порок живет в мире и остается незаметным! И каким образом остается незаметным? Если ты будешь с точностью исследовать отдельные части, то не найдешь никакого порока, который являлся бы в своем собственном виде, – если он не возьмет себе взаймы вида у добродетели, то не показывается; и – каким образом, слушай: тот, кто лжет, лжет, не сознаваясь во лжи, но, подделываясь под истину, обманывает; тот, кто поступает несправедливо, не возвещает того, что есть, но представляется тем, что не есть, и тогда совершает несправедливость. Подобным образом коварный человек не показывает коварства, но надевает на себя личину дружбы, и совершает дурное дело; прелюбодей, не сознаваясь в преступном прелюбодействе, вторгается в жилище, но надевая на уста личину целомудрия, попирает божеские права. Видишь ли, что порок не имеет своего собственного лица? Подобным образом и клеветник, всякий раз как является в судилище, входит, не объявив того, что именно есть, но представив по виду свидетеля истины, своей ложью показывает свидетеля порока. Таким образом порок не имеет своего собственного лица, если не возьмет взаймы лица у добродетели. Поэтому Спаситель говорил: "**придут к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные**" (Мф.7:15). Но возвратимся к вопросу, подлежащему обсуждению.

2. Хочешь узнать, брат, какую силу имеет врожденный закон? Душа наша, хотя бы она погрязла в пороках, приветствует доброе имя. Часто многие властители, исполненные корыстолюбия и ни о чем другом не помышляющие, кроме грабежа и неправды, склоняются на просьбы некоторых, чтобы или облегчить бедняку належащую нужду, или уступить что-либо из долга, или не отомстить оскорбившим или вознамерившимся

оскорбить. И пришедший, для того, чтобы прекрасно исполнить посольство пред мужем – могущественным и дурным, не тотчас начинает с истины; не говорит ему того, что он есть, но приписывает ему имя добродетели. [Или не знаешь, как всегда притворяются лица, хорошо исполняющие обязанности послов?]. Ты, говорит он, добродетельный муж; твое имя прославлено, все воспевают твои хорошие деяния; и многое таковое присоединяет для убеждения, чтобы склонить его похвалой и чтобы он уклонился от дурного дела. Смотри, как порок побеждается похвалами за добродетель. Ни один злой не желает называться злым, потому что приветствует то, что ей свойственно, хотя свободное решение и избирает противное. Итак, возлюбленные, сделаемся плодоносной маслиной, процветем и делами, и плодами, и листьями. Листья наши – речи, плоды – образ жизни. Пусть и слово твое будет честно, и образ жизни плодоносен, потому что у благочестивого человека нет даже и листа отвергнутого. "**Лист его**", говорит Давид, "**не отпадет. И все, что он ни делает, будет благоуспешно**" (Пс.1:3). Но, о, чудо! Я размыслил о том, каким образом Адам нагой вышел из рая и каким образом Давид цветет в жилище Божием. Один вышел нагим по причине преступления, а другой, облекшись в добродетели, взывает: я Отче, "**как маслина плодовитая**" (Пс.51:10). Ничто в такой степени не лишает нас оружия, как бесплодие; и ничто так не одевает нас, как плодородие чрез посредство добрых дел. Адам был сотворен, – повторим и еще сказанное, так как повторение хорошего укрепляет в душах учение. Подобно тому как окрашиваемая шерсть постоянно кладется в краски, для того чтобы краска глубже запечатлела на ней свои свойства, – так же нужно, чтобы и наши души непрерывно погружались в божественные слова, для того, чтобы было отмыто древнее поношение и чтобы мы облеклись в новую красоту. Та шерсть, всякий раз как примет краску, оставляет имя естества и принимает наименование краски; и уже не называешь ее более шерстью, но порфирой или багряницей, или зеленой материей, или чем-либо подобным, смотря по тому, какую красоту сообщила окрашенной шерсти краска. Итак, если краска изменяет имя естества, то естество Божие не изменяет ли человека, так что один и тот же до погружения в воду был в земном образе, после же погружения получил блестящий небесный образ? Итак, Адам был сотворен бедным из земли: Бог, взяв прах, образовал его. Но Адам не видел, каким образом он был сотворен, как я прежде сказал, так как не нужно было, чтобы он был свидетелем того, что происходило, для того, чтобы не стал превозноситься пред Богом. Если он, окруженный столь великим уничижением, превозносится и не знает Создателя, и отвергает Сотворившего, то в том случае, если бы он получил нечто превышающее его природу, кто вместил бы безмерность его высокомерия? Поэтому Бог, сотворив человека, вложил в творение и великие силы, и многое, свидетельствующее об его уничижении, чтобы чрез лежащую в нем силу встречала себе удивление благодать Художника, а чрез уничижение прекращалось человеческое высокомерие. Дал ему говорящий язык, прославляющий Бога, воспевающий божественное, изъясняющий красоты творения. Рассуждает о небе и земле небольшой кусочек плоти – язык, не имеющий меры даже и двух пальцев; и что я говорю: пальцев? Даже и края ногтя; но и этот небольшой и ничтожный кончик говорит о небе и земле. И чтобы не подумал, что он – некоторая великая вещь, и чтобы не превозносился превыше своего естества, он часто подвергался и опухолям, и ранам, дабы знал, что, будучи смертным, говорит о вечных и бессмертных предметах, и был приведен к разумению, какая сила у того, что возвещается, и какая немощь у возвещающего. Он дал ему глаз – это маленькое зерно, так как то, что видит, есть средина. самая средняя часть зрачка; и, однако, с помощью этого маленького зерна он созерцает всю тварь. И для того, чтобы он, обхватывая своим взором всю тварь, не превозносился, часто происходит помутнение зрения и глазные болезни, и нагноения в глазах, и слезы, и подобное, – это для того, чтобы он узнавал себя самого, благодаря своей немощи, а за творение прославил Художника. Он дал ему мыслящее сердце, корень рассуждений. источник помышлений; но в этих самых местах образовал и внутренности, которые наполняются нечистотами и всякой другой мерзостью и чрез посредство которых человек ест, – чтоб, всякий раз как

сердце станет превозноситься, чрево удержало его, так что и чрево, и нечистота необходимы для воспитательного руководства. Если человек, нося нечистоту, дерзает проявлять наглость и не просто обнаруживать наглость, но даже против Бога, подобно тому как осмелился сказать один варварский царь: "**выше звезд вознесу престол мой и буду подобен Вышнему**" (Ис.14:13-14); если, нося столь великую нечистоту и мерзость, так говорит, то, если бы он был совершенно свободен от этой немощи и ничтожества, кто мог бы стерпеть его – превозносящегося? Поэтому великий Исаия[3] говорит высокомерным: "**что гордится земля и пепел**" (Сир.10:9)? Но снова возвратимся к вопросу, подлежащему обсуждению. Бог создал человека из праха; но человек не видел, каким образом он произошел, поэтому и не знал своего ничтожества: Бог, как я прежде сказал, не сотворил души рожденной прежде тела, чтобы она не видела творения. Однакож, так как он совершенно не знает, из какого он явился уничижения и – что Творец создал его из земли, Он возвращает его в землю, из которой взят, чтобы, снова опытом узнав свою немощь, он узнал и о древнем благодеянии и о будущем человеколюбии, потому что, когда он был сотворен. он не видел, что произошел из земли. Обрати тщательное внимание, из опасения, чтоб мысль не ускользнула от тебя. Когда был творим Адам, то он не видел, что возник из земли; но, когда он пробуждается в воскресении, то знает, что пробуждается, совлекши с себя прах, потому что хотя мертвый и не видит самого себя, но видит того, кто умер прежде иего. Мы видим умерших и разрешившихся в прах, и чрез то, что видим, воспитываемся. Не видел ли ты часто наглых и высокомерных мужей, как уничиженны и кротки бывают они, умирая? Возвещается смерть, и сердце всех трепещет, гордость всех низвергается; и мы любомудрствуем около гробниц, – когда увидим обнаженные кости, и когда поразмыслим о человеческом естестве, изъеденном и разрушившемся, то тотчас любомудрствуем друг с другом: вот чем мы делаемся и куда удаляемся! Так мы говорим, а вышли из могил – и забыли про уничижение. При могиле каждый говорит своему ближнему приблизительно следующим образом: о, несчастие! о, жалкая наша жизнь! Смотри, чем мы становимся. И однако, – хотя и говорим это, – совершаем некоторые хищения, и кричим, и памятозлобствуем. Каждый прямо так рассуждает, как будто он намерен совершенно отречься от порока; внутри словами рассуждает, а вовне делами противится Богу. Поэтому Бог устроил, чтобы всюду были сооружены гробницы, напомикающие нам о нашей собственной немощи; вследствие этого всякий город, всякое селение пред входами в них имеет могилы. Иной спешит войти в царствующий город, цветущий богатством и могуществом и остальными достоинствами; и прежде чем увидит то, что воображает, сначала видит то, чем сам он делается. Гробницы пред городами, могилы пред полями; всюду наука о нашем уничижении лежит пред глазами, мы научаемся прежде всего тому, во что, наконец, разрешаемся, и тогда уже видны внутренние образы; и не только это, но, и намереваясь входить часто в общение с жизнью, научаемся крайнему уничижению естества. Часто муж, после того как желает взять женщину, диктует пишущему законы относящиеся к приданому дары. Еще не произошло соединения, и тотчас вписывается смерть; еще не насладился сожительством и браком, и тотчас определяет для себя смерть; еще не увидел супруги, и наперед уже полагает пред собой жребий смерти как против себя самого, так и против той, и пишет так: если же умрет муж прежде жены, если жена – прежде мужа, то должно быть то и то. Таким образом, древние законы всегда для всех утвердили напоминания об естестве; и не только относительно существующего и живущего полагаются жребии смерти, но и касательно того, что еще не произошло. Что именно говорит? Если же имеющее родиться дитя умрет... Еще нет плода, и уже произнесено мнение. Далее, и в завещаниях обнаруживает понимание естества; а если испытает что-либо из случающегося с человеком или если умрет жена, то забывает о том, что писал, и произносит другие трагические слова: и это, говорит, надлежало мне испытать? Ожидал ли я, что перенесу это и лишусь супруги? Что же? Ты забыл о том, что написал? Когда дела еще не наступили, то ты понимал границы естества; когда же подвергся страданиям, то позабыл о

законах естества? Это говорится для вразумления всех, для того, чтоб все все случающееся переносили благородно, чтобы не думали, что Божии определения – наказание. Не любомудрствуй, когда еще нет бедствий; но – тогда, когда окажешься застигнутым страданиями, обнаружь величие души; когда печалишься, вспомни слова, которыми утешаешь печалящегося. Какие произносим слова в отношении к печалящимся? Не так ли рассуждаем с ними: эти несчастья – человеческий удел; ты не один только терпишь это несчастье, не один только перенес насилие со стороны смерти; это переносят и цари, часто испытывали это бедствие и правители, испытывают его и владетели; пойми свое естество; ты – человек; вместе со всеми и сам ты имеешь общие законы природы?..

3. Это и больше этого говоришь ты, когда утешаешь другого. Или в самом деле ты – благородный учитель других, а в отношении к себе самому даже не – жалкий ученик? Свойство великой и благородной души – любомудрствование среди самого разгара бедствий. Если кто может при каждом несчастии или печали, или потере говорить: Ты, Господи, праведен и приговоры Твои – правы, то он терпит потерю, как человек, но увенчивается, как боголюбец. Жизнь, братья, преисполнена большой трудности, и непременно должно и праведному и неправедному, и благочестивому и нечестивому страдать. Но велико различие: иное значит – быть наказываему, в качестве домашнего человека, и иное – быть бичуему, в качестве чужого. Получает удары сын, получает удары и слуга; но один, как впавший в грех раб, а другой, как свободный и как сын, нуждающийся во взыскании с него; эти удары не производят равной почести. Если благочестивый потерпит то, что терпит нечестивый, то он не делается равночестным с нечестивым; но этому (т. е. благочестивому) наказание вменяется в скорбь и испытание, а нечестивому в бичевание и наказание. Поэтому, зная о таких затруднительных положениях, блаженный Давид говорит о праведных: "**много скорбей у праведных**" (Пс.33:20). Но смотри на то, что присоединяется: "**и от всех их избавит их Господь**" (ст.20). Еще не сказал о скорби, а показал исцеление. О противоположных же людях говорит: "**много наказаний грешному**" (Пс.31:10), и ничто не присоединяется им; между тем "**много скорбей у праведных, и от всех их**" Господь избавит их. Но кто-либо, слыша это, да не отчаивается в самом себе и да не говорит: итак, если я получаю удары, как грешник, не имея надежды, то наказание это для меня – бесплодно. Теперь Писание назвало грешника, не совершенно чуждого благочестия, но страдающего, до некоторой степени благочестивого, но падающего в человеческих делах. Ведь Бог милостив к грешникам, все Писание полно залогов Божия человеколюбия. Оно говорит: "**живу Я! говорит Господь**", не хочу "**смерти грешному, но чтобы он обратился и был жив**" (Иез.18:3,23). Бог клянется, не потому, что не доверяет Себе, но выводя наше неверие в состояние веры. Поэтому всякий человек, испытываемый скорбями, пусть говорит: праведен Ты, Господи, и правы Твои приговоры, – и вместе с этим он обнаружит благородную душу, и не нарушит благочестия. Таков, напр., был блаженный Иов, который вел борьбу против всяких страданий, победил все диавольские ужасы, ослабил все диавольское неистовство, твердостью своего образа мыслей сокрушил диавольские волны, всего одновременно лишился и не отрекся от Господа всех. Но его воинские подвиги будут изложены в особой речи, так как поистине они требуют особого времени для их исследования, чтобы мимолетностью своих речей нам не оскорбить его подвигов; будем, однакож, иметь пред глазами то, что именно сказал тот благоразумный муж и великий подвижник. Он налагает на сказанное печать; лишенный всего он не отвергся благочестия. но говорит: "**Господь дал, Господь взял, как Господу угодно, так и было**" (Иов.1:21). Прекрасно сказал – "**угодно**": уступает достоинству, не любопытствует напрасно относительно управления; не сказал, как мы говорим: почему молодые умирают, а старики остаются? Какое это управление? Старик сильно желает смерти, имея расслабленную плоть и терпя недостаток в деньгах и во всяком ином утешении; но не получает исполнения желания; а отрок обладающий милой красотой, вожделенный для

своих родителей, похищается безвременно? Научись не расследовать таковое, научись говорить: "**судьбы Твои – бездна великая**" (Пс.35:7); научись говорить: "**праведен Ты, Господи, и справедливы суды Твои**" (Пс.118:137); научись говорить: "**как Господу угодно, так и было**", познай достоинство Божие, чтобы познать благочестие. Но так как слово вторглось в славу Святого Духа, то скажем что-либо из догматов для нашей безопасности и утверждения. Подобно тому как Иов, сказав: "**как Господу угодно**", показал достоинство и господство, – так и апостолы, показывая Господнее достоинство Святого Духа, говорят: изволися Святому Духу ничтоже возложити вам, разве нуждных сих Ибо "**угодно Святому Духу не возлагать на вас**" ничего, "**кроме сего необходимого**" (Деян.15:28). "**Угодно Святому Духу**". Если Он – подчинен, то почему "**угодно**" Ему? Если Дух – под властью законов и служит, то каким образом подчиненному угодно? Не то ли, что угодно царю, это и бывает, а не то, что приходит на ум подчиненным? "**Как Господу угодно**", говорит Иов. "**Угодно Святому Духу**", говорят апостолы. Выражение достоинства в том и другом случаях равноценно, так как слава царства – неразделима. Но порочность еретиков снова находит лазейку. Они говорят: апостолы, так как они сказали: "**угодно Святому Духу**", а затем присоединили: и нам, разве имеют поэтому достоинство божества? Об этом должно заботиться, чтобы не вложить яда своего неверия в неопытные души, чтобы не влить еретического нечестия в уши невинных. Они часто с важностью говорят так: брат, говорят, ничто из сказанного пусть не изумляет тебя! Называет тебя как бы братом, и – как врага – умерщвляет. Не удивляйся, говорит, если апостолы сказали о Святом Духе: "**угодно Святому Духу**"; но смотри и на то, что присоединяется: "**угодно Святому Духу и нам**", угодно апостолам. Разве апостолы – боги? Разве они имеют Божие достоинство? Всякий раз как еретик говорит это, мы вынесем стрелы из святого Писания, потому что "**изощренны стрелы сильного**" (Пс.119:4), посылаемые в сердце врагов царя. Итак, что должно сказать к нему? Если соединение апостолов со Святым Духом уменьшает достоинство Духа, то, следовательно, и соединение Моисея с Богом уменьшает достоинство Божие. Для примера я скажу: если ты не сочтешь великим изречения: изволися Святому Духу, вследствие того, что присоединены и апостолы, то, следовательно, не будешь в состоянии называть великой даже и веру в Бога, вследствие соединения Моисея с Богом, так как Писание говорит: "**народ поверил Господу и Моисею**" (Исх.14:31). Но мы вынесем и другую стрелу: если присоединенная слава апостолов уничтожает достоинство Духа, то оскорбляет Бога и уменьшает Его достоинство присоединение к имени Божию имени Самуила, так как написано: "**и пришел народ в страх от Господа и Самуила**" (1Цар.12:18). В свою очередь, принесем и иную – третью стрелу против нечестия. Если умаляет достоинство и божескую власть Духа Святого соединение с Духом апостолов, то умаляет достоинство Божие и Гедеон, имя которого присоединено к имени Божию, так как весь народ, воюя, воскликнул: "**меч Господа и Гедеона!**" (Суд.7:20). Итак, подобно тому как Моисей соединен с Богом, не как равночестный Богу, но как служитель Божий, и Самуил – с Богом, не как равночестный, но как пророк, и Гедеон – с Богом, не как равночестный, но как военный вождь, так и апостолы – с Духом, как проповедники Евангелия. Поэтому познай достоинство и не оскорбляй чести Духа; познай боговдохновенное богословие Святой Троицы, Отца и Сына, и Святаго Духа. Это – несозданное естество, истинное достоинство, нераздельное царство, неделимая часть, неразрывная надежда, непостижимая слава Отца и Сына, и Святого Духа, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

---

[1] В синод.перев.: "**не знают пути**" – ред.

[2] Следовало бы: "Осия".

[3] Следовало бы: Иис. Сир.

О Святой и Единосущной Троице

Изощряющие свои языки против Святой и Единосущной Троицы, и беснующиеся, и замышляющие ниспровержение достоинства Единородного Сына и Святого Духа изобличаются самим Святым Духом, говорившим чрез святых пророков, и Словом, которое возвестило о Своем пришествии во плоти, бывшем ради нас от святой Девы, и неизреченном, и чуждом изменении, вследствие Его достоинств. Будут же изобличены они окончательно в день праведного суда Его, когда Он снова придет с неба, чтобы прославиться во святых Своих и явиться дивным в тех, кто сохранил Его веру неизменно. Но, о, возлюбленные, ученики ариан и одержимые безумием македониан осмелились говорить о Боге великом и Боге малом и созданном, привнося к нам эллинизм. Тем свойственно поклоняться твари и одного из своих богов считать великим, а другого умалять. Если недостает чего-либо Сыну, или Духу, то это не – Бог. Павел, порицая их в послании к Римлянам, говорит: "**поклонялись и служили твари вместо Творца, Который благословен**" над всеми Бог (Рим.1:25). Если же кланяются твари, называя Сына и Духа тварью, то они – прокляты согласно словам Моисея: проклят всякий, покланяющийся твари и созданию (Втор.27:15). Мы же поклоняемся не твари, но несозданной Троице, непреложной, неизменной и единосущной, не имеющей ничего привведенного или рабского, или достигшего бытия вследствие приращения, как бы такого, что прежде не существовало, а явилось после. Смотри у меня на свидетельства Святой и Единосущной Троицы и почитай Ее право, чтобы тебе не погибнуть. "**И сказал**", говорит (Писание), Бог: "**сотворим человека по образу Нашему и по подобию**" (Быт.1:26). Итак, скажи мне, с кем Бог советуется? С ангелами, говорит. Но ангелы не имеют образа Божия; говорит же к творящему вместе с Ним Сыну и Святому Духу. И чтобы ты поверил, что это – истинно, послушай, что говорит псалмопевец: "**Словом Господним небеса утверждены и Духом уст Его вся сила их**" (Пс.32:6). Но тебе не безызвестно, что Слово – Сын, потому что Иоанн Богослов говорит: "**и Слово было Бог**" (Ин.1:1); и о Духе: "**Бог есть Дух**" (Ин.4:24). Итак, говорит Бог Отец к Богу Сыну и к Богу Духу Святому: "**сотворим человека по образу Нашему**". И не сказал: Моему и вашему, ни: Моему и твоему. Указывая же, что образ Святой Троицы – один, (Писание) говорит: "**и сотворил Бог человека, по образу Божию сотворил его**" (Быт.1:27). Как и Павел взывает о Сыне: "**Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси**" (Евр.1:3). И опять в другом месте Писание говорит: "**приидите, и сойдя смешаем язык их**" (Быт.11:7). Словом "**приидите**" зовет равных по чести. Если бы повелел ангелам, то не сказал бы: "**приидите**", а повелительно: идите. Обращай же, прошу, внимание на голос Отца, призывающий Сына и Духа. Если бы сказано это было к одному только, то Он сказал бы: приди, "**и сойдя смешаем язык их**", слово же: приидите – голос одного к некоторым двум равночестным. Послушай же и блаженного Иова, который ясно указывает на нераздельную Троицу, так как он говорит: "**жив Бог, судивший мне так, и Вседержитель, огорчивший душу мою, и дух Божий в ноздрях моих**" (Иов.27:2-3). Назвавши Господа и Вседержителя, и Духа Божия, он возвестил Единосущную Троицу. Заметь и песнь серафимов, взывающих трижды: "**свят, свят, свят**" (Ис.6:3). Они не говорят только однажды: свят, и не говорят дважды: свят, свят, и не четырежды, и не говорят: святы, святы, святы, чтобы многоименность не ввела нас в многобожие, но об одном только, но трижды: "**свят, свят, свят**", так как чрез это они указывают на единое и равное славословие Отца и Сына, и Святого Духа. Послушай и пророка, который снова говорит: "**Дух Господень говорит во мне, и слово Его на языке у меня**" (2Цар.23:2). Прежде показано, что Бог бе Слово. Сказав же о Духе Господнем и Слове и Господе, он

возвещает нераздельную Троицу. Смотри и на трех отроков в пещи, к славословию Бога призывающих все твари и создания, солнце, луну, звезды, небеса, ангелов, силы, людей, духов, всю тварь – видимую и невидимую, духовную; и нигде они не исчислили Сына или Духа Святого между тварями. Ты, конечно, скажешь: они не знали о Духе или Сыне, так как были иудеями; но тебя тотчас изобличает само Писание: четвертый был, говорит Писание, как подобие Сына Божия (Дан.3:92). О Святом же Духе говорит: "**возбудил Бог Святым Духом молодого юношу[1], но имени Даниила**" (Дан.13:45). А также и во многих других местах в Ветхом Завете был предвозвещен Дух Святый. Итак, они знали, что Отец и Сын, и Святый Дух – одного божества и силы; знали же и призывать то, что служило Богу, к славословию божества. А чтобы ты узнал, что в Троице нет места ничему сотворенному или привводному, это показывал Павел, поставивший впереди Отца, а в другом месте – Святого Духа, потому что он так говорил: "**один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им**" (1Кор.8:6), и един Дух Святый. Опять же говорит: "**дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно**" (1Кор.12:4-6,11), а не как приказывается. Когда же Сын крестился, Отец свидетельствовал с неба, Дух же Святый в виде голубя нисшел на равночестного (Мф.3:16-17). Чрез все это мы научаемся усматривать единое царское достоинство нераздельной Троицы. Сам же Бог – Слово, ради нас воистинну воплотившийся, намереваясь возвратиться туда, откуда Он и не был разлучен, говорит святым Своим апостолам: "**идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа**" (Мф.28:19). Мы запечатлены, но печать Святой Троицы – едина, едино крещение. Итак, каким образом ты осмеливаешъся отчуждить от Отческой сущности Сына или Святого Духа? Если бы Они были чужды, то не исчислялись бы при крещении вместе с Отцом. На каком основании, согласно с твоим словом, о, богоборец, Сын или Дух – берутся вместе с Отцом, если они созданы? Если одно только имя Отца могло спасти крещающегося, то зачем вместе с Ним берутся творения, как будто бы один только Отец был не в состоянии спасти? Да не будет! Итак, если ты проповедуешь о немощи Отца, избегая того, что – единосущно, то будешь вынужден самой истиной вместе с нами исповедовать Троицу – несозданную и единосущную, и всемогущую. Но ты скажешь мне, что об Отце написано: "**Тебя Единого Истинного Бога**" (Ин.17:3). Но и "**Слово было Бог**" (Ин.1:1). И каким, следовательно, образом Оно равно Отцу, когда изречение об Отце: "**Тебя Единого Истинного Бога**" показало, что Сын не естественный, а усыновленный Бог? Итак, что же, воюющий против своего собственного спасения? Так как написано, как говорит Иоанн об Отце, что Бог есть свет, а о Сыне, что "**был Свет истинный**", то ужели вследствие этого ты дерзаешь говорить, что Отец меньший, потому что не присоединено: Свет истинный, но только о Сыне сказано: "**был Свет истинный**"? Подобно тому как ты не дерзаешь умалить Отца из-за неприсоединения слова: истинный, точно так же, слыша об Отце: "**Тебя единого истинного Бога**", а о Сыне: Бог только, не дерзни умалить Сына из-за противопоставления имен – об Отце: Бог истинный, о Сыне: Бог, в свою очередь – о Сыне: "**был Свет истинный**", об Отце же: свет только. Итак, как не должно дерзать говорить об Отце, что Он не Свет истинный, и о Сыне, что Он не Бог истинный, потому что Сам Он сказал: "**Я есмь истина**" (Ин.14:6), так и о Духе Святом, потому что Он – Дух истины. Чрез посредство этих свидетельств учись почитать нераздельную Троицу: "**все, что имеет Отец, есть Мое**" (Ин.16:15), сказал Единородный Бог, сущий в лоне Отца. Моисей говорит: "**Сущий послал меня**" (Исх.3:14). Сущий – Отец, Сущий – Сын, Сущий – у Сущего, безначально и безвременно рожденный. Все имеет Отец, Он – поистине жизнь и бессмертие, и свет, и всемогущий, и Бог, и Господь; это же имеет и Сын. "**Я есмь**", говорит Он, "**истина и жизнь**" (Ин.14:6); и: "**был свет истинный**" (Ин.1:9); и: "**Слово было Бог**" (1:1). Так же и апостол Фома говорит: "**Господь мой и Бог мой**" (Ин.20:28), подобно тому как и псалмопевец говорит: "**Бога искал я руками моими и не обманулся**"

(Пс.76:2). Фома в неверии осязал Слово и не обманулся, верой исповедав Его Господом и Богом. Да, говорит он[2]: называю Сына Божия Богом, но не безначальным, а сотворенным; следовательно, и рабом. И каким образом? "**Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба**" (Флп.2:6-7). Итак, если Он – раб, потому что всякая тварь – рабская, то каким образом, будучи рабом, принял зрак раба! Как же Себе умалил, если не был совершенным Богом? Принял то, чего не имел, оставшись тем, чем был; не сделался тем, чем был, но, сый во образе Божии, по человеколюбию, не потерпев изменения, принял зрак раба. Если же ты не желаешь исповедовать Его безначальным, то, следовательно, было время, когда Сына не было? Да, говорит. Итак, смотри, я говорю согласно с твоею речью: было время, когда Отца не было, потому что не имеющий сына не называется отцом.И Отец возымел начало отчего бытия, потому что отец узнается, благодаря сыну. Итак, разве было время, когда и Отец сам был сыном другого отца? О, сколь великое богохульство! Думая, что почитаешь Отца совершенно, ты обнаруживаешь в отношении к Нему нечестие. Итак, если Сын сам сотворил времена и сроки [потому что "**Все чрез Него начало быть**" (Ин.1:3)], то каким образом осмеливаемся говорить, что было время, когда Сына не было? По твоему слову, время – больше, чем Бог-Слово, так как то, что прежде, по необходимости – и больше.

2. Но хочешь ли узнать, что Сын – совечен Отцу? Исаия говорит: "**Я Бог первый и Я последний, прежде Меня не было иного Бога и после Меня не будет**" (Ис.44:6;43:10). Итак, если ты говоришь, что Сын – позже Отца, то каким образом Отец говорит, что "**после Меня не будет**" иного Бога? Если же ты поймешь это о Сыне, то каким образом Он говорит: "**прежде Меня не было иного Бога**"? Чрез это усматривай, что Сын – совечен Отцу. Слушай же свидетельства, произнесенные о Сыне, и избегай бесчестить Его: "**пролил Господь дождем огонь от Господа**", и огонь на Содом (Быт.19:24). Господом называет Отца, Господом – Сына, Господом – Святого Духа, так как говорит: "**Господь есть Дух**" (2Кор.3:17); и не сказал: Господь меньший возле Господа великого. И Моисей говорит: "**и да поклонятся Ему все ангелы[3] Божии**" (Втор.32:43); ангел же творению не поклоняется. И чтобы ты понял, что это сказано о Сыне, послушай, что говорит Павел: "**когда вводит Первородного во вселенную, говорит: и да поклонятся Ему все Ангелы Божии**" (Евр.1:6). А также и Давид взывал: "**сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**" (Пс.109:1). И не сказал: Господь Господа моего; но сказал: "**Господь Господу моему**". "**Се**", говорит Исаия, "**Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил**" (Ис.7:14;Мф.1:23), "**что значит: с нами Бог**" (Мф.1:23). Да, называю Его Сыном, однакож, подчиненным и меньшим Отца. Снова изобличает тебя Исаия, говоря, что "**младенец родился нам - Сын дан нам, и нарекут имя Ему: Великого совета Ангел, Чудный Советник, Бог крепкий, Властелин, Князь мира, Отец вечности**" (Ис.9:6). Пророк провозглашает Властелином, Богом крепким; а ты называешь Его подчиненным? Тот называет Великого совета Ангелом; а ты называешь малым? Смотри же, прошу, что о Нем взывает также и Иеремия: "**Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним**" (Варух.3:36). Об Отце речь или о Сыне? Об Отце, говорит он. Отец воплотился или Сын? Сын. А по твоему слову, воплотился Отец. Но теперь я вижу, согласно со словом пророка, что – Сын, Который "**и обращался между людьми**" (ст.38). Да, Господь воплотился, а Отец остался бесплотным. Убедись же, о, неразумный, что он о Сыне говорит, следующими словами: "**Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю. После того Он явился на земле и обращался между людьми**" (ст.36-38). Видишь ли Его и Законоположником? Ведь если Он сам "**нашел все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю**", то Он Сам есть и Явившийся Моисею, и Давший закон. Откуда это ясно?

Послушай, что говорит пророк: завещаю вам завет нов, не по завету, его же завещах отцем вашим "**Я заключу**" с вами "**новый завет, не такой завет, какой заключил с отцами**" вашими, "**когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом**" (Иер.31:31-33). Видишь, что сам Он – Законодатель ветхого и нового завета? Что Он сам законополагает новый завет, и ты не усумнишься. "**И ты, Вифлеем, дом Ефрафов, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне старейшина, Которого происхождение из начала, от дней вечных**" и Он "**упасет народ Мой, Израиля**" (Мих.5:2;Мф.2:6). Ты видишь – один народ Отца и Сына. Сын говорит: "**буду им Богом, а они будут Моим народом**". Отец говорит о Христе: "**упасет народ Мой, Исраиля**". Замечай единое царское достоинство Отца и Сына. А то, что после этого слышишь от Него, говорящего уничиженное, после того как Он по Своему благоволению воплотился и уничижил Себя ради человеческого спасения, это понимай соответственно Божию достоинству: "**потому что буква убивает, а дух животворит**" (2Кор.3:6). Если к апостолам, видевшим Его чудеса и во имя Его исцелявшим всякую болезнь, Он говорил: "**многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить**" (Ин.16:12), то что – к иудею, гораздо более тупоумному? Если, когда Он сказал: "**прежде нежели был Авраам, Я есмь**" (Ин.8:58), они взяли в руки камни, чтобы побить Его ими, то как они снизошли бы выслушать, если бы Он сказал им что-либо возвышенное? Кто-либо мог бы найти, что таким образом и в ветхом завете многое говорится об Отце приспособительно к тупоумию слушателей, как-то: "**те семь, - это очи Господа, которые объемлют взором всю землю**" (Зах.4:10); и: "**в тени крыл Твоих укрой меня** " (Пс.16:8); и: "**Восстань, что спишь, Господи**" (Пс.43:24); и: "**если не обратитесь, то Он оружие Свое изощрит, лук Свой Он натянул и приготовил его, стрелы Свои сделал для сожигаемых**" (Пс.7:14). Каким же образом? Божество ни окрыленно, ни одержимо сном, нет у Бога и меча, или лука, или стрел, – Божество бестелесно. Но пророк угрожает этим, желая возбудить тупоумие елушателей. Так и Бог – Слово, ради нас воплотившийся, подражая Своему Отцу, говорит уничиженное, обращая взоры на наше спасение. После того как думали, что Он – противник Богу, говоря, что "**не от Бога Этот Человек**" (Ин.9:16); и: "**не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом**" (Ин.10:33), и желали побить Его камнями по той причине, что Он не только разорял субботу, но – что Отцом Своим называл Бога, делая Себя равным Богу, также и по той, что они не вмещали возвышенного и достойного Его божества, – Он начинает говорить уничиженное, всячески показывая, что Он – не противник Богу. "**Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я иду к пославшему Меня Отцу; ибо Отец Мой более Меня**" (Ин.14:28). Когда Он делал Себя равным Отцу, то они замышляли побить Его камнями. Если же это не так, то ты будешь вынужден хвалить иудеев за то, что они справедливо распяли Его, как противника Богу, потому что тот, кто делает себя равным Богу и Отцу, а на самом деле не таков, есть противник Богу. Следовательно, наконец, лжет Павел, говоря: "**не почитал хищением быть равным Богу**" (Флп.2:6). Что же есть Спасиситель, – сообразно с чем Он не воплотился? Таким образом в изречении: "**восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему**" (Ин.20:17) иначе называет Свое, сообразно с естеством, и иначе наше, сообразно с благодатью и усыновлением, иначе Свое, как по собственному благоволению и по созданному восприятию и иначе наше, как творений. Если же ты сомневаешься в этом, то Он мог сказать: Отцу нашему и вашему. Почему Он отделил Себя, если не для того, чтобы научить нас этому богоприличному мнению? Видишь, говорит[4], каким образом Он нуждается в помощи Отца, говоря: "**Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего!**" (Ин.12:27). Худо читаешь: сказал: "**Душа Моя теперь возмутилась**", и, таким образом разлучив одно от другого, присоединил слова: "**что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел**" (ст.27). Чрез изречение: "**Но на сей час Я и пришел**" Он показал, что не избегал спасительной смерти.

"**Очень желал Я есть с вами сию пасху**", говорит Он (Лк.22:15). "**Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты**" (Мф.26:39). Разве он ужасается смерти, или не добровольно идет на страдание, – Он, сказавший: "**Сыну Человеческому много должно пострадать, и быть убиту, и в третий день воскреснуть**" (Мк.8:31), – сказавший: "**разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его**" (Ин.2:19), – сказавший: "**имею власть отдать жизнь Мою и власть имею опять принять ее**" (Ин.10:17-18), и: "**никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее**" и Я опять приму ее (ст.18), – упрекнувший Петра, которого за немного времени прежде счел блаженным за его слово: "**Ты Христос, Сын Бога Живаго**" (Мф.16:16), а после того как Петр счел страдание недостойным Его, то услышал от Господа: "**отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое**" (ст.23), – вознамерившийся взойти в Иерусалим, чтобы чрез Свое страдание всем доставить спасение, – предвозвестивший чрез пророков даже и образ Своего страдания: чрез Иеремию: "**составляют замыслы против меня, говоря: приидите и вложим древо в хлеб его и истребим его от земли живых**" (Иер.11:19), – знаменуя крест; а чрез Давида: "**дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом**" (Пс.68:22); и: "**пронзили руки мои и ноги мои, делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий**" (Пс.21:17,19); и чрез Исаию: "**Я предал хребет Мой биющим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания**" (Ис.50:6)? Итак, знаешь, что все это совершилось на кресте. Пилатом Он был бит, рабом был заушен, беззаконными оплеван, воинами был пригвожден гвоздями на кресте, при чем они разделяли Его одежды и бросали жребий. Чрез многое предзнаменовавший Свое страдание, каким образом Он избегает его теперь? Для чего же Он говорит: "**Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия**" (Мф.26:39)? Диавол не знал, кто Он был. Видя, что терпит жажду, голод, утомляется, видя и остальные действия Его домостроительства, подумал, что Он – простой человек, а видя Его божеские чудеса, догадывался, что Он – Бог; следовательно, усомнился относительно Его, не зная Его. Если бы он точно знал, что был Бог, то не дерзнул бы подойти к Нему, как говорит и Павел: "**ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы**" (1Кор.2:8). Итак, Господь прикрывает Себя робостью, привлекая того к Себе, чтобы он, придя к Нему, как к человеку, был обращен Им в бегство, и чтобы были искуплены все пленники. которые задерживались им. Подобно тому как какой-либо царь, намереваясь сразиться с каким-либо слабым тираном и зная, что этот побежит от него, выдумывает трусость, говоря своим войскам побежим, повидимому, от лица его, чтобы он не убежал от нас, но стал преследовать, и таким образом, повернувшись, схватим его, – точно так же и Господь прикрывался робостью, чтобы диавол приблизился к Нему, как к человеку, и нашел Его Богом, имеющим одолеть его и освобождающим всех, находившихся во власти ада. Именно так говорится: "**явися ангел и укреплял Его**" (Лк.22:43). Тот, Кому покланялись ангелы и пред Кем преклоняется "**всякое колено небесных и земных, и преисподних**" (Флп.2:10), каким образом получал силу от ангела? Не силу, но славословие ангела, говорившего: Твое, Господи, царство и сила. "**О дне же том, или часе, никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец**" (Мк.13:32). И каким образом, говорит, равен Отцу Тот, Кто не знает того дня? Кто сотворил его (т. е. день), разве не знает о нем? И почему же говорит: ни Сын? Здесь усматривай умозрительное знание. В Писании можно найти два ведения и знания: одно, получаемое на основании действия, и другое – на основании разума. "**Адам**", говорит (Писание), "**познал Еву, жену свою**" (Быт.4:1), не как прежде незнавший ее, потому что каким образом не знал тот, кто сказал: "**вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей**" (Быт.2:23)? И Авраам познал Сарру, жену свою, и Иаков – Лию и Рахиль (Быт.29). Разве же он не знал их, ради них служивший четырнадцать лет? Он знал их, конечно, умом, а наконец узнал и на деле. Итак, Отец, не судящий никого, но весь суд давший Сыну (Ин.5:22), видел день и умственно, и на деле;

Сын же, придя спасти мир, а не осудить, видел его умственно, но так как еще не судил, то не знает дня, разумея знание практическое, т. е. самым делом.

3. Но Павел говорит: "**уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа, Который верен Сотворившему[5] Его**" (Евр.3:1-2); и в ином месте: "**Бог соделал Господом и Христом Сего**" (Деян.2:36); и Соломон: "**Господь соделал меня началом путей Своих для дел Своих**" (Притч.8:22). Видишь как Писание объявляет Его творением и созданием? Но, о; богоборец, тебя изобличит то, что следует: "**ибо всякий**", говорит (Писание), "**первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы**" (Евр.5:1). Он получил от нас сотворенную плоть без греха, которую принес Отцу в жертву за нас. Итак, понимай слова: "**Сотворившему Его**" в отношении к плоти, а не в отношении к божеству. Так Бог сотворил и Его – Господа и Христа. Прежде домостроительства всюду, как показано выше, возвещается Бог, и нигде никто не называет Его творением; но по причине соединения сотворенной плоти (Писание) говорит: "**соделал Господом и Христом Сего**"; в виду тупоумия слушателей, оно говорит: "**Господь соделал меня началом путей Своих**". Видишь, что говорит о твари? Но обратимся к тому, что следует там по порядку: "**прежде век Он основал Меня, прежде всех холмов Он рождает Меня**" (Притч.8:23,25). Прежде всего, о, тщеславный, замечай, что эта книга называется: Притчи; все же, о чем говорится приточно, не понимается в буквальном смысле. Господь уподобил и царство небесное неводу и квасу, и зерну горчичному, и многому другому в таком же роде (Мф.13), однакож, мы не говорим, что царство есть что-либо из такового. Но я без иносказания скажу: "**Господь соделал меня началом путей Своих. Прежде век Он основал меня, прежде всех холмов Он рождает меня**". Итак, каким образом рождаемое творится или основывается? Или каким образом творимое рождается? Если Он – сотворен, то не рожден; мы не творим того, что рождаем, и не рождаем того, что созидаем. И каким образом возможно, чтоб несозданный Отец родил сотворенного Сына? Мы, будучи сотворенными, рождаем сотворенное; Отец же, будучи несозданным, родил несозданного Сына. Акила же, толкуя, сказал: владел Мною. Итак, выражение: "**создал Меня**" предсказывает о долженствующем случиться, как о случившемся уже; это – обычно в Писании, подобно тому как выражением: "**пронзили руки Мои и ноги Мои**" (Пс.21:17) Господь говорит: Я, Которого видите соединившимся, по Своему благоволению, с сотворенной плотью, есмь от начала, не от Марии имею Свое начало, потому что "**в начале было Слово**" (Ин.1:1), и: "**прежде нежели был Авраам, Я есмь**" (Ин.8:58). Итак, исповедуй Сына несозданным и собезначальным Отцу, чтобы и Отцу не дать начала отчего бытия. Если ты говоришь, что Сын собезначален Отцу, то каким образом Отец родил Сына? По желанию или не по желанию? Если скажем: по желанию, то они оспаривают: вот желание было прежде Слова, так как прежде чем Он пожелал, говорят, не было Сына. Если же скажем: не по желанию, то они говорят: Божество иепытывает принуждение; все же, терпящее принуждение, не Бог. А мы говорим, что как солнце имеет совечными себе лучи и сияние, так и Отец – Сына и Святого Духа, – чтобы нам не сказать, что и Отец – во власти начала. Если говорится: во власти начала, прежде чем начал бытие Сын, то Отец не был Отцом, по твоему слову, и ты будешь вынужден нечестиво поставить Отца в зависимость от начала; если же нет, то и я, с своей стороны, устремлюсь на тебя: по желанию Отец сделался Отцом или против желания? Если ты скажешь: по желанию, то смотри: прежде, чем пожелал, Он не был Отцом; итак, было время, когда Отец не был Отцом; следовательно, и Сам Он начал бытие, как Отец. Если скажешь: не по желанию, то Он подвергся принуждению, а Бог принуждению не подвергается, так как то, что испытывает принуждение, не – Бог. Видишь, в сколь великое впадаешь нечестие, если не будешь исповедывать, что Сын – собезначален и совечен с Отцем и вместе с Ним Творец? А почему я говорю: вместе Творец? Потому что написано: "**Все чрез Него начало быть**"

(Ин.1:3). Разве не слышишь, что говорит о Сыне пророк: "**из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу**" (Пс.8:3) и далее "**когда взираю я на небеса Твои - дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил**" (ст.4)? Разве не видишь достоинства Христа, который говорит: "**Отец Мой доныне делает, и Я делаю**" (Ин.5:17); и: "**как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет**" (ст.21); и: "**юноша! тебе говорю, встань!**" (Лк.7:14); и нечистому духу: Я повелеваю тебе: "**замолчи и выйди из него**" (Лк.4:35); и: дерзай, дщерь, отпускаются тебе твои грехи (сравн. Мф.9:2,22)? После того как те говорили: "**никто не может прощать грехи, кроме одного Бога**" (Лк.5:21), Он, изобличая их, их же устами, говорит: вы сказали, что одному только Богу свойственно отпускать грехи; итак, вот Я отпускаю грехи, и исповедайте Мое божество. Если же не веруете, то усматривайте из выздоровления тела и научитесь также и здоровью души. Тогда говорит тому: "**встань, возьми постель твою, и иди в дом твой**" (Мф.9:6); и опять другому: "**протяни руку твою**" (Мф.12:13); и "**морю: умолкни, перестань**" (Мк.4:39). "**Девица! встань**" (Лк.8:54). "**Лазарь! иди вон**" (Ин.11:43). "**Хощу, очистись**" (Мк.1:41). И все прочее, чрез что показывает Свою равночестность с Отцом, каковое все рассматривая, веруй, что Он единосущен с Отцем, и что единосущен также и Дух, так как, если Он исходит от Отца и от Сына приимет, то Дух не чужд существа Божия. Дух Божий, Дух Христов, Дух истины, Дух Утешитель – выражения, обозначающие сравнительно одно и то же. Бог – Дух, Господь же – Дух, подобно тому как и Петр говорит Анании: для чего вы сговорились искусить Духа Святого (Деян.5:3)? И, показывая, что Он – Бог, говорит: "**ты солгал не человеку, а Богу**" (ст.4). Видишь, что Дух, пред Которым тот солгал, есть Бог? И Павел говорит: "**вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас**" (1Кор.3:16). Ясно, что Дух, живущий нас, есть Бог. "**Ибо мы Им живем и движемся и существуем**" (Деян.17:28); и: второй Человек "**есть Дух животворящий**" (1Кор.15:45); и в другом месте говорит: "**плоть не пользует нимало; Дух**" есть то, что "**животворит**" (Ин.6:63).

4. Итак, не дерзни сказать что-либо против Единосущной и всемогущей Троицы. И опять: "**никто из человеков не знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия**" (1Кор.2:11); при этом не прибавлено: Живущего в Нем, чтобы кто-либо не подумал, что Дух – сложен. "**Ибо Дух все испытует[6], и глубины Божии**" (ст.10). Да, испытует, но не постигает; не написано, что постигает. Каким же образом испытует? Как любопытствующий? Как чуждый? Как неведущий? Если написано: "**чрез меру трудного для тебя не ищи, и, что свыше сил твоих, того не испытывай**" (Сир.3:21), то о повеленном тебе и размышляй, – нет надобности в том, что скрыто. Если Он, по твоему слову, чужд, то каким образом осмеливался исследовать глубины Божии? Об Отце написано: "**Я, Господь, проникаю сердце и испытываю внутренности**" (Иер.17:10). Разве потому, что не присоединено слово: постигаю, ты скажешь, что Он не знает Отца? Разве не зная, испытует и искушает, – что и о поклоняемом Духе ты дерзнул говорить? Каким образом Он сказал: "**отделите Мне Павла и Варнаву на дело, к которому Я призвал их**" (Деян.13:2)? Видишь власть Его; усматривай божество. И Агав: "**так говорит Дух Святый: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме**" (Деян.21:11). И апостолы: "**угодно Святому Духу**" ничего более не соблюдать (Деян.15:28); и опять: "**пройдя через Фригию и Галатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедывать слово в Асии. Дойдя до Мисии, предпринимали идти в Вифинию**", и не позволил им Дух Святый (16:6-7). И опять: "**Дух**" Мой "**Святый свидетельствует**" в городе, "**говоря**" и проч. (Деян.20:23); и пророк: "**Дух Мой**", говорит, "**пребывает среди вас**" (Агг.2:5). Господь же: "**где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них**" (Мф.18:20); и: "**послал Меня Господь и Дух Его**" (Ис.48:16). "**Внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас епископами[7]**" (Деян.20:28) и диаконами. Замечай силу Святого Духа и достоинство, и власть. Следовательно, Дух не чужд Богу. "**Видел я**", говорит Исаия, "**Господа на**

престоле высоком и превознесенном, и вокруг Него стояли Серафимы" и проч. "**И сказал я: горе мне! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа. И я сказал: вот я, пошли меня. И сказал Он:**" (очевидно – Сидящий на престоле): "**пойди и скажи этому народу: слухом услышите – и не уразумеете, и очами смотреть будете – и не увидите**" (Ис.6:1-2,5,8-9). Кто – Сидящий на престоле? Отец, говорит. Если же ты узнаешь от Павла, что – Дух, то признаешь ли Его Богом? Покажи, говорит, и верую. Слушай же, что говорит Павел: "**хорошо Дух Святый сказал отцам нашим через пророка Исаию: пойди к народу сему и скажи: слухом услышите**" и прочее (Деян.28:25-26). Павел говорит: "**Дух Святый сказал**". Исаия говорит: "**сказал Господь Саваоф**", так как для Писания безразлично говорить об Отце и Сыне, и Святом Духе. Итак, впредь не говори о великом и малом Боге, впадая в эллинизм. Если Сын – малый Бог, то Павел лжет, говоря: "**ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа**"(Тит.2:13). Кого Павел называет великим, ты не называй малым; ведь в Боге все – совершенно. И опять: "**от них Христос по плоти, сущий над всем Бог, благословенный во веки**" (Рим.9:5). Никогда не называй Бога сотворенным, потому что нечестив, кто поклоняется творению. Что же? Не называешь ли тела Господня сотворенным? Следовательно, смотри: и ты, неразумный, поклоняешься твари. Никто не говорит царю: сними свою багряницу, или: встань с твоего престола, чтобы я поклонился только тебе одному, но покланяется царю, сндящему на престоле и облеченному в багряницу. Бог – Слово благоволил соединнть с Собою нашу созданную плоть без порока; посему, она покланяема вместе с Богом – Словом, так как Он и обожествил ее. И, показывая это, божественный Давид восклицает: "**превозносите Господа, Бога нашего, и поклоняйтесь подножию Его: свято оно!**" (Пс.98:5). В другом месте говорит (Бог): "**небо - престол Мой, а земля - подножие ног Моих**" (Ис.66:1). О, блаженный Давид, ты приказываешь нам поклоняться земле? А как же Моисей предписывает законы: не поклоняться ни небу, ни земле, ни тому, что на них? Видите таинство. Так как Он намеревался соединить с Собой без греха нашу плоть для единого поклонения, а плоть наша – от Адама, из земли, – то поэтому говорит: и покланяйтеся подножию ногу Его. Мы земле не поклоняемся, а Богу – Слову, без греха соединившему с Собой образованную из земли Адамову плоть. Итак, впредь не говори, что Сын – сотворенный Бог; в самом деле, укажи – где сказал Отец: Я сотворил Себе Сына; или Сын: Меня создал Отец? И человеческих слов Христа не бери для умаления Его! В самом деле, если после того, как было это сказано, и после того, как в Нем было явлено человеческое, некоторые дерзнули говорить, что Он воплотился притворно и призрачно, то, если бы этого не произошло, в какое только не впали бы они нечестие? Итак, всякий, кто верит святым Писаниям, да поклоняется Троице – несозданной, непреложной, неизменной, всемогущей, собезначальной, совечной и единосущной, Отцу и Сыну, прежде бесплотному, а наконец, по Своему хотению совершенно вочеловечившемуся, без греха, непреложно и неизменно; – так как, сделавшись человеком, Он остался быть и Богом, потому что не лишился Своей славы и достоинства, – и Духу Святому, Духу, глаголавшему чрез пророков. Говорящим же, что Сын или Дух преложились или изменились, или произошли из другой сущности, или из не сущего, или – что было время, когда не были, – таких кафолическая церковь да анафематствует! Этого достаточно для желающего, хотя сказано и немного, все же вполне изложить – невозможно, потому что у меня, повествующего, не достанет времени. Да "**и самому миру, думаю, не вместить бы написанных книг**" (Ин.21:25). Мы же недостойные. сподобившиеся получить пользу от божественных Писаний, поклоняемся Отцу и Сыну, и Святому Духу, Которому слава и держава, во веки веков. Аминь.

[1] В синод.пер., как и в септуаг., "**святой дух молодого юноши**", но такое чтение не соответствует смыслу, вкладываемому автором – ред.

[2] Т. е. еретик.

[3] В септуаг.: "**сыны Божии**" (в синод.перев. эти слова пропущены) – ред.

[4] Т. е. еретик.

[5] Гр. "**ποιησαντι**" – в рус.пер. "**Поставившему**" – ред.

[6] В рус.пер.: "**проницает**" – ред.

[7] В рус.пер.: "**блюстителями**". Гр. επισκοπος озн. "надзиратель, блюститель", здесь, по-видимому, речь не идет о формальной иерархии – ред.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том III

Книга 1

I. БЕСЕДА на притчу о должнике

десятью тысячами талантов, взыскивавшем сто динариев (Матф. XVIII, 23-35), и о том, что злопамятство хуже всякого греха.

Эта беседа признесена святителем в 387 году между Пасхой и Вознесением, после продолжительного перерыва в беседах по случаю тяжкой болезни святителя. Поэтому в самом вступлении выражется радость пропведника по случаю возвращения его к своим слушателям после продолжительного отсутствия вследствии именно болезни.

Посвятив великий пост искоренению дурной привычки клясться, проповедник переходит к обличению другого порока и осуждает гнев и страсть к возмездию за обиды, что и делает через объяснение притчи о рабе, который должен был десять тысяч талантов. - Иисус Христос, чрез посредство этой притчи, хотел научить Своих учеников подавлять в себе приступы гнева; это и доказывает вопрос, с которым ап. Петр обращается по этому предмету к Спасителю. - Должно прощать не семьдесят семь раз, как толкуют некоторые, но бесконечное число раз. - Отчет, которого потребует Царь Небесный, будет одинаково строг для всех возрастов, полов и состояний. - О том, что означают слова: "не имел, чем заплатить". - Как должник, опасавшийся быть осужденным, получает прощение своего долга, вследствие своей мольбы. - Бог, прощающий Ему причиненные оскорбления, не простил того оскорбления, в котором оказался повинным жестокий раб по отношению к своему собрату. - Нет ничего такого, что было бы более ненавистно пред Богом как мщение.

II. БЕСЕДА на слова:

"Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты" (Мф. 26: 39).

Так как и пророки знали об обстоятельствах страданий Иисуса Христа, то тем более знал о них Он Сам. - Нельзя говорить, что Иисус Христос отказывался подвергнуться страданиям; на это указывает суровый укор, который Он сделал ап. Петру, желавшему отвратить Его от этого. - Перед самым распятием Он говорил Своему Отцу: "пришел час, прославь Сына Твоего", как будто от креста должна была произойти вся Его слава. - Чудеса, совершенные крестом. - Напрасно аномеи и ариане пользуются текстом: "Отче Мой! если возможно" для подтверждения своих заблуждений. - Прошение, с которым Иисус Христос обращался к Своему Отцу, Он делал как человек, а не как Бог. - Отец и Сын имеют лишь одну и ту же волю. - Учение о воплощении. - Так как эта тайна выше разума человеческого, то Бог, чтобы сделать ее правдоподобной, возвещал о ней через пророков. - Он и Сам явился в мир, и чтобы Его не приняли за привидение, Он доказал,

что Он есть истинный первый человек, перенеся все бедствия и все неудобства, связанные с природой человеческой, подвергаясь, наконец, крестной смерти. - Если все эти знамения не могли воспрепятствовать Маркиону, Валентину, Манесу и другим ересиархам подвергать сомнению тайну воплощения, то что было бы, если бы Иисус Христос быль чужд немощей человеческих? Тогда, конечно, мы видели бы даже еще больше лжеучений всякого рода.

III. О ЖИЗНИ ПО БОГУ И НА СЛОВА:

"Тесны врата"... и пр. (Мф. 7:14), и изъяснение молитвы: "Отче наш".

В этой беседе проповедник, показав, как верные должны быть внимательны к вещаниям Евангелия и при посредстве текстов "тесны врата и узок путь" и "широки врата и пространен путь" указав, как многие христиане занимаются своей душой и небесными предметами и насколько, напротив, они предаются заботам о теле и земных предметах, - после этих предварительных размышлений, переходит к молитве, как к предмету, который собственно и подлежит объяснению. - Обличение большинства людей в том, что они просят от Бога благ временных и преходящих - красоты, богатств, почестей, и не обращаются к Нему с просьбою о благах, которые только и суть истинно полезны; обличает те мстительные души, которые с злорадством предаются своей мстительности, между тем как сам Бог осуждает мщение. - Иисус Христос научает нас, как мы должны молиться. - Похвала молитве Господней и затем само объяснение этой превосходной молитвы, все прошения которой последовательно излагаются с необычайным изяществом и простотою.

IV. БЕСЕДА о расслабленном,

спущенном чрез кровлю; о том, что он не тот же самый, о котором говорится у Иоанна; и о равенстве Сына с Отцом.

В приступе к этой беседе проповедник говорит, что он несколько времени тому назад уже произносил беседу о расслабленном, страдавшем тридцать восемь лет, - это, без сомнения, указывает на двенадцатую беседу против амонеев (см. т. I), в которой доказывается чрез чудесное исцеление того расслабленного, что Сын во всемогуществе равен Отцу. - Эту беседу, как думают, Златоуст произнес в 398 году, будучи уже архиепископом Константинопольским; к этому же времени нужно относить и беседу о расслабленном, спущенном через кровлю. - Свойства духовных богатств в том, что они никогда не истощаются. - История этого расслабленного научает нас переносить испытания жизни. Бог есть всегда Отец и Врач, действует ли Он с суровостью, или с снисхождением. - Необходимость помощи божественной благодати. - Проповедник переходит ко второму расслабленному. - Евангелисты не противоречат между собой. - Различие между этими двумя расслабленными. - Величие веры расслабленного. - Христос проявляет Свое божество. - Отпущение грехов. - Увещание к терпению в скорбях.

V. БЕСЕДЫ О НАДПИСАНИИ КНИГИ ДЕЯНИЙ

1. БЕСЕДА

о тех, которые не пришли в церковное собрание; о том, что не должно оставлять без внимания надписания божественных писаний; о надписи на жертвеннике и о новопросвещенных.

Этой беседой начинается ряд бесед, всего пять, по вопросу о надписании книги Деяний; в первой из них говорится о самом заглавии книги, во второй – об авторе, в третьей – о начале книги и о различии между действием и чудом, в четвертой – о пользе чтения Св. Писания, в пятой – о том, почему книга Деяний Апостольских читается в Пятидесятницу. Вторая из этих бесед дошла до нас лишь в недостаточном и даже искаженном виде, почему она и отнесена бенедиктинскими издателями к концу III тома.

Проповедник жалуется на то, что церковь, бывшая совершенно переполненной в предшествующее воскресенье, теперь была почти пустая, и особенно на то, что в церкви не видно богатых лиц. - Он, впрочем, предпочитает немногое число присутствующих бедных. - Обличение зрелищ. - Осуждению подлежит злоупотребление богатствами, а не сами богатства. - Те, которые не бывают за церковным служением, хуже иудеев. - Не нужно пренебрегать даже самыми заглавиями Св. Писания, так как ап. Павел, будучи в Афинах, пользовался даже надписью на языческом жертвеннике. - Что же значит: Деяния Апостолов? - Ап. Павел поборол язычество так же, как Давид поборол филистимского исполина. - Кто есть истинный неофит?

2. БЕСЕДА

в собрании, бывшем чрез несколько времени в древней церкви, на надписание Деяний Апостольских, и о том, что добродетельная жизнь полезнее знамений и чудес, и чем отличается деятельность от знамений.

Объяснение слов: "На сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее". - Таков оплот церкви, против которого разбились все усилия язычества и ереси. - Церковь создана руками апостолов на основании пророков. - Почему книги Деяний Апостолов дано это именно название, а не другое какое? - Различие между деяниями и чудесами. - Деяния происходят от воли и благодати, чудеса - только от благодати; деяния именно, а не чудеса открывают небо. - То, что делает апостолов, есть любовь, а не чудеса. - Доказательство этой мысли чрез объяснение чуда исцеления хромого ап. Петром у дверей храма. - Заключение и увещание.

3. БЕСЕДА

о том, что чтение Св. Писаний полезно и что оно делает внимательного недоступным для рабства и стеснительных обстоятельств, также о том, что название апостолов есть название многих достоинств и что апостолы получили силу и власть гораздо большую, чем внешние властители и сами цари, и наконец к новопросвещенным.

Вступление в беседу, в которой проповедник хвалит своих слушателей за их ревность в слушании Слова Божия и сравнивает Св. Писание с восхитительным лугом и о неиссякаемым источником. - Человек, повседневно читающий Св. Писание, есть "как дерево, посаженное при потоках вод". - Проповедник постепенно объясняет своим слушателям Св. Писание, чтобы оно, падая на их души, как приятный дождь, лучше проникало в них. - Обобщение предшествующих бесед и предмет настоящей беседы. - О том, что такое апостол. - Благодать апостольства обнимает в себе полноту всех даров благодати. - Апостол есть советник в духовной жизни. - Сравнение между апостолом и начальником. - Увещание к новокрещенным.

4. БЕСЕДА

о том, что не безопасно для слушателей молчать о сказанном в церкви, и для чего Деяния читаются в пятидесятницу, и почему Христос по воскресении являлся не всем, и о том,

что яснее лицезрения Он представил доказательства воскресения посредством знамений апостолов.

Обязанность тех, кто слушают святое слово в церкви, распространять его среди других людей. - Всякий христианин может и должен быть учителем, по крайней мере, в своем доме. - Чудесное снисхождение апостолов и особенно ап. Павла, когда он делался всем для всех, чтобы всех привести к Иисусу Христу. - Апостолы начали проповедовать и творить чудеса только уже после Пятидесятницы; поэтому и чтение книги Деяний более всего полезно в это время. - Книгу Деяний Апостольских читают и непосредственно после Воскресения, потому что чудеса, совершенные апостолами во имя Иисуса Христа, составляют лучшее доказательство Воскресения. - Пространные и красноречивые доказательства того, что чудеса, совершенные апостолами, суть непреоборимые доказательства воскресения их учителя.

VI. БЕСЕДЫ О ПЕРЕМЕНЕ ИМЕН

1. БЕСЕДА

по прочтении места: "Савл же, еще дыша угрозами и убийством" (Деян. 9:1), когда все ожидали, что будет сказана беседа на начало 9 гл. Деяний, - о том, что призвание Павла есть доказательство воскресения.

Эта и следующие три беседы имеют своим общим содержанием вопрос о перемене имен

Если пророки отказывают в названии человека которые, присутствуя в церкви, пренебрегают слушанием слова Божия, то, что сказать о тех, которые и совсем не ходят в церковь? - Приходящие в церковь, насытившись словесным хлебом, не должны пользоваться им только для себя, а нести его и к своим отсутствующим братьям и возбуждать в них также желание и самим приходить на эту трапезу. - Отношение такого назидания к вопросу об обращении ап. Павла. - Аллегория, в которой ап. Павел изображается под видом рыбы, Иисус Христос - под видом рыболова и изречение: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? - под, видом уды. - Величие чуда воскресения мертвого, но еще большее чудо - изменение свободной воли. - Достаточно немного поразмыслить об обращении ап. Павла, чтобы убедиться в том, насколько оно представляет собою великое и поразительное доказательство воскресения Иисуса Христа. - Обращение ап. Павла чуждо было всяких человеческих побуждений. - Почему апостол назывался Савлом, а затем Павлом? - Для чего произошла эта перемена в имени, размеры которой встречаются и в других случаях, как в ветхом завете, так и в новом завете? Обсуждение этого вопроса в следующих беседах.

2. БЕСЕДА

к роптавшим на продолжительность поучений и к тем, которые недовольны были краткостью их; об имени Савла и Павла, и о том, для чего первый человек назван был Адамом, - что это было полезно и благотворно, - и к новопросвещенным.

Одни любят длинные назидания, другие - короткие; как удовлетворить столь различные вкусы? - Проповедник объявляет себя рабом своих слушателей, и он более славится своим рабством, чем император своей порфирой. - Перемены имен в Св. Писании имеют важность и значение, к которым нельзя относится пренебрежительно. - Ап. Павел назывался еще Савлом и после своего обращения. - В первый раз имя Павла появляется в книге Деяний при рассказе об обращении проконсула Сергия Павла. - Касательно

перемены имен возникают два вопроса: во-первых, почему Бог переименовывал некоторых святых, а не вех? Во-вторых, почему между теми, которых Он удостаивал наименования, одних Он именовал в течение всей их жизни, а других до их рождения? - Бог назвал первого человека Адамом, что означает "девственная земля"; эта "девственная земля", из которой вышел Адам, была прообразом. Девы Марии, матери второго Адама. - Имя земного Адама постоянно увещевало первого человека быть смиренным и ограждало против гордой мысли о том, что он равен Богу. - Первый, кто после Адама получил от Бога имя, есть Исаак, и это имя означает смех. - Будучи сыном благодати, Исаак есть прообраз христиан.

3. БЕСЕДА

к упрекавшим за обширность вступлений, и о том, что терпеть упреки полезно; также, для чего Павел переименован не тотчас, как только уверовал, - что эта перемена произошла с ним, не по принуждению, но по свободной воли его; И на слова: "Савл, Савл! что ты гонишь Меня? " (Деян.9:4).

Св. Иоанна Златоуста упрекали за то, что он делает слишком большие вступления. - Этот упрек становится здесь поводом к еще более длинному вступлению, в котором проповедник развивает такие мысли, что раны, наносимые друзьями, менее опасны, чем поцелуи, напечатлеваемые врагами; что увещания полезны тем, кто принимают их, как и тем, кто их делают, и что хорошо уметь принимать их. - Объяснение вступительной речи Моисея, в которой он, по совету своего тестя Иофора, высказал необходимость избрания мудрых и просвещенных людей для того, чтобы они помогали ему в управлении народом Израильским. - Проповедник приводит несколько оснований в объяснение продолжительности своих вступлений. - Обобщение предшествующего наставления. - Почему изменено было имя ап. Павла? - Почему это не сделано было тотчас же после его обращения? - Объяснение слов: "Савл, Савл! что ты гонишь Меня?" до слов "Я Иисус, Которого ты гонишь". Рассуждение о том, что обращение ап. Павла было совершенно свободным.

4. БЕСЕДА

содержащая порицание не бывших в церкви и увещание к бывшим о том, чтобы заботились о братиях; также на начало послания к Коринфянам: "Павел зван" (1Кор.1:1), и о смиренномудрии.

Те, кто не посещают церкви, не слышали слов пророка: "желаю лучше быть у порога в доме Божием, нежели жить в шатрах нечестия". - Что испытывает душа при вступлении в церковь. Богопочтение есть единственно необходимая вещь и должна идти прежде всего. - Необходимость заниматься спасением своих братьев. - Объяснение слов Павла "призванный Апостол", находящихся в начале первого послания к Коринфянам. - Не столько важно читать, сколько разуметь Св. Писание. - Имена святых приятны для верных, страшны для грешников. - Слово "призванный" означает, что не апостол первый пришел к Господу, но что он ответствовал на призвание. - Коринфяне были богаты всеми благами мира сего, откуда происходило их тщеславие. - Они гордились даже учением, которое ап. Павел впервые проповедовал им; чтобы преподать им урок смирения, апостол и употребляет это слово "призванный". - Увещание к смирению, как основе всех добродетелей.

VII. БЕСЕДА о скорбях

на слова Апостола: "И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение" и пр. (Рим.5:3).

Проповедник во вступлении, где он показывает, что христианин, страждущий в надежде на будущее блаженство, имеет великое преимущество перед земледельцем, мореплавателем и воином, заявляет, что он намерен объяснить слова апостола: "и не сим только, но хвалимся и скорбями"; но, чтобы пролить больше света на это место, он нарисовывает картину яростных гонений, которым подвергались первенствующие христиане. - Ап. Павел, с целью их увещания, не переставал питать их надеждой на будущие блага и напоминать им о тех преимуществах, которыми они пользовались и в этом мире. - Подробно объяснив им эти блага и эти преимущества, апостол прибавил, что они не только не должны были огорчаться этими скорбями, но даже и хвалиться ими. - Доказательства истины этих слов примером самого ап. Павла, примером других апостолов и мужеством мучеников, которые радовались среди самых ужасных мучений. - Ап. Павел особенно хвалился своими скорбями, и это именно он высказывал в словах: "и не сим только, но хвалимся и скорбями", - Почему же нам хвалиться скорбями? А потому, что они испытывают нас и укрепляют, дают нам силу, которая ограждает нас против всякого зла. - Несколько примеров, взятых из природы, показывают, насколько важно это преимущество. - Поэтому ради собственной пользы мы мужественно должны сносить все скорби настоящей жизни.

VIII. БЕСЕДА

на слова Апостола: "Знаем, что любящим Бога, все содействует ко благу" (Римл.8:28), о терпении и о том, сколько пользы от скорбей.

Вступление этой беседы весьма похоже на вступление в беседу о должнике десятью тысячами талантов. Как в той, так и в другой проповедник радуется, что после продолжительной болезни он вновь, как бы по возвращении из долгого путешествия, является среди собрания, которое его любит и которое любимо им с своей стороны. Поэтому, некоторые ученые выводят отсюда, что если беседа о должнике десятью тысячами талантов была произнесена, несомненно, в Антиохии в 887 году, то эта была произнесена в Константинополе, так как трудно предполагать, чтобы одно и то же вступление было произнесено в одном и том же городе

Любовь проповедника к своим слушателям. - Любовь есть долг, которого никогда не уплатить всецело. - Христиане должны быть терпеливы в гонениях. - Действенность слов апостола на неблагодарность македонян к апостолам. - Почему ап. Павел изгнал демона, который заставил рабыню признать высшее служение апостолов. - Взятие и освобождение Павла и Силы. - Действенность священных песнопений: почему Павел и Сила предались священному песнопению среди ночи. - Скорбь делает нас внимательными и бдительными. - В деле духовной жизни никогда не должно рассеиваться. - Почему Бог допускает искушения.

IX. БЕСЕДА

против непришедших в собрание и на слова апостола: "если враг твой голоден, накорми его" (Римл.12:20), и о злопамятстве.

Проповедник жалуется на незначительность числа слушателей его беседы; он отвергает рукоплескания собравшихся. - Приложение пословицы о том, что капля воды долбит камень. - Мы рождены не для себя только. - По примеру святых, мы не должны бояться

усталости. - Верные должны взаимно увещевать себя к посещению церкви. - О крайней тщательности, с которою иудеи соблюдают свою субботу. - В мирских делах мы преуспеваем, когда славим Бога. - Какие источники дают нам помощь в проповеди. К чтению Св. Писания нужно присоединять добрые дела. - Трудно и мучительно примиряться со своими врагами. - Как нужно побеждать своих врагов: Давид в ветхом завете делает добро своему врагу. - Почему Давид пощадил Саула? - Как велика добродетель Давида. - Похвала терпению Давида.

X. БЕСЕДЫ о Прискилле и Акиле

на слова: "Приветствуйте Прискиллу и Акилу" и проч. (Римл.16:3)

СЛОВО 1-е.

В Св. Писании нет ничего излишнего. - Отчего зарождаются ереси. - На что нужно обратить внимание в рассматриваемом приветствии. - Ап. Павел приветствует рабочих и бедных. - В этом заключается его благородство. - Не должно порицать брака. - Назиданием служат не только слова праведных, но и их жизнь. - Нравственное увещание к ручному труду. - Не должно стыдиться труда и положения ремесленника.

СЛОВО 2-е

об Акиле и Прискилле и о том, что не должно худо говорить о священниках Божиих.

Как велика была заботливость ап. Павла. - Прискилла и Акила были счастливее царей земли. - Строгость апостолов: польза этих примеров. - Возражение против апостолов и против других христиан касательно бедности: ответ неверующим. - Почему Иисус Христос одобрил бедность? - Почему Он не поставил ее в безусловную и постоянную обязанность Своим ученикам? - Как нужно истолковывать известные повеления. - Сравнение между богатым и бедным. - Единение и взаимная любовь учителей и учеников во времена апостолов как источник процветания христианства. - Какой великий грех злословить вождей церкви. - Злословя их, тем самым мы вредим самим себе. - Даже когда они имеют недостатки, мы должны воздерживаться от осуждения их по причине священного характера их личности; было бы постыдным лицемерием - публично оказывать им почтение и прибегать к их помощи, а у себя дома злословить их или одобрять тех, кто их злословит. - Этот недостаток почтения и любви к священникам есть язва церкви. - Кроме того, это прямо подрывает и наше спасение, потому что раз мы не хотим подвергаться суду Божию, мы не должны судить других, а должны судить самих себя.

XI. БЕСЕДЫ О БРАКЕ

Три следующие беседы, из которых первая берет своим текстом слова ап. Павла: "Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену" (1Кор.7:2) и проч., вторая имеет своим предметом вопрос о браке с отверженной, а третья трактует об избрании супруги, очевидно, были произнесены одна за другой. Одно место в начале второй беседы показывает, что она следовала за первой, текстом которой она занимается. Третья беседа, вероятно, была произнесена несколько дней спустя после второй: доказательством этого может служить само вступление. Главным образом обсуждается вопрос (в первой) о совершении брака и о неудобстве распущенных танцев и соблазнительных песен, которыми во времена Златоуста обыкновенно сопровождались брачные церемонии. Проповедник затем восстает против тех, которые пребывают в блудодеянии даже после

брака, а также против общественного мнения, которое не придает название блудодеяния неверности замужних женщин и соучастию их соблазнителей. В следующей беседе св. Иоанн Златоуст говорит об отвержении жены и заключает рассуждением о том, что непозволительно брать женщину, отвергнутую вследствие прелюбодеяния. Наконец, самое заглавие третьей беседы об избрании супруги с достаточностью определяет предмет ее. В ней Златоуст восхваляет никоего Максима, которого он называет своим помощником и который вероятно, был тем епископом селевкийским в Исаврии, который раньше его проповедовал на этом месте: из этого свидетельства можно заключать, что св. Иоанн Златоуст в это время был уже архиепископом Константинопольским.

1. БЕСЕДА

на слова апостола: "Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену" (1Кор.7:2).

Действенность Слова Божия. - Нужно уметь пользоваться его языком. - О совершении брака. - Сопровождающие его злоупотребления. - Участие демона в этих злоупотреблениях. - К чему служит учреждение брака. - Опровержение общественного заблуждения касательно прелюбодеяния. - Наказание прелюбодейному супругу в настоящем и будущем мире.

2. БЕСЕДА

на слова: "Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе. Но она блаженнее, если останется так" (1Кор.7:39-40).

Непозволительность вступления в брак с отвергнутой женой. - Мирские законы не могут возобладать над законом божественным. - Побуждение Моисеева закона касательно отвержения. - Переход к новому закону. - Прелюбодеяние мужа, вступающего в брак с отвергнутой женщиной. - Прелюбодеяние женатого человека, совершающего блуд с какой-нибудь женщиной. - Мудрость ап. Павла: его снисхождение к немощи человеческой. - Награды, связывающиеся даже в настоящем мире с постоянством во вдовстве. - Как совершается очищение души. Заключительное увещание.

3. Похвала Максиму,

и о том, каких должно брать жен.

Похвала Максиму, сотоварищу св. Иоанна Златоуста. - Раскаяние есть отчасти оправдание. - Вступление в предмет: рассуждение вызываемое браком. - Законы брака написаны у ап. Павла. - О любви, которую должно иметь к своей супруге. - Терпение есть обязанность мужа. - Сравнение между Евой и церковью. - Жену должно предпочитать своим родителям. - Назначение жены: она должна быть помощницей своего мужа. - Против браков по расчету. - Цель установления брака. - Пример, извлекаемый из женитьбы Исаака. - Объяснение этого рассказа Св. Писания: Авраам - как пример для родителей, Ревекка - как пример для девиц и молодых женщин. - Увещание к родителям и молодым людям, намеревающимся вступить в брак.

XII. БЕСЕДА

на слова апостола: "Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море" (1Кор.10:1).

Почему ап. Павел ссылается на ветхий, а не на новый завет, чтобы устрашить грешников наказаниями, которым они подлежат. - Почему проповеди могут быть подтверждаемы примерами, заимствованными из прошлого. - Бог ветхого завета и Бог нового завета есть один и тот же Бог. - Опровержение Маркиона и Манихея. - Переход через Чермное море, как прообразование крещения. - Чем прообразование отличается от истины. - Прообразование священной трапезы в ветхом законе. - Ересь Павла Самосатского. - Соотношение между жизнью иудеев в пустыни и тем, что теперь происходит в церкви. - Заключение и увещание.

XIII. БЕСЕДА

на слова апостола: "Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные" (1Кор.11:19).

Слово "надлежит" не должно понимать в этом тексте в смысле какой-нибудь необходимости; но это просто предсказание, делаемое апостолом. Греческое слово iva в тексте указывает не на причину, а на самое событие. - В этом месте ап. Павел говорит не об ересях в собственном смысле этого слова, а о разномыслиях, которые под влиянием гордости происходили между богатыми и бедными в Коринфе. - Описание христианской вечери любви в первые времена церкви. - Ап. Павел укоряет богатых сильно в то же время мягко. - Продолжение толкования текста. - Заключение. - Увещание.

XIV. БЕСЕДА о милостыни,

произнесенная после того, как он (св. Златоуст) в зимнее время прошел и увидел на площади бедных и нищих, лежащих без призрения.

Эта беседа была произнесена, несомненно, в Антиохии, как видно из самого ее содержания; но неизвестно, в котором году. Она представляет собою простое возвышенное и назидательное объяснение четырех первых стихов 16 главы 1-го послания к Коринфянам. Проповедник трогательно показывает в ней, какова была ревность ап. Павла в деле совершения милостыни и делает увещания к ней; какова была его мудрость и каково благородство его чувств; в ней Проповедник увещевает верных, по примеру этого апостола, давать деньги на облегчение положения бедных и вообще помогать недостаточным в их нуждах, не исследуя старательно достоинства самой личности. - Вступление в эту беседу замечательно: оно исполнено внушительного достоинства и в то же время дышит нежною любовью к бедным. Св. Иоанн Златоуст выставляет себя как бы уполномоченным по отношению к богатым со стороны бедных, которых он видел распростертыми на земле в суровое время года; он возбуждает в богатых людях сострадание зрелищем бедствий, которых он был свидетелем.

XV. БЕСЕДА

на слова апостола: "имея тот же дух веры, как написано" (2Кор.4:13), и на слова: "веровал, и потому говорил" (Пс.115:1), и о милостыне.

Когда врачи принуждены бывают употреблять железо, они употребляют его не без сожаления о той боли, которую они причиняют своим больным; ап. Павел вынужденный исправлять коринфян, испытывает мучение при самой мысли о их деле. - Естественная слабость разума, утверждаемая силою веры. - Бессилие философии в отчуждении от веры. - Двоякое значение слова веры в Св. Писании. Оно означает добродетель, которою апостолы совершали чудеса, и затем оно же означает то, что приводит к познанию Бога. -

Учение о благодати. - Добрые дела вселяют в нас Св. Духа. - Девство должно соединяться с любовью. - Бог обращает особенное внимание на заповедь о любви. - Увещание к практическому совершению милостыни.

XVI. БЕСЕДА

на слова апостола: "Но, имея тот же дух веры, как написано" (2Кор.4:13), и против манихеев и всех, порицающих ветхий завет и отделяющих его от нового, и о милостыне.

Сокращенное изложение предшествующей беседы. Ветхий и новый законы суть одного и того же Законодателя, одного и того же Бога. - Эти два закона различны между собой, но не противоположны. - Пророк Иеремия ясно показывает, что и в ветхом, и в новом завете один и тот же Бог. - Решительные свидетельства против иудеев и последователей Павла Самосатского. - Объяснение текста: "Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной". - Значение этого текста в опровержение манихеев. - Две жены Авраама прообразуют два завета. - Они имеют одного только мужа; равным образом и два завета имеют одного и того же Бога. - Увещание к совершению милостыни.

XVII. БЕСЕДА

еще на те же слова: "Имея тот же дух веры, как написано" (2Кор.4:13), и почему все вообще пользуются благами, и о милостыне.

Краткое повторение предшествующей беседы. - Ап. Павел говорит: "имея тот же дух веры" не для того только, чтобы показать нам согласие двух заветов, но и по другой причине, которая составляет предмета настоящей беседы. - Состояние мира в первые времена христианской проповеди. - Страдания ап. Павла. - Польза страданий вообще. - И в ветхом завете встречаются праведники, награда которым отложена была до другой жизни. - Вот второе основание, по которому ап. Павел говорит: "имея тот же дух веры"- Он хотел ободрить верных своего времени. - Бог в ветхом завет относился не так же к массе народной, как к избранным праведникам. - Увещание к совершению милостыни.

XVIII. БЕСЕДА

на слова апостола: "О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию!" (2Кор.11:1).

Различие между любовью плотской и любовью духовной. - Если мы не видим ап. Павла телесными очами, то все-таки должны не менее любить его; если его нет теперь с нами, то у нас есть его писания, которые мы должны исследовать, чтобы проникнуть в их смысл. - Что означают слова: "О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию!" - Они объясняются сами собою, если обратить внимание на обстоятельство, при котором были сказаны. - Многоразличные предосторожности, которые принимает ап. Павел прежде чем сделать себе самому похвалу. - Смирение св. Павла, который говорит, что если он спасен был, то это для того, чтобы никто не отчаивался в своем спасении. - Нужно сознаваться в своих недостатках и забывать о своих заслугах. - Праведные умеют молчать, когда нет надобности говорить, и нарушать молчание, когда их заставляет необходимость. - Пример Самуила. - Заключение.

XIX. БЕСЕДА

против тех, которые злоупотребляют апостольским изречением: "как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно" (Флп.1:18), и о смирении.

Эта беседа была произнесена в Антиохи за несколько дней до пятой беседы против аномеев (том I), т е., в последние дни 386 года. В этой именно пятой беседе против аномеев находится объяснение притчи о мытаре и фарисеи, о которой упоминается в начале настоящей беседы. Поводом к этой беседе было злоупотребление, которое некоторые еретики делали из слов ап. Павла: "как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно", доказывая, что эти слова означают маловажность того, истинны, или ложны учения, если только в них проповедуется Христос. Во вступлении упоминается о пятой беседе против аномеев. - Смирение есть единственная скала, на которой должно основываться здание нашего спасения. - Простота, чистота, единство веры, которых требуют ап. Павел и Сам Господь Иисус Христос. - Обстоятельства, при которых ап. Павел произнес рассматриваемые слова; он был в оковах, и его враги проповедовали Евангелие, чтобы возбудить гнев Нерона и заставить его умертвить апостола; тем не менее, проповедь имела успех, почему ап. Павел и сказал рассматриваемые слова. - Подробное объяснение самих слов. - Увещание к молитве.

XX. БЕСЕДА

на слова: "Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя" (1Тим.5:9), и о воспитании детей, и о милостыне.

Достоинства вдовы. - Два рода вдов: бедные вдовы, которых питает церковь, и вдовы богатые. - От которых апостол требует, что бы они были шестидесяти лет от рода? - Очевидно от последних. - Там, где дело идет о помощи другим, нет надобности определять возраст. - Тог, кто страдает, хочет получить облегчение во всяком возрасте, и в каком бы то ни было состоянии. - Тогда были сонмы вдов, как теперь есть сонмы девственниц. - При составлении этих сонмов нужно поступать с благоразумием; отсюда и происходит совет о допущении в эти сонмы вдов, находящихся в таком возрасте, при котором у них не может являться желания возвратиться в мир. - Совет молодым вступать в брак относится только к тем вдовам, которые не выдерживали испытания вдовства. - Та, которая хочет быть допущена к достоинству вдовы, должна сначала доказать свою твердость делами. - Неудобства второго брака. - Дело вдовы - прежде всего хорошо воспитывать своих детей. - Во-вторых, совершать гостеприимство. - Должна служить бедным. - Увещание к совершению милостыни.

XXI. БЕСЕДА

об Илии и вдовице, а также и о милостыне.

Увещание к совершению милостыни. - Достоинства этой добродетели, чудесно совершенной двумя вдовами, одной - в ветхом и другой - в новом завете. - Голод опустошает землю по повелению пророка Илии, который находит себе убежище у вдовы сарепетской. - Изображение жилища этой вдовы. - Бог, прежде чем поразить виновных, всегда заботится о том, чтобы открыто изобличить их в неправде. - Пример - наказание содомлян. - Пророки и сам Иисус Христос часто были отвергаемы иудеями и принимаемы язычниками. - Сам пророк Илия подвергся голоду, которому подверглись и другие, чтобы и сам он помнил, что он также человек. - Илия приходит ко вдовице. - Мудрость последней. - Вдова предлагает гостеприимство пророку Илии, не смотря на все препятствия, встречаемые ее к совершению этого доброго дела. - Обобщение всего сказанного и заключение.

XXII. БЕСЕДА

о наслаждении будущими благами и ничтожестве настоящих.

Эта беседа, несомненно произнесенная в Антиохии, хотя и неизвестно в котором году, трактует о разных предметах нравственности. - Воздав похвалу тем из своих слушателей, которые по своей ревности приходят слушать священное слово, проповедник показывает: в чем состоит истинное величие и истинное превосходство. - Насколько духовные блага стоят выше благ земных. - Какое различие между настоящей жизнью и будущей. - Наконец, подробно обсуждается вопрос о том, каким образом Иисус Христос сделал для нас легкими самые возвышенные правила, совершая их Сам и предоставляя нам награды и возмездия. - Заключительное увещание.

XXIII. БЕСЕДА

о том, что не должно разглашать грехов братий и молиться о вреде врагам.

Церковь исцеляет души; она не продает своих лекарств; последние сохраняют свою действенность, которая всегда одна и та же; они действуют на всех имеющих добрую волю людей, но на бедных больше, чем на богатых. - Богатство и бедность, - вещи сами по себе безразличные, становятся добрыми или худыми от того употребления, которое делают из них. - Диавол удвояет ярость своих нападений против нас, когда мы молимся. - Сила молитвы и доказательства этой силы. - Молитва дала младенца Исааку, жена которого была бесплодна. - Исаак молился в течение двадцати лет. - Сарра, Ревекка, Рахиль, Елисавета, не смотря на свое природное бесплодие, зачали, чтобы приготовить людей к вере в еще более чудесное зачатие Девы. - Требовать наказания нашим врагам значит оскорблять Бога.

XXIV. БЕСЕДА

о том, что никому не должно отчаиваться, ни молиться о вреде врагам, ни падать духом, не получая просимого; также к мужьям о сохранении мира с женами.

Радость проповедника при виде плодов сокрушения, произведенных его последней беседой. - Чтобы должным образом молиться, необходимо помнить о своих грехах и забывать о своих добрых делах. - Когда Бог хочет совершить великое чудо, Он подготовляет к этому людей прообразами. - Так, бесплодные женщины зачинают, чтобы расположить умы к верованию в девическое зачатие; так, Иона, извергнутый китом, прообразует Христа, исходящего живым из недр смерти. - Смерть поглотила камень краеугольный, она не могла его переварить, извергла его, а вместе с ним и весь род человеческий. - Сарра, как прообраз церкви. - Нравственные выводы, извлекаемые из этого учения. - Супруга должна быть терпима, не смотря на свои недостатки. Сила молитвы.

XXV. БЕСЕДА

сказанная в старой церкви на слова апостола: "Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостал ему" (Гал.2: 11), и (в ней святитель) доказывает, что это событие было не распрею, а делом распорядительности.

Радость проповедника по возвращении его к своим слушателям. Важность предмета и необходимость особенного внимания к нему. - Важность последствий для апп. Петра и

Павла вследствие возникшего среди них спора. - Укор со стороны Павла можно бы понимать в смысле изобличения немощи ап. Петра, а между тем ап. Петр представил блистательное доказательство мужества и ревности. - Оправдание ап. Петра. - Любовь и почтение ап. Павла к Петру; как же объяснить это изречение ап. Павла в послании к Галатам? - Петр, как апостол иудеев; Павел, как апостол язычников. - Почему Петр был послан к иудеям, а Павел к язычникам? - Иудеи слишком ненавидели ап. Павла, чтобы он мог быть их апостолом; Петр проповедуя иудеям, действовал снисходительно и постепенно, отвлекая их от закона Моисеева; Павел же, проповедуя язычникам, чуждым закону Моисееву, не имел надобности действовать так: вот к чему сводилось различие в их проповеди, вот к чему сводилось это разногласие между апп. Петром и Павлом. - Сам ап. Павел иногда склонялся к иудейским обычаям, и когда снисхождение к иудейским обычаям делалось опасным, то и Петр умел почти совершенно освобождаться от них. - Каким же образом объяснить укоры, с которыми он обращался к Петру? - Изложение событий, которые повели к этому укору. - Некоторые предполагают что ап. Павел здесь говорит не об ап. Петре, а о некоем неизвестном лице; но это мнение неосновательно. - Укоры, с которыми ап. Павел обращается к Петру, были наперед улажены между ними. - Разъяснение и подтверждение мнения самого проповедника.

БЕСЕДА

на притчу о должнике десятью тысячами талантов, взыскивавшем сто динариев (Мф. 18:23-35), и о том, что злопамятство хуже всякого греха.

Эта беседа произнесена святителем в 387 году между Пасхой и Вознесением, после продолжительного перерыва в беседах по случаю тяжкой болезни святителя. Поэтому в самом вступлении выражается радость проповедника по случаю возвращения его к своим слушателям после продолжительного отсутствия вследствие именно болезни.

1. Как будто возвратился я к вам из дальнего пути, так чувствую себя сегодня. Для любящих, когда им нельзя быть вместе с теми кого любят, нет никакой пользы от близости. Потому и мы, оставаясь дома, чувствовали себя ничем не лучше странников, так как не могли в минувшее время беседовать с вами. Но простите: молчание было не от лености, а от болезни. Теперь вы радуетесь тому, что мы освободились от болезни, а я радуюсь, что снова наслаждаюсь вашей любовью. Для меня и тогда, когда я был болен, тягостнее самой болезни было то, что не мог я участвовать в этом любезном собрании, и теперь, когда оправился от болезни, вожделеннее самого здоровья то, что имею возможность спокойно наслаждаться вашей любовью. Не так горячка жжет тела одержимые ею, как наши души – разлука с любимыми, и как те ищут чаш и стаканов с холодной водой, так эти – любимых лиц. Это хорошо знают те, кто привык любить. Так вот, когда освободились мы от болезни, насытимся опять друг другом, если только можно когда-нибудь насытиться, потому что любовь не знает насыщения, но, постоянно наслаждаясь любимыми, более и более воспламеняется. Зная это, питомец любви, Павел, сказал: "**Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон**" (Рим. 13:8). Этот только долг всегда дается и никогда не выплачивается; здесь постоянно быть в долгу хорошо и достохвально. В рассуждении долга мы хвалим тех, кто ничего не должен, а в отношении к любви одобряем и почитаем всегдашних должников, – и что там служит признаком бессовестности, то здесь – признак добросовестности, никогда, то есть, не выплачивать долга любви. Не тяготитесь же продолжительностью предполагаемой речи: некоей дивной песни хочу научить вас, взяв в руки не мертвую лиру, но, вместо струн, натянув историю

Писания и заповеди Божии. И как арфисты, взяв пальцы учеников, тихонько прикладывают их к струнам, и, приучая ударять с искусством, выучивают их из мертвых тонов и струн извлекать звук, нежнее и приятнее всякого голоса, – так сделаем и мы. Взявши, вместо пальцев, ум ваш и прикладывая его к заповедям Божиим, попросим любовь вашу касаться их с уменьем, чтобы этим увеселением привести вам в восторг не собрание людей, но лик ангелов. Не довольно того, чтобы только проследить Божественные слова; нет, требуется еще доказательство от дел. Как на арфе ударяет по струнам игрок искусный, ударяет и неискусный, но один наводит на слушателя скуку, другой увеселяет и восхищает его; пальцы одинаковы и струны одни, да не одно искусство: так и в отношении к Божественному Писанию, – многие, конечно, узнают Божии слова, но не все получают пользу, не все приносят плод; причина та, что они не углубляются в сказанное и без искусства касаются арфы. Действительно, что в игре на арфе искусство, то в отношении к Божиим законам доказательство от дел. Вот мы уже ударили по одной струне во всю четыредесятницу, читая вам закон о клятвах, и – по милости Божией – многие уста слушателей научились у нас мелодии этого закона, и бросив дурную привычку, вместо того, чтоб клясться Богом, всегда при каждом разговоре носят на языке: "**да**" и "**нет**" и "**поверь**"; пусть будет нудить их бесчисленное множество дел, они не решатся пойти дальше [1].

2. А как для спасения мало нам соблюдения одной заповеди то вот сегодня поведем вас и к другой. Если еще и не все исполнили прежний закон (о клятвах), так с течением времени, отставшие догонять опередивших. И действительно, я узнал, что усердие к этому таково, что об этой заповеди, и дома и за трапезой, бывает состязание у мужей с женами, у рабов с свободными; и блаженными назвал я тех, которые таким образом вкушают пищу. Что в самом деле может быть святее той трапезы, от которой изгнано пьянство и объядение и всякая неумеренность, и в которую, вместо того, введено дивное состязание о соблюдении Божиих законов, (где) и муж смотрит за женою, чтобы она не впала в бездну клятвопреступления, – а жена наблюдает за мужем, и преступника ожидает величайшее наказание; (где) и господин не стыдится слышать обличение от рабов, и сам исправляет в этом рабов? Не погрешит, кто назовет такой дом Церковью Божией. В самом деле, где столько целомудрия, что и во время пиршества помышляют о божественных законах, и все присутствующие друг пред другом ревнуют и состязаются об этом, оттуда явно всякий демон и лукавая сила изгнаны, а присутствует там Христос, радуясь о святом соревновании своих рабов, обильно даруя им всякое благословение. Поэтому, оставив наконец ту заповедь (так как знаю, что по милости Божией исполнение ее распространится во всем городе, потому что вы сделали усердное начало и прочное основание), перейду к другой – к презрению гнева. Как на арфе мало того, чтобы извлечь мелодию из одной струны, но должно пройти по всем струнам с надлежащею стройностью; так и в отношении к душевной добродетели недостаточно нам для спасения, как я сказал, одной заповеди, но должно со тщанием соблюдать их все, – если только хотим такой мелодии, которая приятнее и полезнее всякой гармонии. Уста твои научились не клясться? Язык научился везде говорить: "**да**" и "**нет**"? Пусть он научится удерживаться от всякой брани и прилагать еще большее старание об этой заповеди, потому что здесь требуется от нас и труд больший. Там нужно было только одолеть привычку, а в отношении к гневу нужно гораздо большее старание: сильна эта страсть, часто даже внимательных увлекает в самую бездну погибели. Итак, отнеситесь терпеливо к продолжительности слова. Страшно было бы нам, получая ежедневно раны на площадях, в домах, от друзей, от сродников, от врагов, от соседей, от слуг, от жены, от сына, от своих собственных помыслов, даже и одного раза не позаботиться об уврачевании этих ран, особенно когда знаем, что этот способ врачевания не требует издержек и не причиняет боли. Не железо держу я теперь в руке, но вместо железа беру слово, которое острее всякого железа и отсекает всякую греховную гниль, а боли не

причиняет никому, кого режут. Нет у меня огня в правой руке, но есть учение, которое сильнее огня; не причиняет оно обжога, но, сводя нарост зла, доставляет освобожденному от зла, вместо боли, великое удовольствие.

Не требуется здесь много времени, не требуется трудов, не требуется денег: довольно только захотеть – и все для добродетели у нас сделано. Подумаем только о величии Бога, повелевающего и дающего закон – и получим достаточное наставление и убеждение: мы не от себя говорим, но ведем всех вас к Законодателю. Следуйте же за нами и слушайте божественные законы. Где же сказано о гневе и злопамятстве? Во многих и других местах, но особенно в той притче, которую (Господь) сказал ученикам своим, начав так: "**Посему Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитаться с рабами своими; когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов; а как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и всё, что он имел, и заплатить; тогда раб тот пал, и, кланяясь ему, говорил: государь! потерпи на мне, и всё тебе заплачу. Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему. Раб же тот, выйдя, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен. Тогда товарищ его пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и всё отдам тебе.**

Но тот не захотел, а пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга. Товарищи его, видев происшедшее, очень огорчились и, придя, рассказали государю своему всё бывшее. Тогда государь его призывает его и говорит: злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя? И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга. Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его" (Мф. 18:22-35)

3. Такова притча! Надо же сказать, для чего Господь предложил ее с присовокуплением причины, потому что Он не просто сказал: "**Царство Небесное подобно**", но: "**посему Царство Небесное подобно**". Для чего же прибавлена причина? Он беседовал с учениками о непамятозлобии и учил их обуздывать гнев и не обращать много внимания на оскорбления, делаемые нам другими, говоря так: "**если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего**" (Мф.18:15). Когда об этом и тому подобным Христос беседовал с учениками, и учил их любомудрию, Петр первоверховный в лике апостолов, уста учеников, столп церкви, утверждение веры, основание исповедания, ловец вселенной, возведший род наш из бездны заблуждения на небо, везде пламенный и исполненный дерзновения, а лучше сказать, более любви, нежели дерзновения, между тем как все молчали, приступает к Учителю и говорит: "**сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз?**" (ст. 21)? В одно время он и спрашивает, и обещает, и еще не будучи наставлен, уже показывает усердие! Ясно знал, что сердце Учителя наклонено к человеколюбию, и что тот больше всех угождает Ему, кто больше всех прощает грехи ближним, и не взыскивает за них строго, он, чтобы угодить Законодателю, говорит: "**до семи ли раз?**" И потом, чтобы ты знал, что такое человек и что Бог, и как щедрость человека, до чего бы ни простиралась, в сравнении с обилием (милости) Бога, беднее всякой бедности, и что наша доброта в отношении к несказанному человеколюбию Его то же, что капля в отношении к беспредельному морю, – послушай, что говорит Христос, когда Петр сказал: "**до семи ли раз**", и подумал о себе, будто показал великое усердие и щедрость: "**не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз**".

Иные полагают, что это значит семьдесят семь; не так однако: напротив, это без малого пятьсот, потому что семью семьдесят составляет четыреста девяносто. И не подумай, возлюбленный, что эта заповедь тяжела. Если ты простишь согрешившему в день раз, и другой, и третий, то оскорбитель твой, хотя бы был совсем каменный, хотя бы был свирепее самих демонов, не будет столько бесчувственен, чтобы опять впасть в тот же грех, но, образумленный многократным прощением, сделается лучше и скромнее. Да и ты, если будешь в состоянии столько раз оставить без внимания сделанные против тебя грехи, приобретши навык от одного, другого и третьего прощения, не почувствуешь уже труда от такого любомудрия: часто прощая, приучишься не поражаться грехами ближнего (против тебя). Услышав это, Петр стал в изумлении, заботясь не только о себе, но и о тех, которые будут ему вверены. Итак, чтобы он не сделал того же, что сделал и в отношении к другим заповедям, Господь предварительно отклонил его от всякого вопроса. Что же такое он сделал в отношении к другим заповедям? Если Христос повелевал когда что-нибудь, по-видимому, трудное, (Петр), выходя прежде других (учеников), спрашивал и разведывал насчет заповеди. Так, когда приступил богач и вопрошал Христа о вечной жизни, и узнав, что должно делать для достижения совершенства, "**смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение**" (Мрк. 10: 22), – и когда Христос сказал, что "**удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие**" (ст. 25), – Петр, хотя уже отказался от всего, не удержал при себе даже и сети, но бросил и свое ремесло, и рыбачью лодку, подошедши сказал Христу: "**кто же может спастись?**" (ст. 26)? Заметь здесь и скромность ученика и горячность его. Не сказал он: ты заповедуешь невозможное; повеление тяжко; закон суров. Однако ж и не промолчал, но показал и заботливость о других, и воздал Учителю должную со стороны ученика честь, сказав так: "**кто же может спастись?**" Еще не сделался он пастырем, а имел душу пастырскую; еще не получил начальства, а показывал попечительность, приличную начальнику, заботясь о всей вселенной. Если бы он был богат и владел множеством денег, иной, может быть, сказал бы, что он предложил этот вопрос, беспокоясь не о других, но о самом себе и заботясь о своих собственных делах. Теперь же бедность освобождает его от этого подозрения и показывает, что он так беспокоился и разведывал, и хотел узнать от учителя о пути ко спасению, заботясь о спасении других. Поэтому и Христос, ободряя его, сказал: "**человекам это невозможно, но не Богу, ибо всё возможно Богу**" (ст. 27). Не подумай говорить, будто вы остаетесь беспомощными; Я в этом деле участвую с вами, и трудное делаю удобным и легким. Опять, когда Христос беседовал о браке и жене, и говорил, что "**кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать**" (Мф. 5:32), и когда убеждал прощать жене всякое преступление, кроме одного прелюбодеяния, – Петр, в то время, как другие молчали, подошел и сказал Христу: "**если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться**" (Мф. 19:10).

Смотри и здесь, как он и соблюл должное почтение к Учителю и показал попечительность о спасении других, заботясь и здесь не о своих собственных делах. Итак, чтобы и здесь [2] не сказал он чего-либо подобного, Господь притчею предупредил возражение с его стороны. Поэтому и сказал Евангелист: "**Посему Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитаться с рабами своими**", – показывал, что Он говорит эту притчу для того, чтобы ты знал, что если бы ты и "**до седмижды семидесяти раз**" в день оставил брату согрешения, то не сделал бы еще ничего великого, но далеко, несказанно далеко отстоял бы от человеколюбия Господня, и дал бы не столько, сколько получил.

4. Послушаем же притчи: она кажется ясною сама по себе, однако ж содержит в себе несказанное сокровище мыслей. "**Посему Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитаться с рабами своими**". Не пробегай без внимания это изречение, но открой мне судилище то, и вошедши в свою совесть, подумай о том, что сделано тобою во

всю жизнь. И когда услышишь, что (царь) считается с рабами своими, представь себе и царей, и военачальников, и градоправителей, и богатых и бедных, и рабов и свободных, и всех: "**ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово**" (2Кор. 5:10). Если ты богат, – подумай, что отдашь отчет, на блуднице истратил ты деньги, или на бедных; на тунеядцев и льстецов, или на нуждающихся; на распутство, или на человеколюбие; на удовольствие, лакомство и пьянство, или на вспоможение несчастным? И не в одной только трате потребуют у тебя отчета, но и в приобретении имущества: праведными ли трудами собрал ты его, или хищением и лихоимством; получив ли родительское наследство, или разоривши домы сирот и расхитивши имущества вдовиц? Как мы у своих слуг требуем отчета, не только в расходе денег, но и в приходе, допрашивая, откуда и от кого, и как, и сколько получили они денег, – так и Бог требует от нас отчета не только в употреблении, но и в приобретении. И не богач только, но и бедный дает отчет – в бедности: благодушно ли и с благодарением ли перенес бедность, не впал ли в уныние, не подосадовал ли, не возроптал ли на Божий Промысл, видя другого в роскоши и удовольствиях, а себя в нужде? Как у богача потребуют отчета в милостыне, так у бедного в терпении, или – лучше – не в терпении только, но и в самой милостыне, потому что бедность не мешает милостыне: свидетель – вдовица, положившая две лепты – и этим малым вкладом превзошедшая тех, которые положили по многу. И не богатые только да бедные, но и начальники с судьями истязуются с великою строгостью: не извратили ли они правду, не произнесли ли приговора над подсудимыми по пристрастию или по ненависти, не дали ли, уступив лести, неправедного решения, или, по злопамятству, не сделали ли зла невинным? Да и не светские только начальники, но и предстоятели церквей дадут отчет в своем начальстве, и они особенно подвергнутся строжайшим и тягчайшим взысканиям. Тот, кому вверено служение слова, даст там строгий отчет, не опустил ли по лености или по злорадству чего-либо такого, что бы сказать надлежало, и доказал ли на деле, что изъяснил он все и не скрыл ничего полезного. Опять, получивший епископство, сколько на высшую взошел он степень, столько же строжайший даст и отчет, не только в учении и предстательстве за бедных, но и в испытании рукополагаемых и в бесчисленном множестве других дел. На это-то указывая, Павел и писал Тимофею: "**Рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах**" (1Тим. 5:22). И, давая наставление евреям касательно их начальников, устрашал (епископов) другим образом, говоря так: "**Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших**" (Евр. 13:17).

Но не в одних делах, а и в словах тогда дадим отчет. И мы, вверив слугам своим деньги, требуем у них отчета во всем; так и Бог, вверив нам (дар) слова, взыщет за его употребление. Так мы истязуемы будем и дадим строгий отчет в том, не бессмысленно ли и не попусту ли тратили слова, потому что не столько вредна пустая трата денег, сколько бессмысленное, суетное и напрасное употребление слов. Напрасная трата денег делает иногда ущерб имению, а слово, произнесенное без рассуждения, разоряет целые домы, губит и разрушает души. Ущерб имения можно опять поправить, а слово, раз вылетевшее, возвратить назад нельзя.

А что мы дадим отчет в словах, послушай, что говорить Христос: "**Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди",** (на земле), "**дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься**" (Мф. 12: 36, 37). И не только в своих словах мы дадим отчет, но и в слушании (чужих слов), напр. не внял ли ты ложному обвинению ближнего; потому что сказано: "**Не внимай пустому слуху**" (Исх. 23:1). Если же приемлющие "**пустой слух**" не получат извинения, то какое оправдание будут иметь те, кто клевещет и оговаривает?

5. И что говорю я о словах и о слухе, когда мы подлежим взысканию даже за помыслы? Это самое показывал, и Павел говоря: "**посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения**" (1Кор.4:5). И псалмопевец говорит: "**ибо помышление человеческое исповестся Тебе**" (ср. Пс.75:11). Что такое: "**ибо помышление человеческое исповестся Тебе**"? То есть, не коварно ли и злонамеренно говорил ты с братом, не хвалил ли его устами и языком, а в сердце не пожелал ли зла и не позавидовал ли ему? На это же самое указывая, т.е. что мы подвергнемся суду не за одни дела, но и за помыслы, Христос сказал: "**что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем**" (Мф. 5:28). Хотя грех не вышел еще в дело, а остается пока в сердце, но и при этом не может остаться без вины тот, кто смотрит на красоту женскую для того, чтобы возжечь похоть блудную. Итак, когда услышишь, что господин "**захотел сосчитаться с рабами своими**"*,* не проходи без внимания этого изречения, но представь себе людей всякого достоинства, всякого возраста, обоих полов, мужей и жен, подумай, каково тогда будет судилище, припомни все грехи свои. Хоть сам ты и забудешь свои преступления, но Бог никогда не забудет, и представит все (грехи) пред глаза наши, если только мы не предупредим загладить их теперь покаянием и исповедью и тем, что никогда не будем злопамятствовать на ближнего. Для чего же Он делает этот расчет? Не потому, чтобы Он не знал (как не знать Тому, Кто знал все вещи прежде их бытия?), но для того, чтобы убедить тебя – раба, что всем, чем ни должен ты, должен по правде; а лучше сказать, не для того, чтобы ты только узнал, но чтобы и очистился. Так и пророку для этого повелел Он говорить о грехах иудеев: "**укажи**"*,* говорит, "**народу Моему на беззакония его, и дому Иаковлеву**" (Ис. 58:1), не для того, чтобы они только услышали, но чтобы исправились. "**Когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов**" (Мф. 18: 34). Так, вот сколько ему было доверено, и столько-то он издержал! Огромное количество долга! Но беда была не в этом только, но и в том еще, что он первый приведен был к господину. Если бы привели его в след уже за многими другими исправными (должниками), не так было бы удивительно то, что господин не разгневался: исправность вошедших прежде могла сделать его более снисходительным к последующим за ними неисправным. Но что введенный первым оказался неисправным, и, не смотря на такую неисправность, нашел однако ж господина человеколюбивым, вот это особенно удивительно и необычайно. Люди, когда найдут должников, обрадуются так, как будто бы нашли добычу и лов, и делают все, чтобы взыскать весь долг; если же это не удается им по бедности должников, то они гнев свой из-за денег изливают на бедное тело несчастных: секут и бьют его, и наносят ему тьму зла. А Бог, напротив, все двигал и направлял к тому, чтобы освободить его (должника) от долгов. У нас взыскать (долг) – богатство, а у Бога простить – богатство. Мы богатеем, когда получим долги, а Бог тогда особенно бывает богат, когда простит долги; богатство Божие есть спасете людей, как говорит Павел: "**богатый для всех, призывающих Его**" (Рим. 10: 12). Но, может быть, скажет кто: как же это, тот, кто хотел оставить и простить вину, приказал продать его? Это-то самое особенно и доказывает его человеколюбие. Но не будем спешить, последуем в порядке за рассказом притчи. "**Не имел, чем заплатить**"*,* говорится. Что значит: "**не имел, чем заплатить**"? Опять усиленное свидетельство о неисправности (должника). Когда говорится: "**не имел, чем заплатить**"*,* говорится не что иное, как то, что он был чужд добродетелей, не имел ни одного доброго дела, которое бы можно было вменить ему в отпущение грехов, потому что вменяются, несомненно вменяются, нам в отпущение грехов добрые дела, как и вера в правду: "**не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность**" (Рим. 4:5). И что говорю о вере и о добрых делах, когда и скорби вменяются нам в разрешение грехов? Это доказывает Христос притчею о Лазаре, когда вводит Авраама, говорящим богачу, что Лазарь "**получил в жизни свое злое**"*,* и за это "**ныне же он здесь утешается**" (Лк.16:25). Доказывает и Павел, когда пишет к

Коринфянам о прелюбодее, и говорить так: "**предать сатане во изможднение плоти, чтобы дух был спасен**" (1Кор.5:5). Вразумляя и других грешников, он говорил так: "**Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром**" (1Кор.11:30-32). Если же вменяются нам в оставление грехов и искушение, и болезнь, и немощь, и изможднение плоти, которые мы терпим непроизвольно и не сами себе причиняем, тем более (вменяются) подвиги, совершаемые нами добровольно и с усердием. Но этот (должник) был чужд всякого добра, а грехов имел невыносимое бремя; поэтому и говорится: "**как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать**" (Мф. 18:25). Отсюда-то особенно можно узнать человеколюбие господина, что он и сделал расчет, и приказал продать его, потому что и то и другое сделал он для того, чтобы не продать его. Из чего это видно? Из конца. Если бы он хотел продать его, кто бы воспрепятствовал, кто бы удержал?

6. Итак, для чего же он приказал, не имея намерения исполнить (этого приказания)? Для того, чтобы увеличить страх (должника). А страх увеличил угрозой для того, чтобы заставить его просить (о пощаде), а просить заставил для того, чтобы иметь случай к прощению. Мог он, конечно, простить его и до просьбы, но не сделал этого, чтобы должника не сделать худшим. Мог дать прощение и прежде расчета, но чтобы тот, не зная тяжести своих грехов, не сделался бесчеловечнее и жесточе к ближним, для этого наперед показал ему великость долга, а потом простил ему все. В самом деле, если и после того, как сделан был расчет, показан долг, произнесена угроза и объявлен приговор, которому должен был подвергнуться (этот человек), он был так жесток и бесчеловечен к товарищу, то до какой бы жестокости не дошел он, когда бы ничего этого не было? Для того Бог сделал и устроил все это, чтобы предотвратить такое бесчеловечие его. Если же он ничем этим не исправился, то вина уже не в учителе, а в том, кто не принял исправления. Однако ж посмотрим, как он прикрывает свою язву. "**Пал",** говорится, к ногам его, "**кланяясь ему, говорил: государь! потерпи на мне, и всё тебе заплачу**" (Мф. 18:26). Не сказал ведь, что не может заплатить: таков уж обычай у должников – обещать, хоть и ничего не могут отдать, лишь бы избежать настоящей беды.

Послушаем все мы, нерадящие о молитве, какова сила молений? Этот должник не показал ни поста, ни нестяжательности, и ничего другого подобного; однако ж, лишенный и чуждый всякой добродетели, лишь только попросил он господина, то и успел преклонить его на милость. Не будем же ослабевать в молитвах. Кто может быть грешнее этого должника, который виновен был в стольких преступлениях, а доброго дела, ни малого, ни великого, не имел? Однако ж он не сказал себе: я не имею дерзновения, покрыт стыдом; как могу приступить? Как могу просить? А так говорят многие из согрешающих, недугуя дьявольскою робостью! Ты не имеешь дерзновения? Для того и приступи, чтобы приобрести великое дерзновение. Тот, кто хочет с тобой примириться, не человек, пред которым бы пришлось тебе стыдиться и краснеть; это Бог, желающий, больше тебя, освободить тебя от грехов. Не столько ты желаешь собственной безопасности, сколько Он ищет твоего спасения; и – это Он показал нам самыми делами. Ты не имеешь дерзновения? Потому-то и можешь иметь дерзновение, что ты в таком расположении духа; величайшее дерзновение в том, чтобы не думать, что имеешь дерзновение, равно как и величайший стыд – оправдывать себя пред Господом. Этот нечист [3], хотя бы был святее всех людей; напротив, считающий себя последним между всеми становится праведным. И свидетели того, что я говорю, фарисей и мытарь. Не станем же отчаиваться из-за грехов, не станем унывать, но будем приходить к Богу, припадать, умолять, как сделал это должник, доселе показавший доброе расположение. Что не пал он духом, не повергся в отчаяние, исповедал грехи, попросил некоторой отсрочки и замедления – все это хорошо, и (обнаруживает) сокрушенное сердце и смиренную душу. Но последующее

уже не похоже на прежнее: что приобрел он усердною мольбою, все это вдруг погубил гневом на ближнего. Теперь перейдем к образу прощения: узнаем, как господин простил его, и как дошел до этого. "**Умилосердившись",** говорится, "**Государь, отпустил его и долг простил ему**" (Мф. 28:27). Тот просил отсрочки, этот дал прощение; стало быть, тот получил больше, чем сколько просил. Потому и Павел говорит: "**А Тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем**" (Еф. 3:20). Ты не можешь и помыслить, сколько Он готов дать тебе. Не стыдись же; не красней; или – лучше – стыдись грехов, только не отчаивайся, не оставляй молитвы, но, хоть ты и грешник, приступи, чтобы примирить с собой Владыку, чтобы дать Ему случай показать Свое человеколюбие в прощении твоих грехов. Стало быть, если побоишься приступить, помешаешь Его благости, преградишь путь щедротам Его милосердия, сколько это зависит от тебя.

Итак, не будем упадать духом, не будем нерадеть о молитвах. Хотя бы мы низринулись в самую глубину порока, Он может скоро извлечь нас и оттуда. Никто не согрешил столько, сколько этот (должник); всякий вид зла сделал он; это показывают десять тысяч талантов (долга). Никто не был так беден, как он. Это явно из того, что ему нечем было заплатить. И однако ж, кому все изменило, того могла спасти сила молитвы. Так молитва, скажут, столько сильна, что может освободить от казни и мучения того, кто оскорбил Господа бесчисленными делами и поступками? Да, столько может она, человек! Впрочем, все это совершает она не одна, но имеет величайшего споборника и помощника в человеколюбии Бога, приемлющего молитву, которое и здесь [4] совершило все, и самую молитву сделало сильною. На это указывая, Христос сказал: "**Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему",** дабы ты знал, что и после молитвы, как и прежде молитвы, все сделала благость Владыки. "**Раб же тот, выйдя, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и,**

схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен" (Мф. 18:28). Что может быть преступнее этого? Еще в ушах его раздавались слова благодеяния – и он забыл уже о человеколюбии господина!

7. Видишь, какое благо помнить (свои) грехи? Ведь и этот (должник), если бы постоянно помнил их, не был бы так жесток и бесчеловечен. Поэтому всегда говорю, и не перестану повторять, что весьма полезно и нужно нам постоянно помнить все наши поступки. Ничто не может сделать душу так любомудрою и смиренною, и кроткою, как постоянное памятование о грехах. Поэтому и Павел помнил грехи, сделанные им не только после купели, но и до крещения, хотя они и были уже изглажены совершенно. Если же он помнил грехи, сделанные до крещения, тем более нам должно помнить сделанные нами после крещения. Памятуя об них, мы не только изгладим их, но и будем ко всем людям снисходительнее, а Богу послужим с большим усердием, из памятования о грехах познавая несказанное Его человеколюбие. Этого не сделал (должник) этот; но, забыв великость долга, забыл и благодеяние. А забыв благодеяние, он стал злым к товарищу и злобою к нему погубил все, что получил от Божия человеколюбия. "**Схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен**". Не сказал: отдай мне сто динариев, потому что стыдился малости долга, но: "**отдай мне, что должен**". Он же "**пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и всё отдам тебе**" (Мф. 18:29). Теми же словами, посредством которых тот нашел прощение, и этот просит о спасении. Но тот, по безмерной жестокости, не тронулся этими словами, и не подумал, что сам он спасся посредством этих же слов. Если бы он даже простил, так и это не было бы уже делом человеколюбия, но долгом и обязанностью. В самом деле, если бы он сделал это прежде, чем был расчет (с господином), и последовало то решение, и он получил такое благодеяние, поступок его был бы делом его собственного великодушия: теперь же, после

такого дара и прощения стольких грехов, он был уже обязан, как бы неизбежным некоторым долгом, не злопамятствовать на товарища. Однако ж он не сделал этого и не подумал, как велика разность между прощением, которое сам он получил, и – которое он должен бы оказать товарищу. В самом деле, великую увидишь разность не только в количестве долгов, не только в достоинстве лиц, но и в самом образе (прощения). Там долг был десять тысяч талантов, а здесь сто динариев; тот провинился пред господином, а его должник пред товарищем; тот сделал бы милость, получив свое добро, а господин простил ему все, не видев от него никакого добра, ни малого, ни великого. Но должник ни о чем этом не подумал, а вдруг, воспламенившись гневом, "**пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга. Товарищи его, видев происшедшее",** говорится, вознегодовали. Так товарищи осуждают прежде, чем господин, чтобы познал ты кротость господина. Услышав (об этом), господин его и, призвав его, опять начинает с ним суд, и не просто так, произносит приговор, но наперед входит в разбирательство. И что говорит? "**Злой раб! весь долг тот я простил тебе**" (ст. 32). Что может быть добрее господина? Когда тот должен был ему десять тысяч талантов, он не оскорбил его даже словом, не назвал и злым, но только приказал продать; и это для того, чтобы освободить его от долгов. А как тот оказался злым к своему товарищу, тогда-то (господин) уже гневается и раздражатся, дабы знал ты, что он легче прощает грехи против него самого, нежели против ближних. И так делает Он не только здесь, но и в других случаях. "**Итак, если**", говорит, "**ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой**" (Мф. 5:23-24). Видишь, как Он везде наше предпочитает своему и не ставит ничего выше мира и любви к ближнему. И опять в другом месте: "**кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать**" (Мф. 5:32), а чрез Павла дает закон такой: "**если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее**" (1Кор.7:12). Если она, говорит, сделает прелюбодеяние, отвергни ее; а если будет неверующая, не отвергай: если, то есть, согрешит против тебя, брось ее, а если против Меня, оставь при себе. Так и здесь, когда тот сделал столько грехов против Него (Бога), Он простил; а согрешил он против товарища, хоть гораздо менее и легче, чем против господина, тогда не простил, но подверг наказанию. Теперь назвал его и злым, а тогда не оскорбил даже и словом. Поэтому здесь и прибавлено, что (господин) "**разгневавшись, отдал его истязателям**"; но этого не прибавил Он, когда требовал у него отчета в десяти тысячах талантов, дабы знал ты, что то (прежнее) решение произошло не от гнева, но от попечительности, спешившей к прощению, а более всего раздражил Его этот грех. Что же может быть хуже злопамятства, когда оно отъемлет назад и явленное уже человеколюбие Божие; и когда то, к чему не могли расположить Его грехи должника, заставил сделать гнев на ближнего? Между тем написано, что "**дары и призвание Божие непреложны**" (Рим. 11:29). Как же здесь, после того, как дар уже оказан, и человеколюбие явлено, приговор опять отменен? Ради злопамятства. Итак, не погрешит, кто назовет этот грех тягчайшим всякого греха: другие грехи все были прощены, а этот не только (сам) не мог быть прощен, но возобновил опять и другие грехи, которые были уже изглажены совсем.

Таким образом, злопамятство есть двойное зло, потому что (само) никакого не имеет извинения пред Богом, да и другие грехи наши, хоть они и прощены будут, опять возобновляет и ставит против нас, – что сделало оно и здесь. Ничего, ничего так не ненавидит и не отвращается Бог, как человека злопамятного и коснящего в гневе. Это в особенности показал Он здесь; да и в самой молитве заповедал нам говорить так: "**и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим**" (Мф. 6:12).

Итак, зная все это, и написав эту причту на сердцах, как вспомним, что мы потерпели от сорабов, подумаем, что (сами) сделали мы против Владыки, – и страхом за свои собственные грехи мы скоро можем отогнать гнев на чужие прегрешения. Так, если уж помнить грехи, то помнить должно только свои: помня собственные грехи, о чужих мы никогда и не подумаем; а коль скоро о тех забудем, эти легко придут нам на мысль. Если бы и этот (должник) помнил о десяти тысячах талантов, то не вспомнил бы ста динариев. Но как забыл о тех, так за эти стал душить товарища, и желая истребовать немногое, и тех (ста динариев) не получил, да и привлек на свою голову тяжесть (долга) в десять тысяч талантов. Поэтому смело скажу я, что этот грех тяжелее всякого другого; или – лучше – не я, но Христос изрек это настоящею притчею. В самом деле, если бы этот грех не был тяжелее долга в десять тысяч талантов, то есть, несказанного множества грехов, они не были бы снова вызваны чрез него. Итак, ни о чем столько не будем стараться, как об очищении себя от гнева и примирении с теми, которые имеют на нас неудовольствие, зная, что ни молитва, ни милостыня, ни пост, ни участие в таинствах, ни другое что подобное не защитит нас в тот день (суда), если мы будем злопамятствовать; тогда как, напротив, победив этот грех, можем получить некоторое снисхождение, хоть у нас будет и множество грехов. Не мое это слово, но самого Бога, который тогда будет судить нас. Как здесь (в притче) сказал Он, что "**так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его**" (Мф. 18:35), так говорит и в другом месте: "**Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный**" (Мф. 6:14). Итак, чтобы нам и здесь проводить жизнь тихую и безмятежную, и там получить прощение и оставление (грехов), будем только деятельно стараться о примирении со всеми врагами, каких только имеем. Таким образом мы преклоним на милость к себе и Владыку нашего, хотя бы и согрешили без числа, и получим будущие блага, которых да сподобимся все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Т. е. сказать какую-нибудь клятву.

[2] Т. е. по отношению к заповеди о прощении обид.

[3] Т. е. кто оправдывает себя пред Богом.

[4] В отношении к должнику.

БЕСЕДА НА СЛОВА:

"Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты" (Мф. 26: 39) [1]

1. Глубокую рану нанесли мы недавно хищникам и любостяжателям, не для того, чтобы повредить им, но чтобы исправить их, не по ненависти к людям, но по отвращению к порокам. Так и врач разрезает рану не по неприязни к больному телу, но, желая истребить болезнь и язву. Сегодня же дадим им немного успокоиться, чтобы они отдохнули от боли и чтобы, получая непрестанные удары, они не отвратились от врачевания. Так поступают и врачи: после рассечений они прикладывают пластыри и лекарства и медлят несколько дней, придумывая средства, облегчающие боль. Подражая им, и мы сегодня дадим отдых тем людям, чтобы они извлекли пользу из нашей беседы, и будем вести речь о

догматических истинах обратив внимание на прочитанное. В самом деле, многие, я думаю, недоумевают, почему Христос сказал это; а может быть и имеющиеся в наличности еретики злонамеренно пользуются сказанным и чрез это многих из простейших братий доводят до падения.

И так мы и этим заградим доступ, и недоумевающих избавим от беспокойства и смущения; взяв сказанное, изречение, займемся им и войдем в глубину его мыслей. Недостаточно ведь одного чтения, если вместе с тем не будет и разумения. Так и евнух Кандакии читал, но пока не пришел учитель, который объяснил ему то, что он читал, дотоле не получил большой пользы (Деян. 8:27). Поэтому, чтобы и с нами не случилось того же, внимательно выслушайте сказанное, напрягите ум, предстаньте с душою, незанятою ничем другим; пусть будет зрение ваше остро, ум напряжен, душа свободна от житейских забот, чтобы нам не бросать слов в терние или на камни, или при дороге, но, чтобы, возделывая плодоносную и тучную ниву, мы могли пожать обильные плоды. Если вы будете так внимать сказанному, то и для нас сделаете труд более легким и для вас самих сделаете разумение более удобным. Что же было прочитано? "**Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия**". Что значат эти слова Христовы? Нужно яснее истолковать это изречение и потом предложить разрешение. Что же значат эти слова? "**Отче Мой! если возможно**", отклони крест. Что говоришь ты? Разве Он не знает, возможно ли это, или невозможно? Кто может сказать это? Хотя такие выражения свойственны незнающему, потому что частица: "**если**", выражает обыкновенно неуверенность, но, как я сказал, не должно останавливаться на словах, а нужно обращаться к мыслям и узнавать цель говорящего, причину и время и, сообразив все это, находить таким образом заключающейся в них смысл. Неизреченная Премудрость, Тот, Который знает Отца так, как Отец знает Сына, как мог не знать этого? Знание страданий не больше знания существа Божия, которое Он один точно знает. "**Как**, - говорит Он, - **Отец знает Меня, так и Я знаю Отца**" (Ин. 10:15). И что я говорю о Единородном Сыне Божием? Даже и пророки, по-видимому, не незнали этого, а точно и знали и предсказывали с великою уверенностью, что это должно быть, что это непременно будет.

Послушай, как они различным образом все предсказывают о кресте. Во-первых, патриарх Иаков; он, обращая речь ко Христу, говорит: "**от леторасли, сыне мой, возшел еси**" [2] (Быт. 49:9), называя летораслию деву и выражая чистоту Марии. Потом, указывая на крест, говорит: "**лег, уснул как лев и как львенок: кто разбудит его?**" Успокоением и сном он назвал смерть Христову и со смертью соединил воскресение, сказав "**кто разбудит Его?**" Другой никто, а сам Он Себя. Поэтому и Христос говорил: "**Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее**" (Ин. 10:18); и еще: "**разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его**" (Ин. 2:19). Что же значит: "**лег, уснул как лев**"? Как лев бывает страшен не только тогда, когда бодрствует, но и когда спит, так и Христос был грозен не только до креста, но и на самом кресте, и в самой смерти; и тогда Он совершал великие чудеса помрачал солнце, расторгая камни, потрясая землю, раздирая завесу, устрашая жену Пилата, обличая Иуду, потому что тогда последний сказал: "**согрешил я, предав кровь невинную**" (Мф. 27:4); и жена Пилата объявила: "**не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него**" (ст. 19). Тогда тьма объяла вселенную и явилась ночь среди дня; тогда смерть истощилась, и сила ее ослабела: "**и многие тела усопших святых воскресли**" (Мф.27:52). Все это предсказывая издревле и выражая, что Христос и распинаемый будет грозен, патриарх говорит: "**лег, уснул как лев**". Не сказал: уснешь, но: "**уснул",** в удостоверение того, что это непременно будет. Пророки обыкновенно во многих местах говорят о будущем, как о прошедшем, потому что как невозможно, чтобы прошедшее не было, так невозможно, чтобы и предсказанное ими, хотя оно и будущее, не исполнилось. Поэтому они предсказывают о будущем в виде прошедшего времени, чтобы тем показать неизбежное и непременное

исполнение предсказаний. Так и Давид, предсказывая о кресте, говорил: "пронзили руки мои и ноги мои". Не сказал: пронзят, но: "**пронзили. Можно было бы перечесть все кости мои**". И не только об этом говорил, но и о том, что сделали воины: "**разделили ризы мои между собою и об одежде моей бросали жребий**" (Пс. 21:17-19). И не только об этом, но и о том что дали Христу вкусить желчь и напоили Его уксусом: и "**дали**", говорит, "**мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом**" (Пс. 68:22). Также и другой пророк, предсказывая о том, что Христа пронзили копьем, говорит: "**воззрят на Него, Которого пронзили**" (Зах. 12:10). Исаия же, пророчествуя о кресте в другом отношении, сказал: "**как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят**" (Ис. 53:7,8).

2. Заметь же, как каждый из них говорит о будущем, как бы о прошедшем, выражая этим временем непременное и неизменное исполнение предсказанного. Так и Давид, описывая то же судилище, говорит: "**Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное? Предстали цари земли, и князья собрались вместе против Господа и против Помазанника Его**" (Пс. 2:1,2). И не только говорит он о судилище, о кресте, и о том, что было на кресте, но и о предателе, который вместе со Христом жил и разделял с Ним трапезу. "**который ел**", говорит, "**хлеб мой, поднял на меня пяту**" (40:10). И о словах, которые Он имел произнести на кресте, пророчествует так: "**Боже мой! Боже мой! для чего Ты оставил меня?**" (Пс. 21:1). Также и о гробе: "**положили меня в ров преисподний, во мрак, в тень смертную**" (Пс. 87:7). И о воскресении: "**ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление**" (Пс. 15:10), и о вознесении: "**Восшел Бог при восклицаниях, Господь при звуке трубном**" (Пс. 46:6). И о сидении одесную Отца: "**Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**" (Пс. 109:1). А Исаия приводит и причину этого, когда говорит, что Он "**изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши**", и что так как "**мы блуждали, как овцы**", то Он закалается. Затем, изъясняя и важность дела, прибавляет: "**и ранами Его мы исцелились**"; и еще: "**понес на Себе грех многих**" (Ис. 53:5-12). Если же пророки знали о кресте, и о причине креста, и о том, что совершено крестом, и о погребении, и о воскресении, и о вознесении, и о предательстве, и о судилище, и все это с точностью описали, то как не знает об этом Сам пославший их и повелевший возвестить это? Кто из здравомыслящих может сказать это? Видишь ли, что не должно останавливать внимания на одних словах? Здесь не только это возбуждает недоумение, но и последующие слова возбуждают еще большее недоумение. В самом деле, что говорит Он? "**Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия**". Здесь представляется, будто Он не только не знает, но и отказывается от креста. Слова эти значат: если можно, говорит, то Я хотел бы не подвергаться распятию на кресте и умерщвлению. Между тем Петру, верховному из апостолов, когда этот говорил Ему: "**будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою**", Он сделал столь сильную укоризну, что сказал: "**отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое**" (Мф. 16:22, 23), хотя незадолго пред тем назвал его блаженным. Христу казалось так несообразным не быть распятым на кресте, что апостола, который получил откровение от Отца, был назван блаженным, получил ключи от неба, Он назвал сатаною и соблазном и укорил его, как не мыслящего, "**не о том, что Божие**", за то, что сказал Ему: "**будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою**", чтобы быть распятым на кресте. Итак, укоривший столь сильно ученика и сделавший ему такое замечание, после таких похвал назвавший его сатаною, за то, что он говорил: Ты не будешь распят, – как сам не хотел быть распятым на кресте? Как же после этого, изображая доброго пастыря, Он поставил особенным признаком его добродетели то, чтобы умирать за овец своих, сказав так: "**Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец**"? И не остановился на этом, но еще прибавил: "**а наемник,**

не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка, и оставляет овец, и бежит" (Ин. 10:11,12). Если доброму пастырю свойственно умирать за овец своих, а не хотеть подвергаться этому свойственно наемнику, то, как Он сам, называя, себя добрым пастырем, просит освободить Его от смерти? Как же Он говорил: "**Я Сам отдаю ее**" (Ин. 10:18)? Если Ты сам полагаешь душу Свою, то почему просишь другого, чтобы не полагать ее? Как же и Павел, удивляясь Ему за эту решимость, говорит: "**но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной**" (Флп. 2:7,8)? И сам Христос в одном месте говорит, так: "**Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее**" (Ин. 10:17). Если же Он не хочет этого, но отказывается и просит Отца, то как Он любим "**потому**"? Любовь бывает к тому, что происходит по желанию. И еще почему Павел говорит: любите друг друга, "**как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас**" (Еф. 5:2)? Также и сам Христос пред распятием говорил? "**Отче! пришел час, прославь Сына Твоего**" (Ин. 7:1), называя славою крест? Как же там Он отказывается, а здесь даже просит поспешить? А что крест есть слава, об этом послушай, как говорит евангелист: "**ибо еще не было на них Духа Святаго, потому что Иисус еще не был прославлен**" (Ин. 7:39). Смысл этих слов следующий: еще не была дана благодать, потому что вражда Божия к людям еще не была прекращена, так как еще не предшествовал крест. Крест разрушил вражду Божию к людям, совершил примирение, сделал землю небом, соединил людей с ангелами, разрушил твердыню смерти, сокрушил могущество диавола, уничтожил силу греха, избавил землю от заблуждения, ниспроверг их жертвенники, истребил смрад жертв, насадил добродетель, основал церкви. Крест – желание Отца, слава Сына, радость Духа, похвала Павла: "**а я**, - говорит он, - **не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа**" (Гал. 6:14). Крест яснее солнца, светлее лучей, потому что, когда оно помрачилось, тогда он воссиял; солнце помрачилось тогда, не уничтожившись, но быв побеждено светом креста. Крест разодрал наше рукописание, сделал ненужною темницу смерти; крест – знак Божественной любви: "**Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную**" (Ин. 3:16).

Также и Павел говорит: "**Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его**" (Рим. 5:10). Крест – неразрушимая стена, непреодолимое оружие, опора богатых, богатство бедных, ограждение обижаемых, оружие подвергающихся нападениям, обуздание страстей, основание добродетели, знамение чудное и удивительное. "**Род лукавый ищет знамения**, – сказал Господь, – **и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка**" (Мф. 12:39). Также и Павел говорит: "**ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого**" (1Кор. 22:23), Крест отверз рай, ввел в него разбойника, и род человеческий, который готов был погибнуть, и не достоин был даже земли, привел в царство небесное. Так много благ было и бывает от креста, — и, скажи мне, Христос не хочет быть распятым? Кто может сказать это? А если бы Он не хотел, то кто принудил Его? Кто заставил? Для чего же Он предпосылая пророков, которые предвозвещали, что Он будет распят, если Он не намерен был распяться и не хотел подвергнутся этому? И для чего Он назвал крест "**чашею**", если Он не хотел быть распятым? Ведь этим именно выражается желание, которое Он имел по этому предмету. Как для жаждущих приятна чаша, так для Него распятие на кресте; поэтому Он и говорил: "**очень желал Я есть с вами сию пасху**" (Лук. 22:15), сказав это не без причины, но потому, что после вечери предстоял Ему крест.

3. Итак, тот, кто называет это дело славою, укоряет ученика за возражение Ему, поставляет признаком доброго пастыря смерть за овец, говорит, что Он "**желанием желает**" этого, и добровольно идет на это дело, почему просит, чтобы его не было? А если

бы Он не хотел, то разве трудно было остановить тех, которые приступали к Нему? Теперь же видишь, Он сам поспешает к этому. Когда приступали к Нему, Он сказал: "**кого ищете?**" Отвечают ему: "**Иисуса**". Он говорит им: **это Я, они отступили назад и пали на землю**" (Ин. 18:6). Так, Он сначала ослепил их и показал, что Он мог избежать, а потом предал Себя, чтобы ты знал, что Он не по необходимости, или принуждению, или насилию приступивших подвергся этому, но добровольно, по собственному предъизбранию и желанию и по давнему приготовлению к этому. Для того и пророки были предпосылаемы, и патриархи предсказывали, и словами и делами крест был предъизображаем. И жертвоприношение Исаака означало крест; поэтому и сказал Христос: "**Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался**" (Ин. 8:56). Патриарх возрадовался, увидев образ креста, а Он отказывается от самого креста? И Моисей побеждал Амалика потому, что показывал образ креста; и бесчисленное множество событий можно видеть в ветхом завете, которые предъизображали крест. Для чего же было так, если Тот, Кто имел быть распятым, не хотел этого? Последующее возбуждает еще больше недоумений. Сказав: "**да минует Меня чаша сия**", Он присовокупил: **впрочем не как Я хочу, но как Ты**" (Мф. 26:39). Здесь, буквально, мы находим два противоположные одно другому желания, т. е. Отец желает, чтобы Он был распят, а сам Он не желает. Между тем везде мы видим, что Он желает одного и того же с Отцом, предъизбирает одно и то же с Ним. Так, когда Он говорит: "**дай им, как Я и Ты едино, так и они да будут в Нас едино**" (Ин. 17:11,21) – выражает не что иное, как то, что у Отца и Сына одна воля. И когда Он говорит: "**не Я говорю но Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела**" эти (Ин. 14:10), – выражает тоже. И когда Он говорит: "**не Сам от Себя**" (Ин. 7:28), и: "**Я ничего не могу творить Сам от Себя**" (Ин. 5:30), – выражает не то, будто Он не имеет власти говорить или делать – нет – но хочет показать с точностью, что Его воля согласна с волею Отца и на словах и на деле, и во всех распоряжениях одна и та же у Него с Отцом, как уже неоднократно мы объясняли, потому что слова: "**не Сам от Себя**", означают не лишение власти, а согласие. Как же здесь Он говорит: "**впрочем не как Я хочу, но как Ты**"?

Может быть, мы причинили вам много труда, но ободритесь; хотя и много сказано, но я хорошо знаю, что ваше усердие сильно; да и речь моя приближается, наконец, к самому разрешению. Для чего же так сказано? Слушайте с вниманием. Учение о воплощении Бога было весьма неудобоприемлемо. Это чрезмерное человеколюбие Его и великое снисхождение было страшно и требовало многих в самом деле приготовлений, чтобы оно было принято. Представь, каково было слушать и поучаться, что Бог неизреченный, нетленный, непостижимый, невидимый, необъятный, "**в руке**" которого "**глубины земли**" (Пс. 94:4), "**призирающий на землю, и она трясется; прикасающийся к горам**" и заставляющий их дымиться (Пс. 103:32), Которого славы, явленной не вполне, не могли видеть даже херувимы, но распростертыми крыльями покрывали свои лица (Ис. 6: 2), – Тот, Который превосходит всякий ум и превышает разумение, оставив ангелов, архангелов и все высшие разумные силы, благоволил сделаться человеком, принять плоть, созданную из земли и персти, войти в утробу Девы, быть носимым во чреве девять месяцев, питаться молоком и испытать все человеческое. Так как имевшее совершиться было столь удивительно, что и по совершении многие не веруют этому, Он предпосылает наперед пророков, которые возвещали то же самое. Так патриарх предвозвещал это, когда говорил; "**от леторасли, сыне мой, восшел еси: возлег, уснул еси яко лев**" (Быт. 49:9), Исаия говорит: "**се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил**" (Ис. 7:14); и в другом месте: "**возвестили**" Его, "**как отпрыск и как росток из сухой земли**" (Ис.53:2). Жаждущею землею он называет чрево Девы, потому что оно не принимало семени человеческого, и не испытало совокупления, но родило Его без брака. И еще: "**Ибо младенец родился нам – Сын дан нам**" (Ис. 9:6); и еще: "**И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его**" (Ис. 11:1). А Варух у

Иеремии говорит: "**Он нашел все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю. После того Он явился на земле и обращался между людьми**" (Вар. 3:37, 38). И Давид, указывая на пришествие Его во плоти, сказал: "**сойдет, как дождь на скошенный луг [на руно], как капли, орошающие землю**" (Пс. 71:6) потому что Он тихо и кротко вошел во чрево Девы.

4. Впрочем, этого еще не довольно, но и по пришествии, чтобы не считали события призраком, Он удостоверяет в этом деле не одним только появлением, но в течение продолжительного времени, и прошедши все человеческое. Так, не прямо входит Он в человека совершенного и полного, но во чрево Девы, так что потерпел и ношение во чреве, и рождение, и питание молоком, и возрастание, и продолжительностью времени и различием всех возрастов удостоверил в истине события. И этим не ограничивается удостоверение, но, облекшись плотью, Он попускает ей терпеть недостатки природы, алкать и жаждать, спать и утомляться; наконец, шествуя и на крест

Он попускает ей испытать свойственное плоти. Потому и капли пота истекали из нее, и ангел является укреплять ее, и печалится она и скорбит, — потому что прежде, чем сказать те слова Он говорил: "**душа Моя скорбит смертельно**" (Мф. 26:38).

Если же при всех этих действительных событиях злые уста диавола чрез Маркиона понтийского, Валентина, Манихея персянина и многих других еретиков решились извратить учение о домостроительстве и распространить сатанинскую молву, будто Христос ни воплощался, ни облекался плотью, а было это только видением, призраком, представлением и обольщением, не смотря на то, что об этом свидетельствуют Его страдания, смерть, погребение, алчба, то, если бы ничего такого не было, не гораздо ли более диавол посеял бы этих преступных мыслей нечестия? Поэтому-то Он, как алкал, как спал, как утомлялся, как ел, как пил, так просит избавить Его и от смерти, показывая свое человечество и немощь природы, которая не может без страдания лишиться настоящей жизни. Подлинно, если бы Он не говорил ничего такого, то еретик мог бы сказать: если Он был человеком, то Ему надлежало и испытать свойственное человеку. Что же именно? То, чтобы, приближаясь к распятию на кресте, страшиться и скорбеть и не без скорби лишаться настоящей жизни, потому что в природу вложена любовь к настоящей жизни. Поэтому Он, желая показать истинное облечение плотью и удостоверить в истине этого домостроительства, с великою ясностью обнаруживает свои страдания. Это одна причина. Но есть и другая, не меньше этой. Какая же именно? Христос, пришедши, хотел научить людей всякой добродетели; а научающий учить не только словом, но и делом; это самое лучшее учение учителя. Так кормчий, посадив ученика, показывает ему, как держать руль, присоединяя и слово к делу; он и не говорит только и не делает только; подобным образом и домостроитель, поставив желающего научиться от него, как строится стена, показывает ему это делом, показывает и словом; точно так же (поступает) и ткач, и вышиватель украшений, и золотых дел мастер, и медник, и всякое искусство имеет учителем слово и дело. Поэтому, и Христос, пришедши научить нас всякой добродетели, и словами внушает, что должно делать, и Сам делает. "**Кто сотворит и научит**", говорит Он, "**тот великим наречется в Царстве Небесном**" (Мф. 5:19). Посмотри, Он заповедал быть кроткими и смиренными и учил этими словами. Смотри же, как он научает тому же самому и делами. Сказав: "**Блаженны нищие духом, Блаженны кроткие**" (Мф. 5: 3-5), Он показывает, как должно исполнять это. Как же научил Он? "**Взяв полотенце, препоясался: начал умывать ноги ученикам**" (Ин. 13: 4, 5).

Что может сравниться с таким смирением? Так Он научает этому не только словами, но и делами. Также и кротости и перенесению обид Он научает делами. Как? Когда ударил Его раб первосвященника, Он сказал: "**если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо,**

что ты бьешь Меня?" (Ин. 18:23). Он заповедал молиться за врагов: и этому опять научил делами: восшедши на крест, сказал: "**Отче! прости им, ибо не знают, что делают**" (Лк. 23:34). Как заповедал молиться, так и сам молится, научая тебя так молиться, и сам не бездействуя в прощении врагам. Также Он заповедал благотворить ненавидящим нас и делать добро злословящим нас (Мф. 5: 44); это же он исполнял и на деле, потому что изгонял бесов из иудеев, которые называли Его беснующимся, благодетельствовал гнавшим Его, питал зло-умышлявших против Него, руководил к царствию желавших распять Его. Еще, желая расположить учеников своих к нестяжательности, Он говорил им: "**Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои**" (Мф. 10:9); этому же учил Он и делами, когда говорил: "**лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову**" (Мф. 8:20). У него не было ни стола, ни дома, ни другого чего-нибудь подобного, не потому, чтобы Он не мог иметь это, но потому, что учил людей идти этим путем. Таким же образом Он учил их и молиться. Ученики сказали Ему: "**научи нас молиться**" (Лук.11:1). Потому Он и молится, чтобы они научились молиться. И не молиться только, но и тому, как должно молиться, нужно было научить их. Поэтому Он дал и следующую молитву: "**Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный подавай нам на каждый день; и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и не введи нас в искушение**" (Мф.6:9-13; Лк.11:2-4), т. е. в опасность, под козни. Так, заповедав молиться: "**и не введи нас в искушение**", Он научает тому же и самим делом, когда говорит: "**Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия**", научая всех святых не подвергаться опасностям, не бросаться на них самим, но ожидать нападающих и являть всякое мужество, а не самим стремиться к ним, и не самим первым идти на бедствия. Для чего? Для того, чтобы внушить смиренномудрие и избавить от обвинений в тщеславии. Потому и здесь, когда Он говорил эти слова, Он "**пал на лице Свое, молился**", говорит (евангелист), и после молитвы сказал ученикам: "**так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною? бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение**" (Мф. 26: 40, 41). Видишь ли, как Он не только молится, но и убеждает: "**дух бодр**", говорит, "**плоть же немощна**" (Мф. 26: 41). Это говорил Он для того, чтобы предохранить души их от тщеславия, удалить от гордости, сделать их смиренными и приучить к кротости. Таким образом, как Он хотел научить их молиться, так и Сам молился по-человечески, не по Божеству – потому что Божество не причастно страданию – а по человечеству, Он молился, чтобы научить нас молиться и всегда просить об избавлении от бедствий; но если это будет невозможно, то с любовью принимать угодное Богу. Потому Он и сказал: "**впрочем не как Я хочу, но как Ты**"; не потому, чтобы иная воля Его, и иная Отца; но чтобы научить людей, хотя бы они бедствовали, хотя бы трепетали, хотя бы угрожала им опасность, хотя бы не хотелось им расставаться с настоящею жизнью, не смотря на это предпочитать собственной воле волю Божию. Так и Павел, научившись этому, исполнял то и другое на самом деле. Он и просил избавить его от искушений: "**о том**", говорит, "**Трижды молил я Господа**" (2Кор. 12:8); и, так как это не угодно было Богу, говорил: "**посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях**" (2Кор. 12:10). Эти слова, может быть, не ясны; поэтому я поясню их. Павел подвергался многим опасностям и молил Бога, чтобы избавиться от опасностей. Но услышал от Христа: "**довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**" (2Кор. 12:9). Когда таким образом он узнал волю Божию, то, наконец, подчинил волю свою воле Божией. Итак, этою молитвою Христос научил нас тому и другому, – чтобы мы не стремились к опасностям и даже молились, чтобы не впасть в них, но если они постигнут нас, то переносили бы их мужественно и предпочитали собственной воле волю Божию. Зная это, будем молиться, чтобы нам никогда не впадать в искушение, а если впадем, то будем просить Бога, чтобы Он нам дал терпение и мужество, и станем предпочитать волю Его всякому нашему желанию. Таким

образом мы и настоящую жизнь проведем безопасно и достигнем будущих благ, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Полное заглавие этой беседы следующее: ***Отче, если... Ты; и против маркионитян и манихеев, и о том, что, не должно вызываться на опасности, но предпочитать всякой воле - волю Божию.***

[2] Леторасль – годовой побег, а также: отпрыск, потомок. Мы здесь и в некоторых других местах предпочитаем славянский или прямой русский перевод с греческого текста Септуагинты, который имел перед собой и толковал Златоуст, т.к. в синодальном переводе с еврейского смысл другой: "от добычи".

О ЖИЗНИ ПО БОГУ И НА СЛОВА:

"Тесны врата"... и пр. (Мф. 7:14), и изъяснение молитвы: "Отче наш"

1. Чтение всего боговдохновенного Писания сообщает внимательным познание благочестия, но досточтимое Писание евангельское есть превосходнейшее из высочайших учений, потому что содержащиеся в нем изречения суть глаголы высочайшего Царя. Поэтому и страшным наказанием угрожается тем, которые не соблюдают в точности сказанного Им. В самом деле, если преступающий законы земных начальников подвергается неумолимому наказанию, то не тем ли более будет предан нестерпимым мучениям преступающий повеления небесного Владыки? Если же велика опасность от невнимания, то будем с великим тщанием внимать словам, сейчас прочитанным нам из Евангелия. Какие же это слова? "**Тесны врата**", говорит Господь, "**и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их**"; и еще: "**широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими**" (Мф. 7:13,14).

Часто слушая эти слова и взирая на заботы людей о предметах пустых, я весьма удивляюсь истине сказанного. Подлинно, все идут широким путем, все увлекаются настоящими предметами, и нисколько не думают о будущих; непрестанно стремятся к телесным удовольствиям, а души свои оставляют истощаться голодом, и получая каждый день бесчисленное множество ран, нисколько не чувствуют бедственного состояния, в каком они находятся; в случае телесных болезней ходят ко врачам и приглашают их к себе в дом, дают им весьма большие награды, показывают великое терпение и переносят болезненное врачевание, чтобы возвратить здоровье телу; а когда страдает душа, то совершенно не заботятся и не стараются возвратить ей вожделенное здоровье, хотя хорошо знают, что тело смертно и тленно и подобно весенним цветам, – потому что оно, подобно им, увядает, засыхает и предается тлению, – между тем как о душе знают, что она почтена бессмертием и сотворена по образу Божию, и что ей вверены бразды управления этим животным (телом). Подлинно, что возница для колесницы, или кормчий для корабля, или музыкант для музыкального орудия – тем же Создатель поставила душу для этого земного сосуда, она держит бразды, движет рулем, ударяет в струны; и когда делает это хорошо, то производит согласнейшие звуки добродетели; а когда или слишком ослабляет звуки, или напрягает их больше надлежащего, то нарушает и искусство и благозвучие. Такою-то душою пренебрегают многие из людей, не удостаивая ее даже и малейшего попечения, а все время своей жизни тратят на заботы о теле. Одни избирают жизнь

мореплавателей – и борются с волнами и ветрами, нося с собою жизнь и смерть и полагая надежду спасения в немногих досках; другие предпринимают труды земледелия, запрягая рабочих волов и возделывая землю, то сея семена и пожиная жатву, то насаждая растения и собирая с них плоды, и все время у них проходит в этих трудах; иные занимаются торговлею и для нее совершают путешествия по земле и морю, предпочитают чужую страну своей и, оставляя отечество, родных, друзей, жен и детей, для малых выгод ведут жизнь странническую. И нужно ли исчислять все занятия, которые люди изобрели для потребностей телесных, в которых проводя дни и ночи, они стараются сохранить здоровье своего тела, а между тем душу, алчущую и жаждущую, иссохшую и загрязненную и подвергшуюся бесчисленному множеству зол, оставляют без внимания? Но после многих трудов и усилий они и смертное тело не защищают от смерти, и бессмертную душу вместе с смертным телом подвергают вечным мучениям.

2. Поэтому, горько оплакивая объемлющее души людей, невежество и покрывающую их густую мглу, я желал бы найти какое-нибудь возвышенное место, с которого мне можно было бы видеть весь род человеческий; желал бы иметь и голос, который оглашал бы все пределы и слышен был бы для всех, живущих на земле, чтобы стать и взывать, и провозгласить слова Давида: "**Сыны мужей! доколе будете любить суету и искать лжи**", предпочитая небесному земное, вечному временное, бессмертному тленное (Пс. 4:3)? Доколе вы будете закрывать глаза, и заграждать уши и не слушать божественного голоса, ежедневно взывающего: "**просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят**" (Мф. 7:7,8)? Но так как некоторые несовершенные, склонные более к предметам житейским и увлекающиеся плотскими помыслами, совершают молитвы не надлежащими образом, то общий Владыка преподал нам наставление в молитве, когда сказал: "**а молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны**" (Мф. 6:7), называя излишним многоглаголанием речи, состоящие из множества слов, но не приносящие никакой пользы.

Запрещая многоглаголание, Господь внушает то, что молящиеся не должны просить скоропреходящего и погибающего: ни красоты телесной, которая увядает от времени, изглаждается от болезни, исчезает при смерти, потому что такова телесная. красота, она – кратковременный цвет, не долго являющийся весною юности, и скоро увядающий от времени, а если кто захочет исследовать самую сущность ее, то будет в состоянии тем более презирать ее, так как она есть не что иное, как влага, кровь, сок и жидкость съеденной пищи, чрез которую и глаза, и щеки, и нос, и брови, и уста, и все тело получает полноту, если же прекратится прилив этот, то совершенно исчезнет и благообразие лица, – ни денежного богатства, которое подобно речным водам притекает и утекает, переходит то к одному, то к другому, убегает от тех, кто удерживает его, и не остается у тех, кто любит его, подвергается бесчисленному множеству бедствий от моли, от разбойников, от клеветников, от пожаров, от кораблекрушений, от нападений врагов, от восстаний народа, от злобы рабов, от потери записей, от приращений и уменьшений и от прочих зол, которые у любящих богатство происходят от любостяжания, – ни почетной власти, которую также сопровождает множество скорбей, изнурительные заботы, частые бессонницы, козни завистников, враждебные замыслы ненавистников, красноречие риторов, благовидными словами утаивающее истину и подвергающее судей великой опасности. Есть, действительно есть многоглаголивые пустословы, которые просят у всевышнего Бога таких и подобных предметов, и нисколько не ценят благ истинных. Врача не учат больные употреблению лекарств, а только принимают предлагаемое им, хотя бы и болезнен был способ врачевания; и кормчему мореплаватели не приказывают держать руль и направлять судно именно так, а не иначе, но, сидя на скамьях, они доверяют его знанию не только во время благоприятного плавания, но и тогда, когда

подвергаются крайней опасности; а одному Богу, который точно знает, что можно дать нам с пользою, люди не здравомыслящие не хотят предать себя, но просят у Него вредного, как полезного, поступая подобно тому больному, который просит врача дать ему не то, что искореняет болезнь, а то, чем питается вещество, производящее болезнь. Врач же не слушается просьбы больного, а, хотя бы видел его плачущим и рыдающим, более следует закону своего искусства, нежели преклоняется на его слезы, и это непослушание мы называем не бесчеловечием, но человеколюбием, потому что, слушаясь больного и делая угодное ему, врач поступил бы с ним, как враг, сопротивляясь же ему и не удовлетворяя желания, оказывает ему милость и человеколюбие. Так и Врач наших душ не станет давать просящим того, что будет во вред им. И чадолюбивые отцы, когда малые дети просят ножа или горячих угольев, не соглашаются дать им, потому что знают, как вредно дать им это. А некоторые из людей, впадших в крайнее безумие, не только просят у всевышнего Бога телесной красоты, богатства, власти и тому подобного, но восстают против своих врагов, умоляют послать им какое-нибудь наказание, и Того, Кого просят быть к самим себе милостивым и человеколюбивым, в отношении к врагам своим хотят сделать немилостивым и нечеловеколюбивым. Господь, желая предотвратить это, заповедует "**не говорите лишнего**", и внушает, что нужно говорить в молитве, в немногих словах научая всякой добродетели, потому что эти слова заключают в себе не только наставление к молитве, но и руководство к совершенной жизни.

3. А какие это слова и какой смысл их, исследуем с великим тщанием и будем твердо хранить их, как законы Божии. "**Отче наш, сущий на небесах**" (Мф. 6:9). О какое чрезмерное человеколюбие! О, какая превосходная честь! Какое слово будет в состоянии воздать благодарность подающему нам такие блага? Посмотри, возлюбленный, на уничиженность твоей и моей природы, вникни в сродство ее, в эту землю, пыль, грязь, глину, пепел, потому что мы созданы из земли, и опять наконец разлагаемся в землю. Представив это, подивись неисследимому богатству великой благости к нам Божией, по которой заповедано тебе называть Его "**Отцом**", земному – небесного, смертному – бессмертного, тленному – нетленного, временному – вечного, бывшему вчера и прежде грязью – существующего прежде веков Бога. Но не напрасно научен ты произносить это слово, а для того, чтобы, благоговея пред именем Отца, произносимым собственным языком твоим, ты подражал Его благости, как и в другом месте говорится: будьте подобны "**Отцу вашему Небесному, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф. 5:45). Поэтому не может называть человеколюбивого Бога Отцом своим тот, кто имеет настроение души зверское и бесчеловечное, потому что он не хранит свойств благости, какие есть у небесного Отца, но изменился в зверский вид и лишился божественного достоинства, по словам Давида: "**человек, который в чести и неразумен, подобен животным, которые погибают**" (Пс. 48:21). В самом деле, когда кто нападает как вол, лягает как осел, злопамятствует как верблюд, насыщает чрево как медведь, похищает как волк, уязвляет как скорпион, хитрит как лисица, ржет на женщин как неистовый конь, то как может такой (человек) произносить слово, свойственное сыну, и называть Бога Отцом своим? Чем же можно назвать такого человека? Зверем? Но звери страдают каким-нибудь одним из этих недостатков; а он, соединяя в себе все, стал бессмысленнее бессловесных. Да что говорю я – зверем? Такой человек свирепее всякого зверя. Те, будучи свирепыми по природе, при помощи человеческого искусства часто делаются кроткими, а он, будучи человеком и имея способность изменять свирепость, свойственную зверям по природе, на кротость, несвойственную их природе, какое будет иметь оправдание, когда обращает свою природную кротость в свирепость, не свойственную своей природе, и имея возможность делать свирепое по природе кротким, делает себя, кроткого по природе свирепым, — когда, имея способность укрощать льва и делать его ручным, доводит свой гнев до свирепости большей, чем у льва? У этого зверя два неблагоприятных

обстоятельства, и то, что он не имеет рассудка, и то, что он яростнее всех; однако, при помощи данной от Бога мудрости, и его зверская природа укрощается. Тот, кто побеждает природу в зверях, в себе самом губит добро природы и воли; тот, кто делает льва как бы человеком, себе самому попускает сделаться из человека львом; сообщает льву то, что выше его природы, а в себе самом не сохраняет и свойственного природе. Как же такой человек может называть Бога Отцом? Следовательно, тот, кто кроток и человеколюбив к ближним и не мстить согрешающим против него, но воздает за обиды благодеяниями, безукоризненно может называть Бога Отцом. И вникни в точность выражения, как Он заповедует нам взаимную любовь, и соединяет всех дружелюбным расположением. Он не повелел говорить: "**Отче**" мой, "**сущий на небесах**", но: "**Отче наш, сущий на небесах**", для того, чтобы, научившись иметь общего Отца, мы оказывали братское расположение друг другу. Притом, желая научить, чтобы мы оставили землю и земное, и не преклонялись вниз, а взяли крылья веры и, возлетев выше воздуха и, поднявшись выше эфира, стремились к называемому Отцу, Он заповедал говорить: "**Отче наш, сущий на небесах**", – не потому, чтобы Бог находился только на небесах, но чтобы нас, пресмыкающихся по земле, расположить к стремлению на небеса и, озарив красотою небесных благ, обратить туда все наши желания.

4. Далее Он прибавил второе изречение, сказав: "**да святится имя Твое**". Впрочем пусть никто не имеет безрассудной мысли, будто Богу даруется прибавление святости словами: "**да святится имя Твое**"; Он свят, и всесвят, и святейший святых. И серафимы приносят ему такое песнопение, непрестанно взывая: "**свят, свят, свят Господь Саваоф: небо и земля полны славы Его!**" (ср. Ис. 6:3). Как те, которые приносят хвалы царям и называют их царями и самодержцами, не дают им то, чего они не имеют, но славословят то, что они имеют, так и мы не сообщаем Богу святости, как бы не бывшей у Него, когда говорим: "**да святится имя Твое**"; но прославляем находящуюся у Него, потому что "**святится**" здесь сказано вместо: "**да прославится**". Итак, научимся этим словом вести жизнь добродетельную, чтобы люди, видя ее, прославляли небесного Отца нашего, как и в другом месте, Он говорит: "**так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Мф. 5:16). После этого мы научены говорить: "**да приидет царствие Твое**" (Мф. 6:10), потому что, претерпевая насилие от плотских страстей и подвергаясь бесчисленным искушениям, мы имеем нужду в царстве Божием, "**да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему в похотях его; и не предавайте членов ваших греху в орудия неправды, но представьте себя Богу, как оживших из мертвых, и члены ваши Богу в орудия праведности**" (Рим. 6:12,13). Кроме того, мы научаемся – не слишком прилепляться к настоящей жизни, но презирать настоящее и желать будущего, как Постоянного, и искать царства небесного и вечного, а здешними приятностями не увлекаться, ни благообразием телесным, ни обилием богатства, ни множеством стяжаний, ни драгоценностью камней, ни великолепием домов, ни званиями градоправителей и военачальников, ни багряницею и диадемою, ни яствами, сластями и всякого рода роскошью, ни чем-нибудь другим из предметов, услаждающих наши чувства, но, отказавшись от всего этого, непрестанно искать царства Божия. Таким образом, научив нас и этой добродетели, Господь повелел говорить: "**да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе**". Возбудив в нас любовь к будущему и желание царства небесного и пронзив нас этим желанием, Он заповедует говорить: "**да будет воля Твоя и на земле, как на небе**". Дай нам, Господи, – говорит, – подражать жизни небесной, чтобы и мы желали того, чего желаешь сам Ты; помоги нашей воле ослабевающей и хотя желающей исполнять дела Твои, но удерживаемой немощью плоти; простри руку стремящимся идти, но принуждаемым хромать; душа легка, но ее обременяет плоть; та быстро стремится к небесному, а эта тяготеет к земному, но при

Твоей помощи и невозможное будет возможным, "**да будет воля Твоя и на земле, как на небе**".

5. Так как Он упомянул о земле, а существам, происшедшим из нее и живущим на ней и облеченным земным телом, нужна соответственная пища, то необходимо Он присовокупил: "**хлеб наш насущный дай нам на сей день**" (Мф. 6:11) Он повелел просить хлеба "**насущного**", не для объядения, а для питания, восполняющего истраченное в теле и отклоняющего смерть от голода, – не роскошных столов, не разнообразных яств, произведений поваров, изобретений хлебопеков, вкусных вин и прочего, тому подобного, что услаждает язык, но обременяет желудок, помрачает ум, помогает телу восставать на душу и делает этого жеребенка непослушным вознице. Не этого просит, научает, нас заповедь, но "**хлеба насущного**", т. е. обращающегося в существо тела и могущего поддержать его. Притом и его заповедано нам просить не на великое число лет, а столько, сколько нужно нам на настоящий день.

"Не заботьтесь", сказал Господь, "**о завтрашнем дне**" (Мф. 6:34). И для чего заботиться о завтрашнем дне тому, Кто, может быть, и не увидит завтрашнего дня, кто предпринимает труд, а не пожинает плода? Надейся на Бога, который "**дает пищу всякой плоти**" (Пс. 135:25). Тот, Кто даровал тебе тело, вдохнул душу, сделал тебя животным разумным и приготовил для тебя все блага прежде, нежели создал тебя, как презрит тебя созданного, если "**повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф. 5: 45)? Итак, надеясь на Него, проси пищи только на настоящий день, а об завтрашнем предоставь заботу Ему, как и блаженный Давид говорит: **"возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя"** (Пс. 54:23). Научив, таким образом, этими словами высокому любомудрию и зная, что невозможно, чтобы мы, как люди, облеченные смертным телом, не падали, он научил еще говорить: "**и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим**" (Мф. 6:12). Этими словами доставляется три блага вместе: достигших высоты добродетелей Он научает смиренномудрию и увещевает не полагаться на свои подвиги, но бояться, трепетать и помнить о прежних грехах, как поступал и божественный Павел, который после бесчисленных подвигов говорил: "**Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый**" (1Тим. 1:15). Не сказал: "**я был**", но "**есть**", выражая, что он непрестанно памятовал о делах своих. Итак, достигшим высоты добродетелей Господь доставляет этими словами безопасность в смиренномудрии, а падшим после благодати святого крещения не попускает отчаиваться в своем спасении, но научает их просить у Врача душ врачества прощения. Кроме того эти слова научают человеколюбию. Господь хочет, чтобы мы были кротки к виновным, незлопамятны к согрешающим против нас, прощением их приобретали прощение себе и сами предуготовляли себе меру человеколюбия, потому что мы просим столько даровать нам, сколько сами даем ближним, и испрашиваем себе такого же прощения, какое даруем своим должникам. Сверх того нам заповедано говорить: "**и не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого**" (Мф. 6:13). Подлинно, много скорбей причиняется нам от диавола, много и от людей, или явно оскорбляющих, или тайно злоумышляющих. И тело, иногда восставая на душу, наносит тяжкий вред; а иногда подвергаясь различным болезням, причиняет нам скорби и страдания. Поэтому, так как много различных бедствий нападает на нас со многих сторон, и мы научены испрашивать у Бога всяческих избавлений от них, потому что при Его запрещении, прекращается всякое смятение, буря превращается в тишину и пристыженный лукавый удаляется, как некогда, оставив людей, он удалился в свиней, даже не осмелившись сделать и этого без приказания (Мф. 8:31). А кто не имеет власти даже над свиньями, тот как может овладеть людьми бодрствующими и внимательными, охраняемыми Богом и признающими Его Царем своим? Поэтому и в конце молитвы Он выразил царство и силу и славу Божию, сказав: "**ибо Твое есть Царство и сила и слава**

во веки. Аминь" (Мф. 6:13). Этого, говорит, я прошу у Тебя потому, что знаю, что Ты Царь всего, имеешь вечную державу, можешь сделать все, чего ни захочешь, и обладаешь неотъемлемою славою. За все же это будем благодарить удостоившего нас таких благ, так как Ему подобает всякая слава, честь и держава, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

о расслабленном, спущенном чрез кровлю; о том, что он не тот же самый, о котором говорится у Иоанна; и о равенстве Сына с Отцом

1. Беседуя недавно о расслабленном, лежавшем на одре при купели, мы нашли богатое и великое сокровище, не землю раскопав, а вникнув в его душу; нашли сокровище, заключающееся не в серебре, в золоте и драгоценных камнях, но в твердости, любомудрии, терпении и великой надежде на Бога, которая драгоценнее всякого золота и всякого богатства (разумеется 12-я беседа против аномеев, в которой говорится о расслабленном, лежавшем при овчей купели (Ин. 5:2-9)). Вещественное богатство подвергается, и нападениям разбойников, и наговорам клеветников, и хищению воров, и злоумышлениям рабов, а когда избегает всего этого, обладателям его часто причиняет величайший вред, раздражая глаза завистников, и чрез то производя бесчисленные бури. Духовное же богатство далеко от всех этих неприятностей и выше всякого такого бедствия, не боится ни разбойников, ни воров, ни завистников ни самой смерти. Оно и смертью не разлучается с обладателем, но тогда особенно и делается для имеющих его надежнейшим приобретением, сопровождает их и переходит с ними в жизнь будущую, бывает дивным заступником тех, с которыми переходит туда, и делает милостивым к ним Судию. Это богатство и мы нашли в великом изобилии, сокрытым в душе расслабленного. Свидетели тому вы сами, с великим усердием черпавшие его, но не исчерпавшие. Таково свойство духовного богатства: оно подобно потокам вод, или – лучше – превосходит и их обилие, умножаясь тем более, чем более почерпающих его. Входя в душу каждого, оно не разделяется и не уменьшается, но принимается каждым всецело, и остается постоянно неиждиваемым и никогда неоскудевающим. Так случилось и тогда. Столь многие приступали к этому сокровищу, и все почерпали оттуда по своим силам; но что я говорю о вас, когда оно с того времени и до настоящего дня, сделав бесчисленное множество людей богатыми, само остается во всей свое целости. Не будем же утомляться при этом духовном изобилии, но, сколько возможно будем почерпать и ныне, и посмотрим на человеколюбие Владыки, посмотрим и на терпение раба. Тридцать восемь лет находясь в неизлечимой болезни и постоянно испытывая страдания, он не роптал, не произносил богохульных слов, не укорял Создателя, но мужественно и с великою кротостью переносил свое несчастье. Откуда же, скажет кто-нибудь, это видно? О прежней жизни его в Писании ничего ясно не сказало ведь нам, а только открыто, что "**тут был человек, находившийся в болезни тридцать восемь лет**" (Ин. 5:5, 6), а что он не роптал, не негодовал, не озлоблялся, этого оно не прибавило. Нет, оно открыло и это, если вникнуть внимательно, а не поверхностно и не как-нибудь. В самом деле, когда ты слышишь, с какою кротостью беседовал он с подошедшим к нему Христом, который был неизвестен ему и почитался за простого человека, то можешь представить и прежнее его любомудрие. Когда Христос сказал: "**хочешь ли быть здоров?**" (Ин. 5:6), то он не сказал ничего такого, чего можно было ожидать, например: ты видишь, что я лежу столько времени расслабленным, и спрашиваешь, хочу ли я быть здоровым? Не издеваться ли пришел ты над моими страданиями, не порицать ли, не насмехаться ли и шутить над несчастьем? Ничего такого он не сказал и не подумал, но с кротостью отвечал: "**так, Господи**" (Ин. 5:7). Если же по истечении тридцати восьми лет он был так смирен, так кроток, когда у него сокрушена была вся крепость и сила мыслей, то представь, каков он должен был

быть в начале страданий. Вы все знаете, что больные бывают не одинаково раздражительны в начале болезни, и по прошествии долгого времени, но больные особенно бывают неспокойны, когда болезнь задерживается на долгое время: тогда они бывают несносны для всех. А этот, по прошествии стольких лет так любомудрствуя, так незлобиво отвечая, показывает, что он и в прежнее время переносил свое несчастье с великою благодарностью. Итак, размышляя об этом, будем и мы подражать терпению подобного нам раба; его расслабление может укрепить наши души, потому что нет человека столь слабого и нерадивого, который бы, представив величие этого несчастья, не стал переносить мужественно все приключающиеся бедствия, хотя бы они были самые тяжкие. Таким образом, не только исцеление его, но и болезнь послужила нам к величайшей пользе: исцеление его побудило души слушателей к славословию Владыки, а болезнь его и расслабление расположило вас к терпению и побудило к такой же ревности, или – лучше – и чрез него открылось человеколюбие Божие. Подлинно, самое поражение такою болезнью и продолжение недуга на столько времени есть дело величайшего попечения Божия. Как художник золотых вещей, бросая в горнило золото, оставляет его плавиться в огне дотоле, пока не увидит, что оно сделалось чистейшим, так точно и Бог попускает душам людей искушаться бедствиями дотоле, пока не сделаются они чистыми и светлыми, пока от этого искушения не приобретут великой пользы. Так и это есть величайший вид благодеяния.

2. Итак, не будем смущаться и падать духом, когда постигают нас искушения. Если художник золотых вещей знает, сколько времени нужно держать золото в печи и когда вынимать его оттуда, и не допускает оставаться ему в огне до того, чтобы оно испортилось и перегорело, – тем более знает это Бог, и когда Он видит, что мы сделались более чистыми, то избавляет от искушений, чтобы от избытка бедствий мы не преткнулись и не пали. Не будем же роптать и малодушествовать, если случится что-нибудь неожиданное, но предоставим Знающему это с точностью, очищать нашу душу, доколе Он хочет, потому что Он делает это с пользою и ко благу искушаемых.

Поэтому один премудрый предлагает такое увещание: "**Сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения**" (Сир. 2:1,2). Ему, говорит, предоставь все, потому что Он точно знает, когда нужно извлечь нас из печи бедствий. Поэтому всегда должно вверяться Ему, за все благодарить и все переносить благодушно, благодетельствует ли Он, или наказывает, так как и последнее – вид благодеяния. Ведь и врач не тогда только, когда омывает, питает и выводит больного в сады, но и тогда, когда прожигает и отсекает, одинаково бывает врачом; и отец не тогда только, когда ласкает сына, но и тогда, когда выгоняет его из дому, когда укоряет и наказывает, одинаково бывает отцом, и не менее, чем тогда, когда хвалит. Поэтому, зная, что Бог любвеобильнее всех врачей, не исследуй, не требуй от Него отчета во врачевании, но хотя бы он захотел дать нам облегчение, хотя бы наказывал, будем принимать то и другое одинаково, потому что тем и другим Он ведет нас к здоровью, приближает к Себе, и, зная, в чем каждый из нас имеет нужду, и что полезно каждому, и как и каким образом можно нам спастись, Он таким путем и ведет нас. Последуем же, куда бы Он ни повелел идти, и не будем допытываться причины, повелевает ли Он нам идти путем легким и удобным, или трудным и тяжелым, как и этому расслабленному. Таким образом, один вид благодеяния состоял в том, что Бог столько времени очищал его душу, ввергнув ее в пламя искушений, как бы в некоторое горнило; а другой не меньше этого состоял в том, что сам Он был присущ ему в этих искушениях и доставлял ему великое утешение. Он поддерживал его, подкреплял, простирал руку помощи и не допускал до падения. Впрочем, когда ты слышишь, что здесь Он сам присутствовал, не отнимай заслуг у расслабленного, – как у него, так и у всякого другого человека искушаемого и терпеливо переносящего

искушения. Подлинно, хотя бы мы были тысячекратно любомудрыми, хотя бы были крепче и сильнее всех, но если не будет Его содействия, мы не в состоянии будем переносить даже малого искушения. Но что я говорю о нас слабых и ничтожных? Хотя бы кто был Павлом, или Петром, или Иаковом, или Иоанном, без помощи свыше он легко побеждается, претыкается и падает. Об этом я прочитаю вам слова самого Христа. Он сказал Петру: "**се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя**" (Лук. 22:31, 32). Что значит: "**сеять?**" Водить, обводить, колебать, двигать, потрясать, терзать, как бывает с веществами, просеваемыми чрез решето; но Я, говорит, не допустил, зная, что вы не можете перенести искушения, потому что, выражение: "**чтобы не оскудела вера твоя**", показывает, что если бы Христос допустил, то вера его оскудела бы. Если же Петр, пламенно любивший Христа, многократно отдававший душу свою за Него, всегда выступавший первым из лика апостолов, ублажаемый Учителем и названный Петром за то, что имел непоколебимую и неизменную веру, был бы низложен и отпал бы от исповедания, если бы Христос попустил диаволу искусить его, как тот хотел, то кто другой может устоять без Его помощи? Поэтому и Павел говорит: "**и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести**" (1Кор. 10:13).

Не только, говорит, Он не посылает искушения сверх силы, но и при искушении по силе присутствует, поддерживая нас и укрепляя, если мы сами наперед привнесем должное с нашей стороны, – готовность, надежду на Него, благодарность, твердость, терпение, потому что не только в опасностях, превышающих наши силы, но и в самых опасностях, постигающих нас по силам, мы имеем нужду в помощи свыше, если хотим стоять мужественно. И в другом месте апостол говорит: "**ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше, утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих**" (2Кор. 1:5,4). Так и утешал его Тот же, Кто попустил подвергнуться искушению. Посмотри еще, какое попечение оказывает Христос и после исцеления расслабленного. Отошедши, Он не оставил его, но, встретив в храме, сказал: "**вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже**" (Ин.5:14). Если бы Он попустил наказание по ненависти, то не избавил бы от него, не предохранил бы и на будущее время; но слова: "**не случилось с тобою чего хуже**" – означают предостережение от будущих бедствий. Он прекратил болезнь, но не прекратил заботливости; истребил недуг, но не истребил страха, – чтобы сделанное благодеяние осталось не разрушенным. Попечительному врачу свойственно не только прекращать настоящие болезни, но предохранять и от будущих; то же сделал и Христос, укрепив душу расслабленного напоминанием о прошедшем. Так как часто, по миновании того, что огорчало нас, проходит и памятование об этом, то Он, желая, чтобы оно осталось навсегда, говорит: "**не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже**".

3. И не только из этого можно видеть попечение и кротость Его, но и из самой кажущейся укоризны. Он не провозгласил пред всеми грехов расслабленного, но о том, что этот потерпел свои страдания за грехи, сказал, а какие были грехи, не объявил; не сказал: ты согрешил так и так, ты преступил то и то, но, указав на это одним простым словом: "**не греши больше**", и, сказав лишь столько, сколько нужно было для напоминания, сделал его более осторожным на будущее время, и для нас обнаружил все его терпение, мужество и любомудрие, поставив его в необходимость плачевно высказать все свое несчастье и открыть свое старание: "**когда**", говорит, "**я прихожу, другой уже сходит прежде меня**" (Ин. 5:7), – грехов же его не провозгласил. Как мы желаем прикрыть свои дела, так и Бог желает этого еще более, нежели мы; поэтому исцеление Он совершил пред всеми, а увещание или совет преподал наедине. Господь никогда не провозглашает грехов наших,

разве когда видит, что мы не чувствуем их. Так и слова: "**алчуща**" вы видели Меня, и не напитали, "**жаждал, и не напоили**" (Мф. 25:42,44), говорит Он в настоящее время для того, чтобы нам не слышать этих слов в будущем. Он угрожает, провозглашает здесь для того, чтобы не провозгласить там; точно так и город ниневитян Он угрожал разрушить для того, чтобы не разрушить его. Если бы Он хотел открывать грехи наши, то не предсказывал бы, что откроет их; а теперь предсказывает для того, чтобы, вразумившись страхом открытия их, если не страхом наказания, мы очистились от всего. Это бывает и при крещении. Он приводит человека к водной купели, не открывая никому грехов его, но дар выставляет на вид пред всеми и делает явным, а грехов никто другой не знает, кроме Его самого и получающего прощение. То же было и с расслабленным; Он сделал обличение без свидетелей; или – лучше – сказанные слова были не только обличением, но и оправданием: как бы оправдываясь в таком злополучии его и желая внушить ему и показать, что не напрасно и не без причины Бог попустил ему страдать столько времени, Он напомнил расслабленному о грехах и сказал причину болезни. Найдя его, говорится, "**в храме и сказал ему: вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже**" (Ин. 5:14).

Итак, получив столько пользы от прежнего расслабленного, теперь мы приступим к другому, о котором повествуется и у Матфея (гл. 9). И в рудокопнях, если в каком месте найдет кто-нибудь золото, там еще больше раскапывает; так я знаю, что многие, из простых читателей, думают, будто расслабленный, упоминаемый у четырех евангелистов, один и тот же; однако же это не так. Поэтому нужно возбудиться и слушать внимательно. Вопрос касается немаловажных предметов: эта беседа, предложив надлежащее разрешение, будет полезна и против язычников, и против иудеев, и против многих из еретиков. В самом деле, все они укоряют евангелистов в противоречии и разногласии; но это не так; да не будет; хотя и различны лица, но одна благодать Духа, движущая душу каждого; а где благодать Духа, любовь, радость, мир, там нет борьбы и противоположности, несогласия и какого-нибудь разноречия. Каким же образом мы раскроем, что этот расслабленный не тот, а другой, отличный от того? По многим признакам, – и по месту, и по времени, и по обстоятельствам, и по дню, и по способу исцеления, и по прибытию Врача, и по одиночеству исцеленного. Что же из этого, скажет кто-нибудь, разве и в других случаях обстоятельства не различно рассказываются некоторыми из евангелистов? Но иное дело говорить различно, иное – противоположно; то не производит никакого разногласия и противоречия; а это, ныне предстоящее нам, представляло бы великое противоречие, если не допустить, что расслабленный, находившийся при купели, был другой, отличный от описанного у трех евангелистов. А дабы вы знали, что значит – говорить различно, и что значит – говорить противоречиво, я представлю примеры: один из евангелистов сказал, что Христос нес крест, а другой – что Симон Киринейский; но здесь нет никакого разногласия и противоречия. Как же, скажут, нет противоречия в словах: нести и не нести? Потому, что было то и другое. Когда вышли из претории, то нес Христос; а когда пошли далее, то Симон взял от Него крест и нес. Также о разбойниках: один говорит, что оба хулили Его, а другой говорит, что один заграждал уста поносившему; но и здесь опять нет противоречия. Почему? Потому, что и здесь было то и другое: сначала оба они поступали нечестиво, а после, когда совершились знамения – земля поколебалась, камни распались и солнце сокрылось – тогда один из них переменился, сделался благо-разумнейшим, познал Распятого и исповедал царство Его. Дабы ты не думал, что это произошло с ним по какой-нибудь необходимости и по насилию от кого-нибудь внутренно принуждавшего его, и не предавался сомнениям, Писание представляет тебе, как один и на кресте не оставил своего прежнего нечестия, чтобы ты знал, что другой сделался лучшим, изменившись добровольно и сам собою, при помощи благодати Божией.

4. Много и других можно находить в Евангелиях событий, которые, по-видимому, представляют противоречия; на самом же деле в них нет противоречия, а совершилось сказанное как одним, так и другим, хотя не в одно и то же время, только один сказал о том, что было прежде, а другой – что было после. Здесь же нет ничего подобного; но множество упомянутых признаков показывает хотя сколько-нибудь внимательным, что иной был этот расслабленный, а иной – тот. И это может быть не малым доказательством того, что евангелисты согласны между собою и не противоречат друг другу. Если бы расслабленный был один и тот же, то было бы великое разногласие; если он другой, то всякое противоречие уничтожается.

Выскажем же теперь сами причины, по которым мы утверждаем, что этот расслабленный – не тот. Какие же именно? Тот исцеляется в Иерусалиме, а этот в Капернауме; тот при водной купели, а этот в некотором доме; вот доказательства от обстоятельств места. Тот исцеляется в праздник; вот доказательство от времени. Тот был в расслаблении тридцать восемь лет, и об этом ничего подобного не говорит евангелист; вот также доказательство от времени. Тот исцелен в субботу; вот доказательство и от дня, потому что если бы и этот был исцелен в субботу, то не умолчал бы об этом евангелист Матфей, и не остались бы спокойными присутствовавшие иудеи: если они, несмотря на то, что он был исцелен не в субботу, негодовали по другой причине, то, если бы имели повод в самом времени исцеления, тем более не пощадили бы обвинений против Христа. Еще: этого приносят ко Христу, а к тому приходит сам Христос. *У* того не было ни одного человека, который бы помог ему: "**Господи**"*,* говорить он, "**человека не имею**" (Ин. 5:7); а этот имел много ближних, которые даже спустили его чрез кровлю (Мк. 2:4). У того Христос прежде души исцелил тело, потому что наперед избавил его от расслабления, и потом сказал: "**вот, ты выздоровел; не греши больше**"; а здесь не так, но исцелил наперед душу его, сказав ему: "**дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои**" (Мф. 9:2), и потом избавил от расслабления. Итак, из всего этого ясно открывается нам, что этот расслабленный - не тот. Теперь нужно, обратившись к началу повествования, посмотреть, как Христос исцелил того, и как этого, и почему различно: почему того в субботу, а этого не в субботу, к тому сам пришел, а этого допустил принести к Себе, и почему у того исцелил прежде тело, а у этого прежде душу. Не напрасно и не без причины Он делает это, как премудрый и промыслительный. Обратим же внимание и посмотрим на самого Врачующего. Если тогда, когда врачи рассекают, или прижигают, или другим каким-нибудь способом разрезают и отделяют пораженный и больной член, многие окружают и больного и совершающего это врача, то нам здесь нужно сделать тоже тем более, чем выше Врач и чем тяжелее болезнь, исцеляемая не человеческим искусством, а Божественною благодатью. Там нужно бывает смотреть и на рассекаемую кожу, и на текущую кровь, и на очищаемую гнилость, и выносить много неприятного при таком зрелище, много прискорбного и болезненного не только от вида ран, но и от страдания тех, над которыми совершается прижигание и отсечение, – потому что нет человека столь каменного, который бы, присутствуя при таких страждущих и слыша их стоны, не тронулся, не смутился и не почувствовал великой скорби в душе, – но при всем том, побуждаясь желанием посмотреть, мы переносим все это. Здесь же не предстоит видеть ничего подобного, ни подносимого огня, ни вонзаемого железа, ни текущей крови, ни страдающего и издающего вопли больного; а причиною тому – премудрость Врача, которая не имеет нужды ни в чем подобном внешнем, но достаточно сильна сама по себе. Для него достаточно только повелеть – и исчезают все бедствия. И не то удивительно, что Он совершает исцеления с такою легкостью, но то, что и без боли, не причиняя никакого страдания исцеляемым. Поэтому, так как здесь и большее чудо, и важнейшее исцеление, и чуждое всякой скорби удовольствие для зрителей, то посмотрим внимательно на врачующего Христа. "**Тогда Он, войдя в лодку, переправился обратно и прибыл в Свой город. И вот, принесли к**

Нему расслабленного, положенного на постели. И, видя Иисус веру их, сказал расслабленному: дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои" (Мф. 9:1).

Эти люди ниже сотника по вере (Лук. 7:2), но выше расслабленного, находившегося при купели. Тот ни Врача не влек к себе, ни больного не приводил ко Врачу; но приступил к Нему, как к Богу, и сказал: только "**скажи слово, и выздоровеет слуга мой**" (Лк. 7:7). Эти не влекли. Врача к себе в дом, и в этом отношении они равны сотнику; но больного принесли к Врачу, – и в этом отношении ниже его, потому что не сказали: только "**скажи слово**". А в сравнении с расслабленным, лежавшим при купели, они гораздо выше. Тот сказал: "**не имею человека, который опустил бы меня в купальню**" (Ин. 5:7); а эти знали, что для Христа не нужно ничего, ни воды, ни купели, ни другого чего-нибудь подобного. Однако Христос исцелил от болезней не только слугу сотника, но и того и этого, и не сказал: так как ты принес меньшую веру, то равномерное получишь и врачевание; но того, кто оказал большую веру, отпустил с похвалами и венцами, сказав: "**и в Израиле не нашел Я такой веры**" (Лк. 7:9), и того, кто принес меньшую веру, хотя нисколько не похвалил, однако не лишил исцеления, равно как и того, который не оказал никакой веры. Как врачи, исцеляя одну и ту же болезнь, от одних получают сто золотых монет, а от других половину, от иных еще меньше, а от некоторых и совершенно ничего не получают, так точно и Христос от сотника принял великую и неизреченную веру, от этого меньшую, а от того даже никакой, и, однако, исцелил всех. Почему же Он удостоил благодеяния и не принесшего ничего? Потому, что он не по нерадению, и не небесчувственности души не оказал веры, а потому, что не знал Христа и никогда не слыхал ни о каком – ни о малом, ни о великом Его чуде. Поэтому он и получил прощение, что выражает и евангелист, когда говорит: "**не знал, кто Он**" (Ин. 5:13), и только по одному наружному виду узнал Христа, когда встретил Его во второй раз.

5. Некоторые говорят, что этот расслабленный получил исцеление только потому, что принесшие его имели веру; но это не так. "**Видев**", говорится, "**веру их**", не принесших только, но и принесенного (Мк. 2:5). Что же, скажут, разве по вере одного не исцеляется другой? Я не думаю, – разве только тогда, когда или по незрелости возраста, или по чрезмерной слабости он сам не в состоянии веровать. А как же, скажут, в сказании о хананеянке веровала мать, а исцелилась дочь? И с другой стороны, если не веровал сотник, то как слуга его встал и исцелился? Это потому, что сами больные не могли веровать. Послушай, что говорит хананеянка: "**дочь моя жестоко беснуется**", и иногда "**падает в огонь**", иногда "**в воду**" (Мф. 15:22; 17:15) [1]: омраченная же в уме, беснующаяся, немогущая никогда придти в себя и нездоровая – как могла бы уверовать?

И в сказании о сотнике то же, что о хананеянке; слуга его лежал дома, не зная сам Христа, кто Он был: как же мог он веровать в Того, кого не знал и о ком никогда не получал никаких сведений? Но здесь нельзя сказать этого; расслабленный веровал. Откуда это видно? Из самого способа, каким он был принесен. Ты не просто слушай, что его спустили чрез кровлю; но представь, каково было больному перенести такие страдания. Вы знаете, что больные бывают так малодушны и своенравны, что часто и на постели отвергают врачебные пособия и решаются скорее переносить страдания от болезней, чем терпеть неприятность от этих пособий. А этот согласился и выйти из дому и быть вынесенным на площадь и показаться такому множеству присутствовавших. Больные иногда решаются скорее умереть, нежели открыть свое несчастье. А этот больной не так поступил, но, видя зрелище переполненным, вход заключенным, пристань загражденною, согласился быть спущенным чрез кровлю. Так изобретательно сильное желание; так благоуспешна любовь. Подлинно, "**ищущий находит, и стучащему отворят**" (Лк. 11:10). Он не сказал ближним своим: что это значит? Зачем вы беспокоитесь? Зачем спешите? Подождем, пока дом опустеет и зрелище кончится; когда собравшиеся уйдут, тогда мы

будем иметь возможность подойти к Нему наедине и сообщить Ему об этом. Для чего пред взорами всех выставлять на вид мои несчастья, и безобразно спускаться сверху? Ничего такого он не сказал ни самому себе, ни несшим его, но считал вожделенным для себя сделать столь многих свидетелями своего исцеления. И не только из этого можно видеть его веру, но и из самих слов Христовых. Когда он был спущен и поднесен, то Христос говорит ему: "**чадо! прощаются тебе грехи твои**".

Услышав это, он не выразил неудовольствия, не возроптал, не сказал Врачу: что это? – я пришел исцелиться от одной болезни, а Он исцеляет от другой? – это предлог, обольщение, прикрытие слабости, – Ты отпускаешь грехи, которые невидимы? Ничего такого он не сказал и не подумал, но ожидал, предоставив Врачу принять путь к врачеванию, какой Ему угодно. Поэтому и Христос не пришел к нему, а ожидал, чтобы он пришел, дабы показать веру его всем. Разве не мог Он сделать доступ удобным? Но ничего такого не сделал, для того, чтобы всем показать его усердие и пламенную веру. Как к тому, который страдал тридцать восемь лет, Он пришел сам потому, что при нем никого не было, так этого, имевшего многих ближних, Он ожидал к Себе, дабы и этого веру сделать явною чрез его принесение, и того одиночество показать нам чрез свое пришествие к нему, и дабы, как усердие первого, так и терпение последнего открыть всем, особенно же тогда присутствовавшим. Завистливые и человеконенавистные иудеи обыкновенно ненавидели благодеяния, получаемые ближними, и подвергали подозрению чудеса Христовы, то, говоря, что Он исцеляет в субботу, то, указывая на жизнь получавших благодеяния: "**если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему**", (Лк. 7:39), – не понимая, что врачу особенно свойственно обращаться с больными и всегда находиться среди недужных, а не убегать и не удаляться от них. Это и сам Он, обращаясь к ним, говорил: "**не здоровые имеют нужду во враче, но больные**" (Мф. 9:12). Итак, чтобы они опять не обвиняли Его в том же, Он наперед показывает, как пришедшие достойны врачевания за веру, которую они оказали. Поэтому Он обнаружил и одиночество того расслабленного, и пламенную веру и усердие этого; поэтому того Он исцелил в субботу, а этого не в субботу, дабы ты, видя, что иудеи и в другие дни обвиняют и порицают Христа, знал, что и тогда они обвиняли Его не за несоблюдение закона, но по своей нестерпимой зависти. Почему же Он не приступил наперед к исцелению расслабления, а сказал: "**чадо! прощаются тебе грехи твои**"? И это сделано весьма мудро. Так и врачи обыкновенно прежде не болезни лечат, а истребляют их источники; например: часто, когда глаза страдают от дурных мокрот и гнойной влаги, врач, оставляя пользование больной вежды, лечит голову, где находится корень и источник болезни. Так сделал и Христос, истребляя наперед источник зол. А источник и корень и мать всех зол – грех. Он расслабляет наши тела; он производит болезни. Поэтому и здесь Христос говорит: "**чадо! прощаются тебе грехи твои**", – и там сказал: "**вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже**", выражая теми и другими словами, что эти болезни произошли от грехов. И вначале, в первые времена по сотворении, болезнь вошла в тело Каина от греха. Он после братоубийства, после такого преступления, получил тогда расслабление в теле, потому что "**трясение**" значит не что иное, как расслабление (Быт. 4:14). Когда сила, скрепляющая это животное (тело), делается слабою и уже не может поддерживать все члены, то оставляет их без своей помощи, после чего они, опустившись, трясутся и колеблются.

6. Это выразил и Павел. Укоряя коринфян в некотором грехе, он сказал: "**оттого многие из вас немощны и больны**" (1Кор. 11:30). Поэтому и Христос наперед уничтожает причину зол, и словами: "**чадо! прощаются тебе грехи твои**", оживляет ум расслабленного, ободряет упадшую его душу; слова стали делом и, вошедши в совесть, коснулись самой души и прекратили всякое уныние. Подлинно, ничто не доставляет

столько удовольствия и не дает столько дерзновения, как возможность ни в чем не обвинять самого себя. "**Чадо! прощаются тебе грехи твои**".

Где отпущение грехов, там и усыновление. Так и мы не прежде можем назвать Бога Отцом, как омыв грехи в купели святых вод. Когда мы выходим оттуда, сбросив это худое бремя, тогда и говорим: "**Отче наш, сущий на небесах!**" (Мф. 6:9). Почему же с болевшим тридцать восемь лет Он поступил не так, но прежде исцелил его тело? Потому, что в нем продолжительностью времени были истреблены грехи: великость искушения может облегчать бремя грехов, как и о Лазаре Господь говорит, что он получил в жизни свое злое и здесь утешается (Лк. 16:25). И в другом месте говорит: "**Утешайте, утешайте народ Мой… говорите к сердцу Иерусалима… ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои**" (Ис. 40:1,2). И еще пророк говорит: "**Господи! Ты даруешь нам мир; ибо и все дела наши Ты устрояешь для нас**" (Ис. 26:12), выражая, что наказания и мучения доставляют прощение грехов; и из многих других мест можно доказать это.

Таким образом, мне кажется, Господь не говорил тому расслабленному об отпущении грехов, а только предостерег его на будущее время потому, что продолжительностью болезни грехи его уже были изглажены; или, если не так, то потому, что он еще не знал ничего великого о Христе; поэтому Он наперед и приступил к меньшему, к явному и очевидному, к исцелению тела; а с этим расслабленным поступил не так, но, видя, что он веровал более и имел душу более возвышенную, стал говорить с ним прежде о тягчайшей болезни; и кроме всего этого для того, чтобы показать свое равенство с Отцом. Как там Он исцелил в субботу, желая отклонить слушателей от иудейского ее соблюдения, и в самих обвинениях найти повод доказать свое равенство с Родителем, так точно и здесь, предвидя, что имели сказать иудеи, Он произнес эти слова, чтобы в них найти основание и повод доказать свое равенство с Родителем. В самом деле, не одно и то же – без всякого порицания и обвинения, самому от себя, начать речь об этом, или, когда другие высказывают обвинения, предложить то же самое в ходе речи и в виде оправдания. Первый способ доказательства отвращал слушателей; а последний был менее тяжел для них и более удобоприемлем; и потому везде мы видим, что Он так поступал и не столько словами, сколько делами доказывал свое равенство с Отцом. Это выражает и евангелист, когда говорит, что "**стали Иудеи гнать Иисуса и искали убить Его за то, что Он делал такие дела в субботу, но и Отцом Своим называл Бога, делая**

Себя равным Богу" (Ин. 5:16,18), что гораздо важнее, потому что делами своими Он доказывал это самое. Что же завистливые и злые иудеи, мучившиеся от чужих благ и во всем искавшие поводов к порицанию? "**Он**", говорят они, **богохульствует**"? "**Кто может прощать грехи, кроме одного Бога**" (Мф. 9:3, М. 2:7)? Как там они гнали Его за то, что Он нарушил субботу, а Он по поводу самих обвинений в виде оправдания показал свое равенство с Родителем, сказав: "**Отец Мой доныне делает, и Я делаю**" (Ин. 5:17), так точно и здесь из самих обвинений Он доказывает свое единство с Отцом. В самом деле, что сказано? "**Кто может прощать грехи, кроме одного Бога**".

Итак, когда они сами положили такое определение, сами внесли правило, сами предписали закон, то Он опровергает их собственными их словами. Вы, говорит, исповедали, что одному только Богу свойственно отпускать грехи, – следовательно, равенство (мое с Богом Отцом) несомненно. И не они только говорят об этом, но и пророк говорит так: "**Кто Бог, как Ты**"? Потом, объясняя, что свойственно Богу, присовокупляет: "**прощающий беззаконие и не вменяющий преступления**" (Мих. 7:18). Поэтому, если кто-нибудь другой окажется делающим тоже самое, то и Он – Бог и Бог (такой же), как и Тот. Но посмотрим, как Христос доказывает им это, как кротко и снисходительно и со всею попечительностью.

"**При сем некоторые из книжников сказали сами в себе: Он богохульствует**" (Мф. 9:3); не высказали этого слова, не произнесли языком, но сокровенно подумали в душе. Что же Христос? Он обнаружил сокровенные помышления их, желая показать им силу своего Божества прежде доказательства посредством исцеления тела расслабленного. А что одному только Богу, Его Божеству, свойственно открывать сокровенные мысли души, об этом в Писании говорится: "**Ты один знаешь сердце всех сынов человеческих**"

(3Цар. 8:39). Видишь ли, что слово "**один**" опять говорится не в отличие от Сына? В самом деле, если один Отец знает сердца, то как же Сын знает сокровенные мысли души? "**И не имел нужды, чтобы кто засвидетельствовал о человеке**", сказал евангелист, "**ибо Сам знал, что в человеке**" (Ин. 2:25); и Павел, выражая, что знать сокровенное свойственно Богу, сказал: "**испытующий же сердца**" (Рим. 8:27), приписав этим словам такую же силу, какая заключается в имени: Бог. Как в том случае, если я скажу: посылающий дожди, я укажу самим делом не на другого кого-нибудь, а на Бога, потому что это свойственно только Ему; и если скажу: возводящий солнце, то, хотя и не прибавлю имени: Бог, самим делом укажу на Него, – так точно и Павел, сказав: "**испытующий же сердца**", выразил, что Ему только свойственно испытывать сердца. Если бы такое выражение имело не одну и ту же силу с именем Бог, для указания на Того, о Ком нам говорится, то он не употребил бы одного только этого выражения. И если бы это было делом общим у Него с тварью, то мы не узнали бы, о ком говорится, так как общность дела производила бы недоумение в душе слушателей. Итак, когда усвояется это свойство Отцу, то усвояется и Сыну, равенство с которым несомненно открывается и отсюда. Поэтому Он и говорит:"**Иисус же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите худое в сердцах ваших? ибо что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи**"(Мф. 9:3,4)?

7. Вот и второе доказательство представляет Он касательно отпущения грехов. Отпустить грехи гораздо важнее, нежели исцелить тело, и столько важнее, сколько душа важнее тела. Как расслабление есть болезнь тела, так грех – болезнь души; но это, хотя и большее, было не видно; а то, хотя и меньшее, было видно. Поэтому, намереваясь употребить меньшее для доказательства большего и желая показать, что Он поступил так по их немощи и снисходя к их слабости, Он говорит: "**что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи?**" Почему же Он для них приступает к меньшему? Потому, что явное служит яснейшим доказательством неявного. Поэтому Он и не восстановлял расслабленного дотоле, пока не сказал им: "**но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – тогда говорит расслабленному: встань, возьми постель твою, и иди в дом твой**" (Мф. 9:6). Он как бы так сказал: отпущение грехов есть большее знамение, но для вас Я присовокупляю и меньшее, так как последнее вы считаете доказательством первого. Как тогда, когда Он похвалил сотника, сказавшего: "**Господи! я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой; ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет; и другому: приди, и**

приходит; и слуге моему: сделай то, и делает" (Мф. 8:8,9). Он укрепил душу его похвалами; и как, обличая иудеев, обвинявших Его за субботу, в том, что Он нарушает закон, доказал, что Он может изменять законы, – так точно и здесь, когда Ему сказали, что "**делает Себя равным Богу**", Он, обещая то, что принадлежит только Отцу, укоряя их и обличая и делами доказывая, что Он не богохульствует, представил нам неоспоримое доказательство, что Он может делать то же, что и Родитель. Заметь же, как Он желает доказать, что принадлежащее только Отцу принадлежит и Ему; Он не просто восставил расслабленного, но, сказав: "**но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть**

на земле прощать грехи". Так он желал и старался доказать особенно то, что Он имеет одинаковую власть с Отцом.

8. Итак, будем тщательно удерживать в памяти все это, равно как и сказанное вчера и прежде того дня, и молить Бога, чтобы оно осталось неизменным в нашей душе, и с своей стороны будем прилагать старание и приходить сюда постоянно. Таким образом, и прежде сказанное мы сохраним и другое вновь приобретем; а если что-нибудь изгладится временем, то легко можем возвратить непрерывным учением. И не догматы только пребудут целыми и неповрежденными, но и в поведении будет соблюдаться великая осмотрительность, и проведем мы настоящую жизнь в радости и душевном спокойствии. Подлинно, какая бы скорбь ни возмущала душу, когда мы придем сюда она легко может прекратиться, потому что и теперь Христос присутствует, и приступающей к Нему с верою удобно может получить исцеление. Борется ли кто с постоянною бедностью, имеет ли недостаток в необходимом пропитании и часто ложится спать голодным? Пришедши сюда и выслушав Павла, который говорит, что он проводил жизнь в голоде, в жажде и наготе, и не один, не два и не три дня, но постоянно переносил это, – а это именно выражают слова его: "**даже доныне терпим голод и жажду, и наготу**" (1Кор. 4:11), – он получит достаточное утешение, научившись из сказанного, что не по ненависти и забвению о нем Бог попустил ему жить в бедности, – потому что если бы это было следствием ненависти, то Он не поступил бы испытывать это Павлу, который был любезен Ему больше всех людей, – а по попечению и промышлению и с целью – вести к большему любомудрию. Подвергается ли кто-нибудь другой болезни и бесчисленным страданиям телесным? Достаточным утешением для него могут быть тела этих расслабленных, и вместе с ними блаженный и доблестный ученик Павлов, который постоянно находился в болезнях и никогда не имел отдохновения от продолжительной немощи, как и Павел говорил: "**употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов**" (1Тим. 5:23), а не просто недугов. Иной оклеветан, так что распространилась о нём худая молва в народе, и это наполняет скорбью душу его и терзает ее непрестанно? Такой, пришедши и услышав: "**блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах**" (Мф. 5:11,12), отложит всякую скорбь и получит всякую радость, потому что Господь сказал: "**возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, когда пронесут имя ваше, как бесчестное**" (Лк. 6:22,23). Таким образом, Он утешает тех, о которых говорится худо; а тех, которые говорят худое, Он устрашает другими словами: "**за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда**"*,* как о добром, так и о худом (Мф. 12:36). Иной потерял дочь, или сына, или кого-нибудь из близких? И тот, пришедши сюда, и услышав Павла, который скорбел в настоящей жизни, и желал видеть будущую, и тяготился пребыванием, выйдет отсюда с достаточным врачевством от слов его: об усопших же (κεκοιμημνων) "**не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших** [2]**, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды**" (1Фес. 4:13). Не сказал: *об умерших* (απουνησκόντων), но: *об усопших,* выражая, что смерть есть сон. Как тогда, когда мы видим спящего, мы не тревожимся и не смущаемся, ожидая, что он непременно встанет, – так и тогда, когда увидим умершего, не будем смущаться и падать духом, – потому что и это сон, хотя продолжительнейший, однако сон же. Так названием усыпления он утешил плачущих и отразил возражения неверующих. Если, говорит, ты нетерпеливо оплакиваешь усопшего, то делаешься подобным неверующему, который не имеет надежды воскресения. Тот справедливо плачет, так как не может нисколько любомудрствовать о будущем; а ты, получивший столько доказательств касательно жизни будущей, зачем впадаешь в ту же слабость, как и он? Поэтому и говорит: об усопших же "**не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды**".

Не из Нового только, но и из Ветхого Завета можно заимствовать достаточное утешение. Так, когда ты слышишь об Иове, который после потери имущества, после погибели стад, потерял не одного, двух, или трех, а целый сонм детей в самом цветущем возрасте, при таких душевных добродетелях, то хотя бы ты был слабее всех, можешь легко ободриться и сделаться терпеливым. Ты, человек, по крайней мере, находился при больном сыне, видел его лежащим на одре, слышал последние слова его, присутствовал при последнем вздохе, закрыл ему глаза и заключил уста; он же не присутствовал при своих детях, когда они испускали дух, не видел их при смерти, но одним гробом послужил для всех их дом, и на одну и ту же трапезу излился их мозг вместе с кровью, – и бревна, и черепицы, и пыль, и раздавленные тела, все смешалось вместе. Однако и после столь многих и столь великих зол он не плакал и не роптал, но что говорил? "**Господь дал, Господь и взял; [как угодно было Господу, так и сделалось;] да будет имя Господне благословенно!**" (Иов. 1:21). Эти слова будем говорить и мы при всех обстоятельствах, случающихся с нами; случится ли потеря имущества, болезнь телесная, обида, клевета, или какое-нибудь другое из человеческих бедствий, будем говорить: "**Господь дал, Господь и взял; [как угодно было Господу, так и сделалось;] да будет имя Господне благословенно!**". Если мы будем так любомудрствовать, то никогда не потерпим никакого зла, хотя бы испытывали бесчисленное их множество, но произойдет больше пользы, нежели вреда, больше благ, нежели зол; этими словами ты сделаешь милостивым к тебе Бога, и отразишь насилие врага. Как только язык произносит эти слова, тотчас отбегает диавол; а когда он отбегает, тогда удаляется и облако печали, вместе с удалением его рассеиваются и прискорбные наши помыслы; и кроме всего этого ты приобретешь все блага и здешние, и небесные. Верный пример этого в Иове, в апостолах, которые, презрев для Бога здешние бедствия, получили вечные блага. Будем же покорными, и станем радоваться всему случающемуся и благодарить человеколюбивого Бога, чтобы нам и настоящую жизнь провести благополучно, и сподобиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава, честь и держава всюду, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Здесь Златоуст соединяет два случая исцеления: с дочерью хананеянки и с отцом другого беснующегося.

[2] С греческого текста Нового Завете точный перевод слов "περί των κοιμωμένον" - "об усопших", а не "о умерших", как в славянском и русском синодальном переводах.

БЕСЕДЫ О НАДПИСАНИИ КНИГИ ДЕЯНИЙ

БЕСЕДА I

о тех, которые не пришли в церковное собрание; о том, что не должно оставлять без внимания надписания божественных писаний; о надписи на жертвеннике и о новопросвещенных

Этой беседой начинается ряд бесед, всего пять, по вопросу о надписании книги Деяний; в первой из них говорится о самом заглавии книги, во второй – об авторе, в третьей – о начале книги и о различии между действием и чудом, в четвертой – о пользе чтения Св. Писания, в пятой – о том, почему книга Деяний Апостольских читается в Пятидесятницу. Вторая из этих бесед дошла до нас лишь в недостаточном и даже искаженном виде, почему она и отнесена бенедиктинскими издателями к концу III тома.

1. Что это? Чем далее простираются у нас праздники, тем малочисленнее делаются собрания. Но не будем нерадивыми мы – присутствующее; собрания делаются меньшими по количеству, но не меньшими по усердию, меньшими по числу, но не меньшими по расположению. Они делаются меньшими, "**дабы открылись между вами искусные**" (1Кор. 11:19), для того, чтобы мы узнали – кто приходит в годовой праздник по привычке, кто по расположению к божественным изречениям, кто по желанию слушать о духовных предметах. В предыдущий воскресный день весь город был здесь, ограды были наполнены, народ уподоблялся волнам, приливавшим и отливавшим; но для меня ваша тишина вожделеннее тех волн, для меня ваше спокойствие достопочтеннее того шума и смятения. Тогда можно было считать присутствовавшие тела, а теперь – души, исполненные благочестия. Если бы это собрание, малочисленное и состоящее больше из бедных, и то собрание, многочисленное и составленное больше из богатых, – если бы оба эти собрания кто-нибудь захотел положить на весы для взвешивания, то нашел бы, что первое имеет перевес. Вы меньше по количеству, но, достопочтеннее по усердию. Так бывает и с взвешиваемыми вещами: если бы кто, взяв десять золотых статиров, положил их на одну чашку весов, а на другую чашку сто медных монет, то сто медных монет перетянули бы весы на свою сторону; но десять золотых по превосходнейшему свойству своему имеют перевес над ними, как важнейшие и драгоценнейшие по существу своему. Так немногие по числу бывают драгоценнее и полезнее многих. Но что я представляю вам примеры от обыкновенных предметов, когда нужно привести изречение Божие, свидетельствующее об этом? Что же говорится в нем? "**Лучше один праведник**", творящий волю Господню, "**нежели тысяча грешников**" (Сир. 16:3). Бывает, подлинно часто бывает один человек равноценен тысячам. И что я говорю: один человек бывает равноценен тысячам? Бывает важнее и достопочтеннее и самой вселенной. Свидетельство на это я представлю из слов Павла. Упомянув о людях бедных, гонимых, оскорбляемых, угнетаемых, он говорит так: "**скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин**" (Евр. 11:37,38). Что говоришь ты? Ужели мир не стоил их, терпевших лишения и озлобления и не имевших отечества? Разве ты не видишь, сколь немногих ты противопоставляешь столь многим? Вижу, говорит, потому и сказал я, что "**мир не был достоин**" их. Я хорошо знаю свойства этих монет. Поставив землю и море, царей и правителей, и вообще весь род человеческий, и противопоставив им двух или трех бедных, я смело могу сказать, что эти бедные весят больше. Они были изгоняемы из отечества, но имели отечеством горний Иерусалим; они проводили жизнь в бедности, но были богаты благочестием; они были ненавистны людям, но любезны Богу. Кто же это были? Илия, Елисей и все подобные им. Не смотри на то, что они нуждались в необходимой пище, но на то, что уста Илии заключили и отверзли небо, а милоть его обратила назад Иордан.

Представляя это, я и радуюсь и скорблю: радуюсь о вас, присутствующих, а скорблю о тех, не присутствующих; очень скорблю, печалюсь и сокрушаюсь сердцем. И кто из людей самых нечувствительных не станет скорбеть, видя, что дела диавола удостаиваются большей ревности? Между тем, если бы они удостаивались даже равной ревности (с делами благочестия), и тогда не было бы нам никакого прощения, никакого оправдания; а когда они удостаиваются гораздо большей, то какое остается нам оправдание? На зрелища приглашают каждый день, и никто не ленится, никто не отказывается, никто не ссылается на множество занятий; но, как готовые и свободные от всякой заботы, бегут все: ни старец не стыдится своей седины, ни юноша не боится пламени своей природной похоти, ни богатый не опасается унизить свое достоинство. А когда нужно идти в церковь, тогда, как бы нисходя с какой-либо высокой степени и унижая свое достоинство, он медлит и идет лениво и потом надмевается, как будто он сделал какое-нибудь одолжение Богу; в театр же где он видит и слышит развратное, спешит, не думая унизить ни себя, ни свое богатство, ни благородство. Желал бы я знать, где теперь те, которые в тот день

беспокоили нас, – потому что присутствие их было причиною беспокойства; желал бы знать, что они делают, какое дело, более необходимое, чем занимающее теперь нас, заняло их. Но никакого у них нет занятия, а одно только тщеславие. Что же может быть безумнее этого? Для чего ты, человек, высокомудрствуешь и думаешь, что делаешь нам одолжение, если, пришедши сюда, бываешь внимательным и слушаешь то, что относится к спасению твоей души? Для чего это, скажи мне? И чем ты превозносишься? Богатством? Шелковыми одеждами? А того не подумаешь, что они – пряди червей и изобретения иноплеменников; что их употребляют и блудницы, и развратники, и расхитители гробниц, и разбойники? Познай истинное богатство и оставь эту надменную и пустую гордость; размысли о тленности своей природы. Ты – земля и пыль, пепел и прах, дым и тень, трава и цвет травный. И такою природою, скажи мне, ты гордишься? Что может быть смешнее этого? Но ты начальствуешь над многими людьми? А что пользы в этом, когда ты, начальствуя над людьми, сам пленник и раб страстей? Как если бы кто-нибудь дома подвергался побоям и получал раны от рабов, а вне, по выходе на площадь стал гордиться начальством над другими, – так и тебя бичует тщеславие, наносит тебе раны распутство, ты – раб всех страстей, и ты гордишься, что начальствуешь над своими соплеменниками? О, если бы ты действительно начальствовал над ними, был равным им по чести!

2. Я говорю это для обвинения не богатых, а худо пользующихся богатством. Богатство не зло, если мы захотим пользоваться им, как должно; а зло – гордость и тщеславие. Если бы богатство было злом, то мы все не молились бы войти в недра Авраама, который имел триста семнадцать рабов, рожденных в его доме. Богатство, следовательно – не зло, а зло – беззаконное употребление его. Как прежде, говоря о пьянстве, я не вино осуждал – потому что "**всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением**" (1Тим. 4: 4); – так и теперь я не богатых обвиняю и не богатство осуждаю, а худое употребление богатства, истрачиваемого на распутство. Потому оно и называется богатством (χρήματα), чтобы мы распоряжались (χρησώμεθα) им, а не оно нами; потому оно и называется стяжанием (κτήματα), чтобы мы владели (κτησώμεθα) им, а не оно нами. Для чего же раба ты делаешь своим господином? Для чего извращаешь порядок? Но я желал бы знать, что делают теперь не пришедшие в собрание и чем они занимаются. Они или играют в кости, или непременно занимаются житейскими делами, исполненными беспокойства. А если бы ты, человек, присутствовал здесь, то был бы в покое и в пристани; домоправитель не пришел бы беспокоить тебя, управитель не смущал бы, раб не тревожил бы житейскими делами, и никто другой не огорчал бы тебя; проводя время спокойно, ты наслаждался бы слушанием божественного учения. Здесь нет никаких волнений, нет никакого смятения, но благословение, молитвы, духовное собеседование, преселение на небо; отсюда вышел бы ты, получив залог царства небесного. Для чего же ты, оставив эту богатую трапезу, перешел к другой, неприятнейшей, и, оставив пристань, променял тишину на беспокойство? Прискорбно, что нет здесь бедных, которые тогда присутствовали, но не так прискорбно, как то, что нет здесь богатых. Почему? Потому, что бедные, содержа себя трудами рук своих, имеют необходимые занятия, заботятся о ежедневной работе, пекутся о пропитании детей, наблюдают за женою, и если бы не трудились, то не могли бы поддерживать своей жизни. Говорю это не с тем, чтобы составить речь в защиту их, но чтобы показать, сколь большего осуждения достойны богатые... Чем большими пользуются они удобствами, тем большего достойны осуждения, потому что ничто подобное не удерживает их.

Не видите ли вы иудеев, враждующих против Бога, противящихся Духу Святому, жестоковыйных? Но не пришедшие сюда хуже всех их. Если тем священники приказывают не делать ничего семь, десять, двадцать, тридцать дней, – они не противоречат, хотя, что может быть несноснее такого бездействия? Они запирают двери, не зажигают огня, не приносят воды, и ничем другим из подобных нужд не позволяют

себе заниматься; они бывают связаны бездействием, как бы цепью, и, однако, не противоречат. А я не говорю ничего такого, не говорю: не делай ничего семь дней, или десять дней; но: удели мне два часа в день, а прочие оставь себе, – и ты не уделяешь мне и этой части. Лучше сказать: не мне удели эти два часа, а самому себе, чтобы тебе получить некоторое утешение от молитвы отцов, чтобы выйти отсюда исполненным благословений, чтобы отойти огражденным со всех сторон, чтобы, приняв духовное оружие, ты сделался непобедимым и неуловимым для диавола. Что может быть приятнее, скажи мне, пребывания здесь? Если бы нужно было проводить здесь целые дни, что вожделеннее этого? Что безопаснее этого места, где столько братьев, где Дух Святой, где посреди стоит Иисус и Отец Его? Где найдешь ты другое такое общество, другое собрание, другой собор? Столько здесь благ на трапезе в поучениях, в благословениях, в молитвах, в совещаниях, – и ты обращаешься к другим собеседованиям? Какое ты имеешь оправдание? Это сказал я не для того, чтобы слушали вы, – вы не имеете нужды в таких лекарствах, доказав делами свое здоровье, послушание, показав усердием свою любовь, – но я сказал это вам с тем, чтобы от вас услышали те, которых нет здесь. Не говорите им только, что осуждал непришедших сюда, но расскажите им всю речь мою с самого начала. Напомните им об иудеях, напомните им о житейских делах; скажите, сколько лучше здешнее собрание; скажите, какую оказывают они заботливость о делах мирских; скажите, какая последует награда тем, которые собираются сюда. Если вы скажете только, что я осуждал их, то возбудите в них гнев, нанесете рану, а лекарства не приложите; но если вы объясните им, что я осуждал их не как враг, а как сетующий друг, и убедите их, что "**искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего**" (Притч. 27:6), то они примут осуждение с великим удовольствием, потому что обратят внимание не на слова, а на расположение говорящего. Так врачуйте братьев ваших. Мы отвечаем за спасение вас присутствующих, а вы – за спасение непришедших. Сами мы не можем иметь сношения с ними; мы будем сноситься с ними чрез вас, чрез ваше наставление; ваша любовь пусть будет для нас некоторым мостом к ним; сделайте, чтобы наши слова чрез ваш язык достигли до их слуха. Впрочем, может быть, уже достаточно сказано о непришедших, и не нужно прибавлять ничего больше. Можно бы сказать и больше, но чтобы не потратить всего времени на такое осуждение, не доставляя никакой пользы вам присутствующим, мы теперь предложим и вам некоторую необыкновенную и новую пищу, – необыкновенную и новую, говорю, не по отношению к духовной трапезе, но необыкновенную для вашего слуха.

3. В прежние дни мы говорили вам об апостольских изречениях и евангельских, когда беседовали об Иуде, говорили вам и о пророческих; теперь хотим сказать из Деяний Апостольских. Потому я и называю эту пищу и необыкновенною, и вместе обыкновенною: обыкновенная она потому, что следует по порядку божественных Писаний, а необыкновенная потому, что ваш слух, может быть, не привык слышать о таком предмете. Многим эта книга даже неизвестна, а многим кажется ясною, и потому оставляется без внимания, так что для одних знание, а для других незнание служит поводом к беспечности. Поэтому, чтобы и незнающие, и считающие себя хорошо знающими уразумели, что она содержит в себе много глубоких мыслей, необходимо сегодня исправить небрежность тех и других. Но, прежде всего, нужно узнать, кто написал эту книгу, потому что таков порядок лучшего исследования, – наперед узнать писателя, человек ли он, или Бог. Если он человек, то мы отвергнем его, потому что Господь говорит: "**не называйте учителем никого на земле**" (Мф. 23:8,9), а если Бог, то примем, потому что наше учение свыше, и таково достоинство этого зрелища – не учиться ничему от людей, но от Бога чрез людей.

Итак, нужно исследовать, кто писатель (этой книги), когда он написал, и о чем, и для чего постановлено читать ее в этот праздник, потому что, может быть, вы в течение всего года

не слышите чтения этой книги. Подлинно, и это знать полезно, а затем нужно исследовать, почему она имеет такое надписание: **Деяния Апостольские**, потому что надписаний не должно оставлять без внимания и не вдруг обращаться к началу сочинения, но, наперед, должно рассматривать название книги. Как у нас голова делает ведомым остальное тело, и лицо, находящееся наверху, служит к его открытию, так и надписание, поставленное наверху, пред сочинением в заглавии его, делает для нас более известным прочее, содержащееся в писании. Не видите ли и на изображениях царских, как вверху начертывается изображение с надписью царя, а внизу в основании пишутся трофеи, победы, подвиги? Тоже можно видеть и в писаниях. Вверху начертано царское изображение, а внизу написаны победы, трофеи, подвиги. Так мы поступаем и тогда, когда получаем письмо: не вдруг разрываем перевязку и не тотчас читаем находящееся внутри, но, наперед, обращаем внимание на внешнюю надпись и из нее узнаем, кто послал, и кому следует получить. Как же, не безрассудно ли в делах житейских оказывать такое усердие, и не возмущаться, и не тревожиться, но делать каждое дело по порядку, а здесь негодовать и спешить скорее приступить к началу? Хотите ли знать, сколько силы в надписании, сколько важности, какое сокровище находится в заглавиях писаний? Послушайте, чтобы вам не пренебрегать надписанием божественных книг. Некогда Павел пришел в Афины. В этой самой книге написано повествование об этом. Он нашел в городе не божественную книгу, а идольский жертвенник; нашел и надпись следующую: "**неведомому Богу**", и не прошел мимо, но чрез надпись жертвенника ниспроверг сам жертвенник (Деян. 17:23). Так святой Павел, имевший благодать Духа, не прошел мимо надписи жертвенника, а ты не обращаешь внимания на надписи Писаний? Он не оставил без внимания того, что написали афиняне идолопоклонники, а ты не считаешь необходимым того, что написал Дух Святой? Какое же ты можешь иметь оправдание? Но посмотрим, сколь великая польза бывает от надписи. Когда ты увидишь, что такую силу оказала надпись, начертанная на жертвеннике, то поймешь, что гораздо больше могут значить надписи божественных Писаний. Павел вошел в город и нашел жертвенник, на котором было написано: "**неведомому Богу**". Что нужно было делать? Жители все были язычники, все нечестивые. Что же следовало делать? Говорить из Евангелий? Но они стали бы насмехаться. Из пророческих писаний и из закона? Но они не поверили бы. Что же он сделал? Он прибегнул к жертвеннику и оружием врагов победил их самих. Здесь исполнилось то, что он говорит: "**всем поработил себя, для Иудеев я был как Иудей, для чуждых закона – как чуждый закона**" (1Кор. 9:20-23). Он увидел жертвенник, увидел надпись, и восстал духом. Такова благодать Духа; она производит то, что получившие ее отвсюду извлекают пользу; таково наше оружие духовное, "**пленяем**", говорит он, "**всякое помышление в послушание Христу**" (2Кор. 10:5). Итак, он увидел жертвенник и не устрашился, но обратил жертвенник в свою пользу, или – лучше – оставив письмена, изменил их смысл. Как военачальник на войне, увидев в отряде неприятелей храброго воина, и потом, взяв этого воина за волосы, переставил бы его в свой отряд и заставил бы сражаться за себя, так сделал и Павел: нашедши надпись, начертанную на жертвеннике, как бы в отряде неприятелей, он перевел ее в свой отряд, чтобы она вместе с Павлом воевала против афинян, а не действовала вместе с афинянами против Павла, потому что эта надпись была мечом афинян, была копьем неприятелей, но этот самый меч отсек неприятелям голову. Не было бы так удивительно, если бы он победил собственным своим оружием, потому что это понятно; а то ново и необыкновенно, когда оружие неприятелей и их злоухищрения обращаются против неприятелей, когда меч, который они заносят на нас, наносит им самим смертельную рану.

4. Такова сила Духа. Так поступил некогда и Давид. Он вышел без оружия, чтобы ясно открылась благодать Божия. Пусть, говорит, не будет ничего человеческого, когда за нас ратоборствует Бог. Итак, он вышел без оружия – и ниспроверг ту башню. Затем, так как не

имел оружия, он подбежал и схватил меч Голиафа, и таким образом отсек голову иноплеменнику. Так поступил и Павел с этой надписью. А чтобы способ его победы сделался более ясным, я раскрою вам силу надписи. Итак, Павел нашел в Афинах жертвенник, на котором было написано: "**неведомому Богу**". Кто же был этот неведомый, как не Христос? Видишь ли, как он "**пленил**" эту надпись, не во вред написавшим, а на спасение им и пользу? Что же, скажут, неужели афиняне написали ее для Христа? Если бы афиняне написали ее для Христа, то это не было бы так удивительно; а то удивительно, что они написали в одном смысле, а он мог дать тому же самому другой смысл. Прежде всего, необходимо сказать, почему афиняне написали: "**неведомому Богу**". Почему же они написали? Они имели много богов, или – вернее – много бесов, потому что "**все боги народов – идолы**" (Пс. 95:5). Они имели богов и отечественных и чужеземных. Видите, как это смешно. Если Бог есть, то он не может быть чужеземным, потому что Он владыка всей вселенной. Итак, одних из богов они приняли от отцов, других от соседних народов, как-то: от скифов, от фракийцев, от египтян, и если бы вы были сведущи во внешней науке, то я рассказал бы вам все эти повести. Поэтому, так как они не всех богов приняли с самого начала, но мало-помалу боги были вводимы у них, одни от предков, а другие при собственном их поколении, то, собравшись, они сказали друг другу: как этих мы не знали, а потом впоследствии приняли и признали, так может случиться, что есть иной неведомый, Бог истинный, но неизвестный нам, который по этому незнанию нашему пренебрегается нами и не почитается. Что же вышло? Они поставили жертвенник и написали; "**неведомому Богу**", выражая надписью следующее: если есть какой другой Бог, еще неизвестный нам, то мы будем почитать и Его. Посмотри на крайнее суеверие. Поэтому и Павел в начале речи сказал: "**по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны**" (Деян. 17:22), потому что вы почитаете не только известных вам богов, но и еще неизвестных вам. Они по сказанной причине написали: "**неведомому Богу**", а Павел так объяснил это. Они сказали это о других богах, а он обратил то же самое ко Христу, пленив смысл (надписи) и поставив ее с собою в свой отряд: "**Сего-то**", говорит, "**Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам**" (Деян. 17:23), потому что неведомый Бог есть никто другой, как Христос. И посмотри на его благоразумие духовное. Они могли обвинять его так: ты предлагаешь слуху нашему странное учение, вносишь новости, вводишь Бога, которого мы не знаем. Поэтому, желая отклонить подозрение в нововведении и показать, что он проповедует не нового Бога, но того, которого они еще прежде почитали служением, он прибавил: "**Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам**". Вы, говорит, предупредили меня; ваше богопочитание предварило мою проповедь. Не обвиняйте же, будто я ввожу нового Бога; я возвещаю Того, Которого вы не зная почитаете, хотя недостойным Его образом, однако почитаете, потому что для Христа не такой ставится жертвенник, а одушевленный и духовный; но я могу возвести вас от этого и к тому. Так и иудеи некогда почитали Бога, но потом отстали от чувственного богопочитания, и перешли к духовному, уверовав все. Видишь ли мудрость Павла? Видишь ли его благоразумие? Видишь ли, как он одержал над ними победу не посредством евангельских изречений или апостольских, но посредством надписи? Не оставляй же без внимания, возлюбленный, надписания божественных изречений. Если ты будешь внимателен и осмотрителен, то и в постороннем найдешь нечто полезное; а если будешь нерадив и беспечен, то и от божественных Писаний не будет тебе никакой пользы. Как умеющий извлекать выгоду отовсюду извлекает ее, так не умеющий, хотя бы нашел сокровище, остается ни с чем. Хотите ли, я представлю вам и другой подобный пример того, как некто говорил в ином смысле, а евангелист обратил силу сказанного в свою пользу? Слушайте же внимательно, чтобы вам уразуметь, как и он пленил смысл (речи) в послушание Христово, чтобы вам узнать, что, если мы можем пленять себе чужое, то тем более, трудясь над собственным, получим пользу. Первосвященником в тот год был Каиафа. И это было следствием нечестия иудеев, потому что они унизили достоинство священства, сделав первосвященников продажными. А прежде не было так, но только

лишь со смертью оканчивалось священство первосвященника; тогда же и живые лишаемы были этой чести. Итак, первосвященником в тот год был Каиафа, который вооружал иудеев против Христа и говорил, что ему должно умереть, хотя не мог обвинить Его ни в чем, но быв снедаем завистью. Такова зависть: так воздает она за благодеяния! Поэтому, приводя и причину злоумышления, он говорил: "**лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб**" (Ин. 11:50). Посмотри, как сила этого изречения была на нашей стороне, дабы тебе уразуметь, что, хотя это были слова священника, но смысл их мог сделаться духовным. "**Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. Сие же он сказал не от себя**", говорит евангелист, а потому, что был архиерей "**будучи на тот год первосвященником, предсказал**", что Христу должно умереть не только, за иудеев, но и за все народы (Ин. 11:51); поэтому он и сказал, что "**лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб**". Видишь ли силу Божию, как она заставляет язык врагов говорить за истину?

5. Итак о том, чтобы не оставлять без внимания надписей божественных Писаний, довольно сказано, если вы будете помнить. Еще хотел бы я сказать, кто писатель этой книги, когда и для чего он написал ее. Но пока удержим в памяти сказанное, а это отложим на следующий день, если Богу будет угодно. Я хочу, наконец, обратить речь к новопросвещенным. Новопросвещенными же я называю не тех только, которые крещены за два, за три, или за десять дней, но и за год, и больше того, потому что и их можно так назвать. Если мы будем оказывать великое попечение о своей душе, то можно быть новопросвещенными и по прошествии десяти лет, если мы сохраним обновление, доставленное нам крещением, потому что не время делает ново-просвещенным, а чистая жизнь. А невнимательный может и чрез два дня потерять достоинство этого названия. Я приведу вам и пример того, как новопросвещенный вскоре, чрез два дня, потерял и благодать и честь новопросвещенного, а приведу пример для того, чтобы вы, видя падение, берегли собственное спасение, потому что примером не устоявших только, но и падших, вам нужно исправляться и навидаться. Симон волхв, говорится в Писании, обратился и, приняв крещение, оставался при Филиппе, взирая на знамения; но спустя не много дней, возвратился к своему нечестию и за деньги хотел купить спасение. Что же сказал Петр этому новопросвещенному?

"**Вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды: молись Богу: может быть, опустится тебе**" это нечестие (Деян. 8:23. 22). Еще не вышел он на подвиги, и уже пал непростительным падением. Итак, как чрез два дня можно пасть и потерять название и благодать новопросвещенного, так и спустя десять лет, и двадцать, и даже до последнего дня можно сохранить это светлое и почтенное имя и состояние. Свидетель этому апостол Павел, который в старости просиял еще более. Так как это обновление происходит не от природы, но в выборе того или другого состояния мы сами властны, то от нас зависит и состарившись остаться юными. Что касается тела, то хотя бы иной употреблял все усилия, хотя бы принимал все меры, и не изнурял его, оставлял его дома, не обременял его трудами и постоянными работами, при всем том по закону природы непременно постигнет его старость; а с душою не так: если ты не будешь изнурять ее и истощать житейскими трудами и мирскими заботами, то она навсегда остается светлою, сохраняя юность. Не видите ли вы эти звезды на небесах? Уже шесть тысяч лет они светят нам, и ни одна из них не сделалась темнее. Если же там, где действует природа, столь долго остается свет непомраченным, то не гораздо ли более там, где действует воля, светлость может остаться такою же, как она сияла вначале? Или лучше, если мы захотим, то она не только останется такою, но и сделается еще светлее, так что сравнится с самими лучами солнечными. Хочешь ли знать, как можно быть новопросвещенным и спустя много времени? Послушай, что говорит Павел к людям, крещенным за много времени

пред тем. "**Вы сияете, как светила в мире, содержа слово жизни, к похвале моей**" (Флп. 2:15,16).

Вы сняли с себя старую, разодранную одежду, помазались духовным миром, все сделались свободными; пусть же никто не возвращается к прежнему рабству; ваши дела – борьба и подвиг.

Никто из рабов не подвизается, никто из слуг не ведет ратоборства; но если найден будет какой-нибудь раб, то с наказанием исключается из числа воинов. И не только в воинском деле, но и на олимпийских играх господствует такой же обычай. Спустя тридцать дней, проведенных здесь, борцов выводят и обводят по предместьям города, и когда все зрители сядут на зрелище, то провозвестник возглашает: не может ли кто обвинить этого в чем-нибудь? Когда таким образом он будет избавлен от всякого подозрения в рабстве, тогда и выступает на подвиги. Если же диавол не допускает рабов на свои подвиги, то как ты, будучи рабом греха, осмеливаешься выступать на подвиги Христовы? Там провозвестник говорит: не может ли кто обвинить этого в чем-нибудь; а здесь Христос не так говорит, но хотя бы все обвиняли человека прежде его крещения, Он говорит: Я приму его, освобожу от рабства и, сделав свободным, выведу на подвиги. Видишь человеколюбие Подвигоположника? Он не исследует прежнего, но требует отчета в последующем. Когда ты был рабом, то имел бесчисленное множество обвинителей: совесть, грехи, всех бесов; но никто из них, говорит Он, не возбудил Меня против тебя, и Я не признал тебя недостойным Моих подвигов, но допустил к борьбе – не за твое достоинство, а по Моему человеколюбию; не отступай же и подвизайся, хотя бы нужно было бегать, хотя бы вступать в рукопашный бой, хотя бы испытывать все виды ратоборства, – и не скрытно, не тщетно, не напрасно. Послушай, как поступил Павел: лишь только вышел из воды, тотчас после крещения он начал подвизаться, проповедовал, что "**сей есть Сын Божий**" (Деян. 9:22), и с первого же дня приводил иудеев в смущение. Но ты не можешь проповедовать, не имеешь дара учительства? Поучай делами и поведением, светом деяний. "**Так да светит**", сказал Господь, "**свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Мф. 5:16). Не можешь приводить иудеев в смущение словами? Сделай, чтобы они приходили в смущение от твоего поведения, сделай, чтобы и язычники пришли в смущение от твоей перемены. Когда они увидят, что тот, который прежде был распутным, порочным, беспечным, развратным, вдруг переменился, и после благодатного изменения показывает перемену в поведении, то не придут ли они в смущение и не скажут ли, как говорили некогда иудеи о слепом: "**не тот ли это; это он, а иные: похож на него**" (Ин. 9:8,9)? Это – слова людей, приведенных в смущение, которые сомневаются в известном им, разногласят с самими собою, не верят собственному сознанию и собственным глазам. Тот избавился от слепоты телесной, а ты избавился от слепоты душевной; тот стал смотреть на это солнце, а ты взирай на Солнце правды. Ты познал Владыку: делай же достойное этого знания, чтобы тебе получить и царство небесное, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым и Животворящим Духом, слава, честь, держава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА II

в собрании, бывшем чрез несколько времени в древней церкви, на надписание Деяний Апостольских, и о том, что добродетельная жизнь полезнее знамений и чудес, и чем отличается деятельность от знамений

1. После долгого времени опять мы возвратились к нашей матери, к этой вожделенной и любезной для всех церкви, к матери нашей всех и церквей. Подлинно, она – мать не

только потому, что старше других по времени, но и потому, что основана руками апостольскими. Быв часто разрушаема за имя Христово, она опять была восстановляема силою Христовою, потому что не апостольские только руки основали ее, но и изречение Владыки апостолов оградило ее новым и необыкновенным способом ограждения. Не дерева и камни Он сложил, чтобы построить ее ограду; не проводил рва извне, не вколачивал свай и не воздвигал башен, чтобы обезопасить ее; но изрек только два простых слова – и этого достаточно было для нее вместо стены, башни, рва и всякого укрепления. Какие же это слова, в которых заключается такая сила? "**На сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее**" (Мф. 16:18). Вот стена, вот ограда, вот укрепление, вот пристань и прибежище! Несокрушимость этой стены ты можешь видеть из следующего. Христос не сказал, что только нападения людей не одолеют ее, но и самые злоухищрения ада: "**врата адова**", говорит, "**не одолеют ее**". Не сказал: не будут нападать на нее, но: "**не одолеют ее**", – будут нападать, но не победят ее. А что значит: "**врата адова**"? Может быть, это выражение не ясно. Рассмотрим, что такое ворота города, и тогда узнаем, что такое "**врата адова**". Воротами города называется вход в город; следовательно, и "**врата адова**" есть опасность, ведущая в ад. Таким образом, смысл слов Его следующий: хотя бы устремились и напали такие опасности, которые в состоянии увлечь нас в сам ад, церковь останется непоколебимою. Он мог не допустить, чтобы церковь испытывала бедствия: почему же допустил? Потому, что гораздо важнее допустить искушения и сделать, чтобы от них не происходило никакого зла, нежели не допускать их. Поэтому Он допустил все искушения, чтобы сделать ее опытнейшею, так как "**от скорби происходит терпение, от терпения опытность**" (Рим. 5:3,4). А чтобы больше показать свою силу, Он исторгает ее из самих врат смерти. Для того Он и допустил быть буре, но не допустил, чтобы утопала ладья. Так и кормчему удивляемся мы не тогда, когда он спасает ладью, плывя с попутным ветром, или когда ветер дует против кормы корабля, но тогда, когда море бушует, волны ярятся, буря свирепствует, а он, противопоставив стремлению ветров свое искусство, избавляет корабль от этой бури. Так сделал и Христос. Пустив Церковь носиться по вселенной, как корабль по морю, Он не уничтожил волнения, но избавил ее среди волнения, не утишил море, но обезопасил корабль; тогда как везде восставали народы, подобно яростным волнам, и злые духи нападали на нее, как буйные ветры, и со всех сторон поднималась буря, Он доставлял Церкви великую тишину; и, что поистине удивительно, не только буря не потопила корабля, но еще корабль укротил бурю: непрестанные гонения не только не потопили Церкви, но сами сокрушились о Церковь. Как, каким образом и от чего? От того изречения, в котором сказано: "**врата адова не одолеют ее**". Сколько усилий употребляли язычники, чтобы упразднить это слово, чтобы сделать бессильным это изречение, и не могли уничтожить его? Потому что это – изречение Божие. Как на башню, построенную из адамантовых камней и твердо связанную железом, нападая со всех сторон, враги не могут ни пошатнуть здания, ни разрушить его связей, но удаляются, нисколько не повредив башни и не причинив никакого зла, а, только истощив собственные силы, так точно и на это изречение, как бы на высокую башню, крепко сооруженную среди вселенной, со всех сторон нападали язычники, но только обнаружили его крепость, а сами, истощив силы свои, умерли. Каких, в самом деле, злоумышлений не делали они против этого изречения? Выходили войска, поднималось оружие, вооружались цари, волновались народы, восставали города, раздражались судии, придумывались всякого рода казни, не опущен ни один вид наказания: и огонь, и железо, и зубы зверей, и низвержение со скал, и потопление, и пучина, и дерево, и крест, и печь, и все, какие когда-либо виданные мучения, были употреблены в дело; невыразимое множество угроз, неисчислимые обещания почестей, чтобы первыми устрашить, а последними ослабить и обольстить. Не опущен был ни один вид обольщения и насилия. Отцы предавали детей, и дети отказывались от отцов, матери забывали о болезнях деторождения, и нарушались законы природы. Но основания Церкви и тогда не поколебались, и хотя война поднимаема была со стороны самых близких,

однако не коснулась ее стен, по тому же изречению: "**врата адова не одолеют ее**". Не смотри, что это – слова; но они – слова Божии. Словом Бог утвердил небо и словом основал землю на водах (Псал. 32:6;103:5), устроив так, что вещество твердое и тяжелое держится на легком и жидком, и море, неудержимое в ярости и поднимающееся такими волнами, словом оградил Он со всех сторон слабою стеною, – песком. Итак, чему ты удивляешься, если Тот, Кто словом утвердил небо, основал землю и положил предел морю, тем же словом оградил Церковь, которая драгоценнее неба, и земли, и моря?

2. Но, когда здание столь непоколебимо, стена столь неразрушима, то посмотрим, как апостолы полагали основания, сколь глубокий выкапывали ров, чтобы здание было непоколебимо. Они не выкапывали в глубину; в таком труде они не имели нужды. Почему? Потому, что нашли прежнее, древнее основание, положенное пророками. Как человек, намеревающийся построить большой дом, нашедши старое основание, крепкое и непоколебимое, не разбирает этого основания, не трогает камней, но, оставив его неподвижным, на нем и воздвигает новое и позднейшее здание, так и апостолы, намереваясь созидать это великое здание, – основанную по всей вселенной церковь, – не выкапывали в глубину, а нашедши древнее основание, положенное пророками, не разбирали его, не трогали их здания и учения, но оставив его неподвижным, на нем воздвигли свое учение, эту новую веру Церкви. А чтобы ты убедился, что они не трогали древнего основания, но на нем созидали, послушай самого премудрого строителя, Павла, который в точности объясняет нам это строение, потому что, он есть премудрый строитель: "**как мудрый строитель**", говорит он, "**положил основание**" (1Кор.3:10). Посмотрим же, как полагал он основание. На другом, говорит он, древнем основании, положенном пророками. Откуда это видно? "**Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым, быв утверждены на основании Апостолов и пророков**" (Еф. 2:19,20). Видишь ли, основание и основание, одно – от пророков, а другое – от апостолов, положенное сверху? И то удивительно, что апостолы пришли не тотчас после пророков, но спустя много времени. Почему? Потому, что так поступают отличнейшие из строителей: когда они положат основание, то не тотчас воздвигают на нем здание, чтобы не отвердевшее и недавно построенное основание не оказалось неспособным вынести тяжесть стен. Поэтому они дают много времени камням окрепнуть, и уже тогда, когда увидят, что камни хорошо скрепились, воздвигают на них и тяжелые стены. Так сделал и Христос: Он дал основанию пророческому окрепнуть в душах слушателей и учению их утвердиться, и когда увидел, что здание непоколебимо и священное учение внедрено так, что может выдержать новое любомудрие, тогда послал апостолов – воздвигнуть стены церкви на основании пророков. Поэтому апостол не сказал: построенные (οικοδομηθέντες) на основании пророков, но воздвигнутые (εποικοδομηθέντες), построенные сверху. Построим же, как они были воздвигнуты.

Но откуда мы узнаем это? Откуда, как не из книги Деяний, о которой мы и в предыдущие дни беседовали с вами? Кажется, тогда остался за нами небольшой долг, который нужно уплатить вам сегодня. Какой этот долг? Мы должны истолковать самое надписание книги, потому что оно не просто и не ясно, как думают многие, но требует истолкования. Какое же надписание книги? **Деяния Апостолов.** Не кажется ли оно ясным? Не кажется ли известным и очевидным для всех? Но если вы вникнете в эти слова, то вы увидите, какая глубина в этом надписании. Почему писатель не сказал: ***чудеса*** апостолов? Почему не надписал: ***знамения*** апостолов или: ***силы и чудотворения*** апостолов, но: **Деяния Апостолов?** Не одно и то же – деяния и знамения; не одно и то же – деяния и чудеса; не одно и то же – деяния, чудотворения и силы; но великая разность между теми и другими. Деяние есть дело собственного усердия, а чудо есть дар божественной благодати. Видишь ли, какое различие между деянием и чудом? Деяние есть плод человеческих трудов, а чудо есть знак божественного дарования; деяние берет свое начало от нашего

произволения, а чудо имеет своим источником благодать Божию; последнее – от горней помощи, а первое – от дольнего расположения. Деяние слагается из того и другого, и из нашего усердия и из божественной благодати, а чудо проявляет одну только вышнюю благодать, нисколько не имея нужды в наших трудах. Деяние состоит в том, чтоб быть кротким, целомудренным, умеренным, обуздывать гнев, побеждать похоть, подавать милостыню, являть человеколюбие, упражняться во всякой добродетели; это – деяние, труд, усилие наше. А чудо состоит в том, чтобы прогонять бесов, отверзать очи слепым, очищать тела прокаженных, укреплять расслабленные члены, воскрешать мертвых и совершать другие подобные чудотворения. Видишь ли, какое различие между деяниями и чудесами, деятельностью и знамениями, нашим усердием и Божиею благодатью?

3. Хочешь ли, я покажу тебе и другое различие? Ради вас я сегодня предлагаю это слово, чтобы вы узнали, что такое чудо и знамение. Чудо – больше и страшнее, и оно превосходит наше естество, а деяние и образ жизни, хотя меньше знамений, но полезнее и плодотворнее, потому что воздаяние бывает за труды и награда – за усердие. И чтобы тебе убедиться, что деяние плодотворнее и полезнее знамения, вспомни, что добрая деятельность и без знамений возводила совершавших ее на небо, а чудеса и знамения без доброй жизни не могли довести даже до преддверия к нему. А как это, я покажу, вы же замечайте, как деяния имеют преимущество при раздаянии наград, как знамения сами по себе не спасают тех, которые совершают их, а деяние само по себе, без всего другого, доставляет спасение совершающим его."**Многие скажут Мне** ", говорит Христос, "**в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали?** Это – знамение и чудо. "**Не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?**" Видишь ли во всем этом знамения и чудеса? Посмотрим же, что говорит Бог. Так как здесь одни только чудеса, и никаких добрых дел, то "**отойдите**" говорит Он, "**от Меня, делающие беззаконие**" (Мф. 7:22, 23). Но если Ты не знаешь их, то как знаешь, что они делали беззаконие? Так сказал Он, дабы ты знал, что слова: "**Я никогда не знал вас**", означают не незнание, но отчуждение и отвращение. "**Я никогда не знал вас**". За что же, скажи мне? "**Не Твоим ли именем бесов изгоняли?**" За то, говорит Он, Я чуждаюсь и отвращаюсь от вас, что вы и при дарованиях не сделались лучшими, что вы, получив такую честь, остались при том же нечестии.

"Отойдите от Меня. Я никогда не знал вас". Что же? Неужели в древности недостойные получали дарования, и развратные по жизни совершали знамения и удостаивались божественных даров, не заботясь о добродетельной жизни? Получали по человеколюбию Божию, а не по собственному достоинству. Тогда нужно было, чтобы учение благочестия посеяно было везде, потому что было начало и первые опыты веры. Как превосходный земледелец прилагает великое попечение о новонасажденном дереве, которое недавно посадил он в недра земли и которое еще нежно, окапывая его со всех сторон, ограждая и камнями и тернием, чтобы оно не было вырвано ветрами, или испорчено животными, или не потерпело вреда от чего-нибудь другого, а когда увидит, что оно и укрепилось и поднялось в высоту, то отнимает ограды, потому что само дерево уже в состоянии защитить себя от всякого подобного вреда, – так было и с верою. Когда она была новонасажденною, когда она была нежною, когда она еще недавно насаждена была в душах людей, то со всех сторон окружена была великими попечениями; а когда она укрепилась, укоренилась и поднялась в высоту, когда наполнила всю вселенную, тогда, наконец, Христос отнял ограды и уничтожил подпорки. Поэтому вначале и недостойным были подаваемы дарования, потому что в древности для веры нужна была эта помощь; теперь же и достойным они не даются, потому что сила веры уже не имеет нужды в такой помощи. А дабы тебе убедиться, что и те не ложно, но действительно совершали знамения, и что дарования были подаваемы и недостойным людям, для того, чтобы, кроме вышесказанного, достигалась и другая цель, чтобы они, устыдившись дара Божия,

оставили свое нечестие, – вспомни об Иуде, одном из двенадцати апостолов. Все признают, что он совершал знамения, изгонял бесов, воскрешал мертвых, очищал прокаженных, и однако он лишился царства небесного. Знамения не могли спасти его, потому что он был разбойник, вор и предатель Господа. Это доказывает, что знамения, без доброго поведения, без жизни чистой и строгой, не могут спасти; а что добрая жизнь, не получающая утешения от знамений, и без их помощи, сама по себе, может с дерзновением вводить людей в царство небесное, о том послушай самого Христа, который говорит: "**приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**" (Мф. 25:34). За что? За то, что они воскрешали мертвых, очищали прокаженных, изгоняли бесов? Нет; а за что? Вы видели Меня, говорит Он, "**ибо алкал Я,**

и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня" (Мф. 25:35,36).

Никаких чудес, а все добрые дела. Таким образом, как там одни только чудеса, и тотчас наказание, потому что чудеса были без добрых дел, так здесь одни только дела, а никаких чудес, и тотчас спасение, потому что добрые дела сами по себе могут спасти тех, которые имеют их. Вот почему и этот блаженный, доблестный и дивный Лука надписал свою книгу: **Деяния Апостолов**, а не чудеса апостолов, хотя они совершали и чудеса. Чудеса были в свое время и прошли, а деяния во всякое время должны оказывать все, желающие спастись. А так как мы должны соревновать не знамениям, но деяниям апостолов, то он так и надписал свою книгу. Чтобы ты не сказал, или лучше – чтобы не сказали ленивые, когда мы убеждаем их подражать апостолам, и говорим: подражай Петру, соревнуй Павлу, будь подобным Иоанну, последуй Иакову, – чтобы они не сказали: мы не можем, мы не в состоянии, потому что апостолы воскрешали мертвых, очищали прокаженных, апостол, обуздывая бесстыдное наше оправдание, говорит: умолкни, не возражай; не чудеса, а добрая жизнь вводит в царство небесное.

Итак, подражай жизни апостолов – и ты будешь иметь нисколько не меньше апостолов. Не знамения сделали их апостолами, но чистая жизнь. А что это составляет отличие апостольства и признак учеников Христовых, послушай, как сам Христос указывает на этот признак. Он, начертывая образ учеников своих и показывая, что составляет отличительный признак апостольства, сказал: "**По тому узнают все, что вы Мои ученики**".

"**По тому**", из чего? Из того ли, чтобы творить чудеса, воскрешать мертвых? Нет, говорит: а из чего? "**По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою**" (Ин. 13:35). Любовь же относится не к чудесам, а к деятельности, потому что "**любовь есть исполнение закона**" (Рим. 13:10). Видишь ли признак учеников Христовых? Видишь ли отличие апостольства? Видишь ли образец? Видишь ли начертание? Не ищи же ничего более. Сам Владыка изрек, что любовь отличает учеников Его. Итак, если ты имеешь любовь, то ты стал апостолом и даже первым из апостолов.

4. Хочешь ли узнать то же и из других мест? Христос, беседуя с Петром, сказал: "**Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они?**" (Ин. 21:15)? А для получения царства небесного ничто не может сравниться с тем, как если мы окажемся любящими Христа так, как должно любить Его. Потом Он показал и признак. Какой же именно? При каких делах мы можем любить Христа больше апостолов? Мертвых ли воскрешая, или совершая другие какие-либо чудеса? Нет; но что совершая? Послушаем самого предмета любви – Христа. Если ты, говорит Он, "**любишь Меня больше, нежели они, паси агнцев Моих**". Вот и здесь одобряется деятельность, потому что заботиться о других, сострадать, предстательствовать, не искать своего, но всего того, что должен иметь пастырь, все это

относится к деятельности, а не к чудесам и не к знамениям. Но апостолы, скажешь, за чудеса сделались такими? Нет, не за чудеса, а за жизнь, и ею особенно они просияли. Поэтому Христос и говорил им: "**так да светит свет ваш пред людьми, чтобы видели**" люди не чудеса, но "**ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Мф. 5:16). Видишь ли, как везде блистает деятельность, одобряется жизнь добродетельная? Хочешь ли, я покажу тебе, что и сам Петр, этот верховный из апостолов, который явил и высочайший образ жизни, и творил чудеса, превышающие естество человеческое, если сравнить то и другое – и чудеса и жизнь его, удостоился чести более за жизнь, чем за знамения? Выслушай следующее событие. "**Петр и Иоанн шли вместе в храм в час молитвы девятый**" (Деян. 3:1). Не читай без внимания этого повествования, но остановись тотчас на самом вступлении в него и заметь, какая была между ними любовь, согласие и единодушие, какое во всем имели они общение между собою, и как они соединены были союзом божественной дружбы во всех делах, и в трапезе, и в молитве, и в хождении, и во всем прочем являлись вместе друг с другом. Если же эти столпы, твердыни, имевшие великое дерзновение пред Богом, нуждались во взаимной помощи и совершали все при взаимном содействии, то не гораздо ли более мы, слабые, бедные и ничтожные, имеем нужду во взаимной помощи? "**Брат от брата вспомоществуемый**", говорит Писание, "**как город крепкий**" (Притч. 18:19). И еще: "**Как хорошо и как приятно жить братьям вместе**" (Пс. 132:1)? Были только Петр и Иоанн, но они имели Иисуса посреди себя: "**где двое или трое собраны во имя Мое**", сказал Он, "**там Я посреди них**" (Мф. 18:20). Видишь ли, как важно быть вместе? Но они не просто были вместе: и мы теперь все вместе; но должно быть вместе посредством союза любви, по расположение воли; и как тела наши теперь находятся близ друг друга и соединяются в одном месте, так должны соединяться и сердца. "**Петр и Иоанн шли вместе в храм в**". Но завеса раздралась, святое святых опустело, поклонение на одном месте прекращено; Павел взывает: "**желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки**" (1Тим. 2:8).

Для чего же они идут в храм на молитву? Не возвратились ли они опять к иудейской немощи? Да не будет; но они снисходят к немощнейшим, исполняя изречение Павла, в котором говорится: "**для Иудеев я был как Иудей**" (1Кор. 9:20). Они снисходят к слабым, чтобы те не оставались слабыми. А с другой стороны там собирался весь город. Как искусные рыболовы ставят свои сети в тех заливах рек, в которых собирается вся рыба, чтобы легче получить добычу, так точно и апостолы, эти духовные рыбари, спешили к тому заливу, где собирался весь город, чтобы там раскинуть сеть Евангелия и легче получить добычу. Так поступали они, подражая Учителю, потому что и Христос говорит: "**каждый день с вами** " был "**в храме**" (Мф. 26:55). Для чего "**в храме**"? Чтобы обратить к Себе находящихся в церкви. Так и апостолы пошли как бы на молитву, а намеревались сеять там учение. "**В храм в час молитвы девятый**". И час этот был избран ими не напрасно. Я часто говорил вам, что в этот час отверст рай и разбойник вошел в него, что в этот час уничтожено проклятие, принесена жертва за вселенную, рассеян мрак, воссиял свет и чувственный и духовный. "**В час девятый**". Когда другие спят глубоким сном после обеда и опьянения, тогда они, трезвые и бодрые, пламенея великою ревностью, спешили на молитву. Если же они имели нужду в молитве, в молитве столь напряженной, в молитве столь усердной, они, которые имели такое дерзновение пред Богом, то, что будем делать мы, страждущие бесчисленным множеством ран и не прилагающее к ним врачества молитвы? Великое оружие – молитва. Хочешь ли узнать, сколь великое оружие – молитва? Апостолы оставляли попечение о бедных для того, чтобы иметь более времени для упражнения в молитве. "**Выберите**", говорили они, "**из среды себя семь человек, а мы постоянно пребудем в молитве**" (Деян. 6:3,4).

5. Но, как я сказал, – не будем уклоняться от предмета, именно, что Петр и показал деятельность и творил чудеса, и более заслужил похвалу за дела, – он вошел во святилище помолиться; и вот там хромой от чрева матери своей, которого приносили к дверям храма (Деян. 3:2). От самого рождения состав его был поврежден, и болезнь была выше врачебного искусства, чтобы тем более открылась благодать Божия. Итак, этот хромой лежал при дверях храма, и, увидев входящих апостолов, обратился к ним, желая получить от них милостыню. Что же Петр? "**Взгляни на нас**", говорит он (Деян. 3:4). Достаточно взгляда, чтобы удостовериться в бедности; не нужно ни слов, ни доказательств, ни ответа, ни объяснения; одежда уже показывает тебе неимущего. Вот это всецело дело апостольства – говорить бедному так, чтобы не от бедности только избавить его, но и внушить ему: ты увидишь большее богатство. "**Серебра**", говорит, "**и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи**" (Деян. 3:6). Видишь ли бедность и богатство: бедность в деньгах и богатство в дарованиях? Он не избавил от нищеты в деньгах, но исправил нищету естества.

Посмотри на кротость Петра. "**Взгляни на нас**" Он не стал укорять, не стал порицать, как часто делаем мы с приступающими к нам, упрекая их в лености. Разве это заповедано тебе, человек? Бог повелел тебе не упрекать в лености, а помогать бедности; не сделал тебя обличителем нечестия, а поставил врачом нечестия; не для того, чтобы ты порицал беспечность, но чтобы подавал руку лежащему; не для того, чтобы ты осуждал образ жизни, но чтобы утолял голод. А мы поступаем напротив: не думая утешить приступающих к нам подаянием денег, мы еще растравляем раны их, осыпая их укоризнами. Но (апостол) даже извиняется пред бедным и говорит кротко, по словам Писания: "**приклоняй**" без огорчения "**ухо твое к нищему и отвечай ему ласково, с кротостью**" (Сир. 4:8). "**Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи**"

Здесь два обстоятельства: образ жизни и чудо. Образ жизни в словах: "**серебра и золота нет у меня**", потому что к жизни относится – не ставить ни во что земные предметы, отвергнуть имущество, презреть настоящую суетность; а чудо – восставить хромого, исцелить поврежденные члены. Итак, вот и образ жизни и чудо. Посмотрим же, за что Петр удостаивается похвалы. Что говорил он? То ли, что он творил чудеса? Хотя и тогда он уже творил чудеса, однако не говорил этого, а что? "**Вот, мы оставили всё и последовали за Тобою**" (Мф. 19:27).Видишь ли жизнь и чудо, но жизнь получающую венец? Что отвечал Христос? Он одобрил и похвалил это. "**Истинно говорю вам**", сказал Он, "**что вы**", оставившие домы свои и прочее, – не сказал: вы, воскрешавшие мертвых, – но: "**вы, оставившие имущество свое**, **сядете на двенадцати престолах**"; и всякий, кто откажется от всего имущества своего, удостоится этой чести (Мф. 19:28,29). Ты не можешь восставить хромого, как Петр? Но ты можешь сказать подобно ему: "**серебра и золота нет у меня**". Если скажешь это, то станешь близко к Петру; или – лучше – если не скажешь, но сделаешь это. Ты не можешь уврачевать сухую руку? Но ты можешь свою руку которая от бесчеловечия сделалась сухою, заставить протянуться из человеколюбия. "**Да не будет**", говорить Писание, "**рука твоя распростертою к принятию и сжатою при отдании**" (Сир. 4:35). Видишь ли, что не сухость, а бесчеловечие сгибает руку? Выпрями же ее человеколюбием и милостынею. Ты не можешь изгнать беса? Но ты изгони грех – и получишь большую награду. Видишь ли, как всегда жизнь и добрые дела получают большую похвалу и большее воздаяние, нежели чудеса? Если хочешь, мы докажем это тебе и другим образом. Пришли к нему, говорит евангелист, "**семьдесят учеников**", и, радуясь, говорили: "**Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем**". И говорит им: "**однакож тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах**" (Лук. 10:17-20).

Видишь ли, как всегда жизнь удостаивается похвалы?

6. Повторим теперь вышесказанное. "**По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою**" (Ин. 13: 35). Вот в жизни, а не в чудесах указан признак учеников Христовых. Петр, "**любишь Меня больше, нежели они, паси агнцев Моих**" (Ин. 21:13-17). Вот и другой признак, который также относится к жизни. Третий признак: "**однакож тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах**" (Лук. 10:20); и это опять дело жизни. Хочешь ли знать и четвертое доказательство на это? "**Так да светит свет**", сказал Господь, "**ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Мф. 5:16). Вот и здесь являются дела. Также, когда Он говорит: "**и всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную**" (Мф. 19:29), то хвалит деятельность и строгую жизнь. Видишь, как ученики Христовы познаются из того, что любят друг друга; любящий Христа больше апостолов отличается тем, что пасет братию; имеющим радоваться повелевается радоваться не о том, что они изгоняют бесов, но что они написаны на небе; прославляющими Бога оказываются сияющие делами, и получающие жизнь и стократное воздаяние получают этот дар за отвержение всего настоящего. Подражай всем им и ты; тогда можешь и сделаться учеником Христовым, и быть причислен к друзьям Божиим и прославлять Бога, и получить вечную жизнь, и нисколько не будет для тебя препятствием к получению всех благ то, что ты не творишь знамений, если ведешь строгую жизнь. И сам Петр получил это имя не за чудеса и знамения, но за ревность и искреннюю любовь: не за то, что воскрешал мертвых, или исцелил хромого, он назван так, но за то, что показал искреннюю веру с исповеданием, он наследовал это имя: "**ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою**". За что? Не за то, что он творил чудеса, но за то, что сказал: "**Ты – Христос, Сын Бога Живаго**" (Мф. 16:16-18). Видишь, что и самое название Петра получило начало не от чудес, а от пламенной ревности. Но когда я упомянул о Петре, то мне пришел на память и другой Петр, общий наш отец и учитель (т.е. епископ антиохийский Флавиан), который, сделавшись преемником добродетелей того Петра, наследовал и кафедру его. Одно из преимуществ нашего города то, что вначале он имел учителем своим верховного из апостолов. Подлинно надлежало, чтобы город, прежде всей вселенной украсившийся именем христиан, имел пастырем своим первого из апостолов. Но, получив этого учителя, мы не удержали его до конца, а передали царствующему Риму; или – лучше – и мы удержали его до конца, потому что хотя мы не имеем тела Петрова, но имеем веру Петрову, как бы Петра; имея веру Петрову, мы имеем самого Петра. Таким образом, и взирая на подражающего Петру, мы по видимому взираем на самого Петра. И Христос ведь назвал Иоанна Илиею не потому, чтобы Иоанн был действительно Илиею, но потому, что он пришел в духе и силе Илии. Поэтому, как Иоанн назван Илиею, потому, что пришел в духе и силе Илии, так и этот потому, что пришел с исповеданием и верою Петра, по справедливости может быть удостоен и такого названия: сродство по жизни производит общение и в названиях. Будем же все молиться, чтобы он достиг и старости Петровой, потому что апостол и окончил жизнь в старости: "**когда же**", сказал ему Господь, "**состаришься, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь**" (Ин. 21:18). Будем же испрашивать и ему долголетней жизни, потому что продолжающаяся старость его делает еще более цветущею нашу духовную юность, которая да сохранится навсегда цветущею молитвами и этого и того Петра, благодатию же и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА III

О том, что чтение Св. Писаний полезно и что оно делает внимательного недоступным для рабства и стеснительных обстоятельств, также о том, что название апостолов есть название многих достоинств и что апостолы получили силу и власть гораздо большую, чем внешние властители и сами цари, и наконец к новопросвещенным.

1. Когда я, будучи призываем к беседе пред таким множеством народа, посмотрю на бедность моего ума, то ужасаюсь и отступаю; но когда посмотрю на ваше усердие и ненасытное желание слушать, то ободряюсь, возбуждаюсь и охотно вступаю на поприще учения, потому что вы своим усердием и желанием слушать могли бы и каменную душу сделать легче всякого пера. Как животные, живущие в пещерах и в течение зимы скрывающиеся в скалах, увидев наступившее лето, оставляют убежища, собираются вместе с прочими животными и веселятся вместе с ними, так и душа моя, скрывавшаяся как бы в некоторой пещере сознания своей немощи, увидев усердие вашей любви, оставляет пещеру, вступает в ваше собрание и вместе с вами восторгается прекрасными восторгами Писаний, на духовном и божественном луге, в раю Писания. Подлинно, чтение божественных Писаний есть духовный луг и рай сладости, рай сладости превосходнейшей того рая. Этот рай Бог насадил не на земле, а в душах верующих; этот рай Он поставил не в Эдеме и не ограничил одним местом на востоке, но распространил по всей земле и распростер до пределов вселенной. А что Он распространил Писания по всей вселенной, об этом послушай пророка, который говорит: "**по всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их**" (Пс.18:5). Хотя бы ты отправился к индейцам, которых первых озаряет восходящее солнце, хотя бы удалился на океан, или на британские острова, хотя бы приплыл в Евксинский понт, хотя бы достиг северных стран, везде услышишь, как все любомудрствуют о том, что содержится в Писании, другим языком, но не другою верою, различными наречиями, но одинаковым умом. Хотя звуки голоса различны, но образ благочестия неразличен; хотя они остаются варварами по языку, но любомудрствуют по мыслям; хотя они странны по наречию, но благочестивы по жизни. Видишь ли обширность рая, распростертого до пределов вселенной? Здесь нет змия; это место свободно от диких зверей, и ограждается благодатию Духа. Этот рай, как тот, имеет и источник, – источник, из которого вытекает множество рек, а не четыре. Не Тигр, не Евфрат, не египетский Нил, и не индийский Ганг, но бесчисленное множество рек изливает этот источник. Кто говорит это? Сам Бог, даровавший нам такие реки. "**Кто верует в Меня**", говорит Он, "**у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой**" (Ин.7:38). Видишь ли, как из этого источника вытекают не четыре реки, а бесчисленное множество? И не по множеству рек только, но и по естеству своему удивителен этот источник, потому что в нем не потоки воды, а дары Духа. Этот источник отделяется в каждую душу верующих, и не уменьшается; разделяется, и не истощается; распределяется, и не убавляется: во всех он находится всецело, и в каждом всецело. Таковы дары Духа. Хочешь ли узнать свойство этих вод, как они не похожи на те, но гораздо лучше и удивительнее тех? Послушай опять самого Христа, беседующего с самарянкою, чтобы тебе узнать обилие этого источника. "**Вода**", говорит Он, "**которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную**" (Ин. 4:14). Не сказал: *выходящей;* не сказал: *изливающейся;* но: *текущей* (ἁλλομένου) – указывая нам потоками на ее изобилие. Ключевые воды обыкновенно исторгаются и вытекают отовсюду, где источники не могут удержать их в своих недрах, но, будучи преодолеваемы непрестанным притоком, извергают их отовсюду. Поэтому, желая показать обилие потоков, Он сказал: *текущие,* а не: выходящей. Хочешь ли узнать и свойство ее? Узнай из ее употребления: она полезна не для жизни настоящей, но для жизни вечной. Будем же пребывать в этом раю, будем сидеть при этом источнике, чтобы нам не потерпеть того же, что потерпел Адам, и не лишиться рая; не будем принимать пагубного совета, не допустим к себе обольщения от диавола; будем пребывать внутри, потому что здесь

великая безопасность, – будем пребывать в чтении Писаний. Как сидящие при источнике, наслаждающиеся его прохладою, и при наступлении жара часто погружавшие в него лицо свое устраняют удушливый жар потоками, и, если беспокоит их жажда, легко облегчают мучение, имея врачевство вблизи в источнике, так и находящийся при источнике божественных Писаний, если почувствует беспокоящий его пламень непристойной похоти, легко потушит пламень, погрузив душу в эти воды; и если будет беспокоить его горячий гнев, воспламеняя сердце, как поджигаемый котел, то, покропив немного этой воды, он тотчас укротит бесстыдную страсть; и от всех порочных помыслов, как бы из среды пламени, избавляет душу чтение божественных Писаний.

2. Поэтому и великий пророк Давид, зная пользу от чтения Писаний, уподобляет того, кто постоянно внимает Писаниям и наслаждается беседою с ними, растению всегда цветущему, стоящему при потоках вод, когда говорит: "**Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь! И будет он как дерево, посаженное при потоках вод**" (Пс.1:1-3).

Как дерево, посаженное при источниках вод, стоящее при самих потоках получая постоянное орошение, бывает безопасно от всякой неблагоприятной погоды, не боится ни пламенных лучей, не страшится ни сухого воздуха, потому что, имея внутри себя самого достаточную влажность, скоро отражает и отстраняет приступающий отвне избыток всякой солнечной теплоты, так и душа, стоящая при потоках божественных Писаний и постоянно напаяемая ими, собирая в самой себе эти струи и росу Духа, бывает безопасною от всяких неблагоприятных обстоятельств; хотя бы болезнь, хотя бы порицание, хотя бы клевета, хотя бы злословие, хотя бы насмешки, хотя бы какая-нибудь леность, хотя бы все бедствия вселенной напали на такую душу, она легко отражает пламень страстей, находя достаточное утешение в чтении Писаний. Подлинно, ни величие славы, ни высота власти, ни присутствие друзей, и ничто другое из вещей человеческих не может утешать в скорби так, как чтение божественных Писаний. Почему? Потому, что те вещи тленны и скоропреходящи, – почему и утешение от них скоропреходящее, – а чтение Писаний есть собеседование с Богом. Когда же Бог утешает находящегося в скорби, то какое из настоящих обстоятельств может повергнуть его в уныние?

Итак, будем внимательно заниматься чтением, не два только эти часа, – потому что для безопасности нам недостаточно одного простого слушания, – но постоянно; и пришедши домой, каждый пусть возьмет в руки Библию и вникает в смысл сказанного, если он хочет получать постоянную и достаточную пользу от Писания. И то дерево, которое стоит при потоках, не два или три часа сообщается с водами, но каждый день и каждую ночь. Потому это дерево и украшается листьями, потому и изобилует плодами, – хотя никто из людей не напаяет его, – что оно стоит при потоках, привлекает к себе влагу корнями и как бы какими-нибудь проходами передает полезные соки всему своему составу. Так и читающий постоянно божественные Писания и стоящий при их потоках, хотя бы не имел никакого толкователя, постоянным чтением, как бы некоторыми корнями, приобретает себе великую пользу. Потому и мы, зная ваши заботы, развлечения, множество занятий, медленно и мало-помалу ведем к уразумению Писаний, чтобы медленностью толкования крепче удержать сказанное в вашей памяти. Так и сильный дождь, проливаясь стремительно, омывает поверхность земли, но глубине ее не приносит никакой пользы; а нисходящий на лицо земли медленно и мало-помалу, подобно елею, проникает в глубину ее проходами, как бы некоторыми жилами, и, наполняя влагою недра ее, делает ее способнейшею к произведению плодов. Поэтому и мы вливаем в ваши души этот духовный дождь мало-помалу, – потому что Писания подобны духовным облакам, а слова и мысли их подобны дождю, который гораздо лучше обыкновенного дождя, – и вливаем в

вас этот духовный дождь мало-помалу для того, чтобы слова наши проникли в самую глубину. Поэтому, уже четвертый день сегодня продолжая толкование, мы не могли пройти одного надписания, но еще вращаемся около него. Лучше раскопать малое поле и, проникнув в глубину, найти великое сокровище необходимого, нежели, изрыв по поверхности множество нив, трудиться без пользы, тщетно и напрасно. Знаю, что многие негодуют на такую медленность; но я не смотрю на их укоризны, а забочусь о вашей пользе. Те, которые могут ходить быстрее, пусть подождут медленнейших из братий; те могут подождать этих, а слабейшие не могут гнаться за теми. Поэтому и Павел говорит, что мы не должны преждевременно принуждать слабых, которые не могут сравняться с совершенством сильных, но должны мы сильные переносить немощи слабых (1Кор.8: 9-13). Мы заботимся о вашей пользе, а не о пустой славе; поэтому и медленно излагаем мысли.

3. Так, в первый день я говорил о том, что не должно оставлять без внимания надписания (священных книг), когда прочитал вам и надпись на жертвеннике и показал мудрость Павла, который воина чужого и стоявшего в отряде неприятелей переставил в собственный отряд. Этим окончилось все учение в первый день. Затем во второй день мы исследовали, кто писатель книги (Деяний) и благодатию Божиею нашли, что это – евангелист Лука, и подтвердили исследование многими доказательствами как яснейшими, так и более глубокими. Я знаю, что многие из слушателей не следили за последними из упомянутых доказательств; но, не смотря на то, мы не перестанем касаться более тонких мыслей. Яснейшее будет полезно для людей простых, а глубочайшее для тех, которые смотрят более зорко. Эта трапеза должна быть различна и разнообразна, потому что различны вкусы званных. Итак, в первый день мы беседовали о надписании, во второй день о писателе книги, а в третий день вчера говорили присутствовавшим о начале этой книги и показали, как знают слушавшие, что такое деятельность и что такое чудо, что такое жизнь и что такое знамение, чудотворение и сила, и какое различие между тем и другим; как одно больше, а другое полезнее, и как одно само по себе доставляет царство (небесное), а другое, если не сопровождается деятельностью, оставляется вне его преддверия. Сегодня нужно сказать об остальной части надписания и объяснить, что значит имя *апостолов,* потому что то имя не простое, но оно есть название власти, власти величайшей, власти духовнейшей, власти вышней. Но будьте внимательны. Как в житейских делах есть много властей, но не все они одинакового достоинства, а одни больше, другие меньше, например, – если начнем исчисление с низшей, – есть городской судья, есть выше его правитель народа, после него есть другой больший начальник, также есть военачальник, есть наместник, есть и выше их власть, власть консулов, и все они – власти, но не все одинакового достоинства, так и властей духовных много, но не все они одинакового достоинства, а всех их более – достоинство апостольства. Так от чувственного надобно руководить вас к духовному. Так поступил и Христос, когда в беседе о Духе упомянул о воде: "**всякий, пьющий воду сию**", сказал Он, "**возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек**" (Ин. 4:13,14). Видишь ли, как Он руководил женщину от чувственного к духовному? Так делаем и мы, от низшего восходим к высшему, чтобы речь была яснее. Поэтому, беседуя о власти, мы упомянули о власти не духовной, а чувственной, чтобы от этой руководить вас к той. Вы слышали, сколько исчислили мы житейских властей, как одни из них больше, а другие меньше, и как власть консулов стоит выше всех, как бы вершина и глава их; посмотрим же и на власти духовные. Между властями духовными есть власть пророчества, есть другая власть – евангелиста, есть – пастыря, есть – учителя, есть – дарований, есть – исцелений, есть – толкования языков. Все это – названия даров, а на деле – степени начальства и власти. Пророк есть начальник; у нас же изгоняющий бесов есть начальник; у нас же пастырь и учитель есть начальник духовный; но всех их больше – власть апостольская. Из чего это видно? Из того, что превосходнее всех их апостол. Как

между чувственными властями консул, так между духовными апостол занимает первое место. Послушаем самого Павла, который, исчисляя власти, на высшем месте ставит апостольскую. Что же говорит он? "**И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений**" (1Кор.12:28).

Видишь ли главную из властей? Видишь ли, что апостол стоит на высоте и никого нет прежде и выше его? "**Во-первых, Апостолы**", говорит он, "**во-вторых, пророки; в-третьих, учителя**" и пастыри, "**иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки**". И притом апостольство есть не только начало прочих властей, но и основание и корень. Как голова, находясь выше всего, не только есть начало и власть тела, но и корень, потому что нервы, управляющие телом, исходя из нее, и произрастая из самого мозга, и оживляясь духом, таким образом, управляют всем животным составом, – так и апостольство не только стоит выше, как начало и власть прочих дарований, но и, сосредоточивая, содержит в себе корни всех их. Пророк не может быть и апостолом и пророком; апостол же непременно есть и пророк имеет и дары исцелений, и роды языков, и толкование языков; поэтому (апостольство) есть начало и корень дарований.

4. А что это так, я представлю вам во свидетели Павла. Впрочем, прежде нужно сказать, что такое "**разные языки**". Что же такое "**разные языки**"? В древности крестившийся и уверовавший тотчас начинал говорить разными языками для проявления Духа. Так как тогдашние люди находились в состоянии более немощном, и плотскими глазами своими не могли созерцать духовных дарований, то им и сообщаем был чувственный дар, чтобы духовное делалось явным: крестившийся тотчас начинал говорить и нашим языком, и языком персов, и языком индийцев, и языком скифов, так что и неверные могли узнать, что он сподобился Святого Духа. Это было чувственным знамением, т.е. такая речь, – потому что ее слышали чувством телесным, – но это чувственное знамение делало явною для всех духовную и невидимую благодать Духа. Такое знамение и называлось "**разные языки**", потому что человек, имевший от природы один язык, начинал говорить разными и инородными языками по благодати, и можно было видеть, как человек, один по числу, был разнообразным по дарованиям, и имел различные уста и различные языки. Посмотрим же, как апостол имел и это дарование и все прочие. Об этом он сам говорит так: "**я более всех вас говорю языками**" (1Кор.14:18). Видишь ли, что он имел роды языков, и не только имел, но и в большем изобилии, нежели все прочие верующие? Он не сказал только: я могу говорить языками, но и: "**я более всех вас говорю языками**". На пророчество, которое он имел, он указывает следующими словами: "**Дух же**" говорит, "**ясно говорит, что в последние дни наступят времена тяжкие**" (1Тим.4:1; 2Тим.3:1); а чт говорить о том, что будет в последние времена, значит пророчествовать, это всякому известно. "**Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие**". И еще: "**Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших**"(1Фес.4:15); и это – пророчество. Видишь ли, как он имел роды языков и пророчество? Хочешь ли знать, что он имел и дарования исцелений? Но, может быть, нет нужды доказывать это словами, когда мы знаем, что не только сами апостолы, но и одежда их имела дарование исцелений. А что он был и учителем народов, об этом он говорит во многих местах; он заботился о всей вселенной и управлял церквами. Таким образом, когда ты слышишь: "**Во-первых, Апостолы; во-вторых, пророки; в-третьих, учителя**" и пастыри; "**иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки**", то знай, что вся совокупность прочих дарований сосредоточивается в апостольстве, как в главе. Не думали ли вы прежде, что имя апостолов просто? Вот, теперь вы узнали, какой глубокой смысл заключает в себе это имя. Это сказали мы не для того, чтобы показать собственную свою

силу; это – не наши слова, а благодати Духа, которая возбуждает от лености беспечных, чтобы они ничего не оставляли без внимания. Итак, справедливо мы назвали апостольство духовным консульством. Апостолы суть начальники, рукоположенные от Бога; начальники, которые получили не разные народы и города, но которым всем вместе вверена вселенная. А что они были начальниками духовными, и это я постараюсь доказать, дабы после доказательства вы знали, что апостолы настолько выше начальников житейских, насколько сами житейские начальники выше играющих детей. Подлинно, это начальство гораздо выше того и больше сдерживает нашу жизнь, так что, если бы оно прекратилось, то все расстроилось бы и разрушилось. Какие знаки начальства и что должен иметь начальник? Власть над темницею, чтобы он был властен одних связывать, а других разрешать, одних выпускать, а других ввергать туда; также власть решать денежные долги, так чтобы он был властен – одних, бывших должными, освобождать, а другим приказывать уплатить долги; еще власть – осуждать на смерть и освобождать от смерти; или, вернее, это – власть не начальника, а одного только царя, или даже и царю не принадлежит вполне этот дар, потому что он освобождает не от смерти уже умершего, а только от осуждения на смерть: приговор он может отменить, а возвратить к жизни от смерти не может; худшее в его власти, а лучшего он не имеет. Далее начальника мы отличаем по поясу, по голосу глашатая, по жезлоносцам, по колеснице, по мечу; все это – знаки власти. Посмотрим же, имеет ли и власть апостольская эти знаки. Имеет, и притом не такие, но гораздо лучшие. Дабы ты знал, что те суть только названия вещей, а эти – истина вещей, и дабы ты убедился, что между ними такое же различие, какое между детьми, играющими в начальники, и начальниками, действительно имеющими власть, я начну, если хотите, исчислять с власти ввергать в узы. Мы сказали, что начальник властен связывать и разрешать. Посмотри же: и апостолы имеют эту власть. Кого "**вы свяжете на земле**", сказал им Господь, "**то будут**" связаны на небесах; и кого "**разрешите на земле**" разрешены "**на небе**" (Мф.18:18). Видишь узы, и власть над узами; но название одно и то же, а сущность дела не одна и та же. Узы там, узы и здесь; но одни на, земле, а другие на небе; небо для них – место уз. Познай же величие этой власти. Находящиеся на земле произносят приговор, и сила этого приговора проходит небеса. Как цари, находясь в одном городе, изрекают приговоры и законы, а сила этих приговоров и законов обтекает всю вселенную, так и тогда апостолы, находясь на одном месте, изрекали законы, а сила этих законов и этих уз не только обтекала вселенную, но и восходила до самой высоты небес. Видишь узы и узы; но одни на земле, а другие на небе, одни для тел, а другие для душ, или – лучше – и для душ и для тел, потому что (апостолы) связывали не только тела, но и души.

5. Хочешь ли знать, что апостолы имели власть и прощать долги? И здесь ты увидишь великое различие: они прощали не денежные долги, а долги грехов. "**Кому простите грехи**", сказал Господь, "**тому простятся; на ком оставите, на том останутся**" (Ин.20:23). Нужно ли после этого доказывать, что они осуждали и на смерть и возвращали от смерти, не от приговора только освобождая и ведения на смерть, но и умерших и уже подвергшихся тлению восстановляя от смерти? Когда же они осуждали на смерть? Когда освобождали от смерти? Анания и Сапфира были обличены в святотатстве; хотя они украли собственные деньги, но, не смотря на то вина их была святотатством, потому что после обещания эти деньги уже не принадлежали им. Что же апостол? Послушай, как он, как бы сидя в судилище, приводит на суд святотатца, делает допрос, как судия, и потом произносит приговор, не прежде допроса произносит приговор, хотя грех был очевиден, но что бы нас, стоящих вне, убедить, что он справедливо произносит такой приговор, для этого он делает допрос и говорит так: "**для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце твоем? Ты солгал не человекам, а Богу**" (Деян.5:3,4). Что же тот,

услышав эти слова? "**Пал бездыханен**" (ст. 5). Видишь ли, что апостолы имеют и меч? Когда ты услышишь слова Павла: "**меч духовный, который есть Слово Божие**" (Еф.6:17), то вспомни об этом приговоре, при котором меча не было, но словом пораженный святотатец пал. Видишь ли меч изощренный и обнаженный? Здесь не было ни железа, ни рукояти, ни рук; но вместо руки язык, извлекающий слова вместо меча, тотчас умертвил святотатца. После него вошла жена, и апостол хотел дать ей случай к оправданию и повод к прощению, почему опять спрашивает; "**скажи мне, за столько ли продали вы землю?**" (Деян.5:8)? Хотя он знал, что не за столько, но чтобы вопросом довести ее до раскаяния и признания во грехах, и чтобы даровать ей прощение, он спрашивает ее; она же и после этого осталась бесстыдною, почему и понесла общее с мужем наказание. Видишь ли силу – ввергать в узы? Видишь ли, как они властны посылать на смерть? Посмотрим и на лучшее: как они освобождают от смерти. Умерла Тавифа, ученица, отличавшаяся многими делами милосердия, и тотчас бегут к апостолам, потому что знали, что они имели власть над смертью и над жизнью, видели в них горнюю власть, нисшедшую долу. Что же сделал Петр, пришедши туда? "**Тавифа**", сказал он, "**встань**" (Деян.9:40). Он не имел нужды ни в чем, ни в исполнителях, ни в служителях, но достаточно было слов его для воскрешения; смерть услышала его голос – и не могла удержать мертвую. Видишь ли, каковы были слова этих судей? А слова внешних судей слабы: хотя бы кто-нибудь из них и отдал приказание, но если служитель не приведет этого в исполнение, то приказание остается тщетным. А здесь нет нужды в служителях: он сказал – и тотчас исполнилось. Видишь их узы, которые служат знаком власти; видишь, как они отпускают грехи, как разрешают смерть, как возвращают к жизни. Хочешь ли узнать пояс их? Христос послал их препоясанными, не кожею, но истиною; это – пояс святой и духовный, почему и сказано: "**препоясав чресла ваши истиною**" (Еф.6:14); это – власть духовная, и потому она не требует ничего чувственного: "**Вся слава дщери Царя внутри**" (Пс.44:14). Но что? Не хочешь ли видеть и палачей их? Палачи суть те, которые мучат виновных, привешивают к дереву, строгают ребра, наказывают, терзают. Хочешь ли видеть их? У апостолов этим были не люди, а сам диавол и бесы; облеченные телом и плотью, они имели служащими бесплотные силы. Послушай, с какою властью повелевал им Павел. Говоря о блуднике, он писал: предайте "**предать сатане во изможение плоти**" (1Кор.5:5), Тоже самое сделал он и с другими богохульниками: "**которых я предал**", говорит, "**сатане, чтобы они научились не богохульствовать**" (1Тим. 1:20).

Что еще остается показать? То ли, что они имели и колесницы? И на это у нас есть доказательства. Так, когда Филипп крестил евнуха и наставил его в священных тайнах, и когда нужно было ему возвратиться, то " **восхитил Ангел Господень**" его и из пустыни "**оказался в Азоте**" (Деян.8:39,40). Видишь ли колесницу окрыленную? Видишь ли колесницу, быстрейшую ветра? Еще: нужно было апостолу отправится в рай; путь слишком длинный и расстояние безмерное; и он также вдруг был восхищен и перенесен туда без труда и в краткое мгновение времени. Таковы апостольские колесницы! Был и голос глашатая, и также достойный этой власти. Им предшествовал не человек, провозглашая о них, а благодать Духа, и явление чудес возвещало о них громогласнее всякой трубы, и таким образом повсюду предшествовало им. И как начальники бывают окружены большим великолепием, причем частные люди не смеют просто обращаться с ними, так было и с апостолами. "**Из посторонних же**", говорит Писание, "**никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их**" (Деян.5:13). Видишь ли, что они имели силу ввергать в узы и власть прощать долги, имели и меч, и были препоясаны поясом, и шествовали на колеснице, и предшествовал им возглас, громогласнейший всякой трубы, и были окружены они большим великолепием?

6. Теперь нужно было бы показать и все доблестные дела их и те благодеяния, которые они совершили для вселенной, потому что и то свойственно начальникам, чтобы не только

пользоваться честью, но и оказывать великое попечение и покровительство подчиненным. Впрочем, уже сказано больше надлежащего. Поэтому, отложив это до другой беседы, постараюсь предложить увещание новопросвещенным. Никто пусть не считает этого совета несвоевременным. Я прежде сказал, что не только через десять и двадцать дней, но и чрез десять и двадцать лет можно посвященных в тайны называть новопросвещенными, если они остаются внимательными. Какое же было бы для них самое лучшее увещание? То, когда бы мы напомнили им об образе рождения, и первом и втором, естественном и духовном, и показали, какое различие между тем и другим рождением. Впрочем, им не нужно учиться этому от нас; сам сын грома, возлюбленный Христу Иоанн, скажет им об этом. Что же говорит он? "**А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими**" (Ин.1:12). Потом, напоминая им о первом рождении, и по сравнению с ним объясняя важность настоящей благодати, он говорит так: "**которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились**" (Ин.1:13). Одним словом он выразил их благородство. О, чистое чревоношение! О, духовное рождение! О, новое чадородие, без утробы зачатие, без чрева рождение, без плоти плод, плод духовный, плод благодати и человеколюбия Божия, плод исполненный радости и веселия! Но не таково первое рождение; оно начинается слезами. Как только дитя выходит из утробы и вынимается из чрева, то первый крик его сопровождается слезами, как сказал некто: "**первый голос обнаружил плачем одинаково со всеми**" (Прем.7:3). С плачем бывает вступление в жизнь, со слезами, начало ее, которыми природа предвозвещает будущие страдания. Почему плачет дитя, выходя на свет? Потому, что прежде грехопадения Бог сказал: "**плодитесь и размножайтесь**" (Быт.1:28), что было благословением; а после грехопадения сказал: "**в болезни будешь рождать детей**" (Быт.3:16), что было наказанием. И не слезы только бывают при рождении, но и пелены и повязки; слезы при рождении, слезы и при смерти; пелены при рождении, пелены и при смерти, чтобы ты знал, что эта жизнь оканчивается смертью и стремится к этому концу. Но не таково духовное рождение. Здесь нет ни слез, ни пелен; но родившийся бывает свободен и приготовлен к подвигам; у него свободны и руки и ноги, чтобы он мог и бегать и вступать в ратоборство; здесь нет плача, нет слез, но приветствия, лобзания и объятия братий, признающих в родившемся собственный член и принимающих его как бы после продолжительного отсутствия. Так как он прежде просвещения был врагом, а после просвещения стал другом общего всем нам Владыки, то все мы сорадуемся ему, почему это лобзание и называется *миром,* чтобы мы знали, что Бог прекратил вражду и приблизил нас к Себе. Будем же постоянно соблюдать, будем сохранять этот мир, будем продолжать это дружество, чтобы нам достигнуть и вечных обителей, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава, честь и держава Отцу, со Святым и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА IV

о том, что не безопасно для слушателей молчать о сказанном в церкви, и для чего Деяния читаются в пятидесятницу, и почему Христос по воскресении являлся не всем, и о том, что яснее лицезрения Он представил доказательства воскресения посредством знамений апостолов.

1. Большую часть долга, который мы приняли на себя по надписанию Деяний Апостольских, мы уплатили вам в предшествовавшие дни; но так как еще остался от него небольшой остаток, то я решился уплатить вам и его сегодня. А тщательно ли вы храните сказанное и с великою ли ревностью соблюдаете, об этом знаете вы, получившие серебро и имеющие отдать в этом серебре отчет Господу в тот день, когда те, которым вверены таланты, будут призваны и станут давать отчет, – когда Христос, пришедши, потребует это серебро от торговцев с приращением. "**Посему надлежало тебе**", сказал Господь,

"**отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью**" (Мф.25:27). О, великое и неизреченное человеколюбие Владыки! Запрещая людям брать лихву, Он сам требует лихвы. Почему? Потому, что та лихва неодобрительна и достойна осуждения, а эта похвальна и достойна великого одобрения. То приращение, разумею денежное, причиняет вред и получающему и дающему, губит душу получающего, и увеличивает бедность дающего. Подлинно, что может быть жесточе того, когда кто-нибудь извлекает для себя выгоду из бедности ближнего и пользуется несчастьями братий; когда кто-нибудь, показывая вид человеколюбия, оказывает всякое бесчеловечие, и, по-видимому, простирая руку, ввергает в пропасть нуждающегося в помощи? Что делаешь ты, человек? Не для того пришел к твоим дверям бедный, чтобы ты увеличил его бедность, но чтобы ты избавил его от бедности, а ты делаешь то же, что делают примешивающие яд к лекарствам. Как те, примешивая яд к обыкновенной пище, делают незаметным свой умысел, так и эти, под видом человеколюбия скрывая гибельное лихоимство, не дают заметить вред имеющим пить это смертоносное лекарство. Поэтому благовременно приложить сказанное о некотором грехе и к тем, которые отдают в рост и берут взаймы. Что же сказано об этом грехе? На время, сказано, "**мед источают уста чужой жены, и мягче елея речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый**" (Прит.5:3-4). Тоже бывает и с теми, которые берут взаймы. Когда нуждающийся принимает деньги, то получает некоторое малое и временное утешение; но после, когда приращение увеличится и бремя сделается выше сил, то эта приятность, услаждавшая гортань, сделается горче желчи и острее меча обоюдоострого, когда он принужден будет вдруг лишиться всего отцовского достояния.

2. От чувственного обратим речь к духовному. "**Посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим**" (Мф.25:27), сказал Господь, называя торговцами серебра вас, слушающих эти слова. Для чего же Бог назвал вас торговцами? Для того, чтобы научить всех прилагать такое же усердие к исследованию сказанного, какое те оказывают при рассматривании принимаемых монет. Как торговцы отвергают подложную и поддельную монету, а настоящую и истинную принимают, отличая неподлинную от подлинной, так поступай и ты: не всякое слово принимай, но неправильное и худое отвергай от себя, а здравое и спасительное слагай в душе. Есть, действительно есть и у тебя весы и безмен, сделанные не из меди и железа, но состоящие из чистоты и веры; при помощи их и исследуй всякое слово. Потому и сказано: будьте искусными торжниками, – не с тем, чтобы вы, стоя на площади, пересчитывали серебро, но чтобы вы исследовали слова со всяким тщанием. Потому и апостол Павел говорит: "**все**" искушайте, но "**хорошего**" только "**держитесь**" (1Фес.5: 21). И не потому только Он назвал вас торговцами, что вы должны исследовать, но и потому, что вы должны употреблять получаемое в дело. Если бы и торговцы, получив деньги, только заперли их дома и не передавали другим, то прекратилась бы вся их торговля; точно то же бывает и с слушателями. Если ты, приняв учение, удержишь его у себя и не передашь другим, то весь твой труд погибнет. Поэтому мы видим их на торжищах каждый день входящими и выходящими. Тоже пусть будет и с учением. Между торговцами мы видим, как одни отдают деньги, другие тотчас принимают и уходят, и это можно видеть всякий день; отчего, хотя иные и не имеют у себя собственных денег, но, пользуясь надлежащим образом чужими, приобретают для себя великую выгоду. Так поступай и ты. Эти изречения не твои, а Духа Святого; но если ты сделаешь из них доброе употребление, то получишь себе великую духовную пользу. Потому Бог и назвал вас торговцами. А почему учение Он назвал серебром? Потому, что как серебро имеет на себе отпечатанным царский образ, – если оно не имеет его, то не есть подлинное серебро, а называется поддельным, – так и учение веры должно иметь на себе отпечатленным образ Слова. С другой стороны, употребление серебра поддерживает всю нашу жизнь и служит основанием для всех договоров, и купить ли нужно что-нибудь или продать, все это мы делаем посредством него. Тоже бывает и с учением: это духовное

серебро служит причиною и основанием духовных договоров. Так, хотим ли мы приобрести что-нибудь от Бога, мы наперед представляем слова молитвы, и потом получим то, чего просим; видим ли брата беспечного и погибающего, мы приобретем ему спасение и доставим жизнь, предложив слово учения.

Итак, нужно со всем тщанием хранить и соблюдать все, чтобы сообщать это и другим, – потому что от нас требуется приращение и этого серебра. Будем же внимательно принимать его, чтобы мы могли сообщать это серебро и другим, – потому что каждый, если захочет, имеет возможность учить. Ты не можешь назидать столь великую церковь; но можешь вразумить свою жену. Ты не можешь беседовать с таким множеством людей; но можешь научить своего сына. Ты не можешь предлагать слова учения такому народу; но можешь исправить своего раба. Такое собрание учеников не превышает и твоих сил; такая мера учения не превосходит твоего разумения; но вы еще удобнее, нежели мы, можете исправлять всех их. Я беседую с вами однажды или иногда дважды в неделю; а ты постоянно в своем доме имеешь учеников: жену, детей, рабов – и вечером, и за трапезою, и во весь день можешь исправлять их. Кроме того, такое врачевание бывает и удобнее. Я, беседуя среди такого множества людей, не знаю, какая тревожит вас душевная страсть; поэтому и бываю принужден в каждом поучении предлагать все врачества; а вам нет нужды поступать так, но с меньшим трудом вам можно произвести большее исправление; вы хорошо знаете грехи живущих вместе с вами, и потому можете произвести скорейшее исцеление.

3. Итак, возлюбленные, не будем нерадеть о живущих вместе с нами, потому что величайшее наказание и невыразимое мучение предстоит тем, которые нерадят о своих домашних. "**Если же кто**", говорит апостол, "**о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного**" (1Тим.5:8). Видишь ли, как Павел поражает тех, которые нерадят о своих домашних? И весьма справедливо, потому что кто нерадит о своих, тот будет ли заботиться о чужих? Знаю, что я часто внушал вам это; но никогда не перестану повторять это внушение, хотя я сам уже не подлежу ответственности за беспечность других. "**Посему надлежало тебе**" сказал Господь, "**отдать серебро мое торгующим**" и больше ничего не требовал. Я же отдал серебро, и потому не подлежу никакой ответственности; но хотя я невинен и свободен от наказания в этом отношении, однако, как будто виновный и подлежащий наказанию, страшусь и трепещу за ваше спасение.

Итак, пусть никто не слушает духовных бесед без внимания и с нерадением. Я не без причины и не напрасно делаю длинные вступления, но для того, чтобы сказанное лучше удерживалось в вашей памяти, чтобы вы не уходили домой, произведши только шум и рукоплескания тщетно и напрасно, потому что я не забочусь о ваших похвалах, но пекусь о вашем спасении. Подвизающиеся на зрелище, в награду за это, получают похвалу от народа; а мы не для этого выходим сюда, но для того, чтобы получить назначенную за это награду от Господа. Для того мы постоянно и внушаем вам это, чтобы сказанное проникло до глубины души вашей. Как из растений те, которые пустили корни в глубину, не колеблются от порывов ветра, так и мысли, чем глубже лежат в душе, тем труднее колеблются от влияния обстоятельств. Скажи мне, возлюбленный: если бы ты увидел своего сына томящимся от голода, то оставил ли бы его без внимания и не перенес ли бы все, чтобы утолить его голод? Если же ты не оставил бы без внимания того, кто алчет хлеба, то неужели можешь пренебрегать тем, кто томится голодом божественного учения? Как мог бы ты тогда достойно называться отцом? Этот голод тем тяжелее того, чем важнейшею оканчивается смертью, почему здесь нужно употреблять и больше старания. "**Воспитывайте**", говорит апостол, "**их** (детей) **в учении и наставлении Господнем**" (Еф.6:4). Вот самая лучшая забота отцов; вот истинное попечение родителей; там я

признаю естественное родство, где оказывают большее попечение о духовном. Впрочем, довольно сказано для вступления; теперь нужно и уплатить долг. Для того я и вел большую и длинную речь об этом, чтобы вы приняли предлагаемое со всем тщанием. Какой же тот долг, которым мы прежде остались должными? Может быть, вы забыли об этом? В таком случае нам нужно напомнить вам и наперед прочитать расписку, по которой мы прежде сделали уплату, и сказать, что было уплачено, чтобы из уплаченного видеть, что еще остается уплатить. Что же уплачено прежде? Тогда я сказал, кто писатель книги Деяний, кто сочинитель этого слова, или лучше, не сочинитель этого слова, а служитель, потому что не сам он произвел сказанное, но он послужил сказанному. Сказал я и о самих Деяниях, и что значит название Деяний; сказал и об имени апостолов; теперь нужно сказать, почему отцы наши установили читать книгу Деяний в Пятидесятницу. Вы, может быть, помните, что мы тогда обещали сказать и об этом. Не напрасно, в самом деле, и не без причины отцы назначили нам это время, но сделали так по некоторой мудрой причине; не для того, чтобы подчинить нашу свободу необходимости, но чтобы, снисходя к скудости немощных, возвести их к богатству познания. А что они действительно для этого соблюдали времена, не себя самих подчиняя необходимости соблюдения, но, стараясь снизойти к немощным, послушай что говорит Павел: "**наблюдаете дни, месяцы, времена и годы. Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас**" (Гал.4:10,11). А ты сам разве не соблюдал дней, времен и годов? Что же? Если мы видим, что тот, кто запрещает соблюдать дни, месяцы, времена и годы, сам соблюдал их, что скажем мы, отвечай мне? То ли, что он противоречит сам себе и опровергает сам себя? Да не будет; но то, что он, желая исправить слабость соблюдающих времена, сам снисходит к ним таким соблюдением. Так поступают и врачи: пищу, подаваемую больным, они сами отведывают прежде, не потому, чтобы сами нуждались в этой пище, но стараясь исцелить немощь их. Так поступал и Павел: не имея никакой нужды в соблюдении времен, он соблюдал времена, чтобы соблюдающих избавить от немощи этого соблюдения. Когда же Павел соблюдал времена? Слушайте со вниманием, увещеваю вас. "**В следующий день**", говорится в Писании, "**прибыли в Милит, ибо Павлу рассудилось миновать Ефес, чтобы не замедлить ему в Асии; потому что он поспешал, если можно, в день Пятидесятницы быть в Иерусалиме**" (Деян.20:15,16).

Видишь ли, как тот, который говорит: "**для чего наблюдаете дни, месяцы, времена и годы?**" (Гал.4:9-10) сам соблюдал день Пятидесятницы?

4. И не только день он соблюдал, но и место, потому что он спешил не только прибыть ко дню Пятидесятницы, но и провести его в Иерусалиме. Что делаешь ты, блаженный Павел? Иерусалим разрушен, святое святых опустошено по определению Божию, прежние учреждения прекратились, сам ты взываешь к Галатам: вы надеющиеся оправдаться "**законом, отпали от благодати**" (Гал.5:4); для чего же ты опять ведешь нас в рабство закону? Не маловажное дело узнать, не противоречит ли Павел сам себе. И не дни только соблюдал Павел, но соблюдал и другие заповеди закона; а между тем он взывает к Галатам: "**Вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа**" (Гал.5:2).

Так, тот самый Павел, который говорит: "**если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа**", сам обрезал, как известно, Тимофея. Нашел, говорится в Писании, Павел в Листрах некоторого юношу, "**которого мать была Иудеянка уверовавшая, а отец Еллин, и обрезал его**", потому что не хотел посылать необрезанного учителем (Деян.16:1-3). Что делаешь ты, блаженный Павел? Словом уничтожаешь обрезание, а делом снова поддерживаешь его? Не поддерживаю, говорит он, но уничтожаю его делами. Тимофей был сын жены иудейской верной, а отцом имел эллина, из рода необрезанных. Но так как Павел намеревался послать его учителем к иудеям, то не хотел посылать его

необрезанным, чтобы с самого начала не заградить дверей учению. Таким образом, пролагая путь к уничтожению обрезания и открывая путь учению Тимофея, он совершил над ним обрезание, чтобы уничтожить обрезание. Поэтому он и говорит: "**для Иудеев я был как Иудей**" (1Кор.9:20). Не для того Павел сказал это, чтобы быть иудеем, а чтобы убедить остававшихся иудеями не быть больше иудеями. Потому он и обрезал Тимофея, чтобы уничтожить обрезание. Итак, обрезанием он воспользовался против обрезания. И Тимофей принял обрезание для того, чтобы он мог быть принят иудеями, и чтобы, пришедши мало-помалу отклонить их от соблюдения обрезания. Видишь ли, для чего Павел соблюдал и пятидесятницу и обрезание? Хотите ли, я покажу вам, как он соблюдал и другие постановления закона? Слушайте внимательно. Пришел он некогда в Иерусалим, и апостолы, увидев его, сказали ему: "**видишь брат**" Павел, "**сколько тысяч уверовавших Иудеев**" сошедшихся: "**и все они ревнители закона. А о тебе наслышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих и не поступали по обычаям. Итак что же? Сделай же, что мы скажем тебе: есть у нас четыре человека, имеющие на себе обет. Взяв их, очистись с ними, и возьми на себя издержки на жертву за них, чтобы остригли себе голову, и узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь соблюдать закон**" (Деян.21:20-24). Видите ли удивительное снисхождение? Он соблюдает времена, чтобы уничтожить соблюдете времен; совершает обрезание, чтобы прекратить обрезание; приносит жертву, чтобы уничтожить жертвоприношение. А что действительно для этого он так поступал, послушай его самого: "**для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести**" (1Кор. 9:20,19). А поступал так Павел, подражая своему Господу. Как Тот, "**будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба**" (Флп.2:6,7); так и этот быв свободен от всех, поработил себя всем, чтобы приобрести всех. Господь, принявши наше естество, сделался рабом, чтобы рабов сделать свободными: "**наклонил Он небеса и сошел**" (Пс. 17:10), чтобы пребывающих долу возвести на небо. "**Наклонил небеса**"; не сказано: оставил небеса и сошел, но "**наклонил**", чтобы для тебя сделать более легким восход на небеса. Ему по возможности подражал и Павел, почему и говорил: "**подражайте мне, как я Христу**" (1Кор.4:16). А как ты, блаженный Павел, сделался подражателем Христу? Как? Так, что я ни в чем не ищу своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись, и "**будучи свободен от всех, я всем поработил себя**". Подлинно, нет ничего лучше этого порабощения, потому что оно доставляет свободу другим. Павел был духовный рыбарь: "**Я сделаю вас**", сказал Господь, "**ловцами человеков**" (Мф.4:19), потому он и поступал так. И рыболовы, увидев, что рыба хватается за уду, не тотчас вытаскивают ее, но, ослабив, отпускают ее на некоторое расстояние, ожидая, пока крюк хорошо вонзится, чтобы таким образом вернее вытащить добычу; так поступали тогда и апостолы: они закидывали словесную уду учения в душу иудеев; эти напрасно противодействовали, держась обрезания, праздников, соблюдения времен, жертвоприношений, стрижений и прочего тому подобного; апостолы всюду следовали за ними и не отступали. Ты, говорит, требуешь обрезания, я не противлюсь, но последую тебе; ты хочешь жертвоприношения, я приношу жертву; ты желаешь, чтобы я, оставивши твой образ жизни, остригся, я готов исполнить это требование; ты повелеваешь мне соблюдать Пятидесятницу, и в этом я не противоречу; куда бы ты ни повел меня, я следую и уступаю, ожидая, пока уда слова углубится в тебя так, чтобы вернее можно было отвлечь весь народ ваш от древнего служения и образа жизни; для этого я и пришел из Ефеса в Иерусалим. Видишь ли, сколько Павел уступал в словесной ловле рыб? Видишь ли, как апостолы соблюдали времена, соглашались на обрезание, и участвовали в жертвоприношениях не для того, чтобы возвратиться к древнему образу жизни, но чтобы привязанных к образам привести к истине? Сидящий на высоте, если постоянно будет оставаться на высоте, то никогда не

может поднять лежащего внизу; но должно наперед тому спуститься, чтобы потом возвысился этот. Поэтому и апостолы нисходили с высоты евангельского образа жизни, чтобы возвести иудеев от низости иудейского образа жизни на эту высоту.

5. Отсюда видно, что соблюдение времен и все прочее совершалось с пользою и во благо. Посмотрим же теперь, почему книга Деяний Апостольских читается во время Пятидесятницы. Все это мы предложили вам для того, чтобы вы, когда увидите соблюдение времен, не подумали, будто апостолы страдали иудейским образом мыслей. Но слушайте внимательно, увещеваю вас; то, о чем будет сказано, составляет немаловажный предмет исследования. В день креста мы читаем все, относящееся ко кресту; в великую субботу опять о том, что Господь наш был предан, распят, умер по плоти, погребен; почему же Деяния Апостольские мы читаем не после Пятидесятницы, когда они происходили и начались? Я знаю, что многие не знают этого; поэтому нужно подтвердить это из самой книги Деяний, дабы вы знали, что Деяния Апостольские начались не с Пятидесятницею, но во время, следовавшее за Пятидесятницею. Поэтому справедливо кто-нибудь может спросить: почему установлено читать о кресте в день креста и страдания, а Деяния Апостольские мы читаем не в те самые дни и не в то время, в которое они совершались, но предупреждаем это время? Не тотчас после того, как воскрес Христос, апостолы стали совершать чудеса, но сорок дней Он пребывал с ними на земле. Почему – сорок дней, это мы объясним в другое время; теперь же обратимся к предмету нашей речи и заметим, что Христос не тотчас по воскресении вознесся на небо, но сорок дней пребывал с учениками на земле, и не просто пребывал, но и обращался с ними, принимал участие в их трапезе, беседовал с ними, и по прошествии сорока дней восшел к Отцу на небеса; но и не тогда они стали творить чудеса, а прошли еще другие десять дней, и уже по исполнении Пятидесятницы послан был им Дух Святой; тогда, приняв огненные языки, они и начали творить чудеса. Все это, возлюбленные, мы подтвердим вам из Писаний; именно, – что Он пребывал с ними сорок дней, что Дух Святой нисшел после Пятидесятницы, что тогда апостолы приняли огненные языки, что с того времени они и начали совершать знамения. Кто же говорит о всем этом? Ученик Павла, досточтимый и великий Лука, начавший речь свою так: "**Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал, которым и явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божием. И, собрав их, Он повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима**" (Деян.1:1-4). Видишь ли, что Господь по воскресении пребывал сорок дней на земле, говорил о царстве Божием и общался с апостолами? Видишь ли, что Он принимал участие и в их трапезе? И "**повелел им**", говорит, "**не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня, ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым**" (Деян.1:4,5). Об этом говорил Спаситель в течение сорока дней. "**Посему они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю? Он же сказал им: не ваше дело знать времена**

или сроки, которые Отец положил в Своей власти, но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли. Сказав сие, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их" (Деян.1:6-9). Видишь, как Христос пребывал с ними на земле сорок дней и вознесся на небеса. Но посмотрим, в Пятидесятницу ли послан был Дух Святой. "**При наступлении**", говорится в Писании, "**дня Пятидесятницы, внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них**" (Деян.2:1-3). Видите ли точное указание на то, что Христос оставался на земле сорок дней и что апостолы еще не творили

чудес? И как могли они творить чудеса, не получив еще благодати Святого и животворящего Духа?

Видите ли, что Иисус вознесся на небо после сорока дней? Видите ли еще, что чрез десять дней после того апостолы стали творить чудеса? Потому что по исполнении дней Пятидесятницы ниспослан был Дух Святой. Теперь остается решить, почему Деяния Апостольские читаются в Пятидесятницу. Если бы апостолы тогда начали совершать знамения, т.е. по воскресении Господа, то тогда и следовало бы читать эту книгу: как относящееся ко кресту мы читаем в день креста, равным образом относящееся к воскресению – в день воскресения, и в каждый праздник читаем относящееся к этому празднику, так следовало бы о чудесах апостольских читать в дни апостольских знамений.

6. Почему же мы не тогда читаем о них, но тотчас после креста и воскресения? Всю причину этого выслушайте со вниманием. Тотчас после креста мы возвещаем воскресение Христово, а доказательством воскресения служат знамения апостольские, знамения же апостольские излагаются в этой книге (Деяний). Таким образом, чем особенно подтверждается истина воскресения Господня, то отцы установили читать тотчас после креста и живоносного воскресения. Итак, для того, возлюбленные, тотчас после креста и воскресения мы читаем о знамениях апостольских, чтобы нам иметь ясное и несомненное доказательство воскресения. Ты не видел Самого воскресшего глазами телесными, но видишь Его воскресшего очами веры; этими глазами ты не видел Самого воскресшего, но при помощи тех чудес увидишь Его воскресшего. Явление знамений руководит тебя к созерцанию верою. И то, что именем Его совершались знамения, было лучшим и яснейшим доказательством (воскресения), нежели явление Самого воскресшего. Хочешь ли узнать, как это лучше подтверждает истину воскресения, чем если бы Он Сам явился пред глазами всех людей? Слушайте внимательно, потому что многие спрашивают об этом и говорят: почему Господь воскресши не явился тотчас иудеям? Это вопрос излишний и напрасный. Если бы была надежда обратить иудеев к вере, то Он не преминул бы по воскресении явиться всем. А что не было надежды, чтобы Он, явившись им по воскресении, обратил их к вере, это видно из события с Лазарем. Воскресив этого четвородневного мертвеца, смердевшего и истлевавшего, и повелев ему, связанному повязками, выйти пред глазами всех, Он не только не обратил их к вере, но и возбудил ненависть, потому что собравшись они хотели даже убить Его за это (Ин.22:10). Если же тогда, когда Он воскресил другого, они не уверовали, то, если бы Он, воскресив Себя, явился им, не пришли ли бы они опять в неистовство против Него? И хотя они не могли бы иметь никакого успеха, но показали бы свое нечестие покушением.

Поэтому, желая избавить их от излишнего неистовства, Он сокрыл Себя, потому что сделал бы их еще более достойными наказания, если бы явился им после крестных страданий. Потому, щадя их, Он и сокрыл Себя от их взоров, а показал явлением знамений, потому что слышать слова Петра: "**во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи**" (Деян.3:6), значило не меньше, как и видеть Самого воскресшего. А что действительно это есть величайшее доказательство воскресения и удобнее приводит к вере, чем последнее, и что явление знамений, совершаемых во имя Его, лучше могло убедить умы людей, нежели лицезрение Самого воскресшего, это видно из следующего: Христос воскрес и явился ученикам; но и между ними нашелся некто неверующий, Фома называемый Дидим, и нужно было ему вложить руки в язвы гвоздиные, нужно было и осязать ребра Его (Ин.20:24). Если же ученик, обращавшийся с Ним три года, участвовавший в трапезе Господней, видевший величайшие знамения и чудеса, слушавший беседы Господа, увидев Его воскресшего, не прежде уверовал, как осмотрев язвы гвоздиные и раны от копья, то скажи мне, могла ли бы уверовать вселенная, если бы увидела Его воскресшего? Кто может сказать это? И не только с этой, но и с другой

стороны мы покажем, что знамения убеждали больше, чем лицезрение воскресшего. Народ, услышав Петра, сказавшего хромому: "**во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи**", уверовал во Христа в числе трех тысяч, а потом в числе пяти тысяч мужей; ученик же, увидев воскресшего, не веровал. Видишь ли, как первое гораздо удобнее приводило к вере в воскресение? Увидев воскресшего, и собственный ученик Его не веровал, а увидев знамения, и враги уверовали. Так последнее было действительнее и яснее первого, и более располагало и уверяло их в воскресении. Но что я говорю о Фоме? И прочие ученики не уверовали при первом видении. Выслушай об этом внимательно, но не осуждай их, возлюбленный: если Христос не осудил их, то не осуждай их и ты. Ученики увидели дело дивное и необычайное, увидели воскресшим перворожденного из мертвых; а такие величайшие чудеса обыкновенно сначала поражают, пока со временем не утвердятся в душах верующих; тоже было тогда и с учениками. Когда воскресший из мертвых Христос сказал им: "**Мир вам**", тогда они, говорит евангелист, "**смутившись и испугавшись, подумали, что видят духа, но Он сказал им: что смущаетесь?**" И потом, показав им руки и ноги, "**они от радости еще не верили и дивились, Он сказал им: есть ли у вас здесь какая пища?**", желая чрез это уверить их в воскресении (Лук.24:36-41). Тебя не убеждают, говорит Он, ни ребра, ни раны; пусть же по крайней мере убедит трапеза.

7. А чтобы тебе вернее узнать, что Он для того сказал: "**есть ли у вас здесь какая пища**", дабы они не подумали, что пред ними призрак, или дух, или привидение, но истинное и действительное воскресение, послушай, как Петр этим доказывает воскресение. Сказав: "**Сего Бог воскресил, дал Ему являться нам, свидетелям, предъизбранным от Бога**", он потом, приводя доказательство воскресения, прибавил: "**которые с Ним ели и пили**" (Деян.10:40,41). Поэтому и в другом месте Христос, воскресив мертвую и желая уверить в воскресении, сказал: "**дадите ей есть**" (Мк.5:43). Итак, когда ты услышишь, что Он "**явил себя живым, в продолжении сорока дней являясь им, и ел с ними**" (Деян.1:10; Лк.24:43), то знай причину этого вкушения пищи, именно: Он вкушал пищу, не имея сам в ней нужды, но, желая исправить немощь учеников. Отсюда видно, что чудеса и знамения апостолов были величайшим доказательством воскресения (Христова). Почему и сам Он говорит: "**истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит**" (Ин.14:12). Так как предшествовавший крест соблазнял весьма многих, то и нужны были после того большие знамения. Если бы умерший Христос остался в смерти и во гробе и не воскрес, – как говорят иудеи, – и не восшел на небеса, то не только не совершались бы большие знамения после креста, но и прежде совершенные должны были бы потерять силу. Слушайте меня здесь со вниманием; то, что говорю я, служит доказательством несомненности воскресения; поэтому я повторю сказанное. Христос прежде творил чудеса, воскрешал мертвых, очищал прокаженных, изгонял бесов; потом Он был распят и, как говорят беззаконные иудеи, не воскрес из мертвых. Что же мы скажем им? Следующее: если Он не воскрес, то как после того именем Его совершаемы были большие знамения? Никто из живущих, когда умирал, по смерти не совершал больших знамений, а здесь после этого были чудеса большие и по образу совершения и по своему свойству. Были большие по свойству, потому что никогда тень Христова не воскрешала мертвых, а тени апостолов совершили много такого. Были знамения большие и по образу совершения, потому что тогда Он Сам повелением совершал чудеса, а после креста служители Его, призывая досточтимое и святое имя Его, совершали большие и высшие дела, в которых больше и славнее проявилась сила Его. В самом деле, гораздо важнее, когда другой творил чудеса, призывая имя Его, чем когда Он сам совершал тоже своим повелением. Видишь ли, возлюбленный, большие и по свойству и по образу совершения знамения, совершенные апостолами после воскресения Христова? Итак, они – несомненное доказательство воскресения. Что говорил я, то опять повторю: если бы Христос, умерши не воскрес, то и знамения должны были бы окончиться и прекратиться; а теперь они не только не прекратились, но и происходили

после этого важнейшие и славнейшие. Если бы Христос не воскрес, то другие именем Его не совершали бы таких знамений, потому что одна и та же сила совершала чудеса и прежде креста и после креста, только прежде креста через самого (Христа), а после – через учеников Его. А чтобы доказательство воскресения было яснее, и славнее, для этого после креста были знамения большие и высшие. Но откуда известно, – скажет неверный, – что тогда были знамения? А откуда известно, что Христос был распят? Из божественных Писаний, скажешь. Точно, из священных Писаний известно, что тогда были знамения и что Христос был распят; они повествуют о том и другом. Если же противник скажет, что апостолы не совершали знамений, то еще больше покажет их силу и божественную благодать (тем), что они без знамений обратили к благочестию такую вселенную. Это – величайшее знамение и дивное чудо, что люди бедные, ничего не имевшие, незнатные, неученые, простые, презираемые и числом двенадцать, могли без знамений привлечь к себе столько городов, племен народов, царей, властителей, философов, риторов и, так сказать, всю землю. Хочешь ли видеть знамения, совершающиеся и ныне? Я.докажу тебе знамения еще большие прежних: не одного мертвого воскрешаемого, не одного слепого прозирающего, но всю землю, свергнувшую мрак заблуждения; не одного прокаженного очищаемого, но столько народов, исцелившихся от греховной проказы и очистившихся банею пакибытия. Чего еще больше этих знамений ищешь ты, человек, видя такую перемену вселенной, происшедшую внезапно?

8. Хочешь ли знать, как Христос даровал прозрение вселенной? Прежде люди не считали дерева и камня деревом и камнем, а называли бесчувственные вещи богами: так они были ослеплены; теперь же они узнали, что – дерево и что – камень, и уверовали что – Бог, потому что одною верою созерцается это бессмертное и блаженное Существо. Хочешь ли видеть и другое знамение воскресения? Ты увидишь его в душе учеников; и это знамение сделалось большим после воскресения. Всем известно, что и тот, кто хорошо расположен к человеку при его жизни, по смерти его, может быть, и не воспоминает об нем, а кто не хорошо расположен к живому человеку и оставил его при жизни, тот тем более забывает о нем после смерти. Поэтому, никто из людей, оставив и покинув друга-учителя, при его жизни, не станет дорожить им после его смерти, особенно если за привязанность к нему увидит угрожающие ему бесчисленные опасности. Но вот, чего ни с кем не бывает, то произошло со Христом и апостолами: те, которые отреклись и отстали от Него при Его жизни, оставили Его, когда Он был взят, и разбежались, те после бесчисленных поношений и креста стали так высоко почитать Его, что и души свои положили за исповедание и веру в Него. Если бы Христос умерши не воскрес, то как объяснить, что те, которые при жизни Его разбежались от угрожавшей опасности, по смерти Его подвергли себя за Него бесчисленным опасностям? Прочие все разбежались, а Петр даже отрекся от Него с клятвою трижды; но тот, кто отрекся от Него с клятвою трижды и устрашился угрозы простой служанки, по смерти Его, желая убедить нас самим делом, что он видел самого воскресшего, внезапно переменился так, что не устрашился целого народа, вошел в собрание иудеев и сказал, что распятый и погребенный воскрес из мертвых в третий день и восшел на небеса, и что он сам не боится никакого бедствия. Откуда же у него явилась такая смелость? Откуда более, как не от уверенности в воскресении? Так как он видел Его, беседовал с Ним, слышал Его предсказания о будущем, то и подвергал себя опасности за Него, как за живого, и с такою смелостью решался на все бедствия и получил столь великую силу и столь великое дерзновение, что умер за Него и распят на кресте вниз головою. Итак, когда ты видишь, что совершаются большие знамения, и что ученики, прежде оставившие Его, стали питать большую привязанность к Нему и оказывают большее дерзновение, и во всех отношениях произошла блистательнейшая перемена обстоятельств и все пришло в надежное и отрадное состояние, то убедись самим опытом, что дела Христовы не продолжались только до Его смерти, но за смертью последовало воскресение, и что распятый живет и пребывает постоянно неизменным Богом. Если бы

Он не воскрес и не ожил, то ученики не совершали бы после того знамений больших, чем какие совершаемы были прежде креста. Тогда и ученики оставили Его; а теперь притекает к Нему вся вселенная, и не только Петр, но и тысячи других, и еще больше после Петра, таких, которые не видали Его, предали за Него души свои, отдали свои головы на отсечение и претерпели бесчисленное множество бедствий, чтобы умереть, сохранив целою и неприкосновенною веру в Него. Каким же образом мертвый и пребывающий во гробе, – как говоришь ты, иудей, – явил во всех, бывших и после апостолов, такую силу и могущество, убедив их покланяться Ему одному и решиться претерпеть все и пострадать, чтобы не потерять веру в Него? Видишь ли во всем этом ясное доказательство воскресения: в знамениях тогдашних и нынешних, в расположении учеников тогдашних и нынешних, в опасностях, которым подвергались верующие? Хочешь ли видеть, что и сами враги боялись Его силы и могущества, и тревожились гораздо больше после креста? Послушай и об этом со вниманием. "**Видя**", говорится в Писании, иудеи "**смелость Петра и Иоанна и приметив, что они люди некнижные и простые, они удивлялись**" (Деян.4:13), и боялись, не потому, что они были неученые, но потому, что, будучи неучеными, они побеждали всех мудрецов; "**видя же исцеленного человека, стоящего с ними, ничего не могли сказать вопреки**" (Деян.4:14), тогда как прежде противоречили, видя совершаемые знамения. Почему же тогда они не противоречили? Их язык удержала невидимая сила распятого; Он заградил им уста; Он обуздал их дерзость; поэтому они и стояли, не могши ничего сказать вопреки. А когда они и говорили, то, посмотри, как обнаруживали свой страх: "**хотите**" говорят они, "**навести на нас кровь Того Человека**" (Деян.5:28). Но если Он простой человек, то отчего ты боишься крови Его? Скольких пророков убил ты, иудей, скольких праведников умертвил, и не страшился крови никого из них: от чего же здесь ты боишься? Поистине, потряс совесть их распятый, и они, не будучи в силах скрыть своего смущения, невольно пред противниками и исповедают собственное бессилие. Когда они распинали Его на кресте, то кричали: "**кровь Его на нас и на детях наших**" (Мф.27:25): так они презирали кровь Его! А после креста, увидев воссиявшую силу Его, они страшатся, смущаются и говорят: "**хотите навести на нас кровь Того Человека**". Если Он был обманщик и богопротивник, как говорите вы, беззаконные иудеи, то отчего вы боитесь Его крови? Напротив, следовало бы даже хвалиться этим убиением, если бы Он был действительно таков. Но так как Он был не таков, то они и трепещут.

9. Видишь ли, как везде и сами враги смущаются и страшатся? Видишь ли их смущение? Узнай и человеколюбие распятого. Они говорили: "**кровь Его на нас и на детях наших**" (Мф.27:25), а Христос не так поступил, но, умоляя Отца, говорил: "**Отче! прости им, ибо не знают, что делают**" (Лк.23:34). Если бы кровь Его была на них и на детях их, то из числа детей их не были бы апостолы, также не уверовали бы вдруг три тысячи и пять тысяч. Видишь ли, как они были жестоки и бесчеловечны к своим детям и отрекались от самой природы, а Бог был человеколюбивее всех отцов и любвеобильнее матерей? Кровь Его была на них и на детях их, но не на всех детях, а только на тех, которые подражали нечестию и беззаконно отцов, и только те, которые были сынами их не по преемству природы, а по произвольному безумию, подверглись бедствиям.

Заметь еще благость и человеколюбие Божие и с другой стороны. Он не тотчас навел на них наказание и бедствия, но спустя сорок и более лет после креста. Сам Спаситель был распят при Тиверии, а город их взят при Веспасиане и Тите. Почему же Он медлил столько времени? Он хотел дать им время для покаяния, чтобы они оставили свои грехи и загладили преступления. Но так как они, и получив время для покаяния, остались неисцельными, то Он, наконец, навел на них наказание и бедствия, и, разрушив город, изгнал и рассеял их по всей вселенной, впрочем, показав и в этом свое человеколюбие. Он рассеял их для того, чтобы они видели, как распятому ими Христу поклоняются по всей

вселенной, чтобы, видя поклонение, воздаваемое Ему от всех, и познав Его силу, они сознали чрезмерность собственного нечестия и, сознав, обратились к истине. Так самое изгнание было для них назиданием и наказание вразумлением, потому что если бы они остались в земле иудейской, то не убедились бы в истинности пророков. А что говорили пророки? "**Проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе**" (Пс.2:8).

Поэтому иудеям надлежало достигнуть пределов земли, чтобы увидеть собственными глазами, что Христос обладает и пределами земли. Также другой пророк говорит: "**и Ему будут поклоняться, каждый со своего места, все острова народов**" (Соф.2:11). Поэтому надлежало им рассеяться по всем местам земли, чтобы увидеть собственными глазами, что каждый поклоняется Ему с места своего. И еще другой сказал: "**ибо земля наполнится познанием славы Господа, как воды наполняют море**" (Авв.2:14). Поэтому надлежало им разойтись по всей земле, чтобы увидеть ее исполненною ведения Господня, и моря, т.е. эти духовные церкви, исполненными благочестия. Для этого Бог рассеял их по всей земле, потому что, если бы они остались в Иудее, то не узнали бы этого. Он хочет, чтобы они сами собственными глазами удостоверились и в истинности пророков и в Его силе, чтобы они, если вразумятся, были приведены чрез это к истине, а если останутся в нечестии, то не имели бы никакого оправдания в страшный день суда. Для того Он и рассеял их по всей вселенной, чтобы и мы получили отсюда некоторую пользу, т.е. видя исполнение тех пророчеств о рассеянии их и о взятии Иерусалима, которые предсказали Даниил, когда он упоминал о "**мерзости запустения**" (Дан.9:27), и Малахия, когда он говорил, что "**лучше кто-нибудь из вас запер бы двери**" (Мал.1:10), и Давид, и Исаия и многие другие пророки, чтобы мы, видя прогневавших Господа так наказанными, лишенными отечественной свободы и всех собственных законов и отеческих преданий, познали Его силу, предсказавшую и исполнившую это, – чтобы враги из наших благ увидели силу Его, а мы из их наказаний познали неизреченное Его человеколюбие и могущество, и во всю свою жизнь прославляли Его, дабы нам получить и вечные и неизреченные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым и Животворящим Духом, честь и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДЫ О ПЕРЕМЕНЕ ИМЕН

БЕСЕДА I

по прочтении места: "Савл же, еще дыша угрозами и убийством" (Деян. 9:1), когда все ожидали, что будет сказана беседа на начало 9 гл. Деяний, – о том, что призвание Павла есть доказательство воскресения

Эта и следующие три беседы имеют своим общим содержанием вопрос о перемене имен

1. Можно ли это снести? Можно ли стерпеть? Собрание у нас с каждым днем становится меньше. Город полон людей, а церковь пуста; площадь, театры и портик полны, а дом Божий пуст. А лучше, если сказать правду, город пуст, а церковь полна людей. Людьми называть должно не тех, которые на площади, а вас, которые в церкви; не тех беспечных, а вас – усердных; не тех, которые пристрастились к житейскому, а вас, которые житейскому предпочитаете духовное. Не тот человек, у кого есть тело и голос человеческий, а тот, у кого есть душа человеческая и душевное настроение. А о душе человеческой ничто так не свидетельствует, как любовь к слову Божию; равно ничто так не показывает и не обличает души скотоподобной и неразумной, как пренебрежение к слову Божию. Хочешь знать, что небрегущие о слышании слова Божия, этим небрежением, потеряли человечество (τό εἶναι

άνθρωποι), и утратили самое природное достоинство свое? Скажу вам не свое слово, но пророческое речение, подтверждающее мою мысль, чтобы вы видели, что нелюбящие духовных слов не могут быть и людьми, чтобы вы видели, что город у нас обезлюдел. Громогласнейший Исаия, этот созерцатель чудных видений, удостоившийся еще во плоти видеть серафимов и слышать ту таинственную песнь, – он, вошедши в многолюдную столицу иудейскую, то есть, в Иерусалим, стоя на средине площади, тогда как окружал его весь народ, – желая показать, что не слушающий пророческих слов не человек, взывал так: "**когда Я приходил, никого не было, и когда Я звал, никто не отвечал?**" (Ис.50:2). И в доказательство, что он сказал это, не по совершенному недостатку присутствующих, но из-за беспечности слушателей, после слов; "**когда Я приходил, никого не было**" прибавил: "**никто не отвечал**", Стало быть, присутствующие были, только не считались присутствующими, потому что не слушали пророка. Поэтому он, как пришел, "**когда Я приходил, никого не было**", звал, и "**никто не отвечал**", обращает речь к стихиям, и говорит: "**слушайте, небеса, и внимай, земля**" (Ис.1:2). Я, говорит, послан к людям, – к людям, имеющим ум; но так как нет у них ни рассудка, ни чувства, то обращаюсь с словом к стихиям, не имеющим чувства, в обличение одаренных чувством, но не пользующихся этим преимуществом. Так говорит и другой пророк, Иеремия. И он, стоя среди множества иудеев, в том же самом городе, как будто бы не было никого, восклицал так: "**К кому мне говорить и кого увещевать**" (Иер.6:10)? Что говоришь? Видя такое множество людей, спрашиваешь, с кем заговорить тебе? Да, говорит, тел много, но – не людей; много тел, у которых нет слуха. Поэтому и прибавил: "**ухо у них необрезанное, и они не могут слушать**". Видишь, что все это не-люди, из-за того, что не слышат? Тот (Исаия) говорит: "**когда Я приходил, никого не было, и когда Я звал, никто не отвечал?**", а этот (Иеремия) говорит: "**К кому мне говорить и кого увещевать, ухо у них необрезанное, и они не могут слушать**". Если же пророки о присутствующие говорят, что они не-люди, потому что не внимали усердно словам (пророческим), то что сказать нам о тех, которые не только не слушают, но и не хотят войти в это святилище, о тех, которые блуждают вне этого священного стада, находятся вдали от этого матернего дома, на распутьях и переулках, как беспорядочные и ленивые дети? И эти, оставя отцовский дом, бродят кое-где вне, и целые дни проводят в детских играх. От этого такие дети часто теряют и свободу, и жизнь, попадаются в руки похитителей и воров, и часто, в наказание за вольность, подвергаются смерти, потому что те, взявши их, и сняв (с них) золотые украшения, или топят их в волнах речных, или, если захотят поступить с ними несколько человеколюбивее, отводят их в чужую землю и лишают свободы. Это же бывает и с неприходящими в церковь. И они, как уклонятся от отчего дома и пребывания здесь, попадаются в уста еретиков и на языки врагов истины, а эти, схватив их, как похитители, и отняв у них златое украшение веры, тотчас убивают их, не бросая в реку, но погружая в мутные догматы злочестия.

2. Ваше бы дело позаботиться о спасении этих братьев и привести их к нам, как бы они ни противились, как бы ни упорствовали, как бы ни отговаривались, как бы ни огорчались. Это упорство и нерадение свойственно детской душе. Но вы исправьте их душу, столько еще несовершенную. Ваше дело заставить их быть людьми. Как мы того, кто отвращается человеческой пищи и ест, со скотами, терния и травы, не можем назвать человеком, так точно не можем назвать человеком и того, кто не любит истинной и приличной душе человеческой пищи, т.е. слова Божия, но сидит в мирских собраниях и сборищах, где всегда бездна разврата, и питается нечестивыми речами. Человек, по-нашему, не тот, кто только питается хлебом, но кто, преимущественно пред этою пищею, вкушает божественные и духовные слова. И (для удостоверения), что это – человек, послушай Христа, который говорит: "**не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих**" (Мф.4:4). Стало быть, (необходимая для) жизни нашей пища – двоякая: одна хуже, другая лучше; и надобно более всего принимать эту последнюю,

чтобы и питать душу, и не давать ей мучиться голодом. Вам бы следовало сделать наш город полным людей. Так как обезлюдел этот великий и многолюдный город, то вам бы следовало оказать это благодеяние отчизне своей, – привлечь братьев (сюда), сообщив им, что вы слышали здесь. В самом деле, и в том, что мы вкушали трапезы, удостоверяем (других) не тогда, когда только хвалим трапезу, но когда можем и не вкушавшим ее дать что-нибудь из бывших на ней яств. Это и вы сделайте теперь, и тогда непременно будет одно из двух, – или вы убедите их возвратиться к нам, или, если они и останутся в своем упорстве, то напитаются вашим языком, а вернее, возвратятся (сюда) непременно. Не захотят же они кормиться милостынею, тогда как могут по праву вкушать этой отеческой трапезы. Я твердо надеюсь и верю, что вы это делаете, или уже сделали, или сделаете, потому что и сам я непрестанно внушал это, и вы обогащены познанием и можете вразумлять и других. Теперь же время предложить вам нашу трапезу, конечно, ничтожную, скудную и весьма бедную, с прекрасною однако ж приправою, – с вашим усердием к слушанию. Трапезу делает самою приятною не одна дороговизна кушаньев, но и алчба званных: таким образом и великолепная трапеза является скудною, когда гости приходят без голода, и бедная кажется богатою, когда садятся за нее голодные. Поэтому и другой некто, зная, что о дороговизне трапезы судят не по качеству кушаньев, но по расположению гостей, говорит вот как: "**сытая душа попирает и сот, а голодной душе все горькое сладко**" (Притч.27:7), не потому, чтобы переменялось самое свойство предлагаемых яств, но потому, что расположение гостей отнимает у них вкус. Если же горькое, от голода званных, кажется сладким, тем более скудное кажется богатым. Потому-то и мы, хотя и крайне бедные, подражаем богатым учредителям пиров, приглашая вас, в каждое собрание, к нашей трапезе. А это делаем мы, не на свое полагаясь богатство, но, будучи уверены в избытке вашего внимания.

3. Уплатили мы вам весь долг касательно надписи, т.е., надписи Деяний Апостольских. Следовало бы теперь взяться и за начало этой книги и сказать, что такое значит: "**Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала**" (Деян.1:1). Но не позволяет мне соблюсти этот порядок Павел, который зовет язык наш к себе и к своим подвигам. Мне хочется видеть его, как ведется он в Дамаск, связанный не железною цепью, но Господним гласом; хочется видеть, как поймана эта великая рыба, приводившая в кипение все море, воздвигавшая на Церковь тысячи волн; хочется видеть, как она поймана, не удою, но словом Господним. Как рыболов какой, сидя на высоком камне, и подняв удилище, опускает уду сверху в море; так и Господь наш, открывший духовную ловитву, как бы сидя на высоком камне небесном, опустил сверху, как уду, этот голос и сказал: "**Савл, Савл! что ты гонишь Меня?**" (Деян.4: 4), и таким образом поймал эту великую рыбу. И что было с тою рыбою, которую, по повелению Господню, поймал Петр, тоже случилось и с этою. И у этой рыбы в устах нашелся статир, – только статир нечистый, потому что (Павел) имел ревность, "**но не по рассуждению**" (Рим.10:2). Поэтому Бог, даровав ему (истинное) познание, сделал эту монету настоящею; и, что бывает с пойманными рыбами, тоже было и с Павлом. Как те, лишь только извлечены будут из моря, слепнут; так и этот, лишь только взял уду и извлечен был, тотчас ослеп. Но эта слепота заставила прозреть всю вселенную. Все это хочется мне видеть. Ведь, если бы постигла нас война с иноплеменниками, и враги, ополчившись, сильно беспокоили нас; потом вождь иноплеменников, строивший тысячу козней, приведший в беспорядок все дела наши, повсюду возбудивший смятение и волнение, грозивший разрушить и сжечь сам город, а нас отвести в неволю, – если бы он вдруг был нашим царем связан и приведен пленником в город: мы все, с женами и детьми, выбежали бы на такое зрелище. И теперь, как открылась война, когда иудеи все возмущали и приводили в беспорядок, и строили множество козней против безопасности Церкви, а главою неприятелей был Павел, который больше всех и делал и говорил, все волновал и возмущал; и теперь, как связал его Господь наш Иисус Христос, Царь наш, – связал и привел пленником того, кто все

приводил в беспорядок: не выйдем ли все мы на это зрелище, чтобы видеть, как он ведется пленником? И ангелы, смотря тогда с небес, как он был связан и веден, ликовали, не потому только, что видели его связанным, но потому, что представляли себе, как многих людей избавит он от уз; не потому, что увидели его ведомым за руку, но потому, что помышляли, сколь многих людей поведет он с земли на небо. Так они радовались, не потому, что видели его ослепшим, но потому, что помышляли, как многих выведет он из мрака. Иди, сказал (ему Господь), к язычникам, и, освободив их от тьмы, переведи их в царство любви Христовой (Деян.26:17,18). Вот почему я, оставя начало (книги Деян. Апост.), спешу перейти к средине ее. Павел и любовь к Павлу заставили меня сделать этот скачок. Да, Павел и любовь к Павлу! Простите мне, а лучше, не простите, но соревнуйте мне в этой любви. Кто любит нечистою любовью, тот имеет причину просить прощения; но кто любит такою (как я) любовью, тот должен красоваться ее, должен делать многих сообщниками этого расположения и в тысячах (людей) возбуждать подобную своей любовь. Притом, если бы возможно было, (нам), идя (прямым) путем и простираясь вперед по порядку сказать и о том, что (в книге Деян. Апост. помещено) прежде, и дойти до того, что в средине ее, мы не перешли бы тотчас к средине, оставя начало; но, так как закон отцов повелевает – после Пятидесятницы отлагать эту книгу, и вместе с окончанием этого праздника прекращается чтение книги, то я побоялся, чтобы, тогда как остановимся мы на изъяснении начала (книги), не ускользнула от нашего рассмотрения дальнейшая история. Поэтому я отступил от начала рассказа, и, держась за вступление истории, как бы сзади головы, велел вам остановиться и стать в начале пути. Коснувшись головы рассказа, я смело уже буду рассматривать все остальное, хоть и пройдет праздник. Никто тогда не станет обвинять нас в неблаговременности, потому что сама необходимость последовательности избавит нас от обвинений в неблаговременности. Вот почему я от вступления перешел к средине. А что невозможно было дойти до Павла, идя (прямым) путем, но что скорее бы эта книга (Деян. Апост.) убежала от нашего языка и заперла пред нами двери, это покажу вам из самого вступления, хотя это ясно уже и само собою.

4. В самом деле, если мы половину праздника [1] употребили на то, что прочитали и изъяснили только одну надпись (Книги Деяний Апостольских), то, когда бы мы решились, начав со вступления, пустить слово и в самое море книги, сколько бы употребили времени на то, чтобы дойти до сказаний о Павле? А лучше постараюсь выяснить вам это из самого вступления. "**Первую книгу написал я к тебе, Феофил**" (Деян.1:1). Сколько, думаете, здесь вопросов? Первый: для чего (ев. Лука) напоминает ему (Феофилу) о первой своей книге (Евангелии). Второй: для чего называет (эту книгу) словом (λόγος), а не Евангелием, между тем как Павел называет ее Евангелием, когда говорит о Луке так: "**брата, во всех церквах похваляемого за благовествование**" (2Кор.8:18). Третий: для чего говорит: "**о всем, что Иисус делал и чему учил**". Если Иоанн, этот возлюбленный Христов, имевший такое дерзновение, удостоившийся приклониться к святой той груди, почерпнувший оттуда источники Духа, если уже он не осмелился сказать этого, но был так осторожен, что сказал: "**многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг**" (Ин.21:25), то, как этот (Лука) осмелился сказать: "**Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала** "? Разве этот вопрос кажется вам маловажным? Притом, там (в Евангелии сказано): "**достопочтенный Феофил**" (Лук.1:3), имя с прилагательным почетным. А святые не просто так говорили, и мы, кажется, уже отчасти доказали и то, что в Писании ни одна иота, ни одна черта не употреблена напрасно. Итак, если столько вопросов во вступлении, то, как много времени потратили бы мы, когда бы стали рассматривать все по порядку? Вот, почему я должен был, миновав промежуток (т.е. от начала 1 гл. Деян. Апост. до 9 гл.), идти к Павлу. Для чего же мы, предложив вопросы, не присовокупили решения их? Чтобы приучать вас – не все только разжеванную принимать пищу, но и самим (вам) изобретать решение мыслей, как это делают голубки. И они своих

птенцов, доколе те остаются в гнезде, кормят из своего рта; когда же успеют вывесть их из гнезда, и увидят, что крылья у них выросли, то более уже не делают этого, но приносят зерно во рту и показывают (детям), и, как птенцы, выжидавшие (пищи), подойдут близко, матери, оставив пищу на земле, велят самим им подбирать ее. Так поступили и мы: взявши духовную пищу на уста, мы пригласили вас, как будто хотели представить вам, по обычаю, решение; а как вы пришли и надеялись получить, мы оставили (вас), чтобы вы сами подобрали мысли. Так, оставив вступление, спешим к Павлу. И скажем не только о том, сколько пользы он принес церкви, но и о том, сколько вреда, потому что необходимо нам сказать и об этом. Скажем, как он противодействовал слову проповеди, как воевал со Христом, как гнал апостолов, как питал враждебные замыслы, как больше всех обеспокоил Церковь. Но никто не стыдись слышать это о Павле: это служит не к обвинению, но к похвале его. Позорно было бы для него не то, что он, прежде бывши злым, после стал добрым, но то, если бы он, прежде бывши добрым, после перешел на сторону зла: о делах всегда судят по их концу. И о кормчих, хотя бы они потерпели тысячу крушений, пока не успеют придти в пристань, мы не отзываемся худо, когда они привели наполненный грузом корабль, потому что конец покрыл прошедшее. И борцов, хотя бы они прежде побеждены были тысячу раз, если только одержат победу в борьбе из-за венца, мы, из-за прежних поражений, не лишаем похвал, какие следуют за такую победу. Так же сделаем и относительно Павла. И он, хотя потерпел бесчисленные кораблекрушения, но, когда пришел в пристань, то привел корабль, полный груза. Как Иуде нисколько не принесло пользы то, что он прежде был учеником, а потом сделался предателем, так и этому (Павлу) нисколько не повредило то, что он прежде был гонителем, а после стал благовестником. Это служит к похвале Павла, не потому, что он разрушил церковь, но потому, что он же опять создал ее; не потому, что противодействовал слову (проповеди), но потому, что после того, как противодействовал слову, сам же опять распространил его; не потому, что преследовал апостолов, не потому, что рассеял стадо (Христово), но потому, что, рассеяв стадо, после сам же собрал его.

5. Что может быть удивительнее этого? Волк сделался пастырем; тот, кто упивался кровью овец, стал собственную кровь проливать за спасение овец! Хочешь знать, как он упивался кровью овец, как окровавлен был язык его? "**Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа**" (Деян. 9:1). Но этот дышащий угрозою и убийством, и проливающий кровь святых, послушай, как проливал свою кровь за святых. "**По рассуждению человеческому**", говорит он, "**когда я боролся со зверями в Ефесе**" (1Кор.15:32), и опять: "**я каждый день умираю**" (ст.31), и опять: "**считают нас за овец, обреченных на заклание**" (Рим.8:36). И это говорил тот, кто был при том, когда проливали кровь Стефана, и кто одобрял убиение его (Деян.7:58,8:1). Видишь, как волк сделался пастырем? Так стыдно ли вам слышать, что он (ап. Павел) прежде был гонителем, хулителем и обидчиком (1Тим.1:13)? Видите ли, как прежняя вина послужила к большему прославлению его? Не говорил ли я вам в предшествовавшем собрании, что чудеса после креста были больше чудес до креста? Не доказал ли вам, и чудесами, и благостью (εὐνοιας) учеников, как прежде Христос воскрешал мертвых повелением, а после делала это тень рабов Его? Как тогда сам Он творил чудеса словом, а после рабы Его совершили большие чудеса именем Его? Не сказал ли я вам о врагах (И. Христа), как Он устрашил совесть их, как покорил себе всю вселенную? Как чудеса после креста были больше чудес до креста? – Сродно тогдашнему и сегодняшнее слово. В самом деле, какое чудо может быть больше того, которое совершилось над Павлом? Петр отрекся Иисуса живого, а Павел исповедал умершего. А привлечь и покорить душу Павлову – это чудо было больше, чем воскресить мертвых тенью. Там повиновалась природа, и не противоречила повелевающему, здесь надлежало покорить свободную волю, которая властна и не покориться: значит, велика сила Того, кто покорил. Изменить волю было гораздо важнее, чем исправить природу, следовательно, то, что Павел обратился ко

Христу после креста и гроба, было чудо, больше всех прочих чудес. Христос для того и попустил ему выказать всю вражду, и потом призвал его, чтобы сделать несомненным доказательство воскресения и слово (христианского) учения. Петра, например, могли бы подозревать, когда он говорил о Христе, потому что иной из бесстыдных людей мог сказать что-нибудь (против него). Я сказал: из бесстыдных, потому что и там доказательство было ясно. И он (Петр) прежде отрекся Христа и отрекся с клятвою; но после исповедал того же самого (Христа) и предал за Него жизнь свою. А если бы Христос не воскрес, то отрекшийся живого не вытерпел бы тысячи смертей для того, чтобы не отречься умершего. Потому и Петр представил ясное доказательство воскресения. Однако бесстыдные могли сказать, что, так как он был ученик (И. Христа), имел с Ним общение в трапезе, и провел с Ним три года, так как пользовался Его учением, и, обольщенный Им, вдался в обман, то и проповедует о Его воскресении. Но, когда увидишь, что Павел, который не видел Христа, не слушал Его, не пользовался Его учением, воевал против Него и после креста, умерщвлял верующих в Него, все возмущал и приводил в беспорядок, – (когда увидишь, что) он вдруг переменился и трудами проповеди превзошел всех друзей Христовых, какой, скажи мне, будешь иметь предлог к бесстыдству, не веря учению о воскресении? Если бы Христос не воскрес, кто бы привлек и привел к себе так жестокого и бесчеловечного, распаленного враждою и разъяренного наподобие зверя? Скажи мне, иудей, кто заставил Павла обратиться к Христу? Петр? Иаков? Иоанн? Но все они боялись и трепетали его, и не только до обращения его, но и тогда, когда он стал в числе друзей (Христовых), когда Варнава, взявши его за руку, привел в Иерусалим, и тогда они боялись пристать к нему; война уже прекратилась, а страх еще был на апостолах. Итак, те, которые еще боялись его и тогда, как он переменился, смели ли убеждать его, когда он был врагом и неприятелем? Могли ли даже приблизиться, или стать, или раскрыть уста, и даже явиться? Никак, нет; это было делом не человеческого усилия, но божественной благодати. Итак, если Христос, как вы говорите, был мертв, и ученики Его, пришедши, украли Его, то как более велики были чудеса после креста? Как более сильно доказательство могущества? Христос не только переменил врага (своего) и верховного вождя вашей войны, – хотя, если бы и это только Он сделал, то пленить врага и неприятеля было бы делом величайшей силы, – но вот Он сделал не только это, а и гораздо больше этого: Он не только переменил (Павла), но и сделал его так близким к Себе, так расположил возлюбить Себя, что ему вверил даже все дела Церкви: "**сосуд**", говорит Господь, "**чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями**" (Деян.9:15), и заставил его потрудиться более (прочих) апостолов за ту Церковь, против которой он прежде воевал.

6. Хочешь знать, как (Христос) переменил его, как сделал его близким, как привлек к Себе, как поместил между первыми из друзей своих? Никому из людей не благоволил Он открыть такие тайны, какие – Павлу. Откуда это видно? "**Слышал**", говорит (о себе Павел), "**неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать**" (2Кор.9:4). Видишь, какую любовь показал враг, неприятель? Поэтому необходимо рассказать и прежнюю жизнь его: это покажет нам и человеколюбие и силу Божию, человеколюбие, потому что сделавшего столько зла Бог восхотел спасти и привлечь к Себе, а силу, потому что, восхотев, возмог. Это покажет нам и душу Павла, т.е., что он ничего не делал по упорству, или по страсти к человеческой славе, как иудеи, но (все делал) по ревности, конечно не правильной, все же по ревности, о чем и сам он взывал так: для того "**помилован потому, что так поступал по неведению, в неверии**" (1Тим.1:13). И, удивляясь человеколюбию Божию, говорил он: "**для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной**" (ст.16). И в другом месте опять говорил, что Бог "**величие могущества Его**" показал наипаче "**в нас, верующих**" (Еф.1:19). Видишь, как прежняя жизнь Павла показала и человеколюбие, и силу Божию, и искренность

расположения самого Павла? Это и в послании к Галатам привел он в доказательство того, что не для людей переменился он, но обратила его сила Божия. "**Если бы я и поныне**", говорит он, "**угождал людям, то не был бы рабом Христовым**" (Гал.1:10). Откуда же видно, что ты принял проповедь (Христову) не из угождения людям? "**Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее**" (ст.13). Но он не обратился бы к вере, если бы хотел угождать людям. Почему? Он был почитаем иудеями, наслаждался великим покоем, и пользовался особенным уважением; следовательно, не перешел бы (из угождения людям) к жизни апостолов, покрытой бесславием, исполненной бедствий. Таким образом, это внезапное оставление почести от иудеев и покойной жизни, и переход к жизни апостолов, сопряженной с тысячью смертей, есть сильнейшее доказательство того, что Павел обратился не по человеческому какому-либо расчету. Поэтому и мы захотели представить прежнюю жизнь его, и показать, какою пылал он ревностью против Церкви, чтобы ты, когда увидишь его великое попечение о Церкви, возблагоговел пред Богом, который все творит и претворяет. Поэтому и ученик Павла (Евангелист Лука) точно и весьма выразительно рассказал нам о прежних (делах его) в следующих словах: "**Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа**". Хотел бы я начать сегодня и вступление (к жизнеописанию Павла), хотел бы приступить к началу рассказа (о Павле), но вижу в одном имени море мыслей. Подумай, в самом деле, какой вопрос тотчас рождает нам это имя Савл. В посланиях, вижу я, употреблено другое имя: "**Павел, раб Иисуса Христа, призванный Апостол**" (Рим.1:1); "**Павел, волею Божиею призванный Апостол Иисуса Христа**"(1Кор.1:1); "**Вот, я, Павел, говорю вам**" (Гал.5:2). Как здесь, так и везде называется Павлом, а не Савлом. Для чего же он прежде назывался Савлом, а после назван Павлом? Это непустой вопрос: вот сейчас является и Петр, и он прежде назывался Симоном, а после назван Кифою; и сыны Зеведея, Иаков и Иоанн, переименованы сынами грома (Мр.3: 16,17). И не только в новом, но и в ветхом завете находим, что Авраам прежде назывался Аврамом, а потом Авраамом; Иаков сперва назывался Иаковом, а после Израилем, и Сарра прежде называлась Сарою, а потом Саррою. Словом, перемена имен побуждает нас к большему исследованию, и я боюсь, чтобы мне, пустивши многие потоки рек, не затопить слово учения. Как в земле влажной, где ни станешь копать, везде выбегают источники, так и в земле божественного Писания, где ни станешь раскапывать, везде станут вытекать многие реки, оттого и весьма страшно пустить сегодня все эти реки вдруг. Поэтому, заградив наш поток, отошлю вашу любовь к священному источнику сих предстоятелей и учителей [2] – к этому чистому, упоительному и сладкому источнику, который выходит из самого духовного камня [3]. Приготовим же ум к принятию учения, к напоению себя духовными потоками, чтобы открылся в нас источник воды, текущей в жизнь вечную, которую и да получим все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава, честь и держава Отцу, со святым и животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Под праздником разумеется все время от дня Пасхи до дня Сошествия Св. Духа.

[2] Разумеются епископы Сирии, которые приходили в Антиохию – столицу сирийскую, или по делам епархиальным, или чтобы послушать знаменитого проповедника – св. Златоуста.

[3] Т. е. Христа, 1Кор.10:4.

БЕСЕДА II

к роптавшим на продолжительность поучений и к тем, которые недовольны были краткостью их; об имени Савла и Павла, и о том, для чего первый человек назван был Адамом, – что это было полезно и благотворно, – и к новопросвещенным.

1. Что нам сделать сегодня? Видя, как вас много, боюсь распространять слово, потому что, когда поучение продолжается дольше, вы, я вижу, толпитесь, теснитесь, и неприятность от тесноты препятствует вам внимательно слушать, так как слушатель, не имея простора, не может усердно внимать тому, что говорится.

Итак, видя, что вас много, я, как сказал, опасаюсь распространять слово. Но, с другой стороны, смотря на ваше усердие, боюсь сократить поучение, потому что жаждущий, если наперед не увидит, что чаша полна, не охотно поднесет ее к устам; он хоть и не выпьет ее всю, желает, однако видеть ее полною. Поэтому не знаю я, как мне поступить в (настоящей) беседе. Хочется мне и краткостью слова облегчить ваш труд, и обширностью его удовлетворить вашему усердию. Но я часто делал и то и другое, и ни разу не избегал порицания. Знаю, что часто я, щадя вас, прекращал слово прежде конца, и на меня поднимали ропот имеющие душу ненасытимую, постоянно услаждающиеся божественными струями и никогда не насыщающиеся, те блаженные, которые алчут и жаждут правды (Мф.5:6), – и я, убоявшись их ропота, опять шел дальше, продолжал слово, и за это терпел нарекание, потому что те, кому нравятся краткие поучения, встречаясь (со мною), просили щадить их немощь и сокращать слова. Итак, когда вижу, что вам тесно, спешу окончить слово; но когда примечаю, что вы, не смотря на тесноту, не отступаете, а расположены идти дальше, мне хочется дать свободу языку. "**Тесно мне отовсюду**" (Дан.13:22). Что мне делать? Кто служить одному господину и обязан подчиняться одной воле, тот легко может угождать владыке и не погрешать. А у меня много господ, и я обязан служить такому многолюдству, с такими разнообразными требованиями. Впрочем, это сказал я не потому, чтобы тяготился таким рабством, – да не будет! – и не потому, чтобы желал освободиться от вашего господства. Для меня нет ничего почетнее этого рабства: не столько царь восхищается диадемою и порфирою, сколько я теперь красуюсь служением вашей любви. За тем царством следует смерть, а этому служению, если оно хорошо будет пройдено, уготовано царство небесное. "**Блажен верный и благоразумный раб, которого господин поставил над слугами своими раздавать им в своё время меру хлеба. Истинно говорю вам, что над всем имением своим поставит его**" (Мф.24:45-47. Лк.12:42). Видишь, каков плод этого служения, если оно (пройдено) будет усердно? Оно поставляет (раба) над всем имением господина. Итак, не убегаю от служения, потому что служу вместе с Павлом. И он говорит: "**мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса**" (2Кор.4:5). И что говорить о Павле? Если "**уничижил Себя Самого, приняв образ раба**" ради рабов (Флп.2:7), то что за важность, если я, раб, сделался рабом сорабам (моим) ради себя самого? Итак, это сказал я не потому, чтобы хотел освободиться от вашего господства, но потому, что желаю получить (от вас) прощение, если предложу трапезу не всем угодную. А лучше, сделайте то, что скажу теперь. Вы, не могущие никогда насытиться, но алчущие и жаждущие правды, и требующие продолжительных слов, будьте снисходительны, когда, ради немощи братий ваших, обычная мера поучения сокращается. А вы, любящие краткие слова и немощные, потерпите, ради ненасытимых ваших братий, небольшой труд, нося "**бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов**" (Гал.6: 2).

Не видите ли, как борцы на олимпийских играх, в самый полдень, стоят среди театра на арене, как в печи, и, точно медные какие статуи, воспринимают солнечные лучи обнаженным телом, и борются на солнце, в жару и в пыли, чтобы увенчать лавровыми листьями свою, столько вытерпевшую, голову? А вам, в награду за слушание, уготован не лавровый венок, но венец правды, и мы не удерживаем вас до полудня, но, снисходя к вашей немощи, отпускаем вас в самом начале дня, когда воздух еще прохладен и не раскален падением (солнечных) лучей, – не заставляем вас принимать эти лучи на обнаженную голову, но вводим под этот прекрасный свод и под кровлею доставляем вам прохладу, всячески заботясь о вашем удобстве, чтобы вы могли долго слушать. Не будем же слабее детей наших, ходящих в школу. Они раньше полудня не смеют возвратиться домой; только что отставши от молока, только что отнятия от груди, не достигши еще пятилетнего возраста, с телом молодым и нежным, показывают совершенное терпение; хоть беспокоит их жар, или жажда, или другое что, они до самого полудня терпят и переносят, сидя в школе. Так, если не другому кому, то этим детям будем подражать мы, мужи, достигшие полного возраста. Если у нас недостает терпения слушать слова о добродетели, то кто поверит нам, что мы подымем сами труды добродетели? Если мы так не расположены к слушанию, то откуда видно будет, что мы будем ревностны к делу? Если откажемся от легчайшего, как перенесем труднейшее? Однако, теснота велика, давка большая! Но послушай: нудящие себя "**восхищают**" царствие небесное (Мф.11:12), и "**тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь**" (Мф.7:14). Итак, когда мы идем узким и тесным путем, то и самим нам нужно стеснять и нудить себя, чтобы можно было пройти узким и тесным путем. Кто ширится, тот не так легко пройдет тесным путем, как тот, кто сжимает себя, нудит и стесняет.

2. Да и вопрос сегодня у нас не о маловажных вещах, но о таком исследовании, которое вчера только начато, но не окончено по множеству представившихся предметов. Что ж это такое? Мы начали рассуждать о перемене имен, какие Бог дал Святым. Предмет этот с первого раза кажется маловажным, но, если вникнуть тщательно, заключает в себе великое сокровище. Ведь и золотоносную землю – в рудниках люди неопытные и рассматривающие без внимания считают только обыкновенною землею, не заключающею в себе ничего более, как и всякая другая земля, но кто рассматривает ее опытным глазом, те понимают достоинство этой земли, и, бросив ее в огонь, открывают все ее превосходство. Так и в отношении к божественному Писанию: те, которые читают слова без внимания, думают, что это простые слова и нет в них ничего особенного, а рассматривающие их очами веры, – испытывая их огнем духа, как те орудиями искусства, – легко увидят все, заключающееся в них золото. С чего же началось то исследование? Мы ведь не без причины пустились в это рассмотрение, – чтобы кто-нибудь не стал упрекать нас в непоследовательности; нет, мы захотели рассказать о делах Павла, по случаю чтения Деяний Апостольских, и коснулись начала этой истории. А начало повествования нашли вот какое: "**Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа**" (Деян.9:1). Вас тотчас поразила перемена имени, потому что во всех посланиях и в их вступлениях находим, что он называется не Савлом, а Павлом; и это (перемена имен) было не с ним одним, но и со многими другими. И Петр прежде назывался Симоном, и сыны Зеведеевы, Иаков и Иоанн, переименованы после сынами громовыми да и в ветхом завете, известно, то же было с некоторыми. Так, Авраам, прежде называвшийся Аврамом, после наименован Авраамом, и Сарра прежде называлась Сарою, а после названа Саррою, и Иакову после дано имя Израиля. Так мне показалось неприличным пройти без внимания такое сокровище имен. Это же бывает и с светскими начальниками; и у них употребляются двойные имена. Смотри, например: "**на место**", сказано, Феликса Порций Фест (Деян.24:27); и еще: "**с проконсулом Сергием Павлом**" (Деян.13:7); и тот, который предал Христа иудеям, назывался Понтием Пилатом. И не только у начальников, но и у воинов часто двойные имена; да и у частных людей, по

некоторым причинам и обстоятельствам, бывают двойные названия. Но, что касается до них, нам никакой нет пользы доискиваться, почему они так названы; а когда дает имя Бог, то надобно показать все усердие, чтобы найти причину. Бог, обыкновенно, ничего ни говорит, ни делает без причины и без намерения, но все (и говорит, и делает) с свойственною Ему премудростью. Итак, почему же (Павел) назывался Савлом, когда гнал (церковь), и переименован в Павла, когда уверовал? Некоторые говорят, что, доколе он возмущал, колебал и приводил в беспорядок все, и волновал церковь, до тех пор назывался Савлом, имея название по своему делу – по тому самому, что волновал (σαλεύειν) церковь, а как оставил эти неистовства, перестал возмущать, прекратил брань, кончил преследование, то и переименован Павлом от того, что перестал (άπό του παύσασθαι). Но такое объяснение неосновательно, и несправедливо, и я выставил его для того только, чтобы вы не увлекались пустыми толкованиями. Во-первых, это имя (Савла) дали ему родители его, которые не были пророками и не предвидели будущего. Потом, если бы он назывался Савлом потому, что волновал и возмущал церковь, то следовало бы ему и сложить имя тотчас после того, как он перестал возмущать церковь; но вот мы видим, что возмущать церковь он перестал, а имени не оставил, но еще назывался Савлом. И чтобы вы не подумали, будто я говорю это, обманывая вас, расскажу вам об этом сначала. "**Выведя**", сказано, Стефана и "**стали побивать его камнями. Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла**" (Деян.7:58), и опять: "**Савл же одобрял убиение его**" (8:1), и в другом месте: "**Савл терзал церковь, входя в домы и влача мужчин и женщин**" (8:3), и еще: "**Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа**" (9:1), и опять: "**услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня?**" (9:4). Так с сих пор уже следовало бы ему сложить имя, потому что он перестал гнать. Что же, тотчас ли он сложил? Никак; и это видно из последующего, – смотрите: "**Савл встал с земли, и с открытыми глазами никого не видел**" (9:8), и еще: "**Господь же сказал ему (Анании): встань и пойди на улицу, так называемую Прямую, и спроси в Иудином доме Тарсянина, по имени Савла**" (9:11), и опять: вошедши Анания, сказал: "**брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути, которым ты шел, послал меня, чтобы ты прозрел**" (9:17). Потом он начал проповедовать "**и приводил в замешательство Иудеев**" (9:22); однако и в это время не сложил имени, но еще назывался Савлом: "**узнал**", говорит Писание, "**Савл об этом умысле**" иудеев (9:24). И здесь ли только (называется он так)? Нет; но – был, говорится, голод и "**тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособие братьям, живущим в Иудее, что и сделали, послав собранное к пресвитерам через Варнаву и Савла**" (11:29-30). Вот уже он служит святым, а еще называется Савлом. И после этого, Варнава пришел в Антиохию и, "**увидев**" там "**благодать Божию**" и множество бывших там верующих, "**потом Варнава пошел в Тарс искать Савла**" (11:23, 25). Вот он и обращает многих, а именуется Савлом. И еще: "**в Антиохии, в тамошней церкви были некоторые пророки и учители: Варнава, и Симеон, называемый Нигер, и Луций Киринеянин, и Манаил, совоспитанник Ирода четвертовластника, и Савл**" (13:1). Вот он сделался и учителем, и пророком, а назывался еще Савлом. И опять: "**когда они служили Господу и постились, Дух Святый сказал: отделите Мне Варнаву и Савла**" (13:2),

3. Вот и отделяется он Духом, а имени еще не слагает! Только тогда, когда он пришел в Саламин, когда нашел волхва, тогда Лука говорит о нем: "**Савл, он же и Павел,**

исполнившись Духа Святаго" (13:9). Здесь-то было начало переименования. Не поскучаем же этим исследованием об именах. Ведь и в житейских делах отыскание имен очень важно: оно нередко возобновляет знакомства спустя много времени, открывает забытое родство, разрешает судебные споры, прекращает ссоры, потушает войны, и бывает причиною примирения. Если же и открытие имен так много значит в житейских

делах, тем более в духовных. Впрочем, прежде всего, надобно с точностью разграничить сами вопросы. Итак, спрашивается, во-первых, для чего некоторым из святых Бог давал имена, а другим не давал? Действительно, и в новом, и в ветхом завете, он не всем святым Сам дал имена. А что было в новом завете, тоже и в ветхом – для того, чтобы ты знал, что один Господь обоих заветов. Так, в новом завете Христос наименовал Симона Петром и сынов Зеведеевых, Иакова и Иоанна, сынами громовыми, и только их одних, а из прочих учеников никого, но оставил их с теми же именами, какие сначала дали им их родители. А в ветхом завете Бог переименовал Авраама и Иакова, но (не переименовал) ни Иосифа, ни Самуила, ни Давида, ни Илию, ни Елисея, ни других пророков, а оставил их с прежними именами. Так первый вопрос – тот, для чего одни из святых переименованы, а другие нет? Второй за ним – тот, для чего из этих (переименованных) одни получили имя в зрелом возрасте, а другие сначала, и даже до своего рождения? Петра, Иакова и Иоанна Христос переименовал в зрелом их возрасте, а Иоанну Крестителю дал имя еще до Его рождения: пришел ангел Господень и сказал: "**не бойся, Захария, жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн**" (Лк.1:13). Видишь, имя (дано) до рождения? Это было и в ветхом завете. Как в новом Петр, Иаков и Иоанн переименованы и стали называться двояким именем в зрелом возрасте, а Иоанн Креститель получил имя прежде самого зачатия и рождения, так и в ветхом Авраам и Иаков переименованы в зрелом возрасте, – потому что один прежде назывался Аврамом, а потом назван Авраамом, а другой прежде именовался Иаковом, потом назван Израилем. Но Исаак уже не так, он получает имя прежде самого рождения; и как там ангел сказал: жена твоя зачнет во чреве и родит сына, "**и наречешь ему имя: Иоанн**" так и здесь Бог сказал Аврааму: "**Сарра, жена твоя, родит тебе сына, и ты наречешь ему имя: Исаак**" (Быт.17:19). Итак, первый вопрос: почему одни переименованы, а другие нет? Второй за ним: отчего одни в зрелом возрасте, а другие еще прежде рождения, – и это в обоих заветах? Мы обратимся прежде ко второму, – потому что таким образом и первый будет яснее; посмотрим на тех, которые получили имена сначала, и восходя мало-помалу, дойдем до первого человека, получившего имя от Бога, чтобы вопросы решились с самого начала. Итак, кому первому Бог дал имя? Кому же иному, как не тому, кто первый сотворен, потому что (до него) и не было никакого другого человека, которому бы можно было дать имя? Как же он назвал его? По-еврейски Адамом. Это имя не греческое, и в переводе на греческий язык значит не иное что, как – земной. Эдем означает девственную землю, а это была та страна, в которой насадил Бог рай. "**Насадил**", говорит Писание, "**Господь Бог рай в Едеме на востоке**" (Быт.2:8), чтобы знал ты, что рай был делом рук не человеческих; земля была девственною, не принимала в себя плуга, не была изборождена, но, не тронутая руками земледельцев, по одному повелению (Божию) произрастила те древа. Поэтому-то (Бог) и назвал ее Эдемом, что значит девственная земля. Эта дева была образом иной девы. Как эта земля произрастила нам рай, не принявши в себя семян, так и та (Дева), не приявши семени мужеского, произрастила нам Христа. Итак, если иудей спросит у тебя: как родила Дева? Скажи ему: а как девственная земля произрастила те чудные древа, потому что Эдем по-еврейски значит: девственная земля? И если кто не верит, пусть спросит у знающих еврейский язык, и увидит, что таково именно значение имени Эдем. Хоть я говорю с незнающими (еврейского языка), однако не хочу, поэтому обмануть вас, но, стараясь сделать вас непобедимыми, изъясняю вам все с точностью, как будто бы здесь присутствовали знающие это противники. Итак, поелику человек создан был из эдемской девственной земли, то и назван Адамом по имени матери. Так делают часто и люди, называя рождающихся детей по имени матерей; так и Бог созданного из земли человека назвал, по имени матери, Адамом: та – Эдем; он – Адам.

4. Но что же из этого за польза? Люди называют (детей) по имени матерей в честь родивших жен: Бог для чего назвал (человека) по имени матери? Что, великое или малое, хотел Он сделать из этого? Точно, – Он ничего не делает без причины и без намерения, но

(все делает) с великим разумом и премудростью, "**и разум Его неизмерим**" (Пс.146:5). Эдем значит – земля; Адам – земной, перстный, из земли рожденный. Для чего же Бог так назвал его? Этим именем Он хотел напомнить ему ничтожество природы его, и на имени, как бы на медном столпе, выставить низость его происхождения, чтобы имя учило его смиренномудрию, чтобы не слишком много думал он о своем достоинстве. Мы, уже по самому опыту ясно знаем, что мы – земля, а он не видал, чтобы кто-либо прежде его умер и обратился в прах, но прекрасно было тело его, и сияло подобно золотой статуе, только что вынутой из горна. Итак, чтобы красота вида не надмила его гордостью, (Бог) противопоставил ей имя, которое могло дать достаточный урок смирения, потому что и диавол уже готов был придти (к Адаму), и внушать ему гордость, готов был сказать ему: "**будьте как боги**". Итак, чтобы он, помня свое имя, вразумлявшее его, что он земля, никогда не мечтал о равенстве с Богом, (Бог) предупреждает его совесть посредством имени, наперед давая ему, в самом наименовании, достаточное предостережение против навета, угрожавшего ему со стороны лукавого демона, в одно время и напоминая ему родство его с землею, и показывая все благородство природы, как бы так говоря: если кто скажет тебе, что ты будешь как Бог, вспомни имя (свое) – и получишь достаточный урок, чтобы не принять такого внушения, вспомни о матери (своей), – и из этого родства познай (свое) ничтожество, не для того, чтобы научиться уничижению, но чтобы никогда не впасть в гордость. Поэтому и Павел говорит: "**первый человек** (Адам) **– из земли, перстный**" (1Кор.15:47). Он хотел изъяснить нам, что значит имя – Адам, потому и сказал: "**из земли, перстный; второй человек – Господь с неба**". Здесь нападают на нас еретики, и говорят: вот, Христос не принял на себя плоти, потому что (апостол) говорит: "**второй человек – Господь с неба**". Слышишь: "**второй человек**", и говоришь, что не принял на себя плоти? Что может сравниться с этим бесстыдством? В самом деле, какой человек не имеет плоти? (Апостол) для того и назвал Его (Христа) человеком, и вторым человеком, чтобы и из числа, и из природы ты увидел Его сродство (с нами). Кто же, скажешь, этот "**второй человек – Господь с неба**". Но, меня, скажешь, соблазняет место, о котором говорится – "**с неба**". Когда ты услышишь, что "**первый человек**" Адам "**из земли, перстный**", ужели считаешь его земляным и думаешь, что он только перстный и не имеет (в себе) бестелесной силы, – то есть, души и ее природы? Кто может это сказать? Стало быть, как слыша об Адаме, что он был перстный, не думаешь, что он был телом без души, так и слыша: "**Господь с неба**", не отвергай воплощения из-за прибавления: "**с неба**". Таким образом, первое имя достаточно оправдано: Адам назван так по имени матери для того, чтобы не думал о себе свыше своей силы, чтобы был огражден против обольщения со стороны диавола, который точно и сказал: "**будете как боги**". Теперь же перейдем к другому человеку, который еще до рождения получил имя от Бога, и прекратим слово. Кто же после Адама получил от Бога имя еще до своего рождения? Исаак. "**Бог же сказал (Аврааму), Сарра, жена твоя, родит тебе сына, и ты наречешь ему имя: Исаак**" (Быт.17:19). И Сарра, как родила его, дала ему имя Исаак, говоря: "**смех сделал мне Бог**" (21:6).

Почему? "кто сказал бы Аврааму: Сарра будет кормить детей грудью?" (21:7). Теперь слушайте меня со вниманием, чтобы увидеть вам чудо. Не сказала (Сарра), что она родила дитя, но – что "**кормит грудью**". Чтобы не счел кто младенца подкинутым, источники молока удостоверяли в законности его рождения; так что, и сам он, вспоминая свое имя, (впоследствии) находил (в нем) достаточное вразумление о своем чудесном рождении. Потому говорила она: "**смех сделал мне Бог**", что все видели, как женщина, состарившаяся и дожившая до самых преклонных лет, имеет грудного младенца. Смех напоминал о милости Божией, а питание млеком свидетельствовало о чудесном рождении, потому что это было не дело природы, но вполне действие благодати. Потому и Павел говорит: "**дети обетования по Исааку**" (Гал.4:28). Как там сделала все благодать, так и здесь произошел он из утробы, уже охладевшей. Ты вышел из холодной воды: значит, что

для него была утроба, то для тебя купель водная. Так, видишь сходство рождения? Видишь единство благодати? Видишь, как природа везде бездейственна, и все совершает сила Божия? Поэтому-то, мы "**дети обетования по Исааку**". Но есть еще один вопрос: об нас сказано, что мы "**ни от крови, ни от хотения плоти**" (Ин.1:13). Как же это? И Исаак "**не от крови**", потому что – "**обыкновенное у женщин у Сарры прекратилось**" (Быт.18:11). Иссякли источники крови, истощилось семя рождения, бесплодна была деятельность природы: и – Бог явил Свою силу. Вот мы и кончили изъяснение имени Исаака. Остается перейти к Аврааму, сынам Зеведеевым и Петру; но, чтобы не наскучить вам продолжительностью, отложим это до другой беседы, и окончим слово, попросив вас, рожденных по (образу) Исаака, подражать кротости, скромности, и всякой другой добродетели Исаака, чтобы, молитвами этого праведника и всех этих предстоятелей, все мы могли войти в недра Авраамовы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава, честь и держава Отцу, со Святым и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА III

к упрекавшим за обширность вступлений, и о том, что терпеть упреки полезно; также, для чего Павел переименован не тотчас, как только уверовал, – что эта перемена произошла с ним, не по принуждению, но по свободной воли его; И на слова: "Савл, Савл! что ты гонишь Меня? " (Деян.9:4).

1. Некоторые из любезных наших (слушателей) стали упрекать нас за то, что мы очень распространяем вступления своих поучений; а справедливо, или несправедливо стали упрекать, это узнаете вы тогда, как выслушаете и наше оправдание, и затем произнесете суд как бы во всенародном судилище. Я, с своей стороны, еще не входя в объяснение этого дела приношу им благодарность за упреки, потому что эти упреки происходят от доброго, а не от злого расположения; а я могу сказать о себе, что люблю любящего меня не тогда только, как он хвалит, но – и когда упрекает меня и исправляет. Хвалить без разбора все, доброе и худое, свойственно не другу, но льстецу и насмешнику; напротив, хвалить за доброе дело, и упрекать за проступок – вот долг друга и доброжелателя. И чтобы вам увериться, что без разбора хвалить все и прославлять за все, свойственно не другу, но обманщику, (вот что) говорит Бог: "**вожди твои вводят тебя в заблуждение и путь стезей твоих испортили**" (Ис.3:12). Итак, не люблю врага и тогда, как он хвалит (меня); люблю друга, и когда он упрекает. Тот, хоть и целует меня, противен; этот, хоть уязвляет меня, любезен: поцелуй того подозрителен, рана от этого есть признак заботливости (его обо мне). Поэтому некто говорит: "**Искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего**" (Притч. 27:6). Что говоришь? Раны лучше поцелуев? Да, говорит, потому что смотрю не на качество того, что делается, но на расположение делающих. Хочешь узнать, как это "**искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего**"? – Облобызал Господа Иуда (Мф.26:49), но его лобзание проникнуто было предательством, в его устах скрывался яд, его язык полон был лукавства. Уязвил Павел коринфского развратника, но за то и спас. А как, скажешь, уязвил? Предавши его сатане: "**предать**", говорит, "**сатане во изможение плоти**" – для чего? "**чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа**" (1Кор.5:5). Видел ты раны спасительные? Видел лобзание предательское? Так-то "**искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего**". Это усмотрим не только на людях, но и на Боге, и на диаволе. Тот – друг, а этот – враг; тот – Спаситель и Промыслитель, а этот – обольститель и зложелатель. Но этот облобызал некогда, а тот уязвил. Как же этот облобызал, а тот уязвил? Один сказал: "**будете как боги**" (Быт.3:5), а другой: "**прах ты и в прах возвратишься**" (ст.19). Кто же принес больше пользы, тот ли, который сказал: "**будете как боги**", или тот, который сказал: "**прах ты и в прах возвратишься**". Один

грозил смертью, другой обещал бессмертие; но обещавший бессмертие выгнал и из рая, а грозивший смертью возвел на небо. Видишь, как "**искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего**". Поэтому я, и, не входя в объяснение, благодарю упрекающих. Они, правильно ли, или неправильно упрекают, делают это не с тем, чтобы посрамить, но – чтобы исправить; напротив, враги, если и справедливо упрекают, то упрекают не с тем, чтобы исправить, но – чтобы обесславить. Первые, следовательно, похвалою хотят сделать (хвалимого) более совершенным, а последние, если и хвалят, стараются чрез это уронить.

Впрочем, как бы упрек ни происходил, великое благо иметь силу терпеть упреки и обличения, а не раздражаться. "**Кто ненавидит обличение, тот невежда**" (Притч.12:1). Не сказано: такие, или такие обличения, но просто: "**обличение**". В самом деле, если друг обличил тебя справедливо, исправь грех; если же он упрекнул без основания, так похвали его за намерение, одобри цель, поблагодари за дружбу: этот упрек происходит от крепкой дружбы. Не будем же огорчаться, когда нас обличают. Весьма много добра для жизни нашей произойдет от того, если все мы будем и обличать согрешающих, и сами легко переносить обличения в грехах. Что лекарства для ран, то обличения для грехов. Значит, как отвергающий лекарства неразумен, так и не принимающий обличений безрассуден. Но многие часто раздражаются, думая про себя и говоря: "мне ли, умному и образованному, терпеть от такого-то?" А того не знают, что это самое доказывает крайнюю их глупость. "**Видал ли ты**", говорить Соломон, "**человека, мудрого в глазах его? На глупого больше надежды, нежели на него**" (Притч.26:12). Поэтому и Павел говорит: "**не высокомудрствуйте**" (Рим.12:16). Сколько ни умен ты, сколько ни проницателен в добре, но ты – человек и имеешь нужду в советнике. Один Бог ни в чем не нуждается; Он один не имеет нужды и в советнике. Почему об Нем одном и говорится: "**кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?**" (Рим.11:34)? А мы, люди, как бы умны ни были, тысячекратно подвергаемся упрекам, и этим обличается слабость нашей природы. "**Не может**", сказано, "**быть всего в человеке**" – почему? "**потому что не бессмертен сын человеческий**" (Сир.17:28,29). Что светлее солнца? Однако и оно затмевается. Как этот (солнечный) ясный свет, этот блестящий луч закрывает наступившая тьма, так часто и на наш ум, сияющий, светящий как бы в самый полдень, находит глупость и затемняет его; и вот, умный не видит дела, а кто и глупее его, тот видит дело лучше его. А так бывает для того, чтобы и умный не гордился, и простой человек не почитал себя несчастным. Великое благо – быть в состоянии сносить обличения; великое благо уметь обличать, – это (последнее) есть признак величайшей заботливости (о ближнем). Но вот мы, если увидим, что у кого-либо туника свалилась с плеч, или другая одежда лежит худо, замечаем ему это и поправляем; а если увидим, что у него жизнь развращенная, то не выроним ни слова. Если увидим, что он ведет позорную жизнь, то проходим мимо; между тем худое положение одежды только смешно, а (греховное состояние) души опасно и бедственно. Ты видишь, скажи мне, что брат твой стремится в пропасть, живет небрежно, не смотрит на что следует, – и не подаешь руки, не поднимаешь падшего, не упрекаешь и не обличаешь, но думаешь, что лучше не огорчить и не обеспокоить его, чем позаботиться о его спасении? Какое же получишь ты от Бога снисхождение и прощение? Не слышал ли ты, что Бог иудеям (повелел) не оставлять без попечения рабочий скот даже врагов, когда он блуждает, и не проходить мимо его, когда он упал (Исх.23:4, 5; Втор. 22:1). Так иудеям повелевается не оставлять без попечения животных вражеских, а мы не позаботимся о душах братьев, которые падают каждый день? Как же, не крайняя ли это жестокость и зверство – не прилагать о людях и такой заботливости, какую они (иудеи) о бессловесных? Это-то и привело в беспорядок все, это-то испортило нашу жизнь, что мы и сами не сносим великодушно обличений, и других не хотим обличать. Мы потому и тяжки (для других) с своими обличениями, что сами раздражаемся, когда нас обличают.

Если бы брат твой узнал, что, обличив тебя, он похвален тобою, то и сам отплатил бы (тебе) тем же, когда бы ты стал обличать его.

2. Хочешь знать, что, хотя бы ты был весьма умен, весьма совершен и взошел на самую высоту добродетели, однако имеешь нужду в советнике, исправителе и обличителе? Выслушай древнюю историю. Не было ничего равного Моисею: он был, сказано, "**кротчайший из всех людей на земле**" (Числ.12:3), друг Богу, обогащен мирскою мудростью, и исполнен духовного знания. "**И научен был**", говорится, "**Моисей всей мудрости Египетской**" (Деян.7:22). Видишь, что его образование было совершенно? И был силен (Моисей) в слове, и в иной добродетели [1]. Но выслушай и другое свидетельство. С многими, сказано, пророками беседовал Бог, но ни с одним не беседовал так: с другими посредством гаданий и снов, а с Моисеем "**лицом к лицу**" (Втор.34:10). Какое еще нужно тебе свидетельство о его (Моисея) добродетели, более важное этого, когда Владыка всех беседует с рабом, как с другом (Исх.33:11)? Итак, Моисей был мудр и по внешнему, и по внутреннему образованию; был силен в слове и деле; повелевал самой природе, потому что был другом Господа природы; вывел из Египта столь великий народ, разделил море, и опять соединил его; словом, явилось (чрез Моисея) чудо новое: в первый раз. тогда увидело солнце, как через море не переплывают но переходят, – как по глубине морской переправляются не на веслах и судах, а на конях. И, однако, этот мудрый, сильный в слове и деле, друг Бога, повелевавший природе, сделавший столько чудес, не понял дела, весьма понятного для большей части людей, а тесть его, человек необразованный и простой, понял это дело и показал, сам же Моисей не дошел до него. Какое же это дело? Послушайте – и узнаете, что всякий, будь он равен Моисею, имеет нужду в советнике, и что вещи, укрывающиеся от великих и важных людей, часто не укрываются от малых и простых. Когда Моисей вышел из Египта и был в пустыне, "**и стоял народ пред Моисеем**" (Исх.18:13-16), шестьсот тысяч, и он решал жалобы всех, у кого только была ссора друг с другом. Увидевши, что он так делает, тесть его Иофор, человек необразованный, живший в пустыне, не знавший ни законов, ни правил общежития, напротив, живший в нечестии (а какое может быть, более этого, сильное доказательство невежества – ведь нет ничего безумнее язычников?), однако этот иноплеменник, нечестивец, невежда, увидевши, что Моисей делает не так, поправил его – мудрого и разумного, и друга Божия. Сказав: "**что это такое делаешь ты с народом? для чего ты сидишь один, а весь народ стоит пред тобою с утра до вечера?**" (ст. 14), и узнав причину, он говорит Моисею: "**не хорошо это ты делаешь**" (ст. 17). Совет с укоризною, и, однако, Моисей не раздражился; нет, терпеливо снес этот мудрый, разумный и друг Божий, начальствовавший над столькими тысячами. Ведь, и это немаловажно, что его учил человек необразованный и простой. И не надмили его – ни чудеса, им совершенные, ни великая власть; и не постыдился он того, что его поправляли при подчиненных. Нет, подумав, что, хотя он и совершил великие знамения, однако имеет человеческую природу, от которой часто укрывается многое, он скромно принял совет. А многие, чтобы не показать, что они нуждаются в совете, нередко скорее решаются лишиться пользы, ожидаемой от совета, нежели принять вразумление и исправить грехи; лучше хотят оставаться в невежестве, чем поучиться: о том не рассуждают, что не учение, а незнание – позорно, что унизительно не учиться, а оставаться в невежестве, не обличениям подвергаться, а грешить без исправления. Ведь может, точно может и человек малый и простой найтись в ином деле, в котором часто не найдется умный и великий. Зная это, Моисей со всею скромностью слушал своего тестя, когда он советовал и говорил: "**ты же усмотри [себе] из всего народа людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь [их] над ним тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками [и письмоводителями]; пусть они судят народ во всякое время и о всяком важном деле доносят тебе, а все малые дела судят сами: и будет тебе легче**" (Исх.18:21, 22).

Услышав это, Моисей не устыдился, не покраснел, не посовестился подчиненных, не сказал про себя: "меня станут презирать подчиненные, если я, начальник, буду учиться у другого тому, что мне делать"; напротив, он послушался и исполнил приказание. И не постыдился он не только своих современников, но и нас, потомков; напротив, как бы красуясь данным ему от тестя вразумлением, не только тогдашних людей, но и живших после него доселе, и тех, которые во всей вселенной будут жить впредь до пришествия Христова, научил чрез Писание тому, что сам он не мог усмотреть, что следовало ему делать, и тому, что принял совет от тестя. А мы, если увидим, что есть сторонний человек при том, как нас обличают и исправляют, приходим в замешательство, выходим из себя, думаем, что мы уже пропали. Не так Моисей, нет: видя пред собою столько тысяч современников, а лучше сказать, столько тысяч живших на всей земле после него доселе, не постыдился, но всем каждодневно возвещает чрез Писание, что чего сам он не усмотрел, то усмотрел тесть его. Для чего же он сделал так, и это происшествие предал памяти? Чтобы нам внушить – никогда высоко не думать о себе, хотя бы мы были умнее всех, и не гнушаться советами других, хотя бы они были хуже всех. Так, если кто, будь даже слуга, посоветует что-либо доброе, прими совет; но если что-либо вредное, будь он человек самого высокого сана, отринь внушение, потому что везде должно смотреть не на качество советующих лиц, но на самое свойство совета. Так поступил и Моисей, и этим учит нас не стыдиться обличений, хотя бы притом был весь народ. Вот отличие самое важное, вот великая честь, вот слава самого высокого любомудрия – великодушно терпеть обличение. Не так теперь хвалим и прославляем Иофора за то, что он вразумил Моисея, как удивляемся этому святому за то, что он и не постыдился вразумления при столь многих свидетелях, и предал памяти это событие, показав во всем этом свое любомудрие, и что совершенно пренебрег мнением толпы.

3. Но, желая оправдаться в обширности вступлений, мы опять сделали большое вступление, впрочем, не без причины и не без намерения, а потому, что рассуждали с вами о самых важных и необходимых предметах, – о том, чтобы нам великодушно терпеть обличения, чтобы ревностно обличать и исправлять согрешающих. Нужно же наконец представить оправдание в обширности (вступлений), и сказать, для чего делаем длинные вступления. Для чего же делаем это? Мы беседуем с таким множеством (слушателей), – с людьми, у которых есть жены, которые управляют домами, проводят жизнь в ежедневной работе, в делах мирских. И худо не это одно, что они непрестанно заняты, но и то еще, что приходят сюда к нам только однажды в неделю. Итак, чтобы наши слова были им удобовразумительны, мы стараемся наше учение сделать яснее посредством вступлений. Кто не имеет никакого дела, но постоянно занимается Писанием, тому не нужны вступления, не нужно приготовление; нет, он, лишь только услышит говорящего, понимает смысл речи. Но человек, большую часть времени проводящий в делах мирских, а сюда приходящий на малое и краткое время, если не выслушает вступления, если не увидит, что ему со всех сторон наперед открыт путь к слову, выйдет отсюда без всякой пользы. Впрочем, не это только причиною обширности наших вступлений; есть и другая, не менее важная причина. Из этого множества слушателей, одни приходят, а другие часто не приходят. Итак, необходимо – пришедших похвалить, а не пришедших побранить, чтобы те от похвал стали еще усерднее, а эти из-за упреков бросили леность. Есть и еще причина, по которой вступления нужны для вас. Мы часто берем для беседы предмет довольно обширный, – такой, которого невозможно довести до конца в один день, напротив, нам бывает нужен и второй, и третий, и четвертый день, для изъяснения того же самого предмета. Поэтому надобно и в этот второй день повторить конец прежнего поучения, чтобы чрез такое соединение конца с началом сделать исследование яснее для присутствующих, и чтобы слово, лишенное связи с предыдущим, не было темно для слушателей. И чтобы увериться тебе, что слово без вступления никому не будет понятно, вот я, для опыта, представляю теперь слово без вступления. "**Иисус же, взглянув на него,**

сказал: ты – Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень (Петр)" (Ин.1: 42). Видите, понимаете ли вы это изречение? Знаете ли связь и причину, почему оно сказано? Это оттого, что я предложил это изречение без вступления, и поступил так же, как если бы кто вывел на зрелище человека, закрытого со всех сторон. Откроем же его, давши ему вступление. Недавно было здесь у нас слово о Павле, когда мы беседовали об именах, и исследовали, почему он некогда назывался Савлом, а потом назван Павлом. Отсюда перешли мы к древней истории, и пересмотрели всех имевших прозвания. Потом тут же вспомнили и о Симоне, и о Христовых словах, сказанных ему: "**ты – Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень (Петр)**" Видишь, как незадолго казавшееся непонятным стало теперь понятнее? Точно, как телу нужна голова, дереву корень и реке источник, так и слову вступление. Итак, когда мы поставили вас на начало того же пути, и показали связь (настоящей беседы с предыдущими), то займемся уже самим вступлением истории (о Павле). "**Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа**" (Деян.9:1). А в посланиях называется он Павлом: для чего же Святой Дух переменил ему имя? Как господин, купив раба и желая показать ему свою власть над ним, переменяет ему имя, так и Святой Дух сделал тогда. Он взял Павла в плен, и этот недавно еще поступил под власть Святого Духа, Который поэтому переменил ему имя, чтобы он из этого узнал (новую) власть над собою. Что наречение имен есть знак власти, это весьма ясно видно и из того, что мы делаем, но еще яснее будет из того, что Бог сделал с Адамом. Желая вразумить его, что он царь и владыка всего, (Бог) привел к нему всех зверей "**чтобы видеть, как он назовет их**" (Быт.2:19), чем и показал, что наречение имен служит подтверждением власти. Если же хотите видеть это и у людей, и знать, что берущие рабов из плена часто переменяют им имена, послушайте, что сделал вавилонский царь. Он, взявши в плен Ананию, Азарию и Мисаила, не оставил их при прежних именах, но назвал – Седрахом, Мисахом и Авденого (Дан.1:6,7). Но почему (Святой Дух) переименовал Павла не тотчас, а спустя долгое время? Потому, что, если бы переименовал его тотчас после его обращения, не сделалась бы явною перемена Павла и обращение к вере. Напротив, что случается с рабами, т.е. что они, как убегут и тотчас же переменят свои имена, так и становятся неизвестными, тоже было бы и с Павлом, если бы он переименован был тотчас, как оставил иудеев и пришел к нам, никто не узнал бы, что он – гонитель, стал евангелистом. А знать, что он – гонитель, и сделался апостолом, было весьма важно. Это-то и смиряло иудеев, что они видели, как учитель, стоявший за них, стал против них. Итак, чтобы внезапная перемена имени не скрыла перемены воли, (Святой Дух) попускает Павлу долго носить прежнее имя: пусть, когда узнают все, что это тот, который прежде гнал церковь, пусть тогда уже, как это будет известно всем, переменит он и имя. А что это настоящая причина, послушай, как сам он говорит: "**после сего отошел я в страны Сирии и Киликии. Церквам Христовым в Иудее лично я не был известен**" [2] (Гал.1:21,22). Если же он не был известен церквам, бывшим в Палестине, где он жил, тем более – бывшим в других местах. "**Лично я не был известен**", говорит, а не именем. Почему "**лично**"? Потому что никто из верующих не смел и видеть его, когда он преследовал нас: так он дышал убийством, такого исполнен был неистовства! Потому, если куда он приходил, все удалялись, все убегали, и не осмеливались и взглянуть на него: так он свирепствовал против верующих! Они (верующие) только слышали, что тот, кто некогда гнал нас, теперь благовествует веру, которую прежде истреблял (ст.23). Итак, поелику (христиане палестинские) лично не знали Павла, а только слышали (о нем), то, если бы ему тотчас переменено было имя, – и слышавшие не узнали бы, что тот, кто гнал веру, проповедует. Так как они знали, что Павел прежде назывался Савлом, то, если бы он тотчас по обращении назван был Павлом, и затем кто-либо возвестил им, что проповедует Павел, гнавший церковь, они не узнали бы, что это именно он, – оттого, что он назывался не Павлом, а Савлом. Вот почему (Святой Дух) оставил его долго носить прежнее имя, – чтобы он сделался известен всем верующим, даже отдаленным и не видавшим его.

4. Итак, достаточно показано, для чего Павлу не тотчас переменено имя. Теперь надобно обратиться к самому началу слова. "**Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа**". Что значить "**еще**"? Что такое он сделал прежде, что (евангелист Лука) говорить "**еще**"? Это "**еще**" указывает на человека, который прежде сделал много зла. Что же он сделал? А какого, скажи мне, зла он не сделал? Наполнил Иерусалим кровью, умерщвляя верующих, разорял церковь, преследовал апостолов, убил Стефана, не щадил ни мужей, ни жен. Послушай, что говорит ученик его: "**Савл терзал церковь, входя в домы и влача мужчин и женщин**" (Деян.8:3). Для него мало было торжища; нет, он вторгался и в домы: "**входя в домы**", говорит. И не сказал (дееписатель): "уводя", или: "исторгая" мужей и жен, но: "**влача мужчин и женщин**", как будто бы говорил о звере. "**Влача мужчин и женщин**", – не только мужей, но и жен. Он не стыдился и природы, не щадил и пола, не трогался и слабостью. А делал он это по ревности, а не по (слепой) ярости. Поэтому иудеи, делавшие это же, достойны осуждения, а он, хотя делал то же, заслуживает прощения. Те самими делами своими доказали, что они делали это для чести и славы от народа; он – не для этого, но из ревности по Боге, хоть и без рассуждения. Оттого те жен оставляли в покое, а восставали на мужей, потому что видели, что на этих перешла честь их (иудеев); а Павел, так как движим был ревностью, восставал на всех. Итак, представив все это в уме, и видя, что Павел еще не насытился, Лука сказал: "**Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа**". Не насытило его убиение Стефана, не удовлетворило его желанию преследование церкви; нет, он стремился далее, и нигде не останавливался в неистовстве, потому что это была ревность. Нет, он только что возвратился от убиения Стефана, как и начал преследовать апостолов; и поступил точно так, как если бы свирепый волк, напав на стадо овец, схватил оттуда ягненка и растерзал его своими зубами, и от этого похищения сделался еще свирепее. Так и Савл напал на лик апостольский, схватил оттуда агнца Христова, Стефана, растерзал его, и от этого убийства сделался еще свирепее. Вот почему сказано "**еще**". Кого бы не насытило это убийство? Кого бы не усмирила кротость убиваемого и молитва, которую он, побиваемый камнями, возносил за побивающих: "**Господи! не вмени им греха сего**" (Деян. 7:60)? Вот почему гонитель сделался благовестником: вскоре по убиении (Стефана) он переменился, – Бог услышал голос того. И точно, Стефан заслуживал быть услышанным, как за будущую добродетель Павла, так и за свое собственное исповедание: "**Господи! не вмени им греха сего**". Пусть слышат это все, у кого есть враги, все, кого обижают. Хоть бы ты потерпел тысячу оскорблений, но еще не побит камнями, как Стефан. И смотри, что делается. Один источник, Стефанов, заграждался – и открывался другой, который выпускал из себя тысячи рек. Умолкли Стефановы уста – и тотчас раздалась Павлова труба. Так Бог никогда совершенно не оставляет прибегающих к Нему, но сам дает им большие дары, нежели какие отнимают у них враги. В самом деле, не такого воина враги исторгли из воинства (христианского), какого, вместо его, поставил Христос. "**Савл же еще...**" Это "**еще**" указывает и на нечто другое, именно на то, что Христос привлек его к себе тогда, как он еще неистовствовал, еще свирепствовал, был еще в полной силе ярости, еще дышал убийством. Не подождал, пока прекратится болезнь, потухнет страсть и усмирится этот свирепый, и потом уже привлек его к себе: нет, взял его в самом жару его неистовства, чтобы показать Свею силу, то есть, что Он побеждает и одолевает гонителя в самом полном его опьянении, когда еще пылала в нем ярость. И врачу мы удивляемся особенно тогда, когда он сумеет потушить и совершенно прекратить горячку на высшей ее степени и пламень недуга в крайней силе его. Так было и с Павлом: когда он был в самом сильном огне, тогда-то голос Господа, как упавшая с неба роса, совершенно освободил его от недуга. "**Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа**". Оставил народ [3], и напал уже на главных [4]. Как желающий вырубить дерево, оставив ветви, высекает снизу корень, так точно и он пошел на учеников, чтобы истребить корень проповеди.

Но корнем проповеди не ученики были, но Владыка учеников. Поэтому Он и говорил: "**Я есмь лоза, а вы ветви**" (Ин.15: 5). А корень тот неодолим: поэтому, чем более ветвей отсекали, тем в большем количестве и длиннее они вновь вырастали. Так отсечен Стефан – и вырос Павел и уверовавшие чрез Павла. "**Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня?**" (Деян.9:3,4). Для чего прежде не голос сошел, но свет осиял его? Чтобы он спокойно выслушал голос. Человек, слишком занятый каким-нибудь делом и объятый сильным гневом, если и тысячи (людей) будут звать его, не обращается к ним, потому что он весь предан своему предмету: так, чтобы не случилось этого и с Павлом, чтобы он, опьяненный неистовством от (прежних своих) дел, не отвергнул голоса, или даже совсем не услышал его, вследствие того, что все мысли свои обратил на опустошение (церкви), Христос светом сперва ослепил глаза его, укротил ярость, усмирил совсем душевную бурю, и водворил в сердце его совершенную тишину, и потом уже испустил голос, дабы (Савл), после того, как низложится в нем гордость, уже трезвою мыслью внимал словам (Господа). "**Савл, Савл! что ты гонишь Меня?**" Слова не столько упрекающего, сколько защищающегося! "**Что ты гонишь Меня?**" В чем, малом или великом, можешь упрекнуть Меня? Чем ты обижен от Меня? Тем ли, что Я воскресил ваших мертвецов, очистил прокаженных, изгнал демонов? Но за это надлежало покланяться Мне, а не гнать Меня. И чтобы тебе увериться, что эти слова: "**что ты гонишь Меня?**" суть более слова защищающегося, послушай, как и Отец Его (Иисуса Христа) обращался к иудеям с такими же словами. Как Он говорит: "**Савл, Савл! что ты гонишь Меня?**" – так и Тот говорил иудеям: "**Народ Мой! что сделал Я тебе и чем отягощал тебя?**" (Мих.6: 3)? "**Савл, Савл! что ты гонишь Меня?**" – Вот ты лежишь на земле, вот ты связан без цепи! Точно как господин, словив и связав раба, многократно бегавшего и делавшего много худого, говорит ему – связанному: что мне теперь сделать с тобою? вот ты в руках моих? – так и Христос, взяв Павла, поверг на землю, и видя, что он трепещет, испуган и не может ничего делать, говорит: "**Савл, Савл! что ты гонишь Меня?**" К чему будет эта ярость? К чему неистовство? К чему неблаговременная ревность? К чему оковы и нападения? К чему эта свирепость? Вот ты будешь теперь неподвижен, и не увидишь гонимого; ты, который быстро ходил и бегал везде, теперь нуждаешься в вожатом. Действительно, Христос для того и говорит ему теперь: "**что ты гонишь Меня?**" чтобы он знал, что и в предшедшее время (Господь) уступал ему добровольно, что ни прежнее (попущение) не происходило от слабости, ни настоящее (поражение) от жестокости, но и то от человеколюбия, и это от благопопечительности. Что же Павел? "**Кто Ты, Господи?**" Из прежнего попущения познал власть, из настоящего ослепления понял могущество; теперь уже исповедует владычество (Господа): "**Кто Ты, Господи?**" Видишь, какая признательная душа; видишь, какое благородное сердце; видишь, какая прямая совесть! Не стал упорствовать, не стал спорить, но тотчас признал Владыку. Не как иудеи, которые и видя, что мертвые воскресают, слепые прозирают, прокаженные очищаются, не только не прибегали к делавшему это (Иисусу Христу), но еще называли Его обманщиком; нет, Павел не так, но тотчас обратился. Что же Христос? "**Я Иисус, Которого ты гонишь**" (Деян.9:5). А почему не сказал: Я – Иисус воскресший, Я – Иисус, седящий одесную Бога, но: "**Я Иисус, Которого ты гонишь**"? Сказал так для того, чтобы поразить его ум, сокрушить его душу. Послушай, как Павел, спустя долгое время и после бесчисленных своих подвигов, плакал об этом: "**ибо я**", говорил он, "**наименьший**"из всех "**Апостолов, и недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию**" (1Кор.15:9). Если же плакал об этом после бесчисленных подвигов и столь долгого времени, то как прилично было ему скорбеть в то время, когда он еще не совершил ни одного подвига, а уже сознавал себя виновным в гонении и слышал тот голос!

5. Но здесь восстают на нас (противники). А вы не поддайтесь утомлению, хоть бы наступил вечер, потому что речь у нас о Павле, – о Павле, который три года день и ночь поучал учеников (Деян.20:31). Итак, здесь некоторые восстают и говорят: что же удивительного, что Павел обратился? Бог, ведь, как будто веревку, накинул на шею его голос тот – и так привлек его к себе. Слушайте внимательно. Здесь слово наше направлено и против язычников, и против иудеев, которые думают свое неверие прикрыть клеветою на праведников, а того не знают, что они делают, таким образом, двойной грех: и не отвергают своего заблуждения, и усиливаются взносить такие обвинения на святого (человека) Божия. Но мы, при помощи благодати Божией, оправдаем его. В чем же состоит обвинение? Бог, говорят, привлек его к себе насильно. Как насильно? скажи мне. Призвал его с неба. Ты совершенно уверен, что (Бог) призвал его с неба? Так и тебя Он зовет сегодня тем же голосом, но ты не слушаешь. Видишь ли, что дело произошло не насильно? Если бы тут было принуждение, то и тебе надлежало бы послушаться; если же ты не слушаешь, то и он, очевидно, послушался по доброй воле. И чтобы вы уверились, что призвание (Божие), конечно, много содействовало спасению Павла, как и всех других людей, однако не отняло у него собственных подвигов и заслуг, приобретаемых силою воли, и не стеснило его свободы, но что он, напротив, обратился добровольно и по собственному расположению, это объясню другим примером. Иудеи слышали раздавшийся с неба на волнах иорданских голос, не Сына, но Отца, говоривший о Христе: "**Сей есть Сын Мой возлюбленный**" (Мф.3:17), и, однако говорят: Сей есть "**обманщик**" (27:63). Видишь, какая явная борьба? Видишь, какая открытая война? Видишь, что везде нужна добрая воля и душа прямая и незанятая страстью? Вот, и там голос, и здесь голос: но один (Павел) повиновался, а другие (иудеи) упорствовали. Притом, (на Иордане) не только голос, но и Дух в виде голубя. Как крестил Иоанн, а крестился Христос, то, чтобы (иудеи), судя по-человечески, крещающего не почли большим, чем крещаемого, пришел голос, и отличил Этого от того. И как неизвестно было, о ком голос произносил слова свои: то пришел Дух Святой в виде голубя, привлекая этот голос на главу Христову. Но, хотя (Отец) и возвестил о Нем (Иисусе Христе) голосом, и указал на Него Духом, а сверх сего и Иоанн взывал: "**у Которого я недостоин развязать ремень обуви**" (Лк.3:16), и множество было других свидетельств и словами и делами; однако ко всему этому иудеи были слепы, а лучше сказать, все видели, но ничему – ни словам, ни делам – не верили, потому что сердце их было предзанято безумною любовью к славе человеческой. Об этом-то и евангелист говорит, то есть, что "**многие**" из иудеев "**уверовали в Него; но ради фарисеев не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги**" (Ин. 12:42); и сам Христос говорил: "**как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете?**" (Ин.5:44).

Не так Павел; нет, услышав только один голос Его, гонимого, тотчас притек (к Нему), тотчас покорился, и показал в себе совершенную перемену. Если вы не утомились продолжительностью слова, то предложу еще более близкий пример. Иудеи слышали и Сына, и слышали, так же как слышал Павел; слышали и в такое же время, в какое слышал Павел, – и, не смотря на это, не уверовали. Павел услышал голос, когда неистовствовал, когда свирепствовал, когда преследовал учеников: так и иудеи. Где и когда? Вышли они ночью, с фонарями и светильниками, для взятия Его (Иисуса): они думали, что нападают на простого человека. И вот, желая показать им Свою силу, и что Он Бог, а они идут против рожна, (Христос) говорит им: "**кого ищете?**" (Ин.18:, 4)? Стояли перед Ним и близко – и не видели Его; но Сам искомый помогает им найти себя, чтобы они знали, что Он добровольно идет на страдание, что, если бы Он не восхотел им попустить, они не овладели бы Им. Как же бы они, в самом деле, овладели Им, когда не могли и найти Его? Что говорю: не могли найти Его? Они не могли даже видеть Его, тогда как Он был перед ними; и не только не могли видеть Его, когда Он был перед ними, но и тогда, когда отвечали на вопрос Его, не знали, кто был перед ними: так Он чрезмерно ослепил глаза

их! И не только ослепил, но даже поверг их Своим голосом на землю. Когда Он сказал: "**кого ищете?**" – они все "**отступили назад**" от этих слов. Как Павла голос низложил и поверг на землю, так и их всех этот голос низринул на землю; как тот не видел гонимого им, так и они не видели искомого ими; как тот ослеп во время своего неистовства, так и они ослепли во время самого неистовства. И тот (ослеп), когда шел вязать учеников, и они тому же подверглись, когда вышли связать Христа. И там узы, и здесь узы; и там гонение, и здесь гонение; и там ослепление, и здесь ослепление; и там голос, и здесь голос; словом: одинаковое проявление силы Христовой, одинаковые врачества, но не одинаково исправление, потому что больные были весьма различны. Что, в самом деле, бесчувственнее, что неблагодарнее их? Упали назад, и опять встали, и опять напали! Не бесчувственнее ли камней были они? И чтобы они знали, что Он точно тот, кто сказал им: "**кого ищете?**" – и поверг их назад, (Иисус) опять, как они встали, говорит им: "**кого ищете?**" Они отвечают: "**Иисуса Назорея**"; и говорит им: "**Я сказал вам, что это Я**" (Ин.18:7,8). Как бы так говорит Он: узнайте, что Я тот же самый, который сказал раньше: "**кого ищете?**" и который поверг вас. Но из этого не вышло никакой пользы; нет, они остались в том же ослеплении. Все это сличая одно с другим, познай достоверно, что Павел обратился не по принуждению, но от доброй души и по чистой совести.

6. Если вы будете терпеливы и благодушны, я представлю и другой ближайший (пример), неопровержимо доказывающий, что Павел обратился к Господу не по принужденно. Павел впоследствии пришел в Саламин, что на (острове) Кипре, и нашел там некоего волшебника, который находился с проконсулом Сергием. Павел, исполнившись Духа Святого, сказал ему: "**о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних?**" (Деян.13:10). Это (говорил бывший) гонитель. Прославим же Того, Кто его обратил. Прежде вы слышали, что он "**терзал церковь, входя в домы и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу**" (Деян.8:3); теперь видите, как смело он защищает проповедь. "**Перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних? И ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени**" (Деян.13:10, 11). То самое врачество, которое ему возвратило (духовное) зрение, Павел употребил и над волшебником, но этот остался в ослеплении, чтобы ты знал, что Павла привело (к Иисусу Христу) не одно призвание, но и его собственное расположение. Если бы причиною этого (обращения Павла) было одно поражение слепотою, то этому же надлежало бы быть и с волшебником, однако не было. Нет, он-то ослеп, а проконсул, увидя происшедшее, уверовал (13:12). Один принял лекарство, а другой прозрел. Видите, что значит доброе расположение сердца, – что значит упорство и ожесточение! Волшебник ослеп, но сам он не получил от этого пользы, потому что был упорен, а проконсул познал Христа. Но достаточно уже доказано, что Павел обратился добровольно и по расположению. Теперь хочу, чтобы вы твердо знали вот эту истину, что Бог не делает насилия не хотящим, но влечет только желающих. Поэтому (Христос) говорит: "**никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец**" (Ин.6:44). Влекущий влечет желающего, лежащего на земле и простирающего руку. И чтобы вам увериться, что (Бог) не делает никому насилия, но что, если Он и хочет, а мы не хотим, дело спасения нашего распадается, не потому, чтобы воля Его была немощна, но потому, что Он не хочет никого принудить, необходимо этот предмет рассмотреть, так как многие часто пользуются этим предлогом к оправданию своей беспечности, и, увещеваемые к принятию просвещения (т.е. таинства крещения), к перемене образа жизни на лучший и к другим подобным подвигам, но при всем том, оставаясь в небрежности и нерадении, отвечают так, что, если Богу будет угодно, то Он убедит меня – и я переменюсь. Я и не осуждаю их, напротив, еще весьма одобряю, за то, что они прибегают к воле Божией; только хочу, чтобы они и сами делали, что должны с своей стороны, а потом уже и говорили: если Богу будет угодно. Если ты, предавшись сну и лености, не будешь стараться о добрых делах, а

станешь только ссылаться на волю Божию, у тебя никогда не будет ничего доброго. Бог, как сказал я, никогда никого не ведет к Себе силою и принуждением; нет, Он всем хочет спастись, но никого не принуждает, как и Павел говорит: "**чтобы все люди спаслись и достигли познания истины**" (1Тим.2:4). Как же не все спасаются, если Он всем хочет спастись? Это оттого, что не всех воля следует за Его волей, а Он никого не принуждает. Так (Христос) говорит и к Иерусалиму: "**Иерусалим! Иерусалим! сколько раз хотел Я собрать чад твоих, и вы не захотели!**" Что же? "**Се, оставляется вам дом ваш пуст**" (Лк.13:34,35). Видишь, что если Бог и хочет, но мы не предаемся (воле Его), то остаемся в погибели? Бог, еще раз повторяю, готов спасти человека, не принужденно, не против воли, но по доброй воле и расположению (самого человека). Люди, – хотят или не хотят рабы их, – желают над ними быть господами и владычествовать, имея в виду не пользу рабов, но свою собственную выгоду; но Бог, не имея ни в чем недостатка и желая показать тебе, что не нуждается ни в чем нашем, требует нашего служения только для нашей же пользы, и все делает, не по Своей нужде, к нашему благу, если мы приступим (к Нему) добровольно, охотно и с признательностью за самое порабощение. Тех же, кои не хотят и уклоняются, Он не принуждает и не неволит, желая этим показать, что не Он должен благодарить нас за служение наше, а мы – Его за Его господство. Итак, зная это, и размышляя о человеколюбии Господа, будем вести жизнь свою, по возможности, соответственно Его благости, чтобы получить нам и царство небесное, которого да достигнем все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому, с Отцем и Святым Духом, слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] ἐν λόγοις, καί ἄλλη ἀρετή. В славянском тексте: *бе же силен в словесех и делех.* Деян.7:22

[2] В славянском тексте: яже о Христе

[3] т.е. простых верующих.

[4] т.е. апостолов.

БЕСЕДА IV

содержащая порицание не бывших в церкви и увещание к бывшим о том, чтобы заботились о братиях; также на начало послания к Коринфянам: "Павел зван" (1Кор.1:1), и о смиренномудрии

1. Когда посмотрю на вашу малочисленность и вижу, что наше стадо уменьшается в каждое собрание, то и скорблю, и радуюсь: радуюсь из-за вас, которые здесь теперь; скорблю из-за тех, которых здесь нет. Вы достойны похвал за то, что не стали беспечнее и от малочисленности; они заслуживают порицания за то, что не возбуждаются к усердию и вашею ревностью. Поэтому и называю вас счастливыми и блаженными за то, что вам нисколько не повредила беспечность тех; а тех почитаю жалкими и оплакиваю за то, что им не принесла никакой пользы ваша ревность. Не слышали они, что говорит пророк: "**желаю лучше быть у порога в доме Божием, нежели жить в шатрах нечестия**" (Пс.83:11). Не сказал: ***желаю жить*** в дому Бога моего, ни: ***обитать,*** ни: ***войти,*** но: "**быть у порога**". Я рад, говорит, быть и в числе последних; доволен буду и тем, если удостоюсь войти в преддверие; почту за величайший дар, если меня поставят между

последними в доме Бога моего. Любовь усвояет себе общего всех Господа: такова уже любовь. "**В доме Божием**".

Любящий желает видеть не только самого любимого, и не только дом его, но и преддверие; и не только преддверие дома, но и самую улицу и переулок (т.е. дом любимого человека); и если увидит хоть одежду или обувь друга, думает, что пред ним сам друг его. Таковы были пророки: так как они не видели бестелесного Бога, то взирали на храм, и в нем представляли себе присущим самого Бога. "**Желаю лучше быть у порога в доме Божием, нежели жить в шатрах нечестия**". Всякое место, всякий дом, – будет ли то судилище, или сенат, или частный дом, – в сравнении с домом Божиим, есть селение грешников, потому что хоть и там бывают молитвы и моления, но неизбежно бывают также раздоры, и ссоры, и брани, и совещания о житейских делах: а этот дом (Божий) чист от всего этого. Вот почему те места – селения грешников, а это – дом Божий. И как пристань, защищенная от ветров и волн, дает полную безопасность входящим в нее судам, так и дом Божий, как бы исторгая входящих в него из бури мирских дел, дает им стоять спокойно и безопасно, и слушать слово Божие. Это место есть школа добродетели, училище любомудрия. Приди, не только во время собрания, когда бывает чтение Писания, духовное поучение, и собор честных отцов; нет, и во всякое другое время приди только в преддверие – и тотчас отложишь житейские заботы. Войди в преддверие – и как бы ветерок, какой духовный повеет на твою душу. Эта тишина внушает страх и учит любомудрию, возбуждает ум и не дает помнить о настоящем, переносит тебя с земли на небо. Если же так полезно быть здесь и без собрания, то какую пользу получают здесь присутствующие, и какую потерю несут отсутствующие тогда, когда пророки вопиют со всех сторон, когда апостолы благовествуют, когда Христос стоит посреди, когда Отец одобряет происходящее (здесь), когда Дух Святой сообщает свою радость?

Хотел бы я знать, где теперь уклонившиеся от собрания, что удержало их и отвлекло от этой священной трапезы, – о чем у них разговор? Впрочем, я хорошо знаю это: они или разговаривают о вещах непристойных и смешных, или предались житейским заботам, а занятие тем и другим непростительно и заслуживает самого строгого наказания. О первых не нужно и говорить и доказывать: но что и те, которые ссылаются пред нами на домашние дела и говорят, будто неизбежная надобность по этим делам удерживает их (от присутствия в церкви), – что и эти люди не могут получить прощения, так как призываются сюда только однажды в неделю, между тем и в это время не хотят предпочесть духовное земному – это ясно из Евангелия. Званные на духовное брачное пиршество не извинялись вот как: один купил рабочих волов, другой купил землю, третий женился; однако они наказаны (Лк.14: 18-24). Дела необходимые, но и они не извинительны, когда призывает Бог, потому что все, необходимое для нас, ниже Бога. Сперва честь Богу, а потом уже забота о прочем. Какой слуга, скажи мне, станет заботиться о своем доме прежде, чем исполнит господскую службу? Так не странно ли – по отношению к людям, где господство – голое имя, оказывать господам такое почтение и повиновение, а к истинному Владыке, не только нашему, но и горних сил, не иметь и такого уважения, какое оказываем подобным нам рабам? О, если бы вы могли войти в их (т.е. не пришедших в церковь) совесть, тогда ясно увидели бы, сколько у них ран, сколько терний! Как земля, не обрабатываемая руками земледельца, глохнет и зарастает кустарником, так и душа, не пользующаяся духовным наставлением, произращает терния и волчцы. Если и мы, каждодневно слушающие пророков и апостолов, едва удерживаем свой гнев, едва обуздываем ярость, едва укрощаем похоть, едва извергаем из себя гной зависти, и постоянно напевая своим страстям, стихи из божественного Писания, едва усмиряем этих наглых зверей, то они, никогда не пользующиеся этим врачевством и не слушающие божественного любомудрия, – они какую, скажи мне, могут иметь надежду на спасение? Хотелось бы мне быть в состоянии показать вашим глазам душу их: вы

увидели бы, как она нечиста, осквернена, расстроена, унижена и безнадежна! Как тела не пользующихся банею покрываются множеством пыли и грязи, так и душа, не пользующаяся духовным учением, покрывается великою нечистотою грехов. Здешнее (т.е. церковь и все, что есть и совершается в церкви) есть духовная баня, теплотою Духа очищающая всякую нечистоту; еще более, огонь Духа очищает не только нечистоту, но и самый цвет. "**Если**", говорит Бог, "**будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю**" (Ис.1:18); пусть, то есть, греховная скверна так крепко вопьется в существо души, что получит уже неизменный цвет краски, и тогда Я могу перевесть ее в противоположное состояние, потому что довольно одного Моего мановения – и все грехи истребятся.

2. Это говорю не для того, чтобы вы слышали, потому что вы, по благодати Божией, не имеете нужды в лекарствах; но – чтобы они (т.е. не пришедшие в церковь) узнали об этом чрез вас. Если бы я мог знать места, в которых они собираются, то не стал бы беспокоить вашу любовь; но как мне одному невозможно узнать такое множество народа, то вам поручаю попечение о ваших братиях. Позаботьтесь о своих братиях, привлеките их, призовите. Знаю, что вы уже часто делали это, но мало – делать это часто, надобно делать до тех пор, пока не убедите их и не привлечете сюда. Знаю, что вы беспокоили их, что нередко казались им тягостными, что не могли убедить их, и от этого стали менее усердны; но да утешит вас Павел, который говорит: "**любовь все покрывает,**

всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает" (1Кор.13: 7,8). Ты сделай свое: и пусть он (ближний) не примет врачевства, ты все же получишь награду от Бога. С земли, если бросишь в нее семена, и она не произрастит колосьев, надобно уйти с пустыми руками; не так с душою; нет, ты преподай ей учение, и, пусть она не послушает твоих слов, не смотря на это, ты получишь полную награду, – такую, какую (получил бы), если бы она послушала, потому что Бог смотрит не просто на конец дел, а на расположение делающих, и, судя по нему, определяет награды. Итак, прошу вас: что делают пристрастные к зрелищам конских бегов, то же сделайте и вы. А что они делают? С вечера собираются все вместе, ходят друг к другу в домы до зари, назначают себе и другие места, чтобы, собравшись вместе, тем с большим удовольствием идти на сатанинское то зрелище. Как они усердствуют и увлекают друг друга на погибель души, так вы заботьтесь о своей душе и спасайте друг друга, и, пред наступлением (церковного) собрания, (каждый из вас) подойди к дому брата, подожди его у дверей, и, как выйдет он, останови его. Хотя бы звали (его) тысячи надобностей, не уступай ему и не давай приняться ни за что мирское, прежде чем приведешь его в церковь и заставишь пробыть там во все продолжение собрания. Пусть будет он спорить и противоречить, пусть станет представлять тысячу отговорок, не склоняйся и не уступай, но, сказав и внушив ему, что и другие дела его будут гораздо успешнее, когда он приступит к ним, выстоявши всю службу (церковную), помолившись и приняв благословение отцов, – и связавши его этими и подобными словами, веди к этой священной трапезе, чтобы получить тебе двойную награду: и за себя, и за его приход (в церковь). Нет сомнения, что, если мы употребим столько ревности и усердия к уловлению беспечных, то достигнем спасения. Как бы ни были они беспечны, бесстыдны и упорны, но, устыдившись такого постоянства вашей решимости, бросят, наконец, леность. Ведь они, как ни бесчувственны, не жесточе, однако, того судии, который и Бога не знал, и людей не стыдился (Лк.18:2); между тем и его жестокого, сурового, железного, твердого как алмаз, преклонила неотступная просьба одной вдовицы. Какого же извинения надеяться нам, если, тогда как вдовица успела преклонить и сделать милостивым судию жестокого, и Бога не боявшегося, и людей не стыдившегося, мы не успеем привлечь братьев, которые гораздо мягче и скромнее этого судии, когда притом увещеваем их для их же блага? Об этом я часто говорил, и не перестану говорить, пока не увижу, что больные выздоровели. Каждый день буду искать их, пока не успею, при помощи вашего усердия, найти. Усердно прошу и вас разведывать

о беспечных с такою же, с какою я теперь говорю это, скорбью, с таким же усилием. Не мне одному, но и вам Павел повелел заботиться о своих сочленах: "**увещавайте**", говорит он, "**друг друга**" сими словами [1], "**как вы и делаете**"; и опять: "**назидайте**" друг друга (1Фес.5:11). Велика награда пекущимся о братьях, и весьма велико наказание не заботящимся и небрегущим о их спасении.

3. Поэтому я твердо надеюсь и уверен, что вы исполните слова мои с великим усердием, и потому прекращу здесь увещание, и постараюсь привести вас к трапезе Павловой. "**Павел призванный Апостол**" (1Кор.1:1). Это часто и вы слышали, и мы читали: но слова (Писания) должно не только прочитывать, но и понимать, иначе не будет нам никакой пользы от чтения. Сокровище, доколе ходят по нему, не показывает богатства; нет, надобно наперед раскопать его, спуститься вниз, и так найти все (сокрытое) богатство. Тоже и с Писанием: если не исследуешь глубины его, то одно чтение не покажет сокровища заключающихся (в Писании) благ. Если бы довольно было одного чтения, то Филипп не сказал бы евнуху: "**разумеешь ли, что читаешь?**" (Деян.8:30). Если бы довольно было чтения, Христос не сказал бы иудеям: "**исследуйте Писания**" (Ин.5:39). А исследующий не останавливается на поверхности, но нисходит в самую глубину. Ведь и в самом вступлении (послания) вижу великое море мыслей. В светских письмах приветствия бывают просто только для изъявления почтения, а здесь не так; напротив, самое начало исполнено великой мудрости, потому что не сам Павел говорит, но Христос движет его душою. "**Павел призванный**". Это слово **Павел** есть, конечно, одно только простое имя, но оно заключает в себе такое сокровище мыслей, которое уже известно вам по опыту. Если вы помните, то знаете, что я целые три дня говорил только об этом имени, изъясняя причины, по которым прежде называемый Савл после назван Павлом, также для чего он не принял это имя тотчас по обращении к вере, но долго еще носил то (имя), которое сначала дали ему родители. При этом исследовании мы открыли великую премудрость и попечительность Божию и о нас, и о святых тех (т.е. которым Бог переменил имена). Если и люди дают имена своим детям не просто, но – то по отцу, то по дяде, то по другим предкам, – тем более Бог дал имена своим рабам не просто и не без основания, но с великою мудростью. Люди часто называют своих детей именами умерших и в честь усопших и в отраду себе, находя в таком названии детей облегчение своей скорби о кончине умерших; а Бог в имени святых, как на медном столбе, полагает напоминание и урок добродетели.

Так, Петра Он назвал этим именем по добродетели, желая в имени его заключить доказательство твердости его веры, чтобы в своем имени (Петр) имел всегдашнего учителя этой твердости. Так и Иоанна, и Иакова назвал (сынами громовыми) по громогласию их в проповеди. Но, чтобы не наскучить повторением того, о чем было говорено, – оставив это, скажу только, что имена святых, и сами по себе, почтенны для боголюбивых, и страшны согрешающим. Так Павел после того, как принял Онисима, этого беглеца и похитителя господских денег после того, как обратил его и посвятил в тайны веры, – желая возвратить его господину, вот что писал к нему: "**посему, имея великое во Христе дерзновение приказывать тебе, что должно, по любви лучше прошу, не иной кто, как я, Павел старец, а теперь и узник Иисуса Христа**" (Филим.1:9). Видишь ли, что (Павел) предложил три причины: узы за Христа, свое состояние по возрасту и уважение, внушаемое его именем? Так как он один просил, то постарался из одного просителя за Онисима сделать трех, – Павла, старца и узника. Видишь ли, что и сами имена (святых) почтенны и любезны верующим? Если название имени любимого дитяти часто заставляет отца, и против воли, оказать милость ради любимого имени, – тем более надлежало так быть с святыми. А для удостоверения, что (имена святых) были страшны согрешающим, как страшны нерадивым детям имена учителей, послушай, как это именно дал разуметь Павел в послании к Галатам. Так как

они уклонились в иудейскую немощь (т.е., обрезание и другие обряды иудейские) и были в опасности потерять саму веру (христианскую), то Павел, желая восстановить их и убедить не примешивать ничего иудейского к евангельскому учению, писал им вот как: "**вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа**" (Гал.5:2). Ты сказал: "**я**"; для чего же прибавил еще имя? Разве этого: "**я**" недостаточно было для означения, кто пишет? Нет, чтобы ты знал, что и одного прибавления имени достаточно для поражения слушателей, поэтому (Павел) прилагает свое имя, желая напомнить им (Галатам) об учителе. И с нами случается то же самое: когда вспомним о святых, то, если мы в беспечности, пробуждаемся, если в бесстрашии, устрашаемся. Так, когда услышу я об апостоле Павле, то представляю себе, как он был в скорбях, в теснотах, в побоях, в темницах, в глубине (морской) день и ночь (2Кор.11:23-28), как он восхищен был на третье небо, слышал в раю неизреченные слова (12:2-4), представляю себе это избранное орудие, невестоводителя Христова, который желал бы сам отлучен быть от Христа за братьев своих (Рим.9:3). Точно как будто какая золотая цепь, открывается уму внимательных, ряд подвигов (святого) при воспоминании об его имени. А от этого бывает нам немалая польза.

4. Можно бы еще и более сказать об имени (Павла), но, чтобы нам коснуться и второго слова, прекратим здесь рассмотрение имени, и перейдем теперь к этому слову. Как имя: Павел доставило нам великое богатство, так и слово: "**призванный**", если только решимся мы исследовать его с надлежащим усердием, даст нам такой же, или еще и обильнейший, предмет для созерцания. В самом деле, как вынувший из какого-либо украшения или диадемы царской один только камень, может, продавши этот драгоценный камень, и купить великолепные дома и дорогие поля, толпы слуг и множество других предметов, – так и в отношении слов Божиих, если захочешь изъяснить смысл одного речения, оно доставит тебе великое духовное богатство, не тем, чтобы принесло дома, или слуг, или десятины земли, но тем, что возбудить души внимательных к благочестию и любомудрию. Вот и это самое слово: "**призванный**", смотри, к какой ведет нас истории духовных дел. Впрочем, должно прежде узнать, что такое значит это "**призванный**", а потом рассмотреть, для чего (Павел) так написал в посланиях только к Коринфянам и Римлянам, а ни к кому другому: не без причины же и не без основания он делает это. Если и мы не без разбора делаем надписи своих писем, но, посылая письмо к низшим, пишем: такой-то такому-то; а когда посылаем к равным, то получающего письмо называем в надписи и господином; когда же пишем к гораздо высшим по достоинству, то прибавляем множество и других наименований, выражающих глубокое почтение, – если и мы наблюдаем такую разборчивость, и не ко всем пишем одинаково, но, судя по различию лиц, получающих письма, употребляем такие или другие названия; то тем более Павел писал одним так, а другим иначе, не без причины и не без основания, но с некоторою духовною мудростью. Что Павел ни в одном из других посланий не назвал себя, в самом вступлении послания, призванным, это можем мы узнать, пробежав самые начала посланий. Остается нам сказать, для чего он сделал это; только мы наперед покажем, что значит "**призванный**" и что Павел хотел внушить нам этим словом. Что же он хочет внушить нам, называя себя призванным? То, что он не сам первый пришел к Господу, но послушался, быв призван; не сам искал и нашел, но найден, когда блуждал; не сам первый воззрел на свет, но свет (небесный) пролил свои лучи на его взор, и, ослепив ему плотские глаза, потом открыл внутренние. Итак, он называет себя призванным, желая вразумить нас, что он все свои добрые дела приписывает не себе, но призвавшему его Богу. Кто отворил мне, говорит он, ворота на арену и открыл поле для борьбы, тот – виновник и венцов; кто сделал начало и посадил корень, тот дал мне и возможность произрастить впоследствии плоды. Поэтому он и в другом месте, сказав: "**но я более всех их потрудился**", прибавил: "**не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною**" (1Кор. 15:10). Итак, слово: "**призванный**" означает не другое что, как то, что Павел не усвоял

себе ни одного из своих подвигов, но все приписывал Господу Богу. Это и Христос внушал ученикам, говоря: "**не вы Меня избрали, а Я вас избрал**" (Ин.15: 16). На это же самое и апостол указывает в том же послании, говоря: "**тогда познаю, подобно как я познан**" (1Кор.13:12); теперь, то есть, не я первый познал, но сам наперед был познан, потому что, когда он гнал и опустошал церковь, тогда призвал его Христос, сказав: "**Савл, Савл! что ты гонишь Меня?**" (Деян.9:4). Вот, почему он называет себя призванным. А почему он так написал к коринфянам? Коринф – главный город Ахаии, и был богат духовными дарами, чему и надлежало быть так, потому что он впервые (Деян.13:1,8-11; 1Кор.1:14-17; 2:1,3; 3:6,10) услышал проповедь от Павла. Как виноградник, обработанный искусным и рачительным земледельцем, изобилует листьями и всегда обременен бывает множеством плодов, так и этот город, впервые воспользовавшись учением Павла, как бы обработкою искусного земледельца, и долгое время наслаждаясь его мудростью, украсился всеми благами. В нем не только было обилие духовных даров, но и великий избыток мирских благ, потому что он превосходил другие города и внешнею ученостью, и богатством, и могуществом. Эти-то блага и надмили его гордостью, а чрез гордость разделили на разные части.

Таково свойство гордости: она расторгает союз любви, отделяет людей друг от друга, и всякого, кем она обладает, заставляет жить особо от прочих. Как стена, раздувшись, разрушает здание, так и душа, надмившись гордостью, не может быть в союзе с другими. Это самое случилось тогда с коринфянами: они стали спорить между собою, рассекли церковь на множество частей, поставили себе много других (кроме Павла) учителей, и, разделившись на общины и особые братства, нанесли вред достоинству церкви, потому что достоинство церкви поддерживается тем, когда составляющие ее соблюдают между собою связь, (какая должна быть между членами) тела.

5. Надобно, впрочем, показать вам и то, что коринфяне впервые услышали проповедь от Павла, что они обогащены были духовными дарами, что обладали и мирскими выгодами, и что, возгордившись этими выгодами, разделились между собою, и одни из них перешли на сторону одних, а другие – на сторону других (учителей). Итак, для удостоверения, что они впервые услышали учение от Павла, послушай, как сам Павел указал на это. "**Ибо, хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием**" (1Кор.4:15). А кто родил, тот первый выводит на свет рожденного. И опять: "**я насадил, Аполлос поливал**" (3:6); здесь показывает, что он первый посеял учение (между коринфянами). А что они богаты были духовными дарами, видно вот из чего: "**непрестанно благодарю Бога моего за вас, ради благодати Божией, дарованной вам во Христе Иисусе, потому что в Нем вы обогатились всем**" (1:4, 5). Потом, что они обладали внешнею мудростью, это показал нам (Павел) теми многими и пространными словами, которые он направляет против этой мудрости. В другом послании он нигде не делал этого, а здесь (т.е. в первом послании к Коринфянам) сильно осуждал (внешнюю мудрость), и – весьма справедливо. Так как от нее произошла опухоль, то над нею (Павел) употребил и резание, говоря так: "**ибо Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова**" (1:17). Смотри, какое обвинение против внешней мудрости: она не только не содействует благочестию, но еще бывает помехою и препятствием. Как прекрасные тела и благовидные и красивые лица, если получат какое-либо стороннее украшение, утрачивают славу собственной красоты, потому что честь этой славы похищают себе румяны, притирания и другие прикрасы; если же не употребишь на них ничего постороннего, то гораздо лучше выкажешь красоту их, когда один вид их сам собою будет действовать и пользоваться вполне удивлением: так бывает и с верою – этою духовною невестою. Если придашь ей что-либо внешнее, – богатство, или власть, или силу красноречия, то унизишь ее славу, потому что не дашь проявиться всему блеску ее, но раздробишь славу ее на

многие части; напротив, если предоставишь ей действовать самой по себе, устранив все человеческое, тогда верно выкажется вся красота ее, тогда ясно просияет неодолимая сила, когда т.е., не воспользовавшись ни богатством, ни мудростью, ни властью, ни знатностью рода, ни другими человеческими пособиями, она победит и преодолеет все, – когда чрез людей ничтожных, низких, неимущих, бедных и неученых одолеет и нечестивых риторов, и философов, и тиранов, и всю вселенную.

Потому Павел и говорил: "**приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости**" (1Кор.2:1), и: "**Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых**" (1:27). Сказал не просто: "**немудрое**", но: "**немудрое мира**"; а конечно, безумное мира не есть безумное и пред Богом, напротив, многие из кажущихся здесь (в мире) безумными пред Богом умнее всех других, точно так, как и многие из живущих здесь в бедности пред Богом богаче всех. Так и Лазарь в мире был беднее всех, а на небе стал всех богаче. Итак, безумными мира (Павел) называет тех, которые не имеют изощренного языка, не обладают светскою ученостью, лишены красноречия. И этих-то людей "**избрал**", говорит, "**Бог, чтобы посрамить мудрых**". Как же, скажи мне, эти посрамляются чрез тех? На деле. Когда вдову, сидящую у ворот и просящую милостыни, а часто и увечную, спросишь о бессмертии души, о воскресении тел, о промысле Божием, о наградах по заслугам, о тамошнем отчете, о страшном судилище, об уготованном добродетельным блаженстве, об угрожающих грешникам наказаниях, и обо всем прочем, и она ответит с точностью и полною уверенностью; а философ и тот, кто много хвастает прическою волос и тростью, после многих и долгих курсов учения, после многих и напряженных занятий, не может и заикнуться, не смеет и рта раскрыть об этих предметах: тогда хорошо узнаешь, как "**Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых**". Чего эти мудрые по гордости и высокомерию не могли найти, – потому что уклонились от учения Духа, и совершенно предались своим умствованиям, – то самые бедные и презренные люди, лишенные всякого мирского образования, узнали с совершенною точностью, – потому что доверились небесному наставлению. Но (апостол) не останавливается на этом в осуждении мирской мудрости; нет, он прибавляет еще другое, сильнейшее осуждение, говоря: "**мудрость мира сего есть безумие пред Богом**" (1Кор.3:19), и, преподавая слушателям наставление, опять с совершенным презрением (к земной мудрости) и с силою говорил им: "**если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым**" (ст.18), и опять: "**погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну**" (1Кор.1:19), и опять: "**Господь знает умствования мудрецов, что они суетны**" (3:20).

6. Так, отсюда видно, что коринфяне обладали (мирскою) мудростью. А что они гордились и надмевались, опять явствует из этого же послания. Осудивши в одном месте блудодея, Павел прибавил следующие слова: "**и вы возгордились**" (1Кор.5:2), А что они от гордости рассорились между собою, и это самое показал он, сказав: "**если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы? и не по человеческому ли обычаю поступаете?**" (3:3). В чем же выразилась ссора? Они разделились между многими начальниками, почему (Павел) и говорит: "**я разумею то, что у вас говорят: "я Павлов"; "я Аполлосов"; "я Кифин**" (1:12). Говорит это не потому, чтобы они предались Павлу и Кифе и Аполлосу; нет, этими именами он хочет прикрыть виновников раздора, чтобы, обнаружив их, не сделать упорнее и не довести до большего бесстыдства. А что, в самом деле, они предались не Павлу и Петру и Аполлосу, но некоторым другим, и это видно из последующих слов. Осудив их за этот раздор, он прибавил вот что: "**это, братия, приложил я к себе и Аполлосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано, и не превозносились один перед другим**" (1Кор.4:6). Многие из простых людей, не имея, чем самим гордиться и укорять ближнего, поставив начальников над собою, их-то заслугами возгордились пред другими, и –

мудрость их учителей сделалась для них поводом к превозношению пред другими: а это было верхом тщеславия – не имея, чем самим хвалиться, воспользоваться чужими преимуществами к превозношению пред другими. Итак, как они и надмились гордостью, и рассорились, и разделились на многие части, и высоко возмечтали о своей вере, как будто сами от себя изобрели, а не свыше и от благодати Божией получили догматы истины, – то Павел, желая смирить их гордость, в самом начале (послания) тотчас назвал себя призванным, как бы так говоря: если я, учитель, не изобрел ничего сам от себя, и не сам первый пришел к Богу, но послушался уже тогда, как призван был, то вы, ученики, от меня принявшие догматы, как можете высокоумствовать, как будто бы сами изобрели их?! Поэтому и далее говорил им: "**кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?**"(4:7). Итак, это слово: "**призванный**" есть не другое что, как урок смиренномудрия, низложение надменности, укрощение высокомерия. Ничто, точно ничто не может так обуздывать и воздерживать нас, как смиренномудрие, когда, т.е. мы бываем, скромны, смиренны и никогда нисколько не мечтаем о себе. Ведая это, и Христос, когда приступал к преподаванию духовного того учения, начал с увещания к смиренномудрию, и, отверзши уста, наперед постановил этот закон словами: "**блаженны нищие духом**" (Мф.5: 3). Кто намеревается строить большой и великолепный дом, тот полагает и основание соответственное, чтобы оно могло выдержать тяжесть, которая впоследствии будет лежать на нем: так и Христос, начиная возводить в душах учеников великое здание любомудрия, наперед полагает увещание к смиренномудрию, как твердое и непоколебимое основание, – первую и нижнюю часть здания, зная, что, когда эта добродетель вкоренится в сердцах слушателей, то и все прочие добродетели могут уже безопасно навидаться. Следовательно, когда нет в человеке этой добродетели, тогда он напрасно, попусту и без пользы будет трудиться, хотя и совершит все прочие добродетели. Как человек, построивши дом на песке, хоть и подъял труд, но не получит пользы, потому что не положил надежного основания, – так, сколько бы кто ни сделал добра, без смиренномудрия, погубит и испортит все. А смиренномудрие разумею не то, что на словах и на языке, а то, что в сердце, от души, в совести, – что видеть может один Бог. Эта добродетель, одна и сама по себе достаточна к умилостивлению Бога, что и доказал мытарь. Не имея ничего доброго и не могши похвалиться хорошими делами, он сказал только: "**Боже! будь милостив ко мне грешнику!**" (Лк.1812) – и вышел праведнее фарисея; между тем это были слова еще не смиренномудрия, но искреннего сознания. Смиренномудрие состоит в том, когда человек, признавая в себе великие совершенства, нисколько не мечтает о себе; а сознание – в том, когда человек, будучи грешником, сам исповедует это. Если же не сознавший в себе ничего доброго, исповедав то, чем он был, так преклонил Бога на милость, – то каким дерзновением будут пользоваться те, которые могли бы указать на множество своих добродетелей скрывают, однако таковые, и ставят себя в числе последних? Так-то сделал и Павел: будучи первым из всех праведников, он называл себя первым из грешников (1Тим. 1:15); и не только называл себя так, но и был убежден в этом, узнав от Учителя, что, и сделавши все, мы должны называть себя рабами, ничего нестоящими (Лк.17:10). Вот, в чем состоит смиренномудрие! Подражайте же ему вы, у которых есть добрые дела, а мытарю – вы, которые обременены грехами. Будем признавать себя такими, каковы мы на деле; будем ударять в грудь и заставлять душу свою нисколько не мечтать о себе. Если мы будем в таком расположении, то оно послужит у нас достаточным приношением и жертвою, как и Давид сказал: "**жертва Богу – дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже**" (Пс.50:19). Не сказал только: "**смиренного**", но еще и: "**сокрушенного**"; а сокрушенное переломлено, и уже не может, хоть и захочет, подняться вверх. Так и мы, не только смирим нашу душу, но и сокрушим и пронзим; а она сокрушается, когда постоянно помнит о своих грехах. Когда так смирим ее, она, если и захочет, не будет в состоянии подняться до гордости, потому что совесть, подобно узде, будет удерживать ее от

надмения, будет укрощать и умерять во всем. Таким образом, возможем мы обрести и благодать у Бога: "**сколько ты велик, столько смиряйся, и найдешь благодать у Господа**" (Сир.3:18). А кто обрел благодать у Бога, тот не почувствует никакой неприятности, но может и здесь, с Божией благодатью, легко перенести все несчастья, и избегнуть уготованных там грешникам наказаний, потому что благодать Божия будет ему везде предшествовать и во всем содействовать к добру. Ее-то да удостоимся получить все мы, о Христе Иисусе Господе нашем, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

---

[1] Εν τοίς λόγοις τούτοις; этих слов в славянском тексте нет.

БЕСЕДА

на слова Апостола: "И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение" и пр. (Рим.5:3)

1. Трудно земледельцу – запрягать волов, влачить плуг, проводить борозду, бросать семена, переносить непогоду, терпеть холод, вырывать ров, отстранять избыток воды, наплывающей на семена, возвышать берега рек и посреди нивы проводить глубочайшие борозды; но эти труды, производящие утомление, делаются легкими и удобными, когда земледелец представляет в будущем цветущую жатву, изощренный серп, гумно, наполненное снопами, и зрелые плоды, привозимые домой с великою радостью. Так и кормчий смело вступает в свирепые волны, часто презирает и непогоду, и ярящееся море, и непостоянные ветры, решается переносить и морские бури и длинные переходы, когда представляет груды товара и пристани плавания и видит происходящее оттого неисчислимое богатство. Так и воин переносит раны, принимает облака стрел, терпит и голод, и холод, и продолжительные путешествия, и опасности в сражении, представляя приобретаемые таким образом трофеи, победы и венцы. Но для чего я упомянул об этом, или что значат эти примеры? Я хочу чрез это предложить вам увещание к слушанию и побуждение к подвигам добродетели. Если каждый из упомянутых трудное считает легким в надежде на будущее, и притом на такое, которое, если кто из них и в состоянии будет достигнуть, прекращается с настоящей жизнью, – то гораздо более вам должно прилежать к слушанию духовного учения и мужественно переносить борьбу и подвиги для вечной жизни. Притом те надеются на временные неверные блага, и часто, оставаясь при одном ожидании благ, они так и оканчивают жизнь, услаждаясь надеждами, а на самом деле не достигая ожидаемого, и между тем испытывая для них тягчайшие бедствия. Так, например: земледелец после многих своих трудов и усилий часто в то самое время, когда он изощряет серп и готовится к жатве, от происшедшего в хлебе повреждения, или от множества саранчи, или от чрезмерных дождей, или от какого-нибудь другого бедствия, происшедшего, от неблагоприятной погоды, уходит домой с пустыми руками перенесши всякие труды, но не получив ожидаемых плодов. Подобным образом и кормчий, радующийся множеству товаров, с великим удовольствием поднимавший паруса и проплывший многие моря, часто при самом устье пристани, ударившись о встретившуюся скалу или подводный камень и какой-нибудь утёс, или подвергшись другому какому-нибудь подобному неожиданному обстоятельству, теряет весь товар и едва успевает спасти обнаженное тело свое после бесчисленных опасностей. Так и воин, бывший на многих сражениях, отражавший противников и побеждавший врагов, иногда при самом ожидании победы теряет жизнь, не получив совершенно никакой пользы от трудов и опасностей. Но наши дела не таковы: у нас надежды вечные, неизменные,

твердые и не прекращающиеся с этою временной жизнью, а имеющие в виду жизнь нетленную, блаженную и вечную, и не только не изменяющуюся от неблагоприятной погоды и неожиданных обстоятельств, но не разрушаемые и самой смертью. От этих же надежд можно видеть плоды, блистающие и в самых случайных обстоятельствах, и обильное и великое воздаяние. Поэтому и блаженный Павел взывал: "**и не сим только, но хвалимся и скорбями**" (Римл.5:3). Не будем, увещеваю вас, оставлять эти слова без внимания; но если речь привела нас опять, не знаю каким образом, к пристани прекрасного кормчего Павла, то займемся его изречением, хотя кратким, но научающим нас великому любомудрию. Что же значат эти слова, и что внушает он нам, когда говорит:

"**и не сим только, но хвалимся и скорбями**"? Если угодно, обратим речь учения немного выше, и мы увидим весьма ясно силу мыслей, здесь сообщаемую нам. Пусть же никто не утомляется телом, но пусть вместо росы будет желание духовного слушания. Так, у нас речь о скорби, желании вечных благ, терпении и воздаянии за это тем, которые не пали. Что же значит: "**не сим только**"? Кто сказал это, тот выражает, что он говорил нам о многих других предшествовавших благах, к которым прибавляет и это, – благо от скорби. Поэтому он и говорит: "**и не сим только, но хвалимся и скорбями**". Чтобы сказанное было яснее, потерпите краткое время, пока мы будем вести речь о предмете отдаленнейшем.

Когда апостолы возвещали божественное учение и ходили по всей вселенной, сея слово благочестия, исторгая заблуждение с корнем, разрушая отцовские установления нечестивых, истребляя всякое беззаконие, очищая землю, повелевая отстать от идолов, их храмов, жертвенников, торжеств и обрядов, а признавать одного и единственного Бога всех и питать надежды на будущее, говорили об Отце и Сыне и Святом Духе, любомудрствовали о воскресении и беседовали о царстве небесном, тогда из-за этого загорелась война жестокая и убийственнейшая из всех войн, все исполнилось беспокойства, смятения и тревоги, все города, и всякий народ, и домы, и обитаемые и необитаемые страны, так как древние обычаи были потрясаемы, столько господствовавшие предрассудки ниспровергаемы, и новые вводимы догматы, о которых никто никогда не слыхал; против этого гневались цари, негодовали начальники, возмущались простые люди, волновались площади, свирепствовали судилища, обнажались мечи, заготовлялись оружия, грозили законы. От этого поднимались наказания, мучения, угрозы и все, что у людей считается страшным. Как бывает на море, когда оно бушует и производит ужасные кораблекрушения, нисколько не лучше того было тогда и состояние вселенной: отец отказывался от сына за его благочестие, невестка ссорилась со свекровью, братья отделялись друг от друга, господа свирепствовали против слуг, как бы сама природа восставала против себя самой, и не только междоусобная, но и междукровная война происходила в каждом доме. Слово, проходя подобно мечу и отделяя больное от здорового, производило везде великое смущение и состязание, и подавало повод везде появляться вражде и нападениям на верующих. Отсюда – одни были отводимы в темницы, другие – в судилища, третьи – на путь, ведущий к смерти; у одних были отбираемы имущества, другие часто лишались и отечества и самой жизни, и со всех сторон падали на них бедствия, как проливные дожди: внутри борьба, отвне опасности, от друзей, от чужих, от самых соединенных друг с другом природою.

2. Все это видел блаженный Павел, наставник вселенной, учитель небесных догматов, и так как бедствия были под руками и совершались пред глазами, а блага были только в надеждах и обетованиях, т.е. царство небесное, воскресение и получение тех благ, которые превышают всякий ум и всякое слово, печи же, сковороды, мечи, наказания и всякого рода мучения и смерти были не в надеждах, а на опыте, и притом люди, имевшие вступать в такие подвиги, еще недавно были обращены к вере от жертвенников, идолов,

роскоши, невоздержания и пьянства, и еще не привыкли представлять ничего высокого о вечной жизни, но были склонны более к благам настоящим, так что естественно было, что многие из них предавались малодушию среди ежедневных мучений, ослабевали и отпадали, – то посмотри, что делает причастник неизреченных таин, и внемли мудрости Павла. Он часто беседует с ними о будущем, поставляет на вид награды, показывает венцы, ободряя их и утешая надеждами вечных благ. И что говорит он? "**Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас**" (Рим.8:18).

Для чего указываешь мне, говорит, на раны, жертвенники, палачей, наказания, мучения от голода, изгнания, бедность, узы и оковы? Все, что хочешь, представь из почитаемого у людей бедствиями, и ты не скажешь ничего такого, что могло бы сравниться с теми наградами, венцами и воздаяниями: то прекращается с настоящею жизнью, а это не имеет конца в беспредельном веке; то проходит как временное, а это пребывает постоянно, как бессмертное. На то же самое указывает он и в другом месте, когда говорит: "**кратковременное легкое страдание**" (2Кор.4:17), посредством количества показывая неважность качества и непродолжительностью времени облегчая бремя. Так как тогдашние обстоятельства были бедственны и тяжки, то непродолжительностью их он облегчает это бремя и говорит: "**ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы**

смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно"(2Кор.4:17,18). И еще, возводя их к мысли о величии тамошних благ, он представляет саму природу болезнующею и воздыхающею от настоящих бедствий и сильно желающею благ будущих, как совершенных, и говорит так: "**вся тварь совокупно**

стенает и мучится доныне" (Рим.8:22), Почему она воздыхает? Почему болезнует? Ожидая будущих благ и желая перемены к лучшему: "**и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих**" (Рим.8:21). Впрочем, когда ты слышишь, что она воздыхает и болезнует, то не думай, будто она одарена разумом, но помни свойственный Писанию образ речи. Когда Бог чрез пророков желает возвестить людям что-нибудь великое и приятное, то представляет и самые неодушевленные предметы чувствующими величие совершаемых чудес, не для того, чтобы мы называли природу чувствующею, но чтобы можно было представить величие чудес посредством случающегося с людьми. Так и мы, когда случится что-нибудь неожиданное, имеем обыкновение говорить, что сам город сетовал, и сам помост был прискорбен; и когда идет речь о людях страшных и имеющих зверское настроение духа, то также говорят: он колебал сами основания, и сами камни трепетали его, не потому, чтобы действительно камни трепетали его, но чтобы можно было представить чрезмерность зверского сердца и ярость его. Поэтому и дивный пророк Давид, возвещая блага, дарованные иудеям, и радость их по освобождения из Египта, говорил: "**когда вышел Израиль из Египта, дом Иакова – из народа иноплеменного, Иуда сделался святынею Его, Израиль – владением Его. Море увидело и побежало; Иордан обратился назад. Горы прыгали, как овны, и холмы, как агнцы**" (Псал.1-4). Между тем нигде никто не слыхал такого события. Правда, море и Иордан возвращались назад по повелению Божию; но горы и холмы не скакали, а только, как я выше сказал, желая представить чрезмерность удовольствия и облегчение от египетского изнурения, дарованное им, он говорил, что и сами неодушевленные предметы прыгали и скакали при полученных ими благах. Равным образом, когда Бог хочет возвестить что-нибудь прискорбное, происходящее от наших грехов, то говорит: "**плачет сок грозда; болит виноградная лоза**" (Ис.24:7); и в другом месте: "**пути Сиона сетуют**" (Плач1:4), и даже говорит, что предметы бесчувственные плачут: "**стена дщери Сиона! лей ручьем слезы**" (Плач. 2:18); также говорится, что и

сама земля и Иудея сетует, и опьянела от скорби, не потому, чтобы стихии чувствовали, но, как я выше сказал, каждый из пророков хотел чрез это представить чрезмерность благ, подаваемых нам Богом, и наказаний, посылаемых на нас за наше нечестие. Поэтому блаженный Павел также представляет природу воздыхающею и болезнующею для того, чтобы по возможности показать величие даров Божиих, ожидающих нас после настоящей жизни.

3. Но все это, скажут, в надеждах; а человек малодушный и бедствующий, недавно обратившийся от идолослужения и не умеющий любомудрствовать о будущем, не очень назидается такими словами, но желает и в настоящее время получить некоторое утешение. Поэтому-то и этот мудрый учитель, все знающий, не только утешает будущими благами, но ободряет и настоящими радостями. И во-первых, он исчисляет дарованные вселенной блага, которые не в надеждах и ожидании, но уже на опыте и действительно получены, – которые служат величайшим и яснейшим доказательством и будущих и ожидаемых благ, – и потом, предложив пространную речь о вере и упомянув о праотце Аврааме, который, несмотря на природу, отказывавшую ему быть отцом, надеялся, ожидал и веровал, что сделается, потому и сделался отцом, – и отсюда возводя слушателей к тому, что не должно никогда впадать в слабость помыслов, но навидаться и ободряться величием веры и мудрствовать высоко, говорит после того и о величии полученных благ. В чем же это? В том, говорит, что Бог предал за нас, неблагодарных, своего Сына Единородного, истинного, возлюбленного, и нас, обремененных бесчисленными грехами и изнуренных таким бременем преступлений, не только избавил от грехов, но и сделал праведными, не заповедав нам ничего трудного, тяжкого или невыносимого, но, потребовав от нас только веры, сделал праведными и святыми, объявил сынами Божиими, поставил наследниками царства и сонаследниками Единородного, обещал воскресение, нетление тел, жизнь с ангелами, превышающую всякое слово и разумение, пребывание на небесах и собеседование с Ним самим, и оттуда уже излил благодать Святого Духа, освободил нас от власти диавола и избавил нас от бесов, ослабил грех, уничтожил проклятие, сокрушил врата ада, отверз рай, послал не ангела и не архангела, но самого Единородного для спасения нашего, как говорит Он через пророка: "**не ходатай, не ангел, но Сам Господь спас их**" (Ис.63:9). Не блистательнее ли это бесчисленных венцов, что мы освящены, оправданы, и притом верою и чрез нисшествие с небес Единородного Сына Божия для нас, что Отец за нас предал возлюбленного Своего что мы получили Духа Святого, и притом со всею легкостью удостоились неизреченной благодати и дара? Итак, сказав это и объяснив все в кратких словах, апостол опять обратил речь к надежде. Сказав: "**оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа, через Которого верою и получили мы доступ к той благодати**" он присовокупил: "**в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией**" (Рим.5:1,2). Таким образом, он сказал и о совершившемся, и о будущем: то, что мы оправданы, что Сын заклан за нас, что чрез Него мы приведены к Отцу, получили благодать и дар, избавились от грехов, имеем мир с Богом и сделались причастниками Святого Духа, есть уже совершившееся; а к будущему относится та неизреченная слава, о которой он и говорит в прибавленных словах: "**в которой стоим и хвалимся надеждою славы Божией**".

Но так как надежда, как я выше сказал, не очень способна назидать и ободрять малодушного слушателя, то заметь, что он еще делает, и посмотри на твердость и любомудрый ум Павла. Из того самого, что, по-видимому, печалит, тревожит и смущает слушателя, из этого он сплетает венцы утешения и хвалы. Исчислив все вышесказанное, он, наконец, прибавляет: не о том только я скажу, говорит, о чем сказал, т.е. что мы освящены и оправданы Единородным, что получили благодать, мир, дар, отпущение грехов, общение Святого Духа, и при том со всею легкостью, без трудов и усилий, а одною верою, что Бог послал Единородного Сына, и одно уже даровал, а другое обещал,

именно славу неизреченную, бессмертие, воскресение тел, жизнь ангельскую, обращение со Христом, пребывание на небесах, потому что все это он изобразил в словах: "**хвалимся надеждою славы Божией**".

Так не о том только он говорит, что было и будет, но и то самое, что между людьми считается прискорбным, именно: судилища, заключение, смерть, угрозы, голод, пытки, сковороды, печи, разграбление, войны, осады, сражения, возмущения, состязания – и это он поставляет в число даров и благодеяний; потому что не о том только, что выше сказано, должно радоваться и восхищаться, но и этим нужно хвалиться, как говорит он: "**ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых**" (Кол.1:24). Видишь ли душу твердую, ум высокий, дух непоколебимый, который восхищается не венцами только, но утешается и подвигами, радуется не наградам только, но восторгается и трудами, веселится не от воздаяний только, но хвалится и самою борьбою? Не говори мне о царстве небесном, о тех нетленных венцах, о наградах, но и самое настоящее, исполненное скорби, трудов и великих страданий, поставь на вид, и я могу доказать, что этим должно хвалиться еще более. Во внешних подвигах борьба доставляет труд, а венцы – удовольствие; но здесь не так, а еще прежде венцов сами подвиги приносят великую радость. Чтобы вы убедились, что это действительно так, вспомните каждого из святых, из каждого поколения, как говорит апостол: "**в пример злострадания и долготерпения возьмите, братия мои, пророков, которые говорили именем Господним**" (Иак.5:10). И тот самый апостол, который сегодня предложил нам этот подвиг и составил настоящее духовное зрелище, т.е. Павел, после того, как он исчислил бесчисленные бедствия каждого из святых, которые неудобно пересказывать теперь, прибавляете "**скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин**", и при всем том радуясь (Евр.11:37,38). Тоже самое можно видеть и тогда, когда апостолы, после заключения в темнице и злословий, получив бичевания, были изгоняемы. В самом деле, что говорится о них? "**Они же пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие**" (Деян. 5:41).

4. Это было и у нас; если кто хочет знать, о чем я говорю, то пусть припомнит, что случилось во время гонений. Выступила девица нежная и не знавшая брака, имеющая тело нежнее воска; потом, привязанная к дереву со всех сторон, была мучима и терзаема скоблением по бокам и истекала кровью, но как бы невеста, сидящая в брачном чертоге, благодушно переносила совершаемое над нею, для царства небесного, получая венцы в самих подвигах. Представь же, каково было – видеть властителя с войсками, изощренными мечами и столь многим оружием, побеждаемого одного девицею. Видишь ли, что и сама скорбь сопровождается величайшею хвалою? Свидетели сказанного – вы сами. В самом деле, тогда как мученики еще не получили воздаяний, ни наград, ни венцов, но разрешились в пыль и прах, мы стекаемся в честь их со всем усердием, составляем духовное зрелище, прославляем их и увенчиваем их за раны и кровь, за пытки и мучения, за их скорби и воздыхания: так сами скорби сопровождаются хвалою еще прежде воздаяния! Представь, каков был Павел тогда, когда он жил в темницах и был приводим в судилища, как славен, как блистателен и знаменит являлся он пред всеми, особенно же пред теми, которые нападали и враждовали против него. Но что я говорю: был славен пред людьми, – если он и для бесов был страшен более тогда, когда был бичуем? Когда он находился в узах, когда подвергался кораблекрушениям, тогда и совершал величайшие знамения, тогда особенно и побеждал противные силы. Поэтому, зная хорошо пользу, происходящую для души от этих скорбей, он говорил: "**когда я немощен, тогда силен**"; и потом прибавлял: "**посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях, чтобы обитала во мне сила Христова**" (2Кор.12:10,9). Поэтому и говоря к некоторым, жившим в Коринфе, и укоряя тех из них, которые

высокомудрствовали о себе, а других осуждали, он, соблюдая характер послания и находясь в необходимости представить нам изображение своих подвигов, составил его не из знамений, не из чудес, не из почестей, не из удовольствий, но из заключений в узы, судилищ, голода, холода, борьбы, козней, и говорил им так: "**Христовы служители? (в безумии говорю:)**"; – и, объясняя это выражение: "**я больше**", и свое преимущество, продолжал: "**я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти**" и пр.: "**если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею**" (2Кор.11:23-30).

Видишь ли, что этим он хвалится гораздо более, нежели восхищается блистательными венцами, и потому говорит: "**и не сим только, но хвалимся и скорбями**"? Что же значит: "**и не сим только**"? Не только, говорит, мы не падаем духом, испытывая скорби и бедствия, но как бы более и более преуспевая в чести и славе, особенно хвалимся среди приключающихся бедствий. Далее, сказав, что от скорбей происходит величайшая слава, хвала и радость, - а известно, что слава доставляет и удовольствие, потому что где удовольствие, там конечно есть и слава, и где такая слава, там конечно есть и удовольствие, – показав, что терпение скорбей сопровождается славою, знаменитостью и радостью, он говорит о другом величайшем их следствии, о некотором величайшем и дивном плоде их. А какой этот плод, посмотрим. "**Зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает**", (Рим.5:3,6).Что значит: "**от скорби происходит терпение**"? От этого происходит тот величайший плод, что человек, подвергающийся скорбям, делается более крепким. Как из дерев те, которые стоят в местах тенистых и безветренных, бывают, хотя цветисты по виду, но изнежены и слабы, и скоро повреждаются от всякого напора ветров, а те, которые стоят на высоких вершинах гор, колеблются многими и великими ветрами, переносят частые перемены воздуха, потрясаются жесточайшими бурями и засыпаются обильным снегом, бывают крепче всякого железа; подобно тому, как тела, воспитываемые во многих и различных удовольствиях, украшаемые нежными одеждами, часто омываемые и намащиваемые и с излишеством изнеживаемые разными родами пищи, делаются совершенно негодными к подвигам благочестия и к трудам и достойны величайшего наказания, – так точно и души: те, которые ведут жизнь, чуждую бедствий, наслаждаются удовольствиями, приятно занимаются настоящими предметами и жизнь беспечальную предпочитают терпению скорбей для царства (небесного), по примеру всех святых, бывают нежнее и слабее всякого воска и готовятся в пищу вечному огню; а те, которые подвергаются опасностям, трудам и бедствиям скорби для Бога, и воспитываются в них, бывают крепче самого железа или тверже адаманта, от частого перенесения бедствий делаясь неодолимыми для нападающих и приобретая некоторый непобедимый навык к терпению и мужеству. И как те, которые в первый раз вошли на корабль, чувствуют тошноту и головокружение, смущаясь, испытывая неприятное ощущение и подвергаясь умопомрачению; а те, которые часто и долго бывали на морях, плавали по бесчисленным волнам и испытывали частые кораблекрушения, смело решаются на такое путешествие: так точно и душа, претерпевшая много искушений и подвергающаяся великим скорбям, привыкши к трудам и приобретши навык к терпению, бывает не боязлива, не робка и не смущается приключающимися скорбными обстоятельствами, но от постоянного упражнения в случайностях и частого испытания разных приключений делается способною переносить с великою легкостью все случающиеся бедствия. Это самое и выражает мудрый устроитель небесной жизни, когда говорит: "**и не сим только, но хвалимся и скорбями**", потому что еще прежде царства и небесных венцов мы получаем отсюда величайшую награду, так как от частых скорбей душа наша делается более крепкою и помыслы становятся более твердыми. Итак, зная все это, возлюбленные, будем мужественно переносить приключающиеся печальные обстоятельства, как происходящие по воле Божией и для нашей пользы, не будем унывать и падать духом при встрече с

искушениями, но, стоя со всем мужеством, будем непрестанно благодарить Бога за все оказанные нам благодеяния, чтобы нам и насладиться настоящими благами и удостоиться будущих даров, благодатью, щедротами и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым и Животворящим Духом, слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

на слова Апостола: "Знаем, что любящим Бога, все содействует ко благу" (Римл. 8:28), о терпении и о том, сколько пользы от скорбей.

1. Как будто спустя долгое время я возвратился к вам, – в таком расположении: духа нахожусь я сегодня. Хотя я был заключен дома по причине телесной болезни, но как будто был отлучен далеко от вашей любви, так я чувствовал себя. Кто умеет любить искренно, но не может быть вместе с тем, кого любить, тот, хотя бы жил с ним в одном и том же городе, будет чувствовать себя нисколько не лучше живущих в чужой стране. Это знают те, которые знают любовь. Поэтому простите нам, прошу вас: не от лености нашей происходила эта разлука, но болезнь телесная была причиною молчания. Знаю, что теперь все вы радуетесь, что мы избавились от болезни, а я радуюсь не только тому, что избавился от болезни, но и тому, что опять могу видеть вожделенные ваши лица и утешаться вашею любовью по Боге. Как многие из людей, по избавлении от болезни, ищут сосудов, чаш и прохладительных напитков, так для меня приятнее всякой радости ваше собрание; оно для меня и причина выздоровления и источник радости. Итак, теперь, когда по благодати Божией мы опять встретились друг с другом, заплатим вам долг любви, если только можно когда-нибудь заплатить его. Этот один долг не имеет конца, но чем более уплачивается, тем более возрастает; и как в деньгах мы хвалим тех, которые ничего не должны, так здесь мы ублажаем тех, которые должны много. Поэтому и учитель вселенной Павел в послании говорит: "**не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви**" (Рим. 13:8), желая, чтобы мы и постоянно платили этот долг, и постоянно оставались должными, и никогда не уплачивали этого долга, пока не окончим настоящую жизнь. Как быть должным деньгами тяжело и неприятно, так не быть постоянно должным этим долгом – достойно осуждения. А дабы тебе убедиться, что это действительно так, послушай мудрости дивного учителя, как он предложил увещание. Сказав наперед: "**не оставайтесь должными никому ничем**", "**кроме взаимной любви**", желая, чтобы всякий наш долг здесь был уплачен, а этот долг оставался постоянно неуплаченным, потому что это особенно поддерживает и скрепляет нашу жизнь. Итак, когда мы знаем, сколько пользы от этого долга и что он, уплачиваясь, больше возрастает, постараемся теперь и мы, сколько можно, отдать долг, которым остаемся должными вам не по лености или по какой-нибудь невнимательности, но по приключившейся болезни, предложив краткую беседу вашей любви и заимствовав предмет беседы от того же самого дивного учителя вселенной; о чем он говорил сегодня в послании к Римлянам, то и мы, представив, припомним, и после долгого времени (молчания) предложим вашей любви духовное угощение. Но необходимо сказать, что было прочитано, дабы вы, припомнив сказанное, с большею легкостью усвоили себе наши слова. "**Знаем**", говорит он, "**что любящим Бога, все содействует ко благу**" (Рим.8:28). Для чего сказано такое вступление? Ничего напрасно и без цели не говорит эта блаженная душа, но всегда прилагает представляющимся болезням соответственные духовные врачевства.

Что же означают слова его? Так как многие искушения со всех сторон окружали тогда обращавшихся к вере, и беспрерывные были ухищрения со стороны врага, непрестанные козни, и не успокаивались противники проповеди, одних ввергая в темницы, других, подвергая изгнаниям, иных, увлекая во многие другие пропасти, то, подобно тому, как

отличный военачальник, видя противника, дышащего великою яростью, обходит своих везде, ободряет их, укрепляет, приготовляет, располагает к мужеству, делает готовыми поднять руки против врага и не бояться его нападений, но с твердым духом стоять против него, поражать его, если можно, в самое лицо его, и не страшиться противодействия ему; – таким же образом этот блаженный, эта достигающая до небес душа, желая ободрить души верующих и стараясь восстановить лежащий долу, так сказать, ум их, начал речь свою так: "**Знаем, что любящим Бога, все содействует ко благу**". Видишь ли апостольское благоразумие? Он не сказал: я ведаю, но: "**знаем**" – присоединяя и их к изъявлению согласия на сказанную мысль, что любящим Бога все содействует ко благу. Заметь точность выражений апостольских. Он не сказал: любящие Бога избегают бедствий, освобождаются от искушений; но: "**знаем**", говорит, т.е. мы уверены, мы убеждены, на самом опыте получили доказательства, "з**наем, что любящим Бога, все содействует ко благу**".

2. Какая, думаете вы, сила заключается в этом кратком изречении? "**Все**", говорит, "**все содействует ко благу**". Не указывай мне здесь на приятное, не представляй только покой и безопасность, но и противное тому, темницы, скорби, козни, ежедневные нападения, и тогда увидишь в точности силу изречения. Чтобы не отвлекать любовь вашу слишком далеко, – если хотите, мы представим немногое из того, что происходило с этим блаженным, и вы увидите силу изречения. Когда он, ходя всюду, сея слово благочестия, исторгая плевелы и стараясь насадить истину в душе каждого, был в одном городе Македонии, как повествует нам блаженный Лука, составивший книгу Деяний, то встретил некоторую служанку, имевшую злого беса и не могшую молчать, но ходившую и хотевшую посредством этого беса сделать апостолов известными везде, и, прогнав его с великою властью, словом и повелением, как бы какого-нибудь негодного раба, избавил ее от злого беса. После этого жителям того города следовало бы смотреть на апостолов как на благодетелей и спасителей и всякого рода почитанием воздать им за, такое благодеяние, а они воздают противным. Послушай, чем они воздают им. "**Видя**", говорит дееписатель, "**что исчезла надежда дохода их, схватили Павла и Силу и повлекли на площадь к начальникам, а воеводы, сорвав с них одежды, велели бить их палками и, дав им много ударов, ввергли в темницу, приказав темничному стражу крепко стеречь их**" (Деян.16:19-23). Видите ли крайнее нечестие жителей того города? Видите ли терпение и твердость апостолов? Подождите немного, и вы увидите и Божие человеколюбие. Он, как премудрый и провидящий, не вначале и при первом случае избавляет от бедствий, но когда усилятся все меры врагов и когда делами доказано будет терпение подвижников Его, тогда и являет собственную помощь, чтобы никто не мог говорить, будто они потому решаются на опасности, что уверены, что с ними не случится ничего неприятного. Поэтому Он некоторым и попускает терпеть бедствия, по своей неизреченной премудрости, а некоторых избавляет от них, чтобы ты из всего познал чрезмерное человеколюбие Его, и то, что Он, соблюдая для них большие награды, часто попускает усиливаться бедствиям. Так Он поступил и здесь. После такого чуда и благодеяния, которое оказали изгнавшие бесстыдного беса, Он попустил им получить удары и быть посаженными в темницу, потому что отсюда особенно и открылась сила Божия. Поэтому-то блаженный Павел и говорил: "**потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова**"; и еще: "**когда я немощен, тогда силен**", – называя немощью непрестанные искушения (2Кор.12:9,10). Но, может быть, здесь кто-нибудь недоумевает, почему они изгнали беса, который не говорил ничего противного им, но еще делал их известными. Потому что он много дней кричал, говоря: "**сии человеки – рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения**" (Деян.16:17). Не удивляйся, возлюбленный: и это было делом благоразумия апостольского и благодати Духа. В самом деле, он не говорил ничего противного им, но дабы, чрез это сделавшись достойным доверия, бес не мог и в других делах увлекать

людей более простых, для того апостол заградил ему уста и изгнал его, не допустив ему говорить то, что выше его достоинства. Это сделал он, подражая своему Господу, потому что и к Нему приступая говорили: "**знаю Тебя, кто Ты, Святый Божий**" (Лк.4:34); однако Он изгонял говоривших так. А совершалось это в обличение бесстыдных иудеев, которые, видя каждый день происходившие чудеса и бесчисленные знамения, не верили, между тем как бесы признавали и исповедовали Его Сыном Божиим.

3. Впрочем, возвратимся к предмету нашей речи. Чтобы вы знали, как любящим Бога все содействует ко благу, нужно прочитать вам весь рассказ об этом событии, чтобы и отсюда вы увидели, как после ударов, после темницы, все во благо им обратила благодать Божия. Но посмотрим, как излагает это блаженный Лука. "**Получив такое приказание**", говорит он, темничный страж "**ввергнул их во внутреннюю темницу и ноги их забил в колоду**" (Деян.16:24). Заметь, как усиливаются бедствия, чтобы и терпение апостолов сделалось блистательнейшим и неизреченная сила Божия стала явною для всех. Выслушай и дальнейшее. "**Около полуночи**", продолжает он, "**Павел и Сила, молясь, воспевали Бога**" (Деян.16: 25). Посмотри на возвышенную душу, посмотри на бодрствующий ум; не будем, возлюбленные, оставлять этих слов без внимания. Не напрасно обозначил он нам и время, сказав: "**около полуночи**", но, желая показать, что тогда как над всеми другими тяготеет приятный сон и смежает их вежди, – особенно же те, которые обременены многими скорбями, обыкновенно предаются в это время сну, – тогда как, говорит, сила сна господствовала везде, тогда они, "**молясь, воспевали Бога**", представляя величайшее доказательство своей любви к Нему. Как мы, страдая телесными болезнями, ищем общества людей близких, чтобы разговором с ними утолить силу боли, так и эти святые, пламенея любовью к Господу и вознося священные песни, даже не чувствовали своих скорбей, но всецело предавались молитве и возносили свое дивное песнопение, так что темница сделалась церковью, и всякое место освящалось песнопением этих святых. И можно было видеть чудные и дивные дела, как люди, связанные колодкою, не встречали никакого препятствия к песнопению. Так, человеку бодрствующему, внимательному и имеющему пламенную любовь к Богу ничто никогда не может препятствовать беседовать с Господом. Бог, говорит Он, "**разве Я – Бог только вблизи, говорит Господь, а не Бог и вдали?**" (Иерем.23:23); и еще в другом месте: "**возопиешь, и Он скажет: "вот Я!**" (Ис.58:9). Где душа бодрствующая, там ум окрыляется и освобождается, так сказать, от уз тела, возлетает к предмету любви и, презирая землю и становясь выше всего видимого, стремится к Нему. То же самое было и с этими святыми. Посмотри на внезапное действие их песнопений и как они, находясь в темнице, будучи связаны колодкою и поставлены наряду с мошенниками и преступниками, не только не потерпели никакого вреда, но еще больше просияли от этого и светом собственной добродетели озарили всех, бывших в темнице, потому что голос священных песней их, входя в душу каждого из узников, изменял ее, так сказать, и преобразовывал. "**Вдруг**", говорит дееписатель, "**сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели**" (Деян. 16:26). Видишь ли силу песнопений Богу? Не только сами, возносившие песнопения, получали утешение, но и сделали то, что со всех оковы спали, чтобы на самом деле видно было, как "**любящим Бога, все содействует ко благу**". Вот и удары, и темница, и колодка, и пребывание с преступниками, – и, однако все это сделалось причиною благ и поводом к славе, не только для апостолов и бывших в темнице узников, но и для самого темничного стража. "**Пробудившись**", говорится, "**темничный страж и, увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и хотел умертвить себя, думая, что узники убежали**" (Деян.16:27). Посмотри здесь на человеколюбие Божие, которое превышает всякое слово. Для чего все это совершается "**около полуночи**"? Не для чего иного, как для того, чтобы дело устроилось без шума и спокойно, и чтобы совершилось спасение темничного стража. В самом деле, когда сделалось землетрясение, и двери отворились, оковы спали со всех,

там находившихся, никому из них не было допущено уйти оттуда. Заметь здесь и с другой стороны премудрость Божию. Все прочее, т.е. землетрясение и открытие дверей, произошло для того, чтобы все на деле узнали, каковы были находившиеся тогда в темнице, что они были не простые люди, но выйти оттуда никому не было допущено, чтобы это не подавало повода к опасностям для темничного стража. А что это справедливо, послушай, как темничный страж, лишь только заметил случившееся и подумал, что некоторые разбежались, не дорожил самою жизнью своею. "**Извлек меч**", говорится, "**и хотел умертвить себя**". Но везде бодрствовавший и предусмотрительный, блаженный Павел, собственным голосом исторгнул агнца из пасти дикого зверя. Он "**возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь**" (Деян.16: 28). О, крайнее смиренномудрие! Он не думал высоко о себе при таком событии, не напал на темничного стража, не позволил себе произнести что-нибудь надменное, но в числе узников, преступников и злодеев поставил и себя самого, сказав: "**все мы здесь**".

Видишь ли, сколь великое показывает он смиренномудрие и не приписывает себе ничего больше находившихся там злодеев? Посмотри затем и на темничного стража, который приступает к нему уже не как к одному из прочих. Ободрившись, он "**потребовал огня, вбежал в темницу и в трепете припал к Павлу и Силе, и, выведя их вон, сказал: государи мои! что мне делать, чтобы спастись?**" (Деян.16:29,30)? Видите ли, как "**любящим Бога, все содействует ко благу**"? Видите ли, как уничтожена хитрость диавола, как недействительными оказались козни его? Когда они изгнали беса, то он устроил, что они были посажены в темницу, думая чрез это поставить препятствие распространению проповеди. Но вот и темница послужила для них поводом к духовному приобретению.

4. Так и мы, если будем внимательны, можем получать пользу, не только находясь в благоприятных обстоятельствах, но и в скорбях, и тогда еще более, чем при благополучии, потому что благополучие, как бывает по большей части, делает людей беспечными, – а скорбь, заставляя быть внимательными, делает достойными и вышней помощи, особенно когда мы в надежде на Бога оказываем терпение и твердость во всех приключающихся скорбях. Не будем же сетовать, когда постигают нас бедствия, но будем более радоваться, потому что это бывает поводом к нашей славе. Поэтому и Павел говорил: "**Знаем, что любящим Бога, все содействует ко благу**". Но посмотрим на пламенную душу тех святых. Когда они услышали слова темничного стража: "**что мне делать, чтобы спастись?**", то медлили ли они, отложили ли, пренебрегли ли оглашением? Нет; но что сказали они ему? "**Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой**" (Деян.16:31). Посмотри на апостольскую попечительность. Они не довольствуются его спасением, но чрез него хотят и всех домашних его уловить учением благочестия, нанося диаволу смертельную рану. "**И немедленно крестился сам и все домашние его**" и "**уверовал в Бога**" (Деян.16:33,34).

Отсюда мы научаемся никогда нисколько не медлить в делах духовных, но всякое случающееся время считать удобным. В самом деле, если эти святые не хотели отложить дела ночью, то, какое оправдание будем иметь мы, пренебрегая духовною пользою в другое время? Видишь ли темницу, сделавшуюся церковью? Видишь ли жилище преступников, внезапно обратившееся в молитвенный дом, и священнодействие, там совершаемое? Так важно – бодрствовать и никогда не пренебрегать духовною пользою, но всякое время считать удобным для такого приобретения. Поэтому хорошо говорил этот блаженный в послании: "**любящим Бога, все содействует ко благу**". Это изречение будем и мы, увещеваю вас, иметь начертанным в душе нашей и не будем никогда сетовать, когда подвергнемся в этой жизни каким-нибудь прискорбным обстоятельствам, или телесным болезням, или каким-либо другим печальным случаям; но, руководясь

великим любомудрием, будем противиться всякому искушению, зная, что если мы будем внимательны, то можем получать пользу от всего и еще больше от искушений, чем от благоприятных обстоятельств; не будем никогда падать духом, представляя, сколько пользы от терпения, равно не будем питать ненависти и к тем, которые подвергают нас искушениям, потому что хотя они делают это, имея собственную цель, но общий Владыка попускает это, желая, чтобы мы и чрез это приобретали духовные блага и получили награду за терпение. Итак, если мы будем в состоянии с благодарностью переносить приключающиеся бедствия, то изгладим не малую часть грехов наших. Если Господь, видя такое сокровище и учителя вселенной подвергающимся каждый день опасностям, допускал это, не потому, чтобы Он презирал своего подвижника, но потому, что приготовлял для него пространнейшее поприще, дабы даровать ему блистательнейшие венцы, то, что можем сказать мы, исполненные бесчисленных грехов и за это часто впадающие в искушения, чтобы, получив за них наказание здесь, удостоиться, хотя малого милосердая и, получить в тот страшный день неизреченные блага? Размышляя об этом в самих себе, будем мужественно принимать все, чтобы нам и получить награду за терпение от человеколюбивого Господа, и изгладить множество грехов наших, и сподобиться вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

против непришедших в собрание и на слова апостола: "если враг твой голоден, накорми его" (Римл.12:20), и о злопамятстве

1. Нисколько, кажется, мы не имели успеха, предложив вам недавно пространную речь о ревности к собраниям (церковным); церковь у нас опять остается без чад. Поэтому опять я принужден быть строгим и тяжелым, – укорять присутствующих, осуждать отсутствующих; последних за то, что они не оставляют своей лености, а вас за то, что не радеете о спасении братий. Я принужден быть тяжелым и строгим не для себя и собственного своего приобретения, но для вас и вашего спасения, которое для меня дороже всего. Кто хочет, пусть огорчается и называет меня тяжелым и бесстыдным; но я не перестану постоянно твердить об одном и том же, потому что для меня нет ничего лучше такого бесстыдства. Может быть, подлинно может быть, что вы, устыдившись если не другого чего, то, по крайней мере, этого, чтобы не слышать непрестанно напоминания об одном и том же, будете когда-нибудь иметь попечение о ваших братиях. Какая мне польза от похвал, если я не буду видеть вас преуспевающими в добродетели? И какой мне вред от молчания слушателей, если я буду видеть возрастающим ваше благочестие? Похвала проповеднику – не рукоплескание, но ревность слушателей о благочестии, не шум во время слушания, но усердие во всякое время. Шумное одобрение, как только вышло из уст, то рассеиваясь в воздухе исчезает, а исправление слушателей доставляет неоскудевающую и бессмертную награду и говорящему и слушающим. Крик вашего одобрения делает из говорящего славным здесь, а благочестие вашей души доставляет учителю дерзновение пред престолом Христовым. Поэтому, если кто из говорящих желает чего-нибудь, то пусть желает не рукоплесканий, но пользы слушателей. Немаловажное зло – нерадение о братиях, но достойное крайнего мучения и неизбежного наказания. Это показал пример зарывшего талант в землю. Он не подвергся никакому осуждению за собственную жизнь и не сделал ничего худого в скрытии таланта, потому что возвратил его целым; и однако, оказался виновным в способе употребления денег. Он не удвоил вверенного, и за это был наказан. Отсюда видно, что, хотя бы мы были усердны и внимательны, хотя бы имели великую охоту к слушанию божественных Писаний, этого не достаточно для нашего спасения. Должно удвоять вверенный залог; удвоенным же он

делается тогда, когда вместе с собственным спасением мы принимаем на себя попечение и о других. Тот сказал: "**вот тебе твое**" целым; но этого недостаточно было для его оправдания.

"**Надлежало тебе**" говорит Господь, "**отдать**" вверенное "**торгующим**" (Мф.25: 25-27). И заметь, как легки заповеди Господа. Люди заставляют отдающих в займы деньги господина отвечать и за их возвращение; ты отдал, говорят, ты и требуй назад; мне нет никакого дела до того, кто взял. Но Бог поступает не так; Он повелевает только отдать, а за возвращение уже не делает нас ответственными. Во власти говорящего – советовать, а не производить убеждение. Поэтому я делаю, говорит Он, тебя ответственным за отдачу, а не за возвращение. Что легче этого? Между тем раб называл жестоким Господа, столь кроткого и человеколюбивого. Таковы привычки рабов неблагодарных и нерадивых: они всегда слагают вину своих грехов на господ. За это он и был наказан и связанный отведен во тьму кромешную. Чтобы и нам не подвергнуться тому же, будем передавать учение братиям, хотя бы они слушались, хотя бы не слушались. Слушаясь, они принесут пользу и себе и нам, а, не слушаясь, они на себя навлекут неизбежное наказание, нам же не могут причинить ни малейшего вреда. Мы сделали свое дело, подав совет; если же они не послушаются, то нам не может быть от этого никакого вреда. Предосудительно не то, когда мы не произвели убеждения, а то, когда не подали совета; после совета и увещания, частого и непрестанного, Бог потребует отчета уже не от нас, а от них. Я желал бы точно знать, что вы стараетесь убеждать их, и постоянно ли остаются они в нерадении: тогда я не стал бы беспокоить вас; но теперь боюсь, не от вашей ли небрежности и беспечности они остаются неисправимыми. Невозможно, в самом деле, чтобы человек, непрестанно слушающий увещания и наставления, не сделался лучшим и усерднейшим. Простонародна пословица, которую я намереваюсь сказать, но и она подтверждает тоже самое. Капля воды, говорится, долбит камень непрестанным своим падением. Что уж мягче воды? И что тверже камня? Однако постоянство побеждает природу. Если же постоянство побеждает природу, то гораздо более оно может преодолеть волю. Христианство не шутка, возлюбленные, и немаловажное дело. Непрестанно мы говорим это, и нисколько не имеем успеха.

2. Как, думаете вы, огорчаюсь я, припоминая, что в праздники множество собравшихся уподобляется обширным водам моря, а теперь не собралась и малая часть из того множества? Где же теперь те, которые теснили нас в праздники? Их я ищу, об них скорблю, представляя, какое погибает множество призываемых ко спасению, какую терплю я потерю братий, как мало число спасающихся, и большая часть тела церкви уподобляется мертвому и неподвижному телу. Но, скажут, что до этого нам? К вам особенно и относится это, к вам, которые не заботитесь о них, не убеждаете и не советуете, к вам, которые не принуждаете их, не влечете насильно и не отклоняете от великого нерадения. Не для себя самого только должно быть полезным, но и для многих, как показал Христос, назвав нас солью, закваскою и светом (Мф.5:13,14). Эти предметы полезны и благодетельны для других. Так светильник светит не для себя самого, но для находящихся во мраке; и ты – светильник, не для того, чтобы ты один пользовался светом, но чтобы руководил заблудшего. Что пользы в светильнике, если он не светит находящемуся во мраке? Что пользы и в христианине, если он никому не приносит пользы, никого не руководит к добродетели? Также соль не себя только поддерживает, но укрепляет и сгнивающие тела, не допускает им портиться и погибать. Так точно и ты: если Бог сделал тебя солью духовною, то поддерживай и укрепляй гниющие члены, т.е. беспечных и нерадивых из братий, и избавив их от беспечности, как бы от некоторой гнилости, соедини с прочим телом Церкви. Потому Он назвал тебя и закваскою (Мф.13: 33): закваска не себя заквашивает, но прочее смешение, великое и безмерное, хотя сама она мала и незначительна. Так точно и вы: хотя вы и малы числом, но будьте велики и

сильны верою и усердием по Богу. Как закваска, не смотря на свою малость, не бывает бессильною, но действует по причине заключающейся в ней теплоты и свойственной ей силы, так точно и вы можете гораздо больших возбудить к одинаковой с вами ревности, если захотите. Но могут ссылаться на жар, потому что я слышу, как говорят: теперь сильная духота, несносный жар, мы не можем переносить затруднений и тесноты в толпе, обливаясь потом и изнемогая от жара и тесноты. Мне стыдно за таких людей, поверьте; это – отговорки женщин, или – лучше – отговорки недостаточные для оправдания и их, у которых тела нежнее и природа слабее. Хотя и стыдно опровергать такое оправдание, однако это необходимо. Если они не стыдятся представлять такие отговорки, то тем более не должно стыдиться нам, опровергая их. Что же скажу я представляющим такие отговорки? Я хочу напомнить им о трех отроках, бывших в печи и пламени, которые, видя огонь, со всех сторон окружавший их, объявший и тело их, и глаза, и самое дыхание, не переставали петь с тварями священную и таинственную песнь Богу, но стоя тогда посреди пламени, усерднее, чем находящиеся на лугу, воссылали славословие общему всех Господу; а вместе с этими тремя отроками и о львах вавилонских, о Данииле и его рве (Дан.6:24). И не только об этом прошу их вспомнить, но и о другом рве и пророке, о погрязшем в тине до самой шеи Иеремии (Иер.38:6). Вышедши из рвов, я хочу ввести ссылающихся на жар в темницу и показать там Павла и Силу, связанных колодкою, обремененных ранами и язвами, пораженных по всему телу множеством ударов, и в полночь воспевающих Бога и совершающих это священное всенощное бдение (Деян.16:25). Не безрассудно ли, тогда как эти святые, находясь в печи, в огне, во рве, посреди зверей, в тине, в темнице, в колодке, в ранах, под стражею и среди невыносимых бедствий, никогда не ссылались ни на что подобное, но с великою готовностью и пламенным усердием постоянно пребывали в молитвах и священных песнопениях, мы, не потерпев ни малого, ни великого из исчисленных бедствий, по причине жара, малой теплоты и пота пренебрегаем собственным своим спасением и, оставив здешние собрания, блуждаем вне, растлеваясь в собраниях, не имеющих ничего здравого? Такова роса божественных изречений, и ты ссылаешься на жар? "**Воду**", говорит Христос, "**которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную**" (Ин. 4:14), и еще: "**кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой**" (Ин.7:38). Ты, имея источники и реки духовные, скажи мне, боишься жара чувственного? А на торжище, где такой шум, теснота и великий зной, скажи мне, почему ты не жалуешься на духоту и жар? Не можешь ты сказать, что там можно наслаждаться прохладнейшим воздухом, а здесь у нас собрался весь удушливый жар; совершенно напротив, здесь и от лежащих на полу плит и от прочих удобств в устройстве храма, – потому что он поднимается на огромную высоту, – воздух легче и прохладнее, а там везде сильные лучи солнца, великая теснота, дым и пыль, и другие гораздо большие неприятности. Отсюда видно, что эти безрассудные отговорки происходят от беспечности, от души нерадивой и лишенной пламени Духа.

3. Об этом распространяюсь я теперь не столько для них, сколько для вас, которые не привлекают их, не отклоняют от беспечности и не приводят к этой спасительной трапезе. И слуги, намереваясь исполнить общую службу, призывают своих сослуживцев, а вы, намереваясь совершить эту духовную службу, не заботитесь о своих сослуживцах, лишающихся пользы. А что, скажешь, если они сами не хотят? Сделай, чтобы они захотели, непрестанною настойчивостью; если они увидят нашу настойчивость, то непременно захотят. Но это – предлог и отговорка. Сколько здесь отцов, с которыми не стоят вместе сыновья их? Неужели трудно было тебе привести с собою и детей? Отсюда видно, что и прочие остаются вне (церкви) не только по собственной своей беспечности, но и по вашему пренебрежению. Если же не прежде, то по крайней мере теперь исправьтесь, и пусть приходит в церковь каждый с своим сочленом, и отец сына, сын отца, мужья жен, жены мужей, господин раба, брат брата, друг друга, пусть побуждают и

привлекают в здешнее собрание; или – лучше – не только друзей, но и врагов будем призывать в эту общую сокровищницу благ. Когда враг увидит твою заботливость о нем, то непременно прекратит вражду.

Скажи ему: неужели ты не стыдишься иудеев, которые с такою точностью соблюдают субботу и с самого вечера прекращают всякие работы? Как только они увидят в пятницу, что солнце склоняется к западу, то прекращают договоры и оканчивают торговлю; и если кто, купив что-нибудь у них пред вечером, придет вечером и принесет плату, то они не позволяют себе принять ее и получить серебро. Но что я говорю о плате за проданное и о договорах? Если бы предстояло получить сокровище, то они скорее решились бы лишиться прибыли, нежели нарушить закон. Так иудеи соблюдают закон, и притом безвременно, и с такою точностью держатся они установления, которое не приносит им никакой пользы, но еще вредит; а ты, который выше тени, удостоился видеть Солнце правды, стремишься к небесной жизни, принял истину, не оказываешь усердия даже одинакового с теми, которые безвременно прилежат к недоброму делу, но, будучи призываем сюда на малую часть дня, не хочешь употребить и этого времени на слушание божественных изречений? Какое же, скажи мне, можешь ты получить прощение? Какое можешь сказать основательное и справедливое оправдание? Невозможно, невозможно столь беспечному и нерадивому получить когда-нибудь прощение, хотя бы он тысячекратно ссылался на нужды житейских дел. Разве ты не знаешь, что, если ты пришедши помолишься Богу и примешь участие в здешнем собрании, то предстоящие тебе дела будут гораздо успешнее? Ты имеешь житейские заботы? Для них и приходи сюда, чтобы, приобрести благоволение Божие пребыванием здесь, ты вышел с безопасностью, чтобы тебе иметь Бога помощником, чтобы тебе сделаться непобедимым для бесов при помощи вышней Десницы. Если ты воспользуешься молитвами отцов, примешь участие в общей молитве, выслушаешь божественные изречения, приобретешь помощь Божию, и таким образом выйдешь отсюда огражденный этим оружием, то и сам диавол не посмеет взглянуть на тебя, не только что злые люди, которые стараются злословить и клеветать. Если же ты выйдешь из дома на торжище без этого оружия, то легко будешь уловляем всеми врагами. Оттого многое и в общественных и частных делах идет у нас не по нашему желанию, что мы не о духовном наперед заботимся, а потом о житейском, но извратили порядок. От этого и правильный ход дела извратился, и все у нас исполнилось великого смятения. Как, думаете вы, огорчаюсь я и скорблю, когда подумаю, что при наступлении торжества и праздника стекается весь го-род, хотя бы никто не приглашал, – а по прошествии торжества и праздника, хотя бы мы провели весь день, надрываясь и приглашая вас, никто не внимает? Часто представляя это в уме, я тяжко вздыхал и говорил самому себе: для чего предлагать увещание или совет, когда вы делаете все просто и по привычке и нисколько не становитесь усерднейшими от нашего наставления? Если в праздники вы нисколько не нуждаетесь в нашем увещании, а по прошествии их нисколько не пользуетесь нашим наставлением, то не делаете ли излишними наши слова, сколько это зависит от вас?

4. Может быть, многие из слушающих это негодуют. Но не так думают беспечные; иначе они оставили бы свое нерадение, подобно нам, которые каждый день заботятся о вас. Получаешь ли ты столько прибыли от внешних дел, сколько причиняешь вреда самому себе? Невозможно из другого собрания или общества выходить с такою пользою, какую доставляет пребывание здесь, – укажешь ли на судилище, или на место совещаний, или на сам царский дворец. Не управление народами и городами, не распоряжение войсками преподаем мы приходящим сюда, но другую власть, важнее самого царствования, или – лучше – не мы преподаем, но благодать Духа.

Какая же это власть, важнее царствования, которую получают приходящие сюда? Здесь они научаются господствовать над постыдными страстями, царствовать над порочною похотью, удерживать гнев, подавлять зависть, порабощать тщеславие. Не столько важен царь, сидящий на царском престоле и облеченный диадемою, сколько человек, возведший в самом себе здравый разум на престол власти над рабскими страстями и облекши свою голову господством над ними, как бы некоторою блистательной диадемой. Что пользы, скажи мне, в багрянице, в золотых одеждах и венце с дорогими камнями, когда душа пленена страстями? Что пользы от внешней свободы, когда господственная способность в нас раболепствует постыдным и жалким образом? Как тогда, когда горячка скрывается в глубине и сжигает все внутренности, нет никакой пользы от того, что поверхность тела не терпит ничего подобного, так и тогда, когда у нас душа терзается внутренними страстями, нет пользы ни от внешней власти, ни от царского седалища, если ум с великим насилием низвергается с престола владычества над страстями, покоряется им и страшится их восстания. Чтобы этого не было пророки и апостолы отовсюду стекаются укротить наши страсти, исторгнуть из нас всякое свирепое безрассудство и преподать нам власть важнее царствования. Поэтому я и говорил, что лишающие себя такого попечения получают смертельную рану, испытывая такой вред, какой не испытывается ни от чего другого; а напротив, приходящие сюда получают такую пользу, какой не могли бы получить ни от чего другого, как и доказано было в нашей беседе. Да "**пусть не являются пред лице Мое с пустыми руками**", говорил закон (Исх.23:15), т.е. не приходи без жертв. Если же не должно входить без жертв в дом Божий, то тем более не должно – в собрания к братиям; лучшая та жертва и приношение, когда ты войдешь сюда с душою. Не видите ли, как ученые голуби, вылетая, увлекают за собою и других? Так будем поступать и мы. В самом деле, какое будет у нас оправдание, когда бессловесные животные могут уловлять подобных себе животных, а мы, отличенные словом и мудростью, пренебрегаем такою ловлею? В прежней беседе, убеждая вас, я говорил: пусть каждый из вас подходит к домам ближних, вышедших ожидает, удерживает и ведет к общей матери; пусть подражает людям пристрастным к зрелищу, которые, со всем усердием собираясь вместе, с раннего утра ожидают этого беззаконного зрелища. Но такое увещание наше нисколько не имело успеха. Поэтому я опять говорю, и не перестану говорить, пока не произведу убеждения. Никакой пользы не принесет слушание, если оно не будет сопровождаться деятельностью. Даже мы навлечем на себя тягчайшее наказание, если, непрестанно слушая одно и тоже, не будем исполнять ничего из сказанного. А что за это предстоят тягчайшее наказание, послушай Христа, который говорит: "**если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем**" (Ин.15:22); и апостол говорит: "**не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут**" (Римл.2:13). Это говорит он к слушающим; а чтобы научить и говорящего, что и ему не будет никакой пользы от учения, если учение его не будет сопровождаться деятельностью и соответственною слову жизнью, послушай, как обращаются к нему и апостол и пророк. Один говорит: "**грешнику же говорит Бог: "что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои, а сам ненавидишь наставление Мое и слова Мои бросаешь за себя?**" (Пс.49:16,17). Также и апостол, обращаясь к тем, которые слишком много думают о себе за свое учение, говорит так: "**и уверен о себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев; как же ты, уча другого, не учишь себя самого?**" (Рим.2:19,20,21)? Если же ни мне говорящему моя речь, ни вам слушающим слушание не может принести пользы без исполнения того, что говорится, но еще служит к большему осуждению, то не будем ограничивать нашего усердия только слушанием, но станем исполнять сказанное на деле. Хорошо – заниматься постоянно слушанием божественных изречений; но это добро бывает бесполезно, когда оно не соединяется с пользою, происходящею от послушания. Итак, чтобы вам не напрасно собираться сюда, со всем усердием, как я часто просил и не перестану просить, приводите к нам братий,

убеждайте заблуждающихся, советуйте не словом только, но и делом. Лучшее наставление – наставление образом жизни, наставление деятельностью. Хотя бы ты ничего не говорил, но, вышедши из собрания, своим видом, взором, голосом, походкою и всяким другим положением тела показал отсутствовавшим людям ту пользу, какую ты получил здесь, то этого достаточно для наставления и увещания. Нам должно выходить отсюда так, как из неприступного святилища, как бы мы сошли с самых небес, став скромными, любомудрыми, говорящими и делающими все благопристойно; и жена, видя своего мужа возвращающегося из собрания, и отец сына, и сын отца, и раб господина, и друг друга, и враг врага, все пусть чувствуют, какую пользу мы получаем здесь; а они почувствуют, если увидят, что вы сделались более скромными, более благочестивыми. Представь, в какие посвящен тайны ты, посвященный в них, с кем вместе ты возносишь таинственную песнь, с кем взываешь Трисвятое. Научи находящихся вне, что ты ликовал вместе с серафимами, что ты принадлежишь к высшему сонму, что ты причислен к лику ангелов, что ты беседовал с Господом, что ты обращался со Христом. Если мы так настроим себя, то по выходе отсюда, не будем нуждаться в словах для отсутствующих, но по нашей пользе они почувствуют собственную потерю, и скоро прибегнут, чтобы получить то же. Видя красоту вашей души, проявляющуюся в самых чувствах, они, хотя бы были нерадивее всех, проникнутся любовью к вашему благообразию. В самом деле, если красота телесная трогает взирающих на нее, то гораздо более благообразие душевное может тронуть зрителя и возбудить к соревнованию. Будем же украшать нашего внутреннего человека, и то, что говорится здесь, будем помнить вне, потому что там особенно благовременно воспоминать об этом. Как ратоборец, чему научится в училище ратоборства, то и показывает при подвигах, так точно и нам, чему мы научимся здесь, то и должно показывать во внешних делах.

5. Итак, помни то, что говорится здесь, чтобы, когда выйдешь и нападет на тебя диавол – или посредством гнева, или посредством тщеславия, или посредством другой какой-нибудь страсти – ты, вспомнив о здешнем учении, мог легко уклониться от сетей лукавого. Не видите ли вы на поприщах ратоборства, как учители юношей, после бесчисленных подвигов, по причине старости, получившие, наконец, увольнение от ратоборства, сидя вне оград близ самой пыли, подсказывают находящимся внутри и вступающим в борьбу, чтобы они схватили руку, чтобы увлекли ногу, чтобы взялись за спину, и много другого подобного говорят, например: если сделаешь то и то, тогда легко сразишь противника, – и таким образом весьма много помогают ученикам? Так и ты взирай на учителя твоего, блаженного Павла, который после бесчисленных венцов, находясь теперь вне поприща, т.е. настоящей жизни, подсказывает нам подвизающимся и взывает посредством посланий, когда видит одержимых гневом и злопамятством и терзаемых какою-нибудь страстью: "**если враг твой голоден, накорми его**" (Рим.12:20). И как учитель юношей говорит: если сделаешь то и то, тогда преодолеешь противника, так и он прибавляет: "**Делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья**". Но между тем, как я читаю эту заповедь, представляется вопрос, который, по-видимому, рождается из нее и многим подает повод говорить против Павла, который я и хочу предложить вам сегодня. Что же волнует мысли тех, которые не хотят исследовать все тщательно? Павел, говорят, отклоняя от гнева и убеждая быть кроткими и добрыми к ближним, еще более раздражает их и располагает к гневу. В самом деле, в словах: "**если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его**", содержится заповедь прекрасная, исполненная любомудрия и полезная как для делающего, так и для получающего это; но следующие затем слова приводят в великое недоумение и, по-видимому, не согласны с мыслью, выраженною в первых. В чем же это? В том, что он говорит: "**делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья**". Этими словами, говорят, он причиняет вред и делающему и получающему благодеяние, обжигая голову последнего и налагая на нее горячих угольев. В самом деле, может ли быть столько добра

от напитания и напоения, сколько зла от наложения кучи угольев? Таким образом, и получающему благодеяние, говорят, он делает зло, подвергая его большему наказанию, а с другой стороны и оказывающему благодеяние причиняет вред, потому что и последний какую может получить пользу от благодеяния врагам, если будет делать это в надежде навлечь на них наказание? Кто питает и поит врага для того, чтобы собрать горячие уголья на голову его, тот не может быть человеколюбивым и добрым, но бесчеловечен и жесток, – посредством малого благодеяния причиняя невыразимое мучение. Что, в самом деле, может быть жесточе питающего для того, чтобы собрать горячие уголья на голову питаемого? Таково возражение. Теперь надобно предложить и разрешение, чтобы ты из того самого, что, по-видимому, унижает слова заповеди, ясно увидел всю мудрость законодателя. Какое же это разрешение?

Хорошо знал этот великий и доблестный муж, что тяжелое и трудное дело – скоро примириться с врагом, тяжелое и трудное не по своему свойству, но по нашему нерадению. Притом он заповедал не только примириться, но и напитать, что гораздо тяжелее первого: если некоторые, только видя своих оскорбителей, ожесточаются, то как они решились бы напитать их алчущих? Но что я говорю: видя? Если кто напомнит об них и произнесет одно только имя их, то растравляет рану в душе нашей и усиливает раздражение. Поэтому-то Павел, зная все это и желая неудобоисполнимое и трудное сделать удобным и легким, и расположить того, кто не хочет даже видеть своего врага, сделаться его благодетелем, прибавил "**горящие уголья**", чтобы он, побуждаясь надеждою наказания, решился на благодеяние оскорбившему его. Как рыбак, закрыв уду со всех сторон приманкою, бросает ее рыбам, чтобы они, прибегая к обычной пище, удобнее были пойманы и удержаны, так точно и Павел, желая расположить обиженного делать благодеяние обидевшему, предлагает не пустую уду любомудрия, но, закрыв ее горячими угольями, как бы некоторою приманкою, надеждою наказания склоняет оскорбленного к благодеянию оскорбителю; а когда тот уже склонился, то удерживает его и не допускает удалиться, так как самое свойство дела привязывает его к врагу, и как бы так говорит ему: если ты не желаешь по благочестию напитать обидчика, то напитай по крайней мере в надежде наказания. Он знает, что, если тот приступит к такому благодеянию, то будет начат и продолжится путь к примирению. Никто, ведь никто не может иметь врагом того, которого он питает и поит, хотя бы вначале он и делал это в надежде наказания. Время в своем течении ослабляет и силу гнева. И как рыбак, если бы бросил пустую уду, не поймал бы рыбы, но, закрыв ее, незаметным образом внедряет уду в уста приближающегося животного, так и Павел, если бы не предложил надежду наказания, не убедил бы обиженных приступить к благодеянию обидевшим. Поэтому желая тех самых, которые уклоняются, негодуют и раздражаются при одном взгляде на врагов, склонить к величайшим благодеяниям для них, он предложил "**горящие уголья**" – не для того, чтобы подвергнуть тех неизбежному наказанию, но чтобы, убедив обиженных надеждою наказания оказывать благодеяния врагам, убедить их с течением времени оставить и весь свой гнев.

6. Так он утишил оскорбленного; посмотри же, как он примиряет и оскорбившего с обиженным. И во-первых – самым способом благодеяния, потому что никто не может быть так низок и бесчувственен, чтобы, получая питье и пищу, не захотел быть рабом и другом того, кто делает это для него; а во-вторых – страхом наказания. По-видимому, к питающему обращает он слова: "**делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья**"; но преимущественно они направлены против оскорбителя, чтобы по страху наказания он не остался навсегда врагом, но, зная, что пища и питие весьма много могут повредить ему, если он останется постоянно при своей вражде, прекратил бы гнев. Таким образом, он в состоянии будет погасить горячие уголья. Так наказание и предстоящее мучение располагает оскорбленного благотворить оскорбившему, и оскорбителя

устрашает, исправляет и заставляет примириться с тем, кто питает и поит его. Следовательно, двойными узами он соединяет обоих их между собою, – узами благодеяния и наказания. Трудно начать и сделать приступ к примирению; а когда он сделан каким бы то ни было образом, тогда все последующее будет легко и удобно. Хотя бы оскорбленный сначала питал своего врага в надежде наказания ему, но, чрез самое питание сделавшись его другом, он может отвергнуть желание наказания, потому что сделавшись другом, он уже не станет питать примирившегося с ним в таком ожидании. Также и обидчик, видя, что обиженный вознамерился питать и поить его, поэтому самому и по страху предстоящего ему наказания, оставит всякую вражду, хотя бы он был тысячекратно жесток, как железо и адамант, стыдясь благорасположенности питающего и опасаясь предстоящего ему наказания, если и по принятии пищи он останется врагом.

Поэтому-то апостол и не остановился здесь в своем увещании, но когда уничтожил гнев того и другого, тогда исправляет и расположение их и говорит: "**не будь побежден злом**" (Рим.12:21). Если, говорит, ты остаешься злопамятным и мстительным, то, по-видимому, ты побеждаешь его, а между тем сам побеждаешься злом, т.е. гневом, так что, если хочешь победить, то примирись и не мсти. Блистательная победа – та, когда ты побеждаешь зло добром, т.е. незлопамятством, оставив гнев и злопамятство. Но этих слов сначала не принял бы оскорбленный и пылающий гневом. Поэтому апостол, когда насытил его гнев, тогда представил ему и лучшее побуждение к примирению и не дозволил оставаться при дурной надежде наказания. Видишь ли мудрость законодателя? А дабы ты убедился, что по немощи тех, которые иначе не хотели примириться между собою, он предложил такую заповедь, – послушай, как Христос, предлагая ту же самую заповедь, назначил не ту же самую награду, но сказав: "**любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас**", – что и значит питать и поить – не присовокупил: делая это, вы собираете горячие уголья на головы их, но что? "**да будете**" подобны Отцу вашему, "**Небесному**" (Мф.5:44). И справедливо. Он беседовал с Петром, Иаковом и Иоанном и с ликом прочих апостолов; потому он и назначил такую награду. Если же скажешь, что при всем том заповедь эта тяжела, то опять еще более ты дашь нам возможность оправдать Павла, а себя самого лишишь всякого оправдания. Почему? Потому что – я покажу тебе – это дело, которое кажется тяжелым, было исполняемо даже в ветхом завете, когда еще не было проявляемо такого любомудрия. Поэтому и Павел не собственными словами выразил заповедь, но употребил те самые слова, которыми выразился вначале предложивший эту заповедь, чтобы не оставалось никакого оправдания не исполняющим ее. Слова: "**если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водою**" употребил первый не Павел, но Соломон (Притч.25:21,22). Потому он и употребил эти слова, чтобы убедить слушателя, что весьма постыдно – древний закон, который часто был исполняем и ветхозаветными, теперь – при таком высоком любомудрии – считать тяжелым и трудным. А кто, скажут, из ветхозаветных исполнял его? Многие, особенно же Давид с большею полнотою. Он не только напитал и напоил врага, но и находящегося в опасности неоднократно избавлял от смерти и, имея возможность умертвить его, пощадил и раз, и два, и многократно. Саул так не терпел и ненавидел его после бесчисленных его благодеяний, после блистательных побед и спасения от Голиафа, что не мог даже слышать его имени и называл его по имени отца. Так некогда, при наступлении праздника, когда он составил против Давида некоторый умысел и приготовил злые козни, но не видел его пришедшим, спросил: где "**сын Иессеев**" (1Цар.20:27); назвал его по имени отца, как не желая по вражде вспомнить его имени, так и думая незнатностью отца помрачить знаменитость праведника, – жалко и несчастно думая, потому что, хотя бы он и мог порицать за что-нибудь отца, это нисколько не вредило Давиду. Каждый отвечает за свои дела, и за них только может быть одобряем или порицаем. А здесь он, не могши сказать о Давиде ничего худого, выставлял на вид незнатность его происхождения, надеясь таким образом помрачить его

знаменитость; это было крайне безумно. Какая, в самом деле, вина – происходить от незнатных и уничиженных родителей? Но он не умел так любомудрствовать. Итак, Саул называл Давида сыном Иессеевым; а Давид, нашедши его спящим внутри пещеры, назвал его не сыном Кисовым, но именем почетным: "**меня же да не попустит Господь**", сказал он, "**поднять руку мою на помазанника Господня**" (1Цар.26:11). Так он чист был от гнева и всякого злопамятства! Он называет помазанником Господним того, который, столько обижал его, жаждал его крови, после бесчисленных благодеяний часто старался умертвить его. Он не смотрел на то, что достоин был потерпеть Саул, но смотрел на то, что нужно было сделать или сказать ему самому; это – высший предел любомудрия. Как? Захватив врага, как бы в темнице, связанного двойными, или – лучше – тройными узами, и теснотою места, и отсутствием помощников, и нуждою сна, ты не требуешь от него отчета и не подвергаешь его наказанию? Нет, говорит; я смотрю теперь не на то, что достоин потерпеть он, а на то, что следует делать мне. Он не смотрел на легкость убийства, но смотрел на выполнение свойственного ему любомудрия. Между тем, что из тогдашних обстоятельств недостаточно было для побуждения его к убийству? То ли, что враг был предан ему связанным? Вы, конечно, знаете, что как скоро мы приступаем к делам легким, и надежда на исполнение пробуждает в нас большее желание действовать, как было тогда и с ним.

Военачальник ли, советовавший тогда и побуждавши его? Воспоминание ли о прошедшем? Но ничто не побудило его к убийству; напротив, сама легкость убийства отклонила его от этого. Он думал, что Бог для того предал ему врага, чтобы доставить ему повод и случай к большему любомудрию. Итак, вы, может быть, удивляетесь, что он не вспомнил ни об одном из прошедших своих бедствий; я же гораздо больше удивляюсь ему еще по другой причине. По какой? По той, что и страх будущего не побудил его к умерщвлению врага. Он хорошо знал, что Саул, избегнув рук его, опять восстанет против него; но решился лучше сам подвергаться опасности, пощадив врага, чем для собственной безопасности убить неприятеля. Что может сравниться с этою великой и благородной душою, которая, тогда как закон повелевал вырывать око за око и зуб за зуб и воздавать равным (Втор.19:21), не только не сделал этого, но показал еще большее любомудрие? Между тем, если бы он и убил тогда Саула, то и тогда не лишился бы похвалы за любомудрие, не только потому, что отомстил, не первый начав насилие, но и потому, что закон: око за око – исполнил бы с большою кротостью. Не за одно убийство воздал бы одним убийством, но за много смертей, которыми тот угрожал ему, не раз и не два, но многократно стараясь убить его, он воздал бы одною смертью; или – лучше – не только это, но и то, что опасность в будущем расположила его к мщению, и это вместе с вышесказанным доставило бы ему целый венец терпения. В самом деле, кто гневается и домогается наказания за сделанное ему прежде, тот не может получить похвалу за терпение; а того, кто, оставив все прошедшее, многое и тяжкое, опасался за будущее и заботился о своей безопасности, и потому принужден был обратиться к мщению, никто не лишил бы венцов кротости.

7. Но Давид не сделал этого, а показал необыкновенное и дивное любомудрие. Ни воспоминание о прошедшем, ни страх будущего, ни совет военачальника, ни пустынность места, ни удобность убийства, и ничто другое не побудило его к убийству, но как бы благодетеля, сделавшего ему много добра, так он пощадил врага и обидчика. Какое же оправдание будем иметь мы, которые помним прошедшие проступки и мстим оскорбившим нас, тогда как этот невинный, претерпевший столько зол и ожидавший еще больших и тягчайших по избавлении врага, щадил его так, что решился лучше сам подвергаться опасности и жить в страхе и трепете, чем по справедливости убить того, кто намеревался сделать ему множество зла?

Так любомудрие Давида можно видеть из того, что он не только не убил врага, при такой нужде, но даже не произнес против него и хульного слова, которого притом оскорбляемый не мог бы и услышать. Мы часто и о друзьях отсутствующих говорим худое, а он не поступил так и с врагом, сделавшим ему столько зла. Итак, из этого можно видеть его любомудрие; человеколюбие же его и попечительность видны из того, что сделал он после. Отрезав край одежды и взяв сосуд для воды (1Цар.24:5; 26:13), отошедши далеко и ставши, он воззвал и показал это пощаженному, поступив так не из тщеславия и честолюбия, но, желая делами убедить его, что напрасно и тщетно тот считал его врагом, и, надеясь чрез это расположить его к дружелюбию. Впрочем, и таким образом не убедив его и имея возможность убить его, он опять решился лучше удалиться из отечества и жить в чужой стране и бедствовать каждый день, добывая себе необходимое пропитание, нежели, оставаясь дома, оскорблять обидчика. Что может быть кротче его души? Поистине справедливо говорил он: "**вспомни, Господи, Давида и все сокрушение его**" (Пс.131:1). Будем же подражать ему и мы; не будем ни говорить, ни делать худого врагам, но будем даже благодетельствовать им по силам; чрез это мы сделаем больше добра самим себе, нежели им. "**Если вы будете прощать людям согрешения их**", сказал Господь, "**то простит и вам Отец ваш Небесный**" (Мф.6:14).

Прости грехи раба, чтобы тебе получить прощение грехов от Господа; если он сильно оскорбил тебя, то, чем больше ты простишь, тем большее и сам получишь прощение. Потому мы и научены говорить: "**прости нам, как и мы прощаем**", (Мф.6:12), чтобы мы знали, что мера прощения первоначально зависит от нас. Таким образом, чем больше зла сделает нам враг, тем больше окажет благодеяний. Поспешим же и постараемся примириться с обидевшими нас, справедливо ли или несправедливо они гневаются. Если ты примиришься здесь, то избавишься от суда там; если же вражда останется, между тем наступившая смерть прекратит ненависть, то там необходимо постигнет тебя суд. Как многие из людей, ссорящихся друг с другом, если решают ссору между собою дружелюбно вне судилища, то избавляются от убытка, страха и многих опасностей, полагая конец ссоре по желанию обеих сторон, если же обращаются к судье, то бывает часто и трата денег, и наказание, и нескончаемая остается вражда, так точно и здесь, если мы прекратим вражду в настоящей жизни, то избавимся от всякого наказания, если же, оставшись врагами, придем на то страшное судилище, то непременно подвергнемся крайнему осуждению по определению Судии, и получим неизбежное наказание оба: и несправедливо гневающийся – за то, что несправедливо гневается, и справедливо гневающийся – за то, что злопамятствовал, хотя и по справедливости, потому что, хотя бы мы и несправедливо терпели зло, нужно давать прощение обидевшим. Посмотри, как Господь располагает и побуждает несправедливо обидевших мириться с обиженными. "**Если**", говорит Он, "**ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, пойди прежде примирись с братом твоим**" (Мф.5:23,24). Не сказал: приготовь, принеси жертву, но: "**примирись**", и тогда принеси. Оставь ее, говорит, пусть она лежит, чтобы необходимость ее принесения заставила тебя невольно идти для примирения с гневающимся справедливо. Посмотри еще, как Он побуждает идти к оскорбившему нас, когда говорит: "**прощайте**" должникам вашим, "**дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши**" (Мк.11:25). Не малую назначил он награду, но весьма много превышающую важность самого дела. Итак, помня все это и представляя воздаяние, назначенное за это, и то, сколь небольшого труда и старания нужно для заглаждения грехов, будем прощать оскорбившим нас. Чего другие едва достигают посредством поста, воздыханий, молитв, вретища, пепла и многократного раскаяния, т.е. заглаждения грехов своих, того нам можно легко достигнуть без вретища, пепла и поста, если только мы истребим из души гнев, и будем искренно прощать обидевшим нас. Бог же мира и любви, исторгнув всякое раздражение, озлобление и гнев из души нашей, да даст нам, как сочленам, тесно соединиться друг с другом, и согласно,

одними устами и одною душою, постоянно воссылать Ему подобающие благодарственные песнопения Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДЫ

на слова: "Приветствуйте Прискиллу и Акилу" и проч. (Римл.16:3)

СЛОВО 1-е

1. Многие из вас, я думаю, удивляются этому отделению прочитанного из апостольского послания, или – лучше – считают эту часть послания неважною и излишнею, потому что она содержит только приветствия, непрерывно следующие одни за другими: поэтому и я, вознамерившись сегодня говорить о другом, оставил тот предмет и готов остановиться на этом, дабы вы убедились, что в священных Писаниях нет ничего лишнего и ничего неважного, хотя бы то была одна иота, хотя бы одна черта, но и простое приветствие открывает нам великое море мыслей. Что я говорю: простое приветствие? Часто прибавление и одной буквы привносить целый ряд мыслей. Это можно видеть в имени Авраама. И не безрассудно ли, – когда кто получает письмо от друга, то читает не только содержание письма, но и находящееся внизу приветствие и по нему особенно заключает о расположении писавшего; а когда пишет Павел, или – лучше – не Павел, но благодать Духа провещает послание к целому городу и к такому множеству народу, а чрез них и ко всей вселенной, то считать что-нибудь из написанного излишним, пробегать без внимания и не помышлять о том, что от этого все извратилось? Оттого, подлинно оттого мы впали в великое нерадение, что читаем не все Писания, но, избирая то, что считаем более ясным, на прочее не обращаем никакого внимания. Оттого вошли и ереси, что мы не хотим читать всего состава (Писания), что считаем нечто в нем излишним и неважным. Поэтому всем прочим мы усердно занимаемся, не только излишним, но и бесполезным вредным; а знание Писаний у нас пренебрегается и презирается. Люди, страшно привязанные к зрелищу конских ристалищ, могут со всею точностью назвать и имена, и стадо, и породу, и отечество, и воспитание коней, и годы их жизни, и быстроту бега, и который из них с которым состязаясь одержит победу, и какой конь из какой будучи выпущен ограды и с каким наездником одержит верх на ристалище и перебежит соперника. Также занятые плясками не меньше тех, но еще больше обнаруживают безумную страсть к тем, которые бесчинствуют на зрелищах, т.е. к шутам и плясунам, пересказывая и род их, и отечество, и воспитание, и все прочее. А мы, когда спрашивают нас, сколько и какие послания Павла, не умеем сказать и числа их. Если же некоторые и знают число их, то на вопрос о городах, к которым писаны послания, отвечать не могут. Евнух и иноземец, развлекаемый множеством забот по множеству дел, так прилежно занимался Библией, что даже во время путешествия не оставался праздным, но, сидя на колеснице, с великим тщанием занимался чтением божественных Писаний; а мы, не имея и малой части его занятий, изумляемся, слыша даже названия посланий, не смотря на то, что каждый воскресный день собираемся здесь и наслаждаемся слушанием божественных Писаний. Впрочем, чтобы нам не употребить всей беседы на одни обличения, представим теперь самое приветствие, которое кажется излишним и ненужным. Когда оно будет объяснено и когда будет показана польза, какую оно доставляет внимательно слушающим его, тогда больше обнаружится вина тех, которые пренебрегают такими сокровищами и выпускают из рук духовное богатство. Какое это приветствие? "**Приветствуйте**", говорит апостол, "**Прискиллу и Акилу, сотрудников моих во Христе Иисусе**" (Римл.16:3). Не кажется ли это простым приветствием, не представляющим нам ничего великого и важного? Посвятим же ему одному всю беседу, или – лучше – сегодня, при всем старании, мы не в состоянии будем исчерпать для вас все мысли, заключающиеся в этих немногих словах, но необходимо отложить для вас и на другой день множество соображений, рождающихся

от этого малого приветствия. Поэтому я намереваюсь теперь объяснить не все это приветствие, а только часть его, начало и вступление. "**Приветствуйте Прискиллу и Акилу**".

2. Во-первых, надобно подивиться добродетели Павла, как он, которому вверена была вся вселенная, который вмещал в душе своей и землю, и море, и все города под солнцем, и варваров и эллинов, и столько народов, так заботился об одном муже и об одной жене. Во-вторых, нужно подивиться и тому, какую бдительную и попечительную имел он душу, помня не только всех вообще, но и в частности каждого из почтенных и благородных людей. Теперь нисколько не удивительно, что так поступают предстоятели церквей, потому что и те смятения прекратились, и они принимают на себя попечение об одном только городе; а тогда не только великость опасностей, но и расстояние пути, и множество забот, и непрерывные войны, и непостоянное всегда и у всех пребывание, и многие другие еще большие обстоятельства в состоянии были изгладить из памяти и самих близких; однако не изгладили этих людей. Почему же они не изгладились? По великодушию Павла, по его горячей и искренней любви. Он так удерживал их в душе своей, что часто вспоминал о них и в посланиях. Но посмотрим, кто и каковы это были люди, которые так привязали к себе Павла и привлекли к себе любовь его. Не консулы ли какие-нибудь, или военачальники, или правители, или облеченные каким-либо другим отличием, или владевшие великим богатством, и из числа предводителей города? Нельзя сказать ничего такого, а совершенно напротив: это были люди бедные и неимущие, жившие трудами рук своих. "**Ибо ремеслом их было делание палаток**" (Деян. 18:3). И, однако, Павел не стыдился и не считал бесчестием для царственного города и для народа, высоко думавшего о себе, заповедовать, чтобы они приветствовали этих ремесленников, и не думал, что дружбою к этим оскорбит тех: так он всех учил тогда любомудрствовать. Мы часто, имея родственников, которые немного беднее нас, чуждаемся близости к ним и считаем бесчестием, если когда-нибудь окажемся их родственниками; а Павел не поступает так, но даже хвалится этим, и не современникам только, но и всем потомкам объявил, что те скинотворцы были первыми в числе друзей его. Пусть никто не говорит мне: что важного и удивительного, если он, занимавшийся сам тем же ремеслом, не стыдился своих соремесленников? Что говоришь ты? Это-то самое особенно и важно и удивительно. В самом деле, не столько те, которые могут указать на знаменитость предков, стыдятся низших, сколько те, которые некогда были в том же низком состоянии, а потом вдруг достигли какой-либо славы и знаменитости. А что не было никого славнее и знаменитее Павла, что он был знатнее самих царей, это всякому известно. Кто повелевал бесами, воскрешал мертвых, повелением своим мог ослеплять и исцелять ослепших, чьи одежды и тень прекращали всякого рода болезни, того, очевидно, можно было почитать уже не человеком, а некоторым ангелом, сшедшим с неба. Но, не смотря на то, что он пользовался такою славою, везде возбуждал удивление, и где бы ни являлся, всех обращал к себе, он не постыдился скинотворца и не считал этого унижением для людей, имевших такие отличия. В церкви римской вероятно было много знаменитых людей, которых он понуждал приветствовать тех бедняков. Он знал, верно знал, что благородство состоит не в блеске богатства и не во множестве денег, но в скромности нравов, так что люди, не имеющие ее, а гордящиеся славою своих родителей, хвалятся одним только пустым именем благородства, а не самим делом; или – лучше – и самое имя часто отнимается у них, если кто будет восходить к дальнейшим предкам этих благородных. В самом деле, если станешь тщательно исследовать о человеке знаменитом и славном, который может назвать благородного отца и деда, то часто найдешь, что прадедом его был человек низкий и неизвестный; равным образом, если мы, восходя мало-помалу, исследуем весь род людей, считающихся низкими, то часто найдем, что древнейшими их предками были правители и военачальники, а потом они переродились в пастухов лошадей и свиней. Зная все это, Павел не высоко ценил эти отличия, но искал благородства души и ему

удивляться учил других. Таким образом, мы получаем уже и отсюда немалую пользу, (научаясь) не стыдиться никого из людей простых, обращать внимание на душевную добродетель, а все наши внешние преимущества считать излишними и бесполезными.

3. Можно получать отсюда и другую не меньшую пользу, которая особенно ограждает нашу жизнь, если употребляется надлежащим образом. Какая же это? Та, чтобы не осуждать брака и не считать препятствием и помехою на пути, ведущем к добродетели – иметь жену, воспитывать детей, управлять домом и заниматься ремеслом. Вот и здесь были муж и жена, управляли мастерскою, занимались ремеслом, и показали любомудрие гораздо более совершенное, чем живущие в монастырях. Откуда это известно? Из того, как приветствовал их Павел, или – лучше – не из того, как он приветствовал, но из тех слов, которыми после он свидетельствовал о них. Сказав: "**Приветствуйте Прискиллу и Акилу**", он присовокупил и их достоинство. Какое же именно? Не сказал: богатых, знаменитых, благородных, но что? "**Сотрудников моих во Христе Иисусе**" (Римл.16:3). А с этим ничто не может сравниться в отношении к добродетели. И не отсюда только можно видеть добродетель их, но и из того, что он пробыл у них не один день, или два, или три, но целых два года. Как мирские начальники никогда не решились бы остановиться у людей простых и незначительных, но отыскивают великолепные дома каких-нибудь значительных мужей, чтобы незначительность лиц, которые принимают их, не унизила величия их достоинства, так поступали и апостолы: они останавливались не у всякого, у кого случится, но как те ищут великолепия дома, так они искали добродетели души и, тщательно разведав о нужных для них людях, останавливались у них. Этого требовал и закон, данный Христом. В какой град, или "**и в какой дом войдете**", говорил Он, спросите, кто в нем достойный, "**там оставайтесь**" (Лк.9:4). Следовательно, те (Прискилла и Акила) были достойны Павла; если же они были достойны Павла, то достойны и ангелов. Эту хижину я смело мог бы назвать и небом и церковью, потому что где был Павел, там был Христос: "**ищете доказательства**", говорит он, "**Христос ли говорит во мне**" (2Кор.13:3), а где был Христос, там постоянно привитали и ангелы.

Если же они и прежде оказались достойными служения Павлу, то представь, какими сделались они, прожив вместе с ним два года, наблюдая и вид его, и походку, и взор, и род одежды, и входы, и исходы, и все прочее. У святых не одни только слова, наставления и увещания, но и весь вообще образ жизни бывает для внимательных достаточным уроком любомудрия. Представь, каково было видеть Павла, когда он совершал вечерю, обличал, утешал, молился, плакал, выходил и входил. Если мы, имея только четырнадцать посланий его, носим их по всей вселенной, то те, которые имели у себя сам источник посланий, язык вселенной, свет церквей, основание веры, столп и утверждение истины, какими не могли сделаться, живя вместе с таким ангелом? Если одежды его были страшны для бесов и имели столь великую силу, то сожительство с ним какой не могло привлечь благодати Духа? Видеть одр Павла, постель его, обувь его, – недостаточным ли это было для них побуждением к постоянному сокрушению? Если бесы, видя одежды его, трепетали, то тем более верные и жившие вместе с ним сокрушались, видя их. Не излишне исследовать и то, почему он в приветствии поставил Прискиллу прежде мужа, не сказав: "**Приветствуйте Акилу и Прискиллу**", но: "**Прискиллу и Акилу**". И это он сделал не без основания, но, мне кажется, потому, что видел в ней больше благочестия, чем в муже. А что сказанное – не догадка, это можно видеть и из Деяний (Апостольских). В самом деле, Аполлоса, человека красноречивого и сведущего в Писаниях, но знавшего только крещение Иоанново, она, приняв, наставила в пути Божием и сделала совершенным учителем (Деян.18:24, 25). При апостолах женщины не заботились о том, о чем заботятся нынешние – как бы одеться в великолепные одежды и прикрасить лице свое умываниями и притираниями, и мучат мужей своих, заставляя покупать и платье более дорогое, чем у соседки и женщины равного звания, и белых мулов, и золоченую сбрую, и евнухов для

прислуги, и большую толпу служанок, и все прочее, относящееся к смешной пышности. Отказавшись от всего подобного и отвергнув мирскую гордость, (женщины при апостолах) домогались только одного, как бы сделаться общниками апостолов и участвовать в одной и той же с ними ловитве. Поэтому не одна Прискилла была такова, но и все другие. Так о некоторой Персиде Павел говорит: "**которая много потрудилась о Господе**" (Римл.16:12), хвалит и Марию и Трифену за эти труды, за то, что они трудились с апостолами и посвящали себя на те же подвиги. Как же в послании к Тимофею он говорит: "**а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии**" (1Тим.2:12)? Это тогда, когда и муж благочестив, и имеет ту же веру, и участвует в той же мудрости; а когда он неверный и заблуждающийся, тогда апостол не лишает ее власти учить. Так в послании к Коринфянам он говорит: "**и жена, которая имеет мужа неверующего, не должна оставлять его. Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа?**" (1Кор.7:13,16). Как же верная жена может спасти неверного мужа? Оглашая его, наставляя и приводя к вере, как и эта Прискилла Аполлоса. С другой стороны, когда Павел говорит: "**учить жене не позволяю**", то разумеет учение с амвона, беседу в общем собрании, свойственную священникам; а частным образом увещевать и советовать он не запретил, потому что, если бы последнее было запрещено, то он не похвалил бы Прискиллу за то, что она делала это.

4. Пусть слушают это мужи, пусть слушают и жены: последние для того, чтобы подражать той, которая была одного с ними пола и одинаковой природы, а первые для того, чтобы им не оказаться слабее женщины. Какое мы будем иметь оправдание, какое прощение, когда женщины показывают столько усердия и столько любомудрия, а мы непрестанно будем заняты мирскими делами? Пусть узнают это и начальники и подчиненные, и священники и находящиеся в звании мирян, чтобы первые не удивлялись богатым и не гонялись за великолепными домами, но искали добродетели с бедностью, не стыдились беднейших братий и не избегали ни скинотворца, ни кожевника, ни пурпуропродавца, ни медника, оказывая уважение не только лицам, облеченным властью; а подчиненные не считали своего состояния препятствием к принятию святых, но, помня о вдове, которая приняла Илию, имея только горсть муки (3Цар.17:10), и о тех, которые два года держали у себя Павла, открывали свои домы нуждающимся и все, что имеют, делили со странниками. Не говори мне, что нет у тебя рабов для прислуги. Хотя бы у тебя было их множество, Бог повелевает тебе самому собирать плод гостеприимства. Поэтому Павел, обращаясь к жене, вдовице, и заповедуя ей принимать странников, повелел делать это ей самой, а не чрез других, потому что, сказав: "**принимала странников**" присовокупил: "**умывала ноги святым**" (1Тим.5:10). Не сказал: если издерживала деньги, или приказывала слугам делать это, но: *если делала это сама.* Поэтому и Авраам, имея триста осьмнадцать домочадцев, сам побежал к стаду, принес тельца и устроил все прочее, и жену сделал участницею в плодах гостеприимства. Для того и Господь наш Иисус Христос родился в яслях и по рождении воспитывался в доме, и в возрасте не имел, где главу приклонить, чтобы всем этим научить тебя – не обольщаться великолепными вещами настоящей жизни, но во всем любить простоту, искать бедности, избегать богатства и украшаться внутренно.

"**Вся слава дщери Царя**", говорит Писание, "**внутри**" (Пс.44:14). Если ты имеешь расположение к гостеприимству, то имеешь все нужное для гостеприимства, хотя бы у тебя был один только овол; если же ты человеконенавистен и не любишь странников, то, хотя бы ты имел изобилие во всем, твой дом тесен для странников. Прискилла не имела ложа, украшенного серебром, но имела строгое целомудрие; не имела постели, но обладала волей приветливой и гостеприимной; не имела блестящих колонн, но имела блистательную красоту души; не имела стен, обложенных мрамором, ни пола, испещренного драгоценными камнями, но сама была храмом Духа. Это похвалил, этим

восхищался Павел; поэтому он два года прожил безотлучно в их доме; поэтому он постоянно вспоминает их и воздает им великую и дивную похвалу, не для того, чтобы сделать их более известными, но чтобы в других возбудить такую же ревность и убедить – считать счастливыми не богатых и не облеченных властью, но странноприимных, милостивых, человеколюбивых, оказывающих великое дружелюбие к святым.

5. Узнав это из настоящего приветствия, будем и мы показывать тоже самими делами: не станем без разбора считать богатых счастливыми, а бедных унижать, не станем стыдиться ремесел и будем считать бесчестием не работу, но праздность и безделье. Если бы работа была бесчестием, то не занимался бы ею Павел и не хвалился бы особенно ею, говоря так: "**если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя. За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно**" (1Кор.9:16,18). Если бы ремесло было бесчестием, то он не повелел бы, чтобы неработающее и не ели (1Фес.3:10). Один только грех служит к бесчестию, а его обыкновенно порождает праздность, и не один только и два, или три, но всякий вообще порок. Поэтому и некто премудрый, показывая, что праздность научила всякому злу, и, беседуя о слугах, говорит: "**употребляй его на работу, чтобы он не оставался в праздности**" (Сир.33:28). Что узда для коня, то работа для нашей природы. Если бы праздность была добром, то все произращала бы земля незасеянная и невозделанная; но она не производит ничего такого. Некогда Бог повелел ей произвести все без возделания, но теперь не делает так, а заповедал людям и запрягать волов, и влачить плуг, и проводить борозду, и бросать семена, и многими другими способами ухаживать и за виноградною лозою, и за деревьями, и за семенами, чтобы занятие работою отклоняло душу работающих от всякого зла. Вначале, чтобы показать Свою силу, Он устроил так, что все произошло без наших трудов: "**да произрастит земля зелень, траву**", сказал Он (Быт.1:11), и тотчас все зацвело; но после не так, но повелел, чтобы земля произращала при помощи и наших трудов, дабы ты знал, что Он ввел труд для нашей пользы и нашего блага. Хотя наказанием и мучением кажутся слова: "**в поте лица твоего будешь есть хлеб**" (Быт.3:19), но на самом деле они – некоторое внушение и вразумление и врачество против ран, происшедших от греха. Поэтому и Павел непрестанно работал, не только днем, но даже и ночью. Это возвещает он, когда говорит: "**труд наш и изнурение: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас**" (1Фес.2:9). И не для удовольствия только и душевного отдыха он занимался работою, как делают многие из братий, но прилагал такое усердие к труду, что мог помогать и другим. "**Нуждам моим**", говорит он, "**и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии**" (Деян.22:34). Человек, повелевавший бесами, бывший учителем вселенной, которому вверено было попечение о всех живущих на земле, который с великим усердием заботился о всех церквах, находящихся под солнцем, о племенах, народах и городах, работал день и ночь и нимало не отдыхал от этих трудов; а мы, не имеющие и малейшей части забот его, или даже не могущие и представить их в уме своем, проводим жизнь постоянно в праздности. Какое же будем мы иметь оправдание, скажи мне, или какое прощение? Оттого всякого рода зло вошло в жизнь, что многие считают величайшим достоинством – не заниматься своими ремеслами и крайним позором – показаться сведущим в чем-нибудь подобном. А Павел не стыдился в одно и то же время держать нож в руках и сшивать кожи, и беседовать с людьми, находящимися в почестях, но даже хвалился этим, когда приходили к нему тысячи славных и знаменитых людей; и не только не стыдился делать это, но и в своих посланиях, как бы на медном столбе, объявлял о своем ремесле. Так, чему он вначале научился, тем занимался и впоследствии, и после того, как восхищен был до третьего неба, после того, как перенесен был в рай, после того, как слышал от Бога неизреченные глаголы; а мы, недостойные и подошв его, стыдимся того, чем он хвалился, и согрешая каждый день, не обращаемся и не считаем этого бесчестием, а того, чтобы жить праведными трудами, избегаем, как чего-то постыдного и смешного. Какую же,

скажи мне, мы будем иметь надежду спасения? Стыдящемуся следует стыдиться греха, – оскорбить Бога и сделать что-нибудь недолжное, а ремеслами и работами надобно даже хвалиться. Таким образом, через занятие работою мы и дурные помыслы легко исторгнем из души, и будем помогать нуждающимся, и не станем беспокоить двери других, и исполним закон Христов, который говорит: "**блаженнее давать, нежели принимать**" (Деян.20:35). Для того нам и даны руки, чтобы мы и себе помогали, и увечным по телу доставляли, по возможности, все необходимое из нашего имущества, так что, если кто живет в праздности, то, хотя бы он и был здоров, он несчастнее одержимых горячкою; эти имеют извинение в своей болезни и могут найти сострадание, а те, позоря телесное здоровье, справедливо всеми ненавидятся, как преступающие законы Божии, и причиняющие вред трапезе немощных, и делающие свою душу худшею. В самом деле, не в том только зло, что тогда как надлежало бы питаться собственными средствами и собственными трудами, они беспокоят домы других, но что они и сами становятся хуже всех. Нет, подлинно нет ничего в мире, что не портилось бы от бездействия. Так, вода стоячая загнивает, а текучая и всюду разливающаяся сохраняет свою доброту; и железо, лежащее без движения, становится слабее и хуже, и точится большей ржавчиной, а находящееся в деле становится гораздо полезнее и красивее, блистая нисколько не хуже всякого серебра; и земля, остающаяся в покое, как всякий может видеть, не произращает ничего хорошего, но дурные травы, терния, волчцы и бесплодные деревья, а получающая возделывание обильно производит питательные плоды. Вообще сказать, всякое существо от бездействия портится, а от свойственной ему деятельности становится полезнейшим. Итак, зная все это, сколько вреда от праздности и сколько пользы от деятельности, будем первой избегать, а последней держаться, чтобы нам и настоящую жизнь прожить благопристойно, и нуждающимся помогать из своего имущества, и, усовершив свою душу, получить вечные блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 2-е

об Акиле и Прискилле и о том, что не должно худо говорить о священниках Божиих

1. Убедились ли вы, что не должно считать излишним ничего из находящегося в божественном Писании? Научились ли тщательно исследовать и надписи, и имена, и простые приветствия, написанные в божественных изречениях? Я думаю, что уже никто из трудолюбивых не позволит себе пропустить без внимания какие-нибудь слова, помещенные в Писаниях, будет ли то перечисление имен, или счет лет, или простое кому-нибудь приветствие. Впрочем, чтобы это убеждение было тверже, займемся и сегодня остальною частью приветствия Прискилле и Акиле. Самое вступление к нему доставило нам не мало пользы. Оно научило нас, какое добро – труд, и какое зло – праздность, и какова была душа Павла, как бдительна и заботлива, оказывая великое попечение не только о городах, племенах и народах, но и о каждом отдельно верующем. Оно показало, что бедность нисколько не служит препятствием к гостеприимству, что везде нужны не богатство и деньги, но добродетель и благочестивое расположение души, и что славнее всех люди, имеющие страх Божий, хотя бы они были доведены до крайней бедности. Так Прискиллу и Акилу, скинотворцев и ремесленников, притом живших в бедности, мы теперь ублажаем больше всех царей; облеченные почестями и властью проходятся молчанием, а скинотворец с женою прославляются во всей вселенной. Если же здесь они пользуются такою славою, то, представь, каких воздаяний и венцов удостоятся они в тот день (последнего суда); но и прежде того дня не мало и удовольствия, и пользы, и славы получили они, прожив столько времени вместе с Павлом. Как я говорил прежде, так и теперь скажу и не перестану говорить, что не только учение, или увещание и совет, но и

сам вид святых доставлял много удовольствия и пользы, и даже самое употребление одежд и самый род обуви. Подлинно, много пользы происходит для нашей жизни от того, чтобы знать, в какой мере они пользовались необходимым. Они не только не выходили из пределов нужды, но иногда не пользовались и всем самым необходимым, а жили и в голоде, и в жажде, и в наготе. Так Павел, заповедуя ученикам, говорил: "**имея пропитание и одежду, будем довольны тем**" (1Тим.6:8); а о себе самом говорит: "**даже доныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся**" (1Кор.4:11) Но в то время как я говорил, мне пришло на мысль нечто, заслуживающее исследования, о чем и необходимо сказать теперь. Что же это такое? Я говорил, что и вид апостольских одежд доставляет нам великую пользу; но между тем как я говорил об этом, мне пришел на мысль закон, который дал Христос апостолам и который говорит: "**не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха**" (Мф.10:9,10); а между тем оказывается, что Петр имел сапоги. Так, когда ангел пробудил его от сна и выводил из темницы, то сказал ему: "**опояшься и обуйся, надень одежду твою и иди за мною**" (Деян.12:8). И Павел в послании к Тимофею говорит: "**принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные**" (2Тим.4:13). Что говоришь ты? Христос заповедал не иметь и сапогов, а ты имеешь и фелонь, а у другого есть и сапоги? Если бы это были люди обыкновенные и не всегда повиновавшиеся Учителю, то здесь не было бы и вопроса; но так как они предали Ему души свои, были верховными и первыми из учеников и во всем повиновались Христу, а Павел не только исполнял заповеданное, но и восходил выше назначенных пределов, и тогда как Христос заповедал жить от благовестия, он жил трудами рук своих и таким образом делал нечто больше заповеданного, то действительно достойно исследования, почему они, во всем повинуясь Христу, в этом случае, по-видимому, нарушают закон Его? Нет, они не нарушают его. Речь об этом будет нам полезна не только для оправдания тех святых, но и для заграждения уст язычникам. Многие, разоряющие домы вдовиц, лишающие одежды сирот, присвояющие имущество всех, по настроению своему нисколько не лучше волков, живущие чужими трудами, – видя иногда некоторых из верных по болезни телесной одетыми в несколько одежд, тотчас указывают нам на закон Христов и говорят такие слова: не заповедал ли вам Христос не иметь двух одежд, ни сапогов? Как же вы нарушаете постановленный на это закон? И потом, сильно посмеявшись и похохотавши, и наругавшись над братом, уходят. Поэтому, чтобы этого не было, обуздаем теперь и их бесстыдство. Конечно, можно было бы избавиться от них, сказав только следующее. Что же именно? Вот что: если ты считаешь Христа достойным веры, то справедливо представляешь это и спрашиваешь у нас; если же ты не веришь Ему, то для чего указываешь на законы Его? На самом же деле, когда ты хочешь осуждать нас, то Христос кажется тебе достойным веры законодателем; а когда нужно поклоняться и удивляться Ему, то не оказываешь никакого уважения к общему Владыке вселенной.

2. Но, чтобы они не подумали, будто мы говорим это по невозможности защищаться, приступим к самому решению вопроса. Какое же будет решение? Для этого нужно посмотреть, кому, и когда, и почему Христос заповедал это. В самом деле, не только сами сказанные слова надобно рассматривать, но и лицо, и время, и причину, и все это должно тщательно исследовать. Рассматривая внимательно, мы найдем, что это заповедано было не всем, но одним апостолам, и им не навсегда, но на некоторое определенное время. Откуда это видно? Из самих слов (Господа). Призвав двенадцать учеников, Он сказал им: "**на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева; больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте. Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои**" (Мф.10:5-9). Посмотри на мудрость Учителя, как Он сделал заповедь легкою. Сначала сказал Он: "**больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте**" и щедро даровал им

свою благодать, а потом заповедал это, обилием знамений делая легкою и удобною эту бедность. Но не отсюда только видно, что им одним была дана указанная заповедь, но и из многого другого. Так тех дев Господь наказал за то, что они не имели елея в светильниках своих (Мф.25: 1-9); и других Он осуждает за то, что они видели Его алчущим – и не напитали, видели жаждущим – и не напоили (Мф. 25:41). А у кого нет ни меди, ни сапогов, а одна только одежда, тому, как возможно было бы напитать другого, как одеть нагого, как ввести в дом бесприютного? Кроме этого, то же самое будет ясно видно и из другого случая. Когда некто подошел и сказал: "**Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?**", и когда Христос перечислил все заповеди закона, а тот, продолжая спрашивать, говорил: "**всё это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне?**", – то Он сказал ему: "**если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною**" (Мф.19:16-21). Если бы бедность была законом и повелением, то надлежало бы с самого начала сказать это, и постановить законом и предписать в виде повеления, а не высказывать в виде совета и увещания. В самом деле, когда Он говорит: "**не берите с собою ни золота, ни серебра**", то говорит как повелевающий; а когда говорит: "**если хочешь быть совершенным**", то говорит, как советующий и увещевающий. А не одно и то же – советовать и давать закон. Кто дает закон, тот желает, чтобы предписанное непременно было исполняемо; а кто советует и увещевает и представляет на волю слушающего избрать то, о чем говорит, тот делает слушателя властным принять и не принять. Поэтому Он не просто сказал: "**пойди, продай имение твое**", чтобы ты не считал этих слов законом, а как? "**если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое**" дабы ты знал, что это дело зависит от воли слушающих.

Итак, что та заповедь дана была одним апостолам, ясно видно отсюда; но разрешения вопроса мы еще не нашли. В самом деле, если и одним им это было поставлено в закон, то почему они, получив заповедь не иметь ни сапогов, ни двух одежд, оказываются имеющими: один – сапоги, а другой – и фелонь? Что сказать на это? То, что и их Христос не навсегда подчинил этому требованию закона, но, намереваясь идти на спасительную смерть, Он освободил их от этого закона. Откуда это видно? Из самых слов Спасителя. Когда Он готовился идти на страдание, то, призвав их, сказал: "**когда Я посылал вас без мешка и без сумы и без обуви, имели ли вы в чем недостаток? Они отвечали: ни в чем. Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч**" (Лк.22:35,36). Но, может быть, кто-нибудь скажет: апостолов ты действительно оправдал этими словами; но теперь требуется объяснить, почему Христос давал противоположные заповеди, то говоря: "**не берите поясы свои**", то повелевая: "**кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч**"? Почему же Он так поступил? Согласно с Его премудростью и попечительностью об учениках. Вначале Он заповедал им первое, чтобы они самим делом и опытом узнали силу Его, и, узнав, смело пошли потом по всей вселенной. Когда же они достаточно узнали силу Его, то Он хотел, чтобы они показали и собственную свою доблесть, не хотел до конца пестовать их, но часто дозволял и попускал впадать им и в искушения, чтобы они не оставались навсегда без упражнения. Как учители плавания сначала, подложив свои руки, с великой тщательностью поддерживают своих учеников, а спустя один, два или три дня, часто, отняв свою руку, приказывают им самим поддерживать себя, а иногда попускают им и немного погружаться и хлебнуть не мало воды, так точно и Христос поступил с учениками. Вначале и при первых шагах Он не попустил им потерпеть ни малого, ни великого, но везде был присущ им, ограждая и охраняя их и, все предоставляя им в изобилии; а когда надлежало им показать и собственное мужество, то Он несколько сократил свою благодать, заповедав им совершать многое и собственными силами. Поэтому-то, когда

они не имели ни сапогов, ни пояса, ни посоха, ни меди, то не терпели ни в чем недостатка: "**имели ли**" говорит Он, "**вы в чем недостаток? Они отвечали: ни в чем**". А когда Он заповедал им иметь и влагалище, и мех, и сапоги, то они оказываются и алчущими, и жаждущими, и наготующими. Отсюда видно, что часто Он попускал им и подвергаться опасностям, и терпеть бедствия, чтобы они заслужили какую-нибудь награду. Так и птицы поступают с своими птенцами: пока у тех перья нежные, они, сидя на гнезде, согревают их; а когда увидят, что они оперились и могут рассекать воздух, то сначала приучают их летать около самого гнезда, а потом ведут и далее, сначала следуя за ними и поддерживая их, а после того предоставляя их собственным их силам. Так поступил и Христос, воспитывая учеников в Палестине, как бы в гнезде; когда же научил их летать при Себе и под Своим руководством, то наконец пустил их лететь по вселенной, заповедав им во многих случаях находить помощь в самих себе. А что это справедливо и что для того, дабы они узнали Его силу, Он лишил их всего, послал их в одной одежде и повелел идти без сапогов, это мы ясно увидим, выслушав саму речь Его. Он не просто сказал им: возьмите влагалище и мех, но напомнил им о прежнем, сказав так: "**когда Я посылал вас без мешка и без сумы и без обуви, имели ли вы в чем недостаток?**" Т.е. не все ли было у вас без всякого недостатка, не пользовались ли вы великим изобилием? А теперь Я желаю, чтобы вы и сами подвизались, желаю, чтобы вы испытали и бедность. Поэтому уже не подчиняю вас требованию прежнего закона, но позволяю иметь и влагалище, и мех, чтобы не подумали, что Я действую через вас, как через бездушные орудия, но чтобы и вы могли показать собственное любомудрие.

3. Что же, скажешь, разве не большая обнаружилась бы благодать, если бы они постоянно так жили? Но в таком случае они не сделались бы столь славными, потому что если бы они не испытали никакой скорби, ни бедности, ни гонения, ни притеснения, то прожили бы в бездействии и беспечности; а теперь Христос благоволил, чтобы не благодать только просияла, но обнаружилась и доблесть учеников, дабы впоследствии кто-нибудь не стал говорить, что они не привнесли ничего от себя самих, но все совершилось по мановению Божию. Конечно, Бог мог до конца сохранить их при таком изобилии, но Он не восхотел этого по многим и необходимым причинам, о которых мы часто говорили любви вашей: одна именно та, о которой мы сейчас сказали; другая, не менее важная, та, чтобы они научились быть скромными; и третья та, чтобы им не воздавали славы большей, нежели какая следует человеку. По этим и по многим другим причинам попустив им подвергаться многим неожиданным искушениям, Он не восхотел оставить их под строгостью прежнего закона, но смягчил и облегчил суровость того любомудрия, чтобы жизнь для них не сделалась тяжкою и невыносимою, если бы они часто были оставляемы в опасности и принуждены были хранить тот строгий закон. Впрочем, так как этот неясный предмет надобно объяснить, то необходимо сказать и следующее. Сказав: "**кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму**", Он присовокупил: "**а у кого нет, продай одежду свою и купи меч**" (Лк.22:36).

Что это значит? Не вооружает ли учеников Тот, который сказал: "**кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую**" (Мф.5:39)? Тот, который заповедал благословлять злословящих, терпеть оскорбления, молиться за гонителей, потом вооружает учеников, и притом одним мечом? И какой был в этом смысл? Если бы непременно нужно было вооружить, то надлежало бы снабдить не одним только мечом, но и щитом, и шлемом, и латами. Подлинно, если бы Он намеревался устроить это по-человечески, то кому не показалось бы смешным такое повеление? В самом деле, хотя бы они взяли бесчисленное множество такого оружия, и тогда одиннадцать человек, что значили бы пред такими нападениями и кознями стольких племен, властителей, городов и народов? Могли ли бы они выслушать голос ржущего коня? Не пришли ли бы они в ужас при одном виде войска, будучи воспитаны на озерах и реках и малых ладьях? Для чего же

Он говорит это? Для того, чтобы указать на козни иудеев и на то, что они намереваются схватить Его. Но ясно Он не хотел сказать этого, а сказал прикровенно, чтобы опять не смутить их. Подобно тому, как слыша слова Его: "**что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях; что говорю вам в темноте, говорите при свете**" (Мф.10:27), ты разумеешь не то, будто Он заповедует оставить улицы и площадь и проповедовать на кровлях – потому что не видно, чтобы ученики делали это – но слова: "**на кровлях**" и: "**при свете**" выражают смелость; а слова: "**на ухо**" и: "**в темноте**" означают: то, что вы слышали в малой части вселенной и в одной стране – Палестине, возвещайте по всей земле. Не во тьме и не на ухо, в самом деле, беседовал Он с ними, а часто на высоких горах и в синагогах. Так надобно разуметь и здесь. Поэтому, как там, слыша о кровлях, мы разумели иное, так и здесь, слыша о мечах, мы будем разуметь не то, будто Он повелел приобрести мечи, но то, что мечами Он выражает угрожающие козни и что Ему предстоит потерпеть от иудеев то, что Он потерпел. Это видно из дальнейших Его слов. Сказав: "**купи меч**", Он присовокупил: "**должно исполниться на Мне и сему написанному**", что "**к злодеям причтен**" (Лк.22:37). Когда же они, не поняв сказанного, отвечали: "**вот, здесь два меча**", то Он говорит: "**довольно**" (Лк.22:38). Между тем этого не было довольно. В самом деле, если бы Он хотел, чтобы они пользовались пособиями человеческими, то не только двух или трех, но и ста мечей было бы не довольно; а так как Он не хотел, чтобы они пользовались пособиями человеческими, то и два меча были излишни. Впрочем, Он не объяснил этой прикровенной речи; как, мы видим, Он и часто делал. Когда не понимали сказанного, то Он оставлял и опускал это, предоставляя последующим событиям объяснение сказанного. То же Он сделал и при другом случае. Беседуя о своем воскресении, Он говорил так: "**разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его**" (Ин.2:19), – однако ученики не поняли этих слов; а что они не поняли, на это указал евангелист, сказав: "**когда же воскрес Он из мертвых**", тогда "**и поверили Писанию и слову, которое сказал Иисус**" (Ин.2:22), и опять в другом месте: "**ибо они еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых**" (Ин.20:9).

4. Впрочем, вопрос решен достаточно; обратимся к остальной части приветствия. Итак, что же сказано и от чего мы дошли до этого? Мы ублажали Прискиллу и Акилу за то, что они жили вместе с Павлом, что они тщательно изучали в нем и род одежды, и вид обуви, и все прочее. Отсюда родился у нас тот вопрос; именно, мы исследовали, почему, тогда как Христос повелел не иметь совершенно ничего, кроме одной только одежды, апостолы оказываются имевшими и сапоги и фелонь. Затем было доказано, что, употребляя это, они не нарушали закона, а напротив точно соблюдали его. Мы говорили об этом не для того, чтобы поощрять вас к умножению богатства, или побудить к приобретению большего, нежели сколько нужно, но чтобы вы могли отвечать неверующим, которые насмехаются над нашим учением. Христос, отменив прежний закон, не заповедал, иметь ни домов, ни рабов, ни лож, ни серебряных сосудов, и ничего другого подобного, но только освободил нас от требования прежде сказанного. И Павел так увещевал: "**имея пропитание и одежду**", говорит он, "**будем довольны тем**" (1Тим.6:8). А то, что превышает нужду, надобно издерживать на нуждающихся, как и поступали те, Прискилла и Акила. Поэтому Павел и хвалит их, и прославляет, и воздает им величайшую честь. Сказав: "**приветствуйте Прискиллу и Акилу, сотрудников моих во Христе Иисусе** ", он присовокупляет и причину такой любви. Какую же именно? "**которые голову свою полагали за мою душу**" (Рим.16:4). Так за это, может быть, скажет кто-нибудь, ты любишь и приветствуешь их? Конечно, потому что, если бы даже одно это было, они достойны были бы похвалы. Кто спас военачальника, тот спас воинов; кто избавил от опасности врача, тот возвратил здоровье больным; кто укрыл от бури кормчего, тот охранил от волн целый корабль. Так и те, которые сохранили учителя вселенной и пролили кровь свою для его спасения, стали общими благодетелями вселенной, своею попечительностью об учителе доставив спасение всем ученикам. А дабы ты знал, что они

не только в отношении к учителю были таковы, но и в отношении к братиям оказывали такую же попечительность, выслушай дальнейшее. Сказав: "**голову свою полагали за мою душу**", он присовокупил: "**которых не я один благодарю, но и все церкви из язычников**" (Рим.16:4). Что говоришь ты? Скинотворцев, бедняков, ремесленников, у которых нет ничего, кроме необходимой пищи, благодарят все церкви языческие? Какую же пользу могли принести эти двое столь многим церквам? Какое имели они обилие богатства? Какое величие власти? Какое дерзновение пред начальниками? Обилия богатства и силы пред властителями они не имели, но что важнее всего этого, они в преизбытке имели благородное усердие и душу, готовую на опасности. Поэтому они и сделались благодетелями и спасителями многих. В самом деле, не столько могут принести пользы церквам люди богатые, но малодушные, сколько бедные, но великодушные. Пусть никто не считает этих слов странными; это верно и подтверждается самими делами. У богатого много поводов – потерпеть вред: он боится за дом, за слуг, за поля, за сокровища, как бы кто не отнял у него чего-нибудь из этого. Кто владеет многим, становится рабом многого. Напротив бедный, как человек свободный и чуждый всех этих поводов, есть лев, дышащий огнем, имеет душу отважную и, отрешившись от всего, легко делает все, что может принести пользу церквам, хотя бы нужно было обличить, хотя бы укорить, хотя бы потерпеть множество бедствий для Христа; однажды пренебрегши настоящей жизнью, он удобно и с великою легкостью совершает все. И чего, скажи мне, бояться ему? Чтобы кто-нибудь не отнял у него сокровищ? Но этого нельзя сказать. Чтобы не лишиться отечества? Но вся поднебесная – город для него. Чтобы кто-нибудь не уменьшил его наслаждений и охранной стражи? Но, отказавшись от всего этого, он имеет жительство на небе и стремится к будущей жизни. Хотя бы нужно было отдать саму душу и пролить кровь, он не откажется. Поэтому такой человек и сильнее, и богаче властителей, и царей, и народов, и всех вообще. А чтобы ты убедился, что эти слова не лесть, но что действительно люди, ничего не имеющие, преимущественно пред всеми могут говорить свободно, посмотри, сколько богатых было во время Ирода, сколько сильных? Но кто выступил на средину, кто обличил тирана, кто защищал оскорбляемые законы Божии? Из богатых никто; а бедный и нищий, не имевший ни ложа, ни стола, ни крова, житель пустыни – Иоанн, этот один и первый со всею смелостью обличал тирана, обнаруживал прелюбодейный его брак и в присутствии и в слух всех произносил осуждающий его приговор. Также прежде него великий Илия, не имевший ничего, кроме милоти, один с великим мужеством обличил нечестивого и беззаконного Ахава. Так ничто не дает такой смелости в речах, не располагает быть отважным во всех бедствиях, не делает столько непобедимыми и сильными, как то, чтобы не иметь ничего и не быть связанным ничем. Поэтому, кто хочет приобрести великую силу, тот пусть полюбит бедность, пусть презирает настоящую жизнь, пусть считает за ничто смерть. Такой человек не только больше богатых и начальников, но и самих царей, в состоянии будет принести пользу для церквей. Цари и богатые, что ни делали бы, делают посредством денег, а такой человек часто совершает многое и великое и посредством опасностей и смерти. Чем кровь драгоценнее всякого золота, тем жертва последняя важнее первой.

5. Таковы были и эти гостеприимцы Павла, Прискилла и Акила: они не имели изобилия в имуществе, но имели душу богаче всякого богатства, ожидая смерти каждый день, проводя жизнь среди убийств и крови и постоянно испытывая мученичество. Оттого наши дела в те времена и процветали, что так ученики с учителями и так учители с учениками были соединены. Ведь не об этих одних говорит Павел, но и о многих других. Так в посланиях к Евреям, Фессалоникийцам и Галатам он свидетельствует, что все подвергались многим искушениям, и объясняет в посланиях своих, что они были гонимы, и изгоняемы из отечества, и лишаемы имущества, и терпели бедствия до самой крови, и вся их жизнь была подвижническая, и, однако, они не отказались бы отдать на отсечение сами члены свои за учителей. Так в послании к Галатам он говорит: "**свидетельствую о**

вас, что, если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне" (Гал.4:15); и Епафродита, бывшего у колоссян, он хвалит за то же, когда говорит: "**он был болен при смерти; но Бог помиловал его, и не его только, но и меня, чтобы не прибавилась мне печаль к печали**" (Флп.2:27). Это сказал он, выражая, что поистине он скорбел бы о смерти ученика. Также и добродетель его он открывает пред всеми в словах: "**он за дело Христово был близок к смерти, подвергая опасности жизнь, дабы восполнить недостаток ваших услуг мне**" (Флп.2:30) Кто может быть блаженнее их, и кто несчастнее нас? Они и кровь, и душу свою отдавали за учителей, а мы часто не решаемся произнести и простого слова за общих отцов, но, слыша, как их злословят, поносят и свои и чужие, не заграждаем уст говорящим, не удерживаем, не укоряем.

О, если бы сами мы не были первыми их (отцов) поносителями! Теперь даже от неверующих нельзя слышать таких злословий и порицаний, какие против начальствующих произносятся теми, которые, по-видимому, принадлежат к верующим и соединены с нами. Нужно ли после этого исследовать, отчего произошла такая беспечность и такое нерадение о благочестии, когда мы так враждебно расположены к нашим отцам? Нет, подлинно нет ничего, что могло бы так расстраивать и разрушать Церковь, или – лучше – нет ничего другого, что могло бы так легко делать это, как то, когда ученики с учителями, и дети с отцами, и подчиненные с начальниками не соединены весьма тесно. Кто злословит брата, тот устраняется от чтения божественных Писаний: "**что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои**", говорит Бог, и потом, приводя причину, прибавляет: "**сидишь и говоришь на брата твоего**" (Пс.49:16-20); а ты, осуждая духовного отца, считаешь себя достойным входить в священное преддверие? С чем это сообразно? Если злословящие отца или мать наказываются смертью (Исх.21:17), то, какого достоин будет наказания дерзающий злословить того, кто необходимее и важнее родителей? И он не страшится, чтобы земля, разверзшись, совершенно не поглотила его, или молния, ниспавши свыше, не сожгла хульный язык его? Разве не слышал ты, что потерпела сестра Моисея, когда стала говорить против начальника, как она сделалась нечистою, подверглась проказе, испытала крайнее бесчестие, и, не смотря на то, что брат ее молился и припадал к Богу, не получила прощения? А между тем она положила (при реке) этого святого, заботилась об его воспитании, вначале содействовала тому, чтобы мать сделалась его кормилицею и чтобы дитя не было воспитано на руках иноплеменников, а впоследствии предводительствовала сонмом женщин, как Моисей сонмом мужей, вместе с ним переносила все бедствия, и, хотя была сестрою Моисея, однако ничто не помогло ей избежать гнева Божия за ее злословие; и Моисей, который умолил Бога за такой народ после невыразимого его нечестия, – и он, припадая и прося прощения сестре, не мог умилостивить Бога, но еще услышал сильную укоризну, чтобы мы знали, как велико зло – порицать начальников и осуждать жизнь других. Подлинно, в тот день (будущего суда) Бог будет судить нас не только за то, в чем мы грешили, но и за то, в чем осуждали других; и часто грех, легкий по своему свойству, делается тяжким и непростительным оттого, что согрешающий осуждает другого. Может быть, слова эти не ясны; постараюсь поэтому объяснить их. Согрешил кто-нибудь, и строго осудил другого, совершившего тот же грех: за это в тот день он подвергнется наказанию не такому, какого требует свойство греха его, но больше чем двойному и тройному, – потому что Бог назначит ему наказание не сообразно с тем, в чем он сам согрешил, но за то, что строго осудил другого, который согрешил в том же. А что это справедливо, я еще больше объясню, как обещал вам, из бывших примеров. Фарисей, хотя сам ни в чем не согрешил, жил праведно и мог указать много своих добрых дел, когда осудил мытаря, хищника, корыстолюбца и беззаконнейшего человека, подвергся такому осуждению, что его ожидает наказание большее, чем какое следовало этому. Если же он, сам не согрешив ни в чем, но простым словом осудив другого грешника, который своими беззакониями был известен всем, подвергся такому наказанию, то мы, много

согрешая каждый день и между тем осуждая жизнь других, которая притом никому неизвестна и не открыта, представь, какому подвергнемся наказанию, как лишимся всякого прощения. "**Каким судом судите**", сказал Господь, "**таким будете судимы**" (Мф.7:2).

6. Поэтому я прошу, убеждаю и умоляю отстать от этой дурной привычки. Священникам, о которых говорим худо, мы нисколько не повредим, не только тогда, когда говорим ложь, но когда и правду, – так и фарисей нисколько не повредил мытарю, но еще принес ему пользу, хотя говорил о нем правду; а самих себя мы подвергнем крайним бедам, – так и фарисей вонзил меч в себя самого и отошел, получив смертельную рану. Итак, чтобы и нам не потерпеть того же, будем удерживать невоздержный язык. Если фарисей, злословивший мытаря, не избег наказания, то мы, злословя отцов своих, какое будем иметь оправдание? Если Мариам, однажды позлословившая брата, подверглась такому осуждению, то какая надежда на спасение нам, когда мы каждый день осыпаем начальствующих бесчисленными злословиями? Пусть никто не говорит мне, что то был Моисей; ведь и я могу сказать, что то была Мариам. Впрочем, чтобы ты ясно понял и то, что, хотя бы священники даже подлежали осуждению, и тогда ты не имеешь права осуждать их жизнь, послушай, что говорит Христос о начальниках иудейских: "**на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте**" (Мф.23:2,3). Что может быть хуже тех, ревность которых губила учащихся у них? Однако, не смотря на это, Он не лишил их достоинства, не сделал презренными для подчиненных: и весьма справедливо. В самом деле, если бы подчиненные получили такую власть, то мы увидели бы, как они всех лишили бы власти и свергли бы с седалища. Вот почему и Павел, укорив иудейского первосвященника, и сказав: "**Бог будет бить тебя, стена подбеленная! ты сидишь, чтобы судить по закону**" (Деян.23:3), когда услышал слова некоторых, останавливающих его: "**первосвященника Божия поносишь?**" – то, желая показать, какую должно воздавать честь и уважение начальствующим, что сказал? – "**я не знал, братия, что он первосвященник**" (Деян.23:4,5), Вот почему и Давид, застигнув беззаконного Саула, дышавшего убийством и достойного тяжкого наказания, не только пощадил жизнь его, но не позволил себе даже произнести против него обидного слова, и, приводя причину этого, сказал: "**помазанник Господень**" (1Цар.24:7). И не отсюда только, но и из других событий весьма ясно можно видеть, как далек должен быть подчиненный от того, чтобы исправлять дела священников. Так некогда, при возвращении кивота, когда некоторые из подчиненных, увидев его наклонившимся и готовым упасть, поправили его, то подверглись наказанию на том же самом месте, будучи поражены Господом и падши мертвыми. Между тем они не сделали ничего худого; они не наклонили кивота, а поправили, когда он наклонился и готов был упасть. Но чтобы ты вполне убедился в достоинстве священников и в том, как непозволительно человеку подвластному и принадлежащему к числу мирян исправлять такие дела, Бог умертвил их среди множества народа, с великою силою устрашая, всех прочих и внушая никогда не приближаться к недоступным предметам священства. В самом деле, если бы каждый, под предлогом исправления худо сделанного, стал присвоять себе достоинство священства, то никогда не было бы недостатка в предлогах к исправлению, и все перемешались бы между собою так, что мы не различили бы ни начальника, ни подчиненного. Никто пусть не думает, будто я говорю это в осуждение священников (по благодати Божией, как и вы знаете, они показывают великую честность во всем и никогда никому не подавали никакого повода к их осуждению), но говорю для того, чтобы вы знали, что, если бы даже вы имели дурных отцов и тягостных учителей, и тогда не безопасно и не безвредно было бы для вас хулить их и злословить. Если о родителях телесных один мудрый говорит: "**хотя бы он и оскудел разумом, имей снисхождение**" (Сир.3:13), – так как что ты воздашь им за то, что они дали тебе? – то тем более, должно соблюдать этот закон в

отношении к отцам духовным; и каждому должно осматривать и разбирать свою собственную жизнь, чтобы нам не услышать в тот день: "**что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?**" (Мф.7:3)? Так, лицемерам свойственно пред народом и в глазах всех целовать руки священников, касаться колен их, просить помолиться за них и, имея нужду в крещении, прибегать к дверям их, а дома и на площадях этих виновников и служителей таких благ для нас осыпать бесчисленными злословиями, или сочувствовать другим злословящим. Если отец действительно не хорош, то почему ты считаешь его достойным веры служителем страшных таинств? Если же он кажется тебе достойным веры служителем таинств, то для чего ты допускаешь, чтобы другие злословили его, не заграждаешь их уста, не выражаешь своего неудовольствия, не приходишь в негодование, чтобы получить великую награду от Бога и похвалу от самих хулителей? Ведь они, хотя бы были тысячекратно дерзкими, конечно будут хвалить и одобрять тебя за твою заботливость об отцах; напротив, если мы не будем делать этого, все станут осуждать нас, даже и сами хулители. Кроме того, прискорбно еще и то, что мы и там подвергнемся крайнему осуждению. Подлинно, ничто так не вредит церквам, как эта болезнь. Как тело, не надлежащим образом связанное покровом нервов, испытывает много болезней и делает жизнь не в жизнь, так и Церковь, не связанная крепкими и нерасторжимыми узами любви, испытывает множество войн, усиливает гнев Божий и подает повод ко многим искушениям. Чтобы этого не было, чтобы нам не прогневать Бога, не умножить наших бедствий, не навлечь на себя неизбежного наказания, и не наполнить нашей жизни многими горестями, обратим язык наш к благословению, будем каждый день разбирать нашу собственную жизнь и, предоставив судить о жизни других Тому, Кто в точности знает тайное, будем сами осуждать собственные свои грехи. Таким образом, можно будет нам избегнуть и огня геенского. Как те, которые разбирают чужие грехи, нисколько не заботятся о своих собственных, так те, которые боятся осматривать жизнь других, будут обращать великое внимание на свои проступки; а помышляя о своих грехах, и каждый день осуждая их и требуя от самих себя наказания за них, они будут иметь тогда кроткого к ним Судию. Это и Павел выражает, когда говорит: "**если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы**" (1Кор. 11:31). Итак, чтобы нам избегнуть такого приговора, оставив все прочее, будем заботиться о собственной жизни, укрощать помысл, влекущий ко грехам, располагать совесть к сокрушению и требовать от самих себя отчета в делах своих. Таким образом, мы можем облегчить бремя грехов, получить полное прощение, провести настоящую жизнь с удовольствием и сподобиться благ будущих, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДЫ О БРАКЕ

Три следующие беседы, из которых первая берет своим текстом слова ап. Павла: "Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену" (1Кор.7:2) и проч., вторая имеет своим предметом вопрос о браке с отверженной, а третья трактует об избрании супруги, очевидно, были произнесены одна за другой. Одно место в начале второй беседы показывает, что она следовала за первой, текстом которой она занимается. Третья беседа, вероятно, была произнесена несколько дней спустя после второй: доказательством этого может служить само вступление. Главным образом обсуждается вопрос (в первой) о совершении брака и о неудобстве распущенных танцев и соблазнительных песен, которыми во времена Златоуста обыкновенно сопровождались брачные церемонии. Проповедник затем восстает против тех, которые пребывают в блудодеянии даже после брака, а также против общественного мнения, которое не придает название блудодеяния неверности замужних женщин и соучастию их соблазнителей. В следующей беседе св. Иоанн Златоуст говорит об отвержении жены и заключает рассуждением о том, что непозволительно брать женщину, отвергнутую вследствие прелюбодеяния. Наконец,

самое заглавие третьей беседы об избрании супруги с достаточностью определяет предмет ее. В ней Златоуст восхваляет никоего Максима, которого он называет своим помощником и который вероятно, был тем епископом селевкийским в Исаврии, который раньше его проповедовал на этом месте: из этого свидетельства можно заключать, что св. Иоанн Златоуст в это время был уже архиепископом Константинопольским.

БЕСЕДА I

на слова апостола: "Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену" (1Кор.7:2)

1. И сегодня хочу я вести вас к источникам меда, – меда, который никогда не производит пресыщения. Таково свойство Павловых слов; и все, которые наполняют сердца свои из этих источников, говорят Духом Святым, или – лучше – всю сладость меда превосходит удовольствие, получаемое от божественных изречений. Это выразил и пророк, сказав: "**как сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устам моим**" (Пс.118: 103). И не только слаще меда, но и драгоценнее золота и всякого камня и чище всякого серебра удовольствие, получаемое от божественных изречений. "**Слова Господни – слова чистые, серебро, очищенное от земли в горниле, семь раз переплавленное**" (Пс.11:7). Поэтому и премудрый сказал: "**есть много меду - не хорошо, почитать же подобает словеса славные**"[1] (Притч.25:28), потому что от первого часто рождается болезнь, которой не было, а последним мы можем освободиться и от того недуга, который был; притом мед, будучи сварен, портится, а божественные изречения, когда переварятся, тогда делаются еще приятнее и полезнее как для тех, которые усвоили себе их, так и для многих других. И кто слишком много наслаждался трапезою чувственною, тот впоследствии, отрыгая от этого, делается неприятным имеющему с ним общение, а отрыгающий от духовного учения сообщает ближнему великое благовоние. Так Давид, постоянно насыщавшийся этою пищею, говорил: "**излилось из сердца моего слово благое**" (Пс.44:2), потому что можно отрыгать и злое слово. Как при трапезе чувственной от свойства яств зависит и качество отрыжки, так точно по свойству изречений, какими питаются, производят и отрыжку многие из людей. Например, если ты пошел на зрелище и слушал блудные песни, то такие же слова ты непременно будешь изрыгать и пред ближним; если же ты, пришедши в церковь, участвовал в слушании духовных изречений, то и отрыгать будешь ими. Вот почему и пророк говорил: "**излилось из сердца моего слово благое**", показывая нам яства той трапезы, в которой он постоянно участвовал. По тому же побуждению и Павел увещевает так: "**никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе**" (Еф.4:29). А какое, скажешь, слово гнило? Если узнаешь "**благое**", то узнаешь и "**гнилое**", потому что первое он выразил для различения второго. А какое слово ***благо,*** об этом ты не имеешь нужды спрашивать у меня, потому что сам Павел объяснил нам его свойство. Сказав: "**только доброе**", он прибавил: "**для назидания в вере**", – выражая, что ***благо*** то слово, которое назидает ближнего. Поэтому как назидающее слово – ***благо,*** так разрушающее – гнило и негодно.

Так и ты, возлюбленный, если имеешь сказать что-нибудь такое, от чего слушающий может сделаться лучшим, то не удерживай слова во время спасения; а если не имеешь ничего такого, но только речи порочные и развратные, то молчи, чтобы не повредить ближнему. То слово гнилое, которое не назидает слушателя, но еще развращает его. Если он заботится о добродетели, то часто побуждается к гордости; если же был беззаботен, то делается еще нерадивее. Если ты имеешь сказать слово постыдное и смешное, то молчи, потому что и то слово – гнило, которое делает более рассеянными и говорящего и слушающего и в каждом воспламеняет порочные пожелания. Как для огня составляют

пищу дрова и хворост, так для порочных пожеланий – слова. Поэтому не должно непременно высказывать все, что мы имеем в уме; но должно стараться удалять и из самого ума порочные пожелания и всякую постыдную мысль. Если же когда незаметным образом мы допустим у себя нечистые помыслы, то не будем никогда выводить их наружу языком, но будем подавлять их молчанием. Как дикие звери и пресмыкающиеся животные, попавши в яму, если найдут какой-нибудь выход на верх, то, вышедши, делаются еще более свирепыми, а если останутся навсегда заключенными внизу, то непременно погибают и легко пропадают: так точно и порочные пожелания, если найдут какой-нибудь выход чрез наши уста и посредством слов, то усиливают внутренний пламень, а если ты заключишь их посредством молчания, то они делаются слабее и истощаясь безмолвием, как бы голодом, скоро умирают в душе. Таким образом, если ты чувствуешь какое-нибудь постыдное пожелание, то не произноси постыдного слова: этим ты погасишь и пожелание. У тебя нечисты мысли? Пусть же, по крайней мере, будут чисты твои уста; не выноси вон этой грязи, чтобы не сделать вреда и другому и самому себе, потому что не только говорящим, но и слушающим других, когда говорят постыдное, придается много нечистоты. Поэтому прошу и советую, не только не говорить таких слов, но, когда и другие говорят, воздерживаться от слушания, и постоянно прилепляться к закону Божию. Поступающего так и пророк ублажает, когда говорит: "**блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь!**" (Пс.1:1,2).

2. В мирских собраниях, хотя иногда и говорится что-нибудь доброе, но среди многого дурного едва одно что-нибудь здравое скажут некоторые; а в божественных Писаниях все напротив: никогда не услышишь ты здесь ни одного дурного слова, но все они исполнены спасения и великого любомудрия. Таковы и те изречения, которые прочитаны нам сегодня. Какие же именно? "**А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины. Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа**" (1Кор.7:1,2). Павел преподает закон о браках, и не стыдится, не уклоняется – и совершенно справедливо. Если Господь его почтил, брак, и не постыдился, но украсил это дело и присутствием своим и даром – ведь Он принес и дары больше всех, превратив воду в вино – то, как стал бы стыдиться раб, преподавая закон о браке? Не брак – порочное дело, но порочно прелюбодеяние, порочное дело – блуд; а брак есть врачество, истребляющее блуд. Не будем же бесчестить его диавольскими торжествами, но, как поступили жители Каны Галилейской, так пусть поступают и ныне вступающие в брак: пусть они имеют среди себя Христа. Но как, скажут, может быть это? Чрез священников. "**Кто принимает вас, принимает Меня**" (Мф.10:40).

Итак, если ты отгонишь диавола, если устранишь блудные песни, развратные напевы, непристойные пляски, срамные речи, дьявольские обряды, крик, необузданный смех и прочие бесчинства, а введешь святых служителей Божиих, то поистине чрез них будет присущ и Христос с своею матерью и братьями. "**Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного**", говорит Он, "**тот Мне брат, и сестра, и матерь**" (Мф.12:50). Знаю, что для некоторых я кажусь тяжким и несносным, внушая это и уничтожая древний обычай. Но об этом я нисколько не беспокоюсь, потому, что не в лести от вас, а в пользе вашей я имею нужду, не в рукоплесканиях и в похвалах, а в преуспеянии и любомудрии. Пусть никто не говорит мне, что таков обычай: где совершается грех, там не упоминай об обычае; но, если совершаемое дурно, то, хотя бы и давши был обычай, оставь его; если же не дурно, то, хотя бы и не было обычая, введи и насади его. А что такие бесчинства не составляют древнего обычая, но суть некоторые нововведения, припомни, как Исаак вступил в брак с Ревеккою и как Иаков – с Рахилью. Писание упоминает об этих браках и говорит, как эти невесты были введены в дома женихов, но не упоминает ни о чем таком;

они учреждали пиршество и обед лучше обыкновенного и близких приглашали на брак, но не было там ни флейт, ни свирелей, ни кимвалов, ни неистовых плясок, ни прочих всех нынешних бесчинств. А в наше время поют песни с плясками в честь Афродиты, воспевая и прелюбодеяния, и нарушение брака, и незаконную любовь, и преступное кровосмешение, и много других поют в этот день песней, исполненных нечестия и бесстыдства, и после пьянства и такого бесчинства с срамными словами при всех выводят невесту. Как же, скажи мне, ты требуешь от нее целомудрия, приучая ее с первого дня брака к такому бесстыдству и распоряжаясь, чтобы пред ее глазами совершалось и говорилось то, что непристойно слушать даже честным невольникам? Столько времени отец с матерью старался охранять девицу, чтобы она не говорила и не слышала другого говорящим что-нибудь из таких речей, устрояя и внутренние покои, и женские отделения, и стражу, и двери, и запоры, и вечерние прогулки, и то, чтобы она не показывалась никому даже из близких, и многое другое кроме этого; а ты своим приходом ниспровергаешь все это в один день, делая ее бесстыдною посредством своего бесчестного торжества и внедряя развратные речи в душу невесты? Не отсюда ли столько последующих зол? Не отсюда ли прелюбодеяние и ревность? Не отсюда ли бездетство, вдовство и безвременное сиротство? Когда ты призываешь бесов такими песнями, когда исполняешь их желания срамными словами, когда вводишь в дом шутов и развратников и составляешь целое зрелище, когда наполняешь дом блудницами и устрояешь у себя пиршество для всего сонма бесов, то чего, скажи мне, ожидаешь ты доброго? Зачем же и приглашаешь ты священников, намереваясь на другой день совершать такие дела? Хочешь ли показать гостеприимство, приносящее пользу? Пригласи сонмы бедных. Но ты стыдишься и краснеешь? Что же хуже такого безрассудства, – вводя в дом диавола, не считать этого делом постыдным, а Христа привести стыдиться? Подлинно, как вместе с приходящими в дом бедными приходит Христос, так среди ликующих там шутов и развратников, ликует диавол. И притом от этих издержек нет никакой пользы, а напротив, происходит великий вред; а за те издержки ты скоро получишь великую награду. Никто в городе не делал этого? Но начни ты, постарайся быть первым учредителем такого доброго обычая, чтобы и потомки приписали его тебе. Кто станет соревновать, кто будет подражать этому обычаю, тот из внуков и правнуков на вопрос желающих знать скажет, что такой-то первый ввел этот прекрасный закон. В самом деле, если на мирских ристалищах, во время пиршеств, многие воспевают тех, которые придали особенное великолепие этим бесполезным занятиям, то тем более все будут превозносить это духовное занятие и воздавать благодарность первому, положившему такое дивное начало; и одним и тем же делом он сделает вместе и гостеприимство и пользу. Хотя и другие будут совершать то же, но ты, который первый насадил это, получишь воздаяние от этих плодов; чрез это скоро ты сделаешься отцом, это и детям послужит в пользу и жениху с невестою поможет достигнуть старости, потому что как грешникам Бог часто угрожает, говоря: "**и будут жены ваши вдовами и дети ваши сиротами**" (Исх.22:24), так тем, которые во всем повинуются Ему, Он обещает даровать маститую старость и вместе с тем все блага.

3. И от Павла можно слышать, что множество грехов часто производило безвременную смерть. "**Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает**" (1Кор.11: 30). А бедные, получая пропитание, не допускают случиться ничему такому, но если случится что-нибудь неожиданное, весьма скоро исправляют это, как можешь узнать из примера девицы, жившей в Иоппии. Когда она лежала мертвою, то бедные, которых она питала, стоя вокруг нее и проливая слезы, воскресили ее и возвратили к жизни (Деян.9:36-41). Столько молитва вдов и бедных полезнее всякого смеха и ликования! Там веселие на один день, а здесь – постоянная польза. Представь, как важно, когда невеста, приняв на свою голову столько благословений, входит в дом жениха. Каких это почтеннее венцов? Какого полезнее богатства? Между тем совершающееся теперь бывает крайне безумно и

безрассудно. Подлинно, если бы даже никакое наказание и никакое мучение не угрожало так бесчинствующим, то представь, какое мучение для новобрачных переносить столько срамных слов торжественно, в слух всех, от людей пьяных и расстроенных в уме. Бедные, получая милостыню, благословляют и молятся о подаянии множества благ; а те, после пьянства и обжорства, бросают на голову новобрачных всю грязь насмешек, соревнуя в этом друг с другом некоторым дьявольским соревнованием, и как будто собрались враги, так близкие к ним состязаются друг с другом, чтобы произносить о вступающих в брак слыханные или неслыханные колкости, подражая неприятелям; и это состязание их друг с другом заставляет жениха с невестою испытывать чрезвычайный стыд.

После этого нужно ли нам, скажи мне, искать другого доказательства на то, что они делают и говорят это по внушению бесов, движущих души их? Кто будет сомневаться, что по внушению бесов, движущих души их, и говорится и делается ими все это? Никто, потому что таковы дары диавола: злословие, пьянство, омрачение души. Если же кто считает худым предзнаменованием приводить вместо того бедных и станет называть это признаком несчастья, то пусть знает, что кормить не бедных и вдов, а развратных и блудниц, есть предвестие всякой неприятности и бесчисленных зол. Часто с этого самого дня блудница, уходя, похищала новобрачного от друзей в плен свой, погашала любовь его к невесте, разрушала благо-расположение, уничтожала привязанность, прежде чем она усилилась, и бросала семена прелюбодеяния. Если уж не чего-нибудь другого, то этого должны были бы страшиться отцы и запрещать шутам и плясунам присутствовать на браках. Брак установлен не для того, чтобы мы распутствовали, не для того, чтобы предавались блудодеянию, но чтобы были целомудренными. Послушай Павла, который говорит: "**но во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа**" (1Кор.7:2). Так, две цели, для которых установлен брак: чтобы мы жили целомудренно и чтобы делались отцами; но главнейшая из этих двух целей – целомудрие. После того, как появилась похоть, введен и брак, пресекающий неумеренность и побуждающей довольствоваться одною женою. А рождение детей, конечно, происходит не от брака, но от слов, сказанных Богом: "**плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю**" (Быт.1: 28); это доказывают те, которые, вступив в брак, не делались отцами. Таким образом, главная цель брака – целомудрие, особенно теперь, когда вся вселенная наполнилась нашим родом. Вначале желательно было иметь детей, чтобы каждому оставить память и остаток после своей жизни. Когда еще не было надежды на воскресение, но господствовала смерть, и умиравшие думали, что после здешней жизни они погибают, тогда Бог давал утешение в детях, чтобы оставались одушевленные образы отшедших, чтобы сохранился род наш, и умиравшие и близкие к ним имели величайшее утешение в их потомках. А дабы тебе убедиться, что поэтому особенно вожделенны были дети, послушай, что оплакивает пред Иовом жена его после многих бедствий: ее, говорит она, "**погибли с земли память твоя, сыновья и дочери**" (Иов.2:9). Также Саул говорит Давиду: "**поклянись мне Господом, что ты не искоренишь потомства моего после меня и не уничтожишь имени моего в доме отца моего**" (1Цар.24:22). Когда же, наконец, воскресение стало при дверях, и нет никакого страха смерти, но мы идем к другой жизни лучшей, нежели настоящая, то и забота о том сделалась излишней. Если же ты желаешь детей, то можешь приобрести лучших и полезнейших теперь, когда введено некоторое духовное чревоношение, лучшее рождение и полезнейшие питатели старости. Следовательно, некоторым образом – одна цель брака, чтобы не предаваться блудодеянию, и для этого введено такое врачество. Если же ты намереваешься и после брака предаваться блудодеянию, то излишне было тебе и вступать в брак, бесполезно и напрасно, и не только напрасно и бесполезно, но и вредно, потому что не одинаковое дело – предаваться блуду, не имея жены, или после брака опять делать то же самое. Последнее уже не блуд, а прелюбодеяние. Хотя и странны эти слова, но справедливы.

4. Знаем, что многие называют прелюбодеянием только то, когда кто развращает замужнюю женщину; но что касается до меня, то с общественной ли блудницей, или с рабою, или с какого-нибудь другою женщиною, не имеющею мужа, соединяется беззаконно и распутно человек, имеющий жену, это я называю прелюбодеянием. Вина прелюбодеяния зависит не только от тех, которым наносится позор, но и от тех, которые наносят его. Не говори мне теперь о внешних законах, которые жен прелюбодействующих влекут в судилище и подвергают наказаниям, а мужей, которые имеют жен и развратничают с служанками, оставляют без наказания; я прочитаю тебе закон Божий, Который равно укоряет и жену и мужа и называет это дело прелюбодеянием. Сказав: "**и каждая (жена) имей своего мужа**", апостол присовокупил: "**муж оказывай жене должное благорасположение**" (1Кор.7:3). Что хотел он выразить этими словами? Неужели то, чтобы он сберегал ей денежные доходы, чтобы хранил в целости приданое, чтобы доставлял драгоценные одежды, или роскошнейший стол, или блистательные выходы, или большую толпу слуг? Что говоришь ты? Какого требуешь ты рода "**благорасположения**"? И это все служит знаком любви. Нет, говорит апостол, ничего такого я не разумею, но говорю о целомудрии и чистоте. Тело мужа уже не принадлежит мужу, но жене. Пусть же он хранит в целости собственность ее, пусть не уменьшает и не повреждает ее. Ведь и из слуг тот называется преданным, который, приняв имущество господ, ничего не тратит из него. Поэтому, так как тело мужа есть собственность жены, то пусть муж будет верен в отношении к этому залогу. А что он действительно разумел это, когда сказал: "**оказывает благорасположение**", для того он присовокупил: "**жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена**" (1Кор.7: 4). Итак, когда ты видишь блудницу, соблазняющую, увлекающую, жаждущую твоего тела, то скажи ей: это тело не мое, но принадлежит моей жене, я не смею злоупотреблять им и отдать его другой женщине. Так пусть поступает и жена. В этом между ними совершенное равенство, хотя в других отношениях Павел отдает большое преимущество мужу и говорит так: "**так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа**" (Еф.5:33), и еще: "**муж есть глава жены**", и еще: "**жены, повинуйтесь своим мужьям**" (Еф.5:23,22); также в ветхом завете сказано: "**и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою**" (Быт.3:16), Как же здесь он определил равную взаимность подчинения и господства? В самом деле, сказать: "**жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена**" – значит определить полное равенство. Как муж есть господин ее тела, так и жена – госпожа его тела. Почему же он определил такое равенство? Потому что там необходимо превосходство; а здесь, когда дело идет о целомудрии и чистоте, то муж не имеет никакого преимущества пред женою, но подобно ей наказывается, если нарушает законы брака. И весьма справедливо. В самом деле, не для того пришла к тебе жена, оставила отца и мать и весь дом, чтобы подвергаться оскорблению, чтобы ты принимал вместо нее низкую служанку, чтобы делал ей множество неприятностей; ты взял в ней спутницу, подругу жизни, свободную и равночестную. Подлинно, не безрассудно ли, – получив приданое, показывать свою благорасположенность и нисколько не уменьшать его, а то, что драгоценнее всякого приданого, целомудрие и чистоту и тело свое, которое есть собственность жены, растлевать и осквернять? Если ты истратишь приданое, то отвечаешь пред тестем; а если потеряешь целомудрие, то дашь отчет Богу, который установил брак и вручил тебе жену. А что это справедливо, послушай, что говорит Павел о прелюбодеях: "**непокорный непокорен не человеку, но Богу, Который и дал нам Духа Своего Святаго**" (1Фес.4:8). Видишь ли, как слово Божие внушает, что прелюбодеяние состоит не только в том, когда имеющий жену совершает блуд с женщиной замужней, но и с какою бы ни было блудницею? Как о женщине, имеющей мужа, мы говорим, что она прелюбодействует, с слугою ли грешит она, или с кем бы ни было, – так и о муже мы должны сказать, что он прелюбодействует, когда, имея сам жену, распутствует, с рабынею ли, или с какой бы то ни было общественною блудницею. Не

будем же пренебрегать своим спасением и отдавать душу свою диаволу чрез этот грех. Отсюда происходит множество бедствий, разрушающих дома и множество раздоров; от этого иссякает любовь и уничтожается благорасположение. Как невозможно, чтобы человек целомудренный презирал свою жену и когда-нибудь пренебрег ею, так невозможно, чтобы человек развратный и беспутный любил свою жену, хотя бы она была прекраснее всех. От целомудрия рождается любовь, а от любви бесчисленное множество благ. Итак, считай прочих женщин как бы каменными, зная, что если ты после брака посмотришь похотливыми глазами на другую женщину, хотя бы общественную, хотя бы замужнюю, ты делаешься виновным в грехе прелюбодеяния. Каждый день повторяй себе эти слова; и если увидишь, что в тебе возбуждается похоть к другой женщине и затем твоя жена от этого кажется тебе неприятною, то войди во внутреннюю комнату и, раскрыв эту книгу, взяв в посредники Павла и непрестанно повторяя эти слова, погаси пламень. Таким образом, и жена опять будет для тебя вожделенною, потому что такое пожелание не станет истреблять твоего благорасположения к ней; и не только жена будет более вожделенною, но и ты сам окажешься гораздо почтеннейшим и благороднейшим. Нет, подлинно нет ничего постыднее человека, который блудодействует после брака. Он чувствует стыд не только пред тестем и друзьями и встречными, но и пред самими рабами. И не только это зло постигает его, но и сам дом кажется ему несноснее всякой темницы, тогда как он имеет пред глазами возлюбленную и постоянно мечтает о блуднице.

5. Хочешь ли узнать в точности, как велико это зло? Представь, какую жизнь ведут те, которые подозревают своих жен, как неприятна им пища, неприятно питье. Им кажется, что стол их наполнен отравами, и как от заразы, бегут они от своего дома, исполненного бесчисленных зол. Нет у них сна, не приносить им спокойствия ни ночь, ни общество друзей, ни сами лучи солнца; но сам свет считают они несносным для себя не только тогда, когда видят, что жена предается прелюбодеянию, но даже если только подозревают ее в этом. Подумай же, что и жена терпит то же самое, когда слышит от кого-нибудь, или только подозревает, что ты предал себя блудной женщине. Представляя это, не только избегай прелюбодеяния, но не подавай повода и к подозрениям; а если жена будет подозревать несправедливо, то успокой ее и разуверь. Не по вражде, или гордости она делает это, но от заботливости и от того, что очень боится за свою собственность. Твое тело, как я выше сказал, есть ее собственность, и собственность драгоценнее всякого имущества. Не обижай же ее в важнейшем предмете и не наноси ей смертельной раны. Если презираешь ее, то побойся Бога, мстителя за такие дела, который угрожает невыносимыми наказаниями за такие грехи, потому что о тех, которые осмеливаются делать это, Господь говорит: "**где червь их не умирает и огонь не угасает**" (Мк.9:48). Если же не очень устрашает тебя будущее, то побойся, по крайней мере, настоящего; многие из тех, которые прилепляются к блудницам, и здесь "**злодеев сих предаст злой смерти**" (Мф.21:41), пострадав от козней распутных женщин. Они, стараясь друг перед другом отклонить человека от сожительницы, соединенной с ним браком, и вполне подчинить его своей любви, прибегали к волшебствам, составляли чары и употребляли много обаяний; потом, подвергнув его, таким образом, тяжкой болезни, предав тлению и продолжительному гниению и навлекши; на него тысячи зол, лишали настоящей жизни. Если ты, человек, не страшишься геенны, то побойся их обаяний. Когда ты чрез, такое распутство сделаешься чуждым божественного содействия и лишишь себя вышней помощи, тогда блудница, смело взяв тебя и призвав своих бесов, составив чары и устроив козни, весьма легко повредит твоему спасению и выставит тебя на позор и посмеяние всем жителям города, так что они даже не пожалеют о твоем злополучии. И "**кто пожалеет**", говорит премудрый, "**об ужаленном заклинателе змей и обо всех, приближающихся к диким зверям?**" (Сир.12:13). Не говорю уже о потере имущества, об ежедневных подозрениях, надменности, наглости, оскорблении, которое блудницы

делают глупцам; это горше тысячи смертей. От жены часто ты не переносишь и одного тяжелого слова, а перед блудницею, когда она даже бьет тебя, благоговеешь. И ты не стыдишься, не краснеешь, не желаешь, чтобы пред тобою разверзлась земля? Как можешь ты войти в церковь и воздеть руки к небу? Как призовешь Бога устами, которыми ты целовал блудницу? И ты не трепещешь, скажи мне, и не боишься, чтобы когда-нибудь молния, упавши свыше, не сожгла твою бесстыдную голову? Хотя бы ты и укрылся от своей обиженной жены, но никогда не укроешься от недремлющего ока. Так и тому прелюбодею, который говорит: "**вокруг меня тьма, и стены закрывают меня, и никто не видит меня: чего мне бояться?**": премудрый отвечал: "**очи Господа в десять тысяч крат светлее солнца, и взирают на все пути человеческие**" (Сир.23: 25-28). По всему этому и сказал Павел: "**каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу**" (1Кор.7:2,3). "**Ибо мед источают уста чужой жены, и мягче елея речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый**" (Притч.5:3,4). Поцелуй блудницы заключает в себе яд, яд тайный и скрытный. Зачем же ты гоняешься за удовольствием, которое ведет к осуждению, производит гибель, наносит неизлечимую рану, тогда как можно получать удовольствие, не подвергаясь никакому злу? С свободною женою и удовольствие, и безопасность, и покой, и честь, и красота, и добрая совесть; а там великая горечь, великий вред, постоянное осуждение. Хотя бы никто из людей не видал, совесть никогда не перестанет осуждать тебя; куда бы ты ни пошел, этот обвинитель будет следовать за тобою, осуждая и громко взывая против тебя. Таким образом, кто ищет удовольствия, тот особенно и пусть избегает общения с блудницами, потому что нет ничего горче этой привычки, ничего неприятнее этого общения, ничего порочнее этих нравов. "**Пусть беседует с тобою лань любви и жребя твоих наслаждений: Источник твоей воды да будет у тебя свой собственный**" (Причт.5:19,18). Имея чистый источник воды, для чего ты бежишь к болоту, наполненному грязью, пахнущему геенною и невыразимым наказанием? Какое ты будешь иметь оправдание, какое прощение? Если предающиеся блуду прежде брака осуждаются и наказываются, подобно тому человеку, который был одет в грязные одежды, то тем более – после брака. Здесь бывает двойное и тройное преступление, как потому, что они, наслаждаясь удовольствием, устремились к такому распутству, так и потому, что это дело не только блуд, но признается и прелюбодеянием; это тяжелее всякого греха. Будем же постоянно повторять это и самим себе и женам; поэтому и я заключу речь теми же словами: "**но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена**" (1Кор.7:2-4). Тщательно соблюдая эти слова, и на площади, и дома, и днем, и вечером, и за столом, и на ложе, и везде, будем и сами стараться, и жен научать, и мы говорить, и нам говорить так, чтобы, целомудренно прожив настоящую жизнь, сподобиться нам и царства небесного, благодати и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Это место мы перевели в соответствии с толкованием Златоуста. В славянском тексте: "**ясти меде много не добро: почитати же подобает словеса славна**" (Притч.25:28); в переводе проф. Юнгерова: "**Есть много меду - не хорошо, так же нужно ценить и хвалебные слова**" (Притч.24:28); в Синодальном переводе: "**Как нехорошо есть много меду, так домогаться славы не есть слава**" (Притч.25:27).

БЕСЕДА II

на слова: "Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе. Но она блаженнее, если останется так" (1Кор.7:39-40)

1. Недавно блаженный Павел преподавал нам закон о браке и правах брака, говоря в послании к Коринфянам так: "**а о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины. Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа**" (1Кор.7:1,2). Поэтому и мы целую беседу посвятили этим словам. Сегодня опять нужно беседовать с вами о том же предмете, потому что и сегодня тот же Павел говорит о том же. Вы слышали его вещание и изречение: "**жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе. Но она блаженнее, если останется так, по моему совету; а думаю, и я имею Духа Божия**" (1Кор.7:39,40). Последуем же за ним и сегодня, и будем беседовать об этом предмете, потому что, следуя за Павлом, чрез него мы непременно будем следовать за Христом, так как и он писал все не сам по себе, а следуя Христу. Подлинно, не маловажное дело – брак благоустроенный; равно как для тех, которые живут в нем не надлежащим образом, он бывает причиною множества несчастий. Жена как бывает помощницею, так часто бывает и вредительницею. Брак есть как пристань, так и кораблекрушение, не по своему свойству, но по расположению худо живущих в нем. Кто соблюдает его должным образом по законам, тот после дел на торжище и всех разнообразных зол находит некоторое утешение и отраду в своем доме и в своей жене; а кто принимает на себя это дело необдуманно и как случилось, тот, хотя бы на торжище наслаждался великим миром, по прибытии домой встречает скалы и подводные камни. Поэтому, так как нам предстоит опасность не в маловажном деле, то необходимо со вниманием слушать сказанное и, кто намеревается вступить в брак, делать это согласно с законами Павла, или – лучше – с законами Христа. Знаю, что многим эти слова кажутся новыми и странными; но, не смотря на это, я не буду молчать, а наперед прочитав вам закон, потом постараюсь разрешить кажущееся в нем противоречие. Какой же это закон, который предложил нам Павел? "**Жена**", говорит он, "**связана законом**". Итак, она не должна отделяться от живого мужа, принимать другого супруга, или вступать в другой брак. И заметь, с какою точностью он употребляет сами выражения. Не сказал: пусть живет вместе с мужем, пока он жив, но что? "**Жена связана законом, доколе жив муж ее**", так что, хотя бы он дал ей запись отпущения, хотя бы она оставила дом и ушла к другому, она связана законом, она и в таком случае – прелюбодейка.

Поэтому, если муж захочет отвергнуть жену, или жена оставить мужа, то пусть вспомнит это изречение и представит присущим Павла, который, осуждая ее, вещает: "**жена связана законом**". Как беглые рабы, хотя оставляют господский дом, влекут за собою и свои цепи, так и жены, хотя бы оставили мужей, имеют вместо цепей закон, который осуждает их, обвиняет в прелюбодеянии, осуждает и тех, которые берут их, и говорит: муж еще жив, и дело это есть прелюбодеяние. "**Жена связана законом, доколе жив муж ее**". И "**кто женится на разведенной, тот прелюбодействует**" (Мф.5:32). Когда же, скажешь, можно будет ей вступить во второй брак? Когда? Когда она освободится от цепей, когда умрет муж. Объясняя это, апостол не прибавил так: когда *скончается* муж ее, она свободна выйти, за кого хочет, но: "**умрет**" (κοιμυή, упокоится), – как бы утешая ее во вдовстве и внушая оставаться при прежнем и не соединяться со вторым супругом. Не умер муж твой, а спит. Кто не ожидает спящего? Поэтому он и говорит: "**если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет**" не сказал: пусть вступает в брак, чтобы не показалось, будто он заставляет и принуждает; он и не препятствует желающей вступить во второй брак, и не заставляет нежелающую, но сказал закон такой: "**свободна выйти, за кого хочет**". Называя ее свободною после смерти мужа, он выразил, что прежде этого, при его жизни, она была рабою; а, будучи рабою и подчиненною закону, хотя бы она

получила тысячу раз запись отпущения, она по закону виновна в прелюбодеянии. Рабам позволительно переменять живых господ, а жене непозволительно переменять мужей, при жизни мужа, потому что это – прелюбодеяние. Не указывай мне на законы, постановленные внешними, дозволяющие давать запись отпущения и разводиться. Не по этим законам будет судить тебя Бог в тот день, а по тем, которые Он сам постановил. И мирские законы дозволяют это не просто и не без ограничения, но и они наказывают за это дело, так что и отсюда видно, что они неблагосклонно смотрят на этот грех, потому что виновницу развода они лишают имущества и отпускают без всего, и того, кто подает повод к разводу, наказывают денежным убытком; а они, конечно, не поступали бы так, если бы одобряли это дело.

2. Что же Моисей? И он делал это по той же причине. Но ты послушай Христа, который говорит: "**если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**" (Мф.5:20).

Послушай также следующих слов Его: "**кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует**" (Мф. 5:32). Для того и пришел Единородный Сын Божий, для того принял зрак раба, для того пролил драгоценную кровь Свою, разрушил смерть, попрал грех, даровал обильнейшую благодать Духа, чтобы возвести тебя к высшему любомудрию. Впрочем, и Моисей постановил такой закон не без причины, но, будучи вынужден снизойти к немощи тех, которым он давал закон. Они были скоры на убийство, родственной кровью наполняли дома и не щадили ни своих, ни чужих; поэтому, чтобы они в домах не убивали жен, которые сделались им неприятными, он заповедал разводиться, предупреждая большее зло – удобство к убийствам. А что они были склонны к убийству, послушай самих пророков, которые говорят: "**созидающие Сион кровью и Иерусалим – неправдою**" (Мих.3:10); еще: "**кровопролитие следует за кровопролитием**" (Ос.4:2); и еще: "**ваши руки полны крови**" (Ис.1:15). А что они неистовствовали не только против чужих, но и против своих, и на это указывает пророк, когда говорит: "**и приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам**" (Пс.105:37). А не щадившие детей своих не стали бы щадить жен. Чтобы этого не было, Моисей и дал такое дозволение. Поэтому и иудеям, которые спрашивали и говорили: как "**как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею?**", Христос, желая показать, что Моисей не в противоречие Ему написал этот закон, говорит так: "**Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими, а сначала не было так**", но "**Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их?**" (Мф.19:4-19). Если бы это было хорошо, говорит, то Бог не сотворил бы одного мужа и одну жену, но, сотворив одного Адама, сотворил бы двух жен, если бы хотел, чтобы можно было одну отвергнуть, а другую принять; а здесь самым способом сотворения Он постановил закон, который теперь Я предписываю. Какой же именно? Тот, чтобы ту жену, которая сначала досталась, иметь при себе постоянно; этот закон древнее того, и настолько, насколько Адам древнее Моисея. Таким образом, Я теперь не ввожу нового закона, и не предлагаю странного учения, но такое, которое старее и древнее Моисея. Не излишне выслушать и самый закон Моисея, который он постановил об этом. "**Если кто возьмет жену и сделается ее мужем, и она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что-нибудь противное, и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего**" (Втор.24:1). Смотри, он не сказал: пусть напишет и пусть даст, но что? "**Напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки**". Между тем и другим великое различие. Сказать: пусть напишет и пусть даст, свойственно повелевающему и требующему; а сказать: "**напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки**" свойственно повествующему о том, что бывает, а не от себя предписывающему закон. Если кто, говорит он, отвергнет жену "**и отпустит ее из дома своего, и она выйдет**

из дома его, пойдет, и выйдет за другого мужа, но и сей последний муж возненавидит ее и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего, или умрет сей последний муж ее, взявший ее себе в жену, – то не может первый ее муж, отпустивший ее, опять взять ее себе в жену" (Втор.24:2-4). Потом в знак того, что он не одобряет этого дела и не считает его браком, но снисходит к немощи их, после того как сказал: "**то не может первый ее муж, отпустивший ее, опять взять ее себе в жену**", он присовокупил: "**после того как она осквернена**", объясняя самим образом выражения, что второй брак, при жизни первого мужа, есть скорее осквернение, чем брак. Поэтому он и не сказал: по вступлении ее в брак. Видишь, что он говорит согласно с Христом? Потом приводит и причину: "**ибо сие есть мерзость пред Господом**". Так говорит Моисей; а пророк Малахия гораздо яснее Моисея выражает то же самое, или – лучше – не Малахия, но Бог чрез Малахию, и говорит так: "**Он уже не призирает более на приношение и не принимает умилоствительной жертвы из рук ваших**". Потом, сказав это, говорит: "**Господь был свидетелем между тобою и женою юности твоей, против которой ты поступил вероломно**" – и, желая показать, сколь велико это зло, и лишить сделавшего это всякого оправдания, дальнейшими словами усиливает осуждение, продолжая так: "**она подруга твоя и законная жена твоя**", "**но не сделал ли того же один, и в нем пребывал превосходный дух**" (Мал. 2:14,15). Смотри: сколько он исчисляет прав: во-первых, со стороны возраста, "**жена юности твоей**"; далее, со стороны потребности: "**она подруга твоя и законная жена твоя**"; потом, со стороны образа сотворения: "**но не сделал ли того же один, и в нем пребывал превосходный дух**".

3. Ко всему этому Малахия прибавляет то, что важнее всего – достоинство Создателя, что означают слова: "**но не сделал ли того же один**". Ты не можешь, говорит, сказать, что тебя сотворил Бог, а ее не Бог, но некто другой низший Его, потому что один и тот же привел в бытие их обоих; и так, если не по чему другому, то по уважению к этому питай к ней любовь. Если часто для рабов, ссорящихся друг с другом, служит побуждением к согласию то, что они должны служить одному и тому же господину, то тем больше так должно быть между нами, когда мы оба имеем одного и того же Создателя и Владыку. Видишь ли, как еще в ветхом завете получили свое начало и предуготовление заповеди нового любомудрия? Так как (иудеи) долгое время были воспитываемы законом и должны были перейти к совершенным заповедям, и их общественные учреждения уже достигали конца, то пророк в надлежащее время и ведет их к этому любомудрию. Будем же повиноваться такому прекрасному закону, и хранить себя от всякого стыда, не будем ни отвергать своих жен, ни принимать отвергнутых другими. С каким лицом ты будешь смотреть на мужа этой жены, какими глазами – на его друзей и слуг? Если по смерти супруга взявши его жену, увидев потом пред собою одно только изображение его, испытывает тяжелое и неприятное чувство, то видящий живого мужа своей сожительницы какую будет вести жизнь? Как будет входить в дом? С какими мыслями, какими глазами будет видеть в жене его свою?

Или – лучше – отпущенную никто не мог бы справедливо назвать женою ни его, ни своею, потому что прелюбодейка – ничья жена. Она и в отношении к тому нарушила условия, и к тебе пришла не согласно с законами. Каким же было бы безумием – вводить в дом то, что исполнено таких зол? Разве есть недостаток в женщинах? Для чего же, тогда как есть много таких, которых можно брать согласно с законами и с чистою совестью, мы обращаемся к запрещенным, расстраивая дома, производя междоусобные брани, навлекая на себя везде вражду, отверзая уста бесчисленному множеству осуждающих, посрамляя собственную жизнь и, что всего тяжелее, приготовляя себе неизбежное наказание в день суда? В самом деле, что скажем мы тогда имеющему судить нас, когда, представив закон и прочитав, Он скажет: Я повелел не брать отпущенной жены, сказав, что это дело – прелюбодеяние; как же ты осмелился вступить в запрещенный брак? Что мы скажем, и

что будем отвечать? Там уже нельзя сослаться на светские законы, но необходимо в молчании и связанными идти в геенский огонь вместе с прелюбодеями и осквернившими чужие браки, потому что и отвергнувший жену без причины, состоящей в прелюбодеянии, и женившийся на отвергнутой, при жизни мужа, наказываются одинаково вместе с отвергнутой. Поэтому увещеваю, прошу и умоляю, мужей – не отвергать жен, и жен – не оставлять мужей, но слушать Павла, который говорит: "**Жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе**".

Какое же могут получить прощение те, которые, не взирая на Павла, дозволяющего и второй брак по смерти супруга и предоставляющего такую свободу, осмеливаются делать это прежде смерти супруга? Какое могут иметь оправдание как те, которые берут жен при жизни мужей их, так и те, которые ходят к общественным блудницам? Ведь и это другой вид прелюбодеяния: имея дома жену, входить в общение с блудницами. Как жена, имеющая мужа, отдавая себя рабу или кому-нибудь свободному, не имеющему жены, делается виновной пред законами в прелюбодеянии, так если и муж, имеющий жену, грешит хотя бы с общественной блудницею, хотя бы с другой женщиной, не имеющею мужа, то это дело признается прелюбодеянием. Итак, будем убегать и этого вида прелюбодеяния. Ведь что мы можем сказать, на что сошлемся, решаясь на такие дела? Какой представим благовидный предлог? Естественное пожелание? Но пред нами стоит данная нам жена и лишает нас этого оправдания. Для того и установлен брак, чтобы ты не блудодействовал. Или – лучше – не только жена, но и многие другие, имеющие одно и то же с нами естество, лишают нас этого оправдания. Когда подобный тебе раб, одаренный таким же телом, имеющий такое же пожелание, побуждаемый такою же потребностью, не смотрит ни на какую другую женщину, но остается довольным одною своею женою, то каким оправданием может быть для тебя ссылка на пожелание? Но что я говорю об имеющих жен? Представь себе людей, постоянно живущих в в девстве, совершенно не причастных браку и оказывающих великое целомудрие. Если же другие без брака остаются целомудренными, то, какое можешь получить прощение ты, блудодействуя в браке? Пусть выслушают это и мужья и жены, и вдовы и замужние: ко всем, говорит Павел, и относится этот закон: "**жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе**". И имеющим мужа, и не имеющим, и вдовствующим, и вступающим во второй брак, и всем вообще полезно это изречение. Имеющая мужа не решится, при жизни его, принадлежать другому, услышав, что она "**связана**" с ним, пока он жив; также и лишившаяся мужа, если захочет вступить во второй брак, сделает это не просто и как случится, но согласно с законами, постановленными Павлом, который говорит: "**свободна выйти, за кого хочет, только в Господе**", т.е. с воздержанием, с честностью. Если же она решится остаться верной условиям с умершим, то услышит о назначенных ей венцах, и укрепится в своей решимости. "**Но она блаженнее**", говорит апостол, "**если останется так**" (1Кор.7:40).

4. Видишь ли, как это изречение полезно для всех, снисходя к немощи первых и последних, не лишал принадлежащих им похвал? Как апостол поступил в отношении к браку и девству, так и в отношении к первому и второму браку. Как там он не запретил брака, чтобы не обременить немощнейших, и не поставил его в непременную обязанность, чтобы желающих оставаться в девстве не лишить назначенных венцов, но показал, что брак – хорошее дело, вместе с тем и объяснил, что девство лучше; так точно и здесь опять он предлагает нам другие степени, объясняя, что вдовство лучше и выше, а второй брак – хуже и ниже, и таким образом ободряя сильнейших и не желающих унижаться, и вместе не попуская пасть слабейшим. Сказав: "**но она блаженнее**", и предупреждая, чтобы ты не подумал, будто это закон человеческий, услышав слова его: "**по моему совету**", он присовокупил: "**а думаю, и я имею Духа Божия**" (1Кор. 7:40). Поэтому ты не можешь сказать, что это – мнение человеческое, но это – определение благодати Духа и закон

божественный. Итак, не будем думать, что это – слова Павла, но – Утешителя, который преподает нам такой закон. Если же он говорит: "**думаю**", то говорит не как не знающий, но как умеренный и скромный. Таким образом, о том, что она "**блаженнее**", он сказал; а как "**блаженнее**", об этом не прибавил, сделав достаточное указание в том, что он преподает определение Духа. Если же ты хочешь исследовать это и суждением, то найдешь здесь великое обилие доказательств, и увидишь, что вдова блаженнее не только по отношению к будущему веку, но и в настоящей жизни. Это самое разумел Павел, как он и выразил, говоря о девах. Увещевая и советуя избрать девство, он сказал так: "**по настоящей нужде за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться так**"; и далее: "**если девица выйдет замуж, не согрешит**" (1Кор. 7:26, 28), разумея здесь не такую деву, которая отказалась вступать в брак, но только не испытавшую брака, а не ту, которая обязалась обетом постоянного девства. "**Таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль**". Этим одним простым словом он предоставил благоразумному слушателю припомнить все, и болезни рождения, и воспитание детей, и заботы, и болезни, и безвременные смерти, и несогласия, и ссоры, и угождение бесчисленному множеству мнений, и ответ за чужие грехи, и принятие бесчисленных скорбей в одну душу. От всех этих зол избавляется избравшая девство, и вместе с избавлением от неприятностей имеет в надежде великую награду в будущей жизни. Зная все это, постараемся довольствоваться первым браком; если же готовимся вступить во второй, то – надлежащим образом и с должным настроением, по законам Божиим. Поэтому апостол и сказал: "**свободна выйти,**

за кого хочет", и присовокупил: "**только в Господе**", предоставляя свободу и вместе ограждая эту свободу, уступая власть и вместе полагая этой власти пределы и законы со всех сторон, напр. – чтобы жена не принимала в дом мужей беспутных и развратных, или упражняющихся на зрелищах, или склонных к прелюбодеянию, но с честностью, с целомудрием, с благоговением, чтобы все делалось во славу Божию. Так как часто многие жены, по смерти первых мужей, сначала предавались блудодеянию, а потом принимали следующих, и придумывали другие нечистые способы жизни, то он и прибавил: "**только в Господе**" – чтобы второй брак не имел ничего подобного. Таким образом, вдова может избавиться от обвинений. Всего лучше – ожидать умершего мужа и соблюдать условия с ним, избрать воздержание и находиться при оставшихся детях, чтобы приобрести большее благоволение от Бога. Если же кто захочет вступить во второй брак, то нужно делать это с целомудрием, – с честностью, согласно с законами, – потому что и это дозволяется, а запрещается только блуд и прелюбодеяние. Его будем избегать, и имеющие жен и не имеющие; не станем срамить свою жизнь, проводить смешной образ жизни, осквернять тело, носить в душе нечистую совесть. Как можешь ты войти в церковь после беседы с блудницами? Как будешь простирать к небу руки, которыми ты обнимал блудницу? Как двигать язык и призывать Бога теми устами, которыми ты целовал блудницу? Какими глазами будешь смотреть на честнейших из друзей? Но что я говорю о друзьях? Хотя бы и никто не знал об этом, ты сам принужден будешь стыдиться себя самого и краснеть пред всеми, а больше всего отвращаться от собственного тела. Если это не так, то почему ты после такого греха бежишь в умывальницу? Не потому ли, что ты считаешь сам себя не чище всякой грязи? Какого другого желаешь ты большего доказательства нечистоты дела, или какого ожидаешь определения от Бога, когда ты сам, согрешивший, имеешь такое понятие об этом деле?

То, что сами себя признают нечистыми, я весьма хвалю и одобряю, а то, что принимаются не за надлежащий способ очищения, осуждаю и укоряю. Если бы это была только нечистота телесная, то справедливо ты мог бы очищать себя омовением в умывальнице; но когда ты осквернил душу и сделал ее нечистою, то ищи такого очищения, которое могло бы смыть ее нечистоту. Какое же есть средство омовения от этого греха? Горячие источники слез, воздыхания, исходящие из глубины сердца, постоянное сокрушение,

усердные молитвы, милостыни и щедрые милостыни, осуждение сделанного, решимость больше не делать таких дел; так грех существенно смывается, так очищается нечистота души; а если мы не сделаем этого, то хотя бы побывали во всех источниках рек, мы не будем в состоянии смыть и малой части этого греха. Итак, гораздо лучше – и не испытывать этого отвратительного греха. Но если кто когда-нибудь падет, то пусть прилагает те врачества, дав наперед обещание – больше не впадать в то же самое. А если мы, согрешив, будем осуждать уже сделанное, и потом опять начинать то же, то не будет нам никакой пользы от очищения. Кто омывается и потом опять оскверняется тою же грязью, и кто разрушает то, что построил и опять строит, чтобы разрушить, тот не приобретает ничего больше, как только работает и трудится напрасно. Так и мы, чтобы нам не истратить жизни тщетно и напрасно, очистим прежние грехи, и всю остальную жизнь будем проводить в целомудрии, в честности и в прочих добродетелях, чтобы, снискав себе милость Божию, удостоиться нам царства небесного, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

ПОХВАЛА

Максиму, и о том, каких должно брать жен

1. О том, что я не был в прошедшем собрании вашем, я скорблю; а о том, что вы наслаждались обильнейшей трапезой, радуюсь. Влекущий вместе со мною ярмо тогда провел нам борозду, посеял семена обильною речью и с великою ревностью возделал ваши души. Вы видели очищенный язык, слышали обработанную речь, наслаждались водою, текущею в жизнь вечную, созерцали источник, производящий реки чистого золота. Говорят о некоторой реке, что она приносит частицы золота живущим при ней людям, не потому, чтобы вода по природе своей производила золото, но потому, что источники этой реки протекают по металлическим горам, и река, промывая те горы и увлекая золотоносную землю, делается сокровищем для жителей, доставляя им готовое богатство. Такой реке подражал и этот учитель, наперед проходя по Писаниям, как бы по металлическим горам, и потом принося душам вашим мысли, драгоценнейшее всякого золота. Знаю, что наша речь, покажется вам сегодня более бедной. Ведь кто имеет постоянно бедную трапезу, и между тем случайно примет участие в какой-нибудь богатейшей, а потом опять возвратится к своей, тот еще более почувствует ее бедность. Но, не смотря на то, я без лености приступлю к делу. Вы умеете, научившись у Павла, "**насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке**" (Флп.4:12), и смотреть на богатых и не презирать бедных. Как любители вина и напитков радуются лучшему вину, но не отвращаются и от худшего, так точно и вы, любя слушать божественные изречения, радуетесь мудрейшим из учителей и к менее совершенным оказываете не малое усердие и ревность. Люди сластолюбивые и изнеженные бывают не довольны и дорогою трапезой; а благонамеренные и трезвые, алкая и жаждая правды, с великою охотою прибегают и к бедной. А что эти слова – не лесть, это весьма ясно вы доказали при прежней нашей беседе с вами. В самом деле, когда мы много говорили вам о браках, доказывая, что отвергать жен или брать отвергнутых, при жизни прежних мужей их, значит, несомненно, прелюбодействовать, и читали закон Христов, который говорит: "**кто**

разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует" (Мф.5: 32), – тогда я видел, как многие, поникнув головою, ударяли себя по лицу и не могли подняться, – тогда и я, воззрев на небо, сказал: благословен Бог, что мы проповедуем не мертвым ушам, но слова наши достигают души слушателей с великою силою. Гораздо лучше – вовсе не грешить; но немаловажно для спасения и то, чтобы согрешивший сокрушался, осуждал душу свою и с великим тщанием наказывал совесть свою; такое

осуждение есть часть оправдания и конечно ведет к тому, чтобы больше не грешить. Поэтому и Павел, произведши печаль в грешниках, радовался, не тому, что опечалил их, но что посредством печали исправил их. "**Теперь я радуюсь**", говорил он, "**не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию; ибо опечалились ради Бога, так что нисколько не понесли от нас вреда. Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению**" (2Кор.7:9,10). Поэтому, о своих ли, или о чужих грехах вы скорбели тогда, вы достойны бесчисленных похвал. Кто скорбит о чужих, тот показывает апостольское сострадание и подражает тому святому, который говорит: "**кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?**" (2Кор.11:29). А кто терзается за свои грехи, тот избавляется от наказания за дела, уже совершенные, и в будущем становится безопаснее посредством этой скорби. Вот почему и я, видя поникших головою, воздыхающих и ударяющих себя по лицу, радовался, представляя плоды этой печали. Поэтому и теперь я буду беседовать с вами о том же предмете, чтобы желающие вступить в брак, приступали к этому делу с великою осмотрительностью. Если мы, намереваясь купить дома или рабов, исследуем и разведываем и о продавцах, и о прежних владельцах, также и касательно самих продаваемых – об устройстве одних, о телесном состоянии и душевном настроении других; то гораздо больше намеревающимся выбрать жен должно иметь такую же и еще большую осмотрительность. Ведь худой дом можно опять продать, и раба, оказавшегося негодным, можно опять отдать продавшему, а взявшему жену нельзя опять отдать ее давшим, но совершенно необходимо иметь ее при себе до конца, или, отвергнув ее за пороки, сделаться виновным в прелюбодеянии по законам Божиим. Итак, когда ты намереваешься взять жену, то прочитай не внешние только законы, но еще прежде них законы, находящиеся у нас, потому что по этим, а не по тем, будет судить тебя Бог в тот день; первые (законы), быв пренебрегаемы, часто причиняли денежный убыток; а последние, быв оставлены в пренебрежении, навлекают на душу неизбежные наказания и неугасимый огонь.

2. А ты, когда намереваешься взять жену, бежишь с великой заботливостью к мирским законникам и, не отступая от них, со всею тщательностью разведываешь, что будет, если жена умрет бездетною, что – если имея дитя, что – если имея двух или трех, как она будет пользоваться своим имением при жизни отца, как после его смерти, сколько наследства перейдет к ее братьям, и сколько к супругу, когда он будет обладателем всего, так чтобы не позволить никому присвоить ни малейшей части ее имущества, и в каком случае он может лишиться всего, – и о многом другом подобном ты разведываешь от них и расспрашиваешь, обсуждая и обозревая все, чтобы никаким образом не перешло что-нибудь из имущества жены к кому-нибудь из ее родственников. Между тем, как я выше сказал, хотя бы и случилось что-нибудь неожиданное, убыток может быть только денежный; однако ты не позволяешь себе ничего такого оставить без внимания. Не безрассудно ли, – тогда, как нам угрожает потеря имущества, показывать такое усердие, а тогда, как предстоит опасность нашей душе и отчет там, не обращать никакого внимания, между тем как следовало бы, прежде всего остального, об этом пещись, заботиться и разведывать.

Поэтому увещеваю и советую тем, которые намереваются взять жен, обратиться к блаженному Павлу, прочитать написанные им законы о браках и, узнав наперед, что повелевает он делать, когда случится жена злобная, коварная, преданная пьянству, злословная, безумная, или имеющая какой-нибудь другой подобный недостаток, потом и рассуждать о браке. Если ты увидишь, что он предоставляет тебе власть отвергать одну жену, когда найдешь в ней один из этих недостатков, и брать другую, то благодушествуй, избавившись от всякой опасности; а если он не позволяет этого, но повелевает жену, имеющую все прочие недостатки, кроме прелюбодеяния, любить и держать в своем доме,

то охрани себя так, чтобы быть готовым переносить всю злобу жены. Если же это тяжело и трудно, то сделай все и прими все меры, чтобы взять жену добрую, благонравную и послушную, зная, что должно быть одно из двух, или, взяв дурную жену, переносить ее злобу, или, не желая этого и отвергнув ее, быть виновным в прелюбодеянии. "**А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует**" (Мф.5:32). Обсудив это хорошо прежде брака, и узнав эти законы, будем всячески стараться, чтобы вначале брать жену с добрым настроением и соответствующую нашим нравам; взяв такую, мы получим не только ту пользу, что никогда не отвергнем ее, но и будем любить ее с великою силою – так, как повелел Павел. Он, сказав: "**мужья, любите своих жен**", не остановился только на этом, но показал нам и меру любви: "**как и Христос возлюбил Церковь**" (Еф.5:25). А как, скажи мне, Христос возлюбил церковь? Так, что предал Себя за нее. Поэтому, хотя бы надлежало умереть за жену, не отказывайся. Если Господь так возлюбил рабу, что предал за нее Себя самого, то тем более тебе должно так любить подобную тебе рабу. Но посмотрим, не красота ли этой невесты и добродетель ее души привлекли Жениха? Нельзя сказать это. Напротив, она была безобразна и нечиста, о чем можешь узнать из дальнейшего. Сказав: "**предал Себя за нее**", апостол присовокупил: "**чтобы освятить ее, очистив банею водною**" (Еф.5:26). Словами: "**очистив**", он выразил, что прежде она была нечиста и осквернена, и притом не незначительною, но крайней нечистотою, потому что она осквернялась смрадом и дымом, гноем и кровью, и множеством других подобных нечистот. Однако Он не отвратился от ее безобразия, но изменил неприятный вид ее, пересоздал, исправил, простил ее грехи. Ему подражай и ты. Хотя бы множество грехов сделала против тебя супруга твоя, все отпусти и прости; хотя бы ты взял ее неблагонравною, исправь ее добротою и кротостью, как и Христос – Церковь. Он не только смыл ее нечистоту, но изгладил и старость, истребив ветхого человека, состоящего из грехов. Выражая также и это, Павел говорит: "**чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока**" (Еф.5:27). Он сделал ее не только прекрасной, но и молодою, не по свойствам тела, но по расположению воли. И не только то удивительно, что Он, взяв некрасивую, безобразную, гнусную и старую, не отвратился от ее безобразия, а еще предал Себя за нее на смерть и даровал ей невыразимую красоту, но и то, что и впоследствии, видя ее часто оскверняющеюся и получающею нечистоту, Он не отвергает и не отстраняет ее от Себя, но постоянно врачует и исправляет. Сколько людей, скажи мне, после принятия веры согрешали? Однако Он не отвратился от них. Например, у коринфян блудник был членом церкви, но Бог не отсек его, а исправил. Церковь галатская вся отступила и впала в иудейство; и, однако, Он не отверг ее, но, исцелив ее чрез Павла, возвел в прежнее состояние. Как в телах наших, когда случится болезнь, мы не отсекаем члена, но истребляем болезнь, – так будем поступать и с женою. Если будет в ней какой-нибудь порок, то не жену отвергай, но истребляй этот порок. Жену можно исправить, а поврежденный член часто невозможно излечить; и однако, мы, зная, что повреждение его неисцельно, не смотря на то не отсекаем его; часто многие, имея кривую голень, хромую ногу, сухую и омертвевшую руку, или ослепший глаз, ни глаза не вырывают, ни ноги не отсекают, ни руки не отрезают, но, видя, что для тела нет от них никакой пользы, а напротив причиняется великое безобразие для прочих членов, продолжают иметь их по связи с прочими членами. Поэтому не безрассудно ли, – там, где исправление невозможно и пользы нет никакой, оказывать такую попечительность, а где добрые надежды и удобное исправление, там не употреблять врачевания? Поврежденное от природы восстановить невозможно, а волю развращенную исправить возможно.

3. Если же скажешь, что и жена твоя больна неисцельно, и не смотря на великую попечительность твою не оставляет своего нрава, и тогда не должно отвергать ее, потому что и член больной неисцельно не отсекается. А она – член твой: "**будут**", сказал Господь,

"**[два] одна плоть**" (Быт.2:24). Притом от попечения о члене нам не будет никакой пользы, если он останется больным неисцельно; а за жену, если она остается неисцельно больною, предстоит нам великая награда за то, что мы учим, руководима ее. Хотя бы она не получила никакой пользы от нашего наставления, мы получим от Бога великую награду за терпение, за то, что по страху пред Ним мы оказывали такое терпение, кротко переносили злобу ее и держали ее, как член свой. Жена – необходимый член наш, и потому особенно должно любить ее. Этому самому научая, и Павел говорит: "**так должны мужья любить своих жен, как свои тела. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь; потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его**" (Еф.5:28-30). Как Ева, говорит он, произошла из ребра Адамова, так и мы из ребра Христова. Это значит – "**от плоти Его и от костей Его**". Впрочем, то, что Ева произошла из ребра Адамова, мы все знаем и ясно сказано в Писании, что Бог навел на Адама "**сон**", и взял одно из ребер его и создал жену; а то, что церковь произошла от ребра Христова, чем можно доказать? Писание объясняет и это. Когда Христос был вознесен на крест, пригвожден и умер, тогда "**но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода**" (Ин.19:34), и из этой крови и воды составилась вся церковь. Сам Он свидетельствует об этом, когда говорит: "**кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие**" (Ин.3:5). Кровь он называет духом. Мы рождаемся водою крещения, а питаемся кровью. Видишь ли, как мы – от плоти Его и от костей Его, рождаясь и питаясь кровью Его и водою? И как во время сна Адамова создана была жена, так и во время смерти Христовой образовалась церковь из ребра Его. Но не потому только нужно любить жену, что она – член наш и от нас получила начало своего существования, но и потому, что об этом самом Бог поставил закон, сказав так: "**потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть**" (Быт.2:24). Поэтому и Павел изрек нам такой же закон, чтобы всеми мерами побудить нас к этой любви. И посмотри на мудрость апостольскую; не божественными только законами, и не человеческими только он внушает нам любовь к женам, но и те и другие приводит, перемешивая одни с другими, чтобы высокий и любомудрый от высших, а слабый от низших и естественных законов располагался к любви. Поэтому, начиная с благодеяний Христовых, он предлагает увещание так: "**любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь**"; потом со стороны человеческой: "**так должны мужья любить своих жен, как свои тела**"; далее опять со стороны Христа: "**потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его**"; затем опять со стороны человеческой: "**потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей**"; и прочитав этот закон, говорит: "**тайна сия велика**" (Еф.5:25-32).

Почему, скажи мне, она велика? Потому, что девица, находившаяся все время внутри дома, никогда не видавшая жениха, с первого дня так привязывается и начинает любить его, как собственное тело; равно и муж ту, которой он никогда не видал, с которою никогда не разговаривал, с первого дня предпочитает всем – и друзьям, и родственникам, и самим родителям. Также и родители, когда отнимают у них деньги по другому случаю, негодуют, сетуют и влекут отнявших в судилище; а человеку, часто такому, которого они никогда не видали и не знали, вручают и дочь свою и богатое приданое; притом делают это с радостью, и не считают отданного убытком, но, видя дочь отводимую, не помнят о своей привычке к ней, не сетуют, не терзаются, а еще благодарят, и считают вожделенным делом, видя уводимою из дома дочь и вместе с нею много богатства. Все это представляя, т.е. как оставляющее родителей оба прилепляются друг к другу и тогдашний союз их бывает сильнее столь долговременной привычки, и сознавая, что это не дело человеческое, но Бог внедрил такую любовь и устроил, что и отдающие и отдаваемые делают это с радостью, Павел говорит: "**тайна сия велика**". И как между детьми, рожденное дитя при взгляде на родителей тотчас узнает их, еще не умея говорить, – так

точно и жених и невеста, без всякого посредника, без чьего-нибудь увещания и совета, при одном взгляде прилепляются друг к другу. Потом, замечая, что это же произошло и со Христом и в особенности с Церковью, апостол изумился и удивился. Как же это произошло со Христом и Церковью? Как жених, оставив отца, приходит к невесте, так и Христос, оставив престол Отца, пришел к невесте; не нас возвел горе, но Сам пришел к нам. Впрочем, когда ты слышишь, что Он оставил (Отца), разумей не переселение Его, но снисхождение, потому что, и будучи с нами, Он был вместе с Отцом. Поэтому апостол и говорит: "**тайна сия велика**".

Она велика и в отношении к людям; а когда я вижу, что это же самое произошло со Христом и Церковью, тогда я изумляюсь, тогда удивляюсь. Вот почему, сказав: "**тайна сия велика**", он присовокупил: "**я говорю по отношению ко Христу и к Церкви**" (Еф.5:32). Итак, зная, сколь великое таинство – брак, и какого события он есть образ, не рассуждай о нем просто и как случится, и не ищи обилия богатства, намереваясь взять невесту. Брак надобно считать не торговлей, а союзом жизни.

4. Я слыхал многих, которые говорили: такой-то, быв бедным, сделался богатым посредством брака; взяв богатую жену, он разбогател и теперь наслаждается. Что говоришь ты, человек? Ты хочешь получить прибыль от жены, и не стыдишься, не краснеешь, не скрываешься в землю, изыскивая такие способы приобретения? Это ли слова мужа? Жене свойственно – только сберегать собираемое, сохранять доходы, заботиться о доме; для того Бог и дал ее, чтобы она помогала нам в этом и во всем прочем. Так как наша жизнь состоит из дел двоякого рода, общественных и частных, то Бог, отделив одни от других, предоставил жене попечение о доме, а мужьям – все дела гражданские, дела на площади, судебные, совещательные, военные и все прочие. Жена не может ни бросать копье, ни пускать стрелу, но может взять прялку, ткать по основе и все прочие домашние дела хорошо исправлять. Она не может подавать мнение в совете, но может подавать мнение дома, и часто те из домашних дел, о которых рассуждает муж, она понимает лучше его. Она не может хорошо исправлять общественные дела, но может хорошо воспитывать детей, а это – главнее из приобретений; может замечать худые дела служанок, заботиться о честности служащих, доставлять все прочие удобства супругу и освобождать его от всякой подобной заботы в доме, о сокровищах, о шерстяных изделиях, о приготовлении обеда, о благообразии одежд, заботясь обо всем таком, за что приниматься мужу и не прилично, и не удобно, хотя бы он употреблял много усилий. Подлинно, и то – дело промышления и премудрости Божией, что полезный в важнейших делах бывает несведущим и бесполезным в менее важных, чтобы необходимо было и занятие жены. Если бы Он создал мужа способным к тому и другому, то женский пол был бы в презрении; с другой стороны, если бы жене предоставил большее и полезнейшее, то жены стали бы надмеваться великой гордостью. Поэтому Он и не дал того и другого одному, чтобы другой пол не был унижен и не казался лишним, и не предоставил того и другого обоим равно, чтобы опять от равенства не произошло какой-нибудь борьбы и состязания, когда жены стали бы домогаться одинаковой чести с мужьями; но, промышляя о мире и вместе соблюдая свойственное каждому достоинство, Он разделил нашу жизнь на две части так, что необходимейшее и полезнейшее предоставил мужу, а меньшее и низшее – жене, чтобы первый по необходимости занятий его был нами уважаем, а последняя по меньшей важности своего служения не восставала против супруга.

Зная это все, будем одного только искать (в женах) – душевной добродетели и благородства нравов, чтобы наслаждаться миром, чтобы утешаться взаимным согласием и постоянною любовью. Кто взял богатую жену, тот взял себе более госпожу, нежели жену. Если жены и без того бывают исполнены гордости и склонны к честолюбию, то, когда и

то будет им прибавлено, как они могут быть сносными для супругов? А кто взял жену равную по состоянию, или беднейшую, тот взял себе помощницу и сотрудницу и внес в дом все блага, потому что нужда бедности располагает ее беречь своего мужа и во всем слушаться его и повиноваться ему, и устраняет всякий повод к несогласию, вражде, гордости и оскорблению, а напротив, делается союзом мира, единодушия, любви и согласия. Не будем же искать того, чтобы нам получить денег, но чтобы наслаждаться миром и его приятностями. Брак не для того, чтобы мы наполняли дома враждою и ненавистью, чтобы имели ссоры и распри, чтобы заводили несогласия друг с другом и делали жизнь не в жизнь, но для того, чтобы нам пользоваться помощью, иметь пристань, прибежище и утешение в случающихся бедствиях, чтобы находить удовольствие в беседе с женою. Сколько богатых, взявших богатых жен, увеличивших свое состояние, лишились и удовольствия и согласия, имея ежедневные ссоры за столом, вступая в состязания? Сколько бедных, которые взяли беднейших жен, и наслаждаются миром, и с великою радостью взирают на это солнце; а богатые, при всей окружающей их роскоши, из-за жен молят себе смерти и освобождения от настоящей жизни. Так, нет никакой пользы от богатства, если мы не найдем доброй души. Но что говорить о мире и согласии? Брать богатую жену часто бывает вредно и для самого приобретения богатства. В самом деле, когда кто-нибудь издержит все свое состояние, имея в виду приданое жены, а потом приключится ей безвременная смерть, и он должен будет отдать все приданое ее родственникам; тогда, подобно тому, как потерпевшие кораблекрушение в море спасают одно только свое тело, так точно и этот, после многих неприятностей, ссор, распрей и судилищ, едва выносит свободным собственное тело. И как ненасытные из торговцев, наполнив корабль бесчисленными тяжестями и наложив груз больше его силы, потопляли корабль и теряли все, так точно и вступающие в чрезмерно богатые браки, думая увеличить свое состояние посредством жены, часто теряют и то, что имели; как там малая волна нападая потопляет корабль, так и здесь приключившаяся безвременная смерть лишает его вместе с женою и всего имущества.

5. Представляя все это, будем обращать внимание не на деньги, а на доброту нравов, честность и благоразумие. Жена благоразумная, кроткая и воздержная, хотя бы она была бедною, в состоянии будет распорядиться и бедностью лучше, чем другая богатством; между тем как развратная, невоздержная, сварливая, хотя бы нашла в доме бесчисленные сокровища, расточит их скорее всякого ветра и ввергнет мужа вместе с бедностью в бесчисленные несчастья. Итак, не будем искать богатства, но такую жену, которая могла бы хорошо пользоваться имеющимся. Наперед ты узнай, какая причина брака и для чего он введен в нашу жизнь, и ничего больше не ищи. Какая же причина брака и для чего Бог установил его? Послушай Павла, который говорит: "**но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа**" (1Кор.7:2). Не сказал: для избежания бедности, или для приобретения богатства; а – что? Для того чтобы избежать блудодеяния, чтобы обуздывать пожелания, чтобы жить целомудренно, чтобы угождать Богу, довольствуясь собственною женою. Таков дар брака, таковы плоды его, такова польза от него. Итак, не ищи меньшего, оставив большее; богатство гораздо меньше целомудрия. Брать жену надобно только для того одного, чтобы избегать греха, чтобы избавиться от всякого блудодеяния; для того нужно вступать в брак, чтобы он помог нам вести жизнь целомудренную; а это будет в том случае, если мы будем брать таких невест, которые могут принести к нам великое целомудрие, великую скромность. Красота телесная, не соединенная с душевною добродетелью, может увлекать мужа двадцать или тридцать дней, а далее не будет иметь силы, но обнаружив дурные качества жены, уничтожит всю любовь; те же, которые блистают красотою душевною, чем больше проходит времени, и чем больше они обнаруживают свое благородство, тем сильнее делают привязанность в своих мужьях и более воспламеняют их любовь. Таким образом, когда между ними существует пламенная и искренняя дружба, исключается всякого рода

блудодеяние, и даже никакая мысль о распутстве не приходит в голову мужа, любящего свою жену, но он остается всегда любящим собственную жену, и таким целомудрием приобретает благоволение и покровительство Божие на весь дом свой. Так выбирали жен добродетельные из древних мужей, ища благородства души, а не обилия богатства. А что это справедливо, для примера я упомяну об одном браке. "**Авраам был уже стар и в летах преклонных**", говорится в Писании, "**и сказал Авраам рабу своему, старшему в доме его, управлявшему всем, что у него было: положи руку твою под стегно мое и клянись мне Господом, Богом неба и Богом земли, что ты не возьмешь сыну моему [Исааку] жены из дочерей Хананеев, среди которых я живу, но пойдешь в землю мою, на родину мою [и к племени моему], и возьмешь [оттуда] жену сыну моему Исааку**" (Быт.24:1-4). Видишь ли добродетель этого праведника, как он заботился о браке? Не призвал он ни сводниц, как делают теперь, ни свах, ни болтливых старух, но призвал своего слугу, и ему поручил это дело. И то служит величайшим знаком благочестия праотца, что он приготовил такого слугу, которого нашел надежным служителем такого дела. Затем он ищет женщины не богатой, не красивой, но с благородными нравами, и потому послал слугу в столь дальний путь. Посмотри и на благоразумие слуги. Он не сказал: что это значит? Столько народов около нас, столько дочерей у людей богатых, знатных и славных, а ты посылаешь меня в столь далекую землю, к людям неизвестным? К кому там я обращусь? Кто меня узнает? Что, если они устроят мне козни, или обманут меня? Ведь нет никого беззащитнее чужеземца. Ничего такого он не сказал, но, презрев все это, обратил внимание особенно на то, на что нужно было обратить внимание, показав своим непротиворечием послушание, а вопросом только о том, о чем больше всего нужно было разведать, обнаружил свое благоразумие и попечительность. Что же это такое? О чем он спросил своего господина? "**Может быть, не захочет**", сказал он, "**женщина идти со мною в эту землю, должен ли я возвратить сына твоего в землю, из которой ты вышел?**" Авраам отвечал: "**берегись, не возвращай сына моего туда; Господь, Бог неба [и Бог земли], Который взял меня из дома отца моего и из земли рождения моего, Который говорил мне и Который клялся мне, говоря: [тебе и] потомству твоему дам сию землю, – Он пошлет Ангела Своего пред тобою**" (Быт.24: 5-7). Видишь ли веру мужа? Не пригласил он друзей, или родственников, и никого другого, но в Боге указал ему посредника и спутника. Далее, желая ободрить слугу, он не просто сказал: "**Господь, Бог неба [и Бог земли]**", но присовокупил: "**взял меня из дома отца моего**". Вспомни, говорить, как мы совершали такое путешествие, как, оставив свою землю, нашли на чужой большее благополучие, как невозможное сделалось возможным. И не только это хотел он выразить словами: "**взял меня из дома отца моего**", но и то, что он имеет Бога должником своим. Он – должник наш, говорит; Он сам сказал: "**[тебе и] потомству твоему дам сию землю**"; поэтому, хотя мы и недостойны, Он сам, по собственному обещанию, чтобы привести его в исполнение, будет присущ, сделает благоуспешным все предстоящее и приведет к концу то, о чем мы молимся. Сказав это, он отпустил слугу. Потом и этот, прибыв в тамошнюю страну, не пошел ни к кому из жителей того города, ни с кем из людей не стал разговаривать, не созвал женщин; но посмотри, как и он, оставаясь верным, держался того посредника, которого получил, беседовал с Ним одним, и, став, молился так: "**и сказал: Господи, Боже господина моего Авраама! пошли ее сегодня навстречу мне**". Не сказал: ***Господи, Боже мой,*** но что? "**Господи, Боже господина моего Авраама**" (Быт.24:12). Если я, говорит, ничтожен и недостоин, то представляю господина моего; не себе, а ему пришел я послужить; итак, призрев на его добродетель, помоги мне во всем предстоящем.

6. Далее, чтобы ты не подумал, будто он требует этого, как долга, выслушай следующее: "**и сотвори милость с господином моим Авраамом**" (Быт.24:12). Хотя мы, говорит, сделали множество добрых дел, но желаем спастись благодатью и получить это от человеколюбия Твоего, а не по долгу какому-нибудь и обязанности. Чего же хочешь ты?

"**Вот, я стою у источника воды, и дочери жителей города выходят черпать воду, и девица, которой я скажу: наклони кувшин твой, я напьюсь, и которая скажет [мне]: пей, я и верблюдам твоим дам пить, [пока не напьются,] – вот та, которую Ты назначил рабу Твоему Исааку; и по сему узнаю я, что Ты творишь милость с господином моим [Авраамом]**" (Быт.24:13,14).

Посмотри на мудрость слуги, какой он поставляет признак. Он не сказал: которую я увижу едущую на мулах, везомую на колеснице, сопровождаемую толпою евнухов и множеством прислуги, благообразную и блистающую телесной красотою, эту и назначил Ты отроку твоему; но что? "**Я скажу: наклони кувшин твой, я напьюсь**". Что делаешь ты, человек? Для господина своего ищешь ты жену столь уничиженную, занимающуюся водоношением, имеющую возможность разговаривать с тобою? Да, говорит; он не послал ведь меня искать обилия богатства, ни знатности происхождения, но благородства души. Часто многие из таких, которые носят воду, вполне обладают добродетелью, а другие, живущие в великолепных домах, бывают хуже и негоднее всех. Далее, откуда узнаешь ты, что она – женщина добродетельная? По этому признаку, говорить, который я высказал. А что это за признак добродетели? Величайший и несомненный. Это – признак гостеприимства великий и самый очевидный. Смысл слов его, хотя выраженный не теми же словами, следующий: я ищу такой девицы, которая так гостеприимна, что не отказывает ни в какой услуге, какую может оказать. И не без причины он искал этого. Он был из такого дома, который особенно отличался делами гостеприимства, и потому старался, прежде всего, найти такую девицу, которая нравом сходствовала бы с его господами. Мы намерены, говорить, вести ее в дом, открытый для странников; поэтому, чтобы не происходило вражды и ссоры, – если муж ее станет делиться с другими своим имуществом, подражая отцу, и принимать странников, а она, по своей излишней бережливости, станет останавливать и удерживать его, как часто бывает во многих домах, – я хочу знать, гостеприимна ли она, потому что этому обязаны мы всеми благами. Чрез это господин мой получил и жениха, чрез это сделался отцом; заколол тельца – и получил сына, замесил муки – и получил от Бога обетование о потомстве по числу звезд. Так как от этого и дома у нас произошли все блага, то я прежде всего другого ищу этого. Не будем же останавливаться на том, что он просил воды, но обратим внимание на то, что гостеприимной душе свойственно не только давать просимое, но предлагать и больше просимого. "**Еще не перестал",** говорится в Писании, **"он говорить [в уме своем], и вот, вышла Ревекка**" (Быт.24:15); и исполнилось пророческое изречение: "**тогда ты воззовешь, и Господь услышит**" (Ис.58:9). Таковы молитвы людей добродетельных; прежде окончания они располагают Бога к исполнению просимого. Так и ты, когда намереваешься взять жену, не прибегай к людям, или к женщинам, торгующим чужими несчастьями и ищущим только одного, как бы им самим получить награду, но прибегай к Богу. Он не постыдится быть устроителем твоего брака. Он сам дал такое обещание: "**ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам**" (Мф.6:33). Не говори: как я могу видеть Бога? Разве будет Он разговаривать со мною, и открыто беседовать, чтобы я мог подойти и спросить Его? Это – слова неверующей души. Бог скоро и без разговора может устроить все, что захочет, как было и при этом случае. Слуга не слышал голоса и не видел никакого видения, но стоя у источника молился, и тотчас получил просимое. "**Еще не перестал он говорить [в уме своем], и вот, вышла Ревекка, которая родилась от Вафуила, сына Милки, жены Нахора, брата Авраамова, и кувшин ее на плече ее; девица была прекрасна видом, дева, которой не познал муж**" (Быт.24:15,16). Для чего говоришь ты мне о телесной красоте? Для того чтобы ты узнал ее превосходное целомудрие, чтобы убедился в душевной красоте ее. Дивно целомудрие; но оно гораздо удивительнее, когда соединяется с наружною красотою. Поэтому, намереваясь повествовать нам и об Иосифе и его целомудрии, Писание прежде упомянуло о телесном его благообразии, сказав: "**Иосиф же был красив**

станом и красив лицом" (Быт.39:6), а потом рассказало и о целомудрии его, показывая этим, что красота не вовлекла его в разврат. Подлинно, не красота – причина блудодеяния, и не безобразие – причина целомудрия. Многие из женщин, блиставшие телесной красотою, еще больше блистали целомудрием; а другие, некрасивые и безобразные, были еще безобразнее душою, осквернив себя бесчисленными блудодеяниями. Не природа тела, а произволение души бывает причиною того и другого.

7. Не напрасно Писание дважды называет ее девою. Сказав: "**девица была**", оно прибавило: "**дева, которой не познал муж**". Так как многие из девиц, сохраняя тело свое нерастленным, имеют душу исполненную великого разврата, украшаются, чтобы привлечь к себе отовсюду толпы поклонников, и обольщают взоры юношей, строя им козни и вовлекая их в пропасти, то Моисей, желая показать, что она не была такова, но была девицею в обоих отношениях, по телу и по душе, говорит: "**девица была; дева, которой не познал муж**". Между тем у ней было много поводов, по которым она могла быть познанною мужчинами: и во-первых – ее красота телесная, во-вторых – образ ее занятий. Если бы она постоянно сидела в женских покоях, как нынешние девицы, никогда не выходила на площадь и не оставляла родительского дома, то никакой похвалы не составило бы сказать о ней, что "**которой не познал муж**". Но когда ты видишь, что она выходила на площадь, будучи вынужденною ежедневно однажды, дважды и более ходить за водою, и при всем том осталась незнаемою никаким мужчиною, тогда можешь видеть в этом особенную похвалу ей. В самом деле, если иная девица, не много раз выходя на площадь, в сопровождении многих служанок, и притом, будучи не хороша собою и безобразна, часто теряет чистоту нравов от этих прогулок; то эта, ежедневно одна выходившая из родительского дома, и не только на площадь, но к источнику для черпания воды, где необходимо стекались и многие другие, не достойна ли великого удивления, когда она не испортилась нравами ни от частых выходов, ни от красоты лица, ни от множества встречавшихся, и ни от чего другого, но оставшись нерастленною и по телу и по душе, и сохранив целомудрие лучше тех, которые сидят в женских покоях, пребыла такою, какой ищет Павел, когда говорит: "**быть святою и телом и духом**" (1Кор.7:34)? "**Она сошла к источнику, наполнила кувшин свой и пошла вверх. И побежал раб навстречу ей и сказал: дай мне испить немного воды из кувшина твоего. Она сказала: пей, господин мой. И тотчас спустила кувшин свой на руку свою и напоила его. И, когда напоила его, сказала: я стану черпать и для верблюдов твоих, пока не напьются [все]. И тотчас вылила воду из кувшина своего в поило и побежала опять к колодезю почерпнуть, и начерпала для всех верблюдов его**" (Быт.24:16-20).

Велико гостеприимство этой женщины, велико и целомудрие; то и другое весьма ясно можно видеть как из действий, так и из слов ее. Видишь ли, как ни целомудрие не вредило гостеприимству, ни гостеприимство не растлевало целомудрия? В том, что она не первая подошла и не сама начала разговаривать с мужчиною, обнаружилось ее целомудрие; а в том, что она не отказала в просьбе и не уклонилась, обнаружилось гостеприимство и великое человеколюбие. Как в том случае, если бы она первая подошла и стала разговаривать с ним, ничего не говорившим, она показала бы наглость и бесстыдство, так в том случае, если бы она отказала ему в его просьбе, обнаружила бы жестокость и бесчеловечие. Но она теперь не сделала ни того ни другого: ни повредила гостеприимству для целомудрия, ни уменьшила достоинства целомудрия для гостеприимства, но всецело явила ту и другую добродетель, показав ожиданием просьбы целомудрие, а услугою после просьбы – невыразимое гостеприимство. Подлинно, было знаком невыразимого гостеприимства то, чтобы доставить не только просимое, но предложить еще нечто больше просимого. Хотя предложенное ею была вода, но она только в этом и была властна тогда. А об гостеприимных обыкновенно судят не по драгоценности данного, но по возможности, с какою они дают. Так Бог похвалил и подающего чашу холодной воды,

и о той, которая положила две лепты, сказал, что она положила больше всех, потому что положила тогда все, что имела. Так и эта угостила доброго человека тем, больше чего не могла предложить ему. Не напрасно прибавлены слова: "**тотчас**" и "**побежала**" и тому подобные, но чтобы ты видел усердие, с каким она делала дело, не против воли, не по принуждению, не с досадою и негодованием. А это не маловажно. Часто и мы просили прохожего, идущего с факелом, на несколько времени остановиться, чтобы нам зажечь, или несущего воду, чтобы нам напиться, но он не соглашался и отказывал с негодованием; а она не только наклонила для него водонос, но и для всех верблюдов налила воды, предприняв такой труд и с великой охотою исполнив телесное служение, по гостеприимству. Не дело только, но и готовность служит доказательством ее добродетели; и человека незнакомого и в первый раз встретившегося тогда она называет господином Как свекор ее Авраам не спрашивал прохожих: кто вы и откуда, куда идете и откуда пришли? – но просто собирал плоды гостеприимства, так и она не сказала: кто ты, откуда и для чего пришел? – но, собирая обильные плоды гостеприимства, оставила все постороннее. И как торгующие драгоценностями и получающие золото домогаются только одного, как бы получить выгоду от имеющих деньги, а не стараются разведывать об них, так и она заботилась только об одном, как бы собрать плоды гостеприимства, как бы получить совершенную награду. Она хорошо знала, что чужестранец стыдлив больше всех и потому имеет нужду в великой приветливости и непытливой скромности; и если мы станем расспрашивать его и разведывать, то он тяготится и уклоняется и приходит с неудовольствием. Поэтому ни она не поступила так с этим человеком, ни свекор ее не поступал так с странниками, чтобы не отогнать добычи, но старался только услужить прохожим и, приобретши чрез них те плоды, каких желал, потом отпускал их.

8. Вот почему он принял некогда и ангелов; а если бы он стал разведывать, то дарованная ему награда была бы уменьшена. Подлинно, мы удивляемся ему не за то, что он принял ангелов, но за то, что принял, не зная их. Если бы он угостил, зная их, то не сделал бы ничего удивительного, так как достоинство принятых могло побудить человека самого несострадательного и каменного к человеколюбию и благотворительности; но удивительно то, что он, считая их за некоторых прохожих, предложил им такое угощение. Такова была и эта девица; она не знала, кто был тот человек, зачем пришел, и что он прибыл сватать ее, но считала его некоторым странником и путешественником. Потому ей и дарована была большая награда за гостеприимство, что она с таким радушием приняла совершенно незнакомого, вместе с тем сохранив и целомудрие. Она сделала это не с принуждением и не бесстыдно, не дерзко, не с гневом, но с надлежащею скромностью. Это самое и выразил Моисей, сказав: "**человек тот смотрел на нее с изумлением в молчании, желая уразуметь, благословил ли Господь путь его, или нет**" (Быт.24:21). Что значит: "**с изумлением**"? Внимательно наблюдал и вид ее, и походку, и взор, и речь, и все, узнавая по движениям тела настроение души. Впрочем, он не ограничился одним этим, но употребил и другое испытание. Когда она напоила его, он не остановился на этом, но сказал ей: "**и спросил ее: чья ты дочь? скажи мне, есть ли в доме отца твоего место нам ночевать?**" Что же она? Она незлобиво и кротко назвала отца, не обиделась и не сказала: кто ты, разведывающий, исследующий и расспрашивающий о нашем доме; но что? "**Я дочь**", говорит, "**Вафуила, сына Милки, которого она родила Нахору; у нас много соломы и корму, и есть место для ночлега**" (Быт.24:23-25). Как прежде она дала ему воды больше, чем сколько он просил, – он просил дать напиться только ему, а она предложила напоить и верблюдов, и напоила, – так и теперь: он просил только места, а она предложила и соломы и сена и многого другого, посредством всего этого приглашая его и привлекая в дом свой, чтобы получить награду за гостеприимство. Не будем же слушать это небрежно и просто, но, размышляя с собою о себе самих и сравнивая себя с ними, станем таким образом изучать добродетель этой женщины. Мы часто негодуем, принимая каких-нибудь знакомых и родственников, и тяготимся если они проживут у нас

один или два дня; а она с великим радушием привела в дом незнакомого и чужестранца, и притом намереваясь услужить не только ему, но и столь многим верблюдам. Когда же он вошел в дом, посмотри, как он оказал еще большее благоразумие. Ему предложены были хлебы для ядения, но он сказал: "**не стану есть, доколе не скажу дела своего**" (Быт.24:33).

Видишь ли, как он был бдителен и воздержен? Потом, когда ему предоставили говорить, посмотрим, как он говорит им. Сказал ли он им такие выражения, что он имеет господина славного и знаменитого, уважаемого всеми и пользующегося великим предпочтением между туземными жителями? Между тем он мог, если бы захотел, сказать это, потому что Авраама туземные жители почитали, как царя. Однако ничего такого он не сказал, но, оставив эти человеческие преимущества, возвеличил его со стороны вышнего благоволения, сказав так: "**Господь весьма благословил господина моего, и он сделался великим: Он дал ему овец и волов, серебро и золото, рабов и рабынь, верблюдов и ослов**" (Быт.24:34,35). Упоминает о богатстве не для того, чтобы представить его богатым, но – благочестивым, потому что желает восхвалить его не тем, что он приобрел, но что получил это от Бога. Потом говорит о женихе. "**Сарра, жена господина моего, уже состарившись, родила господину моему [одного] сына**" (Быт.24:36). Здесь он указывает на образ рождения этого сына, выражая, что и рождение его произошло по Божию промышлению об Аврааме, а не естественным порядком. Так и ты, когда ищешь жениха, или невесты, прежде всего другого обращай внимание на то, благочестивы ли они, почивает ли на них великое благоволение свыше. Если это есть, то последует и все прочее; если же этого нет, то хотя бы житейские блага были у них в великом изобилии, не будет никакой пользы. Далее, чтобы не сказали: почему же он не взял никакой из туземных женщин? – раб говорит: "**и взял с меня клятву господин мой, сказав: не бери жены сыну моему из дочерей Хананеев, в земле которых я живу, а пойди в дом отца моего и к родственникам моим, и возьмешь [оттуда] жену сыну моему**" (Быт.24: 37, 38). Впрочем, чтобы нам, рассказывая все это событие, не показаться скучными, перейдем к концу. Рассказав, как он остановился у источника, как попросил пить у девицы, как она дала больше просьбы, как при этом Бог был посредником, и обо всем рассказав с точностью, он кончил речь свою. Те выслушав все это, не стали сомневаться и не остались невнимательными, но как бы по мановению Бога, подвигшего их душу, тотчас обещали отдать дочь свою. "**И отвечали Лаван и Вафуил и сказали: от Господа пришло это дело; мы не можем сказать тебе вопреки ни худого, ни доброго; вот Ревекка пред тобою; возьми [ее] и пойди; пусть будет она женою сыну господина твоего, как сказал Господь**" (Быт.24: 50,51). Кто не изумится, кто не подивится, сколько и каких препятствий уничтожено в краткое мгновение времени? Подлинно, и то, что он был чужестранец, раб и неизвестный, и что было велико расстояние пути, и что не были известны ни свекор, ни жених, и никто другой из их родственников, и каждое из этих обстоятельств само по себе достаточно было воспрепятствовать браку, и, однако, ничто не воспрепятствовало, но все это оказалось легким и родители смело вверили ему невесту, как бы человеку знакомому, живущему вблизи и издавна обращавшемуся с ними. А причиною было то, что Бог был среди них. Как тогда, когда мы делаем что-нибудь без Него, хотя бы все было легко и удобно, мы встречаем пропасти, стремнины и бесчисленные неудачи; так тогда, когда Он присутствует и содействует, хотя бы предстоящие дела были самые затруднительные, все становится легким и удобным. Не будем же ничего ни делать, ни говорить прежде, нежели призовем Бога и испросим Его содействия во всех делах наших, как поступил и этот раб.

9. Посмотрим, каким образом он совершил брак, когда получил невесту. Взял ли он в собою кимвалы, свирели, плясунов, тимпаны, флейты и другие выдумки? Ничего такого; но, взяв только одну девицу, он отправился, имея при себе ангела, сопровождавшего и

руководившего ее, которого послать с ним господин его молил Бога, когда он выходил из дома. Так и была везена невеста, не слыша ни флейт, ни арфы и ничего другого подобного, но, имея на голове бесчисленные благословения Божии, – венец блистательнее всякой диадемы; была везена облеченная не золотыми одеждами, но целомудрием, благочестием, гостеприимством и всеми другими добродетелями; была везена не в крытой колеснице, или с каким-нибудь другим великолепием, но сидя на верблюде. При душевных добродетелях у девиц в древности и тела цвели великим здоровьем, – потому что матери не так воспитывали их, как теперь, не вредили им частыми омовениями, благовонными мастями, искусственными притираниями, мягкими одеждами и другими бесчисленными способами, делая их нежными более надлежащего, но воспитывали их со всею строгостью. Поэтому у них и телесная красота была весьма цветущая и истинная, как естественная, а не искусственная и не изысканная. Поэтому они наслаждались совершенным здоровьем, и красота их была наилучшая, так как никакая болезнь не повреждала тела, и всякая изнеженность была отвергнута. Труды, занятия и собственно-ручные работы во всем устраняли всякую изнеженность и доставляли крепость и прочное здоровье; а чрез это они были и для мужей более вожделенными и более любезными, так как не только тело, но и душу они сохраняли лучшими и целыми. Итак, сидя на верблюде, она приближалась к той стране; но прежде, чем достигла ее, взглянув, увидела Исаака, и соскочила с верблюда. Видишь ли крепость ее? Видишь ли хорошее здоровье? Соскочила с верблюда! Так велика была у них сила вместе с целомудрием. "**Кто этот человек, который идет по полю навстречу нам? Раб сказал: это господин мой. И она взяла покрывало и покрылась**" (Быт.24:65). Посмотри, как во всем обнаруживается ее целомудрие, как она была скромна, как была стыдлива. "**И ввел ее Исаак в шатер Сарры, матери своей, и взял Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил ее; и утешился Исаак в печали по [Сарре,] матери своей**" (Быт.24:67). Не напрасно сказано, что он полюбил ее и утешился по Сарре, матери своей, но чтобы ты узнал основания этой привязанности и любви, которые заключались в самой пришедшей женщине. Кто, в самом деле, не полюбил бы такой жены, столь целомудренной, столь скромной, столь гостеприимной, человеколюбивой и кроткой, мужественной по душе и крепкой по телу? Это сказал я не для того, чтобы вы только слышали, или выслушав только хвалили, но чтобы вы подражали этому. Отцы подражайте попечительности праотца, с какою он старался найти женщину неиспорченную, искал не богатства, не знатности рода, не красоты телесной и ничего другого, но только благородства души; а матери так же воспитывайте дочерей своих. И вы, женихи, намереваясь вступить в брак, вступайте с такою же благопристойностью, устраняя пляски, смех, срамные речи, свирели, флейты, дьявольские изобретения, и все прочее, но, всегда призывая Бога быть посредником во всех делах ваших. Если мы так станем устроять дела свои, то никогда не будет ни развода, ни подозрения в прелюбодеянии, ни повода к ревности, ни ссоры и вражды, но будем наслаждаться великим миром и полным согласием; а за этим конечно последуют и другие добродетели. Как тогда, когда жена враждует с мужем, не бывает ничего хорошего в доме, хотя бы все другие дела шли успешно; так тогда, когда она единодушна и согласна с ним, не будет ничего неприятного, хотя бы ежедневно поднимались бесчисленные бури. Если таким образом будут совершаться браки, то и детей мы будем в состоянии руководить к добродетели с великой легкостью. Когда мать так скромна и благопристойна и украшена всякой добродетелью, то она без сомнения может и мужа привлечь и привязать к себе любовью; а привязав его к себе, она будет иметь в нем усердного помощника в заботах о детях, и Бога таким образом преклонит к такому же о них промышлению. А когда Он принимает участие в таком добром домостроительстве и упражняет души детей, тогда не будет ничего неприятного, домашние дела потекут благоуспешно, при таком настроении предстоятелей дома, и каждый вместе с домом, т.е. женою своею, детьми и прислугою, может и здешнюю жизнь провести со всею безопасностью, и войти в царство небесное, которого да сподобимся все

мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым и Животворящим Духом, слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

на слова апостола: "Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море" (1Кор.10:1)

1. Мореплаватели особенно любят ту часть моря, которая снабжена частыми заливами и островами. Море без пристаней, хотя бы оно было спокойно, возбуждает в плывущих великий страх; а где со всех сторон расположены заливы, пристани и берега, там они плывут с великой уверенностью. Если когда и увидят они возмутившееся море, то, имея вблизи убежище, скоро и легко могут найти спасение от угрожающих бедствий. Вот почему не только тогда, когда они плывут близ пристани, но и тогда, когда находятся вдали, они получают великое утешение и от одного взгляда на нее. Обыкновенно не мало ободряет души их и представляющаяся издали вершина горы, и поднимающийся дым, и стада овец, пасущихся под горою. А когда они входят в самое устье пристани, тогда наслаждаются полною радостью. Тогда они и весла оставляют, и тела свои, страдавшие от соленой воды, освежают хорошей водою, и вышедши на берег и повалявшись немного по земле нагими телами, устраняют все неприятности, происходящие от мореплавания. Итак, подобно тому, как мореплаватели особенно любят эту часть моря по причине частых и непрестанных мест отдохновения, так и я особенно люблю это время года, не потому что мы избавились от зимы, не потому, что мы наслаждаемся летом, и приятно дует зефир, но потому, что мы имеем теперь частые духовные пристани, преемственно принимающие нас: разумею торжества святых мучеников. Подлинно, не столько пристани пловцов, сколько праздники этих святых имеют свойство оживлять верующих. Тех пристани избавляют от нападения морских волн и долговременного плавания; а участвующих в торжестве мучеников воспоминание о святых обыкновенно избавляет от смятения в душе, происходящего от злых и нечистых духов и непристойных помыслов. Приходит ли кто сюда отягченный скорбью – хотя бы от общественных, хотя бы от домашних дел – он оставляет ее всецело и возвращается отсюда, сделавшись спокойнее и бодрее, не от руля отступая и не весла откладывая, но свергая тяжелое и разнообразное бремя житейских неприятностей и исполняясь в душе великою радостью. Свидетелями всего этого вы сами, которые вчера наслаждались подвигами блаженного Варлаама, с великим удовольствием входили в его пристань, омылись от горькой воды житейских забот и от повествований о нем облегченными возвратились домой. А вот приближается и еще торжество в честь других мучеников. Но пока мы стремимся в их пристань, теперь станем подражать мореплавателям: как те, переплывая море, обыкновенно поют, облегчая труд песнями, так и мы, прежде чем вступить в пристань святых, будем передавать друг другу некоторые священные изречения, поставив предводителем этой прекрасной беседы блаженного Павла, и следуя тем путем, каким он сам повелевает. Каким же путем он повелевает нам идти? Путем пустыни и чудес, там совершившихся. Вы слышали сегодня, как он взывает и говорит: "**Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питие: ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос. Но не о многих из них благоволил Бог, ибо они поражены были в пустыне. А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. Не будьте также идолопоклонниками, как некоторые из них, о которых написано: народ сел есть и пить, и встал играть. Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи. Не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали и погибли от змей. Не ропщите,**

как некоторые из них роптали и погибли от истребителя"(1Кор.10.1-10). Эти слова, по-видимому, ясны, но для внимательных они представляют некоторое немалое недоумение. И, во-первых, не излишне спросить: для чего апостол напоминает о ветхозаветных событиях, и каким образом, беседуя об идоложертвенном, он перешел к этому повествованию, к изображению случившегося в пустыне? Он ничего не говорит напрасно и как случится, но при совершенной последовательности всегда соблюдает и строгое согласие в речах своих. Почему же и от чего перешел он к этому повествованию? Он укорял тех, которые неосторожно и без внимания приступали к идолам, вкушали от нечистой трапезы и касались идоложертвенного, и, показав, что они чрез это производили двойной вред, соблазняя слабых и сами делаясь причастниками бесов, и достаточно смирив мудрования их прежде сказанным и научив, что верующему должно иметь в виду не только свою пользу, но и других, затем желая сильнее внушить им страх, он напоминает о ветхозаветных событиях. Так как они слишком высоко думали о себе, как люди уверовавшие, освободившиеся от заблуждения, удостоившиеся ведения, сделавшиеся причастниками неизреченных таинств и призванные к небесному царству, то он, желая показать, что в этом нет никакой пользы, если жизнь не будет соответствовать такой благодати, поучает их событиями из ветхозаветной истории.

2. Но и при этом остается много вопросов. Почему он не беседует с ними словами Христовыми, находящимися в Евангелии, не напоминает им о геенне, о тьме кромешной, о черве ядовитом, об узах вечных, об огне, уготованном диаволу и ангелам его, о скрежете зубов и о других невыразимых мучениях? Если он хотел устрашить, то надлежало бы сделать это посредством важнейшего, а не того, что было в пустыне. Хотя и те были наказаны, но легко, кратковременно и в один день; а в будущем имеют быть наказания вечные и тягчайшие. Почему же он внушал им страх теми событиями, а не напоминал о словах Христовых? Он мог бы сказать им: не хочу оставить вас, братия, в неведении, какие Христос дал заповеди касательно тех, которые имеют веру, но не показывают хорошей жизни; даже и тех людей, которые совершали чудеса и пророчествовали, Он лишил царства небесного, сказав: "**многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие**" (Мф.7:22,23). И дев он не укоряет за веру и образ мыслей, а за нечестивую жизнь, бесчеловечие и жестокосердие, заключает от них брачный чертог; и одетого в нечистые одежды он изверг связанным не за то, что тот не держался правого учения, но за то, что вел порочную и нечистую жизнь; и тех, которых он повелел ввергнуть в огонь, уготованный диаволу и ангелам его, отослал туда не за то, что они отпали от веры, но за то, что никому никогда не оказывали милосердия. Обо всем этом и подобном апостол мог бы напомнить им и сказать: не хочу оставить вас, братия, в неведении, что все эти получили крещение, были причастниками таинств, показали много веры и имели совершенные познания; но так как они не вели жизни согласной с верою, то и лишены царства и преданы огню. Почему же он не сказал этого, но, оставив все это, сказал так: "**не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком**", – напоминает им о том, что случалось при Моисее, умолчав о том, что относится к благодати? Не напрасно и не без какой-нибудь причины он делает это, потому что он был исполнен великой мудрости. Почему же и для чего? По двум причинам: желая сильнее тронуть их и вместе показать, что ветхий завет имеет великое сродство с новым. Многие из людей не верят в геенну, не признают будущего наказания и думают, что Бог угрожает червем неумирающим, огнем неугасающим, тьмою кромешною только для страха и вразумления; но и они не могут не верить прошедшему. О бывшем кто может сказать, что его не было? Тому, что еще не открылось и не осуществилось на деле, многие не верят, но никто, даже самый недобросовестный и бесчестный, хотя бы и захотел, не может не верить тому, что уже было и исполнилось. Поэтому апостол желает убедить их в

правосудии Божием посредством того, что весьма известно, что уже исполнилось и от чего осталось много следов, и как бы так говорит: если ты думаешь, что нет ни геенны, ни наказания, ни мучений, и что Бог только угрожает этим, то, размыслив о прошедшем, поверь и будущему. Если один и тот же Бог управляет и прошедшим и настоящим, и в ветхом завете и при благодати, как и действительно Он один и тот же, то на каком основании Он, подвергнув наказанию и мучению тех грешников, нас, согрешающих так же, и еще гораздо хуже тех, оставить без наказания? Я спрашиваю: блудодействовали иудеи, и не были ли наказаны? Роптали, и не получали ли наказания? Совершенно необходимо признать это. Как же наказавший тех оставит ненаказанным тебя, дерзающего делать то же самое? Это было бы неосновательно. Но ты не подвергаешься наказанию здесь? Потому особенно и верь в геенну и будущее наказание, что ты не подвергаешься наказанию здесь. Если бы не имело быть никакого наказания после настоящей жизни, то ты, согрешивший одинаково с прежними, не оставался бы ненаказанным. Так и ты, если встретишься с человеком беспечным, беспутным и преданным разврату, и он станет говорить тебе, что нет ни мучений, ни геенны, а все это – басни, что Бог только угрожает этим, желал внушить страх, скажи ему: человек, ты не веришь будущему, потому что оно еще не явилось, не открылось и не совершилось пред твоими глазами; но кто может не верить тому, что было и исполнилось? Представь Содом и Гоморру. Эта страна не за какой-либо иной грех понесли наказание, а за то, что жители этих городов допускали беззаконное кровосмешение и непозволительные связи и совершенно извращали законы природы. Как же может статься, чтобы Бог, который тот же и тогда и теперь, наказав тех грешников без всякого снисхождения, оставит ненаказанным тебя, который, согрешая после них, достоин гораздо большего наказания и мучения, как получивший благодать и не вразумившийся их наказаниями?

3. Поэтому-то Павел, не сказав ничего о геенне, – так как многие не веруют в будущее, – желает образумить их тем, что уже совершилось и чему они достаточно верили, хотя будущее более страшно, прошедшее убедительнее для людей несовершенных, и последнее обыкновенно устрашает их больше первого. Вот почему он и указывает им на то, чему не мог не верить даже самый бесстыдный, а вместе с тем наносит смертельную рану Маркиону, Манесу и всем, которые заражены одною с ними болезнью. В самом деле, если не один и тот же Бог ветхого и нового заветов, давший и те заповеди, и будущее имеющий произвести, то напрасно говоришь ты мне это, Павел, и никакого страха ты не возбуждаешь в слушателях; слушатель может сказать: если иной тот Бог, и иной этот, то последний, конечно, не станет судить, по мнению первого и не с теми же будет сообразоваться законами. Если Богу ветхого завета угодно было всех наказывать и мучить, то для чего ты стращаешь и угрожаешь этим мне? Я имею другого Владыку, который будет судить меня. Таким образом, если бы был иной Бог ветхого, и иной Бог нового завета, то Павел сделал противное тому, что хотел сделать: не только не устрашил слушателя, но избавил его от всякого опасения и страха, чего не сделал бы никто из людей самых обыкновенных и неразумных, не только что Павел, исполненный такой мудрости. Отсюда очевидно, что один и тот же Бог, поразивший иудеев в пустыне и имеющий наказать согрешающих из нас, потому что – опять скажу то же – если бы Он был не один и тот же, то Павел не стал бы устрашать нас в будущем тем, что уже было совершено Им прежде; а так как Он один и тот же, то апостол внушает этим неотразимое ожидание наказаний, показывая, что нужно бояться и страшиться. Тот, кто наказал согрешивших отцов наших, не пощадит и нас, совершающих такие же грехи. Впрочем, следует обратиться к самому началу речи и разобрать каждое слово со всею точностью. "**Не хочу оставить вас, братия**". Учеников он назвал братьями, не по достоинству их, но по любви к ним, называя их этим именем. Он знал, хорошо знал, что нет ничего равного ей, и что высочайший вид достоинства есть тот, который выражает любовь. Этому, прежде всего, будем подражать и мы. Хотя бы иные были гораздо ниже нас, будем называть их

почтительным именем – не только свободных, но и рабов, не только богатых, но и бедных. И Павел почтил таким названием не только богатых между коринфянами, не только свободных, знатных и славных, но и простых людей, и рабов, и всех вообще, потому что "**во Христе Иисусе, нет раба, ни свободного**", нет ни варвара, ни скифа, ни мудрого, ни немудрого, но уничтожено всякое неравенство житейского достоинства (Гал.3:28). И что удивительного, если Павел так называет подобных себе рабов, когда и Владыка его так назвал род наш, сказав: "**Буду возвещать имя Твое братьям моим, посреди собрания восхвалять Тебя**" (Пс.21:23). И не только назвал Он нас братьями, но и Сам благоволил сделаться нашим братом, облекшись нашею плотью и сделавшись причастником одного с нами естества. Этому самому удивляясь, Павел говорил: "**ибо не Ангелов восприемлет Он, но восприемлет семя Авраамово: посему Он должен был во всем уподобиться братиям**": и еще: "**как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные**" (Евр.2:14,16,17).

Слыша все это, исторгнем из души нашей высокомерие, гордость и всякую надменность, и с великим тщанием будем стараться называть ближних именами почтительными и уважительными. Хотя это дело кажется маловажным и ничтожным, однако оно бывает причиною многих благ; равно как противное тому часто производило много несогласий, ссор и вражды. И не только это слово, но и следующее нужно обсудить с великой тщательностью. Сказав: "**не хочу оставить вас, братия, в неведении**", апостол присовокупил: "**что отцы наши все**". Не сказал: иудеи, или исшедшие из Египта; а – что? "**Отцы наши все**"; показывает и свое смиренномудрие тем, что не отказывается от родства с ними, хотя был столько выше их по добродетели, и вместе с тем обуздывает бесстыдный язык порицающих ветхий завет. Если бы он имел враждебное расположение к этому завету, то не упомянул бы в почтительных выражениях о живших тогда, которые все подлежали осуждению. "**Все**". Не без причины и не напрасно сказал он это слово: "**все**", но с великою мудростью. Не однажды только он произнес его, но и дважды, и трижды, и многократно, чтобы ты уразумел, что не без причины он употребил это слово. Сказав: "**что отцы наши все были под облаком**"; он продолжает: "**и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питие**". Слышишь ли, как часто он повторяет: "**все**"? Он не сделал бы этого, если бы не хотел выразить какой-нибудь великой и дивной тайны. Если бы он употребил это слово просто, то достаточно было бы один раз сказать его и не повторять более, и выразиться так: "**что отцы наши все были под облаком, и прошли сквозь море; и крестились в Моисея в облаке и в море; и ели одну и ту же духовную пищу; и пили одно и то же духовное питие**". А между тем он не так сказал, но при каждом случае прибавил: "**все**", отверзая нам не малую дверь к уразумению его мысли, чтобы видеть его мудрость. Для чего же он часто повторяет это слово? Он желает показать, что есть великое сродство ветхого завета с новым, и что первый был образом последнего и тенью будущего. И, во-первых, этим он показывает их сходство. Как в церкви, – это желает он показать, – нет различия между рабом и свободным, между пришельцем и гражданином, старым и юным, мудрым и немудрым, частным человеком и начальником, женою и мужем, но всякий возраст, всякое звание и оба пола одинаково вступают в водную купель, хотя бы то был царь, хотя бы нищий, и получают одинаковое очищение, и это особенно служит величайшим доказательством нашего благородства, что мы посвящаем в таинства одинаково и нищего и носящего багряницу и нет никакого преимущества у последнего пред первым по отношению к таинствам, в таком же смысле и о ветхом завете он многократно употребляет слово: "**все**". В самом деле, ты не можешь сказать, что Моисей прошел по суше, а иудеи по морю, богатые иным путем, а бедные иным, женщины под воздухом, а мужчины под облаком, но сквозь море все, под облаком все и в Моисея все. Так как этот переход был прообразом будущего крещения, то, прежде всего, нужно было прообразовать то, что все участвовали в одном и том же, подобно тому,

как и здесь равно участвуют в одном и том же. А как, скажешь, это могло быть прообразом настоящего? Когда ты узнаешь, что такое образ и что истина, тогда я представлю тебе объяснение и на это.

4. Что же такое тень и что истина? Мы обратим речь к изображениям, которые пишут живописцы. Ты часто видал, как на царском изображении, нарисованном темною краскою, живописец проводит белые полосы, и изображает царя и царский престол, и коней, предстоящих ему, и копьеносцев, и врагов связанных и поверженных. И, однако, смотря на все эти тени, ты не все узнаешь и не все понимаешь, но только неясно различаешь, что изображается человек и конь; а какой это царь и какой враг, ты не очень отчетливо видишь, пока наложенные настоящие краски не изобразят лица их и не сделают их яснейшими. Поэтому, как в этом изображении ты не требуешь всего, прежде наложения настоящих красок, но, хотя бы ты получал некоторое неясное представление о предмете, считаешь картину довольно совершенною, так рассуждай и о ветхом и новом завете, и не требуй от меня всего точного представления истины в образе; тогда мы и будем иметь возможность научить тебя, как ветхий завет имеет некоторое сродство с новым, и тот переход (чрез Чермное море) с нашим крещением. Там вода, и здесь вода; здесь купель, там море; здесь все вступают в воду, и там все: в этом сходство. Хочешь ли теперь узнать истину этих оттенков? Там чрез море избавились от Египта; здесь (чрез крещение) от идолослужения; там потоплен фараон, здесь – диавол. Там потонули египтяне, здесь погребается ветхий, греховный человек. Видишь сходство образа с истиною и превосходство истины пред образом. Образ не должен быть совершенно чуждым истине – иначе он не будет образом; но с другой стороны он не должен быть и равным истине – иначе он будет самой истиной, а должен оставаться в своих пределах, и не иметь всего, и не быть лишенным всего, что имеет истина. Если бы он имел все, то был бы самой истиной, а если будет лишен всего, то не может быть образом; но он должен одно иметь, а другое оставить истине. Итак, не требуй от меня всего в событиях ветхого завета; но если получишь некоторые малые и неясные намеки, принимай это с любовью. В чем же сходство этого образа с истиною? В том, что там все, и здесь все; там посредством воды, и здесь посредством воды; те освободились от рабства, и мы от рабства, но не такого: те от рабства египтянам, а мы от рабства бесам; те от рабства иноплеменникам, а мы от рабства греху; те приведены к свободе, и мы также, но не к такой, а гораздо лучшей. Если же наши обстоятельства лучше и превосходнее тех, не смущайся этим. Таково особенное свойство истины – иметь великое превосходство пред образом, но не противоположность и не противоречие. Что же значит: "**и все крестились в Моисея**"? Эти слова, может быть, неясны; постараюсь поэтому сделать их более ясными. Разливалось тогда море пред глазами израильтян, и повелено было им перейти этим странным и необычайным путем, которым никто из людей никогда не проходил. Они не решались, уклонялись и боялись. Моисей прошел первый, а за ним и все удобно последовали. Это значит: "**крестились в Моисея**"; поверив ему, они, таким образом, осмелились вступить в воду, имея предводителя путешествия. Тоже было и со Христом: выводя нас из заблуждения, избавляя от идолослужения и руководя к царству, Он сам проложил нам путь, восшедши первым на небеса. Итак, подобно тому, как израильтяне, поверив Моисею, решились идти, так и мы, веруя во Христа, смело совершаем свое странствование. А что именно это означают слова: "**и все крестились в Моисея**", ясно из истории, так как они не крестились во имя Моисея. Если же мы не только имеем в Иисусе Христе предводителя, но и крещаемся во имя Его, тогда как израильтяне не крестились во имя Моисея, не смущайся и этим, потому что, как я сказал, истина должна иметь некоторое великое и неизреченное превосходство (пред своим образом).

Видишь, что в крещении составляет образ, и что – истину? Теперь я объясню тебе, как прообразована там и (божественная) трапеза и приобщение таин, если опять ты не будешь

требовать от меня всего, а станешь смотреть на события, как на тень и образы. Сказав о море, облаке и Моисее, апостол присовокупил: "**и все ели одну и ту же духовную пищу**". Как ты, говорит, выходя из водной купели, приступаешь к трапезе, так и они, по выходе из моря, приступили к трапезе, новой и необыкновенной: разумею манну. И еще: как ты имеешь необыкновенное питие – спасительную кровь, так и они имели питие необыкновенного рода, нашедши не источники и не текущие реки, но получив из камня твердого и безводного весьма обильные потоки. Поэтому он и назвал это питие "**духовным**"; не потому, чтобы оно было таким по своей природе, но потому, что было таким по способу произведения. Не по закону природы оно дано было им, а по действию Бога, который вел их. Это самое и он подтверждает в словах своих. Сказав: "**и все пили одно и то же духовное питие**", – а питием была вода, – и, желая показать, что слово: "**духовное**" относится не к свойству воды, а к способу ее произведения, он присовокупил: "**ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос**". Не свойство камня, говорит, но сила действующего Бога произвела эти потоки.

5. Здесь он с корнем вырывает и ересь Павла Самосатского. В самом деле, если все это совершал Христос, то, как говорят, будто Он начал существовать с того времени, когда Мария родила Его? Если события в пустыне оказываются совершившимися раньше Марии, а все это совершал Христос, по слову Павла, то необходимо Он был прежде этого рождения и прежде этого чревоношения, потому что несуществовавший, конечно, не мог бы совершать столь чудных и необыкновенных дел. Как словами: "**и все прошли сквозь море**", апостол изобразил величие церкви, прообразованной издревле, так и словами: "**и все ели одну и ту же духовную пищу**", он выразил опять то же самое. Подобно тому, как в церкви не иное тело принимает богатый, а иное бедный, и не иную кровь тот, а иную этот, – так и тогда не иную манну получал богатый, а иную бедный, и не иным источником пользовался тот, а иным худшим этот; но как теперь одна и та же трапеза, одна и та же чаша, одна и та же пища предлагается всем, приходящим сюда, так и тогда одна и та же манна, один и тот же источник предлагались всем. И, что подлинно чудно и удивительно, некоторые в то время старались собирать (манны) больше надлежащего, и такое любостяжание не приносило им никакой пользы. Доколе они соблюдали надлежащую меру, манна оставалась манною, а когда старались собирать более, то любостяжание обращало манну в червей; и хотя они делали это не в ущерб другим, – потому что, не похищая пищу у ближнего, они собирали больше, – однако были осуждены за то, что желали большего. Хотя они нисколько не вредили ближнему, но весьма много вредили себе самим, таким способом собирания приучаясь к любостяжанию. Таким образом одно и то же служило и пищею и наукою богопознания; вместе и питало тела и научало душу, и не только питало, но и избавляло от трудов. В самом деле, не нужно было ни запрягать волов, ни влачить плуга, ни проводить борозды, ни ожидать целый год плодов, но они имели трапезу готовую, свежую, новую и ежедневную, и самим делом научались евангельской заповеди – не заботиться о завтрашнем дне (Мф.6:34), так как не было никакой пользы от этой заботы, потому что если кто собирал больше, то собранное повреждалось и погибало и служило только обличением любостяжания. Далее, чтобы не считали манны за дождь, падающий естественным порядком, в день субботний ничего подобного не было; этим Бог внушал им две мысли, именно: что в предшествующие дни Он сам производил этот дивный и необыкновенный дождь, и что в этот день Он для того не посылал его, чтобы они невольно научались праздновать день субботний. И не по пище только, но и по одежде, и обуви, и по всему прочему можно было на самом деле видеть уже тогда исполняемыми заповеди, данные апостолам. Они, по распоряжению Божию, не имели ни дома, ни трапезы, ни ложа, ни второй одежды, ни обуви. Видишь, какое сходство ветхого завета с новым. Как после Христос учил апостолов касательно необходимых потребностей, подобным образом и у израильтян устроен был образ жизни, и вся тварь готова была к служению им. Для чего же, скажешь, все это было? Бог хотел

поселить их в одном месте вселенной и повелеть, чтобы они постоянно там служили Ему и не создавали ни храма, ни жертвенника ни в каком другом месте вселенной, но только там приносили дары и жертвы, совершали празднества, читали закон и исполняли все прочие священные обязанности. Поэтому, чтобы не подумали, будто и промысл Его ограничивается тем определенным местом служения и будто Он есть их частный Бог, Он предварительно показал силу свою в чужой земле, в Египте, в пустыне, где никто не служил Ему, где никто не покланялся Ему; и тварь иногда служила к произведению действий противных ее природе, убеждая самых неразумных приписывать Ему и первоначальное сотворение вещей. Так море одних потопляло, а других спасало; и воздух то наносил град и губил иноплеменников, то приносил манну и питал иудеев. Равно и земля производила то мошек ко вреду врагов, то перепелов ко спасению своих. Для тех и днем была тьма, для этих и ночью свет. Египтяне, имея текущий Нил, погибали от жажды и засухи, а израильтяне, странствуя в пустыне сухой и знойной, пользовались водою в большом изобилии; тех одолевали жабы, а этих и исполины там не могли преодолеть.

6. Но для чего об этом напомнил нам блаженный Павел? По той причине, о которой я сказал вам вначале, чтобы ты знал, что ни крещение, ни отпущение грехов, ни ведение, ни приобщение таин, ни священная трапеза, ни сподобление тела, ни приобщение крови, и ничто другое не может принести нам никакой пользы, если мы не станем вести жизнь честную, строгую и чуждую всякого греха. А что действительно для этого он напомнил о таких событиях, видно из того, что он, представив образ крещения в море и облаке, и образ тайн в манне и камне, и сказав: "**и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питие**", присовокупил: "**но не о многих из них благоволил Бог**" (1Кор.10:5). После столь многих, говорит, и столь великих чудес Бог не возлюбил их, а что? "**Ибо они поражены были в пустыне**". Для чего же говоришь ты нам об этом, Павел? "**А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. Не будьте также идолопоклонниками, как некоторые из них, о которых написано: народ сел есть и пить, и встал играть**" (Исх.32:6). Посмотри на мудрость Павла. Он сказал о грехе, сказал и о причине греха, сказал и о наказании за грех, научая нас всем этим – остерегаться подражания им. Причиною греха было объядение: "**сел есть и пить**". Грех – самое играние. Затем наказание: "**поражены были в пустыне**".

Далее: "**не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали**". Здесь он не высказал причины блудодеяния, а только наказание. Какое? "**И в один день погибло их двадцать три тысячи**". Почему же он не высказал причины, от которой происходило блудодеяние? Он предоставил любознательным обратиться к истории, и из ней узнать корень этого зла. В этом и состоит лучший способ врачевания, – говорит, от чего происходят болезни, и прилагать врачевства к ранам. Поэтому он и говорит: "**это были образы для нас: о которых написано**" (1Кор.10:11). Таким образом Тот самый, Кто сделал все это и наказал непослушных, вразумляет теперь нас не только словами, но и самими событиями; а это есть величайший способ вразумления. Видишь ли, как для находящихся в благодати он представил учителя, совершившего такие дела в ветхом завете, внушая, что Один и тот же, и сделал все то и говорить это чрез него? Если бы там был кто-нибудь иной, то он не назвал бы тогдашних событий образами настоящих и не сказал бы, что "**описано в наставление нам**", не представил бы нам такого учителя, которого не признавал бы Богом, и не устрашал бы тем, что было сделано Им тогда, нас, имеющих также "**впасть в руки**" Его. А теперь, желая внушить, что мы также имеем "**впасть в руки**", Его и что те и другие люди, тогдашние и нынешние, управляются Его законами, он напомнил о всем том и сказал: "**описано в наставление нам**". Итак, зная это, будем верить и прошедшему и будущему. Если же есть некоторые, неверующие будущему, то станем научать их усердию к добродетели прошедшим, повествуя о случившемся с содомлянами, рассказывая о бывшем во время потопа, напоминая о

событиях в Египте, чтобы они, вразумившись наказаниями других и показав лучшую жизнь, приняли и учение о геенне и о воскресении. Ведь и теперь все, неверующие суду, таковы не от чего иного, как от развратной жизни и порочной совести, – так что, если мы очистим себя от грехов и вразумимся страхом прошедшего, то убедимся принять учение и о будущем. Как неправое учение обыкновенно ведет за собою дурную жизнь, так и развратная жизнь часто производит неправые учения. Итак, чтобы этого не случилось, будем повторять эти слова и себе самим и другим, постоянно сохранять правую веру и оказывать наилучшую жизнь, потому что со всех сторон доказано, что без нее и правое учение не принесет нам никакой пользы. Да сподобимся же молитвами святых и всех предстоятелей сохранить в целости правое учение, которое мы получили свыше и от предков, и сопровождать его сообразной с ним жизнью, чтобы нам получить обетованные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

на слова апостола: "Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные" (1Кор.11:19)

1. Недавно это духовное зрелище наше было достаточно взволновано, когда я изображал вам словом Иерусалим плачущий и возвещающий о собственных бедствиях. Тогда я видел, как прискорбные очи ваши источали потоки слез, видел из этого сетования, что душа каждого была исполнена воздыханий и сокрушения. Приметив это, я тотчас прекратил такое прискорбное изображение, прервал свою речь, и удержал вопль, который готов был вырваться из сердца каждого. Душа, объятая печалью, не может ничего здравого ни говорить, ни слушать. Но почему теперь я напомнил вам об этом? Потому, что имеющее быть сказанным сегодня сходно со сказанным тогда. Как то направлено было к истреблению нашей беспечности в жизни и исправлению лености в действиях, – так точно и то, что мы скажем теперь о тщательном соблюдении догматов, может сделать нас более твердыми, во всем совершенными и достигшими, по слову божественного апостола, "**в мужа совершенного, в меру полного возраста**" (Еф.4:13). Тогда мы врачевали ваше тело, а теперь будем врачевать голову, тогда словами Иеремии, а теперь словами Павла.

Какие же эти слова Павла, которые предстоит нам объяснить сегодня? "**Ибо надлежит быть**", говорит, "**и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные**" (1Кор.11:19). Это – предмет не маловажный. В самом деле, если в виде совета Павел говорит: "**надлежит быть и разномыслиям**", то вводители ересей не виновны. Но это не так, не так; это – слова не советующего, но предсказывающего будущее. Как врач, видя больным человека, преданного объядению, пьянству и другим запрещенным делам, говорит, что это расстройство должно произвести горячку, – говорит не в виде закона или совета, но в виде предсказания о будущем, судя по настоящему; и как земледелец или кормчий, видя скопление облаков и удары грома с молнией, говорит, что эти облака должны произвести непогоду и сильный дождь, – говорит не в виде совета, но предсказания о будущем: в таком смысле и Павел употребила слово "**надлежит**". Так часто и мы, видя людей ссорящихся между собою и осыпающих друг друга тяжкими злословиями, говорим, что должно произойти между ними столкновение и заключение их под стражу, – говорим не в виде увещания или совета им – может ли это быть? – но заключая по настоящему о будущем. Так точно и Павел не в виде совета говорит: "**надлежит быть и разномыслиям**", но предсказывая и пророчествуя об имеющем случиться. А что он не советует быть ересям, доказывают слова, которые сам он говорит:

"**но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема**" (Гал.1:8).

Сам он отвергает обрезание, так как уже не благовременно было соблюдать его, и оно нарушало бы чистоту проповеди, и говорит: "**если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа**" (Гал.5:2). Как же, скажешь, он присовокупил и причину, сказав: "**дабы открылись между вами искусные**". Слово ***да*** в Писаниях часто означает не причину, а следствие дела. Например, Христос пришел и даровал прозрение слепому; этот поклонился Ему; а иудеи, по исцелении его, делали все, чтобы затмить это чудо, и гнали Христа. Тогда Он сказал: "**на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы**" (Ин.9:39). Неужели Он пришел для того, чтобы они стали слепыми? Он пришел не для этого, но так случилось, и это следствие Он выразил в виде причины. Еще: закон дан был для того, чтобы воспрепятствовать совершению грехов, чтобы сделать более скромными тех, которые получили его. Но по нерадению их вышло противное, – грехи умножились; поэтому Павел и говорит: "**закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление**" (Рим.5:20); между тем не для того он "**пришел**", но чтобы уменьшить прегрешения. А это случилось по развращению тех, которые приняли его. Так точно и здесь слово "**дабы**" означает не причину, а следствие. О том же, что была другая причина ересей, что не для того были ереси, "**дабы открылись между вами искусные**"*,* и что они происходили по другим поводам, послушай Христа, который объясняет нам это: "**Царство Небесное**", говорит Он, "**подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы**" (Мф.13:24,25). Видишь ли, что ереси от того, что люди спали, были беспечны, не тщательно внимали сказанному? Итак, чтобы кто-нибудь не сказал: для чего же Христос попустил это? – Павел говорит: это попущение нисколько не вредит тебе; если ты ***искусен,*** то еще более обнаружишься таким. Не все ведь равно стоять в правой вере тогда, когда никто не поставляет преткновений и не соблазняет, или быть твердым и непоколебимым среди нападений бесчисленных волн. Как напоры ветров, колебля дерева со всех сторон, делают их более крепкими, если они хорошо и твердо укоренились; так точно и души, утвердившиеся на основании правой веры, какие бы ни нападали на них ереси, не развращаются, но делаются более сильными. А что, скажешь, бывает со слабыми, легко развращающимися и падающими? И они подвергаются этому не вследствие нападения ересей, а вследствие собственной слабости; разумею слабость не естественную, а происходящую от воли, достойную осуждения, наказания и мучения, которую мы сами властны исправить. Поэтому когда мы исправляем ее, то получаем похвалу, а когда не исправляем, то подвергаемся наказанию.

2. А чтобы ты убедился, что внимательным ничто не может причинить вреда, я постараюсь показать это и другим образом. Что может быть злее и преступнее диавола? Но и этот злой, коварный и имеющий великую силу, напав на Иова со всеми своими кознями и истощив весь колчан стрел своих на дом и тело праведника, не только не ниспроверг его, но сделал еще более славным. Так Иов не получил тогда никакого вреда от самого диавола; а Иуда, как нерадивый и беспечный, не получил никакой пользы и от общения со Христом, но остался предателем, после многих увещаний и внушений; причиною то, что не желающего (делать добро) Бог не принуждает и же заставляет, как Он поступил и с ним. Таким образом, если мы будем бодрствовать, то и диавол не может повредить нам; если же не станем бодрствовать, а будем беспечными, то и от полезного никогда не получим пользы, но даже потерпим величайший вред. Таково зло – беспечность. Так иудеи от пришествия Христова не только не получали пользы, но даже потерпели вред; впрочем не от Христа, а от собственной своей беспечности и нерадения. Об этом послушай, как говорит сам Христос: "**если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем**" (Ин.15:22). Видишь

ли, что пришествие Его лишило их прощения и отняло у них оправдание? Таково зло – не быть внимательным к себе и не настраивать себя, как должно. Тоже можно видеть и на телах; того, кто страдает зрением, и самое солнце обыкновенно помрачает, а здоровому и мрак не может вредить. Не напрасно я распространяюсь об этом, но потому, что многие, вместо того, чтобы обвинять собственную свою беспечность и исправлять свое нерадение и бесчувственность, не делают этого, но всячески изыскивают для себя разные оправдания и говорят: если бы не было диавола, то мы не погибли бы; если бы не было закона, то мы не грешили бы; если бы не было ересей, то мы не падали бы. Это – ложные оправдания и предлоги твои, человек! Внимательному ничто никогда не вредит, равно как спящему, беспечному и не заботящемуся о своем спасении ничто не приносит пользы. Это самое выражает и Павел, когда говорит: "**дабы открылись между вами искусные**", т.е. не смущайтесь и не бойтесь, ереси нисколько не могут повредить вам. Таким образом очевидно, что, если бы даже речь была об ересях, и тогда изречение его не представляло бы затруднения; оно есть пророчество, а не совет, предсказание, а не увещание; и слово: ***да*** означает следствие, а не причину. Но что теперь у него речь не о догматах, а о бедных и богатых, о ядении и неядении, о невоздержании и пресыщении богатых, и о забвении ими бедных, для этого позвольте повторить сказанное им несколько выше; иначе слова его не могут быть для вас ясными. Когда апостолы начали сеять слово благочестия, тотчас обратились три тысячи, а потом пять тысяч человек, и у всех их "**было одно сердце и одна душа**". А причиною такого согласия, скрепляющею любовь их и столько душ соединяющею в одно, было презрение богатства. "**И никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее**" (Деян.4:32). Когда был исторгнут корень зол, – разумею сребролюбие, – то превзошли все блага и они тесно были соединены друг с другом, так как ничто не разделяло их. Это жесткое и произведшее бесчисленные войны во вселенной выражение: ***мое*** и ***твое,*** было изгнано из той святой церкви, и они жили на земле, как ангелы на небе: ни бедные не завидовали богатым, потому что не было богатых, ни богатые не презирали бедных, потому что не было бедных, "**но всё у них было общее; и никто ничего из имения своего не называл своим**"; не так было тогда, как бывает ныне. Ныне подают бедным имеющие собственность, а тогда было не так, но, отказавшись от обладания собственным богатством, положив его пред всеми и смешав с общим, даже и незаметны были те, которые прежде были богатыми, так что, если какая может рождаться гордость от презрения к богатству, то и она была совершенно уничтожена, так как во всем у них было равенство, и все богатства были смешаны вместе. И не отсюда только, но и из самого способа отдачи имущества можно видеть их благочестие. "**Ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов**" (Деян.4:34,35). Не сказано, что они отдавали в руки апостолов, но "**полагали к ногам Апостолов**" их, выражал этим уважение, почтение и благоговение, какое они имели к апостолам. Они считали это дело не отдачею, а больше получением. Это особенно и значит презирать богатство, это собственно и значит питать Христа, когда ты делаешь это не с высокомерием и гордостью, когда ты отдаешь так, как бы этим оказывая благодеяние больше самому себе, чем принимающему. Если же ты не так расположен, то и не давай; если ты не считаешь этого более получением, нежели отдачею, то и не делай подаяния. Об этом свидетельствует Павел и в другом месте, где он говорит так: "**уведомляем вас, братия, о благодати Божией, данной церквам Македонским, ибо они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью; и глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия. Ибо они доброхотны по силам и сверх сил – я свидетель: они весьма убедительно просили нас принять дар и участие их в служении святым**" исполнили они (2Кор.8:1-4). Видишь ли, как он удивляется им более за то, что они с благодарностью, прося и умоляя, щедро отдавали свое имущество?

3. Поэтому мы удивляемся и Аврааму, – не только потому, что он заколол тельца и замесил муки, но и потому, что он с великим удовольствием и смиренномудрием принимал странников, выходя им на встречу, услуживая им, называя их господами, полагая, что он нашел сокровище бесчисленных благ, когда видел проходящим какого-нибудь странника. Таким образом, бывает двойная милостыня, когда мы даем, и притом даем с охотою: "**доброхотно дающего**", говорится в Писании, "**любит Бог**" (2Кор.9:7). Если же ты раздашь, хотя бы тысячи талантов, с гордостью, надменностью и тщеславием, то погубишь все, – подобно тому как фарисей, который отдавал десятую часть из своего имущества, но превозносился и надмевался этим, вышел из храма, погубив все. Не так было при апостолах, но с радостью, с веселием, и, считая величайшим для себя приобретением, верующие приносили деньги и считали вожделенным для себя, если апостолы удостаивали принять их. Как те, которым поручаются высокие должности и которые отправляются жить в столичные города, совершенно продают все свое имение и таким образом переселяются, так точно поступали и тогдашние люди, получив призвание на небо, в высшую столицу и в тамошнее царство. Они знали, что небо – истинное их отечество; и потому, обращая в деньги свое имущество, препровождали его туда чрез руки апостолов. Подлинно, крайне безумно допускать чему-нибудь из нашего имущества оставаться здесь, тогда как мы сами спустя немного времени должны переселиться отсюда; а что останется, то будет ущербом. Итак, пусть все наперед препровождается туда, где потом и мы будем жить всегда. Это представляя, верующие и отдавали все свое имущество, и совершалось двоякое доброе дело: они облегчали бедность нуждающихся, и свое имущество делали большим и безопаснейшим, перелагая сокровища свои на небо. От такого закона и нрава происходил тогда в церквах дивный обычай: все собравшиеся верные не тотчас уходили домой по выслушании учения, после молитв, после приобщения таин, по отпуске собрания, но богатые и более достаточные, принося с собою из дому хлеба и яств, приглашали бедных, устрояли общие трапезы, общие угощения, общие вечери в самой церкви, так что и от общения в трапезе, и от благоговения к месту, и от всего у них скреплялась любовь, и происходило для них великое удовольствие и великая польза. Бедные получали не малое утешение, и богатые великое благоволение как от питаемых, так и от Бога, для которого они делали это – и таким образом, приобретши великую благодать, уходили домой. От этого обыкновения происходило бесчисленное множество благ, а главное: в каждом собрании дружба их делалась более или более пламенной, после того как и благодетельствующие и благодетельствуемые соединялись между собою с таким дружелюбием. С течением времени коринфяне стали нарушать этот обычай; богатые, угощаясь между собою, презирали бедных и часто не ожидали приходящих позже, замедливших и задержанных житейскими нуждами, какие бывают у бедных. От этого случалось, что они, приходя поздно, со стыдом удалялись, так как трапеза была уже снята, потому что те спешили, а эти опаздывали. Поэтому Павел, видя в этом обстоятельстве много зол как в настоящем, так и в будущем, – потому что у богатых было презрение к бедным и великое пренебрежение, а у бедных недовольство и вражда к богатым, и много другого, что могло произойти от этих зол, – исправляет это дурное и прискорбное обыкновение. И посмотри, с каким благоразумием и кротостью он приступает к исправлению. Вначале он говорит так: "**не хвалю вас, что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее**" (1Кор.11:17). Что значит: "**не на лучшее**"? Предки, говорит, и отцы ваши продавали свои имущества, поместья и владения, имели все общим и питали великую любовь друг к другу; а вы, которые должны были бы подражать им, не только не делаете ничего подобного, но и то единственное, что имели, потеряли, т.е. вечери, совершавшиеся в собрании. Потому он и говорит: "**вы собираетесь не на лучшее, а на худшее**". Те предоставляли в пользу бедных все свое имение, а вы, доставлявшие им только трапезу, и этой лишили их. "**Во-первых, слышу, что, когда вы собираетесь в церковь, между вами бывают разделения, чему отчасти и верю**" (1Кор.11:18).

4. Посмотри опять, как благоразумно он делает исправление. Не сказал: я не верю, или: я верю, но употребил среднее выражение: "**отчасти и верю**"; не вполне верю, и не вполне не верю; тому или другому быть, это совершенно в вашей власти. Если вы исправитесь, то я не верю; а если останетесь такими же, то верю. Таким образом он и не обвинил их, и обвинил; не обвинил совершенно, чтобы дать им надежду на исправление и время для покаяния, и не оставил без обвинения, чтобы они не остались при той же беспечности. Я еще не вполне поверил, говорит он, – потому что это, конечно, означают слова: "**отчасти и верю**". Так говорил он, желая расположить их к обращению и исправлению, чтобы они отклонили и его – верить, хотя отчасти чему-нибудь подобному касательно их. "**Надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные**". Скажи же: какие это ереси? Здесь слушайте со вниманием; не о догматах говорится в словах: "**надлежит быть и разномыслиям между вами**", но о несогласии при трапезах. Сказав, "**надлежит быть и разномыслиям**", он прибавил и то, в чем состоят эти ереси: "**вы собираетесь, так, что это не значит вкушать вечерю Господню**" (1Кор.11:20). Что значит: "**вкушать вечерю Господню**"? "**Не значит**", говорит, "**вкушать вечерю Господню**" разумея ту вечерю, которую Христос преподал в последнюю ночь, когда все ученики были вместе с Ним. На этой вечери Господь и рабы все возлежали вместе; а вы все – рабы, и между тем поступаете несогласно и отделяетесь друг от друга. Он не изгнал и предателя, – потому что и Иуда был тогда вместе с ними, – а ты отгоняешь брата. Вот почему апостол и говорит: "**не значит вкушать вечерю Господню**", называя Господнею вечерею ту, которая совершается в согласии и при общем собрании всех. "**Ибо всякий поспешает прежде других есть свою пищу, так что иной бывает голоден, а иной упивается**" (1Кор.11:21). Не сказал: один алчет, другой ест; но названием ***опьянения*** более трогает их. И там и здесь, говорит, неумеренность. Ты расторгаешься от пресыщения, а тот истощается от голода; ты употребляешь больше, чем нужно, а тот не получает и необходимого. Это двоякое зло, происходящее от нарушения равенства, он и называет ***ересями***, потому что они враждебно были расположены друг к другу и производили распри, и один алкал, а другой упивался. Хорошо сказал он: "**вы собираетесь**". Для чего, говорит, вы сходитесь? Для чего это схождение, для чего общее собрание, если трапеза не бывает общею? Блага, которые мы получили, Господни: пусть же они и предлагаются нераздельно одинаковым с нами рабам. "**Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию и унижаете неимущих?**" (1Кор. 11:22)? Ты думаешь, говорит, что оскорбляешь только брата; но это оскорбление распространяется и на место, потому что ты пренебрегаешь целой церковью. Церковью называется оно потому, что принимает всех вообще. Для чего же суетность дома твоего ты вносишь в церковь? Если ты презираешь брата, то постыдись места, потому что и церковь оскорбляется этим. И не сказал: лишаете неимущих, или: не жалеете неимущих, но что? "**Унижаете неимущих**", – выразил невоздержание их самым сильным образом. Бедного, говорит, не столько озабочивает пища, сколько оскорбление. Посмотри, как кротко он оправдывает бедного и как сильно укоряет богатых. "**Что сказать вам? похвалить ли вас за это? Не похвалю**" за это? Что это значит? После объяснения гнусности поступка, следует легкая укоризна; и весьма справедливо, – чтобы они не сделались более бесстыдными. Прежде, чем показать гнусность поступка, он высказал решительный приговор: "**не похвалю**"; а когда обстоятельно доказал, что они виновны во многих прегрешениях, он употребил легкую укоризну, предоставляя самим высказанным доводам и объяснениям произвести сильнейшее обличение. Потом обращает речь к таинственной трапезе, желая возбудить в них еще больший страх. "**Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал**" (1Кор.11:23). Какая здесь последовательность? Ты говоришь об общей вечери, а между тем напоминаешь о страшных тайнах? Да, говорит, если эти духовные тайны, если эта страшная трапеза предлагается всем вообще, и богатому и бедному, не больше пользуется ею богатый и не меньше бедный, но всем одна честь, один доступ, и, пока все сподобятся и причастятся этой духовной и священной

трапезы, предложенное не уносится, но все священники стоят, ожидая и беднейшего и нижайшего из всех, то тем более должно так поступать при чувственной трапезе. Вот почему он и напомнил о той вечери Господней. "**Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови**" (1Кор.11:23-25).

5. Далее, сказав многое о тех, которые недостойно причащаются тайн, сильно укорив и обличив их, и научив, что принимающие кровь и тело Христовы без внимания и как случится подвергнутся наказанию одинаковому с убийцами Христа, он опять обратил речь к предложенному предмету и сказал: "**посему, братия мои, собираясь на вечерю, друг друга ждите. А если кто голоден, пусть ест дома, чтобы собираться вам не на осуждение**" (1Кор.11:33,34). Посмотри, как незаметно он осудил их чревоугодие. Не сказал: если вы алчете, но: "**а если кто голоден**", чтобы каждый, стыдясь быть виновным в этих грехах, предварительно исправился. Заключил он речь угрозою наказания, сказав: "**чтобы собираться вам не на осуждение**", т.е. не в осуждение и на позор. Это не пища, говорит, это не трапеза, которая соединена со стыдом для брата, с презрением к церкви, объядением или чревоугодием. Это – не радость, а наказание и мучение. Вы навлекаете на себя великое осуждение, оскорбляя братьев, пренебрегая церковью, делая святое место частным домом чрез ядение пищи отдельно между собою. Выслушав это, и вы, возлюбленные, заграждайте уста тем, которые без внимания пользуются словом и учением апостольским, исправляйте тех, которые употребляют Писания во вред себе и другим. Вы узнали, о чем говорится в словах: "**надлежит быть и разномыслиям между вами**", именно о несогласии, бывшем при трапезах, так как "**иной бывает голоден, а иной упивается**". А вместе с правою верою будем являть и жизнь соответствующую догматам, оказывая великое человеколюбие к бедным, великое попечение о нуждающихся; будем производить духовную куплю и не искать ничего больше того, что нужно. В этом богатство, в этом приобретение, в этом неистощимое сокровище, – чтобы передать все имущество свое на небо и затем быть уверенным в сохранении отложенного. От милостыни мы получим двоякую пользу: ту, что уже не будем бояться за отданное имущество, чтобы разбойники, воры или негодные рабы не похитили его, и ту, что отложенное не будет оставаться бесплодным; но, как корень, посаженный в тучную почву, приносит ежегодно зрелые плоды, так и серебро, помещенное в руки бедных, не только каждый год, но и каждый день приносит нам духовные плоды, дерзновение пред Богом, прощение грехов, близость к ангелам, чистую совесть, радость духовного торжества, непостыдную надежду, дивные блага, которые уготовал Бог любящим Его и с теплою и пламенною душою ожидающим милости пришествия Его, которого да сподобимся все мы, прожив богоугодно настоящую жизнь, равно как и вечной радости спасаемых, благодатью и щедротами истинного Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, со Отцом и Всесвятым Его Духом, во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

о милостыни, произнесенная после того, как он (св. Златоуст) в зимнее время прошел и увидел на площади бедных и нищих, лежащих без призрения

1. С ходатайством праведным, полезным и почетным для вас предстал я сегодня пред вами: уполномочили на него меня, не другой кто, а живущие в нашем городе бедные, не словами, не голосами или мнением общественного совета, но жалким и самым горестным видом своим. Проходя чрез площадь и по улицам, и поспешая в ваше собрание, я видел много лежащих среди дороги людей, из которых одни без рук, другие без глаз, иные

покрыты струпьями и ранами, и выставляли на вид те особенно члены, которые нужно бы закрывать по причине находящегося на них гноя, и почел крайне бесчеловечным – не сказать об них любви вашей, особенно когда, сверх сказанного, побуждает нас к этому и самое время года. Правда, и во всякое время нужно говорить о милостыне, потому что мы и сами имеем великую нужду в милости создавшего нас Господа; но особенно (это необходимо) в настоящее время, когда такая большая стужа. Летом бедные получают великое облегчение от самого времени года: тогда они безопасно могут ходить и нагими, потому что солнечные лучи служат им вместо одежды; они могут сидеть прямо на мостовой и спокойно проводить ночи под открытым небом; не имеют такой нужды ни в обуви, ни в вине, ни в большом количестве пищи, но довольствуются водою из источников, насыщаются одни самыми дешевыми овощами, другие небольшим количеством сухих семян, так как самое время года предлагает им готовую трапезу. А не менее этого, есть тогда для них и другое облегчение – в удобстве заниматься работами: в их-то особенно содействии нуждаются и строители домов, и возделыватели земли, и плавающие по морям. Что для богатых поля, дома и другие источники доходов, то для бедных – их собственное тело, и весь доход их от собственных рук, а больше ни откуда. Таким образом, летом они получают некоторое облегчение, в зимнее же время против них со всех сторон великая война и двойная осада, потому что внутри голод съедает их утробы, извне стужа сжимает и делает окоченелым тело их. Поэтому (зимою) они нуждаются и в большем количестве пищи, и в более теплой одежде, и в кровли, и постели, и обуви, и во многом другом; а что всего хуже, не имеют возможности заниматься и работами, потому что не позволяет время года. Итак, когда у них и наибольшая нужда в необходимом, а, сверх того, нет и работы, потому что никто их, несчастных, не нанимает и не приглашает в услужение, вот мы, взамен нанимающих, употребим в дело руки милосердных, взяв в сотрудники себе в этом деле Павла, истинного покровителя и попечителя бедных. Действительно, он так печется об них, как никто другой. Разделившись с апостолом Петром касательно учеников, он не разделился в попечении о бедных, но, сказав: "**подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным**", присовокупил: "**только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности**" (Гал.2:9,10). И точно, во всех своих посланиях он заводит об них речь, так что не найдешь ни одного, в котором бы не было подобного увещания. Знал он, хорошо знал, как важно это дело, поэтому и присовокупляет наставление о бедных ко всем другим увещаниям и убеждениям своим, как бы полагая на здании прекрасную кровлю. Так сделал он и здесь: побеседовав о воскресении, и исправив все прочее, он обратил, наконец, речь к милостыне, и сказал: "**при сборе же для святых поступайте так, как я установил в церквах Галатийских. В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние, чтобы не делать сборов**" и пр. (1Кор.16:1,2). Смотри на мудрость апостола, как благовременно он коснулся этого предмета. Наперед напомнил о будущем суде и страшном оном судилище, о славе, которою облекутся праведные, и о вечной жизни, а потом уже предлагает слово и о бедных, чтобы слушатель, одушевившись приятными надеждами и сделавшись благорасположеннее, принял это наставление с большим усердием, когда в нем будет жив страх суда, и душа станет услаждаться ожиданием будущих благ. В самом деле, кто в состоянии любомудрствовать о воскресении и весь перенесся в будущую жизнь, тот почтет за ничто все настоящее, – и богатство, и обилие, и золото, и серебро, и драгоценные одежды, и удовольствия, и роскошный стол, и все прочее, подобное этому, а кто считает все это за ничто, тот весьма легко примет на себя попечение о бедных. Поэтому и Павел хорошо (сделал, что), приготовив наперед ум коринфян рассуждением о воскресении, предложил потом и увещание.

И не сказал: о милостыни же, ***бедным*** или к ***нищим***, но: "**для святых**", научая этим слушателей почитать и бедных, когда они благочестивы, и презирать богатых, когда они

небрегут о добродетели. Так он и царя назвал нечестивым и беззаконным, когда тот был врагом Божиим, и бедных – святыми, когда они скромны и честны. Нерона он называет тайною беззакония, говоря: "**тайна беззакония уже в действии**" (2Фес.2:7), а бедных, не имеющих и насущного хлеба, но питающихся подаянием, назвал святыми. А вместе с этим он и коринфянам тайно внушал не высокомудрствовать и не гордиться получением такого повеления, как будто бы они подавали (милостыню) людям низким и презренным, но твердо знать и уверять себя, что, удостаиваясь иметь общение в скорбях бедных, они получают величайшую почесть.

2. Между тем стоит труда рассмотреть и то, кто эти святые, потому что Павел упоминает об них не только здесь, но и в другом еще месте, говоря так: "**а теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым**" (Рим.15:25). Об этих же самых святых упоминает и Лука в Деяниях, когда, по поводу угрожавшего великого голода, говорит: "**тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособие братьям, живущим в Иудее**" (Деян.11:29). И в том месте, о котором я выше сказал, (об них же Павел говорит): "**только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности**" (Гал.2:10). Когда мы, (говорит), разделились между собою, и я (взял) язычников, а Петр иудеев, то с общего согласия положили, чтобы это разделение не касалось бедных. В самом деле, когда они проповедовали, то проповедовали – один иудеям, а другой язычникам; но когда заботились о бедных, тогда уже (делали) не так, чтобы один заботился только о бедных из иудеев, другой – о бедных из язычников; нет, каждый из них имел великое попечение и о бедных, бывших между иудеями. Потому и говорит (Павел): "**только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности**". Кто же эти бедные, о которых он говорит здесь и в послании к Римлянам и к Галатам, за которых просил и македонян? Это – бедные из иудеев, жившие в Иерусалиме. А почему он так заботится об них? Разве не было бедных и нищих в каждом городе? Почему же он к ним именно посылает и об них просит всех? Не без основания, не без причины и не по какому-либо пристрастию, но с доброй и полезной целью. Впрочем (для объяснения этого) надобно начать речь несколько издалека. Когда дела иудеев пришли в упадок, и они, распяв Иисуса, произнесли сами против себя этот приговор: "**нет у нас царя, кроме кесаря**" (Ин. 19:15), и уже подпали под власть римлян, – тогда они и не могли управляться сами собою, как прежде, и не были совершенными рабами, как теперь, но стояли в ряду союзников, и, хотя платили царям подать и от них принимали себе начальников, однако во многом пользовались и своими законами, и наказывали своих преступников по отечественным постановлениям. И что они действительно платили подать римлянам, это видно из того, что, искушая Иисуса, (иудеи) спрашивали: "**позволительно ли давать подать кесарю, или нет?**"; а Он, повелев им показать монету, отвечал: "**отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу**" (Мф.22:17-21). А Лука говорит, что и при храме (Иерусалимском) были военачальники и тысяченачальники. Это достаточно доказывает, что иудеи были подвластны римлянам. А что они пользовались и собственными законами, видно из следующего. Они побили камнями Стефана, не приводя его в судилище; умертвили Иакова брата Господня, распяли самого Христа, тогда как судья признал Его совершенно невинным и (хотел) отпустить. Поэтому-то он и умыл руки, сказав: "**невиновен я в крови Праведника Сего**" (Мф.27:24); и когда увидел, что они сильно настаивают, то не произнес сам приговора, но уклонился, а они, воспользовавшись собственною властью, сделали потом все. Часто нападали они и на Павла.

Итак, поелику (иудеи) имели собственные судилища, то от этих (судилищ) уверовавшим соплеменникам их приходилось терпеть самые тяжкие страдания. Были и в других городах и судилища, и законы, и начальники; но у язычников никто не мог, по своей воле, ни поражать мечом, ни побивать камнями тех, кто отступит от их (веры), ни причинять им

другое какое-либо зло; и кто был обличаем, что сделал что-нибудь такое без приговора судей, тот сам подвергался наказанию. Напротив, иудеи пользовались в этом отношении большей свободою. Поэтому-то уверовавшие из них терпели больше всех, находясь как бы среди волков, и не имея избавителя. Так (иудеи) много раз бичевали и Павла; послушай, вот, он сам объявляет и говорит об этом: "**от Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали**" (2Кор.11:24,25). Что это сказано не по догадке, доказывает сам Павел, пиша к евреям: "**вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий; то сами среди поношений и скорбей служа зрелищем для других, то принимая участие в других, находившихся в таком же состоянии; ибо вы и моим узам сострадали и расхищение имения вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее**" (Евр.10:32,34). И давая наставление фессалоникийцам, он выставил на вид этих же (верующих из иудеев): "**ибо вы, братия**", говорит, "**сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев**" (1Фес.2:14). И так как (эти верующие) терпели больше всех, и не только не находили ни в ком (из иудеев) сострадания, но и были лишаемы всего своего имущества, водимы, влекомы и гонимы от всех, то Павел справедливо возбуждает верующих всех мест к оказанию им помощи. Вот и здесь за них же просит коринфян, говоря: "**при сборе же для святых поступайте так, как я установил в церквах Галатийских**" (1Кор.16:1).

3. Итак, кто эти святые, и почему (Павел) особенно заботится об них, это объяснено достаточно, – теперь надобно рассмотреть, для чего он упомянул о галатах. Почему не сказал: "**при сборе (милостыни) же для святых поступайте так; В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает**"; но, сказав: "**при сборе (милостыни) же для святых**", присовокупил: "**поступайте, так как я установил в церквах Галатийских**" Для чего он это делает? И притом упоминает не об одном, не о двух и не о трех городах, но о целом народе? Для того, чтобы коринфяне оказали большую готовность, и похвала другим возбудила в них ревность. Затем, (апостол) говорит и о способе, какой он назначил (для собирания милостыни): "**в первый день недели**", говорит, "**каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние, чтобы не делать сборов**" (ст. 2). "**В первый день недели**" – назвал он день воскресный. Почему же он назначил для пожертвований именно этот день? Почему не сказал: во второй день после субботы, в третий день после субботы, или в саму субботу? Не спроста и не без цели, но с тем, чтобы в самом времени найти себе споборника к возбуждению большего усердия в жертвователях, потому что благоприятное время – немаловажная вещь во всяком деле. Но отчего, скажешь, время это может способствовать к убеждению – подавать милостыню? Оттого, что в этот день (воскресный) прекращается всякая работа, душа от успокоения становится веселее, а что всего важнее – в этот день мы получили бесчисленное множество благ. В этот день разрушена смерть, истреблено проклятие, уничтожен грех, сокрушены врата адовы, связан диавол, прекращена долговременная брань, совершилось примирение Бога с человеками, род наш вошел в прежнее, или гораздо лучшее, состояние, и солнце увидело удивительное и чудное зрелище – человека, сделавшегося бессмертным. Обо всем-то этом и тому подобном желая напомнить нам, Павел вывел на средину этот день, делая его как бы ходатаем своим, и говоря к каждому: подумай, человек, сколь многие и великие блага получил ты в этот день, от каких избавился зол, чем ты был прежде, и чем стал после того. Если мы празднуем дни своего рождения, а многие из наших слуг и те дни, когда они получили свободу, проводят с великим почтением, и одни устрояют пиршества, а другие – щедрые дарят и подарки, из особенного уважения к тому времени, тем более нам должно уважать тот день, который по справедливости можно назвать днем рождения человеческой

природы. Мы пропадали – и нашлись, мертвы были – и ожили (Лк.15:32), были врагами – и примирились (Рим.5:10). Поэтому и надобно чтить этот день честью духовною, – не пиршества устроять, не вино разливать, не упиваться и ликовать, но довольствовать беднейших братий наших во всем. Это говорю не для того, чтобы вы только хвалили, но чтобы и сами так поступали. Не думайте, будто это сказано только к коринфянам; нет, (сказано) и к каждому из нас, и ко всем, кто будет жить после. Будем и мы делать то же самое, что заповедал Павел: пусть каждый в день воскресный откладывает дома деньги Господни [1], и пусть это сделается законом и неизменным обычаем; тогда мы не будем уже иметь нужды ни в увещании, ни в совете, потому что такие дела делать может не столько слово и увещание, сколько привычка, утвердившаяся временем. Если мы постановим себе правилом – в день воскресный откладывать что-нибудь в пользу бедных, то, хотя бы встретилась тысяча нужд, не нарушим этого правила.

Сказав: "**первый день недели**", апостол прибавил: "**каждый из вас**". Не богатым только, говорит, внушаю это, но и бедным; не свободным только, но и рабам; не мужам только, но и женам; пусть никто не будет свободен от этого служения, ни лишен прибыли, но пусть всякий делает пожертвование. И бедность не может быть препятствием к такому пожертвованию. Хотя бы ты был до крайности беден, но, верно, не беднее той вдовы, которая принесла в дар все свое имение (Лк.21: 2-4). Хотя бы ты был до крайности беден, но, верно, не беднее жены сидонской, которая, имея только горсть муки, не отказалась принять пророка; видела она, что вокруг ее лик детей, и грозит голод, и нет у нее ничего более в запасе – и, однако приняла пророка с великим усердием (3Цар. 17:10 и д.). А почему апостол сказал: "**пусть отлагает у себя и сберегает**"? Потому, что откладывающий (в пользу бедных), может быть, постыдился бы и постеснялся и показать свое пожертвование, когда оно мало. Поэтому, говорит, ты береги и храни, а когда от частых вкладов малое сделается великим, тогда уже открывай. Не сказал притом: собирая, но: "**сберегает**" (θησαυριζων, – сберегая сокровище), чтобы ты знал, что эта издержка есть сокровище, что этот расход есть прибыль, – сокровище, лучшее всякого сокровища. Это чувственное (сокровище) издерживается, и расхищается, и часто губит нашедших его; а то небесное – совершенно напротив: всегда неуменьшаемо и безопасно от расхищения, спасительно стяжавшим и получающим его. Оно не истребляется временем, не гибнет от зависти, но недоступно никаким злым умыслам, и доставляет бесчисленные блага собирающим его.

4. Так, послушаемся и будем делать это же и мы; пусть в домах наших хранятся, вместе с нашими собственными, и священные деньги, чтобы из-за них сберегались и собственные. Ведь, если в царском казнохранилище будут положены деньги кого-либо из подчиненных, то и эти (деньги) совершенно безопасны из-за царских. Так, если и в твоем доме будут храниться деньги бедных, откладываемые в день воскресный, то из-за них и твои собственные будут безопасны. Таким образом, по руководству Павла, ты соделаешься блюстителем своего имущества. Что я говорю? Отложенное послужит тебе поводом и побуждением отложить еще больше. Сделай только начало этой доброй привычке, и ты уже сам будешь побуждать себя (к откладыванию милостыни), без всякого приглашения. Пусть же дом каждого из нас сделается, таким образом, церковью от хранящихся в нем священных денег, потому что и здешние (церковные) сокровищницы образуются из тех (домашних). Место, где лежат деньги бедных, недоступно для демонов; и деньги, собираемые на милостыню, ограждают дома лучше всякого щита, копья, оружия, силы телесной и множества воинов. Итак, сказав: когда, кому и как надобно собирать эти деньги, Павел количество сбора предоставил самим жертвователям. Он не сказал: подай столько-то и столько-то, – чтобы такое повеление не было тяжко, так как многие ссылаются на бедность; чтобы бедные не говорили: что же, если мы не в состоянии? Нет, меру подаяния он определил силою дающих: "**каждый из вас**", говорит, "**отлагает у себя**

и сберегает, сколько позволит ему состояние" (1Кор.16:2). Не сказал: что может, или что найдется, но: "**сколько позволит ему состояние**", показывая тем, что подающему будет содействовать и высшая помощь, и благодать (Божия). Павел заботился не о том только, чтобы деньги подаваемы были бедным, но и о том, чтобы (это делалось) с совершенным усердием. И сам Бог повелел давать милостыню не для того, чтобы только насыщались бедные, но чтобы и подающие получали благодеяние, и – даже больше для последних, чем для первых. Если бы Павел заботился только о бедных, то повелел бы только подавать деньги, а не требовал бы усердия со стороны дающих; но вот теперь апостол и там, и здесь старается особенно о том, чтобы подающие подавали с удовольствием и радостью. Так в одном месте он говорит: "**не с огорчением и не с принуждением, ибо доброхотно дающего любит Бог**", не просто дающего, но делающего это доброхотно (2Кор.9:7). А в другом месте: "**раздаватель ли, раздавай в простоте; благотворитель ли, благотвори с радушием**" (Рим.12:8). Ведь то и милостыня, когда подаешь ее с радостью и думаешь, что сам больше получаешь, чем сколько даешь. Поэтому Павел всячески старается сделать эту заповедь легкою, чтобы подаяние было с усердием. В самом деле, смотри, сколько он представил обстоятельств, облегчающих тяжесть этого дела. Во-первых, повелевает, делать подаяние не одному, не двум или трем человекам, но всему городу, потому что слово ***милостыня*** (λογια) означает не что иное, как сбор или складчину общих подаяний. Во-вторых, (указывает) на достоинство приемлющих, потому что не сказал: бедным, но: святым. В-третьих, представляет пример тех, которые тоже сделали: "**установил**" говорит, "**в церквах Галатийских**" В-четвертых, показывает, что благоприятствует этому сам день: "**в первый день недели**", говорит, "**каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает**". В-пятых, повелевает не всю милостыню подать вдруг, но собирать исподволь и понемногу: а ведь не одно и то же велеть принести все в один день, или раздробить приношение по частям на несколько дней; такое раздробление делает и издержку нечувствительною. В-шестых, не назначает меры (подаяния), но предоставляет ее на волю дающих, и показывает, что в этом помогает и Бог, потому что слова: "**сколько позволит ему состояние**" означают то и другое. К этому присовокупил и седьмое обстоятельство, сказав: "**чтобы не делать сборов, когда я приду**". Здесь он и поощряет их ожиданием своего личного присутствия, и утешает указывая на время своего прибытия. Впрочем, не удовольствовался и этим, но прибавил еще и восьмое обстоятельство. Какое же? "**Когда я приду**", говорит, "**то, которых вы изберете, тех отправлю с письмами, для доставления вашего подаяния в Иерусалим. А если прилично будет и мне отправиться, то они со мной пойдут**" (1Кор.6:3,4). Смотри, как чужда тщеславия и смиренна эта блаженная и возвышенная душа, как она попечительна и сердобольна! Он не захотел и не решился сам, по собственному выбору, назначить людей для отнесения денег (в Иерусалим), но предоставил выбор их коринфянам, и не почел для себя обидою, если избрание этих людей состоится по мнению и воле коринфян, а не по мысли Павла; напротив, он нашел несообразным, чтобы подаяния сделали они, а людей для отнесения подаяний выбрал он. Поэтому он предоставил это им, являя, с одной стороны, свое смирение, с другой, избегая всякого повода и самой тени оскорбительного (для него) подозрения. Хотя он был светлее и солнца и чист от всякого дурного подозрения, но и при этом, однако всячески старался, и щадить слабых, и избегать неправильного о себе мнения. Поэтому и говорит: "**когда же приду, то, которых вы изберете, тех отправлю с письмами, для доставления вашего подаяния**". Что говоришь? Так ты не плывешь, не берешь денег, а поручаешь это другим? Чтобы от этой мысли не ослабело усердие их, смотри, как он предотвращает и это. Непросто ведь сказал: "**которых вы изберете, тех отправлю**" но как? "**С письмами**". Телом, говорит, я и не буду присутствовать, но посредством писем своих буду там и приму участие в их служении.

5. А мы достойны ли и тени Павла, или подножия его, после того, как он, пользуясь такою славою у всех, отстраняет от себя все почести, а мы досадуем и негодуем, если распорядители этих денег [2] избираются не по нашей мысли, не по нашему решению и приговору, считаем обидою для себя, когда жертвующие своим имением делают это без нашего ведома и согласия? Посмотри еще, как он (ап. Павел) везде помнит себя и нигде не забывается: ведь не назвал он этого ни заповедью, ни милостынею, но ***благодатью***, показывая тем, что как воскрешать мертвых, изгонять демонов, очищать прокаженных, так и облегчать бедность, и простирать руку помощи нуждающимся – есть дело благодати, и даже последнее более, чем первое. Впрочем, хоть это и благодать, однако и с нашей стороны требуются усердие и готовность, чтобы нам решиться и захотеть, и сделаться достойными благодати. Итак, Павел ободрил коринфян, во-первых, тем, что хочет послать свои письма, с назначенными для отнесения милостыни; а во-вторых, еще более этого тем, что обещается и сам идти вместе с ними: "**а если**", говорит, "**прилично будет и мне отправиться, то они со мной пойдут**". Замечай и здесь мудрость его. Он и не отказался идти вместе, и не обещал вдруг, но предоставил и это на решение дающих и сделал их полными распорядителями на счет его путешествия, объяснив, что он наверно отправится в путь, если подаяние будет так обильно, что побудит и его идти. Так должно разуметь слова: "**если прилично будет**". Если бы он совершенно отказался от путешествия, то ослабил бы усердие и ревность их; опять, если бы выразил свое обещание нерешительно, также сделал бы их нерадивыми. Поэтому он и не отказывается решительно, и не обещает, но отдает это на волю коринфян, говоря: "**если прилично будет**". Слыша, что Павел желает нести их подаяния, они приступали к делу с большим усердием и готовностью, чтобы святые руки его распорядились их подаянием, и его молитвы присоединились к их пожертвованию. Если же коринфяне, намереваясь поручить Павлу отнесение своих приношений, делали их поэтому с большим усердием, то какое получишь снисхождение ты, когда имея возможность подать Господу Павла (потому что Он принимает в лице бедных), не делаешь этого? Ведь и тот, кому вверена была вся вселенная, и кто имел попечение о церквах всей подсолнечной, обещал участвовать в распоряжении деньгами для бедных не иначе, как если сбор их будет значителен и достоин особого внимания. Размышляя об этом, и мы, если понадобится – или самим нам подать, или послужить другим в распоряжении их подаянием, – не поленимся (делать это) и не будем унывать, как будто чрез это у нас убавляется имущество. Земледелец, когда бросает семена в землю и на это издерживает все свое достояние, не печалится, не скорбит, и эту трату считает не потерей, но выгодою и прибылью, хотя надежда его и не несомненна. Не странно ли , что ты, который сеешь не с такого, но с гораздо более верной надеждою, и можешь вручить серебро самому Христу, – уклоняешься, медлишь, и ссылаешься на бедность? Разве Бог не мог повелеть земле, чтобы она произрастила чистое золото? Кто сказал: "**да произрастит земля зелень**" (Быт.1:11), и тотчас представил это былие во всей красе, тот мог повелеть, чтобы и источники и реки текли везде золотом. Но Он не восхотел этого, а оставил многих жить в бедности, и для их, и для твоей пользы. Бедность более способствует добродетели, нежели богатство; и за кем есть грехи, те могут находить немалое утешение в пособии нуждающимся. Сам Бог так печется об этом, что, когда Он пришел и облекся плотью, и жил с людьми, то не отрекся и не почел за стыд – Самому заботиться о бедных. Он столько умножал хлебы, одним повелением творил все, что хотел, мог в одну минуту представить тысячи сокровищ, и однако, не сделал этого, но повелел ученикам своим иметь ящик, носить, что туда опускали, и из этих денег помогать бедным. Когда Он прикровенно говорил Иуде о предательстве, ученики, не понимая, о чем шла речь, подумали, что Он велел Иуде подать что-нибудь бедным, потому что этот, сказано, "**имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали**" (Ин.12:6). Бог много печется об оказании милосердия, не только с Его стороны нам, но и о нашей стороны подобным нам; Он и в ветхом и новом завете дает множество законов об этом, повелевая быть милосердым всячески – и словами, и деньгами, и делами. Моисей весьма

часто говорит об этом в своих узаконениях; пророки от лица Божия вопиют: "**милости хочу, а не жертвы**" (Ос.6:6), и апостолы все, согласно с ними, и делают, и говорят. Не будем же нерадеть об этом деле, потому что чрез него мы приносим величайшую пользу не бедным, а себе, и больше получаем, нежели даем.

6. Говорю об этом не без причины, но потому, что многие часто входят в строгие исследования о нуждающихся, расспрашивают об их отечестве, образе жизни, нравах, занятиях и о здоровье телесном, делают им упреки и требуют от них множества объяснений касательно их здоровья. Оттого-то многие (из бедных) представляются изувеченными по телу, чтобы видом этого несчастья преклонить нашу жестокость и бесчеловечие. Летом попрекать их за это, хоть и жестоко, но не так еще, но зимою и во время стужи быть столь безжалостным и бесчеловечным судией и не оказывать им никакого снисхождения за то, что ничего не делают, не есть ли верх жестокости? Для чего же, скажешь, Павел давал фессалоникийцам такой закон: "**если кто не хочет трудиться, тот и не ешь**" (2Фес.3:10)? Для того, чтобы и ты, услышав это, обращал слова Павла не к бедному только, но и к себе самому, потому что заповеди Павла относятся не к бедным только, но и к нам. Скажу и нечто тяжелое и неприятное; знаю, что рассердитесь, но, несмотря на это, скажу, потому что и говорю не для того, чтобы оскорбить вас, но чтобы исправить. Мы попрекаем бедных праздностью, которая часто заслуживает и извинения, а сами часто делаем такие дела, которые хуже всякой праздности. Но я, скажет иной, владею отцовским наследством. Неужели же, скажи мне, бедный должен погибнуть за то, что он беден и от бедных (родителей), и не имел богатых предков? Но поэтому-то особенно он и заслуживает милосердия и сострадания со стороны богатых. Ты, проводя часто целый день в театре, или в собраниях и в разговорах бесполезных, или даже вредных, не думаешь, что делаешь худо и ничем не занимаешься; а этого несчастного и жалкого бедняка, который целый день проводит в прошении (милостыни), в слезах и в тысяче бед, осуждаешь и влечешь в судилище, и требуешь от него отчета? Где же тут, скажи мне, человеческая совестливость? Итак, когда будешь говорить: что же скажем Павлу? говори так не бедным только, но и себе самому. А с другой стороны, читай не только его угрозу, но и снисхождение, потому что (апостол), сказав: "**если кто не хочет трудиться, тот и не ешь**", присовокупил: "**вы же, братия, не унывайте, делая добро**" (ст.13). Но какой у них благовидный предлог? Это, говорят, беглецы, пришельцы, негодяи; покинув свою родину, они стекаются в наш город. Так, на это ли ты, скажи мне, досадуешь и обрываешь венок нашего города, что все считают его общей пристанью, и чужой город предпочитают своему родному? Но надлежало бы радоваться и восхищаться тем, что все прибегают к вашим рукам, как на общий рынок, и считают этот город общей матерью. Не помрачайте же славы и не умаляйте чести, которой он пользуется издревле, от времен отеческих. Некогда, как угрожал голод всей земле, жители этого города [3] отправили с Варнавою и Савлом немало денег жителям Иерусалима, – тем самым, о которых и мы говорили в этой беседе. Какое же можем иметь оправдание или извинение, если наши предки питали на свой счет живших вдали от них, и сами ходили к ним, а мы отгоняем и тех, которые из других мест прибегают к нам, и делаем об них строгие разыскания, зная притом, что сами мы виновны во множестве грехов? Если бы Бог стал так же строго исследовать наши дела, как мы – бедных, мы не получили бы никакого прощения, никакой милости. "**Каким судом судите**", говорит Писание, "**таким будете судимы**" (Мф.7:2). Будь же человеколюбив и снисходителен к сорабу, прости ему прегрешения, сколь ни много их, и будь милосерд, дабы и сам ты удостоился того же. Для чего сам себе причиняешь беспокойства? Для чего делаешь разыскания? Если бы Бог повелел разведывать образ жизни (бедных), требовать от них объяснений и тщательно исследовать нравы их, тогда не стали ли бы роптать многие? Не сказали ли бы: что это такое? Бог предписал нам дело трудное: мы не можем исследовать образ жизни других и знать, какие такой-то сделал грехи? Не сказали ли бы многие и еще многое в этом роде? А

теперь, когда Он освободил нас от всякого такого разыскания и обещал полную награду (за подаяние милостыни), будут ли получающее ее злые, или добрые люди, мы сами на себя навлекаем беспокойства. Откуда же, скажете, видно, что мы получим награду за подаяние милостыни, как добрым, так и не добрым? Из слов самого Господа: "**а Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф.5:44,45). Как Господь твой, не смотря на то, что премногие оскорбляют Его нечестивыми словами, блудодействуют, крадут, разбойничают, раскапывают могилы и делают множество зла, не прекращает своих ко всем благодеяний, но, по своему человеколюбию, всем посылает солнечные лучи, дожди и плоды земные, – так поступай и ты, и, когда будет время для милости и человеколюбия, облегчай бедность, прекращай голод, избавляй от скорби, и ничего больше не разыскивай. Если мы станем исследовать образ жизни (нуждающихся), то не окажем милости ни одному человеку, но из-за такой неуместной пытливости останемся бесплодными, никому не подадим помощи, и будем трудиться без всякой пользы и напрасно. Поэтому прошу вас, оставив эту неуместную пытливость, подавайте (милостыню) всем нуждающимся, и делайте это с великой щедростью, чтобы и нам самим удостоиться в тот день (будущего суда) великой милости и снисхождения от Бога, которое и да получим все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава и честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Χρήματα δεσποτιχά т.е. приносимый самому Господу в лице нищих, по учению Его (Мф.25:40).

[2] Т.е. денег, собираемых, в пользу бедных и хранившихся при церквах.

[3] Т. е. Антиохии.

БЕСЕДА

на слова апостола: "имея тот же дух веры, как написано" (2Кор.4:13), и на слова: "веровал, и потому говорил" (Пс.115:1), и о милостыне

1. Мудрейшие из врачей, видя, что рана требует железного ножа, делают рассечение; но делают это не без скорби и не без сострадания, а скорбят и вместе радуются не меньше самих испытывающих рассечение; они скорбят по причине боли, причиняемой рассечением, а радуются выздоровлению, происходящему от него. Так поступил и Павел, мудрый врач душ. Обличив некогда коринфян, которые имели нужду в сильнейшем обличении, он и радовался и печалился: печалился потому, что причинил им скорбь, а радовался потому, что сделал пользу. Выражал то и другое, он говорил: "**если я опечалил вас посланием, не жалею, хотя и пожалел**" (2Кор. 7:8). Почему он раскаялся? И почему опять не раскаивается? Раскаялся потому, что очень сильно поразил их; не раскаивается потому, что исправил их. А дабы ты убедился, что действительно поэтому, выслушай дальнейшее: "**вижу, что послание то опечалило вас, впрочем на время. Теперь я радуюсь не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию**" (2Кор.7:8,9). Если я, говорит, на время опечалил вас, то эта печаль кратковременная, а польза постоянная. Позвольте же и мне, прошу вас, сказать эти слова любви вашей: "**если**

я опечалил вас" прежним увещанием, "**не жалею, хотя и пожалел**", потому что вижу, что тогдашнее увещание и наставление, хотя на время опечалило вас, но нам принесло много радости, "**не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию**". Вот эта самая печаль ваша по Боге какое произвела в вас усердие. Сегодня у нас собрание блистательнейшее, зрелище торжественнейшее, сонм братии многочисленнейший. Это усердие – плод той печали.

Поэтому, сколько тогда я скорбел, столько теперь радуюсь, видя духовный виноградник наш наполненным плодами. Если при предложении яств чувственных многочисленность гостей доставляет некоторую честь и радость пригласившему их, то тем более это может быть при предложении яств духовных; между тем там, чем больше приглашенных, тем больше истребляется предложенного и делается больший расход, а здесь, напротив – многочисленность собравшихся не только не истребляет, но еще умножает трапезу. Если же там расход доставляет удовольствие, то тем более здесь доставит это прибыток, потому что таково свойство духовных яств: чем большему числу они разделяются, тем больше умножаются. Итак, если у нас трапеза полна, то я надеюсь, что и благодать Духа будет сообщаться уму нашему, потому что когда она видит много присутствующих, тогда предлагает обильнейшее угощение, не потому, чтобы она презирала немногих, но потому, что желает спасения многих. Поэтому и Павлу явившийся Христос повелел пройти другие города и остановиться в Коринфе, сказав: "**Господь же в видении ночью сказал Павлу: не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла, потому что у Меня много людей в этом городе**" (Деян.18:9,10). Если ради одной овцы пастырь ходит по горам и лесам и пустыням, то, когда предстоит ему многих овец обратить от беспечности и заблуждения, не окажет ли он великого усердия? А что он действительно не презирает и немногих, послушай, как Он сам говорит: "**нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих**" (Мф.18:14). Ни малочисленность, говорит, ни незнатность не располагает Его пренебрегать нашим спасением.

2. Итак, если таково попечение Его о малых и немногих и таково о многих, то, предоставив все Его изволению, обратимся к изречению Павла, прочитавшему сегодня. Какое же это изречение? "**Знаем, что**", говорит он, "**земной наш дом, эта хижина, разрушится**" (2Кор.5:1); или – лучше – обратимся выше, к самому началу мысли. Как отыскивающие источник, увидев влажное место, не только там роют, но, руководясь этою

влагою и жилою, простираются далее внутрь, пока не достигнут до самого корня и начала потока, – так точно поступим и мы. Нашедши духовный источник, проистекающий из мудрости Павловой, мы, руководясь его изречением, как бы некоторою жилою, пойдем к самому корню мысли. Где же это начало и корень? "**Имея тот же дух веры, как написано: я веровал и потому говорил, и мы веруем, потому и говорим**" (2Кор.4:13). Что говоришь ты? Если бы ты не веровал, то и не говорил бы и стоял бы безмолвным? Да, говорит; без веры не могу ни отверзать уст, ни двинуть языка, ни раскрыть губ, и, будучи одарен даром слова, стою безмолвным без ее наставления. Как растение без корня не может произращать плода, так без предварительного существования веры не может произойти и слово учения. Поэтому и в другом месте он говорит: "**потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению**" (Рим.10:10).

Что может быть лучше этого дерева, или даже сравниться с ним, когда не только ветви его, но и сам корень приносит плод: корень – оправдание, а ветви – спасение? Поэтому он и говорит: "**веруем, потому и говорим**". Как палка, крепко поддерживая дрожащие и от старости ослабевшие члены, не допускает поскользнуться и упасть, так точно и вера, надежнее палки подкрепляя нашу душу, колеблемую и волнуемую немощью помыслов, и поддерживая силою собственной крепости, безопасно утверждает ее и никогда не

допускает ей преткнуться, исправляя немощь помыслов избытком собственной силы, разгоняя происходящий от них мрак и озаряя собственным светом душу, сидящую в смутных помыслах, как бы в темном доме. Поэтому лишенные ее находятся в состоянии не лучшем того, в каком живущие во мраке, но подобно тому, как те и ударяются об стены, и толкаются с встречными, и низвергаются в овраги и пропасти, и глаза не приносят им никакой пользы, когда нет руководительного света, так и лишенные веры и толкают друг друга, ударяются об стены, и, наконец, низвергаются, увлекая сами себя в бездну погибели.

3. Свидетелями этих слов те, которые похваляются мирской мудростью и тщеславятся отпущенною бородой, истертым плащом и палкою. Они, после длинных и многих рассуждений, не видели камней, лежащих пред их глазами, потому что если бы они взирали на них, как на камни, то не стали бы почитать их богами. Они восставали и друг против друга и низвергались в самую глубокую бездну нечестия не от чего иного, как от того, что доверялись во всем собственным своим рассуждениям. Выражая и это, Павел сказал: "**осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели**" (Рим.1:21,22). Далее, приводя доказательство их помрачения и безумия, он прибавил: "**и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся**" (Рим.1:23). Но весь этот мрак вера, пришедши, изгоняет из души принявшего ее; и как спущенный якорь удерживает корабль, со всех сторон обуреваемый напором ветров и заливаемый поднимающимися волнами, и укрепляет его среди моря, так точно, когда приходящие отвне помыслы обуревают наш ум, пришедшая вера надежнее якоря избавляет его от кораблекрушения, приводя его к полному убеждению, как корабль в тихую пристань. Выражая это самое, Павел сказал, что Бог "**поставил одних Апостолами к совершению святых, доколе все придем в единство веры и познания Сына Божия, дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром**" (Еф.4:11-14). Видишь ли действие веры, как она, как бы некоторый надежный якорь, устраняет колебание? Об этом он же пишет в послании к евреям, выражаясь о вере так: "**которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее за завесу**" (Евр. 6:19). Дабы ты, услышав об якоре, не подумал, что он влечет вниз, апостол показывает, что необыкновенное свойство этого якоря то, что он влечет не вниз, но возносит ум вверх, поднимает к небу и вводить "**во внутреннейшее за завесу**". Завесою он назвал здесь небо. Почему и для чего? Потому, что как завеса отделяла святое святых от внешней части скинии, так точно и это небо, подобно завесе распростертое среди создания, отделяет от внешней части скинии, т.е. от этого видимого мира, святое святых, т.е. горнее и высшее, "**куда предтечею за нас вошел Иисус**" (Евр.6:20).

4. Смысл слов его следующий: вера, говорит он, возвышает нашу душу туда, не допуская ее угнетаться никаким из настоящих бедствий, но облегчая труды надеждою будущего. Подлинно, кто взирает на будущее, надеется на небесное и устремляет туда умственные очи, тот не чувствует скорби от настоящих бедствий, как не чувствовал и Павел и, объясняя причину такого любомудрия, говорил: "**ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу**" (2Кор.4:17). Как и каким образом? "**когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое**", очами веры (2Кор. 4:17,18). Как очи телесные не видят ничего умственного, так очи веры не видят ничего чувственного. Но о какой вере говорит здесь Павел? Название ***веры*** имеет двоякое значение. Верою называется та, которою некогда апостолы совершали знамения, и о которой Христос сказал: "**ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: "перейди отсюда туда", и она перейдет**" (Мф.17: 20). Также, когда ученики не могли избавить лунатика от беса и хотели узнать причину

этого, то Он указывает им ее в недостатке веры, сказав: "**по неверию вашему**" (Мф.17:20). И Павел об этой же вере говорит: "**и имею всю веру, так что могу и горы переставлять**" (1Кор.13:2). Равным образом, когда Петр, идя пешим по морю, начал утопать, то Христос укорил его за недостаток этой же веры, сказав: "**маловерный! зачем ты усомнился**?" (Мф.14:31)? Итак, верою называется та, которая совершает знамения и чудеса. Верою же называется и та, которая руководит к познанию Бога, по которой каждый из нас есть верный. О ней говорит апостол в послании к римлянам: "**благодарю Бога моего через Иисуса Христа за всех вас, что вера ваша возвещается во всем мире**" (Рим.1:8); также к фессалоникийцам: "**от вас пронеслось слово Господне не только в Македонии и Ахаии, но и во всяком месте прошла слава о вере вашей в Бога**" (1Фес.1:8).

На какую веру он указывает здесь? Очевидно на веру познавательную, как показывают дальнейшие слова: "**веруем**", говорит он, "**потому и говорим**". Чему веруем? "**Зная, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас**" силою своею (2Кор.4:14). Но почему он называет ее "**духом веры**" и включает в число дарований? Если вера есть дарование и только дар Духа, а не наша заслуга, то и неверующие не будут наказаны, и верующие не удостоятся похвалы, потому что таково свойство дарований: за них не получают венцов и наград, так как дарование не есть заслуга получивших его, а дар щедрости подателя. Поэтому Господь повелел и ученикам не радоваться тому, что они изгоняли бесов, и лишил царства небесного тех, которые "**пророчествовали и многие чудеса творили**" Его именем (Мф.7:22), так как собственными заслугами они не могли похвалиться, а хотели спастись одними только дарованиями.

5. Итак, если и вера есть нечто такое, если в ней мы ничего не привносим от себя, но все принадлежит благодати Духа, которая и внедряет ее в наши души, и мы не получим за это никакой награды, то как же апостол говорит: "**сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению**" (Рим.10:10)? Значит, вера есть также доброе дело уверовавшего. Как и в другом месте он выражает тоже самое, когда говорит: "**а не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность**" (Рим.4:5), если все принадлежит благодати Духа? Как и патриарха Авраама он увенчал за нее бесчисленными похвалами, – за то, что тот, презрев все настоящее, поверил с надеждою сверх надежды (Рим.4:18)? Итак, для чего же апостол называет ее ***духом веры?*** Он хочет показать, что вначале уверовать и покориться призыву зависит от нашего благорасположения; а после того, как вера уже внедрена, мы имеем нужду в помощи Святого Духа для того, чтобы она пребывала постоянно непоколебимою и неизменною. Ни Бог, ни благодать Духа не предваряет нашего расположения, но, хотя призывает, однако ожидает, чтобы мы пришли добровольно и по собственному желанию; а потом, когда мы уже пришли, тогда подает от Себя всякую помощь. Так как диавол, после того как мы приступили к вере, тотчас приходит, желал вырвать этот добрый корень и спеша посеять плевелы и повредить истинные и чистые семена, то мы имеем тогда нужду в помощи Духа, дабы Он, приседя нашей душе, подобно трудолюбивому земледельцу, своим великим попечением и промышлением со всех сторон ограждал новонасажденное растение веры. Поэтому апостол в послании к фессалоникийцам говорит: "**Духа не угашайте**" (1Фес.5:19), внушая, что по пришествии благодати Духа мы будем недоступными для лукавого беса и всех ухищрений его, потому что, если "**никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым**" (1Кор.12:3), тем более никто не может соблюсти веру свою безопасною и твердою, как только Духом Святым.

6. Но как можем мы привлечь к себе помощь Духа и расположить Его пребывать в нас? Добрыми делами и хорошею жизнью. Как свет светильника поддерживается елеем, с уничтожением которого и он прекращается и исчезает, – так точно и благодать Духа:

когда есть у нас добрые дела и душа орошается великой милостынею, пребывает в нас, как огонь, поддерживаемый елеем, а без нее отступает и удаляется – как это и случилось с пятью девами. Так как они, после многих трудов и подвигов, не запасли на помощь себе человеколюбия, то и не могли удержать при себе духовного дарования, поэтому и были отлучены от брачного чертога и услышали страшные слова, которые тяжелее геенны: "**истинно говорю вам: не знаю вас**" (Мф.25:12,41); поэтому и названы глупыми, – и справедливо, так как они, преодолев сильнейшие похоти, были побеждены слабейшей. Посмотри: они победили силу природы, обуздали бешеную ярость, укротили волны похоти, живя на земле показали жизнь ангельскую, будучи облечены телом подражали бесплотным силам, и после такого подвига не подавили в себе страсти к деньгам; поистине глупые и неразумные, – потому-то они и не удостоились прощения. Их падение было следствием одной беспечности. Они были в состоянии – угасить разженную таким пламенем печь похоти, переступить далее пределов и сделать больше заповеданного, (потому что девство не есть закон, но предоставлено воле слушающих), и после этого были побеждены страстью к деньгам. Что может быть жалче их, потерявших с головы своей венец за малую часть серебра? Говорю это не с тем, чтобы опустились руки девственниц, чтобы прекратить девство, но чтобы они не трудились без пользы, чтобы после бесчисленных подвигов не удалились с поприща неувенчанными и покрытыми стыдом. Девство – дело доброе и вышеестественное; но и это доброе, великое и вышеестественное дело, не будучи соединено с человеколюбием, не может ввести даже в преддверие брачного чертога. Посмотри на могущество человеколюбия и силу милостыни. Девство без милостыни не могло довести даже до преддверия брачного чертога; а милостыня без девства привела питомцев своих с великой славою в царство, уготованное ***прежде сложения мира***. Те за то, что не оказывали щедрой милостыни, услышали: "**истинно говорю вам: не знаю вас**"; а эти, напоившие жаждущего и напитавшие алчущего Христа, хотя и не отличались девством, услышали: "**приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**" (Мф.25:34), и весьма справедливо, потому что девственник и постник полезен только себе самому, а милостивый есть общая пристань обуреваемых, избавляет ближних от бедности и удовлетворяет нуждам других. Из добрых же дел те обыкновенно ценятся выше, которые служат на пользу другим.

7. Дабы ты убедился, что этого рода заповеди преимущественно пред всеми другими угодны Богу, Христос, беседуя о посте и девстве, упомянул о царстве небесном; а заповедуя о милостыне и человеколюбии и о том, чтобы мы питали в себе милосердие, указал на награду гораздо выше царства небесного: "**да будете сынами Отца вашего Небесного**" (Мф.5: 45). В самом деле, те заповеди особенно делают людей подобными Богу, – насколько людям возможно быть подобными Богу, – которые служат к общей пользе. Это самое выражая, Христос и сказал: "**солнце восходит над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф.5:45). Так и вы, употребляя свои имущества по возможности на общую пользу братий, подражайте Тому, Кто ниспосылает блага свои всем одинаково. Велико достоинство девства, и поэтому я желаю, чтобы оно особенно было соблюдаемо; но достоинство девства состоит не в воздержании только от брака, а в человеколюбии, братолюбии и сострадании. Что пользы в девстве с жестокостью? Что пользы в целомудрии с бесчеловечием? Ты не увлеклась телесной похотью, но увлеклась страстью к деньгам; ты не прельстилась наружностью человека, но прельстилась красотою золота; ты победила сильнейшего противника, но меньший и слабейший преодолел тебя и победил. Поэтому твое поражение сделалось постыднейшим; поэтому ты и не получила прощения, как преодолевшая такое насилие и укротившая самую природу, но предавшаяся сребролюбию, которое часто и рабы и варвары могли побеждать без труда.

8. Зная все это, возлюбленные, и в браке живущие и в девстве подвизающиеся, будем прилагать великое усердие к милостыне, потому что иначе невозможно достигнуть царства небесного. Если девство без милостыни не могло привести в царство, то какое другое доброе дело может, или будет в состоянии сделать это без нее. Нет, никакое. Итак, всею душою и всеми силами будем подливать елея в светильники, и пусть это делается щедро и постоянно, чтобы свет всегда был ясный и обильный. Ты смотри не на бедного, который принимает, но на Бога, который воздает, не на того, кто, получает серебро, но на того, кто делается должником твоим. Для того один принимает, а другой платит, чтобы с одной стороны бедность и несчастье принимающего расположили тебя к милости и состраданию, а с другой богатство имеющего отдать, ручающегося за уплату с великой прибавкою, внушало надежду на некоторую выгоду и располагало к милостыне с большей щедростью. Кто, скажи мне, имея в виду получить во сто раз более, и будучи совершенно уверен в уплате, не отдаст всего?

Не будем же беречь деньги, или – лучше – будем деньги беречь, потому что кто бережет свое имущество, тот полагает его в эту неприкосновенную сокровищницу, недоступную ни для разбойников, ни для слуг, ни для злых завистников и ни для каких козней. Если же ты, слыша и это, не решаешься отдать что-нибудь из своего имущества, и ни стократное получение, ни несчастье бедного, и ничто другое не может склонить тебя, то вспомни о своих грехах, войди в сознание своей греховности, исследуй всю свою жизнь, осмотри тщательно все свои грехопадения, и тогда, хотя бы ты был бесчеловечнейшим из всех людей, постоянно чувствуя страх за свои согрешения и надеясь милостыней заслужить себе их прощение, ты отдашь и самое тело твое, не только что деньги. Если страдающие ранами, желая избавиться от болезней телесных, не жалеют никакого имущества и готовы отдать даже саму одежду, чтобы избавиться от своей болезни, – то тем более мы, желая избавиться милостыней от болезни душевной и от тяжких ран греховных, должны оказывать ее со всем усердием. Притом в болезнях, бросая серебро, нельзя вдруг исцелиться от боли, но часто нужно испытать и рассечение, и прижигание, и горькие лекарства, и голод, и холод, и другие тягчайшие предписания; а здесь не так, но достаточно отдать серебро в руки бедных, и все грехи тотчас омоются без боли и труда. Врач, исцеляющий душу, не имеет нужды ни в приемах, ни в орудиях, ни в железе, ни в огне; но Ему довольно сделать только мановение, и все грехи исчезают из нашей души и обращаются в ничто.

9. Не видишь ли, какие суровые подвиги переносят монахи, возлюбившие уединенную жизнь и удалившиеся на вершины гор? Имея постелью землю, одеваясь в власяницу, облагая все тело веригами и заключив себя в хижине, они постоянно борются с голодом, живут в слезах и невыносимых бодрствованиях, чтобы омыть хотя малую часть своих прегрешений; а тебе можно без всяких подобных суровых подвигов этим легким и удобным способом доказать свое благочестие. Что за труд, скажи мне, пользуясь имуществом, употреблять излишнее сверх нужды на бедных? Если бы даже не было положено награды, если бы даже не было назначено воздаяния, то самое свойство дела не в состоянии ли убедить самых упорных употреблять избытки на утешение нуждающихся? А когда за милостыней есть такие венцы, такие награды, такое прощение грехов, то какое, скажи мне, будут иметь оправдание те, которые жалеют денег и потопляют душу свою во грехах? Если же тебя ничто другое не располагает, и не побуждает к состраданию и милостыне, то вспомни о неизвестности кончины и представь, что если ты не дашь бедным, то с наступлением смерти невольно оставишь все другим, и потому будь человеколюбивым теперь. Подлинно, было бы крайне безумно – не давать добровольно другим нуждающимся из того, чего мы должны будем лишиться невольно, тогда как притом мы можем получить такие блага за эту щедрость. "**Ныне ваш избыток**", говорит апостол: "**в восполнение их недостатка**" (2Кор.8:14). Что значат эти слова? Ты

получаешь больше, нежели даешь: даешь чувственное, а получаешь умственное и духовное; даешь серебро, а получаешь отпущение грехов; ты избавляешь бедного от голода, а он избавляет тебя от гнева Божия. Это – некоторая мена и торговля, приносящая прибыток, гораздо больше расхода, и выгоду значительнее. Расход состоит в деньгах, а прибыток не в деньгах только, но и в отпущении грехов, в дерзновении пред Богом, в царстве небесном и в наслаждении благами, "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**" (1Кор.2:9). Поэтому не нелепо ли, – тогда как купцы не жалеют ничего из своего имущества, имея в виду не какую-нибудь необыкновенную прибыль, но подобную истраченной сумме, мы, имея в виду за тленные и преходящие блага приобрести не преходящие и тленные, но нетленные и бессмертные, не оказываем такой же попечительности о своем имуществе, как и они? Нет, братие, не будем так дурно заботиться о своем спасении; но зная пример и дев, и отосланных "**в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его**" (Мф.25: 41), за то, что они не напитали и не напоили Христа, будем удерживать в себе огонь Духа щедродательностью и обильною милостыней, дабы нам не потерпеть кораблекрушения в вере. Вера имеет нужду в помощи и присутствии Духа, чтобы ей оставаться непоколебимою; а помощь Духа обыкновенно подается за чистую жизнь и доброе поведение. Поэтому, если мы желаем иметь твердую веру, то должны вести чистую жизнь, которая и располагает Духа пребывать в нас и поддерживать силу веры. Невозможно, подлинно невозможно, чтобы проводящий нечистую жизнь не колебался и в вере.

10. Пустословящие о судьбе и неверующие спасительному учению о воскресении впали в бездну такого неверия вследствие нечистой совести и развратных дел. Как страдающие горячкою, желая уничтожить жар, часто бросаются в холодную воду и, на краткое время утишить боль, потом подвергаются сильнейшему пламени, – так точно и имеющие порочную совесть, стараясь найти утешение, и не желая омыть грехи покаянием, придумали господство судьбы и неверие воскресению. Таким образом, утешая себя на краткое время холодными рассуждениями, они воспламеняют для себя большой огонь геенны, и когда, оставшись беспечными и, потом, перешедши туда, увидят, что каждый сам должен дать отчет за свои прегрешения. И дабы убедиться, что это справедливо и что злые дела вредят твердости веры, послушай, что говорит Павел в послании к Тимофею. "**Воинствовал**", говорит он, "**как добрый воин, имея веру и добрую совесть**", – а добрая совесть обыкновенно бывает от жизни и правых дел, – "**которую некоторые отвергнув, потерпели кораблекрушение в вере**" (1Тим.1:18,19). И еще в другом месте: "**ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры**" (1Тим.6:10). Видишь ли, что и те потерпели кораблекрушение, и эти уклонились, потому что те отвергли благую совесть, а эти предались сребролюбию? Тщательно размышляя обо всем этом, постараемся о добром образе жизни, чтобы получить нам двойную награду, – одну, уготованную в воздаяние за дела, а другую в воздаяние за твердость в вере. Что пища для тела, то жизнь для веры; и как плоть наша по естеству своему не может поддерживаться без пищи, так и вера – без добрых дел, потому что "**вера без дел мертва**" (Иак.2:20). Осталось, наконец, сказать об одном: что значит: "**тот же**"? Апостол не сказал просто: "**имея дух веры**"; но что? "**Имея тот же дух веры**". Я желал бы объяснить и это; но так как вижу много потоков мыслей, проистекающих из этого простого слова, то опасаюсь, чтобы множеством того, что нужно будет сказать, не затопить всего сказанного и не сделать бесполезным для вас настоящего поучения, повредив вам неумеренностью. Поэтому, прекращая здесь беседу, прошу и умоляю, вас тщательно соблюдать сказанное, – все, что вы слышали о жизни, вере, девстве, человеколюбии и милостыне, и, твердо помня это, быть готовыми к слушанию последующего. Тогда только наше собеседовательное здание будет прочно и непоколебимо, когда прежде сказанное будет хорошо внедрено в ваших умах, а затем мы станем прилагать и дальнейшее. Бог же, даровавший и нам сказать это, и вам выслушать с

усердием, да сподобит нас явить плоды от дел, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

на слова апостола: "Но, имея тот же дух веры, как написано" (2Кор.4:13), и против манихеев и всех, порицающих ветхий завет и отделяющих его от нового, и о милостыне

1. За мною старый долг – объяснить вам апостольское изречение. Вы, может быть забыли об этом долге по давности времени; но я не забыл по своему влечению к вам. Такова любовь: она нечто неусыпное и заботливое; любящие носят в уме не только любимых, но и все, что пообещают им дать, помнят тверже будущих получателей. Так и нежная мать, сохранив для своих детей остатки трапезы, не забудет, если они случайно и забудут, но, соблюдши это со всем усердием, предлагает и питает алчущих. Если матери так нежны к своим детям, то нам нужно оказывать настолько большее усердие и попечение о вашей любви, насколько муки рождения духовного сильнее мук рождения естественного. Какая же была эта трапеза, остатки которой мы сохранили для вас? Это апостольское изречение, доставившее нам тогда обильную духовную пищу, одну часть которого мы предложили вашему вниманию, а другую перенесли на настоящий день, чтобы множеством сказанного не истощить силы вашей памяти. Какое же это изречение? "**Но, имея тот же дух веры, как написано: я веровал и потому говорил, и мы веруем, потому и говорим**" (2Кор.4:13). О какой вере сказано, – о совершительнице ли знамений, о которой Христос говорит: "**если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: "перейди отсюда туда", и она перейдет**" (Мф.17:20), или о насадительнице в нас познания, по которой все мы – верные; также для чего сказало: "**дух веры**", и что такое сама эта вера, – обо всем этом мы по силам сказали тогда любви вашей, прибавив несколько слов и о милостыне. Но так как осталось еще объяснить, для чего сказано: "**тот же дух веры**", и множество сказанного тогда не дозволило обстоятельно заняться этим словом, – то мы сберегли его на настоящий день, и теперь вышли отдать вам этот долг. Итак, для чего апостол сказал: "**тот же**"? Он желает показать великое сродство нового завета с ветхим; поэтому напомнил нам и о пророческом изречении, сказав: "**имея тот же дух веры**", и прибавив: "**как написано: я веровал и потому говорил**". Раньше и за много лет Давид сказал то самое (Пс.115:1), что привел теперь Павел, объявляя, что та же самая благодать Духа и в нем тогда, и в нас теперь укоренила силу веры; и как бы так сказал: тот же самый Дух веры, который говорил в нем, действует и в нас.

2. Где теперь те, которые порицают ветхий завет, расторгают тело Писания, приписывают новый завет одному, а ветхий другому Богу? Пусть они слушают Павла, заграждающего безбожные уста, обуздывающего богоборный язык и показывающего, что один и тот же Дух и в ветхом и в новом завете. Притом и сами названия их показывают нам великое согласие между заветами. Новый назван так по отношению к ветхому, и ветхий по отношению к новому, – как и Павел говорит: "**говоря "новый", показал ветхость первого**" (Евр.8:13). А если бы они не принадлежали одному и тому же Владыке, то не могли бы называться ни этот новым, ни тот ветхим. Так это различие в названиях показывает сродство того и другого завета; и самое это различие не по сущности, но по перемене времени: только поэтому новое отличается от ветхого; перемена времени, не означает ни разности господства, ни умаления одного пред другим. Это выразил и Христос, когда сказал: "**поэтому всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое**" (Мф. 13:52). Видишь ли стяжания различные, а власть одну? Как там один и тот же хозяин может выносить новое и старое, так точно и здесь возможно, чтобы одному и тому же

Богу принадлежали новый и ветхий заветы; это самое особенно и показывает Его богатство и изобилие, что Он не только созидает новое, но и в ветхом обнаруживает изобилие.

Таким образом, между заветами есть только различие в названиях, а не противоречие и не противоположность. Ветхое бывает ветхим при новом; но это означает не противоречие и не противоположность, а только различие в названии. Я даже позволю себе такое преувеличение, что хотя бы законы ветхого завета были противоположны законам нового, я с большей настойчивостью утверждал бы, что и тогда не нужно было бы вводить другого Бога. Если бы он учреждал противоположные законы в одно и то же время, одним и тем же людям, живущим в одном и том же состоянии, находящимся в одних и тех обстоятельствах, то такое мудрование, может быть, имело бы некоторое основание; но если предписаны одни законы одним, а другие другим, тем в одно время, а этим в другое, тем в одних обстоятельствах, а этим в других, то какая необходимость – вследствие различия законов вводить двух противоположных законодателей? Я не вижу никакой; если же еретики могут сказать, то пусть скажут; но и они не в состоянии будут. Так и врач часто делает много противоположного, не по противоположности в мыслях, но с одинаковою и с одною и тою же мыслью. Он часто одно и то же тело и прижигает и не прижигает, и режет и не режет, дает пить то горькие, то сладкие лекарства; действия противоположны, но мысль, по которой это делается, одинакова и одна и та же, потому что он имеет в виду одну цель, – здоровье больного. Поэтому, не нелепо ли – врача не обвинять за то, что он делает много противоположного с естеством одного и того же тела, а Бога порицать, если Он в различные времена и разным людям давал различные предписания?

3. Итак, отсюда очевидно, что, если бы даже эти законы были противоположны, то и тогда не следовало бы порицать (ветхий завет); но что они не противоположны, а только различны, возьмем в руки сами законы. "**Вы слышали**", сказал Господь, "**что сказано древним: не убивай**" (Мф.5:21). Это – ветхозаветный закон; посмотрим на новозаветный: "**всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит геенне огненной**" (Мф.5:22). Скажи мне: разве противоположны эти заповеди? Кто из людей, имеющий хотя сколько-нибудь смысла, может сказать это? Если бы прежний закон повелевал – не убивать, а этот повелевал (убивать), тогда, может быть, кто-нибудь и сказал бы, что между ними есть противоречие; если же тот повелевает не убивать, а этот повелевает даже и не гневаться, то последний закон есть усиление первого, а не противоречие ему. Тот уничтожил плод злобы – убийство, а этот вырвал и корень – гнев; тот пресек течение нечестия, а этот иссушил и сам источник его, потому что источником и корнем убийства бывает ярость и гнев. Тот закон приготовлял нашу природу, а этот, пришедши, восполнил недостаток. Где же противоположность, когда один закон пресекает конец зла, а другой и начало? Тот руку очищал от крови, а этот освобождает и сам ум от порочных пожеланий. Это свойственно законам согласным между собою, а не противоречащим, что всюду стараются подыскать враги истины, не замечая, что, таким образом, они навлекают на новозаветного Бога великую вину легкомыслия и небрежения, потому что в таком случае окажется (да обратится это богохульство на голову принуждающих нас говорить это!), что Он неблаговременно устроил дела наши; а как это, я скажу. Руководство ветхого завета подобно кормлению молоком, а любомудрие нового завета подобно твердой пище; никто, не вскормивши молоком, не подает твердой пищи; а так поступил бы Бог нового завета, если бы не Он же был дарователем ветхого. Прежде нежели вскормил молоком, руководством закона, Он привел бы нас к твердой пище. И не только этому обвинению, но и другому еще большему они подвергают Его, как будто бы Он только после пяти с лишком тысяч лет приступил к промышлению о нашем роде. Если бы не Он был тот, кто чрез пророков, патриархов и других праведных мужей устроял все, касающееся нас, а кто-

нибудь другой кроме Него, то оказалось бы, что Он поздно и недавно стал промышлять о нас, как бы подвигшись некоторым раскаянием. Но было бы недостойно не только Бога, а даже обыкновенного человека, если бы Он, попустив столь многим людям погибнуть в течение столь долгого времени, наконец, в последние времена также приступил к промышлению о немногих.

4. Видишь ли, какие хулы произносят на Бога те, которые говорят, что один законодатель нового завета, а другой – ветхого? Но все это прекращается, когда мы допустим, что один Бог и того и другого завета. Тогда окажется, что Он мудро устроял дела касательно нас, сначала посредством закона, а теперь посредством благодати, и не с недавнего времени, не в последние времена, но издревле и с самого первого дня стал промышлять о нас. А чтобы еще более сомкнуть уста их, мы приведем теперь сами изречения пророков и апостолов, возвещающих, что один законодатель нового и ветхого завета. Итак, пусть выступит освященный от чрева матери Иеремия, и ясно покажет нам, что один и тот же Бог того и другого завета. Что же говорит он, объявляя от лица законодателя? "**Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их**" (Иер.31:31,32). Таким образом, установитель нового завета есть Бог, давший и ветхий. Этим пророк достаточно обуздал уста и последователям Павла Самосатского, которые отвергают предвечное бытие Единородного. Если Он действительно не существовал прежде рождения от Марии и не имел бытия прежде, нежели явился во плоти, то как, не существуя, Он законополагал? Как Он мог сказать: "**Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их**". Как он мог завещать отцам их, не существуя и не имея бытия, по их учению? Против иудеев и болеющих иудейскими заблуждениями павлиан это свидетельство пророка достаточно устойчиво. Но чтобы обуздать и манихеев, мы приведем свидетельство из нового завета, так как они не оказывают никакого уважения к ветхому, или лучше, и к новому, потому что и этот, который по видимому уважают, они унижают не менее того: во-первых, отделением его от ветхого они ослабили и достоверную часть его; ведь не малым доказательством истинности его содержания было предсказание ветхозаветных пророчеств, которые, отвергши, они не чувствуют, что унизили апостолов больше пророков. Итак, этим, во-первых, они унижают новый завет; а во-вторых – исключением из него большей части. Но, не смотря на то, сила его содержания такова, что и из самих остатков легко можно видеть их низость; урезанные части кричат и вопиют, требуя соединения с прочими своими частями.

5. Как же мы докажем им, что один законодатель нового и ветхого завета? Этими, оставшимися у них, апостольскими изречениями, которые, по-видимому, заключают в себе обвинение закона, а на самом деле особенно возвышают его и показывают, что он есть вещание божественное и свыше пришедшее. И это было делом премудрости Духа, что обвинители закона, прельщенные готовым изречением, невольно и неведомо приняли защиту, написанную в пользу его, чтобы если они захотят видеть истину, то имели в этом изречении руководство для себя, а если останутся в неверии, то не имели бы уже никакого прощения, как неверующие ко вреду своего спасения и тому, чему они по-видимому веруют. Итак, где новый завет говорит, что один законоположник его самого и ветхого? Во многих и в разных местах; но мы пока постараемся привести отрывок, и у манихеев сохраняющийся еще и теперь. Какой же он? "**Скажите мне вы, желающие быть под законом: разве вы не слушаете закона?**", говорит апостол, "**ибо написано: Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной**" (Гал.4:21,22)? Услышали еретики слова: "**одного от рабы**", и тотчас воспользовались ими; они думали, что эти слова – обвинение закона и, отрезав их от связи с прочими, удерживают, как одобряющие их. Мы же покажем из этого отрывка, что один законоположник. "**Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной. В этом есть иносказание**"

(Гал.4:22,24). Что значит: "**иносказание**"? События ветхого завета были прообразами событий завета благодати: как там две жены, так здесь два завета. Во-первых, в этом он показывает сродство нового завета с ветхим, когда этот был прообразом того; прообраз не противоположен истине, но сроден ей. Если бы Бог ветхого завета был противоположен Богу нового, то ветхий не мог бы прообразовать этими женами преимущество нового завета; а если бы он и прообразовал, то Павлу не следовало пользоваться этим прообразом. Если же скажут, что Павел сделал это, снисходя к немощи иудеев, то ему нужно было бы, проповедуя и эллинам, вводить эллинские образы, и напомнить об исторических событиях, бывших у эллинов. Однако он не делал этого, – и весьма справедливо, потому что эти события не имели ничего общего с истиной, а иудейские суть Божии вещания и законы; поэтому ветхозаветное и имеет великое сродство с новым заветом.

6. Во-первых, это показывает, что между новым и ветхим заветом великое согласие, а во-вторых, не меньше того и сама история. Как тогда были две жены у одного мужа, так и теперь два завета у одного законодателя. Если бы законодателем нового завета был один, а ветхого – другой, то апостол напрасно ввел бы эту историю, потому что не один был муж у Сарры, а другой у Агари, но у обеих один и тот же. Таким образом, когда он говорит: "**это два завета**" (Гал.4:24), то выражает не что иное, как то, что они имеют одного законодателя, как те одного мужа – Авраама. Но одна была раба, скажут, а другая свободная. Что же из этого? Пока вопрос, один ли законодатель обоих заветов. Пусть они наперед примут это; а потом мы ответим им и на то. Как скоро ты принудишь их принять это и убедиться, то все их учение исчезнет, потому что, если откроется, что и ветхий завет принадлежит тому же законодателю, как и есть действительно, то весь спор у нас с ними разрешен. Впрочем, чтобы и это не смущало вас, вникнем тщательно в изречение. Апостол не сказал: один раб, а другой свободный; но: "**рождающий в рабство**" (Гал.4:24); а сам не всегда есть раб; и рождение в рабство – вина не рождающего, но детей родившихся. Так как иудеи своей злобою сами лишили себя свободы и утратили благородство, то Бог воспитывал их в постоянном страхе, как неразумных рабов, наказывая мщениями и угрозами. Так и теперь многие отцы воспитывают своих детей, не как детей, но со страхом, свойственным домочадцам; и вина не отцов, а детей, заставивших отцов обращаться с свободными, как с рабами. Так и Бог воспитывал тогдашний народ таким страхом и мщением, какими свойственно было воспитывать неразумного домочадца; и это не служит ни к осуждению Бога, ни к обвинению закона, но необузданных иудеев, нуждавшихся в более сильной узде. Впрочем, и в самом ветхом завете найдутся многие, которые были воспитываемы не так, – например: Авель, Ной, Авраам, Исаак, Иаков, Иосиф, Моисей, Илия, Елисей и все остальные, ревновавшие о любомудрии нового завета. В самом деле, не вследствие страха и наказаний, или угроз и мщения, но по любви божественной и пламенному влечению к Богу они сделались такими, какими были. Они не нуждались ни в повелениях, ни в заповедях и законах, чтобы избрать себе добродетель и избегать зла, но, как благородные дети и свободные, признав свое собственное достоинство, они без всякого страха и наказания сами предавались добродетели, а остальные все иудеи уклонились в зло и потому имели нужду в узде закона. Так, когда они сделали тельца и поклонились изваянию, тогда услышали: "**Господь, Бог наш, Господь един есть**" (Второз.6: 4); когда совершили убийства и растлевали жен своих ближних, тогда услышали: не "**убий, не прелюбодействуй**", и остальное все подобным образом.

7. Таким образом, не вина закона – введение наказания и мщения, воспитание и вразумление иудеев, как домочадцев неразумных, но и величайшая слава и не малая похвала, что людей, преданных такому нечестию, закон мог собственной настойчивостью удалить от нечестия, смягчить и сделать послушными благодати и вести к любомудрию

нового завета. Один и тот же Дух устроял все, как в ветхом, так и в новом завете, хотя и различным образом. Посему Павел и сказал: "**имея тот же дух веры, как написано: я веровал и потому говорил**" (2Кор.4:18).

И не поэтому только он сказал: "**тот же дух**"; но и по другой причине, которая не меньше изложенной и которую я хотел изложить вам теперь же, но, боясь, чтобы вы не утратили сказанного, сберегу ее до другой беседы с вами; а теперь прошу вас помнить всю изложенную и тщательно хранить ее в памяти, а вместе приложить к тому и добродетельную жизнь и присоединить ее к чистоте учения, "**да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен**" (2Тим.3:17), потому что не будет нам никакой выгоды от правого учения, когда жизнь будет растленна, как нет пользы от добродетельной жизни, при отсутствии здравой веры. Чтобы нам иметь соразмерную пользу, обезопасим самих себя с обеих сторон, оказывая благородные плоды как во всем остальном, так между прочим, и в милостыне, о которой и я недавно беседовал с вами, оказывая ее со многою готовностью и многою щедростью. "**Кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет**" (2Кор.11:6). Что значит: "**кто сеет щедро**"? Со многою щедростью. Здесь, в делах житейских, и жатва, и сеяние состоит из тех же семян, потому что и сеющий бросает пшеницу, ячмень, или что-нибудь другое подобное, и жнущий пожинает опять то же самое. Но в милостыне не так, а иначе. Ты бросаешь серебро, а собираешь дерзновение к Богу; даешь деньги, и берешь грехов разрешение; доставляешь хлеб и одежду, и за это тебе приготовляется царство небесное и бесчисленные блага, "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**" (1Кор.2:9); а главное из всех благ – то, что ты делаешься подобным Богу, по силе человеческой. Так, беседуя о милостыне и человеколюбии, Христос прибавил: "**да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф.5:45). Ты не можешь поднять солнце, ни дожди посылать, ни такой вселенной благотворить; воспользуйся имеющимися деньгами у тебя для благотворения, и ты подобен будешь поднимающему солнце, насколько возможно человеку сделаться подобным Богу. 8. Вникните тщательно в сказанное. "**На неправедных**", говорит Он, "**и праведных**". Так и ты, когда творишь милостыню, не испытывай жизни бедного и не требуй от него отчета в его нравах. Милостынею потому и называется, чтобы мы подавали и недостойным. Милующий не исправного, а согрешившего милует; исправный достоин похвал и венцов, а грешник милости и снисхождения. Таким образом, мы и в этом будем подражать Богу, если будем подавать и порочным. Подумай, сколько живет во вселенной злословцев, преступников, волшебников, исполненных всякого зла; но и их Бог питает каждый день, научая нас простирать благотворительность на всех. А мы поступаем совершенно напротив. Мы отвращаемся не только от злых или дурных людей, но, когда подойдет к нам человек здоровый, подвергшийся бедности или по справедливости, или по свободе, или, может быть, и по лености – допущу и это, – то мы, осыпав его порицаниями, бесчестиями и бесчисленными шутками, отсылаем его с пустыми руками, понося здоровье, укоряя леность, требуя отчета. Неужели на это ты поставлен, человек, чтобы необдуманно обвинять и укорять нуждающихся? Бог повелел миловать и исправлять их бедность, а не требовать отчета и презирать. Или ты хочешь исправить их образ жизни, отвлечь от лености, и на дело подвигнуть ленивца? Ты наперед подай, и тогда укоряй, чтобы строгость не навлекла на тебя подозрения в жестокости, но чтобы тебе получить славу человека попечительного. Кто не подает, а только укоряет, от того бедный отвращается, того ненавидит, на того даже смотреть не хотел бы; и весьма справедливо, так как он думает, что укоризны происходят не от попечительности, а от нежелания подать, как действительно и бывает. А кто укоряет после подаяния, тот делает свое увещание удобоприемлемым, – потому что высказывает порицание не по бесчеловечию, а из попечительности. Так поступил и Павел. Сказав: "**если кто не хочет трудиться, тот и**

не ешь" (2Фес.3:10), он прибавил: "**вы же, братия, не унывайте, делая добро**" (2Фес.3:13). Эти заповеди, по-видимому, противоположны. Если ленивцам не должно и есть, то, как ты повелеваешь делать им добро? Но здесь нет противоречия, – да не будет. Для того, говорит он, я сказал: "**если кто не хочет трудиться, тот и не ешь**", чтобы не от милостыни отклонить намеревающихся подать, но чтобы живущих в праздности отклонить от праздности. Таким образом, слова его: "**тот и не ешь**", возбуждают одних к деятельности страхом угрозы, а слова: "**не унывайте, делая добро**", побуждают других к милостыне указанием на пользу этого. Дабы некоторые, услышав высказанную против тех угрозу, не перестали простирать руку помощи, он призывает их к благотворительности, говоря: "**не унывайте, делая добро**". Если и ленивому дашь, ты добро сделаешь.

9. Тоже он выразил и в дальнейших словах. Сказав: "**если же кто не послушает слова нашего в сем послании, того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним**" (2Фес.3:14), и таким образом извергнув такого из священной ограды, он снова присоединяет его другим образом, располагая и склоняя к нему мысли извергнувших. Поэтому он и прибавил: "**но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата**" (2Фес.3:15). Как там, сказав: "**если кто не хочет трудиться, тот и не ешь**", он снова повелел оказывать великое попечение о таких людях имеющим возможность к тому так и здесь, сказав: "**не сообщайтесь с ним**", он не устранил слушателей от попечительности о нем, но повелел им тщательно заботиться о нем, присовокупив слова: "**но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата**"; ты отделился от общения с ним, но не отделяйся от попечения о нем; ты извергнул его из собрания, но не отвергай его от любви; и это самое делать он повелел по любви, для того, чтобы тот, чрез отлучение сделавшись лучшим, возвратился к общению со всем телом. Так и отцы выгоняют из своего дома детей не для того, чтобы они всегда оставались вне, но чтобы, вразумившись изгнанием из дома, опять возвратились домой. Для обвинителей в недеятельности достаточно сказанного.

Но так как у многих есть еще другой заученный предлог к оправданию, исполненный бесчеловечия и жестокости, то необходимо опровергнуть и его, не для того, чтобы лишить их оправдания, но чтобы убедить их оставить это мнимое и бесполезное оправдание, а вместо того постоянно делами приобретать оправдание действительное и такое, которое может предстательствовать пред престолом Христовым.

Какое же это сухое и бесполезное оправдание многих? Я, говорят, воспитываю детей, забочусь о доме, кормлю жену, имею много необходимых расходов, поэтому я не в состоянии подавать милостыню приходящим ко мне. Что говоришь ты? Ты воспитываешь детей и поэтому не подаешь милостыни приходящим к тебе? Но для них-то тебе и должно подавать милостыню бедным, для этих самих детей и для покровительства им, чтобы небольшими деньгами тебе умилостивить Бога, который дал их тебе, чтобы оставить им предстателя в Нем и после твоей смерти, чтобы привлечь на них благоволение свыше этими деньгами, издерживаемыми для Бога. Не видишь ли, как многие часто вносят в свои завещания людей богатых и сильных, не имеющих с ними никакого родства, и делают их сонаследниками своих детей, единственно для того, чтобы пожертвованием небольших денег доставить своим детям обеспечение, и притом не зная, как после смерти их будут расположены сделавшиеся участниками в наследстве? А ты, зная человеколюбие, благость и справедливость своего Владыки, не сделаешь Его участником в твоем завещании? Не сделаешь Его сонаследником детей твоих? Свойственно ли это, скажи мне, отцу, любящему детей? Если ты действительно печешься о рожденных тобою детях, то оставь им такое письменное завещание, в котором будешь иметь должником Бога. Это – величайшее наследство, это – богатство, это – обеспечение. Введи Его в участники наследства здесь, чтобы Он ввел тебя и твоих детей в наследство там. Вот наследник благородный, человеколюбивый, благой, сильный, богатый, так что ни в чем невозможно

подозревать общение Его. Потому милостыня и называется сеянием, что она есть не расход, а прибыток; но ты когда приступаешь к сеянию, не обращаешь внимания на то, что издерживаешь запасы прежних произведений, а имеешь в виду еще несуществующую жатву будущих произведений, притом не зная, что все будет в твою пользу, – потому что и ржавчина, и град, и саранча, и неровность воздуха и многое другое обманывает нашу надежду на будущее; когда же нужно сеять для неба, где нет никакой неровности воздуха, откуда изгнана всякая скорбь и неприятность, медлишь и отступаешь? Какое же ты найдешь прощение, если, бросал в землю, делаешь это со смелостью и готовностью, а когда нужно отдать в руку Божию, то медлишь и нерадишь? Если земля возвращает вверенное ей, то тем более рука Божия все, что ни примет, с избытком возвратит тебе.

10. Итак, зная это, будем смотреть, подавая милостыню, не на расход, а на прибыток и на будущие надежды, и даже настоящую выгоду, потому что милостыня доставляет не только царство небесное, но и в настоящей жизни безопасность и избыток. Кто сказал это? Сам Тот, Кто властен сделать это. Подающий из своего имения бедным, сказал Он, "**получит во сто крат**" в этом веке "**и наследует жизнь вечную**" (Мф.19: 29). Видишь ли воздаяния, с великим изобилием подаваемые в той и в другой жизни? Не будем же медлить и уклоняться, но каждый день будем приносить плоды милостыни, чтобы у нас и настоящие дела текли благоприятно, и достигнуть нам будущей жизни, которой да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со святым Духом, слава, честь, держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

еще на те же слова: "Имея тот же дух веры, как написано" (2Кор.4:13), и почему все вообще пользуются благами, и о милостыне

1. В предшествующее собрание и бывшее еще прежде него мы, взяв одно изречение апостола, посвятили на объяснение его всю беседу; и сегодня опять мы хотим заняться тем же самым изречением. Это мы делаем нарочито для пользы вашей любви, а не для нашего прославления, – не для того, чтобы явится каким-то знающим и многодумающим, но чтобы открыть вам и мудрость Павла, и возбудить усердие в вас, я берусь за слова. Глубина мудрости его становится очевиднее, когда из одного изречения он нам рождает реки мыслей; вы же, узнав, что даже из одного апостольского слова можно извлечь неизреченное богатство любомудрия, не будете пробегать без внимания посланий его, но, питаясь этою надеждою, будете стремиться исследовать с великим тщанием каждое из находящихся там изречений. Если одно изречение дало нам предметы для бесед на три дня, то какое богатство доставит нам целый отдел, обозреваемый обстоятельно? Не будем же утомляться, пока не извлечем всего. Если те, которые раскапывают золотые рудники, сколько бы оттуда ни извлекли богатства, не отстают дотоле, пока не выберут всего золота, тем более мы должны оказывать усердие и старание в исследовании божественных изречений. И мы также вырываем золото, но не чувственное, а духовное, потому что мы работаем не в земных рудниках, но в рудниках Духа. Подлинно, послания Павловы суть духовные рудники и источники: рудники, потому что они доставляюсь нам богатство драгоценнее всякого золота; источники, потому что они никогда не иссякают, но сколько черпаешь оттуда, столько же – или еще более – опять прибывает в них. Ясным доказательством этого может служить все прошедшее время. С тех пор, как жил Павел, прошло уже пятьсот лет; и во все это время множество писателей, множество учителей и толкователей много и часто черпали оттуда, но не истощили заключающегося там богатства. Это – не чувственное сокровище, потому оно не истощается от многочисленности вырывающих его, но растет и множится. Но что я говорю о прежних? Сколь многие будут говорить после нас, а после тех опять другие, и, однако, этот богатый

источник не иссякнет и этот рудник не оскудеет? Духовен он, и не с тем возник, чтобы издержаться когда-нибудь. Какое же это апостольское изречение, о котором я и недавно беседовал с вашею любовью? "**Имея тот же дух веры, как написано: я веровал и потому говорил**" (2Кор.4:13).

2. В то время мы исследовали, для чего апостол сказал: "**тот же дух веры**", и изложили пока одну причину этого, именно ту, чтобы показать согласие нового завета с ветхим. Действительно, когда открывается, что один и тот же дух веры двигал устами Давида, изрекшего: "**я веровал, и потому говорил**", и действовал на душу Павла, то очевидно, что между пророками и апостолами есть великое сродство, и необходимо следует, что между ветхим и новым заветом есть великое согласие. Впрочем, чтобы, опять повторяю тоже самое, мы не обременили вас, теперь мы изложим и другую причину, по которой апостол сказал: "**тот же**". Мы и тогда обещали вам показать другую причину такого изречения. Но будьте внимательны, потому что глубока мысль, которую я хочу сообщить любви вашей, и требует проницательного ума и самой острой души; поэтому призываю вас тщательно следить за тем, что будет сказано. Если труд – наш, то выгода – ваша; или – лучше – это не наш труд, а дар благодати Духа. Когда же Он предлагает откровение, то ни говорящий, ни слушающие не утомляются, потому что велика приятность этого откровения. Вникнем со тщательностью, потому что, хотя бы вы проследили большую часть, но, если проспите малую часть, то не поймете всей речи, потеряв последовательность изложения. Как незнающие пути и нуждающиеся в руководстве других, хотя бы долго шли вслед за ними, но если по кратковременной невнимательности потеряют путеводителя, то не получают никакой пользы от прежнего следования за ним и останавливаются, не зная куда идти, так и следящие за говорящим, если, прослушав почти все поучение, будут невнимательны только малое время, то, потеряв всю последовательность речи, не в состоянии уже дойти до конца мыслей. Поэтому, чтобы и вам не потерпеть того же, слушайте с одинаковым вниманием все, что будет сказано мною, пока не дойдем до самого конца.

3. Итак, для чего апостол сказал: "**имея тот же дух веры**"?

Он хочет показать и то, что как в ветхом, так и в новом завете вера есть матерь благ. Впрочем, необходимо начать речь несколько отдаленнее, тогда эта причина будет для нас гораздо яснее. В чем же состоит эта причина? В то время, когда апостол говорил такие слова, великая война окружала верных, война тяжкая и непрерывная. Повсюду восставали против них целые города и народы, враждовали все властители, вооружались цари, поднималось оружие, изощрялись мечи, выступали войска, вымышлялись всякого рода казни и мучения. Разграбление и отнятие имуществ, ссылки, ежедневные смертные казни, пытки и темницы, огонь, железо, звери, виселица, колесо, пропасти, утесы, и все, что только можно придумать, употреблялось для истребления верных. Но война не остановилась на этом, потому что не только она была воздвигаема врагами, но и сама природа разделилась с собою: отцы восставали на детей, дочери ненавидели носивших их во чреве, друзья отвращались от друзей; война мало-помалу проникла в круги родных и в семейства; и было тогда великое смятение во вселенной. Как корабль в то время, когда поднимутся волны, соберутся тучи, разразятся громы, со всех сторон окружит судно мрак, взбушует море, поднимутся чудовища, нападут морские разбойники, и сами плывущие на корабле восстанут друг против друга, – не может избежать опасности, если высшая, сильная и великая десница не отразит смятения и, прекратив бурю, доставит тишину плывущим: так точно было и тогда, в начале проповеди. Не только отвне поднималась буря, но и внутри часто восставали друг против друга. Кто говорит это? Сам Павел, который пишет: "**отвне – нападения, внутри – страхи**" (2Кор.7:5). А что это было действительно так, что и учителей, и учеников окружали бесчисленные бедствия и война

простиралась на всех, на это я привожу опять свидетельство Павла. Вы же помните все сказанное, чтобы, узнав опасности, искушения и бесчисленные бедствия, в которых пребывали тогда верующие, вы больше благодарили и за это Бога, который рассеял все эти бедствия и даровал глубокий мир, прекратил войну и устроил великую тишину, – чтобы никто из беспечных не думал избегнуть наказания, и никто из добродетельных теперь не превозносился.

4. Подлинно не все равно – стоять ли мужественно среди свирепствующей со всех сторон войны и бесчисленных бедствий, или находясь теперь как бы в пристани, и наслаждаясь полной безопасностью, оказывать такую же бодрость. Тогда верующие находились в положении нисколько не лучше того, как мореплаватели, колеблемые в море и застигнутые бурей; а мы теперь живем безопаснее находящихся в пристани. Поэтому не будем ни превозноситься добрыми делами, ни падать при встречающихся искушениях, ни злоупотреблять безопасностью мира для нерадения; но будем всегда трезвы и бдительны. Есть и у нас борьба с пожеланиями своей природы. На нас не восстают теперь люди, но восстают плотские удовольствия, не поднимаются войною властители и цари, но поднимается гнев, честолюбие, зависть, клевета и бесчисленные душевные страсти. Будем же, освободившись от тех искушений, преодолевать эти. Я для того напомнил вам о тягостях тогдашних времен, чтобы и теперь находящейся в скорби получил от того достаточное утешение, и наслаждающийся полным спокойствием, не испытав тех опасностей, оказывал великое усердие в борьбе против непристойных помыслов, потому что все это писано "**в наставление нам**", утешение и ободрение (1Кор.10:11). Об этом необходимо теперь сказать вам и изложить великие ужасы, которые окружали тогда верных, не учителей только, но и учеников. Послушай же, что говорит Павел в послании к Евреям: "**вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий**" (Евр.10:32). Не проходило даже краткого времени, но тотчас, с самого начала оглашения и наставления, постигали их искушения и немедленно после крещения они подвергались опасностям; а что именно терпели они, послушай: "**служа зрелищем для других среди поношений и скорбей**" (Евр.10:33). Все оплевывали их, презирали, осмеивали, вышучивали, называли глупыми и несмысленными за то, что они, оставив отеческий образ жизни, приняли новое учение. А это не мало для поколебания души, если вера не укоренена глубоко, потому что ничто так не уязвляет душу, как позор; ничто так не терзает душу и сердце, как насмешки и злословия; многие мужи часто падали от посрамления. Говорю это теперь для того, чтобы мы твердо соблюдали веру. Если тогда, когда вся вселенная оскорбляла верующих, они не падали, то тем более должно твердо содержать учение истины теперь, когда вся вселенная перешла на нашу сторону. А что они не только твердо стояли среди обвинений и поношений и злословий, но еще радовались, терпя это, выслушай рядом стоящее: "**расхищение имения вашего приняли с радостью**" (Евр.10:34). Видишь, как и имущества их были отнимаемы в древности, и для всех, желавших обижать, были они жертвою. Так он говорит в послании к Евреям.

5. О фессалоникийцах же он опять свидетельствует подобное: "**и вы сделались подражателями нам и Господу, приняв слово при многих скорбях**" (1Фес.1:6). Смотри: и эти были в скорби и не просто, но "**при многих скорбях**". Сильное было искушение, непрерывная опасность, не дававшая ни на малое время перевести дух тогдашним подвижникам. И однако, терпя это, они не досадовали и не приходили в отчаяние, а даже радовались. Откуда это видно? Из слов Павла, – потому что, сказав: "**при многих скорбях**", он прибавил: "**с радостью Духа Святаго**" (1Фес.1:6), объявляя, что искушения причиняли скорбь, но причина искушений производила в них радость. Для их утешения достаточно было сознавать, что они терпели это за Христа. Поэтому в тогдашних христианах я не столько удивляюсь тому, что они терпели скорби, сколько

удивляюсь тому, что они радовались, претерпевая скорби для Бога. Душе благородной и боголюбивой свойственно – терпеть скорби и злострадать; но мужественно переносить искушение и благодарить Того, Кто попускает скорби, это – знак величайшего мужества, это свойственно душе бодрственной и освободившейся от всего человеческого.

И не здесь только, но и в другом месте, желая показать, сколько бедствий терпели тогда верующие от близких и сродников – что было тяжелее всего – апостол говорит так: "**ибо вы, братия, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев**" (1Фес.2:14). Вот и война, и притом война междоусобная, которая причиняет гораздо большую скорбь. "**Ибо не враг поносит меня, – это я перенес бы, но ты, который был для меня то же, что я, друг мой и близкий мой**", говорит псалмопевец (Пс.54:13,14); это происходило тогда прообразовательно. Поэтому они и имели нужду в великом утешении. Павел, замечая это и видя, как управляемые им страдают и подвизаются, изнуряются величием бедствий и терпят скорби от непрерывных ударов, различным образом и ободряет их мысли, и то говорит: "**праведно пред Богом – оскорбляющим вас воздать скорбью, а вам, оскорбляемым, отрадою вместе с нами**" (2Фес.1: 6,7); то говорит: "**не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом**" (Флп.4:6); и еще: "**не оставляйте упования вашего; терпение нужно вам, чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное**" (Евр.10: 35,36); затем, укрепляя их в терпении, прибавляет: "**ибо еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит**" (Евр.10:37). Как дитя расплакавшееся, сетующее и ищущее матери, кто-нибудь из находящихся при нем утешает, говоря: еще немного подожди, и мать непременно возвратится, так и Павел, видя тогдашних верующих сетующими, горько плачущими и желающими пришествия Христова по причине невыносимой тяжести бедствий, в утешение им говорит: "**ибо еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит**".

6. Итак отсюда ясно, что ученики страдали, терпели бесчисленные бедствия и, как бы агнцы в самой средине волков, подвергались нападениям со всех сторон; а чтобы ты удостоверился, что и учители их испытывали не меньшие, но еще тягчайшие страдания, – потому что чем более они противодействовали врагам истины, тем более возбуждали против себя гонителей, – выслушаем и это от того же, кто говорил нам предыдущее. В послании к Коринфянам он говорит так: "**мы никому ни в чем не полагаем претыкания, чтобы не было порицаемо служение, но во всем являем себя, как служители Божии, в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах**" (2Кор.6:3-5). Видишь ли, сколько он исчислил подвигов, какое множество искушений? Далее, в послании к ним же, он говорит: "**Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше**" (2Кор.11:23). Потом, желая убедить нас, что страдания за Христа гораздо блистательнее совершения знамений, представляя доказательство своего апостольства и показывая, что он лучше их, т.е. не апостолов, а лжеапостолов, он заимствует доказательство своего преимущества не от чудес и знамений, но от непрерывных опасностей, и говорить так: "**я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в**

посте, на стуже и в наготе" (2Кор.11:23-27). Таковы черты истинного апостольства! Знамения часто совершали и многие другие, которые однако не получили от чудес никакой пользы, но после всего этого услышали: "**отойдите от Меня, делающие беззаконие**" (Мф.7:23); а из тех, кто может сказать о себе то, что перечислил теперь Павел, никто не услышит подобного приговора, но с великим дерзновением взойдет на небо и будет наслаждаться всеми небесными благами.

7. Может быть, беседа наша сделалась слишком длинною; но не беспокойтесь: мы не забыли обещания и тотчас к нему опять возвратимся. И на этом не напрасно мы помедлили, а желая большими доводами сделать предмет нашей речи более несомненным и более ясным и вместе ободрить скорбящие души, чтобы каждый из находящихся в искушениях и опасностях вышел отсюда с достаточным утешением, узнав, что посредством страданий он делается общником Павла, или – лучше – Владыки ангелов, Христа; а участвующий в Его страданиях здесь будет общником Его славы там. "**Если только**", говорит апостол, "**с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться**" (Рим.8:17); и еще: "**если терпим, то с Ним и царствовать будем**" (2Тим.2: 12). Для верующего неизбежно – терпеть скорби, потому что "**все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы**" (2Тим.3:12); и еще: "**сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения**" (Сир.2:1,2). Прекрасны же, скажут, обетования – с самого начала впадать в искушения! Велико побуждение и утешение в служении – тотчас вкусить опасности! Действительно, весьма великое и дивное и доставляющее величайшую выгоду. Какую же именно? Выслушайте рядом стоящее: "**золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу,– в горниле уничижения**" (Сир.2:5). Смысл этих слов следующий: как золото, расплавляемое в огне, становится чище, так и душа, искушаемая скорбями и опасностями, делается чище и светлее и сбрасывает всю греховную нечистоту. Поэтому и Авраам сказал богатому: "**Лазарь** (получил в жизни) **– злое; ныне же он здесь утешается**" (Лк.16:25). И Павел в послании к Коринфянам писал: "**оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром**" (1Кор.11:30-32). И блудника он предал "**во изможднение плоти, чтобы дух был спасен**" (1Кор.5:5), показывая, что от настоящего искушения происходит спасение, и что опасности служат величайшим очищением души для тех, которые переносят их с благодарностью. Итак, мы достаточно показали, что верующие, как ученики, так и учители, испытывали скорби и терпели бесчисленные бедствия и не имели отдыха ни на малое время, будучи окружены со всех сторон различными и разнообразными нападениями; а кто любознателен, тот может и больше сказанного прочитать об этом в божественных писаниях.

8. Теперь обратимся к нашему предмету. О чем предположено было сказать? О том, для чего Павел сказал: "**имея тот же дух веры**". Для чего же он сказал это? Учеников смущало то, что бедствия были на опыте, а блага в ожидании, первые в действительности, а последние в отдалении, и одно происходило, а другое ожидалось. И удивительно ли, что некоторые так чувствовали тогда, в начале проповеди, если и теперь, спустя столько времени, после того как проповедь распространилась по всей вселенной, после того как получено столько доказательств этих обетований, многие так же чувствуют?

И не только это смущало их, но и нечто другое, не меньше того. Что же именно? Они думали в себе, что в ветхом завете дела устроялись не так, но проводившие праведную и целомудренную жизнь немедленно получали воздаяния и награды за добродетель, потому что не по воскресении тел и не в будущей жизни, но здесь же, в настоящей жизни, исполнялись для них все обетования. "**Господь, Бог твой, и возлюбит тебя, и**

благословит тебя, и рождаемое от крупного скота твоего и от стада овец твоих, не будет ни бесплодного, ни бесплодной, ни у тебя, ни в скоте твоем, и отдалит от тебя Господь всякую немощь" (Втор.7:13-15); "**пошлет Господь тебе благословение в житницах твоих. Откроет тебе Господь добрую сокровищницу Свою, небо, чтоб оно давало дождь земле твоей во время свое**" (Втор.28:8,12); "**и молотьба хлеба будет достигать у вас собирания винограда, собирание винограда будет достигать посева**" (Лев.26:5). И много других подобных Бог давал им обетований, которые все и сбывались для них в настоящей жизни. Кто сообразительнее, тот уже предвидит разрешение вопроса. Так как телесное здоровье, плодородие земли, многочадие и доброчадие, маститая старость, превосходное состояние времен года, благополучие, благовременные дожди, изобилие мелкого и крупного скота и все вообще блага ниспосылались им в настоящей жизни, и ничего не оставлялось в надежде, или по отшествии отсюда, то верующие, представляя себе, что предки их немедленно получали все блага, а им все награды и венцы отложены до жизни будущей и все блага обетований известны только по вере, утомлялись и ослабевали, будучи принуждены проводить всю настоящую жизнь среди искушений. Поэтому Павел, представляя это вместе с великостью постигавших их бедствий, т.е. что им Бог, обещал награду за труды по отшествии отсюда, а предков их вознаграждал здесь, и, замечая, что от таких мыслей происходит в них многая беззаботность, хотел подкрепить их и научить, что и при отцах их дела устроялись таким же образом и многие получили награду только верою, и для этого напомнил им пророческое изречение, сказав: "**имея тот же дух веры, как написано: я веровал и потому говорил**". Он как бы так говорит: и великий Давид, этот дивный и благородный пророк, получал воздаяния верою, а не на опыте; иначе он не сказал бы: "**веровал и потому говорил**", потому что вера есть осуществление предметов ожидаемых, но не видимых (Евр.11:1), а кто видит что-нибудь, тот, конечно, уже не ожидает. Следовательно, если он веровал, то веровал ожидаемому; если же он веровал ожидаемому, а ожидаемое еще не видно, то он еще не получал того, чему веровал. Поэтому апостол и говорить: "**имея тот же дух веры**", т.е. ту же веру, которая была в ветхом завете, имеем и мы. Поэтому и в другом месте он говорит, беседуя о тогдашних святых: "**скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин**" (Евр.11: 37,38); и далее, научая, что они бедствия терпели, а наград еще и теперь не получили, он прибавляет: все они умерли с верою, "**сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные**" (Евр.11:13). Как же они видели их, скажи мне, когда они еще не осуществились? Очами веры, проникающими небо и созерцающими все, там находящееся.

9. Посмотри на премудрость Бога, как Он и показал им награды издали, и не дал этих наград тотчас, дабы произвести в них большее терпение; а показал издали для того, чтобы они, питаясь этими надеждами, не чувствовали тяжести настоящих трудов.

Но, может быть, кто-нибудь из более проницательных слушателей подумает, что беседа моя противоречит сама себе. Если и прежние, скажет, не получали немедленно благ и воздаяний, то для чего ты так долго распространялся, исчисляя нам благорастворение времен года, телесное здоровье, доброчадие, многочадие, благополучие, изобилие плодов, стада крупного и мелкого скота и все вообще житейское счастье? Что же мы скажем на это? То, что Бог иначе руководил тогда большинство и слабейшую часть народа, а иначе мужей благородных и стремившихся к любомудрию нового завета. Большинству, или тем, которые пресмыкались долу, не могли видеть ничего великого и простирать душевной надежды к наслаждению благами будущими, Он подавал эти настоящие блага, подкрепляя немощь души их, руководя их чрез это к совершению добродетелей и возбуждая в них стремление к добру; а Илию, Елисея, Иеремию, Исаию и вообще всех пророков и тех, которые принадлежали к лику святых и великих мужей, Он призывал к небесам и к благам, там уготованным для избранных. Поэтому и Павел не просто всех перечислил, но

тех, которые скитались в милотях и козьих кожах, были в печи и в темнице, убиты, побиты камнями, страдали от голода, от бедности, в пустынях, в пещерах, в ущельях земли, и претерпевали бесчисленные бедствия; потом он и сказал, что все они скончались с верою и еще не получили исполнения обетований, разумея не весь народ иудейский, но мужей подобных Илии. Если же кто скажет: почему эти самые мужи еще и теперь не получили следующих им венцов? – тот пусть узнает причину и этого от Павла. Сказав, что все они умерли с верою, не получив исполнения обетований, он присовокупил: "**потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства**" (Евр.11:40). Торжество, говорит он, будет общее, потому что удовольствие будет выше, когда мы все вместе увенчаемся. То же бывает и на олимпийских состязаниях: участвующие в борьбе, или в рукопашном бою, или во всех родах состязания, совершают подвиги в разное времена, но объявляются победителями все в одно мгновение времени. Так бывает и на пиршествах: когда одни из гостей опередили, а других еще нет, то хозяева, делая честь задержанным, велят опередившим и прибывшим подождать опоздавших. Тоже сделал и Бог: так как Он призвал отличившихся пред Ним из всей вселенной и разных времен на общее духовное пиршество, то предупредившим и уже пришедшим Он повелевает ожидать имеющих придти после, чтобы, таким образом, в присутствии всех вместе, и честь и радость была у всех одна.

10. Подумай, сколько чести, если Павел и подобные ему, Авраам и подобные ему и еще прежде него за столько лет подвизавшиеся и побеждавшие сидят теперь, ожидая нашего прославления. А что Павел действительно еще не получил венца, и никто другой из отличившихся пред Богом от начала, и не получат дотоле, пока не соберутся все, имеющие быть увенчанными, до конца мира, об этом послушай самого Павла, который говорит: "**подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил, а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия**". Когда? "**В день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его**" (2Тим.4:7,8). И опять в другом месте объясняя, что наслаждение благами будет даровано всем вместе, в послании к фессалоникийцам, он говорит: "ибо праведно пред Богом – оскорбляющим вас

воздать скорбью, а вам, оскорбляемым, отрадою вместе с нами" (2Фес.1:6,7); и еще: "**мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших**" (1Фес.4:15); всем этим он выражает, что наслаждение небесными почестями должно быть тогда, когда соберутся все вообще и вместе. Это и предупредившим доставит великую радость, когда они будут наслаждаться теми неизреченными благами вместе с своими сочленами. Так отец, участвующий в блестящей и стоившей многих издержек трапезе, тогда наслаждается ею с большим веселием, когда участвует в радости и веселии со своими детьми. Так и Павел и все подобные ему будут чувствовать большую сердечную радость, когда будут наслаждаться ею вместе с своими сочленами, потому что не такую нежность отцы оказывают детям, какую имеют заботливость те о людях, совершающих одинаковые с ними добрые дела. Итак, чтобы и нам быть в числе тех, которые тогда получат почести, постараемся последовать тем святым. Но как, скажут, мы можем последовать им? Кто укажет нам путь, ведущий туда? Сам Владыка святых, который не только научает нас последовать им, но и сделаться сожителями и сообщниками всех их. "**Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители**" (Лк.16:9). Хорошо сказал Он: "**в вечные**". Здесь, хотя бы у тебя был великолепный дом, он непременно разрушится, обветшавши от времени; или – лучше – еще прежде разрушения его от времени, приключившаяся смерть изгонит тебя из этого великолепного жилища; и часто даже прежде смерти какие-нибудь хлопоты, или нападения и замыслы клеветников заставляют выйти из него. А там не нужно опасаться ничего такого – ни тления, ни смерти, ни разрушения, ни угроз

клеветников и ничего другого, но это – незыблемое и бесконечное жилище! Поэтому Он и назвал его вечным. "**Приобретайте себе друзей богатством неправедным**".

11. Посмотри, каково человеколюбие Владыки, какова благость и справедливость. Он не напрасно высказал такое прибавление. Так как у многих богачей богатство собрано грабежом и жадностью, то Он говорит: это дурно, и не следовало тебе так собирать деньги; но так как ты уже собрал, то отстань от грабежа и. жадности и воспользуйся для должного своими деньгами. Не то я говорю, чтобы ты грабя оказывал милостыню, но чтобы ты, прекратив жадность, воспользовался богатством для милостыни и человеколюбия. Кто не удерживается от грабежа, тот не может совершать и милостыни; но, хотя бы он отдавал множество денег в руки нуждающихся, деньги других грабя и жадничая, он будет сочтен Богом наравне с человекоубийцами. Поэтому нужно наперед отстать от жадности и тогда подавать милостыню бедным. Велика сила милостыни, о которой мы беседовали с вами и в прежнем собрании, и теперь буду беседовать. Впрочем, пусть никто не принимает частого напоминания об этом за укоризну слушателям. И в состязаниях зрители поощряют тех из бегущих, которых видят находящимися ближе к награде и имеющих многие надежды на победу. Так и я, видя, что вы всегда с великим усердием принимаете слова о милостыне, и сам чаще предлагаю увещание об этом. Бедные – врачи наших душ, благодетели и предстатели, потому что ты не столько даешь им, сколько получаешь: даешь серебро, а получаешь царство небесное; облегчаешь бедность, и примиряешь себя с Владыкою. Видишь ли, что воздаяние не равномерно? То – на земле, а это – на небе; то гибнет, а это остается; то – тленное, а это – выше всякого тления. Для того отцы наши и поставили бедных пред дверями молитвенных домов, чтобы один вид бедных мог даже в самом нерадивом и бесчеловечном пробудить воспоминание о милостыне. Когда здесь стоит сонм стариков, согбенных, набросивших на себя рубища, иссохших, загрязненных, с палками, с трудом могущих держаться, часто и слепых и изувеченных всем телом, то кто будет таким каменным, таким адамантовым, чтобы устоять против этой старости, немощи, увечья, бедности, жалкой одежды и вообще всего, преклоняющего его к состраданию, и остаться неподдающимся на все это? Поэтому они и стоят пред нашими дверями, видом своим сильнее всякого слова склоняя и призывая входящих к человеколюбию. Как в преддвериях молитвенных домов обыкновенно устрояются умывальницы, чтобы идущие молиться Богу сначала омыли руки и тогда простирали их на молитву, – так и бедных отцы поставили пред дверями подобно источникам и умывальницам, чтобы мы, как умываем руки водою, так, очистив наперед душу человеколюбием, потом приступали к молитве.

12. Подлинно, не так вода по природе своей омывает нечистоты тела, как милостыня силою своею обтирает нечистоту души. Поэтому, как ты осмеливаешься войти на молитву с неумытыми руками – хотя и меньшая то вина, – так не входи никогда на молитву и без милостыни. Притом часто, имея и чистые руки, мы не простираем их на молитву, не омыв их наперед водою: такова привычка! Тоже будем делать и с милостынею. Хотя бы мы и не сознавали за собою никакого великого греха, однако будем очищать свою совесть милостынею. Ты на торжище приобрел себе много дурного: враг огорчил тебя; судья принудил тебя сделать что-нибудь ненадлежащее; извергал часто неуместные слова; друг склонил тебя сделать что-нибудь греховное, и ты во многом другом провинился, в чем легко провиниться человеку, обращающемуся на торжище, председающему в судилищах, участвующему в городских делах; во всем этом ты приходишь просить у Бога прощения и защиты. Брось же серебро в руки бедных и оботри эти нечистоты, чтобы с дерзновением ты воззвал к Тому, Кто может отпустить тебе грехи. Если ты поставишь себе в обычай никогда не приступать к этому священному преддверию без милостыни, то волею или неволею, никогда не опустишь этого доброго дела: такова привычка! И как всегда – допустим это! – ты не позволяешь себе молиться с немытыми руками, потому что

однажды навсегда поставил себе это в привычку, так и в отношении к милостыне, если ты поставишь ее себе законом, то волею, или неволею, будешь исполнять его ежедневно, побуждаясь привычкою.

Молитва есть огонь, особенно когда она воссылается трезвенною и бодрствующею душою; но этот огонь нуждается и в елее, чтобы достигнуть до самих небесных сводов; а елей для этого огня есть не что иное, как милостыня. Подливай же этот елей щедро, чтобы ободряясь правым делом, ты мог совершать молитвы с большим дерзновением и большим усердием. Как незнающие за собою ничего доброго не могут и молиться с дерзновением, так сделавшие что-нибудь правое и после праведного дела приступающее к молитве, ободряясь воспоминанием о сделанном добре, возносят молитву с большим усердием. Поэтому, дабы наша молитва сделалась сильнее и оттого, что наша душа во время молитвы будет ободряться воспоминанием о добрых делах, будем приходить на молитву с милостынею и тщательно помнить все сказанное; а больше всего другого соблюдайте в памяти то мое сравнение, по которому я сказал, что бедные, стоя пред дверями молитвенных домов, выполняют такую же нужду в отношении к душе, какую умывальница в отношении к телу. Если мы будем всегда помнить это, очищая таким образом постоянно свой ум, то будем в состоянии возносить чистые молитвы, приобрести великое дерзновение пред Богом и достигнуть царства небесного, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

на слова апостола: "О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию!" (2Кор.11:1)

1. Люблю я всех вообще святых, особенно же блаженного Павла, сосуд избранный, трубу небесную, невестоводителя Христова. Я сказал это и объявил любовь, какую имею к нему, для того, чтобы сделать и вас участниками в этой любви. Любящие плотскою любовью справедливо стыдятся признаваться в ней, так как и самих себя срамят и слушающим вредят, а любящие духовною любовью пусть никогда не перестают исповедать ее, потому что этим прекрасным признанием они доставляют пользу и себе и слушателям. Та любовь – вина, а эта – похвала; т.е. ненавистная страсть души, а эта – радость, веселие и лучшее украшение души; та производит вражду в уме любящих, а эта уничтожает и существующую вражду и водворяет в любящих великий мир; от той не бывает никакой пользы, но еще великая трата денег и какие-то неразумные издержки, извращение жизни, всецелое расстройство домов, а от этой – великое богатство правых дел, великое изобилие добродетелей. Притом любящие благообразные тела и увлекающиеся красивыми лицами, если сами мерзки и безобразны, от пристрастия к тому не получают прибыли для устранения собственной уродливости, но еще оказываются более мерзкими и противными; а при этой любви совершенно напротив. Любящий святую, благообразную, блестящую и прекрасную душу, хотя бы сам был мерзок и безобразен, хотя бы был самый мерзкий из всех людей, от постоянной любви к святым скоро сделается таким же, каков любимый им. Подлинно и это – дело человеколюбия Божия, что тела безобразного и изувеченного невозможно исправить, а душу мерзкую и безобразную можно сделать блестящей и прекрасною. От благообразия тела не может быть никакой выгоды; а от красоты души может произойти столько благ, сколько свойственно приобретать тому, кого любит Бог. Об этой красоте и Давид, воспевая во псалмах говорит: "**слыши, дщерь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей**" (Пс.44:11-12), – разумея здесь красоту душевную, которая приобретается добродетелью и благочестием.

2. Итак, если столько бывает выгоды для имеющих общение со святыми, то участвуйте со мною в любви и будем любить святого (Павла) с великой силою. Если эта любовь войдет в вашу душу и возжет блестящий пламень, то, хотя бы она нашла в наших мыслях что-нибудь тернистое, или каменистое, сухое и бесчувственное, она одно уничтожить, а другое размягчить, и сделает нашу душу некоторою широкой и тучной пашней, способной к принятию божественных семян. Никто не говори мне, что Павла теперь нет, что он не видим для наших глаз, и как можно любить того, кто невидим? Для этой любви нет никаких препятствий. Можно любить и отошедшего, и незримого приветствовать, особенно когда каждый день мы видим столько и таких памятников его добродетели, – устроенные по всей земле церкви, ниспровержение нечестия, перемену порочной жизни на лучшую, уничтожение заблуждения, разрушенные жертвенники, замкнутые капища, безмолвие демонов. Все это, и тому подобное, произвела сила слова Павлова, воодушевляемая божественной благодатью, и повсюду зажгла блестящий пламень благочестия. Вместе с такими правыми делами мы имеем от него и святые послания, которые в точности изображают нам черты этой блаженной души. Поэтому, как бы беседуя с самим Павлом, присутствующим и пребывающим с нами, с усердием будем слушаться написанного им, исследовать внутренний смысл сказанного, узнавать, что значат слова, изреченные им сегодня: "**о, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию! Но вы и снисходите ко мне. Ибо я ревную о вас ревностью Божиею**" (2Кор.11:1,2). Что говоришь ты Павел? Повелевая ученикам поступать благоразумно со внешними, говоря: "**слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому**" (Кол.4:6); молясь о всех, чтобы они "**исполнились премудрости духовной**" (Кол.1:9), сам ты говоришь: "**о, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию**"? Недостаточно ли было бы для тебя громко сказать какое-нибудь неразумное слово, а ты еще объявляешь это ученикам, и не ученикам только объявляешь, но чрез послание делаешь это известным и всем последующим людям? Видите ли, как должно не просто пробегать сказанное, но тщательно исследовать каждое слово? Если просто прочитать это изречение, то оно возбуждает недоумение в слушателях, а если исследовать его, то оно показывает великую мудрость Павла, великое его благоразумие, неизреченную попечительность.

3. Что же значит это изречение? У коринфян было много лжеапостолов, которые развращали их, обвиняли Павла, подрывали его славу, какую он имел у учеников, иронически осмеивая его и обвиняя в хвастливости. Против них он направляет речь во многих местах послания, именно, когда говорит: "**мы не повреждаем слова Божия, как многие**" (2Кор.2:17); также, когда говорит: "**проповедуем искренно**", и обещает всегда сохранять это правило ненарушимым: "**по истине Христовой во мне скажу, что похвала сия не отнимется у меня в странах Ахаии**" (2Кор.11:9,10); и приводя причину этого, указывает на тех же нечестивых в словах: "**почему же так поступаю? Потому ли, что не люблю вас? Богу известно! Но как поступаю, так и буду поступать, чтобы не дать повода ищущим повода, дабы они, чем хвалятся, в том оказались такими же, как и мы**" (2Кор.11:11,12); и выше этого, увещевая учеников не поставлять его в необходимость показать им свою силу, говорит так: "**прошу, чтобы мне по пришествии моем не прибегать к той твердой смелости, которую думаю употребить против некоторых, помышляющих о нас, что мы поступаем по плоти**" (2Кор.10:2). Те самые, о которых он говорит это, иронически на него клевеща, говорили так: послания его имеют многую надутость и бессмыслицу в словах, а сам он ничтожен, малоценен и негоден; поэтому, если бы он пришел сюда, он показался бы не заслуживающим никакого внимания. Выражая это, он говорил: "**впрочем, да не покажется, что я устрашаю вас только посланиями. Так как некто говорит: в посланиях он строг и силен, а в личном присутствии слаб, и речь его незначительна**" (2Кор.10:9,10). Потом, обвиняя самих коринфян, соблазнившихся, он говорит: "**согрешил ли я тем, что унижал себя, чтобы**

возвысить вас" (2Кор.11:7)? И снимая с себя эту самую вину, опять говорит: "**каковы мы на словах в посланиях заочно, таковы и на деле лично**" (2Кор.10:11). Итак, у них было много лжеапостолов, которых он называет и "**лукавыми делателями**", выражаясь так: "**таковые лжеапостолы, принимают вид Апостолов Христовых. И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды**" (2Кор.11:13-15). Так как они, выдумывая бесчисленные на него клеветы, вредили ученикам, убеждая их иметь неприличное о нем мнение, то он вынуждается, наконец, приступить к изложению собственных похвал, – потому что небезопасно было далее молчать. Поэтому, намереваясь изложить нам собственные подвиги, откровения, которые он видел, и труды, которые подъял, и, желая показать всем, что он делает это невольно насилуемый, и потому, что видит необходимость, он, однако, назвал это безумием, сказав: "**примите меня, хотя как неразумного**". Я, говорит, намереваюсь сделать неразумное дело – хвалить и прославлять самого себя; но причиною этого не я, а поставившие меня в такую необходимость; вследствие этого призываю вас удержаться и за теми вину считать.

4. И посмотри на благоразумие Павла. Сказав: "**о, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию! Но вы и снисходите ко мне. Ибо я ревную о вас ревностью Божиею**", он не тотчас приступает к изложению своих похвал, но, предварительно высказав еще нисколько слов: "**не почти кто-нибудь меня неразумным; а если не так, то примите меня, хотя как неразумного**". И затем еще не коснулся изложения, но прибавляет следующее: "**что скажу, то скажу не в Господе, но как бы в неразумии при такой отважности на похвалу**". И после этих слов не осмелился приступить к предмету, но сдерживает свое стремление и говорит: "**как многие хвалятся по плоти, то и я буду хвалиться. Ибо вы, люди разумные, охотно терпите неразумных**". Потом опять отступает и медлит и, сказав несколько других слов, опять продолжает: "**если кто смеет хвалиться чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я**" (2Кор.11:21); и тогда, наконец, после столь многих оговорок, отважно взялся за изложение своих похвал. Как конь, намеревающийся перескочить крутую стремнину, устремляется, чтобы перебросится, но, увидев пропасть, обессилеет и отстраняется, а потом, видя, что всадник сильнее побуждает его, опять берется и опять испытывает тоже самое, и, чувствуя необходимость и насилие, долго стоит и ржет на краю пропасти, чтобы, ободрив себя, отважно осмелиться на это дело, – так и блаженный Павел, намереваясь как бы броситься в некоторую стремнину, в изложение собственных похвал, однажды, и дважды, и трижды, и многократно отступает и говорит: "**о, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию**"; еще: "**не почти кто-нибудь меня неразумным; а если не так, то примите меня, хотя как неразумного**"; еще: "**что скажу, то скажу не в Господе, но как бы в неразумии при такой отважности на похвалу**"; еще: "**как многие хвалятся по плоти, то и я буду хвалиться***:* **вы, люди разумные, охотно терпите неразумных**"; и еще: "**если кто смеет хвалиться чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я**". И многократно назвав себя неразумным и несмысленным, он потом уже едва осмеливается приступить к прославлению самого себя. "**Они Евреи? и я. Израильтяне? и я. Семя Авраамово? и я. Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше**" (2 Кор.11: 22,23). И здесь он не остановился на самом себе, но опять делает оговорку, продолжая так: "**В безумии говорю: я больше**".

И здесь не стал, но, после изложения всех своих похвал, говорит: "**дошел до неразумия, хвалясь; вы меня к сему принудили**" (2 Кор.12:11). Он как бы так говорит: на тех я не обратил бы никакого внимания, если бы ваше состояние было твердо, если бы вы не уклонялись и не поколебались, потому что, хотя бы они постоянно говорили о нас худо, мне не было бы никакого вреда от их поношения; но так как я вижу, что паства

развращается и ученики отступают, то я счел неважным тяжкое и неприятное дело, и вынужден быть безумным, излагая похвалы самому себе для вас и вашего спасения.

5. Таков обычай святых: если они сделают что-нибудь худое, то торжественно это показывают, каждый день стонут и делают открытым для всех; если же – что-нибудь благородное и великое, то скрывают это и предают забвению. Так и этот святой (Павел) грехи свои, когда никто не насиловал, часто вспоминал и торжественно показывал, то говоря: "**Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый**" (1Тим.1:15), то, говоря: "**благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что так поступал по неведению, в неверии**" (1Тим.1:12,13); и еще: "**после всех явился и мне, как некоему извергу. Ибо я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию**" (1Кор.15:7,8); и еще: "**мне, наименьшему из всех святых, дана благодать сия**" (Еф.3:8). Видишь ли, как он называет себя самым последним не только из апостолов, но и вообще из всех верующих, говоря: "**мне, наименьшему из всех святых, дана благодать сия**"? Так он называет себя недостойным даже спасения, которое получил, потому что, сказав: "**Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый**", он, послушай, какую приводит причину на это: "**верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый. Но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной**" (1Тим.1:15,16). Смысл этих слов следующий: не за достойную перемену жизни я избран – не думай этого – но для того, чтобы никто из живших во зле, или враждовавших против Христа, не отчаивался, видя спасенным последнего из всех, – того, в сравнении с которым никто не был так враждебен Христу. Христос сказал о нем: "**иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми**" (Деян.9:15); а он, нисколько не надмеваясь такими похвалами, после такого ободрения, продолжает уничижать сам себя, называя сам себя первым из грешников и изъясняя, что он помилован для того, чтобы никто из преданных крайнему злу не отчаивался в своем спасении, глядя на него и оказанное ему человеколюбие.

6. Итак, грехи, без всякой необходимости, он каждодневно торжественно показывает во всех своих посланиях, клеймя и делая их очевидными не только тогдашним людям, но и всем, имевшим быть, после; а похвалы свои излагать и тогда, когда видит необходимость, медлить и уклоняется. Это видно как из того, что он многократно называет это дело безумием, так и из всего времени, в продолжение которого он умалчивал о своем дивном и божественном откровении, потому что не тогда, и не за два, и не за три, и не за десять пред тем лет, но гораздо прежде он был зрителем его. Для того он обозначает и самое время, выражаясь так: "**знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба**" (2Кор.12:2), чтобы ты знал, что он не сказал бы об этом вслух и тогда, если бы не видел настоятельной необходимости. Если бы он хотел выставлять свои достоинства, то сказал бы об этом откровении тотчас же, когда видел, или в первый, во второй, или в третий год; между тем он четырнадцать лет был тверд и молчал, и никому не высказал, но коринфянам только, и притом когда? Тогда, когда увидел, что народились лжеапостолы, – показывая этим, что он не сказал бы и тогда вслух, если бы не видел такого растления, происшедшего в учениках. Не так поступаем мы, а совершенно напротив: грехов своих мы не помним и один день, и когда слышим других напоминающими о них, то раздражаемся, досадуем, считаем это заносчивостью и осыпаем их бесчисленными поношениями; если же сделаем какое-нибудь малое добро, то часто говорим о нем, и

напоминающим об нем изъявляем благодарность и считаем их друзьями, хотя Христос постановил напротив – добрые дела забывать, а грехи помнить. Это изъяснил Он нам как увещанием, которое Он преподал ученикам в словах: "**когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие**" (Лк.17:10), так и притчею о фарисее, которому Он предпочел мытаря. Как этого оправдало воспоминание о грехах, так того погубило воспоминание о правых делах. И иудеям Бог преподал такое же увещание, сказав так: "**Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого и грехов твоих не помяну: припомни Мне**" (Ис.25,26).

7. Таков был обычай апостолов, таков пророков и всех вообще праведников. Так Давид постоянно вспоминал о грехе своем, а о правых делах никогда, разве только когда был вынужден. Когда варварская война охватила иудею, и все было исполнено опасностей, тогда он, будучи еще юношею и неопытным в войне, оставив овец, пришел в стан, и найдя всех в ужасе, страхе и трепете, не испытал этого человеческого чувства и не предался страху, видя своих домашних сделавшимися малодушными; но, возвышаясь верою над всем видимым, и обратив взоры к Царю небес, и исполнившись великой ревности, подошел к воинам и братьям, обещая освободить их от обдержащей опасности. Когда братья стали смеяться над словами его, – потому что они не видели внутри его помазывающего Бога и души его благородной, достигавшей до небес и исполненной великого любомудрия, – тогда, оставив их, он отошел к другим. Когда же он был приведен к царю и нашел его помертвевшим от страха, то сначала восстановляет его дух и говорит: "**пусть никто не падает духом из-за него; раб твой пойдет и сразится с этим Филистимлянином**" (1Цар.17:32). Так как тот не верил и говорил: "**не можешь ты идти против этого Филистимлянина, чтобы сразиться с ним, ибо ты еще юноша, а он воин от юности своей**" (1Цар.17:33), то по необходимости, Давид, наконец, вынуждается высказать себя похвалы. А что он не желал этого, он доказал прежним поведением своим, не сказав ничего о своих правых делах ни братьям, ни воинам, ни даже самому царю, пока не увидел его недоверяющим, спорящим и препятствующим идти против врага. Да и что оставалось ему делать? Замолчать ли похвалы? Но тогда царь не позволил бы выйти и освободить от обдержащей опасности. Поэтому он, молчавший, когда следовало, увидев обстоятельства, заставлявшая его сказать, уже не молчит, но говорит ему: "**раб твой пас овец у отца своего, и когда, бывало, приходил лев или медведь и уносил овцу из стада, то я гнался за ним и нападал на него и отнимал из пасти его; а если он бросался на меня, то я брал его за космы и поражал его и умерщвлял его; и льва и медведя убивал раб твой, и с этим Филистимлянином необрезанным будет то же, что с ними, потому что так поносит воинство Бога живаго. Не пойти ли мне и поразить его, чтобы снять поношение с Израиля? Ибо кто этот необрезанный?**" (1Цар. 17:34-36). Видишь ли, как он объяснил, почему сказал он о своих правых делах? Тогда, только тогда уверившийся царь, наконец, повелел ему выйти. И вышел он, и сразился, и победил. Но если бы он не высказал похвал, то царь не доверил бы ему этого единоборства; не доверив, не позволил бы ему выйти на борьбу; не дозволив этого, воспрепятствовал бы этому правому делу; а если бы положено было препятствие этому делу, то и Бог не прославился бы тогда, и город не избавился бы от окружавших опасностей. Итак, чтобы не случилось столько неуместного и не было препятствий столь великому домостроительству, Давид принужден был сказать о своих подвигах. Как молчать святые знают, когда нет никакой действительной нужды, так и говорит умеют, когда видят настоятельную необходимость.

8. И не на нем только, но и на Самуиле можно видеть то же самое. Он, управляя столько лет народом иудейским так, как желал Бог, никогда не высказывал о себе вслух ничего великого, хотя и мог, если бы хотел, сказать многое, как-то: о своем воспитании с самого первого возраста, о пребывании во храме, о своем даре пророчества с детства, о

последующих войнах, о победах, которые он одержал, не оружием защищаясь, но воюя с Божия благословения, – в прежние времена не говорил ничего такого. Когда же он намеревался отказаться от управления и вручить власть другому, тогда, наконец, вынужден был высказать похвалы себе и притом слабо. Созвав весь народ, в присутствии и Саула, он сказал так: "**и сказал Самуил всему Израилю: вот, я послушался голоса вашего во всем, что вы говорили мне, и поставил над вами царя, и вот, царь ходит пред вами; а я состарился и поседел; и сыновья мои с вами; я же ходил пред вами от юности моей и до сего дня; вот я; свидетельствуйте на меня пред Господом и пред помазанником Его, у кого взял я вола, у кого взял осла, кого обидел и кого притеснил, у кого взял дар и закрыл в деле его глаза мои, – и я возвращу вам**" (1Цар.12:1-3). А какая, скажешь, была необходимость – говорить это? Многая и великая. Так как он намеревался ввести в управление ими Саула, то, желая посредством оправдания себя научить его, как должно управлять и пещись о подданных, он самих подчиненных представляет свидетелями своего любомудрия. И это делает он не во время своей власти, чтобы кто-нибудь не сказал, будто они из боязни и по страху пред ним свидетельствовали о том, чего не было, но когда он оставлял управление народом и дела правления перешли к другому, и не было никакой опасности для обвиняющего, – тогда он и входит в суд с ними. Между тем, если бы это был кто-нибудь другой, то стал бы злопамятствовать против иудеев и не захотел бы иметь преемником своим начальника справедливого и умеренного, не только по злопамятству, но и для того, чтобы его самого больше хвалили.

9. Подлинно, бывает у начальников эта ужасная болезнь – желание, чтобы преемники их власти были худыми и порочными. Если сами они были благородны, то думают сделаться более блестящими, если преемники их власти не будут такими же; а если они порочны и развратны, то думают, что зло последующего начальника будет защитою собственной их порочности. Не таков был этот блаженный, но он желал, молился и домогался, чтобы иудеи получили многим лучшее правление: так он был нежен, так чист от зависти, так свободен от тщеславия! Он искал только одного – спасения людей. Поэтому, при защите себя, он преподал наставление и их начальнику. Так как с одной стороны призвать царя и сказать ему: будь справедлив и умерен и неподкупен, никого не насилуй и не делай несправедливости, и не жадничай, – было бы тяжело и неприятно имевшему слышать это, а с другой стороны, молчание было бы предательством в отношении к народу, то он под видом защиты себя сделал то и другое: и того научил, каким должно быть царю, и в наставлении избег неприятности. По-видимому он заботится только о себе, но научает того, как и каким образом должно пещись о подданных. Рассмотри, с какою тщательностью он доказывает свое непричастие к взяткам. Он не сказал: не отнял ли я у кого-либо из вас полей, или золота, но того, что дешевле всего, – обущу, говорит он. Потом объявляет нам и другую великую добродетель свою. Так как многие из начальников, если они воруют, то бывают справедливыми, умеренными и ласковыми, не сами от себя, но по принужденно совести, потеряв дерзновение вследствие кражи; а неподкупные бывают тяжкими и неприятными, опять не сами от себя, а по некоторому тщеславию и вследствие своей неподкупности; и чтобы то и другое совместилось в од-ном человеке, это видеть не легко, – то этот святой, желая показать, что он был выше того и другого, преодолевал и мздоимство и гнев, после того как сказал: "**у кого взял я вола**", не замолчал, но присовокупил: "**кого обидел**"?

Смысл слов его следующий: никто не может сказать, что я, хотя не брал, но потому, что не брал, был тяжким, и неприятным, и грубым и диким. Поэтому он и сказал: "**кого притеснил**"? Что же они? Они отвечали: "**ты не обижал нас и не притеснял нас и ничего ни у кого не взял**" (1Цар.12: 4). А чтобы ты знал, что он говорил это и в наставление самому царю, он присовокупил: "**свидетель на вас Господь, и свидетель**

помазанник Его" (1Цар.12:5), показывая и внушая нам то, что это свидетельство не было сделано из угождения ему, для чего и призвал во свидетели самого Ведущего тайные помышления; это и служит доказательством чистой совести, потому что никто, разве только совершенно взбесившийся и исступленный, никогда не призовет Бога во свидетели своей совести, если не будет весьма уверен в самом себе. Когда таким образом они засвидетельствовали слова его, то он указывает и еще на другую добродетель свою: напомнив о всем древнем, бывшем в Египте, о предстательстве Божием и последующих войнах, он напоминает о сражении, бывшем при нем, и неожиданной победе; и сказав, как часто они за грехи свои были предаваемы врагам, как он призывал Бога и избавлял их от врагов, и совокупляя новое с древним, продолжает так: "**тогда Господь послал Иероваала, и Варака, и Иеффая, и Самуила, и избавил вас от руки врагов ваших, окружавших вас, и вы жили безопасно**" (1Цар.12:11).

10. Видишь ли, как святые обыкновенно не говорили о своих добрых делах, разве иногда по принуждению? Поэтому и Павел, взирая на них и тщательно умеряя себя, потому что говорит что-нибудь о самом себе тяжело и несносно, сказал: "**охотно** (малое время) **терпите неразумных**"; не много, но мало, потому что и по нужде он готовился не обильно излиться в изложении похвал себе, но кратко пробегает их, и это притом для слушателей и их спасения. Как без нужды говорить о собственных подвигах – крайне безумно, так при настоятельной нужде и при побуждающей необходимости молчать о делах своих – было бы предательством. Впрочем, Павел, и видя необходимость, медлил и называл это дело безумием, чтобы ты узнал его благоразумие, мудрость и великую твердость. Сказав: "**что скажу, то скажу не в Господе**", он присовокупил: "**но как бы в неразумии при такой отважности на похвалу**" (2Кор.11:17).

Не подумай, говорит, что я скажу об этом всецело. Потому особенно я и прославляю его, и удивляюсь ему, и называю его мудрейшим, что он считал безумным делом – хвалить и прославлять самого себя. Если же он, видя необходимость, называл это дело безумием, то какого могут удостоиться прощения, какую могут иметь защиту те, которые без нужды говорят много о самих себе, или заставляют говорить и других? Итак, зная это, не будем только прославлять сказанное, но и подражать и соревновать и, забывая о правых делах своих, будем всегда помнить о грехах, чтобы мы могли себя и умерять, и, простираясь вперед, получить награду вышнего звания, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

против тех, которые злоупотребляют апостольским изречением: "как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно" (Флп.1:18), и о смирении

1. Недавно упомянув о фарисее и мытаре и снарядив словом две колесницы из добродетели и зла, мы показали, сколько в смиренномудрии выгоды, а в гордости сколько вреда. Эта, будучи сопряжена даже с праведностью, постами и десятинами, отстала; а та, будучи сопряжена даже с грехом, упредила колесницу фарисея, хотя имела и худого возницу. И в самом деле, что хуже мытаря? Но так как он сокрушил свою душу и назвал себя грешником, каков он и был, то превзошел фарисея, который мог указать на свои посты и десятины и был свободен от всякого зла. Отчего и почему? Потому что, хотя он и свободен был от жадности и грабежа, но мать всех зол – тщеславие и гордость – была вкоренена в душе его. Поэтому и Павел предлагает такое увещание: "**каждый да испытывает свое дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом**" (Гал.6:4). А он стал осуждать всю вселенную и назвал себя лучшим всех людей. Если бы

он поставил себя выше только десяти или пяти, или двух, или одного человека, и это было бы невыносимо; но он не только предпочел самого себя вселенной, а еще осуждал всех. Поэтому он и отстал во время бега. Как корабль, прошедши бесчисленное множество волн и избежав много бурь, потом при самом входе в пристань, ударившись о какую-нибудь скалу, теряет все находящиеся в нем сокровища, так точно и этот фарисей, выдержавший труды поста и остальных добродетелей, но не овладевший языком, потерпел тяжкое кораблекрушение в самой пристани. С молитвы, от которой должно было получить пользу, выйти, напротив, с таким вредом для себя, значит не что иное, как потерпеть кораблекрушение в пристани.

2. Итак, зная это, возлюбленные, хотя бы мы взошли на самую вершину добродетели, будем считать себя последними из всех, научившись, что гордость может низвергнуть невнимательного и с самих небес, а смиренномудрие может из самой бездны грехов поднять на высоту умеющего быть умеренным. Эта поставила мытаря впереди фарисея; а та – говорю о безумии и гордости – превзошла силу бестелесного диавола; смиренномудрие же и сознание собственных грехов ввело в рай разбойника прежде апостолов. Если же признающее свои грехи доставляют себе такое дерзновение, то сознающие в себе много доброго и, однако, смиряющие свою душу каких не приготовят себе венцов? Если грех, будучи соединен со смиренномудрием, совершает течение с такою легкостью, что превосходит и упреждает праведность, соединенную с гордостью, то, если ты свяжешь его с праведностью, куда не достигнет он, сколько не пройдет небес? Он конечно предстанет пред самый престол Божий, среди ангелов, с великим дерзновением. Опять, если гордость, будучи сопряжена с праведностью, избытком и тяжестью своего зла была в состоянии низложить ее дерзновение, то, будучи соединена с грехом, в какую геенну не может она низвергнуть одержимого ею?

Говорю это не для того, чтобы мы не заботились о праведности, но чтобы избегали гордости; не для того, чтобы мы грешили, но чтобы были умеренны. Смиренномудрие есть основание нашего любомудрия. Хотя бы кто бесчисленное сверху построил – милостыню ли, молитвы ли, пост ли, всякую ли добродетель, но если в основание предварительно не положил этого, то все будет строиться тщетно и напрасно и легко разрушится, подобно зданию, построенному на песке. Ничего нет, ничего из наших правых дел, что не нуждалось бы в нем; нет ни одного, которое могло бы устоять без него. Укажешь ли на целомудрие, девство, презрение денег, или на что другое, – все нечисто, обременено проклятием и отвратительно, если нет смирения. Итак, будем всюду им начинать, в словах, в делах, в мыслях, и созидать все с ним.

3. Но довольно сказано о смиренномудрии, не по достоинству этой добродетели, – никто не может воспеть ее по достоинству, – но для вразумления вашей любви. Я хорошо знаю, что вы и после немногого сказанного с великим усердием будете привлекать к себе эту добродетель. Но так как необходимо сделать ясным и очевидным апостольское изречение, читанное сегодня и по-видимому подающее многим предлог к легкомыслию, то чтобы некоторые, извлекая отсюда пустое оправдание, не стали нерадеть о собственном спасении, теперь мы и обратим речь к нему. Какое же это изречение? "**Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно**" (Флп.1:18). Многие повторяют это просто и как случится, не читая ни предыдущего, ни последующего, и, отделяя от связи с прочими членами, предлагают беспечнейшим на погибель собственной души. Стараясь отвлечь их от здравой веры и потом видя, что те робеют и боятся этого дела, как не безопасного, и желая рассеять их страх, они приводят это апостольское изречение и говорят: Павел уступил это, сказав: "**как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно**" не так это, не так. И во-первых, апостол не сказал: "**да будем проповедовать**", но: "**как бы ни проповедали Христа**"; а великое различие между тем и другим. Сказать:

"**да будем проповедовать**", свойственно повелевающему; а сказать: "**как бы ни проповедали Христа**", прилично возвещающему. А что Павел законополагает быть ересям, но отклоняет от них всех, внимающих ему, послушай, что говорит он: "**кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема; если бы даже мы или Ангел с неба**" (Гал.1:8,9). Не анафемствовал бы и себя и ангела, если бы признавал это дело безопасным. И еще: "**ибо я ревную о вас ревностью Божиею; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою. Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе**" (2Кор.11:2,3). Вот и на простоту он указал и однако не признал этого простительным. Если бы это было простительно, то не было бы опасности; а если бы не было опасности, то Павел не боялся бы; и Христос не повелел бы сжигать плевелы, если бы безразличным было делом внимать и этому, и другому, и всем вообще.

4. Что же значат сказанные слова? Я желаю рассказать вам всю эту историю, начав немного выше, потому что должно знать, в каких обстоятельствах был Павел, когда он писал это. Итак, в каких он был тогда обстоятельствах? В темнице, в узах, невыносимых опасностях. Откуда это видно? Из самого его послания. Выше он говорит: "**желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования, так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божие**" (Флп.1:12-14.) Нерон ввергнул его тогда в темницу. Как какой-нибудь разбойник, вошедши в дом, когда все спят, и тихонько все беря себе, когда увидит кого-нибудь зажигающим светильник, то погашает свет и убивает имеющего светильник, чтобы ему можно было бесстрашно тихонько обирать и грабить, так точно и тогда Нерон, как бы какой разбойник и подрыватель стен, когда все спали некоторым глубоким и бесчувственным сном, грабил всех, разрывал браки, разрушал дома, показывая в себе вообще всякий вид зла; но когда увидел, что Павел возжигает во вселенной светильник – слово учения, и обличает его порочность, то старался и погасить проповедь и убить учителя, чтобы самому можно было делать все свободно, и, связав этого святого, ввергнул его в темницу. Тогда и писал это блаженный Павел.

Кто не будет поражен? Кто не удивится? Или – лучше – кто по достоинству будет поражен и надивится этой благородной и достигавшей до неба душе того, кто, будучи связан и заключен в Риме, писал к филиппийцам из такого отдаленного места? Вы знаете, какое расстояние между Македонией и Римом, но ни длина пути, ни продолжительность времени, ни обременение делами, ни опасность и беспрерывные бедствия и ничто другое не изгнало в нем любви и памяти об учениках, но всех их он имел в душе, и не так руки его были связаны узами, как душа была связана и пленена сильным влечением к ученикам. Выражая это самое в начале послания, он говорит: "**как и должно мне помышлять о всех вас, потому что я имею вас в сердце в узах моих, при защищении и утверждении благовествования**" (Флп.1:7). Как царь, взошедши на престол с зарею и сев в царских чертогах, тотчас принимает отовсюду бесчисленные послания, так точно и он, сидя в темнице, как бы в царских чертогах, гораздо больше и принимал и отправлял посланий, так как все народы о всех своих делах относились к его мудрости; и устроял тем более дел в сравнении с царем, чем большая власть ему была вверена. В его руки Бог отдал не только жителей римской области, но и всех иноземцев, и с землею и морем. Объявляя это римлянам, он говорит: "**не хочу, братия, оставить вас в неведении, что я многократно намеревался придти к вам (но встречал препятствия даже доныне), чтобы иметь некий плод и у вас, как и у прочих народов. Я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам**" (Рим.1:13,14). Итак, каждый день он заботился то о

коринфянах, то о македонянах, в каком состоянии – филиппиийцы, в каком – каппадокийцы, в каком – галаты, в каком – афиняне, в каком – жители Понта, в каком – вообще все люди. Притом, приняв на себя попечение о всей земле, он заботился не только о целых народах, но и об одном человеке, и посылал послания то об Онисиме, то о прелюбодее коринфском. Он смотрел не на то, что один был грешник и нуждался в покровительстве, но на то, что это был человек, человек – драгоценнейшее для Бога существо, за которого Отец не пощадил даже своего Единородного.

5. Не говори мне, что такой-то беглец, разбойник, вор, и исполнен бесчисленных зол, или что он нищ и отвержен, и малоценен, и не достоин никакого слова; но ты подумай, что и за него умер Христос, и это для тебя будет достаточным основанием всячески позаботиться о нем. Подумай, каков должен быть тот, которого Христос столько почтил, что не пощадил даже своей крови. Если бы царь взялся за кого-нибудь пожертвовать собою, то мы не искали бы другого доказательства на то, что он велик и желанен царю; я не думаю; смерть достаточно показала бы любовь к нему умершего. А теперь не человек, не ангел, не архангел, сам Владыка небес, сам Единородный Сын Божий, облекшись плотию, предал Себя за нас. Не будем ли все делать и хлопотать, чтобы почтенные так люди вкусили у нас всякого промышления? Иначе какое мы будем иметь оправдание, какое прощение? Это самое выражая, Павел говорил: "**не губи твоею пищею того, за кого Христос умер**" (Рим.14:15). Желая обратить тех, которые не уважают своих братьев и презирают их как немощных, расположить их к попечительности и склонить к заботливости о ближних, он, прежде всего, указал на смерть Владыки. Итак, сидя в темнице, он писал к филиппийцам из такого отдаленного места. Такова любовь по Боге: она не пресекается ничем человеческим, имея корни и воздаяния горе, на небесах. И что говорит он? "**Желаю, братия, чтобы вы знали**" (Флп.1:12). Видел ли промышление об учениках? Видел ли попечение учителя? Послушай же и о нежности учеников к учителю, чтобы ты знал, что эта привязанность друг к другу и делала их сильными и непреодолимыми. В самом деле, если "**Брат от брата вспомоществуемый - как город крепкий**" (Прит.18:19), то тем более столь многие, связанные узами любви, могли отталкивать от себя всякий замысел порочного демона. Итак, нам не нужно ни приводить доказательств, ни говорить о том, что Павел был привязан к ученикам, если он и связанный заботился об них и каждый день умирал за них сожигаемый сильным влечением.

6. А что ученики были привязаны к Павлу со всем усердием, и не только мужи, но и жены, послушай, что говорит он о Фиве: "**представляю вам Фиву, сестру нашу, диакониссу церкви Кенхрейской. Примите ее для Господа, как прилично святым, и помогите ей, в чем она будет иметь нужду у вас, ибо и она была помощницею многим и мне самому**" (Рим.16: 1,2). Здесь он свидетельствует об ее усердии, простиравшемся до заступления; а Прискилла и Акила преданы были Павлу даже до смерти, как он пишет об них: "**приветствуйте Прискиллу и Акилу, сотрудников моих во Христе Иисусе, которые голову свою полагали за мою душу**" т.е. шли на смерть (Рим.16:3,4). И еще о другом в послании к этим самым филиппийцам он говорит: "**ибо он за дело Христово был близок к смерти, подвергая опасности жизнь, дабы восполнить недостаток ваших услуг мне**" (Флп.2:30). Видел ли, как они любили учителя, как думали об его покое более души своей? Поэтому никто и не превзошел их тогда. Говорю это не для того, чтобы мы только слушали, но чтобы и подражали; простираю слово свое не к одним подчиненным, но и к начальствующим, чтобы и ученики оказывали великую заботливость об учителях, и учители имели Павлову нежность к подчиненным, не только присутствующим, но и находящимся далеко. Подлинно, обитая во всей вселенной, как бы в одном доме, так Павел заботился о спасении всех; и все свое оставив: узы, скорби, раны и стеснения, ежедневно узнавал и разведывал, каково состояние учеников; и часто только

для этого самого он посылал то Тимофея, то Тихика. О последнем он говорит: дабы знать, "**чтобы он утешил сердца ваши**" (Еф.6: 22); а о Тимофее: "**я, не терпя более, послал узнать о вере вашей, чтобы как не искусил вас искуситель и не сделался тщетным труд наш**" (1Фес. 3:5). Также посылал он Тита в другое место, и иного в иное. Так как сам он, будучи часто по необходимости удерживаем узами в одном месте, не мог быть с теми, которые составляли для него как бы его внутренности, то имел общение с ними чрез своих учеников.

7. Итак, будучи тогда в узах, он пишет филлипийцам: "**желаю, братия, чтобы вы знали**", называя учеников братьями (Флп.1:12) Такова любовь. Она отвергает всякое неравенство, не знает преимущества и достоинства, но хотя бы кто был даже выше всех, нисходит к низшему из всех, как поступал и Павел. Послушаем же, что желает он сообщить им. "**Обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования**". Как, скажи мне, и каким образом? Ужели ты выпущен из темницы? Ужели сложил с себя цепь, и неустрашимо проповедуешь в городе? Ужели, вшед в церковь, ты простер длинные и многие слова о вере, и приобретя многих учеников, ты отошел? Ужели мертвых ты пробудил, и сделался удивительным? Ужели прокаженных ты очистил, и были поражены безусловно все? Ужели демонов ты прогнал, и был возвышен? Нет, ничего такого, говорит он. Как же, скажи, произошел успех благовествования? "**Так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим**" (Флп.1:13). Что говоришь ты? Это ли успех? Это ли преуспеяние? От этого ли распространение проповеди, что все узнали, что ты связан? Да, говорит он. Выслушай, чтобы ты узнал, что узы не только не стали препятствием, но и основанием большого дерзновения: "**и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие**" (Фил.1,14). Что говоришь ты, Павел? Узы не тоску наложили, а смелость, не страх, а влечение? Эти слова непоследовательны. И я знаю это, говорит он; но это произошло не сообразно последовательности дел человеческих, а было сверх природы и совершилось по божественной благодати. Поэтому, что в других производило тоску, то ему доставляло смелость. Если кто возьмет и заключит военачальника и сделает это явным, то все войско обращает в бегство; равно, если кто удалит пастыря от паствы, то с полною неустрашимостью угоняет овец; но не так бывало с Павлом, а совершенно напротив. Военачальник был связываем, а воины делались усерднейшими и с большим дерзновением нападали на противников; пастырь был заключаем, а овцы не истреблялись и не рассеялись.

8. Кто видал, кто слыхал, чтобы ученики и в несчастьях учителей находили большее утешение? Как они не убоялись? Как не устрашились? Как не сказали Павлу: "**врач! исцели Самого Себя**" (Лк.4:23), освободи себя самого от тяжких бедствий, а потом доставишь и нам бесчисленные блага? Почему не сказали они этого? Почему? Потому, что они благодатию Духа были научены, что все это происходило не по немощи, а по попущению Христову, дабы истина более просияла, посредством уз, темниц, скорбей и притеснений, возрастая и достигая большого величия. Так сила Христова "**совершается в немощи**" (2Кор.12:9). Если бы узы преткнули Павла и сделали его или близких к нему боязливыми, то следовало бы быть в затруднении; а если они произвели большую смелость и ввели в большую славу, то должно поражаться и удивляться, как дело бесчестное создало ученику славу, как дело, вносящее робость, во всех их произвело смелость и утешение. Кто тогда не был бы им поражен, видя обложенным цепями? Тогда и демоны особенно убегали, когда видели его находящимся в темнице. Не так блестящей делает царскую главу диадема, как его руки цепь, не по ее собственной природе, но по благодати на руках цветущей. Вот почему это и делалось для учеников великим утешением. Они видели тело его связанным, а язык не связанным, руки – скованными, а слово разрешенным и быстрее солнечного луча, обегающим всю вселенную. И то для них

делалось утешением, когда они на деле научались, что ничто из настоящего не ужасно. Когда душа подлинно будет объята божественным влечением и любовью, то она не обращается ни к чему настоящему; но как неистовствующие отважно осмеливаются и на огонь, и на железо, и на зверей, и на море, и на все, так и эти, неистовствуя некоторым прекраснейшим и духовнейшим неистовством, происходящим от целомудрия, презирали все видимое. Поэтому они, видя учителя связанным, еще более радовались, еще более восхищались делами, доказывая противникам, что они со всех сторон неприступны и неодолимы.

9. И вот тогда, как дела были в таком положении, некоторые из врагов Павла, желая возбудить жесточайшую войну и усилить ненависть к нему тирана, притворялись и сами проповедниками и проповедовали правую и здравую веру для того, чтобы распространить учение; но делали это не потому, чтобы желали посеять веру, но чтобы Нерон, узнав, что проповедь возрастает и учение распространяется, скорее ввергнул Павла в пропасть. Итак, было два училища – учеников Павла и врагов Павла, – проповедующих по истине и проповедующих по сварливости и вражде к Павлу. Выражая это, он и говорит: "**некоторые, правда, по зависти и любопрению**", указывая на врагов, "**другие с добрым расположением проповедуют Христа**", разумея здесь своих учеников. Потом опять о тех говорит: "**одни по любопрению**", т.е. враги, "**не чисто**", неискренно, но "**думая увеличить тяжесть уз моих; а другие – из любви**" – здесь опять он говорит о братиях своих, – "**зная, что я поставлен защищать благовествование. Но что до того? Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться**" (Флп.1:15-18). Поэтому напрасно и всуе относится это изречение к ересям, так как проповедавшие тогда проповедовали не растленное учение, но веру здравую и правую. Если бы они проповедовали растленное и учили другому, рядом с Павлом, то не могли бы достигнуть того, чего желали. А чего они желали? Того, чтобы по возрастании веры и по умножении Павловых учеников побудить Нерона к большей войне. Но если бы они проповедовали иное учение, то не умножили бы Павловых учеников; не умножив же их, не раздражили бы тирана. Итак, Павел не то говорит, будто они вводили растленное учение, а то, что причина, по которой они проповедовали, была растленною, так как иное дело сказать о вине проповеди, и иное о самой проповеди, что она не здравая. Проповедь бывает нездравою тогда, когда учение исполнено заблуждения; а вина будет нездравою тогда, когда хотя проповедь и здравая, но проповедующие проповедуют не для Бога, но или по вражде, или для угождения другим.

10. Итак, не то говорит он, будто они вводили ереси, но по неправому предлогу, а не по благочестию проповедовали то, что проповедовали. Они делали это не для распространения Евангелия, но для того, чтобы возбудить войну против него и подвергнуть его большей опасности; за это он и обвиняет их. И посмотри, как точно он выразил это. "**Думая увеличить тяжесть уз моих**" (Флп.1,16). Не сказал: нанося, но думая увеличить, т.е., думая; показывает, что хотя они и думают так, но он сам находится не в таком состоянии, а напротив радуется распространению проповеди. Поэтому и присовокупил: "**тому радуюсь и буду радоваться**" (Флп.1:18). Если бы их учение заключало в себе заблуждения, и они вводили ереси, то Павел не мог бы радоваться; но так как учение их было здравое и подлинное, то он и говорит: "**тому радуюсь и буду радоваться**". А что, если они, делая это по вражде, губят самих себя? Но они даже невольно возращают мое дело. Видел ли какова сила Павла, как он не уловляется никакими ухищрениями диавола? И не только не уловляется, но и этими самыми берет его в руки. Подлинно велика низость диавола и порочность служителей его: под видом одинакового образа мыслей они желали погасить проповедь. Но "**уловляет мудрых в лукавстве их**" (1Кор.3:19) не допустил тогда быть этому. Выражая это самое, Павел говорит: "**а оставаться во плоти нужнее для вас. И я верно знаю, что останусь и**

пребуду со всеми вами" (Флп.1:24,25). Они домогаются лишить меня настоящей жизни, и для этого предпринимают все; но Бог не допускает этого для вас.

11. Помните же все это тщательно, чтобы вы со всею мудростью могли исправлять тех, которые пользуются Писаниями и необдуманно, как случится, и на погибель ближних. А мы будем в состоянии и помнить сказанное, и исправлять других тогда, когда постоянно будем прибегать к молитве и призывать Бога, подающего слово премудрости, чтобы Он дал и разумение слышанного и сохранение этого духовного залога точное и неодолимое. Часто, чего мы не в силах совершить собственным старанием, легко можем исполнить посредством молитв, – молитв постоянных. Подлинно, нужно молиться всегда и непрестанно, в скорби, и в спокойствии, и в бедствиях, и в благах: в спокойствии и многих благах о том, чтобы они оставались неподвижными и неизменными и никогда не прекращались; а в скорби и во многих бедствиях о том, чтобы увидеть какую-нибудь полезную перемену, и чтобы они сменились в тишину утешения. В тишине ты? Тогда проси Бога, чтобы эта тишина оставалась у тебя твердою. Наступившую бурю ты увидел? Напряженно проси Бога – пронести это волнение и водворить после бури тишину. Услышан ты? Благодари за то, что ты услышан. Не услышан? Имей терпение, чтобы ты был услышан, потому что хотя Бог иногда и отсрочивает подаяние, но делает это не по ненависти и отвращению, а желая медленностью подаяния постоянно удерживать тебя при Себе, как поступают и нежные отцы, которые отсрочкою подаяния мудро устраивают постоянное пребывание при себе нерадивейших детей. У тебя нет нужды в посредниках к Богу, ни во многом обращении и в лести другим; но, хотя бы ты был одиноким и без предстателя, ты сам собою, призвав Бога, устроишь все вполне. Он обыкновенно склоняется не столько тогда, когда другие призывают Его за нас, сколько тогда, когда мы сами просим, хотя бы мы исполнены были множеством зол. Если между людьми, когда мы много оскорбим кого-нибудь, но и утром, и в полдень, и вечером будем являться к опечаленным нами, неотступностью и постоянными присутствием в глазах их легко прекращаем их вражду, то тем более это может быть в отношении к Богу.

12. Но ты недостоин? Сделайся достойным посредством неотступности. А что действительно и недостойный может сделаться достойным посредством неотступности, что Бог скорее склоняется тогда, когда мы сами призываем Его, нежели когда чрез других, и что часто Он отсрочивает подаяние не для того, чтобы привести нас в затруднение и отпустить с пустыми руками, а чтобы сделаться Виновником больших для нас благ, – эти три истины я попытаюсь объяснить вам читанною сегодня притчею. Подошла ко Христу хананеянка, умоляя Его о своей бесноватой дочери, и взывая с великою силою, говорила: "**помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется**" (Мф.15:22). Вот – женщина иноплеменная, иноземная и не принадлежащая к иудейскому гражданству. Что она иное, как не пес, и не была ли недостойна получить просимое? "**Нехорошо взять хлеб**

у детей и бросить псам" (ст.26). Однако и она сделалась достойною посредством неотступности; и ее, бывшую псом, он не только возвел в благородство детей, но и отпустил со многими похвалами, сказав: "**о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему**" (ст. 28). Когда же Христос говорит: "**велика вера**", – то не ищи никакого другого доказательства величия души этой женщины. Видел ли, как женщина недостойная сделалась достойною посредством неотступности? Желаешь ли знать и то, что мы более склоняем Его, призывая сами собою, нежели чрез других? Когда она взывала, то ученики, подошедши, говорят; "**отпусти ее, потому что кричит за нами**". Христос же говорит им: "**Я послан только к погибшим овцам дома Израилева**". А когда она сама подошла, продолжая взывать, и сказала: "**так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их**", – то Он даровал ей благодать, сказав: "**да будет тебе по желанию твоему**" (Мф.15:23-28). Видел ли, как Он, когда ученики просили,

отказал, а когда она сама просила дара, взывая, то склонился на просьбу? Им Он говорит: "**Я послан только к погибшим овцам дома Израилева**"; а ей сказал: "**велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему**". Также прежде, в начале прошения, Он ничего не отвечал; а после того, как она однажды, и дважды, и трижды приступила, Он даровал благодать, убеждая нас этим окончанием, что Он отсрочивал подаяние не для того, чтобы оттолкнуть ее, но чтобы показать всем нам терпение женщины. Если бы Он отсрочивал для того, чтобы оттолкнуть ее, то не дал бы и в конце; а так как Он желал показать всем ее любомудрие, то Он и молчал. Если бы Он дал тотчас и в самом начале, то мы не узнали бы мужества этой женщины. "**Отпусти ее**", говорят ученики, "**потому что кричит за нами**". Что же Христос? Вы слышите голос, говорит Он, а Я вижу ее мысли. Я знаю, что она имеет говорить; Я не желаю оставить незаметным сокрытое в ее мыслях сокровище, но ожидаю и молчу, чтобы открыть его, представить и сделать явным для всех.

13. Итак, научившись всему этому, хотя бы мы были в грехах и недостойны получения (благ), не будем сомневаться, узнав, что посредством неотступности души мы будем в силах сделаться достойными просимого. И, хотя бы мы были без предстателя, не будем отказываться, узнав, что великое ходатайство то – чтобы самому приступать к Богу с великим усердием. И если Он медлит и откладывает подаяние, не будем падать, узнав, что это медление и отсрочка есть знак Его попечения и человеколюбия. Если с таким своим убеждением, с душою скорбящею и теплою, и с бодрственным намерением и таким, с каким приступала хананеянка, будем приступать к Нему и мы, то, хотя бы мы были псами, хотя бы сделали что-нибудь ужасное, мы очистимся от своих собственных зол и получим такое дерзновение, что в состоянии будем ходатайствовать и за других, – подобно тому, как и эта хананеянка не только сама получила дерзновение и много похвал, но была в силах и дочь свою избавить от невыносимых бедствий. Нет, подлинно нет ничего сильнее пламенной и искренней молитвы. Она разрешает и настоящие бедствия, избавляет и от будущих наказаний. Поэтому, чтобы нам с приятностью провести и настоящую жизнь, и туда отойти с дерзновением, будем непрестанно совершать молитву с великим усердием и ревностью. Таким образом мы в состоянии будем получить и настоящие блага, и наслаждаться благими надеждами; чего да сподобимся все мы, благодатию, человеколюбием и щедротами Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, честь, держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

на слова: "Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя" (1Тим.5:9), и о воспитании детей, и о милостыне

1. Вовремя благодать Духа устроила, что было читано то отделение апостольского послания, которое вы слышали сегодня, потому что оно имеет немалое сродство и связь с недавно сказанным, если не в словах, то в мыслях. Недавно было прочитано изречение: "**не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших**" (1Фес.4:13); и много было сказано тогда о воскресении, о том, что нужно благородно переносить таковые страдания и благодарить Бога, берущего близких нам. А сегодня прочитано следующее: "**вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя**" (1Тим.5:9). Так как вдовство происходит от смерти, и оно особенно напрягает боль и возбуждает печаль, то, помня недавно сказанное, что мы говорили в утешение печалящихся, и, приняв это со всем усердием, положите с тем в хранилище своего ума. Название вдовства, по-видимому, есть название несчастья, но на самом деле оно не таково, а есть достоинство, честь и величайшая слава, – не позор, а венец. Хотя вдова не имеет сожителем своим мужа, но она имеет сожителем Христа, отстраняющего все приходящие бедствия. При случающихся обидах вдове достаточно – войти, преклонить колено, тяжко вздохнуть и пролить слезы,

чтобы отстранить всякий навет обидчиков; оружие вдовы это – слезы, воздыхания и непрестанные молитвы; этим она может отразить не только обиду человеческую, но и нападения бесовские. Вдова освободилась от дел житейских и уже идет к небу, и то усердие и служение, которое она оказывала мужу, может употребить на дела духовные. Если же скажешь, что в древности вдовство было несчастьем, я скажу на то, что и смерть была проклятием, но стала честью и достоинством для тех, которые переносят пришествие ее благородно. Так мученики венчаются; таким самым образом и вдова восходит до великого достоинства.

2. Ты желаешь знать, что такое вдова? Как она почтенна пред Богом и угодна Ему, и есть величайшая защитница, как она, появившись, избавляет и примиряет с Богом осужденных, отвергнутых, не имеющих дерзновения, ненавистных Ему и лишенных всякого оправдания, и не только приносит им прощение и избавление от наказания, но и великое дерзновение и блеск, и соделывает их чище солнечных лучей, хотя бы они были отверженнее всех людей? Послушай самого Бога, который говорит к иудеям: "**когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу: ваши руки полны крови**" (Ис.1:15). И, однако, с этими преступными, человекоубийцами, непрямодушными, бесчестными Он обещает примириться, если они станут помогать переносящим несправедливость вдовицам. После того, как сказал: "**закрываю от вас очи Мои**" и "**не услышу**", Он говорит: "**защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите – и рассудим. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю**" (Ис.1:17,18). Видишь ли, какую силу имеет вдовица, где она оказывает свое заступление, не пред начальником и царем земным, но пред самим Царем небесным? Какой она может прекратить гнев, – примирить Владыку с неизлечимо больными, избавить от невыносимого наказания душу покрытую грязью грехов омыть от этой нечистоты и довести до высшей чистоты? Поэтому не будем презирать вдовствующей жены, но будем оказывать ей всякое попечение. Истинная вдовица есть наша заступница.

Впрочем, нужно внимательно рассмотреть, о какой вдовице здесь говорит он. И те называются вдовами, которые, впадши в крайнюю бедность, и будучи внесены в список, питаются на счет церковного имущества, как было при апостолах: "**в эти дни, когда умножились ученики, произошел у Еллинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей**" (Деян.6:1). И не такие только называются вдовицами, но и те, которые, не нуждаясь ни в чем, пользуются довольством и управляют своим домом, но только лишились мужа. Посмотрим же, о какой вдовице здесь говорит он в словах: "**вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя**": о той ли, которая нуждается в помощи и имеет надобность – питаться на счет церковных имуществ, или о не нуждающейся и живущей в довольстве? Весьма очевидно, что о последней. Когда он говорит о первой, изнуряемой голодом, то не назначает времени и не требует строгих нравов, но просто говорит: "**если какой верный или верная имеет вдов, то должны их довольствовать и не обременять Церкви**" (1Тим.5:16). Не сказал: когда она будет шестидесяти лет, не сказал: если она принимала странников, если умывала ноги святых (1Тим.5:10); и весьма естественно. Где должно исправить бедность, там он не назначает времени. Что, если пятидесятилетняя будет изнуряться голодом? Что, если юная будет иметь уродливое тело? Не сидеть ли ей, дожидаясь шестидесятого года? Но это было бы крайне бесчеловечно. Поэтому, когда нужно утолить голод, он не входит в точное рассуждение о годах и душевной добродетели; а когда нужно не бедность исправить, но доставить честь по достоинству, то естественно он предлагает такое исследование нравов.

3. Как есть лики дев, так в древности были и лики вдов, и не позволялось им просто вписываться в число вдов. Таким образом, апостол говорит не о той, которая живет в бедности и нуждается в помощи, но о той, которая избрала себе вдовство. Для чего же и этой он назначает год? Он знал, что юность есть как бы горящий костер и море, исполненное волн и многих смятений. Поэтому, когда они будут иметь свободу от своего возраста, и будут пребывать в старости как бы в пристани, когда у них угаснут пожелания, тогда он безбоязненно вводит их в этот лик. А что, скажешь, разве многие, начав с двадцатого года, не блистали до конца, не несли ярма и не показывали в себе апостольской жизни? Неужели же, скажи мне, мы станем препятствовать им, и, тогда как они желают жить во вдовстве, мы будем принуждать их вступать во второй брак? И как это достойно апостольской мысли? Что же значат слова его? Выслушайте со тщательностью, возлюбленные, сам признак этого изречения. Он не сказал: вдовица да будет не менее лет шестидесяти, но: "**вдовица должна быть избираема**"; также не сказал: юные вдовицы да не избираются, но: "**молодых же вдовиц не принимай**", говорит он Тимофею (1Тим.5:11). Так как многие из людей склонны к злословию и изощрили языки свои против предстоятелей церкви, то он, желая избавить начальника от обвинений, предписывает такие законы и говорит: ты не принимай, ты не избирай. Если она сама собою и добровольно пожелает избрать это, пусть делает; но ты пока не принимай ее, чтобы не сказали, что молодую вдову, которая желала вступить в брак и управлять домом, такой-то принудил, и вследствие этого она пала и споткнулась. Ты не избирай ее, чтобы, если она падет, тебе быть свободным от обвинений; а если не падет, то с большею безопасностью избрать ее в приличное время. Когда же он говорит: "**желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей**" (1Тим.5:14), то послушай, о каких он говорит юных, – о тех, которые, после кичливости ко Христу, желают вступить в замужество, болтливы, суетны, обходят дома, говорят недолжное, совратились в след сатаны. Сказав просто: "**желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак**", он не замолчал, но говорит и то, каких он разумеет юных, и приводит их падения. Какие падения? "**Они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак, притом, они, будучи праздны, приучаются ходить по домам и бывают не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно, ибо некоторые уже совратились**". В след кого? "**Вслед сатаны**" (1Тим.5:11-15). Таким образом, если какие после того, как избрали вдовство и приняли на себя все бесчестие этого состояния, потом опять желают вступить в замужество, то лучше им приступить к этому прежде, нежели они приняты и без попрания договоров со Христом; а которая не такова, для той он не предлагает необходимости второго брака.

4. А что это справедливо, видно из следующего. Если бы для всех женщин он поставил законом вступать в супружество и господствовать над домом, то излишне он требовал бы, "**известная по добрым делам, если она воспитала детей, принимала странников, умывала ноги святым, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу**"; излишне говорил бы и это: "**бывшая женою одного мужа**" (1Тим.5:9.10). Если ты повелеваешь всем юным вступать в замужество, то как может кто-нибудь быть женою одного мужа? Таким образом слова его относятся к тем (невоздержным). Так поступает он и касательно брачного сожития. Сказав: "**не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе**", – он для того, чтобы ты не подумал, что это дело – закона, приводит и причину, после говоря так: "**чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим**" (1Кор.7:5,6). Таким образом, как там говорится это не всем, но более невоздержным из людей и легкоуловляемым, так и здесь тем из женщин, которые удобопреклонны и не могут сносить со тщательностью жизнь вдовства, – этих он уговаривает и советует вступать во второй брак. Вдовство – дело двоякое. В чем же оно двоякое? Оно есть оказание добрых дел и преимущество величайшей чести. Как начальство есть двоякое дело, имеет и дела и

достоинство: достоинство начальства есть могущество, служение от народа и самое начальствование; а дела начальства – помогать терпящим несправедливость, препятствовать несправедливым, управлять городами, проводить ночи в думах об общественных делах, и многое другое, – так и вдовство имеет и достоинство и дело: достоинство есть самое состояние вдовства, величайшее, как мы показали впереди; а дело – не вступать вторично в замужество, но довольствоваться первым мужем, воспитывать детей, принимать странников, умывать ноги святых, довольствовать скорбных, отдаваться всякому доброму делу. Итак Павел, беседуя об этом, все дела вдовы предоставляет совершать ей самой, а в достоинство вдовы, в лик и ряд вдов не предоставляет ей войти, пока она не достигнет шестидесятого года, и он едва не говорит так: пусть она совершает дела вдовы, а чести этой удостаивается тогда, когда, оказав все, будет иметь безопасность и по времени, и доказательство от дел, и свидетельство отвне. Никто пусть не думает, будто эти слова пригодны только женам; нет, они полезны и мужьям, чтобы и они любили и скончавшихся жен своих, и не заставляли детей жить вместе с львицами, приводя им мачех и ниспровергая всю свою безопасность.

5. Впрочем, говоря это, мы не законополагаем отвращаться от второго брака, но увещеваем и советуем благоразумно довольствоваться первым. Иное дело – увещевать и советовать, а иное – законополагать. Кто увещевает и советует, тот предоставляет слушателю быть господином в избрании советов; а кто законополагает, тот отнимает эту возможность. Так и церковь не законополагает того, а только увещевает; и Павел предоставил второй брак, сказав так: "**жена связана законом, доколе жив муж ее; если же муж ее умрет, свободна выйти, за кого хочет, только в Господе. Но она блаженнее, если останется так**" (1Кор.7:39,40). Как прекрасен брак, а лучше девство, так прекрасен и второй брак, а лучше его первый и единственный. Итак, мы не отвергаем второго брака и не законополагаем этого, но увещеваем, если кто может быть целомудренным, оставаться при первом. Увещеваем и советуем это и для самой безопасности дома: второй брак часто бывает началом и предлогом раздора и ежедневных суматох. Часто муж, сидя за столом и вспомнив о первой жене при второй, тихо прослезится; а эта тотчас свирепеет и приступает, подобно дикому зверю, требует от него удовлетворения за нежность к той; и если он захочет хвалить скончавшуюся, то основание похвал делается предлогом для суматохи и раздора. Мы и с врагами скончавшимися примиряемся, и после их жизни прекращаем вражду к ним, а у женщин все напротив. Ту, которой она не видала, которой не слыхала, от которой не потерпела ничего ужасного, она ненавидит и отвращается, и самая смерть не погашает ненависти. Кто видал, кто слыхал, чтобы с завистью ревновали праху и враждовали против пепла?

6. Но беда не ограничивается этим, а хотя бы родились дети от второй жены, хотя бы нет, опять суматоха и раздор. Если они не родились, то она больше мучается и за это смотрит на детей первой жены, как на врагов, причинивших ей величайшую несправедливость, при жизни их яснее чувствуя собственное бездетство. Если же они рождаются, то опять не меньше беда. Часто муж, нежно расположенный к отошедшей, обнимает ее детей, любя и вместе сожалея о сиротстве их; а эта всюду желает отдать предпочтение своим детям, а тех не желает поставить даже в ряд братьев, но отверженных домочадцев; все это может низвратить дом и сделать для женившегося жизнь не в жизнь. Поэтому мы увещеваем, если возможно, оставаться целомудренными, довольствоваться первым браком, и ни женам не искать женихов, ни мужьям жен, чтобы не низвратить всего дома.

Для чего же апостол, беседуя о вдовстве, не удовольствовался только первым, высказанным в словах: "**женою одного мужа**" (1Тим.5:9)? Чтобы ты знал, что вдовою делает не просто только то, чтобы не вступать во второй брак, но и упражнение в добрых делах, милостыни, человеколюбии и служении странникам. Если девам нисколько не

принесло пользы девство их, – хотя девство гораздо больше вдовства, – но они отошли с бесчестием, когда погас огонь в светильниках их, так как они не могли показать плодов человеколюбия и милостыни (Мф.15), то тем более вдовам (не поможет их вдовство). Итак Павел, слыша эту притчу и опасаясь за вдов, с великою обстоятельностью рассуждает об этом предмете, чтобы они, надеясь на единобрачие, не стали нерадеть об остальной добродетели; потому и говорит: "**известная по добрым делам**" (1Тим.5:10). Как девство – хорошее дело, но без остального остается бесплодным и затворяет чертог жениха, так и вдовство – хорошее дело, но без остальной добродетели тщетно и излишне. Поэтому Павел и не ограничился увещанием – не вступать вторично в замужество, но и многого другого, гораздо большего и высшего, требует от вдовы. Как выбирающие воинов ищут здоровья телесного, так и он, избирая вдову в воинство Христово, искал душевного здоровья и крепости и усердия ко всем добрым делам, говоря так: "**известная по добрым делам, если она воспитала детей, принимала странников, умывала ноги святым, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу**" (1Тим.5:10). Каждое из этих выражений, по-видимому, есть простое слово, но заключает в себе великую жизнь.

7. И, во-первых, если угодно, исследуем то выражение, которое он поставил первым: "**если она воспитала детей**". Здесь он говорит не о простом питании, которое по разумению многих состоит в том, чтобы не допускать детей изнуряться голодом: такого пренебрежения никогда не допустит и самая необходимость природы; поэтому не нужно ни повелений, ни законов, чтобы вдовы питали свое порождение; но он говорит здесь о попечении касательно праведности, о воспитании, соединенном с благочестием, так что не воспитывающие детей, таким образом, суть более детоубийцы, нежели матери. Это говорю я не только женам, но и мужьям. Часто многие из отцов делают все и принимают все меры, чтобы у сына был прекрасный конь, блестящий дом или многоценное поле; а о том, чтобы у него была прекрасная душа и благочестивое намерение, этому они не оказывают никакого внимания. Это и расстраивает всю вселенную, – то, что мы нерадим о собственных своих детях, заботимся об их приобретениях, а душою их пренебрегаем, допуская крайне безумное дело. Хотя бы и многи, и многоценны были приобретения, но если нет могущего распоряжаться ими с добродетелью, то все погибнет и уйдет вместе с ним и может принести приобретателю крайний вред; а если душа его будет благородна и любомудра, то хотя бы у него не было ничего отложено, он будет в состоянии безбоязненно удерживать приобретения всех. Итак, должно смотреть не на то, чтобы сделать их богатыми серебром и золотом и тому подобным, но чтобы они были достаточнее всех благочестием, любомудрием и приобретением добродетели, чтобы они не нуждались во многом, чтобы не увлекались житейскими предметами и юношескими пожеланиями. Нужно тщательно смотреть и за входами их и выходами, и за поведением и знакомствами, зная, что за небрежение об этом мы не будем иметь прощения от Бога. Если с нас потребуется отчет в промышлении об остальных, так как "**никто не ищи своего, но каждый пользы другого**" (1Кор.10:24), – то насколько более в промышлении о своих детях? Не поселил ли Я, скажет Бог, его с тобою сначала? Не приставил ли тебя к нему учителем, предстателем, попечителем и начальником? Не положил ли совершенно в твои руки всю власть над ним? В нежном возрасте образовывать его и настроивать повелел Я; какое же ты можешь иметь оправдание, если пренебрегаешь его неповиновением? Что скажешь ты? То ли, что он необуздан и груб? Но это должно было предвидеть вначале, когда он был способен к обузданию и весьма молод, и обуздывать его тщательно, приучать к должному, настраивать, исцелять душевные болезни его. Когда работа более легка, тогда и должно исторгать шипы, так как при более нежном возрасте их легче вырвать; так и страсти, оставленные в пренебрежении, возрастают, и делаются неудобоисправимыми. Поэтому и говорит премудрый: "**с юности нагибай шею**" его, когда воспитание может быть более легким (Сир.7:25). И не только Бог повелевает, но и

сам помогает тебе в этом деле. Как и каким образом? "**Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти**" (Исх.21:17). Видишь ли, какую Он поставил им угрозу? Каким оградил опасением? Как сильною сделал твою власть? Какое же можем мы сказать оправдание, если Он сам не щадит даже их жизни, когда они оскорбляют нас, а мы не допускаем им даже неудовольствия, при оскорблении ими Бога? Я, говорит Он, не откажусь даже умертвить оскорбившего тебя; а ты не можешь опечалить даже словом поправшего Мои законы. Может ли это быть достойно прощения? Ты видишь, что он оскорбляет Создателя – и не негодуешь, скажи мне, и не устрашаешь и не порицаешь, притом зная, что сам Бог воспрепятствовал этому не потому, будто бы Ему был какой-нибудь вред от оскорбления (так как Божество не может потерпеть), но для спасения его же самого? Кто неразумен и бесчувствен по отношению к Богу, тот гораздо более может оскорбить своего родителя и собственную свою душу.

8. Итак, не будем беспечными, зная, что дети, хорошо настроенные, и в настоящей жизни будут уважаемыми и блестящими. Человека, живущего добродетельно и пристойно, все стесняются и почитают, хотя бы он был беднее всех; а от порочного и развратного все отвращаются и ненавидят, хота бы он приобрел многий достаток. И не только у остальных людей он будет в уважении, но и для тебя – родителя будет более желанен, представляя, кроме природы, еще другое не меньшее побуждение к любви – добродетель; и не только будет более желанным, но и более полезным для тебя, будучи твоим служителем, рабом, кормителем в старости. Как неразумные в отношении к Богу презирают и родителей, так служащие Создателю оказывают и родителям многую честь. Поэтому, чтобы тебе заслужить одобрение и от Бога и от людей, сделать для себя жизнь приятною и избавиться от будущего наказания, показывай о нем все свое старание. Что, действительно, нерадящие о детях, хотя бы они во всем другом были исправны и умеренны, за этот грех подвергнутся крайней ответственности, я расскажу тебе одну древнюю историю.

У иудеев был один священник, во всем прочем исправный и умерший, по имени Илий. У этого Илия были два сына, предавшиеся крайнему нечестию; он не удерживал и не препятствовал, или – лучше – хотя и удерживал и препятствовал, но не с надлежащей тщательностью и силою. Тогда как должно было наказывать их плетью, выгонять из отеческого дома, употреблять все способы исправления, он только увещевал и советовал, говоря так: "**дети мои, не делайте так, ибо нехороша молва, которую я слышу**" (1Цар.2:24). Что говоришь ты? Они оскорбили Владыку, а ты называешь их чадами? Они не признают Создателя, а ты признаешь родство с ними? Поэтому, говорит, что он не вразумлял их, так как вразумление состоит в том, что мы не просто советуем, но что наносим удар сильный и резкий, – такой, какого требует гнилость язвы. Не достаточно только сказать или предложить увещание, но должно оградить многим страхом, чтобы пресечь легкомыслие юности. Итак, когда он, хотя увещевал, но не увещевал как должно было, то Бог выдал их врагам: во время происшедшего сражения они пали в боевом строю, и сам он, не перенесши вести об этом, упавши, разбился и умер. Видишь ли, как справедливо я сказал, что отцы бывают и детоубийцами, не принимая сильных мер в отношении к легкомысленным детям своим и не требуя от них благоговения к Богу? Таким образом, Илий сделался детоубийцею. Хотя сыновей его закололи враги, но виновником убийства сделался он, лишивший их помощи Божией своим легкомыслием о них и оставивший их непокрытыми и одинокими для желавших схватить их. И не только их, но вместе с ними он погубил и себя самого.

9. Это же терпят многие и из нынешних отцов: не желая наказывать плетью, ни порицать словами, ни опечалить сыновей своих, живущих беспорядочно и беззаконно, они часто видят их схваченными в крайних преступлениях, отведенными в судилище, обезглавленными чрез палачей. Когда ты не воспитываешь их, когда ты не вразумляешь,

смешавшись с людьми преступными и развращенными и став участником в их нечестии, они подвергаются общим законам и наказываются пред глазами всех; и после такого несчастья бывает больший стыд, когда все пальцем указывают на отца по смерти его сына и делают недоступною для него площадь. Какими глазами он в состоянии будет взглянуть на встречающихся с ним после такого бесчестия и несчастия сына? Поэтому прошу и умоляю оказывать многое промышление о своих детях и всюду искать спасения души их. Ты – учитель всего дома, и тебе Бог непрестанно предоставляет и жену и сыновей. Так Павел то говорит о женах: "**если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих**" (1Кор.14:35); то о детях: "**воспитывайте их в учении и наставлении Господнем**" (Еф.6:4). Помышляй, что у тебя в доме золотые статуи – дети; каждый день настраивай и осматривай их тщательно, и всеми мерами упорядочивай и образовывай их душу; подражай блаженному Иову, который, боясь за ошибки у них и в мысли, приносил за них жертвы, и многое оказывал о них промышление (Иов.1:5); подражай Аврааму, который старался не о деньгах и приобретениях, но о божественных законах, чтобы внушить потомкам тщательное их соблюдение. Об этой добродетели его свидетельствует Бог, говоря так: "**он заповедал сынам своим ходить путем Господним, творя правду и суд**" (Быт. 18:19). Также и Давид, когда умирал, призвал сына своего и вместо великого наследства внушал и непрестанно говорил ему следующее: если ты, сын мой, пожелаешь жить по законам Божиим, то не постигнет тебя ничто неожиданное, но все дела твои пойдут по течению и будешь ты наслаждаться многою безопасностью; если же лишишься этой помощи, то не будет тебе никакой пользы от царства и от многой твоей силы. Это и подобное говорил он, хотя и не такими словами.

10. Это и мы, и при жизни и при смерти, будем говорить своим собственным детям и убеждать их, что великое богатство и непогрешимое наследство и беспечальное сокровище есть страх Божий; и будем стараться оставлять им не деньги гибнущие, но благочестие пребывающее и неиждиваемое. Когда нет благочестия, тогда и имеющиеся деньги гибнут с опасностями и крайним стыдом; а когда оно есть, тогда и не имеющееся прибывает. Если ты прекрасно возрастишь сына своего, то и он – своего собственного сына, а этот – своего сына; и как бы некоторая лента и ряд лучшей жизни все пойдет вперед, получив начало и корень от тебя и принося тебе плоды попечения о потомках. Если бы отцы тщательно воспитывали своих собственных детей, то не нужно было бы ни законов, ни судилищ, ни мщений и наказаний и публичных убийств; "**закон положен не для праведника**" (1Тим.1:9). Но так как мы не заботимся о них, то и подвергаем их большему злу, и предаем в руки палачей, и постоянно толкаем в пропасть; "**поблажающий сыну будет перевязывать раны его**", говорит Премудрый (Сир.30:7). Что значит: "**поблажающий**"? Милующий, льстящий, услуживающий чрез меру. А он имеет нужду в строгости, попечении и угрозах. Говорю это не с тем, чтобы мы были слишком жесткими к детям, но чтобы мы не являлись им презренными. Если жена должна бояться мужа, то гораздо более сын – отца. Не говори мне, что невозможно превзойти юность. Если Павел требует этого промышления от жены вдовой, то гораздо больше – от мужей; если бы это было невозможно, то он и не повелевал бы. Но вся порочность происходит от нашего легкомыслия, оттого, что мы не сначала и не с первого возраста руководим детей к благочестию. О том, чтобы они получили внешнее воспитание и поступили в военную службу, мы стараемся, бросаем деньги, просим друзей и много ходим туда и сюда; а о том, чтобы они были в уважении у Царя ангелов, не обращаем на это никакого внимания. На зрелища ходить мы постоянно позволяем им, а в церковь – не принуждаем никогда; если же однажды или дважды дитя побудет, то бывает там бесцельно, тщетно, напрасно и для забавы. Не так должно быть; но как посылая в училище мы требуем от них отчета в науках, так и в церковь посылая, а еще более ведя. Не другим вверять их, но самим с ними нужно бы входить сюда, и должно было бы требовать, чтобы они помнили слышанное и преподаваемое здесь. В таком случае, в таком

для нас было бы легко и приятно исправление детей; если бы и дома они постоянно слышали от нас беседы о любомудрии и советы им о должном, и здешнее присоединилось бы у них к тому, то скоро бы они показали нам благородный плод этих прекрасных семян. Но мы не делаем ничего такого, но у нас необходимое – побочные дела; и и если кто станет увещевать к этому, тотчас смех; посему и низвратилось все, и которых не воспитывают родители, воспитывают внешние законы.

11. Неужели ты не постыдишься и не покраснеешь, скажи мне, когда сына твоего будет наказывать и вразумлять судия, когда будет нуждаться во внешнем исправлении тот, кто сначала жил вместе с тобою столько времени? Ты не будешь скрываться и прятаться? Как осмеливаешься, скажи мне, называться еще отцом, предав таким образом сына, не сделав ему необходимого побуждения, но оставив без внимания растление его всяким злом? Если ты увидишь какого-нибудь беглого раба бьющим палкою твое дитя, то досадуешь и гневаешься и негодуешь, жестче зверя, приступив к лицу ударившего, а видя, как диавол каждый день бьет его, демоны вводят в грехи, ты спишь, и не досадуешь, даже не выхватываешь своего сына от жесточайшего зверя? Опять, если он будет под действием демона, ты бежишь ко всем святым и обременяешь живущих на вершинах гор – избавить его от этого беснования; а если грех, который жестче всякого демона, непрестанно обременяет его, ты ничего не делаешь?

Между тем обременение демоном нисколько не жестко, потому что демон совершенно не может ввергнуть в геенну, но, если мы бодрствуем, то это искушение принесет нам блестящие и славные венцы, когда мы будем с благодарностью переносить такие нападения; а кто живет во грехе, не имеет средств спастись когда-нибудь, но необходимо и здесь подвергается бесчестию, и по отшествии туда опять бесконечно наказывается. И однако, зная это, мы для очень немногого прилагаем старание, а для весьма великого не желаем даже подняться: видя беснующегося рыдаем, а видя согрешающего даже не чувствуем, между тем как должно убиваться и горько плакать, а лучше – не плакать только, но и удерживать, обуздывать, советовать, увещевать, устрашать, укорять, прогонять эту болезнь всяким способом врачевания и подражать той вдове, о которой говорит Павел: "**если она воспитала детей**" (1Тим.5:10), потому что не к ней только, но и ко всем вообще он простирает это слово и всех увещевает так: "**воспитывайте их в учении и наставлении Господнем**" (Еф.6:4). Это – первое и величайшее из благ; его он прежде всего требовал и от вдовы; а затем говорит: "**принимала странников**". Что говоришь ты, скажи мне? От жены вдовой ты требуешь странноприимства? Не довольно ли для ней воспитывать детей? Нет, говорит, но должно присоединить и это; вместе с управлением своими домашними, нужно иметь промышление и о чужих и открывать свой дом для странников. Скончался муж – трать все усердие к нему на странников. А что, скажет кто-нибудь, если она бедна? Но она не беднее той вдовы, которая, имея немного муки и чванец елея, приняла великого пророка Илию (3Цар.17:12). И там были дети; но ни недостаток состояния, ни сила голода, ни ожидаемая смерть, ни забота о детях, ни вдовство, и ничто другое не стало препятствием для странноприимной женщины.

12. Так везде изыскивается не мера имущества, но мера душевного расположения. Великодушный и богатый душевным расположением, хотя бы он был беднее всех людей деньгами, может всех превзойти и страннолюбием, и милостынею и остальным всяким благорасположением; а мелочный и бедный душевным расположением и пресмыкающийся по земле, хотя бы он был достаточнее всех, бывает беднее и недостаточнее всех; поэтому он и медлит и уклоняется от всего такого. Как бедному бедность не может быть препятствием к милостыне по причине его душевного богатства, так богатому достаток нисколько не может содействовать благорасположению по причине его душевной бедности. Примеры этого близко: вдова и с небольшим количеством муки

приняла пророка, а Ахав, стяжав такое богатство, домогался еще и чужого (3Цар.16:33). Так не богатство денежное, но богатство душевное доставляет нам удобство к милостыне; и та вдова двумя только лептами превзошла множество богачей и бедность не стала ей препятствием (Лк.21:2,4). Напротив, эта самая бедность и сделала милостыню ее большею, как и Павел говорит: "**глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия**" (2Кор.8:2). Ведь не на то нужно смотреть, что она бросила две лепты, но что она, имея только их, не пощадила себя и внесла все свое состояние, – за это ей нужно удивляться и венчать. Итак, нам нужно не изобилие, а готовность, когда мы принимаем странников. Как при этой готовности не может быть никакого вреда от бедности, так при отсутствии ее не может быть никакой пользы от достатка. Что говоришь ты? Вдова заботится о детях и потому не может служить странникам? Но потому самому она удобнее будет делать это, имея общниками служения сыновей своих, которые будут помогать ей и разделять с нею эту прекрасную деятельность. Таким образом, множество детей будет не препятствием, но пособием странноприимства, и множество рук доставит этому служению многое удобство. Не говори мне о многоценной трапезе; если она примет странника в дом свой, если предложит имеющееся у ней, если окажет многое благорасположение, то готов всякий плод странноприимства. Если одна только чаша холодной воды доставляет царство небесное (Мф.10:42), то принять под свою кровлю, сделать общником трапезы и доставить отдохновение, – это, скажи мне, какого не принесет плода? Рассмотри точность Павла. Он требует здесь не просто странноприимства, но такого, которое соединено с усердием, пламенною душой и горячим расположением сердца. Сказав: "**принимала странников**", он присовокупил: "**умывала ноги святым**" (1Тим.5:10). Не служанкам ей нужно поручать служение страннику, сидя самой с гордостью, но быть самодеятельною, схватывать себе этот плод, и никому не уступать этого прекрасного сокровища. Как это, скажут, может быть? Если она благородна, знатна, блестяща и знаменита по предкам, то неужели ей самой умывать ноги странника? Не будет ли это постыдно? Напротив постыдно – не умывать, человек; хотя бы ты в тысячу раз поднимал ее благородство, знатность и блеск, она имеет одну и ту же природу с тем, кого омывают, есть раба подобная и равночестная тому, кому служит.

13. Подумай, Кто омыл ноги ученикам, и перестань говорить мне о благородстве. Общий Владыка вселенной, Царь ангелов омыл ноги, препоясавшись полотенцем, и не только ученикам, но и самому предателю (Ин. 4). Видишь ли, какое расстояние между омывающим и омываемыми? И, однако, все это расстояние Он прошел и Владыка омыл раба, чтобы раба не стыдилась подобного себе раба. Для того Он омыл и предателя, чтобы ты не стал говорить, что малоценен и презренен тот, которому нужно оказать служение. Если он малоценен и презренен, то еще не таков, как Иуда, и не сделал тебе того, что сделал тот Владыке, решившись на предательство после бесчисленных благодеяний. И однако, предвидя все это, Господь омыл его, положив нам закон, что, хотя бы мы были выше всех, хотя бы мы были самыми блестящими и знаменитыми, хотя бы приходящие к нам были хуже всех, мы поэтому не должны избегать служения им и стыдиться их ничтожности. А ты, жена, если видишь, что кто-нибудь помогает тебе в делах житейских, или содействует в судилище или в чем-либо другом подобном, то и встречаешь его, и принимаешь с великим благорасположением, и целуешь руки, и бросаешь серебро и исполняешь дела служанок; а если видишь, что Христос пришел к тебе, то медлишь и уклоняешься от служения Ему? Если ты не принимаешь странника, как Христа, то и не принимай; а если принимаешь, то не стыдись и омыть ноги Христовы. Не видишь ли ты, сколь многие из гонимых прибегали к ногам статуй? Хотя это – бесчувственное вещество и бездушная медь, но, так как это – изображения царей, то они ожидали получить какую-нибудь пользу от ног их. А ты, не бесчувственные ноги и не бездушное вещество, но, созерцая идущий к тебе образ, имеющий внутри себя Царя, не бежишь на встречу, скажи мне, не припадаешь к ногам его и не служишь всяким способом? Как это может быть

достойно прощения? Какого не причинить это стыда? Подумай, с кем ты вступаешь в общение, напыщаясь, поднимаясь до надменности и стыдясь служения страннику? Ясно, что с диаволом; потому что гордость – его болезнь. А если ты подбегаешь, то подумай, кому подражаешь? Своему Владыке, и совершаешь дело Христово. Какой же стыд, скажи мне, или какой позор вступать в общение с Владыкою? Итак, стыд – стыдиться этого и считать позором то, что делал Христос. Многое могут сделать ноги святых, входя в дом; они освящают сам помост, вносят сокровище бесчисленных благ, исправляют расслабленную природу, утоляют голод, приносят многий достаток. Так и ноги Илии, вошедши в дом вдовицы, показали некоторый новый и неожиданный способ плодородия. Дом вдовицы он сделал пашней, и кувшин ее – гумном. Тогда стал некоторый новый способ сеяния и жатвы: она посеяла в уста праведника, и рассыпанное пожала из кувшина во многом изобилии; посеяла муку, и пожала муку; не нуждалась и в волах, и в ярме, и в плуге, и в бороздах, и в дожде, и воздухе, и серпе, и в гумне, и снопах, и в ветрах, отделяющих мякину от плода, и в мельнице, но в одно мгновение времени нашла конец всего этого в кувшине; и два неоскудевающие источника один, – муки, а другой – елея, произвел голос пророка.

14. Таковы дары святых; у них много изобилия и легкости. Срываемое с земли издерживается; а те источники, ежедневно почерпаемые, не иссякали, но была равная борьба иссякновения с притоком. Так щедро дарят ноги святых, или лучше – сказать – еще гораздо больше этого; и если бы моя беседа не была продолжительна, то я исчислил бы много таких даров. Но как, получая честь, они приносят столько даров, так, получая бесчестие, они доставляют великое наказание и неумолимый огонь. Откуда это очевидно? Послушай Самого Христа, который говорил ученикам: "**в какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете; а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему**" (Мф.10:11,12). Чтобы ты не сказал: я трачу деньги, издерживаю имущество, предлагая трапезу странникам, Он устрояет так, что сам приходящий наперед приносит тебе угощение и дары, превосходящие всякий избыток. Какие это? Снабжение миром; ему нет ничего равного. Видишь ли, с каким достатком святой входит в дом? Это слово, хотя просто, но – основание бесчисленных благ; в самом деле, что может быть безопаснее того дома, который наслаждается миром? Притом святые испрашивают принимающим их мир не только друг с другом, но и с нами самими. Мы часто имеем борьбу в помыслах и, тогда как никто не беспокоит нас, мы смущаемся, и порочные пожелания непрестанно восстают в нас. И эту борьбу унимает то слово святых и производит внутри многую тишину, потому что в одно время и он вслух произносит это слово и убегает всякое диавольское внушение и неуместный помысл из нашей души, так что ты больше берешь, нежели даешь. "**И если**", говорит Господь, "**дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится. А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому**" (Мф.10:13-15). Видишь ли, какой огонь навлекают ноги святых, встречая бесчестие? Поэтому апостол повелевает омывать их, чтобы они, принимая это служение, доставляли нам многое дерзновение пред Богом; а вместе и тому научает он нас этим увещанием, чтобы мы все дела странноприимства совершали сами собою. Ты подражай Аврааму, сделайся дочерью того, который, имея триста осьмнадцев домочадцев, сам с женою своею разделял плод странноприимства: он принес тельца, а она замесила муки. Соревнуй им и ты, потому что не подача только денег, но и служение нуждающимся получает многую награду. Поэтому и апостолы тех семерых, между которыми был Стефан, поставили на такое служение (Деян.6: 2,3). Хотя от себя они ничего не доставляли бедным и лишь прекрасно распоряжались подаваемым другими, но

они получили великую награду и за то, что подаваемым другими распоряжались прекрасно и со всею тщательностью.

15. Сделайся же и ты прекрасною распорядительницею собственного своего имущества, чтобы тебе двоякий плод взять – раздачи и прекрасного распорядительства. Не стыдись служить бедному собственными своими руками. Христос не стыдится протягивать руку и брать чрез бедного, а ты станешь стыдиться протягивать руку и подавать серебро? Не крайне ли это безумно? Одно только постыдно – порок, жестокость, бесчеловечие; а благорасположение и милостыня и человеколюбие и служение нуждающимся делает нас весьма славными. Чем более ты богата и достаточна, тем более будут хвалить тебя все, когда ты будешь снисходить к нищим и ничтожным: не только люди, но и ангелы и Владыка ангелов; и не только Он хвалить, будет, но и отплатит двойными дарами. Не только за милостыню, но и за смиренномудрие Он приготовит тебе многие награды. Не будем же стыдиться служения бедным, ни отказываться – омывать ноги странников; наши руки освящаются таким служением; и если ты прострешь их на молитву после этого служения, то Бог, видя их, скорее умилостивится и подаст просимое. Подавать деньги могут многие; а чтобы самому служить нуждающимся и делать это с готовностью, любовью и братской расположенностью, – для того нужна душа высокая, великая и любомудрая. Этого больше всего и требует Павел, повелевая сострадать находящимся в скорби, бедности и несчастных обстоятельствах – так как бы мы сами находились в тех же несчастьях. "**Помните узников**", говорит он, "**как бы и вы с ними были в узах**", (Евр.13:3). Поэтому и здесь он не остановился только на этом, но прибавил и еще другое: "**помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу**" (1Тим.5:10). Что значит "**ко всякому доброму делу**"? Значит и в темницу ходить, и узников посещать, и больных навещать, и скорбящих ободрять, и плачущих утешать, и всеми способами исполнять все посильное и не отказываться решительно ни от чего относящегося к спасению и успокоению наших братий. Если же от вдовой жены он требует таких правых дел, то какой защиты можем удостоиться мы – мужи, не делая того, что Павел заповедал делать вдовым женам? Но, может быть, кто-нибудь скажет: как он требует от вдовой жены такой тщательности, когда он, беседуя о девстве, не сказал ничего такого? От дев он требовал еще большего любомудрия. Когда он говорит: "есть разность между замужнею и девицею", и еще: "**незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу**", и еще: "**говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно и непрестанно служили Господу без развлечения**" (1Кор.7:33-35), – то намекает этими словами не на что иное, как на то, что дева, однажды отрешившись от всех житейских дел, должна отдать всецело душу свою Богу, не иметь ничего общего с землею и не заниматься то тем, то другим, но, всецело отказавшись от этого, тратить весь досуг на дела духовные. И притча о десяти девах делает очевидным нам тоже самое. Зато они и были исключены из брачного чертога, что не имели елея; а елей есть не что иное, как человеколюбие, и милостыня, и благорасположение, и предстательство за терпящих несправедливость, и утешение плачущих; этого они не имели, потому отошли, и лишились брачного чертога (Мф.25). 16. Итак, зная все это, и жены, и мужья, и девы, и замужние, и вдовы, будем прилагать великое усердие к милостыне, и не станем говорить, что такой-то порочен и недостоин благодеяний, такой-то ничтожен, такой-то презренен. Ты смотри не на достоинство нуждающегося в помощи, а только на нужду. Хотя бы он был ничтожен, низок и презренен, Христос вменяет тебе это в награду так, как бы Он сам чрез него получал благодеяния. Чтобы мы не взирали на достоинство тех, кому оказывается благодеяние, послушай, что говорит Он: "**ибо алкал Я, и вы дали Мне есть**"; потом, когда те отвечали: "**когда мы видели Тебя алчущим, и накормили?**", Он продолжает: "**истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне**" (Мф.25:35-40). Таким образом, нам не осталось никакого предлога. Чтобы мы не говорили: где теперь найти подобных Илии, где

подобных Елисею, дай мне таких мужей, и я со всею готовностью приму их и не откажусь омыть их ноги и послужить им всеми способами, чтобы мы не говорили этого, Он сам – что гораздо важнее – Владыка Илии и Елисея и всех пророков обещал приходить к нам чрез бедных, сказав: "**так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне**".

Не пробегай без внимания этих слов. Выражение: "**ибо алкал Я, и вы дали Мне есть**", представляет четыре побуждения к милостыне: достоинство просящего – потому что просящий есть Владыка; потребность нужды – потому что Он алчет; легкость подаяния – потому что Он просит напитать Его и требует только хлеба, а не роскоши, и величие дара – потому что за эту малость Он обещает царство. Ты бесчеловечен, жесток и немилостив? Постыдись, говорит, Он, достоинства Того, Кто просит. Но тебя не пристыжает Его достоинство? Тронься несчастьем. Но и несчастье не преклоняет тебя на милость? Подай по легкости прошения. Но ни достоинство, ни потребность нужды, ни удобство подаяния не может убедить тебя? Подай же нуждающемуся ради величия обещанных за это благ. Видишь ли четыре причины, которые могут тронуть и сам камень, и мелочного, и глупца, и безжалостного, и самого медлительного из всех людей? Какое же будет прощение тем, которые после такого увещания и совета презирают нуждающихся? Скажу к этому и еще нечто другое: пусть выслушают посвященные в тайны. Когда нужно тебя напитать, то Он сам не щадит даже Своей собственной плоти; когда нужно тебя напоить, то Он не щадит и не жалеет собственной крови; а ты не уделяешь ни хлеба, ни чаши? Какое ты будешь иметь прощение, беря такие и столь драгоценные блага, и щадя свои маловажные? Смотри, чтобы тебе, жалеющему подавать Христу с выгодою, часто не отдавать диаволу с вредом. Когда не подаем бедным, мы даем обманщикам; часто воры или коварные слуги взяв уходят, или теряем по другим обстоятельствам; а если и избегнем всего этого, то пришедшая смерть уносит человека нагим. Итак, чтобы этого не было, будем как взявшие наперед давать просящему Христу и откладывать в нерасхищаемую сокровищницу, чтобы нам быть уверенными и в сбережении и в доходе. Он не только тщательно сохраняет то, что взял, но и опять отдаст тебе это с очень многим прибавлением. Не будем думать, что у нас уменьшится имущество, когда мы подаем милостыню. Оно не уменьшается, но возрастает; не издерживается, но умножается; происходящее есть некоторый оборот и сеяние, или – лучше – оно выгоднее и безопаснее того и другого. Торговля подвергается и ветрам и морским волнам и многим кораблекрушениям, а семена, – и засухам, и проливным дождям, и другим неровностям воздуха; деньги же, повергаемые в руки Христовы, выше всякого замысла. Никто не может исхитить из рук взявшего данное однажды; но оно там остается, производя многие и неизреченные плоды и принося нам в свое время богатую жатву. "**Кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет**" (2Кор.9:6). Будем же сеять щедро, чтобы так нам и пожать и насладиться вечной жизнью, которой да достигнем все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне, и присно и во веки веков. Аминь

БЕСЕДА

об Илии и вдовице, а также и о милостыне

1. В те дни, когда мы все постились, я часто принимался говорить о милостыне, но был прерываем наступившим вечером, прекращавшим течение нашей беседы. Впрочем, это, может быть, происходило по распоряжению Бога, устрояющего полезное и отложившего наставление об этом предмете до настоящего дня, дабы трапеза милосердая была предложена сегодня, когда вы не рассеяны в церкви, не потому, чтобы мы имели сказать что-нибудь великое и необыкновенное, но потому, что велика и превосходна сила

милостыни. Подлинно, великое дерзновение пред Богом имеет эта добродетель; как какая-нибудь царица нашей жизни, так она с великой смелостью обыкновенно проходит небесные своды; и те силы, которым вверены врата небесные, видя восходящую милостыню, с великою честью отверзают те врата ради ее и другим добродетелям; а если видят их идущими без милостыни, то запирают врата пред ними. Это видно из притчи о тех девах, которые не были допущены в священный чертог за то, что не имели в своих светильниках постоянного елея (Мф.25). И заметь различие: милосердие без девства возводило имеющих его на небо, а девство без милосердия не в силах было сделать это. Если же такова сила этой добродетели, то со всем усердием будем внимать беседе об ней. Но самым лучшим и кратким увещанием к выполнению этой добродетели было бы, если бы мы отвели вас к вдове, жившей в Сарепете Сидонской, потому что научающие делами бывают учителями достовернее тех, которые советуют словами; потому и вдовица будет для нас лучшей наставницей в этом деле. Мы увещеваем словами, а она может научить вас делами, имея притом сотрудницею своею другую (вдовицу), одинаковую с нею по нравам, потому что две таких вдовицы, одна – в новом завете, положившая две лепты, а другая – в ветхом, удостоившаяся принять пророка. Обе они имели одинаковую добродетель любомудрия и явили одинаковое дружелюбие, показав нам сходством добрых дел своих сродство самих заветов. Как высокие башни, расставленные по пристаням, которые обыкновенно называют маяками, имея неугасимый огонь во всю ночь, блеском света руководят блуждающих по морю к безопасной пристани, так и они, объемля дружелюбие как бы какую пристань, светом своего великодушия руководят находящихся в глубочайшей ночи, потому что жизнь наша нисколько не лучше ночи, как и Павел говорит: "**ночь прошла, а день приблизился**" (Рим.13:12). Так блуждающих среди глубочайшей ночи по морю сребролюбия и готовых утонуть они призывают к своей безопасности, имея постоянно горящий огонь человеколюбия и сохраняя неугасимый свет милостыни.

2. Но о той в другое время, а сегодня скажем вам о вдове, жившей в ветхом завете. Притом, когда воздаются похвалы этой, то сплетаются венцы похвал и той, потому что у кого добрые дела одинаковы, для тех и похвалы общие. Во времена этой вдовы был тяжкий голод; не земля истощившись отказывалась приносить плоды, но грехи людей отвратили этот дар Божий. Итак, был голод тяжкий и жесточе всякого голода; и этот голод навел Илия, призвав его, как бы какого-нибудь страшного слугу, чтобы вразумить подобных ему рабов, оскорбляющих Владыку; или – лучше – призвали его грехи иудеев, а принесли его уста пророка: "**жив Господь Бог Израилев**", говорил он, "**в сии годы не будет ни росы, ни дождя, разве только по моему слову**" (3Цар.17:1).

Итак, было невыносимое бедствие. Страшный голос пророка не только сделал недра земли бесплодными, но истощил и сами струи рек, и все потоки тогда высохли. Как сильная и воспалительная горячка, поражал естество тела, не только иссушает поверхность его, но, проникая и в глубину, жжет сами кости, так и бывшая тогда засуха не только опалила поверхность земли, но, проникнув и в сами недра ее, извлекла из нее всю влагу. Что же Бог говорит пророку? "**Встань**", говорит Он, "**и пойди в Сарепту Сидонскую**": заповедаю "**Я повелел там женщине вдове кормить тебя**" (3Цар.17:9). Что это? В своем отечестве он не нашел никакого дружелюбия, и Ты посылаешь его в чужую страну и притом к жене вдовой? Если бы даже она была достаточною, если бы была богатейшею, если бы была женою самого царя, если бы имела сокровищницы, наполненные множеством произведений, то и тогда страх голода не сделал ли бы воли ее бесплодною больше самой земли? Чтобы пророк не сказал этого и не подумал, для того Бог наперед питал его чрез воронов, как бы так внушал ему этими событиями: если Я устроил, что неразумная природа оказала тебе гостеприимство, то гораздо более разумная согласится сделать это.

3. Вот почему вдовица – после воронов. И нужно было видеть, как пророк делается зависимым от жены, как эта досягавшая до неба и божественная душа, доблестный и возвышенный Илия, в виде странника и просителя приходит к дверям вдовицы, и теми устами, которые заключили небо, произносит слова просящих; дай мне хлеба, дай мне воды. Это для того, чтобы ты знал, что нет ничего столь благоприятного, как дом вдовой жены, как хижина, исполненная бедности и чуждая богатства и зол, происходящих от богатства. Такое место свободно от шума, исполнено всякого любомудрия и спокойнее всякой пристани. Таких жилищ особенно ищут души святых.

Итак, пророк пошел к вдовице, которая будет обличением иудейского нерасположения к странноприимству, пошел к вдовице, научая этим всех, что иудеи справедливо подверглись наказанию. Бог, намереваясь наказать кого-нибудь, не просто посылает наказание и не довольствуется определением Своего суда, но и пред людьми оправдывает Себя делами, подобно судящемуся на общественном суде при суждениях множества присутствующих. И как судьи, когда намереваются приговорить кого-нибудь на смерть, садятся на возвышенном месте, приказывают поднять завесы, собирают около себя весь город, и тогда, как бы на общественном зрелище, начинают судить виновного, предлагая ему вопросы пред глазами и в слух всех, приказывая прочитать запись его преступлений, и заставляя самого обвиняемого осудить свои преступления, и потом произносят приговор, – так и Бог, восседая, как бы на возвышенном месте – изречений Писания, и поставив около Себя всю вселенную, пред глазами и вслух всех производит исследование грехов, не записи повелевая прочитать и не письмена выставляя на средину, но представляя нам сами грехи виновных.

4. Так, когда Он намеревался ниспослать страшные молнии на содомлян и этим ужасным пламенем истребить в той стране города и народы, когда посылал на землю этот необыкновенный и чрезвычайный дождь, страшнее всякого прежде бывшего, какой солнце видело в первый и единственный раз, то прежде чем привел в исполнение это наказание, Он показал нам нечестие имеющих быть наказанными, не записи прочитав, как я сказал, но представив сами грехи их. Потому Он и послал ангелов, не для того только, чтобы они вывели Лота, но чтобы показали тебе пороки содомлян, что действительно и случилось. Когда Лот принял их, то все осадили дом принявшего гостей, окружив его со всех сторон; а руководила этою осадою нечистая страсть и желание беззаконного совокупления, выходившее из пределов возраста и природы. Не только юноши стали кругом, но и старцы; и седина не удержала неистовства, и старость не погасила ярости, но можно было видеть кораблекрушение в пристани, беззаконное пожелание в старости. Даже и этим не ограничилось их беззаконие, но когда Лот обещал им выдать дочерей своих, они и в этом случае не перестали настаивать, говоря, что не отступят до тех пор, пока не получат тех мужей, и угрожали причинить много зла тому, который обещал выдать дочерей своих из почтения к странникам. Видишь ли, как Бог показал во всех отношениях нечестие содомлян, и потом послал наказание? Чтобы ты после, видя, как они наказываются, не смутился от величия их несчастья и не стал вместе с ними обвинять Бога, но вместе с Богом осудил их, – для этого Он, предварительно показав их нечестие, предотвратил всякое сожаление об них и удалил нас от сострадания к ним. Тоже и теперь сделал Он с пророком. Чтобы ты, видя иудеев, изнуряемых голодом, не скорбел, Он показывает тебе их бесчеловечие, жестокость и недостаток гостеприимства, потому что они не только не приняли пророка, но даже грозили убить, его, как видно из слов Божиих. Он не сказал только: удались, но: и "**скройся**" (3Цар. 17:3). Тебе, говорит Он, недостаточно для спасения одного бегства, но нужно и скрыться с великой тщательностью, потому что народ иудейский есть народ, жаждущий крови пророков и привыкший к убиению святых; иудеи всегда обагряли свою десницу кровью пророков. И вот почему, когда Бог высылал его из Иудеи, то говорит: "**пойди отсюда и скройся**"; а

когда посылал к вдовице, то говорит: "**Я повелел женщине вдове**" (3Цар.17:9). Видишь ли, как в то время, когда пророку, нужно было бежать оттуда, Он повелевает сделать это с великой осторожностью; а когда нужно было прибегнуть сюда, то повелевает идти с великим дерзновением и смелостью?

5. И не только это, но и нечто другое выразил Бог удалением пророка к вдовице. Чтобы впоследствии времени некоторые, видя, как Христос, после многих и неизреченных благодеяний, оказанных Им в Иудеи, после воскрешения многих мертвых, после возвращения зрения слепым, после очищения прокаженных, после изгнания бесов, после дивного и спасительного учения, облагодетельствованными изгоняется, а язычниками, невидевшими и неслышавшими ничего такого, почитается, не стали удивляться, недоумевать и считать это делом невероятным, – для того Бог еще прежде за много лет примером рабов своих показывает нам неблагодарность иудеев и дружелюбие язычников. Так Иосифа те, кому он нес пищу, покушались даже умертвить, а иноплеменник возвел на величайшую почесть. Так Моисея прогнали облагодетельствованные им иудеи, а принял иноплеменник Иофор и оказал ему великое дружелюбие. Так Давида прогнал Саул, после отсечения головы Голиафу, после бесчисленных опасностей, угрожавших царю и городу, от которых избавил их Давид, а принял иноноплеменный царь Анхус и оказал ему великую честь. Так и теперь Илию иудеи прогнали, а вдовица приняла. Итак, когда ты увидишь, что Христа гонят иудеи и принимают язычники, то, вспомнив древние прообразы, не удивляйся истине этого события. Так и ныне ты слышал слова Христа, Который выражает тоже самое. Обращаясь к негодующим иудеям, Он говорил: "**много вдов было в Израиле во дни Илии и ни к одной из них не был послан Илия, а только ко вдове в Сарепту Сидонскую**" (Лк.4:25,26). Но, может быть, у кого-нибудь возникает недоумение, почему такому ревнителю о славе Божией Бог попустил терпеть скорби и бедствия, то посылая его к потоку, то к вдовице, то в другое место, заставляя его переходить с места на место, как будто какого-нибудь изгнанника? Что он действительно терпел скорби и бедствия, об этом послушай Павла, который говорит: "**скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления**" (Евр.11:37). Для чего же Бог попустил ему терпеть скорби? Если бы он подвергал иудеев такому наказанию за грехи против него самого, то иной справедливо мог бы сказать, что в бедствиях он испытал скорбь для того, чтобы сделаться более кротким и смягчить свою жестокость. Если же он не из мщения иудеям за дела против него самого, а за нечестие их и оскорбление Господа навел на них такое несчастье, то почему и сам он участвует в их бедствиях, а не пользуется совершенным спокойствием и свободою? Потому что, если бы он сам пользовался спокойствием и богатою трапезой, между тем как другие бедствуют и изнуряются голодом, то, может быть, кто-нибудь действительно подумал бы, что это было делом жестокости, так как нисколько не казалось бы удивительным, что человек, пользующейся довольством, утешается чужими бедствиями. Вот почему Бог попустил и самому ему участвовать в несчастье, испытать случившиеся бедствия и разделять голод, дабы ты знал, что не голод (нужен был ему), но Божественная ревность действовала в нем, потому что он никак не решился бы, при столь затруднительном положении, лишениях, скорбях и бедствиях, не отменить угрозы, если бы произнес тот блаженный приговор не по великой ревности. Поэтому для него приятнее было самому терпеть бедствия и видеть иудеев исправляющимися, чем отменить угрожавшую нужду и видеть их возвратившимися к прежнему нечестию.

6. Таковы везде души святых: для исправления других они жертвуют собственной безопасностью. Итак, чтобы кто-нибудь не сказал, что Илия продлил голод по жестокости своей, Бог попустил и ему участвовать в голоде, дабы ты узнал любомудрие пророка. Кроме того, так как чудеса по свойству своему обыкновенно надмевают чудотворцев, а взирающих на чудеса располагают ставить тех выше человеческой природы, то Бог

устрашил то и другое, присоединив немощь природы. А что это так, легко можно удостовериться из слов Павла. Именно, что чудеса надмевают, об этом послушай, как он говорит: "**и чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился**" (2Кор.12:7). А что чудеса располагают видящих и слышащих думать о чудотворцах выше надлежащего, и это видно оттуда же. Сказав о своих откровениях, апостол говорит: "**если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину**". Почему же не хвалишься? "**Удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня**" (2Кор.12:6). Чтобы чего-нибудь подобного не случилось и с пророком (так как хотя он и Илия, но он был человек), Бог соединил с чудом и слабость природы. Вот почему тот, кто распоряжался небесами, не мог преодолеть голода; тот, кто остановил плодородие земли, не мог остановить потребности желудка, но имел нужду в жене вдовой, чтобы ты видел и божественную благодать и человеческую немощь. И не только эту пользу принесло такое событие, но еще и другую, не меньше этой. Какую же именно? Ту, чтобы, когда кто-нибудь станет призывать тебя к пророческой ревности по Боге, ты не падал духом и не отчаивался, думая, что Илия был человеком другой природы, и потому он имел такое дерзновение пред Богом. Это и выразил некто, сказав: "**Илия был человек, подобный нам**" (Иак.5:17), – как бы так говоря: не думай, будто не возможно достигнуть до такой же высоты любомудрия, до какой достиг он, потому что и он имел ту же природу, но дивное и божественное настроение его воли явило его гораздо выше прочих людей.

7. Но время уже возвратиться к вдовице. "**И встал он**", говорится в Писании, "**и пошел в Сарепту**", и нашел жену вдовицу, собиравшую дрова (3Цар.17:10). Начало достойное внутренней ее бедности! Что же? Возвратился ли пророк назад, увидев такое начало гостеприимства? Нет; он слушался божественного определения, "**подозвал он ее и сказал: дай мне немного воды в сосуде напиться. И пошла она, чтобы взять**" (3Цар.17:11).

Поистине доблестная и любомудрая жена, и потому, сказать дерзновенно, достойная величия души пророка; впрочем, не дерзновенно сказанное, потому что если бы она не была достойной, то и не удостоилась бы принять этого святого. Как Христос говорил ученикам: "**в какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь**" (Мф.10:11), так и здесь Бог, зная, что эта жена больше всех достойна принять пророка, посылает его туда, оставив всех других. И из самих дел увидим ее благородство.

"**Дай мне немного воды**", сказал пророк, "**в сосуде напиться**". Велика доброта жены. Уже то, что она отвечала, что вступила в разговор, что не задержала его и не созвала всего города для наказания этой божественной главы, не достойно ли изумления и удивления? А что крайность от голода могла привести жену в такой гнев, это можно видеть из иудейского примера.

Елисей, ученик Илии, этот сугубый Илия (так как в этом ученике можно было видеть сугубого учителя), впоследствии времени предвозвестил голод; не сам навел его, как Илия, но только предсказал, что имеет быть голод. Что же сделал царь, царствовавший в то время? Он надел вретище, говорится в Писании, потому что несчастье смирило его; однако и смирившись так, но услышав, как одна жена оплакивала бедствия, происшедшие от голода, он пришел тогда в такой гнев, что тотчас воскликнул: "**пусть то и то сделает мне Бог, и еще более сделает, если останется голова Елисея, сына Сафатова, на нем сегодня**" (4Цар.6:31). Видишь ли гнев царя? Познай же любомудрие этой жены; она, встретив того, кто не предсказал только, но навел голод, и, находясь близ города, не

пришла в негодование, не раздражилась, не призвала других для наказания его, но еще и послушалась его с великой кротостью.

8. Вы знаете, что, когда мы заняты каким-нибудь нужным делом, то часто и на близких смотрим не с удовольствием, и ими бываем не довольны; а если угнетает нас такая скорбь, то и сам свет кажется нам неприятным. И это опять можно видеть из примера иудеев. Так, когда Моисей пришел к иудеям, возвещая им бесчисленные блага, избавление от угнетения, свободу и возвращение в древнее отечество, тогда видевшие его, сказано в Писании, "**они не послушали Моисея по малодушию и тяжести работ**" (Исх.6: 9). Они, увидев принесшего такую радостную весть, отвратились от него; а эта, увидев пророка, пришедшего не с тем, чтобы прекратить голод, но чтобы еще быть в тягость ей, не почувствовала ничего подобного. Те были так грубы вследствие тяжести работ; а эта, будучи угнетена не трудом, но сильным голодом (а между трудом и голодом великое различие), не только не отвратилась от подошедшего к ней мужа, но истощила все бедное состояние свое, чтобы принять того, кто навел на них голод. "**И пошла она, чтобы взять; а он закричал вслед ей и сказал: возьми для меня и кусок хлеба в руки свои**" (3Цар.12:11). Что же жена? И при этом она не обнаруживает неудовольствия, а что говорит? "**Жив Господь Бог твой! у меня ничего нет печеного, а только есть горсть муки**" (3Цар. 17:12). Почему она божится? Пророк просил хлеба, а она хлеба не имела. Она боялась, чтобы, пока она будет печь, жарить, приготовлять и поэтому медлить, пророк, потеряв терпение, не удалился, и таким образом, чтобы не ушла добыча гостеприимства. Поэтому она предварила его клятвою, сказав: не муки у меня нет, но печеного хлеба, а мука есть. И не клятвою только она удостоверяет его в этом, но и самыми очевидными делами. "**И вот, я наберу полена два дров, и пойду, и приготовлю это для себя и для сына моего; съедим это и умрем**" (3Цар.17:12).

Пусть выслушают это те, которые строят великолепные дома, покупают драгоценные поместья, водят по торжищу стада рабов; или – лучше – пусть слушают все, и богатые и бедные, потому что после такой вдовицы не остается оправдания никому. Сколько препятствий было у нее, и, однако, она все преодолела и превзошла. Слушай же: она была иноплеменница; это – одно препятствие; была сидонянка – другое препятствие, потому что не одно и тоже быть просто иноплеменником, или принадлежать Сидону, нечестивейшему городу; этот город привел в пример крайнего нечестия Христос в Евангелии. Итак, она была иноплеменница, и сидонянка, и женщина, – пола слабого и во всех отношениях нуждающегося в помощи. Притом была и вдова – четвертое препятствие; пятое, и большее из всех – забота о пропитании детей. Пусть выслушают это вдовицы и питающие детей: вот и это не служило предлогом к тому, чтобы не творить милостыни и не принимать странников; оставалась одна только горсть муки, и после нее ожидалась смерть. Ты, если бы даже истратил все деньги, если бы лишил себя всего имущества, можешь придти к дверям других и получить утешение; а тогда невозможно было и просить: голод закрыл все прибежища. Но ничто из всего этого не послужило препятствием. Укажу и на седьмое препятствие, – на того, кто имел быть принятым женою. Он был не близкий и не знакомый ей, но иностранец и чужой, и по самому богопочитанию был отделен от нее; и не только иностранец и чужой, но и тот самый, кто навел голод.

9. Но ничто подобное не остановило этой жены; она дала пищу устам, которые истребили всю ее пищу, и виновника голода напитала остатками голода. Чрез тебя, говорит она, все мое состояние осталось в этой горсти; но и этой горсти я не щажу для тебя, а себя и детей предам смерти, чтобы ты, виновник бедствия, не испытал ни малейшего присутствия бедствия. Кто может представить себе другой, высший пример гостеприимства? Невозможно найти никакого. Она увидела странника, и тотчас забыла о природе,

перестала думать о болезнях рождения, и, видя сонм детей, не смутилась. Я знаю, и часто слыхал, как многие говорят, что один человек, увидев бедного, снял с себя одежду, которою одною был одет, и одел ею нагого, а сам занял одежду у другого и пошел; и этот поступок кажется великим и удивительным. Подлинно, он велик; но поступок этой вдовицы гораздо выше его. Тот, обнажив себя и одев нагого, мог взять одежду у другого; а эта, отдав горсть муки, не могла получить другой горсти; и не опасность наготы угрожала ей, но после того ожидалась смерть ее самой и детей. Итак, если ей не воспрепятствовали ни бедность, ни забота о пропитании детей, ни жестокий голод, ни такая нищета, ни ожидаемая смерть, то какое оправдание будем иметь мы, богатые, какое – бедные? "**И вот, я наберу полена два дров, и пойду, и приготовлю это для себя и для сына моего; съедим это и умрем**". Эти жалкие, или – лучше – эти блаженные и достойные небес слова пусть каждый начертает на стенах дома своего, в спальне, в которой мы спим, в комнате, в которой обедаем. И дома, и на торжище, и в собраниях друзей, и отправляясь в судилище, и входя, и выходя, пусть каждый повторяет эти слова; и я очень уверен, что хотя бы кто был каменным, железным, или адамантовым, он не позволит пришедшему нищему отойти с пустыми руками, если начертает эти слова, если будет иметь пред глазами эту вдовицу.

Но, может быть, кто скажет: приведи и ко мне пророка, и я приму его с такою же благосклонностью. Обещай это, и я приведу к тебе пророка. Что я говорю: пророка? Я приведу к тебе самого Владыку пророка, общего, нашего Бога и Господа Христа. Он сам говорит: видели Меня алчущим – и напоили (Мф. 25:35). Если же некоторые не верят этим словам и нерадят о человеколюбии, то они узнают это тогда – чрез наказание и мучение, потому что, как пренебрегшие самого Христа, они подвергнутся невыносимому наказанию. Таким образом, те, которые питают бедных, как послужившие самому Христу, войдут в царство небесное.

10. Может быть, сказано больше надлежащего. Но, о, если бы можно было во все дни предлагать беседы о милостыне! Если же для вас и это кажется достаточным, то кратко повторим все сказанное. Я сказал, почему пророк был послан к вдовице, – чтобы ты не презирал бедности, чтобы ты не удивлялся богатству, чтобы ты не считал богатого счастливым, а живущего в бедности несчастным и жалким, чтобы ты узнал нечестие иудеев. Когда Бог намеревается наказать, то Он обыкновенно и пред нами оправдывается посредством самих дел, чтобы ты впоследствии, увидев общего всех Спасителя гонимым иудеями и принимаемым язычниками, не удивлялся и не смущался, наперед узнав неблагодарность первых и свойственный им обычай гнать благодетелей; чтобы ты не думал, будто молитва пророка и, продолжение наказания было делом жестокости, но считал делом божественной ревности и заботливости; чтобы ты узнал, что при величайших подвигах наша природа имеет нужду и во вразумлении; чтобы ты, получая побуждения к ревности, одинаковой с ревностью пророка, не считал подражания делом невозможным. Сказал я о вдовице, как она, находясь в таких тесных обстоятельствах, изнуряемая голодом, не произнесла даже укорительного слова пророку, хотя это было естественно, как показал я из примера иудейской надменности; она не обнаружила ничего такого, но приняла пророка со всем дружелюбием, и все бедное состояние свое истощила в честь его, несмотря на то, что была сидонянкой и иноплеменницей, и не слыхала ни пророков, любомудрствующих о милостыне, ни Христа говорящего: видели Меня алчущим, и напитали. Какое же оправдание будет у нас, если мы, после таких увещаний, после обетования таких наград и царства небесного, не достигнем до степени человеколюбия одинаковой с этою вдовицей? Она была сидонянка, иноплеменница, женщина вдовая, заботилась о многих детях, видела опасность голода и угрожающую смерть, имела принять человека незнакомого и наведшего голод, и однако не пожалела горсти муки; а мы, получив пророчества, пользуясь божественным учением, будучи в

состоянии много любомудрствовать о будущем, не видя притом и угрожающего голода и владея гораздо большим имуществом, чем эта жена, какое можем представить оправдание, когда жалеем своего имущества и нерадим о собственном спасении? Итак, чтобы нам избежать тех жестоких наказаний, будем оказывать всякое сострадание к бедным, дабы и нам удостоиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

о наслаждении будущими благами и ничтожестве настоящих

1. Силен жар и томителен зной, но не ослабил он вашего усердия и не иссушил расположения к слушанию (поучений). Таков пламенный и внимательный слушатель: подкрепляемый любовью к слушанию, он легко перенесет все, только бы исполнить это прекрасное и духовное желание свое, и – ни холод, ни зной, ни множество дел и забот, ни другое что-либо подобное не может остановить его, тогда как ленивого и беспечного не пробудят – ни благорастворение воздуха, ни досуг и свобода, ни удобство и легкость; нет, он продолжает спать каким-то сном, достойным всякого осуждения. Но вы не таковы; нет, вы – лучшие из живущих в нашем городе. И точно, первые люди в городе – вы, которые всегда так внимательны и бодры, и неотступно следите за поучениями. Это зрелище для меня величественнее царских чертогов. Что там дается, то, каково бы ни было, прекращается вместе с настоящей жизнью, и причиняет множество беспокойств и тревог, а здесь ничего такого нет, напротив, и совершенная безопасность, и честь, свободная от тревог, и власть, не имеющая конца, не прекращаемая и смертью, но тогда-то и делающаяся более безопасною. В самом деле, не говори мне, что такой-то восседает на колеснице, высоко поднимает брови и окружен толпою телохранителей; не говори ни об его поясе, ни о крике глашатая. Нет, покажи мне отличие начальника не в этом, но в его состоянии по душе, то есть, управляет ли он своими страстями, побеждает ли недуги (сердца), например, обуздывает ли пристрастие к деньгам, укрощает ли ненасытную любовь плотскую, не сохнет ли от зависти, не возмущается ли сильною страстью тщеславия, не боится ли и не трепещет ли бедности или неблагоприятной перемены, не умирает ли от этого страха. Такого-то покажи мне начальника; вот это – власть. Но если он, управляя людьми, сам раболепствует страстям, о таком я скажу, что это раб более всех людей. У кого внутри гнездится горячка, о том, хоть внешний вид тела и нисколько не показывает этой болезни, врачи однако, наверное, говорят, что он одержим сильною горячкой, тогда как простые люди этого не знают. Так и я о человеке, у которого душа в рабстве и в плену у страстей, не смотря на то, что внешний вид его ничего такого не показывает, а (показывает) противное, скажу, что он – более всех раб, потому что в нем глубоко гнездится греховная горячка, и насильственная власть страстей утвердилась в самой душе. А кто сбросил с себя эту власть, не увлекается злыми пожеланиями, и не страшится, не трепещет безрассудно нищеты и бесславия, и прочих тягостей настоящей жизни, того, хоть он одет в рубище, сидит в тюрьме и закован в цепи, назову начальником, и свободным, и царственнее царей.

2. Такая власть не покупается за деньги, и не имеет завистников; ее не знают ни язык злоречивого, ни глаз зложелателя, ни ухищрения коварных; нет, живя как бы в неприступном убежище любомудрия, она всегда остается неодолимою, и не уступает не только другим обстоятельствам, но и самой смерти.

Это доказывают мученики: тела их разрушились и обратились в прах и пыль, но власть каждый день живет и действует, – прогоняет демонов, искореняет недуги, возбуждает целые города и ведет сюда народ. Сила этой власти, не только при жизни обладающих ее,

но и по смерти их, такова, что никто по принуждению, а все идут сюда по доброй воле и с охотою, и нисколько не утомляются продолжительностью (как путешествия на поклонение св. мученикам, так и церковной службы, в храме их совершаемой). Видите, не напрасно я сказал, что это зрелище – величественнее царских чертогов. Тамошнее похоже на засыхающие листья и мимотекующие тени, а даруемое здесь подобно алмазу, даже и его тверже, потому что вечно, непоколебимо и не подлежит никакой перемене, безбоязненно приходит к любящим его, свободно от брани и распри, от зависти и судилищ, от козней и клеветы. Блага мирские имеют много завистников, а духовные, чем большему числу людей достаются, тем обильнее оказываются. В этом можно убедиться и из настоящего слова. Если это слово, которое передаю всем, удержу я у себя, то буду беднее, а когда сообщаю всем, то, как бы бросая семена в чистую землю, умножаю тем свое достояние, увеличиваю богатство, вас всех делаю богаче, да и сам не делаюсь от этого беднее, напротив – еще гораздо богаче. Не так с деньгами, а совершенно напротив. Если бы у меня в кладовой было золото, и я захотел раздавать его всем, – мое богатство, умаляясь чрез эту раздачу, не могло бы оставаться в прежнем своем количестве.

3. Итак, когда духовные блага так превосходны, когда получить их весьма легко, так как они желающим сообщаются даром, то возлюбим их более (всего), а тени бросим, и не будем бежать к стремнинам и подводным камням. Чтобы усилить в нас эту любовь (к благам духовным), Бог устроил так, чтобы мирские блага исчезали еще прежде смерти своего обладателя. В самом деле, не тогда, как скончается обладатель их, не тогда только и они кончаются, напротив, вянут и умирают еще при жизни его, чтобы скоротечность их отвела от этой страшной заразы и самых страстных и безумных искателей их, открывая природу этих благ и научая опытом, что они бессильнее тени, и чрез это искореняя в людях саму любовь к ним. Например: богатство не только исчезает с кончиною богатого, но даже оставляет его и при жизни; молодость убегает от обладающего ею, не только тогда, когда он скончается, но и когда еще дышит: она кончается на пути зрелого возраста и уступает старости. Равно и красота и благообразие, еще при жизни женщины, кончается и переходит в безобразие; слава и могущество – тоже; почести и власть – однодневны и кратковременны, умирают скорее людей, обладающих ими; словом, мы видим, что и вещи (т.е. земные блага) ежедневно гибнут так же, как и тела (человеческие). А это для того, чтобы мы, пренебрегая настоящим, прилеплялись к будущему, и искали наслаждения в последнем, чтобы, ходя по земле, сердцем жили на небесах. Бог создал два века, один настоящий, другой будущий, один чувственный, другой духовный, один доставляющий телесное успокоение, другой – не телесное (душевное), один на опыте, другой в надеждах, одному повелел быть поприщем, другому – местом награды, первому в удел назначил борьбу, труды и подвиги, второму – венцы, награды и воздаяния, один сделал морем, другой пристанью, один – кратким, другой – нестареющим и бесконечным. Итак, поелику многие люди предпочитали духовным благам чувственные, то в удел этим благам Он назначил скоротечность и кратковременность, чтобы, отвлекши этим от настоящего, привязать людей крепкой любовью к будущим благам. А так как эти последние блага невидимы и духовны, существуют в вере и в надеждах, то смотри, что Он делает. Пришедши сюда, приняв нашу плоть и совершив чудное то домостроительство, Он чрез это будущие блага полагает нам пред глазами, и таким образом удостоверяет (в их существовании) грубые умы наши. Так как он пришел, чтобы принести (к нам) жизнь ангельскую, землю сделать небом, и дать (нам) такие заповеди, которые исполняющих их уподобляли бы бесплотным силам, то и сделал людей ангелами, призвал их к высшим надеждам, расширил тесные поприща (для борьбы), повелел стремиться к высшему, восходить к самым верхним кругам небесным, выступать против демонов и сражаться со всем воинством диавола, (повелел) имея тело и находясь в узах плоти, умерщвлять тела, прекращать волнение страстей, плоть, как бы то ни было, носить на себе, и в то же время усильно стараться сравниться с бесплотными силами.

4. Так как Он заповедал это, то смотри, что делает, как облегчает подвиг. Впрочем, если угодно, наперед скажем о важности заповедей, – о том, какой высокий полет Он указал нам, как, выводя почти из пределов природы человеческой, повелел всем переселиться на небо. В самом деле, тогда как закон (Моисеев) повелевает: "**глаз за глаз**" (Исх. 21:24), Он говорит: "**кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую**" (Мф.5:39). Не сказал: только перенеси обиду благодушно и с кротостью, но: поди еще дальше в любомудрии, будь готов терпеть больше, чем сколько хочется обидчику; великостью твоего терпения победи дерзкую наглость его, пусть он удивится необычайной кротости твоей, и с тем отойдет прочь. И далее говорит: "**молитесь за обижающих вас**"; молитеся за "**врагов ваших, благословляйте проклинающих вас**" (ст.44). Предложил совет и о девстве, говоря: "**кто может вместить, да вместит**" (Мф.19:12). Так как оно, после преслушания (Адамова), отлетело и удалилось из рая, то Он, сошедши с неба, опять приводит его, возвращая, как будто беглеца, в прежнее отечество, и освобождая из дальней ссылки; пришедши (на землю), Он сам родился от Девы и переменил законы природы; а таким образом в самом начале (своей земной жизни) почтил девство, являя матерь свою девою. Итак, поелику Он, пришедши (на землю), предписывал такие заповеди и требовал (от нас) высокой жизни, то и награды давал соразмерные трудам, и даже большие и высшие. Но и эти (награды) были невидимы, только – в надеждах, в вере и ожидании будущего. Так как, заповеди трудны и возвышенны, а воздаяния и награды – в вере, смотри, что Он делает, как облегчает подвиг, как помогает в борьбе. Как и каким способом? Двумя следующими путями: во-первых, тем, что Сам исполнил заповеди, а во-вторых, тем, что показал и положил пред глазами (людей) награды. Одну часть Его учения составляли заповеди, а другую – награды. Заповедь: "**молитесь за обижающих вас и гонящих вас**" (Мф.5:44), а награда: "**да будете сынами Отца вашего Небесного**" (ст.45). Опять: "**блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах**" (ст.11,12).

Видишь, одно – заповедь, а другое – награда? Опять: "**если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною**" (Мф.19:21). Видишь иную заповедь и награду? Одно повелел им (ученикам) делать, а другое Сам приготовил, и это было наградою и возмездием. И опять: "**всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли**", – это заповедь; "**получит во сто крат и наследует жизнь вечную**" (ст.29), – это награда и венец.

5. Итак, поелику заповеди были важны, а награды за (исполнение) их невидимы, – вот, что Он делает: Сам выполняет их на деле, и венцы полагает нам пред глазами. Кому велят идти по непробитой дороге, тот скорее и охотнее пойдет по ней, если увидит, что кто-нибудь пошел впереди его. Так и в отношении к заповедям, легко следуют те, которые видят идущих впереди их. Итак, чтобы природе нашей легче было следовать, Он, приняв нашу плоть и природу, пошел в ней и выполнил заповеди на деле. Так заповедь: "**кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую**", Он сам исполнил, когда служитель архиерейский ударил Его по щеке; Он не отмстил ему, но перенес с такою кротостью, что сказал: "**если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?**" (Ин.18:23)? Видишь ли кротость, приводящую в трепет? Видишь ли смирение, поражающее изумлением? Получил удар не от какого-нибудь свободного человека, но от служителя, взросшего под бичом, родившегося в рабстве – и отвечает с такою кротостью! Так и Отец Его говорил "**Народ Мой! что сделал Я тебе и чем отягощал тебя? отвечай Мне**" (Мих.6:3). Как он говорит: "**если Я сказал худо, покажи**", так и Отец Его: "**отвечай Мне**". Как Он говорит: "**что ты бьешь Меня?**" так и Отец: "**что сделал Я тебе и чем отягощал тебя?**"

Опять, когда Он хотел научить нестяжательности, смотри, как Сам показывает ее на деле, говоря: "**лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову**" (Мф.18:20). Видишь, какая крайняя нестяжательность? Не было у Него ни стола, ни светильника, ни дома, ни стула, ни другого чего такого. Учил Он благодушно переносить злословие, и показал это на деле. Так, когда (иудеи) называли Его бесноватым и самарянином, Он, хоть и мог погубить и отомстить им за обиду, не сделал однако этого, напротив еще оказал им добро и изгнал из них демонов. Сказав: "**молитесь за обижающих вас**", Сам исполнил это, когда взошел на крест: когда Его распяли и пригвоздили (ко кресту), Он, вися на кресте, сказал: "**прости им, ибо не знают, что делают**" (Лк.23:34). Говорил же это не потому, чтобы Сам не мог отпустить, но – чтобы научить нас молиться за врагов. Так как Он не только учил на словах, но и выполнял свое учение на деле, поэтому употребил и молитву. Итак, никто из еретиков, видя великое человеколюбие Его, да не думает, будто эти слова показывают немощь Его. Он сам сказал: "**чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи**" (Мф.9:6). Нет, Он хотел учить, а учащий вводит свое учение, не только словами, но и делами своими. Поэтому Он употребил и молитву. Так Он умыл и ноги ученикам не потому, чтобы был меньше их; нет, Он, будучи Бог и Господь, только снизошел до такого смирения.

6. Вот почему Он и говорил: "**научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем**" (Мф.11:29). А как еще иначе Он показал и положил нам пред глазами сами награды и воздаяния, – послушай. Обещал Он воскресение тел, нетление, сретение (Его) на воздухе, восхищение на облаках; и это доказал на деле. Как и каким способом? Тем, что, умерши, воскрес; для того и был Он вместе с ними (учениками) в продолжение сорока дней, чтобы удостоверить их и вразумить, каковы будут наши тела по воскресении. Опять, сказав чрез Павла: "**вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе**" (1Фес.7:17). Он и это доказал делами. По воскресении, когда благоволил взойти на небо, Он, в присутствии их (учеников), сказано, "**Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их**" (Деян.1:9). Значит, и наше тело будет сообразно Его телу, потому что из одного с ним вещества, так как что с главою, то и с телом; что с началом, то и с кондом. Это желая показать яснее, и Павел сказал: "**тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его**" (Флп.3:21). Итак, если наше тело будет сообразно (телу Иисуса Христа), то и пойдет тем же путем, и так же поднимется на облаках. Этого ожидай и ты в воскресение. Так как слово о царствии было темно для слушавших Его тогда, потому Он, взошедши на гору, преобразился пред учениками своими (Мф.17:1,2), чтобы открыть им будущую славу, и как бы в зеркале и хоть не ясно показать, каково будет наше тело. Но тогда (во время преображения Господня) явилось (тело) в одеждах, а в воскресение не так. Тело наше уже не будет нуждаться ни в одеждах, ни в покрове, ни в доме, ни в другом чем-либо подобном. Если Адам до преступления не стыдился своей наготы, потому что облечен был славою, – тем более наши тела, перешедши в высшее и лучшее состояние, не будут ни в чем этом нуждаться. Поэтому-то и сам Господь, когда воскрес, то одежды свои оставил во гробе и в пещере погребальной, а тело воскресил нагим, окруженным несказанною славою и блаженством. Зная это, возлюбленные, и будучи вразумлены словами и научены глазами, станем вести такую жизнь, чтобы, как восхищены будем на облаках, всегда жить вместе с Ним, и, спасшись Его благодатию, наслаждаться вечными благами, которые да получим все мы во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

о том, что не должно разглашать грехов братий и молиться о вреде врагам

1. Ублажаю вас, возлюбленные, за усердие, с каким вы стекаетесь в отеческий дом. Из этого усердия я с уверенностью заключаю и о душевном вашем здоровье, потому что церковное училище есть дивная лечебница, лечебница не для тел, но для душ. Она – духовна и исцеляет не раны телесные, но грехи душевные; а для этих ран, грехов, врачество – слово. Это врачество составлено не из растений земных, но из глаголов небесных; его приготовили не руки врачей, но уста пророков. Потому-то оно и всегда действительно; ни от продолжительности времени не ослабевает, ни от упорства болезней не теряет силу. Лекарства врачей имеют оба эти недостатка: свежие они оказывают свою силу, а когда пройдет много времени, они, подобно состарившимся телам, становятся слабыми; часто также и упорство болезней лишает их силы, потому что они – лекарства человеческие; а божественное врачество не таково, но и по прошествии долгого времени сохраняет всю свою силу. С того времени, как жил Моисей (ибо от него начало Писаний), оно уврачевало столько людей, и не потеряло своей силы; и никакая болезнь никогда не делала его недействительным. Получать это врачество нужно не платою серебра, но кто имеет искреннее желание и расположение, тот и получает его себе всецело. Поэтому и богатые и бедные одинаково пользуются этим врачеством. Там, где нужно платить деньги, богатый получает пользу, а бедный часто уходит, не получив пользы, потому что доходов его недостаточно для приобретения лекарства. А здесь, так как не нужно тратить серебра, но должно показать веру и желание, то кто принес их с усердием, тот больше всего и получаешь пользу, потому что они (вера и желание) – плата за врачество. И богатый, и бедный одинаково участвуют в пользе, или – лучше – не одинаково участвуют в пользе, но часто бедный уходит, получив большую. Почему? Потому, что богатый, занятый многими заботами, надменный гордостью, происходящею от богатства, преданный лености и беспечности, не с великою ревностью и не с великим усердием принимает врачество слушания Писаний; а бедный, свободный от роскоши, невоздержания и беспечности, употребляя все время на рукоделия и праведные труды, и от этого приобретая в душе великое любомудрие, бывает более внимательным и твердым и с большим усердием внимает сказанному, и потому, как принесши большую плату, он уходит, получив большую пользу.

2. Это сказал я не в осуждение богатым вообще, и не в похвалу бедным вообще, потому что и ни богатство – не зло, но зло – худое употребление богатства; ни бедность – не добро, но доброе пользование бедностью – добро. Богач, живший при Лазаре, наказан не за то, что был богат, но за то, что был жесток и бесчеловечен. Бедный, почивающей в недрах Авраама, удостоился похвалы не за то, что был беден, но за то, что с благодарением переносил бедность. Из предметов (внимательно выслушайте эти слова, потому что они могут сообщить вам достаточное любомудрие, изгнать всякий развратный помысл, и внушить правильное суждение о вещах), из предметов одни хороши по своему свойству, другие напротив, а иные ни хороши, ни худы, но занимают среднее место. Благочестие хорошо по своему свойству, нечестие худо; добродетель хороша, порок худ; а богатство и бедность сами по себе ни то, ни другое, но по воле пользующихся ими становятся или тем, или другим. Если ты употребляешь богатство на дела человеколюбия, то этот предмет послужил для тебя поводом к добру; а если – на хищение, любостяжание и обиды, то ты обратил употребление его к противному; но не богатство причиною этого, а тот, кто употребил богатство в обиду ближним. То же нужно сказать и о бедности; если ты мужественно переносишь ее, благодаря Господа, то этот предмет послужил для тебя поводом и случаем к получению венцов; а если ты за нее хулишь Создателя и осуждаешь промысл Его, то ты употребил ее во зло. Как там не богатство бывает причиною корыстолюбия, но худо пользующийся богатством, так и здесь не бедность мы будем обвинять в богохульстве, но того, кто не захотел благоразумно переносить ее. Всегда и хвала и ропот зависят от нашей воли и расположения. Богатство хорошо, но не вообще, а для того, кому оно не служит в грех; равным образом и бедность худа, но не вообще, а в

устах нечестивого, когда он ропщет, когда богохульствует, когда негодует, когда обвиняет Создателя.

3 Итак, не будем осуждать богатства, не будем порицать и бедности вообще, но – тех, которые не хотят хорошо пользоваться ими, потому что сами по себе они вещи безразличные. Но, как я говорил (хорошо обратиться к прежнему предмету), и богатый и бедный с одинаковой свободой и смелостью пользуются здешними лекарствами, и даже часто бедный – с большим усердием. И не в том только особенность этих лекарств, что они врачуют души, что не портятся от продолжительности времени, что не теряют своей силы от упорства болезни, что польза от них предлагается даром, что это врачевание одинаково доступно и богатым и бедным, но в них есть и нечто другое, не меньшее этих благ. Какое же именно? То, что о приходящих в эту лечебницу мы не разглашаем. Приходящие во внешние лечебницы находят много зрителей их ран, и если врач наперед не откроет раны, то не прилагает врачества; а здесь не так, но, видя множество страждущих, мы незаметным образом совершаем их врачевание. Мы не выводим грешников на средину, чтобы таким образом объявить их грехи, но, предлагая общее для всех учение, предоставляем совести слушателей, чтобы каждый извлекал из сказанного врачество, соответствующее собственной его ране. Слово учения проистекает из уст говорящего, заключая в себе осуждение порока, похвалу добродетели, укоризну разврату, хвалу целомудрию, осуждение гордости, похвалу кротости, как бы различное и разнообразное, составленное из всех видов, лекарство; но взять пригодное и полезное для себя, это – дело каждого из слушателей. Слово проистекает открыто, но, внедряясь в совесть каждого, оно незаметным образом производит свое врачевание, и часто еще прежде, нежели открылась болезнь, оно возвращает здоровье.

4. Вы слышали вчера, как я прославлял силу молитвы, как осуждал тех, которые молятся небрежно, но никого из них я не объявил. Те, которые сознали свое усердие, получили похвалу за молитву и от похвал сделались еще более усердными; а те, которые сознали свою небрежность, получили вразумление и оставили свое нерадение; но ни тех, ни других мы не знаем, и это незнание полезно и тем, и другим, а как это, я скажу. Кто слышал похвалы за молитву и сознал свое усердие, тот впал бы в гордость, если бы имел многих свидетелями похвал; а теперь, незаметно получив похвалу, он далек от всякого тщеславия. Также и тот, кто сознал свою небрежность, выслушав осуждение, сделался от осуждения лучшим, не имея никого из людей свидетелем вразумления; а это принесло ему не малую пользу. В самом деле, дорожа мнением многих, мы, будучи худыми, пока думаем, что нас не знают, стараемся быть лучшими; а когда сделаемся всем известными и потеряем одобрение, происходящее от неизвестности, то становимся более бесстыдными и нерадивыми. И как раны, открытие и часто подвергающиеся влиянию холодного воздуха, делаются более жестокими, так и душа согрешившая становится более бесстыдною, если пред многими обличается в том, в чем она согрешила. Итак, чтобы этого не случилось, слово наше врачевало вас незаметно. А чтобы вы убедились, что это тайное врачевание приносит большую пользу, послушайте, что говорит Христос: "**если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его**"; не сказал: между тобою и городом, или между тобою и народом, но: "**его между тобою и им одним**" (Мф.18:15).

Без свидетелей, говорит, пусть будет обличение, чтобы легко было изменение к лучшему. Таким образом, великое благо делать увещание не всенародное; довольно совести, довольно этого неподкупного судии. Не столько ты укоряешь согрешившего, сколько собственная его совесть, – это более горький обвинитель, – и ты не точнее знаешь его проступки. Не прибавляй же раны к ранам, объявляя согрешившего, но делай увещание без свидетелей. Это и мы делаем теперь, как делал и Павел, без свидетелей устрояя обличение согрешившего между коринфянами. И послушай, как это. Потому, говорить он,

"**братия, приложил я к себе и Аполлосу**" (1Кор.4:6). Не сам он и не Аполлос разделяли народ и производили раскол в церкви; и между тем он неясно высказал обличение и, прикрыв лица виновных своим и Аполлосовым именами, как бы некоторыми масками, дал им возможность освободиться от такого нечестия. И еще: "**чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали**" (2Кор.12:21). Смотри, как и здесь неопределенно говорит он о согрешивших, чтобы, сделав явное обличение, не довести души согрешивших до большего бесстыдства. Поэтому, как мы с такою осторожностью делаем обличения, так и вы, увещеваю вас, со всем усердием принимайте исправление и тщательно внимайте тому, что говорится.

5. Мы говорили вам вчера о силе молитвы. Я показал, как злобный диавол тогда строит козни. Так как он видит, что молитва доставляет нам величайшую пользу, то особенно тогда и нападает, чтобы отнять у нас защиту, чтобы отпустить нас домой с пустыми руками. И как у начальствующих приближенные и находящееся подле самого начальника, взирая враждебно на приходящих к нему, далеко прогоняют их палками, не дозволяя приблизиться, высказать свою скорбь и получить милость, так и диавол, видя приступающих к Судии, далеко прогоняет их, не палкою, а нерадением. Он знает, хорошо знает, что если они приступят бодрственно, и выскажут свои грехи, и возрыдают пламенною душою, то отойдут, получив великое прощение, – потому что человеколюбив Бог; вот он и предупреждает их и отклоняет от собеседования с Богом, чтобы они не получили ничего, в чем нуждаются. Воины начальствующих с насилием отгоняют приходящих, а этот – не делая насилия, но обольщая нас и ввергая в нерадение. Поэтому мы и недостойны прощения, добровольно лишая благ сами себя. Молитва, совершаемая с усердием, есть свет для ума и души, свет неугасаемый и постоянный. Поэтому диавол влагает тысячи нечистых помыслов в наши умы, и о чем мы никогда не думали, то, собрав во время молитвы, вливает в наши души. И как ветры, часто стремясь с противных сторон, погашают своим дуновением зажженный огонь светильника, так и диавол, видя зажженным в нас пламень молитвы, навевает отсюда и оттуда тысячи забот и не отстает до тех пор, пока не погасит света. Но что делают зажигающие те светильники, тоже будем делать и мы. Что же они делают? Когда они видят, что устремляется сильный ветер, то, закрыв пальцем отверстие светильника, заграждают вход ветру. Пока диавол нападает извне, мы будем в состоянии противиться; когда же откроем ему двери души и примем врага внутрь, то уже не сможем нимало противиться ему, но, со всех сторон помрачив нашу память, как бы дымящийся светильник, он оставит только уста – произносить пустые слова. Но как те закрывают пальцем отверстие светильника, так и мы оградим разумом нашу душу, заградим вход злому духу, чтобы он не погасил света нашей молитвы. Помните ли тот и другой пример, – воинов и начальника, и светильника? Для того мы предлагаем вам примеры из предметов, с которыми мы обращаемся, которые близки к нам, чтобы, вышедши отсюда и находясь дома вы возобновляли в памяти сказанное чрез предметы, которые находятся в наших руках. Молитва – великое оружие, великая защита.

6. Вы слышали вчера, как три отрока связанные сокрушили силу огня, как попрали пламень, как превзошли печь и восторжествовали над действием стихии? Послушайте сегодня опять, как доблестный и великий Исаак молитвою преодолел сам природу тела. Те сокрушили силу огня, а этот сегодня расторг оковы поврежденной природы. Узнай же, как он сделал это. "**И молился**", говорит Писание, "**Исаак Господу о [Ревекке] жене своей, потому что она была неплодна**" (Быт.25:21). Об этом сегодня прочитано вам: вчера было слово о молитве, и сегодня опять доказательство силы молитвы. Видите ли, как благодать Духа устроила, чтобы сегодняшнее чтение соответствовало сказанному вчера? "**И молился**", говорит Писание, "**Исаак Господу о [Ревекке] жене своей, потому**

что она была неплодна". Прежде всего, нужно узнать, почему она была неплодна. И сама она, и муж ее были жизни дивной и исполненной великого целомудрия. Мы не можем сослаться на жизнь этих праведных и сказать, что неплодие было следствием грехов. И не она одна была бесплодною, но и мать его Сарра, которая родила его; и не только мать его была неплодного и жена, но и невестка, жена Иакова, Рахиль. Что же значит этот сонм бесплодных? Все они были праведны, все жили добродетельно, все получили одобрение от Бога, потому что об них Он говорил: "**Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова**" (Исх.3:6). Об Них и Павел говорит так: "**посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом**" (Евр.11: 16). Много сказано им похвал в новом завете, много им похвал и в ветхом. Во всех отношениях они были славны и превосходны, и все имели жен бесплодных и долгое время жили бездетными. Итак, когда ты видишь, что муж и жена живут добродетельно, когда видишь, что они любят Бога, преданы благочестию, и, однако, страдают бесчадием, то не думай, что бесчадие есть непременно воздаяние за грехи. Много путей домостроительства Божия, нам неизвестных, и за все надобно благодарить, и жалеть только о тех, которые живут в нечестии, а не о тех, которые не имеют детей. Часто Бог делает полезное, но мы не знаем причины того, что делается. Поэтому во всем нужно удивляться Его премудрости и прославлять Его неизреченное человеколюбие.

7. Эти слова могут назидать нас в нравственном отношении. Но надобно сказать и о причине, по которой те жены были бесплодными. Какая же это причина? Та, чтобы ты, когда увидишь Деву, рождающую нашего общего Господа, не был неверующим. Таким образом, ты упражняй свой ум, размышляя об утробе бесплодных, чтобы после того, как увидишь, что поврежденная и заключенная утроба отверзается благодатиею Божиею для деторождения, ты не удивлялся, слыша, что родила Дева; или лучше сказать – удивляйся и изумляйся, но не неверуй чуду. Когда скажет тебе иудей: как родила Дева? – ты скажи ему: как родила бесплодная и состарившаяся? Тогда было два препятствия: преклонность возраста и неспособность природы; а в Деве было только одно препятствие, то, что она была непричастна браку. Так бесплодная предуготовляет путь Деве. А дабы ты убедился, что для того предшествовали бесплодные, чтобы верили рождению Девой, выслушай слова Гавриила, сказанные к ней. Когда он пришел и сказал ей: "**зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус**" (Лк.1:31), то Дева изумилась и удивилась, и сказала: "**как будет это, когда Я мужа не знаю?**" (ст.34)? Что же ангел? "**Дух Святый найдет на Тебя**" (ст. 35).

Не требуй, говорит он, естественного порядка, когда это событие сверхъестественное; не думай о браке и болезнях рождения, когда этот способ рождения выше брака. "**Как будет это**", говорит она, "**когда Я мужа не знаю?**"

Но потому и "**будет это**", что ты не знаешь мужа. Если бы ты познала мужа, то не удостоилась бы послужить этому делу; таким образом, почему ты не веришь, потому самому и веруй; не удостоилась бы ты послужить этому делу не потому, чтобы брак был зло, но потому, что девство лучше; а пришествию Господа следовало быть торжественнее нашего, потому что оно – царское, царь же входит путем торжественнейшим. Ему надлежало и приобщиться рождению, и отличаться от нашего. Потому и устрояется то и другое: родиться из чрева, это – общее с нами; а родиться без брака, это – выше того, что бывает с нами; быть зачатым и носимым во чреве, это свойственно человеческой природе; а произойти зачатию без совокупления, это превосходнее человеческой природы. То и другое совершилось для того, чтобы ты знал превосходство рождающегося и общение Его с тобою.

8. И смотри, какая мудрость в том, что совершилось: ни превосходство (Его рождения) не повредило сходству и сродству Его с нами, ни сродство с нами не помрачило превосходства; но то и другое открылось во всех делах Его, и одно у Него было вполне наше, а другое – отличное от нашего. Но, как я сказал, для того предшествовали бесплодные, чтобы поверили рождение Девой, чтобы и она сама была приведена к вере в благовестие и то обетование, которое услышала от ангела, сказавшего: "**Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя**" (Лк.1:35). Так, говорит он, ты имеешь родить; не смотри на землю; действие приходит с небес; это событие от благодати Духа; не спрашивай у меня о природе и законах брака. Но так как эти слова превышали ее разумение, то он хочет представить и другое доказательство. Заметь, как бесплодная руководит ее к вере в это. Так как это доказательство превышало разумение Девы, то послушай, как он обращает речь к предметам низшим, руководя ее посредством чувственного. "**Вот и Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц**" (ст.36). Видишь ли, что неплодная была для Девы? Иначе для чего указал он ей на рождение родственницей? Для чего сказал: "**в старости своей**"? Для чего прибавил: "**называемая неплодною**"? Очевидно, всем этим он руководил ее к вере в благовестие. Для того он указал и на возраст и на недостаток природы; для этого ожидал и времени, протекшего от зачатия, – потому что не тотчас с самого начала он благовестил ей, но дождался, пока исполнилось у неплодной шесть месяцев, чтобы увеличение чрева свидетельствовало о беременности и было несомненным доказательством зачатия. И посмотри опять на мудрость Гавриила. Он не напоминал ей ни о Сарре, ни о Ревекке, ни о Рахили, хотя и они были бесплодные и престарелые, и то, что совершилось с ними, было чудо; но это были древние события. А новое и недавнее, и совершающееся в нашем роде, обыкновенно более приводит нас к вере в чудеса, нежели древнее. Вот почему, оставив тех, он предложил ей уразуметь имеющее быть с нею из примера родственницы ее Елисаветы, чтобы из этого примера возвести ум ее к собственному ее рождению, страшному и превосходному. Таким образом, между нашим рождением и Господним было рождение бесплодной, которое ниже девственного, но выше нашего. Вот почему чрез Елисавету, посредницу, как бы чрез какой-нибудь мост, он возводить ум Девы от рождения естественного к сверхъестественному.

9. Хотел я сказать больше и изложить вам другие причины, по которым была бесплодною Ревекка и Рахиль; но не позволяет время, заставляя поспешить речью о силе молитвы. И это все я говорил для того, чтобы вы знали, как молитва Исаака разрешила бесплодие жены, молитва столь продолжительная. "**И молился**", говорит Писание, "**Исаак Господу о [Ревекке] жене своей; и Господь услышал его**" (Быт.25:21). Не думай, что он призвал Бога и тотчас был услышан; он провел много времени в молитвах к Богу. Если хотите знать, сколько именно, я скажу вам и это в точности. Двадцать лет провел он, молясь Богу. Откуда это видно? Из самой последовательности речи. Писание, желая показать веру, терпение и любомудрие праведника, не умолчало об этом времени, но и об нем сказало нам, – хотя прикровенно, чтобы пробудить нас от нерадения, а все же не оставило его неизвестным. Послушай же, как оно прикровенно показало нам время. "**Исаак был сорока лет, когда он взял себе в жену Ревекку, дочь Вафуила Арамеянина**" (Быт.25:20). Видишь ли, сколько ему было лет, когда он женился? Сорока лет, говорит Писание, был он, когда взял Ревекку. Узнав, сколько лет было ему, когда он женился, посмотрим затем, когда он сделался отцом, и сколько было ему лет, когда он родил Иакова; и таким образом, можем видеть, сколько времени жена его оставалась бесплодною, и то, что во все это время он молился Богу. Сколько же было ему лет, когда он родил Иакова? "**Первый вышел красный, весь, как кожа, косматый; и нарекли ему имя Исав. Потом вышел брат его, держась рукою своею за пяту Исава; и наречено ему имя Иаков. Исаак же был шестидесяти лет**" (Быт.25:25,26).

Итак, если он, когда взял Ревекку, был сорока лет, а когда родил сыновей, был шестидесяти лет, то очевидно, что жена его оставалась бесплодною в течение двадцати лет, и что во все это время Исаак молился Богу.

10. Мы же не стыдимся и не смущаемся, видя, как праведник двадцать лет ждал и не переставал молиться, а сами после первого или второго прошения часто оставляя молитву и приходя в негодование? Притом он имел великое дерзновение пред Богом, и, однако, не негодовал на медленность дара, но оставался терпеливым, а мы, будучи обременены бесчисленным множеством грехов, имея нечистую совесть и не оказывая никакого благорасположения к Господу, если не будем услышаны прежде, нежели выскажем просьбу, падаем духом, унываем, оставляем молитву: оттого всегда мы и отходим с пустыми руками. Кто из нас двадцать лет молил Бога об одном предмете, как этот праведник, или – лучше – кто только двадцать месяцев?

Вчера я говорил, что многие молятся небрежно, зевают, потягиваются, непрестанно оборачиваются во все стороны и выказывают всякое неуважение к молитве; а сегодня я нашел и другое зло, присоединяющееся к молитвам, еще более пагубное, нежели то. Многие, повергаясь ниц, ударяя челом в землю, проливая горячие слезы, горько из глубины вздыхая, простирая руки и показывая всю ревность, употребляют эту горячность и усердие против собственного спасения. Они молят Бога не о своих грехах и прося не о прощении своих прегрешений, но всю эту ревность возбуждают в себе против врагов, делая то же, как если бы кто, изострив меч, не против неприятелей употребит это оружие, но поразил им собственную шею. Так и они возносят молитвы не об отпущении собственных грехов, а о наказании врагов; это и значит направлять меч против самих себя. И это придумал лукавый, чтобы мы губили себя всеми способами, и нерадением и ревностью. Одни своею невнимательностью к молитвам оскорбляют Бога, показывая своею небрежностью неуважение к Нему; а другие, оказывая ревность, оказывают ее также против своего спасения. Такой-то, говорит диавол, небрежен: этого достаточно для меня, чтобы он не получил ничего; а этот ревностен и внимателен: что же делать? Я не могу уничтожить его ревности и произвести в нем небрежность; устрою же погибель его иначе. Как? Сделаю, чтобы он употребил ревность свою на беззаконие, потому что молиться о вреде врагов – дело беззаконное. Таким образом, он отойдет, не только не получив никакой пользы от своей ревности, но потерпев вред больше происходящего от небрежности. Таковы козни диавола: одних он губит чрез небрежность, а других чрез саму ревность, когда она бывает не по заповедям.

11. Впрочем, нужно выслушать и сами слова такой молитвы, дабы видеть, что эти слова свойственны уму детскому и душе незрелой. Я стыжусь, намереваясь высказать их, но необходимо сказать, подражая этому неразумному языку. Какие же это слова? Отомсти за меня, говорят, врагам моим; покажи им, что и у меня есть Бог. Не тогда, человек, узнают они, что у нас есть Бог, когда мы будем негодовать, гневаться и досадовать; но тогда, когда мы будем смиренными, тихими, кроткими, и упражняться во всяком любомудрии. Так и Бог ска-зал: "**так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Мф. 5:16). Понимаешь ли, что молиться Богу о вреде врагам значит оскорблять Бога? Как, скажешь, оскорблять Бога? Так, что Сам Он сказал: "**молитесь за врагов ваших**", и установил этот божественный закон (Мф.5:44). Итак, когда ты просишь Законодателя нарушить собственные Его законы, молишь Его противоречить Самому Себе, и Того, Кто запретил тебе молиться о вреде врагам, умоляешь, чтобы Он услышал тебя, молящегося о вреде врагам, – то, поступая так, ты не молишься и не просишь, но оскорбляешь Законодателя и огорчаешь имеющего даровать тебе блага, происходящие от молитвы. Как же, скажи мне, может быть услышана твоя молитва, когда ты раздражаешь Того, Кто имеет услышать? Поступая

так, ты низвергаешь в пропасть собственное спасение и бросаешься в бездну, поражая врага пред лицом Царя. Хотя ты не делаешь этого руками, но ты поражаешь его словами, чего не осмеливаешься делать даже с подобными себе рабами. Осмелься сделать это пред начальником: тогда, хотя бы у тебя были тысячи добрых дел, ты непременно тотчас будешь отведен на смерть. Таким образом, пред начальником ты не осмеливаешься обидеть равного себе, а делая это пред Богом, скажи мне, как ты не трепещешь и не страшишься, во время прошения и молитвы так раздражаясь, свирепствуя и показывая большую жестокость, чем тот, который требовал сто динариев? А что ты наносишь большую обиду, чем этот, выслушай самое событие. Некто должен был господину десять тысяч талантов; будучи не в силах отдать, он просил не попустить, чтобы продажею его жены, дома и детей, был выплачен долг господину. Видя его плачущим, господин сжалился и простил десять тысяч талантов. Тот, выйдя и нашедши другого слугу, который был должен ему сто динариев, стал душить его и требовать долга с великой жестокостью и бесчеловечием. Услышав об этом, господин ввергнул его в темницу и прощенный прежде долг в десять тысяч талантов опять наложил на него, и таким образом этот наказан был за свою жестокость к подобному себе рабу.

12. А ты, посмотри, сколько бываешь несправедливее и бесчувственнее этого человека, молясь о вреде врагам. Тот не просил господина требовать, но сам требовал сто динариев; а ты молишь самого Господа об этом бесстыдном и запрещенном требовании. Тот не в глазах господина, но вне душил подобного себе раба; а ты делаешь это в самое время молитвы, стоя пред Царем. Если же он, не прося господина о требовании долга и поступив так по выходе от него, не получил прощения, то ты, побуждая Господа к такому запрещенному истязанию и поступая так пред Его очами, какому, скажи мне, не подвергнешься наказанию? Но твоя душа воспламеняется и восстает при воспоминании о вражде, твое сердце возмущается, и, вспоминая о нанесшем тебе обиду, ты не можешь утишить волнения мыслей? Противопоставь этой горячности воспоминание о своих грехах и страх будущего наказания. Вспомни, сколько ты сам виновен пред Господом и что за все это должен дать Ему отчет, и этот страх непременно удержит тот гнев, так как он гораздо могущественнее этой страсти. Вспомни во время молитвы о геенне, о наказании и мучении – и враг даже на мысль тебе не может придти. Сокруши свой ум, смири душу воспоминанием о своих преступлениях, и гнев не в состоянии будет смущать тебя. Но в том и заключается причина всех зол, что грехи других мы исследуем с великой точностью, а свои пропускаем с великой небрежностью. Между тем надобно было бы делать напротив: собственные грехи всегда иметь в памяти, а о чужих никогда не думать. Если мы будем так поступать, то и Бог будет к нам милостив и на ближних мы перестанем вечно гневаться, и не будем иметь никогда никакого врага; если же когда и будем иметь, то немедленно прекратим вражду, и получим скорое прощение в собственных грехах. Подлинно, как тот, кто злопамятствует против ближнего, не допускает, чтобы он сам был освобожден от наказания за собственные грехи, так чистый от гнева скоро будет чист и от своих грехов. Если мы, злые и раболепствующие гневу, по заповеди Божией прощаем все грехи, сделанные против нас, то гораздо более Он, человеколюбивый и благий и чистый от всякой страсти, простить наши прегрешения, чтобы за наше снисхождение к ближнему воздать нам прощением наших собственных грехов, которое да сподобимся получить все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

о том, что никому не должно отчаиваться, ни молиться о вреде врагам, ни падать духом, не получая просимого; также к мужьям о сохранении мира с женами

1. Я много благодарен вам, что вы усердно приняли беседу о молитве, что сделали меня блаженным, потому что "**блажен, кто приобрел мудрость и передает ее в уши слушающих**" (Сир.25:12). В этом я убедился не только из рукоплесканий и похвал, но и из того, что видел вас делающими. Когда я убеждал вас не молиться о вреде врагам, и говорил, что, делая это мы оскорбляем Бога и Его законам противопоставляем другие, противные законы [потому что Сам Он сказал: "**молитесь за врагов ваших**" (Мф. 5:44), а мы, молясь о вреде врагам, просим Его нарушить свой закон], когда я говорил это и тому подобное, то видел, как многие из вас ударяли себя в лицо и грудь, горько стенали и простирали руки к небу, прося прощения за такие молитвы. Тогда и я, возведши очи к небу, благодарил Бога, что так скоро слово учения принесло нам плод. Таково сеяние духовное: оно не требует ни годов, ни времен года, ни дней, но, если упадет на душу благородную, тотчас показывает цветущий и зрелый колос, как и случилось вчера с вами. Я сеял слово сокрушения, и произрасло стенание исповедания, стенание, заключающее в себе великое богатство благ. В самом деле, если мытарь, ударяя себя в грудь и сказав: "**Боже! будь милостив ко мне грешнику**" (Лк.18:13), вышел оправданным больше фарисея, то какое дерзновение должны приобрести мы, оказав в короткое время такое сокрушение? Между тем нет ничего хуже мытаря; это – крайний предел нечестия, как и Христос объявил, часто приводя в пример крайнего зла блудниц и мытарей; это – дерзкое насилие, безнаказанное грабительство, бесстыдный род корыстолюбия, бессчетное любостяжание, бесчестная торговля; и однако, тот, который жил в таком нечестии, мог простыми словами смыть свой позор и получить более, чем просил. Он молился, говоря: "**Боже! будь милостив ко мне грешнику**", а Бог не только был милостив, но и оправдал его больше фарисея. Вот почему и говорит Павел: "**Тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем**" (Еф.3:20). Но ведь и фарисей молился, и стоял в храме, и призывал того же Бога, и сказал больше слов, и начал молитву благодарением; почему же он потерял и те блага, какие имел, а тот получил и дерзновение, которого не имел? Потому, что у них был неодинаков образ молитвы. Этот был исполнен тщеславия, надменности и гордости, а тот великой скромности; поэтому-то тот, будучи обременен бесчисленными грехами, все сложил с себя и получил оправдание, а этот, привезши корабль, наполненный добрыми делами, и милостыней, и постом, и ударив его как бы о какую-нибудь скалу, о тщеславные и гордые помыслы, потерпел кораблекрушение в самой пристани, потому что повредить себе в молитве значит (то же, что) потерпеть кораблекрушение в пристани. Но это произошло не от свойства молитвы, а от воли его самого.

2. Видишь ли, что и молитвы недостаточно нам для спасения, если вместе с тем мы не будем молиться по заповедям, которые дал Христос? Какие же Он дал заповеди? Молиться за врагов, хотя бы они много оскорбляли нас. Если мы не будем делать этого, то неизбежно погибнем, как видно из примера фарисея. Если он, и не молясь о вреде врагам, а только предавшись тщеславию, подвергся такому осуждению, то какое наказание ожидает тех, которые произносят длинные и обильные речи против врагов? Что делаешь ты, человек? Ты стоишь, прося прощения своих грехов, и наполняешь душу гневом? Тогда как должно быть кротче всех тем, которые беседуют с Господом, молятся о собственных прегрешениях, просят милости, человеколюбия и прощения, в это время мы ожесточаемся, приходим в ярость и наполняем уста желчью. Как можем мы, скажи мне, получить спасение, принимая вид просителей и вместе произнося слова гордости и раздражая Господа сами против себя? Ты пришел врачевать собственные раны, а не делать более тяжкими раны ближнего; это – время умилостивления, время молитвы и стенания, а не гнева, – слез, а не раздражения, – сокрушения, а не негодования. Что же ты нарушаешь порядок, что вооружаешься против себя самого, что разрушаешь собственное свое здание? Молящемуся, прежде всего прочего, должно иметь кроткую душу, смиренный ум, сокрушенное сердце; а кто вопиет против врагов, тот никогда не может

удовлетворить этому, потому что он исполнен гнева и ему несвойственно иметь смиренный ум.

Итак, не будем молиться о вреде врагам, но вместе не будем вспоминать и о своих добрых делах, чтобы не потерпеть того же, что фарисей. Как доброе дело – помнить о своих грехах, так доброе же дело – забывать о своих добрых делах. Почему? Потому, что памятование о своих добрых делах ведет нас к высокомерию, а памятование о грехах сокрушает и смиряет душу; то делает нас нерадивыми, а это делает ревностнейшими. Те, которые не думают, что у них есть что-нибудь доброе, бывают усерднейшими к приобретению добра; а те, которые думают, что у них лежит великий запас добра, надеясь на это изобилие, немного оказывают усердия к приобретению еще большего.

3. Итак, не вспоминай о своих добрых делах, чтобы помнил об них Бог. "**Тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем**" (Ис.43:26); и еще: "**Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого и грехов твоих не помяну**" (ст.25). Но почему мытаря Бог услышал так скоро, а Исаака оставил просить двадцать лет и молиться Ему о своей жене, и тогда уже склонился на молитвы праведника? Надобно предложить вам остатки вчерашнего учения. Для чего же это сделано было? Для того, чтобы из случившегося с мытарем ты узнал человеколюбие Господа, Который скоро услышал, а из случившегося с Исааком узнал терпение раба, который поздно получил и не перестал молиться, чтобы ты, хотя бы был грешником, не отчаивался, и хотя бы был праведником, не превозносился. "**Не здоровые имеют нужду во враче, но больные**" (Мф.9:12). В худом состоянии находился мытарь; поэтому Господь скоро простер ему руку; Исаак же был крепче, и потому Господь оставлял его, чтобы усилить его терпение. Впрочем, об этом сказано нами от избытка. А нужно сказать, для чего жена его была бесплодною. Для того (она была такою), чтобы ты, когда увидишь, что Дева сделалась матерью, не был неверующим; чтобы, когда скажет тебе иудей: как родила Мария? – ты сказал ему: как родила Сарра, и Ревекка, и Рахиль? Когда имеет быть какое-нибудь дивное и великое чудо, то ему предшествуют многие образы. Как при входе царя предшествуют воины, чтобы царь, прибывши вдруг, не был принят без приготовления, – так и тогда, когда имеет быть дивное чудо, предшествуют образы, чтобы мы наперед приготовились, а не были поражены вдруг и не пришли в смущение от необычайности события. Тоже и в отношении к смерти: предшествовал Иона, и настроил наш ум. После трех дней изрыгнул его кит, не нашедши в нем свойственной себе и сообразной пищи, потому что свойственная и сообразная пища смерти есть греховное естество: оттуда она произошла, оттого укрепилась, тем и питается. Как случается с нами: когда мы незаметно проглотим камень, то сначала желудок своею силою принимается варить его, но когда найдет, что это – чуждая для него пища, то, употребив еще большее усилие своей пищеварительной способности, не разлагает его, а теряет собственную силу, так что не может удержать и прежней пищи, но, ослабев, и ее вместе с ним изрыгает с великою болью, – так было и с смертью. Она поглотила краеугольный камень, но не могла сварить его, вся сила ее изнемогла, почему вместе с ним она извергла и остальную пищу, какую имела, изрыгнув вместе с ним и человеческую природу, потому что более уже не могла удерживать ее до конца. Для того и бесплодные предшествовали, чтобы мы верили в рождение (Девой), или – лучше – не только чтобы верили в это рождение, но, если тщательно будем исследовать, то можем найти, что бесплодие было образом самой смерти.

4. Но будьте внимательны, потому что предмет, о котором будет говорено, глубок; мы хотим сказать, как утроба Сарры своим неплодием руководит нас к вере в воскресение. Как же она руководит нас? Как она, будучи мертвою, по благодати Божией воскресла и произрастила живое тело Исаака, – так и Христос, умерши, восстал собственной силою. А

что в этих словах нет натяжки, послушай самого Павла, который говорит, сказав об Аврааме, что он "**и, не изнемогши в вере, он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело, и утроба Саррина в омертвении; не поколебался в обетовании Божием неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу**", т.е. сделать, чтобы от мертвых тел родился живой сын (Рим.4:19-21), он затем, руководя нас от той веры к этой, прибавляет: "**а впрочем не в отношении к нему одному написано, что вменилось ему**". Для чего? "**но и в отношении к нам; вменится и нам, верующим в Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса Христа, Господа нашего**" (ст.23,24). Смысл слов его следующий: как Исаака воздвиг (Бог) от мертвых тел, так воскресил и Сына Своего, бывшего мертвым. Хочешь ли узнать, что бесплодие было прообразом и другого события? Церковь имела родить множество верующих; поэтому, чтобы ты не неверил, как родила эта бездетная, бесплодная и нерожавшая, предшествовала ей бесплодная по природе, пролагая путь бесплодной по своей воле, и сделалась Сарра прообразом церкви. Как та, будучи бесплодною, родила в старости, так и эта, будучи бесплодною, родила в последние времена. А что это истинно, послушай Павла, который говорит: "**мы дети свободной**" (Гал.4:31). Так как Сарра была образом церкви, и она была свободная, то поэтому он прибавил, что мы "**мы дети не рабы, но свободной**". И еще: "**мы, братия, дети обетования по Исааку**" (ст.28). Что значит: "**обетования**"? Как его не природа родила, так и нас родила не природа, но благодать Божия. И еще: "**а вышний Иерусалим свободен: он – матерь всем нам**" (ст.26), – а это есть церковь, потому что "**но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев**" (Евр.12:22,23). Итак, если церковь есть вышний Иерусалим и Сарра есть образ вышняго Иерусалима, как сказано: две (жены) было, одна "**рождающая в рабство, которая есть Агарь**", вышний же Иерусалим "**свободен: он – матерь всем нам**" (Гал.4:24,26), то, очевидно, что Сарра была образом вышнего Иерусалима по своему рождению и бесплодию.

5. Знаю, что эти слова исполнены глубины; но если мы постараемся, то ничего из сказанного не останется непонятым нами. Эти слова таинственны и относятся к догматам; если же вы желаете, то я вместе с тем скажу и о нравственной стороне их. Бесплодною была жена для того, чтобы ты узнал целомудрие мужа, так как он и не отверг ее, хотя тогда и не запрещал этого никакой закон, и не взял другой при этой свободной, как многие делают под предлогом чадородия, удовлетворяя своей невоздержности, одних жен удаляя, других принимая, а иные противопоставляя им наложниц и наполняя дома множеством раздоров. Не так поступал этот праведник, но он продолжал любить данную ему Богом жену, молил Господа природы разрешить узы природы и не укорял жены. Откуда же известно, что он не укорял ее? Из самого Писания. Если бы он укорял, то Писание сказало бы и об этом и не умолчало бы, потому что оно говорит и о добродетелях праведников и о недостатках, чтобы мы последних избегали, а первым подражали, Так, когда пред его сыном невестка его, Рахиль, плакала и он сделал ей укоризну, то Писание изложило, то и другое и не скрыло. Когда она сказала: "**дай мне детей, а если не так, я умираю**", то что он отвечал ей?

"**Разве я Бог, Который не дал тебе плода чрева?**" (Быт.30:1,2). Требование женское и безрассудное! Ты говоришь мужу: "**дай мне детей**", а не обращаешься к Господу природы? Поэтому и он, ответив ей с укоризною, остановил ее безрассудное требование и научил, кого должно просить. Но не так поступал сам Исаак; он не говорил ничего подобного, и жена его не плакала пред ним и не жаловалась.

Отсюда мы научаемся целомудрию и вере. То, что он молился Богу, показывает его веру; то, что он не отверг жены, обнаруживает нам его целомудрие; а то, что он не укорял ее и не отчаивался, доказывает его терпение, любомудрие, великую кротость и любовь к жене.

Не так, как ныне многие делают в таких обстоятельствах, прибегая к снадобьям и волшебству, он не употреблял этих пустых, бесполезных, вредных и пагубных для души средств, но, оставив все это и отвергнув все человеческие пособия, прибег к Господу природы, Который один может исправить такие недостатки.

6. Выслушайте это, мужья, – научитесь, жены; будем все подражать праведнику. Пусть для жены не будет ничего драгоценнее ее мужа, а для мужа ничего вожделеннее его жены. В том состоит крепость жизни всех нас, чтобы жена была единодушна с мужем; этим поддерживается все в мире. Как при потрясении основания ниспровергается все здание, так и при супружеских раздорах разрушается вся наша жизнь. Смотри: мир состоит из городов, города – из домов, дома – из мужей и жен; поэтому, когда настанет вражда между мужьями и женами, то входит война в дома; а когда они мятутся, тогда неспокойны бывают и города; когда же города приходят в смятение, то по необходимости и вся вселенная наполняется смятением, войною и раздорами. Поэтому и Бог особенно промышляет об этом; потому Он и не дозволяет отвергать жену, разве только в случае прелюбодеяния. А что, скажешь, если она сварлива, если небережлива и расточительна, если имеет и множество других недостатков? Переноси все мужественно и не отвергай ее за эти недостатки, но исправляй недостатки. Для того ты и занимаешь место головы, чтобы ты умел врачевать тело. От тела нашего, хотя бы оно имело тысячу ран, мы не отсекаем головы. Так и жены не отделяй от себя, потому что жена у нас занимает место тела. Потому и блаженный Павел говорит: "**так должны мужья любить своих жен, как свои тела**" (Еф.5:28). И для жен тот же закон у нас: как любишь ты, жена, свою голову и ценишь ее, так цени и мужа. Мы не напрасно столько говорим об этом предмете. Знаю, сколько благ происходит оттого, когда нет раздора у жены с мужем; знаю, скольких зол бывает причиною то, когда они ссорятся между собою. Тогда ни богатство, ни благочадие, ни многочадие, ни власть и могущество, ни слава и честь, ни изобилие и роскошь, и никакое другое благосостояние не может радовать мужа или жену, если они в раздоре друг с другом.

7. Будем же заботиться об этом более всего другого. Жена твоя имеет недостатки? Делай то, что делал Исаак: молись Богу. Если он постоянством в молитве уничтожил бессилие природы, то тем более мы, непрестанно молясь Богу, можем исправить недостатки воли. Если Бог увидит, что ты из повиновения Его закону терпишь и благодушно переносишь грехи твоей жены, то Он поможет тебе научить ее и даст тебе награду за терпение. "**Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены?**" (1Кор.7:16)? Не унывай же, говорит, и не отчаивайся: может быть, она и спасется; если же останется неисправимою, то ты не потеряешь награды за терпение. Но если ты отвергнешь ее, то во-первых, согрешишь тем, что нарушишь закон и будешь виновен пред Богом в прелюбодеянии, потому что "**кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать**" (Мф.5:32). Притом часто, взяв и другую, более ее тяжелую, ты грех уже сделал, а покоя не найдешь. Если же возьмешь и лучшую, то не дано будет тебе наслаждаться чистым удовольствием со второю, за то, что ты отвергнул прежнюю, сделавшись виновным в прелюбодеянии, потому что отвергать прежнюю есть прелюбодеяние. Итак, когда ты увидишь какое-либо случившееся затруднение или в супружестве, или в других обстоятельствах, то молись Богу: это единственный самый лучший способ избавиться от случающихся с нами бедствий. Подлинно, молитва есть великое оружие. Это я часто говорил, и теперь говорю, и не перестану говорить; хотя бы ты был грешником, – посмотри на мытаря, который не был отвергнут, который очистился от такого множества грехов. Хочешь ли знать, как важна молитва? Не столько значит дружба пред Богом, сколько молитва. Это не мое слово; я сам, по своему суждению, не осмелился бы высказать этого; выслушай из Писания, как молитва делала то, чего не делала дружба. "**И**

сказал им: положим, что кто-нибудь из вас, имея друга, придёт к нему в полночь и скажет ему: друг! дай мне взаймы три хлеба, ибо друг мой с дороги зашел ко мне, и мне нечего предложить ему; а тот изнутри скажет ему в ответ: не беспокой меня, двери уже заперты, и дети мои со мною на постели; не могу встать и дать тебе. Если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит" (Лк.11:5-9). Видишь ли, как в том, в чем не успела дружба, успела неотступная просьба? Так как просивший был друг, то, дабы ты не подумал, что он по этой причине успел, сказано: "**Если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит**".

Если и дружба, говорит, не сделает этого, то неотступная просьба сделает то, в чем не успела дружба. С кем это было? С мытарем. Не был он другом Божиим, но сделался другом. Итак, если бы даже ты был врагом, то чрез неотступную просьбу сделаешься другом. Посмотри и на хананеянку, и послушай, что Господь сказал ей: "**нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам**" (Мф.15:26). Почему же Он сделал, если это "**нехорошо**"? По неотступной просьбе жена достигла этого добра, дабы ты знал, что чего мы недостойны, того делаемся достойными чрез неотступную просьбу.

8. Я сказал это для того, чтобы ты не говорил: я грешник, я не имею дерзновения, у меня нет молитвы. Кто не думает, что он имеет дерзновение, тот имеет дерзновение, но кто думает, что он имеет дерзновение, тот потерял дерзновение, подобно фарисею, а кто считает себя отверженным и презренным, тот особенно и будет услышан, подобно мытарю. Посмотри, сколько ты имеешь примеров: хананеянку, мытаря, разбойника на кресте, упомянутого в причте друга, просившего трех хлебов и получившего не столько за дружбу, сколько за неотступную просьбу. Если бы каждый из них сказал: я грешник, я стыжусь, и потому я не должен приступать, то не имел бы никакого успеха. Но так как каждый из них взирал не на множество грехов своих, но на богатство Божия человеколюбия, то получил дерзновение, осмелился и, будучи грешником, просил не по достоинству своему, и каждый успел в том, чего желал. Будем же помнить все это и соблюдать; будем молиться непрестанно, бодрственно, с дерзновением, с благими надеждами, с великим усердием. С какою ревностью другие молятся о вреде врагам, с такою ревностью мы будем молиться и за врагов, и за своих братий, – и непременно получим все полезное, потому что человеколюбив Подающий, и не столько мы желаем получить, сколько Он желает подать. Итак, зная все это, хотя бы мы погрузились в крайнюю бездну нечестия, не будем и тогда отчаиваться в своем спасении, но приступим с благою надеждою, убедив самих себя, что мы непременно получим, чего просим, если станем просить согласно с установленными Им законами. "**Тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем**" (Еф.3:20), Христу, Царю всех, Богу нашему, подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Отцом и всесвятым и животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

сказанная в старой церкви на слова апостола: "Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостал ему" (Гал.2:11), и (в ней святитель) доказывает, что это событие было не распрею, а делом распорядительности

1. На один день я был взят от вас, и будто целый год от вас был удален. Так я досадовал и грустил. А что это истинно, вы знаете из того, что и сами вы испытали. Как грудной младенец, отнятый от материнской груди, куда бы ни унесли его, часто оборачивается во все стороны, стараясь увидеть свою мать, так точно и я, будучи далеко унесен от ма-

теринских недр, часто озирался кругом, везде ища вашего святого собрания. Впрочем я имел достаточное утешение в том, что испытывал это из повиновения нежному отцу (разумеется епископ антиохийский Флавиан), и награда послушания покрыла мою беззаботность, происшедшую при этом новом положении. Для меня блистательнее всякой диадемы и почтеннее венца – быть везде вместе с этим родителем; это для меня и украшение и безопасность: украшение, потому что я так расположил его к себе и привлек к своей любви, что он никак и никогда не хочет явиться без своего сына; безопасность, потому что, присутствуя и видя меня подвизающимся, он, конечно, окажет нам и помощь своими молитвами. Как корабль безопасно доставляют в пристань кормчие, руль и дуновение ветра, так его благосклонность, любовь и молитвенная помощь лучше и ветра и кормчего и руля направляют слово наше. Кроме того, меня утешало и то, что вы наслаждались тогда блестящею трапезой, и имели угостителя любочестивого и щедрого. Мы узнали об этом не по слуху только, но и самим опытом. Некоторые передали нам то, что было сказано, и по остаткам мы сделали заключение о цельном веселии. Похвалил я виновника угощения и подивился обилию и богатству (трапезы); а вместе назвал блаженными и вас за благорасположение и внимательность, по которой вы так тщательно сохраняете в памяти сказанное, что можете передать и другому. Поэтому и мы охотно беседуем с вашею любовью. Подлинно, бросающий здесь семена не при пути бросает их, и не в терние всыпает, и не на камне сеет: так тучна и плодоносна ваша пашня умножающая все семена, принимаемые ее в свои недра.

Если же когда-нибудь вы оказывали готовность и великое усердие слушать меня, – как и действительно всегда оказывали, – то прошу и сегодня оказать мне такое же одолжение. Сегодня у нас речь не о незначительных, но о важных предметах. Поэтому мне нужны глаза видящие все зорко, ум бдительный, рассудок внимательный, мысли упорядоченные, душа неусыпная и бодрственная. Вы все слышали чтение из апостола; и кто внимательно слушал читанное, тот знает, что нам предлежат сегодня великие подвиги и усилия. "**Когда же**", сказано, "**Петр пришел в Антиохию, то я лично противостал ему**" (Гал.2:11).

2. Не смущает ли каждого из слушателей то, что Павел противостал Петру, что столпы церкви сталкиваются и нападают друг на друга? Поистине они – столпы, поддерживающие и носящие кров веры, и столпы, и щиты, и очи тела церкви, и источники благ, и сокровища, и пристанища; впрочем, всякое название, какое бы кто ни дал им, никогда не выразит их достоинства. Но чем выше похвалы им, тем больше подвига нам. Будьте же внимательны, потому что у нас речь об отцах наших, – чтобы опровергнуть обвинения, взводимые на них людьми внешними, чуждыми вере. "**Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостал ему, потому что он подвергался нареканию**", далее следует и причина этого нарекания. "**До прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраняться, опасаясь обрезанных. Вместе с ним лицемерили и прочие Иудеи, так что даже Варнава был увлечен их лицемерием. Но когда я увидел, что они не прямо поступают по истине Евангельской, то сказал Петру при всех**" (Гал.2:12–14).

И выше он говорит: "**то я лично противостал ему**"; и здесь: "**при всех**". Заметьте эти слова: "**при всех**". "**Если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?**" (ст.14) Может быть, вы похвалили Павла за дерзновение, за то, что он не устыдился достоинства лица, не смутился и присутствовавших, за евангельскую истину. Но если это служит похвалою для Павла, то – посрамлением для нас, так как что в этом, что Павел поступил хорошо? Петр поступал дурно, если "**не прямо поступал**". Что мне пользы в том, если из пары коней, запряженных вместе, из которых один хромает? У меня теперь речь не с Павлом, а с внешними. Поэтому я и призываю вас быть внимательными. Я даже увеличу осуждение и

сделаю его более сильным, чтобы усилить ваше усердие, Кто ведет борьбу, тот бывает бодрствующим; кто боится за отца, тот бывает внимательным; кто слышит обвинение, тот желает получить защиту. Итак, когда я начну усиливать обвинение, то не подумайте, что это – слова моего убеждения. Этими словами я хочу проникнуть во глубину вашей души, раскрыть ваш ум, чтобы, внедрив мысли глубоко, сделать сбережение их безопасным. Притом и для города вашего послужит похвалою то, что будет сказано. В нем происходила эта борьба, в нем было это состязание, или лучше не состязание, а только кажущееся состязание, а на самом деле полезнейшее всякого мира, потому что не так крепко наши члены соединены между собою покровом жил, как крепко апостолы связаны были друг с другом узами любви.

3. Вы хвалите Павла? Послушайте же, как сказанное служит к осуждению Павла, если мы не уловим сокровенного в этих словах смысла. Что говоришь ты Павел? Ты укорил Петра, когда увидел его не прямо идущим к истине евангелия? Хорошо. Почему же "**то я лично противостал ему**"? Почему "**при всех**". Не должно ли было произойти обличению без свидетелей? Как же ты открываешь судилище и делаешь многих свидетелями осуждения? Кто не скажет, что ты делаешь это по вражде, зависти и бранливости? Не ты ли сам знаешь, сказав: "**для немощных был как немощный**" (1Кор.9:22)? Что значит быть "**для немощных был как немощный**"? Снисходя и прикрывая их раны, он говорит, и не до–пуская впадать в бесстыдство. Если же ты так попечителен и человеколюбив к ученикам, то почему же ты сделался бесчеловечным к соапостолу? Разве ты не слышал слов Христовых: "**если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним**" (Мф.18:15)? А ты и обличаешь открыто и еще хвалишься этим делом. "**Когда же** ", говоришь, "**Петр пришел в Антиохию, то я лично противостал ему**". И не только обличаешь открыто, но и, как бы на столбе изобразив это состязание письменами, делаешь воспоминание об нем вечным, чтобы не только присутствовавшие тогда, но и все жители вселенной узнали о событии из послания. Так ли поступили с тобою апостолы в Иерусалиме, когда пришел ты чрез четырнадцать лет, предложить им свое благовествование? Не ты ли говоришь: "**потом, через четырнадцать лет, опять ходил, и предложил там благовествование; не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался**" (Гал.2:1,2)? Что же? Когда ты хотел предложить им наедине, они воспрепятствовали этому, обнаружили и сделали известным для всех? Нельзя сказать. Так ты предложил наедине, и никто не противоречил; а апостола ты обличаешь при всех? Ужели там только ты насладился этою благосклонностью? Нет; и тогда, когда было несколько тысяч иудеев, не с такою ли же мудростью они поступили с тобою? Не наедине ли оставшись с тобою они говорили: "**Видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они ревнители закона. А о тебе наслышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих и не поступали по обычаям. Итак что же? Верно соберется народ; ибо услышат, что ты пришел. Сделай же, что мы скажем тебе: есть у нас четыре человека, имеющие на себе обет. Взяв их, очистись с ними, и возьми на себя издержки на жертву за них, чтобы остригли себе голову, и узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь соблюдать закон**" (Деян.21: 20–24). Видишь ли, как они щадят тебя от подозрения? Как скрывают тебя под маскою того распоряжения, сохраняя тебя жертвою, очистительными средствами? Почему же и ты не оказал такой же попечительности?

4. Если бы случившееся поистине было борьбою и бранливостью, то эти обвинения имели бы основание; но это – не борьба а только кажется ею; напротив, обнаруживает великую мудрость и Павла и Петра и благорасположение их друг к другу. Впрочем, выслушаем эту кажущуюся укоризну. "**Петр пришел в Антиохию, то я лично противостал ему**". Почему? "**Не прямо поступают по истине**". В чем же состояла эта истина? "**До**

прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраняться, опасаясь обрезанных". Что говоришь ты? Петр труслив и немужествен? Но не потому ли он и назван Петром, что был непоколебим в вере? Что делаешь ты, человек? Постыдись названия, которое дал этому ученику Господь. Петр труслив и немужествен? Кто станет слушать такие слова твои? Не то знает о нем Иерусалим, и тогдашнее первое общество и церковь, в которую он вступил первый, и первый произнес эти блаженные слова: "**но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти**"; и еще: "**ибо Давид говорит о Нем: видел я пред собою Господа всегда, ибо Он одесную меня**"; "**сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**" (Деян.2:24-35). Он ли, скажи мне, труслив и немужествен, – тот, который, среди такого ужаса и таких угрожавших опасностей, с таким дерзновением вошел в среду этих кровожадных псов, пламеневших гневом и дышавших убийством, и сказал, что Распятый ими и воскрес, и находится на небесах, и сидит одесную Отца, и врагов своих окружает бесчисленными бедствиями? Не удивишься ли ты ему, скажи мне, и не увенчаешь ли даже за то одно, что он имел силу открыть свой рот, отверсть уста, стать, явиться только среди распявших Его? Подлинно, какое слово, какой ум может представить его дерзновение и откровенность в тот день? Никакой. Если еще прежде распятия на кресте иудеи сговорились отлучать от синагоги того, кто исповедует Христа, то после распятия и погребения, слыша человека, который не только исповедует Христа, но и со всем любомудрием проповедует все вообще домостроительство (спасения), как они не устремились и по частям не разорвали того, кто первый из всех отважно осмелился противостать их бешенству?

5. Подлинно, здесь важно не то, что он исповедал Христа, но то, что прежде остальных всех вообще, когда те бесновались и волновались от убийства, он исповедал с дерзновением. Как на войне при боевом строе, когда фаланга бывает сомкнута, мы особенно удивляемся выступающему раньше остальных и разрывающему ее фронт, потому что не только этого одного дела, но и всех тех доблестей, которые будут совершены после другими, считается виновником тот, кто сделал начало и приступ, – так точно нужно рассуждать и о Петре, что он, вышедши первым и разорвав фронт фаланги иудеев, и произнесши длинную речь к народу, таким образом, проложил путь и другим апостолам. Хотя Иоанн, хотя Иаков, хотя Павел, хотя другой кто и совершил после что-нибудь великое, но превосходит всех вообще этот, проложивший им путь своим дерзновением, и открывший вход и давший им возможность выступить с полным бесстрашием, подобно реке с сильным течением, и увлекать за собою противников, а души благосклонных слушателей орошать непрестанно. Ужели после креста он стал таким? Еще до креста не был ли он горячее всех? Не был ли он устами апостолов? Не он ли говорил громко, когда все другие молчали? "**За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?**", говорил Христос; "**Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков**". "**А вы** ", сказал Он, "**за кого почитаете Меня?**" "**Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты – Христос, Сын Бога Живаго**" (Мф.16:13-16). Христос сказал: "**вы**"; а за всех членов этого тела вслух говорить Петр: так он был языком апостолов и отвечал за всех. Ужели здесь только он был таким, а в других случаях не оставлял ли своего усердия? Нисколько; но везде и во всем он обнаруживал ту же ревность. Так, когда Христос сказал: "**и поругаются над Ним, и будут**

бить Его, и оплюют Его, и убьют Его", он сказал: "**будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!**" (Мк.10:34. Мф.16:22). Не будем исследовать то, что ответ был не обдуман, но что он принадлежал к природному и пламенному влечению. Еще, когда Христос взошел на гору и преобразился, был виден там разговаривающим с Илией и Моисеем, опять и там Петр сказал: "**хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи**" (Мф.17: 4).

6. Смотри, как он любил Учителя и заметь внимательность его и благоразумие. Так как ему, после того необдуманного ответа, были заграждены уста, то здесь он предоставляет дело на волю Учителя, прибавляя: "**если хочешь**". Может быть, говорит он, и теперь я скажу неосмотрительно, подвигаясь влечением. Поэтому, чтобы не получить того же самого укора, он говорить: "**если хочешь**". Также, когда совершалась святая и страшная вечеря, и когда Иисус сказал: "**один из вас предаст Меня**". Петр вследствие уже бывшего укора не осмеливался спросить Учителя; но по влечению, которое питал, не мог и молчать, старался узнать и не показаться поспешным и неосмотрительным (Мф.26:21). Как же он исполнил свое желание и устроил самому себе безопасность? Так, чтобы желанием узнать показать свое неудержимое влечение, а совершением этого не от себя, но предложением другому, выразить свою осторожность и всю вообще умеренность. Тесно мне отовсюду, говорит он, слово Владыки о предательстве; угрожает великая опасность; стремнина с обеих сторон, молчать ли? – Но забота снедает душу мою; сказать ли? – Но боюсь, как бы опять не получить укора. Поэтому он пошел средним путем и, хотя был везде впереди других, здесь имел нужду в дерзновении Иоанна, чтобы узнать, о чем было сказано. Ничем иным он не дышал и ничего не имел постоянно в душе своей, кроме одного только Учителя. Поэтому после он смело шел на узы и на тысячи смертей и презирал всю настоящую жизнь. Принимая за Него бичевания и нося раны на своем хребте, он говорил бичевавшим: "**мы не можем не говорить того, что видели и слышали**" (Деян.4:20). Видишь ли непоработимый дух? Видишь ли непреодолимое дерзновение? Видишь ли душу, исполненную небесного влечения и преданности? Как же ты осмеливаешься говорить, что он, боясь "**обрезанных, стал таиться и устраняться**". Много можно было бы сказать о Петре и другого, доказывающего его горячность, мужество и влечение, какое он имел ко Христу; но, чтобы не распространить беседы неблаговременно, довольно сказанного, потому что нам сегодня предстоит не похвалы говорить ему, а разрешить кажущееся недоумение и довести этот вопрос до конца.

7. Посмотри и с другой стороны, как невероятно это обвинение. Вначале, когда он говорил: "**Сего, вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили; но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти**" (Деян.2: 24), тогда он находился среди врагов, которые еще убивали, еще яростью кипели, еще хотели растерзать учеников, потому что страсть была в них еще сильна и ум был исполнен ярости. Но теперь, когда Павел писал это, был уже семнадцатый год проповеди; сказав: "**потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим**" (Гал.1:18), он далее говорит: "**потом, через четырнадцать лет, опять ходил я в Иерусалим**" (Гал.2:1). Итак, тот, кто не страшился в начале проповеди, теперь после столь долгого времени страшится? Тот, кто не боялся в Иерусалиме, боится в Антиохии? Тот, который не трепетал тогда среди окружавших его врагов, теперь, когда нет врагов, а одни верующие и ученики, робеет, боится и "**не прямо поступает**"? Основательно ли – при костре горящем и поднимающемся в высоту быть отважно смелым, а угасшего и обратившегося в пепел бояться и трепетать? Если бы Петр был труслив и немужественен, то он боялся бы в начале проповеди, в столице иудейской, где все были врагами, а не по прошествии столь долгого времени, не в христианнейшем городе, не в присутствии друзей и близких. Таким образом, ни время, ни место, ни свойство лиц не дозволяют нам принимать эти слова так, как сказано, и обвинять Петра в трусости. Вы похвалили сейчас сказанное? Сначала вы удивлялись Павлу и были поражены его дерзновением; а теперь вот беседа наша дала другой оборот обвинению. Но как вначале я сказал, что мне нет никакой пользы, если при том, что Павел хорошо поступает, Петр окажется поступающим нехорошо, – потому что обвинение и наш стыд останутся, этот ли или тот окажется погрешившим, – так и теперь тоже самое говорю опять, т.е. что мне нет никакой пользы, если по отклонении обвинения от Петра, Павел явится дерзко и неосмотрительно обвиняющим соапостола. Вот и этого освободим от обвинений. Что? Петр таков, а Павел не таков? Но что может быть горячее Павла, который каждый день умирал за Христа?

Впрочем, теперь у нас речь не о мужестве, – потому что как это будет относиться к делу? – но о том, не враждебно ли он был расположен к апостолу, или не была ли эта борьба делом какого-нибудь тщеславия и бранливости. Но это не возможно сказать, да не будет. Павел был слугою не только Петра, верховного между теми святыми, но и всех вообще апостолов, хотя превышал всех по своим трудам; и, однако, считал себя последним из всех: "**ибо я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом**" (1Кор.15:9); и не только апостолов, а и всех вообще святых: "**мне**" говорит он, "**наименьшему из всех святых, дана благодать сия**" (Еф.3:8).

8. Видишь ли сокрушенную его душу? Видишь ли, как он ставит себя ниже всех святых, а не только апостолов? Притом, имея такое расположение ко всем, он знал и то, каким предпочтением должен был пользоваться Петр, и уважал его больше всех людей, и вообще относился к нему так, как тот заслуживал. Это видно из следующего. Вся вселенная на него смотрела, думы о церквах всей земли лежали на душе его, тысячи дел каждый день его озабочивали, отовсюду окружали его попечения, распоряжения, исправления, советы, увещания, учения, устроение бесчисленных дел, и однако, оставив, все это он пошел в Иерусалим, и предлогом к путешествию не было ничего другого, как только видеть Петра, как он сам говорит: "**ходил я в Иерусалим видеться с Петром**" (Гал.1:18): так он почитал его и ставил выше всех. Что же? Увидев его, тотчас удалился? Нет; но оставался у него пятнадцать дней. Скажи мне: если бы ты увидел благородного и дивного воина, который по объявлении войны, когда поставлен боевой строй, борьба кипит, когда тысячи дел отовсюду призывают его, оставил боевой строй и отправился на свидание с каким-нибудь другом, то ужели, скажи мне, ты искал бы другого большего доказательства благосклонности его к тому человеку? Не думаю. Так же рассуждай и о Павле и Петре. Подлинно и здесь установилась тяжкая война, было сражение и борьба не только с людьми, но "**против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной**" (Еф.6:12), борьба за спасение людей. И однако он так уважал Петра, что при такой настоятельной и теснящей нужде поспешил для него в Иерусалим, оставался у него пятнадцать дней, и тогда отошел назад. Итак, вы узнали мужество Петра, поняли дружелюбное расположение Павла ко всем апостолам, к самому Петру; теперь, наконец, необходимо приступить к решению исследования. Если и этот любил Петра, и тот не был труслив и немужествен, и бранливость и сопротивление не происходили из души, то, что значат сказанные слова? И для чего это было устроено?

9. Здесь будьте внимательны, и ободритесь, и напрягите самих себя, чтобы ясно усвоить это оправдание. И неуместно, чтобы я оставался при таком труде, разрывая, а вы, с приятностью имеющие видеть золото, легкомысленно пробежали мимо этой выгоды. Впрочем, необходимо начать речь несколько выше, чтобы сделать для вас наставление более ясным. Когда Иисус восшел на небеса, исполнив наше домостроительство, то оставил слово учения своим апостолам, как говорит Павел: "**дал нам слово примирения**"; и еще: "**итак мы – посланники от имени Христова**", т.е. вместо Христа (2Кор.5:19,20). Итак тогда, когда они проповедовали по всей вселенной, не было никакой ереси; но весь род человеческий имел два учения, одно здравое, а другое растленное. Все жители земли были или язычниками, или иудеями; не было тогда ни Манихея, ни Маркиона, ни Валентина, вообще никакого другого еретика; для чего перечислять все ереси? Плевелы, эта всевозможная порча ересей, посеяны были уже после пшеницы. Таким образом иудеев Христос поручил Петру, а язычников предоставил Павлу. Это я говорю не от себя, но можно слышать от самого Павла, который говорит: "**Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников**" (Гал.2:8), разумея здесь под обрезанием сам народ. Откуда это видно? Из прибавочных слов, потому что сказав: "**Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне**", говорит: "**у язычников**", выражая, что "**у**

обрезанных" употребил он в противоположность "**у язычников**". Но язычникам не обрезание противоположно, а иудеи, на которых он намекнул чрез обрезание. Как бы так сказал: содействовавший Петру в апостольстве к иудеям, содействовал и мне – к язычникам. Как мудрый царь, с точностью зная способного, одному поручает всадников, другому главенство над пешими, – так точно и Христос, разделив свое воинство на две части, обратил иудеев к Петру, а язычников к Павлу. Войска различны, а царь один. И как там различие войск состоят в роде оружия, а не в природе людей, так точно и здесь различие является в незначительном виде плоти, не в изменении сущности.

10. Итак, им двоим, как я сказал, поручены были оба эти воинства. Если не удлиню своей беседы и если вы не утомитесь, то скажу вам и причину, по которой одному вверены были иудеи, а другому язычники. Подлинно, достойно исследования, почему Павлу, который, быв тщательно научен отеческому закону, находился при ногах Гамалиила и был неукоризнен в правде законной, вверены не иудеи, но язычники; а рыбарю, неученому и незнавшему ничего такого, Петру, вверено начальство над иудеями. Притом это послужит несколько к разрешению и нашего вопроса, если мы будем в состоянии хорошо объяснить это. Нельзя сказать, будто Христос, видя, что Павел медлит, уклоняется и избегает начальства над своими, не хотел насиловать и принуждать его. Он показывал в себе все совершенно противное этому; он не только не избегал начальства над иудеями, а напротив первый приступил к этому, и, когда Христос повелевал ему идти к язычникам, он просил поручить ему устроение спасения иудеев; и претерпевая от них многократно бесчисленные бедствия, тогда как ему уже было вверено наставление язычников, он не переставал просить за тех, и говорил то так: "**я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти**" (Рим.9:3); то так: "**Братия! желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение**" (Рим.10:1). Почему же, не смотря на то, что он желал и домогался учить их, Христос не дозволил ему проповедовать им, а вместо них послал его учителем к язычникам? Выслушаем слова самого Христа, и Павла, повествующего обо всем этом: "**когда же я возвратился в Иерусалим и молился в храме, пришел я в исступление, и увидел Его, и Он сказал мне: поспеши и выйди скорее из Иерусалима, потому что здесь не примут твоего свидетельства о Мне**" (Деян.22:17,18). Господь сказал и причину удаления: возненавидят тебя, говорит, и будут отвращаться; поэтому не примут тебя учителем. Между тем сделать его учителем достоверным и убедить их достаточно могло и то самое, что нечеловеческая перемена произошла. В самом деле, человека, бывшего в таком неистовстве, пламеневшего яростью и дышавшего убийством, и неверившего ни Христу, творившему чудеса, ни апостолам Его, воскрешавшим мертвых, никогда никакой человек не мог бы изменить среди самого его неистовства и то чрезмерное усердие, которое он обнаруживал против проповеди, убедить всецело и еще в большей степени показать за исповедание Христа; но поистине это обращение и изменение было делом силы Божественной.

11. Это выразил и сам Павел, когда, изъявляя желание получить руководительство над иудеями, говорил Иисусу: "**я сказал: Господи! им известно, что я верующих в Тебя**

заключал в темницы и бил в синагогах, и когда проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего, я там стоял, одобрял убиение его и стерег одежды побивавших его" (Деян.22:19,20). Это великое неистовство ручается за всю происшедшую перемену, что она не человеческая какая-нибудь, но свыше и получила начало с небес. Что же Христос? "**И Он сказал мне: иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам**" (Деян.22:21). Недостаточно ли, говорит (Павел), этого для убеждения и самых бесчувственных, что такая проповедь не человеческая, но свыше человеческой природы все происшедшее, и что поистине Бог совершил такую перемену и обращение? Достаточно, блаженный Павел, если исследовать самую природу дел; но иудеи неразумнее всех: не исследуя природы дел

и не рассматривая естественность и вероятность и необходимость, они смотрят только на то, чтобы исполниться вражды. Ты смотришь на последовательность дел, а Бог знает сокровеннейшие их помыслы, – поэтому Он и говорит: "**Я пошлю тебя далеко к язычникам**", чтобы самим расстоянием утолить их ненависть.

Поэтому (и Павел) в посланиях ко всем остальным полагает свое имя в начале посланий; а в послании к евреям не сделал этого, и, не сказав, кто он и к кому пишет, как обыкновенно делал, просто начал так: "**Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках**" (Евр.1:1). И это обнаруживаем мудрость Павлову. Дабы писание не подверглось ненависти вместе с ним, он, как бы какою маскою скрыв себя отнятием от него своего имени, незаметным образом предлагает им врачество увещания. Так и мы, когда имеем к кому неблагоприятное расположение, то, хотя бы он говорил что-нибудь здравое, неохотно и не с удовольствием принимаем слова его; поэтому и тогда, чтобы не случилось того же, он отнял собственное название от послания, дабы это не послужило препятствием к слушанию послания. Ведь не одни только неверные иудеи, но и уверовавшие сами ненавидели его и отвращались. Так, когда он пришел в Иерусалим, послушай, что говорит ему Иаков и все остальные: "**видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они ревнители закона**"; "**а о тебе наслышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея**" (Деян.21: 20,21). За это особенно они ненавидели его и отвращались.

12. Итак, вот причина, почему ему вверены были не иудеи, а верующие из язычников. Получив же, наконец, их, он не так, как Петр, и не тем же путем приводил их к вере, а другим. Впрочем, слыша: другим, ты не разумей различия проповеди. Они оба проповедовали одно и тоже и иудеям и язычникам, – именно то, что Христос есть Бог, что Он был распят и погребен и воскрес и находится одесную Отца, что Он имеет судить живых и мертвых, и тому подобное, одинаково проповедовали и Павел и Петр. В чем же было различие? В наблюдении яств, в обрезании и в остальных иудейских обычаях. Петр не осмеливался явно и ясно сказать ученикам своим, что должно навсегда оставить это. Он боялся, чтобы, решаясь преждевременно отнять эту привычку, не отнять вместе с нею и веры во Христа, так как душа иудеев, по причине долговременной привязанности к закону, не выдерживала еще слышать этих слов. Поэтому блаженный Петр переносил их иудействующих. Как лучший земледелец, посадив нежное растение близ состарившегося дерева, не осмеливается и не позволяет вырвать состарившееся дерево, боясь, чтобы, извлекая его корни, не извлечь вместе с ними и молодого дерева, но дает прежде этому хорошо укрепиться и укорениться в самих недрах земли, и тогда уже безопасно исторгает старое, нисколько не опасаясь за молодое, – так точно поступал и блаженный Петр: новонасажденной вере предоставил хорошо укрепиться в душах слушателей, чтобы, когда она укоренится, безбоязненно исторгнуть, наконец, все иудейские предрассудки. Но Павел не так: он был свободен от всей этой необходимости, проповедуя язычникам, которые не имели никакого участия в законе (Моисеевом) и не слыхали об иудейских обрядах. А что они делали это не из противления друг другу, но из снисхождения к немощи учеников, это можно видеть из того, что и Павел, подобно Петру, уступал в том же самом, и не только уступал, но и сам содействовал, и Петр поставлял законом ту же свободу, которую Павел проповедовал всем язычникам. Где же, скажут, можно видеть то и другое? В самом Иерусалиме. Учитель язычников и остригался, и приносил жертву, и совершал очищение, потому что этого требовало время и присутствие многих иудеев. "**Видишь**", говорили, "**брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев**" собравшихся: "**о тебе наслышались они, что учишь отступлению от Моисея**" (Деян.21:20,21).

13. Таким образом, он, будучи вынужден быть снисходительным, иудействовал; но это было делом не убеждения, а домостроительства. Также и Петр, учитель иудеев, везде до-

пускавший обрезание и иудейские обряды по немощи учеников, тогда, когда видел, что время освобождаете его от этой необходимости, и когда не безопасно было до такой степени пользоваться снисходительностью, а было время догматов и законов, послушай, что говорит. Когда пришли из Антиохии спутники Павла и Варнавы, чтобы получить ясное сведение об этом самом, то "**по долгом рассуждении Петр, встав, сказал им: мужи братия! вы знаете, что Бог от дней первых избрал из нас меня, чтобы из уст моих язычники услышали слово Евангелия и уверовали**". Потом, сказав еще нечто, он прибавил: "**что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы? Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они**" (Деян.15:7,11). Видишь, что когда было время снисхождению, то и Павел иудействовал; а когда не было времени снисхождению, а нужно было предлагать догматы и законы, то и Петр, оставив эту снисходительность, предлагает точные и чистые догматы; и когда это было говорено, Павел присутствовал и слышал и, приняв послание, сам носил его повсюду, и следовательно нельзя сказать, что он не знал мнения апостола (Петра). Почему же теперь он обвиняет его в этом и говорит: "**опасаясь обрезанных**" (Гал.2:12)?

14. Чтобы вы знали самую историю сказанного, я начну излагать вам немного выше; но будьте внимательны, призываю вас, потому что мы спустились в самую глубину разрешаемого вопроса, Иаков, брат Господень, был тогда вначале епископом церкви иерусалимской и предстоятелем всех уверовавших из иудеев. Случилось быть и в Антиохии иудеям, которые, уверовав во Христа, – вследствие отдаленности от Иерусалима и того, что многие уверовавшие из язычников жили безбоязненно и вне иудейских обрядов, – тихо и помалу и сами расположились отстать от иудейской привычки, содержать чистое и подлинное учение веры. Петр, пришедши туда и увидев, что не было никакой нужды в снисхождении, жил, наконец, по-язычески. Выражение Павла: "**по-язычески**", значит жить без соблюдения иудейских обрядов, не соблюдать ничего предписываемого законом (иудейским), как то: обрезания, субботы и прочего подобного. Между тем как Петр жил, таким образом, пришли некоторые иудеи от Иакова, т.е. из Иерусалима, которые, вращаясь постоянно в этой столице и не видя никого жившим иначе, имели еще иудейский предрассудок и держались многих из тех обрядов. Петр, увидев, что пришедшие из Иерусалима и от Иакова еще немощны, и боясь, чтобы они, соблазнившись, не отступили от веры, опять переменился и, перестав жить "**по-язычески**", возвратился к прежней снисходительности, соблюдал разборчивость в яствах. Иудеи, вращавшиеся в Антиохии, увидев, что он делает это, и не зная мысли его, с какою он так поступал, увлеклись и сами и принуждены были иудействовать ради учителя. За это и обвиняет его Павел; а чтобы сказанное было для вас более ясным, я прочитаю вам, наконец, сами слова апостольские. "**Когда же Петр пришел в Антиохию, то я лично противостал ему, потому что он подвергался нареканию. Ибо, до прибытия некоторых от Иакова**", т.е. из Иерусалима, "**ел вместе с язычниками**", т.е. с находящимися в Антиохии. "**А когда те пришли**" некоторые из Иерусалима, знающие закон, "**стал таиться и устраняться, опасаясь обрезанных**". Кого? Пришедших от Иакова. "**Вместе с ним лицемерили и прочие Иудеи**". Какие иудеи? Те, которые вращались в Антиохии до прибытия иудеев из Иерусалима и не соблюдали никаких иудейских обрядов. "**Так что даже Варнава был увлечен их лицемерием**". Вот, в чем состоит кажущаяся вина.

15. Если желаете, я наперед предложу оправдания, придуманные другими, а потом попытаюсь предложить и свое собственное слово, предоставляя вам выбор из сказанного. Как же некоторые разрешают этот вопрос? Это не тот был Петр, говорят, первый из апостолов, которому вверены были Господом овцы, а какой–то другой, маловажный и негодный, и один из многих. Откуда это видно? Из того, что Павел, сказав: "**вместе с ним**

лицемерили и прочие Иудеи", прибавил: "**так что даже Варнава был увлечен их лицемерием**".

Выражение: "**так что даже Варнава**" – показывает, что это было гораздо удивительнее лицемерия Петра, так как, сказав, что не только Петр, но и Варнава (так поступали), он как бы поставил его выше, а Варнава не был выше того Петра. Но это не так. Не потому, будто Варнава был выше, он более удивлялся этому, а почему? Потому, что тот был послан к обрезанным, а Варнава с Павлом проповедовал язычникам и везде был связан вместе с Павлом, как он говорит в другом месте: "**или один я и Варнава не имеем власти не работать?**" (1Кор.9:6); и еще: "**опять ходил я в Иерусалим с Варнавою**" (Гал.2:1); и везде видишь его учащим вместе с Павлом. Итак, не потому, будто Варнава был выше Петра, Павел удивляется, что и сам он увлекся, а потому, что он всегда проповедовал вместе с ним, не имел ничего общего с иудеями, но учил между язычниками, и между тем сам увлекся. А что действительно был апостол Петр, о котором говорится все это, можно видеть и из предыдущего и из последующего. Сказать: "**лично противостал ему**", и считать это делом важным, значило не что иное, как показать, что он не устыдился достоинства этого лица; а, говоря о другом: "**лично противостал ему**", Павел не считал бы этого делом важным. Притом, если бы это был другой Петр, то переменчивость его не имела бы столько силы, чтобы привлечь и остальных иудеев, потому что он не убеждал и не советовал, а только таился и устранялся, и эта уклончивость и устранение имели силу привлечь к себе всех учеников по причине достоинства его лица.

16. Итак, отсюда видно, что это был апостол Петр, Если желаете, мы скажем и другое разрешение. Какое же это другое? Павел, говорят, справедливо укорял Петра, потому что он пользовался снисхождением чрез меру. Как сам он был снисходителен к иудеям, находясь в Иерусалиме, так и тому нужно было, прибыв в Антиохию, смотреть не на иудеев, а на уверовавших из язычников, потому что как там, где все были иудеи, Павел принужден был иудействовать, так и здесь, где большинство было из язычников и город не представлял такой нужды в снисхождении, не следовало для немногих иудеев соблазнять столь многих язычников. Но это не решение, а напряжение вопроса. В начале беседы я сказал, что мы не стараемся показать, что Павел справедливо укорял Петра, так как в таком случае вопрос останется, Петр окажется подлежащим порицанию, а нам нужно наследовать и освободить от вины и этого и того. Как же это будет? Если мы узнаем намерение, с каким один укорял, а другой принимал укоризну, и раскроем саму мысль их. Какая же это мысль? Петр сильно домогался освободить от иудейского обряда и пришедших из Иерусалима от Иакова. Но если бы он сам стал приводить в исполнение эту мысль и, пришедши, сказал: перестаньте пользоваться иудейскими обычаями, то соблазнил бы учеников, как говорящий вопреки самому себе и всему, что сам делал в прежнее время. Также если бы и Павел обратился к ним с речью об этом, то они не вняли бы и не выдержали бы слов его. Те, которые и без этого ненавидели его и отвращались вследствие такой молвы о нем, еще более отступили бы от него, если бы услышали от него такой совет. Что же происходит? иудеев, пришедших от Иакова, никто из них не укоряет, а принимает укоризну Петр от Павла, чтобы обвиняемый от соапостола имел, наконец, справедливое дерзновение упрекнуть и своих учеников; укоряется Петр, а исправляются ученики. Тоже бывает и в житейских договорах. Когда за некоторыми остаются недоимки общественных податей, то обязанные требовать от них этого, совестясь и стыдясь приступить к ним настойчиво, но, желая получить лучший случай и возможность действовать на них сильнее, устроят так, чтобы другие из сослуживцев их обирали их, осыпали злословиями и причиняли им другие бесчисленные неприятности пред глазами тех, чтобы показать, что они не сами собою и не от себя, но по принуждению от других действуют в отношении к тем настойчиво, и таким образом

оскорбление, наносимое им другими, служить для них оправданием пред их подчиненными.

17. Тоже произошло между Павлом и Петром. За иудеями оставались некоторые недоимки. Какие же? То, чтобы совершенно отстать от иудейства. Петр сильно желал истребовать от них эту недоимку и взыскать от них чистую веру. Поэтому, желая иметь больше возможности и повод для такого взыскания, он устраивает так, что Павел сделал ему сильный упрек и укоризну, дабы этот притворный упрек доставил ему справедливый повод и предлог к дерзновению в отношении к ним. Поэтому Павел и вначале говорит: "**лично противостал ему**"; и здесь опять: "**сказал Петру при всех**" (Гал.2:14). Подлинно, если бы он желал исправить апостола, то сделал бы это наедине; а так как не об этом он старался, – потому что он знал мысль, с какою тот делал все это, – но старался укрепить тех, которые давно хромали, то и делает упрек пред всеми. А Петр выдерживает, молчит и не возражает, потому что он знал намерение, с каким Павел делал упрек; и таким образом, Петр все исправил своим молчанием, потому что его молчание было для иудеев наставлением – не держаться более обрядов закона. Учитель не промолчал бы, думали они, если бы не признавал справедливости упрека Павлова. Но, если угодно, выслушаем и сам упрек. "**Сказал Петру при всех: если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески**". Рассмотри благоразумие; не сказал ему: ты худо делаешь, живя по-иудейски но обличает его прежнее поведение, чтобы казалось, что увещание и совет были предложены не по мысли Павла, а по происшедшему уже решению Петра. Если бы он сказал: ты худо делаешь, соблюдая закон, то его стали бы порицать ученики Петровы; а теперь, услышав, что это увещание и исправление были не по мысли Павла, а сам Петр так жил и имел в своей душе это учение, они волею неволею оставались спокойными. Поэтому Петр и не предлагает своего мнения, а принимает обличение от другого, разумею Павла, и молчит, чтобы наставление сделалось удобоприемлемым.

18. И не отсюда только можно видеть благоразумие Павла, но и из рядом сказанного. Он не сказал: *если ты, будучи Иудеем, жил по-язычески,* но: "**живешь**", т.е. и теперь держишься того же образа мыслей. И дальнейшие слова его исполнены великого благоразумия. Сказав: "**будучи Иудеем, живешь по–язычески**"*,* он не прибавил: для чего принуждаешь иудеев иудействовать, но что? "**То для чего язычников**", говорит, "**принуждаешь жить по-иудейски?**", – чтобы под видом оправдания своих собственных учеников и под предлогом попечения о язычниках убедить иудеев отстать от старой привычки. А что обвинения были сделаны притворно, это ясно из самих слов. Сказав выше: "**лицемерили и прочие Иудеи**", здесь он говорит: "**для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?**"

Между тем нужно было бы сказать: для чего ты иудеев принуждаешь иудействовать, – потому что увлекавшиеся были не из язычников, а иудеи. Но если бы он это сказал, то его слово показалось бы жестким и нисколько для него неприличным, так как он был учитель язычников; а теперь, под видом попечения о своих собственных учениках, он делает упрек неответственный и свободный. Чтобы вы убедились, что сказанное им было не упреком Петру, а увещанием и наставлением иудеям в виде упрека Петру, выслушайте дальнейшее. "**Мы по природе Иудеи, а не из язычников грешники**" (Гал.2:15). Эти слова наконец – учителя, и уже не обращает все к Петру, а обобщает слово. Если бы он с самого начала предложил это как учитель, то иудеи не вынесли бы слов его; а теперь, начав с упрека и по–видимому сделав справедливый упрек Петру, как бы увлекавшему верующих из язычников к соблюдению обрядов закона, он безбоязненно приступает, наконец, к увещанию и совету, так как последовательность речи довела его до этого. Чтобы кто-нибудь, услышав: "**для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?**", не подумал, будто только тем невозможно иудействовать, а иудеям предоставлено, он

обращает слово к самим учителям. Что говорю я, продолжает он, о язычниках или остальных иудеях? Напротив мы – учители, мы – апостолы. И не это только право он называет, что они – учители и апостолы, но и то, что они, будучи иудеями, от предков, совершенно отстали от закона. Какое же мы будем иметь оправдание, привлекая к этому других? Видишь ли, как незаметным образом он касается иудеев и предлагает приличное наставление? Сказав: "**мы по природе Иудеи, а не из язычников грешники**", он приводит и разумную причину, по которой они отступили от иудейства: "**однако же, узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона; ибо делами закона не оправдается никакая плоть**" (Гал.2:16).

19. Видишь ли, как часто упоминает он и о немощи закона и об оправдании верою? И постоянно он употребляет эти названия, что свойственно не укоряющему, а учащему и советующему. Но, как я сказал, если бы он говорил это обращаясь к иудеям, то все исчезло бы и погибло, так как не приняли бы его наставления; когда же он обратил слово к Петру, то те незаметным образом имели плодом для себя пользу, после того как Петр укорен и молчал, и весь образ его мыслей открылся, не от него самого, но от соапостола, и прежнее его поведете стало известным. Потом, чтобы они не говорили между собою: а что, если и Петр и Павел худо сделали – он приводит справедливые и бесспорные причины, почему не должно держаться иудейских обычаев. Эти причины, состоят в том, что закон не может оправдывать, а только вера. Здесь он пользуется более кротким словом, но, идя далее, делает его более жестким и сильным. "**Если же, ища оправдания во Христе, мы и сами оказались грешниками, то неужели Христос есть служитель греха? Никак**" (Гал.2:17).

Смысл слов его следующий: вера оправдывает и повелевает отстать от иудейских обычаев, как уже прекратившихся; а если закон еще властвует и есть господин, и оставивший его судится за отступление, то Христос, повелевший оставить его, окажется виновником нашего преступления, и не только не освободившим нас от греха, но введшим в грех. Если мы оставили закон для веры, а оставлять закон – грех, то вера, для которой мы оставили закон, сама сделалась причиною нашего греха. Когда, таким образом, он довел речь до нелепости, то ему уже не было нужды ни в каких доказательствах для опровержения, а довольно было сказать: "**никак**", так как нелепость отсюда признавалась сама собою. "**Ибо если**", продолжает он, "**я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником**" (Гал.2:18). Здесь он обращает речь к противному, и показывает, что не преступать закон, а не оставлять закона, вот что делает преступником, и под видом собственного лица опять намекает на Петра. В самом деле, не нарушил ли Петр разборчивости в яствах, принявшись жить по-язычески? Поэтому, возвратившись опять к иудеям и живя с ними, он окажется созидающим то, что разрушил.

20. Видишь ли, как везде он держится решения Петра и раскрывает прежнее его поведение, чтобы иудеи приняли увещание по–видимому не из уст Павла, а от мнения Петра, которое он показал делами? Поэтому он и говорит: "**опасаясь обрезанных**", и "**они не прямо поступают по истине Евангельской**". А на самом деле не так; да не будет; мы это доказали многими доводами; но как тогда Павел укорял, а Петр слушал это молчал, чтобы не подорвать распоряжения Павла, и принял упрек, как бы поступивши неправильно, чтобы это послужило для него оправданием пред учениками, так точно он и теперь с такою же мыслью, с какою укорял Петра, пишет то, что написал к галатам. Если тогда укоризна Петру и его молчание были полезны иудеям, то гораздо более теперь этот рассказ о нем был бы полезен растленным из галатов. Как тогда вращавшиеся в Антиохии, видя Петра сильно укоряющим и молящим, исправлялись этим обвинением учителя и его молчанием, так и теперь галаты болевшие иудейскими предрассудками, слыша рассказ

Павла о том, что Петр "**не прямо постуает по истине Евангельской**", и что, будучи укоряем за это молчал, получали от этого обвинения величайшее наставление не держаться более иудейских обычаев. Поэтому Павел и тогда укорял, и теперь упоминает о сделанном тогда упреке; но не меньше его нужно удивляться за это и Петру, принявшему все сказанное. Он исправил все, выдержал обвинение и промолчал. Такова выгода этого распоряжения. Так у нас тот и другой апостол и от нареканий освобождаются и оказываются достойными бесчисленных похвал, как старавшиеся все и слушать и говорить для спасения остальных. Мы же наконец призовем Бога, связавшего их друг с другом узами единомыслия, да и нас соединить любовью друг к другу, чтобы, имея единомыслие друг с другом по Боге, мы могли удостоиться увидеть тех святых и обрестись в вечных их обителях, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том III

Книга 2

XXVI. БЕСЕДЫ на Евтропия

евнуха, патриция и консула.

БЕСЕДА 1.

БЕСЕДА 2.

когда Евтропий, найденный вне церкви, был схвачен, и о садах и писаниях, и на слова: "Стала царица одесную Тебя" (Псал.44:10).

XXVII. БЕСЕДА

когда Сатурнин и Аврелиан были отправлены в ссылку, и Гайна вышел из города, и о сребролюбии.

XXVIII. СЛОВО о возвращении

св. Иоанна из Азии в Константинополь.

XXIX. СЛОВО

о принятии Севериана.

XXX. СЛОВО О МИРЕ

произнесенное еп. Северианом, когда он принят был блаженным Иоанном, епископом Константинопольским.

XXXI. БЕСЕДА

пред отправлением в ссылку.

XXXII. БЕСЕДА

по возвращении из изгнания.

XXXIII. БЕСЕДА

когда отправлялся в ссылку.

XXXIV. БЕСЕДА

по возвращении из первой ссылки.

XXXV. БЕСЕДА

по возвращении из первой ссылки.

XXXVI. Беседа о жене хананейской,

сказанная по возвращении (святителя) из ссылки.

XXXVII. Слово

о том, что кто сам себе не вредит, тому никто вредить не может.

XXXVIII. Слово

к тем, которые соблазняются происшедшими несчастьями, а также о гонении и бедствии народа и многих священников, и о непостижимом, и против иудеев

БЕСЕДЫ, СЛОВА И ПИСЬМА

БЕСЕДА

на Евтропия евнуха, патриция и консула

Всегда, но особенно теперь благовременно сказать: **“Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, - все суета!”**(Еккл.1:2). Где теперь пышная обстановка консульства? Где блестящие светильники? Где рукоплескания и ликования, пиршества и праздники? Где венки и завесы? Где городской шум и хвалебные клики на конских бегах и льстивые речи зрителей? Все это прошло: вдруг подул ветер и сорвал листья, обнажил дерево и потряс его до основания с такою силою, что, казалось, вырвет его с корнем и разрушит самые волокна его. Где теперь притворные друзья? Где пиры и обеды? Где толпа тунеядцев и ежедневные возлияния вина, и изысканность поварского искусства, и поклонники могущества, льстившие словом и делом? Все это было, как ночь и сновидение и с наступлением дня исчезло; это были весенние цветы, и с удалением весны все увяло; была тень – и прошла; был дым – и рассеялся; были пузыри - и лопнули; была паутина – и расторглась. Посему мы и воспеваем это духовное изречение, постоянно повторяя: **“Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, - все суета!**”. Это изречение навсегда должно быть написано и на стенах, и на одеждах, и на площади, и на доме, и на дорогах, и на дверях, и в преддвериях, а в особенности на совести каждого, и должно быть повторяемо постоянно. Так как коварство в делах, притворство и лицемерие принимаются многими за истину, то каждому должно всякий день и за обедом, и за ужином, и в собраниях повторять ближнему и слышать от ближнего это изречение: “**Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, - все суета!**”. Не говорил ли я тебе постоянно, что богатство есть беглый раб? А ты нас не слушал. Не говорил ли я, что оно – неблагодарный слуга? А ты не хотел верить. Вот опыт на деле показать, что оно не только беглый и неблагодарный раб, но и человекоубийца; ведь оно теперь заставило тебя трепетать и страшиться. Не говорил ли я тебе, - хотя ты постоянно запрещал мне говорить правду, - что я люблю тебя

более, чем льстецы, что я, обличая, забочусь о тебе более, чем те, которые угождают? Не прибавлять ли к этим словам, что: “**Искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего**” (Притчи 27:6)? Если бы ты переносил мои уязвления, то их лобзания не причинили бы тебе этой смерти, потому, что мои уязвления производят здоровье, а их лобзания нанесли неизлечимую болезнь. Где теперь твои виночерпии? Где те, которые расталкивали перед тобою народ на площади и говорили тебе пред всеми тысячи похвал? Они разбежались, изменили дружбе, ищут для себя безопасности в твоем мучении.А мы не так: мы и тогда не оставляли тебя не смотря на твое негодование, и теперь падшего тебя покрываем и защищаем. Церковь, которая терпела от тебя гонение, открыла для тебя свои недра и приняла тебя, а зрелища, которым ты покровительствовал и из-за которых ты часто негодовал на нас, предали тебя и погубили. Мы никогда не переставали говорить: что ты делаешь? Ты неистовствуешь против Церкви и сам стремишься на край гибели. Но ты все это оставлял без внимания. И вот конские состязания, поглотившие твое богатство, изощрили на тебе меч; а Церковь, испытавшая на себе твой безвременный гнев, обходит везде, желая избавить тебя от сетей.

2. Это я говоря теперь, не попирая падшего, но желая утвердить стоящих, не растравляя ран пострадавшего, но желая сохранить здоровье еще не раненых, не предавая утопающего в жертву волнам, но научая плывущих при попутном ветре, чтобы они не потонули. Как можно достигнуть этого? Если мы будем помнить о непостоянстве человеческих дел. И этот человек, - если бы он боялся непостоянства, не был бы теперь жертвою. Но если он не исправился ни сам по себе, ни при помощи других, то по крайней мере вы, гордящиеся своим богатством, в его несчастии найдите для себя полезный урок. Нет ничего ничтожнее дел человеческих. Какое бы слово ни употребил кто для обозначения их ничтожества, оно будет бледнее истины. Назовешь ли их дымом, или травою, или сном, или весенними цветами, или чем бы то ни было, они действительно тленны наравне со всем этим; они даже менее, чем ничто. И при таком своем ничтожестве они еще подвергают нас великой опасности, как это видно из настоящего случая. Кто был выше этого человека? Не превзошел ли он всех в мире своим богатством? Не достиг ли самой вершины почестей? Не все ли трепетали пред ним и боялись его? Но вот он сделался несчастнее узников, жалче рабов, беднее нищих, томимых голодом, каждый день видя пред собою изощренные мечи, и пропасть, и палачей, и ведение на смерть. Он не помнит уже прежнего величия и даже не видит солнечного света; самый полдень для него – глубочайшая ночь: заключенный в стенах, он как бы лишен зрения. Впрочем, сколько бы мы ни старались, мы не можем выразить словами то страдание, какое он должен терпеть, ожидая каждый час смертной казни. И нужны ля наши слова, когда он сам ясно изобразил нам это, как бы на картине? Вчера, когда пришли за ним из царского дворца, с тем, чтобы насильно взять его, и он прибежал к святилищу, лицо его было, как и теперь, нисколько не лучше, чем у мертвеца; а скрежет зубов, и дрожь, и трепет во всем теле, и прерывистый голос, и онемевший язык, и вся наружность были таковы, каковы могут быть у человека с окаменевшую душою.

3. И это говорю я, не порицая и не издеваясь над его несчастием, но желая смягчить ваши души, склонить к состраданию и убедить довольствоваться совершившимся наказанием. Многие у нас столь бесчеловечны, что даже и нас укоряют за то, что мы приняли его в святилище; поэтому я и выставляю на вид его страдания, желая словами своими смягчить их бесчувственность.

И почему, скажи мне, возлюбленный, ты негодуешь? Потому, говоришь, что нашел убежище Церкви тот, который постоянно враждовал против нее. Но потому особенно и нужно прославлять Бога, что он попустил (противнику Церкви) впасть в такую крайность, чтобы он познал и силу, и человеколюбие Церкви, - силу в том, что за вражду против нее

он потерпел такое несчастье, а человеколюбие в том, что она, после всех притеснений, покрывает его теперь щитом, взяла его под свои крылья и поставила вне всякой опасности, не вспомнив ни о чем из прежнего, но открывать ему свои недра с великой любовью. (Для Церкви) это –самый славный трофей; это – (её) блестящая победа; это посрамление эллинов, это пристыжает иудеев. В этом с новым блеском проявилось Величие Церкви: взяв в плен врага, она не только щадит его, но когда все оставляют его одиноким, она одна, как нежно любящая мать, скрыла его под своим покровом и стала против царского гнева, против ярости народа и против невыразимой ненависти. Это – украшение алтаря. Какое, скажешь, украшение в том, что алтаря касается человек преступный, корыстолюбец и грабитель? Не говори этого: и блудница коснулась ног Христовых, а она была весьма преступна и нечиста, и однако это послужило для Иисуса не в вину, а в похвалу и великую славу, потому что нечистая не повредила чистому, но чистый и не скверный сделал преступную блудницу чистою через прикосновение. Не будь же злопамятен ты, человек; мы – рабы Того, Который на кресте сказал: “**прости им, ибо не знают, что делают**” (Лук.23:34). Но, скажешь, он сам заградил здешнее убежище разными указами и законами? Но вот он на деле узнал, что такое он сделал, и своими поступком сам первый перед лицом всей вселенной нарушил закон, и (теперь) отсюда без слов убеждает всех: не делайте этого, чтобы вам не испытать того же. Несчастие сделало его учителем. И этот алтарь изливает великий свет, оказываясь теперь особенно страшным потому, что держит связанным льва, подобно тому, как царское изображение большее впечатление, когда оно представляет не просто царя на престоле, в порфире и диадеме, но и то, что под его ногою лежат варвары со связанными назад руками и с поникшими вниз головами. Впрочем, нет нужды в убеждении словами, когда вы сами свидетельствуете об этом своим усердием и стечением. Подлинно, светлое у нас сегодня зрелище и блестящее собрание! Только в Святую Пасху я видел столько собравшегося народа, сколько вижу здесь теперь: так этот человек молча созвал всех: его дела прогремели громче трубы. И вот девы, оставив свои покои, жены – свои комнаты, и мужья – рынок, все вы собрались сюда, чтобы видеть, как обличается человеческая природа, как открывается тленность житейских дел и как с лица блудницы, которое сияло красотою вечера и третьего дня, переменою судьбы словно губкою стираются притирания и прикрасы, - ведь таково счастье, приобретаемого в погоне за богатством! – и она оказывается безобразнее морщинистой старухи.

4. Так велика сила этого несчастия, что человека славного и знатного оно сделало теперь ничтожнее всех. Войдет ли сюда богач – он получит (здесь) хороший урок. Он увидит, как сокрушен и повергнут в прах тот, кто потрясал всю вселенную, как боится и трепещет он, оказавшись трусливее зайца и лягушки, без цепей прикованный к этому столбу и вместо оков связанный одним страхом. (Это зрелище) укротит пыль (всякого богача), разъест его надменность, и он, начав ценить человеческие дела так, как следует их ценить, выйдет отсюда, научившись на деле тому, о чем Писания говорят в словах: “**Всякая плоть - трава, и вся красота ее - как цвет полевой**" (Ис. 40:6) и еще: “**ибо они, как трава, скоро будут подкошены и, как зеленеющий злак, увянут**” (Псал.36:2); “**как дым, дни мои**” (Псал.101:4), и тому подобное. В свою очередь бедный, войдя и увидев такое зрелище, не будет считать себя несчастным и оплакивать свою бедность, но станет благодарить свою нищету, за то, что она составляет для него безопасное убежище, безмятежную пристань и твердую стену. И не раз, имея перед глазами этот пример, он предпочтет остаться в том состоянии, в каком находится теперь, чем, на короткое время получить власть (хотя бы) над всем миром, потом подвергнуть опасности и самую жизнь свою. Видишь, как от этого бегства его сюда – не малая польза и для богатых и для бедных, и для низких и для высоких и для рабов и для свободных? Видишь, как отсюда каждый уходит, получив врачевство, исцеляясь от одного зрелища? Не смягчил ли я вашего чувства не отклонил ли гнева? Не истребил ли жестокости? Не склонил ли к

страданию? Я весьма уверен в этом, и свидетельствуют о том ваши лица и потоки слез. Итак, если в сердцах ваших камень превратился в тучную и плодоносную ниву, то, произрастив плод милосердия и показать цветущий колосс сострадания, припадем теперь к царю, или лучше, будем умолять человеколюбивого Бога смягчить гнев царя и сделать нежным его сердце, чтобы он оказал нам полную милость. И уже с того дня, когда этот человек нашел здесь убежище, произошла не малая перемена. Когда царь узнал, что он прибежал в это убежище, и когда собравшееся войско негодовало на его преступление и требовало его смерти, тогда царь произнес длинную речь, чтобы укротить ярость войска, уговаривая обратить внимание не только на грехи (беглеца), но и на хорошие дела его, и объявляя, что за эти дела сам он благодарен ему, а за другое прощает его, как человека. Когда же они опять настаивали на отмщении за оскорбление царя, взывая, прыгая, требуя смерти и потрясая копьями, тогда он, пролив потоки слез из своих кротчайших очей и напомнив о священной трапезе, к которой прибегнул несчастный, таким образом наконец укротил их гнев.

5. Теперь приложим и мы должное с нашей стороны. Иначе, какого вы удостоитесь прощения, если, когда царь, сам оскорбленный, не помнит зла, вы, не потерпев ничего подобного, будете показывать такой гнев? И как, по окончанию этого зрелища, вы будете приобщаться тайн и произносить ту молитву, в которой нам заповедано говорить: “**и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим** “ (Матф.6:12), если будете требовать наказания вашему должнику? Но он сделал великие несправедливости и обиды? И мы не отвергаем этого; но теперь время не суда, а милости, не расследования, а человеколюбия, не допроса, а прощения, не приговора и осуждения, а сострадания и помилования. Поэтому, пусть никто не раздражается и не предается негодованию, но лучше будем умолять человеколюбивого Бога – продолжить жизнь несчастного и исторгнуть его из грозящей ему гибели, чтобы он загладил свои преступления, и все вместе приступим к человеколюбивому царю, прося его во имя Церкви, во имя алтаря, даровать священной трапезе одного человека. Если это мы сделаем, то и сам царь будет доволен, и Бог прежде царя одобрит и воздаст нам великую награду за наше человеколюбие, потому, что Он отвращается и ненавидит жестокого и бесчеловечного, а милосердного и человеколюбивого принимает и любит и, если это будет праведник, сплетает ему светлейшие венцы, а если грешник, прощает ему грехи в награду за его сострадание к подобному себе рабу. “**Ибо Я милости**”, говорит Он: “**хочу, а не жертвы**” (Ос. 6:6); и везде в Писаниях ты видишь, что Он всегда этого ищет и говорит, что это служит к отпущению грехов. Так и мы умилостивим Его, и тем избавимся от своих грехов и украсим Церковь. Тогда и человеколюбивый царь похвалит нас, как я выше сказал, и весь народ будет рукоплескать; тогда концы вселенной будут удивляться человеколюбию и кротости нашего города, и жители всей земли, узнав о случившемся, будут прославлять нас. Итак, чтобы нам насладится такими благами, припадем, будем просить и умолять, исторгнем из опасности пленника, беглеца, просящего о помощи, чтобы и нам самим сподобится будущих благ, благодати и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

когда Евтропий, найденный вне церкви, был схвачен, и о садах и писаниях, и на слова: "Стала царица одесную Тебя" (Псал.44:10).

1. Приятен луг, приятен сад, но гораздо приятнее чтение божественных Писаний. Там – увядающие цветы, а здесь – цветущие мысли; там – дыхание зефира, а здесь – веяние Духа; там служит оградою терновник, а здесь охраняет промысел Божий; там – пение кузнечиков, а здесь – речи пророков; там – удовольствие от зрения, а здесь - польза от

чтения; сад – в одном каком-то месте, а Писания – во вселенной; сад подчинен переменам времен года, а Писания и зимою и летом украшены листьями, обременены плодами. Будем же прилежны в чтении Писаний. Если ты внимаешь Писанию, то оно удаляет от тебя уныние, доставляет удовольствие, истребляет злоба, укореняет добродетель, не допускает бедствовать в вихре забот, подобно обуреваемым волнами. Море бушует, а ты плывешь в тишине: у тебя кормчий чтение Писания, а этого каната не расторгает искушение обстоятельств. И сами дела свидетельствуют, что я не лгу. На этих днях Церковь была осаждена; приступило войско и метало огонь из глаз, но маслины не иссушило; мечи были обнажены, но раны никто не получил; царские двери были теснимы, но Церковь осталась в безопасности; хотя здесь и разразилась война. Здесь искали убежавшего, но мы предстояли, не страшась их ярости. Почему? Мы имели верный залог в словах: "**ты - Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее**" (Матф. 16:18). Церковью я называю не только место, но и нравы, не стены Церкви, но законы Церкви. Когда ты ищешь убежища в Церкви, то ищи не в стенах, но в (расположении) души, потому, что Церковь - не стена и кровля, но – вера и жизнь.

Не говори, что предан Церковью тот, кто предан; если бы он не оставил Церкви, то не был бы предан. Не говори, что он искал убежища и был предан; не Церковь оставила его, но он сам оставил Церковь; не в Церкви он был предан, но вне нее. Зачем он оставил Церковь? Ты хотел спастись? Тогда ты должен был держаться жертвенника; не стены здесь доставляют опасность, но промысел Божий. Ты был грешником? Бог не отвергает тебя; Он и пришел: "**призвать не праведников, но грешников к покаянию**" (Матф.9:13). Блудница спаслась, когда коснулась ног Его. Вы слышали прочитанное сегодня? Это я говоря для того, чтобы ты никогда не сомневался прибегать под кров Церкви. Пребывай в Церкви и не будешь предан Церковью. Если же ты убежишь из Церкви, то Церковь не виновна. Если бы ты был в ней, волк не вошел бы; а если выйдешь из нее, то будешь схвачен зверем, и это – не от ограды, но от твоего малодушия. Ничего нет равного Церкви. Не говори мне о стенах и оружии; стены от времени ветшают, а Церковь никогда не старится; стены разрушаются варварами, а Церкви не побеждают и бесы. А что эти слова не хвастовство, о том свидетельствуют дела. Сколько было нападавших на Церковь, и нападавшие сами погибли? А она взошла выше небес. Таково величие Церкви: когда нападают на нее, она побеждает; когда злоумышляют против нее, она преодолевает; притесняемая, она прославляется; получает раны – не изнемогает, среди ярости волн, не утопает, в порывах бури не терпит кораблекрушения, в борьбе неодолима, в сражении непобедима. Разразилась эта война – и Церковь увенчана новой славою. Вы присутствовали в том день и видели, сколько поднималось оружия, ярость войска была сильнее огня, и мы спешили в царский дворец. И что же? По благодати Божией, ничто не смутило нас.

2. Это говорю я для того, чтобы и вы подражали. Почему же мы не смутились? Потому, что не боимся никаких настоящих бедствий. И что составляет бедствие? Смерть? Она – не бедствие, потому, что чрез нее мы скорее достигаем безмятежной пристани. Или лишение имущества? "**наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь**" (Иов. 1:21). Или изгнание? "**Господня - земля и что наполняет ее**" (Псал.23:1). Или клеветы? "**Радуйтесь и веселитесь, когда будут поносить вас, ибо велика ваша награда на небесах**" (Матф.5:11:12). Я видел мечи, и думал о небе; ожидал смерти и помышлял о воскресении; видел земные страдания, и исчислял небесные награды; смотрел на козни, и представлял себе небесный венец; самая цель борьбы ободряла меня и утешала. Я был в опасности, но это не причинило мне вреда, потому, что только одно вредно – грех. Хотя бы вся вселенная старалась вредить тебе, но, если ты сам себе не будешь вредить, то не потерпишь вреда. Предательство только одно – от совести; не предавай своей совести, и никто не предаст тебя. Я был в опасности, но зато видел дела, или лучше – видел, что мои

слова сделались делами, - (что) моя беседа, произнесенная словами, была на площади проповедана делами. Какая беседа? Та которую повторял я всегда: "**Засыхает трава, увядает цвет, когда дунет на него дуновение Господа**" (Ис.40;7); прошла ночь, и явился день; удалилась тень, и явилась истина; взошли до небес, и ниспали в долину. Волны, поднимавшиеся высоко, усмирены человеческими делами. Каким образом? В этом дан был нам урок. И я говорил самому себе: ужели не вразумятся потомки? Ужели, еще не прошло двух дней, и случившееся предано забвению? Но еще живы эти воспоминания! Опять скажу, опять буду говорить. Какая от того польза? Конечно, есть польза. Если услышат не все, то услышит половина; если не услышит половина, то третья часть; если не третья, то четвертая; если не четвертая, то десять человек; если не десять, то пять; если не пять, то один; хотя бы даже и один, я имею готовую награду: "**Засыхает трава, увядает цвет, слово Бога нашего пребудет вечно**" (Ис.40:7:8).

3. Видите ли ничтожество дел человеческих? Видите ли непрочность власти? Видите ли, что богатство, которое я всегда называл беглым рабом, есть не только беглый раб, но и человекоубийца? Оно не только оставляет тех, которые имеют его, но и убивает их; когда привязываются к нему, тогда особенно оно и предает. Для чего ты заботишься о богатстве, которое сегодня у тебя, завтра у другого? Для чего заботишься о богатстве, которое нельзя удержать? Хочешь ли сберечь его, хочешь ли удержать его? Не зарывай его, но отдай его в руки бедных. Богатство, как дикий зверь: если удерживают его, оно убегает, если расточают, остается: "**расточил**" говорится в Писании: "**роздал нищим; правда его пребывает во веки**" (Псал.111:9). Расточай, чтобы оно оставалось, не зарывай, чтобы не убегало. Где ваше богатство? – охотно спросил бы я тех, которые ушли. Это говорю я, не обижая, - да не будет, - не растравляя ран, но обращая кораблекрушение других в пристань для вас. Когда явились воины, блеснули мечи, когда город был объят пламенем (возмущения), когда диадема не имела силы, когда порфира была оскорбляема, когда все было в неистовстве, тогда где было богатство, где серебряные сосуды, где серебряные ложа? Где слуги? Все они убежали. Где евнухи? Все они обратились в бегство. Где друзья? Они сняли маски. Где дома? Они заперты. Где деньги? Владелец их убежал. А сами деньги где? Они зарыты. Где спрятано все это? Но не стал ли я тяжелым, не стал ли несносным, постоянно повторяя, что богатство предает тех, которые худо пользуются им? Пришло время, которое показало истину этих слов. Для чего ты удерживаешь богатство, которое во время искушения не приносит тебе никакой пользы? Если оно имеет силу, то пусть поможет тебе, когда ты попадешь в нужду; если же тогда оно убегает, то какая тебе от него польза? Сами дела показывают это. Какая от него польза? Острые мечи, грозящая смерть, неистовое войско, ожидание такой грозы: а богатства нигде нет. Куда ушел этот беглый раб? Сам он приготовил тебе все это и во время нужды убегает. Многие осуждают меня, постоянно повторяя, что я нападаю на богатых, как и они всегда нападают на бедных. Я нападаю на богатых, но не вообще на богатых, а на тех, которые худо пользуются богатством. Я всегда говорю, что обвиняю не богача, но грабителя. Иное дело – богач и иное – грабитель; иное - достаточный и иное – корыстолюбивый. Различай предметы и не смешивай того, чего не должно смешивать. Ты богат? Я не препятствую. Ты грабитель? Я осуждаю. Ты владеешь своим? Пользуйся им. Ты похищаешь чужое? Яне молчу. Хочешь побить меня камнями? Я готов пролить свою кровь, только бы остановить твой грех. Я не забочусь о ненависти, не забочусь о вражде; об одном только забочусь – о преуспеянии слушателей. И богатые - мои дети, и бедные – мои дети; одна и та же утроба произвела тех и других, при одних болезнях родились те и другие. Поэтому, когда ты притесняешь бедного, я обвиняю тебя; притом ты не столько вредишь бедному, сколько - самому себе, потому, что бедный не получает никакого важного ущерба, - он терпит только денежный убыток, - а ты терпишь вред в душе. Кто хочет, пусть поражает меня; кто хочет, пусть побивает меня камнями; кто хочет, пусть ненавидит меня; злоумышления служат для меня залогом венцов, и по числу ран – я ожидаю наград.

4. Так, я не боюсь злоумышления; одного только боюсь – греха. Только бы во грехе не уличил меня кто-нибудь, и тогда пусть враждует против меня вся вселенная; эта вражда делает меня более славным. Этому и вас хочу я научить. (Не страшитесь злоумышления человека сильного, но страшитесь силы греха. Человек не причинит тебе вреда, если ты не поразишь сам себя. Если у тебя нет греха, то пусть угрожают тысячи мечей, - Бог спасет тебя. Если же у тебя есть грех, то хотя бы ты был в раю, будешь извержен. В раю был Адам – и пал; на гноище был Иов – и увенчан. Какую пользу принес тому рай, и какой вред причинило этому гноище? Против того никто не злоумышлял, и он пал; а против этого – дьявол, и он увенчан. Не отнял ли у него дьявол имущества? Но не отнял благочестия. Не лишил ли его детей? Но не поколебал веры. Не растерзал ли его тела? Но не нашел сокровища. Не вооружил ли его жену? Но не поверг воина. Не пускал ли в него стрелы и копья? Но он не получил ран. Придвинул орудия, но не поколебал башни; навел волны, но не потопил корабля. Соблюдайте же этот закон, увещеваю вас и ног ваших касаюсь, если не рукой, то мыслью, и проливаю слезы. Соблюдайте этот закон, и никто не причинит вам вреда. Никогда не ублажайте богатого; никогда не считайте несчастным никого, кроме находящегося во грехе; ублажайте того, кто – в праведности. Не свойство вещей, но душевное расположение людей делает и тем и другим. Никогда не бойся мечей, если совесть не будет обвинять тебя; никогда не бойся в борьбе, если чиста, будет твоя совесть.) Где отшедшие, скажи мне? Не все ли преклонялись перед ними? Не все ли, имеющие власть, больше других трепетали перед ними? Не им ли угождали? Но пришел грех, и все ниспровергнуто; низкопоклонники сделались судьями, льстецы – палачами; целовавшие руки, сами влекли его (Евтропия) из церкви; кто вчера целовал руку, тот сегодня – враг. Почему? Потому, что и вчера неискренне любил. Пришло время, и обнажились маски. Не ты ли вчера целовал его руки, называл и спасителем и покровителем, и благодетелем? Не ты ли придумывал тысячи похвал? Зачем же сегодня обвиняешь? Вчера хвалитель, а сегодня обвинитель? Вчера похвалы, а сегодня составляешь обвинения? Что за перемена? Что за превращение?

5. Но я не таков: я стал защитником того, кто злоумышлял против меня. Я потерпел множество бедствий, и не мстил, потому, что я подражаю Господу моему, который на кресте сказал: "**прости им, ибо не знают, что делают**" (Лук. 23:34) Это я говорю для того, чтобы вы не заразились подозрительностью злых людей. Сколько было перемен с того времени, как я сделался предстоятелем в этом городе, и никто не исправляется! Говоря: никто, я не всех осуждаю; да не будет; не может быть конечно, чтобы эта тучная нива, приняв семена, не произвела плода! Но я ненасытен, я хочу, чтобы не немногие, но все. Если даже один остается погибающим, и я погибаю и не колеблюсь подражать тому пастырю, который имел девяносто девять овец и пошел за одною заблудившеюся (Лук. 15:4). Доколе деньги? Доколе серебро? Доколе золото? Доколе возлияния вина? Доколе ласкательство слуг? Доколе увенчания чаши? Доколе пиршества сатанинские – служение воле дьявола?

Разве ты не знаешь, что настоящая жизнь есть путешествие? Разве ты гражданин? Ты – путник. Понял ты, что я сказал? Ты не гражданин, а путник и странник. Не говорите: у меня такой-то город, а у меня такой-то. Ни у кого нет города; город – горе; а настоящее есть путь. И мы путешествуем каждый день, пока движется природа. А есть ли такой, кто на пути откладывал бы деньги? Есть ли такой, кто на пути зарывал бы золото? Когда ты войдешь в гостиницу, то, скажи мне, украшаешь ли эту гостиницу? Нет, но ешь и пьешь и спешишь выйти. Настоящая жизнь, есть гостиница. Мы пришли и проводим здесь настоящую жизнь; постараемся же выйти с доброю надеждою; ничего не будем оставлять здесь, чтобы не погубить там. Когда ты войдешь в гостиницу, то что говоришь слуге? – Смотри, куда кладешь вещи; не оставь чего-нибудь здесь, чтобы не пропало что-нибудь, ни одна мелочь, ни один пустяк, чтобы все принести нам домой. Так мы и в настоящей

жизни будем смотреть на жизнь, как на гостиницу, и ничего не будем оставлять здесь, в гостинице, но все понесем в отечество. Ты – путник и странник: или – лучше – ты меньше и путника. Как это? Сейчас объясню. Путник знает, когда он входит в гостиницу, и когда выходит, потому, что он властен и выйти и войти; а я, входя в гостиницу, т.е. в настоящую жизнь, не знаю, когда выйду. Иногда я приготовляю питание на долгое время, а Господь внезапно взывает ко мне: "**безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?**" (Лук.12:20) Неизвестен выход, непрочно стяжание, тысячи стремнин, со всех сторон волны. Зачем же ты увлекаешься этим призраком безумия? Зачем, оставив истину, прибегаешь к теням?

6. Это я говорю и не перестану говорить, возбуждая постоянную печаль и успокаивая раны, и не для падших, но для устоявших. Те отошли и получили конец, а устоявшие сделались через их несчастье более безопасными. Что же скажешь нам делать? Одно делай: возненавидь деньги и люби свою жизнь. Отвергни имущество, не говорю – все, но отдели лишнее. Не желай чужого, не обирай вдовицы, не похищай у сироты, не овладевай их домом. Я говорю не о лицах, но о делах. Если же кого укоряет совесть, то он сам виноват, а не мое слово. Зачем похищаешь там, где зависть? Похищай там, где венец. Похищай не землю, а небо: "**Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его**" (Матф.11:12). Зачем похищаешь у бедного, который жалуется? Похищай у Христа, который хвалит. Видишь ли безумие и неистовство? Ты похищаешь у бедного, который имеет немногое? Христос говорит: "**у Меня похищай, и Я буду благодарить тебя за похищение; царство Мое похищай и бери силою**" Если бы ты захотел похитить царство земное, или – лучше – если бы захотел даже подумать о том, ты был бы наказан; а а царства небесного если не похитишь, то будешь наказан. Где житейское, там зависть; а где духовное, там любовь. Об этом размышляй каждый день, чтобы, опять увидеть после двух дней кого-нибудь несущимся на колеснице, одетым в шелковую одежду, надмевающимся, ты не смутился и не встревожился. Не хвали богатого, но только того, кто живет праведно. Не осуждай бедного, но учись иметь о вещах правильное и не обманчивое суждение.

Не удаляйся от Церкви; потому, что нет ничего сильнее Церкви. Твоя надежда – Церковь, твое спасение – Церковь, твое убежище – Церковь. Она выше неба, обширнее земли. Она никогда не стареет, но всегда цветет. Поэтому Писание, выражая твердость её и непоколебимость, называет ее горою; за её непорочность, называет ее девою; за великолепие называет царицей; за родство с Богом называет дщерью; за многочадие, называет её, бывшею бесплодною, рождающую семерых: множество названий, чтобы представить её благородство! Как Господь её имеет много имен: и отцом называется, и путем называется, и жизнью называется, и светом называется, и мышцею называется, и очищением называется, и основанием называется, и дверью называется, и безгрешным называется, и сокровищем называется, и Господом называется, и Богом называется, и Сыном называется, и Единородным называется, и изображением Божьим и образом Божьим называется, - разве достаточно одного имени для выражения всего? – нет, но для того множество имен, чтобы мы знали о Боге хотя немногое, - так и Церковь называется многими именами. Она называется девою, хотя прежде была блудницею, потому, что это и есть чудное дело Жениха, что Он взял блудницу, и сделал девою. Необыкновенные и дивные дела! Брак у нас разрушает девство, брак у Бога восстанавливает девство. У нас, бывшая девою, вступив в брак, уже не дева; у Христа, бывшая блудницею, вступив в брак, делается девою.

7. Пусть это одно объяснит еретик, исследующий горнее рождение и говорящий: как родил Отец? Скажи ему: как Церковь, бывшая блудницею, сделалась девою? И как родившая осталась девою? "**Ибо я ревную о вас ревностью Божьею**", - говорит Павел:

"**потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою**" (2Кор.11:2). О, мудрость и разумение! "**Ибо я ревную о вас ревностью Божьею**". Что это значит? "**Ревную**", говорит он. Ревнуешь, ты, духовный? "**Ревную**", говорит, как "**Бог**". И Бог ревнует? Да, ревнует, не страстью, но любовью и желанием. "**Ибо я ревную о вас ревностью Божьею**".

Сказать ли тебе, как Бог ревнует? Видел он, что земля развращается бесами, и отдал Сына своего. Конечно, слова, употребляемые в отношении к Богу, имеют не то же самое значение; например, ревнует Бог, гневается Бог, раскаивается Бог, ненавидит Бог. Это – слова человеческие, но смыл их должен быть богоприличный. Ревнует ли Бог? "**Ибо я ревную о вас ревностью Божьею**" Гневается ли Бог? "**Господи! не в ярости Твоей обличай меня**" (Псал.6:2). "**Даже не спит ли Бог? Восстань, что спишь, Господи!**" (Псал. 43:24)? Раскаивается ли Бог? "Раскаялся, что сотворил человека" (Быт.6:7) Ненавидит ли Бог? "**Новомесячий и суббот, праздничных собраний не могу терпеть**" (Ис.1:14). Но ты не обращай внимания на простоту выражений, а пойми богоприличный смысл их. Ревнует Бог, потому, что любит. Гневается Бог не страстью, но возмездием и наказанием. Спит Бог, но не сном, а долготерпением. Принимай выражения с разбором. Так и тогда, когда слышишь, что Бог рождает, разумей не отсечение, а единосущие. Подлинно, много выражений Бог заимствовал от нас, и мы – от Него, чтобы это послужило к нашей чести.

8. Понял ли ты, что я сказал? Слушай со вниманием, возлюбленный. Есть имена божеские и имена человеческие. Взял Он от меня, и сам дал мне. Дай мне свои, говорит Он, и возьми Мои. В Моих ты имеешь нужду; не Я нуждаюсь, но ты; так как Моя сущность нетленна, а ты – человек, облеченный плотью, то ты и ищешь выражений плотских, чтобы ты, облеченный плотью, мог через известные тебе слова уразуметь превышающие тебя понятия. Какие же имена Он взял от меня, и какие дал мне? Сам Он Бог, и меня назвал богом; там таково естество предмета, а здесь почетное имя. "**Я сказал: вы – боги и все – сыны Вышнего**" (Псал.81:6). Здесь слова, а там действительное естество. Он назвал меня богом, потому что я удостоен чести. Сам Он назвался человеком и сыном человеческим, назвался путем и дверью, назвался камнем. Эти имена Он взял от меня, а те от себя дал мне. Для чего он назвался путем? Для того, чтобы ты узнал, что через Него мы восходим к Отцу. Для чего назвался камнем? Чтобы ты познал истинность и непоколебимость веры. Для чего назвался основанием? Чтобы ты знал, что Он носит все. Для чего назвался конем? Чтобы ты знал, что на Нем мы произрастаем. Почему назвался пастырем? Потому, что Он пасет нас. Почему назвался овцою? Потому, что за нас он принес Себя в жертву и сделался очищением. Почему назвался жизнью? Потому, что Он воскресил нас, бывших мертвыми. Почему назвался светом? Потому, что избавил нас от тьмы. Почему назвался мышцею? Потому, что Он единосущен Отцу. Почему назвался словом? Потому, что Он родился от Отца: как мое слово происходит из моей души, так и Сын родился, от Отца. Почему назвался одеянием? Потому, что я облекся в Него, крестившись. Почему назвался трапезою? Потому, что я вкушаю Его, причащаясь тайн. Почему назвался домом? Потому, что я живу в Нем. Почему, назвался обителью? Потому, что мы делаем храмом Его. Почему назвался женихом? Потому, что Он избрал меня Себе в невесты. Почему назвался непорочным? Потому, что принял меня – деву. Почему назвался Владыкою? Потому, что я – раба Его.

9. Смотри, как Церковь, как я говорил, называется невестою, иногда дщерью, иногда девою, иногда рабою, иногда царицею, иногда неплодною, иногда горою, иногда раем, иногда многоплодною, иногда лилиею, иногда источником, и всякими именами. Только, слыша это, не представляй, увещеваю тебя, чего-нибудь чувственного, но возвысь свой ум; помни, что это не может быть чувственным. Например: гора не то же, что дева, дева –

не невеста, царица – не тоже, что раба; а Церковь – все это. Почему? Потому, что это – не в теле, а в душе; в теле это не поместилось бы, а в душе находится великое море. "**Стала царица одесную Тебя**" (Псал.44:10). Царица? Угнетенная, бледная, как стала царицею? И куда она взошла? Высоко предстала эта царица. Каким образом? Потому, что Царь сделался рабом; Он не был таким, а потом сделался. Помни же свойства Божества и помышляй о делах Его домостроительства; помни, кем Он был и кем сделался для тебя, и не смешивай предметов, и дела человеколюбия не обращай в повод к богохульству. Он был высок, а она унижена; высок не по месту, а по природе. Он есть Существо нетленное, неизменяемое, бессмертное, непостигаемое умом, невидимое, необъятное, всегда пребывающее таким, каково есть, превосходящее ангелов, высшее горних сил, побеждающее разум, превышающее ум, такое, которого невозможно видеть, а в которое можно только веровать. Ангелы видят Его и трепещут, херувимы пред Ним закрываются крыльями, - все в страхе. Он взирает на землю, и она колеблется; угрожает морю, и оно иссыхает; Он произвел реки из пустыни, поставил горы мерою и холмы весом. Как мне выразить, как представить? Величие Его не имеет пределов, премудрость Его не имеет числа: "**Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его**" (Римл. 11:33). Столь велик и столь высок Он, если только можно без опаски сказать это: столь велик и столь высок! Но что мне делать? Я человек и выражаюсь по человечески; я владею бренным языком и испрашиваю прощения у Господа. Конечно, не по гордости я употребляю такие выражения, но потому, что не имею других. Впрочем, я не останавливаю на скудости выражений, но возношусь выше на крыльях ума. Столь велик и столь высок: это я говорю для того, чтобы ты, не останавливаясь на выражениях и на скудости слов, научился и сам делать тоже. И зачем тебе удивляться, что я так делаю, когда и Он сам так поступает, желая представить что-нибудь, превышающее человеческие свойства? Так как Он беседует с людьми, то и употребляет образы человеческие; они, хотя недостаточны для выражения предмета речи и не могут представить его во всей мере, но достаточны для немощи слушателей.

10. Усиль свое внимание и не тяготись длинной речи. Когда Он является, то является не тем, что Он есть, является не открытая сущность Его (никто не видел Бога так, каков Он есть, потому, что когда он является со снисхождением, то трепещут херувимы; снисходят и дымятся горы; снисходит и иссыхает море; снисходит и колеблется небо; а если бы Он явился без снисхождения, то кто перенес бы это?) – Он не является тем, что Он есть, а тем, что может видеть взирающий; почему иногда является ветхим, иногда новым, иногда в огне, иногда в ветре, иногда в воде, иногда в оружии, не изменяя Своей сущности, а переменяя вид применительно к разным обстоятельствам. Так точно и тогда, когда хочет сказать что-нибудь о себе, Он употребляет человеческие образы. Например: (Господь) взошел в гору - "**и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет**" (Матф 17:2). Он открыл, говорится в Писании, немного Божества, показал ученикам обитающего в Нем Бога, "**и преобразился пред ними**". Вникните тщательно в эти слова. "**и преобразился пред ними**", говорится, и заблистала одежда Его как свет, а лицо Его как солнце. Я сказал: Он столь велик и столь высок, и прибавил: помилуй меня, Господи; (впрочем я не настаиваю на этом выражении, но недоумеваю и не знаю другого соответственного выражения). И теперь хочу внушить тебе, что я научился этому от Писания. Евангелист хотел показать блеск Его и сказал: " **просияло**". Скажи мне: как Он просиял? Очень светло. Как именно? " **как солнце?**" Да Почему же? Потому, что я не знаю другого более яркого светила. И был Он "**бел, как свет**" Почему же - " **бел как свет**"? Потому, что я не знаю другого более белого вещества. Но что Он не так только блистал, это видно из дальнейшего. "**ученики пали на лица свои**" (Матф.17:6). Если бы Он блистал, как солнце, то ученики не пали бы: ведь на солнце они смотрели ежедневно и однако не падали; ясно, что он блистал светлее солнца и света, и ученики, не перенесши этого блеска, упали.

11. Почему же, скажи мне, евангелист, Он просиял светлее солнца, а ты говоришь: "**как солнце**"? Да; желая сделать для тебя известным этот свет, я не знаю другого большего светила, не знаю другого образа, господствующего между светилами. Так я сказал, но чтобы ты не останавливался на скудости выражения, я указал тебе на падение учеников: они пали на землю, будучи поражены изумлением. "**Встаньте**" (ст.7), сказал Господь, и поднял их, а они были удручены. Они не перенесли чрезмерного блеска, но отяжелели глаза их, - настолько явившийся свет был больше солнечного. А евангелист сказал: "**как солнце**", потому, что это светило, будучи знакомо нам, превосходит все прочие светила. Или, как я сказал, столь великий и столь высокий оказал благоволение к блуднице. Бог оказал благоволение к блуднице? Да, к блуднице, т.е. к нашему естеству. К блуднице благоволит Бог? И человек, если стремится к блуднице, осуждается: а Бог оказывает благоволение к блуднице для того, чтобы блудницу сделать девою; таким образом пожелание человека служит в погибель той, к которой он стремится; благоволение Божие служит во спасение той, к которой Он благоволит. Столь великий и столь высокий благоволит к блуднице? Для чего? Для того, чтобы сделаться женихом ее. Что же Он делает? Он не посылает к ней никого из рабов, не посылает к блуднице ни ангела, ни архангела, ни серафима, но сам приходит со своею любовью. Опять, слыша о любви, ты не разумей любви чувственной. С разбором извлекай мысли из выражений, как прекрасная пчела, которая садится на цвета и извлекает мед, а травы пролетает мимо. Он благоволит к блуднице и что делает? Не возводит ее горе, потому, что Он не хотел возводить блудницу на небо, но сам снисходит. Так как она не могла взойти на небо, то Он Сам сошел на землю. Он приходит к блуднице и не стыдится; входит в ее хижину; взирает на нее нетрезвую. И как приходит? Не открытым существом Своим, а становится тем, чем была блудница, не призрачно, а по естеству становится таким, чтобы она, увидев Его, не устрашилась, не удалилась, не убежала. Он приходит к блуднице и делается человеком. Как делается? Зачинается в утробе, растет мало по малу и проходит путь своего возрастания. Кто возрастает? Домостроительствующий, а не самое Божество, образ раба, а не лицо Господа, моя плоть, а не Его сущность; Он возрастает мало по малу и общается между людьми. Он находит ту, к которой пришел, покрытой ранами, одичавшею, обремененною бесами. И что делает? Подходит к ней; а она увидела и отбежала. Он призывает волхвов. Чего вы боитесь? Я не судья, но врач: "**ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир**" (Иоан.12:47). Тотчас Он призывает волхвов. О, необычайные и дивные дела! Волхвы являются первенцами. Держащий вселенную полагается в яслях и управляющий всем повивается пеленами; устраивается храм и вселяется Бог. Приходят волхвы, и тотчас покланяются; приходит мытарь, и делается евангелистом; приходит блудница, и делается девою; приходит хананеянка, и принимается с человеколюбием. Любящему свойственно – не требовать отчета в грехах, но прощать беззакония и прегрешения. Что же Он делает? Принимает ее и обручает ее Себе. Что дает ей? Залог обручения. Какой? [Печать] Духа Святого. "**Утверждающий же**", говорит Павел, "**нас с вами во Христе и помазавший нас, Который и запечатлел нас и дал залог Духа в сердца наши**" (2-е Кор. 1:21:22). Он дает ей Духа. Зетам говорит: не в раю ли Я насадил тебя? Она отвечает: да. Как же ты пала оттуда? Пришел дьявол и вывел меня из рая. Ты насаждена была в раю, а дьявол изгнал тебя оттуда; вот Я поселю тебя во мне, и Сам стану носить тебя. Каким образом? Дьявол не смеет приступить ко мне; не на небо Я возвожу тебя, но здесь больше неба; в самом Владыке неба стану носить тебя. Пастырь носит, и волк уже не приступает, или – лучше – пусть он приступает. Господь носит наше естество, подходит дьявол и поражается. Я насадил тебя, говорит Он, в Себе самом; поэтому Он и сказал: "**Я есмь лоза, а вы ветви**" (Иоан. 15:5); так Он насадил ее в Себе самом. Что же далее? Но я грешник, говорил человек, я нечисть. Не беспокойся об этом, отвечает Господь, я – врач. Я знаю мой сосуд, знаю, как он испорчен; прежде он был глиняный и испортился; Я исправлю его баней паки бытия и предам его огню. Смотри же: Бог взял перст от земли и сотворил человека, образовал его; пришел

дьявол и извратил его; пришел сам Бог, снова взял человека, восстановил его, обновил его в крещении, и не оставил тела его глиняным, но сделал его “скудельным”. Он предал глину огню Духа: "**Он будет крестить вас Духом Святым и огнем**" (Матф. 3:11); крестит водою, чтобы обновить, а огнем, чтобы укрепить. Это издревле предсказывая, говорил пророк: "**сокрушишь их, как сосуд горшечника**" (Псал.2:9). Не сказал [просто]: "как сосуды глиняные", какими они бывают в употреблении, но - "**сосуд горшечника**", т.е., именно какими они бывают во время работы над ними на станке горшечника; [разница в том, что] в работе у горшечника они [просто] глиняные, а у нас сосуды "**горшечника**"[1]). Итак пророк употребляет выражение: "**сокрушишь их, как сосуд горшечника**", предусматривая обновление [падшего человека] через крещение. Он восстанавливает, говорит и обновляет. Я схожу в [воду] крещения, и мой вид преобразуется, огонь Духа обновляет его, и он делается горшечным. Что это не пустые слова, послушай Иова: "**как глину, обделал меня**" (Иов. 10:9). А Павел говорит: "**Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах**" (2-е Кор. 4:7). Но посмотри на твердость этого горшечного сосуда, который не огнем обожжен, а Духом. Каков же этот горшечный сосуд? "**От Иудеев пять раз дано мне было по сорока [ударов] без одного, три раза меня били палками, однажды камнями побивали**" и горшечный сосуд не разбился; "**ночь и день пробыл во глубине [морской]**", был в глубине, и горшечный сосуд не распался; "**терпел кораблекрушение**", а сокровище не погибло; корабль был в воде, а груз плыл (2-е Кор. 11:24:25). "**Но сокровище**" Какое сокровище? Наитие Духа, оправдание, освящение, искупление. Какое, скажи мне сокровище? "**во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи. - Эней! исцеляет тебя Иисус Христос, - обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее**" (Деян. 3:6, 9:34,16:18).

12. Видишь ли сокровище, блистательнейшее царских сокровищ? Может ли царский жемчуг сделать то, что совершали слова апостольские? Наложи тысячи диадем на мертвого, и он не встанет; а произнесено одно слово апостола, и оно восстановило мятежную природу и возвратило ее в прежнее состояние. "**Но сокровище сие**". О, сокровище, не только сохраняющееся, но и сохраняющее тот дом, в котором оно находится! Понял ли ты, что я сказал? Земные цари и начальники, имея сокровища, приготовляют великие дома, стены, запоры, двери, стражей, замки, чтобы сохранить сокровище; а Христос сделал иначе: Он положил свое сокровище не в каменный, а в глиняный сосуд. Если это сокровище велико, то почему слабый сосуд? Именно потому-то и слабый сосуд, что велико сокровище: не сосуд хранит это сокровище, а оно хранит сосуд. Я полагаю, говорил Он, сокровище, и кто может похитить его? Приходил дьявол, приходила вселенная, приходили тысячи, и не похитили сокровища; сосуд был поражаем ударами, а сокровище не далось; он был потопляем в море, а оно не потонуло; он умер, а сокровище остается. Вот [какое сокровище] дал Бог [блуднице в] залог [обручения]. Где хулящие достоинство Духа? Слушайте: "**Утверждающий же нас с вами во Христе, Который и запечатлел нас и дал залог Духа**" (2-е Кор.1:21:22). Все вы знаете, что залог, есть малая часть всего; а как послушай. Приходит кто-нибудь продать дом за большую цену и говорит: дай мне залог, чтобы мне быть уверенным. Приходит кто-нибудь взять жену, условливается о приданом м других вещах и говорит: дай мне залог. Слышишь: и при продаже раба залог, и при всех договорах залог. Так и Христос, вступая с нами в завет, - потому что Он хотел взять меня, как невесту, - назначает мне приданое, не деньгами, а кровью. Он назначает мне в приданое воздаяние благ, "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**" (1-е Кор. 2:9). Таким образом Он назначил мне в приданое бессмертие, славословие с ангелами, избавление от смертиЮ свободу от греха, наследие царства, - как велико богатство! – оправдание, освящение, избавление от настоящего, получение будущего. Велико дано мне приданое! Слушай со вниманием; посмотри, что Он делает. Он пришел взять блудницу, - так я называю ее

потому, что она была нечиста, - чтобы ты узнал любовь Жениха. Он пришел, взял меня, назначает мне приданое, говорит: Я отдаю тебе мое богатство. Какое? Ты, говорит, потеряла рай? Получи его. Ты, говорит, потеряла красоту? Получи ее; получи все это. Но только приданое это дано мне не здесь.

13. Послушай, почему Он предвозвещает об этом приданом. Он назначил мне в приданое воскресение тела и нетление. Не всегда за воскресением следует нетление; это два отдельных явления: многие воскресли и опять умерли, например Лазарь и тела святых. А здесь не так, но Он обещает воскресение, нетление, ликование с ангелами, сретение Сына на облаках, - "**и так всегда с Господом будем**" (1Фес.4:17), - избавление от смерти, свободу от греха, уничтожение смерти. Каково это? "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его**" (1-е Кор. 2:9). Ты даруешь мне блага, которых я не знаю? Да, говорит Он; здесь Я вступаю с тобой в союз; здесь ты люби Меня. Почему же ты здесь не даешь мне приданого? Это будет тогда, когда ты придешь к Отцу Моему, когда войдешь в царские чертоги. Ведь теперь Я пришел к тебе, а не ты ко мне? И пришел я не для того, чтобы ты оставалась здесь, но чтобы взять тебя и вознестись. Не ищи же приданого здесь; все в надежде, все в вере. Неужели здесь ты ничего не дашь мне? Прими залог, говорит Он, чтобы верить мне касательно будущего; прими задаток, прими обручальные дары. Поэтому и Павел говорит: "**я обручил вас**" (2-е Кор. 11:2).

Бог даровал нам настоящие блага, именно, как обручальные дары; настоящее есть обручальный дар, залог; а все приданое находится там. Каким образом? Сейчас объясню. Здесь я старею, а там не старею; здесь умираю, а там не умираю; здесь скорблю, а там не скорблю; здесь бедность, и болезнь, и козни, а там ничего подобного; здесь тьма и свет, а там один только свет; здесь притеснение, а там свобода; здесь болезнь, а там здравие; здесь жизнь, имеющая конец, а там жизнь, не имеющая конца: здесь грех, а там правда, греха же никакого; здесь зависть, а там ничего подобного. Дай мне, скажешь это. Подожди, чтобы и сослужители твои спаслись, подожди. "**Который и запечатлел нас и дал залог**" (2Кор.1:22). Какой залог? Духа Святого, дар духовный. Я говорю о Духе. Он дал апостолам печать, сказав: примите и дайте всем. Разве разделяется эта печать? Раздается и не разделяется; раздается и не уничтожается. Таков духовный дар. Получил Духа святого Петр, получил и Павел; обошел вселенную, избавлял грешников от грехов, исцелял хромых, одевал нагих, воскрешал мертвых, очищал прокаженных, заграждал уста дьяволу, изгонял бесов, беседовал с Богом, насадил Церковь, разрушил капища, ниспровергал жертвенники, истреблял пороки, насаждал добродетель, делал людей ангелами.

14. Все это сделалось с нами: залог наполнил всю вселенную. Когда я говорю: всю вселенную, то разумею всю землю, которую озаряет солнце, море, острова, горы, долины и холмы. Как птица облетел ее Павел, побеждая одними только устами. Делатель палаток, он работал резцом и выделывал кожи; и однако это ремесло не послужило ему препятствием в добродетели: делатель палаток оказался сильнее бесов, некрасноречивый - мудрее философов. Почему? Он получил залог, имел печать и носил с собою. Все видели, что Царь принял на себя наше естество; видел бес, и отступал; видел он этот залог, и трепетал и удалялся; взирая на одежды апостольские, он обращался в бегство. О, сила Духа! Не только душе и телу Он давал такую власть, но и одежде, и не одежде только, но и тени. Проходил Петр, и тень его прогоняла болезни, отгоняла бесов, воскрешала мертвых. Обходил вселенную Павел, истреблял тернии нечестия и бросал семена благочестия, как превосходный земледелец, употребляя плуг учения. И к кому ходил он? К фракийцам, скифам, индийцам, маврам, сардийцам, готам, к диким существам, и

обращал всех. Каким образом? Силою залога. Откуда получал достаточные средства? От благодати Духа. Он был простой, нагой, босой, но ему Бог дал "**обручение Духа**". Поэтому Он и говорил: "**И кто способен к сему; не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога, Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа**" (2 Кор. 2:16;3:5:6) Смотри, что сделал Дух: Он нашел землю, наполненную бесами – И сделал ее небом. Не настоящее представляйте, но обратитесь мыслью к тогдашнему. Тогда был плач, тогда везде были жертвенники, везде дым, смрад, везде прелюбодеяния, идолослужение, жертвы, везде торжествующие бесы, твердыни дьявола, везде венчаемое блудодеяние; а Павел был один. Как он не был потоплен? Как не был растерзан? Как открывал уста? Он пришел в Фиваиду, и пленил всех жителей; вошел в царские чертоги, и царя сделал учеником; вошел в судилище, и судья говорит ему: "**ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином**", судья сделался учеником (Деян. 26:28); вошел в темницу, и обратил темничного стража; прибыл на остров варваров, и ехидну сделал учительницею; пришел к народу римскому, и склонил на свою сторону сенат. Он ходил по рекам, ходил по пустынным местам всей вселенной; ни земля, ни море не остались чуждыми деяний его. Господь дал ему "**обручение печати**" , дал залог и сказал: это Я даю тебе теперь, а прочее обещаю. Потому и говорит пророк: "**предстала царица одесную Тебя в ризах позлащенных**" (Пс. 44:10). Не об одежде говорит он, но о добродетели. Также в другом месте Писание говорит: "**как ты вошел сюда не в брачной одежде**" (Матф. 22:12)? Не об одежде конечно, говорит, но о прелюбодеянии, о гнусной и нечистой деятельности. Как нечистые одежды означают грех, так золотые – добродетель. Но эта одежда – царская; сам Он дал ей эту одежду; ведь она была нага, нага и безобразна. "**Предстала царица одесную Тебя, в ризах позлащенных одеяна**". Не об одежде говорил он, но о добродетели; не сказал: "**в золоте**" Заметь: самое выражение это заключает в себе весьма высокий смысл. Не сказал пророк: "**в золоте**", но "**в позлащенных**". Слушай со вниманием. Золотая одежда бывает вся золотая; а позлащенная бывает частью из золота, а частью из шелка. Почему же он сказал, что невеста носит одежду не золотую, а позлащенную? Вникни тщательно. Он разумеет здесь церковную жизнь, а она разнообразна: не все мы одинаковы по жизни, но один подвизается в девстве, другой во вдовстве, иной в другом виде благочестия. Одежда Церкви, есть жизнь Церкви.

15. Так как Господь наш знал, что если бы Он указал один путь, то многие были бы нерадивыми, то Он и указал разные пути. Ты не можешь идти путем девства? Иди путем единобрачия. Не можешь через единобрачие? Иди, по крайней мере через второй брак. Не можешь идти путем целомудрия? Иди путем милосердия. Не можешь идти путем милосердия? Иди путем поста. Не можешь тем? Иди этим. Не можешь этим? Иди тем. Поэтому пророк и показал не золотую, а позлащенную одежду. Она вместе и шелковая и пурпурная и золотая. Ты не можешь быть золотым? Будь шелковым; Я принимаю тебя, только в одежде. В этом смысле и Павел говорит: "**Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы**" (1 Кор.3:12). Ты не можешь быть драгоценным камнем? Будь золотом. Не можешь быть золотом? Будь серебром, только бы "**на основании**". И еще в другом месте: "**Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд**" (1 Кор.15:41). Ты не можешь быть солнцем? Будь луною. Не можешь быть луною? Будь звездою. Не можешь быть великою звездою? Будь по крайней мере малою, только бы на небе. Не можешь быть девственницею? Живи в браке с воздержанием, только бы в Церкви. Не можешь быть нестяжательным? Будь милосерд, только бы в Церкви, только бы в одежде, только бы под руководством царицы. Одежда "**позлащенная**" – различная одежда. Я не закрываю тебе пути; по обилию добродетелей сделалось удобным домостроительство Царя. "**В ризах позлащенных, преукрашенная**". Разнообразна одежда ее; и, если хочешь, вникни в глубину сказанного изречения.

Посмотри на позлащенную одежду. Здесь одни – монашествующие, другие живут в честном браке, немного отставая от тех; иные единобрачные, другие в цветущем вдовстве. Для чего рай? Для чего он разнообразен? Он имел различные цветы, и деревья, и много драгоценностей. Много звезд, а солнце одно; много родов жизни, а рай один; много храмов, а рай один; много храмов, а мать одна. Один – тело, другой – глаза, иной – перст, но все – одно; и малое, и великое, и меньшее – одно. Так дева нуждается в замужней жене: она произошла от брака, и не может, следовательно, презирать брак. И дева же – корень брака. Все соединено, малое с великим, а великое с малым. "**стала царица одесную Тебя в ризах позлащенных**" (Пс. 44:10). Наконец: "**слушай Дщерь**". И она тотчас сделалась женою? Да: но, конечно, здесь нет ничего чувственного. Он сочетался с нею, как с женою, любит ее, как дочь, заботится, как о рабыне, хранит, как деву, ограждает, как рай, лелеет, как свое тело, промышляет о ней, как глава, произращает, как корень, пасет, как пастырь, сочетается, как жених, прощает, как умилостивительная жертва, закаляется, как овца, хранит ее красоту, как жених, печется о ней, как муж. Здесь много мыслей, чтобы мы воспользовались, хотя малою частью этого домостроительства. "**Слыши Дщерь, и смотри**"; обрати внимание на дела брачные и духовные. "**Слыши Дщерь**". Прежде она была дщерью бесов, дщерью земли, недостойною земли, а теперь стала дщерью Царя. Этого хотел любящий ее. Кто любит, тот не разбирает внешнего вида; любовь не смотрит на безобразие; потому она и называется любовью (έρως), что часто любит и безобразное. Так поступил и Христос: Он увидел безобразную, - потому, что ее нельзя было назвать благообразною, - возлюбил ее, и сделал ее новою, не имеющей скверны или порока. О, Жених, обращающий в красоту безобразие невесты! "**Слыши Дщерь, и смотри**". Употребляет два выражения: "**Слыши**" и "**смотри**"; оба зависят от тебя, одно от глаз, а другое от слуха. Так как приданое ее заключалось в слухе, - если некоторые глубже проникают, то пусть подождут слабейших; я хвалю и вас, преуспевших, прощаю и тех, которые идут сзади, - так, как приданое ее заключалось в слухе (что значит: в слухе? В вере, - потому, что "**Итак вера от слышания**" (Римл. 10:17); в вере, а не в обладании, не на самом опыте), то я и говорил, что Бог разделил приданое на две части: одно даровал ей вместо залога, а другое обещал ей в будущем. Что же он даровал ей? Даровал ей прощение грехов, помилование от наказания, оправдание, освящение, искупление, тело Господне, трапезу божественную, духовную, воскрешение мертвых. Все это имели апостолы. Таким образом одно Он дал, а другое обещал; и одно было на опыте и в обладании, а другое в надежде и вере. Послушай еще: что Он даровал? Крещение, жертву. Это на опыте. А посмотри, что Он обещал? Воскресение, нетление тела, единение с ангелами, ликование с архангелами, жизнь вместе с Ним, жизнь нетленную, блага "**Но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его**" (1 Кор. 2:9).

16. Вы понимаете сказанное: не забывайте же этого; я о том и стараюсь, чтобы вы понимали. Приданое этой невесты разделено на две части, на настоящее и будущее, на видимое и слышимое, на даруемое и ожидаемое верою, на испытываемое и предвкушаемое, на блага настоящей жизни и блага по воскресении. Одно ты видишь, а о другом слышишь. Итак, смотри же, что Он говорит ей, дабы она не думала, что получила только это, хотя и это было велико, невыразимо и выше всякого представления. "**Слыши, дщерь и смотри**"; о том послушай, а на это посмотри, чтобы не говорить: опять в надежде, опять в вере, опять в будущем? И "**смотри**": одно Я даю, а другое обещаю, то в надежде, а это получи в залог, это прими в задаток, это возьми в ручательство. Я обещаю тебе царство; веруй на основании настоящего, верь Мне. Ты обещаешь мне царство? Да; Я даровал тебе больше, - Владыку царства: "**Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего**" (Рим. 8:32)? Даруешь воскресение тел? Да; Я даровал тебе больше. Что? Избавление от грехов. Почему же больше? Потому, что грех родил смерть. Я умертвил этого отца: неужели не умерщвлю

дочь? Я высушил корень: неужели не истреблю плода? "**Слыши, дщерь и смотри**". Что мне видеть? Мертвых воскрешаемыми, прокаженных очищаемыми, море укрощаемое, расслабленного укрепляемого, рай отверзаемый, хлебы умножаемые, грехи отпускаемые, хромого скачущим, разбойника, делающимся жителем рая, мытаря, делающегося евангелистом, блудницу, делающеюся почтеннее девы. "**Слыши и смотри**". О том послушай, а на это посмотри. В настоящем ты можешь удостоверится на деле, а в будущем Я дал тебе залог. Оно еще лучше. Что же скажешь ты? Все это – мое. "**Слыши, дщерь и смотри**". Это приданое от Бога. Что же приносит невеста? Посмотрим. И ты должна принести: что же принесешь ты, чтобы не остаться тебе без приданого? А что я могу принести, говорит она, от жертвенников, от дыма, от бесов? Что я могу принести? Что? Расположенность и веру. "**Слыши, дщерь и смотри**". Каких же дел ты желаешь от меня? **забудь народ твой**". Каких людей? Бесов, идолов, дым, смрад, кровь. "**И забудь народ твой и дом отца твоего**" (Пс. 44:11). Оставь отца и иди ко Мне. Я оставил отца и пришел к Тебе: неужели ты не оставишь своего отца? Впрочем, под этим выражением: "**я оставил**", сказанном о Сыне, не разумей разлучения. Я снизошел, говорит Он, по домостроительству, принял плот. Как жениху и невесте, нам нужно оставить родителей, чтобы сочетаться друг с другом. "**Слыши, дщерь и смотри, и забудь народ твой и дом отца твоего**". А что ты дашь мне, если я забуду? "**И возжелает Царь красоты твоей**" (Пс. 4412). Господь даст тебе Свою любовь, а снею вместе ты приобретаешь и все то, что принадлежит Ему, - если только вы можете понять сказанное’ это – мысль тонкая, и я хочу обуздать язык иудеев.

Впрочем, усильте ваше внимание; слушает ли кто, или не слушает, я возделываю землю, я работаю плугом. "**Слыши, дщерь, и смотри, и забудь народ твой и дом отца твоего и возжелает Царь красоты твоей** ". Иудей разумеет здесь красоту чувственную, не духовную, а телесную.

17. Обрати внимание, мы исследуем, что такое красота телесная, и что духовная. Есть душа, есть тело, - две сущности: есть красота телесная, и есть красота душевная. Что такое красота телесная? Густые брови, веселый взгляд, румяные щеки, розовые губы, высокая шея, волнистые волосы, длинные пальцы, стройный рост, цветущая белизна. Эта телесная красота бывает от природы или от воли? Известно, что от природы. Послушай мнений философов: эта красота, красота лица, глаз, волос, чела, бывает от природы или от воли? Очевидно, что от природы. Безобразная, хотя бы употребляла бесчисленное количество украшений, не может сделаться красивою по телу, потому, что природные свойства постоянны, определены, неизменны. Красивая всегда остается красивою, хотя бы и не употребляла никакого украшения, а безобразная не может сделать себя красивою, равно как красивая – безобразною. Почему? Потому, что эти свойства от природы. Видишь ли телесную красоту? Обратимся внутрь души: пред нею тело – раба пред госпожой. Обратимся же к душе. Посмотри на эту красоту, или - лучше - послушай о ней, потому, что ты не можешь видеть ее, - она невидима. Послушай же об этой красоте. Итак, что такое красота душевная? Целомудрие, скромность, милосердие, любовь, дружелюбие, доброжелательство, повиновение Богу, исполнение закона, правда, сокрушение сердца. Это – красоты души. Они – не от природы, а от воли. Не имеющий их может приобрести, а имеющий, если будет нерадив, теряет их. Как о теле я говорил, что безобразная не может сделаться красивою, так о душе скажу противное: безобразная душа может сделаться благообразною. Что было безобразнее души Павла, когда он был богохульником и гонителем, и что прекраснее его, когда он говорил: "**Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил**" (2 Тим. 4:7)? Что безобразнее души разбойника, и что благообразнее его, когда он услышал: "**истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю**" (лук. 23:43)? Что безобразнее мытаря, когда он похищал, и что благороднее его, когда он произнес свое суждение? Видишь, что красоту тела ты не можешь изменить, так

как она не от воли, а от природы. А благообразие души приобретается у нас волею. Отсюда мы и получаем определение предмета. Какое? То, что душевная красота происходит от поминовения Богу. Если даже безобразная душа будет повиноваться Богу, она изгладит свое безобразие и сделается благообразною. "**Савл, Савл! что ты гонишь Меня; н сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус**" (Деян. 9:4:5). Савл повиновался, и повиновение сделало безобразную душу его благообразною. Мытарю Господь сказал: "**следуй за Мною**" (Матф.9:9; Лук. 5:27). Мытарь встал, и сделался апостолом, безобразная душа сделалась благообразною. ОТ чего? От повиновения. Так и рыбакам Господь сказал: "**идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков**" (Матф.4:19)., и от повиновения души их сделались благообразными. Посмотрим же, о какой красоте говорит Он здесь. "**Слыши, дщерь и смотри и забудь народ твой и дом отца твоего и возжелает Царь красоты твоей**". Какой возжелает красоты? Душевной. В чем эта красота? В том, что она забыла. "**Слыши**", говорит Он, "**и забудь**"/. Это зависит от воли. "**Слыши**", сказал Он. Безобразная слушает, и телесное безобразие ее не уничтожается. А скажи грешнику: "**Слыши**", и если он послушает, то смотри, какое будет благообразие. Поэтому, так как безобразие невесты было неестественно, а произвольное, вследствие того, что она никогда не послушала Бога и преступила заповедь, - то Он и врачует ее сообразно с этим. Она безобразна не от природы, а от воли; и благообразною сделалась через повиновение. "**Слыши, дщерь и смотри и забудь народ твой и дом отца твоего и возжелает Царь красоты твоей**". А чтобы ты знал, что он говорит не о чем-либо чувственном, и, слыша о красоте, не разумел ни глаз, ни носа, ни уст, ни шеи, но – благочестие, веру, любовь, вообще внутреннее, Он прибавил: "**Вся слава дщери Царя внутри**" (Псал. 44:14). За все это возблагодарим Бога, Подателя: Ему одному подобает слава, честь, держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Глиняный …. Из мягкой глины; такими бывают сосуды во время работы над ними горшечника, отсюда название - "горшечный". "Горшечный" - обожженый глиняный= - Выражение "сосуды горшечника" характеризует людей ветхозаветных, а слова апостола о "сосудах горшечника" относятся к людям, обновленным благодатью крещения.

БЕСЕДА

когда Сатурнин и Аврелиан были отправлены в ссылку, и Гайна вышел из города, и о сребролюбии

1. Долго я молчал и спустя много времени опять возвратился к вашей любви; впрочем это – не от какой-нибудь беспечности или телесного расслабления, а от того, что я успокаивал смятения, укрощал волны, утешал бурю, спасал терпящих кораблекрушение, старался ввести утопающих в тихую пристань. Я – общий отец всех; мне необходимо заботится не только о стоящих, но и о падших, не только о плывущих при попутном ветре, но и о колеблемых волнами, не только о живущих в безопасности, но и о находящихся в опасностях. Потому и в минувшие дни я на время оставлял вас, и везде ходил, увещевая, упрашивая, умоляя избавить тех господ от бедствия. Когда же те горестные события прекратились, я опять возвратился к вам, находящимся в безопасности и совершающим свое плавание в полном спокойствии. К тем я ходил, чтобы прекратить бурю, а к вам возвратился, чтобы у вас не было бури; к тем я отправлялся, чтобы избавить их от бедствий, а к вам прибыл, чтобы вы не подверглись бедствиям. Мне надобно заботится не только о спящих, но и о падших, и опять – не только о падших, но и о стоящих: о тех, что встали; об этих, чтобы не пали; о тех, чтобы освободились от тяготеющих над ними

бедствий, об этих, чтобы не подвергались угрожающим горестям. Нет ничего твердого, ничего постоянного в делах человеческих, но они подобны разъяренному морю и ежедневно испытывают удивительные и жестокие крушения.

Все исполнено смут и волнений; везде скалы и стремнины; везде подводные камни и утесы; везде страхи и опасности, подозрения, ужасы и беспокойства. Никто никому не доверяет, каждый боится ближнего. Может быть, скоро наступит то время, которое описывая пророк говорил: "**Не верьте другу, не полагайтесь на приятеля**", каждый берегись своего ближнего: "**от лежащей на лоне твоем стереги двери уст твоих**" (Мих. 7:5). Почему? Потому, что настало время лукавое: "**ибо всякий брат ставит преткновение другому, и всякий друг разносит клеветы**" (Иерем. 9:4). Нет верного друга, нет надежного брата. Исчезло благо любви, всем овладела междоусобная война, междоусобная и притом не явная, а скрытная. Всюду личины без счету; много овечьих шкур, а под ними везде скрываются бесчисленные волки, и гораздо безопаснее было бы жить между врагами, нежели между мнимыми друзьями. Те, которые вчера заискивали, и льстили, целовали руки, теперь вдруг оказались врагами, и сбросив личину, сделались злейшими из всех обвинителей; кому недавно выражали благодарность, тех ныне обвиняют и порицают.

2. Какая же причина всего это7го? Любовь к деньгам, неистовая страсть сребролюбия, эта неисцелимая болезнь, пламя неугасимое, сила, покорившая себе всю вселенную. Поэтому, говорили мы прежде, то самое не перестаем говорить и теперь, хотя многие тогда обвиняли нас и говорили: перестанешь ли ты вооружаться языком своим против богатых? Перестанешь ли непрестанно враждовать против них? Но против них ли я враждую? Против ли них вооружаюсь? Не за них ли скорее я все говорю и делаю, тогда как они изощрили мечи свои сами на себя? Не доказал действительный опыт, что я, обличая и постоянно укоряя, заботился об их пользе, а они, осуждая нас за слова наши, были скорее сами себе врагами? Вы видели, как произнесенные нами слова оправдались на деле. Не говорил ли я всегда, что богатство – беглый раб, переходящий от одного к другому? И, о, если бы оно только переходило, но не убивало; если бы перебегало, но не губило! А теперь оно и оставляет без своего заступления, и предает мечту, и ввергает в пропасть, как злой предатель, причем и враждует особенно против тех, которые любят его. [Богатство] – это неблагодарный раб, неутолимый человекоубийца, неукротимый зверь, скала обрывистая со всех сторон, подводный камень, непрерывно обуреваемый волнами, море, вздымаемое бесчисленными ветрами, свирепый тиран, неприятель неумолимый, не прекращающий никогда своей вражды к тем, которые владеют им.

3. Не такова бедность: [в ней все] противоположно сказанному сейчас. Она – безопасное прибежище, тихая пристань, всегдашнее спокойствие, не омрачаемая опасностями радость, чистое удовольствие, жизнь невозмутимая и безмятежная, благополучие ненарушимое, источник мудрости, узда надменности, свобода от наказания, корень смирения. Для чего же, скажите мне, вы убегаете от этой бедности и гоняетесь за тем, что враждебно, убийственно, злее всякого зверя? Ведь таково именно сребролюбие, такова именно неистовая страсть к деньгам. Для чего ты всегда держишь при себе твоего постоянного врага? Для чего раздражаешь зверя, которого нужно укрощать? А как он может, скажешь, сделаться ручным? Если вы послушаетесь моих слов хоть ныне, когда падения близ нас, когда несчастие во всей свежести, когда все в смятении и унынии. Как этот зверь перестанет быть зверем? Я могу изменить его, если вы захотите; сила слова произведет это. Как же он изменит свое зверство? Чтобы узнать это, нужно посмотреть, как он делается свирепым. А как он делается свирепым? Как львы, тигры и медведи, будучи заперты и заключены во мрак, приходят в ярость и сильно злятся, так и богатство, если его запирают и закапывают, бывает свирепее льва и везде наводит страх. А если ты

выведешь его из мрака и посеешь в недра бедных, то этот зверь становится овцою, предатель - защитников, подводный камень – пристанью, кораблекрушение – тишиною. Тоже можно видеть и на кораблях: когда груз бывает чрезмерно тяжел, то судно тонет, а когда соразмерен, то оно идет по ветру. Тоже бывает и в наших домах: когда ты соберешь богатства больше потребности, то и слабый напор ветра, и случайное стечение неожиданных обстоятельств потопляет корабль вместе с людьми; если же ты будешь собирать столько, сколько требует нужда, то, хотя бы возрастала сильная буря, ты удобно пройдешь через волны. Итак, не желай большего, чтобы не лишиться всего; и не собирай больше нужного, чтобы не потерять и нужного; не переступай установленных пределов, вместе с тем не остаться без всякого имущества, но отсекай излишнее, чтобы тебе быть богатым в необходимом. Не видишь ли, что и земледельцы обрезают виноград, чтобы вся сила растения обнаруживалась не в листьях и ветвях, а в корне? Тоже делай и ты: отсекая листья и все попечение направляй к принесению плодов. Если же ты пренебрегаешь этим во время благоденствия, то ожидай несчастий; во время тишины, жди бури; во время здоровья, ожидай болезни; во время богатства, думай о бедности и нищете. "**Во время сытости вспоминай о времени голода и во дни богатства - о бедности и нужде**" (Сир. 18:25). Если ты будешь так настроен, то и богатством станешь распоряжаться со здравою рассудительностью, и приключившуюся бедность будешь переносить с непоколебимым мужеством. Зло, неожиданно случившееся, возмущает и тревожит нас; а ожидаемое, случившись, причиняет невеликое смущение. Таким образом ты получишь два блага: во – первых, ты не опьянеешь и не обезумеешь от благоденствия, и во – вторых, не будешь смущаться и тревожится при перемене на противное, особенно, если всегда будешь ожидать противного; здесь ожидание заменит опыт. Например: ты богат? Каждый день жди бедности. Для чего и почему? Потому, что это ожидание может быть для тебя особенно полезно. Кто ожидает бедности, то и при богатстве не надмевается, не предается изнеженности и рассеянности, не домогается чужого, потому, что страх ожидания, как бы некоторый наставник, вразумляет, удерживает помыслы и не позволяет развиваться худым росткам от сребролюбия, страхом противного, как будто каким серпом, останавливая их и отсекая.

4. Итак, вот какое получишь ты величайшее благо. А другое, не меньшее этого, состоит в том, что ты не будешь тяготиться бедностью, когда она действительно наступит. Пусть же ожидание предваряет скорби, чтобы не приходилось испытывать их на деле. Испытание потому и приходит, что не было ожидания: если бы последнее исправляло человека, то в первом не было бы нужды. Свидетелем этого был пророк Иона – у ниневитян. Они, по предсказанию пророка, ожидали подвергнуться невыносимому бедствию, и этим ожиданием имевших наступить зол отвратили гнев Божий. А иудеи не поверив пророку, предсказавшему взятие Иерусалима, потерпели это бедствие: так "**Мудрый боится и удаляется от зла, а глупый раздражителен и самонадеян**" (Притч. 14:16). Кто, живя в благоденствии, всегда готов быть бедным, тот не скоро сделается бедным; а в чем не хотел ты вразумиться ожиданием, то хорошо узнаешь на опыте. Итак, живя в богатстве, ожидай бедности; наслаждаясь благоденствием, жди голода; пользуясь славой, жди бесславия; наслаждаясь здоровьем, жди болезни. Размышляй всегда о том, что дела человеческие по своим свойствам нисколько не лучше речных потоков, быстролетние дыма, развивающегося в воздухе, и ничтожнее бегущей тени. Если ты будешь держаться таких мыслей, то ни блага не могут произвести в тебе надменности, ни скорби – унизить тебя; если ты не очень будешь занят настоящими благами, то не станешь огорчаться лишением их. Если ты приучишь душу свою к ожиданию противного, то противное большей частью и не случится с тобою, а если и случится, то не сильно тронет тебя.

5. А чтобы вы знали, что я говорю это не по догадкам, хочу рассказать вам одно древнее событие. Был некоторый муж, дивный, великий и славный во всей вселенной, блаженный

Иов, подвижник благочестия, вселенский венценосец, совершивший все подвиги, торжествовавший бесчисленные победы над дьяволом. Он был богат и беден, славен и уничижен, многочаден и бездетен; был в царских чертогах, был и на гноище; облачался в блестящую одежду, а потом был терзаем червями; пользовался услугами бесчисленных рабов, а потом терпел бесчисленные оскорбления, когда восстали слуги, поносили друзья, злоумышляла жена. Сперва все стекалось к нему, как бы из источников: обилие богатства, величие власти, высота славы, мир и безопасность, почести и угождения, телесное здоровье, благополучие детей, и ничего не было у него прискорбного, богатство у него было в безопасности, благоденствие постоянное; и весьма справедливо, потому что Бог ограждал его со всех сторон. Но в последствии все это исчезло, и в дом его вторглись тысячи бурь, все они следовали одна за другой непрерывно, и все с величайшую силою: имущество отнято было у него вдруг; рабы и дети погибли насильственною и преждевременною смертью, будучи поражены за трапезою во время пиршества, не ножом или мечом, а сильным ветром, разрушившим их дом. После того жена воздвигла свои козни и направила их против праведника; также и рабы и друзья, из которых одни плевали ему в лицо, как сам он говорит: "**не удерживаются плевать пред лицем моим**" (Иов.30:10), другие нападали на него. Он изгнан был из своего дома, и местом жительства его сделалась навозная куча, где ото всюду стекались к нему рои червей, где этот адамант обливался кровью и гноем, и взяв черепок, соскабливал гной, сделавшись палачом для себя. Страдания следовали за страданиями, мучения были невыносимые; ночь была тяжелее дня, а день ужаснее ночи, как сам он говорит: "**Когда ложусь, то говорю: "когда-то встану?", а вечер длится, и я ворочаюсь досыта до самого рассвета**" (Иов. 7:4).Во всем были для него утесы и скалы; утешающих – ни одного, а оскорбляющих – множество. И, однако среди такой бури и волн, поистине невыносимых, он всему противостоял мужественно и непоколебимо. А причиной этому было именно то, о чем я говорил, т.е., что он ожидал бедности, когда еще был богат; когда был здоров, он ожидал болезни; когда был отцом многих детей, ожидал вдруг сделаться бездетным. Этот страх он всегда чувствовал, это беспокойство он всегда питал, зная свойство дел человеческих и размышляя об их скоротечности. Потому и говорил он: "**и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне**" (Иов. 3:25). Своими помыслами он всегда обращался к нему, ожидая, предчувствуя, предощущая; поэтому, когда бедствие наступило, оно не смутило его: "**Нет мне мира**" говорит он: "**нет отрады: постигло несчастье**" (Иов. 3:26).Не сказал: ни умиряюсь, ниже умолкаю, но: "**Нет мне мира**", во времени прошедшем: хотя дела мои располагали меня к высокомерию, но ожидание скорбей, не позволяло мне успокоится; хотя чрезвычайное благоденствие побуждало к роскоши, но беспокойство, внушаемое ожидаемым, отгоняло беспечность; хотя настоящее принуждало к наслаждению, но забота об ожидаемом пресекала его. Поэтому, увидев совершившимся на деле то, о чем он часто помышлял, он переносил это мужественно; увидев давно обдуманные и ожиданием предъиспытанные подвиги, он не смутился. А что, и обладая благами, он не слишком привязывался к ним, о том послушай, что говорит он: "**Полагал ли я в золоте опору мою и говорил ли сокровищу: ты - надежда моя, Радовался ли я, что богатство мое было велико, и что рука моя приобрела много**" (Иов. 31:24:25). Что говоришь ты, человек? Ты не радовался, когда текло к тебе богатство? Нет, отвечает он. Почему же? Потому, что я видел непостоянство и скоротечность его, видел непрочность приобретения. "**Смотря на солнце, как оно сияет, и на луну, как она величественно шествует**" (Иов. 31:26). Смысл этих слов следующий: если светила, находящиеся на небе и непрестанно сияющие, подвергаются некоторым переменам, если солнце как бы оскудевает и луна ущербляется, то не крайнее ли безумие считать постоянными и неподвижными вещи земные? Вот почему он и настоящим благам не слишком радовался, и о потерянных не сильно скорбел, так как хорошо знал свойства их. Слыша это, возлюбленные, и мы не будем тяготиться бедностью и надмеваться богатством, но, при превратности вещей, сохраняя неизменяемым дух свой, будем пожинать плоды

любомудрия, чтобы т здесь наслаждаться удовольствием, и получить будущие блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа.

СЛОВО

о возвращении св. Иоанна из Азии в Константинополь[1]

1. Моисей, великий раб Божий, глава пророков, перешедший море, потрясавший воздухом, доставлявший (чудной) снеди, брошенный родительницею и спасенный гонительницею , - потому, что родила его мать, а унесла и воспитала египтянка, - воспитывавшийся в Египте, а обитавший на небе, воздвигший столь великие и славные трофеи, этот великий и дивный муж, оставив народ свой на сорок дней, нашел его устроившим идола и производившим возмущения. А я не был здесь не сорок только дней, но и пятьдесят, и сто, и более, и нашел вас радующимися и пребывающим в истине и страхе Божием. Неужели же я выше Моисея? Нет: сказать это было бы крайне безумно. Но народ этот выше того народа. Поэтому Моисей, сойдя с горы укорял Аарона за народное возмущение и гневно осуждал его, зачем он уступил воле толпы; а я, прибыв к вам, воздам вам похвалы и венки. Где вероломство, там необходимо следует обвинение и укоризна; а где исправность, там – одобрения, похвалы и венки. Хотя и долгое время провел я вдали от вас, но не жалею о том: я полагался на силу вашей любви и непорочность вашей веры; я знал, что обрученная мне жена крепка в своей чистоте. Как обыкновенно бывает в мирском супружестве? Когда муж знает, что его жена бесстыдна, то он не позволяет ей и выглянуть из дома, и когда принужден бывает совершить путешествие, то, побуждаемый как бы каким жалом подозрения, старается возвратиться скорее. А у кого жена воздержанна и чиста, тот спокойно медлит вне дома, полагаясь на верность жены, как на достаточное обеспечение семейного очага. Это именно испытали на себе я и Моисей; он, имея женой неисправимое общество, оставил ее, и она сблудила; поэтому Бог, отправляя его, говорил: "**поспеши сойти; ибо развратился народ твой**" (Исх. 327). А я не получил такого повеления. И когда приключилась со мной небольшая телесная слабость, отсутствие ваше не беспокоило меня, но, уверенный в вас, я спокойно ждал исцеления моей болезни. "**не здоровые имеют нужду во враче, но больные**" (Матф. 9:12). И то, что я несколько пробыл вдали от вас, было, думаю, не к ущербу вашему, а к богатству. (Ваша добродетель вышла чистою из этого испытания, и хотя) она взращена мною, или – лучше – благодатью Божией, но, конечно, это – ваш венец, ваш успех. Поэтому я радуюсь и торжествую, как бы летаю на крыльях, и величия моей радости не могу выразить. Что же я сделаю? Как покажу восторг души моей? Призываю во свидетельство ваше сознание. Я вижу, как от моего прибытия ваши сердца исполнились радости; и эта радость – мой венец, моя похвала. Но если присутствие мое, - одного человека, - исполнило столь многочисленный народ, такою радостью, то подумайте, какова должна быть моя, при свидании с вами? Старец Иаков, увидев одного сына, Иосифа, радовался и обновлялся духом; а я не одного Иосифа, а всех вас, подобных ему, вижу и радуюсь. В вашем лице я возвратил себе мой рай, лучший и древнего рая. Там был змий, строивший козни, а здесь Христос, совершающий таинства; там была Ева обольщавшая, а здесь Церковь венчающая; там был обольщаемый Адам, а здесь прилепляемый к Богу народ; там различные деревья, а здесь различные дарования; в раю деревья увядающие, а в Церкви древа, приносящие плоды. В том раю, каждый родж семени оставался в своем состоянии, а в этом раю, если я найду дикий виноград, сделаю из него богатую виноградную лозу, и, если найду дикое оливковое дерево, сделаю из него истинную оливу. Таково свойство этой земли. Итак, я радуюсь, не требуя объяснений; а в том, что вы были в разлуке со мною столь долгое время, примите мое объяснение, возлюбленные. Если вы посылаете куда-нибудь раба и он долго не возвращается, то вы

требуете объяснения, где и почему он замедлил, где потерял столько времени. И я – раб вашей любви: вы купили меня не деньгами, а своей любовью. Радуюсь я, что продан в такое служение и никогда не желаю освободиться от этого рабства. Это служение для меня прекраснее свободы, это служение дало мне место на этой священной кафедре; это служение – не по необходимости, а по воле. Подлинно, кто с полной охотою не стал бы служить вашей любви, - вам, умеющим так любить? Если бы я имел даже каменную душу, ваша любовь сделала ее мягче воска. Что скажу о вашем благожелании и расположении, которое вы показали вчера, когда радостные голоса ваши достигали неба? Вы освящали сам воздух, и из города сделали Церковь. Я был чтим, а Бог прославляем; еретики покрывались стыдом, а Церковь увенчивалась, потому, что велика бывает радость матери, когда веселятся сыны ее, и велика радость пастырю, когда прыгают агнцы стада. Я пришел радоваться вашим добродетелям; я слышал, как вы боролись с еретиками, и укоряли их в неправильном совершении крещения, напрасно ли я говорил, что чистая жена в отсутствие мужа отвергает прелюбодеев, в отсутствие пастыря прогоняет волков? Здесь без кормчего пловцы спасли корабль, без вождя воины одержали победу, без учителя ученики сделали успехи, без отца сыновья укрепились. Или лучше - не без отца, - потому, что ваш успех – моя радость, ваше прославление – мой венец. Но мы желали, говорите вы праздновать с тобою Пасху. Буду надеяться, что ваша любовь не откажет мне в извинении, тем более, что гнев ваш уже рассеялся при нашей встрече. Если отец, приняв блудного сына, тотчас примирился с ним и не подверг его наказанию, но тогда же обнял, то тем более сделают это сыновья, принимая отца. Впрочем, отвечаю и на это. Вы желали праздновать Пасху со мною? Никто не препятствует вам праздновать ее вместе со мною теперь. Но, может быть, вы скажете: неужели мы будем праздновать две Пасхи? Нет, одну, только многократно. Как солнце восходит каждый день, и однако мы не говорим, что много солнц, но одно солнце, ежедневно восходящее, так и Пасха совершается всегда, и, хотя празднуется всегда, остается одним нашим праздником. Мы не походим на иудеев, не служим месту и не подчинены необходимости времени, укрепляясь словами Господними: "**Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию**", говорится в Писании: "**смерть Господню возвещаете**" (1 Кор.11:26). Мы и теперь возвещаем смерть Христову. Тогда был праздник и теперь праздник: где торжествует любовь, там и праздник, и когда я встретил радующихся сынов, тогда и торжествую величайший праздник. Ведь и тот праздник Пасхи – от любви: "**Ибо так возлюбил Бог мир**", говорит апостол: "**что отдал Сына Своего Единородного**" (Иоан. 3:16). Но многие, говорите в твое отсутствие крещены. Что же? Благодать от того не уменьшается, дар Божий не хромает; я не присутствовал при их крещении, но они крещены в присутствии Христовом. Крестит разве человек? Человек простирает десницу, а управляет рукою Бог. Касательно благодати не сомневайся, возлюбленный; она есть дар Божий. Тщательно вникни в сказанное: если по какой-нибудь причине нужна тебе царская грамота и ты, подав прошение, получишь подписанную грамоту, то ты не исследуешь, каким пером подписал ее царь, и на какой бумаге, и какими или которыми чернилами, а спрашиваешь только об одном, подписана ли она царем. Так и в крещении: бумага есть совесть, перо – язык священника, рука – благодать Святого Духа. Поэтому через меня ли, или через того, кто исполнял должности священника, пишет эта рука, мы – служители, а не виновники дела. И Павел – служитель. "**Итак каждый должен разуметь нас**", говорит он: "**как служителей Христовых и домостроителей таин Божиих**" (1 Кор. 4:1). "**Что ты имеешь, чего бы не получил**" (1 Кор. 4:7)? Что имею, то принял; а что принял, то не мое, а дар того, кто даровал. Итак, не сомневайся возлюбленный: благодать Божия совершенна; место не препятствует, здесь ли ты крестился, или на корабле, или на пути. Филипп крестил во время пути, Павел - в узах; Христос крестил разбойника на кресте из своей раны, и он тотчас удостоился отверзть двери рая. Итак, ничто не омрачает моей радости и восхищения при возвращении к вам. И я прошу вас впредь продолжать ваши молитвы обо мне: ведь с ними я отправлялся в Азию, с ними возвратился сюда, с ними переплыл море

и, с ними путешествующий, плавал благополучно. Не без вас взошел я на корабль, не без вас сошел с него, не без вас я в городе, не без вас в Церкви: я отторгнут был от вас телом, но соединен с вами любовью. Я и на море видел вашу церковь, и в восторге радовался. Такова сила любви; она не поддается ограничениям. (Духом) я входил в Церковь, предстоял перед алтарем, возносил молитвы и говорил: Господи! Сохрани Церковь, которую ты вверил мне; телом я удален от нее, но с ней Твое милосердие, приведшее меня туда и даровавшее мне более, нежели сколько я заслуживал. И вот Господь умножил ее, о чем свидетельствует множество присутствующих. Я вижу, что виноград цветет, шипов и терна нет и следов, овцы веселятся, и волка нет нигде, а если бы где он и был найден, то он изменился и сделался овцою, потому, что такова ваша вера и любовь, что вашей ревностью поощряете и прочих. Сам Господь сохранил вас, сам Он возвратил и меня. Находясь в немощи, я чувствовал помощь ваших молитв, которых ежедневно прошу у вас для моего ободрения. Мое путешествие увенчало ваш город. Теперь для всех сделалось ясным, что вы любили меня с самого начала, - потому, что и в отсутствии моем, вы также расположены ко мне, как и в присутствии. Когда я был в Азии для исправления церквей, то приходившие отсюда туда, говорили нам: ты воспламенил весь город. В самом деле, любовь от времени обыкновенно увядает, а ваше расположение ежедневно возрастало; и кого вы так любили в его отсутствии, того присутствующего, надеюсь, будете любить еще более. Вот мое сокровище, вот мое богатство! Поэтому я и прошу ваших молитв. Молитвы ваши – для мне стена и твердыня. Не говори: я слаб, как могу молиться за священника? Ты слышал, что говорит Писание: "**между тем церковь прилежно молилась о нем Богу**" (Деян. 12:5). И эта молитва Церкви сняла оковы с Петра и усиливала ревность к проповеди в Павле. Молитва угасила огненную печь, молитва заградила уста львов, молитва укрощала возмущение, молитва отверзла рай, молитва разрешила затворы неба, молитва оплодотворила неплодную, молитва Корнилия проникла небеса, молитва оправдала мытаря. Такой твердыни прошу у вас, такой милости требую; и Бог славы, приемлющий молитвы наши, да даст мне при отверстии уст моих слово, которым я мог бы научить вверенный мне народ во спасение чрез Христа Господа нашего, с Которым Богу Отцу, со Святым Духом, честь, слава и держава во веки веков Аминь.

---

[1] Это, а также следующие два слова, имеются только в латинском переводе.

СЛОВО

о принятии Севериана[1]

1. Как главе необходимо быть в связи с телом, так Церкви – со священником и народу – с правителем; и как ветвям необходимо соединятся с корнем и рекам с источниками, так сыновьям – с отцом и ученикам с учителем. Это не напрасно высказали мы вашей любви, но так, как мне нужно объявить вам нечто, [то я и хочу подготовить вас], чтобы потом никто не смущался и как-нибудь не прервал нашей речи, но чтобы возрастало в вас повиновение учеников и видно было, какое расположение вы питаете к отцу. Украсьте меня, дети, и возложите на меня венец вашей покорности, сделайте, чтобы все почитали меня блаженным и прославьте мое учение своим послушанием, по увещеванию апостола, который говорит: "**Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших**" (Евр. 13:17). Это я предварительно возвещаю, чтобы кто-нибудь не пренебрегал нашим увещеванием. Я – отец, и мне необходимо давать советы детям; что в плотских отцах делает естество плоти, то в нас благодать Духа. Я – отец, и крайне заботливый о детях так, что готов пролить за вас кровь свою. И это – не

заслуга моя, таков апостольский закон и заповедь Господа, говорящего: "**пастырь добрый полагает жизнь свою за овец**" (Иоан.10:11). И вы тоже делаете для нас, так как привязаны к нам подобною же любовью. Так и Павел, слышите, что говорит: "**Приветствуйте Прискиллу и Акилу, сотрудников моих во Христе Иисусе, которые голову свою полагали за мою душу**" (Римл. 16:3:4). Подлинно, как прекрасно пастырю быть закланным за овец, так же прекрасно и овцам в самой смерти не отделяться от пастыря; если они будут с ним нераздельно, то не станут боятся волка – дьявола. Стена любви крепче адаманта. "Брат от брата вспомоществуемый, как город крепкий и высокий" (Притч. 18:20).

С этого начал я свое слово, чтобы вы с любовью выслушали то, что мы скажем, и чтобы кто-нибудь из вас не стал возмущаться. Говорим о таком деле, о котором достойно говорить в Церкви и о котором достойно слушать с охотою. Говорим с вами о мире. И что прилично священнику Божию, как не располагать народ к миру? Противоречия не бывает там, где и посольство священно, и посол любезен. Говорим о мире для которого Сын Божий снизошел на землю, чтобы кровью своею примирить не только то, что на земле, но и то, что на небе, и земное соединить с небесным. Говорим о мире, для которого Сын Божий пострадал, для которого Он пригвожден был ко кресту и погребен. Мир Он оставил нам вместо всякого наследственного имения и дал Церкви вместо стен, его положил щитом против дьявола, им вооружил нас, как мечом против бесов; в мире указал Он верным спокойнейшую пристань и в нем даровал нам средство к умилостивлению Бога и способ к очищению грехов. Об этом мире я пришел к вам ходатаем. Не покройте меня стыдом, не обесчесте моего посольства; согласитесь со мною, прошу вас. Много уже было в Церкви печальных событий, исповедуюсь пред Богом; но я не одобряю возмущений, не люблю мятежей. Оставим же это; перестаньте, успокойтесь, умирите дух, обуздайте гнев; довольно уже страдала Церковь; пусть будем конец, пусть прекратятся смуты. Это и Богу угодно, и благочестивому государю приятно. Надобно повиноваться и царям, особенно, когда они сами повинуются церковным законам; если апостол говорит: "**покоряться начальству и властям**" (Тит.3:1), то не тем ли более – царю благочестивому и заботящемуся о Церкви? Итак, если я приготовил ваши души к принятию моего посольства, то примите брата нашего, Севериана епископа. Благодарю вас, что речь мою сопровождаете похвалами. Вы даете мне плоды повиновения; теперь я радуюсь, что посеял доброе семя, потому, что вот уже и собираю снопы пшеницы. Да наградит вас Господь за вашу благосклонность и послушание! Теперь вы принесли Богу истинную жертву мира, потому, что услышав это имя, никто не возмутился, но с любовью вы принимаете его, и как скоро мы произнесли слово, тотчас вы изгнали из души весь гнев. Примите же его с искренним сердцем, с отверстыми объятиями. Если произошло что-нибудь прискорбное, забудьте: во время мира не должно быть воспоминаний о раздоре, чтобы радость была на небе, радость на земле, радость и духовный восторг в Церкви Божией. Впрочем, будем молится, чтобы Бог благоволил сохранять Церковь в мире, даровал ей мир твердый и непрерывный, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Богу Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Епископ Габальский Север иан был изгнан из Константинополя народом за вражду против св. Иоанна Златоуста, а потом возвращен в Константинополь.

СЛОВО О МИРЕ,

произнесенное еп. Северианом, когда он принят был блаженным Иоанном, епископом Константинопольским

При рождении Господа и Спасителя Нашего и в телесном Его присутствии небесные лики ангелов благовествовали пастырям, говоря: "**я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям**" (Лук.2:10). От святых ангелов, заимствуя этот возглас, мы возвещаем вам сегодня великую радость. Сегодня Церковь в мире, а еретики в гневе. Сегодня корабли Церкви в пристани, а ярость еретиков мечется на волнах. Сегодня пастыри Церкви в спокойствии, а еретики в смятении. Сегодня овцы Господни в безопасности, а волки неистовствуют. Сегодня виноград Господень в изобилии, а делатели нечестья в нужде. Сегодня народ Христов ликует, а враги истины унижены. Сегодня Христос в радости, а дьявол в печали. Сегодня ангелы в веселии, а демоны в смущении. Но что много говорить? Сегодня Христос, Царь мира, выступив со своим миром, обратил в бегство всякий раздор; прогнал ссоры, рассеял несогласие. И как солнечный свет озаряет небо, так Церковь озарило сияние мира. О, как вожделенно и самое имя мира, этого твердого основания веры Христовой и небесного оружия алтаря Господня! Что еще сказать о мире? Мир есть имя самого Христа, как говорит и апостол: "**Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно**" (Еф. 2:14), [соединивший] то, что не верою, но завистью дьявола было разъединено. И как при въезде [в город] царя, улицы принимают праздничный вид, весь город убирается цветами и различными украшениями, и с пути устраняется все, что могло бы оскорбить взор царя, так и теперь – при торжественном шествии Христа, Царя мира, пусть будет устранено все печальное; пусть будет изгнана ложь, когда возблистала истина, пусть бежит прочь несогласие, когда возродилось согласие. Часто можно увидеть, как при изображении [двух] царей или братьев художник, желая наглядно выразить их взаимное единодушие, изображает позади их согласие в виде изящной женской фигуры, обнимающей своими руками обоих, показывая таким образом, что те, которых видят разделенными телесно, в мыслях и воле единодушны; так точно теперь мир Божий, став по средине и заключив нас всех в любвеобильные объятья, соединением рук внушает нам при различии тел слиться в одну душу. В этом, без сомнения, исполняется слово пророческое, которое говорит: "и совет мира будет между тем и другим" (Зах. 6:13). Еще только вчера общий отец наш в евангельском слове предрекал мир: и вот сегодня мы утвердили слова мира. Вчера он со словами мира раскрыл для нас свои объятия: и сегодня мы, с умягченным сердцем и простертыми руками спешим к Господу с дарами мира. Война уже прекратилась, торжествует блаженство мира. Теперь дьявол в печали, и все полчище демонов испускает вопли. Теперь радость на небесах, и ликование среди ангелов, которым особенно приятен мир. Этому делу [состоявшемуся примирению] удивляются и небесные силы, потому, что их [всегда] имеет при Себе Тот неиссякаемый Источник мира, из которого как бы каплями увлажняется и наша земная нива. Поэтому, хотя мир собственно на земле, блеск хвалы его разливается до небес; небесные ангелы восхваляют его и говорят: "**Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!**" (Лук.2:14). Видишь, как все небесные и земные взаимно обмениваются благами мира? Небесные ангелы возвещают мир земле, святые на земле восхваляют Сидящего на небесах Христа, Которые есть мир наш, и в таинственных ликах восклицают: "**Осанна в вышних!**" (Матф.21:9). Итак скажем и мы: "**Слава в вышних Богу**", Который низложил дьявола и вознес Христа Своего. "**Слава в вышних Богу**", Который сокрушил раздор и восстановил согласие. Конечно я не могу забыть хитрости дьявола, коварство которого небезызвестно и вам. Видел сатана твердость вашей веры, ваше непоколебимое постоянство в этом благочестии догматов, видел изобилие у вас плодов добрых дел: и вот все это приводит его в неистовство, он воспламеняется бешенной яростью, чтобы разрушить дружбу, искоренить любовь и расторгнуть мир. Но да будет всегда с нами мир Божий, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Богу Отцу и Духу Святому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

пред отправлением в ссылку

1. Много волн и сильна буря; но мы не боимся потопления, потому, что стоим на камне. Пусть бушует море, - разрушить камень оно не может. Пусть поднимаются волны, - потопить корабль Иисусов они не в силах. Чего, скажи мне, боятся нам? Смерти ли? "**Ибо для меня жизнь - Христос, и смерть - приобретение**" (Фил.1:21). Ссылки ли, скажи мне? "**Господня - земля и что наполняет ее**" (Псал. 23:1). Отнятия ли имущества? "**Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести**" (1 Тим.6:7). И все страшное в мире для меня презренно, а благоприятное смешно. Я не боюсь бедности, не желаю богатства, не страшусь смерти, не желаю жить, разве для вашего преуспеяния. Поэтому я и нынешнее, вспоминая, и убеждаю вашу любовь сохранять мужество. Никто не может разлучить нас; что Бог сочетал, то человек разделить не может. Если жене и мужу сказано: "**И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью: так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает**" (Матф. 19:5:6); если ты не можешь расторгнуть брака, - то тем более можешь ли разрушить Церковь Божию? Ты восстанешь на нее, не имея возможности повредить Тому, против кого враждуешь. Войною против меня ты делаешь меня более славным, а собственную силу разрушаешь; "**Трудно тебе идти против рожна**" (Деян. 26:14). Острия ты не притупишь, а ноги обагришь кровью; так и волны не разрушают камня, а сами превращаются в пену. Нет ничего, человек, сильнее Церкви; прекрати войну, чтобы тебе не разрушить своей силы, не вноси войны в небо. Если ты воюешь с человеком, то и побеждаешь, или бываешь побежден; а когда воюешь с Церковью, то победить тебе невозможно, потому, что Бог сильнее всех. "**Неужели мы [решимся] раздражать Господа? Разве мы сильнее Его**" (1 Кор. 10:22)? Бог утвердил: кто осмелится поколебать? Ты не знаешь могущества Его. "**Призирает на землю, и она трясется**" (Псал.103:32); повелевает, и колеблющееся утверждается. Если Он утвердил колебавшийся город, то тем более может утвердить Церковь. Церковь сильнее неба: "**небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут**" (Матф. 24:35). "**И Я говорю тебе: ты - Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее**" (Матф. 16:18).

2. Если не веришь слову, верь делам. Сколько было тиранов, хотевших одолеть Церковь! Сколько сковород! Сколько печей, звериных зубов, изощренных мечей! И не одолели. Где враждовавшие? Они умолкли и преданы забвению. А где Церковь? Она сияет светлее солнца. Их дела исчезли, а дела ее бессмертны. Если христиане не побеждены тогда, когда были малочисленны, то как ты можешь победить их, когда благочестием полна вселенная? "**небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут**". И весьма справедливо, потому, что для Бога Церковь вожделеннее неба. Небесного тела не принял Он, а плоть Церкви принял. Небо для Церкви, а не Церковь для неба. Ничто из случившегося пусть не смущает вас. Одолжите меня этим – верою неизменною. Разве вы не знаете, что Петр, идя по водам и немного усомнившись, стал утопать не от беспорядочного движения воды, а от слабости веры? Разве по человеческим определениям мы пришли сюда? Разве человек привел нас, чтобы человек мог и извести? Это говорю я не по гордости, - да не будет, - и не по тщеславию, а желая утвердить колеблющееся в вас. Дьявол захотел поколебать Церковь после того, как успокоился город. Проклятый и коварнейший дьявол, ты не одолел стен, и надеешься поколебать Церковь? Но разве Церковь в стенах? Церковь – во множестве верующих. Вот, сколько твердых столпов, не железом связанных, но скрепленных верою! Не говорю, что столь великое множество сильнее огня; даже если бы был и один, ты не одолел бы его. Ты знаешь, какие раны нанесены тебе мучениками. Нередко [мучениям] нежная, неискусобрачная отроковица; она была мягче воска, и

становилась тверже камня. Ты строгал ее ребра, а веры ее не похитил. Естество плоти ослабевало, а сила веры не оскудевала; тело истощалось, а душа юнела; состав изможда́лся, а благочестие оставалось неизменным. Ты не одолевал одной женщины, и надеешься одолеть столь многочисленный народ? Разве не слышишь, что говорит Господь: "**ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них**" (Матф. 18:20)? А где связан любовью столь многочисленный народ, ужели там нет Его? Я имею от Него залог; ведь разве на собственную силу надеюсь? Я владею Его Писанием. Это – мой жезл, это – моя опора, это – моя безмятежная пристань. Хотя бы возмущалась вселенная, я держусь Его Писания; я читаю его; эти письмена – моя стена и безопасность. Какие письмена? "**Я с вами во все дни до скончания века. Аминь**" (Матф. 28:20). Христос со мною и кого мне боятся? Хотя бы волны поднимались на меня, хотя бы моря, хотя бы ярость правителей, все это для меня ничтожнее паутины. Если бы не удерживала меня любовь к вам, я не отказался бы идти куда угодно и сегодня. Я всегда говорю: "**да будет воля Твоя**" (Матф. 6:10); не то да будет, чего хочет тот или этот, но чего хочешь Ты. Это – моя твердыня, это – мой камень неподвижный, это – мой жезл несокрушимый. Если Богу угодно, чтобы это было, да будет! Если же Он хочет, чтобы я был здесь, благодарю Его. Как угодно Ему, за все благодарю.

3. Пусть не смущает вас никто; усердно молитесь. Это сделал дьявол, чтобы прекратить ваше усердие к священно служению. Но он не успел в этом; мы нашли вас еще более ревностными и пламенными. Завтра я выйду на богослужение с вами. Где я, там и вы; где вы, там и я: мы – одно тело; тело от головы, и голова от тела не отделяется. Мы разделены местом, но соединены любовью, и сама смерть не может разлучить нас; хотя бы и умерло мое тело, живет душа, помнит о народе. Вы мне отцы: как я могу забыть вас? Вы мне отцы, вы мне жизнь, вы мне похвала. Если вы успеваете, я прославляюсь; моя жизнь, мое богатство хранится в вашей сокровищнице. Тысячу раз я готов был быть убитым за вас, и это не считаю заслугой с моей стороны, а исполнением долга, потому, что: "**пастырь добрый полагает жизнь свою за овец**" (Иоан.10:11); Тысячу раз я готов был быть убитым, и тысячу раз подвергаться отсечению головы. Для меня эта смерть – переход к бессмертию; эти козни для меня – средство к достижению безопасности. Разве из-за денег подвергаюсь я козням, чтобы мне скорбеть? Разве – за грехи, чтобы мне сетовать? Нет, за любовь к вам, за то, что я все делаю, чтобы привести вас в безопасность, чтобы никто не проник в паству, чтобы стадо пребывало невредимым. Этого достаточно, чтобы заслужить мне венец. Чего не потерпел бы я за вас? Вы мне сограждане, вы мне отцы, вы мне братья, вы мне дети, вы мне члены, вы мне тело, вы мне свет, даже гораздо усладительнее этого света. Разве доставляют мне солнечные лучи что-нибудь такое, что – ваша любовь? Солнечные лучи приносят мне пользу в настоящей жизни, а ваша любовь сплетает мне венец в будущей. Это говорю я в уши слушающих; а какие уши усерднее ваших к слушанию? Вы бодрствовали столько дней, и ничто не утомило вас; ни продолжительность времени, ни страхи, ни угрозы не произвели в вас ослабления; во всем вы оказались мужественными. И что я говорю: оказались? Вы сделали то, чего я всегда желал: презрели дела житейские, отказались от земли, переселились на небо, освободились от телесных уз, подвизались в блаженной любви к истине. Вот мои венцы, вот ободрение, вот утешение, вот мое помазание, вот жизнь, вот залог бессмертия!

4. [1]), Но я вижу некоторых из тех, которые убеждали меня оставаться при своих убеждениях. Многие из благоприятных дел обращаются в противные; и я уже подпал злобе тех, кому казался ревнителем. Одни, нападая на образ жизни, своими нападками достигают победы, благодаря разнообразию взглядов [на этот предмет]; другие, правда, не угрожали сами, но принимали сторону первых. Теперь время сказать о моей скорби. Закон остается в силе, но законодатель побеждается. Дети! Свидетельствуюсь вашею любовью: я вижу козни, поднимающие войну и оскорбляющие Бога; вижу борьбу потерянною и

подвигоположника скорбящим; вижу убеждение воистину ослабевшим, а козни торжествующими. Мне говорят: ты крестил после принятия пищи. Если я делал это, да буду анафема, да не считаюсь в главе епископов, да не буду вместе с ангелами, да не буду угоден Богу. Впрочем, если я и крестил, вкусив пищи, то не сделал ничего непристойного. Выслушай внимательно, что я говорю и что говорить не перестану. Говорить – для меня не обременительно, а для вас – полезно. Но возвратимся к предмету. Говорят, что я крестил, вкусив пищи. Пусть же низложат Павла за то, что он совершил крещение темничного стража после вечери. Дерзаю сказать: пусть низложат и самого Христа за то, что Он преподал своим ученикам причащение после вечерни. Нет, это у нас в надлежащем порядке и уважении; это – светлые дела мира; это – похвала народу. Это – мой венец, а ваша плоть. Вы знаете, возлюбленные, что еще хотят низложить меня. За то, что я не расстилал ковров, не облачался в шелковые одежды и не угождал чревоугодию других. Порождения аспида еще процветают; еще осталось семя Иезавели; но еще подвизается и благодать с Илиею. Вспомним дивного и богатого вестника жизни, т.е. Иоанна, бедняка, у которого не было даже светильника, но который имел лампаду Христову, которого главы пожелала сослужительница Евы, бывшая препятствием для святых, гнавшая пророков, коварно проповедавшая пост, знавшая пляску, достойную названия ехидниной, плясавшая во время не окончившегося пиршества. Она не пожелала жизни, не пожелала множества денег, или царского достоинства, или изобилия в чем-нибудь другом. Но, скажи мне человек, чего пожелала она? Головы человека. Что я говорю? Не просто человека, но благовестника. Однако, и получив голову, она не одержала победы. Она потребовала головы и отсекла ее, получив на блюде удовлетворение беззаконного желания. Смотри же и подивись силе Божией. Невинный обличал и был усечен; но усеченный – в деснице Христовой, а она подвергалась неотвратимому наказанию. [Теперь] опять семя той [Иезавели], это тернистое произрастение обнаруживается и преуспевает. Но, тогда, как Иродиада требует головы Иоанна, мы ликуем не тем ликованием , которое выражается движением ног, а вдохновенным ликованием Мариами. Иоанн же опять взывает и говорит: "**Не должно тебе иметь жену брата твоего**" (Марк. 6:18).

5. Что еще сказать? Настоящее время есть время слез. Все стремятся к бесславию, и все подлежит суду времени. Все оценивается золотом. Между тем, святой Давид говорит и взывает: "**когда богатство умножается, не прилагайте [к нему] сердца**" (Псал. 61:11). А кто, скажи мне, был человек, произнесший это изречение? Не восседал ли он на высоте царского престола? Не был ли он облечен царскою властью? Но он не склонялся на хищение; помыслы его не были направлены к истреблению благочестия; заботился он не о сокровищах, а о воинских дружинах, и не угождал жене. Избегайте же вы жены, чуждых вам собраний; не внушайте мужьям худых советов, но не утверждайтесь в том, что сказано. Погасили ли мы ваш пламень? Смягчилось ли ваше сердце? Впрочем, я знаю, что дщери Мариами получат пользу; прочие же пресытились без вина и упились сребролюбием, как взывает и проповедует блаженный Павел: "**ибо корень всех зол есть сребролюбие**" (1 Тим. 6:10). Так безумные женщины заграждают слух свой, и вместо доброго семени, произращают терние. Но увещеваю вас, не допустите, чтобы наше семя бросаемо было как бы на камень. Мы - нива Христа, от Которого услышим:" **добрый и верный раб, войди в радость господина твоего**"; но как бы, вместо этого не было сказано; "**лукавый раб**" (Матф.25:23:26)! Увещеваю же вас, да просветится жизнь ваша пред человеками, да не обуяем своей соли, но будем прославлять и благодарить – богатые богатого, бедные человеколюбивого и нищелюбивого Христа, сильные мощную руку Его. Это – касательно вас. А мне Бог попускает терпеть то, что умышляют против меня, может быть для того, чтобы испугать меня бедствиями, потому, что победа непременно сопровождается трудами и венец уготовляется подвигами. Так и божественный Павел говорил: "**течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды**" (2 Тим. 4:7:8). Этого венца да сподобит вас Владыка всех во веки! Аминь.

[1] Этот и следующий параграфы возбуждают сомнение в своей подлинности.

БЕСЕДА

по возвращении из изгнания[1]

Подлинно, велика буря и свирепы волны; но я не боюсь потопления, потому, что стою на камне. Пусть бушует море, поколебать камня оно не может; пусть возрастают волны, корабль Иисусов потонуть не может. К чему же все это? Мне ли – кому: "**Ибо для меня жизнь - Христос, и смерть - приобретение**" (Филип.1:21), бояться смерти? Страшиться ли мне изгнания, когда я знаю, что: " **Господня - земля и что наполняет ее**" (Псал. 23:1)? Или опасаться лишения имущества, когда я знаю, что если: "**Негодных же и бабьих басен отвращайся, а упражняй себя в благочестии**" (1 Тим. 4:7)? Что есть в мире устрашающего, я презираю; над тем, что есть в нем привлекательного, я смеюсь. Богатства я не желаю, бедности не страшусь, смерти не боюсь. Самой жизнью я дорожу, только для вашего преуспеяния, и умоляю вашу любовь, чтобы вы были спокойны. Никто не может разлучить нас с вами. Что Христос соединил, того человек не разлучит. Если о муже и жене сказано: "**Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть**" (Быт. 2:24), и если это брачное сочетание не может быть разрушено человеком, тем более не может быть разлучена церковь с пастырем. Ты нападаешь на меня? Но какой вред причинит мне твое нападение, кроме только, что меня ты своими нападениями сделаешь более славным, а свою силу сокрушишь? "**Трудно тебе идти против рожна**" (Дяен. 9:5); острия не притупишь, а свои ноги обагришь кровью. Разве волны, которые бьются о камень, достигают чего-нибудь большего, кроме того, что сами разбиваются и обращаются в пену? Нет ничего сильнее Церкви Христовой. Кто с ней захочет бороться, тот неизбежно погубит свои силы: это все равно, что ополчиться войной против неба. Когда ты воюешь с человеком, ты можешь победить или быть побежденным, "**Неужели мы [решимся] раздражать Господа? Разве мы сильнее Его**"? (1 Кор. 10:22). Господь основал, а ты пытаешься ниспровергнуть? Или хочешь испытать могущество Божие? "**Призирает на землю, и она трясется**" (Псал. 103:32); повелевает, и трус прекращается. Разве ты не видел, сколько раз Он утверждал твой потрясенный город? Тем более может Он оградить от потрясений Свою Церковь. Церковь выше земли, она превосходит даже небо. "**небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут**" (Матф. 24:35). Какие слова? "**Ты - Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее**" (Матф. 16:18). Если не веришь слову, то делам должен поверить. Сколькими тиранами воздвигались гонения на Церковь Божию? Сколько употреблялось ими мучений, крестов, сколько костров, печей, диких зверей, изощренных мечей? И они ничего не достигли. Где теперь те, которые делали это, и где те, которые мужественно перенесли все это. Теперь те подвергаются вечным мучениям, а эти ублажаются вечным весельем. Церковь превзошла своим блеском блеск солнца, а ее гонители объяты вечным мраком. Разве ты не знаешь, что [некогда] было только одиннадцать, и они не были побеждены? Теперь, когда вселенная наполнена множеством верующих, как они могут быть побеждены? " **небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут**". И несомненно так, потому, что для Бога церковь дороже неба. Не Церковь для неба, а небо для Церкви. Итак, прошу, пусть ничто не смущает вас из того, чему вы были свидетелями. Будем иметь пред глазами пример Петра: он ходил по водам, но усомнился и едва не погиб, не от сильных волн, но по слабости веры. Разве по человеческой воле мы пришли сюда, или человеком можем быть удалены отсюда? Это я говорю не из надменности или самохвальства, но чтобы укрепить сердца ваши, объятые смущением. Вспомните, как : "**Потряслась и**

всколебалась земля" (Псал. 17:8), но город не был разрушен. Нечестивейший дьявол, как ты думаешь, что можешь одолеть Церковь, после того, как не мог разрушить и потрясенных стен? А Церковь не в стенах, но во множестве верующих. Как сильны вы, как непоколебимо вы стоите, связанные не жезлом, а верою! Но что я говорю о таком множестве? Одного верного ты не можешь одолеть. О. Дьявол, разве ты не знаешь, что причинили тебе мученики? Часто [на мучения] выходила девица нежного возраста, юных лет, и оказывалась крепче жезла; ты строгал ребра ее, но веры поколебать не мог. Часто тело истощалось в мучениях, а крепость веры не ослабевала; плоть изнурялась, а дух не поддавался испытанию; существо изнемогало, а терпение пребывало. Если таким образом одна девица тебя побеждала, то как ты надеешься победить веру этого столь великого и столь верного множества? Разве ты не слышишь гласа Господа, говорящего: "**ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них**" (Матф. 18:20)? Что же там, где связано узами любви такое множество верных? Не на собственные силы я полагаюсь, меня поддерживает Писание Господа моего; я опираюсь на Его руку, она послужит мне надежной опорой и сделает меня безопасным и спокойным. Хотя бы вселенная поколебалась, я держусь обетования Господня. Я "**Читаю Его руку**". [В Писании Господь подает мне руку, как тогда Петру]; вот моя несокрушимая защита. Вы хотите, чтобы я напомнил вам это обещание Господне? "**Я с вами во все дни до скончания века. Аминь**" (Мф. 28:20). Со мной Христос, - кого мне бояться? Хотя бы волны неистовствовали, и все море устремилось против меня, или ярость правителей, все это для меня паутина, даже ничтожнее паутины. И если бы не ваша помощь, я сегодня же не усомнился бы идти, куда угодно. Я всегда повторяю: Господи, "**да будет воля Твоя**" (Матф. 6:10); не то, что хочет тот или другой, но что Ты хочешь. Твоя воля для меня крепче всякой башни, скала непоколебимая, опора надежная. Если ты хочешь удержать меня здесь, я благодарю; если не хочешь, одинаково благодарю. Пусть никто не смущает вас, братья, только молитесь: ведь дьявол только и делает все это для того, чтобы рассеять ваше усердие и прервать ваши подвиги в молитве и бдениях. Но пусть же не удается расхитить ему ваше усердие к церкви: пусть он найдет вас бодрыми и еще более возбудит вашу ревность. Завтра я выйду с вами на молитву: и где я, там будете и вы; где вы, там буду и я. Мы одно тело и ни голова от тела, ни тело от головы не может быть отделено; хотя бы разделяло нас друг от друга пространство, мы соединены любовью. Самая смерть не разлучит нас с вами: пусть умрет мое тело, душа моя жива и помнит о вас. Вы мне отцы, вы мне мать, вы мне жизнь, вы мне друзья, если вы преуспеваете, я буду радоваться. Вы мой венец и мое богатство; вы мое сокровище. Тысячу раз готов я принести себя в жертву за вас; и это не заслуга с моей стороны, а долг. "**пастырь добрый полагает жизнь свою за овец**." (Иоан. 10:11); такая смерть уготовляет бессмертие. Не земные богатства и не какой-нибудь грех, - по справедливости, тогда я терпел бы огорчения – навлекли на меня эти козни, но моя любовь к вам, именно, что я все делаю для вашего преуспеяния и никому не допуская вторгнуться в это благоустроенной стадо, но соблюдаю вас в непорочной вере. Вот в чем причина моих бедствий и этого достаточно мне для получения венца. Да и чего я не потерпел бы ради вас? Вы мои граждане, вы мои братья, вы мои дети, вы мои члены, вы мое тело, вы для меня свет, даже вожделеннее света. Могут ли лучи солнца доставить мне то, чем украшает меня ваша любовь? За любовь вашу приготовляется мне венец в будущем веке, а блеск солнца этого доставить не может. Это я говорю в уши слушающих. А что внимательнее и охотнее к слушанию, чем ваши уши? Вот сколько дней вы уже бодрствуете, и никого из вас не склонил сон, никого не обессилила продолжительность времени. Никто не уступил страху или угрозам, но то чем хотели устрашить вас, сделало вас более сильными. Теперь я вижу в вас то, чего всегда желал: вы пренебрегли земными неприятностями и в лице всех объявили, что совсем теперь не заботитесь о земле и земных делах. Теперь мне уже кажется, что вы переселились на небо, освободились от уз тела и преуспеваете в этой блаженной и небесной философии. Теперь с спокоен за вас; это мое утешение, это, как бальзам, подкрепляет меня в моем подвиге, делает более сильным

для борьбы и возводит к бессмертной и вечной радости. За все это воздадим благодарение Богу, Которому слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Эта беседа, весьма сходная с предшествующей, в издании Миня существует только на латинском языке, с которого и сделан перевод ее.

БЕСЕДА

когда отправлялся в ссылку

1. Торжественное у нас слово, братия мои; блистательное собрание наше подобно морю обширному и полноводному, но не возмущаемому яростью ветров, - потому, что здесь матерь мира, укрощающая ярость ветров. "**О Сионе же будут говорить: "такой-то и такой-то муж родился в нем, и Сам Всевышний укрепил его**" (Псал. 86:5). Дети мои, меня намереваются убить? Но что мне бояться смерти? "**Ибо для меня жизнь - Христос, и смерть - приобретение**" (Фил. 1:21). Пошлют в ссылку? "**Господня - земля и что наполняет ее**" (Псал. 23:1). Отнимут у меня имущество? "**Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести [из него]**" (1 Тим. 6:7). Вы знаете, братия, за что хотят низложить меня, - за то, что я не расстилал ковров, не облачался в шелковые одежды, не угождал чревоугодию других, не приносил им золота и серебра. А мне говорят: ты крестил после принятия пищи и питья. Если я делал это, да буду анафема, да не считаюсь в числе епископов, да не буду вместе с ангелами, да не буду угоден Богу. Впрочем, хотя бы я и крестил, вкуси пищи, то не сделал бы ничего непристойного. Пусть же низложат и Павла апостола за то, что он после вечери крестил темничного стража; пусть низложат и самого Господа за то, что Он после вечери преподал причащение ученикам. Много вижу я волн, и жестокую бурю, уготованные копья, и, как кормчий в великую бурю, сижу на двух кормах корабля, т.е. ветхом и новом заветах, и веслами отражаю бурю; не деревянными веслами, а честным крестом Господним обращаю буря в тишину. Господь повелевает, и раб увенчавается; для того Он сам и предает его дьяволу. Разве неизвестно людям, что чистейший сосуд особенно блистает возле нечистого? Братия, три предлагаю вам предмета: веру, терпение, целомудрие. Если хотите пребывать в вере, подражайте блаженному Аврааму, достигшего престарелого возраста и пожавшему зрелые плоды. Если хотите пребывать в терпении, подражайте блаженному Иову; вы знаете его жизнь, слышали об его терпении, не без известна вам и его кончина. Если же хотите соблюдать целомудрие, подражайте блаженному Иосифу, проданному в Египет и избавившему Египет, изнуряемый голодом. Он подвергался искушению от прелюбодейки египтянки, порабощенной страстью любви , пристававшей к нему и говорившей: "**ложись со мной**" (Быт. 39:12). Хотела лишить его целомудрия в Египте египтянка; так и здесь египтянин[1] Однако ни та не довела святого до падения, ни этот здесь; но только обнаружилось свободное целомудрие, благородство детей и развращение варварской женщины.

2. Братия, вор не приходит туда, где хворост, сено и дрова, но – туда, где лежит золото, или серебро, или жемчуг; так и дьявол не входит туда, где прелюбодей, или богохульник, или хищник, или корыстолюбец, но – туда, где провождающие пустынную жизнь. Братия, станем ли мы изощрять язык против царицы? Но что мне сказать? Иезавель неистовствует, и Илия убегает; Иродиада веселиться, и Иосиф отводится в темницу. Так если изгонят меня, я уподоблюсь Илии; если бросят в грязь, - Иеремии; если в море – пророку Ионе; если в ров, - Даниилу; если побьют камнями, - Стефану; если обезглавят, -

Иоанну Предтече; если будут бить палками, - Павлу; если распилят пилою, - Исайе; и о, если бы пилою деревянною, чтобы мне насладится любовью ко кресту! Огрубевшая во плоти враждует против бесплотного, занятая омовениями, умащениями и мужем, враждует против чистой и непорочной Церкви. Но и сама она станет сидеть вдовою еще при жизни мужа, потому, что будучи женщиной, хочет сделать вдовою Церковь. Вчера вечером она называла меня тринадцатым апостолом, а сегодня назвала меня Иудою; вчера благосклонно сидела вместе со мною, а сегодня напала на меня, как дикий зверь. Пусть погаснет у нас солнце и затмиться луна; только бы не забыть слов Иова. Иов, претерпевший такие удары, не произносил ничего иного, кроме: "**да будет имя Господне благословенно**" (Иов. 1:21). Когда жена кричала и говорила ему: "**Ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри**" (Иов. 2:9), то он, укоряя ее, говорил: "**ты говоришь как одна из безумных**" (Иов. 2:10). О, неблагодарная жена! О, растравительница болезней! Разве тебе, жена, когда ты была нездорова, Иов говорил, что-нибудь подобное? Не облегчил ли он твоей болезни молитвами и благодеяниями? Когда он жил в царских чертогах, имел богатство и царскую прислугу, ты не говорила ничего подобного; а теперь, когда видишь его сидящим на гноище и покрытым червями, говоришь: "**Ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри**". Разве не довольно для него временного испытания, и ты этими словами хочешь доставить ему и вечное мучение? Что же блаженный Иов? "**Ты**", - говорит он, - " **как одна из безумных; неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?**" А эта беззаконная и ненавистная, эта, говорю, новая Иезавель не взывает и не говорит…. Но посылает ко мне консулов и трибунов, и только угрожает. Но что это для меня? Паутины, производимые пауком. Братия, все вы знаете, что победа приобретается трудами и венец назначен за подвиги, как и божественный Павел недавно говорил: "**Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия**" (2 Тим. 4:7:8). Ему слава и держава, во веки веков. Аминь.

---

[1] Разумеется Феофил александрийский, враг святителя.

БЕСЕДА

по возвращении из первой ссылки[1]

1. Что я скажу, или о чем буду говорить? "**Благословен Бог!**" Эти слова говорил я, уходя от вас; это же опять повторяю, или – вернее – и там я не переставал говорить тоже самое. Вы помните, как я представлял вам Иова и говорил: "**да будет имя Господне благословенно!**" (Иов 1:21). Это оставил я вам в напутствие; это же опять предлагаю в благодарность: "**да будет имя Господне благословенно!**". Различны обстоятельства, но одно славословие. Изгоняемый – я благословлял и, возвращаясь – благословляю. Различны обстоятельства, но одна цель зимы и лета, одна цель – благосостояние нивы. Благословен Бог, попустивший мне удалиться; благословен Он, повелевший мне опять возвратиться; благословен Бог, попустивший бурю; благословен Бог, прекративший и произведший тишину. Говорю это, научая вас благословлять Бога. Случилось ли хорошее? Благословляй Бога и хорошее останется. Случилось ли худое? Благословляй Бога и худое прекратиться. Так и Иов, когда был богат, благодарил, и когда сделался бедным, славословил; и тогда не забывал Бога, и потому не богохульствовал. Различны были обстоятельства, но одно душевное расположение. Так мужество кормчего ни

тишиной не расслабляется, ни бурей не подавляется. Благословен Бог и тогда, когда я был разлучен с вами, и когда снова встретился с вами. То и другое – дело одного помышления. Я отделен был от вас телом, но не был отделен от вас душою. Видите ли, что сделало коварство врагов? Оно усилило расположенность, воспламенило любовь, доставило мне тысячи доброжелателей. Прежде любили меня мои, а теперь почитают и иудеи; думали удалить меня от моих, и привлекли ко мне чужих. Но не им, а Божию имени благодарение за то, что злоба их обратилась к нашей чести. Так, иудеи распяли нашего Господа, а Им спасена вселенная, но не иудеев благодарю за это, а Распятого. Пусть видят, каков Бог наш, какой мир произвело коварство их, какую приготовило славу. Прежде наполнялась одна только Церковь, а теперь и площадь стала Церковью; одна глава и там и здесь. Никто не налагал молчания на ваше собрание, и однако, все молчат, все сокрушаются. А прежде одни пели, другие хвалили поющих. Сегодня конские скачки, и никого нет там, но все стеклись в Церковь, как потоки. Потоки – ваше множество, и река – ваши голоса, восходящие к небу и выражающие любовь к отцу. Ваши молитвы для меня славнее диадемы. Мужи и жены вместе. Конечно: "**нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе**" (Гал.3:28). "**Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его**" (Псал. 105:2)? Видите, как истинно то, что я всегда говорил вам, т.е. кто мужественно переносит искушение, тот собирает от него великие плоды.

2. Я призвал вас к апостолам[2]. Так, мы, изгнанные, пришли к тем, которые были изгоняемы. Мы подвергались козням, и они были гонимы. Мы пришли к Тимофею, новому Павлу, пришли к святым телам, носившим на себе язвы Христовы. Никогда не бойся искушения, если имеешь доблестную душу; через это святые, удостоились венцов. Велико страдание для тела, но еще больше успокоение для души. О, если бы вам всегда быть в таких страдания! Так и пастырь радуется, перенося труды для овец. Сто мне говорить? Где сеять? Нет для меня незанятой страны. Где мне трудиться? Нет для меня открытого виноградника. Где мне созидать? Храм переполнен, сети мои разрываются от множества рыб. Что же мне делать? Не имею времени для делания. Поэтому я и поучаю вас, не как нуждающихся в учении, но чтобы показать искреннюю любовь мою к вам. Везде зеленеют колосья; столько овец, и нигде – волка; столько колосьев, и нигде – терний; столько винограда, и нигде – лисицы! Хищные звери потонули, и волки разбежались. Кто прогнал их? Не я, пастырь, но вы овцы. Л, доблесть овец! В отсутствии пастыря, они прогнали волков. О, красота невесты, или - лучше – целомудрие! В отсутствие мужа, она прогнала прелюбодеев! О, красота и целомудрие невесты! Она обнажила свою красоту, показала свою чистоту. Как ты прогнала прелюбодеев? Любовью к мужу. Как ты прогнала прелюбодеев? Превосходством целомудрия; я не брала оружия, не брала ни копьев, ни щитов; я показала им свою красоту, и они не вынесли ее блеска. Где же они теперь? В стыде. А где мы? В радости. Цари с нами, начальники с нами. И что мне сказать? О чем говорить? "**Да приложит вам Господь более и более, вам и детям вашим**" (Псал. 113:22), и усердие ваше да удержит в своей сети! Здесь мы прекратим слово, за все благодаря человеколюбивого Бога, Которому слава во веки. Аминь.

---

[1] Существует только в лат. переводе

[2] Т.е. в константинопольскую церковь св. апостолов, где почивали мощи св. Тимофея.

БЕСЕДА

по возвращении из первой ссылки

1.Когда фараон отнял у Авраама Сарру, нечестивый варвар, египтянин – прекрасную и благообразную жену, взирая неправедными глазами на ее красоту и намереваясь совершить с нею прелюбодеяние, тогда Бог не в самом начале наказал его, - чтобы открылось и мужество праведника, и целомудрие жены, и распутство варвара, и человеколюбие Божие. Мужество праведника обнаружилось в том, что он благодушно переносил случившиеся; целомудрие жены в том, что попавши в варварские руки, она сохранила чистоту; распутство варвара в том, что он взошел на чужое ложе; человеколюбие Бога проявилось в том, что, против чаяния людей, Он доставил тогда венец праведнику. Это происходило тогда с Авраамом; тоже произошло и ныне с Церковью. Там египтянин и здесь египтянин; тот имел копьеносцев и этот – сподвижников; тот покушался против Сарры и этот - против Церкви; тот держал ее одну ночь, этот входил сюда на один день; даже и на один день не было бы попущено ему, но попущено для того, чтобы открылось целомудрие невесты; он вошел, но красота ее целомудрия не растлилась, хотя он уже приготовлял прелюбодейство, и рукописания были составлены, и многие, из находящихся в доме, подписались. Орудия козней были готовы, но цель не достигнута. Открылось его лукавство и Божие человеколюбие. Но тот варвар, сознав тогда свой грех, исповедал свое беззаконие и сказал Аврааму: "**Для чего ты сказал: она сестра моя**", и я едва не согрешил (Быт. 12:19)? А этот и после беззакония продолжает борьбу. Жалкий и несчастный, ты "**согрешил еси, умолкни**" (Быт. IV,7), не прилагай греха к греху! И та возвратилась, получив египетское богатство, а Церковь возвратилась, владея богатством душевным, и я вилась целомудреннейшею. Посмотри на неистовство этого варвара. Ты изгнал пастыря, - для чего же разгонять стадо? Ты низложил кормчего, - для чего же разламывать рули? Ты изгнал виноградаря, - для чего же повреждать виноградные лозы? Для чего разорял монастыри? Ты подражал нашествию варваров.

2. Он сделал все, чтобы открылось ваше мужество; сделал все, чтобы узнать, что здесь – паства, пасомая Христом. Пастырь был вдали, а стадо пребывало вместе, и исполнялось апостольское изречение: "**Не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего, со страхом и трепетом совершайте свое спасение**" (Фил. 2:12). Так угрожали, боящиеся вашего мужества, усердия, любви и привязанности ко мне: “мы ничего не смеем, - говорили они, - сделать в городе: дайте нам его вне города”. Возьмите же меня вне города, чтобы вам познать расположенность Церкви, познать доблесть детей моих, силу воинов, крепость ратоборцев, блеск диадем, обилие богатства, величие любви, твердость терпения, цвет свободы, славу победы, позор вашего поражения. О, необычайные и дивные дела! Пастырь вне, а стадо ликует; военачальник вдали, а воины ратуют. И не только Церковь вмещала воинов, но и весь город стал Церковью; освятились улицы, площади, воздух; еретики обращались, иудеи, славословя Бога, прибегали к нам. Так было и при Христе: Кайафа распял Его, а разбойник исповедал. О, необычайные и дивные дела! Священники убили Его, а волхвы поклонялись Ему. Но да, не смущает это Церкви; если бы этого не было, то не раскрылось бы наше богатство; хотя оно и существовало, но не открылось бы. Как Иов, всегда был праведным, но не возвеличился бы в такой степени, если бы не было ран и червей, так не обнаружилось бы и наше богатство, если бы не было козней. Бог, как бы оправдываясь перед Иовом, говорил: "**оправдываться словами бесполезными и речью, не имеющею никакой силы**" (Иов. 15:3)? Они строили ковы, воевали – и побеждены. Как воевали? Палицами. Как поражены? Молитвами. "**Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую**" (Матф. 5:39). А ты вносишь в Церковь палицы и ведешь войну. Где [возглашается]: "**мир всем**", там ты начинаешь войну; не стыдишься, жалкий и несчастный, ни места, ни священного сана, ни величия власти. Крещальня наполнилась кровью; где даруется отпущение грехов, там произвел ты пролитие крови. В каком войске бывает подобное? Царь, входя сюда, отлагает щит и диадему, а ты вошел, схватив палицы;

он оставляет вне и знаки царского достоинства, а ты внес сюда и знаки войны. Впрочем, невесте моей ты нисколько не повредил, и она продолжает являть свою красоту.

3. Поэтому я радуюсь не только тому, что вы победили, но что победили в моем отсутствии. Если бы я был здесь, то мы разделили бы с вами победу; но так, как я отсутствовал, то победа принадлежит вполне вам. Впрочем, и это – моя хвала, и опять я разделяю с вами победу, потому, что я воспитал вас так, что и в отсутствии отца вы показали собственную доблесть. Как доблестные работорговцы показывают свою силу и в отсутствии наставника, так и доблесть вашей веры явила красоту в отсутствии учителя. И нужны ли слова? Самые камни взывают, стены издают голос. Ступай в царские чертоги, и тотчас услышишь: народ константинопольский…. Ступай на море, в пустыню, в горы, в дома – везде изображается ваша хвала. Чем победили вы? Не деньгами, а верою. О, народ, любящий учителя! О, народ, любящий отца! Блажен этот город, - не своими колоннами и золотою кровлею, но вашей добродетелью! Столько козней, а молитвы ваши победили; и весьма справедливо, потому, что усердны были молитвы, и текли источники слез. У тех – стрелы, а у вас – слезы; у тех – ярость, а у вас – кротость; делай, что хочешь, а вы молитесь. Где же теперь те, которые противились? Брались ли мы за оружие? Натягивали ли луки? Пускали ли стрелы? Мы молились и те бежали. Они рассеялись, как паутина; а вы стоите, как скала. Блажен я через вас. И прежде я знал, каким владею богатством, но теперь пришел в удивление. Я был вдали от вас и город переселился; ради одного человека море стало городом; жен, мужья, дети незрелого возраста, женщины с детьми на руках своих, осмелились идти на море, презрели волны; раб не побоялся своего господина, и женщина забыла о своей естественной слабости. Площадь стала Церковью; все было в движении ради нас. Кого вы не научили? И царица присоединилась к вашему сонму; я не умолчу об ее ревности. Не из лести царице говорю это, но из уважения к благочестию. Не скрою ее ревности; ведь она не прибегла к силе, но поспешила восстановить добродетель. Тогда я был отводим, вы знаете, как, - нужно же сказать и о прискорбном, чтобы вы познали радостное, - вы знаете, как я был отводим и как возвратился. "**Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью. С плачем несущий семена возвратится с радостью, неся снопы свои**" (Псал. 125:5:6). Эти слова стали делом. С благодарностью вы приняли того, кого отпустили с печалью; и не в продолжительное время, но в один день все решилось. Но и это промедление было для вас; а Бог решил так с самого начала.

4. Скажу вам сокровенное. Я переплыл море, один вмещая в себе Церковь, потому, что для любви нет границы; и корабль не был тесен, потому, что "**Вам не тесно в нас**" (2 Кор. 6:12). Я удалился, заботясь о ваших делах, отделенный от вас телом, но соединенный с вами душей. Я удалился, молясь Богу и полагаясь на вашу любовь. Я удалился и в уединении заботился о ваших делах, в одиночестве размышлял о ссылке. Вдруг, в позднее время, в первый же день, эта боголюбивейшая [царица] присылает письмо, в котором заключались такие слова [здесь нужно привести самые слова ее]: “да не подумает твоя святость, что я знала о случившемся; я неповинна в крови твоей; люди злые и развращенные устроили эти козни; моих же слез свидетель Бог, Которому я священствую”. Какое совершала она жертвенное возлияние? Слезы ее были жертвенным возлиянием! “Которому я священствую”. Вот жрица, рукоположившая сама себя, приносящая жертву Богу и возливающая слезы, исповедание и покаяние, не за священника, а за Церковь, за рассеянный народ! Вспомнила, вспомнила она и о детях и о крещении. “Я помню, что твоими руками крещены мои дети”. Это писала царица. Между тем священники, все по ненависти не знали даже места, где я остановился; а она, - скажу поистине удивительное, - страшась, как бы за свое дитя, везде обходила, не лично, но собственным отрядом воинов, потому, что она тоже не знала места, где я находился. Она всюду посылала, беспокоясь, чтобы пастырь не был коварно захвачен и убит, чтобы не

потерять добычи. “Об этом только стараюсь я со своей стороны; того только домогаюсь, чтобы они не преодолели”. Враги везде обходили, расставляя сети, чтобы поймать и схватить меня в свои руки. А она умоляла и касалась колен царских, стараясь сделать и мужа своего участником в этой ловитве. Как Авраам убеждал Сарру, так она – мужа. “Мы потеряли священника, но возвратим его; у нас нет надежды удержаться на престоле, если не возвратим его; мне невозможно иметь общение с кем-то из совершивших это”, - говорила она, проливая слезы, умоляя Бога, употребляя все меры. И вы знаете, с какой благосклонностью она приняла нас, как обнимала, как бы собственные члены, и говорила, как вместе с вами и она беспокоилась. Эти слова не сокрылись от вашей признательности, потому что вы имеете в ней матерь церквей, питательнецу монахов, покровительницу святых, опору бедных. Ее хвала становится хвалою Богу, венцом церквей. Говорить ли о пламенной ее любви? Сказать ли о доброжелательстве ко мне? Вчера, в поздний вечер, она прислала ко мне с такими словами: “скажите ему: молитва моя исполнилась; я достигла желаемого; я увенчана лучше, нежели диадемой; я восприняла священника, возвратила главу телу, кормчего кораблю, пастыря пастве, жениха, брачному чертогу”.

5. Прелюбодеи посрамлены. Буду ли я жить или умру, я за все спокоен. Вы видите последствия искушения. Что мне делать, чтобы воздать вам воздаяние, достойное вашей любви? Достойное – не могу, но какое могу, воздаю. Я люблю вас так, что готов пролить кровь свою для вашего спасения. Никто не имеет таких детей, никто - такого стада, никто – такой цветущей нивы. Мне не нужно возделывать землю; я сплю, и колосья цветут. Мне не нужно трудится; я отдыхаю, и овцы побеждают волков. Как я назову вас? Овцами или пастырями, или кормчими, или воинами, или военачальниками? Все эти названия справедливо могу приписать вам. Видя благочиние, называю вас овцами; видя заботливость, называю пастырями; видя мудрость, называю кормчими; видя мужество и твердость, называю всех вас воинами и военачальниками. О, труд! О, заботливость народа! Вы прогнали волков и не перестаете заботиться. Пловцы, бывшие с вами, обратились против вас и начали войну против корабля. Вы взываете: прочь этот клир, другой клир для церкви! Для чего так взывать? Они удалились, они прогнаны, без всякого преследования, они обратились в бегство. Не человек осуждает их, а совесть. "**Ибо не враг поносит меня, - это я перенес бы**" (Псал. 54:13). Не против нас восстали бывшие с нами; те, которые хотели вместе с нами управлять кораблем, захотели потопить корабль. Тем более удивляюсь я вашему благоразумию. Говорю это не с тем, чтобы побудить вас к возмущению. Возмущение – их дело, а ваше дело – ревность. Вы не требовали умертвить их, но – воспрепятствовать им в этом и ради вас и ради Церкви, чтобы она опять не подверглась потоплению. Ваше мужество не попустило бы буре, но их намерение произвело волнения. А я сужу не по концу дела, а по их намерению. Ты человек, предстоящий пред жертвенником, принявший на себя попечение о таком множестве народа, обязанный устранять прискорбное, ты усилил бурю, направил меч против себя самого, погубил своих детей намерением, если не самым делом. Но Бог воспрепятствовал этому. И теперь я удивляюсь вам и хвалю вас, что после войны и по водворении мира, вы заботитесь, чтобы мир был совершенным. Подлинно, кормчему должно быть в согласии с пловцами; а если они будут не согласны, то потонет судно. Вы при помощи благодати Божией, восстановили мир; вас я сделаю и участниками в безопасности. Ничего не стану делать без вас, равно как и без боголюбивейшей царицы, потому, что и она заботится, старается и употребляет всевозможные меры, чтобы насажденное осталось твердым, чтобы Церковь пребывала безмятежною. Так я воздал хвалу и вашему благоразумию, и попечительности царей, потому что они не столько заботятся о войне, сколько о Церкви, не столько о городе, сколько о Церкви. Будем молить Бога, будем просить о том, будем пребывать в молитвах, и, после того, как прекратились бедствия, не предадимся беспечности. Поэтому-то и до сего дня мы продолжаем молиться о прекращении бедствий. Будем же благодарить Бога; как тогда были мужественны, так и теперь будем

усердны. И за все это возблагодарим Бога, Которому слава и держава, с Сыном и с благим Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

о жене хананейской, сказанная по возвращении (святителя) из ссылки.

1. Велика буря, но она не помешала усердию пришедших сюда; велики искушения, но они не уничтожили вашей привязанности. Церковь не перестает испытывать нападения и побеждать, подвергаться козням и преодолевать. Чем более иные нападают на нее, тем более она умножается; волны рассеиваются, а камень стоит неподвижно. Днем поучения, ночью всенощные бдения; день соревнует ночи; и там собрания, и здесь собрания; ночь делает из торжища церковь; усердие сильнее огня. Вы не нуждаетесь в увещании, и сами показываете усердие. Кто не удивится? Кто не изумится? Не только бывшие нашими не отсутствуют, но и не бывшие присутствуют. Такова польза испытаний. Как дождь, падая на землю, пробуждает семена, так и испытания, входя в душу, возбуждают усердие. По слову Божию, Церковь непоколебима: "**врата ада не одолеют ее" (врата адова не одолеют ея)** (Матф. 16: 18). Кто нападает на нее, тот губит самого себя, а Церковь являет сильнейшею; кто нападает на нее, тот разрушает собственные силы, а наш трофей делает блистательнейшим. Славен был Иов и прежде, но после стал еще славнее: не так был он славен, когда имел неболезненное тело, как славен стал тогда, когда был увенчан гноем ран. Никогда не бойся испытаний, если душа твоя приготовлена к ним. Скорбь не вредит, но "**от скорби происходит терпение" (соделовает терпение)** (Рим. 5: 3). Как огонь не портит золота, так и скорбь не вредит доблести. Что делает огонь с золотом? Очищает его. Что производит скорбь в переносящем ее? Терпение. Она возвышает его, прогоняет леность, сосредоточивает душу, делает ум осмотрительнее. Враги воздвигли гонение для того, чтобы разогнать овец, а вышло противное: оно привело пастыря.

В каком положении наши дела? В благополучном. В каком их дела? В бесславном. Где их дела? Их и не видно. По торжищу хожу – и никого не вижу. Были листья, но подул ветер, и они опали; была мякина, и развеялась, а зрелый плод открылся; было олово, и растаяло, а золото осталось чистым. Кто гонит их? Никто; но совесть – их враг, сопровождающий грехи. Они знали, что делали. Так и Каин хотел убить брата своего; когда он хотел убить, то действовала страсть, а когда совершил преступление, то "**изгнанником и скитальцем" (стеня и трясыйся)** стал ходить по всей вселенной (Быт. 4: 14). И они, если не убили на деле, то убили намерением. Убийство совершено, насколько зависело от злобы их; но жизнь сохранена по милости Божией. Говорю это для возбуждения вашей ревности, чтобы вы никогда не боялись испытаний. Ты – камень? Не бойся же волн, так как "**на сем камне**, – сказал Господь, – **Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее" (на сем камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолеют ей)** (Матф. 16: 18). Бывают войны иногда вне, иногда внутри; но ничто не потопит этого корабля.

2. Впрочем, чтобы не истратить всего времени на осуждение врагов, предоставим их угрызению совести; пусть этот палач терзает их душу и ум с нечестивыми пожеланиями, пусть они бегают, когда никто не гонит, пусть подвергаются стыду, когда никто не враждует против них; а сами мы предложим обычную трапезу. Несправедливо тратить время на обличение врагов и оставлять детей изнуряться голодом. Итак, вчера предлагал нам трапезу Павел, сегодня Матфей; вчера делатель палаток, сегодня мытарь; вчера хулитель, сегодня похититель; вчера гонитель, сегодня корыстолюбец. Но хулитель не остался хулителем, а сделался апостолом, и похититель не остался похитителем, а сделался евангелистом. Я упоминаю о прежних пороках их и о последующих добродетелях для того, чтобы ты знал, какова польза покаяния; чтобы тебе никогда не

отчаиваться в своем спасении. Учители наши прежде известны были по грехам, а впоследствии прославились праведностью; мытарь и богохульник – крайние степени нечестия. В самом деле, что такое звание мытаря? Узаконенное хищничество, дерзновенное насилие, несправедливость, защищающаяся законом; мытарь хуже разбойников. Что такое звание мытаря? Насилие, укрывающееся под предлогом закона, обращающее врача в палача. Разумеете ли, что я сказал? Законы суть врачи, а здесь они делаются палачами, потому что не лечат рану, а увеличивают ее. Что такое звание мытаря? Бесстыдный грех, ничем не оправдываемое воровство, хуже грабительства. Грабитель, по крайней мере, стыдится, когда ворует; а этот похищает с дерзостью. И такой мытарь вдруг сделался евангелистом. Как и каким образом? **Проходя оттуда**, – говорится в Евангелии, – **Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея, и говорит ему: следуй за Мною" (Преходя, Иисус виде Матфеа, на мытнице седяща, и глагола ему: по Мне гряди)** (Матф. 9: 9). О, сила слова! Брошена уда, и пленника сделала воином, грязь обратила в золото; брошена уда, и тотчас мытарь "**встал и последовал за Ним" (востав по нем иде)**. Он был во глубине нечестия, – и взошел на высоту добродетели. Итак, возлюбленные, пусть никто не отчаивается в своем спасении. Грех не в нашей природе; мы сподоблены воли и свободы. Ты – мытарь? Можешь сделаться Евангелистом. Ты – богохульник? Можешь сделаться апостолом. Ты – разбойник? Можешь приобрести рай. Ты – волхв? Можешь поклониться Владыке. Нет такого греха, который не изглаждался бы покаянием. Для того Христос и избрал крайние степени нечестия, чтобы никто при конце не мог чем-нибудь оправдываться.

3. Не говори мне: "Я погиб, – что мне остается делать?" Не говори мне: "Я согрешил, – что мне делать?" У тебя есть Врач, который выше болезни; у тебя есть Врач, который побеждает силу болезни; у тебя есть Врач, который лечит одним мановением; у тебя есть Врач, который исцеляет одной волей, который и может, и хочет врачевать. Если он произвел тебя из небытия, то тем более может исправить тебя, уже существующего и поврежденного. Разве ты не слышал, как Он, взяв персть от земли, образовал человека? Как сделал землю плотью? Как устроил нервы, как – кости, как – кожу, как – жилы, как – нос, как – глаза, как – ресницы, как брови, – как – язык, как – грудь, как – руки, как – ноги, как – все прочее? Взята была земля, — одно вещество; явилось творчество и образовало разнообразные произведения. Ты не можешь сказать, каким образом ты создан? Точно так же не можешь сказать, каким образом истребляются грехи. Если огонь, падая в терние, истребляет его, то тем легче воля Божия истребляет и с корнем исторгает наши прегрешения и грешника делает подобным безгрешному. Не спрашивай, как это бывает, не исследуй, как это совершается, но веруй чуду. Ты скажешь: "Я согрешил много, и грехи мои велики". Но кто же без греха? Ты скажешь: "Я согрешил тяжело, больше и хуже всех людей". Но тебе достаточно принести такую жертву: "**говори ты, чтоб оправдаться" (глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися)** (Ис. 43: 26). Признайся, что ты согрешил, и это послужит началом твоего исправления. Сетуй, умились, проливай слезы. Разве другое что пролила (евангельская) блудница? Ничего другого, кроме слез раскаяния. Она взяла себе руководителем покаяние, и пришла к Источнику.

4. Но выслушаем, что говорит мытарь и евангелист. "**И, выйдя оттуда, Иисус удалился в страны Тирские и Сидонские. И вот, женщина…" (И изшед оттуду Иисус, отъиде во страны Тирския и Сидонския. И се жена)** (Матф. 15: 21, 22). Удивляется евангелист: "**вот, женщина**", древнее орудие диавола, изгнавшая меня из рая, мать греха, путеводительница преступления, такая жена, той же самой природы, приходит к Иисусу. Новое и необычайное чудо! Иудеи убегают, а жена идет за Ним. "**И вот, женщина Хананеянка, выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов" (И се жена, от предел тех изшедши, возопи к Нему глаголющи: помилуй мя, Господи, сыне Давидов)**. Жена делается благовестницею, исповедует и божество Его и

домостроительство; словом "**Господи"** [исповедует] владычество; а словами "**сыне Давидов**" **–** принятие Им плоти. "**Помилуй меня**". Посмотри на любомудрую душу. "**Помилуй меня**, – говорит она; – я не имею добрых дел, не имею дерзновения по своей жизни; прибегаю к милости, к общей пристани грешников; прибегаю к милосердию, где нет судилища, где спасение подается без испытания"; – таким образом, будучи грешницею и беззаконницею, она осмелилась приступить к Иисусу. Заметь еще любомудрие жены: она не просит Иакова, не умоляет Иоанна, не обращается к Петру, не разделяет сонма их. "Я не имею нужды в посреднике, но, взяв ходатаем своим покаяние, приступаю к самому Источнику; Он для того и пришел, для того и принял плоть, чтобы и я беседовала с Ним". Вверху херувимы трепещут, внизу блудница беседует с Ним! "**Помилуй меня**", – простое слово, но в нем находит она неисчерпаемое море спасения. "**Помилуй меня:** для этого Ты пришел, для этого Ты принял плоть, для этого Ты сделался тем, что и я" . На небе трепет, на земле дерзновение! "**Помилуй меня**: я не имею нужды в посреднике; сам Ты помилуй меня". – "Что тебе нужно?" – "Ищу милости". – "Чем ты страдаешь?" – "**Дочь моя жестоко беснуется (Дщи моя зле беснуется)**: природа моя терзается, жалость возбуждается". Так она пришла ходатайствовать за дочь; не принесла больной, а принесла веру. Он – Бог и все видит. "**Дочь моя жестоко беснуется**. Ужасное страдание; естественное чувство жалости, как жало, терзает мою утробу, возмущает внутренность. Что мне делать? Я погибаю". – "Почему же ты не говоришь: «помилуй дочь мою», но: «**помилуй меня**»? – "Она больна до бесчувствия, не сознает своего страдания, не чувствует своей боли; отсутствие сознания, или, лучше – бесчувствие служит для нее завесой несчастия. Помилуй меня, свидетельницу ежедневных страданий; у меня в доме зрелище несчастия. Куда мне уйти? В пустыню? Но я не смею оставить ее одну. Дома ли остаться? Но здесь я нахожу внутреннего врага, волны в пристани, зрелище несчастия. Как мне назвать ее? Мертвой? Но она движется. Живой? Но она не сознает, что делает. Не могу найти слова для выражения этой болезни. **Помилуй меня**. Если бы умерла дочь моя, то я не так страдала бы; я предала бы тело ее в недра земли, и с течением времени забыла бы о несчастии, и рана зажила бы; теперь же у меня постоянно перед глазами труп, растравляющий мои раны, усиливающий мои страдания. Каково мне смотреть на ее вращающиеся глаза, изгибающиеся руки, распущенные волосы, истекающую пену, на этого палача, который находится внутри и не обнаруживается, на мучителя, который невидим, а удары его видимы? Я поставлена зрительницею бедствий других, поставлена необходимостью природы. **Помилуй меня**. Ужасна эта буря – страдание и вместе страх; страдание природы и страх от беса; я не могу ни подойти, ни коснуться ее. Сострадание побуждает меня, а страх отгоняет меня. **Помилуй меня**".

5. Представь любомудрие жены. Она не пошла к волхвам, не призвала колдунов, не делала привязок, не стала нанимать ворожей – женщин, которые вызывают бесов и усиливают рану; но, оставив дела диавола, обратилась к Спасителю душ наших. "**Помилуй меня, дочь моя жестоко беснуется**" Вы понимаете это страдание – [те из вас], которые стали отцами, помогите моему слову и вы, которые стали матерями; я не могу выразить словами бедствия, которое терпела эта женщина. "**Помилуй меня, дочь моя жестоко беснуется**". Видишь ли любомудрие жены? Видишь ли ее твердость, мужество, терпение? "**Но Он не отвечал ей ни слова" (Он же не отвеща ей словесе)** (Матф. 15: 23). Странные дела! Она просит, умоляет, оплакивает свое несчастие, усиливает свое сетование, высказывает страдание, – и Человеколюбец не отвечает, Слово молчит, Источник не отверзается, Врач не подает врачевства. Что это за необыкновенное, что за странное дело? К другим Ты сам приходишь, а эту, пришедшую к Тебе, отгоняешь? Но посмотри на мудрость Врача: "**Но Он не отвечал ей ни слова**". Почему? Потому, что обращал внимание не на слова, но знал тайные помышления. "**Но Он не отвечал ей ни слова**". Что же ученики? Так как жена не получала ответа, то они подошли к Нему и сказали: "**Отпусти ее, потому что кричит за нами" (отпусти ю, яко вопиет в след нас)**. – "Но ты слышишь внешний

голос, а Я – внутренний; велик вопль уст ее, но больше вопль души". "**отпусти ее, потому что кричит за нами**". Другой Евангелист говорит: "перед нами" (Марк. 7: 25). Слова противоположные, но неложные, потому что она делала то и другое. Сперва она кричала сзади; когда же Он не отвечал, то она подошла спереди, как пес, лижущий ноги господина своего. "**Отпусти ее**: она составила зрелище, собрала народ". Они имели в виду человеческую скорбь, а Господь – человеколюбие и спасение жены. "**Отпусти ее, потому что кричит за нами**". Что же Христос? **Я послан**, – говорит Он, – **только к погибшим овцам дома Израилева" (Несмь послан, токмо ко овцам погибшим дому Исраилева)** (Матф. 15: 24). Ответом Своим Он еще более растравил рану. Он был врач, рассекающий не для того, чтобы разделить, а чтобы соединить.

6. Здесь слушайте меня со вниманием и обратите ко мне ум ваш, потому что я хочу исследовать глубокий предмет. "**Я послан только к погибшим овцам дома Израилева**". Неужели это все? Неужели Ты сделался человеком, принял плоть, совершил такие дела домостроительства для того, чтобы спасти один этот угол (земли), и притом погибающий? А вся вселенная – скифы, фракияне, индийцы, мавры, киликийцы, каппадокийцы, сирияне, финикияне и вся земля, которую освещает солнце, разве лишатся этого? Разве Ты пришел для одних иудеев, а язычников оставляешь в пренебрежении? Разве Ты не взираешь на смрад, не смотришь на дым, не обращаешь внимания на оскорбление Отца Твоего, на поклонение идолам, на почитание бесов? Между тем пророки не так говорили; а что, например, говорит Твой праотец по плоти? "**Проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе" (Проси от мене и дам ти языки достояние твое, и одержание твое концы земли)** (Пс. 2: 9). И Исайя, видевший херувимов: "**И будет в тот день: к корню Иессееву, который станет, как знамя для народов, обратятся язычники" (и будет корень Иессеов, и возстаяй владети языки, на того языцы уповати будут)** (Исайи 11: 10). И Иаков: "**Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель, и Ему покорность народов" (оскудеет князь от Иуды и вождь от чресл его, дондеже приидут отложеная ему, и той чаяние языков)** (Быт. XLIX, 10). И Малахия: "**Лучше кто-нибудь из вас запер бы двери** медные **(зане в вас затворятся двери)** и не изменится предположенное: **Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву" (зане от восток солнца и до запад имя Мое прославися во языцех, и на всяком месте фимиам приносится имени Моему, и жертва чиста)** (Мал. 1: 10, 11). И еще Давид: "**Восплещите руками все народы, воскликните Богу гласом радости; ибо Господь Всевышний страшен, - великий Царь над всею землею… Восшел Бог при восклицаниях, Господь при звуке трубном" (вси языцы восплещите руками, воскликните Богу гласом радования: яко Господь вышний, страшен, Царь велий по всей земли. Взыде Бог в воскликновении, Господь во гласе трубне)** (Псал. 46: 1–6). И еще другой: "**Веселитесь, язычники, с народом Его" (возвеселитеся языцы с людьми его)** (Втор. 32: 43). И Ты сам, пришедши, не призвал ли тотчас волхвов, эту твердыню язычников, силу диавола, могущество бесов, и по снисхождению не сделал ли их провозвестниками? Ты призываешь волхвов; пророки говорят о язычниках; и по воскресении из мертвых Ты говоришь ученикам: "**идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа" (шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа)** (Матф. 28: 19). Когда же пришла эта несчастная, бедная, просящая о дочери, умоляющая облегчить ее несчастие, тогда Ты говоришь: "**Я послан только к погибшим овцам дома Израилева** "? Когда пришел сотник, Ты говоришь: "**Я приду и исцелю его" (Аз пришед исцелю его)** (Матф. 8: 7); когда говорил разбойник, Ты отвечаешь: "**ныне же будешь со Мною в раю" (днесь со Мною будеши в раи)** (Лук. 23: 43); когда принесен расслабленный, Ты говоришь: "**встань, возьми постель твою, и иди" (востани, возми одр твой и иди)** (Матф. 9: 6); когда умер Лазарь, Ты говоришь: "**Лазарь! иди вон" (Лазаре, гряди вон)** (Иоан. 11: 43), и

четвородневный вышел. Прокаженных Ты очищаешь, мертвых воскрешаешь, расслабленного укрепляешь, слепых исцеляешь, разбойников спасаешь, блудницу делаешь целомудреннее девы, а этой не отвечаешь ничего? Что за новое, что за необычайное, что за странное дело?

7. Внимательно слушайте, чтобы узнать твердость этой жены, и мудрость и попечительность Господа, чтобы видеть, как промедление приносит пользу, чтобы видеть, как отказ доставляет богатство, чтобы и тебе, если ты будешь молиться и не получать, никогда не оставлять молитвы. Слушай же с напряженным вниманием. Когда иудеи были избавлены от владычества египтян и, избегши рук фараона, прошли пустыню и намеревались вступить в землю хананеев, идолопоклонников и нечестивцев, которые покланялись камням, почитали деревья и обнаруживали в жизни великое нечестие, то Бог дал им следующий закон: "**не вступай с ними в родство: дочери твоей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына твоего (ниже сватовства сотвориши с ними: дщери своея не даси сыну его, и дщере его да не поймеши сыну твоему)** (Втор. 7: 3); не давай им золота, не сообщайся с ними в трапезе, не живи вместе и не делай ничего подобного, потому что нечестивы эти народы, к которым Я ввожу тебя, чтобы ты овладел ими". Таким образом, почти сам закон предписывал иудеям: "Не покупай, не продавай, не заключай браков и договоров, а будь хотя и близок к ним по месту жительства, но далек по образу жизни. У тебя не должно быть ничего общего с ними: ни договоров, ни продажи, ни купли, ни сватовства, ни замужества, чтобы необходимость родственных отношений не вовлекла тебя в нечестие, чтобы, давая и получая, ты не сделался другом их; но будь всегда врагом их. У тебя не должно быть никакого общения с хананеями: не принимай от них ни золота, ни серебра, ни одежды, ни дочери, ни сына, и ничего другого подобного, но живи сам по себе; у тебя есть язык, который отличает тебя от них, и этот закон Я дал тебе, почему закон и называется ограждением". Как виноград окружается оградой, так иудеи – законом, чтобы они, преступив его, не смешались с хананеями. А у тех были незаконные смешения, извращение законов природы, поклонение идолам, боготворение деревьев, оскорблявшее Бога, приношение в жертву детей, унижение отцов, бесчестие матерей, – все извращено, все искажено; они жили бесовской жизнью. Поэтому иудеи не имели с ними никаких сношений, ни договоров, ни торговли; закон, под угрозой тяжких наказаний, запрещал браки с ними, договоры, сватовство; иудеи ничего общего не имели с ними. Итак законом было запрещено иметь сношение с хананеями, давать им золото или что-нибудь другое, чтобы дружеское отношение не послужило поводом к нечестию. Закон окружал иудеев, подобно ограде: "**Виноградник**, – сказал Господь, – насадил **и обнес его оградою**" (Исайи 5: 2), т. е. законом, который состоит не из ветвей, а из заповедей, который ограждал их и отделял. Таким образом, хананеи были люди отверженные, презренные, нечестивые, развратные, преступные, нечистые; поэтому иудеи, исполняя закон свой, не хотели даже слушать их. А так как эта женщина была из хананеев – "**И вот**, – говорит Евангелист, – **женщина Хананеянка, выйдя из тех мест**" (Матф. 15: 22), – так как эта женщина была из хананеев, и приступила ко Христу, то Он (и поступил с нею так, чтобы иметь право) сказать: "**Кто из вас обличит Меня в неправде? (кто от вас обличает Мя о гресе)** (Иоан. 8: 46). Нарушал ли Я закон?" Сделавшись человеком, Он исполнял и человеческие дела.

8. Слушайте же со вниманием слова мои. Эта женщина была хананеянка, из тех пределов, где господствовали разврат, неистовство, нечестие, власть диавола, бесовские пиршества, где попирали природу и унижались до бессмыслия бессловесных, до неистовства бесов; а закон предписывал: "Не имей ничего общего с хананеями, не давай и не принимай от них, не бери жены, не принимай сына, не заключай ни договоров, ни условий", ограждая иудеев как бы оградой. И так как сам Христос, пришедши на землю и облекшись в оружие человеческое, был в свое время обрезан, приносил жертвы и приношения и все прочее,

хотя Он имел прекратить закон, то, дабы не сказали, что Он потому уничтожил закон, что не имел сил исполнить его, поэтому Он сперва исполняет его, а потом уже прекращает; дабы ты не подумал, что Он бессилен, для этого Он исполнял все по обычаю, и потому говорил: "**Кто из вас обличит Меня в неправде?**" Так как, говорю, по закону не должно было иметь никакого общения с хананеями, то, дабы иудеи не стали обвинять Его и говорить: "Мы не верим Тебе потому, что Ты беззаконник, Ты нарушаешь закон, пошел в страну хананейскую, сообщаешься с хананеями, тогда как закон запрещает сообщаться с ними", – поэтому-то Он сначала и не говорит ей ничего. Заметь, как Он и закон исполняет, и жену не лишает спасения, иудеям заграждает уста, и ее обращает к себе. "**Но Он**, – сказано, – **не отвечал ей ни слова**", как бы внушая следующее: "Не ищи предлогов к обвинению Меня; смотри: Я не говорю, не вступаю в беседу; вот несчастие, и Я не являю Своего действия; вот кораблекрушение, и Я, кормчий, не укрощаю бури по причине вашей безрассудности, чтобы вы не имели повода обвинять Меня; вот эта женщина собрала вокруг Меня зрителей и не получает ответа, чтобы вы не сказали: «Ты предался хананеям, нарушил закон, и на этом основании мы можем не верить Тебе»". Видишь, как Он не отвечает жене, чтобы ответить иудеям; молчание Его к жене было голосом обличения безрассудности иудеев.

9. Это делал Он не по собственному достоинству, но по снисхождению к немощи иудеев. Так и тогда, когда Он очистил прокаженного, сказал: "**принеси дар, какой повелел Моисей**" (Матф. 8: 4). Ты очистил и отсылаешь его к закону Моисея? – "Да". – "Для чего?" – "Из-за иудеев, чтобы они не стали обвинять меня в нарушении закона. Поэтому, когда Он исцелял прокаженного, то исцелил его необыкновенным образом; а как, послушай. "**И вот подошел прокаженный и, кланяясь Ему, сказал: Господи! если хочешь, можешь меня очистить. 3 Иисус, простерши руку, коснулся его и сказал: хочу, очистись" (И се прокажен пришед кланяшеся Ему, глаголя: Господи, аще хощеши, можеши мя очистити. И простер руку Иисус, коснуся ему, глаголя: хощу, очистися)** (Матф. 8: 2, 3). Но по закону не позволялось прикасаться к прокаженному. Так, когда пришел к пророку Елисею военачальник Нееман, зараженный проказой, то ученик сказал ему: "Вот прокаженный военачальник стоит вне". Пророк приказывает ученику выйти и сказать ему: "**Пойди, омойся… в Иордане" (шед измыйся во Иордане)** (4 Цар. 5: 10); а сам не решился выйти, посмотреть на прокаженного и коснуться его. Так как и Елисей очистил прокаженного, то, дабы не сказали иудеи, что Христос очищал подобно Елисею, для того этот не решается коснуться прокаженного, а Христос касается и говорит: "**Хочу, очистись**".

"…**Простерши руку** Свою, **коснулся его" (И простер руку коснуся ему)**. Для чего прикоснулся? Для того, чтобы показать тебе, что Он не раб, подчиненный закону, а Владыка, стоящий выше закона. Чем же Он исполнил закон? Тем, что сказал: "**Хочу, очистись**", а не тотчас коснулся его. Предшествовало слово, прогнало болезнь, а потом Он коснулся нечистого и сказал: "**Хочу, очистись**". Как? "**И он тотчас очистился от проказы" (Абие очистися)**. Евангелист не нашел выражения, – потому что слово "**абие**" (**тотчас**) выражает не так скорое действие, – не нашел выражения, соответствующего быстроте действия. "**Тотчас**", т. е. как? В то самое время, как было произнесено слово, уничтожилась болезнь, прошла проказа, и прокаженный стал чистым. Затем Он говорит: "**Покажи себя священнику и принеси дар, какой повелел Моисей, во свидетельство им" (шед покажися иереови, и принеси дар егоже повеле Моисей, во свидетельство им)**. Кому? "Иудеям, чтобы они не говорили, что Я нарушил закон. Я исцелил, и говорю: принеси законный дар, чтобы в тот день прокаженный обвинил их, сказав: Он повелел мне принести дар по закону". И как многое Христос совершал ради иудеев, чтобы сделать их во всем безответными, так Он поступил и здесь.

"**Помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется. Но Он не отвечал ей ни слова. И ученики Его, приступив, просили Его: отпусти ее, потому что кричит за нами" (Помилуй мя: дщи моя зле беснуется. Он же не отвеща ей словесе, и приступлше ученицы Его, моляху Его глаголюще: отпусти ю, яко вопиет в след нас)**. Что же Он? "**Я послан**, – говорит Он, – **только к погибшим овцам дома Израилева" (Несмь послан, токмо к овцам погибшим дому Исраилева)**. Чтобы не сказали иудеи: "Ты оставил нас и пошел к чужим, и потому мы не веруем Тебе", Он говорит: "Вот, приходят и из язычников, и Я не принимаю их; вас, убегающих от Меня, призываю: "**придите ко Мне все труждающиеся**" (Матф. 11: 28), и вы не идете; а эту отгоняю, и, однако, она остается. "**Народ, которого я не знал**, – сказал Господь, – **служит мне; по одному слуху о мне повинуются мне" (Людие, ихже не ведех, работаша Ми, в слух уха послушаша Мя)** (Псал. 17: 45); и в другом месте: "**Я открылся не вопрошавшим обо Мне; Меня нашли не искавшие Меня" (явлен бых не ищущим Мене, обретохся не вопрошающим о Мне)** (Исайи 65: 1). " **отпусти ее, потому что кричит за нами**". Посмотрим же, что отвечает Христос. "**Я послан только к погибшим овцам дома Израилева**". Не были ли это слова отказа? Он как бы так говорит: "Отойди; нет ничего общего между тобой и Мной; не для тебя пришел Я, но пришел для иудеев. **Я послан только к погибшим овцам дома Израилева**". Услышав это, она сказала: "**Господи! помоги мне" (ей, Господи, помози ми)**, и поклонилась Ему, говоря это. Он же сначала не отвечал ей, а потом, посмотри, каков был ответ: "**Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам" (несть добро отъяти хлеба чадом и поврещи псом)** (Матф. 15: 25, 26). О, попечительность врача! В самом отказе Он обращает ее к Себе. "**Нехорошо взять хлеб у детей**". У каких чад? У иудеев. "**И бросить псам**, т. е. Вам".

10. Поистине Господь сказал это для посрамления иудеев, потому что они, называемые чадами, сделались псами. Поэтому и Павел говорит: "**Берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания, потому что обрезание – мы" (блюдитеся от псов, блюдитеся от злых делателей, блюдитеся от сечения: ми бо есми обрезание)** (Фил. 3: 2, 3). А язычники назывались псами и сделались чадами. "**Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!" (Чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас)** (Гал. 4: 19). Эта похвала есть обвинение для иудеев. "**Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам**". Что же жена? "**Так, Господи**". О, твердость жены; о, ревность души! Врач говорит: "нет"; а она говорит: "да". Господь говорит: "нет"; а она говорит: "да", – не обвиняя и не укоряя Его, но ожидая спасения. "**Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам**. – "**Так, Господи!** Ты называешь меня псом, а я называя Тебя Господом; Ты унижаешь меня, а я прославляю Тебя. **Так, Господи! Но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их" (Ей, Господи: ибо и пси ядят от крупиц, падающих от трапезы, господей своих)** (Матф. 15: 27). О, мудрость жены! Из того же примера она заимствует приличное доказательство. "Ты называешь меня псом; я и буду питаться, как пес; не отказываюсь от этого унижения, не избегаю этого названия; приму пищу пса"; – так указывает она на дело обыкновенное. "Ты стой на своем; Ты назвал меня псом, дай же мне крупицу; Ты сделался защитником моей просьбы; покажи при отказе снисхождение. **Так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их**". Что же тот, который отказывал, отвергал, отгонял, говорил: "**Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам**", также говорил: "**Я послан только к погибшим овцам дома Израилева**"? "**О, женщина**, – говорит Он, – **велика вера твоя" (О, жено, велия вера твоя)** (Матф. 15: 28). "Ты вдруг стал хвалить, прославлять жену? Уже не отгоняешь, не отвергаешь ее?" – "Успокойся; для этого Я и медлил. Ведь если бы Я сначала отпустил ее, то ты не узнал бы ее веры; если бы она сразу получила, то тотчас и ушла бы, и никто не видел бы ее сокровища. Для того Я и медлил даянием, чтобы всем показать ее веру". "**О, женщина!**" Бог говорит ей: "**О, женщина!**" Пусть выслушают это те, которые молятся без усердия. Когда я говорю кому-нибудь:

"Проси Бога, молись Ему, прибегай к Нему с молитвой", то он отвечает: "Я просил однажды, дважды, трижды, десять, двадцать раз, и еще не получил". Не переставай просить, брат, пока не получишь; конец молитвы – получение просимого. Тогда перестань, когда получишь, или лучше, и тогда не переставай, но и тогда пребывай в молитве. Если ты не получил, то молись, чтобы получить; если же ты получил, то благодари за то, что получил. Многие приходят в церковь, произносят тысячи стихов молитвы, и выходят, не зная, что говорили они; уста их движутся, а слух не слышит. Ты сам не слышишь своей молитвы; как же хочешь, чтобы Бог услышал твою молитву? Ты говоришь: "Я преклонял колена", – но ум твой блуждал вне; тело твое было внутри церкви, а мысль твоя – вне; уста произносили молитву, а ум исчислял доходы, договоры, условия, поля, владения, собрания друзей. Диавол зол; он знает, что во время молитвы мы делаем великие успехи; потому тогда он и нападает на нас. Часто, лежа спокойно на постели, мы ни о чем не мыслим; а когда приходим молиться, то являются тысячи помыслов, чтобы мы вышли без пользы.

11. Итак, возлюбленный, зная, что так бывает во время молитв, подражай хананеянке; хотя ты – муж, однако подражай жене, иноплеменнице, слабой, отверженной и презираемой. Ты не имеешь бесноватой дочери? Но ты имеешь грешную душу. Что сказала хананеянка? "**Помилуй меня, дочь моя жестоко беснуется**". Так и ты скажи: "**Помилуй меня**: душа моя **жестоко беснуется**". Грех есть великий бес. Бесноватый возбуждает сострадание, а грешник – ненависть; тот заслуживает прощение, а этот не имеет оправдания. "**Помилуй меня**", – краткое слово, но оно нашло море человеколюбия, потому, что где милость, там все блага.

Даже когда ты будешь вне церкви, взывай и говори: "**помилуй меня**": говори, хотя не двигая уст, но взывая умом; Бог слышит и тех, которые молчат. Для этого требуется не место, а прежде всего настроение. Иеремия был в грязной яме, и привлек к себе Бога; Даниил был во рве львином, и благорасположил к себе Бога, три отрока были в печи, и, воспевая, умилостивили Бога; разбойник был пригвожден ко кресту, и крест не воспрепятствовал ему, но отверз рай; Иов сидел на гноище, и пользовался милостью Божиею; Иона был во чреве кита, и Бог внимал ему. Будешь ли ты в умывальнице, молись; будешь ли в дороге, или на постели, и где бы ты ни был, молись. Ты – храм Божий: не ищи же места; нужно только душевное расположение. Хотя бы ты стоял перед судьей, молись; когда гневается судья, молись. Некогда впереди было море, позади египтяне, а по середине Моисей; великое было затруднение для молитвы, но велика была и широта молитвы. Сзади гнались египтяне, впереди было море, а по середине нужно было молиться. Моисей ничего не произносил, а Бог говорит ему: "**Что ты вопиешь ко Мне?" (что вопиеши ко Мне)**, (Исх. 15: 15). Уста его не говорили, но ум взывал. Так и ты, возлюбленный, когда стоишь перед судьей гневным, беспощадным, угрожающим величайшими наказаниями, или перед другими палачами, делающими то же самое, то молись Богу; и в то время, когда ты будешь молиться, волны утихнут. Судья против тебя? Ты прибегай к Богу. Начальник нападает на тебя? Ты призывай Господа. Разве Он – человек, чтобы тебе искать Его в каком-нибудь месте? Бог всегда рядом. Если ты хочешь просить человека, то сначала спрашиваешь, что он делает, не спит ли, не занят ли; и слуга не отвечает тебе. А у Бога нет ничего такого: куда бы ты ни ушел и стал призывать Его, Он слышит; ни занятия, ни посредник, ни слуга не отделяют Его от тебя. Скажи: "**помилуй меня**", и Бог мгновенно делается присущим. "**Возопиешь**, – говорит пророк, – **и Он скажет: «вот Я!»" (Еще глаголющу ти, речет: се приидох)** (Исайи 58: 9). О, слово, исполненное благости! Он не ожидает окончания молитвы; еще прежде, нежели окончишь молитву, ты уже получаешь дар. "**Помилуй меня**". Будем же, увещеваю вас, подражать этой хананеянке. "**Помилуй меня, дочь моя жестоко беснуется**", – говорила она. Господь же говорит ей: "**О**, **женщина! Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему**"

(Матф. 15: 28). Где еретик? Не сказал Он: "Я буду просить Отца Моего"; не сказал: "Я буду молить родившего Меня". Имел ли Он здесь нужду в молитве? Нет. Почему? Потому, что была великая вера, был великий сосуд, потому и излилась великая благодать. Где нужна еще молитва, там – слабый сосуд. "**О**, **женщина! Велика вера твоя!** Ты не видела мертвого воскрешаемым, ни прокаженного очищаемым, ты не слушала пророков, не изучала закона, ты не видела моря разделяемым, не видела никакого другого знамения совершаемым Мной, но даже была унижена Мной и приведена в смущение; Я отверг страдание твое, и однако ты не отошла, а осталась; получи же наконец и от Меня достойную и надлежащую похвалу: **О**, **женщина! Велика вера твоя**". Жена эта умерла, но похвала ее остается, блистая светлее диадемы. Куда бы ты ни пошел, везде слышишь слова Христовы: "**О**, **женщина! Велика вера твоя**". Войди в церковь персов, и услышишь Христа, говорящего: "**О**, **женщина! Велика вера твоя**"; равно как и в церковь готов, варваров, индийцев, мавров, и какую только страну освещает солнце. Христос произнес одно слово, и это слово не умолкает, но громким голосом возвещает ее веру, взывая: "**О**, **женщина! Велика вера твоя да будет тебе по желанию твоему**". Не сказал: "Пусть исцелится дочь твоя", но: "**Будет тебе по желанию твоему**", – "Ты исцели ее; ты будь врачом; тебе вверяю врачевство; поди, приложи его, **будет тебе по желанию твоему**. Воля твоя пусть исцелит ее". Так хананеянка исцелила (дочь) волею своею, и Сын ли Божий не исцеляет Сам Собой? "**Будет тебе по желанию твоему**". Жена не повелевала и не запрещала бесу, но только захотела, и хотение жены исцелило больную и изгнало бесов. Где те, которые дерзают говорит, что Сын совершал чудеса молитвой? "**Будет тебе по желанию твоему**". Посмотри и на величие слов Его, в них Он подражает Отцу Своему. Когда Бог творил небо, то сказал: "**Да будет** небо, **да будет** солнце, и **было** солнце; **да будет** земля, **и была** земля"; повелением Он произвел бытие (Быт. гл. 1). Так и Христос говорит: "**Будет тебе по желанию твоему**". Сродство выражений доказывает общность природы их. "**И исцелилась дочь ее" (И исцеле дщи ея)**. Когда? "**В тот час" (От того часа)** (Матф. 15: 28); не в то время, когда мать ее пришла домой, но еще прежде, нежели пришла. Она пришла найти ее беснующейся – и нашла здоровой, исцеленной ее желанием. Будем же за все это благодарить Бога: Ему подобает слава во веки веков. Аминь.

СЛОВО

о том, что кто сам себе не вредит, тому никто вредить не может.

1. Знаю, что для людей грубых, пристрастных к настоящему, прилепившихся к земле и раболепствующих чувственным удовольствиям, а к духовным предметам не очень расположенных, настоящее слово покажется необычным и странным; они будут и громко смеяться и осуждать нас, как будто мы с самого начала речи говорим невероятное. Однако мы не оставим своего намерения, но по этому самому особенно и приступим с великим усердием к доказательствам того, что предложили. И если такие люди захотят, не смущаясь и не тревожась, дождаться конца беседы, то я уверен, что они согласятся с нами, будут осуждать самих себя за прежнее заблуждение, станут говорить противное, извиняться и просить прощения в том, что они имели неправильное понятие о вещах, и много будут благодарить нас, как больные благодарят врачей, избавившись от болезней, мучивших их тело. Поэтому не высказывай мне имеющегося у тебя теперь суждения, но подожди следствий наших слов, и тогда ты в состоянии будешь произнести неложный приговор, так как ничто по неведению не помешает истинному суждению. Так и по житейским делам заседающие судьи, хотя видят, что первый оратор говорит сильно и все потопляет своим красноречием, не решаются произнести приговор прежде, нежели выслушают с долготерпением и другого, противоречащего ему; но хотя бы первый казался говорящим правду, они сохраняют беспристрастное внимание и для другого. В

том и состоит достоинство судей, чтобы, со всею точностью узнав дело с обеих сторон, потом произносить собственное суждение. Так и теперь общее у людей предубеждение, с течением времени укоренившееся в умах многих, точно какой оратор, по всей вселенной возвещает и говорит так: все низвратилось в роде человеческом, везде великое смятение, ежедневно многие терпят обиды, угнетения, притеснения, ущерб, слабые от сильнейших, бедные от богатых; и как невозможно исчислить волн морских, так и множества обижаемых, угнетаемых, страждущих; ни действие законов, ни страх судилищ, и ничто не останавливает этой заразы и болезни, но с каждым днем умножается зло; везде стон, плач, слезы обижаемых, и поставленные для исправления этого судьи сами увеличивают бурю и усиливают болезнь. Поэтому многие из неразумных и несчастных, впадая в необычайное неистовство, обвиняют промысл Божий, когда видят, что смиренного часто влекут, терзают, мучают, а дерзкий, наглый, бесчестный и происшедший от бесчестных обогащается, облекается властью, бывает для многих страшен, причиняет бесчисленные бедствия смиренным, и эти несправедливости бывают и в городах, и в селах, и в пустынях, и на суше, и на море. Итак, нам необходимо предложить это слово для опровержения вышесказанного, выступив на подвиг, хотя необычный и страшный, как я вначале сказал, но благопотребный, справедливый и полезный для тех, которые хотят внимать и поучаться. В нем будет доказано (не бойтесь же), что каждый обижаемый не от других терпит вред, но сам от себя.

2. А чтобы речь наша была более ясною, прежде всего исследуем, что такое вред и какого рода вещей он обыкновенно касается; также, в чем состоит совершенство человека, что вредит ему, и что вредит ему только по-видимому, а на самом деле не вредит. Например, – нужно подтвердить речь примерами, – каждая вещь терпит вред от чего-нибудь: железо от ржавчины, шерсть от моли, стада овец от волков. Добротность вина теряется, когда оно переменяет вкус и окисает; а добротность меда – когда он лишается свойственной ему сладости и переменяется в горькую жидкость. Хлебу на поле вредит прелость и засуха, виноградным плодам, листьям и ветвям – злой рой саранчи, другим деревьям – червь, и телам бессловесных – различные болезни; но чтобы, исчисляя все, слишком не распространить слова, скажем, что и нашему телу вредят горячки, расслабления и множество других болезней. Итак, если для каждого из этих предметов есть что-нибудь, повреждающее его добротность, то посмотрим, что вредит человеческому роду и от чего повреждается совершенство человека. Многие усматривают различные и необыкновенные причины. Нам нужно высказать и погрешительные мнения и, опровергнув их, потом указать на то, что подлинно вредит нашему достоинству, и ясно доказать, что никто не мог бы сделать нам несправедливости или причинить вреда, если бы мы не выдавали сами себя. Многие, по своим погрешительным мнениям, считают вредным для нашего достоинства разное – одни бедность, другие телесную болезнь, иные потерю имения, другие злословие, иные смерть, и непрестанно о том сокрушаются и плачут, и жалея испытывающих это, оплакивая их и поражаясь, говорят друг другу: "Какая беда случилась с таким-то – он вдруг лишился всего имения!" А иной говорит о другом: "Такой-то подвергся жестокой болезни, и посещающие его врачи отчаялись в его жизни!" Один сетует и плачет о заключенных в темнице, другой об изгнанных из отечества и отправленных в ссылку, иной о лишенных свободы, другой о похищенных врагами и взятых в плен, иной о потонувшем или сгоревшем, другой о задавленном обрушившимся зданием. А никто не плачет о живущих нечестиво, но, что всего хуже, часто даже называют их счастливыми; это бывает причиной всех зол. Итак, – но не бойтесь, о чем я и вначале просил, – покажем, что ничто из вышесказанного не вредит человеку осторожному и не может причинить вред его достоинству. Подлинно, скажи мне, какой вред причинен достоинству человека тем, что он лишился всего имения, или что у него отняли все клеветники, разбойники, или домашние злодеи? Впрочем, если угодно,

изобразим наперед, в чем состоит достоинство человека, указав предварительно на другая существа, дабы сделать речь вразумительнее и яснее для многих.

3. В чем же состоит доброта коня? В том ли, чтобы он имел золотую узду и такую же подпругу, множество попон из шелковых тканей, ковры разноцветные и златотканные, бляхи с драгоценными камнями и гриву, перевитую золотыми лентами, или в том, чтобы он был скор на бегу, крепок ногами, выступал стройно и имел копыта, каким надобно быть у доброго коня, одарен был крепкими силами, чтобы пробегать большие пространства, быть годным на войне, стоять в строю с великой бодростью, и в случае бегства спасать всадника? Не очевидно ли, что в последнем состоит доброта коня, а не в первом? Что также назвал бы ты добротой ослов и лошаков? Не то ли, чтобы они могли легко носить тяжести, удобно совершать путешествия и имели ноги твердые, подобно камню? Скажем ли мы, что внешнее что-нибудь, лежащее на них, увеличивает собственную их доброту? Нет. Какой хвалим мы и виноград: тот ли, на котором много листьев и ветвей, или тот, который обременен плодами? В чем поставляем доброту и маслины: в том ли, когда она имеет большие ветви и весьма много листьев, или в том, когда она приносит обильные плоды и вся ими усеяна? Так точно поступим и в отношении к людям: определим достоинство человека, и вредным для него будем считать только то, что вредит ему. В чем состоит достоинство человека? Не в богатстве – так, чтобы тебе бояться бедности; не в телесном здоровье – так, чтобы страшиться болезни; не во мнении народном, – так, чтобы смотреть на худую молву; не в жизни пустой и бесцельной – так, чтобы для тебя была страшна смерть; и не в свободе – так, чтобы убегать рабства, – но в точном соблюдении истинного учения и в добродетельной жизни. А этого и сам диавол отнять не может у того, кто, имея, сохраняет это с надлежащим тщанием. Знает об этом и бес лукавейший и лютейший. Поэтому и Иова он лишил имущества не для того, чтобы сделать его бедным, но чтобы заставить его произнести какое-нибудь богохульное слово; и тело его поразил не для того, чтобы сделать его больным, но чтобы поколебать добродетель души. Но несмотря на то, что употребил все свои хитрости, из богатого сделал его бедным (что для нас кажется ужаснее всего), из многочадного бездетным, и растерзал все тело его гораздо хуже, нежели палачи в судилищах (ведь не так когти их терзают ребра попавшихся в их руки, как уста червей грызли плоть его), и распространил худую о нем молву (ведь друзья в его присутствии говорили, что он не довольно наказан за свои грехи, и много взводили на него обвинений), и не из города только или из дома изгнал его и переселил в другой город, но смрадный помет сделал для него и домом и городом, – однако не только нимало не повредил ему, но своими кознями сделал его еще более славным. Он не только не отнял у Иова ничего из имущества, хотя и отнял столько, но доставил ему еще большее богатство – добродетели. Подлинно, Иов стал иметь после того большее дерзновение, как подвизавшийся труднейшим подвигом. Если же тот, кто столько потерпел, и притом потерпел не от человека, а от злейшего всех людей беса, нисколько не понес вреда, то кто после того может иметь извинение, когда говорит: "Такой-то сделал несправедливость и нанес вред"? Если диавол, исполненный такой злобы, употребив все свои орудия и пустив все стрелы и все, какие бывают с людьми, бедствия, с преизбытком обратив и на дом и на тело праведника, не сделал никакого вреда этому мужу, но, как я сказал, еще более пользы принес ему, то как могут иные обвинять того или другого, как будто они от них потерпели вред, а не от самих себя?

4. Как же, скажешь, разве не сделал диавол вреда Адаму, не довел его до падения и не изгнал из рая? Нет, не он сделал это, а нерадивость падшего, невнимание к себе и небодрствование. Тот, кто, употребив столько и таких средств, не мог победить Иова, мог ли бы при меньших усилиях преодолеть Адама, если бы этот по своему небрежению не выдал сам себя? Как? Неужели тот, у кого по козням клеветников отнято имение, не

потерпел вреда, лишившись всего имущества, потеряв отеческое наследство и впавши в крайнюю бедность? Не потерпел вреда, а еще получил пользу, если он внимателен к самому себе. Скажи мне, какой вред причинило это апостолам? Не с голодом ли, жаждой и наготой непрестанно боролись они? Но поэтому самому они и были весьма славны и знамениты и великую получали помощь от Бога. Какой вред Лазарю причинили болезнь, раны, нищета и беспомощное одиночество? Не за это ли особенно и сплетены ему венцы? Какой вред был для Иосифа от того, что об нем была худая молва и в собственной его земле и в чужой? Его считали и распутником и блудником. Повредило ли ему рабство? Повредило ли удаление из отечества? Не поэтому ли особенно мы и восхищаемся им и изумляемся ему? Но что я говорю об удалении из отечества, о бедности, худой молве и рабстве? Самая смерть какой вред причинила Авелю, смерть и насильственная, и безвременная, и нанесенная братнею рукой? Не потому ли и прославляется он по всей вселенной? Видишь ли, как речь моя доказала более, нежели сколько обещала? Она показала, что не только никто не терпит вреда от кого-либо другого, но еще большую пользу получают внимательные к самим себе. "Для чего же, – скажешь, – наказания и мучения? Для чего геенна? Для чего столько угроз, если никто не терпит вреда и никто не делает вреда?" Что говоришь ты? Для чего смешиваешь выражения? Я не сказал, что никто не делает вреда, но что никто не терпит вреда. "Как же, – скажешь, – может быть, чтобы никто не терпел вреда, когда многие делают вред?" Так, как я только что сказал. Иосифу сделали вред братья, но сам он не потерпел вреда; и на Авеля злоумышлял Каин, но он не получил вреда от злоумышления. Для того и наказания и мучения. Не за добродетель страждущих Бог уничтожает наказания, но за нечестие порочных определяет мучения. Хотя страждущие от злоумышленников и делаются славнее, но это зависит не от намерения злоумышляющих, а от мужества подвергающихся злоумышлению. Поэтому последним определяются и готовятся награды за любомудрие, а первым наказания за злобу. Лишен ли ты богатства? Говори: "**наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь" (наг изыдох от чрева матере моея, наг и отъиду)** (Иов. 1: 21); присовокупи и апостольское изречение: "**мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести [из него]" (ничто же бо внесохом в мир сей, яве, яко ниже изнести что можем)** (1 Тим. 6: 7). Идет ли о тебе худая молва и бесчисленными злословиями осыпают тебя? Вспомни следующее изречение: "**Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!" (горе вам, егда добре рекут вам еси человецы)** (Лук. 6: 26); и еще: "**Когда пронесут имя ваше, как бесчестное, возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь" (возрадуйтеся и взыграйте, егда пронесут имя ваше яко зло)** (Лук. 6: 22, 23). Изгнан ли ты за пределы отечества? Представь себе, что ты не имеешь здесь отечества, но если хочешь быть любомудрым, то и всю землю тебе заповедано считать чуждой. Подвергся ли ты жестокой болезни? Скажи апостольские слова: "**если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется" (аще внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни)** (2 Кор. 4: 16). Потерпел ли кто насильственную смерть? Представь себе Иоанна и голову его, отсеченную в темнице, принесенную на блюде и отданную в награду за пляску блудницы. Представь себе и награды за это: все эти страдания, когда они причиняются кому-нибудь несправедливо, очищают грехи и доставляют праведность. Так велика от них польза для тех, которые переносят их мужественно!

5. Итак, если ни лишение богатства, ни клеветы и злословия, ни изгнание, ни болезни и страдания, ни самая смерть, которая кажется всего страшнее, не причиняют вреда испытывающим это, но еще приносят пользу, то от чего, укажи мне, может кто-нибудь потерпеть вред, когда от этого он не терпит никакого вреда? Напротив, я постараюсь доказать, что те особенно и терпят вред, испытывают мучения и неисцельно страждут, которые причиняют это другим. Кто может быть несчастнее Каина, который так поступил с братом? Кто жальче жены Филипповой, которая отсекла у Иоанна голову, или братьев

Иосифа, которые продали его и удалили за пределы отечества? Кто несчастнее диавола, который подверг Иова таким бедствиям? Ведь он не только за прочие дела, но и за это злоумышление понесет великую казнь. Видишь ли, как и здесь слово наше показало больше обещанного, т. е. что не только угнетаемые не терпят никакого вреда от злоумышленников, но даже все обращается на голову злоумышляющих? Подлинно, если не богатство, и не свобода, и не жизнь в отечестве, и не другое что-нибудь из вышесказанного составляет достоинство человека, а добродетели души, то следует, что когда вред касается тех благ, то человеческое достоинство нисколько не терпит вреда. А что, если бы кто-нибудь лишился душевного любомудрия? И в этом случае, получая вред, он терпит его не от другого, а собственно сам от себя. Как, скажешь, собственно сам от себя? Когда он, испытывая от кого-нибудь бичевание, или отнятие имущества, или иное тяжкое притеснение, произнесет богохульное слово, то здесь он терпит вред и вред весьма великий, но не от притеснителя, а от собственного малодушия. Я и прежде говорил, и теперь скажу: никакой человек, хотя бы он был тысячекратно зол, не может ни на кого напасть свирепее и с большей яростью, нежели злой бес и непримиримый враг наш диавол, однако и этот злой бес не мог преодолеть и низложить человека, жившего прежде закона и прежде благодати, хотя со всех сторон пускал в него столько язвительных стрел. Таково благородство души! А Павел? Не потерпел ли он столько бедствий, что и исчислить трудно? Он жил в темницах, был окован цепями, водим с места на место, терпел бичевания от иудеев, был побиваем камнями, был терзаем по спине не только ремнями, но и жезлами, тонул в море, часто попадал в руки разбойников, терпел гонение от единоземцев, непрестанно был поражаем врагами и знакомыми, подвергался бесчисленным злоумышлениям, боролся с голодом и наготой, и другие постоянные и непрестанные переносил бедствия и скорби. Но что говорить много? Он умирал каждодневно, и однако, перенося столько и таких бедствий, он не только не произнес ни одного богохульного слова, но радовался и хвалился этим. В одном месте говорит он: "**Ныне радуюсь в страданиях моих" (радуюся во страданиих моих)** (Кол. 1: 24); в другом: "**И не сим только, но хвалимся и скорбями" (не точию же, но и хвалимся в скорбех)** (Рим. 5: 3). Если же он при таких страданиях радовался и хвалился, то какое извинение, какое оправдание будешь иметь ты, когда не переносишь и малейшей части их, а богохульствуешь?

6. "Но, – скажешь, – иным образом я терплю вред – тем, что, если не богохульствую, то, лишившись богатства, делаюсь несостоятельным для подавания милостыни". Это – предлог и отговорка! Если ты об этом скорбишь, то твердо знай, что бедность не бывает препятствием милостыне. Хотя бы ты был тысячекратно беден, все же ты не беднее той, которая имела только горсть муки (3 Цар. 17: 12), и той, у которой было только две лепты (Лук. 21: 2), из которых та и другая, издержав все свое имение на бедных, удостоились дивной похвалы; и великая бедность не была препятствием столь великому человеколюбию, но милостыня, состоявшая из двух лепт, была так богата и значительна, что затмила всех богачей, и богатством расположения и избытком усердия превзошла тех, которые клали много статиров[1]. Следовательно, и здесь ты не терпишь вреда, но еще большую получаешь пользу, через малое приношение приобретая венцы более блистательные в сравнении с теми, которые положили много. Впрочем, хотя бы тысячу раз мы говорили это, плотолюбивые души, любящие житейские удовольствия и пристрастившиеся к настоящим благам, не легко согласятся оставить эти увядающие цветы (таковы приятности настоящей жизни) и не решатся оставить эти тени, но даже лучшие из людей стремятся за теми и другими благами, а несчастнейшие и жалкие большею частью гоняются за здешними благами, а за тамошними – весьма мало. Сорвем же блестящую и благовидную маску с гнусного и безобразного лица этих предметов и покажем мерзость блудодейцы. Ведь такова именно жизнь, провождаемая в сластолюбии, сребролюбии и честолюбии: она гнусна, безобразна, исполнена великой мерзости,

неприятна, тягостна и полна горечи. Подлинно, пленившиеся ею совершенно лишены извинения особенно потому, что для них любезна и вожделенна эта жизнь, исполненная неприятностей и великой горечи, состоящая из бесчисленных зол, опасностей, кровопролитий, пропастей, подводных камней, убийств, страха, трепета, зависти, ненависти, коварства, и непрестанных беспокойств и забот, не доставляющая никакой пользы и не приносящая никакого плода от таких бедствий, кроме мучения, наказания и вечного страдания. Несмотря на то, что она такова, многим она кажется блаженной и вожделенной, что, впрочем, служит знаком безумия пленяющихся, а не блаженства самого обладания ею. Так и малые дети гоняются за игрушками и восхищаются ими, а о предметах, свойственных совершеннолетним, и понятия иметь не могут. Но для тех извинением служит несовершенный возраст, а эти не имеют никакого оправдания, имея детский ум в совершенном возрасте и поступая даже бессмысленнее детей.

А почему, скажи мне, вожделенно богатство? О нем надо мне начать речь, потому что оно для многих, зараженных этой жестокой болезнью, кажется драгоценнее и здоровья, и жизни, и народной похвалы, и доброго мнения, и отечества, и домашних, и друзей, и родных, и всего прочего. До самых облаков достигает пламя этого костра; и сушу, и море обнял огонь этой печи. Никто не тушит этого пламени, а раздувают все – как те, которые уже пленены, так и те, которые еще не пленены, чтоб быть плененными. Каждый может видеть, как все, и мужчина и женщина, и раб и свободный, и богатый и бедный, каждый по своим силам, день и ночь несут бремя, доставляющее великую пищу этому огню, бремя не дров и хвороста (не таков этот пламень), но душ и тел, неправды и беззакония. Именно этим обыкновенно поддерживается такой пламень. Богатые никогда не оставляют этой безумной страсти, хотя бы овладели всею вселенной, и бедные стараются сравняться с ними, и какое-то неисцелимое соревнование, необузданное бешенство и неизлечимая болезнь объем лет души всех. Всякую другую любовь преодолела эта любовь и изгнала вон из души; не смотрят ни на дружбу, ни на родство, – что я говорю: "дружбу и родство", – даже на жену и детей, любезнее которых ничего не может быть для мужей; но все брошено и попрано, потому что эта жестокая и бесчеловечная владычица овладела душами всех плененных. Подлинно, она, как бесчеловечная владычица, как жестокая госпожа, как свирепый варвар, как всенародная и жадная блудница, срамит, терзает и бесчисленным подвергает опасностям и мучениям тех, которые отдались ей в рабство; но сколь она ни страшна и сурова, сколь ни груба и свирепа, хотя имеет лицо варварское, или, вернее, зверское и свирепее, чем у волка и льва, для плененных ею она кажется кроткой, любезной и слаще меда. Она ежедневно кует на них мечи и оружие, роет пропасти, влечет их к безднам, стремнинам и подводным камням и сплетает для них бесчисленные сети мучения; а между тем и пленники ее и желающие быть пленниками думают, будто она делает их счастливыми. Как свинья, валяясь в нечистоте и грязи, утешается и услаждается, равно как и жуки, непрестанно копающиеся в навозе, – так точно и преданные сребролюбию бывают несчастнее этих животных: мерзость здесь больше и грязь зловоннее. Предаваясь страсти, они думают получить от того великое удовольствие, – что зависит не от свойства самого предмета, но от души, страждущей таким безумием. А это хуже скотского безумия. Как причиной того, что животные остаются в грязи и навозе, бывает не грязь и навоз, а бессмыслие попадающих туда животных, – так рассуждай и об людях.

7. Но как исцелить нам таких людей? Для этого нужно, чтобы они захотели открыть нам слух свой и расположили ум свой к принятию слов наших. Бессловесных животных невозможно исправить и отклонить от нечистой жизни, потому что они без разума; а благороднейших существ, одаренных и разумом и словом, т. е. людей, если они захотят, удобно и весьма легко можно отклонить от этой грязи, зловония, нечистоты и мерзости. Почему тебе, человек, богатство кажется драгоценным? Конечно, по удовольствию,

получаемому от трапез? По чести и множеству слуг, угождающих тебе за него? Потому, что ты можешь отмщать оскорбляющим тебя и быть для всех страшным? Других причин представить ты не можешь, кроме удовольствия, лести, страха и мщения, потому что обыкновенно богатство отнюдь не делает никого ни мудрее, ни целомудреннее, ни смиреннее, ни благоразумнее, не делает ни добрым, ни человеколюбивым, не ставит выше ни гнева, ни чрева, ни удовольствий, не учит ни умеренности, ни смирению, и никакой другой добродетели не вселяет и не насаждает в душе. Ты не можешь сказать, чтобы ты искал и желал его по какой-нибудь из этих причин, потому что оно не только не способно насаждать или возвращать что-нибудь доброе, но если даже найдет добро, уже находящееся в человеке, то повреждает, останавливает и иссушает его; а иное и вовсе истребляет и вносит противное тому – безмерное невоздержание, непристойную раздражительность, несправедливый гнев, гордость, надменность, безумие. Впрочем, не буду говорить об этом, потому что страждущие такой болезнью, всецело предавшись наслаждению и сделавшись его рабами, не терпят слушать о добродетели и пороке и видеть себя в то же время осуждаемыми и обличаемыми. Оставим же речь об этом и поставим на вид другое; посмотрим, доставляет ли богатство какое-нибудь удовольствие или какую-нибудь честь. Я вижу все противное. И во-первых, если хотите, обратим внимание на трапезы богатых и бедных, и спросим вкушающих: кто из них особенно получает чистое и истинное удовольствие? Те ли, которые целый день возлежат на скамьях, соединяют ужины с обедами, переполняют чрево, притупляют чувства, чрезмерной тяжестью снедей погружают свою ладью и обременяют свой корабль, потопляя свое тело, как бы при кораблекрушении, связывают себе и ноги, и руки, и язык, и все тело свое цепями пьянства и пресыщения, которые тяжелее железных цепей, не имеют надлежащего и чистого сна, бывают не свободны от страшных сновидений, делаются несчастнее беснующихся, произвольно принимая в душу какого-то беса, становятся посмешищем для рабов, или, лучше, предметом сожаления и слез для самых кротких из них, не узнают никого из присутствующих, не могут ничего ни сказать, ни выслушать, но переносятся на руках другими со скамьи на постель? Или те, которые трезвы и бодрственны, определяют меру (еды и питья) нуждой, плывут по попутному ветру, и величайшее услаждение пищей и питьем находят в голоде и жажде? Ведь ничто не доставляет такого удовольствия и здоровья, как то, чтобы приниматься за пищу и питье при голоде и жажде, сытость измерять одной нуждой, не преступать ее пределов и не обременять тела сверх его силы.

8. Если ты не веришь словам моим, то посмотри на тело тех и других и на душу каждого из них. Не у тех ли, которые живут умеренно (не указывай мне на редкие случаи, когда кто-нибудь бывает слаб здоровьем по какому-либо другому обстоятельству, но суди по тому, что происходит всегда и непрестанно), – не у тех ли, которые живут умеренно, тело здорово, чувства светлы и с великой легкостью исполняют свое дело, а у неумеренных оно слабо, мягче всякого воска и подвержено множеству болезней? У них скоро является и подагра, и неприятное трясение тела, и безвременная старость, и головные боли, и расслабление и расстройство желудка, и потеря аппетита, и непрестанно они нуждаются во врачах, в постоянных лекарствах и в каждодневном лечении. Это ли, скажи мне, удовольствие? Кто так назовет это из тех, которые знают, что такое удовольствие? Удовольствие бывает тогда, когда удовлетворение следует за аппетитом; если же удовлетворение делается, а аппетита вовсе нет, то удовольствие теряется и исчезает. Поэтому-то больные, хотя бы перед ними лежала приятнейшая пища, с отвращением и как бы с неприятностию вкушают ее, потому что у них нет аппетита, который делает удовлетворение приятным. Ведь не свойство пищи и питья, но аппетит вкушающих обыкновенно производит желание и доставляет удовольствие. Поэтому и один добрый муж, точно знавший удовольствия и умевший судить об этом, говорил: **"Сытая душа попирает и сот" (душа в сытости сущи, сотом ругается)** (Прит. 27: 7), выражая, что не в

свойстве трапезы, но в расположении вкушающих состоит удовольствие. Поэтому и пророк, исчисляя чудеса, бывшие в Египте и в пустыне, между прочим, сказал, что Бог "**насыщал бы их медом из скалы" (от камене меда насыти их)** (Пс. 80: 17), хотя нигде не видно, чтобы камень источал для них мед. Что же значат эти слова? Так как евреи, утомившись от труда и путешествия и сильно мучаясь жаждой, припадали к холодным струям, получая великое наслаждение вследствие жажды, то он, желая представить это удовольствие от питья воды, назвал воду медом не потому, чтобы она переменилась в мед, но потому, что приятность воды равнялась его сладости, так как пившие воду приступали тогда к ней с жаждой. Если же это так, и никто не может противоречить этому, хотя бы он был самый бессмысленный, то не очевидно ли, что при трапезах бедных бывает чистое, истинное и великое удовольствие, и, как сказал мудрый муж, "**все горькое сладко**" (Прит. 27: 7), а при трапезах богатых неприятность, отвращение и омерзение.

9. "Но, богатство, – скажешь, – доставляет уважение имеющим его и удобство мстить врагам". Итак, потому, скажи мне, богатство кажется любезным и вожделенным для вас, что оно питает в нас сильнейшие страсти, приводит в действие гнев, поднимает славолюбие до высочайшей степени, надмевает и доводит до безумия? Но потому особенно и нужно, не оглядываясь, бежать от него, что оно вселяет в ум наш некоторых диких и свирепых зверей, лишает истинного уважения у всех, а доставляет обманутым иного рода уважение, подкрашенное только его красками, и заставляет считать это уважение истинным, хотя оно по свойству своему не таково, а только по виду кажется таким. Подобно тому, как произведенная притираниями и прикрасами красота непотребных женщин, не составляя красоты, представляет для обольщающихся гнусное и безобразное лицо хорошим и благообразным, хотя оно на самом деле не хорошо, – так точно и богатство заставляет принимать лесть за уважение. Не смотри же на похвалы, произносимые открыто из страха и ласкательства, – это краски и прикрасы; но вникни в совесть каждого, кто так льстит тебе, и увидишь тысячи обвинителей, которые внутренне говорят против тебя, отвращаются и ненавидят тебя более, нежели злые враги и неприятели. Если бы когда-нибудь случившаяся перемена обстоятельств сняла и обличила эту из страха составленную маску, как солнце жаркими лучами своими обнаруживает те лица, тогда ты ясно увидел бы, что ты во все прежнее время был в крайнем неуважении у своих угодников и считал себя почитаемым от тех, которые весьма ненавидят тебя, осыпают тебя в мыслях своих бесчисленными злословиями и желают видеть тебя в крайних бедствиях. И ничто не доставляет такого уважения, какое доставляет добродетель, уважение не вынужденное, уважение не притворное и не прикрытое какой-либо маской обмана, но истинное, искреннее, и не изменяемое никакими трудными обстоятельствами.

10. Ты хочешь отомстить оскорбившим тебя? Но поэтому самому, как я уже сказал, особенно и нужно избегать богатства. Оно обыкновенно заставляет тебя поднимать меч против себя самого, подвергает тебя строжайшему суду в будущем и приготовляет невыносимые наказания. Мщение есть столь великое зло, что и Божие человеколюбие прекращалось от него и уже данное прощение в бесчисленных грехах через него отменялось. Так тот, которому прощено было десять тысяч талантов и за простую просьбу дарована была столь великая милость, когда стал требовать от подобного себе раба сто динариев, т. е. стал требовать наказания за проступки в отношении к нему, то жестокостью к своему товарищу произнес приговор против себя самого; и не за другое что-нибудь, а только за это он и предан был мучителям, и был наказан, и должен был уплатить множество талантов, и никакого не получил прощения и оправдания, но потерпел жесточайшие мучения, и повелено было взыскать с него весь долг, который прежде человеколюбие Божие простило ему. Итак, потому ли, скажи мне, богатство вожделенно для тебя, что оно легко ведет тебя к такому греху? Напротив поэтому-то и

надо отвращаться от него, как от врага, неприятеля и страшного убийцы. "Но бедность, – скажешь, – производит скорби, часто вынуждает произносить богохульные слова и решаться на низкие дела". Нет, не бедность, а малодушие. Так и Лазарь был беден, и весьма беден; к бедности присоединялась болезнь, которая, будучи горше всякой бедности, делала эту бедность еще несноснее; к болезни – еще беспомощное состояние и неимение благодетелей, которые делали и бедность и болезнь еще более горькими. Каждое из этих бедствий и само по себе мучительно, а когда нет и благодетелей, то бедствие становится еще больше, пламень сильнее, боль мучительнее, буря свирепее, волнение страшнее, печь жарче. Если же вникнуть точнее, то прибавится к этому и четвертое бедствие – невоздержание и роскошь жившего в соседстве богача. Если желаешь найти что-нибудь и пятое к усилению пламени, то ясно увидишь, что и это находилось у него. Ведь богач не только роскошествовал, но видел дважды, трижды, или, вернее, многократно в день (Лазаря), – так как он лежал у двери, представляя жалкое зрелище несчастья, и одним видом мог бы смягчить даже каменную душу, – и несмотря на это, богач, по своему бесчеловечию, не склонялся на помощь бедному, а сам имел сибаритскую трапезу, полные чаши, обильно разливаемое вино, блестящие толпы поваров, тунеядцев и льстецов с самого утра, и хоры поющих, (толпы) виночерпиев и смехотворцев; измышлял всякого рода невоздержание, пьянствовал и пресыщался, роскошествовал и в одежде, и в трапезе, и во многом другом, проводя так все время; а об этом бедном и не думал, видя каждый день, как он мучится от сильного голода, от тяжкой болезни, от множества ран, от беспомощного состояния и происходящих отсюда зол. Тунеядцы и льстецы лопались от пресыщения, а бедняк, столь бедный и столь много страдавший, не получал даже крупиц от трапезы при всем своем желании; и однако все это нисколько не причинило ему вреда; он не выразил негодования, не произнес богохульного слова, но как золото, очищаясь в сильнейшем огне, более светлеет, так и он, объятый страданиями, стоял выше всего – и страстей, и происходящих отсюда у многих огорчений. Если просто бедные, взирая на богатых, терзаются завистью и мучатся ненавистью, и жизнь свою считают не жизнью, имея притом в достаточной мере необходимую пищу и благодетелей; то этот бедняк, будучи беден так, как никто другой, и не только беден, но и болен, и не имея никакого благодетеля и утешителя, но лежа среди города как бы в самой безлюдной пустыне, истаивая от сильнейшего голода и видя, что у богача все льется как из источников, а он не получает никакого человеческого утешения, но служит постоянной трапезой для языков собак (тело его было так дрябло и расслаблено, что он не мог отгонять и их), – чего бы не потерпел, если бы не был весьма мужествен и любомудр? Видишь ли, что кто сам себе не делает вреда, тот не терпит ничего худого, хотя бы все оскорбляли его? Я опять повторяю те же слова.

11. Подлинно, какой вред причинили этому ратоборцу болезнь, неимение благодетелей, нападение псов, худое соседство богача, великая роскошь его, надменность и гордость? Сделался ли он от того слабее в подвигах добродетели? Поколебалась ли твердость его? Нисколько; напротив, такое множество бедствий и такая жестокость богача еще более укрепили его, сделались поводом к бесчисленным для него венцам, умножили награды, усугубили воздаяние, послужили к большему возмездию. Он увенчан не за бедность только, и не за голод, и не за раны, и не за лизание псов; но за то, что, имея такого соседа, который каждодневно видел его и постоянно презирал его, он переносил мужественно и с великим терпением это искушение, не мало, но весьма много усиливавшее и бедность, и болезнь, и беспомощное его состояние.

А что было, скажи мне, с блаженным Павлом? Ничто не препятствует опять упомянуть об этом муже. Не бесчисленное ли принял он множество испытаний? А какой потерпел вред? Не за то ли особенно он и увенчан, что терпел голод, страдал от холода и наготы, многократно подвергался бичеваниям, был побиваем камнями и утопал? "Но Павел, –

скажешь, – был избранник Христов". И Иуда был в числе двенадцати учеников, и он был призван Христом; но ни то, что он был в числе двенадцати, ни самое призвание не принесло ему пользы, так как он не имел сердца, расположенного к добродетели. Павел, и борясь с голодом, и не имея необходимой пищи, и столь много каждодневно претерпевая бедствий, с великой бодростью пробегал путь, ведущий на небо; а Иуда, будучи призван еще прежде него, пользуясь тем же, чем и он, будучи посвящен в таинства вышней мудрости, приобщившись священной трапезы и страшной вечери, получив такую благодать, что мог воскрешать мертвых, очищать прокаженных и изгонять бесов, многократно слыша учение о нестяжательности, столько времени обращаясь с самим Христом и имея вверенные ему деньги бедных, чтобы этим он укрощал свою страсть (так как он был вор), при всем том не сделался лучшим, хотя пользовался таким снисхождением. Христос, зная, что он сребролюбив и по любви к деньгам погибнет, не только не наказал его тогда за это, но, дабы укротить его страсть, вверил ему и деньги для бедных, чтобы он, имея чем насытить свое корыстолюбие, не впал в страшную пропасть, меньшим злом отвращая большее.

12. Так везде тому, кто сам себе не хочет сделать вреда, никто другой не может повредить; и напротив, кто не хочет бодрствовать и исполнять должное с своей стороны, тому никогда никто не доставит пользы. Поэтому и дивная история Писаний, как бы на какой высокой, великой и широкой картине, описывает для тебя жизнь древних, продолжая повествование от Адама до пришествия Христова, и представляет тебе как падавших, так и увенчанных, дабы всячески вразумить тебя, что тому, кто сам себе не делает вреда, никто другой повредить не может, хотя бы вся вселенная подняла против него жестокую войну. Ни затруднительность обстоятельств, ни перемены времени, ни угнетения сильных, ни тучи злоумышлений, ни множество несчастий, ни совокупность всех человеческих бедствий не может нимало поколебать мужественного, внимательного и бдительного человека; напротив, нерадивого, беспечного, не заботящегося о самом себе ничто не сделает лучшим, хотя бы употреблены были тысячи пособий. То же показывает нам и притча о тех людях, из которых один построил дом свой на камне, а другой на песке (Матф. 7: 24 и сл.); это не для того, чтобы мы представляли песок и камень, или строение из камней и кровлю, или реки и дождь, и сильные ветры, устремляющиеся на здания, но чтобы от них умозаключали о добродетели и пороке, и видели отсюда, что, кто не вредит самому себе, тому никто не сделает вреда. Итак, ни порывисто падавший дождь, ни реки, стремившиеся с великой быстротой, ни жестокие ветры, ударявшие с сильным порывом, нисколько не поколебали того дома, но он остался твердым и неподвижным, дабы ты знал, что кто не выдает сам себя, того никакое испытание поколебать не может. А дом другого скоро обрушился не от силы испытаний (иначе и с другим было бы то же), но от собственного безумия (строителя); он пал не потому, что подул ветер, но так случилось с ним потому, что он был построен на песке, т. е. на нерадении и зле. Ведь он еще и ранее, нежели буря устремилась на него, был слаб и готов к падению. Такие здания, хотя бы никто не трогал их, сами собой разрушаются, потому что основание их расторгается и совершенно рассыпается. Как паутина сама собой разрывается, хотя бы никто не прикасался к ней, а адамант и под ударами остается целым, так точно и те, которые не вредят сами себе, хотя бы испытывали бесчисленное множество ударов, становятся более твердыми; а предающие самих себя, хотя бы никто не трогал их, сами собой увлекаются, теряются и погибают. Так погиб Иуда, который не только не подвергался никакому подобному испытанию, но и пользовался великим попечением (Господа).

13. Хочешь ли, я покажу тебе, как оправдываются эти слова и на целых народах? Какого народ иудейский удостоился промышления? Не вся ли видимая тварь готова была на служение иудеям? Не новый ли и необыкновенный был у них образ жизни? Они не посылали на рынок, и пользовались съестными припасами, не тратя серебра; ни борозд не

проводили, ни плуга не влачили, ни земли не возделывали, ни семян не бросали, ни в дождях не имели нужды, ни в ветрах, ни во временах года, ни в лучах солнца, ни в течении луны, ни в благорастворении воздуха, ни в другом чем-нибудь подобном; ни гумна не готовили, ни хлеба не молотили, ни в веянии не нуждались для отделения зерен от плевел, ни жерновов не вращали, ни сушильни не строили, ни дров и огня не приносили в дом, ни в искусстве печения хлеба не нуждались, ни заступа не брали в руки, ни серпа не точили и ни в другом каком-нибудь художестве не имели нужды – например, в ткании, зодчестве или шитье обуви, но все доставляло им слово Божие. Они имели трапезу готовую, без пота и трудов – таково было свойство манны; она была всегда нова, свежа, не причиняла им никаких хлопот и не изнуряла трудом. Даже одежды у них, и обувь, и самое тело не подвергались свойственной им тленности; в такое продолжительное время одежда их не износилась, и ноги их не покрылись мозолями, хотя они ходили столь много. О врачах и лекарствах, или о чем-нибудь другом, относящемся к этому искусству, они и не вспоминали, так далека была от них всякая болезнь! "**И вывел [Израильтян]**, – говорит Писание, – **с серебром и золотом, и не было в коленах их болящего" (Изведе их с сребром и златом, и не бе в коленах их боляй)** (Псал. 104: 37). Они так ели и так пили, как бы оставили этот мир и переселились в другую лучшую вселенную; и пламеннейшие лучи солнца не поражали голов их, потому что пламень затеняло облако, которое везде висело над ними и, передвигаясь, служило покровом для всего народа. И во время ночи они не имели нужды в светильнике, который бы рассеивал тьму, но столп огненный был для них источником неизреченного света, доставляя им две услуги – и освещая, и указывая им путь; он не только светил, но точнее всякого путеводителя водил этот многочисленный народ по пустыне. Ходили же они не только по суше, но и по морю, как по суше, преодолевали пределы природы, пешествуя по страшному морю, как бы по твердому и крепкому камню. Когда эта стихия находилась у них под ногами, тогда она была подобна суше, ровным полям и нивам; а когда вступили в нее враги, тогда она оказала действия, свойственные морю, для них была колесницею, а для неприятелей их – гробом; тех с легкостью переправляла, а этих с великой свирепостью потопляла. Беспорядочные потоки вод оказывали порядок и покорность, свойственные людям разумным и мудрым, исполняя должность то стража, то палача, в один и тот же день обнаруживая противоположные действия. А что сказать о камнях, которые источали потоки вод? Что о тучах птиц, которые множеством своих тел покрывали всю землю? Что о чудесах, бывших в Египте и в пустыне? Что о трофеях и победах, совершенных без пролития крови? Ведь они, как бы играя, а не воюя, побеждали противников. И над властителями своими (египтянами) они одержали верх без оружия, и сражавшихся с ними по исшествии из Египта преодолевали при звуках труб и пении, так что эти действия были более ликованием, нежели войной, более церемонией[2], нежели сражением. Подлинно, все эти чудеса были не для того только, чтобы сделать нужное для них, но чтобы они точнее сохранили и учение о богопознании, которое преподал им Моисей. Отвсюду раздавались голоса, возвещавшие о Господе. Об этом возвещало море, то делаясь проходимым для пеших, то становясь опять морем; и струи Нила гласили то же, изменяясь в кровь; и жабы, и рои саранчи, и скнипы, и зараза говорили это всему народу; и чудеса в пустыне, и манна, и столп, и облако, и перепелы, и все прочее было для них тогда вместо книги и письмен, никогда не изглаждаемых, постоянно каждый день служа им напоминанием и отзываясь в сердце их. Однако, после такого о них промышления, после несказанных благодеяний, после великих чудес, после неизреченного попечения, после непрестанного учения, после внушения словами, после убеждения делами, после знаменитых побед, после славных трофеев, после обилия трапезы, после избытка воды, после неизъяснимой славы, какой были отличены перед всем родом человеческим, они были неблагодарны и бесчувственны, поклонились тельцу, стали служить голове вола, и искали себе богов, тогда как имели в свежей памяти совершенные в Египте благодеяния Божий и пользовались от Него еще многим и другим.

14. Напротив, ниневитяне, народ варварский и иноплеменный, не удостоившийся ничего такого, ни малого, ни великого, ни учения, ни чудес, ни дел, ни слов, как только увидели человека, спасшегося от кораблекрушения, который никогда прежде не бывал у них, но в первый раз явился, пришел и сказал: "**еще сорок дней и Ниневия будет разрушена" (еще три дни, и Ниневия превратится)** (Ион. 3: 4), то от этих простых слов переменились, исправились и, оставив прежнее нечестие, обратились через покаяние к добродетели, так что изменили Божие о них определение, поддержали колеблющийся город, отклонили небесный гнев и избавились от всякого зла. "**И увидел Бог**, – говорит Писание, – **дела их, что они обратились от злого пути своего** ко Господу" **(Виде Бог яко возвратися кийждо от пути своего лукаваго, и обратишася)** (Ион. 3: 9). Как, скажи мне, обратились они? Велики были их пороки, невыразимо нечестие, неизлечимы раны, что пророк и выразил, сказав: "**злодеяния его дошли** до неба" **(взыде вопль злобы их** (Ион. 1: 2), означая расстоянием места великость их пороков. И однако столь великое нечестие, так возросшее и так высоко поднявшееся, что оно достигало до самого неба, они в три дня, в столь краткое время, после немногих слов, выслушанных от человека неизвестного, чужеземного, подвергшегося кораблекрушению, так изгладили, так истребили, так удалили от себя, что удостоились следующих слов: "**И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них" (виде Бог, яко возратися кийждо от пути своего лукаваго, и раскаяся Бог о зле, еже глаголаше сотворити им)** (Ион. 3: 10). Видишь ли, что внимательный и бдительный не только не терпит никакого вреда от людей, но отклоняет и небесный гнев; а кто сам предает себя и вредит себе, тот не много получает пользы, хотя бы удостоился множества благодеяний? Ни иудеям не принесло пользы такое множество чудес, ни ниневитянам не повредило то, что они не имели их; но так как они сами были расположены к добру, то в короткое время сделались лучшими, хотя были варвары, иноплеменники, не слыхали никаких божественных глаголов и жили где-то далеко от Палестины.

15. Какой также, скажи мне, вред причинили добродетелям трех отроков случившиеся с ними бедствия? Не тогда ли, как они были еще молоды, и весьма молоды, в раннем возрасте, подверглись они страшному наказанию и плену, были далеко отведены и, пришедши в чужую землю, лишены и отечества, и дома, и храма, и жертвенника, и жертв, и приношений, и возлияний, и самого песнопения? Для них не только дом их был не доступен, но вместе с тем и разнообразные виды богослужения. Не были ли они преданы в варварские руки, более волкам, нежели людям, и, что всего тяжелее, находясь в варварской земле и тягчайшем плене, не имели ни учителя, ни пророка, ни начальника? "**И нет у нас**, – говорится в Писании, – **ни князя, ни пророка, ни вождя… ни места, чтобы нам принести жертву Тебе и обрести милость Твою" (И несть, князя, и пророка, и вождa, ни места, еже пожрети пред Тобою, и обрести милость)** (Дан. 3: 38). Притом они введены были в царский дом, как бы на какую-нибудь скалу и утес, и в море, наполненное подводными камнями, и принуждены были плыть по этому страшному морю без кормчего, без рулевого, без корабельщиков и без парусов, или как бы в темнице заключены были в царских чертогах. Они любили мудрость, стояли выше житейских дел, попрали всякую гордость человеческую, отличались легким крылом, и потому пребывание там считали усугублением своих бедствий. Находясь вне дворца, в частном доме, они могли бы пользоваться большой свободой; а поступив в эту темницу (ведь они считали всю тамошнюю пышность не лучше темницы, утесов и подводных камней), они тотчас встретили ужасное затруднение. Царь повелел им участвовать в собственной его трапезе, роскошной, нечистой и скверной; а им это было не позволительно и казалось тяжелее смерти; они оставлены были одни, как агнцы между множеством волков. Необходимо было или мучиться голодом, или идти на смертную казнь, или вкушать запрещенные яства. Что же делают эти юноши – сироты, пленники, пришельцы, рабы

дающих им такие повеления? Они не подумали, что достаточным для них извинением может послужить необходимость и насилие властелина города; но употребляют все способы и усилия, чтобы избежать греха, хотя были совершенно беззащитными. Ни деньгами они не могли склонить на свою сторону, – как это возможно для пленников? – ни дружбой и знакомством, – как это возможно для пришельцев? – ни властью не могли заставить, – как это возможно для рабов? – ни многочисленностью преодолеть, – как это возможно только для троих? Поэтому они пришли и стали словами убеждать того евнуха, который имел здесь власть. Увидев, что он боится, трепещет и заботится о собственном спасении, и непреоборимый страх смерти потрясает душу его: "**Боюсь я**, – говорил он, – **господина моего, царя… если он увидит лица ваши худощавее, нежели у отроков, сверстников ваших, то вы сделаете голову мою виновною перед царем" (боюся аз, господина моего царя, да не когда увидит лица ваша уныла, паче отроков сверстников ваших, и осудите главу мою царю)** (Дан. 1: 10), они удаляют от него это опасение и убеждают оказать им милость. И так как они сделали все с своей стороны, то и Бог после того сделал свое: не Божиим только делом было то, за что они имели получить награду, но прежде всего это зависело от их душевного расположения, которое они показали доблестным и твердым, – потому и приобрели себе Божие благословение и довершили то, чего домогались.

16. Видишь ли, что никто другой не может причинить вреда тому, кто не вредит сам себе? Вот, ни молодость, ни плен, ни сиротство, ни удаление в чужую землю, ни одиночество, ни неимение заступников, ни строгое повеление, ни великий страх смерти, стеснявший душу евнуха, ни бедность, ни малочисленность, ни пребывание среди варваров, ни то, что властители были их врагами, ни то, что они преданы были в руки самого царя, ни разлука со всеми родными, ни удаление от священников и пророков и прочих, кто бы заботился о них, ни неимение жертв и возлияний, ни лишение храма и песнопений, и ничто подобное не причинило им вреда, но тогда они сделались гораздо более славными, нежели когда пользовались этим в своем отечестве. Таким образом, совершив первый подвиг, украсившись светлым венцем, сохранив закон и в чужой земле, поправ повеление тирана, победив страх перед мстителем, и не потерпев никакого вреда, но совершив это дело с такой легкостью, как будто бы находились в доме и пользовались всеми благами, они потом призваны были к другим подвигам. И опять они остались теми же. Им предстоял подвиг еще труднее прежнего, была разжена печь и варварское войско вместе с царем вооружилось против них; все персидские силы пришли в движение и все устроено было, чем бы обольстить их или принудить: разнообразные роды музыки, различные способы мучений, угрозы, страшные со всех сторон явления, и еще более – страшные слова; но несмотря на то, так как они не изменили сами себе, а сделали с своей стороны все нужное, то нисколько не потерпели вреда, а напротив, украсились венцами еще светлее прежних. Навуходоносор связал их и бросил в печь, но не причинил им вреда, а еще больше доставил пользы и сделал их более славными. Те, которые не имели ни храма (опять скажу то же), ни жертвенника, ни отечества, ни священников, ни пророков, в чужой и варварской стране, даже среди самой печи, среди всего войска, в глазах самого царя, совершавшего это, воздвигли блистательный трофей и одержали знаменитую победу, воспев дивную и преславную песнь, которая с того времени доныне поется по всей вселенной и будет воспеваема в последующих поколениях. Так, кто сам себе не делает вреда, тот не может испытать никакого вреда от других; я не перестану постоянно повторять это изречение. Если плен, и рабство, и одиночество, и удаление от отечества и от всех родных, и смерть, и сожигание, и столь великое войско, и столь жестокий тиран трем отрокам, юным пленникам, рабам, пришельцам, бывшим в чужой земле, не могли причинить никакого вреда в собственной их добродетели, но такое насилие еще послужило для них поводом к большему дерзновению, то что может повредить человеку бдительному? Ничто не может, хотя бы вся вселенная вооружилась против него. "Но тогда

Бог, – скажешь, – предстал им и избавил их от пламени". Точно так; но если и ты сделаешь все с своей стороны, то, конечно, вслед за тем и Бог сделает все с своей стороны.

17. Впрочем я не потому удивляюсь этим отрокам, ублажаю их и почитаю достойными подражания, что они попрали пламень и превозмогли действие огня, но потому, что они были связаны, брошены в печь и преданы огню за истинное учение. От этого произошел весь трофей их, и как только они были брошены в печь, то уже возложен был на них венец, который начал сплетаться еще прежде исполнения дела, когда они, с великой отвагой и дерзновением представ перед царя, говорили: "**Нет нужды нам отвечать тебе на это. Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавит. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся" (нетребе нам о глаголе сем отвещати тебе: есть бо Бог наш на небесех, Ему же мы служим, силен изъяти нас от пещи, огнем горящия, и от руку твоею избавити нас, царю: аще ли ни, ведомо да будет тебе, царю, яко богом твоим не служим, и телу златому, еже поставил ecu, не кланяемся)** (Дан. 3: 16–18). За эти слова я прославляю их; при этих словах получив победную награду, они пошли к светлому венцу мученичества, присоединив к исповеданию на словах исповедание на деле. А что огонь устыдился тел их, вверженных в печь, расторг узы их, доставив им возможность свободно ходить там и забыл о собственном действии, и огненная печь сделалась источником прохладных вод, это уже было чудом Божией благодати и вышнего чудодействия. Таким образом эти ратоборцы еще прежде, нежели совершилось такое чудо, как только вошли в пламень, уже воздвигли трофей, одержали победу, украсились венцем, прославились на небесах и на земле, и ничего не оставалось более к их прославлению. Что же можешь ты сказать на это? Отправлен ли ты в ссылку и изгнан из отечества? И они также. Попал ли ты в плен и под власть варваров? То же, как видишь, было с ними. Никого не имеешь ты, кто бы там находился при тебе, помогал тебе, наставлял и научал тебя? И они лишены были этой помощи. Тебя связали? Тебя жгут? Тебя умерщвляют? Мучительнее этого ты не можешь ничего сказать; но вот и они, прошедши все это, после каждого мучения делались славнее, знаменитее, и собирали большее богатство на небесах. Иудеи, имея и храм, и жертвенник, и кивот, и херувимов, и очистилище, и завесу, и бесчисленное множество священников, и каждодневные службы, и жертвы утренние, и вечерние, непрестанно слушая пророков, живых и умерших, оглашавших слух их, сохраняя воспоминание о чудесах, бывших в Египте, в пустыне, и о всех прочих, имея их написанными на руках своих и на порогах, испытав великие тогдашние чудотворение и другие благодеяния, не только не получили никакой пользы, но еще получили вред, поставив идолов в самом храме, закалая сынов своих и дочерей под деревьями, совершая эти беззаконные и нечестивые жертвоприношения почти по всей стране Палестинской, и делая тысячи других гнуснейших дел. А отроки, находясь среди варваров, в неприятельской и враждебной земле, в доме тирана, лишенные всякого попечения, подвергаясь мучению и действию огня, от этого не только не потерпели никакого вреда, ни малого, ни великого, но еще более прославились. Итак, зная это и подобное тому собирая из боговдохновенных и божественных Писаний (а много можно найти таких примеров и на других различных лицах), не станем думать, что затруднительность времени или обстоятельств, или необходимость и принуждение, или насилие властителей могут служить для нас достаточным оправданием в наших грехах. О чем я вначале сказал, тем же теперь и окончу речь: если кто терпит вред и обиды, тот непременно терпит сам от себя, а не от других, хотя бы много было людей, обижающих и притесняющих его. А если кто не терпит сам от себя, то, хотя бы нападали на него все вообще жители всей земли и моря, они не могут причинить ни малого вреда бдительному о Господе и внимательному. Будем же, увещеваю вас, бдеть и бодрствовать всегда и станем мужественно переносить

все скорби, дабы получить нам вечные и нетленные блага во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Статир — монета в четыре драхмы, около одного рубля.

[2] Μυσταγωγία – тайноводство, посвящение в тайны, церемония.

СЛОВО

к тем, которые соблазняются происшедшими несчастьями, а также о гонении и бедствии народа и многих священников, и о непостижимом, и против иудеев[1].

Врачи, когда хотят лечить находящегося в горячке или страдающего какой-нибудь другой болезнью, прежде всего стараются видеть самих страждущих, потому что, находясь вдали от них, они не могли бы облегчить их страдания; таково их искусство и природа самых болезней. Мы, не намереваясь лечить ни того, ни другого в отдельности, но всех соблазняющихся, не нуждаемся ни в чем таковом. Мы не просим позволения войти в дом наших больных, не имеем нужды знать, в каком месте они лежат, не хотим даже видеть болящих. Мы не вооружены инструментами, не заставляем лечимых болящих входить в расходы, приказывая им покупать лекарства; но хотя они не знакомы нам, хотя бы они жили на крайних пределах вселенной, хотя бы среди варваров, хотя бы находились в бездне нищеты, так что не имеют и необходимой пищи, ничто подобное не служит препятствием для таких уврачеваний; но, оставаясь в одном месте, без инструментов, без лекарства, без яств, питий, денег и без долгого путешествия, изгоняем таковую болезнь. Как и каким образом? А именно – изготовив лекарство в виде беседы, которая становится для больных всем этим и даже больше, чем все сказанное. Она питает лучше хлеба, исцеляет лучше лекарств, выжигает сильнее огня, не причиняя никакой боли, останавливает смрадное течение дурных мыслей, сильнее железа безболезненно рассекает загнившие раны, и при этом не требует никакого расхода денег, не повергает в нищету. Итак, приготовив такое лекарство, мы предлагаем его всем, и все, наверно, воспользуются лечением, если отнесутся к сказанному со вниманием и благосклонностью.

Глава I. Как и в отношении тела не мало, а весьма много значит для исцеления болящего знать причины болезни (потому что, зная это, больной не только освободится от одержащей его болезни, но и после нее не подпадет такой же болезни, так как, зная причину, от которой он уже однажды подвергся ей, будет остерегаться ее), так и мы прежде всего покажем болящим такой болезнью, откуда явилась к ним такая болезнь из болезней. Ведь если узнать это и тщательно остерегаться, то можно избавиться от такой болезни, и не теперь только, но навсегда, – как от нее, так и от других, еще худших. Свойство этого лекарства таково, что исцеляет не только настоящую болезнь, но составляет предохранительное средство и от других болезней. Ведь в настоящей жизни не одна, две или три, но много таких вещей, которые соблазняют слабейших; и слово наше обещает освободить от всего этого страждущих, только бы они хотели (как я уже сказал выше) внимать и сохранять сказанное. Приготовляя же это лекарство, я составляю его не из божественных только Писаний, но и из того, что постоянно бывает и случается в настоящей жизни, так что и не читающим Писания может стать полезным это общее лечение, если захотят (воспользоваться им), о чем я не перестану повторять постоянно. По принуждению и насилию лекарство это не могло бы оказать пользы хоть одному, не

желающему его или не принимающему Божественных вещаний. А отсюда именно, гораздо более отсюда, чем из изображения обыденных дел, и приходит исцеление, так как откровение Божие должно быть более достойно веры, чем все видимое. Поэтому сильнее будут наказаны те, которые, получив Писание, не извлекают из него надлежащей пользы. И так, чтобы они не пострадали через это, мы и позаботимся об их исправлении, указав сначала причину болезни.

Глава 2. В чем же заключается причина такого недуга? Она заключается в хлопотливом и разнообразном любопытстве, в желании видеть причину всего совершающегося, проникнуть в непостижимое и неизреченное промышление Божие, в дерзком стремлении постигнуть безграничное и неисследуемое и рассуждать обо всем. Был ли кто-нибудь мудрее Павла? Скажи мне, не был ли он сосудом избрания? Не великую ли и неизреченную получил он благодать Духа? Не имел ли он в себе Христа говорящим? Не имел ли он обетования в неизреченных глаголах Бога? Не один ли он слышал то, что никому невозможно говорить из людей? Не был ли восхищен до рая? Не возносился ли до третьего неба? Не проходил ли землю и море? Не учился ли любомудрию у варваров? Не имел ли многих и различных действий Духа? Не обращал ли целые народы и города? Не всю ли вселенную Бог отдал ему в руки? Но послушай, как именно такой столь мудрый, могучий и духовный муж, наслаждавшийся таким преимуществом, когда начинал рассуждать о промышлении Божием, и не обо всем промышлении, а только о части его, – послушай, как он поражался, как он восторгался, как удивлялся и преклонялся перед непостижимым. Даже в созерцании он не доискивался, как Бог промышляет об ангелах и архангелах, о херувимах и серафимах, о всех невидимых силах, как – о солнце, земле и луне, как – о всем роде человеческом, как – о бессловесных, о растениях, семенах и травах, и воздухе, и ветрах, источниках, реках, и вообще о природе, об умножении и содержании всего этого; но он рассматривал одну только часть этого промышления в отношении иудеев и эллинов (и именно о них только он и ведет речь, показывая, как Бог призывал язычников, как оттолкнул иудеев и как, по Своему милосердию, Он созидал спасение тех и других), – послушай, что он говорит. Видя открытое безграничное море и в нем в одной только части желая исследовать глубину этого промышления, он, пораженный неизреченной необъятностью этой вселенной, восторгаясь и поражаясь несказанностью, безграничностью, невыразимостью и непостижимостью премудрости и промышления Божия, отступил, произнося такие изречения и после великого изумления восклицая такие слова: "**О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия!**" **(о, глубина богатства и премудрости и разума Божия)**. Потом, показав, что, и видя эту глубину, он не мог достигнуть ее, продолжает: "**Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!**" **(яко не испытани судове Его и не исследовани путие Его)** (Римл. 11: 33). Не сказал только – "необъятны", но – "**непостижимы судьбы Его**". Не только никто не может обнять, по никто не может сделать и начала исследования, так что не только не может дойти до конца, но не может исследовать и самого начала Его домостроительства. Сказав: "**Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!**", восторгаясь и поражаясь, он закончил свое славословие, продолжая говорить: "**Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать? Ибо все из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь**" **(кто бо разуме ум Господень? Или кто советник Ему бысть? Или кто прежде даде Ему и воздастся Ему? Яко из Того, и Тем, и в Нем всяческая. Тому слава во веки. Аминь)** (Римл. 11: 34–36). Сказанное же значит: "Он есть источник, Он есть виновник благ, не нуждается ни в чьем общении, не нуждается ни в каком совете; ни у кого Он не заимствует знаний или разума, как хочет, так и чудодействует; Сам есть начало, причина и источник всех благ, Сам Творец, Сам произвел все не существовавшее, и Сам, сотворивши все, управляет и сохраняет, как хочет, потому что **все из Него, Им и к Нему**" **(из Того, и Тем, и в Нем всяческая)**, каковое изречение означает, что Он

виновник и творец всего существующего, всем управляет и все сохраняет. Потом, опять вспоминая о данном нам даре, в другом месте говорит: "**Благодарение Богу за неизреченный дар Его!" (благодарение же Богови о неисповедимем Его даре)** (2 Кор. 9: 15). А что дарованный нам мир не только превосходит всякое слово, всякое объяснение, но и стоит выше всякого разума, объясняя это, апостол говорит: "**и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши" (и мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша)** (Филип. 4: 7). Если же такова у Него безграничная глубина богатства и премудрости и разума, так неиспытуемы суды Его и неисследимы пути Его, неисповедим Его дар и мир превосходит всякий разум – не мой или твой, или кого-нибудь другого, не Павла только и Петра, но и ум архангелов и высших сил, – то скажи мне, какое можешь иметь себе извинение, какое снисхождение, предаваясь такому безумию и глупости, когда желаешь постигнуть непостижимое и доискиваешься основания всякого промышления Божия? Если даже Павел, обладавший таким знанием, имевший такое неизреченное дерзновение и исполненный таких даров благодати, устраняется от этого и отказывается от достижения познания, и не только не может найти, но даже и приступить к своему исследованию, потому что это невозможно, то не будешь ли ты несчастнее всех, не подвергнешься ли самому жестокому безумию, идя таким противоположным с ним путем? И не только он сказал это, но рассуждая с коринфянами о знании и показывая, насколько, если бы даже мы и научились многому, все-таки будем иметь лишь малую и даже малейшую часть этого знания, он говорит так: "**Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать" (аще ли кто мнится ведети что, не у что разуме, якоже подобает разумети)** (1 Кор. 8: 2). Потом, объясняя, что нам многого недостает в знании, и что в будущее время откроется больше, теперь же дано нам мало, продолжает: "**Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится" (отчасти бо разумеваем, и отчасти пророчествуем: егда же приидет совершенное, тогда, еже отчасти, упразднится)** (1 Кор. 13: 9–10). Он не остановился и здесь, но желая показать, какое расстояние отделяет нас от этого знания и как многого недостает нам, поясняет это некоторым образом, говоря: "**Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь [тусклое] стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу" (егда бех младенец, яко младенец глаголах, яко младенец мудрствовах, яко младенец смышлях; егда же бых муж, отвергох младенческая. Видим убо ныне яко зерцалом в гадании, тогда же лицем к лицу)** (1 Кор. 13: 11, 12). Видишь ли, какое расстояние? Такое же, как между возрастом младенца и совершеннолетием мужа, какое между зерцалом в гадании и ясным видением вещей для ясного зрения, что и значит – "**лицем к лицу**"; почему же безумствуешь и яришься, тщетно и напрасно стараясь преодолеть препятствия? Почему не убеждаешься изречением Павла: "**А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: зачем ты меня так сделал?" (темже убо, о человече, ты кто ecu против отвещаяй Богови? Егда речет здание создавшему его: почто мя сотворил ecu тако)** (Римл. 9: 20).

Видишь ли, какого он требует послушания, какого молчания? И он говорит это, не лишая нас свободной воли, отнюдь нет, но показывая, что испытующему следует быть столь же безгласным, как по своей природе глина, которая повинуется всему, что бы ни делал с ней художник, не противится и не обнаруживает любопытства. Упоминая о глине и горшечнике, он этим напоминает нам и о нашей природе. Наша сущность такая же, как горшечника и глины, а где одна и та же сущность, там одинаково должно быть и послушание. Если же здесь безгранично расстояние по сущности, знанию и всему другому, то какое может получить снисхождение тот дерзкий и бесстыдный человек, который хочет проникнуть в тайну сотворившего его Бога? "Подумай, о, человек, кто ты?"

– это именно он выражает словами: "**Ты кто?**". Не есть ли ты глина? Не пепел ли и пыль? Не копоть ли и дым? Не сено ли, или цвет сена? Такие именно образы постоянно имеют в виду пророки, желая изобразить суетность нашей природы. Исследуемый же тобой бессмертен, неизменен, всегда существует, и Существо есть нескончаемое, неизъяснимое, неизреченное, непостижимое – не мне и не тебе только, не пророкам и апостолам, но и высшим силам, тем чистым, невидимым, бесплотным силам, которые постоянно пребывают на небе.

Глава 3. Итак, когда ты знаешь, что серафимы летают вокруг высокого и превознесенного престола, закрывая себе крылами лица, ноги, спину и оглашая небо кликами своего изумления, ты не думай, что у них действительно есть ноги и крылья: они ведь силы невидимые. Но при посредстве этих образов размышляй о необъятности и непостижимости Сидящего на престоле (Ис. 2: 2, 3), потому что Он непостижим и недоступен даже для них, хотя и снисходит к ним; никогда Он не являлся таким, каков Он есть. Ведь Бог не сидит, не пребывает на троне, не занимает какого-нибудь места. Если же даже изображаемого восседающим на престоле, окруженного ангелами (все это говорится по снисхождению, потому что Он не сидит), ангелы не могут видеть Его и, чтобы выносить исходящую от Него молнию, закрывают себе лица крыльями, и только славословят, только поют, воспевают с великим трепетом, вознося таинственную священнодейственную песнь, то не отступишь ли и не скроешься ли ты, желающий с таким безумством простирать твое суетное любопытство на промышление Бога, могущество Которого неизреченно, невыразимо и непостижимо даже для высших сил? Тайны Его с точностью ведомы только Его Сыну и Св. Духу, и никому другому, и об этом свидетельствует евангелист Иоанн, а также и апостол Павел. Первый из них, сын грома, особенно возлюбленный Христом, имевший то отличие, что был свидетельством величайшей добродетели и пользовался таким дерзновением, что даже наклонялся на грудь к Нему, так говорит: "**Бога не видел никто никогда" (Бога никто же виде нигдеже)**; причем знание называет видением: "**Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил" (Единородный Сын сый в лоне Отчи, Той исповеда)** (Иоан. 1: 18). То же и Сам Христос, объясняя народу еврейскому, говорит: "**Это не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца" (не яко Отца видел есть кто, токмо сый от Бога, сей виде Отца)** (Иоан. 6: 46). Сосуд же избрания, обращаясь к рассуждению о домостроительстве Божием и желая высказать и то неизреченное, что он узнал, так говорит: "**Но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы. Но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его" (но глаголем премудрость Божию – в тайне сокровенную, юже предустави Бог прежде век в славу нашу, юже никто же от князей века сего разуме: аще бо быша разумели, не быша Господа славы распяли. Но якоже есть писано: их же око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его)** (1 Кор. 2: 7–9). Как же мы узнали это, Павел? Кто открыл, кто объяснил все это, что было невидимо и неслыханно, и не входило в сердце человека? Скажи и покажи, кто сообщил нам такое знание? "**А нам**, – говорит, – **Бог открыл [это] Духом Своим" (Нам же Бог открыл есть Духом Своим)** (1 Кор. 2: 10). Потом, дабы не подумал кто, что существует только то, что Бог открыл нам через него, и что он не имеет всего знания, продолжает: "**ибо Дух все проницает, и глубины Божии. Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия" (Дух бо вся испытует и глубины Божия. Кто бо весть от человек, яже в человеце, точию дух человека, живущий в нем? Такожде и Божия никто же весть, точию Дух Божий)** (там же, ст. 11); а это означает: "Как человек сам знает, что в нем, а также и то, чего желает и что имеет в

мысли, знает все с точностью, так и Дух Святый с точностью знает все невыразимое знание Божие". Говоря же: "**Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия**", он разумеет не людей только, но не исключает из этого точного знания и всех высших тварей. Поэтому и премудрый увещевает так: "**Чрез меру трудного для тебя не ищи, и, что свыше сил твоих, того не испытывай. Что заповедано тебе, о том размышляй; ибо не нужно тебе, что сокрыто. При многих занятиях твоих, о лишнем не заботься: тебе открыто очень много из человеческого знания" (высших себе не ищи, и креплъших себе не испытуй: яже ти повеленна, сия разумевай; вящшая бо разума человеческого показана ти суть)** (Сир. 3: 21, 23). Сказанное же означает: "Все, что ты имеешь, это ты познаешь не от самого себя, природа недостаточна тебе для познания всего, но ты получаешь знание свыше, потому что оно гораздо больше, чем может быть воспринято твоим разумом. Как же ты думаешь глубочайшее познать сам собой, когда и то, что знаешь, в большей части превосходит твой разум, и знание это получаешь от других?" То же поясняя, Павел сказал: "**Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?" (что же имаши его же неси приял? Аще же и приял ecu, что хвалишися, яко не прием)** (1 Кор. 4: 7). Перестань же заниматься подобным любопрением и держись того мудрейшего совета, который гласит: "**и нельзя сказать: "что это? для чего это?", ибо все в свое время откроется" (и нестъ рещи: что сие, на что сие? Вся бо сия во время свое взыскана будут)** (Сир. 40: 22).

Глава 4. Поэтому именно законодатель (Моисей), после того как все творение уже совершилось и приняло надлежащую красоту и все гармоническое, удивительное и всякого изумления достойное дело было закончено, а между тем многие из неразумных и безумствующих стали делать нарекания на творение, – смотри, как он, опровергая их неуместные суждения и сумасбродные голоса, одним словом запретил их бесстыдный язык, говоря: "**И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма" (и виде Бог вся, елика сотвори, и се добра зело)** (Быт. 1: 31). Между тем, среди видимого был не только свет, но и тьма; не только плоды, но и терния; не только плодоносные травы, но и дикие; не только открытые равнины, но также горы, ущелья и пропасти; не только люди, но и ядовитые пресмыкающиеся; не только рыбы, но и киты; не только удобные для плавания моря, но и неудобные для плавания воды; не только солнце, луна и звезды, но и гром и молния; не только приятные ветры, но и бури; не только голуби и певчие птицы, но также соколы, вороны, коршуны и другие плотоядные птицы; не только овцы и волы, но и волки, пантеры и львы; не только олени, зайцы и газели, но также и скорпионы, ехидны и другие; и среди растений не только растения полезные, но также растения ядовитые; и многие этим стали соблазняться и порождать ереси. Несмотря на это, когда все было создано и получило свойственную себе красоту, Творец, по свидетельству бытописателя, похвалил сотворенное, не только каждое из них, но и все вместе, дабы, зная Его отзыв, никто не был столь дерзким и бесстыдным, чтобы любопытствовать о видимом. Поэтому, говоря, что явился свет, он прибавил: "**И увидел Бог свет, что он хорош" (и виде Бог свет, яко добро)**; и так после каждого творения. Потом, чтобы не все называть по имени, и не удлинять слова, он обо всем отзывается вместе и опять говорит: "**И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма" (и виде Бог вся, елика сотвори, и се добра зело)**. Это не значит, что только уже после творения Бог узнал, что все сотворенное хорошо; отнюдь нет. Ведь если и человек-художник раньше произведения своего искусства знает, что все, имеющее произойти от него, будет хорошо, тем более неизреченная мудрость, одной волей произведшая все, раньше произведения знала, что все будет хорошо. Даже она и не произвела бы, если бы не знала этого. Для чего же говорится так? А по той причине, о которой я сказал. Итак, слушая, как говорит тебе пророк, что Бог видел все и похвалил, не доискивайся другого основания и доказательства красоты этих вещей и не говори: "Как хорошо?" Ведь яснее доказательства, извлекаемого из самого творения, то свидетельство, какое дает о них отзыв и суждение их Творца. Потому (бытописатель) и

пользуется этим более сильным выражением. Подобно тому, как если кто, желая купить лекарства, а сам будучи неопытен в них, прежде всего старается показать их врачу, чтобы, ясно увидев, что тот похвалил их, уже не добиваться никакого другого свидетельства об их качествах, а услышав, что их видел врач и похвалил, довольствуется отзывом знатока, так и Моисей, желая устранить всякое бесстыдное любопытство имеющих впоследствии наслаждаться творениями, объявил, говоря, что Бог видел все и похвалил, сказав, что все хорошо, и не просто хорошо, но очень хорошо. Поэтому не любопытствуй, не подвергай сотворенное напрасным рассуждениям, имея такое свидетельство о доброте их; если же не удовольствуешься этим изречением, а захочешь войти в исследование сотворенного, то этим самым не только повергаешь себя в бездну рассуждений и в производящую сильное волнение бурю, но еще более того – подвергнешь себя жестокому кораблекрушению. Да ты и не мог бы найти всех оснований для каждого существующего творения, а из кажущегося тебе теперь хорошим будешь порицать многое, если будешь пользоваться заблуждающимся разумом. Разум человеческий так слаб, что часто переходит в противоположное, и по вопросу о творении существует столько мнений, прямо противоположных между собой! Так эллины, чрезмерно восторгаясь творением, превзошли в этом отношении меру и считали его божеством. Затем манихеи и другие еретики, из которых одни признавали его не делом доброго Бога, а другие, отделяя одну часть его, приписывали его самобытному веществу и считали его недостойным творчества Божия. Таким образом, как я сказал, если кто будет пользоваться собственным рассуждением и неразумными знаниями, то и из кажущегося хорошим будет порицать многое. Что может быть прекраснее солнца? А между тем это яркое и приятное светило причиняет вред больным глазам, попаляет землю, посылая слишком горячие лучи, порождает лихорадку, часто иссушает плод, делает его бесполезным, делает деревья бесплодными и часть вселенной сделало необитаемой для нас. Что же, скажи мне – можно ли за это порицать солнце? Никак; но заставляя смолкнуть разум с его беспокойством, оснуемся на той скале, именно на изречении, которое гласит: "**И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма**". Поэтому и то, что я только что перечислил, очень хорошо и полезно, и, как я сказал выше, к этому изречению нужно постоянно возвращаться и говорить: "Вот, все, что сотворил Бог, весьма хорошо". Но разве хорошо жить в роскоши, веселиться, пребывать в удовольствии? Послушай, что говорит Соломон, испытавший все виды роскоши: "**Сердце мудрых - в доме плача, а сердце глупых - в доме веселья**" **(благо ходити в дом плача, нежели ходити в дом пира)** (Еккл. 7: 5). Но приятна ли ночь (ведь нужно пользоваться словом противников)? Но и она есть покой от трудов, освобождение от забот, удаление страданий, конец страхов и опасностей; она обновляет тело, укрепляет мысль, восстановляет изможденную плоть. Но болезнь разве не есть зло? А за что же Лазарь получил свой венец? Но бедность? А за что прославлен Иов? Но разные постоянные огорчения? А чем прославились апостолы? Какой же путь ведет к жизни? Не узкий ли и затруднительный? Итак, не говори: "Для чего это, к чему это?" Но в рассуждении домостроительства и творения Божия соблюдай, о, человек, по отношению к сотворившему тебя Богу то же молчание, какое хранит глина по отношению к горшечнику.

Глава 5. Итак, что же? Скажут: "Разве ты не хочешь, чтобы я видел и уверовал, что Бог промышляет обо всем? Очень хочу, и прошу, но особенно сильно желаю, чтобы ты не подвергал промышление любопытству и не умствовал о нем. Если ты узнал и убедился в этом, не доискивайся ничего; если же колеблешься, то спроси землю, небо, солнце, луну, спроси различные роды бессловесных, земные травы, безгласных рыб, камни, горы, ущелья, пропасти, ночь и день, потому что промышление Божие яснее солнца и его лучей. И во всякое время и на всяком месте, в пустыне, и в населенной местности и в необитаемой, и на земле и в море, и везде, куда бы ты ни пошел, увидишь ясные и достаточные следы этого промышления, как древние, так и новые, и они свидетельствуют

об этом более могущественным голосом, чем голос нашего разума, и желающему слушать повествуют о всем Его попечении. Вот почему и пророк, желая показать нам необычайную силу этих голосов, сказал: "**Нет языка, и нет наречия, где не слышался бы голос их" (не суть речи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи их)** (Псал. 8: 4). Ведь наш язык понятен только для одинаково говорящих и непонятен для иноязычных; язык же творения понятен для всех народов по всей вселенной.

Глава 6. Итак, для благомыслящих людей достаточно и даже более всякого доказательства от дел одного этого отзыва Божия, чтобы не только показать промышление Божие, но и великую любовь Его к нам. Ведь Он не только промышляет о нас, но и любит безгранично – любовью бесстрастной, но пламенной и сильной, искренней и неразрушимой, которая никогда не может потухнуть. И Св. Писание, желая показать это, приводит примеры из среды людей, приводит много свидетельств об этой любви, об этом промышлении и попечении. Оно не хочет даже, чтобы мы только останавливались на этих примерах, но чтобы подвергли их своему разумению, и приводит эти примеры не как достаточные для показания любви, но как наиболее известные для слушателей, такие, которые лучше всего другого могут показать это. Вот, например: обращаясь к плачущему, скорбящему и взывающему: "**Оставил меня Господь, и Бог** Израилев **забыл меня**", **(остави мя Господь и Бог забы мя)**, пророк говорит: "**Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего?" (еда забудет жена отроча, свое, еже не помиловати исчадия чрева своего)** (Ис. 49: 14, 15), т. е. подобно тому, как женщина не может забыть своих детей, так и Бог не забывает рода человеческого. Потом, чтобы ты знал, что такой образ пророк привел не для того, чтобы показать такую только степень любви Божией, какая есть у матери к плодам своего чрева, но что он указал на эту любовь как на превосходную степень любви (а любовь Бога еще выше ее), он прибавил: "**но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя" (аще же забудет сих жена, но Аз не забуду тебе, глаголет Господь)** (Ис. 49: 15). Видишь ли, как Он превзошел самую степень любви матери? И дабы ты знал, что Его любовь много превосходит и любовь матери, и любовь отца к детям, пророк говорит: "**как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его" (якоже щедритп отец сыны, ущедри Господь боящихся Его)** (Псал. 102: 13). И здесь опять пророк приводит тот же образ любви, потому что знает, что он превосходит все другие. Господь же пророков и всех, объясняя, что попечение Божие много превосходит самую степень такой любви, и что насколько велико различие между светом и тьмой, злобой и добротой, настолько и степень благости и промышления Божия, превосходит любовь отца, послушай, что говорит: "**Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него" (кто есть от вас человек, его же аще воспросит сын его хлеба, еда камень подаст ему? Или аще рыбы просит, еда змию подаст ему? Аще убо вы лукавей суще, умеете даяния блага даяти чадам вашым, колъми паче Отец ваш небесный даст блага просящим у Него)** (Матф. 7: 9–11). Этим Он показывает, что насколько велико различие между злом и добротой, настолько благость Божия стоит выше попечения отцов. Я привел этот пример для того, чтобы, когда приведу и другие примеры любви, ты не ограничивался пределами смысла, выраженного пророком, но, имея это наставление, шел бы дальше и видел несказанное превосходство Его любви. Он не ограничивается и пределами природы, но, идя дальше их, приводит и другие свидетельства. Так делает любящий: он хочет доказать свою любовь любимому возможно больше; так делает и Господь, приводя множество всяких сравнений не для того, чтобы ты мог измерить все величие Его благости, но потому, что сила этих сравнений превосходит все другие, известные слушателям. Через Давида Он говорит: "**ибо как высоко небо над землею, так велика милость [Господа] к боящимся Его" (яко по высоте небесней от земли,**

утвердил есть Господь милость Свою на боящихся Его) (Пс. 102: 11), и: "**как далеко восток от запада, так удалил Он от нас беззакония наши" (елико отстоят востоцы от запад, удалил есть от нас беззакония наша)** (ст. 12); а через Исайю: "**Мои мысли - не ваши мысли, ни ваши пути - пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших" (не суть бо совети Мои, якоже совети ваши, ниже якоже путие ваши, путие Мои, глаголет Господь. Но якоже отстоит небо от земли, тако отстоит путь Мой от путей ваших, и помышления ваша от мысли Моея)** (Ис. 55: 8, 9). А это Он сказал после того, как, беседуя об отпущении грехов, говорил: "**Да оставит нечестивый путь свой" (яко попремногу оставлю грехи ваша)** (Ис. 55: 7). Затем показав, как именно много, Он привел и еще пример, и не довольствуясь и им одним, приводит еще и другой, более резкий образ. У пророка Осии Он говорит: "**Как поступлю с тобою, Ефрем? как предам тебя, Израиль? Поступлю ли с тобою, как с Адамою, сделаю ли тебе, что Севоиму? Повернулось во Мне сердце Мое, возгорелась вся жалость Моя!" (что тя устрою, Ефрем? Защищу ли тя, Исраилю? Якоже Адаму устрою тя, и якоже Севоим, превратися сердце Мое в нем, смятеся раскаяние Мое)** (Ос. 1: 8). Сказанное же означает: "Я не допустил и слова угрозы". Хотя Он рассуждает по-человечески, но ты не должен приписывать Ему что-нибудь человеческое, отнюдь нет; но на основании этого резкого выражения ты признавай Его любовь богоподобную, искреннею и неразрушимую. Как кто-нибудь, любящий кого безумно, не хотел бы оскорбить любимого даже словом, так то же самое говорит и Он: "Поелику Я сказал это и опечалил тебя словом, **повернулось во Мне сердце Мое" (превратися сердце Мое в нем)**. Потому Он не избегает употребления и самых сильных выражений, чтобы показать Свою любовь, а такова и есть особенность любящего. Но Он не останавливается и здесь, а идет дальше, приводя и другой, еще более сильный пример, говоря: "**И [как] жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой" (и будет якоже радуется жених о невесте, тако возрадуется Господь о тебе)** (Ис. 62: 5), потому что особенно вначале любовь и бывает горячей, жгучей и сильной. Сказано же так не для того, чтобы ты подразумевал что-нибудь человеческое (о чем не перестану повторять), но чтобы из этого ты увидел теплоту, искренность, силу и пламенность Его любви. Говоря затем, что Он любит как отец и более, чем отец, как мать и более, чем мать, как новобрачный и более, чем новобрачный, и что Он превосходит нежность новобрачного настолько же, насколько небо выше земли и еще более того, насколько восток отстоит от запада и даже более того, Он не останавливается даже на этих образах, а идет еще дальше, чтобы показать это на еще более сильном примере. Так, когда Иона, после своего бегства и примирения Бога с ниневитянами, видел, что угрозы его не переходили в дело, и он мрачно и беспокойно поддался немощи человеческой природы, то Господь повелел солнцу усилить пламя своих лучей, а потом Он же повелел земле произвести для него огромную тыкву, которая могла бы давать тень голове пророка, каковым средством оживил его члены и положил конец его бедствиям, а затем и опять огорчил его, заставив исчезнуть закрывавшее его растение, – когда он видел это, и был то доволен, то огорчен, – послушай, что говорит ему Господь: "**Тогда сказал Господь: ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил, которое в одну ночь выросло и в одну же ночь и пропало: Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой" (ты оскорбился ecu о тыкве, о ней же не трудился ecu, ни воскормил ecu ея. Аз же не пощажду ли Ниневии града великаго, в нем же живут множайшии неже дванадесятъ тем человек, иже не познаша десницы своея, ниже шуйцы своея)** (Ион. 4: 10, 11); а это означает: "Не столько тебя услаждала тень тыквы, сколько Меня обрадовало спасение ниневитян, и гибель тыквы не столько огорчила тебя, сколько их гибель огорчила бы Меня. Потому погибель их была не по душе Мне". Видишь ли, как и здесь Он идет дальше взятого образа. Он не просто говорит: "**ты сожалеешь о растении" (ты оскорбился ecu о**

тыкве), но еще прибавляет: "**над которым ты не трудился и которого не растил" (о ней же не трудился ecu, ни воскормил ecu ея)**. Так как земледельцы особенно любят насажденные ими растения, на которые тратят много труда, то, желая показать, что и Он любит людей по образу этой любви, Он прибавил: "Если ты так скорбишь о деле другого, тем более Я забочусь о собственном деле, о том, чего Я сам творец". Потом Он смягчает и самое нечестие ниневитян, говоря, что они "**не умеют отличить правой руки от левой**"; Он оправдывает их тем, что они грешили более по неведению, чем по злобе, что и показал конец их покаяния. Затем, увещевая и других, которые плачут, как будто оставленные, Он говорит так: "**Вы спрашиваете Меня о будущем сыновей Моих и хотите Мне указывать в деле рук Моих?" (вопросите Мене о сынех Моих, и о делех руку Моею заповедите Мне)** (Ис. 45: 11). Сказанное же означает: "Напоминает ли кто отцу и увещевает ли его, чтобы он заботился о ребенке? Или художнику и ремесленнику, чтобы он не давал погибнуть своему делу? Если же в отношении людей достаточно самой природы и искусства, чтобы обнаружить попечение, то неужели вы думаете, что Я нуждаюсь в увещании, чтобы заботиться о Моих детях и делах?" Сказал же Он это для того, чтобы, не призывая Его, знали, что еще и раньше призвания Бог делает Сам, но вместе желает, чтобы Его и призывали, потому что отсюда бывает великая польза для призывающих. Видишь ли, как яснее и светлее солнца из этих свидетельств просиявает доказательства Его неизреченного промышления? Подумай в самом деле: Он привел в пример отца, мать, новобрачного и новобрачную, расстояние неба и земли, апостолов в узах, садовника, трудящегося над своими растениями, домостроителя в отношении к своим сооружениям, выставил любящего человека, опасающегося, как бы и словом не огорчить любимого, и все это приведено для того, чтобы показать, что благость Божия настолько же выше всего этого, насколько благо выше зла.

Глава 7. Итак, для людей благомыслящих, как я сказал, довольно и этого; но так как есть люди упорные, противящиеся, не верующие и преданные плоти, то мы покажем промышление Божие, насколько возможно для нас, из самых дел Его. Все промышление, и даже большую часть его показать было бы нелегко: так оно бесконечно и неизреченно, проявляется в малом и великом, в видимом и невидимом. Поэтому мы приведем свидетельства только из видимого. Это чудесное творение Он создал не для кого другого, как для тебя; творение, столь прекрасное и великое, столь разнообразное и многоразличное, столь богатое, пригодное и во всех отношениях полезное и для питания, и для поддержания тела, и для любомудрия души, и для приведения к познанию Бога, – все это Он сделал для тебя. Ведь ангелы не нуждаются в этом, потому что они существовали уже раньше сотворения мира. Что они действительно гораздо старше мира – послушай, что Бог говорит Иову: "**При общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости" (егда сотворены быша звезды, восхвалиша Мя гласом велиим ecu ангели Мои)** (Иов. 38: 7), т. е. восхвалили пораженные красотой и пользой, разнообразием, блеском, светлостью, согласием и всем другим, что они знают лучше нас. И Он украсил мир не звездами только, а украсил и солнцем и луной, чтобы во всякое время доставлять тебе великое удовольствие и великую пользу от обоих.

В самом деле, что может быть красивее неба, то освещаемого солнцем и луной, то как бы зрачками глаз озирающего землю бесчисленным множеством звезд и дающего мореплавателям и путешественникам путеводителей и руководителей? Когда бушуют волны и разъяренные валы устремляются на корабль, когда ветер яростно дует и наступает мрачная и безлунная ночь, тогда мореплаватель, рассекая море и сидя на корме, доверяет себя руководительству неба, и находящаяся на высоте звезда, несмотря на разделяющее ее расстояние, кажется как бы недалеко, руководит его с точностью и приводит к пристани, не подавая голоса, но самым видом показывая ему путь и давая возможность ему рассекать море, с точностью показывает время, чтобы он то удерживал

корабль в пристани, то с уверенностью пускался в недра волн и по незнанию будущего не подвергался неразумно буре и кораблекрушению. Звезды не только измеряют для нас годы и указывают признаки времен, но с великой точностью обозначают час и движение всякой ночи, показывают, прошла ли она, или не достигла и половины своего течения, и наоборот, что полезно не только мореплавателям, но и вообще путешественникам, чтобы они не пускались в путь ночью в неблагоприятное время, или чтобы не продолжали сидеть дома в благоприятное время. Наблюдения над звездами и течением луны с точностью показывают это. Как солнце устанавливает часы дня, так луна устанавливает часы ночи, доставляя много и другой пользы, давая воздуху благотворное течение, производя росу, полезную для семян, и вообще принося много пользы в жизни людей. Занимая середину между хором звезд и солнечным блеском, она меньше солнца, зато гораздо больше и красивее звезд. Немало вообще удовольствия и пользы для зрителей проистекает и из самого разнообразия, так что мы получаем великую пользу и от времен, и от часов, от меры, от великого и малого, от всего разнообразия несказанного. Одно меньше, другое больше и светлее, и все они являются в различные времена. Поистине несравнимая премудрость Божия повсюду показывает в своих делах великое разнообразие, давая доказательство своего чудесного могущества, а вместе с тем заботясь о пользе зрителей, доставляя великую и неизреченную пользу, а вместе с тем и удовольствие. Ведь что может быть приятнее неба, то как бы раскинутого над головой чистого и прозрачного полотна, то как многоцветного луга, блистающего венком своим? Но не так приятно видеть луг днем, как приятно видеть ночью небо, украшенное многочисленными цветами звезд, цветами никогда не вянущими, всегда показывающими свою красоту. А что может быть приятнее, когда по прошествии уже ночи, хотя солнце еще и не встало, небо покрывается пурпурной завесой, и зарумянивается при появлении солнца?

Что может быть красивее вида самого солнца, когда оно, прогоняя зарю, в малый промежуток времени озаряет всю землю, все море, все горы, долины, холмы, все небо снопами лучей, когда оно, снимая ночное покрывало с видимого, все обнажает перед нашими глазами? Кто мог бы достаточно выразить восторг при виде его движений, порядка, неизменного и ненарушимого служения в продолжение стольких лет, постоянно цветущей красоты его, блеска и яркости, чистоты, соприкасающейся со столькими телами и никогда не оскверняющейся? При этом оно в высшей степени полезно семенам, растениям, людям, четвероногим, рыбам, птицам, камням, травам, земле, морю, воздуху, – одним словом, всему видимому. Все нуждается в нем и получает пользу, и от его влияния становятся лучше не только растения и тела, но и воды, и озера, и источники, и реки, и самая природа воздуха становится легче, чище и прозрачнее. Поэтому и псалмопевец, желая показать его красоту, его постоянную ясность, не умаляющуюся прелесть, никогда не вянущий цвет, все величие его благообразия, непрестанное служение, сказал так: "**Он поставил в них жилище солнцу" (в солнце положи селение Свое)** (Пс. 18: 5), то есть, в самых небесах. Называя его селением Божиим, он прибавляет: "**и оно выходит, как жених из брачного чертога" (и той яко жених исходяй от чертога своего)**. Потом, разъясняя пользу его служения, он прибавил: "**радуется, как исполин, пробежать поприще" (возрадуется, яко исполин тещи путь)**. Затем, указывая на его достаточность и пользу для всей вселенной, говорит: "**от края небес исход его, и шествие его до края их" (от края небесе исход его и сретение его до края небесе)**. Затем, показывая его пригодность и полезность для всех, прибавляет: "**и ничто не укрыто от теплоты его" (и несть, иже укрыется теплоты его)**. Можно бы, если бы ты не устал, показать промышление Божие и от других вещей: от облаков, от времен года, от солнцестояния, от ветров, от моря, от различных пород в нем, от земли и живущих на ней четвероногих, пресмыкающихся, птиц воздушных и покоющихся на земле, от амфибий, живущих в озерах, источниках и реках, от обитаемой вселенной и от необитаемых стран, от

произрастающих семян, деревьев, трав, произрастающих в пустынях и не в пустынях, произрастающих в равнинах и долинах, на горах и на холмах, от произрастающих самопроизвольно и от произрастающих вследствие труда и земледелия, от животных, кротких и не кротких, диких и ручных, малых или великих, от птиц, четвероногих, рыб, растений и трав, являющихся зимой, летом, или осенью, от явлений дня или ночи, от дождей, от течения года, от смерти, от жизни, от наложенного на нас труда, от скорби, от радости, от даваемых нам яств и питий, от ремесел, от искусств, от деревьев, от камней, от содержащих в себе металлы гор, от пригодного для плавания моря и от непригодного для того, от островов, от пристаней, от рек, от поверхности моря, от глубины вод, от природы и стихий, из которых состоит наш мир, от распределения времен, от различной продолжительности дня и ночи, от болезни и здоровья наших членов, от состояния души, от искусства и мудрости, проявляющихся в человеческом роде, от пользы служащих нам бессловесных растений и других тварей, от самомалейших и самых ничтожных животных. Что может быть меньше и безобразнее пчелы? Что непригоднее муравья и стрекозы? А между тем и эти насекомые громогласно свидетельствуют о промышлении, силе и премудрости Божией. Поэтому и пророк, столь сподобившийся Св. Духа, обозревая дела творения и называя лишь некоторые из них, с великим восторгом выразил удивление к ним, восклицая: "**Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро" (яко возвеличишася дела Твоя Господи, вся премудростию сотворил еси)** (Пс. 103: 24).

И все это, человек, для тебя. И ветры для тебя (скажем опять, возвращаясь к началу своего рассуждения), чтобы освежать истомленное трудом тело, чтобы прогонять грязь и пыль и избавлять от неприятности, причиняемой дымом, печами и всякими нездоровыми испарениями, умерять теплоту лучей солнца, делать более легким зной, питать семена, давать прозябание растениям, чтобы сопутствовать тебе на море и служить на земле, там – быстрее стрел устремляя корабли и делая, таким образом, плавание легким и быстрым, а здесь – помогая тебе очищать воздух, отделять мякину от зерна и облегчать твой тяжелый труд; чтобы делать для тебя воздух приятным и легким, чтобы различным образом увеселять тебя, то производя слабое и приятное журчание, то слегка волнуя травы, приводя в движение листву деревьев; чтобы весной и летом доставлять тебе сон приятнее и слаще самого меда, чтобы, как бывает с деревьями, так то же производить и на морях и на реках, и, поднимая волны в воздухе, доставлять тебе и прекрасное зрелище, и великую пользу. Они полезны также и для вод, не давая им гнить от застоя, но постоянно двигая, возбуждая и волнуя их, оживляя и делая их более пригодными для пищи обитающих в них животных. Если бы ты захотел полюбопытствовать касательно ночи, то увидишь и здесь великое промышление Творца. Она успокаивает твое утружденное тело, восстановляет твои изможденные ежедневным трудом члены, своим возвращением оживляет их, своим покоем дает им новую жизненность; и не это только, но освобождает тебя от повседневных скорбей, освобождает от безвременных забот; часто она ослабляет горячку болящего, дает сон вместо лекарства, направляет искусство врачей к благоприятной цели и освобождает от многих трудов. Такова ее пригодность, такова ее полезность, так что часто самый день оказывается потерянным для тех, которые лишены были покоя в течение ее. Если бы кто мысленно устранил это спокойствие, этот покой, это отдохновение во время ночи, которое оживляет все – и истомленную душу, и изможденное тело, дает нам возможность приниматься за дневные труды в лучшем настроении, то увидел бы, что станет бесполезной и самая жизнь. Если бы кто и в течение ночи, как и в течение дня, стал бодрствовать и трудиться, или даже ничего не делать, и это – в продолжение значительного времени, то он скоро умрет; а если и не умрет, то, подвергаясь продолжительной болезни, ничем не воспользуется для себя от собственной деятельности вследствие полного истощения сил.

Если бы мы распространили наше рассуждение и на бесчисленное множество рыб, живущих в прудах, в источниках, в морях, удобных или неудобных для плаванья, или на бесконечные породы птиц, которые летают в воздухе, держатся на земле, живут одинаково и на земле и в воде, – ведь между ними некоторые ведут такую именно двоякую жизнь, – которые ручные или дикие, которые дики по своей натуре, но способны или неспособны делаться ручными, съедобны или несъедобны, и рассмотрели бы красоту перьев и певучий голос каждой; если бы исследовали некоторые различия, представляемые ими нам в отношении пения, пищи, рода жизни, привычек и нравов; если бы обозрели всю пользу, которую мы извлекаем из них, все оказываемые нам ими услуги, если бы поговорили о их величии или малости, о муках их рождения, о всем великом и бесконечном, находимом в них разнообразии; если бы вошли в подробности касательно рыб, если бы отсюда перешли к растениям, произрастающим по всей земле и к приносимым каждым из них плодам, если бы исследовали их употребление, их благовоние, расположение листьев, цвет, форму, великость или малость, их пользу, способы проявления ими своих качеств, различие в их коре, в их стволах, в их ветвях; если бы рассмотрели луга и сады, если бы, наконец, поговорили о всех производящих их местах и способе нахождения, уходе и возделывании, и о том, как служат они нам лекарствами, – и после всего этого если бы опять обратились к горам, столь многочисленным и столь богатым металлами, и обратили свое исследование на все другие предметы, еще более многочисленные, чем какие видим в природе, то какое рассуждение, или сколько времени было бы достаточно для подробного исследования всего этого! И все это, человек, для тебя: и искусство для тебя, и ремесла, города и селения, и сон для тебя, и смерть и жизнь для тебя, и столь многочисленные явления природы, и не только теперешний мир для тебя, но и еще лучший для тебя. А что есть лучший мир и он также для тебя, послушай, что говорит Павел: "**и сама тварь освобождена будет от рабства тлению" (яко сама тварь свободится от работы нетления)** (Рим. 8: 21), т. е. от тленного бытия. Каким же образом для тебя предназначена и эта честь, поясняя это, он прибавил: "**в свободу славы чад Божиих**" (там же). Если бы не слишком длинным и не через меру большим вышло мое слово, то я много бы пофилософствовал о смерти, и в ней вполне показал бы премудрость и промышление Божие, много сказал бы об этом тлении, об этом гниении, об этих червях, об этом могильном пепле, которые наиболее вызывают жалоб и скорбей у большинства людей; из того, что наши тела разрушаются в прах и пыль и делаются добычей червей, и отсюда я показал бы неизреченное Божие промышление и попечение. Ведь от этого именно промышления, от этой благости, которая создала все не существовавшее, от нее именно вышел и закон, повелевающий умирать, и иметь такую кончину. Хотя это и различные вещи, однако все происходят от одной и той же благости. И отходящий отсюда не получает вреда, и живущий получает величайшее благо, пожиная пользу в другом теле. Когда человек видит, как тот, который вчера или позавчера ходил рядом с тобой, теперь сделался добычей червей и разрушается в прах, в пыль и в пепел, то хотя бы он имел гордость диавола, он будет страшиться и трепетать, сделается более степенным, научится любомудрствовать и впустит в свою душу смирение, эту мать всех благ. Таким образом, ни отходящий не терпит никакого вреда, потому что он, совлекая с себя это тело, получит тело нетленное и бессмертное, ни находящийся еще в жизни от этого ничего не теряет, а напротив, приобретает величайшую пользу. Не случайным учителем любомудрия вошла смерть в нашу жизнь, воспитывая ум, укрощая страсти души, утишая волны и водворяя тишину. Итак, зная и из сказанного и из многого другого, что промышление Божие просиявает яснее света, не любопытствуй понапрасну, не предавайся тщетной попытке исследовать причины всего. Самое наше бытие Он даровал нам по Своей благости, не имея нужды в нашем служении. И нужно благоговеть перед Ним и преклоняться не только потому, что Он сотворил нас, или даровал нам душу бестелесную и разумную, и не потому, что создал нас лучшими всех других, и не потому, что дал нам господство и предоставил власть над всем видимым, но потому, что сам Он

нисколько не нуждается в нас. Чудесность Его благости в том и заключается, что все это Он сделал, нисколько не нуждаясь в нашем служении; прежде чем явились мы, и ангелы, и высшие силы, Он имел уже собственную славу и блаженство, и сотворил нас по одному Своему человеколюбию, и не только все создал для нас, но еще и больше того.

Глава 8. Для этого же Он дал нам и писанные законы, посылал пророков, творил чудеса, и раньше всего этого, создавая человека. Он дал ему особого учителя – врожденный закон, как бы кормчего для корабля, как всадника для коня, поставив его над нашим разумом. Поэтому уже Авель знал его, хотя письмена еще не существовали, не было ни пророков, ни апостолов, ни писанного закона, а был только закон прирожденный. Тоже и Каин, и он также знал этот закон, и оба они знали его, признавали его господство. Хотя не оба они шли одним и тем же путем, но один путем зла, а другой путем добродетели, однако и тогда Бог не оставил Каина, хотел поднять его от падения, и давал возможность наслаждаться попечением, сначала увещевая его и давая ему советы, а потом поучая и назидая его страхом и опасениями. Хотя многие люди отвергали столь великое благодеяние, т. е. это естественное познание, имеющее столь большую пользу для нас, однако и тогда Бог не оставлял их, не предавал их погибели, но продолжал назидать и увещевать их посредством дел, посредством благодеяний, посредством наказаний, посредством всего творения, ежедневно совершающего свое дело, исполняющего обычные задачи, посредством необычайных и непредвиденных событий, посредством праведников, живших вначале. Людей достойнейших и исполненных любомудрия Он с этой целью переводил с места на место. Так Аврааму Он велел переселяться то в Палестину, то в Египет, а Иакову в Сирию; Моисею опять в Египет, трем отрокам в Вавилон, равно как Даниилу и Иезекиилю, а Иеремии – в Египет. Потом Он даровал закон, посылал пророков; Он поражал и опять воздвигал Свой народ, отдавал его в рабство и освобождал его, и от начала до конца все делал и совершал для нашего рода. Не ограничиваясь назиданием нас посредством одного голоса природы, так как многие люди, увлекаемые общим безумием, не получали отсюда никакого плода, Он приступал к новым способам вразумления, и наконец, чтобы завершить свои блага, послал Сына Своего, Сына истинного, Единородного, и Он, будучи одной с Ним природы, становится подобным мне, ходил по земле, вращался среди людей, ел и пил, обходил землю, поучая, назидая, вразумляя, творя чудеса, для них пророчествовал, их увещевал, им преподавал советы, за них страдал, за них терпел, за них подвергался нареканиям, за них был предан. Одно Он представлял им уже и здесь, а другое отложил для будущего. Но Его обетования были верны, и подтверждались сотворенными Им чудесами, когда Он был еще на земле, и исполнением всех предсказаний. "**Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его?" (Кто возглаголет силы Господни? Слышаны сотворить вся хвалы Его)** (Пс. 105: 2). Кто не пришел бы в восторг, кто не поражен бы был неизреченностью Его попечения при мысли о том, как из-за неблагодарных рабов Он предал смерти Своего Единородного Сына, смерти ужасной, позорной, свойственной самым дерзким разбойникам, смерти неправедных? Ведь Он был пригвожден ко кресту, подвергался оплеванию и заушениям, Его били по щеке и издевались над Ним, и вместо благодарности за Его благодеяние Он был погребен и гроб его запечатан; и все это Он потерпел для тебя, ради попечения о тебе, дабы уничтожить тиранию греха, дабы разрушить твердыню диавола, порвать узы смерти, открыть нам врата неба, освободить от тяготевшего на тебе проклятия, отменить первородное осуждение, научить терпению и воспитать в силе, дабы ничто не огорчало тебя в настоящей жизни – ни оскорбления, ни обиды, ни позор, ни бичи, ли нарекания врагов, ни невзгоды, ни нападения, ни клеветы, ни злые подозрения, и ни что другое подобное. Для этого Он и сам претерпел все это, испытал вместе с тобой, и над всем этим Он восторжествовал, поучая и тебя не бояться ничего подобного. Но, не довольствуясь и этим, Он, отошедши на небеса, дал тебе неизреченный дар св. Духа и послал апостолов распространять Свое учение. И видя, как эти проповедники жизни

переносили тысячи зол, подвергались бичеванию и оскорблениям, были потопляемы, терпели голод и жажду, ежедневно находились в опасности, ежедневно подвергались смерти, Он все это сносил для тебя, из любви к тебе. Для тебя, человек, Он приготовил и царство, для тебя назначил неизреченное, благо, это наследие на небесах, эти различные и многообразные дары, это блаженство, которого нельзя изъяснить никаким словом. Имея столько доказательств промышления Божия, доказательств в Ветхом и в Новом Завете, доказательств в настоящей жизни и в будущей, доказательств, которые уже есть, которые будут, которые доставляет нам каждый из переживаемых дней, доказательств с самого начала творения, доказательств в середине и в конце, доказательств постоянных, доказательств со стороны тела, со стороны души, видя целые облака отовсюду доставляемых свидетельств, возвещающих о Его промышлении, неужели ты еще сомневаешься? Нет, ты не сомневаешься; ты веришь в промышление, ты убежден в его существовании. Итак, не любопытствуй более, ясно видя, что имеешь Господа, Который любвеобильнее отцов, попечительнее матерей, более исполнен любви, чем новобрачный и новобрачная, радуется твоему спасению, и радуется даже более, чем как радовался бы ты, избавившись от опасности смерти (как и показал через Иону), и видя все эти доказательства любви, какую только отец может иметь к детям, или мать – к своим чадам, садовник – к растениям, домостроитель – к своему искусству, новобрачный – к новобрачной, юноша – к девице, и желая удалить от тебя всякое зло, насколько восток удален от запада, насколько небо выше земли (что и показали мы), и не только это, но и гораздо больше того, как мы и показали, касаясь словом всего и приводя различные примеры не только из понятных образов, но и из превосходящих самое разумение. Поистине необъяснимо промышление Божие, непостижимо Его попечение, неизреченна Его благость, и невообразимо Его человеколюбие.

Итак, видя все это, из того ли, что Он возвестил, из того ли, что сделал и что сделает, не любопытствуй и не испытывай, не говори: "Для чего это?" Это было бы неразумно и свидетельствовало бы о крайнем безумии и глупости, так как ведь никогда не спрашивают врача, зачем он режет, прижигает, дает нам горькое лекарство, хотя бы он был просто раб, – и больной, даже будучи его господином, молча переносит все свои боли, даже благодарит его за это прижигание, за это лекарство, и хотя знает, что может не выйти отсюда (а многие врачи, делая это, убивали многих), однако повинуется ему во всем с полной покорностью. То же самое и в отношении мореплавателей, домостроителей, и всех занимающихся другими ремеслами. Поэтому, говорю я, было бы смешно и подумать, чтобы человек незнающий и неопытный стал доискиваться причины всяких явлений у Художника, подвергая своему любопытству несказанную мудрость Его, мудрость неизреченную, невыразимую, непостижимую, и доискиваться, для чего существует то-то и то-то, особенно вполне зная, что мудрость Его непогрешима, что благость Его велика, что промышление неизреченно, что все существующее направляется Им к нашей пользе, только бы мы со своей стороны содействовали промышлению, потому что Он никого не хочет погубить, но спасти. Таким образом, не будет ли крайним безумием с самого начала и немедленно подвергать любопытству дела Того, Который хочет и желает всех спасти, не ожидая даже окончания того, что совершается?

Глава 9. Лучше всего было бы не любопытствовать ни сначала, ни после; если же ты слишком любопытен и нетерпелив, то подожди хоть конца и посмотри, к чему все это направляется, а прежде всего не бойся и не волнуйся. Как не знакомый с делом, увидев, что золотых дел мастер сначала расплавляет золото и затем мешает его с пеплом и пылью, не ожидая конца, подумает, что он погубил золото; или человек, родившийся и воспитавшийся на море, будучи сразу перенесен на середину земли, никогда не слышав ранее о том, как обрабатывают ее, вдруг увидел бы, как хлеб, обыкновенно хранимый в житнице, охраняемый дверями и запорами, предохраняемый против сырости, теперь сам

владелец всего этого хлеба рассеивает и разбрасывает его по равнине, отдает на попрание всем, кто проходит по его полю, и не только не охраняет против сырости, но даже бросает его в грязь и сырость, не приставляет к нему и сторожей, – не подумал ли бы он, что хлеб этот погублен, и не стал ли бы он порицать земледельца, действующего таким образом? Между тем, это осуждение выходило бы не из сущности дела, а из неопытности и непонимания человека, который слишком скоро произносит свой суд. Пусть он подождет лета, когда явится роскошная жатва, наточены будут серпы, когда окажется, что хлеб, разбросанный там и сям, оставленный без охраны, предоставленный тлению и гниению, повергнутый в грязь, вырос, умножился, сделался еще прекраснее, сбросил с себя ветхость, украсился большей силой, имея как бы копьеносцев и ополчение, поднимает вверх голову, увеселяет зрителя, и доставляет большую пользу, – и тогда он чрезвычайно удивится тому, что после таких превратностей плод получил такое благообразие и такую красоту! Поэтому и ты, человек, не подвергай своему любопытству общего для всех нас Господа; если же ты настолько любопытен и дерзок, чтобы предаваться даже такому безумству, то по крайней мере подожди окончания. Ведь если земледелец ожидает в течение всей зимы, взирая не на то, чему подвергается хлеб во время холода, а на то, чем ему предстоит наслаждаться в будущем, то тем более и Тот, Кто обрабатывает всю вселенную и заботится о наших душах, достоин того, чтобы ты подождал конца; конец же я разумею не только в настоящей жизни (часто бывает и здесь), но и в будущей. Конец обеих этих жизней направляется к одному и тому же домостроительству, именно – к нашему спасению и прославлению. Если по времени они и разъединены, то по цели совпадают между собой; и подобно тому, как в течение года бывает зима и лето, но оба эти времени сводятся к одному и тому же, именно – к созреванию плодов, так то же применимо и к нашим делам. Поэтому, когда ты видишь, что церковь рассеяна и до крайности страдает, что светильники ее подвергаются гонению и бичеванию, настоятели ее сосланы далеко, то не смотри на это только, но и на то, что выйдет отсюда – на венцы, награды, возмездия, предоставляемые победителям: "**претерпевший же до конца спасется" (претерпевый до конца, той спасен будет)** (Матф. 10: 22), –говорит Писание. В Ветхом Завете, когда еще не известно было учение о воскресении, то и другое совершалось в настоящей жизни; при Новом же Завете не всегда так, но бывает здесь скорбь, а блаженства нужно ожидать в будущей жизни. Хотя блага выпадали (иудеям) и в настоящей жизни, но они были бы гораздо более достойны удивления, если бы не наслаждались ими, потому что, не зная еще ясно учения о воскресении и видя, что все идет вопреки обетовании Божиих, они не смущались, не боялись, и не беспокоились, а предавались Его непостижимому промышлению, нисколько не соблазняясь тем, что все совершается наоборот, но, зная всю безграничность и неистощимость Его премудрости, ожидали бы конца, а еще лучше, если бы и раньше конца с благодарностью переносили все случающееся с ними и не переставали славословить Бога, посылающего страдания. Быть может, рассуждение это покажется вам неясным; поэтому я попытаюсь сделать его яснее.

Глава 10. Когда Авраам сделался уже стар, и вследствие преклонного возраста омертвел для чадорождения, так как для того, чтобы сделаться отцом, жизненных сил у него оставалось не больше, как у умершего; когда этот праведник состарился, и очень состарился, далеко за пределы естественного чадорождения, притом и сожительницей имея Сарру, более бесплодную, чем камень, Бог обещал ему, что он будет отцом стольких потомков, что своим множеством они превзойдут самое множество звезд. К этому было много препятствий, потому что патриарх достиг уже последнего предела своего возраста, а его жена была вдвойне бесплодной и по своему возрасту, и по природе; она была бесплодной не по старости только, а и по самой природе, потому что, и будучи молодой, она была бесполезным орудием природы; вообще эта женщина была бесплодной. Поэтому Павел, указывая на это обстоятельство, сказал: "**и утроба Саррина в омертвении" (и**

мертвости ложесн Сарриных) (Рим. 4: 19). Не просто сказал – "мертвостъ Саррина", чтобы не подразумевать только возраста, но – "**утроба Саррина в омертвении" (мертвостъ ложесн ее)**, сделавшуюся не от времени только, но от самой природы. Несмотря, как я сказал, на столько великих препятствий и зная, что это есть обетование Божие, как оно богато источниками и средствами, как оно не останавливается перед препятствиями ни в законах природы, ни в трудности самого дела, ни в чем-либо другом, а идет вопреки всему, приводя обетованное в исполнение, (Авраам) принял сказанное, поверил обетованию и, всецело изгнав опасение из разума, счел все это достоверным, думая, как это и действительно, что у Бога достаточно могущества, чтобы сдержать Свое слово, и не доискивался, как и каким образом все будет, для чего все это случилось не в молодости, а в старости, и вообще так поздно. Поэтому и Павел прославляет его, радостным голосом говоря: "**Он, сверх надежды, поверил с надеждою, через что сделался отцом многих народов" (иже, паче упования, во упования верова, во еже быти ему отцу многим языкам)**. (Рим. 4: 18). Что такое – "**сверх надежды**", "**с надеждою" (паче упования, во упования)**? Вопреки упованию человеческому – во упование Божие, все побеждающее, все могущее, все совершающее. И он поверил не только тому, что будет отцом, но и отцом многих народов, и это он – старец, бездетный, имевший жену бесплодную и состарившуюся, – как сказано ему: "**Так [многочисленно] будет семя твое… И, не изнемогши в вере, он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело, и утроба Саррина в омертвении; не поколебался в обетовании Божием неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное" (тако будет семя твое, и не изнемог верою, ни усмотри своея плоти уже умерщвленныя, столетен негде сый, и мертвости ложесн Сарриных. В обетовании же Божии не усумнеся неверованием, но возможе верою, дав славу Богови, и известен быв, яко, еже обеща, силен есть и сотворити)** (Рим. 4: 19–21). Изречение же это означает: "Тотчас ободрившись и отбросив от себя немощь человеческую, всецело полагаясь на обещавшего, принимая во внимание Его неизреченную силу, он убедился вполне, что все сказанное будет". И он особенно прославляет Бога не тем, что любопытствовал или добивался познаний, но тем, что смирился перед непостижимостью Его премудрости и силы и нисколько не сомневался в сказанном. Видишь ли, что особенно славить Бога значит всегда преклоняться перед непостижимостью Его промышления и перед неизреченною силою Его премудрости, а не любопытствовать, не доискиваться и не совопросничать: для чего это, к чему это, как это будет? Удивительно же не это одно, а то, что, и получив повеление принести в жертву сына своего единородного и истинного, после такого обетования, он не смутился тогда, хотя было много причин, которые могли бы смутить человека невнимательного и не бодрствующего. И прежде всего могло бы смутить самое повеление: неужели Бог принимает такие жертвы, неужели повелевает отцам быть детоубийцами, разрушать жизнь насильственной кончиной, предавать детей безвременной смерти, собственноручно убивать рожденных от себя, – неужели Он хочет осквернять Свой жертвенник пролитием такой крови, вооружая десницу отца против единородного сына, делать праведника свирепым убийцей? Кроме того, не могла не волновать и не устрашать и сама природа, не потому только, что он был отец, но и потому, что он был отец любящий, был отец сына истинного и единородного, который был красив видом и хорош умом. Притом (сын его) находился и в таком возрасте, и в таком расцвете добродетели, что вдвойне сиял и благообразием души и благообразием тела. Любовь у него к сыну была немалая, и именно потому, что он получил его вопреки всякой надежды. Вы знаете, как любезны те дети, которые являются вопреки надежд и ожиданий, а не по закону природы, – а таков и был (Исаак). Но помимо всего этого, что особенно могло причинять соблазн, так это было самое обетование и обещание: приказание стояло в полном противоречии с ним. Обещание было таково: "**посмотри на небо и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их. И сказал ему: столько будет у тебя потомков" (тако будет семя твое, яко звезды**

небесныя) (Быт. 15: 5). Повеление же состояло в том, чтобы сына единородного, от которого должна была наполниться вся вселенная, он взял из среды людей и предал смерти и жесточайшему закланию. Но и это не смутило праведника, и этого не убоялся он, и это нисколько не причинило ему страдания, как оно причинило бы страдание всякому неразумному и пресмыкающемуся. Он не сказал самому себе: "Что это? Неужели я обманут, неужели обольщен? Неужели это повеление Божие? Нет, не поверю; мне постыдно сделаться детоубийцей, и этой кровью осквернить мою десницу; как же исполнится обетование, и если я вырву корень, откуда же явятся ветви и откуда плоды? Если иссушить источник, откуда потекут реки? Если я убью сына, откуда явится множество потомков, превосходящих множество звезд? Как Он обещал одно и теперь повелевает противоположное?" Он ничего не сказал подобного и не подумал даже; но опять, полагаясь на всемогущество Того, Кто дал ему это обетование, на бесконечное могущество, которое, столь богатое средствами и способами устранять все препятствия, стоит выше всех законов природы и сильнее всего существующего, не встречает ничего такого, что бы могло противиться ему, – он исполнил бы повеление и с великой уверенностью заклал бы своего сына, обагрил бы свою десницу, окровавил бы свой нож и опустил бы меч на шею сына, да он и исполнил все это – если не на деле, то в мысли. Поэтому и Моисей, удивляясь ему, говорит: "**И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама и сказал ему: … возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака… и принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе" (и бысть по глаголех сих, Бог искушаше Авраама и рече ему: пойми сына твоего возлюбленнаго, его же возлюбил еси, Исаака, и вознеси его на едину от гор, ихже ти реку)** (Быт. 22: 1, 2). Это ли слова обещания, слова обетования, говорящая, что он будет отцом множества потомков, и семя его будет, как звезды небесные? Видишь, как после таких слов, услышав, что должно принести в жертву своего сына, он взял его – того, от которого должен был получить множество потомков, чтобы именно умертвить и принести его в жертву, удалить из среды людей, вознести на алтарь Богу. Поэтому и Павел, удивляясь ему, так опять увенчал и прославлял его, говоря: "**Верою Авраам, будучи искушаем, принес… Исаака" (верою приведе Авраам Исаака искушаем)**; и затем показав, какое именно он совершил дело и какую обнаружил веру, продолжает: "**и, имея обетование, принес единородного" (и единороднаго приношаше обетования приемый)** (Евр. 11: 17). А это означает: "Нельзя сказать, что у Авраама было два родных сына и, что, по принесении в жертву одного, он мог надеяться, что будет отцом множества народов от другого; но у него был только один сын и к этому одному относилось обетование; и хотя этого именно он и должен был принести в жертву, однако, как при обетовании о его рождении вере его не воспрепятствовало ни собственное омертвение, ни природное бесплодие его жены, так и здесь он не смущен был смертью (сына). Сравни же все это с совершающимся теперь, и увидишь свое малодушие, увидишь суетность соблазняющихся, и тебе будет ясно, что этот соблазн происходит в тебе не от чего-либо другого, как от того, что ты не преклоняешься перед неизъяснимым промышленном Божиим, а стараешься во всем доискиваться способа Его домостроительства, добиваешься причины всего совершающего, и во все хочешь проникнуть своим любопытством. Если бы все это допустил Авраам, то он поколебался бы в вере. Но он не допустил, поэтому к прославился и получил обещанное: он не смутился ни старостью, ни последовавшим затем повелением. Он не думал, что это повеление может послужить препятствием обетованию, или что эта жертва разрушит обетование, и не впадал в отчаяние касательно обетования, хотя уже и достигши самого предела земной жизни. Не говори мне, что Бог знал, что повеление это не будет приведено в исполнение и что десница праведника не обагрится кровью; но смотри на то, что праведник не знал ничего об этом, ничего о том, что он получит своего сына обратно, и таким образом возвратится с ним домой, так как напротив все его мысли были заняты принесением его в жертву. Поэтому и дважды призывается он с неба. Бог не просто сказал

ему: "Авраам!", но дважды: "**Авраам, Авраам!**", таким призыванием возбуждая и укрепляя в нем склонность к приказываемому жертвоприношению: так безусловно было это повеление. Видишь, как все в его мысли было исполнено, и не было никакого соблазна. Причина же этого заключается в том, что он своим любопытством не проникал в дело Божие. А что Иосиф? Скажи мне – разве он не веровал также? Ведь и ему дано было от Бога великое обетование, а в действительности опять случилось все вопреки этому обетованию. В сновидениях ему дано было обетование, что братья будут поклоняться ему, и это возвещено было двояким образом – сначала при посредстве светил, а затем при посредстве снопов. Все же происшедшее после этих видений было вопреки видениям. Прежде всего, против него под отеческим кровом началась жестокая вражда, и его братья, порывая с ним всякую связь, разрушая законы родства и разрывая узы братского расположения, наконец, уничтожая самые веления природы, сделались вследствие этих видений врагами и неприятелями ему, даже злее врагов по отношению к своему брату, и как дикие и свирепые звери, имея среди себя агнца, ежедневно злоумышляли против него. Матерью же этой вражды была неразумная зависть и несправедливая ревность: пылая гневом, они ежедневно замышляли убийство, а зависть разжигала в них как бы огненную печь, из которой вырывалось пламя. Но так как они не могли причинить ему никакого вреда, пока он находился и жил со своими родителями, то они чернили его поведение, распространяли о нем постыдную молву, возводили злые обвинения, желая подорвать этим любовь к нему отца и сделать его восприимчивым к навету. Потом, встретив его вдали от отцовского глаза, увидев его в пустыне, куда он принес им пищу и пришел повидаться с ними, они не устыдились повода его прибытия, не устыдились и братской трапезы, но наточили против него ножи и задумали погубить его; все сделались братоубийцами, хотя ровно ничего не могли выставить против обреченного ими на погибель; за то именно, за что следовало бы увенчать и прославлять его, они относились к нему с завистью, враждой и клеветой. Он не только не удалился от общения с ними, но и при такой их злобе обнаружил братскую любовь; а они порешили уничтожить его и, насколько от них зависело, убили его, обагрили свои руки и совершили братоубийство. Но бесконечная премудрость Божия, все благоустрояющая и в неблагоустроенном, в самой бедственности и даже в самых вратах смерти исхитила его из их злодейских рук. Один именно из братьев посоветовал им воздержаться от такого гнусного убийства – а это, конечно, внушил ему Бог, – и тем воспрепятствовал убийству. Но ужасное дело не остановилось здесь, а продолжалось дальше. Хотя братья и встретили препятствие к умерщвлению его, однако дух их еще пылал гневом, ярость бушевала в них, велико было пламя их страсти и оно перешло в другую форму гнева. Сняв с него одежды и связав его, они бросили его в яму – эти жестокие, бесчеловечные люди, и затем стали наслаждаться принесенной им пищей: сам он, находясь в яме, трепетал за свою жизнь, они же упитывались и упивались.

Но безумие их не остановилось и здесь: увидев варварских людей, которые из обитаемой ими страны направлялись в Египет, они продали им своего брата, подготовляя ему этим другую смерть, еще более продолжительную и жестокую, исполненную всякой бедственности. Будучи еще юношей нежным, воспитанным в отцовском доме с великой свободой, совсем незнакомый с рабством и связанной с рабством бедственностью, – подумай только, что он тогда выстрадал, сразу сделавшись рабом вместо свободного, чужеземцем вместо гражданина, и повергшись в ужасный плен. Он не только он был повергнут в рабство, но и лишен отца и матери и всего ему принадлежащего; нагой, уведенный в чужую землю, бездомный и не имея своего города, он подвергнут был закону рабства в варварских руках. Разве недостаточно было всего этого для того, чтобы повергнуть его в страх? Разве легко было сносить внезапность, неожиданность, непредвиденность и жестокость судьбы и притом со стороны братьев – тех братьев, которых он любил и по отношению к которым не оказал ни великой, ни малой

несправедливости, а скорее, благодетельствовал им? И однако ничто такое не смутило его, а отведенный купцами в Египет, он переходил из одного рабства в другое. Там он опять сделался рабом, – еврей жил в варварском доме, – это благородный-то и свободный двоякой свободой, свободой тела и свободой души! Но и тут он не возмущался и не смущался случившимся, хотя и помнил о видениях, которые возвещали ему совсем иное; он даже и не любопытствовал, что же из всего этого будет? Между тем, как братоубийцы, эти волки и звери, совершив такое беззаконие, наслаждались в отеческом доме, юноша, которому обещано было господствовать над ними, будучи теперь пленником, рабом, уведенным на чужбину, сносил крайнюю бедственность, и не только не господствовал над ними, но сделался их рабом, вынося как раз противоположное тому, что обещано было ему в видении. Не только не получил он тогда господства, но лишен был и отечества, и свободы, и лицезрения родителей. Но бедственность его не остановилась и здесь, а перед ним открылась другая более глубокая пропасть; опять предстояла ему смерть и гибель, смерть невыносимейшая, и гибель, исполненная стыда. Госпожа дома, смотря на него порочными глазами, увлеченная красотой юноши, очарованная его прекрасным лицом, начала строить против него козни и умыслы. Утопая в роскоши, она ежедневно старалась уловить юношу в собственные покои, ввергнуть его в блудодейство и предать смерти бессмертной. Сжигаемая страстью и ежедневно палимая этой нечистой любовью, она ежедневно выходила на такую охоту и, застав его одного, насильственно старалась склонить к этой порочной любви, принуждала вступить с нею в незаконную связь и старалась лишить его целомудрия. Но и здесь праведник не допустил себя до греха, но, с великой легкостью преодолев и силу похоти, и страсти молодого возраста, и козни сладострастной жены, и соблазны госпожи, и волнения юности, и все то, что могло привести к падению, и лицо и ярость госпожи, он, как орел на легких крыльях, поднялся ввысь, сбросил с себя одежды и, оставляя их в сладострастных руках, вышел нагой, без одежды, имея светлым одеянием для себя целомудрие, светлее всякой багряницы. А этим опять он наточил против себя меч, опять предстояла ему смерть, еще сильнее вздымались волны, так как ярость этой женщины воспылала сильнее вавилонской печи. Похоть ее воспылала еще больше, а гнев, эта другая свирепейшая страсть, соединился с великим зверством, и она стала умышлять на его жизнь и прибегла к мечу, чтобы совершить беззаконнейшее убийство, старалась погубить поборника целомудрия и подвижника твердости и терпения. Поспешив к своему мужу, она рассказала обо всем случившемся – не так конечно, как было в действительности, но как она сама лицемерно изложила это происшествие, внушила судье все, что хотела, жаловалась на оскорбление и, как потерпевшая ущерб, требовала отомщения, в доказательство чего указывала и на одежды невинного юноши, оставшиеся в ее нечистых руках. И обманутый судья не повел обвиняемого в судилище, не дал ему слова, но человека, никогда не видевшего судилища, осудил как уличенного в прелюбодеянии, вверг его в темницу и обременил оковами. И вот человек, который заслуживал бы венцов за свою добродетель, оказался в темнице вместе с обманщиками, грабителями гробниц, убийцами и самыми последними негодяями. И однако, ничто подобное не смутило его. Другой узник, провинившийся перед царем, был отпущен, а он должен был долгое время оставаться в темнице и нести тяжелое наказание за то, за что должно бы увенчать и прославлять его. И однако он не возмущался и не смущался, и не говорил: "Что это? Для чего это? Я, которому обещано господствовать над братьями, не только не получил такой чести, но и лишен отечества, и дома, и родителей, и свободы, и безопасности, и именно со стороны тех, которые должны бы поклоняться мне. После совершения ими надо мной злодейства я сделался рабом варваров и постоянно менял господ. Однако и здесь еще не прекратилась моя бедственность, а повсюду мне угрожают бедствия и козни. После коварства братьев, после бедствия и рабства как первого, так и второго, опять мне угрожали смерть и коварство жесточе прежнего, и наветы, и пагуба, и неправедное судилище, и постыдное обвинение, угрожавшее гибелью. Не получив права слова, я просто и без суда ввержен был в темницу и обременен узами

вместе с прелюбодеями, братоубийцами и самыми негодными людьми. Виночерпий избавился и от уз и от темницы; я же не могу пользоваться после него никакой безопасностью; хотя ему исполнился на деле сон по моему толкованию, но я нахожусь в невыносимом бедствии. Это ли возвещали бывшие мне видения? Это ли возвещало известное число звезд? Это ли возвещали снопы? Куда же девались обетования? Куда девались обещания? Неужели я был обманут? Неужели я был обольщен? Где же наконец поклоняются мне братья, мне, рабу, пленнику, узнику, объявленному прелюбодеем, находящемуся в крайней опасности, столь далеко живущему от них? Все исчезло и погибло!" Ничего подобного он не говорил и не думал, а ожидал конца, зная, как бесконечна и находчива премудрость Божия, и не только не смущался, но даже восторгался и хвалился по поводу всего происходившего.

А что, скажи мне, было с Давидом? Разве он, после того как уже пользовался царством, принял по голосу Божию скипетр народа еврейского и одержал блистательную победу над варварами, разве он не перенес самых тяжелых бедствий, подвергаясь вражде и наветам от Саула, опасаясь за самую свою жизнь, вовлекаемый в народную борьбу, постоянно гонимый в пустыню, сделавшийся бродягой, лишенным города и дома переселенцем? Нужно ли говорить много? Наконец он лишился отечества и совсем удален был из собственной страны, жил у враждебных, самых неприязненных варваров, ведя жизнь тяжелее рабства, так как не имел даже и необходимой пищи. И все это он терпел после посещения его Самуилом, после возлияния на него елея, после обетования ему царства, после скипетра, после диадемы, после рукоположения Божия и избрания; и, несмотря на это, ничто не смущало его, и он не говорил: "Что это? Я, царь, которому следовало бы пользоваться властью, не могу иметь и такой безопасности, какая принадлежит самому простому человеку, а сделался бродягой, беглецом, человеком без города и без дома, странником, удалился в варварскую страну, лишен необходимой пищи и ежедневно вижу, как угрожает мне крайняя опасность. Где же обещание царства? Где обетование мне владычества?" Ничего подобного он не говорил и не думал; он не смущался тем, что было, но ожидал исполнения обещания. Можно бы рассказать еще о тысяче других людей, которые, подвергаясь самым жестоким бедствиям, не страшились, а полагаясь на обещания Божия, хотя бы случилось и противное им, таким прекраснейшим терпением заслужили себе светлые венцы. Так и ты, возлюбленный, терпи сам и ожидай конца, потому что все исполнится здесь ли, или в будущем веке. Повсюду преклоняйся перед непостижимостью промышления и не говори: "Как же за все бедствия будет дано возмездие?" И не доискивайся, каким способом совершаются дела Божий.

Глава 11. Все эти праведники не доискивались того, как и каким образом совершается все это; но видя, что все это непостижимо для человеческого разума, не устрашались и не возмущались, а все мужественно сносили, имея величайшую уверенность в силе обещающего дать будущие блага, и не впадали ввиду противоположной действительности в отчаяние. Они ясно видели, что, будучи благоустрояющим и мудрым, Бог может и после разрушения все восстановить лучше прежнего, и с великой точностью исполнить обещанное. Так и ты, возлюбленный, когда тебя в настоящей жизни обнимает скорбь, прославляй Бога; когда подвергаешься и бедствиям, также благодари, нисколько не смущайся, потому что промышление Божие бесконечно и неисследимо, и все получит свой должный конец в настоящей ли жизни, или в будущей. Если же бы кто, слушая меня, по своему малодушию подумал, что все должно совершиться еще здесь, то мы скажем, что истинная жизнь и непроходящие блага ожидают нас только там. Настоящая жизнь есть лишь путь, а тамошняя жизнь есть отечество; здешняя подобна весенним цветам, а тамошняя подобна недвижимым скалам; там венцы и награды не будут иметь конца, там назначаются награды победителям, там наказания и муки нестерпимые для делающих злое. "Что же, – скажет кто-нибудь, – ожидает там соблазняющихся?" Но почему ты не

говоришь о тех, которые особенно прославились, а указываешь на тех, которые сначала носили маску благочестия, а теперь изобличены? Не видишь ли, как очищается золото, как обнаруживается олово, как солома отделяется от хлеба, волки от овец, притворяющиеся от истинно живущих в благочестии? Когда увидишь смущение таковых, подумай о славе тех. Некоторые поколебались; но еще больше таковых, которые остались твердыми, заслужили великую себе награду, не отступая ни перед силой наветов, ни перед трудностью времен. Смущающиеся пусть порассуждают сами с собой: "Ведь три отрока были лишены и священников, и храма, и жертвенника, и всего другого, что полагалось по закону, и однако, живя среди варваров, с великой точностью исполняли закон; то же самое было и с Даниилом и со многими другими; и они, уведенные в плен, не нарушали ничего, между тем как другие, оставаясь дома и пользуясь всем в своем отечестве, пали и были осуждены".

Глава 12. Если бы ты исследовал, для чего допускается все это, и не преклонился перед неизреченными тайнами действий Божиих, а старался все разузнать, постепенно проникая дальше и доискиваясь многого другого, например: для чего явились ереси, для чего диаволы, для чего демоны, для чего злые люди, соблазняющие многих, и главнее всего этого – для чего приближается антихрист, имеющий такую силу к обольщению, что, как говорит Христос, он будет делать нечто такое и так, что в состоянии будет соблазнить даже и избранных. Но ты не должен доискиваться этого, а все нужно предоставить неисповедимой премудрости Божией. Кто уже твердо уверовал, то хотя бы ярились бесчисленные волны, хотя бы поднимались бесчисленные бури, он не только не потерпит никакого вреда, но сделается еще более сильным; слабый, рассеянный и малодушный человек часто падает, когда никто не толкает его. Если же хочешь узнать и причину этого, послушай нашего наставления. Есть много и другого, что различным образом засвидетельствовало бы нам о домостроительстве Божием; но мы скажем о том, что нам известно. Мы говорим, что соблазны попускаются для того, чтобы не уменьшалась твердость мужественных; вот что в беседе с Иовом заявил Бог, говоря: "**Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?" (мниши ли Мя инако тебе сотворша, разве да явишися правдив)** (Иов. 40: 3). Также и Павел говорит: "**Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные" (подобает бо и ересем в вас быти, да искуснии явлени бывают в вас)** (1 Кор. 11: 19). Когда ты слышишь это изречение: "**надлежит быть и разномыслиям между вами**", то не думай, что он говорит это в смысле приказания или законоположения; совсем нет, но он предсказывает этим будущее и заранее напоминает бодрствующим о предстоящей им пользе от этого. "Когда вы устоите против обольщения, – говорит, – тогда именно яснее обнаружится ваша добродетель". Поэтому же, а также и по другой причине попущены были злые люди, именно – чтобы и они не были лишены возможности извлечь пользу из могущей произойти с ними перемены. Так именно спасен был Павел, так разбойник, так блудница, так мытарь, так и многие другие. Если же бы прежде, чем обратиться, они были взяты отсюда, никто из них не спасся бы. Касательно антихриста Павел высказывает и другую причину. Какую же именно? А ту, чтобы устранить всякую возможность извинения для иудеев. Какое бы могли иметь извинение те, которые, не приняв Христа, стали бы веровать в антихриста? Поэтому и говорит апостол: "**да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду" (да суд приимут ecu, не веровавшии истине, но благоволивший в неправде)** (2 Фесс. 2: 12), т.е. антихристу. Ведь иудеи говорили, что не веровали Христу потому, что Он называл самого Себя Богом: "**не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом" (камение не мещем на Тя, но о хуле яко Ты человек сый, твориши Себе Бога)** (Иоан. 10: 33), хотя они и слышали, что Он наибольшее могущество приписывал Отцу и говорил, что пришел с Его соизволения, что и засвидетельствовал многими делами; что же они скажут, когда примут антихриста,

который будет говорить, что он есть Бог и, ничего не упоминая об Отце, все будет делать вопреки Ему? Поэтому Христос, укоряя их, предсказывал, говоря: "**Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете" (Аз приидох во имя Отца Моего и не приемлете Мене; аще ин приидет во имя свое, того приемлете)** (Иоан. 5: 43). Вот почему и допущен соблазн. Если ты говоришь, что есть соблазняющиеся, то я представлю тебе еще больше тех, которые прославились, и опять тебе скажу то же самое, что не должно, чтобы ради небрежения и лености других получили ущерб в воздаянии наград могущие бодрствовать и внимать и лишились из-за этого многочисленных венцов. Они не стали бы подвергаться испытанию, если бы не получали залогов награды за эту борьбу; если слабые и получают вред отсюда, то они не могут по крайней мере обвинять в этом кого-нибудь другого, а должны самих себя винить в падении, особенно в виду примера тех, которые не только не соблазнились, но сделались еще более славными и сильными.

Глава 13. Какими священниками пользовался Авраам, скажи мне, какими учителями? Какими назиданиями? Какими увещаниями, какими советами? Тогда не было еще ни Писаний, ни закона, ни пророков и ничего другого подобного: он плыл по неисследованному морю, шел неиспытанным путем, притом, и родившись в нечестивом доме и от нечестивого отца. Но ничто такое не повредило ему, а он просиял такой добродетелью, что и долго спустя, после пророков, после закона и долгого воспитания, которое посредством знамений и чудес Христос преподавал людям, – все это предваряя, он показал на деле именно искреннюю и горячую любовь, пренебрежение к деньгам, попечение о близких по рождению; попирая все земное, и отбросив славу и распущенную жизнь, он стал жить строже монахов, обитающих на вершинах гор. У него не было даже и дома, а была только палатка из листьев, едва способная прикрывать голову праведнику; будучи сам чужеземцем, он не пренебрегал гостеприимством, а сам будучи чужеземцем на чужбине, принимал тех, которые приходили в полдень, и служил им. Он служил им сам, и в этом добром деле соучастницей сделал и жену свою. А чего только он не сделал для своего племянника, хотя тот худо относился к нему, хотел захватить даже лучшую часть пастбища, и это – после предложенного ему выбора? Не пролил ли он из-за него и крови? Не вооружал ли всех домочадцев, не подвергал ли себя явной опасности? Когда ему приказано было оставить дом, отойти в чужую страну, не тотчас ли же он послушался? Оставляя и отечество, и друзей, и всех родственников, и веруя в повеление Божие, не оставил ли он все наличное, ожидая неизвестного с гораздо большей уверенностью, чем наличное, ради обетования Божия, которому он верил непреклонно? После всего этого, с наступлением голода, он опять сделался странником, и однако не боялся и не смущался, а опять проявил то же послушание, любомудрие и терпение, и отправился в Египет, и повинуясь голосу повелевающего Бога, не разлучен ли он был с своей женой, не видел ли он, как египтянин осквернял ее, насколько было возможно для него, и, будучи поражен в самое чувствительное место, не потерпел ли он того, что хуже самой смерти? Что может быть, скажи мне, тяжелее, как видеть, что жена, связанная с ним законом брака, после стольких обетовании похищена была у него варварским нечестием, введена внутрь царских палат и оскорблена? Если даже в действительности и не случилось так, то он все-таки ожидал этого, и все сносил мужественно, так что ни бедствия не смущали его, ни благоденствие не возгордило его, но и во времена бедственности он сохранил то же самое состояние духа. А когда обещан был ему сын, то не было ли бесчисленных препятствий, препятствий от самого разума? Но, преодолевая все их, подавляя все сомнения, не воссиял ли он верой? Когда же потом ему дано было повеление принести своего сына в жертву, не повел ли он его с великой скоростью, как будто вел его на брак как жениха? Как будто попирая самую свою природу и перестав быть человеком, не принес ли он эту странную и необычайную жертву и не один ли выдержал борьбу, не призывая к себе на помощь ни жены, ни домочадца, ни кого-либо

другого? Он знал, хорошо знал высоту цели, тягость этого повеления, величие этой борьбы; поэтому один порешил совершить это дело и, совершив этот подвиг, получил венец и был провозглашен победителем. Какой священник наставлял его на это? Какой учитель, какой пророк? Ровно никто, но он сам имел благомыслящую душу, а ее и достаточно было во всех этих делах. А что было с Ноем? Какого имел он священника, какого учителя, какого наставника? Не один ли он, когда вся вселенная погрузилась в зло, шел противоположным путем, соблюдал добродетель, и так просиял, что при потоплении вселенной и сам спасся и других избавил от обуревающих опасностей доблестью собственной добродетели? Почему он сделался праведником, почему совершенным? Имел ли он какого священника или учителя? Никто не мог бы сказать, что имел. А сын его, хотя и имевший надлежащего учителя, именно, добродетель своего отца, пользуясь наставлениями и через дела, видя исход самых дел, имея урок и в погибели (рода человеческого) и в спасении своего семейства, был злым по отношению к нему, посмеялся над наготой родителя и отдал его на посмеяние. Видишь ли, что повсюду требуется благородство души? А что, скажи мне, было с Иовом? Каких пророков он слышал, каким ученьем он пользовался? Никаким. Однако и он, не имея ничего такого, с великим рвением проявлял все виды добродетели. Свое имение он делил с нуждающимися, и не только имение, но и самое тело. В своем дому он принимал странников и дом его принадлежал скорее последним, чем самому владельцу; крепостью же своего тела он помогал угнетаемым, силой и мудростью языка поражал клеветников и обнаруживал евангельское благоразумие, проявлявшееся во всех его делах. Смотри же: "**блаженны нищие духом**", – говорит Христос (Матф. 5: 3), а это он и оправдывал своими делами. "**Если я пренебрегал**, – говорит, – **правами слуги и служанки моей, когда они имели спор со мною, то что стал бы я делать, когда бы Бог восстал? И когда бы Он взглянул на меня, что мог бы я отвечать Ему? Не Он ли, Который создал меня во чреве, создал и его и равно образовал нас в утробе?" (Аз же презрех суд раба моего, или рабыни, прящимся им предо мною: что бо сотворю, аще испытание сотворит мне Господь? Еда не якоже и аз бех во чреве, и тии быша? Бехом же в том же чреве)** (Иов. 31: 13–15). "**Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю**" (Матф. 5: 5). А что кротче было того, о котором домочадцы говорили: "**О, если бы мы от мяс его не насытились?" (кто убо дал бы нам от плотей его насытитися)** (Иов. 31: 31), – так они сильно любили его. "**Блаженны плачущие, ибо они утешатся**" (Матф. 5: 4); и этой добродетели он не был чужд. Послушай, что он говорит: "**Если бы я скрывал проступки мои, как человек, утаивая в груди моей пороки мои, то я боялся бы большого общества, и презрение одноплеменников страшило бы меня" (аще же и согрешая неволею не посрамихся народнаго множества, еже не поведах перед ними беззакония моего)** (Иов. 31: 33–34). Человек такого настроения очевидно плакал с великим избытком. "**Блаженны алчущие и жаждущие правды**" (Матф. 5: 6). Смотри, и это с избытком исполнялось им: "**Сокрушал**, – говорит, – **я беззаконному челюсти и из зубов его исторгал похищенное" (сотрох членовныя неправедных, от среды же зубов их грабление изъях)** (Иов. 29: 17). "**Я облекался в правду, и суд мой одевал меня, как мантия" (В правду же облачахся, одевахся же в суд яко в ризу)** (там же, 14). "**Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут**" (Матф. 5: 7); а Иов был милостив не только в деньгах, не только в том, что одевал нагих, кормил алчущих, помогал вдовам, защищал сирот, исцелял раны, но и самым сочувствием души. "**Не плакал ли я о том, кто был в горе? не скорбела ли душа моя о бедных?" (Аз же о всяком немощнем восплакахся, вздохнув же, видев мужа в бедах)** (Иов. 30: 25). Как бы будучи общим отцом для всех несчастных, он приходил на помощь в несчастьи к одним, оплакивал бедствия других и обнаруживал милосердие в словах и делах, своим состраданием и своими слезами делаясь как бы общим покровом для всех. "**Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят**" (Матф. 5: 8). И это также оправдалось на нем. Послушай, что Бог свидетельствует о нем: "**нет такого, как он, на земле: человек непорочный,**

справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла" (несть, яко он, на земли человек непорочен, истинен, благочестив, удаляяйся от веяния лукавыя вещи) (Иов. 1: 8). "**Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное**" (Матф. 5: 10). И в этом отношении он совершил великое множество подвигов и получил награды. Его не только гнали люди, но на него напал и сам начальник всякого зла, демон, который, употребив все свои козни, напал на него, изгнал его из дома и отечества, поверг на навоз, лишил всех денег, имений, детей, здоровья, самого тела, предав его самому жестокому голоду; после чего даже и некоторые из друзей его оскорбляли и растравляли раны его души. "**Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах**" (Матф. 5: 11, 12). И это блаженство оправдалось на нем с великой полнотой. Даже и близкие к нему люди тогда клеветали на него, говоря, что он наказан меньше, чем погрешил, возводили на него великие обвинения, ложные слова и тяжкие клеветы. Но он избавил их от угрожавшей им опасности тяжкого удара, нисколько не упрекая их за все сказанное ими. И здесь опять исполнилось над ним изречение: "**любите врагов ваших… и молитесь за обижающих вас" (любите враги ваша, молитеся за творящиж вам напасти)** (Матф. 5: 44). И он любил своих врагов, молился за них, утишал гнев Божий и искупил грехи их; хотя не имел возможности слышать ни пророков, ни евангелистов, ни учителей, ни кого-нибудь другого, кто бы наставлял его добродетели. Видишь ли, каково благородство души, и как она бывает достаточно добродетельна, хотя бы не пользовалась никаким попечением? Между тем самые предки его не только не были благочестивы, но отличались великим злом. О предке именно его говорил Павел: "**Чтобы не было [между вами] какого блудника, или нечестивца, который бы, как Исав, за одну снедь отказался от своего первородства" (да не кто блудодей, или сквернителъ, яко же Исав, иже за ядь едину отдал есть первородство свое)** (Евр. 12: 16).

Глава 14. А что, скажи мне, было с апостолами? Не случались ли с ними тысячи соблазнов? Послушай, что говорит Павел: "**Ты знаешь, что все Асийские оставили меня; в числе их Фигелл и Ермоген" (веси ли сие, яко отвратишася от мене ecu иже от Асии, от них же есть Фигелл и Ермоген)** (2 Тим. 1: 15). Не пребывали ли эти учители в узах? Не подвергались ли оковам? Не терпели ли всякого зла от домашних, как и от чужих? Не вторгались ли в паству после них и вместо них лютые волки? Не предсказывал ли это Павел ефесянам, призвав их в Милет? "**Ибо я знаю, что, по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада; 30 и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою" (Аз бо вем сие, яко по отшествии моем внидут волцы тяжцы в вас, не щадящии стада. И от вас самех востанут мужие, глаголющии развращенная, еже отторгати ученики в след себе)** (Деян. 20: 29, 30). Разве медник Александр не причинял ему тысячей неприятностей, повсюду гоня его, восставая и нападая на него и повергая его в такие бедствия, что он и ученика своего предостерегал от этого, говоря: "**Берегись его и ты, ибо он сильно противился нашим словам" (от него же и ты себе блюди: зело бо противится словесем нашим)** (2 Тим. 4: 15). А разве весь народ галатский не был совращен тайными лжебратьями и увлечен в иудейство? А разве не в начале самой проповеди Стефан, слова которого текли сильнее рек, всех приводя в молчание и заключая нечестивые уста иудеев, и который не находил себе противника, так что никто не мог противостоять ему, когда он ниспровергал иудейское учение, одерживал светлые трофеи и блистательные победы, – этот благородный муж, мудрец и исполненный благодати, принесший такую пользу церкви, хотя и не долго трудился в деле проповеди, разве он не был внезапно взят и осужден, и казнен как богохульник? А что было с Иаковом? Не в самом ли начале взят он был, так сказать, со своего поприща и обесчещенный, отдан Иродом в руки иудеев, так что потерял жизнь, такой-то столп, и такое-то утверждение истины? Многие ли тогда не смущались этим событием? Но стоявшие продолжали стоять и даже еще более

укреплялись. Послушай, что говорит Павел в своем послании к филиппийцам: "**Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования, так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие" (разумети же хощу вам братие, яко яже о мне паче во успех благовествования приидоша: яко узы мои явлены, о Христе быша во всем судищи и в прочих всех: и множайшии братия о Господе надеявшиися о узах моих, паче дерзают без страха слово Божие глаголати)** (Фил. 1: 12–14). Видишь ли ты это мужество? Видишь ли дерзновение? Видишь ли твердость души? Видишь ли любомудрие настроения? Видя, что их учитель заключен в темницу и узы, подвергался пыткам и побоям и терпел бесчисленное множество подобных вещей, они не только не смущались и не волновались, но получали еще больше дерзновения, страданиями учителя возбуждались еще к большей ревности в борьбе. "Но, – скажешь ты, – другие падали". Не противоречу и я этому, потому что ввиду всего совершившегося необходимо было многим и пасть; но что я уже говорил и не перестану говорить, скажу и теперь. Все это праведники должны приписывать себе, а не природе вещей. Отходя отсюда, Христос оставил нам такое наследие, говоря: "**В мире будете иметь скорбь" (в мире скорбни будете)** (Иоан. 16: 33), и еще: "**и поведут вас к правителям и царям" (и пред владыки же и цари ведени будете)** (Матф. 10: 18), и еще: "**наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу" (приидет час, да всяк, иже убиет вы, возмнится службу приносити Богу)** (Иоан. 16: 2). Напрасно поэтому повсюду указываешь ты мне на соблазняющихся; всегда случалось то же самое. Да и что и говорить об апостолах? Сколько было людей, которые соблазнились у самого креста общего всем нам Господа и, сделавшись более злыми и дерзкими, проходя, издевались над Ним, говоря: "**Разрушающий храм и в три дня Созидающий! спаси Себя Самого; если Ты Сын Божий, сойди с креста… и уверуем в Него" (разоряяй церковь и тремя денми созидаяй, спасися сам: аще Сын ecu Божий, сниди со креста и уверуем в Тя)** (Матф. 27: 40). И однако они не имели себе извинения в кресте, потому что во всем этом их обвиняет разбойник. И он также видел, как распинали (Христа), и не только не соблазнился, но и получил отсюда больше повода для любомудрия и, победив все человеческое и вознесшись на крыльях веры, любомудрствовал о будущем. Видя Христа оскорбляемым, бичуемым, осмеиваемым, пьющим желчь, биенным, отвергаемым народом, осужденным на судилище, присужденным к смерти, он ничем этим не смутился; но, видя крест и вбиваемые гвозди, видя все издевательства, совершаемые развращенным народом, сам он пошел прямым путем, говоря: "**помяни меня во царствии твоем**" (Лук. 23: 42). И этим он заставил смолкнуть обвинителя, исповедывал собственные грехи и любомудрствовал о воскресении, хотя не видел, ни как мертвые воскресали, ни как прокаженные очищались, ни как утишалось море, изгонялись демоны, умножались хлебы, ни всего того, что видел народ иудейский, и несмотря на все это, распял Христа. Видя Христа уничиженным, он исповедывал в нем Бога, вспомнил о царствии и размышлял о будущем; а они, видев, как Христос совершал чудеса, наслаждаясь учением Его и через слова и через дела, не только не получили пользы, но и поверглись в крайнюю бездну погибели, вознеся Его на крест. Видишь ли, что неразумные и негодные не получают пользы даже и от добра; благоразумные же и бдительные получают величайшую пользу и от того, чем соблазняются другие. То же самое можно видеть и на Иуде, и на Иове. Иуда не получил спасения даже от Христа, спасшего вселенную, а Иов не потерпел вреда даже и от губительного диавола. Но один из них, перенося тысячи зол, получил венец, а другой, видя чудеса и сам совершая их, воскрешая мертвых и изгоняя бесов (ведь и он имел такую власть), слыша множество поучений о царствии и геенне, принимая участие в таинственной трапезе, будучи допущен к страшной вечери и вообще пользуясь таким же благоволением и промышлением, каким пользовались Петр, Иаков и Иоанн, и даже еще

большими, – после всего такого благоволения и снисхождения, каковыми пользовался в избытке, так как ему были поручены даже и деньги для нищих, после всего этого, он все-таки впал в безумие и, через сребролюбие поддавшись сатане, по собственной воле сделался предателем и совершил величайшее из зол, продав за тридцать сребреников такую кровь и предав Господа коварным поцелуем. Кто бы не соблазнился этим, совершенным со стороны ученика, предательством? А что сказать о обитателе пустыни, о плоде бесплодной, о сыне Захарии, который, удостоившись крестить тую святую и страшную голову, делается Предтечей собственного Господа? Когда он пребывал в темнице, был усечен и сделался предметом награды для блудной плясуньи, как многие соблазнялись тогда! Но что я говорю – тогда? Как многие и теперь, после столь долгого времени, слыша это, соблазняются! Да что говорить об Иоанне, об его темнице, его усекновении? Зачем обращаться к служителям, когда можно обратиться к самому Господу?

Глава 15. А крест Христов, искупивший вселенную, рассеявший заблуждение, землю превративший в небо, рассекший узы смерти, сделавший ад ненужным, разрушивший твердыню диавола, закрывший уста демонам, обративший людей в ангелов, разрушивший жертвенники и ниспровергший капища, насадивший на земле новое и необычайное любомудрие, произведший бесчисленные блага, страшные, великие и возвышенные, – разве он не был соблазном для многих? Разве Павел не взывает ежедневно, говоря и не стыдясь: "**а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие" (мы же проповедуем Христа распята иудеем убо соблазн, еллином же безумие)** (1 Кор. 1: 23). Но что же, скажи мне, неужели не нужно было являться Христу, не нужно было приносить эту страшную жертву? Неужели не нужно было совершать этих спасительных дел – потому только, что это было соблазном для погибающих, и тогда, и после того, и на все времена? Кто настолько безумен, кто настолько нелеп, чтобы говорить это? Здесь нужно иметь в виду не соблазняющихся, сколько бы их ни было, а спасенных, исправленных и наслаждающихся любомудрием, и не нужно говорить что-либо о соблазняющихся, потому что они должны приписывать это самим себе; так то же самое и теперь. Соблазн произошел не от природы самого креста, а по причине самих соблазняющихся, почему и говорит Павел: "**для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость" (самим же званным, иудеем же и еллином, Христа Божию силу и Божию премудрость)** (там же, 24). Ведь и солнце причиняет вред больным глазам, но что же отсюда? Неужели не должно быть солнцу? Мед кажется горьким для больных. Что же, неужели и его надо удалить? Не были ли сами апостолы для одних запахом смертоносным на смерть, а для других запахом жизни на жизнь (2 Кор. 2: 16)? Равным образом, ввиду погибающих, разве не должно живым наслаждаться таким попечением? Самое пришествие Христа, наше спасение, источник благ, жизнь, бесчисленные благодеяния, скольких людей обременяли они, скольких лишили извинения и снисхождения? Не слышишь ли, что говорит Христос об иудеях: "**Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем" (аще не бых пришел и глаголал им, греха не быша имели, ныне же извинения не имут о гресе своем)** (Иоан. 15: 22). Что же? Так как после Христова пришествия грех их сделался неизвинительным, так неужели из-за этих злых Он не должен был приходить ради тех, которые имели воспользоваться благом? Кто бы сказал это? Конечно никто, кроме крайне неразумных. А сколько людей, скажи мне, соблазнились вследствие самых Писаний? Сколько ересей возникло под предлогом их? Так неужели следовало бы уничтожить Писания ради соблазнившихся? Или не следовало бы давать их с самого начала? Отнюдь нет; но всем следовало давать ради тех, которые имели получить от них пользу. Соблазнившиеся (опять я не перестану говорить это) пусть сами себе приписывают соблазны; а для тех, которые имели получить от них величайшую пользу, разве не было бы великой несправедливостью, если бы по причине неразумия и

нерадения других и те, кто имели бы получить от них великую пользу, были бы лишены этой пользы? Итак, не говори мне о погибающих, потому что, как я уже сказал в предшествующей беседе, никто из тех, которые сами себе не вредят, не получают вреда и от других, хотя бы подвергалась опасности самая их жизнь.

Глава 16. Какой вред, скажи мне, получил Авель, убитый братской рукой и потерпевший безвременную и насильственную смерть? Не больше ли он получил пользы, приобретя блистательнейший венец? Какой вред получил Иаков, столько потерпевший от своего брата, сделавшийся лишенным отечества беглецом, странником и рабом, и доведенный до крайнего голода? Сколько потерпел Иосиф, подобным же образом лишенный отечества и дома, сделавшийся пленником, рабом и узником, подвергавшийся крайним опасностям и перенесший столько клевет? Что потерпел Моисей, столько раз оскорбляемый своим народом, при чем те самые, которым он благодетельствовал, строили ему козни? А что было с пророками, которые все терпели зло от иудеев? Что было с Иовом, на которого восставал диавол с бесчисленными кознями? Что было с тремя отроками? Что с Даниилом, которому угрожала крайняя опасность его жизни и свободе? Что было с Илией, который, живя в крайней бедности, гонимый, угнетаемый, пребывая в пустыне, всегда был беглецом и странником? Что было с Давидом, который столько потерпел сначала от Саула, а после и от собственного сына? Разве не больше просиял он, перенося самые крайние бедствия, чем когда наслаждался благоденствием? А что было с Иоанном, пострадавшим через усекновение? Что было с апостолами, из которых одни были умерщвлены, а другие подвергались всевозможным бедствиям? Что было с мучениками, которые испускали дух среди ужасных мучений? Не все ли они тогда именно особенно и просиявали, когда подвергались испытаниям, когда подвергались наветам, когда мужественно выдерживали крайнюю бедственность?

Глава 17. Прославляя общего нам Господа за все другое, не особенно ли мы прославляем Его, восторженно восхваляем за крест, за эту бесславную смерть? Не выставляет ли Павел признаком Его любви к нам то именно, что Он умер, что Он умер за людей? Не говоря о небе, земле, море, об всем другом, что сотворил Христос для нашей пользы и наслаждения, он постоянно возвращается к кресту, говоря: "**Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками" (составляет же Свою любовь к нам Бог, яко еще грешником сущим нам Христос за ны умре)** (Римл. 5: 8). И отсюда он подает нам добрые надежды, говоря: "**Если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его" (аще бо врази бывше примирихомся Богу смертию Сына Его, множае паче примирившеся спасемся в животе Его)** (Римл. 5: 10). Не этим ли особенно он и сам хвалится, много размышляет, ликует и восторгается от удовольствия, так говоря в послании к галатам: "**А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа" (мне же да не будет хвалитися токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа)** (Гал. 16: 14), И что удивляешься, если Павел ликует, восторгается и хвалится этим? Сам Христос, потерпевший столько, называет это дело славой: "**Отче**, – говорит Он, – **пришел час, прославь Сына Твоего" (Отче, прииде час, прослави Сына Твоего)** (Иоан. 17: 1), и ученик, написавший это, говорит: "**ибо еще не было на них Духа Святаго, потому что Иисус еще не был прославлен" (не убо бе Дух Святый, яко Иисус не у бе прославлен)** (Иоан. 7: 39), разумея под славой крест. Когда же хотел показать им Его любовь, то о чем говорил? О чудесах ли, знамениях и необычайных действиях? Отнюдь нет; но указывает на крест, говоря: "**Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную" (тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего единородного дал есть, да всяк веруяй в Онь, не погибнет, но иматъ живот вечный)** (Иоан. 3: 16). И Павел тоже говорит: "**Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как**

с Ним не дарует нам и всего?" (иже убо Своего Сына не пощаде, но за нас всех предал есть Его; како убо не и с Ним вся нам дарствует) (Рим. 8: 32). А когда хочет привести к смирению, то, делая увещания, он говорит так: "**Если [есть] какое утешение во Христе, если [есть] какая отрада любви, если [есть] какое общение духа, если [есть] какое милосердие и сострадательность, то дополните мою радость: имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единодушны и единомысленны; ничего [не делайте] по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя" (аще убо кое утешенее о Христе, или аще коя утеха любве, аще кое общение духа, аще кое милосердие и щедроты, исполните мою радость, да тожде мудрствуете, ту же любовь имуще, единодушии, единомудренни: ничтоже по рвению или тщеславию, но смиренномудрием друг друга честию болша себе творяще)** (Фил. 2: 1–3), затем, давая совет, говорит: "**Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной" (сие бо да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе: Иже во образе Божий сый не восхищением непщева быти равен Богу: но Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретеся яко же человек, смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя)** (Фил. 2: 5–8). И опять, рассуждая о любви, говорит следующее: "**и живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное" (и ходите в любви, якоже и Христос возлюбил есть нас, и предаде Себе за ны приношение и жертву Богу в воню благоухания)** (Еф. 5: 2). Увещевая жен к единомыслию с мужьями, он говорит: "**Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее" (мужие, любите своя жены, якоже и Христос возлюби церковь, и Себе предаде за ню)** (Еф. 5: 25). Затем и сам Христос, показывая, насколько Он стремился к этому и насколько жаждал страданий, когда первый из апостолов, основание церкви, глава сонма учеников, по неведению сказал: "**Будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!" (милосерд Ты Господи; не имать быти Тебе сие)**, – послушай, что Он отвечал ему: "**Отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн!" (иди за Мною, сатано, соблазн Ми ecu)** (Матф. 16: 22, 23). Самой строгостью этого укора Он показывает, с каким рвением стремился Он к этому делу. Свое воскресение Он совершил тайно и в сумраке, предоставляя свидетельство о нем последующему времени; крест же Он потерпел на виду всего города, в самый праздник, среди народа иудейского, в присутствии обоих судилищ – римского и иудейского, при стечении всех на праздник, среди дня, на виду всей вселенной. А так как все происходившее видели только присутствующие, то Он повелел затмиться солнцу и возвестить об этом злодеянии по всей вселенной. Хотя для многих, как я сказал, это сделалось соблазном, но нужно обращать внимание не на них, а на спасенных, на избавленных. И что ты удивляешься, если в настоящей жизни крест так славен, что Христос называет его славой, и Павел хвалится им. В тот страшный и ужасный день, когда Он придет показать славу Свою, когда явится во славе Отца Своего, когда настанет страшный суд, когда весь род человеческий предстанет перед Ним, когда реки взволнуются, когда ангелы и высшие силы внезапно снизойдут вместе с Ним, когда будут раздаваться бесчисленные награды, когда одни просияют как солнце, а другие как звезды, когда явятся сонмы мучеников и апостолов, когда выступят ряды пророков и сонмы благородных мужей, – тогда именно, в этом блеске, в этом сиянии придет и Он, испуская блистательные лучи. "**Тогда**, – говорит Писание, – **явится знамение Сына Человеческого на небе, солнце померкнет, и луна не даст света своего (явится знамение Сына человеческого на небеси, солнце померкнет и луна не даст света своего)** (Матф. 24: 30, 29). О, блеск страдания, о светлость креста! Солнце помрачается и звезды падают как листья, крест же сияет светлее всех их, наполняя все небо. Видишь ли,

как прославляется этим Господь, как Его уничижение превращается в славу, когда в тот день Он явится перед всей вселенной с таким блеском?

Глава 18. И ты также, когда увидишь, что некоторые соблазняются случившимся, прежде всего подумай о том, что соблазн происходит не отсюда, а от собственной слабости, о чем свидетельствуют те, которые не подвергаются соблазну. Потом обрати внимание и на то, что вследствие этого многие особеннно просияли, прославляя Бога с великим усердием, благодаря Его за это. Поэтому, смотри не на падающих, а на мужественно стоящих, на пребывающих неподвижными и на делающихся более сильными; не на тех, которые боятся, но на тех, которые плывут по прямому направлению, и плывущих прямо гораздо больше. Но если бы даже и больше было первых, то лучше один делающий волю Божию, чем тысячи беззаконных.

Глава 19. Подумай, сколько людей удостоилось мученического венца. Одни были бичуемы, другие ввергались в темницу, иные заключались в оковы, как злодеи, иные изгонялись из отечества, иные лишались имущества, иные высылаемы были на чужбину, иные терпели смерть, – одни и действительно, а другие хотя бы только в намерении. И когда они видели, как изготовлялись на них копья, точились мечи, так что они ежедневно находились под ударами новых угроз, как начальники, пылая гневом, угрожали им смертью, выставляли перед ними тысячи всяких пыток и наказаний, они и тогда не падали и не смущались, но неподвижно стояли (как) на скале, готовые все это перенести и потерпеть, только бы не участвовать в беззаконии совершающих зло, – и не только мужи, но и жены. Эту борьбу выдерживали и женщины, и часто даже мужественнее самих мужчин. И не только женщины, но и юноши, и даже дети. Итак, скажи мне, неужели весь этот сонм мучеников мало пользы принес церкви? Все они мученики; ведь мучениками были не только те, которых влекли в судилище, которым приказывали приносить жертвы, и они, оставаясь непреклонными, потерпели все это, но и те, которые готовы были потерпеть все из-за благоугождения Богу. И если внимательно рассмотреть, то последние даже более, чем первые. Ведь не одно и то же, когда кто-нибудь, имея избирать между мучениями и вечной погибелью своей души, терпит все, чтобы не погибнуть, и когда кто за меньшее добро терпит то же мучение. Что мученический венец получают не только потерпевшие муку, но и те, которые готовы к ней, и даже, как я сказал прежде, потерпевшие за меньшее суть большие мученики, это я попытаюсь доказать на основании изречения Павла. Приступив к перечислению просиявших среди предков, блаженный Павел, начав с Авеля, затем переходит к Ною, Аврааму, Исааку, Иакову, Моисею, Иисусу (Навину), Давиду, Самуилу, Илие, Елисею, Иову, и говорит так: "**Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей" (темже убо и мы толик имуще облежащ нас облак свидетелей)** (Евр. 12: 1). Между тем, не все они в действительности были умерщвлены, а вернее ни один из них, кроме двух-трех, например Авеля, Иоанна, а другие все закончили жизнь собственной смертью. Сам Иоанн был умерщвлен не за то, что ему приказывали принести жертву и он не послушался, не за то, что он, приведенный к жертвеннику, не хотел поклониться идолу, а за одно только слово. Он говорил Ироду: "**не должно тебе иметь** жены Филиппа, брата твоего" (Матф. 14: 4). За это он ввергнут был в темницу и потерпел смерть. Но если за обличение незаконного брака, каковой он видел перед собой (ведь он даже не исправил совершаемого греха, а только говорил и не хотел перестать), – если за то только, что говорил, не делая ничего больше, он считается мучеником и даже первым из мучеников, за то, что был усечен, то потерпевшие столько наказаний и выступавшие не против Ирода, а против властелинов всей вселенной, и противившиеся не беззаконному браку, а защищавшие законы отечества и правила церкви, словами и делами, обнаруживавшие мужество, подвергавшиеся смерти ежедневно – и мужи, и женщины, и дети, то разве они не были бы достойны причисления к сонму мучеников? Так, Авраам, который в действительности и не умертвил своего сына, а

умертвил его только в своем намерении, услышал говорящий свыше голос: "**не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня" (не пощадел ecu сына твоего возлюбленнаго Мене ради)** (Быт. 22: 12). Так всегда намерение, когда оно исходит из добродетели, получает полный венец. Если же тот, кто не пощадил сына, провозглашен был таковым, то те, которые не щадили самих себя, подумай, какую получат они награду за то, что не один, не два и не три дня, а в течение всей своей жизни твердо исполняли повеления, подвергаясь поношениям, оскорблениям, бедствиям и клеветам. А это немалая заслуга. Поэтому и Павел, восторгаясь ею, говорит: "**то сами среди поношений и скорбей служа зрелищем [для других], то принимая участие в других, находившихся в таком же [состоянии]" (ово убо поношенми и скорбми позор бывше, ово же общницы бывше живущым тако)** (Евр. 10: 33). Что же говорить о тех, которые не только сами умирали, но и побуждали к стойкости и других мужей и жен? Апостол восхваляет их. Многие раздавали свои имущества, чтобы доставить некоторое утешение узникам и изгнанникам в постигшем их бедствии, и с радостью принимали расхищение их имуществ, по слову апостольскому; другие лишались то отечества, то самой жизни. Поэтому, видя такое богатство, такую пользу для церкви, видя, сколько собрано сокровищ, видя, как раньше павшие сделались потом сильнее огня и, избегая театров, удаляются в пустыни и превращают долины и горы в церкви, видя, как никто не пасет стада, а между тем овцы соблюдают порядок как при пастухах, как воины в отношении мужества и стойкости соблюдают порядок при военачальнике, и все с надлежащей ревностью и тщательностью исполняют повеления, неужели ты не удивишься и не поразишься, какое отсюда произошло благо? Не только живущие благочестиво, но многие из тех, которые увлекались зрелищами и ристалищами, охваченные ревностью сильнее огня, оставили все это безумство, пошли против самих мечей, привлекаемые к начальникам и подвергаемые пыткам насмехались над угрозами, показывая, какова сила добродетели и как самый негодный человек, когда он раскается и обратится, возвышается до свода самого неба. Видя такие подвиги, столько сплетаемых венков, такое назидание, – откуда, скажи мне, может явиться соблазн? "От погибших", – скажет кто-нибудь. Но как я уже сказал и не перестану говорить, эту причину своей погибели они должны приписывать сами себе. Это именно показало вам все изложенное слово. Но я укажу и на другое благо. Как многие из тех, которые носят маску благочестия и которые имеют прозрачную честность, почитаются великими, хотя и не состоят таковыми, как многие из них внезапно в наше время разоблачались и, обличенные в своем обмане, являлись таковыми, каковы они есть, а не такими, как они ложно и обманно хотели казаться? Между тем, весьма и весьма полезно различать тех, которые покрыты лишь овечьей шкурой, и волков, скрывающихся так, не смешивать с действительными овцами. Это время сделалось печью, которая обличила монету, имеющую в себе медь, расплавляла олово, сжигала солому, ложно придававшую больше цены драгоценным веществам. На это именно указывает и Павел, говоря: "**надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные" (подобает бо и ересем в вас быти, да искуснии явлени бывают в вас)** (1 Кор. 11: 19).

Глава 20. Итак, не смущайся этим – ни тем, что священники теперь, сделавшись негодными, свирепее всякого волка набрасываются на паству, ни тем, что начальники и правители обнаруживают большую жестокость. Вспомни, что с апостолами случалось нечто еще более жестокое. Тогда именно скипетроносец, будучи тайной беззакония (как назвал его Павел), совершал все виды зла, всех увлекал ко злу; однако и он не мог повредить ни церкви, ни благородным тем мужам, а сделал их еще более славными; священники же иудейские были так негодны и лукавы, что нужно было запрещать народу ревностно следовать их жизни: "**На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте" (на Моисеове седалищи седоша книжницы и фарисее: вся убо, елика**

аще рекут вам блюсти, соблюдайте и творите: по делом же их не творите) (Матф. 23: 2–3). Что может быть лукавее священников, ревность в подражании которым оказывается гибельной, и однако, несмотря на то, что тогда властвовали такие люди, лица просиявшие, увенчанные, не только не потерпели никакого вреда, а прославились еще больше. Поэтому не нужно удивляться тому, что произошло. Повсюду испытания бодрствующим приходят и от своих, и от чужих. Так и Павел, видя целые тучи надвигающихся на них опасностей и боясь, чтобы некоторые из учеников не устрашились, в своем послании говорил: "**И послали Тимофея, брата нашего и служителя Божия и сотрудника нашего в благовествовании Христовом, чтобы утвердить вас и утешить в вере вашей, чтобы никто не поколебался в скорбях сих: ибо вы сами знаете, что так нам суждено" (и послахом Тимофея, яко ни единому смущатися в скорбех сих: сами бо весте, яко на сие лежим)** (1 Фес. 3: 2–3). Сказанное же означает: "Такова наша жизнь, таково свойство апостольского призвания – чтобы переносить бесчисленные бедствия". "**Так нам суждено" (Яко на сие лежим), –** говорит он. Что такое – "**Так нам суждено**"? Как съестные припасы предназначены для того, чтобы идти в продажу, так и апостольская жизнь для того, чтобы подвергаться поношению, терпеть всякое зло, никогда не успокаиваться, никогда не иметь облегчения. Но бдительные не только не терпят отсюда никакого вреда, но и получают большую пользу. Поэтому апостол восхваляет их, узнавши, что они стояли мужественно. И о других говорит, что они, ободренные его узами и его оковами, дерзали безбоязненно проповедовать. А что было, скажи мне, во времена Моисея? В варварской стране не попустил ли Бог волхвам показать свою силу? Не эту ли историю припоминает Павел, говоря: "**Как Ианний и Иамврий противились Моисею, так и сии противятся истине" (яко же Ианний и Иамврий противистася Моисею, такоже и сии противляются истине)** (2 Тим. 3: 8). Так всегда не было недостатка в соблазнах, равно как не было недостатка и в увенчанных ради них. Обо всем этом поразмысли, и не об этом только, а и о том, какая польза была от этого. Посмотри и на то, что есть и другие непостижимые причины для этого; ведь не все возможно нам знать, но (несомненно), что за бедствиями следуют события гораздо более благоприятные и совершаются чудесные дела. Так сначала Иосиф находился в бедствии, и долго совершались события, казавшиеся противными обетованию; но потом произошло даже больше того, что было обещано. И на кресте не тотчас же и не сначала совершилось избавление, но сначала предшествовал соблазн, и если с целью удивить и исправить злодеев и было несколько знамений, то все они вскоре исчезли. Если и разорвалась завеса в храме, камни распались и солнце помрачилось, то все это произошло в течение одного дня, и вскоре было забыто многими. После же этого вскоре апостолы, находясь в бегстве, в гонении, в борьбе, в наветах, скрываясь, трепеща и подвергаясь опасностям, проповедывали слово (Божие); народ иудейский, будучи в это время в силе, гнал, преследовал, терзал и мучил верующих, и так как заодно с ними были и начальники, то ежедневно они хватали и влекли апостолов (в судилища). Да что я говорю о народе и начальниках иудейских? Один делатель палаток, занимавшийся выделкой кож, именно, Павел (а что может быть пустее делания палаток?) объят был таким безумством, что хватал мужей и жен и отдавал под стражу. И Распятый, видя все это, попускал ему. Но посмотри, как впоследствии этот самый гонитель превзошел всех (в вере) и его деятельность просияла ярче солнца, и обняла всю вселенную.

Глава 21. Если же скажешь: "Для чего в Ветхом и Новом Завете допускается столько опасностей и столько наветов?" – то узнай и причину этого. Какая же это была причина? Настоящая жизнь есть ристалище, упражнение и борьба, печь, мастерская для добродетели. Как кожевник, получая кожи, сначала разминает их, растягивает, колотит, бьет о стены и камни, и через тысячи разных приспособлений делает их пригодными для окраски, и потом придает им хороший цвет; и как мастера золотых дел бросают золото в огонь, подвергают его пробе в печи, так чтобы сделать его наиболее чистым; и как

воспитатели юношей упражняют их на ристалищах посредством различных трудов, давая им более сильных противников, чтобы они, все исполняя при упражнении с телами учителей, могли оказаться стойкими и в действительной борьбе, способными встретить противников и легко поразить их, так действует и Бог в настоящей жизни: желая приготовить души к добродетели, Он и угнетает их, и удручает, и подвергает самым тяжелым испытаниям, так чтобы падающих и слабых устранить, а людей достойных сделать еще более достойными, недоступными для наветов демона и для сетей диавола, и особенно всех достойными получения будущих благ. "Человек, – говорит Писание, – не перенесший испытаний, не обладает опытностью", как и Павел говорит: "**от скорби происходит терпение, от терпения опытность" (скорбь терпение соделовает, терпение же искусство)** (Римл. 5: 3, 4). Чтобы сделать нас более твердыми и терпеливыми, Бог попускает всякие испытания на нас. Поэтому Он попустил Иову перенести всякие бедствия, чтобы он сделался еще более опытным в добродетели и заградил уста диавола; потому же Он удручал и апостолов, чтобы они сделались более мужественными и обнаруживали собственную силу. А это причина немалая. Поэтому и Павлу, когда он искал облегчения и отдыха от обуревающих зол, Он сказал: "**довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи" (довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается)** (2 Кор. 12: 9).

Глава 22. Даже и те, кто еще не приняли учения христианского, могут получить отсюда великую пользу, если будут внимательны. Видя, как праведники сносили несправедливости, терпели оскорбления, были заключаемы в темницы, подвергались клеветам, окружались кознями, были обезглавливаемы, сжигаемы, бросаемы в море, и не устрашались никакого бедствия, подумай, с каким удивлением относились к этим чудесным борцам и тогдашние и теперешние люди. Все случившееся не только не причиняет соблазна людям бдительным, но и оказывается источником многого назидания. Поэтому и Павел услышал, что "**сила Моя в немощи совершается**". Это можно встретить и в Ветхом и в Новом Завете. Подумай, что должен был испытать Навуходоносор, когда на глазах столь многочисленного войска он был побежден тремя отроками, тремя рабами, тремя пленниками, обремененными цепями, преданными пламени, не в состоянии был распорядиться телами трех порабощенных и подвластных ему отроков, лишенных отечества, свободы, чести, власти, имущества, поселенных вдали от родины. Если же бы не случилось этого испытания, не было бы и столь светлой награды, не было бы столь блистательного венца. Подумай, что должен был испытать Ирод, когда он, будучи обличаем узником, видел, что этот узник вследствие уз не только не потерял своего дерзновения, а напротив – предпочитал скорее погибнуть, чем отказаться от прекраснейшего дара – свободы слова. Подумай, что всякий, видя или слыша это, из живших ли тогда, или родившихся позже, при всей своей немощи, если только обладает хотя слабым умом, получает отсюда величайшую пользу. Не говори мне о поступках людей неразумных, которые ленивы и преданы плоти, и легче листьев (носимых ветром). Таковые падают не только от великих бедствий, но и почти от всего, что происходит вокруг их, как это было с народом иудейским, который, и вкушая манну, и вкушая хлеб, одинаково был недоволен, и находясь в Египте, и будучи избавлен от Египта, в присутствии Моисея и по его отшествии. Но указывай на тех, которые внимательны, которые бодрствуют, и сообрази, какую они могут извлекать отсюда пользу, видя душу бесстрастную, разум не порабощенный, язык дерзновенный, человека, который, будучи пустынножителем, торжествует над царем; будучи узником, не уступает; будучи усекаем, не молчит. Не останавливайся даже и на этом, а исследуй и то, что было потом. Ирод усек, а Иоанн был усечен. Кто же из них ублажается всеми? Кто считается ревнителем? Кто прославляется? Кто увенчивается? Кто восхваляется? Кто славословится? Кто служит предметом удивления? Кто обличает доселе? Не тот ли, кто в каждой церкви провозглашает: "**не должно тебе иметь жену брата твоего Филиппа**"

(Матф. 14: 4)? А (Ирод) разве не осуждается и после своей кончины за свое прелюбодейство, беззаконие и безумство? Пойми после всего сказанного, какова сила узника, какова слабость тирана. Последний не мог заставить смолкнуть и одного языка, а уничтожая его, он на место него и вместе с ним открыл тысячи уст. А Иоанн тотчас же стал устрашать его и после казни (ведь совесть Ирода потрясалась таким страхом, что он стал думать, будто Иоанн, воскресши из мертвых, начал творить чудеса), и теперь, в течение всего времени, он обличает всю вселенную и через самого себя и через других. Каждый, читая это Евангелие, говорит: "**не должно тебе иметь жену брата твоего Филиппа**"; да и помимо Евангелия, в собраниях и обществах, в домах и на рынке, повсюду, хотя бы ты пошел в страну персов, хотя бы в страну индийцев, хотя бы в страну мавров, хотя бы в любую страну, в которой светит солнце, и до самых последних пределов ее, везде услышишь ты этот голос и увидишь, как праведник тот еще и теперь вопиет, проповедует, обличает зло тирана, и никогда не молчит, так что и самая продолжительность времени не ослабляет его обличений. Какой же вред получил этот праведник от своей кончины? Что вредного от насильственной смерти? Что от уз? Что от темницы? Не исправил ли он людей благоразумных тем, что он говорил там, что он выстрадал там, и теперь проповедуя то же, что проповедовал и при жизни? Поэтому не говори – "почему допущено ему было умереть?" Это была не смерть, а венец, не кончина, а начало лучшей жизни. Научись же любомудрствовать, и не только не получишь никакого вреда из всего этого, а получишь величайшую пользу.

А что сказать о египтянке? Не обвиняла ли она Иосифа? Не распространяла ли о нем худой славы? Не оклеветала ли его? Не ввергла ли его в темницу? Не подвергала ли его крайней опасности? Не хотела ли погубить, когда он был у нее? Но какой вред ему был тогда, или теперь? Подобно тому, как горячие угли, скрытые под соломой, сначала кажутся потухшими, но внезапно начинают пожирать лежащее над ними, и воспламеняемые этой самой соломой, высоко выбрасывают пламя, так и добродетель, которая казалась подавленной клеветой, затем вследствие самых препятствий расцветает еще более и поднимается до самого неба. Можно ли было сделать что-нибудь для этого юноши лучше того, что сделано было для него клеветой и наветами, хотя бы взять самый престол в Египте и даже царство там? Всегда с страданиями связываются слава, благоденствие, венцы. Разве не прославляют его по всей вселенной? И самая продолжительность времени не ослабила воспоминания о нем, но блистательнее и тверже царских статуй его добродетель и мудрость воздвигли себе, так сказать, статуи по всей вселенной в стране римлян и в стране варваров, в совести каждого и в языке каждого. Мы все еще видим, как он, будучи узником и рабом, поучал эту жалкую и негодную блудницу должным образом вести себя, делал все от него зависящее для спасения, возбуждал в ней стыдливость, погашал печь, старался освободить ее от этой страшной бури и направить в пристань. Но так как буря продолжалась, корабль стал тонуть, и она потерпела кораблекрушение, то он бежит от разъяренных волн, спасается на непоколебимой скале целомудрия, оставляя свои одежды в руках бесстыдницы и являясь в своей наготе более блистательным, чем те, которые были в пурпурных одеждах, и уподобляясь доблестному воину, торжествующему победителю, получает трофей целомудрия. Воспоминание не ограничивается и этим, а идя дальше, мы видим, как он опять отводится в темницу, как он, связанный и плененный, проводит там долгое время. Поэтому-то и опять мы особенно удивляемся ему, восторгаемся им и восхваляем его. Всякий, даже будучи уже целомудренным, думая о нем, становится еще более целомудренным; всякий бесстыдный, узнав о такой добродетели, под влиянием этого события приходит к целомудрию и исправляется вследствие этой истории. Итак, припоминая все это, не бойтесь, а извлекайте пользу из происшедших событий, и терпение подвижников да будет для вас учителем твердости, и видя, как вся жизнь благородных и славных мужей возвышалась через это, не унывайте и не возмущайтесь ни собственными, ни чужими испытаниями. Ведь и церковь

сначала подвергалась всевозможным бедствиям, а потому так и умножилась. Не удивляйтесь же, потому что в этом нет ничего необычайного. Но подобно тому, как в настоящей жизни, не там, где находится солома, сено или песок, но там, где находятся золото и жемчуг, там именно постоянно собираются и злоумышляют пираты и морские грабители, разбойники и раскапыватели гробниц, – так и диавол там именно и строит свои козни, где видит богатства, скопляемые душей и умножающиеся сокровища благочестия. Но если те, которые подвергаются козням, будут бодрствовать, то не только ничего не потеряют, но получат еще большее богатство добродетели, как это случилось и теперь.

Глава 23. В этом же можно видеть и величайший признак богатства, благ и могущества церкви. Когда лукавый демон увидел, что она процветает и благоденствует, в короткое время поднялась на высоту, проявляет большую деятельность, добродетельные все более преуспевают, а грешные раскаиваются, так что это общество распространялось по всей вселенной, то он привел в движение все свои козни и поднял ожесточенные войны. Подобно тому, как он угнетал Иова то потерей имущества, то смертью детей, то болезнью тела, то злословием его жены, то оскорблениями, насмешками и издевательствами друзей, так он нападал и на церковь, возбуждая против нее, насколько возможно было, и ее друзей, и ее врагов, и тех, которые вступили в духовный чин, зачислились в сонм верующих, были почтены саном епископа, и, наконец, всяких лиц всякого состояния. Между тем, несмотря на все такие козни, не только он не мог поколебать ее, но даже сделал ее еще блистательнее. Нисколько не смутившись, она продолжала поучать всех, как она поучает и теперь, обуздывать страсти, сносить испытания, показывать терпение, пренебрегать житейским, не увлекаться богатством, пренебрегать честью, презирать смерть, не увлекаться жизнью, оставлять отечество, соотечественников, друзей, родных, быть готовыми ко всяким бедствиям, идти против мечей, и все, что есть светлого в настоящей жизни – имение, почести, славу, власть, роскошь, – все это считать ничтожнее весенних цветов. И этому поучает не один кто-нибудь, не двое, и не трое, а весь народ (христианский), и не словами только, а и делами, из-за которых страдают, которыми побеждают, через которые преодолевают злоумышленников, через которые делаются тверже адаманта и крепче всякого камня; при этом не берутся за оружие, не поднимают войны, не прибегают к луку или стрелам, а будучи каждый огражден стеной терпения, благоразумия, честности и мужества, они, перенося зло, еще большим бесчестием покрывают делающих таковое.

Глава 24. И вот теперь они со светлым лицом и свободными очами, пользуясь неизреченным дерзновением, выступают на площади, наполняют дома, стекаются на собрания, между тем как делавшие им зло всевозможными кознями теперь скрываются, имея внутри себя злую совесть, трепещут, боятся и мучатся. Подобно тому, как дикие звери, которым угрожает смерть, после первого и второго удара, с особенной яростью бросаются на острие копий, и сами себе наносят еще более жестокие удары и ранят себя до сердца; подобно тому, как волны, ударяясь в скалы, с особенной силой разбиваются и рассеиваются, – так и злоумышленники роют ямы скорее для себя, чем для других. Ведь у людей, которые подвергаются козням, есть вселенная, есть друзья, которые хвалят их, удивляются им, провозглашают о них, увенчивают их, зная или не зная их, узнавая о них по их делам, по молве о них, при чем многие жалеют их, сочувствуют им, доставляют им все полезное; сами же злоумышленники имеют еще более лиц, которые ненавидят их, осуждают, укоряют, обличают, пристыжают их, желают видеть их в наказании и бедствии. И все это еще здесь; что же предстоит им там? Если соблазнивший и одного осуждается на такое наказание, что ему лучше повесить себе жернов на шею и утонуть в море, то подумай, каким подвергнутся наказаниям во время страшного суда, каким подвергнутся бедствиям те, которые возмущают всю вселенную, ниспровергают церковь, разрушают всякий мир, производя повсюду тысячи соблазнов? Те же, которые страдают от них, после

того, что они выстрадали, станут вместе с мучениками, вместе с апостолами, вместе с благородными и возвышенными мужами, блистая добродетелями, страданиями, венками, наградами, всяким дерзновением. Они увидят их наказываемыми, и не смогут избавить их от этого наказания, хотя бы и чрезвычайно хотели этого; а последние будут возносить мольбу, но не будут услышаны. Если один богач, пренебрежительно отнесшийся к Лазарю, подвергся такому наказанию, и не получил никакого облегчения, то чему подвергнутся те, которые преследовали и соблазняли столь многих? Размышляя обо всем этом, а также исследуя все, что свидетельствует об этом Божественное Писание, приготовляйте для себя стену крепкую, а для немощных еще и надлежащее лекарство, и оставайтесь твердыми и непоколебимыми, ожидая предстоящих вам благ. Во всяком случае предстоит вам награда не только равная трудам, но и неизреченно превосходящая их. Так-то человеколюбив Бог: с великим любочестием вознаграждает Он воздаяниями и наградами тех, которые делают или говорят доброе, получить какие и да сподобимся мы во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава во веки веков.

---

[1] Это рассуждение, по свидетельству Георгия Александрийского, написано святителем из Кукуза в утешение своим страждущим последователям.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том IV

Книга 1

БЕСЕДЫ НА КНИГУ БЫТИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ. Место и время их произнесения; библейский греческий текст в этих БЕСЕДАх и его важность; потребность в сопоставлении его с текстом других греческих списков Библии и некоторые пособия к этому.

БЕСЕДА 1. Радость Златоуста при виде многочисленности собравшихся в храм Божий пред наступлением св. Четыредесятницы. Цель церковных собраний и необходимость приготовления к посту. Великий вред невоздержания от дней первого человека и благотворные действия поста, испытанные ветхозаветными праведниками, и пример Спасителя. Действие поста на душу человека и обличение роскоши у прор. Амоса. Мимолетность мирских удовольствий и неизменность духовных.

БЕСЕДА 2. Радость Златоуста при наступлении поста, представляющего самое лучшее время для церковных поучений из божественного Писания. Начальные слова первой книги Моисея нужно принимать, как слова самого Господа, не испытуя того, что выше нас, а смиренно веруя. Моисей не говорит о создании сил невидимых и причина этого. Великая сила слов: В начале сотвори Бог небо и землю против лжеучителей и решение недоумения о сотворении вселенной из несуществующего. Почему первозданная земля названа невидимой и неустроенною? Христианин должен не только знать и сохранять истинное учение веры, но и устроять согласно с ними свою жизнь.

БЕСЕДА 3. Велико богатство и глубина божественного Писания. Объяснение слов: и тма верху бездны, и Дух Божий ношашеся верху воды. Создание света и безумие тех, которые говорят, что прежде неба и земли существовала материя. Почему не создал Бог все в один день? Против тех, которые говорят, что все произошло само собою. Христианин должен заботиться о опасении не только своем, но и ближних и непрерывно бороться во всеоружии веры с кознями диавола и своими страстями, сохраняя постоянную бдительность и подавая милостыню.

БЕСЕДА 4. Радость св. проповедника при виде усердия его слушателей и возбуждение ига, к постоянному духовному бодрствованию. Объяснение слов: Да будет твердь посреде... и нарече Бог твердь небо. Небо одно, а не много небес. Слова Свящ. Писания нужно понимать Богоприлично и, восходя от рассмотрения творений к Создателю, не забывать человеческой ограниченности. Нравственные наставления об ежедневном испытании себя, о любви к любящим и ненавидящим и об обуздании страстей.

БЕСЕДА 5. Христиане должны, подобно золотоискателям, ежедневно исследовать Свящ. Писание и тщательно сохранять добытое сокровище добродетели, за которое предстоит

награда в будущей жизни. Объяснение дел творения в третий день. Обличение Иудеев, считавших вечер началом дня. Великий вред пристрастия к человеческой славе.

БЕСЕДА 6. Сильное обвинение присутствовавших в конном ристалище; греховность этого и угроза непоправимым. - Создание небесных светил и величие Творца их. Безумие обоготворивших солнце. Что значит: положи я на тверди небесной, в знамения и во времена, и во дни и в лета? Все твари созданы для человека, который, пользуясь ими или удивляясь их красота должен воздавать поклонение Творцу своим славословием и доброю жизнию.

БЕСЕДА 7. Продолжение увещания к ходившим на зрелище; тяжкая ответственность тех христиан, которые своим поведением дают повод к соблазну неверующим. Объяснение дела творения в пятый день и обличение неправомыслящих о происхождении вселенной и цели создания некоторых тварей. Бессловесные твари, созданные в шестой день, и божественное одобрение их. Увещание возбуждать себя к славословию Господа и приводить к истине других, коснеющих в заблуждении.

БЕСЕДА 8. Возбуждение внимания слушателей и объяснение библейского повествования о творении человека: божественный совет пред его творением и происхождение человека после всех других тварей. Кому сказано: сотворим человека? Что разумеется под образом Божиим? Увещание слушателей поучать других преподаваемым истинам не только словом, но еще более добродетельною жизнию. В чем состоит богоугодный пост?

БЕСЕДА 9. Пост - наиболее удобное время для того, чтобы углубляться в истины божественного Писания. Краткое повторение предшествующих бесед и решение недоумения относительно власти человека над животными. Подобие Божие и возможность для человека достигнуть этого. Вследствие чего человек лишен потом некоторой части своей власти над животными и с какою целью? Открывающиеся в судьбах первозданного, как и каждого из людей, премудрость и благость Божия и благотворное влияние размышления об этом на нравственную жизнь человека.

БЕСЕДА 10. Увещание к тем, которые после обеда стыдятся приходить к вечернему богослужению и духовному поучению и продолжение объяснения слов Писания о сотворении человека, о данной ему власти над земными тварями, о божественном благословении первозданным - мужу и жене, о назначении им и всем живым тварям соответствующей пищи и божественном одобрении всего сотворенного. Что значат слова: и почи в день седмый от всех дел Своих и благослови... и освяти его? Наставление слушателям передать отсутствовавшим в храме содержание беседы и самим постоянно памятовать о Боге.

БЕСЕДА 11. Разумный порядок и цель в явлениях природы, делах человеческих и установлениях церковных: целесообразность установления св. Четыредесятницы и задача христианской жизни - преспеяние в добродетели, искоренение страстей и исправление недостатков, по примеру святых мужей, бывших одного с нами естества. Пример ап. Павла, его смирение и величайшие подвиги по его собственному, вынужденному обстоятельствами, изображению.

БЕСЕДА 12. Возвращение Златоуста к прерванному на время объяснению слов кн. Бытия о последовавшем за шестидневным творением. Что значит книга бытия небесе и земли? Божественное всемогущество в производительности первобытной земли и ее основании на водах. Покорность земных стихий Господу и необходимость для человека повиноваться воле Божией, если он не хочет уподобиться скотам бессмысленным.

Создание тела человека из персти земной и вдуновение в лице его дыхания жизни. Превосходство души над телом и вытекающий отсюда урок.

БЕСЕДА 13. Похвала усердию слушателей, возбуждающему ревность Златоустаго проповедника. Несказанная любовь Божия к человеку, выразившаяся в образе создания его. Против тех, которые говорили, что человеческая душа из существа Божия, или не отличали ее от жизненной силы животных. Почему тело человека создано прежде души? Эдемский рай был на Земле, а не на небе, и повествование о насаждении его нужно понимать богоприлично, не вдаваясь в иносказания. С чистыми догматами христианин должен соединить добродетельную жизнь.

БЕСЕДА 14. Побуждение слушателей к самому внимательному рассмотрению слов божественного Писания. Объяснение слов: и взя Господь Бог человека и постави его в раи сладости делати его и хранити. Честь и цель дарования заповеди о невкушении от древа познания добра и зла. Не добро быти человеку единому; сотворим ему помощника по нему. Наречение имен животным, как проявление мудрости первозданного и господства его над животными.

БЕСЕДА 15. Благодарность Златоуста слушателям за любовь к слову Божию и объяснение слов: Адаму же не обретеся помощник, подобный ему. Создание жены из ребра Адама во время исступления и необыкновенного сна его и употребленные при этом в Писании божественныя имена. Пророческий дар Адама и величие божественных благодеяний ему; отсюда нравственный урок слушателям о благодарности Богу чрез дела добродетели и искоренение страстей и слабостей.

БЕСЕДА 16. Неисчерпаемое богатство Писания и блаженство первозданных. Злоба и хитрость диавола, избравшего для искушения жены змия, как орудие. Обольщение жены чрез змия и нарушение первозданными божественной заповеди. Знание добра и зла у первозданных было и до вкушения от древа познания добра и зла и причина такого наименования дерева. Влага от древа крестного.

БЕСЕДА 17. Человеколюбие Божие к павшим прародителям и пробуждение в них сознания совершенного греха. Действие совести в душе прародителей и внутренние следствия греха; непосредственный божественный суд над павшими: мужем и женой и осуждение змия с возвещением совершеннаго его поражения от семени жены; наказание жене и мужу, исполненное справедливости и попечения о человеке.

БЕСЕДА 18. В виду падения первозданных побуждение слушателей к бдительности над собою; действия божественного попечения об осужденных. Урок, даваемый нам кожаными ризами первозданных. Божественная правда и милость в изгнании первозданных из рая и поселение их прямо рая. Начало супружества и изначальность девства. Благомыслие Евы при рождении Каина и жертвоприношение первых сыновей Адама. Благость Божия к Каину после отвержения его жертвы и вытекающий отсюда нравственный урок.

БЕСЕДА 19. Тяжкое рабство греху и свободная вопя человека. Неисправимость Каина и ужасное его преступление. Безмерная благость Божия к братоубийце, и его нераскаянность. Божественное наказание Каина и позднее его раскаяние. Угроза седмеричного наказания убийцы Каина и отсюда нравственный урок.

БЕСЕДА 20. Повторение главных мыслей предшествующей беседы. Место поселения Каина и родословие его потомков. Слова Каинита Ламеха его женам и выраженное в них

раскаяние в грехе по внушению совести; нравственный урок из этого. История рождения Сифа и Еноса. Призыв к преспеянию в добродетели и особенно к подаянию милостыни.

БЕСЕДА 21. В Божественное Писание необходимо со всем усердием углубляться, призывая благодать Св. Духа. Новое родословие Адама чрез Сифа, о опущением другого поколения, и смысл этого. Добрые свойства Сифа и мысли Евы при его рождении. Значение имен, даваемых детям. Благочестие Еноха и урок, даваемый им мужам и женам. Дальнейшее родословие Сифитов и пророчество Ламеха при рождении Ноя. Увещание к попечению о душе и ее украшении.

БЕСЕДА 22. Праведный Ной и величие его добродетелей среди всеобщего нечестия. Свобода воли человека в выборе добра и зла. Сыны Божии, появшие дочерей человеческих, суть не Ангелы, а потомки Сифа и Еноса; Следствие этого смешения Сифитов с Каинитами и божественная угроза. Умножению нечестия, божественный приговор об истреблении людей вместе с животными и спасение Ноя. Увещание к добродетели, как драгоценнейшей всего и необходимой для будущей жизни. Гибельность тщеславия.

БЕСЕДА 23. Твердость праведного Ноя, великие блага, заключающиеся в добродетели. Ной обрете благодать пред Господом Богом; похвала от всех людей не есть доказательство добродетели. Нечестивых Писание лишает имени-„человека". Праведность и богоугодность Ноя. Лучший способ родословия. В деле добродетели, после вышней благодати, все зависит от свободной вопи человека.

БЕСЕДА 24. В Божественном Писании нужно все тщательно исследовать. Долговременное целомудрие Ноя и растление всей земли. Объявление Ною божественного приговора и повеление построить ковчега для спасения праведника и всего его семейства выесть с парами различных животных. Основание для различения чистых и нечистых животных и цель этого повеления. Цель божественного возвещения о дне наступления потопа. Побуждение слушателей к исполнению божественных заповедей.

БЕСЕДА 25. Человеколюбие Божие во времени наступления потопа; сокращение данного для покаяния времени облегчало наказание грешников. Сорокадневное возрастание потопной воды и заключение Богом ковчега отвне. Великая вера Ноя и возвращение ему первоначальной власти над животными. Истребление всего живущего на земле кроме бывших в ковчеге. Увещание к подвигам добродетели надеждою на Бога и обетованные Им бесконечные блага.

БЕСЕДА 26. Благодеяния Божие человеческому роду и благотворность памятования об этом. Жертвоприношение Ноя и причина допущения Богом жертвоприношений и установления обрезания. Высокая цена доброго расположения. Божественное обетование Ною, наго, родоначальнику человечества, и заповедь о невкушении крови. Увещание к исправлению, покаянию и прощению обид.

БЕСЕДА 27. Благодеяния Божие человеческому роду и благотворность памятования об этом. Жертвоприношение Ноя и причина допущения Богом жертвоприношений и установления обрезания. Высокая цена доброго расположения. Божественное обетование Ною, наго, родоначальнику человечества, и заповедь о невкушении крови. Увещание к исправлению, покаянию и прощению обид.

БЕСЕДА 28. Цель бесед Златоуста. Завет Бога с Ноем и его знамение. Снисхождение Божие к грешникам и благоволение к добродетельным. Хам же был отец Ханаана.

Происхождение послепотопнаго человечества от трех сынов Ноя есть дело особенного божественного промышления, как и распространение христианства. Увещание любить Бога и к Нему устремлять очи веры.

БЕСЕДА 29. В Писании изображены не только добродетели, но и согрешения праведников. Писание дает врачество всем страждущим. Чем объясняется опьянение Ноя? Сострадание праведников к ближним. Виновно не вино, а злоупотребление им. Бесстыдство Хама и почтительность других сыновей, достойная подражания. Почему за грех отца подвергается проклятию сын? Начало рабства. Пророческое благословение Симу и Иафету.

БЕСЕДА 30. Продолжение увещания к ходившим на зрелище; тяжкая ответственность тех христиан, которые своим поведением дают повод к соблазну неверующим. Объяснение дела творения в пятый день и обличение неправомыслящих о происхождении вселенной и цели создания некоторых тварей. Бессловесные твари, созданные в шестой день, и божественное одобрение их. Увещание возбуждать себя к славословию Господа и приводить к истине других, коснеющих в заблуждении.

БЕСЕДА 31. Особенно нужно остерегаться беспечности при конце св. Четыредесятницы. Почему конец ея называется великою седмицею? Построение города и столпа и нравственный урок отсюда. Божественный суд над строителями и увековечение памяти об этом. Увещание к посту и усерднейшей молитве.

БЕСЕДА 32. Христианин должен быть бдителен и осторожен, избегая славы человеческой и самомнения. Соглашение слов кн. Бытия с словами первомученика Стефана о переселении Аврама из Месопотамии. Подвиг Аврама при оставлении дома отца его. Почему он взял с собою Лота? Прибытие в Ханаан и безропотность патриарха. Предостережение от привязанности к земному богатству.

БЕСЕДА 33. Возвращение к предмету прерванного наступлением Святого Праздника бесед. Прибытие Аврама к месту прежнего жертвенника между Вефилем и Агге. Смирение, миролюбие и бескорыстие Аврама. Побуждение слушателей к смирению пред другими.

БЕСЕДА 34. Высокое достоинство и богоугодность смирения и кротости; божественная награда Авраму за эти добродетели и побуждение христианина к милостыни. Упражнения Патриарха в твердом уповании на Бога. Подражание Патриарху в уповании и побуждение к жизни не для себя, а для Умершаго и Воскресшаго за нас.

БЕСЕДА 35. Внушается читать божественное Писание, хотя бы и без достаточного понимания вначале; поучительный пример евнуха царицы Кандакии. Любовь Аврама к Лоту, плененному восточными царями, и необычайная его победа над последними. Слава Патриарха и благословение его от Мелхиседека. Поучительное бескорыстие победителя восточных царей. В основу всех наших дел нужно полагать смирение, любовь к вечным благам вместо преходящих, которые, как милостыня бедным, служат к приобретению первых.

БЕСЕДА 36. Богатство добродетелей Патриарха и краткий обзор его дел и божественных ему милостей. Воздаяние Авраму за непринятие даров Содомского царя; великая вера Аврама в божественное обетование и вменение ее в праведность. Внушение веровать словам Божиим и уповать на Его обетования.

БЕСЕДА 37. Велика сила Божественного Писания и богатство его мыслей. Приготовление Аврама к вступлению в Завет с Богом и объяснение необычайных явлений, при которых совершилось самое заключение Завета, и божественного предвозвещения о порабощении потомков Патриарха в земле не своей. Побуждение слушателей подражать твердой вере Патриарха и избегать всего несогласного с нею, какова неумеренность в пище и одежде.

БЕСЕДА 38. Твердость веры Аврама при продолжающемся неплодстве Сары. Разумная и благородная забота последней о том, чтобы не умереть бездетными. Для чего указано число лет сожития Сары с Аврамом в то время, когда она дала ему в жену Агарь? Почему Господь медлит иногда исполнением наших прошений? Пример истинного супружеского союза. Явление Ангела Агари в пустыне. Увещание слушателей к терпеливому и кроткому перенесению скорбей и единодушию в семейной жизни.

БЕСЕДА 39. Почему медлит Господь исполнением своих обетований Авраму? Новое откровение Бога Авраму и изъяснение его имени вместе с объяснением смысла и происхождения первоначального имени. Для чего установил Бог обрезание для евреев? Обрезание не приносит пользы для души. Обрезание не рукотворенное.

БЕСЕДА 40. Раскрытие божественного обетования о рождения от Сарры Исаака и увещание слушателей к терпению в скорбях. Послушание Авраама. Превосходство крещения пред обрезанием и налагаемые первым на христианина обязанности.

БЕСЕДА 41. Обличение бывших на конских ристалищах и объяснение притчи о талантах; обязанность, возлагаемая ею не только на учителей, но и на слушателей Слова Божия. Страннолюбие Авраама и Богоявление у дуба Мамврийскаго: усердие Авраама и Сарры пример для христианских мужей и жен.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Содержащиеся в четвертом томе "Полного собрания творений св. Иоанна Златоуста" беседы на книгу Бытия произнесены были, как нужно думать, в Антиохии. Всех этих бесед 67; из них 32 произнесены в продолжение св. четыредесятницы, начиная с сыропустной недели, когда говорена была первая, вступительная беседа, озаглавленная как λογοι παρανετικος или "увещательное слово"; с наступлением страстной недели или с половины ее, объяснение кн. Бытия на время было прервано, как видно из 33-й беседы, в которой святитель говорит, что сообразно с великими событиями, воспоминаемыми на страстной неделе св. Церковью, он избирал последние предметом своих поучений и говорил о предательстве Иуды (см. т. II-й этого издания, стр. 419, где помещена эта беседа, начинающаяся словами: "Хотел я, возлюбленные, продолжить беседу о патриархе (Аврааме), но неблагодарность предателя увлекает ваш язык к беседе о последнем"), о Кресте (какую из 3-х бесед Злат. о св. Кресте, напечатанных во II т., стр. 431-458, нужно разуметь здесь - неизвестно), о воскресении (разумеется, с вероятностью, беседа против "упивающихся и о воскресении", напечатанная во II-м т., стр. 474; см. Migne, Patrol. graecae t. LIII, Praefatio, p. 7) и, наконец, беседы на начальные главы кн. Деяний Апост. с наставлениями к новопросвещенным (см. т. III). Из этих бесед на книгу Деяний, произнесенных от Пасхи до Вознесения и затем сопровождавшихся в том же году беседами на кн. Бытия, начиная с 33-й бес., видно, что местом произнесения тех и других служила Антиохия; это видно именно из того, что 2-ая из бесед на кн. Деяний произнесена была в церкви "Палэа-древней", "основанной руками апостолов" (т. III-й, стр. 62), как

назывался знаменитый храм в Антиохии. К тому же представлению о месте произнесения бесед на кн. Бытия приводить и начало 12-й из них, где святитель говорит, что он перед этим обращал свое пастырское слово к тем из христиан, которые, "водясь обычаем", "следовали иудеям", посещая их синагоги или участвуя в их праздниках и постах (см. Бес. против иудеев, т. I, стр. 635 и дал.). Такое увлечение иудейскими обрядами существовало, как известно, между некоторыми из жителей Антиохии, но не Константинополя, почему только к первым и могли быть обращены эти беседы на кн. Бытия. - Год произнесения их остается неустановленным, несмотря на сделанные в этом отношении усилия: мнение Тиллемона, относившего их к 395 или 396 гг., не признается другими по недостаточной его обоснованности (Migne, Patrol. graec. t. LIII, p. 9-10). Архиеп. Филарет. в "Историч. учении об Отцах Церкви" (изд. 2-ое, т. II, 204) относит их к 388 г., но в качестве оснований для этого приводит довольно общие соображения, не указывающие именно на этот год. Составитель предисловия к изданию этих бесед в Патрологии Миня не пошел далее того отрицательного вывода, что они не были произнесены ни в 386, ни в 387 годах.

В беседах Златоуст приводит библейский текст по греч. переводу LXX 70-ти толковников, по местам с небольшими особенностями, которые заслуживают внимания со стороны православного читателя. Греческий текст Библии, которым пользовался Златоуст, важен потому, что может служить пособием к определению того вида перевода LXX 70-ти, какой употреблялся в IV в. в константинопольской и антиохийской церквях. Современник Златоуста блаж. Иероним оставил свидетельство о том, что в этих церквах употреблялся в его время греч. текст Библии в рецензии или издании мученика Лукиана, списков которого с ясными указаниями на то, что находящийся в них текст, есть именно Лукиановский, не сохранилось до настоящего времени, вследствие чего этот вид греч. перевода нужно теперь отыскивать между многочисленными списками греч. Библии. По месту своего служения в Антиохии и Константинополе, св. И. Златоуст должен был, согласно с свидетельством Иеронима, пользоваться Лукиановским текстом, почему приводимые им в беседах места Библии имеют важное значение при отыскании Лукиановскаго текста в существующих греч. списках Библии. Определение же особенностей этого текста для нас важно потому именно, что с этого текста, как употреблявшегося в константинопольской церкви, должен быть сделан славянскими первоучителями первоначальный славянский перевод. В виду этого при издании рус. перевода бесед на кн. Бытия, а также и на др. кн. Св. Писания, вместе с славянским переводом, согласованным с греческим библейским текстом у Златоуста (по изданию в патрологии Миня), будут по местам указываемы те греч. списки или издания, с которыми согласуются или расходятся чтения у Златоуста; при этом будут отчасти отмечаемы и чтения еврейско-масоретского текста в рус. переводе. Такими списками греч. перевода, с которыми преимущественно согласны чтения у Златоуста, служат списки, признаваемые Лукиановскими, как увидит читатель из подстрочных замечаний. Лукиановский текст Пятикнижия и исторических книг В. Завета издан немецким библеистом П. Делагардом (Librorum V. Testamenti canonicorum pars prior), каковым изданием мы и будем пользоваться. Вместе с чтениями, сходными в указанном отношении, встречаются в беседах Златоуста на кн. Бытия и некоторые несходные, объяснение которых требует дальнейших разысканий в греч. списках Библии, равно как и - творений Златоуста. Нужно однако заметить, что не все особенности библ. чтений у Злат. происходят от свойств библ. текста, которым пользовался Златоуст; некоторые из них произошли также и вследствие свободного воспроизведения библ. текста, направленного не столько к буквальной его точности, сколько к выражению его сущности и смысла, что совершенно естественно в одушевленной ораторской речи святителя. Приводил ли Златоуст библ. тексты на память, или читал их по записи, приспособляя их содержание к ходу и целям своих бесед (Migne, Patrol. gr. t. LIII, praef. p. 14), во всяком случае из рассмотрения библ. мест в беседах святителя видно, что по местам он изменял некоторые несущественные речения, наприм.,

в 1-й бес. слова Втор. 32:15 и др., или отступал от порядка библ. речи, наприм., в той же бес. слова Ам. 6:3-6, или сокращал библ. текст, опуская некоторые подробности, наприм., в 39 бес. слова в Быт. 17:12. Желая дать православным русским читателям возможно близкий и точный перевод творений Златоуста, редакция считает своим долгом сохранить при этом все важнейшие особенности не только собственной речи святителя, но и приводимых им библейских мест, отмечая в подстрочных примечаниях отношение этих особенностей к чтениям различных списков греч. перевода.

Пособиями при сравнении библ. чтений Златоуста с другими греч. списками, кроме названного издания Делагарда, служили еще: The Old Testament in greek, by *Swete*, и Vetus Testamentum graece cum variis lectionibus, ed. *Holmes et Parsons.*

В отечественной литературе о Лукиановском тексте писали: свящ. *П. Поташев* в "Христ. Чтении." 1892 г., ч. I, 24-41; *И. Евсеев* в "Христ. Чт." 1894 г., ч. I, 471 и дал., а также в соч. "Книга прор. Исаии в древне-славянском переводе". В этих статьях и сочинении читатель найдет некоторые сведения и об отношении древнейшего славянского перевода ветхоз. книг, предшествовавшего современному славянскому тексту (Елизаветинская Библия, 1751 г.), к древним спискам греческого перевода и в частности - к спискам Лукиановской рецензии перевода LXX 70-ти. Надлежащее, однако, выяснение этого предмета сделается возможным тогда только, когда извлечен будет из рукописных списков древнейший славянский перевод ветхоз. книг, что составляет весьма важную потребность и даже нравственный долг великого русского народа в виду надлежащего отношения его к прошедшему и задач в настоящем. Мы не можем, конечно, оставлять в небрежении труд славянских первоучителей, которым обязан своим происхождением славянский перевод Библии, наиболее сохранившийся в древних списках, особенно в Паримийниках. Издание этого древнего текста весьма важно и потому, что изучение его послужит лучшим пособием к усовершению современного славянского текста Библии, о чем не может, не заботиться великий православный народ.

БЕСЕДА 1

Увещательное слово при наступлении святой четыредесятницы.

РАДУЮСЬ и веселюсь, видя ныне, что Церковь Божия красуется множеством своих чад, и все вы стеклись с великою радостью. Когда смотрю на светлые лица ваши, то нахожу в них яснейшее доказательство вашего душевного веселья, как и премудрый сказал: “**Веселое сердце делает лице веселым**” (Притч. 15:13). Поэтому - и я встал сегодня с большим рвением, имея в виду и участвовать с вами в этой духовной радости, и вместе с тем желая быть для вас провозвестником наступления святой четыредесятницы, как врачевства душ наших. А общий всех нас Господь, как чадолюбивый отец, желая очистить нас от грехов, сделанных нами в какое бы то ни было время, и даровал нам врачевство в святом посте. Итак, никто не скорби, никто не являйся печальным, но ликуй, радуйся и прославляй Попечителя душ наших, открывшего нам этот прекрасный путь, и с великим весельем принимай его наступление! Да постыдятся эллины, да посрамятся иудеи, видя, с какою радостною готовностью мы приветствуем его наступление, и да познают самым делом, какое различие между нами и ими. Пусть они называют праздниками и торжествами пьянство, всякого рода необузданность и бесстыдства, которые обыкновенно при этом они производят. Церковь же Божия - вопреки им - да называет праздником пост, презрение (удовольствий) чрева, и следующие затем всякого рода добродетели. И это есть истинный праздник, где спасение душ, где мир и согласие, откуда изгнана всякая житейская пышность, где нет ни крика, ни шума, ни беганья поваров, ни заклания

животных, но вместо всего этого господствует совершенное спокойствие, тишина, любовь, радость, мир, кротость и бесчисленные блага.

Вот об этом-то, говорю, празднике побеседуем несколько с вашею любовию, наперед прося вас выслушать слова наши с полным спокойствием, чтобы вы могли уйти отсюда домой, принесши добрый плод. Мы собираемся сюда не просто и не напрасно для того только, чтобы один говорил, а другой рукоплескал словам первого, и затем все расходились отсюда, но чтобы и мы сказали что-нибудь полезное и потребное к вашему спасению, и вы получили плод и великую пользу от слов наших, и с тем вышли отсюда. Церковь есть духовная лечебница, и приходящие сюда должны получать соответствующие врачевства, прилагать их к своим ранам, и с этим уходить отсюда. А что одно слушание, без исполнения на деле, не принесет никакой пользы, об этом послушай блаженного Павла, который говорит: “**Не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут**” (Рим. 2:13). И Христос, в своей проповеди, сказал: “**Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного**” (Мф. 7:21). Итак, возлюбленные, зная, что нам не будет никакой пользы от слушания, если не последует за ним исполнение на деле, будем не только слушателями, но и исполнителями, чтобы дела, соответствующие словам, послужили основанием одушевленного слова. Отверзите же недра души вашей и примите слово о посте. Как готовящиеся принять целомудренную и прекрасную невесту украшают брачную горницу со всех сторон покровами, очищают весь дом, не впускают в него ни одной негодной служанки, и потом уже вводят невесту в брачный покой, - подобно этому желаю, чтобы и вы, очистив свою душу и распростившись с забавами и всяким невоздержанием, приняли с распростертыми объятиями матерь всех благ и учительницу целомудрия и всякой добродетели, т.е. пост - так, чтобы и вы наслаждались большим удовольствием, и он (пост) доставил вам надлежащее и соответственное вам врачевство. И врачи, когда намереваются дать лекарство желающим очистить у себя гнилые и испортившиеся соки, приказывают воздерживаться от обыкновенной пищи, дабы она не помешала лекарству подействовать и оказать свою силу; тем более мы, готовясь принять это духовное врачевство, т.е. пользу, происходящую от поста, должны воздержанием очистить свой ум и облегчить душу, дабы она, погрязши в невоздержании, не сделала для нас пост бесполезным и бесплодным.

2. Вижу, что многим кажутся странными слова наши; но, прошу вас, не будем безрассудно раболепствовать привычке, а станем устроять свою жизнь согласно с разумом. В самом деле, разве будет нам какая-либо польза от того, что целый день проведем в объедении и пьянстве? Что говорю: польза? Напротив, (от этого произойдет) великий вред и неисправимое зло. Как скоро ум помрачился от неумеренного употребления вина, то сейчас же, в самом начале и на первом шагу, прекращается польза от поста. Что неприятнее, скажи мне, что гнуснее тех людей, которые, упиваясь вином до полуночи, под утро, при восхождении солнца, испускают такой запах, как нагруженные свежим вином? Они оказываются неприятными встречающимся, и презренными в глазах рабов, и смешными для всех, сколько-нибудь знающих приличие, а что всего важнее, таким невоздержанием и безвременною и гибельною неумеренностью навлекают на себя гнев Божий. “**Пьяницы**, **-** сказано, **- Царства Божия не наследуют**” (1 Кор. 6:10). Что же может быть жальче этих людей, которые за краткое и гибельное удовольствие извергаются из преддверия царствия? Но да не будет, чтобы кто-либо из собравшихся здесь увлекся этою страстью; напротив, чтобы все мы, проведши и настоящий день со всяким любомудрием и целомудрием, и освободившись от бури и волнения, которые обыкновенно производит пьянство, вошли в пристань душ наших, т.е. в пост, и могли в изобилии получить даруемые им блага. Как невоздержность в пище бывает причиною и источником бесчисленных зол для рода человеческого, так пост и презрение

(удовольствий) чрева всегда были для нас причиною несказанных благ. Сотворив в начале человека, и зная, что это врачевство весьма нужно ему для душевного спасения, Бог тотчас же и в самом начале дал первозданному следующую заповедь: "**И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него**" (Быт. 2:16-17). Слова: "это вкушай, а этого не вкушай" заключали некоторый вид (εικων) поста. Но человек, вместо того, чтобы соблюсти заповедь, преступил ее; поддавшись чревоугодию, он оказал преслушание и осужден был на смерть. Лукавый демон и враг рода нашего, как увидел, что первозданный проводит в раю беспечальную жизнь, и, облеченный плотью, живет на земле как ангел, решился соблазнить и увлечь его к падению обещанием еще больших благ, и таким образом лишил его и того, чем он уже обладал. Вот, что значит не оставаться в своих пределах, но домогаться большего. На это-то указывая, премудрый сказал: "**Завистью диавола вошла в мир смерть**" (Прем. 2:24). Видел ты, возлюбленный, как смерть и вначале пришла от невоздержания? Посмотри, как и впоследствии божественное Писание постоянно осуждает увеселения, и говорит - в одном месте: "**И сел народ есть и пить, а после встал играть**" (Исх. 32:6), а в другом: "и ел и пил [1], **и утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога**" (Втор. 32:15). И жители Содома этим же, сверх прочих преступлений, навлекли на себя неумолимый гнев Божий. Послушай, что говорит пророк: "**Вот в чем было беззаконие Содомы, сестры твоей и дочерей ее: в гордости, пресыщении и праздности**" (Иез. 16:49). (Этот порок) есть как бы источник и корень всего худого.

3. Видишь вред от невоздержания? Посмотри теперь на благотворные действия поста. Проведши сорок дней в посте, великий Моисей удостоился получить скрижали закона; когда же, сошедши с горы, увидел он беззаконие народа, то бросил эти скрижали, полученные с таким усилием, и разбил, почитая несообразным сообщить заповеди Господни народу, пьянствующему и поступающему беззаконно. Поэтому чудный этот пророк должен был поститься еще сорок дней, чтобы удостоиться опять получить свыше и принести (к народу) скрижали, разбитые за его беззаконие (Исх. 24, 32, 34). И великий Илия постился столько же дней, и избег владычества смерти, вознесясь на огненной колеснице как бы [2] на небо и доныне не испытал смерти (4 Цар. 2:1,11). И муж желаний, много дней проведши в посте, удостоился чудного того видения (Дан. 10:3); он же укротил ярость львов и обратил ее в кротость овец, не переменив природы, но, изменив расположение (προαιρεσιν), между тем как зверскость их оставалась та же. И ниневитяне постом отклонили определение Господне, заставив поститься вместе с людьми и бессловесных животных, и таким образом, отставши все от злых дел, расположили к человеколюбию Владыку вселенной (Иона. 3:7). Но для чего мне еще обращаться к рабам (можем ведь насчитать множество и других, которые прославились постом и в Ветхом и в Новом Завете), когда нужно указать на всеобщего нашего Владыку? И сам Господь наш Иисус Христос, после сорокадневного поста вступил в борьбу с диаволом, и подал всем нам пример того, чтобы и мы тем же постом вооружались и, приобретши чрез это силу, вступали в борьбу с диаволом (Мф. 4:2). Но здесь, может быть, кто-либо с острым и живым умом спросит: почему Владыка постится столько же дней, сколько и рабы, а не больше их? Так сделано не просто и не напрасно, но премудро и по неизреченному Его человеколюбию. Чтобы не подумали, будто Он явился призрачно, и не принял на себя плоти, или не имел природы человеческой, для этого Он постился столько же дней, а не больше, и таким образом заграждает бесстыдные уста охотникам до споров. Если и теперь, когда уже так произошло, еще осмеливаются говорить это, то чего бы не осмелились сказать, когда бы (Господь) по Своему предвидению не отнял у них повода (к спорам)? Поэтому Он благоволил поститься не больше, но столько же дней, сколько и рабы, чтобы самым делом научить нас, что Он облечен был такою же (как мы) плотью и не был чужд нашей природы.

4. Итак, ясно стало нам и из примера рабов, и из примера самого Господа, что велика сила поста и много пользы от него бывает душе. Поэтому прошу любовь вашу, чтобы, узнав пользу от поста, вы не лишились ее по нерадению, и при его наступлении не печалились, но радовались и веселились, согласно с словами блаженного Павла: “**Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется**” (2 Кор. 4:16). В самом деле, пост есть пища для души, и как телесная пища утучняет тело, так и пост укрепляет душу, сообщает ей легкий полет, делает ее способною подниматься на высоту и помышлять о горнем, и поставляет выше удовольствий и приятностей настоящей жизни. Как легкие суда скорее переплывают моря, а обремененные большим грузом затопают , так и пост, делая ум наш более легким, способствует быстро переплывать море настоящей жизни, стремиться к небу и к предметам небесным, не дорожить настоящим, а считать его ничтожнее тени и сонных грез. Напротив, пьянство и объедение, обременяя ум и утучняя тело, делают душу пленницею, обуревая ее со всех сторон, и не позволяя ей иметь твердую основу в суждении, заставляют ее носиться по утесам и делать все ко вреду собственного своего спасения. Не будем же, возлюбленные, беспечны в устроении нашего спасения, но зная, сколько зол проистекает от невоздержности, постараемся избегать вредных от нее последствий. Роскошь воспрещена не только в Новом Завете, где больше уже требуется любомудрия, большие предлагаются подвиги, великие труды, многочисленные награды и неизреченные венцы, но не позволялась и в Ветхом, когда находились еще под тенью, пользовались светильником и вразумляемы были понемногу, как дети, питаемые молоком. И чтобы не думалось вам, будто мы так осуждаем увеселения без основания, послушайте пророка, который говорит: “**Вы, которые день бедствия считаете далеким … лежите на ложах из слоновой кости и нежитесь на постелях ваших, едите лучших овнов из стада и тельцов с тучного пастбища, … пьете из чаш вино, мажетесь наилучшими мастями,** думая, что это постоянно, а не преходяще**!**” [3] (Ам. 6:3-6). Видите, как обличает пророк роскошь, и притом говоря иудеям, бесчувственным, неразумным, ежедневно предававшимся чревоугодию? И заметьте точность выражений: обличив их неумеренность в пище и употреблении вина, он потом присовокупил: думая, что это постоянно, а не преходяще, показывая этим, что наслаждение (пищею и вином) ограничивается только гортанью и устами, а дальше не простирается.

Удовольствие кратковременно и непродолжительно, а скорбь от него постоянна и бесконечна. И это, говорит, зная по опыту, они все думая, что это постоянно, , т.е. считали постоянным, а не преходяще, т.е. улетающим и ни на минуту не останавливающимся. Таково ведь все человеческое и плотское: не успеет появиться - и улетит. Таково веселье, такова слава и власть человеческая, таково богатство, таково вообще благополучие настоящей жизни; оно не имеет в себе ничего прочного, ничего постоянного, ничего твердого, но убегает скорее речных потоков, и оставляет с пустыми руками и ни с чем тех, которые прилепляются к этому. Напротив, духовное не таково: оно твердо и непоколебимо, не подлежит переменам и пребывает вечно. Как же было бы безрассудно менять непоколебимое на колеблющееся, вечное на временное, постоянно пребывающее на скоропреходящее, доставляющее великую радость в будущем веке на то, что уготовляет нам там великое мучение? Размышляя обо всем этом, возлюбленные, и дорожа своим спасением, презрим бесплодные и гибельные увеселения; возлюбим пост и всякое другое любомудрие, покажем великую перемену в жизни и каждый день будем спешить к совершению добрых дел, чтобы, в течение всей святой четыредесятницы, совершив духовную куплю и собрав великое богатство добродетели, нам таким образом удостоиться достигнуть и дня Господня [4], с дерзновением приступить к страшной и духовной трапезе, с чистою совестью быть причастниками неизреченных и бессмертных благ и исполниться небесной благодати, по молитвам и ходатайству благоугодивших Самому

Христу, человеколюбивому Богу нашему, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Εφαγε και επιε και ελιπανθη και επαξυνθη, και απελακτισεν ο ηγαπημενοι вместо обычного чтения здесь у 70, не исключая и Лукианов списков: και εφαγεν Ιακωβ και ενεπλησθη, και απελακτισεν ο ηγαπημενοι ελιπανθη, επαξυνθη… = и ел Иаков и насытился.

[2] ως εις τον ουρανον, согласно с переводом 70-ти; в еврейско-масоретском тексте нет чего-либо, соответствующего этому "как бы".

[3] В таком порядке, отступающем от обычного греческого текста, читается это место по изданию Миня.

[4] Κυρια ημερα, праздник Пасхи.

БЕСЕДА 2

На начало творения: “В начале сотворил Бог небо и землю” (Быт. 1:1).

1. Великой радости исполняюсь сегодня, видя ваши любезные лица. И подлинно, не столько радуются и веселятся чадолюбивые родители, когда окружают их дети со всех сторон и доставляют им великое удовольствие своим благообразием и своею услужливостью, сколько я ныне веселюсь и радуюсь, когда вижу, как ваш этот духовный собор стекся сюда с таким благочинием и с живым желанием слушать слово Божие, и как вы, презрев плотскую пищу, спешите к духовному пиршеству и самым делом оправдываете слова Господни: “**Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих**” (Мф. 4:4). Поступим же и мы подобно земледельцам: как они, когда видят, что земля уже очищена и освобождена от вредных растений, бросают семена в великом изобилии, так и мы, когда у нас, до благодати Божией, эта духовная нива очистилась от тягостных страстей, когда прекратились увеселения и ни у кого нет смятения и бури в помыслах, но настала великая тишина и спокойствие в умах, возлетающих и воспаряющих к самому, так сказать, небу, и созерцающих предметы духовные вместо плотских, побеседуем несколько с вашею любовию и отважимся сегодня на более тонкие размышления, предложив вам учение из божественного Писания. Если мы не сделаем этого теперь, когда пост, презрение (удовольствий) чрева и такое надлежащее настроение помыслов, то когда будем в состоянии предложить это любови вашей? Тогда ли, когда бывают увеселения, неумеренность в пище и великая беспечность? Но тогда и мы не можем сделать это надлежащим образом, и вы, затопляемые волнами помыслов, как бы какою тучею, не будете в состоянии принять что-либо из предлагаемого поучения.

Но если когда время для таких поучений, так это теперь, когда раба уже не восстает против госпожи, но, сделавшись тихою, оказывает великое повиновение и послушание, укрощая порывы плоти и оставаясь в своих пределах. А пост есть успокоение наших душ, украшение старцев, наставник юношей, учитель целомудренных; он всякий возраст и пол украшает как бы какою диадемою. Нигде нет сегодня ни шума, ни крика, ни разрезывания мяса, ни беганья поваров; все это прекратилось, и наш город походит теперь на честную, скромную и целомудренную жену. Когда подумаю о внезапной перемене, происшедшей

сегодня, и вспомню о беспорядках вчерашнего дня, то изумляюсь и удивляюсь силе поста, как он, вошедши в совесть каждого, изменил мысли, очистил ум не только у начальствующих, но и у простых людей, не только у свободных, но и у рабов, не только у мужчин, но и у женщин, не только у богатых, но и у бедных, не только у знающих греческий язык, но и у варваров. Да что говорить о начальствующих и простых людях? Пост склонил даже совесть того, кто облечен диадемою, к одинаковому с прочими послушанию. Сегодня не увидишь различия между трапезою богатого и бедного, но везде пища простая, чуждая изысканности и причуд; и к простой трапезе приступают с большим удовольствием, нежели как когда предлагалось множество изысканных яств и вина.

2. Видите ли, возлюбленные, из сказанного силу поста? Поэтому и я сегодня с большим усердием, чем прежде, решаюсь говорить с вами, зная, что бросаю семена в тучную и глубокую почву, которая может скоро принести нам обильные плоды от посева. Рассмотрим же, если угодно, смысл слов, прочитанных нам сегодня из блаженного Моисея. Но слушайте, прошу вас, со вниманием слова наши, потому что мы будем говорить не от себя, но что благодать Божия внушит нам к вашей пользе. Что же это? "**В начале сотворил Бог небо и землю**". Здесь (прежде всего) уместен вопрос о том, для чего излагает нам это блаженный пророк, живший спустя много поколений после (события)? Не без причины и не без цели. В начале Бог, создавший человека, сам беседовал с людьми, поскольку люди могли слышать его. Так Он приходил к Адаму; так обличал Каина; так беседовал с Ноем; так посещал Авраама. Когда же весь род человеческий впал в великое нечестие, и тогда совершенно не отвратился Создатель от всего рода человеческого; но так как люди сделались недостойными беседы с Ним, то желая возобновить общение с ними, посылает к людям, как будто к находящимся вдали, писание, чтобы привлечь к себе весь род человеческий. Это писание послал Бог, а принес Моисей. О чем же говорит писание? "**В начале сотворил Бог небо и землю**". Усматривай, возлюбленный, и в этом особенное превосходство этого чудного пророка. Все другие пророки говорили или о том, что имело быть спустя долгое время, или о том, чему надлежало случиться тогда же, а он, блаженный, живший спустя уже много поколений (после сотворения мира), удостоился, водительством вышней Десницы, изречь то, что сотворено Господом всего еще до его рождения. Поэтому-то он и начал говорить так: "**В начале сотворил Бог небо и землю**", **-** как бы взывая ко всем нам громким голосом: не по научению людей говорю это; Кто призвал эти (небо и землю) из небытия в бытие, Тот подвиг и мой язык к повествованию об них. Итак, прошу вас, будем внимать этим словам так, как будто бы мы слушали не Моисея, но самого Господа вселенной, говорящего устами Моисея, и распростимся надолго с собственными рассуждениями: помышления бо человеческие боязливы и погрешительны умышления их [1] (Прем. 9:14). С великою благодарностью будем принимать сказанное (Моисеем), не выступая из своих границ, и не испытуя того, что выше нас, как поступили враги истины, которые захотели все постигнуть своим умом, не подумав, что природа человеческая не может постигнуть творения (δημιουργιαν) Божия. И что говорю - творения Божия? Мы не можем даже постигнуть искусство и подобного нам человека. В самом деле, скажи мне, как плавильным (μεταλλικης τεχνης) искусством составляется естество золота (χρυσιου φυσις) или как из песка добывается чистота стекла? Ты не можешь этого сказать. А если невозможно постигнуть того, что лежит пред глазами и что, по человеколюбию Божию, производит мудрость человеческая, то, как ты, человек, постигнешь созданное Богом?

И какое ты можешь иметь оправдание, какое извинение, когда так безумствуешь и мечтаешь о том, что выше твоей природы? Говорить, что все произошло из готового уже вещества, и не признавать, что Творец вселенной произвел все из ничего, было бы знаком крайнего безумия. Итак, заграждая уста безумных, блаженный пророк в самом начале книги сказал так: "**В начале сотворил Бог небо и землю**". Когда же слышишь:

“**сотворил**”, **-** то не выдумывай ничего другого, но смиренно веруй сказанному. Это Бог - все творит и преобразует, и все устрояет по Своей воле. Заметь здесь и крайнее снисхождение: (Моисей) не говорит о силах невидимых, не говорит: в начале сотворил Бог ангелов или архангелов; не напрасно и не без цели избрал он нам такой путь учения. Так как он говорит иудеям, которые были привязаны к настоящему и не могли созерцать ничего постигаемого умом, то возводить их прежде от предметов чувственных к Создателю вселенной, дабы они, познав Художника из дел, воздали поклонение Творцу, и не остановились на тварях. Если и после этого они не переставали обоготворять твари и воздавать почтение самым низким животным, то до какого не дошли бы безумия, если бы Он не оказал такого снисхождения?

3. Не удивляйся же, возлюбленный, что Моисей идет этим путем, прежде всего обращая свою речь к грубым иудеям, когда и Павел во времена благодати, после такого уже распространения проповеди, начав беседовать с афинянами, преподает им наставление от предметов видимых, говоря так: “**Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет и не требует служения рук человеческих**” (Деян. 17:24, 25). Поелику он знал, что такое наставление соответствует им, то и избрал этот путь. Соображаясь с тем, кто были приемлющие от него наставление, он, руководимый Духом Святым, и преподал учение. И дабы увериться тебе, что причиною этого разность лиц и грубость слушателей, послушай, как он, в послании к Колоссянам, идет уже не этим путем, но беседует с ними иначе и говорит: “**Ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, - все Им и для Него создано**” (Кол. 1:16). И Иоанн, сын громов, возглашал так: “**Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть**” (Ин. 1:3). Но Моисей (учил) не так, и - справедливо, потому что не благоразумно было бы давать твердую пищу тем, которых нужно еще питать молоком. Как учителя, принимающие детей от родителей, преподают им первые начатки учения, а принимающие детей от этих учителей, сообщают им более уже совершенные познания, так поступили и блаженный Моисей, и учитель языков, и сын громов. Тот, приняв род человеческий в самом начале, научил слушателей первым начаткам; а эти, приняв его от Моисея, передали уже совершеннейшее учение. Теперь мы узнали причину снисхождения (Моисеева) и то, что он, по внушению Духа, излагал все, приспособляясь к слушателям. Но вместе с тем он и все ереси, появляющиеся в Церкви подобно плевелам, исторгает этими же словами: “**В начале сотворил Бог небо и землю**”. Подойдет ли к тебе Манихей, утверждающий, что прежде существовала материя, или Маркион, или Валентин, или кто из язычников, говори им: “**В начале сотворил Бог небо и землю**”. **-** Но он не верит Писанию? Так отвратись от него, как от неистового и безумного. Кто не верит Создателю вселенной и как бы обвиняет истину во лжи, тот какое может заслужить когда-либо прощение? Эти люди имеют притворный вид, и, надевая личину кротости, под овчею кожею скрывают волка. Но ты не обольщайся, а еще более возненавидь такого потому самому, что он пред тобою, таким же, как и он, рабом, притворяется кротким, а против Владыки всего - Бога воздвиг брань, и не чувствует, что идет против собственного своего спасения. Мы же будем держаться несокрушимого основания, и обратимся опять к началу: “**В начале сотворил Бог небо и землю**”. Смотри, как и в самом образе творения открывается божественная природа: как она творит вопреки человеческому обычаю, - сперва распростирает небо, а потом уже подстилает землю, прежде (делает) кровлю, а потом основание. Кто видел, кто слышал (подобное)? В созданиях человеческих никогда не бывает этого, но когда повелевает Бог, тогда все уступает и повинуется воле Его. Не станем же своим человеческим умом испытывать дела Божия, но, смотря на сотворенное, будем удивляться Художнику. “**Ибо невидимое Его, -** говорит Писание, **- от создания мира через рассматривание творений видимы**” (Рим. 1:20).

4. Если же враги истины будут настаивать на том, что невозможно произвести что-нибудь из несуществующего, то мы спросим их: первый человек создан из земли, или из чего-либо другого? Без сомнения, они согласятся с нами и скажут, что из земли. Так пусть же они скажут нам - как из земли образовалась плоть? Из земли может быть грязь, кирпич, глина, черепица: но как произошла плоть? Как кости, нервы, жилы, жир, кожа, ногти, волосы? Как из одного наличного вещества столько разнокачественных вещей? На это они и уст открыть не могут. Да что говорить о нашем теле? Пусть они скажут нам о хлебе, которым мы ежедневно питаемся, как он, будучи однообразен, превращается в кровь, мокроту, желчь, и в различные соки? Хлеб по большой части имеет цвета пшеницы, а кровь бывает, красная или черная. Таким образом, если не могут сказать нам о том, что у нас ежедневно пред глазами, тем менее могут сказать о прочих созданиях Божиих. Но если они, и после такого множества доказательств, станут упорно поддерживать свое совопросничество, мы, и несмотря на это, не перестанем говорить им одно и тоже: "**В начале сотворил Бог небо и землю**". Это одно изречение может ниспровергнуть все опоры противников, и разрушить до самых оснований все человеческие умствования, и их самих привести на путь истины, если только они захотят когда отстать от споров. Земля вся, говорит, "**была безвидна и пуста**" . Почему, скажи мне, (Бог) небо произвел светлым и совершенным, а землю - безобразною (αμορφωτον)? И это сделал Он не напрасно, но для того, чтобы ты, познав Его творчество в лучшей части творения, оставил прочие недоумения и не думал, будто это произошло от недостатка могущества. Кроме того, Он создал землю безобразною и по другой причине. Так как она есть наша и кормилица, и мать, от нее мы и произошли, и питаемся, она для нас и отчизна, и общий гроб, в нее мы опять возвращаемся, и чрез нее получаем бесчисленные блага, - то, чтобы люди за полезное и необходимое не стали почитать ее сверх надлежащего, показывает тебе ее наперед безобразною и неустроенною (αδιατυπωτον), так чтобы получаемые от земли благодеяния ты приписывал не природе земли, но Тому, Кто привел ее из небытия в бытие. Поэтому и говорит: земля же "**была безвидна и пуста**" . Может быть, мы слишком скоро и рано привели ваш ум в напряженное состояние отвлеченными рассуждениями; поэтому считаем нужным остановить на этом слово, прося вашу любовь запомнить сказанное, да и всегда иметь это в свежей памяти, а как выйдете отсюда, то, вместе с чувственною трапезою, предлагайте и духовную трапезу: муж пусть передает нечто из сказанного здесь, а жена пусть слушает, дети пусть поучаются, да и слуги пусть получают урок, и таким образом, дом пусть будет церковью, чтобы убежал оттуда диавол и скрылся этот лукавый демон и враг нашего спасения, почивала же бы там благодать Святого Духа, совершенный мир и единодушие ограждали живущих. Помня сказанное прежде, вы с большею готовностью станете принимать и то, что будет после предлагаемо; и мы также с большим усердием и обилием будем излагать то, что подаст божественная благодать, когда увидим, что посеянное произрастает. Так и земледелец, когда увидит, что семена произрастают, тогда с великим усердием смотрит за нивами и с охотою принимается засевать и другие места.

5. Итак, чтобы возбудить в нас больше усердия, покажите точное сохранение уже сказанного, и с истинными догматами соедините великое попечение о жизни. "**Так да светит**, **-** говорит (Господь), **- свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Мф. 5:16). Пусть жизнь соответствует догматам, и догматы будут глашатаями жизни. "**Вера без дел мертва**" (Иак. 2:26), и дела без веры мертвы. Если мы содержим здравые догматы, но нерадим о жизни, нам не будет никакой пользы от догматов; и опять, если мы заботимся о жизни, но хромаем в догматах, и в этом случае также не будет пользы. Поэтому необходимо, чтобы наш духовный дом был прочен с обеих сторон. "**Итак всякого, -** говорит Господь, **- кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному**" (Мф. 7:24). Видишь, как Он желает, чтобы мы не только слушали, но и исполняли и показывали делами то, что

слушаем, называя мудрым того, кто поступает сообразно с словами, а глупым того, кто не идет далее слов. И это справедливо, потому что последний, говорит Господь, "**который построил дом свой на песке**", отчего она не могла вынести напора ветров, но тотчас упала (Мф. 7:26, 27). Таковы души беспечные, не утвердившиеся на духовном камне. (В словах Господа) речь не о постройке и доме, но о душах, которые приходят в колебание и от малого искушения. Под именем ветра, дождя и рек Господь показал действие на нас искушений. Человек твердый, бодрый и трезвенный от этого еще более укрепляется, и, чем более умножаются скорби, тем более возрастает его мужество; а нерадивый и беспечный, лишь подует на него легкий ветерок искушения, тотчас колеблется и падает, не от свойства искушений, но от слабости своей воли. Поэтому нужно трезвиться, бодрствовать и быть готовым ко всему, чтобы и в счастье быть нам сдержанными, и в скорбях не унывать, а сохранять великое благоразумие, непрестанно воссылая благодарность человеколюбивому Богу. Если мы так будем устроять нашу жизнь, то получим великую благодать свыше, и будем в состоянии и настоящую жизнь проводить в безопасности, и в будущей жизни приготовить себе великое дерзновение, коего да достигнем все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Златоуст читает: λογισμοι γαρ ανθρωπων (вместо θνητων = смертных, как обыкновенно читается в изданиях) δειλοι και επισφαλεις αιπινοιαι αυτων (вместо ημων = наша).

БЕСЕДА 3

Продолжение на слова: В начале сотвори Бог небо и землю, до слов: и был вечер, и было утро: день один (Быт. 1:1-5).

1. Чтение божественного Писания подобно сокровищу. Как получивший из сокровища и малую частицу приобретает себе великое богатство, так и в божественном Писании даже в кратком речении можно найти великую духовную силу и неизреченное богатство мыслей. И не только сокровищу подобно слово Божие, но и источнику, источающему обильные потоки, и имеющему много воды: это все мы узнали на самом деле вчера. Начав с первых слов книги творения, мы все поучение посвятили словам: в начале сотворил Бог небо и землю, и однако не могли обнять всего, потому что велико богатство этого сокровища и обильны потоки этого духовного источника. Не удивляйся, что так случилось с нами: и наши предки по своим силам черпали из этих потоков, и наши потомки будут делать тоже самое, и однакож не будут в состоянии исчерпать все; напротив воды будут прибывать и потоки умножаться. Таково свойство потоков духовных: чем более будут черпать из них, тем более начнет прибывать и умножаться благодать духовная. Поэтому и Христос сказал: **кто жаждет, иди ко Мне и пей: Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой** (Ин.7:37,38), – показывая нам обилие этих потоков. Если же таково свойство духовных потоков, то пусть каждый из нас в обилии принесет сосуды ума, чтобы наполнив их, возвратиться домой, потому что благодать Духа, как усмотрит пламенное желание и возбужденный ум, сообщает дары свои в обилии. Итак, оставив все житейское и вырвав из себя заботы, могущие подобно тернию заглушать ум наш, сосредоточим нашу мысль на духовных стремлениях, чтобы выйти нам отсюда с многою пользою, с великим и славным приобретением. Но чтобы (наша) речь была для вас яснее, напомним вашей любви нечто из сказанного вчера: таким образом и то, что

будет сказано сегодня, соединим со вчерашним как бы в одно тело. Вчера, как помните, мы показали, как блаженный Моисей, повествуя нам о творении этих видимых стихий сказал: в начале сотворил Бог небо и землю: земля же была безвидна и пуста, и объяснили вам то, почему и для чего Бог создал землю безобразною и неустроенною, – думаю, что все это вы хорошо помните. Затем сегодня нужно рассмотреть последующие слова. Сказав: **земля же была безвидна и пуста**, Моисей с точностью объясняет нам, отчего она была невидима и неустроена, и говорит: **и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою**. Смотри, как здесь блаженный пророк не говорит ничего лишнего, и как не описывает, по частям, все сотворенное, но сказав нам о главнейших стихиях, и упомянув о небе и земле, все прочее оставляет. Так он, не сказав о сотворении вод, говорит: **и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою**. Они-то и покрывали лицо земли, т.е. тьма и бездна вод. Отсюда мы узнаем, что все видимое было бездною вод, покрытою мраком, и нужен был премудрый Творец, чтобы прекратить все это нестроение и привести все в благообразный вид. **И тьма**, говорит, **над бездною, и Дух Божий носился над водою**. Что означают слова: **Дух Божий носился над водою**? Мне кажется, означают то, что водам была присуща некоторая жизненная деятельность и что это была не просто стоячая и неподвижная вода, но движущаяся и имевшая некоторую жизненную силу. Неподвижное ни к чему не годно, а движущееся пригодно на многое.

2. Итак, чтобы научить нас, что эта вода, великая и необычайная, имела некоторую жизненную силу, Моисей сказал: **и Дух Божий носился над водою**. А божественное Писание наперед говорит об этом не без причины, но так как оно имеет в виду показать нам, что из этих вод, по повелению Создателя вселенной, произошли и животные, то и дает здесь уже знать слушателю, что вода не была проста стоячая, но двигалась, разбегалась и все заливала. Итак, когда все видимое не имело надлежащего вида, высочайший Художник Бог повелел – и безвидность исчезла, явилась необычайная красота видимого света, прогнала чувственный мрак и осветила все. **И сказал Бог**, говорит (Писание), **да будет свет. И стал свет**. Сказал – и совершилось; повелел – мрак исчез, явился свет. Видишь неизреченную силу (Божию)? Но люди, преданные заблуждению, не обращая внимания на ход речи и не слушая слов блаженного Моисея: **в начале сотворил Бог небо и землю**, и потом: **земля же была безвидна и пуста**, потому что была покрыта тьмою и водами, – а так угодно было Господу в начале произвести ее, – эти люди говорят, что прежде существовала материя, предшествовала тьма. Может ли быть что хуже такого безумия? Слышишь, что **в начале сотворил Бог небо и землю** и что из несуществующего произошло существующее и говоришь, что прежде была материя? Кто из разумных может допустить такое безумие? Не человек тот, Кто творит, чтобы Ему нужно было какое-либо готовое вещество для произведения своего искусства, – Бог, Которому повинуется все, творит словом и повелением. Смотри, Он только сказал – и явился свет, и исчезла тьма. **И отделил Бог свет от тьмы**. Что значить: **отделил**? – Каждому назначил свое место и определил соответственное время. А потом, когда это совершилось, Он уже дает, каждому и соответственное название. **И назвал**, говорит, **Бог свет днем, а тьму ночью**. Видишь, как это прекрасное разделение и чудное создание, превышающее всякий ум, совершается одним словом и повелением? Видишь, какое показал снисхождение блаженный пророк, или – лучше – человеколюбивый Бог, устами пророка научающий род человеческий тому, чтобы он знал порядок творения, – кто Творец всего и как каждая вещь произошла? Так как род человеческий был тогда еще слаб и не мог понять совершеннейшего (учения), то поэтому Дух Святый, двигавший устами пророка, говорит нам обо всем приспособительно к слабости слушающих. И чтобы увериться тебе, что Он употребил такое снисхождение в этом повествовании действительно по несовершенству нашего ума, смотри на сына громова, как он, когда род человеческий сделал успехи в совершенствовании, уже идет не этим путем, а другим, ведущим слушателей к высшему учению. Сказав: **в начале было Слово, и Слово было у**

Бога, и Слово было Бог, он, присовокупил: **был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир** (Ин.1:1,9). Как здесь этот чувственный свет, произведенный повелением Господа, прогнал видимую тьму, так и духовный свет, прогнал тьму заблуждения и заблуждающих привел к истине.

3. Примем же с великою благодарностью наставления божественного Писания, и не будем противиться истине и оставаться во мраке, но поспешим к свету и будем творить дела достойные света и дня, как и Павел увещевает, говоря: **как днем, будем вести себя благочинно**, **итак отвергнем дела тьмы** (Римл.13:13,12). **И назвал**, говорит, (Писание), **Бог свет днем, а тьму ночью**. Но мы едва не опустили нечто; нужно обратиться назад. После слов: **да будет свет. И стал свет**, прибавлено: **и увидел Бог свет, что он хорош**. Смотри, возлюбленный, какое и здесь снисхождение речи. Неужели до появления света Бог не знал, что он добро, а только уже после его появления воззрение на него показало Создателю красоту сотворенного? Какой умный человек может сказать это? Если и человек, занимающийся каким-нибудь искусством, прежде чем окончить свое произведение, прежде, чем обработает его, знает употребление, для коего полезно это произведение, то тем более Создатель вселенной, приведший словом все из небытия в бытие, знал, еще прежде сотворения света, что он добро. Для чего же (Моисей) употребил такое выражение? Снисходя к обычаю человеческому, блаженный пророк говорит так, как люди, делая что-либо с великою тщательностью и окончив труды свои, уже по испытании произносят похвалу своим произведениям; таким же образом и божественное Писание, снисходя здесь к слабости слуха вашего, говорит: **и увидел Бог свет, что он хорош**. А потом продолжает: **и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью**; каждому назначил свое место, каждому с самого начала поставил пределы, которые они должны навсегда соблюдать ненарушимо. И всякий здравомыслящий может видеть, как с того времени доныне ни свет не преступил своих пределов, ни тьма не вышла из своего места и не произвела какого-либо смешения и нестроения. Уже и это одно достаточно для не желающих оставаться неразумными, чтобы придти к повиновению и послушанию словам божественного Писания, – пусть они подражают хотя порядку стихий, неуклонно соблюдающих свое течение, и не преступают своих пределов, но знают, собственную природу. Потом, так как каждому (свету и тьме дано) было особое имя, то, совокупив то и другое в одно, говорит: **и был вечер, и было утро: день один**. Конец дня и конец ночи ясно назвал одним (днем), чтобы установить некоторый порядок и последовательность в видимом, и не было бы никакого смешения. Научаемые от Святаго Духа устами блаженного пророка, мы можем видеть, что сотворено в первый день, и что – в последующие. И это также дело снисхождения человеколюбивого Бога. Всесильная десница Его и безпредельная премудрость не затруднилась бы создать все и в один день. И что говорю в один день? Даже в одно мгновение. Но так как Он создал все сущее не для своей пользы, потому что не нуждается ни в чем, будучи вседоволен, – напротив создал все по человеколюбию и благости Своей, то и творит по частям, и преподает нам устами блаженного пророка ясное учение о творимом, чтобы мы, обстоятельно узнав о том, не подпадали тем, которые увлекаются человеческими умствованиями. Если уже и после этого есть люди, которые утверждают, будто все произошло само собою, то на что бы не отважились охотники говорить и делать все ко вреду собственного спасения, если бы (Бог) не явил такого снисхождения и вразумления?

4. Что может быть жалче и безумнее людей, которые дерзают утверждать, будто все сущее произошло само собою, и все творение лишают промышления Божия? Как возможно, скажи мне, чтобы столько стихий и такое благоустройство (существующего) управлялось без правителя и повелителя вселенной? И корабль не может плыть по морским волнам без кормчего, и воин – делать что-либо доблестное без военачальника, и дом – стоять без управляющего: а этот безпредельный мир, и это благоустройство стихий могут разве

существовать сами собою, случайно, если нет управляющего всем и своею премудростью поддерживающего и соразмеряющего все видимое?! Но для чего мы слишком усиливаемся доказывать этим людям то, что, по пословице, видно и слепым? Впрочем, мы не перестанем предлагать им наставления от Писания и употреблять всевозможное старание, чтобы отклонить их от заблуждения и привести к истине. Хотя они еще и порабощены заблуждению, но одной с нами природы, и потому нужно иметь великое о них попечение, никогда не ослабевать, но с великою тщательностью делать зависящее от нас и доставлять им приличное врачество, чтобы они, хотя и поздно, достигли истинного здравия. Богу ничто так не вожделенно, как спасение души. Вот и Павел взывает: **хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины** (1Тим.2: 4); и сам Бог говорит: **Разве Я хочу смерти беззаконника? говорит Господь Бог. Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив?** (Иезек.18:23). Поэтому Он и всю эту природу создал, и нас сотворил, не для того, чтобы нас погубить или подвергнуть наказанию, но чтобы спасти и, избавив от заблуждения, даровать нам блаженство в царстве (небесном). Его уготовал нам, не теперь, по сотворении, но еще прежде создания мира, как Сам говорит: **приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира** (Мф.25:34). Смотри, как человеколюбив Господь, как Он еще прежде творения и прежде появления человека приготовил для него безчисленные блага, и этим показал, какое попечение имеет Он о нашем роде, и что всем желает спастись.

Имея такого Владыку – столь человеколюбивого, столь благого и столь милосердого, будем заботиться о спасении и собственном, и братьев наших. К нашему спасению послужит и то, когда мы не о себе только будем заботиться, но и станем приносить пользу ближнему и руководить его на путь истины. А что бы видел ты, какое великое благо, содевая свое спасение, доставлять пользу и другому, послушай, что пророк говорит от лица Божия: **если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои** уста (Иер.15:19). Что значит это? Кто руководит ближнего от заблуждения к истине, или от зла приводит к добру, тот, говорит (Господь), уподобляется Мне, сколько это возможно человеку. И сам Он, будучи Богом, облекся в нашу плоть и соделался человеком не для чего иного, как для спасения рода человеческого. И что говорю: облекся в нашу плоть и испытал все, что бывает с людьми, когда Он взял на себя даже крест, чтобы нас, плененных грехами, освободить от проклятия? Об этом взывает Павел, говоря: **Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою** (Гал.3:13). Итак, если Он – Бог и существо непостижимое, по неизреченному человеколюбию, принял на Себя все это ради нас и нашего спасения, то чего не должны мы сделать для наших братьев и сочленов, чтобы исхитить их из челюстей диавола и привести на путь добродетели? Насколько душа лучше тела, настолько высших – пред подающими бедным деньги – наград удостоятся те, кто увещаниями и частыми внушениями ведут нерадивых и заблуждающихся на прямой путь, показывая им безобразие порока и великую красоту божественной добродетели.

5. Итак, зная все это, будем говорить с ближними, прежде всего житейского, о спасении души, возбуждая в них заботу об этом. Желательно, да, желательно, чтобы душа, постоянно слыша такое внушение, могла воспрянуть из пропасти зол, нас окружающих, и преодолеть нападение страстей, которые безпрестанно ее осаждают. Поэтому нужна нам великая бдительность, так как и брань у нас непрерывная и никогда не знает перемирия. Оттого и Павел к Ефесянам пишет: **наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной** (Ефес.6:12). Не думайте, говорит, будто нам предстоит случайная борьба: брань у нас не с подобными нам людьми и бой не равносильный, – потому что мы, связанные телом, должны бороться с бестелесными силами. Однакож не бойтесь: пусть бой и не равен, но велика сила оружия нашего. Вы знаете, кто ваши враги, – как бы так продолжает апостол, – не упадайте же духом и не ослабевайте в брани, но **облекитесь во**

всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских (Еф.6:11). Много у него (диавола) козней, т.е. способов, которыми он старается уловлять безпечных; поэтому надобно тщательно узнавать их, чтобы избегнуть сетей его и не дать ему никакого (к нам) доступа; нужно тщательно оберегать и язык, и охранять глаза, и соблюдать мысль в чистоте, и постоянно быть готовыми к борьбе, как будто бы нападал на нас какой-нибудь дикий зверь и угрожал нам погибелью. Поэтому-то и небошественная та душа, учитель языков, уста вселенной, делавший все для спасения своих учеников, после слов: **облекитесь во всеоружие Божие**, – ограждая нас со всех сторон и делая неодолимыми, говорит: **станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие** (Еф.14:14-17). Видишь, как он оградил все члены! Как бы намереваясь вывести нас на какую-либо, ран, он сначала опоясал нас поясом, чтобы нам легко было делать движения, потом облек в броню, чтобы не поразили нас стрелы, обул и ноги наши, и со всех сторон оградил нас верою. Она, именно она, говорит, возможет, **угасить все раскаленные стрелы лукавого**. Что же это за стрелы лукавого? Злые похоти, нечистые помыслы, пагубные страсти, гнев, клевета, зависть, раздражительность, вражда, корыстолюбие, и все прочие худые наклонности. Все эти стрелы, говорит, возможет погасать меч духовный. Что говорю: погасить стрелы? Возможет отсечь у врага и самую голову. Видишь, как (апостол) укрепил учеников? Как бывших мягче воска сделал тверже железа? Так как у нас брань не с кровью и плотью, но с безтелесными силами, то он и облек нас не в телесные оружия, но в духовные, и столь светлые, что злой тот демон не может вывести и блеска их.

6. Итак, облекшись в такие оружия, не станем бояться брани и бегать борьбы, но не будем и безпечны, потому что как при нашей бдительности злой тот демон не может одолеть силы наших оружий, если только мы захотим разрушить козни его, так, напротив, если мы будем безпечны, то не будет вам никакой пользы: враг нашего спасения постоянно бодрствует и все предпринимает против вашего спасения. Итак, вооружим себя со всех сторон, будем остерегаться и слов и удерживаться от дел, могущих вредить нам, и, вместе с воздержанием в пище и другими добродетелями, станем подавать и щедрую милостыню бедным, зная, какое уготовано нам воздаяние за попечение о них. **Благотворящий бедному**, говорит (Писание), **дает взаймы Господу** (Притч.19:17). Смотри, какой новый и необыкновенный роль займа: один получает, а другой становится должником. Но, кроме того, здесь необычайно и то, что, давши в займы, не испытаешь неблагодарности и никакого другого вреда. Нет, Бог, обещает дать не сотую только часть прибыли, как это бывает здесь, но во сто крат больше данного в займы: не довольствуется даже и этим, но, воздавая так в настоящем веке, в будущем (даст) жизнь вечную. В настоящей жизни, если бы кто обещал нам уплатить только вдвое больше того, что получить от нас, мы с охотою отдали бы ему все наше имущество, между тем сколько здесь бывает неблагодарности и сколько обманов со стороны корыстолюбцев! Многие и из самых порядочных людей не отдают самого долга или по безрассудству, или часто даже по бедности. Но о Владыке вселенной ничего этого подумать нельзя; напротив, и данная сумма остается в сохранности, и за одолжение Он обещает заплатить во сто крат, а в будущем веке уготовляет нам жизнь (вечную). Какое же будет нам оправдание, когда мы не стараемся и не спешим получить за малое во сто крат больше, за настоящее – будущее, за временное – вечное, но с наслаждением запираем деньги дверями и затворами, и этих денег, которые лежат без пользы и напрасно, не хотим теперь дать нуждающимся, чтобы в будущем веке найти нам в них своих заступников? **Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители** (Лк.16:9). Знаю, что многие не только не принимают слов наших, но и не придают им значения, считая их пустословием и баснею. Поэтому-то я терзаюсь и скорблю, что ни самый опыт,

ни столь великое обетование Божие, ни страх будущего, ни ежедневные наши увещания не могли тронуть этих людей; впрочем, не смотря на это, не перестану повторять им такой совет, доколе своею настойчивостью не успею победить их, возбудить к внимательности и вывести из состояния пресыщения и опьянения, в которое ввергла их страсть к деньгам, омрачившая ум их. Знаю я, знаю, что, после благодати Божией, и наши постоянные поучения и врачество поста успеют, хотя и нескоро, исцелить их от этой тяжкой болезни и возвратить им совершенное здоровье, дабы и они освободились от угрожающего им наказания, и мы избавились от скорби, и за все воссылали славу Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 4

"И сказал Бог: да будет твердь посреди воды: и да отделяет она воду от воды: И стало так" (Быт. 1:6-7).

1. Видя ваше, возлюбленные, усердное ежедневное стечение сюда, я чувствую великое удовольствие и не перестаю прославлять человеколюбивого Бога за ваше преуспеяние. Как голод есть признак телесного здоровья, так и усердие к слушанию слова Божия можно считать самым лучшим признаком душевного здоровья. Поэтому и Господь наш Иисус Христос в нагорной проповеди о блаженствах сказал: "**блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся**" (Матф. 5:6). Кто же будет в состоянии достойно восхвалить вас, которые уже получили от Владыки вселенной наименование блаженных и ожидаете от Него еще бесчисленных благ? Наш Владыка таков: когда увидит, что душа стремится к предметам духовным с сильным желанием и напряженным усердием, то подает благодать и богатые Свои дары. Поэтому надеюсь, что и нам, для вашей пользы, подаст Он обильнейшее учительное слово к назиданию любви вашей. Ведь для вас и вашего преуспеяния мы предпринимаем весь этот труд, чтобы и вам скорее достигнуть самой вершины добродетели и быть учителями богоугодной жизни для всех, взирающих на вас, и нам получить большее дерзновение, видя, что мы трудимся не тщетно и не напрасно, что это духовное семя ежедневно возрастает, и с нами не случилось того, что было с сеятелем, упоминаемым в Евангелии (Матф. 13:4-7). Там одна только часть сохранилась, а три погибли: иное семя пало при дороге - и осталось бесплодным; иное было подавлено тернием, а иное, упав на камни и оставшись на поверхности, не могло принести никакого плода. Но здесь, по благодати Божьей, мы надеемся, что все семя брошено на добрую землю, и одни принесут плод его во сто крат, другие - в шестьдесят, а иные - в тридцать. Это-то умножает нашу ревность, это-то возбуждает наш ум, - именно уверенность, что мы не тщетно и не напрасно предлагаем поучение, что вы принимаете слова ваши внимательным слухом и бодрым умом. Говорю это, не льстя любви вашей, но заключая о вашем усердии из вчерашней нашей беседы. Я видел, как все вы внимательно слушали и всячески старались, чтобы не опустить ни одного слова. Кроме того, и частые рукоплескания были весьма ясным доказательством, что вы слушали поучение с удовольствием. А кто слушает что-нибудь с удовольствием, тот, очевидно, внедряет это в ум и, слагая в глубине души, делает неизгладимым. Кто же может достойно и вас восхвалить, и нас ублажить за то, что говорим в слух слушающих? - Блажен, говорит (Писание), "**кто передает мудрость в уши слушающих**" (Сирах. 25:12). Это следствие поста; это врачество послужило во спасение душам нашим. Если же (пост) показал такую силу в самом начале своем, то какой надобно ожидать от него пользы в последующие дни? Только вы, прошу, "**со страхом и трепетом совершайте свое спасение**" (Филип. 2:12), и не давайте никакого к себе доступа врагу вашего спасения. Он, видя теперь ваше духовное богатство, беснуется и свирепствует, и "**ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить**" (1 Петр. 5:8). Но если будем только бдительны, то, по милости Божьей, он никого не одолеет.

2. Таково наше духовное оружие, которым облекла нас благодать Духа, как это объяснили мы вчера любви вашей. Итак, если мы будем постоянно ограждать этими оружиями все члены свои, то ни одна из стрел, бросаемых врагом, не коснется нас, но все возвратятся к нему без всякого действия: благодать Божия сделала бы нас тверже алмаза и совершенно непобедимыми, если бы мы пожелали. Как тот, кто бьет по алмазу, не причиняет ему никакого вреда, а только изнуряет собственные силы, и кто наступает на рожны, только разит до крови собственные ноги, так будет и с нами, и с врагом нашего спасения, если будем постоянно ограждать себя оружиями, данными нам благодатью Духа. Сила их такова, что даже блеска их враг не может вынести, напротив, глаза его ослепляются исходящим от них сиянием. Постоянно ограждая себя этими оружиями, будем и на площадь выходить, и друзей посещать, и делами заниматься. И что я говорю: на площадь выходить? Надевши их на себя, будем и в церковь приходить, и домой возвращаться, и спать, и вставать ото сна, словом: никогда во всю жизнь свою не будем снимать их с себя; пусть с нами они пойдут (и в будущую жизнь) и там доставят нам величайшее дерзновение. Они не обременяют тела, подобно чувственному оружию, напротив, еще облегчают, возвышают и укрепляют, если только мы каждый день очищаем их, чтобы, светло сияя, они блеском своим ослепляли взоры лукавого демона, который изобретает всякие козни против нашего спасения. Впрочем, так как мы довольно уже вооружили вас, предложим вам обычную трапезу, и изложим любви вашей, что следует за сказанным вами вчера, взяв в руководители этого полезного поучения опять чудного гостеприимного хозяина, блаженного Моисея, великого пророка. Посмотрим же, чему он хочет научить нас и сегодня, и будем внимательно слушать слова: он говорит не от себя, но что внушила ему благодать Духа, то и произносит своим языком, для научения рода человеческого. Окончив речь о первом дне и, после сотворения света, сказав: "**и был вечер, и было утро: день один**", он далее говорит: "**и сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды**". Обрати здесь, возлюбленный, внимание на последовательность учения. Сказав нам наперед, по сотворении неба и земли, что – "**земля же была безвидна и пуста**", присоединил и причину, почему она была "**невидима**", именно потому, что была покрыта тьмой и водами: все было - вода и тьма, и больше ничего. Затем, по повелению Господа, явился свет и произошло разделение между светом и тьмой, и один получил название дня, а другая - ночи. Потом хочет научить нас, что Бог, как тьму разделил, произведши свет, и дал тому и другой соответственное название, так и множество вод разделяет повелением Своим.

3. Смотри, как сила Его неизреченна и превышает всякое человеческое понятие. Он только повелевает - и одна стихия приходит, другая удаляется. "**И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды**". Что значит: "**да будет твердь**"? Это то же, как если бы кто сказал на языке человеческом: да будет некая стена и ограда, которая бы, находясь посреди, делала собой разделение. И дабы ты понял великую покорность стихий и превосходную силу Создателя, говорит: "**и стало так**". Только сказал - и последовало исполнение. "**И создал**", говорит, "**Бог твердь и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью**". По сотворении, говорит, тверди, Бог повелел одним водам находиться под твердью, а другим над поверхностью тверди. Но, спросит кто-либо, что же такое твердь? Отвердевшая вода, или сгустившийся воздух, или какое-нибудь другое вещество? Никто из благоразумных прямо решать это не станет. Надобно с великой благодарностью принимать слова (Писания) и, не выступая за пределы нашей природы, не испытывать того, что выше нас, а только знать и держать у себя (в уме), что по повелению Господа произошла твердь, которая разделяет воды, и одну часть их содержит под собой, а другую выше лежащую может носить на своей поверхности. "**И назвал**", говорит, "**Бог твердь небом**". Смотри, как и здесь божественное Писание употребляет тот же порядок. Как вчера (Бог) сказал: "**да будет свет**", и когда он явился, то присовокупил: да будет разлучающи между светом и между тмою, (отделил Бог свет от

тьмы) и потом свет назвал днем, - так и сегодня сказал: "**да будет твердь посреди воды**"; потом, как о свете, так и здесь объяснил нам назначение тверди: "**да отделяет**", говорит, "**она воду от воды**". А когда объяснил нам ее назначение, то уже, как свету дал наименование, так дает имя и тверди. "**И назвал**", говорит, "**твердь небом**", - это видимое небо. Как же, скажешь, некоторые утверждают, что создано много небес? Они учат так не из божественного Писания, но по собственным соображениям. Блаженный Моисей ничему больше этого не учит нас. Сказав: "**в начале сотворил Бог небо и землю**", потом, показав причину, по которой земля была невидима, т.е. что покрыта была тьмой и бездной вод, (Моисей) после сотворения света, соблюдая известный порядок и последовательность, говорит: "**и сказал Бог, да будет твердь**". Далее, объяснив с точностью назначение этой тверди и сказав: "**да отделяет она воду от воды**", эту самую твердь, производящую разделение между водами, он назвал небом. Кто же, после такого объяснения, может согласиться с теми, которые говорят решительно от своего ума, и осмеливаются, вопреки божественному Писанию, утверждать, будто много небес? Но вот, скажут, блаженный Давид, воссылая хвалу Богу, сказал: "**хвалите Его небеса небес**" (Псал. 148:4). Не смущайся, возлюбленный, и не подумай, будто святое Писание в чем-нибудь противоречит себе; но познай истину сказанного и, тщательно сохраняя учение его, загради слух от говорящих противное ему.

4. А что я хочу сказать, то выслушайте с полным вниманием, чтобы вас не приводили тотчас в колебание те, которые любят говорить, что только им вздумается. Все божественные книги Ветхого Завета вначале написаны были на еврейском языке; в этом, конечно, все согласятся с нами. Не за много лет до рождества Христова, царь Птолемей, весьма ревностно старавшийся собирать книги, и собравший много других разного рода книг, счел нужным приобрести и эти (священные) книги. Итак, пригласив к себе некоторых из иерусалимских иудеев, приказал им перевести (эти книги) на греческий язык, что и было ими исполнено. Это было делом домостроительства Божия, чтобы т.е. этими книгами воспользовались не только знавшие еврейский язык, но и все обитатели вселенной. Особенно чудно и удивительно то, что такое усердие показал не кто-нибудь из последователей иудейской религии, но человек, преданный идолопоклонству и враждебный (истинному) богопочтению. Таковы все дела нашего Владыки: Он всегда через противников распространяет повеления истины. Об этом я рассказал вашей любви не без цели, но чтобы вы знали, что (книги Ветхого Завета) написаны не на нашем языке, а на еврейском. Хорошо знакомые с этим языком говорят, что слово "**небо**" у евреев употребляется во множественном числе; согласно с этим показывают и знающие сирский язык. Никто, говорят, на их языке не скажет: "**небо**", но – "**небеса**". Вот почему и блаженный Давид сказал так: "**небеса небес**", не потому, будто много небес, - этого не преподал нам блаженный Моисей, - а потому, что в еврейском языке часто имя одного предмета употребляется во множественном числе. Иначе, если бы было много небес, Дух Святый не преминул бы сообщить нам устами того же блаженного пророка и о сотворении других небес. Прошу вас твердо помнить это, чтобы быть вам в состоянии заграждать уста желающим вводить учение, противное Церкви, и чтобы верно знать смысл слов божественного Писания. Для того вы часто и собираетесь сюда, и мы постоянно преподаем вам учение, чтобы вы были "**готовы всякому, требующему у вас отчета дать ответ**" (1 Петр. 3:15). Но, если угодно, обратимся к дальнейшему. "**И назвал**", говорит Писание, "**Бог твердь небо**. **И увидел Бог, что это хорошо**". Смотри, какое в этих словах снисхождение к слабости человеческой. Как о свете он сказал: "**и увидел, что это хорошо**", так и теперь о небе, т.е. о тверди, говорит: "**и увидел Бог, что это хорошо**", показывая этим нам неподражаемую красоту ее. Кто может не изумляться и не удивляться тому, что она в течение столь долгого времени сохранила цветущую красоту, и чем более проходит времени, тем более увеличивается и красота ее? И что может быть прекраснее того, что удостоилось похвалы от самого Создателя? Если мы,

смотря на совершенное произведение человека, удивляемся его виду, постановке, красоте, соразмерности, стройности и всему прочему, то кто может достойно восхвалить Божье создание, особенно, когда оно удостоилось похвалы от самого Господа? Это [1] сказано из нисхождения к нам, и Бог, ты видишь, о каждом из своих созданий произносит это (одобрение) и через это предупреждает дерзость тех, которые потом решатся изощрять язык свой против создания Божия и говорить: для чего сотворено то и то? Заранее обуздывая отваживающихся на такие речи, Моисей говорит: "**и увидел Бог, что это хорошо**". Когда услышишь, что Бог увидел и похвалил, то понимай эти слова богоприлично и как следует о Боге. Создатель, еще прежде сотворения, знал красоту сотворенного; но так как мы, люди, обложенные такой немощью, не в состоянии были узнать это иначе, то Он и расположил блаженного пророка употребить эти грубые выражения для научения рода человеческого.

5. Итак, когда, ты поднимешь глаза и увидишь красоту, величие и благотворность неба, то устремись отсюда к Создателю, как сказал премудрый: "**от величия красоты созданий сравнительно познается Виновник бытия их**" (Прем. 13:5), и из самого создания этих стихий усматривай, какова сила твоего Господа. Действительно, человек с благомыслящей душой, если захочет исследовать каждый из видимых предметов - и что говорю: каждый из видимых предметов? - если захочет внимательно рассмотреть только собственный состав, то и из этого малого увидит неизреченную и непостижимую силу Божью. Если же видимые предметы достаточно показывают величие могущества Создателя, то, как обратишься еще к силам невидимым и возведешь мысль к воинствам ангелов, архангелов, высших сил, престолов, господств, начал, властей, херувимов и серафимов, - какой ум, какое слово будет в состоянии выразить неизреченное Его величие? Если блаженный пророк Давид, рассмотрев устройство видимого, восклицал: "**как многочисленны дела Твои, Господи! Все сделал Ты премудро**" (Псал. 103:24), если (так восклицал) муж, в такой степени удостоенный Духа, которому дано было познать безвестное и тайное премудрости Его (Пс. 50:8),то, что скажем мы, земля и пепел, - мы, которые должны постоянно опускать голову вниз и изумляться неизреченному человеколюбию Господа вселенной? Но что говорить о пророке? Блаженный Павел, эта небошественная душа, облеченный телом и уподоблявшийся бестелесным силам, ходивший по земле и ревностью обтекавший небо, он, вникнув только в одну часть домостроительства Божия (об иудеях и язычниках, из которых первые отвергнуты, а вторые приняты), недоумевая и смущаясь, громогласно воскликнул: "**о, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его**" (Рим. 11:33). Здесь охотно я спрошу дерзающих исследовать рождение Сына Божия и осмеливающихся унижать достоинство Святого Духа [2]: откуда у вас, скажите мне, такая дерзкая отвага? От какого упоения дошли вы до такого безумия? Если уже Павел, такой и столь великий муж, говорит, что суды Его, т.е. домоправление, решения по управлению (ta_j oi0konomi/aj, ta_j dioi/khseij) неиспытуемы, - не назвал непостижимыми (a)kata/lhpta), но неиспытуемыми (a)necereu&nhta), такими, которые не допускают испытания (e_reuna&n), и пути его, т.е. повеления о добродетели (ta_ prosta/gmata kalw~n) и заповеди, неисследимыми опять в том же смысле, то, как вы осмеливаетесь исследовать самую сущность Единородного и унижать, сколько от вас зависит, достоинство Святого Духа? Видите, возлюбленные, какое зло не следовать в точности тому, что содержится в божественном Писании! Вот эти люди, если бы с благоразумием принимали учение божественного Писания и не привносили бы чего-либо из своих умствований, не дошли бы до такого безумия. Мы, однако, не перестанем оглашать их словами божественного Писания, ограждая свой слух от их гибельного учения.

6. Не знаю, как это мы опять так далеко увлеклись течением слова и уклонились от порядка: поэтому нужно опять обратить слово к прежнему. "**И назвал**", говорит (Моисей),

"**Бог твердь небом, И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день второй**". Дав имя тверди и похвалив сотворенное, положил конец второму дню, и продолжает: "**и был вечер, и было утро: день второй**". Видишь, с какой тщательностью он учить нас, называя окончание света - вечером, а конец ночи - утром, а все вместе именуя днем, чтобы мы не думали ошибочно, будто вечер есть конец дня, но знали ясно, что продолжительность (mh~koj) того и другого составляет один день. Справедливо поэтому может быть назван вечер окончанием света, а утро, т.е. конец ночи - довершением (plh/rwma) дня. Это и хочет показать божественное Писание, когда говорит: "**и был вечер, и было утро: день второй**". Может быть, мы очень распространились в слове, но это не намеренно, а, так сказать, увлеченные самым течением речи, как бы каким-либо сильнейшим потоком. Служите причиной этого и вы, с удовольствием слушающие слова наши. Ничто не может так возбуждать говорящего и внушать ему такое обилие мыслей, как усердие слушателей. Невнимательные и нерадивые слушатели отнимают охоту и у того, кто мог бы говорить; напротив, вы, по благодати Божьей, в состоянии, если бы мы были безгласнее и самых камней, разбудить нашу недеятельность, прогнать сон и заставить нас сказать что-нибудь вам полезное и назидательное. Так как вы столько научены Богом, что можете, по словам блаженного Павла, "**наставлять друг друга**" (Рим. 15:14), то вот мы попросим вас, если когда, но особенно во время поста, усердно позаботиться о богоугодной добродетельной жизни, и да не будет слово наше обременительным для вас, если мы каждый день станем говорить вам об одном и том же. Говорить одно и то же, скажу словами блаженного Павла, "**для меня не тягостно, а для вас назидательно**" (Филип. 3:1). Наша душа, будучи беспечной, имеет нужду в постоянном напоминании. И как тело ежедневно нуждается в телесной пище, чтобы не впасть в совершенное расслабление и бездеятельность, так и душа требует духовной пищи и наилучшего управления, чтобы, утвердившись в навыке к добру, ей быть, наконец, неуловимой кознями лукавого.

7. Итак, будем ежедневно исследовать силу ее (души), и не перестанем испытывать самих себя; будем требовать у себя отчета и в том, что в нас входит, и в том, что выходит, - что мы сказали полезного, и какое произнесли слово праздное, а также, что полезного ввели в душу через слух, и что внесли в нее могущее повредить ей. Языку назначим некоторые правила и пределы, так чтобы наперед взвешивать выражения и потом уже произносить слова, а мысль приучим не вымышлять ничего вредного, а если что-нибудь подобное привзойдет и извне, отвергать это, как излишнее и могущее повредить; если же зародится внутри (худая мысль), тотчас прогонять ее благочестивым размышлением. Не будем думать, будто одного голодания до вечера достаточно нам для спасения. Если человеколюбивый Господь неблагодарным иудеям говорил через пророка: "**уже семьдесят лет, для Меня ли вы постились? И когда вы едите и когда пьете, не для себя ли вы едите, не для себя ли вы пьете? Так говорил Господь Саваоф: производите суд справедливый и оказывайте милость и сострадание каждый брату своему; вдовы и сироты, пришельца и бедного не притесняйте и зла друг против друга не мыслите в сердце вашем**" (Захар. 7:5-6,9-10), - если им, сидевшим в тени и окруженным тьмой заблуждения, не было никакой пользы от одного поста, когда они не исполняли этого и не исторгали из сердца злобы к ближнему, то какое оправдание будем иметь мы, от которых требуется гораздо больше; которым повелено не только это делать, но даже любить врагов и благодетельствовать им? И что говорю: благодетельствовать? - даже молиться за них, просить и умолять Господа, чтобы Он имел попечение о них (Лук. 6:27-28). Такое расположение к врагам более всего поможет нам и будет величайшим выкупом грехов наших в тот страшный день (суда). Правда, эта заповедь очень трудна, но, если подумаешь о награде, уготованной исполняющим ее, то она, хоть и весьма трудна, отнюдь не покажется такой. Какая же это награда? Если это будете делать, говорит (Писание), то будете подобны Отцу вашему, иже есть на небесех (Матф. 5:45). И чтобы

сделать эту мысль для нас яснее, присовокупляет: "**ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**". Ты, говорит, подражаешь тогда Богу, сколько это возможно человеку. Как Он велит восходить солнцу не только над добрыми, но и над делающими злое, и ежегодно посылает дожди не только праведным, но и неправедным, - так и ты, если любишь не только любящих, но и враждующих против тебя, подражаешь по силе своей твоему Господу. Видишь, как (Писание) на самую горнюю высоту возвело того, кто может исполнять эту добродетель? Так не о трудности только дела помышляй, возлюбленный, но, прежде всего, рассуждай с самим собой о том, какой можешь ты удостоиться чести, и мысль об этой чести сделает для тебя легким тяжкое и трудное. В самом деле, не должен ли ты считать за милость, что своими благодеяниями врагу можешь отворить себе двери дерзновения перед Богом и достигнуть прощения своих грехов? Но, может быть, тебе сильно хочется отмстить врагу, и сделавшего тебе зло ввергнуть в такую же или еще и большую беду? Что же доброго выйдет, из этого, когда ты, не получив себе никакой пользы, должен будешь еще дать в этом отчет на страшном суде, как нарушитель предписанных Богом законов? Скажи мне: если бы земной царь издал такой закон, чтобы мы делали добро врагам, а в противном случае были наказываемы смертью, не все ли бы, из страха телесной смерти, поспешили исполнить этот закон? Какого же осуждения достойно то, чтобы из страха смерти телесной, которую и без того неизбежно наводит на нас долг природы, делать все, а ради той смерти, в которой нельзя найти утешения, менее заботиться о законе, предписанном Владыкой вселенной?

8. Но я забыл, что говорю людям, которые и к любящим их не показывают равной любви. Кто же после этого избавит нас от упомянутого наказания, когда мы не только далеки от той заповеди (о любви к врагам), но не делаем даже и того, что делают мытари? "**Ибо если вы будете любить любящих вас**", говорит (Христос), "**какая вам награда? Не то же ли делают и мытари**" (Матф. 5:46)? Так, когда мы и этого не делаем, то какая у нас надежда на спасение? Поэтому прошу, не будем жестокосердны, но укротим помыслы наши, и, прежде всего, научимся побеждать ближнего любовью и, по словам блаженного Павла, "**почитайте один другого высшим себя**" (Филип. 2:3), научимся не уступать и быть побежденными в этом, но побеждать (других), и любящим нас показывать большее и пламеннейшее благорасположение. Это всего более поддерживает и веселит жизнь нашу, этим мы отличаемся от бессловесных и от зверей, тем т.е., что можем, если захотим, сохранять соответствующий нам порядок и иметь совершенное согласие с ближними. Потом (научимся) укрощать наши помыслы и усмирять этого неукротимого зверя, т.е. гнев, представляя ему зрелище страшного судилища и внушая, что, если он решится примириться с врагами, то получит великие блага, если же будет продолжать вражду, то подвергнется тяжкому осуждению. Мы не должны, ведь, тратить время напрасно и без цели, но каждый день и час иметь перед глазами суд Господень и то, что может или доставить нам великое дерзновение, или навлечь наказание. Имея это в мыслях наших, мы победим страсти, обуздаем порывы нашей плоти и умертвим, по словам блаженного Павла, "**члены наши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть, гнев**" (Кол. 3:5,8), любостяжание, тщеславие, ненависть. Если мы сделаем себя мертвыми для этих страстей так, чтобы они не могли действовать в нас, то получим плоды Духа, каковы суть: "**любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание**" (Галат. 5:22-23). В этом должно состоять различие христианина от неверного; в этом должны заключаться наши отличительные признаки, чтобы мы не красовались только именем, и не превозносились наружным видом, напротив, если бы даже обладали всеми исчисленными плодами (Духа), и тогда не гордились, но еще более смирялись. "**Когда**", говорит (Христос), "**исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие**" (Лук. 17:10). Если так будем печься и заботиться о своем спасении, то можем и себе принести величайшую пользу и избавиться от будущего

наказания, и для тех, кто смотрит на нас, быть учителями полезного, чтобы, проведши настоящую жизнь в строгости, в будущей удостоиться нам милости (Божьей), которую да получим все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, держава, честь во веки веков. Аминь.

---

[1] Т.е. что "**Бог увидел, что это хорошо**".

[2] Здесь разумеются еретики аномеи (т. 1, стр. 483 и дал.) и македоняне.

БЕСЕДА 5

"И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша" (Быт. 1:9).

1. Вот и сегодня предложим вашей любви трапезу из слов блаженного Моисея и рассмотрим тщательно, что создал Господь в третий день. Если выкапывающие золотоносную землю, как увидят где жилы с частицами золота, не прекращают это занятие до тех пор, пока поднимая (землю) и спускаясь в самую глубь, не достанут оттуда большого количества золота, то тем более нам, ищущим не золота, но надеющимся найти несказанное сокровище, нужно каждодневно разыскивать его, чтобы, получив, таким образом, великое духовное богатство, с ним возвратиться домой. Там чувственное богатство часто подвергает своих владельцев опасностям, а еще прежде опасностей, доставив им малое удовольствие, вдруг улетает от них, потому что или нападают обманщики, воры и разбойники, или слуги - сторожи, похищают его и убегают. Но здесь ничего такого не может случиться: это духовное сокровище не может быть похищено, и когда будет положено в кладовых нашего ума, то недоступно для всяких козней, если только мы по своей беспечности, не допустим к себе того, кому сильно хочется похитить его у нас. Враг наш, злой дьявол, когда видит собранное духовное богатство, приходит в ярость, скрежещет зубами и неусыпно старается, как бы найти удобное время и похитить что-либо из сокрытого внутри нас. А никакое время так неудобно для него, как то, когда мы беспечны; поэтому мы должны непрестанно бодрствовать и заграждать ему доступ к нам. Если он увидит, что мы бдительны и соблюдаем великую осторожность, и после одного или двух нападений заметит, что напрасно он усиливается, то, наконец, отступает со стыдом, зная, что не будет ему никакого успеха, потому что мы весьма осторожны. Итак, зная, что мы всю настоящую жизнь должны проводить в войне, будем вооружать себя так, как будто враг стоит перед нами и непрестанно наблюдает, не задремали ли мы немного и не открыли ли ему возможности нападения.

Не видишь ли, что имеющие много денег, когда ожидают нападения неприятелей, прилагают великую заботу об их сохранении? Иные скрывают их за дверями и запорами и всячески стараются обезопасить; другие закапывают даже в землю так, чтобы никто не мог найти их. Таким же образом следует и нам, собрав богатство добродетели, беречь его с великой тщательностью и не выкладывать на глаза всем, но скрывать его в самом надежном хранилище ума, и заграждать все входы пытающемуся похитить его, чтобы, сохранив это богатство в целости, могли мы, при перемене здешней жизни, иметь некоторые запасы на этот путь. Проживающие на чужой стороне, когда хотят возвратиться в свое отечество, задолго стараются исподволь собрать столько запасов, сколько достало бы им на всю дорогу, чтобы не подвергнуться голоду. Точно так и нам,

живущим здесь, как в чужой стороне (все мы, действительно, странники и пришельцы), надобно здесь уже заботиться и заготовлять себе духовные запасы, состоящие в добродетели, чтобы, когда Господь повелит нам возвратиться в свое отечество, мы были готовы, и часть этих запасов взяли с собой, а другую отправили наперед. Свойство этих запасов таково: что мы приготовим себе совершением добрых дел, то предупредит нас там, отворит двери дерзновения перед Господом и откроет вход, так, что мы войдем совершенно безбоязненно и найдем великое благоволение у Судьи.

2. И чтобы знал ты, возлюбленный, что это точно так, подумай только, что подающий щедрую милостыню и здесь живет с доброй совестью, и, когда переселится отсюда, находит великую милость у Судьи и услышит вместе с прочими эти блаженные слова: "**придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть**" (Матф. 25:34-35). Такую же награду получит каждый и за другие добродетели; так будет за исповедание грехов и за усердные молитвы. Если мы в настоящей жизни успеем омыть грехи исповедью и получить прощение от Господа, то отойдем туда чистыми от грехов и найдем себе великое дерзновение. Но невозможно найти на том свете какое-либо утешение тому, кто в настоящей жизни не смыл грехов, потому что "**во гробе**", сказано, "**кто будет славить Тебя**" (Псал. 6:6)? И справедливо: здешняя жизнь есть время подвигов, трудов и борьбы, а та - время венцов, наград и воздаяний. Будем же подвизаться, пока еще находимся на ристалище (εν τω σταδιω), чтобы в то время, когда должно получить венец и награду за труды, быть вам в числе не осуждаемых, а тех, которые с дерзновением получат венец на голову. Это сказал я вашей любви не даром и не напрасно, но потому, что желаю каждый день напоминать вам о добрых делах, чтобы, делаясь лучшими и совершенными и сияя добродетельной жизнью, вы стали безукоризненными и чистыми, чадами Божьими непорочными, и светили, как светильники, в мире, уча словом жизни в похвалу нам в день Христов, - чтобы одним видом своим приносили вы пользу тем, кто бывает с вами, и чтобы вступающие в беседу с вами получали общение в присущем вам духовном благоухании и добродетельной жизни. Как сообщество злых вредит имеющим сношение с ними, по слову блаженного Павла: "**худые сообщества развращают добрые нравы**" (1 Кор. 15:33), так и сообщество добрых весьма полезно сближающимся с ними. Поэтому человеколюбивый Господь наш и попустил жить добрым вместе со злыми, чтобы эти получили пользу от сообщества тех, и не оставались навсегда в грехе, но, имея постоянство перед глазами пример их, извлекали из него себе назидание. Сила добродетели такова, что и не делающие ее весьма уважают ее и относятся к ней с великой похвалой. Равномерно и порок постоянно осуждается даже теми, кто предан ему: так он для всех ясен и очевиден, и едва ли кто станет когда хвалиться им, но - удивительная вещь! - что замышляют на деле выполнить, то часто порочат словами и стараются скрыть от народа. И этим Бог показал Свою любовь к роду человеческому, что в каждом из нас поставил нелицеприятное судилище - совесть, которая делает, строгое различие между добром и злом; а это-то особенно и лишит нас всякого оправдания, что мы впадаем в грехи не по неведению, но по беспечности душевной и по нерадению о добродетели.

3. Имея это в уме своем ежечасно, будем усердно заботиться о своем спасении, чтобы, между тем как время проходит, мы незаметно не причинили себе величайшего вреда. Но для вступления довольно. Послушаем, если угодно, что это такое, чему и сегодня хочет научить нас благодать Духа устами Моисея. "**И сказал**", сказано, "**Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так**" (Быт. 1:9). Смотри, возлюбленный, какой здесь прекрасный порядок и последовательность. В начале (Моисей) сказал, что "**земля была безвидна и пуста**" от того, что покрыта была тьмой и водами; потом (доказал, что Бог) во второй день, повелев быть тверди, сделал разделение между водами, и твердь назвал небом; а теперь снова преподает нам учение, что в третий

день (Бог) повелел, чтобы находившаяся под небом или твердью) вода, соединявшись в "**одно место**", открыла (свободное) место, и явилась суша: "**и стало так**". Так как доселе все наполнено было водой, то Бог повелевает этому множеству воды собраться в одно место, чтобы таким образом открылась суша. Замечай, как Он мало-помалу выказывает нам благоустройство и красоту земли. "**И стало**", сказано, "**так**". Как же? Так, как повелел Господь. Он сказал только - и последовало исполнение. Это-то и свойственно Богу - распоряжаться тварями по своей воле. "**Да соберется**", сказано, "**вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша**" (ст. 3). Как по отношению к свету Бог, когда повсюду была тьма, повелел явиться свету, и сделал разделение между светом и тьмой, и назначил первый для дня, а последнюю для ночи; и как опять по отношению к водам, когда произвел Он твердь, то одним (водам) повелел занимать место выше, а другим быть ниже тверди, - так и теперь этим самым водам, которые под твердью, повелевает собраться в одно место, чтобы открылась суша, и чтобы потом и ей дать свое имя, как это было со светом и тьмой. "**Соберется**", сказано, "**которая под небом, в одно место, и да явится суша. И назвал Бог сушу землей**" (ст. 10). Видишь ли, возлюбленный, как невидимую и неустроенную землю, скрывавшуюся под водами, как бы под каким-либо покровом, Бог разоблачил, так сказать, и теперь показал нам лицо ее, назвав ее собственным именем? "**И собрания** [1] **вод**", сказано, "**назвал морями**" (ст. 10). Вот, и воды получили свое имя. Как отличный художник, когда намеревается устроить, по правилам своего искусства, какой-либо сосуд, не прежде дает ему название, как окончить его совсем, - так и человеколюбивый Владыка дотоле не дает названий стихиям, пока Своим повелением не поставит каждую из них на свое место. Затем, когда земля получила свое имя и пришла в надлежащий вид, удостоились своего названия и воды, собравшиеся вместе. "**Назвал**", говорит, "**собрания вод морями**", и прибавил опять: "**и увидел Бог, что это хорошо**". Так как немощная природа человеческая была не в состоянии достойно восхвалить создания Божьи, то божественное Писание наперед показывает нам, как они похвалены самим Создателем.

4. Когда знаешь, что твари оказались прекрасными перед самим Творцом, то тем более будешь удивляться им, однако не будешь в состоянии прибавить что-либо к их похвале и прославлению. Такого ты имеешь Владыку, совершающего такие дела, что они не могут принять от нас похвалы. И подлинно, как может человеческая природа достойно восхвалить или прославить дела Божьи? Усматривай и из последующего неизреченную мудрость великого Художника-Бога. Как открыл Он нам лицо земли, то уже дает ей Своим повелением надлежащее благолепие, украшая лицо ее разнообразными семенами. "**И сказал**", сказано, "**Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его**" по подобию [[2]], "**по роду его: и стало так**" (ст. 11). Что значит: "**и стало так**"? Повелел, то есть, Господь, и земля тотчас почувствовала болезни рождения и приготовилась к произращению семян. "**И произвела**", сказано, "**земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его**" (ст. 12). Подумай здесь, возлюбленный, как земля все произвела только по слову Господа. Еще не было ни человека-делателя, ни плуга, ни рабочих волов, ни другого попечения о ней, но лишь услышала (земля) повеление - и тотчас исполнила свою обязанность. Из этого познаем, что и теперь приносит нам плоды не рачительность земледельцев, не труд и вообще не изнурительная работа по возделыванию земли, но, прежде всего, этого слово Божье, сказанное ей в начале. С другой стороны, исправляя и впоследствии неразумие людей, божественное Писание обстоятельно излагает нам все по порядку, как что было, дабы устранить пустые толки тех, кои по своим соображениям утверждают, будто для спелости плодов требуется только действие солнца. Есть и такие, которые осмеливаются приписывать это даже некоторым звездам. Поэтому Святой Дух научает нас, что до сотворения этих стихий земля, повинуясь слову и повелению Его, произращает всякие

семена, не нуждаясь ни в каком другом содействии. Для нее вместо всего довольно было одного этого слова Божия: "**да произрастит земля зелень, траву**". Итак, будем следовать руководству божественного Писания, и никогда не станем слушать тех, которые без разбора говорят все, что только им вздумается. Пусть возделывают люди землю, пусть пользуются содействием животных и прилагают большую заботливость, пусть в воздухе будет благорастворение и соединятся все прочие обстоятельства; если не будет соизволения Владыки, все тщетно и напрасно, и от множества трудов и усилий не последует никакого успеха, если рука Вышнего не поможет и не даст зрелости посеянному. Кто не изумится и не удивится при мысли о том, как слово Господне: "**да произрастит земля зелень, траву**", сошедши в самые ущелья земли, украсило лицо ее, как бы чудной какой мантией, разнообразными цветами? И вот, прежде безобразная и неустроенная, она вдруг получила такую красоту, что почти может состязаться с небом. Как это, спустя немного, имеет украситься разнообразными звездами, так и она красовалась теперь таким разнообразием цветов, что и самого Творца побудила к похвале: "**увидел**", сказано, "**Бог, что это хорошо**" (ст. 12).

Видишь, как (Моисей), при создании каждой твари, представляет Создателя хвалящим ее, чтобы впоследствии люди, зная это, от тварей восходили к Творцу. Если твари таковы, что превышают природу человеческую и никто не может достойно восхвалить их, то что сказать о самом Творце? "**И увидел**", сказано, "**что это хорошо. И был вечер, и было утро: день третий**" (ст. 13). Видишь, как (Моисей) частым повторением учения хочет вкоренить в нашем уме значение того, о чем говорится? Надлежало бы сказать: и был день третий. Но вот он о каждом дне говорит так же, как и здесь: "**и был вечер, и было утро: день третий**" это не без причины и не без цели, но чтобы мы не нарушали порядка и не думали, будто с наступлением вечера оканчивается уже день, но знали бы, что вечер есть конец света и начало ночи, а утро конец ночи и полнота дня. Это именно хочет внушить нам блаженный Моисей словами: "**и был вечер, и было утро: день третий**". И не удивляйся, возлюбленный, что божественное Писание многократно повторяет это. Если и после такого повторения, объятые еще заблуждением и ожесточившиеся сердцем иудеи пытаются спорить и считают вечер началом наступающего дня, обольщая и обманывая сами себя, продолжают сидеть в тени, когда истина сделалась столь ясной для всех, и пользуются свечой, когда солнце правды повсюду разливает лучи свои, то кто мог бы вывести упорство неблагодарных, если бы (Моисей) предложил это учение не с такой точностью? [3]

Но они пусть ожидают воздаяния за свое безумие, а мы, удостоившиеся принять лучи солнца правды, будем следовать учению божественного Писания и, руководствуясь правилом (τω κανονι) его, сложим здравые догматы в сокровищнице нашего сердца, а с их соблюдением соединим великую заботливость о своем спасении и будем избегать того, что вредно для душевного нашего здравия, воздерживаясь от всего такого, как от смертоносных ядов. Этот вред гораздо более значит, и во столько более, во сколько душа лучше тела. Те яды причиняют телесную смерть, а вредное для душевного здравия наносит нам смерть вечную. Что же так вредно нам? Многое и разнородное, но более всего пристрастие к человеческой славе и неуменье пренебрегать ею. Эта страсть причиняет нам много зла, и, если мы имеем сколько-нибудь духовного богатства, она истощает его и лишает нас проистекающей отсюда пользы. Что может быть гибельнее этой заразы, когда она отнимает у нас и то, чем мы, кажется, обладаем? Так, фарисей тот сделался хуже мытаря, потому что не мог удержать своего языка, но через него, как через какое-нибудь отверстие, просыпал все свое богатство. Таково зло - тщеславие.

6. Скажи мне, почему и для чего ты ищешь похвалы от людей? Разве не знаешь, что эта похвала так же, как тень или что-либо еще более ничтожное, разливается по воздуху и

исчезает? Притом, и люди так непостоянны и изменчивы: одни и те же одного и того же человека сегодня хвалят, а завтра порицают. С божественным судом этого никогда не может быть. Не будем же безрассудны, не станем напрасно и всуе обманывать сами себя. Если мы делаем что-либо доброе, но делаем это не для того только, чтобы исполнить заповедь нашего Господа и быть известными Ему одному, то мы напрасно трудимся, лишая сами себя плода от этого доброго дела. Делающий что-либо доброе для получения славы от людей, получит ли ее, или нет, - а часто бывает, что при всех усилиях не может получить ее, - так получит ли или нет, пользуется уже здесь достаточной наградой, а там не получит никакого воздаяния за это дело. Почему? Потому что сам наперед лишил себя награды от Судьи, оказав предпочтение настоящему перед будущим, славе человеческой перед приговором праведного Судьи. Напротив, если мы делаем что-либо духовное для того собственно, чтобы только угодить тому неусыпному оку, перед которым все обнажено и открыто, тогда и сокровище у нас остается неприкосновенно, и (будущая) награда несомненна, и доброе ожидание этого само по себе уже доставляет вам великое утешение, и кроме того, что эта награда соблюдается вам в безопасном хранилище, может явиться вместе с тем и слава человеческая. Ведь тогда мы и пользуемся ею в большей мере, когда пренебрегаем ею, когда не ищем ее, когда не гоняемся за ней. И что дивишься, что так бывает у ведущих духовную жизнь, когда очень многие и из миролюбцев более всего гнушаются и презирают тех, кто домогается славы от людей; найдешь даже, что над такими людьми все издеваются за их тщеславие. Что же будет жальче нас, если мы, посвящая себя духовной жизни, станем, подобно этим людям, домогаться славы от людей и не довольствоваться похвалой от Бога? Так и Павел говорит: "**ему и похвала не от людей, но от Бога**" (Рим. 2:29). Не видишь ли, возлюбленный, как и на конских ристалищах погоняющие коней не обращают внимания на то, что весь сидящий тут народ рассыпает бездну похвал, и не чувствуют удовольствия от этих похвал, но смотрят на одного только царя, сидящего посреди, и, внимая его мановению, презирают всю толпу, и тогда только величаются, когда он возложит на них венки? Им-то подражая, и ты не дорожи людской славой, и не ради ее твори добродетель, но ожидай приговора от праведного Судьи, и, внимая Его мановению, таи, устраивай всю свою жизнь, чтобы тебе и здесь постоянно питать добрые надежды, и там наслаждаться вечными благами, которые да получим все мы по благодати и человеколюбию Господа вашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков, Аминь.

---

[1] Συστηματα, как в Лукиан. и др. сп., а не συστεματα, как в Александр.сп.

[2] Так Златоуст: εν αυτω καθ' ομοιοτητα, κατά γενος, вопреки Лукиан. чтению, где εν αυτω κατά γενος = въ нем, по роду (Елизав. Библ.), но сходно с Алекс. и Бодлеан. сп.; в масор. тексте читается только „лемино = по роду своему"

[3] Это обличение Златоуста падает и на тех толкователей, которые при объяснении истории твореная начинают, подобно иудеям, счета, дней или суток с вечера.

БЕСЕДА 6

И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов (Быт. 1:14).

1. Хочу обратиться к обычному учению, но останавливаюсь и медлю; облако уныния нашло на ум мой, возмутило и расстроило его; а лучше сказать, облако не только уныния, но и гнева, и я не знаю, что мне делать, - такое смущение овладело моей душой. В самом деле, как подумаю, что лишь только дьявол немного дунул, вы, забыв наше непрерывное учение и каждодневное увещание, все побежали на сатанинское то позорище, когда случились конские скачки, то могу ли с ревностью опять предлагать вам учение, когда все прежнее так скоро исчезло? Особенно увеличивает мою скорбь и усиливает мой гнев то, что вы, вместе с нашим увещанием, выбросили из души своей и благоговение к святой четыредесятнице и, таким образом, сами отдались в сети дьявола. Как может кто-либо, хотя бы у него была каменная душа, легко перенести такую небрежность вашу? Стыжусь, поверьте, и краснею, когда вижу, что мы напрасно трудимся и бросаем семя на камни. Но слушаете ли вы слова мои или не слушаете, назначенная награда будет мне, потому что я исполнил весь долг свой, отдал серебро, сделал внушение. Только боюсь и беспокоюсь, чтобы через это самое мне не сделаться виновником большего вашего осуждения. "**Раб мой**", сказано, "**который знал волю господина своего, и не делал по воле его, бит будет много**" (Лук. 12:47). Никто из вас не может уже сослаться на незнание, когда мы ежедневно так внушаем вам одно и то же, и показываем дьявольские сети и великую легкость добродетели, если только захотим быть бдительными. Или не знаете, что тех, которые так нерадят о своем спасении, и иногда приходят сюда, а в другое время сами отдаются в сети дьявола, божественное Писание сравнивает с псами? Человек, говорит оно, отвращающийся от греха своего и опять возвращающийся к нему, подобен псу, возвращающемуся "**на блевотину свою**" (Прит. 26:11). Вот, кому стали подобны убежавшие на нечестивое то зрелище. Не слышали ли вы, что сказал Христос: "**всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое**" (Матф. 7:26-27)? А убежавшие на конское ристалище сделались хуже и этого человека. У него дом упал, по крайней мере, уже после сильного напора (рек и ветров); а под именем рек и ветров (Христос) дает нам разуметь не множество воды и стремительность ветров, но сильное действие искушений, и разрушение храмины мы должны относить не к чувственному дому, а к душе, падающей от напора несчастий и не могущей противостать им. А на вас и ветер не устремился и реки не обрушились, но только подуло легкое дьявольское веяние - и всех вас увлекло. Что может быть хуже этого безрассудства? Какая, скажи мне, польза от поста? Какой плод от хождения сюда? Кто не восплачет о вас и не пожалеет нас? О вас потому, что вы вдруг рассыпали все, что только собрали, и отворили двери сердца своего злому демону, так что он вошел и весьма легко унес у вас все духовное богатство. А мы заслуживаем, сожаления потому, что так проповедуем в мертвые уши и терпим такой ущерб, каждый день сей и, не имея возможности собрать какой-либо плод. Разве мы для того стараемся говорить, чтобы только тешить ваш слух, или заслужить похвалу от вас? Если вы не намерены извлекать для себя пользу из наших слов, то лучше нам уже замолчать: я не хочу подвергать вас большему осуждению. Купец, который собрал большой груз товаров и наполнил свой корабль великим богатством, представляет собой жалкое зрелище, когда внезапно поднявшаяся буря и сильный напор ветра затопит корабль его и с людьми: он вдруг является нагим, после великого и неисчислимого богатства оказывается в крайней бедности. Точно то же сделал теперь с вами дьявол: нашедши духовный ваш корабль наполненным великого богатства и увидев неисчислимое сокровище, которое вы успели собрать от поста и непрерывных поучений, он навел, как бурю какую, это бесплодное и гибельное позорище, и через него лишил вас всего богатства.

2. Знаю, что я употребил сильное обличение; но простите, прошу: такова уже огорченная душа. Не по вражде говорю это вам, но по заботливости, от души, любящей вас. Поэтому,

смягчив несколько строгость свою, так как я остановил самое расширение раны, хочу обратить вашу любовь и к добрым надеждам, чтобы вы не упали духом и не пришли в отчаяние. Здесь не так бывает, как в делах чувственных. Там богачу, дошедшему до крайней бедности, нельзя вдруг опять разбогатеть; а здесь, по милости Божьей, если только захотим признать виновность дел своих и не простирать далее свою беспечность, можем скоро сделаться по-прежнему богатыми. Таков наш Владыка, так Он щедр и милостив; вот Он через пророка вопиет: хотением не "**хочу смерти беззаконника, но чтобы он обратился от путей своих и был жив**" (Иезек. 18:23). Знаю, что вы, как добросовестные, сознаете свой грех; а сознание тяжести грехов не мало способствует обращению к добродетели. Только никто не говори мне опять этих дьявольски обольстительных слов: что это за грех - посмотреть на конские ристалища? Если захочешь тщательно смотреть все, что бываете, там, то найдешь все исполненным сатанинской силы. Там можно видеть не только бегающих коней, но и слышать крики, богохульства и бездну неприличных слов; там являются перед всеми и непотребные женщины, и женоподобные юноши. Или этого кажется тебе мало для того, чтобы душу твою сделать пленницей? Если и случайные встречи часто служат для невнимательного преткновением, низвергают его и увлекают в самую бездну погибели, то, что должно быть с теми, которые за тем именно и приходят туда, питают глаза свои этими преступными зрелищами, и выходят оттуда совершенными любодеями? Человеколюбивый Господь наш знал, как легко наша природа поддается искушениям и как хитра и лукава злоба дьявола, и потому, чтобы оградить нас от многих опасностей и сделать неуловимыми для его сетей, постановил такой закон: "**кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем**" (Матф. 5:28), называя нескромный взгляд прелюбодеянием. Так никто уже не говори мне: какой вред от пребывания там? Уже одно (смотрение на) состязания коней может причинить душе не мало вреда. Когда мы тратим время на бесполезное, не только не приносящее ничего доброго нашей душе, но и оскверняющее ее, когда мы перебраниваемся и произносим тысячу неприличных слов, то чем можем извиниться в этом, чем оправдаться? Вот здесь, если мы несколько распространим поучение, многие негодуют, скучают и жалуются на усталость и утомление, хотя этот чудный кров (храма) достаточно защищает их и от холода, и от дождя, и от жестоких ветров. А там, пусть и сильный дождь льет, и жестокие ветры дуют, и солнце палит, однако же, проводят не один и не два часа, но большую часть дня; старец не стыдится своих седин, и юноша не совестится идти на то, что разжигает стариков: нет, обольщение таково, что эту отраву душ принимают даже с удовольствием, и не думают ни о кратковременности гибельного удовольствия, ни о продолжительности скорби, ни об упреках совести. Вот и теперь, смотрю я на лица некоторых, и догадываюсь, каково состояние души их, и в какое приходят они раскаяние. Но чтобы вы опять не впали в тот же грех и после такого нашего увещания не пошли опять на сатанинские те сборища, необходимо употребить угрозу (διαμαρτυρασθαι). Не всегда хорошо давать легкие лекарства; когда рана упорна, тогда должно прилагать сильные лекарства, причиняющие боль, чтобы скорее последовало выздоровление.

3. Итак, пусть все виновные знают, что, если они, и после этого нашего увещания, будут вести себя так же небрежно, мы не потерпим более, но, на основании законов церковных, с великой строгостью научим их не делать таких проступков и не с таким небрежением слушать слово Божье. Это относится, конечно, не ко всем. Каждый из слушателей принимай соответственное лекарство: виновный в этом грехе, чтобы остановить свою беспечность и не простирать ее далее, но с усердием после этого обратиться и исправиться в прежних грехах; а невиновный пусть будет осторожнее, чтобы не увлечься и не сделаться когда-либо виновным. Но чтобы самым делом убедить вашу любовь в том, что мы, по внушению любви и великой заботливости и по сильному опасению относительно вашего спасения, вынуждены были сказать это, вот опять, питая себя

доброй надеждой, предложим вам обычное учение, и тем покажем вам свое отеческое расположение, какое имеем к вам. Только, прошу, слушайте слова мои внимательно, чтобы вам получить больше плодов и с тем возвратиться домой. Следует сказать вашей любви о том, что ныне читалось. "**И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной, освещать**" землю [1] "**для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов**" (Быт. 1:14). "**И да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так**" (Быт. 1:15). Вчера блаженный Моисей показал нам, как Создатель вселенной украсил безвидность земли травами, разнообразными цветами и произрастанием семян, сегодня он обратил слово к украшению неба. Как земля украшается тем, что из нее возникло, так и это видимое небо (Бог) сделал светлее и блистательнее, усеяв его разнообразными звездами и создав два великие светила, то есть, солнце и луну. "**И создал**", сказано, "**Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды**" (Быт. 1:16). Видишь премудрость Творца? Сказал только - и явилась эта чудная стихия, то есть солнце. Его-то (Моисей) называет великим светилом, и говорит, что оно создано для управления днем. Оно делает день яснейшим, бросая лучи свои, как какие-либо молнии, ежедневно показывая во всем блеске свою красоту, появляясь вместе с утром и пробуждая всех людей к исполнению своих дел. Его-то красоту изображая, блаженный пророк говорит: "**оно выходит, как жених из брачного чертога своего, радуется, как исполин, пробежать поприще**. **От края небес исход его, и шествие его до края их**" (Псал. 18:6-7). Видишь, как (Давид) изобразил и красоту и быстроту движения (солнца)? Словами: "**от края небес исход его, и шествие его до края их**" (Давид) показал нам, как (солнце) мгновенно обтекает всю вселенную и от края до края разливает лучи свои, через то доставляя великую пользу. Оно не только греет, но и сушит; и не только сушит, но жжет, доставляя нам многую и разнообразную пользу; это весьма удивительная стихия, и едва ли кто в состоянии по достоинству все выразить. Говорю так и превозношу эту стихию не для того, чтобы ты, возлюбленный, останавливался на ней, но чтобы от нее восходил выше, и перенес свое удивление на Творца этой стихии. Чем большей представляется стихия, тем более дивным является Создатель.

4. Но ученики эллинов, приходя в удивление и изумление перед этой стихией, не могли прозреть далее и прославить Творца, а остановились на стихии и обоготворили ее. Поэтому блаженный Павел и говорит: "**и поклонялись, и служили твари вместо Творца**" (Рим. 1:25). Что может быть безумнее этих людей, которые не могли из создания познать Создателя, но впали в такое заблуждение, что тварь и создание возвели на степень Творца? Поэтому божественное Писание, предвидя удобопреклонность беспечных людей к заблуждению, учит нас, что эта стихия сотворена спустя три дня, после того, как произросли на земле все семена и земля получила свое украшение: пусть после этого никто не посмеет сказать, будто без содействия солнца не могут созревать произрастания земли. Поэтому (Моисей) показывает тебе, что все было совершено до создания солнца, чтобы ты созревание плодов приписывал не ему, но Творцу вселенной, Который вначале сказал: "**да произрастит земля зелень, траву**". Если же будут говорить, что и действие солнца способствует спелости плодов, то этому не стану противоречить. Как говоря о земледельце, что он содействует плодоносности, я не приписываю всего земледельцу, но (высказываю то, что) сколько бы ни трудился земледелец, труды его не будут успешны, если не благоволит подвигнуть землю к плодоносности Тот, Кто вначале возбудил ее к этому, - таким же образом говорю, что, пусть к трудам земледельца присоединится и действие солнца и луны и благорастворение воздуха, - и тогда не будет успеха, если не поможет десница Вышнего; когда же соизволит эта державная рука, тогда и действие стихий принесет весьма великую пользу. Помня это твердо, заграждайте уста коснеющим в заблуждении и не позволяйте должное Творцу почтение воздавать тварям. Поэтому и божественное Писание изображает нам не только красоту, величие и благотворность

солнца словами: "**как жених**", и: "**радуется, как исполин, пробежать поприще**", но также слабость и ничтожество. Послушай, что говорит оно в другом месте: "**что светлее солнца? но и оно затмевается**" (Сирах. 17:30). Да не обольщает тебя вид (солнца): если захочет повелеть Создатель, оно исчезнет, как будто бы и не было его. Если бы знали это ученики эллинов, то не впали бы в такое заблуждение, но видели бы ясно, что от рассмотрения тварей должно возноситься к Творцу. Поэтому и создал солнце в четвертый день, чтобы не подумал ты, будто оно производит день. Что сказали мы о семенах, то же скажем и о дне, именно, что прошло три дня до сотворения солнца. Но Господь восхотел через эту стихию сделать свет дня еще более ясным. То же самое можем сказать и о меньшем светиле, то есть, луне: прошло три ночи и до ее сотворения; однако и она, будучи создана, приносит свою пользу, рассеивая мрак ночи и почти так же, как солнце, содействуя всему прочему. То назначено "**для управления днем**", а эта "**для управления ночью**". Что значит: "**для управления днем**" и "**для управления ночью**"? То, что солнце получило власть над днем, а луна над ночью, чтобы то своими лучами делало день светлее, а эта разгоняла мрак и своим светом доставляла людям удобство исправлять дела свои, так как и путешественник тогда смело отправляется в путь, и пловец спускает судно и плывет по морю, и каждый ремесленник весьма свободно занимается своим делом. Показав нам пользу этих светил, Моисей говорит и о звездах. "**И поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы**" (Быт. 1:17-18).

5. Подумай, какую пользу (Моисей) указал нам и в звездах. "**Поставил**", говорит, "**на тверди небесной**". Что значит "**поставил**"? Не то же ли, что "**водрузил**"? Нет; мы видим, что они часто в одно мгновение пробегают великое пространство и никогда не стоят на одном месте, но совершают свое течение, какое назначено им от Господа. Что же значит "**поставил**"? Значит: повелел быть им на небе. Писание, как увидим впоследствии, говорит в другом месте, что Бог "**поместил**" [2] "**Адама**" в раю (Быт. 2:8), не в том смысле, что водрузил его в раю, а в том, что повелел ему быть в раю. Таким же образом можем и о звездах сказать, что Бог повелел им быть на тверди небесной и изливать свой свет на землю. Подумай, возлюбленный, не приятнее ли всяких лугов и садов смотреть ночью на звездное небо, - как оно украшено разнообразными звездами, будто какими цветами, и как эти звезды льют на землю множество света? Они к тому и назначены, чтобы светить на землю и управлять днем и ночью, что сказано вообще и о великих светилах. Сообщив нам о сотворении двух светил и звезд, Моисей обо всех вообще говорит: "**и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы**". Как днем не видно звезд, бегущих по небу, совершающих свой путь (потому что их действие скрывает, вследствие своей яркости, свет солнца), так и солнце никогда не видно ночью, потому что луна своим светом достаточно озаряет мрак ночи. Каждая из стихий, оставаясь в собственных пределах, никогда не переходит за свою черту, но, соблюдая повеление Владыки, исполняет свое дело. Кто может исчислить все прочие благодеяния, которые эти светила и звезды доставляют роду человеческому? "**Да будут**", сказано, "**для знамений, и времен, и дней, и годов**". Что значит "**для знамений, и времен, и дней, и годов**"? Божественное Писание хочет показать нам, что течение их дает нам знание времен и поворотов [3], счета, дней, продолжение года и все мы можем распознавать по ним. Наблюдая их течение, смотря на небо и тщательно все замечая, кормчий пускается в плавание и часто среди самой темной ночи бывает в состоянии, по наблюдению звезд, направить судно и своим искусством спасти плывущих. По ним же и земледелец узнает, когда надобно посеять семена, когда вспахать землю плугом, когда навострить серп и пожать ниву. И вообще, знание времен, счет дней и годичный круг доставляют нам не мало пособий к благоустройству жизни. И на многое можно бы указать, производимое этими созданиями для человеческого благоустройства, но перечислить все с точностью едва ли кто в состоянии. Поэтому, заключая из немногого, нужно видеть, как велика

польза их, и, удивляясь созданиям, покланяться их Создателю, прославлять Его и изумляться неизреченной любви, какую Он показал роду человеческому, сотворив все это не для чего иного, как только для человека, которого Он намеревался, спустя немного, поставить над всеми своими тварями, как какого-либо царя и властителя. "**И увидел Бог**", сказано, "**что это хорошо**". Видишь, как божественное Писание, после каждого дня, показывает, что твари угодны Богу, дабы отнять всякое оправдание у тех, которые осмеливаются порицать Его создания. А что точно с этой целью) божественное Писание замечает это о каждой твари, видно из частого повторения. Довольно было, конечно, по сотворении всего однажды сказать, что "**все, что создал**" Бог, "**хорошо весьма**" (Быт., 1:31); но Писание, зная большую слабость нашего разума, делает это и по частям, дабы внушить нам, что все создано высочайшей мудростью и неизреченной любовью. "**И был**", говорит, "**вечер, и было утро: день четвертый**" (Быт., 1:19). Когда окончил (Бог) украшение неба, усеяв его звездами и сотворив два светила великие, то положил конец дню и говорит: "**был вечер, и было утро: день четвертый**". Смотри, как он говорит это о каждом дне, чтобы частым повторением учения укрепить в нашем уме божественные догматы.

6. Начертав все это на широте нашего сердца (τω πλατει της καρδιας) и изгнав из него всю беспечность, будем тщательно содержать здравые догматы и порабощенных эллинскому заблуждению учить со всей кротостью, чтобы не нарушали порядка и, оставив Создателя, не покланялись тварям, созданным для нашего блага и спасения. Пусть эллины повторяют (свое лжеучение) хоть до истощения сил, я громко взываю, что все это создано для человеческого рода, потому что, будучи вседоволен, Творец не имел нужды ни в одной из этих тварей, но, чтобы показать свою любовь к нам, Он создал все это, показывая нам то, как Он ценит род человеческий, и (научая тому), чтобы мы, руководясь этим, воздавали подобающее Ему поклонение. И какое было бы безумие, увлекаясь красотой тварей, останавливаться на них, и не поднимать умственного взора к Творцу, не внимать блаженному Павлу, который говорит: "**невидимое Его от создания мира через рассматривание творений видимы**" (Рим. 1:20)? Что говоришь, человек? Посмотрев на небо, удивляешься его красоте, разнообразию звезд, чрезмерному блеску? Не останавливайся на этом, но прострись умом своим к их Создателю. Тебя поражает также свет солнца: видя великую благотворность его, ты приходишь в удивление, и, как увидишь, что лучи его озаряют твои взоры, изумляешься красоте этой стихии? Но и на этом также не останавливайся, но подумай, что, если тварь так чудна и удивительна, и превышает всякое человеческое понятие, то каков Тот, Кто создал ее одним словом и повелением? Так же рассуждай и о земле: когда видишь землю украшенной цветами, покрытой всюду растениями, подобно разноцветной одежде, не приписывай этих произведений земли ее силе, ни содействию солнца или луны, но благоговейно подумай, что, еще прежде создания их, Бог сказал только: "**да произрастит земля зелень, траву**" - и тотчас украсилось все лицо земли. Если мы каждодневно будем размышлять об этом, то и сами будем благоразумнее, и Господу воздадим подобающее, или - лучше сказать - соразмерное нашим силам славословие. А прославим Его не только этим, но и доброй жизнью, если не будем впадать в те же грехи, напротив, если, совсем отринув дьявольские обольщения, привлечем на себя небесное благоволение последующею (τη μετα ταυτα) внимательностью, великим усердием и постоянным исповеданием. Для Него, по великому Его человеколюбию, довольно, чтобы мы отстали только от греха. Если решимся на это, то легко уже устремимся и на добрые дела. Так никто впредь, прошу вас, не показывайся на конских ристалищах; никто даже не проводи дня в неприличных собраниях; не предавайся игре в кости и происходящему из-за нее крику, и прочим гибельным удовольствиям. Какая, скажи мне, польза от поста, когда ты целый день воздерживаешься от пищи, а между тем предаешься игре в кости, и тратишь весь день в пустословии, а нередко даже в клятвах и богохульстве? Нет, прошу, не будем так беспечны о своем

спасении; напротив, пусть всегда будет у нас разговор о духовном, и каждый, взявши в руки божественную книгу и созвавши ближних, да питает словом Божьим душу и свою и собеседников своих, чтобы таким образом нам и избегнуть козней лукавого, и получить от поста великие блага, и насладиться любовью Бога, по благодати и человеколюбию Единородного Сына Его, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Текст Злат.: εις φαυσιν επι της γης, του διαχωριζειν... согласно с Лукиан. и другими сп., и вопреки Александр. сп., где φαυσιν της γης = освещать землю (Елизав. Библ.) Согласие с Лукиан. сп. у Злат. выразилось здесь и в том, что у него не читается дальнейших затем слов: και αρχειν της ημερας και της νυκτος = "управлять днем и ночью", как в Алекс. и др. списках. В масор. тексте не читается ни первых, ни последних слов.

[2] В славянской Библии: введе, в греч. εθετο, что буквально будет "положил" и составляет более близкую передачу евр. вайясем = "поставил", каковое выражение вполне соответствует содержанию этого библ. повествования.

[3] της των τροπων αναλλαγης; разумеются зимний и летний повороты, определяемые по солнцу.

БЕСЕДА 7

И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. [И стало так.] И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их (Быт.1:20,21).

1. Вчера мы достаточно обличили ходивших на конские ристалища, показали им великий вред, какой они потерпели, расточив вдруг духовное богатство, собранное ими от поста, и из великого обилия внезапно повергши себя в крайнюю нищету. Сегодня же употребим более легкий способ врачевания, и обвяжем душевные раны так, как бы это были наши члены: ведь и вчера мы приложили более острые лекарства не для того, чтобы только опечалить их и увеличить боль, но чтобы сильным средством достигнуть раны. Так обыкновенно делают и врачи, и отцы: первые прикладывают более сильные лекарства, а как рана прорвется, тогда уже употребляют успокоительные; а отцы, когда видят своих детей безчинствующими, употребляют сперва сильные обличения, а потом внушения и увещания. Таким же образом и мы вчера сказали сильное обличение, а сегодня побеседуем кротко, и будем врачевать их, как свои члены. Как ваше преспеяние сообщает нам более дерзновения, и наше духовное богатство – видеть вас возрастающими в духовном, сияющими добродетелью и воздерживающимися от вредного, так, когда замечаем, что вы протыкаетесь и увлекаетесь диавольскими обольщениями, исполняемся скорби, и стыд, так сказать, разливается у нас по душе. Подобно блаженному Павлу, мы тогда **живы, когда вы стоите в Господе** (1Фес.3:8). Итак, как совершенные и разумные, заднее забывайте, а простирайтесь вперед, и возобновив заветы, которые вы поставили со Христом, храните их впредь твердо; здравым рассуждением заключив всякий вход диавольским козням, последующим усердием смойте нечистоту, приставшую к вам от безпечности; победите неуместную и вредную привычку, размыслив, что зло не в том только, что ходящие туда (на конские ристалища) причиняют самим себе великий вред, но и в том, что служат соблазном для многих других. В самом деле, когда увидят язычники и

иудеи, что тот, кто каждодневно бывает в церкви и постоянно слушает поучение, вдруг является там и смешивается с ними, то не сочтут ли нашего (учения) обманом и не возымеют ли такого же мнения обо всем, что есть у нас? Разве не слышишь, как блаженный Павел громогласно убеждает и советует: **не подавайте соблазна** (1Кор.10: 32)? А чтобы не подумал ты, будто такое внушение его касается только своих, принадлежащих вместе с нами к одному обществу, он прибавил: **ни Иудеям, ни Еллинам,**, и потом уже сказал: **ни церкви Божией**. Ничто столько не вредит нашей вере, как то, когда мы подаем соблазн неверующим. Когда они видят, что некоторые у нас сияют добродетелью и показывают великое презрение к мирскому, то одни из них досадуют, а другие нередко приходят в удивление и изумляются, что люди, одинаковые с ними по природе, живут неодинаково с ними. Напротив, когда заметят в ком-либо из нас хотя малую небрежность, тотчас изощряют язык против всех нас вообще, и из-за безпечности одного произносят общий приговор обо всем христианском народе. И даже не останавливаются и на этом, но, на погибель себе, из-за небрежности рабов осмеливаются хулить всеобщего Владыку, и чужую безпечность считают покровом своего собственного заблуждения.

2. А что это подвергает величайшей опасности тех, которые подают повод к богохульству, послушай пророка, который вопиет, и говорит от лица Божия: **горе вам, яко вас ради имя мое хулится во языцех** [в русском переводе: народ Мой взят даром, властители их неистовствуют, говорит Господь, и постоянно, всякий день имя Мое бесславится] (Ис.52:5). Страшное, ужасающее слово! Это **горе** есть как бы вопль плачущего о людях, имеющих подвергнуться неизбежному наказанию. Но как подающих своею безпечностью повод неверным к богохульству ожидает столь великое наказание, так, напротив, заботящихся о добродетели ожидают безчисленные венцы. Это самое внушая, Христос сказал: **так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного** (Мф.5:16). Как неверные, соблазняясь безпечностью некоторых (христиан), изощряют язык против Господа нашего, так, когда вы, говорит (Христос), живете добродетельно, люди, вас видящие, не останавливаются на прославлении вас, но видя, что ваши дела сияют и озаряют лица ваши, возбуждаются к прославлению небесного Отца вашего. А между тем, как это делается ими, награда нам же умножается, за прославление от них Господь нам дарует безчисленные блага: **Я прославлю прославляющих Меня**, говорит Он, **а бесславящие Меня будут посрамлены** (1Цар.2:30). Итак, возлюбленные, будем все делать так, чтобы славился Господь наш, и не подадим никому повода к соблазну. Этому постоянно учит нас вселенский учитель, блаженный Павел; в одном месте он говорит: **если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек** (1Кор.8:13), а в другом: **а согрешая таким образом против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа** (ст. 12). Угроза сильная, подвергающая тяжкому осуждению! Не подумай, говорит он, будто вред касается только того, кто тобою соблазняется; нет, он переходит на самого Христа, распятого за того человека. Если же Господь твой не отрекся быть распятым за него, то ты ужели не решишься сделать все, чтобы только не подать ему никакого повода к соблазну? И везде, как ты найдешь, он внушает это ученикам своим, потому что от этого зависит благосостояние жизни нашей. Поэтому и в другом послании говорит: **не о себе только каждый заботься, но каждый и о других** (Флп.2:4); и, еще в другом месте: **все мне позволительно, но не все назидает** (1Кор.10:23). Видишь ли апостольскую мудрость? Хотя и можно бы мне, говорит он, что-нибудь сделать, и нисколько это не вредит мне, однако я не позволю себе это сделать, так как это не способствует назиданию ближнего. Вот любящая душа! Вот как она заботится не о себе только, но во всем показывает величайшую добродетель, состоящую в том, чтобы заботиться о назидании ближнего. Зная все это, будем, прошу, беречься и воздерживаться от того, что может причинить вред богатству вашей добродетели; никогда также не будем

делать ничего такого, что как-нибудь вредит ближнему. Это и увеличивает грех, и более тяжкое приготовляет нам наказание. Не будем пренебрегать и самым незначительным человеком и говорить такие жесткие слова: «какое мне дело, если он соблазняется». Что говоришь? – скажи мне. Какое тебе дело? Христос повелел тебе вести такую чистую жизнь, чтобы видящие тебя не только удивлялись тебе, но и прославляли твоего Господа, а ты делаешь противное, заставляешь, вместо славословия, произносить хулы на Него, и - нисколько не безпокоишься? Есть ли это признак души благочестивой и верно знающей законы Божии?

3. Но если кто прежде, по привычке, безразлично, и говорил так, то теперь, приняв наше внушение, отвыкнет от этих неприличных слов, и постарается делать все так, чтобы ему и не подвергнуться осуждению от неусыпного того ока, и не испытывать упреков своей совести, и чтобы видящие его не произносили хулы на Господа. Если мы будем с такою осторожностью располагать своими поступками, то получим и от Господа великую милость, и избегнем козней диавольских. Когда (диавол) увидит, что мы так бдительны и осторожны, то зная, что его покушения будут безполезны, удалится со стыдом. Но для вступления довольно. Теперь, предложим, вашей любви нынешнее чтение (из Писания), приготовим вам духовное угощение, и рассмотрим, чему и сегодня хочет научить нас блаженный Моисей, или – лучше сказать – Святый Дух его устами. Что же он говорит? – **И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. [И стало так.]** (Быт.1:20). Смотри на человеколюбие Господа, как Он учит нас о всяком творении своем в порядке и последовательности! Сперва Он показал нам, как своим повелением возбудил Он землю к произращению плодов; потом, дав знать о сотворении двух светил, сказал и о разнообразных звездах, посредством которых сделал красоту неба блистательнейшею. Сегодня переходит уже к водам, и показывает нам, что из них словом и повелением Его произошли одушевленные животные. **Да произведет**, говорит, **вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной**. Какой ум, скажи мне, может достигнуть это чудо? Какой язык будет в состоянии достойно прославить Создателя? Сказал только: **да произрастит земля** – и тотчас возбудил ее к плодоношению; и теперь говорит: **да произведет вода**. Смотри, как согласны между собою Его повеления! Там говорит: **да произрастит**, здесь: **да произведет вода пресмыкающихся, душу живую**. Как о земле сказал только: **да произрастит**, – и явилось великое разнообразие цветов, трав и семян, и все произошло по одному слову, так и здесь сказал: **да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной** – и вдруг произошло столько родов пресмыкающих, такое разнообразие птиц, что и исчислить словами невозможно. Слово кратко, речение одно, а роды животных многочисленны и разнообразны. Но не изумляйся, возлюбленный: это слово Божие, а слово Божие даровало бытие (всему) существующему. Видишь, как Он все приводит из небытия в бытие? Видишь обстоятельность учения? Видишь, снисхождение Господа к роду нашему? Откуда бы мы могли узнать это так обстоятельно, если бы Он, по великому и неизреченному человеколюбию Своему, не благоволил устами пророка научить род человеческий, чтобы мы знали и порядок создания тварей, и силу Творца, и то, как слово Его стало делом, и повеление Его дало тварям состав и (указало) способ происхождения.

4. Но есть такие неблагодарные, которые и после такого научения осмеливаются не верить и не допускают даже, чтобы был Создатель видимого, но одни из них говорят, что все произошло само собою, а другие – что создано из какого-то готового вещества. Смотри, какое обольщение от диавола, как он воспользовался легковерием поддающихся заблуждению! Поэтому-то блаженный Моисей, наставляемый Духом Божиим, и учит нас с такою обстоятельностью, чтобы мы не впали в одинаковое с этими людьми

заблуждение, но могли ясно знать и порядок и способ сотворения каждой вещи. Если бы Бог не позаботился о нашем спасении и не поруководил языком пророка, то довольно было бы сказать, что Бог сотворил небо, и землю, и море, и животных, не показывая ни порядка дней, ни того, что создано прежде, и что после. Но чтобы неблагодарным не оставалось никакого предлога к извинению, (Моисей) так ясно различает и порядок творения, и число дней, и обо всем учит нас с великим снисхождением, чтобы мы, узнав всю истину, уже не внимали ложному учению тех, которые обо всем говорят по собственным умозаключениям, но могли бы постигать неизреченную силу нашего Создателя. **И стало**, сказано, **так**. Сказал: **да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной** – и послушалась стихия, и повеление исполнилось. **И стало**, сказано, **так**, как повелел Господь: **и сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо** (ст. 21). **И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле** (ст. 22). Смотри и здесь, какова премудрость Духа! Сказав вообще, что **и стало так**, блаженный Моисей учит нас и подробно, когда говорит далее: **и сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо**. Здесь опять обуздывает дерзость тех, которые обо всем говорят необдуманно. Чтобы не вздумал кто-либо говорить: для чего это созданы киты? Какую они доставляют нам услугу? Какая польза от их сотворения? – Моисей, сказав: **и сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее**, тотчас присовокупил: **и увидел Бог, что это хорошо**. Не дерзай, говорит, поносить творения (Божии) потому только, что тебе неизвестна цель их. Слышал ты, как Господь произнес приговор и сказал, **это хорошо**? Как же безрассудно отваживаешься говорить: для чего это сделано и поносить создание этих тварей, как будто ненужных? Если будешь благоразумен, то можешь и из создания этих тварей познать и могущество и неизреченное человеколюбие Господа: могущество в том, что Он словом и повелением произвел таких животных, а человеколюбие в том, что, произведши их, назначил им свое место в неизмеримом море, чтобы ее они никому не вредили, но жили бы в водах и видом своим возвещали о высочайшем могуществе Творца, не причиняя никакого вреда человеческому роду. Ужели ты считаешь это маловажным благодеянием, что от них бывает тебе двоякая польза? Они благомыслящих приводят к познанию Бога и располагают изумляться великому Его человеколюбию в том, что освободил человеческий род от вреда с их стороны. Ведь не все же создано только для нашего употребления, но, по великой Его щедродательности, иное сотворено для нашего употребления, а другое для того, чтобы возвещалось могущество Создавшего это. Итак слыша, что **увидел Бог, что это хорошо**, не дерзай противоречить божественному Писанию, ни задаваться праздными и излишними вопросами и говорить: почему то и то создано? **И благословил их Бог**, сказано, **говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле**.

5. Благословение состоит в том, чтобы эти животные размножались. Так как созданы были одушевленные твари, и (Творцу) угодно было, чтобы они существовали постоянно, то (Моисей) и присовокупил: **и благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь**. И это слово (Божие) доселе сохраняет их; протекло столько времени, и ни одна порода их не уменьшилась. Благословение Божие и это слово: **плодитесь и размножайтесь**, даровало им способность продолжать бытие свое непрерывно. **И был**, сказано, **вечер, и было утро: день пятый** (ст. 23). Видел ты, как божественное Писание преподало нам учение и о том, что сотворено в пятый день? Но подожди несколько, и опять увидишь человеколюбие Господа. Он не только возбудил воды к порождению животных, но

повелел и из земли произойти животным суши. Не неуместно сегодня коснутся несколько и того, что сотворено было в шестой день. **И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так** (ст. 24).

Видишь, как и земля, повинуясь Божию повелению, приносить двойной плод. Тогда произвела она растения, а теперь одушевленные животные, четвероногие, пресмыкающиеся, зверей и скотов. Вот и теперь оказывается то же, о чем я прежде говорил, то есть, что Бог создал все не для нашего только употребления, но и для того, чтобы мы, видя великое богатство созданий Его, изумлялись могуществу Создателя, и могли понять, что все это с премудростью и несказанною благостью создано для чести имеющего явиться человека.

И создал, сказано, **Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо** (ст. 25). Где теперь осмеливающиеся говорить: для чего звери? для чего пресмыкающиеся? Пусть они послушают слов божественного Писания: **и увидел Бог, что это хорошо**. Скажи мне, сам Творец одобряет творимое, а ты осмеливаешься поносить? Какое же это безумие! Ведь, что касается до семян и растений, земля произвела не только плодовитые древа, но и безплодные, не только безполезные для нас травы, но и неизвестные и даже вредные нам; однакож поэтому никто не осмелится хулить эти создания, так как ничего не создано напрасно и без цели: да и похвалы не получило бы от Творца, если бы не было создано для какого-либо полезного употребления. Как и между деревами не все плодоносные, но много и безплодных, а между тем и эти последние не меньше плодоносных доставляют нам удивительную пользу, способствуя нашему покою, потому что из них мы приготовляем дома и многие другие удобства, способствующие нашему покою, да и вообще нет ничего, что бы создано было без цели, хотя человеческая природа и не в состоянии наверно узнать цель всякой вещи, – и так, как между деревами, так и между животными одни годны нам в пищу, а другие для работы. Да и звери и гады доставляют нам не малую услугу, и если кто захочет рассмотреть дело добросовестно, найдет, что и теперь, когда мы, за преслушание первого человека, лишились власти над ними, много бывает нам от них пользы. Врачи, наприм., и из них берут много такого, из чего составляют лекарства, полезные для здоровья нашего тела. А с другой стороны, какой вред от сотворения зверей, когда и они, подобие кротким животным, долженствовали находиться под властью имеющего вскоре быть созданным человека? Этого теперь пока довольно.

6. А чтобы тебе понять безмерную любовь, какую Владыка вселенной являет нашему роду, (подумай, что) Он после того, как распростер небо, разостлал землю, создал твердь, которая образовала собою как бы стену, разделяющую виды; потом, повелев водам собраться, их назвал морями, а сушу землею, которую после украсил растениями и травами; затем перешел к созданию двух великих светил и многоразличных звезд, которыми украсил небо; потом, произведши из вод одушевленных животных и птиц, летающих по земле по тверди небесной, и в пятый день, поелику надлежало создать и земных животных, повелев явиться и этим, как годным в пищу, так и полезным для работы, равно и зверям и пресмыкающимся, наконец, когда все уже устроил и всему видимому дал надлежащий порядок и красоту, когда приготовил роскошную трапезу, полную разных и всякого рода яств и показывающую во всем изобилие и богатство, когда, так сказать, царский чертог блистательно украсил от верха до низу, тогда-то наконец создает того, кто имеет наслаждаться всем этим, дает ему власть над всем видимым и показывает, во сколько крат это, имеющее быть созданным, животное превосходнее всего сотворенного, когда Он повелевает всем тварям быть под его властью и управлением. Но, чтобы нам не слишком распространять слово, удовольствуемся и тем, что уже сказано, а беседу о создании этого удивительного, разумного и одушевленного животного, то есть,

человека, отложим до следующего дня. Впрочем и ныне предложим вам обычное увещание, чтобы вы и сказанное хранили в памяти, и всем видимым возбуждали себя к славословию Господа. И то самое, что мы не в состоянии постигнуть и понять цель всего сотворенного, пусть будет для нас не основанием неверия, но побуждением к славословию. Когда рассудок твой окажется безсильным и ум не будет в состоянии понять, тогда заключай о величии твоего Господа из того самого, что могущество Его таково, что мы не знаем с точностью даже цели созданного Им. Это свойственно благомыслящему уму, трезвенной душе. Ведь и язычники заблудились так потому, что во всем доверились собственным умствованиям и не хотели обратить внимания на слабость своей природы; возмечтавши о себе свыше меры и выступив за свои границы, они лишились принадлежащей им чести. Те, которые одарены разумом, получили от Создателя честь первенства и были превосходнее всех видимых тварей, – эти самые дошли до такого неразумия, что стали покланяться собакам, обезьянам, крокодилам и другим еще низшим тварям. И что говорить о неразумных животных? Многие из этих людей впали в такое безрассудство и безумие, что воздавали почтение чесноку и другим ничтожнейшим вещам, указывая на таких людей, пророк сказал: **сравнялся с несмысленными скотами и уподобился им** (Пс.48:21). Одаренный, говорит, разумом и удостоившийся такой мудрости стал похож на безсловесных, а может быть, и хуже их. Те (безсловесные), как существа неразумные, не подвергнутся наказанию; а одаренный разумом, если унизится до их неразумности, потерпит тяжкое наказание за то, что оказался непризнательным к такому благодеянию. От этого, наконец, (язычники) назвали богами и камни и деревья и обоготворили эти видимые стихии: раз уклонившись с прямого пути, они пошли по стремнинам и низринулись в самую бездну порока.

7. Но мы, и после всего этого, не будем отчаиваться в их спасении, но сделаем, что зависит от нас: будем говорить им со всею ревностью и терпением, объясняя им и нелепость их заблуждения, и великий вред от него; только никогда не будем терять надежды на их спасение. Можно полагать, что они со временем убедятся, особенно, если мы будем жить так, чтобы не подавать им никакого соблазна. Многие из них, как видят, что некоторые из наших, принадлежащих к нам и носящих имя христиан, подобно тем, похищают чужое, предаются любостяжанию, завидуют, злоумышляют, строят ковы, любят пресыщаться и веселиться, и делают все прочее, – уже не слушают словесных наставлений наших, думая, что наше учение – обман, и что все одинаково виновны. Подумай же, какие наказания постигнут таких (христиан), когда они не только себе приготовляют неугасимый огонь, но и другим подают повод упорствовать в заблуждении и затыкать уши для наставлений в добродетели, и сверх того поносить и живущих добродетельно, и, что всего хуже, когда из-за них хулится Господь? Видишь, сколько вреда от греха? Видишь, что живущие порочно подвергают себя не малому, но самому тяжкому, наказанию, когда они будут отвечать за все, не только за свою собственную погибель, но и за соблазн заблудших, и за безчестие живущих добродетельно, и за хулу на Бога? Размыслив обо всем этом, не будем безпечны о своем спасении, но станем усердно заботиться о богоугодной жизни, зная, что за это особенно мы или осуждаемся, или удостаиваемся Его милости. Будем же все делать так, чтобы нам и самим жить с доброю совестью, и коснеющих в заблуждении приводить нашею богоугодною жизнью к истине, – чтобы из-за нас и все наши единоверцы пользовались доброю славою, а, прежде всего славился бы Господь наш и тем большее имел о нас попечение. Когда, смотря на нас, люди назидаются и прославляют Бога, тогда и мы удостоимся от Него большего благоволения. В самом деле, что может быть блаженнее человека, когда он живет так, что видящие его изумляются и говорят: «слава тебе, Боже! Каковы Христиане! Какое выказывают любомудрие! Как пренебрегают настоящим! Как все считают тенью и сновидением, и не привязаны ни к чему видимому, но все делают так, как будто живут на чужой стороне, и каждый день готовятся переселиться отсюда!» Эти слова какую,

думаешь, награду от Бога приносят уже и здесь тем, которые так живут? Особенно же важно и дивно то, что и говорящие это об нас скоро оставят заблуждение и обратятся к истине. А это сколь великое доставит таким людям дерзновение там (в будущей жизни), известно всякому. Итак, зная, что нам должно отвечать и за спасение и за погибель ближних, будем так устроять свою жизнь, чтобы не нам только было достаточно, но и другим было назидание, так чтобы и здесь привлечь к себе великое благоволение Божие, и в будущем веке обильно насладиться Божиею милостью, по благодати и человеколюбию Единородного Сына Его, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 8

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле» (Быт. 1:26).

1. Так как вы вчера с великим усердием выслушали слова наши, то вот и сегодня мы предложим любви вашей вновь прочитанное, наперед прося вас прилежно внимать тому, что будет говориться, да и прежнее слагать в уме своем, чтобы нам не тщетно и не напрасно предпринимать такой труд. Мы заботимся о том, чтобы вы в точности узнали силу Писания и таким образом не только сами понимали это, но и других учили, чтобы могли вы, по блаженному Павлу, «**назидат**ь» один другого (1Фес.5:11). Если вы будете преуспевать о Господе и показывать успехи в изучении духовного, то и нам доставите великое веселье, так как в этом все наше счастье и величайшее торжество. **«Ибо кто**, – говорит Павел, – **наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли …»** (1Фес. 2:19), и ваше преуспевание о Боге? И каждый учитель, когда видит, что учащийся твердо держит в памяти прежние уроки и на деле показывает плод (от них), с большим усердием преподает ему и дальнейшие сведения. Так и мы, чем более видим, как возбуждается ваш ум, как возрастает расположение и окрыляется мысль, тем более становимся усердными к более полному изложению вам учения. И чем более проливаем на вас этих духовных струй, тем более и у нас умножаются их токи к вашему назиданию, к пользе ваших душ: здесь, ведь, не может случиться того, что обыкновенно бывает с деньгами. Тот, кто дает ближнему серебро, тот уменьшает свое имение, и чем более он дает, тем более уменьшается его имение. Но здесь напротив: тогда-то более и умножается у нас имение, тогда-то более и возрастает это духовное богатство, когда мы обильно проливаем учение для тех, кто желает черпать его. Итак, если это нам служит к умножению богатства и достояния, и вы ненасытно желаете этой духовной пищи, то посмотрим, чему в сегодняшнем чтении учит нас блаженный Моисей, или – лучше – устами его говорит ко всем нам благодать Святого Духа. **«И сказал, – говорит, – Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему»**. Не опустим этих слов, возлюбленные, без внимания, но рассмотрим каждое речение и, низойдя во глубину, исследуем сокрытую в этих кратких словах силу. Хотя слов и не много, но велико сокрытое (в них) сокровище, а внимательным и рассудительным не следует останавливаться на поверхности. Ведь, и желающие выкопать чувственное сокровище не на поверхности только копают и разыскивают, но, спустившись на большую глубину, исследуют самые недра земли и таким образом с помощью своего искусства, отделяют от земли золото, и часто с большим трудом и усердием едва успевают найти малые крупицы. А здесь нет ничего такого; напротив, и труд меньше, и богатство неизреченное: таково все духовное.

2. Не будем же хуже тех, которые домогаются чувственного; но поищем и мы духовного сокровища, заключенного в этих словах. И, во-первых, посмотрим, что нового и

особенного сказано здесь, и для чего блаженный этот пророк, или – лучше – человеколюбивый Бог, говоривший чрез пророка, употребил такой новый образ речи. Он говорит: «**Сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему**». Недавно мы слышали, как Он, по сотворении неба и земли, говорил: «**Да будет свет**», – и: «**да будет твердь посреди воды**», – и еще: «**да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша**», – и: «**да будут светила**», – и: «**да произведет вода пресмыкающихся, душу живую**». Видел ты, что вся тварь в течение пяти дней созидаема была одним словом и повелением? Смотри теперь, какая перемена в словах. Уже не говорит: да будет человек; но что? «**Сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему**». Что это за новость? Что за особенность? Кто это созидается, что для создания его Создателю понадобился такой совет и рассуждение? Не изумляйся, возлюбленный. Человек есть превосходнейшее из всех видимых животных; для него-то и создано все это: небо, земля, море, солнце, луна, звезды, гады, скоты, все бессловесные животные. Почему же, скажешь, он создан после, если превосходнее всех этих тварей? По справедливой причине. Когда царь намеревается вступить в город, то нужно оруженосцам и всем прочим идти вперед, чтобы царю войти в чертоги уже по приготовлении их: так точно и теперь Бог, намереваясь поставить как бы царя и владыку над всем земным, сперва устроил все это украшение, а потом уже создал и владыку, и таким образом на самом деле показал, какой чести Он удостаивает это животное. Но спросим иудея и посмотрим, что он скажет относительно того, к кому сказано: **«Сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему»**? Это писание Моисея, которому они, говорят, веруют, а (на самом деле) не веруют, как и Христос сказал: **«Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне»** (Ин.5:46). Так, письмена – у них, а смысл – у нас. К кому же сказано: сотворим человека, и кому Господь предлагает такой совет? Это не потому, чтобы Он нуждался в совете и рассуждении; нет, этим образом речи Он хочет показать нам чрезвычайную честь, какую являет созидаемому человеку. Что же говорят эти (иудеи), которые доселе имеют покрывало на сердцах своих и не хотят понять смысла этих слов? Они говорят, что (Бог) сказал это ангелу или архангелу. О, безумие! О, великое бесстыдство! Как это возможно, чтоб ангел вступал в совещание с Господом, создание с Создателем? Дело ангелов состоит не в том, чтобы вступать в совещание (с Богом), а в том, чтобы предстоять и служить. И чтобы тебе увериться в этом, послушай, как велегласнейший Исаия о высших ангельских силах говорит, что видел херувимов, стоящих одесную Бога, и серафимов, покрывавших крыльями лица свои и ноги (Ис.6:2). Это потому, что они не могли сносить исходящего оттуда сияния, но стояли с великим страхом и трепетом. Так прилично тварям предстоять Господу.

3. Но иудеи, не понимая значения слов, говорят без разбора, что ни придется. Поэтому, отвергнув их пустословие, надобно показать чадам Церкви истинный смысл этого изречения. Итак, кто это такой, кому говорит Бог: **«Сотворим человека»**? Кто же другой, если не «младенец родился нам – Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: **Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира** (Ис.9:6) Единородный Сын Божий, равный Отцу по существу, **имже вся быша**? Ему говорит (Отец): **«Сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему»**. Здесь наносит Он смертельный удар и мыслящим по-арианski. Сказал не повелительно: сотвори, как низшему или меньшему по существу, но как к равночестному: **сотворим**. И последующие слова показывают нам также единосущее: **«Сотворим**, **–** говорит, **– человека по образу Нашему по подобию Нашему»**. Но здесь опять восстают другие еретики, искажающие Догматы Церкви, и говорят: «Вот Он говорит: по образцу нашему» – и вследствие этого хотят называть Бога человекообразным. Но было бы крайне безумно – Того, Кто не имеет ни образа, ни вида, и Кто неизменяем, низводить в человеческий образ, и бестелесному придавать черты и члены (телесные). Что может сравниться с этим безумием, когда (еретики) не только не хотят пользоваться учением богодухновенного Писания, но и

обращают его в величайший себе вред? Они похожи на больных, и на тех, у кого слабо телесное зрение. Как эти последние по слабости своего зрения, не переносят и солнечного света, и как больные удаляются и самой здоровой пищи, так и эти люди, больные душою и потерявшие очи ума, не могут пользоваться светом истины. Поэтому мы исполним свой долг и подадим им руку, беседуя с ними с великою кротостью. И блаженный Павел так увещевал, говоря: **«С кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю»** (2Тим.2:25-26). Видишь, как он показал этими словами, что они как будто погрузились в какое-то опьянение; словом: **«освободились»** дал заметить, что они были погружены в какой-то глубине. И опять, «**уловил»**, говорит, от диавола, то есть, как бы опутаны сетями. Поэтому от нас требуется большая кротость и долготерпение, чтобы можно было их исхитить и извлечь из сетей диавольских. Итак, скажем им: образумьтесь немного, взгляните на свет правды, размыслите об истинном значении слов. Сказав: сотворим человека по образу нашему и по подобию, (Бог) не остановился на этом, но последующими словами объяснил нам, в каком смысле употребил слово образ. Что говорит? – **«И да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле»**. Итак, образ Он поставляет в господстве, а не в другом чем. И в самом деле, Бог сотворил человека властителем всего существующего на земле, и нет на земле ничего выше его, но все находится под его властно.

4. Если же и после такого раскрытия слов, любящие спорить будут говорить, что разумеется образ наружного вида, мы скажем им: так (Бог) значит, похож не только на мужа, но и на жену, потому что тот и другая имеют один и тот же образ? Но это было бы нелепо. Послушай, что говорит Павел: **«Муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия; а жена есть слава мужа»** (1Кор.11:7). Тот обладает, а эта поставлена в подчинение, как и Бог изначала сказал ей: **«К мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою»** (Быт.3:16). Так как (человек) получил образ (Божий) в праве на господство, а не во (внешнем) виде, а господствует над всем муж, жена же поставлена в подчинение, то поэтому Павел говорит о муже, что он есть **«образ и слава Божия; а жена есть слава мужа»**. А если бы он, говорил о (внешнем) виде, то не сделал бы такого различия (между мужем и женою), потому что одинаков вид и у мужа и у жены. Видишь полноту истины, как она не оставляет никакого предлога к оправданию любящим пустые споры? Но, однако же, и при всем этом мы не перестанем оказывать им великое долготерпение, **«не даст ли им Бог покаяния к познанию истины»** (2Тим.2:25). Не перестанем же употреблять все меры кротости; может быть, успеем извлечь их из диавольского обольщения. И, если угодно, опять представим им блаженного Павла, который так говорил жителям афинским: «**Мы… не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого»** (Деян.17:29). Видишь, с какою тщательностью мудрый учитель искоренил их заблуждение? Он сказал, что не только божество не имеет телесного образа, но что и вымысел человеческий не в состоянии изобрести ничего такого. Постоянно говоря это им, не переставайте делать, что только от вас зависит: может быть, они послушают вас; можете, быть, захотят открыть глаза для истины. Но, так говоря им с великою кротостью и осмотрительностью, сами вы, молю, твердо держите догматы Церкви, не нарушая последовательности сказанного. С иудеями говорите соответственно, объясняя, что эти слова сказаны не кому-либо из служебных духов, но самому Единородному Сыну Божию; умствующим по-арианski отсюда же доказывайте равночестие Сына с Отцом; а представляющим Божество человекообразно приводите слова блаженного Павла, истребляя пагубные недуги, возникающие подобно плевелам, догматами Церкви, а в себе старайтесь укоренять благочестивое учение. Желаю и молю, чтобы все вы исполняли обязанности учителей, чтобы не только сами слушали слова

наши, но и передавали их другим, и заблуждающихся обращали на путь истины, как и Павел говорит, – **«назидайте один другого»** (1Фес.5:11); и: **«со страхом и трепетом совершайте свое спасение»** (Флп.2:12). Таким образом и Церковь наша возрастет в числе, и вы получите свыше великую милость за свою великую заботливость о ваших сочленах.

5. Богу угодно, чтобы христианин не о себе только заботился, но и назидал других, не только учением, но и жизнью и обхождением. Ничто так не приводит на путь истины, как непорочная жизнь, потому что люди смотрят, не столько на слова, сколько на дела наши. И чтобы тебе увериться, что это так (ведь, сколько бы мы ни любомудрствовали на словах и разглагольствовали о терпении, но если, когда наступит время, не покажем терпения на деле, не столько принесет пользы слово, сколько повредит дело; напротив, если и прежде и после слов представим доказательство на деле, то явимся достойными веры, внушая другим то, что сами исполняем на деле, – как и Христос таковых ублажил, говоря (Мф.5:19): **«Кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном»**, – смотри, как Он поставил наперед дело, а потом – учение. Если предшествует дело, то хотя за ним и не следует учение, самые дела гораздо яснее слов поучают тех, кто смотрит на нас. Итак, будем всегда стараться учить прежде делами, а потом уже словами, чтобы и нам не услышать от Павла: **«Как же ты, уча другого, не учишь себя самого?»** (Рим.2:21). И когда желаем внушить кому, чтобы он сделал что-либо необходимое, прежде постараемся сами сделать это, чтобы нам смелее было преподавать учение: и все наше попечение да будет о спасении души и о том, как бы нам, обуздав телесные похоти, совершить истинный пост, то есть, воздержание от зла, потому что в этом и состоит пост. И воздержание от пищи принято для того, чтобы ослабить силу плоти и этого коня сделать нам покорным. Постящемуся более всего нужно обуздывать гнев, приучаться к кротости и снисходительности, иметь сокрушенное сердце, изгонять нечистая пожелания, представлением того неусыпающего огня и нелицеприятного суда, быть выше денежных расчетов, в милостыне показывать великую щедрость, изгонять из души всякую злобу на ближнего. Вот это истинный пост, как и Исаия говорит от лица Божия: **«Таков ли тот пост, который Я избрал, день, в который томит человек душу свою, когда гнет голову свою, как тростник, и подстилает под себя рубище и пепел? Это ли назовешь постом и днем, угодным Господу?»** (Ис.58:5). Какой же, скажи? **«Разреши**, – говорит, – **оковы неправды**, … **раздели с голодным хлеб твой**; … **скитающихся бедных введи в дом»**. И когда это сделаешь, говорит, **«тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет»** (ст. 6-8).

6. Видишь, возлюбленный, в чем состоит истинный пост. Такой-то пост будем совершать, не полагая его, подобно многим, в том только, чтобы пробыть без пищи до вечера. Не это главное, но то, чтобы с воздержанием от брашен соединили беседы на книгу Бытия мы и воздержание от вредного (для души) и показали великое попечение о совершении духовных дел. Постящемуся надлежит быть спокойным, тихим, кротким, смиренным, презирающим славу настоящей жизни. Как презрел он душу свою, так должен презреть и суетную славу, и взирать только на Того, Кто испытует сердца и утробы, с великим усердием творить молитвы и исповедания пред Богом, и, сколько возможно, помогать себе милостынею. Эта, эта именно добродетель особенно может изгладить наши грехи и исхитить нас из геенского огня, если мы будем исполнять ее щедро, а не на показ людям. И что говорю: не на показ? Если рассудить хорошо, то нам надлежало бы творить милостыню уже потому одному, что она – прекрасное дело, и из сострадания к нашим братьям, а не ради обещанных Владыкою наград. Но так как мы не в состоянии мыслить возвышенно, то будем творить милостыню хотя из-за награды, отнюдь, впрочем, не ища славы от людей, чтобы нам, сверх растраты денег, не лишиться и награды. И это будем соблюдать не только относительно милостыни, но и во всяком духовном деле; ничего не

станем делать из-за людской славы, потому что нет нам никакой пользы ни от поста, ни от молитвы, ни от милостыни, ни от других дел, если делаем это не ради Того Единаго, Который знает и тайное и скрытое во глубине души нашей. Если от Него ожидаешь, ты человек, воздаяния, то для чего ищешь похвалы от ближнего? И что говорю – похвалы? Часто он не (только не) хвалит, но еще порицает тебя. Многие так злонравны, что и добрые дела наши толкуют превратно. Итак, для чего, скажи мне, высоко ценишь превратный суд этих людей? От неусыпающего же того ока никакое действие наше не сокрыто; и помышляя об этом, мы должны устроять свою жизнь с такою тщательностью, как те, кому скоро предстоит дать отчета и в словах, и в делах, и в самых помышлениях своих. Итак, не станем пренебрегать своим спасением. Ничего нет равного добродетели, возлюбленный! Она и в будущем веке исхитит нас из геенны и откроет путь в царство небесное, и в настоящей жизни ставит выше всех, всуе и напрасно злоумышляющих на нас, делает сильнее не только людей, но и самих демонов и врага нашего спасения, то есть диавола. Итак, что может сравниться с нею, когда она исполнителей своих делает выше не только злокозненных людей, но и демонов? А добродетель состоит в том, чтобы презирать все людское, ежечасно помышлять о будущем, не прилепляться ни к чему настоящему, но знать, что все человеческое есть тень и сон, и даже ничтожнее этого. Добродетель состоит в том, чтобы по отношению к вещам этой жизни быть как бы мертвым, также и по отношению к вредному для спасения души быть бездейственным, как бы мертвым, но жить и действовать только для духовного, как и Павел сказал: **«Уже не я живу, но живет во мне Христос»** (Гал.2:20). Поэтому и мы, возлюбленные, станем делать все так, как прилично облекшимся во Христа, и не будем оскорблять Духа Святого. Когда возмутит нас страсть, или нечистая похоть, или гнев, или ярость, или зависть, тогда подумаем, кто живет в нас, и прогоним далеко всякий такой помысел. Устыдимся преизобильной той благодати, данной нам от Бога, и обуздаем все плотские страсти, чтобы, после надлежащих подвигов в краткой и скоротечной этой жизни, удостоиться нам великих венцов в тот грядущий день, страшный для грешников и вожделенный для облекшихся добродетелью, и получить неизреченные те блага, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 9

На следующее за словами: “Сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему”, и против тех, которые говорят: для чего созданы звери, и какая польза от создания их; также о том, что из этого особенно открывается честь, оказанная человеку, и неизреченное человеколюбие Божие.

1. Трудолюбивые земледельцы, как увидят, что земля тучна и плодородна, бросают в нее обильные семена, прилагают к ней великое и постоянное старание и каждый день смотрят, как бы не явилось чего вредного для семян и не обратило в ничто подъятый ими труд. Таким же образом и мы, видя ваше душевное расположение и великое усердие к слушанию, каждый день стараемся посевать в уме вашем мысли из божественного Писания, показывая вам и то, что может вредить этому духовному сеянию, чтобы вы не увлеклись, и здравое учение догматов не исказилось пагубным учением тех, которые дерзают привносить в догматы Церкви свои собственные мысли. Ваше уже будет дело – тщательно хранить вверенное вам и крепко содержать в памяти, чтобы легко можно было вам следовать и за дальнейшим. А если и мы не сойдем до наибольшей глубины мыслей (Писания), и вы не напряжете своего ума теперь, когда время поста, когда члены у нас легки для плавания, и око ума острее, не омрачаемое злым влиянием сластолюбия, и дух способнее не терять бодрости, то когда же мы будем в состоянии сделать это? Ужели тогда, когда (наступит) время увеселений, и пьянство, и объядение, и порождаемые ими

пороки? Не видите ли, что и желающие сыскать в море (драгоценные) камни ищут их, не сидя на берегу и считая волны, но спускаются в самую глубину и сходят в самые, так сказать, недра бездны, и таким образом находят искомое? Между тем, какую важную пользу приносит нашей жизни нахождение таких камней? Хорошо уже, если бы оно не приносило важного ущерба и большого вреда! Ведь отсюда, от безумной любви и пристрастия к деньгам, рождается бесчисленное множество зол. И, однако, несмотря на такой вред от них, любящие их не утомляются ничем, но подвергают себя великим опасностям, предпринимают тяжкие труды, только бы найти искомое. А что касается божественных Писаний, этих духовных и драгоценных камней, то здесь и опасности нельзя подозревать, и труд не велик, и польза несказанная, только бы мы с усердием сделали, что от нас требуется. Благодать (Божия) готова, и ищет, кто бы принял ее с усердием. Таков наш Владыка: когда видит бодрую душу и пламенное желание, то, по Своему щедролюбию, подает Свое богатство обильно, свыше прошения.

2. Зная это, возлюбленные, очистите ум ваш от житейских дел и, расширив кругозор вашего ума, с великим усердием принимайте преподанное Духом, чтобы вам, подобно тучной и плодоносной земле, умножить посеянное и принести плоды, кому сто, кому шестьдесят, кому тридцать. Слышали вы в предшедшие дни о неизреченной мудрости Создавшего все видимое, и как Он произвел все одним словом и хотением; сказал: “**Да будет**”, и – “**Стало так**”, **–** тотчас явились все стихии; достаточно было слова для произведения вещей, не потому, что это было слово вообще, но потому, что было слово Божие. Помните, что тогда (слово) направлено было против тех, которые говорят, что существующее произошло из готового вещества, и которые в церковные догматы вносят свое пустословие. Узнали вы, для чего небо сотворил Он совершенным, а землю безобразною и безвидною. Две доказали мы тогда причины: одну в том, чтобы мы, познав силу Владыки в лучшей стихии, не колебались мыслию, будто это произошло от недостатка силы; а другую в том, что земля есть наша мать и питательница, из нее мы получаем и пищу и все прочее, в нее и опять возвращаемся; она для нас и родина и могила. И вот, чтобы такая необходимая польза не расположила нас думать о ней высоко, Бог являет ее вначале безобразною, дабы из самых дел научились приписывать все прежде сказанное не природе земли, но силе Создателя. Узнали вы еще, как сделал Он разделение вод, повелев явиться этой видимой тверди; видели, как одушевленные животные явились и из вод, и из земли. Об этом вынуждаюсь теперь припоминать и повторять любви вашей не напрасно, но для того, чтобы слушавшие (предыдущие беседы) имели случай еще тверже запечатлеть их в уме, а не бывшие тогда получили достаточное наставление и не понесли никакого ущерба оттого, что не были. И чадолюбивый отец сберегает для отсутствующих детей остатки трапезы, чтобы они, пришедши, нашли в сохранении этих остатков утешение своего отсутствия. Поэтому и мы, заботясь о всех собирающихся сюда, как о своих членах, и ваше преуспеяние считая похвалою для себя, желаем, чтобы все вы явились совершенными во славу Божию, в похвалу Церкви, и в честь нам. И если вам не тягостно, вот мы вкратце напомним любви вашей и о сказанном вчера. Видели вы различие между созданием (прочих) тварей и образованием человека; слышали, какой чести (Бог) удостоил нашего родоначальника, и как, при создании его, указал на достоинство создаваемого самыми словами и выразительностью речи, сказав: “**Сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему**”. Узнали вы, что значит “**по образу**”, т.е. что им означается не достоинство природы, но подобие господства, и что слово “**обра**з” Бог отнес не к виду (человека внешнему), а к господству; потому и прибавил: “**и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле**”.

3. Но здесь восстают на нас эллины и говорят, что это слово оказывается неистинным, потому что не мы обладаем зверями, как обещает (слово), но они обладают вами. Это,

однако, совершенно несправедливо. Где только человек покажется, звери тотчас обращаются в бегство. А если иногда, когда нудит их голод, или мы раздражаем, нам случается терпеть вред от них, это уже происходит не от того, чтобы они имели власть над нами, но от нашей вины. Так, если и при нападении на нас разбойников, мы не остаемся праздными, да вооружаемся, то это означает не власть нашу над ними, но попечение о нашем спасении. Но выслушаем, между тем, что сказано. "**Сотворим**, **-** говорит Бог, **- человека по образу Нашему по подобию Нашему**". Как "**образом**" назвал Он образ владычества, так "**подобием**" то, чтобы мы, сколько возможно человеку, делались подобными Богу кротостью, смирением и вообще добродетелью, по слову Христову: "**Будете сынами Отца вашего Небесного**" (Мф.5:45). Как на этой обширной и пространной земле одни животные более кротки, другие более свирепы, так и в душе вашей одни помыслы - неразумные и скотские, другие - зверские и дикие; их нужно побеждать, одолевать и покорять власти разума. Но как, скажешь, можно преодолеть зверский помысел? Что ты говоришь, человек? Львов мы побеждаем и души их усмиряем, а ты сомневаешься, можно ли тебе переменить зверский помысел на кроткий? Между тем в звере лютость - по природе, а кротость - против природы; а в тебе, напротив, кротость - по природе, а зверскость и лютость - против природы. Так ты ли, который истребляешь в звере то, что есть в нем по природе, и сообщаешь ему то, что против природы, сам не в состоянии соблюсти то, что есть в тебе по природе? Какого же заслуживает это осуждения! Но что еще удивительнее и страннее: в природе львов есть еще, кроме этого, и другие неудобные свойства. Эти звери не имеют разума, и, однако же, мы часто видим, что по площадям водят кротких львов. А многие из сидящих в лавках дают хозяину (льва) и деньги в награду за искусство и уменье, с каким он укротил зверя. А в твоей душе есть и разум, и страх Божий, и многоразличные пособия: так не представляй же извинений и отговорок. Можно тебе, если захочешь, быть кротким, тихим и покорным. "**Сотворим**, **-** сказано, **- человека по образу Нашему по подобию Нашему**".

4. Но возвратимся к подлежащему вопросу. Из сказанного ясно, что человек вначале имел полную власть над животными, так как сказано: "**Да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле**". А что теперь мы боимся и пугаемся зверей, и не имеем власти над ними, этого я не отвергаю; только это не делает ложным обещания Божия. Вначале не так было, но боялись звери и трепетали, и повиновались своему владыке. Когда же он преслушанием потерял дерзновение, то и власть его умалилась. Что все животные подчинены были человеку, послушай, как говорит Писание: "**Привел к человеку** (Адаму) (зверей и всех бессловесных), **чтобы видеть, как он назовет их**" (Быт.2:19). И он, видя близ себя зверей, не побежал прочь, но как иной господин дает имена подчиненным ему рабам, так дал имена всем животным. "**И чтобы, как наречет человек** (Адам) **всякую душу живую, так и было имя ей**" **-** это уже знак власти. Потому и Бог, желая и чрез это показать ему достоинство его власти, поручил ему дать имена животным. Итак, этого уже довольно бы для доказательства, что звери вначале не страшны были человеку. Но есть еще и другое доказательство, не менее сильное и даже более ясное. Какое же? Разговор змия с женою. Если бы звери страшны были человеку, то, увидев змия, жена не остановилась бы, не приняла бы совета, не разговаривала бы с ним с такою безбоязненностью, но тотчас бы при виде его ужаснулась и удалилась. А вот она разговаривает, и не страшится; страха тогда еще не было. Когда же вошел грех, отнята была и честь и власть. И как между рабами исправнейшие бывают страшны товарищам, а неисправные боятся товарищей, так стало и с человеком. Пока имел он дерзновение пред Богом, дотоле страшен был и зверям; а когда пал, то сам стал бояться и последних из сорабов своих. Если же ты не принимаешь слов наших, то докажи мне, что звери были страшны человеку до падения. Но доказать это не можешь. А если впоследствии явился этот страх, то и это служит важнейшим доказательством человеколюбия Божия. Если бы,

и по преступлении человеком заповеди, дарованная ему честь осталась неприкосновенною, ему не легко было бы восстать от падения. Когда непослушные люди пользуются одинаковою честью с послушными, тогда они скорее приучаются к злу и нелегко отстают от него. Если уже и теперь, когда есть и страх, и наказания, и мучения, люди не сохраняют любомудрия, то какими бы они были, если бы не терпели никаких тяжелых последствий за свои преступления? Значит Бог отнял у нас власть по Своей о нас заботливости и промышлению.

5. А ты, возлюбленный, и в том усматривай неизреченное человеколюбие Божие, что Адам всецело нарушил заповедь и преступил закон, а Бог, человеколюбивый и побеждающий благостью наши прегрешения, не всю честь отнял (у него) и не совсем лишил его владычества, но тех только животных изъял из-под власти его, которые не особенно полезны ему для жизни, а тех, которые необходимы и полезны и много способствуют нашему благоденствию, оставил в подчинении и покорности. Так Он оставил стада волов, дабы могли мы тащить плуг, орать землю, и сеять семена; оставил и виды подъяремных, дабы они помогали нам в трудах при перенесении тяжестей; оставил стада овец, дабы иметь нам достаточные средства к одеянию; оставил и другие роды животных, приносящих нам великую пользу. Так как Он, определяя человеку наказание за преслушание, сказал: “**В поте лица твоего будешь есть хлеб**” (Быт.3:19), то, чтобы этот труд и пот не был невыносим, (Бог) облегчил тягость и обременительность его множеством бессловесных, помогающих нам в труде и работе. Он поступил точно так, как милостивый и попечительный господин, который, наказав своего раба, прикладывает врачевство к ранам. Так и Бог, наказав согрешившего, всячески хочет облегчить это наказание: осудил нас на постоянный труд и пот, но для облегчения труда дал нам множество бессловесных. Значит, и то, что Он дал честь, и то, что опять отнял ее у нас, и то, что навел на нас страх зверей, и все прочее, если только рассматривать тщательно и добросовестно, свидетельствует о великой мудрости, о великой заботливости, о великом человеколюбии Божием. Возблагодарим же Его за все это и будем признательны Тому, Кто столько облагодетельствовал нас. Он не требует от нас чего-нибудь тяжелого и трудного, но только того, чтобы мы исповедовали такие Его благодеяния и возносили Ему благодарность за них, не потому, впрочем, чтобы Он нуждался в этом - Он ни в чем не имеет нужды - а для того, чтобы мы научались чрез это привлекать к себе Подателя благ и не были непризнательны, но являли добродетель, достойную благодеяний и такого попечения Его о нас. Этим мы и расположим Его еще к большему о нас попечению. Убеждаю вас, не будем же беспечны, но каждый из вас ежечасно, по возможности, пусть размышляет не только об общих благодеяниях, но и об особенных, ему самому оказанных (Богом), не только об известных и явных всем, но и об известных ему одному и не известных другим: чрез это он в состоянии будет возносить Господу непрестанное благодарение. Это самая великая жертва, это совершенное приношение; это будет для нас основанием дерзновения пред Богом, - каким образом, объясню. Кто постоянно держит это в своем уме, вполне сознавая свое ничтожество, а с другой стороны помышляя о неизреченном и безмерном человеколюбии Божием, - о том, как Он устрояет дела наши, взирая не на то, чего заслуживают наши грехи, но на Свою благость, тот умеряет свой ум, сокрушает помысел, укрощает всякую гордость и надменность, научается вести себя скромно, презирать славу настоящей жизни, не дорожить всем видимым, мыслить о будущих благах, о жизни бессмертной и бесконечной. Кто так настраивает душу, тот приносит Богу истинную и приятную жертву, как говорит пророк: “**Жертва Богу - дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже**” (Пс.50:19). Благомыслящих рабов исправляют не столько наказания и муки, сколько благодеяния и сознание того, что они потерпели меньшее наказание, нежели какого заслуживали за свои грехи.

6. Итак, молю, сокрушим дух наш, смирим ум, и особенно теперь, когда время поста подает нам великое в этом пособие. Если мы приведем себя в такое расположение, то в состоянии будем и молитвы совершать с великою бодростью, и снискать себе свыше великую благодать исповеданием грехов. А дабы увериться, что такие души угодны Владыке, послушай, как Сам Он говорит: "**На кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим**" (Ис.66:2). Поэтому и Христос, беседуя (с учениками), сказал: "**Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим**" (Мф.11:29). Кто действительно смиряет себя, тот никогда не допустит себя до раздражения, не разгневается на ближнего, потому что душа его смирилась и занята тем, что касается ее самой. Что может быть блаженнее души, настроенной таким образом! Такой (человек) всегда сидит в пристани, безопасный от всякой бури и наслаждаясь тишиною мыслей. Поэтому и Христос сказал: "**И найдете покой душам вашим**". Но, как укротивший эти страсти наслаждается великим спокойствием, так, напротив, ленивый и беспечный, не умеющий надлежащим образом обуздывать рождающиеся в нем страсти, находится в постоянном волнении, ведет домашнюю брань, и, хотя нет никого, возмущается и терпит великую бурю; когда же поднимутся волны и наступит буря злых духов, часто погружается в бездну, потому что корабль его тонет от неопытности кормчего. Поэтому нужно бодрствовать, трезвиться, и иметь непрестанное и неусыпное попечение о спасении души. Христианину всегда следует воевать с страстями плоти, живо помнить заповеди, данные нам общим всех Владыкою, ими ограждаться и надлежащим образом пользоваться Его великим долготерпением к нам, не ожидать того, что совершится самым делом, и тогда уже смиряться, дабы и о нас не было сказано: "**Когда Он убивал их, они искали Его**" (Пс.77:34). Итак, возлюбленные, имея себе помощника в настоящем времени поста, поспешим все к исповеданию грехов, уклонимся от всякого зла и сотворим всякую добродетель. Так научает и блаженный пророк Давида, говоря: "**Уклоняйся от зла, и делай добро**" (Пс.36:27). Если так устроим мы себя и с воздержанием от пищи соединим и воздержание от зла, то получим большее дерзновение и сподобимся обильнейших милостей от Бога, как в настоящей жизни, так и в тот страшный день, молитвами и предстательством благоугодивших Ему, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 10

Увещание к тем, которые стыдятся после обеда приходить к вечернему богослужению, и продолжение объяснения на слова: "Сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему"; также изъяснение слов: "Сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их" (Быт. 1:27).

1. Меньше у нас сегодня собрание и не многочисленно стечение пришедших. Отчего же и почему это? Может быть, иные постыдились придти к духовному этому пиршеству после чувственной трапезы, и это стало для них причиною отсутствия. Но пусть они послушают некоего мудреца, который говорит: "**Есть стыд, ведущий ко греху, и есть стыд — слава и благодать**" (Сир.5:25). Не стыдно, приняв телесную пищу, придти к этому духовному пиршеству. Духовные дела не приурочены, как дела человеческие, к определенным временам; для беседы о духовном всякое время дня удобно. И что я говорю о дневном времени! Пусть наступит ночь, и она не послужит препятствием для духовного поучения. Поэтому и Павел говорил, писав Тимофею: "**Настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай**" (2Тим.4:2). Послушай еще, что говорит блаженный Лука: "**Павел, намереваясь отправиться в следующий день, беседовал с ними и продолжил слово до полуночи**" (Деян.20:7). Препятствовало ли сколько-нибудь время, скажи мне, или

прервало оно слово поучения? Внимательный слушатель, и после обеда, может (с пользою) быть в этом духовном собрании, тогда как нерадивый и беспечный, хотя бы оставался и без пищи, не вынесет отсюда никакой пользы. И это говорю я не с тем, чтобы ослабить строгость поста, - да не будет! - напротив, я весьма хвалю и одобряю постящихся, только хочу внушить вам, чтобы вы совершали духовные дела с здравым рассуждением, а не следуя только обычаю. Постыдно не то, чтобы придти к этому духовному поучению по принятии пищи, а (приходить сюда) с беспечною душою, подчиняться страстям и не укрощать плотских вожделений. Не ядение худо, - да не будет! - а вредно объядение и пресыщение до обременения чрева; чрез это уничтожается и удовольствие от пищи. Равно как и не то худо, чтобы употреблять вино в меру, но предаваться пьянству и вследствие неумеренности утрачивать здравый смысл. Если же ты, возлюбленный, не можешь оставаться (целый) день без пищи по телесной немощи, никто из благомыслящих не станет винить тебя за это: Владыка у нас - кроткий и человеколюбивый, не требует от нас ничего свыше силы. Он и поста и воздержания требует от нас не просто для того только, чтобы мы пребывали в неядении, но для того, чтобы, удаляясь от житейских дел, употребляли все свободное от них время на занятия духовные. Если бы мы устрояли жизнь свою внимательно и всякую свободную минуту посвящали духовным занятиям, если бы пищу принимали только для удовлетворения потребности, и всю жизнь проводили в добрых делах, то не было бы нам нужды и в пособии от поста. Но так как человеческая природа нерадива и более склонна к невоздержанию и роскоши, поэтому человеколюбивый Господь, как любящий отец, изобрел для нас врачевство в посте, дабы и отвлечь нас от (мирских) удовольствий, и обратить от забот житейских к делам духовным. Итак, если некоторые из приходящих сюда чувствуют телесную слабость и не могут оставаться без пищи, таким советую, чтобы они и телесную слабость свою подкрепляли, и не лишали себя этого духовного поучения, а о нем тем более заботились.

2. Кроме воздержания от пищи, есть много путей, могущих отворять нам двери дерзновения пред Богом. Кто вкушает пищу и не может поститься, тот пусть подает обильнейшую милостыню, пусть творить усердные молитвы, пусть оказывает напряженную ревность к слушанию слова Божия; здесь нисколько не препятствует нам телесная слабость; пусть примиряется с врагами, пусть изгоняет из души своей всякое памятозлобие. Если он будет исполнять это, то совершит истинный пост, такой, какого именно и требует от нас Господь. Ведь и самое воздержание от пищи Он заповедует для того, чтобы мы, обуздывая вожделения плоти, делали ее послушною в исполнении заповедей. А если мы решимся не принимать помощи от поста ради слабости телесной и будем предаваться большей беспечности, то, сами не ведая того, причиним себе величайший вред. Если и при посте оказывается у нас недостаток выше сказанных добрых дел, то тем более покажем мы нерадения (о них), когда не будем пользоваться врачевством поста. Узнав это от нас, вы, могущие поститься, сами по возможности усиливайте, прощу вас, это доброе и похвальное свое усердие. “**Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется**” (2Кор.4:16). Пост смиряет тело и обуздывает беспорядочные вожделения, душу же просветляет, окрыляет, делает легкою и парящею горе. А что касается до братьев ваших, которые не в состоянии поститься ради телесной немощи, их увещевайте не оставлять этой духовной пищи, поучая их, передавая им слышанное от нас, и показывая, что внимать этим наставлениям не достоин не тот, кто ест и пьет умеренно, а человек беспечный, преданный удовольствиям. Напоминайте им и об апостольском изречении: “**Кто ест, для Господа ест,** … **и кто не ест, для Господа не ест, и благодарит Бога**” (Рим.14:6). Итак, и постящийся благодарит Бога за то, что имел довольно сил повести постный труд; и едящий также благодарит Бога, потому что это нисколько не повредит ему в спасении души, если он захочет. Человеколюбивый Бог открыл нам неисчислимое множество

путей, которыми мы, если только захотим, можем достигнуть самого высокого дерзновения (пред Богом). Об этом мы достаточно побеседовали ради отсутствующих, отняв у них повод к стыду и показав, что этого (т.е., принятия пищи в пост до вечернего богослужения) не должно стыдиться, так как подвергает нас стыду не ядение, по делание зла. Великий стыд - это грех! Если мы сделаем его, то должны не только стыдиться, но и закрывать лицо свое и называть себя несчастными, как погрешившие. А вернее - и тогда не нужно унывать, но спешить к покаянию и исправлению. Наш Владыка таков, что, если мы, по беспечности, сделаем грех, Он не требует от нас ничего другого, как только того, чтобы мы исповедали свои согрешения, остановились на этом и не впадали в те же грехи. Если употребляем пищу с умеренностью, не будем стыдиться, потому что Господь соединил нас с таким телом, которое не может существовать иначе, как принимая пищу; только пусть не будет неумеренности; это весьма много способствует здоровью и крепости нашего тела. Не видите ли каждый день, что от роскошных столов и неумеренного насыщения происходят бесчисленные болезни? Откуда болезни в ногах? Откуда болезни головные? Откуда умножение испорченных мокрот? Откуда бесчисленное множество других болезней? Не от неумеренности ли, не от того ли, что мы вливаем в себя вина больше надлежащего? Как судно переполненное скоро погружается и тонет, так и человек, предавшись объядению и пьянству, несется в бездну, потопляет свой разум и лежит, наконец, как живой труп, часто могущий еще сделать что-либо худое, а на добро способный не более мертвых.

3. Поэтому молю, подобно блаженному Павлу, “**попечения о плоти не превращайте в похоти**” (Рим.13:14), но укрепитесь и умножьте ревность и заботу о совершении духовных дел. Говоря обо всем этом с своими братьями, убеждайте их отнюдь не лишать себя этой духовной пищи; пусть они, и после обеда, приходят сюда со всем усердием, дабы, приняв здесь наставление, могли крепко стать против козней диавола. Теперь предложим вам обычную трапезу и наградим и любовь вашу за усердие к слушанию, а равно и уплатим долг, какой должны вам. Вы, конечно, знаете и помните, что мы, начав говорить о сотворении человека, по краткости времени не могли рассмотреть все чтение, но окончили поучение рассуждением о зверях, показав, что человек вначале имел над ними власть, но лишился ее за грех преслушания. Поэтому сегодня хотим сообщить вам и остальное, и с тем отпустить вас отсюда. А чтобы слово наше было для вас ясно, нужно напомнить вам, на чем мы тогда остановили поучение, дабы, начав с того места, нам таким образом докончить и остальное. На чем же мы тогда остановились? При объяснении слов: “**Сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными**”, - так как беседа наша значительно распространилась и у нас родилось великое море мыслей, - нам уже нельзя было идти далее, и мы, остановившись на этом, не коснулись последующего. Поэтому нужно теперь прочесть вашей любви, что следует далее, дабы вы могли знать, о чем мы намерены говорит вам. Божественное Писание вслед (за вышеприведенными словами) прибавляет: “**Сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле**” (Быт.1:27-28). Не много слов, но великое сокровище заключено в этих кратких словах. Блаженный пророк, говорящий по внушению Св. Духа, хочет теперь научить нас чему-то таинственному. Сказав: “**Сотворим человека**” и, употребив, так сказать, совещание и рассуждение, Создатель всего этим образом речи указал уже на достоинство того, кого намеревался создать, и еще до создания его показал нам, какую великую власть хотел Он вручить этому будущему творению. Сказав: “**Сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему**”, - (Бог) присовокупил: “**и владычествуйте над рыбами морскими**”. Смотри, как в самом

начале открывает нам скрытое сокровище. Говоря Духом Божиим, пророк видит несуществующее, как существующее и совершившееся. Для чего же, скажи мне, Бог, сказав: "**Сотворим человека**", - говорит теперь: "**и владычествуйте**"? Он открывает нам некоторое сокровенное таинство. Кто такие: "**и владычествуйте**"? Не ясно ли, что это сказал Он, намекая на создание жены? Видишь, что в божественном Писании ничего де сказано просто и напрасно, но и незначительное слово заключает, в себе скрытое сокровище.

4. И не изумляйся, возлюбленный, сказанному. Таков у всех пророков обычай - говорить о не бывшем еще, как уже о совершившемся. Они духовными глазами видели уже то, что имело совершиться спустя много лет; поэтому и говорили обо всем так, как будто бы созерцали то пред глазами. И чтобы тебе ясно было это, послушай, как блаженный Давид, за столько поколений, пророчествует и вопиет о крестных страданиях Христовых: "**Пронзили руки мои и ноги мои**" (Пс.21:17), и еще: "**делят ризы мои между собою**" (ст. 19). Видишь, как о том, что имело быть спустя много времени, он предсказал, как уже о сбывшемся? Так и этот блаженный пророк (Моисей), намекая нам уже на создание жены, говорит загадочно: "**И владычествуйте над рыбами морскими**". Далее затем говорит яснее: "**Сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их**". Смотри, какую употребляет он, тщательность, и неоднократно повторяет одно и то же, чтобы слова его укоренились в уме слушателей. Если бы не это было у него в виду, то довольно было бы сказать: "**Сотворил Бог человека**". Но он еще прибавляет: "**по образу Божию сотворил его**". Уже и прежде он показал нам, что значит: "**по образу**", так вот и теперь повторяет то же слово, и говорит: "**по образу Божию сотворил его**". Чтобы не оставить и самого ничтожного предлога к оправданию тем, которые захотели бы противоречить церковным догматам, он, простершись несколько далее, опять учит тому же, т.е. что выражение: "**по образу**", употреблено им для означения власти и господства (человека) над всеми тварями. Теперь посмотрим, что он говорит: "**Сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их**". На что выше намекнул словами: и да обладают, о том здесь говорит яснее. Впрочем, и это открыл нам еще не вполне, потому что еще не сказал нам о создании (мужа и жены), еще не показал, откуда произошла жена, а уже говорит: "**мужчину и женщину сотворил их**". Видишь, как о не бывшем еще он повествует как о совершившемся? Таковы-то духовные очи! Не столько могут эти телесные глаза видеть видимое, сколько духовные (видят) невидимое и несуществующее. Итак, сказав: "**мужчину и женщину сотворил их**", (Моисей) к обоим уже относит (Божие) благословение, и говорит: и "**благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле**" (Быт.1:28). Какое высокое благословение! Слова: "**плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю**" сказаны, как всякий знает, и к бессловесным животным и к пресмыкающимся; а слова: "**и обладайте ею, и владычествуйте**" - только к мужу и жене. Примечай человеколюбие Божие: еще прежде создания жены, Бог делает ее участницею владычества (над тварями) и удостаивает благословения. "**И владычествуйте, -** говорит, **- над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле**". Видишь власть несказанную? Видишь начальство великое? Видишь, что все твари подчинены человеку? Не думай же низко об этом разумном животном, но, помышляя о величии его чести и о благоволении к нему Господа, дивись Его неизреченному человеколюбию.

5. "**И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; - вам [сие] будет в пищу; а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому**

пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, [дал] Я всю зелень травную в пищу. И стало так" (Быт.1:29-30). Обрати внимание, возлюбленный, на точность выражений и неизреченное человеколюбие Божие, и не пропусти ни одного слова без рассмотрения. "**И сказал**, **-** говорит, **- Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя**", - как будто речь обращена к двоим, и это тогда, как жена еще не была создана. Потом, чтобы понять тебе безмерную благость Господа, смотри, как Он являет свое милосердие и преизобильную щедрость не только относительно мужа и жены, которая еще не была создана, но и самих бессловесных. Сказав: вам "**вам [сие] будет в пищу**" прибавил: и "**всем зверям земным**". А вот еще и другая бездна милосердия: Он позаботился не только о бессловесных кротких и годных нам в пищу и на службу, но и о зверях. Но кто в состоянии вполне постигнуть эту беспредельную благость? "**Вам**, **-** говорит, **- [сие] будет в пищу; а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, [дал] Я всю зелень травную в пищу**". Велико промышление Господа о созданном им человеке! Когда Он создал его и дал ему всю власть над тварями, то чтобы, видя такое множество бессловесных, тотчас же и в самом начале не стал тяготиться тем, что он не в состоянии продовольствовать пищею столько животных, - благий Владыка, прежде чем человек еще пришел к такой мысли, желая, так сказать, утешить его и показать, что как он сам, так и все бессловесные будут иметь полное довольство, потому что земля, по повелению Господню, будет служить к пропитанию их, к словам: "**вам [сие] будет в пищу**", тотчас присовокупил: "**а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, [дал] Я всю зелень травную в пищу. И стало так**". Все, то есть, что ни повелел Создатель, осуществилось, все пришло в надлежащий порядок. И потому (Моисей) тотчас присовокупил: "**И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма**" (ст. 31).

6. Кто может достойно восхвалить точность божественного Писания? Вот оно и здесь словами: "**И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма**", заграждает уста всем, кто только впоследствии решился бы противоречить. "**И увидел**, **-** говорит, **- Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой**". Как о каждой из созидаемых вещей (Писание) говорило: "**И увидел Бог … вот, хорошо весьма**", **-** так и теперь, когда совершилось все и окончены дела шестого дня, когда уже создан и тот, кто долженствовал пользоваться всеми тварями, говорит оно: "**И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма**". Смотри, как оно, обняв все твари в одном этом слове: "**все**", каждой из них сообщает похвалу. Даже не удовольствовалось словом "**все**", но прибавило: "**что Он создал**"; да и здесь еще не остановилось, но говорит: "**и вот, хорошо**", и: "**хорошо весьма**", то есть, совершенно хорошо. Итак, когда Господь, приведший из небытия в бытие, назвал свои создания добрыми, то кто дерзнет, хотя бы преисполнен был безумного самомнения, раскрыть уста и противоречить сказанному Богом? Так как, в видимой природе создан не только свет, но и тьма, противоположная свету, не только день, но и ночь, противоположная дню, а между произрастаниями земли не только полезные травы, но и вредные, и деревья не только плодоносные, но и бесплодные, и животные не только кроткие, но и дикие и лютые, и между (животными), порожденными водою, не только рыбы, но и киты, и другие морские звери, и на земле не только обитаемые места, но и необитаемые, не только ровные поля, но горы и дебри, и между птицами не только ручные и годные нам в пищу, но хищные и нечистые, например, ястребы и коршуны и многие другие подобные, также между происшедшими из земли животными не только кроткие, но змеи, ехидны, драконы, львы и рыси, да и в воздухе не только ветры и дожди полезные, но град и снег, и вообще, если подробно рассмотреть все, в каждом роде тварей найдешь не только полезное нам, но и кажущееся вредным, - то, чтобы впоследствии никто, смотря на творения Божии, не смог осуждать их и говорить: зачем то? на что это? или: это хорошо сделано, а это не хорошо, - св. Писание, заграждая,

так сказать, уста всем, дерзающим судить неблагонамеренно, по создании всего в шестой день говорит: “**И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма**”. Что может сравниться с таким удостоверением, когда сам Творец всего объявляет и говорит, что все созданное хорошо, весьма хорошо? Поэтому, когда увидишь, что кто-нибудь, увлекаясь собственными соображениями, станет противоречить божественному Писанию, устранись от него, как от безумного, или лучше сказать - не устранись, но, сожалея о его невежестве, приведи то, что говорит божественное Писание, и скажи, что “**увидел Бог все, что Он создал**, **и вот, хорошо весьма**”; может быть, ты успеешь сдержать необузданный язык его. Если мы и в человеческих делах, когда видим, что о них дают свое мнение люди высокие по сану, не прекословим, но соглашаемся и их приговор предпочитаем собственному суждению, то тем более должны поступать так по отношению к Богу всяческих, Творцу всего видимого: зная Его приговор, должно подавлять собственные помыслы и не отваживаться на дальнейшие изыскания, но знать и твердо верить, что все создано разумно и человеколюбиво, и ничего не сделано без цели и напрасно. Хотя мы, по слабости нашего ума, и не знаем употребления (некоторых) тварей, однако же (должны веровать, что) Бог все произвел по Своей премудрости и высокому человеколюбию.

7. “**И был**, **-** говорит (Моисей), **- вечер, и было утро: день шестой**”. С концом шестого дня положил Он конец и созданию всех тварей; потому и прибавил: “**Так совершены небо и земля и все воинство их**” (Быт.2:1). Смотри, как божественное Писание избегает ненужного и излишнего. Упомянув о главнейших стихиях, оно уже не говорит в частности о прочем; сказав: “**Так совершены небо и земля**, **-** говорит, **- и все воинство их**”, и этим обозначает все, что на земле и что на небе. Украшение земли есть то, что произошло из нее - произрастание трав, произведение плодов, плоды деревьев, и все прочее, чем Творец украсил ее. Равно и украшение неба составляют: солнце, луна, разнообразные звезды, и все находящиеся среди (их) создания. Поэтому божественное Писание, упомянув о небе и о земле, этими стихиями обняло все творение. “**И совершил**, **-** говорит**, - Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал**” (ст. 2). Смотри, как оно и раз и другой повторяет одно и то же, чтобы мы знали, что все дела творения продолжались до шестого дня: “**И совершил**, **-** говорит, **- Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал**”. Что значит: “**И почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал**”? Замечай, как по-человечески и с каким снисхождением к нам говорит о всем божественное Писание: иначе бы нам не понять ни одного слова его, если бы оно не удостоило нас такого снисхождения. “**И почил**, **-** говорит, **- в день седьмый от всех дел Своих, которые делал**”, **-** то есть перестал творить и приводить из небытия в бытие. Все, что нужно было, уже произвел; создал и того, кто имел пользоваться этими тварями. “**И благословил**, - говорит, - **Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал**” (ст. 3). Так как Он уже не стал более творить, и все, что только восхотел, по своему человеколюбию произвел своим повелением, и в шестой день положил конец творению, в седьмой же не хотел произвести ничего другого, потому что уже совершилось все, что только Он хотел, то, дабы и этот день имел некоторое преимущество и не казался менее важным из-за того, что в течение его ничего не создано, (Бог) удостаивает его благословения: “**И благословил**, - говорит, - **Бог седьмой день, и освятил его**”. Что же? Ужели прочие (дни) не были благословлены? Конечно; говорит; но для них вместо всякого благословения довольно было того, что в каждый из них созданы твари. Потому (Писание) и не сказало об них: “**благословил**”, а сказало это только о седьмом дне, и присовокупило еще: “**и освятил его**”. Что значит: “**и освятил его**”? Отделил его. Потом, чтобы показать нам и причину, по которой сказано: “**и освятил его**”, божественное Писание прибавляет: “**Ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал**”. Вот уже здесь, в самом начале (бытия мира), Бог гадательно предлагает нам учение о том, чтобы мы один день в круге седмицы весь посвящали и отделяли на дела

духовные. Для этого Господь, совершив все дела Свои в шесть дней, удостоил седьмой день благословения и освятил, "**ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал**". Но здесь, вижу я, опять открывается нам беспредельное море мыслей, и желаю не пройти его без внимания, но - сделать и вас участниками этого духовного богатства. Какой же здесь возникает у нас вопрос? (Вот какой): божественное Писание здесь показывает, что Бог почил от дел своих, а в Евангелии Христос говорит: "**Отец Мой доныне делает, и Я делаю**" (Ин.5:17): при сравнении этих изречений не представляется ли какого-нибудь противоречия в них? Да не будет: в словах божественного Писания нет никакого противоречия. Когда Писание здесь говорит: "**Ибо в оный почил от всех дел Своих**", - то этим научает нас, что Он перестал в седьмой день творить и производить из небытия в бытие; а когда Христос говорит: "**Отец Мой доныне делает, и Я делаю**", то этим указывает вам на непрерывный Его промысел, и деланием называет сохранение существующего, дарование ему продолжения (в бытии) и управление им во все время. В противном случае, как могла бы существовать вселенная, когда бы верховная рука не управляла и не распоряжалась всем видимым и человеческим родом? И если кто захочет благонамеренно рассмотреть в подробности все, что каждый день совершается на вашу пользу Творцом вселенной, тот откроет бездну человеколюбия. В самом деле, какое соображение, какой ум в состоянии постигнуть неизреченную благость, которую (Бог) являет человеческому роду, повелевая "**солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф.5:45), и подавая нам обилие во всем прочем? Может быть, мы простерли слово далее надлежащего; сделали это однако не напрасно и не без цели, но, для того, чтобы не пришедшие сюда узнали чрез вас, какой ущерб причинили они себе, из-за телесной пищи лишив себя духовного наставления. Впрочем, чтобы не увеличить их скорби, вы покажите к ним братскую любовь, передав им наши слова: это действительно послужит свидетельством искренней любви. Если поступающие так с чувственными яствами и сберегающие для своих знакомых то, что было подано на стол их показывают этим весьма великую любовь, тем более такой образ действия относительно духовных предметов доставит нам большую похвалу; да и польза нам будет от этого. Кто старается научить ближнего, тот не столько благодетельствует ему, сколько приготовляет себе самому великую награду и приобретает двоякий плод: получает от Бога большее воздаяние, и сам вспоминает и возобновляет в памяти сказанное, когда старается передать это ближнему.

8. Размышляя о такой пользе вашей, не откажите вашим братьям, но пусть ныне же они узнают от вас то, что нами сказано. А чтобы им впредь не быть вам обязанными таким наставлением, влеките их к нам, внушая им, что принятие телесной пищи нисколько не препятствует духовному наставлению, что всякое время нужно считать удобным для духовного собеседования. Если тщательно рассмотреть, то мы можем, и оставаясь дома, как после, так, и прежде обеда, взяв в руки божественные книги, получать от них пользу, и доставлять душе духовную пищу. Как тело нуждается в чувственной пище, так и душа требует ежедневного наставления и пищи духовной, дабы, укрепляясь ею, могла противиться восстаниям плоти и выдерживать постоянную брань, которая нам угрожает и делает душу нашу пленницею, если мы, хотя на короткое время, захотим предаться беспечности. Поэтому и пророк Давид назвал блаженным того, кто "**о законе Его** (Господнем) **размышляет он день и ночь**" (Пс.1:2). И блаженный Моисей, наставляя народ иудейский, говорит: когда "**будешь есть и насыщаться, тогда благословляй Господа, Бога твоего**" (Втор.8:10). Видишь, как тогда особенно, т.е. по принятии пищи, должны мы предлагать себе духовную снедь, чтобы душа после насыщения телесною пищею, вознерадев, не впала в погибель и не дала места козням диавола, который во всякое время старается нанести нам смертельный удар. Тот же пророк в другом месте сказал: "**и ложась и вставая**", поминайте Господа Бога вашего (Втор.6:7). Видишь, что ни в какое время не следует нам изгонять из своей души это памятование (о Боге), но твердо

хранить в совести, быть в постоянной бдительности и никогда не давать себе покоя, но, зная ярость врага нашего, трезвиться и бодрствовать, заграждать ему все входы, и никогда не пренебрегать духовною пищею. В этом ваше спасение, в этом духовное богатство, в этом безопасность. Если так станем каждовременно ограждать себя и чтением, и слушанием, и духовным собеседованием, то в состоянии будем и сами сделаться неодолимыми, и козни лукавого демона сделать безуспешными, и получить царство небесное, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 11

О том, что нужно прилагать великое старание о добродетели и подражать святым, которые, будучи одного с нами естества, с усердием творили ее, и что, если станем нерадеть, то не будем иметь никакого извинения.

1. Знаю, что в предшествовавшие дни я занимал ваш ум глубокими размышлениями; поэтому сегодня хочу предложить вам более легкое поучение. Как тело, изнуренное постом, нуждается в некотором отдыхе, чтобы могло потом с живой ревностью опять выступить на подвиги поста, так и душа требует отдохновения и успокоения. Не всегда нужно напрягать ее, не всегда и послаблять ей; но иногда делать одно, а иногда другое, и, таким образом, управлять и состоянием души, и вожделениями плоти. Всегдашний напряженный труд производит изнурение и изнеможение, а постоянное послабление ведет к беспечности. Это бывает, как всякому известно, и с душой и с телом. Поэтому мера во всем – прекрасное дело. Этому-то научает нас Бог всячески и самыми творениями, которые Он создал для нашего существования. Чтобы в этом увериться вам, возьмем в рассмотрение день и ночь, то есть свет и мрак. Назначив человеку день для делания, а мрак ночи для успокоения и отдохновения от трудов, (Бог) обоим им положил меру и пределы, чтобы все мы могли получать от них пользу. А что свет дневной есть время делания, послушай Давида, который говорит: "**выходит человек на дело свое и на работу свою до вечера**" (Пс.103:23). И хорошо сказал: "**до вечера**", потому что с наступлением вечера свет удаляется, а приходит темнота и усыпляет человеческую природу, успокаивает утрудившееся тело, утишает все чувства и, как добрая кормилица, своей заботливостью всем членам дает свободу от трудов и изнурительных занятий. Когда же мера ночи исполнится, появляется свет, и, пробудив человека, делает его способным свежими чувствами воспринимать солнечные лучи, и с новым и горячим усердием приступать к обычным делам. То же можно видеть и в последовательности времен года: после зимы наступает весна, а за летом следует осень, чтобы переменой в растворении воздуха тела наши освежались, чтобы и не расстраивались чрезмерно сжимаемые холодом, и не ослабевали сильно согреваемые зноем; поэтому (Бог) заставляет нас к зиме приучаться осенью, а к лету весной. Вообще, кто захочет смотреть на все рассудительно, тот во всех творениях найдет порядок и соразмерность, и убедится, что ничего не создано без причины и без цели. То же можно видеть и на растениях, произрастающих из земли. Земля не все производит в одно время, и не всякое время удобно к возделыванию ее произрастаний: наученный данной Богом мудростью, земледелец знает удобное время и понимает, когда посеять семена, когда посадить в землю деревья и виноград, когда острить серп для жатвы, когда собирать виноград и срезывать кисти, и в какое время собирать плод с маслины. Словом, если захочешь рассматривать все это подробно, то найдешь, что и у земледельцев много мудрости. И это можно видеть не на земле только, но и на море. Здесь увидишь другого рода дивную мудрость: кормчий знает, когда спустить корабль на воду, когда вывести его из пристани, когда плыть по морю. У этих-то особенно людей можно видеть, сколько смысла вложила в человеческую природу премудрость Божия. Не так хорошо знают повороты путешествующие по большим

дорогам, как эти (мореходы) умеют, верно, держать путь по водам. Потому и Писание, изумляясь чрезмерной премудрости Божьей, говорит: "**Дал путь в море и**" в воде "**безопасную стезю**" (Прем.14:3). Какой человеческий ум в состоянии постигнуть это? Такое же разумное устроение найдешь и в том, что касается принятия людьми пищи: на каждое время и на каждую пору года Господь дал нам различную пищу, и земля, как добрая кормилица, приносит нам Дары свои, повинуясь велению Создателя.

2. Но чтобы не слишком распространять это слово, вы, как разумные люди, можете сами сообразить и все прочее: "**дай**", сказано, "**наставление мудрому, и он будет еще мудрее**" (Притч.9:9). Не на нашей только пище это можно видеть, но и на пище бессловесных. И из других многих вещей можете, если захотите, узнать через исследование неизреченную премудрость и безмерную благость высочайшего Художника-Бога, узнать то, что все твари созданы с некоторой разумной целью. Таково же найдем мы и установление для нас святой четыредесятницы. Как на больших дорогах есть постоялые дворы и гостиницы, в которых утомившиеся путники могут отдохнуть и успокоиться от трудов, чтобы потом опять продолжать путь; как на море есть берега и пристани, где мореходы, переплыв много волн и выдержав напоры ветров, могут несколько отдохнуть, чтобы потом опять начать плавание, – так и в настоящее время святой четыредесятницы вступившим на путь поста Господь даровал эти два дня в седмице [т.е. субботние и воскресные дни святой четыредесятницы, в которые Церковь облегчает строгость поста], как бы постоялые дома и гостиницы, как бы берега и пристани, для краткого отдохновения, чтобы совершающие это доброе и спасительное путешествие, и тело успокоив несколько от трудов поста, и душу ободрив, опять, по прошествии этих двух дней, с усердием вступали на тот же путь. Вот и мы, так как ныне день отдохновения, попросим вашу любовь заботливо хранить приобретенные вами от поста плоды, дабы, отдохнув несколько, вам прибавить новые плоды к прежним, и, таким образом, мало-помалу собрав великую прибыль, встретить день Господень [т.е. день пасхи или воскресения Христова], и ввести в пристань святого праздника полным духовный свой корабль. Если все создания Господни, как показало наше слово и как свидетельствует опыт, совершены с разумной целью, для удовлетворения необходимой потребности, то и наши дела должны быть совершаемы не просто и не напрасно, но с пользой для нашего спасения. И занимающиеся мирскими делами никогда не решатся приступить к делу, пока не увидят выгоды от этого; тем более нам нужно поступать так и не проводить постные седмицы небрежно, но вопрошать свою совесть, испытывать ум и смотреть, что хорошо сделано нами в ту, что в другую неделю, какое приобретение мы получили в следующую, какую из своих страстей исправили. Если мы не будем так устраивать себя и прилагать такое попечение о своей душе, то не будет нам никакой пользы от поста и неядения, особенно, когда окажемся хуже и тех, которые прилагают такое старание о собрании денег. Смотри, каждый из этих людей употребляет всю бдительность, как бы всякий день прибавить что-либо к прежнему, и никогда не насыщается, но, чем более умножается у него имение, тем более усиливается и рвение и усердие. Итак, если люди выказывают такую бдительность там, где часто и старания бывают бесплодны, и богатство причиняет великий вред спасению души, то не гораздо ли более должно поступать так здесь, где от усердия великая польза, несказанная награда, и безмерный прибыток? Там, кроме всего сказанного, большая неизвестность: приобретение имущества не нарочно, не только потому, что при наступлении смерти оно остается здесь и не приносит никакой пользы собиравшему его, но и потому, что он, за имущество остающееся здесь, должен (там) дать самый строгий отчет. Часто случается еще и то, что человек, собравший великое богатство, после многочисленных трудов, тяжких усилий и беспокойств, с наступлением, как бы бури какой, неблагоприятных обстоятельств, еще прежде смерти своей вдруг делается беднее самых бедных людей – и это приходится видеть каждый день. Но касательно духовного богатства ничего такого никогда не должно

опасаться: оно твердо и неподвижно, и там, где особенно нуждаемся в нем, подает нам великую помощь.

3. Итак, пока имеем время, умоляю, употребим на приобретение этого духовного богатства, хотя столько же старания, сколько эти люди, и никогда не прекратим заботы о том, сделали ли мы что-нибудь доброе, прогнали ли от себя своей бдительностью какую-либо возмущавшую нас страсть, дабы, чувствуя одобрение своей совести, вкусить нам великое удовольствие. Дело не в том только, чтобы мы каждый день приходили сюда, постоянно слушали об одном и том же и во всю четыредесятницу постились. Если от постоянного хождения сюда и увещания не приобретем ничего, и из постного времени не извлечем чего полезного для своей души, – все это не только не доставит нам никакой пользы, но и послужит к большему осуждению нашему, когда, при такой (о нас) заботливости (со стороны Церкви), мы останемся все такими же, – когда гневливый не сделается тихим, вспыльчивый не обратится к кротости, а завистливый не перейдет к доброжелательству, сребролюбец не оставит своей страсти и не расположит себя к подаянию милостыни и питанию бедных, распутный не сделается целомудренным, гоняющийся за суетной славой не научится презирать ее и искать истинной славы, не заботящийся о любви к ближнему не воспрянет и не приучит себя не только к тому, чтобы быть не хуже мытарей ("**ибо если**", сказано, "**вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари**"? Мф.5:46), но и к такому состоянию души, чтобы кротко смотреть и на врагов и показывать к ним великую любовь. Если, приходя сюда каждый день, и постоянно слушая и пользуясь такими наставлениями и получая от поста помощь, не победим вышесказанных и других возникающих в нас страстей, то, какое будет нам прощение, какое оправдание? Скажи мне, пожалуйста, если бы ты видел, что сын твой каждый день ходит в училище, и, хотя времени проходит много, но он ничего не приобретает там, снес ли бы ты это терпеливо? Не наказал ли бы и отрока, не упрекнул ли бы и учителя? А потом, если бы узнал, что со стороны учителя сделано все и ничего не опущено, и что причиной всего была леность отрока, не обратил ли бы ты весь гнев свой на отрока, перестав винить учителя? То же самое должно быть и здесь. Мы, как поставленные (на степень учителей) благодатью Божьей, каждый день созываем вас, как духовных детей, в это училище, и предлагаем вам спасительное наставление, при чем не свои вымыслы сообщаем, но излагаем учение, дарованное нам от Господа в божественном Писании, – его мы открыто излагаем и постоянно внушаем. Итак, когда мы употребляем все старание и заботливость, и ежедневно ведем вас на путь добродетели, вы же будете оставаться в том же состоянии, то подумайте, какая будет и нам скорбь, какое и вам осуждение, чтобы не сказать больше? Конечно, нас освобождает от всякой ответственности то, что мы не опустили ничего потребного к вашему назиданию; однако же, так как мы заботимся о вашем спасении, то и не можем легко переносить (вашей беспечности). И учитель, когда не замечает в ученике никакого плода от своего старания, не мало скорбит и болезнует, видя, что напрасно трудится.

4. Это говорю теперь не для того, чтобы опечалить вашу любовь, но чтобы возбудить и расположить вас не изнурять только тело постом и не проводить дни святой четыредесятницы напрасно и без пользы. И что говорю – дни святой четыредесятницы, когда нам нельзя ни одного дня, по возможности во всю нашу жизнь, проводить так, чтобы в течение его не приобрести себе духовного плода – или молитвой, или исповеданием, или милостыней, или каким-нибудь другим духовным делом? Если Павел, такой великий муж, слышавший те неизреченные слова, коих никто не слыхал до сегодня, взывал о себе: "**я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалой вашей**" (1Кор.15:31), научая нас, что он так часто подвергался опасностям за благочестие, что каждый день был близок к смерти и, чего не допускала природа (потому что мы все подлежим одной только смерти), то совершала ревность его воли, хотя человеколюбивый

Бог и хранил его надолго для спасения других, – итак, если он, славный такими подвигами и являвшийся на земле подобно ангелу, каждый день старался приобретать что-нибудь, ополчаться против опасностей за истину, собирать себе духовное богатство и никогда не останавливаться, – то какое оправдание будем иметь мы, которые не только не совершили никаких подвигов, но обременены такими недостатками, из коих и каждый в отдельности может низринуть нас в бездну погибели, и не прилагаем никакого старания даже и о том, чтобы исправить эти недостатки? А если часто оказывается, что один и тот же имеет не один только недостаток, но весьма многие, когда он и гневлив, и необуздан, и сребролюбив, и завистлив, и жесток, и, однако же, не старается ни исправить эти недостатки, ни обратиться к делам добродетели, то какая остается надежда на спасение? Это говорю и не перестану говорить, чтобы каждый из слушающих, взяв из слов наших приличное ему врачество, постарался, освободившись от обременяющих его страстей, возвратить себе здоровье, и сделать себя способным к добродетели. И с больным телом бывает, что если врач многократно прикладывает лекарство, а больной не хочет выждать действия его, но сердясь и не терпя боли от приложенного врачом лекарства, отрывает его и не получает от него пользы, в таком случае никто из благомыслящих не станет упрекать врача, который со своей стороны сделал все. Так и здесь, мы, составив из духовного поучения врачество, предлагаем его вам; а затем будет уже ваше дело и потерпеть боль, и воспользоваться врачеством и, освободившись от болезни, возвратиться к истинному здравию. Тогда и сами вы получите великую пользу, и мы почувствуем не малую радость, видя, что бывшие прежде больными так скоро сделались здоровыми.

Итак, каждый из вас, молю, если не хотел раньше, по крайней мере, с этого времени старайся удалить из души своей ту страсть, о которой знает, что она тяготит его более других страстей, и, действуя благочестивым размышлением, как бы духовным мечем, освобождай себя от этой страсти. Бог дал нам столько разума, что при нем можем, если захотим быть сколько-нибудь внимательными, одолеть каждую из возникающих в нас страстей. Для того благодать Духа и описала для нас жизнь и деятельность всех святых в божественном Писании, чтобы, узнав, как они, будучи одного с нами естества, совершили всякую добродетель, мы не ленились подвизаться в ней.

5. Не одного ли с нами естества был блаженный Павел? Пламенею любовью к этому мужу; поэтому непрестанно обращаюсь к нему и, взирая на его душу, как на некий первообраз, удивляюсь в нем господству над страстями, высокому мужеству, пламенной любви к Богу и размышляю, как один человек по своему усердию приобрел всю совокупность добродетелей, а из нас никто не хочет сделать и малого доброго дела. Кто же спасет нас от неизбежного наказания, когда он был одной с нами природы, не чужд был тех же страстей и находился в таких трудных обстоятельствах, каждый день, так сказать, будучи влачим, терзаем и всенародно мучим противниками (евангельской) проповеди, которые часто, почитая его уже мертвым, тогда только, наконец, оставляли его, как бы приведши в исполнение убийственный свой замысел? А между нами, слабыми и столь нерадивыми, найдется ли кто такой, который бы являл такое величие добродетели? Но чтобы вам не из наших уст слышать о подвигах этого блаженного и о мужестве, какое он ежедневно показывал (в борьбе) за проповедь благочестия, надобно послушать, что он сам говорит. Когда он, по причине ложного о нем отзыва лжеапостолов, поставлен был в необходимость рассказывать о своих делах (а это для него было так тягостно и неприятно, что он отказывался и никогда не хотел объявлять о своих подвигах, напротив открыто называл себя хульником и гонителем), так, когда он увидел совершенную необходимость заградить уста обманщиков и несколько успокоить учеников, то, после многого другого, вот как начал говорить: "**а если кто смеет хвалиться чем-либо, то, скажу по неразумию, смею и я**" (2Кор.11:21). Смотри, какая боголюбивая душа: не только дерзостью, но и безрассудством называет это дело, научая

нас никогда не разглашать о своих делах без необходимости, когда никто не принуждает нас к тому, хотя бы и нашлись между нами сделавшие что-нибудь доброе. "**А если кто**", говорит он, "**смеет хвалиться чем-либо, то, скажу по неразумию, смею и я**", то есть, так как я вижу совершенную необходимость, то и решаюсь осмелиться и сделать безрассудное дело. "**Они Евреи? и я. Израильтяне? и я. Семя Авраамово? и я**" (2Кор. 11:22). Этим, говорит он, превозносятся: пусть же не думают, что нам недостает этого; и мы участвуем в тех же самых (преимуществах). Потом прибавил: "**Христовы служители? в безумии говорю: я больше**" (2Кор.11:23).

6. Смотри здесь, возлюбленный, как добродетельна душа этого блаженного. Он уже назвал дерзостью и безумием совершенное им, – хотя был поставлен в необходимость, однако не удовольствовался сказанным. Но когда решился объявить, что он весьма многим превышает тех, то чтобы не подумал кто, будто он говорит это по самолюбию, опять называет свои слова безумием, как бы так говоря: разве я не знаю, что делаю дело, многим неприятное и мне неприличное? Но меня вынуждает к тому настоятельная необходимость; потому простите мне, что говорю безумные слова. Будем подражать хотя тени его мы, отягощенные таким бременем грехов, – мы, которые, если иногда и сделаем что-нибудь доброе, то не можем и это хранить в сокровищницах сердца, но разглашаем и обнаруживаем из любви к человеческой славе, и такой неуместной говорливостью лишаем себя награды от Бога. С блаженным Павлом ничего такого не было. А что же? "**Христовы служители?**" говорит он, "**в безумии говорю: я больше**". Затем он уже открывает и те подвиги свои, коих лжеапостолы не совершили. Да и как могли совершить их люди, которые враждовали против истины, всячески старались воспрепятствовать проповеди благочестия и возмущали умы простых людей? Итак, сказав: "**я больше**", он уже перечисляет подвиги своего мужества и говорит: "**более был в трудах, безмерно в ранах, и многократно при смерти**". Что говоришь? Слова твои что-то странны и необычайны. Возможно ли умереть несколько раз? Да, говорит, возможно, если не самым делом, то намерением. Этим он научает нас, что он постоянно подвергался за проповедь таким опасностям, которые угрожали ему смертью, но благодать Божья среди самых опасностей хранила подвижника, чтобы от него ученики получили великую пользу. "**При смерти**", говорит, "**неоднократно**. "**От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл в глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратьями** (2Кор.11:24-26). Не пройдем, возлюбленные, этих слов без внимания: каждое из них в отдельности представляет нам море испытаний. Не сказал он об одном путешествии, но "**в путешествиях**", говорит, "**много раз**", не (одну) претерпел беду в реках, но многие и различные беды, и все (претерпел) с великой твердостью. И после всего этого еще говорит: "**в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе, кроме посторонних приключений**" (2Кор.11:27-28).

7. Вот открывается перед нами еще другое море испытаний. Словами: "**кроме посторонних приключений**" [или яснее: кроме прочего] он дал понять, что им гораздо более опущено, чем сказано. И на этом не остановился, но указывает нам на испытанные им беспокойства от стекавшегося к нему во множестве народа, говоря так: "**ежедневно стечение людей, забота обо всех церквах**" (2Кор.11:28). Вот опять, и этого подвига, хотя бы он был и один, достаточно, чтобы вознести его на самый верх добродетели. "**Забота**", говорит, "**обо всех церквях**" – не одной, не двух и трех, но всех, какие только были во вселенной. Сколь обширна земля, которую освещает солнце своими лучами, столь же велико было попечение и заботливость этого блаженного. Вот, какая широта сердца! Вот,

какое величие духа! Но то, что следует далее, закрывает, так сказать, собой все сказанное. "**Кто изнемогает**", говорит он, "**с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся**" (2Кор.11:29). Вот, какая нежная любовь этого мужа! Вот, какова бдительность! Вот, какова заботливость! Какая мать так терзается внутренне о чаде своем, палимом горячкой и лежащем на одре, как этот блаженный немоществовал за немощных, где бы они ни были, и волновался за соблазнявшихся? Смотри, как сильно он выразился. Не сказал: "**кто соблазняется, за кого бы я**" не печалюсь; но – "**воспламенялся**", говорит, являя нам великую силу скорби, и давая знать о себе, что он как бы воспламеняется и внутренне горит за подвергающихся соблазнам. Знаю, что я очень распространил свое поучение, хотя и имел намерение быть сегодня кратким, дабы вы могли несколько отдохнуть от труда постнического. Но не знаю, как я, коснувшись богатства добродетелей этого святого, увлечен этим как бы сильным потоком вод. Потому, остановив слово здесь, прошу любовь вашу постоянно содержать его в уме и непрестанно помышлять о том, что бывший одной с нами природы, подверженный тем же страстям, занимавшийся простым и неважным ремеслом – сшиванием кож и пребывавший в мастерской, когда захотел и решился предаться подвигам добродетели и сделать себя достойным принятия Святого Духа, получил свыше обильнейшие щедроты. Так и нам, если захотим сделать, что следует с нашей стороны, ничто не воспрепятствует получить те же щедроты, потому что Господь щедр и "**хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины**" (1Тим.2:4). Сделаем же себя достойными, и с пламенным усердием, хотя и поздно, обратимся к добродетели, и, подавив свои страсти, сотворим себя способными к принятию Духа, – чего да удостоимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 12

На следующие за сказанием о творении слова: "вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал небо и землю" (Быт. 2:4).

1. Вот сегодня исполним свое обещание, предложим обычное учение и к прежде сказанному присоединим то, о чем следует теперь говорить. Вы знаете, что раз и другой старались мы и хотели сделать это, но забота о братьях наших увлекала язык наш к увещанию их. То убеждали мы немощных братьев, которые, водясь обычаем, удалялись от этого духовного собрания и тем расстраивали нашу радость о святом празднике; им сильно внушали мы и советовали не отлучаться впредь от стада Христова и не блуждать вне этого духовного двора, не соединяться с нами только по имени и названию, на самом же деле следуя Иудеям, которые сидят во тьме при светильнике, когда уже воссияло Солнце правды. То приходивших сюда, но еще не просветившихся, увещевали мы последовать духовному призванию и, отрясши сон и леность, с пламенным расположением и напряженным усердием сделать себя готовыми к принятию царского дара, и поспешить к Дарующему отпущение грехов и щедро Подающему бесчисленные блага. Так как и о заблуждающихся касательно праздника Пасхи и соблюдением этого, по-видимому, неважного обычая [здесь, конечно, разумеются те из антиохийских христиан, которые праздновали Пасху с иудеями и которых св. Златоуст обличал в своих Беседах против иудеев] причиняющих себе великий вред мы позаботились, как следует, приложив к ране их приличное врачество, и непросвещенным [т.е. оглашенным, которые в св. четыредесятницу готовились к просвещению таинством крещения] дали надлежащее наставление, то, устроив необходимое для (врачевания) болезней и исполнив свое дело, следует, наконец, и всем вам вообще предложить сегодня духовное пиршество. Как в том случае, если бы мы прежде, чем позаботиться о братьях наших, оставив увещание к ним, стали продолжать (изъяснение книги Бытия) по порядку, а этих немощных (братьев)

презрели, нас справедливо упрекнул бы кто-либо за опущение потребного времени, – так теперь, когда мы ничего зависящего от нас не оставили, а сделали наставление, раздали добро и посеяли семена на духовной этой земле, – теперь следует опять – предложить чтение из блаженного Моисея, чтобы нам, получив отсюда назидание, с ним возвратиться домой. Что же было читано, послушаем. "**Сия книга**", говорит (Моисей), "**происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо, и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли, но пар поднимался с земли и орошал все лицо земли**" (Быт.2:4-6). Обрати и здесь внимание на мудрость этого чудного пророка, а лучше сказать, на учение Святого Духа. Рассказав нам о каждой твари в отдельности, изложив дела шести дней, и создание человека, и данную ему власть над всем видимым, теперь он опять представляет все уже в совокупности, и говорит: "**вот происхождение неба и земли, при сотворении их**". Здесь стоит рассмотреть, почему Моисей эту книгу называет книгой "**неба и земли**", когда она содержит много и другого, учит нас о многом другом, о добродетели праведников, о человеколюбии Божьем, о снисхождении, какое Господь показал и к первозданному и ко всему роду человеческому, и о многом другом, чего не нужно исчислять в настоящее время. Не удивляйся этому, возлюбленный: таков обычай у Святого Писания – не всегда рассказывать нам обо всем подробно, но, начавши с того, что всего важнее по содержанию, прочее предоставлять рассмотрению тех, которые имеют доброе расположение воспринимать возвещаемое. И дабы тебе увериться, что это так, объясню тебе это из того, что теперь прочитано. Показав в предыдущих словах создание всего в отдельности, божественное Писание уже не упоминает обо всех тварях, но говорит: **"вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал небо и землю"**, и прочее.

2. Видишь, как (Писание) всецело речь обращает к небу и земле, предоставляя нам из этого доразумевать обо всем прочем? Когда оно говорит о небе и земле, то разумеет все в совокупности, что есть на земле и на небе. Поэтому, как при повествовании о тварях оно не говорит обо всех их по порядку, но, упомянув о главнейших, затем не повествует нам о каждой в отдельности, так и всю эту книгу, хотя она содержит в себе много другого, называет книгой "**бытия неба и земли**", предоставляя нам из упоминания о них заключать, что в этой книге должно содержаться все видимое, что только есть и на небе, и на земле. "**В то время**", говорит, "**когда Господь Бог создал землю и небо, и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли, но пар поднимался с земли и орошал все лицо земли**". Великое сокровище заключается в этих немногих словах. Поэтому следует нам, при руководстве благодати Божьей, раскрыть эти слова с надлежащей вразумительностью и сделать вас участниками этого духовного богатства. Дух Святый, предведущий будущее, дабы никто впоследствии не мог спорить и вопреки божественному Писанию вносить в церковные догматы собственные соображения, и теперь, показав то, в каком порядке сотворены вещи, – что произошло прежде, что потом, равно и то, что земля произрастила семена свои по слову и велению Господа и стала рождать, не имея нужды ни в содействии солнца (да и могло ли это быть, когда оно еще не было создано?), ни в дождевой влаге, ни в возделывании со стороны человека, который еще не был сотворен, опять напоминает обо всем подробно для того именно, чтобы обуздать невоздержный язык дерзких суесловов. Что же говорит (Писание)? "**В то время, когда Господь Бог создал землю и небо, и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли, но пар поднимался с земли и орошал все лицо земли**" (Быт.2:4-6). Это значит, что не существовавшее дотоле

получило бытие и не бывшее явилось вдруг по слову и велению Его. Трава произрастает из земли; а когда (Писание) говорит о траве, то разумеет все семена. И о дождях научая нас, божественное Писание заметило: "**ибо Господь Бог не посылал дождя на землю**", то есть: дожди еще не падали сверху. После этого, наконец, оно показывает нам, что (земля) не нуждалась и в возделывании со стороны человека: "**человек**", говорит, не "**возделывал землю**". Как бы так вопиет и говорит оно всем последующим (родам): слыша это, знайте, как вначале произведено все, произращаемое землей, и не относите все к заботливости земледельцев, не им приписывайте ее плодородие, но слову и повелению, вначале данному ей ее Создателем. А все это для того, чтобы мы знали, что земля, для произращения своих семян, не нуждалась в содействии других стихий, но ей довольно было повеления Создателя. И вот, что особенно дивно и чудно: Тот, Кто теперь словом Своим возбудил землю к произращению столь многочисленных семян и в этом показал Свое могущество, превосходящее ум человеческий, эту самую землю, тяжелую и носящую на своем хребте такой мир, основал на водах, как говорит пророк: "**утвердил землю на водах**" (Пс.135:6). Какой человеческий ум в состоянии постигнуть это? Когда люди строят дома и хотят положить основание, то сперва копают землю, и если, опустившись в глубину, увидят хотя немного воды, стараются всю ее вычерпать и потом уже полагают основание; но Творец всего создает все не так, как люди, дабы ты и из этого познал неизреченную Его силу и то, что, если Ему благоугодно, то и самые стихии, повинуясь велению Создателя, производят противное их естественному действию.

3. И чтобы слова мои были для вас яснее, побеседуем еще несколько об этом предмете, а потом уже перейдем и к другому. В самом деле, природе воды противно носить на себе столь тяжелое тело, равно и земле неестественно лежать на таком основании. Однако же, земля лежит на водах. И чему дивиться! Если захочешь рассмотреть каждое из созданий, откроешь в нем беспредельную силу Создателя и то, что всем видимым Он управляет по Своей воле. Это можно видеть и на огне. Он имеет разрушительную силу, все превозмогает и легко истребляет всякое вещество – и камни, и дерева, и тела, и железо; но когда повелел Творец, то не коснулся и нежных и тленных тел, а сохранил отроков невредимыми посреди печи (Дан. 3 гл.). И не дивись, что огонь не коснулся тел их: неразумная стихия показала такую покорность, что и сказать невозможно; она не повредила и волос их. Огонь окружал их и проникал внутрь; однако, оказывая послушание и повинуясь велению Господа, сохранил целыми и невредимыми этих чудных отроков и они в печи чувствовали себя столь же безопасными, как будто ходили по лугу и в саду. И чтобы кто не подумал, что в этом явлении не было действия огня, человеколюбивый Бог не связал его деятельности; оставив при нем его сожигательную силу, Он только рабов Своих избавил от вредного его влияния. Чтобы ввергнувшие (отроков в печь) познали, как велико могущество Бога всяческих, огонь над ними-то и показал свое действие: тот самый огонь, который покрывал собой отроков, сжег и истребил стоявших вне. Видишь, как Господь, когда захочет, каждую стихию заставляет действовать и против своей природы? Он – Творец и Владыка, и все устраивает по Своей воле. Желаете ли видеть тоже и по отношению к воде? Как здесь огонь не коснулся ввержeнных в него и не оказал над ними своего действия, а над стоявшими вне обнаружил свою силу, – так и вода, увидим, одних потопляет, а перед другими отступает так, что они проходят безопасно. Вспомните теперь о фараоне и египтянах, и о народе еврейском: евреи, по повелению Господа, предводимые Моисеем, прошли по Чермному морю, как посуху, а египтяне с фараоном, решившиеся идти тем же путем, покрыты были водой и потонули. Так и стихии покорствуют служащим Господу и задерживают внутри себя свою стремительность. Послушаем этого мы, которые губим свое спасение, увлекаясь, по небрежению, раздражительностью, гневом, и другими страстями, и будем подражать такой покорности этих неразумных стихий – мы, одаренные разумом. Если огонь, столь разрушительный, столь сильный, не коснулся тленных и столь нежных тел, то какое

получит прощение человек, не желающий обуздать, по заповеди Господней, свою раздражительность и изгнать из себя гнев на ближнего? И что особенно важно: огонь, имеющий такое свойство, то есть, сжигать, не оказал своего действия, а человек, существо кроткое, разумное и тихое, делает противное своей природе и по беспечности уподобляет себя зверям. Потому и божественное Писание людям, одаренным разумом, за столь возмутительные страсти их, дает имена бессловесных, часто даже и зверей. Так оно называет их – иногда псами, за бесстыдство и наглость: "**псы немые, не могущие лаять**" (Ис.56:10); иногда конями за похоть: "**откормленные кони: каждый из них ржет на жену другого**" (Иер.5:8); иногда ослами за безумие и глупость: уподобится животным, которые погибают (Пс.48;13); иногда львами и рысями за хищничество и жадность; иногда аспидами за коварство: "**яд**", говорит, "**аспидов под устами их**" (Пс.139:4); иногда змеями и ехиднами за ядовитость и злобу, как и блаженный Иоанн вопиял, говоря: "**змеи**", "**порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева**" (Мф.3:7)? Дает оно людям и другие еще, соответственные страстям их, имена, чтобы, устыдившись хотя этого, обратились когда-либо к свойственному (людям) благородству, примирились со своими братьями, и законы Божьи предпочли страстям, которым предались по беспечности.

4. Не знаю, как мы течением слова увлеклись сюда. Возвратимся же, наконец, к предмету, и посмотрим, чему и еще хочет научить нас сегодня этот блаженный пророк. Сказав: "**сия книга происхождения неба и земли**", он далее опять повествует нам, с большей обстоятельностью, о создании человека. Выше он сказал кратко: "**и сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божьему сотворил его**" (Быт.1:27); а теперь говорит: "**и создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душой живой** (Быт.2:7). Многозначительны эти слова; много содержат они поразительного и превышающего ум человеческий. "**И создал**", сказано, "**Бог человека, из праха земного**". Как относительно всех видимых тварей я показал, что Творец всяческих все делает не так, как люди, дабы и в этом открылась Его неизреченная сила, так теперь и в создании человека оказывается то же. Смотри: Он землю основал на водах, чего ум человеческий понять не в состоянии без веры; Он, показали мы, когда захочет, заставляет все существа делать противное их свойствам. То же самое, как показывает нам теперь божественное Писание, было и при создании человека. "**Создал**", говорит оно, "**Бог человека, из праха земного**". Что говоришь: взяв персть от земли, создал Он человека? Так точно, говорит. И сказано не просто: взял "**землю**", но – "**прах**", то, что, так сказать, в самой земле всего легче и ничтожнее. Это кажется тебе необычайным и странным? Но если помыслишь, кто – Творец, то уже не будешь не верить событию, а подивишься и преклонишься перед могуществом Создателя. Если же вздумаешь судить об этом по соображениям слабого ума твоего, то, верно, придешь к такой мысли, что из земли никогда не может быть тела (человеческого), но будет или кирпич или черепица, только не такое тело. Видишь ли, что если мы не примем во внимание могущество Создателя и не умерим своих, столь слабых, умозаключений, то не сможем постигнуть высоты сказанного. Слова эти требуют очей веры и сказаны так по великому снисхождению к нашей немощи, потому что и самое выражение: "**создал Бог человека и вдунул**", недостойно Бога, но божественное Писание так повествует об этом ради нас и нашей немощи, снисходя к нам, чтобы мы, удостоившись такого снисхождения, могли взойти на высоту (истинного понятия). "**И создал**", говорит, "**Бог человека, из праха земного**". Отсюда вытекает, если будем внимательны, немаловажный урок смирения. Когда подумаем, из чего первоначально образовано наше тело, то, сколько бы мы ни насупливали бровей – должны принизиться, смириться; размышляя о Природе своей, мы научаемся скромности. Поэтому-то Бог, пекущийся о нашем спасении, так и направил язык пророка к нашему вразумлению. Так как божественное Писание прежде сказало: "**сотворил Бог человека, по образу Божьему сотворил его, и**" дал "**ему**" всю

"**власть**" над видимым, то, чтобы человек, не зная состава своей природы, не возмечтал о себе высоко и не преступил за свои пределы, – оно, начав опять говорить (о создании человека), показывает и способ его образования и начало бытия, – из чего, т.е., и как создан первый человек. Если и после этого наставления, показавшего (человеку), что он первоначально составлен из той же земли, из которой (произошли) растения и бессловесные животные (хотя образ создания и бестелесное существо души дали ему, по человеколюбию Божьему, великое преимущество, потому что вследствие этого он получил разумность и владычество над всем), – так если, узнав это, человек, по обольщению змея, возмечтал о равенстве с Богом, – он, созданный из земли, – то до какого бы не дошли мы безумия, если бы блаженный пророк удовольствовался первым сказанием [т.е. о сотворении человека по образу Божьему, Быт.1:27], и в новом повествовании не изложил нам все в подробности?

5. Таким образом, весьма полезным вразумлением служит познание о том, из чего первоначально мы получили состав нашего существа. "**И сотворил**", сказано, "**Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни**". Такой грубый образ речи употребил (Моисей) потому, что говорил людям, которые не могли слышать его иначе, как это возможно нам; и для того еще, чтобы показать нам, что человеколюбию Божьему угодно было – этого, созданного из земли, сделать причастным разумного существа души, через что животное это явилось превосходным и совершенным. "**И вдунул**", говорит, "**в лицо его дыхание жизни**". То есть, вдуновение сообщило созданному из земли жизненную силу и так образовалось существо души. Потому (Моисей) и прибавил: "**и стал человек душой живой**"; созданный из перста, приняв вдуновение, дыхание жизни, "**стал душой живой**". Что значит: "**душой живой**"? В душу действующую, которая имеет члены тела, как орудия своих действий, покорные ее воле. Не знаю, как мы извратили порядок и зло усилилось до того, что мы заставляем душу следовать пожеланиям плоти, и ту, которая, как госпожа, должна и председательствовать и повелевать, низведши с престола, принуждаем повиноваться прихотям плоти, забывая ее благородство и преимущество (перед плотью). В самом деле, подумай о порядке создания (человека), и размысли, что такое был он прежде вдуновения Господня, которое стало для него дыханием жизни, – "**и стал душой живой**"? Он был просто истуканом бездушным, бездейственным и ни к чему негодным, так что все столько возвышающее его преимущество состоит в том Божьем в него дуновении. И чтобы ты уразумел это не из того, что совершилось тогда, а из того, что и ныне происходит каждый день, подумай, каким некрасивым и неприятным является это тело по исходе из него души. И что говорю: некрасивым и неприятным? Как оно страшно, зловонно и безобразно, между тем как прежде, когда управляла им душа, было светло, приятно, весьма благообразно, проникнуто было разумом и обладало большой способностью к деланию добрых дел. Размышляя обо всем этом и представляя благородство нашей души, не будем делать ничего, недостойного ее, не будем осквернять ее непристойными делами, порабощая ее плоти и оказываясь столь бесчувственными и несправедливыми в отношении к той, которая имеет такое благородство и удостоена такого преимущества. Через ее существо мы, облеченные плотью, если захотим, можем при содействии Божьей благодати, соревновать бестелесным силам и, находясь на земле, жить и действовать как бы на небе, и достигнуть не меньшего сравнительно с ними, а, может быть, в чем-либо и большего. Как же это? Скажу. Если найдется кто такой, что, будучи облечен плотью, поступает так же, как и вышние силы, то как ему не сподобиться большей милости от Бога за то, что подлежа и телесным нуждам, сохранил благородство души неповрежденным? Можно ли, скажет кто-либо, найти такого человека? Конечно, это признается делом невозможным для нас по причине великой скудости в добродетели. Но если хочешь знать, что это не невозможно, подумай о тех, которые от начала и до настоящего времени угождали Господу, – о великом Иоанне, сыне неплодной, обитателе пустыни, о Павле, учителе

вселенной, и о всем сонме святых, которые имели общую с нами природу, подлежали таким же телесным нуждам, – и не считай более этого дела невозможным, не будь более нерачителен к добродетели, получив от Господа столько средств, чтобы легко к ней прилепиться. Зная слабость нашей воли и непостоянство, человеколюбивый Господь наш оставил нам важные врачества в чтении Писаний, чтобы мы, постоянно пользуясь ими и размышляя о жизни чудных тех и великих мужей, располагали себя к подражанию им, чтобы не были беспечны к добродетели, но избегали греха и делали все, чтобы не явиться недостойными неизреченных тех благ, которые да получим все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 13

"И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал" (Быт. 2:8).

1. Видя, как ненасытно у вас желание, велико усердие и напряжен ум, как все вы охотно внимательно слушаете духовное поучение, я, хотя и сознаю свою великую бедность, стараюсь, однако, постоянно и всякий день предлагать вам эту убогую и скудную трапезу, в уверенности, что, воспламеняемые усердием, вы с охотой примете слова (наши), как это бывает и с чувственной снедью, – что всякий знает. Когда гости имеют хороший аппетит, то хотя и убога трапеза и не богат хозяин, они с большим удовольствием кушают предлагаемое; а если гости имеют слабый аппетит, то, хотя трапеза будет и роскошная и обильная разными яствами, пользы нет никакой вследствие того, что (гости) не могут употребить приготовленное. А здесь, так как вы, по благодати Божьей, воспламенены усердием к духовной трапезе, мы говорим с большой ревностью, зная, что предлагаем это божественное учение внимательным слушателям. И земледелец, когда найдет тучную и плодовитую ниву, прилагает к ней все свое старание, – проводит борозды, пашет сохой, вырывает терние, щедро бросает семена и, питаясь уже добрыми надеждами, всякий день ожидает, как возрастет посеянное; следя за производительностью земли, он готовится пожать гораздо более чем сколько посеял. Подобным образом и мы, видя, как с каждым днем умножается ваше усердие, возрастает желание, ревность усиливается, возлагаем на вас добрые надежды, и сами с большим усердием и ревностью стараемся делать все, что можем, к назиданию вашей любви, во славу Божью, в похвалу святой церкви. Итак, если угодно, повторим нечто из прежней беседы, а затем по порядку рассмотрим нынешнее чтение. О чем же мы рассуждали в последний раз, как далеко простерли слово, и на чем остановили его, – об этом надобно сказать. "**И создал**", говорит (Моисей), "**Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душой живой**" (Быт.2:7). Что я тогда сказал, то и теперь повторю и всегда буду говорить, именно то, что любовь общего всех Владыки к роду нашему велика и несказанна. Подлинно, ради нашего спасения Он сделал великое снисхождение, великой чести удостоил это животное, т.е., человека; и словами и делами доказал, что о нем печется более, чем обо всем видимом. Ничто не препятствует нам и сегодня рассмотреть перед вашей любовью тот же предмет. Как благовонные вещества, чем более растираются нашими пальцами, тем большее издают благовоние, так бывает и с Писанием: чем больше кто старается вникать в него, тем больше может усматривать заключающееся в нем сокровище и приобретать из него великое и несказанное богатство. "**И создал**", сказано, "**Бог человека, из праха земного**". Усматривай различие из самого уже начала речи. Блаженный Моисей, когда хотел показать нам, каким образом созданы все прочие твари, сказал: "**сказал Бог: да будет свет, и стал свет; да будет твердь**"; и: "**да соберется вода**", и: "**да будут светила; да произрастит земля зелень, траву**"; и: "**да произведет вода пресмыкающихся, душу живую**"; и: "**да изведет земля душу живу**". Видишь, как

все было создано словом? Посмотрим же теперь, что говорит он о создании человека: "**и создал Бог человека**". Смотри, как этой приспособленностью в словах, которые употребил ради нашей немощи, показывает и способ создания (человека), и особенность, то есть, что он, говоря по человечески, как бы, образован руками Божьими, о чем и другой пророк говорит: "**Твои руки трудились надо мною и образовали всего меня кругом**" (Иов.10:8). Ведь, если бы Бог просто повелел человеку явиться из земли, ужели бы, скажи мне, не исполнилось это повеление? Но, чтобы в самом образе сотворения преподать нам всегдашний урок – не мечтать о себе свыше меры, для этого (Моисей) повествует обо всем с такой тщательностью, и говорит: "**создал Бог человека, из праха земного**".

2. В этом самом усматривай и честь (оказанную человеку). Бог берет не просто землю, но "**прах**", тончайшую, так сказать, часть земли, и этот самый "**прах земной**" своим повелением превращает в тело. Как самую сущность земли произвел Он из небытия, так и теперь, когда восхотел, "**прах земной**" превратил в тело. Здесь прилично воскликнуть словами блаженного Давида: **кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его** (Пс.105:2), потому что Он из праха произвел такое животное, возвел (его) в такую честь, и столько благодеяний в самом начале уже оказывает ему, во всем являя свое человеколюбие. "**И вдунул**", говорит, "**в лицо его дыхание жизни: и стал человек душой живой**".

Здесь некоторые неразумные, увлекаясь собственными соображениями, ни о чем не мысля богоприлично, не обращая внимания и на приспособленность выражений (Писания), дерзают говорит, что душа произошла из существа Божия. О, неистовство! О, безумие! Сколько путей погибели открыл дьявол тем, кто хотят служить ему! И чтобы понять это, посмотри, какими противоположными путями идут эти люди. Одни из них, ухватившись за выражение: "**вдунул**", говорят, что души происходят из существа Божия; другие, напротив, утверждают, что они превращаются даже в сущность самых низких бессловесных. Что может быть хуже такого безумия? Так как ум их омрачился и они не познали истинного смысла Писания, то и несутся, как потерявшие духовное око, в противоположные друга другу пропасти, одни возносят душу выше того, чего она заслуживает, а другие низводят ниже надлежащего. Если из-за того, что Писание говорит: "**вдунул в лицо его**", захотят приписать Богу и уста, в таком случае надобно будет дать Ему и руки, потому что сказано: "**сотворил человека**". Но, чтобы нам, желая выставить на вид пустословие их, самим не быть вынужденными говорить неприличное, оставим их безумное и крайне безрассудное учение и последуем указанию божественного Писания, которое само себя поясняет, если только мы не будем придавать значения грубости (paxu&thti) выражений, но будем иметь в виду то, что причиной такой грубости слов наша немощь. А иначе, то есть, без такого приспособления слов человеческому слуху невозможно было бы и принять их. Итак, размышляя и о немощи нашей, и о том, что слова (Писания) относятся к Богу, будем принимать эти последние слова так, как прилично говорить о Боге, не приписывая Божеству телесного вида и совокупности членов, но мысля обо всем богоприлично. Божество просто, несложно, не имеет вида (внешнего), поэтому, если мы вознамеримся, судя по себе самим, приписать Богу и совокупность членов, то незаметно впадем в эллинское нечестие. Итак, когда слышишь, что Писание говорит: "**сотворил Бог человека**", понимай эти слова в том смысле, как и выражение: "**да будет**", также, когда слышишь, что Бог "**вдунул в лицо его дыхание жизни**", разумей, что Он, как произвел бестелесные силы, так благоволил, чтобы и тело человека, созданное из праха, имело разумную душу, которая могла бы пользоваться телесными членами. Это тело, будучи создано по повелению Господа, лежало, как орудие, которое нуждается в двигателе, или – лучше сказать – как лира, нуждающаяся в том, кто

при помощи своего искусства и ума, умел бы при помощи своих членов, как струн, возносить к Господу приличную песнь. "**Вдунул**", говорит, "**в лицо его дыхание жизни и стал человек душой живой**". Что значит: "**вдунул дыхание жизни**"? То, что Он восхотел и повелел, чтобы это созданное тело имело жизненную силу, которая у этого животного "**стала душой живой**", то есть действующей и могущей выказывать свое искусство посредством движения членов.

3. Усматривай и в этом различие между созданием этого чудного разумного животного и созданием бессловесных. Об них Бог говорит: "**да произведет вода пресмыкающихся, душу живую**" – и тотчас произошли из вод одушевленные животные. И относительно земли опять таким же образом: "**да произведет земля душу живую**". С человеком было не так, но прежде созидается тело из персти, а потом дается ему жизненная сила, которая и составляет существо души. Поэтому и относительно бессловесных сказал Моисей, что "**душа тела в крови**" (Лев.17:11). А в человеке есть бестелесная и бессмертная сущность, имеющая великое преимущество перед телом, и именно такое, какое прилично (иметь) бестелесному перед телом. Но, может быть, скажет кто: для чего же, если душа выше тела, низшее созидается прежде, а потом уже высшее и важнейшее? Не видишь ли, возлюбленный, что и с (прочим) созданием было то же самое? Небо и земля, солнце и луна, и все прочее, а также неразумные животные были уже сотворены, и после всех их – человек, которому надлежало владычествовать над всеми этими тварями. Подобным образом и при сотворении самого человека прежде является тело, а потом уже, что драгоценнее (его) – душа. Как бессловесные, предназначенные и на пользу и на службу ему, создаются прежде человека, чтобы тот, кому надлежало пользоваться ими, имел уже готовую услугу, так и тело создается прежде души, чтобы, когда по неизреченной мудрости Божьей, создана будет душа, можно ей было показать свою деятельность движением тела. "**И насадил**", говорит, "**Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал".** Показав уже Свое человеколюбие и дав бытие тому, для которого создал все видимое, Господь всего тотчас начинает изливать на него Свои благодеяния. "**И насадил Бог**", говорит, "**рай в Едеме на востоке**". Смотри и здесь, возлюбленный, что если не станем понимать слова (Писания) богоприлично, то неизбежно низринемся в глубокую пропасть. Что сказали бы и о настоящем изречении те, которые все, что ни говорится о Боге, дерзают понимать по-человечески? "**И насадил**", говорит, "**Бог рай**". Что же, скажи мне, не понадобились ли ему и заступ, и земледелие, и другая работа, чтобы украсить рай? Да не будет. И здесь опять слово: "**насадил**" должно понимать так, что (Бог) повелел быть на земле раю, чтобы в нем жить созданному человеку. А что точно для него Бог создал рай, об этом послушай, как говорит само Писание: и "**насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал**". Для этого блаженный Моисей записал и имя этого места, чтобы любящие пустословить не могли обольщать простых слушателей и говорить, что рай был не на земле, а на небе, и бредить подобными мифологиями. Если уже и при такой тщательности (в словах) божественного Писания, некоторые из надмевающихся своим красноречием и внешней мудростью не отказались говорить вопреки Писанию, что рай не на земле, и, вводя многое другое стали мудрствовать не как написано, но идти другой дорогой, и сказанное о земле относить к небу, то до чего бы они не дошли, если бы блаженный Моисей руководимый Святым Духом, не употребил такого снисхождения в словах, хотя Святое Писание, когда хочет научить нас чему-либо такому, само себя изъясняет и не дает слушателю заблуждаться. Но так как многие слушают предлагаемое не для того, чтобы получить пользу от божественного Писания, но ради удовольствия, то поэтому они устремляются не к тем, которые могут доставить пользу, а к тем, которые могут нравиться. Поэтому молю, заградим слух свой от всех таких (лжеучителей), и последуем правилу Святого Писания. И как услышишь, возлюбленный, что "**насадил Бог рай в Едеме на востоке**", то слово: "**насадил**" понимай о Боге богоприлично, то есть, что

Он повелел; а касательно последующих слов веруй, что рай точно был сотворен и на том самом месте, где назначило Писание. Не верить содержащемуся в божественном Писании, но вводить другое из своего ума, это, думаю, подвергает великой опасности отваживающихся на такое дело. "**И поместил там человека, которого создал**".

4. Смотри, какую честь тотчас же оказывает Бог человеку! Создав вне рая, тотчас его вводит, чтобы самым делом дать ему почувствовать Свое благодеяние; чтобы на деле видно было, какую ему оказывает Он честь, ввел его в рай: "**и поместил там человека, которого создал**". И слово: "**поместил**" опять будем разуметь так, как бы сказано было: повелел человеку жить там, чтобы и взгляд (на рай) и пребывание в нем доставляли ему великое удовольствие и возбуждали его к чувству благодарности, при мысли, сколько он облагодетельствован, хотя сам еще не сделал ничего. Пусть не изумляет тебя это слово: "**поместил**", так как Писание имеет всегда обычай, ради нас и нашей пользы, употреблять человеческие выражения. И чтобы тебе увериться в этом, смотри, как и прежде касательно сотворения звезд оно употребило то же самое выражение: "**и поставил их Бог на тверди небесной**" (Быт.1:17), не для того, чтобы мы думали, будто они водружены на небе (ведь каждая из них совершает свое течение, переходя с места на место), но чтобы показать, что Бог повелел им быть на небе, как и человеку жить в раю. "**И произрастил**", говорит, "**Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая**", "**и дерево познания добра и зла**" (Быт.2:9). Вот еще и другое благодеяние, которым Бог почтил созданного. Восхотев, чтобы человек жил в раю, Бог повелел произрасти из земли разным деревьям, которые могли бы и увеселять его своим видом и быть годными в пищу. "**Всякое дерево, приятное на вид**", то есть, на вид, "**и хорошее для пищи**", то есть, могущие и веселить взор, и услаждать вкус, и своим множеством и обилием доставлять великое удовольствие тому, кто будет ими пользоваться. Словом: Бог произрастил "**всякое дерево**", какое только можешь представить. Видишь, какое беспечальное местопребывание! Видишь, какая чудная жизнь! Человек жил на земле, как ангел какой, – был в теле, но не имел телесных нужд; как царь, украшенный багряницей и диадемой и облеченный в порфиру, свободно наслаждался он райским жилищем, имея во всем изобилие. "**И дерево**", говорит, "**дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла**". Показав нам что земля, по повелению Господа, произвела всякое дерево, "**и приятное на вид и хорошее для пищи**", (Писание) говорит потом: "**и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла**". Человеколюбивый Господь, как Творец, предвидя, какой вред может с течением времени произойти от большой свободы, произрастил и "**дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла**", от которого (дерева), немного спустя, и повелит человеку воздерживаться, дабы знал (человек), что он всем наслаждается по благодати и человеколюбию (Божьему), и что есть Господь и Творец как его естества, так и всего видимого Поэтому-то (Моисей) и упомянул здесь об этом дереве, и повествует нам далее о названиях рек и их, так сказать, разделении, и о том, что от реки, напаявшей рай, отделившиеся другие и образовавшие четыре начала, разграничили, таким образом, страны земные. Может быть, любящие говорить от своей мудрости, и здесь не допускают ни того, что реки – действительно реки, ни того, что, воды – точно воды, но внушают решающимся слушать их, чтобы они (под именем рек и вод) представляли нечто другое. Но мы, прошу, не станем внимать этим людям, заградим для них слух наш, а будем верить божественному Писанию, и, следуя тому, что в нем сказано, будем стараться хранить в душах своих здравые догматы, а вместе с тем и вести правильную жизнь, чтобы и жизнь свидетельствовала о догматах, и догматы сообщали жизни твердость. Как в том случае, если мы, содержа правые догматы, станем жить небрежно, не будет нам пользы, так и тогда, когда, живя хорошо, будем нерадеть о правых догматах, не можем ничего приобрести для своего спасения. Если хотим мы избавиться и геенны, и получить царство, то должны украшаться тем и другим – и правотой догматов, и строгостью жизни. В самом

деле, что пользы, скажи мне, если дерево и поднялось высоко, и покрылось листьями, но плода не приносит? Так и христианину не принесут никакой пользы правые догматы, если он небрежет о своей жизни. Поэтому-то и Христос ублажал таких людей: "**блажен сотворивший и научивший**" (Мф.5:19). Учение делами гораздо убедительнее и достовернее, чем учение словами. Таковой и молча, и оставаясь невидимым, может учить, одних тем, что смотрят на него, других тем, что слышат о нем, и великое будет иметь он благоволение от Бога за то, прославляя Господа не только сам по себе, но и через взирающих на него. Таковой тысячью языков и многими устами будет возносить благодарения и песнословия Богу всяческих, потому что не только близкие к нему и свидетели его жизни будут дивиться ему и его Господу, но и незнающие его лично, а только слышавшие о нем от других и живущие весьма далеко, не только друзья, но и враги будут чтить высокую его добродетель. Сила добродетели в том, что она и врагам своим заграждает уста и обуздывает язык. И как слабые глазами не осмеливаются взглянуть на солнечные лучи, так и порок, никогда не может воззреть на добродетель, но удалится, предастся бегству и признает себя побежденным. Убедившись в этом, будем следовать добродетели, правильно устраивать свою жизнь, и воздерживаться от грехов – как в словах, так и в делах, хотя бы они казались малыми и незначительными. Если будем воздерживаться от малых грехов, то никогда уже не впадем в большие; а с течением времени, при помощи небесной, достигнем и высшей добродетели, избегнем будущего мучения и получим вечные блага, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 14

“И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его” (Быт. 2:15).

1. Опять и сегодня, если хотите, обратившись к тому, что следует за сказанным вчера, постараемся извлечь для вас отсюда духовное поучение. И в нынешнем чтении (из книги Бытия) скрывается великая сила: поэтому должны мы углубиться и, тщательно все рассмотрев, извлечь из этого пользу. Если желающие искать в море (дорогих) камней переносят столько трудов и неприятностей, предавая себя стремительности вод, только бы найти искомое, тем более нам следует напрячь внимание и разыскать, что скрывается в глубине слов (Писания), чтобы таким образом найти эти драгоценные камни. Но не устрашись, возлюбленный, слыша о глубине. Здесь не беспорядочное стремление воды, но благодать Духа; она освещает наш ум, помогает нам скорее найти искомое, и облегчает весь этот труд. Приобретение тех камней не много приносит пользы владельцу, часто даже вредит и бывает для него причиною бесчисленных бед; не столько радости он чувствует, находя их, сколько неприятностей терпит, нашедши, оттого, что возбудил против себя глаза завистливых и вооружил жадных корыстолюбцев. Таким образом, нахождение этих камней не только не доставляет нам никакой пользы в жизни, но бывает еще причиною большой вражды. Это – предмет алчного любостяжания, разжигает печь сребролюбия и мучит душу преданных (этой страсти). Ничего подобного нельзя опасаться от духовных драгоценных камней; нет, и богатство, ими доставляемое, неисчислимо, и радость неувядаема и несравненно выше того удовольствия, которое люди получают от тех (вещественных) камней. Послушай, что говорит Давид: “**Они вожделеннее золота и даже множества золота чистого**” (Пс.18:11). Видишь, как он, выставив на вид вещества, почитаемые самыми драгоценными, не только не удовольствовался таким сравнением, но еще прибавил: “**множества**”, и этим показал нам превосходство слова Божия; “**вожделеннее золота**”, говорит, и “**множества золота чистого**”. Это не значит, впрочем, что только в такой степени и вожделенны слова Божии; но, так как видел, что этим

особенно веществам люди дают самую высокую цену, то их и выставил на вид, чтобы показать превосходство и высочайшую драгоценность слов Духа. А чтобы видеть, что божественное Писание всегда имеет обычай сравнивать пользу, им доставляемую, с чувственными предметами и таким образом показывать превосходство свое, слушай, что следует далее. **“И слаще меда и капель сота**”. И здесь также не то, чтобы (слова Божии) были сладки только в такой степени или могли доставлять только такое удовольствие, но так как Давид в чувственных предметах не находил ничего другого для сравнения с сладостью слов Божиих, то и упомянул именно об этих вещах (меде и соте) и таким образом показал превосходство и высочайшую сладость духовных наставлений. Этим же правилом пользовался и Христос в Евангелии. Когда беседовал с учениками, и они захотели узнать смысл притчи о посеявшем доброе семя на поле, и о враге, посеявшем плевелы между пшеницею, то, изъяснив всю притчу подробно, сказав, кто был посеявший доброе семя, что – поле, что – плевелы, кто посеял их, кто – жнецы и что – жатва, – раскрыл им все это ясно (Мф.13:37-42). Он сказал: “**Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их**” (ст. 43). Не то, что праведники будут иметь только такое (как солнце) сияние, – нет, они будут иметь гораздо большее; но Христос сказал так потому, что в видимых предметах невозможно найти лучшего образа. Итак, когда мы услышим что-либо подобное этому, не будем останавливаться на словах, но от чувственных и видимых вещей станем заключать об особенном превосходстве духовных предметов. А если таким образом здесь можно найти и большую приятность и высшее наслаждение, так как это слова божественные и духовные, и могут доставлять душе великую духовную радость, то будем слушать предлагаемое с великим усердием и пламенным расположением, чтобы, получив здесь истинное богатство и собрав много семян для богоугодного любомудрия, с ними возвратиться нам домой.

2. Послушаем же, что сегодня читалось. Только напрягите свой ум, отриньте рассеянность и житейские заботы, и таким образом внимайте словам (Писания). Это божественные законы, ниспосланные с неба для нашего спасения. Если при чтении царской грамоты бывает великая тишина и прекращается всякий шум и беспорядок, потому что все стоят с напряженным вниманием и желают услышать то, о чем возвещает царская грамота, а тот, кто хотя немного зашумит и прервет последовательность чтения, подвергается великой опасности, то тем более здесь нужно стоять со страхом и трепетом, наблюдать глубокое молчание и избегать волнения мыслей, чтобы и понимать предлагаемое, и удостоиться за послушание еще больших даров от Царя небесного. Посмотрим же, чему и теперь учит нас блаженный Моисей, который говорит это не сам от себя, но по внушению благодати Духа. “**И взял**, – говорит он, – **Господь Бог человека**”. Прекрасно он в самом начале поставил эти два имени; сказав: “**Господь**”, – он не замолчал, но прибавил: “**Бог**”, – научая нас этим чему-то тайному и сокровенному, дабы мы знали, что, услышим ли имя “**Господь**”, или “**Бог**”, в этих именах нет никакой разности. Об этом я упомянул теперь не без цели, но для того, чтобы, когда услышишь слова Павла: “**Один Бог Отец, из Которого все, … и один Господь Иисус Христос, Которым все**” (1Кор.8:6), не подумал ты, будто есть разность в этих названиях, и будто одно значит больше, а другое меньше. Писание для того и употребляет эти имена безразлично, чтобы любящие состязаться не могли примешивать своих измышлений к правильным догматам. А для удостоверения, что божественное Писание ни которого из этих имен не употребляет в нарочитом и отдельном значении, обрати внимание на то самое, что говорит оно теперь. “**И взял**, – говорит, – **Господь Бог**”. О ком, думает еретик, сказано это? Об одном Отце? Хорошо. Послушай же, что говорит Павел: “**Один Бог Отец, из Которого все, … и один Господь Иисус Христос, Которым все**”. Видишь ли, как имя “**Господь**” он усвоил Сыну? Да и почему можно говорить, будто наименование “**Господь**” важнее имени “**Бог**”? Видите, какая нелепость, какое страшное богохульство! Кто не хочет следовать правилу божественного Писания, а дает место собственным умозаключениям, тот возмущает и ум

свой, и в здравое учение о православных догматах вносит бесконечные споры и словопрения. “**И взял**, – говорит, – **Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его**”. Вот как он заботится о созданном человеке! Вчера блаженный Моисей показал нам, что “**насадил Господь Бог рай в Едеме и поместил там человека**” (Быт.2:8), то есть, благоволил, чтобы человек имел там жилище и наслаждался раем. Сегодня он опять показывает нам неизреченную любовь Божию к человеку, и повторяет то же сказание: “**И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском**” (ц.сл.: и взя Господь Бог человека, его же созда, и постави его в раи сладости) (ст. 15). Не сказал только: в раи, но прибавил: сладости, чтобы показать нам то высокое наслаждение, которое человек вкушал, живя там. Но, сказав: “**поселил его в саду Едемском**, **–** Моисей говорит: **чтобы возделывать его и хранить его**”. Великую попечительность показывает и это. Так как жизнь райская доставляла человеку полное наслаждение, сообщая и удовольствие от созерцания и приятность от вкушения, то, чтобы человек от чрезмерного покоя Ее не развратился (“**праздность**, **–** сказано, – **научила многому худому**” Сир.34:28), (Бог) повелел ему “**возделывать**” и “**хранить**” рай. Что же, скажут, рай нуждался в возделывании со стороны человека? Не говорю этого, но Бог хотел, чтобы человек имел, хотя малое и умеренное, попечение о хранении и возделывании его. Если бы он был совершенно свободен от труда, то, пользуясь совершенным покоем, тотчас бы предался беспечности; но теперь, занимаясь трудом безболезненным, чуждым страданий, мог быть целомудреннее. Притом, слово “**хранить**” употреблено не без причины, но по приспособлению речи, чтобы он, то есть, знал о себе ясно, что подчинен Владыке, Который дал ему такое наслаждение, но, вместе с наслаждением, поручил и хранение рая. Бог все предпринимает и делает для нашей пользы, но, вместе с тем, дает нам и наслаждение и покой. Если Он, по безмерному человеколюбию Своему, уготовал неизреченные те блага еще прежде создания нас, как Сам говорит: “**Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**” (Мф.25:34), то тем более подаст в изобилии все здешние блага.

3. Итак, сообщив созданному (человеку) столько благодеяний, и, во-первых, изведши его из небытия в бытие, и благоволив образовать тело его из персти, а потом, чрез вдуновение, даровав ему и важнейшее – бестелесную душу, затем, повелев быть раю и поселив его там, после этого Господь Бог, подобно нежно любящему отцу, который для юного сына своего, пользующегося полным довольством и покоем, придумывает какую-нибудь легкую и умеренную заботу, чтобы он не испортился, повелел Адаму возделывать и хранить рай, чтобы в этих двух занятиях, при таком большом довольстве, безопасности и покое, он имел некоторую преграду, сдерживающую слишком большие его порывы. Таковы блага, которые уже были даны первозданному, а присоединенные к ним впоследствии другие показывают опять великую и необычайную любовь и снисхождение, котором (Бог) явил ему по своей благости. Что говорит Писание? “**И заповедал Господь Бог человеку** (Адаму)” (Быт. 2:16).

Вот опять и здесь (Писание) поступило по своему обычаю, чтобы от частого повторения слов мы приобрели точное познание и не соглашались с теми, которые дерзают полагать различие между этими наименованиями (Господь и Бог), и одно приписывать Отцу, а другое Сыну. Так как у обоих их (у Отца и Сына) одно существо, то божественное Писание усвояет одно и то же наименование безразлично – иногда Отцу, иногда Сыну. “**И заповедал**, **–** сказано, **– Господь Бог человеку** (Адаму)**, говоря**”. Здесь надобно изумляться необычайному человеколюбию Божию, которое открывается нам в этом кратком речении: “**И заповедал**”, сказано. Смотри, какую честь Бог оказал человеку в самом начале. Не сказано: приказал, или повелел, но что? – “**И заповедал**”. Как друг беседует с другом, заповедуя о чем-либо необходимом, так и Бог обращается с Адамом,

как бы желая такою честью расположить его к исполнению заповедуемого им. “**И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь**” (Быт.2:16-17). Заповедь очень нетрудная, но беспечность – вот тяжкое зло, возлюбленный! Как она делает легкое для нас трудным, так старание и внимание делает легким для нас и трудное. Что, скажи мне, легче этой заповеди? Что выше этой чести? (Бог) дозволил Адаму жить в раю, наслаждаться красотою видимого, увеселять этим зрение, и от вкушения (плодов) получать великое удовольствие. Подумай, какое наслаждение было видеть деревья, отягченные плодами, разнообразные цветы, травы, листья, и все прочее, что только может быть в раю, и притом в раю, насажденном от Бога. Поэтому выше божественное Писание говорит: “**Произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи**” (Быт. 2:9), чтобы знали мы, каким обилием пользуясь, человек, по великому своему невоздержанию и беспечности, высокомерно отнесся к данной ему заповеди. Представь себе, возлюбленный, какой высокой чести Бог удостоил его: даровал ему особенную, для него предназначенную трапезу в раю, чтобы он не думал, будто пища у него одинаковая с бессловесными, но, живя в раю, как царь, наслаждался бы его удовольствиями, и, как владыка, был отличен от подвластных ему и вел особую жизнь. “**И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь**”. Как бы так Бог говорил Адаму: “Я не требую от тебя чего-либо трудного и тяжкого: позволяю пользоваться всеми древами, и заповедаю не касаться только одного этого; но и наказание определяю большое, чтобы ты, хотя вразумляемый страхом, соблюл данную мною тебе заповедь”. Как какой-нибудь щедрый хозяин вверяет кому-либо свой огромный дом и, чтобы владение этим домом оставить вполне за собою, назначает с того человека малое количество денег, так и человеколюбивый Господь наш, позволив Адаму пользоваться всем в раю, повелел воздерживаться только от одного, чтобы знал он, что находится под Господом, Которому должен повиноваться и исполнять Его повеления.

4. Кто может достойно надивиться щедродательности общего всех Владыки? Еще человек ничего не сделал, а Он каких благодеяний удостаивает его! Не половиною (райских дерев) позволил ему наслаждаться, не повелел воздерживаться от большей части их и пользоваться только остальными; позволив ему пользоваться всеми деревами, какие есть в раю, повелел воздерживаться от одного, показывая самим делом, что сделал это не для чего-либо другого, как только для того, чтобы человек знал виновника столь великих благодеяний. Вместе со всем прочим усматривай здесь благость Божию и в том, какую честь Он оказал и жене, которая имела быть создана из Адама. Когда она еще не была сотворена, Бог дает заповедь как бы двоим: “**Не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь**”?; таким образом, заранее и сначала уже показывает, что муж и жена составляют одно, как и Павел говорит: “**Муж есть глава жены**” (Еф.5:23). Поэтому, говорит как бы к двоим для того, чтобы, создав потом из него жену, дать ему побуждение сообщить и ей данную Им заповедь. Знаю при этом, что вопрос о (запрещенном) дереве занимает очень многих; многие из безрассудных говорунов осмеливаются слагать вину с человека на Бога, и говорят: для чего (Бог) дал ему такую заповедь, когда знал, что он нарушит ее? Или: для чего повелел этому дереву быть в раю? – и многое другое. Но, чтобы нам не входить в объяснение этого теперь – прежде времени преступления (заповеди о дереве) – надобно подождать повествования о том блаженного Моисея; достигши до этого места, мы благовременно скажем об этом, что подаст благодать Божия, и изъясним вашей любви истинный смысл Писания, чтобы вы, правильно уразумев написанное, и Господу воздали подобающее славословие, и, оставив согрешившего (человека), не слагали вины на невиновного Бога. Теперь же пока рассмотрим, если угодно, дальнейшие слова нынешнего чтения. “**И сказал Господь Бог:**

не хорошо быть человеку одному” (Быт.2:18). Вот опять Моисей сказал, так же, как и прежде: “**Господь Бог**”, чтобы мы, вкоренив эти слова в своем уме, не ставили человеческих соображений выше божественного Писания. “**И сказал**, **–** говорит, – **Господь Бог: не хорошо быть человеку одному**”. Смотри, как благий Бог не останавливается, но прилагает благодеяния к благодеяниям, и, богатый благостью, хочет облечь это разумное существо всякою честью, а вместе с честью даровать ему и удобство жизни. “**Сказал**, **–** сказано, **– Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему**”. Вот опять и здесь слово: сотворим. Как вначале, при создании человека, Бог говорил: “**Сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему**”, так и теперь, намереваясь создать жену, употребляет то же слово, и говорит: “**сотворим**”. Кому говорит? Не какой-либо сотворенной силе, но рожденному от Него, чудному Советнику, Властителю, Начальнику мира. Единородному Своему Сыну. Чтобы Адам знал, что созидаемое существо будет равно ему по достоинству, для этого Бог, как о нем самом сказал: “**сотворим**”, так и теперь говорит: “**сотворим ему помощника, соответственного ему**”. Два эти выражения: “**помощника**” и: “**соответственного ему**”, – многозначительны. Не хочу, говорит, чтобы он был один, но – чтобы имел некоторое утешение от сообщества, и не это только, но нужно создать для него соответствующего ему помощника, то есть жену. Вот для чего Бог, сказав: “**сотворим ему помощника**”, прибавил еще: “**соответственного ему**”, – чтобы ты, когда увидишь сейчас, как приводятся (к Адаму) все звери и птицы небесные, не подумал, что о них сказаны эти слова. Хотя многие из бессловесных помогают человеку в трудах его, однако ни одно из них не равняется разумной жене. Поэтому после слов: “**помощника, соответственного ему**”, – прибавил: “**Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей**” (Быт.2:19). Это делается не просто и не напрасно, но ввиду имеющих вскоре последовать событий, предвидя которые, Бог показывает нам, сколь великою мудростью Он одарил созданного Им, чтобы, когда совершится преступление данной от Бога заповеди, не подумал ты, будто человек преступил ее по неведению, но знал бы, что падение есть (следствие) беспечности.

5. Что он одарен был великою мудростью, можешь удостовериться из того, что было теперь. “**И привел**, **–** сказано, **– к человеку** (Адаму), **чтобы видеть, как он назовет их**”. Это делает Бог, чтобы показать нам великую мудрость Адама. И опять: “**Как наречет человек** (Адам)**…, так и было имя ей**”.

Впрочем, это делается не для того только, чтобы мы видели мудрость его, но и для того еще, чтобы в наречении имен виден был знак владычества. И у людей есть обычай полагать знак своей власти в том, что они, купив себе рабов, переменяют им имена. Так и Бог заставляет Адама, как владыку, дать имена всем бессловесным. Не пропускай же, возлюбленный, слов этих без внимания, но подумай о том какая нужна была мудрость, чтобы дать имена стольким породам птиц, гадов, зверей, скотов и прочих бессловесных, ручных, диких, живущих в водах, происшедших из земли, – всем им дать имена и притом имена собственные и соответствующие каждой породе. “**Чтобы, –** сказано, **– как наречет человек …, так и было имя ей**”. Видишь полноту власти? Видишь силу господства? Подумай между прочим и о том, что и львы, и леопарды, ехидны, и скорпионы, и змеи, и все другие, еще более свирепые, животные, пришли к Адаму, как к господину, со всею покорностью, чтобы получить от него имена, и Адам ни одного из этих зверей не устрашился. Итак, никто не поноси сотворенного Господом, не изощряй языка на Создателя, или – лучше сказать – на свою голову, и не говори этих безумных слов: “для чего созданы звери?” Наречение имен ясно показывает вам, что и звери, подобно домашним животным, признавали и свое рабство и господство человека. Имена те,

которые нарек им Адам, остаются доселе: Бог так утвердил их для того, чтобы мы и помнили постоянно о чести, которую человек получил от Господа всяческих, приняв под свою власть животных, и причину отнятия (этой чести) приписывали самому человеку, который через грех утратил власть свою. “**И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым**” (Быт.2:20). Отсюда уже усматривай, возлюбленный, свободу воли и превосходство разума его, и не говори, будто он не знал, что хорошо и что худо. Кто был в состоянии дать соответствующие имена скотам, и птицам, и зверям, не нарушил при этом порядка, и не дал диким животным имен, приличных кротким, а свойственных диким не назначил кротким, но всем дал соответственные названия, тот не исполнен ли был мудрости и разума? Заключай же отсюда, как велика сила того вдуновения, и как велика мудрость, которою Господь одарил бестелесную душу, составив из двух сущностей столь чудное и разумное животное и бестелесную сущность души, как прекрасного художника, соединив с телом, как орудием. Поэтому, когда подумаешь о столь великой мудрости этого животного, изумляйся могуществу Создателя. Если взгляд на красоту неба возбуждает благомыслящего созерцателя к славословию Творца, то тем более разумное это животное, человек, размышляя о своем устройстве, о высокой чести, данной ему, о великих дарах и несказанных благодеяниях, может постоянно восхвалять Виновника и возносить посильное славословие Господу.

Хотел я рассмотреть и дальнейшее, но, чтобы множеством изложенного не обременить вашей памяти, надобно прекратить здесь слово. У нас не та цель, чтобы только сказать много; мы говорим для того, чтобы вы, постоянно сохраняя это в своем уме, не только сами знали содержащееся в божественном Писании, но и для других были учителями, могущими вразумлять их. Поэтому каждый из вас, по выходе отсюда, вместе с ближним возобновляй в памяти то, что здесь сказано, и, сообщая другому свое, принимай и от него, что тот припомнит. И таким образом собирая все и сохраняя в свежей памяти, уходите домой, и там, каждый сам по себе, опять продумывайте эти божественные уроки, чтобы ими, посвящая все заботы, и ими, занимая свой ум, вы легко могли и победить возмущающие вас страсти, и избегнуть козней диавола. Ведь когда злой тот демон видит, что душа заботится о предметах божественных, и об них только непрестанно помышляет, ими занимается, то он не смеет и приблизиться, но тотчас удаляется, гонимый силою Духа, будто огнем каким. Итак, чтобы нам и себе доставить возможно более пользы, и победить этого врага, и получить большую милость от Бога, будем занимать ум свой этими предметами. Тогда благоуспешны будут все дела ваши – трудное сделается легким, кажущееся прискорбным будет иметь счастливый конец, и ничто здешнее не в состоянии будет печалить нас. Если мы будем заботиться о божественном, то сам (Бог) позаботится о нашем, и мы переплывем море настоящей жизни с совершенною безопасностью и, путеводимые великим Кормчим – Богом всяческих, войдем в пристань Его человеколюбия. Ему слава и держава, ныне и присно, и в бесконечные веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 15

“Но для человека (Адама) не нашлось помощника, подобного ему. И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку” (Быт. 2:20-22).

1. Много благодарен вам, что вы вчера приняли наше увещание с большою готовностью и не только не тяготились продолжительностью слова, но были до конца так внимательны, что сохранили живое расположение слушать; этим вы подаете нам добрые надежды на то, что исполните наш совет самым делом. Кто слушает с таким удовольствием, тот,

очевидно, расположен и к исполнению (выслушанного) на деле. С другой стороны, и нынешнее стечение ваше служит доказательством вашего душевного здравия. Как позыв к пище есть знак телесного здоровья, так любовь к слову Божию служит наилучшим свидетельством благосостояния душевного. Так как плод вашего усердия проявляется в исполнении вами слышанного, то вот и мы отдадим вашей любви награду, которую обещали вчера. Наградою называю это духовное учение, которое и у меня, дающего, может увеличить достояние, и вас, приемлющих, сделать богатыми. Таково все духовное; а в чувственных вещах этого не бывает. Там дающий уменьшает свое имущество, а получающего делает более богатым; здесь же не так - напротив, и дающий, этим самым, еще более увеличивает собственное богатство, и у приемлющих умножается достояние. Итак, поелику и мы готовы сообщить, и у вас недра ума приготовлены принять это духовное богатство, то и исполним свое обещание и, принявшись за дальнейшее объяснение того, что было читано из блаженного Моисея, чрез это отдадим вам награду. Нужно объяснить то, что прочтено сегодня, чтобы таким образом с точностью раскрыв заключающееся в речениях богатство мыслей, сообщить его вашей любви. Вы слышали недавно слова божественного Писания: **“Но для человека** (Адама) **не нашлось помощника, подобного ему**” (ц.сл.: Адаму же не обретеся помощник, подобный ему. Что значит это краткое речение: **“Но для человека** (Адама)” Адаму же? Зачем прибавлен союз **же**? Не довольно ли было сказать: “**Для человека** (Адама)”? Адаму? Исследовать это хотим мы не просто по излишней пытливости, но чтобы, тщательно истолковывая вам все, научить вас не пропускать в божественном Писании без внимания и краткого речения, ни даже одного слога. Ведь это не простые слова, но слова Духа Святого; потому можно найти великое сокровище и в одном слоге. Внимайте же, прошу, усердно: никто (не будь) ленив, никто - сонлив, все имейте бодрый ум; никто пусть не блуждает мыслию на стороне и, стоя здесь, пусть не развлекается житейскими попечениями. Напротив, помышляя о достоинстве этого духовного собрания и о том, что мы слышим (здесь) Бога, говорящего к нам устами пророков, сообразно с этим пусть всякий отверзает слух и напрягает ум свой, чтобы ни одно из бросаемых нами семян не пало на камень, или при пути, или в терния, но чтобы все семя, упавши на добрую землю, то есть, на широту великого ума, могло принести вам обильный плод и умножилось сеемое нами. Посмотрим же, что значит прибавление союза. “**Но человеку** (Адаму), **-** говорит, **- не нашлось помощника, подобного ему**” (Адаму же, говорит, не обретеся помощник, подобный ему). Заметь точность божественного Писания. Сказавши: “**Но человеку** (Адаму) **не нашлось помощника**”**, -** оно не остановилось на этом, но прибавило: “**подобного ему**”, **-** объясняя нам этим прибавлением причину, по которой оно употребило союз. Думаю, что более быстрые в соображениях сами уже предвидят, что будет нами сказано. Но так как мы, предлагая поучение всем вообще, должны стараться, чтобы слова наши были ясны для всех, то вот и покажем вам, почему (Писание) так сказало; только потерпите немного. Прежде, как помните, в божественном Писании сказано: “**Сотворим ему помощника, соответственного ему**”, вслед затем сообщено нам о сотворении зверей, и пресмыкающихся, и всех бессловесных: “**Господь Бог образовал**, **-** сказано, **- из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их**; и (Адам), как господин, “**нарек имена всем**” (Быт.2:18,20), каждой породе зверей и птиц и всем бессловесным назначил, по дарованной ему мудрости, свойственное наименование. А чтобы мы видели, что все эти твари, хотя и исполняют некоторую службу и содействуют человеку в трудах, однако же, неразумные твари и весьма далеко отстоят от человека, чтобы мы подумали, будто о них сказал (Бог): “**Сотворим ему помощника**”. Ведь если они и помогают человеку и службою своею доставляют ему много пользы, все же неразумны. Что они помогают (ему), это показывает самый опыт: одни из них пригодны к перенесению тяжестей, другие - к обрабатыванию земли; вол влачит плуг, прорезывает борозды и много других услуг оказывает нам при земледелии; осел также много помогает при перенесении тяжестей; да и многие другие из

бессловесных служат нам к удовлетворению телесных наших нужд: овцы служат нам своею шерстью для устройства одежды; козы - и волосом и молоком, и другим, что пригодно в пищу нам. Итак, чтобы не к этим животным относили мы сказанное выше: "**Сотворим ему помощника**", **-** для этого блаженный Моисей, начиная теперь слово, говорит: **"Но для человека** (Адама) **не нашлось помощника, подобного ему**". Как бы так он учит нас и говорит: все эти (животные) созданы (Богом для человека) и получили себе названия от Адама, однако же, ни одно из них не оказалось достойным быть ему помощником. Потому и хочет (Моисей) внушить нам, что имеет быть создано новое животное и что это готовое явиться животное и есть то самое, о котором сказано: "**Сотворим ему помощника, соответственного ему**", - подобного, то есть, ему, - одной с ним природы, Достойного его, ничем не ниже его. Поэтому этот блаженный и сказал: **"Но для человека** (Адама) **не нашлось помощника, подобного ему**", показывая нам, что сколько бы бессловесные ни были нам полезны своими услугами, но помощь, оказываемая Адаму женою, другого рода и гораздо превосходнее.

2. Итак, когда все животные были уже сотворены и получили имена от первозданного, человеколюбивый Господь, устрояя все для созданного Им, искал подобного ему помощника; создав для него всю эту видимую тварь, сверх всего прочего творит и жену. И смотри, с какою точностью (Писание) учит нас о создании этого творения. Так как оно сообщило уже нам, что (Бог) хочет создать Адаму помощника, подобного ему, и выше сказано: "**Сотворим ему помощника, соответственного ему**", **-** и здесь говорит: **"Но для человека** (Адама) **не нашлось помощника, подобного ему**", **-** то поэтому создание жены совершается из существа Адама, как сказано: "**И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку** (Адаму)" (Быт.2:21-22). Велика сила этих слов; она превосходит всякий разум человеческий: не иначе можно понять величие их, как только рассмотрев их очами веры. "**И навел**, **-** сказано, **- Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул**" (ц.сл: И наложи, сказано, Бог изступление на Адама, и успе). Обрати внимание на точность учения. Оба эти обстоятельства (исступление и сон) указал блаженный пророк, или - лучше - Дух Святый его устами, раскрывая нам сообразность события. "**Навел**, **-** сказано, **- Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул**" (ц.сл: Наложи, сказано, изступление на Адама, и успе). Это было не простое исступление и не обыкновенный сон; но так как премудрый и благоискусный Создатель нашей природы хотел взять у Адама одно из ребр его, то чтобы он не почувствовал боли и затем враждебного расположения к созидаемой из его ребра, чтобы, помня боль, не возненавидел создаваемое животное, для этого (Бог), погрузив (Адама) в исступление и как бы повелев ему быть объятым некоторого рода оцепенением, навел на него такой сон, что он совсем не чувствовал, что происходило (с ним). Как совершеннейший Художник, взял, что считал нужным, и восполнил то, чего недоставало, и взятое устроил по Своему человеколюбию. "**Навел**, **-** сказано, **- Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию**" (ц.сл: Наложи, сказано, изступление на Адама, и успе: и взя едино от ребр его, и исполни плотию вместо его), - это для того, чтобы Адам, по прекращении сна, не мог знать о случившемся по недостатку (ребра). Ведь если он не узнал о том во время отнятия (ребра), так мог узнать после. Итак, чтобы и самое отнятие ребра не причинило ему боли, и потом недостаток его не возбудил (в нем) скорби, Бог то и другое устроил так: и (ребро) взял безболезненно, и оказавшийся затем недостаток восполнил, и чрез это не дал Адаму узнать, что с ним было. Итак, взявши ребро, Господь Бог – сказано **-** "**создал … жену**". Чудное дело, безмерно превышающее наш ум! Таковы и все дела Господни. В самом деле, (создание жены из ребра Адамова) не меньше создания человека из персти. При этом обрати внимание и на снисхождение божественного Писания - какие слова употребляет оно ради нашей немощи. "**И** … **взял**, **-** сказано, **- одно**

из ребр его". Не разумей слова эти по-человечески, но знай, что употреблены грубые речения приспособительно к немощи человеческой. Ведь если бы (Писание) не употребило этих слов, то как бы могли мы узнать неизглаголанные тайны? Не будем же останавливаться только на словах, но станем понимать все благоприлично, как относящееся к Богу. Это выражение: "**взял**", и все ему подобные употреблены ради нашей немощи. Смотри еще, как и здесь (Писание) употребило то же выражение, что и говоря об Адаме. Как там оно и раз, и два, и многократно говорило: "**И взял Господь Бог человека**", и ещё: "**И заповедал Господь Бог человеку** (Адаму)", и опять: "**Сказал Господь Бог: …сотворим ему помощника, соответственного ему**", - так и теперь говорит: "**И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену**", и выше: "**И навел Господь Бог на человека крепкий сон**"; - это для того, чтобы ты знал, что в употреблении этих слов (Бог и Господь) Писание не делает никакого различия между Отцом и Сыном, но так как оба Они имеют одну сущность, то и употребляет оно имена безразличное. Так вот и повествуя о создании жены, оно поступает также, и говорит: "**И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену**". Что скажут здесь еретики, которые хотят все подвергать исследованию и думают, что они постигли рождение Содетеля всяческих [здесь, конечно, разумеется предвечное рождение Бога-Слова, Имже вся быша]. Какое слово может выразить это? Какой ум - постигнуть? Одно ребро, сказано, взял (Бог): как же из этого одного ребра (Он) образовал целое животное? И что говорю: как из этого одного ребра Бог образовал животное? Скажи мне, как совершилось отнятие (ребра)? Как (Адам) не чувствовал этого отнятия? Но ты ничего такого не можешь сказать: знает (это) один Тот, Кто совершил создание. Если мы не понимаем и того, что у нас под руками, - образования однородного нам животного, то как же бессмысленно и безумно исследовать то, что касается Творца, и говорить, будто мы понимаем то, о чем не имеют точного понятия и высшие, бестелесные силы и что они только постоянно прославляют со страхом и трепетом?

3. "**И создал**, **-** сказано, **- Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену**". Обрати внимание на точность Писания. Оно не сказало: сотворил, но: создал. Поелику Бог взял часть от сотворенного уже и, так сказать, дал только, чего недоставало, - поэтому и говорит Писание: "**И создал**" - не другое творение произвел, но, взяв уже от готового творения некоторую малую часть, из этой части построил целое животное. Какова сила высочайшего Художника Бога, чтобы из этой малой части (ребра) произвести состав стольких членов, устроить столько органов чувств и образовать целое, совершенное и полное существо, которое могло бы и беседовать и, по единству природы, доставлять мужу великое утешение! Ведь для его утешения создано это существо. Потому и Павел сказал: "**Не муж создан для жены, но жена для мужа**" (1Кор.11:9). Видишь, как все создано для него? Уже создана была (вся) тварь, уже явились бессловесные, годные в пищу и способные служить человеку; но первозданный не имел, с кем бы ему беседовать и кто бы, по единству природы, мог доставлять ему великое утешение. Поэтому (Бог) создает из ребра его это разумное животное и, по великой Своей премудрости, делает его совершенным, во всем подобным мужу, т.е. разумным, способным оказывать ему помощь в необходимых потребностях и обстоятельствах жизни. Так все Бог устроил мудро и искусно. Если же мы, по немощи разума, не в состоянии понимать, как созданы вещи, то веруем, однако, что все повинуется воле Творца и что повелит Он, то и совершается. "**И создал**, **-** сказано, **- Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку** (Адаму)", показывая, что для него произвел ее: "**привел ее**", говорит, "**к человеку** (Адаму)". То есть, так как между всеми бессловесными не нашлось подобного тебе помощника, то вот, что обещал Я (а Я обещал создать помощника подобного тебе), то и исполнил, и вручаю тебе: "**привел ее к человеку** (Адаму). **И сказал человек** (Адам): **вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей**" (Быт.2:23). Смотри здесь, возлюбленный, как (Адам) вместе с несказанною, данною ему от Бога, мудростью,

которую он показал нам в наречении имен стольким породам бессловесных животных, удостоился еще и дара пророческого. Для того блаженный пророк (Моисей) и показал нам выше, что, вместе со сном, объяло Адама и исступление, так что он совсем не чувствовал происходившего с ним, - чтобы, узнавши теперь, что Адам, при взгляде на жену, точно объясняет происшедшее, ты совершенно убедился, что он говорит это по дару пророчества, руководимый наставлением Святого Духа. Ведь он ничего не знал о происшедшем, и, однако же, когда (Бог) привел к нему жену, сказал: "**Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей**". А другой переводчик вместо: ныне говорит: се единожды, давая разуметь, что это было только теперь, а после не таково уже будет происхождение жены. Ныне, говорит, от мужа произошла жена, а после не так, а от жены (будет происходить) муж, или - лучше - не от жены, а от соучастия обоих их, как и Павел говорит: "**Не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа**" (1Кор.11:8-9). Так, скажешь, но эти слова показывают, что жена произошла от мужа. Потерпи, и из последующего увидишь истинное учение. Апостол говорит: "**Впрочем ни муж без жены, ни жена без мужа**" (ст. 11), научая нас, что после (создания первой жены) рождение мужа и жены бывает от соучастия того и другой. Потому-то и Адам сказал: "**Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей**".

4. Затем, чтобы увериться тебе в точности Адамова пророчества, - в том, что сказанное им сбывается доселе и (будет сбываться) до самого конца (мира), послушай, что следует еще далее. "**Она**, **-** говорит, **- будет называться женою, ибо взята от мужа**. **Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть**" (Быт.2:23-24). Видишь, как (Адам) открыл нам все, с точностью объяснив своим пророческим духом каждое (обстоятельство). "**Она**, **-** говорит, **- будет называться женою, ибо взята от мужа**": здесь он намекает на взятие ребра. Потом, раскрывая будущее, говорит: "**Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть**". Откуда, скажи мне, пришло ему на ум сказать это? Откуда узнал он будущее, и - то, что роль человеческий размножится? Откуда известно ему стало, что будет совокупление между мужем и женой? Ведь оно произошло после падения; а до того люди жили в раю, как ангелы, не разжигались похотью, не распалялись и другими страстями, не обременялись нуждами телесными, но, будучи созданы вполне нетленными и бессмертными, не нуждались даже в прикрытии одеждою: "**И были**, - сказано, - **оба наги, … и не стыдились**" (ст. 25). Доколе не привзошел грех и преслушание, они были облечены вышнею славою, потому и не стыдились; после же нарушения заповеди привзошел и стыд, и сознание наготы. Так откуда же, скажи мне, пришло ему на мысль говорить это? Не явно ли, что он, будучи прежде преслушания причастен пророческой благодати, видел все это духовными очами? Изъясняюсь теперь об этом не без цели, но для того, чтобы вы и отсюда могли познать преизбыточествующую любовь, которую явил Бог человеку, даровав ему в самом начале жизнь ангельскую и излив на него бесчисленные благодеяния, а сверх всего другого, удостоив его и дара пророческого; и чтобы вы, увидев беспечность человека после стольких благодеяний, не слагали уже вины на Бога, но во всем винили бы самого человека. Он сам для себя был причиною всех зол, как вы после и узнаете, то есть, и лишения столь многих благ, и того осуждения, которому подвергся за преслушание. Когда подумаю о том устроении жизни, какое даровал Адаму Господь, оказав ему столь великие благодеяния, и, во-первых, то, что прежде его создания создал для него весь тварный мир, и потом уже сотворил его, так, чтобы он, явившись, мог пользоваться всем видимым, потом - то, что, повелев быть раю, там благоволил поселить человека, отдельно от бессловесных животных и, дав ему власть над всеми (ими), повелел ему, как господину какому, дать всем им, как рабам и подвластным, имена, далее - то, что, так как он, будучи одинок, нуждался в помощнике, который бы имел одну с ним природу, (Бог) не отказал и в этом, но создав, как Ему было угодно, жену, вручил ее ему, а сверх всего этого даровал ему и достоинство пророческое,

и после несказанных этих благодеяний дал, и, самое главное, освободил его от всех забот о теле, не допустил его нуждаться ни в одежде и ни в чем другом нужном, но, как было сказано, благоволил, чтобы он жил на земле, как земной ангел, - когда подумаю обо всем этом, то изумляюсь и любви Господа к нашему роду, и беспечности человека, и злобе диавола: злому демону невыносимо было видеть ангельскую жизнь в плоти человеческой.

5. Но чтобы нам не слишком продолжить слово, оставим, если угодно, речь о последствиях навета лукавого демона до следующего дня и прекратим здесь поучение, попросив любовь вашу тщательно запомнить сказанное и самим обдумать все, чтобы укоренилось в умах ваших. Если мы постоянно будем помнить о благодеяниях Божиих, какие он излил да природу вашу, то и сами будем благодарны, и это послужит для вас сильнейшим побуждением (идти) по пути добродетели. Кто памятует о благодеяниях Божиих, тот, без сомнения, постарается не оказаться недостойным (их), но покажет такую ревность и такую признательность, что будет достоин еще и других. Господь наш щедр, и как видит, что мы благодарны за оказанные уже нам благодеяния Его, умножает милость Свою и удостаивает нас еще больших даров, только бы мы, заботясь о своем спасении, не проводили время безрассудно, и думали не о том, прошла ли уже половина святой четыредесятницы, но о том, сделано ли нами в это время что-нибудь доброе, исправились ли мы хоть от одной из обуревающих нас страстей. Если мы, и каждый день слушая духовные наставления, будем оставаться такими же, не будем преуспевать в добродетели и исторгать из своей души различные пороки, то это не только не послужить нам в пользу, но и еще к большему вреду, потому что кто, и при таком попечении о нем, не приносит никакого плода, тот собирает себе больше огня геенского. Поэтому, прошу, воспользуемся хотя остальным временем поста, как должно, и каждую неделю, или даже и каждый день, будем осматривать себя и исторгать из своей души пороки, а сокровище добродетелей приумножать, уклонимся, как увещевает пророк, “**от зла и делай добро**” (Пс.33:15): это и есть истинный пост. Гневливый пусть исторгнет из души благочестивым размышлением обладающую (им) страсть и да возлюбит кротость и смирение. Беспечный и необузданный, с пристрастием взирающий на красоту телесную, обуздав свой помысел и напечатлев в недрах души своей закон Христов, который говорит: “**Что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем**” (Мф.5:28), пусть убегает страсти невоздержания и упражняется в целомудрии.

Невоздержный языком и без рассуждения говорящий обо всем, что ни случится, пусть подражает блаженному пророку и говорит: “**Положи, Господи, охрану устам моим, и огради двери уст моих**” (Пс.140:3); - пусть никогда не произносит слов без размышления и как случилось, но внимает Павлу, который говорит: всякий крик, “**и гнев**”, и злословие, и сквернословие, и хуление “**со всякою злобою да будут удалены от вас**” (Еф.4:31), - и еще: если (есть) какое-либо доброе слово к полезному назиданию, “**дабы оно доставляло благодать слушающим**” (ст. 29). Пусть избегает всячески и клятв, слыша повеление Христово: “**Сказано древним: не преступай клятвы… Я говорю вам: не клянись вовсе**” (Мф.5:33,34). Никто не говори мне: я клянусь в правде; не следует клясться ни в правде, ни в неправде. Так будем хранить уста свои чистыми от клятвы и от всего этого ограждать, и язык и уста, и ум наш, чтобы не рождалось в нас какого-либо злого помысла, и не выражалось языком. Будем крепко затыкать и уши, чтобы не принимать и пустого слуха, как заповедал блаженный Моисей: “**Не внимай пустому слуху**” (Исх.23:1), и как еще сказал блаженный Давид: “**Тайно клевещущего на ближнего своего изгоню**” (Пс.100:5). Видишь, возлюбленный, сколько нам нужно бдительности, сколько труда для добродетели, как самая малая небрежность губит нас всецело? Поэтому-то блаженный Давид и восклицал в другом месте, обличая делающего это: “**Сидишь и говоришь на брата твоего, на сына матери твоей клевещешь**” (Пс.49:20). Если мы так оградим все члены свои, то в состоянии будем бодро устремиться к делам добрым, язык упражнять в

славословии и песнопениях Богу всяческих, слух - в слушании и изучении слова Божия, ум - в размышлении о духовных предметах, руки - не в хищении и многостяжании, а в милостыне и делании добрых дел, ноги - (в хождении) не в театры, ипподромы и вредные зрелища, а в церковь, молитвенные дома и к гробницам святых мучеников, чтобы, получив их благословение, сделать нам себя неуловимыми для сетей диавола. Если так будем мы озабочены и заняты своим спасением, то можем и от поста получить пользу, избегнуть козней диавола и привлечь свыше великое благоволение, которого да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 16

О падении первозданных. “И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились” (Быт. 2:25).

1. Сегодня хочу открыть вам, возлюбленные, духовное сокровище, которое, будучи и разделяемо, никогда не истощается, всех обогащает, и нисколько не уменьшается, напротив еще и да умножается. И из чувственного сокровища если кто успеет взять хоть малую частицу, то составляет себе великое богатство; так и в божественном Писании, даже в кратком речении можно найти великую силу и несказанное богатство мыслей. Таково свойство этого сокровища: делая богатыми приемлющих его, само оно никогда не оскудевает, потому что его изливает обильно источник Духа Святого. А ваше дело тщательно блюсти предлагаемое и твердо хранить в памяти, чтобы быть вам в состоянии легко следить за тем, что говорится. Лишь бы только мы с усердием делали зависящее от нас, а благодать готова, и ищет, кто бы принял ее в изобилии. Выслушаем же и сегодняшнее чтение, чтобы познать нам неизреченное человеколюбие Божие, и то, какое снисхождение Он явил ради нашего спасения. **“И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились”**. Подумай о великом блаженстве (прародителей), как они были выше всего телесного, как жили на земле, будто на небе, и, будучи в теле, не терпели нужд телесных: не нуждались ни в крове, ни в доме, ни в одежде, и ни в чем другом подобном. Об этом сообщило нам божественное Писание не просто и не без намерения, но для того, чтобы мы, узнав о такой их беспечальной и безболезненной жизни, и об ангельском, так сказать, состоянии, когда увидим потом, что они всего этого лишились и из великого обилия ниспали в самую крайнюю бедность, приписывали это их беспечности. Впрочем, надобно выслушать самое чтение. Блаженный Моисей, сказав, что (прародители) **“были оба наги, … не стыдились”** (так как они не знали, что были наги, потому что их облекала и украшала, лучше всякой одежды, неизреченная слава), говорит: “**Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?**” (Быт.3:1). Смотри, какая зависть и многосплетенная хитрость лукавого демона. Видя, что созданный человек находится в высочайшей чести и почти ничем не меньше ангелов, как и блаженный Давид говорит: “**Не много Ты умалил его пред Ангелами**” (Пс.8:6), – да и это малое ввел грех преслушания, потому что пророк сказал это уже после преслушания, – так видя на земле земного ангела и снедаемый завистью, виновник зла демон, который сам пребывал между вышними силами, но по развращению воли и безмерности злости ниспал с той высоты, употребил великую хитрость, чтобы лишить человека благоволения Божия и, сделав его неблагодарным, лишить его всех благ, дарованных ему человеколюбием Божиим. И что же делает? Нашедши этого зверя, т.е. змия, который превосходил смыслом других зверей, что засвидетельствовал и Моисей словами: “**Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог**” – им воспользовавшись, как орудием, диавол чрез него вступает в беседу с женою, и увлекает в свой обман этот простейший и немощнейший

сосуд. “**И сказал, –** сказано, **– змей жене**”. Из этого заключай, возлюбленный, что вначале ни один зверь не был страшен ни мужу, ни жене; напротив, признавая свою подчиненность и власть (человека), и дикие и неукротимые животные были тогда ручными, как ныне кроткие.

2. Но, может быть, здесь кто-нибудь придет в недоумение и захочет знать, не имело ли это животное и дара слова? Нет, не должно так думать, но, всегда следуя Писанию, надобно рассуждать так, что слова принадлежали диаволу, который возбужден был к этому обману своей завистью, а этим животным воспользовался, как удобным орудием к тому, чтобы, прикрыв обман свой приманкою, обольстить сначала жену, как всегда более способную к обольщению, а потом чрез нее и первосозданного. Итак, воспользовавшись этим бессловесным для устроения кова, (диавол) вступает чрез него в разговор с женою и говорит: “**Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю**”? Смотрите, какая здесь чрезвычайно тонкая хитрость! То, чего Бог не говорил, диавол предлагает в виде совета и вопроса, как будто заботясь о них, потому что такое расположение выказывают эти слова: “**Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю**”? Как бы так говорил лукавый тот демон: для чего (Бог) лишил вас такого наслаждения? Зачем не дозволяет вполне пользоваться райскими благами, предоставив наслаждаться созерцанием (их), не позволяет вкушать и от этого чувствовать тем большее удовольствие? “**Подлинно ли сказал Бог**”? Для чего это? Что пользы жить в раю, коль скоро нельзя пользоваться тем, что есть в нем, а приходится испытывать тем большую скорбь, что смотреть можно, а удовольствия, происходящего от пользования, не получать? Видишь, как он через эти слова, точно через приманку, впускает яд? Жене надлежало бы из самого этого начала догадаться о крайней дерзости диавола, – что он умышленно говорит о том, чего нет, и, еще, как будто заботясь об них, (говорит) для того, чтобы узнать, что заповедал им Бог, и таким образом увлечь их к преступлению. Итак, жена могла тотчас узнать хитрость диавола, уклониться от беседы с ним, как говорящим пустое, и не довести себя до такого унижения; но она не захотела (этого). Ей следовало бы даже и не вступать в беседу с ним, а беседовать только с тем, для кого она сотворена, кому равна была по достоинству и создана помощницею. Когда же она, не знаю как увлекшись, вступила уже в разговор с змием и чрез него, как через орудие, приняла гибельные слова диавола, и тогда, поняв несообразность слов его, и видя, что иное заповедал Создатель, а другое, противное словам Творца, говорил диавол, тотчас должна была отвратить слух, бежать от беседы с ним, и презреть дерзнувшего изощрять свой язык против данной им заповеди. Но по крайней невнимательности она не только не уклонилась, но и вполне открыла ему заповедь Божию, повергла бисер перед свиньею, и исполнилось слово Христово: “**Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас**” (Мф.7:6). Это и было теперь: (жена) повергла божественный бисер пред свиньею, пред этим злым зверем, или демоном, действовавшим чрез него, и он не только попрал его и воспротивился сказанному (от Бога), но, обратившись, увлек в бездну преслушания не только жену, но вместе с нею и первозданного. Так опасно открывать, без рассуждения, как пришлось, божественные тайны! Да слышат (это) те, которые разглагольствуют со всеми без различия и без рассуждения. И Христос нам говорит не о чувственной свинье, но разумеет людей, подобных этим животным, валяющихся, подобно бессловесным, в нечистоте греха; а этим он вразумляет нас – и обращать внимание на различие лиц, и тщательно рассматривать обстоятельства, при которых нужно открывать что-либо из слова Божия, чтобы не сделать вреда ни другим, ни себе. Таковые не только сами не получают пользы от предлагаемых им слов, но часто увлекают в одну с собою бездну погибели и тех, которые безрассудно отдают им эти драгоценные жемчужины. Поэтому должны мы тщательно наблюдать за тем, чтобы и нам не потерпеть того же, что (потерпели) обольщенные ныне (прародители).

Ведь, если бы и в данном случае жена захотела не повергать божественных жемчужин пред свиньею, то и сама бы не низринулась в ту бездну, и мужа бы не увлекла.

3. Но послушаем, что она отвечает диаволу. Когда змей сказал: "**Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю**"? - то жена говорит ему: "**Плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их**, **и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть**" (Быт.3:2-3). Видишь, какое коварство? (диавол) сказал то, чего не было, чтобы, вызвав ее на разговор, узнать, что было (на самом деле сказано). Жена, доверившись ему, как благорасположенному к ней, открывает всю заповедь, рассказывает обо всем подробно, и своим ответом отнимает у себя всякое оправдание. В самом деле, что можешь ты, жена, сказать (в свое оправдание). "**Сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю**". Надлежало бы тебе отворотиться от него (диавола), как сказавшего противное (истине), и сказать ему: поди прочь, ты – обманщик, не знаешь ни силы данной нам заповеди, ни величия того, чем мы пользуемся, ни обилия даров (Божиих). Ты говоришь, будто Бог сказал, чтобы мы не вкушали ни от какого древа райского; а Владыка и Создатель, по великой благости, дозволив нам пользоваться и владеть всеми (деревьями), повелел воздерживаться от одного, это вследствие своей попечительности о нас, чтобы мы, через вкушение от него, не подверглись смерти. Ей нужно было, если бы она была благоразумна, сказавши ему эти слова, совсем отвернуться и более уже не говорить с ним и не слушать слов его. Но она, открыв заповедь и сказав, что говорил им Бог, принимает от диавола новое внушение, гибельнее и смертоносное. Когда жена сказала, что "**плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их, и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть**", тогда лукавый враг нашего спасения предлагает свое внушение, противное (слову) Господа. Тогда как человеколюбивый Бог, по великой попечительности, запретил вкушать для того, чтоб они не сделались смертными через преслушание, этот говорит жене: "**Нет, не умрете**" (ст. 4). Какого же заслуживает жена оправдания в том, что так охотно слушала того, кто говорил так дерзко? Бог сказал: "**Не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть**", – а этот говорит: "**Нет, не умрете**". Потом, не удовольствовавшись противоречием божественным словам, он еще представляет Создателя завистливым, чтобы таким образом удобнее ввести в обман и, обольстив жену, достигнуть своей цели. "**Нет, –** говорит, **– не умрете**, **но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло**" (Быт.3:4,5). Вот, вся приманка! Наполнив чашу гибельным ядом, (диавол) подал ее жене, а та, не обратив внимание на смертоносное действие (если бы захотела, она могла бы узнать это с самого начала), но, услышав от того, будто Бог потому запретил вкушать (от древа), "**что** … **откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло**", увлекшись надеждою на равенство с Богом, возмечтала наконец о себе много. Таковы-то ухищрения врага: он возводит лестью на большую высоту, низвергает затем в глубокую бездну. Возмечтав о равенстве с Богом, она спешила вкусить (плода) и туда устремляла и ум и мысль и ничего больше не видела, как то, чтобы испить чашу, растворенную лукавым демоном. А чтобы увериться тебе, что она заботилась об этом, лишь только приняла гибельный яд по совету змия, послушай, что говорит Писание: "**И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела**" (ст. 6). Поистине, "**худые сообщества развращают добрые нравы**" (1Кор.15:33). В самом деле, отчего до внушения этого лукавого демона ничего такого не испытывала (Ева), не подумала о дереве и не видела красоты его? Оттого что боялась заповеди Божией и будущего наказания за вкушение. А теперь, когда она была обольщена этим лукавым животным, будто они не только не потерпят этого (наказания), но и сделаются равными Богу, надежда на это обещание побудила ее вкусить от древа, и она, не захотев остаться в своих границах, но, признав врага и противника нашего спасения более достойным доверия, нежели слова Божии, не много спустя на

самом опыте узнала гибельность внушения (диавольского) и несчастье, имевшее постигнуть их за вкушение. Увидевши, как сказано, “**что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание**”, жена, по обольщению, конечно, диавола, в которое он ввел ее чрез змия, подумала сама про себя: если дерево и хорошо на вкус, и может так услаждать взор, и есть в нем некоторая невыразимая красота, да и вкушение от него доставит нам высочайшую честь, так что мы будем иметь одинаковое достоинство с Создателем, то почему же нам не вкусить от него?

4. Видишь ли, как диавол увел жену в плен, увлек ее ум и заставил мечтать о себе выше своего достоинства, чтобы она, увлекшись пустыми надеждами, потеряла и то, что уже было ей даровано. “**И взяла**, – сказано, – **плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги**” (ст. 7). Что ты сделала, жена? Принявши этот гибельный совет, ты не только попрала данный от Бога закон и нарушила заповедь, и до такой дошла несытости, что не удовольствовалась столь многочисленными плодами, но еще дерзнула вкусить и от того одного дерева, которого Владыка повелел не касаться, поверила словам змия, сочла совет его более достойным доверия, чем данную Создателем заповедь, и допустила себя до такого обмана, что не заслуживает и извинения. Разве давший совет был одной с тобою природы? Это был из числа подчиненных, из числа рабов, состоящих под твоею властью. Зачем ты так посрамила себя и, оставив того, для кого ты создана, кому в помощь произведена, кому равна по достоинству, по существу и дару слова, решилась войти в разговор с змеем и чрез этого зверя принять внушение от диавола, и не смотря на то, что (это внушение) явно противоречило заповеди Создателя, не уклонилась, но в надежде на обещание дерзнула вкусить? Пусть так, – пусть ты саму себя ввергла в такую бездну и лишилась высочайшей чести: зачем же делаешь и мужа участником этого ужасного падения, и кому ты назначена быть помощницею, тому сделалась наветницею и чрез вкушение малой снеди лишила его, вместе с собою, благоволения Божия? Какое крайнее безумие довело тебя до такой дерзости? Тебе не довольно было вести беспечальную жизнь, быть облеченной телом и не нуждаться ни в чем телесном, пользоваться всеми райскими плодами, кроме одного дерева? Тебе не довольно было, что все видимое находилось в вашей власти, и вы имели господство над всем? Обольщенная надеждами, ты хотела подняться на самую крайнюю высоту? Так вот, ты на самом опыте узнаешь, что не только не приобретешь того (чего ты надеялась), но и всего, уже дарованного вам, лишишь и себя, и мужа, и оба придете в такое раскаяние, что признаете бесполезным (сделанное), а лукавый демон, давший гибельный совет, будет смеяться и торжествовать над вами, как уже павшими и испытавшими подобное ему. Как он, возмечтав о себе более надлежащего, ниспал из усвоенного ему достоинства и низвергнут с неба на землю, тоже самое захотел он сделать и с вами – через преступление заповеди подвергнуть вас наказанию смертью и удовлетворить своей зависти, как и премудрый сказал: “**Завистью диавола вошла в мир смерть**” (Прем.2:24). “**И дала**, **–** сказано, **– также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих**”. Велика беспечность и мужа. Хотя, (предлагавшая плод) была и одной с ним природы, и жена его, но ему, как живо помнившему заповедь Божию, нужно было предпочесть ее неуместному желанию жены, не принимать участия в преступлении, для кратковременного удовольствия не лишать себя стольких благ и не оскорблять такого Благодетеля, который явил ему столько любви и даровал такую безболезненную и безбедную жизнь. Разве не позволено было тебе в избытке наслаждаться всеми другими плодами райскими? Зачем же и ты не захотел соблюсти такую легкую заповедь? Но ты, конечно, услышав от жены об обещании лукавого советника – тотчас, сам увлекшись надеждою, принял участие в снеди. Поэтому и наказание простирается на обоих вас, и самый опыт научит вас – не верить внушению злого демона более, нежели Богу.

5. “**И дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги**”. Здесь рождается у нас весьма важный вопрос, (решить) который мы еще прежде обещали вашей любви. Справедливо спросит иной, какую силу имело это дерево, что вкушение от него открыло им глаза, и почему оно называется древом познания добра и зла? Потерпите, если угодно, я хочу несколько поговорить с вами и об этом и научить вашу любовь, что, если мы захотим принимать с рассуждением то, что говорится в божественном Писании, то ни одно слово не покажется нам трудным. Не вкушение от дерева открыло им глаза: они видели и до вкушения. Но так как это вкушение служило выражением преслушания и нарушения данной от Бога заповеди, а за эту вину они лишились потом облекавшей их славы, сделавшись недостойными столь великой чести, то поэтому Писание, следуя своему обыкновению, говорит: “**Ела** … **и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги**”. Лишившись за преступление заповеди высшей благодати, они ощущают и чувственную наготу, чтобы из охватившего их стыда вполне поняли, в какую бездну низвело их преступление Владычной заповеди. В самом деле, доселе они наслаждались такою свободою, и даже не знали, что были наги (они и не были наги, потому что их лучше всякой одежды покрывала вышняя слава), после же вкушения, т.е. после преступления заповеди, они дошли до такого унижения, что, не перенося стыда, стали уже искать покрывала. Учиненное ими преступление заповеди сняло (с них) ту чудную и необыкновенную одежду, то есть, (одежду) славы и вышнего благоволения, которою они были облечены, и в то же время возбудило в них чувство наготы, и покрыло их невыразимым стыдом. “**И сшили**, – сказано, – **смоковные листья, и сделали себе опоясания**” (ст. 7). Подумай, Возлюбленный, с какой высоты в какую глубокую пропасть низвергло их диавольское внушение. Облеченные доселе такою славою, они теперь сшивают листья смоковные и делают себе препоясание. Таков плод диавольского обольщения; такова хитрость этого внушения, что оно не только не доставило людям больших благ, но лишило их и тех, которые они имели. Так как такая причина – вкушение – произвела преслушание, поэтому Писание говорит: “**Ела** … **и он ел. И открылись глаза у них**”, – разумея не телесные глаза, но умственное зрение. Так как они преступили заповедь, то (Господь) и дал им почувствовать то, чего прежде, по благоволению, какое Он оказывал им, они не чувствовали. Когда слышишь, что “**открылись глаза у них**”, понимай это так, что (Бог) дал им почувствовать наготу и лишение той славы, какою они пользовались до вкушения. А что таков обычай Писания, послушай, как оно говорит и в другом месте. Когда служанка Сарры, убежав от госпожи, блуждала и, повергши “**отрока под одним кустом …села вдали**” и ожидала смерти его, (о ней Писание) говорит: “**И Бог открыл глаза ее**” (Быт.21:15,16,19), не потому, чтобы она дотоле не видела, но потому, что Бог (в это время) возбудил ее ум. Видишь ли, что слово – “**открыл**” относится не к телесным глазам, но к умственному зрению?

Тоже самое можем сказать и касательно другого, возникающего здесь, вопроса. Говорят: для чего это дерево называется древом познания добра и зла? Многие любители споров дерзают говорить, что Адам после уже вкушения от древа получил способность различать добро и зло. Думать так было бы крайне безумно. Чтобы никто не мог говорить так, для этого мы, предвидя это, недавно столько рассуждали о данной Богом человеку мудрости, доказывая ее наречением имен, какие дал он всем зверям, и птицам, и бессловесным (животным) и тем, что сверх этой высокой мудрости он удостоился еще и пророческого дара. Как тот, кто дал имена и изрек такое чудное пророчество о жене, мог не знать, что хорошо и что худо? Если мы допустим это (чего да не будет!), то произнесем опять хулу на Создателя. Как Он давал и заповедь тому, кто не знал, что преступление (есть) зло? Это не так; напротив, он ясно знал это. Поэтому изначала (Бог) создал это животное (человека) самовластным: иначе не следовало бы его и наказывать за преступление заповеди, и награждать за ее соблюдение. Что он сделался смертным за преступление, это видно и из самой заповеди, и из последующих событий. Послушай, что сама жена говорила змею:

“**Плоды с дерев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их, и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть**”. Значит, до вкушения они были бессмертны: иначе Бог, и после вкушения, не навел бы на них смерть в виде наказания.

6. Кто же потерпит тех, которые хотят утверждать, что человек получил познание добра и зла после вкушения от древа, тогда как он и до вкушения был исполнен такой мудрости, и сверх мудрости удостоился еще благодати пророческой? И как можно согласить с разумом то, что козы и овцы, и все бессловесные знают, какая трава годна им в пищу, какая вредна, от каких нужно особенно воздерживаться, и к каким обращаться, а человек – разумное животное, не знал, что – добро и что – зло? Но вот, скажут, Писание назвало это дерево древом познания добра и зла. Знаю это и я. Если постараешься узнать особенности божественного Писания, то поймешь, почему оно дало этому дереву такое название. Так названо оно не потому, что сообщало такое познание; но так как у него совершилось преступление заповеди и от него потом уже явилось познание греха и стыд, поэтому оно так названо. Божественное Писание имеет обычай по совершившимся событиям называть те места, где эти события случились. Потому божественное Писание назвало это дерево древом познания добра и зла, что у него должно было совершиться преступление (или) соблюдение заповеди. Человеколюбивый Господь, искони и изначала желая вразумить и внушить человеку, что у него есть Создатель и Творец, произведший все видимое и сотворивший его самого, благоволил показать ему Свою власть в этой малой заповеди. Как щедрый владетель, отдавши кому-нибудь для пользования большой и прекрасный дом, берет за это не всю плату, но какую-нибудь малую часть, чтобы и для себя сохранить (право) господства, и того человека заставить хорошо помнить, что он не владелец строения, но пользуется им по доброте и щедрости, так и Господь наш, вверив человеку все видимое, и предоставив ему жить в раю, и пользоваться в нем всем, чтобы он, мало-помалу увлекшись мыслью, не счел всего видимого самобытным и не возмечтал слишком много о своем достоинстве, повелевает ему воздерживаться от одного дерева, а за нарушение этого повеления определяет тяжкое наказание, дабы он знал, что находится под Владыкою и всем прочим пользуется по благости Владыки. Но так как (Адам) по крайней невнимательности, вместе с женою, впал в несчастье чрез преступление данной заповеди и вкушение от дерева, то поэтому (Писание) и назвало его древом познания добра и зла. Не то, чтобы человек дотоле не знал, что добро и что зло; он так не незнал, что и жена, разговаривая с змием, сказала: “**Сказал Бог, не ешьте их, … чтобы вам не умереть**”; значит, она знала, что смерть будет наказанием, если они преступят заповедь. Но – так как после вкушения от этого дерева они лишились и вышней славы, и почувствовали телесную наготу, поэтому (Писание) назвало его древом познания добра и зла: у него было, так сказать, упражнение в послушании или непослушании.

Узнали вы, почему (Писание) сказало: “**Открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги**”. Узнали, почему дерево называется древом познания добра и зла. Подумай же, какой стыд наконец охватил их, когда они, вкусив от дерева, преступили заповедь Господню: “**И сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания**”. Смотри, из какой славы в какое унижение низверглись они. Те, которые доселе жили, как земные ангелы, изобретают себе одежду из листьев. Таково зло – грех. Он не только лишает нас вышнего благоволения, но и ввергает в великий стыд и унижение, похищает у нас и те блага, которыми обладаем, отнимает всякое дерзновение. Но чтобы, рассматривая грех, совершенный человеком через вкушение от древа и преслушание, не сделать нам все слово печальным, переведем речь, если угодно, от этого древа к другому, к древу креста, и посмотрим, какие бедствия причинило то и какие блага принесло это. Впрочем, бедствия произошли не собственно от древа, но от беспечного произволения и презрения, какое (он) показал в отношении к заповеди. То древо ввело смерть, потому что за преслушанием

последовала смерть; это даровало бессмертие. То изгнало из рая; это возвело нас на небо. То за одно преступление подвергло Адама такому наказанию; это освободило нас от бесчисленных тяжестей греховных и дало нам дерзновение пред Господом нашим. Видите вы разность между древом и древом? Видите злобу диавола, беспечность человека и человеколюбие Владыки? Итак, вооружимся, прошу любовь вашу, этим животворящим древом, силою его умертвим губящие душу страсти, как и апостол Павел говорит: "**Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями**" (Гал.5:24). А это значит: те, которые всецело предали себя Христу, умертвили всякую нечистую похоть, возникающую в теле ко вреду всех сил души. Им подражая, и мы сделаем свои члены бездейственными для утверждения в нас владычества диавола, чтобы нам и в настоящей жизни спокойно переплыть это бурное и опасное море, и, вошедши в тихую пристань человеколюбия Божия, получить блага, обещанные любящим Его, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава, со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 17

"И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня" (Быт.3:8).

1. Довольно, кажется, изъяснялись мы недавно, по мере сил своих, о дереве, показав вашей любви причину, по которой божественное Писание назвало его деревом познания добра и зла. Поэтому сегодня хочу обратиться к последующему, чтобы вы познали несказанное человеколюбие Божие и то, какое Он показал снисхождение вследствие попечения о нашем роде. Подлинно, Он сделал и направил все так, чтобы созданное Им разумное животное пользовалось всею честью и ни в чем не уступало по жизни ангелам, но и в теле приобрело бы их безстрастие. А когда увидел, что оба они (прародители), по безличности, нарушили Его заповедь, не смотря на то, что Он предварил и обезопасил их угрозою, то и после этого не прекратил Своего человеколюбия, но (остался) верен Своей благости. Как чадолюбивый отец, видя, что сын его, по безпечности, ведет себя недостойно своего благородства и с высоты чести ниспал в крайнее унижение, по чувству горячей родительской любви, не оставляет его и в этом положении, но снова исполняет свой (долг), стараясь мало по малу освободить его из этого унижения и возвести в прежнюю честь, точно так и всеблагий Бог, сжалившись над человеком, по причине злого умысла, которому он подвергся, соблазненный женою и, принявши чрез змея совет диавола, тотчас приходит к нему, как врач к больному и страждущему, который лежит и нуждается в многоразличном лечении и помощи врача.

Но чтобы вам познать несказанное снисхождение Божие и из самых слов (Писания), надобно выслушать то, что было прочитано. **И услышали**, сказано, **голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая** (Быт.3:8). Не пройдем, возлюбленные, без взимания сказанного божественным Писанием, и не будем останавливаться на словах, но подумаем, что столь простые слова употребляются ради нашей немощи, и все совершается благопристойно для нашего спасения. Ведь, скажи мне, если захотим принимать слова в буквальном значении, а не будем понимать сообщаемого богопристойно, то не покажется ли многое странным? Вот посмотрим на самое начало нынешнего чтения. **И услышали**, сказано, **голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня**, и убоялись. Что говоришь? Бог ходит? Неужели и ноги припишем Ему? И не будем под этим разуметь ничего высшего? Нет, не ходит Бог, – да не будет! Как, в самом деле, ужели Тот, Кто везде есть и все заполняет, чей престол небо, а земля подножие ног, ходит по раю? Какой разумный человек скажет это? Что же значит: **услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня**? Он восхотел возбудить в них такое чувство (близости

Божией), чтобы повергнуть их в безпокойство, что и было на самом деле: они почувствовали это, попытались скрыться от приближавшегося (к ним) Бога. Привзошел грех – и преступление, и напал на них стыд.

Нелицеприятный судия, то есть совесть, восстав, взывала громким голосом, упрекала их, показывала и как бы выставляла пред глазами тяжесть преступления. Для того человеколюбивый Владыка, созидая вначале человека, и вложил в него совесть, как неумолкающего обличителя, который не может быть обманут или обольщен. Хотя бы учинивший грех и совершивший беззаконное дело успел укрыться от всех людей, – от этого судии он скрыться не может, напротив, всегда носит внутри себя этого обличителя, который безпокоит его, мучит, карает, никогда не утихает, но нападает на него и дома, и на площади, и в собраниях, и за столом, и во время сна, и при пробуждении, требует отчета в проступках, и поставляет на вид и тяжесть грехов, и угрожающее ему наказание, и, как усердный врач, не перестает прилагать свои врачества, хотя и видит, что ее не послушают, не отступает, но продолжает постоянно заботиться.

2. Именно в том ее и дело, чтобы непрерывно напоминать (о грехе) и не давать ему (грешнику) дойти когда-либо до забвения о проступках его, но выставлять их на вид ему, чтобы хотя чрез это сделать нас не столь склонными к повторению прежних грехов. Если многие из нас не преодолевают безпечности и при таком содействии и помощи совести, имея в себе такого сильного обличителя и карателя – совесть, которая терзает сердце и поражает сильнее всякого палача, то без этой помощи мы не тотчас ли бы погибли? Потому теперь и первозданный, ощутив в себе это чувство и возымев мысль о присутствии Божием, в ту же минуту скрывается. Отчего (это), скажи мне? Оттого, что увидел он, что на него восстал сильный обличитель, т.е. совесть. Не было у него другого обличителя и свидетеля греха, кроме того, которого он носил внутри себя. А с другой стороны, вместе с обличением совести, и потеря славы, доселе облекавшей их подобно светлой одежде, давала им, чрез (ощущение) наготы, понять тяжесть сделанного греха. Когда поэтому они после тяжкого того греха покрылись стыдом, то и пытались скрыться. **И услышали**, сказано, **голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая**.

Нет ничего, возлюбленный, хуже греха: пришедши, он не только покрывает нас стыдом, но и делает безумными тех, которые прежде были разумны и исполнены великой мудрости. Подумай, до какого безумия дошел наконец тот, который перед этим обладал такою мудростью, который на деле показал нам дарованную ему премудрость, кто произнес такое пророчество. Услышав, как сказано, **голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня**, он, вместе с женою, скрылся ото лица **Господа Бога между деревьями рая**. Какое безумие – хотеть скрыться от Бога, вездесущего, от Творца, призвавшего все из небытия к бытию, знающего сокровенное, создавшего в отдельности сердца людей, ведающего все дела их, испытующего сердца и утробы и видящего самые движения сердца нашего? Но не удивляйся, возлюбленный! Таков обычай у грешников: они хотя и не могут укрыться, однако стараются укрыться. Что они сделали это, не перенося стыда, которым покрылись они после греха, лишившись той нетленной славы, подумай о том, где они скрываются? **Между деревьями рая**. Как негодные и неблагодарные слуги, не имея возможности скрыться от своего господина, бросаются из одного угла дома в другой, потому что страх смущает их душу, так точно и эти (прародители), не находя никакого убежища, укрываются в самом доме, то есть в раю. Не без намерения обозначается и время (пришествия Божия); **услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня**, а для того, чтобы ты познал человеколюбие Владыки, как Он нимало не замедлил, но лишь только увидел случившееся и тяжесть раны, тотчас поспешил врачеванием, дабы рана, воспалившись не

сделалась неисцельною. Поэтому Он спешит предупредить и тотчас останавливает увеличение раны, и, следуя влечению Своей благости, ни на минуту не оставил ее без попечения. Враг нашего спасения, всегда завидующий нашему блаженству, показал такую злобу, что в самом начале устроил козни и чрез гибельный совет свой лишил их того чудного состояния. Но премудрый Бог, устрояющий нашу (жизнь) по Своей мудрости, видя и злобу диавола, и безпечность человека, по которой он, будучи обольщен вместе с женою, поверг себя в такой стыд, является и, как кроткий и человеколюбивый судия, открывает суд полный страха и трепета, производит точное исследование, внушая нам чрез это производить суд о ближних не прежде, как сделавши точное исследование.

3. Итак послушаем, если угодно, о чем спрашивает Судия, что отвечают подсудимые, какое наказание им определяется, и какому осуждению подвергается тот, кто устроил им такой навет. Но напрягите, прошу, ум ваш и внимайте тому, что говорится, с великим страхом, потому что, если мы, видя земного судью, сидящего на возвышенном месте и выводящего на средину подсудимых, бьющего и наказывающего их, стоим с немалым страхом, желая услышать, что говорит судья, и что отвечает виновный, то тем более должны поступить так теперь, когда видим Творца природы, производящего суд над своими созданиями. Но если будете слушать внимательно, то увидите, какая разность между человеколюбием Божиим и жестокостью людей в отношении к ближним. **И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: [Адам,] где ты?** (ст. 9). Самый вопрос уже заставляет подивиться безмерному человеколюбию Божию, не в том только отношении, что Он позвал, но и в том, что Он позвал Сам, чего не делают люди в отношении к другим себе подобным, имеющим одну с ними природу. Вы знаете что, когда судьи, сев на высокое седалище, производят суд над преступниками, то не удостаивают их (личного) своего ответа, показывая им и через это, какому безчестию они подвергли себя совершением худых дел; судья хотя и отвечает, его ответы передает подсудимому и потом слова подсудимого сообщает судье кто-либо другой, стоя между ними. Таков, как всякий знает, обычай у судей везде. Но Бог (поступил) не так, – как же? Он Сам зовет. **И воззвал**, сказано, **Господь Бог к Адаму и сказал ему: [Адам,] где ты?** Смотри, какая сила заключается в этом кратком речении. Позвать виновного – это самое уже есть дело великого и несказанного человеколюбия; покрытому стыдом и не смеющему открыть уста и двинуть языком дать – вопросом – повод (к оправданию), есть дело великой благости. Но слова: **где ты?** имеют большое значение и кроме (указания на) человеколюбие. Бог как бы так говорил Адаму: что это случилось? Иным Я тебя оставил, и иным нахожу ныне; оставив облеченным славою, теперь нахожу тебя в наготе. **Где ты?** Как это случилось с тобою? Кто довел тебя до такой перемены? Какой разбойник и тать, похитив так внезапно все богатство, оставил тебя в такой нищете? Откуда явилось у тебя чувство наготы? Кто виновник того, что ты лишился той чудной одежды, которою был облечен? Что за внезапная перемена? Какая буря так скоро потопила весь твой груз? Что такое случилось, что ты пытаешься скрыться от Того, Кто столько облагодетельствовал тебя и возвел в такую честь? Боясь кого, ты стараешься теперь скрыться? Разве явился обвинитель? Разве выступили свидетели? Откуда появились в тебе такая робость и страх? **Голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся**. Откуда у тебя сознание наготы? Скажи Мне, что это за новость и странность? Кто мог бы когда-либо сказать тебе это, если бы ты сам себе не причинил такого стыда, если бы не вкусил от того одного дерева, от которого Я заповедал тебе не вкушать? Обрати внимание на человеколюбие и крайнее незлобие Господа. Он мог тотчас, даже не удостоив ответом сделавшего такой грех, подвергнуть его наказанию, которое Он наперед уже определил за преступление, однако долго терпит, медлит, вопрошает и выслушивает ответ, и опять спрашивает, как бы вызывая виновного к оправданию, чтобы, при открывшемся случае, показать ему Свое человеколюбие и после такого преступления. Чрез это Он внушает нам, чтобы мы, судя виновных, не обращались с ними грубо и не выказывали в отношении к ним зверской

жестокости; но проявляли бы свое великодушие и снисходительность, как бы производя суд над своими членами, и памятуя, что они одной с нами природы, растворяли бы наказание человеколюбием. Не без намерения божественное Писание употребило такую снисходительность (в словах); грубостью речи оно учит нас человеколюбию Божию и возбуждает, ревность к тому, чтобы подражать благости Господа по мере сил человеческих. **И сказал [Бог]: кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?** (ст. 11)? Откуда бы ты, говорит, мог узнать это и покрыться таким стыдом, если бы не предался крайней невоздержности и не пренебрег Моею заповедью?

4. Обрати, возлюбленный, внимание на преизбыток благости Божией: Он ведет с ним (Адамом) речь, как друг с другом, и упрекает его за нарушение Своей заповеди. **Кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?** Не мало силы заключается и в словах: **не ел ли ты от дерева**. Разве, говорит, Я стеснил тебя в наслаждении (удовольствиями райскими)? Разве не дал Я тебе полной свободы и не отдал во власть всего, что есть в раю, заповедав воздерживаться от одного только дерева, чтобы ты видел, что находишься под Владыкою и должен оказывать некоторое послушание? Что же за безпечность такая, что ты, имея столько наслаждений, не мог воздержаться от одного этого (дерева), но так скоро нарушил данную Мною заповедь и подверг себя стольким бедствиям? Какую получил ты пользу? Не говорил ли Я об этом наперед? Не удерживал ли и не предохранял ли страхом наказания? Не сказал ли, что произойдет с вами? Не для того ли запретил вам вкушать (от древа), чтобы вы не подверглись этим (бедствиям)? Кто даст тебе прощение, когда ты после стольких предостережений оказался столь невнимательным? Не заповедал ли Я обо всем, как отец возлюбленному чаду, и не внушил ли – от других дерев вкушать, а от того удерживаться, дабы не потерять тебе всех своих благ? Но ты признал конечно совет другого добрым и даже более достойным доверия, чем Мою заповедь, и сделал это, надеясь достигнуть большего; презрев Мои повеления, дерзнул вкусить от дерева. Вот ты собственным опытом познал, как пагубен этот совет. Видите человеколюбие Судии? Видите несказанную Его кротость и незлобие? Видите снисхождение, превосходящее всякое слово и мысль? Видите, как вопросом и словами: **Кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?** – (Бог) хочет открыть ему двери к оправданию, чтобы явить такому грешнику Свое человеколюбие. Послушаем же виновного, что он отвечает на это? **Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел** (ст. 12). Несчастные слова, возбуждающие великую жалость и способные подвигнуть к человеколюбию Господа, столь кроткого и благостию побеждающего наши беззакония. Так как (Бог) великим Своим долготерпением потряс его душу и показал ему тяжесть греха его, то Адам, в свое оправдание говорит Ему: **жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел**. Признаю себя, говорит, грешником; но **жена, которую Ты мне дал**, о которой сам Ты сказал: **сотворим ему помощника, соответственного ему**, – она была виною моей погибели. **Жена, которую Ты мне дал**. Мог ли я ожидать, что подвергнет меня такому стыду та, которая для того и создана, чтобы доставлять мне собою утешение? Ты дал ее мне; Ты привел ее ко мне. Она-то, не знаю по какому побуждению, **дала мне от дерева, и я ел**. Это имеет некоторый вид оправдания, но оно не приносит прощения. Какого в самом деле прощения, говорит (Бог Адаму), можешь ты заслуживать, забывший Мои заповеди, и предпочетший данное женою Моим словам? Пусть и жена дала, но довольно было Моей заповеди и страха наказания, чтобы заставить тебя бежать от вкушения. Разве ты не знал? Разве не ведал? Заботясь о вас, Я для того и сказал наперед, чтобы вы не подверглись этому. Итак, хотя и жена подала тебе повод к преступлению заповеди, ты от этого не будешь безвинным. Тебе надлежало бы показать к Моей заповеди более доверия, и не только самому удержаться от вкушения, но и жене показать важность греха. Ты – глава жены; она для тебя создана; а ты

извратил порядок, и не только не исправил ее, но и сам увлекся; тело должно повиноваться голове, а вышло наоборот: голова последовала за телом и высшее сделалось низшим. Так как ты извратил весь порядок, то и находишься теперь в таком состоянии, ты, который доселе был облечен такою славою. Кто достойно оплачет тебя за потерю стольких благ? И во всем том, что с тобою произошло, не вини никого другого, кроме самого себя и своей безпечности. Если бы ты не захотел, жена не могла бы довести тебя до этой погибели. Она тебя не упрашивала, не уговаривала, не соблазняла. Она только подала, и ты тотчас с такою легкостью решился вкусить, нисколько не вспомнив о Моей заповеди, но подумав, будто Я обманул тебя и не позволил вкушать для того, чтобы ты не приобрел больших благ. И с какою целью ты мог быть обманут Мною, Который излил на тебя столько благодеяний? И то самое, что Я предварил вас и заповедал воздержание, чтобы вы не подверглись настоящему бедствию, и это какое было благодеяние! Но ты, вменив все это ни во что, вот на опыте узнал тяжесть своего греха. Итак, не приписывай вины одной жене, но – и своей безпечности.

5. После того, как всеблагий Господь довольно побеседовал с Адамом и тот сделал признание во грехе, сложив, как он думал, вину на жену, – смотри, какое опять употребляет (Господь) снисхождение, как удостаивает и жену ответа пред Собою. **И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала?** (ст. 13). Ты слышала, говорит, что муж слагает вину на тебя и все приписывает тебе, которая дана ему в помощь и для того создана, чтобы доставлять ему утешение, какое только можешь, как подобная ему и имеющая общую с ним природу. Зачем же ты это сделала, жена? Для чего стала и для себя и для мужа виновницею такого стыда? Какая вышла тебе польза от такого невоздержания? Какая тебе прибыль от обольщения, которому ты поддалась добровольно и в котором сделала участником и мужа? Что же жена? **Змей обольстил меня**, отвечала она, **и я ела**. Смотри, и она объята великим страхом и оправдывается в совершенном грехе. Как муж думал сложить вину на свою жену, говоря: жена принесла и дала мне, и я ел, – так и она, не находя никакого убежища, признается в сделанном и говорит: **змей обольстил меня, и я ела**. Это злое, говорит, животное причинило нам такую погибель; его пагубный совет поверг нас в такой стыд, оно обольстило меня, и я ела. Не пройдем, возлюбленные, этих слов без внимания, но рассмотрим тщательно, чтобы получить нам отсюда великую пользу. Суд здесь страшный и полный ужаса, и надобно выслушать внимательно все, что ни говорится, собрать из этого великое сокровище для ума. Смотри, и муж говорит: **жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел**. Нет никакого принуждения, никакого насилия, видно произволение и решимость: только **дала**, не принудила, не заставила насильно. И жена опять в свое оправдание не сказала: змий принудил меня, **и я ела**, – но что? **Змей обольстил меня**; а уступить или не уступить обольщению было в ее власти. **Змей**, говорит, **обольстил меня**. И точно, враг нашего спасения, действовавший и давший совет посредством этого лукавого животного, обольстил (жену), т.е. не принудил и не заставил насильно, но привел в дело обман свой чрез гибельный совет, так как нашел, что жена легко может принять обман, не заслуживающий никакого извинения. **Змей обольстил меня, и я ела**. Смотри же, как всеблагий Господь довольствуется их словами и ничего более не принуждает их говорить. Ведь и об этом Он спрашивал не потому, чтобы не знал: Он знал, и совершенно знал, но для того, чтобы показать Свое человеколюбие, Он снисходит к их немощи и призывает их к исповеданию греха. Поэтому Он больше ни о чем и не спрашивает. Надлежало знать и вид обмана; но чтобы нам показать, что вопрос (жене и мужу) сделан не по незнанию, Бог удовлетворяется тем, что сказано ими. Сказав: **змей обольстил меня, и я ела**, жена этим указала на то гибельное внушение, которое она приняла от диавола чрез змия, т.е. что после вкушения **вы будете как боги**. Видели вы, с какою тщательностью был вопрошаем Адам? С каким снисхождением введена в судилище и жена? Как оба они оправдывались? Посмотрите теперь и на преизбыток несказанного человеколюбия Судии. Когда жена сказала: **змей обольстил меня, и я ела**,

то (Бог) уже не удостаивает змия и ответа, не дозволяет ему оправдываться и не спрашивает его, как (спрашивал) мужа и жену; но, приняв от них оправдание, устремляется на него, как на виновника всех зол. И поелику Он, как Бог, ведущий и сокровенное, знал, что змий служил орудием козней и злобы диавола против человека, то чтобы ты познал Его благость к людям, по которой Он, хотя и знал это, говорил однако одному: **где ты? кто сказал тебе, что ты наг?** – другой: **что ты это сделала?** – не так поступает в отношении к лукавому этому зверю, но как? **И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это**. Видишь различие? Жене сказал: **что ты это сделала?** – а змию: **за то, что ты сделал это**. Так как ты, говорит, сделал это зло, подал этот гибельный совет, послужил орудием столь великой злобы, до того изострил (жало) зависти против созданного Мною, то **проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей; и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту** (ст. 14; 15).

6. Обрати здесь внимание на порядок и последовательность, вполне обнаруживающие человеколюбие (Господа). Делая допрос, Он начал с мужа, потом перешел к жене. И когда она указала на виновника, Он, приступив к змию и не потребовав уже от него ответа, налагает (на него) наказание и притом такое, которое бы продолжалось всегда и, будучи на виду, постоянно учило все последующие (роды) – не принимать подобного гибельного совета и не обольщаться его хитростями. Но, может быть, скажет кто: если совет дал диавол, употребив змия в орудие, то за что же это животное подверглось такому наказанию? И это было делом неизреченнаго человеколюбия Божия. Как чадолюбивый отец, наказывая убийцу своего сына, ломает и нож и меч, которым тот совершил убийство, и разбивает их на мелкие части, – подобным образом и всеблагий Бог, когда это животное, как меч какой, послужило орудием злобы диавола, подвергает его постоянному наказанию, чтобы мы из этого чувственного и видимого явления заключали, в каком находится он безчестии. Если послуживший орудием подвергся такому гневу, то какое наказание должен понести тот? Это особенно показал нам Христос, говоря в божественном Евангелии к стоящим ошуюю: **идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его** (Мф.25:41). Ему уготован издревле, его ожидает тот неугасимый огнь. Что же может быть несчастнее тех людей, которые, по небрежению о своем спасении, делают себя повинными той же казни, которая уготована диаволу? Что нам, если захотим творить добродетель и исполнять постановленные Иисусом Христом законы, уготовано царство, – об этом послушай, что Он (Христос) говорит: **приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира** (ст. 34). Видишь, тому уготован неугасающий огнь, а нам, если не будем безпечны, царство? Помышляя об этом, позаботимся о жизни, будем избегать зла и никогда не будем обольщаться хитростями диавола. Если хотите и не чувствуете себя утомленными, еще подвергнем рассмотрению наказание, наложенное на змея, чтобы таким образом, мало-помалу обозревши суд до конца, мы могли видеть величие человеколюбия Божия. Если люди часто проводят по целому дню, смотря на судью, сидящего на всенародном судилище и произносящего приговор над подсудимыми, и не уходят, доколе не увидят, что судья встал, тем с большим усердием следует нам теперь взирать на всеблагого Бога, – как Он, с одной стороны, определяет змею тяжкое наказание, чтобы наказанием этого чувствами постигаемого животного, которым, как орудием, воспользовался лукавый демон, дать нам понятие о том наказании, какое его постигнет, и как, с другой стороны, милостиво возлагает и на жену и на мужа соразмерное наказание, служащее больше к исправлению, чем к мучению, чтобы мы, внимательно рассмотрев все это, подивились попечению человеколюбивого Бога, какое Он показал в отношении к нашему роду. Что же Он говорит? **И сказал Господь Бог змею: за то, что**

ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей; и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту.

7. Велик и силен гнев, потому что чрезмерно велик и обман, который лукавый диавол сделал чрез змия. **И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это**. Так как ты, говорит, послужил орудием такой злобе и таким образом привел в исполнение обман, подавши гибельный совет и растворив для (прародителей) смертоносную чашу; так как ты сделал это и захотел лишить Моего благоволения тех, которые созданы Мною, послужив орудием воле лукавого демона, спадшего, по злобе и безмерной гордости, с неба на землю, – то за это, что он употребил тебя в орудие, Я налагаю на тебя всегдашнюю казнь, чтобы из совершившегося с тобою и он мог знать, какое наказание постигнет его, и последующие люди научились не увлекаться внушениями его и не внимать его обольщению, дабы не подвергнуться тому же: за это **проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми**, так как своею мудростию воспользовался не по надлежащему; напротив, преимущество, какое имел ты пред всеми животными, сделалось для тебя причиною всех зол. **Змей**, сказано, **был хитрее всех зверей полевых**. За это ты будешь **проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми**. Но так как предмет проклятия не подлежал чувствам и не был видим для глаз, поэтому-то (Бог) налагает на него и чувственное наказание, чтобы мы могли постоянно иметь перед глазами следы его казни. **Ты будешь ходить на чреве твоем**, – за то, говорит, что ты воспользовался (своим) устройством не по надлежащему, но дерзнул вступить в беседу с созданным Мною разумным животным. Как действовавший чрез тебя и употребивший тебя в орудие диавол за то, что возмечтал (о себе) выше своего достоинства, низвергнут с неба, таким же образом и тебе повелеваю принять другой образ устройства – пресмыкаться по земле и ею питаться, так что тебе уже невозможно будет смотреть вверх, но постоянно должно находиться в таком положении и одному между всеми зверями питаться землею. И не это только, но **вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее**. Не удовольствуюсь и этим, чтобы ты ползал по земле, но сделаю еще и жену непримиримым врагом тебе; да и не ее одну, но и семя ее сделаю также постоянно враждебным твоему семени. **Оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту**. Я дам ему (семени жены) такую силу, что оно всегда будет наступать на твою голову, а ты будешь под его ногами. Смотри, возлюбленный, как и в наказании этого животного Бог показывает нам Свою попечительность о роде человеческом! И это относится только к чувственному змию; но желающий может после вникнуть в смысл написанного и понять, что, если это сказано о чувственном (змие), то еще более нужно прилагать сказанное к мысленному змию. И его, уничтожив, поверг под наши ноги Бог и дал нам власть наступать на его голову. Не на это ли Он указывает, когда говорит: наступайте **на змей и скорпионов** (Лк.10:19)? Чтобы мы не подумали, будто это сказано о чувственных животных, Он прибавил: **и на всю силу вражью**. Видели вы безмерное человеколюбие Божие и из наказания, наложенного на орудие диавола? Перейдем, если угодно, опять к жене. Так как он (змей) ввел в обман, то первый и получил наказание; итак как он первую соблазнил жену, и потом она уже увлекла и мужа, то ее первую и подвергает (Бог) наказанию, которое впрочем имело целью исправление. **Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою** (ст. 16). Смотри на благость Господа, какую показывает Он кротость после такого преступления. **Умножая умножу скорбь твою**. Я, говорит, хотел, чтобы ты проводила безпечальную безболезненную жизнь, свободную от всякой скорби и горести и

исполненную всякого удовольствия, (хотел, чтобы ты), будучи облечена телом, не чувствовала ничего телесного. Но как ты не воспользовалась по надлежащему таким счастьем, но избыток благ довел тебя до столь великой неблагодарности, то чтобы ты не предалась еще большему своеволию, Я налагаю на тебя узду, и осуждаю тебя на печали и воздыхания. **Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей**. Я, говорит, сделаю, что у тебя рождение детей – источник великого утешения – будет начинаться печалью, чтобы ты сама в повседневных скорбях и печалях при деторождении имела постоянное напоминание о том, как велик этот грех и преслушание, чтобы с течением времени не предала ты забвению случившегося теперь, но знала бы, что причиною этого был для тебя обман. Поэтому **умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей**. Здесь разумеются болезни рождения и тот великий труд, какой должна терпеть (жена), нося плод, как бремя, в продолжение стольких месяцев, – также некоторые особенные, происходящие отсюда, боли, растяжение членов и те нестерпимые страдания, которые знают только те (жены), которые испытали (их).

8. Однако человеколюбивый Бог даровал, вместе со скорбями, и столь великое утешение, что радость о рождении младенца равняется тем болезням, которые, в продолжение стольких месяцев, терзают утробу матери. Переносящие такой труд, столько терзаемые болезнями и, так сказать, отчаивающиеся в самой жизни, после того как родят и насладятся радостью за (свои) страдания, опять, как бы забывши все, что было, предаются деторождению: так устроил Бог для непрерывного сохранения людей! Надежда будущих благ всегда облегчает перенесение настоящих скорбей. Это всякий может видеть на предприимчивых купцах которые переплывают обширные моря, переносят кораблекрушения и (нападения) морских разбойников и часто, после многих таких опасностей, обманываются в своих надеждах, и не смотря на это, не останавливаются, но снова принимаются за тоже. Это же можно сказать и о земледельцах: и они, после того, как прорежут глубокие борозды, употребят на обработку земли много трудов и щедро посеют семена, часто обманываются в надежде, вследствие засухи, или безведрия, или напавшей ржавчины при самом конце (созревания) колосьев, не смотря однако на это, они не отстают, но опять, когда придет время, берутся за земледелие. Это можно приметить и во всяком занятии. Так точно и жена: часто и она, после многих тех месяцев (чревоношения), после нестерпимых болей, после безсонных ночей, после растяжения членов, вследствие какого-либо незначительного неблагоприятного обстоятельства, выкинув прежде времени младенца, еще ни образовавшегося и не получившего определенного вида, или хотя и образовавшегося, но не вполне, нездорового, или часто даже мертвого, едва только избежит опасности, как бы забыв все это, опять начинает тоже, опять терпит тоже. И что говорю: тоже? Часто случается, что и умирает вместе с дитятей, однакож и это не вразумляет прочих и не удерживает от этого дела: такое-то Бог соединил со скорбью удовольствие и радость! Поэтому сказал (Он): **умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей**. Это же сказал и Христос, беседуя с учениками и показывая вместе и тяжесть скорби, и обилие радости: **женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее;** потом, желая представить нам, как чувства скорби скоро проходят, и сменяются радостью и веселием, говорит: **но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир** (Ин.16:21). Видишь безмерное попечение (Божие)? Видишь, что наказание преисполнено вразумления? **В болезни будешь рождать детей**. Потом: **к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою**. Как бы оправдываясь пред женою, человеколюбивый Бог говорит: вначале Я создал тебя равночестною (мужу) и хотел, чтобы ты, будучи одного (с ним) достоинства, во всем имела общение с ним, и как мужу, так и тебе вверил власть над всеми тварями; но поелику ты не воспользовалась равночестием, как должно, за это подчиняю тебя мужу: **к мужу твоему влечение твое, и**

он будет господствовать над тобою. Так как ты, оставив равночестного и имеющего общую с тобою природу, того, для кого ты создана, решилась вступить в беседу с лукавым животным-змеем, и принять от него совет, то затем Я уже подчиняю тебя ему и объявляю его твоим господином, чтобы ты признавала власть его; так как ты не умела начальствовать, то научись быть хорошею подчиненною. **К мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою**. Лучше тебе быть под его начальством и состоять под его управлением, чем, пользуясь свободою и властью, носиться по стремнинам. И для коня полезнее иметь на себе узду и ходить под управлением, чем без этого носиться по стремнинам. Итак, имея в виду твою пользу, Я хочу, чтобы ты к **мужу** имела **влечение**, повиновалась ему, как тело голове, и с радостью признавала его господство. Вижу, что вы утомились продолжительностью слова; но, прошу вас, ободритесь несколько, чтобы нам не оставить суда недоконченным и не уйти, оставив Судию еще сидящим (на суде): ведь мы уже приблизились к самому концу.

9. Посмотрим же, что, после жены, Бог говорит мужу и какое налагает и на него наказание. **Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься** (ст. 17, 18, 19). И отсюда открывается великое и несказанное попечение Господне о человеке; но выслушаем внимательно каждое слово. **Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него**. Так как ты, говорит, послушал жены своей и вкусил от дерева, ее совет предпочел Моей заповеди, и не захотел воздержаться от одного только того дерева, от которого Я заповедал тебе не есть (Я повелел тебе воздерживаться не от многих дерев, а от одного только, а ты не воздержался и от него, но, забыв Мои заповеди, послушал жены), то за это на самом деле узнаешь, какое ты сделал зло.

Слушайте, мужья; слушайте, жены! Один, чтобы не слушаться жен, когда они советуют худое, другие, чтобы не предлагать таких советов. Если он (Адам), хотя и сложил вину на жену, однако не удостоился никакого извинения, то какое оправдание будет иметь тот, кто станет говорить: «ради жены согрешил я в том и в том, сделал то и то?» Жена для того и подчинена твоей власти, ты для того и поставлен ее господином, чтоб она повиновалась тебе, чтобы голова не следовала за ногами. Но часто можно видеть противное: тот, кто должен быть в чине головы, не удерживается даже и в чине ног; поставленная же в чине ног, становится в чине головы. Поэтому и блаженный Павел, учитель вселенной, предвидя все это, вопиял: **почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены?** (1Кор.7:16). Однако и муж должен с великою осторожностью отвергать гибельные советы жены, и жена, живо помня наказание, какому подверглась Ева, давшая мужу гибельный совет, пусть не дерзает советовать мужу что-либо подобное и пусть не подражает Еве, но, вразумляясь ее примером, пусть советует то, что и ее и мужа не подвергнет, никакому осуждению и наказанию. Но возвратимся к предмету. **Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него**. Так как ты, говорит, показал такую безпечность касательно соблюдения данной Мною заповеди и не воспользовался ни страхом, ни предварительным Моим объявлением того, что должно произойти с вами за вкушение, но дошел до такого нечестия, что, при таком (обилии) наслаждений, не мог удержаться от одного дерева, то поэтому **проклята земля за тебя**. Смотри на человеколюбие Господа, как (неодинаково) Он наказывает змия и это разумное животное

(человека). Тому говорит: **проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми;** а этому не так; как же? – **проклята земля за тебя**. И справедливо. Так как земля создана для человека, чтобы он мог наслаждаться плодами ея, поэтому теперь Бог, за человека же, так согрешившего, налагает на нее проклятие; и так как наложенное на землю проклятие лишило человека покоя и благополучия, то **проклята,** говорит, **земля за тебя**. Потом, чтобы ты знал, что значит: **проклята,** прибавил: **со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей**. Смотри, каждое наказание распростирается на весь век, чтобы не только они (прародители) получили от этого пользу, но и последующие роды познавали из этого, за что постигло их это наказание. **Со скорбью**, говорит, **будешь питаться от нее во все дни жизни твоей**. Потом, еще точнее определяя вид проклятия и причину печали, прибавил: **терния и волчцы произрастит она тебе**. Вот памятники проклятия! Терния, говорит, произрастят и волчцы. Я сделаю, что ты будешь переносить тяжкий труд и заботу, и в печали проводить всю жизнь, чтобы это было для тебя уздою, чтобы ты не мечтал о себе свыше своего достоинства, но постоянно помнил бы о своей природе, и впредь никогда не допустил себя до подобного обольщения. **И будешь питаться полевою травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб**. Смотри, как после преслушания у него все стало не так, как в прежней его жизни! Я, говорит, вводя тебя в этот мир, хотел, чтобы ты жил без скорби, без труда, без забот, без печалей, чтобы ты был в довольстве и благоденствии и не подлежал телесным нуждам, но был чужд всего этого и пользовался совершенною свободою. Но так как тебе не была полезна такая свобода, то Я и прокляну землю так, что она впредь уже не будет, как прежде, давать плодов без посева и возделания, а только при большом труде, усилии и заботах; подвергну тебя постоянным скорбям и печалям, заставлю все делать с изнурительным напряжением, чтобы эти мучительные труды были для тебя всегдашним вразумлением вести себя скромно и знать свою природу. И это будет не на малое или краткое время, по продолжится во всю жизнь твою. **В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься**. Ты будешь терпеть это, доколе не наступить конец твоей жизни, когда ты разрешишься в землю, из которой и был образован. Хотя Я дал тебе природу телесную, по Моему человеколюбию, но это тело (произошло) из земли и будет опять землею: **ибо прах ты и в прах возвратишься**. Чтобы этого не было, Я повелел вам не касаться того древа, присовокупив: **в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь**. Я не хотел этого, но так как с Моей стороны сделано все, а ты сам устроил себе это, то не вини никого другого, но приписывай все своей безпечности. Здесь рождается у нас еще другой вопрос, который, если вам угодно, мы решим вкратце, и затем окончим слово. **И заповедал**, сказано, **Бог человеку: в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь**; а оказывается, что они после преслушания и вкушения жили еще много лет. Это представляется недоумением только для тех, которые поверхностно относятся к приведенным словам. Но кто слушает с добрым размышлением, для того ясно сказанное, и для внимательного не представляет никакого недоумения. Хотя они (Адам и Ева) прожили много лет, но с той уже минуты, как услышали: **ибо прах ты и в прах возвратишься**, они получили смертный приговор, сделались смертными и, можно сказать, умерли. Указывая на это. Писание и сказало: **в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь** – вместо того, чтобы сказать: получите приговор – быть уже смертными. Как в человеческих судах, человек приговоренный к отсечению головы, будучи затем посажен в темницу, хотя бы и долго пробыл там, будет проводить жизнь не лучше мертвых, так как уже предав смерти приговором, – так подобным же образом и прародители с того самого дня, в который услышали смертный приговор, хотя и долго еще прожили, но по приговору уже умерли. Знаю, что сказано уже много и наше поучение простерлось очень далеко. Поэтому, при помощи Божией, по мере сил наших, изъяснив вам до конца нынешнее чтение из Писания, здесь и прекратим свое слово.

10. Можно бы, правда, предложить и другое и показать, что это самое наложенное наказание и то, что люди стали смертны, заключает в себе бездну человеколюбия; но чтобы не обременить вашего ума многочисленностью (мыслей), попросим только вас – по выходе отсюда не вдаваться в праздные беседы и в безполезную болтливость, но размышлять с собою и беседовать с другими о том, что сказано, и приводить себе на память то, что говорил Судия, чем оправдывались виновные, также то, как один слагал вину на другую, а эта – на змея, и как (Бог) наказал и последнего, наложив на него казнь постоянную, простирающуюся на все время, и, выразив сильный гнев на него, этим показал Свое попечение об обольщенных. Из того самого, что Он так воздал обольстителю, видно, что этот обольститель соблазнил особенно Ему дорогих. Потом, припоминайте наказание, какому подверглась жена, или – лучше – исправление; припомнив сказанное Адаму и представляя в уме не приговор: **ибо прах ты и в прах возвратишься**, подивитесь притом несказанному человеколюбию Господа, по которому Он, если только мы решимся делать добро и убегать зла, обещал нас, происшедших из земли и в землю разрешающихся, удостоить неизреченных тех благ, уготованных любящим Его, **не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку** (1Кор.2:9). Итак, мы должны воздавать великую благодарность Господу нашему за такие благодеяния и никогда не выпускать их из памяти: напротив, добрыми делами и совершенным удалением от зла будем умилостивлять Его и приобретать Его благоволение к нам. Если Он, будучи Богом безсмертным, не отказался принять на Себя наше смертное и земное естество, освободить от древней мертвенности, вознести превыше неба, почтить соседением Отцу и удостоить поклонения от всего небесного воинства, то не было ли бы крайне неблагодарно, если бы мы не устыдились воздать Ему противным, и безсмертную душу пригвоздив, так сказать, к плоти, сделали земною, мертвою и бездейственною? Нет, умоляю вас, не будем так неблагодарны к Тому, Кто оказал нам столько благодеяний, но, следуя Его законам, будем делать угодное и приятное Ему, чтобы и Он признал нас достойными вечных благ, коих да удостоимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 18

"И нарек Адам имя жене своей Ева, ибо она стала матерью всех живущих. И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их. И сказал Бог: вот, Адам стал как один из Нас" (Быт. 3:20-22).

1. Видели вы вчера человеколюбие Судьи? Видели исследование, исполненное благости? Видели разность наказаний – как наказан коварный обольститель, как наказание, наложенное на обольщенных, показывает великое человеколюбие Божье? Видели, как полезно было нам присутствовать в судилище и видеть, как производилось исследование? Мы узнали, сколь многих и великих благ лишили себя Адам и Ева преступлением данной им заповеди, лишившись той неизреченной славы и жизни, которая была почти ничем не хуже ангельской. Мы увидели снисходительность Владыки, узнали, какое великое зло – беспечность, как она лишает нас и тех благ, которыми мы уже пользовались, и подвергает великому стыду. Поэтому, умоляю, будем бдительны, и пусть падение их (первых людей) послужит для нас врачеством, и их беспечность пусть будет для нас побуждением к осторожности, потому что совершающие после этого те же грехи подлежат большему наказанию, так как они не захотели вразумиться примерами. И действительно, потомки, согрешающие подобно первым людям, подвергаются неодинаковому с ними наказанию. В этом можно тотчас удостовериться из слов мудрого учителя вселенной, то есть, блаженного Павла, который говорит: "**те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут; а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся**"

(Рим.2:12). Эти слова значат: жившие до закона и живущие после закона не одинаково будут судимы; согрешающие после дарования закона подвергнутся тягчайшим наказаниям. "**Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут**", то есть, наказание облегчается тем, что они не пользовались наставлением и помощью закона. "**А те, которые под законом согрешили, по закону осудятся**". А эти, говорит (апостол), так как имели наставником закон, и, не смотря на это, не вразумились, но грешили подобно тем, наказание понесут большее. Но выслушаем и то, что прочтено сегодня. "**И нарек**", говорит (Моисей), "**Адам имя жене своей**" Ева, то есть "**жизнь, она стала матерью всех живущих**". Смотри, какая обстоятельность (в словах) божественного Писания, как оно не умолчало и об этом, но сообщило нам, что Адам дал имя и жене. "**Нарек**", говорит, "**имя жене своей**" Ева, что значит – "**жизнь, она стала матерью всех живущих**", то есть, она есть начало всех, имевших произойти от нее людей, корень и основание последующего рода. Потом, сообщив нам о наречении имени жене, опять показывает нам благость Божью, как Он не оставляет без внимания созданных Им, когда они были в таком стыде и наготе. "**И сделал**", говорит, "**Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их**". Как сердобольный отец, имеющий благородного сына, воспитываемого со всей заботливостью, наслаждающегося всей роскошью, живущего в прекрасном доме, облеченного в шелковые одежды и свободно пользующегося отцовским имением и богатством, видя впоследствии, что от такой счастливой жизни он впал в бездну разврата, лишает его всего этого, подчиняет своей власти, и, сняв с него (богатую) одежду, одевает его в бедное, часто даже в рабское платье, чтобы не оставить в совершенной наготе и стыде, – так и человеколюбивый Бог, когда (Адам и Ева) сделались недостойными того славного и блестящего одеяния, которое облекало их и избавляло от телесных нужд, лишил их всей этой славы и счастья, каким они пользовались до этого тяжкого падения, но вместе с тем являя им великое милосердие и сожалея о них в самом падении, и видя, что они покрыты великим стыдом и не знают, что и делать, чтобы не оставить их в совершенной наготе и посрамлении, делает для них кожаные ризы и одевает их. Таковы козни дьявола: когда он найдет послушных себе, то, обольстив их кратковременным удовольствием, низвергнув в самую глубину зла и покрыв стыдом и бесчестием, оставляет их в этом низком положении на жалкий позор зрителям. Но Попечитель душ наших, видя их в совершенной беспомощности, не оставляет их в этом положении, но придумывает для них покров, и бедностью одежды показывает им, какого одеяния они заслужили. "**И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их**". Смотри, как божественное Писание снисходит (к человеческим понятиям). Но я и теперь повторяю тоже, что неоднократно говорил: мы должны все понимать богоприлично, и под словом: "**сделал**" должны понимать: повелел. Он повелел им облечься в кожаные ризы для непрестанного памятования о преслушании.

2. Пусть об этом послушают богатые, которые украшаются тканями червей и одеваются в шелк, и пусть знают они, как человеколюбивый Владыка с самого начала вразумлял человеческую природу. Так как первозданный преступлением заповеди заслужил осуждение на смерть, между тем нужно было облечь его одеждой, которая бы прикрывала его стыд, то (Бог) сотворил им кожаные ризы, научая этим нас избегать изнеженной и роскошной жизни, не искать жизни праздной и беспечной, но более любить суровую. Но, может быть, богатые, негодуя на эти слова, скажут: так что же? Ты велишь нам одеваться в кожаные одежды? Не говорю этого, потому что и первые люди не навсегда получили те ризы; человеколюбивый Владыка к прежним благодеяниям всегда прибавляет другие. Так как первые люди, лишившись того бесстрастия и ангельской жизни, подвергли себя телесным нуждам, то Бог впоследствии устроил так, чтобы одежда для людей была приготовляема из овечьей шерсти, впрочем не для чего иного, как только для того, чтобы она служила покровом и чтобы это разумное существо не жило, подобно бессловесным, в наготе и бесстыдстве. Итак, употребление одежд пусть непрестанно напоминает нам о

потерянных благах и о том наказании, которое постигло человеческий род за преслушание. После этого пусть отвечают нам те, которые так увлеклись блеском, что даже и понятия не имеют об одеждах из овечьей шерсти, но облекаются в шелковые и дошли до такого безумия, что вплетают еще и золото в одежды, – особенно же такую роскошь видим мы у женского пола: для чего ты, скажи мне, украшаешь тело и любуешься такой одеждой, а о том не думаешь, что этот покров изобретен вместо величайшего наказания за преступление? Почему не слушаешь блаженного Павла, который говорит: "**имея пропитание и одежду, будем довольны тем**" (1Тим.6:8)? Видишь, что надобно заботиться о том только, чтобы тело не было нагим, чтобы оно было только прикрыто, и отнюдь не заботиться о разнообразии одеяния. Но перейдем к тому, что следует далее. "**И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят**" (Быт.3:22-23). Смотри опять на Божье снисхождение. "**И сказал**", говорит Писание, Господь "**Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло**". Видишь, какие простые слова? Все это будем понимать богоприлично. Этими словами (Писание) хочет напомнить нам о том обмане, которым дьявол через змея обольстил (первых людей). Дьявол сказал им, что "**вкусите, и будете, как боги**" (Быт.3:5), и они, надеясь сравняться с Богом, дерзнули вкусить; поэтому и Бог, желая вразумить их, привести в сознание греха и показать, как велико их преслушание и чрезмерно обольщение, говорит: "**вот, Адам стал как один из Нас**". Эти слова выражают большое посрамление, могущее поразить преступника. Потому ты, говорит Бог, пренебрег моей заповедью, что возмечтал быть равным Богу? Вот ты сделался тем, чем надеялся быть, или – лучше – не тем, чем надеялся быть, а чем заслужил быть, "**вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло**". Это и говорил им через змея дьявол – обольститель, – что "**откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло**" (Быт.3:5). "**И теперь как бы не простер он руки своей и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно**". Усматривай отсюда человеколюбие Господа. Нужно тщательно исследовать эти слова, чтобы не могло утаиться от нас ничего, что сокрыто в этой глубине. Когда Бог давал Адаму заповедь, то повелел ему воздерживаться от одного только дерева, вкусив от которого он подвергся наказанию смерти; давая заповедь, это определил ему, если нарушит, ничего не постановив касательно дерева жизни. Поелику Бог, как я думаю и как надобно понимать создал человека бессмертным, то он мог, если хотел, вместе с другими вкушать плоды и этого дерева (жизни), которое могло постоянно поддерживать его жизнь: поэтому он не получил никакой (особенной) заповеди касательно этого дерева.

3. Если же кто из любопытных захочет доискиваться, почему оно названо деревом жизни, то пусть знает, что человек, следуя своим умозаключениям, не может понимать ясно все дела Божьи. Чтобы созданный Им человек, живя в раю, имел упражнение в послушании или непослушании, Господу угодно было насадить там и эти два дерева: одно дерево жизни, а другое, так сказать, смерти, потому что вкушение от этого последнего и преступление заповеди навлекло на человека смерть. Так как человек, вкусивши от этого дерева, сделался смертным и подлежал уже телесным нуждам, так как впервые явился грех, за который Господом благодетельно установлена смерть, то Он и не оставляет Адама в раю, но повелевает ему выйти из него, показывая тем, что делает это не по чему-либо другому, как только по любви к нему. Чтобы точно уразуметь это, необходимо опять прочитать слова божественного Писания: "**и теперь**", говорит, "**как бы не простер он руки и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно**". Так как, говорит, человек обнаружил великую невоздержанность по отношению к данной заповеди и сделался смертным, то чтобы он не осмелился прикасаться и к этому дереву, постоянно поддерживающему жизнь, и не грешил бесконечно, лучше ему быть изгнанным отсюда.

Так изгнание из рая есть дело скорее попечительности Божьей о человеке, нежели гнева. Таков Господь наш: и наказаниями не меньше, чем и благодеяниями, Он показывает Свое промышление о нас; и наказание посылает нам для нашего же вразумления. Так, если Он знает, что мы, греша безнаказанно, не делаемся худшими, то и не наказывает; чтобы предупредить наше поступательное движение к худшему и пресечь дальнейшее распространение греха, Он, по Своему человеколюбию, наказывает. Так поступил Он и теперь: заботясь о первозданном, повелел ему удалиться из рая. "**Изгнал его**", сказано, "**Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят**". Опять и здесь обрати внимание на тщательность (в словах) божественного Писания. "**Изгнал его**", говорит, "**Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят**". Вот Он приводит в исполнение Свой приговор и, выведши (человека) из рая сладости, заставляет его возделывать землю, из которой он взят. И эти слова: "**из которой он взят**", сказаны не без цели, но чтобы (человек) в работе имел постоянное напоминание о своем смирении и знал, что отсюда его состав, что существо тела его в начале произошло из земли: "**возделывать**", говорит, ту "**землю**", из которой он и составлен. Что выразил Бог в Своем приговоре: "**в поте лица твоего будешь есть хлеб**" (Быт. 3:19), тоже самое и теперь выражает словами: "**возделывать землю, из которой он взят**". Далее, чтобы нам знать, на какое расстояние Бог удалил человека от рая, божественное Писание научает нас и этому, говоря: "**и изгнал**" Господь Бог Адама, "**и выслал его Господь Бог из сада Едемского**" (Быт.3:24,23). Смотри, как в каждом обстоятельстве выразилось человеколюбие всеобщего Владыки и каждый вид наказания свидетельствует о великой благости. Не только изгнание было делом человеколюбия и благости, но и то, что (Бог) поселил его против рая, дабы он постоянно скорбел, размышляя ежедневно о том, чего он лишился и до какого состояния довел себя. Но вид (рая), если и возбуждал в Адаме нестерпимую скорбь, в то же время однако доставлял и немалую пользу: постоянное созерцание (рая) служило для скорбящего предостережением на будущее время, чтобы он снова не впал в то же (преступление). Вот как, по большей части, бывает с людьми: пока мы обладаем благами, дотоле не умеем надлежащим образом пользоваться ими; лишившись же их, делаемся умнее, и тогда, наученные опытом, начинаем сознавать свою беспечность, и, таким образом, перемена обстоятельств дает нам понять то, чего мы лишились и какому злу подвергли себя. Так и повеление изгнанному из рая поселиться вблизи и против него было знаком величайшей заботливости (Божьей о человеке), чтобы это воззрение напоминало ему и он отсюда извлекал для себя пользу, и, имея сильное желание жить, не дерзнул, как находившийся вне рая, вкусить от дерева. Божественное Писание все излагает нам, снисходя к человеческой немощи. "**И поставил Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни**" (Быт.3:24). Беспечность, какую они (первые люди) показали по отношению к данной заповеди, была причиной того, что так крепко загражден им вход в рай. Подумай, – Человеколюбец не удовольствовался тем, что поселил против рая, но повелел тем силам – херувимам и пламенному "**обращающемуся мечу**" стеречь путь, ведущий туда. Не без цели же (Моисей) присовокупил: "**обращающийся**", но для того, чтобы научить нас, что совершенно загражден был ему вход в рай, так как то оружие, обращаясь, заграждало все, ведущие туда пути и непрестанно возбуждало в нем страх и воспоминание.

4. "**Адам познал Еву жену свою**" (Быт.4:1). Замечай, когда это случилось. После преслушания, после изгнания из рая, – тогда начинается супружеское житие. До преслушания (первые люди) жили, как ангелы, и не было (речи о) сожитии. И как это могло быть, когда они свободны были от телесных потребностей? Таким образом, вначале жизнь была девственная; когда же по беспечности (первых людей) явилось преслушание и вошел (в мир) грех, девство отлетело от них, так как они сделались недостойными столь великого блага, а вместо того вступил в силу закон супружества. Подумай же,

возлюбленный, как велико достоинство девства, как высоко и важно это состояние, как оно превышает человеческую природу и требует помощи свыше. Что решившиеся избрать девство, и будучи в теле, живут подобно бестелесным силам, послушай слов Христа, сказанных саддукеям. Возбудив вопрос о воскресении и желая знать (мнение Иисуса Христа), они сказали: "Учитель! Было у нас семь братьев: первый, женившись, умер бездетным и оставил жену свою брату своему; и второй умер и, не имея семени, оставил жену свою брату своему; подобно и третий, и четвертый, и пятый, и шестой, и седьмой. Итак, в воскресении, которого из семи будет она женой? Ведь все имели ее" (Мф.22:24-28. Мк.12:19-23. Лк.20:28-33)? Что же отвечал им Христос? **Иисус сказал им в ответ: заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божьей, ибо в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божьи на небесах**". Видишь, как избравшие, из любви к Христу, жребий девства, и, живя на земле, и будучи облечены телом, подражают ангельской жизни? Поэтому, сколько велик и высок этот подвиг, столько же велики и даже еще более велики венцы и награды, и блага, обещанные тем, кто, вместе с девством, подвизается и в прочих добродетелях. "**Адам**", сказано, "**познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина**" (Быт.4:1). Так как через преслушание вошел грех и приговор сделал первых людей смертными, то всемогущий Бог, устраивая, по Своей премудрости продолжение человеческого рода, соизволил уже ему умножаться через супружество. "**И сказала: приобрела я человека от Господа**". Смотри, как наказание сделало жену благоразумнее: рождение дитяти она приписывает не природе, но Богу, и (этим) обнаруживает в себе чувство признательности. Видишь, как наказание послужило для них побуждением к исправлению? "**Приобрела**", говорит Ева, "**человека от Господа**"; не природа дала мне дитя; его даровала вышняя благодать. "**И еще родила брата его, Авеля**" (Быт.4:2). Так как она была благодарна за рождение (первого сына) и признательна за первое благодеяние, то получила и второе. Таков наш Владыка: если мы обнаружим свою благодарность за полученные дары и исповедаем Благодетеля, Он ущедривает Свои к нам милости. Так и Ева за то, что рождение (Каина) приписала Богу, получает и другое дитя. Рождение детей сделалось уже величайшим утешением для людей, когда они стали смертными. Поэтому-то и человеколюбивый Бог, чтобы немедленно, в самом начале, смягчить строгость наказания и отнять у смерти страшный вид, даровал рождение детей, являя в нем, так сказать, образ воскресения и устраивая так, чтобы на место падающих (умирающих) восставали другие. "**И был**", сказано, "**Авель пастырь овец, а Каин был земледелец**" (Быт.4:2). Божественное Писание сообщает нам о занятиях каждого из родившихся, (а именно), что один из них вел жизнь пастушескую, а другой возделывал землю. "**Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар**" Господу. Смотри, как Создатель природы вложил в совесть познание. Кто, скажи мне, привел его (Каина) к этой мысли (о принесении жертвы Богу)? Никто другой, как только познание, положенное в совести. "**Принес**", говорит, "**от плодов земли дар Господу**". Он знал и понимал, что надлежит из своего имения приносить (Богу), как Владыке, какой-нибудь плод; не потому, что Бог нуждается в этом, но для того, чтобы, наслаждаясь столь великим благодеянием (Божьим), показать свою признательность. Бог не имеет ни в чем нужды и ничего не требует от нас; но, снисходя к нам, по Своему неизреченному человеколюбию, дозволяет это (принесение Ему жертв) ради нашего спасения, чтобы познание Господа служило для человеческой природы училищем добродетели. "**И Авель также принес от первородных стада своего**" (Быт.4:4). Не без цели и не напрасно я в самом начале беседы говорил вашей любви, что Господь наш не смотрит на различие лиц, но награждает намерение, испытывая душевное расположение. Так, вот смотри, было и теперь.

Поэтому, возлюбленные, тщательно выслушаем сказанное и посмотрим, что Писание повествует о Каине и что об Авеле; не пройдем этого рассказа без внимания, потому что божественное Писание ничего не говорит просто и как случится; каждый слог, каждая

даже черта заключает в себе некоторое скрытое сокровище; таково свойство всего духовного. Итак, что говорит Писание? "**Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу, и Авель также принес от первородных стада своего и от тука их**" (Быт.4:3-4).

5. Более проницательные уже из самого чтения понимают сказанное. Но так как мы должны заботиться обо всех вообще, – потому что духовное учение не знает различия, – то вот яснее раскроем вам эти слова, и для этого снова повторим их. "**Каин**", сказано, "**принес от плодов земли дар Господу**", потом, желая сообщить нам и об Авеле, божественное Писание говорит, что и он принес жертву от своего, пастушеского занятия: "**также принес от первородных стада своего и от тука их**". Смотри, как Писание показывает нам боголюбивое его намерение и то, что он принес не просто от овец, но "**первородных**", то есть, дорогих, отборных, далее, что от этих первородных (принес) самое драгоценнейшее: "**и от туков их**", сказано, из самого приятного, наилучшего. О Каине ничего такого Писание не замечает, а говорит только, что он принес "**от плодов земли дар**", что, так сказать, попалось, без всякого старания и разбора. Опять говорю и не перестану, говорит: Бог принимает наши приношения не потому, что нуждается в них, но потому, что хочет, чтобы и через них выражалась наша благодарность. Тому, кто приносит Богу и притом Ему принадлежащее, кто понимает различие природы (божеской и человеческой) и то, что человек удостаивается такой чести, надлежало, по возможности, исполнять свой долг, и приносить Богу драгоценнейшее. Но смотри, возлюбленный: кто отсюда имел средства познать свой долг, тот справедливо наказывается, теряя свое спасение по беспечности. Ведь и тот не имел какого-либо наставника и этот – руководителя и советника, но каждый приступил к такому жертвоприношению по внушению совести и мудрости, свыше данной человеческому роду; но различие в намерениях и беспечность воли были причиной того, что приношение одного было принято, а другого отвергнуто Богом. "**И призрел Господь на Авеля и на дар его**" (Быт.4:4). Смотри, как исполняется здесь сказанное в Евангелии, что "**будут первые последними, и последние первыми**" (Мф.19:30). Вот и имеющий преимущество по первородству и прежде принесший (жертву) оказался хуже брата, потому что принес не так, как следовало. Когда оба они принесли жертву, "**и призрел**", говорит божественное Писание, "**Бог на Авеля и на дар его**". Что значит: "**и призрел**"? Значит: принял, похвалил намерение, увенчал расположение, был, так сказать, доволен тем, что совершено. Мы, если говорим о Боге и осмеливаемся раскрывать уста о бессмертной той Природе, то, будучи людьми, не иначе можем представлять это, как только при помощи языка. Но вот, что (здесь) удивительно: "**призрел**", говорит, "**Бог на Авеля и на дар его**". Принесение овец Писание назвало дарами, потому что принесено было драгоценное, отборное, непорочное. Итак, Бог призрел на Авеля за то, что он сделал приношение с чистым расположением; призрел и на принесенные дары не за то только, что они были чисты, но за то, что во всех отношениях оказывались драгоценными, как по расположению приносящего, так и потому что (овцы) были первородные, и притом избранные, "**и от туков их**", и из этих самых наилучшие. "**И призрел Бог**", сказано, "**на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел**" (Быт.4:4-5). Так как Авель принес с надлежащим расположением и от искреннего сердца, то "**призрел**", сказано, "**Бог**" – то есть, принял, одобрил, похвалил; принесенное же назвал дарами, чтобы этим почтить расположение принесшего. "**А на Каина и на дар его не призрел**". Замечай точность (в словах) Писания. Словом: "**не призрел**" оно показало отвержение принесенного, а названием принесенных плодов земли жертвой внушает нам еще нечто другое. Смотри, в самом деле, как Писание и самыми событиями и словами дает знать, что Господь желает от нас всего этого [жертв и приношений] для того, чтобы наши внутренние расположения обнаруживались в делах наших и мы знали бы, что находимся под владычеством Господа и Творца, Который привел нас из небытия в бытие. Назвав

овец дарами, и плоды земные – жертвой, божественное Писание этим научает нас, что Господь ищет не приведения бессловесных и не приношения плодов земных, но только душевного расположения. Поэтому и теперь, в зависимости от расположения, один был принят с даром, а другой по тому же отвергнут с жертвой. Слова же: "**призрел на Авеля и на дар его, а на Каина и на дар его не призрел**" – будем понимать богоприлично. Этими словами Писание хочет сказать, что Бог сообщил им познание о том, что Он расположением одного был доволен, а безрассудство другого отринул. Это совершено было со стороны Бога; посмотрим, что следует далее. "**И огорчился**", сказано, "**Каин сильно, и поникло лицо его**" (Быт.4:5). Что значит: "**Каин сильно огорчился**"? Его печаль происходила от двух причин: не только от того, что сам он был отвергнут, но и от того, что принят был дар брата его. "**И огорчился**" сказано, "**Каин сильно, и поникло лицо его**". Что опечалило его? Два эти обстоятельства опечалили его: и то, что Господь не принял его жертвы, и то, что дар брата был благоприятен Ему. Следовало, узнав причину из того, что произошло, исправить погрешность, потому что человеколюбивый Владыка наш не столько отвращается от нас, когда мы согрешим, сколько в таком случае, когда мы коснеем в грехе; но он (Каин) нисколько не заботился об этом (исправлении).

6. И чтобы тебе вполне убедиться в этом и увидеть неизреченное величие Божьего человеколюбия, замечай в настоящих событиях обилие благости и величие милосердия Божьего. Когда Он увидел, что Каин чрезмерно опечалился и готов, так сказать, утонуть в волнах печали, то не презрел его, но то же человеколюбие, какое показал Он к отцу его, после тяжкого греха его, когда дал ему случай к оправданию и отверз двери к дерзновению, словами: "**где**"? – такое человеколюбие являет и теперь к (Каину), оказавшемуся столь неразумным и готовому как бы низринуться в пропасть; простирая руку (помощи), и желая дать ему случай исправить свой проступок, говорит ему: "**почему ты огорчился? и отчего поникло лице твое? если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним**" (Быт.4:6-7). Смотри, возлюбленный, какое несказанное снисхождение попечения! Бог видел, что Каин объят, так сказать, страстью зависти: смотри же, как Он, по благости Своей, прилагает соответствующее ему врачество, чтобы тотчас поднять его и не дать ему утонуть. "**Почему ты огорчился? и отчего поникло лице твое?**" – отчего, то есть, ты одержим такой печалью, что и на лице своем выказываешь глубину скорби? "**Отчего поникло лице твое?**" Отчего совершившееся так тронуло тебя? Для чего ты не исполнил своего долга? Ты приносил жертву не человеку, которого можно обмануть. Разве не знаешь, что Я желаю не приношений, но искреннего расположения приносящих? "**Почему ты огорчился? и отчего поникло лицо твое? если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит**"? Что тебе пришло на мысль сделать приношение, это похвально; а то, что ты несправедливо разделил (избрал плоды на жертву), это послужило причиной того, что принесенное тобой отвергнуто. Приносящий Богу должен соблюдать большую тщательность при разделении; и сколь велико различие между Приемлющим и приносящим, столько же должно делать различия и при избрании (жертвы). Но ты нисколько не подумал об этом, и принес просто что случилось: поэтому принесенное и не могло быть принято. Но, как твое расположение, с каким ты сделал приношение, нисколько не подумав о различии (между Приемлющим и приносящим), было причиной того, что принесенная тобой жертва отвергнута, так надлежащее расположение брата, показавшего великую старательность в избрании (жертвы), сделало дары его благоприятными. Однако и при этом Я не хочу тебя наказывать за проступок, но только указываю на грех и даю тебе совет, который если захочешь принять, то и грех свой исправишь и не впадешь в худшее зло. Что же? Ты сделал грех, и великий грех, но Я не наказываю за него, потому что Я человеколюбив и "**не хочу смерти беззаконника, но чтобы он обратился от путей своих и был жив**" (Иезек.18:23). Так как ты согрешил, то

"**умолкни**", успокой свои помыслы, освободись от напора волн, осаждающих твою душу, укроти волнение, чтобы к прежнему греху не прибавить тебе другого тягчайшего, чтобы не решиться тебе на какое-нибудь неисправимое зло. Не отдайся в плен лукавому демону. "**Согрешил если, умолкни**". Бог уже наперед знал, что (Каин) восстанет на брата, и этими словами предупреждает его. Как Бог, ведущий тайны душевные, Он знал сердечные движения Каина: поэтому в продолжительном увещании и милостивых словах предлагает ему приличное врачество и делает со Своей стороны все, хотя (Каин) и отверг лекарство и низринулся в бездну братоубийства. "**Согрешил если, умолкни**". Не думай, говорит Бог, будто Я, отринув твою жертву за ненадлежащее расположение и приняв дар брата за его истинное расположение, лишаю тебя первенства и отнимаю у тебя права первородства. "**Умолкни**": хотя он и удостоился от Меня чести и дар его принят, но "**он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним**", – так что, и после этого греха, Я за тобой оставляю преимущества первородства, и ему повелеваю быть у тебя под властью и начальством. Смотри на человеколюбие Господа, как Он этими словами желает укротить ярость и неистовство Каина, и удержать его от восстания на брата. Видя движения его мысли и зная жестокость его убийственного намерения, Бог наперед хочет смягчить его сердце и успокоить его ум, и для того подчиняет ему брата и не отнимает у него власти над ним. Но и после такой заботливости и после такого врачевания Каин не получил никакой пользы. Таково различие во внутреннем расположении (Каина и Авеля), такова сила зла!

7. Но чтобы, простирая далее слово, нам не быть в тягость вашей любви, и беседа наша, поражая ваш слух, не показалась скучной, мы, остановив здесь слово, попросим вас, усердные слушатели, возненавидеть подобные (Каиновым) поступки и, отвратившись совершенно от греха, с великим усердием и от всего сердца обратиться к заповедям Господним, особенно же после стольких и таких примеров. Никто из нас (в свое оправдание) не может уже прибегнуть к неведению. Если он, разумею Каина, хотя и не мог указать ни на кого из предков своих, кто бы сделал подобное ему преступление, подвергся, однако, как вы после узнаете, невыносимому и тяжкому наказанию, то, что же должны потерпеть мы, когда так же, или еще и хуже, грешим после такого обилия благодати? Не постигнет ли нас вечный огонь, червь неумирающий, скрежет зубов, кромешная тьма, огненная геенна и прочие неотвратимые казни? Для нас уже не остается никакого оправдания, когда мы живем так беспечно и нерадиво. Не все ли мы знаем, что должно делать и чего не должно, что делающие первое (добро) получат победные венцы, а впавшие в последнее (грех) подвергнутся крайним мучениям? Поэтому прошу, умоляю и заклинаю, да не будет бесплодным наше собрание в этом месте, но да последуют за слушанием слов самые дела, чтобы, имея совершенно спокойную совесть и от этого питаясь благими надеждами, могли мы, легко переплывши опасное море настоящей жизни, войти в пристань Божьего человеколюбия и получить те неизреченные блага, которые Господь обещал любящим Его, благодатью и милосердием Единородного Его Сына, с Которым святому и покланяемому Его Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 19

"И сказал Каин Авелю, брату своему: пойдем на поле" (Быт. 4:8).

1. Как неизлечимые раны не поддаются ни острым, ни смягчающим лекарствам, так и душа, раз сделавшись пленницей и предавшись какому-нибудь греху, если не хочет сама подумать о собственной пользе, не исправляется, сколько бы кто ни внушал ей; она, как будто бы совсем не имея слуха, не получает от увещания никакой пользы, не потому, что не может, но потому, что не хочет. Впрочем, с волей (человека) не то, что бывает с телесными ранами. В телесной природе недуги часто бывают неизлечимы, но с волей не

так: напротив, нередко и злой человек, если захочет, может перемениться и сделаться добрым, и добрый, если не будет бдителен, может развратиться. Господь всяческих, создав нашу природу свободной, хотя со Своей стороны делает все, и следуя Своему человеколюбию, и зная тайны, сокрытые в глубине души, увещевает, советует и предостерегает от злого дела, но не принуждает, а предложив соответствующие врачества, предоставляет все на волю больного. Так произошло теперь и с Каином. После такой (Божьей) заботливости о нем, смотри, в какое он впал неистовство. Ему надлежало, сознав свой грех, позаботиться об исправлении; а он, как пьяный, к первой болезни и ранее прибавляет другую язву и, не приняв лекарства, предложенного ему с таким усердием, напротив, спеша привести в исполнение задуманное убийство, начинает дело хитростью и лукавством, и льстивыми словами обольщает брата. Так звероподобен бывает человек, предавшийся злу. Насколько велико и почтенно (по своей природе) это разумное существо, особенно когда устремляется на делание добра, настолько же оно походит по жестокости на лютых зверей, когда уклоняется к злу. Впавши в дикость их, это кроткое и разумное существо далеко даже превосходит и их лютостью. Посмотрим, что произошло и в настоящем случае. "**И сказал Каин**", сказано, "**Авелю, брату своему: пойдем на поле**". Слова брата, а намерение убийцы. Что ты делаешь, Каин? Разве не знаешь, кому говоришь? Не думаешь, что речь у тебя с братом? Не думаешь, что он родился от одной с тобой матери? Не понимаешь гнусности своего предприятия? Не страшишься Судии, Которого обмануть нельзя? Не трепещешь при мысли о злодеянии? Зачем увлекаешь брата в поле и уводишь его из отеческих объятий? Для чего лишаешь его отеческой помощи? Что за странность, что ты теперь влечешь брата в поле, – теперь пытаешься делать то, чего не делал прежде и, заменяя братскую любовь личиной дружбы, хочешь поступить с ним вражески? Какое неистовство! Какая свирепость! Положим, что ты, в ослеплении ума; нисколько не обращаешь внимания на братское расположение, не познаешь и самой природы; но за что так вооружился ты против того, кто ничем не оскорбил тебя? За какую вину и со стороны родителей хочешь причинить им такое огорчение, и быть первым совершителем этого ужасного дела, хочешь первый показать им эту насильственную смерть? Так ли платишь им за воспитание? Какая дьявольская хитрость возбудила тебя к этому делу? Разве можешь ты сказать, что благоволение к нему (Авелю) общего всех Владыки заставило его гордиться перед тобой? Не для отвращения ли тебя от этого убийственного намерения Бог подчинил тебе брата и поставил под твою власть, сказав: "**он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним**"? Действительно, эти слова нужно разуметь о подчинении брата (Каину). А некоторые говорят, будто это сказал ему Бог о принесенной им жертве: "**он влечет тебя к себе**", т.е. дар, "**но ты господствуй над ним**", т.е. ты сам воспользуешься им. Итак, предложивши то и другое (объяснение), я предоставляю вашему благоразумию – принять то, которое покажется вам более сообразным. А мне кажется, что это сказано о брате. "**И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его**" (Быт.4:8). Ужасный поступок, пагубная дерзость, ненавистное дело, непростительный грех, замысел души зверской! "**Восстал**", говорит, "**на Авеля, брата своего, и убил его**". О, мерзкая рука! О, жалкая десница! Впрочем, не руку надобно называть мерзкой и жалкой, но намерение, которому послужил этот член. Поэтому скажем так: о, дерзкое, гнусное и жалкое намерение! И чтобы мы ни сказали, не скажем всего, чего оно заслуживает. Как не оцепенела его рука! Как она могла поднять меч и нанести удар? Как душа его не вылетела из тела? Как она возмогла исполнить это беззаконное предприятие? Как не поколебалась и не изменила намерения? Как не подумала о природе? Как не размыслила, прежде совершения дела, о его конце? Как он мог, по совершении убийства, смотреть на тело брата, трепещущее на земле? Как мог видеть труп, поверженный на земле, и не впал тотчас в изнеможение от этого зрелища? Если мы, по прошествии стольких лет, каждый день видя умирающих, умирающих притом естественной смертью, и нисколько не близких вам людей, сокрушаемся и, хотя бы умерший был наш враг, прекращаем вражду, – тем более Каину

следовало бы содрогнуться и тотчас же испустить дух, когда он видел, что тот, с кем он недавно беседовал, – брат от одной матери и от одного отца, родившийся из одной с ним утробы, привлекший на себя Божье благоволение, вдруг лежит, бездыханный и неподвижный, и трепещет на земле.

2. Но посмотрим, какое и после этого безбожного поступка и после такого преступления, не заслуживающего никакого извинения; – посмотрим, какое снисхождение и человеколюбие являет Бог всяческих. "**И сказал Господь Каину**" (Быт.4:9). Это одно уже, что Он удостоил Своей беседы совершившего такое преступление, какую показывает благость? Если мы часто гнушаемся и подобными нам людьми, когда увидим их совершившими подобное преступление, то, тем более должно удивляться благому Богу, явившему столько терпения, и – совершенно справедливо. Он – врач и отец любвеобильный. Как врач, Он употребляет все меры и средства, чтобы страждущим лютыми болезнями возвратить здоровье; а как отец любвеобильный, Он желает, силой отеческой любви, привести в прежнее благополучное состояние (детей) по беспечности утративших свое благородство. Так как благость Его безмерно велика, то Он хочет и дерзнувшему на такое беззаконие явить великое Свое человеколюбие, говорит ему: "**где Авель, брат твой**" (Быт.4:9)? Велико и безмерно снисхождение Божье? Спрашивает (Бог) не потому, чтобы не знал; нет, Он и с ним (Каином) поступил так же, как с отцом его: ничто не мешает нам снова рассказать об этом. В самом деле, как того (Адама), видя скрывающимся от стыда наготы, Бог спрашивал: "**где**"? (Быт.4:9), не по незнанию, но, желая ободрить его, чтобы он через исповедание своего падения омыл грех свой (Ему издревле и изначала обычно требовать от нас исповедания в грехах и даровать прощение), – так и теперь Он спрашивает Каина и говорит: "**где Авель, брат твой**"? Человеколюбивый Владыка принимает вид незнания для того, чтобы учинившего такое преступление вопросом побудить к исповеданию греха и чтобы он мог получить некоторое прощение и (воспользоваться) человеколюбием. "**Где Авель, брат твой**"? Что же безрассудный, бесчувственный, упорный и бесстыдный? Ему надлежало бы подумать, что (Бог) вопрошает, не по неведению, но чтобы услышать от него исповедание, и нас вразумить не произносить до рассмотрения дела приговора над нашими братьями; надлежало бы помыслить о попечительности Господа, – как Он, желая удержать его от предприятия, и, зная замысел души его еще до приведения его в дело, употребил предохранительные средства; надлежало бы ему, размыслив обо всем этом, остановить свое неистовство, рассказать, что было, показать язву врачу и принять от него лекарство; а он еще увеличивает рану, усиливает затвердение язвы. "**И сказал**", сказано, "**не знаю**". Смотри, какой бесстыдный ответ! Разве ты говоришь с человеком, которого можно и обмануть? Или не знаешь, жалкий и несчастный, кто беседует с тобой? Не понимаешь, что Он вопрошает по великой Своей благости, желая только найти повод, чтобы показать Свое человеколюбие и чтобы ты, после того, как Он со Своей стороны сделает все, не заслуживал уже никакого извинения, так как сам подвел себя под наказание?

"**Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему**"? Примечай здесь, как обличает совесть, как он (Каин), понуждаемый, так сказать, совестью, не остановился на этом слове: "**не знаю**", но прибавил: "**разве я сторож брату моему**"? Только что не обличил сам себя. Да если бы у тебя все делалось по (естественному) порядку и по закону природы, то тебе следовало бы быть и стражем братнего счастья, потому что это внушала (тебе) природа, и рожденным от одной матери надлежало быть стражами друг друга. А если ты не захотел этого и отказался быть стражем брата, то для чего сделался и убийцей, умертвил того, кто ничем не оскорбил тебя, и еще подумал, будто некому и обличить тебя? Но подожди, и увидишь, что сам убитый будет твоим обличителем, лежащий мертвым станет громогласно обвинять тебя, живого и ходящего. "**И сказал Бог: что ты сделал**" (Быт.4:10)? Многозначительны и эти слова. Для чего, говорит, сделал ты это? Для

чего учинил эту безбожную дерзость, мерзкий поступок, непростительное дело, невыносимое безумие, новое и небывалое убийство, в первый раз твоей рукой введенное в общество человеческое? Для чего совершил это великое и ужасное дело, тяжелее которого нет между грехами? "**Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли**". Разве Я – человек, и слышу только голос, который издается устами? Я – Бог, и могу слышать и вопиющего посредством крови и лежащего на земле. Вот как далеко несется голос этой крови, что от земли восходит на небо и, минуя небо небес и высшие силы, достигает самого престола Царя и жалуется на твое убийство, обличает нечестивое дело. "**Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли**". Разве чуждому и стороннему нанес ты такую обиду? Нет, собственному своему брату, который ничем не оскорбил тебя. Но, может быть, Мое благоволение навлекло на него это убийство, и ты, не имея сил противоборствовать Мне, на него излил свою неукротимую ярость? Поэтому Я наложу на тебя такое наказание, чтобы и твое преступление и наложенное на тебя за него наказание не могли быть преданы забвению, но чтобы случившееся с тобой было уроком для всех последующих. И вот за то, что ты сделал это и привел в исполнение свой злой замысел и от сильной зависти решился на убийство, "**проклят ты от земли**" (Быт.4:11).

3. Примечаешь ли, возлюбленный, разность в проклятии? Не пропусти этого без внимания, но по тяжести проклятия суди о тяжести преступления. Насколько этот грех (Каина) больше преступления первозданного (Адама), это желающему можно видеть из различия в проклятии. Там (Господь) сказал: "**проклята земля за тебя**" (Быт.3:17), и излил проклятие на землю, оказывая попечение именно о человеке; а здесь, так как дело гибельное, дерзость вопиющая, преступление непростительное, то сам (совершитель его) подвергается проклятию: "**проклят ты**", говорит, от земли. Он поступил почти так же, как змей, послуживший орудием дьявольского замысла; как тот посредством обмана ввел смерть, так и этот, обольстивши брата и выведши в поле, вооружил против него свою руку и совершил убийство. Поэтому, как змею сказал Господь: "**проклят ты перед всеми скотами и перед всеми зверями полевыми**" (Быт.3:14), так и этому, потому что он поступил подобно тому. Как дьявол, движимый завистью и злобой и, не перенося неизреченных благодеяний, дарованных человеку с самого начала, вследствие этой зависти решился на обман, который ввел смерть, так и этот, увидев, что Господь благоволит к его брату, от зависти подвигся на убийство. Поэтому Бог и говорит ему: "**проклят ты от земли**". Проклят, то есть, будешь от той самой земли, "**которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей**" (Быт.4:11). Проклят будешь той самой землей, которая обагрилась кровью, пролитой так злодейски и такой нечестивой рукой. Затем божественное Писание, яснее определяя проклятие, говорит: "**когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя**" (Быт.4:12). Велико наказание, тяжко бремя негодования. Трудиться, говорит, ты будешь, станешь прилагать со своей стороны все старание о возделывании земли, напитанной такой кровью, но не получишь плодов от этих великих трудов; какие ни употребишь усилия, все они будут для тебя бесплодны. Да и на этом наказание еще не остановится, но "**ты будешь изгнанником и скитальцем на земле**". Вот и еще величайшее наказание – беспрестанно стенать и трястись. Так как ты, говорит, во зло употребил телесную силу и крепость членов, за это обрекаю тебя на всегдашнее стенание и трясение, чтобы не только ты сам имел непрестанный урок и напоминание о своем беззаконном поступке, но и все, видящие тебя, самым видом твоим, как бы громким каким голосом, вразумлялись не отваживаться на подобные дела, чтобы наложенное на тебя наказание внушало всем не обагрять земли такой кровью. Для этого не подвергаю тебя и скорой смерти, чтобы твой поступок не был предан забвению; Я заставлю тебя влачить жизнь, тягчайшую смерти, чтобы ты самым опытом познал, какое совершил ты преступление. "**И сказал Каин Господу: наказание мое больше, нежели снести можно**" (Быт.4:13). Многому и очень полезному для нашего спасения можно научиться отсюда, если только захотим быть

внимательными. "**И сказал Каин Господу: наказание мое больше, нежели снести можно**". Вот полная исповедь! Так велик, говорит, грех, учиненный мной, что не могу получить прощения. Вот, скажет (кто-либо), он исповедал (грех) и исповедал с большой точностью. Но пользы от этого никакой, возлюбленный, потому что исповедь неблаговременная. Надлежало бы сделать это в свое время, когда можно было преклонить Судью на милость. Припомните теперь то, о чем я недавно говорил, что в тот страшный день и на том нелицеприятном судилище каждый и из нас сознается в своих грехах, имея перед своими глазами те ужасные наказания и неизбежные муки, но не получит от того никакой пользы, пропустивши время.

Покаяние имеет место и несказанную силу, пока еще не определено наказание (на последнем суде). Поэтому умоляю, доколе это дивное лекарство может быть действительным, воспользуемся им, и пока мы еще в настоящей жизни, примем врачество покаяния, зная наверняка, что нам не будет никакой пользы от раскаяния тогда, как закроется зрелище и окончится время подвигов.

4. Но возвратимся к предмету. Каину необходимо было тогда же, когда он был спрошен Господом: "**где Авель брат твой**", исповедать свой грех, пасть (перед Богом), умолять и просить о прощении; но он в то время отверг врачество, а теперь, после приговора, когда все уже кончено, когда громогласно обвинила его кровь лежащего на земле (брата), он сознается и не получает от этого никакой пользы. Почему и пророк сказал: **первый в тяжбе своей прав** (Притч.18:18). Так и этот, если бы предварил обличение Господа, может быть, удостоился бы некоторого человеколюбия по бесконечной благости Господа. Нет греха, как бы он ни был велик, побеждающего человеколюбие Божье, если мы в надлежащее время приносим покаяние и просим прощения. "**И сказал Каин Господу: наказание мое больше, нежели снести можно**". Исповедание достаточно, но не благовременно. "**И сказал: Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня**" (Быт.4:14). Смотри, какие трогательные слова, но, сказанные неуместно и неблаговременно, не возымели никакой силы (перед Богом). "**И сказал: Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня**". Если Ты, говорит, сделал меня проклятым землей, если сам Ты отвратился от меня и подверг меня такому наказанию, чтобы мне стенать и трястись, то ничто уже не помешает, кому бы то ни было, убить (меня) находящегося в таком состоянии и лишенного Твоего благословения. Я буду беззащитен против всякого, кто ни захочет убить меня, потому что сам не могу защищаться своими расслабленными дрожащими членами; притом, когда узнают, что я лишен Твоего покровительства, то всякий, кто только захочет, смело уже умертвит меня. Что же человеколюбивый и благий Господь? "**И сказал ему Господь Бог: не так**" (Быт.4:15). Не думай, говорит, чтобы это так случилось. Нет, нельзя всякому, кто бы ни захотел, убить тебя, но продолжением твоей жизни Я и увеличу твою скорбь, и преподам урок последующим родам, чтобы вид твой служил для них вразумлением и никто не следовал твоему примеру. "**И сказал ему Господь: за то всякому, кто убьет Каина, отомстится всемеро**". Может быть, много уже сказано нами и мы привели в немалую усталость (ваше) тело? Но что делать? Видя вашу внимательность и пламенное усердие к слушанию, хочу я и остальное рассмотреть и объяснить по возможности. Что же значит: "**отомстится всемеро**"? Но я опять боюсь, чтобы обилием слов и не помешать вам удержать в памяти сказанное, и не показаться вам в тягость. Если не утомились, то потерпите; объяснив предлежащее место, мы окончим слово. "**И сказал ему Господь: за то всякому, кто убьет Каина, отомстится всемеро**. **И сделал Господь Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его**" (Быт.4:15) Ты боишься, говорит, того, чтобы тебя не убили? Не бойся: этого не будет, потому что, кто сделает это, тот

подвергает себя наказанию, в семь крат большему; для этого Я полагаю на тебе и знамение, чтобы никто не убил тебя по незнанию и не подвергся столь тяжкому наказанию.

5. Но надобно яснее показать вам, как убийца Каина подвергается семикратному наказанию. Будьте же, прошу вас, внимательны. Если теперь, когда, как мы в предшествующие дни часто говорили вашей любви, время поста и мы наслаждаемся такой тишиной и свободны от помыслов, возмущающих ум наш, если теперь не рассмотрим тщательно предлагаемого в божественном Писании, то в какое другое время можем узнать это? Итак, советую, прошу и молю, и только что не обнимаю у вас колена, – будем внимать тому, что говорится, с напряженным умом, чтобы нам возвратиться домой с благородным и высоким приобретением. Что же значить: "**отомстится всемеро**"? Во-первых, число семь в божественном Писании принимается в значении множества, и это можно найти во многих местах, например: "**бесплодная рождает семь раз**" (1Цар.2:5) и тому подобное. А здесь вам указывается на тяжесть греха, на то, что им (Каином) сделан не один грех, но семь грехов, и за каждый грех надлежало понести великое наказание. Как же нам перечислить их? Если расчесть, то первый грех тот, что он позавидовал брату за Божье к нему благоволение: и этого одного греха уже достаточно было, чтобы наказать его смертью); второй – что он (позавидовал) собственному брату; третий – что употребил хитрость; четвертый – что совершил убийство; пятый – что убил брата; шестой – что первый совершил убийство; седьмой – что солгал Богу. Успели ли вы запомнить сказанное, или, если хотите, мы снова перечислим эти грехи, чтобы видеть вам, как каждого из них и одного достаточно было, чтобы подвергнуть его (Каина) величайшему наказанию? Кто простит человека, завидующего другому в том, что он пользуется благоволением Божьим? Вот и один, но величайший и непростительный грех. Потом этот грех является еще большим, когда зависти подвергается брат, и такой, который ничем не оскорбил: вот и это опять немаловажный грех. Третий грех тот, что (Каин) употребил хитрость, обманул брата, вывел его в поле, и не постыдился самой природы. Четвертый – самое убийство, которое он совершил. Пятый, что умертвил брата единоутробного; шестой, что первый ввел этот вид убийства; седьмой, что, будучи вопрошаем Богом, дерзнул солгать. Итак, говорит Бог Каину, кто покусится убить тебя, тот подвергается семикратному наказанию. Поэтому не бойся этого. Вот Я полагаю на тебе и знамение, по которому всякий, кто ни встретится с тобой, узнает тебя. Твое расслабление на всю жизнь будет полезно для последующих родов, и то, что ты сделал один без свидетелей, узнают все, видя тебя стенающим и трясущимся, и этим трепетанием тела как бы говорящим и взывающим ко всем так: "Никто не отваживайся на подобное дело, какое я совершил, чтобы не понести такого же наказания".

6. Слыша это, возлюбленные, не просто будем внимать сказанному и не на то только смотреть, чтобы, ежедневно собираясь сюда, наслаждаться духовной трапезой, потому что нет пользы от одного слушания без исполнения на деле (слышанного). Нет, помышляя о том, отчего Каин довел себя до такого непростительного и тяжкого греха, – о том, что он от зависти к своему брату, ничем его не оскорбившему, отважился на такое жестокое дело, т.е. на убийство собственного брата, будем остерегаться не столько того, чтобы самим нам не потерпеть зла, сколько того, чтобы не причинить зла другим. Тот действительно терпит зло, кто хочет нанести вред ближнему. И чтобы тебе увериться в справедливости этого, посмотри и здесь, кто потерпел зло – убивший или убитый? Очевидно, что убивший. Почему? Потому что убитый, даже до ныне воспевается устами всех, ублажается и венчается, как первомученик за истину, о чем говорит и блаженный Павел: "**по смерти**" Авель "**говорит еще**" (Евр.11:4). А убийца и тогда вел жизнь несчастнее всех людей, и в последующие времена подвергается всеобщему осуждению и представляется в божественном Писании, как отверженный и проклятый Богом. И это еще

в настоящей, конечной жизни. А что должно последовать с тем и другим в будущем веке, и что каждый из них, сообразно своему делу, получит от праведного Судьи, блаженство, или противное этому, какое слово в состоянии изобразить? Никто не может изобразить ни этих радостей, ни скорбей. Одного примут царство небесное и вечные обители, и лики патриархов, пророков и апостолов, и собор всех святых, где будет он царствовать в нескончаемые веки с Царем Иисусом Христом, Единородным Сыном Божьим и Богом; а другого обымут геенна огненная и все прочие вечные мучения, и будет он страдать бесконечные веки, а вместе с ним и все подобные ему преступники, особенно же те, которые в последующие времена предавались самым гнусным страстям, за что тем большее и наказание определяется от общего Владыки. Послушай, что говорит блаженный Павел: "**те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут**" (Рим.2:12), т.е. понесут более легкое наказание, потому что не получили от закона обличения, ни угрозы, ни исправления. "**А те, которые под законом согрешили, по закону осудятся**". Эти, то есть, как поступавшие и при помощи закона подобно тем, подвергнутся тягчайшим и невыносимым наказаниям. И совершенно справедливо, – потому что ни закон, ни примеры других, подвергшихся такому несчастью, не сделали их более благоразумными и скромными. Поэтому умоляю, хотя отныне вразумимся примерами других и направим жизнь свою к послушанию Господу и повиновению законам Его. Пусть ни зависть, ни ненависть, ни любовь плотская, ни мирское славолюбие и властолюбие, ни чревоугодие, ни другая какая нечистая страсть не обладает душевными нашими стремлениями; но очистив себя от всякой нечистоты временных наслаждений и оставив все постыдные и низкие страсти, поспешим к блаженной той жизни и к тем неизреченным благам, которые уготовал Бог любящим Его и которых да удостоимся все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 20

"И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод на восток от Едема"
(Быт. 4:16).

1. Вот и сегодня, обратившись к последующему из прочитанного, предложим вам отсюда поучение, и составим для вас обычную беседу из книг блаженного Моисея, или – лучше сказать – из слов Духа, которые сообщила нам благодать Божья устами его. Но чтобы слово было для вас яснее, необходимо напомнить вашей любви о том, о чем было уже сказано, и на чем мы остановили поучение, чтобы ныне, начав с этого беседу, нам, таким образом, коснуться начала прочитанного. Итак, вы знаете, что мы, рассуждая об Авеле, как самыми событиями, так и тем, какую каждый из них принес жертву Господу, показали, что в нашу природу вложено познание того, что должны мы делать и чего не должны, что Творец всех создал нас свободными, что Он всегда или осуждает или увенчивает нас, смотря по нашему расположению (за это именно расположение жертва одного отвергнута, а дары другого приняты), и что Каин, будучи подвигнут завистью, устремился на убиение брата, и после этого нечестивого дела, хотя Бог хотел вызвать его на исповедание грехов, он, однако, не принял этого целительного врачества, но, прибавив к гнусному убийству еще ложь, навлек на себя тяжкое наказание и сам лишил себя высшего благоволения, служа поучительным примером для всех последующих людей, и самым осуждением, которому он подвергся, всему роду человеческому как бы вопиет и взывает так: никто из вас не отваживайся на это, чтобы не подпасть тому же. Видели вы человеколюбие Господа, как Он наложенным на Каина наказанием хотел не только вразумить его самого, но научить и всех последующих людей – всячески избегать столь дерзкого поступка?

Теперь перейдем к дальнейшему и посмотрим, о чем и сегодня повествует вам блаженный тот пророк, вдохновляемый силой Духа. Когда Каин выслушал приговор, то "**пошел**", говорит Моисей, "**от лица Господня**" (Быт.4:16). Что значит: "**пошел от лица Господня**"? Значит то, что он лишился покровительства Божьего за свое гнусное дело. "**И поселился в земле Нод, на восток от Едема**". Писание говорит нам и о месте, где Каин после поселился, – показывает, что и он поселился недалеко от рая, для того, чтобы, живя против него, непрестанно памятовал как о том, что случилось с отцом его за нарушение (заповеди), так и о важности собственного преступления; такому наказанию он подвергся, не вразумившись наказанием отца. И самое место, на котором он жил, непрестанно напоминало не только ему, но и всем последующим людям, о трясении и трепете: имя "**Нод**" есть еврейское слово, и означает: евр. глагол "нуд" значит колебаться; существит. "нод" значит: "изгнание". Итак, Господь поселил его там для того, чтобы ему в самом названии места видеть обличение, как бы начертанное на медном столбе. Далее говорится: "**и познал Каин жену свою; и она зачала и родила Еноха**" (Быт.4:17). Сделавшись уже смертными, люди, естественно, всячески заботились о рождении детей. Но, может быть, спросит кто: как это, когда Писание нигде не упоминает о другой женщине, Каин имел жену? Не удивляйся этому, возлюбленный: божественное Писание нигде не делает точного исчисления женского пола, но, избегая всего излишнего, вкратце упоминает о мужах, и то не обо всех; да и о них очень кратко повествует нам, например, что такой-то родил сыновей и дочерей, и умер. И в настоящем случае можно полагать, что Ева после Каина и Авеля родила дочь, которую Каин и взял себе в жену. Так как это было вначале, а между тем роду человеческому нужно было размножаться, то, и позволено было жениться на сестрах. Поэтому Писание, представляя нам самим дополнять остальное, говорит только: "**И познал Каин жену свою; и она зачала и родила Еноха. И построил он город по имени сына своего, Енох**" (Быт.4:17). Смотри, как (люди) уже умудряются мало-помалу. Так как они сделались смертными, то хотят навсегда сохранить память о себе посредством детей, через наименование мест, которым давали прозвища детей. Но по всей справедливости можно сказать, что все это памятники их грехов и потери той славы, которой пользуясь, Адам и Ева ни в чем этом не нуждались, но были выше всего. "**У Еноха родился**", сказано, **Ирад родил Мехиаеля [Малелеила]; Мехиаель родил Мафусала; Мафусал родил Ламеха**" (Быт.4:18). Видишь, как сокращенно представил родословие блаженный Моисей, упомянув только о мужах, и не вспомнив ни об одной женщине. Но, как о Каине сказал, что он познал жену свою, не показав, однако же, нам, откуда он взял жену, так точно и здесь опять говорит: "**и взял себе Ламех две жены: имя одной: Ада, и имя второй: Цилла**. **И родила**", говорит, "**Ада Иавала; он был отец живущих в шатрах со стадами"** (Быт.4:20).

2. Обрати внимание на точность Писания. Оно передало нам, как имена сыновей, родившихся от жены Ламеха, так и то, какие они имели занятия, именно, что один из них занялся скотоводством, а другой изобрел цевницу и гусли. "**Цилла также**", говорит, "**родила (Фовела) Тувалкаина**: **который был ковачом всех орудий из меди и железа**" (Быт.4:22). Опять (Писание) показало занятие и рожденного от Циллы, сказав, что он избрал ремесло кузнечное. Смотри, как мало-помалу устраивалось благосостояние рода человеческого. И, во-первых, Каин построил город, который и назвал по имени своего сына. Потом, из сыновей Ламеха, один занялся скотоводством, другой взял кузнечное ремесло, третий изобрел цевницу и гусли. "**И сестра (Фовела) Тувалкаина**", говорит, Ноема (там же). Что это за новость и странность! Вот теперь Писание в первый раз упоминает отдельно о женщине. Не просто и не без причины поступил так блаженный пророк, но чтобы показать нам отсюда нечто сокровенное, что, однако же, мы отложим до другого времени, а теперь будем продолжать по порядку; это замечание (о Ноеме) не маловажно, но требует значительного исследования и тщательнейшего истолкования для того, чтобы, изъяснив все удовлетворительно, нам возможно было извлечь отсюда многую

пользу. "**И сказал**", сказано, "**Ламех женам своим: Ада и Цилла! послушайте голоса моего; жены Ламеховы! внимайте словам моим: я убил мужа в язву мне и отрока в рану мне. Если за Каина отомстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро**" (Быт.4:23-24). Напрягите, прошу, ум ваш и, отложив всякое житейское помышление, исследуем слова с точностью, чтобы ничто не могло укрыться от нас, но чтобы, спустившись, сколько это нам возможно, в самую глубину, могли мы уловить сокровище, сокрытое в этих кратких словах. "**И сказал**", говорит, "**Ламех женам своим: Ада и Цилла! послушайте голоса моего; жены Ламеховы! внимайте словам моим**". Смотри, как скоро послужило в пользу ему наказание, наложенное на Каина. Ламех не только не выжидает от другого обличения в том, что он впал в такой же или еще тягчайший грех, но хотя никто не обвинял и не изобличал его, сам открывает о себе, рассказывает о своем поступке, излагает женам тяжесть греха, как бы исполняя сказанное пророком: **первый в тяжбе своей прав** (Прит.18:18). Признание в грехах весьма много способствует их исправлению, равно отрицание греха, после совершения его, составляет тягчайший из грехов, что испытал братоубийца, когда он, будучи вопрошаем от человеколюбивого Бога, не только не исповедал перед Ним своего преступления, но даже дерзнул солгать Богу, и этим заставил продлить (в наказание) жизнь свою. Итак, Ламех, впавши в подобный грех и размыслив, что запирательство навлечет на него тягчайшее наказание, призывает своих жен, и тогда, как никто не принуждал его к этому, никто не обличал, сам собственными устами и исповедует свой грех, и, сравнивая свой поступок с преступлением Каина, определяет себе наказание.

Видишь промыслительность Господа, как и самые наказания Его служат выражением Его любви, и как эта любовь не ограничивается тем, кто несет наказание, но приготовляет спасительное врачество и для прочих, если они захотят воспользоваться им? Иначе, скажи мне, чем другим мог быть понужден Ламех к такому признанию, если не воспоминанием о судьбе Каина, которое постоянно тревожило его душу? "**Сказал**", сказано, "**послушайте голоса моего; внимайте словам моим**". Смотри, как он, открыв суд против самого себя, увещевает их (своих жен), чтобы они не без внимания слушали слова его, потому что слова: "**послушайте голоса моего**", и "**внимайте словам моим**", означают вот что: напрягите ваш ум и слушайте со вниманием, что я хочу сказать; не о маловажных вещах буду вам говорить, но открою вам сокровенные дела, которых никто другой не знает, а только я и то недремлющее Око, которого убоявшись, спешу и вынуждаюсь открыть вам о том, что мной сделано, и какие наказания заслужил я своими нечестивыми делами. "**Я убил мужа в язву мне и отрока в рану мне. Если за Каина отомстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро**". Значительны – весьма значительны эти слова и доказывают великую добросовестность (этого) человека: он не только признается в своем проступке и объявляет об убийствах, которые совершил, но даже назначает сам себе наказание, сравнивая свой грех с грехом Каина. Какого извинения, говорит он, заслуживает тот, кто не вразумился и наказанием другого, но, имея живую память об этом, все же совершил двоякое убийство? "**Мужа**", говорит, "**убил в язву мне, и отрока в рану мне**". Не столько зла, говорит он, сделал я тем, которых умертвил, сколько самому себе, потому что подверг себя неизбежному наказанию, совершив непростительные грехи. Если тот (Каин) за одно убийство подвергся семикратному наказанию, то я должен понести наказание в семьдесят семь раз большее. За что, и почему? Тот, хотя и совершил убийство, и притом над братом, но не видел, чтобы другой кто прежде его сделал это, не видел другого, наказанного за такое дело и подвергшегося такому гневу (Божьему): эти два обстоятельства и увеличат мое наказание, потому что я имел перед глазами преступление Каина, видел и ужасное наказание его, и, однако же, не вразумился ничем этим. Поэтому, хотя бы я подвергся наказанию в семьдесят семь раз большему, нежели он, и тогда не получил бы достойного возмездия.

3. Видишь, возлюбленный, что Бог сотворил волю нашу свободной и что мы, как предаваясь беспечности, претыкаемся, так и, решившись быть бодрыми, познаем свой долг. Кто, скажи мне, понудил этого человека (Ламеха) к такому признанию? Никто другой, как совесть и тот нелицеприятный Судья. Так как он, предавшись беспечности, привел в исполнение злое предприятие, то совесть тотчас восстала на него, взывая и о тяжести греха и о том, какие он заслужил наказания. Таков грех: доколе он еще не совершен и не приведен в дело, он помрачает мысль и обольщает разум; а когда будет совершен, то открывает нам свою гнусность, и вот кратковременное и безрассудное удовольствие причиняет нам постоянную скорбь, лишает спокойствия совести и покрывает своего пленника стыдом. Человеколюбивый Господь поставил над нами такого судью с тем, чтобы он никогда не молчал, но, будучи неразлучен с нами, непрестанно вопиял и наказывал за преступления. В этом всякий может убедиться самым опытом. Так блудник, или прелюбодей, или другой подобный грешник, не может быть спокойным, хотя бы от всех скрыл (свое преступление); имея такого строгого судью, пугается и намеков, трепещет самой тени, боится и знающих и незнающих (о его поступке), и, таким образом, носит у себя в душе постоянную бурю и непрерывное волнение. У такого человека и сон не сладок, но полон страха и боязни; ему пища не вкусна, и сообщество друзей не может развлечь его и освободить от внутренней борьбы; нося в себе как будто палача, который терзает и бичует его непрестанно, так он ходит после такого худого дела, терпя, хотя этого никто не знает, невыносимые муки, и будучи сам своим судьей и обвинителем. Но если сделавший такой грех решится, как следует, воспользоваться помощью совести, принести раскаяние в своих делах и показать рану Врачу, который исцеляет не укоряя, принять от него врачество, и наедине, без всяких свидетелей, открыть Ему и исповедать все подробно, то он скоро исправит грехи свои, потому что признание в грехах заглаживает их. Если этот Ламех не отказался объявить о совершенных им убийствах своим женам, то мы какого заслуживаем прощения, когда не хотим открыть грехи Тому, Кто знает подробно все наши беззакония? Разве Он потому требует от нас исповеди, что не знает наших грехов? Знающий все вещи еще до их появления требует от нас признания не потому, чтобы не знал, но потому, что желает, чтобы мы при исповеди и почувствовали свои грехи, и показали свою добросовестность. Разве нужно здесь тратить деньги, предпринимать далекий путь? Разве это лечение причиняет боль и мучения? Нет, оно и не требует траты денег, и безболезненно, и скоро исцеляет. Сообразно с расположением приходящего, Господь дарует и врачество от ран. Итак, желающий скорее возвратить себе здоровье и уврачевать душевные раны, пусть приступает с усердием, отрешаясь от всего житейского, пусть проливает горячие слезы, показывает великое усердие, приносит твердую веру, полагается на искусство Врача – и тотчас получит исцеление. Не видишь ли, что щедрость Врача превышает любовь всякого отца? Разве Он требует от нас чего-либо трудного и тягостного? Требует сокрушения сердца, смирения ума, признания в грехе, усердного прошения (о прощении), и (за это) дарует не только исцеление от ран и очищение от грехов, но и делает праведным того, кто доселе обременен был бесчисленными тяжестями грехов. О, великое человеколюбие! О, безмерная благость! Грешника, если только он исповедует свои грехи, помолится о прощении и покажет решимость впредь (жить хорошо), вдруг делает (Бог) праведным! И чтобы тебе вполне убедиться в этом, послушай, что говорит пророк: **припомни Мне; станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться** (Ис.43:26). Не сказал только: **припомни Мне; станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться**, но прибавил: **прежде** (в русском переводе этого слова нет), т.е. не выжидай обличителя, не жди обвинителя; сам предупреди и начни говорить, чтобы заградить уста обличителю.

4. Видишь человеколюбие Судьи? В судах человеческих, когда кто решится сделать так и, предваривши доносчиков, сам признается в своем поступке, то хотя, может быть, и избавится от пыток и продолжительных истязаний, если, впрочем, только найдет кроткого

судью, но уже непременно подвергнется смертному приговору; благость же человеколюбивого Бога и Врача душ наших неизреченна и щедродательность превыше всякого слова. Если мы предупредим своего обвинителя, то есть дьявола, который в тот день (последнего суда) восстанет против нас, и уже в настоящей жизни, прежде входа в судилище, исповедаем свои грехи, восхитим первое слово и сами сделаемся своими обвинителями, то преклоним Господа на такую милость, что Он не только сделает нас свободными от грехов, но и причислит нас к сонму праведных. Если уже этот Ламех, и не имея закона, который мог научить его, и не слышав пророков, или другое какое наставление, а только по действию вложенного в (вашу) природу суда, сознав свое преступление, открыл его и сам себя осудил, то как мы можем получить прощение, когда не показываем со всей заботливостью ран своих Господу и не принимаем от Него врачества для них? Если не сделаем этого теперь, когда время поста, когда такое успокоение помыслов, когда изгнаны все увеселения, то в какое другое время можем подумать о своих делах? Поэтому прошу вас всегда трезвиться и бодрствовать, и всю настоящую жизнь употреблять на то, чтобы усердным обращением к (Богу) избегнуть того невыносимого мучения и избавиться геенского огня. С большой ревностью нужно делать это особенно теперь, когда, ради поста, вы пользуетесь большим и постоянным наставлением.

"**И познал Адам еще жену свою, и она родила сына, и нарекла ему имя: Сиф, потому что, говорила она, Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин**" (Быт.4:25). Доведши родословие до Ламеха, божественное Писание снова возвращается к Адаму и жене его, и говорит: "**И познал Адам еще жену свою, и она родила сына, и нарекла ему имя: Сиф, потому что, говорила она, Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин**. **Родила**", говорит, "**сына, и нарекла ему имя: Сиф**". Не удовольствовавшись наречением имени сыну, мать говорит: "**Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин**". Смотри, как и мать названием новорожденного сына увековечивает память о злом том деле, и, чтобы и последующие роды могли знать о преступлении Каина, говорит: "**вместо Авеля, которого убил Каин**". Это слова души скорбящей, возмущаемой воспоминанием о совершившемся злодеянии и в тоже время приносящей благодарность за родившегося и в имени его, как бы на столбе, изображающей преступление Каина. И подлинно, он причинил родителям не малую скорбь, поднял руку свою на брата, и этого любезного и дорогого им сына дал им увидеть поверженным на землю, мертвым и бездыханным. Если Адам уже получил себе приговор: "**прах ты и в прах возвратишься**", и: "**в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь**", то этот приговор пока выражался только словами, и (первые люди) еще не знали, что такое смерть. Но этот, по ненависти к брату и снедаемый внутренней злобой, решился умертвить Авеля и – первый представил родителям ужасное зрелище (смерти). Вот почему мать, лишь только несколько ободрилась и нашла облегчение своей невыносимой печали в новорожденном сыне, приносит благодарение Господу и увековечивает поступок братоубийцы, налагая и сама на него величайшее наказание тем, что предает вечной памяти его поступок.

Видите, сколь великое зло грех? В какой стыд и бесславие повергает он тех, кто сделает его? Видите, как за него (Каин) лишился небесной милости и сделался позорищем для всех? Видите, как он за свое злое дело стал ненавистным даже родителям, побуждаемым самой природой любить своих детей? Итак, умоляю, будем избегать греха, причиняющего нам столько зол, и поревнуем о добродетели, чтобы и заслужить благоволение свыше и избежать наказания. "**У Сифа**", говорит, "**также родился сын, и он нарек ему имя: Енос; тогда начали призывать имя Господа**" (Быт.4:26). Смотри, как люди мало-помалу уже приучаются в именах детей своих выражать благодарность (Богу). И сей, говорит, т.е. Сиф, родивши сына, дал ему имя Енос. Потом божественное Писание, желая нам

изъяснить значение сего имени, прибавляет: **тогда начали призывать имя Господа**. С него-то уже блаженный пророк намерен начать родословие, предавая забвению Каина и его потомков до Ламеха. Так как Каин своей злой волей унизил данное ему от природы первенство, т.е. право первородства, то и сам он и его потомство исключается из (родословного) списка; а Сиф, правотой воли, приобретает то, чего не имел от природы, на него переходит право первородства, если не по природе, то за направление воли, и дети его удостаиваются быть включенными в родословие. И как этот Енос назван (так) за то, что призывал имя Господа Бога, так и ведущие от него свой род удостаиваются этого же наименования. Поэтому и блаженный пророк, остановив здесь повествование, вновь начинает другое.

5. Но чтобы нам, взявшись за это повествование, не слишком продолжить поучение, здесь же, вместе с блаженным пророком, и мы прекратим беседу, оставляя истолкование дальнейшего, если Богу будет угодно, на последующее время. Теперь же пока хочу попросить вашу любовь о том, чтобы вы извлекали больше пользы из наших слов и каждодневно испытывали самих себя, относительно того, какое назидание получили от того, какое от другого поучения, и чтобы не только слухом принимали наши слова, но и внедряли это в свой ум, и постоянным размышлением укрепляли в памяти. Желательно, чтобы вы не только сами были достаточно наставлены, но и для других стали наставниками, могли вразумлять и других, и притом учить ближних добродетельной жизни не только словами, но и делами. Подумай, в самом деле: если бы вы, здесь собираясь, захотели каждодневно приобретать хотя малую частицу (добра) и исподволь ослаблять возмущающие вас страсти, то как в недолгое время вы взошли бы на самую высокую степень добродетели! Для того мы всякий день и беседуем с вами и проповедуем вам о совершеннейшей жизни (христианской), чтобы искоренять эти гибельные страсти, т.е. гнев, зависть, недоброжелательство. Когда эти страсти будут истреблены, тогда легче будет обуздать и страсть к деньгам, а когда ослабеет эта страсть, то с большей легкостью будут устранены суетные помыслы и постыдные пожелания: "**ибо корень всех зол есть сребролюбие**" (1 Тим. 6:10). Когда посечем корень и исторгнем его из самой глубины, то нам легче будет совладеть с ветвями. Жадность к деньгам есть, так сказать, твердыня зла и верх пороков: поэтому, если мы решимся овладеть ей, то ничто уже не помешает нам освободиться от этой безумной страсти, а вместе с ней исторгнуть и истребить все гибельные страсти. И не думайте, будто презирать деньги тяжкое и трудное дело. Когда я подумаю, что многие, по пустому и суетному честолюбию, без нужды тратят множество золота, для того только, чтобы заслужить от низких и ничтожных людей одобрение, которое продолжается не далее вечера, а часто не доживает и до вечера, но еще прежде, чем окончится день, сменяется для них множеством неприятностей, а другие, обольщенные эллинским заблуждением, также по страсти к людской славе и высокому мнению о ней, бросают все, что имеют, и, оставивши себе только плащ и палку, так и проводят всю жизнь, решаясь переносить все трудности и бедствия такой жизни из-за одной похвалы людской, – так, когда подумаю об этом, то не знаю, какое будем иметь оправдание или извинение мы, которые не хотим, ради данной от Бога заповеди, ради вечной и нескончаемой славы, пожертвовать малейшую часть (своего имения), но становимся хуже и тех людей, не думая, как велико здесь различие. Они тратят столько (имущества) для получения пустой похвалы от подобных им людей, а мы ради своего Господа, давшего нам и то, что имеем, и обещающего те неизреченные блага, часто не хотим поделиться малостью – с нуждающимися. Какими же глазами мы будем смотреть на Судью, пренебрегши столь легкую заповедь? Разве я советую бросить все имение? Наслаждайся полным довольством, но, когда удовлетворишь собственным потребностям, прочее, что останется в избытке и будет лежать без употребления, обрати на удовлетворение чужих нужд, раздели это томимым голодом и изнемогающим от холода, и препроводи через их руки в свое отечество, в которое и сам ты через непродолжительное

время переселишься. Эти (бедные) люди более всех помогут тебе перенести туда (твои сокровища), так что ты, когда переселишься туда, все найдешь готовым и будешь там наслаждаться еще большим изобилием, видя, что эти (твои сокровища) увеличены перенесшими их туда, или – лучше сказать – благостью Божьей. Трудное ли это дело? Разве оно требует забот и беспокойств? Для такого перенесения не нужно тебе ни подъяремных животных, ни стражи, ни чего-либо другого подобного, потому что этим путем не ходит ни вор, ни разбойник, который бы мог похитить посланные тобой сокровища; что ни положишь в руки бедных, все то положишь в надежное хранилище – в руку Божью. Он и сохранит их в целости, и когда возвратишься в свое отечество, возвратит тебе, прославит и увенчает тебя, и поселить в месте пространном и спокойном. Итак, умоляю, отдадим избыток бедным, будем сеять, пока есть еще время: чтобы пожать нам во время благопотребное, и чтобы, пропустившие настоящее удобное время, не раскаиваться уже понапрасну. Разве человеколюбивый Господь для того дал тебе много, чтобы ты данное тебе употребил только в свою пользу, остальное же запер в сундуках и кладовых? Нет, не для этого, но для того, чтобы, по апостольскому увещанию, твой избыток восполнял недостатки других (2Кор.8:14). Ты, может быть, пользуешься сверх надобности, тратишь много денег на увеселения, на одежду и на другие предметы роскоши, частью же и на рабов, и на животных, а бедный просит у тебя не на что-либо излишнее, но на то только, чтобы утолить свой голод и удовлетворить необходимой потребности, – иметь насущный хлеб, чтобы поддержать свою жизнь и не умереть. А ты не хочешь сделать и этого, и не думаешь, что тебя может внезапно похитит смерть, и тогда все, тобой собранное, останется здесь и, может быть, перейдет в руки твоих врагов и неприятелей, а сам ты отойдешь, взявши с собой только все грехи, с которыми собирал ты это. И что скажешь тогда в тот страшный день? Чем станешь оправдываться, так не радевший о своем спасении? Так послушай меня и, пока есть еще время, раздай излишние деньги, чтобы, таким образом, приготовить себе там спасение и обрести воздаяние тех вечных благ, которые да получим все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 21

“Вот родословие Адама: когда Бог сотворил человека, по подобию Божию создал его, мужчину и женщину сотворил их, и благословил их, и нарек им имя: человек, в день сотворения их” (Быт. 5:1-2).

1. Великое и неизреченное сокровище, возлюбленные, (заключается) в нынешнем чтении. Знаю, что многие, слушая перечисление имен и поверхностно смотря на прочтенное (из Писания), думают, будто эти слова не содержат в себе ничего больше, кроме простого названия имен; но я прошу всех вас не проходить без внимания предлагаемое в божественном Писании, – потому что все, здесь написанное, заключает в себе великое богатство мыслей. Так как блаженные пророки говорили по внушению божественного Духа, то поэтому написанные Духом (священные книги) содержат в себе скрытое (в них) сокровище. И не дивись, что я в перечислении имен обещаю вам теперь показать великое сокровенное богатство мыслей: в Писании нет ни одного слога, ни одной черты, в глубине которой не заключалось бы великого сокровища. Поэтому мы должны приступать к божественным словам не иначе, как будучи руководимы благодатью свыше и получив просвещение от Святого Духа. Для уразумения содержащегося в божественном Писании нужна не человеческая мудрость, но откровение Духа, дабы мы, узнав истинный смысл написанного, могли получить оттуда великую пользу. Если и в житейских делах писания, составленные людьми, будучи повреждены временем, получают великое значение от означения времени в начале этого письменного памятника и от одного даже его слога, – то

тем более можно найти это в божественном Писании, сложенном Духом Святым, если только мы будем внимательны и не станем пробегать его поверхностно, но, напрягши ум свой, будем все рассматривать тщательно и не уступим в этом тем, которые выказывают столько усердия о предметах чувственных. Вот и копающие руду не останавливаются на поверхности, но, спустившись весьма глубоко и нашедши песчинки золота, с великим трудом и усилием отделяют их от земли, и после такого великого труда получают, однако же, малое вознаграждение за свои труды. Хотя они и знают, что получают пользу, не соответствующую их трудам, а часто даже, после великих бдений и усилий, и совсем обманываются в своем ожидании, однако и этим не останавливаются, но, питаясь надеждою, не чувствуют трудов. Так, если они выказывают столько усердия о предметах тленных, преходящих, и весьма ненадежных, то нам, которым (предлагается) и богатство неотъемлемое, и сокровище неистощимое, и обмануться в ожиданиях невозможно, тем более нужно иметь такую же и даже большую ревность, чтобы могли мы достигнуть желаемого, и, получив отсюда пользу, и познав неизреченное Божие человеколюбие, были благодарны своему Господу, а привлекши этим к себе Его благоволение, сделались неуловимыми для сетей диавола. Итак, предложив вам ныне читанные слова, тщательно исследуем каждое из них, дабы вы могли возвратиться домой, получив обычное наставление. “**Вот родословие**, **–** сказано, **–** **Адама: когда Бог сотворил человека, по подобию Божию создал его, мужчину и женщину сотворил их, и благословил их, и нарек им имя: человек, в день сотворения их**”. Обрати внимание на мудрость этого дивного пророка, или – лучше – на учение Святого Духа, потому что по Его (Св. Духа) внушению он говорит нам обо всем; он дал свой язык, а через него уже благодать Духа ясно научает всему род наш. Итак, смотри, как (Моисей) обратил слово свое к началу, и как бы снова хочет зачинать повествование. Для чего же и почему? Он видел, что уже жившие тогда показывали великую неблагодарность (пред Богом) и, не умудрившись судьбою первосозданного, низринулись в самую бездну зла: сын (Адама) тотчас, по зависти, устремился на братоубийство, за что и подвергся тому страшному наказанию, о котором мы прежде сообщили вашей любви; а его (Каина) потомки, не вразумившись и его наказанием, впали еще в большие грехи, как вы слышали вчера о Ламехе, рассказывающем свой грех своим женам и определяющем себе наказание. Итак, как он видел, что их развращение постепенно увеличивается, подобно вредной влаге, готовой разлиться по всему телу, то и останавливает стремление зла и не удостаивает даже упомянуть о поколениях, бывших от Каина до Ламеха, но как бы делая некоторое начало (своей книги) и желая утешить Адама и Еву в скорби, которую дерзнул причинить им братоубийца, вооружив руку свою против Авеля, так начинает повествование и говорит: “**Вот родословие Адама: когда Бог сотворил человека, по подобию Божию создал его, мужчину и женщину сотворил их, и благословил их, и нарек им имя: человек, в день сотворения их**”.

2. Смотри, как он употребил те же самые слова, которые (употребил) и вначале, дабы внушить нам, что о тех поколениях, как о непотребных, он не удостаивает и упомянуть, но начинает родословие с родившегося теперь, то есть, с Сифа, дабы ты и отсюда познал, сколько Бог печется о человеческой роде, и как отвращается людей кровожадных. Моисей молчит об них, как будто они даже и не жили, и этим дает нам разуметь, сколь великое зло грех и как любящие его причиняют себе величайший вред. Вот эти люди исключаются и из (родословного) списка и, если упоминаются, то только для того, чтобы их нечестие выставлено было на позор и послужило вразумлением для будущих родов, а беззаконно умерщвленный и убитый братнею рукою с тех пор и доныне воспевается всеми, и время не истребило памяти об этом (Авеле), ни позора того (Каина) не прекратило, но как этот каждодневно всеми восхваляется, так и тот непрестанно осуждается.

Видите, каков вред нечестия и сколь велика сила добродетели, как первое, хотя и нападает и одолевает, однако же, гибнет и исчезает, и как вторая, хотя подвергается нападениям и терпит бесчисленные бедствия, но от этого становится еще славнее и блистательнее? Можно бы доказать это теперь вашей любви и другими подобными событиями, но чтобы вам не отступить от надлежащего порядка, обратимся к приведенным словам. "**Вот родословие**, **–** сказано, – **Адама: когда Бог сотворил человека, по подобию Божию создал его, мужчину и женщину сотворил их, и благословил их, и нарек им имя: человек, в день сотворения их**". Смотри, как божественное Писание, опять начав повествование сверху, напоминает нам, какой чести удостоился созданный (Богом) человек. "**Когда Бог**, **–** сказано, – **сотворил человека, по подобию Божию создал его**", – то есть, поставил его начальником всего видимого. Выражение: "**по подобию**", указывает именно на власть и господство. Бог всяческих, как Сам имел власть над всем и видимым и невидимым, будучи Создателем всего, так и, создав это разумное существо (человека), восхотел, чтобы оно имело власть над всем видимым. Потому Он даровал ему и душу, чтобы он был и бессмертным навсегда. Когда же (человек) по беспечности пал и преступил данную ему заповедь, (Бог) по своему человеколюбию и тогда не отвратился совершенно от него, но, лишив его бессмертия и осудив на смерть, оставил его с тою же почти самою властью. Когда потом сын его впал в столь великое неистовство, и первый совершил убийство, причинил [брату] насильственную смерть и обнаружил в себе великую испорченность, присоединив к убийству ложь, то (Бог) восхотел вразумить его продолжительным наказанием, дабы не только он сам получил пользу от постигшего его наказания, но и потомкам показал, как велико его преступление и чрезмерно беззаконие. Но так как и потомки его, по великой беспечности, впадали постепенно в большие беззакония, то (Бог), желая как бы утешить Адама, бывшего в столь великой печали не только из-за собственного своего преступления, но и по причине беззакония Каинова и того невыносимого несчастия [разумеется, конечно, смерть Авеля], которое он видел собственными своими глазами [ведь они (первые люди) еще не знали, как умирают, хотя и подверглись уже приговору смерти; и скорбь Адамова была двойная и тройная от того, что они увидели смерть, в первый раз явившуюся в мире, – смерть насильственную и совершенную их сыном, – притом нанесенную брату, рожденному от одной матери и одного отца, и не сделавшему никакого зла], так желая подать ему соразмерное скорби его утешение, человеколюбивый Бог дарует ему другого сына Сифа, и этим достаточно утешив его, – от этого сына уже ведет начало рода. Поэтому и блаженный пророк начал так: "**Вот родословие Адама**". Потом, так как он обещал повествовать о потомстве людей, смотри, какой соблюдает порядок. "**Адам жил**, – говорит, – **сто тридцать лет и родил [сына] по подобию своему по образу своему, и нарек ему имя: Сиф. Дней Адама по рождении им Сифа было восемьсот лет, и родил он сынов и дочерей. Всех же дней жизни Адамовой было девятьсот тридцать лет; и он умер**" (ст. 3-5).

3. Не правду ли я говорил вначале, что в божественном Писании нельзя найти ничего, написанного просто и напрасно? Вот и теперь с какою точностью выразился этот блаженный пророк. "**Родил** (Адам), **–** говорит, **– [сына] по подобию своему по образу своему, и нарек ему имя: Сиф**". А о рожденном прежде, то есть, о Каине, ничего такого не сказал, наперед уже давая знать о наклонности его к злу; и справедливо: Каин не сохранил отеческих нравов, но тотчас уклонился к злу. Здесь же Моисей говорит: "**По подобию своему по образу своему**", – то есть (Адам родил сына) однородного родившему, с теми же добродетельными свойствами, являющего в себе посредством дел своих образ отеческий, могущего своею добродетелью вознаградить за преступление старшего (сына). Здесь Писание, говоря: "**По подобию своему по образу своему**", сообщает нам не о телесных чертах, но о состоянии душевном, дабы мы знали, что этот сын (Сиф) не будет таким же (как Каин). Потому и мать, давая имя этому сыну, дает его с благодарностью, и рождение дитяти приписывает не природе и собственной способности

рождать, но силе Божией, которая и возбудила природу к рождению, и говорит: “**И нарекла ему имя: Сиф, потому что, [говорила она], Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин**” (Быт.4:25). Смотри, какая точность в словах. Не сказала: дал мне Бог, но воскреси ми. Замечай, как этим выражением уже с тех пор, хотя и не ясно, указываются начатки воскресения. Она как бы так говорила: вместо умершего воскресил мне этого. Хотя тот, говорит, от братней руки пал на землю и подвергся смерти, но сила Божия вместо падшего восставила этого. Так как не настало еще время воскресения, то Бог восставил не падшего, но другого вместо него, потому и говорит Ева: “**Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин**”. Видел ты благодарность жены? Видел человеколюбие Господа, – как скоро Он подал им (Адаму и Еве) утешение? Будем же все мы подражать Еве и все приписывать высшей благодати, потому что хотя и природа действует, но не своею силою, а повинуясь повелению Создателя. И пусть никогда не сетуют жены, если не рождают, но с благодарным сердцем пусть прибегают к Творцу природы и от Него, Господа природы, просят (чадородия): пусть рождение детей не приписывают ни сожитию супружескому, ни чему-либо другому, но – Создателю всяческих, Который, как воззвал из небытия в бытие естество ваше, так может и исправить недостатки его. Вот и Ева то самое, что было для нее причиною скорби, обратила в побуждение к славословию, и все приписывает Господу, говоря: “**Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин**”. Видишь, как она не только не возроптала и не сказала ни одного печального слова (божественное Писание не пропустило бы, если бы что-нибудь такое было сказано ею), напротив, перенесши великодушно несчастье, удостаивается скорого утешения и обнаруживает еще большую благодарность, возвещая благодеяние Господне? Смотри же, с какою щедростью и Господь подает свои дары. Не только даровал другого сына, но еще заранее показывает, что этот сын будет и добродетелен. “**Родил**, **–** говорит Писание, **– [сына] по подобию своему по образу своему**”. И чтобы мы тотчас же убедились в добродетели этого сына, смотри, как и сам он в имени собственного своего сына высказывает боголюбивую свою душу. “**У Сифа**, – сказано, – **также родился сын, и он нарек ему имя: Енос; тогда начали призывать имя Господа**” (Быт.4:26). Вот имя, которое светлее диадемы, блистательнее порфиры! Что может быть блаженнее человека, который украшается призыванием Бога и это самое (призывание) носит вместо имени?

Видишь, как и в самых простых названиях, как я говорил вначале, скрывается великое богатство мыслей? Здесь (в названии детей) выказывается не только благочестие родителей, но и великая заботливость их о детях, – как они с самого начала учили рождавшихся у них детей теми самыми именами, какие давали им, прилепляться к добродетели, а не так, как ныне дают имена, – просто и как случится. По имени, говорят, деда или прадеда пусть называется дитя; но, древние не так: они всячески старались давать детям такие имена, которые бы не только возбуждали к добродетели самих, получающих эти имена, но и для всех других и для последующих родов служили наставлением во всяком любомудрии. Это увидим мы и далее в течение слова. Не станем же и мы назначать детям названия случайные, не станем давать им имена отцов, дедов, прадедов и людей, знаменитых родом, но – имена мужей святых, просиявших добродетелью, стяжавших великое дерзновение у Бога. Впрочем, и на эти имена пусть не надеются ни родители, ни дети, получающие имена, потому что имя без добродетели не приносит никакой пользы. Надежду спасения нужно полагать в совершении добродетели, и не величаться ни именем, ни сродством со святыми мужами, ни чем-либо другим, но правотою своих дел; а лучше сказать, не величаться и этим, но тогда-то особенно и смирять и уничижать себя, когда успеем собрать великое богатство добродетели, так как при этом мы и собранное нами богатство сбережем верно, и привлечем к себе благоволение Божие. Поэтому и Христос говорил ученикам своим: “**Когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие**” (Лк.17:10). Так Он смиряет их

умы и внушает им быть скромными и не превозноситься добрыми делами, но знать, что величайшая из всех добродетелей состоит в том, чтобы добродетельный человек сохранял смирение.

4. Но возвратимся опять к предмету слова, и посмотрим на родившихся в последующее время. Можно надеяться, что мы, мало-помалу поступая вперед, найдем еще большее сокровище, великое и невыразимое богатство. "**Енос, –** этот сын Сифов, **– жил девяносто лет и родил Каинана. Каинан … родил Малелеила**. **Малелеил … родил Иареда**. **Иаред … родил Еноха. Енох жил шестьдесят пять лет и родил Мафусала**. **И ходил Енох, –** говорит Писание, **– пред Богом, по рождении Мафусала, триста лет и родил сынов и дочерей. Всех же дней Еноха было триста шестьдесят пять лет. И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его**" (Быт. 5:9, … 24.). Не правду ли я говорил, что, идя далее, мы найдем в этих именах великое и неизреченное духовное богатство? Замечай здесь, возлюбленный, и добродетель праведника, и чрезмерное человеколюбие благого Бога, и точность божественного Писания. "**Енох жил**, **–** говорит оно, **– шестьдесят пять лет и родил Мафусала**. **И ходил Енох**, **–** говорит, **– пред Богом, по рождении Мафусала**".

Слушайте это и мужи и жены, поучитесь добродетели праведника, и не думайте, будто брак препятствует угождать Богу. Божественное Писание для того и указало на это неоднократно, сказав, что (Енох) родил Мафусала и тогда угодил (Богу), и опять повторив тоже самое: для того, чтобы не подумал кто, будто брак, препятствует благоугождать Богу. Если мы бодрственны, то ни брак, ни воспитание (детей), ни другое что не может воспрепятствовать нам в угождении Богу. Вот и он (Енох), будучи одной с нами природы и (живя тогда), когда еще не дан был закон, не поучало Писание, и ничто другое не руководило к любомудрию, сам собою и по своему произволению так благоугодил (Богу), что доселе еще жив и не вкусил смерти. Если бы, возлюбленный, брак и воспитание детей были препятствием на пути добродетели, то Создатель всяческих не ввел бы брака в жизнь нашу, дабы мы не терпели вреда в вещах нужных и самых необходимых. Но так как (брак) не только не препятствует нам в богоугодной жизни, если мы хотим бодрствовать, но и доставляет нам великое пособие к укрощению пылкой природы, не позволяя волноваться морю, но, непрестанно побуждая ладью плыть в пристань, то поэтому Бог и даровал такое утешение человеческому роду. А что слова мои справедливы, доказывает этот праведник. "**И ходил Енох**, **–** говорит Писание, **– пред Богом, по рождении Мафусала**"; притом, он подвизался в добродетели немалое число лет, но, как говорит Писание, двести лет. И так как после преступления первозданного нашелся человек, который взошел на самую высоту добродетели, и своим благоугождением Богу вознаградил за грех прародителя, то смотри чрезмерное человеколюбие благого Бога. Как Он нашел человека, который мог вознаградить за грех Адама, то и переселяет его живым, показывая самым делом, что Он принявшего заповедь (Адама) осудил за ее нарушение, а не по желанию подвергнуть смерти род наш. "**И ходил**, **–** говорит Писание, **– Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его**". Видишь премудрость Господа? Преложил (или переселил) живым, а не даровал бессмертие, дабы не ослабить в роде человеческом страха к греху; Он оставил (этот страх) во всей силе между людьми. Поэтому Он хочет неясно и тайно, так сказать, отменить приговор, произнесенный Адаму. Но не делает этого явно, дабы страх служил вразумлением. Поэтому Он преложил благоугодившего Еноха. А если кто захочет любопытствовать и спросить: куда же его переселил, и неужели он доселе жив, – то пусть научится не увлекаться человеческими соображениями и не наследовать с любопытством дел Божиих, но верить тому, что говорится (в Писании). Когда Бог возвещает что-либо, то не должно противоречить

словам Его, но возвещаемое от Бога, хотя бы и не было видимо для глаз, нужно считать достовернее того, что подлежит нашим взорам. Что Бог переселил Еноха, переселил живым и не вкусившим смерти, так что за свое благоугождение (Богу) он стал выше произнесенного над родом человеческим приговора, об этом божественное Писание сказало; а куда переселил его, и как он ныне живет, этого не присовокупило. Видел ты благость Господа, как Он, нашедши мужа добродетельного, не лишил его того достоинства, которое даровал первому человеку до преступления заповеди, и этим дал нам разуметь, что и тот, если бы не предпочел обольщения данной заповеди, удостоился бы тех же, или еще и больших благ? "**Мафусал**, – говорит Писание, – **жил сто восемьдесят семь лет и родил Ламеха; Ламех жил сто восемьдесят два года и родил сына, и нарек ему имя: Ной, сказав: он утешит нас в работе нашей и в трудах рук наших при [возделывании] земли, которую проклял Господь**" (Быт.5:25,28-29). Усматривай опять и в наименовании родившегося теперь от Ламеха величие тайн, высокое пророчество и неизреченное человеколюбие благого Бога. Так как по своему предвидению он провидел будущее, то, усматривая, что нечестие людей умножается, наименованием сына предсказывает бедствия, имеющие постигнуть весь род человеческий, дабы люди, вразумившись хотя страхом, удержались от греха и обратились к добродетели. Замечай и долготерпение Господа: за сколько лет Он дает предсказание, чтобы таким образом и показать Свое человеколюбие, и отнять всякое извинение у тех, которые подвергнутся наказанию!

Но, может быть, кто-нибудь скажет: откуда у Ламеха столь великий дар предсказания? Ведь Писание не упоминает, чтобы он был муж добродетельный и чудный. Не удивляйся, возлюбленный: Господь, премудрый и благоискусный, часто и недостойным людям попускает предсказывать чудные и великие дела, и это не только в ветхом, но и в новом завете. Послушай, что говорит евангелист, о Каиафе, Иудейском первосвященнике: "**Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино**" (Ин.11:51-52). Найдешь опять, что нечто подобное было и с Валаамом. Будучи призван для проклятия (еврейского) народа, он не только не проклял, но и предсказал великие и чудные вещи, не только об этом народе, но и о пришествии Спасителя (Числ.24). Не удивляйся же, что и теперь Ламех, давая имя своему сыну, дает, ему такое имя (Ной); но все приписывай Богу, который все устрояет Своею благоискусною мудростью. "**И нарек ему имя: Ной**", – а это имя значит: успокоение. Итак, (Ламех) называет успокоением ту всемирную гибель, которая должна была совершиться спустя столько лет, подобно тому, как и Иов говорит: "**[На что дан свет] человеку, которого путь закрыт, и которого Бог окружил мраком?**" (смерть бо мужу покой – в славянском тексте) (Иов. 3:23). В самом деле, так как нечестие причиняет много и весьма большого труда, то его прекращение и уничтожение, имевшее совершиться посредством потопа, называет успокоением. "**И нарек**, – говорит, **– ему имя: Ной**", – потом, объясняя нам значение этого имени, говорит: "**Он утешит нас в работе нашей**, – то есть, отвратит от нечестия, **– и в трудах рук наших при [возделывании] земли**", – опять тоже самое, то есть, от злых дел. Писание так говорит об этом не потому, чтобы руки печалились, но потому, что через их деятельность и злые дела умножались скорби людей. И от "**земли, которую проклял Господь**", – то есть, освободит нас от всех тяготеющих над нами бедствий, от трудов и скорбей, неразлучных с возделыванием земли, подвергшейся проклятию за преступление первого человека. Подумай же теперь, возлюбленный, как это дитя, мало-помалу возрастая, для всех видевших его служило уроком. Лишь только кто спрашивал об имени этого дитяти, значение имени тотчас же говорило ему о предстоявшей людям гибели. Если бы кто, по вдохновению, просто сказал только, что это будет, такое предсказание предано было бы забвению, и не все бы знали о тяжком наказании; а теперь этот человек, живший пред глазами всех, благовременно и

безвременно всем напоминал о гневе Божием. И дабы мы с точностью знали, сколько времени этот сын (Ламеха) своим именем увещевал всех оставить нечестие, прилепиться к добродетели и через то избежать столь великого гнева Божия, (Писание) говорит: "**Ною было пятьсот лет и родил Ной Сима, Хама и Иафета**" (Быт.5:32). Вот и другой праведник, с женою и детьми весьма благоугодил Богу, избрав, вопреки всем (современникам), путь добродетели, и не встретил никакого препятствия ни от брака, ни от воспитания детей. Но при этом нельзя не изумиться и неизреченному долготерпению Божию, и крайней неблагодарности тогдашних людей. Вот в течение пятисот лет этот праведник вопиял и свидетельствовал своим именем о потопе, имевшем быть по всей вселенной за умножение нечестия, и при этом они не захотели, однако, отстать от нечестия. Но человеколюбивый Бог и после такого пророчества, и по истечении столь многих лет, еще не подвергает наказанию, но желая показать большее долготерпение, к мере Своего снисхождения прилагает и еще немалое число лет. Он создал человеческий род не для того, чтобы наказывать его, но, совсем напротив, чтобы даровать ему наслаждение бесчисленными благами. Поэтому и видишь, как Он везде замедляет и откладывает наказания. Но чтобы множеством предметов не обременить вашей памяти, здесь остановим слово, остальное отложив до следующего дня.

6. Будем же это слушать, возлюбленные, не просто, но научимся заботиться о добродетели и ставить высоко угождение Богу; не станем ссылаться ни на управление домом, ни на заботу о жене, ни на попечение о детях, ни на что-либо другое, и думать, будто этим мы можем достаточно оправдать себя в нерадивой и беспечной жизни; не будем произносить пустых и бессмысленных слов: я мирянин, имею жену и озабочен детьми. Очень у многих есть обычай говорить это, когда мы убеждаем их подвизаться в добродетели, или прилежно упражняться в чтении Писания. Не мое это дело, говорят; разве я отрекся от мира, разве я монах? Что говоришь, человек? Разве одним монахам предназначено угождать Богу? Бог "**хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины**" (1Тим.2:4), а не желает, чтобы кто-либо пренебрегал добродетелью. Послушай, что сам Он говорит чрез пророка: "**Разве Я хочу смерти беззаконника? … Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив?**" (Иез.18:23). Скажи мне, разве этому праведнику сколько-нибудь препятствовало сожительство с женою или попечение о детях? Так не станем же и мы, прошу вас, обманывать самих себя, но чем более обременяемся этими заботами, тем более будем принимать врачевства от чтения божественного Писания. Ведь и эти люди были одной с нами природы; притом у них не было столько побуждений, располагающих к добродетели. Итак, какого извинения будем заслуживать мы, и наслаждающиеся таким учением, и удостоенные столь великой благодати, и пользующиеся вышнею помощью, и получившие обетование неизреченных благ, если не достигнем в меру добродетели древних мужей? Если только мы захотим быть внимательными, то и сообщенного нам сегодня достаточно, чтобы заставить нас полюбить добродетель и отнюдь не думать, будто для нас что-либо может служить препятствием к пути добродетели. Если жившие до закона, по внушению только природы, достигли столь высокой добродетели, то что можем сказать мы, которые, при таких пособиях, после пришествия Христова и после бесчисленных чудес, так далеки от добродетели? Поэтому, прошу, будем не поверхностно проходить, но со вниманием читать содержащееся в божественном Писании, дабы, пользуясь им, могли мы когда-нибудь, хоть и поздно, прилепиться к богоугодной добродетели. Если мы и каждый день станем оглашать вас этим духовным учением, а вы будете оставаться все при той же беспечности, то какая вам будет польза от непрерывного наставления? Да и нам какое будет утешение, когда видим, что столь великий труд наш остается бесполезным и нет истинного успеха от нашего старания? Ведь, скажи мне, не из двух ли состоим естеств мы, то есть, из души и тела? Почему же не одинаковое прилагаем попечение о той и о другом, но телу всячески стараемся служить – и врачам деньги даём, и сами весьма заботимся о

нем, и одеваем его дорогою одеждою, и питаем больше, чем нужно, и хотим, чтобы оно было в постоянном покое и чтобы отнюдь никакая болезнь не тревожила его, а если что-либо потревожит его, то употребляем все средства к отвращению неприятностей? Такова заботливость о теле, которое ниже по существу своему: но как же, скажи мне, равнять душу и тело? Если хочешь видеть различие между ними, то посмотри, как ничтожным становится тело, когда оставляет его душа. Итак, ты, прилагающий столь великое попечение о теле, для чего и почему так мало печешься о душе, и не хочешь ни давать ей свойственную ей пищу, то есть, наставление из божественного Писания, ни прилагать полезных лекарств к ее ранам и язвам, которые разрушают ее силу и ослабляют бодрость, напротив оставляешь ее в небрежении, когда она и истаивает от голода, и от язв истлевает, и служит добычею, как бы псам, злым и нечистым помыслам, которые терзают ее и сокрушают всю ее крепость?

Для чего не столько же, как о теле видимом, заботимся и о душе бестелесной и невидимой, тогда как попечение о ней не только удобно и легко, но и не требует издержек и никакого труда? Так, что касается попечений о теле и врачевания болезней телесных, то здесь необходимо тратить много и денег – частью на врачей, частью на все другие потребности, то есть, на пищу и одежду, – не говорю уже о том, что очень многие с великою неумеренностью издерживают их и сверх нужды. А по отношению к душе ничего такого не нужно, но, если подобно тому, как телу каждый день доставляешь пищу и тратишь на него деньги, захочешь не попускать и душе гибнуть от голода, а будешь давать ей соответствующую пищу, то есть, наставление из Писания и из духовного поучения ("**не хлебом одним**, – говорит Писание, – **будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих**" – Мф. 4:4), – то распорядишься наилучшим образом и окажешь должное внимание к тому, что есть у нас драгоценнейшего. Поэтому как телу ты доставляешь различные одежды, соображаясь с различными временами года и разнообразием одежд, так не попускай и душе ходить нагою без добрых дел, одень и ее приличною одеждою: через это тотчас восстановишь ее и приведешь опять в естественное состояние здоровья. Что же это за одежда души? Милостыня и щедрость к бедным: вот прекраснейшее одеяние души, вот светлая одежда ее. А если хочешь не только доставить ей одеяние, но и украсить ее, подобно телу, то присоедини пособие, состоящее в молитве и исповедании грехов, и не переставай омывать лице ее непрерывными слезами. Как лицо телесное ты каждодневно омываешь со всем тщанием, чтобы не видно было на нем никакой, обезображивающей его нечистоты, так же старайся поступать и с душою, и ее каждый день омывай, проливая горячие слезы. Этою (слезною) водою смывая с себя нечистоту, душа становится все светлее. И так как весьма многие жены, по великой изнеженности, пренебрегая заповедь апостольскую, повелевающую не украшать себя ни плетением (волос), ни золотом, ни жемчугом, ни многоценною одеждою (1Тим.2:9), украшаются с великою роскошью, да и не одни жены, но и изнеженные мужи доводят себя до слабости жен, надевая на руки перстни и украшаясь множеством дорогих каменьев, чего надлежало бы им стыдиться и краснеть, то пусть и эти, и те, послушав наших слов, обратят лучше эти драгоценности, приносящие много вреда и мужам и женам, на украшение души и ее ими украсят. Надетые на тело, даже красивое, они делают его безобразным; напротив, возложенные на душу, даже безобразную, доставляют ей великую красоту. Но как, скажешь, возможно возложить эти драгоценности на душу? Опять руками бедных: они, принимая (подаяния), сообщают душе (подающего) красоту. Им отдай свои драгоценности и рассыпь в их утробы, а они доставят такую красоту твоей душе, что ты видом своим привлечешь к себе самого истинного Жениха, и приобретешь бесчисленные блага: привлекши к себе Господа этою красотою, будешь иметь источник всех благ и обладать несказанным богатством. Итак, если мы хотим быть любезными Господу, то, оставив попечение об украшении тела, будем каждый день заботиться о красоте души, дабы нам привлечь себе и благоволение человеколюбивого Бога и получить

неизреченные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, держава, честь, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 22

“Ною было пятьсот лет и родил Ной Сима, Хама и Иафета. Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери” (Быт.5:32, 6:1).

Хочу предложить вам сегодня остатки вчерашней трапезы; но не огорчайся, возлюбленный, слушая оставшееся. Конечно, чувственные снеди, спустя день или два, часто портятся и становятся неприятными и негодными в пищу, а относительно духовной трапезы нельзя бояться этого; напротив, чем больше проходит времени, тем большую они приобретают приятность и тем становятся свежее и вкуснее. Так исполним же самым делом данное нами вчера обещание, уплатим долг поучения и покажем честность. Это доставляет пользу не получающим только, как это бывает в (обыкновенных) долгах, но и мне, уплачивающему долг. И что говорю: мне, уплачивающему? Свойство этого долга духовного таково, что чем более он уплачивается, тем более возрастает и тем большее доставляет изобилие и несказанное богатство и отдающему и получающим. Видишь необычайное свойство долга и особенный род уплаты? Таково духовное: будучи раздаваемо, оно еще более умножается, и чем большему числу сообщается, тем более оно увеличивается, так что и отдающий не чувствует никакой утраты, напротив, еще у него умножается имущество, и получающие становятся более богатыми. А если таково свойство духовных предметов, то со всем усердием и мы поспешим к уплате, и вы приготовьте слух к принятию этого, дабы каждый из вас принял слова наши в отверстия недра души и с тем возвратился домой. Предметом рассуждения будет служить для нас опять праведный Ной, чтобы вы узнали великую его добродетель и неизреченное Божие человеколюбие и долготерпение, превышающее всякое понятие. Вы узнали вчера, как этот праведник, получив от отца свое имя, с самого рождения своего был для всех тогдашних людей провозвестником несчастий, и своим именем как бы вопиял и говорил так: оставьте нечестие, творите добродетель, убойтесь угрожающей казни; всеобщий потоп постигнет всю вселенную. Весьма силен гнев (Божий), потому что весьма усилилось и нечестие. И так он увещевал не два или три года, но пятьсот лет. Видели вы долготерпение Господа? Видели безмерную благость? Видели несказанное снисхождение? Видели умножение нечестия? Видели великое их безрассудство? На этом, как вы знаете, вчера остановилось наше поучение. Сегодня следует узнать, как человеколюбивый Господь, по своей благости, не ограничился и пятьюстами лет, но и еще явил новый опыт, попечения о столь великих грешниках. “**Ною было**, **–** говорит Писание, **– пятьсот лет**”. Намеренно божественное Писание обозначило число лет праведника, чтобы мы видели, сколько времени он увещевал своих современников, и как они, избрав путь нечестия, погибли на нем, а праведник, идя путем совершенно противоположным, явил столь высокую добродетель, что привлек к себе благоволение Божие и, тогда как все прочие подверглись наказанию, один он со своим семейством избежал его. Отсюда мы узнаем, что если мы бдительны и не беспечны, то жизнь посреди злых людей не только не вредит нам, но и делает нас более тщательными в добродетели. Для того человеколюбивый Бог и устроил так, чтобы жили вместе и злые и добрые, чтобы от этого и нечестие злых ослаблялось, а добродетель добрых выказывалась блистательнее, и беспечные от обращения с ревностными (о добродетели) получали, если пожелают, величайшую пользу. Представь же себе, как был предан добродетели этот праведник, когда, среди такого множества людей, с великою силою стремившихся к нечестию, один он шел противоположным путем, предпочитая добродетель нечестию, и ни единодушие, ни столь великое множество (злых) не остановило его на пути добра, но он уже наперед

исполнил то, что впоследствии имел сказать блаженный Моисей: “**Не следуй за большинством на зло**” (Исх.23:2). И что особенно удивительно и чудно: в то время как многие, или – лучше сказать – все склонялись к нечестию и к злым делам, и никто не располагал к добродетели, он сам собою устремился к ней с такою силою, что пошел против такого множества; не убоялся и не устрашился единодушия злых; не поступил так, как обыкновенно делают нерадивые, которые, когда увидят, что многие показывают в чем-нибудь единодушие, пользуются этим случаем для прикрытия своего нерадения и говорят: для чего мне, вопреки всем этим людям, предпринимать что-нибудь новое и особенное, противоречить такому множеству и вступать в борьбу с таким многолюдством? Разве я праведнее всех их? Какая мне польза от такой вражды? Какая выгода от такой ненависти? Но (праведник) не делал столь бесплодных соображений, да и не подумал делать; он опять наперед исполнил сказанное пророком: “**Лучше один праведник, нежели тысяча грешников**” (Сир.17:3). Разве общение, думал он, и согласие с многолюдством, стремящимся к злу, может избавить меня от наказания? Знал он, верно знал, что каждый ответит за собственное свое спасение и что другому невозможно ни потерпеть наказание за согрешающего, ни получить чужую награду. Поэтому праведник, как искра посреди моря, не только не угасал, но и с каждым днем издавал яснейший свет, поучая всех своими делами.

Видишь, как Господь сотворил свободною природу нашу? Отчего, скажи мне, те (современники Ноя) стремились к нечестию и навлекали на себя наказание, а этот (Ной), избрав добродетель и убежав от сообщества с ними, не потерпел наказания? Не очевидно ли, что каждый по своей воле избирает нечестие или добродетель? Если бы было не так, если бы нашей природе не была присуща власть, то не следовало бы ни тем терпеть наказание, ни этим получать награду за добродетель. Но так как все, после вышней благодати, зависит от нашего произволения, поэтому и согрешающим уготованы наказания, и живущим добродетельно воздаяния и награды. “**Ною было**, – говорит Писание, – **пятьсот лет и родил Ной Сима, Хама и Иафета**”. Замечай точность божественного Писания. Сказав нам о числе лет праведника, чтобы показать великость долготерпения Господа, оно хочет еще изъяснить нам и приумножение снисхождения Господня, и усиление нечестия человеческого.

2. Но послушаем самих слов Моисея, который, говоря по внушению Духа хочет с точностью научить нас всему. “**Когда люди**, – говорит, – **начали умножаться на земле и родились у них дочери”**. Не без причины присовокупил он: “**И родились у них дочери**”, но для того, чтобы дать нам понятие о великом размножении людей. Где столь великое множество корней, там по необходимости рождается и много ветвей**.** “**Тогда сыны Божии**, – говорит, – **увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали [их] себе в жены, какую кто избрал**”. Каждое из этих слов рассмотрим внимательно, дабы не укрылось от нас ничто из сокрытого во глубине. Да и нужно тщательно исследовать это место и опровергнуть пустословие тех, которые обо всем говорят необдуманно. И, во-первых, надобно показать, что эти люди осмеливаются говорить, и, обнаружив нелепость их слов, объяснить потом вашей любви истинный смысл Писания, дабы вы простодушно не слушали тех, которые произносят хульные речи и дерзают говорить на свою голову. Они говорят, будто это сказано не о людях, но об ангелах; их-то будто бы (Писание) назвало сынами Божиими. Но, во-первых, пусть они покажут, где ангелы названы сынами Божиими: этого они не могут нигде показать. Люди называются сынами Божиими, а ангелы – никогда. Об ангелах (Писание) говорит: “**Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими – огонь пылающий**” (Пс.103:4), а о людях: “**Я сказал: вы – боги**” (Пс.81: 6); и опять: “**Я воспитал и возвысил сыновей**” (Ис.1:2); и опять: “**Израиль [есть] сын Мой, первенец Мой**” (Исх.4:22); а ангел нигде не назван ни сыном, ни сыном Божиим. Но что они говорят? Подлинно, то были ангелы, но так как они сошли (с неба на

землю) для беззаконного дела, то лишились своего достоинства. Другое еще большее пустословие! Так что же? Теперь они лишились (своего достоинства) и это именно было причиною их падения? Но Писание учит нас иначе, именно, что еще прежде создания первого человека они лишились того своего достоинства – и диавол и те (духи), которые вместе с ним домогались высшего достоинства, как и говорит премудрый: "**Завистью диавола вошла в мир смерть**" (Прем.2:24). В самом деле, скажи мне, если бы диавол не пал еще до создания человека, то как он, оставаясь в своем достоинстве, позавидовал человеку? Какой имеет смысл то, что ангел позавидовал человеку, бестелесный и находившийся в такой чести, – обложенному телом? Но так как (диавол) ниспал с высочайшей славы в крайнее бесчестие и ниспал будучи бестелесным, а между тем видел, что человек создан и, будучи в теле, удостоен, по человеколюбию Создателя, столь великой чести, то разгорелся завистью и посредством обмана, совершенного им чрез змия, подверг человека наказанию смертью. Таково свойство злобы: не может она равнодушно переносить счастья других. Для всех очевидно, что диавол и все его полчище искони уже лишились небесной славы и сделались бесчестными. А с другой стороны, и не безумно ли говорить, будто ангелы низошли до сожительства с женами, и бестелесная природа унизилась до совокупления с телами? Разве не слышишь, что говорит Христос об естестве ангельском: "**В воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах**" (Мф.22:30)? Да и несвойственно этой бестелесной природе иметь такое (плотское) вожделение. А сверх того, нужно подумать и о том, что принять такое мнение и по разуму было бы величайшею нелепостью. Если святые, удостоенные Духа Святого мужи, не в силах были переносить даже явления ангелов, если и муж желаний, узрев присутствие ангела, не самое существо (потому что, как можно видеть бестелесное существо?), но воспринятый им образ, лишился сил и едва не самой жизни, если и столь великий и высокий муж упал почти бездыханным, – то кто, и самый безрассудный, согласится с этим богохульным и крайне безумным мнением, будто бестелесная и духовная природа имела совокупление с телами?

3. Но, чтобы не показалось, что и мы сами, много говоря об этом, напрасно теряем время, для этого, самим делом доказав вашей любви невозможность такого события, раскроем теперь вам истинный смысл предложенных слов, снова прочитав сказанное божественным Писанием. "**Тогда сыны Божии, увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали [их] себе в жены, какую кто избрал**". Мы уже прежде сказали вам, что Писание имеет обычай и людей называть сынами Божиими. Так как они (разумеются те, которые названы сынами Божиими) вели род свой от Сифа и от сына его, названного Еносом ("**тогда**, **–** говорит Писание, **– начали призывать имя Господа**"), то его дальнейшие потомки в божественном Писании названы сынами Божиими, потому что они до тех пор подражали добродетели предков; а сынами человеческими названы те, которые родились прежде Сифа, от Каина, и от него вели свой род. "**Когда люди**, **–** говорит Писание, – **начали умножаться на земле и родились у них дочери. Тогда сыны Божии** (потомки Сифа и Еноса)**, увидели дочерей человеческих** (дочерей, родившихся от тех, о которых [Писание] сказало, что "**и родились у них дочери**")**,** (и) **что они красивы**". Смотри, как этим выражением Писание показало нам всю их необузданность. Они устремились к этому делу, не по желанию чадородия, но по неумеренной похоти. "**Увидели**, говорит Писание, **– дочерей человеческих, что они красивы**". Вожделение красоты увлекло их в эту погибель; красота лица была для них причиною блудодеяния и необузданности. Но Писание не ограничилось и этим, а присовокупило: "**И брали [их] себе в жены, какую кто избрал**". И это опять указывает на их великую необузданность, что они, т.е. побеждены были красотою и не хотели обуздать беспорядочное вожделение, но, увлекшись видом (жен), погрязли (в нечистоте), и этим беззаконием сделали себя недостойными вышнего промышления. И чтобы мы знали, что они это сделали не по закону брака и не для чадородия, для этого (Писание) говорит: "**Увидели …, что они**

красивы, и брали [их] себе в жены, какую кто избрал. Что же? Ужели кто будет винить глаза за то, что они видят? Отнюдь: не глаз был причиною погибели этих людей, но их беспечная воля и необузданное вожделение. Глаз для того и создан, чтобы мы, видя им творения Божия, прославляли их Создателя. Следовательно, дело глаза – видеть; а видеть худо зависит от управляющего им разума. Господь устроил члены (нашего тела) так, чтобы они были полезны нам к деланию добра, а управление ими предоставил бестелесному существу, то есть душе. Итак, когда душа предается нерадению и ослабит бразды, то, как возница, не умеющий сдерживать беспорядочные порывы коней, опустив бразды, подвергает опасности и коней, везущих колесницу, и самого себя, – так и воля наша, когда не умеет по надлежащему пользоваться членами, дав свободу беспорядочным вожделениям, губит сама себя. Поэтому-то Господь наш И. Христос, зная слабость нашей природы и беспечность воли, дал закон, запрещающий и возбраняющий излишние взгляды, дабы издали еще погасить загорающийся в нас пламень, и сказал: "**Что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем**" (Мф.5:28). Для того, говорит, запрещаю необузданный взгляд, чтобы предохранить от беззаконного дела. Не думай, что только совокупление составляет грех; осуждению подлежит самая мысль. Так и эти люди, увидев красоту, пленились зрением. "**Увидели …, –** говорит (Писание), **– что они красивы, и брали [их] себе в жены, какую кто избрал**". Но посмотрим, какую благость Господь явил и после этого беззаконного дела и беспорядочного расположения их. "**И сказал**, – говорит Писание, – **Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет**" (Быт.6:3). В этих не многих словах можно увидеть бездну человеколюбия. "**И сказал**, – сказано, – **Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть**". (Господь) назвал здесь духом промыслительную Свою силу, предсказывая уже их погибель. И дабы ты знал, что речь идет именно об этом, смотри, что прибавлено: "**потому что они плоть**", то есть, потому что они совершенно предались плотским делам и не пользовались по надлежащему способностями души, но вели такую жизнь, как будто бы облечены были только плотью и не имели души. Божественное Писание всегда имеет обычай называть плотских людей плотью, а добродетельных бесплотными, как говорит Павел: "**Вы не по плоти живете**" (Рим.8:9), не потому, чтобы они не были облечены плотью, но потому что, будучи облечены плотью, они были выше плотских помыслов. И как этим за презрение плотского Павел сказал: "**Вы не по плоти живете**", – так и тех за то, что они постоянно занимались плотскими делами, (Бог) назвал плотью. "**Потому что они плоть**", поэтому больше не попущу им оскверняться грехами.

Видел ты великость гнева (Божия)? Видел чрезмерную силу угрозы? Смотри же, как (Бог) угрозу и гнев растворил человеколюбием. Таков Господь наш: часто угрожает Он не для того, чтобы исполнить угрозу, но чтобы, исправив людей, уже не приводить угрозу в исполнение. Ведь, если Он хотел (только) наказать, то для чего предсказывал? Но так как Он не хочет (только наказывать), то всегда медлит и отлагает, и предсказывает, внушая (через это) виновным побуждение уклониться от нечестия, избрать добродетель и избежать наказания. Поэтому, уже после того, как изрек угрозу предать их совершенной погибели (а это и значат слова: "**Не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть**", – то есть, не попущу им более жить), Он, не довольствуясь пятисотлетним долготерпением, по которому люди во всю жизнь Ноеву вразумляемы были его именем, теперь, опять удерживая гнев Свой, назначает им другой срок и говорит: Я уже сделал угрозу, и сказал, и объявил Мой гнев, которому вам следовало подвергнуться за множество сделанных вами грехов; но так как Я хочу, чтобы и неисцельно согрешившие спаслись, и никто не погиб, то еще прибавляю вам сто двадцать лет, дабы вы могли, если захотите, и омыть грехи чрез обращение к лучшему, и, избрав добродетель, избавиться от наказания. "**Будут дни их сто двадцать лет. В то время были**

на земле исполины, – говорит (Писание), **– особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди**" (Быт.6:3,4). Исполинами, думаю, называет здесь божественное Писание людей сильных телом. От них, говорит, размножился род их. Об этом говорится и в другом месте: "**Призвал для [совершения] гнева Моего сильных Моих**" (Ис.13:3). Число же: сто двадцать лет некоторые признают за предел жизни; но этого не значит, а (Писание) хочет этим показать долготерпение, которое (Господь) являет людям и после столь многих грехов их. Итак, чтобы мы знали, что люди и после (обнаруженных Богом) гнева и угрозы, и после продолжительного долготерпения, которое Он дал им на покаяние не только не исправились, но и продолжали грешить. Писание говорит: "**С того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди**". Видишь, какое чрезмерное безрассудство? Какая бесчувственность души? Ни страх наказания, ни продолжительность (Божия) долготерпения не отклонили их от злых дел; раз низринувшись в пропасть и потеряв душевное зрение, они, объятые нечистою похотью, как бы каким опьянением, не захотели уже исправиться, как и Премудрый говорит: "**С приходом нечестивого приходит и презрение, а с бесславием – поношение**" (Притч.18:3). Страшно, страшно, возлюбленный, быть уловленым кознями диавола. Тогда душа уже запутывается как бы в сетях, и как нечистое животное, валяясь в грязи, услаждается этим, так и она, предавшись греховной привычке, уже не чувствует зловония грехов. Поэтому нужно трезвиться и бодрствовать, чтобы с самого начала не дать лукавому демону никакого доступа (к нам), чтобы он, омрачив наш ум и ослепив душевное око, не заставил нас, не могущих взирать на свет солнца правды, подобно лишенным солнечного света, стремиться в пропасть, что и случилось с этими людьми. Послушай и еще о долготерпении благого Бога. "**И увидел**, **–** говорит Писание, **– Господь** (Бог)**, что велико развращение человеков на земле**" (Быт.6:5). Что значат слова: "**И увидел**"? Не то, чтобы не знал Господь; нет: божественное Писание повествует обо всем приспособительно к нашей немощи. Чтобы вразумить нас, что эти люди, и после столь великого долготерпения Божия, оставались в тех же грехах или впадали вновь еще в большие, оно говорит: "**И увидел …, что велико развращение человеков на земле**". От этого злого дела [т.е. от смешения сынов Божиих с дочерями человеческими], как от источника, рождались у них и многие другие грехи; поэтому и говорится: "**развращение человеков**". Где блуд, невоздержная и нечистая жизнь, там естественно рождается и пьянство, и бесчинство, и великая несправедливость, и лихоимство, и множество зла. "**И увидел**, **–** сказано, **– Господь** (Бог)**, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время**".

Смотри, как здесь каждое слово указывает на множество грехов. Сказав вообще: "**Что велико развращение человеков на земле**". Писание присовокупило: "**и что все**". Многозначительно это слово. Не только юноша (грешит), но и старец делает подобное ему; не только муж, но и жена; не только раб, но и свободный; не только богатый, но и бедный. И слово: "**помышления**" также многозначительно. Они, то есть, делают это. Не урывками, но размышляя в сердце, каждый час стремясь к этому и нарочито заботясь об этом, – не то, что раз или два, просто и случайно, увлекшись грехом, оставляют потом нечестие, но прилежно упражняются в нем и делают злое; то есть, грех совершается ими с большим тщанием, не мимоходом, не небрежно и не в короткое время, но все дни, в течение всей их жизни. Видел ты усиление нечестия? Видел, как они сделали это своим занятием, прилежно совершая всякого рода зло, и как всякий возраст охотно стремился к деланию зла? "**Все**", говорит (Писание); не было незрелого и непричастного злу возраста, но все тотчас и с самого начала соревновались в этом злом подвиге, стараясь превзойти друг друга в беззаконных делах. Представь же теперь необычайную мудрость праведника, когда он, среди такого единомыслия злых людей, мог избежать заразы и не потерпеть от

них никакого вреда, но как бы имея другую природу, сохранил твердость духа и, по собственному изволению устремившись к деланию добра, уклонился от греховного единомыслия с ними, и избавился от постигшей всех погибели. “**И раскаялся**, – говорит Писание, **– Господь** (Бог), **что создал человека на земле**” (Быт.6:6). Заметь и здесь грубость и приспособительность выражения. “**И раскаялся**”, сказано, вместо: раскаялся, не потому, что Бог раскаивается, – да не будет, – но божественное Писание говорит с нами по-человечески, чтобы научить нас, что чрезмерное множество грехов человеческих привело человеколюбивого Бога в столь великий гнев. “**И раскаялся Господь** (Бог), **что создал человека на земле**”. Для того ли, говорит Бог, Я создал его, чтобы он, вдавшись в столь великое нечестие, сделался виновником своей погибели? Для того Я с самого начала удостоил его такой чести и явил столько попечения о нем, чтобы он, избрав добродетель, был безопасен от погибели. Но так как он злоупотребил Моим человеколюбием, то лучше уже прервать его злые предначинания. “**И сказал Господь** (Бог)**: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их**”. С своей стороны, говорит Бог, Я сделал все: привел (людей) из небытия в бытие, вложил в (их) природу знание того, что должно делать и чего не делать, даровал им свободную волю, оказал неизреченное (к ним) долготерпение, и даже после уже того продолжительного времени после обнаруженного Мною гнева и угрозы, назначил еще и другой срок, желая, чтобы они, сознав свои грехи, отвратили Мой гнев; но так как и от этого не произошло никакой пользы, то необходимо уже привести угрозу в исполнение, в конец истребить их и уничтожить весь род их, как негодную закваску, дабы они и для последующих родов не сделались учителями нечестия. “**И сказал Господь** (Бог)**: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов**”. Но, может быть, кто-нибудь скажет: для чего за уклонение человека к нечестию подвергаются одинаковому с ним наказанию и животные? Так следует. Разве животные созданы сами для себя? Они сотворены для человека; поэтому, когда он истребляется – то какая и в них нужда? Затем и они разделяют (с человеком) наказание, чтобы вы знали, как силен гнев (Божий на грешника). Как в начале за грех прародителя подпала проклятию земля, так и теперь, когда угрожает погибель человеку, делаются участниками наказания и бессловесные. Как при благочестивой жизни человека и тварь участвует в человеческом благоденствии, по слову Павла: “**И сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих**” (Рим.8:21), – так и теперь, когда человек за множество грехов своих должен понести наказание и подвергнуться конечной погибели, вместе с ним и скоты, и гады, и птицы подвергаются потопу, имеющему покрыть всю вселенную. И как в доме, когда главный служитель подпадает гневу господина, обыкновенно и все сослужители его разделяют с ним скорбь, – точно так и здесь, когда, как в доме, люди гибнут, по необходимости и все, находящееся в доме и подвластное им, подвергается тому же наказанию. “**Я раскаялся, –** говорит Писание, **– что создал их**”. Сколько снисхождения в этом слове! Разве Я хотел, говорит (Бог), подвергнуть их такому наказанию? Сами они великими своими беззакониями привели Меня в столь сильный гнев. Впрочем, чтобы мы не подумали, будто род человеческий совершенно уничтожается и естество наше истребляется с корнем, напротив знали бы, сколь великое зло грех, и сколь великое благо добродетель, и что “**Лучше один праведник, нежели тысяча грешников**” (Сирах.17:3), – Писание говорит: “**Ной же обрел благодать пред очами Господа**” (Быт.6:8). Если, говорит, все множество (людей) впало в столь великое нечестие, то этот праведник сохранил искру добродетели, а вместе с тем и всем этим людям в течение всего этого времени проповедовал и внушал отстать от нечестия, и себя соблюл свободным от их скверны. И как они злыми своими делами подвигали на гнев человеколюбивого Бога, так и этот, возлюбив добродетель, “**обрел благодать пред очами Господа.** … **Бог нелицеприятен**” (Быт.6:8, Деян.10:34); если в таком множестве Он найдет хотя одного делающего угодное Ему, то не оставляет его без внимания, но удостаивает Своего попечения и тем большую выказывает заботливость об

нем, чем он сам ревностнее, при столь многих, влекущих его к нечестию, идет путем добродетели.

6. Зная это, будем иметь в виду одно то, что угодно Ему (Богу) и что может привлечь на нас Его благоволение; и ни из угождения дружбе, ни из покорности какому-либо обычаю, не станем пренебрегать добродетелью, но будем пользоваться, как должно, долготерпением Божиим и, пока есть еще время, отложив всякую леность, возлюбим добродетель и возненавидим порок. Если мы не будем и к добродетели стремиться с любовью и охотою, и к пороку не будем питать великой ненависти, то не в состоянии будем ни избежать вреда от этого, ни достигнуть той. А что добродетель заслуживает того, чтобы мы желали ее и горели к ней любовью, – послушай, что говорит пророк: "**Суды Господни истина, все праведны; они вожделеннее золота и даже множества золота чистого**" (Пс.18:10,11). Сказал так не потому, чтобы это одно было самое вожделенное, но потому что у нас нельзя найти чего-либо другого драгоценнее этих предметов. Потому он и присовокупил: "**слаще меда и капель сота**". И здесь опять он употребил это сравнение потому, что не мог найти вещества слаще меда. А те, которыми овладела безумная страсть и любовь к собиранию богатства, истощают на это все свои силы, и никогда не насыщаются, потому что сребролюбие есть ненасытное пьянство; и как пьяные, чем больше вливают в себя вина, тем большею распаляются жаждою, так и эти (сребролюбцы) никогда не могут остановить этой неукротимой страсти, но чем более видят возрастание своего имущества, тем сильнее разжигаются они корыстолюбием и не отстают от этой злой страсти, пока не низринутся в самую бездну зла. Если же эти люди проявляют с таким напряжением эту пагубную страсть, виновницу всех зол, то тем более должно нам суды Господни, которые выше "**золота и даже множества золота чистого**", всегда иметь в своих мыслях и ничего не предпочитать добродетели, а эти пагубные страсти искоренять из своей души и знать, что это временное удовольствие обыкновенно рождает непрестанную скорбь и нескончаемое мучение, а не обманывать самих себя и не думать, будто настоящею жизнью оканчивается наше существование. Правда, большая часть людей не выражают этого словами, напротив даже говорят, что они веруют учению о воскресении и будущему воздаянию; но я обращаю внимание не на слова, а на то, что каждый день делается. Если в самом деле ты ожидаешь воскресения и воздаяния, то для чего так заботишься о житейской славе? Для чего, скажи мне, мучишь себя каждый день, собирая денег больше, чем песку, покупая села, и дома, и бани, часто приобретая это даже грабежом и лихоимством и исполняя на себе пророческое слово: "**Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что [другим] не остается места, как будто вы одни поселены на земле**" (Ис.5:8)? Не это ли видим мы каждый день? Один говорит: "дом такого-то отнимает у меня свет", и выдумывает тысячу предлогов, чтобы отнять его; а другой, взяв поле у бедного, присоединяет к своему. А что особенно замечательно, необыкновенно, странно, и непростительно – иной сам живет в одном месте, часто даже не имеет возможности, если бы и хотел, перейти в другое место, или по слабости телесной, или по другим обстоятельствам, а между тем хочет всюду и во всех, так сказать, городах иметь памятники своего лихоимства, везде поставить вечные столпы своего нечестия, и грехи, которыми все это собрано, возлагает на свою голову, и – неся это тяжкое и не удобоносимое бремя, не чувствует его, а наслаждение собранными им сокровищами предоставляет другим, не только уже после переселения из этой жизни, но еще и прежде исхода отсюда. Если он и не лишится их против воли, то все они расточаются и, так сказать, разрываются по частям его домашними, а сам он не наслаждается и незначительною их частью. И что говорю: не наслаждается? Если бы он и хотел, то, как достанет его, когда у него одно чрево при таком большом богатстве?

7. Причина всех зол – тщеславие и желание дать свое имя полям, баням, домам. Что тебе пользы, человек, когда спустя немного, от постигшей тебя горячки, душа твоя, внезапно

отлетев, оставит тебя без всего и нагим, или – лучше – лишенным добродетели, а облеченным в неправды, хищения, лихоимство, стоны, воздыхания, слезы сирот, козни, обманы? Как ты, имея на себе столь великое бремя грехов, в состоянии будешь пройти сквозь те узкие врата, которые не могут вместить столь великой ноши? По необходимости ты останешься вне (царствия) и, под тяжестью этой ноши, напрасно будешь каяться, видя уже пред глазами у себя приготовленные наказания, тот страшный и никогда несгорающий огонь и не умирающий червь. Но если мы сколько-нибудь заботимся о своем спасении, то, пока есть еще время, отступим от греха, обратимся к добродетели, отринем тщеславие. Оттого оно и называется тщетным, что пусто и не имеет в себе ничего твердого и постоянного; это только обман очей, исчезающий прежде, чем явится. Не видим ли, как часто тот, кому сегодня предшествуют ликторы, и кого окружают копьеносцы, завтра оказывается в темнице, вместе с преступниками? Что обманчивее этой пустой и суетной славы? Если же в настоящей жизни и не случится с ним такой перемены, так смерть непременно постигнет его и прервет его благополучие, и тот, кто сегодня важно выступал на площади, сажал (других) в тюрьму, сидел на возвышенном месте, вел себя весьма гордо и на всех людей смотрел как на тени, завтра вдруг лежит мертвый, бездыханный, полный зловония, осыпаемый тысячью укоризн и от обиженных им, и от не обиженных, но соболезнующих обиженным. Что может быть несчастнее такого человека? И все, что им собрано, часто делят между собою его враги и неприятели; а грехи, от этого накопившиеся у него, он уносит с собою, и подвергается за них весьма строгому отчету. Поэтому, умоляю: убегая этой суетной славы, возлюбим славу истинную и пребывающую во веки, и пусть ни страсть к богатству не обольщает нас, ни пламя похоти не сожигает, ни зависть и ненависть не сушат, ни гнев не воспламеняет, но все эти злые и пагубные страсти угасив росою духа, презрим настоящее, возжелаем будущего, подумаем о будущем дне (суда) и покажем великую тщательность в жизни. Не для того мы явились в эту жизнь, чтобы только есть и пить.

Не жизнь создана для пищи и питья, но для жизни пища и питье. Так не станем же извращать этого порядка, и не будем так угождать чреву и плотским удовольствиям, как будто бы мы для этого и созданы; но, размышляя о происходящем для нас вреде от этого угождения, станем укрощать движения плоти, не поленимся и не попустим ей восставать на душу. Если Павел, столь великий и высокий муж, как бы на крыльях облетевший всю вселенную, ставший выше телесных нужд и удостоившийся слышать неизреченные глаголы, которых доселе никто другой не слышал, говорил в своем послании: “**Усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным**” (1Кор.9:27), – так если он, удостоившийся такой благодати, после столь многих и высоких подвигов, имел нужду усмирять, и порабощать, покорять под власть души и подчинять ее господству сильные порывы плоти (усмиряют же то, что восстает, и порабощают то, что сбрасывает с себя узду), то что скажем мы, не имеющие ничего доброго, обремененные тяжкими грехами, и при всем том преданные великой беспечности? Разве в этой брани есть перемирие? Разве есть определенное время для нападения? Всегда нужно трезвиться и бодрствовать, и никогда не считать себя в безопасности, потому что не назначено время, когда враг и противник нападет на нас. Итак, будем всегда помышлять, всегда заботиться о своем спасении, дабы таким образом могли мы и быть непобежденными и, избежав козней врага, получить милость от Бога, благодатью и щедротами Его Единородного, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 23

“Ной же обрел благодать пред очами Господа. Вот житие Ноя: Ной был человек праведный и непорочный в роде своем; Ной ходил пред Богом” (Быт.6:8,9).

1. Видели вы из того, что уже сказано, как велико человеколюбие и как чрезмерно долготерпение Божие? Видели, как усилилось нечестие тогдашних (современных Ною) людей? Узнали, какова была добродетель праведника среди такого множества (нечестивых), и как не повредило ему ничто – ни единомыслие этих людей, наклонное к нечестию, ни то, что он остался один среди них и шел противоположным путем? Он, как отличный кормчий, держа кормило ума с великою бдительностью, не попустил своей ладье потонуть от напора волн нечестия, но, став выше бури и, будучи обуреваем волнами, находился, как бы в пристани, и так управляя кормилом добродетели, спас себя от потопа, имевшего постигнуть всех во вселенной. Такова добродетель: она бессмертна и непобедима, не подчиняется превратностям настоящей жизни, но воздетая выше сетей нечестия, на все человеческое смотрит как бы с какой высокой башни и не чувствует ничего, что для других бывает тягостным. Напротив, как стоящий на высокой скале смеется над волнами, когда видит, что они с шумом ударяются о скалу и тотчас обращаются в пену, – так и подвизающийся в добродетели, пребывая в безопасном месте, не испытывает никакой неприятности от житейского волнения, но живет спокойно, наслаждаясь тишиною своих помыслов и представляя себе то, что дела настоящей жизни, проходящие так скоро и быстро, ничем не различаются от течений речных. Как бывает с волнами морскими, что они то поднимаются на несказанную высоту, то вдруг опять упадают, так точно мы видим, что люди, не радеющие о добродетели и преданные пороку, то высоко умствуют, поднимают брови и успевают в делах настоящей жизни, то вдруг уничижаются и приходят в крайнюю бедность. На них-то указывая, и блаженный пророк Давид говорил: “**Не бойся, когда богатеет человек, когда слава дома его умножается: ибо умирая не возьмет ничего**” (Пс.48:17,18). И хорошо сказал: “**Не бойся**”. Пусть, говорит, не смущает тебя избыток его богатства и блеск славы. Спустя немного, ты увидишь его лежащим на земле, неподвижным, мертвым трупом, сделавшимся пищею червей, лишенным всего этого (богатства и славы) и не могущим ничего взять с собою, но все оставившим здесь. Не смущайся же, смотря на настоящее, и не ублажай того, кто в скором времени должен лишиться всего этого. Таково ведь настоящее счастье и таково свойство богатства: оно не сопутствует отходящим отсюда; оставив здесь все свое богатство, отходят они нагими и ничего неимущими, неся с собою одно нечестие и скопленное ими из-за богатства бремя грехов. А в деле добродетели ничего такого нет: она и здесь ставит (нас) выше наших зложелателей и делает непобедимыми, доставляет нам непрестанное удовольствие и не дает чувствовать превратность (житейских) дел; сопутствует нам и во время исхода отсюда, и тогда особенно, когда мы нуждаемся в ее пособии, в тот страшный день подает нам великую помощь, преклоняя на милость к нам Судию; и как здесь, во время бедствий, возвышает над бедствиями, так и в будущем (веке) избавляет обладающих ею от вечных мучений. Мало этого: она еще доставляет нам и наслаждение неизреченными благами. И дабы увериться вам, что это действительно так, и что мы говорим это не просто и напрасно увлекая вас, я постараюсь доказать это вашей любви предметом нынешней беседы. Смотри, как этот чудный, разумею Ноя, в то время, как весь род человеческий навлек на себя гнев человеколюбивого Господа, своею добродетелью возмог и гнева (Божия) избегнуть, и заслужить от Него великое благоволение. Но, если угодно, поговорим пока о событиях настоящей жизни, – потому что некоторые, может быть, не верят будущему и невидимому. Итак, из здешних событий посмотрим, какая судьба постигла предавшихся нечестию и чего удостоился возлюбивший добродетель. Так как благой Бог определил наказать род человеческий за усилившееся нечестие всеобщею гибелью, сказав: “**Истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил**”, и, показывая силу Своего гнева, произнес этот приговор не на человеческий только род, но и на всех скотов, и гадов, и птиц (потому что, когда должны были погибнуть в потопе люди, для которых созданы эти твари, то естественно и им разделить с людьми наказание), так как, говорю, приговор был неограничен и не полагал никакого различия, то, чтобы ты знал, что Бог нелицеприятен и что, проникая в сердца

наши, Он не презирает никого, но, если найдет с нашей стороны хотя малый повод, являет Свое неизреченное человеколюбие, и чтобы мы не подумали, что будет всецелое истребление рода человеческого, но знали, что Он, по Своей благости, соизволяет сохранить роду человеческому искру и корень, от которого бы он разросся в длинные ветви. Писание говорит: **“Ной же обрел благодать пред очами Господа**”.

2. Замечай точность Писания, как и одного даже слога нельзя найти (в нем) без значения. Сообщив нам о чрезмерном усилении нечестия человеческого и о великом наказании, которому должны были подвергнуться виновники этого, Писание показывает нам и того, кто среди такого множества мог сохранить чистоту добродетели. Конечно, добродетель и сама по себе достойна удивления; но если еще кто творит ее окруженный препятствиями, то она является гораздо более дивною. Поэтому божественное Писание, как бы удивляясь праведнику, говорит, что среди такого множества людей, имевших подвергнуться за свое нечестие гневу Божию, “**Ной же обрел благодать пред очами Господа**”**.** “**Обрел благодать**”, но – пред Богом; не сказано просто “**Обрел благодать**”, но – пред Господом Богом, дабы показать нам, что единственною целью его было – заслужить одобрение от того недремлющего Ока и что он нисколько не заботился ни о славе, ни о бесчестии, ни о насмешках людских. Естественно, что он, за свою решимость, вопреки всем, подвизаться в добродетели, терпел великое поношение и осмеяние, так как все нечестивые обыкновенно всегда издеваются над решившимися удаляться нечестия и прилепляющимися к добродетели, что и ныне часто бывает. И мы видим, что многие беспечные люди, не перенося насмешек и поношения и предпочитая славу человеческую славе истинной и вечной, увлекаются и приобщаются нечестию других людей. Только душа доблестная и твердая умом может противостоять силящимся совратить ее и ничего не делать в угодность людям, но устремлять взор к тому недремлющему Оку и от него только ожидать благоволения, а на людей не смотреть и не дорожить их похвалою и порицанием, но оставлять их без внимания, как тень и сновидение. И теперь часто многие, не перенося насмешек со стороны десяти, двадцати или меньше лиц, претыкаются и падают: “**Есть стыд, ведущий ко греху**” (Сир.5:25). Немаловажное дело – не обращать внимания на тех, которые злословят, насмехаются и издеваются. Но этот праведник поступил не так: он пренебрег не только десятью и двадцатью и ста человеками, но всею их совокупностью, столькими тьмами людей. Вероятно, что все насмехались над ним, издевались, ругались, причиняли ему много оскорблений; может быть, хотели даже растерзать его, если бы было можно. Нечестие всегда проявляет большую злобу против добродетели; и не только нимало не вредит ей, но, нападая на нее, делает ее только сильнее. Такова-то сила добродетели, что она, и страдая, побеждает причиняющих (страдания), и, подвергаясь нападениям, бывает выше нападающих. И это можно видеть из многих (примеров). Но, чтобы представить вам средство (к убеждению в этом), – ведь сказано: “**Дай [наставление] мудрому, и он будет еще мудрее**” Притч.9:9), – нужно представить вам примеры и из Ветхого и из Нового Завета. Вспомни Авеля: не был ли он убит Каином? Не был ли повержен на землю? Но ты смотри не на то, что (Каин) одолел, и победил, и умертвил брата, которому завидовал, и который ничем не обидел его, но рассуждай о последствиях, – о том, что умерщвленный с тех пор и до ныне прославляется и ублажается, и что столь продолжительное время не истребило памяти о нем; а убивший и одолевший, и тогда влачил жизнь тяжелее смерти, и с того времени до ныне выставляется на позор и всеми осуждается, между тем как тот каждый день воспевается устами всех. И это в настоящей жизни; а что последует в будущем веке – какое слово, какой ум может это представить? Я уверен, что вы, как люди разумные, найдете в Писании много и других подобных примеров: они для того и описаны к нашей пользе, чтобы мы, узнавая их, удалялись нечестия и прилеплялись к добродетели. Хочешь ли и в Новом Завете видеть то же самое? Послушай, как блаженный Лука то же самое повествует об апостолах, именно: что они, вытерпев удары, пошли из синедриона радуясь, что за имя

Христово удостоились приять поругание (Деян.5:41). Хотя удары причиняли не радость, а боль и бесчестье, но ради Бога удары и причина, по которой (апостолы) подверглись ударам, доставляли им радость. Между тем наносившие (апостолам) удары, были в великом недоумении и затруднении, не зная, что им делать. Послушай, в самом деле, как они, и по нанесении ударов, недоумевают и говорят: "**Что нам делать с этими людьми**" (Деян.4:16; ср. ст. 3)? Что говоришь? Вы нанесли побои, сделали множество зла, и еще недоумеваете? Так сильна и непобедима добродетель: она и в самом страдании побеждает причиняющих страдания.

3. Но, чтобы не сделать слово продолжительным, нужно опять обратиться к этому праведнику (Ною), и подивиться высокой его добродетели, – тому, как он возмог пренебречь и стать выше столь великого множества насмехавшихся над ним, нападавших, поносивших, бесславивших его (опять тоже говорю, и говорить не перестану). Как это? Вот как. Он непрестанно взирал на недремлющее Око и к нему устремлял взор души своей; поэтому уже и не заботился обо всех этих (ругателях), как будто бы их и не было. Так и должно быть: кто уязвлен этою любовью и стремится сердцем к Богу, тот уже не обращает внимания на видимое, но постоянно созерцает предмет своих стремлений – и ночью и днем, и когда ложится, и когда встает. Пусть же не удивляет тебя, если и этот праведник, единственно устремив туда свою мысль, не помышлял уже ни о ком из тех, которые старались его совратить. Исполняя свой долг и стяжав вышнюю благодать, он стал выше всех их. "**Ной же**, **–** сказано, **– обрел благодать пред очами Господа**". Пусть он не был приятен и любезен всем тогдашним людям, потому что не хотел идти одним с ними путем; за то обрел благодать у Испытующего сердца. Который одобрил его душевное расположение. А какой, скажи мне, вред человеку от поношения и насмешек со стороны подобных ему людей, когда создавший сердца наши и разумеющий все дела ваши прославляет и венчает его? Какая польза человеку, если вся вселенная удивляется ему и восхваляет его, а Создатель всяческих и непогрешимый Судия осудит его в тот страшный день? А потому, зная это, возлюбленные, не будем дорожить похвалою человеческою и не будем всячески добиваться славы от людей, но ради Того Единаго, Который испытует сердца и утробы, будем совершать дела добрые и убегать нечестия.

Потому и Христос, научая нас не гоняться за славою человеческою, после многого другого, сказал наконец и следующее: "**Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!**" (Лк.6:26). Смотри, как Он словом "**горе**" показал нам, какое готовится таким людям наказание. Это "**горе**" есть плачевное восклицание; как бы оплакивая их, (Христос) говорит: "**Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!**". Заметь точность выражения: не сказал просто "**люди**", но "**все люди**". Добродетельному человеку, идущему тесным и скорбным путем и исполняющему заповеди Христовы, невозможно заслужить от всех людей похвалу и удивление, потому что велика сила зла и вражда к добродетели. Поэтому Господь, зная, что человеку, строго подвизающемуся в добродетели и от Него одного ожидающему похвалы, невозможно пользоваться похвалою и доброю славою от всех людей, называет несчастными тех, которые из-за похвалы людской небрегут о добродетели. Похвала от всех может служить величайшим доказательством того, что (хвалимые) немного заботятся о добродетели. Да и как будут все хвалить добродетельного, если он станет исхищать обижаемых от обижающих, терпящих зло от желающих делать зло? Опять, если он захочет исправлять согрешающих и хвалить живущих добродетельно, то не естественно ли, что одни будут его хвалить, а другие – порицать? Поэтому (Господь) говорит: "**Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!**". После этого не должно ли удивляться и изумляться этому праведнику (Ною), когда он, наставляемый законом естественным, с великою точностью наперед исполнил то, чему учил Христос по пришествии (на землю), и, пренебрегая похвалою человеческою, старался добродетельною жизнью приобрести благодать от

Бога? “**Ной же**, **–** говорит, **– обрел благодать пред очами Господа**”. О том, что за свою добродетель он обрел благодать пред Господом Богом, рассказал нам этот дивный пророк, вдохновенный Духом Святым; нужно узнать и то, что сказано далее, – видеть то, как судил о нем сам Бог. “**Вот**, – сказано, – **житие Ноя**: **Ной был человек праведный и непорочный в роде своем**” (Быт.6:9). Необыкновенный способ родословия. Сказав: “**Вот житие Ноя**”, и возбудив наше внимание, намереваясь как будто рассказывать родословную Ноя – кто был его отец, откуда он вел свой род, как явился на свет, и все прочее, о чем обыкновенно повествуют излагающие родословные, божественное Писание оставляет все это и, вопреки обычаю, говорит: “**Ной был человек праведный и непорочный в роде своем; Ной ходил пред Богом**”. Видел ты чудное родословие? – “**Ной**, **–** говорит, **– был человек**”. Смотри, и общее имя природы обращается в похвалу праведнику. В то время, как другие, погрузившись в плотские удовольствия, перестали даже быть людьми, Ной, сказано, среди такого множества (развращенных) сохранил образ человека, потому что именно человек тот, кто упражняется в добродетели. Не то, что мы имеем вид человеческий – и глаза, и нос, и уста, и ланиты, и прочие члены, не это отличает человека: это члены телесные. Человеком мы назовем того, кто сохраняет образ человека. В чем же состоит образ человека? В том, чтобы быть разумным. Что же, скажут, разве те не были разумными? Но и этого мало: чтоб быть человеком, надобно еще быть добродетельным, убегать пороков, побеждать нечистые страсти, и исполнять заповеди Господни.

4. А чтобы тебе увериться, что Писание преданных нечестию и не радеющих о добродетели обыкновенно не удостаивает и имени человека, послушай тех слов Божиих, о которых мы вчера сказали: “**Не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть**” (Быт.6:3). Я, говорит (Бог), дал им, вместе с плотью, и власть (или: существо) души; а они, как бы обложенные только плотью, так вознерадели о доблести души, что сделались наконец совершенно плотью. Видишь, как Бог называет их за нечестие плотью, а не человеками! И далее, как вы тотчас узнаете, Св. Писание называет их землею за то, что они совершенно предались земным помыслам; именно говорит: “**Земля растлилась пред лицем Божиим**” (Быт.6:11), разумея здесь не чувственную землю, но землею называя живущих на ней. А в другом месте не называет их даже плотью, ни землею, не считает их даже существующими в настоящей жизни, за то, что они не творят добродетели. Послушай, что пророк вопиет и говорит среди главного города, Иерусалима, где столько тысяч, где бесчисленное множество народа: “**Я приходил, никого не было, и когда Я звал, никто не отвечал**” (Ис.50:2), не потому, чтобы никого не было, но потому, что бывшие были не лучше небывших. И опять в другом месте: “**Походите** …, – говорит, – **и посмотрите,** …, **нет ли соблюдающего правду, ищущего истины**? **Я пощадил бы [Иерусалим]**” (Иер.5:1).

Видел ли ты, как божественное Писание называет человеком того только, кто творит добродетель, а прочих не считает даже существующими, называя их то плотью, то землею? Поэтому и теперь, обещая изобразить родословие праведника, божественное Писание говорит: “**Ной был человек**”, – он только человек, а прочие не человеки, но, имея вид человеческий, злою волей погубили благородство своей природы, и из человеков ниспали до неразумия животных. А что и людям, существам разумным, когда они уклоняются в нечестие и становятся пленниками неразумных страстей, божественное Писание дает названия зверей, послушай, как оно говорит в одном месте: “**Это откормленные кони: каждый из них ржет на жену другого**” (Иер.5:8). Смотри, как оно, за чрезмерное сладострастие, дает (человеку) наименование бессловесного. А в другом месте: “**Яд у них – как яд змеи**” (Пс.57:5). Здесь оно разумеет тех, которые подражают коварству и хитрости этого зверя (аспида). И опять иных называет псами немыми (Ис.56: 10-11); и опять говорит: “**как глухого аспида, который затыкает уши свои**” (Пс.57:5),

разумея тех, которые закрывают уши для учения о добродетели. И много можно найти имен, которые божественное Писание дает людям, по нерадению вдающимся в скотские страсти. Видеть это можно не только в Ветхом Завете, но и в Новом. Послушай, что говорит Иоанн Креститель Иудеям: “**Порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева?**” (Мф.3:7). Видишь, как и здесь лукавство воли их он обозначил именем зверя? Что же может быть несчастнее людей, преданных нечестию, когда они лишаются и самого имени человека и подвергаются тем большему наказанию за то, что, получив от природы многие средства (к добродетели), не воспользовались ими, по своей воле ниспав (с высоты) и обратившись к нечестию? Таким образом, когда современники (Ноя) явились недостойными имени (человека), а этот праведник, при таком оскудении добродетели, явил в себе столь великую добродетель, то божественное Писание, начав родословие этого мужа, говорит: “**Ной был человек**”. Можно встретить и другого праведника, которому это имя дано вместо величайшей похвалы и который этим именем прославляется преимущественно пред всеми другими, как ревностно подвизавшийся в добродетели. Кто же он? Блаженный Иов, подвижник благочестия, герой вселенной, который один вытерпел те невыносимые беды, и, приняв бесчисленные стрелы от лукавого демона, остался неуязвленным, и, как некоторый адамант, мог перенести все напасти, и не только не погрузился в столь великих волнах, но и стал выше их, – испытав на теле своем все страдания вселенной, от этого явился еще светлее. Непрерывность бедствий, следовавших одно за другим, не только не поразила его, но и возбудила еще к большей благодарности, и он вполне выказал свое благомыслие, нанесши диаволу смертельную рану и доказав, что он напрасно усиливается и идет против рожна. Этого святого хваля и прославляя еще до борьбы и столь великих подвигов, человеколюбец Бог сказал диаволу: “**Обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла**” (Иов.1:8)? Видишь, и он прежде всего прославляется общим именем человека? – “**Обратил ли ты внимание твое**, – говорит, **– на раба Моего Иова? ибо нет такого**”, подобного ему человека? Хотя и все подобны, однако не по добродетели, а только по виду; но не в этом – человек, а в том, когда кто, уклоняясь от нечестия, подвизается в добродетели.

5. Видел ты, кого божественное Писание обыкновенно называет человеком? Поэтому и в начале Господь всяческих, приступая к созданию человека, сказал: “**Сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему**” (Быт.1:26), то есть, чтобы он был господином и над всем видимым и над возникающими в нем страстями, чтобы начальствовал, а не был под начальством. А если он, оставив начальство, захочет лучше быть под начальством, чем начальствовать, то уже перестает быть и человеком и навлекает на себя имя бессловесного животного. Поэтому-то и теперь божественное Писание, желая восхвалить добродетель праведника, говорит: “**Вот житие Ноя**: **Ной был человек праведный**”. Вот и другой весьма важный вид похвалы: “**праведный**”. Этим наименованием (Писание) означает все вообще добродетели Ноя; имя праведник мы обыкновенно даем тем людям, которые упражняются во всякой добродетели. Потом, дабы ты знал, что Ной достиг самой высоты добродетели, что и тогда требовалось от нашего естества. Писание говорит: “**Праведный и непорочный в роде своем**”. Все, говорит, исполнил, что следовало выполнить человеку добродетельному (это и значит, “**непорочный**” – совершен), ничего не опустив, ни в чем не преткнувшись. Не то, чтобы одно исполнил, а в другом погрешил; но во всякой добродетели был совершен; это и надлежало ему выполнить. Далее, чтобы представить нам праведника еще в большем свете указанием на время и чрез сравнение с другими, Писание говорит: “**Непорочный в роде своем**”, в то время в развращенном роде своем, который предался такому нечестию и не хотел показать и следа добродетели. В таком-то роде, в такие-то времена праведник этот не только явил добродетель, но и достиг самой высоты добродетелей, явился совершенным и без всякого недостатка. Как я и

прежде сказал, жить добродетельно между восстающими на добродетель и выказывать постоянную ревность о ней среди препятствующих тому, это всегда свидетельствует об особенном достоинстве добродетели. Потому и этот праведник удостаивается особенных похвал. Но божественное Писание и здесь не останавливается в прославлении его, но, показывая нам превосходство его добродетели, и то, что он получил одобрение свыше, после слов: "**Непорочный в роде своем**", говорит: "**Ной ходил пред Богом**". Так велика была его добродетель, что он заслужил похвалу от Бога. "**Ной**, **–** говорит, **– ходил пред Богом**"; – это значит, что он одобрен был Богом, своими богоугодными делами угодил тому недремлющему Оку, своею жизнью привлек к себе Его благоволение, так что (Господь) не только избавил его от имевшего над всеми разразиться гнева, но и сделал заступником других. "**Ной**, **–** говорит, **– ходил пред Богом**". Кто может быть блаженнее человека, который возмог выказать такую добродетель, что его похвалил Господь всяческих?

Из того, что сделано им, это для человека разумного дороже всякого богатства, всякой славы, власти, и всякого другого человеческого благополучия; для человека, искренно любящего Бога – это вожделеннее царства, потому что истинное царство состоит в том, чтобы доброю жизнью приобрести себе благоволение и милость Господа. Ведь, и геенны мы должны бояться и страшиться не ради того неугасимого огня, страшных наказаний и нескончаемых мучений, но потому, что оскорбляем столь благого Господа и становимся недостойными Его благоволения, как и в царство спешить надобно нам из любви к Нему, дабы наслаждаться Его благодатью. Как благоволение к нам человеколюбивого нашего Господа вожделеннее царства, так лишение Его благоволения страшнее геенны.

Видели вы, сколько нам пользы доставило одно наименование праведника и какое сокровище мыслей открыло нам родословие этого дивного мужа? Последуем же и мы правилам божественного Писания и, если хотим рассказывать чье-либо родословие, не станем выставлять на вид ни отцов, ни дедов, ни прадедов, но будем раскрывать добродетель того, чье рассказываем родословие. Это самый лучший способ родословия. Что пользы происходить от знаменитых и добродетельных отцов, а самому не иметь добродетельной жизни? Или опять – какой будет вред от того, если происходишь от отцов и предков неизвестных и незнатных, а сам украшаешься добродетелью? Вот и этот праведник, сделавшийся столь великим и стяжавший благоволение Божие, не от таких же произошел родителей, – божественное Писание не упоминает об них, как о людях особенно добродетельных, – и однако, он, не смотря на столь многие препятствия и затруднения, возмог взойти на самую высоту добродетели, чтобы ты знал, что кто решится быть внимательным и бодрым и усердно заботиться о своем спасении, тому ничто не воспрепятствует. Как, предавшись беспечности, мы терпим вред и от самых маловажных вещей, так если захотим быть бдительными, то, хотя бы тысячи людей влекли нас к нечестию, ничто не может ослабить нашей ревности, как и этого праведника не могли столь многие сделать менее усердным к добродетели. Итак, никто не обвиняй другого и не складывай вины на других, но все приписывай своему нерадению. И что говорю на других? Никто не думай и о диаволе, будто он так силен, что может заградить путь, ведущий к добродетели; он прельщает и соблазняет нерадивых, но не препятствует и не принуждает. Это показывает и самый опыт, именно, когда мы решаемся быть бдительными, то выказываем такую твердость, что хотя бы многие склоняли вас на путь нечестия, мы не следуем их внушению, но бываем крепче адаманта и затыкаем уши от советующих злое. А когда мы нерадивы, то хотя бы и никто не советовал и не соблазнял, мы сами собою стремимся к нечестию. Если бы это было не в нашей воле и не во власти нашей души, если бы Господь создал нашу природу не свободною, то всем людям, как имеющим одинаковую природу и одинаковые страсти, надлежало бы быть или злыми, или добродетельными. А когда мы видим, что имеющие одну с нами природу, и обуреваемые

такими же страстями испытывают, однако, не одно и то же, но твердым умом направляют свою природу, преодолевают беспорядочные движения, обуздывают вожделения, побеждают гнев, избегают зависти, истребляют ненависть, презирают страсть к богатству, меньше заботятся о (земной) славе, не дорожат благополучием настоящей жизни, но твердо стремятся к истинной славе, и похвалу от Бога предпочитают всему видимому, – то не ясно ли, что они своими усилиями могут совершать это при помощи вышней благодати, и что мы по своей беспечности губим свое спасение, сами себя лишая небесного благоволения?

6. Итак, прошу вас, непрестанно размышляя и памятуя об этом, не будем никогда винить диавола, но всегда – свою беспечную волю. И это я говорю не с тем, чтобы его освободить от вины, – да не будет: он ходит как хищный лев, рыкая и ища "**кого поглотить**" (1Пет.5:8); я хочу только, чтобы мы вели себя осторожнее, чтобы не считали себя невиновными, когда так легко склоняемся к греху, и не говорили этих пустых слов: для чего Бог оставил этого лукавого (диавола), чтобы он обольщал и губил нас? Это – слова величайшего неразумия. А ты рассуждай так: Бог оставил его для того особенно, чтобы мы, побуждаемые страхом, и ожидая нападения врага, непрестанно бдели и бодрствовали, облегчая труд добродетели надеждою наград и ожиданием вечных и неизреченных благ. И чему дивишься, что Он оставил диавола по Своей попечительности о нашем спасении, для того, чтобы пробуждать нашу беспечность и доставлять нам повод к получению венцов? Он самую геенну уготовал для того, чтобы страх наказания и нестерпимая тяжесть мучений побуждали нас (стремиться) к царствию. Видишь премудрое человеколюбие Господа? (Видишь), как Он употребляет все меры к тому, чтобы не только спасти созданных Им, но и удостоить неизреченных благ? Для того Он и даровал нам свободную волю и вложил в природу и в совесть нашу познание зла и добродетели, и попустил быть диаволу, и угрожает геенною, чтобы мы не испытали геенны, но получили царствие. И что дивишься, что Он употребил все эти и весьма многие другие меры для этой цели? "**Он, будучи образом Божиим**" благоизволил принять "**образ раба**" (Флп.2:6,7) и испытать все прочее, относящееся до тела, – родился от жены и произошел от Девы, девять месяцев был носим во чреве, повит пеленами, почитал отцом своим Иосифа – обрученника Марии, возрастал мало-помалу, был обрезан и принес жертву, алкал, жаждал и утомлялся, а наконец претерпел и смерть, – смерть не обыкновенную, но почитавшуюся самою позорною, то есть, смерть крестную; – и все это для нас и нашего спасения потерпел Творец всяческих, неизменяемый, все приведший из небытия в бытие, – "**Призирает на землю, и она трясется**" (Пс.103:32), – блеск славы Которого не могут зреть и херувимы – эти бесплотные силы, но, отвращая лица свои и закрывая их крыльями, свидетельствуют нам о чуде; Которого непрестанно хвалят ангелы, архангелы, и тьмы тем (духов). Он ради нас и нашего спасения благоволил соделаться человеком, и открыл нам путь доброй жизни и преподал достаточное наставление тем, что Сам прошел (этим путем), восприяв одинаковое с нами естество. Какое же останется нам оправдание, если мы, после того, как столько уже совершено для нашего спасения, сами сделаем все это бесполезным для нас, и своим нерадением о том лишимся спасения? Поэтому, прошу, будем бдительны и не станем безрассудно следовать обычаю других, но каждый день будем испытывать свою жизнь и смотреть, в чем мы согрешили и что сделали доброго, и таким образом исправлять свои согрешения, дабы нам стяжать и вышнюю милость, и быть угодными Богу, как этот праведник (Ной), и получить царство небесное, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 24

"Ной родил трех сынов: Сима, Хама и Иафета. Но земля растлилась перед лицом Божьим, и наполнилась земля злодеяниями" (Быт. 6:10-11)

1. Не малую пользу принесло вчера нам родословие праведного Ноя. Мы узнали чудный способ родословия и увидели, что праведник прославляется не за знатность предков, но за доброту собственных своих нравов. За нее-то он и получил столь высокое свидетельство от божественного Писания: "**Ной**", говорит оно, "**был человек праведный и непорочный в роде своем; Ной ходил перед Богом** (Быт.6:9). На эти краткие слова мы вчера употребили все поучение. Таково свойство божественных слов, что они в немногих речениях являют великое богатство мыслей и даруют несказанное сокровище тем, кто хочет тщательно их исследовать. Поэтому, прошу, не будем поверхностно пробегать ничего, содержащегося в божественном Писании, но будет ли то перечисление имен, или рассказ о происшествии, станем доискиваться заключенного в них сокровища. Потому-то и Христос сказал: "**исследуйте Писания**" (Ин.5:39), так как не везде можно тотчас найти смысл написанного, но требуется от нас и глубокое исследование, чтобы не укрылось от нас ничто лежащее в глубине. Ведь, если уже одно название породы, то есть, имя: "**человек**", доставило вчера нам столь полезный предмет (для собеседования), то какую получим мы пользу, если будем внимательно и бодрым умом рассматривать все, что ни говорится в Писании? Владыка у нас человеколюбивый: как видит, что мы стараемся и весьма усердствуем об уразумении божественных слов, то не попускает нам нуждаться в чем-либо, но тотчас просвещает наш ум, дарует нам Свое озарение, и по великой премудрости Своей сообщает душе нашей истинное учение. Вот почему, желая побудить нас к этому и сделать более усердными, Он признал достойными ублажения являющих такое усердие, говоря: "**блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся**" (Мф.5:6). Заметь премудрость Учителя: Он не только возбудил (к ревности) ублажением, но словами: "**алчущие и жаждущие правды**" научил еще слушателей, с каким усердием надлежит стремиться к исследованию духовных словес. Подобно тому, как говорит Он, чувствующие голод с невыразимой поспешностью кидаются на пищу, и палимые сильной жаждой быстро бегут к питью, точно так же, как эти алчущие и жаждущие надлежит притекать и к духовному учению. Такие люди не только достойны ублажения, но и получают искомое: они, сказано, "**насытятся**", то есть, будут удовлетворены, исполнят свое душевное желание. Итак, имея такого Владыку, столь благого, столь щедрого, прибегнем и мы к Нему и постараемся заслужить Его благоволение, чтобы и Он, по Своему человеколюбию, просветил наш ум к уразумению силы божественного Писания, и вы с великой готовностью, подобно алчущим и жаждущим приняли духовное учение. А может быть, благий и премудрый Владыка, не смотря на наше недостоинство и ничтожество, для вас и вашей пользы "**даст**" нам **слово во отверзение уст наших** (Ефес.6:19), во славу Его и наше назидание. Итак, возложив всю надежду на вышнюю благодать, и призвав на помощь Того, Кто "**отверзает очи слепым**" (Пс.145:8), и ясным делает "**язык немого**" (Ис.35:6), приступим к рассмотрению того, что недавно прочтено (из Писания), и, что подаст Он по Своему человеколюбию, то и предложим вашей любви. Только, прошу, напрягите свой ум, и, удалив от себя все житейские помыслы, внимательно слушайте предлагаемое, чтобы мы могли бросить духовное семя как бы в тучную и плодородную землю, очищенную от сорных трав и терний. "**Вот**", говорится, "**житие Ноя: Ной был человек праведный и непорочный в роде своем; Ной ходил перед Богом**". Этим окончилось вчерашнее поучение; потому надобно предложить, что следует далее. "**Родил**", сказано, "**Ной трех сынов: Сима, Хама и Иафета**". Не без причины божественное Писание указало нам и время и число сыновей праведника; нет, и в этом оно хотело показать нам, хоть и не прямо, необыкновенное величие его добродетели. Выше оно сказало, что "**был Ной пятисот лет**", и тут же присовокупило: "**и родил трех сынов**" (Быт.5:32), научая нас, как необычайно велико было его воздержание, и притом в такое время, когда все тогдашние люди преданы были такой невоздержности и

такому разврату, и всякий, так сказать, возраст, устремился на зло. Вы ведь слышали, как божественное Писание говорит: "**и увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло**" от юности (Быт.6:5), и этим ясно показывает нам, что и юноши старались превзойти (в нечестии) старших по возрасту, и старцы безумствовали не менее юношей, и что даже самый невинный возраст сильно увлекался к пороку.

2. Итак, чтобы мы знали, как, не смотря на то, что все эти люди предавались такому неистовству и разврату, праведник один подвизался, при других добродетелях, в целомудрии до пятисотлетнего возраста, Писание, сказав: "**был Ной пятисот лет**", говорит уже: "**и родил трех сынов**". Видишь, возлюбленный, необычайное воздержание праведника? Не пробежим же этого без внимания, но, размыслив и о том времени, и о нечестии, разлившемся по всему роду человеческому от великой его беспечности, подумаем, какая доблесть и боголюбивая воля требовалась для того, чтобы в течение столь долгого времени, обуздывать порывы похоти, идти наперекор всем другим, и воздержаться не только от беззаконного совокупления, но и от законного и невинного. "**И родил**", сказано, "**Ной трех сынов: Сима, Хама и Иафета. Но земля растлилась перед лицом Божьим, и наполнилась земля злодеяниями**". Мне кажется, что этот праведник и теперь разрешил свое воздержание и родил этих сыновей, повинуясь Божьему домостроительству. Так как вследствие увеличившегося разврата и крайне усилившегося нечестия, вселенной угрожала совершенная погибель, то человеколюбец Бог благоволил оставить этого праведника, как некий корень и закваску, чтобы он, по истреблении тех (нечестивых современников), был начатком будущих поколений. По этой-то причине он, родив после пятисот лет этих трех сыновей, на них и останавливается, показывая самым делом, что он поступил, таким образом, повинуясь Божьей благости, имеющей открыться по отношению к роду человеческому. И чтобы увериться тебе, что это говорю я не по одной догадке, посмотри на точность в словах Писания. Сказав, что праведник "**родил трех сынов**", оно тут же присовокупило: "**но земля растлилась перед лицом Божьим, и наполнилась земля злодеяниями**". Видишь, какое великое и невыразимое различие в одной и той же природе? О праведнике Писание сказало: "**Ной был человек праведный и непорочный в роде своем**", а обо всех прочих говорит: "**но земля растлилась перед лицом Божьим, и наполнилась земля злодеяниями**". Именем земли оно называет всю совокупность людей. Так как все дела их были земные, то Писание именем земли означает их унижение и крайнюю степень нечестия. Как о первом человеке, когда он преступил заповедь и лишился славы, прежде облекавшей его, Бог, подвергнув его наказанию смертью, сказал: "**прах ты и в прах возвратишься**" (Быт.3:19), так и здесь, когда весьма усилилось зло. Писание говорит: "**растлилась земля**". Да и не просто сказало: "**растлилась земля**", но – "**перед лицом Божьим, и наполнилась земля злодеяниями**". Словом "**растлилась**" оно означило все пороки их, потому что нельзя сказать, чтобы они были виновны в одном, или двух грехах; нет, они совершали все беззакония в великом множестве. Поэтому Писание и присовокупило: "**наполнилась земля злодеяниями**". Не просто и не случайно они предавались нечестию; нет, они делали каждый грех с великим напряжением. И смотри, как Писание уже не хочет удостоить их и простого наименования, но называет их просто землей, показывая и чрезмерность разврата их, и великость гнева Божия. "**Растлилась**", говорит, "**земля перед Богом**", то есть, они все делали вопреки повелений Божьих, попирая заповеди Божьи, и отвергнув, по своей беспечности, вложенного в природу человеческую наставника (совесть). "**И наполнилась**", говорит, "**земля злодеяниями**". Видишь, возлюбленный, какое зло грех, – как он делает людей недостойными и самого имени – человек? Слушай же, что еще далее. "**И воззрел Бог на землю, и вот, она растленна**" (Быт.6:12). Смотри, они опять называются землей. Потом, когда Писание и раз, и другой, и третий назвало их землей, чтобы не подумал кто, будто это сказано о чувственной земле, оно говорит: "**ибо всякая**

плоть извратила путь свой на земле". И теперь не удостоило назвать их человеками, но именем плоти хочет только показать нам, что говорит это не о земле, но о людях, обложенных плотью и предавшихся земным делам. Писание, как мы часто уже замечали вашей любви, имеет обычай называть плотью людей, питающих плотские расположения и не помышляющих ни о чем возвышенном, как и блаженный Павел говорит: "**живущие по плоти Богу угодить не могут**" (Рим.8:8). Что же? Сказавший это не был ли и сам облечен плотью? Так. Но он не то говорит, что не могут угодить Богу облеченные плотью, но – те, которые нисколько не заботятся о добродетели, а пекутся только о плотском, гоняются за удовольствиями плоти, и нисколько не заботятся о душе, бестелесной и разумной. Итак, когда божественное Писание этими словами указало нам на множество грехов и крайнюю степень нечестия, на великость гнева Божия и на то, что оно за совершение беззаконных дел назвало людей и раз, и другой, и третий – землей, а также плотью, лишив их имени общей природы (человек), то последующими словами показывает уже нам неизреченное человеколюбие и безмерное снисхождение Божье. Что же говорит оно? **И сказал Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истреблю их с земли** (ст. 13).

3. Смотри, какая безмерная благость! Как друг с другом, так (Бог) беседует с праведником о наказании, которому Он хочет подвергнуть род человеческий, и говорит: "**конец всякой плоти пришел перед лицом Моим, ибо земля наполнилась от них злодеяниями**"; и вот, Я истреблю их с земли. Что значит – "**конец всякой плоти пришел перед лицом Моим**"? Великое, говорит, показал Я долготерпение, великое снисхождение, не желая наводить этой казни, которую навести намерен; но так как чрезмерное усиление их грехов продолжалось до этого самого времени, то надобно уже положить конец и пресечь их нечестие, чтобы оно не простерлось далее "**конец всякой плоти пришел перед лицом Моим**". Смотри и здесь, что Бог, как выше сказал: "**все мысли и помышления сердца**" (Быт.6:5), так и теперь говорит: "**конец всякой плоти**". Все, говорит, одинаково настроены, все устремились к беззаконию, и невозможно в таком множестве найти и одного пекущегося о добродетели. "**Конец**", говорит, "**всякой плоти пришел перед лицом Моим**". Время настало, то есть, время, в которое надобно употребить нож, чтобы остановить увеличение раны. "**Конец всякой плоти пришел перед лицом Моим**": как будто бы никто не надзирал за ними и не имел потребовать у них отчета в грехах, так они предались беззаконным делам, не помышляя, что невозможно укрыться от Меня, Который поддерживаю самую жизнь их, даровал им душу и тело, и сообщил такое обилие благ. Итак, "**конец всякой плоти пришел перед лицом Моим**". Потом, как бы защищаясь перед праведником, и показывая, что на такой гнев вызывает Его чрезмерность грехов их, говорит: "**ибо земля наполнилась от них злодеяниями**". Разве, говорит, ими опущено что-либо такое, что относится к нечестию? Они сделали так много зла, что нечестие уже разлилось и покрыло всю землю. Поэтому Я погублю и их и землю: "**и вот, Я истреблю их с земли**". Так как они сами уже наперед погубили себя беззаконными делами, то Я навожу совершенную погибель и истребляю и их и землю, чтобы, земля подверглась очищению и освободилась от скверны столь многих грехов. Подумай же, какую душу надлежало иметь этому праведнику, когда он слышал это от Господа. Ведь если он и сознавал себя добродетельным, то все же не мог слышать эти слова без прискорбия. Праведники любвеобильны и за спасение других готовы охотно претерпеть все. Как же должен был этот чудный муж тронуться этими словами, представляя уже в уме своем погибель всех людей и разрушение всей твари, может быть, не ожидая и для себя ничего доброго? Ему ведь это еще не было известно. Итак, чтобы он не смущался умом, но мог в этой великой скорби иметь хотя какое-нибудь небольшое утешение, Бог, показав ему безмерность нечестия его современников и то, что наступило, наконец, время подвергнуть их глубокому сечению, говорит ему: всех этих людей постигнет гибель, "**ты же сделай себе ковчег**" (Быт.6:14). Что значить – "**ты же**"? Так как ты не был сообщником их

нечестия, но всю жизнь провел в добродетели, то Я повелеваю тебе устроить ковчег "**из дерева гофер**: **отделения сделай в ковчеге и осмоли его смолой внутри и снаружи. Триста локтей да будет длина, ширина его пятьдесят локтей, а высота его тридцать локтей. И сделай отверстие в ковчеге, и в локоть сведи его вверху, и дверь в ковчег сделай с боку его; устрой в нем нижнее, второе и третье жилье**" (Быт.6:14-16). Примечай Божье снисхождение, и силу неизреченную, и любовь, превышающую всякое слово. В одно и то же время Он и являет Свое попечение о праведнике, повелевая ему устроить ковчег и чертя и образ постройки, и ширину, и высоту ковчега, – и дарует ему величайшее утешение, самым построением ковчега возбуждая в нем надежду спасения, да и тех столь великих грешников хочет этим же построением привести к мысли о делах их, чтобы, покаявшись, они не испытали (угрожающего им) гнева. Не мало, в самом деле, времени для покаяния дано было им постройкой ковчега, но даже очень много и достаточно для того, чтобы они, если бы не были крайне бесчувственны, могли придти в сокрушение и исправиться от грехов. Каждый из них, видя, что праведник строит ковчег, должен бы был спросить о причине постройки, и, узнав о гневе Божьем, придти в сознание своих грехов, если бы только захотел. Но они не воспользовались и этим, не потому, чтобы не могли, но потому, что не захотели.

И вот Бог, дав праведнику повеление о построении ковчега, сообщает ему о роде самого наказания, которое Он хотел навести, и говорит: ты устрой этот ковчег, как Я повелел, а Я, когда окончишь постройку, благоустрою и твою судьбу. "**И вот, Я наведу на землю потоп водный, чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле, лишится жизни**" (Быт.6:17). Смотри, как Бог самой угрозой показывает великость грехов их, и говорит: одному и тому же наказанию подвергну и разумные, и неразумные твари. Так как люди изменили своему высокому достоинству и ниспали до злобы неразумных, то и в наказании не будет никакого различия. "**Наведу потоп**" водный, "**чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами**". И скоты, говорит, и птицы, и звери, и четвероногие, и все твари, какие только есть под небом, погибнут. И чтобы ты знал, что ничего не останется, говорит: "**все, что есть на земле, лишится жизни**". Вселенная уже нуждается в очищении, но это да не смущает тебя, и да не устрашает сердца твоего, потому что Я, видя неисцелимость язвы их, хочу остановить поток нечестия, чтобы они не сделались повинными еще большим наказаниям. Потому и теперь, следуя Своему человеколюбию и умеряя гнев благостью, Я налагаю на них такое наказание, которое будет для них безболезненно и нечувствительно. Не по великости грехов их судя, ни по тому, чего они заслуживают, но, предвидя будущее, Я хочу и на этих людей навести соответственное наказание, и последующих избавить от их заразы. Не скорби же и не смущайся, слыша это. Пусть даже постигнет их соразмерное грехам их наказание, но с тобой "**поставлю завет Мой**" (Быт.6:18). Так как все, доселе жившие, сделались недостойными и не были благопокорны Моим заповедям, то с "**тобой**", наконец, "**поставлю завет Мой**". Так и первый человек, после стольких благодеяний поддавшись обольщению, преступил Мои заповеди; потом, и сын его низринулся в ту же бездну зла, за что и подвергся, с проклятием, наказанию на всю жизнь. Но его потомки не вразумились и его наказанием, напротив, еще умножили нечестие, так что за это исключены и из родословия. Потом, нашедши Еноха хранящим – закон добродетели, Я, как весьма угодного Мне, приложил его живым, показывая и творящим добродетель, каких они удостаиваются наград, и, желая живших после него сделать ревнителями его идущими по одному с ним пути. Но вот, все уклонились к нечестию, и в таком множестве Я нашел одного тебя способным вознаградить за преступление прародителя: поэтому "**с тобой поставлю завет Мой**", так как прошедшая жизнь твоя ручается за то, что ты (и впредь) будешь верно соблюдать Мои заповеди. Потом, чтобы, и слыша это, праведник еще не печалился, при мысли, что он останется один, Бог, так сказать, утешая его, говорит еще: "**и войдешь в ковчег ты, и**

сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобой". Хотя они и далеко уступали праведнику в добродетели, однако же, чужды были и чрезмерного нечестия развращенных современников. Впрочем, они спасаются и по следующим двум причинам. Во-первых, в честь праведника. Человеколюбцу Богу обычно чествовать Своих рабов и даровать им нередко спасение других, что Он сделал и с блаженным Павлом, учителем вселенной, повсюду разлившим лучи своего учения. Когда он плыл в Рим, на море поднялась сильная буря; и когда все бывшие на корабле, по причине великого волнения, опасались за самую жизнь свою и потеряли всякую надежду, он, созвав всех, говорит: "**убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет, а только корабль. Ибо Ангел Бога, Которому принадлежу я и Которому служу, явился мне в эту ночь и сказал: не бойся, Павел!.. Бог даровал тебе всех плывущих с тобой**" (Деян.27:22-24). Видишь, как добродетель этого мужа приобрела тем спасение? Впрочем, не одна добродетель его, но и человеколюбие Господа. Точно так же и теперь было по этой первой причине. Вторая же причина та, что Бог хотел оставить как бы закваску и корень для имевшего образоваться впоследствии рода (человеческого), не потому, чтобы Богу невозможно было вновь создать человека, и от одного распространить род человеческий, но потому, что так соизволил Он по Своей благости.

5. Усматривай благость Божью и в последующем. Так как Он, угрожая наказанием, сказал, что вместе с людьми погибнут и скоты, и гады, и птицы, и звери, то, опять ради праведника, повелевает и из этих животных ввести в ковчег по одной паре каждой породы, чтобы эти пары были семенем и начатком для размножения животных впоследствии. "**И от всех скотов из всех животных, и от всякой плоти по паре, чтоб они остались с тобой в живых; мужского пола и женского пусть они будут. Из всех птиц пернатых по роду их, и из скотов по роду их, и из всех пресмыкающихся по земле по роду их, из всех по паре войдут к тебе, чтобы остались в живых**" (Быт.6:19-20). Не пробегай этого, возлюбленный, без внимания: подумай, в какое смущение приводила праведника мысль, что на нем лежит забота обо всем этом. Мало было ему забот о жене, о сыновьях и их женах: нет, на него возлагалось еще попечение о столь многих животных и их пропитании. Но подожди немного, и увидишь благость Божью, – как Он облегчает заботу, лежавшую на праведнике. "**Ты же возьми себе**", говорит Бог, "**всякой пищи, какой питаются, и собери к себе; и будет она для тебя и для них пищей**" (Быт.6:21). Не подумай, говорит, будто ты оставляешься без моего промышления. Вот Я повелеваю внести в ковчег все, что потребно и для вашей пищи, и для пропитания животных, так, чтобы и вы не испытали голода и недостатка, и животные не погибли за неимением свойственной им пищи. "**И сделал**", сказано, "**Ной все: как повелел ему Бог, так он и сделал**" (Быт.6:22). Вот, опять и здесь великая похвала (праведнику). "**Сделал**", говорится, "**Ной все: как повелел ему Бог**". Не то, чтобы он одно повеление исполнил, а другое оставил без внимания; нет, сделал все, что было повелено, и "**так и сделал**", как было повелено ему. Ничего не опустил он, но выполнил все, и доказал самым делом, что справедливо удостоился благоволения Господня. С какими венцами не сравняется это свидетельство, которое праведник получил от божественного Писания? Кто может быть блаженнее того, кто исполнил все, повеленное ему от Бога, и показал такое повиновение Повелевшему? И, чтобы ты знал, какого он за это удостаивается предсказания от Создателя всей твари, послушай, что следует далее. "**И сказал**", сказано, "**Господь Ною: войди ты и все семейство твое в ковчег**" (Быт.7:1). Потом, чтобы мы знали, что Он не только спасает праведника благодатью, но и дает награду за труды и мзду за добродетель, (Бог) говорит (Ною): Я потому повелеваю тебе войти в ковчег вместе с домом твоим, "**ибо тебя увидел Я праведным передо Мной в роде сем**". Важное и достоверное свидетельство! Что, в самом деле, может быть важнее этого свидетельства, когда сам Творец и Создатель произносит такой суд о праведнике? "**Ибо тебя**", говорит, "**увидел Я праведным передо Мной**". Вот истинная добродетель, когда человек совершает ее перед

Богом, когда суд о ней произносит то неподкупное Око. Затем, человеколюбец Бог, желая показать нам меру добродетели, которой Он тогда требовал от праведника (а Он требует добродетели не от каждого в равной мере, но – в различной, судя по различию времени) говорит: "**ибо тебя увидел Я праведным передо Мной в роде сем**", уклонившемся в столь великое нечестие, в этом развращенном роде, обнаружившем такую бесчувственность. "**Тебя увидел Я праведным**"; тебя одного Я нашел благопризнательным; тебя увидел усердно заботящимся о добродетели; ты один явился праведным передо Мной, между тем как все эти губили себя, тебе повелеваю войти, со всем домом твоим, в ковчег; "**от скотов же чистых**" повелеваю тебе ввести "**по семи**" (Быт.7:2). Так как Он прежде повелел ввести по одной паре всех животных без различия, то теперь говорит: "**всякого скота чистого возьми по семи, мужского пола и женского, а из скота нечистого по два, мужского пола и женского**". Далее, чтобы показать причину этого, присовокупил: "**истреблю все существующее с лица земли**" (Быт.7:4). Прилично здесь спросить и рассмотреть, откуда праведник узнал, которые из животных были чистые, и которые нечистые? Тогда еще не было того разделения, которое Моисей впоследствии узаконил Иудеям. Как же узнал Ной? Сам собой, руководясь вложенным в природу наставлением; а вместе с тем решил и его рассудок. Конечно, между созданиями Божьими нет ни одного нечистого. В самом деле, как мы можем какую-либо тварь назвать нечистой, когда об них однажды произнесено вышнее определение и божественное Писание сказало, что "**увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма**" (Быт.1:31)? Но уже природа (человеческая) сама по себе сделала это различие. И что это справедливо, подумай, как еще и ныне в некоторых местах иные воздерживаются от некоторых вещей, как от нечистых и запрещенных, а другие, напротив, употребляют эти вещи, следуя в этом обычаю. Так и тогда само врожденное праведнику знание учило его, какие животные были годны в пищу, и какие нечисты, – впрочем, не на самом деле были, но только считались такими. Почему, скажи мне, осла мы почитаем нечистым, хотя он питается только семенами, а других четвероногих признаем годными в пищу, тогда как они питаются нечистыми веществами? Так учителем нашим в этом было знание, данное Богом нашей природе. Но с другой стороны, можно сказать, что Бог, давший Ною такое повеление, Сам сообщил ему познание об этом различии. Впрочем, довольно сказали мы о чистых и нечистых животных.

6. Но вот представляется нам еще другой вопрос: почему это (повелено было ввести в ковчег) "**из скота нечистого по два, а из скота чистого по семи**"? И потом: почему не шесть, не восемь, но семь? Может быть, слово наше становится уже весьма продолжительным; но, если вы не утомились, и если вам угодно, мы вкратце разрешим этот вопрос вашей любви, как поможет нам благодать Божья. Многие ведь многое баснословят об этом, и по этому поводу делают наблюдение над числами. Но что это не наблюдение, а выдумка неуместной пытливости людской, от которой и произошло весьма много ересей, это сейчас вы узнаете. Действительно, мы замечаем (и этим замечанием надеемся совершенно заградить уста любителям вымыслов), что в Писании весьма часто употребляется число пары. Так, когда Иисус Христос посылал учеников своих на проповедь, то послал их "**по два**" (Мк.6:7), да и всех их было двенадцать, и евангелий числом четыре. Впрочем, нет нужды рассуждать об этом перед вашей любовью, так как вы довольно уже наставлены заграждать слух для таких (пустословов). А надобно уже сказать, почему Бог повелел ввести в ковчег "**из чистых по семи**"? Больше чистых животных ввести повелел Бог для того, чтобы имел некое утешение и праведник, и те, которые вместе с ним будут пользоваться этими животными; а что касается до того, чтобы введены были "**по семи**", то и это, если узнаете причину, будет сильнейшим доказательством боголюбивого расположения праведника. Так как человеколюбец Бог знал доброту этого мужа, знал что он, будучи праведен, и испытав такую любовь Господа, и избегнув погибели от потопа, вознамерится, по освобождении от бедствия и по выходе

из ковчега, показать свою благопризнательность и в благодарность за свое спасение захочет принести жертву, то, чтобы этим (Ной) не испортил пары, (Господь), такую благопризнательность его, повелевает ввести в ковчег "**по семи**" от каждой породы птиц, чтобы, по прекращении потопа, праведник мог и выказать свое расположение, и не повредить пар птиц и прочих животных. Это, впрочем, узнаете и из последующего поучения, когда дойдем до этого самого места, где вы увидите, что праведник точно так и поступил. Вот вы узнали причину, по которой повелено ввести в ковчег "**по семи**" (от чистых животных). Не внимайте же после этого баснословам, которые, вопреки божественному Писанию, вносят в божественное учение вымыслы своего ума. Итак, когда Бог дал ясное повеление обо всем – и о птицах, и чистых, и нечистых животных, и об их пропитании, Он говорит праведнику: "**ибо через семь дней вот Я буду изливать дождь на землю сорок дней и сорок ночей; и истреблю все существующее, что Я создал, с лица земли**", от человека до скота (Быт.7:4). Усматривай и из этих слов безмерную, благость Господа, как Он, после столь великого долготерпения и теперь еще предсказывает за семь дней, желая вразумить тогдашних людей страхом и привести в раскаяние. А для удостоверения, что Он предсказывает для того, чтобы не привести в исполнение слова Своего, подумай о ниневитянах, и смотри, какое различие между этими и теми. Эти (современники Ноя), спустя столько лет услышали, что несчастие уже при дверях, и, однако же, не отстали от греха. Мы, конечно, бываем беспечны и не спешим исправиться, когда наказание угрожает еще издали; но когда несчастье близко к нам, тогда мы смиряемся и выказываем в себе большую перемену. Так было и с ниневитянами. Когда они услышали, что **еще сорок дней и Ниневия будет разрушена** (Ион.3:4), то не пришли от этих слов в отчаяние, напротив, воспрянули, и так решительно воздержались от греха, такое сильное показали раскаяние, что участниками его сделали и бессловесных, не для того, чтобы бессловесные принесли исповедь – потому что, как это возможно, когда они не имеют дара слова? – но чтобы через них привлечь к себе милосердие благого Господа. Объявив, говорится, пост, царь приказал, чтобы и овцы, и волы, и все бессловесные не употребляли ни пищи, ни воды (Ион.3:7); потом, все люди, даже сам царь, сидящий на престоле, облекшись во вретища, принесли (Богу) глубокое и усердное исповедание, хотя и не знали, избегнут ли они наказания. "**Кто знает**", говорили они, "**может быть, еще Бог отвратит от нас бедствие, о котором сказал, что наведет**" нам (Ион.3:8,10)?

7. Видишь благопризнательность варваров? Видишь, как и такая краткость времени не отняла у них бодрости, и не привела их в отчаяние? Смотри и на этих (современников Ноя), как они, спустя столько лет, услышав, что "**еще семь дней**" – и наведется потоп, все-таки не обратились, но остались нераскаянными, что и служит доказательством, что причина всех зол наше произволение. Ведь вот, эти – люди, и то – люди: природа дана им та же, но не одинаково произволение. Потому и участь их была не одинакова, но одни избежали погибели, потому что благой Бог по Своему человеколюбию принял их покаяние, а другие погибли в водах потопа. "**Ибо**", сказано, "**через семь дней Я буду изливать дождь на землю**". Потом, желая усилить страх, Бог говорит: "**сорок дней и сорок ночей**". Для чего так? Разве Он не мог, если бы захотел, навести весь дождь в один день? Что говорю – в один день? В одно мгновение (Он мог). Но Он делает это с намерением, желая в одно и то же время и усилить страх, и дать им возможность избегнуть наказания, хотя оно и было уже при самых дверях. "**И истреблю**", говорит, "**все существующее, что Я создал, с лица земли**", от человека до скота. Смотри, как Бог предсказывает и раз, и другой, и они, не смотря на это, не трогаются. А сделал Он все это, чтобы показать нам, что Он справедливо навел на них такое наказание, и чтобы никто из безрассудных не мог порицать (Бога) и говорить, что, если бы Он показал долготерпение, они, может быть, и раскаялись бы, может быть, воздержались бы от греха, и обратились бы к добродетели. Вот для чего Он и возвещает нам о числе лет и повелевает (Ною)

строить ковчег. После же всего этого, еще и за семь дней предсказывает, чтобы заградить бесстыдные уста всем тем, которые отваживаются говорить безрассудные речи. "**И сделал**", говорится, "**Ной все, что Господь повелел ему**" (Быт.7:5). Смотри, как теперь божественное Писание возвещает о благопризнательности и послушании праведника, показывая, что он не оставил без внимания ни одного повеления, но исполнил все, и в этом представил доказательство своей добродетели.

8. Этому-то праведнику будем и мы подражать; постараемся исполнить данные вам от Бога заповеди и не будем невнимательны к сообщенным нам от Бога законам, но, постоянно сохраняя их в памяти, поревнуем об исполнении их; не станем делать небрежно то, от чего зависит наше спасение, особенно когда от нас теперь требуется тем высшая степень добродетели, чем высшие получили мы блага. Потому и Христос сказал: "**если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**" (Мф.5:20). Осмотримся же, и не пропустим этих слов без внимания, но подумаем, какое наказание угрожает тем, которые не только не стараются превзойти этих (книжников и фарисеев), но стоят даже гораздо ниже их, – которые не хотят ни перестать гневаться на ближнего, ни удерживать язык свой от клятв, ни воспрещать оку своему гибельное воззрение, тогда как Господь повелевает не только благодушно переносить обиды, но и отдавать больше, чем сколько хотят взять у нас. "**Кто захочет судиться с тобой**", говорит Он, "**и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду**" (Мф.5:40). А мы нередко обижаем ближнего, или мстим ему за обиду, – мы, которым повелевается не только любить любящих нас ("**и мытари**", говорит Господь, "**то же делают**" Мф.5:46), но и питать доброе расположение к врагам, не платим равной любовью и любящим нас. Поэтому я скорблю и болезную, видя, как редка стала между нами добродетель, и как, напротив, порок со дня на день усиливается, как ни страх геенны не останавливает нашего стремления к злу, ни любовь к царствию не увлекает нас на путь добродетели, но все мы, так сказать, влечемся, как животные, нисколько не думаем ни о страшном том часе, ни о данных нам от Бога законах, напротив, соображаясь только с мнениями людей и гоняясь за их похвалами, не хотим и слышать, что говорит Евангелие: "**как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете**" (Ин.5:44)? Как домогающиеся человеческой славы совсем теряют славу небесную, так, напротив, ищущие последней славы не лишаются и той. И Сам Господь, еще прежде того, сказал: "**ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам**" (Мф.6:33), т.е. кто ищет царствия, за тем следует все прочее. Действительно, кто туда воспарил умом своим, тот с пренебрежением смотрит на настоящее благополучие, как будто бы и не было его. Очи веры, когда видят неизреченные его блага, уже и не примечают блага видимых: таково-то расстояние между теми и другими благами! Но я не вижу, кто бы невидимые блага предпочитал видимым. Потому скорблю и непрестанно болезную сердцем, что ни самый опыт не научил нас, ни обетования Божий, ни великие дары не расположили обратиться с любовью к царствию; напротив, влачась еще долу, мы предпочитаем земное небесному, временное будущему, исчезающее прежде своего появления постоянному, преходящее удовольствие не перестающей радости, кратковременное это счастье настоящей жизни блаженству бесконечной вечности. Знаю, что вам неприятно слышать это; но простите. Говорю это, заботясь о вашем спасении, и желая, чтобы вы лучше здесь потерпели малую неприятность и избавились от вечного наказания, нежели, порадовавшись немного здесь, подверглись вечному мучению. Если ведь вы послушаете моих слов и отложите прежнюю беспечность, особенно теперь, когда уже немного осталось вам этого времени святой четыредесятницы, то будете в состоянии и омыть грехи свои, и заслужить великую милость от Бога. Для Господа не нужны многие дни и (продолжительное) время; нет, если мы захотим, то и в эти две седмицы успеем исправиться от многих грехов. Если Он оказал такое человеколюбие ниневитянам за то, что они совершили трехдневное покаяние, тем

более не презрит нас, если только мы покажем искреннее раскаяние, и, отстав от греха, вступим на путь добродетели. Так и о них, то есть ниневитянах, божественное Писание свидетельствует: увидел Бог, что обратился всякий от пути своего лукавого (Ион.3:10). Итак, если Он увидит, что и мы обратились к добродетели и уклонились от греха, и ревнуем о совершении добрых дел, то примет и наше обращение, и, освободив нас от бремени грехов, подаст нам дары Свои. Не столько мы сами желаем освобождения от грехов и ищем спасения, сколько Он спешит и ускоряет даровать нам и избавление от грехов, и блаженство спасения. Поэтому, прошу, возбудим свой ум, и каждый пусть испытает себя, сделал ли он что доброго в прошедшее время, получил ли какую пользу от этих непрерывных наставлений, устроил ли что к благу ближнего, исправил ли какие-либо из своих недостатков, извлек ли из ежедневных наших увещаний какое-либо поощрение к любомудрию; и если совершил какие добрые дела, пусть заботится об их приращении, и никогда пусть не прекращает этой прекрасной заботы. Если же кто видит себя еще во власти (греховной) привычки и все в тех же грехах, таковой сделай насилие своей душе, потребуй отчета в такой беспечности, и не попускай ей продолжиться далее, но, перестав повиноваться греховной привычке, останавливай ее стремление, обуздывай помысел, приводи себе на ум ужасный тот день, размышляй о приобщении этой страшной трапезы, о блеске исходящего отсюда огня и опаляющей силе его, и о том, какая требуется от приступающего душа, чистая от всякой скверны и нечистоты, и изгнавшая из себя беззаконные помыслы, чтобы, таким образом, приготовив и по возможности очистив себя в течении этих дней, могли мы и быть участниками в этом наслаждении (святыми тайнами), и удостоиться тех неизреченных благ, которые Бог обещал любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 25

"Ной же был шестисот лет, как потоп водный пришел на землю" (Быт. 7:6).

1. Хочу опять заняться тем же предметом, о котором недавно беседовал я с вашей любовью, и рассматривать опять повествование о праведном Ное. Велико, в самом деле, богатство добродетелей этого праведника, и мы должны, по возможности, исследовать все подробно, чтобы, таким образом, доставить вам наиболее пользы. Только напрягите, прошу, внимание, чтобы не укрылась от вас ни одна мысль, содержащаяся (в этом повествовании). Но прежде надобно напомнить вашей любви, на чем остановилось прежнее наше поучение, чтобы, с того начав сегодня слово, соединить вам с предыдущим и последующее. Таким образом, будет ясно для вас и нынешнее слово. На чем же остановилось наше поучение? "**Сказал**", сказано, "**Господь Ною: войди ты и все семейство твое в ковчег, ибо тебя увидел Я праведным передо Мной в роде сем; и всякого скота чистого возьми по семи, а из скота нечистого по два... ибо чрез семь дней Я буду изливать дождь на землю сорок дней и сорок ночей; и истреблю все существующее, что Я создал, с лица земли**", от человека до скота. "**Ной сделал все, что Господь повелел ему**" (Быт.7:1-2,4-5). На этом остановили мы слово, и прекратили поучение. Вы и сами, может быть, помните, когда мы сказали вашей любви о причине, по которой Бог повелел Ною ввести от "**чистых по семи, от нечистых же по два**". Рассмотрим же сегодня дальнейшее чтение, и посмотрим, о чем божественное Писание повествует нам после входа Ноя в ковчег. Если когда в другое время, то особенно теперь должны мы показывать великое усердие – теперь, когда мы, ради времени постного, и так часто наслаждаемся приятнейшим собеседованием с вами, и свободны от пресыщения удовольствиями, и, при возбужденном уме, можем внимательно слушать предлагаемое учение. Итак, надобно сказать, с чего у нас началось сегодняшнее чтение. "**Ной же был шестисот лет**", сказано, "**как потоп водный пришел на землю"**. Будьте внимательны,

прошу, и не пробегайте этих слов поверхностно. В этих кратких словах скрывается некое богатство, и, если мы напряжем свой ум, то можем познать из них и необычайную высоту человеколюбия Господня, и великое усиление злобы тогдашних людей. "**Ной же был**", сказано, "**шестисот лет**". Божественное Писание не без причины сказало нам здесь о числе лет праведника, и не для того только, чтобы мы знали, сколько лет было праведнику, но потому, что оно прежде уже сообщило нам, что "**Ной же был пятисот лет**" (Быт.5:31). Известив же нас о таком числе лет, (Писание) рассказало потом о сильном стремлении людей к пороку, "**потому что помышление сердца человеческого – зло от юности**" (Быт. 8:21), почему и сказал Бог: "**не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть**" (Быт. 6:3), предвозвещая им этими словами о великом Своем гневе. Далее, чтобы дать им довольно времени для того, чтобы покаяться и избежать гнева, (Бог) говорит: "**пусть будут дни их сто двадцать лет**", то есть, потерплю еще и после пятисот лет, потому что праведник этот не переставал, в течение пятисот лет, вразумлять всех их собственным своим именем, и, если бы только хотели они слушать, внушал им отстать от греха и обратиться к добродетели. При всем том, говорит Бог, и теперь обещаю потерпеть еще сто двадцать лет, чтобы они, воспользовавшись, как должно, этим временем, уклонились от нечестия и начали делать добро. Впрочем, (Бог) не удовольствовался этим обещанием ста двадцати лет, но еще повелевает праведнику построить ковчег, чтобы и самый вид ковчега давал им достаточное вразумление, и никто из них не остался в неведении о великости угрожающего наказания. То самое, что этот праведник, достигший самого высокого совершенства, столько заботится о построении ковчега, могло уже всех рассудительных привести в страх и опасение, и заставить умилостивлять столь кроткого и человеколюбивого Господа. Если, в самом деле, те варвары, то есть ниневитяне... Опять их же надобно представить в пример, чтобы, таким образом, яснее обнаружилось и чрезмерное нечестие этих (современников Ноя), и великая благопризнательность тех (ниневитян). И сам Господь наш в тот страшный день суда поставит одних рабов против других, и потом произнесет осуждение (над грешниками), обличив их, что они, получив одинаковые (с праведниками) средства и благодеяния, не подвизались подобно им в добродетели. Часто делает Он сравнения и неравных сторон, чтобы тем большему осуждению подвергнуть беспечных. Поэтому и сказал в Евангелии: "**ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иониной; и вот, здесь больше Ионы**" (Мф.12:41). Как бы так сказал Он: варвары, не пользовавшиеся никаким особенным руководством, не слышавшие пророческих поучений, не созерцавшие знамений, не видевшие чудес, а услышавшие от одного человека, спасшегося от кораблекрушения, такие слова, которые могли повергнуть их в совершенное отчаяние и довести до крайности, до презрения самых слов его, – эти варвары не только не пренебрегли словами пророка, но и, получив краткий, трехдневный срок, показали столь сильное и усердное раскаяние, что отклонили Божье определение. Они-то, говорит, осудят род сей, пользовавшийся столь великим Моим попечением, воспитанный в книгах пророческих, каждодневно видевший знамения и чудеса. Далее, чтобы показать и крайнее неверие иудеев, и невыразимую благопокорность ниневитян, Господь присовокупил: "**ибо они покаялись от проповеди Иониной; и вот, здесь больше Ионы**". Те, говорит, увидев бедного человека – Иону, и проповедь его приняли, и принесли самое строгое покаяние; а эти, видя гораздо большего Ионы, самого Создателя всей твари, Который обращался среди их, каждый день совершал столь многие и великие чудеса, очищал прокаженных, воскрешал мертвых, исправлял природные недостатки, изгонял демонов, исцелял болезни, с полной властью даровал отпущение грехов – не показали и одинаковой с варварами веры.

2. Но возвратимся к порядку слова, чтобы ты узнал и крайнюю бесчувственность современников Ноя, и великую благопризнательность ниневитян, узнал, как эти, будучи ограничены трехдневным сроком, не отчаялись в своем спасении, но, поспешив покаяться,

и грехи свои омыли, и удостоились милосердия Господня, а те, и, получив стодвадцатилетнюю отсрочку на покаяние, не воспользовались ею к добру. Потому и Господь, видя их крайнее развращение и совершенное закоснение в пороке, наводит на них скорую погибель, и, таким образом, уничтожает и искореняет злую закваску их нечестия. Вот почему сказано: "**Ной же был шестисот лет, как потоп водный пришел на землю**". Теперь мы знаем, что, когда сделана была угроза и предсказание Божье, Ною было пятьсот лет, а когда наступил потоп, ему было шестьсот лет. Значит, в промежутке прошло сто лет; но и этими ста годами они не воспользовались, хотя самая постройка Ноем ковчега так сильно вразумляла их. Но, может быть, кто захочет узнать, почему Господь, сказав: "**будут дни их сто двадцать лет**", и, обещав потерпеть столько лет, навел потоп до истечения этих лет. И это служит величайшим доказательством Его человеколюбия. Видел Он, что люди каждый день грешат неисправимо, и не только не пользуются неизреченным Его долготерпением во благо себе, но и умножают раны свои; поэтому и сократил срок, чтобы они не сделались достойными еще большего наказания. А какое бы было, спросишь, еще больше этого наказание? Есть, возлюбленный, наказание и большее, и ужаснейшее, и нескончаемое, – наказание в будущем веке. Некоторые, потерпев наказание здесь, хотя и не избегнут тамошнего мучения, однако же, потерпят наказание более легкое, уменьшив великость тамошних мучений здешними страданиями. Послушай, как говорит об этом Христос, предрекая горе Вифсаиде. "**Горе тебе Хоразин**", говорит Он, "**горе тебе, Вифсаида! ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретище и пепле покаялись. Но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе**" (Мф.11:21,24; 10:15). Видишь, возлюбленный, как словом "**отраднее**" Господь показал, что подвергшиеся здесь столь великому наказанию, потерпевшие такое необычайное и странное сожжение, хотя и понесут там наказание, но – легчайшее, потому что здесь уже испытали такой гнев? Итак, чтобы и современники Ноя, умножая беззакония, не заслужили большего наказания, благой и человеколюбивый Господь, видя их нераскаянность, сократил время, которое обещал Он потерпеть. Как по отношению к тем, которые показывают себя благопокорными, Он по свойственной Ему благости, отменяет свои приговоры, приемлет обращающихся и избавляет от угрожающего наказания, так, напротив, когда Он обещает даровать или какие-нибудь блага, или время для покаяния, но видит, что люди сделались недостойными, тогда отменяет Свои обетования. Поэтому Он и сказал через пророка: "**иногда Я скажу о каком-либо народе и царстве, что искореню, сокрушу и погублю его; но если народ этот, на который Я это изрек, обратится от своих злых дел, Я отлагаю то зло, которое помыслил сделать ему**" (Иер.18:7-8), и далее: "**а иногда скажу о каком-либо**" народе и царстве, "**что устрою и утвержу его; но если он будет делать злое перед очами Моими и не слушаться гласа Моего, Я отменю то добро, которым хотел облагодетельствовать его**" (Иер.18:9-10). Видишь, как Он берет от нас повод к тому, чтобы явить нам или милость или гнев? Поэтому-то и теперь, так как (современники Ноя) не воспользовались по надлежащему прибавкой времени, Он сокращает срок. Вот почему и блаженный Павел бесчувственным людям, отвергавшим спасение, даруемое нам через покаяние, говорил: "**или пренебрегаешь богатство благости, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благость Божия ведет тебя к покаянию? Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога**" (Рим.2:4-5). Видишь, как и этот чудный учитель вселенной ясно показал нам, что не пользующиеся, как надлежит, долготерпением Божьим, даруемым нам для покаяния, заслуживают большее осуждение и наказание? Вот почему и теперь человеколюбивый Бог, как бы оправдываясь и показывая причину, по которой навел Он потоп до истечения срока, указывает нам на число лет праведника, и говорит: "**Ной же был шестисот лет**". В самом деле, те, которые в течение ста лет не захотели перемениться, какую бы прибыль получили от двадцати лет, разве ту, что еще более прибавили бы грехов? Со Своей стороны Бог, желая показать безмерное

величие несказанного человеколюбия и благости Своей, не преминул еще и за семь дней возвестить им о приближении потопа, чтобы они, поразившись хоть этой краткостью срока, обнаружили какую-либо перемену.

3. Усматривай человеколюбие Господа и из того, какими различными способами Он, подобно искусному врачу, врачевал болезнь этих людей. Так как раны их были неудобоисцелимы, то Он дал им столь продолжительную отсрочку, желая, чтобы они, хоть продолжительностью времени приведенные в чувство, отклонили от себя гневный приговор Его. Так как Бог заботится о нашем спасении, то обыкновенно он всегда предсказывает, какие хочет навести казни, для того только, чтобы не навести их. Если бы Он хотел навести, то и не сказал бы; но Он предсказывает с намерением, чтобы мы, узнав о том и вразумившись страхом, отклонили гнев и отменили приговоры Его. Ничто так не радует Его, как наше обращение и переход от греха к добродетели. Смотри же, как Он врачевал и болезнь этих людей. Сперва Он дал им такую долговременную отсрочку для покаяния, потом, когда увидел их бесчувственность, по которой они не воспользовались столь долгим временем, уже перед самыми, так сказать, дверями потопа, предсказывает, впрочем, не за три дня, как ниневитянам, но за семь. Зная безмерное человеколюбие Господа нашего, смело скажу, что они и в семь дней, если бы захотели искренно покаяться, отвратили бы от себя бедствие потопа. Когда же ни прежняя продолжительная отсрочка, ни последний краткий срок не могли отклонить их от греха, Бог и навел на них потоп, когда Ною было шестьсот лет: "**Ной же был шестисот лет, как потоп водный пришел на землю**". Видите, возлюбленные, как было полезно узнать число лет праведника сколько лет было ему, когда наступил потоп? Теперь же рассмотрим и то, что говорится далее. Когда наступил потоп, "**вошел**", сказано, "**Ной и сыновья его, и жена его, и жены сынов его с ним в ковчег от вод потопа**" (Быт.7:7). "**И из скотов чистых и из скотов нечистых, и из всех пресмыкающихся по земле по паре вошли мужского пола и женского, вошли к Ною в ковчег, как Бог повелел Ною**" (Быт.7:8-9). Не без причины прибавлено: "**как Бог повелел Ною**", но для того, чтобы опять воздать хвалу праведнику за то, что он все исполнил так, как повелел Господь, и не опустил ничего, что ему было сказано от Него. "**Через семь дней**", как, т.е. обещал Господь, "**воды потопа пришли на землю. В шестисотый год жизни Ноя, во второй месяц, в семнадцатый день месяца**" (Быт.7:10-11). Замечай точность Писания, как оно показывает нам не только год, но и месяц, и даже день, в который случился потоп, чтобы своим повествованием сильнее вразумить последующих людей и представить событие более ужасным, оно говорит: "**в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей**" (Быт.7:11-12). Смотри, какое снисхождение употребляет святое Писание и здесь, как обо всем оно говорит по-человечески. Не то, чтобы были хляби на небе, но Писание выражается обычными у нас словами, как бы так говоря: Господь только повелел – и вода тотчас повиновалась велению Создателя, и, стекаясь со всех сторон, потопила весь мир. А что Бог навел потоп в сорок дней и ночей, и это опять служит величайшим свидетельством Его человеколюбия. По великой Своей благости, Он хотел, чтобы хотя некоторые из них вразумились и избегли всеконечной погибели, видя перед глазами у себя и смерть своих ближних и угрожающее им самим бедствие. Можно, в самом деле, думать, что в первый день потонула уже значительная часть людей, во второй еще более; точно также и в третий и в остальные дни. Вот почему Бог и назначил продолжаться потопу сорок дней и сорок ночей, чтобы отнять у них всякий повод к оправданию. Если бы Он восхотел и повелел, то мог бы потопить все в одно мгновение; но, так как Он внимал Своему человеколюбию, то и назначил такую продолжительность времени. Далее говорится: "**в сей самый день вошел в ковчег Ной, и Сим, Хам и Иафет, сыновья Ноя, и жена Ноя, и три жены сынов его с ними, и все звери по роду, как повелел Бог Ною** (Быт.7:13-14). Когда, то есть, начался потоп по повелению Господню, Ной вошел в ковчег со своими

сыновьями и женой, и с женами сыновей своих, вошли с ним и звери всех пород. "**И затворил Господь Бог ковчег за ним**" (Быт.7:16).

4. Замечай и здесь снисхождение в слове. "**Затворил Бог ковчег за ним**", – чтобы показать нам, что Он поставил праведника в совершенной безопасности. "**Затвори**", и притом "**извне**", так, чтобы праведник не мог видеть, как все погибало, и от этого – чувствовать тем сильнейшую скорбь. Он уже скорбел и возмущался, когда только представлял в уме это страшное наводнение и воображал себе погибель рода человеческого, совокупное истребление всех животных, и людей, и скотов, и, так сказать, уничтожение самой земли. Пусть погибавшие были злые люди, но души праведников, обыкновенно, чувствуют сильную скорбь, когда видят людей в несчастье. Поэтому найдешь, что все праведники и пророки ходатайствовали за виновных, например, патриарх (Авраам) за содомлян (Быт.18:25). А из пророков один, например, говорил: "**о, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля**" (Иезек.9:8), а другой: "**оставляешь людей как рыбу в море, как пресмыкающихся, у которых нет властителя**" (Аввак.1:14)? Если, таким образом, праведник и без того уже смущался духом и скорбел сердцем, то, чтобы самое зрелище (всеобщей гибели) не повергло его в еще большее сокрушение, Бог заключил его в ковчеге, как бы в темнице, так что он не мог видеть своими глазами происходившего и от этого приходить в робость. Естественно, что он, видя чрезвычайное усиление воды, стал бы беспокоиться о том, как бы не потонуть и ему самому. Так, щадя его, человеколюбец Бог не позволяет ему видеть ни стремительности вод, ни того, как происходила погибель (людей) и опустошение вселенной. Когда я подумаю о пребывании этого праведника в ковчеге, то дивлюсь и изумляюсь, и все приписываю тому же человеколюбию Божьему. В самом деле, если бы оно не укрепляло его душу и не делало трудного легким, то, как бы он, скажи мне, мог вынести свое положение, будучи заключен в ковчеге, как в тюрьме и узилище страшном? Как бы мог он устоять против такого напора волн? Если плывущие на корабле, пользуясь и пособием парусов, и имея кормчего, который сидит на корме и своим искусством противодействует напору ветра, умирают от страха и отчаиваются, так сказать, в своем спасении, когда видят, что волнение крайне усилилось, то, что мы скажем об этом праведнике? Заключенный, как выше сказал я, в ковчеге, как в темнице, он носился туда и сюда, не мог там видеть неба, ни устремить глаза в другое какое-либо место, словом, не видел ничего, что могло бы доставить ему некоторое утешение. Плывущие по морю, если и усилится волнение, могут взирать на небо, видеть вершины гор и отдаленный город, и от этого получать хотя малое облегчение. Если же буря и усилится и рассвирепеет до крайности, то все же они, дней через десять, или несколько более, после многих опасностей и бурь, будучи выброшены на землю и несколько успокоившись, забывают все эти несчастья. Но здесь совсем не так; напротив, Ной целый год прожил в этой необыкновенной и странной темнице, не будучи в состоянии и подышать воздухом. Как, в самом деле, он мог это, когда ковчег был крепко затворен со всех сторон? Как он выдержал, скажи мне, как вынес? Если бы даже тела у них были из железа и адаманта, то и тогда как бы они могли (жить), не пользуясь ни воздухом, ни ветром, который, обыкновенно, ни меньше воздуха освежает наше тело, и, не имея возможности питать взоры зрелищем неба, или разнообразием цветов, украшающих землю? Как же они, столько времени живя так, и не ослепли совсем? И если бы мы захотели судить об этом по человеческим соображениям, то надобно бы подумать и о том, откуда они получали, в достаточном количестве, воду для питья, пока жили в ковчеге? Но, оставляя это, (спрашиваю), как мог этот праведник, равно как сыновья и жены, выдержать совместное пребывание со скотами, зверями и птицами? Как он вынес зловоние? Как вытерпел жизнь с ними? И что говорить об этом? Как самые животные могли выдержать и не погибнуть в течение столь долгого времени, не имея возможности ни привлекать к себе воздух, ни двигаться, но запертые в одном месте? Вы, конечно, знаете, что и мы, равно как и

животные, если даже пользуемся и воздухом и прочими удобствами, но постоянно заключены в одном месте, неизбежно расстраиваемся и погибаем. Как же этот праведник, со всеми бывшими в ковчеге, мог выдержать столько времени? Не иначе, как при помощи вышней, всемогущей силы. Уже то самое не было ли делом высшей силы, что ковчег носился туда и сюда, без кормчего – и не погиб от такого напора волн? Нельзя ведь сказать и того, чтобы ковчег был (построен) на подобие корабля, и от того можно было, с помощью искусства, направить ход его. Ковчег был со всех сторон крепко огражден, и, в силу повеления Господня, стремительность воды не вредила ему; напротив, став выше ее, он своих обитателей хранил в совершенной безопасности.

Итак, возлюбленный, когда что делает Бог, не решайся исследовать дела Его по соображениям человеческим: они превышают наше понятие, и ум человеческий никогда не в состоянии постигнуть и уразуметь совершенного Им.

5. Поэтому, услышав повеления Бога, мы должны верить и повиноваться Его словам. Как Творец природы, Он по воле Своей все преобразует и изменяет. "**И затворил Господь Бог ковчег за ним**". Велика и добродетель, сильна и вера этого праведника. Она ведь, она помогла ему и построить ковчег, и благодушно перенести тесную жизнь в таком жилище, вместе со зверями и всеми другими животными. Поэтому-то и блаженный Павел, вспомнив о нем, в похвалу его, восклицал так: "**верой Ной, получив откровение о том, что еще не было видимо, благоговея приготовил ковчег для спасения дома своего; ею осудил он (весь) мир, и сделался наследником праведности по вере**" (Евр.11:7). Видишь, как вера в Бога, подобно крепкому якорю, поддержала его в том, что он и ковчег построил и мог прожить в нем? Она послужила для него и средством к спасению: "**ею же**", сказано, "**осудил он весь мир, и сделался наследником праведности по вере**". Не то, чтобы сам Ной осудил (своих современников); нет, осудил их Господь сравнением (их с Ноем), потому что они, имея все то же, что и праведник, не пошли по одному с ним пути добродетели. Итак, Ной верой, которую показал, осудил этих людей, которые показали совершенное неверие: не поверили предсказанию (о потопе). А я, при всем этом, особенно изумляюсь и добродетели праведника, и неизреченной благости и человеколюбию Господа, когда подумаю, как он мог жить между зверями, то есть, львами, рысями, медведями, и прочими дикими и неукротимыми животными.

Вспомни здесь, возлюбленный, о высокой власти, какой пользовался первый человек до преступления, и размысли о благости Божьей. Так как преслушание первого человека уменьшило дарованную ему власть, а потом Бог нашел другого человека, который старался восстановить в себе древний образ, хранил чистоту добродетели и являл глубокое повиновение заповедям, то и возводит его в прежнее достоинство, как бы на опыте показывая нам великость власти, которую Адам имел до преслушания. Таким образом, добродетель праведника, поддерживаемая милостью Божьей, восстановила прежнюю власть, и звери опять признали свою подчиненность. В самом деле, звери, как увидят праведника, тотчас забывают свою природу, а лучше сказать, не природу, а свою лютость, и, оставаясь тем же по природе, из лютых превращаются в кротких. И вот, это самое случилось с Даниилом. Будучи окружен львами, он пребывал бесстрашным, как бы находясь среди овец: дерзновение праведника обуздывало природу зверей и не позволяло им выказывать свое зверство. Точно так же и чудный Ной легко прожил вместе со зверями, и ни теснота места, ни продолжительность времени, ни такая заключенность, ни лишение воздуха, не могли привести его в оцепенение, но все ему было облегчаемо верой в Бога, и он в этой ужасной темнице жил так, как мы среди лугов и рощей. Повеление Господа сделало для него легким и трудное. Таково свойство праведных: когда они терпят для Бога, то не смотрят на то, что делается, но размышляют о причине – и легко переносят все. Так и Павел, учитель языков, называл легкими темницы, нападения, ежедневные

опасности, многоразличные и невыносимые скорби, не потому, чтобы они были таковы сами по себе, но потому, что причина, для которой они были попускаемы, поставляла его в такое расположение, что он не обращал и внимания на приключающиеся бедствия. Послушай, что он говорит: "**ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу**" (2Кор.4:17). Надежда, говорит он, на будущую славу и вечное блаженство помогает нам благодушно переносить эти непрерывные скорби и считать их легкими. Видишь, как любовь к Богу отнимает силу у несчастий и не дает (верующим) даже чувствовать тяжесть их? Вот почему и блаженный Ной все переносил благодушно: он питался верой и надеждой на Бога. "**И затворил**", сказано, "**и затворил Господь за ним. И продолжалось на земле наводнение сорок дней, и умножилась вода, и подняла ковчег**" (Быт.7:17-18). Смотри опять, как (Писание) своим рассказом усиливает страх и увеличивает событие. "**Был потоп**", говорит оно, "**на земле сорок дней, и умножилась вода, и подняла ковчег, и он возвысился над землею; вода же усиливалась и весьма умножалась на земле, и ковчег плавал по поверхности вод. И усилилась вода на земле чрезвычайно**" (Быт.7:17-19).

6. Смотри, как подробно повествует нам (Писание) о сильном напоре вод, – о том, как они с каждым днем более и более прибывали. "**Усилилась**", сказано, **вода на земле чрезвычайно, так что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом; на пятнадцать локтей поднялась над ними вода, и покрылись горы**" (Быт.7:19-20). Премудро устроил человеколюбец Господь, заключив ковчег, чтобы праведник не видел, что делается. В самом деле, если мы, спустя столько лет и столько поколений, слушая только рассказ Писания, чувствуем ужас и приходим в изумление, то, что должен был бы чувствовать праведник, если бы он своими глазами видел эту страшную бездну? Как бы он мог вынести это зрелище хоть на краткое время? Не тотчас ли бы с первого же взгляда вышел из него дух, не будучи в силах выдержать зрелища стольких бедствий? Подумай, возлюбленный как мы теперь, и при небольшом наводнении, предаемся страху, боимся за все, и отчаиваемся за самую жизнь. Что же потерпел бы тогда праведник, если бы он видел, как вода поднималась на такую высоту? Выше гор, сказано, "**на пятнадцать локтей поднялась над ними вода**". Вспомни здесь, возлюбленный, о словах, сказанных Господом: "**не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть**" (Быт.6:3), также: "**земля растлилась, и наполнилась земля злодеяниями**" (Быт.6:11), далее: "**и воззрел Бог на землю, и вот, она растленна, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле**" (Быт.6:12). Итак, поелику вселенная имела нужду в полном очищении, и надлежало омыть ее от всякой нечистоты, и уничтожить всю закваску прежнего развращения, так, чтобы не осталось и следа нечестия, но произошло как бы обновление стихий, то Господь поступил подобно искусному художнику, который, взяв сосуд, обветшавший от времени и изъеденный, так сказать, ржавчиной, бросает его в огонь, и согнав с него всю ржавчину, переделывает его, преобразует и приводит в прежнее благообразие. Так и Господь наш, очистив всю вселенную этим потопом, и, так сказать, освободив от человеческого нечестия, скверны крайнего растления, сделал ее прекраснейшей и снова явил нам лицо ее светлым, не позволив остаться и следу прежнего безобразия. "**Поднялась**" выше гор "**на пятнадцать локтей вода**". Не без причины Писание рассказывает нам об этом, но – дабы мы знали, что потонули не только люди, и скоты, и четвероногие, и гады, но и птицы небесные, и все звери и другие бессловесные животные, какие только обитали на горах. Для того говорит оно: "**поднялась**" выше гор "**на пятнадцать локтей**", чтобы ты удостоверился, что определение Господне вполне совершилось. Он сказал: "**через семь дней Я наведу**" потоп "**на землю, и истреблю все существующее, что Я создал, с лица земли**", от человека до скота, и от гадов до птиц небесных (Быт.7:4). Следовательно, божественное Писание повествует об этом не для того, чтобы только показать нам, на какую высоту поднялась вода, но – чтобы мы могли, вместе с этим, знать и то, что вовсе не осталось ни одного – ни зверя, ни скота, ни другого

животного, но что все они истреблены вместе с родом человеческим. Так как все они созданы для человека, то когда должен был погибнуть последний, естественно, разделяют с ним гибель и они. Далее, сообщив нам, на какую высоту поднялась вода, именно, что она взошла на пятнадцать локтей выше горных вершин, Писание, соблюдая свойственную ему точность, говорит еще: "**и лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле, и птицы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди; все, что имело дыхание духа жизни**, **и**" всякий, кто был "**на суше, умерло**" (Быт.7:21-22). Не без причины Писание заметило, что всякий, кто был на суше, умер, но – чтобы тебе дать знать, что все погибли, спасся же только один праведник, со всеми бывшими в ковчеге, – так как они еще заранее, оставив сушу, вошли в ковчег, согласно Божьему повелению. "**Истребилось всякое существо, которое было на поверхности земли; от человека до скота, и гадов, и птиц небесных, – все истребилось с земли**" (Быт. 7:23). Смотри, как Писание и раз, и два, и многократно, сообщает, что произошла всеобщая погибель, и что ни одно существо не спаслось, но все потонули в воде – и люди и животные. "**Остался только Ной и что было с ним в ковчеге. Вода же усиливалась на земле сто пятьдесят дней**" (Быт.7:23-24). Столько-то дней вода все поднималась. Здесь опять подумай о необычайном великодушии и мужестве праведника. Чего не вытерпел он, представляя себе и, так сказать, видя умом, как тела человеческие, и тела скотов, чистых и нечистых, все погибли одинаковой смертью, и смешались вместе, без всякого различия? Чего он не вытерпел, когда размышлял сам с собой об одиночестве, об этой пустынной и печальной жизни, не обещавшей никакого утешения ни от беседы, ни от видения: когда верно не знал и того, сколько времени должно было ему прожить в этой темнице? Пока вода продолжала шуметь и свирепствовать, с каждым днем увеличивался у него и страх. В самом деле, чего приятного мог ожидать он, когда видел, что вода в течение ста пятидесяти дней оставалась в одинаковом положении, поднявшись высоко и ни мало не спадая? Однако же, он благодушно переносил свое положение, зная, что Господь всемогущ, и, как Творец природы, все творит и преобразует по Своему изволению. Не тяготился пребыванием в ковчеге, потому что благодатная помощь Божья укрепляла силы его, и подавала ему достаточное утешение, не попуская ему пасть духом и предаться чувствам неблагородным и низким. Так как он наперед со своей стороны явил неослабную добродетель, высокую праведность и сильную веру, то и от Господа уже было даровано ему в изобилии терпение, мужество, благодушие во всем, способность прожить в ковчеге, не потерпев от того никакого вреда и расстройства, и не тяготясь сообществом животных.

7. Этому-то праведнику будем и мы подражать, и постараемся делать все, что требуется с нашей стороны, чтобы явиться нам достойными даров Божьих. Он ожидает от нас повода, чтобы показать великую Свою щедродательность. Не лишим же сами себя, по лености, даров Его, но поспешим и поревнуем сделать начало и вступить на путь добродетели, чтобы, получив высшую помощь, могли мы достигнуть и конца. Без помощи высшей силы мы не можем сделать ничего доброго. Итак, взявшись за надежду на Него, как бы за якорь верный и твердый (Евр.6:19), будем держаться за него, и не станем смотреть на труд добродетели, но – размышлять о награде за труд, и, таким образом, все переносить благодушно. И купец, когда оставит пристань и выйдет в открытое море, не думает только о морских разбойниках и кораблекрушениях, морских чудовищах и напоре ветров, о непрерывных бурях и несчастных случаях, но и о выгодах, предстоящих после этих опасностей, и, питаясь надеждой, благодушно переносит все встречающиеся неприятности, только чтобы получить больше денег, и с ними возвратиться домой. И земледелец также не думает только о трудах при обработке земли, о сильных дождях, и бесплодии земли, о нападении изгари, и об опустошениях от саранчи, но представляет в уме своем и гумно, и снопы хлебные, и потому благодушно переносит все, от надежды на прибыль не чувствуя тягости трудов; и хотя успех не известен, однако же, он, утешаясь приятными надеждами, не отчаивается в своих трудах, но делает со своей стороны все,

что надобно, в ожидании получить награду за свои труды. Опять, и воин, вооружаясь в доспехи свои, и готовясь идти на войну, не думает только о ранах, поражениях, нападениях врагов, и о других бедствиях войны, но воображает себе и победу и трофеи, и, таким образом, облекается во все оружия; хотя исход войны и не известен, однако же, он, отринув всякую мысль об этом, и живописуя себе приятные надежды, отлагает всякую робость, и, взяв оружие, устремляется против неприятельского ополчения. Если же, возлюбленные, и купец, и земледелец, и воин, не смотря ни на неверность успеха, ни на большую вероятность неудачи, ни на множество различных, как вы слышали, препятствий, не отчаиваются и не оставляют трудов, утешаясь надеждой, то мы как оправдаемся в том, что небрежем о добродетели и не подъемлем с охотой всякий труд ради ее, тогда как у нас надежда несомненна, обещано нам столько благ, и награда бесконечно превышает все труды наши? Послушай блаженного Павла, что он говорит после столь многих и тяжких скорбей, нападений, уз и ежедневных смертей: "**нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас**" (Рим.8:18). Хотя бы мы, говорит, каждый день предавали себя на смерть, – чего, впрочем, природа не приемлет, хотя воля, побеждающая природу, по благости Господа, чтится, – все же и тогда наши страдания не равнялись бы тем благам, которые нас ожидают, и той славе, которая в нас откроется. Смотри, как велика слава, которую получают творящие добродетель: она превыше всех подвигов, какие бы кто ни совершал; пусть он достигнет самой высоты, но и тогда будет еще ниже ее. В самом деле, что может человек совершить такое, чем бы он вполне заслуживал щедродательность Господа? И если Павел, столь великий и высокий муж, говорил: "**нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас**", если так говорил тот, который сказывает о себе: "**каждый день умираю**" (1Кор.15:31), и: "**более всех потрудился**" (1Кор.15:10), то, что скажем мы, которые не хотим подъять и малого труда ради добродетели, но всегда ищем покоя, только и смотрим, как бы избегнуть всякой неприятности, а между тем знаем, что невозможно достигнуть тамошнего (вечного) покоя, если здесь не возлюбим жизнь подвижническую? В самом деле, здешние скорби располагают нас благоугождать Богу, и малые подвиги, здесь совершаемые, даруют нам великое дерзновение там, лишь бы только мы решились поступать по совету этого учителя вселенной (апостола Павла). Подумай, возлюбленный: то, что случается с нами здесь, хотя прискорбно, однако же, кратковременно; а блага, ожидающие нас там, бесконечны и вечны. "**Ибо видимое**", говорит (апостол), "**временно, а невидимое вечно**" (2Кор.4:18). Перенесем же благодушно временное и не уклонимся от подвигов добродетели, чтобы насладиться вечными и неизменяемыми благами, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 26

"И вспомнил Бог о Ное, и обо всех зверях, и обо всех скотах, и обо всех птицах, и обо всех гадах пресмыкающихся, бывших с ним в ковчеге; и навел Бог ветер на землю, и воды остановились" (Быт. 8:1)

1. В прочитанных теперь словах открывается великая и несказанная любовь и безмерная благость, которую Бог являет не только этому разумному животному, то есть, человеку, но и всем бессловесным животным. Будучи Создателем всего, Он и благость Свою простирает на все Свои создания, всячески показывая нам, сколь великое имеет Он попечение о человеческом роде, и что искони и изначала все делал для нашего спасения. Итак, бьет ли Он, наказывает ли, то и другое делает по одной и той же благости. Наказания насылает Он, но по страсти и гневу, но из желания пресечь нечестие, чтобы оно

не распространилось очень далеко. Вот и теперь, как слышите, Он навел потоп не почему-либо другому, как по заботливости о предавшихся столь великому нечестию. Какая же, скажешь, заботливость в том, что все погибли под водой? Не говори необдуманно, человек, но благопокорным умом принимай соделываемое Господом, и тогда познаешь, сколько попечительности даже и в этом. Отторгнуть от греха неисправимых грешников, каждодневно причиняющих себе новые раны и делающих язвы свои неисцелимыми, – не значило ли это показать величайшую попечительность? Да и самый образ наказания не преисполнен ли человеколюбия? В самом деле, люди, которым и без того надлежало бы отдать долг природе, лишаются жизни в наказание, но так легко, что и не чувствуют этого, и наказание терпят без боли и мук: какую это обнаруживает мудрость и благость! Притом, если мы благочестивым умом рассмотрим самые последствия события, то есть, что оно не только было благодетельно для наказанных, но и последующим поколениям принесло два величайших блага (внушив им не предаваться тем же беззакониям и, смотря на такой пример, сделаться целомудреннее), то какую благодарность мы должны воздавать Богу за то, что и потомки вразумлены наказанием этих людей и опасением подвергнуться той же участи, и закваска всякого нечестия и порока истреблена, и не осталось им (потомкам) ни одного учителя на грех и зло? Видишь, как и самые наказания, Богом насылаемые, являются более благодеяниями и особенно доказывают Его попечительность о роде человеческом? И если кто захочет проследить этот предмет с самого начала (бытия человеческого), то найдет, что Бог с этой самой целью насылал на грешников все наказания. Так и Адама, когда он преступил, Бог изгнал из рая, не для того только, чтобы наказать, но – и чтобы сделать ему благодеяние. Какое же, скажешь, благодеяние – лишиться жизни райской? Не поверхностно смотри на события, возлюбленный, и не спешно суди о делах Божьих, но проникай в глубину великой благости Его, и найдешь, что все делается Им для этой цели. Скажи мне, до чего не дошел бы Адам, если бы и по преступлении наслаждался теми же благами? Если уже он после столь многих обетований позволил себе увлечься обманом змея и принял злой совет дьявола, который надмил его надеждой быть равным Богу и повергнул в грех преслушания, то, когда бы он, и по совершении этого греха, остался в том же достоинстве и жилище, не тем ли более почел бы злого этого демона заслуживающим большей веры, нежели Создателя всяческих, и еще не более ли надлежащего возмечтал бы о себе самом? Такова уж человеческая природа: когда она, делая грехи, не бывает, обуздываема, но пользуется свободой, то идет все далее и низвергается в пропасть. Впрочем, могу и иначе доказать, что Бог и повелел Адаму выйти из рая и подвергнул его наказанию смерти, желая показать Свое человеколюбие: изгнанием из рая и поселением вблизи его Он, сделал его благоразумнее и осторожнее на будущее время, самым опытом убедив его в коварстве обольстителя. А наказанию смерти подверг его для того, чтобы он, сделавшись через преслушание повинным греху, не грешил в бесконечность. Итак, не ясно ли для тебя, что все это – и изгнание из рая и наказание смертью – было делом величайшего человеколюбия? Могу присовокупить и еще нечто. Что же именно? То, что, подвергая Адама этому наказанию, Бог не остановил на нем одном благодетельные последствия его, но хотел, чтобы его судьбой вразумились потомки. В самом деле, если уже, и после этого, сын Адама, Каин, хотя имел перед глазами у себя изгнание отца из рая, потерю несказанной той славы, и страшное то проклятие, изрекшее: "**прах ты и в прах возвратишься**" (Быт. 3:19), и, не смотря на это, не вразумился, но впал в тягчайший грех, то, до какого неистовства он не дошел бы, когда бы не знал случившегося с отцом его? И вот, что особенно удивительно, – наказывая и этого столь великого грешника, осквернившего руку свою гнусным убийством, Господь наказание соединил с человеколюбием.

2. А чтобы ты познал величие благости Божьей из того, что было с Каином, Господь, когда Каин согрешил против Него, и, решившись принести жертву, показал при этом великую небрежность, то есть, не сделал надлежащего выбора, но принес просто, что

случилось, (Господь) не сказал ему за это ничего неприятного и укорительного, хотя это был не маловажный грех, а очень великий. В самом деле, если желающие почтить подобных себе людей уступают им первое и лучшее, и стараются представить то, что почитают дороже всего, то, как же Каину, который был человеком и приносил жертву Богу, не следовало принести самое лучшее и драгоценное? Но, хотя он и так тяжко согрешил и показал такую небрежность, однако же, Бог не взыскал с него и не наказал его за это, но весьма кротко беседует с ним, как друг с другом, говоря ему: "**почему ты огорчился? и отчего поникло лице твое? если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним**" (Быт.4:6,7). Он только указал ему на грех его и посоветовал не простираться далее. Видишь, какая необычайная благость! Мало того, когда он не только не воспользовался таким снисхождением, но к прежнему присовокупил еще больший грех и покусился на убиение брата, то Бог и тут еще оказывает ему великое долготерпение, потому-то наперед спрашивает его и дает ему случай к оправданию; когда же он остался упорным, тогда-то уже, для его вразумления, подвергает его наказанию, впрочем, такому, которое растворено было любовью.

Видишь, как Бог простил Каину, когда он совершил против Него грех, и грех немаловажный; когда же он поднял руку на своего брата, тогда подверг его осуждению и проклятию? Так теперь будем поступать и мы, подражая Господу нашему: грехи, сделанные против нас, будем прощать и оказывать снисхождение оскорбившим нас; когда же грех делается против Бога, тогда будем взыскательны. Но не знаю, как это мы делаем все напротив, – по отношению к грехам, чинимым против Бога, нисколько не взыскательны, а когда сделано будет хотя малое оскорбление нам, тогда строго взыскиваем и порицаем, не думая о том, что, таким образом, мы еще более раздражаем против себя милосердного Господа. А что Богу обычно оставлять наши грехи против Него, а за грехи против ближнего строго взыскивать, послушай блаженного Павла, который говорит: "**если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с ней, не должна оставлять его**" (1Кор.7:12-13). Видишь, какое снисхождение! Пусть муж твой будет язычник, неверующий, но, если хочет жить с тобой, не оставляй его. И опять, пусть, говорит, жена твоя будет язычница, неверующая, но, если она хочет жить с тобой, не отвергай ее. "**Почему**", говорит, "**ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены**" (1Кор.7:16)? Смотри, как Бог не препятствует принимать в законное сожитие мужа, или жену, неверующих в Него. Послушай же теперь, что сам Христос говорит ученикам: "**кто разводится с женой своей, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать**" (Мф.5:32). Благость необычайная! Пусть, говорит, жена твоя будет язычница, или неверующая, – если только хочет жить с тобой, не разлучайся с ней; но, если она согрешит против тебя, и, забыв супружеские обеты, предпочтет тебе других, тебе дозволяется отвергнуть и прогнать ее. Помышляя об этом, постараемся и мы воздавать Господу за Его благоволение к нам, и, как Он охотно прощает грехи, соделываемые против Него, а за грехи против нас взыскивает, и с великой строгостью, так точно будем поступать и мы: в чем ни согрешат против нас ближние, все будем прощать; напротив, за грехи против Бога постараемся строго взыскивать. Это и нам принесет величайшую пользу, и принимающим исправление сделает немало добра. Может быть, вступление у нас сегодня стало очень пространно. Что же мне делать? Это допустил я не намеренно, но увлекшись течением слова.

Так как вся наша речь о потопе, то мы и должны были доказать вашей любви, что и наказания, посылаемая от Бога, суть скорее действия Его человеколюбия, чем наказания; так точно и этот потоп. Господь, как чадолюбивый отец, все делает по заботливости о

нашем роде. Но чтобы величие любви Его познать и из предложенного нам сегодня чтения, послушаем самых слов божественного Писания. Вчера блаженный Моисей сообщил нам, что "**вода же усиливалась на земле сто пятьдесят дней**" (Быт.7:24); здесь остановилось наше поучение; сегодня он говорит: "**и вспомнил Бог о Ное, и обо всех зверях, и обо всех скотах, и обо всех птицах, и обо всех гадах пресмыкающихся, бывших с ним в ковчеге; и навел Бог ветер на землю, и воды остановились**" (Быт.8:1).

3. Смотри и здесь, какое снисхождение божественного Писания! "**И вспомнил**", говорит, "**Бог**". Будем, возлюбленные понимать эти слова богоприлично, а не в том грубом смысле, в каком свойственно понимать их немощной нашей природе. Это выражение – "**вспомнил**", по отношению к неизреченному существу Божьему, недостойно, но в рассуждении нашей немощи употреблено прилично. "**Вспомнил**", говорит, "**Бог Ноя**". Выше Писание рассказало нам, как мы уже изъяснили вашей любви, что в продолжение сорока дней и стольких же ночей шел дождь, а в течение ста пятидесяти дней вода, поднявшаяся на пятнадцать локтей выше гор, стояла на одной и той же высоте, и что в то время, как это происходило, праведник находился в ковчеге, не будучи в состоянии даже дышать (свежим) воздухом, потому что с ним были и все бессловесные животные. Поэтому оно теперь говорит: "**и вспомнил Бог о Ное**". Что значит – "**вспомнил**"? Умилосердился, то есть, Бог над праведником, жившим в ковчеге; сжалился над ним, когда он был в столь тесном и трудном положении, и не знал, чем окончатся его бедствия. В самом деле, подумай, какими мыслями он волновался после сорока дней и сорока ночей, в которые вода сильно увеличивалась, когда видел, что она в продолжение ста пятидесяти дней стоит на одной и той же высоте и нисколько не спадает; и что еще тягостнее – он не мог даже, будучи заключен в ковчеге, своими глазами посмотреть на то, что сделалось, и от этой невозможности самому видеть постигшие его бедствия, терпел еще большую скорбь, и с каждым днем опасался больших несчастий. Что до меня, я удивляюсь, как он еще не пал под бременем уныния, помышляя и о погибели человеческого рода, и о собственном одиночестве, и о трудной жизни в ковчеге. Но причиной всего доброго была для него вера в Бога, по которой он выдержал и перенес все благодушно, и, питаемый надеждой, не чувствовал никакой неприятности. Итак, поелику Ной сделал со своей стороны все – явил великую веру и показал крепкое мужество и терпение, то смотри, как велика к нему любовь всеблагого Бога. "**И вспомнил Бог о Ное**". Не без причины божественное Писание сказало: "**и вспомнил**"; но, так как оно выше показало нам свидетельство о праведнике самого Бога, сказавшего: "**войди в ковчег, ибо тебя увидел Я праведным передо Мной в роде сем**" (Быт.7:1), поэтому теперь говорит: "**и вспомнил Бог о Ное**", то есть, вспомнил о свидетельстве, которое Сам сделал об нем, и не оставил надолго праведника без внимания, но помедлив дотоле, пока тот мог вынести, наконец, дарует ему Свою благодать. Так, зная немощь нашей природы, Господь, если когда попустит нам впасть в какое-либо искушение, то дает ему продолжаться только дотоле, пока мы, как Он знает, можем вынести, чтобы после того и нам даровать соответственную награду за терпение, и явить собственное человеколюбие, как об этом и Павел говорит: "**верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести**" (1Кор.10:13). Так как и этот праведник показал твердость и терпение, по вере в Бога вынесши пребывание в ковчеге, то "**и вспомнил**", сказано, "**Бог о Ное**". Потом, чтобы ты познал бездну любви Его, божественное Писание присовокупило: "**и обо всех зверях, и обо всех скотах, и обо всех птицах, и обо всех гадах пресмыкающихся, бывших с ним в ковчеге**".

Смотри, как Он все делает в честь человеку! Когда люди гибли от потопа, Он вместе с ними погубил и всех бессловесных животных: так и теперь, желая показать Свою любовь к праведнику, в честь его, простирает Свою благость и на бессловесных животных, и на

зверей, и на птиц, и на гадов. "**И вспомнил**", говорит, "**Бог о Ное**, **и обо всех зверях, и обо всех скотах, и обо всех гадах пресмыкающихся, бывших с ним в ковчеге и навел Бог ветер на землю, и воды остановились**". Вспомнивши, говорит, о Ное и о бывших с ним с ковчеге, Бог повелел остановиться стремлению воды, чтобы Ему постепенно проявлять Свое человеколюбие, и праведнику дать, наконец, облегчение, успокоить его, избавив от волнения помыслов и позволив ему и наслаждаться светом, и дышать воздухом.

"**И навел Бог**", говорит, "**ветер на землю, и воды остановились**. **И закрылись источники бездны и окна небесные**" (Быт.8:2). Смотри, как (Писание) обо всем говорит с нами по-человечески. "**Закрылись**", говорит, **источники бездны и окна небесные**, **и перестал дождь с неба**". Как бы так оно сказало: восхотел Господь, и вода опять стала на своем месте; уже она не умножалась, но постепенно убывала. "**Вода же постепенно возвращалась с земли, и стала убывать вода по окончании ста пятидесяти дней**" (Быт.8:3). Какой ум может когда-либо постигнуть это? Пусть так, – дождь прекратился, источники больше не изливали воды и хляби небесные заключились, но как сбыла столь великая вода? Все было бездной: как же столь великое обилие воды стало вдруг уменьшаться? Кто может объяснить это человеческим умом? Что же сказать? Все совершалось по Божьему повелению.

4. Не станем же и мы исследовать, как это было, но будем только верить, что повелел (Бог), и бездна поднялась высоко; повелел, и она остановилась в своем стремлении и возвратилась в свое место, которое ведомо только самому Господу, создавшему ее. "**И остановился**", говорится, "**ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских. Вода постоянно убывала до десятого месяца; в первый день десятого месяца показались верхи гор**", в первый день месяца (Быт.8:4-5). Смотри, как вдруг произошла перемена, и сколько убыло воды, так что ковчег сел на горах. Выше Писание сказало, что вода поднялась на пятнадцать локтей выше гор, а теперь говорит, что "**остановился ковчег на горах Араратских**", что вода после этого мало-помалу убывала до десятого месяца, а в десятый месяц уже показались вершины гор. Подумай при этом, какова твердость праведника, что он мог выдержать столько месяцев, как бы заключенный во мраке. "**По прошествии сорока дней Ной открыл сделанное им окно ковчега и выпустил ворона, который, вылетев, отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды**" (Быт.8:6-7). Смотри, праведник еще не осмеливается посмотреть сам, но выслал ворона, чтобы через него узнать, можно ли ожидать какой-либо благоприятной перемены. "**Вылетев**", сказано, (ворон) "**отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды**" (Быт. 8:7). Божественное Писание прибавило здесь – **пока** не потому, чтобы ворон впоследствии возвратился в ковчег, но потому, что ему свойственно такое употребление этого выражения. Действительно, это употребление можем найти во многих местах (Писания), на которые мог бы я и указать вам теперь; но, чтобы вы не сделались беспечными, узнавая все от нас, предоставляем вам самим исследовать Писание и отыскать, где оно употребляет такие особенности. А теперь надобно нам показать причину, по которой эта птица не возвратилась в ковчег. Быть может, нечистая эта птица осталась (вне ковчега) потому, что, за убытием воды, усмотрела трупы людей и животных, и в них нашла сродную себе пищу, – а это самое служило для праведника немаловажным основанием к надежде на благоприятную перемену. Если бы не так было, если бы ворон не нашел себе никакой пищи, то он возвратился бы в ковчег. А что это так, видно из того, что праведник, возымев после этого добрую надежду, выпускает голубя, птицу кроткую и любообщительную, которая выказывает особенное незлобие и не любит питаться ничем другим, как только семенами, потому что принадлежит к породе чистых птиц. "**Выпустил**", сказано, "**от себя голубя чтобы видеть, сошла ли вода с лица земли**" (Быт.8:8). "**И не нашел голубь места покоя для ног своих и возвратился к нему в**

ковчег, ибо вода была еще на поверхности всей земли" (Быт.8:9). Здесь представляется вопрос, почему святое Писание, выше сказав, что "**показались верхи гор**" (Быт.8:5), теперь говорит, этот голубь, не найдя покоя, возвратился к Ною в ковчег, "**ибо вода была еще на поверхности всей земли**". Прочтем внимательно эти слова – и узнаем причину. Писание не сказало только: не "**нашел покоя**", но прибавило: "**ногами своими**", дабы показать нам, что, хотя вода и убыла отчасти и показались вершины гор, однако же, и эти самые вершины, от наводнения, были еще покрыты грязью, или наполнены жидким илом. Вот почему голубь не мог ни сесть где-либо, ни найти сродной себе пищи, и возвратился в ковчег, давая этим понять праведнику, что воды еще много на земле. "**И простер руку, и взял его, и принял к себе в ковчег**". Видишь, как признательна эта птица, как она своим возвращением в ковчег и присутствием там внушала праведнику потерпеть еще несколько? Потому, "**и помедлив**", сказано, "**еще семь дней**", "**выпустил голубя из ковчега**" (Быт.8:10). "**Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот, свежий масличный лист во рту у него**" (Быт.8:11). Слово – "**к вечеру**" – употреблено здесь не просто и не без цели, но дабы мы знали, что голубица провела (вне ковчега) весь день, и, найдя сродную себе пищу, возвратилась уже вечером, с масличной веткой во рту. Таково это животное, – кроткое, любящее всегда быть в сообществе: поэтому-то оно и возвратилось в ковчег и в масличной ветке принесло праведнику великое утешение. Но, может быть, кто-либо скажет: где же голубица нашла масличную ветку? Все было делом Промысла Божия, и то, что нашлась ветка, и то, что голубица взяла ее в рот, и с ней возвратилась к праведнику; а с другой стороны известно, что это (масличное) дерево всегда зелено, и, вероятно, по опадении воды, имело еще на себе листья. "**И помедлив**", сказано, "**еще семь дней других, выпустил голубя; и он уже не возвратился к нему**" (Быт.8:12). Смотри, как праведник от всего получает достаточное утешение. Как по возвращении голубицы с масличной ветвью в устах он возымел приятную надежду, так и теперь невозвращение выпущенной голубицы послужило для него самым убедительным доказательством того, что она нашла себе полное успокоение, и что вода совсем скрылась. А для убеждения в справедливости этого, выслушай, что следует далее. "**И было**", сказано, "**шестьсот первого года к первому дню первого месяца, иссякла вода на земле; и открыл Ной кровлю ковчега и посмотрел, и вот, обсохла поверхность земли**" (Быт.8:13).

5. Вот и здесь я невольно удивляюсь и изумляюсь как добродетели праведника, так и человеколюбию Господа. Как, в самом деле, скажи мне, спустя столь долгое время, вышедши на воздух и возведши взор на небо, он не ослеп и не лишился зрения? Вы хорошо знаете, что так именно случается обычно с людьми, которые, пробыв хоть недолго в темных и мрачных местах, захотят вдруг взглянуть на яркий свет (солнца). А этот праведник, целый год и столько месяцев пробыв в ковчеге, как в темнице, и теперь, вдруг вышедши на полный свет, не потерпел ничего подобного. Это потому, что благодать Божия, в награду за его терпение, укрепила телесные чувства его и сделала их недоступными для немощей телесных. "**И во втором месяце, к двадцать седьмому дню месяца, земля высохла**" (Быт.8:14). Не без причины божественное Писание показывает, такую обстоятельность, но для того, чтобы мы знали, что исполнился, даже до единого дня, тот год, в который обнаружилось терпение праведника и совершилось очищение всей земли. Потом, когда вся тварь как бы омылась от нечистоты, сбросив с себя всю скверну, которую произвело на ней злочестие людей, и светлым сделалось лицо ее, тогда-то уже Бог повелевает праведнику выйти из ковчега и освобождает его из этой страшной темницы. "**И сказал**", говорится, Бог Ною: выйди "**из ковчега ты и жена твоя, и сыновья твои, и жены сынов твоих с тобой; выведи с собой всех животных, которые с тобой, от всякой плоти, из птиц, и скотов, и всех гадов, пресмыкающихся по земле: пусть разойдутся они по земле, и пусть плодятся и размножаются на земле**" (Быт.8:16-17). Смотри на благость Божью, как Он всячески утешает праведника. Так как

Господь повелел выйти из ковчега Ною, и сыновьям, и жене, и женам сыновей его, и всем зверям, то, чтобы и это самое не навело опять на него великого уныния и не обеспокоило его мыслью о том, как он будет жить на такой обширной земле, как в пустыне, один, без других людей, (Бог), сказав: "**выйди**" из ковчега "**и всех выведи с собой**", присовокупил: "**и пусть плодятся и размножаются на земле**".

Смотри, как этот праведник снова получает то благословение, которое получил Адам до преступления. Как тот, тотчас по сотворении своем, услышал: "**плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ей**" (Быт.1:28), так и этот теперь: "**плодитесь и размножайтесь на земле**", потому что как Адам был началом и корнем всех живших до потопа, так и этот праведник становится как бы закваской, началом и корнем всех после потопа. Отсюда-то уже начинается устройство общества человеческого, и восприемлет свою красоту вся природа, – земля, которая возбуждается к плодоношению, и все прочие твари, которые созданы на службу человеку. "**И вышел Ной**", говорится, "**и сыновья его, и жена его, и жены сынов его с ним; все звери, и все гады, и все птицы, все движущееся по земле, по родам своим, вышли из ковчега**" (Быт.8:18-19). По повелению, то есть, Господа, Ной, приняв благословение, вещавшее: "**плодитесь и размножайтесь**", вышел из ковчега со всеми там бывшими. И вот на всей земле один был житель – праведник с женой, сыновьями и их женами. Но тотчас же по выходе из ковчега, он выказывает свою признательность, и возносит к Господу своему благодарение, как за прошедшее, так и за будущее. Но, если угодно, чтобы не распространять слова, отложим рассуждение о благопризнательности праведника до следующего дня; нынешнее же слово остановим на этом, и попросим вашу любовь постоянно иметь в уме своем этого блаженного (Ноя), тщательно изучать красоту его добродетели, и быть его подражателями. Смотрите, в самом деле, как велико богатство его добродетели: сколько уже дней мы рассматривали повествование о нем, – и сегодня еще не могли окончить этого рассмотрения. И что говорю – окончить? Сколько мы ни будем говорить, не можем сказать все; нет, пусть многое скажем мы и даже наши потомки, но конца еще не будет: такова добродетель. Если мы захотим, то праведник этот может научить весь род наш и руководить к добродетели. В самом деле, когда он, и живя среди такого множества злых людей, и не умея найти ни одного человека, подобного ему по нравам, достиг до такой высокой добродетели, то чем оправдаемся мы, которые, не имея таких препятствий, не радим о добрых делах? Не говори мне о том только, как он прожил пятьсот лет, терпя насмешки и ругательства от нечестивых, но подумай и о его жизни в ковчеге. Год этой жизни, мне кажется, стоит целой жизни: столько-то скорби он должен был перенести там, находясь в такой тесноте, не имея возможности и дышать (свежим воздухом), и принужденный жить вместе со зверями и другими бессловесными тварями. И, однако же, среди всех этих обстоятельств, он сохранил твердость духа и непреклонность воли, и показал веру в Бога, по которой и перенес все благодушно и легко. Вот почему он, так как сделал все со своей стороны, получил и от Бога щедрое воздаяние. Если он и терпел великую тесноту, живя в ковчеге, за то спасся от страшного потопа и всемирной гибели, за то, после такой тесноты и тяжкого заключения, получил свободу и покой, удостоился благословения Божия. Потом он опять обнаружил свою благопризнательность на деле; словом, везде он сам начинал делать доброе. Как в первую половину своей жизни (до потопа) он ревновал о добродетели и уклонялся от нечестия злых, за что и не подвергся вместе с ними наказанию, но, когда все погибли от потопа, один он был спасен, так и после явил он великую веру и с благодарностью перенес жизнь в ковчеге, а за это опять получил и от Бога щедрую награду, тотчас, по выходе из ковчега и по возвращении в прежнее состояние, удостоился Божьего благословения. Потом он и опять показал со своей стороны признательность и принес, по силам своим, благодарность Богу, и за это удостоился от человеколюбивого Бога еще больших милостей. Таков обычай у Бога. Если мы со своей стороны сделаем что-либо, хотя малое и незначительное,

но лишь только сделаем, Он всегда дарует нам богатые милости. А чтобы тебе удостовериться и в крайней скудости (приношений) человеческих и в щедродательности Господа твоего, подумай вот о чем. Пусть мы решимся что-либо принести Ему, но что можем представить более, кроме словесной благодарности? А Его милости к нам совершаются на деле. Как же сравнивать дела со словами? Господь наш, не имея ни в чем нужды, не требует ничего нашего, кроме только слов; да и словесной благодарности требует не потому, чтобы Сам нуждался в ней, но чтобы научить нас быть признательными к Подателю блага. Вот почему и Павел, написав (к колоссянам), говорил: **будьте дружелюбны** (Колос.3:15). Ничего, в самом деле, так не требует от нас Господь, как этой добродетели. Не будем же непризнательны, и, получая благодеяния на деле, не поленимся возносить Господу благодарение на словах, потому что польза от этого обращается к нам же. Если мы бываем благодарны за прежние (милости Божьи), то этим приобретаем себе надежное средство получить еще большие. Только, прошу, будем, если возможно, каждый день и час размышлять не об общих только благодеяниях, которые Создатель всяческих явил всему роду человеческому, но и о частных, оказываемых каждому из нас.

И что говорю – о частных и оказываемых каждому из нас? Мы должны благодарить и за те благодеяния, которые получаем, сами того не ведая. Заботясь о нашем спасении, Господь являет нам много таких благодеяний, о которых мы и не знаем, – часто избавляет нас и от опасностей, и другие оказывает нам милости. Он – источник человеколюбия, никогда не перестающий изливать Свои потоки на род человеческий. Итак, если мы будем размышлять об этом, и постараемся и возносить к Господу благодарения за прежние милости, и располагать себя к признательности за последующие, чтобы не оказаться недостойными благодеяний Его, – то будем в состоянии и жизнь вести лучшую, и уберечься от греха. Память о милостях Божьих будет, для нас достаточным наставником добродетельной жизни, и не позволит нам впасть в беспечность и самозабвение, и предаться греху. Действительно, внимательная и бдительная душа выказывает признательность, не тогда только, когда дела текут благоприятно; нет, пусть последует и неблагоприятная перемена обстоятельств, и тогда она возносит к Богу такую же благодарность. От этой перемены она не ослабевает, но тем более укрепляется, помышляя о неизреченной попечительности Господа, и о том, что Он, будучи пребогат, и всесилен, может явить Свою (о нас) заботливость даже и в неблагоприятных обстоятельствах, хотя мы и не в состоянии ясно понять это.

6. Итак, предоставляя всем обстоятельствам, касающимся нас, идти как угодно, станем со своей стороны заботиться только о том, чтобы непрестанно благодарить Бога за все. Мы для того ведь и созданы разумными и столько возвышены над бессловесными, чтобы возносили к Создателю всяческих непрестанные хвалы и славословия. Он для того вдохнул в нас душу и даровал нам язык, чтобы мы, чувствуя Его благодеяния к нам, и признавали власть Его над нами, и выказывали свою признательность, и, по силам своим, возносили к Господу благодарность. Если подобные нам люди, оказав нам какое-нибудь часто и маловажное благодеяние, требуют за это от нас благодарности, не ради нашей, впрочем, признательности, но чтобы и самим прославиться через это, то тем более мы должны так поступать по отношению к человеколюбивому Богу, Который хочет этого единственно для нашей пользы. Благодарность, приносимая людям за их благодеяния, умножает славу самих благодетелей; но, когда мы возносим благодарность к человеколюбивому Богу, то умножаем свою собственную славу, потому что Он требует от нас благодарности не потому, чтобы нуждался в нашем прославлении, но чтобы вся польза обратилась на нас же, и мы сделались достойными больших милостей Его. Правда, мы не в состоянии достойно возблагодарить Его: да и как бы мы могли, имея такую слабую природу? И что я говорю о человеческой природе? Даже бестелесные и

невидимые силы – и начала, и власти, и херувимы, и серафимы не могут достойно возблагодарить и прославить Его. Однако же, наш долг приносить посильную благодарность, и непрестанно прославлять Господа нашего и словами и добродетельной жизнью. Это-то и есть самое лучшее прославление, когда мы возносим славословие бесчисленными устами. Добродетельный всех, кто ни смотрит на него, заставляет хвалить своего Господа; а славословие их привлекает великую и неизреченную милость от Господа на того, кто побудил их к нему. Что же будет блаженнее нас, если мы решимся не только сами собственными устами прославлять благого Бога, но и всех ближних возбуждать к совокупному с нами славословию? А такова сила добродетели (и у одного человека), что может прославлять Создателя бесчисленными устами. Так, возлюбленный, ничто не может сравняться с добродетельной жизнью. Потому-то и Господь говорил: "**так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Мф.5:16). Видал ты, как свет, лишь явится, прогоняет тьму? Так и добродетель своим появлением обращает в бегство грех, и, рассеяв мрак заблуждения, возбуждает души взирающих на нее к славословию. Постараемся же, да светят дела наши так, чтобы прославлялся Господь наш. И Христос сказал так не для того, чтобы мы делали что-либо на показ; нет, но чтобы, живя честно и согласно с волей Божьей, никому не подавали повода к богохульству, и своими добрыми делами располагали всякого, кто только видит нас, к прославлению Господа всей твари. Тогда-то мы и заслужим от Него особенное благоволение, и возможем избегнуть наказания, и получить неизреченные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 27

“И устроил Ной жертвенник Господу; и взял из всякого скота чистого и из всех птиц чистых и принес во всесожжение на жертвеннике” (Быт. 8:20).

1. Вчера мы видели благость человеколюбивого Господа, как Он вывел праведника из ковчега, освободил его от пребывания в нем, избавил от этого тяжкого и страшного заключения, и наградил за терпение, сказав: “пусть плодятся и размножаются” (Быт. 8:17). Сегодня посмотрим на признательность и благодарность Ноя, которою он приобрел себе еще большее и высшее благоволение Божие. Так всегда поступает Бог: когда увидит кого благодарным за прежнее, то ниспосылает ему еще большие дары. Постараемся же и мы возносить ко Господу посильную благодарность за блага, нам дарованные от Него, чтобы нам удостоиться еще и больших; и не будем никогда забывать оказанных нам благодеяний Божиих, но всегда будем содержать их в уме нашем, дабы памятование о них побуждало нас к постоянной благодарности, хотя они так многочисленны, что ум наш не в состоянии и исчислить Божьи щедроты к нам. В самом деле, кто может и представить себе все, что уже вам даровано (от Бога), что обещано, что подается каждый день? Он привел нас из небытия в бытие, даровал нам и тело и душу, сотворил нас (существами) разумными, дал нам этот воздух для дыхания, устроил всю тварь для рода человеческого и восхотел сначала, чтобы человек наслаждался пребыванием в раю, проводил жизнь без печали и без всякого труда, и, будучи в теле, ни в чем не уступал ангелам и бестелесным силам, но был выше нужд телесных. Потом, когда (человек), по беспечности, был уловлен лестью диавола посредством змия, (Бог) и тогда не перестал благодетельствовать преступному грешнику, но в самых наказаниях, как я сказал уже вчера, явил избыток Своего человеколюбия и оказал ему многоразличные и бесчисленные благодеяния. Наконец, когда, по умножении в последующее время рода человеческого и уклонении его к нечестию, Бог увидел, что раны неизлечимы, то истребил творящих зло, как бы некую вредную закваску, оставив этого праведника (Ноя) с тем, чтобы он стал корнем и

начатком рода человеческого. И смотри опять, какое являет ему благоволение. От этого праведника и от сыновей его Он благоволил размножить род человеческий до такого великого числа, постепенно избирал праведников, т.е. патриархов, и поставил их для прочих людей учителями, которые могли всех назидать своими добродетелями и, подобно врачам, врачевать болевших. Он ведет их то в Палестину, то в Египет, упражняя этим и терпение рабов своих, и вместе яснее открывая собственную силу; и постоянно потом продолжал заботиться о спасении людей, посылая пророков, и чрез них совершая знамения и чудеса. Кратко сказать, как морских волн, мы никогда не можем перечислить, хотя бы тысячу раз принимались за это, так (не можем исчислить) и разнообразных благодеяний Божиих, которые Он явил роду нашему. Наконец, когда (Бог) увидел, что, и после такого промышления, естество человеческое имеет еще нужду в великом и неизреченном человеколюбии, и что нисколько не помогают ни патриархи, ни пророки, ни те изумительные чудеса, ни наказания и внушения, так часто повторяемые, ни те пленения, непрерывно следовавшие одно за другим, - тогда, как бы сжалившись над нашим родом, послал к нам врача душ и телес, воздвигнув, так сказать, от отеческих недр Единородного Сына Своего, Который благоволил принять образ раба (Флп.2:7) и родиться от Девы, жить вместе с нами и претерпеть все наши (нужды), дабы нашу природу, лежащую долу от множества грехов, возвести от земли на небо. Этому-то удивляясь и представляя чрезмерность любви Божией к роду человеческому, сын громов восклицал: “Ибо так возлюбил Бог мир”(Ин.3:16). Смотри, какое удивление выражается в этом изречении! Словом “так” указывает на важность того, о чем хочет он сказать; вот почему он начал так. Скажи же нам, блаженный Иоанн, как “так”? Укажи нам меру, покажи величие, открой превосходство (любви Божией). “Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную”.Видишь, причина пришествия Сына (Божия) та, чтобы люди, которым угрожала погибель, получили спасение чрез веру в Него? Кто может обнять мыслию великое, дивное и непостижимое для ума благоволение, которое Бог явил нашей природе в даре крещения, даровав нам отпущение всех наших грехов? Но что и говорить? Ни мысль не в состоянии, ни слово не в силах исчислить прочих (благодеяний Божиих). Сколько бы я ни сказал, остальное все еще будет таково, что своею чрезмерностью превзойдет то, что уже сказано. Так, кто может постигнуть умом тот путь покаяния, который (Бог) по неизреченному Своему человеколюбию открыл роду нашему, и, после дара крещения, те чудные заповеди, посредством (исполнения) которых мы, если захотим, можем снискать Его благоволение?

2. Видишь, возлюбленный, бездну (Божиих) благодеяний? Видишь, сколько их мы перечислили, и однако же не могли пересказать и малой части их? Как, в самом деле, может человеческий язык изобразить словом то, что сделано для нас Богом? И между тем, как столь многочисленны и велики эти (благодеяния), еще гораздо больше и неизъяснимее те блага, которые Он обещал, после здешней жизни, в будущем веке, идущим по пути добродетели. Блаженный Павел, желая в немногих словах представить нам чрезмерное их величие, говорит: “**Но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его**” (1Кор.2:9). Видишь чрезмерность даров? Видишь, что Его благодеяния превышают всякое понятие человеческое? Да “на **сердце**”, говорит, “**не приходило**”. Итак, если мы захотим размышлять о них и воздавать по силам нашим благодарность (Богу), то можем и снискать еще большее Его благоволение, и возбудить в себе сильнейшее расположение к добродетели. В самом деле, памятование о благодеяниях сильно возбуждает к подвигам добродетели и располагает человека презирать все настоящее, прилепляться к столь великому Благодетелю и ежедневно выказывать живую любовь к Нему. Вот почему, и этот праведник (Ной) удостоился такого благоволения и почести от Бога за то, что показал великую признательность за прежние благодеяния. Но чтобы слово наше было для вас

яснее, надобно предложить вашей любви самое начало сегодняшнего чтения. После того, как Ной, по повелению Господа, вышел из ковчега вместе с сыновьями, с своею женою и с женами сыновей, со всеми зверями и птицами, и по выходе принял от Бога весьма утешительное для него благословение: "**пусть плодятся и размножаются**", - божественное Писание, показывая нам признательность праведника, говорит: "**И устроил Ной жертвенник Господу; и взял из всякого скота чистого и из всех птиц чистых и принес во всесожжение на жертвеннике**" (Быт.8:20). Усматривай тщательно, возлюбленный, и из этих слов, как Создатель всяческих в самую природу нашу вложил точное понятие о добродетели. Откуда, в самом деле, скажи мне, пришло это (на ум) праведнику? Ни в ком другом он не видел примера для себя. Но как в начале сын первого человека, т.е. Авель, по собственному внутреннему побуждению принес жертву (Богу) с великою разборчивостью, так и теперь этот праведник возносит, посредством жертв, благодарность к Господу по собственному произволению и здравому рассуждению, как только мог и как судил по-человечески. И посмотри, с какою великою мудростью он все делает. Ему не понадобилось ни великолепное здание, ни храм, ни какой-нибудь чудный дом, ни другое что: он знал, хорошо знал, что Господь ищет только (доброго) расположения; и вот, устроив наскоро жертвенник и взяв некоторых из чистых животных и из чистых птиц, он принес жертву всесожжения, и этим, сколько мог, выразил искреннюю свою признательность; а человеколюбивый Бог, приняв эту благодарность, увенчал его усердие и вновь явил ему Свое благоволение. "**И обонял**, - говорит Писание, - **Господь приятное благоухание**" (ст. 21). Видишь, как расположение приносящего сделало благовонным дым, и смрад, и все, что ни было неприятного при этом (сожжении животных). Вот почему и Павел сказал в послании своем: "**Ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих**: **для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь**" (2Кор.2:15-16). "**Приятное благоухание** (обонял Господь)". Не соблазняйся грубостью выражения, но, причиною такого снисхождения в словах признав собственную твою слабость, уразумей отсюда, что приношение праведника было приятно (Богу). А чтобы мы из самого опыта могли знать, что сам Господь не нуждается ни в чем, и жертву (Ноя) благоволил принять не для чего другого, как для возбуждения людей к благодарности, для этого Он попускает все истреблять огню, дабы и сами приносящие познавали отсюда, что все делается для их же пользы. Для чего же, скажи мне, Он и вообще попускает приносить Ему жертвы? Опять по снисхождению к слабости человеческой. Так как люди, мало-помалу предавшись беспечности, имели впоследствии изобрести себе богов и им приносить жертвы, то Бог предварительно благоволил, чтобы жертвы приносились Ему, дабы, по крайней мере, через это отклонить от гибельные заблуждения имевших предаться нечестию. А что все это допущено Им действительно по снисхождению, смотри, как впоследствии времени Он благоволил установить и обрезание, не потому, чтобы оно могло сколько-нибудь содействовать спасению души, но для того, чтобы Иудеи носили его на себе, как бы какой знак и печать, в доказательство своей благодарности, и чтобы не могли смешиваться с язычниками.

3. Вот почему блаженный Павел называет обрезание знамением, говоря: "**И знак обрезания он получил, [как] печать праведности**" (Рим.4:11). А что оно нисколько не служит к оправданию, доказательством тому вот и этот праведник (Ной), который достиг до такой (высокой) добродетели, когда еще не было установлено обрезание. И что говорю? Сам патриарх Авраам, еще до принятия обрезания, был оправдан одною верою. Еще до обрезания, говорит Писание: "**Поверил Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность**" (Рим.4:3). Что же ты, Иудей, гордишься обрезанием? Знай, что и до него много было праведников. Вот Авель по вере принес жертву, как и Павел говорит о нем: "**Верою Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин**" (Евр.11:4); и Енох преложен, и Ной избавлен от страшного потопа за свою великую праведность; и Авраам,

еще до обрезания, прославлен за веру в Бога. Так издревле и изначала род человеческий получал спасение от веры. Потому и человеколюбивый Господь попустил приносить Себе жертвы, чтобы посредством их люди, тогда еще менее совершенные, могли и выразить Богу свою благодарность, и избегнуть заразы идолослужения. Если, в самом деле, и после такого снисхождения многие не избегли падения, то кто мог бы избегнуть гибельного заблуждения, когда бы не было употреблено такого снисхождения? "**И обонял Господь приятное благоухание**". Но не так (поступил Он) с неблагодарными Иудеями. Как же? Послушай пророка, который говорит: "**Курение отвратительно для Меня**" (Ис.1:13), указывая на нечистоту внутреннего расположения приносящих. Как там добродетель праведника сделала дым и смрад водою благоухания, так здесь порочность приносящих сделала и благовонный фимиам отвратительным для обоняния. Итак, прошу, постараемся во всем показывать чистое расположение. Оно бывает причиною всех благ. Благий Господь, обыкновенно, обращает внимание не столько на наши жертвы, сколько на внутреннее расположение, с каким мы их совершаем, и, судя по нему, или приемлет, или отвергает наши жертвы. Итак, молимся ли мы, постимся ли, подаем ли милостыню (потому что это - наши духовные жертвы), или совершаем какое-либо другое духовное дело, будем делать все это от чистого расположения, чтобы получить и достойный венец за труды. Весьма ведь странно будет, если мы труды станем переносить, а награды лишимся, когда, т.е., будем совершать добродетель не по законам, данным от Бога. А можно, по неизреченному человеколюбию Божию, и не совершив дела, получить венец за одно только расположение; чтобы убедиться в этом, посмотри на милостыню. Когда ты увидишь человека, лежащего на торжище и одержимого крайнею бедностью, и поболезнуешь о нем, и тут же, устремив ум свой к небу, возблагодаришь Господа и за свое собственное положение, и за терпение этого бедняка, то, хотя и не будешь в состоянии удовлетворить и утолить его голод, получишь, однако ж, полную награду за свое доброе расположение. Потому-то и Господь сказал: "**И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей**" (Мф.10:42). Что мало важнее стакана холодной воды? Но (доброе) расположение и за это получает награду. То же самое найдем и в противном случае. Долгом считаю говорить об этом вашей любви для того, чтобы вы, узнав это с точностью, укоренили в себе чистое (сердечное) расположение. Послушай, что говорит Христос: "**Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем**" (Мф.5:28). Видишь, и здесь опять нечистое расположение подвергается осуждению, и за нескромный взгляд полагается наказание, как будто бы уже блуд совершен был на самом деле? Итак, зная это, будем всячески охранять чистоту нашего расположения, чтобы оно соделало наши приношения благоугодными (Богу). Если оно (у Ноя) сделало дым и смрад вонею благоухания, то чего не сделает с нашими духовными жертвами, и какого не приобретет нам благоволения свыше? "**И обонял**, - сказано, **- Господь приятное благоухание**". Видишь, какова жертва праведника, - как она по внешности незначительна, но по чистоте его расположения является весьма великою? Смотри же теперь на беспредельную благость человеколюбивого Господа. "**И сказал Господь в сердце Своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого - зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал: впредь во все дни земли**" (Быт.8:21,22).

4. Какая необычайная важность благодеяния, какое величие человеколюбия, какой неизреченный избыток снисхождения! "**И сказал Господь в сердце Своем**". И это выражение - **сказал Господь в сердце Своем** - употреблено человекообразно и приспособительно к нашей природе. "**Не буду больше проклинать землю за человека**". Бог проклял ее за первого человека, сказав: "**Терния и волчцы произрастит она тебе**" (Быт.3:18), и потом также за Каина. И вот, так как Он, и теперь навел (на землю) такую всеобщую гибель, то, чтобы утешить праведника и ободрить его, - чтобы, т.е., он не

подумал про себя: что за польза от данного (Богом) благословения и от слов: "**Пусть плодятся и размножаются**", если мы, и размножившись, должны будем опять погибнуть, ведь Он и Адаму сказал: "**Пусть плодятся и размножаются**", и однако ж, навел потоп, - чтобы, говорю, Ной не подумал так и от этой мысли не чувствовал в душе своей постоянного беспокойства, смотри, какое Господь являет человеколюбие! "**Не буду**, **-** говорит, **- больше проклинать землю за человека**". Смотри, как ясно показал (Бог), что Он наложил проклятие на землю за нечестие людей. Потом, чтобы мы не подумали, будто Он теперь дал такое обещание потому, что они сделались лучше, говорит: "**Потому что помышление сердца человеческого - зло от юности его**". Необыкновенный вид человеколюбия! Так как "**помышление сердца человеческого - зло от юности его**", поэтому говорит, **-** "**Не буду больше проклинать землю**". Я, говорит, сделал Свое дело, и раз и два; но так как вижу, что зло растет, то обещаю более уже не проклинать землю. Затем, желая показать великость Своего человеколюбия, присовокупил: "**И не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал: впредь во все дни земли**". Смотри, как Бог всем этим подает праведнику величайшее утешение, а лучше сказать, не одному праведнику, но, по Своей благости, и всему имевшему произойти от него роду человеческому. Слова: "**Не буду больше поражать всего живущего**"**, -** и: "**как Я сделал**"**, -** и: "**впредь во все дни земли**", - означают то, что никогда уже не будет такого потопа и не постигнет вселенную такое всеобщее истребление. Вместе с тем (Бог) показывает и непрерывность Своего благодеяния; "**во все**, **-** говорит, **- дни**", **-** т.е. обещаю во веки не являть уже такого гнева и не производить такого расстройства в порядке времен года и в состоянии стихий? Потому и присовокупил: "**Сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся**" (Быт.8:22). Этот порядок, говорит, будет неизменен, земля никогда не перестанет давать свои произрастания роду человеческому и вознаграждать за труды земледелия; и времена года не будут перемешиваться, но холод и зной, лето и весна будут в свое время года. Так как во время потопа произошло нарушение всего этого порядка и праведник в ковчеге провел все это время, как бы одну (непрерывную) ночь, то (Бог) говорит: теперь уже ни день, ни ночь не оставят своего течения, но их служение будет неизменно до скончания века. Видишь утешение, достаточно сильное, чтобы ободрить душу праведника? Видишь, какую он получил награду за свою признательность? Послушай же и в последующих словах, какую неизреченную благость явил ему Бог. "**И благословил**, **-** сказано, **- Бог Ноя и сынов его и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю**. **Да страшатся и да трепещут вас все звери земные, и все птицы небесные, все, что движется на земле, и все рыбы морские: в ваши руки отданы они**; **все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все; только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте**" (Быт. 9:1-4). Нельзя здесь не подивиться безмерной благости Господа. Смотри, в самом деле, праведник этот удостаивается того же самого благословения, какого (удостоился) Адам, и утраченное Адамом владычество возвращает себе своею добродетелью, или - лучше сказать - по неизреченному человеколюбию Господа. Как тому (Бог) сказал: "**Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими**, **и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле**" (Быт.1:28), так говорит и теперь: "**Да страшатся и да трепещут вас все звери земные, и все птицы небесные, все, что движется на земле, и все рыбы морские: в ваши руки отданы они**; **все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все; только плоти с душею ее, с кровью ее, не ешьте**". Смотри, здесь соблюдается, только в другом виде, тоже самое правило, как и в отношении к первому человеку. Как там, Бог, даровав (Адаму) власть над всем, и, дозволив наслаждаться райскими плодами, повелел только воздерживаться от одного дерева, так и здесь, преподав (Ною) благословение и сделав его страшным для зверей и подчинив ему всех пресмыкающихся и птиц, говорит: "**Все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все**". С этого-

то времени начинается употребление в пищу мяса, не для того, чтобы через это возбудить людей к чревоугодию, но, так как они должны были животных приносить в жертву и через это воздавать благодарность Господу, то, чтобы они не вздумали воздерживаться от употребления их, как посвященных Богу, Он дает людям позволение употреблять животных в пищу, и через это освобождает их от всякого недоумения. "**Как зелень травную**, **-** говорит, **- даю вам все**". Потом, как Адаму, дозволив пользоваться всем, Бог повелел воздерживаться от одного дерева, так и здесь, дозволив свободно употреблять в пищу все, говорит: "**Только плоти с душею ее, с кровью ее, не ешьте**". Что же означают эти слова? Что такое: "**плоти с душею ее, с кровью ее**"? - Это значит - удавленина - потому что кровь есть душа животного.

5. Так, в виду того, что люди должны были со временем приносить животных в жертву Богу, Он как бы дает им такое наставление: кровь назначена Мне, а мясо вам. А это делает Он для того, чтобы с самого начала остановить в них наклонность к человекоубийству. А что это правда, и что Бог дает эту заповедь людям с намерением сделать их более кроткими, слушай следующие слова: "**Я взыщу и вашу кровь**, - говорит, - **[в которой] жизнь ваша, взыщу ее от всякого зверя, взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его**" (Быт.9:5). Что же? Душа человека в крови? Нет, не это хочет сказать Бог, но выразился так по обычаю человеческому, как если бы один человек сказал другому: я держу в руках моих твою кровь, вместо: имею власть умертвить тебя. А что душа человеческая не заключается в крови, об этом послушай Христа, который говорит: "**Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить**" (Мф.10:28). Смотри еще, какое (Бог) употребил особенное выражение. "**Кто прольет**, **-** говорит, **- кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию**" (Быт.9:6). Подумай, как этим изречением Он усилил страх. Если, говорит, ни одинаковость происхождения не останавливает тебя, ни единство природы не удерживает от злого предприятия, если ты, отвергнув братское сочувствие, весь предаешься этому гнусному замыслу, то подумай, что он (человек) создан, по образу Божию, удостоен от Бога столь высокого преимущества и получил власть над всею природою, и оставь злое намерение. Что же, скажешь, если кто совершит бесчисленные убийства, и прольет множество крови, - такой человек будет ли достойно наказан, когда будет пролита только кровь его одного? Не рассуждай так, любезный, но подумай о том, что этот человек, недолго спустя, получит нетленное тело, которое будет в состоянии терпеть непрестанное и вечное мучение. Заметь и то, с какою точностью Бог изрек заповедь. О человеке говорит: не проливай крови, а о бессловесных не сказал: не проливай, но: "**Только плоти с душею ее, с кровью ее, не ешьте**". Там - не проливай; здесь - не вкушай. Видишь, как не тяжки законы Его? Как легки и удобоисполнимы заповеди Его? Как Он не требует от нашей природы ничего трудного и невыносимого? Иные, конечно, говорят, что кровь животных тяжела, земляниста и вредна для здоровья; но мы должны воздерживаться от нее не по этому умствованию, но ради заповеди Господней. Далее, чтобы мы верно узнали, для чего Бог изрек эту заповедь с такою точностью, для обуздания т.е. наклонности людей к убийству, Он говорит: "**Вы же плодитесь и размножайтесь, и распространяйтесь по земле, и умножайтесь на ней**" (Быт.9:7). Не без цели сказал: "**Вы же**", **-** но как бы так говоря: вы, немногие, малочисленные, наполните всю землю и обладайте ею, т.е. имейте над нею господство и власть, и пользуйтесь ею. Смотри на человеколюбие Божие, как Он наперед оказывает великие благодеяния, а потом уже дает и закон и заповедь. И как Адама Он наперед поселил в раю и даровал ему столько наслаждений, а потом уже повелел воздерживаться от древа, так и здесь. Сперва Бог обещал, что Он более не наведет такого всеобщего истребления, и не покажет такого гнева, но оставит все стихии неизменно совершающими до скончания века свое течение и сохраняющими свой порядок; сперва удостоил их (Ноя и сыновей его) благословения, даровал им прежнюю власть над всеми животными и

разрешил употреблять их в пищу; потом уже говорит: “**Только плоти с душею ее, с кровью ее, не ешьте**”. Видишь, как Он наперед благодетельствует и являет неизреченные щедроты, а потом уже дает и заповеди? А у людей бывает не так. Люди наперед хотят, чтобы их приказания были исполнены, и чтобы принимающие и исполняющие их приказания показали при этом полное усердие, а потом уже думают и о вознаграждении тех, которые оказали совершенную покорность. Но общий всех Владыка поступает напротив: наперед благодетельствует и множеством благодеяний привлекает к себе нашу природу, а потом уже дает легкие и удобоисполнимые заповеди, чтобы мы, побуждаясь и легкостью заповедей, и полученными благодеяниями, ревностно старались об их исполнении. Итак, возлюбленные, не будем беспечны и нерадивы касательно исполнения заповедей, размышляя и о прежних благодеяниях (Божиих), и о легкости заповедей, и о великости наград, уготованных нам за их исполнение; будем бдительны и усердны в исполнении данных нам от Бога заповедей, в не оставим тех путей, которые Он указал нашей природе для спасения душ наших, но, воспользовавшись, как должно остальным временем нашей жизни, очистимся от грехов и постараемся заблаговременно приобрести себе великое дерзновение особенно же теперь, когда еще остается часть святой четыредесятницы.

6. В самом деле, и оставшегося числа дней будет для нас не мало, если только мы захотим, хотя несколько, быть усерднее. Говорю это не потому, будто для исправления нашего от грехов требуется только это недолгое время, но потому, что Господь наш человеколюбив и милостив, и что для Него не нужно много времени; только бы мы приступили к Нему с великим усердием и готовностью, отрешившись от всего житейского и предавшись горнему влечению. Так ниневитяне, обремененные таким множеством грехов, как только показали полное и искреннее раскаяние, то не больше, как в три дня, успели умилостивить Бога и отменить произнесенный против них приговор (Иона.3:10). И что говорить о ниневитянах? Разбойнику на кресте не нужно было и одного дня. Что говорю - одного дня? Даже и краткого часа. Таково Божие к нам милосердие! Когда Он видит, что наша решимость (исправиться) тверда, и что мы приступаем с пламенным усердием, то не медлит и не отлагает, но скоро являет нам свою благость, и говорит: “**Возопиешь, и Он скажет: "вот Я!"** (Ис.58:9).

Итак, решимся и мы в эти немногие дни показать сколько-нибудь ревности и по надлежащему воспользоваться пособием поста. Оставив беспечность, будем возносить усердные молитвы ко Господу, проливать горячие слезы, постоянно осуждать грехи свои, показывать Ему, как врачу, наши раны и открывать язвы души, испрашивать у Него врачевания и делать все прочее, что следует нам - сокрушение сердца, глубокое смирение, щедрую милостыню, а страсти, возмущающие наш ум, обуздывать и изгонять из души нашей, не предаваться корыстолюбию, не злопамятствовать на ближних и не питать враждебного расположения к собратьям. Бог ничего, ничего так не ненавидит и (ни от чего так) не отвращается, как от человека злопамятного и постоянно питающего в душе своей вражду к ближним. Так-то гибелен этот грех, что отвращает, от нас и Божие человеколюбие! А чтобы вы убедились в этом, хочу я напомнить вам о притче евангельской, как один (должник) получил от господина прощение десяти тысяч талантов, потому что припал к ногам господина, просил и умолял его. “**Государь**, - сказано, - **умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему**” (Мф.18:27). Видишь ли милосердие господина? Тот, припадши, просил только дать ему отсрочку: “**Потерпи**, **-** говорил, **- на мне, и все тебе заплачу**” (ст. 26). Но добрый, снисходительный и человеколюбивый господин, сжалившись над рабом, дал ему не столько, сколько он просил, но сколько он и не ожидал. Господь, обыкновенно, любит, всегда превышать и предупреждать наши прошения. Так, когда тот умолял дать ему отсрочку и обещал выплатить весь долг, Господь, препобеждающий благостью согрешения наши,

сжалившись, отпустил его и долг простил ему. Видишь, чего просил раб, и сколько даровал ему господин? Посмотри теперь на безумие этого раба. После такого снисхождения и неизреченного благодеяния, оказанного ему, надлежало бы и ему самому сделаться весьма сострадательным к собратьям, а он поступает совсем напротив. "**Выйдя**", говорится, этот самый (раб), которому прощено десять тысяч талантов... Слушайте, прошу вас, со вниманием: то, что случилось с этим рабом, может проникнуть до глубины души нашей и заставить нас исторгнуть этот тяжкий недуг из нашего сердца. Итак, "**выйдя, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев**" (ст. 28). Смотри, какое различие. Здесь товарищ, должный сотню динариев; там господин, требующий долга, состоявшего из десяти тысяч талантов. И, однако же (господин), когда увидел, что раб просит и умоляет, простил ему; а этот (раб), "**схватив его** (своего товарища)**, душил, говоря: отдай мне, что должен**". Что же далее? "**Товарищ его**, **-** говорится, **- пал к ногам его**" (ст. 29). Замечай, как часто Евангелист повторяет слово: "**Товарищ его**", это не без цели, но для того, чтобы мы знали, что между ними не было никакого различия. И однако же (должник-товарищ) обращается к своему заимодавцу с такою же униженною просьбою, с какою и этот сам обращался к господину. "**Потерпи на мне, и все отдам тебе**. **Но тот … пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга**" (ст. 30). О, крайняя неблагодарность! Имея еще в свежей памяти оказанную самому ему милость, он и после того не захотел быть сострадательным, но сначала душил (товарища), а потом посадил его в тюрьму.

Смотри же, что далее. "**Товарищи его, видев происшедшее, -** говорит Писание, **- очень огорчились и, придя, рассказали государю своему все бывшее**" (ст. 31). Не сам пострадавший (да и как он мог, будучи заключен в темницу?), но товарищи его, хотя лично не были оскорблены, однако же, так огорчились, как будто бы сами потерпели обиду, и, пришедши рассказали обо всем (господину). И смотри, как наконец разгневался господин. "**Тогда государь его призывает его**, **-** говорит Писание, **- и говорит: злой раб!**" (ст. 32). Поистине отсюда можно усмотреть, сколь пагубно злопамятство. Когда господин требовал (от раба уплаты) десяти тысяч талантов, то не называл его лукавым; теперь же, когда этот раб оказался жестоким к своему товарищу, господин говорит: "**Злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня**" (ст. 32). Смотри, как господин обличает раба в крайней злости. Разве ты, говорит, представил мне что-нибудь больше, кроме одних только слов? И, однако же, не принял ли я твою просьбу, и не простил ли тебе весь этот, огромный и неисчислимый, долг? "**Не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя**" (ст. 33)? Какого же ты можешь заслуживать прощения, если я, господин твой, простил тебе такой большой долг из-за одних тех слов твоих (ст. 26), а ты не сжалился даже над своим товарищем и собратом, не преклонился на милость и не показал к нему сострадания, вспомнив об оказанном мною тебе снисхождении, но явился безжалостным и жестоким, и не захотел помиловать своего товарища? Так вот теперь ты узнаешь на самом деле, сколько зол причинил ты сам себе. "**И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям**" (ст. 34). Смотри, и теперь (господин) гневается на раба и предает его мучителям именно за его жестокость к товарищу: чего не сделал прежде, когда тот был должен такую сумму, то приказывает сделать теперь. "**Отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга**", пока, то есть, раб не возвратит те десять тысяч талантов, в которых он уже получил было прощение. Весьма велико и неизреченно человеколюбие Божие: когда Он потребовал своего долга и должник попросил (отсрочки), то простил ему; а когда увидел, что тот поступил жестоко и бесчеловечно с товарищем, тогда уже полагает предел и своему благоснисхождению, давая знать должнику самым делом, что он не столько повредил товарищу, сколько себе самому. Как тот (раб) бросил (товарища) в тюрьму, пока он не уплатит долга, так и господин предал его мучителям, пока он не отдаст всего долга. Это (Господь) сказал не просто о талантах и динариях, но разумел здесь грехи и тяжесть беззаконий (наших), дабы

мы знали, что мы, и, будучи виновны пред Господом в бесчисленных прегрешениях, однако же, по неизреченному его человеколюбию получаем от Него прощение; если же сами будем жестоки и бесчеловечны к нашим ближним и братьям, имеющим одну с нами природу, и не простим согрешений их против нас, но станем питать к ним злобу и за эти маловажные согрешения (что значат сто динариев в сравнении с десятью тысячами талантов, тоже самое и прегрешения наших ближних против нас в сравнении с нашими грехами против Господа), то навлечем на себя гнев Господа, и, в чем прежде получили уже прощение, то опять должны будем заплатить с муками. В самом деле, дабы мы знали наверное, что эту притчу Господь предложил для нашей душевной пользы, послушай, что присовокупил Он: "**Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его**" (Мф.18:35). И точно, много пользы (может быть для нас) от этой притчи, если только мы захотим быть внимательными. Имеем ли мы, в самом деле, возможность простить (ближним нашим) столько, сколько прощает нам Господь? Притом мы, если и захотим простить, прощаем подобным нам рабам, а сами получаем прощение от Господа. Смотри еще, какая точность в словах Господа. Сказал не просто: если не отпустите людям их прегрешения, но как? "**Если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его**". Замечай, как Он желает, чтобы самое сердце наше было мирно и спокойно, чтобы дух наш был безмятежен и свободен от всякой страсти, и - чтобы мы показывали совершенную расположенность к ближним. И в другом еще месте, послушай, что Он говорит: "**Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный**" (Мф.6:14). Не будем же думать, будто мы, прощая ближнего, ему оказываем благодеяние, или великую милость; нет, мы сами тогда получаем благодеяние, сами для себя извлекаем отсюда великую пользу. Равным образом, если мы не простим ближних, то через это им нисколько не сделаем вреда, а себе приготовим невыносимую геенскую муку. Поэтому, прошу, зная это, не будем никогда злопамятствовать и питать вражду к тем, кто сделал нам неприятность или другую какую-нибудь обиду, но, представляя себе, какое благодеяние и дерзновение пред Господом они доставляют нам, а больше всего то, что примирение с оскорбившими нас заглаждает наши грехи, поспешим и не замедлим (примириться с врагами), и, размышляя о происходящей от того пользе, покажем такое расположение к врагам, как если бы они были истинными нашими благодетелями. Если мы будем бдительны, то не столько пользы нам принесут люди, искренно к нам расположенные и всячески старающиеся угождать нам, сколько наша расположенность к врагам: она сделает нас достойными небесного благоволения и облегчит бремя грехов наших.

8. В самом деле, возлюбленный, посуди, каково величии этой добродетели в отношении тех наград, которые Бог всячески обещал совершающим ее. Он сказал: "**Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас**"; и, так как заповедуемое было важно и весьма возвышенно, то присовокупляет: "**Да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф.5:44-45). Видишь, кому уподобляется, сколько это возможно для человека, тот, кто не только не мстит оскорбившим его, но и усердно молится за них? Итак, не лишим себя, по нерадению, столь великих даров и наград, превосходящих всякое слово, но всячески будем стараться об исполнении этого (повеления), и, употребив даже принуждение себе, приучим свою душу покориться заповеди Божией. Для того ведь я и сделал сегодня это увещание, предложил притчу и показал величие этой добродетели (прощения обид) и обилие происходящей от нее для нас пользы, чтобы, пока еще время, каждый из нас, у кого только есть враг, постарался ласковым своим обращением примирить его с собою. И никто не говори мне: я и раз и два просил его (врага), но он не согласился (помириться). Нет, если мы искренно хотим

примириться, то не отступим (от врага), пока не победим его своими усиленными просьбами, пока не привлечем к себе и не заставим прекратить вражду против нас. Разве ему через это мы оказываем какую-либо милость? Нет, на нас самих переходят плоды доброго дела: мы этим привлекаем на себя благоволение Божие, приобретаем себе прощение грехов, получаем великое дерзновение пред Господом. Если мы сделаем так, то будем в состоянии с чистою совестью приступить к этой священной и страшной трапезе, и с дерзновением произнести те слова, содержащиеся в молитве (Господней). Посвященные (верные) знают, о чем я говорю. Поэтому предоставляю совести каждого знать, с каким дерзновением мы, исполнив эту заповедь, можем произносить эти слова в то страшное время (литургии). Если же пренебрежем эту заповедь, то какому подвергнемся осуждению, поступая вопреки словам своим, дерзая произносить слова молитвы безрассудно и легкомысленно, скопляя для себя более и более огня (геенского) и возбуждая против себя гнев Господа? Радуюсь и восхищаюсь, видя, что вы с удовольствием слушаете меня и своими рукоплесканиями показываете, что вы стараетесь расположить себя (к примирению с врагами) и привести в исполнение эту заповедь Господню. В этом-то и состоит врачевство душ наших, в этом - исцеление ран наших, в этом - самый лучший путь угождения Богу, в этом - самое верное отличие боголюбивой души, когда т.е. мы все исполняем ради закона Господня и не поддаемся неблагородным мыслям, но становимся выше страстей, представляя себе благодеяния, ежедневно оказываемые нам Богом. И в самом деле, сколько бы мы ни старались, мы не можем, однако же, изобразить и малейшей части ни тех благ, которые нам уже дарованы (от Бога), ни тех, которые ежедневно ниспосылаются, ни тех, которые еще уготованы нам (в будущей жизни), если мы захотим исполнить Его заповеди. Итак, каждый, выйдя отсюда, сделай это дело, поспешай к нему, как к величайшему сокровищу, и не медли нисколько. Хотя бы пришлось потрудиться, или поискать, или совершить длинный путь, или преодолеть какие-либо затруднения, устраним эти препятствия. Об одном только позаботимся, как бы нам исполнить заповедь Господню и получить награду за послушание. Знаю, что не легко и не приятно пойти к тому, кто враждует и злобствует против нас, стать и начать разговаривать с ним. Но, если ты размыслишь о высоком достоинстве этой заповеди, о великости награды и о том, что польза от этого доброго дела обращается не на него, а на тебя, то все покажется тебе легким и удобным. Итак, содержа это в своих мыслях, будем побеждать (худую) привычку и с благоговейным расположением исполнять заповеди Иисуса Христа, чтобы нам и от Него удостоиться наград, благодатью и человеколюбием благости Его, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 28

“И сказал Бог Ною и сынам его с ним: вот, Я поставляю завет Мой с вами и с потомством вашим после вас, и со всякою душею живою, которая с вами, с птицами и со скотами, и со всеми зверями земными” (Быт.9:8-10).

1. Предложив вчера о благословении, которого Ной удостоился от Господа за то, что он по выходе из ковчега создал жертвенник, принес благодарственные жертвы и тем выразил свою признательность к Богу, мы не могли простираться далее, объяснить все чтение и показать снисхождение и попечительность, которые человеколюбивый Бог явил об этом праведнике. Так как слово наше сделалось весьма продолжительным, то мы поспешили его окончить, чтобы множеством (предметов) не обременить вашей памяти и тем, что можно было бы еще сказать, не повредить тому, что уже было сказано. Мы ведь и заботимся не о том только, чтобы сказать много, но о том, чтобы сказать столько, сколько вы можете удержать в памяти и таким образом выйти отсюда с пользою для себя. В самом деле, если и мы станем говорить больше надлежащего, и вы не будете получать никакого

плода от слов наших, то какая от этого польза? Итак, зная, что мы приняли на себя этот труд (проповедования) для вашей пользы и считаем достаточною для себя наградою, если увидим, что вы, тщательно удерживая слова наши (в памяти), преуспеваете (в познании), - и вы слагайте их в недрах души вашей, постоянно размышляя об них и оживляя их в памяти. Помня прежде сказанное, вы можете с большею удобностью принимать и то, что имеет быть сказано, и таким образом со временем сделаетесь учителями и для других. Вся наша забота, все старание о том, чтобы все вы сделались вполне совершенными и не было для вас неизвестным ничто из содержащегося в божественном Писании. Знание этого последнего, если только мы захотим быть внимательными и бдительными, весьма много поможет нам в улучшении нашей жизни и сделает более ревностными к подвигам добродетели. Когда мы увидим, что каждый из праведников, приобретших великое дерзновение пред Богом, удостоился наград за то, что всю жизнь провел в искушениях и скорбях и показал великое терпение и благодарность (к Богу), - то не постараемся ли и мы идти одинаковым с ними путем, чтобы получить и одинаковые с ними награды? Поэтому прошу вас каждый день делать какое-либо преспеяние (в добре) и увеличивать ваше духовное назидание, сделанное уже добро сохранять тщательно и с великою бдительностью, а чего еще недостает, то дополнять, дабы таким образом достигнуть вам до самой высоты добродетелей, в похвалу нам, на созидание церкви, во славу Христову. Вот и я, видя ваше неутомимое желание духовного наставления, не перестаю ежедневно, хотя и сознаю великую скудость свою, предлагать вам пиршество из божественного Писания, и, что подаст мне благодать Божия по своему человеколюбию и для вашей пользы, то передавать вашему слуху. Так покажем же и сегодня любви вашей преизбыток любви, какую Бог явил человеческому роду, и для того предложим сами слова, сказанные Богом Ною. “**И сказал Бог Ною и сынам его с ним**” (ст. 8). После того, как благословил Ноя и сыновей его и сказал: “**пусть плодятся и размножаются**”, дал им власть над всеми животными и позволил употреблять их в пищу так же, как и “**зелень травную**”, запретив только есть мясо в крови, Бог, продолжая Свою попечительность и о праведнике, и о потомках его, и всегда ущедряя благодеяниями нашу природу, присовокупляет еще большие благодеяния. “**И сказал, -** говорит, **- Бог Ною и сынам его с ним: вот, Я поставляю завет Мой с вами и с потомством вашим после вас, и со всякою душею живою, которая с вами, с птицами и со скотами, и со всеми зверями земными, которые у вас, со всеми вышедшими из ковчега, со всеми животными земными; поставляю завет Мой с вами, что не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на опустошение земли**” (ст. 8-11). Так как праведник мог еще подвергаться беспокойству и возмущаться духом от опасения, как бы, если когда случится и небольшой дождь, опять не постиг вселенную такой же потоп, то, чтобы и он и все потомки его были спокойны касательно этого, благой Господь, зная, что и малейшая неприятность будет в состоянии возмутить его (опыт прошлых несчастий может сделать человека весьма робким), - так как этот праведник мог и от малого дождя придти в смятение и страх, то благой Бог, желая ободрить его, избавить от всякого страха и привести в совершенное спокойствие и благодушие, обещает ему более не наводить такого наказания.

2. Правда, Он уже обещал это еще прежде благословения, когда говорил, как вы, слышали: “**Не буду больше проклинать землю**” (Быт.8:21); пусть, т.е., люди будут делать много зла, однако же, я не подвергну род человеческий такому наказанию. Но вот, являя свое неизреченное человеколюбие, Он опять обещает то же самое, чтобы праведник был спокоен и не рассуждал сам с собою так: Бог и прежде удостоил род наш благословения и дозволил ему размножиться, и, однако же, навел такое всеобщее истребление. Итак, чтобы исторгнуть всякое беспокойство из его ума и удостоверить, что этого более уже не будет, Бог говорит: как потоп Я навел по человеколюбию, чтобы пресечь зло и остановить дальнейшее его распространение, так и теперь по

человеколюбию же Моему обещаю впредь не делать этого, дабы вы проводили настоящую жизнь без всякого опасения. Вот для чего Он и говорит: “**Я поставляю завет Мой**”, т.е., заключаю договор. Как в делах человеческих, когда кто обещает что-нибудь, то заключает, договор и тем доставляет надлежащее удостоверение, так и благой Господь говорит: “**Я поставляю завет Мой**”. Премудро сказал: “**поставляю**” [по гречески - восстановляю], т.е., вот Я возобновляю то, что было совершенно разрушено за грехи людей, и “**поставляю** (восстановляю) **завет Мой с вами и с потомством вашим после вас**”. Заметь человеколюбие Господа: простираю, говорит, завет не до вас только, но объявляю, что он будет ненарушим и с вашими потомками. Потом, чтобы показать Свою щедрую благость, говорит: “**И со всякою душою живою, которая с вами, с птицами и со скотами, и со всеми зверями земными, которые у вас, со всеми вышедшими из ковчега, со всеми животными земными; поставляю завет Мой с вами, что не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на опустошение земли**”. Видишь величие завета? Видишь несказанную важность обетования? Смотри, как Он простирает Свою благость и на бессловесных и на зверей, и - не без причины. Что прежде я часто говорил, тоже повторю и теперь. Так как эти животные сотворены для человека, то теперь и они участвуют в благодеянии, оказываемом человеку. Правда, завет кажется равно общим и для него и для бессловесных; но на самом деле не так. И это делается для утешения человека, чтобы он знал, какой он удостоен чести, когда благодеяние не останавливается на нем одном, но из-за него и все эти (животные) участвуют в благости Господа. И “**не будет, -** говорит, **- более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на опустошение земли**”. Видишь, как Он и раз, и два, и многократно обещает не наводить более такого всеобщего истребления, чтобы изгнать смущение из мыслей праведника и сделать его спокойным касательно будущего? Далее, взирая не на собственную природу, но на нашу немощь, Бог не довольствуется одним словесным обещанием, но, являя Свое снисхождение к нам, дает и знак, который бы мог, продолжаясь во все веки, избавлять род человеческий от опасения подобного несчастия, так что, хотя бы пошел и сильный дождь, хотя бы случилась и необычайная буря, хотя бы приключилось весьма великое наводнение, мы и тогда могли бы не бояться, но быть спокойными, смотря на данный знак. “**И сказал Бог: вот знамение завета, который Я поставляю между Мною и между вами**” (Быт.9:12). Смотри, какой чести удостоился праведник. Как человек разговаривает с человеком, так и Бог заключает завет с ним, и говорит: “**Вот знамение завета, который Я поставляю между Мною и между вами и между всякою душею живою, которая с вами, в роды навсегда**”. Видишь, знамение, обещаемое всем живым существам, простирается на роды вечные? Бог дает знамение не только всем вообще живым существам, но и навсегда, на веки, до скончания мира. Какое же это знамение? “**Я полагаю**, **-** говорит, **- радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением завета между Мною и между землею**” (ст. 13). Так вот, после словесного обещания, даю (говорит Бог) и это знамение, т.е. радугу, которую некоторые производят от лучей солнечных, падающих на облака. Если, говорит, недостаточно слова Моего, то вот Я даю и знак того, что впредь уже не наведу такого наказания. Смотря на этот знак, будьте уже свободны от страха. “**И будет**, **-** говорит, **- когда Я наведу облако на землю, то явится радуга в облаке; и Я вспомню завет Мой, который между Мною и между вами и между всякою душею живою во всякой плоти**” (ст. 14-15). Что говоришь ты, блаженный пророк? – “**Вспомню**, **-** говорит, **- завет Мой**”, т.е., мой договор, условие, обещание; и это не потому, чтобы Бог сам имел нужду в припоминании, но - чтобы мы, взирая на этот данный знак, не страшились никакой опасности, но тотчас, припомнив обетование Божие, были уверены, что не потерпим подобного несчастья.

3. Видишь, как велико снисхождение Божие, какое прилагает Он попечение о нашем роде, какое оказывает человеколюбие, не потому, чтобы уже видел перемену (к добру) в людях, но - чтобы всем этим внушить нам мысль о безмерном величии Своей благости? “**И не**

будет более, **-** говорит, **- вода потопом на истребление всякой плоти**", - такого наводнения больше уже не будет. Так как Бог знает, что человеческая природа боится этого, то смотри, как часто Он повторяет обещание, как бы так говоря: если вы когда увидите и сильное пролитие дождей, и тогда не опасайтесь никакого несчастья, потому что "**не будет более вода потопом на истребление всякой плоти**", - такого наводнения уже не будет, такого гнева (Моего) более уже не испытает человеческая природа. "**И будет**, **-** говорит, **- радуга в облаке, и Я увижу ее, и вспомню завет вечный между Богом и между всякою душею живою во всякой плоти**" (ст. 16). Смотри, какие употребляет Он смиренные выражения, чтобы внушить людям спокойствие и полную уверенность. "**И Я увижу**, **-** говорит, **- и Я вспомню завет Мой**". Так ужели воззрение пробуждает в Нем память? Нет, не так должны мы думать, но так, что, когда мы увидим этот знак, то можем спокойно полагаться на обетование Божие, (зная, что) обетования Божии не могут не исполняться. "**И сказал**, **-** сказано, **- Бог Ною: вот знамение завета, который Я поставил между Мною и между всякою плотью, которая на земле**" (ст. 17). Ты получил, говорит, знак, который Я дал (в завет) между мною и всякою плотью, какая только есть на земле; не смущайся же душою и не колеблись умом, но, взирая на этот знак, и сам пребывай благонадежен, и все потомки твои да получают от него успокоение; вид этого знака пусть доставляет уверенность, что такой потоп уже не постигнет вселенную. Пусть умножаются грехи человеческие, но Я исполню Свое обещание, и вперед уже не покажу такого гнева на всех. Видите преизбыток благости Божией? Видите величие снисхождения? Видите силу попечительности? Видите щедрость обетования? Бог не простер Свое благодеяние только на два, на три, или на десять поколений, но обещал соблюсти его до скончания мира, чтобы мы вразумлялись и тем, и другим - и тем т.е., что современники Ноя за множество грехов своих подверглись такому наказанию, и тем, что мы, по неизреченному человеколюбию Божию, удостоились такого обетования. Здравомыслящих ведь к исполнению заповедей Божиих сильнее располагают благодеяния, чем наказания.

Не будем же неблагодарны. Если Бог удостоил нас такого благодеяния еще прежде, нежели мы сделали что-нибудь доброе, а лучше сказать - когда сделали много достойного наказания, то каких еще щедрот Он не удостоит нас, когда мы будем признательны, когда выкажем свою благодарность за прежние (благодеяния) и обнаружим в себе перемену на лучшее? Если Он благодетельствует недостойным и оказывает человеколюбие к согрешившим, то чего мы не получим, когда отстанем от греха и будем творить добродетель. Он для того и оказывает нам многие благодеяния, прежде, нежели мы сделаем что-либо доброе, и удостаивает нас прощения, когда мы согрешим, и наказания (за грехи) насылает не вдруг, - для того, чтобы всем привлечь нас к себе - и благодеяниями и долготерпением. Часто также, наказывая одних, Он хочет внушить другим, чтобы они, вразумясь чужим несчастьем, сами не потерпели наказания. Видишь, как благоизобретательно человеколюбие Его, как все, Им совершаемое, совершается единственно для нашего спасения? Итак, помышляя об этом, не будем безразличны, не будем пренебрегать добродетелью и преступать данные Им законы. Если Он увидит, что мы обращаемся (к добру), делаемся скромны и вообще полагаем хотя некоторое начало (добродетельной жизни), то и с Своей стороны окажет нам помощь, соделывая для нас все легким и удобным и не давая нам даже и почувствовать (тяжесть) подвигов добродетели. И в самом деле, когда душа устремляет мысли свои к Богу, то уже не может обольщаться видом предметов чувственных, но, проходя мимо всего чувственного, вернее этих, находящихся пред нашими глазами предметов, созерцает предметы невидимые для телесных глаз и неподвергающиеся переменам, но постоянно пребывающие, неизменные и непоколебимые. Таковы умственные очи: они постоянно устремлены к созерцанию небесных предметов, и, озаряемые их блеском, на предметы настоящей жизни смотрят как на тень и сновидение, нисколько не обольщаясь и не увлекаясь ими. Напротив, увидят ли

богатство, тотчас посмеваются ему, зная, что оно непостояннее всякого беглого раба, переходит от одного к другому и никогда не остается на одном месте, да еще причиняет множество зол своим обладателям и низвергает их, так сказать, в самую бездну порока. Увидят ли красоту телесную, - и ею не обольщаются, представляя непрочность ее и изменяемость, - как, например, иногда болезнь уничтожает всю красоту, даже и без болезни, старость делает прежде благообразное лице некрасивым и безобразным, а смерть наконец разрушает всю красоту телесную. Увидят ли кого облеченным славою, или властью, достигшим самой высокой степени почестей и наслаждающимся полным благоденствием, - и на него взирают как на человека, который не имеет у себя ничего прочного и неизменного, но гордится тем, что утекает быстрее речных потоков. И в самом деле, может ли что быть ничтожнее всей славы настоящей жизни, когда она сравнивается с цветом травы? "**Всякая слава человеческая**, **-** говорит Писание, **- как цвет на траве**" (Ис.40:6; 1Петр.1:24).

4. Видите, возлюбленные, как верно видят очи веры, когда душа устремлена к Богу? Видите, как они не могут быть обмануты ничем видимым, но имеют правильное суждение о предметах и не подвергаются никакому обольщению? Впрочем, если угодно, опять перейдем к предмету слова, и, предложив еще немногое, прекратим поучение, чтобы сказанное осталось у вас в памяти. Божественное Писание, окончив повествование о божественном знамении, хочет еще сообщить нам сведение о праведнике и сыновьях его, и говорит: "**Сыновья Ноя, вышедшие из ковчега, были: Сим, Хам и Иафет. Хам же был отец Ханаана. Сии трое были сыновья Ноевы, и от них населилась вся земля**" (Быт.9:18-19). Здесь можно спросить, для чего божественное Писание, упомянув о трех сыновьях Ноевых, присовокупило: "**Хам же был отец Ханаана**"? Не подумайте, прошу вас, чтобы это прибавлено было без цели: в божественном Писании нет ничего такого, что было бы сказано без всякой цели и не заключало бы в себе великой пользы. Так для чего же означено и прибавлено: "**Хам же был отец Ханаана**"? Писание хочет этим указать нам на крайнее невоздержание Хама, на то, что ни столь великое бедствие (потоп), ни такая тесная жизнь в ковчеге, не могли обуздать его, но между тем, как и старший брат его доселе еще не имел детей, он во время такого гнева (Божия), когда погибала вся вселенная, предался невоздержанию и не удержал необузданной своей похоти, но уже и тогда и так рано обнаружил свои порочные наклонности. И вот, так как спустя немного, за нанесенное им оскорбление отцу, сын его Ханаан должен подвергнуться проклятию, божественное Писание предварительно уже показывает и делает нам известным и имя сына и невоздержность отца, дабы ты, когда впоследствии увидишь, что он окажет великую непочтительность к родителю, зная, что он давно уже и прежде был таков, и не вразумился даже и несчастьем. В самом деле, подобное бедствие могло бы совершенно обуздать сладострастную похоть, да и вообще ничто так не способно потушить этот пламень и это неистовство, как сильная скорбь и великое несчастье. Следовательно, кто и во время столь великого бедствия обнаружил такую необузданную похотливость, тот какого может заслуживать прощения?

Но здесь представляется нам еще другой, столь известный и всюду повторяемый, вопрос: почему за грех отца подвергается проклятию сын? Впрочем, чтобы нам теперь не слишком продолжить слово, отложим этот вопрос до другого времени, и, когда дойдем до того самого места (в котором говорится об этом), тогда предложим и решение, какое внушит Бог. В божественном Писании, как я выше сказал, нет ничего такого, что было бы написано без какого-либо основания и причины. Итак, мы пока знаем, что Моисей не напрасно и не без цели упомянул об имени сына (Хамова), сказав: "**Хам же был отец Ханаана**". Далее он говорит: "**Трое были сыновья Ноевы, и от них населилась вся земля**". Не пройдем без внимания, возлюбленные, и этих слов, но и из них уразумеем величие силы Божией. "**Трое**, **-** сказано, **- были сыновья Ноевы, и от них населилась**

вся земля". Как это от троих произошло такое множество людей? Как они могли быть способными к этому? Как от столь немногих образовался весь мир? Как сохранились самые тела их? Тогда не было врача, который бы лечил, не было никаких и других пособий (к сохранению здоровья). Еще не были построены города, а после такого бедствия (потопа) и пребывания в ковчеге, они вышли изнуренными и истомленными. Как же, оставаясь в таком одиночестве и в такой ужасной пустыне, не умерли? Как не погибли? Ведь страх и трепет, скажи мне, разве не потрясал их души и не возмущал их мыслей? Не удивляйся, возлюбленный: все это сделал Бог; все эти препятствия устранил Создатель природы; Его-то повеление, изрекшее: "**Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю**" (Быт.1:28), даровало и им (сыновьям Ноя) силу размножения. Так и израильтяне в Египте, хотя и были обременяемы **"жизнь их горькою от тяжкой работы над глиною и кирпичами и от всякой работы полевой, от всякой работы, к которой принуждали их с жестокостью"** (Исх.1:14), однако же, и несмотря на это, размножались еще сильнее, и ни жестокое и бесчеловечное повеление фараона, приказавшего бросать в воду детей мужского пола, ни притеснение, какое они терпели от смотрителей за работами, не могло уменьшить их числа, напротив, они размножались более и более, потому что высшая сила действовала здесь вопреки (желаниям гонителей).

5. Итак, когда повелевает Бог, то не старайся объяснять события по человеческому порядку. Будучи выше природы, Он не подчиняется порядку ее, но устрояет так, что самые препятствия содействуют успеху дела. Так точно и теперь от этих троих (сыновей Ноя) Он заселил всю вселенную. "**От них**, **-** говорит Писание, **- населилась вся земля**". Видишь силу Божию, видишь как, не смотря на множество препятствий, ничто не останавливает Его хотения? То же самое можно видеть и на (христианской) вере. Столько было врагов, столько было гонителей: и цари, и тираны, и народы восставали и употребляли все средства, чтобы погасить искру веры; но вот от самих гонителей, хотевших препятствовать, возгорелся такой пламень благочестия, что объял все страны, обитаемые и необитаемые. Пойдешь ли ты к индийцам, или к скифам, или на самые пределы вселенной, или даже на океан - везде найдешь учение Христово, просвещающее души всех. То удивительно и необычайно, что вера православная преобразовала и самые варварские народы; и они научились любомудрствовать и, оставив прежние привычки, обратились к благочестию. Как от тех троих (сыновей Ноя) Создатель всяческих произвел такое множество людей, точно так и к вере, посредством одиннадцати рыбарей, неученых, простых, не смевших даже открыть и уста, Он обратил всю вселенную. Эти неученые и простые рыбари заградили уста философам и как бы на крыльях обтекли всю вселенную, посевая в ней слово благочестия, исторгая терния, истребляя древние обычаи и повсюду насаждая законы Христовы. Ни малочисленность и простота их, ни строгость (возвещаемых ими) повелений, ни привязанность всего рода человеческого к древним обычаям, не могли служить для них препятствием, но все это устранила предшествовавшая им благодать Божия, так что они все делали легко, самыми препятствиями возбуждаясь к большей ревности. Так, однажды, претерпев побои, они пошли из синедриона радуясь, не просто о побоях, но о том, "**что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие**" (Деян.5:41); другой раз, будучи заключены в темницу и выведены оттуда ангелом, они опять стали делать то же, что делали прежде, и, пришедши в храм, сеяли слово учения, уловляя множество людей к благочестию; а потом, будучи опять задержаны, не только не стали от того недеятельнее, но показали еще большее дерзновение, став среди беснующегося и скрежещущего зубами народа, и сказав: "**Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам**" (Деян.5:19-29). Видишь величие дерзновения? Видишь, как простые рыбари презирают такое множество людей, беснующихся и готовых совершить убийство и предать их смерти? Но, слыша об этом, возлюбленный, приписывай случившееся не самим апостолам, а вышней благодати, которая укрепляла и оживляла их ревность. Вот и сам блаженный Петр, когда исцелил

хромого от рождения, и когда все изумлялись и удивлялись ему, с свойственною ему искренностью говорит: “**Мужи Израильские! что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит**” (Деян.3:12)? Отчего, говорит, вы так изумились и удивились этому событию? Разве мы сами сделали это, разве своею силою возвратили ему здоровье и дали способность ходить? “**Что смотрите на нас**”? Мы, со своей стороны, ничего не сделали, а только употребили свой язык (для произнесения слов); все устроил Господь и Создатель природы. Он, “**Бог Авраама и Исаака и Иакова**”, **-** которых вы почитаете патриархами; Он - “**Которого вы предали и от Которого отреклись перед лицом Пилата, когда он полагал освободить Его**”; Он сделал это, Он, от Которого “**вы от Святого и Праведного отреклись, и просили даровать вам человека убийцу, а Начальника жизни убили. Сего Бог воскресил из мертвых, чему мы свидетели. И ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего, которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала ему исцеление сие перед всеми вами**” (Деян.3:13-16).

6. Велико дерзновение (апостолов); велика и неизреченна сила благодати, дарованной им свыше! Дерзновение этого блаженного (Петра) может служить очевиднейшим доказательством воскресения. В самом деле, какого еще большего можно требовать знамения, когда тот, кто прежде креста не мог перенести угрозы и от простой служанки, теперь так противостоит иудейскому народу, и один с таким дерзновением является пред такою толпою, столь беспорядочно мятущеюся, и говорит ей такие слова, которыми может еще более возбудить ее неистовство? Видишь, возлюбленный, как и теперь, оказывается то же, о чем я сказал вначале? Когда кто воспламенится любовью к Богу, то уже не хочет более смотреть на предметы, подлежащие зрению телесному, но, имея у себя другие очи, т.е. очи веры, постоянно устремляет ум свой к небесным предметам, их созерцает, и, ходя по земле, делает все так, как будто живет на небе, не встречая ни в чем человеческом препятствия к подвигам добродетели. Такой человек не смотрит уже ни на приятности жизни, ни на противные и тяжкие обстоятельства, но, проходя мимо всего этого, поспешает в свое отечество. Как бегущий с великим напряжением по чувственному поприщу не видит встречающихся, хотя бы они тысячу раз сталкивались с ним, но, устремив мысли свои к поприщу и быстро пробегая все, стремится к предположенной цели, так точно и старающийся идти поприщем добродетели и взойти от земли на небо оставляет все видимое внизу, все свое внимание обращает на поприще, и не останавливается, не удерживается ничем видимым, пока не достигнет самого верха (добродетели). Для человека с таким настроением ничего не значит и то, что кажется страшным в настоящей жизни: он не боится ни меча, ни пропасти, ни зубов зверей, ни пыток, ни рук палачей, ни другой какой-либо неприятности житейской; нет, пусть полежат пред ним горячие уголья, он пойдет по ним, как бы по лугу и саду; пусть угрожают ему другим каким-либо родом мучений, он не цепенеет при виде их и не уклоняется, потому что его душою овладело желание блага будущих, и он, как бы находясь вне тела, становится выше страданий и, будучи подкрепляем вышнею благодатью, даже и не чувствует телесных мучений.

Поэтому, прошу, чтобы нам быть в состоянии легко выносить труды добродетели, покажем великую любовь к Богу, и, к Нему устремив наши мысли, не будем никаким предметом настоящей жизни останавливаться на этом поприще, но, помышляя о непрерывном наслаждении будущими благами, станем благодушно переносить все скорби настоящей жизни. Пусть ни бесчестие не печалит нас, ни бедность не стесняет, ни болезнь телесная не ослабляет бодрости душевной, ни людское презрение и унижение не делает нас менее усердными к подвигам добродетели; но, все это стрясши с себя, как пыль, и, приняв бодрое и возвышенное настроение духа, будем таким образом во всем обнаруживать великое мужество и, как я вчера просил любовь вашу, постараемся

примириться с врагами и все прочие страсти исторгнем из души нашей. Возмущает ли нас нечистая похоть - изгоним ее. Разжигает ли гневливость - утолим этот жар пением духовных наставлений, показывающих гибельность этой страсти. «**Муж ярый»,** говорит Писание, «**не благообразен**» (Притч.11:25); и в другом месте: «**Гневающийся на брата своего напрасно …, подлежит геенне огненной**» (Мф.5:22). Возмущает ли нашу душу сребролюбие - постараемся бежать от этой губительной заразы, и исторгнем ее, как корень всех зол. Да и каждую из возмущающих нас страстей постараемся исправить, чтобы, воздерживаясь от злых и совершая добрые дела, могли мы в тот страшный день удостоиться человеколюбия Божия, благодатью и щедротами единородного Сына Его, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 29

“Ной начал возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел” (Быт. 9:20-21).

1. Мы дошли теперь до конца повествования о праведнике (Ное): поэтому, прошу, напрягите ум и тщательно внимайте тому, что говорится. И от сегодняшнего чтения можно получить немалую и не незначительную пользу, потому что все, случившееся с древними (мужами), если только мы захотим быть внимательными, может доставить нам величайшее назидание. Для того и описаны не только добродетели святых, но и прегрешения их, чтобы мы последних избегали, а первым подражали. Мало этого: божественное Писание показывает тебе, что и праведники часто падали, и грешники являли великое исправление, чтобы от того и другого мы получали достаточное вразумление, чтобы стоящий (в добре) не предавался беспечности, видя, что и праведники падали, и пребывающий во грехах не отчаивался, знал, как многие (грешники) раскаялись и успели достигнуть самой высокой степени (добродетели). Итак, прошу, никто не гордись, хотя бы и сознавал за собою много добрых дел, но будь осторожен и внимай увещанию блаженного Павла, который говорит: “**Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть**” (1Кор.10:12). И нисшедший до самой глубины зол не отчаивайся в своем спасении, но, помышляя о неизреченном человеколюбии Божием, внимай также Богу, говорящему чрез пророка: “**Разве, упав, не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются?**” (Иер.8:4); и в другом месте: не хочу “**смерти беззаконника**”, но, чтобы “**обратился от путей своих и был жив**” (Иез.18:23). Видишь, возлюбленный, что каждое обстоятельство, описанное в божественном Писании, предано памяти не для чего другого, как только для нашей пользы и для спасения рода человеческого? Помышляя об этом, каждый из нас пусть извлекает оттуда приличное для себя врачевство. Вот почему оно и предлагается всем беспрепятственно, и всякий желающий может извлекать из него свойственное удручающей его страсти врачевство и получать скорое исцеление, только бы не отвергал целительного врачевства, но принимал с признательностью. Действительно, из всех недугов, обременяющих человеческую природу, нет ни одного - ни душевного, ни телесного, который не мог бы получить врачевства из Писания. Так, например, приходит ли кто сюда удручаемый печальными обстоятельствами житейскими, от которых он предается унынию? Пришедши и тотчас услышав слова пророка: “**Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога, ибо я буду еще славить Его, Спасителя моего и Бога моего**” (Пс.41:6,7) - он получает достаточное утешение, и уходит отсюда, совершенно свободный от уныния. Другой скорбит и печалится, будучи обременяем крайнею бедностью, и, видя как другие окружены богатством, пышностью и великолепием; но и он слышит опять слова того же пророка: “**Возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя**” (Пс.54:23), и еще: “**Не бойся, когда богатеет человек, когда слава дома его умножается: ибо умирая не возьмет ничего**” (Пс.48:17-

18). Иной унывает, претерпевая от других оскорбления и клеветы, и считает, жизнь свою невыносимою, потому что не может ни откуда получить человеческой помощи; но и этот научается тем же блаженным пророком не прибегать в подобных обстоятельствах к человеческой помощи, слыша слова его: они “**враждуют на меня, а я молюсь**” (Пс.108:4).

Видишь, где он ищет помощи? Другие, говорит, строят козни, клеветы и наветы; а я прибегаю к несокрушимой стене, к благонадежному якорю, к безмятежной пристани, - к молитве, посредством которой все трудное для меня делается легким и удобным. Иной опять терпит пренебрежение и презрение от тех, которые прежде угождали ему, оставляется друзьями, и это крайне огорчает и возмущает душу его; но и он, если захочет придти сюда, услышит слова того же блаженного (Давида): “**Друзья мои и искренние отступили от язвы моей, и ближние мои стоят вдали. Ищущие же души моей ставят сети, и желающие мне зла говорят о погибели [моей] и замышляют всякий день козни**” (Пс.37:12-13). Видишь ли, враги Давида простирали козни свои до самой смерти и объявили ему непрерывную войну, - слова: “**всякий день**”, означают тоже, что во всю жизнь. Что же делал Давид, когда они строили такие козни против него? “**А я**, **-** говорит, **- как глухой, не слышу, и как немой, который не открывает уст своих; и стал я, как человек, который не слышит и не имеет в устах своих ответа**” (ст. 14,15). Видишь великую силу любомудрия, как он побеждал (врагов) противными средствами? Враги строили козни, а он заграждал и слух свой, чтобы вовсе и не слышать; те ни на минуту не переставали и изощрять язык, и говорить напраслину, и лесть, а он молчанием укрощал их неистовство. Почему же он так вел себя? Почему в то время, когда враги столько ухитрялись против него, он поступал так, как будто бы был глух и безгласен, не имел ни слуха, ни языка? Послушай, какую он сам представляет причину такого любомудрия своего: “**Ибо на Тебя, Господи, уповаю я**” (ст. 16). Так как я, говорит, на Тебя возложил всю свою надежду, то нисколько не забочусь о том, что делают эти (враги). Твоя сила может рассеять все, уничтожить все их козни и хитрости, и не попустить замыслам их придти в исполнение.

2. Видите, как можно здесь (в Писании) получить врачевство, соответственное каждому несчастию, постигающему человеческую природу, отринуть всякую скорбь житейскую и не сокрушаться ни от каких обстоятельств? Поэтому, прошу вас, чаще приходите сюда, внимательно слушайте чтение божественного Писания, и не только когда бываете здесь, но и дома берите в руки священные книги и с усердием извлекайте из них пользу для себя. Велика действительно польза, которая от них происходит: во-первых, от чтения их образуется язык; потом, и душа окрыляется и делается возвышенною, будучи озаряема светом Солнца правды, освобождаясь в это самое время (чтения) от нечистоты порочных помыслов, и наслаждаясь великим миром и спокойствием. Что телесная пища для поддержания наших сил, то же - и чтение (Писания) для души. Оно есть духовная пища, которая укрепляет ум и делает душу сильною, твердою и мудрою, не позволяя ей увлекаться неразумными страстями, напротив еще облегчая полет ее и вознося ее, так сказать, на самое небо. Не будем же, прошу, нерадеть о такой пользе, но станем и дома заниматься внимательным чтением божественного Писания и, пришедши сюда (в церковь), не тратить время на пустые и бесполезные разговоры, но для чего пришли, на то и обращать все наше внимание и слушать читаемое, чтобы выйти отсюда с каким-нибудь приобретением. Если же вы, пришедши сюда, будете проводить время в неуместных и пустых разговорах и возвращаться домой без всякого приобретения, то что пользы от этого? Не странно ли будет, что тогда как приходящие на житейское торжище стараются принести оттуда домой все, что только можно получить на этом торжище, хотя и с тратою денег, приходящие сюда, на это духовное торжище, не станут употреблять всех усилий, чтобы возвратиться отсюда, получив что-нибудь полезное и сложив это в свою душу,

особенно, когда для этого не нужно тратить и деньги, а следует только показать усердие и душевную готовность? Итак, чтобы нам не быть хуже посещающих житейские торжища, постараемся выказывать великую заботливость и неусыпную внимательность, чтобы выходить нам отсюда с запасом, которого было бы достаточно не только для нас самих, но и для снабжения других, - чтобы могли мы исправлять и жену, и рабов, и соседей, и друга, и даже врага. А таково духовное учение, что оно предлагается всем вообще и без всякого различия, разве только кто превзойдет ближнего напряженною внимательностью и пламенным усердием. Итак, если такова польза от предлагаемого здесь учения, то изъясним сегодняшнее чтение, и извлекши из него пользу, возвратимся таким образом домой.

"**Ной начал**, **-** говорит Писание, **- возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел**" (Быт.9:20,21). Смотри, какую пользу может доставить нам самое начало этого чтения. В самом деле, когда услышим, что муж праведный, совершенный, получивший небесное о себе свидетельство, испил вина и упился, то, как же мы, погрязнувшие в столь многих и различных грехах, не постараемся со всем усилием избегать гибельного пьянства? Ведь неодинакова вина в том, что этот праведник подвергся этому пороку, и что мы впадаем в него же. Есть много обстоятельств, которые делают его (праведника) достойным извинения. Говорю это, впрочем, не в защиту пьянства, но для объяснения, что праведник согрешил не по невоздержанию, но по неведению. И что он не вдруг дошел до употребления вина, слушай, как само Писание говорит об этом и защищает его следующими словами: "**Ной начал возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел**". Это самое выражение, "**начал**", уже показывает, что он положил начало употреблению вина, и подвергся опьянению по совершенному неведению и по незнанию меры употребления вина. Кроме того, (можно сказать) и то, что он, чувствуя великую скорбь, хотел получить от того утешение, как говорит и премудрый: "**Дайте сикеру погибающему и вино огорченному душею**" (Притч.31:6), показывая этим, что ничто не может быть столь полезным врачевством против печали, как употребление вина, только бы неумеренность не уничтожала происходящей от него пользы. А что этот праведник находился в печали и унынии, видя себя в такой пустыне и имея пред своими глазами поверженные трупы и людей, и скотов, и зверей, и землю, соделавшейся общим для всех гробом, - кто будет спорить против этого? Пророкам и всем праведникам свойственно скорбеть не только о близких к ним, но и о прочих людях. Кто захочет припомнить, тот найдет, что все они оказывали такое сострадание. Так он услышит, что Исаия говорит: "**Не усиливайтесь утешать меня в разорении дочери народа моего**" (Ис.22:4); Иеремия: "**О, кто даст голове моей воду и глазам моим - источник слез!**" (Иер.9:1); Иезекииль: "**О, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля**" (Иез.9: 8); что Даниил плачет и говорит: ничтожными сделал нас у всех народов; Амос: "И **пожалел Господь о том**" (Ам.7:3); Аввакум: "**Для чего даешь мне видеть злодейство и смотреть на бедствия?**"; и в другом месте: "**И оставляешь людей как рыбу в мор**" (Авв.1:3,14); он услышит также, что и самый блаженный Моисей говорит: "**Прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей**" (Исх.32:32); он же, когда Бог обещал сделать его властителем многочисленнейшего народа и сказал: "**Оставь Меня, … и истреблю их** (этих людей**), и произведу многочисленный народ от тебя**" (ст. 10), **-** не согласился и на это, но захотел лучше остаться вождем евреев. И учитель вселенной, блаженный Павел, говорит: "**Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти**" (Рим.9:3).

3. Видите, как каждый из праведников показывал великое сострадание к ближним? Представьте же себе положение этого праведника (Ноя), и судите, сколько он должен был страдать и удручаться скорбью, смотря на такую безмерную пустыню, видя, как та самая

земля, которая прежде покрыта была столь многими растениями и украшалась цветами, вдруг была как бы острижена и сделалась обнаженною и пустынною. Итак, когда его обременяла великая скорбь, он, желая доставить себе хотя малое утешение, обращается к земледелию, как и говорит Писание: "**Ной начал возделывать землю и насадил виноградник**".

Но здесь уместно спросить: теперь ли только он изобрел это растение (виноград), или оно произведено было еще в самом начале? Надобно думать, что оно сотворено еще в самом начале, в шестой день, когда "**увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма**" (Быт.1:31), так как Бог, сказано, **-** "**почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал**" (Быт.2:2), только не было известно употребление этого растения. Если бы это растение и плод его были известны людям в самом начале, то конечно и Авель, принося жертвы, возливал бы и вино. Но так как тогда еще не знали употребления этого плода, то и не пользовались этим растением. А (Ной), предавшись искусству земледелия и занимаясь им с великим усердием, может быть, вкусил и плода виноградного, выжал грозди и, сделав вино, употребил его. Но так как он и сам не вкушал его прежде и никого другого не видал вкушавшим, то, не зная, в какой мере надобно употреблять и как принимать его, по неведению и впал в опьянение. С другой стороны, так как уже введено было между людьми употребление мяса, то следовало (ввести) и употребление вина. Смотри же, возлюбленный, как мир, мало-помалу, устрояется, и каждый, по вложенной Богом в природу его премудрости, делается еще в начале изобретателем какого-либо искусства, и таким образом вводятся в жизнь искусственные изобретения. Так, один изобрел земледелие, другой после него пастушество, иной - скотоводство, иной - музыку, иной - искусство ковать медь, а этот праведник изобрел искусство возделывать виноград, по внушению врожденной ему мудрости. "**Ной начал**, **-** говорит Писание, **- возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел**". Смотри, как это врачевство против скорби, пособие к поддержанию здоровья, когда преступило за пределы умеренности по неведению, не только не принесло Ною никакой пользы, но и повредило его состоянию. Но, может быть, кто-нибудь скажет: для чего же это растение, производящее столько зла, введено в употребление между людьми? Не говори, возлюбленный, так необдуманно. Не растение зло и не вино худо, но злоупотребление им. А что не от вина происходят гибельные пороки, но от развращенной воли, и что происходящую от вина пользу уничтожает неумеренность, это показывает тебе (Писание), когда говорит о начале употребления вина уже после потопа, дабы ты знал, что природа человеческая еще прежде употребления вина, дошла до крайнего развращения, и совершила великое множество грехов, когда еще и вино не было известно. Итак, видя употребление вина, не вину приписывай все зло, но воле, развращенной и уклонившейся к нечестию. С другой стороны, помысли, человек, и о том, на какое употребление сделалось полезным вино, и вострепещи. При его помощи совершается благодатное таинство нашего спасения. Посвященные знают, о чем говорю. "**Ной начал**, **-** сказано, **- возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел, и [лежал] обнаженным в шатре своем**" (ст. 21). Дурное, возлюбленный, дурное дело пьянство; оно может притупить чувства и помрачить разум. Человека разумного и получившего владычество над всем оно делает как бы мертвым и бездейственным и заставляет лежать, как бы связанного какими неразрешимыми узами; или лучше сказать, - делает его хуже и мертвого. В самом деле, последний бывает равно бездействен и по отношению к добру и по отношению к злу, а первый по отношению к добру бездействен, но по отношению к злу более прежнего деятелен, и становится предметом посмеяния для всех - для жены, для детей и для самих рабов. Друзья, видя унижение его, закрываются и стыдятся, а враги радуются, смеются и ругаются над ним, как бы так говоря: неужели он достоин дышать воздухом? Называют его скотиною, нечистым животным, и другими еще презреннейшими именами. И точно, пьяные бывают хуже людей, возвращающихся с войны, у которых руки

обагрены кровью, и которые тянутся беспорядочною толпою. Этих, может быть, иные еще прославляют за трофеи, за победы, за раны и поражение (врагов); но тех все презирают, называют несчастными и желают им бесчисленных зол. В самом деле, может ли быть что несчастнее человека преданного пьянству, каждый день наполняющего себя вином и теряющего рассудок? Потому-то премудрый и дает такое наставление: "**Главная потребность для жизни — вода и хлеб, и одежда и дом, прикрывающий наготу**" (Сир.30:24), чтобы, если случится кому впасть в опьянение, такой не выходил из дому и не показывался никому, но был укрываем своими домашними и не сделался предметом посмеяния и презрения для всех. "**Ной начал**, **-** сказано, **- возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел**".

4. Название упоения, возлюбленный, в священном Писании не всегда означает опьянение, но и насыщение. Потому и об этом праведнике можно сказать, что не по невоздержанию он впал в упоение, но случилось это с ним от насыщения. Так Давид, говорит: "**Насыщаются от тука дома Твоего**" (Пс.35: 9), т.е. насытятся. Между тем, предающиеся пьянству никогда не чувствуют сытости, но чем более вливают в себя вина, тем более разжигаются жаждою, так что употребление (вина) служит у них к увеличению жажды, и, хотя чувство удовольствия в них уже пропадает, но жажда к (вину), сделавшись неутолимою, повергает в самую бездну опьянения этих пленников пьянства. "**Ной начал**, **-** говорит Писание, **- возделывать землю и насадил виноградник; и выпил он вина, и опьянел, и [лежал] обнаженным в шатре своем**". Заметь, это случилось с ним не где-нибудь вне, но в своем доме. Священное Писание для того и означило, что (это случилось) "**в шатре своем**", чтобы из последующего ты усмотрел крайность нечестия того, кто открыл наготу (Ноя). "**И увидел**, **-** сказано, **- Хам, отец Ханаана, наготу отца своего, и выйдя рассказал двум братьям своим**" (ст. 22). Если бы были еще и другие (люди), он, может быть, и им открыл бы срамоту отца: таково было злонравие этого сына. Поэтому-то, дабы ты знал, что он уже прежде и с самой ранней поры был развращен душою, Писание не сказало просто, что "**увидел Хам …наготу отца своего**", но как? "**И увидел Хам, отец Ханаана**". Для чего, скажи мне, оно и здесь упоминает об имени его сына? Для того, чтобы ты знал, что он был человек похотливый и невоздержный, и по той же (развращенной) воле, по которой он не воздержался от деторождения при таких обстоятельствах, и теперь оскорбил родителя. "**И выйдя, -** сказано, **- рассказал двум братьям своим**". Заметь здесь, возлюбленный, что начало греха лежит не в природе, но в душевном расположении и в свободной воле. Вот, ведь все сыновья Ноя одной и той же природы и братья между собою, имели одного отца, родились от одной матери, воспитаны были с одинаковою заботливостью, и, несмотря на то, обнаружили неодинаковые расположения - один уклонился к злу, а другие оказали отцу должное почтение. Он, может быть, рассказывая о случившемся, еще издевался и насмехался над посрамлением отца, не внимая премудрому, который говорит: "**Слава человека — от чести отца его**" (Сир.3:11). Но братья его не так поступили, а как? Услышав об этом, сказано, "**Сим же и Иафет взяли одежду и, положив ее на плечи свои, пошли задом и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видали наготы отца своего**" (ст. 23). Видишь ли скромность этих сыновей? Тот разгласил, а они не хотят даже и видеть, но идут, с обращенным назад лицом, чтобы, подошедши ближе, прикрыть наготу отца. Смотри также, как они, при великой скромности, были еще кротки. Они не упрекают и не поражают брата, но, услышав (рассказ его), об одном только заботятся, как бы скорее исправить случившееся и сделать, что требовалось для чести родителя. "**Лица их**, **-** сказано, **- были обращены назад, и они не видали наготы отца своего**". Велика почтительность этих сыновей к отцу своему: они, как показывает Писание, не только прикрыли (наготу отца), но не хотели и видеть ее. Вразумимся же этими (двумя) примерами, и из того и другого извлечем для себя пользу: последним (Симу и Иафету) будем подражать, а от подражания первому (Хаму) воздерживаться. Если, в самом деле,

открывший чувственную наготу подверг, себя проклятию и, лишившись одинаковой с братьями части, осужден служить им, хотя не он сам, так все потомки его, то чему подвергнутся те, которые обнаруживают грехи братьев и не только не прикрывают их, но стараются еще сделать более известными, и чрез это размножают грехи? Ведь, когда ты обнаружишь грех брата, то не только его сделаешь, может быть, более бесстыдным, и нерасположенным к возвращению на путь добродетели, но и тех, кто будет слушать тебя, более укоренишь в беспечности и расположишь к упорству во зле; мало этого, ты подашь повод и к хуле на Бога. А какое наказание ожидает подающих повод (к этому греху), всякому известно. Будем же, прошу, избегать бесстыдства Хамова, а станем подражать целомудрию этих скромных сыновей, которое они обнаружили по отношению к наготе отца, и таким образом будем прикрывать грехи братьев, не для того, чтобы располагать их к нерадению, но чтобы, напротив, этим сильнее побудить их к скорейшему освобождению от заразы греховной и возвращению на путь добродетели. Действительно, для человека внимательного неимение свидетелей грехов его облегчает исправление; напротив, когда душа потеряет стыд и увидит, что ее преступления известны всем, то не скоро решится исправиться, но как бы упав в глубокое болото и увлекаясь множеством волн все ниже и ниже, будет уже не в состоянии всплыть наверх, впадет, наконец, в отчаяние и потеряет надежду на исправление.

5. Поэтому, прошу, не будем ни сами открывать прегрешений наших ближних, ни, когда узнаем об них от других, домогаться увидеть наготу их, но, подобно упомянутым добрым сыновьям, прикроем ее, и постараемся исправить падшую душу увещаниями и советами, напоминая ей о величии человеколюбия Божия, о беспредельной благости и безмерном милосердии Его, чтобы нам удостоиться большего, нежели те (сыновья Ноя), благословения от Бога всяческих, “**Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины**” (1Тим.2:4), и не хочет “**смерти беззаконника** …**, чтобы он обратился от путей своих и был жив**” (Иез.18:23). “**И они не видали**, **-** сказано, **- наготы отца своего**”. Смотри, как они в такое древнее время, руководствуясь только естественным законом, исполнили уже то, что после установлено в законе писанном для научения рода человеческого. Закон говорил: “**Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе**” (Исх.20:12), и еще: “**Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти**” (Исх.21:17); а они это самое уже исполнили на деле. Видишь, как природа еще раньше (закона) имеет достаточного учителя (добродетели)?

“**Ной проспался**, **-** говорит Писание, **- от вина своего и узнал, что сделал над ним меньший сын его**” (Быт.9:24). “**Проспался**” **-** сказано. Пусть слышат проводящие все время в пиршествах, сколь велик вред от упоения, и пусть бегут от этой заразы. “**Проспался**” – сказано. Что значит: “**Проспался**”? Что мы обыкновенно говорим о беснующихся, когда они приходят в себя, именно, что такой-то очувствовался и освободился от власти демона, тоже и здесь сказало Писание. Действительно, пьянство есть своевольный демон, который хуже настоящего демона помрачает ум и отнимает у одержимого им всякую скромность. Видя бесноватого, мы часто жалеем о нем, соболезнуем и обнаруживаем к нему глубокое сострадание; но при виде пьяного поступаем напротив: негодуем, сердимся, произносим тысячу укоризн. Почему и за что? Потому, что одержимый злым демоном, что ни делает, делает невольно: бьется ли он, рвет ли одежду, или произносит какие-либо срамные слова, все это ему прощается; но пьяный, что ни сделает, ни в чем не заслуживает извинения, напротив - и домашние, и друзья, и соседи, и все строго осуждают его, потому что он сам по своей воле дошел до этого несчастного положения, сам предал себя во власть пьянству. И это говорю не с тем, чтобы осудить праведника. Много было обстоятельств, которые оправдывают его, и между прочим то, что после он уже не впадал в подобное состояние, а это служит несомненным

доказательством, что и прежнее прегрешение он допустил не по беспечности, а по неведению. В самом деле, если бы он допустил это по беспечности, то, конечно, и в другой раз увлекся бы тою же страстью; но этого с ним уже не случилось. Если бы он еще раз впал в то же состояние, Писание не умолчало бы об этом, но сообщило бы нам, потому что единственный предмет и единственная цель божественного Писания состоит в том, чтобы не опускать ни одного события (из жизни праведников), но сообщать нам истинное понятие обо всем. Оно не умалчивает и о добродетелях праведников по зависти, и не прикрывает их прегрешений по пристрастию, но все представляет нам на вид, чтобы мы имели пред собою образец и урок, и, если когда по беспечности впадем в какой-либо грех, то чтобы береглись, как бы опять не сделать того же греха. Не так ведь преступно грешить, как закосневать во грехе. Итак, смотри не на то, что праведник (Ной) упился, но на то, что он более уже не подвергался этому. А вот о чем подумай, как иные ежедневно истощают себя и почти, можно сказать, умирают в пьянстве; и если когда придут в чувство, то и тогда не убегают от этой заразы, но опять принимаются за то же, как бы за какое важное дело. Подумай еще и о том, что этот праведник, если, по неопытности и по незнанию меры употребления, испивши вина, и упился, то, как праведник, имевший много добродетелей, он мог прикрыть (своими добродетелями) случайное прегрешение; а мы, если при множестве других, обладающих нами страстей, будем еще предаваться пьянству, в чем, скажи мне, найдем себе извинение? Кто окажет нам снисхождение, когда мы не вразумляемся и самым опытом? “**Ной проспался**, **-** сказано, **- от вина своего и узнал, что сделал над ним меньший сын его**”. Откуда он узнал это? Может быть, братья рассказали, не с тем, чтобы обвинить брата, но чтобы объяснить дело, как оно происходило, дабы Хам получил соответственное своей болезни врачевство. “**И узнал** (Ной), **-** сказано, **- что сделал над ним меньший сын его**”. Что значит: “**Что сделал**”? То есть, сколь великий и непростительный грех (Хам сделал). В самом деле, подумай, что он, как увидел внутри дома срамоту (отца), вместо того, чтобы прикрыть ее, вышедши из дому, разгласил о ней, подверг отца, сколько мог, посмеянию и поруганию, хотел и братьев сделать сообщниками своего гнусного поступка; и тогда, как следовало ему, если уже он решился объявить братьям, позвать их в дом и там сказать им о наготе (отца), он вышел вон и объявил о наготе его так, что, если бы случилось тут множество других людей, он и их сделал бы свидетелями срамоты отца. Вот почему сказано: “**Что сделал**”, т.е. нанес оскорбление отцу, забыл о почтении, какое дети обязаны воздавать родителям, обнаружил прегрешение (отца), хотел и братьев увлечь и сделать сообщниками в своей дерзости. “**Что сделал над ним**, **-** сказано, **- меньший сын его**”. Хам, конечно, не был самым младшим; он был второй и старше Иафета. Но, если он и был старше его по возрасту, зато по душе оказался моложе, и дерзость поставила его ниже (младшего брата). Так как он не хотел остаться в своих пределах, то и потерял честь, предоставленную ему природою, и как он злой своей волей потерял то, что имел от природы, так Иафет, чего не имел от природы, то приобрел доброй волей.

6. Видишь, как в божественном Писании нет ничего, что было бы сказано без цели и случайно? “**Что сделал над ним**, **-** сказано, **- меньший сын его, и сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих**” (ст. 25). Вот мы дошли до вопроса, который везде повторяется. От многих можно слышать следующие слова: почему это, когда отец согрешил и открыл наготу, подвергается проклятию сын? Так, прошу, со вниманием выслушайте и примите от меня разрешение этого (вопроса). Я скажу то, что внушит мне благодать Божия для вашей пользы. “**И сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих**”. Не без цели и не напрасно упомянуло Писание о сыне (Хама), но по некоторой сокровенной причине. Ной хотел и наказать Хама за его преступление и нанесенное ему оскорбление, и вместе не нарушить благословения, данного уже Богом: “**Благословил**, **-** сказано, **- Бог Ноя и сынов его**”, когда они вышли из ковчега (Быт.9:1). Итак, чтобы не показалось, что он проклинает того, кто уже получил благословение от

Бога, Ной оставляет пока самого оскорбителя, а налагает проклятие на его сына. Правда, скажет иной, из этого видно, что Ной потому не проклял Хама, что этот получил благословение от Бога: но почему за грех отца подвергается наказанию сын? И это не без причины. В самом деле, Хам не меньше сына потерпел наказание и чувствовал мучение. Вы, конечно, знаете, как часто отцы готовы бывают вытерпеть наказание за детей своих, и как для них гораздо мучительнее видеть детей страдающими, нежели самим страдать. Итак, сделано это (т.е. вместо Хама наказан сын его) для того, чтобы и отец по естественной любви к сыну потерпел тягчайшую скорбь, и благословение Божие осталось ненарушимым, и сын, подвергшийся проклятию, понес наказание за собственные грехи, потому что, хотя он теперь подвергается проклятию за грех отца, но, вероятно, был наказан и за собственные грехи. Он подвергся проклятию не только за грех отца, но без сомнения и для того, чтобы в нем (сыне) отец понес тем большее наказание. Что ни отцы за детей, ни дети за отцов не подвергаются наказанию, но каждый наказывается за свои грехи, об этом говорят пророки во многих местах. Так, например, они говорят: **"отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина"** (Иер.31:29); еще: "**Душа согрешающая, она умрет**" (Иез.18:20), и еще: "**Отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов**" (Втор.24:16). Итак, прошу, никто из вас, не зная цели божественного Писания, не дерзай порицать написанного в нем, но с благодарностью принимай слова его, удивляйся точности божественного Писания и размышляй о том, какое великое зло грех. Вот, в самом деле, брата, рожденного одною и тою же материю, происшедшего из одной и той же утробы, грех сделал рабом и, лишив свободы, привел в подчинение. Отсюда-то началось рабство. До того времени между людьми не было такой изнеженности и такой роскоши, чтобы один нуждался в услужении других, но каждый служил сам себе, все были в равной чести, и не было никакого неравенства. А как явился грех, то и нарушил свободу, и уничижил достоинство, дарованное людям от природы, и ввел рабство, дабы это было постоянным уроком и внушением роду человеческому - убегать рабства греха и стремиться к свободе добродетели. Поэтому если раб и господин хотят постоянно получать от этого пользу, то пусть раб помышляет о том, что он сделался рабом, потому что Хам оказал такую дерзость, а господин, с своей стороны, пусть представляет, что подчинение и рабство произошли не от чего другого, как от того, что он же (Хам) обнаружил злую волю и лишился равной с братьями чести.

7. Впрочем, если мы будем внимательны, то все это, появившееся в жизни за грехи наших прародителей, нисколько не сможет повредить нам, а останется одним только названием. Так, первый человек за преступление подвергся осуждению смерти и положил начало жизни в печалях и трудах, а Хам ввел рабство. Но пришедший (на землю) Господь Христос сделал, что все это будет только одним названием, если мы захотим того. В самом деле, и теперь уже смерть не смерть, но только носит название смерти, а лучше сказать, и самое название ее уничтожено: мы уже не называем ее и смертью, но успокоением и сном. Так сам Христос сказал: "**Лазарь, друг наш, уснул**" (Ин.11:11); и Павел в послании к Фессалоникийцам говорит: "**Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших**" (об усопших - 1Фес.4:13). Подобным образом и рабство теперь одно имя: раб тот, кто делает грех. А что Христос, пришедши на землю, уничтожил и это (рабство) и оставил одно только имя его, или - лучше сказать - уничтожил и самое имя, Об этом послушай Павла, который говорит: "**Те, которые имеют господами верных, не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья**" (1Тим.6:2). Видишь, как добродетель лишь только явилась, то и привела в братское сродство тех, которые дотоле связаны были именем рабства. "**Раб рабов будет он** (Хам), **-** сказано, **- у братьев своих**". Ты не воспользовался, говорит, по надлежащему честью, не вынес счастья - быть равным по достоинству (с братьями), - потому хочу, чтобы ты вразумился подчинением. Тоже случилось и вначале с женою. И она имела равную честь с мужем, но так как не

хорошо воспользовалась дарованною ей честью, то и лишилась власти и услышала: “**К мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою**” (Быт.3:16). Ты не умела, говорит, хорошо пользоваться властью, так научись лучше хорошо повиноваться, нежели худо управлять. Подобным образом и Хам теперь подвергается осуждению для своего вразумления, и терпит наказание в своем сыне, дабы известно было тебе, что, если сам он был уже и стар, за то наказание перейдет на его сына; а это сделало жизнь его скорбною и мучительною, от мысли, что, и после его смерти, сын его должен нести наказание за его проступок. Впрочем, и сын его был сам по себе порочен, и все потомки его были развращенны и уклонились к нечестию; об этом послушай, что говорит Писание с проклятием: “**Отец твой Аморрей, и мать твоя Хеттеянка**” (Иез.16:3); и в другом месте с укоризною: “**Племя Ханаана, а не Иуды!**” (Дан.13:56). Но, узнав, какому наказанию подвергся открывший наготу отца, надобно уже выслушать и то, каких наград удостаиваются оказавшие такое уважение и почтение к отцу. “**Сказал**, - сказано (Ной): **благословен Господь Бог Симов; Ханаан же будет рабом ему**” (Быт.9:26). Это, может быть, скажет кто, не значит благословить Сима. Напротив, здесь Ной преподал ему самое высокое благословение. В самом деле, когда Бог прославляется и благословляется людьми, тогда Он, обыкновенно, подает обильнейшее благословение Свое тем, ради которых Сам благословляется. Поэтому Ной, благословивши Бога, как бы обязал Его к большему благословению и приобрел Симу большее воздаяние, нежели когда бы он сам от себя благословил его. Как в том случае, когда Бог за нас благословляется, Он удостаивает нас великого Своего благословения, так, напротив, когда другие из-за нас хулят Его, тогда мы подвергаемся тем большему осуждению за то, что подали повод к этому. Постараемся же, прошу, жить так и являть такое преспеяние в добродетели, чтобы взирающие на нас возносили к Господу Богу песни благословения. Он, благой и человеколюбивый, желает прославляться чрез нас, не потому, чтобы Сам получал от того какое-либо приращение собственной славы, - Он не имеет ни в чем недостатка, - но для того, чтобы мы подавали Ему случай удостаивать нас больших милостей. “**Благословен Господь Бог Симов; Ханаан же будет рабом ему**”. Видишь, как он (Ной) налагает (на Хама) отеческое наказание, которое скорее есть вразумление, нежели наказание? Он был ведь отец, и отец чадолюбивый; и хотел не столько наложить достойное наказание, сколько пресечь дальнейшее распространение зла. Для того, говорит, я осуждаю тебя на рабство, чтобы ты имел постоянное и неизгладимое напоминание (о своем грехе). Далее говорит: “**Да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему**” (ст. 27). И это опять есть величайшее благословение, в котором, может быть, заключается некоторое прикровенное сокровище. “**Да распространит**, - говорит, **- Бог Иафета**”. Не ошибется, кто скажет, что благословения этого праведника суть пророчество. В самом деле, если отец его дал ему такое имя (Ноя), не без цели и не напрасно, но чтобы этим именем предвозвестить будущий потоп, то тем более сам этот праведник не без цели и не напрасно изрек свои благословения. Посредством этих благословений, изреченных Симу и Иафету, он, кажется мне, предвозвестил призвание двух народов, именно: через Сима - Иудеев, так как от него произошел патриарх Авраам и народ Иудейский, а через Иафета - призвание язычников. Так, вот какое предсказание заключается в этом благословении: “**Да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых**”. Это и в самом деле, как мы видим, исполнилось над язычниками. Словом: “**Да распространит**” он указал на всех язычников, а словами: “**Да вселится он в шатрах Симовых**” (дал разуметь), что язычники воспользовались всем, что было предназначено и уготовано для Иудеев. “**Ханаан же будет рабом ему**”.

8. Видишь, какие награды получили Сим и Иафет за свою скромность, и какое бесчестие навлек на себя Хам своею дерзостью. Будем же постоянно содержать это в нашем уме, чтобы могли мы быть подражателями и ревнителями первых и избегать злой воли и крайней дерзости последнего. “**И жил Ной после потопа триста пятьдесят лет. Всех же**

дней Ноевых было девятьсот пятьдесят лет, и он умер” (ст. 28,29). Не подумай, будто божественное Писание заметило это без цели, но и отсюда усматривай воздержание праведника, как он, хотя и наслаждался спокойствием и изобилием, и прожил еще столько лет по выходе из ковчега, однако ж, во все это время воздерживался от деторождения. Писание не упоминает, чтобы он имел еще других детей, кроме этих троих. Из этого опять заключай о великом невоздержании Хама, который не вразумлялся и примером отца, показавшего такое воздержание, но поступал во всем противно отцу. Потому и справедливо все потомство его осуждалось на рабство, чтобы этим обуздывались его злые наклонности. Затем божественное Писание повествует о детях сыновей (Ноя), и говорит: Хам же родил Хуса; далее: “**Хус родил также Нимрода: сей начал быть силен на земле. Он был сильный зверолов пред Господом**” (Быт.10:6-9). Некоторые говорят, что слова: “**пред Господом**” значат - против Господа, но я не думаю, чтобы божественное Писание хотело выразить это, но - то, что Неврод был человек сильный и мужественный. Выражение “**пред Господом** (Богом)” может еще означать или то, что этот человек был воздвигнут Богом, от Него получил благословение, или то, что через него должен был прославляться Бог, произведший и явивший на земле такого мужа. Но и этот человек, подражая своему прародителю и не по надлежащему воспользовавшись естественными преимуществами, изобрел другой род рабства и сам замыслил сделаться начальником и властителем; а таким он не был бы, если бы не было подвластных. Впрочем, это состояние подчиненных кажется мне скорее свободою. А вот самое тяжкое рабство, когда хвалящиеся свободою раболепствуют! Смотри еще, что делает любостяжание; смотри, как телесная сила не остается в собственных пределах, но всегда гонится за большим и ищет славы. (Неврод) подчинил себе людей не для того, чтобы заботиться об их безопасности; нет, он строил еще и города для того, чтобы господствовать над врагами. “**Из сей земли**, - сказано, - **вышел Ассур, и построил Ниневию**” (ст. 11). Заметь здесь, между прочим, что нечестие предков не расстраивает вовсе нашу природу. Вот эти ниневитяне, которые своим покаянием заслужили милосердие Божие и отклонили (произнесенный на них) приговор Господа, имели прародителем сперва Хама, этого оскорбителя своего отца, а потом Неврода, человека жестокого и гордого, от которого произошел Ассур. Может быть, между ними были и другие, изнеженные и сластолюбивые люди, проводившие жизнь порочную и невоздержную, и преданные пьянству, смехотворству, шуткам и насмешкам. Но так как ниневитяне захотели показать искреннее раскаяние, то нечестие предков и не повредило им; напротив, они приобрели такое благоволение свыше, что даже доныне прославляются за свой подвиг покаяния.

Итак, им-то будем и мы подражать, и, зная, что ни пороки предков не повредят нам, если только сами захотим быть внимательны, ни добродетели предков не принесут нам никакой пользы, если сами мы будем беспечны, - употребим все старание о добродетели и покажем во всем добрую свою волю, чтобы нам получить то же благословение, какое (получили) Сим и Иафет, и избавиться от проклятия и рабства, которому подвергся Ханаан, чтобы не быть нам рабами греха, но приобрести истинную свободу, и достигнуть неизреченных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 30

"На всей земле был один язык и одно наречие" (Быт. 11:1).

1. Вот уже мы пришли и к концу святой четыредесятницы, совершили плавание поста, и, по милости Божьей, достигли, наконец, пристани. Но не предадимся от этого беспечности, а покажем тем более усердия и бдительности. И кормчие, когда, переплыв бесчисленные

бездны морские, готовятся уже, с распущенными парусами и выложенным на верх грузом, войти в пристань, тогда-то и показывают особенную внимательность и заботливость, чтобы как-нибудь не удариться кораблем о скалу или камень, и не потерять плодов прежнего труда своего. Таким же образом поступают и состязающиеся в бегах: когда они уже приближаются к концу своего поприща, тогда-то особенно и стараются бежать, как можно скорее, чтобы достигнуть конца и удостоиться награды. Равно и борцы, когда, после множества подвигов и побед, вступают в окончательную борьбу о венце, тем большие выказывают усилия, чтобы сойти (с места борьбы) с венцом победным. Итак, как кормчие, как состязающиеся в бегах и борцы тогда особенно все напрягают свое усердие и бдительность, когда приближаются к концу (своих трудов), – таким же образом и мы теперь, достигши, по благости Божьей, этой великой седмицы (т.е. страстной), должны особенно усилить подвиг поста, совершать усерднейшие молитвы, принести полное и искреннее исповедание грехов, и творить добрые дела, (подавать) щедрую милостыню, (являть) тихость, кротость и всякую другую добродетель, чтобы с этими добрыми делами достигнуть нам дня воскресения Господня и насладиться щедротами Владыки. Великой же называем эту седмицу не потому, чтобы дни ее были длиннее, – есть другие (недели), которых дни гораздо продолжительнее – и не потому, чтобы в ней было больше дней, – их число у нее тоже, как и у всех других. Почему же называем ее великой? Потому, что в продолжение ее совершились для нас великие и неизреченные благодеяния. В эту седмицу окончена долговременная брань, уничтожена смерть, истреблена клятва, разрушена власть дьявола, расхищены снаряды его, Бог примирился с человеками, небо сделалось (для них) доступным, люди соединились с ангелами, разделенное сблизилось, разрушена стена, разорена преграда, Бог мира умиротворил небесное и земное. Потому-то и называем эту седмицу великой, что в ней Господь даровал нам такое множество благ. Поэтому-то многие (в эту седмицу) и усердствуют более и к посту и к священным бдениям и всенощным молитвам, более подают и милостыни, желая этими своими делами выразить то почтение, какое они питают к этой седмице. Если Господь даровал нам в ней столько благ, то не должны ли и мы, чем только можем, показывать свое к ней уважение и почтение?

Вот и цари своими делами показывают, какое благоговение питают они к этим досточтимым дням: они повелели, чтобы (в эти дни) пользовались отдохновением занимающиеся гражданскими делами, заперты были двери судилищ, прекращались всякого рода споры и тяжбы, чтобы все могли с великой тишиной и спокойствием приступить к совершению дел духовных. Но кроме этого, они показывают еще и другую милость: освобождают от оков содержащихся в темнице, и, сколько возможно для людей, подражают своему Господу. В самом деле, как Он освобождает нас из тяжкой темницы грехов, и дает нам насладиться множеством блага, – так точно и мы, говорят цари, должны, в чем только можем, быть подражателями человеколюбия Господня. Видите, как каждый из нас всячески выказывает уважение и почтение, какое питает к этим дням, сделавшимся для нас виновниками многих благ. Поэтому, прошу, теперь более чем в другое какое время, будем приходить сюда, отложив всякое житейское помышление, с чистым и добрым оком ума. Входя в церковь, никто не вноси сюда с собой житейских забот, чтобы возвратиться отсюда домой с достойной за труды наградой. Итак, вот, мы опять предложим вам обычную трапезу и угостим любовь вашу нынешним чтением из блаженного Моисея, изъяснив вам это чтение и вместе показав точность божественного Писания. Окончив повествование о Ное, оно начало уже излагать родословие Сима и говорит: "**были дети и у Сима, отца всех сынов Евероых, старшего брата Иафетова**" сына (Быт.10:21). Потом, перечислив имена, говорит: "**у Евера родились два сына; имя одному: Фалек, потому что во дни его земля разделена**" (Быт.10:25). Смотри, как самым именем этого сына (Писание) предвозвестило об имевшем вскоре последовать чуде, чтобы ты, когда увидишь самое событие, уже не удивлялся зная, что это заранее

предвозвещено именем сына. А, перечислив тех, которые родились после от этих (детей Евера), оно говорит: "**на всей земле был один язык и одно наречие**" (Быт.11:1), разумея здесь не землю, но человеческий род, дабы научить нас, что все человечество имело один язык. "**И был**", говорит, "**на всей земле один язык и одно наречие**". Под "**одним языком**" разумеется речь, тоже значит и "**наречие**": все равно, как если бы сказано было, что все люди говорили одними звуками (словами) и одним языком. А что именно о речи сказано это: "**на всей земле был один язык**", слушай, как Писание говорит в другом месте: "**яд аспидов над устами их**" (Пс.139:3). Так-то Писание словом "**уста**" обыкновенно означает речь. "**Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там**" (Быт.11:2).

2. Смотри, как человеческая природа не любит оставаться в своих границах, но всегда ищет большего и стремится к высшему. Это-то особенно и губит людей, что они не хотят знать границ своей природы, но всегда желают большего и мечтают о том, что выше их. Оттого-то пристрастившиеся к мирским благам, даже и тогда, когда обладают великим богатством и властью, как бы забыв свою природу, усиливаются подняться все выше и выше, до тех пор, пока не низринутся в самую бездну. Это, как мы видим, бывает каждый день, и, однако же, прочие не вразумляются этим. А если на малое время и удерживаются, то скоро, забыв все, опять идут той же дорогой и падают в ту же бездну. Тоже случилось теперь и с этими людьми. "**Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там**". Смотри, как Писание мало-помалу открывает нам непостоянство их воли. Так как, говорит, они увидели поле, то, оставив прежнее жилище, перешли и "**поселились там**". Потом говорит: "**И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола была им вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся**" по всей земле (Быт.11:3-4). Смотри, как они не по надлежащему воспользовались единством своего языка, и как суетный замысел житейский стал причиной несчастья. "**Придите**", говорят, **наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола была им вместо извести**". Смотри, чем они думают обезопасить свое строение, не зная, что "**если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его**" (Пс.126:1). "**И построим**", говорят, "**себе город**", не Богу, а себе. Смотри, как нечестие уже усилилось! Имея еще в свежей памяти всеобщую погибель [разумеется всемирный потоп], они уже дошли вот до какого безумия: "**И построим**", говорят, "**себе город и башню, высотой до небес**". Словом: "**до небес**" божественное Писание хотело изобразить нам необычайность их дерзости. "**И сделаем**", говорят, "**себе имя**". Видишь, где корень зла? Да заслужим, говорят, вечную память; пусть всегда помнят о нас; наше дело и создание будет таково, что никогда не забудется! И это сделаем "**прежде нежели рассеемся по лицу всей земли**". Пока, говорят, мы еще вместе, выполним наше намерение, чтобы оставить нам в последующих родах вечное о себе воспоминание. Много и теперь есть таких, которые подражают этим людям и хотят такими же делами оставить по себе память: они строят великолепные дома, бани, портики, гульбища. И если спросишь кого бы то ни было из них, для чего он так трудится и беспокоится, и тратит много денег по пустому, то не услышишь ничего, кроме следующих слов: чтобы всегда помнили о нас, чтобы говорили: это дом такого-то, это поле такого-то. Но это значит заслужить себе не (добрую) память, а скорее осуждение, потому что к этим словам тотчас же прибавляются еще и другие, самые укоризненные, слова: (это дом, или поле) такого-то лихоимца, хищника, притеснителя вдов и сирот. Итак, это значит не приобретать себе память, но подвергать себя вечным нареканиям, носить и после смерти клеймо бесславия, изощрять язык всех, кто ни увидит (эти дома и поля), на осуждение и порицание их владельца. Если же ты подлинно ищешь вечной памяти, так я покажу тебе путь, которым можешь ты и достигнуть всегдашнего о тебе воспоминания (на земле), и приобрести с великой славой великое дерзновение в

будущем веке. Как же можешь ты сделать, чтобы каждый день воспоминали о тебе и превозносили тебя похвалами даже и по смерти? Если богатство свое раздашь в руки нищих, и оставишь, таким образом, после себя (драгоценные) камни и огромные дома, и поля, и бани. Такая память бессмертна, такая память будет для тебя виновницей тысячи сокровищ, такая память облегчит тебя от тяжких грехов, и даст тебе великое дерзновение перед Господом. Подумай только о тех словах, которые каждый будет говорить, (называя тебя) милостивым, человеколюбивым, добрым, кротким и весьма щедрым. "**Расточил**", сказано, "**роздал нищим; правда его пребывает во веки**" (Пс.111:9). Так-то бывает с богатством: когда его расточаешь, оно тем вернее сохраняется; когда же удерживаешь и запираешь, губит даже своих обладателей. "**Расточил**", сказано, "**роздал нищим**", послушай, что следует и далее: "**правда его пребывает во веки**". Он в один день "**расточил**" богатство, а "**правда его пребывает**" во все веки, и бессмертной делает память о нем.

3. Видишь, какая память продолжается через все века? Видишь, какая память доставляет великие и неизреченные блага? Такими-то зданиями постараемся оставить по себе память. Здания, построенные из камней, не только не могут принести нам пользы, но еще, подобно (позорному) столпу, будут непрестанно вопиять против нас громким голосом. Когда отходим мы отсюда, то сделанные нами из-за этих зданий грехи уносим с собой, самые же здания оставляем здесь, и, таким образом, не только не достигаем через них даже и пустой и бесполезной памяти, но еще подвергаемся осуждениям, а самое имя (владельца) тотчас переходит к другому. И действительно это имя от одного переходит к другому, и от этого опять к иному. Сегодня говорят: этот дом такого-то, завтра – другого, а после завтра – еще иного. Таким образом, мы добровольно сами себя обманываем, думая, будто имеем власть над какой-нибудь вещью, и, не рассуждая, что можем только пользоваться ей, и, волей или неволей, уступаем эти вещи другим; не говорю еще, что оставляем их даже таким людям, которым бы мы и не хотели. Но если ты непременно желаешь, чтобы о тебе помнили, если это тебе вожделенно, то послушай, как вдовицы вспоминали о Тавите, и как они обступили Петра, проливая слезы и показывая ему платья и одежды, какие делала Серна, живя с ними. Вот живые здания, которые издавали голос и имели такую силу, что даже возвратили умершую к жизни. В самом деле, когда они обступили Петра, проливая горячие слезы и изъясняя свою нужду в пище и (других) средствах к жизни, Петр, сказано, "**выслал всех вон и, преклонив колени, помолился**", и, восставив ее, "**призвав святых и вдовиц, поставил ее перед ними живой**" (Деян.9:40-41). Так и ты, если хочешь, чтобы о тебе помнили, если ищешь истинной славы, подражай этой жене, и такие же строй здания; не траться на мертвое вещество, но показывай великую щедрость к подобным тебе. Такая память достохвальна и приносит великий плод. Но возвратимся к нашему предмету и посмотрим на дерзость тогдашних людей. Их грех послужит для нас, если только захотим быть внимательными, вразумлением. "**И построим**", сказано, "**себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде, нежели рассеемся**" по земле. Видишь ли, как эти люди во всем показывают развращение своей воли? "**И построим**", говорят, "**себе город**"; и еще: "**сделаем себе имя**". Смотри, как они и после такой всеобщей погибели [т.е. после потопа] отваживаются на не меньшие [в сравнении т.е. с пороками живших перед потопом] пороки. Чему же надлежало быть? Как удержать их от безумия? Бог по Своему человеколюбию обещал, что никогда уже не наведет потопа, а они ни наказаниями не вразумились, ни от благодеяний не сделались лучше.

Потому слушай, что следует далее, и познай величие неизреченного человеколюбия Божьего. "**И сошел**", сказано, "**Господь Бог [посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие**" (Быт.11:5). Смотри, как Писание выражается по-человечески. "**Сошел**", говорит оно, "**Господь Бог**", – не для того, чтобы мы понимали это

по-человечески, но чтобы через это научились никогда не осуждать неосмотрительно братьев наших, и не судить о них по слуху, пока не получим полного удостоверения. Да и все, что ни делает Бог, делает для этого; и всегда такое снисхождение употребляет Он для научения рода человеческого. "**И сошел Господь посмотреть город и башню**". Смотри, Он не с самого начала останавливает их неистовство, но показывает великое долготерпение, и выжидает, чтобы они привели в исполнение весь злой замысел свой, и чтобы тогда уже расстроить Ему их предприятие. Дабы никто не мог сказать, что они и решились было, но не привели в исполнение свои замыслы, Бог выжидает, чтобы они исполнили свои предприятия, и потом уже показывает, как бесполезны их замыслы. "**И сошел**", сказано, "**Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие**". Смотри, какое великое человеколюбие! Попустил им понести труды и тягости, чтобы самый опыт сделался для них учителем. И как увидел, что зло усиливается и болезнь распространяется, то уже не оставляет их в конец, но, являя Свою благость, как наилучший врач, заметивший, что болезнь усиливается и рана оказывается неисцелимой, производит скорое сечение, чтобы совершенно уничтожить самую причину болезни. "**И сказал**", сказано, "**Господь: вот, один народ, и один у всех язык**", то есть, одна речь и один язык, "**и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать**" (Быт.11:6).

4. Видишь человеколюбие Господа? Так как Он хочет расстроить их замысел, то предварительно составляет оправдание (этого своего намерения), указывает на великость греха их, на чрезвычайность злонравия, на то, что они не по надлежащему воспользовались единством языка. "**Вот**", говорит, "**один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они оттого, что задумали делать**". Бог, обыкновенно, поступает так: когда намеревается послать наказание, то прежде показывает великость грехов и как бы представляет оправдание, а потом уже и наказывает. Так и во время потопа, когда Он восхотел сделать страшную ту угрозу. Писание говорит: "**и увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время**" (Быт. 6:5). Видишь, как сперва Он показал крайность их развращения, а потом уже сказал: "**истреблю человека**" (Быт.6:7)? Так и теперь: "**вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать**". Если они теперь, пользуясь таким единством мыслей и языка, впали в такое неистовство, то не сделают ли с течением времени еще худшего? "**И не отстанут они от того**", говорит, "**что задумали делать**". Ничто уже не в силах будет удержать их стремления, напротив, они постараются привести в исполнение все свои замыслы, если не понесут тотчас же наказания за свои дерзкие предприятия. Точно так было и с первым человеком. И там Бог, когда положил изгнать (Адама) из райского жилища, говорит ему: "**кто сказал тебе, что ты наг**"? И еще: "**вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь Бог из сада Едемского**" (Быт.3:11,22-23). И теперь говорит: "**вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они оттого, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого**" (Быт.11:7). Смотри опять, какое снисхождение в словах**. "Смешаем ",** говорит, "**и сойдем**". Что значат эти слова? Не требует ли Господь у кого содействия к исправлению, или помощи к рассеянию этих людей? Нет; напротив, как выше уже сказало Писание: "**сошел Господь**", чтобы этим показать нам, что Он ясно видел чрезмерность греха их, так и здесь (Бог) говорит: **сойдем же и смешаем**. Без сомнения, к равночестным сказаны эти слова: "**сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого**". Такое наказание, говорит, налагаю на них, как какой-нибудь вечный памятник, чтобы оно продолжалось весь век, и ни в какое время не забыли о нем. Так как они не по надлежащему воспользовались единством языка, то хочу вразумить их – разноязычием. Так и везде поступает Господь. Так поступил вначале и с

женой: она не по надлежащему воспользовалась данной ей честью; поэтому Бог, и подчинил ее мужу. Тоже и с Адамом: он не воспользовался великим счастьем райской жизни, но через преступление сделал себя достойным наказания; поэтому Бог изгнал его из рая и наложил на него всегдашнюю казнь, сказав: "**терния и волчцы произрастит тебе земля**" (Быт.3:18). Итак, когда и эти люди, пользовавшиеся одним языком, употребили во зло данное им преимущество, Бог останавливает стремление их нечестия разноязычием. "**И смешаем**", говорит, "**язык их, так чтобы один не понимал речи другого**", – чтобы, как единство языка совокупляло их в одном месте жительства, так разность языка заставила их рассеяться. Не имея одного языка и образа речи, как бы они могли жить вместе? "**И рассеял их**", сказано, "**Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город**" (Быт.11:8). Смотри на человеколюбие Господа, в какое Он привел их затруднение! Они стали после этого похожи на безумных: один требовал того, а другой подавал иное, так что все их усилия, наконец, сделались бесплодными. Потому и "**перестали строить город**. **Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь**" Бог по всей земле (Быт.11:8-9). Смотри, сколько сделано, чтобы память об этом сохранилась во все века. Во-первых, разделение языков, но еще более и прежде этого, самое наречение имени, потому что имя "**Фалек**", которое Евер дал своему сыну, значить "**разделение**". Потом название места – место названо смешением, что и значит Вавилон. Наконец, сам Евер остался с тем же языком, чтобы и это служило ясным знаком разделения. Видишь, какими мерами Бог восхотел это событие сохранить навсегда в памяти (у людей) и спасти от забвения? С тех пор уже отец должен был рассказывать сыну о причине разности языков, и сын старался узнать от отца, почему так названо то место. Вавилоном названо то место потому, что оно означает смешение, что "**там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их**". Это название места, мне кажется, равно означает и то, что Бог смесил языки, и то, что от этого люди рассеялись.

5. Слышали вы, возлюбленные, отчего произошло рассеяние этих людей и разделение языков. Не станем же, прошу, подражать им; будем пользоваться, как должно, тем, что дано нам от Бога, и, помня природу человеческую, будем предпринимать только то, что прилично предпринимать людям смертным. Размышляя о тленности настоящего и о кратковременности нашей жизни, будем предуготовлять себе великое дерзновение совершением добрых дел, и в эти дни не только покажем особенное усердие к посту, но и подадим щедрую милостыню и принесем прилежные молитвы. С постом всегда должна быть соединена молитва. И что это правда, послушай, как говорит Христос: "**сей же род изгоняется только молитвой и постом**" (Мф.17:21). И об апостолах также сказано: "**помолились с постом и предали их Господу, в Которого уверовали**" (Деян.14:23). И еще говорит апостол: "**не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве**" (1Кор.7:5). Видишь, как пост нуждается в содействии молитвы? Да и молитвы совершаются с вниманием особенно во время поста, потому что тогда душа бывает легче, ничем не отягощается, и не подавляется гибельным бременем удовольствий. Молитва великое оружие, великая защита, великое сокровище, великая пристань, безопасное убежище: только бы мы приступали к Господу с бодрой душой и сосредоточенными мыслями, не давая никакого доступа врагу нашего спасения. Так как он знает, что в это время, беседуя о необходимом для нас (к спасению), и исповедуя свои грехи и показывая раны врачу, мы можем получить совершенное исцеление, то особенно в это время и нападает и употребляет все усилия, чтобы низложить нас и повергнуть в беспечность. Поэтому, молю вас, будем бодрствовать, и, зная коварство дьявола, постараемся особенно в это время отгонять его так, как будто бы мы видели его присутствующим и стоящим перед нашими глазами, постараемся удалять от себя всякий помысел, смущающий душу вашу, напрягать все свои силы и творить усердную молитву, так чтобы не только язык произносил слова, но и душа вместе со словами восходила (к

Богу). Если язык произносит слова, а душа скитается вне, помышляя о домашних делах, мечтая о том, что бывает на торжище, то нам не будет никакой пользы (от молитвы), а скорее будет еще и большее осуждение. Если мы, пришедши и к человеку, показываем такое к нему внимание, что часто не видим даже людей, стоящих по близости, но сосредоточиваем мысль свою, и видим того только, к кому пришли, то тем более должны мы так поступать в отношении к Богу, всегда и непрестанно пребывая в молитвах. Поэтому и Павел писал: "**Всякой молитвой и прошением молитесь во всякое время духом**" (Ефес.6:18), то есть, не языком только и с постоянным бдением (телесным), но и самой душой: "**духом**". Ваши прошения, говорит, да будут духовны; да бодрствует ваш ум, ваша душа да внимает словам. Просите того, что прилично просить от Бога, чтобы получить вам и просимое. И при этом ведите себя внимательно, трезвясь и, бодрствуя душой, не выказывая небрежности, не носясь умом туда и сюда, но свое "**спасение со страхом и трепетом делайте**", потому что сказано: "**блажен человек, который всегда пребывает в благоговении**" (Прит.28:14). Великое благо молитва. Если кто, разговаривая с добродетельным человеком, получает от того немалую пользу, то каких благ не получит удостоившийся беседовать с Богом? Молитва есть беседа с Богом. И чтобы тебе удостовериться в этом, послушай, что говорит пророк: "**да будет благоприятна**" Богу "**песнь моя**" (Пс.103:34), то есть, да будет приятна Богу беседа моя. Разве не может Он, и прежде нашего прошения, подать нам? Но Он потому ожидает (нашего прошения), чтобы иметь случай праведно удостоить нас своего промышления. Итак, получим ли просимое, или не получим, будем прилежать к молитве и благодарить не только тогда, когда получаем, но и когда не получаем, потому что и неполучение, когда бывает по воле Божьей, не менее благотворно, как и получение. Мы ведь и не знаем, что нам полезно, в той мере, в какой Он это знает. Следовательно, получим ли, или не получим, мы должны благодарить. И что удивляешься, (когда говорю), что мы не знаем, что полезно для нас? И Павел, муж столь великий и высокий, удостоившийся таких неизреченных (откровений), не знал, что он просил неполезного ему. Видя себя окруженным бедствиями и непрестанными искушениями, он молился об избавлении от них, и не однажды, не дважды, но многократно; "**трижды**", говорит, "**молил я Господа**". "**Трижды**", т.е. многократно, он молил, и не получил. Посмотрим же, как он это перенес. Возроптал ли? Впал ли в уныние? Отчаялся ли? Нет; но что говорит? "**Сказал: довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**" (2Кор.12:8-9). Бог не только не освободил его от постигших его бед, но и попустил ему оставаться в них. Пусть так. Но откуда известно, что он не роптал на это? Слушай, что сам Павел говорил, когда узнал, что так угодно Богу. "**Я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами**"; не только, говорит, не ищу уже освободиться от этих бед, но еще с великим удовольствием хвалюсь ими. Видишь, какая признательная душа? Видишь, какая любовь к Богу? Послушай, что еще говорит он: "**ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно**" (Рим.8:26), – то есть, мы, как люди, не можем знать все обстоятельно. Итак, должно все предоставить Создателю естества нашего и принимать с весельем и великой радостью все, что ни определит Он, и смотреть не на то, чем кажутся вам происшествия, а на то, что угодно Богу. Он, лучше нас зная, что вам полезно, знает и то, как устроить наше спасение.

6. Итак, единственным делом с нашей стороны да будет постоянно пребывать в молитве и не роптать на нескорое исполнение (наших прошений), но показывать великое терпение. Бог медлит исполнить наши прошения не потому, чтобы отвергал их, но потому, что хочет научить нас усердию (к молитве) и постоянно привлекать нас к Себе. Так и чадолюбивый отец, будучи и часто упрашиваем сыном, не исполняет просьбы его не потому, чтобы не хотел дать, но чтобы через это побудить сына к усерднейшему прощению. Зная это, не будем никогда отчаиваться, и не перестанем приступать (к Богу) и возносить к Нему усердные молитвы. В самом деле, если усердная просьба женщины подействовала на того жестокого, бесчеловечного и не боявшегося Бога судью, и

заставила его оказать ей защиту (Лк.18:2 и след.), то мы ли, если только захотим подражать этой женщине, не расположим оказать нам помощь нашего милосердного и человеколюбивого Господа, который по благоутробию Своему хочет устроить наше спасение? Итак, научимся неотступно и постоянно прилежать к молитве, и днем и ночью, и особенно ночью, когда никто не смущает, когда ум спокоен, когда великая тишина и нет никакого волнения в доме, никто не препятствует нам заняться молитвой и не отвлекает от нее, когда возбужденная душа может обстоятельно высказать все Врачу душ. Если блаженный Давид, царь и пророк, хотя был отягощен многочисленными делами, и облечен в порфиру и диадему, говорил, однако же, о себе: "**в полночь вставал славословить Тебя за праведные суды Твои**" (Пс.118:62), то, что скажем мы, которые, хотя и проводим частную и свободную от дел жизнь, однако же, не делаем и того, что он делал? Так как днем у него было множество забот, дел и беспокойств, и он не находил времени, удобного для молитвы, то время покоя, которое другие проводят во сне, возлежа на мягких постелях и ворочаясь туда и сюда, он – царь, связанный такими заботами, употреблял на (молитву), беседовал наедине с Богом, и вознося искренние и усердные моления, получал то, чего желал. При содействии этих молитв он счастливо вел войны, воздвигал трофеи, одерживал победу за победой, потому что у него было непобедимое оружие – сила вышняя, которая может выдержать борьбу не только с людьми, но и с демонскими полчищами. Итак, ему-то будем подражать и мы, частные люди царю, ведущие жизнь легкую и спокойную тому, кто, облеченный порфирой и венцом, превзошел монахов в (строгой) жизни. Послушай, в самом деле, как он же говорит в другом месте: "**слезы мои были для меня хлебом день и ночь**" (Пс.41:4). Видишь, как душа его была в непрестанном сокрушении? Пищей для меня, говорит он, хлебом, пиршеством было не другое что, как слезы мои ночью и днем. И еще: "**утомлен я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое**" (Пс.6:7). Что скажем, или чем извинимся мы, которые не хотим показать и такого сокрушения, какое показывал царь, обремененный столькими делами? А что, скажи мне, прекраснее этих глаз, которые непрестанными слезами украшались, как бы перлами? Ты видел царя, который и ночью и днем проливал слезы и пребывал в молитве: посмотри и на учителя вселенной, как он, заключенный вместе с Силой в темницу, имея ноги, забитые в колоду, молился всю ночь, не удерживаясь от этого ни болью, ни узами, но тем большую и пламеннейшую показывая любовь к Господу. **Около полуночи Павел и Сила**, говорится, **молясь, воспевали Бога** (Деян.16:25). Давид, облеченный царским достоинством и диадемой, всю жизнь пребывал в слезах и молитве; апостол, восхищенный до третьего неба, удостоенный (откровения) неизреченных тайн, находясь в узах, в полночь возносил молитвы и хвалы к Господу. И царь, вставая в полночь, исповедовался, и апостолы также в полночь совершали усердные молитвы и хвалы. Им-то будем подражать и мы, будем ограждать жизнь нашу непрестанными молитвами, и пусть ничто не будет для нас препятствием к этому, – ведь действительно ничто и не может воспрепятствовать нам, если только мы сами бдительны. Разве для этого мы нуждаемся в (особом) месте, или времени? Всякое место и всякое время удобно для нас к молитве. Послушай, в самом деле, того же учителя вселенной, что он говорит: "**на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения**" (1Тим.2:8). Если сердце твое свободно от нечистых страстей, то, где бы ты ни был, на торжище ли, дома ли, на пути ли, в суде, на море, в гостинице, или в мастерской, везде можешь помолиться Богу и получить просимое. Зная это, прошу вас, вместе с постом покажем усердие и к молитве, и в ней приобретем себе помощницу, чтобы, удостоившись благодати Божьей, провести нам и настоящую жизнь благоугодно Ему, и в будущей сподобиться Его человеколюбия, благодатью и щедротами Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 31

"И взял Фарра Аврама, сына своего, и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую; но, дойдя до Харрана, они остановились там" (Быт.11:31).

1. Много благодарю вас за то, что вы и вчера с радостью приняли поучение о молитве, и (сегодня) с таким усердием стекаетесь к слушанию. Это и нас делает более усердными и побуждает предлагать вам обильнейшее духовное пиршество. Так и земледелец, когда видит, что его нива произращает в изобилии брошенные в нее семена и представляет богатую жатву, не перестает каждодневно употреблять все свои усилия, прилагать надлежащее попечение и смотреть днем и ночью, как бы труды его от чего-нибудь не пропали. Точно так же и я, видя, что эта духовная нива ваша так зеленеет и это духовное семя укоренилось в недрах вашей души, радуюсь и веселюсь, но в то же время и сильно беспокоюсь, зная лукавство врага и наветника нашего спасения. Подобно тому, как морские разбойники, когда увидят корабль, наполненный многими товарами и везущий несказанное богатство, тогда-то особенно и употребляют всю хитрость, чтобы потопить весь груз и лишить пловцов всего и сделать нищими, так точно и дьявол, когда увидит, что (человеком) собрано много духовного богатства, что (у него) усердие пламенно, ум бодр, и богатство увеличивается с каждым днем, мучится и скрежещет зубами, и, подобно разбойнику, ходит взад и вперед, выдумывая тысячу хитростей, чтобы как-нибудь подступить к нам, обнажить и ограбить нас, и похитить все наше духовное богатство. Поэтому, прошу, будем бодрствовать, и в какой мере станет умножаться наше духовное стяжание, в такой же постараемся усиливать и нашу бдительность, отовсюду заграждать дьяволу доступ (к нам), и, доброй жизнью привлекши к себе благоволение Божье, поставим себя выше стрел дьявольских. Это – лукавое существо и употребляет многоразличные козни: когда не может (дьявол) прямо увлечь нас к злу и уловить обманом, он не делает насилия, не принуждает, нет, а только обольщает, и как увидит, что мы беспечны, то и полагает нам преткновение, – так, когда не успеет он явно грехами повредить нашему спасению, тогда часто самыми добродетелями, какие мы совершаем, тайно обольстив нас, губит все наше богатство. Что значат эти слова мои? Надобно выразиться об этом яснее, чтобы нам, узнав козни его, избежать вреда от них. Итак, когда увидит он, что нас не легко склонить к явному греху, что мы, например, убегаем невоздержания и любим целомудрие, также отвращаемся корыстолюбия, ненавидим неправду, пренебрегаем удовольствиями, а посвятили себя посту и молитвам, и заботимся о милостыне, тогда уже вымышляет другую хитрость, посредством которой он мог бы погубить все наше богатство и сделать бесплодными столь многочисленные добродетели наши. Тем, которые с великим трудом успели уже преодолеть его козни, он внушает высоко думать о своих добродетелях и искать славы у людей, чтобы через это лишить их истинной славы. В самом деле, кто совершает духовные подвиги и (за них) ищет человеческой славы, тот здесь уже получает себе награду и в Боге уже не имеет должника. Получив похвалу от тех, от кого искал он славы, он лишил уже себя похвалы, обещанной Господом, так как предпочел временную славу от подобных ему людей похвале от Творца вселенной. И сам Господь, прежде всего, так учил и о молитве, и о милостыне, и о посте: когда ты постишься, говорит Он, "**помажь голову твою и умой лицо твое, чтобы явиться постящимся не перед людьми, но перед Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно**" (Мф.6:17-18). И еще: "**когда творишь милостыню, не труби**", говорит, "**перед собой, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою**" (Мф.6:2). Видишь, как ищущий здешней славы лишается тамошней, и как, напротив, творящий добродетель по этой заповеди и старающийся скрывать ее от людей, явно получит от Господа награду в тот страшный день. "**Отец твой**", сказано, "**видящий тайное, воздаст тебе явно**"; то есть, не думай о том, что ни один человек не похвалил тебя и что ты тайно творишь добродетель; нет, размышляй о том, что, немного спустя,

щедрость Господа будет так велика, что Он прославит, и увенчает, и наградит тебя за подвиги добродетели, не тайно, не сокровенно, но перед всем человеческим родом, начиная от Адама до скончания мира. Какого же извинения будут заслуживать те, которые, хотя и подъяли труд добродетели, но, из-за временной, ничтожной и суетной славы от подобных себе людей, лишили себя славы небесной?

2. Итак, будем, прошу, осторожны, и если успеем совершить какое-либо духовное дело, постараемся всячески скрывать его от всех в тайниках души нашей, чтобы получить нам похвалу от неусыпного ока (Божия), и чтобы из-за славы человеческой и из-за похвал часто льстивых не сделаться недостойными славы от Господа. Одинаково пагубно и вредно для нашего спасения как совершение дел духовных ради славы человеческой, так и высокое мнение о совершенных нами добродетелях. Поэтому надобно быть бдительным и осторожным, и постоянно пользоваться пособиями божественного Писания, чтобы не отдаться в плен этим пагубным страстям [то есть, славолюбию и высокомерию]. Пусть кто-нибудь совершит бесчисленные подвиги и сотворит всякую добродетель; но если он станет высоко думать о себе, то будет самый жалкий и несчастный человек. Это известно нам из того, что случилось с фарисеем, который так величался перед мытарем – и вдруг стал ниже мытаря; который, своим языком рассыпав все богатство своих добродетелей, сам обнажил себя и лишил всего, и потерпел странное и необычайное кораблекрушение: вошедши уже в самую пристань, он потопил весь груз свой. Подлинно, потерпеть это от молитвы, совершенной неправильно, значит тоже, что потерпеть кораблекрушение в самой пристани. Вот почему и Христос такую дал заповедь ученикам своим: "**когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие**" (Лк.17:10), чтобы через это предохранить их и удалить от этой пагубной страсти. Видите, возлюбленные, что как гоняющийся за человеческой славой и только из-за нее творящий добрые дела не получает никакой пользы, так и совершивший все добродетели, если возмечтает о них, теряет все и остается ни с чем? Будем же, прошу, избегать гибельных страстей и взирать только на то неусыпное Око; не станем ничего домогаться у людей, не станем искать похвалы от них, но удовольствуемся похвалой от Господа. (Верующему), сказано, **похвала не от людей, но от Бога** (Рим.2:29). И чем больше станем мы преуспевать в добродетели, тем более постараемся смирять себя и быть скромными. Хотя бы мы взошли на самый верх добродетелей, но если добросовестно сравним свои добрые дела с благодеяниями Божьими, то ясно увидим, что наши добродетели не равняются и малейшей части того, что сделано для вас Богом. Вот этим-то [то есть, смирением и скромностью] и прославился каждый из святых. А чтобы тебе увериться в этом, послушай учителя вселенной, эту небошественную душу, как он, по совершении таких добродетелей, после такого о нем свидетельства свыше – "**ибо сосуд**", сказано, "**он Мой избранный**" (Деян.9:15) – не забывает о своих согрешениях, но постоянно носит их в уме, как не позволяет себе забывать даже и о том, в чем, как он совершенно был уверен, получил уже прощение в крещении, но вопиет и говорит: "**я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом**" (1Кор.15:9). Потом, чтобы мы познали всю глубину его смиренномудрия, присовокупил: "**потому что гнал церковь Божью**". Что делаешь, Павел? Господь, по Своему милосердию, простил и загладил все грехи твои, а ты еще помнишь о них? Так, говорит, я знаю и уверен, что Господь разрешил меня (от грехов): но когда подумаю о делах своих и посмотрю на бездну человеколюбия Божия, тогда вполне удостоверяюсь; что (только) благодатью и человеколюбием Его я то, что есть. Сказав: "**недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божью**", он присовокупил: "**но благодатью Божьей есть то, что есть**" (1Кор.15:10). То есть, хотя я со своей стороны выказал так много злости, но Его неизреченная благость и милосердие даровали мне прощение. Видишь душу, сокрушенную и постоянно памятующую о своих грехах, содеянных еще до крещения? Этому-то (апостолу) станем и мы подражать, и, ежедневно припоминая о грехах, сделанных нами после крещения, будем постоянно

содержать их в уме и никогда не попустим себе забыть об них. Это будет для нас довольно сильной уздой, чтобы смирить и укротить нас. И что говорю я о Павле, столь великом и высоком муже? Хочешь ли видеть, как и ветхозаветные (праведники) более всего прославились этим же самым, тем, т.е., что по совершении бесчисленных подвигов и, имея уже неизреченное дерзновение (перед Богом), они смирялись? Послушай, как патриарх, уже после собеседования с Богом, после данного ему обетования, говорил о себе: "**я прах и пепел**" (Быт.18:27).

3. Но так как я упомянул о патриархе, то, если угодно, предложим любви вашей сегодняшнее чтение, чтобы, изъяснив его, увидеть нам необычайное величие добродетели этого праведника. "**И взял**", сказано, "**Фарра Аврама, сына своего, и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую; но, дойдя до Харрана, они остановились там. И было дней жизни Фарры [в Харранской земле] двести пять лет, и умер Фарра в Харране** " (Быт.11:31-32). Будем, прошу, внимательно слушать эти слова, чтобы нам постигнуть смысл написанного. Вот, в самом начале уже представляется в этих словах недоумение. Этот блаженный пророк, то есть Моисей, сказал, что "**взял Фарра Аврама, сына своего, и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую; но, дойдя до Харрана, они остановились там".** А блаженный Стефан, в своей речи к иудеям, говорит: "**Бог славы явился отцу нашему Аврааму в Месопотамии, прежде переселения его в Харран: а оттуда, по смерти отца его, переселил его**" (Деян.7:2,4). Что же? Божественное Писание противоречит само себе? Да не будет; но должно из этого заключить, что, так как сын (Авраам) был боголюбив, то Бог, явившись ему, повелел переселиться из Месопотамии. Узнав об этом, Фарра, отец его, хотя был и неверующий, по любви к сыну решился пойти вместе с ним, пришел в Харран, пожил там и скончался. Тогда-то уже патриарх, по повелению Божьему, переселился в землю Ханаанскую. И точно, Бог вывел его из Харрана не прежде, как по кончине Фарры. Тогда-то, после смерти Фарры, "**и сказал**", сказано, "**Господь Авраму: пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение; Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные**" (Быт.12:1-3). Рассмотрим тщательно каждое из этих слов, чтобы увидеть нам боголюбивую душу патриарха.

Не пройдем эти слова без внимания, но размыслим, какое тяжкое дается повеление. "**Пойди**", говорит, "**из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе**". Оставь, говорит, известное и достоверное, и предпочти неизвестное и невиданное. Смотри, как с самого начала праведник был приучаем предпочитать невидимое видимому и будущее тому, что уже находилось в руках. Ему повелевалось сделать не что-либо маловажное; (повелевалось) оставить землю, где он жил столько времени, оставить все родство и весь отеческий дом, и идти, куда он не знал и не ведал. (Бог) ведь не сказал, в какую страну хочет переселить его но неопределенностью Своего повеления испытывал благочестие патриарха: "**иди**", говорит, "**в землю, которую Я укажу тебе**". Подумай, возлюбленный, какой возвышенный, не обладающий никакой страстью или привычкой, дух потребен был для исполнения этого повеления. В самом деле, если и теперь, когда уже распространилась благочестивая вера, многие так крепко держатся привычки, что скорее решаются все перенести, нежели оставить, хотя бы и нужно было, то место, в котором они доселе жили, и это бывает, не только с обыкновенными людьми, но и с удалившимися от житейского шума, избравшими жизнь монашескую, – то тем более естественно было этому праведнику огорчиться таким повелением и медлить исполнением его. "**Пойди**", говорит, оставь сродников и отеческий

дом, и "**иди в землю, которую Я укажу тебе**". Кого бы не смутили такие слова? Не объявляя ему ни места, ни страны, такой неопределенностью (Бог) испытывает душу праведника. Если бы такое повеление давалось кому-нибудь другому, обыкновенному человеку, то он сказал бы: пусть так; ты повелеваешь мне оставить землю, где я теперь живу, родство, отцовский дом; но почему не объявляешь мне и места, куда я должен идти, чтобы мне знать, по крайней мере, как велико расстояние? Откуда мне знать, что та земля будет гораздо лучше и плодоноснее этой, которую я оставлю? Но праведник ничего такого не сказал и не подумал, а, взирая на важность повеления, неизвестное предпочел тому, что было у него в руках. Притом, если бы он не имел возвышенного духа и любомудрого ума, если бы не навык повиноваться во всем Богу, то встретил бы и другое немаловажное препятствие, – это смерть отца. Вы знаете, как часто многие из-за гробов своих родственников желали умереть в тех местах, где окончили жизнь их родители.

4. Так и этому праведнику, если бы он не был весьма боголюбив, естественно было бы подумать и об этом, что вот отец, по любви ко мне, оставил родину, бросил старые привычки, и, победив все (препятствия), пришел даже сюда, и почти можно сказать, из-за меня умер в чужой земле; а я, и по смерти его, не стараюсь заплатить ему тем же, но удаляюсь, оставляя, вместе с родством отца, и гроб его? Однако же, ничто такое не могло остановить его решимость; любовь к Богу сделала то, что все казалось ему легким и удобным. В самом деле, если бы он захотел располагаться по человеческим соображениям, то мог бы подумать и вот что: я уже в таком возрасте и приближаюсь к глубокой старости: куда же пойду? Не взял я с собой брата, не имею при себе ни одного сродника, но отделился от всех единокровных своих: как же пойду одиноким странником в чужую сторону, не зная и того, где будет конец моего странствования? А если еще среди этой дороги придется мне и умереть, что будет пользы от всех этих тревог? Кто похоронит меня старика, странника, безродного, бездомного? Разве жена моя упросит соседей оказать мне какое-либо сострадание, и исполнит последний долг при помощи доброхотного сбора и приношения. Не гораздо ли лучше здесь провести это краткое время, какое еще осталось нам прожить, нежели на старости лет скитаться туда и сюда, и от всех переносить насмешки, за то, что и в таком уже возрасте я не могу жить спокойно, но меняю место за местом и нигде не останавливаюсь? Ничего такого не подумал этот праведник, а поспешил исполнить Божье повеление. Но, может быть, кто скажет, что для побуждения его к этому достаточно было слов (Божьих): **иди в землю, которую Я укажу тебе, и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя**" (Быт.12:2). Но эти-то особенно слова и могли, если бы он не был боголюбив, сделать его более холодным к исполнению повеления. Он мог бы сказать, если бы был из числа людей обыкновенных: для чего посылаешь меня на чужбину и велишь мне идти в чужую землю? Для чего, если хочешь сделать меня великим, не делаешь таким здесь? Почему не даешь мне Своего благословения, когда я живу в отеческом доме? Что, если прежде, чем я дойду до места, куда повелеваешь мне идти, придется мне, от изнурения трудностями путешествия, расстроиться и умереть? Какая будет польза мне от этого обещания? Ничего такого, однако же, не захотел он и подумать, но, как благопокорный раб, только и заботился о том, чтобы исполнить повеление; не любопытствовал, не расспрашивал но повиновался и был вполне уверен, что обетования Божьи не ложны. "**Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение**". Великое обетование! "**Произведу от тебя**", говорит, "**великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое**". Не только поставлю тебя над великим народом и сделаю имя твое великим, но и благословлю тебя, и ты будешь благословен. Не подумай, возлюбленный, что есть тождесловие в этих словах: "**и благословлю тебя, и будешь благословен**". Это значит: Я удостою тебя такого благословения, что оно продлится во все веки. Ты будешь благословен так, что каждый сочтет за величайшую честь вступить в родство с тобой. Смотри, с какого раннего времени (Бог) предрек ему ту знаменитость, в

которой хотел Он поставить его. "**Произведу от тебя**", говорит, "**великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение**". Вот почему и иудеи, хвалясь патриархом, старались выказать свое родство с ним, и говорили о себе: "**мы дети Авраама**". Но дабы они знали, что по своим злым нравам они не достойны этого родства, Христос говорит им: "**если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы**" (Ин.8:39). И Иоанн, сын Захариин, когда стекались на Иордан желавшие креститься, говорил им: "**порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева? Сотворите же достойный плод покаяния и не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам, ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму**" (Мф.3:7-9). Видишь, как велико было для всех имя этого патриарха? Но теперь, пока это еще не сбылось, показывается только благочестие праведника, как, т.е. он поверил словам Божьим, и все, казавшееся тяжким, принял легко. "**И благословлю**", говорит, "**благословляющих тебя, и проклинающих тебя прокляну: и благословятся в тебе все племена земные**". Смотри и на Божье снисхождение, на то, какое благоволение (Господь) являет патриарху. Тех, говорит, признаю моими друзьями, которые будут к тебе искренно расположены, а врагами – тех, которые будут враждовать против тебя. А едва ли и дети стараются сделать так, чтобы у них были те же самые и друзья и враги, какие у их отцов. Итак, весьма велико, возлюбленный, благоволение Божье к патриарху! Тех, говорит, благословлю, которые благословят тебя; и тех прокляну, которые проклянут тебя, "**и благословятся в тебе все племена земные**". Вот еще и другой дар! Все, говорит, племена земные будут стараться о том, чтобы благословиться именем твоим, и лучшую славу свою будут поставлять в том, чтобы носить имя твое.

5. Слышали вы, возлюбленные, какие повеления Господь дал халдеянину, старцу, который не знал и закона, не читал и пророков, и не получил никакого другого наставления? Видите, как важны эти повеления? Какая высокая и доблестная душа требовалась для исполнения их? Посмотрите же и на благопокорность патриарха, как ее изображает нам Писание. "**И пошел Авраам**", говорит, "**как сказал ему Господь Бог, и с ним пошел Лот**". Сказано не просто: "**пошел Авраам**", но: "**как сказал ему Господь Бог**", – то есть, он исполнил все, что заключалось в повелении. Бог сказал, чтобы он оставил все, и родство, и дом – и он оставил. Сказал, чтобы он шел в землю, которой не знал – он послушался. Обещал "**произвести**" от него "**народ**" великий и благословить – он поверил, что сбудется и это. Словом, "**как сказал ему Господь Бог**", так он "**и пошел**", то есть, поверил словам Божьим, нисколько не колеблясь и не сомневаясь, и пошел с твердым духом и решимостью: за то и удостоился великого благоволения от Господа. "**И пошел**", сказано, "**Лот с ним**". Почему, когда Бог сказал: "**пойди из земли твоей, и из рода твоего, и из дома отца твоего**", почему он взял Лота? Не по ослушанию против Господа, но конечно потому, что (Лот) был молод и (Авраам) заступал ему место отца; да и тот, по любви к нему и кроткому нраву (Авраама), не хотел разлучиться с праведником: по этой-то причине Авраам и не хочет его оставить. К тому же, он смотрел уже на него, как на сына, потому что, и, дожив до такого возраста, не имел еще своих детей по причине бесплодия Сарры. Да и нрав этого юноши не много разнился от (нрава) праведника. Уже то самое, что он (Лот), имея в виду двух братьев, присоединился именно к праведнику, показывает, что у него довольно было ума, чтобы рассудить и решить, которому из дядей вверить судьбу свою. И решимость отправиться в путь представляет новое доказательство доброй нравственности (Лота): хотя впоследствии он несколько и погрешил, когда взял себе лучшую часть земли (Быт.13:11), однако же, старался идти по следам праведника. Вот почему и праведник взял его в спутники себе, и он с готовностью променял жизнь домашнюю на странническую. Далее, дабы мы знали, что Господь повелел это патриарху не в юности его, но тогда, как он уже пришел в старость, когда люди большей частью бывают довольно нерасположены к путешествиям, Писание говорит: "**Авраам был семидесяти пяти лет, когда вышел из Харрана**" (Быт.12:4). Видишь, как ни возраст, ни

другое что-либо, способное привязать его к домашней жизни, не послужило ему препятствием, напротив, любовь к Богу, победила все. Так, когда душа бодра и внимательна, то преодолевает все препятствия, вся устремляется к любимому предмету, и какие бы ни представились ей затруднения, не задерживается ими, но все пробегает мимо, и останавливается не прежде, как достигнув желаемого. Вот почему и этот праведник, хотя мог быть удерживаем и старостью, и многими другими препятствиями, разорвал, однако же, все узы, и, как юноша, бодрый и ничем не задерживаемый, поспешил и ускорил исполнить повеление Господа. Да и не возможно кому бы то ни было, кто только решится совершить что-нибудь славное и доблестное, невозможно исполнить это, не вооружившись заблаговременно против всего, что может препятствовать такому предприятию. Хорошо знал это и праведник, и, оставив все без внимания, не задумавшись ни о привычке, ни о родстве, ни об отцовском доме, ни о гробе (отца), ни даже о своей старости, все свои мысли направил к тому только, как бы ему исполнить повеление Господа. И вот представилось чудное зрелище: человек в самой глубокой старости, с женой, также престарелой, и с множеством рабов переселяется, не зная даже и того, где окончится его странствование. А если еще подумать, кстати, и о том, как трудны были в то время дороги (тогда нельзя было, как теперь, свободно приставать к кому угодно, и, таким образом, совершать путь с удобством, потому что по всем местам были разные начальства, и путешествующие должны были от одних владельцев отправляться к другим и почти каждый день переходить из царства в царство), то и это обстоятельство было бы для праведника достаточным препятствием, если бы он не питал великой любви (к Богу) и готовности исполнить Его заповедь. Но он все эти препятствия разорвал как паутину, и. укрепив ум верой и покоряясь величию Обещавшего, отправился в путь. "**И взял**", сказано, "**Авраам с собой Сару, жену свою, Лота, сына брата своего, и все имение, которое они приобрели в Харране; и вышли, чтобы идти в землю Ханаанскую; и пришли в землю Ханаанскую**" (Быт.12:5).

6. Замечай обстоятельность Писания, с какой оно рассказывает нам обо всем, чтобы мы из всего узнали благочестие праведника. "**И взял**", говорит, "**Сару, жену свою, Лота, сына брата своего, и все имение, которое они приобрели в Харране**". Не без причины сказано: "**все, что приобрели в Харране**", – чтобы знали, что патриарх ничего не взял с собой из Халдеи, но все это отцовское имение оставив брату, вышел с тем только, что мог приобрести в Харране. Да и это взял с собой чудный этот муж не потому, чтобы дорожил имением, или был любостяжателен, но для того, чтобы можно ему было своей собственностью доказать всем Божье о нем попечение. Тот, Кто извел его из земли халдейской и потом повелел переселиться и оттуда, Сам и умножал с каждым днем имение его и устранял всякую неприятность. Таким образом, и то самое, что Авраам взял с собой это имущество и нес всю дорогу, служило доказательством его душевного благочестия. Всякий, кто только видел его, вероятно, желал знать причину такого путешествия праведника. Потом, узнав, что он переселялся в чужую землю, оставив свою собственность (на родине), по повелению Божьему, самым делом удостоверялся и в том, как было благочестиво послушание праведника, и в том, как велико Божье о нем промышление. "**И вышли**", сказано, "**чтобы идти в землю Ханаанскую**". Откуда он узнал, что его странствование кончится в земле ханаанской, когда повеление говорило: "**иди в землю, которую Я покажу тебе**"? Может быть, Бог открыл ему и это, показав духу его землю, в которой хотел поселить его. В самом деле, Бог, когда давал ему повеление, сказал так неопределенно: "**иди в землю, которую Я покажу тебе**", для того, чтобы открыть нам добродетель праведника. Потом, так как Авраам с полной готовностью сделал все, что от него требовалось, тотчас и Бог сообщил ему сведение о той земле, в которой хотел устроить ему жилище. Предвидя величие добродетели праведника, Бог потому и вызвал его из дома (отеческого) и не повелел взять с собой даже брата, что хотел сделать его учителем теперь для всех жителей Палестины, а вскоре потом – и для египтян.

Видишь, что и добродетель и порок зависят не от природы, но от свободной воли нашей? Вот и патриарх, и Нахор, по природе были братья, а по сердечному расположению уже не то. Напротив, Нахор, не смотря на то, что брат его дошел до такой добродетели, все еще оставался в заблуждении, а этот каждодневно на самом деле показывал всем свое преуспеяние в богоугодной добродетели. И пришли, сказано, в землю ханаанскую, "**и прошел Авраам по земле сей до места Сихема, до дубравы Море**" (Быт.12:6). Писание указывает нам то самое место в стране (ханаанской), в котором теперь поселяется праведник. Потом, чтобы мы знали, в каком положении была эта страна, говорит: "**в этой земле тогда жили Хананеи**". Это замечание сделал блаженный Моисей не без цели, но чтобы вы узнали любомудрую душу патриарха и из того, что он, так как эти места еще заняты были хананеями, должен был жить подобно скитальцу и страннику, подобно какому-нибудь отверженному бедняку, как пришлось, не имея, может быть, и пристанища. И, однако же, он не возроптал и на это, и не сказал: что это? Я, который в Харране жил в таком почете и уважении, теперь должен, как безродный, как странник и пришелец, жить там и здесь из милости, искать себе успокоения в бедном пристанище, – да и этого не могу получить, но принужден жить в палатках и шалашах и терпеть все другие бедствия! Это ли значат слова: "**иди и Я произведу от тебя великий народ**"? Пока прекрасное для меня начало! Чего же доброго ожидать дальше? Нет, праведник и в этом положении не позволял себе сказать что-либо подобное, или придти в сомнение, напротив, положившись на обетования Божьи всем сердцем и с полной верой, остался непоколебим духом, за что вскоре и удостоился утешения свыше.

7. Но чтобы нам не слишком продолжить поучение, остановимся здесь и окончим слово, попросив любовь вашу о том, чтобы вы подражали душевному расположению этого праведника. Подлинно, крайне странно будет, если, тогда как этот праведник, будучи вызываем из (своей) земли в (чужую) землю, показал такое послушание, что ни старость, ни другие, исчисленные нами препятствия, ни неудобства (тогдашнего) времени, ни иные затруднения, могшие остановить его, не в состоянии были удержать его от повиновения, но, разорвав все узы, он – старец бежал и спешил, как бодрый юноша, с женой, племянником и рабами, исполнить повеление Божье, мы, напротив, призываемые не из земли в землю, но с земли на небо, не покажем и такого же, как праведник, усердия в послушании, но будем представлять пустые и ничтожные причины, и не увлечет нас ни величие (Божьих) обетований, ни маловажность видимого, как земного и временного, ни достоинство Призывающего, – напротив, обнаружим такую невнимательность, что временное предпочтем всегда пребывающему, землю – небу, и никогда не могущее кончиться поставим ниже того, что улетает прежде, чем появится. Доколе, скажи мне, будем мы, например, показывать такую жадность к собиранию денег? Что это за умоисступление – каждый день увлекаться этой мучительной страстью и никогда не чувствовать сытости, но быть едва ли не хуже и пьяных? Как пьяные, чем больше пьют вина, тем более распаляют в себе жажду и тем сильнейший разжигают огонь, так и предавшиеся сильной страсти к деньгам никогда не успокаиваются, но, чем более получают, тем более в них поднимается пламя (страсти) и сильнее разгорается печь. Разве мы не видим, что было с жившими прежде нас, как они, завладев, так сказать, всей вселенной, восхищены были отсюда нагие и без всего, с тем только, чтобы там подвергнуться отчету и наказанию за все? Имение (сребролюбца) нередко разделяют между собой многие, а грехи, сделанные им из-за этого имения, уносит с собой он один, подвергается за них мучительному наказанию и ни в чем не находит никакого утешения. Для чего же мы, скажи мне, так нерадим о своем спасении, и о своей душе думаем, как о чужой? Не слышишь ли, как говорит Христос: "**какой выкуп даст человек за душу свою**"? И еще: "**какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит**" (Мф.16:26)? Что можешь сравнять с душой? Назови всю вселенную – и тогда ничего не скажешь. В самом деле, "**какая польза**", как сказал Христос, приобрести "**весь**

мир", и повредить душе своей, которой ближе к нам нет ничего? И ее-то, столь драгоценную, ее-то, о которой нам надлежало бы столько заботиться, мы оставим в таком небрежении, чтобы она мучилась каждый день, то осаждаемая сребролюбием, то терзаемая невоздержанием, то унижаемая гневом, и различно каждой страстью возмущаемая, – и не приложим о ней, хотя и поздно, никакого попечения? Кто же, наконец, удостоит нас прощения, или избавит от угрожающего нам наказания? Прошу поэтому, доколе еще есть у нас время, омоем скверну ее обильной милостыней, и угасим ей же пламя грехов наших. Сказано: "**вода угасит пламень огня, и милостыня очистит грехи**" (Сир.3:30). И действительно, ничто другое так не может избавить нас от огня геенского, как щедрая (милостыня). Если мы будем подавать ее по предписанной заповеди, то есть, не из хвастовства, но по любви к Богу, то в состоянии будем и омыть скверну грехов наших, и сподобиться Божьего человеколюбия, благодатью и щедротами Единородного Сына Его, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 32

"И явился Господь Аврааму и сказал: потомству твоему отдам Я землю сию. И создал он там жертвенник Господу, Который явился ему" (Быт.12:7)

1. Великое и неизреченное сокровище, возлюбленные, в нынешнем чтении, и потребен внимательный ум, трезвенная и бодрая мысль, чтобы ничто из содержащегося в этих кратких словах не ускользнуло от вас. Для того ведь человеколюбивый Бог и не соблаговолил всему содержащемуся в Писании быть для нас удобопонятным и ясным вдруг и при простом чтении, чтобы возбудить нас от сонливости, и чтобы мы, показав великую бдительность, получили из него (Писания) пользу. Обыкновенно, что обретается с трудом и изысканием, то глубже внедряется в нашем уме, а что – легко, то скорее и улетает из нашего сердца. Не будем же, прошу, беспечны, но, возбудив свою мысль, со всей внимательностью проникнем в самую глубину Писания, чтобы извлечь нам из него какую-либо пользу, и с ней возвратиться домой. Церковь Божия есть духовное торжище и вместе врачебница душ: следовательно, мы должны, подобно пришедшим на торжище, собрать в ней много добра, и с ним-то возвратиться домой; должны подобно входящим в лечебницу, взять здесь приличные болезням нашим врачества, и с ними уже выйти отсюда. Не для того каждый день собираемся мы сюда, чтобы только повидаться друг с другом и потом всем разойтись, но – чтобы каждый из нас узнал здесь что-нибудь полезное, получил врачество против возмущающей его страсти, и затем ушел отсюда домой. Не крайне ли странно будет, если мы, посылая детей своих в школу, всякий день требуем от них какого-нибудь успеха в учении и никак не позволим ходить им туда попусту и напрасно, когда увидим, что они уже не приобретают там ничего полезного; а сами, уже достигшие полного возраста, приходя в это духовное училище, не покажем и равного им усердия, и притом в таком деле, от которого зависит спасение души? Итак, каждый из нас, прошу, пусть испытывает сам себя ежедневно, что пользы он получит от сегодняшнего чтения, и что от следующего, дабы не оказалось, что и мы собираемся сюда попусту и напрасно. Мы, со своей стороны, нисколько не будем виновны в этом (потому что делаем все, зависящее от нас, и не опускаем ничего, что только можем сделать), вящему же осуждению подлежат те, которые негодуют на нас, не внимают усердно и не хотят воспользоваться наставлениями. Послушай, что говорит Христос закопавшему свой талант: "**лукавый раб, надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью**" (Мф.25:26-27); и об иудеях: "**если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения в грехе своем**" (Ин.15:22). Впрочем, мы теперь не о том заботимся, свободны ли мы сами от вины, но желаем вашего успеха, и думаем, что, при всей нашей невинности, радость наша

уменьшится, если вы не покажете усердия, соответственного нашим трудам. Мы ведь радуемся именно тогда, когда видим ваше преуспеяние в делах духовных. Правда, знаю я, что вы, по благодати Божией будучи исполнены познания, можете наставлять и других; однако же, подобно блаженному Павлу (Рим.15:15), и я, напоминая вам и возбуждая вашу ревность и усердие, постоянно увещеваю вас к этому, чтобы вы сделались совершенными во всем. Не малым, в самом деле, доказательством вашего преуспеяния в угождении Богу считаю я и то самое, что вы каждый день с таким усердием приходите сюда и выказываете неутомимое желание духовного наставления. И точно, как желание телесной пищи есть знак самого хорошего здоровья (телесного), так и желание духовного наставления есть самое ясное свидетельство здоровья душевного. Потому-то и я, зная ваше усердие, по которому, сколько бы я ни распространялся в поучениях, не могу, однако же, удовлетворить вашему желанию и насытить вас этой духовной пищей, не перестану все, что только мне возможно и что подаст благодать Божья, предлагать вам каждодневно на пользу вашу и преподавать уму нашему учение божественного Писания.

2. Так вот и теперь, помолившись человеколюбивому Господу, чтобы Он направил язык наш к обретению искомого, предложим вам обычное поучение, предварительно же изъясним вашей любви самое чтение. "**И явился**", сказано, "**Господь Аврааму и сказал**" (Быт.12:7). Не правду ли я сказал в начале, что великое сокровище заключается в этих кратких словах? Вот сейчас (представляется) странным и новым самое начало этих слов: "**и явился Господь Бог Аврааму**". В первый раз мы находим, что Писание употребило это слово: "**явился**". Такого выражения божественное Писание не употребило ни в истории Авеля, Ноя, или другого кого бы то ни было. Что же значит это слово: "**явился**"? Не само ли Писание в другом месте говорит: **человек не может увидеть Меня и остаться в живых** (Исх.33:20)? Что же скажем теперь, когда оно говорит, что Бог явился? Как Он явился праведнику? Ужели он видел самое существо Божье? Нет, да не будет! Но что? Бог явился так, как Он только один знает, и как тот (праведник) мог только видеть Его. Будучи благоизобретателен, премудр и человеколюбив, и снисходя к человеческой природе. Господь наш являет Себя тем, которые достойно приготовлены к этому. И это Он показывает через пророка, говоря: "**Я умножал видения, и через пророков употреблял притчи**" (Ос.12:10). Так, например, Исаия видел Его сидящим, а такое положение не прилично Богу, потому что Бог не сидит; да и как это возможно для существа бестелесного и неподлежащего утомлению? Опять Даниил видел Его, как "**Ветхого днями**" (Дан.7:21); Захария видел Его иначе (гл. 1); Иезекииль опять иначе (гл. 1, 2). Вот почему Бог и сказал: "**Я умножал видения**", то есть, являлся так или иначе, судя по достоинству каждого. Так и теперь, благой Господь, так как Сам вызвал праведника из дома его и повелел ему идти в чужую землю, а тот, пришедши, ходил там с места на место, как скиталец и странник (потому что там жили еще хананеи), и искал, где бы ему поселиться, – благой Господь, желая утешить его и подкрепить его усердие, чтобы он не изнемог и не усомнился в данном ему обетовании: "**иди, и произведу из тебя народ великий**" (ведь праведник видел, что с ним происходит противное обетованию, и он скитался, как какой-нибудь отверженный и беспомощный бедняк, не зная, где найти себе пристанище), – итак, чтобы ободрить его душу, "**явился**", сказано, "**Господь Аврааму и сказал: потомству твоему отдам Я землю сию**". Велико и это обещание, и соответствует тому обетованию, каким (Бог) вызвал его из родной земли. Тогда сказал: возвеличу "**имя твое**"; и теперь говорит также: "**потомству твоему отдам Я землю сию**". Так как, будучи уже в старости, праведник оставался еще бездетным по причине бесплодия Сары, то (Бог) обещает дать землю сыну, имевшему еще от него родиться. И смотри на человеколюбие Божье, как Он, проводя добродетель праведника, хочет сделать его известным и видимым для всех, как какую-нибудь сокровенную жемчужину. Присоединив обетования к обетованиям, дав притом обетования великие, Бог, однако же, несколько медлит (исполнением их), чтобы через это особенно открылось благочестие праведника, так как

этот блаженный, хотя и видел пока, что сбывается противное обетованиям, не беспокоился впрочем, и не возмущался, но пребыл непоколебим в духе, веруя, что однажды обещанное ему от Бога – твердо и непреложно. Но рассмотрим все порознь, чтобы таким образом узнать нам и благоизобретательную премудрость благого Бога, и попечительность, какую Он показал о праведнике, и любовь патриарха к Господу. "**И явился**", сказано, "**Господь Бог Аврааму**". Как явился? Так, как сам Бог один знает, и как тот (праведник) мог видеть. Не перестану повторять это, хотя и не знаю самого образа (явления), а только слышу, что говорит Писание: "**явился Господь Аврааму и сказал: потомству твоему отдам Я землю сию**".

Твердо помните о делаемых Богом обещаниях, чтобы, когда увидите праведника впавшим в различные злоключения, могли вы познать его великое любомудрие, крепкое мужество, твердую и непоколебимую любовь к Богу, и из судьбы этого праведника научились никогда не считать за оставление Божье то, если кто-нибудь из добродетельных впадает в искушение или в какие другие житейские скорби, но, представляя себе разнообразие Божьих распоряжений, все предоставлять Его непостижимому промыслу. В самом деле, если Он попустил, чтобы и этот праведник, столь благочестивый и показавший такое послушание, подвергся тем испытаниям, о которых вы скоро узнаете, если Бог попустил это, не потому впрочем, чтобы небрег о рабе своем, но чтобы всем прочим открыть его добродетель (так Он, обыкновенно, поступает и с каждым праведником, и те из вас, которые любят читать божественное Писание, могут, лишь начнут это чтение, сейчас узнать, что Он точно так устраивает жизнь рабов Своих, то не крайне ли неразумно будет считать такое попущение оставлением, а не признавать за самое ясное свидетельство великого попечения и неизреченного человеколюбия Божия? Итак, Бог, являя чрезвычайную силу Свою, через это устраивает две вещи: открывает всем как терпение и мужество рабов Своих, так и благоизобретательность Своего промысла, который и среди самых бедствий и почти уже в отчаянном положении дела направляет его туда, куда Ему благоугодно, нисколько не затрудняясь встретившимися препятствиями. "**И явился**", сказано, "**Господь Аврааму и сказал: потомству твоему отдам Я землю сию**". Обещание великое и особенно вожделенное для праведника! Вы знаете, как желают детей достигшие старости, и особенно те, которые всю жизнь были бездетны. Итак, Господь, желая наградить праведника за послушание Ему, – за то, что он, услышав: "**выйди из земли твоей**", не замедлил, не стал откладывать, но повиновался велению и исполнил заповедь, – говорит: "**потомству твоему отдам Я землю сию**".

3. Смотри, как этим словом (Бог) ободрил душу праведника и дал ему достаточную награду за подвиги. Поэтому и праведник, чтобы показать свою признательность, тотчас же обращается к благодарению. "**И создал**", сказано, "**там жертвенник Господу, явившемуся ему**". Вот тебе свидетельство души боголюбивой! Самое даже место, где удостоился он беседы с Богом, (праведник) посвятил (Богу), и тем обнаружил, сколько мог, свою благодарность. Выражение – "**создал жертвенник**" – значит, что он возблагодарил (Бога) за Его обетования. Подобно тому, как люди, движимые любовью, часто строят и дома там, где встречаются с искренними друзьями своими, а многие воздвигли даже города и дали им названия от встречи с друзьями, – так точно и этот праведник, где удостоился увидеть Бога, там создал **жертвенник Господу, явившемуся ему. И двинулся**", сказано, "**оттуда**" (Быт.12:7-8.). Что значит: и "**двинулся оттуда**"? Значит – когда место было уже освящено и посвящено Богу, (Авраам) отошел оттуда и перешел в другое место: "**в гору**", сказано, "**на восток**" от Вефиля "**и поставил шатер свой**", то есть, наскоро устроил себе жилище. Вот, как он был чужд всего излишнего, как был на все готов, что мог, с женой и рабами, так скоро переселяться! Пусть слушают это мужья, пусть слушают и жены. Часто мы, имея надобность отправиться в село, придумываем тысячу распоряжений, беспокоимся о множестве разных вещей, чтобы,

набрав много не только ненужного, но и излишнего и бесполезного, заготовленного нами для одного блеска, все это нести и возить с собой. Но праведник этот не так, а как же? Сподобившись беседы с Богом, он освятил место, создал жертвенник, и потом со всей скоростью переселился в иное место. "**И поставил шатер свой так, что от него Вефиль был на запад, а Гай на восток; и создал там жертвенник Господу и призвал имя Господа**" (Быт.12:8). Смотри, как он во всем выказывает свое благочестивое расположение. Там, ради данного ему Богом обетования, он создал жертвенник, и, освятив место, отошел; а здесь, так как водрузил кущу, то опять, сказано, "**создал там жертвенник Господу и призвал имя Господа**". Видишь любомудрую душу? Видишь, как то, о чем (впоследствии) писал и увещевал чудный учитель вселенной, блаженный Павел, говоря: "**на всяком месте, воздевая чистые руки**" (1Тим.2:8), – как это наперед уже исполнил патриарх самым делом, "**на всяком месте**" созидая жертвенник и вознося благодарения Господу? Знал он, хорошо знал, что Бог ничего столько не требует от человека за Свои бесчисленные и неизреченные благодеяния, как души благодарной и признательной за полученные благодеяния. Но посмотрим еще, как праведник переселяется и отсюда. "**И поднялся**", сказано, "**Авраам и продолжал идти к югу**" (Быт.12:9). Смотри опять на боголюбивую душу его и на великое любомудрие. Опять, говорится, он отошел отсюда, и "**продолжал идти к югу**". Почему же он ушел оттуда? Может быть, видел он, что некоторые из жителей недовольны его присутствием. Поэтому, чтобы показать свою необычайную кротость и то, как дорого он ценит спокойствие, и ни с кем не имеет ничего общего, он удалился в пустыню: "**и продолжал**", сказано, "**идти к югу**". Странное выражение употребило здесь божественное Писание. Как обыкновенно говорят о воюющих, так и оно теперь сказало о праведнике, что он "**продолжал**". Это для того, чтобы показать готовность праведника на все. Как воины с легкостью переносят стан свой сегодня сюда, а завтра туда, так и этот праведник, хотя вел с собой жену и племянника и такое множество рабов, переселялся, однако же, весьма легко. Видишь, как он легко переменял место и образ жизни в старости и имея при себе жену и столько рабов? А мне особенно удивительным представляется мужество жены его. Как подумаю я о немощи женского пола, и тут же помыслю, как легко (Сара) переселялась вместе с праведником, и ни сама не тяготилась, ни праведнику не делала препятствия, то изумляюсь и заключаю, что и она, подобно самому праведнику, имела душу возвышенную и мужественную. Это лучше всего мы узнаем, когда будем рассматривать последующие слова нынешнего чтения. Видишь, как праведник, услышав слова: "**потомству твоему отдам Я землю сию**", не успокоился (на одном месте), но отсюда перешел туда, а оттуда, опять в другое место? Но вот, он и из пустыни опять изгоняется, не людьми, а крайностью и голодом. "**И был голод в той земле**" (Быт.12:10). Пусть услышат это те, которые необдуманно и неосмотрительно говорят и изъясняют, что, так как такой-то пришел, то и сделался голод, и лишь только такой-то явился, тотчас это и случилось. Вот, и при праведнике (случился) голод, и голод великий, однако же, праведник, не смущается, не поддается немощи человеческой, и не приписывает голода своему присутствию. Но как увидел он, что природа изнемогает [то есть, не произращает обычных плодов] и голод усилился, то "**сошел**", сказано, "**Авраам в Египет, пожить там, потому что усилился голод в земле той**".

4. Смотри, как расширялось поприще праведника. Господь устраивал так, чтобы он сделался наставником не только для живших в Палестине, но и для египтян, и чтобы всем явил свет своей добродетели. Как некое светило, сокровенное и таившееся в земле халдейской, (Бог) воздвиг его оттуда, чтобы сидящих во тьме заблуждения наставить на путь истины. Но, может быть, кто скажет: почему (Бог) не сделал праведника руководителем к благочестию для жителей земли халдейской? Можно думать, что и о их спасении (Бог) явил Свое попечение через других: однако же, послушай, что говорит Христос: "**не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем**" (Мф.13:57).

Итак, Бог, чтобы исполнить свое обетование, какое дал Он праведнику, сказав: "**и возвеличу имя твое**", – попускает быть голоду и от этой крайности идти ему в Египет, чтобы и тамошние жители узнали, как велика добродетель этого мужа. Голод как бы какой палач, оковал его узами, насильно увлек из пустыни в Египет. Но посмотрим, наконец, что произошло отсюда и в какое несчастье впал праведник, чтобы познать вам и его мужество, и любомудрие жены его. Когда они прошли много пути и были уже близко от Египта, то праведник почувствовал робость, и страшась и трепеща за самую, так сказать, жизнь, начинает говорить с женой. "**Было**", сказано, "**когда он приближался к Египту, то сказал Саре, жене своей: вот, я знаю, что ты женщина, прекрасная видом; и когда Египтяне увидят тебя, то скажут: это жена его; и убьют меня, а тебя оставят в живых; скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя через тебя**" (Быт.12:11-13), Видишь из этих слов, в какое беспокойство и робость пришел праведник? И, однако же, он не упал духом, не поколебался в своей решимости, не думал сам с собой и не говорил: что это? Ужели мы оставлены? Ужели обмануты? Ужели Господь оставил нас без Своего попечения? Сказавший: "**возвеличу**" тебя и "**потомству твоему дам землю сию**" ужели попускает нам подвергнуться крайней опасности и впасть в явную беду? Ничего такого праведник не позволял себе и подумать, но заботился теперь только об одном, какое бы изобрести средство и к спасению от голода, и к избежанию от рук египтян. "**Знаю**", говорит он, "**что ты женщина, прекрасная видом**". Смотри, какова была красота жены его; достигнув уже старости и прожив столько лет, она еще была цветущей, и сохранила красоту лица своего, несмотря на то, что перенесла столько трудов и страданий во время путешествий, переселяясь с места на место, переходя из Халдеи в Харран, оттуда в Ханаан, потом в Ханаане отсюда туда и оттуда сюда, а теперь вот еще и в Египет. Кого и из крепких мужей не изнурили бы столь частые переходы? Но эта чудная, и после стольких бедствий, еще блистает красотой лица, и этим внушает праведнику великое и сильное опасением. Потому и говорил он: "**я знаю, что ты женщина, прекрасная видом; и когда Египтяне увидят тебя, то скажут: это жена его; и убьют меня, а тебя оставят в живых**". Смотри, как он твердо полагался на нрав своей жены и не побоялся, что она обольстится похвалами, но дает еще вот какой совет: чтобы меня не убили, а тебя снабдили, "**скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя через тебя**". Так как это требование его было не маловажное, то он захотел последующими словами привлечь ее (на свою сторону) так, чтобы и склонить ее к сожалению, и убедить к усердному содействию в его предприятии. "**Когда**", говорит, "**Египтяне увидят тебя, то скажут: это жена его; и убьют меня, а тебя оставят в живых**". Не сказал: тебя обесчестят; он пока еще не хочет устрашить ее такими словами, а притом боится и за обетование Божье. Потому говорит: "**тебя оставят в живых; скажи же, что ты мне сестра**". Подумай, в каком состоянии должна была находиться душа праведника, когда он советовал это жене своей? Вы знаете, конечно, что для мужей нет ничего тяжелее, если жена подвергнется даже только подозрению, а праведник старается между тем сделать все, чтобы любодеяние совершилось на самом деле. Вот возлюбленный, не осуди необдуманно праведника, а из этого-то особенно познай и великое благоразумие и мужество его. Мужество в том, что он так доблестно укротил и преодолел волнение помыслов, что мог даже предложить такой совет жене своей. Нет ведь ничего тяжелее подобного состояния; об этом послушай что говорит Соломон: "**ревность – ярость мужа, и не пощадит он в день мщения, не примет никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножал даров**" (Прит.6:34-35); и еще: "**люта, как преисподняя, ревность**" (Песн. песн.8:6).

5. Мы видим, как многие (в подобном положении) доходили до такого неистовства, что не только не щадили жен своих, но часто умерщвляли, вместе с обольстителем, и самих себя. Таково неистовство этой страсти, и так неукротима ревность, что доводит даже до

небрежения о собственной жизни того, кто однажды увлекся этой страстью. Итак, из этого можно узнать мужество праведника; великое же благоразумие его видно в том, что, находясь в таком затруднительном положении и как бы опутан будучи сетями, он умел найти средство, по крайней мере, к тому, чтобы зло было меньше. В самом деле, если бы он сказал, что она была ему жена, если бы, вместо того, не назвал ее сестрой, то и ее отняли бы у праведника из-за красоты, которая увлекла бы невоздержанных египтян, и праведника убили бы, чтобы не было обличителя их беззакония. Итак, поелику надлежало ожидать, что эти два несчастья непременно случатся – по невоздержанности египтян и жестокости их правителя, то, чтобы можно было им [т.е. Аврааму и Сарре] найти хотя малое облегчение в таком затруднительном положении, он говорит: "**скажи же, что ты мне сестра**": это, может быть, избавит меня от опасности. Что до тебя касается, то, назовешь ли себя сестрой или женой, нельзя сомневаться в том, что тебя тотчас отнимут у меня из-за телесной красоты; а что до меня, то можно полагать, что я избегну опасности, если ты назовешь себя моей сестрой. Видишь благоразумие праведника, как он, застигнутый опасностью, успел найти средство, которым и решился победить коварство египтян? Опять, посуди здесь и о терпении праведника, и о благонравии жены его. О терпении праведника: он не возроптал и не сказал: зачем я вожу ее с собой, когда она причиняет мне столько беспокойства? Что за польза мне жить с ней, когда из-за нее я должен подвергаться крайней опасности? Что за прибыль, когда она не только не доставляет мне никакого утешения, но причиняет даже смерть своей красотой? Ничего такого он и не сказал, и не подумал, но, отринув всякую подобную мысль и нимало не усомнившись в обетовании Божьем, об одном только и заботился, как бы ему избегнуть угрожавшей опасности. Помысли здесь, возлюбленный, и о неизреченном долготерпении Божьем, как Он доселе не приходит на помощь праведнику и не утешает его, но выжидает, пока бедствия увеличатся и умножатся до самой крайней степени, и тогда-то Он явит Свое попечение (о праведнике). "**Скажи же**", говорит, "**что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя через тебя**". Это говорит праведник не потому, что будто бы душа его могла умереть ("**не бойтесь**", сказано, "**убивающих тело, души же не могущих убить**" (Мф.10:28); нет, он сказал это жене просто по обычаю. "**Дабы мне хорошо**", говорит, "**было ради тебя, и дабы жива была душа моя через тебя**", как бы так он говорил к ней: скажи, что я сестра ему, для того, чтобы мне, убежав от голода в Ханаане, не умереть от рук египтян. Будь же для меня виновницей спасения – "**дабы мне хорошо было ради тебя**". Жалостные слова! В великом был он страхе и от невоздержности египтян, и оттого, что еще не было разрушено владычество смерти. Вот, почему праведник соглашается на прелюбодеяние жены и как бы содействует прелюбодею обесчестить, чтобы избежать смерти. Да, лицо смерти было еще страшно: еще не были сокрушены медные врата, еще не было притуплено ее жало. Видишь союз любви между мужем и женой? Видишь, что осмелился муж предложить жене, и какой совет принимает жена? Она не противоречит, и не ропщет, но делает все по мысли мужа. Да слышат это мужья и жены, и да подражают единомыслию, крепкой любви и великому благочестию этих супругов. Да поревнуем целомудрию Сары, которая, и в старости цветя такой красотой, продолжала состязаться в добродетелях с праведником, за что и сподобилась такого попечения Божьего и небесной награды. Итак, никто не обвиняй красоту лица и не говори этих неосновательных слов: такую-то погубила красота, и для такой-то красота была причиной гибели. Не красота виновна в этом, – нет, потому что и она дело Божье, – но развращенная воля: вот причина всех зол! Видишь, как эта чудная жена сияла и красотой души и красотой лица, и, однако же, шла по следам праведника. Ей-то пусть подражают жены. Здесь вот и красота лица, и бесплодие, и такие лета, и великое богатство, и столько переселений и путешествий, и частые и непрерывные искушения, – однако же, ничто не поколебало ее сердца, она осталась неизменно твердой. Поэтому и получила достойную награду за свое терпение, и в глубокой старости родила (сына) из бесплодной, омертвевшей утробы. "**Дабы мне**

хорошо", говорит, "**было ради тебя, и дабы жива была душа моя через тебя**", то есть, ничего другого не осталось мне для спасения, как то, чтобы ты согласилась сказать: "**что ты моя сестра**". Может быть, я избегну ожидаемой опасности, и ради тебя останусь жив, тебе обязан буду сохранением моей жизни. Этих слов довольно было, чтобы привлечь и склонить жену к состраданию.

6. Вот истинное супружество, когда (муж и жена) разделяют друг с другом не только счастье, но и опасности; это знак искренней любви, это доказательство самой верной дружбы. Не так прославляет царя лежащая на главе его диадема, как эту блаженную (Сару) прославило и возвеличило то послушание, с каким приняла она совет мужа. Кто не изумится, размышляя о такой покорности ее? Кто в состоянии достойно восхвалить ее, когда она, будучи столь целомудренна и в таком уже возрасте, готова была со своей стороны допустить прелюбодеяние, претерпеть сожительство с варварами, чтобы спасти праведника? Но подожди немного, и увидишь премудрость Божьего промысла. Он для того и терпел так долго, чтобы и праведника более прославить, и событиями, совершившимися в Египте, показать не только египтянам, но и жителям Палестины, каким благоволением пользуется патриарх у Господа всех. "**И было**", сказано, "**когда пришел Авраам в Египет, Египтяне увидели, что она женщина, весьма красивая; увидели ее и вельможи фараоновы и похвалили ее фараону; и взята была она в дом фараонов. И Авраму хорошо было ради ее; и был у него мелкий и крупный скот и ослы, и рабы и рабыни, и лошаки, и верблюды**" (Быт.12:14-16). Смотри, как на самом деле сбылось то, чего прежде боялся праведник. Как только он вошел в Египет, "**Египтяне увидели, что она женщина, весьма красивая**", – не просто "**красивая**", но чрезвычайно привлекательна для всех, кто только видел ее, "**увидели ее и вельможи фараоновы и похвалили ее фараону**". Не пройди этих слов, возлюбленный, без внимания, но подивись тому, как это египтяне не напали на жену, как на странницу, пришедшую из чужой земли, не поступили оскорбительно и с мужем, но пошли к царю и объявили. Это было так для того, чтобы самое дело стало известнее и разгласилось повсюду, когда мщение (Божье) совершится не над простым лицом, но над самим царем. "**И взята была она в дом фараонов**". Тотчас разлучили праведника с женой, и она вводится к Фараону. Смотри, как долготерпелив Бог, – как Он не тотчас, не в самом начале являет свой промысел, но попускает совершиться всему, и жене впасть в самые почти челюсти зверя, а потом уже открывает всем и Свою силу. "**И взята была она в дом фараонов**". В каком состоянии была в то время душа жены! Как возмущался ум ее! Какие поднимались волны! Как она не потерпела кораблекрушения, но пребыла неподвижна, как некая скала, полагаясь на помощь свыше! Но что я говорю о жене? Каково было на душе у праведника, когда жену его повели в дом Фараона! "**И Авраму хорошо было ради ее**", то есть, как брату, "**и был у него мелкий и крупный скот и ослы, и рабы и рабыни, и лошаки и верблюды**". Но эти самые вещи, которые даны были ему для удобной и приятной жизни, какой разжигали в нем пламень! Мысль о причине этих даров как не опалила его души и не сожгла его ума? Видишь, как несчастья дошли почти до крайности? Видишь, как уже не оставалось, по человеческим расчетам, никакой надежды на лучшее? Видишь, как по человеческому суждению, дела были в отчаянном положении? Видишь, как жена впала в самые челюсти зверя? Посмотри же теперь на неизреченное человеколюбие Божье, и подивись безмерному величию силы Его. "**И поразил**", сказано, "**Господь тяжкими ударами фараона и дом его за Сару, жену Аврамову**" (Быт.12:17). Что значит: "**поразил**"? Значит – наказал за дерзость и злое покушение. "**Тяжкими ударами**"; не просто "**поразил**" царя, но "**тяжкими ударами**". Так как преступление было не маловажное, напротив, даже весьма великое, то и наказание велико. "**И дом его**", сказано; (наказал) не его только, но и дом его. А почему, когда согрешил один царь, наказание разделяли с ним все домашние его? Это делается не без цели, но чтобы этим сильнее поразить царя: нужен был очень тяжкий удар, чтобы пораженный им отстал от

беззакония. Но справедливо ли, скажешь, за него наказывать и тех? Не за него одного они терпели наказание, но, вероятно, за то, что и сами содействовали и помогали преступному замыслу. Ты слышал, как выше Писание сказало, что "**увидели ее и вельможи фараоновы и похвалили**, **и взята была она в дом фараонов**". Видишь, что сделали они с женой праведника из угождения царю? Поэтому не он один (наказывается), но и все близкие к нему участвуют с ним в наказании, дабы познали, что причинили обиду не простому страннику, не обыкновенному человеку, но мужу, возлюбленному Богом и пользующемуся таким покровительством Его. Так вот, почему (Бог) столь тяжким наказанием поразил душу царя, отвлек его от гнусного порока, удержал его неразумное стремление, остановил невоздержанную волю, связал неукротимую похоть, обуздал неистовую страсть!

7. После этого, смотри, с какой уже кротостью царь разговаривает со странником, властитель – с тем бесприютным пришельцем, у которого он дерзнул отнять даже жену. И хорошо сказано, что "**поразил тяжкими ударами фараона и дом его за Сару, жену Аврамову**". Наказание вразумляет (Фараона), что это была жена праведника, и действительно, она, хотя и была введена в дом Фараона, но пребыла женой праведника. "**И призвал**", сказано, "**фараон Авраама и сказал: что ты это сделал со мной**" (Быт.12:18)? Смотри, какие слова произносит царь: "**что ты это сделал со мной**", – говорит он. Я тебе сделал, я – странник, никому неизвестный, приведенный сюда голодом, тебе – царю, властителю, правителю Египта? Что я сделал тебе? Ты отнял у меня жену, как у странника, презрел меня, пренебрег, поставил ни во что; ты совершенно предался влечению страсти, и хотел исполнить свое желание. Что же я сделал тебе? Великое, говорит (царь), и ужасное зло сделал ты мне. Смотри, какая перемена: царь говорит простому человеку: "**что ты это сделал со мной**"? Ты, говорит, вооружил против меня Бога, подвергнул меня гневу Его, сделал достойным наказания, заставил меня, со всем моим домом, пострадать за нанесенное тебе оскорбление. "**Что ты это сделал со мной? для чего не сказал мне, что она жена твоя? для чего ты сказал: она сестра моя? и я взял было ее себе в жену**" (Быт.12:18-19)? Я, говорит, хотел взять ее, как сестру твою. Но откуда ты узнал, что она жена праведника? Мститель этого беззакония, – Он возвестил мне это. "**Что ты это сделал со мной? для чего не сказал мне, что она жена твоя? и я взял было ее себе в жену**", готовясь совершить грех. Считая ее сестрой твоей, я решился сделать это. Смотри, как тяжкое наказание потрясло душу его: он даже извиняется перед праведником и оказывает ему всякое почтение. Конечно, если бы сила Божья не смягчила душу его и не внушила ему страха, то надлежало бы ожидать, что он предастся еще сильнейшему гневу, накажет праведника, как обманщика, жестоко отомстит ему за себя, и подвергнет его крайним бедствиям. Но ничего такого он не сделал: страх наказания утишил ярость его, и он об одном только старался, как бы сделать угодное праведнику. Он узнал, наконец, что не может быть, чтобы пользующийся таким небесным благоволением был простой человек: "**И теперь вот жена твоя; возьми, и пойди**". Теперь, говорит, так как я узнал, что она тебе не сестра, а жена, то вот возьми ее: я нисколько не повредил вашей супружеской чести и не лишил тебя жены твоей, но "**теперь вот жена твоя; возьми, и пойди**". Какой ум будет в состоянии достойно надивиться этому событию? Или какой язык может изречь это чудо? Жена, блистающая красотой, отданная в жертву египтянину, царю, властителю, человеку страстному и необузданному, выходит неприкосновенной, сохраняет свою чистоту. Таковы-то всегда, как я и прежде говорил, Божьи распоряжения, – они чудны и необычайны! Когда люди начинают уже отчаиваться в своих делах, – тогда-то Бог и являет непреоборимую во всем силу Свою. В самом деле, чудно и необычайно было видеть "**мужа желаний**", как он окружен зверями, и ничего не терпит от них, но как будто бы был среди овец, и выходит невредим изо рва (Дан.14:31-42); видеть и трех отроков, как они в печи ходят как по лугу и в саду, и нисколько не терпят вреда от огня, но выходят из него целы и неприкосновенны (там же гл. 3). Точно

так же удивления достойно нынешнее событие, то есть, что жена праведника не потерпела никакого бесчестия и спаслась от египетского царя, необузданного властителя. Все это сделал Бог, который и в непроходимых местах открывает путь, и среди самого отчаянного положения всегда может подать благую надежду. "**И теперь вот жена твоя; возьми, и пойди**". То есть, не подумай, что ты нами обижен; хотя по неведению и сделано нами это покушение, но вот теперь мы узнали, какой у тебя защитник; постигший нас гнев (Божий) научил нас, каким пользуешься ты благоволением у Бога всяческих: "**возьми**" жену твою, "**и пойди**". Страшен, наконец, стал им праведник, почему они и стараются скорее проводить его со всеми знаками уважения, желая своим уважением к праведнику умилостивить его Господа.

8. Видишь, возлюбленный, какое благо терпение? Вспомни же здесь те слова, которые произнес патриарх, приближаясь к Египту: "**знаю, что ты женщина, прекрасная видом; и когда Египтяне увидят тебя, то скажут: это жена его; и убьют меня, а тебя оставят в живых**". Итак, вспомнив эти слова, посмотри, что теперь делается, и подивись терпению праведника и силе человеколюбивого Бога, с какой славой Он изводит (из Египта) праведника, пришедшего туда с таким страхом и боязнью. "**И заповедал**", сказано, "**о нем фараон повеление людям, и проводили его, и жену его, и все, что у него было**" (Быт.12:20). Праведник удаляется со всякой честью, и с великим богатством, и делается, по случившимся с ним событиям, учителем не только для египтян, но и для всех живущих при пути и в Палестине. В самом деле, кто видел, как он прежде, побуждаемый голодом, шел в Египет со страхом и трепетом; а теперь возвращался оттуда с такой славой, обилием и богатством, – познавал из этого силу Божия о нем промышления. Кто видел когда, кто слышал (что-либо подобное)? Пошел он (в Египет), чтобы избавиться от голода, а возвращается оттуда с богатством и несказанной славой! Не удивляйся, возлюбленный, и не изумляйся этому, а лучше и подивись, и изумись, и прославь могущество общего всем нам Господа. Смотри еще, как и потомки этого патриарха точно так же сошли в Египет побуждаемые голодом, а возвратились оттуда, после долгого рабства и бедствования, с великим богатством. Таков премудрый Владыка наш: сперва Он попустил бедствиям увеличиться до крайности, потом уже разгоняет бурю, производит тишину и великую перемену во всем, желая через это показать нам величие силы Своей. "**И поднялся Авраам из Египта, сам и жена его, и все, что у него было, и Лот с ним, на юг**" (Быт.13:1). Кстати будет применить к этому праведнику те слова, которые блаженный Давид произнес о возвратившихся из вавилонского плена: "**сеявшие со слезами будут пожинать с радостью. С плачем несущий семена возвратится с радостью, неся снопы свои**" (Пс.125:5-6). Видишь, как вхождение было исполнено беспокойства и боязни, и сопровождалось даже страхом смерти? Смотрите же теперь, как возвращение исполнено великой чести и славы, как праведник сделался, наконец, почтенным для всех – и для египтян, и для жителей Палестины. Да и кто не почтил бы человека, так хранимого Богом и пользовавшегося таким Его попечением? Ни от кого, вероятно, не скрылось то, что случилось с царем и домом его. Так, все это было допущено, и искушения праведника дошли до такой степени – для того, чтобы и его терпение открылось яснее, и дела его разнеслись по всей вселенной, и никто не остался в неведении о добродетели праведника.

9. Видите, возлюбленные, сколько пользы от искушений! Видите, как велика награда за терпение! Видите мужа и жену, старца и старицу, какое показали они любомудрие, какое мужество, какую привязанность друг к другу, какой союз любви! Им-то будем все подражать, и никогда не станем роптать и думать, будто Бог оставляет нас и небрежет о нас, когда посылает на нас искушения, напротив, будем считать это за величайший знак Божьего о нас попечения. В самом деле, если на нас лежит бремя грехов, то, показав (во время искушений) великое терпение и признательность, мы можем это бремя сделать

легким; а если грехи наши не многочисленны, то и в таком случае, когда перенесем с благодарением, заслужим большее благоволение свыше. Щедролюбивый и пекущийся о нашем спасении Владыка наш, посылая искушения, предлагает нам в них как бы некое училище и поприще борьбы для того, чтобы и мы сделали все, что только можем, и за это удостоились милостивого Его промышления. Зная это, не будем ослабевать в искушениях и роптать в скорбях, напротив, станем еще радоваться, подобно блаженному Павлу, который говорит: "**ныне радуюсь в страданиях моих**" (Кол.1:24). Видишь благопризнательную душу? Если он радовался в скорбях, то когда же мог быть в печали? Если то, что других печалит, в нем порождало радость, то подумай, каково было состояние души его? И чтобы тебе увериться, что мы не можем получить обещанных нам благ и сподобиться царства небесного, если не пройдем настоящую жизнь путем скорбей, послушай, что апостолы говорят новообратившимся к вере. "**Приобретя довольно учеников**", сказано, "**они обратно проходили Листру, Иконию и Антиохию, утверждая души учеников, увещевая пребывать в вере и поучая, что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божье**" (Деян.14:21-22). Чем же мы извинимся в том, что не хотим великодушно, мужественно и с благодарностью переносить все постигающие нас бедствия, когда знаем, что нам невозможно и получить спасение иначе, как прошедши этим путем? Да и что в этом странного и нового, когда все праведники прошли настоящую жизнь путем скорби? Послушай Христа, Который говорит: "**в мире будете иметь скорбь; но мужайтесь**" (Ин.16:33). Чтобы слышавшие это не упали духом, Он тотчас ободрил их и обещал им свою помощь: "**но мужайтесь**", говорит, "**Я победил мир**". Есть, говорит, у тебя тот, кто облегчит печаль твою, кто не попустит тебе погибнуть под бременем искушений, кто при искушении подаст и облегчение и не наведет бедствий сверх силы нашей (1Кор.10:12). Что же ты печалишься? Что скорбишь? Что ропщешь? Что малодушествуешь? Ужели Он оставит нас, если мы сделаем все, что только можем, – если покажем терпение, твердость и благодарность? Ужели обстоятельства, хотя бы они были в самом отчаянном положении, сильнее премудрости нашего Господа? Будем только мы исполнять, что нам должно, будем иметь искреннюю веру и надежду на премудрость Попечителя душ наших. А Он, лучше нашего знающий, что нам полезно, наверное устроит все так, как и Ему прилично, и нам полезно, чтобы нам и получить награду за терпение, и удостоиться Его человеколюбия, благодатью и щедротами Господа Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 33

“И был Аврам очень богат скотом, и серебром, и золотом. И продолжал он переходы свои от юга до Вефиля, до места, где прежде был шатер его между Вефилем и между Гаем, до места жертвенника, который он сделал там вначале” (Быт.13:2-4).

1. Видя сегодняшнее ваше усердное собрание здесь и расположение к слушанию, хочу отдать вам долг, которым обязан я вашей любви. Знаю, что вы, может быть, и забыли уже (об этом долге), потому что много дней прошло между (прежними и нынешнею беседою), и наше собеседование отвлекалось к другим предметам [Св. Златоуст, сказав в продолжение св. четыредесятницы, до страстной недели, 32 беседы на книгу Бытия, в течение страстной недели, недели Пасхи и следующих дней пятидесятницы, говорил поучения о других предметах, приспособительно к самому времени]. Наступление святого праздника пресекло у нас порядок (поучений). Не прилично же было, чтобы в то время, когда мы праздновали кресту Господню, преподавалось у нас учение о других предметах; надлежало на каждый день предлагать вам сообразную (с ним) трапезу. Поэтому, когда наступил день предания (Христова Иудою), мы, прервав порядок поучений и соображаясь со временем, обратили слово на предателя и затем предложили вам (поучение) о кресте.

Потом, как настал день воскресения, нужно было научить вашу любовь о воскресении Владычном, а в следующие дни представить вам доказательства воскресения (Христова) в совершившихся после него чудесах, что мы и сделали, когда, взявшись за Деяния апостольские, изготовляли вам оттуда постоянное пиршество, а вновь удостоившимся благодати (крещения) предлагали каждый день обильные увещания. Теперь же надобно напомнить вам о долге и тотчас сделать удовлетворение. Если вы, по причине развлечения множеством забот, и не знаете, в чем состоит этот долг, потому что имеете заботу и о жене, печетесь и о детях, промышляете и о насущном хлебе, и развлекаетесь множеством других житейских попечений, за то мы, ничем таким не смущаемые, и напоминаем вам о долге, и готовы отдать (его). И не удивляйтесь, что мы выказываем такую готовность (выплатить долг). Свойство этого долга противоположно чувственному богатству. Там должник не так-то скоро покажет такую готовность, зная, что уплата долга у него уменьшит имение, а у получающего увеличит достояние. Но в этом духовном долге нет ничего такого; напротив, здесь и должник, уплатив (долг), становится гораздо богаче, и у получающих увеличивается богатство. Поэтому у тех бывает много неудовольствий (при уплате долга); а здесь, для обоих большая прибыль, - и для уплачивающего, и для получающих. Это самое внушает блаженный Павел и в отношении к любви, когда говорит: “**Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви**” (Рим.13:8), показывая, что этот долг, будучи и всегда уплачиваем, никогда не прекращается. Впрочем, не должно быть небрежными и вам, когда располагаетесь получить (долг), потому что ваше усердие и нас, уплачивающих долг, сделает более богатыми, и вам доставит больше пользы. Итак, если таково свойство этого долга, - что, чем больше мы будем уплачивать (его), тем больше будем умножать собственное достояние, - то вот мы покажем, наконец, вам, в чем состоит наш долг, чтобы и вы с большим усердием приняли слова наши, и, оценив нашу готовность, вознаградили нас тщательным вниманием к тому, что мы будем говорить. В чем же состоит долг? Вы знаете и помните, что мы изложили следующие обстоятельства в жизни патриарха (Авраама): его путешествие в Египет по причине голода, похищение Сары фараоном и негодование, которое Бог, промышляя о праведнике, показал и над самим фараоном, и над всем домом его, и тем предуготовил патриарху весьма славное возвращение из Египта: “**И дал о нем** (Авраме), **-** сказано, **- фараон повеление людям, и проводили его, и жену его, и все, что у него было. И поднялся Аврам из Египта, сам и жена его, и все, что у него было, и Лот с ним, на юг**” (Быт.12:20,13:1). Остановив на этом слово, мы обратили его, во все последующие дни, к учению о предметах, соответственных тому времени. Поэтому сегодня надобно восстановить порядок и, как бы в одно тело, соединить то, что будет говорено, с тем, что уже сказано: таким образом и поучение наше будет вам удобовразумительно. Но чтобы слова наши были тем яснее для вас, следует предложить любви вашей и самое начало нынешнего чтения. “**И был Аврам**, **-** сказано, **- очень богат скотом, и серебром, и золотом. И продолжал он переходы свои от юга до Вефиля, до места, где прежде был шатер его между Вефилем и между Гаем, до места жертвенника, который он сделал там вначале; и там призвал Аврам имя Господа**”. Не пройдем этого чтения без внимания, но постараемся ясно усмотреть точность божественного Писания, как оно ничего не рассказывает нам ненужного. “**Был Аврам**, **-** сказано, **- очень богат**”. Заметь, во-первых, что оно не просто указало, - не напрасно и не без причины именно теперь называет его (патриарха) богатым. В самом деле, нигде в другом месте оно не упомянуло, что он был богат, но только теперь в первый раз. Отчего это и для чего? Для того, чтобы познал ты благоизобретательность премудрости Божией и необычайную и беспредельную силу промышления, какое Он явил в отношении к праведнику. Тот, кто, по причине сильного голода, не в состоянии был более жить в Ханани, должен был отправиться в Египет, вдруг стал богат, и не просто богат, но “**очень**”, и не “**скотом**” только, но “**и серебром, и золотом**”.

2. Видишь ли, каково промышление Божие? Пошел (Авраам) искать облегчения от голода, - и возвратился, не только спасшись от голода, но и стяжав великое богатство и несказанную славу, всем показав о себе, кто таков был он. Теперь уже и хананейские жители лучше узнали добродетель праведника, когда увидели, какая внезапная произошла перемена и каким богатством обладает этот странник, который пошел в Египет как беглец и скиталец. Замечай притом, что он и от великого счастья и от избытка богатства не сделался надменнее и беспечнее, но опять спешит в то самое место, где был прежде, до отшествия в Египет. "**И продолжал**, - сказано, **- он переходы свои от юга до Вефиля, до места, где прежде был шатер его между Вефилем и между Гаем, до места жертвенника, который он сделал там вначале; и там призвал Аврам имя Господа**". Посуди, как он любил тишину и спокойствие, и постоянно прилежал к служению Богу. Он дошел, сказано, до того места, где прежде он создал жертвенник и призывал имя Божие, и (таким образом) задолго прежде и заранее исполнил уже то, что сказано было Давидом: "**Желаю лучше быть у порога в доме Божием, нежели жить в шатрах нечестия**" (Пс.83:11). Пустыня, ради призвания в ней имени Божия, была для него дороже городов. Он знал, знал, что и величие городов составляет не красота зданий и не многочисленность жителей, но добродетель обитателей. Вот почему и пустыня, украшаемая добродетелью праведника, стала лучше городов и знаменитее обитаемой земли. "**И у Лота, который ходил с Аврамом, также был мелкий и крупный скот и шатры. И непоместительна была земля для них, чтобы жить вместе, ибо имущество их было так велико, что они не могли жить вместе**" (Быт.13:5-6). Не только у самого патриарха умножилось имение, но "**и у Лота … также был мелкий и крупный скот**". Может быть, иное сам (патриарх), будучи щедр, подарил племяннику, а иное дали ему и другие из уважения к патриарху. "**И непоместительна была земля для них, - сказано, - … ибо имущество их было так велико**" (ст. 6). Смотри, как избыток богатства тотчас становится причиною разделения, производит разрыв, нарушает согласие, расторгает узы родства: "**И был спор между пастухами скота Аврамова и между пастухами скота Лотова; и Хананеи и Ферезеи жили тогда в той земле**" (ст. 7). Смотри, как слуги полагают начало раздору; отсюда-то и всегда возникает зло - от худого нрава служителей: "**И был, -** сказано**, - спор между пастухами**". Они-то подают повод к разделению, нарушают согласие, выказывают сильное недоброжелательство (друг к другу). "**Хананеи и Ферезеи жили тогда в той земле**". Для чего заметило это нам божественное Писание? Так как оно сказало, что "**непоместительна была земля для них, чтобы жить вместе**", то и хочет показать нам причину (этого), - потому, т.е., "**непоместительна была земля для них**", что была еще занята этими народами. Но посмотрим на боголюбивое расположение души патриарха, как он своею кротостью погашает готовый уже вспыхнуть пламень. "**И сказал**, - сказано, **- Аврам Лоту: да не будет раздора между мною и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники**" (ст. 8). Обрати внимание на глубину смирения и высоту любомудрия: старец, человек преклонных лет, называет юношу, племянника своего, братом, ставит его наравне с собой и не усвояет себе никакого преимущества пред ним, но говорит: "**Да не будет раздора между мною и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими**"; неприлично, говорит, быть этому, потому что "**ибо мы родственники**". Видишь, как он исполняет апостольскую заповедь, которая говорит: "**И то уже весьма унизительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы [сами] обижаете и отнимаете, и притом у братьев**" (1Кор.6:7-8). Все это исполняя на деле, патриарх говорит: "**Да не будет раздора …между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники**". Что может быть миролюбивее этой души? Так не напрасно и не без причины сказал я выше, что (Авраам) по любви к миру и безмятежию ставил пустыню выше обитаемой земли. Смотри, как и теперь он, узнавши точно, что пастухи ссорятся (между собою), тотчас же в самом начале пытается погасить готовый вспыхнуть пламень и прекращает раздор. Действительно ему,

призванному быть учителем любомудрия для всех, живущих в Палестине, надлежало ни в чем не подавать (им) соблазна или дурного примера, напротив, кротостью своего нрава, сильнее трубы, вразумить всех их и сделать подражателями своей добродетели. “**Да не будет**, **-** говорит, **- раздора между мною и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники**”. Много скромности в этих словах: “**Между мною и тобою**”!

3. Смотри, - он говорит с ним, как с равным себе, тогда как вся ссора возникла, мне кажется, не из-за чего иного, как из-за того, что пастухи патриарха не позволяли тем (пастухам Лота) пользоваться одинаковою с ними свободою. Но праведник все делает с кротостью, желая показать высоту своего любомудрия и научить не только своих современников, но и все последующие роды - никогда (не допускать), чтобы служащие нам ссорились с ближними, потому что их ссоры делают великое бесчестье нам, и происходящее между ними не им вменяется, но обращается в укоризну нам. Итак, прилично ли, чтобы те, которые суть братья между собою, имеют не только одну природу, но и общее родство, и присуждены жить здесь, как странники, чтобы эти люди [т.е. Авраам и Лот] впадали в такого рода ссоры, тогда, как они должны быть для своих слуг учителями кротости и смирения, и всякого любомудрия? Да слышат это те, которые считают себя свободными от упрека, когда своим домашним, по привязанности к ним, позволяют хищничать, лихоимствовать, делать соседям бесчисленные обиды и в городах, и на полях, отнимать у одного поле, у другого дом, и даже за это выказывают к ним еще больше благоволения. Пусть несправедливость была делом другого, но и ты сделался участником в ней, не потому только, что порадовался этому и думал, что от этого прибавится у тебя имущества и больше будет богатства, но и потому, что не воспрепятствовал совершению этой несправедливости в самом начале ее. Кто мог остановить обидчика и не сделал этого, тот не меньшему, чем обидчик, подвергнется наказанию.

Не будем же, умоляю, обольщать себя, но как сами будем избегать хищения и любостяжания и умножения своего богатства подобными (средствами), так и своим домашним станем внушать - не делать ничего такого. Преступления их не освобождают нас от вины, напротив, подвергают еще большему осуждению, поскольку они отваживаются делать обиду из угождения нам, и, губя собственное спасение, вместе с собою увлекают и нас в погибель. А если мы решимся быть внимательными, то и сами избавимся от такой гибели, и их удержим от злого предприятия. И не говори мне этих слов пустых: что мне за нужда? Ведь не я похитил? Я ничего не знаю: другой сделал, я не участвовал в обиде. Это только отговорка и пустое оправдание. Если хочешь доказать, что ты не был сообщником в обиде и не содействовал, не был виновником хищения, то поправь сделанное, успокой оскорбленного, возврати похищенное. Таким образом ты и себя освободишь от нарекания, и обидчика исправишь, доказав, что не по твоему желанию он сделал зло, и бедному, утешив его, не попустишь погибнуть от печали, какой он подвергся бы из-за потери. “**Да не будет**, **-** сказал Авраам, **- раздора между мною и тобою, и между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники**”. Видишь кротость? Видишь смирение (Авраама)? Послушай, что следует и далее, чтобы узнать все величие его любомудрия. Как он разрешил спор и прекратил распрю? “**Не вся ли**, **-** говорит, **- земля пред тобою? отделись же от меня: если ты налево, то я направо; а если ты направо, то я налево**” (ст. 9). Усматривай здесь любомудрие и глубокое смиренномудрие праведника. А еще прежде того подумай, возлюбленный, какой вред (происходит) от богатства, и какое расстройство от великого избытка. Умножились стада, притекло великое богатство, - и тотчас пресеклось согласие, и там, где был мир и союз

любви, (явились) ссоры и вражда. Подлинно, где мое и твое, там все виды вражды и источник ссор, а где нет этого, там безопасно обитает согласие и мир. И чтобы увериться тебе в этом, послушай, что говорит блаженный Лука о тех, которые в самом начале обратились к вере: "**Было**, **-** говорит**, - одно сердце и одна душа**" (Деян.4:32): это значит не то, чтобы все они имели одну только душу (как возможно быть одной душе в различных телах?), но показывает нам твердое (между ними) согласие. Если бы и праведник (Авраам) не был весьма великодушен и любомудр, то разгневался бы и сказал бы Лоту: что за дерзость такая? Как твои домашние осмелились открыть и уста против моих домочадцев? И не подумали они, какое расстояние между вами? Откуда явилось у тебя такое богатство? Не от моей ли заботливости? Кто тебя и в люди вывел? Не я ли, который заменил для тебя всех, и показывал во всем отеческую о тебе попечительность? Эту ли награду воздаешь ты мне за многие тебе услуги? Этого ли я надеялся, когда водил тебя всюду с собою? Но пусть ты не взял во внимание ничего из сделанного тебе мною: не надлежало ли тебе постыдиться хотя моей старости и уважить седины мои? Но ты позволил своим пастухам оскорбить моих пастухов, не подумав, что как оскорбление, им причиненное, переходит на меня, так и дерзость твоих пастухов падает на тебя.

4. Но праведник не захотел и подумать ничего такого, но, отринув всякий подобный помысел, об одном только и старается, как бы прекратить готовую вспыхнуть ссору и, придумав безобидный способ разлуки, избавить дом свой от всякого беспокойства. "**Не вся ли**, **-** говорит, **- земля пред тобою? отделись же от меня: если ты налево, то я направо; а если ты направо, то я налево**". Смотри на кротость праведника. Показывая Лоту на деле, что он делает это не по своей воле и не по желанию отделиться от него, но вследствие ссоры и для того, чтобы не было в доме постоянной брани, смотри, как он (Авраам) своими словами укрощает горячность Лота, предоставляет ему полную свободу выбора и предлагает всю землю, говоря: "**Не вся ли земля пред тобою?**" Какую ты захочешь, ту и бери себе; а я с великим удовольствием возьму ту, которую ты оставишь мне. Велико любомудрие праведника! Ни в чем не хочет он быть в тягость своему племяннику. Так как, говорит он, делается то, чего я не хотел, и так как для прекращения ссоры необходимо нам разлучиться, то я оставляю тебя свободным на выборе и даю тебе полную волю - взять себе ту землю, какую почтешь лучшею, а остальную оставить мне. Сделал ли бы кто и для равного себе по возрасту брата то, что патриарх сделал для племянника? Если бы даже и сам он наперед сделал выбор, и себе взял лучшую часть, а Лоту уступил только остальное, то и в этом случае, - не великое ли он сделал бы дело? Но он, желая и показать величие своей добродетели, и исполнить желание юноши, чтобы от разлуки их не произошло никакого повода к неудовольствию, предоставляет Лоту полную свободу и говорит: "**вся … земля пред тобою … отделись же от меня**", - и какую (землю) хочешь, возьми. Испытав такую кротость (со стороны Авраама), племянник должен бы был со своей стороны оказать почтение патриарху, и ему, а не себе, предоставить право свободного выбора. Таков ведь обычай у всех нас, - людей, что, когда увидим, что наши противники хотят вступить в спор с нами за что-нибудь и усиливаются занять первое место, мы не соглашаемся понести унижение, и не уступаем им; а когда увидим, что они уступчивы и ласковыми словами предоставляют нам полную свободу, то, как бы стыдясь великой их кротости, мы и спорить перестаем, и, наоборот, предоставляем им всю власть, хотя бы противник наш, по-видимому, был и ниже (нас). Так следовало бы и Лоту поступить в отношении к патриарху; но, как юноша, притом увлекаемый желанием большего, он спешит занять лучшее, как ему казалось, место, и сам делает выбор. "**Лот возвел**, - сказано, - **очи свои и увидел всю окрестность Иорданскую, что она, прежде нежели истребил Господь Содом и Гоморру, вся до Сигора орошалась водою, как сад Господень, как земля Египетская; и избрал себе Лот всю окрестность Иорданскую; и двинулся Лот к востоку. И отделились они друг от друга**" (ст. 10,11). Видишь необычайно великую добродетель праведника, как он не допустил и дать росток корню

зла, но в ту же минуту исторгнул и истребил то, что готово было возникнуть, употребив при этом великую кротость, обнаружив, из любви к добродетели, величайшее презрение ко всему другому, и показав всем, что для него дороже всякого богатства мир и свобода от распри? Чтобы кто не обвинил праведника в несправедливости к Лоту, т.е., что, уведши его из (отеческого) дома, приведши в чужую сторону, он отгоняет его теперь от себя, чтобы также не подумал кто, будто (Авраам) делает это по вражде к нему (Лоту), чтобы, напротив, все мы знали, что он поступает так из любви к миру, - для этого он и предоставил выбор Лоту, и, когда тот взял себе лучшее место, не опечалился; отсюда уже все мы можем видеть, как сердце праведника было расположено к добру, и к чему стремилась миролюбивая душа его. Впрочем, (в этом событии) предустроялась и некоторая другая тайна, чтобы, т.е. вследствие его совершилось многое, именно: чтобы и Лот узнал на деле, что он незаконно сделал выбор, и жители Содома познали добродетель Лота, и, по воспоследовании разлуки, пришло в исполнение, данное патриарху обетование Божие: "**Потомству твоему отдам Я землю сию**"; все это мы, мало-помалу простираясь вперед, увидим по указанию божественного Писания. "**Аврам**, **-** сказано, **- стал жить на земле Ханаанской; а Лот стал жить в городах окрестности и раскинул шатры до Содома. Жители же Содомские были злы и весьма грешны пред Господом**" (ст. 12,13). Видишь ли, Лот обращает внимание только на свойство земли, а не смотрит на злонравие жителей? Какая польза, скажи мне, в тучной и плодоносной земле, когда ее обитатели злонравны? И что за вред от пустыни и от самой бесплодной земли, когда живущие на ней благонравны? Самое главное благо есть благонравие жителей. Но Лот смотрел только на одно - на плодородие земли. Поэтому-то Писание, желая сделать нам известным злонравие тамошних жителей, говорит: "**Жители же Содомские были злы и весьма грешны пред Господом**"; не только, говорит, "**злы**", но и "**грешны**", и не просто "**грешны**", но и "**пред Господом**"; то есть, весьма многочисленны были грехи их и нечестие их чрезмерно - почему, и прибавило (Писание): "**весьма грешны пред Господом**". Видишь великость нечестия? Видишь, какое зло гнаться за первыми местами, а не смотреть на истинную пользу? Видишь, что значит кротость, уклонение от первенства и смирение? Вот в следующем поучении мы увидим, что тот, кто избрал лучшие места, не получил от этого никакой пользы, а взявший худшие делался со дня на день славнее - и богатство его со всех сторон увеличивалось, и (сам он) стал знаменит у всех.

5. Но чтобы не слишком продолжить поучение, на этом остановим слово, а прочее оставим до следующего дня, попросив вас подражать патриарху, и никогда не восхищать первенства, но следовать блаженному Павлу, который говорит: "**Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте**" (Рим.12:10), и стараться уничижать себя во всем. Это-то (самоуничижение) и доставляет (нам) первенство, как и Христос сказал: "**Унижающий себя возвысится**" (Лк.14:11). Итак, что может сравняться с тем поведением, когда мы, уступая другим первенство, чрез это сами достигаем большей чести, и, оказывая другим предпочтение, чрез это сами себя возводим на высшую почесть? Об этом-то, умоляю, будем стараться, чтобы, т.е. подражать смиренномудрию патриарха и нам, сущим под благодатью, идти по стопам того, кто еще до закона показал такое любомудрие. Подлинно истинное смиренномудрие показал этот чудный муж в отношении к человеку, который был гораздо ниже его не только по добродетели, но и по возрасту, и по всему другому. Подумай только, что старец уступил юноше, дядя племяннику, (человек) заслуживший такое благоволение у Бога - тому, кто не сделал еще ничего великого; патриарх оказал юноше то, что должен бы оказать он, как юноша, старцу и дяде своему. Так и мы будем оказывать уважение не одним только высшим нас, или равным с нами: это не было бы смиренномудрие, потому что когда кто делает необходимо-должное, то это уже не смиренномудрие, но долг. Истинное смиренномудрие в том, когда мы уступаем тем, кто видимо ниже нас, и оказываем

предпочтение тем, кто считается хуже нас. Впрочем, если мы будем рассудительны, то не будем никого и считать ниже нас, но всем людям станем отдавать преимущество пред собою. И это говорю я не о тех из нас, которые погружены в (бездну) бесчисленных грехов; нет, пусть кто сознает в себе и бесчисленные совершенства, но, если только он не думает о себе, как о последнем между всеми, его совершенства не принесут ему никакой пользы. В том-то ведь и состоит смиренномудрие, когда кто, имея, чем превозноситься, - уничижает, смиряет и ведет себя скромно. Тогда-то он и восходит на истинную высоту по обетованию Господа, который говорит: "**Унижающий себя возвысится**". Потщимся же все, молю вас, взойти на высоту смиренномудрия, чтобы заслужить одинаковое с праведником благоволение у Владыки, и удостоиться неизреченных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 34

"И сказал Господь Авраму, после того как Лот отделился от него: возведи очи твои и с места, на котором ты теперь, посмотри к северу и к югу, и к востоку и к западу; ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я" (Быт.13:14-15).

1. Вчера узнали вы, возлюбленные, об изумительном смиренномудрии патриарха, видели его чрезвычайную кротость. В самом деле, немаловажным было делом, что старец, совершивший столько добрых дел, удостоившийся такого благоволения от Владыки всяческих, оказал юноше – племяннику такую с своей стороны честь, что уступил ему даже первые места (при выборе земли), а сам взял худшие, и все сделал, чтобы только прекратить ссору и устранить повод к распре. Ему-то все мы постараемся подражать, и не станем никогда превозноситься над ближними, ни много думать (о себе), но с великим смиренномудрием будем уступать (другим) и поспешим уничижать себя и в поступках, и в словах; не будем враждовать даже против тех, кто оскорбляет нас, хотя бы это были и облагодетельствованные нами (в этом-то и состоит самое высокое любомудрие); не будем также раздражаться обидами, хотя бы досаждающие нам были и хуже нас, но станем укрощать гнев (других) своею кротостью и тихостью. Подлинно нет ничего сильнее ее, нет ничего могущественнее. Она вводит душу нашу в постоянный мир, заставляя ее стремиться к нему, как бы в пристань, и таким образом служит для нас источником всякого успокоения. Потому-то и Христос, предлагая божественное Свое учение, сказал: "**Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим**" (Мф.11:29). Действительно, ничто так не доставляет душе спокойствия и тишины, как кротость и смиренномудрие; а для стяжавшего это благо оно дороже всякой диадемы, полезнее всякого блеска и славы. Что, в самом деле, может быть блаженнее человека, свободного от внутренней брани? Пусть мы вполне пользуемся внешним миром и услужливостью (ближних); но если внутри нас, от возмущения помыслов, возникает шум и буря, то нет никакой пользы от внешнего спокойствия, подобно тому, как нет ничего жальче того города, который хотя и огражден бесчисленными стенами и окопами, но терпит измену от обитающих внутри его. Итак, об этом-то, прошу, позаботимся прежде всего, как бы нам сделать душу свою безмятежною, привести ее в мирное состояние и быть свободными от всякого неприятного чувства, дабы и самим нам наслаждаться совершенным спокойствием, и с ближними нашими быть в согласии. В том-то ведь особенно и заключается отличительное свойство разумного человека, чтоб быть скромным, кротким, снисходительным, смиренным, тихим, не водиться и не увлекаться рабски гневом, или другими страстями, но разумом побеждать внутренние беспорядочные движения, охранять свое высокое достоинство и не унижаться, по беспечности, до зверского состояния бессловесных. А чтобы знать тебе, как велика сила кротости и смиренномудрия, и как эта одна добродетель могла того, кто преуспел в ней совершенно,

сделать достойным неизреченных похвал, послушай о прославлении блаженного Моисея, и о венце, который сплетен ему за эту добродетель. “**Моисей же**, – сказано, – **был человек кротчайший из всех людей на зе**мле” (Числ.12:3). Видишь, какая великая похвала: она поставила его наравне со всем родом человеческим, или – лучше сказать – выше всего рода человеческого. То же говорит Писание и о Давиде: “**Вспомни, Господи, Давида и все сокрушение его**” (Пс.131:1). Этою-то добродетелью и патриарх (Авраам) стяжал еще большее (против прежнего) благоволение свыше, и, сделав с своей стороны, что мог, удостоился за это больших (благ) от человеколюбивого Бога. Это вы увидите, когда мы предложим вам продолжение вчерашнего слова и объясним вашей любви, что было уже прочитано (из Писания). Когда (патриарх) с великою кротостью уступил Лоту лучшие места, и, предоставив ему право выбора, охотно взял худшую часть, лишь бы только прекратить распрю, смотри, какую тотчас получает он награду от Бога, и как Бог, по великой щедрости Своей, удостаивает его еще большего воздаяния. Таков наш Владыка: едва Он увидит, что мы пожертвуем чем-нибудь малым, как уже и дает нам с Своей стороны богатое вознаграждение, и такую являет щедрость, которая безмерно превосходит наши (заслуги).

2. И поступает так Он со всеми нашими приношениями. Что, скажи мне, ничтожнее двух лепт? Однако ж, (Бог) сделал то, что вдовица, положившая две лепты, доселе прославляется за это во всей вселенной (Лк.21:3). И что говорю о двух лептах? Если кто подаст (жаждущему) и стакан холодной воды, то и за это (Бог) предназначает великие награды, так как Он творящим добродетель венцы дает всегда, судя по расположению (их) сердца (Мф.10:42). Тоже, как всякому известно, делает Он и в отношении к подвигу молитвы. Если Он увидит, что кто-нибудь приближается (к Нему) с усердием, тотчас скажет ему: “**Они еще будут говорить, и Я уже услышу**” (Ис.65:24). А если (человек) покажет продолжительную настоятельность, то (Бог) и прошения его исполняет с великою любовью и горячею ревностью, да и прежде еще (исполнения) прошений похваляет и венчает его. Так именно и сделал он с хананеянкою. Когда увидел Он ее усердие и великое постоянство (в мольбе), то сначала одобрил ее и увенчал, так сказать, похвалами и сделал известною для всей вселенной, а потом уже и прошения (ее) исполнил с великою благостью. Сказав: “**О, женщина! велика вера твоя;** – Он потом прибавил: **да будет тебе по желанию твоему**” (Мф.15:28). И если бы мы захотели пересмотреть все подобные примеры в божественном Писании, то везде увидели бы великую щедродательность Господа. В этом-то совершенно уверенный и зная, что кто уступит меньшее, тот получит большее, патриарх, как вы слышали вчера, уступил Лоту (лучшую часть), а себе взял худшую, чтобы и устранить повод к распре, и показать собственную добродетель, и водворить мир во всем доме своем. Но посмотрим из нынешнего чтения, какие получает он от Господа награды за такую свою кротость. “**И сказал**, **–** сказано, **– Господь Авраму, после того как Лот отделился от него: возведи очи твои и с места, на котором ты теперь, посмотри к северу и к югу, и к востоку и к западу; ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки**”. Смотри, как (близок) промысел Божий, и как скоро воздает (Господь) праведнику. Так как божественное Писание хочет показать нам, какой награды удостоился патриарх от человеколюбивого Бога за столь великое свое смиренномудрие, то сказав, что Лот отделился (от Авраама) и ушел в землю, которую он выбрал себе, как самую лучшую, оно тотчас прибавило: “**И сказал Господь Авраму**”. Далее, чтобы мы удостоверились, что (Господь) точно говорит это (Аврааму) в награду за его поступок с Лотом, (Писание) прибавило: “**И сказал Господь Авраму, после того как Лот отделился от него**”, – как бы говоря ему прямо такими словами: ты, по великой кротости, уступив племяннику лучшую землю, показал этим крайнее смиренномудрие, и столько позаботился о мире, что решился на все, лишь бы не было между вами никакой ссоры: прими же за это от Меня щедрую награду, – “**возведи очи твои и с места, на котором ты теперь, посмотри к северу и к югу, и к востоку и к**

западу; ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки". Видишь ли, что награда гораздо выше заслуги его (Авраама)? И человеколюбивый Господь начинает с тех же слов, в каких патриарх сделал уступку (Лоту). Как он сказал: "**Не вся ли земля пред тобою? отделись же от меня: если ты налево, то я направо; а если ты направо, то я налево**"; так и Господь говорит: возведи "**очи твои и с места, на котором ты теперь, посмотри к северу и к югу, и к востоку и к западу; ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки**". Смотри здесь, как необычайно велика щедрость Божия: ты, говорит (Бог Аврааму), предоставив свободу выбора (племяннику), уступил (ему) ту землю, какую он вздумал выбрать, а сам взял остальную; Я же показываю такую щедрость, что всю землю, на которую простираются взоры твои во все стороны, к северу и югу, к востоку и западу, всю эту землю, которую ты видишь, отдам тебе; и не только тебе, но – "**и потомству твоему навеки**". Видишь щедрость, достойную благости Божией? Видишь, сколько (патриарх) уступил, и чего за то удостоился? Поучимся отсюда показывать великую щедрость в милостыне, чтобы, давши немногое, удостоиться великих (наград). В самом деле, скажи мне, какое тут равенство – дать немного денег, и получить оставление грехов? Напитать алчущего – и удостоиться дерзновения в тот страшный день (суда) и услышать слова, стоящие царства: "**Алкал Я, и вы дали Мне есть**" (Мф.25:35)? Разве Тот, Кто явил тебе такую щедрость, не мог сам удовлетворить требованию и этого алчущего? Но Он оставляет его бедствовать в нищете для того, чтобы и он стяжал великую награду за терпение и ты милостынею приобрел себе дерзновение.

3. Видишь человеколюбие Господа, как Он все устрояет к нашему спасению? Итак, когда подумаешь, что (бедный), борясь с нищетою, истаивает от голода ради тебя и твоей пользы, не проходи (мимо его) без сострадания, но будь верным распорядителем того, что тебе вверено от Господа, чтобы, удовлетворив нужде бедного, и сам ты снискал себе свыше великое благоволение. Прославь и Господа своего за то, что Он ради тебя и твоего спасения попустил этому человеку жить в бедности, чтобы ты мог найти для себя способ и грехи свои очистить, и благим употреблением вверенного тебе от Господа заслужить те похвалы, которые превосходят всякое слово и понятие, – ведь ты услышишь: "**Хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего**" (Мф.25:23). Помышляя об этом, будем смотреть на бедных, как на благодетелей, как на таких людей, которые могут доставить нам средство ко спасению; будем подавать им (милостыню) с щедростью и горячим усердием, никогда не делая неприятного вида при подаянии, но разговаривая с ними весьма кротко и показывая великую снисходительность (к ним). "**Приклоняй ухо твое к нищему и отвечай ему ласково, с кротостью**" (Сир.5:8), чтобы, еще прежде подаяния, ласковыми словами ободрить сокрушенную великою бедностью душу его. "**Не выше ли**, – сказано, – **доброго даяния слово?**" (Сир.19:17). Так-то и слово может ободрить душу и доставить ей великое утешение.

Итак, будем подавать щедрую милостыню, взирая не на принимающего только, но помышляя о Том, Кто относит к Себе все, что ни делается для бедных, Кто обещает награду за подаяние: к Нему-то возводя ум, постараемся давать (милостыню) со всем усердием, и щедро сеять, пока есть время, чтобы получить и щедрую жатву: "**Кто сеет**, – сказано, – **скупо, тот скупо и пожнет**" (2Кор.9:6). Итак, не скупою рукою будем бросать эти добрые семена, чтобы в свое время пожать нам в изобилии. Теперь – время сеяния: не упустим же его, чтобы в день воздаяния за посеянное здесь пожать нам плоды и удостоиться человеколюбия Божия. Никакая другая добродетель не может так угасить греховный наш пламень, как щедрая милостыня. Она и грехи наши уничтожает, и доставляет нам дерзновение (пред Богом), и предуготовляет наслаждение неизреченными благами. Но довольно уже сказано к вашему назиданию и в объяснение того, что, давая

немногое, мы удостаиваемся от Господа большего. Уклонилось же слово наше к увещанию о милостыне по случаю того, как мы сказали, что патриарх, уступив Лоту часть земли и даже предоставив ему самую лучшую землю, а себе взяв худшую, за это удостоился от Бога такой щедрой награды, что ему дано Богом обетование, превышающее всякий ум и понятие. "**Возведи**, **–** сказано**, – очи твои и с места, на котором ты теперь, посмотри к северу и к югу, и к востоку и к западу; ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки**". Ты, говорит, уступил племяннику часть земли: так вот Я обещаю тебе всю землю; мало этого, Я обещаю дать ее и семени твоему, и при том до века, т.е. навсегда. Видишь, как щедр Господь в благодеяниях? Так как знал (Господь), что этого особенно и желал патриарх, и ничто так не укрепит его усердия [как обетование о том, что и потомки его будут владеть землею, которая дана ему], то и говорит: Я и это сделаю для тебя, что, т.е., и потомки твои будут пользоваться этою землею и владеть ею всегда. Потом, чтобы (Авраам), смотря только на свою природу и старость, также на неплодство Сары, не усомнился в обетовании, но положился бы на силу Обетовавшего, (Бог) говорит: "**И сделаю потомство твое, как песок земной; если кто может сосчитать песок земной, то и потомство твое сочтено будет**" (Быт.13:16). Поистине, обетование было превыше естества человеческого! Господь обещал не только сделать патриарха отцом, тогда как столько было препятствий к этому, но и дать (ему семя) столь многочисленное, что оно сравняется с (количеством) песка земного и даже будет неисчислимо, – этим сравнением Он хотел показать необычайную великость (обетования).

Смотри, как человеколюбивый Господь мало-помалу упражняет добродетель праведника. Сказав уже прежде: "**Землю … дам Я и потомству твоему**", – Он теперь опять говорит: "**И потомству твоему навеки**", "**И сделаю потомство твое, как песок земной**". Между тем обетование пока ограничивается только словами, и много проходит времени между обетованием и его исполнением, чтобы мы узнали и боголюбивую душу патриарха, и беспредельную силу Божию, (Бог) намеренно медлит и отлагает (исполнение обетований), чтобы получившие обетование, дошедши до глубокой старости, и, так сказать, отчаявшись (в исполнении), по порядку дел человеческих, тогда-то и дознали опытом и собственную немощь, и несказанно великую силу Божию.

4. Посуди же, по продолжительности времени протекшего между обетованием и его исполнением, о твердости души патриарха, как он, минуя все человеческое, обратил мысль свою к силе Обетовавшего, и не смущался, не колебался. Вы знаете, что если кто раз и два, обещавшись, не привел в исполнение своего обещания, мы как-то уже не легко верим потом его обещаниям. Так и должно быть в отношении к человеку. Но что касается до Бога, Который с великою премудростью устрояет дела наши, то, когда Он однажды даст нам обетование, хотя бы потом возникло бесчисленное множество препятствий, мы, взирая на величие силы Его, должны быть уверены, иметь твердое убеждение и помнить, что слово Его непременно придет в исполнение. Нет ничего такого, что могло бы когда-либо остановить (исполнение) Его обетования. Он – Бог, для Которого все возможно, и потому направляет обстоятельства, куда хочет, будучи силен найти путь и в местах непроходимых, и после того, как мы уже отчаялись, подавая нам благие надежды, чтобы мы таким образом яснее познавали безмерное величие Его благоустроительной премудрости. "**Встань, пройди по земле сей в долготу и в широту ее, ибо Я тебе дам ее**" (ст. 17). Смотри, как (Бог) всячески хочет возбудить в праведнике живое упование. "**Встань**", говорит, обойди вокруг, осмотри и длину и широту (земли), чтобы узнать тебе обширность земли, которою будешь пользоваться и, прежде еще обладания (ею), утешаться уже надеждою. Сколько ты ни обойдешь земли, (всю) ее отдам тебе, дабы ты знал, что ты уступил (племяннику) не столько, сколько теперь имеешь получить. Не думай же, будто ты получил худшую часть, когда тот (Лот) завладел, по-видимому, лучшими

местами. Скоро увидишь на самом деле, что немного пользы принес ему выбор лучших мест, да и сам он узнает, какое зло – искать лучших мест. А ты теперь же получи награду за смиренномудрие и кротость, которую показал ты в отношении к племяннику, прими обетование и узнай всю ту землю, которой ты – господин и которою скоро овладеешь ты и семя твое навсегда: "**И потомству твоему**, **–** сказано, **– навеки**". Величественно обетование Божие! Велико обилие щедрот у Владыки всех нас! Необычайна награда, какую человеколюбивый и благоутробный (Бог) даровал этому блаженному и имеющему произойти от него потомству! Услышав это, изумленный несказанною благостью Божиею, патриарх, "**и двинул …шатер, и пошел**, – сказано, – **и поселился у дубравы Мамре, что в Хевроне**" (ст. 18). То есть, получив обетование и расставшись с Лотом, он перенес свою кущу под дуб мамврийский. Смотри на любомудрое расположение души, смотри на высоту духа, как он (патриарх) легко переселяется, и не скорбит, переходя с места на место. Ты не увидишь, чтобы им обладала или связывала его привычка, чему нередко подвергаются даже те, которые, по видимому, уже любомудрствуют и стали свободными от мирских смятений. Как придет время переселиться и перейти в чужую землю, часто и ради духовной нужды, увидишь, как они скорбят, печалятся и тяготятся перемещением, потому что связаны привычкою. Но не так (поступал) праведник; нет, он с самого начала, с самых ранних лет поступал мудро и, как странник и пришелец, переселялся то оттуда сюда, то отсюда туда и везде старался показать на деле боголюбивое свое расположение. Так, едва поселился он под дубом мамврийским, как тотчас же и устроил там жертвенник Господу. Видишь благодарную душу? Едва устроил кущу, как тотчас же вознес ко Господу благодарение за дарованное ему обетование. Да и на каждом месте, где ни поселялся он, прежде всего заботился об этом, – устроял жертвенник, возносил молитвы и исполнял апостольскую заповедь, повелевающую на всяком месте "**произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки**" (1Тим.2:8). Видишь душу, воскрыленную любовью к Богу и за все приносящую благодарность. Он не ждал, пока обетование исполнится; но благодарит за обетование и делает со своей стороны все, чтобы, изъявив благодарность за прежнее, расположить своего Господа и к исполнению обетования.

5. Этому (праведнику) будем подражать и мы, будем твердо полагаться на обетования Божии, – и пусть ни продолжительность времени не ослабляет нашего усердия, ни какие бы то ни было встречающиеся препятствия не колеблют наших помыслов. Напротив, уповая на силу Божию, будем являть такую искреннюю веру, как будто бы мы уже пред глазами у себя имели исполнение обетований. Ведь и нам Господь обетовал великие, чрезвычайные и превосходящие наши понятия (дары): разумею наследие царствия (небесного), участие в неизреченных благах, жительство с ангелами, освобождение от геенны. Однако ж, не будем не верить (этим обетованиям) потому только, что не видим (обещанного) телесными очами; но, помышляя о неложности Обетовавшего и о великом могуществе Его, будем созерцать эти блага очами веры и, судя по тому, что уже даровано нам, будем питать добрые надежды и в отношении к будущему. Для того-то Он и даровал нам многое здесь, чтобы, вразумляемые здешними (благами), мы твердо надеялись и на тамошние. Тот, кто из любви к нам предал Сына Своего, ужели не дарует нам и всего прочего, как и Павел сказал: "**Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего**" (Рим.8:32)? Если (Бог) Сына Своего предал за нас грешных, если удостоил нас дара крещения, если даровал нам оставление прежних грехов, если открыл путь покаяния, если для нашего спасения совершил бесчисленное множество других дел, то явно, что подаст и уготованные нам в будущем (веке) блага. По Своей благости предуготовив эти блага прежде, чем мы явились в мир, ужели Он не даст (нам) и насладиться ими? А (дабы тебе увериться), что Он еще заранее предуготовил эти блага для нас, послушай, что Он сам скажет к стоящим одесную (Его на последнем суде): "**Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**" (Мф.25:34). Видишь безмерную благость, по которой Он явил такую

любовь к нашему роду, что еще прежде создания мира уготовал нам наслаждение царствием? Не будем же, прошу, непризнательны, не сделаем себя недостойными столь многих даров, но возлюбим, как подобает, Господа нашего и не станем делать ничего такого, что могло бы прекратить Его к нам благоволение. Разве мы предварили это дело? Он, предупредив нас, явил великую и неизреченную любовь к нам. Не странно ли же не любить и нам, сколько можем, Того, кто так возлюбил (нас)? Он (Господь Иисус Христос), из любви к нам, все претерпел с радостью: исшедши из самых, так сказать, недр отеческих, благоволил принять зрак раба, испытать все человеческие (нужды), потерпеть озлобления и бесчестие от иудеев, наконец, приял крест и поносную смерть, чтобы посредством веры в Него избавить нас, пресмыкавшихся по земле и обремененных бесчисленным множеством тяжких грехов. Помышляя обо всем этом, блаженный Павел, пламенно любивший Христа, обтекший, как бы на крылах, всю вселенную, старавшийся в теле явить (совершенства) бестелесных существ, восклицал так: "**Любовь Христова объемлет нас**" (2Кор.5:14). Смотри, какая признательность; смотри, какая высокая добродетель; смотри, какая горячая любовь! "**Любовь**, **–** говорит, **– Христова объемлет нас**", то есть возбуждает, нудит, увлекает. Потом, желая пояснить слова свои, он говорит: "**Рассуждающих так: если один умер за всех, то все умерли. А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего**" (2Кор.5:14-15). Видишь ли, как справедливо сказал он, что "**Любовь Христова объемлет нас**"? Если, говорит, (Христос) умер за всех нас, то умер для того, чтобы мы, живущие, не для себя уже жили, но для Него, умершего за нас и воскресшего. Примем же апостольское увещание, и будем жить не для себя, но для умершего за нас и воскресшего. Но как, скажешь, можем мы жить не для себя? Послушай опять того же блаженного (Павла), который говорит: "**Уже не я живу, но живет во мне Христос**" (Гал.2:20). Смотри, как он, ходя по земле и будучи обложен плотью, жил так, как будто бы обитал на небе и обращался с бестелесными силами. Поэтому-то, и в другом месте он сказал: "**Те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями**" (Гал.5:24). В том-то и состоит жизнь не для себя, а для умершего за нас и воскресшего, когда мы как бы мертвы бываем в отношении к настоящей жизни, и не привязываемся ни к чему видимому. Для того и Господь наш претерпел распятие, чтобы мы эту (земную) жизнь променяли на ту (небесную), или – лучше сказать – через эту приобрели себе ту. Ведь настоящая жизнь, если мы бываем бдительны и внимательны, ведет нас к наслаждению вечною жизнью. И мы если захотим хотя несколько воспрянуть и отверзть око ума – можем всегда питать в себе мысль о тамошнем упокоении, и таким образом проходить и оставлять без внимания видимое и устремлять помысел к будущему и вечно пребывающему, как и блаженный Павел, в наше наставление, говорит: "**А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня**" (Гал.2:20).

6. Вот – душа пламенеющая, вот – ум воскрыленный, вот – сердце, согретое любовью к Богу! "**А что**, **–** говорит, **– ныне живу во плоти, то живу верою**". Не подумайте, то есть, чтобы я делал что-нибудь ради настоящей жизни: хотя я и облечен плотью и подлежу телесным нуждам, но живу верою во Христа; презирая все настоящее, все оставляя без внимания по надежде на Него, к Нему устремил я свою душу. Потом, чтобы ты узнал всю великость любви его, он говорит: "**Верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня**". Смотри, как безмерно велика его признательность! Что говоришь, блаженный Павел? Немного прежде ты сказал: "**Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего**"; а теперь говоришь: "**возлюбившего меня**", и присвояешь себе одному всеобщее благодеяние? Да, говорит. Хотя Им принесена жертва за весь род человеческий, но, по любви моей к Нему, я присвояю себе все, что Им сделано. Так обыкновенно поступали и пророки; и они говорили: "**Боже мой! Боже мой!"** (Пс.21:1; 117:28; 142:10); хотя (Бог) есть Бог всей вселенной, но любви свойственно относить к себе то, что есть общее достояние. "**Сына**, **–**

говорит, **– Божия, возлюбившего меня**". Что говоришь? Ужели тебя одного возлюбил Он? Нет, говорит; Он возлюбил весь род человеческий, но я так обязан Ему благодарностью, как будто бы один я был возлюблен Им. "И **предавшего Себя за меня**". Что же, разве за тебя одного Он распялся? Не сам ли Он говорит: "**Когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе**" (Ин.12:32)? Да и сам ты не сказал ли, что Он предал себя за всех нас (1Тим.2:6)? Точно так, говорит; говоря это, я не противоречу себе, но удовлетворяю любви моей. Но смотри, он и чему-то другому поучает нас словами своими. Выше он сказал, что Отец "**предал Его за всех нас**" (Сына своего); а здесь говорит: (Сын) "**предавшего Себя за меня**". Там (он сказал так), чтобы показать единомыслие и равночестие Отца и Сына, и сделать указание на домостроительство (спасения нашего), почему и в другом месте говорит: "**Быв послушным даже до смерти**" (Флп.2:8), во всех таких местах проповедуя о домостроительстве (спасения). А здесь он употребил выражение: "предал себя", дабы показать, что (Сын) воспринял страдание добровольно, а не по необходимости и не по принуждению; что претерпел Он крест по Своему хотению и по желанию устроить спасение всего рода человеческого. Итак, можем ли мы показать соразмерную любовь к Тому, кто явил столь богатую любовь к нам? Если мы решимся положить и самую жизнь свою за Его закон и для соблюдения данных от Него заповедей, – и тогда не возможем достигнуть той меры любви, какую Он заявил в отношении к нашему роду. Он, будучи Богом, потерпел все это за людей, и, будучи Господом, – за рабов, и не просто за рабов, но еще за неблагодарных, обнаруживших великую и упорную вражду (против Него). Притом, Он сам предварил оказать такое благодеяние недостойным и виновным в бесчисленных грехах. А мы, что ни успеем сделать, ничего не совершим великого, при всех усилиях возблагодарить предупредившего нас столькими благодеяниями. Наши (дела любви к Богу), если только они последуют за Его благодеяниями, составляют уже некую уплату и долг, а то, что Он делает для нас, есть дар и благодеяние, и великая милость. Размышляя обо всем этом, возлюбим Христа, как возлюбил Его Павел, и, не заботясь о настоящем, укореним навсегда любовь к Нему в нашей душе. Тогда мы станем посмеваться всему в настоящей жизни и на земле будем жить, как на небе, ни счастьем здешним не расслабляясь, ни скорбями не смущаясь, но, минуя все, будем спешить отсюда к возлюбленному Господу нашему; не будем роптать и на медленность (достижения небесных благ), но с блаженным Павлом станем говорить и мы: "**А что ныне** живем **во плоти, то** живем **верою в Сына Божия, возлюбившего** нас **и предавшего Себя за** нас". (Таким образом) и настоящую жизнь проведем беспечально, и удостоимся наслаждения будущими благами, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 35

"И было во дни Амрафела, царя Сеннаарского, Ариоха, царя Елласарского, Кедорлаомера, царя Еламского, и Фидала, царя Гоимского, пошли они войною против Беры, царя Содомского" (Быт.14:1,2).

1. Великое благо, возлюбленные, чтение божественного Писания. Оно умудряет душу, оно переносит ум на небо, оно располагает человека к благодарности (пред Богом), оно не допускает его пристраститься к чему-либо настоящему, оно заставляет ум наш постоянно обитать на небесах, побуждает нас делать все в надежде на воздаяние Владыки и стремиться с величайшею ревностью к подвигам добродетели. Здесь-то (в Писании) можно хорошо узнать, как скор на помощь (нам) промысел Божий, (узнать) мужество праведников, благость Владыки и обилие воздаяний. Им-то можно возбудить себя к соревнованию и подражанию любомудрию доблестных мужей и (не дать себе) ослабеть в подвигах добродетели, но твердо полагаться на обетования Божия и прежде их

исполнения. Поэтому, прошу, будем заниматься чтением божественного Писания с наибольшим тщанием. Таким-то образом мы приобретем и знание (его), если будем постоянно обращаться к тому, что в нем содержится. Невозможно, в самом деле, чтобы тот, кто с усердием и всяким усилием занимается словом Божиим, был когда-нибудь оставлен (Богом) в пренебрежении; напротив, если и нет у нас наставника-человека, то сам Господь, проникая в сердца наши, просвещает ум, озаряет смысл, открывает нам сокровенное и таким образом бывает для нас наставником в предметах, неведомых нам, лишь бы только мы хотели сделать то, что от нас зависит. "**Вы не называйтесь**, **-** говорит Писание, **- учителями**" (на земле) (Мф.23:8). Так, когда мы возьмем в руки духовную книгу, то, сосредоточив свой ум, собрав мысли и удалив от себя всякий житейский помысел, будем таким образом совершать чтение с великим благоговением, с полным вниманием, чтобы быть достойными руководиться Духом Святым в разумении написанного и получить отсюда великую пользу. Вот и евнух эфиопской царицы, иноплеменник, даже в то время, когда с таким великолепием несся в колеснице, не пренебрегая чтением (Писания), но, держа в руках (книгу) пророка, прилежно читал ее, хотя и не понимал того, что в ней содержится. Но так как он употребил с своей стороны все - старание, усердие, внимание, то и получил руководителя. Подумай же, прошу, как много значило то, что он не пренебрег чтением (Писания) даже во время путешествия и притом сидя на колеснице. Да слышат это те, которые не хотят делать это и дома, но думают, будто чтение божественного Писания для них излишне, и будто им не удобно заниматься прилежно этим чтением потому, что они ведут и брачную жизнь, и обязаны воинскою службою, и лежит на них забота о детях, попечение о слугах и о других вещах. Вот - евнух, человек иноплеменный: того и другого довольно было для того, чтобы ввергнуть (его) в совершенную беспечность; а к этому (еще присоединялась) великая знаменитость, огромное богатство и то, что он был в дороге и несся в колеснице (ведь не совсем удобно, напротив даже очень трудно, совершая таким образом путешествие, заниматься чтением); и, однако же, доброе расположение и великое усердие победили все эти препятствия и он занимался чтением (Писания), и не говорил того, что ныне многие говорят: я не понимаю того, что там содержится, не могу постигнуть глубины того, что написано, зачем же мне попусту и понапрасну предпринимать труд, читать, когда у меня нет (человека), который бы мог руководить меня? Ничего такого не подумал этот невежда языком, но любомудрый умом, - нет, помыслив, что он не будет презрен (Богом), но скоро получит помощь свыше, если только сделает, что от него зависит, и что он может (сделать), он усердно занимался чтением. Поэтому и человеколюбивый Владыка, видя доброе его расположение, не презрел его, не оставил без внимания, но немедленно послал ему наставника. Обрати же внимание и на премудрость Божию, как (Бог) попустил сначала ему сделать все, что от него зависело, а потом уже явил ему и Свою помощь. Когда евнух сделал с своей стороны все, то тогда уже явился ангел Господень и сказал Филиппу: востав, "**встань и иди на полдень, на дорогу, идущую из Иерусалима в Газу, на ту, которая пуста. И вот**, - продолжает он, - **муж Ефиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Ефиопской, хранитель всех сокровищ ее, приезжавший в Иерусалим для поклонения, возвращался и, сидя на колеснице своей, читал пророка Исаию**" (Деян.8:26-28). Смотри, как обстоятельно рассказал нам (это) писатель книги: сказав, что это эфиоплянин, дабы мы знали, что он был иноплеменник, говорит потом, что он вельможа, и облечен был важным саном и великолепием - "**приезжавший, -** говорит, **- в Иерусалим для поклонения**". Смотри и на цель его путешествия, которая уже достаточно показывает боголюбивое расположение души его: вот какой совершает он путь для того, чтобы воздать поклонение Господу! Тогда ведь еще думали, что богослужение может быть совершаемо в одном только месте (в Иерусалиме); поэтому там и возносили свои молитвы, совершая для того отдаленные путешествия. Вот почему и этот человек приезжал туда, где был храм, и где совершалось иудейское богослужение,

чтобы воздать поклонение Господу. И когда он исполнил свое желание, - говорит Писание: “**Возвращался и, сидя на колеснице своей, читал**”.

2. Потом Филипп, подошедши к нему, говорит: “**Разумеешь ли, что читаешь?**” (Деян.8:30). Видишь заботливую душу, которая, и, не разумея содержащегося (в книге), занимается, однако же, чтением и охотно желает найти наставника, который бы вразумил ее? Апостол своим вопросом тотчас пробуждает в нем это желание. А что он был достоин получить руководителя к уразумению содержавшегося (в книге), это видно из самого его ответа. Когда апостол, подошедши к нему в бедной одежде, спросил его: “**Разумеешь ли?**” - он не огорчился этим, не обнаружил негодования, не думал оскорбляться, что бывает со многими неразумными людьми, которые часто готовы навсегда оставаться в неведении, стыдясь сознаться в своем незнании и поучиться у тех, кто может их наставить. Но этот (человек) не был таков; нет, он отвечает с совершенною кротостью и уважением, обнаруживая тем состояние своей души: “**Как могу разуметь**, **-** говорит он, **- если кто не наставит меня?**” (Деян.8:31)? Мало того, что он отвечал с кротостью; нет, он не поехал далее, но, еще яснее выказывая нам доброту нрава своего, (этот) вельможа, иноплеменник, везомый в колеснице, сказавший те слова, пригласил человека, по виду совершенно бедного, по одежде низкого, взойти (в колесницу) и сесть с ним. Видишь усердие его души? Видишь великое его благоговение? Видишь боголюбивое расположение иноплеменника, с каким он на деле исполнил слово некоего мудреца: “**Если увидишь разумного, ходи к нему с раннего утра, и пусть нога твоя истирает пороги дверей его**” (Сир.7:36)? Видишь, как справедливо он не был презрен (Богом)? Видишь, как достойно получил помощь свыше? Видишь, как он ничего не опустил, что следовало сделать ему самому. Поэтому он, получив наконец наставника, в точности узнал смысл слов (пророка) и просветил свой ум. Видите, какое благо - со вниманием и усердием читать божественное Писание? Я для того и предложил вам рассказ об этом иноплеменнике, чтобы никто из нас не стыдился подражать эфиоплянину, евнуху, который не оставлял читать Писание и во время путешествия. Этот иноплеменник может быть учителем для всех нас - и для тех, которые ведут частную жизнь, и для тех, которые занимаются военной службой и облечены знатностью, и вообще для всех, не только для мужчин, но и для женщин, не только для тех, которые живут в семействах, но и для тех, которые избрали монашескую жизнь; все могут узнать отсюда, что никакое время не может служить препятствием к чтению слова Божия; что не только дома, но и ходя по торжищу, и совершая путешествие, или находясь в многолюдном собрании и занимаясь делами, можно нам упражняться в этом чтении, чтобы, сделавши от нас зависящее, тотчас получить нам и руководителя. Видя наше расположение к духовному (знанию), Владыка наш не презрит нас, но подаст озарение свыше и просветит наш ум. Не будем же, прошу, пренебрегать чтением (Писания), но, понимаем ли содержащееся (в нем), или не понимаем, (во всяком случае) будем, как можно чаще, обращаться к нему. Постоянное упражнение в чтении напечатлевает неизгладимо в памяти (прочитанное) и часто, чего сегодня мы не могли понять при чтении, то вдруг понимаем, снова приступив к чтению завтра, потому что человеколюбивый Бог невидимо просвещает наш ум. Но это мы сказали теперь о постоянном чтении божественного Писания. А чтобы вы знали, что также обыкновенно Господь поступает и во всем другом, т.е. когда мы сделаем, что от нас зависит, то и Он с щедростью подает нам Свою помощь, и, как поступил Он в отношении к чтению (Писания), послав с великою скоростью наставника иноплеменнику, точно также поступает и с желающими преуспеть в добродетели, - выслушайте нынешнее чтение. Но чтобы яснее для нас было это слово, не неуместно будет напомнить вам, что было с патриархом, и сегодня повторить сказанное вчера. Из сказанного уже вы знаете, как Авраам за то великое смиренномудрие, какое показал он в отношении к Лоту, уступив ему лучшие места, получил свыше великую награду, приняв обетование, которое во много раз превосходит заслугу его. Посмотрим же, наконец, из нынешнего чтения, снова на

добродетель праведника, чтобы, идя таким образом вперед, узнать нам неизреченное Божие о нем попечение. (Бог) каждый раз предоставляет прежде самому патриарху обнаружить боголюбивое расположение души своей, а потом уже и от себя дает ему награду, желая примером его любомудрия вразумить всех нас, чтобы и мы, подражая патриарху, старались прежде сами прилагать усилия к подвигам добродетели, а потом ожидали наград от Бога.

3. Но время уже предложить вам самое нынешнее чтение. Оно почти не требует и объяснения, - но довольно только прочитать (самые слова), чтобы показать высоту добродетели праведника. "**И было, -** говорит Писание, **- во дни Амрафела, царя Сеннаарского, Ариоха, царя Елласарского, Кедорлаомера, царя Еламского, и Фидала, царя Гоимского, пошли они войною против Беры, царя Содомского, против Бирши, царя Гоморрского, Шинава, царя Адмы, Шемевера, царя Севоимского, и против царя Белы, которая есть Сигор. Все сии соединились в долине Сиддим, где [ныне] море Соленое**" (Быт.14:1-3). Посмотри на точность Писания, с какою оно упомянуло имена и царей и народов: это оно сделано не без причины, но для того, чтобы ты из самых названий узнал их варварские свойства. Они, говорит Писание, "**пошли они войною**" с царем содомским и с другими (царями). Потом показывает и самую причину, по которой война была начата. "**Двенадцать**, **-** говорит, **- лет были они в порабощении у Кедорлаомера, а в тринадцатом году возмутились. В четырнадцатом году пришел Кедорлаомер и цари, которые с ним, и поразили Рефаимов в Аштероф-Карнаиме, Зузимов в Гаме, Эмимов в Шаве-Кириафаиме, и Хорреев в горе их Сеире, до Эл-Фарана, что при пустыне. И возвратившись оттуда, они пришли к источнику Мишпат, который есть Кадес, и поразили всю страну Амаликитян, и также Аморреев, живущих в Хацацон-Фамаре**" (ст. 4-7). Не пройдем, возлюбленные, сказанного без внимания в той мысли, будто это повествование совершенно бесполезно. Божественное Писание обстоятельно рассказало нам обо всем с тою именно целью, чтобы мы узнали силу этих варваров и какое они оказали мужество, с какою быстротою устремились на брань, так что поразили даже исполинов, т.е. людей сильных по телу, и покорили все народы, жившие там. Как сильный поток стремлением своим увлекает и разрушает все, так и эти варвары, напав на все те народы, почти всех их истребили и поразили князей амаликитских и всех прочих. Но, может быть, кто-нибудь скажет: что мне пользы, если я узнаю силу варваров? Не просто и не без цели Писание ввело это обстоятельство в свое повествование, не напрасно и мы предварительно предлагаем вам теперь узнать их мужество, но для того, чтобы, с продолжением поучения, вы познали великую силу Божию и добродетель патриарха. Так против этих-то людей, имевших такую силу и рассеявших столько народов: "**И вышли**, - говорит Писание, **- царь Содомский, царь Гоморрский, царь Адмы, царь Севоимский и царь Белы, которая есть Сигор; и вступили в сражение с ними в долине Сиддим**, **с Кедорлаомером, царем Еламским, Фидалом, царем Гоимским, Амрафелом, царем Сеннаарским, Ариохом, царем Елласарским, - четыре царя против пяти**" (ст. 7-9). Потом, чтобы мы знали, как эти цари, ужаснувшись мужества и могущества своих противников, обратились в бегство. Писание говорит: "**И цари Содомский и Гоморрский, обратившись в бегство, упали**" там, где были колодцы: "**а остальные убежали в горы**" (ст. 10). Видишь, какова сила этих людей, как одним видом своим они навели на врагов ужас и обратили их в бегство? Смотри же, как они, по обращении всех в бегство, захватили без всяких препятствий все, что у них было, и возвратились домой. "[**Победители], -** говорит Писание, **- взяли все имущество Содома и Гоморры и весь запас их и ушли**. **И взяли Лота, племянника Аврамова, жившего в Содоме, и имущество его и ушли**" (ст.11-12). Вот, о чем я говорил вчера, то ныне и сбылось на деле: Лот нисколько не получил пользы от выбора лучших мест, но самым делом научен был не искать лучших мест. Не только ему не было от этого никакой пользы, но вот еще он сделался пленником и узнал на опыте, что гораздо

лучше было бы ему жить вместе с праведником, чем, отделившись от него и живя на свободе, испытать столько бедствий. Вот он отделился от патриарха и думал пользоваться большею свободою, владеть лучшими местами, жить весьма богато - и вдруг сделался пленником, бездомным, лишенным своего крова, чтобы ты знал, какое зло – раздор, и какое благо - согласие, и что лучше не гнаться за большим, а любить уничижение. "**И взяли, -** говорит Писание, **- Лота … и имущество его**". Во сколько раз лучше было для него жить вместе с патриархом и потерпеть все, лишь бы только не расторгнуть взаимного согласия, чем, отделившись от него и выбрав себе лучшие места, тотчас подвергнуться таким опасностям и подпасть под иго иноплеменников! "**И пришел**, - говорит (Писание), **- один из уцелевших и известил Аврама Еврея, жившего тогда у дубравы Мамре, Аморреянина, брата Эшколу и брата Анеру, которые были союзники Аврамовы**" (ст.13). Почему патриарх (сам) не узнал о возникновении такой войны? Вероятно, (между ним и местом битвы) было большое расстояние, поэтому он и не знал. "**И пришел один из уцелевших и известил Аврама**"; (Писание говорит так), чтобы напомнить нам, (что эта весть сообщена была Аврааму), переселившемуся из Халдеи. Так как жилище имел он по ту сторону Евфрата, то и назывался пришельцем. Такое наименование дали ему родители еще с самого начала, предзнаменуя тем его переселение оттуда (из Халдеи). Так как ему надлежало перейти чрез Евфрат и идти в Палестину, то и назван он Аврамом.

4. Смотри, как родители, даже неверные, и сами не зная, по руководству высочайшей премудрости Божией, дали такое имя своему сыну, как и Ламех Ною. Это дело Божия человеколюбия, что Он часто и посредством неверных за долгое время предвозвещает будущее. "**И пришел один из уцелевших и известил Аврама**" о случившемся, о плене его племянника, о великом могуществе царей, о разорении Содома и о постыдном бегстве (побежденных). Он же (**известил Аврама Еврея**) "**жившего тогда у дубравы Мамре, Аморреянина, брата Эшколу и брата Анеру, которые были союзники Аврамовы**" (ст. 13). Иной, может быть, стал бы здесь доискиваться, почему из всех обратившихся в бегство содомлян один только праведный Лот отводится в плен? И это не просто и не без причины, но чтобы Лот на самом деле узнал добродетель патриарха, а через него спаслись бы и прочие (жители Содома), и чтобы (Лот) научился не искать лучших мест, но довольствоваться меньшим. Послушаем же, что было потом, дабы познать и добродетель праведника и несказанное содействие (ему) Божие. Только выслушайте, что вам будет сказано, со вниманием и напрягите ваш ум. Отсюда можно получить много пользы, - и, во-первых, из случившегося с Лотом можно научиться не смущаться, если иногда праведные впадают в искушения, а нечестивые и злые избегают их, ни в каком случае не искать первенства, и ничего не считать драгоценнее сожития с праведными, напротив, хотя бы и нужно было жить в рабстве, только бы вместе с добродетельными мужами, почитать эту жизнь полезнее жизни на свободе. А затем можно отсюда узнать крайнее незлобие патриарха, его необыкновенную любовь, великое мужество, презрение к богатству и неизреченную силу Божия содействия. "**Аврам, услышав, что сродник его взят в плен, вооружил рабов своих, рожденных в доме его, триста восемнадцать, и преследовал [неприятелей] до Дана; и, разделившись, [напал] на них ночью, сам и рабы его, и поразил их, и преследовал их до Ховы, что по левую сторону Дамаска; и возвратил все имущество и Лота, сродника своего, и имущество его возвратил, также и женщин и народ**" (ст. 14-16). Подумай здесь, возлюбленный, о доблестном мужестве праведника, как он, положившись на силу Божию, не убоялся могущества врагов, когда узнал о сделанном ими поражении, как, т.е., они сначала восстали против всех народов, одолели амаликитян и всех прочих, потом напали на содомлян, обратили и их в бегство и похитили все их имение. Для того-то божественное Писание и рассказало нам предварительно все это, сколько, т.е., они успели сделать силою своего мужества, чтобы ты познал, что патриарх поразил их не телесною силою, но верою в Бога, ограждаемый

помощью свыше, совершил это не посредством оружия, копьев, стрел и натянутых луков, но с своими только домочадцами.

Но для чего, скажешь, божественное Писание показало и число домочадцев - триста и восемнадцать? Для того чтобы ты знал, что он взял не всех, кто только случился, но домочадцев, которые воспитывались вместе с Лотом, дабы они с большим усердием совершили мщение, сражаясь как бы за своего господина. Усматривай и безмерную силу Божию из того, как легко одержана победа. "**[Напал] на них, -** сказано, **- ночью, сам и рабы его, и поразил их и преследовал их**". Вышняя десница ему помогала и споборала. А потому и не нужно было ему ни оружия, ни воинских хитростей, но, едва только он явился с своими слугами, как одних (из врагов) поразил, других обратил в бегство, и то и другое совершил с полным успехом: никто не противодействовал ему; возвратил он и конницу царя содомского, и племянника своего Лота, и все имущество, и жен. Видишь, для чего (Господь) попустил одному Лоту быть в плену, тогда как другие спаслись бегством? Для того, именно чтобы и явлена была добродетель патриарха, и ради Лота получили спасение многие другие. И вот возвратился Авраам с великими и славными трофеями, ведя за собою, вместе с Лотом, и конницу, и жен, и прочее имение, громко проповедуя пред всеми и звучнее трубы возглашая, что он сделал нападение и одержал победу не человеческою силою, не телесною крепостью, но всесовершающею вышнею десницею. Видишь, как праведник постоянно делается более и более славным, и каждый раз всем показывает Божие о нем попечение. Посмотри, наконец, как он делается учителем благочестия и для содомлян. "**Когда он возвращался после поражения Кедорлаомера и царей, бывших с ним, царь Содомский вышел ему навстречу в долину Шаве, что [ныне] долина царская**" (ст. 17). Смотри, что значит быть добродетельным и пользоваться Божиим благоволением. Царь выходит на встречу страннику старцу и воздает ему все по чести. Он узнал, что нет ему пользы и в царском достоинстве, когда нет у него вышнего поборника, и что никто не может быть могущественнее того, кому помогает десница Господня. "**И Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино, - он был священник Бога Всевышнего**" (ст. 18).

5. Что значит это замечание – "**царь Салимский**" и "**священник Бога Всевышнего**"? Был он, сказано, "**царь Салимский**". Его описывает нам и блаженный Павел в послании к уверовавшим евреям (Евр.7:1), и, обращая внимание на его имя и город, истолковывает значение имени его с помощью словопроизводства, говоря, что Мелхиседек значит - царь правды, так как на еврейском языке мелхи значит царство, а седек - правда. Потом, перешедши и к имени города, называет Мелхиседека царем мира, так как салим значит мир. Священник же он был, вероятно, саморукоположенный (таковы тогда были священники), или ближние его предоставили ему (эту) честь по его престарелому возрасту, или сам он заботился о принесении жертв, как Ной, как Авель, как Авраам, которые приносили жертвы. С другой стороны, ему предстояло быть и образом Христа, каковым изображает его и Павел, говоря: "**Без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником**" (Евр.7:3). Но как, скажешь, возможно человеку быть без отца, без матери, и не иметь ни начала дней, ни конца жизни? Ты слышал, что он был образом; итак, не изумляйся и не ищи в образе всего: он не был бы и образом, если бы имел все, что только свойственно самой истине. Что же, однако же, значит сказанное об нем? То, что как он, поскольку не помнил своих родителей, называется не имеющим ни отца, ни матери, и поскольку не имел родословной, - безродословным, - так и Христос, поелику не имел ни матери на небесах, ни отца на земле, называется и есть безродословным. Смотри же, как через почесть, оказанную патриарху внушается нам некоторая тайна. "**И Мелхиседек … вынес хлеб и вино**". Видя образ, помышляй об истине, и дивись силе божественного Писания, как оно заранее и задолго открыло нам то, чему надлежало быть впоследствии.

“**И благословил**, **-** сказано, **- его, и сказал: благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли; и благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои**” (ст. 19,20). Не только благословил его, но и прославил Бога; сказав: “**Благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли**”, он открыл нам в творении могущество Божие, потому что, если Бог есть тот, кто сотворил небо и землю, то уже не боги те, которым поклоняются люди (язычники): “**Боги**, - сказано, - **которые не сотворили неба и земли, исчезнут**” (Иер.10:11). “**Благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои**”. Замечай, как он не только восхваляет праведника, но и указывает на содействие Божие, потому что без небесной помощи Авраам не мог бы одолеть столь сильных врагов. “**Который предал**, **-** сказано, **- врагов твоих**”: Он-то совершил все, Он сделал сильных слабыми, Он вооруженных низложил чрез безоружных, от Него (изошла) помощь, даровавшая им такую славу. “**Который предал врагов твоих в руки твои**”. Видишь, как Писание выражает доброе расположение и любовь Авраама к Лоту, как показывает, что он (врагов Лота) считал своими врагами за то, что они сделали его племяннику? И “**дал, -** сказано, **- ему десятую часть из всего**”. То же самое говорит и св. Павел: “**Видите, как велик тот, которому и Авраам патриарх дал десятину из лучших добыч своих**” (Евр.7:4). То есть, из добычи, которую Авраам нес с собою, он уделил Мелхиседеку, именно отделил ему десятую часть всего, что нес, и чрез это стал для всех наставником в том, чтобы быть благодарными (Богу) и приносить ему в дар начатки от всего, что Он нам дарует. Затем царь содомский, изумленный великодушием патриарха, говорит ему: “**Отдай мне людей, а имение возьми себе**” (ст. 21). Прекрасна признательность царя, но посмотри и на любомудрие праведника. “**Аврам сказал царю Содомскому: поднимаю руку мою к Господу Богу Всевышнему, Владыке неба и земли, что даже нитки и ремня от обуви не возьму из всего твоего, чтобы ты не сказал: я обогатил Аврама**” (ст. 22,23). Велико презрение патриарха к богатству. Для чего же он с клятвою отказывается (от предлагаемого царем), говоря: “**Поднимаю руку мою к Господу Богу Всевышнему, Владыке неба и земли**”?

6. Двум вещам он хочет научить царя содомского - тому, что он выше даров его, чем и выказал великое любомудрие, и тому, что он желает быть ему наставником в богопочтении, и как бы так учит его: я ничего не возьму от тебя, и призываю тебе во свидетели Того, Кто сотворил все, чтобы ты познал сущего над всем Бога и не считал богами (вещи) сотворенные руками человеческими. Он - Творец неба и земли, Он даровал успех и этой брани и есть виновник этой победы. Итак, не ожидай, чтобы я решился взять что-либо из твоих даров: я совершил отмщение не из-за награды, но, прежде всего по любви к племяннику, а потом по долгу справедливости, (который обязывает) похищать несправедливо увлеченных в плен из рук их врагов. От “**нитки**, **-** говорит, **- и** (до) **ремня от обуви не возьму из всего твоего**”, то есть, ничего, даже самого малого, самого ничтожного, потому что ремнем обыкновенно называется узкая верхняя часть обуви, которую обыкновенно употребляют грубые народы. Потом представляет и причину, почему он отказывается (от даров): “**Чтобы ты не сказал, -** говорит**: я обогатил Аврама**”. Есть у меня Податель бесчисленных благ; я пользуюсь помощью свыше, и не имею нужды в твоем богатстве, не нуждаюсь в человеческой щедрости, доволен благоволением ко мне Божиим и знаю щедрость Его в дарах. Уступив Лоту малое и незначительное, я удостоился великих и неизреченных обетований, и теперь, не принимая от тебя даров, надеюсь приобрести и большее богатство, и большее благоволение Божие. Для того-то, думаю, он и употребил клятву, сказав: “**Поднимаю руку мою к Господу Богу Всевышнему, Владыке неба и земли**”, чтобы тот не подумал, будто он только притворяется, как это обыкновенно бывает, но дабы познал ты, что он именно решился - не воспользоваться и малою частью из предлагаемого царем содомским. И исполнил он заповедь, данную И. Христом ученикам: “**даром получили, даром давайте**” (Мф.10:8). Я, говорит, в этой брани не употребил с своей стороны ничего больше, кроме готовности и

усердия; а победу, трофеи и все прочее совершил (Господь) Своею силою. Потом, чтобы царь не подумал, будто Авраам не принимает от него даров по гордости и презрению, (патриарх), являя и в этом случае свою кротость и душевное любомудрие, говорит: "**Кроме того, что съели отроки, и кроме доли, принадлежащей людям, которые ходили со мною; Анер, Эшкол и Мамрий пусть возьмут свою долю**" (Быт.14:24). Им, говорит, позволю взять некоторую часть, потому что они представили с своей стороны свидетельство великой дружбы. "**Которые**, - сказано, - **были союзники Аврамовы**", т.е., связаны были с ним узами дружбы, как это видно из того, что они решились разделять с ним опасности. Поэтому, желая наградить их, он позволяет им взять некоторую часть из добычи, и этим опять исполняет апостольский закон, который говорит: "**Трудящийся достоин пропитания**" (Мф.10:10). Но и им не позволяет он взять более чем нужно: "**Кроме того, -** говорит он, **- что съели отроки, и кроме доли, принадлежащей людям, которые ходили со мною; Анер, Эшкол и Мамрий пусть возьмут свою долю**". Видите совершенство добродетели патриарха, как он показал в отвержении богатства и любомудрие и смиренномудрие, и все сделал так, чтобы не подумали, будто он отверг дары по гордости и презрению, надмеваясь одержанною им победою?

7. Ему-то будем, прошу, и мы подражать, постараемся хранить себя неукоризненными, так, чтобы под предлогом добродетели не навлечь на себя подозрения в гордости, или под предлогом смиренномудрия не пренебречь добродетели; во всем будем соблюдать меру, и в основание совершаемых нами дел полагать смирение, чтобы безопасно созидать нам здание добродетели. То и добродетель, когда она соединена бывает со смирением. Положивший в основание своей добродетели смирение, может безопасно воздвигать здание, до какой ему угодно высоты. Оно (смирение) - есть величайшее ограждение, стена несокрушимая, крепость непреодолимая; оно поддерживает все здание, не позволяя ему пасть ни от порыва ветров, ни от напора волн, ни от силы бурь, но ставит его выше всех нападений, делает как бы построенным из адаманта и неразрушимым, и на нас низводит щедрые дары от человеколюбивого Бога. Им-то патриарх получил от Бога столь великие обетования. Из последующих поучений вы, если будет угодно Богу, узнаете, как он и теперь за то, что не принял даров от царя содомского, удостоился великих и несказанных даров от Бога. И не он только один, но и все другие праведники прославились чрез смирение. В этом может удостовериться каждый из вас, любящий упражняться в чтении Святого Писания. Человеколюбивый Владыка наш, когда увидит, что мы не заботимся о настоящих благах, и их дарует нам с щедростью, и наслаждение благами будущими предуготовляет. И так обыкновение бывает и в отношении к богатству, и в отношении к славе настоящей жизни, и в отношении ко всем временным благам. Итак, презрим настоящее богатство, дабы приобрести богатство истинное; презрим суетную эту славу чтобы удостоиться той истинной и прочной славы; будем посмеваться настоящему благополучию, чтобы получить те неизреченные блага; за ничто будем считать настоящее, чтобы быть нам способными воспламениться любовью к будущему. Тому, кто привязан к настоящему, невозможно и питать в себе любовь к тем неизреченным благам: у него пристрастие к настоящему омрачает разум, точно так, как какая-нибудь нечистота залепляет телесные глаза, и не позволяет ему видеть, что нужно. И наоборот, невозможно, чтобы тот, кто питает любовь к тем прочным и неизменным благам, имел пристрастие к благам временным, которые прежде, чем появятся, отлетают и исчезают. Проникнутый любовью к Богу и питающий сильное желание будущих благ на настоящую жизнь смотрит другими глазами и знает, что вся настоящая жизнь есть обманчивый призрак и нисколько не отличается от сновидений. Поэтому и блаженный Павел в одном послании своем сказал: "**Проходит образ мира сего**" (1Кор.7:31), - показывая, что все человеческое есть только призрак и проходит, как тень, или сон, потому что не имеет в себе ничего истинного и твердого. Не детскому ли же уму свойственно гоняться за тенью, гордиться сновидением и привязываться к тому, что мгновенно исчезает? "**Проходит, -** говорит, **-**

образ мира сего". Когда ты слышал, что "**проходит**", то для чего еще ищешь (благ мира)? Когда ты слышал, что все человеческое есть только призрак, не имеющий истины, то зачем добровольно сам подвергаешь себя обольщению? Почему, размышляя о переменчивости и непрочности (здешних благ), не презираешь их и не устремляешь своего желания к тем благам, постоянным, твердым, прочным и не подлежащим никакой перемене?

8. Чтобы постигнуть тебе мудрость учителя вселенной, посмотри, какое выражение в другом месте он употребил, когда хотел показать, что все, даже и самое славное в настоящей жизни, есть ничто. Видимое, - укажешь ли на огромное богатство, на славу, знатность, первенство, господство, на самое царство, на облеченного диадемою, и на высокий трон, - все это видимое, говорит, временно, является на краткое время и ненадолго доставляет нам наслаждение. Так чего же ты хочешь (заставить) нас искать, если все видимое временно? Тех, говорит, невидимых благ, не этих видимых, но тех, которых не видят телесные очи. Но кто же, скажи, убедит нас пренебречь видимым и искать невидимого? Самая, говорит, природа вещей пусть учит вас тому, что здешние блага, хотя и видимы, но скоро проходят, а тамошние, хотя теперь и невидимы для нас, но вечны, имеют бытие непрестающее, не знают ни предела, ни конца, ни каких-либо перемен, всегда прочны и непоколебимы. Может быть, я представляюсь уже и тягостным, потому что каждый день предлагаю советы; но что же мне делать? Велика зараза греха, велика сила любостяжания, заметна скудость добродетели. Поэтому хочу я хоть беспрестанными увещаниями одолеть недуг и привести к совершенному здоровью приходящих сюда. Для того и изъяснять Писание стараюсь, и представляю образцы добродетели праведных, и не перестаю часто повторять вам одно и тоже, чтобы как-нибудь расположить вас к подражанию праведникам.

Подумаем же, хоть и поздно, о нашем спасении, воспользуемся, как следует, данным нам временем настоящей жизни и, пока есть время, поспешим к покаянию и исправлению своих грехопадений, употребим избыток своих стяжаний на пользу своих душ и, что нам не нужно, то отдадим нуждающимся. Для чего, скажи мне, позволяешь ты быть снедаему ржавчиною золоту и серебру, которые следовало бы передать в руки бедных, чтобы, положив их в это безопасное хранилище, в свое время, когда особенно будешь нуждаться в их помощи, мог ты получить от них пособие? Напитанные тобою здесь, они в тот день отверзут тебе двери дерзновения и примут тебя в вечные кровы свои. Не допустим также, чтобы и одежды наши снедаемы были молью, или без употребления тлели в кладовых, когда столь многие нуждаются в одежде и ходят почти нагими. Предпочтем моли наготствующего Христа и оденем Его, не имущего одежды ради нас и нашего спасения, чтобы, удостоившись одеть Его, услышать нам в тот день: "**Был наг, и вы одели Меня**" (Мф.25:36). Ужели обременительны и тягостны эти заповеди? Эти блага, говорят они (заповеди), гибнущие, согнивающие, напрасно и без нужды расходуемые, постарайся употребить с пользою, чтобы тебе не потерпеть убытка от их потери, а приобрести от них, напротив, величайшую прибыль. Крайне и даже безмерно бесчеловечно - тратя столь многое для своего наслаждения, излишнее заключать в сундуки и кладовые, не желать облегчить нужды единокровных, отдавать лучше ненужное нам на съедение моли, или червям, на расхищение ворам, и подвергнуться за это наказанию, чем распорядиться им по надлежащему и получить за то награду. Не будем, умоляю, простирать до этого нашу беспечность о спасении своих душ, но, уделив излишнее бедным, приобретем себе заблаговременно великое дерзновение, да удостоимся насладиться неизреченными теми благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 36

"После сих происшествий было слово Господа к Авраму в видении, и сказано: не бойся, Аврам; Я твой щит; награда твоя весьма велика" (Быт. 15:1).

1. Добродетель праведных подобна сокровищнице, заключающей в себе многое и несказанное богатство. Как из такой сокровищницы, хотя бы кто и малую часть взял, может устроить для себя не малое благосостояние, так и в добродетели этого патриарха (Авраама) тоже всякий найдет. В самом деле, вот, почти каждый день предлагая вам наставление из жизни его, и притом, сообщая вам это наслаждение в великом обилии, мы доселе еще не могли пересказать даже и малой части его добродетелей. Так обильны его доблести! И как из источника, изливающего обильные потоки, хотя и все черпают, не только не уменьшают вытекающих из него потоков, но чем больше бывает черпающих, тем с большей силой устремляется течение вод, – так, то же самое видим и в этом досточудном праотце. Сколько, начав от его времени и до настоящего, почерпают из источника его совершенств, – и не только не истощили потоков, но совершенства его еще обильнее открываются. Как некую златую цепь, находим мы в божественном Писании ряд сказаний о нем, в таком порядке, что сперва видим доказательства его собственной мудрости, а потом немедленно за ними следующие воздаяния (ему) от Бога. И чтобы вы убедились, что это именно так, необходимо повторить вам вкратце уже сказанное прежде о нем, и вы увидите как преимущественную силу веры праведника, которую он показал относительно обетований Божьих, так и щедрые ему воздаяния от человеколюбивого Бога. Подлинно, один этот праведник достаточно научает всех нас с ревностью быть готовыми на подвиги добродетели, в надежде на воздаяние свыше, и, видя, как щедр в воздаяниях наш Владыка, с благодушием переносить все, что в настоящей жизни кажется тяжко, питаясь надеждой воздаяний. Вникните же, прошу вас, как он (Авраам) в самом начале приготовил себя, помощью только врожденного нашему естеству разума, не имея никакого постороннего наставника, но еще, будучи воспитан неверными родителями, приготовил, говорю, себя к тому, что удостоился божественного откровения. Так как он еще в раннем возрасте ни в чем не последовал заблуждениям отца, но показал ревность к угождению Богу, то еще в земле халдейской удостоился небесного посещения. Об этом весьма ясно свидетельствует блаженный Стефан, говоря: "**Бог славы явился отцу нашему Аврааму в Месопотамии, прежде переселения его в Харран**" (Деян.7:2). Ты знаешь, как это явление воззвало его оттуда (из Месопотамии)? Конечно, он, благоугождая Богу, оказывал почтение и к родителям своим; но и (сам) был так много любим отцом своим, что ради него (и отец) удалился оттуда, и по любви к сыну решился оставить отечество свое и поселиться в чужой стране. Но посмотри со вниманием, как самое это посещение Божье, бывшее ему (Аврааму) за первые его добродетели, делает те же его добродетели после того еще более блистательными. Он решился оставить отечественную страну и поселиться в чужой, чтобы исполнить повеление Божье. И готов был, мне кажется, даже без родственников, один сам собой предпринять странствование, но, как я прежде сказал, добродетель этого мужа и его любовь к родителям побуждала и отца сопутствовать ему.

Когда они пришли в Харран, то поставили здесь кущу. А по смерти Фарры (так было имя его отца), Бог снова повелевает ему выйти оттуда. "**Пойди**", говорит, "**из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе**" (Быт.12:1). Так как он со всем домом переселился в Харран, то Повелевающий ему оттуда выйти присовокупил: "**из земли твоей, от родства твоего**", показывая тем, что Ему (Богу) угодно, чтобы он один только совершал странствие и не брал с собой ни брата, то есть Нахора, и никого другого. "**Из земли твоей**", сказал (Бог), – потому что, прожив там не малое время, они устроили себе в той земле жилище, как бы уже в своем отечестве. И хотя он еще оплакивал родителей, хотя странствование тогда было во многом затруднительно и неудобно, однако, он со всей ревностью поспешил исполнить повеление Господа, не зная

даже, где будет конец его странствованию. В самом деле, Господь не сказал ему: иди в ту или эту землю, но – "**которую Я укажу тебе**". И не смотря на то, что так неопределенно было повеление, он, нисколько не исследуя, исполнил повеленное. Он повел с собой племянника (Лота), показав и в этом свою добродетель: взяв его еще юного, он мало-помалу образовал в нем подражателя своей добродетели, и для того не хотел его оставить, но принял его в участники своего странствия; если отец, рассуждал он (Авраам), будучи неверным, по любви ко мне решился оставить свое отечество, где мы родились и возросли, последовал за мной и кончил жизнь в чужой стране, то тем более я не могу оставить здесь (в прежнем отечестве) сына (моего) брата, юношу, уже с ранних лет обнаруживающего в себе постепенное возрастание в добродетели.

2. Когда, таким образом, во всем показывая свою любовь к Богу, он (Авраам) совершил такое странствие, и, наконец, пришел в Палестину и вступил в пределы хананейские, Бог, желая укрепить его ревность и простереть к нему руку помощи, явился ему и сказал: "**потомству твоему отдам Я землю сию**" (Быт.12:7). Чего он желал и сильно хотел, то есть продолжения своего рода, то ему Бог немедленно и обещает, вознаграждая его за столь великие труды. Так как по естеству [разумеется бесплодие Сарры] он не имел детей и лета уже не позволяли ему надеяться иметь их, то Бог Своим обетованием ободряет подвижника, делает его еще более мужественным и как бы возвращает ему юность для дальнейших подвигов. И смотри, как этот праведник, после такого обетования, предпринимает еще новый подвиг. Когда наступил голод и была великая скудость в земле ханаанской, он поспешил в Египет; но, желая там найти средства к утолению голода, подвергся еще большим опасностям. Благообразие и красота жены его Сарры угрожали ему смертью. Поэтому, "**когда он приближался к Египту**", он говорит ей: "**я знаю, что ты женщина, прекрасная видом**" (Быт.12:11), знаю красоту лица твоего и опасаюсь невоздержания египтян. Итак, если они увидят тебя и узнают, что я обращаюсь с тобой, как женой, тебя они оставят в живых, чтобы удовлетворить свою безумную страсть, меня же умертвят, чтобы без боязни совершить свое беззаконие, потому что тогда некому будет открыть его. Итак, скажи, что я брат твой. Замечай адамантовую душу, замечай сердце, крепче железа. Не поколебало его духа предстоящее несчастье; он и не подумал, и не сказал сам себе: для того ли я оставил свое отечество и, показав столь великое послушание, пришел в чуждую страну, чтобы подвергаться таким бедствиям? Не обещано ли было мне незадолго перед тем: "**потомству твоему отдам Я землю сию**"? Вот страх прелюбодеяния и смерти возмущает наши души. Но ничего такого он и помыслить себе не позволил. Одно только имел он в виду при таком опасном приключении, как бы из двух предстоящих ему опасностей избежать, по крайней мере, одной.

Таким образом, и сам он употребил все свое благоразумие и мужество, и жена, показывая любовь к мужу и повиновение, содействовала (ему), поступая так, как было придумано. Но когда они сделали уже все, от них зависящее, и, тем не менее, по-человечески, могли потерять всякую надежду, так что беззаконное намерение (египтян) уже почти приведено было в исполнение, тогда показано великое о нем (Аврааме) промышление Божье. Бог не только жену его исхитил от поношения, явил гнев Свой на царя и на весь дом его, но и патриарху помог возвратиться из Египта в Палестину с великой славой. Смотри, как человеколюбивый Господь, подавая подвижнику среди искушений Свою помощь, делает его еще более крепким для дальнейших подвигов; никогда не оставляя его без Своей помощи, Он во всем ясно показывает такое промышление, что тот, перенося немногое, вознаграждается многим и весьма многим превосходящим человеческие силы. Видишь терпение праведника? Смотри теперь, по возвращении его из Египта, как велико было его смирение и как много было в нем кротости. Когда он возвратился из Египта с великим богатством, и был не один, а и племянник сопровождал его, то "**непоместительна была**", сказано, "**земля для них, чтобы жить вместе**" (Быт.13:6), так как у них много было

имения, от чего и произошла ссора между пастухами Лота и Авраама. Тогда праведник, показывая кротость души и высоту любомудрия, призвав Лота, говорит ему: "**да не будет раздора между мной и тобой, и между пастухами моими и пастухами твоими, ибо мы родственники**" (Быт.13:9). Как бы так он сказал Лоту: нет ничего лучше мира и нет ничего хуже ссоры; итак, чтобы устранить всякий повод к ссоре, избери, какую сам хочешь, часть земли, а мне оставь другую, и мы далеки будем от всякой ссоры и распри. Видишь добродетель мужа? Юноше он уступил выбор лучшей земли, а сам удовольствовался худшей. Посмотри же теперь, сколь великую он получил награду за такой поступок свой. Лишь только совершилось разделение и Лот удалился, Бог говорит Аврааму: "**возведи очи твои и с места, на котором ты теперь**", осмотри всю эту землю, со всех сторон, "**ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему**" на веки (Быт.13:14-15). Смотри, какой великой он удостаивается почести за смирение, которое показал в отношении к своему племяннику. Уступив малое, он удостоился гораздо большего; а тот (Лот), избрав лучшую часть, спустя немного, подвергся опасностям, и не только не приобрел ничего от своего выбора, но неожиданно попал в плен, лишился (всего) и остался без крова и жилища, и тогда на самом деле познал высокую добродетель праведника и сам научился впредь никогда так не делать (как сделал). В самом деле, едва Лот устроил себе жилище в Содоме, возгорелась жестокая война: цари соседних народов, напав с великой силой, совершенно опустошили всю ту страну. Избив исполинов и изгнав амаликитян, они и царя Содома и Гоморры заставили обратиться в бегство, овладели всеми высотами и, захватив конницу царя содомского, взяв в плен Лота и жен со всем их имением, удалились.

3. Но смотри опять, как велико промышление Божие. Желая освободить и Лота, прославить и патриарха (Авраама), Бог возбуждает праведника на помощь племяннику. Узнав о случившемся, праотец со своими домочадцами устремился на тех царей, без труда поразил их и освободил Лота, и жен, и всю конницу царя. Одержав столь славную победу, он всем ясно показал Божье о нем промышление, и то, что столь великое дело он совершил не собственной силой, но укрепляемый вышней помощью. Впрочем, он успел сделаться учителем благочестия для всех живших в Содоме, через свои беседы с царем их. Когда царь, встретившись с ним и воздавая благодарность за сделанное им, обещал уступить ему всю конницу, а себе взять только людей, – примечай здесь опять великую душу праведника, как он в одно и то же время и являет свою мудрость, показывая, что он выше таких даров, и ведет его (царя) к познанию благочестия, – то праотец не просто сказал ему: я не позволю себе взять что-нибудь от тебя, потому что я не имею нужды ни в какой подобной награде, но что? "**Поднимаю руку мою к Господу Богу Всевышнему**" (Быт.14:22). Он как бы внушал царю: боги, почитаемые тобой, не суть боги, но камни и дерево; один есть над всеми Бог, который сотворил небо и землю. "**Даже нитки и ремня от обуви**" не возьму от тебя (Быт.14:23), чтобы ты не подумал, что я только для этого совершил отмщение за тебя, и чтобы ты не мог сказать, что ты обогатил меня. Тот, Кто мне даровал победу и предоставил торжество, дарует мне и средства к обогащению. Смотри, какую бы пользу царь мог получить от слов патриарха, если бы захотел: он поучал его не надеяться впредь на свою силу, но познавать Виновника всяческих, презирать рукотворенные божества и служить Богу всяческих, Творцу всего и источнику благ. И вообще во всем царь мог видеть добродетель Авраама. Так, чтобы тот не подумал, что он (Авраам)презирает его дары по гордости и высокомерию, он говорит ему: я ничего не возьму, потому что не имею нужды, и не желаю, чтобы богатство мое от других умножалось, но тем, которые участвовали со мной в опасностях, я позволю взять несколько, чтобы они имели хотя малое вознаграждение за свои труды. Так отвечал праведник царю содомскому.

Но когда Мелхиседек, царь салимский, вынесши хлеб и вино, предложил ему (так как он был, сказано, "**священник Бога Вышнего**"), он (Авраам) принимает от него предложенное, и, желая возблагодарить его за полученное от него благословение и за прославление Бога (так как Мелхиседек сказал, как написано: "**благословен Авраам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли; и благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои**" Быт.14:20), дает ему десятину от всего, что получил из добычи. Видишь, как во всем открывается благочестие праведника; от царя содомского он не хотел взять ничего – "**от нити до ремня**", а предложенное от Мелхиседека взял, взаимно воздав ему и от себя. Этим он научает нас наблюдать большую разборчивость, а не просто без разбору принимать ото всех. Царь содомский, хотя дарами выражал свои добрые чувства, но был неверный и имел нужду в назидании. Поэтому (Авраам) дары его отверг, но употребил все старание привести его к истинному богопознанию, и тем самым, что отказал принять дары, и тем, что ему говорил. От Мелхиседека же он принимает (дары) справедливо, потому что божественное Писание свидетельствует о добродетели этого мужа, говоря: "**он был священник Бога Всевышнего**". С другой стороны, это событие было прообразом Христа, и даже то самое, что было принесено (Мелхиседеком), предзнаменовало нечто таинственное. Потому так и надлежало быть, чтобы и Авраам, приняв (дары) и взаимно вознаградив (Мелхиседека), показал величие своей добродетели. Дал Мелхиседеку десятину, выражая и в этом мысль благочестивую. Может быть, наше слово распространилось слишком много, но не напрасно и не без причины. Мы вкратце пересказали с самого начала вплоть до настоящего чтения о мужестве праведника, о его великодушии, о необыкновенной его вере, о мудрости его разума, о величии его смиренномудрия, удивительном презрении к богатству, о непрерывном промышлении и благоволении к нему Божьем, и о том, как все бывшие ему посещения (свыше) каждый раз обнаруживали в праведнике более и более величия, более и более прославляли его. Но если вы желаете и не утомляетесь, займемся тем, что было только что читано, и, предложив немногое, окончим слово, чтобы вы узнали, какое воздаяние получает он (Авраам) за непринятие даров царя содомского. Что же сказано? "**После сих происшествий было слово Господа к Аврааму**". Почему так начато: "**после сих происшествий**"? После каких происшествий, скажи мне? Не ясно ли, что после тех, которые он говорил царю содомскому, т.е. после презрения и отвержения даров его, после назидания, которое он сделал через отвержение даров, направляя его к благочестию и познанию Творца всяческих, – "**после сих происшествий**", т.е. после того, как дал десятину Мелхиседеку? Когда, говорит Писание, исполнил он все это со своей стороны, тогда-то, "**после сих происшествий было слово Господа к Аврааму в видении, и сказано: не бойся, Авраам; Я твой щит; награда твоя весьма велика**".

4. Примечай человеколюбие Господа, как скоро и не медля Он вознаграждает Своими благодеяниями подвижника Своего, укрепляя, таким образом, и обновляя силы его. "**Было слово Господа к Аврааму в видении ночью**". Для чего ночью? Для того чтобы слова его (Господа) были приняты в безмолвии. И говорит ему: "**не бойся, Авраам**", – примечай особенное попечение (Божье). Для чего сказал: "**не бойся**"? Так как он, мало заботясь о дарах царя (содомского), презрел столь великое богатство, то Бог и говорит ему: "**не бойся**", что ты презрел такие дары и не думай, чтобы от того уменьшилось твое стяжание. "**Не бойся**". И чтобы еще более возбудить его дух, говоря с ним, присовокупляет к слову и его имя: "**не бойся, Авраам**". И то ведь не мало служит к ободрению, если произносится имя того, кто призывается. Потом говорит: "**Я твой щит**". И это изречение многозначительно. Я, который воззвал тебя из земли халдейской, Я, который привел тебя сюда, Я, который освободил тебя от опасностей в Египте, Я, который несколько раз обещал дать тебе и семени твоему эту землю, Я защищаю тебя. Я, который каждый день более и более прославляю тебя перед всеми, Я защищаю тебя, то есть, Я подвизаюсь за тебя, Я борюсь за тебя, Я промышляю о тебе и все тяжкое делаю для тебя

легким, "**Я твой щит; награда твоя весьма велика**". Ты не захотел взять награды за труды, которые понес, подвергая себя столь великим опасностям, но презрел дары царя (содомского), – так Я дам тебе награду не такую, какую ты мог (от царя) получить, но великую, очень великую. "**Награда твоя**", сказано, "**весьма велика**". Видишь щедрость Господа? Видишь многозначительность слов? Видишь, как Он воодушевлял подвижника благочестия? Видишь, как Он укреплял его дух? Ведущий сокровенные сердца видел, что праведник имел нужду в таких утешительных словах. В самом деле, смотри, что говорит патриарх, ободренный такими словами: "**Авраам сказал: Владыка Господи! что Ты дашь мне? я остаюсь бездетным**" (Быт.15:2). Когда Господь обещал ему награду, и награду великую, очень великую, тогда он, обнаружив скорбь своей души и постоянно томившее его уныние по причине бесплодия, сказал: Господи, что такое Ты мне дашь? Вот я уже достиг глубокой старости, и "**остаюсь**" бездетным?

Смотри, как еще в древности любомудрствовал праведник, называя исход из здешней жизни "**отпущением**". Подлинно те, кто со тщанием подвизается в добродетели, когда переселяются из здешней жизни, то, поистине, как бы отпускаются на свободу от злостраданий и от уз: для живущих добродетельно смерть именно есть переход от худшего к лучшему, от жизни временной к не перестающей, бессмертной и нескончаемой. "**Я**", говорит, "**остаюсь бездетным**". И чтобы преклонить Господа к милосердию, он не остановился на этом, но и что еще сказал? **Вот, Ты не дал мне потомства, и вот, домочадец мой наследник мой** (Быт.15:3). Великую скорбь души показывают такие слова; он как бы так говорит Богу: я не удостоился и того, чего удостоен мой раб; я умру бездетным, и безродным, и вот этот раб мой будет наследником и того, что уже мне дано от Тебя, и того, что Ты мне несколько раз обещал, говоря: "**потомству твоему дам землю сию**". Примечай и здесь добродетель праведного. Имея такие помыслы в душе, он никогда не досадовал, никогда не роптал; нет, и теперь, ободренный словами Божьими, он с упованием приступает к Господу, объявляет ему смущение своих помыслов и показывает рану своей души, – почему и получил скорое врачевание: "**и было**", сказано, "**слово Господа к нему**" (Быт. 15:4). Заметь точность Писания: сказано: **было**, т.е. Господь не попустил праведнику и малое время скорбеть, но подает скорое утешение и облегчает беседой с ним тяжесть печали: "**и было**", сказано, "**было слово Господа к нему, и сказано: не будет он твоим наследником, но тот, кто произойдет из чресл твоих, будет твоим наследником**" (Быт.15:4). Этого ли, говорит, ты убоялся? Это ли умножает твою скорбь? Итак, знай же, что не этот будет наследник твой, "**но тот, кто произойдет из чресл твоих, будет твоим наследником**". Не смотри на природу человеческую, не думай ни о своей старости, ни о бесплодности Сары, но веруя в силу Того, Кто обещает тебе, перестань унывать, утешься и будь уверен, что будешь иметь наследника, который родится от тебя. Потом, так как обетование было выше естества и превышало человеческий разум (потому что много возмущало дух его препятствие от самого естества, и собственная старость его, и заматеревшее уже бесплодие Сары), то Господь еще далее простирает силу Своих обетований, чтобы праведник, видя щедрость обещающего, имел тем более надежды. "**И вывел его вон и сказал: посмотри на небо и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их. И сказал ему: столько будет у тебя потомков. Авраам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность**" (Быт.15:5-6). Для чего замечено: "**вывел его вон**"? Так как выше было сказано, что Бог явился ему ночью в видении и беседовал с ним, а теперь он хочет указать ему на бесчисленное множество звезд на небе, то и сказано: "**и вывел его вон и сказал: посмотри на небо и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их. И сказал ему: столько будет у тебя потомков**". Откровение возвышенное, обетование великое! Но если помыслим о силе Обещающего, то оно нам ни мало не покажется чрезвычайным. Тот, Кто образовал тело из земли, Кто из несущего произвел все видимое, Тот мог даровать (Аврааму) обетование, превышающее природу.

5. Видишь милосердие Господа? Когда праведник сказал: "**остаюсь бездетным**", и уже находясь как бы при самых дверях смерти и не видя никакой возможности иметь детей, произнес в таком расположении духа слова: **и вот, домочадец мой наследник мой**, – тогда Господь, желая воскресить его дух и укрепить сердце, освобождает его от подавляющего его страха, возвышает его мысль и обетованием и самым величием дара; указывая на множество звезд и возвещая, что столько же произойдет от него потомства, возвращает ему утешительные надежды. Услышав такое обетование Господа, праведник оставил всякое человеческое рассуждение, и, уже не обращая внимания ни на себя самого, ни на Сару, представлявшую много препятствий к исполнению обетования, но став выше всего человеческого и зная, что силен Бог даровать и сверхъестественное, поверил сказанным (от Господа) словам, не допустил в себе никакого сомнения и нисколько не поколебался в вере относительно того, что было ему сказано. Вот признак истинной веры: когда обетования бывают выше человеческого понятия, и мы твердо уповаем на силу обещающего. "**Вера же есть**", как говорит блаженный Павел, "**осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом**" (Евр.11:1). И в другом месте: "**если кто видит, то чего ему и надеяться**" (Рим.8:24). Итак, вера состоит в том, когда мы верим невидимому, утверждая мысль на непреложной верности обещающего. Так и сделал этот праведник (Авраам), – показав великую и искреннюю веру касательно обещанного ему, за что и восхваляет его божественное Писание, так как оно тут же присовокупляет: "**Авраам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность**". Видишь, как, еще прежде исполнения обетований, он получил соразмерное воздаяние, за то только, что поверил? Ему вменилось в правду то, что он поверил обетованию Божьему и не испытывал человеческими рассуждениями сказанного Богом. Итак, научимся и мы от праотца веровать словам Божьим и уповать на Его обетования, не исследовать их по собственным соображениям, а показывать благодушие. Это может нас и праведными сделать, и скорее предуготовить к получению обещанного (от Бога). Аврааму Бог обещал, что от семени его произойдет великое множество (потомства), и обещание это было выше естества и порядка человеческих дел, почему вера и доставила ему (Аврааму) оправдание перед Богом. Но нам, если будем внимательны, обещано гораздо большее, – такое, что может далеко превзойти всякое человеческое понятие; только будем веровать в силу Обещающего, чтобы и оправдание приобрести от веры, и получить обещанные блага. То, что нам в особенности обещано, превышает всякий человеческий разум и превосходит всякое рассуждение. Так велики обетования! В самом деле, не в настоящем только веке нам обещает Господь продолжение жизни и наслаждение видимыми благами, но и после отшествия отсюда и разрушения тел, когда наши тела обратятся в прах и пепел, обещает (Господь) воскресить их и водворить в большей славе. "**Ибо надлежит**", говорит блаженный Павел, "**тленному сему облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие**" (1Кор.15:53). А после воскресения тел, Господь обещает даровать нам наслаждение царствия, общение со святыми, бесконечный покой и те неизреченные блага, **не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его**. Итак, видишь ли, сколь велико превосходство обещаний? Видишь ли величие даров?

6. Размышляя об этом и зная неложность обещанного, с тщанием приготовим себя к подвигам добродетели, чтобы можно нам было насладиться обещанными благами; спасению нашему и наслаждению столь великими благами не предпочтем благ временных, не станем рассуждать о трудах добродетели, а будем помышлять о воздаяниях; не станем смотреть на трату денег, когда их нужно бывает давать бедным, а представим себе происходящие отсюда последствия. Для того-то божественное Писание и уподобило милостыню семени, чтобы мы с радостью и великой охотой ее творили. Если те, которые бросают в землю и рассеивают собранные и хранимые семена, делают это с великой радостью, питаясь благими надеждами и представляя себе колосья, полные зерен,

то гораздо больше прилично радоваться и восхищаться тем, кто удостаивается сеять духовное, – потому что они, сея на земле, пожнут на небе, бросая деньги, получают прощение грехов и приобретают залог упования, и подавая здесь (милостыню), приготовляют себе вечный покой и сожитие со святыми. А если мы изберем целомудрие, то не станем обращать внимания на то, что эта добродетель соединена с трудом, или что девство требует великого подвига, но помыслим об ожидающем нас наследии; рассуждая всегда об этом, будем обуздывать порывы злых пожеланий, побеждать влечения плоти и облегчать тяжесть трудов надеждой воздаяний. Подлинно, надежда получить какие-либо блага дает смелость отваживаться и на явные опасности; а тем более она поможет нам мужественно победить трудности в добродетели. В самом деле, если размыслишь, что, потрудившись немного и сохранив горящий светильник девства, можешь удостоиться в будущем блаженной жизни, и войти с женихом (в царство небесное), если только будешь иметь светильники воззженные и в них достаточно елея, то есть, добрых дел, то как тебе не перенести со всей легкостью все тяжкое (в жизни), припоминая и сказанное блаженным Павлом: "**старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа**" (Евр.12:14)? Видишь ли, как апостол соединяет мир со святостью? Чтобы мы разумели, что он требует не только чистоты тела, но и мира, он благовременно упомянул о том и другом, желая утвердить (в нас) то и другое, чтобы мы и помыслы свои удерживали, не допуская в себе никакого возмущения или смятения (душевного), а провождали жизнь спокойную и безмятежную, и чтобы со всеми другими обращались мирно, были тихи, кротки и снисходительны, так чтобы все черты добродетели отражались на нашем лице. Таким образом, мы можем презирать и славу настоящей жизни, предпочитая ей славу истинную, а более заботиться о смиренномудрии, и считать за ничто всякое счастье здешней жизни, чтобы насладиться счастьем истинным и прочным и удостоиться узреть Христа. "**Блаженны**", сказано, "**чистые сердцем, ибо они Бога узрят**" (Мф.5:8). Итак, очистим нашу совесть и со тщанием позаботимся благоустроить свою жизнь, чтобы, проведя настоящий век во всякой добродетели, удостоиться за здешние подвиги наград в будущем веке, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 37

"И сказал ему: Я Господь, Который вывел тебя из Ура Халдейского, чтобы дать тебе землю сию во владение. Он сказал: Владыка Господи! по чему мне узнать, что я буду владеть ей" (Быт. 15:7-8)?

1. Велика сила божественного Писания и велико богатство мыслей, сокрытое в словах его. Поэтому с тщанием внимая ему, мы должны много испытывать его, чтобы получить из него обильную пользу. Вот почему и Христос заповедал: "**исследуйте Писания**" (Ин.5:39), – чтобы мы не занимались только простым чтением его, но чтобы, исследуя глубину Писания, могли постигнуть истинный его смысл. Таково свойство Писания: в немногих словах его часто можно найти великое множество мыслей. Так как оно есть учение божественное, а не человеческое, то и можно видеть, что все оно противоположно мудрости человеческой. Я объясню, каким это образом. Там (я говорю о мудрости человеческой) все старание людей бывает обращено на изложение слов; здесь – совсем напротив: (священное Писание) не имеет в виду красоты слов, или их (искусного) сочетания; оно само в себе имеет божественную благодать, которая сообщает блеск и красоту словам его. И опять, там (в писаниях человеческих) среди пространного и не изобразимого пустословия едва можно встретить какую-либо мысль; а здесь (в Святом Писании), как вы уже знаете, и краткого изречения часто достаточно было для нас, чтобы составить целое поучение. Вот и вчера, предложивши вам прочитанное, мы коснулись только начала, но так как нашли великое богатство мыслей, то и не могли продолжить

беседы дальше, чтобы обилием (мыслей) не обременить вашей памяти, и чтобы сказанное уже не могло быть забыто. Поэтому я хочу (сегодня) продолжить в том же порядке беседу, и с тем, что сказано было вчера, совокупить настоящее слово, чтобы, таким образом, окончив изъяснение всего чтения, отпустить вас отсюда. Только прошу вас, с тщанием внимайте тому, что вам говорится, потому что хотя это труд наш, но польза от него ваша, или, лучше сказать – общая. Впрочем, что я говорю – труд наш? Нет, это дар благодати Божьей. Итак, со вниманием примем и мы даруемое нам от Бога, чтобы выйти отсюда (из храма) с каким-нибудь приобретением для спасения души. Для того и предлагаем мы вам ежедневно эту духовную трапезу, чтобы непрерывным поучением и упражнением в божественном Писании оградить себя от всяких наветов злого духа. Когда он увидит, что мы прилагаем большое старание к занятиям духовным, то не только не сделает на нас нападения, но даже не посмеет и взглянуть прямо на нас, зная, что покушения его будут тщетны, и что дерзость его обратится на его же собственную главу. Итак, обращаясь к сказанному вчера, изъясним же по порядку то, что еще остается (изложить). А о чем мы вчера говорили? Мы изложили обетование (Божье) Аврааму, когда Бог повелел ему воззреть на небо и посмотреть на множество звезд. "**Сосчитай звезды**", говорит Он ему, "**если ты можешь счесть их. И сказал ему: столько будет у тебя потомков**". Потом божественное Писание, показывая нам любовь к Богу в душе праотца и то, что он, взирая на Обещающего и помышляя о могуществе Его, поверил сказанному, говорит: "**Авраам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность**". До сих пор мы беседовали вчера и не могли простираться далее, почему теперь нужно последовать за дальнейшими изречениями (Писания). Что же говорит Писание? "**И сказал**" Господь Аврааму: "**Я Господь, Который вывел тебя из Ура Халдейского, чтобы дать тебе землю сию во владение**" (Быт.15:7). Примечай снисхождение Божье, как Бог хочет укрепить его (Авраама) веру и убедить, чтобы он имел полную уверенность в получении обещанного, как бы так говоря ему: помни, что Я тебя воззвал из дому. Вот эти слова Господа к праотцу оказываются согласными с тем, что сказал блаженный Стефан, именно, что и из дому своего, и из самой Халдеи Авраам был вызван повелением Божьим. Следуя намерению его (Авраама), и отец его, как мы прежде сказали, хотя был и неверный, но побуждаемый великой любовью к нему, сопутствовал ему, последовал за ним и вышел (из дому). Итак, в настоящем случае (Господь) напоминает ему (Аврааму), какое попечение Он имел о нем с самого начала, давая ему разуметь и то, что Он повелел ему предпринять такой путь потому, что уготовляет для него нечто великое и хочет исполнить и привести в действие все данные ему обетования. "**Я Господь, Который вывел тебя из Ура Халдейского, чтобы дать тебе землю сию во владение**". Разве Я без причины воззвал тебя оттуда (из Халдеи)? Разве напрасно и без цели Я вывел тебя оттуда? Для того Я повелел тебе перейти в Палестину, оставить отеческий дом и придти в эту землю, чтобы ты наследовал ее. Итак, подумай, каким попечением пользовался ты от Меня с тех пор, как оставил Халдею, и до настоящего времени, и как Моим содействием и промышлением о тебе ты прославился и еще более и более становишься славным со дня на день; подумай об этом, и твердо веруй словам Моим. Видишь ли особенное человеколюбие? Видишь ли величайшее снисхождение? Видишь ли, как Бог желает укрепить душу (Авраама), и сделать веру его еще более твердой, чтобы он впредь, не обращая внимания на немощи природы, но помышляя о могуществе Того, Кто дает ему обетования, имел такое дерзновение (упования), как бы обетования эти уже исполнились на деле.

2. Но посмотри опять, как праотец, ободренный такими словами (Господа), требует себе еще большего удостоверения. "**Владыка Господи**", говорит он, "**по чему мне узнать, что я буду владеть ей**" (Быт. 15:8)? Хотя божественное Писание предварительно уже засвидетельствовало о нем (Аврааме), что он веровал словам Божьим, почему и вменилось (это) ему в правду, но когда (Авраам) услышал слова: Я для того вывел тебя из земли Халдейской, чтобы дать тебе землю эту в наследие, он говорит: словам Твоим я не могу не

верить, но вместе я желал бы узнать и то, каким образом я ее наследую. Вот я сам достиг уже старости и до настоящего времени прохожу эту землю, как странник, а что будет вперед, того не могу человеческим умом постигнуть. Итак, говорит, хотя я уже с самого начала поверил сказанным (Тобой) словам, потому что они сказаны Тобой, а Ты можешь и из небытия приводить в бытие, все творишь и преобразуешь, однако же, я вопрошаю Тебя о том, спрашиваю не по неверию; так как Ты снова упомянул о наследии, то я желал бы получить какое-нибудь более осязательное и ясное для меня знамение, которое бы укрепило немощный мой разум. Что же (делает) благой Господь? Снисходя Своему рабу и желая укрепить его душу (так как видел, что он сознает свою немощь и верит обещанию, а желает только получить себе какое-нибудь удостоверение), Он говорит ему: "**возьми Мне трехлетнюю телицу, трехлетнюю козу, трехлетнего овна, горлицу и молодого голубя**" (Быт.15:9). Смотри, как по-человечески Господь заключает с ним завет. Как мы люди, когда кому-нибудь обещаем что-нибудь и желаем удостоверить в своем обещании, чтобы тот не сомневался в наших словах, даем ему какой-нибудь знак или залог, дабы, смотря на него, он мог быть уверен в непременном исполнении обещания, так и человеколюбивый Господь, когда Авраам сказал: "**по чему мне узнать**"? – говорит: вот Я и это для тебя сделаю: "**возьми Мне трехлетнюю телицу, трехлетнюю козу, трехлетнего овна, горлицу и молодого голубя**". Посмотри, до какой простоты всеблагой Владыка намеревается снизойти для удостоверения праотца. Так как у древних был обычай так заключать договоры и так утверждать их (как описывается в Святом Писании завет Бога с Авраамом), то и Он (Бог) идет тем же путем. "**И взял**", сказано, "**и рассек**" их "**на пополам**" (Быт.15:10). Надобно заметить, что не напрасно и не без причины Он (Бог) назначил и сам возраст [т.е. животных, которых требовал для вступления в завет с Авраамом]: Он повелел взять трехлетних, то есть, взрослых и совершенных. "**И рассек их**" (Авраам) "**пополам и положил одну часть против другой; только птиц не рассек**" (Быт.15:10). И сидя, охранял разделенные части, чтобы не повреждали их прилетающие птицы, и это делал он (Авраам) целый день. "**И налетели на трупы хищные птицы; но Аврам отгонял их. При захождении солнца крепкий сон напал на Аврама, и вот, напал на него ужас и мрак великий.** " (Быт.15:11-12). Для чего (это было) при заходе солнца, когда день уже склонялся к вечеру? Все это к тому, чтобы сделать его (Авраама) более внимательным: для того напал на него "**и ужас, и мрак великий**", чтобы все эти явления привели его в чувство к видению Бога. Бог всегда так делает. Вот и впоследствии, когда Он хотел дать Моисею закон и заповеди на горе синайской, был, сказано, мрак и буря, и гора дымящаяся (Исх.19:16-18). Почему Писание и говорит: "**прикасается к горам, и дымятся**" (Пс.103:32). Так как бестелесное не может быть видимо чувственными очами, то Господь и хочет ознаменовать для нас Свое присутствие (особенными явлениями). Итак, когда праведник (Авраам) был поражен, и страх и ужас потряс его душу, ему было сказано: ты говорил: "**по чему я узнаю**" (исполнение обетования), и желал получить знамение, каким образом ты наследуешь эту землю? Вот Я даю тебе знамение: ты должен иметь великую веру чтобы знать, что Я могу и из самых неблагоприятных обстоятельств привести дела (человеческие) к благим надеждам. "**И сказал Господь Аврааму: знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет, но Я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении; после сего они выйдут с большим имуществом**" (Быт.15:13-14). Велико это слово, и требует души мужественной и возвышенной, все человеческое оставляющей ниже себя. В самом деле, если бы праотец (Авраам) не имел твердой, мужественной и любомудрствующей души, слова такие могли бы даже смутить его. "**Знай**", сказано, "**что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет**, **но Я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении; после сего они выйдут с большим имуществом**".

3. Не удивляйся, говорит, смотря на себя и свою старость, на бесплодие Сары и мертвенность ее утробы, и не думай, чтобы Я сказал что-нибудь много, говоря, что "**потомству твоему дам землю сию**". Не только это тебе предсказываю, но и то, что семя твое переселено будет в чужую землю. Не сказал (Бог): в Египет и не назвал земли по имени, но сказал: в земле "**не своей**"; там (твои потомки) претерпят рабство и бедность, и озлоблены будут не на краткое время и не на малое число лет, но "**четыреста лет**". Но Я сотворю за них отмщение: "**но Я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении**", и сделаю то, что они возвратятся сюда "**с большим имуществом**". Предсказывая же Аврааму несомненно имеющее быть впоследствии, объявляя ему и о рабстве, и о пришествии в Египет, и о гневе, какой за его потомков должны будут испытать египтяне, и о славном возвращении их (оттуда), Бог показывает ему, что не над ним только совершатся сверхъестественные дела (Божьи), и не на нем только все предвозвещенное Богом, после столь великих препятствий, исполнится, но что то же случится и со всем его семенем. А это, говорит он, ныне же Я сказал тебе для того, чтобы ты прежде своего отшествия из этой жизни знал, что ожидает и потомков твоих. Но "**ты**", говорит далее, "**отойдешь к отцам твоим в старости доброй**". Не сказал – "**умрешь**", но "**отойдешь**", как будто ему предстояло пойти в путь и переселиться из одной отчизны в другую. "**Отойдешь**", говорит, "**к отцам твоим**", разумея не плотских (отцов), потому что как бы это могло быть, когда отец его был неверный? Не возможно было, чтобы верный праотец отошел в одно место (с неверными). "**Великая пропасть**", сказано, "**между нами и вами**" (Лк.16:26). Для чего же Он (Бог) сказал: "**отцам твоим**"? Он назнаменовал (этим словом) праведников, как то: Авеля, Ноя, Еноха и им подобных. "**Погребен в старости доброй**". Может быть, кто-нибудь скажет, какая же добрая старость была у него (Авраама), когда всю жизнь свою он провел в таких скорбях? Не на это смотри, человек; а помысли о всегдашней его славе, как он, будучи странником, без отечества, без жилища, был славен и каким во все время пользовался заступничеством Божьим.

Итак, не по нынешним понятиям суди о вещах и не думай, что та старость добрая, которая проходит в удовольствиях и роскоши, в обладании богатством, множеством рабов, толпой слуг. Все это не сделало бы старости доброй, напротив, подвергло бы великому осуждению того, кто даже и в старости не хочет образумиться и при последнем издыхании не думает о том, что нужно, но каждый день работает чреву, гоняется за пиршествами, предается пьянству, и кто, не много спустя, за все это должен будет дать отчет. Только тот, кто провел свою жизнь в такой добродетели (как Авраам), тот поистине "**в старости доброй**" оканчивает жизнь, и за здешние труды находит в будущем (веке) награду и воздаяния. Вот почему и говорит (Господь): так будет с твоими потомками, а сам ты отойдешь, "**будешь погребен в старости доброй**". Заметь опять и здесь, что если бы праведник не имел великого мужества и высокого любомудрия, то, как и это могло бы смутить его помыслы! Если бы он похож был на многих других, он сказал бы: для чего Ты обещаешь распространить от меня такое великое потомство, если оно должно будет подвергнуться таким великим бедствиям и столько лет терпеть рабство? Какая мне в том польза? Но ничего такого и не подумал праведник; напротив, как благомыслящий домочадец, все принимал от Бога с любовью, и все Ему угодное ставил выше своих рассуждений. Потом (Бог) определяет ему и время освобождения от рабства. Сказав о числе лет (рабства) – "**четыреста**", говорит далее: "**в четвертом роде возвратятся они сюда**" (Быт.15:16). Здесь кто-нибудь, может быть, придет в недоумение, как это сказано, что они должны рабствовать "**четыреста лет**", между тем как они и половины этих лет не провели в Египте. Но потому-то и не сказано, что они проведут четыреста лет "**в Египте**", а сказано только: "**в земли не своей**", так что к годам, проведенным ими в Египте, можно присовокупить и время жизни самого праотца, в которое ему повелено было выйти из Харрана. С этого-то времени Писание показывает нам и число лет его, говоря, что ему было семьдесят пять лет, когда он вышел из Харрана. И если кто с этого времени будет

считать до исшествия из Египта, то найдет полное число лет [то есть четыреста]. И то еще можно сказать, что Господь, будучи человеколюбив и всегда соразмеряя наказания с нашей немощью, как скоро увидел, что они истомились от трудов, и что египтяне оказывают им великую жестокость, то прежде определенного времени сотворил отмщение и извел их на свободу. Таково свойство Его (Господа): всячески устраивая наше спасение, Он хотя и угрожает наказаниями, но если мы показываем обращение к (Нему), отменяет свой приговор. И наоборот опять, хотя и обещает подать нам какое-либо благо, но если мы со своей стороны не делаем того, что от нас самих зависит, то и Он не исполняет обещанного, чтобы от этого мы не сделались еще хуже. Все это вы сами можете видеть если только с усердием будете читать божественное Писание. "**В четвертом роде возвратятся они сюда: ибо мера беззаконий Аморреев доселе еще не наполнилась**" (Быт.15:16). Тогда, говорит, наступит время и тех (потомков Авраама) освободить, и этих (аморреев) подвергнуть осуждению и изгнанию из своей земли за множество сделанных ими грехов. Итак, то и другое, восстановление одних и истребление других совершится, таким образом, в надлежащее время. Еще "**не наполнилась**", говорит, "**мера беззаконий их**". Как бы так Он сказал: они еще не сделали такого множества преступлений, чтобы им понести такое наказание. Будучи человеколюбив, Господь не только не наводит наказаний больших, чем грехи, а напротив, (посылает) гораздо меньшие. Вот почему и аморреям Он являет великое долготерпение, чтобы они, сами навлекши на себя наказание, после уже не имели никакого оправдания.

4. Видите, как все с точностью Господь открыл праотцу, чтобы всячески укрепить его веру, и чтобы из сказанного он мог убедиться, что все, касавшееся и его самого, и его потомков, непременно сбудется так, как ему было предсказано. Затем, когда Авраам вполне принял пророчество, и получил достаточное знамение того, что с ним случится, – "**когда**", сказано, "**зашло солнце и наступила тьма, вот, дым как бы из печи и пламя огня прошли между рассеченными животными**" (Быт.15:17). Пламя, печь и свечи явились для того, чтобы праведник уразумел твердость завета (Божьего с ним) и действие (в этом) силы Божьей. Потом, когда все это кончилось, когда огонь истребил предложенные части (животных), "**заключил**", сказано, "**Господь завет с Авраамом, сказав: потомству твоему даю Я землю сию, от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата: Кенеев, Кенезеев, Кедмонеев, Хеттеев, Ферезеев, Рефаимов, Аморреев, Хананеев, Гергесеев и Иевусеев**" (Быт.15:18-21).Смотри, как опять Господь продолжает подтверждать ему Свое обетование. "**Заключил**", сказано, "**завет, сказав: потомству твоему даю Я землю сию**". Потом, чтобы праведник по пространству земли и по обширности пределов мог заключить, как распространится его семя, говорит: "**от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата**", – так велико, говорит, будет семя твое. Заметь, как во всем Он (Бог) хочет показать ему необычайное множество (потомства его). Сказав прежде, что сделает семя его таким бесчисленным, как множество звезд, теперь показывает ему и обширность пределов, чтобы и отсюда он узнал, как далеко распространится будущее его потомство. И не только это (показал), но упоминает раздельно и о тех народах, которых намеревался дать в обладание его семени, чтобы всем этим доставить праведнику полное удостоверение. Но когда уже столь великие обетования даны были, Сара еще оставалась неплодной и старость (обоих) их увеличивалась; а это для того, чтобы, представив величайшее доказательство своей веры, они при этом познали и немощь человеческого естества, и величие силы Божьей.

Но чтобы нам опять не слишком распространить свое поучение, остановимся на этой мысли, и окончим слово, призвав вас быть подражателями праотцу. Помысли, в самом деле, возлюбленный, какой он удостоился награды за те слова, которые сказал содомскому царю, или лучше – за все вообще добродетели, какие показывал в продолжение всей своей жизни, и какое снисхождение являл ему Господь, показывая всем

нам в событиях жизни этого праотца и великость своей щедрости, и то, что если мы сделаем со своей стороны хотя бы немногое, Он безотлагательно награждает нас великими дарами, только бы мы показывали в себе искреннюю веру, как этот праведник и никогда не колебались в помыслах, но имели дух постоянно твердый. Так и Авраам прославился. Послушай, как блаженный Павел прославляет его веру, которую он показал в себе с самого начала: "**верой**", говорит он, "**Авраам повиновался призванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная, куда идет**" (Евр.11:8), обращая наше внимание на то, что сказано Богом – "**выйди из земли твоей и иди в землю, которую Я тебе покажу**". Видишь ли веру твердую, видишь ли дух чистосердечный? Будем подражать и мы ему, удалимся мыслью и желанием от дел настоящей жизни и направим путь свой к небу. Ведь мы можем, если только захотим, и здесь живя, быть на пути туда (к небу), когда станем делать достойное небес, когда не будем иметь пристрастия к благам мира, когда не будем искать суетной славы в настоящей жизни, но, презирая ее, потщимся достигнуть иной славы, истинной и всегда пребывающей; когда не будем заниматься роскошью одежд и заботиться об украшении тела, но всю эту заботу о внешнем украшении перенесем на попечение о душе, и не потерпим, чтобы она оказалась у нас нагой и лишенной одежд добродетели; когда будем презирать негу, бегать чревоугодия, не будем гоняться за пиршествами и обедами, но будем довольны необходимым, по апостольскому наставлению: "**имея пропитание и одежду, будем довольны тем**" (1Тим.6:8). И какая польза, скажи мне, в излишестве, в том, чтобы от пресыщения разрывалось чрево, или от неумеренного употребления вина расстраивался рассудок? Не отсюда ли рождается всякое зло и для тела и для души? От чего эти многоразличные болезни и расстройство? Не от того ли, что, преступая меру, мы обременяем чрево слишком тяжелым грузом? От чего также прелюбодеяние, блуд, хищение, любостяжание, убийства, разбои, и всякая порча души? Не от того ли, что мы домогаемся больше надлежащего? Как Павел корнем всех зол назвал сребролюбие, так не погрешит тот, кто источником всех зол назовет неумеренность и наше желание во всем перейти за пределы нужды. Действительно, если бы мы захотели и в пище, и в одеждах, и в жилищах, и в других телесных потребностях не искать ничего излишнего, а только необходимого, то от многих зол освободился бы род человеческий.

5. Я не знаю, отчего каждый из нас более или менее подвержен болезни любостяжания и никогда не старается ограничиваться необходимым, но, вопреки апостольскому наставлению: "**имея пропитание и одежду, будем довольны тем**", мы все делаем так, как будто не знаем, что за все, превышающее необходимую потребность, должны будем отдать отчет и ответ, как не подлежащим образом употреблявшие то, что нам даровано от Господа. Не на наше ведь только наслаждение мы должны употреблять то, что Он даровал нам, но и на то, чтобы облегчать нужды ближних. Итак, какого прощения достойны могут быть те, которые показывают изнеженность в одеждах, стараются облекаться шелковыми тканями, а что особенно худо, еще гордятся этим, тогда как им следовало бы стыдиться, страшиться и трепетать, что не по нужде и не для пользы облекаются такими одеждами, но для неги и тщеславия, для того, чтобы удивлялись им на торжищах. Человек, имеющий одинаковую с тобой природу, ходит нагой, не имея и грубой одежды, чтобы прикрыться; но тебя и самая природа не влечет к состраданию, ни совесть не побуждает к вспоможению ближнему, ни мысль о том (последнем) страшном дне, ни страх геенны, ни величие обетований, ни то, что общий наш Господь все, оказанное нами ближним, усваивает Себе. Но, как будто имея каменное сердце и будучи чужды той же природы, такие люди, облекаясь в дорогие одежды, думают, что становятся уже выше человеческой природы, а не помышляют, сколь великой ответственности подвергают себя, худо распоряжаясь тем, что им вверено от Господа, и охотнее дозволяя моли истреблять свои одежды, нежели (желая) дать какую-нибудь часть из них со-рабам, и, таким образом, уже приготовляют для себя жесточайший огонь геенны. Если бы даже богатые все, что у них

есть, разделили бедным, и тогда не избегли бы наказания за то, что делают, роскошествуя в одеждах и пиршествах. Какого, в самом деле, наказания не достойны те, которые всемерно стараются, как можно чаще, облекаться в шелковые и блестящие золотом, или как-либо иначе изукрашенные одежды, и в них гордо выступать на торжища, а Христа оставляют в пренебрежении, нагого и не имеющего в достатке даже необходимой пищи? Эти слова я особенно обращаю к женщинам. У них мы находим наиболее страсти к украшениям и неумеренности, к тому, чтобы облекаться в золотые одежды, носить золото на голове, на шее и прочих частях тела, и этим тщеславиться. Сколько бедных, скажи мне, могло бы напитаться, и сколько обнаженных тел могло бы прикрыться тем только, что привешивается к ушам (женщин) без всякой нужды и без пользы, а только к вреду и порче души? Вот почему и учитель вселенной, сказав: "**имея пропитание и одежду**", также обращает слово к женщинам и говорит: "**чтобы жены украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценной одеждой**" (1Тим.2:9). Видишь, как он не хочет, чтобы они украшались такими одеждами, облекались золотом и многоценными камнями, – но чтобы старались об истинном украшении души, добрыми делами возвышали ее красоту, а не показывали ее (при заботах об украшении тела) в нечистоте, в грязи, во вретище, истомленной голодом, изнуренной от холода. Такая забота о теле и такое украшение его свидетельствуют о безобразии души, роскошь тела обнаруживает голод души, богатство его одежд выставляет на вид ее наготу. Невозможно ведь, чтобы тот, кто печется о душе и дорого ценит ее благообразие и красоту, заботился о внешнем украшении, точно так же, как невозможно занятому наружностью, красотой одежды, золотыми украшениями, приложить надлежащее старание о душе. В самом деле, может ли когда-либо возвыситься к познанию своих нужд, или войти в размышление о предметах духовных душа, совершенно предавшая себя земному, пресмыкающаяся, так сказать, по земле, никогда не могущая вознестись мыслью горе, но поникшая долу под собственной тяжестью бесчисленных грехов? А сколько отсюда рождается несчастий, невозможно теперь изобразить словом; это следует предоставить сознанию самих тех, которые слишком заняты уборами, сколько скорбей они получают отсюда каждый день. Так, если повреждена будет какая-нибудь золотая вещь, великий шум и смятение обнимает весь дом; слуга ли украдет – на всех (падают) бичи, удары и узы; завистники ли какие, умыслив зло, нечаянно лишают имения – опять великая и несносная печаль; случатся ли несчастия, которые повергнут (богатых) в крайнюю бедность – жизнь для них становится тяжелее смерти; случится ли другое что-нибудь – все причиняет великую скорбь. И вообще невозможно найти спокойной души в тех, которые занимаются такими вещами. Как волны моря никогда не прекращаются и не могут быть исчислены, так как непрестанно следуют одна за другой, так невозможно перечислить и все рождающиеся отсюда беспокойства. Будем же, умоляю вас, избегать во всем излишества и не переступать пределов ваших нужд. Истинное богатство и неоскудеваемое имение состоит в том, чтобы желать только нужного и надлежащим образом употреблять излишнее. Такой (человек) никогда не может опасаться бедности, не будет терпеть скорбей и испытывать беспокойств; он будет безопасен и от клеветы, свободен от злоумышленников и, вообще сказать, будет жить в невозмутимом мире, наслаждаясь спокойствием и тишиной; и что всего важнее и выше всех благ, такой (человек) получит много милостей Божьих, как верный распорядитель имения своего Господа. "**Блажен**", сказано, "**раб тот, которого господин его, придя, найдет поступающим так**" (Лк.12:43), т.е. разделяющего имение между со-рабами, не запирающего его за дверями и замками, не оставляющего в пищу червям, но облегчающего нужды бедных, управляющего дарованным от Господа так, как свойственно доброму и верному приставнику. За такое доброе распоряжение мы получим великую награду и удостоимся обетованных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 38

"Но Сара, жена Аврамова, не рождала ему. У нее была служанка Египтянка, именем Агарь" (Быт. 16:1).

1. Нынешнее чтение опять призывает нас к беседе о том же праотце (Аврааме). Вы не удивляйтесь, если мы, излагая его историю в продолжение столь многих дней, даже и сегодня не сможем ее кончить. Великое обилие добродетелей праведника и величие его совершенств побеждает всякий человеческий язык, потому что кого сам Бог свыше увенчал и прославил, того может ли достойно восхвалить кто-либо из людей? Однако же, хотя слово наше остается далеко ниже его достоинства, но, по мере своих сил, излагая события его жизни, мы желаем возбудить в вас ревность к подражанию его добродетели. Подлинно, мудрость этого мужа слишком достаточна, чтобы наставить всякого человека и привлечь к пути добродетели (всех), которые захотят быть внимательными. Будьте же, прошу вас, внимательны к нашей беседе, чтобы и из нынешнего чтения научиться любомудрию праведника: отсюда (из нынешнего чтения) могут научиться и мужи, и жены – тому, как жить в совершенном единодушии между собой и сохранять неразрывно союз супружества, – чтобы ни муж не восставал против жены, но оказывал ей, как слабейшему сосуду, всякое снисхождение, ни жена не противилась мужу, но оба наперерыв старались друг друга тяготы носить, и домашний мир предпочитали всему. Но, чтобы для вас яснее было это учение, необходимо выслушать самые слова (Писания). "**Но Сара**", сказано, "**жена Аврамова, не рождала ему. У нее была служанка Египтянка, именем Агарь**".

Приметь здесь, возлюбленный, неизреченное долготерпение Божье и чрезвычайную веру и благодушие праведника, которые он показал при данных ему обетованиях. В самом деле, после того, как Бог столько раз обещал дать семени его землю и так умножить его, что многочисленностью своей оно будет равняться множеству звезд, Авраам, видя, что ни одно из обетований не исполняется, и что обетования все еще остаются на одних словах, не смутился мыслью, не поколебался духом, но пребыл непреклонным, веруя в могущество Обещавшего. Это самое и теперь выражает божественное Писание, говоря: "**но Сара, жена Аврамова, не рождала ему**", и, тем показывая нам, что после всего случившегося, после заключенного с ним завета, после обетования о рождении от него бесчисленного множества (потомков), он не опечалился и не усомнился, когда видел, что не только ничто из сказанного не исполняется, но еще все выходит напротив. Поэтому-то, после всего, прежде сказанного (об обетованиях Божьих Аврааму), говорит Писание: "**но Сара, жена Аврамова, не рождала ему**", дабы ты узнал, что после столь великих обетований ничего особенного с ним не случилось, а между тем бесплодие Сары и мертвенность ее утробы были таковы, что могли возбуждать в праведнике великое сомнение. Но праотец уже не взирал на препятствия со стороны природы, и, зная премудрость Господа, Который, как Творец природы, может открыть пути и в непроходимых местах, Авраам, как благородный домочадец, не исследовал, как это будет, но предоставил неисследимому Его промыслу и веровал Его слову. Потому-то сказано, что "**Сара**", и после таких обетований, "**не рождала ему. У нее была служанка Египтянка, именем Агарь**". И здесь не без причины божественное Писание упоминает нам о рабыне, но, чтобы мы знали, откуда она (взята), прибавляет: "**египтянка**". Этим Писание возвращает нас к прежней истории, и дает видеть, что рабыня была из числа тех, которых отдал Саре фараон, когда подвергся за нее отмщению от Бога всяческих, и что Сара взяла с собой эту рабыню, возвращаясь (в землю ханаанскую). С такой целью божественное Писание сделало нам известным и имя, и род ее (рабыни). Примечай же теперь рассудительный ум Сары, необыкновенную ее скромность, невыразимую кротость и послушание (праотцу). "**И сказала Сара Аврааму**" в земле Ханаанской: "**вот, Господь заключил чрево мое, чтобы мне не рождать; войди же к служанке моей: может быть,**

я буду иметь детей от нее" (Быт.16:2). Смотри, какое благодушие в этой жене: она ничего не сказала подобного тому, что после Рахиль говорила Иакову: "**дай мне детей, а если не так, я умираю**" (Быт.30:1). Но что говорит (Сарра)? "**Вот, Господь заключил чрево мое, чтобы мне не рождать**". Так как, говорит, Создатель естества сотворил меня бесплодной и лишил способности рождать детей, то чтобы ты, дожив уже до глубокой старости, по причине моего бесплодия, не остался совсем бесчадным, "**войди же к служанке моей: может быть, я буду иметь детей от нее**". Великая и необыкновенная мудрость жены! Какая жена решилась бы когда-либо это сделать, или посоветовать это мужу, или уступить свое ложе рабе?

2. Видишь, как они далеки были от всякой страсти. У них была одна только цель, чтобы не умереть бездетными. Но и при этом они старались утешить (друг друга) и сохранить неразрывный союз мира. Подумай же теперь о великой воздержанности и необычайной кротости праотца. Не возненавидел он своей жены за бесплодие ее, как делают некоторые неразумные, и не уменьшил к ней своей любви. Вы знаете, как это именно (то есть бесплодие) для весьма многих людей бывает причиной их презрения к женам, и напротив, многочадие служит побуждением и к большей любви. Но весьма легкомысленно и безрассудно люди приписывают женам и бесплодие и многочадие, не зная того, что все зависит от Создателя нашего естества, и что ни сожитие, само по себе, ни что другое не может вести к рождению детей, если не будет содействовать вышняя рука и возбуждать естество к рождению. Хорошо зная это, праведник Авраам не вменял бесплодия в вину жене, а всегда оказывал ей должную честь. Поэтому-то и она, взаимно уважая (своего мужа) и желая показать, сколь великую питает к нему любовь, не думала о себе, а, думая только о том, как бы утешить его в бесплодии, собственными руками, так сказать, приводит рабу египтянку на свое ложе. Но и на словах показывая цель, для которой решилась это сделать, она говорит: я оказалась бесполезной и неспособной к чадорождению: "**Господь заключил чрево мое, чтобы мне не рождать**". Заметь благородную душу, как она не выражает никакого ропота и не сокрушается о своем бесплодии, но только то нам хочет показать (своими словами), что, приписывая свое бесплодие Создателю естества и предпочитая угодное Богу собственному желанию, кротко и благодушно переносила (свое бесплодие) и заботилась только о том, как бы утешить своего мужа. "**Господь заключил чрево мое**", говорит она, "**чтобы мне не рождать**". Как и самое изречение это выразительно! Как (сильно) выражает оно божественное промышление и неизреченную силу Божью! Как бы так говорит (Сарра): как мы заключаем и отверзаем двери дома, так и Господь действует в нашем естестве Своим повелением: заключает, и опять, когда Ему угодно, отверзает, и повелевает естеству исполнять свое (дело). Итак, говорит, поелику "**Господь заключил чрево мое, чтобы мне не рождать; войди же к служанке моей: может быть, я буду иметь детей от нее**". Знаю, что я причиной бесплодия (твоего); поэтому не хочу тебя лишать утешения (иметь детей). А может быть, Сара подозревала, что не в ней одной, но и в муже была причина бесплодия, почему, желая на самом деле в том удостовериться, и узнать, себе ли одной она должна приписывать бесплодие, она уступает свое место рабыне и приводит ее на свое ложе. "**Послушался**", сказано, "**Авраам слов Сары**". Велика мудрость праведного! Как прежде я говорил это, так и теперь скажу: не он первый захотел этого, хотя был уже в глубокой старости, но, приняв совет от Сары, он охотно послушался ее, показывая тем, что решился на это не просто по страсти, и не по влечению похоти, но чтобы оставить по себе потомство. "**И взяла Сара, жена Авраама, служанку свою, Египтянку Агарь, по истечении десяти лет**" сожития с Авраамом мужем своим "**в земле**" Ханаанской, "**и дала ее Аврааму, мужу своему, в жену**" (Быт.16:3). Заметь точность Писания. Чтобы показать нам, что он не тотчас же после слов, которые сказала ему Сара, приступил к исполнению (ее совета), оно говорит: "**И взяла Сара, жена Авраама, служанку свою, Египтянку**". Писание как бы то показывает нам, что он

решился на это дело только потому, что желал утешить свою жену и исполнить ее совет. А чтобы ты ясно познал целомудрие и чрезвычайное воздержание праотца, говорит (Писание): после того как она прожила десять лет с Авраамом мужем своим в земле ханаанской. Не без причины Писание обозначило время, а для того, чтобы мы могли видеть, сколько лет праведный терпел и благодушно переносил бесплодие, и, будучи выше всякой страсти, показывал великое целомудрие. Мало того, эти слова – "**по истечении десяти лет**" сожития с Авраамом мужем своим "**в земле Ханаанской**" – Писание присовокупляет для того, чтобы мы узнали отсюда и нечто другое. Не все время их сожития (Писание) теперь обозначает нам, а только время, проведенное ими в земле ханаанской. Почему и для чего? Так как тотчас после пришествия Авраама в землю ханаанскую человеколюбивый Господь возвестил ему: "**потомству твоему дам землю сию**", и после того Господь неоднократно повторял ему Свои обетования, дабы ты знал, возлюбленный, сколько лет Господь медлил и ничего обещанного не приводил в исполнение, а праведник не колебался духом, но почитал слова Божьи выше собственных рассуждений, то и сказано: после того, как они десять лет прожили вместе в земле ханаанской. Видишь ли мужество души? Видишь ли подвиг мудрости? (Видишь ли), как Господь, желая более и более его прославить, медлит и отлагает [т.е. исполнение своих обетований]? Так, когда Он печется о Своих рабах, то не просто хочет оказывать им Свои благодеяния, но вместе хочет и прославить их, и сделать веру их для всех очевидной. Если бы Он, обещав семени его дать землю ту, тотчас разверз ложесна Сары и даровал ему поколение детей, то этим Он не показал бы ни чуда столь великого, ни веры праведника не сделал бы столь явной для всех. Сила Божья, конечно, и тогда была бы очевидна: уже омертвевшие силы естества и сделавшиеся совершенно неспособными к чадорождению Он Своим повелением снова оживотворил бы; но тогда праотец не получил бы себе такого венца, как теперь, когда в продолжение столь многого времени его добродетель была испытываема и с каждым днем делалась славнее.

3. И дабы ты знал, что Бог не только желает благодетельствовать и подавать Свои дары, но и всегда хочет и прославить принимающих эти дары, смотри, как Он сделал это и с хананеянкой, как бы медля и уклоняясь внять ее прошению, но это для того именно, чтобы и ее саму сделать известной во всей вселенной. Когда она пришла, умоляя и говоря: "**помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется**" (Мф.15:22), то благоутробный и человеколюбивый и всегда предваряющий наши прошения (Господь) не удостаивает ее даже ответа. И ученики Его, не зная того, что будет и как Господь сам печется о жене, не отвечает же ей только потому, что не хочет оставить в неизвестности ее достоинства, ученики, говорю, как бы более имея сострадания, "**отпусти ее, потому что кричит за нами**", как бы выражая тем, что для них уже несносна стала ее докучливость. "**Отпусти ее**", говорят, не потому, что она столь несчастна, или ее прошение дельно, но, потому, что "**кричит за нами**". Что же Господь? Желая открыть постепенно и ее достоинство, и их научить, как мало они постигают Его человеколюбие, дает такой ответ, который мог бы поразить и ее сердце, если бы она не имела твердости духа, пламенного желания и сильной ревности, и их (учеников) ходатайство за нее остановить. "**Я послан**", говорит Он, "**только к погибшим овцам дома Израилева**" (Мф.15:24). И действительно, ученики после этого уже перестали молить его за жену; но она не предалась унынию, – напротив, стала еще прилежнее (молить Его). Такова-то скорбящая душа и приступающая с горячим усердием: она не обращает внимания на то, что говорят, но об одном только думает, как бы достичь того, о чем она старается. Так именно сделала и эта жена. Услышав те слова (Спасителя), она, как говорит Писание, снова кланялась Ему, говоря: "**помилуй меня, Господи**" (Мф.15:25). Она знала благоутробие Господа, потому и употребила такую настойчивость. Посмотри же опять, как премудр Господь, и как дивно устраивает Он ход дела: и теперь Он не преклоняется (на моление жены), но дает ответ еще более резкий и суровый. Он знал твердость духа жены и хотел, чтобы она не тайно

получила благодеяние, но чтобы и ученики из этого события узнали причину Его медлительности, и все другие научились, как велика сила неотступной молитвы и как высока добродетель жены той. Потому говорит (Спаситель): "**нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам**" (Мф.15:26). Заметь здесь твердость духа жены, как она, пылая огнем ревности и одушевляясь верою в Бога, терзаясь, так сказать, своей утробой от великой скорби о своей дочери, не отвращается от жестокого слова, но, услышав (название) пса, и то сносит и признает себя такой, желая спастись от бессмыслия псов, и сопричислиться к лику сынов [смысл такой: жена хананейская, сознавая бессмыслие язычества, к которому принадлежала, желала присоединиться к числу последователей Христовых]. Итак, выслушай слова жены, чтобы узнать, какой был плод от того, что Бог медлил исполнить ее прошение. Жестокость слов, сказанных ей, не только не отдалила жену (от Спасителя), но возбудила еще к большей ревности. Услышав эти слова, она говорит: "**так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их**" (Мф.15:27).

Видишь, для чего Господь медлил доселе? Для того чтобы из слов жены мы узнали всю силу ее веры. Смотри, в самом деле, как Господь тотчас же восхвалил и увенчал ее, говоря: "**о, женщина! велика вера твоя**" (Мф.15:28). С удивлением и похвалами Он отпустил ту, которую в начале не удостоил ответа. "**Велика**", говорит, "**вера твоя**". Поистине, "**великая вера**" – видеть, как Господь не один, или два раза, но многократно отвергает прошение, и не придти в уныние, не отступить, но неослабно призывать (Господа) и преклонять Его к исполнению прошения. Итак, "**да будет тебе**", говорит, "**по желанию твоему**". Видишь ли, как Тот, кто прежде не удостоил ее ответа, теперь с похвалой подает ей свои дары? Не просто внял ее прошению, но прославил и увенчал ее. Словом: "**о, женщина**", Он показал, как сам удивился ее вере, и словами – "**велика вера твоя**" открыл нам ее (духовное) богатство. Потом говорит: "**да будет тебе по желанию твоему**". Сколько хочешь, сколько желаешь, столько и даю тебе; твое неотступное прошение показывает, что ты достойна его исполнения. Видите теперь твердость жены? Видите причину, почему медлил Господь и для чего отлагал (исполнение ее прошения), – для того, т.е., чтобы сделать ее еще более славной? Но возвратимся теперь к прежнему повествованию, чтобы видеть, что не с иной целью, в продолжение стольких лет, Господь не исполнял и данных праотцу (Аврааму) обетований, а с той именно, чтобы исполнить их впоследствии с большей славой, и сделать явной для всех веру праведника. Для того сказано: после десяти лет, проведенных ими (Авраамом и Саррой) вместе в земле хананской, – чтобы ты знал, сколько прошло времени с тех пор, как он (Авраам) получил обетования. Немедленно ведь по пришествии в землю хананскую он услышал: "**потомству твоему дам землю сию**"; и вот, в продолжение стольких лет и сам он оставался бездетным, и бесплодие Сары увеличивалось. "**И дала**" (Сарра), сказано, "**Агарь Аврааму, мужу своему, в жену**" (Быт.16:3).

4. Смотри, какое еще в древние времена было любомудрие, как и мужи были воздержны и имели великое попечение о целомудрии, и жены далеки были от ревности. Писание с намерением постоянно говорит: "**и взяла Сара, служанку свою, Агарь**"; и опять: "**дала ее в жену**", – чтобы ты видел, как бесстрастно у них происходило это дело, и какое у них было любомудрие. "**Он вошел**", сказано, "**к Агари, и она зачала**" (Быт.16:4). Смотри, как Сара узнает, что не в праведнике (Аврааме) была причина их бесплодия, а в ее собственном бесплодии: вот тотчас же за сожитием последовало зачатие. Но посмотри теперь на неблагородство рабыни и на слабость женского пола, чтобы и отсюда видеть великую кротость праотца. "**И увидев**", сказано, "**что зачала, она стала презирать госпожу свою**". Таков обычай рабов: получив малое счастье, они не удерживаются в своих пределах, но тотчас забывают о своем звании и увлекаются в безрассудство; так случилось и с этой рабой. Заметив свою беременность и не размышляя ни о дивной

мудрости своей госпожи, ни о своем низком состоянии, но, возгордившись и возмечтав много о себе, она стала презирать госпожу, которая оказала ей такое покровительство, что возвела ее даже на ложе своего мужа. Что же Сарра? "**И сказала**", сказано, "**Аврааму: в обиде моей ты виновен; я отдала служанку мою в недро твое; а она, увидев, что зачала, стала презирать меня; Господь пусть будет судьей между мной и между тобой** (Быт.16:5). Заметь здесь неизреченное терпение праведника и чувство чести, какое он показал в отношении к Сарре, когда стал просить у нее прощения при столь неразумном ее обвинении. В самом деле, та, которая своими руками передала мужу рабыню и сказала: "**войди к рабе моей**", та, которая сама добровольно побуждала его к этому житью, теперь, переменив мысли, говорит: "**в обиде моей ты виновен**". Но разве сам он хотел соединения с рабой? Разве сам он невоздержанием увлечен был на этот поступок? По твоему, жена, убеждению, по твоему внушению он сделал это. Итак, чем ты обижена от мужа? Вот (говорит она) "**я отдала служанку мою в недро твое**". Если же ты признаешься, что сама предложила, а не он по своей воле взял ее, зачем обвиняешь его в несправедливости? Так, – говорит; но хотя и я предложила, однако же, ты, видя ее дерзость, должен был обуздать ее неукротимый нрав. "**Она, увидев, что зачала, стала презирать меня; Господь пусть будет судьей между мной и между тобой**". Вот, поистине, женские слова, свойственные немощному полу! Как бы так сказала она Аврааму: желая утешить тебя в бесчадии, я показала такую о тебе заботливость, что свою рабу и притом собственными руками передала тебе и убедила к соединению с ней; но ты, видя, как от беременности она стала дерзкой и надменной, должен был укротить ее и наказать за причиненные мне обиды; а ты этого не сделал, но, как бы забыв все прежнее, меня, столько лет жившую с тобой, ты презрел и довел до уничижения перед египтянкой, моей рабой. "**Господь пусть будет судьей между мной и между тобой**". Слова – души огорченной! И если бы в праотце не было столько любомудрия, и он не имел великого уважения к Сарре, то он вознегодовал бы и оскорбился бы такими жестокими словами. Но этот достойный удивления муж все ей простил, зная слабость пола. "**Господь пусть будет судьей между мной и между тобой**". Помысли, говорит, на какой поступок я решилась для твоего утешения, желая, чтобы, хотя в старости, назвался ты отцом; я возвела рабу мою в мое достоинство [т.е. в достоинство жены], а ты, видя ее столь неблагодарной, не наказал ее, и не вознаградил меня за внимание, какое я показала к тебе. **Господь пусть будет судьей между мной и между тобой**". Тот, который знает сокровенные помышления каждого, Тот будет судьей между нами, (и рассудить) как я, будучи выше всякого пристрастия, предпочла твое утешение собственному, и возвела на ложе свое рабу; а ты, ничего сделанного мной не приняв во внимание, дозволяешь ей восставать на мою кротость, не укрощаешь дерзкую, не вразумляешь неразумную. Что ж этот адамант, этот мужественный подвижник Божий, который, во всяком случае, приобретает себе венцы? Показывая и в этом случае свою добродетель, смотри – что он говорит жене: "**вот, служанка твоя в твоих руках; делай с ней, что тебе угодно**" (Быт.16:6). Велико любомудрие праведника, велика сила его терпения! Не только ведь не вознегодовал он на слова Сарры, но и с великой кротостью дает ей свой ответ, говоря: ты подозреваешь, что я виной (причиненных тебе) обид, и думаешь, будто мне приятен этот поступок рабы, так как она однажды была со мной на ложе; но знай, что и прежде, если б я не захотел только тебя послушаться, я не решился бы на это, да и никогда не дозволил бы себе возвести рабу на твое ложе; и теперь, чтобы уверить тебя в этом на самом деле, – вот она "**в твоих руках**": делай с ней, что тебе угодно. Разве уменьшил кто-либо твою власть, или ты лишилась своих прав над ней? Хотя я и принял ее в общение с собой, но ты имеешь свою власть над ней; она в твоих руках: обличай, вразумляй, наказывай ее; что хочешь и что тебе угодно, то и делай с ней; только не огорчайся, и не приписывай мне ее безрассудных поступков. Не собственной ведь страстью побуждаемый, решился я на сообщение с ней, и не так, чтобы потом, увлекаясь пристрастием, неразумно дать ей предпочтение (перед тобой). Знаю подобающую тебе честь; знаю и неблагодарность рабов. Я и не думаю о ней,

и не забочусь. Одна та у меня забота, чтобы ты жила безо всякой скорби, в спокойствии, во всякой чести, вдали от всяких огорчений.

5. Вот истинно супружеский союз, вот (истинный) муж, который не много обращает внимания на слова жены, но, оказывая снисхождение к немощам пола, об одном заботится, чтобы удалить всякое огорчение и утвердить мир и согласие. Пусть слышат это мужи и пусть подражают кротости праведника, оказывая такую же честь и уважение своим женам, и щадя их, как слабейший сосуд, чтобы тем укрепить союз единомыслия. Подлинно, истинное богатство и самое великое счастье (заключается) в том, когда муж и жена не разногласят между собой, соединены друг с другом, как единая плоть, потому что "**двое**", сказано, "**будут одна плоть**" (Быт.2:24). Такие (супруги), хотя бы жили в бедности и были незнатны, могут быть всех счастливее, потому что они наслаждаются истинным счастьем и живут во всегдашнем спокойствии. А те, напротив, кто не наслаждается таким (согласием), но страдает ревностью и теряет блага мира, – те, хотя бы были окружены многим богатством, хотя бы имели роскошный стол, жили в славе, проводят свой век всех несчастнее, вымышляя сами для себя каждый день волнения и беспокойства, всегда подозревая друг друга, и не могут иметь никаких удовольствий, потому что внутренняя вражда (их) все приводит в беспорядок, и причиняет им множество неприятностей. Но здесь нет ничего такого: праотец своей кротостью утишил гнев госпожи (Сарры) и, дав ей совершенную власть над рабой, водворил в доме своем полный мир. "**И Сара стала притеснять ее, и она убежала от нее**" (Быт.16:6). Как только Сарра наказала дерзость рабы, раба обратилась в бегство. Таково свойство рабов: если им не позволяют действовать по-своему, но пресекают их замыслы, они тотчас свергают с себя власть господ и устремляются в бегство. Но посмотри и здесь, каким промышлением свыше пользуется и раба, за честь праведника. Так как она носила в себе семя праведника, то удостаивается даже видения ангела. "**И нашел ее**", говорит Писание, "**Ангел Господень у источника воды в пустыне, у источника на дороге к Суру**" (Быт.16:7). Примечай человеколюбие Господа, как Он никого не презирает, но раб ли то или рабыня, над всеми являет Свое промышление, взирая не на различие званий, а на расположение души. Впрочем, здесь ангел является не по заслугам рабы, но ради чести праведника (Авраама). Как я сказал, ей надлежало удостоиться великого попечения потому, что она удостоилась воспринять в себя семя праведника. "**И нашел ее Ангел, и сказал ей: Агарь, служанка Сарина! откуда ты пришла и куда идешь**" (Быт.16:8)? Смотри, как самые слова ангела приводят ей на память собственное ее состояние. Чтобы сделать ее более внимательной, с самого начала называет ее по имени, и говорит: "**Агарь**", – так как мы обыкновенно бываем внимательнее к тому, кто называет нас по имени. Потом словами: "**служанка Сарина**", ангел напоминает ей о госпоже, и тем дает знать, что, хотя бы она много раз разделяла ложе со своим господином, все же должна признавать Сарру своей госпожой. Но смотри, как ангел испытывает ее, чтобы поставить в необходимость отвечать. Откуда, говорит, пришла ты в эту пустыню, и куда стремишься? А для того, между прочим, Ангел и является ей в пустыне, чтобы вопрошающего она не почла за простого, мимоидущего человека. Там была пустыня и никого другого (кроме явившегося) она (Агарь) не видела. Итак, дабы она знала, что беседующий с ней был не просто случившийся там человек, для того ангел и является ей в пустыне и вопрошает ее. "**Она сказала: я бегу от лица Сары, госпожи моей**" (Быт.16:8). Видишь, как она не отрицает власти госпожи своей (Сарры), но во всем искренно сознается. Вопрошающий меня, думает она, не человек, поэтому не могу его обмануть. Он назвал меня по имени прежде, чем я сказала ему свое имя, упомянул и о госпоже; надобно и мне говорить все по правде. "**Я бегу от лица Сары, госпожи моей**". Смотри, как она вспоминает (о своей госпоже) без всякой ненависти. Не сказала: она меня оскорбила, меня озлобила, и я, не будучи в силах снести ее ненависти, бежала от нее. Никакой укоризны не высказала она (о Сарре), а только себя саму обвинила в бегстве. Видишь ее честность? Смотри же, что сказал ей Ангел: "**Ангел Господень**

сказал ей: возвратись к госпоже своей и покорись ей" (Быт.16:9). На слова (Агари): "**я бегу от лица Сары, госпожи моей**", (Ангел) отвечает: возвратись, иди назад, не будь неблагодарна к той, которая оказала тебе столько благодеяний. А так как она гордостью и высокомерием возбудила гнев госпожи своей, то (Ангел) говорит: "**покорись ей**": это будет полезно тебе. Помни (свое) рабство, не забывай господства (Сарры); не думай высоко, и не мечтай о себе более надлежащего: "**покорись ей**" и окажи ей полное повиновение. Такие слова Ангела довольно смягчили ее сердце, смирили ее высокомерие, укротили ее гнев и умиротворили ее мысли.

6. Далее, чтобы она не подумала, что просто и без причины удостоилась такого промышления, а узнала каким попечением она пользуется ради семени праведника, смотри, как ангел утешает ее, восстановляет ее дух и подает достаточную ей надежду радости словами, которые присовокупляет. "**И сказал ей Ангел Господень: умножая умножу потомство твое, так что нельзя будет и счесть его от множества**" (Быт.16:10). Предсказываю тебе и то, говорит он, что семя твое будет велико, так, что и исчислить его будет невозможно. Итак, не скорби, не ослабевай духом, не смущайся в помыслах, но окажи полное послушание. "**Вот, ты беременна, и родишь сына, и наречешь ему имя Измаил**". Для того, говорит, и рождение тебе я предсказываю и самое имя назначаю имеющему родиться от тебя сыну, чтобы ты, получив большее (в словах моих) удостоверение, возвратилась назад и исправила свои проступки. "**Ибо услышал**", говорит, "**Господь страдание твое**" (Быт.16:11).

Научимся отсюда, какой плод бывает от скорбей и какая польза от несчастий. Так, когда Агарь ушла (от Сарры), и несчастье ее увеличилось, когда она подверглась множеству скорбей, оставаясь в одиночестве, в пустыне, в самых тесных обстоятельствах, после такого благоденствия, после того, как она возведена была в достоинство, равное самой госпоже, то по этим-то именно причинам и получила такую скорую помощь. Будет, говорит ей (ангел), то, что я обещаю тебе: ты родишь сына и семя твое будет без числа, "**ибо услышал Господь страдание твое**". Не будем же и мы нетерпеливы, когда стечение каких-либо обстоятельств стесняет нас. Ничто ведь столько не полезно для нашей природы, как смирять себя, обуздывать свое высокомерие и подавлять надменность духа. Тогда-то наиболее Господь и слышит нас, когда мы призываем его скорбной душой и сокрушенным сердцем в прилежной молитве: "**ибо услышал**", говорит, "**Господь страдание твое**". Потом (ангел) предсказывает образ жизни имеющего родиться (Агари) сына. "**Он будет**", говорит, "**между людьми, как дикий осел**": **руки его на всех, и руки всех на него; жить будет он перед лицом всех братьев своих**" (Быт.16:12). Предрекает ей, что это будет человек мужественный, воинственный, и много будет трудиться в возделывании земли. Итак, из всего, что случилось с рабой, видишь ли славу праотца (Авраама)? Такое промышление о рабе показывает благоволение Господа к этому праведнику. Дав наставление и сообщив благовестие Агари, ангел удалился. Но обрати внимание опять на благоразумие рабы. "**И нарекла**", сказано, "**Господа, Который говорил к ней, сим именем: Ты Бог видящий меня. Ибо сказала она: точно я видела здесь в след видящего меня. Посему источник тот называется: Беэр-лахай-рои, между Кадесом и между Баредом**" (Быт.16:13-14). Смотри, как и (новым) наименованием места хочет сохранить навсегда память о нем. "**Нарекла**", говорит Писание, "**источник**: **Бог видящий меня**". Видишь, как раба, от постигшей ее скорби, становясь мало-помалу благоразумнее, выражает свою благодарность за оказанное ей благодеяние, и воздает, чем может, за столь великое о ней попечение. "**Агарь родила Авраму сына; и нарек имя сыну своему, рожденному от Агари: Измаил**" (Быт.16:13).

7. Отсюда научимся, сколь великое благо – кротость, и какую пользу можно приобрести даже от скорбей. Кротость показал праотец (Авраам) в том, что укротил раздражение

Сары, и, дав ей власть над рабой, через то водворил в доме своем мир; а пользу от скорбей можно видеть из обстоятельств рабы (Агари). Когда она, озлобленная своей госпожой, бежала от нее, и, потерпев много скорбей, с сокрушенной душой воззвала к Господу, тотчас удостоилась вышнего посещения. И дабы она знала, что за смирение и страдание удостоена свыше такого попечения, Ангел говорит ей: "**ты беременна, и родишь сына, и наречешь ему имя Измаил, ибо услышал Господь страдание твое**". Итак, возлюбленные, зная, что скорби наиболее приближают нас к Господу, если только мы будем бодры духом, и что тогда мы можем снискать Его милость, когда приступаем к Нему с сокрушенной душой и с горячими слезами, – зная это, не будем унывать в несчастиях; но, размышляя о пользе скорбей, станем благодушно переносить все случающееся с нами; научимся быть тихими и кроткими ко всем вообще, а в особенности к своим супругам; справедливо ли или несправедливо они будут порицать нас, не будем слишком много обращать на то внимания, а более заботиться об одном, чтобы удалять причины неприятностей, и в доме своем сохранять глубокий мир, чтобы и жена имела обращение свое к мужу и муж от внешних тревог и бурь мог прибегать к ней, как к пристани, и находить в ней всякое утешение. Жена ведь дана мужу в помощь, чтобы муж с ее утешением мог переносить все, случающееся с ним в жизни. И если жена будет кроткая и украшена добродетелями, то не только своим сообществом доставит мужу утешение, но и во всем вообще окажет ему великую пользу, все для него облегчая и во всем помогая, не оставляя его в тяжких испытаниях, как внешних (вне дома), так и тех, которые ежедневно случаются в доме; но, как искусный кормчий, она своим благоразумием утишит в нем всякую душевную бурю и своим сожитием доставит ему утешение. Живущих в таком союзе супружества ничто в настоящей жизни не может слишком опечаливать, ничто не может нарушить их мирного счастья, потому что где между мужем и женой господствует единодушие, мир и союз любви, там стекаются все блага, и они (муж и жена) бывают безопасны от всяких злых наветов, ограждены как бы великой и несокрушимой стеной – единодушием о Господе. Это делает их тверже адаманта, крепче железа; это умножает их богатство и всякое обилие; это возводит их на высшую степень доброй славы; это и от Бога привлекает на них великое благоволение. Будем же, прошу вас, ценить выше всего единодушие, и все будем делать так и направлять к тому, чтобы в супружестве постоянно сохранялись мир и тишина. Тогда и дети будут подражать добродетелям родителей, и рабы последуют им, и по всему дому процветать будет добродетель, и во всех делах будет благопоспешение. Когда мы угождение Богу будем предпочитать всему, то все доброе как бы рекой потечет к нам, и мы не будем иметь никаких скорбных чувств, потому что благость Божья все будет ниспосылать нам в изобилии. Итак, чтобы и сами мы беспечально проводили настоящую жизнь, и от Господа приобретали более и более милостей, сохраним добродетель, постараемся ввести в наши дома единодушие и мир; позаботимся о добром воспитании детей, о нравственности рабов, чтобы за все это получив щедрое воздаяние удостоиться нам и обетованных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава и честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 39

“Аврам был девяноста девяти лет, и Господь явился Авраму” (Быт. 17:1).

1. Видели вы, возлюбленные, как в божественном Писании ничего не говорится без пользы? Видели, как много пользы получили мы вчера, беседуя об Агари и ее бегстве? Мы узнали великую кротость праотца, высоту его целомудрия, уважение, какое он оказывал Сарре, считая всего драгоценнее согласие с нею. Мы видели, как Бог, по неизреченному человеколюбию Своему, желая почтить праведника, не только возвратил

Агарь, блуждавшую в пустыне и бежавшую от страха пред своей госпожой, но и даровал ему (Аврааму) потомство в Измаиле, доставляя таким образом праведнику великое утешение, и даруя ему награду за терпение. А когда родился Измаил, то божественное Писание, желая указать нам возраст праотца, означило и самое число лет его, сказав: “**Аврам был восьмидесяти шести лет, когда Агарь родила Авраму Измаила**” (Быт.16:16). Рассмотрим же теперь это и последующие изречения (Св. Писания), и мы опять увидим, как велико было терпение праведника, и как велико и неизреченно человеколюбие Господа. Мы увидим это ясно, если опять обратим внимание на лета жизни праотца и на то, как всеблагой Бог благоустроял его судьбу, постоянно подвергая Своего раба испытаниям, и тем обнаруживая любовь к Богу в душе его. Господь, конечно, Сам ясно провидел добродетель Своего раба, благообразие его души, и вполне знал цену этому маргариту; но хотел явить его всем его современникам, чтобы и в последующие роды добродетель праведника привлекала желающих к ревности и подражанию ему. Потому-то Бог постепенно раскрывает богатство души праведника, для того, чтобы и мы научились никогда не терять веры в обетования Божия, и не унывать в случае медленности (их исполнения); а как скоро обещает Господь всяческих, то больше уповали бы на невидимое, чем на видимое и на то, что у нас в руках, и были уверены, что обетования Божии никогда не останутся без исполнения, хотя бы даже в течение долгого времени происходило, по-видимому, противное им; не смущались оттого духом, но помнили благопромыслительную и всемогущую силу Обещавшего, и знали, что когда Он восхощет привести в исполнение Свои судьбы, то все Ему покоряется и повинуется. Как Господь и Создатель естества, Он может даровать нам и то, что выше естества. Итак, смотря на свои немощи, не будем испытывать дел Божиих, и не будем колебаться в мыслях, рассматривая естественный порядок (вещей); но как благоразумные рабы, зная беспредельное всемогущество нашего Господа, будем веровать Его обетованиям, возвысимся над естественною нашею немощью, чтобы и обещанное получить, и Его благоволением насладиться, и всеми силами будем оказывать Ему подобающее почитание. В том-то и состоит истинное с нашей стороны богопочитание, когда мы уповаем на Его всемогущество, хотя бы видимое для плотских очей и казалось противным (Его обетованиям). Что же ты удивляешься, если (я сказал, что) самое великое богопочитание в том именно состоит, чтобы не сомневаться (в Его обетованиях)? И подобные нам люди, когда обещают что-нибудь из этих временных и тленных вещей, и мы не сомневаемся, а смело верим их обещанию, считают это за большую для себя честь, т.е. что мы не сомневаемся, а верим их обещаниям. Если же так бывает у людей, которые и изменяются часто, и, по немощам, не всегда могут исполнять свои намерения, то не гораздо ли больше должны мы веровать в обетования Божии, хотя бы и не скоро они исполнились? Я сказал теперь это не без цели, а для того, чтобы, приступая к началу нынешнего чтения, видеть, как человеколюбивый Бог, желая соделать праотца для всех досточтимым, столько лет медлит (в исполнении своих обетований), и праведник не скорбит, не унывает от замедления, не отчаивается, но питаясь благими надеждами, во всем обнаруживает свою боголюбивую душу. Мы ясно увидим всю добродетель праотца, когда узнаем, сколько прошло между тем времени. Это показывает нам блаженный Моисей, вдохновляемый Святым Духом. Что же он говорит? Когда (Авраам) внял повелению Божию, и, востав, устремился из Харрана в землю ханаанскую, тогда ему было семьдесят пять лет (Быт.12:4). И как только вступил он в землю ханаанскую, (Бог) обещал всю эту землю дать ему и семени его, и так размножить (его потомство), что оно будет бесчисленно, как песок и звезды. Между тем после этого обетования многое случилось с праведником: удаление, по причине голода, в Египет, похищение Сарры, и вслед затем (открывшееся) промышление (о нем) Божие, потом, по возвращении (из Египта), оскорбление Сарры от царя герарскаго, и немедленное заступление от Бога. Праведник, видя все эти события после данного обетования (Божия), не смущался духом, не испытывал, для чего, получив такие обетования, он каждый день подвергается столь

многим и столь великим искушениям, и столько времени остается бесчадным; но, как муж благочестивый, не дерзая дела Божии подвергать суду своего немощного разума, был спокоен и с утешением принимал все угодное Богу.

2. Спустя девять лет [разумеется, после того, как даны были Аврааму обетования о потомстве] получил (Авраам) Измаила от рабыни, и думал, что на нем-то исполнятся обетования. "**Аврам был**, **-** говорит Писание о праотце, - **восьмидесяти шести лет, когда Агарь родила Авраму Измаила**" (Быт.16:16). Между тем, Бог еще тринадцать лет испытывает терпение праведника, и только тогда исполняет Свое обетование. Он хорошо знал, что, как золото, очищаемое чрез долгое время в горниле, добродетель праведника явится (в искушении) чище и светлее. Когда же, говорится, Аврааму было девяносто девять лет, явился опять ему Бог (Быт.17:1). Для чего Он медлил столько времени? Для того чтобы мы узнали не только терпение и великую добродетель праведника, но и беспредельное всемогущество Божие. Когда уже изнемогла природа и стала неспособною к деторождению, потому что тело (Авраама) уже увяло и иссохло от старости, - тогда только, открывая вполне всю добродетель праведника, и являя Свою силу, (Бог) исполняет Свои обетования. Необходимо, впрочем, выслушать самые слова, сказанные Богом Аврааму: когда ему было девяносто девять лет, "**явился**" ему Бог "**и сказал ему**". Когда ты слышишь, что Бог явился, не предполагай тут ничего земного, и не думай, (что можно) видеть телесными глазами божественное и бестелесное естество, но рассуждай обо всем благочестиво. "**Явился**" ему Бог, то есть, его сподобил откровения, и видя его достойным Своего промышления, являет ему особенное снисхождение, и вступает с ним в беседу: "**Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь непорочен; и поставлю завет Мой между Мною и тобою, и весьма, весьма размножу тебя. И пал Аврам на лице свое**" (Быт.17:1,2,3). Велико благочестие праведника, необычайно и благоволение к нему всеблагого Бога! Говорит: "**Я Бог Всемогущий**" или "**Я - вот завет Мой с тобою**". Как бы так сказал: "**Я**", до настоящего времени многоразлично устроявший судьбу твою, "**Я**", воззвавший тебя из дома твоего и приведший сюда; "**Я**", поборавший по тебе и возвеличивший тебя над всеми наветниками твоими. И не сказал просто: "**Я Бог**"; но - "**Я Бог Всемогущий**" или "**Я - вот завет Мой с тобою**". Примечай великую благость; смотри, как и этим прибавлением выражает Он Свое благоволение к праведнику. Бог всей вселенной, Содетель всяческих, Творец неба и земли, говорит: "**Я Бог Всемогущий**". Великая почесть праведнику! Так обыкновенно говорят и пророки. Как теперь Сам Он, общий всех Господь, позволяет рабу называть Себя Богом своим, и после, как увидим, Он говорит: Аз есмь Бог Авраамов, Исааков, Иаковлев, - так и пророки нередко говорили: Боже, Боже, - не ограничивая собою только господства Его, а показывая свою неизмеримую любовь. Но когда это делают люди, ничего нет удивительного; а когда сам Бог так делает в отношении к людям, это необычайно и чудно. Впрочем, не будем удивляться, возлюбленные, а послушаем пророка, который говорит: "**Лучше один праведник**, **нежели тысяча грешников**" (Сир.17:3), также блаженного Павла, который говорит: "**Скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин**" (Евр.11:37,38). Таким образом пророк выражает, что один, творящий волю Божию, лучше бесчисленного множества беззаконных; а блаженный Павел, учитель вселенной, вспомнив о всех праведниках, проводящих свою жизнь в скорбях и во всякой тесноте, говорит: "**Те, которых весь мир не был достоин**". Целому миру он противопоставил этих гонимых и скорбящих, чтобы показать величие добродетели. Потому-то и Содетель всех говорит праотцу: "**Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь непорочен**". Я не презрю подвигов столь великой твоей добродетели, но "**поставлю завет Мой между Мною и тобою, и весьма, весьма размножу тебя**". Не просто (говорит) умножу, но умножу "**весьма**", показывая необычайное размножение. Что прежде выразил Он словами: "**Как песок земной**" и "**звезды**", то же и теперь означает словом: "**весьма**". А признательный и благочестивый

раб, видя столь великое снисхождение к себе от Бога и такое попечение Его о своем служителе, изумляясь и помышляя о собственном немощном естестве, о благости Божией и бесконечной силе, **-** "**Пал Аврам, -** говорит Писание, **- на лице свое**", - выражая таким образом свою признательность. Не только не возгордился и не вознесся мыслию от оказанного ему благоволения, но еще более смирил себя: "**Пал**, **-** сказано, **- на лицо свое**". Такова признательная душа: чем больше пользуется приближением к Богу, тем больше обнаруживает благоговения к нему: "**Пал Аврам на лице свое**". И когда праведник, после того (данного ему) дерзновения, смотря на себя и на немощь человеческой природы, не дерзал даже восклонить главы, а, преклонившись долу, выражал тем свое глубокое благоговение, - смотри опять, какое неизреченное милосердие являет всеблагой Бог. "**Бог продолжал говорить с ним и сказал: Я - вот завет Мой с тобою: ты будешь отцом множества народов, и не будешь ты больше называться Аврамом, но будет тебе имя: Авраам, ибо Я сделаю тебя отцом множества народов; и весьма, весьма распложу тебя, и произведу от тебя народы, и цари произойдут от тебя**" (ст. 3-6).

3. Заметь, возлюбленный, как и теперь (Бог) все ясно предрекает праведнику, и чтобы дать ему еще большее удостоверение, прилагает к имени его новую букву, и говорит: "**Будешь отцом множества народов, и не будешь ты больше называться Аврамом, но будет тебе имя: Авраам, ибо Я сделаю тебя отцом множества народов**". Прежнее имя его (Аврам) выражало переселение (слово Аврам на еврейском языке значит: переселенец, как это изъясняют сведущие в том языке); и так как он должен был выйти из своей земли в ханаанскую, то родители и дали ему такое имя. Может быть, кто-нибудь скажет: ведь родители его были неверные; откуда же у них могло быть такое предвидение, что они в самом имени (его) выразили то, что имело быть спустя долгое время? И это есть дело промыслительной премудрости Божией, которая часто чрез неверных устрояет такие случаи. Подобное много раз случалось, как мы можем видеть, и с другими; вот и сейчас приходит нам на память наименование Ноя. И ему не просто и не случайно родители дали такое имя, а предзнаменовали в нем через пять лет имеющий быть потоп. А что отец Ноя не потому дал такое имя своему сыну, что был добродетелен, послушай Писания, которое говорит ясно: "**Ной был человек праведный и непорочный в роде своем**" (Быт.6:9). Не умолчало бы Писание и не сказало бы, что Ной один был праведен, если бы и Ламех, отец его, был ревнителем добродетели этого праведника. Между тем, намереваясь дать своему сыну имя, (Ламех) говорит: "**И нарек ему имя: Ной, сказав: он утешит нас в работе нашей и в трудах рук наших при [возделывании] земли, которую проклял Господь**" (Быт.5:29). Скажи, пожалуй, откуда у него (у Ламеха) такое знание о том, что должно было случиться через несколько поколений? Наречется, говорит он, имя ему Ной; "**он утешит нас**". **Ной** на еврейском языке означает покой. Итак, поелику (Ной) один только мог спастись во время потопа, покрывшего вселенную, и должен был положить начало бытию последующих (после потопа) родов, то он (Ламех) и говорит: "**он утешит нас**", упокоением называя потоп. Действительно, потоп, покрывши водами всю землю, отягченную грехами тогдашних людей и носившую на себе всякую скверну, и пресекши всякое зло беззаконных людей, очистил землю, которая сделалась нечистою от злобы своих жителей, и их самих чрез наказание упокоил: смерть бо, говорит Писание, мужу покой (Иов.3:23). Теперь видишь ли, как нередко и чрез неверных предзнаменуется будущее по устроению Божию)? Таким же образом и этому праотцу (Аврааму) родители дали имя, заранее предзнаменуя то, что он будет пресельником, и, перешедши реку, пойдет в чужую землю. Итак, говорит Бог Аврааму, если имя, данное тебе родителями, предзнаменовало твое переселение оттуда сюда [т.е. из земли отечественной в землю ханаанскую], то прими прибавление (к этому имени) буквы, в предзнаменование того, что ты будешь отцом многих народов. Заметь, какая точность в словах. Не сказал: всех "**народов**", а только **-** "**множества**". Так как были и иные народы, которым надлежало быть изгнанными оттуда [т.е. из земли ханаанской], чтобы семя праведника получило свое

наследие, то Бог и говорит: “**Будешь отцом множества народов**”. Зная величие твоей добродетели, Я сделаю тебя наставником многих народов, “**и весьма, весьма размножу тебя, и произведу от тебя народы, и цари произойдут от тебя**”. Не пройдем, возлюбленные, без внимания этих слов. Если мы подумаем о возрасте праотца, - о том, что он услышал это в последней старости, то удивимся вере праведника и беспредельной силе человеколюбца Бога, который от человека, так сказать, уже умершего, ослабевшего телом и каждый день ожидающего своей кончины, предрекает такое умножение семени, что из него произойдут даже народы; и не только это предрекает, но что и “**цари произойдут от тебя**”. Видишь ли, как постепенно возвышаются обетования? “**Весьма, весьма**, **-** говорит, **- размножу тебя**”. Не без причины повторяет (Бог) это слово, а для того, чтобы показать праведнику необычайное множество (потомства). Затем, через приложение буквы, на самом имени праотца, как бы на каком столпе, начертав неизгладимое знамение (своего) обетования, Бог говорит далее праотцу: “**И поставлю завет Мой между Мною и тобою, и между потомками твоими после тебя в роды их, завет вечный в том, что Я буду Богом твоим**” (ст. 7). Не только о тебе, говорит, покажу великое попечение, но и о семени твоем после твоей смерти. Смотри, как (Бог) ободряет дух праведника, обещая ему, что будет иметь великое промышление и о семени его. В чем же сила завета? “**Я буду**, **-** говорит, **- Богом твоим и потомков твоих после тебя**”. Это будет величайшее из всех благ для тебя и для семени твоего. “**И дам тебе и потомкам твоим после тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую, во владение вечное; и буду им Богом**” (ст. 8). За твою добродетель и потомки твои будут пользоваться Моим промышлением, и дам им землю “**Ханаанскую, во владение вечное; и буду им Богом**”. Что значит: “**И буду им Богом**”? Это значит, что покажу о них великое попечение и промышление, во всем буду являть им Свою помощь; только “**ты же соблюди завет Мой, ты и потомки твои после тебя в роды их**” (ст. 9). Ничего другого не требую от вас, кроме послушания и благодарности; а Я все, что обещал, исполню.

4. Но, желая усвоить Себе потомков (Авраама) и сделать их Своим народом, Бог не хотел, чтобы с течением времени, когда они размножатся, они смешались с теми народами, землю которых должны были наследовать; затем, так как впоследствии, по Его предречению, они должны были еще подвергнуться рабству в Египте, то, чтобы и там они не смешались с египтянами, Бог в качестве знамения заповедует праведнику обрезание и говорит: “**Сей есть завет Мой, который вы [должны] соблюдать между Мною и между вами и между потомками твоими после тебя: да будет у вас обрезан весь мужеский пол; обрезывайте крайнюю плоть вашу**” (ст. 10,11). Потом, вразумляя их и всех нас о том, для чего дал такую заповедь, - именно для того, чтобы это было знаком избранного народа Его, Он говорит: “**И сие будет знамением завета между Мною и вами**” (ст. 11). Далее назначает и время, когда должно совершать (обрезание). “**Восьми дней от рождения**, **-** говорит, **- да будет обрезан у вас в роды ваши всякий [младенец] мужеского пола, рожденный в доме и купленный за серебро**” (ст. 12), словом - все вообще, живущие с вами, примут это знамение. И всякий, кто не обрежется в назначенный день, “**истребится**” за то, что разорил завет Мой, преступил заповедь (ст. 14).

Заметь премудрость Господа, как Он, предвидя в будущем развращение сердец их, полагает на них как бы некую узду, дает им такое знамение - обрезание, чтобы обуздать неукротимые страсти их и не допустить их до смешения с языческими народами. Он знал их похотливость и то, что они не воздержатся от животных стремлений, несмотря ни на какие внушения; поэтому, давая им всегдашнее напоминание в знамении обрезания, Он полагает на них это знамение, как бы некоторые узы, назначает им меру и пределы, которых они не должны были преступать, оставаясь всегда в кругу своего племени, и не позволяя себе никакого смешения с другими народами, и таким образом сохраняя чистым семя своего праотца (Авраама), чтобы и обетования Божии могли на них исполниться. И

как иной честный и скромный человек, имея невоздержную рабу, обуздывает ее тем, что дает ей ограничительное правило никогда не выходить за ворота своего Бога и не показываться проходящим, а часто еще и ноги ее заключает в узы, чтобы, хотя таким образом, можно было удержать ее неумеренность, - так и человеколюбец Господь полагает на плоть знамение обрезания, как узы на ноги, чтобы постоянно имея при себе такое напоминание, они (евреи) не нуждались уже в наставлении от других. Но неразумные и бесчувственные иудеи хотят и ныне, вовсе безвременно, хранить обрезание, и обнаруживают (тем) в себе детский смысл. Для чего, в самом деле, скажи мне, хотят они ныне обрезываться? Тогда они получили эту заповедь, чтобы не смешиваться с другими нечестивыми народами, а ныне, когда по благодати Божией все (народы) приводятся к свету истины, какая польза в обрезании? Разве отсечение плоти способствует сколько-нибудь свободе души? Не слышали ли они (евреи), как ясно Бог сказал: "**И сие будет знамением завета**", **-** как бы показывая тем, что (только) по великому своему неразумию они имели нужду в таком знамении? Подобное часто бывает и в делах человеческих. Когда мы не доверяем кому-нибудь, то стараемся получить от него какой-либо знак в виде залога; так и Бог всяческих, зная легкомыслие их (евреев), восхотел потребовать от них этого знамения - не с тем, чтобы оно осталось навсегда, но чтобы, с окончанием тогдашнего завета, было отменено и употребление этого знамения. Как между людьми, требующими друга от друга какого-либо знака или залога, этот знак тотчас уничтожается, как скоро кончится между ними предпринятое дело, так точно и здесь. Так как это знамение введено было между вами только для того, чтобы народ, происшедший от патриарха, очевидным образом отличался от других (народов), то, как скоро из тех народов, ради которых вы приняли такой знак, одни уже совершенно исчезли, а часть других обратилась к свету истины, следовало уже и вам не носить (на себе) свидетельства своего неразумия, но отменить его и возвратить себе прежнее достоинство. Рассуди, что ведь чудный тот (муж), говорю о праотце, еще прежде, чем получил заповедь об обрезании (а он был уже девяноста девяти лет, когда дана была эта заповедь), был угоден Богу, и тысячекратно прославлен Господом. И только тогда уже, когда приблизилось время исполнения обетований Божьих, когда надлежало родиться Исааку, и роду его размножиться, а самому праотцу преставиться от этой жизни, только тогда он получает заповедь обрезания, и сам обрезывается уже в такой старости, чтобы сделанное праотцем послужило как бы законом и правилом для всех его потомков.

5. А чтобы вы лучше убедились, возлюбленные, что обрезание нисколько не способствует к добродетели душевной, можно рассмотреть самые обстоятельства дела. Для чего (Бог) говорит: "**Восьми дней от рождения да будет обрезан … всякий [младенец]**"? Я думаю, что человеколюбец Бога определил такое время с двоякою целью: во-первых, чтобы в незрелом возрасте легче можно было переносить болезнь обрезания; а во-вторых, чтоб из самого дела могли они (евреи) видеть, что (обрезание) само по себе нисколько не приносит пользы душе, а назначено быть только как знамение. В самом деле, какую пользу (от обрезания) может получить для души несовершеннолетнее дитя, не разумеющее того, что (с ним) делается, не имеющее и смысла? Ведь совершенство души составляет собственно то, что делается по свободному произволению, то есть, когда сама душа избирает добро и убегает зла. Так, совершенство души состоит в том, чтобы не только не желать большего, но и то, что есть, раздавать неимущим; совершенство души - не прилепляться к настоящему, напротив - презирать его и постоянно помышлять о будущем. А иметь знак на теле - какое тут совершенство? Но неразумные и бессмысленные иудеи, еще сидящие в сени, когда уже явилась истина, еще приседящие свету светильника, когда уже воссияло солнце правды и всюду простирает лучи (своего) света, еще питающиеся млеком, когда уже (настало) время крепкой пищи, не хотят и блаженного Павла слушать, который велегласно говорит: "**И знак обрезания он получил, [как] печать праведности через веру, которую [имел] в необрезании**" (Рим.4:11).

Смотри, как он (апостол) учит нас здесь и тому и другому, - и тому, что обрезание принял он (Авраам), как знамение, и тому, что, еще не будучи обрезан, он показал уже правду от веры. Чтобы иудей не дерзнул сказать: не обрезание ли доставило ему (Аврааму) оправдание? - для того блаженный (апостол), воспитанный у ног Гамалиила и тщательно наставленный в законе, говорит: не думайте, бесстыдные иудеи, чтобы обрезание само по себе послужило ему к оправданию; еще не будучи обрезан, а показав только в себе веру, он уже был оправдан: "**Аврам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность**" (Быт.15:6). Итак, уже после того, как он получил оправдание по вере своей в Бога, он принимает знамение обрезания; и сперва (Бог) прилагает к имени его букву, а потом заповедует обрезание, и тем показывает, что только за великую добродетель Он избирает и приближает к Себе праведника, а ради него - и его потомков. И как люди, приобретающие рабов, часто переменяют и имена и одежду их, и все делают для того, чтоб отличить их от других рабов, чтобы по всему видно было, кто ими владеет, так и Бог всяческих, желая отличить его (Авраама) от других людей, чрез приложение буквы назначеновал, что он будет отцом многих народов, а чрез обрезание - что народ его будет избранный, и что имеющее произойти от него потомство будет отделено от прочих народов. Но, если и они, по слепоте своей, еще хотят соблюдать обрезание плоти, не слушая слов Павла: "**Если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа**" (Гал.5:2), - для того ведь явился Господь, чтобы все это уничтожить и для того весь закон исполнил, чтобы на будущее время отменить соблюдение закона, почему и восклицал блаженный Павел: "**Вы, оправдывающие себя законом, … отпали от благодати**" (Гал.5:4), - то мы, с своей стороны послушаем блаженного Павла, и примем нерукотворное обрезание. "**В Нем вы**, **-** говорит он, **- и обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым**"; и далее, чтобы точнее показать нам, в чем состоит такое обрезание, он присовокупляет: "**Быв погребены с Ним в крещении**" (Кол.2:11,12). Как их (иудеев) знамение обрезания отделяло от прочих народов, и показывало в них народ избранный Богом, таким же образом и у нас обрезание крещения составляет очевиднейшее различие и разделение верных от неверных. "**В Нем вы**, **-** говорит (апостол), **- и обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти**". Как там обрезание совершается в отложение плоти, так здесь крещение - в отложение грехов. Итак, совлекшись однажды греховной плоти и приняв чистую одежду, пребудем, возлюбленные, в чистоте; побеждая страсти плотские, усвоим себе добродетель; находясь под благодатью, поревнуем тому, кто жил под законом, или даже прежде самого закона, чтобы, направив нашу жизнь по его стопам, удостоиться принятия в его лоно и достигнуть вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 40

"И сказал Бог Аврааму: Сару, жену твою, не называй Сарою, но да будет имя ей: Сарра" (Быт. 17:15).

1. Предложим вам ныне остатки вчерашней трапезы и окончим слово, именно о благословении и обетовании, которое Бог всяческих даровал праотцу. Но, слыша об остатках трапезы, не предполагай тут ничего чувственного: остатки духовной трапезы не то, что остатки от яств. Последние, теряя свежесть, уже не имеют никакой приятности для вкушающих; а если будут оставлены еще на один или два дня, то делаются совершенно негодными. Но остатки духовные, хотя бы оставлены были не на один только или два дня, а на самое продолжительное время, приносят всегда одинаковую пользу и не теряют своей приятности, потому что они божественны и духовны, и от времени не терпят никакого вреда, а напротив, с каждым днем дают чувствовать в себе новую сладость, и желающим

вкушать их доставляют великое и полное удовольствие. Если же таково свойство этих остатков, то и вы, конечно, пожелаете насладиться ими, и мы, уверенные в их пользе, предложим их вашей любви. Но чтобы настоящая беседа для вас была яснее, нужно припомнить конец сказанного вчера слова, и в связи с тем приступить к дальнейшему поучению. Мы изложили заповедь Божию об обрезании, именно - слова Божии к праотцу: "**Да будет у вас обрезан весь мужеский пол; … и сие будет знамением завета между Мною и вами. Восьми дней от рождения да будет обрезан у вас в роды ваши всякий [младенец] мужеского пола. … Который не обрежет крайней плоти своей, истребится душа та из народа своего, [ибо] он нарушил завет Мой**" (Быт.17:10-14). Здесь, на слове об обрезании, мы окончили поучение, и чтобы не отяготить вашего ума множеством сказанного, не стали продолжать далее (беседы). Мы, ведь, не о том только заботимся, чтобы сказать много и с тем уйти, но желаем соразмерять учение слова с вашею силою, чтобы вы все отходили в свои дома, получив хотя какой-нибудь плод от наших слов. Итак, продолжим, что следует после сказанного вчера, и посмотрим, что после заповеди об обрезании говорит праотцу человеколюбец Бог. "**И сказал Бог Аврааму: Сару, жену твою, не называй Сарою, но да будет имя ей: Сарра**". Как тебе, говорит Бог Аврааму, чрез приложение буквы, Я назнаменовал, что ты будешь отцом многих народов, так подобным образом и к имени Сары прилагаю букву, дабы ты знал, что теперь наступает время исполниться прежним многим обетованиям. "**Будет, -** говорит, **- имя ей: Сарра; Я благословлю ее и дам тебе от нее сына; благословлю ее, и произойдут от нее народы, и цари народов произойдут от нее**" (ст. 16). Для этого-то Я делаю прибавление буквы, дабы ты познал, что все, сказанное Мною, непременно сбудется, и не отчаивайся, смотря на немощь естества (твоего), но, взирая на величие силы Моей, твердо уповай на слово Мое. "**Благословлю ее и дам тебе от нее сына; благословлю ее, и произойдут от нее народы, и цари народов произойдут от нее**". Выше естества человеческого было такое обетование, и подобно тому, как если бы кто обещал из камней сотворить людей. Действительно, в рассуждении чадорождения нисколько не отличались от камней - ни праотец, по старости уже бессильный и к деторождению неспособный, ни Сарра, кроме неплодства, бывшая также в преклонных летах и старости. Впрочем, праведник думал, что данное прежде Богом обетование должно исполниться на Измаиле, так как сказано было только: "**Дам тебе и потомкам твоим после тебя землю**", а не показано, что эти это слова относятся к сыну, имеющему родиться от Сарры, и потому-то праотец сам почитал обетование уже исполненным. Теперь же, слыша такие слова от Господа Бога: "**Благословлю ее** (Сарру) **и дам тебе от нее сына; благословлю ее, и произойдут от нее народы**"; и опять: "**И цари народов произойдут от нее**", - праотец не знал, что сказать (на это), (а как муж благочестивый, он не мог не веровать словам Божиим), и, смотря на свои преклонные лета и на неплодство Сарры, продолжавшееся до такой глубокой старости, впал в недоумение и изумленный таким обетованием, "**пал Авраам**, **-** сказано, **- на лице свое, и рассмеялся**" (ст. 17).

2. Понимая все величие обетования, и помышляя о всемогуществе Обещавшего, "**пал Авраам на лице свое, и рассмеялся**", т.е., возрадовался; но по соображениям ума он мыслил и то, каким образом сделается это (изменение) в порядке человеческого естества, т.е. что у столетнего (человека) родится сын, и жена неплодная, не рождавшая даже до девяноста лет, внезапно сделается способною к деторождению? Но, размышляя так в уме своем, ничего подобного не дерзнул он высказать на словах, а только, выражая свою признательность, он молил (Бога) о Измаиле, как бы говоря: Господи, Ты довольно утешил меня, и скорбь о бесчадии дарованием Измаила обратил в радость. После того, как он родился, мне никогда уже и на мысль не приходило, и я никогда не думал, что мне будет еще чадо от Сарры; да и сама она этого не ожидала, почему и (рабу) Агарь передала мне, уже оставив всякую надежду на саму себя. Оба мы получили достаточное утешение, когда родился Измаил. Да будет же этот, данный нам от Тебя (сын), жив пред Тобою; и

мы будем иметь достаточную отраду, и жизнь его утешит нашу старость. Что же человеколюбивый Господь? Так как Он в продолжение столь долгого времени уже достаточно испытал благочестивую душу праведника и веру Сарры, и видел, что оба они потеряли на себя всякую надежду, - один по старости, а другая помимо старости еще и по неплодству, - то и говорит: теперь это кажется для вас совершенно невозможным, но для того-то Я так долго и медлил [т.е. исполнять обетование о рождении сына], чтобы показать, что дар, ниспосылаемый Мною, есть выше человеческого естества, чтобы и вы, и все другие из этих опытов познали, что Я Владыка природы, и что она Моею волею управляется и повинуется Моим повелениям. Если Я из несущего произвел ее, тем более уже существующую и поврежденную могу исправить. А для уверения твоего, слушай, ободрись, и, удалив от себя колеблющиеся в уме твоем помыслы, убедись вполне от слов Моих. Вот Сарра, жена твоя, о которой ты думаешь, что по неплодству и по старости она уже не может рождать, - родит тебе сына. И чтобы ты нисколько не сомневался, вот Я скажу тебе наперед и самое имя будущего сына: ты назовешь его Исааком. “**Поставлю завет Мой с ним заветом вечным [и] потомству его после него**” (ст. 19). Это именно тот, которого Я обещал тебе с самого начала; на нем-то исполнятся Мои обетования. Поэтому Я и говорю тебе наперед не только то, что он родится, но и то, как ты назовешь его, и то, что с ним Я положу завет Мой, и не с ним только, но и “**потомству его после него**” (ст. 19). Потом, всегда щедрый в дарах и исполняющий с преизбытком прошения наши (Господь), возбудив дух праведника, Своими обетованиями сделав этого старца, можно сказать, юным, и как бы уже мертвого, оживотворив Своими словами, умножает (ему) Свои благодеяния и говорит: и то, что Я обещал тебе, сделаю, а вместе с тем и прошение твое о Измаиле исполню. Я услышал молитву твою, “**Я благословлю его, и возращу его, и весьма, весьма размножу; двенадцать князей родятся от него; и Я произведу от него великий народ**” (ст. 20). Так как он, говорит (Бог), есть семя твое, то я так “**возращу его, и весьма, весьма размножу**”, что от него произойдут двенадцать народов. “**Но завет Мой поставлю с Исааком, которого родит тебе Сарра в сие самое время на другой год**” (ст. 21). Посмотри же теперь, возлюбленный, как праведник в одно мгновение получает награду за все (прежнее) время, и исполняется слово, сказанное от Христа ученикам: “**И всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную**” (Мф.19:29). В самом деле, подумай, как этот праведник, с готовностью повинуясь повелению Господа, оставил собственное отечество, предпочел чужую сторону родной, как показал он в себе великое терпение и мало-помалу восшел на необычайную высоту добродетели, и за то столько прославлен, что потомство его стало равно множеству звезд. А если рассуждать основательно, то он получил не только во сто раз, но и в десять тысяч раз более. Если же он здесь удостоился столь великих наград, то какое слово может изобразить уготованные ему блага - там? Впрочем, сколько возможно, и это в слове покажем. В самом деле, когда слышишь, что все праведники, с того времени доныне, и до последних времен, молятся о том, чтобы вселиться в недра этого праотца, то можно ли представить славу больше этой? Видишь ли, как много значит терпение, что значит добродетель, что значит благочестие и великая признательность к благодеяниям Господа? Вот за то, что он жертвовал собою во всякое время, все принимал с благодарностью, и приятное и неприятное, человеколюбивый Бог наконец и даровал ему высшее из всех благ и для самого праведника наиболее вожделенное. Посмотри, как Бог искушал добродетель праведника в продолжение двадцати четырех лет, потому что в то время, как, повинуясь повелению Господа, он вышел из Харрана, ему, как сказано, было семьдесят пять лет, а теперь, когда услышал это обетование [т.е. об Исааке], ему наступил уже сотый год.

3. Слыша это, возлюбленные, научимся иметь великое терпение, и никогда не ослабевать и не унывать в подвигах добродетели; будем знать, что Владыка наш, щедрый и

многомилостивый, воздает нам за малые труды великими наградами, и что Он не только в будущем веке уготовляет для нас бессмертные блага, но и в настоящей жизни, утешая нас в немощах естества нашего, подает нам многие дары. Вот и этот праотец в продолжение показанного времени потерпел немало скорбей, хотя каждый раз скорбь его соединялась с утешением. Господь всяческих, имея попечение о наших немощах, не всегда ведь попускает терпеть и скорби нам, чтобы они не слишком отягчали немощь нашу; напротив, Сам скоро подает нам Свою помощь, укрепляя наше сердце и ободряя дух; равно и в благополучии не всегда оставляет нас, чтобы мы, сделавшись беспечными, не склонились ко злу. Природа человеческая, когда наслаждается слишком много счастьем, забывает благородство, и не удерживается в своих пределах. Потому-то Он, как любвеобильный Отец, порой снисходит к нам, а порой наказывает нас, чтобы таким образом управить нас ко спасению душевному. Подобно тому как врач, когда лечит больного, не всегда томит его скудною пищею, но не всегда позволяет и наслаждаться обильно яствами, чтобы многоядение не произвело воспаления, и чрез то не усилило болезни, а с другой стороны, чтобы постоянно скудная пища не ослабила его еще более, но располагает свое врачевание, соображая состояние и силы болящего, и со тщанием употребляя все свое искусство, - так точно и человеколюбец Бог, ведая, что каждому из нас полезно, иногда дозволяет нам наслаждаться благополучием, иногда же подвергает нас искушениям. Если искушаются люди добродетельные, то чрез искушение они являются еще более славными, и приобретают свыше (еще) большую благодать; если же подобные нам грешники (подвергаются искушениям), то, с благодарностью принимая наведенные на них искушения, они слагают (таким образом) с себя тяжкое бремя грехов, и получают во многом прощение. Поэтому, умоляю вас, зная благопромыслительную премудрость Врача душ наших, не будем испытывать судеб Его. Если наш разум не может постигнуть их, то тем более будем благоговеть пред Его судьбами, и за все прославлять Его, именно потому, что имеем такого Владыку, которого промысел не может быть обнят никакою мыслию, ни вообще разумом человеческим. Притом, мы и сами не так (хорошо) знаем, что для нас полезно, как Он знает, и не столько сами мы заботимся о себе, сколько Он печется о нашем спасении, и все творит и совершает так, чтобы только вести нас к добродетели и исхитить из рук диавола. И когда Он видит, что счастье не может принести нам пользы, тогда, как наилучший врач, - который, заметив, что кто-либо от пресыщения тучнеет, возвращает тому здоровье через воздержание, - (подобно) тому и дивный Врач наших душ, наведением хотя немногих искушений, дает нам чувствовать вред, какой мы потерпели бы от (постоянного) благополучия; а когда видит, что здоровье (душевное) довольно уже восстановлено, тогда собственною помощью избавляет нас и от искушений, и преизобильно являет Свое о нас промышление. Итак, если люди добродетельные впадают в искушения, то пусть не смущаются духом, но пусть тем более питают себя утешительными надеждами, что чрез искушения уготовляются для них венцы и награды. Если же подвергаются скорбям живущие во грехах, пусть и они не отчаиваются, зная, что искушения во всякое время могут послужить к очищению грехов, если только все, случающееся с нами, мы принимаем с благодарностью. Признательный раб должен благодарить своего Господа не тогда только, когда наслаждается беспечальною жизнью, но показывать тоже благодушие и в неприятных обстоятельствах. Так прославился и этот праотец (Авраам), и, достигши столь великого дерзновения пред Богом, получил дары, превышающие силу человеческого естества.

4. Но возвратимся к порядку слова, и посмотрим на послушание праведника, как он исполнял повеления Божии, не изыскивая причин их, не требуя отчета в них, как это делают многие неразумные, пытливо исследуя дела Божии, и говоря: для чего то, для чего это, и какая польза от того, или этого? Не так поступал праведник: он, как раб, любящий своего господина, ничего не испытуя, старался исполнять все так, как было ему повелено. А чтобы тебе увериться в этом, слушай далее. После того, как Бог дал ему обетование и

окончил Свою беседу с ним, праведник тотчас исполняет повеленное ему, - знамение, заповеданное ему от Бога (говорю об обрезании) налагает на Измаила и на всех домочадцев и рабов, как говорил ему Бог. Обрезывается также и сам. “**Авраам был девяноста девяти лет, когда была обрезана крайняя плоть его. А Измаил, сын его, был тринадцати лет**” (ст. 24,25). Не думай, что Писание без цели обозначает нам число лет: это для того, чтобы ты и из этого познал великое послушание праведника, который, будучи уже в крайней старости, терпеливо перенес болезнь (обрезания) ради заповеди Божией. Для того-то в Писании и сделано счисление лет. И не только он, но и Измаил, и все домочадцы (принимают обрезание). Не все ведь равно, возлюбленный, здоровую ли часть тела отрезать, или больную. И врачи отсекают иногда больной член; но в этом случае не такова бывает боль. Здесь отсекается член омертвелый, так сказать, и уже лишившийся жизненной силы. А там человек дряхлый и престарелый (достигший уже ста лет) благодушно переносит боль, стараясь вместе и заповедь Божию исполнить, и возбудить в сыне своем и во всех домочадцах большую ревность к немедленному, поспешному исполнению заповеди Божией. Видишь ли, как велик муж добродетельный, - и именно в том, что и всех рабов своих научает идти по его следам. Что я вчера говорил, тоже и теперь повторяю - что с той поры [т.е., со времени первоначального обрезания Авраама и его домочадцев] на будущее время Бог заповедал подвергать обрезанию детей в незрелом возрасте, именно для того, чтобы, без сознания претерпевая обрезание плоти, они не испытывали никакой боли.

Но замечай, возлюбленный, и здесь человеколюбие Божие и неизреченное для нас благодеяние. Там [в ветхом завете] от обрезания только болезнь и труд и никакой другой пользы, кроме того, что по этому знаку (евреи) распознавались и отделялись от прочих народов, а наше обрезание (я разумею благодать крещения) есть безболезненное врачевание, служит для нас источником бесчисленных благ, исполняет нас благодатью Святого Духа, и не требует (для своего совершения) никакого определенного времени, как там, но всякому и в незрелом возрасте, и в средние годы, и в самой старости дозволяется принимать это нерукотворенное обрезание, которое не трудно перенести, но чрез которое отлагается бремя грехов и приобретается оставление прегрешений, соделанных во все время жизни. Так человеколюбец Бог, зная великую немощь нашу, и то, что, страдая неисцельно, мы имеем нужду в сильном врачевании и в неизреченном Его человеколюбии, и сообразно тому устрояя наше спасение, даровал нам обновление банею пакибытия, чтобы мы, отложив ветхого человека, т.е. злые дела, и облекшись в нового, шествовали путем добродетели. Но не будем, прошу вас, хуже неблагодарных и бесчувственных иудеев. Они, приняв знамение обрезания, имели довольно осторожности, чтобы не смешиваться с язычниками - и именно во внешнем общении с ними; а своим нечестием они, неблагодарные, часто превосходили и самих язычников. Но мы, однажды приняв обрезание крещения, будем внимательно вести себя. Я не говорю, что нам не должно иметь сношений с язычниками; но, будучи тверды в своих добродетелях, мы и в сношениях с ними (язычниками) должны привлекать их к благочестию и назидать их примером своих добрых дел. Для того-то общий всех Господь и позволил жить вместе и добрым и злым, и благочестивым и нечестивым, чтобы злые получали пользу от добрых, и живущие нечестиво руководились к благочестию. Ни о чем ведь столько не печется Бог, как о спасении наших душ. Не будем же, молю вас, нерадивы ни к себе самим, ни к ближним; о себе будем заботиться, чтобы устроить свою жизнь так, как угодно Богу, о ближних - чтобы светить добродетелью и ею без слов поучать всех, взирающих на нас. Как, пребывая добродетельными, и сами получим всегда много пользы, и принесем пользу неверным, так, напротив, если предадимся беспечности, и сами подвергнемся великому наказанию, и другим дадим повод к соблазну. Как, соблюдая добродетель, мы получаем сугубую награду от Бога - и за то, что сами в добродетели живем, и за то, что ближних привлекаем к добродетели, так и в греховных делах наказываемся не за свои только

согрешения, но и за то, что соблазняем других. Но пусть не будет этого с кем-либо из собравшихся сюда; напротив, все направим жизнь свою к назиданию других, видящих нас, чтобы могли мы с дерзновением стать пред судилищем Христовым и удостоиться будущих неизреченных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 41

“И явился ему (Аврааму) Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер, во время зноя дневного” (Быт. 18:1).

1. Медленно и неохотно приступаю я сегодня к произнесению слова. Когда подумаю, что каждый день мы поучаем, увещеваем, предлагаем вам духовную трапезу, а между тем многие из бывающих здесь и участвующих в этом духовном назидании, в досточудной и страшной трапезе, проводят целые дни на конских ристалищах, и таким образом не получают никакой пользы от нашей попечительности, а как бы уже по привычке, при первом внушении диавола, спешат на эти беззаконные зрелища, и сами себя добровольно ввергают в сети лукавого беса, так что ни наши внушения, ни самая опасность, ни напрасная трата там [т.е., на зрелищах] времени, не могут вразумить их, - то с какою, после этого, ревностью стану я предлагать поучение людям, которые вовсе не хотят иметь пользы от наших слов? Не дивись! И земледелец, когда увидит, что земля, после многих его забот и тяжких трудов, остается бесплодною и не вознаграждает достаточно трудов, уже не с такою, как прежде, охотою приступает к сеянию, и не с такою ревностью принимается за возделывание земли. Также и врач, когда увидит, что больной не повинуется его предписаниям, а еще сам своим образом жизни только увеличивает со дня на день свою болезнь, часто допускает такого оставаться в болезни, чтобы самый опыт научил его понимать свою пользу. Равно и преподающие детям науки, когда увидят, что они прежними уроками пренебрегают и не хотят помнить того, что уже им преподано, нередко оставляют их, чтобы (таким образом) исправить их беспечность и побудить их к большему прилежанию. Но земледелец, естественно иногда становится менее деятельным, когда он видит, что убытки его больше и больше увеличиваются, и несмотря на свой труд и издержки, он не получает плодов. И врач не несправедливо оставляет иногда больного: он врачует тело, и потому оставляет (больного) на время, чтобы усиление боли привело больного в чувство болезни, а затем побудило его и принять врачевание. Равным образом и учитель детей, по несовершенству их возраста, нередко с пользой налагает на них наказание. Но мы, превосходя всех этих людей, готовы и сегодня оказать отеческую любовь к падшим, и научить их, что если они останутся в той же беспечности, то это послужит для них к большему осуждению. Земледелец не с прежней охотой иногда бросает семена в той мысли, что напрасно уже и бесполезно делать издержки, а мы далеки от такого отчаяния. Правда, бросая духовное семя, мы иногда не получаем плодов, по беспечности слушателей; тем не менее в будущем нам уготована награда, потому что мы пускаем в оборот вверенное нам серебро, и исполняем повеленное нам от Господа; а слушатели впоследствии дадут отчет Тому, Кто востребует от них с лихвою данное им. Впрочем, мы не то имеем в виду, чтобы только нам самим не потерпеть вреда, и чтобы только сделать свое дело. Нет, мы желаем, чтобы и вы употребили в дело переданное вам от нас и не подверглись тому наказанию, которое постигло скрывшего талант, и не только не умножившего, но и закопавшего в землю серебро своего Господа. Таковы-то, кто принимает слово учения (талантом и серебром в Писании называется учение) и не старается принести плод и сделать надлежащее употребление (из поучений). Но, может быть, кто-нибудь скажет, что эта притча о талантах сказана о самих учителях? И я тоже скажу. Но если мы тщательно вникнем в притчу, вы увидите, что учителя обязаны только

раздавать серебро, а ваш долг - не только хранить данное вам, но и употреблять в дело. А чтобы увериться в этом, надобно изложить самую притчу. Домовладыка, "**человек**, - сказано, **- который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое**: **и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. По долгом времени, приходит господин рабов тех и требует у них отчета. Получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: господин! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них**" (Мф.25:14,15,19,20). Велико и благоразумие раба, щедро и человеколюбие Господа. В самом деле, что Он говорит? "**Хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего**" (ст. 21). Так как, говорит, ты показал много благоразумия в употреблении того, что было тебе вверено, то заслуживаешь, чтобы поручить тебе еще больше. "**Подошел также и получивший два таланта и сказал: господин! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них**" (ст. 22). Много заботливости и в этом (рабе) об имении своего господина; поэтому и он удостаивается того же, что получил первый. Но почему принесший два таланта удостаивается равной чести с тем, кто принес пять талантов? Это справедливо, - потому, что большее и меньшее приращение (талантов) сделано не по рачительности одного и беспечности другого, а по количеству вверенных им талантов. А что касается до их усердия, то оба принесли поровну [т.е., и тот и другой приобрели вдвое против того, сколько им было вверено]; потому и награду получили одинаковую.

2. Но один раб ничего подобного не сделал; а что же? Приступи, глаголя: "**Господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое**" (ст. 24,25). О, злоба рабская! О, крайняя неблагодарность! Он не только ничего не приобрел на данный ему талант, но еще и укорил за талант своего господина. Такова испорченность души: она помрачает разум, и человека, однажды совратившегося с прямого пути, низвергает в бездну. Все это сказано об учителях, чтобы они не скрывали того, что вверено им, но со всем тщанием передавали учащимся. Но слушай далее, возлюбленный: из негодования господина на этого раба ты увидишь, как и учащиеся могут сделаться виновными, как и от них востребуется не только то, что им дано, но еще и с лихвою. В самом деле, что говорит Господь тому лукавому рабу? "**Лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью**" (ст. 26,27). Серебром он называет драгоценное слово (Божие), а торжниками - вас, принимающих (от нас) это слово. Твое дело, говорит он, было только передать им серебро; а мое - взыскать от них не только то, что им дано, но и то, что они сверх того приобрели бы. Видите, возлюбленные, как много страшного в этих словах! Что же скажут на это те, которые не заботятся даже о сохранении вверенного им (сокровища), когда сверх того потребуется еще от них и приращение его?

Но посмотри, как человеколюбив Господь! С денег вещественных Он воспретил брать рост. Почему и для чего? Потому, что от этого и тот и другой [т.е., заимодавец и должник] терпят много вреда. Одного сокрушает бедность, а другой с умножением богатства наживает себе и множество грехов. Поэтому-то от начала Бог дал жестокосердым иудеям такую заповедь: "**Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что [можно] отдавать в рост**" (Втор. 23:19). Итак, какого ж извинения могут быть достойны те, которые жестокостью превосходят и самих иудеев, и после благодатного искупления и столь великого человеколюбия Господня, оказываются ниже и хуже людей подзаконных? Между тем в духовных дарах Господь обещает потребовать от нас лихвы. Почему так? Потому, что эта духовная лихва совершенно противоположна вещественному богатству. Там, должник, с которого взыскивается рост, внезапно впадает

в крайнюю бедность; а здесь, подвергающийся взысканию лихвы, если он человек благоразумный, то чем большую принесет лихву, тем большее получит свыше воздаяние. Итак, возлюбленные, когда мы передаем в ваши руки вверенное нам (сокровище), тогда каждый из вас должен усугубить труд и бдительность, как для того, чтобы сберечь данное ему, чтобы оно сохранилось в целости, так и для того, чтобы употребить это в дело, то есть и другим передать, и многих привести на путь добродетели. Таким образом, ваше приобретение вдвойне увеличится - и вашим собственным спасением, и пользою других. Если вы будете так поступать, то и нас сделаете блаженными ("**Блажен**, - сказано, - **кто приобрел мудрость и передает ее в уши слушающих**" Сир.26:12), и побудите предлагать вам эту духовную трапезу еще в большем обилии. Итак, не оставляйте без попечения братьев ваших, и имейте в виду не свою только пользу, но пусть каждый (из вас) старается исхитить ближнего из челюстей диавола, отвлечь от беззаконных зрелищ и привести в церковь, с любовью и кротостью показывая ему, какой великий вред - там, и какие великие блага - здесь. Делайте это не раз только, или два, но постоянно. Пусть он сегодня не послушает твоих слов - убедится после; а если и в другой раз не послушает, то, видя твою настойчивость, когда-нибудь может быть и придет в себя, и, тронутый твоею заботливостью, отстанет от гибельных удовольствий. И никогда не говори, что я говорил ему и раз, и два, и три, и много раз, но ничего не успел. Не переставай говорить, - потому что чем дальше будешь продолжать, тем больше умножится и твоя награда. Не видите ли, каким долготерпением пользуемся мы от Бога всяческих, и как, несмотря на то, что мы ежедневно нарушаем Его повеления, Он не оставляет Своего попечения о нас, а еще и доставляет нам от Себя все, воссияв солнце, подавая дожди и прочее? Подобным образом будем и мы иметь попечение о наших братьях, и будем противостоять лукавому бесу, чтобы сделать тщетными его ухищрения. Если ведь каждый из приходящих сюда [т.е., в церковь] успеет сделать такое добро хотя одному, то подумай, как возрадуется наша Церковь о умножении чад своих, и как посрамится диавол, видя, что напрасно и без успеха он расставлял свои сети. Если будете так делать, то услышите и вы в тот день: "**Хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю**".

3. Я твердо уверен, что именно так вы и будете поступать. Я вижу ваши лица, и догадываюсь, что вы с удовольствием приняли от нас наставление, а потому надеюсь, что вы исполните с своей стороны должное. Теперь кончим об этом увещание, и предложим вам нашу убогую и скудную трапезу, чтобы вы возвратились, получив обычное назидание. Надобно и сегодня представить вашему вниманию праотца Авраама, чтобы вы знали, какие награды получил он от Бога за свое странноприимство. "**И явился, -** сказано, **- ему** (Аврааму) **Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер, во время зноя дневного**". Исследуем тщательно каждое слово, откроем сокровищницу и рассмотрим все содержащееся там богатство. "**Явился ему Господь**"**, -** сказано. Почему (Моисей) так начал: "**Явился ему Господь**"? Примечай человеколюбие Господа и заметь признательность раба. Господь, явившись ему в предшествовавшее этому время, между прочим, дал ему заповедь об обрезании, а дивный этот муж, всегда готовый исполнять повеления Божии, тотчас, ни мало не медля, и сам обрезался, по заповеди Божией, и Измаила обрезал, и всех домочадцев, и тем показал совершенное послушание. Затем Господь опять ему является. Таков Господь наш: как скоро увидит в нас признательность за оказанные от Него благодеяния, то умножает Свои щедроты, и не перестает благодетельствовать, награждая признательность повинующихся Ему. Итак, Авраам повиновался (Богу), и Бог, как сказано, опять явился ему. Вот почему и блаженный Моисей так начал свое повествование: "**И явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер, во время зноя дневного**". Заметь здесь добродетель праведника: "**Когда он сидел**, **-** сказано, **- при входе в шатер**". Так занят был он странноприимством, что не дозволял никому другому из своих домочадцев созывать странников, но сам, человек уже в преклонных летах и в глубокой старости (так как

достиг уже ста лет), имея притом триста восемнадцать домочадцев, - сам сидел у дверей. Так он занят был этим делом, и ни старость не препятствовала ему, ни о своем покое он не заботился, и не возлежал внутри дома на ложе, а сидел у дверей. Между тем, многие другие не только не имеют такого усердия, а напротив, стараются уклоняться от встречи с странниками, чтобы не быть принужденными невольно принять их. Не так поступал праведник: нет, он сидел " **при входе в шатер, во время зноя дневного**". И оттого, что он и в полдень занимался гостеприимством, добродетель его еще более получает цены. В самом деле, он знал, что люди, принужденные идти в это время, особенно нуждаются в призрении, а потому это именно время и избирал (Авраам), как самое удобное, и, сидя у дверей, собирал мимоходящих, считая для себя отрадою служить странникам; палимых зноем старался вводить под кров свой, не любопытствуя узнавать что-либо о них, и не разведывая, знакомы они ему, или нет. Действительно, страннолюбивому человеку не свойственно разведывать, а свойственно всем прохожим оказывать свое радушие. Когда таким образом распространил он мрежу страннолюбия, то удостоился принять к себе и Господа с ангелами. Потому и Павел сказал: "**Страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам**" (Евр.13:2), разумея очевидно праотца. Вот почему и Христос сказал: "**И кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает**" (Мф.18:5). Запомним это, возлюбленные, и, намереваясь принять странника, никогда не будем разведывать, кто он и откуда. Если бы и праотец полюбопытствовал узнать об этом, то, может быть, согрешил бы. Но ты скажешь, что он знал достоинство пришедших. Откуда же это известно? Напротив, если бы в самом деле знал, то чем он заслужил бы удивление? Если бы он любопытствовал узнать их, то не так дивно было бы его странноприимство, как теперь, когда, не зная, кто были пришедшие к нему, он с таким усердием и почтением обращался с ними, как раб с господами, обязывая их, как узами, своими словами, и умоляя их не отказать ему, и тем не лишить его весьма великого одолжения. Он знал, что делал [т.е., понимал важность гостеприимства], и потому-то с таким пламенным усердием старался извлечь для себя отсюда всю пользу. Но послушаем слов самого писателя, чтобы увидеть в глубокой старости юношескую бодрость, старца помолодевшего, пришедшего в восторг, и посещение странников считающего приобретением великого сокровища. "**Возвел очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер**" (ст. 2). Бежит, летит старец: он увидел ловитву, и, не обращая никакого внимания на свои немощи, побежал на лов; не позвал рабов, не приказал слуге, не обнаружил никакой беспечности; нет, он побежал, сам как бы говоря: вот великое сокровище и богатая добыча, и я сам должен приобрести это, чтобы не упустить такой прибыли. И так поступал праведник, предполагая, что принимает (к себе) путников незначительных.

4. Поучимся и станем подражать добродетели праведника. Если мы будем так же поступать, то конечно и сами когда-нибудь получим такую же ловитву, а лучше сказать - и всегда можем иметь ее в руках, если захотим. Человеколюбец Господь, (желая), чтобы мы не были медлительны в делах страннолюбия, и не разведывали о путниках (кто они и откуда), говорит: "**И кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает**". Итак, не смотри на видимую незначительность путника, и по наружности не унижай его, но подумай, что ты в нем принимаешь своего Господа. Поэтому, когда ради имени Господа ты окажешь призрение страннику, то получишь такую награду, как если бы принял самого Господа, и хотя бы тот, кто пользуется твоим гостеприимством, был человек беспечный и ленивый, ты не смотри на это: тебе дана будет полная награда за то, что ты делаешь это ради Господа и подражаешь добродетели праотца. "**Увидев, -** сказано, **- он побежал навстречу им от входа в шатер**". Хорошо употреблено здесь и слово "**побежал**", дабы ты знал, что странники, как незнакомые, шли мимо, и сами собой не подошли бы к куще. Потому-то, чтобы не ушла от него эта духовная ловитва, он, состарившийся, покрытый сединами столетний старец, подбегает к ним, и бегом выражает

свое усердие. И увидев, сказано, “**поклонился до земли и сказал: Владыка! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего; и принесут немного воды, и омоют ноги ваши; и отдохните под сим деревом, а я принесу хлеба, и вы подкрепите сердца ваши; потом пойдите; так как вы идете мимо раба вашего**” (ст. 3,4,5). Много удивительного в этих словах праведника! Не то дивно в его гостеприимстве, что он принимал странников, но то, что он принимал их с такою заботливостью, не обращая внимания, ни на свои лета, ни на самих странников (которые, может быть, явились ему юными), и не считал достаточным пригласить их только на словах, но “**поклонился, -** сказано, **- до земли**”, - как бы умоляя, и выражая усиленную просьбу, дабы не показалось, что он приглашает их просто, из приличия. Потому-то и божественное Писание, показывая великую и неизреченную добродетель праведника, говорит: “**поклонился до земли**”, показывая и этим поступком и словами пламенное усердие, глубокое смирение, величайшее страннолюбие, несказанную заботливость. И поклонившись – сказано **-** сказал: “**Владыка! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего**”. Кто может достойно восхвалить этого праведника, или как прославить его, хотя бы даже бесчисленными устами? Сказать: “**Владыка!**” - это дело обыкновенное; но говорить – “**если я обрел благоволение пред очами Твоими**”, это - дивно. Ты, говорит он, мне оказываешь благодеяние, а не принимаешь его от меня. Вот истинное страннолюбие: кто с усердием оказывает его, тот более сам получает, нежели сколько дает (страннику). Но никто из слушающих это не унижай добродетели праведника, предполагая, будто он говорил так потому, что знал, кто были те путники. В таком случае, как я уже много раз говорил, не было бы ничего и великого, если бы он говорил таким образом, зная путников; но то дивно и необычайно, что он говорит такие слова, обращаясь с ними, как с людьми. Не удивляйся, и тому, что праведник, принимая трех странников, говорит: “**Владыка!**”, - обращаясь как бы к одному. Может быть, один из пришедших казался важнее других; к нему поэтому и обращает праведник (свою) просьбу. Но далее он обращает речь свою ко всем вообще, и говорит: “**И принесут немного воды, и омоют ноги ваши; и отдохните под сим деревом, а я принесу хлеба, и вы подкрепите сердца ваши; потом пойдите; так как вы идете мимо раба вашего**”. Видишь, как он, не зная, кто эти путники, и разговаривая с ними, как с обыкновенными людьми, делает им всем общее приглашение, неоднократно называя себя рабом их? И смотри, как он наперед уже говорит о скудости, а лучше сказать - о богатстве своей трапезы: “**И принесут**, **-** говорит, **- немного воды, и омоют ноги ваши; и отдохните под сим деревом**”. Так как, говорит, вы утомились и много потерпели от зноя, то прошу вас не пройти мимо раба вашего. Не много я могу предложить вам. Я могу только доставить вам воду для омовения, и потом отдохновение от усталости под деревом. Также он дает понятие и о своей трапезе. Не думайте, что я предложу вам что-нибудь роскошное, множество лакомств, или разнообразные яства: вы будете есть хлеб, “**потом пойдите; так как вы идете мимо раба вашего**”.

5. Видишь ли, как он употребляет различные средства, чтобы убедить путников и завлечь их к себе: и поклоны, и слова, и все способы. Сперва, говорится, он поклонился; потом называет их господами, а себя самого рабом; затем говорит, какое им будет от него угощение, скромно отзываясь о том, и показывая, что не будет ничего важного. Я могу, говорит он, доставить вам простую воду для омовения ног, и хлеб, и, тень под дубом. Не пренебрегите же моей кущей, не презрите моей старости, не отриньте моей просьбы. Я знаю, какой вы понесли труд, представляю себе пламень зноя; поэтому желаю, чтобы вы немного отдохнули. Какой чадолюбивый отец показал бы столько усердия к своим детям, сколько праотец показал людям неизвестным, странникам, дотоле совершенно ему незнакомым? Но так как он обратился к ним с большим усердием и настоянием, то и получил добычу, захватив лов в свои сети. “**Они**, **-** сказано, **- сказали**: **сделай так, как говоришь**” (ст. 5). Оживился старец; сокровище, говорит он, у меня в руках; я получил

богатство; теперь забуду и свою старость. И смотри, с каким восторгом он принимается за дело, как ликует от радости и восхищается, как будто несет в руках бесчисленные сокровища. “**И поспешил**, - сказано, - **Авраам в шатер**” (ст. 6). Как в то время, когда устремлялся он на ловитву их, божественное Писание указало на его поспешность и пламенную ревность, сказав: “**Побежал навстречу им**”, так и теперь, когда он увидел этих мужей, и достиг того, чего желал, и теперь не оставляет своего усердия, но показывает еще более горячую любовь, и не стал беспечнее оттого, что получил желаемое. Между тем с нами часто случается, что в начале мы иногда показываем много заботливости, а когда войдем в самое дело, то уже не столько прилагаем труда, как прежде. Не так поступил праведник, а как? Опять спешит старец, и, торопливо вбежав в кущу к Сарре, говорит ей: “**Поскорее замеси три саты лучшей муки**” (ст. 6). Смотри, как он и Сарру делает общницею той же ловитвы, и как научает ее ревновать своей добродетели! Он и ее побуждал немедля приступить к делу: “**Поскорее**”, говорит; мы получили великую прибыль; не потеряем же сокровища, но “**поскорее замеси три саты лучшей муки**”. Зная важность такого доброго дела, он восхотел принять участницей наград и воздаяний и ту, которая была союзницею его жизни. Иначе, скажи мне, почему он приказал это не рабыне какой-нибудь, а жене своей престарелой? (Ведь ей было уже девяносто лет). И Сарра не отказывается исполнить приказание, но и сама прилагает равное усердие. Да слышат это мужья, да слышат и жены! Мужья - чтобы таким же образом научали своих сожительниц, не через рабов делать, когда в деле представляется какая-либо духовная польза, а все (что нужно) делать самим; жены - чтобы спешили принимать участие в добрых делах своих мужей, чтобы не стыдились страннолюбия, и услужения странникам, а подражали бы Сарре, старице, которая в таких преклонных летах приняла на себя этот труд, и исполняла обязанности рабынь.

Знаю, однако же, что наших слов никто не примет. Ныне у нас все идут совершенно иным путем; в женщинах господствует изнеженность, заботливость о нарядах, о золотых уборах, и вообще о внешнем украшении, а о душе нет никакой заботы. Их не убеждает и Павел, когда возглашает: “**Не плетением [волос], не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою**” (1Тим.2:9). Смотри, как эта душа, достигавшая неба, не считала для себя стыдом нисходить в своем слове даже до таких предметов, и увещевать касательно плетения волос. И справедливо, потому что у него все попечение было об исправлении душ. Так как он видел, что такая заботливость о внешности делает великий вред душе, то не отказался сказать все, что только нужно для страждущих этим недугом. Если же ты, говорит он, хочешь украшаться, украшайся истинным украшением, которое прилично благочестивым женам: украшайся добрыми делами. Вот украшение души, которое не подлежит никакому осуждению от посторонних людей, и никто не может похитить этого украшения: оно завсегда остается без повреждения. От наружных украшений происходит бесчисленное зло: не говорю уже о вреде душевном, о рождающемся отсюда тщеславии, презрении к ближним, надменности духа, растлении души, увлечении недозволенными удовольствиями; говорю только, что это украшение легко может быть потеряно, и от злобы рабов, и от нападения воров, и от наветов клеветников, и можно указать бесчисленное множество происходящих отсюда зол и беспрерывных скорбей. Не такова была Сарра: она стяжала истинное украшение, и была достойна праотца, и как он спешил и бежал в кущу, так и она со тщанием исполнила его приказание, и растворила три меры чистой муки. Так как пришли к нему три странника, то он и приказал растворить три меры, чтобы скорее готовы были хлебы. И, так распорядившись, он опять сам “**побежал …к стаду**” (ст. 7). О, старческая юность! О, сила душевная! Бежит “**к стаду**”, а не позволяет идти туда рабам, во всем показывая пришельцам, каким удовольствием исполняло его посещение их, и как высоко ценит он присутствие их (в своей куще), почитая это сокровищем для себя. “**И взял теленка**

нежного и хорошего” (ст. 7). Он сам выбрал животное, и, взяв самое лучшее из всех бывших у него, отдает рабу, побуждая и его не медлить, но употребить все тщание.

6. Смотри, как все делается со скоростью, с пламенным усердием, с радушием, с радостью и с большим удовольствием. “**И дал отроку, и тот поспешил**, - сказано, - **приготовить его**” (ст. 7). Но и после этого не успокоивается старец, но опять становится в ряд слуг. “**И взял масла и молока и теленка приготовленного, и поставил перед ними**” (ст. 8). Сам все делает и предлагает. Он даже не признал себя достойным сесть вместе с ними, но, когда они ели, он стоял пред ними под древом. Какое величие страннолюбия! Какая глубина смиренномудрия! Какая возвышенность боголюбивой души! Когда они ели, этот столетний человек стоял пред ними. Мне кажется, что от великой радости и радушия он стал тогда выше своей немощи и как бы получил новые силы. Действительно, часто бывает так, что пламенная ревность души, когда усиливается, побеждает немощь тела. Итак, праотец стоял, как раб, считая для себя величайшею честью, что удостоился послужить посетителям и успокоить их после трудного пути. Видишь ли, как велико было страннолюбие праведника? Не на то только смотри, что он предложил хлебы и тельца, но размысли о том, с каким почтением, с каким смирением исполнял он обязанность гостеприимства, не так как многие другие, которые, хотя и сделают иногда что-нибудь подобное, но тщеславятся пред своими посетителями, а часто и презирают их из-за оказанной им услуги. Это подобно тому, как если бы кто собрал богатство, и имел его уже в руках, а потом вдруг все собранное выбросил из рук. Тот, кто делает что-нибудь с надменностью, и поступает так как будто он более дает, чем принимает - тот не знает, что делает, а потому и теряет награду за такое дело. Но этот праведник знал, что делал, а потому во всем, что делал, показывал духовную ревность. И так как он сеял дела страннолюбия в обилии и с большим радушием, то вскоре обильною рукою собрал и снопы. Когда он исполнил все, что от него зависело, не пропустив ничего, когда дело страннолюбия окончилось, и обнаружилась вполне добродетель праведника, тогда, чтобы праведник узнал, кого он принял к себе, и какие великие блага приобрел себе своим страннолюбием, пришедший (странник) наконец открывает себя, и мало-помалу показывает праведнику величие своего могущества. Увидев, что он (Авраам) стоит у дуба, и стоянием оказывает (странникам) особенную честь и готовность к услугам, странник говорит ему: “**Где Сарра, жена твоя**” (ст. 9)? И такой вопрос тотчас дал ему разуметь, что пришедший не был какой-нибудь обыкновенный человек, когда знал имя его жены. А он отвечает: “**Здесь, в шатре**” (ст. 9). И так как пришедший, как Бог, хотел обетовать ему нечто вышеестественное, то, самим названием Сарры по имени, Он показывал, что вошедший в кущу его выше человека. “**Я опять буду у тебя**, **-** сказал Он, **- в это же время, и будет сын у Сарры, жены твоей**” (ст. 10). Вот плоды страннолюбия, вот награда усиленной ревности, вот воздаяние трудов Сарры! “**Сарра**, - сказано, - **слушала у входа в шатер, сзади его**”. И услышав это, “**внутренно рассмеялась, сказав: мне ли, когда я состарилась, иметь сие утешение? и господин мой стар**” (ст. 12). Чтоб оправдать Сарру, божественное Писание предварительно заметило, что Авраам и Сарра “**были стары и в летах преклонных**” (ст. 11); и еще не остановившись на этом, Писание говорит далее: “**И обыкновенное у женщин у Сарры прекратилось**” (там же). Изсох, говорит оно, источник, потемнело око, самый организм поврежден. Обращая на это свое внимание, Сарра размышляла сама в себе и о своих преклонных летах, и о старости праотца. Но в то время, как она размышляла так в куще, Ведущий сокровенные помышления, желая показать и величие силы Своей, и то, что ничто сокровенное не утаится от Него, говорит Аврааму: “**Отчего это рассмеялась Сарра, сказав: "неужели я действительно могу родить, когда я состарилась"**” (ст. 13). Действительно она так в себе помышляла. “**Ибо**, **-** говорит, **- у Бога не останется бессильным никакое слово**” (“**Есть ли что трудное для Господа?**” ст. 14)? Таким образом, вот Он явно открыл себя. Или вы не знаете, говорит Он, что я, как Господь естества, могу все, что восхощу, и

омертвелые ложесна могу оживотворить и сделать их способными (к деторождению)? Ужели, говорит, есть что-нибудь невозможное для Бога? Не Я ли все творю и преобразую? Не Я ли имею власть жизни и смерти? "**Ибо у Бога не останется бессильным никакое слово**" (Лк.1:37)? Не прежде ли еще Я обещал это, и может ли слово Мое не исполниться? Слушай же: "**Я опять буду у тебя в это же время, и будет сын у Сарры**". Когда, говорит, я возвращусь в это же самое время, тогда Сарра на самом деле узнает, что ни старость, ни неплодство ее не будут препятствием (к рождению сына); но слово Мое будет непреложно и действительно; рождение сына покажет ей силу Моего слова. Сарра, услышав, что не скрылись от Посетителя и мысли ее, "**Не призналась, а сказала: я не смеялась**" (ст. 15). Страх смутил ее ум. Писание, все приписывая ее немощи, говорит: "**Ибо она испугалась**" (там же). Но патриарх говорит ей: "**Нет, ты рассмеялась**" (там же). Хотя ты, говорит, помыслила об этом только в своем уме, и тайно посмеялась, не думай однако же, что можешь скрыться от всемогущества Пришедшего; не отрицайся от того, что было, и не прилагай греха ко греху; мы получим ныне великие блага; а всему этому причиной - наше странноприимство.

7. Будем все подражать ему, и позаботимся побольше о страннолюбии, не для того, чтобы получить в воздаяние только эти скоротечные и тленные блага, но чтобы приготовить себе и в будущей жизни наслаждение бессмертными благами. Если будем так делать, то и мы удостоимся принять здесь Христа, и Он сам примет нас в обителях, уготованных любящим Его, а мы услышим от Него: "**Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**". Почему и за что? "**Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня**" (Мф.25:34-35). Что может быть легче этого? Но он не повелевает нам с любопытством расспрашивать и разведывать о тех, кому намереваемся оказать свои услуги. Ты, говорит он, делай свое дело, хотя бы странник был и беден, хотя бы по наружности казался человеком презренным, потому, что то, что делается для них, усвояю Я себе. Почему и присовокупляет: "**Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне**" (Мф.25:40). Итак, не будем пренебрегать столь великою пользою, происходящею от странноприимства, но постараемся каждый день производить эту прекрасную куплю, зная, что Господь наш требует он нас избытка усердия, а не множества яств, не трапезы роскошной, но сердца радушного, услуг не на одних только словах, но и любви, происходящей от сердца и чистого намерения. Поэтому, и мудрый сказал: "**Слово — лучше, нежели даяние**" (Сир.19:16). Часто ведь усердное слово утешает нуждающегося больше, чем подаяние. Итак, зная это, никогда не будем негодовать, на приходящих к нам; но если можем помочь их нужде, то сделаем это с радостью и радушием, так, как бы больше сами получали от них, чем подавали им. Если же мы не в состоянии помочь им, не будем, по крайней мере, грубо обращаться с ними, окажем им услугу хотя словом, и будем говорить им с кротостью. И для чего обращаться с ним грубо? Разве он принуждает тебя? Разве насильно заставляет делать что-нибудь? Он просит, кланяется, умоляет; а поступающий таким образом не жестокости заслуживает. И что я говорю: просит и умоляет? Он высказывает нам тысячи разных благожеланий, и все это делает ради одного овола. А мы и того ему не хотим дать. И можем ли получить за это прощение (от Бога)? Какое будем иметь оправдание, когда сами каждый день готовим для себя богатую трапезу, часто превосходящую меру нужного, а им (бедным) не хотим дать и малости, и это тогда, как могли бы получить таким образом в будущем бесчисленные блага? О, как велика наша беспечность! Сколько мы от нее теряем пользы для себя! Сколько прибыли упускаем из своих рук! Мы удаляем от себя данное нам от Бога средство к своему спасению, и не помышляем, не воображаем ни малости наших подаяний, ни великих наград за них, а все запираем в сундуки и предоставляем ржавчине поедать наше золото, или - лучше сказать - бережем его для воров; разнообразные одежды оставляем на порчу от моли, и не хотим распорядиться, как следует, тем, что лежит у нас

без пользы, - так, чтобы оно опять сберeглось для нас, и чтобы мы могли чрез это удостоиться неизреченных благ. Но да сможем получить их все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том IV

Книга 2

БЕСЕДЫ НА КНИГУ БЫТИЯ

БЕСЕДА 42. Различныее добродетели Авраама и призыв слушателей к подражанию ему. Подтверждение Аврааму прежних обетований и божественное откровение о неизбежной гибели нечестивых городов. Ходатайство за них Авраама и пример Сарептской вдовицы.

БЕСЕДА 43. Добродетели Лота среди развращенных жителей и применение этого к жизни христиан. Страннолюбие Лота, достойное подражания. Беззаконное намерение Содомлян и самоотверженная защита Лотом странников. Избавление Лота ангелами от гибели. Увещание к страннолюбию.

БЕСЕДА 44. Увещание - с полным внимание принимать божественное учение. Сострадательность Авраама; значение ходатайства праведных за нас: нужно прежде всего заботиться о самих себе и молиться, а затем уже обращаться к ходатайству Святых. Ни Лота, ни дочерей его не нужно осуждать. Увековечивание памяти в потомстве добродетельною жизнью: достопамятный пример целомудрия Иосифа.

БЕСЕДА 45. Важное значение для проповедника доброго расположения к нему слушателей. Поселение Авраама в Герарской земле и страх смерти; истинное супружество. Божественное избавление Сарры от бесчестия и оправдание Авраама перед Авимелехом. Исполнение божественного обетования о рождении у Сарры сына. Увещание к твердому упованию на Бога.

БЕСЕДА 46. Необычайная радость Сарры по рождении Исаака и удаление Агари с Измаилом. Божественное промышление об изгнанных. Сила и безопасность того, кто пользуется божественною помощью. Гибельные действия зависти и увещания к ее искоренению.

БЕСЕДА 47. Божественное повеление о принесении Исаака в жертву и несокрушимая твердость веры и послушания Авраама божественной воле. Прообразовательное значение этого жертвоприношения. Клятвенное подтверждение Богом данных прежде обетований и увещание слушателей к исполнению божественных заповедей.

БЕСЕДА 48. Погребение Сарры и приобретение Авраамом первой земельной собственности; обличение современников в пристрастии к стяжаниям и увещание к справедливости и милостыни. Забота Авраама об избрании жены для Исаака из родственного ему племени и его твердая вера в Господа Промыслителя. История путешествия раба Авраама в Месопотамию, с нравственным применением к жизни слушателей.

БЕСЕДА 49. Подаваемый Исааком пример терпения и неотступности в молитве. Причины по которым жены праведных были неплодны. Двадцатилетняя молитва Исаака о неплодии Ревекки и побуждение подражать праведнику.

БЕСЕДА 50. Благочестие и благоразумие Ревекки, при плодоношении вопрошавшей Господа (чрез священника). Различные занятия и нрав родившихся близнецов. Невнимание Исава к дару своего первородства и внушение слушателям не терять великого за малое и ничтожное.

БЕСЕДА 51. Право первородства и значение имен, даваемых в древности родителями своим детям. Божественное повеление Исааку не ходить в Египет во время начавшегося голода и подтверждение ему прежде данных обетований. Опасность, угрожавшая Исааку в земле Герарской, и избавление от нея божественным промышлением, подобно трем отрокам в разженной печи.

БЕСЕДА 52. Богатство Исаака и зависть к нему Герарян. Истинная кротость Исаака и его благочестие. Богоявление Исааку у кладязя клятвенного и благодарственные жертвы Господу. Союз Авимелеха с Исааком, как доказательство того, что нет ничего сильнее кротости и добродетели. Увещание любить любящих и ненавидящих.

БЕСЕДА 53. Женитьба Исава на Хананеянках. Сила добродетели и вышняя помощь в получении благословения отца Иаковом. Благословение Исаву и сильный его гнев на Иакова.

БЕСЕДА 54. Увещание к подвигам добродетели указанием на то, что дано Богом человеку и что обещано. Зависть Исава к Иакову и совет последнему матери, согласны с заповедью Христа апостолам. Напутствие Исаака Иакову. Путешествие Иакова в Месопотамию и видение таинственной лествицы с обетованиями в будущем и настоящем. Увещание слушателей - просить прежде всего у Господа не земных, а вечных благ.

БЕСЕДА 55. Благочестие и вера Иакова в божественные обетования. Все благоуспешно бывает у того, кому помогает вышняя десница. Убеждение слушателей любить Господа: достоподражаемый пример любви апост. Павла ко Христу. Любовь к ближнему и милостыня; великая сила последней для настоящей и будущей жизни.

БЕСЕДА 56. Простота заключения брака в древности и обличение бывших при этом во время Златоуста сатанинских забав. Христианину нужно оставить худые обычаи и обратиться к добрым. Древний обычай многоженства и его искоренение Христом. Любовь Иакова к Рахили и чадородие Лии по божественному изволению. Ревность Рахили и разсудительность Иакова; умножение его семейства. Увещание подражать древним в добродетелях и не прибегать к человеческому могуществу.

БЕСЕДА 57. Добродетели праведников изложены в Писании для нашего подражания им. Кротость Иакова в отношении к Лавану и ее сила. Предложенная Иаковом себе награда и необычайный успех ее. Зависть Лавана и обетование божественной помощи побуждают Иакова удалиться из Месопотамии. Вышняя помощь Иакову, преследуемому Лаваном; свидание с ним Иакова и его напоминание о неусыпных трудах при пасении стад; укор пастырям духовного стада. Договор Лавана с Иаковом, запечатленный именем Божиим.

БЕСЕДА 58. Ободрение Иакова чрез явление полка Ангелов и продолжающийся страх его пред Исавом; молитва к Богу отцев о помощи, а вместе с тем отправление даров Исаву; новое ободрение чрез Боровшагося с Иаковом и перемену имени его на „Израиль".

Почему Бог и Ангелы являлись праведникам в образе людей? Проявления смирения и угождения со стороны Иакова пред Исавом. Увещание кротости и смирению в отношении к враждующим.

БЕСЕДА 59. Умеренность Иакова в приобретении участка земли и обличение современников святителя в любостяжании; вред богатства для детей. Безчестие Дины и гибельность юношеских страстей, требующих обуздания чрез законный брак. Страх Иакова и переселение в Вефиль для совершения жертвоприношения. Увещание заботиться о чистоте юношей.

БЕСЕДА 60. Безопасность Иакова, как стяжавшего вышнюю помощь, и новое Богоявление ему в Лузе. Человекообразные выражения о Боге не нужно понимать буквально. Путешествие Иакова от Вефиля в Хеврон и события этого времени. Увещание слушателей - быть неусыпными, сохранять чистоту совести и умерщвлять плоть.

БЕСЕДА 61. Злоба и зависть к Иосифу его братьев и любовь к нему отца. Зависть - великое зло. Иосиф - прообраз будущего. Продажа Иосифа измаильтянам, по вышнему усмотрению, послужила к прославлению страдальца. Велика сила добродетели и безсилие порока.

БЕСЕДА 62. Брак Иуды с хананеянкою Савою; брак Ира, а затем Авнана с Фамарью; рождение у последней от Иуды близнецов: Зара - прообраз Церкви, Фарес - закона. Рабство Иосифа в Египте и его благополучие в рабстве. Искушение Иосифа чрез жену египтянина, великая победа целомудрия и заключение в темницу. Увещание - подражать добродетелям дивного Иосифа.

БЕСЕДА 63. Божественная помощь Иосифу в темнице и истолкование снов виночерпия и хлебодара. Истолкование Иосифом снов фараона по божественному откровению. Никакия случайности не могут служить препятствием к выполнению божественных намерений. Поэтому в скорбях не будем унывать, а будем питаться упованием на Бога.

БЕСЕДА 64. Действия Иосифа, как правителя Египта, и рождение у него двоих сыновей. Прибытие его братьев в Египет; намеренно строгое обращение с ними Иосифа и пробуждение у них сознания в грехе. Второе путешествие сыновей Иакова вместе с Вениамином и испытание любви братьев к Вениамину. Открытие себя Иосифом пред братьями и возвращение их к отцу. Увещание любить врагов.

БЕСЕДА 65. Животворное действие на Иакова известия о том, что жив Иосиф, решимость его отправиться в Египет; жертвоприношение у кладязя клятвенного и утешительное Богоявление Иакову. Представление фараону братьев и отца Иосифа. Действия последнего в Египте во время голода; освобождение жреческой земли от подати фараону и увещание - оказывать честь служителям Божиим и терпеливо переносить посылаемые Богом искушения.

БЕСЕДА 66. Почему Иаков желал быть похороненным в земле отцев? Истинное нечестие - смерть не на чужбине, а в грехах. Поклонение Иакова на конец жезла его и благословение сыновей Иосифа. Увещание оставлять детям в наследство сокровище, состоящее не в богатстве, а в добродетели и благословении Божием. Хорошо богатство без греха.

БЕСЕДА 67. Объяснение пророческого благословения Иакова своим сынам по порядку их рождения. Таинственный смысл благословения Иуде. Смерть и погребение Иакова.

Почему в древнее время был сильный плач об умершем! Незлопамятность Иосифа и завещание его братьям. Заключение с нравственным увещанием.

БЕСЕДА 42

"И встали те мужи и оттуда отправились к Содому [и Гоморре]" (Быт.18:16).

1. Во вчерашнем чтении мы видели, возлюбленные, великое гостеприимство праведника; сегодня, продолжая далее, узнаем опять о силе любви и сострадательности праотца. Всякая добродетель достигала у этого праведника высшего совершенства; он был не только любвеобилен, не только страннолюбив и сострадателен, но и все другие добродетели являл в себе с избытком. Нужно ли тебе представить пример терпения? Ты найдешь, что он достиг здесь крайней высоты. Или (пример) смирения? Опять увидишь, что и здесь он ни от кого не отстает, но скорее всех превосходит. Нужно ли показать веру? И в этом отношении он опять прославился более чем кто-либо другой. Его душа в живых образах представляет в себе различные виды добродетели. Какое же найдем мы для себя оправдание, когда один (этот) человек имеет в себе все добродетели, а мы – так пусты сами в себе, что не заботимся ни об одной? Ведь мы бедны добрыми делами не оттого, что не можем, а оттого, что не хотим (делать добро); и ясным этому доказательством служит то, что много из подобных нам по природе людей сияют добродетелями. Да и то самое, что праотец, живший и прежде благодати и прежде закона, сам собой, при помощи одного естественного разума, достиг такой степени добродетели, – это самое лишает нас всякого извинения. Правда, может быть, кто-нибудь скажет, что этот муж пользовался особенным попечением от Бога, и что Господь всяческих являл о нем дивное промышление? Действительно так; и я это признаю. Но если бы со своей стороны он сам предварительно не сделал того, что от него зависело, то не мог бы и от Господа пользоваться таким попечением. Итак, не смотри на это одно [т.е. что Авраам видел над собой такой дивный промысел Божий], но в каждом обстоятельстве его жизни, обрати внимание на то, как предварительно сам праотец во всем проявлял собственную добродетель, и затем уже удостаивался благоволения и помощи от Бога. На это я не раз обращал ваше внимание. Так, при переселении его из отечественной земли, не получив от предков никаких семян благочестия, он сам собой показал в себе великую любовь к Богу. И затем, лишь только переселившись из Халдеи и тотчас получив повеление идти из своей земли в чужую, он не поколебался, не стал отлагать (до другого времени), но немедленно исполнил повеление, и, не зная даже того, где окончится его странствование, стремился к неизвестному, как к известному, почитая выше всего повеление Божье. Видишь, как с самого начала он сам первый делал со своей стороны то, что было должно, и затем уже следовало каждый раз обильное воздаяние благ от Бога. Таким же образом и мы, возлюбленные, если хотим пользоваться благоволением свыше, поревнуем праотцу и не будем уклоняться от добродетели, но, усваивая себе каждую из добродетелей, будем подвизаться в ней с таким усердием, чтобы недремлющее свыше Око преклонить к воздаянию награды. А Ведущий сокровенные помышления наши, как скоро видит, что мы являем в себе здравый ум, и усердно подвизаемся в добродетели, немедленно и от Себя подает помощь, облегчая для нас труды, укрепляя немощь нашего естества и подавая нам щедрые награды. Ничего подобного ты не найдешь на олимпийских состязаниях. Там учитель борьбы стоит, оставаясь только зрителем борцов, и ничего другого не может сделать, а только выжидает, на чьей стороне будет победа. Не так – Господь наш: Он Сам помогает нам, и руку Свою простирает, и с нами вместе борется, и как бы Сам, со всех сторон одолевая противника, предает его в наши руки, все делает и устраивает так, чтобы мы могли устоять в борьбе, и одержать победу, а Он – возложить на главу нашу неувядаемый венец. "**Прекрасный венок**", сказано, "**для головы твоей и украшение для шеи твоей**" (Прит.1:9). Венец, получаемый после победы на олимпийских состязаниях, состоял не в ином чем, как в

лавровых листьях, рукоплесканиях и народных кликах, и все это, с наступлением вечера, увядало и погибало. А венец за добродетель и труды ради нее не есть чувственный, не разрушается, как все прочее, в этом мире; это – венец неизменный, бессмертный, пребывающий во все века. Труд – только на короткое время, а воздаяние за труды не имеет конца, не уступает силе времени, не увядает. И чтобы вам убедиться в этом, вот посмотрите: сколько лет и сколько поколений прошло с того времени, как жил праотец (Авраам), и, однако же, венцы его за добродетель блистают так, как будто только вчера, или сегодня начали блистать, и до конца мира он будет служить к назиданию всех благочестивых людей.

2. Итак, имея в лице патриарха такой пример добродетели, будем подражать ему. Вспомним, наконец, хотя поздно, свое достоинство, и подражая праотцу, подумаем о своем спасении, приложим всякое старание, чтобы не тело только наше было здорово, но чтобы и душа исцелилась от разнообразных ее недугов. И недуги души нам еще удобнее уврачевать, чем болезни тела, если только мы захотим быть воздержанными и бодрствовать. Так, если нас возмущает какая-нибудь страсть, но мы благочестивым умом представим себе будущий день страшного суда, и будем иметь в виду не настоящие удовольствия, но последующие за ними мучения, то страсть тотчас отступит от нашей души и оставит ее. Не будем же беспечны, но, зная, что нам предстоит подвиг и борьба, и что нам нужно быть готовыми на брань, постоянно будем сохранять свой дух крепким и бодрым, чтобы, пользуясь помощью свыше, могли мы стереть главу лукавого зверя, т.е. я разумею – наветника против нашего спасения. Сам Господь обещал нам это, говоря: "**се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью**" (Лк.10:19). Итак, умоляю, будем бодрствовать, чтобы, шествуя в добродетели по следам этого праотца, могли мы удостоиться таких же, как он, венцов, упокоиться в лоне его, и, избегнув вечного огня, удостоиться будущих неизреченных благ. А чтобы придать вам больше ревности и возбудить вас к подражанию этому праведнику, начнем опять беседу к вашей любви о событиях его жизни, какие следуют по порядку. Итак, после того щедрого гостеприимства, ценного не по качеству или количеству яств, но по усердию, Господь, приняв с благоволением радушие праведника, тотчас и воздал ему за страннолюбие. Между тем праотец узнал, кто был Пришедший и каково Его могущество и, когда странники вознамерились устремиться оттуда на разрушение Содома, последовал за ними, "**провожая их**", как сказано (Быт.18:16). Посмотри теперь, как человеколюбив Господь, какое Он делает снисхождение праведнику, оказывая ему честь и вместе с тем желая обнаружить всю добродетель, сокрытую в душе его. **И встали те мужи и оттуда отправились к Содому [и Гоморре]** (ст. 16). Это сказано об ангелах, потому что здесь, в куще Авраама, явились вместе и ангелы и Господь их. Но потом ангелы, как служители, посланы были на погубление тех городов, а Господь остался беседовать с праведником, как друг беседует с другом, о том, что намерен был сделать. Итак, когда ангелы ушли, "**сказал**" (сказано в Писании) "**Господь: утаю ли Я от Авраама, что хочу делать**" (Быт.18:17). Какое великое снисхождение Божье, и как эта почесть, оказанная праведнику, превосходит всякое слово! Смотри, как Он беседует с праведником точно как человек с подобным себе человеком, показывая нам этим, какой чести удостаиваются от Бога люди добродетельные. А чтобы ты не подумал, что столь великая почесть праведнику есть дело единственно благости Божьей, смотри, как божественное Писание научает нас, что праведник и сам собой заслужил такую честь, с полным послушанием исполняя повеления Божьи. Именно, Господь, сказав: "**утаю ли Я от Авраама, что хочу делать**", не тотчас, однако же, говорит о том, что имело быть; иначе следовало бы Ему прибавить и сказать, что Он намерен предать огню Содом. Впрочем, нужно обратить внимание еще и вот на что (потому что не надобно оставлять без внимания ни одного слова, ни одной черты во всем том, что заключается в божественном Писании): сколько, думаешь, почести в этих самых словах: "**Авраама раба моего**"? Какая любовь, какое благоволение! В этих-то

особенно словах оказывается все преимущество и вся честь праведника. Потом (как я уже упомянул), сказав: "**не утаю**", не тотчас прибавляет и говорит, что будет, а что? Чтобы мы знали, что не без причины и не напрасно Он показывает столь великое попечение о праотце, Господь говорит: "**от Авраама точно произойдет народ великий и сильный, и благословятся в нем все народы земли, ибо Я избрал его для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя, ходить путем Господним, творя правду и суд; и исполнит Господь над Авраамом, что сказал о нем**" (Быт.18:18-19). О, как велико человеколюбие Господа! Так как после этого Он намерен был сказать и о разрушении Содома, то предварительно ободряет праотца, возвещая ему величайшее благословение, т. е., что от него "**произойдет народ великий**", а вместе с тем показывает ему, что такую награду получит он за свое боголюбивое сердце. Подумай же, какова добродетель праотца, когда сам Бог говорит: "**ибо Я избрал его для того, чтобы он заповедал сынам своим и дому своему после себя, ходить путем Господним**". Вот великое воздаяние за добродетель! Не за то только получает праотец награды, что сам подвизался в добродетели, но удостаивается щедрого воздаяния и за то, что заповедал те же добродетели своим потомкам. Таким образом, он и на будущее время для всех сделался наставником, потому что кто первый полагает начало и начинает дело, тот будет виновником и того, что впоследствии произойдет от этого дела.

3. Видишь благость Господа! Он награждает праведника не только за добродетели, уже совершенные, но и за ожидаемые еще в будущем. "**Ибо Я избрал его**", говорит, "**чтобы он заповедал сынам своим**". Я, говорит, наперед знаю намерения этого праведника и предупреждаю его воздаянием. Так Господь знает и сокровеннейшие наши помышления, и когда видит, что мы желаем должного и показываем в себе здравомыслие, то простирает к нам Свою руку, и награждает нас прежде трудов наших, возбуждая нас этим к большей ревности. И это можно видеть в жизни всех праведников. Зная слабость человеческой природы, Он, чтобы мы не падали духом в тяжких трудах, часто среди трудов подает нам и помощь, и награды, – и труд наш облегчая, и ревность усиливая. "**Ибо Я избрал его**", говорит, "**чтобы он заповедал сынам своим, ходить путем Господним**". Не только о нем предсказывает, что "**заповедал**", но и о сынах его, разумея Исаака и Иакова, что "**сохранят**" пути Господни. "**Пути Господни**", т.е. повеления, заповеди. "**Творить**", говорит, "**правду и суд**", т.е. ничего не предпочитать правде, быть чуждым всякой неправды. Это есть величайшая добродетель, и за это-то должно было совершиться все, что возвестил ему Господь. Думаю, впрочем, что Он имел в виду и другое нечто, когда говорил: "**от Авраама точно произойдет народ великий и сильный**". Как бы так сказал Он: ты, возлюбивший добродетель, повинующийся всем Моим повелениям, и оказывающий всякое послушание, ты будешь "**народ великий и сильный**", а те беззаконные, живущие в стране Содомской, все истребятся, потому что как добродетель служит средством спасения для тех, которые в ней подвизаются, так порок бывает причиной погибели. Теперь, благословением и похвалами возбудив праведника к большему дерзновению (веры), Бог начинает открывать ему Свои судьбы и говорит: "**вопль Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма; сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю**" (Быт.18:20-21). Страшное изречение! "**Вопль**", говорит, "**Содомский и Гоморрский**". Хотя вместе е этими городами истреблены были и некоторые другие, но так как эти были славнейшие, то Господь о них в особенности и упомянул. "**Велик он, и грех их, тяжел он весьма**". Смотри, как возросло там зло! Великое множество не только вопля, но и неправды, потому что слова: "**вопль Содомский и Гоморрский велик**", означают, я думаю, то, что вместе с известным не сказанным и не заслуживающим никакого прощения беззаконием, они оказывали и многие другие неправды: сильнейшие восстали на слабейших, богатые на бедных. Итак, сказано, не только велик вопль их, но и грехи их не обыкновенные какие-нибудь, но "**грех их тяжел весьма**". Они выдумали

неизвестное дотоле беззаконие, изобрели противоестественное непотребное смешение, и были так склонны ко злу, что все были исполнены всякого разврата, и уже не показывали впредь никакой возможности исправления, но должны были подвергнуться совершенному истреблению. Страсти их, сделавшись неисцелимыми, уже не принимали никакого врачества. Однако же, вразумляя весь род человеческий, что хотя бы грехи чьи-либо были и весьма велики и известны, но не надобно произносить над ними приговора прежде, нежели представятся очевидные доказательства, – (Господь) говорит: "**сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю**". Что это за приспособление в словах? "**Сойду**", говорит, "**посмотрю**". Неужели Бог всяческих переходит с места на место? Нет, да не будет! Не то Он выражает, но, как я уже часто говорил, чувственным образом выражения Он хочет вразумить нас, что надобно иметь великую осторожность, и согрешивших не осуждать только по слуху, не произносить без доказательств приговора. Да слышим это все: ведь не одни только восседающие на судилищах обязаны соблюдать этот закон, но и каждый из нас никогда не должен по одному пустому навету осуждать ближнего. Потому, впоследствии, и блаженный Моисей, вдохновляемый Духом Святым, увещевал, говоря: **не внимай пустому слуху** (Исх.23:1). И блаженный Павел в послании взывал: "**а ты что осуждаешь брата твоего**" (Рим.14:10)? И Христос, давая заповеди ученикам Своим, и поучая народ иудейский, книжников и фарисеев, говорил: "**не судите, да не судимы будете**" (Мф.7:1). Для чего, говорит Он, прежде времени похищаешь достоинство судии? Для чего предупреждаешь тот (будущий) страшный день? Судьей хочешь быть? Будь судьей над самим собой, и над своими прегрешениями. В этом тебе никто не препятствует, – а между тем ты и грехи свои таким образом исправишь, и не потерпишь от этого никакого вреда. Если же, забывая о себе, ты восседаешь как судья над другими, то нечувствительно собираешь сам себе только большие бремена грехов. Так и мы, умоляю вас, будем всячески избегать осуждения ближних. Хотя ты и не имеешь судебной власти, а осуждаешь только мыслью, тем не менее, делаешься виновным в грехе, когда, не имея никаких доказательств, осуждаешь, как часто случается, по одному подозрению и пустой клевете. Потому-то и блаженный Давид восклицал: "**тайно клевещущего на ближнего своего изгоню**" (Пс.100:5).

4. Видишь превосходство добродетели? Не только не принимал Давид того, что наговаривали ему на других, но и отгонял хотевшего клеветать на брата. Итак, если и мы хотим уменьшить свои грехопадения, будем всего более заботиться о том, чтобы не осуждать братьев наших, а вымышляющих клеветы на них не допускать к себе, или – еще лучше – отгонять их от себя, по примеру пророка, и совершенно от них отвращаться. Это же, думаю, выражает и пророк Моисей, словами: **не внимай пустому слуху**. Потому-то и в настоящем случае к пользе душ наших Господь всяческих употребил такой чувственный образ выражения и сказал: "**сойду посмотрю**". Как же иначе? Ужели Он не ведал? Ужели не знал всего множества грехов? Ужели не разумел совершенной неисправимости впавших в грехи? Но Он показывал такое долготерпение, как бы оправдываясь заранее перед теми, которые после захотели бы бесстыдно обвинять Его [то есть, в недостатке долготерпения и правосудия], обличая их легкомыслие и великую скудость в добродетели. А может быть, не для того только (Он поступил так), но и для того еще, чтобы дать праведнику случай показать сострадательность и силу любви (к ближним) в душе его. Итак, ангелы, как прежде сказано, отправились в Содом, а праотец стоял перед Господом (Быт.18:22). "**И подошел**", сказано, "**Авраам и сказал: неужели Ты погубишь праведного с нечестивым**" (Быт.18:23)? О, дерзновение праведника! Или – лучше – о, сострадательность души! Он, в избытке сострадательности, даже как бы сам не разумеет, что говорит. И божественное Писание, показывая, что он употребляет ходатайство свое с великим страхом и трепетом, говорит: "**и подошел Авраам и сказал: неужели Ты погубишь праведного с нечестивым**"? Что ты делаешь, блаженный праотец? Разве

Господь имеет нужду в твоем ходатайстве, чтобы не сделать этого? Но не будем так думать. И на самом деле Авраам не говорит так, как будто бы Господь действительно хотел это сделать; но, не дерзая прямо говорить о своем племяннике, он приносит общую мольбу за всех, желая с прочими и его спасти, а с ним и других избавить (от погибели). И вот он начинает ходатайствовать, и говорит: "**может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? неужели Ты погубишь, и не пощадишь места сего ради пятидесяти праведников, в нем? не может быть, чтобы Ты поступил так, чтобы Ты погубил праведного с нечестивым, чтобы то же было с праведником, что с нечестивым; не может быть от Тебя! Судья всей земли поступит ли неправосудно**" (Быт.18:24-25)? Смотри, как и в самом ходатайстве своем он высказывает свой благочестивый дух, исповедует Бога судьей всей земли и признает справедливым, что праведный не должен гибнуть вместе с нечестивым. И благосердный и человеколюбивый Бог склоняется на его моление и говорит: сделаю так, как ты говоришь, и принимаю твое ходатайство: "**если Я найду в городе пятьдесят праведников, то Я ради них пощажу все место сие**" (Быт.18:26). Пятидесяти, говорит, праведникам, если найдутся, дарую спасение прочих, и прошение твое исполню. Тогда праведник, почувствовав смелость и пользуясь человеколюбием Божьим, идет дальше в своей просьбе и говорит: "**вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел**" (Быт.18:27). Не суди меня, Господи, говорит он, так, как будто бы я не знаю самого себя, и преступаю границы, позволяя себе столь великое дерзновение: я знаю, что земля я и пепел. Но как это я знаю и ясно разумею, так небезызвестно мне и то, что велико Твое человеколюбие, что Ты богат милостью и хочешь всех людей спасти. Сотворив (людей) из небытия, ужели Ты захотел бы когда-нибудь погубить их, уже сущих, если бы не велико было множество грехов их? Поэтому опять прошу и молю: "**может быть, до пятидесяти праведников недостанет пяти, неужели за недостатком пяти Ты истребишь весь город? Он сказал: не истреблю, если найду там сорок пять**" (Быт.18:28). Кто по достоянию восхвалит Бога всяческих за такое долготерпение и снисхождение, или кто довольно ублажит праведника, получившего такое дерзновение? "**И продолжал**", сказано, "**говорить с Ним и сказал: может быть, найдется там сорок? Он сказал: не сделаю того и ради сорока**" (Быт.18:29). Потом, как бы страшась долее испытывать неизреченное долготерпение Божье и опасаясь, чтобы не показаться уже преступающим границы, и не зайти с своим ходатайством далее надлежащего, говорит: "**да не прогневается Владыка, что я буду говорить: может быть, найдется там тридцать**" (Быт.18:30)? Так как он видел, что Бог, преклоняется к милосердию, то уже не по многу стал уменьшать, и убавив еще не на пять, а на десять, число праведных, продолжает, таким образом, свое ходатайство и говорит: "**может быть, найдется там тридцать? Он сказал: не сделаю, если найдется там тридцать**" (Быт.18:30). Смотри, какая настойчивость в праведнике! Он так усердно заботится о том, чтобы избавить народ, содомский от угрожающей ему казни, как будто сам должен был подвергнуться такому же осуждению. "**Авраам сказал: вот, я решился говорить Владыке: может быть, найдется там двадцать? Он сказал: не истреблю ради двадцати**" (Быт.18:31). Выше всякого слова и всякого ума такая благость Господа! Разве кто из нас, живущих среди бесчисленных зол, произнося суд над подобными себе людьми, показал бы такое снисхождение и человеколюбие?

5. Но праведник этот, видя такое богатство человеколюбия Божия, еще не останавливается, а говорит опять: "**да не прогневается Владыка, что я скажу еще однажды**" (Быт.18:32)? Испытав неизреченное долготерпение Божье и опасаясь, как бы далее уже не подвигнуть на гнев против себя Того, перед кем ходатайствовал за других, праотец говорит: "**да не прогневается Владыка**"? Не безрассудно ли я поступаю? Не показываю ли чего бесстыдного? Не сделаю ли дела, достойного осуждения, "**если я скажу еще однажды**"? Но по Твоей великой благости прими от меня еще одно моление: "**может быть, найдется там десять? Он сказал: не истреблю ради десяти**". И так как

праотец сказал предварительно – "**скажу еще однажды**", то и "**пошел**", сказано, "**Господь, перестав говорить с Авраамом; Авраам же возвратился в свое место**". (Быт.18:33). Видите ли все снисхождение Господа? Видите ли горячую любовь праведника? Понимаете ли теперь, какова сила людей, подвизающихся в добродетели? "**Если найдутся**", говорит (Господь), "**десять праведников**", ради них всем дарую прощение грехов. Итак, не правду ли я сказал, что все это происходило с целью – не оставить никакого предлога к нареканию тем, которые стали бы бесстыдно рассуждать (об этих событиях)? Ведь есть много безумцев, имеющих язык необузданный, которые хотят порицать (суд Божий), и говорят: "почему сожжен Содом? Они [т.е. жители Содома], может быть, и покаялись бы, если бы им оказано было долготерпение". Поэтому-то Бог и показывает такое умножение зла, и такое оскудение добродетели в таком множестве людей, что нужен был второй такой же потоп, какой прежде покрыл вселенную. Только ввиду обетования Божьего, что такое наказание уже не повторится, Бог употребляет теперь другой род казни, вместе и содомлян подвергая наказанию, и всем последующим родам подавая в том всегдашний урок. Они извратили законы естества, вымыслили странное и противозаконное смешение. Поэтому и Бог навел на них необычайный род казни, за беззаконие их и самые недра земли поразив [разумеется бесплодие земли, и мертвенность природы, видимые доселе на берегах Мертваго моря, где Содом и Гоморра находились и потреблены огнем], и оставив постоянный памятник для последующих поколений, чтобы они не отваживались на подобные дела и той же казни не подвергались. Желающий может посетить эти места, и видеть эту землю, так сказать, вопиющую и являющую на себе следы казни: через столько лет так очевидно открывается на ней гнев (Божий), как будто казнь поразила ее только вчера или сегодня утром. Поэтому, умоляю, вразумимся примером других, видя казнь, их постигшую. Но, может быть, иной скажет: что же это? Если они так наказаны, то разве нет ныне многих, нарушающих закон одинаково с ними, и, однако же, не подвергающихся наказанию? Может быть, но за то еще тем большая казнь ожидает таких беззаконников. Конечно, если мы ни тем, что постигло содомлян, не вразумляемся, ни долготерпения Божьего не обращаем в пользу себе, то подумай, во сколько раз сильнее воспламеняем мы сами для себя будущий неугасимый огонь, и сколь лютого готовим себе червя! А с другой стороны, есть и ныне, по благодати Божьей, много людей добродетельных, которые, как тогда праотец, могут умилостивлять Господа, и если мы, смотря на самих себя, и видя собственную нашу беспечность, справедливо признаем (в мире) великое оскудение добродетели, то за добродетели этих людей Бог и прочим показывает долготерпение. А что дерзновение таких людей действительно бывает для нас причиной долготерпения Божьего, убедись из того, что в этой самой истории говорит Бог праотцу: "**Если найдутся десять праведных, не истреблю ради десяти**". И что я говорю – десять праведных? В Содоме не нашлось никого свободного от беззакония, кроме одного Лота праведного и двух его дочерей. Жена его, быть может, ради него избежала казни в городе, но за свое нерадение подверглась наказанию впоследствии. Ныне, по неизреченному человеколюбию Божьему умножились дела благочестия и в городах найдется не мало людей, могущих умилостивить Бога; другие же скрываются в горах и пещерах. И добродетель этих людей, хотя бы и не многих, может покрыть грехи многих, – потому что велика благость Господа, и Он часто, ради немногих праведных, благоволит даровать спасение многим. Но что я говорю – ради немногих праведных? Часто, когда не находит ни одного праведника в настоящей жизни, Он умилостивляется над живущими ради добродетели умерших, и возглашает так: "**Я буду охранять город сей ради Себя и ради Давида, раба Моего**" (4Цар.19:34). Хотя они, говорит, и недостойны спасения, и ничем не заслуживают избавления от напасти, но как свойственно Мне оказывать человеколюбие, и как Я всегда готов миловать и избавлять (людей) от бед, то ради Себя самого и Давида раба Моего сотворю им спасение. Таким образом, этот муж [Давид], за столько лет прежде преставившийся из этой жизни, делается виновником спасения для людей, погибавших от

собственной беспечности. Видишь ли человеколюбие Господа, как Он чтит мужей, сияющих добродетелью, как предпочитает и противопоставляет их всему множеству прочих людей? Поэтому и Павел сказал: "**скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин**" (Евр.11:37-38). Весь этот мир, говорит он, со всей вселенной, не имеет равной цены с теми, которые ради Бога проводят жизнь в скорбях, в озлоблениях, в наготе, в скитальчестве, или в пещерах.

6. Итак, возлюбленный, когда увидишь человека, по наружности одетого в бедную одежду, а внутри облеченного добродетелью, не уничижай его за наружность, но наблюдай душевное его богатство и внутренний свет, и тогда увидишь в нем отовсюду блистающую добродетель. Таков был блаженный Илия: у него была только одна милоть; но в его милоти имел нужду и порфирой облеченный Ахаав. Видишь ли отсюда Ахаавову бедность и богатство Илии? Смотри же, какое различие и в могуществе их: милоть Илии заключила небо, остановила поток дождей, и одно слово пророка было как бы узами для неба, так что в продолжение трех лет и шести месяцев не было дождя; а облеченный порфирой и диадемой ходил, ища пророка, и не мог получить никакой пользы от своей столь великой власти. Но смотри, как человеколюбив Господь: как скоро Он увидел, что пророк, подвигнутый ревностью и великим рвением, навел столь великую казнь на всю землю, то, чтобы и сам он не подвергся бедствию от этой казни и не пострадал, подобно нечестивым, говорит ему: восстав иди [событие из истории пророка Илии передает здесь святитель не буквально по тексту кн. Царств, но сокращенно, отчасти своими словами, отчасти словами Писания, которые поэтому различны между собой двояким их начертанием] "**в Сарепту Сидонскую**", ибо там повелю "**женщине вдове кормить тебя. И встал он и пошел**. (3Цар.17:9-10). Замечай, возлюбленный, благодать Духа. И вчера вся беседа наша ограничилась страннолюбием; вот и сегодня эта страннолюбивая вдова заключит наше слово. И пришел, говорится, к вдовице и нашел ее собирающей дрова и сказал ей: дай мне немного воды "**напиться**" (3Цар.17:10). Она послушалась. И говорит ей опять: сделай мне опресноки, "**поем**" (3Цар.17:11). А она затем открывает крайнюю свою бедность, лучше же (сказать) – невыразимое богатство, потому что усиление бедности показало величие богатства. Она сказала: (ничего) нет у рабы твоей, как только "**горсть муки в кадке и немного масла в кувшине: приготовлю это для себя и для сына моего; съедим это и умрем**" (3Цар.17:12). Жалостные слова, способные преклонить и самую каменную душу! Нам не остается уже, говорит она, никакой надежды спасения; смерть при дверях; это только одно [т.е. горсть муки и немного елея] и осталось у нас для поддержания жизни; да и то едва ли будет достаточно для меня и для детей моих. Что было возможно, я сделала: воды подала. Но, чтобы мы знали и страннолюбие жены этой, и великую силу (веры) в праведнике, смотри, что случилось. Когда пророк узнал все это, то, чтобы открыть нам добродетель жены (потому что Бог, сказавший, "**повелел там женщине вдове кормить тебя**", сам в этом случае действовал через пророка), говорит к ней: "**прежде из этого сделай небольшой опреснок для меня и принеси мне; а для себя и для своего сына сделаешь после**" (3Цар.17:13). Слушайте это – вы, жены, окруженные в изобилии богатством: вы истощаете свой избыток на множество вещей бесполезных и, среди всех ваших наслаждений, не хотите бросить двух оволов нуждающимся, или кому-либо из добродетельных мужей, терпящих бедность ради Бога. А эта жена не имела ничего другого, кроме горсти муки, и ожидала, по своему рассуждению, вскоре видеть смерть своих детей, но услышала от пророка – "**прежде из этого сделай небольшой опреснок для меня и принеси мне; а для себя и для своего сына сделаешь после**" – и не огорчилась, не стала медлить, – она тотчас исполнила приказание, научая всех нас предпочитать рабов Божьих собственному успокоению и не оставлять без внимания таких благоприятных случаев, а помнить, что за это будет нам великое воздаяние. Посмотри на эту вдову: она за одну горсть муки и немного елея приобрела себе неистощимую житницу. Ведь, после напитания пророка, ни горсть муки, ни кувшин елея, не оскудевали у нее,

тогда как вся земля гибла от голода. Дивно и поразительно также и то, что она в то время не имела нужды и трудиться, а постоянно имела готовую муку и елей; не нуждалась ни в земледелии, ни в работе волов, и не знала никакой другой заботы; но у нее все очевидно происходило сверхъестественно. И тогда как царь, облеченный диадемой, был в безвыходном положении – под гнетом голода, бедная вдова, сама лишенная всего, стала жить в постоянном изобилии за то, что приняла к себе пророка. Поэтому и Христос сказал: "**кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка**" (Мф.10:41). Ты видел вчера, каких благ удостоился праотец, показав с великим усердием щедрое гостеприимство. Посмотри и на эту жену сидонскую, которая вдруг приобрела неизреченное богатство, когда слово пророка, державшее во власти своей небо, сделало для нее неистощимыми горсть муки и кувшин елея.

7. Будем же подражать ей все мы – и мужи, и жены! Желал бы я возбудить вас к подражанию ревности и добродетели пророка; но это вам покажется выше сил ваших, хотя и он был человек, облеченный подобно нам плотью, и имел одинаковую с нами природу; а удостоился благодати свыше за то, что все, от него зависевшее, сделал с избытком, и (более всего) возлюбил добродетель. Итак, будем сначала подражать, по крайней мере, этой жене (сарептской); а потом мало-помалу дойдем и до подражания пророку. Будем подражать ее страннолюбию, и никто не ссылайся на свою бедность. Как бы ни был кто беден, не может быть беднее этой жены: она имела пищи только на один день, но и в таком состоянии не усомнилась исполнить просьбу праведника, а показала великое усердие, и за то получила скорую награду. Таковы-то дела Божьи: за малое Бог обыкновенно дарует многое. Скажи, пожалуй, что она, и настолько ли пожертвовала, сколько потом получила? Но Господь наш обыкновенно ценит не количество (приносимого), а усердие душевное, при котором и малое становится великим, и наоборот: великое часто уменьшается, когда делается не с радушной готовностью. Таким образом, и вдова, упоминаемая в Евангелии, когда многие много полагали в сокровищницу (церковную), положив две лепты, превзошла всех, не потому, чтобы больше других жертвовала, но потому, что показала свое усердие от всей души. Иные, сказано, от избытка своего делали это, а она положила все, что имела. Будем же мы, мужи, подражать, по крайней мере, женам, и не покажем себя хуже их; будем заботиться не о том только, чтобы все свое достояние тратить на собственные удовольствия, то позаботимся и о призрении нуждающихся, и это будем делать с усердием и удовольствием. Земледелец, бросая в землю семена, делает это не со скорбью, а с радостью и весельем, и с такой уверенностью оставляет в земле свои семена, как будто видит уже самые снопы. Так и ты, возлюбленный, не смотри на то, что получает от тебя бедняга, и в какие издержки тебя вводит, но представляй себе, что Иной принимает из твоих рук то, что ты делаешь для бедного, стоящего перед тобой, и этот Иной не простой какой-нибудь человек, но Владыка всяческих, Господь всех, Творец неба и земли. И твои издержки становятся приобретением, и не только не уменьшают твоего имения, но еще более умножают, если только делаешь ты это с верой и радостным усердием. Скажу о самом высшем благе: кроме других приобретений от таких издержек, подается тебе и отпущение грехов; а что может сравниться с этим благом? Итак, если мы желаем обогатиться истинным богатством, а вместе с богатством получить и прощение грехов, то передадим имущество свое в руки нуждающихся, перешлем его на небо, где ни вор, ни разбойник, ни злодейство раба, ни другое что не в состоянии повредить нашему богатству. Страна та выше всякого подобного зла. Только будем делать это не из тщеславия, но по заповедям Божьим, стараясь не от людей приобретать похвалу, а от общего всех Господа: иначе и издержки понесем, и приобретения лишимся, потому что богатство, переносимое на небо руками бедных, делаясь недоступным для всех других наветов, может быть погублено одним тщеславием. Как здесь моль и червь вредят одежде, так богатству, собранному на небе милостыней, вредит тщеславие. Потому и умоляю: не только будем

творить милостыню, но и с осторожностью будем творить ее, чтобы за малое получить великие блага, за тленное – нетленное, за временное – вечное, и чтобы кроме всего этого возмогли мы получить и отпущение грехов, и вечные неизреченные блага, которые да сподобимся наследовать все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, со Святым и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 43

"И пришли те два Ангела в Содом вечером" (Быт.19:1).

1. Как цветущий луг представляет взорам на себе различные и разнообразные цветы, так божественное Писание показывает нам добродетели праведных, – не для того, однако же, чтобы мы только мимоходом наслаждались благоуханием их, как (наслаждаемся) благоуханием цветов, но для того, чтобы мы постоянно собирали отсюда плоды в свою пользу. Там, лишь только возьмем цветы в руки, они вскоре увядают и теряют свою приятность. А здесь не так: воспринимая слухом добродетели праведных и слагая их в глубине нашего сердца, – мы во всякое время можем, если захотим, наслаждаться их благоуханием. Итак, если таково благоухание (добродетелей) святых, изображаемых в божественном Писании, то испытаем сегодня благоухание добродетелей Лота, чтобы в точности узнать, как общение с праотцом (Авраамом) возвело этого праведника на крайнюю высоту добродетели, и как (идя) по следам праотца, он сам показывает свое страннолюбие на деле. Но чтобы слово наше было яснее, лучше выслушать самые слова Писания: "**и пришли**", говорит оно, "**два Ангела в Содом вечером**"? Почему Писание так начинает: "**и пришли те два Ангела в Содом вечером**"? – После того, как (ангелы) были приняты праотцом и пошли от него, благопопечительный и человеколюбивый Господь, по свойственной Ему благости явившийся тогда в образе человека, остался беседовать с праотцом, как вы вчера слышали, желая всех нас научить о Своем крайнем долготерпении и о пламенной любви праотца. Между тем ангелы устремились к Содому. Итак, божественное Писание, соблюдая порядок повествования, теперь говорит: "**и пришли те два Ангела в Содом вечером**" с тем, чтобы исполнить повеление (Божье). Заметь же точность и осмотрительность божественного Писания, как оно означает нам и самое время, в которое (ангелы) пришли; оно говорит, (что это было) "**вечером**". Для чего же обозначено время? И для чего именно они пришли вечером? Для того чтобы показать нам, как велико было страннолюбие Лота. Как праотец в полуденное время сидя, (у дверей палатки), наблюдал проходящих, так сказать ловил их, подбегал на встречу к путникам и с великой радостью принимал их, – так и праведный Лот, зная крайнее развращение жителей содомских, не опускал и вечернего времени, а ждал даже до этого времени, не встретится ли ему какое-нибудь сокровище, и нельзя ли ему будет пожать плоды страннолюбия. Поистине, надобно удивляться величию добродетели этого праведника, – как он, находясь среди таких беззаконников, не только не сделался оттого беспечнее, но показал в себе еще тем большую добродетель, и когда все, так сказать, неслись по стремнинам, он один среди такого множества шел ровным путем. Как же теперь иные говорят, что живущему среди города невозможно соблюсти добродетели, но что для этого нужно удалиться от мира и пребывать в горах, и что невозможно быть добродетельным человеку, занятому управлением своего дома, имеющему жену и озабоченному детьми и рабами? Пусть посмотрят на этого праведника с его женой, детьми и рабами, как он, живя в городе, между такими развращенными и беззаконными людьми, как светоч сияет среди моря, и не только не угасает, но еще тем больший издает свет. Не с тем, однако, говорю я это, чтобы препятствовать удалению из городов и возбранять пребывание в горах и пустынях; но чтобы показать, что желающему соблюдать воздержание и бодрствовать ничто не может препятствовать. Как беспечному и

нерадивому самая пустыня не может принести никакой пользы, потому что не от места зависит совершенство добродетели, но от расположения души и нравов, так трезвенному и бодрствующему (над собой) не может нисколько повредить и пребывание среди города. Я даже желал бы, чтобы добродетельные люди, подобно этому блаженному (мужу), наиболее жили среди городов; здесь они служили бы для других закваской, и возбуждали бы их к подражанию себе. Но так как это представляется трудным, то пусть будет хоть так, как я прежде сказал [т.е. пусть желающие для сохранения добродетели удаляются от мира]. "**Ибо проходит образ мира сего**" (1Кор.7:31) и кратка настоящая жизнь. Если ныне, находясь еще на поприще, мы не совершим подвигов добродетели и не будем избегать сетей зла, то впоследствии, хотя и станем обвинять самих себя, но уже тщетно: тогда раскаяние будет уже бесполезно. Пока мы находимся в настоящей жизни, возможно еще, раскаявшись, получить оттого пользу, и очистив прежние согрешения, удостоиться милосердия от Господа. Если же, опустив настоящее время (жизни), будем внезапно (от нее) восхищены, то, хотя и будем тогда каяться, но уже не получим от того никакой пользы. А чтобы тебе убедиться в этом, послушай, что говорит пророк: "**в гробе кто будет славить Тебя?**" (Пс.6:6)? И еще: **брат не избавит, избавит ли (вообще) человек? Не даст он Богу выкуп за себя** (Пс.48:8)? Некому, говорит, будет там избавить человека, погибшего от собственной беспечности, хотя бы тут был брат, или отец, или мать. И что я говорю: брат, отец и мать? И самые праведники, получившие великое дерзновение (перед Богом), тогда не будут в состоянии помочь нам, если мы теперь будем предаваться беспечности. Если, сказано, станет Ной, и Иов, и Даниил, сынов своих и дочерей своих не избавят (Иезек.14:18). Заметь силу этой угрозы, – и то, каких праведников (Писание) представило в пример. Именно эти самые праведники в свое время служили для других посредниками спасения: так Ной, когда страшный потоп покрыл вселенную, спас жену свою и сыновей; подобным образом Иов был для других причиной спасения; и Даниил многих избавил от смерти, когда жестокий властелин (Навуходоносор), испытывая некоторые сверхъестественные явления, повелел умертвить халдеев, волхвов и гадателей (Дан.5:11).

2. Итак, мы не должны думать, что то же будет и в грядущем веке, то есть, что добродетельные люди, имеющие дерзновение перед Богом, в состоянии будут освободить от будущих наказаний близких к ним людей, которые живут здесь в беспечности. Поэтому-то Писание и приводит в пример упомянутых праведников, с целью навести на нас страх и научить нас полагать надежду спасения, после благодати свыше, в собственных добрых делах, но не рассчитывать на добродетели предков, или на что-либо другое, если сами остаемся во зле. Если имеем предков добродетельных, то надо стараться о том, чтобы подражать их добродетелям. А если бы случилось противное и мы происходили бы от порочных предков, то не опасаться от того для себя самих какого-либо вреда, а только самим надобно упражняться в подвигах добродетели; тогда и не будет нам от того никакого вреда. Каждый или увенчивается, или осуждается, смотря по тому, что сам сделал, как и блаженный Павел говорит: "**каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое**" (2Кор.5:10), и опять: "**Который воздаст каждому по делам его**" (Рим.2:6). Зная все это и оставив всякую беспечность, посвятим все свои силы добродетели, пока еще находимся на поприще, пока еще не кончилось зрелище; позаботимся о нашем спасении, чтобы, совершив подвиг добродетели в это краткое время, получить на то награду в бесконечном веке. Вот и праведный (Лот), хотя жил среди такого множества людей порочных, и не имел ни одного подражателя своей добродетели, а, напротив, еще видел, что все и насмехаются и издеваются над ним, однако же, не только не ослабел от того в добродетели, но еще так просиял, что удостоился принять к себе и ангелов, и когда все совершенно погибли, он один со своими дочерьми избежал постигшей город казни. Но возвратимся к порядку слова. "**И пришли**", сказано, "**два Ангела в Содом вечером**". Это указание времени с особенной силой показывает нам

добродетель праведника: и с наступлением вечера он не сходил со своего места в ожидании (путников). Он знал, какая польза может произойти для него отсюда, а потому, желал получить такое богатство, употреблял все старание и не уходил [т.е. от ворот дома, где ожидал странников] даже по окончании дня. Таково-то свойство души пламенной и бодрствующей: не только никакими препятствиями не удерживается она от обнаружения своей добродетели, но напротив, чем больше препятствий, тем сильнее она возбуждается и тем больший зажигает в себе пламень ревности. "**Лот увидел**", сказано, "**и встал, чтобы встретить их**" (Быт.19:1). Да слышат это люди, которые прогоняют от себя пришельцев, прибегающих к ним с просьбами и с сильными убеждениями, и обнаруживают явное бесчеловечие. Посмотри на этого праведника, как он не дожидался, чтобы к нему подошли, но, подобно праотцу (Аврааму), не зная, кто эти прохожие, а, только предполагая, что они какие-нибудь путники, лишь увидел их, вскочил и так обрадовался, как будто искал себе добычи и нашел, чего искал. "**Увидел**", сказано, "**и встал, чтобы встретить их, и поклонился лицом до земли**". Он благодарил Бога за то, что Он удостоил его принять этих путников. И вот добродетель его души: он признал великим благодеянием Божьим то, что встретил этих мужей, и принятием их исполнил желание собственного сердца. Не говори мне, что это были ангелы; но подумай о том, что праведник не знал еще этого, а принимал их, как людей незнакомых, мимоидущих, и такой мыслью руководился тогда в своих поступках. "**И сказал: государи мои! зайдите в дом раба вашего и ночуйте, и умойте ноги ваши, и встаньте поутру и пойдете в путь свой**" (Быт.19:2). Довольно этих слов, чтобы видеть сохранявшуюся в душе праведника добродетель. Как не удивиться глубокому его смирению и тому пламенному усердию, какое он показывал в гостеприимстве! "**государи мои**", говорит он, "**зайдите в дом раба вашего**". Их называет господами, а себя самого – рабом их. Со вниманием выслушаем, возлюбленные, эти слова, и научимся сами поступать таким образом. Славный, именитый, живущий в таком богатстве домовладыка называет господами путников странных, незнакомых, незнатных по виду, прохожих, ни в каком отношении не близких к нему: "**зайдите в дом раба вашего и ночуйте**", говорит. Наступил, говорит он, вечер, послушайте же меня, и облегчите себя от дневного труда, отдохнув в доме раба вашего. Разве, говорит, я обещаю вам что-нибудь особенное? "**Умойте ноги ваши**", утомленные путешествием, "**и встаньте поутру и пойдете в путь свой**". Окажите же мне эту милость, и не отриньте моей просьбы. "**Но они сказали**", сказано, "**нет, мы ночуем на улице**". Но праведник, видя, что и после столь усиленной его просьбы они отказываются, не охладел, не отстал от своего намерения и не поступил так, как часто мы делаем. Мы обыкновенно, когда и захотим пригласить кого-нибудь к себе, лишь заметим, что он, хотя слегка отказывается, тотчас отстаем; и так бывает у нас оттого, что мы делаем это не с усердием и искренним желанием, а большей частью считаем себя совершенно правыми, если можем сказать, что сделали свое дело.

3. Что ты говоришь: "сделал свое дело"? Ты потерял добычу, упустил сокровище, – и будто сделал свое дело? Тогда сделал бы ты свое дело, если бы не выбросил из рук сокровища, если бы не пробежал мимо своей добычи, если бы показал страннолюбие не на словах только, ради приличия. Не так поступил тот праведник (Лот), а как? Увидев, что странники противятся (его желанию) и хотят остаться на улице (а это делали ангелы для того, чтобы тем более открыть добродетель праведника и всем нам показать, как велико было его страннолюбие), он уже не довольствуется просьбой и убеждением их на словах, а употребляет даже силу. Так и Христос сказал: "**употребляющие усилие восхищают Царство небесное**" (Мф.11:12). Конечно, где имеется в виду духовное приобретение, там и настойчивость уместна, и усилие похвально. "**И сильно упрашивал их**", сказано (Быт.19:3). Мне представляется, что он увлекал их даже насильно. Затем, когда странники увидели, что праведник решился так поступить, и не отстанет, пока не исполнит своего намерения, "**и они пошли к нему**", как сказано, "**и пришли в дом его. Он сделал им**

угощение и испек пресные хлебы, и они ели" (Быт.19:3). Видишь ли, что и здесь страннолюбие открывается не в богатстве угощения, но в обилии душевного усердия? Принудив их войти в свой дом, он немедленно стал исполнять дело гостеприимства: сам занят был служением перед ними, предлагал им пищу, оказывал всякую честь и услугу пришедшим, принимая их за обыкновенных путников. "**Еще не легли они спать, как городские жители, Содомляне от молодого до старого, весь народ со всех концов города, окружили дом и вызвали Лота и говорили ему: где люди, пришедшие к тебе на ночь? выведи их к нам; мы познаем их**" (Быт.19:4-5). Не оставим, возлюбленные, этих слов без внимания; заметим не только все неистовство их (содомлян), не заслуживающее никакого прощения, поразмыслим и о том, как праведник, живя среди таких зверей, так просиял и показал столь великое превосходство добродетели, – как он мог переносить их беззаконие, как не бежал из такого города, как терпел какой-либо разговор с ними. – Я объясню, как это было. Господь всяческих, предвидя чрезмерное нечестие содомлян, устроил так, что между ними поселился этот праведник, для того, чтобы он, как наилучший врач, мог обуздывать силу их злых болезней. И хотя праведник видел, что они уже заражены неисцелимыми болезнями, и не хотят принимать никакого врачевания, но все-таки не оставил их. Таково свойство врача: хотя он и видит, что болезнь не поддается его искусству, однако же, не перестает исполнять свой долг, для того, чтобы показать силу своего искусства, если сумеет со временем восставить (от болезни) страждущего; если же нисколько не успеет, то, по крайней мере, будет иметь тем больше для себя оправдания в том, что со своей стороны он ничего не оставил, что только мог сделать. Так было и здесь. Праведник, не смотря на то, что жил среди таких людей, остался праведным и сохранял любовь к добру; а они лишились всякого прощения потому что не только не оставили зла, но более и более умножали его. Смотри "**окружили**", сказано, "**дом, от молодого до старого, весь народ со всех концов города**". Какое великое согласие во зле, какое сильное стремление к греху, несказанная чрезмерность беззакония, непростительное намерение! "**От молодого**", сказано, "**до старого**": не только юноши, но и старые летами, и весь народ вкупе, стремились к этим беззакониям. Не устыдились они дерзнуть на это бесстыдное и срамное дело, не подумали о всевышнем Оке, не посовестились и перед праведником, не пощадили и тех, которых признавали за странников, и которые пользовались его гостеприимством; но без стыда, с открытой, так сказать, головой [восточные жители постоянно ходят с покрытой головой; обнажение головы у них значит нескромность. Поэтому св. Златоуст, говоря, что содомляне приступили к дому Лота "**с открытой головой**", хочет выразить тем крайнюю степень их дерзости и бесстыдства], произнося беспутные речи, приступили к дому, и, вызвав праведника, говорили ему: "**где люди, пришедшие к тебе на ночь? выведи их к нам; мы познаем их**". Из опасения такого-то, думаю, беззаконного их намерения и нечестия праведник и сидел при дверях своего дома до вечера, чтобы не допустить никого из прохожих, не знающих этого, попасть в их сети. Со страннолюбием соединяя в себе и высокое целомудрие, праведник заботился о том, чтобы всех мимоидущих принимать к себе, и желал, чтобы никто не укрылся от него; таким образом, он принял и тех (путников), не как ангелов, а как обыкновенных людей. Но беззаконники, не показывая (со своей стороны) ничего подобного, дерзновенно решались только на такие дела, которые превышают всякие другие злодеяния. Итак, (ангелы) хотели остаться на улице, чтобы доставить праведнику случай показать на них свое страннолюбие, и чтобы открыть ему из самых дел содомских жителей, сколь достойно заслуживали ожидавшую их казнь эти люди, преданные столь необычайному беззаконию.

4. Но посмотрим далее на величие добродетели праведника: "**вышел**", сказано, "**к ним и запер за собой дверь**" (Быт.19:6). Смотри, как боится праведник, и (как он) трепещет за безопасность странников. Не без причины и двери затворил он за собой, но потому, что знал неистовство и дерзость содомлян и подозревал злой их умысел. Потом говорит им:

"**братья мои, не делайте зла**" (Быт.19:7). О, долготерпение праведника! О, глубина смирения! Обращаться с такими людьми с такой кротостью – вот истинная добродетель. Без сомнения, желая уврачевать больного, или образумить беснующегося, никто не делает этого с гневом и жестокостью. Смотри же, как он называет братьями хотевших совершить такое преступление, желая устыдить их, пробудить их совесть и отклонить их от гнусного намерения: "**братья мои**", говорит он, "**не делайте зла**". Не замышляйте, говорит, ничего такого, не затевайте этого постыдного дела, не извращайте самой природы, не выдумывайте противоестественного смешения. А если уже хотите удовлетворить влечению ваших неистовых страстей, то я доставлю вам к этому средство такое, что ваше преступление будет несколько легче: "**вот у меня две дочери, которые не познали мужа**" (Быт.19:8). Они еще не испытали, говорит он, брачного сожития, остаются неприкосновенными, в самом цветущем возрасте, блистают красотой. Я готов отдать их всем вам; делайте с ними, что хотите. Взявши их, говорит, исполните ваше непотребство с ними и удовлетворите ваше нечистое желание; "**только людям сим не делайте ничего так как они пришли под кров дома моего**". Я принудил их, говорит, войти под кров мой; итак, чтобы беззаконный поступок с ними не был приписан мне, чтобы мне не сделаться для них виновником оскорбления, они пусть будут свободны от ваших рук, а вот вместо них я даю вам двух моих дочерей. Какая добродетель в праведнике! Она превосходит всякое страннолюбие! Кто достойно восхвалит такую любовь (к ближним) этого праведника, который даже дочерей своих решился не пощадить, чтобы только оказать уважение странникам и спасти их от беззакония содомлян? И вот, он даже дочерей своих отдает, чтобы посторонних путников (опять повторю), ни в каком отношении неизвестных ему, избавить от насилия беззаконников. А мы, часто видя братьев наших, падающих в самую глубину нечестия и, так сказать, в челюсти дьявола, не хотим принять участия в них, ни даже словом, ни посоветовать им что-либо, ни сделать словесного вразумления, и, таким образом, избавить их от зла и руководить к добродетели. Какое можем мы иметь оправдание, когда этот праведник, в своем попечении о странниках, даже дочерей своих не пощадил, а мы столь немилосердны к нашим (братьям), и нередко произносим эти холодные и полные неразумия слова: "что общего у меня с ним? Мне нет заботы, нет дела до него". Что ты говоришь, человек? Будто не имеешь с ним ничего общего?

Он брат твой, имеет одинаковую с тобой природу; вы живете под властью одного Господа, а нередко приобщаетесь одной и той же трапезы, разумею – духовной и страшной, – и ты говоришь: у меня ничего нет с ним общего, и без милосердия бежишь от него прочь, не хочешь подать руки падшему? Иудеям закон повелевал не оставлять без помощи падшего скота, даже принадлежащего врагам их. А ты, видя брата своего, изъязвленного дьяволом и падшего не на землю, а в глубину греха, не извлекаешь его оттуда своими наставлениями, не делаешь ему со своей стороны никаких внушений, не заботишься и других, если возможно, взять с собой на помощь, чтобы избавить из челюстей зверя собственный член твой и возвратить ему принадлежащее достоинство, чтобы и сам ты, когда случится тебе пасть в сети лукавого демона (чего не дай Бог!), мог иметь людей, готовых помочь тебе и освободить от рук дьявола. Так, Павел, желая возбудить галатов к попечению о своих членах, говорит: "**наблюдая каждый за собой, чтобы не быть искушенным**" (Гал.6:1). Как бы так говорит он: если ты без сострадания и милосердия будешь проходить мимо брата, то, может быть, когда сам падешь, другой точно так же пройдет мимо тебя. Если же ты не хочешь быть оставленным без внимания, когда бы случилось тебе пасть, то и сам не пренебрегай падшими, но оказывай им всякую любовь, и почитай за величайшее благо возможность спасти брата. Ни в чем не может быть столько добродетели, как в этом деле. Ведь если только ты подумаешь, что тот, кого ты пренебрегаешь, и оставляешь без внимания, удостоен от Господа твоего такой чести, что для него не отрекся Он излить даже кровь Свою, как и Павел говорит: "**от знания**

твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос" (1Кор.8:11), то как после этого не скроешься сам (от стыда) в землю? Если для него Христос излил даже кровь Свою, что же особенного сделаешь ты, когда покажешь к нему свою благосклонность, словесным увещанием восставишь падшего и душу его, потопляемую, а может быть, уже и потонувшую, возведешь из глубины зла, поможешь ей увидеть свет добродетели и не устремляться опять к мраку греховному?

5. Итак, умоляю, станем подражать этому праведнику, и даже если бы нужно было для спасения ближнего потерпеть что-либо неприятное, не откажемся и от этого. Такое терпение послужит для нас залогом спасения и даст нам великое дерзновение (перед Богом). Посмотри же, возлюбленный, на этого праведника, как он противостал целому народу, который обнаружил такое единодушие во зле, и какое при великой кротости оказалось у него необыкновенное мужество. Правда, он не мог укротить неукротимого их неистовства. И после его слов к ним, исполненных удивительной кротости, когда на словах, как бы собственными руками, он уже отдал им своих дочерей, что они говорят ему? "**Пойди сюда**" (Быт.19:9). О, безмерное опьянение! О, крайнее безумие! Такова-то эта злая и неукротимая похоть: как скоро она возьмет верх над рассудком, то не оставляет в нем никакого чувства благопристойности, а все окутывает тьмой и мраком ночи. "**Пойди**", говорят, "**сюда: вот пришелец, и хочет судить? теперь мы хуже поступим с тобой, нежели с ними**". Смотри, с какой кротостью говорит им праведник, и какую они позволяют себе дерзость! Как бы самим дьяволом приведенные в неистовство, и как бы им водимые, они восстают, таким образом, на праведника и говорят: "**вот пришелец, и хочет судить?**" Мы приняли тебя, говорят, как пришельца; а ты стал и судьей над нами? О, крайняя бессовестность! Надлежало бы устыдиться, тронуться внушением праведника; а они, подобно сумасшедшим, которые покушаются и самого врача поразить, говорят праведнику: "**мы хуже поступим с тобой, нежели с ними**". Если не хочешь, говорят они, замолчать, то знай, что твое ходатайство за них ни к чему более не послужит, кроме того, что они избегнут опасности, а ты ей подвергнешься. "**И приступали к Лоту очень**". Посмотри, какое мужество оказывает праведник и как усиливается противостоять такому многолюдству. "**И подошли**", сказано, "**чтобы выломать дверь**". Так как, выходя к ним и предвидя их неистовство, он затворил за собой дверь, то вот эти непотребные, беззаконные люди, не терпя увещания от праведника, "**приступали**" к нему, и усиливались даже разломать дверь. Но теперь, когда уже на деле открылись и добродетель праведника, и его попечительность о мнимых странниках, и единодушное стремление всего этого народа к злу, теперь, наконец, открывают себя и пришельцы. Увидев, что праведник со своей стороны все исполнил (что мог сделать), они являют собственное могущество и подают ему помощь, когда неистовство содомлян подвергло его насилию. "**Простерли**", сказано, "**те мужи руки свои и ввели Лота к себе в дом, и дверь заперли; а людей, бывших при входе в дом, поразили слепотой, от малого до большого, так что они измучились, искав входа**" (Быт.19:10-11). Видишь ли, как и праведник немедленно получает награду за свое гостеприимство, и беззаконники подвергаются достойному наказанию? "**Ввели**", сказано, "**Лота к себе в дом, и дверь заперли; а людей, бывших при входе в дом, поразили слепотой, от малого до большого, так что они измучились, искав входа**". Так как повредилось око ума их, то подвергаются они и телесной слепоте, да знают, что нет никакой пользы от телесных очей, как скоро повреждены очи ума. И как все они показывали единодушие во зле, и ни юноши, ни старцы не удерживались от злого умысла, то все, как сказано, и поражены были слепотой, и вместе с тем лишены были и сил телесных. Они ослабли в главнейшей части (своего существа) – душе; потому лишены и крепости телесной. И вот те, которые прежде усиливались разломать дверь и со многими угрозами обращались к праведнику, те внезапно стали ослабленными, не видя даже двери, которая была у них перед глазами. Тогда-то свободно вздохнул праведник, увидев, кто были пришедшие к нему и как велико

их могущество. "**Сказали Лоту**", сказано, "**мужи те: кто у тебя есть еще здесь? зять ли, сыновья ли твои, дочери ли твои, и кто бы ни был у тебя в городе**" (Быт.19:12)? Вот как они награждают праведника за страннолюбие, и как хотят даровать ему спасение всех близких к нему. Если, говорят, есть у тебя кто-нибудь в этом городе, если ты принимаешь в ком-нибудь участие, если знаешь кого-либо свободного от беззакония этих людей, то "**выведи из сего места**" и из земли этой, изведи всех своих родственников, "**ибо мы истребим сие место**" (Быт.19:13). Потом они указывают ему и причину этого, объясняя праведнику все с точностью: "**потому что велик**", говорят, "**вопль на жителей его к Господу, и Господь послал нас истребить его**". Это тоже, что говорил Бог праотцу (Аврааму): "**вопль Содомский и Гоморрский, велик он**" (Быт.18:20). И здесь сказано: "**велик вопль на жителей его к Господу**".

6. Слишком велико беззаконие их; и как болезнь их неисцелима и рана не принимает никакого врачества, то и "**послал нас Господь истребить его**". Это самое выражал блаженный Давид словами: "**Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими – огонь пылающий**" (Пс.103:4). Мы пришли, говорят они, истребить всю эту страну (за грех обитателей и самая земля подвергается казни); итак, выйди ты отсюда. Праведник, услышав это, и узнав причину, по которой пришли эти, по-видимому, обыкновенные люди, а по существу ангелы и служители Бога всяческих, "**вышел Лот, и говорил с зятьями своими, которые брали за себя дочерей его**" (Быт.19:14). Но прежде он говорил тем беззаконникам: "вот я имею двух дочерей, которые не познали мужей"; как же здесь сказано: "**с зятьями своими, которые брали за себя дочерей его**"? Не думай, что эти слова противоречат тому, что прежде сказано праведником. У древних был обычай – за много времени (до брака) совершать обручение, и часто обручившиеся жили вместе с обрученными в доме их родителей, – что и ныне бывает во многих местах. И так как здесь уже было совершено обручение, то вот Писание и называет обручившихся зятьями и говорит: "**которые брали за себя дочерей его**", потому что в намерении и во взаимном согласии они уже взяли за себя его дочерей. "**Встаньте, выйдите из сего места, ибо Господь истребит сей город. Но зятьям его показалось, что он шутит**". Смотри, как и они были в той же греховной закваске. Потому-то Бог, желая скорее освободить праведника от родства с ними, и не допустил дочерям его вступить в брак с ними; напротив, определил и их погубить вместе с нечестивцами, чтобы праведник избежал родства с ними, удалившись (из города) с дочерьми. Услышав от праведника эту страшную угрозу, они смеялись над ним, и думали, что слова его – шутка. Но праведник исполнил, что ему было повелено, и так как они уже обручились с его дочерями, то он и хотел их избавить от казни; но они и этим не вразумились, а остались при своих мыслях, и уже впоследствии на деле убедились, с каким вредом для себя отвергли совет праведника. "**Когда**", сказано, "**взошла заря, Ангелы начали торопить Лота, говоря: встань, возьми жену твою и двух дочерей твоих, которые у тебя, чтобы не погибнуть тебе за беззакония города. И он медлил**" (Быт.19:15-16). Не медли, говорят; уже настает время их погибели; спасай же себя, и жену свою, и двух своих дочерей; а те, которые не захотели послушаться твоего совета, спустя немного погибнут вместе с прочими. Не медли же, чтобы и тебе самому не погибнут вместе с беззаконниками. И смутились, услышав это, Лот, и жена, и дочери его. "**Смутились**", сказано, то есть, устрашились, пришли в великий испуг, обеспокоились от такой угрозы. Тогда ангелы, заботясь о праведнике, "**взяли**", сказано, "**за руку его**" (Быт.19:16). Теперь Писание не говорит уже о них, как об обыкновенных людях, но, так как они хотели навести казнь (на город), то прямо называет их ангелами, и говорит: "**по милости к нему Господней, взяли за руку его и жену его, и двух дочерей его**". Прикосновением руки они ободряли их, укрепляли их дух, чтобы страх не ослаблял их сил. Поэтому Писание и пояснило: "**по милости к нему Господней**". Так как, говорит оно, Господь признал Лота достойным спасения, то и ангелы, желая укрепить дух их, берут их за руки, и, изводя их вон (из города), "**сказал:**

спасай душу свою, не оглядывайся назад и нигде не останавливайся в окрестности сей; спасайся на гору, чтобы тебе не погибнуть" (Быт.19:17). Так как, говорят они, мы освободили тебя от этих беззаконников, то уже и не озирайся назад и не желай видеть того, что постигнет их, но поспешай и уходи далее, чтобы избежать наводимой на них казни. Праведник, опасаясь, что, может быть, не в состоянии будет достигнуть назначенного ангелами места и взойти на гору, говорит: "**нет, Владыка! вот, раб Твой обрел благоволение перед очами Твоими, и велика милость Твоя, которую Ты сделал со мной, что спас жизнь мою; но я не могу спасаться на гору, чтоб не застигла меня беда и мне не умереть; вот, ближе бежать в сей город, он же мал; побегу я туда, – он же мал и сохранится жизнь моя. В угодность тебе**" (Быт.19:18-20). Вы решили, говорит он, даровать мне спасение; но мне недостает сил взойти не вершину горы. Поэтому окажите мне еще большее милосердие и облегчите для меня труд: чтобы казнь, наводимая (на этот город), не застигла меня, и я не подвергся одинаковой с ними судьбе, оставьте для меня этот соседний город. Хотя этот город и беден и мал, но, спасшись в нем, я могу впоследствии жить там безопасно. "**И сказал ему: вот, в угодность тебе Я сделаю и это: не ниспровергну города, о котором ты говоришь**" (Быт.19:21). Я принял, говорит (ангел), моление твое и исполню его; дарую тебе просимое, и для тебя пощажу тот город. "**Поспешай**", и вселись там, и спасайся (Быт.19:22). Я ничего не сделаю до тех пор, пока ты не прибудешь туда: "**ибо Я не могу**", говорит, "**сделать дела, доколе ты не придешь туда**". Я забочусь, говорит, о твоем спасении и буду ждать твоего прибытия туда, и тогда уже наведу на них (содомлян) казнь. "**Солнце взошло над землей, и Лот пришел в Сигор**" (Быт.19:23). Около восхода солнечного он поспел в город, и вслед затем, как вступил в него, беззаконники подверглись казни: "**и пролил**", сказано, "**Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастания земли**" (Быт.19:24-25). Да не покажется тебе, возлюбленный, странным, такое сочетание слов; таково свойство Писания, и (оно) часто так безразлично употребляет слова, – что можно видеть и в настоящем случае. Сказано: "**пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба**", чтобы показать, что Сам Господь навел эту казнь, и что не только "**ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей**", но что Он истребил "**и произрастания земли**". Так как люди, населяющие эту землю, принесли много плодов беззакония, то Я, говорит (Господь), и земные плоды делаю негодными к употреблению, чтобы истребление плодов на этой земле служило всегдашним памятником для последующих поколений, и чтобы бесплодие ее всем напоминало о беззаконии обитавших здесь людей. Видишь ли, что значит добродетель и что значит порок, и как праведник спасся, а они получили казнь, достойную своего беззакония?

Праведник своей добродетелью спас и дочерей своих, и не допустил до разрушения города [т.е. Сигора, в котором Лот испросил себе убежище]; а те (беззаконники), напротив, крайним своим беззаконием, не только сами погубили себя и были истреблены, но и землю свою на будущее время сделали бесплодной. "**И оглянулась**", сказано, "**жена позади его, и стала соляным столпом**" (Быт.19:26). Она слышала, как ангелы повелевали праведнику не озираться назад, а бежать со всей поспешностью, но она не повиновалась и не сохранила этой заповеди, а потому и получает наказание за свое нерадение.

7. Мы же, слыша это (повествование), будем иметь великое попечение о своем спасении; будем избегать подражания беззаконию содомлян, напротив, поревнуем страннолюбию этого праведника и его другим добродетелям, чтобы отвратить от себя гнев, движимый свыше. Невозможно, конечно, невозможно, чтобы с усердием преданный добродетели не приобрел оттого себе великого сокровища. Именно таким образом и эти праведники – праотец (Авраам) и Лот – удостоились получить свыше благодать, и, думая, что принимают к себе людей, сподобились принять ангелов и даже Господа ангелов. Можем и

мы, если захотим, и ныне принять Его, – Он сам сказал: "**кто принимает вас, принимает Меня**" (Мф.10:40). Итак, будем принимать странников, не смотря никогда на их видимую незнатность. Если с таким расположением души будем оказывать гостеприимство, то, может быть, когда-нибудь и мы удостоимся принять, под видом людей, таких странников, которые обнаружат в себе достоинство ангелов. Только не станем разведывать и любопытствовать о них, чтобы не потерять сокровища. Вот и блаженный Павел, указывая на этих праведников и научая нас, как они удостоились принять таких странников, говорит: "**страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам**" (Евр.13:2). То особенно в них велико и чудно, что они оказали странникам услугу, "**не зная**" их. Итак, с верой и благоговением будем совершать это дело, чтобы получить и сокровище (вечных благ), которыми да сподобимся все мы насладиться, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Ним же Отцу, со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 44

"И встал Авраам рано утром и пошел на место, где стоял перед лицом Господа" (Быт.19:27).

1. Вчерашняя беседа [в предыдущей беседе на книгу Бытия ничего не было говорено о жене самарянской; надобно думать, что между 43 и 44 беседой на книгу Бытия святой Златоуст произносил особую беседу о Самарянине] о жене самарянской достаточно показала нам и неизреченное долготерпение Господа, и особенное Его попечение о ней, и ее признательность. Вы видели, как она, пришедши почерпнуть чувственной воды, напоена божественными потоками из духовного источника, и, таким образом, возвратилась домой, исполнив на себе изречение Господа: "**вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную**" (Ин.4:14). Сама исполненная этим божественным и духовным источником, она не удержала потоков внутри себя, но от преизбытка своего, так сказать, излила благодать сообщенного ей дара и на жителей города, и – жена, самарянка, иноплеменница вдруг сделалась проповедницей. Вы видели, как важна душевная признательность, видели и человеколюбие Господа, как Он не презирает никого, но хотя бы в женщине, хотя бы в бедном человеке, в ком только находит бодрствующую и пламенеющую душу, немедленно сообщает ему благодать Свою. Поэтому, убеждаю, будем подражать и мы этой жене и с полным вниманием принимать внушения Духа, потому что не нам принадлежит излагаемое нами учение и язык наш не от себя говорит то, что мы говорим, но через нас действует человеколюбие Господа для пользы вашей и для созидания Церкви Божьей. Итак, возлюбленный, не смотри на меня, говорящего, и на мою скудость, но так как я предлагаю слова Господа, то, устремив ум к Пославшему меня, принимай, таким образом, слова мои со вниманием. Ведь и в человеческих делах, когда царь, облеченный диадемой, посылает грамоту, то, хотя бы приносящий ее сам по себе не имел никакой важности, был человек незначительный, и иногда такой, который не может насчитать сколько-нибудь (важных) своих предков, сам неизвестный и происхождения неизвестного, – однако же, те, которые получают грамоту, не обращают на то внимания, а, ради царской грамоты, и ему воздают великую честь, и грамоту от него принимают с великим страхом и благоговением. Итак, если приносящий от человека грамоту, и притом простую хартию, от всех принимается таким образом, – тем более по справедливости вам надобно с полным вниманием принимать изречения Духа, передаваемые вам через нас, чтобы получить вам воздаяние за доброе расположение сердца. А Господь всяческих, как увидит готовность вашей души, то и нам ниспошлет обильнейшие дарования для вашего назидания, и вам подаст большее разумение, чтобы вы могли понимать наставления. Благодать Духа обильна и, изливаясь на всех, не терпит оттого никакого в себе уменьшения, а еще более

умножается в самом разделении между многими, и чем больше тех, которые приобщаются благодати, тем обильнее становятся и дары ее. Итак, если угодно, обратимся и сегодня к порядку прежних наших бесед и посмотрим, на чем остановили мы слово, и откуда надобно сегодня начать его. До чего же мы прежде довели слово и на чем остановили поучение? Мы беседовали с вами о Лоте и о сожжении Содома, остановили речь на том, как этот праведник спасся в Сигоре. "**Солнце взошло над землей**", говорит Писание, "**и Лот пришел в Сигор**", и тогда гнев Божий постиг жителей Содома и истребил ту землю, а жена праведника, забывши сказанное ей ангелами и оглянувшись назад, обратилась в соляный столп и для последующих поколений сделалась навсегда памятником своей невнимательности. Сегодня, продолжая далее, необходимо нам побеседовать с любовью вашей о том, из чего вы опять можете увидеть сострадательность и любовь праотца (Авраама) и Божье к нему благоволение. Когда, при восходе солнца праведный Лот спасался в Сигоре, а жители Содома подвергались казни, то праотец, вместе сожалея и об их погибели, которой они подверглись за собственные беззакония, и весьма заботясь о праведном (Лоте), рано утром вышел посмотреть случившееся. "**И встал**", говорит Писание, "**Авраам рано утром и пошел на место, где стоял перед лицом Господа, и посмотрел к Содому и Гоморре и на все пространство окрестности и увидел: вот, дым поднимается с земли, как дым из печи**" (Быт.19:27-28). С того места, где он имел беседу с Господом и ходатайствовал о жителях содомских, он увидел следы этой страшной казни и желал узнать что-нибудь о Лоте. Таково свойство святых мужей, что они всегда бывают любвеобильны и сострадательны. И божественное Писание, чтобы показать нам, как благодать Духа немедленно сообщила ему сведение о том (о чем он желал знать), и освободила праведника от заботы, которую имел он о Лоте, говорит: "**когда Бог истреблял города окрестности сей, вспомнил Бог об Аврааме и выслал Лота из среды истребления**" (Быт.19:29). Что значит: "**вспомнил Бог об Аврааме**"? Разумеется то ходатайство, которое он выражал словами: "**неужели Ты погубишь праведного с нечестивым?**" (Быт.18:23). Как же так, спросит кто-нибудь, праведник (Лот) спасен по ходатайству праотца, а не за собственную праведность? Да, и по ходатайству праотца. Когда мы сами заслуживаем, тогда и предстательство праведных приносит нам большую пользу. Напротив, если сами мы нерадим, а всю надежду спасения нашего возлагаем на них одних (праведных), тогда нам не будет от этого лучше, не потому, чтобы праведники были бессильны, а потому, что мы собственным нерадением губим себя.

2. И чтобы ты знал, что, когда мы сами нерадим, то, хотя бы праведники или пророки были нашими заступниками, нам от того не бывает никакой пользы (их добродетель обнаруживается, конечно, и в этом случае, но нам от того не будет никакой пользы по причине собственной нашей худой жизни), вот – послушай, как Бог всяческих говорит к освященному от чрева (матери) пророку Иеремии: "**ты не молись за этот народ, ибо Я не услышу тебя**" (Иерем.7:16). Заметь человеколюбие Господа: Он предупреждает об этом пророка, чтобы тот, не будучи услышан в своих молитвах, не подумал, будто это произошло от собственной его вины. Потому-то и раскрывает ему заранее нечестие народа и запрещает молиться (за него), чтобы и сам пророк знал крайнее их [иудеев] нечестие, да и они научились бы, что пророк нисколько не поможет им, если сами они не хотят делать своего дела. Зная это, возлюбленные, будем, конечно, прибегать к ходатайству святых и просить, чтобы они молились о нас, но не будем надеяться только на их ходатайство, а и сами будем надлежащим образом исполнять наши обязанности и позаботимся о своем исправлении, чтобы ходатайства (святых) за нас не лишались своей силы. Также и в другом месте Господь говорит пророку: "**не видишь ли, что они делают**", сжигают тук и делают "**пирожки богине неба**" (Иер.7:17-18); как бы так говорил Бог: за таких ли людей ты молишь Меня, которые не отстают от своего нечестия, которые нисколько не чувствуют держащей их болезни и живут так беззаботно? Разве не

видишь крайнего их нерадения? Не видишь великого безумия их? Как они еще не пресытились нечестием и, как свиньи в болоте, погрязли в своих беззакониях? Если они были расположены к обращению, то не слышали ли постоянных увещаний? Не Я ли взываю к ним через пророков и говорю: "**и после того, как она все это делала, Я говорил возвратись ко Мне; но не возвратилась**" (Иер.3:7)? Не того ли только и требую Я, чтобы они отстали от лукавства и прекратили зло? Требую ли Я отчета за прежние дела; как скоро вижу, что люди хотят раскаяться в них? Не каждый ли день взываю и говорю: "**разве Я хочу смерти беззаконника? Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив?**" (Иезек.18:23)? Не с той ли целью все Я делаю, чтобы избавить от погибели увлеченных заблуждением? Разве медлю, когда вижу их обращение? Не Я ли сказал: **возопиешь, и Он скажет: "вот Я!"** (Ис.58:9). Так ли сами они желают себе спасения, как Я пекусь о том, чтобы все люди спаслись и "**достигли познания истины**" (1Тим.2:4)? Неужели для того Я произвел тебя из небытия, чтобы погубить тебя? Разве напрасно уготовал царство (небесное) и бесчисленные, неизреченные блага? Не для того ли и геенной угрожал, чтобы, хотя этим средством побудить всех стремиться к царствию (небесному)? Итак, блаженный пророк, оставь их, и не возноси ко Мне за них молитвы, а заботься только о том, чтобы уврачевать их болезнь, чтобы привести их в чувство своей немощи, и возвратить к здравию; тогда и Я сделаю все, что от Меня зависит. Я не медлю и не отлагаю, когда вижу благорасположенную душу; одного только требую – исповедания согрешений, и после этого уже не подвергаю их суду. Трудно ли и тягостно ли это Мое требование? Если бы Я не знал, что они становятся хуже, именно оттого, что не исповедают своих прежних грехов, то Я и этого не требовал бы. Но Я знаю, что род человеческий весьма склонен к греху; потому и желаю, чтобы они исповедовали прежние грехопадения, чтобы такое исповедание удерживало их от новых падений в те же грехи.

Размышляя об этом, возлюбленные, и представляя себе человеколюбие нашего Господа, не будем нерадивы, но, прежде всего, и более всего позаботимся о самих себе, очистим скверну греховную, и затем уже обратимся к ходатайству святых. Впрочем, если мы захотим трезвиться и бодрствовать, то и собственные наши молитвы о себе принесут нам величайшую пользу. Человеколюбив Господь наш, и не столько внемлет, когда другие молят Его о нас, сколько, когда мы сами (молим о себе). Обрати внимание на величие благости Его. Он видит, что мы пали, подверглись бесчестью, не имеем никакого дерзновения (перед Ним); но когда мы хотя немного восстаем и решаемся прибегнуть к богатству человеколюбия Его, Он тотчас внемлет прошениям нашим, простирает руку Свою к нам, долу поверженным, поднимает падших и взывает: "**разве, упав, не встают**" (Иерем.8:4)? Но чтобы из опыта доказать вам, что многим собственными молениями скорее удалось получить желаемое, нежели через прошения других, нужно представить примеры удостоившихся этого. Эти примеры и нас могут возбудить к подражанию и соревнованию. Вот послушаем, как жена хананейская, иноплеменница, страдавшая в скорби душевной, когда увидела Врача душ и Солнце правды, воссиявшее сидящим во тьме, как, с каким усердием, с какой пламенной ревностью приступила к Нему, и ни то обстоятельство, что она была женщина, ни то, что была иноплеменница, не удерживало ее, но, презрев все эти препятствия, она приступила и сказала: "**помилуй меня, Господи, дочь моя жестоко беснуется**" (Мф.15:22). Но ведущий сокровенные помышления молчит и не отвечает, не удостаивает ее слова и не оказывает сострадания к женской немощи, видя пришедшую к Нему с таким воплем. Он медлит, желая открыть перед всеми сокровенное в ней сокровище. Он видел сокровенную (в ней) драгоценность, и не хотел, чтобы она осталась неизвестной для нас; потому и медлит и не удостаивает ее ответа, чтобы великая твердость этой женщины сделалась уроком для всех последующих родов. И посмотри, как неизреченна благость Божия. "**Но Он**", говорит Писание, "**не отвечал ей**" (Мф.15:23). А ученики, думая быть сострадательнее и человеколюбивее Его, не осмеливаются сказать прямо: исполни ее прошение, помилуй ее, сжалься над ней; но что

говорят? "**Отпусти ее, потому что кричит за нами**" (Мф.15:23), как бы так говоря: избавь нас от этой докуки, освободи нас от ее криков. Что же Господь? Неужели вы думаете, говорит Он, что Я без причины молчу и не удостоил ее ответа? Послушайте: "**Я послан только к погибшим овцам дома Израилева**" (Мф.15:24). Разве вы не знаете что эта женщина – иноплеменница? Разве не знаете, что Я и вам повелел не ходить на путь язычников? Для чего же вы без испытания хотите оказать ей такое сострадание? Посмотри на благопромыслительную премудрость Божью: и тогда, как уже благоволил отвечать (на вопли женщины), Он Своим ответом еще сильнее, нежели молчанием, поражает ее, и как бы наносит ей смертельный удар, желая мало-помалу заставить ее высказаться так, чтобы не знавшие ее ученики увидели скрывавшуюся в ней веру. Она не упала духом, не ослабела в усердии и после того, как увидела, что и ученики не больше ее успели (сделать), и не сказала сама себе: если и они не могли преклонить (Господа) своим ходатайством за меня, то для чего же мне употреблять напрасные усилия? Напротив, как бы горящая в огне, с душой воспламененной и сердцем растерзанным, она приступает, кланяясь и говоря: "**Господи, помоги мне**" (Мф.15:25). Но Он и после того не преклоняется на моление женщины, а дает ответ еще жестче прежнего: "**нехорошо**", говорит, "**взять хлеб у детей и бросить псам**" (Мф.15:26). Подумай, возлюбленный, и подивись здесь силе этой души и необычайной ее вере: услышав название пса, она не оскорбилась, не отступила, но с великим добросердечием сказала: "**так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их**" (Мф.15:27). Сознаюсь, что я пес; удостой меня, как пса, хоть крупиц от трапезы. Видишь ли веру и благодушие женщины? Она взяла на себя сказанное (Господом), и тотчас получила желаемое и притом получила с великой похвалой. Что сказал ей Христос? "**О, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему**" (Мф.15:28). "**О, женщина**" – изречение это выражает удивление и заключает в себе великую похвалу. Великую, говорит, показала ты веру; и будет тебе то, чего желаешь. Посмотри, как обильна милость Господа и подивись премудрости Его. Не могли ли мы вначале подумать, что Он не сострадателен, когда так отвергал ее, и сначала не удостоил даже ответа эту женщину, а потом первым и вторым ответом Своим как бы только отгонял от Себя и отвергал пришедшую к Нему с таким усердием? Но по концу (дела) суди о благости Божьей. Он хотел прославить ту женщину, потому так и медлил исполнить ее прошение. Ведь, если бы Он тотчас внял ей, то мы не узнали бы всей добродетели этой женщины; а так как Он несколько помедлил, то мы и увидели как неизреченное человеколюбие Господа, так и ее дивную веру.

4. Все это повествование мы сочли нужным изложить для того, чтобы вы знали, что мы успеваем получить желаемое не столько через ходатайство других, сколько сами собой, если только приступаем с усердием и усиленным вниманием. Вот эта женщина, имея даже учеников (Господа) ходатаями за себя, не могла получить никакого успеха, пока сама своим терпением не привлекла к себе человеколюбие Господа. Также и известная притча о друге, пришедшем не благовременно в ночное время и просившем трех хлебов, внушает тоже самое. Здесь сказано: "**если он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит**" (Лк.11:8). Итак, зная неизреченное человеколюбие Господа нашего, будем обращаться к Нему, обнаруживая и как бы перед собственными глазами представляя каждое порознь из наших прегрешений, вместе с тем испрашивая прощения и за прежние грехи, чтобы, впредь оказывая большее тщание (в добрых делах), нам удостоиться тем большего Его благоволения. Затем возвратимся, если угодно, к порядку нашего чтения. "**Вышел**", говорит Писание, "**Лот из Сигора и стал жить в горе, и с ним две дочери его, ибо он боялся жить в Сигоре. И жил в пещере, и с ним две дочери его**" (Быт.19:30). Праведник, еще будучи в сильном страхе по случаю казни, постигшей жителей Содома, отходит далеко и поселяется "**в горе**", как сказано, с дочерьми своими. Он остался, таким образом, в совершенной пустыне и уединении только с двумя дочерьми, поселившись на горе. "**И сказала**", говорит Писание, "**старшая**

младшей: отец наш стар, и нет человека на земле, который вошел бы к нам по обычаю всей земли; итак, напоим отца нашего вином, и переспим с ним, и восставим от отца нашего племя" (Быт.19:31-32). С благоговением и с большим страхом, возлюбленные, будем внимать сказаниям божественного Писания. В нем ничего не написано без цели и напрасно, но все с пользой и к нашему благу, хотя мы иного и не разумеем, потому что мы не можем знать всего в точности, и хотя пытаемся, сколько можем, излагать причины некоторых (сказаний Писания), однако и затем много еще остается в нем сокровенного, сокровищ, скрытых от нас и неисследимых. Итак, посмотри, как Писание, обо всем повествуя с ясностью и давая нам разуметь намерение дочерей праведника, представляет достаточное оправдание и для них, и для праведника, чтобы никто по случаю такого события не осуждал ни праведника, ни дочерей его, как будто бы такое кровосмешение произошло от невоздержания. Как же Писание оправдывает дочерей праведника? "**Сказала**", говорит, "**старшая младшей: отец наш стар, и нет человека на земле, который вошел бы к нам по обычаю всей земли**". Обрати внимание на цель, и ты освободишь их от всякого осуждения. Они думали, что в мире все совершенно погибло и уже не осталось никого из людей; притом же видели и старость отца. Итак, они говорят: чтобы не прекратился род наш и нам не остаться без имени (и древние более всего заботились о том, чтобы через преемство поколений продолжить род свой), – чтобы и нам, говорят они, не подвергнуться совершенному уничтожению, так как отец наш уже склоняется к старости, а нам не с кем сочетаться, для распространения своего рода и оставления после нас семени, – "**итак**", говорит одна другой, чтобы этого не случилось, "**напоим отца нашего вином**"; так как отец наш сам никогда не потерпит и слышать об этом [т.е. о намерении дочерей, какое открывается из последующих слов Св. Писания], то употребим обман, посредством вина. "**И напоили отца своего вином в ту ночь; и вошла старшая и спала с отцом своим: а он не знал, когда она легла и когда встала**" (Быт.19:33). Видишь ли, как божественное Писание оправдывает и праведника, и притом не однажды, а и в другой раз? Во-первых, тем, что дочери обманули его при помощи вина, оно показывает, что иначе они не могли бы убедить отца склониться на такой поступок; а затем, случившееся, как я думаю, и свыше устроено было так, что по причине глубокого сна и помрачения от вина, он вовсе и не знал случившегося. Таким образом, он не подвергся и осуждению. Только те грехи подвергают нас осуждению и наказанию, которые мы совершаем с сознанием и добровольно; а о праведнике, как видишь, Писание свидетельствует, что он совершенно "**не знал**" случившегося. Но здесь опять возникает другой вопрос, – касательно опьянения. И надобно все исследовать, чтобы неразумным и бесстыдным не оставить никакого предлога (к злоречию). Что же мы скажем и об этом? То, что он подвергся опьянению не столько от невоздержания, сколько от скорби душевной.

5. Итак, никто да не дерзает, осуждать праведника, или дочерей его. Да и не крайнее ли безрассудство и неразумие было бы – тех, кого божественное Писание освобождает от всякого осуждения, и даже предлагает такое для них оправдание, осуждать нам, обремененным неизмеримой тяжестью прегрешений, не слушая слов апостола Павла, который говорит: **кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их** (Рим.8:33)? А что это случилось не просто и не без причины, но чрезмерная скорбь души, посредством употребления вина, довела его до совершенной бесчувственности, послушай, что далее говорит (Писание): "**на другой день старшая сказала младшей: вот, я спала вчера с отцом моим; напоим его вином и в эту ночь; и ты войди, спи с ним, и восставим от отца нашего племя**" (Быт.19:34). Видишь, с какой правой мыслью они это делали? "**И напоили отца своего вином и в эту ночь; и вошла младшая и спала с ним; и он не знал, когда она легла и когда встала**" (Быт.19:35). Посмотри, возлюбленный, как все это происшествие было делом божественного промышления, подобно тому, как (было) с первозданным человеком. Как тогда, во время его сна, Бог, взяв часть от ребра

его, сделал это совершенно нечувствительно для него, и, сотворив из этого ребра жену, привел ее к Адаму, – таким же образом сделалось и на этот раз. И если взятие ребра совершилось нечувствительно (для Адама), так как Бог навел на него исступление, то тем более это могло быть в настоящем случае. И что божественное Писание внушает там, сказав: "**и навел Господь Бог на человека крепкий сон**" (Быт.2:21), тоже означает и здесь словами: "**и он не знал, когда она легла и когда встала. И сделались обе дочери Лотовы беременными**", говорит далее, "**от отца своего. И родила старшая сына, и нарекла ему имя: Моав. Он отец Моавитян доныне. И младшая также родила сына, и нарекла ему имя: Бен-Амми. Он отец Аммонитян доныне**" (Быт.19:36-38). Видишь, что случившееся не было следствием невоздержания? И названия рожденным они дали такие, которые указывали на самое событие, и в именах детей, как бы на памятниках каких, начертали память случившегося, и тогда же предзнаменовали, что от них и от рожденных ими произойдут народы, и многочисленное потомство. Один, как сказано, будет отцом Моавитян, а другой – отцом Аммонитян.

6. Впрочем, тогда было еще начальное и первобытное время (человечества), и как все хотели через продолжение своего рода сохранить память о себе, то и дочери праведника прилагали к тому столько заботы. Но ныне, когда по благодати Божьей состояние веры возвысилось и, по словам блаженного Павла, уже "**проходит образ мира сего**" (1Кор.7:31), мы должны оставлять память по себе добрыми делами, чтобы и после отшествия нашего отсюда превосходство нашей добродетельной жизни было напоминанием и назиданием для взирающих на нас. Добродетельные и соблюдающие целомудрие не только в здешней жизни могут приносить весьма великую пользу взирающим на них, но и по окончании ее. Чтобы убедиться в этом, посмотри, сколько веков прошло до настоящего времени, и мы, всякий раз, как скоро хотим возбудить в ком-либо ревность к целомудрию, представляем в пример благообразного, прекрасного, юного Иосифа, в самом цветущем возрасте показавшего такую твердость в сохранении целомудрия, – и, таким образом, стараемся побудить слушателей к подражанию этому праведнику. Можно ли, скажи мне, довольно надивиться этому блаженному (мужу), который, находясь в рабстве, в самом цветущем возрасте, когда наиболее воспламеняется огонь пожеланий, и, видя госпожу, на него нападающую в неистовстве страсти, показал такое мужество и так твердо решился на подвиг целомудрия, что убежал от невоздержанной женщины, лишившись своих одежд, но сохранив зато одежду целомудрия? И видно было здесь нечто новое и необычайное: агнец впал в когти волка, или, лучше сказать, львицы, и смог спастись от нее. И как если бы голубь избег погибели от ястреба, так праведник вырвался из рук той женщины. Не столько удивительно мне кажется то, что три отрока в вавилонской печи явились победителями огня, и что тела их нимало не пострадали, сколько дивно и необычайно то, что этот праведник, вверженный в печь более страшную, чем вавилонская, – я говорю о непотребстве египтянки, – остался неприкосновенным и вышел из нее, сохранив чистой одежду целомудрия. Впрочем, и не удивляйся, возлюбленный; так как он со своей стороны употребил на то все силы, то имел и свыше помощь, которая содействовала ему, угашала то пламя, и среди печи даровала ему росу от Духа Святого. Видите, как люди добродетельные, и здесь находясь, и по преставлении отсюда, бывают для нас примерами к пользе нашей? Теперь мы для того и привели в пример этого праведника (Иосифа), чтобы все последовали ему. Итак, будем все соревновать ему, станем выше чувственных обольщений и, зная, что "**наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего**" (Ефес.6:12), будем так и вооружать себя. Представляя себе, что мы, облеченные телом, вынуждены бываем бороться с силами бестелесными, будем ограждать себя оружием духовным. Так как мы облечены плотью, но имеем брань с силами невидимыми, то Человеколюбец Господь уготовал для нас и оружие невидимое, чтобы силой этого оружия мы могли преодолевать естество противоборников наших.

Итак, уповая на силу этого оружия, будем и со своей стороны употреблять все, что нужно: тогда будем в состоянии, ограждаясь этим духовным всеоружием, поразить в самое лицо дьявола. Он не может сносить молнии, исходящей от такого оружия, и хотя бы усиливался противостать ему, тотчас ослепляется его зрение. Благодать же Духа ниспосылается в обилии там, где соединяются целомудрие, честность и другие добродетели; потому и Павел говорил: "**старайтесь иметь мир со всеми и святость**" (Римл.12:18; Евр.12:14). Итак, увещеваю, будем очищать совесть нашу и разум, чтобы, освободившись от всякой нечистой мысли, нам привлечь на себя благодать Духа, победить козни дьявола и удостоиться наслаждения вечных, неизреченных благ, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 45

"Авраам поднялся оттуда к югу и поселился между Кадесом и между Суром; и был на время в Гераре" (Быт.20:1).

1. Радуюсь, видя, что вы собираетесь для слушания (слова) и с великим удовольствием принимаете наше поучение. А оттого и сам с большим усердием каждый день стараюсь предлагать вам свою скудную и небогатую трапезу. Ваша усиленная ревность прикрывает скудость трапезы и малому дает вид великого. Подобное можно видеть и в чувственных яствах. Так, кто принимает у себя гостей уже пресыщенных, то хотя бы и предлагал им множество яств, пресыщение гостей уменьшает цену угощения, так что и великое часто кажется не стоящим никакой цены, потому что гости приступают к яствам без удовольствия. Напротив, кто принимает алчущих, имеющих сильное желание угощения, то хотя бы предлагал скудную трапезу, она кажется великою, так как угощаемые с большим удовольствием вкушают предлагаемое. Таким же образом и мы, уверенные в вашей духовной алчбе, не сомневаемся постоянно предлагать любви вашей нашу трапезу, хотя простую и скудную. Так и премудрый сказал: "**Лучше блюдо зелени, и при нем любовь, нежели откормленный бык, и при нем ненависть**" (Притч.15:17), выражая тем, что любовь иначе смотрит на предлагаемое, что очам ее и скудное кажется роскошным и малое великим. Итак, какое состояние может быть блаженнее нашего, когда мы беседуем среди такого множества слушателей, питающих столь пламенную и деятельную любовь к нам? Ничто так не нужно для говорящего, как расположение слушателей. Когда он видит в слушателях пламенное усердие, то укрепляется и сам и как бы приобретает великую силу, зная, что чем обильнее предложит он духовную трапезу, тем более и сам для себя получит прибыли. В этом отношении духовное противоположно чувственному. Там обилие трапезы причиняет убыток и уменьшает достояние хозяина, а здесь, совершенно напротив, – чем больше участвующих в трапезе, тем более увеличивается наше достояние, потому что мы говорим не свое, но то, что благодать Господа подает нам, по Его человеколюбию и ради вашего назидания. Итак, если вы с таким удовольствием и усердием приступаете к слушанию, то продолжим изъяснение недавно прочитанных мест Писания, и извлечем оттуда плоды на пользу себе. Великая заповедь Христова: "**Исследуйте Писания**" (Ин.5:39) показывает, что в Писаниях заключено и скрывается во глубине их много сокровищ; поэтому и необходимо исследование, чтобы, познав силу, сокрытую во глубине Писаний, мы могли приобрести от того всю для себя пользу. Для того благодать Духа и благоволила изобразить в Писании добродетели всех праведных, чтобы мы имели постоянное поучение и, по подражанию и примеру праведных, устрояли собственную жизнь. Итак, послушаем, что божественное Писание и сегодня хочет возвестить нам о праотце (Аврааме). "**Авраам поднялся**, – говорит, – **оттуда к югу и поселился между Кадесом и между Суром; и был на время в Гераре**". "**Авраам поднялся**, – говорит Писание, – **оттуда**". Откуда он

пошел? От того места, где жил в палатке, и где удостоился принять Господа с ангелами. “**Авраам поднялся оттуда … и был на время в Гераре**”. Посмотри, как прост и неизыскан был образ жизни праведников, с каким удобством они совершали свои переселения, устрояли свою жизнь, как странники и пришельцы, и то здесь, то там водружая свои палатки, как бы всю жизнь проводили в чужой стране. Не так делаем мы. Живя в чужой стране, как будто в отечестве, мы воздвигаем великолепные дома, с портиками и галереями, приобретаем во владение поместья, строим роскошные бани и еще многое другое без числа. Посмотри же, как у праведника все имущество заключается в домочадцах и в стадах, и как нигде он не имеет постоянного жилища, но то в Вефиле ставит свою палатку, то под дубом мамврийским, то переходит в Египет, а теперь переселяется в Герары, и все это переносит с благодушием и за все воздает искреннее благодарение своему Господу. После столь великих обетований и благовестий, данных ему от Бога, видя себя окруженным такими (тяжкими) обстоятельствами, подвергаясь многим и разнообразным искушениям, он оставался непоколебим, как адамант, постоянно показывал в себе дух благочестивый, и среди всех препятствий нисколько не ослабевал в деятельности. Посмотри и теперь, возлюбленный, какое искушение постигает его в Герарах, и подивись твердости праведника в добродетели. Это искушение, ни для кого невыносимое, так что иной не мог бы и слышать о нем, он перенес без огорчения, не требуя от Господа отчета в случившемся, как делают многие люди, будучи притом сами обременены бесчисленным множеством прегрешений. Они, когда подвергаются каким-нибудь скорбям, тотчас предаются беспокойству и пытливости и спрашивают: для чего случилось то и то? Для чего это попустил Бог? Но не таков был праведник: за то тем большую и получал он помощь свыше. Именно таково свойство истинно благомыслящего раба – не испытывать того, что от Господа бывает, а принимать от Него все в безмолвии и с благодарением.

2. Заметь и то, как в самых искушениях добродетель праведника более и более просиявала, потому что Бог во всех случаях обнаруживал ее. Как прежде, пришедши в Египет странником, человеком никому неизвестным и незнакомым, праведник вдруг возвратился оттуда с великою честью, – так и теперь, поселившись в Герарах, сначала сам делает, что от него зависело, а потом получает столь великую помощь от Бога, что и царь и все тамошние жители со всем усердием оказывают услуги праведнику. “**И сказал**, – говорит Писание, – **Авраам о Сарре, жене своей: она сестра моя**” (Быт.20:2). Посмотри, какие тяжкие чувства стесняли душу праведника, и какой страх поражал его. Прежний, хотя очень сильный, страх потерять жену теперь уступил место страху смерти. И чтобы избежать смерти, он должен был видеть собственными глазами, как сожительница его впала в руки Царя. А сколь невыносимо это, о том знают имеющие жен. Потому и Премудрый сказал: “**Ревность – ярость мужа, и не пощадит он в день мщения, не примет никакого выкупа**” (Притч.6:34,35). Но это тяжкое и для всякого другого невыносимое обстоятельство, посмотри, как великодушно перенес праведник, по страху смерти. То же обыкновенно бывает и в телесных страданиях. Когда две болезни в одно и то же время поражают наше тело, то усиление одной подавляет другую; мы всецело предаемся чувству сильнейшей боли, и часто даже вовсе не ощущаем другой, потому что чувство сильнейшей боли увлекает нас и не дает чувствовать болезни слабейшей. Точно таким же образом этот праведник, видя угрожающий ему страх смерти, все прочее считал более сносным. Впрочем, слыша это, возлюбленный, не обвиняй праведника в малодушии, за то, что он боялся смерти. Но лучше подивись, какое великое человеколюбие оказал нам Господь в том, что смерть, в то время страшную для самых праведных и святых, Христос сделал для нас презренною, что над тою самою смертью, которой страшились мужи добродетельные, имевшие такое дерзновение пред Богом, теперь смеются юноши и девы. Смерть теперь уже не то, что была прежде, а сон, удаление и переселение из худшего мира в лучший. Смерть Господа даровала нам бессмертие;

сошедши в ад, Он сокрушил силы его и разрушил его могущество; и этот ад, прежде страшный и неодолимый, Христос сделал теперь столь презренным, что некоторые люди (не боясь его) стремятся и спешат переселиться отсюда. Так и Павел восклицает, говоря: "**Разрешиться и быть со Христом … несравненно лучше**" (Флп.1:23). Но все это только ныне, – после пришествия Христова, после того, как сокрушены врата медные и Солнце правды воссияло по всей вселенной. А в те (древние) времена (смерть) имела еще страшный вид и потрясала душу тогдашних праведных мужей, так что все другое, хотя бы по видимому и невыносимое, они переносили легко. Таким образом, и этот праведник, опасаясь коварства жителей Герарских, выдавал (Сарру) не за жену, а за сестру, и таким образом там жил. И как переселиться в Египет Бог попустил ему с тою целью, чтобы тамошние невежественные и бесчувственные (жители) узнали добродетель праведника, так и здесь Господь показывает Свое долготерпение, чтобы и терпение праведника просияло во всем, и Божие к нему благоволение сделалось явно для всех. "**Послал Авимелех, царь Герарский, и взял Сарру**" (ст. 2). Представь себе душевную бурю, какую должен был вытерпеть праведник, видя похищение своей жены, и не имея никакой возможности защитить ее. Но он все переносил безмолвно, будучи уверен, что Господь не оставит его, а подаст скорую помощь. Надобно дивиться и великой любви Сарры в том, как она хотела избавить праведника от опасности смерти. Ведь она могла, открыв тайну, избегнуть несомненно угрожавшего ей бесчестия. Но она решилась перенести все великодушно, чтобы спасти праведника. И исполнилось сказанное: "**Будут одна плоть**" (Быт.2:24). Они так заботились о спасении друг друга, как бы составляли одну плоть, и показывали такое единомыслие, как бы имели одно тело и одну душу. Да слышат это мужья, да слышат и жены: жены, для того, чтобы питать такую же любовь к мужьям и ничего не считать важнее их спасения; а мужья – чтобы иметь столь же великое к ним расположение, и поступать во всем так, как бы имели одну душу и составляли одно тело.

3. Вот истинное супружество, когда между супругами царствует такое согласие, когда между ними столь тесный союз, когда они соединены взаимно такою любовью. Как тело никогда не может быть в несогласии само с собою, равно и душа сама с собою, так и мужу с женою должно не разногласить, но жить в единении. Отсюда может произойти для них бесчисленное множество благ. Все блага стекаются там, где такое единодушие, – там мир, там любовь, там душевное веселье; нет там ни ссоры, ни брани, ни вражды, ни сварливости; все это исчезает, потому что корень всех благ, т.е. единомыслие, уничтожает все это. "**Послал Авимелех, царь Герарский, и взял Сарру. И пришел Бог к Авимелеху ночью во сне и сказал ему: вот, ты умрешь за женщину, которую ты взял, ибо она имеет мужа**" (ст. 2-3). Посмотри, как Бог человеколюбив. Зная, что праведник по страху смерти великодушно перенес похищение Сарры, и что царь взял ее, как сестру праведника, Бог являет Свое промышление, одновременно и праведника еще более прославляя, и Сарру избавляя от бесчестия, и царя удерживая от преступления. "**И пришел Бог к Авимелеху ночью во сне**". Бог, говорит Писание, желая предохранить царя от преступления, во время сна сообщил душе его ведение и открыл ему сокровенное, и вместе навел на него великий страх угрозою смерти. "**Вот, ты умрешь**, **–** говорит, – **за женщину, которую ты взял, ибо она имеет мужа. Авимелех же не прикасался к ней**" (ст. 3,4). А это все сделано для того, чтобы обетование Божие, данное праотцу, пришло в исполнение. Так как незадолго перед тем обещано ему было, что родится от него сын, Исаак, и это время уже приближалось, то чтобы обетование Божие не подверглось какому-либо осквернению, Бог наводит на Авимелеха такой страх, что он, пораженный, не осмелился коснуться Сарры. По этой-то причине божественное Писание и присовокупило, что "**Авимелех же не прикасался к ней**". Но царь еще оправдывается в своем дерзновении и говорит: "**Владыка! неужели ты погубишь и невинный народ**" (ст. 4)? Разве я, говорит, сделал это, зная, что она жена? Разве я хотел обидеть странника? Разве взял ее, как жену его? Я хотел взять ее, как сестру его, думая тем оказать честь и ей и ему.

Итак, “**неужели ты погубишь и невинный народ?**” Неужели, говорит, погубишь меня, сделавшего это с сознанием правильности? Потом, объясняя слова свои, говорит еще: “**Не сам ли он сказал мне: она сестра моя? И она сама сказала: он брат мой**” (ст. 5). Посмотри, какое у них было единомыслие и согласие: он сам, говорит (Авимелех), сказал мне это, и она подтвердила слова его. “**В простоте сердца моего и в чистоте рук моих**”, – (говорит он), – не имея намерения совершать что-нибудь беззаконное, но сделал это, как дело позволительное, возможное, не имеющее в себе ничего предосудительного. Что же человеколюбивый Господь? “**И сказал ему Бог во сне**” (ст. 6). Посмотри, какое снисхождение оказывает Господь, во всем являя Свою благость. “**Я знаю**, – говорит, – **что ты сделал сие в простоте сердца твоего**”. Знаю, говорит, что они сами устроили этот замысел, и что ты сделал это, будучи обманут словами их; и потому-то, чтобы обман их не ввел тебя в грех, “**удержал тебя от греха предо Мною**”. Велико снисхождение в этих словах, велико человеколюбие Господа! „Против Меня, говорит, обратился бы этот грех”. Как у людей, когда кто-нибудь сделает обиду рабу, пользующемуся большою честью у своего господина, господин относит эту обиду к самому себе, и говорит: ты меня оскорбил тем, что так поступил с моим рабом – что с ним делают, то меня касается, – в том же смысле и благий Господь говорит: “**Удержал тебя от греха предо Мною**”. Они, говорит, Мои рабы, и Я такое имею о них попечение, что все, случающееся с ними хорошее, или худое, отношу к Себе; “**Потому и не допустил тебя прикоснуться к ней**”. Так как Я много пекусь о них, то, зная, что ты по неведению нанес было им это оскорбление, “**удержал тебя от греха предо Мною**”. Не смотри на этого мужа просто, как на одного из обыкновенных людей; познай, что они из числа тех, о которых Я наиболее промышляю и которые имеют ко мне особенную близость. “**Теперь же возврати жену мужу, ибо он пророк и помолится о тебе, и ты будешь жив**” (ст. 7). Посмотри, как Бог открывает добродетель праведника; называет его пророком и как бы самого царя располагает просить его о помиловании. “**Помолится**, **–** говорит, **– о тебе, и ты будешь жив**”. Он, опасаясь от тебя смерти, устроил такой замысел и едва сам не содействовал бесчестию Сарры; но знай, что его молитвы сохранят тебе жизнь. Но, чтобы царь, (воспламененный страстью) и прельщенный красотою Сарры, не пренебрег повелением, Бог наводит на него страх и угрожает подвергнуть его тяжкому наказанию. “**А если не возвратишь, –** говорит, **– то знай, что непременно умрешь ты и все твои**”. Не только ты сам, говорит, понесешь наказание за преслушание, но из-за тебя смерть постигнет и весь твой дом. Для того Бог и возвещал ему все это в ночное время, чтобы, приняв внушение в тишине, он с большим страхом исполнил повеление. “**И встал Авимелех утром рано, –** говорит Писание**, – и призвал всех рабов своих, и пересказал все слова сии в уши их**” (ст. 8).

4. Посмотри, как царь сам делается провозвестником добродетели праведника и всем объявляет о нем. Призвав, говорит Писание, всех слуг своих, рассказал им все, открытое ему Богом, чтобы все узнали благоволение к нему Божие, и то попечение, которого он удостаивался от Господа за свою добродетельную жизнь. “**Люди сии весьма испугались**”. Видишь ли, как не напрасно и не без пользы праведник совершал свои переселения? Если бы он оставался на прежнем месте, то откуда все жители герарские могли бы узнать, каким благоволением пользуется от Бога этот праведник? “**Люди сии весьма испугались**”. Великий страх объял их; все случившееся поразило их. Потом “**призвал**, – говорит Писание, – **Авимелех Авраама**” (ст. 9). Представь, с какою честью приводится теперь к царю праведник, тот, который незадолго перед тем считался у них не стоящим никакого внимания, как скиталец и странник. Тотчас, как скоро все собрались, приглашается праотец, ничего не знавший об этом, и только уже от самого царя извещенный о том, что Бог ради его сотворил царю. “**И сказал ему: что ты с нами сделал? чем согрешил я против тебя, что ты навел было на меня и на царство мое великий грех? Ты сделал со мною дела, каких не делают. Что ты имел в виду, когда**

делал это дело” (ст. 9,10)? Для чего, говорит царь, ты хотел ввести меня в такой грех? Для чего и с каким намерением ты сделал это? Посмотри, как царь собственными словами изображает угрозу, слышанную им от Бога. Как Бог сказал ему: “**А если не возвратишь, то знай, что непременно умрешь ты и все твои**”, – так, передавая тоже самое, Авимелех говорит: “**Чем согрешил я против тебя, что ты навел было на меня и на царство мое великий грех?**”. На меня ли одного должно было пасть наказание? Все царство мое совершенно могло погибнуть от придуманного тобою обмана. С каким умыслом ты сделал это? Но теперь обрати внимание, возлюбленный, на мудрость праведника, с которою он в дело своего оправдания пред ними вводит поучение к ним о богопознании. “**Авраам**, – говорит, – **сказал: я подумал, что нет на месте сем страха Божия, и убьют меня за жену мою**” (ст. 11); т. е., я опасался, что вы, оставаясь еще в заблуждении, нисколько не заботитесь о справедливости; и потому я поступил так, щадя вас же, чтобы вы, узнавши, что она моя жена, по страсти к ней не покусились умертвить меня. Посмотри, как этими немногими словами он и обличил их, и научил, что человеку, имеющему всегда Бога в уме своем, не должно делать ничего беззаконного, но страшиться неусыпающего ока Его, и под опасением казни от Него заботиться всегда о справедливости. Потом, желая оправдать самого себя, праотец говорит: не подумайте, будто я и в настоящем случае солгал; “**да она и подлинно сестра мне: она дочь отца моего, только не дочь матери моей; и сделалась моею женою**” (ст. 12). Я, говорит, и она имеем одного отца; потому я и назвал ее сестрою. Итак, не осуждайте меня; хотя страх смерти и поставил меня в такую необходимость, так как я опасался, чтобы вы из-за нее не умертвили меня, а ее не присвоили себе, однако же, и в этом случае я не сказал неправды. Посмотри, как старается праведник доказать, что он и здесь не солгал. Если, говорит, вы хотите, знать от меня все в точности, то выслушайте и самое совещание, какое мы имели между собою. “**Когда Бог повел меня странствовать из дома отца моего**” (ст. 13). Обрати здесь внимание на великую мудрость праведника, с какою он, в порядке повествования о себе, показывает им, что он с самого начала был одним из избранных Богом, что сам Бог и из дома воззвал его, и в их страну привел, чтобы царь познал, что он один из людей, имеющих великое дерзновение пред Богом. “**Когда, –** говорит, **– Бог повел меня странствовать из дома отца моего, то я сказал ей: сделай со мною сию милость, в какое ни придем мы место, везде говори обо мне: это брат мой**”. Так как выше он сказал: “**Я подумал, что нет на месте сем страха Божия**”, – и ему казалось, что этими словами он слишком уже поразил их, – то, желая смягчить силу этого упрека, он теперь говорит: не подумайте, будто мы решились поступить так только с вами. Нет, еще тогда, “**когда Бог повел меня странствовать из дома отца моего, то я сказал ей: сделай со мною сию милость, в какое ни придем мы место**”. Я сделал ей, говорит он, такое предостережение относительно всех, живущих на этой земле; и при всем том это намерение не заключает в себе лжи, а прибегнуть к нему принудил нас страх смерти. Сказав это, праведник и гнев их укротил, и собственную добродетель открыл, и преподал им достаточное наставление в богопочтении. После того царь, уважая такую великую кротость праведника, вознаграждает праотца с свойственною царю щедростью. “**И взял**, – говорит Писание, – **Авимелех мелкого и крупного скота, и рабов и рабынь, и дал Аврааму; и возвратил ему Сарру, жену его**” (ст. 14). Видишь ли, возлюбленный, благопромыслительную премудрость Божию? Тот, кто боялся смерти и употреблял все средства, чтобы избегнуть ее, не только избег смерти, но и получил еще великое одобрение и сверх ожидания своего прославился.

5. Таковы дела Божии! Бог не только избавляет от скорбей тех, кто старается великодушно переносить посылаемые на них искушения, но и в самых скорбях доставляет такое утешение, что мы совершенно забываем их и получаем великое множество благ. Посмотри же далее, какие услуги царь оказывает праведнику. Он не только почтил праведника богатыми дарами, но и дает ему позволение жить на своей земле: “**Вот**, –

говорит, – **земля моя пред тобою; живи, где тебе угодно**” (ст. 15). Когда царь убедился, что ему дарована жизнь ради праведника и по его молитвам, то чужеземцу, страннику и дотоле совершенно неизвестному человеку начинает услуживать, как своему благодетелю и покровителю. “**И Сарре** (говорит Писание) **сказал: вот, я дал брату твоему тысячу [сиклей] серебра**” (ст. 16). Посмотри, как он, получив вразумление от праведника и поверив словам его, и сам называет его братом ее. Что, говорит я дал брату твоему, “**вот, это тебе покрывало для очей пред всеми, которые с тобою, и пред всеми ты оправдана**”.

Что это значит: “**Для очей пред всеми, … и пред всеми ты оправдана**”? За то, что я по неведению покусился ввести в дом свой тебя, жену праведника, только за то одно, что я сделался виновником твоего бесчестия, я дал тысячу дидрахм, желая вознаградить тебя за то, что я сделал тебе. Но “**пред всеми ты оправдана**”. Что значит: “**пред всеми ты оправдана**”? Пусть, говорит, узнают от тебя, что с моей стороны не сделано никакого преступления, что ты вышла из дому моего неприкосновенною. Уверь, говорит, мужа твоего, что я не виновен во грехе; пусть он узнает от тебя, что я ничего не сделал с тобою. Для чего же он говорит это? Для того, чтобы праведник, узнав от нее и удостоверившись в этом, вознес за него молитвы к Господу. Действительно, тотчас вслед за его словами: “**пред всеми ты оправдана**”, т.е. скажи мужу твоему все, что как было, Писание прибавляет: “**И помолился Авраам Богу, и исцелил Бог Авимелеха, и жену его, и рабынь его, и они стали рождать; ибо заключил Господь всякое чрево в доме Авимелеха за Сарру, жену Авраамову**” (ст. 17-18). Посмотри, как Господь, через все такие случаи более и более прославляя праведника, по молитвам праотца дарует спасение царю и всем в доме его. “**И помолился**, **–** говорит Писание, – **Авраам Богу, и исцелил Бог Авимелеха, и жену его, и рабынь его, и они стали рождать; ибо заключил Господь всякое чрево в доме Авимелеха за Сарру, жену Авраамову**”. Хотя царь и удержался от греха, но благий Господь послал на него это наказание для того, чтобы потом, преклонившись на молитвы праведника, даровать царю избавление и таким образом еще более прославить и возвеличить праведника. Так всегда Господь творит и устрояет, и каждое событие так направляет, что верно служащие Ему, как светила, просиявают, и добродетель их делается известною повсюду. Наконец посмотри, возлюбленный, как, после избавления от скорбей, праведник получает венец всех благ, – исполнение обетования, совершение давно предвозвещенного ему Богом. “**И призрел Господь**, – говорит Писание, – **на Сарру, как сказал; и сделал Господь Сарре, как говорил. Сарра зачала и родила Аврааму сына в старости его во время, о котором говорил ему Бог**” (Быт.21:1-2). Что значат выражения: “**как сказал, как говорил”**? Значит: как обещал Господь тогда, когда в виде странника с ангелами принят был праотцем под дубом мамврийским и когда сказал: “**В назначенный срок буду Я у тебя в следующем году, и у Сарры [будет] сын**” (Быт.18:14); так это и исполнилось. То, чего не могла сделать природа, то увидели они совершившимся, не по обыкновенному порядку человеческих дел, а по благодати божественной. “**И нарек Авраам имя сыну своему, родившемуся у него, которого родила ему Сарра, Исаак**” (Быт.21:3). Не без причины божественное Писание присовокупило: “**которого родила ему Сарра**”. Оно не сказало просто: “**Нарек Авраам имя сыну своему**”, а прибавило: “**которого родила ему Сарра**”, т.е. жена, дотоле не рождавшая, бесплодная, престарелая. “**И обрезал Авраам Исаака, сына своего, в восьмой день, как заповедал ему Бог**” (ст. 4). Так было повелено (от Бога), чтобы новорожденных обрезывать в восьмой день. Далее, чтобы мы еще более уразумели неизреченную силу Божию, по которой и “**есть ли что трудное для Господа**?”, – божественное Писание опять указывает нам и самое время (этого события), и, сказав о рождении (Исаака), замечает нам: “**Авраам был ста лет, когда родился у него Исаак, сын его. И сказала Сарра: смех сделал мне Бог; кто ни услышит обо мне, рассмеется**” (ст. 5-6). Что значат эти слова: “**Смех сделал мне Бог**”? Значат: рождение сына есть для

меня предмет радости. Впрочем, что же было бы удивительного, если только для меня? Да и все, кто только услышит об этом, будут радоваться вместе со мною, не потому, что я родила, но потому, что родила таким (необычайным) образом. Дивность события всех приведет в изумление и всем доставит тем большее утешение, когда узнают, что я, в моем состоянии, нисколько не лучше мертвых, вдруг сделалась матерью, родила чадо из заматеревшей утробы, и еще могу питать его сосцами и источать молоко, я, уже не имевшая никакой надежды на деторождение. "**И сказала: кто сказал бы Аврааму: Сарра будет кормить детей грудью**" (ст. 7)? Для того и сообщены ей источники молока, чтобы удостоверять в действительности рождения, чтобы кто-нибудь не стал считать дитя за подложное; потоки молока всем ясно показывали, что событие сверх всякого человеческого ожидания совершилось. "**Кто сказал бы: Сарра будет кормить детей грудью**", – что я родила сына в старости моей? Что я – престарелая возмогла родить и, в таких летах, могу еще питать сосцами дитя? "**Дитя выросло**, – говорит Писание, – **и отнято от груди; и Авраам сделал большой пир в тот день, когда Исаак отнят был от груди**" (ст. 8).

6. Видишь ли неизреченную премудрость Божию, как Бог, испытав всеми способами терпение праведника, – тогда именно привел в исполнение свое обетование, когда и сам праотец, и все взиравшие на него, судя по человеческой природе, казалось, не могли уже иметь никакой надежды? Так и мы покажем, возлюбленные, такое же терпение, по примеру праведника, и никогда не будем отчаиваться, а станем питаться благими надеждами, зная, что ни трудность дела, ни что-либо другое человеческое не может, слишком препятствовать вам, когда благодать Божия благоволит оказать нам собственную щедрость. Мановению Божию все повинуется и покоряется, и тогда трудное становится легким, и невозможное – возможным. Только бы мы имели твердую веру в Него и, взирая на величие силы Его, становились выше всего человеческого. Тот, кто обещал в будущем неизреченные блага людям, проводящим здешнюю жизнь в добродетели. Тот не дарует ли, тем более благ временных, особенно если мы, стремясь к первым, будем менее желать последних? Именно тогда преимущественно и будем мы наслаждаться этими благами в обилии, когда решимся презирать их. Итак, зная это, будем желать благ постоянных, неизменных и нескончаемых, чтобы и настоящую жизнь провести беспечально, и тех благ достигнуть, чего да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 46

"И сказала: кто сказал бы Аврааму: Сарра будет кормить детей грудью? ибо в старости его я родила сына" (Быт. 21:7).

1. Будем и сегодня, возлюбленные, продолжать вчерашнюю беседу, и снова предложим вам духовную трапезу, чтобы еще раз увидеть, как вы и вчера слышали, неизреченное промышление и снисхождение благого Бога и, с другой стороны, великое послушание праотца и его душевное расположение. Вы видели, как рождение Исаака обрадовало Сарру. "**И сказала Сарра, -** говорит Писание**: смех сделал мне Бог; кто ни услышит обо мне, рассмеется**" (ст. 6). Всякий, говорит, кто услышит об этом, примет участие в моей радости. Велик дар, ниспосланный мне от Бога; он превышает человеческую немощь. Кто, говорит она, не изумится, видя, как я питаю молоком от сосцов своих, уже находясь в крайней старости, и до настоящего времени будучи бесплодною? И как бы сама удивляясь и изумляясь этому событию, Сарра присовокупляет: "**Кто сказал бы Аврааму: Сарра будет кормить детей грудью? ибо в старости его я родила сына**"? Так как это событие было выше природы, потому Сарра и говорит: "**Кто сказал бы**"? То

есть: кто подумает? Кто бы мог представить себе это? Какой ум в состоянии постигнуть, это? Какое рассуждение достаточно будет для того, чтобы вполне объяснить случившееся? Не столько удивительно, что из камня в пустыне потекли источники вод, когда Моисей ударил по нему жезлом, сколько то, что из утробы, уже омертвевшей, родилось чадо и явились потоки молока. Чтобы всем была очевидна действительность рождения, и чтобы всех, как современников, так и потомков, слышащих об этом, уверить в чуде, Сарра сама питает младенца, и принимает на себя труд вскормить его собственным молоком, и говорит: "**Кто сказал бы Аврааму: Сарра будет кормить детей грудью**"? Не новое ли это, удивительное и сверх всякого ожидания дарованное мне утешение, что я родила сына в старости моей? Что значит: "**в старости его я родила сына**"? Значит: кроме неплодства, самые лета возраста были таковы, что надобно было отказаться от всякой надежды рождения. Но Господь, устранив все эти препятствия, даровал мне и рождение сына и источники молока. Рассмотрим теперь последующие события. Когда окончилось время питания молоком, "**и увидела Сарра, -** говорит Писание, **- что сын Агари Египтянки, которого она родила Аврааму, насмехается и сказала Аврааму: выгони эту рабыню и сына ее, ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком. И показалось это Аврааму весьма неприятным ради сына его**" (ст. 9-11). Посмотри здесь, возлюбленный, как Сарра опять не терпит вольностей Измаила, и не может равнодушно переносить, чтобы сын рабыни обращался так с Исааком. И как прежде, желая смирить высокомерие Агари, в сильном негодовании она заставила ее обратиться в бегство, так и теперь, желая в самом начале обуздать притязания Измаила, и не будучи в состоянии равнодушно терпеть, чтобы сын, рожденный по благодати и дарованный самим Богом, обращался вместе с сыном рабыни-египтянки, она говорит Аврааму: "**Выгони эту рабыню и сына ее, ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком**". Сарра видела, что и сама она находится в глубокой старости, и праотец уже достиг преклонных лет (так как оба уже прожили много лет), и опасалась, чтобы, в случае внезапной их смерти, Измаил, по праву рождения от семени праотца, не стал домогаться участия в наследии отца и равнять себя с Исааком, поэтому и стала говорить: "**Выгони эту рабыню и сына ее**". Пусть, говорит, знает Агарь, что сын рабыни не будет иметь ничего общего с сыном моим Исааком; да и не прилично, чтобы сын рабыни обращался так близко с сыном госпожи. Впрочем, Сарра поступила в этом случае не несправедливо, а очень справедливо, и так справедливо, что и Сам Бог одобрил ее слова. А праотец, будучи любвеобилен и привязан к Измаилу, с неудовольствием принял слова Сарры. "**И**, **-** говорит Писание, **- показалось это Аврааму весьма неприятным ради сына его**". Он не об Агари заботился, но имел сострадание к отроку, уже бывшему на возрасте. Заметь же здесь чрезвычайное снисхождение человеколюбца Бога. Он видел, что негодование Сарры на равночестие детей есть чувство обыкновенное, свойственное человеческой природе, но что и Авраам не может равнодушно перенести изгнания Измаила и рабыни (хотя он и не противоречил Сарре по великой своей кротости, однако это казалось ему жестоко, т. е., тяжело, неприятно и невыносимо). Поэтому Господь, со свойственным Ему человеколюбием, желая укрепить союз их единодушия, говорит Аврааму: "**Не огорчайся ради отрока и рабыни твоей; во всем, что скажет тебе Сарра, слушайся голоса ее**" (ст. 12). Не принимай, говорит, с скорбью слов ее; но во всем, что ни скажет тебе Сарра, слушай ее.

2. Все то, говорит Бог, что ныне высказывает тебе Сарра касательно Измаила и Агари, прими и послушайся слов ее. Не желай оскорбить ту, которая во все время (сожительства с тобою) показывала столь великую любовь к тебе, которая не один раз, но дважды, чтобы избавить тебя от смерти, жертвовала собою для твоего спасения и стала для тебя виновницею такой славы: и, во-первых, сделала то, что ты с таким богатством вышел из Египта; а потом была причиною, что ты удостоился такой чести от Авимелеха. Итак, не позволяй себе предпринимать что-либо вопреки словам ее. Да не иначе и будет

впоследствии. “**Ибо в Исааке**, **-** рожденном от нее, **- наречется тебе семя**” (ст. 12), и он будет твоим наследником. “**И от сына рабыни Я произведу народ, потому что он семя твое**” (ст. 13). Поэтому сделай так, как она говорит тебе, и послушайся слов ее. Посмотри же теперь, какой вдруг мир, какое единодушие водворились в сожительстве их, как скоро благость Божия скрепила союз их. “**Авраам встал**, **-** говорит Писание, **- рано утром, и взял хлеба и мех воды, и дал Агари, положив ей на плечи, и отрока, и отпустил ее**” (ст. 14). Заметь опять великое благомыслие праведника, и то, как он во всем обнаруживает благочестивое настроение. Когда он услышал слова Сарры: “**Выгони эту рабыню и сына ее**”, **-** это показалось ему неприятно, потому что он питал любовь к Измаилу. Но когда и Господь тоже повелел, он тотчас исполнил поведенное и забыл естественную любовь свою; он рассуждал, что как скоро Бог повелевает, то всякая страсть должна упразднiться, потому что повелевающий есть Господь природы. Итак, рабыня, говорит Писание, взяв хлебы и мех воды, “**пошла**” с отроком. Но смотри опять, как, по благоволению Божию к праведнику, и она удостаивается попечения свыше. Изгнанная (Авраамом) Агарь блуждала по пустыне, и, оставшись без воды, нигде не находила для себя никакого утешения. “**И она оставила, -** говорит Писание, **- отрока под одним кустом**” (ст. 15). Сердце ее сокрушалось от скорби и любви к сыну, и вот она “**села вдали**, **-** сказано, **- в расстоянии на [один] выстрел из лука. Ибо она сказала: не [хочу] видеть смерти отрока. И она села против, и подняла вопль, и плакала**” (ст. 16). Но милосердый и человеколюбивый Бог, которого попечение о нас превосходит всякую любовь отца и матери, “**услышал голос отрока оттуда, где он находится**” (ст. 17), сжалился над отроком и умилосердился над страданием Агари. Он допустил ей только почувствовать свое одиночество, и тотчас даровал ей Свою помощь. “**И Ангел Божий с неба воззвал к Агари**, **-** говорит Писание, **- и сказал ей: что с тобою, Агарь? не бойся; Бог услышал голос отрока оттуда, где он находится**” (ст. 17). “**Встань, подними отрока и возьми его за руку, ибо Я произведу от него великий народ**” (ст. 18). О, как человеколюбив Господь! Он не презрел ее, хотя она и рабыня была; но по Своему обетованию праотцу, от семени которого был Измаил, Он удостаивает и Агарь Своего, столь великого попечения, и говорит: “**Что с тобою, Агарь? не бойся; Бог услышал голос отрока …. Встань, подними отрока и возьми его за руку, ибо Я произведу от него великий народ**”. Не скорби, говорит, о том, что ты изгнана из дому, потому что о сыне твоем Я буду иметь такое промышление, что и он получит многочисленное потомство. “**И Бог открыл**, **-** сказано, **- глаза ее**” (ст. 19), не потому, будто она дотоле не имела зрения, а потому, что и открытые глаза не приносили ей пользы без откровения; свыше. Поэтому, когда Бог хотел показать ей Свое попечение о ней, “**открыл**, **-** сказано, **- глаза ее**”, т. е. сообщил Свое откровение ей неведущей, воскресил ее Дух, указал ей путь, так что она увидела и место, где протекали потоки воды. “**И она увидела**, **-** говорит Писание, **- колодезь с водою, и пошла, наполнила мех водою и напоила отрока**” (ст. 19). В непроходимых местах Господь указал ей путь; и когда она находилась в таком беспомощном состоянии, не имея никакой надежды на спасение, Он явил ей Свое милосердие, вместе и ее самое утешив и об отроке показав Свое промышление. Так, хотя бы мы находились в пустыне, хотя бы в самых крайних бедствиях, хотя бы не имели никакой надежды на спасение, но как скоро Богу угодно будет (помочь нам), мы не будем иметь нужды ни в чьей помощи, а одна помощь Божия доставит нам все. Если мы приобретем Его благоволение, то никто не преодолеет нас, и мы будем выше всего. “**И**, **-** говорит Писание, **- Бог был с отроком; и он вырос, и стал жить в пустыне**” (ст. 20). Так, когда мы снискали благоволение Божие, то, хотя бы находились в пустыне, мы будем жить безопаснее живущих в городах, потому что помощь Божия есть величайшая защита и стена непреодолимая. А чтобы понять, как находящийся в пустыне может быть безопаснее и могущественнее того, кто живет в городах и пользуется большою помощью от людей, вспомним, как Давид, скитаясь из места в место, и проводя жизнь, как странник, был ограждаем вышнею десницею. А напротив Саул, который находился среди городов, водил с собою столько войска, и имел

копьеносцев и телохранителей, Саул каждый день трепетал и страшился нападения неприятелей. Тот - одинокий, не имея при себе никого другого, не нуждался в человеческом содействии; а этот, будучи облечен в диадему и нося багряницу, имел нужду в его помощи: царь нуждался в пастухе, облеченный в диадему - в незнатном человеке (1Цар.18).

3. Впрочем, если хотите, начнем слово наше несколько выше, чтобы, вполне представив все это событие, убедиться, что нет ничего сильнее (человека) огражденного высшею помощью, и нет ничего слабее лишенного этой помощи, хотя бы он был окружен бесчисленным множеством войска. Давид был еще очень молод и, по причине несовершеннолетия, жил в доме отца; но как уже наступало время открыться его добродетели, то, получив приказание отца посетить своих братьев, его послушался и отправился к ним. Пришедши таким образом для свидания с ними, он узнал, что предстоит битва с иноплеменником Голиафом, что весь народ еврейский вместе с Саулом поражен страхом, и сам царь находится в опасности потерять все. Тогда Давид сначала хотел только видеть это новое и странное зрелище, как один человек решился противостать целым тысячам. Но братья, не терпя мужества его духа, стали завидовать ему и говорили: или ты за тем только пришел, чтобы смотреть на сражение (1Цар.17:28)? Итак, не для свидания с нами пришел ты? Посмотри на его благоразумие и великую кротость. Он не говорит им ничего дерзкого и грубого, а, утишая их пламень и укрощая зависть, отвечает: “**Не слова ли это**” (ст. 29)? Разве вы не видите, что я не взял и оружия и не становлюсь в ряды войска? Я просто хотел только посмотреть и узнать, откуда у этого человека такая безмерная гордость: “**Ибо кто этот необрезанный Филистимлянин, что так поносит воинство Бога живаго**” (ст. 26)? Потом, слыша крайне горделивые речи его и видя, как все бывшие с Саулом поражены невыразимым страхом, говорит: “**Что сделают тому, кто убьет этого Филистимлянина**” (ст. 26)? И обнаружив такими словами великое мужество души своей, приводит всех в изумление. Саул, узнав об этом, призывает к себе юношу, не знавшего ничего, кроме должности пастушеской и, видя (малый) возраст его, показывает к нему пренебрежение. Но, услышав от него, как он справлялся с медведями, когда они нападали на стада его (не тщеславие побудило этого славного мужа рассказать об этом, но необходимость, чтобы и в Саула вдохнуть мужество, и обратить его внимание не на слабость наружную, а на веру, сокровенную внутри, и на помощь свыше, с которою он – юноша - был сильнее мужей, безоружный - вооруженных, пастух - воинов), - узнав, говорю, отсюда мужество духа его, царь хотел облечь его в собственное (царское) оружие; но он, возложив на себя это оружие, не мог даже и снести его. А так случилось для того, чтобы тем яснее открылась сила Божия, которая через него действовала, и чтобы последствия не были приписаны силе оружия. И так как, облеченный в оружие, он чувствовал тягость, то и сложил его, а взял только пастушескую суму и несколько камней, и с этим вышел против той воплощенной башни [Святитель выражает этим исполинский рост Голиафа]. Иноплеменник, с своей стороны, смотря на слабость его возраста, уничижает праведника, и сперва словами нападает на него, как на бессильного отрока. Именно, когда он увидел, что Давид выступает против него с пастушескою сумою и несет с собою одни камни, то начал говорит ему почти так: ты думаешь, видно, что ты опять приставлен к овцам и гоняешь каких-нибудь собак? И ты, как будто на гоньбу за какою-нибудь собакою, решаешься на битву со мною с таким оружием? А вот опыт сейчас докажет тебе, что тебе надобно биться не с обыкновенным человеком. Произнося столь надменный слова, он поспешно наступал, потрясал своими военными доспехами и поднимал оружие. Итак, один выступал на борьбу, уверенный в силе оружия, а другой ограждал себя верою и вышнею помощью. И Давид, с своей стороны, прежде всего словами смиряет высокомерие иноплеменника и говорит ему: ты идешь против меня с мечем и копьем, и думаешь победить собственною силою; а я (иду) во имя Господа Бога. Сказав это, и взяв из пастушеской сумы один камень, как бы

действительно хотел прогнать какую-нибудь собаку, нападающую на стадо, бросил камень пращою; поразив Голиафа в лицо, он сразу поверг его (на землю), и немедленно, схватив меч его, отсек ему голову, принес ее к царю, и таким образом положил конец войне. Итак, чрез него и царь нашел себе спасение, и все войско его вздохнуло свободно. Стоило посмотреть на это дивное и необычайное дело, как вооруженный был поражен безоружным, опытный в воинском деле пал от (руки) человека, не знавшего ничего, кроме жизни пастушеской. Почему же так сделалось? Потому, что Давид был подкрепляем вышнею помощью, а Голиаф был лишен ее, и потому впал в руки Давида. Но посмотри затем, какие безрассудные действия производит страсть зависти. Когда царь увидел, что праведник наслаждается великою славою, и что ликующие девы восклицают: "**Саул победил тысячи, а Давид - десятки тысяч!**" (1Цар.18:7), то не потерпел благодушно таких слов (хотя в самом-то деле ему приписывали более, нежели Давиду), - но был побежден завистью и стал воздавать злом человеку, оказавшему ему добро, и того, кого следовало почитать спасителем и благодетелем, покушался даже умертвить. О, крайнее безумие! О, верх безрассудства! Того, кто сохранил ему жизнь и все войско его освободил от ярости иноплеменника, он стал после того подозревать, как врага, и, нисколько не помня благодеяния, так недавно ему оказанного, подпав страсти, помрачив рассудок свой завистью, как каким-нибудь опьянением, стал смотреть на благодетеля, как на неприятеля.

4. Таково зло от этой страсти: она прежде всего вредит самому тому, в ком зарождается. Как червь, зарождающийся в дереве, прежде всего поедает самое дерево, так и зависть прежде всего сокрушает самую душу, породившую ее в себе. А тому, кому завидует, делает не то, чего желал бы ему, а совсем противное. В делах зависти, ты смотри не на начало, а на конец, и прими во внимание то, как самая злоба завидующих доставляет только большую славу тем, которые подвергаются их зависти, потому что страдающие от зависти преклоняют Бога к себе на помощь и пользуются содействием свыше, а завидующий, будучи лишен благодати Божией, легко впадает в руки всем. Порабощаемый прежде всяких внешних врагов собственною страстью, он как бы сокрушает сам себя, и как бы пожираемый невидимыми зубами и таким образом истощаясь сам в себе, так сказать, погружается в бездну. Зная это, будем, убеждаю вас, убегать этой пагубной страсти, и всеми силами исторгать ее из души своей. Это гибельнейшая из всех страстей и вредит самому спасению нашему; это изобретение самого диавола. Потому и Премудрый говорит: "**Завистью диавола вошла в мир смерть**" (Прем.2:24). Что значит: "**Завистью диавола вошла в мир смерть**"? Это значит: когда тот злой зверь увидел первозданного человека бессмертным, то по злобе своей увлек его к преступлению заповеди и таким образом сделал то, что человек подвергся наказанию смерти. Итак, зависть произвела обольщение, обольщение - преступление, преступление - смерть. Потому сказано: "**Завистью диавола вошла в мир смерть**". Видишь ли, какое зло от этой страсти? Возвеличенного бессмертием она подвергла смерти. Но тогда как враг нашего спасения, побуждаемый собственною завистью, был причиною того, что первый человек, созданный бессмертным, подвергся осуждению смерти, - благопопечительный и человеколюбивый Господь собственною смертью опять даровал нам бессмертие, так что мы приобрели еще больше, нежели сколько потеряли. Диавол лишил нас рая, а Господь возвел на небо; тот был причиною осуждения нашего на смерть, а этот даровал нам бессмертие; тот лишил нас райского блаженства, а этот уготовал нам царствие небесное. Видишь ли премудрость твоего Господа, как он те самые оружия, которые завистью диавола направлены были против вашего спасения, обратил, на его же главу? Притом Господь, не только удостоил нас больших благ (чем в Раю), но и самого диавола предал во власть нашу, сказав: "**Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов**" (Лк.10:19). Итак, размышляя обо всем этом, исторгнем зависть из нашей души и будем стараться о приобретении благоволения Божия. Оно - наше оружие непобедимое; оно - наше самое великое могущество; при его помощи и Измаил, хотя был еще юн и находился в пустыне и в

крайне затруднительных обстоятельствах, возвеличился и имел в потомстве многочисленный народ, - потому что “**Бог был с отроком**”, говорит Писание (Быт.21:20). Здесь и окончим настоящее наше слово. Итак будем, умоляю вас, презирать настоящее, а стремиться духом к будущему, благоволение Божие почитать выше всего и жизнью добродетельною приобретать себе твердость упования, чтобы и настоящую жизнь провести беспечально, и будущих благ достигнуть, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 47

“И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама” (Быт. 22:1).

1. Много полезного для нас заключается в сегодняшнем чтении из Писания и неизреченное сокровище сокрыто в этих кратких словах. Таковы божественные изречения: не во множестве слов, но в кратких выражениях содержат великое богатство. Итак, исследуем указанные слова Писания и тщательно изучим смысл нынешнего чтения. Здесь мы увидим новые примеры и великой добродетели праотца и дивного человеколюбия Божия. “**И было**, **-** говорит Писание, **- после сих происшествий Бог искушал Авраама**”. Что означают эти слова: “**И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама**”? Посмотри, как божественное Писание уже в этих самых словах хочет открыть нам добродетель праведника. Намереваясь поведать нам об искушении, наведенном от Бога на Авраама, Писание предварительно хочет указать нам самое время, в которое праотцу дано было повеление принести (в жертву) Исаака, чтобы ты (полнее) знал великое послушание праотца, и то, как он ничего не позволял себе почитать выше угождения Богу. Что же значит: “**И было, после сих происшествий**”? После рождения Исаака, Сарра, видя близкое обращение Измаила с Исааком, как мы вчера об этом беседовали с вами, вознегодовала на это и сказала Аврааму: “**Выгони эту рабыню и сына ее, ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком**”, - а праотцу показалось это жестоко. Тогда Бог, желая утешить праведника, сказал ему: послушай Сарру, жену твою, и сделай так, как она говорит тебе; “**не огорчайся ради отрока и рабыни твоей; …ибо в Исааке наречется тебе семя”;** но и (от) Измаила “**произведу народ, потому что он семя твое**” (Быт.21:10-13). Все данное ему от Бога обетование и благовестие состояло в том, что потомки Исаака размножатся в великий народ. Питаемый этими надеждами, праведник приближался к концу своего поприща, как бы уже получив возмездие за столь великие и непрерывные скорби и искушения, уже достигнув наконец спокойствия; он видел пред глазами своими преемника, который должен был наследовать ему. Таким образом, говорю, жил в мире праведник, вкушая плоды величайших для себя утешений. Но Ведущий сокровенные помышления, желая показать нам всю добродетель праведника и ту великую любовь, какую он имел к Богу, - после столь великих обетований, и особенно после нового, недавно бывшего [обетование, что в Исааке наречется Аврааму семя; обетование это дано в последний раз при изгнании Агари и Измаила из дому Авраама], которое было еще в свежей памяти, - когда Исаак пришел уже в возраст и находился в самом цвете лет, и любовь к нему отца видимо более и более усиливалась, тогда-то именно, после тех слов обетования, после того, как было сказано: “**В Исааке наречется тебе семя**”, и он будет твоим наследником, - “**И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама**”. Что значит: “**искушал**”? Не то, будто Бог это делал по неведению; а Он подверг праотца искушению для того, чтобы и тогдашние современники, и потомки его до настоящего времени научились, подобно праотцу, иметь такую же любовь (к Богу), и оказывать такое же послушание повелениям Господним. “**И сказал ему** (Бог): **Авраам! Он сказал: вот я**” (ст. 1). Что значит здесь повторение имени? Это знак великого благоволения Божия к праотцу, и такой зов давал ему разуметь, что Бог

хотел повелеть ему нечто особенно важное. Таким образом, усиленным призванием побуждая его усилить свое внимание и тщательно выслушать глагол Божий, Бог говорит ему: “**Авраам! Он сказал: вот я**”**.** И “**[Бог] сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе**” (ст. 2). Повеление слишком тяжкое! Дело, превышающее силы природы человеческой! “**Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака**”. Посмотри, как самые эти слова только больше воспламеняли и усиливали огонь любви, какую питал праведник к Исааку. “**Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака**”. Каждое слово само по себе достаточно было к тому, чтобы потрясти душу праведника. Не сказал (Бог) просто: Исаака, но присовокупил: “**сына твоего**”, - которого ты получил сверх всякого чаяния и родить мог в самой глубокой старости; “**единственного**”, - вожделенного твоего, которого ты так крепко любишь; “**Исаака**”, - которого чаешь иметь своим наследником, от которого Я обещал размножить потомство твое и размножить столько, что число его сравняется со множеством звезд и с песком на берегу моря. Итак, этого-то самого сына возьми, “**и пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе**”. Для меня удивительно и то, как только мог праведник выслушать такие слова. Этого самого сына, говорит Бог, столько для тебя вожделенного, принеси Мне во всесожжение на одной из гор. Что же праведник? Он не смутился духом, не поколебался в мыслях, не пришел в недоумение при столь странном повелении, не стал размышлять или рассуждать сам с собою так: что это значит? Тот, который сверх всякого ожидания, даровал мне помощника, по Своему человеколюбию оживотворил омертвевшую утробу Сарры, теперь, когда сын мой уже воспитан, возрос и находится в цветущих летах, Он повелевает мне умертвить чадо мое и принести во всесожжение? Тот, кто недавно сказал мне: в нем “**наречется тебе семя**”, - теперь требует противного? Как же исполнятся данные Им обетования? Как возможно, чтобы от усеченного корня произросли когда-нибудь ветви, или от срубленного дерева произошел плод, или из иссушенного источника проистекли реки? По человеческому суду это быть не может. Впрочем, для воли Божией все возможно.

2. Ничего однако же, подобного не подумал этот праведник; но, как благодарный домочадец, он оставил всякое человеческое рассуждение и только об одном заботился, чтобы исполнить повеление; он стал как бы чужд человеческой природе, и всякое сострадание и любовь отеческую поставив ниже повелений Божиих, поспешил приступить к исполнению их. “**Авраам**, **-** говорит Писание, **- встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколол дров для всесожжения, и, встав, пошел на место, о котором сказал ему Бог**” (ст. 3). Заметь, как человеколюбец Господь самым расстоянием места искушает добродетель праведника. Представь себе, что должен был вытерпеть праведник в течение трех дней, размышляя сам с собою о данном ему повелении, - о том, как он должен собственными руками заклать столь возлюбленного сына, а между тем никому не мог сообщить об этом деле, - и подивись боголюбивой и мудрой душе его. Понимая всю важность этого повеления Божия, он решительно никому не открывает его, ни рабам, ни самому Исааку, но один сам собою совершает этот подвиг, и остается несокрушим, как адамант, показав все мужество своего духа, не много размышляя, а с полною готовностью повинуясь мановению Божию. По прибытии к указанному месту, “**На третий день Авраам**, **-** говорит Писание, **- возвел очи свои, и увидел то место издалека. И сказал Авраам отрокам своим: останьтесь вы здесь с ослом**” (ст. 4,5). Заметь и здесь великое благоразумие праведника: он хотел скрыть (свое намерение) даже от слуг своих, во всем показывая пламенное усердие и решительную готовность исполнить волю Божию. Он знал, что это дело было новое и необычайное и что прежде его никто другой не делал ничего подобного, - и потому скрывает его от рабов и, оставляя их с ослом, говорит:

“**Останьтесь вы здесь с ослом, а я и сын пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам**” (ст. 5). Он говорил это, не зная, что будет так; но пророчествовал, вероятно, сам того не зная. А слугам говорил так конечно для того, чтобы скрыть от них настоящее дело и заставить остаться на том месте. Затем праотец отошел с сыном. “**Взял Авраам дрова для всесожжения, и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе**” (ст. 6). Какое мужество духа! Какая твердость воли! “**И возложил на Исаака, -** говорит Писание, **- дрова для всесожжения**”; а сам взял нож и огонь, и пошли оба (с сыном) вместе. Какими глазами смотрел он на своего сына, несшего дрова, на которых он, спустя немного, должен был принести его во всесожжение? Как руки его могли держать огонь и нож? И между тем как в руках он нес огонь чувственный, внутренний огонь воспламенял его сердце и сокрушал всякие (возникавшие в нем) помыслы, возбуждая в нем решимость - победить (настоящее искушение) любовью к Богу и заставляя размыслить, что Тот, Кто дал ему возможность сделаться отцом, даже сверх сил человеческой природы, может и теперь совершить дело, превышающее разум человеческий. Посмотри, однако же, как, еще прежде огня чувственного, мало-помалу воспламенялся в нем огонь внутренний и пожигал душу праведника. “**И начал**, **-** говорит Писание, **- Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой!**” (ст. 7). Одного этого слова достаточно было для того, чтобы потрясти всю внутренность праведника. “**Он отвечал: вот я, сын мой**”. Ты называешь отцом того, кто немного спустя будет уже бесчаден; и я называю своим сыном того, кто скоро должен взойти на жертвенник, кого я сам буду закалать собственными руками. Сын говорит: вот ты несешь огонь, а я дрова; где же жертва, назначенная для принесения (Богу); **-** “**Где же агнец для всесожжения?**” Представь себе здесь всю муку праведника, - как он мог переносить, что слышал, как мог отвечать сыну, как не поколебался духом, как мог скрыть от сына и не обнаружить предстоящего дела? Но с твердою мыслию и с мужеством духа он отвечает сыну: “**Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой**” (ст. 8). Посмотри и здесь, как он опять предвещает будущее, сам того не зная. Таким ответом он думал скрыть от Исаака истину; но сына этими словами он на время успокоил, а сам между тем претерпевал еще большую и сильнейшую скорбь, размышляя об этих самых словах, смотря и на телесную красоту сына, и на благообразие душевное, его послушание, привлекательность и самый возраст его цветущий. “**И шли [далее] оба вместе. И пришли на место, о котором сказал ему Бог**” (ст. 8,9). Пришли, говорит Писание, на высокую гору, которую Бог показал ему, “**и устроил там Авраам жертвенник**”. Опять я изумляюсь мужеству праведника, как мог он создать жертвенник, как достало у него для этого сил, как не сокрушился духом от внутренних страданий? Но вот он и жертвенник воздвиг, и дрова на него положил, “**и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров. И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего**” (ст.9,10).

3. Не оставим, возлюбленные, этого рассказа без внимания, но подумаем, как не покинула тела душа праотца, как достало у него сил собственными руками связать и возложить на дрова возлюбленного, дорогого его сердцу, единородного сына. “**И простер, -** говорит Писание, **- Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть сына своего**”. О, душа боголюбивая! О, дух мужественный! О, любовь крепкая! О, разум, побеждающий человеческую природу! Взять нож “**заколоть сына своего**”. Но кому здесь более удивляться и изумляться? Мужественному ли духу праотца, или покорности сына? Он не убежал, не огорчился поступком отца своего, но повиновался и покорился его намерению и как агнец безмолвно возлежал на жертвеннике, ожидая удара от руки отца. Когда все было уже приготовлено и не оставалось ничего более, то благий Господь, желая показать, что Он дал ему такое повеление не для действительного заклания сына, а для обнаружения всей добродетели праведника, являет, наконец, и собственное человеколюбие, увенчивая праведника за самое произволение, т.е. самую решимость праотца принимая за действительно принесенную жертву. “**Но Ангел Господень**, **-**

говорит Писание, **- воззвал к нему с неба и сказал: Авраам! Авраам!**" (ст. 11). Как скоро Бог увидел, что праведник готов исполнить Его волю и уже приступает к закланию сына, то и взывает к нему с неба: "**Авраам, Авраам!**" Вот и здесь употреблено повторение (имени), чтобы удержать рвение праведника и этим возгласом остановить руку праотца, уже поднятую на заклание сына. "**Он сказал: вот я. [Ангел] сказал: не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня**" (ст. 11,12). "**Не поднимай, -** говорит, **- руки твоей на отрока**". Я дал Свое повеление не для того, чтобы на самом деле оно было исполнено, и Я желаю не того, чтобы ты заклал своего сына, но чтобы для всех сделалось очевидным твое послушание. Итак, "**не делай над ним ничего**"; Я довольствуюсь самым произволением твоим, и за него увенчиваю и прославляю тебя. "**Теперь Я знаю, что боишься ты Бога**". Посмотри, какое снисхождение в этих словах. Что же? Разве прежде того Господь не знал добродетели праведника, а только теперь узнал ее? Нет; не то Он говорит, будто сам только теперь узнал, - а что? Ныне, говорит, ты всем показал, насколько искренний имеешь ты страх пред Богом. Я, конечно, знал раба Моего; но дело, ныне тобою совершенное, сделается предметом назидания и для современников, и для будущих поколений. Ныне ты всем показал, как ты боишься Бога и усердно исполняешь Его повеления. "**И не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня**" **-** столь дорогого для тебя и столь искренно тобою любимого сына ты не пощадил ради Меня, ради требования Моего, ради повеления, данного Мною, но Мое повеление предпочел любви к своему сыну. Зато и возьми опять к себе сына твоего. Ведь я обещал тебе умножить потомство от семени твоего. Иди теперь, увенчанный за послушание. Я и одно произволение считаю достойным увенчания и (добрые) намерения награждаю, и пусть на самом деле сбудется то, что ты сказал слугам твоим и Исааку. Ты обещал им: "**поклонимся, и возвратимся**". Так и будет. А на вопрос: "**Где же агнец для всесожжения?**", - ты отвечал: "**Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения**". Посмотри же кругом себя, и увидишь предсказанное тобою овча; его и принеси во всесожжение вместо сына. "**И возвел Авраам очи свои и увидел: и вот, позади овен, запутавшийся в чаще рогами своими. Авраам пошел, взял овна и принес его во всесожжение вместо сына своего**" (ст. 13). Я видел, говорит Бог, благочестие в сердце твоем: вот и приготовил тебе то, о чем ты предварительно сказал сыну. (И) "**взял** (Авраам) **овна и принес его во всесожжение вместо сына своего**". Видишь ли человеколюбие Божие? И жертва совершена, и праотец показал благочестие души своей, получил венец за одно свое (доброе) намерение и, взяв обратно сына, возвратился с бесчисленными венцами. А все это было прообразованием креста Христова. Потому и Христос говорил иудеям: "**Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался**" (Ин.8:56). Как это видел человек, живший за столько лет прежде? В прообразе, в тени. Как здесь овча принесено вместо Исаака, так и словесный Агнец принесен в жертву за весь мир. Истина должна была предъизобразиться в тени. Посмотри же, возлюбленный, как действительно все было преобразовано в тени. Там сын единородный, и здесь Единородный. Там возлюбленный и истинный (сын), и здесь возлюбленный и единосущный Сын, как и говорит Бог Отец: "**Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение**" (Мф.3:17). Исаак приносим был отцом во всесожжение, и Христа предал Отец, как восклицает Павел, говоря: "**Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего**" (Рим.8:32)? Здесь (явилась) тень; а впоследствии открывается истина вещей, гораздо превосходнейшая - в жертву за весь мир принесен словесный Агнец. Он очистил всю вселенную. Он освободил людей от заблуждения и привел к истине. Он сделал землю - небом, не природу стихий изменив, а водворив между земными людьми жизнь небесную. Он уничтожил всякое служение демонам. Чрез Него люди уже не поклоняются более камням и деревьям, и одаренные словом не почитают

бесчувственных (истуканов). Уничтожено всякое заблуждение, и свет истины просветил вселенную.

4. Видишь превосходство истины? Видишь, что тень и что истина? “**И нарек**, **-** говорит Писание, **- Авраам имя месту тому: Иегова-ире. Посему [и] ныне говорится: на горе Иеговы усмотрится**” (ст. 14). Заметь благочестивые чувства праведника - как он всякий раз дает названия местам по случившимся на них событиям. Желая увековечить в самом названии этого места, как бы на каком медном столбе, бывшее на горе посещение Божие, Авраам нарек имя месту тому, как говорит Писание: “**Иегова-ире**”. Достаточно было (кажется) для праведника той награды, что он и возвратил себе Исаака живым, и удостоился великой похвалы в словах (Господа): “**Теперь Я знаю, что боишься ты Бога**”. Но щедролюбивый Бог, которого дары и благодеяния всегда превышают наши соображения, осыпает и теперь Своими щедротами праведника, и воздавая ему награды за наградами, говорит опять: “**И вторично воззвал к Аврааму Ангел Господень с неба и сказал: Мною клянусь, говорит Господь, что, так как ты сделал сие дело, и не пожалел сына твоего, единственного твоего, то Я благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твое городами врагов своих; и благословятся в семени твоем все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего**” (ст. 15-18). Так как ты исполнил, говорит, повеление Мое и вполне показал свое послушание, то слушай: “**Мною клянусь, говорит Господь**”. Примечай снисхождение Божие: “**Мною, -** говорит, **- клянусь**”, чтобы ты был уверен, что все, сказанное Мною, совершенно исполнится. Как люди, сопровождая свои обещания клятвой, придают им большую твердость и тем успокаивают получающих обещания, так и Господь, применяя человеческое обыкновение, говорит: “**Мною клянусь, говорит Господь, что, так как ты сделал сие дело, и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня**”. Заметь человеколюбие Господа. “**Не пожалел, -** говорит, **- сына твоего, единственного твоего, для Меня**”; а между тем Сам возвращает его (сына) живым. Не смотри здесь, возлюбленный, на конец события, но вникни в расположение душевное, с каким праотец беспрекословно исполнял повеление. А что касается произволения, то праотец уже обагрял свою руку кровью, уже касался ножом груди сына своего и действительно приносил жертву. Потому и Господь, как бы жертва на самом деле была внесена, воздает за то похвалу праведнику и говорит: “**Не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня**”. Но если ты не пощадил его ради Моего повеления, то Я пощадил его ради твоего послушания. В награду за такое послушание Я, “**благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твое**”. Заметь обилие благословения, - это значит: Я еще более умножу семя твое. Сын, закланный в намерении твоем, распространит потомство твое до такого множества, что оно сравняется с числом звезд и с песком, и “**благословятся в семени твоем все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего**”... Все это, говорит, будет даровано тебе за твое великое послушание. Не можем ли и мы получить также бесчисленные блага, если будем оказывать послушание Господу, повиноваться Его повелениям, и подобно праотцу не испытывать Его повелений, а, как благомыслящие рабы, только исполнять их, всякое же суждение о повеленном предоставлять самому Господу? Если так мы приучим сами себя, то и мы будем в состоянии оказывать такое же, как праотец, послушание, и получить такие же венцы. Как же мы окажем свое послушание? Если будем на самом деле исполнять Его заповеди. “**Не слушатели закона**, **-** говорит Писание, **- праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут**” (Рим.2:13). Да и какая нам польза, если мы будем каждый день слышать (о заповедях Божиих), а об исполнении их радеть не станем,? Поэтому увещеваю всех, поспешим на добрые дела, - ведь иначе и спастись невозможно, - очистим грехи наши, и таким образом удостоимся милосердия от самого Владыки, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым и Животворящим Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 48

"Сыны Хета отвечали Аврааму: ты князь Божий посреди нас; в лучшем из наших погребальных мест похорони умершую твою" (Быт.23:5-6)

1. Вы видели вчера, возлюбленные, мужество праотца. Видели душу крепче адаманта. (Видели), как он, сколько от него зависело, по любви своей к Богу, сделался жрецом собственного сына, намерением обагрил в крови свою руку и принес жертву; но, по неизреченному человеколюбию Божьему, обратно получил сына живым и здоровым, а за свою готовность был прославлен и украшен светлым венцом. Таков был высший его подвиг, который он совершил; здесь вполне обнаружилась его боголюбивая душа. Посмотрим теперь на силу (отеческой) любви этого праведника, – на то, какое попечение прилагает он о своем сыне. После того необычайного и чудного жертвоприношения, когда он возвратился (с горы), постигла его скорбь о Сарре. Выпросив у сынов Хеттеевых владение одной гробницей и купив место, он погреб там умершую жену свою, – и, таким образом, со смертью Сарры, праотец делает первое начало своих приобретений. Божественное Писание, во всем показывая добродетель этого праведника, и то, что он вообще все время проводил как странник и пришелец, заметило также и это (обстоятельство), чтобы мы знали, что, пользуясь такой помощью свыше, сделавшись столь славным и получив обещание столь многочисленного потомства, он не имел даже собственного места (погребения), – не так, как ныне многие делают, заботясь о приобретении полей и сел и всякого другого богатства без меры. Он имел довольно богатства душевного, а о вещественном не прилагал никакой заботы. Да слышат это те, которые вдруг, в одну минуту, хотели бы все захватить в свои руки, которые на все простирают, так сказать, страсть своего корыстолюбия. Пусть они лучше подражают праотцу, который даже не имел места для погребения смертных останков Сарры, и только при этом случае, побуждаемый крайней необходимостью, купил у сынов Хеттеевых поле и пещеру. А что он был в уважении у жителей хананейских, послушай, как говорят ему сыны Хеттеевы: "**ты князь Божий посреди нас; в лучшем из наших погребальных мест похорони умершую твою; никто из нас не откажет тебе в погребальном месте**". Но посмотри, как и их научает праведник самыми делами своими, не прежде соглашаясь взять у них гробницу, как заплативши за нее должную цену. Хотя вы, говорит он, и оказываете мне такую благосклонность, но я не согласен взять у вас гробницу прежде, чем отдам за нее надлежащую цену. И дав, сказано, деньги, взял гробницу, "**похоронил Сарру, жену свою, в пещере поля в Махпеле, против Мамре**" (Быт.23:16,19). Итак (муж), столь славный и уважаемый, имевший такую близость к Богу и пользовавшийся от всех, живших в том месте, таким вниманием, что сыны Хеттеевы называли его даже царем, – такой муж не владел даже пядью земли. Поэтому и блаженный Павел, прославляя добродетель этого праведника, писал: "**верой обитал он на земле обетованной, как на чужой, и жил в шатрах с Исааком и Иаковом, сонаследниками того же обетования**" (Евр.11:9). Потом, научая нас, как он с верой странствовал, апостол прибавляет: "**ибо он ожидал города, имеющего основание, которого художник и строитель Бог**". В надежде будущего, он презирал настоящее и, ожидая больших (благ), мало заботился о благах жизни настоящей. И так (поступал он) еще прежде закона и прежде благодати. Скажи же мне, какое оправдание иметь будем мы, после столь великих благовестий и обетований неизреченных благ, имея столько пристрастия к благам временным, покупая поля, стараясь всегда и во всем блистать, все это приобретая с жадностью и хищничеством, и на самом деле исполняя то, о чем блаженный пророк, рыдая, говорил: "**горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что другим не остается места**" (Ис.5:8)? Не это ли действительно видим мы каждый день, – не отнимается ли имущество у вдов, не обираются ли сироты, и бессильные не притесняются ли сильными? Но не так (поступал) тот праведник. Желая купить гробницу, хотя и видел

он, что те, у кого он просил ее, готовы были ему дать, не прежде, однако же, согласился взять, как заплативши должную цену. Размышляя об этом, возлюбленные, будем мы, живущие под благодатью, подражать бывшему до конца. Не станем воспламенять в себе страсть к большим и большим приобретениям, и через то приготовлять себе только больший и жесточайший огонь, огонь неугасимый, пламень нестерпимый. Если мы останемся в таком хищничестве и любостяжании, то услышим сказанное тому богачу: "**безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?**" (Лк.12:20)? Да и для чего, возлюбленный, ты стараешься собрать столько и таких благ? Спустя немного времени, будучи взят отсюда, ты оставишь их здесь, не только не получив от них никакой пользы, но еще понесши на себе бремя грехов с раскаянием, уже тщетным. Сокровища, которые ты с жадностью собирал, может быть, перейдут в руки твоих врагов, а сам ты подвергнешься за них суду и наказанию. Какое же безумие – трудиться для других, а самому за свои труды терпеть казнь!

2. Но если мы так беспечны были до сих пор, то, по крайней мере, отныне позаботимся о должном. Постараемся не увеличивать только свое имущество, но и заботиться о справедливости. Дела наши не ограничатся настоящей жизнью, и не всегда мы будем в этой чуждой нам стране; но немного спустя переселимся в отечество наше. Будем же все делать так, чтобы там не терпеть лишения. Конечно, что пользы – в чужой стороне оставить богатства, а в истинном своем отечестве не иметь и необходимо нужного? Итак, умоляю вас, поспешим, пока еще есть время, перенести туда то, что приобрели здесь, в чужой земле. Хотя расстояние мест и велико, но перенести туда отсюда очень удобно, потому что готовы для нас люди, могущие перенести туда, – люди, верным путем идущие туда, и в надежной сокровищнице полагающие все, что только мы захотели бы туда через них послать. Именно руками бедных полагается в небесных хранилищах то, что мы даем им. А если это так удобно и благонадежно, то для чего мы медлим, почему не делаем этого со всей заботливостью, чтобы найти свое имущество там, где оно наиболее будет нам нужно? Потому-то и праотец (Авраам) жил в Хананейской земле, как чужой ему, ожидая того "**города, которого художник и строитель Бог**" (Евр.11:10). Итак, если бы мы захотели подражать этому праведнику, то и мы достигли бы того города, и скоро водворились бы в недрах праотца, потому что общение дел доставляет нам общение и блаженства. Но возвратимся, если угодно, к продолжению слова, и посмотрим, как после смерти Сарры праведник заботится о сыне – разумею Исаака. Послушаем, как повествует нам об этом божественное Писание. "**Авраам**", говорит оно, "**был уже стар и в летах преклонных. Господь благословил Авраама всем**" (Быт.24:1). Для чего Писание замечает нам это? Так как в то время праотец направлял свои заботы об Исааке к тому, чтобы найти ему супругу, то поэтому (Писание) и означает теперь возраст праотца. Когда, говорит оно, достиг он глубокой старости, то, желая отклонить Исаака от родства с хананеями, чтобы он не взял себе жены из среды их, (праотец) призывает благоразумнейшего из своих домочадцев и, поручая ему это дело, говорит: "**положи руку твою под стегно мое**" (Быт.24:2). На греческом языке написано так: "**под стегно мое**"; а по-еврейски читается: "**под чресло**". Почему же так говорит праотец? Таков был обычай у древних; также и потому, что здесь было начало рождения Исаака. А чтобы увериться, что таков действительный был обычай, смотри, как он, повелев рабу положить туда руку, тотчас прибавляет: "**и клянись мне Господом, Богом неба и Богом земли**" (Быт.24:3). Заметь, как и раба научает он познавать Творца всяческих, потому что, сказав: "**Богом неба и Богом земли**", он обозначил (этими словами) все творение. Какая же была клятва? "**ты не возьмешь сыну моему жены из дочерей Хананеев, среди которых я живу, но пойдешь в землю мою, на родину мою, и возьмешь жену сыну моему Исааку**" (Быт.24:3-4). Видишь, какую заповедь праотец дал своему домочадцу? Не оставь же без внимания этих речей, но размысли о намерении праведника; рассуди, как в древние времена не заботились о том, чтобы приобретать много денег, богатства, рабов, или

столько-то и столько-то пространства земли, не искали одного внешнего благообразия, а искали красоты душевной и чистоты нравов. Праотец, зная развращение жителей Хананеи, зная и то, какое великое благо – иметь единонравную (с мужем) супругу, с клятвой, заповедует рабу: привести жену Исааку из родственного ему племени. Не удерживало его при этом ни расстояние мест, ни другие неудобства; но, зная необходимость этого дела, он прилагает (о нем) все старание, и посылает раба. Праотец так поступает по своей заботливости о добродетели душевной и по отвращению к порокам местных жителей. А ныне едва ли кто захочет и помыслить о чем-нибудь подобном. Напротив, хотя бы жена имела тысячи пороков, ныне ищут только одного, – множества денег, а все прочее считается у них делом второстепенным. Но не знают того, что, как скоро развращено сердце, то, хотя бы притекло неизмеримое богатство, человек весьма легко может придти в крайнее убожество, и что не может быть никакой пользы от богатства, если нет души, способной надлежащим образом употреблять его.

3. Итак, праотец дал рабу точное наставление и связал его клятвой. Посмотрим теперь на благомыслие этого домочадца, как поревновал он боголюбию своего господина. Увидев, что праведник заповедует ему с такой силой, он говорит праотцу: "**может быть**" не "**захочет женщина идти со мной**", хочешь ли "**я возвращу сына твоего в землю, из которой ты вышел?**" (Быт.24:5)? Если встретится, говорит он, какое-нибудь препятствие в этом деле, то, чтобы мне не преступить твоего повеления, я спрашиваю тебя, что мне должно наблюдать в таком случае, и угодно ли тебе, чтобы Исаак сам пошел туда, и, взяв там жену, опять возвратился оттуда, если жена не согласится идти со мной, как ты заповедал? Что же праведник? Он не соглашается на это, и говорит: "**берегись, не возвращай сына моего туда**" (Быт.24:6). Да тебе и не будет в том нужды, говорит он, потому что Тот, Кто дал мне обетование и обещал до такого множества распространить семя его (Исаака), – Тот и в этом деле благопоспешит тебе. Итак, "**не возвращай сына моего туда, Господь Бог неба и Бог земли**" (Быт.24:7). Смотри, как и прежде праотец, заклиная раба, поучал его о Творце всяческих, так и теперь, выражая дух молитвенный, повторяет те же слова, – научая, таким образом, домочадца отправляться в путь с твердым упованием на Бога, и быть уверенным в благополучном окончании дела. Он внушает ему, каким великим благоволением Божьим пользовался он, с самого начала, и что Тот, Кто воззвал его из отечества и до сих пор так благоустраивал его дела, и в самой старости даровал ему сына Исаака, – Тот благопоспешит ему и в предстоящем деле. "**Господь Бог неба и земли**", говорит он, "**взял меня из дома отца моего и из земли рождения моего**", Тот Самый "**Который говорил мне: потомству твоему дам сию землю**", – Тот, который показал столь великое попечение обо мне. "**Он пошлет Ангела Своего перед тобой, и ты возьмешь жену сыну моему оттуда**" (Быт.24:7-8). Иди, говорит он, с уверенностью: я твердо верую, что оказавший мне столько благодеяний к прежним милостям присовокупит и эту (новую), "**Он пошлет Ангела Своего перед тобой**". Он все предустроит для тебя; Он укажет тебе и жену, и ты, взяв ее, возвратишься. Если же случится (чего да не будет), что жена не согласится идти с тобой, то ты будешь свободен от клятвы. Только "**не возвращай сына моего туда**". Но я не сомневаюсь, что Господь благопоспешит тебе. Показывая, таким образом, сколько надеется он на силу Божью, (праотец) запрещает рабу отвести туда (Исаака). После же того, как с такой точностью он дал рабу свое повеление, и освободил его от сомнения (так как раб боялся нарушить клятву, не исполнив повеления), "**положил**", сказано, "**раб руку свою под стегно Авраама, господина своего, и клялся ему в сем**" (Быт.24:9), т.е. о том, что не отведет туда Исаака. Видишь ли, как с самого начала раб показал господину свое усердие? Смотри же далее, как от наставлений праотца он сделался еще лучше и стал подражать благочестию праведника. Взявши, сказано, "**десять верблюдов, и всякие сокровища господина его, Он встал и пошел в Месопотамию, в город Нахора, и остановил верблюдов вне города, у колодезя воды, под вечер, в то время, когда выходят**

женщины черпать, и сказал: Господи, Боже господина моего Авраама" (Быт.10-12). Заметь благомыслие раба: Господа вселенной он называет Богом праотца, говоря: "**Господи, Боже господина моего Авраама**", – Ты, который оказал ему столько благодеяний. Что же ты удивляешься, если раб называет его Богом Авраама? И сам Бог, показывая, как много ценит он добродетель праведников, говорит: "**Я Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова**" (Исх.3:6). Итак, раб тот говорит: "**Господи, Боже господина моего Авраама! пошли ее сегодня навстречу мне, и сотвори милость с господином моим Авраамом**" (Быт.24:12). Как бы так говорил он: сотвори, да исполнятся его желания, благоустрой все по его намерению; "**сотвори милость с господином моим Авраамом**". Что значит: "**сотвори милость**"? Значит – исполни его желание. Потом говорит: "**вот, я стою у источника воды, и дочери жителей города выходят черпать воду; и девица, которой я скажу: наклони кувшин твой, я напьюсь, и которая скажет: пей, я и верблюдам твоим дам пить, пока все напьются; вот та, которую Ты назначил рабу Твоему Исааку; и по сему узнаю я, что Ты творишь милость с господином моим**" (Быт.24:13-14). Замечай благоразумие раба: он знал страннолюбие праотца, и то, что девице, которую он должен привести к нему, надобно иметь одинаковый с праведником нрав; потому раб не ищет никакого другого знака, а хочет узнать характер девицы по ее гостеприимству, и говорит: если она наклонит мне водонос, когда я попрошу у ней воды, не только исполнит мою просьбу, но и покажет собственное радушие и скажет: "**я и верблюдам твоим дам пить**", – то, таким образом, через предложение воды она даст достаточное свидетельство о доброте своего нрава.

4. Рассуди, возлюбленный, как это было важно, что нежная девица, черпавшая воду, не только не отказала (рабу) в просьбе, но и сложила водонос с плеч, и позволила напиться из него просящему, притом чужестранцу и вовсе ей неизвестному, да и не только его, но и всех верблюдов напоила, и таким поступком представила доказательство своего душевного благородства. Или вы не знаете, что и мужи многие часто отказывают в таких просьбах? Да что я говорю о подаянии воды? Иногда люди, держащие в руках зажженные свечи, на просьбы других, подходящих к ним людей – подождать немного и дать им зажечь свою свечу, не хотят и этого сделать, тогда как нисколько не убавится огня, хотя бы и тысячи были желающих зажечь. А здесь – женщина, девица, несущая водонос на плечах, не только не вознегодовала на просьбу, но сделала даже сверх просьбы: и странника напоила, и верблюдов добровольно поспешила напоить. А все это устроил человеколюбец Бог, внявший молитвам праотца и пославший перед ним ангела Своего, чтобы все сделалось так, как просил раб. Таким образом, раб на самом деле узнал силу молитв праотца, нашел девицу, какой желал, и видел ее чрезвычайное страннолюбие: "**и тотчас**", сказано, "**вылила воду из кувшина своего в поило и побежала опять к колодцу почерпнуть, и начерпала для всех верблюдов его**" (Быт.24:20). Смотри, какая усердная услужливость! В том, что она "**тотчас вылила воду из кувшина своего в поило и побежала опять к колодцу**" – в том именно и является необычайная услужливость девицы. Она не побежала прочь от раба, как незнакомого, и не отказала в просьбе под видом целомудрия, но с великой кротостью сказала: "**пей, господин**". Подумай только: в таком возрасте, какая строгость целомудрия, какая великая кротость, какое усердное страннолюбие! Не ценнее ли это всякого богатства? Каким сокровищам не предпочтет этого всякий из нас? Вот самое лучшее приданое; вот неисчислимое богатство, вот сокровище, никогда не оскудевающее. Итак, благоразумный раб, видя в этом явный промысел Божий, "**с изумлением**", как сказано, "**в молчании, желая уразуметь, благословил ли Господь путь его, или нет**" (Быт.24:21). Что значит: "**желая уразуметь**"? Значит, что он наблюдал и самые слова девицы, и взор, поступь, одежду и все прочее, и выжидал случая дознать, "**благословил ли Господь путь его, или нет**". Все до сих пор бывшее уже показывало великую и чрезвычайную добродетель девицы. А потому, в вознаграждение за ее послушание и за подаяние воды, раб предложил, как

сказано в Писании, "**золотую серьгу, и два запястья**"; и затем, тщательно испытывая то, что до нее касалось, спросил ее: "**чья ты дочь? скажи мне, есть ли в доме отца твоего место нам ночевать?**" (Быт.24:23)? Заметь и теперь ответ девицы. Как прежде, когда он просил у нее воды, она не только исполнила просьбу, но, дав пить ему, напоила потом и верблюдов, – так и теперь на вопрос раба: есть ли место и чья она дочь, – отвечает девица: "**я дочь Вафуила, сына Милки, которого она родила Нахору**" (Быт.24:24). Она упоминает об отце и деде, чтобы раб, узнавши их, стал (к ним) благорасположеннее. Заметь же добродушие девицы: на вопрос об отце, она сказывает не только о нем, но и о деде. И когда раб спросил только о том: "**есть ли в доме отца твоего место нам ночевать?**" – она отвечает: не только место, но и "**у нас много соломы и корму**" (Быт.24:25). Раб, услышав это и удивившись столь усердному страннолюбию девицы, узнавши также, что он не к незнакомым пришел, а в дом Нахора, который был брат праотцу, – "**и преклонился человек**", сказано, "**поклонился Господу**" (Быт.24:26). Обрадованный тем, что узнал, и словами девицы, он "**поклонился Господу**", т. е. принес благодарение Владыке, оказавшему такое благоволение праотцу и такое попечение о нем самом, и все так счастливо для него устроившему, и сказал: "**благословен Господь Бог господина моего Авраама, Который не оставил господина моего милостью Своей и истиной Своей**" (Быт.24:27). После того, как раб увидел добродушие девицы и все обстоятельно от нее узнал, он, наконец, и сам открывает девице, кто он, и своим благодарением Богу объясняет ей, что пришел не из чужого дома, но что пославший его есть брат Нахора. Узнавши это, девица с великой радостью "**побежала**", как говорит Писание. Посмотри, как свое усердие в гостеприимстве она показывает всеми своими поступками – и бегом, и словами, и своим скромным поведением. "**Побежала**", сказано, "**и рассказала об этом в доме матери своей**" (Быт.24:28). Все, что услышала от раба, она пересказала родителям. "**Лаван выбежал к тому человеку, к источнику**" (Быт.24:29). Вот и этот своим бегом показывает свое усердие. Увидев же человека, стоявшего у колодца с верблюдами, сказал ему: "**войди, благословенный Господом: зачем ты стоишь вне? я приготовил дом и место для верблюдов**" (Быт. 24:30). Заметь, как и этот благословляет Господа в присутствии чужестранца, и оказывает ему уже (на словах) большую предупредительность, еще прежде гостеприимства на деле. "**Приди**", говорит он, "**войди**", я уже наперед приготовил храмину и место верблюдам. Потом, когда тот вошел, "**расседлал**", сказано, "**верблюдов и дал соломы и корму верблюдам, и воды умыть ноги ему и людям**" (Быт.24:32).

5. Вот как много и заблуждавшиеся еще люди заботились о странноприимстве. "**И воды дал умыть ноги ему и людям, которые были с ним; и предложена была ему пища**" (Быт.24:33). Но примечай здесь благоразумие раба. Что говорит он? "**Не стану есть, доколе не скажу дела своего**". Вы, говорит он, сделали свое дело; но я не буду думать о своем покое, пока не объясню вам причины, по которой я послан в такой (далекий) путь, и зачем я пришел сюда из Хананеи, и как был введен в ваш дом, – чтобы, узнав все, и вы оказали свое расположение к моему господину. И начал рассказывать так: "**я раб Авраама; Господь весьма благословил господина моего Он дал ему овец и волов, серебро и золото, рабов и рабынь, верблюдов и ослов; Сарра, жена господина моего, уже состарившись, родила господину моему сына, которому он отдал все, что у него**". (Быт.24:34-36). Смотри, с какой тщательностью обо всем он рассказывает им. Я раб, говорит, Авраама, которого вы знаете. Знайте же и то, что он получил благословение от Господа всяческих, и живет в великом богатстве. Потом, показывая обилие этого богатства, говорит, что он имеет "**овец и волов, серебро и золото, рабов и рабынь, верблюдов и ослов**". Слушайте это вы, богатые, покупающие каждый день по нескольку участков земли, строящие бани и увеселительные места и великолепные здания, – смотрите, в чем состояло имущество праведника. Нет у него нигде поля, нет нигде зданий, и какой-либо излишней роскоши, а только "**овцы и тельцы, верблюды и ослы, рабы и**

рабыни". И чтобы знать, откуда у него было такое множество рабов, (Писание) говорит в другом месте, что все они были "**домочадцы**" (в русском переводе: рабов своих, рожденных в доме его) (Быт.14:14) [т.е. рабы не наемные и не купленные, а в доме его родившиеся]. Итак, этот господин мой, живущий в таком богатстве и заслуживший великую помощь свыше, уже пришедши в старость, получил от Сарры сына. Имея одного только этого сына, он и поставил его наследником всего: "**отдал все, что у него**". Сказавши, таким образом, о славе своего господина и о рождении Исаака, раб далее говорит и о том повелении, которое получил от своего господина, и по которому пришел в Харран. "**И взял клятву с меня**", говорит он, "**господин мой, сказав: не бери жены сыну моему Исааку из дочерей Хананеев, в земле которых я живу, а пойди в дом отца моего и к родственникам моим, и возьмешь жену сыну моему**" (Быт.24:37-38). Так заповедал он мне. Тогда я, представляя себе неудобства в этом деле, и рассуждая о трудности его, спросил своего господина: что – "**может быть, не пойдет женщина со мной**" (Быт.24:39)? Он сказал мне на это: "**Господь, перед лицом Которого я хожу, пошлет с тобой Ангела Своего и благоустроит путь твой, и возьмешь жену сыну моему из родных моих и из дома отца моего**". Если же не согласится жена идти с тобой сюда, "**тогда будешь ты свободен от клятвы моей**" (Быт.24:40-41). Итак, господин мой, говорит (раб), дав мне такое повеление и напутствовав этими молитвами, послал меня, и я, ободренный его молитвами, когда пришел к колодцу, то произнес следующие слова: "**Господи, Боже господина моего Авраама! Если Ты благоустроишь путь, который я совершаю: то вот, я стою у источника воды, и девица, которая выйдет почерпать и которой я скажу: дай мне испить немного из кувшина твоего, и которая скажет мне: и ты пей, и верблюдам твоим я начерпаю – вот жена, которую Господь назначил сыну господина моего**" (Быт.24:42-44). Так-то, говорит он, молился я внутренне и просил Бога; и еще не кончилась моя молитва, как тотчас же она исполнилась, и слово стало делом. "**Еще не перестал я говорить в уме моем, вот вышла Ревекка, и кувшин ее на плече ее, и я сказал ей: напои меня. Она тотчас спустила с себя кувшин свой и сказала: пей, и верблюдов твоих я напою**" (Быт.24:45-46). Усмотрев в этом явное промышление Божье, я спросил ее: чья она дочь? И узнав из ее слов, что пришел не к чужим, а в дом Нахора, брата господина моего, я осмелился предложить ей "**серьги и запястья на руки ее. И преклонился я и поклонился Господу, и благословил Господа, Бога господина Авраама, Который прямым путем привел меня, чтобы взять дочь брата господина моего**" (Быт.24:47). Очевидно, что так устроено Богом, что молитвы господина моего взошли к Нему. Теперь, если вы, со своей стороны, согласны, "**намерены ли вы оказать милость и правду господину моему или нет? скажите мне**" (Быт.24:49). Дайте мне знать об этом, говорит он, чтобы я знал, что должно мне делать.

Если вы не согласны будете, я пойду в другое место и обращусь "**направо, или налево**" (Быт.24:49). Но как сам Бог благоустроил все по молитвам праотца, то отец девицы и брат отвечали (рабу): "**от Господа пришло это дело мы не можем сказать тебе вопреки ни худого, ни доброго**" (Быт.24:50). Рассказ твой, говорят они, показывает, что все это произошло смотрением Божьим; итак, не думай, чтобы мы стали противиться воле Божьей: этого с нашей стороны и быть не может. Вот, девица перед тобой; "**возьми и пойди; пусть будет она женой сыну господина твоего, как сказал Господь**" (Быт.24:51).

6. Видите, как в древние времена заботились о выборе жен для своих сыновей? Как предпочтительно перед богатством искали душевного достоинства? Не было у них ни записей, ни договоров, ни прочего, что бывает ныне; не было разнородных условий, какие вносятся ныне в (брачный) записи, как, например, на тот случай, если муж умрет без детей, если случится то или другое. У древних не было ничего такого, а была запись гораздо важнее и надежнее – нрав невесты. Не было у них – также ни музыки, ни плясок.

Ты увидишь это когда узнаешь, как эта девица приведена была к жениху. Раб, услышав слова отца и брата ее, "**то поклонился Господу до земли**" (Быт.24:52). Вот, как он при всяком случае возносит благодарение Господу всяческих, потому что сам Господь споспешествовал ему во всем, и, по слову праотца, послал перед ним ангела, все для него устроившего. Наконец раб, убедившись, что цель его стараний достигнута, "**вынул раб серебряные вещи и золотые вещи и одежды и дал Ревеке**" (Быт.24:53). Теперь смело он услуживает ей, как уже обрученной на словах Исааку, чтит также дарами и брата и мать, и когда увидел повеление своего господина исполненным, тогда, наконец, позволяет и себе отдохновение. "**И ели**", сказано, "**и пили он и люди, бывшие с ним, и переночевали. Когда же встали поутру, то он сказал: отпустите меня к господину моему**" (Быт.24:54). Как уже все устроилось для меня так успешно, говорит он, и более ничего не остается (мне делать), да и вам это желательно, – "**отпустите меня к господину моему. Но брат ее и мать ее сказали: пусть побудет с нами девица дней хотя десять, потом пойдешь. Он сказал им: не удерживайте меня, ибо Господь благоустроил путь мой; отпустите меня, и я пойду к господину моему**" (Быт.24:55-56). Для чего, говорит он, отлагать и отсрочивать, когда Бог дал мне во всем такой успех? "**Отпустите меня, и я пойду к господину моему. Они сказали: призовем девицу и спросим, что она скажет. И призвали Ревекку и сказали ей: пойдешь ли с этим человеком? Она сказала: пойду. И отпустили Ревекку, сестру свою, и кормилицу ее, и раба Авраама, и людей его. И благословили Ревекку и сказали ей: сестра наша! да родятся от тебя тысячи тысяч, и да владеет потомство твое жилищами врагов твоих**" (Быт.24:57-60). Посмотри, как эти люди, без собственного ведома предсказывают девице будущее, – потому что сам Бог направлял к этому мысли их. Они предвозвещают ей два события: то, что она будет **в тысячах тысяч**", и то, что семя ее "**владеть будет жилищами врагов**". Видишь ли, как во всех случаях обнаруживается явное промышление Божье, и как Господь Бог всяческих даже через неверных предзнаменует будущие события? "**И встала**", сказано, "**Ревекка и служанки ее, и сели на верблюдов**" (Быт.24:61). Вот какую невесту берет праотец! Она ходит за водой, носит водонос на плечах, а теперь всходит на верблюда. Не было там мулов с гривами, разукрашенными серебром, не было толпы слуг, не было той изнеженности, какая видна ныне; у древних женщин была такая крепость, что они и на верблюдов сами восходили и так совершали свои путешествия. "**И поехали**", сказано, "**за тем человеком. При наступлении вечера Исаак вышел в поле поразмыслить, и возвел очи свои, и увидел: вот, идут верблюды**" (Быт.24:63). Прогуливаясь, говорит Писание, на поле, Исаак увидел верблюдов. "**Ревекка взглянула, и увидела Исаака, и спустилась с верблюда. И сказала рабу: кто этот человек, который идет по полю навстречу нам**" (Быт.24:64-65)? Заметь благородство девицы: увидев Исаака, она спрашивает, кто это. И узнав, что это тот самый, который хочет взять ее за себя, она одевается, как замечено в Писании, в летнюю одежду, а раб, подошедши, все тщательно рассказал Исааку. Посмотри, возлюбленный, как нет здесь ничего излишнего и пустого, нет суетной пышности, нет кимвалов, труб и плясок, нет ни непристойных пиршеств, ни злословий, исполненных всякого бесстыдства, но все честно, все мудро, все скромно. "**И ввел ее**", сказано, "**Исаак в шатер Сарры, матери своей, и взял Ревекку, и она сделалась ему женой, и он возлюбил ее; и утешился Исаак в печали по матери своей**" (Быт. 24:67). Вот кому пусть подражают жены. Вот кому пусть поревнуют мужи, – пусть позаботятся таким же образом находить себе невест. Ну, скажи мне, для чего ты с самого начала (бракосочетания) дозволяешь наполнять слух девицы срамом бесстыдных песен и неуместного шума? Или не знаешь, как юность легко доступна соблазну. Для чего опозориваешь досточтимое таинство брака? Все это должно изгонять, а с самого начала приучать девицу к стыдливости. Надо призвать священников, и молитвами и благословениями утвердить в сожительстве единомыслие, чтобы тем и любовь жениха усиливалась, и целомудрие невесты укреплялось, чтобы все способствовало к водворению в их доме добродетели, а дьявольские козни уничтожались,

и супруги в веселье провели жизнь, соединяемые помощью Божьей, которую получить да сподобимся и все мы, благодатью и человеколюбием Господа вашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 49

"Вот родословие Исаака, сына Авраама" (Быт. 25:19)

1. Снова хочу вести вас к обычной трапезе, и предложить вам угощение из слов Моисея, а лучше сказать – из слов Духа, потому что не сам от себя Моисей излагает нам свое повествование, но по внушению Святого Духа. Итак, посмотрим и сегодня, чему он поучает нас. Ведь он не без причины и не без цели излагает нам жития праведных, а с тем, чтобы мы подражали добродетели их, и были последователями их совершенств. В подробности рассказав обстоятельства жизни праотца (Авраама) и описав последний его подвиг, жертвоприношение единородного (сына), показав нам, как праотец принес Богу эту дивную жертву, если и не самым делом, то намерением, – Моисей тем окончил свое повествование о нем. Теперь он излагает нам то, что относится к Исааку, принесенному и не принесенному в жертву, – так это событие походило на притчу. Послушай, в самом деле, что говорит Павел: "**верой Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака, и, имея обетование, принес единородного**" (Евр.11:17). А затем, чтобы мы в точности узнали, как все это праотец верой совершил, и как не смутился духом, видя, что данное ему повеление противно обетованию, апостол говорит: "**почему и получил его в предзнаменование**" (Евр.11:19). Что значит: "**получил в предзнаменование**"? Значит, что, принося сына в жертву и показывая решительное в том намерение, он и сам удостоился венца, и сына получил обратно, а между тем жертва совершена принесением овна. Во всем этом Бог всяческих явил превосходство собственного человеколюбия и показал, что дал (праотцу) такое повеление, не желая смерти Исаака, а только испытывая послушание праведника. Итак, мы видели добродетель праотца, сияющую во всех его делах. Теперь, обозревая сказания об Исааке, также видим, как и он во всех делах обнаруживал свой благочестивый дух. Послушаем, как говорит об этом само Писание. "**Вот родословие**", говорит оно, "**Исаака, сына Авраама: Авраам родил Исаака. Исаак был сорока лет, когда он взял себе в жену Ревекку, дочь Вафуила Сирина (Арамеянина) из Месопотамии, сестру Лавана Сирина (Арамеянина)**" (Быт. 25:19-20).

Заметь, возлюбленный, точность божественного Писания, – как ничего оно не говорит без нужды. Для чего оно означает нам лета жизни Исаака, и говорит: "**Исаак был сорока лет, когда он взял себе в жену Ревеку**"? Не без причины, и не без цели. Но, так как далее, Писание будет повествовать вам о неплодии Ревекки, и о том, что только по молитве праведника она начала рождать детей, то, вот оно и хочет изобразить вам всю силу терпения Исаака, и с точностью обозначить время, в продолжение которого он был бездетен, чтобы и мы, подражая праведнику, так же неотступны были в молитвах к Богу, когда чего-нибудь у него просим. Этот праведник, столь добродетельный и пользовавшийся таким благоволением от Бога, проявлял столь великое усердие и твердость духа, непрестанно умоляя Бога разрешить бесплодие Ревекки. Что же скажем мы, обремененные множеством грехов, и не обнаруживающие в себе ни малейшей доли (добродетелей) праведника? А когда явится у нас не надолго некоторое усердие, то мы смущаемся и отступаем от подвига, если не будем услышаны тотчас. Поэтому убеждаю вас: поучаясь событиями в жизни этого праведника, никогда не перестанем умолять Бога о снисхождении к нашим прегрешениям; покажем пламенную ревность и не будем нетерпеливы, не обленимся, если не тотчас будем услышаны. Может быть, Господь медлит, научая тем нас неослабному прилежанию (в молитве) и хочет, чтобы мы и за

терпение получили награду. Он знает и время, в которое полезно нам получить желаемое. А сами мы не так знаем, что полезно для нас, как знает это Он, ведущий самые тайные помышления каждого. Поэтому не должны мы и много испытывать, много рассуждать о том, что бывает от Бога; а за все выражать Ему нашу признательность и удивляться добродетелям праведников. Итак; божественное писание, сказав, сколько лет было Исааку, говорит далее о Ревекке, жене его, что она была бесплодна. Обрати же внимание на благочестие праведника. Как скоро он увидел недостаток природы, то прибегнул к Творцу природы и старался разрешить узы ее силой молитвы. "**И молился**", сказано, "**Исаак Господу о Ревекке жене своей, потому что она была бесплодна**" (Быт.25:21). Прежде всего, здесь стоит исследовать одно то, почему она была бесплодна, тогда как и она сама, и ее муж были люди удивительной жизни, и оба хранили великое целомудрие? Мы не можем заподозрить их жизни, и сказать, что бесплодие их было следствием грехов. И что удивительно, – не Ревекка только была бесплодна, но и мать праведника, Сарра; и не только его мать, но и невестка – разумею Рахиль, жену Иакова. Что значит такое собрание бесплодных? Все они праведны, все добродетельны, все получили от Бога свидетельство (своей праведности). Ведь о них говорил Бог: "**Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова**" (Исх.3:6). И блаженный Павел говорит: "**посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом**" (Евр.11:16). Много они восхваляются в новом завете, много прославляются и в ветхом. Во всех отношениях они славны и имениты: и, однако же, все имели жен бесплодных, и долгое время были бездетны.

2. Итак, когда увидишь мужа и жену, живущих добродетельно, а между тем бездетных, когда увидишь, что они богобоязненны и заботятся о жизни благочестивой, но не имеют детей, не думай, что это есть следствие грехов. Многие намерения божественного домостроительства неведомы нам, но за все надобно благодарить (Бога), несчастными же считать только тех, которые проводят жизнь в пороках, а не тех, которые не нажили детей. Бог часто многое устраивает в нашу пользу, но мы не знаем причины событий. Поэтому, во всяком случае, должно удивляться Его премудрости, и прославлять Его неизреченное человеколюбие. Говорится же вам все это для вашей пользы, чтобы вы оказывали всегда признательность к промыслу Божьему, а не испытывали Его судеб. Надо, однако же, раскрыть и причину, по которой те жены были бесплодны. Какая же это причина? Та, чтобы ты не впадал в неверие, когда слышишь, "**Дева**" рождает общего нашего Владыку. Приучи свой ум, – как бы так говорит Писание, – здесь примером бесплодных, и, видя, как устаревшая и бесплодная утроба разверзается благодатью Божьей для деторождения, не удивляйся, когда потом слышишь, что родила Дева. Или – лучше – удивляйся, изумляйся, но, верь чуду. Итак, когда говорит тебе иудей: каким образом Дева родила, скажи и ты ему: а как родила бесплодная и престарелая? В последнем случае было два препятствия к рождению: несвоевременность возраста и неспособность природы; а для Девы было одно только препятствие – то, что она была непричастна браку. Итак, бесплодная жена предуготовляет путь Деве. Для убеждения же в том, что бесплодные для того прежде являлись, чтобы мы веровали рождению от Девы, выслушай слова Гавриила, сказанные Деве. Когда он пришел к ней и сказал: "**зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь имя ему Иисус**", она изумилась и в недоумении спросила: "**как будет это, когда я мужа не знаю**"? Что ж ангел? "**Дух Святый найдет на Тебя**", говорит он, "**и сила Всевышнего осенит Тебя**" (Лк.1:31,34-35). Не требуй, говорит, порядка естественного, когда это дело выше естества. Не предполагай скорбей брака, когда образ рождения будет выше брака. "**Как будет это**", говорит она, "**когда я мужа не знаю**"? Потому-то и совершится это, что ты не знаешь мужа. Если бы ты познала мужа, то не была бы достойна послужить этой тайне. Итак, веруй по той самой причине, по которой не веришь. Не потому, однако же, чтобы брак был сам по себе худ, а потому, что девство лучше его. Образ же пришествия на землю общего всех Господа долженствовал быть выше нашего, так как то было пришествие царское. В рождении Он должен был иметь нечто общее с нашим рождением,

но иметь и отличное от нашего. И то, и другое совершилось; а как, выслушай. То, что он родился от чрева матери – это у Него общее с нами; а что Он родился без брака – это выше нашего естества. Иметь во чреве – свойственно природе человеческой; но зачатие без совокупления – выше человеческого естества. Так уразумей отсюда и сходство Его, и превосходство перед тобой. Заметь еще премудрость и в том, что ни превосходство Его не уничтожило подобия и сродства с нами, ни сродство его с нами не помрачило превосходства. Но и то и другое открывалось в делах Его: одни из них были совершенно общие с нами, а другие – отличны от наших. Для того-то, как я сказал, и бесплодны были те жены, чтобы мы веровали рождению от Девы, чтобы и она сама руководилась (их примерами) к вере в данное ей благовестие и обетование. Послушай, что говорит ей ангел: "**Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя**". Таким образом, говорит он, родишь ты, и все совершится по действию Святого Духа; не смотри же на землю; сила эта придет с небес; это есть дело благодати Святого Духа; не ищи тут порядка природы и законов брака. Но так как эти слова были выше ее разумения, то он хочет представить ей и другое доказательство.

3. Смотри же, возлюбленный, как бесплодная жена руководит Деву к вере в это рождение. Так как первое доказательство было выше разумения Девы, то послушай, как (ангел) низводит слово свое к простейшим предметам, вразумляя ее осязательными примерами. "**Вот и**", говорит он, "**Елисавета, родственница твоя, называемая бесплодной, и она зачала сына в старости своей; и ей уже шестой месяц**" (Лк.1:36). Без сомнения, для удостоверения Девы он указал и на бесплодную жену. А иначе, для чего бы он привел ей в пример рождение ее родственницы и для чего присовокупил: "**называемая бесплодной**"? Всем этим он руководит ее к тому, чтобы она уверовала в благовестие; для этого упомянул и о возрасте (Елисаветы), и об изнеможении природы; для этого означил и самое время зачатия. Ангел не тотчас, с самого начала (зачатия Елисаветой) благовестил Деве, но по прошествии шестимесячного времени, чтобы явные доказательства беременности ясно удостоверяли в действительности зачатия. И заметь мудрость Гавриила: не упомянул он ей ни о Сарре, ни о Ревекке, ни о Рахили. Почему же и для чего? Ведь и они были бесплодны, и престарелы, и над ними совершилось великое чудо? Но все они принадлежат к древней истории, а потому ангел указывает ей на ближайшее событие, чтобы утвердить (в вере) ее мысли.

4. Но возвратимся к прежде начатому слову, и покажем добродетель праведного Исаака, – как он молитвой разрешил бесплодие Ревекки, и преодолел узы природы. "**И молился**", говорит Писание, "**Исаак Господу о Ревекке жене своей, потому что она была бесплодна: и Господь услышал его**" (Быт.25:21). Не подумай, что как скоро здесь записано, так скоро он и получил, чего просил. В продолжение двадцати лет он не переставал просить и умолять Бога – тогда только получил желаемое. Откуда ж это мы узнаем? Узнаем, если тщательно проследим сказания, заключающиеся в божественном Писании. Оно не скрыло от нас этого времени, а означило его, хотя и прикровенно, чтобы возбудить наше внимание и побудить нас к исследованию. Как оно показало нам, сколько было Исааку лет, когда он взял Ревекку, так ясно представляет нам и то обстоятельство. "**Был**", говорил, оно, "**Исаак сорока лет, когда взял в жену себе Ревекку, дочь Вафуила Сирина**" (Быт.25:20). Заметь тщательно это время. Потом Писание, сказав: "**и молился Исаак Господу о Ревекке жене своей, потому что она была бесплодна**" (Быт.25:21), – чтобы мы узнали число лет, протекшее во все это время, означает и то, сколько лет было Исааку, когда родились у него дети от Ревекки. "**Исаак был**", говорит оно, "**лет шестидесяти, когда родила Ревека**" (Быт.25:26). Итак, если сорок лет было ему, когда он взял ее, и шестьдесят лет, когда жена родила, то очевидно, что в продолжение двадцати лет он молил Бога, и, таким образом, возбудил неплодную утробу Ревекки к деторождению. Видите силу молитвы, – как могла она победить и самую

природу? Будем же подражать Исааку и все мы: будем также постоянны в молитвах, с душой бодрствующей, с сердцем сокрушенным. Послушаем Павла, увещающего нас словами: "**воздевая чистые руки без гнева и сомнения**" (1Тим.2:8). Постараемся всегда быть чуждыми возмущения душевного, и сохранять ум в мире, особенно же во время молитвы, когда имеем нужду в особенном человеколюбии от Бога. Если Он увидит, что мы совершаем молитву по законам, установленным Им самим, то вскоре подаст нам обилие Своих даров, которых и да сподобимся все мы, благодатно и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 50

"И зачала Ревекка, и сыновья в утробе ее стали биться" (Быт. 25:21-22)

1. Хотите ли вы, чтобы мы предложили вашей любви остатки вчерашней нашей беседы? Мы не могли (вчера) докончить всего сказания об Исааке, а остановились на том, что Исаак собственной, неослабной молитвой возбудил утробу Ревекки к чадорождению, и, так сказать, отверз поврежденное естество. Все это вчера мы достаточно разъяснили вам, показав число лет, которое тот блаженный муж провел в молении и прошении о том Бога. Затем, перешедши к слову о бесплодных и объяснив вам причину, по которой супруги тех праведников были бесплодны, этим мы окончили вчера наше слово. А сегодня надобно изучить и благочестивую душу Ревекки, чтобы не только от добродетели праведного Исаака получить нам пользу, но чтобы и повествованием о Ревекке могли мы возбудить слушающих к соревнованию ей. После того, как услышал Бог молитву праведника, и Ревекка зачала во чреве, – "**стали биться**", говорит Писание, "**сыновья в утробе ее**", и оттого она терпела тяжкие боли. Она говорила: "**если так будет, то для чего мне это**"? Не один (младенец) имел родиться, а двух вместе носила она во чреве, и оттого стеснение во чреве причиняло ей много скорби. Но заметь при этом случае благочестие этой жены. Она не прибегла к какой-нибудь человеческой помощи, как делают многие из нынешних жен, живущих беспечно; не обратилась и к тем, которые стали бы судить о подобных событиях своим умом, по каким-нибудь догадкам и наблюдениям; не вверилась обольщению обманщиков и таких, которые обещают то, что выше человеческой природы; нет, она "**пошла вопросить Господа**". Заметь и благоразумие ее. Она знала, что сам Владыка природы разверз ее утробу и бесплодное чрево внезапно сделал столь плодоносным; видела также, по величине чрева, что готовится ей нечто великое, – и потому "**пошла вопросить Господа**". Что значит: "**пошла вопросить Господа**"? Значит, что она прибегла к истинному знанию – к священнику, служителю Божьему, желая тайно приобрести через него сведение и, рассказав все о себе, узнала все в точности, потому что человеколюбивый Бог устами священника все ясно открыл и через то сделал ее еще ревностнее. И чтобы ты знал, как высоко было тогда священническое достоинство, Писание нигде не говорит, что "**священник**" отвечал ей, но, сказав: "**пошла вопросить Господа**", Писание прибавляет: "**и сказал Господь ей**", то есть – через священника: два языка во утробе твоей носишь. А в другом месте божественное Писание называет священника ангелом, показывая этим, что священник провозвещает то, что внушит ему благодать Святого Духа. Итак, Господь сказал ей через священника: "**два племени во чреве твоем, и два различных народа произойдут из утробы твоей, один народ сделается сильнее другого, и больший будет служить меньшему**" (Быт.25:23).Это пророчество ясно открывало ей будущие события. Младенцы, своими сильными движениями во чреве, уже предвозвещали все с точностью. И теперь сама жена узнала не только то, что она родит двух младенцев, но и то, что они возрастут в народы, и что меньший будет господствовать над большим. И когда, говорит Писание, настало время рождения, "**первый вышел красный, весь, как кожа, косматый, и нарекли ему имя Исав; потом вышел брат его, держась рукой своей за**

пяту Исава, и наречено ему имя Иаков" (Быт.24-26). Бог в самом начале уже как бы предзнаменовал, что, по Его предречению, будет господствовать меньший над большим. Иаков держал, сказано, рукой пяту Исава; а это было знаком, что он преодолевает того, который казался сильным. И заметь, как божественное Писание наперед уже предзнаменует имеющие совершиться впоследствии события, когда показывает вам занятие каждого из братьев с самого начала: один занимался ловлей зверей, а другой был земледелец, человек простой, постоянно живущий в доме. Оттого Ревекка любила Иакова, а Исаак – Исава: "**потому что дичь его**", говорит Писание, "**была по вкусу ему**" (Быт.25:28). Посмотри, как сами родители разделяли детей. Мать, видя в Иакове дитя простосердечное, постоянно остающееся дома, оказывала к нему большее расположение. А отец больше любил Исава, и за то, что он был его первенец, и за его добычу (на охоте). Впрочем, они так делали, следуя естественной любви. Но предсказание, что "**больший будет служить меньшему**" (Быт.25:23), мало-помалу приходило в исполнение. Вот смотри сейчас. "**Сварил**", говорит Писание, "**Иаков кушанье, а Исав пришел с поля усталый. И сказал Исав Иакову: дай мне поесть красного, красного этого, ибо я устал. Оттого дано ему прозвание Едом. Но Иаков сказал: продай мне первородство**" (Быт.25:29-31). На это Исав отвечал: что мне пользы от первородства, когда угрожает мне смерть, если не приму пищи? Но Иаков требует и клятвы, через которую уступка ему первородства получила бы свою твердость. "**Поклялся**", сказано, "**Исав**" (Быт.25:33).

2. Вот с этого времени изменился порядок (между братьями) и достоинство первородства перешло к тому, который сиял добродетелью душевной. "**И продал**", говорит Писание, "**Исав первородство**", т.е. продал за пищу достоинство, данное ему самой природой. Потому Писание и прибавляет: "**и пренебрег Исав первородство**" (Быт.25:34): так он стал нечувствителен к преимуществу, предоставленному ему самой природой. А все это сделалось так для того, чтобы открылось его неразумие и исполнилось на самом деле предсказание Божье.

Мы, слыша это, научимся никогда не пренебрегать дарами Божьими, и за малое что-либо и ничтожное не терять великого. Для чего, скажи мне, когда нам уготовано царство небесное и неизреченные блага, для чего мы увлекаемся страстью к богатству, и временное, часто и до вечера у нас не остающееся, предпочитаем нескончаемому и вечному? И что может быть хуже этого безумия, когда, через привязанность к временным благам, мы и будущих лишаемся, да и настоящими не можем беспорочно наслаждаться? Что пользы, скажи мне, в большом имуществе? Или вы не знаете, что умножение богатства ничего больше не приносит нам, кроме умножения забот, беспокойств и бессонницы? Не видите ли, что те в особенности бывают, так сказать, рабами всего, которые окружены большими благами, и каждый день они самых теней боятся? Отсюда-то происходят коварства, клеветы, сильная зависть и тысячи других зол. И часто видишь, что тот, у кого лежат тысячи талантов золота, считает счастливым работника, снискивающего себе пропитание трудами рук. Какое же удовольствие, какая польза, когда и этими благами мы не наслаждаемся, а через пристрастие к ним лишаемся высших благ? И что я говорю: высших благ, – когда, кроме бедствий, постигающих нас здесь, и лишения благ, уготованных там, мы еще посылаемся в самую геенну? Не говорю уже о тысячах грехов, порождаемых богатством – обманах, злобе, хищничестве, любостяжании. А хотя бы кто и свободен был от всех таких грехов, что, однако же, трудно, но, если он, имея много богатства, скапливает, деньги и употребляет его для собственного только наслаждения, а не оказывает щедрости нуждающимся, – огонь геенны и его постигнет. Об этом ясно учит нас притча в Евангелии, когда одних представляет одесную, а других ошуюю, и говорит, что первым уготовано царствие небесное, за попечение о нуждающихся: "**придите**", сказано там, "**благословенные Отца моего, наследуйте уготованное вам царство от сложения мира**" (Мф.25:34). Почему же и за что? "**Ибо Я**

алкал и вы дали Мне есть" (Мф.25:35). А последним уготован вечный огонь. "**Идите**", сказано, "**от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его**" (Мф.25:41). Велика важность этого изречения! Господь и Творец говорит: "**ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть**" (Мф.25:42). Какую душу не подвигнет это, хотя бы то была душа каменная? Господь твой ходит алчущим, а ты живешь в роскоши! И не это одно страшно, а и то еще, что, живя сам в роскоши, ты дерзаешь презирать Его, притом тогда, как Он просит не многого чего-либо, а только одного хлеба, чтобы утолить голод. Он ходит, цепенея от холода; а ты, одетый в шелковые ткани, не обращаешь на Него внимания, не показываешь никакого сострадания, но без всякого милосердия проходишь мимо. Какого извинения может это заслуживать? – Будем же заботиться не о том, чтобы собрать, каким бы то ни было образом, богатства больше всех; но будем обращать внимание на то, чтобы и тем, что имеем, хорошо распоряжаться. Облегчим убожество нуждающихся, чтобы не лишиться и тех благ, которые всегда пребывают и ни подвержены никаким переменам. Для того-то и сокрыл от нас Господь, день смерти нашей, чтобы расположить нас к постоянному трезвению и бодрствованию и таким образом еще более побудить к попечению о добродетели, "**Бодрствуйте**", говорит Он, "**потому что не знаете ни дня, ни часа**" (Мф.25:13). Но мы делаем противное, и постоянно спим сном более крепким, нежели сон естественный. Спящий естественным сном становятся неспособным делать ни зла, ни добра; а мы спим другим сном, спим для дел добродетели, и бодрствуем для дел злых; злые дела совершаем нелепо, а в добрых показываем великое нерадение и сонливость. И так мы делаем, видя каждый день, что одни отсюда отходят, а другие и в настоящей жизни подвергаются многим переменам. Однако же, и это непостоянство жизни не довольно вразумляет нас, не довольно возбуждает в нас стремление к добродетели, располагает к презрению настоящих благ и к желанию будущих, к тому, чтобы теням и сновидениям мы предпочитали истину. Ведь настоящие блага ничем не разнятся от теней и сновидений. Итак, не будем обманывать себя, и гоняться за тенями; но, хоть когда-нибудь, позаботимся и о нашем спасении, а богатство станем издерживать на нуждающихся, чтобы за это удостоиться воздаяния от человеколюбивого Бога, которое и да получим все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 51

“Был голод в земле, сверх прежнего голода, который был во дни Авраама” (Быт. 26:1).

1. Опять я хочу предложить вам поучение, из того, что следует после сказанного нами в прошедший раз. А для большей ясности, надобно припомнить любви вашей, где мы в прошедший раз окончили слово, и откуда должны сегодня начать его. Сами вы, развлекаясь многими заботами, может быть, и забыли это. Но мой долг - привести вам на память, чтобы через такое напоминание яснее стало для вас слово, которое сегодня будет сказано. Вы знаете, что в прошедший раз, повествуя о благочестии Ревекки, и потом дошедши до Исава и Иакова, мы остановились на том, как Исав отдал права первородства Иакову, желая воспользоваться варением его, и, по страсти к известному яству, сам себя лишил первенства. А так сделалось не просто, но для того, чтобы на самом деле оправдалось божественное предсказание: “**Возлюбил Иакова, а Исава возненавидел**” (Мал.1:2). Так как Бог предвидел уже будущие события, то и предсказал и добродетель Иакова, и низость духа в Исаве. Что же значит право первородства? Прежде время не позволяло мне сказать об этом вашей любви; но сегодня необходимо объяснить вам это. Первородство почиталось в древности за величайшую честь; а причиною такого уважения к нему было следующее обстоятельство. Когда Бог захотел освободить народ израильский из Египта и избавить его от мучительства фараонова по обетованию, данному праотцу (Аврааму), - а царь египетский сопротивлялся этому и хотел удержать народ, - тогда

Господь после различных казней, наведши (на Египет) последнюю казнь, заставил египтян, так сказать, своими руками вывести народ израильский. Именно, Бог определил истребить вдруг всех первенцев египетских, так что в каждом доме видны были слезы и рыдания. Египтяне думали, что этим казнь не ограничится; а ожидали, что смерть, продолжая идти, постигнет и всех. Таким образом когда всех первородных египетских вдруг постигла смерть, а израильтяне, пользуясь покровом свыше, остались невредимы, то Бог, и в этом событии показывая Свое к ним благоволение, повелел, чтобы за истребление первенцев египетских, впредь были посвящаемы Ему первенцы еврейские. Поэтому-то и колено Левиино отделено было для священнослужения, и не только перворожденные от людей были посвящаемы Богу, но и первенцы бессловесных, и вообще - всего. Было также повелением - приносить цену, как за людей, так и за чистых животных. Правда, этот закон о первородных установлен впоследствии; но уже и прежде и в самом начале было признаваемо преимущество Тех, которые первые разверзали ложесна матери. Итак, эту самую честь, которую Исав получил от природы, он, по своей невоздержанности, передал брату. Таким образом, один потерял то, что дано было ему самою природою; а другой приобрел себе то, чего и не имел от природы. И так как это свыше было предопределено ему, то и Ревекка, давая ему имя, назвала его Иаковом, что значит запинание, как и Исав, после благословений, данных Иакову отцом, рыдая, говорил: "**Не потому ли дано ему имя: Иаков, что он запнул меня уже два раза? Он взял первородство мое, и вот, теперь взял благословение мое. И [еще] сказал: неужели ты не оставил мне благословения?**" (Быт.27:36). Заметь, какая у древних была проницательность, или - лучше - сколь велика премудрость Божия, которая так устрояла, что и жены не просто, не как случится, давали имена рожденным от них, а заключали в имени дитяти предзнаменование того, что имело быть с ним. И редко найдешь, чтобы дети назывались одними именами с родителями их, или, может быть, и нигде не найдешь этого. Но когда отец намерен был наречь имя дитяти, то давал ему какое-нибудь необычайное, новое прозвание, так чтобы чрез него предзнаменовать какое-либо будущее событие. Так же поступала и мать. Так Ламех, нарекая своего сына, назвал его Ноем и присовокупил: сей "**утешит нас**" (Быт.5:29). Таким образом, тщательно исследуя каждое имя, непременно найдешь в нем какое-либо предзнаменование, - не так, как делают ныне, нарекая детям имена без цели и как случится, или только по именам их родителей. У древних же всегда целью было то, чтобы в прозвании детей заключить постоянное напоминание о чем-либо. Но посмотрим далее, что, после перемены в первородстве, повествует нам блаженный Моисей об отце Иакова и Исава, как и он, подобно Аврааму, при наступлении голода, удостаивается великого попечения свыше, сколько за свою собственную добродетель, столько же и по обетованию, которое было дано праотцу. "**Был**, **-** говорит Писание, **- голод в земле, сверх прежнего голода, который был во дни Авраама**" (Быт.26:1). Чтобы ты не подумал, что Писание говорит о прежнем голоде, оно и поясняет: "**сверх прежнего голода, который был во дни**" праотца - то есть, теперь, при Исааке, другой такой же голод постиг землю, какой был и при его отце. Скудость в необходимых (потребностях) подвергла всех величайшей опасности, принудила переселяться из своих стран в те места, где можно было найти обилие в жизненных потребностях. Таким образом, и этот праведник, видя голод, "**пошел**, **-** говорит Писание, **-** … **к Авимелеху, царю Филистимскому, в Герар**". Сюда и Авраам приходил в другой раз, по возвращении из Египта. Вероятно, и Исаак для того пришел сюда, чтобы отсюда отправиться в Египет. А что это так, послушай, как говорит Писание: "**Господь явился ему и сказал: не ходи в Египет**" (ст. 2). Не хочу Я, говорит Бог, чтобы ты отправлялся в такой дальний путь; но оставайся здесь. Я не попущу тебе испытать нужду, а исполню обетование, данное Мною твоему отцу; обещанное ему сбудется на тебе; ты получишь исполнение обетований, бывших к нему. "**Не ходи в Египет; живи в земле, о которой Я скажу тебе, странствуй по сей земле**" (ст. 2,3).

2. Но чтобы праведник не подумал, что Бог дает ему такое повеление, не позволяет идти в Египет, потому, что хочет подвергнуть его испытанию голода, Бог говорит ему: не смущайся, не озабочивайся, а оставайся здесь: "**Я буду с тобою**". Имея близ себя Подателя всех благ, не заботься ни о чем; Я, Владыка всего, буду с тобою, и не только буду, но и "**и благословлю тебя**", - то есть, сделаю тебя славным, и дам тебе Мое благословение. Можно ли быть блаженнее этого праведника, получившего от Бога такое обетование: "**Буду с тобою и благословлю тебя**"? Вот что сделает тебя счастливее всех; вот что поможет тебе жить в великом изобилии; вот для тебя - величайшая слава, несказанное торжество, твердыня, вершина благ, - то именно, что Я "**буду с тобою и благословлю тебя**". А как благословлю тебя? "**Тебе и потомству твоему дам все земли сии**". Ты считаешь себя странником и пришельцем в этих пределах; знай же, что вся эта земля дана будет тебе и семени твоему. А чтобы ты мог увериться в этом, знай, что ту же клятву, которою Я клялся Аврааму, отцу твоему, Я постановлю и с тобою. Примечай снисхождение Божие. Не сказал Бог просто: завет, который Я заключил с отцом твоим, или обетование, которое дал ему; но что? – "**клятву, которою Я клялся**". Клятвою уверил Я его, говорит Он, и должен клятву Мою исполнить и совершить.

Видишь человеколюбие Божие? Он говорит так, не на Свое величие взирая, но снисходя к нашей немощи. Как люди наиболее заботятся об исполнении того, что не просто обещали кому-нибудь, а обещали с клятвою, так и Бог, уверяя праведника, что обещаемое ему непременно сбудется, говорит: знай, что клятвою Моею утвержденное должно совершиться. Что же это, скажет кто-нибудь? Бог клялся? И чем Он мог клясться? Видишь, что это сказано было по снисхождению: клятвою Он называл утверждение обетования. "**И исполню**, **-** говорит Он, **- клятву, которою Я клялся Аврааму, отцу твоему**". Потом объясняет ему и то, что обещал, и что подтверждал клятвою. "**Умножу**, **-** говорит Он, **- потомство твое, как звезды небесные**" (ст. 4). Тоже говорил Он и праотцу: семя твое будет так многочисленно, что сделается равным числу звезд и песка. "**И дам**, **-** продолжает Он, **- потомству твоему все земли сии; благословятся в семени твоем все народы земные**". А исполню на тебе обетования, данные Аврааму, потому, что "**Авраам послушался гласа Моего и соблюдал, что Мною [заповедано] было соблюдать: повеления Мои, уставы Мои и законы Мои**" (ст. 5). Замечай премудрость Божию, как она возбуждает дух праведника, ободряет его и направляет к тому, чтобы он стал подражателем отцу своему. Если он, говорит Бог, за то, что "**послушался гласа Моего**", удостоился столь великого обетования, и за его добродетель Я намерен исполнить это обетование на тебе, сыне его, то подумай, каким ты пользоваться будешь от Меня благоволением, какого удостоишься промышления, если будешь ревностным подражателем его и пойдешь путем его. Тот, кто за добродетель другого может получить благо, гораздо большего удостоится попечения свыше, если и сам будет добродетелен. Что же значит: "**Послушался гласа Моего и соблюдал, что Мною [заповедано] было соблюдать: повеления Мои, уставы Мои**"? Когда Я сказал ему: "**Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе**" (Быт.12:1), то он оставил все, что имел в руках, и устремился к чему-то неизвестному, и не поколебался духом, не замедлил, но со всею готовностью, исполняя повеление Мое, послушал гласа Моего. Затем Я обещал ему нечто сверхъестественное, когда уже и возраст его не подавал ему на то надежды, и ни он сам, ни мать твоя не имели никакой способности к чадорождению; но, слыша от Меня, что семя его так распространится, что наполнит всю землю, - и тогда он не смутился мыслию, но уверовал. И вменилось это ему в правду, потому что, уверовав в силу Мою, уповая на обетования Мои, он стал выше человеческой немощи. И после рождения твоего, когда мать твоя вознегодовала на Измаила, родившегося от рабыни, и хотела изгнать его из дома с Агарью, чтобы он не имел ничего общего с тобою, - праотец, хотя по своей родительской любви имел и к нему некоторое расположение, но услышав от Меня повеление - делать то, что угодно Сарре,

забыл естественную любовь, изгнал Измаила с рабыней, и во всем слушал гласа Моего, и хранил заповеди Мои. Наконец, получив от Меня повеление принести в жертву сына, данного ему в старости, столь дорогого ему, он не испытывал, что значит повеление, не возмутился духом, не сообщил о том ни матери твоей, ни рабам, не объяснил и тебе самому, что намерен был делать; но с духом мужественным и с совершенною готовностью поспешил исполнить Мое повеление. Поэтому, увенчав такое намерение его, Я не допустил совершиться самому делу. Итак, за оказанное им во всем великое послушание и соблюдение заповедей Моих, тебя, родившегося от него, Я делаю наследником данных ему обетований.

3. Итак, подражай его послушанию, и веруй слову Моему, чтобы тебе удостоиться еще больших наград и за добродетель отца, и за собственное послушание; и не ходи в Египет, а оставайся здесь. Видишь ли человеколюбие Божие, как Бог чрез напоминание о добродетели отца укрепил дух Исаака? "**Исаак**, **-** говорит Писание, **- поселился в Гераре**". Но посмотри, как и он подвергается почти тем же опасностям, какие испытывал отец его. Когда поселился он в Герарах, "**жители места того спросили**, **-** говорит Писание, **- о жене его, и он сказал: это сестра моя**" (ст. 6,7). Он боялся, чтобы не убили его жители, пораженные красотою жены его: "**Чтобы не убили меня, [думал он], жители места сего за Ревекку, потому что она прекрасна видом. Но когда уже много времени он там прожил, Авимелех, царь Филистимский, посмотрев в окно, увидел, что Исаак играет с Ревеккою, женою своею. И призвал Авимелех Исаака и сказал: вот, это жена твоя; как же ты сказал: она сестра моя**" (ст. 7,8,9)? Когда по этим признакам обнаружилась истина, праведник уже не отрицается, но признается и объявляет причину, по которой решился назвать Ревекку сестрою. "**Сказал**, **-** говорит Писание, **- ему**: … **не умереть бы мне ради ее**". Страх смерти понудил меня так поступить. А может, быть, он знал, что и отец его спас себя таким вымыслом, - потому и сам употребил то же средство. Но царь, имея еще в живой памяти то, что потерпел при праотце (Аврааме), когда похитил Сарру, тотчас и теперь понял угрожающее ему наказание, и сказал Исааку: "**Что это ты сделал с нами? едва один из народа не совокупился с женою твоею, и ты ввел бы нас в грех**" (ст. 7,10). Такому обману, говорит он, мы уже подвергались при отце твоем, и ныне, если бы вскоре не дознали (обмана), могли бы потерпеть тоже, "**и ты ввел бы нас в грех**". Тогда мы согрешили по неведению; да и ныне ты едва не ввел нас в грех неведения. "**И дал Авимелех повеление всему народу, сказав: кто прикоснется к сему человеку и к жене его, тот предан будет смерти**" (ст.11). Примечай промышление Божие, примечай неизреченное попечение! Тот, Кто сказал Исааку: не ходи в Египет, а поселись в земле сей, и Я буду с тобою, - Тот все это устроял, и поставил праведника в такой безопасности. Посмотри, как царь заботится, чтобы Исаак жил в безопасности и был свободен от всякого беспокойства. Царь угрожал, как сказано, смертью всякому, кто коснется его или жены его. Именно этот страх, - разумею, страх смерти, - смущал душу праведника; потому человеколюбец Господь и этот страх удалил от него, так что он мог уже жить там в совершенной безопасности. И вот что дивно и чудно: как попечительный и премудрый Бог, все устрояющий по воле Своей, открывающий путь в местах непроходимых, как Он утверждает безопасность Своих рабов через те самые обстоятельства, которые по-видимому противны и враждебны им. Почему, скажи мне, этот царь оказывает такое попечение о праведнике, объявляет о нем всем, живущим в городе, представляет его человеком славным и достойным величайшей заботливости? Так и Навуходоносор (Дан. 3:28), ввергнув в печь трех отроков и узнав на самом деле добродетель этих пленных юношей, начал прославлять их и превозносить повсюду на собственном языке. В том-то и открывается особенно величие силы Божией, что она заставляет проповедовать о рабах Божиих самих врагов их. И тот, кто в ярости повелел разжечь печь, когда увидел, что добродетель отроков, при помощи свыше, победила и силу огня, внезапно переменил мысли и воскликнул: "**Рабы Бога Всевышнего!**" Посмотри, как он прославляет не их

только, но и Господа всяческих. “**Рабы Бога Всевышнего, -** говорит он, **- выйдите**” (Дан. 3:93). Что с тобою сделалось? Не ты ли предал их казни? Не ты ли приказал разжечь печь до такой степени? Да, говорит он; но теперь я вижу дивные и чудные дела. Эта стихия, как бы забыв свою силу, как бы связанная какими-то узами показала такую покорность им, что не коснулась даже волос их. А отсюда должно разуметь, что это событие - выше сил человеческой природы, что какая-то неизреченная и божественная сила здесь действует и оказывает столь великое промышление об этих отроках. Видишь ли человеколюбие Божие, - как Бог не оставляя рабов Своих, хотя попустил им быть ввержеными в печь, но желая и их еще более прославить, и Свое всемогущество показать, смягчил душу мучителя и явил столь великое долготерпение? Конечно, не столь чудно было бы, если бы Он с самого начала не допустил их быть ввержеными в печь, как теперь дивно и чудно то, что Он даже и среди огня не попустил их потерпеть ничего неприятного. Так-то Бог, когда хочет, и находящихся среди тяжких бедствий еще более возвеличивает, и страждущих делает сильнее тех, которые причиняют им страдания. Так было и с апостолами (Деян.4:16). Те, которые, захватив их в свою власть, осыпали их угрозами, и как бы скрежеща на них зубами, говорили друг другу: “**Что нам делать с этими людьми?**” - те держали их у себя в руках, но ни на что не отваживались. Столь сильна добродетель, и столь бессильна злоба; первая - и среди страданий побеждает, а последняя - и в том, что делает, показывает только собственное бессилие. Зная это, возлюбленные, будем иметь все попечение о добродетели и убегать зла. Таким образом получим и помощь свыше, и достигнем будущих благ, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 52

“И сеял Исаак в земле той и получил в тот год ячменя во сто крат” (Быт. 26:12).

1. Сегодня надобно отдать любви вашей останки вчерашней беседы, и припомнив последовательность (библейской) речи, обратить внимание на то, каким пользуется праведный Исаак попечением свыше. Тот, кто воспретил ему путешествие в Египет и сказал: “**Живи в земле,** …**и Я буду с тобою**”, так прославил его во всех, отношениях, что, немного времени спустя, царь герарский стал ему завидовать. Видя, как его имущество со дня на день умножалось, стали бояться поселения там этого мужа и принуждали его переселиться оттуда. Но лучше выслушаем сами слова божественного Писания, чтобы вполне видеть благоволение, какое Бог оказывает рабам Своим. **“И сеял, -** сказано, **- Исаак в земле той и получил в тот год ячменя во сто крат”**. Прошу заметить премудрость Божию: дабы показать праведнику, что Он, Творец природы, может и невозможное делать возможным, что и в начале Он повелением Своим возбудил землю к произращению плодов, (Бог) сделал то, что праведник получил сторичный плод от посеянного им на той земле, чем и его привел в большее благосостояние, так что он ни в чем уже не нуждался, да и тем (жителям Герар) показал самим делом, какою помощью свыше пользуется праведник. Благоискусный и премудрый (Господь) часто одними и теми же делами Своими и избранным Своим благодетельствует, и заблуждающимся еще дает средство познать силу Его промысла. Это Он сделал впоследствии и в Египте, когда на жителей его наводил казни, а народ израильский сохранял невредимым. (Египтяне) не только в гневе Божием на них, но и в промышлении Божием о тех (израильтянах), научались познавать силу Бога и Творца всяческих. Но и эти, в свою очередь, не только из промышления и попечения Божия о них, но и из самого зрелища казней, каждый день постигавших Египет, уразумевали дивную к ним любовь Божию. Так одними и теми же делами Он и Своим, и противникам являл величие Своей силы. И сами стихии оказывают с своей стороны служение и повиновение рабам (Божиим), когда Владыка благоволит к

ним. Это можно видеть на опыте в жизни этого праведника [Исаака]: чего в другое время природа земли не проявляла, то теперь производит по воле Бога всяческих, и такой приносит плод, что Исаак вдруг становится весьма богатым: “**Благословил его Господь. И стал великим человек сей и возвеличивался больше и больше до того, что стал весьма великим**” (ст. 13). Так как богатство у праведников состояло тогда в плодоносности земли и в многочисленности стад, то и сказано: “**Благословил его Господь**. **И стал великим человек**”, т.е. сделался богат, и не просто богат, но и “**больше и больше до того, что стал весьма великим**”. Подумай, как много значило получить сторичный плод от посеянного. Если же это кажется тебе важным, то познай ту еще большую силу человеколюбия Божия, какую впоследствии времени он показал живущим добродетельно, после Его пришествия (на землю). Он обещает им не только здесь воздать сторицею, но и дать наслаждаться вечною жизнью и царством небесным. Видишь ли щедрость Владыки? Видишь ли великость благодеяния? Видишь ли, сколько даровало нам пришествие Единородного? Какую несказанную перемену в делах (жизни нашей) произвело оно? Поэтому каждый, рассуждая об этом сам с собою и видя различие между тем, что обещал (Бог) жившим прежде благодати, и тем, что - после благодати, да прославит хотя этим беспредельное человеколюбие Божие, и да не приписывает всего только перемене времен. Но следует возвратиться к порядку повествования и рассмотреть то, как жители герарские, заметив богатство праведника, воспылали завистью и решились удалить его оттуда: “**Филистимляне**, **-** сказано, **- стали завидовать ему**” (ст. 14). Потом божественное Писание, желая показать, в чем они обнаружили свою зависть, присовокупляет: “**И все колодези, которые выкопали рабы отца его при жизни отца его Авраама, Филистимляне завалили и засыпали землею**” (ст. 15). Смотри, какая у них злоба: и в воде позавидовали они праведнику; даже царь, имея сам во всем обилие, не в силах был удержаться от зависти, и сказал: “**Удались от нас, ибо ты сделался гораздо сильнее нас**” (ст.16). Большое недоброжелательство! За что ты изгоняешь праведника? Разве он повредил чем-нибудь тебе? Разве обидел тебя чем? Но такова зависть: она ничего не делает с рассуждением. Если царь видел, что праведник пользуется такою милостью от Бога всяческих, то должен был еще более уважать его, еще более услуживать ему, чтобы почитанием праведника и самому приобрести благоволение свыше. А он не только не делает этого, но и старается удалить, и говорит: “**Удались от нас, ибо ты сделался гораздо сильнее нас**”. Такова ненависть: не терпит благодушно счастья других; благоденствие ближнего считает за собственное несчастье, и изнывает, смотря на блага ближнего. Так было и здесь. Царь, имеющий в своей власти весь город, всех держащий под страхом, говорит страннику, пришельцу, переходящему туда и сюда: “**Удались от нас, ибо ты сделался гораздо сильнее нас**”. И, поистине, он был сильнее их, потому что во всем имел содействие свыше и огражден был десницею Божиею. Куда же ты гонишь праведника? Или не знаешь, что куда бы ни случилось ему удалиться, он везде будет под рукою Владыки своего? Не вразумил ли тебя самый опыт, что рука Божия так прославляет праведника? Для чего же ты удалением праведника показываешь неблагодарность к его Владыке? И великая кротость этого мужа не могла победить твоей зависти, но, побежденный страстью, ты стараешься удовлетворить твоей ненависти, и принуждаешь к новому переселению того, кто тебя ничем не обидел. Или не знаешь, что хотя бы ты принудил его удалиться в самую пустыню, у него есть столь благоискусный Владыка, что и там прославит его еще больше? Нет силы, могущей одолеть того, кто пользуется содействием свыше, как нет ничего бессильнее человека, лишенного вышней помощи.

2. Видишь, возлюбленный, нравственное непотребство и царя герарскаго и всех тамошних жителей? Посмотри и на великую кротость праведника, как он не возмечтал о себе много, и несмотря на то, что видел на самом деле великую милость Божию к себе, не восстал против царя в надежде на поборающую ему (вышнюю) силу, но как человек беззащитный, ниоткуда не получающий никакой помощи, с великою кротостью, не сопротивляясь царю

даже на словах, исполнил его повеление, - тотчас вышел оттуда, и своим удалением утишил пламень страсти, показывая и чрезвычайную свою кротость, и вместе укрощая раздражение (царя). “**И Исаак удалился оттуда, и расположился шатрами в долине Герарской, и поселился там**” (ст. 17). И что Христос, пришедши (на землю), заповедал ученикам Своим словами: “**Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой**” (Мф.10:23), - то самое Исаак уже исполнил на деле. И как Давид, укрощая сильную ненависть Саула, удалялся и отклонял себя от опасности, умеряя его сильное раздражение, таким же образом и тот праведник исполнил слово апостольское: “**Дайте место гневу [Божию]**” (Рим.12:19). Оставив город, он отошел (и поселился) в дебри. Но посмотри, как и там он вел себя с великою кротостью, потому что тем не окончились его скорби, но когда он и здесь был, и хотел ископать колодези, жители против него стали восставать. “**И вновь выкопал**, **-** говорит (Писание), **- Исаак колодези воды**, **которые выкопаны были во дни Авраама, отца его, и которые завалили Филистимляне по смерти Авраама; и назвал их теми же именами, которыми назвал их отец его**. **И копали рабы Исааковы в долине и нашли там колодезь воды живой**, **-** то есть такой, которая снизу бьет вверх ключом. **- И спорили пастухи Герарские с пастухами Исаака, говоря: наша вода**” (ст. 18-20).

Но и здесь праведник не спорит, не противится, а уступает даже пастухам. Это-то и есть истинная кротость, когда кто не от сильнейших себя переносит благодушно обиды, а уступает в случае оскорблений от людей, считающихся низшими его. При этом только всецело открывается кротость обижаемого. А иначе может кто-нибудь сказать, что он обнаруживает кротость потому, что не в силах противиться силе обидящего. Чтобы ты знал, что и в отношении к царю, он оказывал кротость не по причине его могущества, а по своему характеру, смотри: он точно так же поступает и с пастухами. И как в то время, когда царь сказал ему: “**Удались от нас**”, он тотчас удалился, приняв это, как повеление, так и теперь, когда пастухи начали оскорблять его и присвоили себе колодец, он уступает им. А чтобы и для потомства памятна была эта обида, он дает колодцу название от происшедшего здесь случая. Так как (пастухи) причинили ему явную обиду, то он, по свидетельству Писания, “**И он нарек колодезю имя: Есек, потому что спорили с ним**” (ст. 20). Таким образом, само название места, как бы (начертанное) на медном столбе, послужило для последующих времен памятником и кротости праведника, и несправедливости тех жителей. Всякий, узнавши из имени места причину такого его прозвания, видел добродетель одного, и крайнюю злобу других. И посмотри, как и он сам возвышает свою добродетель, во всем обнаруживая свою кротость, да и те, даже против воли своей, самою чрезмерностью своей злобы содействуют его прославлению. Не довольствуясь (одной обидой), они снова восстают на него, когда он ископал другой колодец. “**Выкопали другой колодезь; спорили также и о нем; и он нарек ему имя: Ситна**” (ст. 21). Заметь опять благоразумие праведника! Здесь они не совсем, кажется, отняли у него колодец, а только спорили и, уже ясно увидев свою несправедливость, отступили. Поэтому он и назвал то место враждою, так как оно сделалось причиной вражды. Но претерпевая такие оскорбления каждый, так сказать, день от окрестных жителей, не унывал, не показывал малодушия, не помыслил сам в себе или не сказал: вот у меня нет и настолько силы, чтобы пользоваться колодцами, - уж не оставила ли меня помощь свыше, не лишился ли я промышления Господня? Ничего такого он не думал и не помышлял, но все переносил с совершенною кротостью. Зато тем большую имел во всем помощь свыше. Такие случаи были, так сказать, некоторым упражнением для добродетели праведника. “**И он двинулся отсюда и выкопал иной колодезь, о котором уже не спорили, и нарек ему имя: Реховоф, ибо, сказал он, теперь Господь дал нам пространное место, и мы размножимся на земле**” (ст. 22).

3. Заметь благомыслие праведника. Когда хотели отнять у него первые колодцы, он не огорчался, не противился, а только названием колодцев оставил неизгладимую память о злобе жителей. А теперь, когда уже никто не препятствовал ему, и он с полною свободою наслаждался трудами своими, он все это приписывает Богу. “**Нарек**, **-** сказано, **- ему имя: Реховоф** (пространство)”. Затем, объясняет это название: потому, говорит, называю я его пространством, что “**Господь дал нам пространное место, и мы размножимся на земле**”. Видишь ли боголюбивую душу, как она, не вспоминая нисколько о прежних неприятностях, а памятуя только благо, приносит за это благодарение и говорит: “**Господь дал нам пространное место, и мы размножимся на земле**”? Ничто так не приятно Богу, как душа признательная и благодарная. Каждый день являя всем нам бесчисленные благодеяния, не взирая на то, желаем ли мы их или не желаем, знаем ли их или не знаем, (Бог) не требует от нас ничего другого, кроме признательности к Нему за все дарованное нам, дабы и за это самое снова дать нам еще большее воздаяние. Для удостоверения в этом, посмотри на того же праведника, как он за свою признательность снова удостаивается явления свыше. Так как он показал достаточный опыт своей добродетели пред жителями герарскими и перед царем, изгонявшим его, и перед пастухами, отнимавшими у него колодцы, то человеколюбивый Господь, желая как бы укрепить его благодушие и одобрить его великую кротость, - в то время, когда он “**оттуда перешел он в Вирсавию. И в ту ночь явился ему Господь и сказал: Я Бог Авраама, отца твоего; не бойся, ибо Я с тобою; и благословлю тебя и умножу потомство твое, ради Авраама, раба Моего**” (ст. 23,24). “**И в ту ночь явился**, **-** сказано, **- ему Господь**”. Заметь попечение о нем Божие! Чтобы укрепить его и ободрить, Бог является ему и говорит: “**Я Бог Авраама, отца твоего**”, - Который прославил отца твоего, поставил его на такой степени величия, и его, странника, сделал славнее здешних жителей. Я тот, кто обетовал столь умножить его (потомствами), - во всем показывал особенное о нем промышление. “**Я Бог…; не бойся**”. Что значит: “**не бойся**”? Не смущайся тем, что Авимелех изгнал тебя и пастухи обидели. Много такого потерпел и отец твой; но через то явился еще более славным. Итак, это да не устрашает тебя: “**Я с тобою**”. Я попускаю этому быть, желая, чтобы и ты своею кротостью показал свою добродетель, чтобы и злое расположение тех сделалось всем известным, дабы и за это увенчать тебя. “**Я с тобою**”, поэтому и будешь необорим, сильнее всех восстающих (на тебя) и оскорбляющих тебя. Промышление Мое о тебе сделает тебя даже предметом зависти. “**Я с тобою; и благословлю тебя и умножу потомство твое, ради Авраама, раба Моего**”.

Примечай человеколюбие Божие! Сказав: “**Я Бог Авраама, отца твоего**”, Бог тем показывал, как приблизил Он к себе патриарха, благоволив назвать Себя самого Богом Авраама, - т. е. Владыка и Творец вселенной называет Себя Богом одного человека, не в том смысле, как будто бы одним патриархом Он ограничивает владычество Свое, но с тою целью, чтобы показать Свое великое к нему благоволение. Я, говорит, так приблизил его к Себе, что предо Мною он является стоящим всех других людей. Потому “**и умножу потомство твое, ради Авраама, раба Моего**”. Многие награды он должен получить от Меня за свое послушание Мне; итак, ради его умножу семя твое. Таким образом Бог и ободрил праведника, и напоминанием об отце возбудил в нем ревность к проявлению подобной ему добродетели. После же того, как Бог обещал ему столько благ, “**он устроил**, **-** сказано, **- там жертвенник и призвал имя Господа. И раскинул там шатер свой**” (ст. 25). Что значит: “**Он устроил там жертвенник**”? Значит: он принес там благодарственные жертвы Господу за оказанное столь великое о нем попечение. “**Выкопали там рабы Исааковы колодезь**”. Теперь уже праведник в безопасности. Тот, кто сказал ему: “**Я с тобою; и благословлю тебя и умножу потомство твое, ради Авраама, раба Моего**”, - вдруг и славу дал ему, и сделал его досточтимым для всех. Вот смотри, как тот самый Авимелех, который решился изгнать его, и говорил: “**Удались от нас**”, сам теперь приходит к нему. “**Пришел**, **-** сказано, **- к нему из Герара Авимелех и**

Ахузаф, друг его, и Фихол, военачальник его. Исаак сказал им: для чего вы пришли ко мне, когда вы возненавидели меня и выслали меня от себя?" (ст. 26-27). Посмотри, сколь велика кротость праведника! Видя, что те, которые гнали его и обнаруживали такую ненависть к нему, теперь являются к нему в виде просителей, он не возгордился перед ними, не превознесся мыслью, имея еще в свежей памяти сказанные ему от Бога слова, и уповая на силу Господа, он не восстал против царя, но опять показывая обычную кротость, говорит им с большою скромностью: "**Для чего вы пришли ко мне, когда вы возненавидели меня и выслали меня от себя?**". Зачем, говорит, вздумали вы придти ко мне, человеку изгнанному вами и возненавиденному? "**Они сказали: мы ясно увидели, что Господь с тобою, и потому мы сказали: поставим между нами и тобою клятву и заключим с тобою союз, чтобы ты не делал нам зла, как и мы не коснулись до тебя, а делали тебе одно доброе и отпустили тебя с миром; теперь ты благословен Господом**" (ст. 28-29).

4. Смотри, как велика сила кротости, и как велико могущество добродетели! Те, которые прежде изгнали его, теперь приходят к страннику, не имеющему отечества, к пришельцу, и не только извиняются в прежних своих поступках с ним, просят прощения в прегрешениях (своих против него), но и прославляют праведника, обнаруживают объявший их страх, сознаются в собственном бессилии, и признают великое могущество праведника. Да и что может быть сильнее того, кто имеет с собою Бога? "**Мы ясно увидели, что Господь с тобою**". А откуда вы это знаете? Так, говорят они, сами события послужили для нас уроком. Мы увидели, что ты, изгнанный, стал сильнее изгнавших, обиженный одержал верх над обидевшими, из самого хода событий уразумели, что ты пользуешься великою помощью свыше. Дело божественного промысла состояло в том, чтобы их ум проникся удивлением к праведнику, и чтобы внушено им было такое разумение. Мы познали, говорят они, яко "**Господь с тобою …: поставим между нами и тобою клятву**".

Смотри, как по побуждению собственной совести спешат они обличить себя самих, тогда как никто другой не принуждает их к тому и не объясняет того, что произошло. Если вы не обидели праведника, то для чего, говорит, просите вы у него союза? Но такова неправда: каждый день мучит совесть, и тогда как обиженный молчит, нанесшие обиду, думая, что им угрожает наказание, ежедневно беспокоятся, и как бы сами себе подписывают приговор за преступление. Так и (те жители Герар), зная это, говорят: "**Поставим между нами и тобою клятву**". Потом объясняют, какой они хотят клятвы. "**И заключим с тобою союз, чтобы ты не делал нам зла, как и мы не коснулись до тебя**". Посмотри, как от смущения и терзаний (совести) они сами себе противоречат, когда говорят: "**Чтобы ты не делал нам зла**". Почему вы так боитесь праведника, когда видите, что он и оскорбляющим его оказывает такую кротость? Но неподкупный судия - совесть пробудилась в них, и они сознали, какую несправедливость сделали праведнику; от страха и смущения они не замечают, как противоречат сами себе. "**Чтобы ты не делал**, **-** говорят они, **- нам зла, как и мы не коснулись до тебя**". Для чего же вы изгнали его? Впрочем, праведник не требует у них отчета и не изобличает их речей. "**А делали**, **-** говорит Писание, **- тебе одно доброе и отпустили тебя с миром; теперь ты благословен Господом**". Видишь, что они убоялись наказания свыше? Они видели, что, хотя праведник, по своей кротости, сам не мстит за сделанное ему, но Тот, кто являл такое промышление о нем, потребует у них отчета за поступки их с праведником. Поэтому они умилостивляют праведника и просят союза, вместе с тем извиняясь в прежних своих делах и ограждая свою безопасность на будущее время. "**Он сделал им**, **-** сказано, **- пиршество, и они ели и пили**. **И встав рано утром, поклялись друг другу; и отпустил их Исаак, и они пошли от него с миром**" (ст. 30,31). Заметь дружелюбие праведника, как он без всякого злопамятства беседовал с ними и не только предал забвению поступки их с ним,

но еще оказал им великое гостеприимство. “**Сделал**, **-** сказано, **- им пиршество, и они ели и пили**”. Таким гостеприимством он хочет доказать им, что нисколько не помнит сделанных ему от них обид. “**И отпустил их Исаак, и они пошли от него с миром**”. Божественное Писание этими словами дает разуметь, что они пришли к нему с великим страхом, ожидая беды себе, и словом сказать, опасаясь за все, поспешили принести извинение перед праведником. Видишь ли, что нет ничего сильнее и могущественнее добродетели, и нет безопаснее человека, который пользуется помощью свыше? Потом, сказано, - “**в тот же день пришли рабы Исааковы, и известили его о колодезе, который копали они, и сказали ему: мы нашли воду. И он назвал его: Шива. Посему имя городу тому Беэршива до сего дня**” (ст. 32-33). Вот и здесь он дает месту имя от события. Копавшие колодец ничего не нашли; но как это было в тот же день, в который они заключили между собою союз, то Исаак и назвал это место колодцем клятвенным, чтобы оставить память о случившемся. Видишь, как праведник, не имевший еще наставлений от закона, не видевший перед собою примера в ком-нибудь другом, а только следуя отцу, и руководимый учителем, находящимся в самой природе человека, т. е. в его совести, показывал столь великое любомудрие? Случившиеся с ним события открывали не только кротость праведника, но и то, что он уже самым делом исполнял заповеди Христовы. То, что Христос заповедал ученикам Своим, увещевая их не только любить любящих их, но оказывать любовь и ко врагам, то уже прежде исполнял Исаак, когда оказывал столь великое гостеприимство людям, столько ненавидевшим его, и изгонял из души своей грех злопамятства.

5. Какого же снисхождения достойны будем мы, если уже после явления благодати; после такого учения и заповедей Спасителя, не сможем дойти даже до степени этого праведника? И что я говорю: до той же степени? Мы не в состоянии и приблизиться к ней. До такой крайности возросла ныне людская злоба, что редко уже любят и любящих. Откуда же будет нам надежда спасения, если мы сделаемся хуже самих мытарей, как говорит Христос: “**Если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари**” (Мф.5:46)? Христос желает, чтобы мы достигли самого верха добродетели, чтобы были выше мытарей; а мы стараемся быть и их ниже. И что говорю: мытарей? Мы становимся хуже и разбойников, и гробокопателей, и человекоубийц. И из них всякий любит того, кто с любовью относится к нему, а часто и подвергается опасности за любимого им. Что же может быть достойнее сожаления, когда мы, удостоенные столь великого человеколюбия Божия, оказываемся хуже людей, сделавших тысячи зол? Итак, умоляю вас: помышляя о великом наказании, о крайнем посрамлении, которые ожидают нас там, - познаем, хотя поздно, свое достоинство, покоримся учению Христову, и не только любящих нас будем любить искренно, изгнав из своего сердца всякую злобу и ненависть, но если бы кто-либо и враждебно расположен был к нам, будем стараться и тех любить. Нам невозможно иначе спастись, если не пойдем таким путем. Постараемся даже более, чем любящих нас, любить тех, как способствующих нам в достижении бесчисленных благ. Таким образом мы сможем и прощение грехов получить, и молитвы к Богу воссылать смиренным умом и сокрушенною душою. Когда душа свободна от всякой вражды и ум наслаждается спокойствием, тогда она с великою бодростью призывает Владыку и привлекает себе свыше великую помощь, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 53

“Был Исав сорока лет, и взял себе в жены Иегудифу, дочь Беэра Хеттеянина, и Васемафу, дочь Елона Хеттеянина; и они были в тягость Исааку и Ревекке” (Быт. 26:34, 35).

1. Станем и сегодня, если угодно, продолжать по порядку, что следует после сказанного вчера, и сколько нам доступно, изъясним каждое из слов (Писания), чтобы с пользою возвратиться отсюда по домам. Итак, рассмотрим начало прочитанного места. “**Был**, - говорит Писание, **- Исав сорока лет, и взял себе в жены Иегудифу, дочь Беэра Хеттеянина, и Васемафу, дочь Елона Хеттеянина; и они были в тягость Исааку и Ревекке**”. Смотри, как из этих немногих слов многому можно научиться. Для чего (Писание) означило нам число лет Исава? Не без цели, а для того, чтобы отсюда узнали мы старость Исаака. Видно, что он был уже в преклонных летах. Если припомним сказанное прежде, что когда он взял Ревекку, ему было сорок лет, а когда родились у него дети, шестьдесят, то узнаем, что теперь он был в глубочайшей старости, доживши уже до ста лет. Так как (бытописатель) имеет намерение после этого рассказать нам, как от старости у Исаака притупились глаза, то для этого и означил нам число лет Исава, чтобы отсюда мы могли видеть точное число лет жизни Исаака. Поэтому и сказал: “**Был Исав сорока лет**”. Далее, чтобы мы знали безрассудство этого сына, который взял себе жен из племен, из которых не следовало брать, (Писание) показывает нам, что одна из жен его была от племени Хеттеев, а другая Евеев, хотя он не должен был этого делать, зная то, с какою заботливостью патриарх (Авраам) приказывал своему домочадцу привести жену для Исаака из родственного племени, и - то, что мать их Ревекка прибыла из Харрана. Но Исав, поспешив взять себе таких жен, с самого начала уже показал беспорядочность своих нравов. И чтобы показать дурной нрав самих жен его, Писание говорит: “**Они были в тягость Исааку и Ревекке**”. Что может быть хуже такой порчи нравов, когда те, которые должны воздавать всякую честь (старшим в доме), не только этого не делают, но еще готовы к распрям? И все это в бытописании не без цели замечается нам, а для того, чтобы после этого видя Ревекку, оказывающую особенное расположение к Иакову, ты понял, что она делала это не несправедливо. Впрочем, чтобы не предупреждать порядка (событий), будем следовать словам Писания. “**Когда Исаак состарился и притупилось зрение глаз его**”. **-** От старости, говорит, он уже не мог видеть; **-** “**он призвал старшего сына своего Исава и сказал ему: сын мой! … вот, я состарился; не знаю дня смерти моей; возьми теперь орудия твои, колчан твой и лук твой, пойди в поле, и налови мне дичи, и приготовь мне кушанье, какое я люблю, и принеси мне есть, чтобы благословила тебя душа моя, прежде нежели я умру**” (Быт.27:1-4). Заметь здесь, возлюбленный, неизреченную премудрость Божию, и то, как отец дает такое повеление Исаву, проявляя естественную любовь; а премудрый и благоискусный Господь чрез Ревекку устрояет исполнение Своего предречения, научая нас, как велика сила добродетели и кротости нравов. Тот, и по первородству, и по расположению к нему отца, думавший иметь преимущество, вдруг лишился всего, потому что не хотел делать того, что следовало; а этот, поелику и сам по себе был добродетелен, и имел свыше споборавшую ему помощь, приобретает благословение отца против его воли. Нет сильнее того, кому помогает вышняя десница! Примечай же тщательно все, чтобы познать дивное устроение (Божие), - как одному при помощи свыше все благоприятствует, так что переходит к нему и благословение отца, а другой все теряет, сам себя погубив развращением своих нравов. “**Ревекка, -** сказано, **- слышала, когда Исаак говорил сыну своему Исаву. И пошел Исав в поле достать и принести дичи; а Ревекка сказала сыну своему Иакову**” (ст. 5,6). Для чего здесь прибавлено: меньшему? Выше сказано, что “**призвал старшего сына своего Исава**”; поэтому, чтобы знали мы, кому теперь говорит Ревекка, и замечено: меньшему т.е. Иакову. “**Вот, я слышала, как отец твой говорил брату твоему Исаву: принеси мне дичи и приготовь мне кушанье; я поем и благословлю тебя пред лицем Господним, пред смертью моею**”. Это, я слышала, говорил отец твой брату твоему Исаву. “**Теперь, сын мой, послушайся слов моих в том, что я прикажу тебе: пойди в [стадо] и возьми мне оттуда два козленка хороших, и я приготовлю из них отцу твоему кушанье, какое он любит, а ты принесешь отцу твоему, и он поест, чтобы благословить тебя пред смертью своею**” (ст. 6-10).

2. Заметь любовь матери, или - лучше - устроение Божие, потому что сам Бог подвигнул ее на такое намерение и все так устроил. Видишь ли прекрасное намерение матери? Посмотри же, как и Иаков осторожен и как он в ответе своем показывает кротость своего нрава. Рече же, говорит Писание, к "**матери своей: Исав, брат мой, человек косматый, а я человек гладкий; может статься, ощупает меня отец мой, и я буду в глазах его обманщиком и наведу на себя проклятие, а не благословение**" (ст. 11-12). Велико было в этом сыне и благородство духа и почтение к отцу! Боюсь, говорит он, чтобы мое старание не привело меня к противному, чтобы не показаться мне противником намерению отца и вместо благословения не навлечь на себя проклятие. Что же Ревекка, эта жена дивная, столько любившая своего сына? Поелику она так делала не по собственной только воле, но и служила орудием к исполнению вышнего предречения, то и употребляет все усилия к тому, чтобы уничтожить страх сына и внушить смелость, так чтобы он привел в исполнение этот совет. Она не обещает ему, что он, может обмануть отца и утаиться; но что? "**На мне**, **-** говорит, **- пусть будет проклятие твое, сын мой, только послушайся слов моих и пойди, принеси мне**" (ст. 13). Если бы, говорит, и случилось что-нибудь такое, ты сам не потерпишь никакого вреда. Поэтому не бойся, но смело "**послушайся слов моих**", и сделай то, что я тебе советую. Поистине, в том-то и состоит любовь матери, чтобы быть готовою все перенести за сына. Такими словами она смогла уничтожить страх в сыне. "**Он пошел, и взял, и принес матери своей; и мать его сделала кушанье, какое любил отец его. И взяла Ревекка богатую одежду старшего сына своего Исава, бывшую у нее в доме, и одела [в нее] младшего сына своего Иакова; а руки его и гладкую шею его обложила кожею козлят; и дала кушанье и хлеб, которые она приготовила, в руки Иакову, сыну своему. Он вошел к отцу своему**" (ст. 14-18). Заметь здесь, вместе с любовью, и великую мудрость Ревекки. Выше сказано было, что один (из сыновей ее) был косматый, а другой гладкий; поэтому она и одела Иакова, как говорит Писание, в одежду Исава, обложила кожицами, со всех сторон придав ему такой вид, чтобы обман был успешен, дала ему в руки снеди и хлебы, и таким образом приготовила его идти к отцу. Но посмотри опять и здесь, как все это было делом вышней благодати. Когда мы делаем все, что зависит от нас, тогда в обилии получаем и Божию помощь. Для того именно, чтобы мы не ленились и не оставались в бездействии, (Бог) хочет, чтобы и мы привносили что-нибудь от себя, а затем и Он являет Свое содействие. Не все бывает от помощи свыше, а нужно привнести что-нибудь и нам; и не требует от нас всего (Бог), зная крайнюю немощь нашу, а следуя Своему человеколюбию, и желая иметь какой-либо повод к тому, чтобы показать Свою щедрость, Он ожидает посильных трудов и с нашей стороны. Так было и теперь. Как скоро Иаков и Ревекка сделали то, что нужно было с их стороны, Иаков послушал совета матери, а она исполнила все, что от нее зависело, тогда и благий Господь помог им легко совершить то, что было всего труднее, именно, чтобы дело обмана не открылось Исааку. Итак, когда Иаков принес отцу снеди, он спросил его: "**Кто ты, сын мой? Иаков сказал отцу своему: я Исав, первенец твой; я сделал, как ты сказал мне; встань, сядь и поешь дичи моей, чтобы благословила меня душа твоя**" (ст. 18,19). Представь себе, с каким беспокойством произносил эти слова Иаков. Если с самого начала он говорил матери: боюсь, чтобы не навести на себя клятву вместо благословения, то в каком страхе он должен был находиться теперь, выполняя это дело? Но как Бог содействовал этому, то и совершилось все успешно. Что же, скажет кто-нибудь, неужели Бог содействовал и такой лжи? Не просто испытывай, возлюбленный, случившееся; а узнай цель, так как не ради житейской какой-либо выгоды делалось это, а старался (Иаков) получить отеческое благословение. А иначе, если, т.е., будешь просто судить о событиях и не станешь везде искать цели, то смотри, как бы и патриарха не назвать чадоубийцею, и Финееса - человекоубийцею. Но как тот не был чадоубийцею, напротив был более чадолюбив, чем кто-нибудь другой, так и этот не был человекоубийца, а только необычайный ревнитель. Каждый из них делал угодное Богу; а потому один удостаивается свыше великой награды за послушание, а другой

прославляется за ревность. И "**восстал Финеес**, **-** сказано, **- и произвел суд**" (Пс.105:30). Итак, если убийство и чадозаклание было одобрено в них, потому что совершалось по воле Божией, и мы обращаем внимание не на сами события, а на цель их, и на намерение тех, кто совершал такие дела, - то тем более здесь (в истории Иакова) надобно так рассуждать.

3. Итак, не на то смотри, что сказанное Иаковом было ложь, но помысли о том, что сам Бог все так устроил, желая привести в исполнение свое предречение. А дабы увериться, что Бог всему этому содействовал и трудное делал легким, посмотри, как праведник не смог заметить обмана, но, поверив словам Иакова и вкусив с удовольствием принесенные яства, награждает его благословениями. Да и Исав не прежде возвращается с ловли, как уже когда все кончилось, и таким образом все показывает нам, что дело это происходило по намерению Божию. "**И сказал**, **-** говорит Писание, **- Исаак сыну своему: что так скоро нашел ты, сын мой? Он сказал: потому что Господь Бог твой послал мне навстречу**" (ст. 20). Еще с боязнью стоял Иаков, и страх его увеличивался; а все так было для того, чтобы познали мы через это, как человеколюбивый Господь не безусловно являет Свое промышление, а когда и с нашей стороны видит много ревности. Не оставь, возлюбленный, без внимания этого смущения (в Иакове), а заметь, что со всех сторон была для него опасность: он боялся и трепетал, чтобы из-за благословения не подпасть проклятию. "**И сказал**, **-** сказано далее, **- Исаак Иакову: подойди, я ощупаю тебя, сын мой, ты ли сын мой Исав, или нет?**" (ст. 21). Судя по голосу (Иакова) праведник несколько сомневался; но как устроению (Божию) надлежало придти в исполнение, то Он и не допустил его дознать обман. "**Иаков подошел**, **-** сказано, **- к Исааку, отцу своему, и он ощупал его и сказал: голос, голос Иакова; а руки, руки Исавовы. И не узнал его**" (ст. 22,23). Видишь ли, как (Писание) показывает, что все это было делом благодати Божией, устроившей так, что и Исаак не узнал ничего сделанного, и Иаков получил отеческое благословение? "**И не узнал его, -** говорит Писание, **- потому что руки его были, как руки Исава … и сказал: ты ли сын мой Исав?**" (ст. 23,24)? Вот опять божественное Писание показывает, что праведник еще колебался; он говорил: "**Ты ли сын мой Исав?**", - чтобы из этого мы опять видели, что отец все делал, будучи побежден естественной любовью; а Бог все так устроял, провидя будущее и по добродетельным нравам назнаменуя и являя своих избранных. "**Он** (Иаков) **отвечал: я**". После того, как (Исаак) спросил: "**Ты ли сын мой Исав?**" и (Иаков) ответил: "**я**", сказал (Исаак): "**Подай мне, я поем дичи сына моего, чтобы благословила тебя душа моя**" (ст. 25). Едва теперь освободился Иаков от беспокойства и принес отцу снеди, принес также вино, и (отец) пил, и рече ему: "**Подойди, поцелуй меня, сын мой. Он подошел и поцеловал его. И ощутил [Исаак] запах от одежды его и благословил его и сказал: вот, запах от сына моего, как запах от поля, которое благословил Господь**" (ст. 26 и 27). Заметь осмотрительность божественного Писания. Когда Исаак спросил: "**Ты ли сын мой Исав?**", и тот отвечал: "**я**", и отец осязал его, и все еще несколько колебался, приходя в некоторое недоумение и подозрение от его голоса, и опять спросил: "**Ты ли сын мой Исав?**", и тот отвечал ему: "**я**", и принес ему (снеди), и он ел, - тогда уже, сказано, "**поцеловал его …и благословил его**". Дабы кто-нибудь не подумал, будто Исаак относил свое благословение к лицу Исава, а не к тому именно, кого он облобызал, для того божественное Писание и упомянуло, что он и лобызал, и благословил того, кого сам лобызал. "**И ощутил [Исаак], -** сказано, **- запах от одежды его и благословил его и сказал: вот, запах от сына моего, как запах от поля, которое благословил Господь; да даст тебе Бог от росы небесной и от тука земли, и множество хлеба и вина**" (ст. 27-28). Да даст, говорит, тебе, принесшему снеди, тому, которого я облобызал. "**Да послужат тебе народы**". Заметь, как он испросил ему сначала изобилие необходимого, а потом и господство над языками, предрекая тем и будущее благоденствие его, и умножение потомков его. "**И да поклонятся тебе племена**" (ст. 29). Не языков только покорение

испрашивает ему, но и князей. “**Будь господином над братьями твоими**”. Смотри, как праведник, сам не зная того, служит намерению Божию. И все это устроилось так для того, чтобы именно достойный по своей добродетели сын получил благословение. “**И да поклонятся тебе сыны матери твоей**” (в ц.сл.: И поклонятся тебе сынове отца твоего). Сынами Писание называет обыкновенно все потомство; так и здесь слова: сынове отца твоего означают то же, как если бы кто сказал: имеющие произойти от семени Исава, потому что Исаак не имел других детей, кроме этих двух. “**Проклинающие тебя - прокляты; благословляющие тебя - благословенны**!”. Вот венец благословения, вот главное из всех благ, - то, чтобы быть благословенным! Видишь ли человеколюбие Божие? Тот, кто боялся, чтобы вместо благословения не навлечь на себя проклятия, не только приобретает от отца такое обилие благословений, но за него проклинаются и те, которые покусились бы проклинать его. Научимся отсюда, что если кто захочет располагать свои дела по воле Божией, то получает свыше такое содействие, что чувствует это в самом ходе своих дел. Кто не изумится и не удивится неизреченному промышлению Божию в том, что Исав не прежде пришел с ловли, как уже цель этого умысла была достигнута, и Иаков, получив благословение от отца, уже ушел от него. Это именно внушает нам блаженный Моисей, когда присовокупляет здесь: “**Как скоро совершил Исаак благословение над Иаковом, и как только вышел Иаков от лица Исаака, отца своего, Исав, брат его, пришел с ловли своей**” (ст. 30).

4. Смотри, как после удаления того, тотчас приходит этот, не просто и не без цели, а для того, чтобы и он, ничего не зная, принес снеди, и узнал от самого отца весь ход дела. Если бы он успел застать брата, то, может быть, увлеченный яростью, и убил бы его; если он хотел (сделать) это уже после, тем более сделал бы это во время самого происшествия. Но десница Божия хранила отрока, сделав его достойным благословения, а того (Исава) лишив и благословения, и первенства. Пришедши же, сказано: “**Приготовил и он кушанье, и принес отцу своему, и сказал отцу своему: встань, отец мой, и поешь дичи сына твоего, чтобы благословила меня душа твоя**” (ст. 31). Смотри, как праведник опять приходить в беспокойство, и как смущается духом. Услышав (слова Исава), он сказал: “**Кто ты? Он сказал: я сын твой, первенец твой, Исав**” (ст. 32). Заметь, как он, много думая о (своем) деле, не удовольствовался ответом: “**Я сын твой Исав**”; но еще прибавил: “**первенец**”. “**И вострепетал Исаак весьма великим трепетом, и сказал: кто ж это, который достал дичи и принес мне, и я ел от всего, прежде нежели ты пришел, и я благословил его? он и будет благословен**” (ст. 33)? Вот как праведник, пришедши в затруднение, и рассказывая ему о случившемся, наносит ему жестокую рану присовокуплением слов: “**Я благословил его, он и будет благословен**”. А сделал это праведник потому, что устами его руководила премудрость Божия, дабы Исав, в точности все узнав, сам уже видел, что ему не может быть уже никакой пользы ни от первородства, ни от настоящей ловли. Услышав же это, говорит Писание, “**Исав …поднял громкий и весьма горький вопль**” (ст. 34). Что значит: “**Громкий и весьма горький вопль**”? Этими словами Писание означает досаду и чрезвычайный гнев, каким (Исав) исполнился, узнав случившееся. “**И сказал отцу своему: отец мой! благослови и меня. Но он сказал: брат твой пришел с хитростью и взял благословение твое**” (ст. 34,35). Брат твой, говорит отец, предупредив тебя, восхитил великое обилие всех благословений. Но дабы ты знал, что благодать свыше содействовала ошибке праведника, вот посмотри, как он сам признает это, говоря: “**Брат твой пришел с хитростью**”; он как бы оправдывается пред сыном и объясняет ему, что я-де по неведению излил благословения на того, и готов был дать их тебе; но он, пришедши с обманом, взял благословение твое; он получил то, что было приготовлено тебе; не по моей вине это сделалось. “**И сказал**, **-** сказано, **- он** (Исав)**: не потому ли дано ему имя: Иаков, что он запнул меня уже два раза? Он взял первородство мое, и вот, теперь взял благословение**” (ст. 36). Не напрасно, говорит, получил он такое прозвание: имя его

значит запинание, которое он и сделал мне, лишив меня и первенства, и благословения. Что же далее Исав (говорит) Исааку? “**Неужели ты не оставил мне благословения**”? Исаак ему отвечал (ст. 36): знай, что все благословения я излил на него, если я сделал его господином над тобою. Заметь, как тотчас с этого начинает Исаак, и ничего другого уже не говорит, а только предрекает Исаву рабство и подчинение: “**Вот, я поставил его господином над тобою и всех братьев его отдал ему в рабы; одарил его хлебом и вином; что же я сделаю для тебя, сын мой**” (ст. 37)? Ничего более не остается. Если я сделал его господином твоим, всех братьев рабами его, и я желал ему обилия во всем нужном, то, что еще остается? И “**Исав сказал отцу своему: неужели, отец мой, одно у тебя благословение? благослови и меня, отец мой!**” (ст. 38). После того как сказал отец: “**Благословил его, он и будет благословен**”, и изъяснил ему все благословение (данное Иакову), Исав говорит: благослови и меня, отче. Разве у тебя одно только и есть благословение? Разве не можешь ты удостоить своего благословения и меня, столь любимого тобою, первенца, которого послал ты на ловлю? Смутил он отца такими словами; “**И возвысил Исав голос свой и заплакал**”. Он увидел, что отец его в недоумении, и не может и не хочет переменить того, что уже сделано; и вот он к крику присоединяет плач, желая привести отца в большее сострадание. Тогда Исаак, сжалившись над ним, “**сказал ему: вот, от тука земли будет обитание твое и от росы небесной свыше; и ты будешь жить мечом твоим и будешь служить брату твоему; будет же [время], когда воспротивишься и свергнешь иго его с выи твоей**” (ст. 39, 40). Так как ты сам, говорит, желаешь получить от меня благословение, то знай, что для меня невозможно сделать противное воле Божией; впрочем, и тебе я испрашиваю (от Бога) наслаждение “**от росы небесной**”; знай, что ты будешь вести военную жизнь. “**Ты будешь жить мечом твоим и будешь служить брату твоему**”.

5. Но, слыша это, никто не должен удивляться, что Иаков после этого, страшась брата, делается странником, и удаляется в чужую (землю); никто, судя по такому началу, не должен думать, что пророчество не сбылось. Если Господь обещает что-нибудь, то, хотя бы мы и видели вначале какие-либо случаи, противные обетованиям, - не будем смущаться: ведь невозможно, чтобы (обетования Божии) совершенно не исполнились. А так бывает для того, чтобы праведники, во всех случаях более и более прославляясь, ясно всем нам показывали обилие силы Божией (в них действующей). И это ты можешь видеть в жизни каждого праведника, если со тщанием будешь рассматривать все повествования о них; так и теперь случилось. Не на то смотри, что (Иаков) тотчас обратился в бегство, но подумай о последующей его славе, - о том, что, по прошествии некоторого времени, этот самый, сделавшийся для него страшным, брат оказывает ему такое почтение; и после бедствий в чужой стране, он пришел в столь великую славу, что потомство его распространилось до бесчисленного множества, и целый народ стал называться его именем. Теперь же божественное Писание, показывая нам такой гнев брата его, что он замышлял и убийство, говорит: “**И возненавидел Исав Иакова за благословение, которым благословил его отец его**” (ст. 41). А что это был не просто временный гнев, (Писание) указывает нам особо великую силу его злобы: враждоваше, говорит, т.е. постоянно был во вражде, упорствовал в злобе, так что из самых слов его становилось очевидно его намерение, скрываемое в глубине души. “**Сказал**, **-** говорится, **- Исав в сердце своем: приближаются дни плача по отце моем, и я убью Иакова, брата моего**” (ст. 41). Подлинно, гневный безумствует не меньше самих беснующихся. Посмотри, как этот демон, вошедши, делает безумными, подобно беснующимся, и побуждает их делать все вопреки очевидности; они и не видят ничего здраво и не делают ничего, как следует, но все делают, как люди с поврежденными чувствами, потерявшие и самую способность рассуждать. Так и гневом воспламененные не узнают присутствующих, не помнят ни родства, ни дружбы, ни приличия, ни достоинства, и вообще ничего не принимают в соображение, но совершенно увлекаемые гневом, несутся в бездну. Что может быть

жальче их, когда побежденные и порабощенные страстью, они доходят даже до убийства? Поэтому блаженный Павел, желая исторгнуть самый корень зла, пишет такое увещание: “**Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас**” (Еф.4:31). Не только, говорит, не хочу я, чтоб вы гневались и приходили в ярость, но не хочу и того, чтобы вы говорили что-либо ближнему, с криком, - разумея здесь тот крик, который происходит от гнева. Когда внутри возбуждается страсть и надмевается сердце, то уже и язык не может произносить слова тихо, а, обнаруживая расположение духа, побуждается говорить ближнему с криком. Итак, этот блаженный, желая, чтобы слушающие его, жили в постоянном мире, говорит: “**и гнев**”, то есть всякое огорчение, от какой бы причины оно ни происходило, “**и ярость**”, и всякий “**крик да будут удалены от вас**”. Потом, желая иссушить самый корень зла, и сделать его бесплодным, говорит: “**со всякою злобою**”. Кто живет в таком расположении духа, тот всегда находится в пристани, свободный от земных волнений, не боится ни бури, ни кораблекрушения, но, как бы плавая во время тишины или оставаясь в безопасной пристани, проводит настоящую жизнь вне всякого волнения, и, мало того, он еще приготовляет себе наслаждение бесконечными и неизреченными благами, которых да возможем достигнуть и все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 54

“Призвала (Ревекка) младшего сына своего Иакова, и сказала ему” (Быт. 27:42).

1. Видели вы вчера и великое благомыслие мытаря, и неизреченное человеколюбие Господа, и крайнюю бесчувственность иудеев? Видели, как блаженный Матфей своим скорым послушанием (Господу) и столь важною переменою (жизни) научает всех нас, что после вышней благодати наша воля служит причиной добродетели и порока, и что при собственном усердии мы можем сделаться добродетельными, а при нерадении опять низвергаемся в бездну греха [беседы о мытаре, беспрекословно последовавшем Господу (Матфее), о которой упоминает здесь св. Златоуст, не видно в числе бесед на книгу Бытия. Если нельзя здесь разуметь одну из бесед его на Ев. Матфея (гл. 9), то надобно полагать, что особая беседа о мытаре Матфее не сохранилась до нашего времени]? Тем-то и отличаемся мы от бессловесных, что человеколюбивый Бог почтил нас разумом, и в природу нашу вложил познание добра и зла. Итак, никто не должен оправдывать себя тем, что небрежет о добродетели по неведению, или потому, что не имеет руководителя на пути ее. У нас есть достаточное руководство - совесть, и невозможно, чтобы кто-нибудь лишен был ее помощи. При самом сотворении человека вложено в него и познание того, что он должен делать, дабы, показав свое благомыслие упражнением в подвигах добродетели в настоящей жизни, как бы в некоторой школе борьбы, получил за добрые подвиги награды, потрудившись краткое время, удостоился бы венцев в веке нескончаемом, стяжав добродетель в этой скоропреходящей жизни, наслаждался бы нетленными благами в веках беспредельных и бесконечных. Зная это, возлюбленные, не унизим своего достоинства, не будем неблагодарны за такое благодеяние, и, гоняясь за временными мнимыми удовольствиями, не будем готовить себе вечного мучения. Будем устроять свою жизнь, как постоянно имеющие пред собою недремлющее Око, видящее сокровенные наши помышления; огражденные оружием Духа и, показав собственное доброе расположение сердца, мы привлечем помощь свыше, чтобы при ее содействии победив врага и супротивника и сделав безвредными его козни, могли мы насладиться теми благами, которые Господь обещал любящим Его. Поэтому никто не должен смотреть на трудность добродетели, но, имея в виду происходящую от нее пользу, всякий с готовностью да подъемлет ради нее все труды. Если те, которые занимаются житейскими

делами и безумно стремятся собрать богатство, на все с готовностью решаются; и, хотя предвидят и опасности на море, и кораблекрушения, и нападения морских разбойников, не становятся оттого недеятельнее, не будучи даже уверены в успешном окончании своих дел, - какое же оправдание будем иметь мы, когда не с полным усердием и ревностью отдаемся подвигам добродетели ради вечных благ? Почему мы так неблагодарны к своему благодетелю? Почему не думаем ни о том, что уже нам дано, ни о том, что обещано, но забыв, так сказать, все, проводим всю жизнь без цели и безрассудно, подобно животным, не прилагая никакого попечения о душе, только чрево наше как бы разрывая (от пресыщения), чрез то и бедному нашему телу нанося большой вред, между тем, как вследствие неумеренности и многоядения мы стараемся приготовить себе множество предметов, душу оставляем томиться в голоде? А ведь душа важнее тела, и когда она исходит из тела, тело остается мертвым. Итак, должны мы и душе доставлять свойственную ей и сообразную (с ее природою) пищу; а не соблюдая меры ни в том, ни в другом отношении, т. е. одно (тело) насыщая сверх нужды, а другую (душу) - принуждая гибнуть от голода, мы вредим обоим. То, чем Владыка всяческих, как величайшим гневом, угрожал некогда народу иудейскому, говоря: “**Я пошлю на землю голод, - не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних**” (Ам.8:11), научая нас, что тот голод может ослабить тело, а этот поражает самую душу; то самое, что тогда Господь угрожал навести на них вместо наказания, мы теперь добровольно привлекаем на себя, и притом тогда, когда Бог показал столь великое попечение о нас, и по Его устроению мы, при чтении Писаний, получаем еще и вразумления от наставников. Поэтому умоляю вашу любовь отложить всякую леность, хотя немного воспрянуть и все старание обратить к спасению души. Таким образом и вы заслужите великое благоволение от Бога, и мы еще ревностнее сделаемся к назиданию вашему, когда увидим, что наши увещания исполняются на деле. И земледелец, когда видит, что земля способна к возделыванию и приносит ему много плодов, то и сам с большим усердием выходит на труды земледелия; так точно и мы, когда увидим преуспеяние ваше в благочестии, ваше старание исполнять на деле наши поучения, и сами будем прилагать еще более труда к наставлению вашему, зная, что сеем не на камнях, но в тучную и глубокую почву бросаем семена.

2. Для того мы и предлагаем вам каждый день поучения, чтобы и вы выходили отсюда, получив какую-либо пользу, и умножали ваши добрые дела, и мы радовались, видя ваше преуспеяние. Разве мы без нужды и без цели хотим беседовать с вами, для того только, чтобы получить от вас похвалу, чтобы вы с рукоплесканием расходились отсюда? Не для этого, - да не будет; а для вашей пользы. Для меня самая великая и достаточная похвала та, если кто от порока обратится к добродетели, если кто, прежде бывший беспечным, сделается старательным от нашего увещания; это принесет и мне величайшую похвалу и утешение, и вам великую пользу и духовное богатство. Но я и не сомневаюсь, что вы окажете великую рачительность, так как знаю, что вы научены Богом, да и других можете назидать. Поэтому, остановив здесь мое увещание об этом, продолжу обычное поучение из слов блаженного Моисея или - лучше - из слов Святого Духа, чрез Моисея изреченных нам, и, предложив вашему вниманию хотя немногое, устрою для вас сегодня угощение. Вы слышали недавно, как Иаков, поступив во всем по совету Ревекки, получил благословение от отца, совершив эту похвальную татьбу, чрез что приобрел от Бога содействие, и его старание достигло успеха. Но после того в Исаве родилась сильная зависть к нему, так что Исав помышлял об убийстве; такова эта пагубная страсть: она не остановится, пока увлеченного ею человека не низвергнет в бездну, пока не доведет его до греха - убийства, потому что корень убийства - зависть. Так и вначале было между Каином и Авелем. И тот, не имея ничего - ни малого, ни великого, в чем бы мог обвинить своего брата - лишь увидел, что Господь благоволит (к Авелю) за принесение даров, а его отверг за собственное его нерадение, тотчас воспылал завистью; и, породив в уме корень

убийства, вскоре обнаружил и гибельный плод его, - и убийство совершил на деле. Так и теперь Исав, увидев, что брат получил благословение от отца, увлекаясь гневом и завистью к убийству, помышлял погубить брата.

Но дивная мать, чувствуя это, опять проявляет свою материнскую любовь к сыну и предлагает совет, могущий исторгнуть его из рук брата. Призвав, говорится, "**младшего сына своего Иакова, и сказала ему: вот, Исав, брат твой, грозит убить тебя; и теперь, сын мой, послушайся слов моих**" (ст. 42, 43). Опыт покажет тебе, говорит она, что я тебе советую полезное; и как ты, послушавши слов моих, получил великие благословения от отца, так и теперь послушай меня, чтобы избежать тебе рук брата. Так и себя ты избавишь от опасностей, и меня от печали. В порядке вещей, что он, если отважится на это, подвергнется наказанию; и тогда со всех сторон умножатся у меня тяжкие скорби. Итак, "**послушайся слов моих, встань, беги к Лавану, брату моему, в Харран, и поживи у него несколько времени, пока утолится ярость брата твоего, пока утолится гнев брата твоего на тебя, и он позабудет, что ты сделал ему: тогда я пошлю и возьму тебя оттуда; для чего мне в один день лишиться обоих вас**?" (ст. 43-45). Пойди, говорит, к брату моему Лавану, и поживи там с ним. Естественно, что и удаление, и продолжение времени произведут лучшее действие: страсть укротится, зависть угаснет, и он забудет о твоем поступке относительно похищения благословения: "**И он позабудет, что ты сделал ему**". Естественно, что он гневается, говорит она; поэтому лучше уклониться от его ярости; а когда со временем он это забудет, ты можешь уже безопасно поселиться здесь. И чтобы сын не печалился, будучи вынужден удалиться на чужбину, смотри, как она успокаивает дух юноши: во-первых, говорит, иди "**к Лавану, брату моему**". Разве я, говорит, к кому-нибудь чужому заставляю тебя идти? "**К … брату моему, … и поживи у него несколько времени**"; **-** короткое время, говорит, немного дней поживи, пока утишится гнев. Теперь гнев его в полной силе: как управляемый страстью, он не имеет никакого уважения к отцу, а братской любви и в мыслях не держит, но одним только занят - чтоб удовлетворить своей ярости. "**Я пошлю, -** говорит она еще, **- и возьму тебя оттуда**"; - я возвращу тебя. Поэтому иди смело, так как "**пошлю и возьму тебя оттуда**". Я всего опасаюсь и боюсь за обоих вас, чтобы не лишиться мне и того, и другого. Заметь благоразумие матери, - как она, движимая собственным чувством, а лучше сказать, служа и в настоящем случае (исполнению) Божия предречения, советует сыну то же, что Христос внушал Своим ученикам, когда советовал им не подвергать себя напрасно опасностям, но удалением укрощать неистовство страсти. То же предлагает и она сыну, прежде всего советуя ему и ободряя его дух, чтобы он не скорбел о своем удалении, а потом представляет и благовидный повод для путешествия, чтобы не было ясным, что он удаляется по ненависти к нему брата, чтобы и отец не знал ни истинной причины его удаления, ни негодования на него Исава. И пришедши Ревекка к Исааку, "**сказала …: я жизни не рада от дочерей Хеттейских; если Иаков возьмет жену из дочерей Хеттейских, каковы эти, из дочерей этой земли, то к чему мне и жизнь?**" (ст. 46).

3. Посмотри, какой нашла она благовидный предлог! Когда вам содействует вышняя десница, и трудное делается удобным, и тяжкое легким. Так как намерения ее согласны были с волею Божьею, то поэтому Бог и вложил в ее ум все, что могло содействовать будущему домостроительству и спасению ее сына. "**Жизни не рада**, **-** говорит она, **- от дочерей Хеттейских; если Иаков возьмет жену из дочерей Хеттейских, каковы эти, из дочерей этой земли, то к чему мне и жизнь**"? Здесь, мне кажется, она разумеет дурные нравы жен Исавовых, - именно то, что они были для них причиною многих огорчений. Выше божественное Писание сказывало нам, что Исав взял жен от Хеттеев и Евеев, и "**были в тягость Исааку и Ревекке**". Желая это самое напомнить Исааку, Ревекка как бы так говорит ему: ты знаешь, сколь горькою сделали мне жизнь жены Исавовы, и как за их злой нрав я теперь неприязненно смотрю на всех дочерей сынов Хеттеевых, и

возненавидела ради них весь этот народ. А если случится, что и Иаков возьмет из них себе жену, то какая мне останется надежда на спасение? “**К чему мне и жизнь**”? Если и тех мы не можем выносить, да еще и Иаков поспешит взять себе жену из дочерей этой земли, то жизнь наша кончена. Исаак, услышав это, и вспомнив оскорбления от жен Исавовых, “**призвал …Иакова и благословил его, и заповедал ему и сказал: не бери себе жены из дочерей Ханаанских; встань, пойди в Месопотамию, в дом Вафуила, отца матери твоей, и возьми себе жену оттуда, из дочерей Лавана, брата матери твоей**” (Быт.28:1-2). И на этом не остановился, но, желая еще более расположить его к путешествию, снова изрекает ему благословение и говорит: “**Бог же Всемогущий да благословит тебя, да расплодит тебя и да размножит тебя, и да будет от тебя множество народов, и да даст тебе благословение Авраама, тебе и потомству твоему с тобою, чтобы тебе наследовать землю странствования твоего, которую Бог дал Аврааму!**” (ст. 3-4). Посмотри, как праведник все наперед ему провозвещает и дает ему достаточные средства к утешению, предрекая ему и возвращение и наследование земли, и то, что он не только возрастет во множество (потомства), но и сонмы народов произойдут от семени его. Услышав это, сын исполнил повеление отца и пошел в Месопотамию к Лавану, брату матери своей. Но Исав, когда узнал об этом, равно и о том, что Иаков вместе с благословением отца получил от него наказ - не брать жены из дочерей ханаанских, и отправился в Месопотамию, - как бы желая исправить свою погрешность и умилостивить отца, приложив, сказано: “**Взял себе жену Махалафу, дочь Измаила, сына Авраамова**” (ст. 9). Видишь, возлюбленный, с каким благоразумием эта любвеобильная мать исторгла Иакова из опасности, представив благовидный предлог к его удалению; причем, и не обнаружила злобы Исава, и не открыла отцу (действительной) причины, а сыну подала совет, сообразный с обстоятельствами, чтобы страхом склонить его к принятию ее слов; и внушила отцу соответственные тому мысли? А потому и праведник согласился с ее речами, и отпустил Иакова, напутствовав его своими благословениями.

Но если вам угодно и вы еще не утомились, посмотрим, как Иаков совершает свое путешествие. Если будем внимательны, то и отсюда можем извлечь немалую для себя пользу, потому что образ действий праведных мужей заключает в себе самое поучительное любомудрие. Посмотри же теперь на этого юношу, воспитанного дома, никогда не испытавшего ни трудностей путешествия, ни житья на чужой стороне, ни других каких-либо беспокойств, - посмотри, как он предпринимает свое путешествие, и поучись высокому любомудрию. “**Иаков же вышел**, **-** сказано, **- из Вирсавии и пошел в Харран**, **и пришел на [одно] место, и [остался] там ночевать, потому что зашло солнце. И взял [один] из камней того места, и положил себе изголовьем, и лег на том месте**” (ст. 10-11). Видишь несказанное любомудрие? Видишь, как древние совершали путешествие? Человек, воспитанный дома (опять скажу то же), пользовавшийся такими услугами, был “**человеком кротким**, **живущим в шатрах**”, **-** сказано (Быт.25:27), **-** отправляясь в путь, не потребовал ни вьючных животных, ни свиты, ни дорожных запасов; но вступает в путь, как бы уже по апостольскому примеру. Когда зашло солнце, он уснул там, где его застигла ночь. “**Взял**, **-** сказано, **- [один] из камней того места, и положил себе изголовьем**”. Заметь мужество юноши: употребил камень вместо возглавия, и уснул на голой земле. За то, как он имел любомудрую душу, ум твердый и чужд был всякой житейской суетности, то и удостоился дивного видения. Таков наш Господь: когда видит благомыслящую душу, немного заботящуюся о настоящем, тогда являет о ней великое промышление.

4. Посмотри же на этого праведника, который лежит на голой земле и созерцает видение, а лучше - удостаивается явления самого Бога. “**И увидел**, **-** сказано, **- во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней. И вот, Господь стоит на ней и говорит: Я Господь, Бог Авраама,**

отца твоего, и Бог Исаака" (ст. 12,13). Усматривай здесь дивное попечение человеколюбца Бога. Он видел, что Иаков, по совету матери, страшась брата, предпринял это странствование; и совершает путь, как какой-нибудь скиталец, не имея ниоткуда никакого утешения, но во всем полагаясь на помощь свыше; и тотчас, в самом начале пути, желая укрепить его стремление, является ему и говорит: "**Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака**". Я сделал то, что и патриарх и отец твой достигли столь великой славы; а потому не бойся, но веруй, что Я, исполнивший данные им обетования, удостою и тебя Моего промышления. Итак, не бойся, но будь бодр и, отложив всякий страх, верь тому, что Я говорю тебе: ибо "**землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему; и будет потомство твое, как песок земной**" (ст. 13, 14). Не думай, что если ты теперь идешь в чужую страну, то лишишься той земли, где ты родился, где воспитан и возрос. "**Дам тебе и потомству твоему**", **-** которое умножу, "**как песок земной; и распространишься к морю и к востоку, и к северу и к полудню; и благословятся в тебе и в семени твоем все племена земные**" (ст. 14, 15).

Смотри, как Бог уже предрекает ему все, что будет спустя долгое время. Так обыкновенно Господь всяческих творит в отношении к каждому праведнику: дает обетования, но не тотчас приводит их в исполнение, а испытывает послушание и долготерпение праведников, и потом уже обещанное исполняет с великою щедростью. Так как он обещал ему имеющее совершиться впоследствии, а праведник имел нужду в особом утешении именно в тогдашнем его положении, то посмотри, как благий Владыка, вместе с обетованием будущего, обнадеживал его в этом тем самым, что теперь ему возвещает. Не думай, говорит Он, что Я одно будущее обещаю тебе; но и ныне "**Я с тобою, и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь**" (ст. 15). Поэтому не думай, что ты одиноко будешь совершать свой путь: ты Меня будешь иметь спутником; Меня будешь иметь на всем пути стражем, который облегчит для тебя все трудности и тяжкое сделает легким. Потом, еще усиливая утешение ему, Он уже предрекает ему и возвращение в свою отчизну. "**И возвращу тебя**, **-** говорит, **- в сию землю**". Не бойся, что ты навсегда останешься в чужой стране; "**возвращу тебя в сию землю, ибо Я не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе**" (ст. 15). Не оставлю тебя говорит, но все, что Я обещал тебе, приведу в исполнение. Кто достойно может надивиться неизреченному человеколюбию Божию и крайнему снисхождению? Посмотри, какое множество обетований дал Он праведнику, и как ободрил его дух. Но удивляясь человеколюбию Божию, представь себе и благомыслие этого праведника, - как он, после таких обетований, двадцать лет проведши в трудах у Лавана, не скорбел, не приходил в уныние от такой продолжительности времени, но все благодушно переносил, ожидая исполнения обетований, и зная, что не может не исполниться сказанное Богом, в особенности, если и мы сами с своей стороны стараемся присоединять к тому веру, терпение и совершенную уверенность в несовершившихся обетованиях, как скоро они даны Богом, как уже пришедших в исполнение. В том и состоит истинная вера, чтобы не обращать внимания на видимые события, хотя бы они и противны были обетованию, а уповать на всемогущество обещавшего. Прежде посмотрим на благомыслие праведника. "**Иаков пробудился**, **-** сказано, **- от сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал! И убоялся и сказал: как страшно сие место! это не иное что, как дом Божий, это врата небесные**" (ст. 16-17). Пораженный Великим человеколюбием Божиим, праведник убоялся и сказал: "**Это не иное что, как дом Божий, это врата небесные**": это место я теперь буду почитать домом Божиим. Удостоившись такого явления и видев сами, так сказать, врата небесные, я по справедливости должен принести здесь должное благодарение Господу. "**И встал Иаков рано утром, и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его памятником, и возлил елей на верх его. И нарек имя месту тому: Вефиль** (дом Божий)" (ст. 18,19). Прежде это место называлось иначе. Так как он удостоился видения высоких предметов, то хочет самим названием придать этому месту достопамятность, и

сделать его знаменательным на дальнейшее время, поставив камень вместо столпа и возлив елей (вероятно, только один елей он и нес с собою, находясь в пути), принес молитву человеколюбивому Богу, исполненную любомудрия.

5. Если хотите, выслушаем и сами слова Писания: помолился бо, сказано, молитвою "**сказав: если Бог будет со мною и сохранит меня в пути сем, в который я иду**" (ст. 20). Так как Господь сказал: Я с тобою и сохраню тебя на пути, в который идешь, то поэтому и он говорит: если сделаешь мне то, что обещал. Потом присовокупляет и от себя прошение в таких словах: "**И даст мне** (Господь) **хлеб есть и одежду одеться**" (ст. 20). Не богатства и не излишнего чего-либо просить, а хлеба и одежды, - одежды для прикрытия тела, а хлеба для необходимого пропитания. Заметь, как этим прошением назнаменовал он нам дух апостольский. Столь великого любомудрия исполнена была душа праведника! То, что Христос говорил: "**Не берите с собою ни золота, ни серебра, … ни двух одежд**" (Мф.10:9,10), - то он уже знал, еще никем ненаученный, а сам собою от учителя, находящегося в природе нашей, и желал получить себе от Господа только "**хлеб есть и одежду одеться**". Если, говорит он, это будет у меня на чужбине, и потом "**я в мире возвращусь в дом отца моего**", как обещал, "**и будет Господь моим Богом, - то этот камень, который я поставил памятником, будет домом Божиим; и из всего, что Ты, [Боже], даруешь мне, я дам Тебе десятую часть**" (ст. 20,21-22). Заметь признательность праведника! Когда он выражал свое прошение, то ничего дорогого не хотел просить, а только хлеба и одежды; когда же полагает от себя обет Господу, то, зная щедрость Его в дарах, зная, что воздаяния Его превосходят всякое помышление наше, говорит: "**Камень, который я поставил памятником, будет домом Божиим**", - и от всего, дарованного мне Тобою, "**дам Тебе десятую часть**". Видишь ли боголюбивое намерение? Еще ничего он не получил, но уже обещает приносить Богу десятину от всего, что будет ему дано.

Не оставим без внимания, возлюбленные, сказанного, но поревнуем все этому праведнику, поревнуем мы, живущие во (время) благодати, жившему прежде закона, и не будем просить у Господа нашего ничего житейского. Он и не ожидает нашего напоминания, а хотя бы мы и не просили, сам дарует нам потребное. "**Ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф.5:45). Послушаем Его, когда Он, убеждая нас, говорит: "**Ищите же прежде Царства Божия … и это все приложится вам**" (Мф.6:33). Видишь ли, что Он сам готов даровать вам то, и обещает, в виде прибавления, даровать это? Итак, не проси, как главного, того, что должен получить в виде прибавления. Не будем извращать порядка, но станем искать прежде то, как Он заповедал, чтобы получить и другое. Поэтому Господь и в словах молитвы, полагая для нас правила и пределы, до которых должны простираться прошения наши о житейских предметах, повелел нам говорить следующие слова, исполненные всякой мудрости: "**хлеб наш насущный дай нам на сей день**", - т. е., дневную пищу. Об этом самом и тот праведник, хотя и не слышал еще этих слов, молился, говоря: "**и даст мне хлеб есть и одежду одеться**". Итак, не будем просить у Него ничего другого житейского. Совершенно недостойно от столь щедрого и обладающего таким всемогуществом просить того, что разрушается вместе с настоящею жизнью и подлежит многим переменам и случайностям. А таково все человеческое: укажешь ли на богатство, или власть, или славу человеческую. Будем просить непреходящего, неоскудевающего, не испытывающего перемен. И зная благость нашего Господа, не будем думать о настоящем, но все наши усилия и желания обратим к небесному. Если Он "**повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**", то тем более не презрит отвращающихся от зла, убегающих от неправды, но удостоит их особого промышления и во всем покажет Свое попечение. Зная это, возлюбленные, будем веровать обетованиям Божиим и не станем поступать вопреки Его заповедям. Что касается нынешних наших

дел, то в них мы ничем не разнимся от неверующих. Если Он обещает будущее, а мы не хотим стремиться к этому и прилепляемся к настоящему, то какого искать еще другого доказательства, неверия, когда сами дела так ясно о том свидетельствуют? И опять, если Он заповедует не просить у Него ничего из временных и житейских благ, а искать иных, мы, напротив, обращаясь к Нему, ищем того, чего заповедал Он не искать, и не ищем того, что Он повелел искать? И поступая таким образом, столь беспечно располагая свою жизнь, прогневляя кроткого и милосердного Господа, мы как бы забываем то, что сами делаем, и ищем причины гнева Его на нас, - почему Он часто оставляет нас, когда мы впадаем в различные искушения, - а не помышляем о тяжести наших прегрешений, и добровольно вдаемся в самообольщение. Поэтому умоляю: отвергши все это, не будем ничего предпочитать собственному нашему спасению. “**Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит**” (Мф.16:26)? Излишнее богатство истощим на бедных; во всем покажем многое любомудрие презрением суетной славы, уничижением человеческой гордости, обнаружением взаимной любви друг к другу, чтобы получить и здешние, и будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 55

“И Лаван сказал Иакову: неужели ты даром будешь служить мне, потому что ты родственник? скажи мне, что заплатить тебе” (Быт. 29:15)?

1. Достаточно вчера показало нам начало путешествия праведника, как велико было его любомудрие, за которое он удостоился от Бога столь великого обетования. Далее, ободрившись, он прошением и молитвою, которую вознес к Богу всяческих, доставил немалое поучение всем нам, если бы только захотели мы подвигнуться к подражанию добродетели праведника. И подлинно, дивиться надобно, как он, зная всемогущество Обетовавшего, и слыша от Него столь великие обетования, при всем том решился просить не великого и чрезвычайного чего-нибудь, но просил, как вчера вы слышали, только того, что могло быть ему достаточным для насущного пропитания, что могло служить ему для прикрытия тела; дал еще обет посвятить Богу десятую долю всего, что он от Него получит, если Бог дарует ему, как обещал, возвратиться в землю свою! Во всем он выказывает свое благочестие, признает Бога подателем всех благ и научает нас Ему одному воздавать за все благодарение. Праведник, зная преизбыточество неизреченного человеколюбия Божия и рассуждая о том по благодеяниям, оказанным отцу его, был уверен, что и ему Бог подаст многое изобилие; хотя он ничего из этого не просит у Господа и не позволяет себе даже упоминать о том в молитве, однако обещанием посвятить Богу десятую долю всего показал, как твердо уповает он во всем на могущество Обетовавшего. Для того и Сам Бог, беседуя с ним, говорил: “**Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака**” (Быт.28:13). Размысли, говорит, что и патриарх пришел в эту землю странником, никому неведомым, но достиг такой славы, что ныне о нем все говорят. Подумай и об отце твоем, как он, родившись у отца в крайней старости, столько возвеличился, что стал предметом зависти для жителей страны этой. И ты ожидай того же и, отложив всякий страх, всякое беспокойство, продолжай свое путешествие. Рассуждая таким образом, праведник не смотрел на свое тогдашнее положение (потому что он ничего не имел у себя, - да и как мог иметь, будучи одинок и вынужден предпринять далекий путь?), но очами веры уже предусматривая свое будущее благосостояние, он показывает свойственную ему благопризнательность (к Богу). Еще ничего не получив, он уже дает обет Богу, признавая обетование Господне вернее и самого обладания благами: ведь не столько мы должны полагаться на то, что видим и что держим в своих руках, сколько на обетования Божьи, хотя бы они и не в скором времени приходили в

исполнение. Итак, праведник, получив величайшее ободрение от того, что было сказано ему Богом, отправился в путь. Да и как было ему не ободриться, когда он слышал такие слова: “**Вот Я с тобою, и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя в сию землю, ибо Я не оставлю тебя**”, пока не соизволю исполнить то, что возвещено (Быт.26:15). Но, как я вчера говорил, размысли здесь и о благопромыслительной премудрости Божьей, и о великом терпении и благопризнательности праведника. После этих обетований он восстал и устремился в Харран и опять совершает путь свой, как скиталец и странник; но во всем видит к себе благоволение свыше, потому что человеколюбец Бог все предуготовлял для него на пути, исполняя на деле Свое обетование. Тот, Кто сказал: “**Вот Я с тобою, и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь**”, **-** Тот руководил и привел праведника к колодцу, где туземцы поили свои стада. Расспросив у них о Лаване, брате своей матери, и узнав о нем все, что нужно было, а потом, увидев и самую дочь его и стада, равно как и то, что жители того места не в состоянии были сдвинуть камень с колодца и напоить овец, он, подбежав и, при помощи свыше, сделал то, в чем бессильны были те; предупреждает Лавана в благодеяниях, напоив овец, которых пасла Рахиль. Приветствовав девицу, сказав ей о себе, кто он и откуда пришел, он остался на месте. Но так как Бог все предуготовлял для праведника, то Он и девицу возбудил бежать с великою поспешностью и возвестить об Иакове своему отцу, который был брат его матери, рассказать об услуге, оказанной им ей и стадам ее, и о том, что он не чужеземец, не неизвестный человек, но сын сестры.

Посмотри, возлюбленный, с какою тщательностью и как ясно божественное Писание передает нам все это, изображая нам нравы древних и то усердие, какое оказывали они странноприимству. Чтобы показать усердие девицы, Писание не говорит просто: она пошла и рассказала отцу о случившемся, но **побежав**, говорит Писание, выражая тем великую ее радость. Так же потом и о Лаване, отце ее, сказано, что как только услышал он это от дочери, тотчас побежал и сам на встречу Иакову и, с любовью приветствовав его, ввел в дом свой.

2. Лаван, тщательно все узнав от Иакова, сказал ему: “**Ты кость моя и плоть моя**” (Быт.29:14); ты, говорит, как сын сестры моей, не что иное, как плоть наша, ты брат наш. “**И жил у него [Иаков]**, **-** сказано, **- целый месяц**”. Как у себя дома жил праведник, в безопасности и без всякой заботы. Между тем Бог, все устрояя к пользе праведника и во всем подавая ему Свою помощь, возбудил расположение к нему в Лаване, который, видя кротость Иакова, сказал ему: “**Неужели ты даром будешь служить мне, потому что ты родственник? скажи мне, что заплатить тебе**” (ст. 15)? Заметь, что он сам ничего не домогался; Лаван, единственно сам от себя предлагает это праведнику. Видишь, как все благоуспешно бывает у того, кому помогает десница вышняя. “**Неужели ты даром будешь служить мне, -** говорит, **- скажи мне, что заплатить тебе**”? Хотя этот блаженный был доволен и тем только, что получал ежедневное пропитание, и за это был ему много благодарен, но так как он обнаруживал особенную кротость, то Лаван вызывается дать ему вознаграждение, какое он сам назначит. Что же праведник? Заметь и в этом случае, как велико было его благоразумие, и как, не имея вовсе желания собирать богатство, он не договаривается с Лаваном, как наемник какой-нибудь, и ничего другого не требует, но, помня мать и заповедь отца и показывая свою необычайную скромность, говорит Лавану: “**Буду служить тебе семь лет за Рахиль, младшую дочь твою**” (ст. 18.); я полюбил ее с первого раза, увидев при колодце. Примечай и благомыслие этого мужа: сам себе назначает он и время работы, и в продолжение этого времени достаточное испытание своей скромности. Чему же ты дивишься, возлюбленный, слыша, что Иаков обещал работать семь лет за любимую девицу? Чтобы показать, как сильная любовь уменьшала для него и труд и продолжительность времени, божественное Писание говорит: “**И служил Иаков за Рахиль семь лет; и они показались ему за несколько**

дней, потому что он любил ее" (ст. 20). Семь лет показались ему только немногими днями, по чрезвычайной любви его к девице: если кто уязвлен страстью любви, то не смотрит ни на какие трудности, а как бы много ни было опасностей, какого бы рода ни были несчастия, все легко переносит, имея в виду только одно - исполнить свое желание.

Послушаем это мы, беспечные, нерадивые, оказывающие великую неблагодарность перед Господом! Если этот праведник по любви к девице решился работать семь лет, переносить все трудности пастушеской жизни, и не чувствовал ни трудов, ни продолжительности времени, а все оказывалось для него легким и удобным; если он, питаясь надеждою получить желаемое, считал такое долгое время как бы немногими днями, то какое оправдание будем иметь мы, не оказывая и подобной любви к нашему Господу, Благодетелю, Промыслителю, который все для нас? Где представляется житейская выгода, там мы охотно решаемся терпеть все, будет ли то тяжкий труд, или другое какое-либо затруднение, будет ли угрожать нам стыд или наказание, временное и даже вечное. А для своего спасения, для того, чтобы приобрести себе благоволение свыше, мы слабы, нерадивы, расслаблены. Какое будет нам снисхождение, какое для нас оправдание в такой совершенной беспечности, когда не хотим показать к Богу и такой любви, какую праведник имел к девице, и притом, когда видим столь великие благодеяния, нам оказанные и еще каждодневно ниспосылаемые? Мы так неблагодарны. Но не таков был Павел: он так пламенел духом, так горел любовью к Богу, что, выражаясь достойными своей души словами, сказал: "**Кто отлучит нас от любви Божией**" (Рим. 8:35)? Смотри, какая выразительность в этом изречении, какая сила господствующего чувства души, какая пламенная любовь! "**Кто отлучит нас**", - то есть, может ли быть что-нибудь такое, что лишило бы нас любви к Богу, видимое ли что-нибудь, или невидимое?

3. Желая и в подробности исчислить нам все случаи и показать всю неодолимую силу любви своей к Господу, он присовокупляет еще следующие слова: "**Скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч**"? О, душа, пламенеющая восторгом, который есть мать смиренномудрия! Какие напасти, говорит, могут удалить нас от любви к Богу? Скорби ли каждодневные? Никак. Тяжелые обстоятельства? Нет! Гонения? Нисколько. Что же? Голод? Нет. Опасности? Но что я говорю о голоде, о наготе, об опасностях? Не меч ли? Но и смерть, говорит он, если бы мне угрожала, не сможет этого сделать: все будет безуспешно, все бессильно. Никто другой не удостоился столько возлюбить Господа, как эта блаженная душа. Он говорит все так, как бы уже отрешился от тела, воспарил, так сказать, к небу и уже не думает, что еще ходит по земле. Стремление к Богу и пламенная любовь к Нему переселили его ум от чувственного к духовному, от настоящего к будущему, от видимого к незримому. Такова-то вера и любовь к Богу! А чтобы видеть на самом деле его благомыслие, посмотри, как он, столько возлюбив Господа и пламенея в стремлении к Нему, в изгнании, в гонениях, бичеваниях, перенося тысячи всяких ужасов, говорил о себе: "**Более [был] в трудах, безмерно в ранах, … многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока [ударов] без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, … ночь и день пробыл во глубине [морской]; много раз [был] в путешествиях, в опасностях на реках, … в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении**" (2Кор.11:23-27). И терпя все это, он еще радовался и веселился: он знал и вполне убежден был, что временные труды ведут его к величайшим воздаяниям, что бедствия приготовляют для него венцы. Если Иаков по любви к Рахили считал семь лет за несколько дней, то еще более все почитал за ничто блаженный Павел, однажды навсегда воспламенившись любовью к Богу и претерпевая все за Христа, которого возлюбил. Постараемся же, умоляю, и мы возлюбить Христа. Ничего другого Христос, по Его же изречению (Мф.22:37), и не требует от тебя, как любви к Нему от всего сердца, и исполнения Его заповедей. Кто любит Его так, как должно любить, тот, конечно, старается уже и заповеди

Его соблюдать, - потому что, если кто искренно расположен к кому, то старается все делать, чем может привлечь к себе любовь возлюбленного. Таким образом и мы, если истинно возлюбим Господа, будем и заповеди Его исполнять и не станем делать ничего такого, что может раздражить Возлюбленного. Удостоиться любить Его искренно и как должно, это - царство небесное, это - вкушение блаженства, в этом - блага неисчислимые. А наша любовь к Нему будет искренна тогда, когда по любви к Нему мы будем оказывать любовь и своим ближним, - "**на сих двух заповедях**, **-** сказал Он, **- утверждается весь закон и пророки**" (Мф.22:40), то есть, в том, чтобы возлюбить Господа Бога своего всем сердцем, всею крепостью своею, всею мыслию своею, и своего ближнего, как самого себя. Это - главная из всех добродетелей, это основание всех заповедей Божиих. С любовью к Богу сама собою соединяется и любовь к ближнему, потому что, кто любит Бога, тот не будет презирать брата своего, не будет предпочитать богатства своему сочлену, но будет делать ему всякое добро, воспоминая о Том, Кто сказал: "**Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне**" (Мф.25:40). Помышляя, что услуги, оказанные ближнему, сам Господь всяческих усвояет Себе, он будет делать все с великим усердием, покажет в милосердии всю свою щедрость, взирая не на убожество являющегося к нему человека, а на величие Того, Кто сделанное для убогих обещает усвоить Себе самому. Не оставим же без внимания, прошу вас, этой пользы душ наших, этого врачевства для язв наших. Это врачевство окажет нам наиболее пользы: оно так закроет раны души нашей, что не останется никакого следа, никакого знака их. По отношению к телесным ранам это невозможно, потому что хотя бы тысячи лекарств, составленных врачами, приложит кто-либо к своей ране, непременно остается на теле рубец; и это так должно быть, поелику тут врачуется тело. Но здесь, когда врачуется душа, то всякий, если окажет собственное доброе расположение, испытывает большую перемену к лучшему, все струпья исчезают, как прах от сильного ветра. Священное Писание преисполнено такими примерами. Так блаженный Павел из гонителя сделался апостолом и тот, кто сперва разрушал Церковь, потом стал ее невестоводителем.

4. Видишь, какая решительная перемена? Видишь, какое необычайное преобразование? Так и разбойник, совершивший бесчисленные убийства, в одно мгновение немногими словами очистил все свои грехи, так что услышал от Господа: "**Ныне же будешь со Мною в раю**" (Лк.23:43). Так и мытарь, бивший перси свои и исповедывавший свои согрешения, "**пошел оправданным в дом свой более, нежели тот**" (Лк.18:13,14). Каждый из этих людей показал в себе доброе расположение души, исповедал прежние свои грехопадения, и таким образом получил прощение. Рассмотрим же значение этой заповеди и то, какую великую силу имеет щедрая милостыня, чтобы, узнав пользу, проистекающую от нее, мы тем охотнее раздавали ее. Она даже так плодотворна, что не только очищает грехи, но отгоняет и самую смерть. Я скажу, как это. Кто, говоришь ты, раздавая милостыню, стал выше смерти? Мы видим, как все остаются под властью смерти. Не беспокойся, возлюбленный, а узнай из самих опытов, как сила милостыни побеждала и могущество смерти. Была одна женщина - Тавифа, имя, которое по переводу значит: Серна, - она каждый день занималась только тем, что раздавала милостыню, и чрез то собирала себе богатство; она одевала, как говорит Писание, вдовиц, оказывала им и всякое другое пособие (Деян.9:37). Случилось, что, заболев, она умерла. Посмотри же теперь, возлюбленный, как облагодетельствованные ею и ею одетые, в свою очередь вознаградили свою благотворительницу: они предстали апостолу, показывали ему, как говорит Писание, самые одежды, и все, что делала для них Серна при жизни своей, призывали снова к себе свою кормилицу, проливая слезы, и тем преклоняли апостола к состраданию. Что же, блаженный Петр? "**Преклонив колени, -** сказано, **- помолился, и, обратившись к телу, сказал: Тавифа! встань. И она открыла глаза свои и, увидев Петра, села. Он, подав ей руку, поднял ее, и, призвав святых и вдовиц, поставил ее перед ними живою**" (Деян.9:40-41). Видишь ли могущество апостола, или - лучше -

действующего в нем Господа? Видишь ли, какое было и в настоящем веке воздаяние за благодеяния вдовицам? Да и что сделала она для вдовиц в такой степени, в какой они ей воздали? Она доставляла им одежду и пропитание, а они возвратили ей жизнь и отогнали от нее смерть, или - точнее - не они, а человеколюбивый наш Господь за попечение о них. Видите силу (духовного) врачевства, возлюбленные? Приготовим же его себе все; оно не дорого, хотя имеет столь великую силу; оно даже очень дешево и не требует больших издержек, потому что важность милостыни ценится не по множеству (раздаваемых) денег, а по усердию подающих. И подавший чашу холодной воды (Мф.10:42), и положившая две лепты одобрены, дабы мы знали, что Господь всяческих во всяком случае требует только чистого намерения. Часто бывает, что и не богатый показывает великую щедрость в милостыне, когда бывает полное усердие; и наоборот, много стяжавший оказывается хуже имеющих немногое, по скудости своего расположения. Итак, убеждаю вас, с душевною щедростью отдадим нуждающимся то, что есть, что даровал нам Господь, то самое, что Он нам дал, отдадим Ему обратно, чтобы таким образом снова получить свое с большим приращением. Он так щедродателен, что, принимая от нас Свои же дары, не считает, что получает Свою собственность, но обещает возвратить нам их еще с большею щедростью, если только мы захотим проявить свою готовность и будем так раздавать свое добро бедным, как бы передавали его Самому Богу, зная, что десница Божия возвратит нам не только полученное от нас, но дарует еще в большей мере, - так как она всегда и во всем являет свою щедрость. И что я говорю: воздаст снова еще в большей мере! Рука та воздает не только это, но вместе с этим дарует и царство небесное, прославляет, увенчивает, дает бесчисленные блага, если мы пожертвуем хотя нечто немногое из того, что дано нам ею. Да и тяжкого ли или обременительного чего-нибудь требует от нас Господь? Он хочет, чтобы мы избыток сверх необходимого сделали для себя пригодным, чтобы мы сами хорошо распределили то, что понапрасну и без нужды лежит в наших кладовых, дабы это послужило поводом для Него к дарованию нам светлого венца. Он поспешает Сам и понуждает нас, и все делает и направляет к тому, чтобы удостоить нас обещанных Им самим благ.

5. Итак, не лишим себя, умоляю, столь великих благ. Если трудящиеся над возделыванием земли истощают свои запасы, бросая семена в землю и прежде собранное рассевая, и делают это с удовольствием, утешая себя надеждою получить большее и при том зная, как часто обманывают ожидания их и перемена погоды, и бесплодие почвы, и разные другие обстоятельства, или множество саранчи, или нападение зловредной росы, и однако, питаясь добрыми надеждами, вверяют земле то, что было собрано в житницы, то тем более нам следует рассеивать на пропитание нищих то, что просто лежит у нас; здесь никогда нельзя обмануться в (добром) конце и нельзя опасаться неудачи, бывающей при (возделывании) земли. “**Расточил, -** сказано, **- роздал нищим**”; а послушай, что далее: “**правда его пребывает во веки**” (Пс.111:9). Вот удивительное расточение? Роздал в короткое время и правда его пребывает в нескончаемые веки. Может ли быть что-нибудь блаженнее этого? Итак, умоляю, будем приобретать себе праведность милостынею, чтобы и о нас достойно могло быть сказано: они расточили, дали убогим - и правда их пребывает во век века. Поелику сказано: “**Расточил, роздал**”, - то, чтобы ты не подумал, будто расточенное погибает, тотчас и прибавлено: “**правда его пребывает во веки**”, - то есть, после расточения временных сокровищ, остается правда нерасточимая, простирающаяся на всю вечность и никогда не оканчивающаяся. А вместе с милосердием, приложим усердное попечение и о других добродетелях, - укротим страсти плотские, изгоним из души своей всякое пожелание непотребное, всякое злое помышление, гнев, ярость, зависть и украсим всем благообразие души, чтобы, приобретши светлую и блистающую душевную красоту, привлечь к себе Владыку небесного, и Он благоволил сотворить в нас обитель Себе: а Он, где только узрит душу благообразную, немедленно туда приходит. Он сам сказал: “**На кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на**

трепещущего пред словом Моим" (Ис.66:2). Видишь, что Он сам указывает нам все духовные украшения, могущие сделать светлым душевное благообразие! На "**сокрушенного духом, -** говорит, **- на смиренного**", а затем присовокупляет и то, отчего все другие добродетели происходят: "**и на трепещущего пред словом Моим**". Что это значит: "**Трепещущего пред словом Моим**"? Значит - такого человека, который в самых делах своих показывает повиновение заповедям Божиим, как и в другом месте сказано: "**Блажен человек, который всегда пребывает в благоговении**" (Притч.28:14). И мы, когда видим, что слуга наш исполняет наши приказания с великим тщанием, со страхом и трепетом, оказываем ему более благоволения и благорасположения; а гораздо более окажет нам милости благий Господь наш. Поэтому Он и сказал: "**Призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим**". Итак, будем трепетать слов Его и со всяким страхом исполнять их. А слова Его - это заповеди, данные нам от Него. Зная, что Ему угодно, что приятно, то и будем делать; и постараемся быть такими, оказывать послушание безмолвное, кротость, смирение, с великим благоговением и страхом исполняя все Его заповеди, чтобы Он, Владыка всяческих, приняв доброе расположение наших намерений и будучи доволен нашим послушанием, благоволил призреть на нас. Если Он благоволит сделать это, то приведет нас в состояние совершенной безопасности. "**Призрю**", говорит Он, то есть, удостою своего попечения, простру руку, во всем помогу, в изобилии изолью щедроты Свои. Будем же, умоляю, делать все это, чтобы воззрел Владыка и на нас, - чтобы могли мы и настоящую жизнь провести беспечально, и будущих благ достигнуть, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 56

"И сказал Иаков Лавану: дай жену мою, потому что мне уже исполнилось время, чтобы войти к ней" (Быт. 29:21)

1. От любви, какую имел Иаков к Рахили, перешедши вчера к любви и великой преданности апостола Павла ко Христу, мы были увлечены как бы некоторым быстрым потоком и не могли уже возвратиться к последовательному порядку слова. Поэтому ныне, если угодно, обратимся к тому, что следует, и восполним оставшееся (недосказанным), так чтобы и от нынешней беседы получить достаточную пользу и с тем разойтись по домам. Так как уже исполнилось семь лет и столь продолжительное время показалось Иакову "**за несколько дней**" (как сказано), потому что он любил Рахиль, – "**и сказал Иаков Лавану: дай жену мою, потому что мне уже исполнилось время, чтобы войти к ней. Лаван созвал всех людей того места и сделал пир. Вечером же взял дочь свою Лию и ввел ее к нему**" (Быт.29:21-23).

Видишь ли, с каким благочинием в древности совершались браки? Послушайте вы, пристрастившиеся к сатанинским забавам, и с самого начала опозоривающие честность брака: были ли тогда свирели, были ли кимвалы, были ли пляски бесовские? Скажи мне: зачем ты тотчас вводишь в дом такой срам и созываешь лицедеев и плясунов? Чтобы этою безвременною роскошью и целомудрие девицы оскорблять и юношу сделать бесстыднее? И без таких распалений трудно этому возрасту спокойно выдерживать бурю страстей. А когда такие предметы чрез зрение и чрез слух еще более увеличивают костер и еще больший пламень производят в горниле страстей, как не потонуть тогда юношеской душе! Оттого во всем такое повреждение и растление, что при вступлении в сожительство с самого начала подрывается целомудрие; и часто с самого первого дня, и юноша, смотря (на девицу) невоздержными очами, уже уязвлен в душе своей сатанинскою стрелою, и девица чрез слух и зрение делается пленницею (страсти). И с того же дня раны, более и

более увеличиваясь, производят зло. И, во-первых, подрывается единомыслие между супругами, и оскудевает их взаимная любовь. Когда муж обращается сердцем к другой, то, разделяясь в душе, и управляемый уже самим диаволом, наполняет свой дом всякою скорбью. А если и жена увлечется подобною же страстью, то все, так сказать, до самого дна перевертывается: скрывая друга от друга, один подозревает жену, другая – мужа; там, где надлежало быть согласию и единению, люди, которые должны быть плоть едина – "**будут**, – сказано, – **два одною плотью**" (Мф.19:5) – доходят до такого разъединения между собою, как будто бы уже совсем разведены были. Привзошедший к ним диавол производит в них такую пагубу, что у них каждый день – война и сражения, и никогда нет покоя от бед. А что сказать о презрении к ним со стороны слуг, о посмеянии от соседей, о явном позоре? Как если кормчие враждуют между собою, то и плывущие на корабле подвергаются опасностям, и самый корабль вместе с людьми должен потонуть, так равно и здесь, если муж и жена враждуют между собою, то, естественно, и все домашние бедствуют. Поэтому умоляю вас: предвидя все это, не следуйте принятым обычаям. Знаю, что многие, ссылаясь на эти обычаи, не хотят и слушать наших слов; несмотря на то, мы обязаны сказать, что полезно и что может избавить от будущих наказаний. Где столь великий вред для души, для чего тут указываешь ты мне на обычай? Вот и я предлагаю тебе обычай, гораздо лучший, соблюдавшийся в древности, когда люди еще не имели таких понятий (как ныне) о благочестии. Не подумай, однако же, что я говорю здесь о праведном Иакове – нет; но представь себе, что Лаван, человек еще преданный идолопоклонству, не имевший никакого понятия о благочестии, обнаружил в себе такую мудрость. Такое хорошее дело [Св. Златоуст разумеет здесь благочиние при бракосочетании Иакова с Лиею] принадлежало не тому, кто вступал в брак с девицею, но отцу, выдававшему девицу в замужество. Поэтому я и заговорил об этом, направляя свою речь не столько против женихов, сколько против родителей жениха и невесты. Не безрассудно ли, что мы, пользующиеся столь великим человеколюбием Божьим, удостоенные страшных и неизреченных таинств, в этом отношении хуже Лавана, еще поклонявшегося идолам? Или не слышишь слов Павла, что брак есть таинство, – есть образ той любви, которую Христос показал к Церкви (Еф.5:32)? Не будем же срамить самих себя, не будем нарушать досточтимости брака. Если что придумано хорошо и полезно, то, хотя бы и обыкновения не было, пусть делается; а если то, что вами делается, вредно и гибельно, хотя и обычай таков, надобно отвергнуть. Ведь если мы это допустим, тогда и вор, и любодей, и всякий другой злодей будет ссылаться на обычай; но от этого не будет, ему никакой пользы, ни прощения, а будет тяжкое осуждение за то, что не мог преодолеть худого обычая.

2. Если захотим трезвиться и иметь большую заботливость о своем спасении, то можем отстать и от худого обычая и обратиться к обычаями добрым: таким образом и потомкам своим мы дадим немалое побуждение подражать нам в этом, да и сами себе за их доброе поведение получим награду. Кто показал начало доброго пути, тот становится виновником и того, что другие делают (по его примеру), и потому получает двойную награду, – и за то, что сам делает и за то, что других привел к лучшему образу мыслей. Не говорите мне при этом те пустые и смешные слова, будто это есть нечто законное, и потому должно быть соблюдаемо. Не это делает союз супружеский законным, а сожитие, сообразное законам Божьим, целомудренное и честное, когда сожительствующие соединены между собою единодушием. Так понимают это и (внешние гражданские) законы; спроси людей, занимающихся изучением их, и они скажут, что супружество составляет не иное что, как близость или приязнь. Не будем же преступать законов божеских вместе с человеческими и предпочитать им законы бесовские и такой пагубный обычай, потому, что это узаконение того, который всегда радуется нашей погибели. И что может быть нелепее этого обычая, когда муж и жена выслушивают от слуг и ничтожных людей неуместные шутки и разные насмешки, и никто не может запретить этого, когда

всякому желающему позволяется без страха говорит все до самого вечера, забрасывать шутками жениха и невесту? Если бы в другое время вздумал кто издеваться, поносить, то его – в суд, с него пеня, ему беда; а тогда, когда особенно должно соблюдать благоговение, особенную благопристойность, скромность, тогда все наполняется бесстыдством, так что можно подумать, что всем этим управляет диавол. Но не огорчайтесь, прошу вас: не без причины я вошел в это рассуждение, а потому, что забочусь о вас, о вашем спасении, о вашем благонравии, и желаю, чтобы вы, показав перемену к лучшему, первые положили начало добрым обычаям. Было бы только положено начало, указан путь: и тогда с доброю, похвальною ревностью один другому будет в этом соревновать, и потом все будут хвалить вас. Не только жители этого города станут подражать этому прекрасному преобразованию, но и живущих вдали вы увлечете своим примером и сделаете их своими усердными подражателями, – и таким образом сугубый венец получите от Бога за то, что по страху Божию и по заповеди Божьей попрали такой бесовский обычай. Я твердо уверен, что вы с охотою примете этот совет наш и приведете его в дело. Вижу, с каким удовольствием вы слушаете слова мои, и из ваших рукоплесканий и похвал заключаю, что вы и на самом деле исправитесь. Довольствуясь поэтому сказанным, обращаюсь к продолжению прежнего слова. “**Вечером же взял дочь свою Лию, –** сказано, **– и ввел ее к нему; и вошел к ней [Иаков]**” (ст. 23).

Не оставим и этого без внимания. И отсюда многое можно узнать: во-первых, простосердечие Иакова, – как он, будучи чужд всякого лукавства, был обманут; во-вторых, как тогда все делалось с великим благоприличием: не было нигде ни плясок, ни светильников, ни другого какого-либо освещения сверх нужды, почему и совершился обман Лавана. Впрочем, можно заметить здесь и любовь Лавана к Иакову, потому что он придумал это для, того, чтобы долее удержать при себе праведника. Лаван знал, что Иаков пламенел любовью к другой, и что, если бы получил ту, которую желал, то не оставался бы еще служить и жить с ним ради Лии. Поэтому Лаван, замечая добрые свойства этого мужа и понимая, что иначе нельзя склонить и убедить его к тому, употребил такой обман и дал ему Лию, вместе с Зельфою, рабою. А потом, когда праведник требовал у него объяснения, почему он так обманул его, Лаван высказал благовидное оправдание. Когда Иаков сказал: “**Что это сделал ты со мною? не за Рахиль ли я служил у тебя? зачем ты обманул меня**?”, – тогда что ему отвечал Лаван? – “**В нашем месте так не делают, чтобы младшую выдать прежде старшей; окончи неделю этой, потом дадим тебе и ту за службу, которую ты будешь служить у меня еще семь лет других**” (ст. 25-27). Видишь, что это именно было целью, для которой он все так устроил. Зная любовь Иакова к девице, он говорит: не подумай, что ты обижен; я поступил так потому, что у нас есть закон сперва старшую дочь выдавать в замужество; но ты можешь взять за себя и ту, которую любишь, если и за все будешь столько же лет работать. Выслушав это, праведник с готовностью согласился на все; и после других семи лет “**[Лаван] дал, –** сказано, – **Рахиль, дочь свою, ему в жену**” (ст. 28).

3. Здесь видишь опять, что дела брачные совершались в древности со всяким благоприличием. Но когда слышишь, что Иаков взял за себя старшую, а потом и младшую, не смущайся, и не суди о тогдашних, делай, по нынешним обстоятельствам. Тогда, как времена были еще первобытные, начальные, дозволялось сочетаться с двумя, тремя женами, и еще более, для распространения человеческого рода; ныне же, по благодати Божьей, и род человеческий уже распространился в великом множестве, и преспеяние в добродетели возросло. Христос, пришедши на землю и насадив между людьми добродетель, сделав из людей, так сказать, ангелов, искоренил все подобные обычаи древности. Видишь, как не следует основываться на обычае, а везде изыскивать полезное. Вот этот обычай (многоженства) был нехорош; он искоренен, и теперь уже никому не позволительно ссылаться на него. Поэтому ни в чем не смотри на обычай, а

изыскивай всегда полезное, не душевредное. Если что оказывается хорошим, хотя бы не было в обычае, пусть будет у нас; а если что пагубно, хотя бы и в обычае было, будем избегать и отвращаться того. “**И дал**, – сказано, – **Лаван служанку свою Валлу в служанки дочери своей Рахили**” (ст. 29). Видишь, какое благоразумие! Были ли тут толпы слуг? Были ли записи, договоры, смешные условия такие: “если то-то будет, если то-то случится?” Еще прежде супружества, не зная, доживут ли (вступающие в брак) до вечера, немедленно договариваются в записях о том, что будет спустя долгое время, как-то: “если, говорят, умрет бездетен, если оставит после себя детей”, и тому подобное. Но там (в древности) ничего такого не было: отец дал каждой дочери по одной служанке, и с тем выдал в замужество своих дочерей. “**[Иаков]** …**любил**, – сказано далее, – **Рахиль больше, нежели Лию; и служил у него еще семь лет других**” (ст. 30). Так как с самого начала Иаков сильно возлюбил Рахиль, за красоту ее, а между тем с трудом успел достигнуть желаемого, то и любил ее, как сказано, более, нежели Лию. Итак, красота Рахили возбудила в нем любовь к ней. Но заметь и здесь неизреченное человеколюбие Господа, как мало-помалу Он приводит в исполнение обетования Свои. Он сказал: “**Я с тобою, и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя**” (Быт.28:15); и теперь все так и устрояет. Чтобы убедиться в этом, послушай, как ясно говорит об этом само божественное Писание: “**Господь узрел, что Лия была нелюбима, и отверз утробу ее, а Рахиль была неплодна. Лия зачала и родила сына**” (Быт.29:31-32). Замечай благопромыслительную премудрость Божию. Так как одна привлекала к себе благорасположение мужа красотою, а другая, лишенная красоты, казалась нелюбимою, то Бог этой последней подает чадородие, а в той заключает утробу: то и другое устрояя по свойственному Ему человеколюбию, чтобы одна имела некоторое утешение от рождаемых ею детей, привлекая к себе любовь мужа, а другая, по причине красоты и благобразия, не восставала против сестры. “**И отверз, –** сказано, **– утробу ее**”. Научись из этого, возлюбленный, что Творец всего есть и правитель всего, и естество возбуждает Он к чадорождению, и что сожитие остается бесплодным, как скоро нет помощи свыше. Для того и сказано: “**Отверз утробу ее**”, чтобы мы знали, что Сам Господь благоволил даровать Лии силу чадородия для утешения ее в скорби. Он Сам образует и животворит плод во чреве матери, как и Давид сказал: “**Соткал меня во чреве матери моей**” (Пс.138:13). И заметь, как божественное Писание показывает нам, что Творец природы производит собственною силою и то и другое, и возбуждает у одной способность чадородия, а у Рахили удерживает. Он есть Владыка естества, и потому беспрепятственно совершает все. “**Лия зачала**, – сказано, – **и родила сына, и нарекла ему имя: Рувим, потому что сказала она: Господь призрел на мое бедствие; ибо теперь будет любить меня муж мой**” (ст. 32). Посмотри, как признательна эта жена! Господь, говорит она, видя смирение мое, даровал мне чадо, чтобы ради него я могла быть любима (мужем). Заметь же, с какою щедростью человеколюбивый Бог вознаграждает ее, желая и потомство праведника умножить, вместе и Лию сделать более любезною для Иакова: “**И зачала**, – сказано, **– опять и родила сына, и сказала: Господь услышал, что я нелюбима, и дал мне и сего. И нарекла ему имя: Симеон**” (ст.33). Смотри, как за каждое чадо благодарит она Господа, и как признательна за благодеяния: услышал Господь, говорит она, что я ненавидима, и дал мне еще чадо! И потому “**нарекла ему имя: Симеон**”.

4. Видишь, что она даже и имена нарекает рождающимся не просто, и как случилось: она назвала сына Симеоном потому, что услышал ее Господь. Имя это на еврейском языке значит: услышан. “**И зачала еще и родила сына, и сказала: теперь-то прилепится ко мне муж мой, ибо я родила ему трех сынов. От сего наречено ему имя: Левий**” (ст. 34). Из слов этих можно, мне кажется, догадываться, что и рождением двух сынов Лия еще не могла привлечь к себе расположения мужа, что он все еще был вполне привязан к Рахили. Потому Лия и говорит: “**Теперь-то прилепится ко мне муж мой**”, – то есть, рождение третьего сына, может быть, пробудит в муже расположение ко мне, так как вот

я родила ему уже трех сынов. “**И еще зачала и родила сына, и сказала: теперь-то я восхвалю Господа. Посему нарекла ему имя Иуда**” (ст. 35). Что значит: “**Восхвалю Господа**”? **Восхвалю**, то есть, возблагодарю и прославлю Господа за то, что Он дал мне еще четвертого сына, что даровал мне столь великое богатство: насколько неблагообразие телесное могло вредить мне в расположении мужа, настолько рождение детей, дарованных мне человеколюбием Божиим, вознаграждает меня, рассеивает мою чрезмерную скорбь, утешая меня, ненавидимую за недостаток красоты, и нелюбовь (мужа) обращая к сестре моей. Но, родив Иуду, говорится далее, Лия “**перестала рождать. И увидела Рахиль, что она не рождает детей Иакову, и позавидовала Рахиль сестре своей, и сказала Иакову: дай мне детей, а если не так, я умираю**” (Быт.29:35,30:1). Неразумное требование, свойственное жене и душе, терзаемой ревностью! “**Дай мне детей**”! Да разве не слышала ты, что не сожитие с мужем принесло чадородие сестре твоей, а Господь Бог, видев, “**что Лия была нелюбима, и отверз утробу ее**” (Быт.29:31)? Почему же ты требуешь от мужа того, что выше природы и, забывая Владыку естества, обвиняешь мужа, который не может нисколько в этом помочь тебе? “**Дай мне детей, а если не так, я умираю**”. Ужасное зло – ревность! Она впадает даже в безумие, как испытала это и Рахиль. Смотря на кучу детей у сестры, и думая о своем одиночестве. Рахиль не выносила этого позора, не могла удержать смущавших ее помыслов – и произносит полные безумия слова. “**Дай мне**, **–** говорит, **– детей, а если не так, я умираю**”. Может быть, она заметила в муже любовь к сестре, и, думая, что по этой самой причине она имела столь много детей, а она еще не родила ни одного, говорит мужу: “**Дай мне детей**”; потом, желая устрашить его, прибавляет: “**А если не так, я умираю**”. Что же на это благочестивый Иаков? “**Разгневался**, **–** сказано, на слова сии, – **и сказал: разве я Бог, Который не дал тебе плода чрева**” (ст. 2)? Что ты, говорит, забыв Владыку естества, укоряешь меня? Он лишил тебя плода чрева; почему ты не просишь Того, Кто может открыть производительность природы и дать чреву способность чадорождения? Знай, что Он лишил плода чрево твое и сестре твоей даровал такую плодовитость. Итак, не требуй от меня того, чего я не могу дать, и в чем я не властен. Если бы это от меня зависело, я, конечно, предпочел бы тебя сестре, имея к тебе больше благорасположения. Но так как я нисколько не могу помочь тебе в этом, хотя бы еще в тысячу раз более был расположен, то прибегни с прощением к Тому, Кто неплодству подвергает, но и разрешить его может. Смотри, как рассудителен праведник: даже в гнев приведенный словами жены, он дает ей ответ с великою мудростью; тщательно поучает, ее, объясняя ей причину (неплодства), дабы она, оставив Господа, не требовала от другого кого-либо того, что только Бог один может даровать. Узнав таким образом, что она от Бога лишена чадородия, и видя сестру, гордящуюся детьми, желая получить хотя малое утешение, говорит Иакову: ты вразумил меня теперь, что не по твоей вине я остаюсь бесчадною; и так возьми хотя рабу мою, и дай мне от нее детей, чтобы я хотя малое утешение для себя могла найти в усыновлении рожденных от рабы. “**И дала она Валлу, служанку свою, в жену ему; и вошел к ней Иаков**. **Валла зачала и родила Иакову сына. И сказала Рахиль: судил мне Бог, и услышал голос мой, и дал мне сына. Посему нарекла ему имя: Дан**” (ст.4-6). Так она получила некоторую отраду, когда родила рабыня; поэтому и дает сама имя дитяти, и благодарит Господа за его рождение. “**И еще зачала**, **–** сказано далее, **– и родила Валла. И сказала Рахиль: борьбою сильною боролась я с сестрою моею и превозмогла. И нарекла ему имя: Неффалим**” (ст.7,8). Наконец, из (примера) рабыни она ясно уразумела, что не Иаков был виною ее бесчадия; поэтому и воспитывает рожденных от рабы, как своих собственных детей; сама дает им и имена, находя в этом величайшее для себя самой утешение. “**Лия увидела, что перестала рождать, и взяла служанку свою Зелфу, и дала ее Иакову в жену. И Зелфа, служанка Лиина, родила Иакову сына. И сказала Лия: прибавилось**”, – то есть, я достигла своей цели, – “**и нарекла ему имя: Гад**” (ст. 9-11). Она нарекла его именем Гада по тому самому, что исполнилось ее желание. “**И родила Зелфа … другого … . И**

сказала Лия: к благу моему, ибо блаженною будут называть меня женщины. И нарекла ему имя: Асир” (ст. 12 и 13).

5. Видишь, что и Лия усвояла себе детей, рожденных от рабыни и даже называла себя блаженною и достойною ублажения, по причине рождения их. Но посмотри, что затем последовало, и далее, как страсть ревности переходит то на ту, то на другую сторону, и мучит то одну, то другую (жену Иакова). “**Рувим**, **–** сказано, **– пошел во время жатвы пшеницы, и нашел мандрагоровые яблоки в поле, и принес их Лии, матери своей. И Рахиль сказала Лии : дай мне мандрагоров сына твоего. Но она сказала ей: неужели мало тебе завладеть мужем моим, что ты домогаешься и мандрагоров сына моего**” (ст. 14,15)? Видишь ли, как ясно она обнаруживает этими словами душевную страсть? Не довольно ли, говорит, тебе, что ты взяла мужа моего? Неужели возьмешь и мандрагоры сына моего? “**Рахиль сказала: так пусть он ляжет с тобою эту ночь, за мандрагоры сына твоего**”, – дай, говорит, мне мандрагоров – и возьми сегодня мужа. Видишь, Иаков оказывается совершенно преданным любви к Рахили? Хотя Лия и родила ему так много детей, но сердце его расположено было к Рахили: а если бы не было того, то, как бы Лия могла терпеть жизнь вместе с сестрою? Как имеющая полную власть над мужем, она уступает мужа за мандрагоры и говорит: “**Пусть он ляжет с тобою эту ночь, за мандрагоры**”. Исполни, говорит, желание мое, относительно мандрагоров, и возьми мужа. Когда пришел Иаков, Лия, вышедши на встречу, сказала: “**Войди ко мне; ибо я купила тебя за мандрагоры сына моего. И лег он с нею в ту ночь. И услышал Бог Лию, и она зачала и родила Иакову пятого сына. И сказала Лия: Бог дал возмездие мне за то, что я отдала служанку мою мужу моему. И нарекла ему имя: Иссахар**” (ст. 16-18). “**Услышал**, **–** сказано, **– Бог Лию**”. Поелику Бог видел, что Лия удручена скорбью и не пользуется расположением, то услышал ее, и она родила, и сказала: я получила воздаяние за то, что отдала мужу свою рабу, поэтому и назвала сына Иссахаром. “**И еще зачала Лия и родила Иакову шестого сына. И сказала Лия: Бог дал мне прекрасный дар; теперь будет жить у меня муж мой, ибо я родила ему шесть сынов. И нарекла ему имя: Завулон**” (ст.19 и 20). Наконец и я, говорит она, буду любезна мужу, потому что родила шесть сынов. Поэтому дала имя сыну – Завулон. “**Потом родила дочь и нарекла ей имя: Дина. И вспомнил Бог**, **–** сказано далее, **– о Рахили, и услышал ее Бог, и отверз утробу ее. Она зачала и родила сына, и сказала: снял Бог позор мой. И нарекла ему имя: Иосиф, сказав: Господь даст мне и другого сына**” (ст. 21-24). Избавил меня Бог, говорит она, от поношения; разрешил мое неплодство; умилостивился, дал силу чадородия чреву моему и освободил меня от бесчестия. “**И нарекла ему имя: Иосиф, сказав: Господь даст мне и другого сына**”. Видишь, как мало-помалу исполнялись обещания Божии? Вот какую большую семью детей имел теперь праведный по Божию о нем промышлению! Так как он показал великое терпение, с любовью перенося четырнадцатилетнее рабство, то Бог, вознаграждая благочестие праведника, помог ему до такой степени возвеличиться, что впоследствии он стал предметом зависти, как это мы увидим из последующих сказаний (Святого Писания), которые я хотел бы ныне же обозреть.

6. Но чтобы продолжительностью слова не отяготить слишком любви вашей, сбережем, если угодно, остальное на будущий раз, а теперь кончим беседу. Только убеждаю любовь вашу помнить сказанное, подражать древним в добродетелях – в бракосочетании сыновей, в выдаче дочерей в замужество, и своими добродетелями преклонять к себе благоволение Божие. Если Бог будет благоволить нам, то, хотя бы мы были на чужой стороне, хотя бы лишены были всего и никому не были известны, – будем славнее всех. Нет блаженнее человека, вспомоществуемого вышнею рукою. Блаженный Иаков, пользуясь ее содействием, мало-помалу возвеличился до такой славы, что те самые, которые принимали его к себе, как странника, стали ему завидовать. Позаботимся же и мы о том,

чтобы удостоиться помощи свыше, и не будем прибегать к человеческому могуществу, искать защиты у него. Ничто так мало ненадежно, как эта защита, – что довольно показывают нам опыты дел человеческих. Каждый день мы видим быстрые перемены; видим, как все превращается, и тот, кто недавно был наверху благоденствия, внезапно ниспадает в крайние бедствия, и часто терпит участь осужденных. Каким же безумием было бы искать покровительства людей, которые сами находятся в такой неизвестности о своей судьбе и не могут располагать с уверенностью даже своими собственными делами! Поэтому устраним себя от всякого человеческого покровительства, вспомнив и слова пророка: “**Проклят человек, который надеется на человека**” (Иер.17:5). Видишь, что не только безрассуден такой человек, но проклят за то, что, оставив Господа всяческих, обратился к подобному себе рабу, который и сам для себя не довольно силен. Будем избегать этого проклятия, умоляю вас, и всю надежду возложим на Бога. Это – надежда твердая, непоколебимая, неподвергающаяся изменению, как надежда на людей. Здесь или смерть пресекает покровительство, и прибегающих к нему оставляет нагими и лишенными всего, или, и прежде смерти происшедшая в обстоятельствах перемена, делает все безуспешным и с той и с другой стороны. Такими примерами наполнена вся настоящая жизнь. Поэтому и недостойны прощения люди, которые после стольких опытов все еще полагаются на человеческое покровительство, а часто и от своих мнимых покровителей терпят тысячи скорбей. До такой степени возросла злоба, что часто и за услуги платят не тем, чем следует. Только у Бога всяческих все вопреки этому: Он постоянно благотворит нам, даже когда мы бываем неблагодарными; Он не лишает Своего покрова, несмотря на неблагодарность нашу, и всегда действует только по собственному человеколюбию, которого да будем достойны все мы, благодатью Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 57

"После того, как Рахиль родила Иосифа, Иаков сказал Лавану: отпусти меня, и пойду я в свое место, и в свою землю" (Быт.30:25)

1. Сегодня надобно передать любви вашей остатки вчерашней беседы, дабы, и из сообщаемого ныне познав и попечение Божье об Иакове, и собственное благочестие праведника, мы поревновали его добродетели. Не без цели благодать Святого Духа сохранила для нас в письменах все эти повествования, – но для того, чтобы побудить нас к соревнованию и подражанию добродетельным мужам. И действительно, когда мы слышим о терпении одного, о смиренномудрии другого, о страннолюбии третьего, и о великой добродетели каждого из них, слышим то, как все они прославились и возвеличились, – то возбуждаемся к соревнованию в этом. Итак, изложим сегодня остальное повествование об этом праведнике и тем заключим нашу беседу. "**После того**", сказано, "**как Рахиль родила Иосифа, Иаков сказал Лавану: отпусти меня, и пойду я в свое место, и в свою землю; отдай жен моих и детей моих, за которых я служил тебе**" (Быт.30:25-26).

Смотри, какое благомыслие в этом праведном муже: видя явное благоволение Божье к себе, он не возгордился перед Лаваном; но с великой кротостью говорит: "**отпусти меня, и пойду**". Поистине, ничего нет сильнее кротости, ничего нет ее могущественнее. Вот смотри: как Иаков сам сначала показал кротость, то и Лавана заставил отвечать себе с добрым расположением сердца. "**И сказал ему**" (Быт.30:27-28) "**Лаван: о, если бы я нашел благоволение перед очами твоими! я примечаю, что за тебя Господь благословил меня. И сказал: назначь себе награду от меня, и я дам**". Не могу не признать, говорит, что после твоего прибытия я пользовался великим благоволением

Божьим; итак, как я чувствую благодеяния, полученные мной ради прибытия твоего, то предложи, какую хочешь, награду себе, и я дам с готовностью. Заметь же, что значит кротость, и не оставим без внимания этого сказания. Обрати внимание на то, что тогда как праведник не напоминал и не искал награды за труды, а сказал только: "**отдай жен моих и детей моих, за которых я служил тебе, и я пойду**", Лаван, уважая великую кротость праведника, сам говорит: скажи, какую хочешь получить от меня награду, и я дам ее охотно. Да разве жены и дети Иакова не были с ним? Для чего же он говорил: "**отдай жен моих и детей моих**"? (Иаков говорил так), воздавая ему надлежащую честь, во всем обнаруживая собственный свой нрав и желая мирно расстаться с Лаваном. И вот видишь, как этими словами он расположил к себе Лавана, так что он обещал дать ему награду и выбор ее предоставил ему самому. Что же праведник? Посмотри опять на великую его кротость, как он и при этом не хочет быть неприятным и неучтивым к Лавану. Что же он делает? Он снова призывает его самого в свидетели своего к нему расположения и оказанной ему преданности во все время служения. "**Ты знаешь**", говорит, "**как я служил тебе, и каков стал скот твой при мне; ибо мало было у тебя до меня, а стало много; Господь благословил тебя с приходом моим; когда же я буду работать для своего дома?**" (Быт.30:29-30)? Тебя, говорит, призываю в свидетели моих трудов; ты сам знаешь, с каким усердием я делал все со своей стороны: приняв от тебя стадо немногочисленное, я своим старанием и неусыпной заботливостью увеличил его до множества. Потом, обнаруживая благочестие свое, продолжает: "**Господь благословил тебя с приходом моим; когда же я буду работать для своего дома?**" Знаешь и сам, что, с пришествием моим к тебе, благодать свыше умножила достояние твое; и так как и я со своей стороны делал для тебя все с полным усердием, исполняя службу, и Божья помощь явно оказана тебе, то теперь по справедливости надобно мне и для себя устроить дом. Что значит: "**буду работать для своего дома**" Значит – жить на свободе и заняться своими собственными делами. Выслушав это, Лаван сказал ему: "**что дать тебе**" (Быт.30:31); или: скажи, что хочешь ты получить от меня? Я и сам сознаю это, и не отрицаю; знаю, как много мне дано от Бога и что с пришествием твоим благословил меня Бог. "**Сказал ему**", сказано (Быт.30:31), "**Иаков: не давай мне ничего. Если только сделаешь мне, что я скажу, то я опять буду пасти и стеречь овец твоих**". Ничего, говорит, я не хочу получать от тебя в виде платы; но дай мне только то, что скажу, и я опять буду пасти овец твоих. Вот чего именно я хочу. Посмотри, какое предложение делает праведник Лавану, уверенный в Божьей помощи: "**Я пройду сегодня**", говорит, "**по всему стаду овец твоих; отдели из него всякий скот с крапинами и с пятнами, всякую скотину черную из овец, также с пятнами и с крапинами из коз. Такой скот будет наградою мне. И будет говорить за меня перед тобой справедливость моя в следующее время, когда придешь посмотреть награду мою. Всякая из коз не с крапинами и не с пятнами, и из овец не черная, краденое это у меня**" (Быт.30:32-33).

2. Заметь благоразумие праведника! Зная, сколь велико к нему благоволение свыше, он просит у Лавана того, что, по естественному порядку вещей, казалось или трудным или и вовсе невозможным (потому что редко бывает, чтобы рождались животные с разнообразным цветом шерсти); а Лаван по этой самой причине не замедлил согласиться на требование Иакова и сказал: "**будет по слову твоему**" (Быт.30:34). "**И отделил в тот день козлов пестрых и с пятнами, и всех коз с крапинами и с пятнами, всех, на которых было несколько белого, и всех черных овец и отдал на руки сыновьям своим. И назначил расстояние между собой и между Иаковом на три дня пути**" (Быт. 30:35-36). Разделив, то есть, свои стада по предложению Иакова, он (одну часть) поручил своим сыновьям. "**Иаков же пас остальной мелкий скот Лаванов**" (Быт.30:36). Какие же это? Именно те, которые не имели никакой пестроты в цвете шерсти... А все это делалось для того, чтобы и праведник на самом опыте узнал величие Божьего попечения о себе, и Лаван увидел, какой помощью свыше пользуется Иаков. "**Взял Иаков**", сказано,

"**свежих прутьев тополевых, миндальных и яворовых, и вырезал на них белые полосы, сняв кору до белизны, которая на прутьях, и положил прутья с нарезкой перед скотом в водопойных корытах, куда скот приходил пить, и где, приходя пить, зачинал перед прутьями. И зачинал скот перед прутьями, и рождался скот пестрый, и с крапинами, и с пятнами**" (Быт. 30:37-39). Так поступает праведник не по собственному своему побуждению, но так благодать свыше внушала разуму его, потому что совершавшееся происходило не по обыкновенному порядку природы, а было много дивного и превышающего естественный порядок вещей. "**И отделял и ставил скот лицом к пестрому и всему черному скоту Лаванову; и держал свои стада особо и не ставил их вместе со скотом Лавана**" (Быт.30:40). Поскольку рождавшиеся животные были все именно такие, какие он предназначил (для себя), то он и отделял их и, таким образом, составил для себя особое стадо. "**Каждый раз, когда зачинал скот крепкий, Иаков клал прутья в корытах перед глазами скота чтобы он зачинал перед прутьями. А когда зачинал скот слабый, тогда он не клал. И доставался слабый скот Лавану, а крепкий Иакову. И сделался этот человек весьма, весьма богатым**" (Быт.30:41-43). Что значит повторение этого последнего слова? Оно выражает великое изобилие, – то, что Иаков не только значительно, но и весьма разбогател. "**И было**", сказано, у него "**множество мелкого скота, и рабынь, и рабов, и верблюдов, и ослов**" (Быт.30:43). Но посмотри, как это опять возродило зависть к праведнику. "**И услышал Иаков слова сынов Лавановых, которые говорили: Иаков завладел всем, что было у отца нашего, и из имения отца нашего составил все богатство сие**" (Быт.31:1). Заметь, как зависть доводит их до неблагодарности, да и не их только, но и самого Лавана: "**увидел**", сказано, "**Иаков лицо Лавана, и вот, оно не таково к нему, как было вчера и третьего дня**" (Быт.31:2). Слова сыновей встревожили дух Лавана, и заставили забыть то, что он прежде сказал Иакову, в беседе с ним: "**благословил меня Бог с приходом твоим**" (Быт.30:30). Человек благодаривший Господа за то, что с приходом праведника Он благоволил умножить его богатство, теперь, переменив под влиянием детей свои мысли, воспламенился завистью и, видя праведника в великом изобилии, не хотел более обращаться с ним по прежнему. "**И увидел**", сказано, "**Иаков лицо Лавана, и вот, оно не таково к нему, как было вчера и третьего дня**". Видишь ли, как велика кротость праведника и сколько неблагодарности у тех; как они, не думая подавить в себе зависть, смутили и дух отца? Посмотри же далее, как неизреченно попечение Божье, какое снисхождение являет Он, когда видит, что мы со своей стороны делаем все возможное. Бог, видя ненависть их к праведнику, говорит Иакову: "**возвратись в землю отцов твоих и на родину твою; и Я буду с тобой**" (Быт.31:3). Довольно, говорит, пожил ты на чужой стороне; Я хочу теперь исполнить то, что обещал тебе прежде, когда говорил: "**возвращу тебя в землю твою**". Итак, возвращайся без всякого страха, потому что Я с тобой буду. Для того именно, чтобы праведник не медлил своим возвращением, но смело предпринимал обратный путь, для того Господь и говорит: Я с тобой буду. Я, доселе благоустроивший жизнь твою и умноживший семя твое, Я и впредь буду с тобой. Праведник, услышав это от Бога, уже не медлил, но стал приготовляться к путешествию. "**И послал**", сказано, "**призвал Рахиль и Лию** в поле, к стаду **и сказал им**". Он хочет сообщить женам свое намерение касательно путешествия, объявить Божье повеление и (сказать) о ненависти к нему отца. "**И сказал им: я вижу лицо отца вашего, что оно ко мне не таково, как было вчера и третьего дня; но Бог отца моего был со мной**". Сами же "**знаете, что я всеми силами служил отцу вашему, а отец ваш обманывал меня и раз десять переменял награду мою; но Бог не попустил ему сделать мне зло. Когда сказал он, что скот с крапинами будет тебе в награду, то скот весь родил с крапинами. А когда он сказал: пестрые будут тебе в награду, то скот весь и родил пестрых. И отнял Бог скот у отца вашего и дал мне**" (Быт.31:4-9).

3. Смотри, как он объявляет им и неблагодарность к нему отца, и свое усердие, какое сам оказывал в служении ему: вы знаете, говорит, что я всеми силами служил вашему отцу. Вместе с тем он изображает им попечение о нем Божье, показывая, что все делала вышняя помощь, и богатство Лаваново передала ему. "**Отнял Бог**", говорит он, "**скот у отца вашего и дал мне. Однажды, в такое время, когда скот зачинает, я взглянул и увидел во сне, и вот козлы, поднявшиеся на скот пестрые с крапинами и пятнами. Ангел Божий сказал мне во сне: Иаков! Я сказал: вот я. Он сказал: возведи очи твои и посмотри: все козлы, поднявшиеся на скот, пестрые, с крапинами и с пятнами, ибо Я вижу все, что Лаван делает с тобой**" (Быт.31:10-12).

Видишь ли, что сила вышняя творила все это, вознаграждая праведника за труды? Поскольку тот был неблагодарен к нему, то щедролюбивый Господь обильно награждает праведника: "**ибо вижу**", говорит, "**все, что Лаван делает с тобой**". Научимся отсюда, что, если мы кротко и терпеливо будем переносить обиды от кого бы то ни было, то тем более великой и щедрой помощи удостоимся свыше. Поэтому не будем противоборствовать старающимся вредить нам; а будем великодушно переносить, зная, что Господь всяческих не презрит нас, если только мы со своей стороны окажем благомыслие: "**Мне**", говорит Он, "**отмщение: Я воздам, говорит Господь**" (Рим.12:19). По этой причине и Иаков сказал: "**не дал ему Бог зла сотворить мне**". Тогда как Лаван хотел лишить меня, говорит, награды за труды, Господь в таком обилии явил нам Свою милость, что все достояние его передал нам. Видя, что я исполнял работу добросовестно, а тот поступал со мной ненадлежащим образом, Господь и показал такое промышление о нас. А что я говорю это не без причины, и не напрасно хочу обвинить Лавана, имею Бога свидетелем всех поступков отца вашего со мной. "**Ибо вижу**", говорит Он, "**все, что Лаван делает с тобой**", потому что не только лишил тебя воздаяния, но и не так расположен теперь к тебе, как прежде, и изменился в своих намерениях. "**Я Бог явившийся тебе в Вефиле, где ты возлил елей на памятник**" (Быт.31:13). Господь хочет таким образом привести на память Иакову то, что обещал Ему тогда, сказав: весьма размножу тебя и буду хранить тебя до земли твоей (Быт.28:14-15). Я, говорит, тот, который явился тебе и дал тебе свои обетования; Я и ныне, поелику настало время, привожу в исполнение обещанное тебе тогда и повелеваю тебе возвратиться без опасения, потому что Я буду с тобой. "**Я Бог, явившийся тебе в Вефиле, где ты возлил елей на памятник и где ты дал Мне обет**" (Быт.31:13). Господь напоминает Иакову его молитву и сделанное им обещание. В чем же состояла молитва? "**Из всего, что Ты, Боже, даруешь мне, я дам Тебе десятую часть**" (Быт.28:22). Так как Иаков дал этот обет в то время, когда ничего не имел с собой и странствовал, как беглец, то Господь и говорит ему теперь: когда Я явился тебе, ты дал Мне обет, сказав: "**Из всего, что Ты, Боже, даруешь мне, я дам Тебе десятую часть**", этой молитвой и обетом исповедуя Мое всемогущество и очами веры прозревая будущее свое благосостояние; ныне, когда должны совершиться изреченные Мной обетования, настало время и тебе исполнить обет свой. Итак, возвратись "**теперь**, "**встань и выйди**", сказано, "**из земли сей и возвратись в землю родины твоей**" (Быт.31:13). Я везде буду соприсутствовать тебе, благоустраивать для тебя путь твой, и ты ни от кого не потерпишь никакого вреда, так как десница Моя будет для тебя повсюду покровом. Услышав это, Рахиль и Лия сказали ему: "**есть ли еще нам доля и наследство в доме отца нашего? не за чужих ли он нас почитает? ибо он продал нас и съел даже серебро наше**". И "**все богатство и славу, которое отнял Бог от отца нашего, тебе дал. Итак, делай все, что Бог сказал тебе**" (Быт.31:14-16). Вот и они повинуются воле Божьей и еще представляют неоспоримое рассуждение. Что у нас есть еще общего, говорят они, с отцом нашим? Однажды навсегда он отдал нас тебе. А "**богатство и славу, которое отнял Бог от отца нашего**" и дал тебе, мы будем иметь и дети наши. Не медли же. Не откладывай, а делай, что повелел тебе Бог. "**Итак, делай все, что Бог сказал тебе**". Выслушав это, "**Иаков, встав, взял жен своих и детей**", и посади

их "**на верблюдов: и взял с собой весь скот свой и все богатство свое которое приобрел, скот собственный его, который он приобрел в Месопотамии, чтобы идти к Исааку, отцу своему**" (Быт.31:17-18).

4. Заметь, какое мужество духа имел праведник и как, отбросив всякий страх и опасение, повиновался повелению Господа. Видя уже нечистоту совести в Лаване, он не стал теперь, как прежде, рассуждать с ним, а только исполнял повеление Господне, и, взяв жен и детей, отправился в путь. "**И как Лаван**", сказано, "**пошел стричь скот свой, то Рахиль похитила идолов, которые были у отца ее**" (Быт.31:19). Не без цели и это замечено, а с целью – показать, что (дочери) еще держались отеческого обычая и имели большое уважение к идолам. Рассуди, в самом деле, с какой заботливостью она это сделала, – не унесла у отца другое что-либо, а одних только идолов, при том сделала это тайно и от мужа, потому что он, конечно, не позволил бы этого сделать. "**Не известил**", сказано, "**Иаков Лавана Арамеянина что удаляется. И ушел со всем, что у него было; и, встав, перешел реку и направился к горе Галаад**" (Быт.31:20-21). Прошу заметить и здесь великий промысел Божий – именно в том, что Бог не попустил Лавану узнать об удалении Иакова до тех пор, когда праведник был уже далеко. По прошествии трех дней, сказано, сделалось это известным Лавану. "**Тогда взял**" всю братию свою "**с собой, и гнался за ним семь дней, и догнал его на горе Галаад**" (Быт.31:22-23). Вот и опять видно неизреченное попечение Божье. Тот, кто сказал: "**возвратись в землю твою, и буду с тобой**", – Сам и теперь являет Свое промышление. Видя, что Лаван с сильным негодованием преследует праведника и хочет взыскать с него, так сказать, пеню за побег, Бог является Лавану ночью во сне. "**И пришел**", сказано, "**Бог к Лавану Арамеянину ночью во сне**, **и сказал ему**" (Быт.31:24). Посмотри, как Бог в попечении Своем о праведнике, снисходит до того, что беседует даже с Лаваном, дабы потрясши его душу удержать его от нападения (на Иакова). "**Берегись, не говори ни доброго** Иакову **ни худого**" (Быт.31:24). Велика благость Господа! Он видел, что Лаван спешит на битву, хочет напасть на праведника: поэтому Бог словом Своим останавливает его намерение и говорит: "**Берегись, не говори ни доброго Иакову ни худого**". Не покушайся, говорит, опечалить Иакова даже словами; берегись; удержись от своего злого намерения, укроти гнев, обуздай свой раздраженный дух, и не позволяй себе даже словом опечалить Иакова. И заметь человеколюбие Господа: Он не повелел Лавану возвратиться в свой дом, а только повелел ему не говорит праведнику ничего тяжелого, ничего оскорбительного. Почему же это и для чего? Для того чтобы праведник на самом деле, из опыта видел, сколь великого попечения удостаивает его Бог. Если бы Лаван возвратился, то откуда узнал бы это Иаков, или его жены? И для того Бог дозволяет Лавану идти и своими устами пересказать Иакову то, что было сказано ему от Бога, дабы и сам праведник с большей поспешностью и смелостью продолжал путешествие, и его жены, узнав, какого попечения удостаивается Иаков от Бога всяческих, отвергли отеческое заблуждение, подражали праведнику и получили отсюда достаточное назидание к богопознанию. Для них не столь, конечно, достоверны были слова Иакова, сколько слова Лавана, еще преданного идолопоклонству, потому что свидетельства (о вере) неверующих и врагов благочестия всегда имеют особенную важность; – и это есть дело благоискусной премудрости Божьей, когда она и врагов истины делает свидетелями истины и заставляет их собственными устами подтверждать ее. "**И догнал Лаван Иакова; Иаков же поставил шатер свой на горе, и Лаван со сродниками своими поставил на горе Галаад**". И "**сказал Лаван Иакову: что ты сделал**" (Быт.31:25-26)? Смотри, как повеление Божье укротило его пыл, обуздало ярость! Поэтому он с кротостью обращает речь свою, как бы оправдываясь и выказывая отеческую любовь к нему. Так, когда мы пользуемся попечением свыше, то не только можем избегать наветов злых людей, но если и лютые звери нападут на нас, мы не подвергнемся никакой беде. Владыка всяческих, по преизбыточеству силы Своей, изменяет и естество зверей и влагает в них кротость овечью, не отнимая у них природной

лютости, но, оставляя при той же природе, заставляет проявлять свойства овец. И это можно видеть не на одних только зверях, но даже и на стихиях. Когда Он хочет, то и самые стихии забывают свойственную им силу и огонь не обнаруживает свойств огня. Всякий может убедиться в этом из примера трех отроков и Даниила. Даниил, окруженный львами, не потерпел никакого вреда, находясь как бы среди овец, потому что вышняя сила удерживала свирепость первых. А что они действительно остались зверями, не проявляя только своих зверских свойств, это на самом деле узнали те, которые были свирепее бессловесных зверей.

5. И это было для большего обличения последних, потому что они, будучи почтены разумом, превзошли, однако, жестокостью и неразумных зверей. И они узнали на деле, что по действию промысла Божьего и лютые звери убоялись праведника и не дерзнули коснуться тела его; а сами они хотели поступить с ним хуже, чем звери. А чтобы они не сочли такого явления только каким-либо призраком, пример в след затем брошенных в ров уверил их, что только в отношении к праведнику они обнаружили кротость овец и забыли свою природу; а над брошенными после того показали свойства лютости. Подобное же произошло и в печи огненной. Стихия эта устрашилась тех, которые были в печи, среди огня, и не оказала над ними обыкновенных действий огня: сила ее, будучи как бы связана, невредимыми сохранила тела этих отроков, не коснулась даже волос их, как будто чье-либо повеление воспрепятствовало стихии обнаружить свойственное действие, а между тем находившихся вне печи она истребила, в том и другом проявляя величие силы Божьей: как в том, что бывшие внутри печи остались невредимыми, так и в том, что находившиеся вне ее погибли. Так, когда мы пользуемся благоволением свыше, то не только избавляемся от наветов людей, враждующих против нас, но если подвергнемся нападению и самых зверей, и тогда не потерпим никакого вреда, потому что рука Божья могущественнее всего, она отовсюду ограждает нашу безопасность и делает нас необоримыми. Так случилось и с Иаковом. Тот, кто с таким раздражением хотел настигнуть праведника и наказать его за побег, не только не говорит ему ничего грубого и неприятного, но, как отец в беседе с сыном, кротко обращает речь к нему и говорит: "**что ты сделал: зачем ты убежал тайно?**" (Быт.31:26)? Смотри, какая перемена! Смотри, как тот, который неистовствовал подобно зверю, подражает теперь кротости овец! **зачем ты убежал тайно? Для чего ты обманул меня, и увел дочерей моих, как плененных оружием?**" Зачем, говорит, ты это сделал? Что тебе это вздумалось? Для чего так скрытно устроил свой уход? "**Сказал бы мне, и я отпустил бы тебя**" со многой честью и "**с весельем**" (Быт.31:27). Если бы я знал об этом, говорит, я проводил бы тебя "**с песнями, с тимпаном и с гуслями; ты не позволил мне даже поцеловать дочерей моих; безрассудно ты сделал**" (Быт.31:27-28). Посмотри, как он сам себя обличает и собственными устами сознается, что он приготовлялся худо поступить с праведником; но промысел Божий воспрепятствовал его намерению: "**Есть в руке моей**", говорит, "**сила сделать вам зло; но Бог отца вашего вчера говорил ко мне и сказал: берегись, не говори Иакову ни хорошего ни худого**" (Быт.31:29). Представь себе, каким утешением слова эти были для праведника, и посмотри, как Лаван открыл ему и свои намерения, и цель, с какой хотел его настигнуть, и то, что страх Божий удержал его от исполнения своих злых намерений: "**Бог отца твоего**", говорит. Видишь, что и сам Лаван приобрел отсюда не малую пользу, получив из того, что сказано было ему (Богом), величайшее свидетельство о Божьем всемогуществе. Но так как и ты, продолжает он, этого захотел, и Бог являет столь великое о тебе попечение: "**Но пусть бы ты ушел, потому что ты нетерпеливо захотел быть в доме отца твоего**": то "**зачем ты украл богов моих?**" (Быт.31:30)? Пусть так, говорит; тебе это вздумалось, ты решился возвратиться в дом отца твоего: но зачем же украл богов моих? О, крайнее бессмыслие! Таковы-то твои боги, что их и украсть можно? Не стыдно тебе говорит: "**зачем ты украл богов моих**"! Посмотри, какое крайнее было заблуждение, что люди, украшенные разумом,

покланялись деревам и камням. Так боги твои, Лаван, не в силах были защитить себя и тогда, как их захотели украсть! Да и как могли это, когда были сделаны из камня? А Бог праведника удержал твою ярость, даже без его ведома. И ты не думаешь о том, как велико твое ослепление? а еще обвиняешь праведника в похищении! Да для чего праведник решился бы похитить твоих богов, которых он гнушался, даже более, у которых он знал, что они – камни бесчувственные? Но Иаков, выслушав слова Лавана с великой кротостью, сперва оправдывается в высказанных против него обвинениях, а потом предлагает сделать розыск о богах. "**Сказал: ибо**", говорит он, "**я думал, не отнял бы ты у меня дочерей своих**" (Быт.31:31). Поскольку я видел, что ты ко мне не хорошо расположен, то я стал беспокоиться, чтобы ты не вздумал отнять у меня своих дочерей и все, что у меня есть, – лишить меня моей собственности, как ты уже делал. Эта причина и страх побудили меня тайно уйти от тебя. Но "**у кого найдешь богов твоих, тот не будет жив при родственниках наших**" (Быт.31:32). Видишь, что Иаков не знал о похищении, сделанном Рахилью, смотри, какое строгое наказание определяет он сделавшему кражу: "**у кого найдешь**", говорит он, **богов твоих, тот не будет жив при родственниках наших**". Не за то только, говорит, что украл, но и зато, что таким похищением он дает явное доказательство собственного заблуждения. "**Узнавай, что у меня, и возьми себе**" (Быт.31:32). Обыщи, то есть, действительно ли похитил я что-нибудь не принадлежащее мне. Ты не можешь обвинить меня ни в чем, кроме того, что я скрытно ушел от тебя, и на это я решился не по своей воле, а, предвидя обиду, и боясь, чтобы ты, узнав об этом, не вздумал отнять у меня своих дочерей и все другое, что я имею. "**И не нашел**", сказано, "**у него ничего**: **Иаков не знал, что Рахиль украла их. И ходил Лаван в шатер Лии, но не нашел, вошел в шатер Рахили. Рахиль же взяла идолов, и положила их под верблюжье седло и села на них. Она же сказала отцу своему: да не прогневается господин мой, не могу встать перед тобой, ибо у меня обыкновенное женское. И обыскал Лаван весь шатер, и не нашел богов**" (Быт.31:32-35).

6. Много было ума у Рахили, что успела она перехитрить Лавана. Пусть слышат люди, доселе еще преданные заблуждению и дорожащие идолослужением: "**положила их**", сказано, "**под верблюжье седло и села на них**". Что смешнее этого? Люди, разумом украшенные, удостоенные столь великих преимуществ от человеколюбия Божьего, хотят чтить бесчувственные камни, и не скрываются, не подумают, как это нелепо, но, как животные, руководятся только привычкой. Поэтому и Павел пишет так: "**знаете, что когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам, так, как бы вели вас**" (1Кор.12:2). И хорошо сказал он: "**безгласным**". А вы, говорит он, имеющие голос, наделенные слухом и словом, вы, как бессловесные, стремитесь к тому, что не имеет никакого чувства. И какое снисхождение может быть оказано таким людям! Но посмотрим, что говорит праведник, ободренный признанием Лавана, равно и тем, что Лаван не нашел никакой благовидной причины к порицанию его. "**Иаков рассердился**", сказано, "**и вступил в спор с Лаваном, и сказал**". Заметь, как и в самом споре обнаруживает добродетель своей души: "**какая**", говорит он, "**вина моя, какой грех мой, что ты преследуешь меня**" (Быт.31:36)? Из-за чего, то есть, ты с такой стремительностью погнался за мною? В какой несправедливости можешь меня обвинить? В каком проступке? Мало того, ты нанес нам еще и ту обиду, что обыскал все имение мое! "**Ты осмотрел у меня все вещи, что нашел ты из всех вещей твоего дома? покажи здесь перед родственниками моими и перед родственниками твоими; пусть они рассудят между нами обоими**" (Быт.31:37). То есть, сделав такой обыск, мог ли ты найти что-нибудь, не принадлежащее мне, или что-либо твое? Если нашел, вынеси на середину; и пусть все, находящиеся при мне и прибывшие с тобой, рассудят между нами. Так как он видел, что ни в чем не виновен, то с большим дерзновением он напоминает преданность, с какой служил ему во все время, и говорит: "**вот, двадцать лет**" (Быт.31:38). После трудов стольких лет, заслуживаю ли я такую обиду? "**Вот, двадцать лет**". До настоящего

времени я полных двадцать лет жил в твоем доме. "**Овцы твои и козы твои не выкидывали; овнов стада твоего я не ел. Растерзанного зверем я не приносил к тебе, это был мой убыток ты с меня взыскивал, днем ли что пропадало, ночью ли пропадало; я томился днем от жара, а ночью от стужи, и сон мой убегал от глаз моих**" (Быт.31:38-40). Или ты забыл труды мои, какие понес я во время выпаса овец и коз твоих? Можешь ли обвинить меня даже в том, что когда-нибудь овцы или козы твои были бесплодны? Смотри, как он указывает на благоволение Божье, бывшее к дому Лавана вследствие его пребывания в нем; это тоже, что он и прежде говорил: "**благословил тебя Господь с приходом моим**" (Быт.30:30), так как никто не может требовать этого от пастуха и не от присмотра пастушеского это зависит, а есть дело природы. Поэтому Иаков, прежде всего на это указывает Лавану, давая ему понять, что о его стадах было особенное промышление свыше. "**Овнов стада твоего я не ел**". Можешь ли ты сказать, чтобы я когда-нибудь съел барана из твоих овец, как это обыкновенно делают многие пастухи? "**Растерзанного зверем я не приносил к тебе**". Ни сам я, то есть, никогда не съел, ни зверь не мог у меня когда-либо похитить. Приносил ли я тебе когда-нибудь растерзанное зверем? А не каждый ли день ты видишь, как другие, пасущие стада, приносят хозяевам растерзанное? Но меня ты ни в чем таком не можешь обвинить, или указать на подобный случай со мной в продолжение двадцати лет. Да и что говорить о растерзанном зверями? Если когда и была пропажа, какая всегда может случиться, я не доводил ее до сведения твоего, а от себя вознаграждал украденное, было ли то днем или ночью. И постоянно с терпением переносил я и знойный жар, и ночной холод, только бы сберечь в целости стада твои. Мало того: и сон даже бежал от меня вследствие большой заботы.

Видишь ли неусыпность пастыря? Видишь ли напряженное старание? Какое оправдание могут иметь те, которым вверены паствы словесные и которые оказывают нерадение и каждодневно, по слову пророка (Иезек.34:3-4), одних овец закалают, а других оставляют без всякого попечения, хотя и видят, что их то пожирают звери, то похищают чужие люди, хотя здесь труда меньше и забота легче, так как (здесь) руководствуется душа, а там много труда и для тела и для души.

7. Послушай, что говорит: "**я томился днем от жара, а ночью от стужи, и сон мой убегал от глаз моих**". А может ли кто ныне сказать, что для спасения своих пасомых он подверг себя опасностям и бедствиям? Из нынешних (пастырей) никто не может отважиться на то, чтобы сказать это. Один только Павел, учитель вселенной, мог с дерзновением говорить это, и даже больше этого. Но где же, скажет кто-нибудь, потерпел Павел такие труды? Послушай, что он говорит: "**кто изнемогает**", и "**я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?**" (2Кор.11:29). Вот пастырская любовь! Падения других, говорит он, усиливают мои собственные страдания; соблазны других усиливают мою скорбь. Ему должны поревновать все, которым вверено водительство словесных овец; и пусть они не будут хуже того, который показал такую неусыпную заботливость о бессловесных и притом в течение стольких лет! Там, если бы и была небрежность какая-либо, – не было бы беды; а здесь, если и одна словесная овца погибает, или будет похищена зверем, – большая потеря, величайший вред, не изобразимое наказание! Если Господь наш не отрекся пролить за нее собственную кровь, то будет ли заслуживать какого-нибудь снисхождения нерадеющий о том, который так почтен от самого Господа, и не исполняющий своего долга в попечении об овце? Но возвратимся к продолжению (библейского) повествования. "**Таковы мои двадцать лет**", говорит Иаков, "**в доме твоем. Я служил тебе четырнадцать лет за двух дочерей твоих и шесть лет за скот твой, а ты десять раз переменял награду мою**. **Если бы не был со мной Бог отца моего, Бог Авраама и страх Исаака ты бы теперь отпустил меня ни с чем. Бог увидел бедствие мое и труд рук моих и вступился за меня вчера**" (Быт.31:41-

42). Смотри, как ободрило праведника признание Лавана, и с какой смелостью он продолжает свое обличение! Ты знаешь, говорит он, что я служил тебе в продолжение двадцати лет, – четырнадцать лет за дочерей твоих, а в остальные пас твоих овец; однако, ты хотел лишить меня награды; и все-таки я не жаловался на это. А из того, что ты сам сказал, я вижу, что если бы Бога Авраама и Исаака не был мне помощником, теперь ты отпустил бы меня совершенно ни с чем; ты отнял бы у меня все и привел бы в исполнение обиду, какую предположил сделать. Но Бог, видевший "**бедствие мое и труд рук моих**"... Что это значит: "**бедствие мое и труд рук моих**"? Значит: так, как Богу известно, с каким великим усердием исполнял у тебя службу и какие труды переносил я, пася овец твоих, в заботах проводя день и ночь, то, призирая на это, Он, как Господь человеколюбивый, вчера обличил тебя, отвратил от меня несправедливые и неразумные покушения с твоей стороны. Своим оправданием Иаков достаточно подействовал на Лавана, обличая несправедливость к нему и исчисляя свои благодеяния, ему оказанные; поэтому тот, пристыженный его словами, уже впадает в страх и желает заключить союз с праведником. Вот что значит попечение Божье! Тот, кто сам так устроил и с такой горячностью преследовал праведника, впадает в такую боязнь, что ищет у него союза. "**И отвечал Лаван и сказал Иакову: дочери – мои дочери; дети – мои дети; скот – мой скот, и все, что ты видишь, это мое: могу ли я что сделать теперь с дочерями моими и с детьми их, которые рождены ими?**" (Быт.31:43)? Я знаю, говорит, что и дочери это мои, и все, что у тебя есть, "**перешло**" к тебе от моего достояния: что же я могу сделать им или их детям? "**Теперь заключим союз я и ты, и это будет свидетельством между мной и тобой**" (Быт.31:44). Заключим, говорит, договор, и он "**будет свидетельством между мной и тобой**", – то есть, будет служить уликой, доказательством. "**И сказал ему**": если кто решится нарушить постановленное нами теперь, то "**хотя нет человека между нами**, **но Бог свидетель между мной и тобой**".

8. Замечай, как мало-помалу Лаван приводится и к богопознанию. Тот, кто недавно обвинял праведника в похищении своих богов и делал из-за них такой обыск, теперь говорит ему: так как нет с нами никого, кто мог бы, в случае нужды, засвидетельствовать настоящий наш договор, то "**Бог свидетель между мной и тобой**": Он присутствует здесь, Он – всевидящий, от Которого ничто не может скрыться, Он, ведущий намерение каждого. "**Взял**", говорит, "**Иаков камень и поставил его памятником**, **и сделали холм, и ели там на холме**". Затем "**сказал Лаван Иакову: вот холм сей и вот памятник, который я поставил между мной и тобой**" (Быт.31:45-46). Что значит: "**холм сей**"? Значит: слова, сказанные здесь, на этом холме, да будут для нас всегда памятны. "**И назвал**" Иаков место: **Галаад (холм свидетельства)**" (Быт.31:47); потом говорит: "**да надзирает Бог надо мной и над тобой**" (Быт.31:49). Смотри, как Лаван опять призывает суд Божий. Он говорит: "**да надзирает Бог надо мной и над тобой, когда мы скроемся друг от друга**", – теперь, говорит, мы разойдемся; ты отправляйся в свою землю, а я возвращусь в дом свой. "**Если ты будешь худо поступать с дочерями моими, или если возьмешь жен сверх дочерей моих, то, хотя нет человека между нами, но смотри Бог свидетель**" (Быт.31:50). Заметь, как и раз, и два, и много раз Лаван призывает Бога в свидетели. Промышление Божье об Иакове вразумило Лавана относительно того, как велика сила Господа и как не возможно укрыться от недремлющего Ока. Поэтому он и говорит: хотя мы и разойдемся, хотя и нет никакого другого свидетеля, но свидетелем будет Сам вездесущий; таким образом, он каждым словом выражает то, что есть Господь вселенной. "**И сказал Лаван "памятник**" сей свидетельствует (Быт.31:51). Потом опять говорит Лаван: "**ни я не перейду к тебе за этот холм, ни ты не перейдешь ко мне за этот холм и за этот памятник, для зла; Бог Авраамов и Бог Нахоров да судит между нами**" (Быт.31:52-53). Заметь, как после отца он присоединил и имя деда, который был брат патриарха, а его дед. **Бог Авраамов и Бог Нахоров да судит между нами. Иаков поклялся страхом отца своего Исаака. И заколол Иаков жертву на горе и позвал**

родственников своих есть хлеб; и они ели хлеб и ночевали на горе" (Быт.31:53-54). "**Заколол жертву на горе**", – то есть, возблагодарил Бога за то, что совершилось. "**И они ели хлеб и ночевали на горе. И встал Лаван рано утром и поцеловал внуков своих и дочерей своих, и благословил их. И пошел и возвратился Лаван в свое место**" (Быт.31:55). Видишь, возлюбленный, как велика премудрость Божья, как в одном и том же деле Господь показал и об Иакове промышление Свое, и Лавана удержал от несправедливости к праведнику, и тем самым, через что внушил ему не говорить Иакову худого, привел мало-помалу на путь богопознания, и тот, кто набежал, как зверь, намереваясь схватить и растерзать, возвратился домой, принесши оправдание и облобызав дочерей своих и детей их. Может быть, мы продлили свое слово уже слишком долго; но нас поставил в эту необходимость порядок самого повествования.

Итак, оканчивая здесь слово, просим любовь вашу так делать и располагать все дела свои, чтобы удостоиться благоволения свыше. Если будет благоволить к нам Бог, – тогда все будет для нас удобно и легко, и ничто не сможет опечалить нас в настоящей жизни, хотя бы и казалось что-нибудь прискорбным. Таков преизбыток Его могущества, что Он, когда благоволит, обращает и самые печали в радости. Так и Павел, среди скорбей, радовался и веселился, окрыляемый ожиданием уготованных ему наград. Потому и пророк сказал: "**в тесноте Ты давал мне простор**" (Пс.4:2), вразумляя нас, что Бог, и в самых бедствиях даровал ему наслаждаться безопасностью и спокойствием. Такого имея Владыку, столь могущественного, столь благопромыслительного и премудрого, столь человеколюбивого, приложим свое усердие и будем иметь великое попечение о добродетели, чтобы получить и настоящие и будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, и Святому Духу, слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 58

"А Иаков пошел путем своим: И встретили его Ангелы Божьи. Иаков, увидев их, сказал: это ополчение Божье. И нарек имя месту тому: Маханаим (Полки)" (Быт.32:1-2).

1. Знаю, что вчера продлившаяся долго беседа наша утомила вас. Но будьте добры; труд ваш не напрасный; он совершается ради Господа, который и кратковременный труд удостаивает великих наград. Если тело и утомилось, то тем более укрепилась душа. Я и сам хотел было сократить поучение; но, видя сильное ваше желание и возбужденную ревность, не решился прекратить слово прежде окончания (начатого повествования), зная, что этим я доставлю вам большее удовольствие. Продолжительная беседа с особенной ясностью показала великое ваше усердие и ненасытимую жажду слушать. Поэтому и я сам, замечая ежедневно возрастающую вашу ревность, с большей готовностью приступаю к произнесению вам поучения. Итак, и сегодня, продолжив по мере сил то, что следует после сказанного вчера, предложим любви вашей обычную трапезу, и посмотрим, как праведник (Иаков) по удалении Лавана предпринимает путешествие. Из того, что изложено в божественном Писании, ничего не сказано напрасно, но все, что совершается праведниками, имеет величайшую для нас пользу. Так как Господь всяческих непрестанно сопутствовал им и облегчал для них труды странствия, то и из одного простого описания путешествия их можно извлечь великую пользу. Когда Лаван, сказано, отправился в дом свой, "**а Иаков пошел путем своим, и увидел ополчение Божье: и встретили его Ангелы Божьи**. Поелику прекратился и уже миновал страх его перед Лаваном, а место его заступил страх перед братом, то человеколюбец Господь, желая ободрить праведника и рассеять всю его боязнь, даровал ему узреть полк ангелов. "**Встретили его**", сказано, "**Ангелы Божьи**" и "**сказал: это ополчение Божье. И нарек имя месту тому: Маханаим**" (Быт.32:2), чтобы это наименование служило постоянным напоминанием о

бывшем ему там видении. После же видения, "**послал**", сказано, "**перед собой вестников к брату своему Исаву, и приказал им сказав: так скажите господину моему Исаву**" (Быт.32:3-4). Посмотри, какой был страх у праведника и после видения. Он страшился раздражения брата, беспокоился о том, не возбудит ли (брата) память о прежних его поступках к нападению на него. "**Скажите**", говорит, "**господину моему Исаву: вот что говорит раб твой Иаков: я жил у Лавана и прожил доныне; и есть у меня волы и ослы и мелкий скот, и рабы и рабыни; и я послал известить о себе господина моего, дабы приобрести благоволение перед очами твоими**" (Быт.32:4-5). Смотри, как он боялся брата, и потому, желая расположить его к себе, предварительно посылает к нему с известием о своем возвращении, и о бывшем у него имуществе, и о том, где он провел все прошедшее время, чтобы, таким образом, смягчить гнев его и сделать его кротким. Это и произошло, потому что Бог умирил его сердце, угасил гнев его и внушил ему кротость. Если Лавана привели в такой страх слова, сказанные ему (Богом), Лавана, который так стремительно преследовал Иакова, то тем более нужно было расположить брата к кротости в отношении к праведнику. "**И возвратились вестники и сказали: мы ходили к брату твоему Исаву; он идет навстречу тебе, и с ним четыреста человек**" (Быт.32:6). Вот и это самое еще увеличивало страх праведника. Ведь он не знал в точности намерения брата, и, узнав о множестве людей, находившихся с ним, испугался, подозревая, не к войне ли с ним приготовившись, он хочет сделать такую встречу. "**Иаков очень испугался и смутился**" (Быт.32:7). Страх возмущал его душу; он не знал, что делать и был в большом затруднении. Поэтому, как объятый совершенно страхом и видя перед глазами смерть, он разделяет "**бывших с ним, и скот мелкий и крупный и верблюдов на два стана. И сказал: если Исав нападет на один стан и побьет его, то остальной стан может спастись** (Быт.32:7-8). Вот что внушил ему страх и сильное опасение. Видя себя как бы впавшим в сети, он прибегает к непреоборимому Господу и просит Бога всяческих об исполнении данных ему обетований, как бы так говоря: ныне настало время, когда, и ради добродетелей предков и данного Тобой обетования, да буду удостоен получить всю (Твою) помощь. "**И сказал, Иаков: Боже отца моего Авраама и Боже отца моего Исаака**", Ты, говорит, "**Господи, сказавший мне: возвратись в землю твою, на родину твою**" (Быт.32:9). Ты, говорит, вызвавший меня из страны чужой, и повелевший мне возвратиться к отцу своему, в землю рождения моего: "**недостоин я всех милостей и всех благодеяний, которые Ты сотворил рабу Твоему**" (Быт.32:10). Яви, говорит, помощь, соответствующую настоящему времени; оказывавший доныне мне столь великое попечение, Ты силен и теперь исторгнуть меня из угрожающих мне опасностей. Я помню, что "**ибо я с посохом моим перешел этот Иордан, а теперь**", по Твоему о мне промышлению, я, некогда имевший один жезл, при отправлении в страну чужую, "**ныне**" я пришел "**с двумя станами**" (Быт.32:10). Итак, Ты, Господи, даровавший мне такое благопоспешение, столько умноживший достояние мое, "**избавь меня от руки брата моего, от руки Исава: ибо я боюсь его, чтобы он, придя, не убил меня и матери с детьми. Ты сказал: Я буду благотворить тебе и сделаю потомство твое, как песок морской, которого не исчислить от множества**" (Быт.32:11-12).

2. Заметь боголюбивое чувство и глубокую признательность праведника в том, как он ничего другого не просит у Господа, кроме исполнения собственных Его обетований. Воздавая Богу благодарение за прежние Его милости, и исповедуя, что Он из наготы и нищеты привел его в такое благосостояние, ныне молит (Бога) избавить его от опасности. "**Ты сказал**", говорит, "**сделаю потомство твое, как песок морской, которого не исчислить**". Обращаясь к Господу с таким прошением и, вознося к Нему такое моление, употребляет и со своей стороны нужные меры. "**И взял**", сказано, "**из того, что у него было, в подарок Исаву, брату своему**", разделив посылаемое и дав наставление о том, как и самыми словами расположить брата и известить его о своем прибытии. "**Скажите**", говорит, "**вот, и раб твой Иаков за нами**" (Быт.32:20), чтобы, то есть, сперва

расположить к себе (брата), а потом уже лично встретиться с ним. "**Потом**", говорит, "**увижу лицо его; может быть, и примет меня. И пошли дары перед ним**" (Быт. 32:20-21). Здесь опять примечай неизреченное человеколюбие Божье и то, как, всегда сообразно с обстоятельствами, Он являет Свое промышление. Так относительно Лавана, когда праведник еще ничего и не подозревал, и не знал, что Лаван, в отмщение праведнику за тайное его удаление, намеревается с яростью напасть на него, – тогда Бог, явившись Лавану, обуздывает порыв гнева его, и повелевает ему ничем, даже словом, не оскорблять Иакова. **Берегись**, говорит, **не говори Иакову ни доброго, ни худого**; и это сделал известным праведнику через того самого (Лавана), чтобы, узнав столь великое о себе промышление, имел тем более бодрости духа. А теперь, когда брат успокоился вследствие продолжительности времени и перестал питать гнев и негодование Иакова, а между тем этот беспокоился, страшась и трепеща встречи с братом, – благой Господь уже не дает особенных повелений Исаву, потому что Он не имел никаких умыслов против брата, а только утешает праведника. После того, как отправил посланных с дарами, он, переспав и восстав, сказано, в ту ночь, перевел обеих жен и детей бродом через Иавок. "**И остался Иаков один. И боролся Некто**" (Быт.32:21-24). Велико человеколюбие Господне! Так как намеревался идти на встречу брату, то дабы он самым делом удостоверился, что не подвергнется никакой неприятности, (Господь) в образе человека вступает в борьбу с праведником, затем, видя себя побеждаемым, крепко взял, сказано, "**за состав бедра**" (Быт.32:25). А все это делалось по снисхождению, чтобы изгнать из души праведника страх и побудить его идти навстречу брату без всякого опасения. Когда Он крепко взял, сказано, за "**состав бедра, повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним**". Потом, чтобы праведник узнал силу Того, Кто видимо боролся с ним, Тот говорит ему: "**отпусти Меня, ибо взошла заря**" (Быт.32:26). Праведник, чувствуя величие силы изрекшего эти слова, говорит Ему: "**не отпущу Тебя, пока не благословишь меня**" (Быт. 32:26). Великого, говорит, удостоился я, и превышающего мое достоинство: поэтому не отпущу Тебя, пока не получу Твоего благословения. Потом спрашивает: "**как**" твое "**имя**" (Быт.32:27)? Заметь опять снисхождение. Неужели Он не знал имени праведника, если бы не спросил его? Конечно, знал; но через такой вопрос хотел только утвердить его в вере и показать, кто беседует с ним. Когда же (праведник) отвечал: Иаков, то (явившийся) сказал: "**отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь**" (Быт.32:28). Видишь, как (явившийся) показал всецело причину, по которой он оказал праведнику такое снисхождение; вместе с этим Он научает праведника, через приложение ему имени, и тому, кто – Тот, Кого он видел перед собой и удостоился осязать. "**Отныне не**", говорит, "**Иаков имя тебе, а Израиль**"; слово же: "**Израиль**" значит: видящий Бога. Поелику ты удостоился видеть Бога, сколько возможно видеть человеку, то поэтому Я приложил тебе это наименование, чтобы все последующие роды знали, какого великого удостоился ты видения; и присовокупил: "**ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь**". Итак, ничего не бойся, и не ожидай никакого вреда себе от кого бы то ни было: получив силу такую, что и с Богом мог бороться, ты тем более будешь одолевать людей и сделаешься непобедимым.

3. Слыша это и пораженный величием Того, Кто беседовал с ним, праведник сказал: "**скажи имя Твое. И Он сказал: на что ты спрашиваешь о имени Моем? И благословил его**" (Быт.32:29). Держись, говорит, в назначенных тебе пределах и не преступай меры. Ты хочешь получить от Меня благословение? Вот Я даю тебе благословение. "**И благословил его там. И нарек Иаков имя месту тому: Пенуэл; ибо, говорил он, я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя**" (Быт.32:31-30). Видишь, какое дерзновение получил он от бывшего (ему) видения. "**Сохранилась**", говорит, "**душа моя**", почти как бы умиравшая от страха. Поелику удостоился видеть Бога лицом к лицу, то "**сохранилась душа моя. И взошло солнце, когда он проходил Пенуэл**" (Быт.32:31). Видишь ли, как Господь, снисходя к немощи человеческой, все

творит и устраивает так, чтобы явить свое человеколюбие? И не дивись, возлюбленный, величию такого снисхождения: вспомни, что и праведному патриарху, когда он сидел у дуба, (Бог) явился в человеческом образе, в виде странника, с ангелами, предвозвещая нам изначала, что некогда Он действительно примет образ человека и через то, освободив от власти дьявола все человеческое естество, приведет его к спасению.

Но тогда [т.е. во времена патриархальные], поелику было время начинания и предуготовления, Он являлся каждому (из праотцов) в видимом образе, и как Сам говорит через пророка: "**Я умножал видения, и через пророков употреблял притчи**" (Осия.12:10). А когда благоволил Он принять облик раба и сделаться нашим начатком, то облекся в плоть не в видении, не в образе, но по истине. Для того Он восхотел перейти через все наши состояния, – и родиться от жены, и быть младенцем, и обвиваться пеленами, и питаться молоком, и все прочее испытать, чтобы утвердить истину домостроительства и заградить уста еретиков. Для того Он и спит на корабле, и путешествует, и утомляется, и терпит все человеческое, чтобы самым делом всех удостоверить (в своем вочеловечении). Для того Он предстоит суду, и распинается на кресте, и подвергается самой позорной смерти, и полагается в гроб, чтобы дело домостроительства было явно для всех. А если Он не по истине принял нашу плоть, то и распят не был, и не умер, и не был погребен, и не воскрес; если же не воскрес, то все учение о домостроительстве ниспровергается. Видишь ли, в какую нелепость впадают люди, не хотящие следовать учению божественного Писания, а все предоставляющие собственному разумению? Но как здесь очевидна действительность (воплощения), так праведнику тому [Иакову] (открыт) был только некоторый образ, через который надлежало его удостоверить в том, каким пользуется он промышлением свыше, и как будет он неодолим для всех, кто вздумает строить ему козни. А чтобы и от потомков не утаилось бывшее ему видение, "**хромал**", сказано, "**на бедро свое. Поэтому и доныне сыны Израилевы не едят жилы, которая на составе бедра, потому что Боровшийся коснулся жилы на составе бедра Иакова**" (Быт.32:31-32). Так как праведник, по исполнении времени своей жизни, должен был переселиться от сего мира, а Божье о нем попечение и столь великое снисхождение должно было сделаться известно всему роду человеческому, то поэтому и сказано: "**сыны Израилевы не едят жилы, которая на составе бедра, потому что Боровшийся коснулся жилы**". Зная крайнюю неблагодарность их (евреев), зная, как легко забывают они благодеяния Божьи, заботясь поэтому о том, чтобы они постоянно помнили оказанные им благодеяния, Он устроил так, чтобы они сохраняли память (о них) через такие установления (или – обычаи); это можно найти во всем Писании. Причиной большей части установлений служит особенно то намерение, чтобы последующие поколения непрестанно размышляли о Божьих благодеяниях и чтобы через забвение о них не возвращались снова к своим заблуждениям, что было очень обыкновенно в народе иудейском. Этот народ, так часто показывавший свою неблагодарность за самые благодеяния, тем скорее, без таких установлений, мог, выкинуть из своего ума все, что сделано для него Богом. Но посмотрим, однако, как происходила встреча Иакова с братом его. Так как он из совершившихся событий почерпнул довольно утешения и получил обетование, что будет силен и крепок с людьми, то, "**взглянув**", сказано, "**увидел, и вот, идет Исав, и с ним четыреста человек. И разделил детей Лии, Рахили и двух служанок. И поставил служанок и детей их впереди, Лию и детей ее за ними, а Рахиль и Иосифа позади. А сам пошел перед ними и поклонился до земли семь раз, подходя к брату своему**" (Быт.33:1-3). Смотри, как, сделав разделение, он сам, прежде всех идет на встречу. "**И поклонился до земли семь раз, подходя к брату**" своему, привлекая благосклонность к себе брата и видом и поклонением. Так и случилось; "**и побежал Исав",** сказано, "**к нему навстречу и обнял его, и пал на шею его: и целовал его, и плакали**" (Быт.33:4).

4. Посмотри, какое промышление Божье! Что я вчера говорил, и теперь то скажу: когда Владыка всяческих хочет явить Свое о нас попечение, то и неприязненных к нам людей делает кротчайшими овец. Заметь, какую перемену обнаруживает в себе Исав. "**Побежал**", сказано, "**навстречу и обнял его, и пал на шею его и целовал его, и плакали**". Наконец-то праведник свободно вздохнул, бросил свой страх, и, освободившись от опасений, сделался смелее. "**И взглянул Исав и увидел жен и детей и сказал: кто это у тебя?**" (Быт.33:5)? Видя многочисленность братнего семейства, он удивился и изумился, а потому и захотел спросить. Что же праведник? "**Это дети**", говорит, "**которых Бог даровал рабу твоему**" (Быт.32:5). Смотри, как велика была сила в его кротости, и как смирением в самых словах он смягчал гнев брата. "**И подошли служанки и дети их и поклонились: и Лия и Рахиль... для чего у тебя это множество, которое я встретил? И сказал Иаков: дабы приобрести благоволение в очах господина моего**" (Быт.33:7-8).

Обрати внимание на то, как силой смиренномудрия покорил он брата, и в том, кто, по его мнению, питал к нему враждебные чувства, нашел столько кротости, что тот со своей стороны готов был оказать ему всякую услугу. Он сказал: "**у меня много, брат мой; пусть будет твое у тебя**" (Быт.33:9). Однако же, Иаков не остановился на этом, но, желая показать, как много заботится о его расположения к себе, говорит: "**нет, если я приобрел благоволение в очах твоих, прими дар мой от руки моей: ибо я увидел лицо твое, как бы кто увидел лицо Божье**" (Быт.33:10). Прими, говорит, приносимые тебе от меня дары, потому что с такой радостью увидел я лицо твое, как если бы увидел кто лицо Божье. Праведник сказал это из особенного угождения, чтобы смягчить его и расположить к братской любви. "**И ты был благосклонен ко мне**", то есть, сделаешь угодное мне. "**Прими благословение мое, которое я принес тебе, потому что Бог даровал мне, и есть у меня все**" (Быт.33:11). Не откажись, говорит, принять это; все это даровано мне Богом; Он – податель всего, что имею. Через это Иаков незаметно давал ему понять, какого удостаивается он божественного промышления, и располагая его к тому, чтобы он оказывал ему большое уважение. "**И упросил его и тот взял**". Видишь, какая последовала перемена. "**И сказал Исав: поднимемся и пойдем**" (Быт.33:12), то есть, будем совершать путешествие вместе. Но (Иаков), нашедши, благовидный предлог, просит: "**господин мой**", говорит, "**знает, что дети нежны, а мелкий и крупный скот у меня дойный: если погнать его один день, то помрет весь скот**" (Быт.33:13); я не могу, говорит, спешить в путешествии; я принужден идти тихо и понемногу ради детей и стад, чтобы большим трудом не причинить им вреда. Итак, иди ты, говорит; а я, разделив на части труд детей и стад, настигну тебя в Сиире. Выслушав это, брат сказал: если хочешь, "**оставлю я с тобой несколько из людей, которые при мне**" (Быт.33:15), – показывая этим свое уважение и услужливость. Но (Иаков) и этого не принял. "**К чему это?**", говорит, "**только бы мне приобрести благоволение в очах господина моего**". Я об одном всего более заботился, чтобы приобрести твою благосклонность; когда я достиг этого, то ни в чем более не нуждаюсь. "**И двинулся**", сказано, "**в Сокхоф, и построил себе дом, и для скота своего сделал шалаши. От сего он нарек имя месту: Сокхоф (Кущи)**" (Быт.33:17).

5. Слыша это, будем подражать этому праведнику показывать такое же смиренномудрие. И если кто будет находиться в неприятных к нам отношениях, не станем еще более воспламенять его нерасположения, а кротостью и смирением в словах и делах будем умирять вражду и, таким образом, врачевать озлобленную душу. Смотри, какова была мудрость этого праведника, – как он сильным действием слов своих до того смягчил сердце Исава, что тот готов был оказывать ему услуги и исполнить все для чести его. И поистине то составляет величайшую добродетель, когда не тех только мы любим и не тем только всячески угождаем, которые искренно к нам расположены, но когда и людей, желающих вредить нам, к себе привлекаем ласковостью. Нет ничего могущественнее кротости. Как вылитая вода погашает сильно горящее пламя, так и слово, сказанное с

кротостью, утишает гнев, воспламененный сильнее огня в печи, – вследствие чего происходит двоякая для нас польза: этим и сами мы обнаруживаем в себе кротость, и, успокоив раздраженный дух брата, спасаем от потрясения его рассудок. Да и скажи, пожалуй: не порицаешь ли ты, не осуждаешь ли гневающегося, враждебно к тебе расположенного брата? Почему же не стараешься сам поступать иначе, а еще более раздражаешься? Ведь огня нельзя погасить огнем: это неестественно. Также и гнева, ни в каком случае невозможно укротить гневом. Что для огня – вода, то для гнева кротость и ласковость. Поэтому-то и Христос сказал ученикам: "**если вы будете любить любящих вас, какая вам награда**" (Мф.5:46)? И, желая убедить примером и подействовать на людей беспечных, присовокупил: "**не то же ли делают и мытари?**" То есть, и из беспечных кого ни возьми, не тоже ли они делают? Не тоже ли делают с усердием и самые мытари? Что хуже мытаря? Однако ты найдешь, что и у мытарей это совершенно исполняется; да и невозможно, чтобы и любимый не любил (любящего его). А я, желая, чтобы вы были выше и имели нечто большее, не это только внушаю вам, но хочу, чтобы вы любили и врагов. Так и этот блаженный (Иаков, живший) прежде закона, прежде всякого наставления от других, по внутреннему движению, чрезвычайной своей кротостью сперва победил Лавана, а теперь и брата. Если он пользовался и помощью свыше, то наперед, однако, показал и собственное усилие. Так и мы должны быть уверены, что, сколько бы ни усиливались, никогда и ничего не можем совершить, если не будем пользоваться содействием свыше. Но как, без высшей помощи, мы не в силах сделать ничего, как должно, так, с другой стороны, без приложения от себя собственных усилий, не можем удостоиться и вышней помощи. Поэтому будем и со своей стороны прилагать старание и приобретать вышнее попечение, чтобы и нашим старанием, и человеколюбием Божьим, добродетели наши со дня на день умножались, и мы приобретали, таким образом, благоволение свыше, чего да возможем достигнуть все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 59

"Иаков, возвратившись из Месопотамии, благополучно пришел в город Сихем, который в земле Ханаанской, и расположился перед городом. И купил часть поля у сынов Еммора, отца Сихемова, за сто монет. И поставил там жертвенник, и призвал имя Господа Бога Израилева" (Быт. 33:18-20)

1. Вчера видели вы и безмерное человеколюбие общего всех Господа, и любомудрие учеников, и неразумие иудеев; видели, с каким незлобием обуздал Он бесстыдную дерзость их, оправдывая своих учеников, и показал, что сами они, думая защитить закон, не знают и цели закона и, когда уже воссияла истина, хотят еще сидеть в тени; видели, как Он с самого начала старался уничтожить законные притязания [разумеется неразумная ревность иудеев о соблюдении субботы, омовений и т.п.], вразумляя иудеев, что, по явлении солнца правды, уже не может иметь силы сияние светильника, потому что блеск солнечного света закрывает его и делает ненужным [это указание св. Златоуста не относится к предыдущей беседе его на книгу Бытия, имеющей совсем иное содержание; потому надобно разуметь здесь особую беседу, отдельно им произнесенную; предметом этой беседы, не дошедшей до настоящего времени по замечанию издателей Патрологии Миня (Series gr. t. LIV, p. 513), служило, как можно думать, объяснение евангельского повествования об апостолах, срывавших колосья в субботний день и обвинявшихся фарисеями в нарушении закона (Мф. XII, Лук. VI)]. Вы понимаете, как можно всегда праздновать и быть свободным от наблюдения времен. Для того и пришел Господь наш, чтобы освободить нас от необходимости (соблюдать) известные времена и направить нас к высшим стремлениям, чтобы мы имели отечество на небе, будучи людьми, подражали

жизни ангелов и презирали все дела человеческие. Но теперь, если угодно, возвратимся к продолжению прежде прочитанного из слов блаженного Моисея, и из этого предложим вам трапезу. Помните, что мы остановили беседу на том, как Иаков, прибыв из Месопотамии и встретившись со своим братом, потом, отделившись от него, когда Исав направился в Сеир, поставил кущи на том месте, которое по этому случаю назвал Кущами. Обращаясь затем к дальнейшим событиям, мы должны, по мере сил наших, преподать вам духовное назидание. Достигнув, наконец, безопасности и освободившись от всякого беспокойства, "**пришел**", сказано, "**в город Сихем, и купил часть села у Еммора, отца Сихемля, за сто монет. И поставил там жертвенник, и призвал имя Бога Израилева**". Не пройдем без внимания того, что заключено в этом божественном Писании. Если люди, выкапывающие из земли частицы золота, переносят всякий труд и преодолевают всякие трудности, чтобы отделить золото от земли, тем более нужно нам углубляться в изречения Духа, и, извлекши из них пользу, выходить отсюда. Итак, прошу, размысли о любомудрии этого дивного мужа, как он, пользуясь столь великой помощью свыше и видя возрастание своего имущества, т. е. стад, имея такое число детей, не стал заниматься строением красивых зданий, покупкой полей и селений, которых было бы довольно для раздела детям. А за этим и тому подобным как гоняются наши современники! Иной, имея и одного сына, старается собрать тысячи талантов золота, покупает земли, строит великолепные здания. И пусть бы такое богатство собирал праведными трудами, без обиды для других. Но тяжело и особенно ужасно то, что присваивают себе чужое имущество, похищая у других, обманывая, заводя тяжбы. Если кто спросит, для чего эта безумная страсть к деньгам, то укажет тотчас на сына: все это делается, скажет, из попечения о нем. Но этот, хотя напрасно и тщетно, успокаивает свою совесть, по крайней мере, указанием на сына; а есть и такие, которые, не имея детей, неистово стремятся собирать деньги, и тысячи раз лучше согласились бы вытерпеть невыносимые бедствия, чем уделить хотя один обол нуждающемуся. Напротив, этот праведник (Иаков) не имел в виду ничего подобного и не думал о том. Даже когда нужно было ему приобрести небольшое поле, он купил часть поля у Еммора, отца Сихемова, за сто монет. И заметь благочестие этого мужа, и ради чего он старался приобрести поле. "**И поставил там**", сказано, "**жертвенник, и призвал имя Бога Израилева**". Часть поля купил он не для чего иного, а для того, чтобы вознести там благодарственные жертвы общему всех Господу. Этому праведнику, жившему прежде закона, должны бы подражать и живущие под благодатью, а не бесноваться так в собирании богатства. Для чего, скажи мне, ты и себе собираешь такое бремя терний, и своим детям, сам не замечая того, оставляешь и предмет, и повод ко всякому злу? Или не знаешь, что (Господь) больше, чем ты, печется о твоем сыне; а ты, думая иметь о нем наибольшее попечение, стараешься между тем устроить для него повод к тому, чтобы погубить его душу?

Или не знаешь, что юность и сама по себе слаба и удобопреклонна к злу; а когда получит еще большее богатство, то еще стремительнее увлекается ко всему худому? Как огонь, нашедши горючее вещество, производит сильнейшее пламя, так и юность, получив кучу денег, как удобовозгараемое вещество, возжигает такое пламя, что вся душа юноши воспламеняется. Такой юноша может ли думать о целомудрии, убегать невоздержания, предпринимать какие-либо подвиги добродетели, или что-либо другое духовное?

2. Не слышишь ли, что говорит Христос: "**забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно**" (Мф.13:22), – что и назвал Он тернием? Сказав, что одно семя пало в терние, и, изъясняя ученикам, что такое терние, Господь говорит: "**забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно**". И хорошо заботы века сего уподобил Он тернию: как терние не позволяет всходить семени, – но своей густотой заглушает посев, так и житейские заботы не позволяют приносить плод духовному семени, когда оно положено в душу, а, подобно

тернию, заглушают и истребляют его, не позволяя прозябать духовному сеянию. "**И обольщение богатства**", говорит: хорошо приписывает Он и богатству обольщение, потому что оно, в самом деле, обман. Что пользы в таком множестве талантов, в таком избытке денег? "Да приобретение их, говорят, доставляет много удовольствия!" Какое же удовольствие? Что говорит об удовольствии? Не производит ли это особенно безвременные скорби и разнообразные неприятности? Не говорю уже об угрожающем за это наказании; и в настоящей жизни это дело [т.е. любостяжание] не может доставить никакого удовольствия, а сопровождается ежедневными тревогами и неприятностями. Не так море воздымается волнами, как такая душа обуревается помыслами и страстями, и ко всем, своим и чужим, питает неприязнь. А если кто лишится хотя некоторой части своего богатства (а много бывает разных случаев, много коварства рабов и притеснения людей властных), вот тогда-то именно увидишь, что жизнь для них становится невыносимой. Каких же слез достойны такие люди, которые стараются все делать вопреки своей пользе и хотят собирать это к вреду своей души! Но, если угодно, оставим их и, возвратившись к повествованию о праведнике, посмотрим, что последовало далее. "**Поставил**", сказано, "**жертвенник**" на части поля, "**и призвал имя Бога Израилева**"; а затем он хотел устроить в Сихеме жилище. Но посмотри опять, как праведник и здесь выказал свою кротость. Что случилось? "**Дина, дочь Лии, которую она родила Иакову, вышла посмотреть на дочерей земли той. И увидел ее Сихем, сын Еммора Евеянина, князя земли той, и взял ее, и спал с ней, и сделал ей насилие. И прилепилась душа его к Дине, дочери Иакова, и он полюбил девицу и говорил по сердцу девицы**" (Быт.34:1-3). Видишь, какое зло юность, когда ее не обуздывает благочестивый ум? Лишь увидел, говорит, девицу и от одного взгляда весь объятый страстью любви, привел в исполнение свое вожделение. "**И говорил по сердцу девицы**". Что это значит? Так как девица была молода, то он говорил ей то, что могло увлечь и уловить ее. И говорит своему отцу: "**возьми мне эту девицу в жену**" (Быт.34:4). Иаков услышал о случившемся, и пока с кротостью переносил это, ожидая прихода братьев Дины, которые пасли стада. "**Молчал**", сказано, Иаков, "**пока не пришли они**" (Быт.34:5). Когда же пришел Емор к Иакову, – пришли и братья Дины, и, услышав о случившемся с сестрой их, "**огорчились**" (Быт.34:7). Что значит: "**огорчились**"? Были опечалены, им казалось это нестерпимым, совершенно непереносимым, и было причиной их скорби. **Огорчились мужи те и воспылали гневом, потому что бесчестие сделал он Израилю (Сихем), переспав с дочерью Иакова**" (Быт.34:7). Видишь целомудрие детей (Иакова)? Они считали это дело величайшим оскорблением. Видишь, как праведник воспитывал своих детей для добродетели; а сын Емора, исполнив свое вожделение, стал причиной гибели своего отца и всего города? Но, прежде выслушаем, что говорит им Емор; а потом вы узнаете о хитрости братьев Дины, как они старались отомстить за бесчестие сестры своей. "**Еммор стал говорить им, и сказал: Сихем, сын мой, прилепился душой к дочери вашей**" (Быт.34:8). Заметь, как он сам уже предвещает ожидающую его погибель. "**Прилепился душой**", говорит он, то есть, отдал душу свою за дочь вашу. Он говорил так, выражая любовь сына своего к девице; но вскоре убедился, что эта любовь будет причиной гибели и его самого и всех живших там. Так как Сихем пламенеет любовью к девице, то "**дайте же ее**", говорит, "**в жену ему; породнитесь с нами; отдавайте за нас дочерей ваших, а наших дочерей берите себе. И живите с нами; земля сия перед вами, живите и промышляйте на ней и приобретайте ее во владение**" (Быт.34:9-10). Смотри, какую благосклонность отец, по любви к сыну, оказывает пришельцам, как старается привлечь их к себе, отдавая во власть их свою землю. Так поступал отец. А сын, видя такую заботливость о себе отца, видя, что он все готов сделать, чтобы исполнить желание сына, присоединяет нечто и от себя, и говорит Иакову и братьям девицы: "**только бы мне найти благоволение в очах ваших, я дам, что ни скажете мне; назначьте самое большое вено, я дам, что ни скажете мне, только отдайте мне девицу в жену**

(Быт.34:11-12). Видишь ли, как и отец, по заботливости о сыне, употребляет усильные убеждения, и юноша с готовностью решается на все, чтобы только получить отроковицу?

3. Эта-то пагубная страсть побуждает человека, порабощенного ею, решаться на все, пока низведет его до дна адова. И заметь: старец Иаков, слыша это [т.е. вышеприведенные слова Емора и Сихема], молчит, по своей обычной кротости ничего не говорит и терпеливо переносит сделанное его дочери насилие. Но сыны Иакова отвечали Сихему и Емору, отцу его, "**с лукавством**", как сказано в Писании, "**говорили так потому, что он обесчестил сестру их**" (Быт.34:13). Смотри, как через невоздержание одного подвергаются бедам все жители того города. Как в то время, когда пылает пламя, подвергаются и находящиеся вблизи опасности, потому что огонь все пожирает, – так и теперь невоздержание юности губит не только отца, но и всех жителей города. Что же дети Иакова? Они отвечают с хитростью. Это стоит внимания; вы увидите, как болезновали они о сестре. "**Сказали им**", сказано, "**Симеон и Левий, братия Динины, сыновья Лии: не можем этого сделать, выдать сестру нашу за человека, который не обрезан**". Итак, если обрежете крайнюю плоть вашу, "**и будем отдавать за вас дочерей наших и брать за себя ваших дочерей и составим один народ**" (Быт.34:14-16). Такое предложение было благовидно и сообразно, но оно было сделано "**с лукавством**", как говорит Писание; и если не хотите, сказано, этого сделать, "**возьмем дочь нашу, и удалимся**" (Быт.34:17). Это предлагали Симеон и Левий, замышляя убить всех жителей того места. А те, имея в виду предмет своего домогательства, желая получить девицу, приняли сказанное и согласились на это предложение, "**и понравились слова**" им, "**не умедлил исполнить это, потому что любил дочь Иакова**" (Быт.34:18-19), то есть, он весь отдался страсти к девице. Пришедши к воротам (своего города), он и отец стали говорить жителям его и советовать им всем принять обрезание по предложению сынов Иакова, и принять их к себе в сожительство (Быт.34:20). Жители немедленно исполнили слова Емора и Сихема, и все вдруг положили на теле своем знак обрезания. А Симеон и Левий, узнав об этом, решились привести в дело свой замысел против них. "**И взяли**", сказано, "**каждый свой меч, и смело напали на город**" (Быт.34:25). Что, значит: "**смело напали**"? То, что хотя они вдвоем выступили против такого множества, но большую безопасность им доставляло то, что все они лежали, как раненые. Чтобы объяснить нам это, божественное Писание замечает: "**на третий день, когда они были в болезни**". Это обстоятельство давало безопасность Симеону и Левию, и их двоих делало сильнее многих. "**И умертвили весь мужеский пол**", то есть, всех мужей лежавших в болезни обрезания и, так сказать, уже приготовленных к убиению. Между другими напали и на юношу, который оскорбил сестру их; но, не удовольствовавшись таким мщением, захватили и овец и весь скот их, и всех детей и, вместе с людьми истребив город, возвратились. Видишь, возлюбленный, какое зло произвело безрассудство одного юноши? Видишь, какую гибель принесло оно всем жителям города?

Зная это, будем удерживать порывы наших детей, и то страхом, то убеждениями будем обуздывать юность. Будем заботиться о целомудрии их; все будем делать и устраивать так, чтобы юношеский возраст мог избегнуть неуместных пожеланий. Для того общий всех Господь, зная немощь человеческого естества, и установил брак, чтобы удалить нас от беззаконного смешения.

Итак, не будем оставлять юношей без попечения; но, зная горящий в них огонь, позаботимся сочетать их браком, по закону Божьему, прежде чем они предадутся невоздержанию; пусть и чувства целомудрия у них сохранятся и не потерпят они вреда от необузданности, имея достаточное утешение и будучи в состоянии обуздывать плотские похоти и избегать наказания. Но посмотрим, как подействовал на старца поступок сынов его. "**Сказал Иаков**": вы, Симеон и Левий, "**вы возмутили меня, сделав меня**

ненавистным для жителей сей земли" (Быт.34:30). Для чего, говорит, совершили вы такое мщение? Поступок ваш возбудит против меня величайшую ненависть всех жителей этой земли. Потом, обнаруживая страх, в который он приведен был, прибавляет: "**у меня людей мало; соберутся против меня, поразят меня, и истреблен буду я и дом мой**" (Быт.34:30). Как бы так говорил: разве не знаете, что нас немного и мы сами легко можем потерпеть тоже самое, что решились вы сделать им. И как Сихем стал причиной такой гибели для отца и для всех жителей города, так и вы – для меня. Из-за вас и я сделаюсь ненавистным, и ничто не помешает им за вашу дерзость убить и меня. "**Они же сказали: а разве можно поступать с сестрой нашей, как с блудницей**" (Быт.34:31)? Итак, сыны Иакова совершили мщение по чувству целомудрия; они оправдываются перед отцом, и говорят: жители посрамили нас; они поступили с сестрой нашей, можно сказать, как с блудницей. Мы вынуждены были поступить так для того, чтобы и другим впредь был урок – не позволять себе такой дерзости.

4. Но обрати внимание и здесь на неизреченное попечение Божье о праведнике. Видя, что вследствие поступка сыновей он боится оставаться здесь, "**Бог сказал Иакову: встань, пойди в Вефиль и живи там**" (Быт.35:1). Ты боишься живущих здесь; удались отсюда, и живи в Вефиле, "**и устрой там жертвенник**" Господу "**явившемуся тебе, когда ты бежал от лица Исава, брата твоего**". И сказал "**Иаков дому своему и всем бывшим с ним: бросьте богов чужих, находящихся у вас, и очиститесь, и перемените одежды ваши; встанем и пойдем в Вефиль; там устрою я жертвенник Господу, Который услышал меня в день бедствия моего и был со мной в пути, которым я ходил**" (Быт.35:2-3). Заметь и послушание и благочестие праведника. Лишь только услышал он: "**пойди в Вефиль, устрой жертвенник**", – тотчас, созвав всех своих домашних, говорит им: "**бросьте богов чужих**". Каких же богов, спросит кто-нибудь? Ведь никогда не видно было, чтобы у него были какие-либо боги: праведник искони, с самого начала, был благочестив. Но может быть, он разумел богов Лавановых, взятых Рахилью, и потому сказал: так как мы должны принести благодарственные жертвы Богу истинному, всегда являющему мне Свое заступничество, то бросьте идолов, если какие есть у вас; "**очиститесь, и перемените одежды ваши**", и так направимся к городу; очистив себя извне и внутри, так пойдете; показывая чистоту не светлыми только одеждами, но, очистив помыслы душевные уничтожением идолов, мы взойдем к Вефилю. "**И отдали**", сказано, "**Иакову богов чужых**" (так как не были их "**и серьги, бывшие в ушах у них**"; может быть, и это были какие-нибудь знаки (символы) идольские, а потому и их вместе с идолами принесли к Иакову. "**И закопал их Иаков под дубом, который близ Сихема**" (Быт.35:4). Скрыл их, сказано, и истребил, чтобы и сами рабы заблуждения избегли заблуждения, и никто другой не получил от них вреда. Сделав все это, праведник "**отправился от Сихема**" и направился к Вефилю. Но посмотри опять, какое было о нем попечение Божье, и как ясно все это раскрывает нам Писание. Когда праведник вышел из Сихема, "**был**", сказано, "**ужас Божий на окрестных городах, и не преследовали сынов Иаковлевых**" (Быт.35:5). Видишь, какое промышление, и как очевидна была помощь Божия? Напал на жителей страх, и они не преследовали их. Так как этого именно опасался праведник и говорил: "**у меня людей мало; и истреблен буду я**", то и напал на жителей страх, как замечает Писание, "**и не преследовали сынов Иаковлевых**". Так, когда Бог благоволит оказать Свою помощь, то и слабых делает крепче сильных, и малочисленных сильнее многочисленных, и нет блаженнее человека, приобретшего помощь свыше. И пришел "**что в земле Ханаанской, то есть в Вефиль, сам и все люди, бывшие с ним**" (Быт. 35:6). "**И устроил там жертвенник, и назвал сие место Эл-Вефиль, ибо тут явился ему Бог, когда он бежал от лица брата своего**" (Быт.35:7). Прибыв, сказано, в Вефиль, он сделал то, что было повелено: построив жертвенник, назвал имя этого места "**Вефиль**. **Умерла Девора, кормилица Ревеккина, и погребена ниже Вефиля под дубом, который и назвал** Иаков "**дубом плача**" (Быт.35:8). Видишь, что он всегда давал

местам имена по случившимся на них событиям, чтобы память о них постоянно сохранялась. Но каким образом, спросит кто-нибудь, кормилица Ревекки могла находиться с Иаковом, когда он только что возвратился из Месопотамии, и еще не встречался с отцом? На это можем отвечать так, что она, вероятно, пожелала сопутствовать Иакову, при удалении его от Лавана, чтобы увидеть Ревекку после долговременной разлуки; однако, еще не увидев ее, кончила там свою жизнь.

5. Здесь, если хотите, и мы окончим свое слово, удовольствовавшись тем, что сказано. Но убеждаем любовь вашу позаботиться и о собственной вашей добродетели, и о целомудрии юношей. Отсюда-то рождается, можно сказать, всякое зло. Худые навыки, усиливаясь с течением времени, производят такой вред, что люди, однажды предавшись разврату, уже не могут покориться никакому убеждению, и как пленники влекутся туда, куда направляет их дьявол. Он, наконец, управляет ими, и делает те гибельные внушения, которым юноши с удовольствием следуют, имея ввиду только настоящее услаждение, и не думая о скорбях в будущем. Итак, умоляю вас, подавайте руку (помощи) детям, чтобы за их поступки и нам самим не подвергнуться наказанию. Разве не знаете, что потерпел старец Илий, не исправлявший надлежащим образом недостатки своих детей (1Цар.4:18)? Когда болезнь требует разреза, а врач хочет излечить ее какой-нибудь мазью, то болезнь может сделаться неизлечимой, потому что не употреблено соответствующего врачества. Подобным образом и тот старец, вместо того, чтобы действовать на своих детей мерами, соответственными их проступкам, допускал излишнюю кротость; потому и сам вместе с ними подвергся наказанию. Бойтесь этого примера, прошу вас; имея детей, будем заботиться о воспитании их. Вообще, пусть каждый из живущих вместе прилагает попечение о пользе ближнего и почитает ее величайшим приобретением для себя самого, чтобы всякий, руководимый к добродетели, мог и искушения зла избегнуть, и достигши добродетели, приобретать великое благоволение свыше, которого да возможем достигнуть все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, и Святому Духу, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 60

“И устроил там жертвенник, и назвал сие место: Эл-Вефиль, ибо тут явился ему Бог, когда он бежал от лица брата своего” (Быт. 35:7).

1. Если угодно, и сегодня обратившись к продолжению прежде нам прочитанного, предложим вам поучение из последующего повествования (Писания). История об Иакове и сегодня может достаточно показать то, сколь велико было о нем промышление Божие, и как укреплял его Бог Своими обетованиями, вознаграждая его благомыслие. В предыдущем сказании (божественное Писание) повествовало нам, как Иаков, по повелению Божию, оставив Сихем по поводу поступка своих сыновей, удалился в Лузу. “**И устроил**, – продолжает Писание, – **там жертвенник, и назвал сие место: Эл-Вефиль, ибо тут явился ему Бог, когда он бежал от лица брата своего**”. Повелев это праведнику и избавив его от страха, в каком он находился по случаю умерщвления сихемлян, – Бог, как сказано, навел на жителей тех городов такой страх, что они не стали преследовать Иакова. Посмотри же, как велико было о нем промышление Божие, и какое попечение о нем имел Бог! Бог поразил страхом души жителей тех городов, чтобы они не погнались в след его. Вероятно, они хотели отомстить за сихемлян. Но так как это совершилось без воли праведника, и Симеон и Левий поступили так, мстя за оскорбленное целомудрие своей сестры, то (Бог) не только самого Иакова и сыновей его избавляет от мучений страха, но, и на жителей страны наведши страх, удержал их от преследования. Видите ли, как много значит пользоваться благоволением свыше! Когда Бог являет Свое благоволение к нам, тогда всякая печаль исчезает. Как праведнику Он дал смелость, так на

тех навел страх. Как Владыка всего, Он все направляет, к чему хочет, и во всем являет Свою благоискусную премудрость. Нет сильнее человека, стяжавшего вышнюю помощь, как нет слабее человека, лишенного этой помощи. Вот этот праведник был немногочислен и весьма мал; но как он был охраняем божественною десницею, то и дерзновение получил и козней (врагов) избежал. А жители городов тех, и в большом множестве, собирались, и обнаруживали единодушие в своих замыслах; но не имели сил ни одного из своих намерений исполнить на деле. "**Был**, – сказано, – **ужас Божий на окрестных городах**" (ст. 5). Итак, когда праведник освободился и от своего страха и от туземцев, вот опять Бог являет в отношении к нему Свое преизбыточествующее человеколюбие. "**Явился**, – сказано, – **Бог Иакову по возвращении его из Месопотамии**" (ст. 9). Почему прибавлено: "**по возвращении**"? Не просто, а потому, что Он уже прежде являлся ему в этом месте, когда он, бежав от брата, направлял свой путь в Месопотамию. Поэтому и сказано теперь: как тогда Бог явился ему, при его отшествии отсюда, так и ныне является ему в том же месте, по возвращении его, и подтверждает обетования, какие давал ему при его отбытии, предрасполагая праведника к тому, чтобы он твердо веровал обетованиям и не поколебался духом, до времени их исполнения. "**И благословил его, и сказал ему Бог: … отныне ты не будешь называться Иаковом, но будет имя тебе: Израиль**" (ст.9,10). Хотя уже прежде (Бог) дал ему такое прозвание, когда праведник переходил через Иавок [река Иавок, теперь Зерка, в восточно-иорданской стране. Быт. 32:22.], однако и теперь, желая внушить праведнику еще большую уверенность (в Своих обетованиях), преподает ему тоже благословение и говорит: "**Будет имя тебе: Израиль … плодись и умножайся; народ и множество народов будет от тебя, и цари произойдут из чресл твоих**" (ст.10,11). Обрати внимание на величие благословения! (Бог) говорит, что не только он возрастет во множестве, но что от него произойдет славное потомство: "**Цари произойдут из чресл твоих**", говорит, – предвещая этим самым величие имеющих произойти от него. И "**землю**, – говорит еще, – **которую Я дал Аврааму и Исааку, Я дам тебе, и потомству твоему по тебе дам землю сию**" (ст.12). Так как Иаков, по случаю известного поступка Симеона и Левия, говорил: "**У меня людей мало; соберутся против меня, поразят меня, и истреблен буду я и дом мой**" (Быт.34:30), и во всем показывал малодушие и великий страх, овладевший им, поэтому человеколюбивый Господь и говорит ему теперь: ты сказал: "**У меня людей мало**", – но знай, что семя твое умножится и распространится и так славно будет, что собрание народов и цари произойдут из него, не только не будешь ты истреблен, но ты и семя твое всю землю сию наследите. Дав ему такие обещания, "**восшел**, – сказано, – **от него Бог с места, на котором говорил ему**" (ст.13). Посмотри, как божественное Писание снисходит к нам (в образе выражений). "**Восшел**, **–** говорит оно, **– от него Бог**", не для того (так говорит), чтобы мы представляли себе Божество ограниченным в каком-либо месте, но чтобы и в этом мы познали неизреченное человеколюбие Божие. И в таком образе повествования благодать Духа снисходит к человеческой немощи. Слова: "**восшел и отошел**" недостойны Бога, но как употребление таких чувственных речений для нашего научения служит особенно свидетельством неизреченного Его человеколюбия, то (божественное Писание) и употребляет человеческие выражения. Иначе невозможно было бы человеческому слуху вместить высоту слова, если бы нам говорено было соответственно величию Господа.

2. Имея это в мыслях, не будем останавливаться на простоте выражений; но подивимся неизреченной благости Господа и в том, что Он не отрекается оказывать такое снисхождение вследствие немощи естества нашего. Но посмотри, как праведник выражает собственную признательность. "**И поставил**, – сказано, – **Иаков памятник на месте, на котором говорил ему [Бог], памятник каменный, и возлил на него возлияние, и возлил на него елей; и нарек Иаков имя месту, на котором Бог говорил ему: Вефиль**" (ст.14,15). Смотри, как всегда этот праведник названиями мест увековечивает память (событий), чтобы и последующим родам известно было бывшее здесь праведнику

видение. “**И отправились из Вефиля**” (ст.16). Праведник снова отходит далее, чтоб мало-помалу дойти до места, где жил Исаак. Потом, “**когда еще оставалось некоторое расстояние земли до Ефрафы, Рахиль родила, и роды ее были трудны. Когда же она страдала в родах, повивальная бабка сказала ей: не бойся, ибо и это тебе сын**” (ст.16,17). Не унывай, говорит, ты родишь сына; хотя и мучат тебя боли, но все-таки будешь иметь сына. “**И когда выходила из нее душа, ибо она умирала, то нарекла ему имя: Бенони. Но отец его назвал его Вениамином**” (ст.18). Мать дает младенцу имя по случившемуся с нею событию; а отец назвал его Вениамином. Рахиль после того, как родила сына, – “**умерла**, – сказано, – **и погребена на дороге в Ефрафу, то есть Вифлеем. Иаков поставил над гробом ее памятник**” (ст.19,20). Скорбь о кончине Рахили, облегчал новорожденный и располагал праведника благодушно переносить потерю Рахили. Но затем открывается безрассудство Рувима. “**Рувим пошел**, – сказано, – **и переспал с Валлою, наложницею отца своего. И услышал Израиль**” (ст. 22). Это было весьма преступное дело. Потому и впоследствии законодатель Моисей воспретил сыну и отцу иметь сожитие с одною и тою же женщиною. Чтобы впоследствии не ввели этого в обычай, законодатель удерживает от него, объявляя такого повинным казни. Впрочем, теперь и это кротко перенес Иаков, побеждаемый естественною любовью. Впоследствии же, отходя от настоящей жизни, укорял сына, ясно изобразив преступление его и предав его проклятию, дабы чрез постигшую Рувима судьбу и прочие уцеломудрились. Далее блаженный Моисей исчисляет нам сынов Иакова, и своим повествованием снова поучает нас добродетелям праведника. Чтобы ты не подумал, будто Иаков без особенной причины, случайно был в супружестве с Рахилью, Лиею и двумя рабынями, Моисей показывает, что, повинуясь некоторому промышлению, имел сожительство с ними, чтобы именно произошли от него двенадцать колен. Поэтому Писание уже не упоминает о каком-либо другом, еще родившемся от него сыне, дабы показать, что не просто и не без цели так случилось. “**Сынов же**, – сказано, – **у Иакова было двенадцать**” (ст. 22). Писание отделяет сынов Лии и сынов Рахили, а потом исчисляет и рожденных от рабынь, и говорит: “**Сии сыновья Иакова, родившиеся ему в Месопотамии**” (ст. 26). Однако Вениамин родился тогда, когда (Иаков) спешил в Вифлеем: почему же Писание говорит так: “**Родившиеся ему в Месопотамии**”. Может быть, Рахиль зачала его еще прежде удаления из Месопотамии. “**И пришел Иаков к Исааку, отцу своему**” (ст. 27). Посмотри и здесь, как человеколюбивый Бог хотел во всем удовлетворить праведных. Когда Иаков, после стольких лет разлуки, пришел к отцу, и когда было обоим великое утешение, и сыну от свидания с отцом, и отцу – от того, что видел такое во всем изобилие у сына и много детей; то тогда уже, говорит Писание, “**И испустил Исаак дух и умер, и приложился к народу своему, будучи стар и насыщен жизнью**” (ст. 29). Если и в то время, когда Иаков похитил благословение, притуплено было, говорит, зрение очей его, почему он вдался в обман, то подумай, как он должен был состариться, спустя столько лет после того. “**И погребли его Исав и Иаков**”. Но после погребения отца, Исав, поя жены своя “**и сыновей своих, … и всех людей дома своего, … и все имение свое, которое он приобрел в земле Ханаанской, и пошел в [другую] землю от лица Иакова, брата своего, ибо имение их было так велико, что они не могли, –** сказано, **– жить вместе, и земля странствования их не вмещала их, по множеству стад их. И поселился Исав** (потом) **на горе Сеир**” (Быт.36:6-8). Рассказав нам о родившихся от Исава и о происшедших от него народах, божественное Писание говорит: “**Иаков жил в земле странствования отца своего, в земле Ханаанской**” (Быт.37:1). А отсюда начинается уже другое повествование о чудном Иосифе.

3. Здесь, если хотите, и окончим слово; историю же о сыне Иакова отложим до другой беседы. О том только попросим любовь вашу, чтобы вы тщательно внимали тому, о чем говорится, чтобы из всего, изложенного в божественном Писании, извлекали наибольшую пользу, и ничего не оставляли без внимания. Слово Божие есть духовное сокровище. И,

как получивший из вещественного сокровища и один камень, часто приобретает великое богатство, – так и здесь добродетели праведных, если мы захотим быть внимательными, могут принести столь великую нам пользу, что и в нас возбудится ревность к подражанию им. А таким образом, и мы можем удостоиться такого же, как и праведники, благоволения Божия. "**Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему**" (Деян.10:34), – так что, если захотим, ничто не воспрепятствует и нам получить такую же, или еще и большую, помощь свыше. Если Он увидит, что мы с своей стороны прилагаем все возможное старание и угодное Ему предпочитаем человеческому, то покажет и Сам такое о нас попечение, что мы сделаемся во всем непреоборимыми. Мы имеем врага постоянного, имеющего непримиримую к нам ненависть; потому мы должны быть неусыпны, чтобы побеждать козни его и стать выше стрел его. А победить мы не иначе можем, как если добродетельною жизнью приобретем себе содействие свыше. Лучший же образ жизни есть жизнь чистая. Это есть основание и корень добродетели. Кто твердо положит такое основание, тот уже легко препобедит все прочее: не одолеет его ни страсть к богатству, ни любовь к славе, ни зависть, ни какая-либо иная страсть. Как же это – скажу. У кого совесть чиста и свободна от всякого порока, в том будет обитать сам Господь всяческих: "**Блаженны**, – сказано, – **чистые сердцем, ибо они Бога узрят**" (Мф.5:8). Когда же кто удостоится иметь Его в себе, будет находиться в таком состоянии, как только лишь облеченный телом, и ко всему человеческому будет показывать совершенное презрение. Все видимое явится такому человеку тенью и сном; как бы уже на небе имея пребывание, он не захочет ничего в настоящей жизни. Таков был Павел, учитель вселенной, почему восклицал он, говоря; или "**ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне**" (2Кор.13:3). И еще: "**Уже не я живу, но живет во мне Христос**" (Гал.2:20). И еще: "**А что ныне живу во плоти, то живу верою**". Видишь ли здесь мужа, облеченного телом, но о всем говорящего так, как будто имел жребий бесплотного существа?

4. Ему все поревнуем, будем умерщвлять члены плоти и сделаем их бездейственными для греха. Таким образом мы можем представить их Богу как благоугодную жертву. Ты видишь нечто новое и странное в такой жертве? Когда члены (плоти) становятся мертвыми, тогда наиболее они делаются удобоприемлемы для жертвы. Почему же и для чего? Потому что это жертва духовная и ничего чувственного не имеет. В жертве чувственной не только все мертвое отвергается, но даже и живое, как скоро имеет какую-нибудь порчу, никогда не может быть приятной жертвой. Так было узаконено изначала, и не просто, а для того, чтобы мы через такое наблюдение над бессловесными мало-помалу приводимы были к тому, чтобы приносить с таким же вниманием жертву духовную и разумную. Там – в чувственных жертвах – порча состоит, например, в отсутствии уха или хвоста (у животного); здесь (в жертве духовной) – в лукавстве, похоти, роскоши, сребролюбии и всяком грехе. Там – (от жертвенного животного требовалось) здоровое и чуждое всякой порчи состояние; здесь надобно сделаться мертвым для мира и таким образом приготовлять самого себя в духовную жертву. Не оставим этого без внимания, но, утвердив это в своей мысли, постараемся оказаться не хуже иудеев, показавших такую наблюдательность, когда они служили сени. Они, еще сидя при светильнике, имели такую осмотрительность в рассуждении своих жертв; мы, сподобившись озариться Солнцем правды и от сени будучи уже приведены к истине, покажем подобную же тщательность в отношении к жертве духовной. Не будем оставлять без внимания даже грехов, почитаемых малыми; но каждый день будем требовать от самих себя отчета и в словах и во взглядах, и подвергать себя наказанию, дабы избавиться наказания в будущем веке. Поэтому и Павел говорит: "**Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы**" (1Кор.11:31), – так что, если здесь будем судить самих себя в повседневных прегрешениях наших, то избавимся от строгости будущего суда. Если же нерадим, то "**судимы**, – говорит Павел, – **наказываемся от Господа**". Итак, наперед будем судить сами себя с

полною искренностью, войдем в судилище совести, где нас никто не видит; так станем испытывать свои помыслы и произносить над собою суд правый, чтобы наш ум, страшась будущего суда, воздерживался от увлечений, обуздывал бы свои порывы и, представляя себе то недремлющее Око, заграждал вход к себе диаволу. Что мы страдаем от собственного нерадения, это очевидно показывает опыт. Если бы мы немного захотели воспрянуть духом, мы отрясли бы, как прах, все его (диавола) козни; так, когда падаем (в грех), не от насилия его (диавола) терпим это, а от собственной беспечности. Он одолевает нас не силою и принуждением, а только обольщением. А в нашей власти – не увлекаться обольщением, если хотим только немного бодрствовать и трезвиться, не потому, однако, чтобы мы сами по себе имели такую силу, но потому, что в таком случае мы удостаиваемся и помощи свыше. Когда мы с своей стороны покажем старание, тогда и от Господа все последует. Будем же, прошу, трезвиться, и, зная ухищрения лукавого, будем постоянно бодрствовать и молить Бога, чтобы Он подал нам Свою помощь в борьбе с диаволом. Таким образом мы сделаемся неодолимы, и избежим его ухищрений, и будем пользоваться помощью Божьею, и вечных благ достигнем, что и да будет дано всем нам, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 61

“Вот житие Иакова. Иосиф, семнадцати лет, пас скот (отца своего) вместе с братьями своими” (Быт. 37:2).

1. Опять хочу вести вас к обычной трапезе и, по порядку продолжая прежде сказанное, предложить вам духовную пищу из ныне читанного Писания. А прочитанного сегодня достаточно для того, чтобы научить всех нас, как вредна зависть и как эта пагубная страсть показала всю свою силу, простершись даже на родство. Но, чтобы наша беседа шла по порядку, надобно коснуться самого начала чтениям. **“Вот**, - говорит Писание, **- житие Иакова**”. Посмотри, как дивный пророк (Моисей), обещав рассказать нам родословие Иакова, вдруг перешел к истории его сына. Сказав: “**Вот житие Иакова**” - и оставив, как следовало бы по порядку, повествование о детях, рожденных от Иакова и потом далее происшедших от детей его (как это сделал и относительно Исава), он тотчас поспешил к Иосифу, юноше, почти последнему из всех братьев, и говорит: “**Иосиф, семнадцати лет, пас скот вместе с братьями своими**”. Для чего он означает нам и число лет? Дабы научить тебя, что юность нисколько не может быть препятствием к добродетели, - чтобы вполне показать тебе и повиновение юноши отцу, и расположение к братьям, и их жестокость в том, как, несмотря на все его расположение к ним и самый возраст его, способный возбуждать сочувствие к себе, они не сохранили братской любви, но с самого начала, замечая в нем наклонность к добродетели и любовь к нему отца, начали ему завидовать. “**И доводил**, - сказано, **- Иосиф худые о них слухи до отца их**”. Смотри, какая злоба! Они замышляют и любовь отца поколебать, и на брата выдумывают то, чего не было, и этим сделали только то, что обнаружили свою зависть. Чтобы убедиться в том, что достигли только обнаружения их скрытного намерения, посмотри: отец и после их клеветы любит сына и даже предпочитает всем его братьям. “**Израиль**, - говорит Писание, **- любил Иосифа более всех сыновей своих, потому что он был сын старости его, - и сделал ему разноцветную одежду**” (ст.3). Что значит: “**Любил Иосифа более всех сыновей своих, потому что он был сын старости его**”? Так как Иосиф родился у него уже под конец и в самой старости, поэтому он и любил его более других. В самом деле, как под старость дети бывают вожделеннее, то более и привлекают к себе любовь родительскую. Но чтобы мы знали, что не это одно привлекало отца и побуждало предпочитать его братьям, божественное Писание показывает нам, замечая, что после Иосифа родился еще другой сын. Если бы любовь следовала только естественному

порядку (в каком родились сыновья), то последний сын был бы еще любезнее ему, потому что он подлинно был уже сын старости и родился тогда, когда праведник достиг уже последнего возраста жизни. Итак, что же сказать? То, что особенная благодать свыше делала юного сына возлюбленным отцу, и за душевные добродетели его возвышала пред всеми (братьями). А что он любил его потому, что был у него сын старости, эта причина указана в Писании для того, чтобы не вызвать явной зависти братьев [смысл такой: Иаков любил Иосифа преимущественно пред другими детьми за его добрые душевные свойства; но не открывал этой причины, а давал вид, что любит Иосифа более других детей потому, что Иосиф сын его старости. В самом же деле Иаков опасался, чтобы еще более не возбудить зависти в братьях Иосифа, если бы явно показал, что Иосиф лучше их по душе, и потому лично заслуживает большей, чем они, любви].

Это - опасная страсть; когда она овладевает душою, то не прежде оставляет ее, как доведет уже до последней степени безрассудства; уязвляя душу, в которой родилась, она представляет того, на кого обращена зависть, иначе, чем хочет; она еще более возвышает его славу, знатность и известность; а это еще новый, тягчайший удар завистнику. Посмотри здесь, как этот дивный юноша [Иосиф], ничего не зная о происходящем между братьями, обращается с ними, как с братьями, и, притом, как с единоутробными; он доверяет им во всем и говорит с большою простотою; а они, увлекаемые завистью, доходят и до ненависти к нему. “**И увидели**, **-** сказано, **- братья его, что отец их любит его более всех братьев его; и возненавидели его и не могли говорить с ним дружелюбно**” (ст.4). Смотри, до какой степени они начинают ненавидеть его, ничем их не оскорбившего. “**И не могли говорить с ним дружелюбно**”. Что значит: “**Не могли говорить с ним дружелюбно**”? Так как страсть овладела ими, и ненависть с каждым днем возрастала, то они, как плененные и порабощенные этою страстью, начали с ним обращаться коварно, так что ничего не могли и говорить с ним спокойно. И заметь, что (Писание) указало и самый источник ненависти в том, что она произошла от зависти. “**И увидели**, **-** сказано, **- братья его, что отец их любит его более всех братьев его**”. Любовь отца возбудила зависть к Иосифу; но эту любовь привлекала к юноше добродетель его. Им надлежало бы соревновать брату, подражать его нраву, чтобы и самим снискать любовь отца; но это им и на ум не приходило, - напротив, они все обнаруживали общую ненависть к брату, любимому отцом. И как враги, питая скрытую внутри злобу, не могли даже говорить с ним мирно, а обращались с ним коварно. Но этот чудный (юноша), сохраняя братскую любовь к ним, и не подозревая ничего, доверялся им, как братьям, и делал для них все, что мог.

2. Эта именно страсть (зависть) в самом начале довела Каина до братоубийства. Как Иосифовы братья, за любовь, какую оказывал ему отец, стали его ненавидеть, умышлять против него зло и каждый день готовы были его убить, так и Каин, за то, что дары брата были более благоугодны Богу (чем дары его), решился убить брата, и говорит ему: “**пойдем на поле**” (Быт.4:8). Видишь, что и этот (Авель) без всякого подозрения, во всем доверяя брату, идет с ним, и сверх всякого ожидания делается жертвою преступной руки. Также и дивный Иосиф, не зная о злоумышлении братьев, обходился с ними, как с братьями, и рассказывал им свои сны, в которых открывал ему Бог будущее величие его и подчинение ему братьев. “**И видел Иосиф**, **-** говорит Писание, **- сон, и рассказал братьям своим. Он сказал им: выслушайте сон, который я видел: вот, мы вяжем снопы посреди поля; и вот, мой сноп встал и стал прямо; и вот, ваши снопы стали кругом и поклонились моему снопу. И сказали ему братья его: неужели ты будешь царствовать над нами? неужели будешь владеть нами? И возненавидели его еще более за сны его и за слова его**” (ст. 5-8). Что еще прежде явилась ненависть к нему, Писание предварительно объяснило нам для того, чтобы мы не подумали, что только отсюда началась их вражда к нему. “**Возненавидели его еще более**”, т. е., в них еще более

возросла ненависть и вражда к нему. И посмотри, какое крайнее ослепление! Они сами истолковали сон его. Нельзя сказать, чтобы они в неведении о будущем стали ненавидеть брата; напротив, потому самому и усилилась в них ненависть, что из сновидений они узнавали будущее. Великое безумие! Узнавши это, они тем более должны были оказывать ему расположение, исторгнуть в себе корень ненависти и совершенно истребить в себе чувство зависти. Но смысл их помрачился - и они стали питать еще большую ненависть к нему, не замечая, что все делают сами против себя. Для чего же вы, жалкие, несчастные, обнаруживаете такую ненависть, когда знаете и характер его, и то, что откровение во сне показывает очевидное благоволение Божие к нему? Не думайте, будто можно изменить то, что предвозвещено ему самим Богом. Как вы сами истолковали сон, так и сбудется через непродолжительное время, - хотя бы вы придумали тысячи (препятствий). Благоискусный и премудрый Владыка всего, являя могущество силы Своей, часто попускает многоразличные затруднения в делах для того, чтобы, приведши в исполнение Свои намерения, открыть величие Своего всемогущества. Но такова зависть: она не может нисколько размыслить об этом; будучи совершенно, так сказать, пленен ею, человек все делает против своего спасения. И эти вследствие толкования сна еще более стали ненавидеть. А чудный Иосиф, увидев и другой сон, рассказал его не только братьям, но и отцу. “**Вот, солнце**, **-** говорил он, **- и луна и одиннадцать звезд поклоняются мне, …и побранил его отец его и сказал ему: что это за сон, который ты видел? неужели я и твоя мать, и твои братья придем поклониться тебе до земли? Братья его досадовали на него, а отец его заметил это слово**” (ст. 9-11). Отец, зная, что братья питают к нему зависть, сделал упрек сыну; но сам, постигая значение сна, и догадываясь, что это было откровение Божие, обратил внимание на сказанное. Но не так поступили братья. Что же? Они еще более стали завидовать. Что вы беснуетесь? Что вы поступаете, как исступленные? Разве вы не видите, что повторение сна произошло не случайно и не напрасно, а для убеждения вас в том, что предзнаменования вполне сбудутся, чтобы вы оставили свои порывы к убийству (брата), и подумали о том, что вы замышляете невозможное? Вам надлежало, усвоив себе свойства и мысли брата, почитать будущее величие его за собственную вашу славу. А если уже вы не хотели об этом подумать, по крайней мере, вам следовало рассудить, что ваша вражда относится не к брату, но к самому Господу, уже открывшему будущую славу его. Но они, как я уже сказал, не стыдясь самой природы, и не обращая внимания на благоволение к нему свыше, со дня на день только усиливали свою ненависть и в тайне у себя возжигали пламя. Между тем ни отец, ни юноша ничего не подозревали и не предполагали, чтобы они могли дойти до такого неистовства. Поэтому, когда братья отправились к стадам, отец сказал Иосифу: “**Братья твои не пасут ли в Сихеме? пойди, я пошлю тебя к ним. Он отвечал ему: вот я**” (ст.13). Видишь, как отец любил детей? Видишь, как сын послушен? “**И сказал ему** Израиль: **пойди, посмотри, здоровы ли братья твои и цел ли скот, и принеси мне ответ**” (ст.14).

3. Все это произошло для того, чтобы обнаружилось и расположение Иосифа к братьям, и убийственное намерение их против него. Имелся при этом в виду и образ будущего: в этих событиях, как на тени, предызображались события (евангельской) истины. Как Иосиф пришел посетить братьев, а они, не уважив ни братства, ни причины его посещения, сперва хотели было убить его, а потом продали иноземцам, - так и Господь наш, по человеколюбию Своему, пришел посетить человеческой род, приняв нам свойственную плоть и благоволив стать нашим братом. Об этом и восклицает Павел, говоря: “**Ибо не Ангелов восприемлет Он, но восприемлет семя Авраамово. Посему Он должен был во всем уподобиться братиям**” (Евр.2:16,17). Но неблагодарные иудеи замыслили умертвить Врача душ и телес, который ежедневно совершал бесчисленные чудеса, и привели в исполнение свой убийственный замысел, и распяли Того, Кто ради нашего спасения благоволил принять зрак раба. Но эти, предав Господа распятию,

исполнили свое намерение, а братья Иосифа, хотя и имели замысел, но не привели его в дело. Образу надлежало заключать в себе менее истины (преобразуемой); иначе это не было бы образом будущего. Поэтому здесь (будущее) предначертано было только как бы в тени. Но заметь чудное дело. Они не убили, а продали и принесли отцу его одежду, вымарав ее кровью козла, желая убедить (отца), что юноша растерзан. Видишь ли, что все это происходило так, чтобы как в тени был один образ вещей, и сохранялась истина? Но возвратимся к порядку повествования. "**И послал его**, **-** сказано, отец его, **-** … **и он пришел в Сихем. И нашел его некто блуждающим в поле, и спросил его тот человек, говоря: чего ты ищешь? Он сказал: я ищу братьев моих; скажи мне, где они пасут?**" (ст.14-16). Посмотри, с какою заботливостью он отыскивает своих братьев, - трудится, разведывает, делает все, чтобы их увидеть. "**И сказал тот человек: … я слышал, как они говорили: пойдем в Дофан. И пошел Иосиф за братьями своими и нашел их в Дофане. И увидели они его издали, и прежде нежели он приблизился к ним, стали умышлять против него, чтобы убить его**" (ст.17,18). Размысли при этом о благопромыслительной премудрости Божией: они имели намерение умертвить его; а Тот, Кто все устрояет и всем располагает, попускает явиться всякого рода препятствиям к тому, чтобы, еще более прославив своего подвижника, привести в исполнение его сновидения. "**Увидели они его, -** сказано, **- и … стали умышлять против него, чтобы убить его. И сказали друг другу: вот, идет сновидец; пойдем теперь, и убьем его, и бросим его в какой-нибудь ров, и скажем, что хищный зверь съел его; и увидим, что будет из его снов**" (ст.18-20).

Видишь ли, они решились убить его, опасаясь исполнения его снов? Но они должны были научиться, что предвозвещенное самим Богом не может не совершиться. Они совещаются между собою, составляют замысел, обнаруживая свою злобу; а премудрый и благопромыслительный Бог устрояет так, что сами же злоумышленники невольно содействуют совершению будущих событий. Когда они соглашались на убийство, и в своем намерении уже совершили преступление, "**услышал [сие]**, **-** сказано, **- Рувим и избавил его от рук их, сказав: не убьем его. И сказал им Рувим: не проливайте крови; бросьте его в ров, который в пустыне, а руки не налагайте на него. [Сие говорил он], чтобы избавить его от рук их и возвратить его к отцу его**" (ст.21,22). Смотри: даже этот не осмеливается открыто исторгнуть брата (из рук их); но, желая пока удержать порыв их к убийству, говорит: "**Не проливайте крови; бросьте его в ров**". Желая объяснить нам и намерение Рувима, божественное Писание говорит: это он сделал, "**чтобы избавить его от рук их и возвратить его к отцу его**". В то время, когда у них происходило такое совещание, Иосифа еще не было с ними; после окончания их разговора, "**Иосиф пришел**, **-** сказано, **- к братьям своим**". Им надлежало бы поспешить к брату, обнять его, узнать, что велел им отец; а они бросаются, как лютые звери, увидев агнца. И "**они сняли с Иосифа одежду его, одежду разноцветную, … и взяли его и бросили его в ров; ров же тот был пуст; воды в нем не было**". Как советовал Рувим, так они и сделали. Бросив его, "**сели они есть хлеб**" (ст.23-25). О, жестокость! О, бесчеловечие! Он прошел такой долгий путь, с такою заботливостью искал их, чтобы увидеть их и возвестить отцу об них; а они, как какие-нибудь варвары и дикари, слушаясь совета Рувима не проливать братней крови, решились умертвить его голодом. Но человеколюбивый Бог в скором времени избавил его от неистовства братьев. Севши, говорит Писание, "**есть хлеб, и, взглянув, увидели**" путников измаильтян, идущих в Египет, и "**сказал Иуда братьям своим: что пользы, если мы убьем брата нашего и скроем кровь его? Пойдем, продадим его Измаильтянам, а руки наши да не будут на нем, ибо он брат наш, плоть наша**" (ст.25-27).

4. Заметь, как и прежде Рувим меньшим злом предотвратил большее, и теперь Иуда советует продать брата, чтобы спасти его от смерти. А все так было для того, чтобы, и

против воли их, исполнились божественные предречения, и чтобы (братья Иосифа) послужили промышлению Божию. Приняв совет Иуды и выведши его "**изо рва и продали Иосифа Измаильтянам за двадцать сребренников**" (ст.27-28). Какой преступный обмен! Какая гибельная корысть! Какая беззаконная продажа! Вы решились продать того, кто связан с вами узами кровными, кого так любит отец, кто пришел на свидание с вами, кто ни много, ни мало никогда не обижал вас, и продать его варварам, отправляющимся в Египет? Какое это безумие! Какая ненависть! Какая зависть! Если вы это делаете, испугавшись сновидений его, в том убеждении, что они исполнятся, то для чего же вы стремитесь к невозможному, и своими поступками начинаете борьбу с Богом, предвозвестившим ему это? А если вы не приписываете снам никакого значения и считаете их вздором, то для чего предпринимаете то, что подвергает вас вечному постоянному позору, отцу же принесет непрестанную скорбь? Но, о, сила страсти или - лучше - запятнанной кровью решимости! Когда кто отдается беззаконному делу и погружается в беззаконные помыслы, то уже не видит пред собою неусыпного Ока, не стыдится самой природы и ничего другого, что может возбудить в нем сострадание, как это случилось и с этими. Они не подумали ни о том, что он брат их, ни о том, что так молод, что так дорог отцу; ни о том, что он, никогда не испытывавший житья на чужой стороне, среди иноземцев, должен идти в такую страну и жить с варварами: оставив всякое здравое рассуждение, они думали только об одном, чтобы удовлетворить, как задумали, своей зависти. И в намерении они сделались братоубийцами; а страдалец все терпел великодушно.

Вышняя же десница хранила его, и все скорби делала для него сносными и легкими. Так, когда мы пользуемся благоволением свыше, то, хотя бы мы находились среди варваров, в чужой земле, - можем проводить жизнь лучше тех, которые живут дома и наслаждаются всякого рода услугами; и напротив, хотя бы жили и в своем доме, и, по-видимому наслаждались полным покоем, но, будучи лишены помощи свыше, мы несчастнее всех. Велика сила добродетели и бессилие порока и это особенно ясно показывает настоящее повествование. Кого, скажи мне, считаешь ты жалким и достойным многих слез, - тех ли, которые делали брату столько зла, или того, кто отдан был в рабство иноземцам? Конечно, тех. Представь же себе, как этот дивный юноша, воспитанный среди множества слуг, постоянно бывший в объятиях отца, внезапно принужден нести тяжкое рабство, и притом у людей диких, которые не лучше самых зверей. Но Владыка всяческих и людей этих сделал кроткими, и ему дал великое терпение. Продав брата, братья Иосифа находились в состоянии людей, достигших своей цели, потому что удалили от себя ненавистного им брата. "**Рувим же пришел опять**, **-** говорит Писание, **- ко рву; и вот, нет Иосифа во рве. И разодрал он одежды свои,** (и обратился) **к братьям своим, и сказал: отрока нет, а я, куда я денусь**" (ст.29,30)? Божественное Писание выше показало нам, что Рувим дал совет бросить Иосифа в ров с тем намерением, чтобы избавить его от братоубийственных рук и возвратить отцу. Теперь, когда Рувим увидел, сказано, что не достиг своей цели, он разорвал свои одежды и сказал: "**Отрока нет, а я, куда я денусь**"? Что мы, то есть, скажем (отцу) в свое оправдание, и особенно я, считающийся старшим из вас? Он думал, что Иосиф убит. Но как желание их уже исполнилось, и, отправив в чужую землю ненавистного брата, они удовлетворили своей страсти, то вот теперь они стали придумывать все способы, как бы обмануть отца и скрыть от него свое преступное соумышление. Заколов, сказано, "**козла**", и помазав одежду (Иосифа) кровью, "**доставили к отцу своему, и сказали: мы это нашли; посмотри, сына ли твоего эта одежда, или нет**" (ст.31,32). Что вы, безумные, обманываете самих себя? Хотя бы и успели вы обмануть отца, но не скроетесь от того неусыпного Ока, которого более всего надлежало бы вам страшиться. Но такова природа человеческая, особенно же такова беспечность многих людей! Они за важное почитают только страх и стыд пред людьми в настоящей жизни, а не думают о будущем страшном суде и вечных невыносимых муках; они

заботятся лишь о том, как бы избежать укоризны от людей. Так думали и эти и решились обмануть отца. “**Узнал**, **-** сказано, отец одежду, **- и сказал: [это] одежда сына моего; хищный зверь съел его; верно, растерзан Иосиф**” (ст.33). И подлинно, он жестоко пострадал от них, как от зверей. “**И разодрал Иаков одежды свои, и возложил вретище на чресла свои, и оплакивал сына своего многие дни**” (ст.34). А каких слез заслуживали эти не потому только, что продали брата чужестранцам, но и отца, уже в глубокой старости, повергли в такую горесть! “**Собрались все сыновья его и все дочери его, чтобы утешить его; но он не хотел утешиться и сказал: с печалью сойду к сыну моему в преисподнюю**” (ст.35).

5. Думаю, что, и это для них было новым ударом. Видя, какую сильную любовь выражает отец к тому, которого уже нет, который считался растерзанным зверями, братья еще более снедались завистью. Но они за свою жестокость к брату и к отцу не заслуживают никакого снисхождения. Что же касается мадиамских купцов, то и они в свою очередь делаются орудием промышления Божия, и перепродают Иосифа Пентефрию, архимагиру фараона. Видишь ли, как Иосиф мало-помалу идет вперед, во всем обнаруживает свою добродетель и терпение, чтобы подобно борцу, мужественно подвизавшемуся, увенчаться венцом царским, и чтобы исполнение сновидений самым делом показало тем, которые его продали, что им нисколько не принесло пользы все их коварство. Такова сила добродетели, что и чрез самые гонения она достигает большей славы. Подлинно, нет ничего сильнее, нет ничего могущественнее добродетели, - не потому, чтобы она сама по себе имела такую силу, а потому, что приобретший ее пользуется и вышнею помощью. А с такою помощью и с таким содействием, он сильнее всех; он непобедим; он неуловим не только для наветов людских, но и козней бесовских. Зная это, будем избегать не злостраданий, а злодеяний. Злые дела и составляют действительное злострадание. Кто умышляет сделать зло ближнему, тот ему нисколько не вредит; а если и вредит сколько-нибудь, то в настоящей только жизни, а себе готовит казни нескончаемые, муки невыносимые. И нам нельзя избежать их иначе, как если будем располагать себя к готовности переносить зло, и, по учению Господа, будем молиться за тех, кто делает нам зло. Это приготовит нам великую награду и сделает достойными царства небесного, которое да наследуем все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 62

“И увидел там Иуда дочь одного Хананеянина, которому имя: Шуа; и взял ее и вошел к ней. Она зачала и родила сына; и он нарек ему имя: Ир” (Быт. 38:2-3).

1. В прошедший раз повествование об Иосифе довольно поучило нас, как гибельна зависть и как эта пагубная страсть портит прежде всего душу, в которой она зарождается. Вы видели также, как порабощенные этою страстью братья Иосифа забыли и самое родство, и брату своему, ничем их не обидевшему, оказали жестокость диких зверей, и, обнаружив тем собственную злобу, не столько повредили брату, сколько себя покрыли бесчестием. Хотя они продали его чужестранцам, а эти перепродали архимагиру фараона, но как Иосиф имел во всем помощь свыше, то для него все оказывалось сносным и легким. Я хотел и сегодня продолжать тоже повествование и почерпнуть из него снова наставление для вас. Но в него входит еще иное некоторое сказание, которого нельзя оставить без внимания; объяснив по возможности это, мы возвратимся опять к истории Иосифа. Какое же входит сюда сказание? Это - об Иуде. Он, взяв себе в жены дочь хананеянина - Саву, и имел от нее трех сынов. “**И взял Иуда**, **-** сказано в Писании, **- жену Иру, первенцу своему; имя ей Фамарь**” (ст.6). Но Ир оказался “**неугоден пред очами**

Господа" - и Бог поразил его. И заповедал Авнану, взявшему жену брата, восстановить семя брату. Так именно повелевал закон, чтобы по смерти брата, не оставившего детей, другой брат взял его жену и восстановил семя брата (Втор.25:5). Но и Авнан оказался злым; Бог поразил смертью и его. Иуда, увидев внезапную смерть двух сынов своих, пришел в страх и, чтобы утешить Фамарь, обещал дать ей третьего своего сына; но, опасаясь, чтобы и этот, подобно братьям, не подвергся наказанию, не исполнял обещания. Между тем Фамарь, утешаясь обещанием, оставалась "**в доме отца своего**", ожидая исполнения обещанного свекром. Хотя она и замечала, что Иуда не хочет исполнить обещания, однако благодушно терпела, не желая вступить в супружество с другим, а переносила вдовство, ожидая благоприятного времени, потому что надеялась родить детей от самого свекра своего. И когда она узнала, что свекровь ее умерла, а Иуда пошел в Фамну стричь овец, то Фамарь решилась обманом разделить ложе с свекром и от него родить детей, - не ради похоти плотской, - нет, а для того, чтобы не остаться без имени [т.е. без потомства]. Впрочем, в этом деле было и промышление (Божие), почему намерение ее и исполнилось на самом деле. "**Сняла она**, **-** сказано, **- с себя одежду вдовства своего, покрыла себя покрывалом и, закрывшись, села у ворот**" (ст.14). Потом, как бы в извинение ее, божественное Писание говорит: "**Ибо видела, что Шелла вырос, и она не дана ему в жену**", - поэтому она и решилась на такой обман. Иуда подумал, что это блудница (потому что она закрыла лицо, чтобы не могла быть узнана), "**Он поворотил к ней … . Она сказала: что ты дашь мне, если войдешь ко мне**" (ст.16)? Он обещал прислать ей "**козленка из стада**". "**Она сказала: дашь ли ты мне залог, пока пришлешь**" (ст.17). "**И дал он**" перстень и гривну и жезл, "**и вошел к ней; и она зачала от него**" (ст.18).

Но никто, слыша это, да не осуждает Фамарь: как я уже сказал, она служила в этом случае орудием Промысла, - почему и она не подверглась какому-либо порицанию, и Иуда не предан осуждению. Отсюда простираясь далее, увидишь, что от детей, родившихся у него, ведет род И. Христос. Кроме того, два сына, рожденные Иудою, преобразовали два народа, и были предызображением жизни иудейской и духовной. Но теперь посмотрим, как, после удаления Иуды, в скором времени дело объяснилось, и Иуда сам обвиняет себя, а Фамарь оправдывает. Она, как скоро достигла того, чего желала, опять, переменивши одежды, возвратилась оттуда и пришла в свой дом. А Иуда, об этом ничего не зная, исполнил свое обещание - послал к Фамари козла, чтобы взять назад данный ей залог; но посланный, не нашедши нигде этой женщины, возвратился и объявил Иуде, что не мог нигде найти ее. Тогда Иуда сказал: как бы не осудили нас за то, что мы оказались неблагодарными (ст. 23), - он еще не знал, что случилось. Но когда прошло три месяца, и бремя чрева обнаруживало зачатие, а между тем никто не знал о тайном совокуплении, - тогда Иуде возвестили, что Фамарь "**впала в блуд, и вот, она беременна от блуда**"; а он, узнав об этом, "**сказал: выведите ее, и пусть она будет сожжена**" (ст.24). Велико негодование! Ужасная казнь, потому что грех казался великим. Что же Фамарь? Отослав Иуде вещи, которые получила от него в залог, она сказала: "**чьи эти вещи**", от того получила я плод чрева.

2. Заметь, как молчаливая (доселе) приводит самых достоверных свидетелей, могущих подать голос, и достаточно показать ее невиновность. Так как обвиняемой в таком деле надлежало представить трех свидетелей, то она и посылает три вещи, отдавшие ей в залог, могущие ясно свидетельствовать в ее пользу: перстень, гривну и жезл, и, оставаясь дома и не говоря ни слова, она одержала победу. Иуда, узнав эти вещи, сказал: "**Она правее меня, потому что я не дал ее Шеле, сыну моему**" (ст.26). Что значит: "**Правее меня**"? Значит: она невиновна, а я сам себя подвергаю осуждению и открываю свое преступление, хотя никто не обличает меня; или - лучше сказать - у меня есть сильный обличитель: залог, который я дал ей. Потом, опять извиняя Фамарь, говорит: "**Потому что я не дал ее**

Шеле, сыну моему". Может быть, так сделалось и по особой причине, о которой я вам скажу. Именно: Иуда думал, что Фамарь была причиною поражения Ира и Авнана смертью, и, опасаясь того же относительно Силома, он не дал ей этого сына, хотя и обещал. Чтобы он уверился на самом опыте, что не она была причиною смерти детей его, а сами они понесли наказание за свое злонравие (так как сказано: "**Умертвил его Господь**"; и опять - о другом сыне: "**умертвил и его**"), для этого он, по неведению, впадает в кровосмешение с своею невесткою, и тогда самим делом убеждается, что не по ее вине, а за свой злой нрав наказаны его сыновья. Сознав свой грех и освободив от наказания Фамарь, Иуда, сказано, "**не познавал ее более**" (ст.26); тем он показал, что и прежде не совокупился бы с нею, если бы узнал ее. Наконец, после столь обстоятельного повествования об обмане Фамари, божественное Писание показывает нам и то, какие дети родились от нее. "**Во время родов ее**, **-** сказано, **- оказалось, что близнецы в утробе ее. И во время родов ее показалась рука; и взяла повивальная бабка и навязала ему на руку красную нить, сказав: этот вышел первый**". Заметь здесь тайну и предвозвещение будущих событий. После того, как повивальная бабка перевязала младенцу руку красною нитью, чтобы тем отметить его, он "**возвратил руку свою; и вот, вышел брат его**" (ст.29), - то есть, он допустил брата вперед выйти (из чрева матери); и таким образом тот, кого считали последним, вышел первым, а кого считали первым, явился после того. "**И она сказала: как ты расторг себе преграду? И наречено ему имя: Фарес**" (ст.29), потому что это имя значит - пресечение, можно также сказать: разделение. И после него "**вышел брат его**", с приметою на правой руке; "**И наречено ему имя: Зара**" (ст.30), что значит - восток.

И что произошло это не просто, но было образом будущего, самое дело показывает: это произошло не по естественному порядку. Как можно было, чтобы рука, перевязанная красною нитью, опять скрылась и оставила проход другому, если бы божественная сила не устроила того и как бы в тени не предуказала, что с самого начала показался Зара, то есть, восток (он есть образ Церкви); а когда он немного выступил и отступил, началось соблюдение закона (обозначаемое Фаресом); после того как оно имело силу долгое время, - опять явился тот, который первоначально отступил, т.е., Зара, и весь иудейский порядок уступил место Церкви? Но, быть может, надобно снова пересказать вам это в кратких и более ясных словах. Подобно тому, как Зара первый простер руку, Ной и Авраам, и прежде Ноя Авель и Енох начали много заботиться о благоугождении Богу. Потом, когда люди, размножившись, собрали на себя множество грехов, они имели нужду в некотором малом увещании; как некоторая тень, дан закон, не так, чтобы он мог изглаживать грехи, но чтобы он указывал их и делал их очевидными для людей, которые, как малые дети, питаемые молоком, могли таким образом придти в совершенный возраст. Но когда они и этого не употребили в свою пользу, и, несмотря на то, что закон указывал на множество грехов, продолжали ими растлевать себя, тогда явился на земле общий всех Господь, и даровал роду человеческому духовное и совершенное устройство, образ которого представлял Зара. Поэтому и евангелист упоминает о Фамари и родившихся от нее детях, и говорит: "**Иуда родил Фареса и Зару от Фамари**" (Мф.1:3).

3. Итак, не будем оставлять без внимания того, что содержится в божественном Писании, или поверхностно останавливаться на его изречениях; но, проникая в глубину его и дознавая заключающееся там богатство, будем славить нашего Господа, который все устрояет с такою великою мудростью. Если мы не захотим испытывать и причины и цели каждого описанного здесь события, то не только ее (Фамарь) осудим за кровосмешение с свекром, но и Аврааму поставим в вину то, что он в намерении сделался детоубийцею, - и Финееса, что он в один раз совершил два убийства. А если будем тщательно изучать дело каждого из них, то и их не станем порицать, и сами еще получим отсюда великую пользу.

Но что касается этой истории (из жизни Иуды и Фамари), мы, по возможности, раскрыли любви вашей.

Теперь, если вы не утомились и еще желаете (слушать), мы коснемся и последующих событий, и снова обратимся к повествованию о чудном Иосифе, чтобы и из сказанного сегодня вы увидели, сколько терпел этот мужественный борец после тех снов, которые предвозвещали ему господство и начальство над братьями, как он переходил от одной борьбы к другой, как постигали его искушения за искушениями, следовали кораблекрушения одно за другим, а кормчий не утопал, и, когда наступила самая сильная буря, он управлял своим кораблем, как бы сидя у руля. Но послушаем самого повествования, чтобы дознать все в точности. "**Иосиф же**, **-** говорит Писание, **- отведен был в Египет, и купил его из рук Измаильтян … царедворец фараонов, начальник телохранителей**" (Быт.39:1). Так как купившие его у братьев были, по своим нравам, люди дикие и грубые и они перепродали его египтянину архимагиру фараона и таким образом сын, воспитанный в объятиях отца, переходил от одних господ к другим, то, чтобы нам не было непонятным, как он, еще юный, не привыкший к такому тяжкому образу жизни, воспитанный дома со всею отеческою любовью, переносил это жестокое рабство, - божественное Писание присовокупляет: "**И был Господь с Иосифом: он был успешен в делах**" (ст.2). Что значит – "**был Господь с Иосифом**"? То, что благодать свыше сопутствовала ему и все трудности делала для него легкими. Она устроила все, что касалось его. Она и купцов сделала кроткими и расположила продать его архимагиру, чтобы он, мало-помалу идя вперед по этому пути и подвергаясь таким искушениям, мог приблизиться к царскому престолу. И ты, возлюбленный, слыша, что он терпел рабство у купцов, а потом перешел в рабство к архимагиру, подумай о том, как он не смущался духом, не предавался сомнениям в рассуждении себя самого, и не говорил: "как лживы те сны, которые предвещали мне славу! Вот после этих снов рабство и рабство тяжкое; господа у меня переменяются, и я перехожу от того к другому, от другого к иному, и принужден приспособляться к их диким нравам. Уже не оставлены ли мы? Не лишены ли помощи Вышнего?" Ничего подобного он не сказал и не подумал; но все переносил с кротостью и благодушием. "**И был Господь с Иосифом: он был успешен в делах**". Что значит – "**успешен**"? То, что все у него шло успешно; повсюду предшествовала ему благодать свыше, и так ясно проявлялась на нем, что заметил это и господин его, архимагир. "**Увидел**, **-** говорит Писание, **- господин его, что Господь с ним и что всему, что он делает, Господь в руках его дает успех**. **И снискал Иосиф благоволение в очах его и служил ему. И он поставил его над домом своим, и все, что имел, отдал на руки его**" (ст. 3-4). Видишь ли, что значит иметь помощь от десницы вышней? Вот он - и юноша и странник, и пленник и раб, и однако, получает от господина весь дом. "**Все, -** сказано, **- отдал на руки его**". Почему? Потому что с высшею помощью он привнес собственный (добрый) нрав. "**Снискал благоволение**" (господину), сказано, т. е. все делал для него с большим усердием. Затем, человеколюбец Бог, желая привести его еще к большему благополучию, не освобождал еще его от рабства, и не давал ему свободы. Так всегда угодно Богу - не удалять от опасностей людей добродетельных и не освобождать их от искушений, а в самих искушениях являть им такую Свою помощь, что и сами искушения делаются поводом к торжеству. Поэтому и блаженный Давид говорил: "**В тесноте Ты давал мне простор**" (Пс.4:2). Ты, говорит, не отдалил скорби, не дал мне покоя, освободив от нее, но - что дивно и необычайно - среди самых скорбей привел в безопасность. Тоже и здесь творит человеколюбец Господь. "**Благословил дом Египтянина ради Иосифа**" (Быт.39:5). Уже и чужеземец убедился, что мнимый раб - один из тех, которые угодны Богу. "**И оставил**, **-** сказано, **- он все, что имел, в руках Иосифа и не знал при нем ничего, кроме хлеба, который он ел**" (ст. 6). Почти господином поставил его над всем своим домом. Итак, раб, пленник, имел в своих руках все достояние своего господина. Такова добродетель! Где бы она ни явилась, она везде все

побеждает и над всем господствует. Как исчезает тьма при появлении света (солнечного), так удаляется всякое зло, как скоро является добродетель.

4. Но лютый зверь, диавол, видя, что праведник успевает, и что чрез самые скорбные, по-видимому, обстоятельства делается только более славным, - скрежетал зубами и неистовствовал, и, будучи не в силах видеть праведника, день ото дня приобретающим большую славу, роет для него глубокую пропасть, приготовляет стремнину, с которой думает низвергнуть его в совершенную погибель, воздвигает бурю, могущую подвергнуть его страшному кораблекрушению. Вскоре, однако, он убедился, что идет против рожна и все замышляет только на свою голову. "**Иосиф же был**, **-** сказано, **- красив станом и красив лицем**" (ст.6). Для чего сказано о красоте телесной? Чтобы мы знали, что он не только имел благообразие душевное, но и телесное. Он был в цвете юности; имел хороший вид и прекрасное лицо. А предварительно об этом говорит божественное Писание для того, чтобы объяснить нам, как плененная красотою юноши египтянка склоняла его к беззаконному общению с нею. "**И бысть**, сказано, **по сих**" (в русском переводе этих слов нет) (ст.7). Что такое **по сих**? То есть - по вручении ему власти над всем домом и после удостоения его такой чести от господина. "**И обратила взоры на Иосифа жена господина его**" (ст.7). Какое бесстыдство необузданной женщины! Она не взяла во внимание ни того, что она считается госпожою в доме, ни того, что он раб; но, пленившись его красотою и предавшись сатанинскому огню, она покушается напасть на юношу и, имея в мысли это порочное намерение, изыскивает только время и уединение, в котором ей можно было бы привести в исполнение свой преступный замысел. Но Иосиф, сказано, не хотел этого; не повиновался, не слушал ее речей: он знал, что это дело принесет ему погибель, - и не только о себе думал, но старался, насколько возможно, удержать и ту от такого безумия и преступного пожелания. Он внушает ей мысли, могущие и пристыдить ее и довести до сознания собственной ее пользы. "**И сказал**, **-** сказано, **- жене господина своего** (госпожа получает совет от раба!): **вот, господин мой**, **-** говорит, **- не знает при мне ничего в доме, и все, что имеет, отдал в мои руки**" (ст.8)... Какая благопризнательность человека! Смотри, как он исчисляет благодеяния своего господина, чтобы показать, какую неблагодарность оказывает она своему супругу. Я, говорит он, раб, чужестранец, пленник, пользуюсь у него такою доверенностью, что все в моих руках, и он ничего не исключил из моей власти, кроме только тебя; над всеми здесь я начальствую, а только тебе одной подчинен и только ты находишься вне моей власти. Потом, чтобы нанести ей решительный удар, он напоминает ей о любви к ней мужа, убеждает не быть неблагодарною супругу, и говорит: ты потому не в моей власти, "**потому что ты жена ему**". А если ты его жена, то како "**сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом**" (ст.9)? Так как она искала случая быть с ним наедине и выжидала времени, стараясь утаиться от мужа и от всех домашних слуг, то он говорит: как я возмогу сделать это зло и согрешу пред Богом? Что ты думаешь? Хотя бы мы и от всех людей могли укрыться, но не можем утаиться от Ока всевидящего. Его одного нужно бояться, страшиться и трепетать, чтобы пред Его взором не сделать чего-либо преступного. И дабы мы знали все превосходство добродетели этого праведника, и то, что он не однажды и не дважды, а много раз выдерживал эту борьбу, выслушивал такие речи и не переставал увещевать, божественное Писание говорит: "**Когда так она ежедневно говорила Иосифу, а он не слушался ее**" (ст.10). Наблюдая за домашними делами, она, как зверь, скрежещущий зубами, напала на этого юношу и, схватив за одежды, удерживала его. Не оставим этого без внимания; но подумаем о том, какую борьбу должен был выдержать праведник. Не так чудно было, кажется мне, трем отрокам среди вавилонской печи остаться без вреда и ничего не потерпеть от огня, как чудно и необычайно то, что этот дивный юноша, будучи удержан за одежду этою бесчестною и необузданною женщиною, не предался ей, но бежал, оставив даже и одежды в ее руках. И как те три отрока, за свою добродетель получив свыше помощь, явились победителями огня, так и этот за то, что

употреблял с своей стороны все усилия и оказывал великое постоянство в подвигах целомудрия, получил и свыше великую помощь, чтобы при содействии десницы Божией одержать эту победу и избежать сетей распутной жены. Можно было видеть после того, как дивный юноша вышел обнаженным от одежд, но облеченным в одеяние целомудрия, и как он бежал, как бы от огня и пламени, не потерпев никакого вреда, и не только не будучи опален, но став еще более чистым и светлым.

5. Но обрати внимание на то, что после такой победы, после такого мужества, за что ему надлежало быть увенчанным, надлежало быть прославленным, - он опять, как виновный, подвергается тысяче бед. Эта египтянка, не вынося срама и бесчестия, которым сама подвергла себя, замыслив дело невозможное, прежде всего созвав домашних, обвиняет юношу и, свое безумное желание приписывая ему, старается таким образом обмануть всех. Так обыкновенно действует порок: всегда враждуя против добродетели, он свои преступления старается ей приписывать. Так поступила и эта женщина: она клеветала на юношу, как распутного, а себя прикрывала личиною целомудрия, и говорила, что потому самому он и одежды свои оставил, а она удержала их. А человеколюбец Бог по долготерпению Своему попустил это для того, чтобы тем более прославить Своего раба. Когда пришел муж, она все это рассказала с большим коварством и, обвиняя юношу, говорила: “**Раб Еврей, которого ты привел к нам, приходил ко мне ругаться надо мною**” (ст.17). Несчастная и жалкая! Не он вошел к тебе, чтобы обесчестить тебя; но тобой руководил диавол, чтобы ты не только сделалась прелюбодеицей, но, если тебе нужно, и совершила бы убийство. В подтверждение своих слов она показала одежды юноши.

Подумай при этом, как человеколюбив общий всех людей Господь. Как прежде Он избавил Иосифа от желавших убить его братьев, и устроил так, что прежде, по совету Рувима, он был брошен в ров, а потом, по совету Иуды, продан купцам, дабы исполнение сновидений убедило праведника, что не напрасно и не без цели это было ему открыто, так и теперь рука Вышнего удержала чужеземца, и не допустила его тотчас устремиться на убийство юноши. В самом деле, что препятствовало ему это сделать, когда он узнал, что юноша покусился даже обесчестить его ложе? Но благопромыслительный Бог так устроил, что господин оказал такую кротость, чтобы, будучи брошен в темницу и здесь опять показав свою добродетель, Иосиф достиг таким образом управления (египетским) царством. “**Воспылал гневом**, **-** сказано, **- и взял Иосифа господин его и отдал его в темницу, где заключены узники царя**” (ст. 19,20). Однако же, если он не верил, то не следовало заключать его в темницу; а если поверил тому, что слова египтянки правдивы, то Иосиф заслуживал уже не заключения в темницу, а смертной казни и самого высшего наказания. Но когда вышняя десница являет свое промышление, тогда все делается легким и сносным, и люди жестокие оказываются кротчайшими. А помощь свыше приходит с щедростью тогда, когда и мы покажем много добродетели. Так как этот (праведник) много подвизался, то много получил воздаяния. И после такого мужественного подвига, он отведен был в темницу и все переносил безмолвно. Вы знаете, как люди, не знающие за собою ничего худого, подвергаясь осуждению, как виновные, сохраняют всю твердость духа, говорят свободно, и выступают с сознанием своего достоинства против тех, которые возводят на них невиновных обвинение. Но этот не так; он молчит, и все принимает с кротостью, и ожидает с великим терпением помощи Божией. И посмотри, как и в самой темнице он опять получил всю власть от темничного стража; и справедливо, потому что, говорит Писание, “**Господь был с Иосифом, и простер к нему милость**” (ст.21). Что значит – “**простер к нему милость**”? Значит: Господь преклонил к состраданию начальника темницы и расположил оказывать ему большое благоволение. “**Даровал ему благоволение**” пред ним. Подлинно, нет блаженнее человека, пользующегося благоволением свыше. “**И отдал начальник темницы в руки Иосифу всех узников**” (ст.

22). Вот как темничный стражу уступает (свои права), дает ему самостоятельность и всем заключенным в темнице повелевает быть под его властью. “**Начальник темницы и не смотрел ни за чем, что было у него в руках, потому что Господь был с [Иосифом], и во всем, что он делал, Господь давал успех**” (ст. 23). Замечай, как всегда была с ним благодать Божия, и как все, что он ни делал, было исполнено благодати.

Будем и мы заботиться, чтобы всегда иметь с собою Господа и чтобы Он всегда благопоспешал делам нашим. Кто удостоился этой помощи, тот и среди бед посмеется им и не поставит их ни во что, потому что Господь все творит для него и благоустрояет, во всем споспешествует ему и тяжкое делает легким. Как же можем мы всегда иметь с собою Господа и получать от Него благопоспешение во всем? Если мы будем всегда трезвиться и бодрствовать, - будем подражать целомудрию этого юноши и другим его добродетелям, твердости его духа, - будем помнить, что все должно делать с таким тщанием, чтобы никогда не подвергнуться осуждению от Господа, - что никому невозможно укрыться от Его неусыпного Ока, и что грешник непременно должен подвергнуться наказаниям. Не будем страха человеческого предпочитать гневу Божию; но будем всегда памятовать слова Иосифа: “**как сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом**”? Если какой-нибудь помысл смущает нас, то приведем себе на мысль это изречение, - и всякое непозволительное пожелание тотчас исчезнет. Если бы кто-нибудь увлекался пожеланием плотским или страстью к деньгам или другим каким-либо безрассудным удовольствием, то пусть тотчас представит себе, что есть у нас Судия, от Которого не могут укрыться и тайные пожелания. (Поступая таким образом), мы совершенно избегнем козней диавола и получим свыше великую помощь, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 63

"Начальник темницы и не смотрел ни за чем ради Иосифа" (Быт. 39:23).

1. Сегодня мы хотим сообщить вашей любви остальное из сказанного нами вчера и опять коснуться повествования об Иосифе. Вы знаете, что вчера в очень продолжительной нашей беседе мы не могли подвинуться далее, а остановились на том, как Иосиф, по клевете египтянки, ввергнут был архимагиром в темницу. Сегодня любви вашей нужно показать, что с ним случилось в темнице. Будучи заключен в темницу и поручен начальнику темничных стражей, он и там получил столь великую помощь от Бога, что главный страж вверил ему полное начальство над темницей. "**Начальник темницы**", сказано, "**и не смотрел ни за чем ради**" Иосифа. Видишь, что он среди самых скорбей не имел никакого чувства горести; а благопромыслительная премудрость Божья изменила все неприятное (в приятное). Как перл, хотя бы брошен был в тину, показывает свою красоту, так и добродетель, куда бы ты ее ни свергнул, проявляет свою силу – и в рабстве, и в темнице, и в бедствии, и в счастье. Так как заключенный в темницу расположил к себе темничного начальника, и получил от него начальство над всеми, в ней находившимися, то отсюда мы должны видеть, как открывалась в нем сила присущей ему благодати. **Когда господин его услышал**, сказано, **слова** (ст. 19). Какие слова? То есть, после рассказанных обстоятельств оклеветания Иосифа и осуждения его на темничное заключение; также после того, как мы узнали, что Господь был с ним и что начальник темницы доверил ему управление всей темницей. "**После сего**", когда он был ввержен в темницу, что главный виночерпий и главный хлебодар учинили преступление и были осуждены царем на заключение в ту же темницу. Приняв их, начальник стражей поручил их Иосифу. Он обходился с ним уже не как с узником, но как с участником в его заботах, или лучше – как с таким, который способен был облегчать тяжкую участь заключенных. "**И приставил к**

ним", сказано (Быт.40:4). Что значит: "**приставил к ним**"? То есть, он утешал их, укреплял их дух, ободрял их, и не допускал их впадать в уныние. Долго они были в темнице, и в одну ночь оба, и виночерпий и хлебодар, видели сон. Но этот дивный (Иосиф), заботясь об утешении их и заметив, что сновидения привели их в смущение и недоумение, говорит им: "**отчего у вас сегодня печальные лица**" (Быт.40:7), – так как лица их обнаруживали внутреннюю тревогу. Да и Премудрый сказал: "**веселое сердце делает лицо веселым, а при сердечной скорби дух унывает**" (Притч.15:13). Итак, видя их в унынии от сновидений, он хотел узнать причину и спрашивал их. Смотри, как и в темнице он показывал свою добродетель и старался облегчать скорби других! Что же они? "**Сны**", говорят, "**нам виделись, а истолковать их некому**" (Быт.40:8). Они не знали мудрости говорившего с ними; они смотрели на него, как на одного из многих; потому не рассказывают и сна, а говорят только, что видели сон, и некому объяснить его. Но этот дивный муж говорит им: "**не от Бога ли истолкования? расскажите мне**" (Быт.40:8). От себя могу ли я обещать вам какое-нибудь изъяснение? Бог сообщает откровения. "**Расскажите мне**". Смотри, какая мудрость и какое необычайное смиренномудрие! Не говорит он: я вам изъясню, я вам покажу значение снов; а что? "**Расскажите мне**". Один Бог сообщает такие откровения. "**И рассказал главный виночерпий**". Выслушав его, Иосиф говорит: "**вот истолкование его: три ветви – это три дня; через три дня фараон вознесет главу твою, и возвратит тебя на место твое, и ты подашь чашу фараонову в руку его, по прежнему обыкновению, когда ты был у него виночерпием; вспомни же меня, когда хорошо тебе будет, и сделай мне благодеяние, и упомяни обо мне фараону, и выведи меня из этого дома, ибо я украден из земли Евреев; а также и здесь ничего не сделал за что бы бросить меня в темницу**" (Быт.40:9,12-14). Так как Иосиф предсказывал виночерпию в будущем благополучие и помилование от царя, то и говорит: "**упомяни обо мне**", то есть, когда ты снова будешь счастлив, вспомни того, кто тебе это предсказал, и окажи мне милость.

2. Слыша это, возлюбленный, не обвиняй праведника в малодушии; а лучше подивись тому, что он, среди таких скорбей, мужественно и благодушно переносил заключение в темнице. Хотя от начальника темницы часто получал он власть, но все же его тяготило заключение и пребывание с людьми павшими и неопрятными. Заметь его любомудрую душу и в том, как он все переносил с твердостью духа, во всем показывая глубокое смиренномудрие. "**И сделай**", говорит, "**мне благодеяние, и упомяни обо мне фараону, и выведи меня из этого дома**". Обрати здесь внимание на то, что он ничего не говорит касательно той гнусной блудницы, не обвиняет и своего господина, не упоминает о бесчеловечии к нему своих братьев; но, скрывая все это, говорит: вспомни меня и постарайся о том, чтоб меня вывели из этой темницы. "**Ибо я украден из земли Евреев; а также и здесь ничего не сделал, за что бы бросить меня в темницу**". Не оставим этого без внимания: но размыслим о любомудрии его души, – о том, как он, нашедши такой случай и зная, что виночерпий, в счастливых обстоятельствах, может все, что его касается, сообщить царю, он не обвиняет египтянки (опять это скажу), не касается ни господина, ни своих братьев; не высказывает причины, по какой осужден на заключение в темницу, и не старается доказать несправедливость, ему оказанную; не о том заботится, чтобы обвинить других, а чтобы сказать то, что его касается. Он оставил в тени поступки с ним братьев, сказав только: "**украден из земли Евреев**", а о поступке непотребной египтянки и вовсе не упоминает, также и о несправедливом гневе на него господина. Что он говорит? "**И здесь ничего не сделал, за что бы бросить меня в темницу**". Слыша это, научимся и мы, когда подвергнемся чему-либо подобному, не стараться поносить тех (которые обидели нас), не изощрять языка на обвинение других, но тихо и кротко доказывать свою невинность и подражать этому чудному мужу, который даже и в бедствии не решился ни одним словом огласить бесстыдство египтянки. Известно, что многие, действительно виновные в преступлениях, с бесстыдством стараются сложить свою вину на других. А

этот, будучи светлее солнца и имея возможность рассказать все правдиво и показать безумие той (женщины) и себя прославить, ничего из этого не разглашает. Он не искал славы у людей, а довольствовался благоволением свыше, и похвалу за свои дела хотел иметь только от Всевидящего. Поэтому, хотя он молчал, и старался все скрыть, – человеколюбец Господь, видя, что подвижник так хорошо подвизается, возвел его на такую степень величия. Впрочем, и из последующих событий мы узнаем терпение этого мужа, увидим, как он не скорбел от промедления и не унывал, но с великим благодушием все переносил и благодарил Господа, попустившего это. Между тем главный хлебодар, услышав это и думая, что и его сон предвещает ему что-нибудь доброе, рассказывает ему свое сновидение. Но Иосиф, выслушав и получив от Вышнего откровения объяснение и этого сна, предсказывает хлебодару угрожающую погибель и говорит: "**через три дня фараон снимет с тебя голову твою и повесит тебя на дереве, и птицы будут клевать плоть твою с тебя**" (Быт.40:19). Для того, говорит он, я предварительно заметил вам, что я не от себя вещаю вам, но по откровению Божьему, чтобы, доброе ли или худое будут означать сны ваши, вы не приписывали этого мне самому. Я не свое говорю вам; но объявляю только то, что открывает благодать свыше. Когда наступил предназначенный день, слова Иосифа оправдались самым делом: с обоими произошло так, как он предсказывал; один снова возвратился к прежнему благоденствию, другой подвергся казни. Однако виночерпий, столь утешенный Иосифом, "**не вспомнил об Иосифе, но забыл его**" (Быт.40:23). И посмотри опять на праведника, как он подвизается, будто в училище борьбы или палестре, и представляет доказательства своей доблести, не испытывая никакого смущения, страха и раздражения. Если бы это был другой кто-нибудь из обыкновенных людей, то, может быть, сказал бы сам себе: что же это? Виночерпий, сообразно с тем как истолковал я ему сон, так скоро возвратил себе прежнее благополучие и уже не вспомнил обо мне, предсказавшем ему это. Вот он в таком счастье; а я, не сделавший ничего худого, в заключении, вместе с убийцами, ворами, разбойниками, с людьми, наделавшими тысячи зол. Ничего подобного он не сказал и не подумал: он знал, что его поприще для того так и продолжительно, чтобы, надлежащим образом потрудившись, он получил светлый венец.

3. Заметь, что по восстановлении виночерпия прошло, как сказано, два года. Ему нужно было ожидать благоприятного времени, чтобы выйти оттуда со славой. Если бы виночерпий, вспомнив о нем прежде сновидений фараона, своим ходатайством освободил его из темницы, то его добродетель для многих, быть может, осталась бы неизвестной. А теперь благопромыслительный и премудрый Господь, как искусный художник, зная, насколько времени золото должно оставаться в огне, и когда его нужно вынимать оттуда, попускает виночерпию забыть об Иосифе в продолжение двух лет, для того, чтобы застало время и для сновидений фараона, и по требованию самой нужды праведник сделался известным по всему царству фараона. "**По прошествии двух лет**", сказано, "**фараону снился сон. Утром смутился дух его, и послал он, и призвал всех волхвов Египта, и всех мудрецов его, и рассказал им фараон сон свой; но не было никого, кто бы истолковал его фараону**" (Быт.41:8). Посмотри, как (здесь) многообразно устроение Божье! Сперва Бог попускает ему испытать всех считавшихся там мудрецами для того, чтобы – когда обнаружится их неведение – выступил на средину этот узник, пленник, раб, еврей, и, открыв то, что скрыто было от многих, через то всем показал озаряющую его благодать свыше. Когда все собранные мудрецы не могли ничего сказать, даже и уст открыть не имели сил, тогда виночерпий, вспомнив, пересказывает фараону случившееся с ним, и говорит: "**грехи мои вспоминаю я ныне**" (Быт.41:9). И затем рассказывает, как он в то время, когда был ввергнут в темницу вместе с хлебодаром, видел сон и получил объяснение от Иосифа, и как, по его предсказанию, все сбылось с ними на самом деле. Царь, услышав это, послал за Иосифом; "**и позвал Иосифа. И поспешно вывели его из темницы. Он остригся и переменил одежду свою и пришел к фараону**" (Быт.41:14).

Смотри, какая вдруг, с самого начала, честь! Уже хорошо очищенный терпением, блистающий, как золото, он выходит из темницы и приводится к фараону. Видишь ли, что значит иметь помощь свыше? Замечай, как устроилось к тому, чтобы исполнилось то, что касается Иосифа. Так как он совершил величайший подвиг целомудрия, избежав сетей непотребной египтянки, и ввергнут был в темницу, то соизволено было, что в то же время заключены были там же виночерпий и хлебодар фараона, и через объяснение снов они узнали мудрость этого мужа, дабы теперь своевременно вспомнивший о нем сделал его всем известным. "**Фараон сказал Иосифу: мне снился сон, и нет никого, кто бы истолковал его, а о тебе я слышал, что ты умеешь толковать сны**" (Быт.41:15). Вот как фараон от стыда не говорит прямо, что никто из моих мудрецов не мог истолковать снов; а что (говорит)? "**Мне снился сон, и нет никого, кто бы истолковал его, а о тебе я слышал, что ты умеешь толковать сны**". Обрати внимание на то, сколько здесь у Иосифа мудрости и благочестия в том, как отвечает он фараону. Не думай, говорит он, что я от себя что-нибудь говорю или по человеческой мудрости изъясняю это. Без откровения свыше нельзя приобрести такого ведения. Итак, знай, что без Бога я не могу отвечать тебе. "**Бог даст**", говорит, "**ответ во благо Фараона**" (Быт.41:16). А, зная, что Владыка всего открывает это, не спрашивай у людей о том, что открывать, говорит, свойственно одному Богу.

Смотри, как своим ответом Иосиф научает фараона понимать и бессилие бывших при нем мудрецов, и всемогущество Господа. Теперь, как ты узнал, что я не по человеческой премудрости и не по своим соображениям объясняю это, скажи, что тебе Бог открыл. Выслушав это, фараон рассказывает свои сны, первый и второй, и говорит: "**Я рассказал это волхвам, но никто не изъяснил мне**" (Быт.41:24). Но не слышал ли ты от меня, говорит (Иосиф), что человеческой мудрости не свойственно знать это? Поэтому ты и не обвиняй мудрецов; они не могли никогда постигнуть того, что требует откровения свыше. "**И сказал Иосиф: сон Фараонов один**" (Быт.41:25). А чтобы ты уверился, что открытое тебе Богом действительно сбудется и что Бог ускорит совершить это, дано тебе увидеть в другой раз тот же сон (Быт.41:32). Повторение служит подтверждением показанного (в сновидениях) и удостоверением в совершенном исполнении этого. Затем он объяснил семикратное число волов и колосьев, сказав, что будет сначала великое во всем изобилие, а за ним последует жестокий голод, в заключение предложил фараону и наилучший совет. Поставь, говорит, над Египтом человека, который, собрав в семь плодородных лет плоды, устроил бы так, чтобы во время голода можно было найти утешение и не было совершенного оскудения. Понравилось, сказано, это фараону и всем рабам его (Быт.41:37). И вот фараон служит орудием исполнения снов Иосифа, виденных тогда, когда он еще жил с отцом своим. Итак, он толковал сны фараона; а фараон приводил к концу исполнение его снов, и сам того не зная. Выслушав это, сказано, "**сказал слугам своим: найдем ли мы такого, как он, человека, в котором был бы Дух Божий**" (Быт.41:38)?

4. Видишь, как и сам (фараон) понял, что ему (Иосифу) сделалось это ясным по особому откровению свыше. Кого найдем мы, говорит, такого, который бы удостоен был благодати – иметь в себе Духа Божья? "**И сказал фараон Иосифу: так как Бог открыл тебе все сие, то нет столь разумного и мудрого, как ты**" (Быт.41:39).

Примечай здесь то, как никакие случайности не могут быть препятствием, когда благопромыслительному Господу угодно привести в исполнение Свои намерения. Вот (Иосиф) подвергся почти, можно сказать, убийству со стороны братьев, потом был продан, подпал клевете, которая угрожала ему крайней опасностью, и столько времени оставался в заключении, – и после всего этого возведен почти на царский престол. "**Так как Бог открыл тебе все сие, то нет столь разумного и мудрого, как ты; ты будешь**

над домом моим, и твоего слова держаться будет весь народ мой, только престолом я буду больше тебя" (Быт.41:39-40). Вот как узник внезапно становится царем всего Египта; тот, кто архимагиром был заключен в темницу, теперь царем возводится на самую высшую степень почестей; прежний господин его сверх всякого чаяния видит, что человек, которого он, как прелюбодея, ввергнул в темницу, теперь получил власть над всем Египтом. Видишь ли, что значит благодушно переносить искушения? Поэтому и Павел говорит: "**от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает**" (Рим.5:3-5). И вот смотри: скорби (Иосиф) переносил с терпением; терпение сделало его испытанным; а, сделавшись испытанным, он стал тверд в уповании, и упование не посрамило. "**И сказал фараон Иосифу: вот, я поставляю тебя над всей землей Египетской. И снял фараон перстень свой с руки своей и надел его на руку Иосифа; одел его в виссонные одежды, возложил золотую цепь на шею ему; велел везти его на второй из своих колесниц, и провозглашать перед ним: преклоняйтесь! И поставил его над всей землей Египетской**" (Быт.41:41-43). Так как он имел Бога с собой, то Господь все это предустроил и возвел его на такую степень величия. "**И сказал фараон Иосифу: я фараон; без тебя никто не двинет ни руки своей, ни ноги своей во всей земле Египетской**" (Быт.41:44). "**И нарек фараон Иосифу имя: Цафнаф-панеах**" (Быт.41:45), желая этим наименованием увековечить память о присущей ему мудрости. А имя это значит: знающий сокровенное. Так как он объяснил то, что было никому неведомо, то, указывая на это, фараон и дал ему это прозвище. Возвышая его честь, дает ему в супружество дочь Петефрия. Но как этим же именем назывался и бывший господин его, то и прибавлено (в Писании): Петефрия, "**жреца Илиопольского**" (Быт.41:45). Далее, чтобы нам известно было и то, в каком возрасте этот чудный совершил такие подвиги и удостоился такого воздаяния. Писание говорит: "**Иосифу было тридцать лет от рождения, когда он предстал перед лицом фараона**" (Быт.41:46). Не подумаем, что число лет здесь показано без цели; это – для нашего вразумления в том, что ни для кого не может быть извинительным нерадение о добродетели, что никому нельзя ссылаться на юность там, где должно показать добродетель. Вот Иосиф был не только юн, но и благообразен и красив лицом. Случается, что и юность бывает лишена телесной красоты. А он с юностью соединял и красоту лица и благообразие и, будучи почти в самом цветущем возрасте, сделался рабом и пленником, – так как сказано, что семнадцати лет он был отведен в Египет. Потом в самом пылу его юношеского возраста нападает на него непотребная египтянка, ставшая его госпожой; но и при этом она не преодолела твердости праведника. Далее – темница и в ней столь долговременное страдание. Но он пребыл тверд, как адамант, не только не ослабевая, но еще более и более приобретая силы, потому что он имел укреплявшую его благодать свыше. И так как он сам со своей стороны исполнил свой долг, то и вызван из темницы для управления всем Египтом.

5. Слыша это, никогда не будем унывать в скорбях и, увлекаясь своими помыслами, не будем предаваться отчаянию; но, имея большое терпение, будем питаться надеждой, зная благое о нас промышление Господа, который не потому попускает нам испытывать скорби, что оставляет нас, но потому, что желает за подвиги увенчать нас светлым венцом. Так достигли славы все святые. Поэтому и апостолы говорили: многими "**скорбями надлежит нам войти в Царствие Божье**" (Деян.14:22). И сам Христос сказал ученикам: "**в мире будете иметь скорбь**" (Ин.16:33). Не будем же слишком сетовать о скорбях, но послушаем Павла, который говорит, что "**желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы**" (2Тим.3:12). Не будем ни смущаться духом, ни унывать; но будем переносить с твердостью и терпением все напасти, обращая внимание не на скорби, а на пользу, отсюда происходящую, потому что тут есть духовное благоприобретение. Как желающие собрать богатство, занятые житейскими выгодами, не иначе могут умножить свое достояние, как испытывая множество опасностей на суше и на

море (неизбежно подвергаясь козням и нападениям воров и разбойников), и, однако, охотно готовы бывают переносить все это, в ожидании прибыли, вовсе не чувствуя ничего тяжелого, так и мы должны радоваться и веселиться, помышляя о собираемом таким путем богатстве и духовном приобретении и – смотреть не на видимое, а на невидимое, как это внушает Павел, говоря: "**мы смотрим не на видимое**" (2Кор.4:18). Вера в том и состоит, когда мы не довольствуемся только тем, что видим телесными глазами, но очами ума созерцаем невидимое. И это мы должны считать более достоверным, нежели то, что видим телесными глазами. Так благоугождал (Богу) патриарх, поверив обетованию Божьему и став выше естества и всех человеческих помыслов; и это – "**вменилось ему в правду**" (Рим.4:3). Знай, что "**правда**" и состоит в веровании словам Божьим. Когда Он изрекает Свои обетования, то не испытывай их, прошу, по человеческим соображениям; но, становясь выше обыкновенных помыслов, твердо уповай на всемогущество Давшего обетование. Так благоугождал каждый из мужей праведных. Так и дивный этот Иосиф, когда после его сновидений возникли столь великие для него искушения, не смущался, не предавался страху; но с твердостью духа все переносил мужественно, зная, что невозможно божественному намерению остаться без исполнения. Зато после рабства, после темницы и после такой жестокой клеветы, он получил власть над всем Египтом. Размышляя обо всем этом, будем благодушно встречать напасти, за все благодаря человеколюбца Бога и от Него ожидая помощи, которой и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 64

"И вышел Иосиф от лица фараонова и прошел по всей земле Египетской. Земля же в семь лет изобилия приносила из зерна по горсти, и скопил хлеба весьма много, как песку морского" (Быт. 41:46-47,49).

1. Хотите ли, чтобы и сегодня мы продолжили повествование об Иосифе и рассмотрели то, как этот дивный муж, получив начальство над всем Египтом, свойственным ему благоразумием успокоил всех жителей его? "**Вышел**", сказано, **от лица фараонова и прошел по всей земле Египетской**. **Земля же в семь лет изобилия приносила из зерна по горсти, и скопил хлеба весьма много, как песку морского"**. Получив от царя полную власть, он собирал полевые плоды и слагал их в городах, приготавливая, таким образом, достаточное обеспечение на время наступавшего голода. Видишь ли, какое воздаяние за свое благодушие, терпение и другие добродетели еще здесь получил этот праведник, из темницы перешедши в царские чертоги. Было же у него, сказано, два сына прежде наступления годов голода; и "**нарек имя**" первому "**Манассия, потому что, говорил он, Бог дал мне забыть все несчастья мои и весь дом отца моего**" (Быт.41:51). Заметь благочестие этого мужа и в том, что в имени сына он полагает воспоминание обо всем, чтобы благодарность свою (Богу) сделать постоянной, чтобы и сын из собственного своего имени мог знать об искушениях и терпении, через которое праведник достиг столь великой славы. "**Потому что Бог дал мне забыть все несчастья мои и весь дом отца моего**". Что значит: "**все несчастья мои**"? Здесь, мне думается, разумеет он двукратное свое рабство и страдание в темнице, "**и весь дом отца моего**", т.е. испытанное им разлучение с отцом, когда он был удален от объятий отеческих и еще в незрелом возрасте, воспитанный с таким попечением, перешел из свободного состояния в неволю. "**И другому нарек имя: Ефрем, потому что, говорил он, Бог сделал меня плодовитым в земле страдания моего**" (Быт.41:52). Смотри, имя и этого сына выражает полную благодарность. Не только, говорит, я забыл прежнее горе, но и размножился на этой земле, в которой потерпел такое унижение, что находился в крайности и подвергался опасности за самую жизнь. Но следует выслушать и дальнейшее повествование. После

семи лет изобильных наступили годы голода, как предсказывал Иосиф. События показали всем мудрость этого мужа, и всех заставили подчиниться ему. Он наперед устроил так, что, когда должен был наступить сильный голод, египтяне не чувствовали нужды. "**Во всей земле Египетской**", сказано, "**был хлеб**" (Быт.41:54). Но когда скудость увеличилась, то народ возопил к фараону, не вынося тяжкой нужды; вынуждаемые голодом прибегли к царю. Но обрати внимание на его признательность. "**И сказал фараон всем Египтянам: пойдите к Иосифу и делайте, что он вам скажет**" (Быт.41:55). Он как бы так говорит: чего вы пришли ко мне? Разве не видите, что я только ношу одежду (царскую), а он виновник нашего общего спасения? Не бегите же ко мне, оставляя его, а идите к нему, "**и делайте, что он вам скажет. И отворил Иосиф все житницы, и стал продавать хлеб Египтянам**" (Быт.41:56). И как голод охватил всех, то "**из всех стран приходили в Египет покупать хлеб у Иосифа, ибо голод усилился по всей земле**" (Быт. 41:57). Смотри, как мало-помалу начинают сбываться Иосифовы сновидения. Когда голод усилился и распространился на Ханаан, где жил отец его Иаков, то, узнавши, что есть продажа пшеницы в Египте, "**сказал сыновьям своим: что вы смотрите? Вот, я слышал, что есть хлеб в Египте; пойдите туда и купите нам оттуда хлеба, чтобы нам жить и не умереть**" (Быт.42:1-2). Что, говорит, вы здесь сидите? Отправляйтесь в Египет и принесите нам, что нужно для пропитания. А все происходило так для того, чтобы братья Иосифа увидели все своими глазами и сами привели в исполнение то толкование сна, которое они высказали, когда слушали рассказ Иосифа о том, что он видел во сне. "**И пошли**", сказано, "**десять братьев**", а Вениамина, который был от одной матери с Иосифом, не взяли с собой, потому что отец сказал: "**не случилось бы с ним беды**" (Быт.42:4). Он жалел отрока, по незрелости его лет. "**Пришли и поклонились**" Иосифу, как начальнику Египта, "**лицом до земли**" (Быт.42:6). Теперь все это они делают в неведении, потому что прошло не мало времени с тех пор; не признали брата даже по чертам лица; может, быть, зрелость возраста произвела некоторую перемену в лице его. Все это, думаю, произошло и по устроению Бога всяческих, так что они не могли узнать брата ни из разговора, ни по лицу. Да и как могло им придти это на мысль? Ведь они думали, что он, сделавшись рабом измаильтян, и дотоле еще оставался в рабстве у варваров. Так они, не будучи в силах представить себе ничего такого, не узнали Иосифа; а он узнал их, едва только увидел, но постарался скрыть и решился обращаться с ними, как с чужими. "**Показал, будто не знает их**", сказано, "**и говорил с ними сурово и сказал им: откуда вы пришли**" (Быт42:7). Он прикрывает себя совершенным незнанием, чтобы тем лучше узнать от них все в подробности: он желал узнать касательно своего отца и брата [Вениамина].

2. И, прежде всего, он спрашивает их, из какой они страны; они отвечают, что из земли Ханаанской, – пришли купить хлеба. Голодная нужда, говорят, заставила нас предпринять это путешествие; и по этой причине, оставив свои (семейства), мы пришли сюда. "**И вспомнил Иосиф сны, которые снились ему о них**" (Быт.42:9). Припомнив сны и увидев, что они сбываются на самом деле, он хотел разведать обо всем обстоятельно. Поэтому он с большой строгостью тотчас отвечает и говорит: "**вы соглядатаи, вы пришли высмотреть наготу земли сей**" (Быт.42:9). Не с добрым намерением, говорит, пришли вы. Как видно, вы пришли сюда с какой-то хитростью и злым умыслом. Они, пришедши в замешательство, отвечают: "**нет, господин**" (Быт.42:10). И о чем старался узнать Иосиф, то они сами собой объясняют ему. "**Рабы твои**", говорят они, "**пришли купить пищи; мы все дети одного человека; мы люди честные; рабы твои не бывали соглядатаями**" (Быт.42:11). Защищая только самих себя и будучи в душе волнуемы страхом, они не высказывают еще того, что хотел узнать Иосиф. Поэтому он снова повторяет им: "**нет, вы пришли высмотреть наготу земли сей**" (Быт.42:12). Напрасно вы это говорите мне; самый вид ваш показывает, что вы прибыли сюда с каким-нибудь злым умыслом. Вынуждаемые необходимостью и желая преклонить его на милость, они

говорят: "**нас, рабов твоих, двенадцать братьев**". Какой обман в словах! И того, кого сами продали купцам, включают в число. Да и не говорят: "**нас было двенадцать, а двенадцать есть. И вот, меньший с отцом нашим**". Именно о том и хотел Иосиф узнать, не сделали ли они и с меньшим его братом того же (что с ним). "**Меньший теперь с отцом нашим, а одного не стало**" (Быт.42:13). Не указывают ясно причины (отсутствия), а только: "**не стало**". Из такого ответа возымев подозрение, не сделали ли они и Вениамину чего-нибудь подобного, говорит: "**то самое я и говорил вам, сказав: вы соглядатаи. Не выйдете отсюда, если не придет сюда меньший брат ваш**" (Быт.42:14-15). Я его хочу видеть; желаю посмотреть на брата единоутробного, потому что из ваших поступков со мной подозреваю в вас братоненавистный дух. Итак, если хотите, "**пошлите одного из вас, и пусть он приведет брата вашего**", а пока он не придет, вы останетесь в темнице. С прибытием его объяснится, правду ли вы говорите, и тогда вы будете свободны от всякого подозрения. А если этого не будет, то ясно, что вы соглядатаи и затем пришли сюда. Сказав это, он "**отдал их под стражу**" (Быт.42:17). Вот как он испытывает их чувства и тем, что он с ними делает, показывает свою любовь к брату. Спустя три дня, он, призвал их к себе и сказал: "**вот что сделайте, и останетесь живы, ибо я боюсь Бога: если вы люди честные, то один брат из вас пусть содержится в доме, где вы заключены; а вы пойдите, отвезите хлеб, ради голода семейств ваших; брата же вашего меньшего приведите ко мне, чтобы оправдались слова ваши и чтобы не умереть вам**" (Быт.42:18-20).

Примечай благоразумие. Желая и им оказать расположение, и нуждам отца помочь, и о брате узнать точную правду, он повелел одного из братьев задержать, а прочим позволил возвратиться. Но посмотри, как теперь восстает неподкупный судья – совесть, хотя и никто их не обличает и не приводит на суд, и как они обвиняют сами себя. "**И говорили**", сказано, "**они друг другу: точно мы наказываемся за грех против брата нашего; мы видели страдание души его, когда он умолял нас, но не послушали за то и постигло нас горе сие**" (Быт.42:21). Таков грех. Когда он уже совершен на самом деле, тогда и обнаруживает величайшее свое безрассудство. Как пьющий, когда упивается крепким вином, нисколько не чувствует вреда от вина, а уже после самым опытом познает, как оно губительно, так и грех: пока еще не сделан, он помрачает рассудок, и подобно густому облаку затемняет смысл, а потом восстает совесть и сильнее всякого обличителя терзает мысль, обнаруживая гнусность поступка. Вот и эти теперь приходят в чувство, и когда увидели решительно угрожающую им опасность, тогда сознают, что ими сделано, и говорят: "**точно мы наказываемся за грех против брата нашего; мы видели страдание души его**". Не случайно и не напрасно мы терпим это, говорят они, а справедливо и очень справедливо. Это нам наказание за бесчеловечие и жестокость, какую мы оказали брату: "**когда он умолял нас, но не послушали**". Так как были немилосердны и оказали великую жестокость, то зато теперь и испытываем то же самое: "**за то и постигло нас горе сие**".

3. Так они говорили между собой, думая, что Иосиф ничего этого не слышит. Он, как будто не зная и не понимая их языка, употреблял в сношениях с ними переводчика, который его слова передавал им, а их слова объяснял ему. Слыша это, Рувим сказал им: "**не говорил ли я вам: не грешите против отрока? но вы не послушались; вот, кровь его взыскивается**" (Быт.42:22). Не советовал ли я, говорит он, тогда вам, не упрашивал ли вас не делать ему никакой несправедливости? Поэтому теперь "**кровь его взыскивается**", так как в намерении вы уже умертвили его. Хотя вы не пронзили мечем шеи его, но, продав его варварам, придумали для него рабство, тягчайшее самой смерти. За это теперь взыскивается кровь его. Подумай, каково чувствовать укоризны совести, постоянно иметь при себе этого обличителя, который вопиет и напоминает преступление. Иосиф слышал это. А они не знали (этого), потому что стоял и между ними переводчик

(Быт.42:23). Но далее он уже не мог переносить, потому что естество братнее и сочувствие выдавали его. "**И отошел от них**", чтобы не обнаружиться перед ними, "**и заплакал**" (Быт.42:24). "**И возвратился к ним, и говорил с ними, и, взяв из них Симеона, связал его перед глазами их**". Смотри, как он все делает для того, чтобы привести их в страх, чтобы они, увидев узы Симеона, ясно проявили себя в том отношении, имеют ли какое-нибудь сожаление о брате. Все это он делает, испытывая их мысли, желая узнать, не были ли они так ими же и с Вениамином (как с ним). Поэтому он приказывает связать в глазах их и Симеона, чтобы вполне испытать их и увидеть, окажут ли они сколько-нибудь любви к нему. Сожалея о Симеоне, они должны были ускорить прибытие Вениамина, чего и хотел Иосиф, чтобы свиданием с братом совершенно успокоиться. "**И повелел**", сказано, "**наполнить мешки их хлебом, а серебро их возвратить каждому в мешок его, и дать им запасов на дорогу: положили хлеб свой на ослов своих, и пошли оттуда**" (Быт.42:25-26). Смотри, какую щедрость показывает он. Он благодетельствует им, вопреки их намерению, дав не только пшеницы, но и деньги. "**И открыл один**" из них "**мешок свой**", чтобы "**дать пищу ослу**", видит серебро "**и сказал своим братьям: серебро мое возвращено; вот оно в мешке у меня. И смутилось сердце их, и они с трепетом друг другу говорили: что это Бог сделал с нами**" (Быт.42:27-28). Они опять встревожились, подозревая, не послужит ли и это к большему обвинению их; обличаемые совестью, они все приписывали греху, сделанному ими против Иосифа. Возвратившись к отцу, и передав ему все в подробности, они рассказали и о негодовании, выказанном против них со стороны начальника египетского, и о том, что он заключал их в темницу, как соглядатаев. "**И сказали мы ему**", говорили они, "**мы люди честные и нас двенадцать братьев одного не стало, а меньший теперь с отцом нашим. И сказал нам: вот как узнаю я, честные ли вы люди: оставьте у меня одного брата из вас и приведите ко мне меньшего брата вашего; и узнаю я, что вы не соглядатаи**" (Быт.42:31-34). Это опять возбудило скорби праведника. А после этого печального рассказа, когда они опорожняли свои влагалища, нашли каждый свое серебро и устрашились они и отец их. И вот при этом старец опять проливает слезы. Что он говорит им? "**Вы лишили меня детей: Иосифа нет, и Симеона нет, и Вениамина взять хотите, – все это на меня**" (Быт.42:36). Мало, говорит, у меня было слез об Иосифе, вы присоединили к нему и Симеона. Да и на этом еще не остановились скорби мои. Вы хотите отнять у меня и Вениамина. "**Все это на меня**". Слова эти достаточно показывают, как терзалось сердце отца. Как терял он всякую надежду относительно Иосифа (думая, что он съеден зверями), так он предавался унынию и относительно Симеона, и, наконец, трепетал и за Вениамина. Но он пока еще противился и не отдавал отрока. "**И сказал Рувим**", первенец его: "**убей двух моих сыновей, если я не приведу его к тебе; отдай его на мои руки; я возвращу его тебе**" (Быт.42:37). Вверь, говорит, его мне, мне дай, я возвращу его тебе.

4. Рувим так поступал в той мысли, что без Вениамина им нельзя снова придти в Египет и купить там, что было нужно для пропитания; но отец не отдает его и говорит: "**не пойдет сын мой с вами**". Высказывает и причину на это, как бы оправдываясь перед детьми: "**потому что брат его умер, и он один остался; если случится с ним, совершенно юным, зло на пути, то сведете вы седину мою с печалью в гроб**" (Быт.42:38). Боюсь, говорит, за его детский возраст; опасаюсь, чтобы мне не лишиться и этого утешения, и не окончить жизни в горести. А пока он остается при мне, я имею хотя малое некоторое утешение; присутствие его облегчает мою скорбь об его брате. Итак, любовь к Вениамину не позволяет отцу отпустить его. Между тем голод еще более усилился и у них оказался недостаток в пище. И говорит отец: пойдите опять и принесите немного пищи. "**И сказал ему Иуда, говоря: тот человек решительно объявил нам сказав: не являйтесь ко мне на лицо, если брата вашего не будет с вами. Если пошлешь с нами брата нашего, то пойдем и купим тебе пищи, а если не пошлешь, то не пойдем, ибо тот человек сказал**

нам: не являйтесь ко мне на лицо, если брата вашего не будет с вами" (Быт.43:3-5). Не думай, говорит, что нам можно отправиться туда без брата. А если хочешь, чтобы мы сходили туда без всякой пользы и чтобы все подверглись опасности, то пойдем. Но знай, что тот человек заклял нас, что мы не увидим его лица, если не придет с нами младший брат. Со всех сторон стеснен был Иаков. Поэтому, проливая слезы, он говорит им: "**для чего вы сделали мне такое зло, сказав тому человеку, что у вас есть еще брат**" (Быт.43:6). Для чего же вы, говорит, сделали мне это зло? Для чего вы причинили мне столько бед? Если бы вы не сказали того, и Симеона я не лишился бы, и этого он не стал бы требовать. Они сказали: "**расспрашивал тот человек о нас и о родстве нашем, говоря: жив ли еще отец ваш? есть ли у вас брат? Мы и рассказали ему по этим расспросам. Могли ли мы знать, что он скажет: приведите брата вашего**" (Быт.43:7); не думай, говорят, что мы сами добровольно рассказали тому человеку о нашем семействе. Он, приняв нас за соглядатаев, задержал нас, и подробно расспрашивал о наших обстоятельствах; поэтому мы и сказали ему это, желая объяснить ему все по справедливости. "**И сказал Иуда отцу своему: отпусти отрока со мной, и мы встанем и пойдем, и живы будем и не умрем**" (Быт.43:8). Мне, говорит, поручи его, чтобы нам отправиться в путь; (иначе) нам уже не останется никакой надежды спасения, так как пища издержана, а в другом месте мы нигде не найдем продовольствия. "**Я отвечаю за него, из моих рук потребуешь его; если я не приведу его к тебе и не поставлю его перед лицом твоим, то останусь я виновным перед тобой во все дни жизни; если бы мы не медлили то уже сходили бы два раза**" (Быт.43:9-10). Сострадание твое, говорит, к сыну готовит всем нам гибель. Скоро все мы погибнем от голода, если не захочешь отпустить его с нами. И смотри здесь, возлюбленный, как, наконец, крайность голода победила отеческую любовь. Видя, что они не находят никакого другого средства к пропитанию, а голод усиливается, он говорит им: если так, и если уже непременно надобно тому быть и вам нельзя без него отправиться, то надобно и дары принести тому мужу. Отнесите назад и серебро, которое вы нашли в своих влагалищах, а для купли хлеба возьмите другое серебро. "**И брата вашего возьмите и, встав, пойдите опять к человеку тому; Бог же Всемогущий да даст вам найти милость у человека того, чтобы он отпустил вам и другого брата вашего и Вениамина, а мне если уже быть бездетным, то пусть буду бездетным**" (Быт.43:13-14). Смотри, какую выказывает невыразимую любовь свою к Иосифу. Чтобы кто-нибудь не подумал, что в словах: "**мне если уже быть бездетным, то пусть буду бездетным**", он говорит о Вениамине или Симеоне, для этого он наперед сказал: "**Бог же Всемогущий да даст вам найти милость у человека того, чтобы он отпустил вам и другого брата вашего и Вениамина**". Хотя, говорит, они и останутся живы, но я, как бездетный, бездетный. Подумай, как всецело сердцем он предан был Иосифу. Видя себя окруженным таким множеством детей, он считал себя бездетным потому, что лишился Иосифа. "**И взяли**", сказано, "**те люди дары эти, и серебра вдвое взяли в руки свои, и Вениамина, и встали, пошли в Египет и предстали перед лицом Иосифа. Иосиф увидел между ними Вениамина**" (Быт.43:15-16). Он увидел, чего так желал, увидел столь вожделенного ему. Он видел теперь исполнение желания своего. "**Сказал начальнику дома своего: введи сих людей в дом и заколи что-нибудь из скота, и приготовь, потому что со мной будут есть эти люди в полдень. И испугались люди эти, что ввели их в дом Иосифов, и сказали: это за серебро, возвращенное прежде в мешки наши, ввели нас, чтобы придраться к нам и напасть на нас, и взять нас в рабство и ослов наших**" (Быт.43:16,18). Иосиф так все устроил, показывая свое расположение к ним; а они и при этом беспокоятся, подозревая, не хотят ли истязать их за серебро, как поступивших и в этом отношении бесчестно. Поэтому, пришедши (в дом Иосифа), они объясняют причину своего смущения управителю дома, – рассказывают, как они нашли серебро в своих влагалищах, и присовокупляют: вот мы теперь принесли с собой серебра вдвое больше, чтобы и прежнее возвратить, и купить себе продовольствие.

5. Смотри, как несчастья укротили их дух и сделали их смиренными. "**Сказал им**" (правитель дома): "**будьте спокойны, не бойтесь; Бог ваш и Бог отца вашего дал вам клад в мешках ваших; серебро ваше дошло до меня**" (Быт.43:23). Не бойтесь, говорит, и не беспокойтесь об этом. Никто не станет обвинять вас по этому делу. Серебра у нас слишком много. А вы и то признавайте делом Божьим, что в ваших влагалищах оказались сокровища. Сказав это, "**привел к ним Симеона. И ввел их в дом Иосифов и дал воды, и они омыли ноги свои; и дал корму ослам их**" (Быт.43:23-24). Вот как молитва отца благопоспешала им во всем, и как он молился о них, когда говорил: "**Бог отца моего да даст вам благодать**", так все и сделалось. Правитель дома, и до прихода Иосифа, оказывал им полную благосклонность. "**И приготовили дары**" Иосифу и, когда он пришел, "**принесли дары и поклонились ему до земли**" (Быт.43:25:26). Опять он спрашивает их: "**здоров ли отец ваш старец, о котором вы говорили? жив ли еще он? Они сказали: здоров раб твой, отец наш; еще жив. И преклонились они и поклонились. И поднял глаза свои, и увидел Вениамина, брата своего, сына матери своей, и сказал: это брат ваш меньший, о котором вы сказывали мне? И сказал: да будет милость Божья с тобой, сын мой**" (Быт.43:27-29). Смотри, какую еще твердость показывает он, и еще прикрывает себя незнанием, чтобы через последующее испытать их намерения относительно того, как они расположены к Вениамину. Но природа брала верх: "**воскипела**", сказано, "**любовь его к брату, и он готов был заплакать. И вошел он во внутреннюю комнату и плакал там. И умыв лицо свое, вышел**" (Быт.43:30). Потом, выражая им свою благосклонность, говорит: "**подавайте кушанье. И подали ему особо**", как бы царю и начальнику всего Египта, "**и им особо, и Египтянам, обедавшим с ним, особо, ибо Египтяне не могут есть с Евреями, потому что это мерзость для Египтян. И сели они перед ним первородный по первородству его, и младший по молодости его**" (Быт.43:31-33). Это приводило их в изумление, и они недоумевали, откуда он знал разность их возраста. Затем, каждому дав часть (снеди), Вениамину дал в пять раз больше. Они не понимали, что это значит, и думали, что просто по некоторой случайности сделано им, как бывает в отношении к малолетним. Когда окончилось угощение, Иосиф призвал своего домоправителя "**и приказал ему говоря: наполни мешки этих людей пищей, сколько они могут нести, и серебро каждого положи в отверстие мешка его, и чашу серебряную положи в отверстие мешка к младшему**" (Быт.44:1-2). Вот, опять, какой способ он изобретает, чтобы точнее узнать расположение братьев к Вениамину. Когда это было сделано, он отпустил их. А когда они отправились в путь, "**сказал**", сказано, "**начальнику дома своего: ступай, догоняй этих людей и, когда догонишь, скажи им: для чего вы заплатили злом за добро? Не та ли это чаша, из которой пьет господин мой и он гадает на ней? Худо это вы, сделали** (Быт.44:4-5). Домоправитель, настигнув их, говорил им: для чего вы благодетелю отплатили злом? Для чего лукавство свое простерли даже на того, который оказал вам столь великую благосклонность? Почему вы не постыдились великодушия этого мужа к вам? Какое злодейство? Какое безумие вы сделали! Или не знаете, что это тот самый сосуд, над которым волхвует господин мой? Худо ваше дело, гибельно намерение; непростителен умысел, велика дерзость, превосходящая всякую злобу. "**Они сказали ему: для чего господин наш говорит такие слова**" (Быт.44:7). Для чего, говорят, взводишь на нас вину, в которой мы вовсе невиновны? "**Рабы твои не сделают такого дела**", никогда мы этого не дозволим себе. Принесши с собой двойное количество серебра, как мы могли похитить серебро или золото (Быт.44:8)? А если ты так думаешь, "**у кого из рабов твоих найдется**" сосуд, который ты ищешь, тот "**да умрет**", как решившийся на такую дерзость, "**и мы будем рабами**" (Быт.44:9). Убеждение совести побуждало их говорить с такой смелостью. "**Он сказал: хорошо; как вы сказали, так пусть и будет: у кого найдется чаша**", тот один "**будет мне рабом**", а вы отпущены будете (Быт.44:10). Сказав это, они позволили ему сделать обыск, и "**он обыскал, начал со старшего и окончил младшим**" Вениамином. И открыв влагалище его, находит у него чашу (Быт.44:12). Это помрачило их ум. "**И**

разодрали они одежды свои, и, возложив опять вретища свои возвратились в город". Вошедши "**пришли Иуда и братья его в дом Иосифа, который был еще дома, и пали перед ним на землю**" (Быт.44:13-14). Замечай, сколько они делают поклонов. Сказал им Иосиф: что это вы сделали? Разве не знаете, что я волхвованием волхвую на ней (на чаше). "**Иуда сказал: что нам сказать господину нашему? что говорить? чем оправдываться? Бог нашел неправду рабов твоих**". Опять они приводят себе на память поступки свои с Иосифом. "**Вот, мы рабы господину нашему, и мы, и тот, в чьих руках нашлась чаша**" (Быт.44:16). Вот теперь они показывают в себе доброе расположение духа и сами себя вместе с братом (Вениамином) отдают в рабство. "**Но Иосиф сказал: нет, я этого не сделаю; тот, в чьих руках нашлась чаша, будет мне рабом, а вы пойдите с миром к отцу вашему**" (Быт.44:17).

6. Вот, чего опасался отец, то и случилось с ними; они пришли в страх и смущение, и не знают, что и делать. "**И подошел Иуда к нему и сказал**". Так как он взял его от отца и говорил: "**если я не приведу его к тебе, то останусь я виновным перед тобой во все дни жизни**", то поэтому теперь, приблизившись (к Иосифу), он рассказывает ему обо всем подробно, чтобы возбудить в нем сострадание и расположить к освобождению отрока. "**И подошел к нему Иуда и сказал: господин мой, позволь рабу твоему сказать слово**" (Быт.44:18). Замечай, что он говорит совершенно так, как раб с господином; припомни же теперь те сновидения о снопах, которые усилили (в братьях) ненависть к нему, и подивись благопромыслительной Божьей премудрости, которая все привела в исполнение, не смотря на столько препятствий. "**Позволь рабу твоему сказать слово, говорит, в уши господина моего, и не прогневайся на раба твоего, господин. Господин мой спрашивал рабов своих, говоря: есть ли у вас отец или брат? Мы сказали господину нашему, что у нас есть отец престарелый, и сын старости младший сын, которого брат умер**" (Быт.44:18-20). Представь себе, что было с Иосифом, когда он слушал это. "**Он остался один от матери своей, и отец любит его**". Для чего он и здесь лжет, говоря: "**брат его умер**", тогда, как они продали его купцам? Это потому, что они уверили отца в том, что он (Иосиф) умерщвлен и сожран зверями; а, кроме того, они думали, что он не вынес рабства у варваров и уже умер; поэтому и говорит: "**брат его умер. Ты же сказал рабам твоим: приведите его ко мне, чтобы мне взглянуть на него. ты сказал рабам твоим: если не придет с вами меньший брат ваш, то вы более не являйтесь ко мне на лицо. Когда мы пришли к рабу твоему, отцу нашему, то пересказали ему слова господина моего. И сказал отец наш: пойдите опять, купите нам немного пищи. Мы сказали: нельзя нам идти**", если брат наш не пойдет с нами. "**И сказал нам раб твой, отец наш: вы знаете, что жена моя родила мне двух сынов; один пошел от меня, и я сказал: верно он растерзан**" (Быт.44:21, 23-28). Смотри, как из защитительной речи Иуды Иосиф обстоятельно узнает обо всем, что произошло в доме (отца), после того, как он был продан, и как настроили отца и что они сказали о нем. Ныне "**если и сего возьмете от глаз моих, и случится с ним несчастье, сведете вы седину мою с горестью в гроб**" (Быт.44:29). А если отец наш так любит этого отрока, то, как нам явиться к нему без отрока? "**Если я приду к рабу твоему, отцу нашему, и не будет с нами отрока, с душой которого связана душа его, то он, увидев, что нет отрока, умрет; и сведут рабы твои седину раба твоего, отца нашего, с печалью в гроб. Притом я, раб твой взялся отвечать за отрока отцу моему, сказав: если не приведу его к тебе грешен буду перед тобой, во все дни** (Быт.44:30-32). Такое обещание отцу дал я, чтобы привести отрока и выполнить твою волю, и тем доказать, что мы говорили тебе правду и что в наших словах не было нисколько лжи. "**Итак, пусть я, раб твой, вместо отрока останусь рабом у господина моего, а отрок пусть идет с братьями своими: ибо, как пойду я к отцу моему, когда отрока не будет со мной? Я увидел бы бедствие, которое постигло бы отца моего**" (Быт.44:33-34). Эти слова тронули Иосифа и достаточно уже показали ему и почтение братьев его к отцу и любовь к брату. "**Не мог более**" переносить,

"**удерживаться при всех стоявших около него**", но, удалив всех и оставшись один с ними, "**громко зарыдал он, и открылся братьям своим**". И это сделалось известным во всем царстве "**и в доме Фараона**". И сказал он братьям: "**я – Иосиф, жив ли еще отец мой**" (Быт.45:1-3)? Нужно, по-моему, удивляться здесь и твердости этого блаженного мужа, тому, что он до сих пор мог притворяться и не обнаружить себя, а еще более удивляться тем, как они могли устоять и открыть, наконец, уста, как не вылетела из них душа, как не поколебался их рассудок, как они не провалились в землю. "**Но братья его не могли отвечать ему, потому что они смутились перед ним**". Справедливо. Представляя себе, как они с ним поступили, и как он вел себя по отношению к ним, размышляя о величии, в котором он тогда находился, они тревожились, можно сказать, за самую жизнь. Поэтому, желая их ободрить, говорит: "**подойдите ко мне**" (Быт.45:4). Не отдаляйтесь, говорит, не думайте, что вы сами по себе так поступили со мной. Это было делом не столько вашей злобы, сколько Божьей премудрости и неизреченного человеколюбия, именно для того, чтобы, прибыв сюда, теперь, вовремя, я мог и вам и всей этой стране доставить все нужное для пропитания. "**Он сказал: я – Иосиф, брат ваш, которого вы продали в Египет; но теперь не печальтесь**" (Быт.45:4-5). Пусть это не смущает и не представляется вам жестоким случившееся, потому что это произошло по устроению Божьему. "**Бог послал меня перед вами для сохранения вашей жизни; ибо теперь два года голода на земле: еще пять лет, в которые ни орать, ни жать не будут; Бог послал меня перед вами, чтобы оставить вас на земле и сохранить вашу жизнь великим избавлением. Итак, не вы послали меня сюда, но Бог**" (Быт.45:5-8).

7. Смотри, как раз и другой и третий он утешает их, говоря, что не им приписывает причину своего прибытия в Египет, но Богу, Который устроил это так, что он достиг, такого величия. "**Бог поставил меня отцом фараону и господином во всем доме его и владыкой во всей земле Египетской**" (Быт.45:8). Мое рабство, говорит, доставило мне эту власть; продажа привела меня к такому величию; мое несчастье послужило поводом к такому благополучию; зависть приготовила мне эту славу. Это не слушать только будем, но и подражать и подобным образом извинять обидевших нас, не вменяя им того, что они сделали нам, но, все перенося благодушно, подобно дивному Иосифу. Итак, говорит, будьте уверены, что я не вам приписываю случившееся со мной, и не обвиняю вас в преступлениях, но все отношу к Богу, все так устроившему, чтобы привести меня к настоящей славе. "**Идите скорее к отцу моему и скажите ему: так говорит сын твой Иосиф: Бог поставил меня господином над всем Египтом; приди ко мне, не медли ты будешь жить в земле Гесем, и будешь близ меня, ты, и сыны твои, и сыны сынов твоих, и мелкий, и крупный скот и все твое; и прокормлю тебя там, ибо голод будет еще пять лет, чтобы не обнищал ты и дом твой и все твое. И вот, очи ваши и очи брата моего Вениамина видят, что это мои уста говорят с вами; скажите же отцу моему обо всей славе моей в Египте и обо всем, что вы видели, и приведите скорее отца моего сюда**" (Быт.45:9-13). Сказав все это, достаточно успокоив их и приказав им сказать о себе отцу и немедля привести его, он, "**пал на шею Вениамину и плакал**" (Быт.45:14) (так как он был от одной матери), и Вениамин "**плакал на шее его. И целовал всех братьев своих и плакал**" (Быт.45:15). И после такой речи, слез и данного им совета, (братья) едва могли говорить с ним. "**Потом**", сказано, "**говорили с ним. Дошел в дом фараона слух и приятно было фараону**" и все в доме. Свидание Иосифа с братьями обрадовало всех. "**И сказал**" царь "**Иосифу: скажи братьям твоим: вот что сделайте: навьючьте скот ваш, и ступайте в землю Ханаанскую; и возьмите отца вашего и семейства ваши и придите ко мне; я дам вам лучшее в земле Египетской, и вы будете есть тук земли. Тебе же повелеваю сказать им: сделайте сие: возьмите себе из земли Египетской колесниц для детей ваших и для жен ваших**" (Быт.45:17-19). Смотри, как и царь заботится о прибытии Иакова. "**И привезите**", говорит, "**отца вашего и придите; и не жалейте вещей ваших, ибо лучшее из всей земли Египетской дам**

вам. Так и сделали сыны Израилевы. И дал им Иосиф колесницы по приказанию фараона. Каждому из них он дал перемену одежд, а Вениамину дал триста сребреников и пять перемен одежд; также и отцу своему послал подобно десять ослов, навьюченных лучшими произведениями Египетскими, и десять ослиц, навьюченных зерном, хлебом и припасами отцу своему на путь". Давши все это, "**отпустил братьев своих, и они пошли. И сказал им: не ссорьтесь на дороге**" (Быт.45:19-24). Посмотри, какая любомудрая душа. Не только сам оставил всякий гнев на них и освободил их от вины, но и им внушает не предаваться гневу в пути и не обвинять друг друга в том, что случилось. В самом деле, если недавно еще, представляясь Иосифу, они говорили между собой: "**точно мы наказываемся за грех против брата нашего; мы видели страдание души его, когда он умолял нас, но не послушали**", – и тогда Рувим говорил: "**не говорил ли я вам: не грешите против отрока? но вы не послушались**" (Быт.42:21-22), то, тем более, могло случиться, что теперь он будет обвинять их. Поэтому, предотвращая их гнев и взаимную ссору, говорит: "**не ссорьтесь на дороге**"; но, размышляя о том, что я ваших поступков со мной не поставил вам в вину, будьте и вы благорасположены друг к другу.

Можно ли довольно надивиться добродетели этого праведника, который с большим тщанием выполнял учение мудрости, открытой в Новом Завете. Что Христос заповедал апостолам: "**любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас**" (Мф.5:44), то самое, и еще больше того, сделал Иосиф. Он не только показал столь великую любовь к тем, которые со своей стороны готовы были убить его, но еще всячески старается уверить их, что они нисколько не согрешили против него. Какая высокая мудрость! Какое крепкое благодушие! Какая великая любовь к Богу! Не вы, говорит он, мне это сделали, но попустил Промысел Божий, пекущийся обо мне, чтобы и сновидения мои сбылись и для вас я мог послужить орудием спасения. Итак, скорби или искушения служат свидетельством великого промышления и попечения о нас человеколюбца Бога. И потому мы не должны домогаться всеми мерами только жизни спокойной и беспечальной; но и в благополучии и в скорбях равно должны воссылать благодарение Господу, чтобы Он, видя наше благомыслие, явил еще большее попечение о нас, которого и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 65

"И пошли они из Египта, и пришли в землю Ханаанскую к Иакову, отцу своему, и известили его сказав: Иосиф жив, и теперь владычествует над всей землей Египетской. Но сердце его смутилось, ибо он не верил им" (Быт. 45:25-26).

1. Из вчерашней беседы нашей вы видели любомудрие Иосифа и невыразимое незлобие, какое он оказал своим братьям; он не только не напомнил им об их поступках в отношении к нему, но и их самих, при возвращении к отцу, убеждал и советовал не обвинять друг друга в том, что они сделали против него, но, отложив всякий гнев, совершать путь в единодушии. Теперь рассмотрим дальнейшие события, чтобы нам видеть возвращение братьев Иосифа к отцу и переселение Иакова в Египет, и то, как он, узнав об Иосифе, снова расцвел и сделался, так сказать, юношей из старца. Кто может выразить словами ту радость, какая была у Иакова, когда он узнал, что Иосиф жив, и достиг такой великой знатности? Вы знаете, что неожиданное счастье производит особенно большую радость. Узнав, что тот, кого он уже столько лет считал добычей зверей, теперь начальствует над всем Египтом, как он от столь великой радости не лишился ума? Ведь сильная радость часто сопровождается такими же последствиями, какими и чрезмерная скорбь. Можно видеть, как многие и слезы проливают от излишней

радости; а другие нередко приходят в беспамятство, когда видят то, чего не ожидали, и когда нечаянно встречают живыми тех, кого считали умершими. Но, чтобы яснее была наша речь, снова выслушаем прочитанные места (Святого Писания). "**И пошли они из Египта**", сказано, "**и пришли в землю Ханаанскую к Иакову, отцу своему, и известили его, сказав: Иосиф жив, и теперь владычествует над всей землей Египетской. Но сердце его смутилось, ибо он не верил им**". Видишь, как я говорил, Иакову невероятным казалось известие об Иосифе, так что мысли его волновались и он рассказ братьев считал обманом. В самом деле, они сами прежде принесли одежду Иосифа, обагренную в крови козла, и уверяли отца, что сын его сделался добычей зверей, а теперь говорят, что он жив и начальствует над всем Египтом. Смутившись духом, Иаков размышлял сам с собой: что бы это значило? Если справедливо прежнее, то невероятно настоящее; а если настоящее верно и справедливо, то ложно прежнее. Смущало его особенно то, что прежде он слышал от своих детей одно, а теперь узнает от них другое. Но они, видя смущение отца, и желая уверить его в справедливости своих слов, "**они пересказали ему все слова Иосифа, которые он говорил им**" (Быт.45:27); а после слов представили колесницы и дары, присланные от Иосифа, – и едва могли убедить отца, что рассказы их не ложь. Видя посланные колесницы, чтобы отправиться ему в Египет – "**ожил**", сказано (Быт.45:27). Старый, преклонный летами, согбенный, Иаков вдруг помолодел духом, сказано: "**ожил**". Что значит: "**ожил**"? Как огонь в лампаде, когда оскудевает елей, начинает угасать; но лишь только прибавит кто-нибудь хотя немного елея в лампаду, огонь, уже готовый погаснуть, тотчас издает яснейший свет, – так и этот старец, уже готовый угаснуть от скорби ("**не хотел**", сказано, "**утешиться и сказал: с печалью сойду к сыну моему в преисподнюю**" [Быт.32:35], теперь узнав, что Иосиф жив и начальствует над Египтом, увидев и колесницы, "**ожил**" духом, из старца стал юношей, рассеял облако грусти, утишил бурю помыслов, и, наконец, успокоился. А все это устроил Бог, дабы праведник после таких страданий обрел, наконец, утешение, и сделался участником благоденствия своего сына; а с другой стороны, чтобы исполнились и сновидения, которые он сам же истолковал, сказав: "**неужели я и твоя мать, и твои братья придем поклониться тебе до земли**" (Быт.37:10). Поверив виденному и слышанному, Иаков воскликнул: "**довольно, еще жив сын мой Иосиф; пойду и увижу его, пока не умру**" (Быт.45:28). Это весьма важно, говорит, превышает всякое разумение, и затмевает всякую человеческую радость, если еще жив сын мой Иосиф. "**Пойду и увижу его**". Итак, поспешим, чтобы мне иметь свидание с ним, прежде, нежели умру я; весть эта воскресила дух мой, прогнала немощи старости, укрепила мой рассудок. Если мне придется увидеться, то я умру, насладившись совершенной радостью. Итак, ни мало не медля, праведник отправился в путь; он ускорял, спешил посмотреть на своего возлюбленного сына, увидеть царем Египта того, кого он считал уже давно умершим и добычей зверей. Пришедши к кладезю клятвенному он вознес благодарственную молитву Господу, и "**принес жертвы Богу отца своего Исаака**" (Быт.46:1).

2. Слыша это, научимся тому, чтобы, когда предпринимаем ли что-нибудь, беремся ли за какое-либо дело, или отправляемся в путешествие, – прежде всего, возносить молитвенную жертву Господу, и не иначе, как, испросив Его помощь, начинать предпринимаемое дело, и, таким образом, подражать благочестию древних праведников. "**Принес**", сказано, "**жертвы Богу отца своего Исаака**", – чтобы видно было, что он шел по следам отца своего, и это обнаруживал в служении Богу, подобно Исааку. И как он сам предварительно благодарственной молитвой показал свою признательность к Богу, то тотчас же последовали и знамения Вышнего благоволения. Предусматривая дальность пути и смотря на свою старость, он боялся, чтобы внезапная смерть не лишила его радости видеть сына, и поэтому молил Господа продолжить его жизнь, чтобы он мог насладиться совершенной радостью. И смотри, как благой Бог, обнадеживает праведника. "**Сказал Бог Израилю в видении ночном: Иаков! Иаков! Он сказал: вот я. Бог**

сказал: Я Бог, Бог отца твоего; не бойся идти в Египет, ибо там произведу от тебя народ великий; Я пойду с тобой в Египет, Я и выведу тебя обратно. Иосиф своей рукой закроет глаза твои". Вот как Господь обещает праведнику то, чего он желал, и даже еще больше. Щедрость Его часто превышает наши желания, по свойственному Ему человеколюбию. "**Не бойся**", говорит, "**идти в Египет**". Так как (Израиля) устрашала дальность пути, то и говорит ему Бог: ты не смотри на немощь старости: "**там произведу от тебя народ великий; Я пойду с тобой в Египет**". Я сам буду сопутствовать тебе, и все благоустрою для тебя. Заметь (божественное) снисхождение в словах: "**Я пойду с тобой в Египет**". Что может быть блаженнее того, чтобы иметь самого Бога спутником? А затем последовало и утешение, в котором особенно имел нужду старец: "**Иосиф своей рукой закроет глаза твои**". Он, возлюбленный твой, он сам приготовит тело твое к погребению и возложит руки свои на очи твои. Итак, с радостью и без всякого опасения предпринимай путь. Теперь представь себе, с каким благодушием праведник совершал путешествие, получив из божественного обетования такое удостоверение. "**Отправился**", сказано, "**Иаков и весь род его с ним, и взяли все имущество свое и пришли в Египет**" (Быт.46:5-6). В шестидесяти шести душах сошел Иаков в Египет; и Иосиф с сыновьями своими, бывшими у него, был девятым, так что вместе с Иосифом всех душ было семьдесят пять (Быт.46:26-27). Для чего божественное Писание с такой точностью показало нам число лиц? Для того чтобы мы могли видеть, как исполнилось пророчество Божье Иакову: "**там произведу от тебя народ великий**". От этих семидесяти пяти душ потомство Израиля распространилось до шести тысяч. Видишь, как не напрасно и не без цели Писание показало нам число переселившихся в Египет, но чтобы мы видели, от какого малого числа какое великое число (душ) произошло, и чтобы, смотря на это, всегда веровали обетованиям божественным. Когда подумаешь, как после смерти Иакова и Иосифа царь египетский употреблял все усилия, чтобы уменьшить их потомство и не дать ему размножиться, однако же, не успел в этом, а (род Иакова) более и более прибавлялся и увеличивался, то удивись и изумись промышлению Божьему и (знай), что не может не исполниться определенное Им, хотя бы кто придумывал тысячи препятствий. Но рассмотрим все по порядку, чтобы знать, как произошло свидание Иакова с сыном. Когда Иаков приблизился к земле египетской, то "**послал**", сказано, "**Иуду перед собой к Иосифу, чтобы указать путь**", чтобы известить его о прибытии отца. Узнав это и запрягши колесницы, Иосиф "**запряг колесницу свою и выехал навстречу Израилю, отцу своему, в Гесем, и, увидев его, пал на шею его, и долго плакал на шее его**" (Быт.46:28-29). Произошло то, о чем я вначале говорил вам – что нередко и чрезвычайная радость заставляет проливать слезы. "**Пал на шею его, и плакал**", и не просто, а "**долго плакал**". Тотчас пришло ему на ум, сколько он сам выстрадал, и сколько вытерпел из-за него отец; представил себе и то, сколько времени прошло после их разлуки, и как, сверх всякого ожидания, и он видит отца, и отец видит сына, и он испускал потоки слез, и показывая этим величайшую радость, и благодаря Господа за совершившееся. "**И сказал**", сказано, "**Израиль Иосифу: умру я теперь, увидев лицо твое, ибо ты еще жив**" (Быт.46:30). Я насладился, говорит, тем, чего желал; достиг того, чего уже никогда и не ожидал. Со мной случилось то, чего я никогда не надеялся. Наконец, довольно уже мне жить. Я увидел моего вожделенного; и для полного моего утешения достаточно видеть, что ты еще жив, – ты, которого я давно уже считал умершим и добычей зверей. Отеческий голос, полный любви и вполне обнаруживающий душевное состояние. "**И сказал Иосиф братьям своим и дому отца своего: я пойду, извещу фараона и скажу ему: братья мои и дом отца моего, которые были в земле Ханаанской, пришли ко мне; эти люди пастухи овец, ибо скотоводы они: и мелкий и крупный скот свой, и все, что у них, привели они. Если фараон призовет вас и скажет: какое занятие ваше? то вы скажите: мы, рабы твои, скотоводы... Ибо мерзость для Египтян всякий пастух овец**" (Быт.46:31-34).

3. Заметь разумность, с какой дает совет братьям, не просто и не случайно внушая им это, а, желая поставить их в большей безопасности, и не допустить их до смешения с египтянами. Так как египтяне гнушались людьми, ведущими пастушескую жизнь, и презирали их, а между тем братья Иосифа не имели египетского образования, то поэтому Иосиф и советует им наперед выставлять свои занятия, чтобы под этим благовидным предлогом можно было отделить лучшую для них землю, где бы они могли жить безопасно. Таким образом, Иосиф "**из братьев своих взял пять человек и представил их фараону. И сказал фараон братьям его: какое ваше занятие? Они сказали фараону: пастухи овец рабы твои и мы и отцы наши итак позволь поселиться рабам твоим в земле Гесем. И сказал фараон: пусть живут они в земле Гесем; и если знаешь, что между ними есть способные люди, поставь их смотрителями над моим скотом**" (Быт.47:2-6). Как советовал Иосиф, так и ответили братья его фараону, и, таким образом, получили позволение жить на земле Гесем. Но фараон, по своему благоволению к Иосифу, говорит еще: "**если знаешь, что между ними есть способные люди, поставь их смотрителями над моим скотом**". Затем ввел Иосиф и отца своего Иакова к фараону. "**Фараон сказал Иакову: сколько лет жизни твоей**" (Быт.47:8)? Так как фараон видел перед собой старца в самой глубокой старости, то и спрашивает его о числе лет.

"**Иаков сказал фараону: дней странствования моего сто тридцать лет**" (Быт.47:9). Вот как все праведники проводили настоящую жизнь, как бы на чужой стороне, и так в ней располагались. Послушай, как и Давид говорил: "**ибо странник я у Тебя и пришелец**" (Пс.38:13). Так и Иаков говорит: "**дней странствования моего сто тридцать лет**". Поэтому и Павел сказал о древних праведниках, что они сознавали, "**что они странники и пришельцы на земле**" (Евр.11:13). "**Дней странствования моего**", говорит Иаков, "**сто тридцать лет; малы и несчастны дни жизни моей и не достигли до лет жизни отцов моих в днях странствования их**" (Быт.47:9). Дни, говорит, которые я прожил, и малочисленны и бедственны. Здесь он разумеет годы рабства, какое он терпел у Лавана, после бегства, учиненного им из-за брата; потом, после возвращения оттуда, – скорбь, столь долговременную, о (предполагаемой) смерти Иосифа, и еще многие другие бедствия, им испытанные. Представь себе, в каком страхе он был, когда Симеон и Левий, в отмщение за свою сестру, истребили целый город и взяли в плен всех жителей Сихема. Он сказал тогда, обнаруживая беспокойство, в каком находился: "**вы возмутили меня, сделав меня ненавистным для жителей сей земли, для Хананеев и Ферезеев. У меня людей мало; соберутся против меня, поразят меня, и истреблен буду я и дом мой**". Поэтому и говорит теперь он фараону: **малы и несчастны дни жизни моей**. **И поселил Иосиф отца своего и братьев своих, и дал им владение в земле Египетской, в лучшей части земли, в земле Раамсес, как повелел фараон. И снабжал Иосиф отца своего и братьев своих и весь дом отца своего хлебом, по потребностям каждого семейства**" (Быт.47:11-12). Так оправдалось то, что говорил он братьям: "**Бог послал меня перед вами, чтобы оставить вас на земле**" (Быт.45:7), "**Бог послал меня перед вами для сохранения вашей жизни**" (Быт.45:5). "**Снабжал**", сказано, "**хлебом**" по числу тел.

Что значит: по числу тел? Значит, сколько потребно было для каждого. В Писании обыкновенно называется весь человек – иногда душой, иногда – телом. И как выше было сказано: в семидесяти пяти душах сошел Иаков в Египет, вместо того, чтобы сказать: семьдесят пять "**мужей и жен**", – так и здесь говорится: по числу тел, то есть, на каждого человека. Таким образом, в то время, когда весь Египет и земля ханаанская страдали от голода, дом Иакова благоденствовал, имея продовольствие, как бы из источников каких-либо текущее. "**Хлеба**", говорит Писание, "**не было по всей земле, потому что голод весьма усилился, и изнурены были от голода земля Египетская и земля Ханаанская**" (Быт.47:13).

4. Примечай неизреченное промышление Господа. Прежде, нежели усилился голод, Он ввел праведника в Египет, чтобы он нисколько не испытал бедствия, угрожавшего земле Ханаанской. И, когда все туда стекались, "**собрал**", сказано, "**Иосиф все серебро**" от живших в Египте и в Ханаане, и так раздавал им хлеб. "**И истощилось**", наконец, "**серебро. И внес**" все "**в дом фараонов**". Пришли же "**все**" египтяне, сказали: "**дай нам хлеба; зачем нам умирать перед тобой, потому что серебро вышло у нас**" (Быт.47:14-15). У нас, говорят, нет уже денег, чтобы купить, потому мы погибаем от голода. Не отвергни же нас, которым угрожает смерть; дай нам хлеба, чтобы нам можно было жить и не умереть. "**Иосиф сказал: пригоняйте скот ваш, и я буду давать вам за скот ваш**" (Быт.47:16). Если нет у вас денег, говорит, я приму от вас стада. Ежели серебро ваше все истощено, приведите ваших домашних животных, и получите хлеб. "**И пригоняли они к Иосифу скот свой; и давал им Иосиф хлеб за лошадей [**здесь и далее святитель кратко также передает библ. повествование, опуская некоторые речения или заменяя их своими словами**] и за стада мелкого скота, и за стада крупного скота, и за ослов; и снабжал их хлебом в тот год за весь скот их. И прошел этот год; и пришли к нему на другой год и сказали ему: для чего нам погибать**", не имея ни серебра, ни скота, так как все у тебя, господина нашего, ничего другого "**не осталось у нас перед господином нашим, кроме тел наших и земель наших. Купи нас и земли наши за хлеб, и мы с землями нашими будем рабами фараону, а ты дай нам семян, чтобы нам быть живыми и не умереть, и чтобы не опустела земля**" (Быт.47:17-19). Себя сами они отдали в рабство, отдали и землю, чтоб только прокормиться: так силен был голод. "**И купил Иосиф всю землю Египетскую для фараона**" (Быт.47:20). Египтяне отдали ее, будучи принуждены к тому голодом. "**И досталась земля фараону. И народ сделал он рабами от одного конца Египта до другого. Только земли жрецов не купил: ибо жрецам от фараона положен был участок, и они питались своим участком, который дал им фараон; посему и не продали земли своей**" (Быт.47:20-22). Вот какое благоразумие и какую мудрость имел Иосиф: он не оставил их томиться голодом и всю землю приобрел Фараону вместе с обращением в рабство всех египтян. Но заметь здесь и ту чрезвычайную попечительность, какую оказывал им. "**И сказал Иосиф народу: вот, я купил теперь для фараона вас и землю вашу; вот вам семена, и засевайте землю; когда будет жатва, давайте пятую часть фараону, а четыре части останутся вам на засевание полей, на пропитание вам и тем, кто в домах ваших**" (Быт.47:23-24). Какая щедрость, какая предусмотрительность, какая необычайная заботливость! Поэтому и те, чувствуя благодеяние, говорят Иосифу: "**ты спас нам жизнь; да обретем милость в очах господина нашего и да будем рабами фараону**" (Быт.47:25). Видишь ли щедрость (Иосифа)? Зная, как египтяне отягощены нуждой, зная, сколько труда и усилий они должны были перенести при обрабатывании земли, он говорит им: семена я вам буду доставлять, а обо всем прочем вы сами употребите ваше старание, и если будут плоды, отдавайте одну часть, а четыре части будут оставаться у вас, и в награду за труды и в запас для пропитания вашего. "**И поставил Иосиф в закон земле Египетской, даже до сего дня: пятую часть давать фараону, исключая только землю жрецов**" (Быт.47:26).

Да слышат нынешние люди, какие преимущества в древности давались служителям идолов, и да научатся хотя такую же честь оказывать тем, кому вверено служение Богу всяческих. Если древние, заблуждаясь и совершая служение идолам, думали, что они воздают особенное почтение идолам, когда такой чести удостаивают служителей их, то какого осуждения заслуживают те, которые ныне не имеют попечения о служителях Божьих? Разве не знаете, что эта честь переходит к Господу всяческих? Итак, не смотри на того, кто принимает честь. Не ради его самого ты должен делать то, что требуется от тебя, но ради Того, Кому он служит, – чтобы ты мог получить от Него щедрое воздаяние. Поэтому-то и сказал Господь: сделавший одному из сих – для Меня сделал, и: "**кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка**" (Мф.10:41). Разве

Господь ниспосылает тебе Свои воздаяния соразмерно с достоинством или слабостью служителей Своих? Он награждает тебя или осуждает сообразно с твоим расположением. И как честь, воздаваемая через них [т. е., через служителей Божиих], подает нам великое дерзновение (потому что Он усваивает Себе то, что делается для Его служителей), так и презрение их низведет свыше великое наказание. Господь усваивает Себе как воздаваемую [т.е., Его служителям] честь, так и презрение. Зная это, никогда не будем пренебрегать попечением об Иереях Божьих. Говорю это я, не столько о них заботясь, сколько о вашей любви, желая, чтобы вы через все приобретали себе благо. Даешь ли ты столько, сколько получаешь от Господа? Какое ты служение оказываешь? Однако и за это, незначительное и ограничивающееся настоящей жизнью служение, ты можешь получить нетленные награды и неизреченные блага.

5. Размышляя об этом, будем внимательны к этим служениям, рассчитывая не издержки, но ту пользу и прибыль, какую можем через это приобрести. Если мы, видя кого-нибудь близкого к человеку, облеченному мирским величием, стараемся оказывать ему всевозможные услуги, зная, что честь, воздаваемая ему, переходит к его покровителю, и что он, сделавши это известным своему покровителю, может, таким образом, еще более расположить его в вашу пользу, то тем более так будет у Господа всяческих. Если кто окажет какое-либо человеколюбие и сострадание прохожему человеку, или поверженному на распутье, то Господь, усваивая Себе это, обещает ввести сделавших им что-либо доброе в царство небесное и изречь: "**придите, благословенные Отца Моего, ибо алкал Я, и вы дали Мне есть**" (Мф.25:34-35). Тем более тот, кто оказывает свои услуги подвизающимся ради Господа и облеченным священным саном, получит не только такое же воздаяние, но и гораздо большее, так как человеколюбивый Господь всегда с большим избытком вознаграждает за сделанное нами. Итак, не будем хуже неверных, которые, еще находясь в заблуждении относительно идолов, оказывали такое попечение об их служителях. Но сколь великое различие находится между заблуждением и истиной, между служителями идолов и служителями Божьими, такое же различие покажем и в самом почтении, дабы получить свыше тем большее воздаяние. "**И жил Израиль в земле Египетской, и плодились, и весьма умножились**" (Быт.47:27). Таково было обетование Божье Иакову: "**там произведу от тебя народ великий**". И "**жил Иаков в земле Египетской семнадцать лет; и было дней Иакова, годов жизни его, сто сорок семь лет**" (Быт.47:28). Бог определил столько времени для жизни Иакова, чтобы он оставил эту жизнь, получив достаточное утешение за те бедствия, которые претерпевал во все продолжение жизни.

Но, если хотите, чтобы не отяготить вашей памяти множеством сказанного, остальное оставим до другого времени и на этом окончим нашу беседу. При этом убеждаем любовь вашу тщательно внимать тому, что говорится, постоянно сохранять это в памяти и непрестанно содержать в уме, – размышляя о подвигах терпения праведников, о великодушии, о вере их в божественные обетования, когда они не колебались умом вследствие того, что происходило после обетований, но, твердо уповая на всемогущество Обетовавшего им, кротко переносили все и через это возвеличивались. Вот и этот праведник, столько лет оплакивавший Иосифа, как умершего, наконец, увидел его управляющим египетским царством; и досточудный Иосиф после рабства, после заключения в темнице, после всех других страданий, им претерпленных, получил начальство над целой страной. И, если мы проследим все заключающиеся в Писании повествования, то найдем, что все добродетельные мужи шествовали путем искушений, и только таким образом получали свыше великую помощь. Поэтому если и мы хотим удостоиться благоволения Божия, не будем нетерпеливы в искушениях, не будем унывать, когда они постигают нас; но лучше будем радоваться и веселиться, укрепляя себя верой и зная, что тем большим будем наслаждаться промышлением Божьим, если решимся все

переносить с благодарением. Да будет же всем нам дано и настоящую жизнь провести в добродетели, и будущих достигнуть благ, благодатью и человеколюбием Господа вашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 66

"И пришло время Израилю умереть, и призвал он сына своего Иосифа и сказал ему: если я нашел благоволение в очах твоих, положи руку твою под стегно мое и клянись, что ты окажешь мне милость и правду, не похоронишь меня в Египте, дабы мне лечь с отцами моими; вынесешь меня из Египта и похоронишь меня в их гробнице. Иосиф сказал: сделаю по слову твоему. И сказал: клянись мне. И клялся ему. И поклонился Израиль на возглавие постели" (Быт.47:29-31)

1. Сегодня мы окончим повествование об Иакове, и посмотрим, какие делает он распоряжения, приближаясь к смерти. Но никто, смотря на настоящий порядок дел, не должен требовать от праведников тех времен такого же любомудрия, какое ныне свойственно верным; а пусть судит о делах сообразно времени. Я с намерением заметил это предварительно, имея в виду последующие слова Иакова, сказанные Иосифу. А что он сказал, послушаем. "**И пришло время**", сказано, "**Израилю умереть, и призвал он сына своего Иосифа и сказал ему: если я нашел благоволение в очах твоих, положи руку твою под стегно мое и клянись, что ты окажешь мне милость и правду, не похоронишь меня в Египте, дабы мне лечь с отцами моими; вынесешь меня из Египта и похоронишь меня в их гробнице. Иосиф сказал: сделаю по слову твоему. И сказал: клянись мне. И клялся ему. И поклонился Израиль на возглавие постели**".

Многие малодушные люди, когда мы убеждаем их немного заботиться о погребении и не считать делом стоящим особенного попечения – перенесение останков умерших из чужой стороны в отечество, противопоставляют нам эту историю, и говорят, что и патриарх имел такую заботливость об этом деле. Но, как я уже заметил, надобно обратить внимание, во-первых, на то, что тогда не требовалось такого любомудрия, какое ныне, а далее – на то, что праведник этого желал не без цели, но, внушая своим сынам благие надежды, что они некогда, хотя не скоро, возвратятся в землю обетования. И что по этой причине делает он такое распоряжение, в том яснее убеждает нас сын его, когда также говорит: "**посетит вас Бог, вынесите кости мои отсюда**" (Быт.50:25). И что очами веры они предусматривали будущее, вот послушай, как он и самую смерть называет упокоением: "**дабы мне лечь**", говорит, "**с отцами моими**". Поэтому и Павел сказал: "**все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались**" (Евр.11:13). Каким образом? Очами веры. Итак, никто не должен думать, что это распоряжение [разумеется распоряжение Иакова о месте его погребения] было делом малодушия; но пусть и обстоятельствами времени и предвидением имеющего быть исшествия их освободить праведника от всякого осуждения. Ныне, когда с пришествием Христовым любомудрие возвысилось, всякий по справедливости осудил бы заботящегося о подобных делах.

И пусть (никто) не считает жалким окончившего жизнь свою на чужбине, преставившегося от этого мира в пустыне. Не он достоин сожаления, а тот, кто умирает в грехах, хотя бы он кончил жизнь на своем ложе, в собственном доме, хотя бы в присутствии своих друзей. И никто не говори мне этих пустых, достойных смеха и безрассудных речей: такой- то умер бесчестнее пса – при нем не было никого из знакомых; не сделано ему и приличного погребения, а на сложенное от разных лиц иждивение устроено то, что нужно для погребения. Не значит это, о, человек, умереть бесчестнее пса, потому что какой оттого вред потерпел такой человек? То только худо,

если он не имел для своего прикрытия одежды добродетели. Что все другое не причиняет никакого вреда добродетельному, убедись из того, что большая часть праведников, разумею пророков и апостолов, за исключением немногих, неизвестно, где и погребены: одни были усечены в главу, другие, будучи побиты камнями, таким образом окончили жизнь, иные, предавши себя самих бесчисленным и разнообразным наказаниям, все пострадали за Христа. Но никто не дерзнет сказать о них, что смерть их была бесчестна, а скажет в след за божественным Писанием: **честна пред Господом смерть преподобных его** (Пс.115:15). И как называет оно смерть преподобных "**честной**", так, послушай, называет оно смерть грешников "**лютой**": **смерть,** говорит, **грешников люта** (Пс.33:22). Хотя бы кто расстался с жизнью в своем доме, в присутствии жены и детей, в собрании родственников и знакомых, но, если не имел добродетели, "**люта**" смерть его. Напротив, стяжавший добродетель, хотя бы умер на чужбине, поверженный на землю, – да и что я говорю: на чужбине или на земле? – хотя бы впал в руки разбойников, хотя бы сделался добычей зверей, "**честна**" будет смерть его. Скажи мне: сын Захарии не во главу ли был усечен? А Стефан, первый украсившийся венцем мученичества, не скончался ли, будучи побит камнями?

А Павел и Петр не преставились ли от настоящей жизни, первый, будучи усечен, второй – противоположным Господу образом приняв крестное мучение? И не за то ли особенно они и прославляются и воспеваются по всей вселенной?

2. Соображая все это, не будем считать жалкими умирающих на чужбине, ни ублажать разлучающихся с жизнью в собственном доме; но, последуя правилу божественного Писания, поживших в добродетели и так преставившихся будем ублажать, а умирающих в грехах признавать несчастными. Как добродетельный проставляется в лучшую жизнь, получая возмездие за свои труды, так не имеющий добродетели, умирая, уже испытывает начатки мучений, и, отдавая отчет в делах своих, подвергается невыносимым страданиям.

При мысли об этом нужно, поэтому заботиться о добродетели, и в настоящей жизни, как на ристалище, подвизаться так, чтобы, по окончании зрелища, украситься светлым венцем, и напрасно не раскаиваться. Пока еще продолжается время подвигов, можно, если захотим, отложить леность и преуспеть в добродетели, дабы получить предлежащие венцы. Но, если угодно, обратимся к продолжению повествования. После того, как Иаков заповедал сыну касательно погребения, и Иосиф отвечал: "**сделаю по слову твоему**", – Иаков сказал: "**клянись мне. И клялся ему. И поклонился Израиль на возглавие постели**". Посмотри на этого старца, человека уже преклонных лет, патриарха, поклонением выражающего уважение к Иосифу, и самым делом показывающего теперь исполнение сновидения. Когда Иосиф рассказывал ему свое сновидение, он сказал, говорит Писание: "**неужели я и твоя мать, и твои братья придем поклониться тебе до земли**" (Быт.37:10)? Но, может быть, кто-нибудь скажет: как же исполнилось сновидение, когда мать Иосифа прежде умерла и не поклонилась сыну? Но Писание обыкновенно главнейшим означает все. Так как "**глава жене муж**" (1Кор.11:3), и притом сказано: "**и будут одна плоть**" (Быт.2:24), то, как скоро преклонилась глава, очевидно уже и все тело последует главе. Если отец это сделал, тем более сделала бы это мать, если бы не похищена была от жизни (смертью). "**И поклонился Израиль на возглавие постели**". Поэтому и Павел сказал: "**верой Иаков, умирая, благословил каждого сына Иосифа и поклонился на верх жезла своего**" (Евр.11:21). Видишь ли, что и это самое Иаков сделал по вере, предвидя, что Имевший родиться от семени его будет царского рода? Затем, когда Иаков заповедал сыну то, что хотел, немного после, говорит Писание, Иосиф, узнав что изнемогает отец его, что он при дверях гроба, и уже приближается время кончины его, – "**взял с собой двух сынов своих. Известили об этом Иакова; Израиль собрал силы свои и сел на постели** (Быт.48:1-2). Посмотри, как любовь к сыну укрепляла старца, и как

сила духа побеждала немощь. Услышав о прибытии сына, он, как говорит Писание, "**сел на постели**". Увидев его, он показывает отеческую любовь к нему и так как готовился к смерти, то своим благословением ограждает детей, оставляя им это величайшее достояние и богатство, никогда не могущее истощиться. Вот как он начинает. Сначала повествует о Божьем к нему благоволении, и потом уже преподает благословение детям. "**Бог Всемогущий**", говорит он, "**явился мне в Лузе, в земле Ханаанской, и благословил меня, и сказал мне: вот, Я распложу тебя, и размножу тебя, и произведу от тебя множество народов, и дам землю сию потомству твоему после тебя, в вечное владение**" (Быт.48:3-4). Возвестил мне, говорит, Бог, явившись мне в Лузе, что Он умножит семя мое так, что из него произойдут собрания языков, и землю ту обещал дать мне и семени моему. "**И ныне два сына твои, родившиеся тебе в земле Египетской, мои они; Ефрем и Манассия, как Рувим и Симеон, будут мои**" (Быт.48:5). Этих (сынов твоих), говорит, которых ты имел прежде прибытия моего, я включаю в число моих детей, и они наравне с родившимися от меня получат мое благословение. "**Дети же**" после сего**,** "**которые родятся от тебя после них, будут твои; они под именем братьев своих будут именоваться в их уделе**". Ведай же, что и мать твоя Рахиль, когда я приблизился к Вифлеему, умерла "**и похоронил ее там, на дороге к Ефрафе. И увидел Израиль сыновей Иосифа и сказал: кто это? И сказал Иосиф отцу своему: это сыновья мои, которых Бог дал мне здесь. Иаков сказал: подведи их ко мне, и я благословлю их. И подвел их к нему, и он поцеловал их и обнял их**" (Быт.48:6-10). Смотри, на этого старца, как он спешит, торопится благословить детей Иосифа. Иосиф приблизил их к нему, и он облобызал и обнял их, и сказал Иосифу: "**не надеялся я видеть твое лицо; но вот, Бог показал мне и детей твоих**" (Быт.48:11). Много, говорит, даровала мне милость Божья, и еще больше, нежели я ожидал, а лучше сказать – чего я вовсе не ожидал. Не только я не лишился лицезрения твоего, но вот увидел и родившихся от тебя детей. "**И отвел их Иосиф от колен его и поклонился ему лицом своим до земли**" (Быт.48:12). Посмотри, как и детей прежде всего учил он воздавать подобающую честь старцу. Взявши, сказано, Иосиф подвел, по преимуществу первородства, сначала Манассию, а потом Ефрема.

3. Здесь заметь, что праведник, у которого от старости ослабело телесное зрение ("**Глаза же притупились его от старости; не мог он видеть ясно**"), очи душевные имел еще крепкие, и верой провидел даже будущее. Не следуя указанию Иосифа, но, переложив руки во время благословения, он отдал преимущество младшему сыну его, и предпочел Манассии Ефрема. И сказал: "**Бог, перед Которым ходили отцы мои**" (Быт.48:15). Смотри, какое было смирение у патриарха, какая душа благочестивая! Не дерзнул сказать: Бог, Которому благоугодил я, но что сказал? Которому благоугодили "**отцы мои**". Видишь ли душу благомыслящую? Хотя незадолго перед этим во время рассказа он говорил: в Лузе явился мне Бог и обещал дать мне и семени моему всю ту землю, и во множество языков сотворить семя мое, и, таким образом, имел очевидные доказательства Божьего к себе благоволения, однако сохранял еще уничиженный дух, – и говорит: "**Бог, перед Которым ходили отцы мои Авраам и Исаак**". Потом: "**Бог, пасущий меня с тех пор, как я существую**". Опять и в этом заметь великое его благомыслие. Не говорит о своей добродетели, а указывает на то, что было явлено ему от Бога, и говорит: "**пасущий меня с тех пор, как я существую, до сего дня**". Именно Он есть благоустроивший жизнь мою от начала до настоящего времени. Так еще и прежде говорил он: "**с посохом моим перешел этот Иордан, а теперь у меня два стана**" (Быт.32:10). И теперь то же самое говорит, только другими словами: "**пасущий меня с тех пор, как я существую, до сего дня, Ангел, избавляющий меня от всякого зла**" (Быт.48:15-16). Слова души благопризнательной, сердца благочестивого, сохраняющего в свежей памяти благодеяния Божьи! Он, говорит, – Которому благоугодили отцы мои, Который питал меня от юности до настоящего времени. Который изначала избавлял меня от всех зол и показал столь

великое попечение обо мне, Он – "**да благословит отроков сих; да будет на них наречено имя мое и имя отцов моих Авраама и Исаака, и да возрастут они во множество посреди земли**" (Быт.48:16). Видишь ли вместе и разумение и смиренномудрие, – разумение в том, что проведя очами веры предпочел Манассии Ефрема, – смиренномудрие в том, что нисколько не упомянул о своей добродетели, а (вознес) молитву и преподал им благословение в силу благоугождения отцов и бывших ему (от Бога) благодеяний? Но тогда как Иаков, предвидя будущее, преподавал им такое благословение, – Иосиф, видя, что младший предпочтен первородному и считая это несправедливым, "**сказал**", сказано, сей "**первенец; положи на его голову правую руку твою. Но отец его не согласился и сказал: знаю, сын мой, знаю; и от него произойдет народ, и он будет велик; но меньший его брат будет больше его, и от семени его произойдет многочисленный народ**" (Быт.48:17-19). Не думай, говорит, что я просто или случайно, или по незнанию сделал это; я знаю, и, предвидя имеющее быть впоследствии, так благословил его. Хотя Манассия имеет преимущество по естеству, но меньший будет больше его, и потомство меньшего будет во множество народов. А все так было потому, что здесь предсказывалось царство. Поэтому уже и в самом совершении благословения Иаков предвозвещал будущее. "**И благословил их, говоря: тобой будет благословлять Израиль, говоря: Бог да сотворит тебе, как Ефрему и Манассии. И поставил Ефрема выше Манассии**" (ст. 20). Таким образом будут они, говорит, оба славны, так что все будут молиться о том, чтобы достичь их славы; однако Ефрем будет первенствовать перед Манассией. Видишь ли, как благодать Божья предсказывала ему будущее, и он, движимый пророческим духом, благословляет детей Иосифа, созерцая имевшее произойти спустя столь много времени, как настоящее и видимое братьями? Таково пророчество.

И как телесные глаза не могут созерцать ничего, кроме видимого, так очи веры взирают не на видимое, а созерцают то, что должно совершиться впоследствии через много родов. Это вы еще точнее увидите из тех благословений, которые он преподает собственным детям. Но чтобы не сделать свое слово слишком продолжительным, и не причинить вам большого труда, мы удовольствуемся теперь сказанным, а благословение детям отложим до следующей беседы. Убеждаем только любовь вашу поревновать праведнику этому, и оставлять своим детям такое же наследство, которое никогда ни от чего не может потерпеть вреда. Наследство, состоящее в богатстве, часто бывает для получивших его причиной гибели, разных наветов и многих опасностей. Здесь же нельзя опасаться ничего подобного. Это – сокровище, не могущее истощиться, сокровище не гибнущее, не могущее уменьшиться ни от козней человеческих, ни от нападения разбойников, ни от злоумышления рабов, ни от чего-либо другого подобного; оно сохраняется постоянно. Оно – духовное, и не уступает силе человеческих наветов. А если получившие его будут бодрствовать над ним, то оно сопутствует им и в жизнь будущую, и предуготовляет вечные обители.

4. Итак, не будем заботиться о том, чтобы собирать богатство, и оставить его детям; будем научать их добродетели и испрашивать им благословение от Бога; вот это, именно это – величайшее сокровище, неизреченное, не оскудевающее богатство, с каждым днем приносящее все большее богатство. Нет ничего равного добродетели, нет ничего могущественнее ее. Хотя бы ты указал мне на царство и на облеченного диадемой, но если – только он не имеет добродетели, он будет несчастнее убогого, одетого в рубище. Какую может принести ему пользу диадема или порфира, когда его губит собственная беспечность? Разве Господь взирает на различие внешних достоинств? Или преклоняется перед знаменитостью лиц? Одно здесь требуется – подвигами добродетели отверзать двери дерзновения к Нему, так что не стяжавший этим путем дерзновения будет оставаться среди отверженных и лишенных всякой надежды (спасения).

Будем все иметь это в виду и так наставлять наших детей, чтобы предпочитали добродетель всему другому, а обилие богатства считали за ничто. Оно, оно-то часто и бывает препятствием к добродетели, когда юноша не умеет надлежащим образом пользоваться богатством. Как малые дети, когда берут в руки ножи или мечи, часто, по неумению надлежащим образом пользоваться, подвергают самих себя явной опасности, почему матери и не позволяют им безбоязненно касаться их, – так и молодые люди, когда получат большое богатство, вследствие того, что не хотят надлежащим образом пользоваться им, сами себя низвергают в явную опасность, собирая себе через это богатство бремя грехов. Отсюда рождаются роскошь, неуместные удовольствия и бесчисленное множество зол. Не говорю, что это происходит прямо от богатства, а от неуменья получивших его пользоваться им, как должно. Потому-то и премудрый сказал: "**хорошо богатство, в котором нет греха**" (Сир.13:30). Хотя и Авраам был богат, и Иов был богат, однако они не только не потерпели никакого вреда от своего богатства, но еще более прославились. Ради чего и почему? Потому, что не для своего только наслаждения пользовались богатством, но для утешения других, помогая бедным в их нуждах и отверзая свой дом для всякого странника. Вот послушай, что говорит один из них: **странник не ночевал на улице; двери мои я отворял прохожему** (Иов.31:32). И **отказывал ли я нуждающимся в их просьбе и томил ли глаза вдовы?** (ст. 16). Да и не только оказывали пособие неимущим из своего богатства, но и заботились о них через свое покровительство. "**Я был**", говорит, "**глазами слепому и ногами хромому... и из зубов беззаконника исторгал похищенное**" (Иов.29:15,17). Видишь ли, что он и об обижаемых заботится, и служит всем вместо увечных членов? Этому праведнику всем нужно подражать, – праведнику, прежде закона и прежде благодати показавшему столь великое любомудрие, и притом не имевшему ни наставника, ни добродетельных предков, а собственными усилиями и здравым смыслом пришедшему к такой доброй жизни. Каждый из нас имеет лежащее в самой природе познание о добродетели; и если кто не хочет по небрежности погубить благородство своей природы, то никогда не лишится этого. Дай Бог, чтобы все мы, избрав добродетель и ревностно подвизаясь в ней, сподобились блага, обетованных любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 67

"И сказал Израиль Иосифу: вот, я умираю; и Бог будет с вами и возвратит вас в землю отцов ваших; я даю тебе, преимущественно перед братьями твоими, один участок, который я взял мечом моим и луком моим" (Быт.48:21-22).

1. Мы обещали докончить беседу об Иакове в прошедший раз; но, как слово наше уже слишком распространилось, то мы не могли вполне выполнить обещания. Поэтому я хочу сегодня предложить оставшееся от прежних бесед, дабы, хотя ныне, если Бог даст, достигнуть конца. Но прежде нужно напомнить вашей любви, на чем мы в прошедший раз остановили наше слово, чем заключили поучение. Вы, конечно, знаете и помните, что, когда праведник, намереваясь благословить детей Иосифа, предпочел Ефрема Манассии и когда отец был этим огорчен, – то сказал ему: "**знаю; и от него произойдет народ, и он будет велик; но меньший его брат будет больше его, и от семени его произойдет многочисленный народ. И благословил их в тот день, говоря: тобой будет благословлять Израиль, говоря: Бог да сотворит тебе, как Ефрему и Манассии. И поставил Ефрема выше Манассии**" (Быт.48:19-20). До этого места доведши слово, мы, чтобы множеством сказанного не обременить вашей памяти, здесь и прекратили поучение. Итак, сегодня, если угодно, мы рассмотрим последующее. "**И сказал**", сказано в Писании, "**Израиль Иосифу: вот, я умираю; и Бог будет с вами и возвратит вас в землю отцов**

ваших; я даю тебе, преимущественно перед братьями твоими, один участок, который я взял мечом моим и луком моим". Когда благословлял он сыновей (Иосифа) и, предвидя будущее, предпочел младшего старшему, то, желая убедить Иосифа, что он сделал это не просто и не напрасно, но, предсказывая будущее, предсказывает ему и собственную свою кончину, и то, что (потомки его) возвратятся из чужой земли в Ханаан, в землю отцов своих, и тем поддерживает в них отрадные надежды, дабы они ободрялись ожиданием. Ведь надежда будущих благ всегда уменьшает трудности настоящей жизни. Показывая и в самое время кончины своей любовь к Иосифу, говорит ему: "**я даю тебе, преимущественно перед братьями твоими, один участок**", этим как бы объясняя, что совершенно это сбудется: сообразно с моим предсказанием, – вы возвратитесь и наследуете землю отцов ваших; даже и город Сихем я даю тебе в наследство, преимущественно перед братьями твоими, – город, который я взял из рук Аммореев "**мечем моим и луком**". Что это значит? Здесь Иаков приписывает себе то, что Симеоном и Левием сделано было с сихемлянами и потому говорит: "**который я взял мечом моим и луком моим**". Но здесь, кстати, кто-нибудь может спросить: почему он приписывает себе это дело, а потом, делая завещание, он, как написано, укоряет их (в этом же самом поступке)? Не противоречит сам себе праведник, но обнаруживает кротость своей души, и то, что это сделалось без его ведома. Он не только не был доволен случившимся, но даже порицал, когда так случилось. Итак, желая показать свою любовь к Иосифу, уступает ему Сихем и говорит: "**который я взял мечом моим и луком моим**". Хотя, то есть, это они (Симеон и Левий) сделали, но теперь это в моей власти. Если отец – владыка своих детей, то тем более владыка того, что приобретено ими. Если же он владыка, то он может разделять стяжания, как хочет. Итак, желая показать Иосифу свое расположение, Иаков высказал это не только благословением Ефрема и Манассии, но и через оставление избранного Сихема в наследство сыну. "**И призвал Иаков сыновей своих и сказал: соберитесь, и я возвещу вам, что будет с вами в грядущие дни; сойдитесь и послушайте, сыны Иакова, послушайте Израиля, отца вашего**" (Быт.49:1-2). Заметь благоразумие праведника: предузнав время своей кончины, он призывает к себе детей, и говорит: "**соберитесь, и я возвещу вам, что будет с вами в грядущие дни**". Придите, говорит, и узнайте от меня не настоящее и не то, что будет в скором времени, но то, что будет в самые отдаленные дни. И это я возвещаю вам не от себя, но по вдохновению от Духа; поэтому я и буду провозвещать события, имеющие быть потом через многие поколения. Готовясь оставить эту жизнь, я хочу в каждом из вас запечатлеть память событий, как на медном столпе. Теперь смотри, как праведник, в собрании детей, сохраняя порядок их рождения дает каждому из них соответствующее каждому или проклятие или благословение, показывая и этим превосходство своей добродетели. Начинает с первенца. "**Рувим**", говорит, "**первенец крепость моя и начаток силы моей, верх достоинства и верх могущества**" (Быт.49:3). Смотри, как велика мудрость праведника! Желая еще более усилить тяжкое, падающее на Рувима, осуждение, говорит сначала о преимуществах, принадлежащих ему по рождению, о первенстве, которое имел он, будучи начатком детей и наслаждаясь достоинством сына первородного; затем, как бы на медном столпе, чертит его самопроизвольные преступления, показывая тем, что нет никакой пользы от преимуществ природы, если они не сопровождаются совершенствами воли, так как только качества воли привлекают или похвалу или укоризну. "**Верх**", говорит, "**достоинства и верх могущества**". Ты, говорит, по собственной опрометчивости, потерял достоинство, данное тебе от природы. Затем описывает и самый род преступления, дабы произнесенное на него осуждение послужило величайшим и для потомков уроком – не отваживаться на подобные дела. "**Ты бушевал, как вода, – не будешь преимуществовать, ибо ты взошел на ложе отца твоего, ты осквернил постель мою, взошел**" (Быт.49:4). Здесь он намекает на сожитие Рувима с Валлой.

2. Вот как (Иаков) разумением, дарованным ему от Духа, предупреждая последующее узаконение Моисея, именно, что не позволительно отцу и сыну вступать в сожительство с одной и той же женой, запрещает уже, произнося через это осуждение своему сыну. Ты осквернил, говорит, постель, взошедши на ложе отца твоего: ты совершил дело беззаконное. За то, что ты так оскорбил меня, ты, "**как вода – не будешь преимуществовать**". Бесплодно для тебя будет это покушение, потому что ты, даже к отцу своему не имея никакого уважения, дерзнул осквернить ложе. А дабы последующие поколения избегали подобных дел, по устроению Духа Святого это осуждение заключено в письмена, так что все слышащие это вразумляются и видят ясно, что нет никакой пользы в преимуществах, даруемых от природы, если они не сопровождаются соответственными делами воли. Затем, достаточно уже обличив этот гнусный поступок, переходит к Симеону и Левию. "**Симеон и Левий орудия жестокости мечи их**" (Быт.49:5). Ревность, которую они выказали за сестру свою, увлекла их в несправедливость. Потом, объясняя, что они привели намерение свое в исполнение без его ведома, говорит: "**в совет их да не войдет душа моя, и к собранию их да не приобщится слава моя**" (Быт.49:6). Да не будет, говорит, того, чтоб я принимал участие в их намерении, или чтобы я соглашался на такой несправедливый их поступок: "**ибо они в гневе своем убили мужа**" (Быт.49:6). Безрассудно было их раздражение. Хотя и погрешил Сихем, но при всем том не должно было всех подвергать такому убийству. "**И по прихоти своей перерезали жилы тельца**", – здесь Иаков разумеет сына Емморова, называя его "**юнцом**", по его цветущему возрасту. Наконец, упомянув о делах Симеона и Левия, Иаков присовокупляет и проклятие и говорит: "**проклят гнев их, ибо жесток, и ярость их, ибо свирепа**" (Быт.49:7). Он разумеет здесь коварство, которое они употребили против сихемлян, обманув их и коварно напав на них: ярость их, говорит, дерзка, опрометчива, безрассудна. "**И ярость их, ибо свирепа**". Тогда как сихемляне думали показать им свое расположение, они выказали ожесточенную злобу, и поступили с ними, как с врагами. Сказав о сделанном ими преступлении, Иаков предвозвещает и наказание, которое ожидало их за это: "**разделю их в Иакове и рассею их в Израиле**" (Быт.49:7). Они, говорит, будут повсюду рассеяны, дабы всем было известно, что они потерпели это в наказание за свой дерзкий поступок. "**Иуда! Тебя**" да "**восхвалят братья твои**" (Быт.49:8). Благословение, данное Иуде, таинственно: оно предзнаменовало все то, что относится к Христу. "**Иуда**", говорит, "**тебя**" да "**восхвалят братья твои**". Так как, по устроению Божьему, Он (Христос) имел произойти из этого колена, то поэтому движимый Духом Святым, в словах, обращенных к Иуде, предвещает не только нисшествие Господа к людям, но и таинство (воплощения), и креста, и погребение, и воскресение, словом сказать: все. "**Иуда**", говорит, "**тебя**" да "**восхвалят братья твои: рука твоя на хребте врагов твоих; поклонятся тебе сыны отца твоего**", указывая на покорность, какую они окажут. "**Молодой лев Иуда, с добычи, сын мой, поднимается**"; предрекает о царстве Его, потому что в Священном Писании под образом этого животного (льва) изображается обыкновенно царское самодержавие. "**Преклонился он, лег, как лев и как львица: кто поднимет его**" (Быт.49:9)? Здесь разумеет крест и погребение Его. "**Кто поднимет его**"? Как спящего льва или скимена никто не осмелится разбудить, так, говорит, "**лег, как лев и как львица: кто поднимет его**"? Сам Он сказал: "**имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее**" (Ин.10:18). Потом Иаков ясно указывает и время, в какое, по устроению Божьему, имел явиться Христос. "**Не отойдет**", говорит, "**скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет**" Тот, Которому отложено: "**и Ему покорность народов**" (Быт.49:10). Дотоле, говорит, иудейские установления и князья из иудеев будут продолжаться, пока придет Он. И хорошо Иаков сказал: "**доколе не придет**" Тот, Которому отложено, т.е. Которому предуготовано царство. Поэтому Он есть "**покорность народов**". Смотри, как он уже говорит о будущем спасении язычников. "**И Ему**", говорит, "**покорность народов**": пришествия Его ожидают язычники. "**Он привязывает к виноградной лозе осленка своего и к лозе лучшего винограда сына ослицы своей**"

(Быт.49:11); под образом ослят опять предвозвещает приведение язычников. Так как осел считался нечистым животным, то Иаков и говорит, что эти нечистые языческие народы Он приведет с такой же легкостью, как если бы кто-нибудь привязал осленка к виноградной ветви, – выражая этим и величие власти и великое послушание народов. То знак большой кротости осла, что он не противится, когда его привязывают к виноградной ветви. А виноградной лозе (Христос сам) уподоблял Свое учение: "**Я**", говорит Он, "**истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь**" (Ин.15:1). Виноградными же ветвями назвал кротость заповедей (Христовых) и легкость закона, и тем предвозвещал, что язычники будут удобопреклоннее к вере, нежели те (иудеи). "**Моет в вине одежду свою и в крови гроздей одеяние свое**".

3. Смотри, как здесь Он ознаменовал все таинство. Посвященные в таинства знают, что значат эти слова: "**моет в вине одежду свою**". Под одеждой, я думаю, разумеется тело, которое для совершения спасения удостоил носить (Христос). Потом, чтобы в точности показать, что он назвал "**вином**", Иаков присовокупляет: "**и в крови гроздей одеяние свое**". Смотри, как он наименованием крови означил заклание, и крест, и все строение тайн. "**Блестящи очи его от вина, и белы зубы от молока**" (Быт.49:12). Здесь под образом вина и очей он хочет показать нам Его прославление. " **Белы зубы от молока**"; показывает праведность и славу Судьи. Под образом зубов и молока не что другое хотел означить, как то, что суд будет также чист и светел, каково свойство молока и зубов. "**Завулон**", говорит, "**при береге морском будет жить и у пристани корабельной, и предел его до Сидона**" (Быт.49:13). Смотри, как и этому предвозвещает место поселения и то, что он распространится даже до Сидона. "**Иссахар осел крепкий, лежащий между протоками вод**" (Быт.49:14). "**И увидел он, что покой хорош, и что земля приятна: и преклонил плечи свои для ношения бремени и стал работать в уплату дани**" (Быт.49:15). Этого хвалит за то, что он избрал земледелие и труд над землей предпочел всему. "**Дан будет судить народ свой, как одно из колен Израиля**" (Быт.49:16). "**Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня**" (Быт.49:17). "**Всадник его упадет назад. На помощь твою надеюсь, Господи!**" (Быт.49:17-18). Дивиться и изумляться надобно, как этот праведник, провидя все очами духа, предсказывал сынам своим, что с каждым из них случится. Он предвозвещает то, что будет уже через долгое время. "**Гад, – толпа будет теснить его, но он оттеснит ее по пятам**" (Быт.49:19). "**Для Асира – слишком тучен хлеб его, и он будет доставлять царские яства**" (Быт.49:20). "**Неффалим – теревинф рослый, распускающий прекрасные ветви**" (Быт.49:21). Вкратце коснувшись этих сынов, Иаков переходит затем к Иосифу и говорит: Иосиф сын возвращенный, ревностный: Иосиф сын возвращенный, **отрасль плодоносного дерева** (ст. 22). Ты с самого начала сделался предметом зависти: "**огорчали его, и стреляли и враждовали на него**", – разумеет соумышление против него братьев. Так как выше сказано было, что они принесли отцу злую хулу на Иосифа, то (Иаков) и говорит здесь: "**огорчали его, и стреляли и враждовали на него стрельцы**" (Быт.49:23), указывая на их смертоубийственный замысел. **И сотрошася с крепостию луки их** (в русском переводе этих слов нет). Смотри, как, сказав о покушениях их против Иосифа, говорит теперь о том, что после с ними самими случилось: **сотрошася с крепостию луки их, и разслабеша жилы мышцей рук их** (в русском переводе этих слов нет). Они покушались убить его и, сколько могли, приводили в дополнение свой замысел; но луки их сокрушились и мышцы их ослабели. Не действительно ли это с ними и случилось, когда они услышали слова Иосифа: "**я – Иосиф, брат ваш, которого вы продали в Египет**" (Быт. 45:4)? Тогда особенно, тогда ослабели их мышцы **от рук мощного Бога Иаковлева** (ст. 24). "**Оттуда Пастырь и твердыня Израиля, от Бога отца твоего, Который и да поможет тебе**". Тот, Кто ослабил мышцы их, говорит он, всемогущ. Сам Бог мой помог тебе. Посмотри на эту искреннюю любовь праведника к Господу, по которой он Господа вселенной называет только своим Богом, не ограничивая

тем Его владычества и не отвергая Его власти над вселенной, но выражая собственную свою сильную любовь к Нему. "**И да благословит тебя благословениями небесными свыше**". Не только, говорит, помог тебе, но и благословил тебя "**благословениями бездны, лежащей долу, благословениями сосцов и утробы, благословениями отца твоего, которые превышают благословения гор древних и приятности холмов вечных**". Здесь он разумеет славу, знаменитость и владычество Иосифа над Египтом, под образом гор и холмов означая величие и силу его, так как он возведен был на самую высочайшую степень власти. Благословения эти, говорит, "**будут на голове Иосифа и на темени избранного между братьями своими**" (Быт.49:26). Эти благословения, говорит, пребудут на главе твоей. "**Вениамин, хищный волк, утром будет есть ловитву и вечером будет делить добычу**" (Быт.49:27). И здесь Иаков предвозвещает имеющее быть спустя долгое время, именно, что Вениамин, как волк, будет нападать, похищать, истреблять и делать тысячи зол. Так как Иаков всем сынам возвестил соответствующие каждому благословения, то и сказано: "**и благословил их, и дал им благословение, каждому свое**" (Быт.49:28). То есть, каждому предвозвестил то, что следовало, и предрек будущие события в каждом колене. Наконец, сделав внушенные ему Духом распоряжения, говорит им: "**я прилагаюсь к народу моему; похороните меня с отцами моими**" (Быт.49:29).

4. Заметь, какое утешение он подает им через это завещание. Они могли понимать, что праведник этого не завещал бы если бы верно не знал о будущем возвращении их и об освобождении от рабства египетского. Затем он указывает и место (погребения): "**в пещере**", говорит, "**которая на поле Ефрона Хеттеянина**" (Быт.49:29). Сказав это, "**окончил Иаков завещание сыновьям своим, и положил ноги свои на постель, и скончался, и приложился к народу своему**" (Быт.49:30). Посмотри и на кончину праведника, как она была чудесна. Сделав распоряжение относительно своих детей, он положил ноги свои на одр, как бы с удовольствием встречал свою смерть. После всех распоряжений "**преставился**" он, "**возложив ноги**", то есть, выпрямив или протянув их, "**преставился**", т. е. кончил жизнь свою, и "**приложился к народу своему. Иосиф пал на лицо отца своего, и плакал над ним, и целовал его**" (Быт.50:1). Видишь ли нежную любовь сына? Видишь ли любовь пламенную? И, по отлучении души, "**Иосиф пал на лицо отца своего, и плакал над ним, и целовал его**". После того Иосиф позаботился привести в исполнение завещание отца. "**И повелел Иосиф слугам своим – врачам, бальзамировать отца его**" (Быт.50:2). А сам он оплакивал его сорок дней, дней погребения, а Египет "**семьдесят дней**" (Быт.50:3). Когда было сделано все установленное, Иосиф извещает фараона и бывших при нем о завещании своего отца и говорит: "**заклял меня сказав: вот, я умираю; в гробу моем, который я выкопал себе в земле Ханаанской, там похорони меня. И теперь хотел бы я пойти и похоронить отца моего и возвратиться**" (Быт.50:5). Надлежит, говорит, мне исполнить заповеданное мне отцом моим. Сделав по его воле, я возвращусь. Фараон, выслушав это, дал свое позволение. "**И пошел Иосиф хоронить отца своего. И пошли с ним все слуги фараона, и весь дом Иосифа; и мелкий и крупный скот оставили**" (Быт.50:7-8). "**С ним отправились также колесницы и всадники, так что сонм был весьма велик**" (Быт.50:9). Посмотри, какое усердие выказывают египтяне из почтения к Иосифу. Они отправляются вместе с Иосифом, так что составляют "**сонм весьма великий**". Пришедши на некое место, "**плакали там плачем великим и весьма сильным; и сделал Иосиф плач по отцу своему семь дней**" (Быт.50:10). "**И видели жители земли той, Хананеи, плач в Горен-гаатаде, и сказали: велик плач этот у Египтян! Посему наречено имя месту тому: плач Египтян, что при Иордане**" (Быт.50:11).

Ты, возлюбленный, слушая это, не оставляй без внимания, но сообрази время, в которое все это происходило, не подвергай Иосифа никакому осуждению. Тогда еще не были

сокрушены врата ада, не были расторгнуты узы смерти, и смерть еще не почиталась успением. Поэтому люди и поступали так, страшась смерти. А ныне, по благодати Божьей, смерть стала сном, кончина успением, ныне мы имеем многое уверение в воскресении, так что, переходя от жизни в жизнь, мы радуемся и веселимся. И что я говорю: от жизни в жизнь? Из худшей в лучшую, из временной в вечную, из земной в небесную. Наконец, Иосиф, исполнивши все, "**возвратился Иосиф в Египет, сам и братья его и все ходившие**" с ним (Быт.50:14). Но затем посмотри, в какой боязни были братья Иосифа и какой страх потрясал их душу. "**И увидели братья Иосифа, что умер отец их, и сказали: что, если Иосиф возненавидит нас и захочет отмстить нам за все зло, которое мы ему сделали**" (Быт.50:15). Страх сильно смущал ум их и, угрызаемые совестью, они не знали, что делать. Поэтому, говорится, видя кончину отца и опасаясь, чтобы Иосиф за поступки их против него не подверг их заслуженному наказанию, "**послали они**" к нему "**сказать: отец твой перед смертью своею завещал, говоря: так скажите Иосифу: прости братьям твоим вину и грех их**" (Быт.50:16-17). Смотри опять, как они становятся обвинителями самих себя; замечай, как велика обличительная сила совести. Вы вполне знаете, что вы сделали неправду и грех, что причинили зло. "**Прости братьям твоим вину и грех их**" (Быт.50:17). Вот как, не будучи никем принуждаемы, они обвиняют сами себя, и говорят: отец твой сказал: "**прости братьям твоим вину и грех их**". Но этот дивный, всеми добродетелями украшенный, муж так был далек даже от памятования их поступков, что был смущен словами их. "**Иосиф плакал, когда ему говорили это. Пришли и сами братья его, и пали перед лицом его, и сказали: вот, мы рабы тебе**" (Быт.50:18-19). Посмотри, что значит добродетель, как она сильна и непреоборима, и как бессильно зло. Вот человек, столько пострадавший, теперь господствует, а те, которые так поступали с братом, сами просят быть рабами того, кого сами же они продали в рабство.

5. Но выслушай еще, как незлопамятен был Иосиф в отношении к своим братьям, как он желает всеми способами утешить их и убедить, что они нисколько не согрешили против него. Он говорит им: "**не бойтесь, ибо я боюсь Бога; вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы сделать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей**" (Быт.50:19-20). Не бойтесь, говорит, и не беспокойтесь; я человек Божий; я следую Господу моему и стараюсь вознаграждать благодеяниями тех, которые нестерпимое зло сделали мне: "**я боюсь Бога**". Потом, показав, сколь великим благоволением от Бога он пользуется, говорит: вы поступили со мной со злым намерением, но Бог все это обратил мне во благо. Так и Павел говорил: "**любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует к благу**" (Рим.8:28). "**Все**", говорит. Что же это – все? То есть, все неприятности, кажущиеся огорчения Он обращает во благо. Это самое сбылось и над дивным Иосифом. То самое, что сделали ему братья, то наиболее и доставило ему царство, при содействии благопромыслительной премудрости Божьей, пролагающей злое во благое. "**Сохранить жизнь великому числу людей**". Не только для вас Бог обратил это во благо, но и для того, чтобы весь этот народ мог пропитаться. "**Не бойтесь: я буду питать вас и детей ваших. И успокоил их и говорил по сердцу их**" (Быт.50:21). Итак, чего вы боитесь? Я доставлю вам и всем, находящимся с вами, все, что нужно для пропитания. "**И успокоил их и говорил по сердцу их**". Не просто утешал их, но имел такую о них заботливость, что всю скорбь их уничтожил. "**И жил Иосиф в Египте сам и дом отца его**" (Быт.50:22). "**И видел Иосиф детей у Ефрема до третьего рода**" (Быт.50:23). "**И сказал Иосиф братьям своим: я умираю, но Бог посетит вас**" (Быт.50:24).

"**И вынесите кости мои отсюда**" (Быт.50:25). Вот как и он, подобно отцу своему, заботится о том, чтобы кости его перенесены были. И заметь, как он, желая укрепить дух братьев и обнадежить их касательно возвращения, сперва предвозвещает им, что они

возвратятся, а потом говорит: "**вынесите**", при исходе, "**и мои кости**". Это делал он не без причины и не напрасно, но имел ввиду двоякую цель: первое, – чтобы египтяне, памятуя о стольких его благодеяниях и легко людей провозглашая богами, не имели в теле праведника предлога к такому нечестию; второе, – чтобы (израильтяне) вполне были уверены, что непременно возвратятся. Если бы это не было достоверно, то он не завещал бы им вынести с собой его кости. И нечто необычайное и дивное открывалось в том, что питавший всего Израиля в Египте делается предводителем при исшествии его, и вводит его в землю обетованную. "**И умер Иосиф ста десяти лет**" (Быт.50:26). Для чего означены здесь и его лета? Для того чтобы знать, сколько лет он имел в своих руках управление Египта. Семнадцати лет он прибыл в Египет; тридцати лет явился к фараону и истолковал сны; в продолжение восьмидесяти лет держал власть над всем Египтом. Видишь, как награды превышают труды и как многообразны воздаяния? В продолжение тринадцати лет он боролся с искушениями, перенося рабство, беззаконное обвинение и злострадание в темнице. Но как он перенес все мужественно, с благодарностью, то и в настоящей жизни получил щедрое воздаяние. Обрати внимание на то, что за краткое время терпения в рабстве и заключении он управлял царством в продолжение восьмидесяти лет. А что он все делал по вере и по этому (побуждению) завещал перенести свои кости, выслушай слова Павла: "**верой Иосиф, при кончине, напоминал об исходе сынов Израилевых**", и этим не ограничился; но чтобы показать, по какому побуждению Иосиф заботился о перенесении своих костей, апостол еще говорит: "**и завещал о костях своих**" (Евр.11:22).

Может быть сегодня мы говорим слишком много, но простите. Приближаясь к концу книги, мы хотим сегодня окончить ее изложение, и, таким образом, заключить свои поучения. Присоединим только обычное увещание, чтобы вы помнили сказанное, и подражали добродетелям древних праведников: их незлобию к обижающим, их долготерпению к наветующим, их высокому смирению. Такими добродетелями и этот праведник (Иосиф) привлек столь великое от Бога благоволение. Если и мы желаем иметь свыше помощь, то будем заботиться о добродетели. Таким образом и мы привлечем благодать Духа, – и настоящую жизнь проведем беспечально, и будущие наследуем блага; чего и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том V

Книга 1

ТОЛКОВАНИЕ НА ПСАЛМЫ*

Предлагаемые в настоящем томе Беседы св. И. Златоуста на Псалмы Давида принадлежат к лучшим его творениям и происхождение их относится к наиболее цветущему периоду его проповеднической деятельности в Антиохии (с 393 по 397 гг.), хотя окончательная форма этим беседам могла быть придана и позже. Можно думать, что великий учитель последовательно дал в своих Беседах толкование на *всю Псалтирь,* но до нас дошли они не все, так что и начинаются они прямо с изъяснения 3-го псалма.

* В беседах используется русский перевод псалмов проф. Юнгерова, сделанный непосредственно с греческого текста Септуагинты, который использует Златоуст, и потому гораздо более подходящий для этой книги, в отличие от перевода Синодального, сделанного с еврейского оригинала.

БЕСЕДА на псалом 3. Значение надписания: "Псалом Давида, когда он бежал от Авессалома, сына своего". – Почему Давид был гоним Авессаломом? – Что бывает источником греха, то служит и бичом наказания. – У большинства людей домашние бывают врагами по причине грехов; подтверждение этого примером Давида, Израильтян во времена Судей, Адама, Даниила и пророка из Иудеи. – Увещание – истреблять источник зол – грех. Гибель Авессалома и печаль Давида о погибающих.

БЕСЕДА на псалом 4. Чью молитву слышит Бог? – Под правдою разумеется вся добродетель всецело; от неправды – и надменность. – И при праведности нужна молитва, как приносящая великие блага. – Мы не столько умоляем Бога чрез других, сколько чрез самих себя. – С каким расположением души нужно приступать к молитве? Распространение в скорби и слова апостола о плодах перенесения скорбей. Не смотря на свою правду, Давид молит о помиловании. – Свойства угодной Богу молитвы, которую Он слышит. – Кто разумеется под сынами человеческими тяжкосердыми и отчего происходит жестокосердие? – Зачем любите суету и ищете лжи. – Как события из жизни праведников ведут к Богопознанию? – Уверенность Псалмопевца в том, что Господь услышит его молитву и почему многие бывают не услышаны? – Вредное действие несправедливого гнева и польза – справедливого. – Благотворность каждодневного суда совести. – Что называется жертвой правды? – Безрассудство сомнений в Божественном промысле и сердечная уверенность Псалмопевца в получении духовных, а также и земных благ. – Не Зевс и другие боги язычников посылают дождь и другие земные блага, и что такое Зевс. – Свидетельство богодухновенных пророков о Боге откровения. – Мудрое распределение

благ земных в мире; внутренний мир у людей, преданных Богу, и тяжкие бедствия внутренней борьбы, испытываемые теми, кто предан страстям. – Что значат слова: в мире вкупе усну и: единого на уповании вселил мя еси? – Увещание избегать общества порочных людей.

БЕСЕДА на псалом 5. Объяснение надписания: в конец о наследствующей: какое разумеется наследие, когда оно имеет быть получено, при соблюдении каких условий и кто наследует? – Изображение наследствующей Церкви в других книгах Ветхого и Нового Завета и у Псалмопевца. – Молитва Церкви к Жениху ее – Господу "рано" помощи. – Объяснение стихов 5-7, выражающих уверенность Псалмопевца в том, что Господь не оставит беззаконников без наказания. – Благодарность Церкви за дарованное ей спасение и молитва ее о божественном руководстве на пути правды и о суде над нечестивыми для утешения уповающих на Бога праведников. – Увещание не падать духом во время жизненной борьбы и за все благословлять Господа.

БЕСЕДА на псалом 6. В каком смысле нужно понимать приписываемые Богу Псалмопевцем ярость и гнев? – Всем людям, как немощным существам, нужно просить Господа о помиловании. – Почему виновные в одних и тех же грехах получают часто неодинаковое наказание? – Сокрушение о грехах и безропотное перенесение скорбей привлекают к человеку Божественную милость. – Особенное попечение в настоящей жизни о спасении души внушается Псалмопевцем чрез указание на невозможность покаяния после смерти и – собственный пример слезного, глубокого, сокрушения Псалмопевца во время ночи. – Что разумеется под оком, пришедшим в смятение, и "обветшанием"от врагов? – Удаление от порочных людей, хотя бы они были облечены в диадему, есть также путь к добродетели. – Увещание останавливать греховные влечения в самом начале.

БЕСЕДА на псалом 7. Объяснение надписания псалма при пособии других, кроме греческого 70-ти, переводов. – Кто был упоминаемый здесь Хусий? – Подаваемый им поучительный пример упования на Бога и верности людям добродетельным, не взирая на бедствия последних. – Совет Хусия Архитянина Авессалому и благотворность его для преследуемого Давида, который и выразил в этом псалме благодарность Богу. – Незлобивая молитва Давида о спасении от видимых и невидимых врагов. – Как нужно молиться, чтобы быть услышанным от Бога? – Исповедание Давидом своей неповинности и незлобия, превосходящего требования ветхозаветного закона. – Увещание – не только не иметь вражды к врагам, но и истреблять ее корень – сребролюбие и тщеславие. – Буквальное объяснение ст. 7-10: воскресни Господи гневом Твоим... да скончается злоба грешных. Говоря: суди меня Господи по правде моей не разногласит ли Псалмопевец о сказанным им: не вниди в суд с рабом Твоим? – Кого любит Бог. – Страдание многих праведников в этом мири предуказано Господом и установлено неисследимою божественною премудростью для блага человека. – Плача достойны грешники, не получающее здесь наказания. – Почему мы не каждодневно наказываемся за свои грехи? – Благотворность наказания грешников для праведников. – Объяснение слов: испытали сердца и утробы...; праведна помощь... Бог судитель праведен... Какие есть у нас грехи общие, каждодневные, и чем угрожает Псалмопевец нерадивым о своем исправлении? – Приписывая Богу лук, меч и стрелы, Псалмопевец употребляет человекообразные выражения для того, чтобы тронуть и грубых людей и возбудить страх наказания. – Проявление божественного человеколюбия в самих угрозах наказания. – Копающий яму ближнему сам впадет в нее. – Преспеянию в добродетели особенно способствует частое собеседование с Богом в молитве. – Увещание любить Бога не за блага Его, а ради Его Самого.

БЕСЕДА на псалом 8. Возбуждение внимания слушателей указанием на высокий предмет псалма. Величие имени Божия, особенно ясно открывшееся со времени вочеловечения Единородного Сына Божия. – Особое откровение божественной силы в славословии грудных младенцев и вытекающий отсюда урок приступающим к божественному учению. – Почему иудейский народ после распятия Христа подвергся столь великим бедствиям? – иудеи рассеяны по земле не для того, чтобы быть учителями вселенной. – Грех иудеев против Владыки Христа. – Дивное божественное промышление о человеке, выразившееся особенно в деле искупления. И после грехопадения у человека умалена только земная власть, но не отнята. – Почему лишен он власти над дикими зверями и какая польза от них? – Опровержение учения Павла Самосатского. – Увещание – избегать собраний еретиков.

БЕСЕДА на псалом 9. Нужно прославлять Бога не только за благодеяния, но и за посылаемые Им бедствия. – Божественные чудеса в земной природе и польза изучения их. – Объяснение ст. 3-8. – Допустимость объяснения изображаемого здесь суда Божия в применении к событиям иудейской истории после распятия Спасителя. – Всеобщий и частный суд Божий. – Благотворность скорбей в деле нравственного преспеяния и великая сила упования на Бога. – Как мы можем искать Бога? – Что разумеется под обитанием Господа в Сионе? –"Ибо, взыскивая за кровь их, вспомнил, не забыл вопля убогих". – Молитва Псалмопевца и после избавления от бедствий и его увещает славословить Господа. – Порок сам себе вредит и устрояет гибель. – Если наказание грешников способствует распространению Богопознания, то почему Господь не употребляет этого средства вразумления постоянно? – Преимущества смиренной бедности в деле добродетели. Молитва о божественной помощи несправедливо притесняемым, о вразумлении и наказании самоуправных народов и вообще людей нечестивых. – Гибельная самоуверенность беззаконников, не имеющих в душе своей страха Божия, их действительная бедность и вместе жестокость. – Что значит: "преданы они в руки Твои"? – Молитва о прекращении господства беззакония и насилия.

БЕСЕДА на псалом 10. Великая сила упования на Бога и бессилие при этом вражеских козней и нападений. – Почему многие из беззаконников преодолевают других? – В чем состоит оружие праведника против нечестивых? – "Любящий неправду ненавидит свою душу". – Что значит:"их доля (из) чаши"?– Опасности, которым подвергается богатый, и спокойствие праведника.

БЕСЕДА на псалом 11. Трудность пути добродетельного при оскудении благочестия между людьми. – Что значит: "умалилась истина среди сынов человеческих"? – Великое зло – двуличность; молитва Псалмопевца об истреблении лицемерия. – Не все то наше, чем мы владеем. – Страдания несправедливо притесняемых привлекают к ним божественную помощь. – Что значит: "явлюсь спасением, откроюсь в нем"? – Несомненность этого божественного обетования. – Что значит: "вокруг нечестивые ходят..." и: "по высоте Твоей"? – Увещание – охранять высокую честь, данную Богом человеку.

БЕСЕДА на псалом 12. Не малое благо, если человек сознает свое оставление Богом, которое происходит от нарушения Его заповедей, но служит также проявлением особого божественного промышления. – Что значит: "я преодолел его"? – Усиление молитвы Псалмопевца о божественной помощи указанием на радость и веселие врага. – "Я же уповал на милость Твою". – Благодарность и славословие Господу прежде получения от Него благодеяний. – Увещание подражать Давиду и без колебаний полагаться на милость Божию.

БЕСЕДА на псалом 41. Похвала вниманию слушателей во время предшествующей беседы и потребность разнообразить предметы поучений. – Для чего введено в Церкви псалмопение? – Чрез священные песни очищается и освящается душа. – Особенно благовременны священные песни при принятии пищи и после этого. – Изображаемая Псалмопевцем сила любви к Богу. – Как можно любить Бога, не видя Его? – Три побуждения к этой любви: высочайшая красота божественного Существа, бесчисленные Его благодеяния и величайшая любовь Его к человеку вообще и к каждому в отдельности. – Увещание проявлять пламенную любовь к Богу не словами только, но и делами. – Любовь к Богу ограждает нас от земных привязанностей, страстей и уныния в несчастьях. – Благотворное действие пения псалмов на душу христианина.

БЕСЕДА на псалом 43. Объяснение начальных слов Псалма, как пророческой песни от лица Маккавеев. – Внушение родителям занимать детей повествованиями о делах Божиих, научающими вере и укрепляющими надежду на получение просимого от Бога. – Истинная бедность людей, кажущихся богатыми. – О каких делах Божиих возвещали отцы? – Для чего при совершении дел Божиих употреблялись внешние, чувственные знаки? – Предуказание на нарушение субботы в семидневном обхождении Израильтян вокруг Иерихонских стен. – Что значит: "насадил"? – Завоевание Ханаана Израильтянами было делом не оружия их, а Бога, предводительствовавшего ими. – Неизменность Божественного Существа и продолжение Его милостей своему народу. – "О Боге похвалимся всякий день". – Объяснение ст. 10-22. – Величие самоотверженной любви к Богу. – Молитва об избавлении вследствие крайне бедственного состояния и ради имени Божия.

БЕСЕДА на псалом 44. Объяснение слов: "Излило сердце мое слово благое". – Отличие пророков от языческих прорицателей. – Какое разумеется дело, о котором Псалмопевец говорит: Царю? Новое указание на то, что он говорит под благодатным озарением. – "Прекраснейший" есть Христос. – "Излилась благодать из уст Твоих". – Отличие пророческого слова о Христе от евангельского. – В словах: "благословил Тебя Бог во век" разумеются излияние благодати на человеческую природу Иисуса Христа. – Предъизображение Его, как вооруженного Царя, блистающего красотою, поражающего врагов Своею божественной силою и устрояющего царство "ради истины и кротости и правды". Двоякий смысл слов: "стрелы Твои изощрены…" Почему Псалмопевец говорит о божестве Христовом после указания на вочеловечение? Обличение осуждающих действия божественного Промысла. Помазание Христа "более общников". – Прославление Иисуса Христа предстоящею Ему Церковью, обращение Его к Церкви и заповедь. – Слава Церкви, ее внутренняя красота и распространение по вселенной.

БЕСЕДА на псалом 45. Божественная помощь могущественнее всякой земной силы; она не исключает, однако внимания к обстоятельствам времени. – Под "горами" и "морскими глубинами" разумеются великие опасности, не наводящие однако страха на уповающих на Бога. – Божественное попечение об иудеях и скорая им помощь от "Господа сил". – Будущее водворение мира на земле; применение слов Псалмопевца об этом к временам христианским. – "Успокойтесь и познайте, что Я есмь Бог".

БЕСЕДА на псалом 46. Как нужно понимать призыв Псалмопевца к рукоплесканию и восклицанию? – Объяснение слов Псалма в переносном смысле: предъизображение победы Христа. – Божественное Его величие в самом уничижении, затем – в распространении Его учения по вселенной. – Почему Христос не помог Себе на кресте? – Божественная Его сила в делах Апостолов. – Пророчество об обращении иудеев, как достояния Божия. "Вознесся Бог при восклицании ..." Призыв вселенной к разумному прославлению Господа. – "Избранники Божии на земле весьма превознесены".

БЕСЕДА на псалом 47. Псалом 47-й есть пророческая песнь Господу от лица возвратившихся из Вавилонского плена иудеев. В каком смысле назван здесь город – Божиим и гора – святою? "Благоукореняя" радости всей земли. – Говоря о Сионских горах, почему пророк упоминает о севере словами: "северные стороны" – Что значит: "Восприняли мы, Боже, милость Твою"? – Слава дивных дел Божиих, совершаемых ради божественной "правды"; призыв к. веселию, изысканиям и вечному помятованию о Боге и Его непрестанном промышлении.

БЕСЕДА на псалом 48. На что указывает призыв всех народов к вниманию? – Внушение призываемым смирения и равенства пред Богом. – Псалмопевец возвещает не собственное, а божественное учение. – Что значит: в притчу? – Прикровенная речь в Писании имеет своею целью – возбудить внимание. – Нужно бояться не житейских скорбей, а только греха, от наказания за который на божественном суде не избавит ни богатство, ни родство; но не напрасны ли и молитвы святых? – Высокая цена человеческой души пред Богом, вечная жизнь потрудившихся здесь праведников и спокойствие их при виде смерти считающихся премудрыми. – Безумие людей любостяжательных и тщеславных. – Истинный путь к славе. – Крайнее унижение человеческого достоинства людьми, преданными страстям. – "Сей путь их - соблазн им, и после того устами своими будут одобрять (его)". – Быстрая гибель таких людей и торжество над ними добродетельных. – Но не господствуют ли над последними порочные? – Бессилие и бесславие порочных и спасение праведников. – Почему не нужно бояться настоящего, временного? – Не смотря на почести и лесть при жизни, порочный чело-век по смерти не увидит света и уподобится бессловесным животным.

БЕСЕДА на псалом 49. Кто разумеется под именем богов в этом Псалме и других местах Св. Писания? – Общий предмет Псалма – изображение Бога, судящегося с иудейским народом. – Слава Сиона, как места откровения божественной благости, человеколюбия и милостей. – В отличие от первого, не явного для всех, пришествия Сына Божия на землю, Псалмопевец изображает второе, явное Его сошествие для суда пред лицем неба и земли. – Для чего названы преподобными подлежащее суду? – Божественная правда в осуждении не уверовавших во Христа иудеев; за что они распяли Христа? – Какие события указывали им на Его божественность? – Господь обвиняет иудеев не за малочисленность жертвоприношений (они установлены по снисхождению только к немощи иудеев), и не потому, что Владыка всего существующего имеет в них нужду. – Какая жертва действительно угодна Богу. – "И (тогда) призови Меня в день скорби твоей"... Грешник не должен учить других божественным законам. – Но так как все во грехах, а грешнику Бог запрещает "проведывать уставы" Его, то кто же будет возвещать их? – Тяжкие грехи, указываемые Псалмопевцем, несовместимые с званием учителя божественного закона, и нравственные наставления (не допускать до падения склоняющегося на грех, не злословить и не порицать не сделавшего ничего худого, не наносить себе вреда местью ближнему). – Обличение и предостережение Псалмопевца грешникам; средство смягчить гнев Божий и получить спасение.

БЕСЕДА на псалом 108. Недоумение, возбуждаемое содержанием псалма, как служащего выражением сильнейшего гнева и наполненного проклятиями врагу. – Кто этот враг, так огорчивший Св. Духа, что божественный гнев распространяется на детей, жену и родителей? – И каким образом апостол Петр относит слова этого псалма к Иуде? – Псалом содержит пророчество в виде проклятия, которое относится частью к Иуде, частью к другим, которые восстают против священства и ближних с коварством и злобою. Объяснение отдельных выражений, указывающих на то, что особенно прогневляет Бога, в чем проявляется крайняя жестокость при преследовании человека, и где главная причина бедствий, испытываемых людьми. Псалмопевец просит божественного заступления ради

милости Божией и крайних своих страданий, усиливаемых насмешками врагов. – Спасительность славословия Господу за Его милости.

БЕСЕДА на псалом 109. Возбуждение внимания слушателей указанием на высокое значение Псалма, особенно для обличения различных еретиков и, во-первых, иудеев: Господь, Которому говорит Бог, есть, вопреки мнениям иудеев, Единородный Сын Божий, и такое объяснение не разногласит с основным учением Ветхого Завета; заповедь о почитании единого Бога дана ради немощи иудеев; пророчества о Христе, как исполнившиеся, служат неопровержимым доказательством истинности Ветхого Завета, в который веруют иудеи. Во-вторых, Псалом служит обличением Павла Самосатского, Ария, Маркиана и др. – Что значит: " сиди одесную Меня" и: "доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих"? "Жезл силы" означает божественную силу, с которою Апостолы обошли вселенную и покорили ее Христу, не смотря на противодействия царей и властителей. – Враги Сына суть враги и Отца. – Сын имеет силу в Себе Самом, каковую Он явил во время земной Своей жизни и явит при втором пришествии; доказательствами этой же силы служат: торжество христианства, путешествия ко Гробу Господню, сила Креста Господня, величие христианских праведников. – Словами: "из чрева прежде денницы Я родил Тебя" выражено не рождение Христа по плоти, а предвечное рождение Сына Божия. – Пророчество о Христе, как Первосвященника по чину Мельхиседека. – Подкрепление плоти Христовой от Бога Отца и победа над врагами Церкви. – Смирение Христа по плоти и прославление. – Увещание – презирать пышность и тщеславие.

БЕСЕДА на псалом 110. Искренняя благодарность Богу особенно угодна Ему; она неизбежно является при беспристрастном рассмотрении дел божественного Промысла. – И смерть есть благо для человека; только худая смерть – зло. – Совершенство тварей, как способных исполнять волю Творца и приводить человека к Боговедению. – Важный урок со стороны тварей человеку в его жизни. – Благодарность и славословие Богу внушаются внимательным рассмотрением всего видимого в мире и совершающегося в нашей жизни, даже – того, что называется несчастьем. – Почему Господь не тотчас наказывает людей за грехи? – Бог никогда не переставал творить чудеса. – Божественная благость, выразившаяся в даровании (духовной) пищи боящимся Бога, в сохранении Завета, в необычайной помощи Своему народу, в установлении законов и даровании заповедей. – Что значит: "по истине и правоте"? – Какое "избавление послал Он народу Своему"? – Что составляет основу истинной премудрости? – Побуждение к благодарности Богу.

БЕСЕДА на псалом 111. Связь этого Псалма с предыдущим. – Недостаточность одного страха Божия для спасения и необходимость вместе с этим усердного исполнения божественных заповедей. – Искренняя любовь к Богу делает нетрудным исполнение Его заповедей: добродетель в себе самой заключает награду. – Нет на земли ничего сильнее добродетели; она ведет к истинному богатству. "И правда его пребывает в век века": великая сила милосердия. – Радость посылаемая нередко праведным и здесь, при тяжелых скорбях и опасностях, и непременно ожидающая их по отшествии отсюда; это служит величайшим доказательством нашего воскресения. – "Устроит дела свои на суде". Непоколебимость праведника и недоступность его страху вследствие помощи свыше и спокойствия совести. – Слава милосердого праведника и напрасная злоба при этом грешника.

БЕСЕДА на псалом 112. Прославление Господа какую заключает в себе трудность для нас? – Хвалить Бога можно и молча. – Заповедь Псалмопевца хвалить "имя Господне" и пророчество об исполнении ее в христианской Церкви. – Совершенная же хвала Господу где совершается? – Изображение для иудеев божественного вездесущия и всемогущества в участи людей и изменении законов природы: "поселяющий неплодную в дом матерью".

БЕСЕДА на псалом 113. Почему прежде сказано об исходе Израильтян из Египта, а затем уже о том, что Иудея сделалась "святыней" Господа, и что значат эти последние слова? "Израиль область Его". – Особенное божественное благодеяние Израилю при переходе через Иордан и образно выраженная Псалмопевцем радостная готовность сил природы исполнять волю Творца. – Имя: "Бога Иаковлева" и высота добродетели этого патриарха. – Повиновение камней Творцу и ослушание людей. – Молитва Псалмопевца о новых божественных милостях не ради достоинства просящих, а для прославления имени Божия и по Его человеколюбию. – Божественный промысел и долготерпение. – Бесчувственность идолов, бесстыдство совершаемого им служения, и несравнимое превосходство Бога Израилева. – Благословение Божие Израилю и всем обращающимся к Нему из других народов (прозелитам). – "Да приложит Господь (благ) вам, вам и сыновьям вашим". – Различие благословения Божия в Ветхом и Новом Завете. – Как нужно понимать: "превысшее небо – Господу, а землю Он дал сынам человеческим"? – Нескончаемое прославление Господа живущими действительною (добродетельною) жизнью, а не умершими в нечестии.

БЕСЕДА на псалом 114. Не всякий радуется, когда внемлет ему Бог, подавая действительно полезное. – Господь всегда готов подать нам помощь, если мы призываем Его, как должно. – Псалмопевец просит об одном – сохранить невредимой его душу и научает не отчаиваться, но и не предаваться беспечности. – Высший вид божественного Промысла – о детях. – Не нужно искать безопасной жизни. – "Возвратись, душа моя, в покой твой..." Для живших добродетельно смерть есть переход в истинную жизнь, исполненную чистых благ.

БЕСЕДА на псалом 115. Указание Псалмопевца и апостола Павла на веру, как на необходимое условие для того, чтобы понять и усвоить себе божественные обетования: чудные дела Божии выше человеческого разума. – Ветхий и Новый Заветы происходят от одного и того же Духа Божия. – Благодать Духа необходима для того, чтобы иметь веру. – Но если Дух просвещает, то грешат ли те, которые не просвещены? – Живущим во времена Нового Завета вера нужна гораздо более, чем жившим в Ветхом Завете. – Мучительные недоумения человека, не имеющего веры, которая есть некоторый священный якорь. – Что значат слова: "в исступлении моем" и: "всякий человек лжив"? Величие божественных благодеяний человеку и выражение с его стороны благодарности Богу. – Господь печется не только о жизни, но и о смерти праведников, которые умирают не случайно, а по особому соизволению Божию. – Выражение Псалмопевцем величайшей преданности и любви к Богу за избавление от скорбей. – "Жертва хвалы" и исполнение обетов.

БЕСЕДА на псалом 116. Пророчество о христианской церкви.

БЕСЕДА на псалом 117. Призыв всех к общей благодарности Богу за непрерывные Его милости. – Почему многие из людей не видят этих милостей? – Божественное милосердие к страждущему и вследствие этого уверенность последнего в своей безопасности. – Тщетность надежды на людей, хотя бы они были знатны и сильны. – Испытанная Псалмопевцем божественная помощь во время наибольшей опасности и прославление Господа за избавление от смерти, служившее прообразом нашего воскресения. – Благотворное действие посылаемых Богом бедствий. – "Камень, которым пренебрегли строители..." – Не малая добродетель – с радостью принимать благодеяния Божии. – "Бог – Господь и явился нам". – Что значит: "соберитесь на праздник многолюдными толпами"? – Призыв к прославлению Господа ради Его величия.

БЕСЕДА на псалом 119. Почему псалмы с 119-го по 133-й называются псалмами степеней? – Польза, приносимая человеку скорбями, если он без малодушия переносит их, и увещание – избегать жизни изнеженной и беспечной.– Нужно удаляться лживых, коварных людей: божественное наказание за этот порок. – В сознании себя странником на земле заключается корень великой добродетели. – Обращение с злыми людьми весьма тягостно для благочестивых. – "С ненавидящими мир я был в мире". – Что служит главною причиною вражды между людьми?

БЕСЕДА на псалом 120. Благотворное действие бедствий на иудеев во время Вавилонского плена. – "Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю". – Самым внешним своим видом человек обращен к небу; он не должен уклоняться от указанного ему Богом пути; не должен предаваться бездействию, если хочет получит от Бога помощь. – Смысл образных выражений Псалмопевца, изображающих всесильное божественное попечение всегда и везде.

БЕСЕДА на псалом 121. Лишения во время Вавилонского плена пробудили в иудеях пламенную любовь к храму и Иерусалиму. – "Строящийся Иерусалим подобен городу, которого здания соединены вместе". – Слава Иерусалима, как единственного места служения колен Израилевых Богу. – Цель этого установления. – Что значит: "по откровению Израилю"? – Слава Иерусалима, как столицы. – "Молите же о мире Иерусалиму..." "Да будет мир в силе твоей". – Молитва о благоденствии Иерусалима для славы Божией.

БЕСЕДА на псалом 122. Находясь в плену, иудеи научились немалым истинам и в частности – тому, чтобы искать помощи единственно у Господа. Молитва о помиловании ради тяжкого перенесенного наказания. – "Премного насыщена душа наша презрением от благоденствующих и уничижением от гордых".

БЕСЕДА на псалом 123. Псалмопевец внушает Израильтянам, возвратившимся из плена, приписывать свое спасение Господу. – Для чего им дана была безопасность не вдруг, а мало-помалу? "Живыми они поглотили бы нас". – Как человек может усмирять свои страсти? – На кого можно гневаться? – Сравнение сильного гнева врагов с потоком и значение этого. – "Благословен Господь, не предавший нас в добычу зубам их! Помощь наша в имени Господа".

БЕСЕДА на псалом 124. "Надеющиеся на Господа - как гора Сион": для чего здесь пророк прибавил слово: "Сион"? – Христианин должен желать не спокойной и безбедной жизни, а не колеблемой – от опасностей. – Непобедима сила праведника, надеющегося на Бога; колебание состоит в погибели души и отпадении от добродетели. – Что делает Иерусалим особенно крепким и почему? – И удостоиться благ и подвергнуться наказанию зависит, прежде всего, от нас. – Кого называет пророк правыми сердцем? – "Мир Израилю!"

БЕСЕДА на псалом 125. Духовный плен тяжелее чувственного. – Состояние иудеев, возвратившихся из Вавилонского плена, было отлично от состояния их отцов по выходе из Египта. – Особая причина радости первых. – Почему в начале псалма сказано: "когда возвратил", а потом (ст. 4): "возврати"? – "Сеющие со слезами пожнут с радостью". – Никому так мало полезен покой, как человеку. – В страданиях не нужно унывать в виду обетованной за это награды.

БЕСЕДА на псалом 126. Божественная помощь была необходима иудеям не только для построения храма и города, но и для сохранения построенного; в равной мере она

необходима и всем; без этой помощи напрасны самые напряженные усилия трудящихся; при ней же – и покой и многочадие. – "Что стрелы в руке сильного, то сыновья изгнанных". – Блаженство тех, делам которых споспешествует вышняя помощь.

БЕСЕДА на псалом 127. Блаженство боящихся Господа выше и прочнее всего, в чем люди обыкновенно ищут своего благополучия. – Нет зла, которого не уничтожал бы страх Божий, сопровождающийся добродетельною жизнью.– Много путей, ведущих нас к Богу, и цель этого божественного устроения. – Как нужно вести себя во время болезни? – Как можно сделаться мучеником и в настоящее время? – Как нужно понимать изображенное в этом псалме блаженство боящихся Господа? "И увидишь сынов сынов твоих".

БЕСЕДА на псалом 128. Время и цель написания псалма. – "На хребте моем работали грешники, увеличивали беззаконие свое". – Господь разрушил козни врагов, не имеющие ни корня, ни основания. – Молитва псалмопевца о посрамлении врагов Сиона.

БЕСЕДА на псалом 129. Высокое значение воссылаемой Богу пламенной, сердечной молитвы, ее образцы и плоды. "Господи, услышь голос мой". Побуждение к молитве тех, которые обременены сознанием своих грехов. – Надежда псалмопевца не на свои добродетели, а на божественную благость и человеколюбие. – "Господи, я уповал на Тебя, потерпела душа моя в слове Твоем". Нужно надеяться на Бога постоянно, во всю жизнь.

БЕСЕДА на псалом 130. Чем и когда разумно хвалиться и неразумно? – Немаловажное дело – избегать людей надменных. – "Если я не смиренномудрствовал... как вскормленное дитя к матери своей" – Побуждение к упованию на Бога.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 3

"Псалом Давида, когда он бежал от Авессалома, сына своего".

1. Псалом Давиду, внегда отбегаше от лица Авессалома сына своего,	1 Псалом Давида, когда он бежал от Авессалома, сына своего.
2. Господи, что ся умножиша стужающии ми? мнози востают на мя,	2 Господи! Как умножились гонители мои! Многие восстают на меня.
3 мнози глаголют души моей: несть спасения ему в Бозе его.	3 Многие говорят душе моей: "нет спасения ему в Боге его".
4 Ты же, Господи, заступник мой еси, слава моя, и возносяй главу мою.	4 Но Ты, Господи, заступник мой, слава моя, и Ты возносишь голову мою.
5 Гласом моим ко Господу воззвах, и услыша мя от горы святыя своея.	5 Гласом моим ко Господу я воззвал, и Он услышал меня от горы святой Своей.
6 Аз уснух, и спах, востах, яко Господь заступит мя.	6 Я уснул, спал и восстал, ибо Господь защитит меня.
7 Не убоюся от тем людий, окрест нападающих на мя.	7 Не убоюсь множества людей, кругом нападающих на меня.
8 Воскресени, Господи, спаси мя, Боже мой: яко ты поразил еси вся враждующыя	8 Восстань, Господи! Спаси меня, Боже мой! Ибо Ты поразил всех, напрасно

ми всуе, зубы грешников сокрушил еси.	враждующих против меня, зубы грешников сокрушил.
9 Господне есть спасение, и на людех твоих благословение твое.	9 От Господа спасение, и на народе Твоем благословение Твое.

"**Господи! как умножились гонители мои! Многие восстают на меня**" (ст.1, 2).

Цари воздвигают победные статуи в честь военачальников, одержавших победу; также начальники выставляют победоносные изображения и столбы в честь возниц и борцов, и заставляют вещество надписью, как бы устами, возвещать победу. Другие излагают похвалы победителям в книгах и письменах, желая показать, что в похвалах сами они сильнее тех, кого хвалят. Ораторы и живописцы, резчики и ваятели, народы и начальники, города и селения, удивляются победителям; но никто не начертал изображения в честь бегущего и не воевавшего, как (делает) теперь Давид, – потому что говорится: "**Псалом Давида, когда он бежал от Авессалома, сына своего**". И когда беглец удостаивается похвал? Когда изгнанник заслуживает надписи? Беглецов ловят, письменно объявляя о них, а не прославляют надписями. Но узнай, брат, причину такого надписания (псалма) и сохрани свою душу; пусть это повествование послужит тебе к исправлению жизни; пусть это гонение на праведника будет ограждением для ума твоего. Узнай, почему Давид был гоним Авессаломом, дабы тебе, утвердившись на этом, как бы на основании, созидаться страхом Божием, – потому что как здание без основания бывает непрочно, так и писание, если не видишь цели его, не приносит пользы.

Блаженный Давид в настоящем псалме имел целью научить добродетельной и целомудренной жизни, никогда не делать зла и не презирать законов Божиих, чтобы согрешивший не потерпел того же, что потерпел он сам. Давид бежал от сына своего, потому что удалился от чистоты; бежал от сына, потому что нарушил целомудренное супружество; бежал от сына, потому что убежал от закона Божия, который говорит: "**не убивай, не прелюбодействуй**" (Исх.20:13,14). Он ввел в дом свой чужую агницу, убив ее пастыря, и агнец из собственного дома его стал бодать своего пастыря; он внес войну в чужой дом, и из собственного дома его восстала против него война. Это не мое умствование, но изречение Божие; а где изъясняет Бог, там никто противоречить не может. А что действительно против Давида восстал сын его за то, что он убил Урию и взял жену его, о том послушай Бога, который сказал Давиду чрез пророка Нафана: "**Я помазал тебя в царя над Израилем и Я избавил тебя от руки Саула**": "**и дал тебе дом господина твоего, и дал тебе дом Израилев и Иудин**": "**и, если этого [для тебя] мало, прибавил бы тебе еще больше. Зачем же ты пренебрег слово Господа, сделав злое пред очами Его? Урию Хеттеянина ты поразил мечом; жену его взял себе в жену. И так не отступит меч от дома твоего во веки**" (2Цар.12: 7-10). Ты рассек мечом чужой дом, а я приготовлю меч на тебя в твоем доме: "**вот, Я воздвигну на тебя зло из дома твоего**", не откуда-нибудь извне, но "**из дома твоего**" (2Цар.12:11). Откуда источник греха, оттуда и бич наказания. Итак, потому он бежал от сына, что сделался беглецом и изгнанником по отношению к заповеди Божией. "**Псалом Давида**", когда он убегал "**от Авессалома, сына своего**". Лучше показать причину войны, чем повествовать о самой войне, дабы нам, увидев падение праведника, самим предостеречь себя от падения и

избежать подобного наказания. Многие ведь и ныне ведут войну в домах своих: один встречает войну от жены, другой осаждается сыном, иной терпит неприятности от брата, иной от слуги, – и каждый мучится, досадует, сражается, причиняет войну и поражается войною; но никто не думает, рассуждая сам в себе, что, если бы он не посеял грехов, то не возросли бы в доме его терния и волчцы, – если бы не подложил искр греховных, то не воспламенился бы дом его. А что домашние бедствия суть плоды грехов и что исполнителями наказания грешнику Бог назначает домашних его, об этом свидетельствует божественное Писание, которого нет ничего достовернее. С тобою ведет войну жена, при входе твоем встречает тебя, как дикий зверь, изощряет язык свой, как меч? Прискорбно, конечно, что помощница сделалась противницею; однако исследуй самого себя, не замышлял ли ты в юности чего-нибудь против какой-нибудь женщины, и вот оскорбление женщины отмщается женщиною и чужую рану врачует собственная жена твоя. Хотя сама действующая не знает этого, но знает врач – Бог. Он действует на тебя ею, как железом, и как железо не знает того, что делает, а знает совершающий железом врачевание – врач, так и здесь, хотя жена поражающая и муж поражаемый не знают причины поражения, но Бог, как врач, знает, что полезно. А что злая жена есть бич за грехи, об этом свидетельствует божественное Писание; оно говорит, что грешному мужу дастся злая жена (ср. Сирах, гл.25 и 26). Она дастся ему, как горькое лекарство, истребляющее греховные соки. А что и нападения от детей суть также наказания за грехи, тому свидетель Давид, гонимый сыном своим Авессаломом за беззаконную связь, как показывают вышеприведенные слова. И что братья враждуют против братьев также за грехи, о том свидетельствует книга Судей. Когда некоторые из колена Вениаминова соблудили с наложницей путешественника и она, не перенесши безмерной обиды, умерла, одиннадцать колен начали войну против одного; но так как одиннадцать колен отступили от Бога и прелюбодейно обратились к идолам, то все одиннадцать были побеждены одним коленом, и притом многократно были побеждаемы им одним, между тем как над ним одержали только одну победу, – и братья воевали с братьями, потому что Бог за грехи их разрушал средостение греха (Суд.19 и 20). Когда одно колено соблудило с женщиной, а одиннадцать колен прелюбодейно обращались с идолами, то и те и другие были истреблены Богом, как написано: "**Ты истребляешь всякого отступающего от Тебя**" (Пс.77:27). Таким образом, братья воевали с братьями за грехи. Когда братья нападают на тебя, то не столько сетуй на них, сколько смотри на самого себя и тщательно исследуй, за какие грехи братья сделались твоими врагами. Впрочем, не все за грехи терпят нападения от братьев. Так Иосиф терпел нападения от братьев, но совсем не за грехи; и Иов подвергался наветам жены, но совсем не за грехи. У большинства людей домашние бывают врагами по причине грехов. Бывает, что и друзья за грехи обращаются во врагов, и прежде любившие начинают ненавидеть и отвращаться, потому что Бог попускает такую ненависть между ними по известным Ему причинам. Так о египтянах написано в псалме сто четвертом: "**Возбудил в сердце их ненависть против народа Его**" (Пс.104:25). А Бог не попустил бы ненависти, если бы прежде любовь их не была порочною. Кому любовь служила к погибели, тому ненависть делается побуждением к добродетели. И рабы и подчиненные часто восставали на господ своих за грехи их. Так, посмотри, когда Адам еще не согрешил, тогда и звери служили и подчинялись ему, и он нарицал имена им, как рабам своим; а когда он запятнал лицо свое грехом, тогда звери не узнали его, и из рабов сделались его врагами. И как домашний пес служит тому, кто его кормит, боится и трепещет его, а если вдруг увидит его с лицом, запачканным сажею или покрытым чужою маскою, то бросается на него, как на чужого, и покушается растерзать его, так было и с Адамом: доколе он сохранял чистым лицо свое, созданное по образу Божию, дотоле звери подчинялись ему, как рабы, а когда он запятнал лицо свое непослушанием, то они не узнали в нем господина и стали враждовать против него, как чужого. Таким образом, и восстание рабов бывает воздаянием за грехи. Праведен был Даниил, и львы признали владычество его; они видели его невкусившим греха, и оставили

непричастным наказанию (Дан.6:22). Согрешил солгавший пророк, и встретил его лев на пути и умертвил (3Цар.13:24); он запятнал себя ложью, и лев не узнал его. Если бы лев увидел в нем пророка, подобного Даниилу, то почтил бы его; но он нашел лжепророка, и потому напал на него, как на чужого; владыка солгал – и раб отвергнул владычество его. Но что я говорю о домашних бедствиях, если и самое тело наше, которое всего ближе и любезнее нам, – если и оно порою враждует против нас, когда мы согрешаем, отмщая нам горячками и другими болезнями и страданиями, – если и раболепствующее тело наказывает владычествующую душу, когда она согрешает, не потому, чтобы оно хотело этого, но потому, что делать так заповедано ему? Об этом свидетельствует Христос, который сказал исцеленному расслабленному: "**вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже**" (Ин.5:14). Итак, узнав, братия, что войны от домашних, родных и рабов, и болезни телесные большею частью бывают за грехи, будем истреблять источник зол – грех. Когда не текут потоки страстей, тогда реки вод Божиих веселят душу. Давид взял замужнюю жену, как чужое царство (ведь для всякого мужа единодушная жена есть царство, и не столько царь любит порфиру и диадему, сколько муж любит жену), – за то сын собственной жены его восстал на него, как тиран, намереваясь отнять царство у отца. Он взял насилием, и сам подвергся насилию; согрешил тайно, и обличен явно; ранил себя втайне, и при всех испытал на себе руку врача, по слову Божию: "**ты сделал тайно, а Я сделаю это пред всем Израилем и пред солнцем**" (2Цар.12:12). Впрочем, злоба Авессалома не достигла цели, и справедливо, – дабы отцеубийцы не приняли поступка его за правило отцеубийства; но, послужив как исполнитель наказания, он был сам убит как осужденный. Как на зрелищах дикие звери на одних нападают, а другими сами убиваются, – так Авессалом, напавши на Давида, был убит Иоавом (2Цар.18:14), и на высоком дереве повис тот, который превозносился пред отцом; удержан был растением тот, который восстал против корня; в ветвях запуталась ветвь, которая отломилась от отеческого расположения; удержан был за голову тот, который домогался овладеть головою родителя; висел как плод от растения тот, который хотел истребить виновника естества своего; поражен был в сердце и убит в то самое место, где замышлял убийство.

Тогда можно было видеть удивительное зрелище: едучи на лошаке, он был удержан густыми ветвями дерева за густые волосы, и ветви держали за волосы тирана, причиняя ему самому боль в том самом месте, на котором он хотел носить отеческую диадему. Можно было видеть, как Авессалом висел между небом и землею. Небо не принимало его, – потому что если оно отвергло первого возмутителя – диавола, то как оно могло принять второго возмутителя? Земля отвращалась от него, не терпя осквернения от ног отцеубийцы, – потому что если она поглотила Дафана, говорившего против Моисея, если разверзла уста свои на того, кто разверз уста свои на зло (Числ.16), то как она могла снести ноги, устремившиеся против родителя? Итак, когда Авессалом висел высоко на дереве, подошел к нему военачальник Иоав и вонзил три стрелы в сердце бессердечного, и, таким образом, поразил его в то самое место, где было вместилище беззакония. И, когда тот висел высоко на дереве, Давид воспел ему прекрасную надгробную песнь: "**видел я нечестивца грозного, расширявшегося, подобно укоренившемуся многоветвистому дереву; но он прошел, и вот нет его; ищу его и не нахожу**" (Пс.36:35, 36). "**Псалом Давида, когда он бежал от Авессалома, сына своего**".

Он убегал от сына не потому, чтобы боялся, но потому, что опасался убить его; он сам щадил его, как сына, но бывшие с ним не пощадили бы его, как возмутителя. Вот почему Давид, будучи гоним сыном и поносим за него Семеем (2Цар.16), сам великодушно переносил все; но так как многие соблазнялись о нем, особенно возмутившиеся вместе с Авессаломом восстали против него, как бы оставленного Провидением, и говорили: ныне Давид оставлен, совершенно лишен всякой помощи; ныне Бог отступил от него, как

некогда от Саула; как тогда Он отступил от Саула и был с Давидом, так ныне отступил от Давида и обратился к Авессалому; восстанем и нападем на него; нет для него спасения в Боге, – так как они говорили такие речи, то Давид, скорбя более об этом, нежели о дерзких поступках сына, вопрошает Бога: "**Господи! как умножились враги мои! Многие восстают на меня**"? Я осажден искушениями, окружен потоками зол, на меня сошел дождь бедствий, пришли реки врагов, подули ветры злых духов, и напали на дом мой, стараясь отлучить от Тебя душу мою; но, утвержденный на камне веры, я не падаю, а припадаю, чтобы узнать: "**Господи! как умножились враги мои! Многие восстают на меня**"? Тот, который от меня, против меня, но Ты – со мною. Против меня ведет войну моя утроба, мой народ следует за Авессаломом, мое войско вооружается против меня, мои овцы сделались волками, агнцы – львами, ягнята – бешеными собаками, и овны – бодливыми волами; но я скорблю не о себе, а оплакиваю их погибель (Тебе Спасителю воссылаю благодарность, потому что Тебе подобает слава и держава ныне и присно и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 4

1 В конец, в песнех, псалом Давиду,

2. Внегда призвати ми, услыша мя Бог правды моея: в скорби распространил мя еси: ущедри мя и услыши молитву мою.

3 Сынове человечестии, доколе тяжкосердии? вскую любите суету и ищете лжи?

4 И уведите, яко удиви Господь прподобнаго своего. Господь услышит мя, внегда воззвати ми к нему.

5 Гневайтеся, и не согрешайте, яже глаголете в сердцах ваших, на ложах ваших умилитеся:

6 пожрите жертву правды и уповайте на Господа.

7 Мнози глаголют: кто явит нам благая? знаменася на нас свет лица твоего, Господи.

8 Дал еси веселие в сердцы моем: от плода пшеницы, вина и елеа своего умножишася:

9 в мире вкупе усну и почию, яко ты, Господи, единаго на уповании вселил мя еси.

1 В конец. Песнь. Псалом Давида.

2 Когда я призывал, услышал меня Бог правды моей. В скорби Ты дал мне простор. Помилуй меня и услышь молитву мою!

3 Сыны человеческие! Доколе вы (будете) упорны? Зачем любите суету и ищете лжи?

4 Знайте же, что Господь сделал дивным преподобного Своего. Господь услышит меня, когда я воззову к Нему.

5 Гневаясь, не согрешайте; о чем говорите в сердцах своих, (о том) сокрушайтесь на ложах ваших.

6 Приносите жертву правды и уповайте на Господа.

7 Многие говорят: кто явит нам благо? Запечатлелся на нас свет лица Твоего, Господи.

8 Ты дал веселие сердцу моему, а они обогатились от плода пшеницы, вина и елея.

9 С миром быстро усну и успокоюсь, ибо Ты, Господи, одного меня вселил с надеждою.

"**Когда я призывал, услышал меня Бог правды моей**" (ст.2)

1. Пророк говорит это не для того, чтобы только мы знали, что он был услышан, но чтобы мы научились, как и мы, призывая Бога, можем быть скоро услышаны, и еще прежде окончания молитвы получить просимое. Пророк не сказал: после того, как я призвал, Он услышал меня; но: "**Когда я взываю**".

Так и сам Бог обещал, сказав некогда призывающему Его: "**тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: "вот Я!**" (Ис.58:9). Подлинно, не обилие слов умоляет Бога, но душа чистая и являющая добрые дела. Вот почему тем людям, которые живут порочно, а надеются умолить Бога обилием слов, смотри, что говорит Он: "**и когда вы умножаете моления ваши**": "**и когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои**" (Ис.1:15). Итак, молящемуся, прежде всего, нужно иметь твердую веру, и тогда просимое непременно получится. Потому-то и пророк не просто сказал: "**услышь меня**", но с прибавлением: "**Боже правды моей**", выражая свою твердую веру в Бога и то, что он всегда с нею приступал к Нему. Никто пусть не думает, будто он превозносится, когда говорит это. Он говорит это не с тем, чтобы превознести самого себя, но чтобы предложить некоторое наставление и увещание, весьма полезное для всех. Дабы кто-нибудь не сказал: он был услышан, потому что был Давид, а я не буду услышан, потому что я мал и незначителен, – он внушает, что и его Бог слушает не без причины, и тебя не слушает не напрасно и случайно, но всегда Он внимательно смотрит на дела. Если ты имеешь дела, которые могут ходатайствовать за тебя, то ты непременно будешь услышан; и напротив, если ты не имеешь их, то хотя бы ты был Давидом, ты не будешь в состоянии умолить Бога. Как любостяжательные не смотрят ни на достоинство других людей, ни на иное что, а только на их богатство, и, надеясь чрез них сделать все, обращаются к ним одним, – так и у Бога, любящего правду, кто приступает к Нему с нею, тот не отойдет, не получивши ничего, и напротив, кто приступит к нему без нее, или осквернившись противоположными ей пороками, тот, хотя бы просил тысячу раз, не будет иметь никакого успеха, потому что не имеет с собою того, что может умолить Его. Поэтому, если ты хочешь иметь какой-нибудь успех пред Богом, приступай к Нему, взяв с собою правду. Под именем же правды разумей здесь не часть добродетели, но всю добродетель всецело. Так праведен был Иов, имевший всю добродетель человеческую; он был не таков, чтобы от одного порока воздерживаться, а другому предаваться. И мы называем те весы правдивыми, которые всегда одинаковы, которые не только золото могут взвешивать верно, а свинец не верно, но одинаковы по отношению ко всяким веществам; равным образом и меру мы называем правдивою ту, которая всегда одинакова. Так и Иов был праведен, будучи одинаковым во всем. Не в имуществе только он соблюдал эту праведность, но и во всем другом, никогда не преступая меры. Об нем никто не может сказать, что в имуществе он любил справедливость, а в обращении с ближними преступал меру, показывая себя гордым и надменным. Он весьма тщательно избегал и этого, почему и говорил: "**если я пренебрегал правами слуги и служанки моей, когда они имели спор со мною; не Он ли, Который создал меня во чреве, создал и его и равно образовал нас в утробе?**" (Иов.31:13,15). Ведь это величайшая неправда – быть гордым и надменным.

2. Как любостяжательным мы называем того, кто хочет присвоить чужое и не довольствуется своим, так и надменным называем того, кто требует себе от ближнего больше, чем сколько ему следует, кто себя считает достойным всякой чести, а другого

бесчестит. А это бывает не от чего другого, как от неправды. Что это действительно от неправды, видно из следующего. Бог создал как тебя, так и его, и все даровал тебе и ему равно и одинаково. Почему же ты отвергаешь его, лишаешь чести, которую даровал ему Бог, не допускаешь его к участию в благах, но все присвояешь себе, и не только в имуществе, но и в чести делаешь его бедным? Бог даровал обоим вам одинаковую природу, удостоил одинаковых преимуществ, одинаково создал, – потому что слова: "**сотворим человека**" (Быт.1:26), относятся вообще ко всему роду человеческому. Почему же ты лишаешь его отцовского имущества, приводишь в крайнюю бедность и присвояешь себе принадлежащее всем? Но не таков был блаженный пророк; потому он и говорил с дерзновением: "**услышь меня, Боже правды моей**". Так и Павел часто ставит себя на вид, не превозносясь и не надмеваясь, но, представляя себя примером для других, напр., когда он говорить: "**желаю, чтобы все люди были, как и я**", по воздержанию (1Кор.7:7). Так и Давид, по требованию обстоятельств, поставляя на вид свое мужество, являвшееся в нем при помощи Божией, говорит, что он и медведей умерщвлял и львов ловил, также не превознося самого себя, – да не будет, – а внушая чрез это доверенность к себе.

Но, может быть, скажет кто-нибудь: если я имею правду, то какая нужда и молиться, когда она одна может сделать все, и когда Подающий знает, в чем мы имеем нужду? Нужда потому, что молитва есть немаловажный союз любви к Богу, производит в нас навык собеседования с Ним и руководит к любомудрию. В самом деле, если обращающейся с необыкновенным человеком получает великую пользу от частого с ним обращения, то тем более – постоянно беседующий с Богом. Но мы не знаем, как следует, пользы от молитвы, потому что не внимаем ей со всем усердием и не упражняемся в ней по законам Божиим. Когда мы намереваемся говорить с кем-нибудь из людей, которые выше нас, то приводим в надлежащий порядок и внешний вид свой, и походку, и одежду, и все, и потом уже вступаем в разговор; а когда приступаем к Богу, то зеваем, почесываемся, оборачиваемся во все стороны, бываем небрежны; преклоняем колена, а сами блуждаем (мыслями) по площади. А если бы мы приступали с надлежащим благоговением и как подобает беседовать с Богом, то мы узнали бы, еще прежде получения просимого, сколь великую пользу мы получаем от молитвы. Человек, который научился беседовать с Богом, как подобает беседовать с Богом, делается ангелом: так душа его отрешается от уз плоти, так ум его возвышается и переселяется на небо, так он презирает все житейское, так он становится пред самым престолом царским, хотя бы он был бедным, хотя бы рабом, хотя бы простолюдином, хотя бы неученым. Бог требует не красоты речи и не слов изысканных, но красоты души; и когда она возгласит угодное Ему, то получит все. Видишь ли, какое здесь удобство? У людей, от желающего подойти к кому-нибудь, требуется быть красноречивым, уметь льстить всем окружающим начальника и придумывать много иного, чтобы лучше быть принятым. А здесь не нужно ничего, кроме одной бодрственной души, и нет никакого препятствия приблизиться к Богу. "**Разве Я – Бог только вблизи, говорит Господь, а не Бог и вдали?**" (Иер.23:23). Следовательно, от нас зависит быть далеко от Него, а Он всегда находится близко. Но что я говорю: здесь не нужно красноречия? Часто бывает не нужно и голоса. В самом деле, если ты скажешь лишь в сердце своем и призовешь Его, как должно, то Он и тогда скоро услышит тебя. Так Он услышал Моисея; так услышал и Анну (Исх.15:15; 1Цар.1:18). Нет при Нем воина, который бы отгонял приходящих, или копьеносца, который бы оттягивал время и говорил: теперь не время, теперь нельзя войти, приди после; но когда бы ты ни пришел, во время ли обеда, во время ли ужина, в самую ли полночь, Он стоит и слушает; хотя бы ты призвал его на площади, хотя бы на пути, хотя бы в спальне, хотя бы стоя пред начальником в судилище, ничто не препятствуете Ему услышать прошение, если ты призовешь Его, как должно. Нельзя сказать: я боюсь приступить и просить, – мой враг предстоит пред Ним. Здесь нет и этого препятствия, потому что Он не слушает врага и не отвергает твоего прошения, но всегда и постоянно ты можешь беседовать с Ним, и нет к

тому никакого затруднения; здесь не нужно, чтобы вводили тебя придверники, домашние распорядители, надзиратели, стражи, или друзья, но когда ты приступишь сам собою, тогда особенно Он и услышит тебя, – тогда, когда ты не будешь просить никого другого.

3. Не столько мы умоляем Бога, прося чрез других, сколько сами от себя. Так как Он желает преданности от нас и делает все, чтобы мы доверяли Ему, то когда видит, что мы делаем это сами от себя, тогда особенно и внимает нам. Так Он поступил и с хананеянкой: когда Петр и Иаков ходатайствовали за нее, то Он не удовлетворил прошению; а когда она сама продолжала просить, то Он скоро даровал ей просимое (Мф.15:22). Если Он, по-видимому, несколько и медлил, то поступил так не для того, чтобы эта жена ждала, но чтобы она получила больший венец и продолжением просьбы более приблизилась к Нему. Будем же и мы с усердием обращаться к Богу; научимся, как совершать такое обращение. Не нужно ни ходить в музей [1], ни издерживать деньги, ни нанимать учителей, ораторов или софистов, ни тратить много времени, чтобы научиться такому собеседованию (с Богом); но достаточно только захотеть, и это искусство приобретено. И в этом судилище ты можешь говорить не только за себя самого, но и за многих других. И какая цель этого искусства собеседования? Возношение молитвы.

Нужно приступать к Богу с бодрственным умом, сокрушенною душою и с потоками слез, не просить ничего житейского, желать будущего, молить о духовном, не испрашивать зла врагам, никому не помнить зла, исторгать из души своей все страсти, и таким образом, приступать с сердцем сокрушенным и смиренным, оказывать совершенную покорность, изрекать языком своим благословения, не быть причастным ничему порочному, не иметь ничего общего с общим врагом вселенной, т.е. диаволом. Того, кто говорит с царем о других и в то же время имеет общение с его врагами, наказывают даже внешние (гражданские) законы. Поэтому и ты, если хочешь говорить (с Богом) о себе и других, старайся особенно о том, чтобы не иметь ничего общего с общим врагом вселенной. Таким образом, ты будешь праведным; а, будучи праведным, ты будешь услышан, имея правду своею заступницею. "**В тесноте Ты давал мне простор**", говорит пророк. Не сказал: Ты прекратил скорби, или: Ты избавил от искушений, но: Ты сподобил меня устоять и "**давал мне простор**".

Действительно, мудрость и сила Божии открываются особенно из того, что Он не только прекращает скорби, но и в продолжение их подает великое спокойствие. Это и силу Божию показывает, и впадающих (в искушения) делает более любо-мудрыми, когда и дается простор, облегчающий скорбную душу, и не прекращается скорбь, возбуждающая его от лености и избавляющая от всякого усыпления. Но как, скажешь, может быть в скорби "**давал мне простор**"? Так, как было в пещи с тремя отроками, как было в львином рве с Даниилом (Дан. 3:24; 6:22). Бог тогда не погасил пламени, и однако, сделал, что они были на свободе; не умертвил львов, и однако, сделал, что он был в безопасности; хотя и там в пещи огонь оставался сильно горевшим, и здесь звери оставались зверями, но праведники наслаждались великим спокойствием. Впрочем, можно разуметь "**давал мне простор**" и иначе, именно: когда душа, огорчаемая искушениями, освобождается от страстей и других многих болезней, тогда она особенно наслаждается спокойствием. Многие, пользуясь благоденствием, предаются безрассуднейшим и мучительным для души их страстям – корыстолюбию, сластолюбию и многим другим порокам; а подвергшись скорби, освобождаются от всего этого и находятся в "**просторе**". Как страждущие горячкою, если будут удовлетворять своим неуместным пожеланиям, т.е. употреблять в изобилии пищу и вино и тому подобное, то будут чувствовать большее стеснение; а если захотят немного испытать скорбь и потерпеть, то получат великое спокойствие; когда отвергнут то, что производит стеснение, тогда будут наслаждаться совершенным здоровьем, – так бывает и здесь. Ничто обычно не доставляет такого

спокойствия, как скорбь, отклоняющая от всех забот житейских. Что было с иудеями, когда они терпели скорби, и когда наслаждались благоденствием? Не больной ли, расслабленной и непостоянной душе свойственно говорить следующее: "**сделай нам бога, который бы шел перед нами: с Моисеем, который вывел нас из земли Египетской, не знаем, что сделалось**" (Исх.32:1)? И напротив, не любомудрой ли и свободной от житейских страстей душе свойственны те слова, которые они высказывали в молитве во время скорбей и которыми приобретали себе благоволение Божие? И этот самый пророк (Давид), когда благоденствовал, то как страдал, угнетался и мучился порочным пожеланием! А когда подвергался скорби, тогда, вы знаете, каким он наслаждался спокойствием: тогда не воспламенялся в нем огонь (страсти), но всякий такой пламень угасал. Подлинно, ничто не причиняет нам столько страданий, как усилившиеся в душе страсти. Все другие бедствия действуют отвне, а эти рождаются внутри: отсюда и происходит особенно великое мучение. Хотя бы весь мир огорчал нас, но если мы не огорчаем сами себя, то ничто не будет для нас тяжким. Следовательно, от нас зависит – испытывать скорби или не испытывать скорбей.

4. А чтобы ты удостоверился и апостольским изречением, какое происходит "**простор**" от скорби, послушай самого Павла, который о плодах скорби говорит: "**от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает**" (Рим.5:3-5). Видишь ли неизреченный "**простор**"? Видишь ли пристань веселия? "**От скорби происходит терпение**". Что может быть спокойнее человека терпеливейшего и могущего легко переносить все? Что может быть сильнее человека опытного? Что может сравниться с происходящею отсюда радостью? Три радостные последствия, говорит апостол, происходят для нас отсюда: терпение, опытность и надежда будущих благ. О них любомудрствует теперь и пророк, когда говорить: "**В тесноте Ты давал мне простор**". Сказав: "**услышь меня**", он говорит, в чем он услышан, именно: не касательно имущества, – потому что ничего подобного он не просил, – не в том, чтобы одолеть врагов, – потому что он не просил и этого, – но касательно спокойствия, бывающего среди скорбей. "**Помилуй меня и услышь молитву мою**". Что говоришь ты? Выше ты упомянул о правде, а здесь говоришь о милосердии и снисхождении: какая же здесь может быть последовательность? Великая и весьма сообразная с вышесказанным. Хотя бы мы сделали бесчисленное множество добрых дел, мы бываем услышаны по милосердию и человеколюбию (Божию); хотя бы мы достигли самой вершины добродетели, мы спасаемся по милости (Божией). Отсюда мы научаемся, что и при правде нам нужно иметь сердце сокрушенное. Ведь и грешник, если будет молиться со смирением, которое есть частный вид добродетели, может успеть во многом; и праведник, если приступит с гордостью, лишится всех благ. То и другое доказали примеры мытаря и фарисея (Лук.18). Вот почему нужно знать и способ молитвы. Какой же способ – молиться? Научись этому от мытаря, не постыдись иметь его своим учителем; он сделал это дело так совершенно, что простыми словами достиг всего. Так как душа его была хорошо настроена, то и одно слово было достаточно – отверсть ему небо. Как же она была настроена? Он признавал сам себя недостойным, ударял себя в грудь и не смел даже возвести очей на небо. Если и ты будешь молиться таким же образом, то молитва твоя будет легче пуха. Если грешник посредством молитвы сделался праведным, то представь, сколь велик будет праведник, если научится возносить такую же молитву. Вот почему пророк и здесь не указывает просто на самого себя, но на свою молитву. Выше он указывал на правду, а здесь – на молитву: "**помилуй меня**", говорит, "**и услышь молитву мою**". Так и Корнилий был услышан потому, что ее имел своею предстательницею: "**молитвы твои и милостыни твои**", было сказано ему, "**пришли на память пред Богом**" (Деян.10:4). И действительно, услышаны бывают дела и добродетели, но молитвы не всякие, а только молитвы, совершаемые по закону Божию. Что же это за молитвы? Молитвы, в которых испрашивается то, что даровать прилично Богу, в которых не

испрашивается от Него ничего противного законам Его. Но кто, скажешь, так дерзок, чтобы просить Бога об исполнении противного законам Его? Тот, кто просит Его против врагов своих, – потому что это несогласно с постановленным от Него законом. Он говорит: прощайте должникам вашим (Мф.6:12), а ты Его самого, повелевающего тебе прощать, призываешь против врагов своих. Что может быть хуже такого безумия? Молящемуся должно иметь вид, мысли и чувствования униженного просителя: зачем же ты принимаешь на себя другой вид, вид обвинителя? Как ты можешь получить прощение собственных грехов, когда просишь Бога, чтобы Он наказал грехи других? Поэтому, пусть будет молитва твоя смиренною, мирною, имеющею вид приятный и добрый. Такова молитва, совершаемая с кротостью, а не направленная против врагов. Противоположная же этой молитва подобна какой-нибудь пьяной и безумной женщине, бешеной и свирепой. Потому и недоступно для нее небо. Не такова молитва, совершаемая с кротостью; она имеет в себе нечто благопристойное и приветливое, достойное царского слуха, приятное, благозвучное и стройное. Потому она и не изгоняется со зрелища, но бывает увенчанною; она имеет золотые гусли и золотую одежду. Потому она и доставляет удовольствие судье и своим видом, и взором, и голосом; потому никто и не изгоняет ее из обителей небесных. Она наполняет радостью все это зрелище; она есть молитва достойная небес, она есть язык ангельский, так как не говорит ничего горького, но все благоприятное; когда она, приступая просить за оскорбивших и обидевших, тогда и ангелы, предстоя, слушают ее с великим молчанием, а когда она умолкла, то они не перестают восклицать в честь ее, превозносить ее похвалами и удивляться ей. Будем же и мы возносить такую молитву, и тогда, конечно, будем услышаны. Когда мы приступаем к Богу, то не будем думать, что это – обыкновенное зрелище; здесь собрание целой вселенной, или – лучше – горних сонмов небесных, и среди них сидит сам Царь, готовый слушать нашу молитву. Будем же стараться, чтобы она соответствовала зрелищу. Пусть ни один игрок на гуслях или певец на лире, которые бывают так тщательны, когда выступают на сцену, и так боятся, чтобы не произвести какого-нибудь неприятного звука, не превзойдут в этом нас, когда мы намереваемся вступить на зрелище ангелов. А нашим орудием пусть будет язык, не произносящий ничего неприятного, но все стройное и благозвучное, с надлежащим настроением души; и, приступая к Богу, прося и умоляя Его, будем ударять в струны наши за врагов своих, – тогда услышана будет наша молитва и за нас самих.

5. Такая молитва пристыжает злых духов, такая молитва дает нам дерзновение (пред Богом), такая молитва посрамляет диавола и прогоняет его. Подлинно, не столько боится диавол человека, прогоняющего его и изгоняющего из другого человека, сколько того, кто укрощает свой гнев и преодолевает свою раздражительность, – потому что и это последнее есть злой дух, весьма свирепый, и таких людей надобно назвать более несчастными, нежели одержимых бесом. В самом деле, беснование не ввергает в геенну, а гнев и злопамятство лишают самого царствия небесного. Если мы, таким образом, составим свою молитву, то и мы в состоянии будем с дерзновением говорить Богу: "**услышь молитву мою**". Такою молитвою ты принесешь пользу и поможешь не только себе самому, но доставишь радость и слушающему ее Богу, испрашивая сообразного с Его повелениями; потому Он скоро и услышит тебя. Это достойно звания сынов Божиих, это особенно сообщает нам отличительный признак (учеников Христовых). "**Будьте милосерды**", говорит Господь, "**как и Отец ваш милосерд**" (Лк.6:36); и еще: "**молитесь за обижающих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного**" (Мф.5: 44,45). Что может сравниться с такою молитвою? Она делает нас подобными не ангелам, или архангелам, а самому Царю небесному. А кто сделался подобным Царю, насколько то возможно, тот, представь, какое может иметь дерзновение в молитвах. "**Сыны мужей**", говорит пророк, "**доколе тяжкосердные; зачем любите суету и ищете лжи**" (ст.3)? К кому он обращает речь? Кому делает обличение и предлагает совет? Кого называет сынами человеческими? Людей, живущих порочно, наклонных ко злу. Что же? А мы разве

не сыны человеческие? По природе мы сыны человеческие, но по благодати – нет, мы сыны Божии. Этот дар будет у нас цел, если мы сохраним в себе образ Его, соблюдаемый добродетелью, так как тем, которые сделались сынами Божиими по благодати, нужно выражать этот образ и жизнью. А что, действительно, он называет сынами человеческими людей, преданных заботам житейским и наклонных ко злу, о том послушай: "**увидели**", говорит Писание, "**сыны Божии дочерей человеческих**" (Быт.6:2). Но, скажешь, здесь говорится противное? Нет; сынами Божиими оно называет здесь тех людей, которые прежде были добродетельными и были удостоены чести от Бога, но потом изменились, сделались худшими и потеряли честь свою. Чтобы усилить их обличение, оно и напоминает об их чести, внушая, что величайшая вина быть такими и происходит от таких людей и ниспасть до такого зла. И еще говорит Бог: "**Я сказал: вы – боги, и сыны Всевышнего – все вы; но вы умрете, как человеки**" (Пс.81:6-7). Посмотри на мудрость пророка. Показав наперед Божию силу, помощь, премудрость, благость и человеколюбие, как Он подает успокоение в скорби, как Он милостиво внемлет, пророк потом, представляя распространившиеся между людьми пороки и силу нечестия и как бы задыхаясь от скорби, обращает речь к живущим порочно и почти так говорит: имея такого Бога, столь благого, столь человеколюбивого, столь сильного, как вы уклонились к нечестию? И смотри, какой вместе с гневом исполнено увещание его и кротости, какого любомудрия. Что говорит он? "**Сыны мужей! доколе будете любить суету и искать лжи?**"

Сыны мужей, доколе тяжкосердные? Здесь он выражает сильное огорчение свое и от продолжительности времени. Ведь если и вначале невнимательность к благодеяниям Божиим есть преступление, то какое может быть прощение тому, кто столько времени остается слепым в отношения: к истине? А что значит: тяжкосердные? Жестокосердые, плотские, привязанные к земле, склонные ко злу, преданные порокам, развращенные сладострастием: таков именно человек плотской. Обличая жизнь их, он указывает и источник нечестия, внушая, что это в особенности и препятствует им усвоять высокое учение. Ничто так не делает сердца жестоким, как порочное пожелание, пристрастие к житейскому, привязанность к земле. Такое сердце справедливо можно было бы назвать грязным; потому он и назвал его тяжким и вместе указал в нем источник зол, что, занимая (в человеке) место возницы, оно не только не удерживает коня вожжами, но и само увлекается и низвергается, и, тогда как ему следовало бы окрылять плоть, устремляться в высоту и восходить на небо, оно увлекается вниз тягчайшим бременем своих болезней. А когда таков возница или кормчий, то где надежда спасения? "**Если свет**", говорит Господь, "**который в тебе, тьма, то какова же тьма?**" (Мф.6:23)? Когда кормчий предается пьянству и подражает непостоянству волн и ветров, то как спасется корабль?

6. Что же может сделать душу легкою? Превосходная жизнь, – такая, чтобы не увлекаться ничем здешним, и даже ног своих не привязывать ни к чему стремящемуся и увлекающему вниз. Из вещественных предметов одни обыкновенно стремятся вниз, как напр. камни, дерева и все подобное; а другие вверх, как напр., огонь, воздух, пух, легкий по своей природе. Если какую-нибудь из вещей, стремящихся вниз, привяжешь к вещи легкой, то нисколько не помогут ей ни крылья, ни воздух, потому что тяжесть нарушает равновесие, перетягивает и преодолевает. Подобным образом, кто имеет ноги отяжелевшие или наполненные дурными соками или поврежденные какою-либо другою болезнью, тому нисколько не помогут прочие части тела, как бы они ни были легки. Если же так бывает с предметами вещественными, то тем более с сердцем. Поэтому не будем делать его тяжким, чтобы оно не потонуло, подобно кораблям, имеющим слишком много балласта. А это зависит от нас. Сердце таково не по природе; по природе своей оно создано легким и стремящимся вверх, а мы вопреки природе делаем его тяжким. Потому-то и пророк осуждает нас; а если бы это было от природы, то он не осуждал бы. Как

ходить нам свойственно от природы, а если мы обременим свои колена, то происходит противное природе от препятствий, которые мы наложили на себя, так обыкновенно бывает и с ногами души, т.е. помыслами. "**Доколе будете любить суету и искать лжи?**" Здесь, кажется мне, он указывает и на идолослужение, и на порочную жизнь. В самом деле, суетным называется все тщетное, что на деле не таково, каково по названию. Так у язычников много богов по именам, а на деле нет ни одного. Так и в других вещах: богатство по имени – совсем не богатство на деле; слава по имени – совсем не такова на деле; владычество по имени – и остается таким по одному только названию. Кто же так безумен, чтобы домогаться названий, не заключающих в себе ничего существенного, и гоняться за предметами пустыми, которых нужно избегать? Не таковы ли и удовольствия и благоденствие жизни? Все это не ложь ли и обольщение? Укажешь ли ты на славу, или на богатство, или на власть – все суета. Вот почему и Екклесиаст говорит: "**суета сует, – все суета**" (Еккл.1:2). Потому и пророк скорбит, видя такое безрассудство в жизни. Как тот, кто увидел бы кого-нибудь убегающим от света и гонящимся за тьмою, сказал бы: для чего ты делаешь это безумное дело? – так и он говорит: **"Зачем любите суету и ищете лжи? Знайте же, что Господь сделал дивным преподобного Своего**" (ст. 4). Другой переводчик говорит: но (ἀλλά) знайте, что сделал дивным [2]**.**

Видишь ли мудрость пророка? Как он приводит людей к богопознанию? Самым очевидным образом и самым ясным способом, поставляя на вид самого себя. Я, говорит, служитель истинного Бога; поэтому от меня познайте Его силу, могущество, промышление. Это – немаловажное средство к богопознанию. Пророк иногда объясняет это, касаясь созданий, когда говорить о промысле Божием и, обращаясь к солнцу, к небу, к земле и воздуху, из порядка в вещах видимых проповедует о Создателе; а иногда раскрывает это, касаясь Его служителей и обстоятельств, случавшихся с ним самим. Так было с Авраамом. Мы знаем, говорили (ему хеттеи), что "**ты князь Божий посреди нас**" (Быт.23:6). Откуда вы знаете? Из победы, из трофеев, из сражений. Так было и с иудеями. Чудеса, совершавшиеся с ними, привели в страх всю землю, как и блудница иерихонская говорила тогда: "**вы навели на нас ужас, и все жители земли сей пришли от вас в робость**" (Иис. Нав.2:9). Итак, один путь (богопознания) – со стороны созданий, а другой и яснейший – со стороны служителей Божиих; и такое учение Бог издревле сеял в каждом поколении. Так египтян научал Он посредством Авраама, персов посредством его же [3], измаильтян и многих других посредством его потомков, а посредством Иакова других, живших в Месопотамии. Видишь ли, как жители всей вселенной научались, если хотели, от святых? И еще прежде их потоп и смещение языков достаточно могли пробуждать души их. В самом деле, чтобы событие со временем не пришло в забвение, самое место получает от него название; именно Вавилон называется так от смешения языков, дабы слушатель, руководствуясь названием, восходил к началу событий и познавал силу Божию. Так и все жители запада научались всему, входя в торговые сношения с египтянами. Впрочем, в древние времена и вначале в этой части вселенной было немного народов; большая часть людей и народов обитала в странах восточных. Так и Адам вышел оттуда, и потомки Ноя жили там, и после столпотворения жили там же, и по большей части обитатели были на востоке. Бог же воздвигал им учителей в каждом поколении – Ноя, Авраама, Исаака, Иакова, Мелхиседека. Потому и пророк напоминает живущим порочно события, происходившие со святыми, и говорит: **Знайте же, что Господь сделал дивным преподобного Своего**". Что значить: сделал дивным? Сделал удивительным, известным, знаменитым, славным того, кто был предан Ему. Таким образом, от служителя Божия и событий, бывших с ним, познайте силу Господа. Не сказал только: даровал блага, но: сделал дивным, выражая, что даровал с великою славою, с совершенною неожиданностью. Так было и с Авраамом: Бог не только возвратил ему жену неприкосновенною, но и сделал его знаменитым; даровал ему не только то, что он не потерпел ничего неприятного, но и то, что он сделался славным в Египте. Одно было с

ним за его праведность, т.е. что он не потерпел ничего неприятного, а другое для пользы слышавших, т.е. что он чудным образом и сверх чаяния вышел оттуда (Быт.12). Тоже было с тремя отроками, тоже – с Даниилом во рве львином, тоже – с Ионою во чреве китовом; всегда Бог спасает со славою, но не всех вообще, а преподобного.

7. Видишь ли, как пророк, научая богопознанию, вместе с тем преподает наставление к добродетельной жизни, внушая, что надобно возлагать надежду спасения не только на благость Божию, но и на доброту собственных дел?

"**Господь слышит, когда я призываю Его**". Сказав, что Господь "**сделал дивным**" (преподобного), он не останавливается на этом, но открывает и другой вид благополучия. Какой же? Тот, чтобы иметь Бога постоянно своим поборником, помощником и всегдашним покровителем. Не однажды, говорит, Бог делает это, и не дважды, и не трижды, но всегда, когда мы призываем Его. Смотри и здесь опять, с какою это бывает скоростью. Как выше он говорил: "**когда я взываю, услышь меня, Боже правды моей**" (ст.2), – так и здесь говорит: "**Господь слышит, когда я призываю Его**".

Почему же, скажешь, многие бывают не услышаны? Потому, что просят бесполезного. В таком случае быть не услышанным лучше, чем быть услышанным. Поэтому, будем ли мы услышаны, не станем радоваться этому; будем ли не услышаны, станем прославлять Бога и за это. В самом деле, когда мы просим бесполезного и бываем не услышаны, тогда от самого неполучения того, чего просим, мы получаем пользу. А иногда мы просим нерадиво; тогда Бог медлительностью подаяния научает нас большему усердию в молитве, – и это немаловажная польза. "**Если вы**", говорит Господь, "**умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный**", умеющий давать и знающий, когда давать и что давать (Мф.7:11). И Павел просил и не получил, – потому что просил бесполезного (2Кор.12:8); и Моисей просил, но Бог не услышал и его (Исх.32:32). Итак не будем отступать, когда мы бываем не услышаны, не станем унывать и ослабевать, но будем продолжать просить с усердием, потому что Бог делает все на пользу. "**Гневаясь, не согрешайте: размыслите в сердцах ваших на ложах ваших, и утишитесь**" (ст.5). Что я прежде сказал, то скажу и теперь. Так как пророк хочет вести слушателей к богопознанию, то старается освободить души их от болезней. Он знал, что развратная жизнь служит препятствием к надлежащему принятию высокого учения. Это выразил и Павел, когда говорил: "**я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими**" (1Кор.3:1); и еще; "**я питал вас молоком, а не твердою пищею**" (1Кор.3:2); и еще: "**о сем надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать, потому что вы сделались неспособны слушать**" (Евр.5:11).

Также Исаия говорит: "**они каждый день ищут Меня и хотят знать пути Мои, как бы народ, поступающий праведно и не оставляющий законов Бога своего**" (Ис.58:2). И Осия говорит: "**сейте себе в правду, чтобы Он, когда придет, дождем пролил на вас правду**" (Ос.10:12). И Христос, поучая, говорил: "**ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету**" (Ин.3:20); и еще: "**как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете?**" (Ин.5:44); и еще: "**так отвечали родители его, потому что боялись Иудеев**" (Ин.9:22); и еще: "**многие уверовали в Него; но ради фарисеев не исповедывали**" (Ин.12:42). И везде можно видеть, что развратная жизнь служит препятствием к надлежащему принятию учения. Как гной, скопившийся в светлом зрачке глаза, ослепляет и помрачает свет его, так и ум, занятый пороками, помрачается и ослепляется в душе нашей.

Вот почему и пророк, зная это, говорит: "**гневаясь, не согрешайте**".

Он не уничтожает гнева, который бывает и полезен, не отвергает негодования, которое бывает полезно, когда направлено против людей неправедных и нерадивых, но отвергает несправедливый гнев и безрассудное негодование. Как Моисей, начиная речь о нравственности, прежде всего, поставляет заповедь: "**не убивай**" (Исх.20:13), так делает и этот пророк, и еще тем более, чем более известны были ему правила благочестия. Тот запрещает убийство, а этот истребляет самого виновника убийства – гнев, который есть корень и источник этого зла. Поэтому и Христос, желая истребить гнев, говорил: "**гневающийся на брата своего напрасно, подлежит геенне огненной**" (Мф.5:22). Видишь, какое там и здесь ограничение: "**гневаясь, не согрешайте**"; "**гневающийся на брата своего напрасно**", – потому что можно гневаться и справедливо. Так и Павел разгневался на Елиму, и Петр на Сапфиру (Деян.5:13). Я даже не назову этого просто гневом, но любомудрием, попечением, распорядительностью. Гневается и отец на сына, но потому, что заботится о нем. Напрасно гневается тот, кто хочет отмстить за себя самого; а кто хочет исправить других, тот – смиреннее всех. Так и Бог, когда о Нем говорится, что Он гневается, гневается не для отмщения за Себя самого, но для исправления нас. Будем же и мы подражать Ему: мстить, таким образом, есть дело божественное, а мстить иначе – дело человеческое. Впрочем, Бог не тем только отличается от нас, что Он гневается справедливо, но и тем, что в Боге гнев не есть какое-нибудь страстное раздражение. Итак, не будем и мы гневаться напрасно. Гнев внедрен в нас не с тем, чтобы мы грешили, но чтобы останавливали и других согрешающих, не с тем, чтобы он сделался в нас страстью и болезнью, но чтобы служил врачеством от страстей.

8. Представь, как велико зло – порок, если при нем врачество делается ядом, если тем, чем нужно врачевать раны других, мы наносим раны себе; это подобно тому, как если бы кто-нибудь, взявши железо, чтобы отсечь гнилые части у других, напрасно поразил самого себя и нанес себе раны по всему телу, или если бы кормчий потопил судно теми самыми веслами, посредством которых нужно было останавливать напор буйных ветров. Таков и гнев: он полезен для того, чтобы пробуждать нас от сонливости, чтобы сообщать бодрость душе, чтобы производить в нас сильнейшее негодование за обижаемых, чтобы делать нас взыскательными к обижающим. Потому и говорит пророк: "**гневаясь, не согрешайте**". Если бы это было невозможно, то он и не заповедал бы этого, потому что никто не заповедует невозможного. Таким образом, дав апостольскую заповедь и евангельское мудрое наставление, сказав тоже, что и Христос, он присовокупляет другое наставление и говорит: "**размыслите в сердцах ваших на ложах ваших, и утишитесь**". Что означают сказанные слова? Они кажутся неясными. Во время, следующее за ужином, говорит, когда ты отходишь ко сну, когда готовишься лечь на постель, когда в отсутствии всех наступает великое спокойствие, когда никто не беспокоит и бывает глубокая тишина, ты начинай суд совести, требуй от нее отчета, и какие имел в течение дня порочные помыслы, задумывая обманы, или строя козни ближнему, или допуская развратные пожелания, все это во время такого спокойствия выставь на вид, поставь совесть судиею этих порочных помыслов, истребляй их, суди, наказывай согрешающую душу. Таков смысл слова: "**утишитесь**"; иначе сказать: истязайте, сокрушайте все то, что в течение дня вы говорили в сердцах ваших; т.е. все, какие вы имели, порочные помыслы на ложах ваших во время этого спокойствия терзайте и наказывайте; когда ни друг не беспокоит, ни слуга не досаждает, ни множество дел не развлекает, тогда и давайте себе отчет в жизни своей за протекший день. И почему он не говорит о словах и делах, но о порочных помыслах? Это – преизбыток его наставления. В самом деле, если должно наказывать порочные помыслы, чтобы они не перешли в дело, то тем более должно сокрушаться душою о таких делах и словах. Это пусть будет каждый день, и не прежде засыпай ты, человек, пока не размыслишь о грехах, совершенных тобою в продолжение дня; тогда, без сомнения, в следующий день ты будешь не так скор на подобные предприятия. Как ты поступаешь с

деньгами, не пропуская и двух дней без требования отчета от слуги, чтобы не произошло замешательства от забвения, так поступай и с делами своими каждый день; вечером требуй от души отчета, осуждай грешный помысл, повесь его как бы на дереве, наказывай и повелевай, чтобы вперед не делать подобного. Видишь ли превосходное врачевание, – как он употребляет врачество и предупредительное и исправительное? Наставление не впадать в грехи служит вместо врачества предупредительного, именно слова: "**гневаясь, не согрешайте**"; а слова: "**размыслите в сердцах ваших на ложах ваших, и утишитесь**" – вместо врачества исправительного. После совершения греха он еще прилагает врачество, зависящее от самого согрешившего. Будем же употреблять такое врачевание, не представляющее никакой трудности. Если же душа твоя не терпит воспоминания о грехах, стыдясь и смущаясь, то скажи ей: нет тебе никакой пользы от того, что ты не будешь вспоминать об них, а напротив – еще великий вред, потому что, если ты не будешь вспоминать об них сама по себе теперь, то грехи твои будут открыты пред глазами всех тогда; если же ты будешь помышлять о них теперь, то и от них скоро избавишься и в другие не легко впадешь. В самом деле, душа, боясь вечернего суда, чтобы опять не подвергнуться такому же испытанию, осуждению и наказанию, бывает медлительнее на грехи; и такова польза от этого испытания, что, если мы будем так поступать постоянно только в течение одного месяца, то приобретем себе потом навык к добродетели. Не будем же пренебрегать таким благом. Кто ставит себя пред этим судилищем здесь, тот не подвергнется тяжкой ответственности там. "**Если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром**" (1Кор.11:31,32). Итак, будем делать это, чтобы нам не быть осужденными. "**Приносите жертвы правды и уповайте на Господа**" (ст.6). Видишь ли последовательность превосходного совета? Видишь ли совершенное наставление? Укорив слушателей за грехи, сделав их менее скорыми на подобные дела, устроив неподкупное судилище и потребовав отчета в жизни, он потом руководит их к совершению добродетели. Недостаточно ведь только воздерживаться от зла, но должно стараться и делать добро. Потому-то он далее и предлагает такое увещание: "**уклоняйся от зла и делай добро**" (Пс.33:15). Подлинно, и не совершение добродетели подвергает наказанию, а не только совершение пороков. И те, которые не напитали алчущего, не напоили жаждущего и не одели нагого, – они не хищничали, не предавались любостяжанию, не брали чужого; но так как они не творили милостыни, то предаются за это наказанию вечному и мучению бесконечному. Отсюда мы научаемся, что воздержание от зла не доставляет нам спасения, если вместе с тем не будет приобретения добра и совершения добродетели.

9. Вот почему и пророк, отклонив слушателя от пороков чрез сердечное сокрушение, сделав его способнейшим к совершению добродетели, смягчив жестокость души и сделав ее нежною от внутреннего сокрушения, начинает речь о правде и говорит: "**приносите жертвы правды и уповайте на Господа**". Что значит: "**приносите жертвы правды**"? Приобретайте правду, приносите правду; тот дар Богу – величайший, та жертва Ему приятна, то приношение весьма Ему благоугодно, которые состоят не в заклании овнов и тельцов, но в совершении праведных дел. Видишь, как издревле предъизображается жизнь Церкви и вместо жертв чувственных требуются духовные. Правдою же он называет здесь, как я выше сказал, не частный вид добродетели, но добродетель вообще, равно как и праведным человеком мы называем того, кто имеет всю добродетель. Эта жертва не нуждается ни в деньгах, ни в ноже, ни в жертвеннике, ни в огне, она разлагается не в дым, смрад и пепел, но совершается только сердцем приносящего ее. Для нее ни бедность не служит препятствием, ни недостаток средств – остановкою, ни место, ни что-нибудь другое подобное; но где бы ты ни был, ты можешь приносить ее, будучи сам и священником, и жертвенником, и ножом, и жертвою. Таковы жертвы разумные и духовные: они совершаются с большим удобством, не имея нужды ни в каком внешнем

приготовлении. "**И уповайте на Господа**". Другой переводчик говорит: и веруйте (πεποίθετε) Господу [4]**.** Кто праведною жизнью приобрел себе милость и благоволение Господа, тот имеет в Нем величайшего поборника, непреоборимого помощника, получает от Него великое содействие. Видишь ли плод этой жертвы, являющийся тут же? Видишь ли сокровище благ, тотчас происходящее от ней? В самом деле, кто имеет Бога своим помощником, тот кого будет бояться? Никого. И это немаловажная добродетель – надеяться на Него и быть уверенным в Нем. Вместе с правдою пророк требует от нас и этой добродетели – быть уверенным в Боге, надеяться на Него, не полагаться ни на что житейское, но, отрешая себя от всего подобного, к Нему прилепляться мыслью. Действительно, предметы настоящей жизни подобны сновидениям и теням, и даже того ничтожнее; они лишь только являются, и уже исчезают, и при самом явлении причиняют много беспокойств имеющим их; а надежда на Бога вечна, неизменна, неподвижна, неизменчива, способна доставить совершенную безопасность и сделать непобедимым того, кто содержит ее тщательно и с надлежащим расположением. **"Многие говорят: "кто покажет нам благо?" Яви нам свет лица Твоего, Господи!"** (ст.7). Окончив наставление касательно нравственности, приведши к богопознанию и употребив все меры к пробуждению души заблуждающихся, и особенно из происходившего с ним самим и из промышления о святых доказав попечение о нас Божие, пророк представляет некоторое возражение, предлагаемое людьми более слабыми и грубыми, и говорит: "**Многие говорят: "кто покажет нам благо?**". Не те немногие, честные и доблестные, которые умеют любомудрствовать, говорят это, а толпа беспорядочная, невежественная, безрассудная. Что же означают слова: "**кто покажет нам благо?**". Есть люди, которые, или клевеща на промысл Божий, или по любви и привязанности к удовольствию, спокойствию, богатству, славе и власти, говорят так: где блага Божии? Я нахожусь в бедности, болезни, несчастии, терплю крайние бедствия, клеветы, злословия; а другой – в благоденствии, роскоши, власти, славе и богатстве. Одни из них только ищут этих благ, оставляя без внимания блага истинные, т.е. добродетель и любомудрие; а другие, как я выше сказал, клевещут из-за этого на промысл Божий и говорят: где промысл Божий, когда в жизни существует такой беспорядок, когда столь многие терпят недостатки, бедность и крайние бедствия? Где доказательство Божия о нас попечения? Но говорящие таким образом делают тоже самое, как если бы кто-нибудь среди самого ясного и чистого полдня искал увидеть солнца и сомневался в его свете. Это и показывает пророк и, тотчас же предлагая разрешение, говорит: "**яви нам свет лица Твоего, Господи**". Не сказал: явился, не сказал: воссиял, но: "**яви**", – выражая, что подобно тому, как начертанное на открытом лице бывает очевидно для всех и ни от кого не может укрыться, и лица, озаренного светом и отражающего лучи, никто не может не узнать, так невозможно, говорит, не узнать и промышления Твоего; как свет назнаменованный, т.е. напечатленный и начертанный на лице, бывает ясен для всех, так и промышление человеколюбия Твоего. Светом он называет здесь покровительство, попечение, содействие, промышление. Сказав это, он далее приводит и доказательство. Какое же? "Ты исполнил", говорит, "**сердце мое веселием**". Укорив людей безрассудных, он заимствует доказательство промысла Божия от людей благоразумных и здравых, и говорит: "**ты исполнил сердце мое веселием**" т.е. научил меня любомудрствовать, презирать предметы житейские, знать предметы истинные и постоянные, возвысил меня добрыми надеждами, руководил к будущей жизни, прежде наслаждения благами окрылил меня надеждою благ. Хорошо так сказал он.

10. В самом деле, если тот, кто надеется получить наследство или достигнуть высокой власти, не только во время получения, но еще прежде действительного получения, оживляется надеждою и во все это время приходит в восторг от ожидания, то представь, в каком состоянии должен быть тот, кто ожидает царства вечного и бессмертного и благ таких, "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**" (1Кор.2:9). Поэтому он и говорит: "**Ты исполнил сердце мое веселием**". Это было

действие величайшего промышления Божия, что Он еще тогда приготовил и сообщал такое благо. Если же люди более грубые, плотские и привязанные к земле не внемлют этому, то уже не от Обещавшего, а от их невежества происходит недовольство и смущение. И не сказал просто: "**Ты исполнил веселием**", но: "**сердце мое**", выражая, что веселие его происходило не от внешних предметов, не от рабов, не от золота и серебра, не от одежд, не от роскошного стола, не от величия власти, не от великолепия жилища. Это – веселие не сердца, но одних только глаз. Многие из приобретших эти блага даже считают жизнь не в жизнь, носят в душе своей пещь огорчений, истощаясь от множества забот и терзаясь непрестанным страхом. А мое, говорит он, веселие не в этом, а в разумном сердце, бестелесной душе, помышляющей о бестелесном. Если радуют тебя блага настоящие, то и из них уразумей промышление Божие; но тем более научайся из благ будущих, чем они превосходнее, постояннее и неизменнее. Если то, что ты пользуешься богатством и благополучием, убеждает тебя в существовании промысла Божия, то тем более богатство небесное пусть приводит тебя к такому убеждению. А если ты скажешь: почему те блага только в надежде и неизвестны? – то я скажу, что мы верующие считаем эти ожидаемые блага более известными, нежели блага видимые: таково убеждение веры. Если же ты еще скажешь: почему мы не получаем воздаяния здесь? – то я скажу, что здесь время трудов и подвигов, а там – венцов и наград. И это было делом промышления Божия, что труды и подвиги определены для настоящей жизни краткой и скоропреходящей, а награды и венцы отложены до жизни бессмертной и нестареющей. Но так как многие слабы душою, то Бог даровал им и чувственные блага. Таким образом, например, Он руководил народ иудейский. У них и богатство текло, и жизнь продолжалась до старости, и не было никаких болезней; истребление врагов и глубокий мир, трофеи и победы, доброчадие и многочадие, и все тому подобное было даруемо повинующимся Богу. Но когда пришел Господь наш Иисус Христос, призывающий нас на небо, убеждающий презирать блага здешние, внушающий любовь к благам тамошним и отторгающий нас от всего житейского, то справедливо блага настоящие сокращены и все богатство заключено в благах будущих, так как мы сделались совершенными. Подобным образом детей, пока они малы, отцы забавляют обувью и одеждою, золотом и ожерельями; а когда они вырастут, то, оставив это, дают им нечто другое, большее, как-то: право голоса в судилище, знатность в городе, известность при царских дворах, начальство и власть, отклоняя их от всякого детского честолюбия. Так точно поступил и Бог: желал отклонить нас от предметов малых и детских, Он обещал блага небесные. Поэтому не прилепляйся к благам непостоянным и скоропреходящим и не будь малодушным. Впрочем, Он не совсем лишил тебя и этих благ. Так как существам, облеченным плотью и живущим в теле, невозможно быть и без них, то Он обильно подает нам и их. Вот почему и пророк, рассудив высоко и любомудро об этом виде промышления Божия и сказав: "**Ты исполнил сердце мое веселием**", присовокупляет следующее: "**с того времени, как у них хлеб и вино <и елей> умножились**".

Этими словами он касается также немалой части промышления Божия, открывающегося в предметах видимых. Когда он говорит о пшенице, вине и елее и изобилии их, то разумеет и дожди, и благосостояние времен года, и недра земли возращающей и рождающей, и течение воздуха, и восхождение солнца, и перемены луны, и хоры звезд, и лето, и зиму, и осень, и весну, и искусство земледельца, и пригодность орудий, и множество других приспособлений, так как, если бы все это не содействовало, то плоды не могли бы образоваться и достигнуть зрелости. Таким образом, когда он называет пшеницу, вино и елей, то подает мудрому повод заключать от части к целому, открывая море промышления Божия, видимого в предметах чувственных.

11. Вот почему и Павел в одной речи своей, рассуждая о промысле Божием, отсюда же заимствует доказательство и говорит: "**подавая нам с неба дожди и времена**

плодоносные и исполняя пищею и веселием сердца наши" (Деян.14:7). Пророк, не желая говорить излишнего, не упоминает о всем другом, о плодах земных, о плодах древесных, о родах растений, о родах семян, о родах трав, лугов, цветов, садов, и тому подобном, и употребляет собирательные названия предметов, необходимых для нашей жизни, давая чрез них разуметь и другие. Все это Бог не только подает нам, но подает с изобилием и каждый год. А если иногда и сокращает свои дары, то и этим опять показывает свое промышление, пробуждая многих от лености и заставляя их просить этих благ от Него. Если же некоторые говорят, что подавать дожди не дело Бога, но идолов, то мы спросим их: откуда это известно? Скажут: поэты говорят, что Зевс подает дожди [5]. Но они же сами говорят, что он и прелюбодей, и растлитель детей, и отцеубийца, и другие приписывают ему не меньшие преступления. Но это, скажут, несправедливо. Следовательно, несправедливо и то, что он подает дожди. Если ты принимаешь последнее, то необходимо должен принять и первое; а если отвергаешь первое, то вместе с тем и последнее. Мы, представляя свидетелей силы Божией, обыкновенно принимаем все, что они говорят о Нем. Поэтому тебе необходимо нужно допустить, что Зевс и прелюбодей, и все прочие преступления, какие они приписывают ему, и отсюда убедиться, что подобные преступления несвойственны силе божественной, и следовательно он – не Бог. Но, хотя бы вы и не хотели принять этого, такая басня падает сама собою и такая ложь обличает сама себя, и совершенно опровергает поэтов. А когда опровергнуты они, то, очевидно, и все ваши рассуждения теряют силу. Ведь и самые имена богов они изобрели и назначили, как сказал один из ваших же философов [6]. Если же, оставив их, ты прибегнешь к иносказанию, то я спрошу тебя: что же такое Зевс? Пламенеющая (ζέουσα) сущность, говорят, часть, находящаяся выше воздуха, которую называют эфиром, потому что она горит и жжет. Следовательно, он есть не какое-нибудь разумное и свободное существо, а неразумное. Воздушная сущность не имеет ни разума, ни смысла, как всякому известно, и всякий знает это, хотя бы он был нечувствительнее камней. Таким образом, Зевс уничтожается и существо его исчезает. И если Зевс есть воздух, а воздух есть то, что мы сказали, то и басня теряет свою силу. Если же он есть воздух, то он не был чьим-нибудь отцом и не рождал какой-нибудь сущности, как сочиняют (поэты), напр., солнца, которое называют Аполлоном и сыном Зевса; ведь и солнце не имеет никакого смысла, ни рассудка, ни ума, но и оно есть вещественное произведение, управляемое и водимое законом, которому Бог в начале подчинил его. Впрочем, дождь происходит и не из эфира, а из облаков, получающих воду или из моря, или из вод, носящихся превыше неба, как говорят пророки. Если же ты не веришь пророкам, то мы можем представить ясные и очевидные признаки, которые совершенно доказывают, что они были богодухновенны и не говорили нам ничего от самих себя, но по вдохновению от божественной и пренебесной благодати. В самом деле, все, сказанное ими, исполняется и все оправдывается событиями, посмотришь ли на ветхозаветные или новозаветные предсказания. Так, все, сказанное пророками об иудеях, исполнилось, и это исполнение очевидно для всех, равно как и сказанное о Христе в Новом Завете; это особенно и доказывает, что Писание того и другого завета божественно. Если же оно божественно, то и все, сказанное в нем о Боге, истинно. Поэтому не сомневайся в промысле Божием, но удивляйся Его попечению, как Он, не смотря на то, что между людьми есть и злые и добрые, всем предоставил вселенную и солнце и подает дожди. А если Он оставляет некоторых в бедности и нищете, то оставляет для того, чтобы исправить душу их и сделать ее более любомудрою. Вы знаете, хорошо знаете, что богатство для невнимательных служит средством к порокам, а бедность есть мать любомудрия, и это каждый день открывается на опыте. Сколько бедных гораздо благоразумнее и мудрее богатых, и даже здоровее телом, так как бедность правильно устрояет их тело и душу? "**Спокойно ложусь я и сплю, ибо Ты, Господи, един даешь мне жить в безопасности**" (ст.9). Вот и другой немаловажный вид промышления Божия, состоящий в том, что преданные Богу наслаждаются миром. "**Велик мир у любящих**

закон Твой, и нет им преткновения" (Пс.118:165). Обыкновенно, ничто так не доставляет мира, как познание Бога и приобретение добродетели, истребляющие внутреннюю борьбу страстей и не попускающие человеку быть в войне с самим собою. Подлинно, если кто не наслаждается таким миром, то, хотя бы отвне окружал его глубочайший мир, хотя бы никакой враг не нападал на него, он несчастнее всех во всей вселенной, на которых нападают враги.

12. Не так жестоко ведут войну скифы, фракийцы, сарматы, индийцы, мавры и другие дикие народы, по своему обыкновению, как гнездящиеся в душе непристойные помыслы и порочные пожелания, любовь к богатству, желание власти, привязанность к предметам житейским. И действительно так, потому что та война – внешняя, а эта – борьба внутренняя. А что бедствия, рождающиеся внутри, гораздо хуже бедствий, происходящих отвне, и обыкновенно причиняют больший вред, это можно видеть во всем. Так дерево больше повреждают черви, зарождающиеся внутри, и крепость и здоровье тела больше расстраивают болезни, зарождающиеся внутри, – чем случающиеся снаружи; и города разрушают не столько внешние враги, сколько домашние: так точно и душу обыкновенно не столько заражают бедствия, нападающие отвне, сколько болезни, зарождающиеся внутри. Но кто, имея страх Божий, совершенно прекратит эту войну, обуздает страсти, задушит различных зверей – порочные помыслы, и не дозволит им скрываться внутри, тот будет наслаждаться чистейшим и глубочайшим миром. Этот мир Христос, пришедши, даровал нам (Ин.14:27); этого мира и Павел желал верующим, повторяя в каждом послании: "**благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа**" (1Кор.1:3; Гал.1:8 и др.). Кто имеет этот мир, тот не боится не только врага и варвара, но и самого диавола, а посмевается над всеми полчищами злых духов, бывает благодушнее всех людей, не обременяется бедностью, не изнуряется недугами и болезнями, и не смущается никакими другими человеческими, неожиданно случающимися, бедствиями, потому что он имеет душу, способную перенести все это мужественно и весьма легко, душу крепкую и здравую. Дабы вам убедиться, что это справедливо, представим пример. Пусть будет какой-нибудь завистник, и пусть никто не восстает против него: какая ему от того польза? Он восстает сам против себя, изощряет на себя помыслы, опаснейшие всякого меча, раздражается всем видимым, мучится при виде каждого, встречающегося ему человека, и не чувствует ни к кому доброго расположения, но считаете всех вообще своими врагами. Какая же ему польза от внешнего мира, когда он сам неистовствует и беснуется, как общий враг человеческого рода, и ходит везде, нося внутри себя такую войну, бесчисленное множество копий и мечей, и желая лучше подвергнуться тысяче смертей, чем видеть кого-нибудь из подобных себе существ пользующимся добрым мнением и благополучием? Также предавшийся страсти к богатству носит в душе своей бесчисленные войны, брани и смятения, находится в страхе и беспокойстве и не может быть в хорошем расположении духа ни на малейшее время. Но не таков тот, кто освободился от страстей; напротив, он пребывает в тихой пристани, наслаждается любомудрием к не подвергается никакой подобной неприятности. Потому-то и пророк, наслаждаясь сам этим даром промысла Божия, говорил: "**спокойно ложусь я и сплю**", выражая, что для человека, не имеющего этого мира, не открыта даже общая всем пристань, но заграждена и она, пристань сна и ночи. Страсти нарушают даже отдых, даруемый природою, и совершенно преодолевают силу сна своим жесточайшим насилием. Преданные зависти, ненависти, любостяжанию и хищению, нося с собою всюду войну и имея внутри скрывающихся врагов, куда бы ни пошли, нигде не могут избежать этой борьбы; хотя бы они оставались и дома, хотя бы лежали на постели, подвергаются туче стрел, смятению, которое сильнее всяких волн, терпят убийства, вопли, стенания и другие бедствия, которые гораздо жесточе случающихся на войне. Но не таков праведник: он и бодрствуя наслаждается спокойствием, и во время ночи с великим удовольствием предается сну. А что значит: вкупе? (вместе) Сосредоточившись, говорит, в самом себе,

углубившись в самого себя, не развлекаясь бесчисленными заботами, не помышляя о делах того или другого, не рассеиваясь помыслами своими по всей вселенной, но помышляя о самом себе, о том, что полезно мне и что особенно пристойно человеку, "**ибо Ты, Господи, одного меня вселил с надеждою**". Смысл слов его следующий: упованием благ будущих и надеждою на Тебя я обуздал все мои страсти. Подобным образом и Павел говорит: "**ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое**" (2Кор.4:17,18). Действительно, нет никакого трудного дела, которое не сделалось бы легким при надежде на воздаяние от Бога. Поэтому он и говорит: "**одного меня вселил с надеждою**". И слово "**одного**" немалую заключает силу наставления.

13. Что значит "**одного**" (κατά μόνας)? Значит: без людей порочных. Я наслаждаюсь, говорит, этим миром пред Тобою и живу наедине, избегая людей развратных. И весьма справедливо. Как тела часто погибают от заразы испорченного воздуха, так точно и душа часто терпит вред от общения с людьми порочными, и как здоровый глаз, взирая на больного, поражается, и страждущий чесоткою сообщает свою болезнь и здоровым, так точно случается часто и с душою от общения с людьми порочными. Поэтому и Христос заповедал не только избегать таких людей, но и отвергать их: "**если же**", говорит Он, "**правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя**" (Мф.5:29), разумея в этой заповеди не глаз, – так как что худого может сделать глаз, когда душа находится в здоровом состоянии? – но друзей, близких к нам, сделавшихся как бы нашими членами и вредящих нам, повелевая не дорожить их дружбою, чтобы безопаснее соделывать собственное спасение. Поэтому и сам пророк далее говорит: "**не сидел я с людьми лживыми, и с коварными не пойду**" (Пс.25:4). И Иеремия ублажает того, кто "**сидит уединенно и несет иго в юности своей**" (Плач.3:27,28). Также и в Притчах много говорится об этом и убедительно внушается всем, что нужно не только уклоняться, но и бежать от людей советующих злое, и не обращаться с ними. В самом деле, если предметы вещественные часто повреждаются у нас от прикосновения к чему-нибудь худому, то не тем ли более существа свободные? Цвет и здоровье тела принадлежат нам от природы, но случается, что и они портятся от постороннего, противного им влияния; также аппетита – от природы, но и он часто теряется у нас от болезненного состояния; можно видеть и много других подобных случаев. Если же изменяются естественные отправления, то зависящие от свободного произволения – тем более, чем более они способны ко всякой перемене. Поэтому не будем считать маловажным вредом общение с дурными людьми, но прежде всего другого станем избегать таких людей, хотя бы это были жены, хотя бы друзья, или кто бы то ни был. Оно губило и великих мужей, каковы Соломон и Сампсон; оно развратило и целый народ иудейский. Обыкновенно, не столько причиняют вреда дикие звери, сколько порочные люди; те явно производят свои ядовитые действия, а эти нечувствительно и неслышно каждый день распространяют заразу, мало-помалу ослабляя силу добродетели. Потому и бесстыдный взгляд запрещается Господом: "**всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем**" (Мф.5:28): так легко и скоро сообщается зло! А ты когда намереваешься поселиться в городе, то много стараешься узнать все о тамошнем климате, не вреден ли, не сыр ли, не сух ли он; когда же дело касается души, то нисколько не стараешься узнать тех, которые имеют войти в общение с нею, но просто и без разбора вверяешь ее всем. Какое же, скажи мне, можешь ты получить прощение, оказывая такое к ней презрение? Почему, думаешь ты, сделались дивными и славными мужи, обитающие в пустынях? Не потому ли, что они убегают от шума и торжищ и поселились вдали от дыма, поднимающегося среди хлопот житейских? Подражай им и ты, стараясь найти пустыню среди города. А каким образом это возможно? Если ты будешь убегать людей порочных, если будешь следовать добродетельным. Таким образом, ты достигнешь большей безопасности, чем обитающие в пустынях, – не одним удалением от людей вредных, но и общением с полезными. Если ты

будешь убегать людей порочных и следовать добродетельным, то приобретешь двоякую пользу: и умножишь дела добродетельные, и сократишь дела порочные. Итак, чтобы это было, будем поступать так, внимая Псалмопевцу, который говорит: "**ибо Ты, Господи, един даешь мне жить в безопасности**". Здесь я окончу слово, полагая, что предложено достаточное объяснение этих изречений, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Музей (μουσεῖγ) – здание, посвященное музам, или место, назначенное для ученых занятий, училище.

[2] Неизвестный переводчик, упоминаемый у Оригена в Экзаплах.

[3] Т.е. когда Авраам жил в Гераре. Соседних с Гераром жителей св. Иоанн Златоуст называет персами.

[4] Неизвестный переводчик, упоминаемый у Оригена в Экзаплах.

[5] Гомер в Одиссее рапс. 14-й, Феокрит в идиллии 4-й, и другие.

[6] Платон в Кратиле.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 5

"В конец, о наследствующем, псалом Давиду". [1,2]

1 О наследствующем, псалом давиду,

2. Глаголы моя внуши, Господи, разумей звание мое.

3 Вонми гласу моления моего, царю мой и Боже мой: яко к тебе помолюся, Господи.

4 Заутра услыши глас мой: заутра предстану ти, и узриши мя:

5 яко Бог не хотяй беззакония ты еси: не приселится к тебе лукавнуяй,

6 ниже пребудут беззаконницы пред очима твоима: возненавидел еси вся делающыя беззаконие.

7 погубиши вся глаголющыя лжу: мужа кровей и льстива гнушается Господь.

8 Аз же множеством милости твоея вниду в дом твой, поклонюся ко храму святому твоему, в страсе твоем.

1 О наследствующей. Псалом Давида.

2 Господи! Словам моим внемли, уразумей воззвание мое.

3 Вонми голосу моления моего, Царю мой и Боже мой, ибо Тебе помолюсь, Господи.

4 Поутру услышь голос мой, поутру предстану пред Тобою, и Ты увидишь меня.

5 Ибо Ты Бог, Коему неугодно беззаконие, не водворится у Тебя лукавый.

6 И не пребудут беззаконники пред очами Твоими, Ты возненавидел всех, совершающих беззаконие.

7 Погубишь всех, говорящих ложь, кровожадного и льстивого гнушается Господь.

9 Господи, настави мя правдою твоею, враг моих ради исправи пред тобою путь мой.

10 Яко несть во устех их истины, сердце их суетно, гроб отверст гортань их, языки своими льщаху.

11 Суди им, Боже, да отпадут от мыслей своих: по множеству нечестия их изрини я, яко преогорчиша тя, Господи.

12 И да возвеселятся вси уповающии на тя, во век возрадуются, и вселишися в них: и похвалятся о тебе любящии имя твое.

13 Яко ты благсвиши праведника, Господи, яко оружием благоволения венчал еси нас.

8 А я, по множеству милости Твоей, войду в дом Твой, поклонюсь храму святому Твоему в страхе Твоем.

9 Господи! Наставь меня правдою Твоею, врагов моих ради исправь пред Тобою путь мой.

10 Ибо нет в устах их истины, сердце их суетно, гортань их - открытый гроб, языком своим они льстили.

11 Суди их, Боже! Да отстанут от замыслов своих; за множество нечестия их низринь их, ибо они огорчили Тебя, Господи.

12 И да возвеселятся все уповающие на Тебя, во век возрадуются, и вселишься в них, и похвалятся Тобою любящие имя Твое.

13 Ибо Ты благословишь праведника, Господи: как оружием, благоволением оградил Ты нас.

1. Наперед рассмотрим, какое это наследство и относится ли оно и к нам; потом покажем время, когда оно даруется. Подлинно, безрассудно было бы, в том случае, когда по завещанию отказано нам имущество, разведывать и хлопотать о нем, как о принадлежащем нам наследстве, искать письменных доказательств издерживать деньги, справляться с законами, списывать с них копии и оказывать всякое старание; а здесь, когда лежат уже пред нами духовные завещания и открыты все книги, оставаться нерадивыми и беспечными, – когда притом предлагается наследство невещественное. Итак приступим, раскроем письмена, приникнем к написанному и посмотрим, под какими условиями предоставлено нам это наследство и какова сущность его. Господь оставил нам наследство не просто, но под некоторым условием. Под каким же именно? "**Кто любит Меня**", говорит Он, "**заповеди Мои соблюдает**" (Ин.14:21,23); и еще: "**и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня**" (Мф.10:38) – и многое другое, что написано в завете. Исследуем и время, когда мы должны получить такое наследство. Это время не настоящее, а будущее, или лучше, и настоящее и будущее: "**ищите**", говорит Господь, "**царствия Божия, и это всё приложится вам**" (Лк.12:31) и полное наследство получится тогда. Так как настоящая жизнь скоропреходяща, и мы здесь находимся еще в состоянии несовершенном, то подобно мирским законодателям, которые вручают отцовское имущество уже совершеннолетним наследникам, поступает и Бог с нами. Когда мы достигнем зрелости мужа и в меру полного возраста и переселимся в жизнь нетленную, тогда Он и вручит нам это наследство. Между тем Он сделал распоряжение и здесь, оставил нам письменное удостоверение и сказал, что мы должны делать, дабы получить наследство, дабы не потерять и не лишиться его. Если же кого-нибудь

устрашает то, что мы еще не совершенны, и сказанное мною приводит в сомнение, то пусть он послушает Павла, который, беседуя о веке настоящем и будущем, говорит: "**когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое**" (1Кор.13:11), и еще: "**доколе все придем в мужа совершенного, в меру полного возраста**" (Еф.4:13). В настоящей жизни, говорит он, мы воспитываемся здешним миром, как бы кормилицею; а когда приготовимся войти в дом Господень, тогда, сбросив одежды тления и облекшись в нетление, переселимся в другую жизнь. Тот же завет многим угрожает лишить их наследства, если они сделаются недостойными по написанным условиям. Посмотрим теперь, каково это наследство. "**Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**" (1Кор. 2:9). Как же мы можем в настоящей жизни получить в свою пользу то, что превосходит даже наше разумение? Потому оно и сохраняется для нас там. И посмотри на великое промышление Божие: для настоящей жизни Он назначил труды, чтобы тяжесть их облегчалась краткостью времени; а блага сохранил для будущего века, чтобы воздаяния продолжить вечно в жизни нестареющей. Эту жизнь Он называет также царством. Хотя это не может быть выражено словом, но, сколько мы способны слышать, Он изображает будущее состояние, называя его то царством, как я сказал, то браком, то владычеством, и такими блистательными, употребляющимися у нас, названиями приводя нас к разумению будущего, то вечною славою, бессмертным блаженством, жизнью с Христом, с которою ничто не может сравниться. Какие же условия Церкви, или лучше сказать, этого наследства? Такие, которые не представляют ничего трудного. "**Во всем, как хотите**", говорит Он, "**чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними**" (Мф.7:12). Видишь ли, что Он не предписал ничего странного, но тоже, чего и прежде требовала природа? Как ты хочешь, говорит Он, чтобы поступали с тобою ближние, так и сам поступай. Хочешь, чтобы хвалили тебя? Хвали сам. Хочешь, чтобы у тебя не похищали? Не похищай сам. Хочешь быть в чести? Почитай других сам. Хочешь получить милость? Оказывай милосердие сам. Хочешь быть любимым? Люби сам. Хочешь не слышать о себе худого? Не говори ничего такого сам. И заметь, какая точность в выражениях. Он не сказал: "во всем, как **не** хотите, чтобы с вами поступали", но: "**во всем, как хотите**". Так как к добродетели ведут два пути, из которых один состоит в удалении от пороков, а другой в совершении добродетелей, то Он предлагает последний, ясно указывая чрез него и на первый. Первый путь Бог открыл, когда сказал: что ненавидишь, не делай другому (Тов.4:15), а последний Он ясно указал, сказав: "**во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними**".

2. Есть и другое условие. Какое же именно? Любить ближнего, как самого себя. Что может быть легче этого? Ненавидеть – тяжело и сопряжено с беспокойством; а любить – легко и удобно. Подлинно, если бы Господь сказал: вы, люди, любите зверей, – такая заповедь была бы трудна; но когда он заповедал людям любить людей же, к чему и однородность и единство происхождения и естественное влечение служат великим побуждением, то какая может быть здесь трудность? Это бывает и у львов и у волков, и их сродство природы располагает к взаимной приязни. Поэтому, какое мы можем иметь оправдание, если не станем привлекать к себе любовью однородных с нами, тогда как укрощаем львов и приучаем их к своему дому? Не видите ли, как многие для получения наследства гоняются и ухаживают за стариками, будучи сами людьми молодыми и здоровыми, и постоянно сидят около них, перенося все неприятности старческого возраста, от подагры, расслабления и других болезней, сопровождающих старость? Между тем там только одна надежда на богатство, и притом надежда неверная; а здесь небо, и прежде неба благоволение Божие. В надписании псалма сказано: о наследствующем. Кто же это наследствующий? Церковь и все члены ее; о ней говорит Павел: "**обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою**" (2Кор.11:2); и Иоанн: "**имеющий невесту есть жених**" (Ин.3:29). Но у жениха

обыкновенного после первых дней брака ослабевает сила любви, а наш жених остается непрестанно любящим нас и непрестанно усиливает свою любовь. Выражая это, Иоанн и называете его женихом, так как у жениха любовь бывает особенно сильна. И Церковь он назвал невестою не поэтому только, но и потому, что желает всем нам быть одним телом и одною душою, по добродетели и любви. И как невеста все делает для угождения жениху, таковы должны быть и мы во всю жизнь. Как невеста с того самого дня, как поселится в брачном чертоге, заботится только об одном, как бы угодить жениху, так точно и мы в продолжение всей настоящей жизни должны заботиться об одном, как бы угодить Жениху и сохранить благонравие невесты. Об этой невесте упоминает и Давид, когда говорит: "**стала царица одесную Тебя в Офирском золоте; одежда ее шита золотом**" (Пс.44:10,14). Хочешь ли видеть и обувь ее? Послушай Павла, друга женихова, который говорит: "**и обув ноги в готовность благовествовать мир**" (Еф.6:15). Хочешь ли видеть и пояс ее, составленный из правды? Он же научит тебя: "**препоясав чресла ваши истиною**" (Еф.6:14). Хочешь ли видеть красоту ее? И это можешь узнать от него: "**не имеющею пятна, или порока**" (Еф.5:27). Послушай, что говорит о ней и Премудрый: "**вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!**" (Песн.4:7). Хочешь ли видеть и ноги ее?

"**Как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое!**" (Рим.10:15). И то поистине дивно и поразительно, что Он, украсив ее таким образом, не пришел во всей своей славе, чтобы преизбытком своей красоты не поразить и не изумить ее, но приходит, облеченный в ту же одежду, какая у невесты, "**также воспринял оные**" такой же "**плоти и крови**", какая у нее (Евр.2:14), и не ее призывает горе, но Сам свыше приходит к ней, соблюдая и здесь закон, по которому жених приходит к невесте. Об этом и Моисей говорит: "**потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей**" (Быт.2:24); и Павел говорит: "**тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви**" (Еф.5:32). Пришедши в жилище ее, и найдя ее нечистою, грязною, обнаженною, запачканною в крови, он обмыл ее, умастил, напитал, одел одеждою, лучше которой невозможно найти. Он сам становится для нее одеждою и, взяв ее, таким образом, отводит к себе. Вот та, которой уготовано наследство. Что же говорит о ней пророк? Многое. Он есть защитник ее, и предсказал и предвозвестил ей многое из того, что предстоит ей, например, касательно жениха, брака и благ, ожидающих ее. Так и здесь он говорит о ней, и в самом начале, подобно ораторам, говорящим в судах, замечает, о ком он произносит справедливую речь, именно: о наследствующей. Чего же просит наследствующая? Послушаем. "**Услышь, Господи, слова мои**" (ст.2). Жениха называет она Господом; это свойственно благоразумной невесте. В самом деле, если и у нас, имеющих одно естество, бывает так, т.е. жена называет мужа своим господином, то тем более (это прилично) между Церковью и Христом, который и по естеству своему есть Владыка. Вот почему она называет Его здесь Господом не только как жениха, но и как владыку, и располагает Его к выслушиванию ее просьбы. Так как ей предстоит (получить) наследство, а это наследство действительно получится только в таком случае, если она точно исполнит заповеданное, то она просит и умоляет Его быть ей помощником, чтобы достигнуть обетованных благ и не лишиться наследства. Поэтому она и говорит: "**услышь, Господи, слова мои**", и говорит это с дерзновением, так как просит того, что и сам Он желает даровать ей; а кто стал бы просить того, что недостойно дарующего, тот не мог бы таким образом просить милости. Когда кто молится против врагов, или против людей, причинивших ему какое-нибудь зло, то это – слова не человека, а диавола. В самом деле, если клятва от диавола, – "**а что сверх этого**", говорит Господь, "**то от лукавого**" (Мф. 5:37), – то, очевидно, что и молитва против врагов происходит от него же. Итак, когда ты будешь говорить: "**услышь слова мои**", то говори так, как свойственно говорить человеку кроткому и человеколюбивому и не имеющему ничего диавольского.

3. "**Уразумей помышления мои**". "**Помышлением**" пророк называет здесь не звук голоса, но расположение души. Так и Моисею, хотя он молчал, Господь сказал: "**что ты вопиешь ко Мне?**" (Исх.14:15) Не сказал: о чем молишься Мне, но: что взываешь ко мне, – потому что Моисей приступал к Нему с сильным расположением души. А дабы ты видел, что и здесь Он говорит не о вопле, но о расположении души и напряженном обращении к Богу, он не сказал: услышь вопль мой, но что? "**Уразумей**", т.е. познай. Так пророк, хотя употребляет человеческие слова, но в самих человеческих словах точно выражает, что он хочет сказать. "**Внемли гласу вопля моего, Царь мой и Бог мой! ибо я к Тебе молюсь**" (ст.3). Опять разумеет глас внутренний. Так взывала и Анна (1Цар.1:13). Не сказал просто: вонми гласу молитвы моей, но: "**я к Тебе молюсь**", – потому что молящийся должен быть и по внешнему виду и по внутреннему расположению смиренно умоляющим. Умоляющий не употребляет слов обвинителя; а кто молится против врагов, тот больше обвинитель, нежели проситель. Видишь ли, как пророк благоустроил молитву и сделал ее достойной принятия? Так и мы, когда молимся и желаем быть услышанными, то наперед устроим, чтобы наша молитва была молитвой, а не обвинением, по примеру Псалмопевца, и тогда уже будем воссылать ее к Богу. "**Царь мой и Бог мой**", – слова, часто употребляемые пророком; но еще больше они составляют преимущество Авраама, о котором Павел говорит: "**Бог не стыдится их, называя Себя их Богом**" (Евр.11:16). Тоже выражение употребила и наследствующая Церковь, и сделала это по любви. Она не сказала просто: Царь, но: "**Царь мой и Бог мой**", показывая любовь свою. Потом она излагает и причины, по которым просит, чтобы Он услышал ее. Какие же это причины? "**Ибо я к Тебе молюсь**". Но как же, скажешь, Богу не молится? Многие только кажутся молящимися Богу, а сами делают это на показ людям. Не так поступает она; но обращается к самому Богу, забывая все человеческое. "**Рано услышь голос мой**" (ст. 4). Видишь ли усердие и душевное сокрушение? В начале дня, говорит, я совершаю это дело. Пусть выслушают это те, которые приступают к молитве после бесчисленного множества дел. Не так поступает она, но в начале дня начатки его отдает Богу. "**Дабы известно было**", говорит Премудрый, "**что должно предупреждать солнце благодарением Тебе и**

обращаться к Тебе на восток света" (Прем. 16:28). У царя ты не допустил бы, чтобы кто-нибудь низший тебя прежде тебя поклонился ему; а здесь, когда солнце уже поклоняется Богу, ты еще спишь, уступаешь первенство твари, не предупреждаешь всех творений, созданных для тебя, и не воздаешь Ему благодарности, но, вставая и умывая лицо и руки, душу свою оставляешь нечистою. Или ты не знаешь, что как тело очищается водою, так душа молитвою? Итак, омой прежде тела душу свою. К ней пристало много пятен порока: смоем их молитвою. Если мы, таким образом, оградим уста свои, то положим доброе основание дневной деятельности. "**Рано предстану пред Тобою**" (ἐπόψομαι). Предстану тебе, говорит, не переменою места, но делами. Такой человек может быть близко к Богу; а быть близко, или далеко от Него – зависит от самого человека, – потому что Бог везде. "**Предстану пред Тобою, и буду ожидать, ибо Ты Бог, не любящий беззакония**" (ст. 5). Другой переводчик говорит: и узрю (σχοπήσω), яко Бог не хотяй беззакония ты еси [3]. "**Не любящий беззакония**". Здесь пророк указывает на идолов, потому что языческие боги радовались таким людям, и всякому беззаконию, и всем делам порочным. "**Не любящий беззакония**": не будет, говорит, любезен Тебе, не будет близок к Тебе. "**Нечестивые не пребудут пред очами Твоими**" (ст. 6). Здесь он показывает, что Бог ненавидит зло, и научает желающих приближаться к Нему – благоустроять себя, таким образом, потому что иначе невозможно быть близко к Богу. Если к человеку доброму не может быть близок тот, кто отличается от него своими нравами, то тем более к Богу. А что злые не могут быть близки к людям добродетельным, послушай, как говорят они о праведнике: "**тяжело нам и смотреть на него**" (Прем.2:15). Так Иоанн, находясь в темнице и никому не показываясь, был несносен для Иродиады, хотя эта женщина была так далека от него; и после смерти он тяготил совесть того, кто

был тогда тираном. Итак, не думайте, чтобы кто-нибудь из живущих добродетельно терпел зло, хотя бы на него и нападали злые; терпят зло делающие зло. "**Ты погубишь говорящих ложь; кровожадного и коварного гнушается Господь**" (ст. 7).

Это говорится не для того, чтобы мы только слушали, но чтобы, часто слыша это, научались сообразоваться с нравами Жениха и делаться близкими к Нему. Если же этого не будет, то мы лишимся вышней помощи, чего хуже ничего быть не может.

4. "**Ты ненавидишь всех, делающих беззаконие**", – хотя бы то был раб, говорит, хотя бы свободный, хотя бы царь, и кто бы ни был, потому что не по внешним достоинствам, а по добродетелям Бог обыкновенно избирает Себе друзей. Но так как многие из людей грубых считают ни во что быть в ненависти у Бога, то послушай, как он присовокупляет и страх наказания: "**погубишь**", говорит, "**говорящих ложь**", – обращая речь к более грубым грешникам. Наказание не ограничится одною ненавистью Бога, хотя и это – невыразимое наказание; но Он погубит всех, говорящих ложь. И первое ужасно, и быть в ненависти у Бога страшнее геенны; но это сказал он для способных понять, а для более грубых присовокупил и второе. Итак, не смущайся, человек, не беспокойся, когда видишь, что некоторые говорят ложь, похищают, предаются любостяжанию, и не претерпевают ничего худого: сказанное непременно сбудется, потому что таков Бог по естеству Своему, – Он отвращается от пороков, всегда ненавидит и не терпит их. Под "**говорящими ложь**" пророк здесь разумеет живущих порочно, совершающих дела неправды, преданных удовольствиям, невоздержанию, любостяжанию; все это он обыкновенно называет неправдою. "**Кровожадного и коварного гнушается Господь**": здесь говорит о человеке, склонном к убийству, хитром, лукавом, имеющем на языке одно, а в душе другое, показывающем снаружи вид скромности, а на самом деле свойства волчьи, чего хуже ничего быть не может. От врага явного не трудно остеречься; а тот, кто скрывает свое лукавство и между тем действует злобно, будучи не легко уловим, может совершить много худого. Вот почему и Христос повелел бодрствовать, когда явятся такие люди, потому что они "**приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные**" (Мф.7:15). "**А я, по множеству милости Твоей, войду в дом Твой**" (ст. 8). Так как в состав Церкви входили и такие люди – язычники, волшебники, убийцы, чародеи, лжецы, лицемеры, а она сказала, что Бог ненавидит и отвращается их, то, желая показать, что она не по праву и не за добрые дела свои, но по человеколюбию Божию избавилась от них и введена во внутренние покои Его, присовокупляет: "**я, по множеству милости Твоей, войду в дом Твой**". Чтобы кто-нибудь не сказал: как ты, сделавшая то и то, получила спасение? – она показывает, каким образом она получила спасение, именно, что она спасена по великому человеколюбию, по неизреченной благости Божией. Но бывают люди неизлечимо больные, которые не принимают и милости, как, например иудеи. Благодать и милость, хотя бы благодать и милость, но и они спасают лишь желающих и принимающих благодать, а не упорствующих и нежелающих принять этого дара, каковы были иудеи, о которых и Павел говорил, что они, "**не разумея праведности Божией и усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божией**" (Рим.10:3). Сказав о том, что принадлежит Богу, далее она говорит и о том, что принадлежит ей. "**Поклонюсь святому храму Твоему в страхе Твоем**" (ст. 8). Когда я получу благодать, говорит, тогда представлю должное и с моей стороны, принесу тебе такую жертву: "**поклонюсь святому храму Твоему в страхе Твоем**", – не так, как многие из молящихся, которые в это время почесываются, зевают, дремлют, но, говорит, со страхом и трепетом. Кто молится таким образом, тот отлагает всякое зло, располагается ко всякой добродетели, приобретает себе благоволение Божие. "**Господи! путеводи меня в правде Твоей, ради врагов моих**" (ст. 9). Сказав во славу Богу, что Он ненавидит зло, что Он человеколюбив и промышляет о нас, – сказав о своем спасении и о том, каким образом она спасена, – сказав, что сделала и она по получении спасения, именно, что она

отвратилась от зла и прилепилась к добродетели, – подав добрые надежды и живущим порочно, что и они могут получить милость, если захотят исправиться, она потом обращает речь свою в прошение и говорит: "**Господи! путеводи меня в правде Твоей**". Этим она научает слушателя, прежде всего, воссылать славословие Богу и благодарить Его за полученные благодеяния, а потом просить, чего желает, и опять благодарить за то, что получит. Но посмотрим, чего она просит. Не житейского ли чего-нибудь? Не временного ли? Не скоропреходящего ли? Не о богатстве ли говорит она? Не о славе ли? Не о власти ли? Не об отмщении ли врагам ее? Ничего такого не просит она. Чего же? "**Господи! путеводи меня в правде Твоей, ради врагов моих**". Видишь ли, что она не просит ничего временного, и как она испрашивает вышней помощи. Ведь идущие таким путем особенно нуждаются в этой помощи. "**Правдою**" же называется здесь добродетель вообще. И хорошо она сказала: "**в правде Твоей**", – потому что есть и человеческая правда, правда по законам внешним, но правда малозначащая, не имеющая совершенства и полноты и основывающаяся на человеческих соображениях. А я, говорит, прошу твоей правды, которая нисходит от Тебя и которая возводит на небо; прошу и помощи, чтобы приобрести эту правду.

5. Хорошо также она сказала: "**путеводи**", потому что настоящая жизнь есть путь, имеющий нужду в высшем наставлении. Если мы, намереваясь войти в город, нуждаемся в человеке, который указал бы нам путь, то тем более, намереваясь войти на небо, имеем нужду в высшей помощи, которая бы и показывала путь, и утверждала, и руководила, потому что есть много распутий, которые отклоняют от пути. Поэтому мы должны держаться десницы Божией. "**Ради врагов моих**". Многие, говорит, восстали на меня враги, желая отклонить меня от этого пути, ввести в заблуждение и вывести на другой путь. При таких злоумышлениях, при таких соблазнах, руководи Ты меня Сам; я имею нужду в Твоей помощи. Впрочем, если руководить есть дело Божие, то быть достойным руководства десницы Божией есть дело нашего усердия. Если сам ты будешь нечист, то не поддержит тебя десница Божия, – если напр., ты будешь любостяжателен, или иметь какую-нибудь другую нечистоту. "**Исправи предо мною путь Твой**", т.е. сделай его для меня известным, ясным, знакомым; сделай его прямым для меня. Другой переводчик говорит: "**уровняй предо мною путь Твой**" (ὁμάλισον ἐμπροσθέν μου τήν ὁδόν σου), т.е. сделай его удобным, легким (Симмах). "**Ибо нет в устах их истины: сердце их – пагуба**" (ст. 10). Мне кажется, здесь он говорит и о тех, которые находятся в заблуждении, осуждая уста и сердце, как чуждые всего доброго, и о тех, которые живут порочно. "**Гортань их – открытый гроб**" разумеет или то, что они склонны к убийству, или то, что они произносят мертвящие и зловонные учения. Впрочем, не погрешит и тот, кто гробом отверстым назовет уста, произносящие срамные слова, потому что это зловоние, исходящее из гниющей души, гораздо хуже чувственного зловония. Таковы же уста корыстолюбцев, которые не произносят ничего здравого, а одни убийства и хищения. Итак, да не будут уста твои гробом, но пусть будут сокровищницею. Сокровищницы весьма много отличаются от гробов тем, что последние портят то, что принимают, а первые сохраняют. Поэтому имей и ты всегда пребывающее богатство любомудрия в устах, а не зловоние какое-нибудь и гнилость. И не просто сказала: "**гроб**", но: "**открытый гроб**", чтобы лучше выразить их отвратительность. Такие слова следует скрывать; а они произносят их, и таким образом еще больше обнаруживают болезнь свою. С мертвыми телами мы поступаем иначе, предаем их земле; а они поступают с своими словами наоборот, и что следовало бы скрывать в глубине сердца и подавлять, то они произносят, причиняя вред многим и предлагая на всеобщее позорище. Будем же, увещеваю вас, отгонять от себя таких людей. Если мертвые тела мы погребаем вне города, то тем больше нужно отгонять куда-нибудь далеко произносящих мертвые и срамные слова и не желающих скрывать их, потому что такие уста – зараза для целого города. "**Языком своим льстят**". Вот и другой вид зла. Одни скрывают коварство в душе своей,

произнося слова льстивые, а другие так злы, что сами слова помрачают своею злобою и строят козни и обманы. "**Осуди их, Боже, да падут они от замыслов своих**" (ст. 11). Заметь и здесь кротость молитвы. Не сказала: накажи; но: "**Осуди их**" и прекрати злобу их; сделай злоухщрения их безуспешными. А молиться, чтобы не преуспевали злые дела их, значит – молиться об их же пользе. "**По множеству нечестия их, отвергни их, ибо они возмутились против Тебя**" (ст. 11) – т.е. я нисколько не забочусь о том, что делается со мною, но скорблю о том, что касается Тебя. Подлинно, любомудрой душе свойственно – не мстить за оскорбление себя, но сильно восставать против оскорбления Бога. Между тем многие поступают напротив, оставляя без внимания касающееся Бога и с великою силою мстя за себя. Не таковы святые, но они сильно восставали против оскорблений, касающихся Бога, а касающиеся их самих оставляли без внимания. "**И возрадуются все уповающие на Тебя**" (ст. 12). Вот и плод молитвы: и те делаются лучшими и отстают от пророков, и другие получают великое удовольствие, видя их перемену, обращение к лучшему и успешное исправление. "**Вечно будут ликовать, и Ты будешь**". Вот самая постоянная радость. Другие радости бывают нисколько не лучше водных потоков, лишь только являясь и тотчас исчезая; а радость по Боге бывает продолжительна и тверда, надежна и постоянна, не нарушается никакими неожиданными обстоятельствами, но еще более возвышается от самих препятствий. Так апостолы подвергались биению, и радовались (Деян.5:40); Павел терпел скорби и ликовал, готовился умереть и призывал других к участию в своей радости: "**но если я**", говорил он, "**и соделываюсь жертвою за жертву и служение веры вашей, то радуюсь и сорадуюсь всем вам. О сем самом и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне**" (Флп. 2:17,18). Кто радуется, таким образом, с теми обитает Бог. Вот почему и она говорит: "**вечно будут ликовать, и Ты будешь**". Тоже самое выражал и Христос, когда, желая показать неизменяемость этой радости, говорил; "**но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас**" (Ин.16:22). И Павел говорит еще: "**Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь**" (1Фес.5:17,18). "**И будут хвалиться Тобою любящие имя Твое**". Этим только и можно хвалиться, этому только радоваться, этим только восхищаться. А кто хвалится вещами житейскими, тот нисколько не отличается от людей, веселящихся во сне.

6. Да и есть ли, скажи мне, в вещах человеческих что-нибудь такое, чем бы можно было хвалиться? Сила ли телесная? Но она не составляет достоинства, зависящего от нашего произволения, и потому хвалиться ею мы не можем; притом она скоро ослабевает и теряется, а нередко даже служит во вред имеющим ее и пользующимся ею не так, как должно. То же надобно сказать о красоте и благообразии, о богатстве и власти, о роскоши и о всех предметах житейских. Но похвала от Бога и любовь в Нему – вот украшение, которое лучше всего, – вот отличие, которое превосходит тысячи диадем, хотя бы удостоившийся этого находился в узах. Это украшение не уменьшается ни от болезни, ни от старости, ни от перемены обстоятельств, ни от неблагоприятных времен, ни от самой смерти, но делается тогда еще блистательнее. "**Ибо Ты благословляешь праведника, Господи**" (ст. 13). Так как многие, имеющие подобное настроение и особенно преданные добродетели подвергаются осуждению и осмеянию, то чтобы кто-нибудь из людей более слабых не падал духом, посмотри, как пророк укрепляет душу его: "**ибо Ты**", говорит, "**благословляешь праведника**". Какой вред от того, что люди и вся вселенная презирают его, если Владыка ангелов восхваляет его и прославляет? Точно также нет никакой пользы от того, если бы все, живущие на суше и на море, прославляли, а Он не благословлял. Поэтому будем всегда стремится к тому, чтобы Он нас прославил, чтобы Он нас увенчал. Если будет так, то мы станем выше всех, хотя бы мы находились в бедности, хотя бы в болезнях, хотя бы в крайне стесненных обстоятельствах. Так и блаженный Иов, сидевший на куче нечистот, покрытый гноем ран и бесчисленным множеством червей, терпевший невыносимые страдания, презираемый рабами, оскорбляемый друзьями, врагами и женою, доведенный до бедности, голода и неисцельной болезни, был блаженнее всех. Почему?

Потому, что Бог благословил его, говоря: "**был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла**" (Иов.1:1). – "**Благоволением, как щитом, венчаешь его**". В заключение пророк опять произносит благодарность, воссылая благодарственное славословие Богу. Что значит оружие благоволения? Оружие превосходное, оружие по сердцу Божию, оружие самое благонадежное. Смысл этих слов следующий: Ты оградил нас самою лучшею помощью. Другой переводчик говорит: увенчаешь его (στεφανώσεις αὐτόν) (Акила), относя это к праведнику таким образом: Ты увенчаешь его, праведника, т.е. твое благоволение служит ему вместо оружия и оружия превосходного; или так: Ты ограждаешь праведника самою лучшею помощью, так что ни доблести его не лишаются безопасности, ни безопасность его не лишается славы. Подлинно, кто может быть сильнее, кто доблестнее человека, охраняемого вышнею десницею? Этот венец сплетается из милости, как сам Давид говорит в другом месте: "**венчает тебя милостью и щедротами**" (Пс. 102:4). Он сплетается и из правды, как говорит Павел: "**а теперь готовится мне венец правды**" (2Тим.4:8). Он есть и венец благодати, как другой писатель говорит: "**возложит на голову твою прекрасный венок, доставит тебе великолепный венец**" (Притч.4:9).

Он есть венец славы, как говорить Исаия: "**будет великолепным венцом и славною диадемою**" (Ис.28:5). Этот венец имеет в себе все – и человеколюбие, и правду, и благодать, и славу, и красоту; он есть дар Божий, приносящий разнообразную благодать. Он есть и венец нетления, как говорит Павел: "**те для получения венца тленного, а мы –**

нетленного" (1Кор.9:25). Таким образом, смысл приведенных слов следующий: Ты окружил нас безопасностью и славою. Таковы дары Божии – крепки и прекрасны; таковы венцы Его. У людей же бывает не так, но кто в славе, тот не в совершенной безопасности; а кто в безопасности, тот не всегда в славе; то и другое у них не легко соединяется, а если и соединяется, то скоро разрывается. Например: люди, облеченные властью, знатные и славные, не находятся в безопасности, но потому самому, по величию славы своей, они особенно и стоят на опасном месте; люди отверженные и презренные, находясь в безопасности по своей неизвестности, не пользуются честью, но потому особенно, что находятся в безопасности, не имеют почестей. А у Бога не так, но то и другое, и безопасность и слава, соединяются в высочайшей степени. Поэтому, представляя величие этих благ, и прежде всего то, как велико благо – быть угодным Богу, в чем заключается и оружие, и слава, и безопасность и множество других благ, с терпением будем проходить предстоящий нам подвиг, не будем никогда падать духом и оставаться без оружия. В этом роде войны невозможно воину оставлять оружие, но только тогда оканчиваются труды, когда оканчивается зрелище; а зрелище оканчивается тогда, когда душа отрешается от тела. Итак, пока мы в здешней жизни, нам нужно постоянно бороться, и сидя дома, и выходя на торжище, и вкушая пищу, и в болезни, и в здоровье. Даже время болезни бывает особенно временем этой борьбы, когда болезненные чувствования со всех сторон тревожат душу, когда скорби осаждают ее, когда диавол стоит и подстрекает сказать какое-нибудь недоброе слово. Тогда-то особенно и нужно держать себя в безопасности, ограждаться броней, щитом, шлемом и другим оружием, и непрестанно благодарить Бога. Это страшные стрелы для диавола, это смертельный удар для злого духа, за это особенно даруются светлые венцы. Так и блаженный Иов, – ничто не препятствует нам опять обратиться к нему, – за то особенно сделался славным, за то стал знаменитым, за то удостоился венца, что он во время искушений, болезни и бедности показал неизменную душу и непоколебимое сердце, и воссылал Богу благодарственные славословия, эту духовную жертву. Жертвою были слова его, которые он произносил: "**Господь дал, Господь и взял; [как угодно было Господу, так и сделалось;] да будет имя Господне благословенно!**" (Иов.1:21). Так всегда будем поступать и мы, в искушениях, в

бедствиях, в огорчениях, непрестанно прославляя и благословляя Бога, потому что Ему подобает слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Слова: в конец нет в славянском; но в еврейском, греческом 70 толковников и у св. Златоустого есть.

[2] По греческому переводу 70-ти и, согласно с ним у Златоуста, надписание этого Псалма читается: ὑπέρ κληρονομούσης = "о наследствующей"; таково было это надписание и по некоторым спискам древне-славянской Псалтири (см. архим. Амфилохия. "Древне-славянская Псалтирь". Второе издание. Т. 1-й, стр. 15). Надписание: "о наследствующем", как напечатано на стр. 36 этого издания, есть позднейшее (см. Свящ. Н. Вишнякова, Толкование на Псалтирь. Вып. I, стр. 19).

[3] Неизвестный переводчик, упоминаемый у Оригена в Экзаплах.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 6

1 В конец, в песнех о осмем, псалом Давиду,

2. Господи, да не яростию твоею обличиши мене, ниже гневом твоим накажеши мене.

3 Помилуй мя, Господи, яко немощен есмь: изцели мя, Господи, яко смятошася кости моя,

4 и душа моя смятеся зело: и ты, Господи, доколе?

5 Обратися, Господи, избави душу мою, спаси мя ради милости твоея:

6 яко несть в смерти поминаяй тебе, во аде же кто исповестся тебе?

7 Утрудихся воздыханием моим, измыю на всяку нощь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу.

8 Смятеся от ярости око мое, обетшах во всех вразех моих.

9 Отступите от мене, вси делающии беззаконие, яко услыша Господь глас плача моего,

10 услыша Господь моление мое, Господь

1 В конец. Песнь. Об осьмом (дне). Псалом Давида.

2 Господи! Не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня.

3 Помилуй меня, Господи, ибо я немощен; исцели меня, Господи, ибо потряслись кости мои.

4 И душа моя возмущена сильно. И Ты, Господи, доколе (не явишь мне помощи)?

5 Обратись, Господи: избавь душу мою, спаси меня по милости Твоей.

6 Ибо никто из умерших не вспоминает о Тебе, а в аду кто исповедает Тебя?

7 Утрудился я от воздыханий моих, каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими орошаю постель мою.

8 Помутилось от гнева око мое, обветшал я среди всех врагов моих.

9 Отступите от меня все, делающие беззаконие, ибо услышал Господь голос плача моего.

10 Услышал Господь моление мое, Господь принял молитву мою.

молитву мою приятъ.

11 Да постыдятся и смятутся вси врази мои, да возвратятся и устыдятся зело вскоре.

11 Да постыдятся и смятутся все враги мои, да обратятся вспять и постыдятся весьма скоро.

"**Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня**" (ст. 2).

1. Когда ты слышишь слова: ярость и гнев, в отношении к Богу, то же разумей под ними ничего человеческого: это – слова снисхождения. Божество чуждо всего подобного; говорится же так для того, чтобы приблизить предмет к разумению людей более грубых. Так и мы, когда беседуем с варварами, употребляем их язык; или когда говорим с младенцем, то лепечем подобно ему, хотя бы сами были мудрецами, снисходя к его малолетству. И что удивительного, если мы поступаем так в словах, когда поступаем так же и в делах, кусая руки и показывая вид гнева, чтобы исправить ребенка? Точно так и Бог употреблял подобные выражения, чтобы подействовать на людей более грубых. Он, когда говорил, заботился не о своем достоинстве, но о пользе слушающих. В другом месте, внушая, что гнев не свойствен Ему, Он сказал: "**но Меня ли огорчают они? говорит Господь; не себя ли самих к стыду своему?**" (Иер. 7:19)? Неужели ты хотел бы, чтобы Он, беседуя с иудеями, говорил, что Он не гневается и не ненавидит злых, так как ненависть есть страсть, – что Он не взирает на дела человеческие, так как зрение свойственно телам, – что Он и не слышит, так как и слух принадлежит плоти? Но отсюда вывели бы другое нечестивое учение, будто все совершается без Промысла. Избегая подобных выражений о Боге, многие тогда совершенно не знали бы, что есть Бог; а если бы не знали этого, то все погибло бы. Когда же введено учение о Боге в таком виде, то скоро следовало и исправление его. Кто убежден, что есть Бог, тот, хотя имеет и не надлежащее о Нем понятие и полагает в Нем нечто чувственное, но со временем убедится, что в Боге нет ничего такого. А кто убежден, что Бог не промышляет, что Он не заботится о существующем, что Его нет, тот какую получит пользу от бесстрастных выражений? Вот почему Бог, побеседовав с ними сначала таким образом и внушив им понятие о бытии Его, потом мало-помалу очищал их, возводя к истинному учению, говоря о Себе возвышенное, упоминая и о своем бесстрастии. Так другой пророк говорит: (Бог) "**не утомляется и не изнемогает**" (Ис.40:28). И тот самый пророк, который сказал, что Бог гневается, далее, желая внушить, что Божество бесстрастно, присовокупляет: "**но Меня ли огорчают, не себя ли самих**" (Иер.7:19)? И тот, который сказал, что Бог обитает в храме, сам говорит потом: "**ибо Я Бог, а не человек; среди тебя Святый; Я не войду в город**" (Ос.11:9), т.е. Я не ограничиваюсь местом. Если Он не опроверг всего подобного, то и сказанными словами благоразумнейшему дал понять, что Кто свободен от самых обыкновенных страстей, без которых невозможно жить, Тот тем более свободен от других. Поэтому и говорит пророк: "**Ты – как человек изумленный**" (Иер.14: 9)? И часто он говорит о бесстрастии Божием. Таким образом, и здесь, если слышишь о гневе, не разумей страсти. В самом деле, если люди, преданные любомудрию, по возможности воздерживаются от гнева, то тем более Существо неизменное и нетленное, неизреченное и непостижимое. Не видишь ли, что и врачи, отсекая или прижигая, делают это не по гневу, а с целью исправления, не потому, чтобы они гневались на больных, но из сострадания к

ним и для избавления их от болезней? Итак, когда пророк сказал: "**не в ярости Твоей обличай меня**", то сказал следующее: не накажи меня за грехи мои, не отмсти мне за беззакония мои. "**Помилуй меня, Господи, ибо я немощен**" (ст. 3). Такое воззвание должны произносить все мы, хотя бы мы совершили тысячи добрых дел, хотя бы достигли самой высокой правды. Потому и он впоследствии говорит: "**не оправдается пред Тобой ни один из живущих**" (Пс.142:2); и еще: "**если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, – Господи! кто устоит?**" (Пс.129:3)? И Павел говорит: "**хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь**" (1Кор. 4: 4). И другой говорит: "**кто может сказать: "я очистил мое сердце, я чист от греха моего?**" (Притч. 20:9) Итак, все мы имеем нужду в милости, но не все достойны милости, потому что она, хотя и милость, ищет достойного, как сам Бог сказал Моисею: "**кого помиловать – помилую, кого пожалеть – пожалею**" (Исх.33:19). Поэтому, кто сделал что-нибудь достойное милости, пусть говорит: "**помилуй меня**"; а кто лишил себя возможности получить прощение, тот напрасно будет говорить: "**помилуй**". Если бы милость простиралась на всех, то никто не был бы наказан; но она делает некоторый выбор, ищет достойного и способного принять ее.

2. Часто многие бывали виновны в одних и тех же грехах, и получали неодинаковое наказание, потому что различные причины имели на них влияние. Если угодно, остановимся теперь на этом предмете. Согрешили все иудеи, когда поклонились идолу, и, однако, не все получили одинаковое наказание, но одни пали, а другие получили прощение. В грехах принимается во внимание не только сущность дела, но и душевное расположение, и время, и повод, и действия, следующие за грехом, именно: остался ли кто во грехах, или раскаялся, случайно ли согрешил, или по обольщению, или с намерением. И многое другое принимается во внимание – и различие времени, и общественное устройство. Например: грешили жившие в ветхом завете, грешат и живущие в новом; но те и другие получают неодинаковое наказание, а последние – более тяжкое. Это показывает и Павел, когда говорит: "**если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет?**" (Евр.10:28,29) Словами: "**то сколь тягчайшему наказанию повинен будет**", он выражает усиленное наказание. Грешили жившие прежде закона, грешили и жившие под законом; но первые подвергаются наказанию более легкому. Показывая это, Павел говорит: "**те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут**", – "**не имея закона**", т.е. не тяжким, но более легким образом, – "**а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся** " (Рим.2:12). Почему? Потому, что одни имеют своим обвинителем природу, а другие вместе с природою и закон; те, которые получили большее наставление, подвергнутся и большему наказанию. Также и достоинства лиц имеют влияние на это, как можно видеть из жертвоприношений. За весь согрешивший народ приносилась такая же жертва, какая за одного священника. Это показываете, что чем выше достоинство лиц, тем тягчайшее полагается им наказание за грехи. Вот почему простая женщина прелюбодействовавшая умерщвлялась, а дочь священника сжигалась. И по другим обстоятельствам бывает прощение, или усиление наказания, – когда, например, согрешивший терпит здесь наказание, а другой наслаждается удовольствиями. Последний получит большее наказание там, а первый меньшее, если здесь не воздаст всего. Объясняя это, Христос представляет Авраама говорящим богатому: "**вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь – злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь**" (Лк.16: 25).

Этот получил полное наказание в тех страданиях, которые терпел он здесь; другие же получают не полное, но отчасти, потому и там наказываются легким образом. Также от

большего или меньшего знания происходит различие наказания, как говорит Господь: "**раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много; а который не знал, и сделал достойное наказания, бит будет меньше**" (Лк:12:47,48). И многое другое можно представить такое, что производит различие в наказаниях и различие в милости и человеколюбии. Посмотри и на первозданных людей. Согрешила Ева, согрешил и Адам, совершив один и тот же грех; оба вкусили от плодов древа, но оба получили неодинаковое наказание. Совершил убийство Каин, совершил его и Ламех; но один помилован, а другой наказан. Некто собирал дрова в субботу, и не получил прощения; а Давид совершил убийство и прелюбодеяние, и удостоился прощения. Займемся же исследованием этого, потому что гораздо лучше исследовать, чем заниматься пустословием и провождением времени в собраниях на площадях. И весьма полезно не только найти разрешение этого, но даже искать его, хотя бы и не нашли. Принудим же себя заниматься этим и проводить в этом все время. Итак, почему (нужно обратиться к вышесказанному), почему из всех иудеев, сделавших тельца, одни были наказаны, а другие нет? Потому что одни раскаялись и, несмотря на природу, по благочестивой ревности убивали своих близких, а другие остались во грехе; грех был равный, а последствия неравные. Почему Адам и Ева наказаны не одинаковым наказанием, хотя грех их был один и тот же? Потому что не одно и тоже – быть обольщенным от жены, или от змия. Потому Павел и назвал это обольщением: "**и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление**" (1Тим.2:14). Почему и собиравший дрова не получил прощения? Потому что нарушить заповедь, лишь только данную, было великим преступлением; притом нужно было и другим внушить великий страх. Тоже было с Ананиею и Сапфирою. Так и мы, когда согрешаем, будем смотреть, достойны ли мы милости, сделали ли что-нибудь такое, за что бы получить помилование, покаялись ли, сделались ли лучшими, отстали ли от греха. Ведь и спасение раскаявшегося есть дело милости. Так и Псалмопевец здесь испрашивает спасения за слезы, за рыдания: "**каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою**" (ст. 7), т.е. за сокрушение. "**Кости мои потрясены; и душа моя сильно потрясена**" (ст. 3, 4). Говорит это не вдруг, но наперед указывает на слабость природы: "**помилуй меня**", говорит, "**Господи, ибо я немощен**". Так он сказал, внушая, что одной немощи природы недостаточно, потому что, если бы этого было достаточно, то мы все бы спаслись, так как все мы – люди.

3. Впрочем, если сказать точнее, то, может быть, пророк и не это разумеет здесь, а указывает на немощь, происходящую от искушений, представляя и в этом немалое основание к получению милости и снисхождения. Тоже выразил он и далее в словах: "**обветшало от всех врагов моих**" (ст. 8). Ведь и скорбь, переносимая с благодарностью, может служить основанием к великому снисхождению и делать Бога милостивым к нам. Ее-то, кажется мне, он и разумеет здесь, когда говорить: "**исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены**".

Не сказал: отпусти мне, или: прости мне, но: "**исцели**" просит, чтобы исцелены были прежние раны. Под "**костями**" здесь разумеет он всю силу; под "**потрясением**" – поражение, наказание, мучение. "**Исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены; и душа моя сильно потрясена**". В деле врачевания сходятся три, или – лучше – четыре или даже пять предметов: врач, искусство, больной, болезнь и сила лекарств, и у них бывает некоторое сопротивление и борьба: если вместе с врачом, искусством и лекарствами будет действовать и воля больного, то болезнь побеждается; а если больной не станет действовать вместе с ними, то он усилит болезнь свою; или, если при своей слабости станет действовать против врача, лекарств и искусства, то погубит себя. Так точно бывает с нами и здесь, или – лучше – не так, но гораздо удивительнее. У врачей часто, не смотря на то, что больной действует согласно с болезнью, искусством и лекарствами, не бывает

никакого успеха, потому что, когда ослабевает природа, тогда и искусство недействительно, и сила лекарств исчезает по какой-то причине. У Бога же не бывает так, но, если ты станешь действовать вместе с Врачом, то всякая рана непременно исцелится, потому что здесь не человеческое искусство, которое может оставаться недействительным, но божественная сила, которая побеждает и природу, и болезни, и пороки, и всякое зло. Поэтому и пророк, прибегая к Богу, как врачу, со слезами говорит: "**исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены**". Впрочем, некоторые полагают, что он говорит здесь о том смятении, которое происходит от греха, потому что, как в то время, когда сильные ветры нападают на море, все возмущается, песок из глубины поднимается вверх, и плывущие подвергаются опасности, так точно и у нас здесь душа возмущается, тело содрогается, все наполняется смятением, наша ладья совершенно расстраивается, распространяется великая тьма и великое смущение, и все волнуется, сбившись с своего места. Это особенно бывает во время порочных пожеланий, гнева и несчастий. От всего этого и душа и кости приходят в смятение, и взор извращается, и глаза смотрят беспорядочно. Как кони, когда возница приходит в смущение, несутся в беспорядке, так и у нас, когда расстраивается ум, все приходит в беспорядок, все извращается и сбивается с своего пути. При этом нужно сказать и то, как происходит такое смятение. Оно происходит в душе не так, как в море – от напора ветров, от какого-нибудь неожиданного случая, – но от нашей беспечности. Подлинно, мы сами бываем причиною того, есть ли оно в нас или нет. Именно: когда возбуждается похоть, то печь не разгорится, если ты не подложишь огня, если не дашь ему пищи; а эта печь не разгорится, если ты не станешь засматриваться на благообразные лица, если не станешь гоняться за другими красотами, если не станешь ходить на зрелища нечестия. Если ты не будешь утучнять плоти пресыщением, если не будешь потоплять ума в вине, то не поднимется этот пламень, не разгорится эта печь, не рассвирепеет этот зверь, не погибнет от него, как от буйных ветров, чистота души. Итак, скажешь, этого достаточно для избежания пламени греха? Нет, одного этого недостаточно, а нужно присовокуплять и нечто другое: непрестанные молитвы, общение со святыми, сообразный пост, постоянное воздержание, надлежащие занятия, и прежде всего другого страх Божий, памятование о будущем суде, невыносимых наказаниях и обетованных благах. Соблюдая все это, ты можешь обуздать рассвирепевшую похоть и остановить волнующееся море. "**Ты же, Господи, доколе? Обратись, Господи, избавь душу мою, спаси меня ради милости Твоей**" (ст. 4, 5). Пророк непрестанно говорит: "**Господи**", приводя это слово, как некоторое право на снисхождение и милость. И действительно, величайшая наша надежда в неизреченном Его человеколюбии, в том, что Он так готов оказывать снисхождение. А слово: "**доколе**" есть выражение человека не оскорбленного или негодующего, но скорбящего, сетующего и изнемогающего под бременем искушений.

4. "**Обратись, Господи, избавь душу мою**". О двух предметах говорит здесь пророк: о том, чтобы Господь обратился, и чтобы избавил душу его. Праведники особенно заботились о том, чтобы Господь примирился с ними, был милостивым и благосклонным к ним и не отвращался от них. За этим следует и другое: чтобы избавлена была душа. Не так поступают многие из людей, особенно более грубых, – они ищут одного только, как бы устроить свое настоящее благополучие. А праведники напротив заботились о том, как бы получить спасение души, драгоценнее которой для них не было ничего. "**Ибо в смерти нет памятования о Тебе: во гробе кто будет славить Тебя?**" (ст. 6) Посмотри, сколько он приводит причин ко спасению. "**Ибо я**", говорит, "**немощен; ибо кости мои потрясены**" так как я прошу этого у Господа; "**ибо в смерти нет памятования о Тебе**", – выражая этими словами не то, будто наше бытие оканчивается с настоящей жизнью, – нет, он знал учение о воскресении, – а то, что после отшествия отсюда покаяние уже не может иметь места. Так и богач исповедовал грехи свои и раскаивался, но это не принесло ему никакой пользы по неблаговременности (Лк.16). И девы желали получить елей, но никто

не дал им (Мф.25). Поэтому и пророк просит, чтобы здесь были омыты грехи его, дабы пред страшное судилище он мог предстать с дерзновением. Далее, желая научить, что при Божием человеколюбии должны быть и наши собственные усилия, – потому что, если бы мы указывали и на немощь свою, и на смятение свое, и на благость Божию, и на все то, что он сказал, но не приложили должного с нашей стороны, то не было бы нам никакой пользы, – посмотри, что присовокупляет он: "**утомлен**", говорит, "**я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою**" (ст. 7).

Пусть выслушают живущие в низком состоянии, какое покаяние приносил царь, облекавшийся в порфиру; выслушаем это и мы, и умилимся. Он не только трудился, но утруждался воздыханиями, не только плакал, но слезами омывал постель свою, и не один, два или три дня, но каждую ночь; и не о прошедшем только говорит, но и о будущем. Не думайте, что он, сделав так однажды, потом предался покою; нет, он всю жизнь, постоянно поступал таким образом, – не так, как мы, которые часто, сделав это какой-нибудь один день, или даже не сделав ни однажды, предаемся смеху, роскоши и удовольствиям. Не так он поступал, но проводил жизнь в постоянных слезах. Будем же и мы подражать его исповеданию. Если мы не захотим плакать здесь, то по необходимости должны будем воздыхать и плакать там; притом там без пользы, а здесь с пользою, там со стыдом, а здесь с великим благоприличием. А что это непременно будет, о том послушай, как говорит Христос: "**там будет плач и скрежет зубов**" (Мф.8:12). Не испытают этого плачущие здесь, но они получат великое утешение: "**блаженны плачущие, ибо они утешатся**" (Мф.5:4); "**горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение**" (Лк.6:24). Пусть выслушают имеющие золотые кровати, какая была кровать у царя, – не украшенная драгоценными камнями, не испещренная золотом, но омытая слезами. Для него ночи были ночами не отдохновения, а воздыханий и слез. Так как днем развлекало его множество забот, то время, которое все употребляют на отдых, он делал временем исповедания, проливая тогда самые горячие слезы. И всегда хорошо – плакать, но особенно во время ночи, когда никто не препятствует этому дивному удовольствию, когда желающий может предаваться ему с полной свободою. Испытавшие понимают, что я говорю, знают, какую радость доставляют эти источники слез. Эти слезы могут угасить неугасимый пламень, ту реку, которая течет пред судилищем. Вот почему и Павел три года плакал день и ночь, исправляя чужие недостатки (Деян.20:31); а мы и о своих не плачем, но, предавшись смеху и сластолюбию, ночью погружаемся в глубокий сон. У нас, когда одни предаются сну, подобию смерти, другие бодрствуют бодрствованием, которое хуже смерти, размышляя в это время о барышах и доходах и устрояя козни другим. Не таковы истинно бодрствующие, но они возделывают души свои, окропляя их слезами, как дождем, и взращивая семена добродетели. Никакому пороку и разврату недоступно ложе, принимающее такие слезы. Проливающий эти слезы нисколько не думает о земном, избавляет душу свою от всякого беспокойства и делает ум свой светлее солнца. Не подумайте, что я говорю только монахам; это увещание относится и к мирянам, и к ним еще более, нежели к тем, потому что они особенно имеют нужду в врачествах покаяния. Кто плачет таким образом, тот встанет с душою, превосходящею тихую пристань, отвергнув все страсти; исполнившись великого веселия. он пойдет в дом Божий с дерзновением; с ближним он будет беседовать с удовольствием, потому что в нем не гнездится гнев, не воспламеняется ни похоть, ни сребролюбие, ни зависть, и ничто подобное. Это ночное стенание и слезы прогоняют все это, как бы диких зверей, скрывающихся внутри. "**Иссохло от печали око мое**" (ст. 8). Видишь ли сокрушенную душу? Высказав покаяние, пророк опять говорит о страданиях, о смущении души, о страхе, происходящем от представления гнева Божия.

5. Под "**оком**" он разумеет здесь око духовное, ту распознавающую и разумную способность души, которая обыкновенно возмущается от представления своих грехов. Так

как он постоянно имел пред глазами свои прегрешения и представлял гнев Божий, то проводил жизнь со страхом и не в беспечности, как живут многие, но в подвигах и сокрушении. Такое смятение есть источник спокойствия; такой страх есть залога безопасности; предающийся такому волнению предотвращает всякую бурю, а не имеющий такой души подвергнется страшному крушению. Как судно, ненагруженное и предоставленное течению буйных ветров, скоро потопляется, так и душа, живущая беспечно, подвергается бесчисленным страстям. Потому и блаженный Павел, выражая такое страдательное состояние души, сказал: "**дойдя до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытимостью**" (Еф.4:19). И как кормчий, пока тревожится заботами о плывущих, всем доставляет спокойствие, а когда освободит себя от забот и заснет, то производит великое смятение, так точно и человек, предаваясь подвигам, страху и трепету, доставляет душе своей спокойствие, а предаваясь сну беспечности. потопляет ладью. "**Обветшало от всех врагов моих**". Что значит: "**обветшало**"? Я изнемог, говорит, от врагов моих. Подлинно, жизнь наша исполнена подвигов и окружена бесчисленными врагами, которые бывают еще сильнее, когда мы впадаем в прегрешения. Поэтому нужно делать все для того, чтобы избежать рук их и никогда не входить с ними в общение; это – залог величайшей безопасности для нас. Указывая на сонм этих врагов, Павел говорит: "**брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной**" (Еф.6:12). Если же таков сонм наших врагов, то нужно всегда и постоянно быть вооруженными и избегать поводов ко грехам. Ничто так не делает нас ветхими, как грех. Потому и Павел, заповедуя предохранять себя от происходящей отсюда ветхости, говорить: "**и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего**" (Рим.12:2). Итак, если ты сделался ветхим от греха, обнови себя покаянием. "**Удалитесь от меня все, делающие беззаконие, ибо услышал Господь голос плача моего, услышал Господь моление мое; Господь примет молитву мою**" (ст. 9,10). Не маловажен и этот путь к добродетели, чтобы избегать людей порочных. Этого требует от нас и Христос, и притом с такою силою, что повелевает отвергать даже друзей столь близких к нам, как необходимейшие члены, если они соблазняют нас и общение с ними приносит нам какой-нибудь вред. "**Если же правый глаз твой соблазняет тебя**", говорит Он, "**вырви его и брось его; если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя**" (Мф.5:29,30), – разумея здесь не члены телесные, – нет, – но близких друзей, которых дружбу должно отвергать, если она не приносит пользы ни им, ни нам, а причиняет вред. Таким образом, упражняясь в добродетели, и сам пророк не только не искал подобных обществ, но тщательно удалял их от себя. 6. Вот плод покаяния, вот польза от слез! Душа, сокрушенная таким образом, не предается уже никакой страсти. Так будем поступать и мы. Если человек, причиняющий нам вред, будет даже облечен в диадему, не станем дорожить и дружбою, потому что нет ничего хуже человека, преданного порокам, хотя бы он был царем; и напротив, нет ничего выше человека, стяжавшего добродетель, хотя бы он был узником. "**Ибо услышал Господь голос плача моего**". Не сказал просто: "**ибо услышал Господь голос мой**", но: "**голос плача моего**". Видишь ли, как обильно выражает он и свои действия, и глас, и плач, называя здесь голосом не звук вопля, но душевное расположение, и плачем – не только слезы глаз, но и слезы души? Кто предается покаянию и бывает услышан Богом, тот легко может достигнуть и этого блага – избегать общения с людьми порочными. "**Да будут постыжены и жестоко поражены все враги мои; да возвратятся и постыдятся мгновенно**" (ст. 11). Это желание заключает в себе великую пользу, т.е. чтобы они устыдились и возвратились назад, потому что если идущие худо устыдятся и возвратятся назад, то отстанут от пороков. Как мы, видя человека, стремящегося к пропасти, удерживаем его от дальнейшего стремления и говорим: "человек, куда ты стремишься? – пред тобою пропасть", так точно и пророк желает, чтобы злые возвратились назад. Так и взбесившаяся лошадь, если кто-нибудь скоро не удержит ее, скоро погибает. Так и врачи с

великой поспешностью стараются остановить дальнейшее распространение яда какого-нибудь ядовитого животного, часто заражающего все тело, пресекая происходящий от него вред. Так точно будем поступать и мы, будем с великой поспешностью истреблять в себе порок, чтобы эта болезнь, развиваясь, не усилилась. Греховные раны, будучи оставляемы в пренебрежении, делаются больше, и не ранами только ограничиваются эти болезни и немощи, а рождают бессмертную смерть, тогда как, будучи исторгаемы вначале и когда еще малы, они не сделаются и великими. Смотри: кто старается не обижать, тот не будет ссориться; кто не знает ссор, тот будет сохранять дружбу; кто сохраняет дружбу, тот не будет иметь врагов; кто не имеет врагов и питает любовь, тот исполнит всякую добродетель. Не будем же пренебрегать началом зол, чтобы они не возросли больше. Иуда, если бы остановил свое сребролюбие, не дошел бы до святотатства; а если бы удержался от этого, то не достиг бы величайшего зла. Потому и Христос запрещает не только блуд или прелюбодеяние, но и нескромный взгляд, истребляя порок в самом корне, чтобы легче можно было преодолеть его (Мф.5:28). Так Бог поступал и с иудеями; хотя более чувственно и прообразовательно, – потому что говорил к людям плотским, – однако поступал. Как в каким образом? Он не дозволял делать между рабочими животными какого-нибудь смешения различных родов (Втор.22:10); не дозволял есть кровь бессловесных животных (Лев.17:10); не дозволял удерживать залогов после вечера (Втор.14:12), – предотвращая таким образом важные преступления, именно: первым – мужеложство, вторым – убийство, третьим – жестокость и бесчеловечие. А ныне все делается открыто и с великим бесстыдством; потому и извратилось все. Итак, когда в тебе зародится малая страсть, не смотри на то, что она мала, но представь, что она, будучи питаема, производит величайшие бедствия. В доме, когда мы видим загоревшимся малый клочок льна, то смущаемся и поднимаем шум, потому что смотрим не на начало, а от начала заключая к концу, беспокоимся и бегаем, чтобы погасить пожар. Но сильнее огня распространяется в душе порок; поэтому нужно предупреждать его. Если мы останемся беспечными, то труднее будет исправление. Тоже можно видеть и на корабле: плывущие не тогда начинают беспокоиться, когда море уже чрезмерно взволновалось, но когда видят, что оно готово взволноваться. Не будем же оставаться беспечными при малых грехах, но станам истреблять их с великой силою, чтобы избегнуть больших, и сподобиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 7

"Псалом Давида, который он воспел Господу, по поводу слов Хусия, сына Иемениина".

1. Псалом давиду, егоже воспет Господеви о словесех хусиевых, сына иемениина,

2. Господи Боже мой, на тя уповах, спаси мя от всех гонящих мя и избави мя:

3 да не когда похитит яко лев душу мою, не сущу избавляющу, ниже спасающу.

4 Господи Боже мой, аще сотворих сие, аще есть неправда в руку моею,

5 аще воздах воздающым ми зла, да

1 Псалом Давида, который он воспел Господу, по поводу слов Хусия, сына Иемениина.

2 Господи Боже мой! На Тебя я уповал, спаси меня от всех гонящих меня и избавь меня.

3 Да не похитит (враг), как лев, душу мою, когда нет избавителя и спасителя.

4 Господи Боже мой! Если я сделал что, если есть неправда в руках моих,

отпаду убо от враг моих тощ:

6 да поженет убо враг душу мою, и да постигнет, и поперет в землю живот мой, и славу мою в персть вселит.

7 Воскресни, Господи, гневом твоим, вознесися в концах враг твоих, и востани, Господи Боже мой, повелением, имже заповедал еси,

8 и сонм людий обыдет тя: и о том на высоту обратися.

9 Господь судит людем: суди ми, Господи, по правде моей и по незлобе моей на мя.

10 Да скончается злоба грешных, и исправиши праведнаго, испытаяй сердца и утробы, Боже, праведно.

11 Помощь моя от Бога, спасающаго правыя сердцем.

12 Бог судитель праведн, и крепок, и долготерпелив, и не гнев наводяй на всяк день.

13 Аще не обратитеся, оружие свое очистит, лук свой напряже, и уготова и,

14 и в нем уготова сосуды смертныя, стрелы своя сграемым содела.

15 Се, боле неправдою, зачат болезнь и роди беззаконие:

16 ров изры и ископа и, и падет в яму, юже содела.

17 Обратится болезнь его на главу его, и на верх его неправда его снидет.

18 Исповемся Господеви по правде его и пою имени Господа вышняго.

5 Если я отомстил воздающим мне зло, то да паду от врагов моих истощенный,

6 Да преследует враг душу мою и да настигнет, и втопчет в землю жизнь мою, и славу мою в прах да вселит.

7 Восстань, Господи, во гневе Твоем, возвысься на пределах врагов Твоих, и воздвигнись, Господи Боже мой, по повелению, заповеданному Тобою.

8 И сонм народов окружит Тебя, и над ним поднимись на высоту.

9 Господь судит народы. Суди меня, Господи, по правде моей и по незлобию, какое у меня.

10 Да прекратится злоба грешников и исправь праведного, Боже, испытующий сердца и утробы праведно.

11 Помощь мне от Бога, спасающего правых сердцем.

12 Бог - судья праведный и крепкий, и долготерпеливый, и не наводящий гнев ежедневно.

13 Если не обратитесь, то Он оружие Свое изощрит, лук Свой Он натянул и приготовил его,

14 И в нем приготовил орудия смерти, стрелы Свои сделал для сожигаемых.

15 Вот он заболел неправдою, зачал злобу и родил беззаконие.

16 Он вырыл ров и углубил его, но упадет в яму, которую сделал:

17 Обратится злоба его на голову его и на темя его неправда его сойдет.

18 Исповедаюсь Господу по правде Его и пою имени Господа Вышнего.

"Господи Боже мой! На Тебя я уповал, спаси меня от всех гонящих меня и избавь меня" (ст.2).

1. Следовало бы так хорошо знать Писания и исторические события, чтобы нам не нуждаться в пространном их изложении; но так как одни, занимаясь делами житейскими, другие, предаваясь беспечности, не слыхали об них, то необходимо изложить пространно предмет этого псалма. Слушайте же внимательно. Какой предмет этого псалма? *Псалом Давиду, его же воспет Господеви.* Другой переводчик (Акила) говорит: *псалом* о *неведении Давиду* (ψαλμός ὑπερ άγνοίας τω). Третий (Симах): *неведение Давиду* (άγνόημ τω Δαυίδ), и вместо Хусия читает: *Ефиоплянина* (Акила). Но сказанное и теперь еще неясно, потому что вы не знаете истории. А так как мы должны не обличать только, но и учить, то необходимо рассказать самое событие. Итак, нужно, прежде всего, сказать, кто был этот Хусий, сын Иемениин, и какие были слова его, за которые Давид воспел Богу этот псалом?

У Давида быль сын, Авессалом, юноша непокорный и развратный. Он восстал некогда против отца и, изгнав его из царства, из дома и отечества, сам вместо него овладел всем; не постыдился ни природы, ни воспитания, ни возраста, на предшествовавших событий, но был так жесток и непокорен, уподобляясь более зверю, нежели человеку, что, расторгнув все эти препятствия, попрал сами законы природы в наполнил все смятением и ужасом. Да, тогда все было нарушено: законы природы, стыд пред людьми, благоговение пред Богом, человеколюбие, милосердие, благодарность за воспитание, уважение к старости. Если он не хотел уважать Давида, как отца, то должен был бы уважить его, как старца; если не уважал седины, то должен был бы постыдиться его, как благодетеля; если и не за это, то должен был бы постыдиться его, как не сделавшего ему никакой обиды; но страсть властолюбия изгнала из него всякий стыд и из человека сделала зверем. И, тогда как блаженный Давид, родивший и воспитавший его, скитался в пустыне, по чужой земле, как изгнанник, беглец и переселенец, испытывая все происходящие отсюда бедствия, он наслаждался благами отца. Когда дела находились в таком положении, когда и войска были на стороне Авессалома, в города покорились этому тирану, некто Хусий, человек честный, друг Давида, остался верным своей дружбе к нему, не смотря на перемену обстоятельств и, увидев его скитающимся в пустыне, разодрал свою одежду, посыпал голову свою пеплом, и плакал горько и искренно; и так как не мог сделать ничего другого, то предлагал ему утешение своими слезами. Он был друг не обстоятельств и власти, а друг добродетели; потому и при перемене власти он не изменил дружбе. Давид, видя такое участие его, сказал ему: правда, все это показывает в тебе друга, искренно расположенного к нам, но это нисколько не поможете нам, а нужно посоветоваться и рассудить, как бы окончить постигшие нас бедствия и найти какой-нибудь способ – избавиться из несчастных обстоятельств. Сказав это, он дает Хусию такой, совет: поди к моему сыну, прими на себя вид его друга и сообщи мне его намерения, а совет Ахитофела сделай тщетным. Этот Ахитофел тогда управлял тираном, был сведущ в воинском деле и искусен на войне и в сражениях, – почему Давид и боялся его больше, нежели самого тирана: так он был искусен! Выслушав это, Хусий повиновался; он не подумал ничего малодушного, или недостойного мужа, и не сказал: что, если я буду схвачен? Что, если будет открыто мое притворство? Что, если будет обличено мое лицемерие? Ахитофел искусен; может быть, он откроет и это, изобличит меня, и я погибну тщетно и напрасно. Ничего такого он не подумал и отправился в лагерь тирана, возложив во всем надежду на Бога и подвергнув себя опасностям. Все это сказано мною не для того только, чтобы восхвалить Давида, но чтобы показать и бедствия, которые потерпел он, и другое полезное, что можно извлечь из этой истории. Так, многие часто спрашивают: почему

праведные бедствуют, а порочные наслаждаются спокойствием? Здесь можно найти ответ. Праведник был в несчастном положении, а злодей, отцегонитель, враг и противник самой природы – в счастье и царских чертогах. Но ни этот отсюда не получил никакой пользы, ни тот – святой не потерпел вреда; напротив, этот подвергся большим скорбям, а тот просиял еще светлее, сделавшись от скорби более чистым, как золото в горниле.

2. Отсюда научись, во-первых, не смущаться при подобных бедствиях, если ты видишь, что они случаются и с праведниками; во вторых, не изменяться, смотря по обстоятельствам, но помнить законы дружбы; в третьих, решаться и на опасности для добродетели; в четвертых, и среди несчастий сохранять надежду, ожидая помощи от Бога. Так и Хусий тогда не смотрел ни на войско, ни на страх пред тираном, ни на множество коней, ни на ряды воинов, ни на покорение городов, ни на пустыню, одиночество и слабость Давида; но видел только одно – неодолимую помощь Божию и Его благоволение, и, сообразно с этим рассуждая о той и другой стороне, нашел одну слабою, а другую сильною. Один поступал несправедливо, а другой сохранял справедливость; поэтому он, став не туда, где много людей, но где помощь добродетели, таким образом, удостоился благоволения Божия. Говорю это для того, чтобы и мы с праведными, хотя бы они были слабы, имели общение, а неправедных, хотя бы они были сильны, удалялись, – потому что порок, хотя бы он имел на своей стороне всю вселенную, слабее всего, а добродетель, хотя бы она оставалась одинокою, сильнее всего, – имея на своей стороне Бога. В самом деле, кто может спасти того, против кого действует Бог? Кто может погубить того, кому помогает Бог? Все это понимая, и не теряя надежды, Хусий пошел туда, куда был послан, и, пришедши и увидев приближающегося тирана, подошел к нему. Этот, внезапно увидев его и, будучи ослеплен властолюбием, не стал тщательно испытывать его, но, насмехаясь и укоряя, сказал: "**отчего ты не пошел с другом твоим?**" (2Цар.16:17), не назвав даже имени последнего по ненависти и великой вражде. Хусий, нисколько не смутившись и не испугавшись, отвечал: когда Бог был с ним, тогда я был на его стороне, а так как теперь Он с тобою, то следует служить тебе. Это возбудило гордость тирана, и в надменности, не исследовав ничего тщательно, – потому что человек легкомысленный верит всякому слову, как и случилось с ним, – и, предавшись врагам, он немедленно ставит его между своими приближенными, причисляет к первым своим друзьям. Все это устроил Бог, присутствуя и управляя событиями. Потом, когда было совещание касательно войны и когда другие предлагали различные мнения о том, следует ли тотчас же напасть, или немного помедлив, Ахитофел, искусный в советах, приступив и изложив свое мнение, предложил такой совет: теперь же нападем на отца твоего, утружденного и смущенного; если мы не дадим ему нисколько отдохнуть, то возьмем его; если теперь нападем на него, неприготовленного, то это не составит для нас никакого труда (2Цар.17:2). Выслушав это, тиран приглашает Хусия, лицемерно перешедшего на его сторону, и делает его участником в совещании, – хотя, по здравому смыслу человеческому, не следовало человеку лишь только явившемуся оказывать такую честь и удостаивать его такого доверия, чтобы советоваться с ним в столь важных делах, но, как я сказал прежде, когда Бог устрояет, тогда и трудное становится легким, – призывает Хусия, предоставляет ему право голоса и предлагает сказать свое мнение о предмете совещания. Что же Хусий? Никогда, говорит он, не ошибался Ахитофел. Видишь ли мудрость этого мужа? Он не вдруг отвергает мнение Ахитофела, но после похвалы ему. Выразив сначала удивление ему, как подававшему в прежние времена благоразумные советы, потом уже и осуждает настоящий его совет. Он говорит следующее: удивляюсь, как теперь ошибся Ахитофел, потому что совет его, по моему мнению, неполезен; если мы нападем теперь, то отец твой, как раздраженный медведь, полный гнева, отчаявшись в своей жизни и сражаясь с полным негодованием, не будет думать о собственном спасении и устремится на нас с великой силою; если же мы немного помедлим, то нападем с большей готовностью и с большей безопасностью, и без всякого труда, легко, как бы поймав в сети, возьмем его.

Авессалом одобряет это мнение и говорит, что оно более полезно для него. Между тем Хусий говорил это, желая дать Давиду время приготовиться, ободриться и собрать войско. Опровергнув, таким образом, мнение Ахитофела, он тайно послал некоторых людей к Давиду и уведомил его, что тиран одобрил его мнение, доставляющее Давиду победу. Так действительно и случилось: Давид, воспользовавшись временем и приготовившись, сам напал и одержал победу. Ахитофел, по своему благоразумию и опытности, поняв это и заключив отсюда о последствиях, т.е. что такой совет будет гибелен для Авессалома, и, не перенесши оскорбления, отправился домой и, взяв петлю, удавился, и таким образом, покончил жизнь свою.

3. Узнав все это, Давид пишет настоящий псалом, вознося в нем благодарственные песнопения Богу и весь успех в борьбе возлагая на Него. Поэтому и в начале говорит так: "**Господи, Боже мой! на Тебя я уповаю**" (ст. 2), не на Хусия и не на человеческую мудрость, не на его благоразумие и не на свой ум, но "**на Тебя**". Так будем поступать и мы, и если какое-нибудь доброе дело будет сделано нам людьми, будем благодарить за это Бога, хотя бы благодеяния были оказаны нам чрез нас самих, или чрез других людей. Если мы станем поступать таким образом, то не будет для нас ничего тяжкого, ничего трудного. Так точно поступает и Давид, и как бы так говорит: не на слова Хусия я возлагаю надежду спасения, но на Твое содействие. И смотри, с каким душевным расположением он говорит теперь, равно как и всегда. Он не сказал: Господи Боже, но: "**Господи, Боже мой**", как и в другом месте говорит: "**Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищу я**" (Пс.62:1). Он обращался с просьбою к Богу, и подобно всем другим, и особенно – по преизбытку любви к Нему. Так поступает и Бог в отношении к праведным: будучи общим Богом всех, он называет себя особенно Богом праведных: "**Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова**" (Исх.3:6). И посмотри на любомудрие пророка; сказав: "**Господи, Боже мой! на Тебя я уповаю**", он не прибавил: накажи противника моего, погуби врага моего, но что? Просит только о себе и говорит: "**спаси меня от всех гонителей моих и избавь меня**". Заметь, как он и среди страданий не называет по имени отцегонителя, уважая природу и в несчастье, видя в нем сына и во время борьбы, не забывая родительских чувств и в опасностях. Так он был чадолюбив и человеколюбив, или – лучше – так был любомудр! Не столько необходимость природы сделала его таким, сколько кротость души, и все дело он приписывал больше войску, нежели тирану; и потому говорит: "**спаси меня от всех гонителей моих и избавь меня**". Видишь ли, как незлобно он упоминает и об них? Не сказал: спаси меня от воюющих против меня, от расхищающих мою собственность от пресыщающихся моими царскими сокровищами, но: "**гонителей моих да не исторгнет он, подобно льву, души моей, терзая, когда нет избавляющего [и спасающего]**" (ст. 3). Впрочем он и войско собрал, и многих имел на своей стороне; почему же он говорит: "**когда нет избавляющего [и спасающего]**"? Потому, что и содействие целой вселенной он считал ни за что, если бы не получал помощи свыше, равно как при этой помощи не считал себя одиноким, хотя бы оставлен был всеми. Вот почему он и говорил: "**не спасется царь множеством воинства; исполина не защитит великая сила**" (Пс.32:16). Некоторые, принимая эти слова в переносном смысле, говорят, что "**лев**" и "**гонящие**" означают диавола и злых духов. Пророк, видя, что сын увлечен диаволом и находится в его власти, просит, чтобы не случилось того же и с ним самим, и указывает причину, почему сын подвергся этому. Какая же это причина? Нечестием, говорит, он отвратил от себя помощь Божию; поэтому и прибавляет: "**нет избавляющего [и спасающего]**". А что львом в Писании называется диавол, о том, послушай, как оно говорит: "**противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить**" (1Петр.5:8). И сам пророк в другом месте говорит: "**попирать будешь льва и дракона**" (Пс.90:13). Этот зверь принимает различные виды; но, если мы будем бодрствовать, то и лев и змий будет ничтожнее всякого праха, и никогда прямо не нападет на нас, а если и нападет, то будет попран, потому что вы будете, сказал Господь, "**наступать на змей и**

скорпионов" (Лк.10:19). Он ходит, как лев, с великой яростью, но если нападет на имеющих Христа, и крест на челе, и огонь Духа, и светильник никогда не угасающий, то не в состоянии будет даже взглянуть на них, но, обратившись назад, убежит и не посмеет возвратиться. А дабы тебе убедиться, что сказанное мною – не пустословие, посмотри на Павла. Он также был человек, и, однако, этот лев так боялся его, что бегал от одежд и тени его. И неудивительно; он не мог выносить благоухания Христова, исходившего и распространявшегося от Павла, не мог взирать на светильник добродетели. "**Господи, Боже мой! если я что сделал, если есть неправда в руках моих**" (ст. 4). Всегда нужно помнить, что должно не просто только молиться, но молиться так, чтобы быть услышанным. Молитва недостаточна для получения желаемого, если мы не будем воссылать ее так, как угодно Богу. И фарисей молился, но не получил пользы; и иудеи также молились, но Бог отвращался от молений их, потому что они молились не так, как должно молиться. Поэтому нам заповедано молиться такою молитвою, которая могла бы быть вполне услышана. Это пророк выразил и в предыдущем псалме, где не только просил быть услышанным, но вместе с тем сделал все должное и со своей стороны. Что же такое? Именно: "**каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою**"; еще: "**утомлен я воздыханиями моими**"; еще: "**удалитесь от меня все, делающие беззаконие**"; и еще "**иссохло от печали око мое**" (Пс.6:6-9).

4. Все это, именно: рыдания, слезы, воздыхания, удаление от людей порочных, страх и опасение суда Божия, достаточны для того, чтобы быть услышанным от Бога. И в другом месте пророк сказал: "**услышь меня, Боже правды моей! В тесноте Ты давал мне простор**" (Пс.4:2). Чтобы быть услышанным от Бога, это зависит от следующих условий: во-первых, если мы достойны получить просимое; во-вторых, если мы молимся согласно с законами Божиими; в-третьих, если молимся непрестанно; в-четвертых, если не просим ничего житейского; в-пятых, если просим полезного; в-шестых, если исполняем должное и со своей стороны. Таким образом, многие были услышаны: Корнилий был услышан за жизнь (Деян.10:4), сирофиникиянка – за постоянство в молитве (Мк.7:26), Соломон – за предмет прошения: "**за то, что ты**", сказано было ему, "**не просил себе богатства, не просил себе душ врагов твоих**" (3Цар.3:11), мытарь – за смирение (Лк.18:14), другие – за другое. Как от этого зависит – быть услышанным, так быть не услышанным – зависит от противного тому, хотя бы молящиеся были праведники. Кто был праведнее Павла? Но когда он просил бесполезного, то не был услышан: "**о том**", говорит он, "**трижды молил я Господа, но Господь сказал мне: "довольно для тебя благодати Моей**" (2Кор.12:8,9). Кто также праведнее Моисея? Но и он не был услышан, и ему Господь сказал: "**полно тебе**" (Втор.3:26); он просил о том, чтобы ему войти в землю обетованную, но это было бесполезно, потому Бог и не попустил ему. Кроме того, мы бываем не услышаны еще и по другой причине, именно – когда молясь не оставляем грехов своих. На это указал Бог, когда сказал об иудеях Иеремии: "**не возноси за них молитвы и прошения. Не видишь ли, что они делают**" (Иер.7:16,17)? Они, говорит, не отстают от нечестия, а ты просишь за них? Но я не услышу тебя. Также, когда мы просим чего-нибудь против врагов, тогда не только не бываем услышаны, но еще оскорбляем Бога. Молитва есть врачество; и если мы не знаем, как должно приложить это врачество, то не получаем от него никакой пользы. Но посмотрим, что говорит пророк в словах молитвы: "**Господи, Боже мой! если я что сделал**". Что значит: "**если я что сделал**"?

Я страдаю, говорит; но разве я восставал против отца, разве я сделал такое беззаконие? И здесь опять он не решается назвать по имени беззаконника, но сетует и стыдится за сына. Как благородный человек, если увидел бы жену свою прелюбодействующею, не решился бы назвать греха ее по имени, так точно поступает и он; не говорит: разве я восставал против родителя, разве я был отцегонителем, но: "**если я что сделал**". Что я, говорит, упоминаю об этом? Что за добродетель – не быть отцегонителем, чего никто не увидит и

между дикими зверями? "**Если есть неправда в руках моих**". Не говорю о той неправде; но и никакой другой неправды не найдется в руках моих. Он говорит это не по гордости, но, будучи вынужден указать на добрые дела свои. Впрочем, сказанное еще не так важно, как то, что следует далее. Что же такое? "**Если я платил злом**" (ст. 5), говорит. Слушайте внимательно. Сказанное в этих словах – немаловажно. Хорошо – не обижать; но гораздо лучше и достойнее любомудрой души – не мстить за обиды. Хотя закон дозволял это, повелевая исторгать око за око, и зуб за зуб (Втор.19:21), хотя мщение не было нарушением закона, но он был так любомудр, что не только не нарушал закона, но во многом превосходил закон и восходил выше пределов его, так как он не считал достаточным для добродетели не переступать пределов заповедей. Как апостол Павел, позволяя от благовестия жить, сам не жил, но проповедовал евангелие безмездно (1Кор.9:14), так и блаженный Давид, не смотря на то, что закон дозволял мстить за обиды, не оставался в этих пределах, но превосходил их. От нас же требуется – не только не мстить врагам, но и благодетельствовать им: "**молитесь за обижающих вас**", "**благотворите**", сказал Господь, "**ненавидящим вас**" (Мф.5:44). Для Давида немаловажно было – не мстить, но гораздо выше заповеди закона; поэтому он и говорит: "**если я что сделал, если есть неправда в руках моих, если я платил злом тому, кто был со мною в мире**". В отношении к сыну, конечно, препятствовала этому сама природа; но оскорблял ли я, говорит, кого-нибудь, или мстил ли другим? Какое же прощение, какое оправдание можем иметь мы, которые после пришествия Христова не достигаем меры живших в ветхом завете, тогда как от нас требуется это с большим избытком? "**Если**", сказал Господь, "**праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**" (Мф.5:20). Как живший под законом и делавший добро неравен жившему до закона и делавшему тоже, так и живущий под благодатью неравен жившему под законом, но и по времени есть между ними великое различие. Павел, объясняя это в отношении к пороку и в отношении к добродетели, смотри, как много удивляется одним и как считает достойными других большего наказания: "**ибо когда язычники**", говорит он, "**не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон**" (Рим.2:14).

5. Видишь ли, как он хвалит и прославляет делавших добро без закона? Посмотри же, как он считает достойными большего наказания согрешающих под благодатью в сравнении с грешившими под законом: "**отвергшийся закона Моисеева**", говорит он, "**при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет?**" (Евр.10:28,29) А грешивших прежде закона считает он достойными меньшего наказания в сравнении с грешившими под законом: "**те**", говорит, "**которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут**", т.е. будут наказаны легче, не имея своим обвинителем закона, а одну только природу, "**а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся**", т.е. будут наказаны тяжелее, имея своим обвинителем, кроме природы, и закон (Рим.2:12). "**Я, который спасал даже того, кто без причины стал моим врагом, – то пусть враг преследует душу мою и настигнет, пусть втопчет в землю жизнь мою, и славу мою повергнет в прах**" (ст. 5, 6). Видишь ли дерзновение праведника и чистейшую совесть его? Если бы он не был совершенно уверен в себе, он не обрекал бы себя на такие бедствия.

Смысл слов его следующий: если я обижал, если я мстил, то пусть случится со мною то и то. Он сам на себя произносит приговор и просит судить его и наказать не по мере, но гораздо больше заслуженного, обрекает себя на наказание, какого и закон не назначал ему. Посмотри, каково это наказание: "**то пусть враг преследует душу мою и настигнет, пусть втопчет в землю жизнь мою, и славу мою повергнет в прах**" т.е. пусть погубит

меня с бесславием и бесчестием, пусть истребит вместе с жизнью моею и славу мою. Что значит: "**славу мою повергнет в прах**"? Это значит: пусть унизит, пусть попирает ногами, пусть я сделаюсь добычей врагов. Кто может быть нечестивее Авессалома, бесстыдного и необузданного оскорбителя, который преследовал отца своего, притом такого отца, такого кроткого и смиренного? Что же? Воздавал ли Давид злом – делавшим ему зло? Помнил он зло? Никогда. Если рассмотришь историю Саула, то такой ответ сделается для тебя совершенно ясным. В самом деле, того, который после тысячи благодеяний, трофеев, побед делал ему зло, строил против него козни, каждый день старался умертвить его, он, захватив в свои руки один, два и много раз спящим, как бы заключенным в темнице и не имевшим с собою стражи, пощадил, хотя многие советовали поразить и умертвить его, удержал свой гнев, хотя знал, что, оставляя ему возможность избежать смерти, он сохранит себе неприятеля и непримиримого врага. Но ни воспоминание прошедшего, ни страх будущего, и ничто другое подобное не побудило его решиться на убийство. Он руководился любомудрием, удерживал свою руку, обуздывал свой гнев и предпочитал лучше подвергаться опасностям и козням, лишиться отечества и свободы, чем поразить и умертвить врага, который враждовал против него напрасно и без причины, который после бесчисленных благодеяний угрожал ему смертью. И из многого другого можно видеть любомудрую его душу. Потому-то он и обрекал себя на многие и тяжкие бедствия, как то: остаться без успеха, быть побежденным врагами с великой для себя опасностью, подвергнуться бесславной смерти, и притом – что ужаснее самой смерти – испытать это от врагов; потому он и употреблял все меры, чтобы после смерти оставить о себе добрую память. Между тем, смотри, на какие бедствия он обрекает себя: трудиться без пользы, предоставить победу над собою врагам, умереть, и притом не обыкновенною смертью, но так, чтобы и память о нем истребилась, – смертью бесславною. Конечно, он не обрекал бы себя на все это, если бы по совести не был совершенно уверен в себе. Если же он имел врагов, то это – не его вина; он сам не подавал к тому поводов. Какой подал он повод ко вражде сыну? Какой – Саулу? Когда сын сделал достойное наказания, он не возвратил ли и не принял ли его, подвергнув временному вразумлению? А Саула, угрожавшего ему смертью, он не спас ли, имея его неоднократно в руках своих (2Цар.14:21; 1Цар.24:7)? Поэтому не на то смотри, имел ли он врагов, а на то, сам ли он сделал их врагами своими. И Христос заповедал не то, чтобы не иметь врагов, – это не в нашей власти, – но не ненавидеть их; в этом мы властны, а в том – нет. Быть ненавидимыми напрасно – зависит не от нашей воли, но от ненавидящих. Так злые люди обыкновенно ненавидят добрых без причины и напрасно. Так и Христа ненавидели напрасно, как Он сам говорит: "**возненавидели Меня напрасно**" (Ин. 15:25). И апостолы имели врагов – лжеапостолов, и пророки – лжепророков. Не о том должно заботиться, чтобы не иметь врагов, но чтобы не иметь их справедливо, или по своей вине чтобы нам, хотя бы мы тысячекратно были ненавидимы, самим не ненавидеть и не отвращаться от других, потому что в этом и состоит вражда – в ненависти и отвращении. Когда я бываю ненавидим, а сам не ненавижу, тогда другой имеет меня врагом. а не я его. Если я молюсь за него, если желаю благодетельствовать ему, то как я могу считать его врагом? Вот почему и Павел говорит: "**если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми**" (Рим.12:18).

6. Итак, будем исполнять должное с нашей стороны, и тем самым заслужим достаточную похвалу. Что же нужно с нашей стороны? А вот пример: тебя такой-то ненавидит и обижает? Ты люби его и благодетельствуй ему. Тебя он бесчестит и поносит? Ты благословляй и хвали его. Но он и после этого не прекращает вражды своей? В таком случае он доставляет тебе большую награду. Подлинно, злые люди, чем упорнее продолжают вражду, не смотря на наше расположение к ним, тем славнее приготовляют нам награды и тем слабее делают самих себя. Кто ненавидит и не прекращает вражды, тот мучится, истощается, проводит жизнь в постоянной войне; а кто выше этих стрел, тот

стоит вдали от треволнений, доставляет себе, а не врагу величайшую пользу и, стараясь примириться с ним и не враждовать, избавляет себя от войны и ссоры. Итак, будем избегать вражды с другими и исторгнем корень ее – тщеславие и сребролюбие, потому что всякая вражда происходит или из пристрастия к деньгам, или из тщеславия. Если же будем выше этих страстей, то будем и выше вражды. Оскорбил ли тебя кто-нибудь, – переноси мужественно; не тебя он оскорбил, а самого себя. Ударил ли тебя кто-нибудь, – не поднимай десницы своей; он в тоже время ударил себя самого, поразив тебя рукою, а себя гневом, и приобретши себе дурное мнение от всех. Если же это кажется тебе трудным, то представь, что кто-нибудь в бешенстве разорвал твою одежду, и скажи: кто потерпел зло, – ты ли, подвергшийся этому, или он, сделавший это? Очевидно он. Хотя тут у тебя разорвана одежда, но сделавший это потерпел большее зло, чем пострадавший, потому что у кого разорвано сердце, – что производит гнев, – тот потерпел не гораздо ли больший вред, чем ты, не испытавший ничего такого? Не говори, что одежда – твоя; он еще прежде разорвал свое собственное сердце. Как болезнь – желтуха не может обнаружиться, если желчь не разольется и не выступит из своих пределов, так и гнев не сделается неумеренным, если не разорвется сердце. И как ты, видя страждущего желтухою, хотя бы он сделал тебе тысячи зол, не пожелаешь взять на себя болезнь его, так поступай и с гневом. Не соревнуй, не подражай злобе, но жалей того, кто не обуздывает в себе этого зверя и прежде всех вредит и губит самого себя. А что действительно такие люди вредят самим себе, это можно слышать от многих, которые, стараясь прекратить вражду, убеждают враждующих так: пощади самого себя, ты вредишь самому себе. Такова злоба: она вредит только тому, кто питает ее, и извращает все. Итак, желая отмстить другим, не будем лишать сами себя тихой пристани. Если бы кто-нибудь, претерпевая кораблекрушение и утопая, стал поносить тебя, стоящего на земле, то, конечно, ты не оскорбился бы и не сошел бы с земли, чтобы утонуть вместе с ним. Так рассуждай и здесь: кто оскорбляет и поносит тебя, тот подвергается кораблекрушению, или буре, и утопает, попавши в водоворот гнева; а ты, перенося это мужественно, остаешься спокойным в пристани, на берегу. Если же ты увлечешься подражать ему, то потопишь не его, а себя самого. "**Восстань, Господи, во гневе Твоем; подвигнись против неистовства врагов моих**" (ст. 7). Пророк говорит так, выражая, что Бог восстает и не во гневе; например, когда он говорит: "**Восстань, Господи! спаси меня, Боже мой!**" (Пс.3:8). Когда ты слышишь: "**восстань**", то не разумей ничего телесного. Как сидение в отношении к Богу не означает ничего телесного, так и это. "**Господь**", говорит Псалмопевец, "**будет восседать царем вовек**" (Пс.28:10). Что же именно означается здесь сидением? Твердость, неподвижность, неизменность естества, постоянство, как выразил он и самим противоположением, потому что, сказав: "**Ты, Господи, высок во веки**", он присовокупил: "**чтобы исчезнуть на веки**" (Пс.91:8). Как сидение у Бога не есть телесное, так и восстание: первым означается постоянство, а последним сила наказующая и сокрушающая. Впрочем, оно иногда означает еще судебную власть; например, когда он говорит: "**Ты воссел на престоле, Судия праведный**" (Пс.9:5), и Даниил: "**поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями**" (Дан.7:9). Означает еще царскую власть; например, когда он говорит: "**престол Твой, Боже, вовек; жезл правоты – жезл царства Твоего**" (Пс.44:7). Поэтому и выражение: "**седи одесную Меня**" (Пс.109:1) означает равенство чести. Что значит: "**во гневе Твоем**"? И это также должно разуметь богоприлично. Гнев Божий не есть страсть, но означает наказание и мучение. "**Подвигнись против неистовства врагов моих**". Другой переводчик (Феодотион) говорит: во гневе на (έν θυμο έπί) врагов твоих; третий (Симмах): в ярости огорчающих меня (έν νολψ τών θλιβόντων με); четвертый (Акила): в негодовании связующих (έν άνυπερῦεσίαις έγδεσύγτωγ); в еврейском: в концах (вевароф). Смотри, как и здесь пророк не мстит за себя самого, а говорит о славе Божией. Не сказал просто: накажи врагов моих, или врагов твоих, но: "**восстань**". Но как может вознестись Высокий? Тот, который всегда есть Высочайший? Высота естества Его не уменьшается и не увеличивается; Он совершен

и вседоволен и всегда пребывает одним и тем же. Как же и каким образом Он возносится? Он возносится в душах многих. Например, Он часто долго терпит; а враги не понимают Его долготерпения, считают это унижением и бессилием, так что Он унижается не на самом деле, а в душах их.

7. Как солнце кажется несветлым для больных глазами, так точно Бог представляется малым и бессильным в умах таких людей. Но как солнце только кажется таким по болезни страждущих, а на самом деле не темно, так и Бог, хотя представляется бессильным по безумию таких людей, но на самом деле не бессилен. Что же говорит праведник? Вознесись и пред врагами нашими, отмсти и покажи силу Свою, чтобы считающие Тебя малым увидели славу Твою из того, что потерпят они. Видишь, как он имеет в виду не себя, а Бога. Под словами: "**подвигнись против неистовства врагов**" одни разумеют: на главах; другие: пусть никто из врагов не избегнет. Велика добродетель праведника, если у него с Богом одни и те же враги и одни и те же друзья; равно как велика злоба того, кто имеет друзей Божиих своими врагами и врагов Его своими друзьями. Как о Боге говорится, что Он имеет врагов, не потому, чтобы Он ненавидел их или отвращался от них, а потому, что Он не терпит злых дел их, так и праведник имеет врагов, не желая мстить им, но отвращаясь злобы их. "**Пробудись для меня на суд, который Ты заповедал**" (ст. 7). Другой переводчик, упоминаемый у Оригена в Экзаплах говорит: судом (χρίματι). "**Сонм людей станет вокруг Тебя**" (ст. 8). Другой (Симмах): да обыдет (χυχλώσατω) тя. "**Над ним поднимись на высоту**". Другой переводчик (Феодотион) говорить: и над (έπάγω) тем на высоту обратися. Третий, Акила: и на (έπί) тот на высоту обратися ; в еврейском: о том (уалеа). Что значит: "**который Ты заповедал**"? Так, говорит, чтобы оказать помощь обижаемым и не оставить без внимания подвергающихся козням. То, что Ты заповедал нам, Сам покажи нам делами. Другие разумеют здесь и нечто другое, именно то, что пророк обещает противиться врагам Его. "**Сонм людей станет вокруг Тебя**". И здесь не представляй ничего человеческого; хотя выражения таковы, но мысли – достойны Бога. Что же значит: "**вокруг Тебя**"? Иначе сказать: будет петь Тебе, будет воспевать Тебя, будет воссылать Тебе великую хвалу. Так как евреи совершали это хорами, становясь кругом в храме и святилище, и таким образом возносили благодарственные песнопения, то он и выражает хвалу образом их стояния. А смысл слов его следующий: отмсти, помоги; это и пред врагами возвысит Тебя, и народ твой будет воссылать Тебе великие хвалы. Смотри, как он имеет в виду не себя, а Бога. Везде он выражает желание, чтобы Бог был прославляем и врагами и своими. "**Над ним поднимись на высоту**". Над кем – над ними? Сонмом. Для него, говорит, взойди на высоту; возвысь нас, возвеличь нас, соверши дела высокие, сделай этот сонм славным и знаменитым, возврати ему прежнее благосостояние. Посмотри, как он везде с молитвами соединяет и наставление. Сказав выше: "**когда я взываю, услышь меня и помилуй меня**", он переменяет речь на увещание и говорит: "**сыны мужей! доколе будете любить суету и искать лжи**" (Пс.4:2,3)? И здесь, сказав: "**над ним поднимись на высоту**", продолжает: "**Господь судит народы**" (ст. 9). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: Господь будет судить (διχάσει).

Людей, думающих, что все существует без причины и случайно, он научает, что над делами нашими есть Промысл, требующий отчета в совершаемом. А суд он разумеет здесь как будущий, так и настоящий. Там будет суд всеобщий и открытый, а здесь Бог требует отчета частным образом, пробуждая беспечных и располагая неверующих к мысли о Промысле над всем. "**Суди меня, Господи, по правде моей**". Другой переводчик (Акила) говорит: по праведности моей (τό δίχαιογ) моей. "**И по непорочности моей во мне. Да прекратится злоба нечестивых**" (ст. 10). Другой переводчик (Акила) говорить: да исполнится озлобление на нечестивых (άπαρτισῦήτω χαχώσις χατά τών άσεβώγ). "**А праведника подкрепи**". Другой (Акила): и утвердиши (εδράσεις) праведного. Но как он,

говоря в другом месте: "**и не входи в суд с рабом Твоим**" (Пс.142:2), здесь говорит: "**суди меня, Господи, по правде моей**"? Там говорит он об одном, а здесь – о другом. Там, говоря: "**не входи в суд с рабом Твоим**", он выражает: не входи в суд Ты со мною, не исследуй жизни моей сравнительно с благодеяниями, оказанными Тобою, – почему и присовокупляет: "**потому что не оправдается пред Тобой ни один из живущих**", т.е. если будет судиться с Тобою. А здесь он не то говорит. Он хочет быть судимым не по Богу, а сам по себе; поэтому и говорит: "**по правде моей**", т.е. по моей праведности. Праведностью здесь он называет то, что он не простирал ни на что рук неправедно; это он выразил выше в словах: "**если я что сделал**", и следующих (ст. 4). Тоже самое он выражает и словами: "**и по непорочности моей во мне**"; вот почему, говорит, я хочу быть судимым. Велико и здесь дерзновение праведника. Говорит же он это, будучи вынужден необходимостью. Какою? Тем, что многие неразумные люди, по поводу страданий его, составили себе дурное о нем мнение. Есть много людей неразумных, которые из несчастий другого обыкновенно выводят дурное заключение об его жизни. Так было с Иовом. Не зная за ним ничего худого, говорили ему: по грехам твоим ты еще мало наказан (Иов.33:27). И Павла варвары приняли за человека порочного и преступного, когда ехидна повисла на руке его, почему и говорили: "**спасшегося от моря, суд Божий не оставляет жить**" (Деян.28:4). И Семей называл Давида человекоубийцею, составив об нем такое дурное мнение по его несчастью (2Цар.16:7).

8. Итак, чтобы и с вами не случилось того же, побеседуем об этом немного. Действительно, я слышу, как многие говорят: если бы Бог любил бедных, то Он не попустил бы им быть бедными, – слышу, как другие, видя кого-нибудь страждущим продолжительным недугом и болезнью, говорят: где же милостыни его, где добрые дела его? Поэтому, чтобы и вам не грешить таким образом, рассудим об этом. Если и человек здравомыслящий не может ненавидеть добрых и любить злых, то как ты осмеливаешься говорить это о Господе, – будто Бог ненавидит бедных, хотя бы они были добродетельными, и любит богатых, хотя бы они были порочными, – отверзая уста на богохульство и не понимая важности этого заблуждения?

Чтобы тебе не грешить таким образом, узнай, что Бог любит и что ненавидит. Кого же любит Он? Того, кто исполняет заповеди Его. "**Я возлюблю его**", говорит Он, "**и Мы придем к нему**" (Ин.16:21,23), – не богатого, не здорового, но повинующегося моим повелениям. А кого ненавидит Он и отвращается? Того, кто не исполняет заповедей Его. Итак, когда ты увидишь кого-нибудь не исполняющего заповедей Его, то, хотя бы он был здоровым, хотя бы окружен был богатством, считай его в числе ненавидимых Богом; а добродетельного, хотя бы ты видел его в болезни, или бедности, считай в числе любимых Им. Не к тем – любовь Его, а к этим. Не видишь ли ты и в житейских делах, что любимые царями особенно и прежде всех подвергаются опасностям в сражениях, получают раны, посылаются в поход? Не слышал ли ты, что "**Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает**" (Евр.12:6)? Но многие, скажешь, соблазняются, видя это. Так, но – не по вине добродетельных, а по собственному невежеству. Не здесь ведь воздаяние за труды наши; здесь подвиги, а награды и венцы – после. Не ищи же во время подвигов и в день борьбы покоя и безопасности, не смешивай различных времен. Но многие, скажешь, немощны. Бог промышляет и об них; Он сделал, что многие и из праведников пользуются благополучием еще здесь, – не для них самих, но для немощных. Поэтому, если соблазняют тебя праведники, находящиеся в скорби, то пусть утвердят тебя живущие в покое; и если смущают тебя порочные, пользующиеся благополучием, то пусть исправят тебя подвергающиеся наказанию и мучению. Разве ты не слышал Христа, который говорит: "**в мире будете иметь скорбь**" (Ин.16:33)? Почему же ты ищешь покоя, когда Он сказал это? Разве ты не слышал еще, как Он говорит: "**мир возрадуется; вы печальны будете**" (Ин.16:20)? Таким образом, людям неразумным

справедливо можно было бы соблазняться, если бы происходило противное тому, что Он сказал; а если все происходит так, как следует, то почему ты соблазняешься? Но для чего, скажешь, Бог установил так? Не исследуй и не испытывай. "**Изделие скажет ли сделавшему его: "зачем ты меня так сделал?**" (Рим. 9:20) Вот почему и пророк, укоряя иудеев за то, что они, преисполнившись бесчисленными пороками, исследовали пути Божии, говорит: "**они каждый день ищут Меня и хотят знать пути Мои, как бы народ, поступающий праведно и не оставляющий законов Бога своего; они вопрошают Меня о судах правды, желают приближения к Богу**" (Ис.58:2); они поступали подобно тому, как если бы какой-нибудь слуга, огорчивший господина и виновный в тысяче проступков, вместо того, чтобы утишить гнев господина, стал требовать отчета, почему он поступил таким образом. Не исследуй же этого, вместо того, чтобы плакать и сокрушаться и омывать грехи свои. Говорю это не потому, чтобы я не мог представить причины, но, желая обратить тебя от этой пытливости к попечению о собственном спасении. Для чего Он установил таким образом? По снисхождению к роду человеческому. Труды Он назначил здесь, где жизнь краткая, а венцы сохранил для будущего, где жизнь нестареющая и бессмертная. Эти труды скоро оканчиваются и проходят, а то остается вечным и никогда не будет иметь конца. С другой стороны, чрез это Он упражняет души в любви к добродетели. Когда душа избирает добродетель, не смотря на трудности и еще не получая награды, то оказывает расположение и великое усердие к ней; и когда она убегает порока, не смотря на его удовольствия и еще не подвергаясь наказанию, то научается ненавидеть его и отвращаться. Таким образом, она приобретает навык – отвращаться от порока и любить добродетель. Есть и другая причина. Какая? Та, что скорбь особенно располагает нас к любомудрию и делает крепкими. А вместе с этою – еще иная причина. Какая? Бог хочет научить нас презирать настоящее, не прилепляться и не привязываться к нему. Для того Он и назначил здесь скорби и труды, и все приятное и радостное сделал скоропреходящим. "**Да прекратится злоба нечестивых, а праведника подкрепи**" (ст. 10). Что значит: "**да прекратится**"? Пошли, говорит, наказание и останови злобу их. Как гнилые раны очищаются горькими лекарствами, прижиганиями и отсечениями, так и пороки останавливаются наказанием.

9. Зная это, мы должны оплакивать не тех, которые наказываются и страдают, а тех, которые грешат безнаказанно. Первое зло – грешить, а второе – согрешающим не получать никакого врачевания, или, справедливее сказать, это и есть первое и тягчайшее зло. Подобно тому как тяжело не болезни подвергаться, а заболев не получать врачевания, и как мы жалеем не столько того, кто имеет гнилостную рану, сколько того, кто имея ее лежит и не получает помощи от врача, а кому делают отсечения и прижигания, того мы считаем возвращающимся к здоровью, обращая внимание не на боль, происходящую от резания, а на выздоровление, так должно думать и о душе: печалиться и скорбеть следует не о тех, которые наказываются, – их возвращают к здоровью, – но о тех, которые грешат безнаказанно. Но, скажешь, если наказания удерживают от пороков, то почему мы не каждый день наказываемся за грехи? Потому что если бы так было, то род человеческий давно уничтожился бы и не было бы времени для покаяния. Вспомни Павла. Если бы он был наказан за гонение и умерщвлен, то как он имел бы время покаяться, после покаяния совершить множество добрых дел и, так сказать, всю вселенную привести от заблуждения к истине? Не видишь ли, что и врачи, когда кто имеет много ран, употребляют лекарство не настолько сильное, какого требует свойство ран, но какое могут перенести силы больного, чтобы, врачуя раны, не погубить больного? Поэтому и Бог наказывает не всех вдруг и не всех по заслугам, но слегка и постепенно; и часто, наказывая одного, вразумляет чрез него многих других. Так часто бывает и с телом: отсечение одного члена доставляет здоровье многим другим. Посмотри, как проникнута любовью душа праведника, как он всегда ищет пользы общей и истребления пороков, – не того, чтобы отмщено было врагам его, но чтобы они отстали от пороков. Будем же и мы всегда иметь

в виду, как бы прекратились пороки; будем скорбеть о тех, которые погрязли в них, хотя бы они были одеты в шелковые одежды, и ублажать тех, которые живут добродетельно, хотя бы они боролись с крайней бедностью, оставим внешность и проникнем в душу тех и других. Тогда мы и увидим богатство одного и бедность другого. В самом деле, что за важность, когда кто-нибудь снаружи одет в блестящие одежды? Чем он отличается от мастерских и вешалок? Чем он богаче тех, кто ими торгует? Но не таково богатство праведника: оно прочно и постоянно. Если же богатые, будучи так бедны, не чувствуют этого, то нисколько не удивительно. И помешавшиеся в уме не чувствуют своей болезни, но поэтому особенно они и жалки, а отнюдь не счастливы; если бы они чувствовали, то по крайней мере, обратились бы к врачу, а теперь самое тяжкое зло от этой болезни в том и состоит, что они, подвергшись ей, даже не понимают, что они подверглись ей. Поэтому не смотри на то, что богач радуется обогащаясь, но потому самому особенно и оплакивай его, что он не чувствует, какому он подвергается злу. Радоваться этому свойственно не человеку, но крайне неразумному. "**И праведника подкрепи**". Что это значит? Когда порочные наказываются, говорит, тогда праведные делаются более внимательными, так что отсюда происходят два блага: те отстают от порока, и эти более прилепляются к добродетели. Как здоровый человек, видя другого, которому делают прижигание или отсечение, делается более внимательным к своему здоровью, так точно и здесь. Подлинно, многие тогда соблазнялись даже из таких, которые по-видимому были внимательны к самим себе, и впадали в малодушие при виде благополучия людей порочных. Потому пророк и в другом месте говорит: "**едва не поскользнулись стопы мои, – я позавидовал безумным**" (Пс.72:2-3). И другой писатель говорит: "**почему путь нечестивых благоуспешен**" (Иер.12:1)? Иов также предлагал много таких вопросов. Но тогда говорившие так и спрашивавшие говорили и спрашивали потому, что были несовершенны; а теперь смущающийся этим недостоин никакого прощения, потому что научен такому любомудрию, принял такое учение о будущем, получил яснейшее наставление и о геенне, и о царстве, и о том, что каждому воздастся там по заслугам. "**Ты испытуешь сердца и утробы, праведный Боже**" (δίκαιος). "**Щит мой в Боге, спасающем правых сердцем**" (ст. 11). Другой переводчик (Феодотион) говорит: испытатель (έταστής) сердец и утроб, Боже праведный, защитник мой (υπερασπιστης μου). Третий - неизвестный переводчик, упоминаемый у Оригена в Экзаплах: Боже праведный. А семьдесят толковников сказали так: испытывающий сердца и утробы Боже, праведна (δίκαια) помощь моя от Бога. Пророк сказал, что Бог будет судить вселенную; теперь говорит и то, как Он будет судить. Он не нуждается, говорит, ни в свидетелях, ни в обличениях, ни в доказательствах, ни в письменных удостоверениях, и ни в чем подобном, потому что Он сам знает сокровенное. Итак, пусть никто из безумных не говорит: как Он будет судить мир, столь огромный? Кто сотворил мир несуществующий, тот может судить существующий. "**Утробами**" пророк называет здесь сокровенные мысли, самые внутренние, самые глубокие, заимствуя сравнение от положения этой части тела.

10. Что значит: "**испытуешь**", или как другой переводчик (неизвестный см. Ориг. Экз.) сказал: исследующий (δοκιμάζων)? Хотя здесь выражения человеческие, но мысли – достойные Бога. Как Павел, говоря: "**Испытующий же сердца**" (Рим.8:27), употребляет слово: испытывать вместо – ясно знать, так и он употребляет слово: "**испытуешь**" вместо слов: точно знающий. И исследовать значит – раскрыть, что составляет признак точного разумения и знания, как и Павел говорит: "**все обнажено и открыто перед очами Его**" (Евр.4:13).

"**Щит мой в Боге, спасающем правых сердцем**". Другой переводчик говорит: праведный защитник мой. Что значит: "**щит мой в Боге**"? Справедливо, говорит, она была бы оказана мне Богом, потому что я не прошу ничего неправедного. Так и мы, если хотим удостоиться помощи свыше, должны просить того, что согласно с праведностью, чтобы

самим свойством прошения склонить к себе Спасающего "**правых сердцем**". Этому Он содействует, этому обыкновенно Он внемлет. Так как я, говорит пророк, не простирал рук своих на неправду и не мщения желаю, то справедливо была бы оказана мне помощь от Бога. Зная это, не будем просить ничего такого, что препятствует подаянию. Если ты станешь просить против врагов, то помощь тебе была бы неправедна, потому что это противно закону Подающего помощь; также, если станешь просить богатства, красоты, или чего-нибудь подобного, житейского, скоропреходящего и противного любомудрию души. Будем же просить так, чтобы и получить. "**Бог – судия праведный, [крепкий и долготерпеливый,] и Бог, всякий день строго взыскивающий**" (ст. 12). Другой переводчик (неизвестный см. Ориг. Экз.) говорит: негодующий (ἐμβριμώμεγος) на всяк день; в еврейском: во всю жизнь (χατά πάσαγ ζωήγ); еще иной (Акила): угрожающий (απειλούμεγος), негодующий, не наказывающий. Смысл этих слов следующий: если Бог "**праведен**", то, конечно, Он желает наказать неправедных; если Он "**крепок**", то, конечно, может сделать это. Но в чем, скажешь, Его человеколюбие, если Он судит по правде? Во-первых, в том, что Он не вдруг посылает наказание, а больше всего – что Он прощает все грехи в купели возрождения; во-вторых, в том, что подает и покаяние. Если ты представишь, что мы грешим каждый день, то особенно увидишь, как неизреченно величие Его человеколюбия. Это самое выражая, пророк и говорит: "**Бог – судия праведный, [крепкий и долготерпеливый]**".

Ты недоумеваешь: почему Он не наказывает, если и может и желает? Знай, говорит пророк, что Он долготерпелив и "**всякий день строго взыскивающий**". Чтобы кто-нибудь из неразумных не подумал, будто Бог не наказывает по бессилию, он показывает причину замедления: потому что долготерпение Божие велико и безмерно. Он долготерпит для того, чтобы привести тебя в покаяние; а если ты от этого врачества не получишь никакой пользы, то Он и пошлет наказание. Так, мы каждый день заслуживаем наказание. Если бы это было несправедливо, то пророк не указал бы на это, как на нечто важное: "**всякий день строго взыскивающий**". Но так как дела требуют наказания, а человеколюбие Божие удерживает, заслуженное наказание, то он и говорит это. Видишь ли, как он здесь и показывает бесстрастие Божие, и "**взысканием**" называет наказание? Никто ведь не наводит гнева на другого, но сам в себе имеет гнев, а на другого наводит наказание. Таким образом, не что другое, как наказание, он означает словами: "**всякий день строго взыскивающий**". А почему он говорит: "**всякий день**"? Пусть каждый углубится в свою совесть и тогда поймет это. Не стану говорить о тайных грехах каждого; кто может избежать общих грехов? Каких? Например: есть ли день, в который бы мы не молились лениво и с великой небрежностью? А что это заслуживает гнева Божия, можно видеть из следующего. Скажи мне: если бы ты подошел к судье зевая, и был обличен, то он не подверг ли бы тебя тотчас же наказанию и не отправил ли бы в ссылку? Да, скажешь, потому что он – человек. Что же? Как человек, он, будучи оскорблен, по справедливости не должен был бы гневаться, потому что оскорблен равным ему по достоинству человеческому; а Бог, будучи оскорбляем, справедливо мог бы посылать наказание. Грех против Него больше греха против человека. Притом человек, поступая так, имеет в виду, свое благо, а Бог – твое, так что и в этом отношении грех против Него заслуживает большего негодования. Ведь не одно и тоже – презирать ищущих своего, или ищущих – твоего. Последнее заслуживает большего гнева, – когда ты не оставляешь лености, даже намереваясь просить полезного для тебя самого. Еще: кто не обижал брата напрасно? Не говори мне, что обижал раба; "**во Христе Иисусе нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского**" (Гал.3:28). Кто, опять, не осуждал? Кто не лгал? Кто не смотрел сладострастными глазами на женщину? Кто не завидовал? Кто не тщеславился? Кто не говорил праздного слова? Все это подлежит наказанию. Если бы мы, не заботясь о духовном, были также беспечны и касательно житейского, то заслуживали бы некоторого извинения, но теперь мы лишены и этого оправдания. В делах житейских

мы – бодры, а в духовных – совершенно нерадивы. Поэтому, чтобы слышащие, что Бог долготерпелив, не сделались еще более беспечными, пророк присовокупляете: "**если кто не обращается, Он изощряет Свой меч, напрягает лук Свой и направляет его**" (ст. 12,13). Другой переводчик (Симмах) говорит: меч свой изощрит (μάχαιραγ αύτοϋ άχογήσει). Лук свой напрягает и уготовляет его. Другой (Симмах) говорит: напряжет (έχτεγεΐ). "**Приготовляет для него сосуды смерти, стрелы Свои делает палящими**" (ст. 14). Другой говорит (Симмах): для сожжения (είς τό χαίειγ).

11. Что здесь скажут представляющие Бога человекообразным потому, что Ему приписываются руки, ноги и глаза? Разве есть на небе луки, стрелы, оселок, меч и колчан? Между тем другой писатель говорит: "**сотрясаются от страха горы и основания земли, когда Он взирает**" (Сир.16:19). И этот самый пророк говорит: "**призирает на землю, и она трясется**" (Пс.103:32). Если же, только взирая на землю, Он потрясает каменные массы, то тем более может сделать это с людьми. Почему же о Том, который может разрушить вселенную одним взглядом, или лучше одним хотением, – так как Сотворивший ее одним мановением воли, конечно, может и разрушить ее одним хотением, – говорится, что Он имеет меч и лук? "**В Его руке глубины земли, и вершины гор – Его же**" (Пс.94:4), "**Он есть Тот, Который восседает над кругом земли, и живущие на ней – как саранча пред Ним. Вот народы – как капля из ведра, и считаются как пылинка на весах**" (Ис.40:22,15); если ангел, посланный Им, в короткий промежуток времени убил сто восемьдесят пять тысяч (4Цар.19:35); но что я говорю: ангел? – если мухи, саранча и черви погубили войско египтян, то для чего Ему лук, для чего – меч? Почему же так сказано? По причине грубости слушателей, чтобы обыкновенными названиями оружия тронуть душу их. У Кого "**в руке дыхание твое**" (Дан.5:28), и "**бросает град Свой кусками; перед морозом Его кто устоит?**" (Пс.147:6), тому для чего оружие? Но, как я выше сказал, это говорится по причине грубости и бесчувственности слушателей. Что значит: "**изощрит**"? Изострит. Ужели нужен Ему и оселок? Ужели бывает и ржавчина на мече Его? Кто из здравомыслящих может принимать это буквально? Всем этим, как я выше сказал, пророк изображает наказание и употребляет весьма чувственные выражения для того, чтобы люди самые неразумные видели, что здесь должно не на словах останавливаться, а выводить отсюда богоприличные мысли. Кто недоумевает, почему приписываются Богу гнев и ярость, тот гораздо более будет недоумевать при этих выражениях. Если же их нужно принимать не буквально, а богоприлично, то, очевидно, что так же точно – и слова ярость и гнев. Чувственные же выражения употреблены для того, чтобы тронуть грубых слушателей, – потому что пророк даже не довольствуется и сказанным, но присовокупляет еще более человекообразные выражения, чтобы усилить внушаемый страх. Он представляет Бога не только имеющим меч, но и облекающимся в оружие. Так как всякий неодинаково страшится, слыша, что меч изощряется, или слыша, что и лук уже в руках, то он, желая человекообразными выражениями потрясти душу слушателей, говорить: "**напрягает лук Свой и направляет его**", чем и устрашает слушателя, и вместе показывает долготерпение Божие и гнев Его. Он не сказал: спустил, или пустил, но: "**напрягает лук Свой и направляет его**", т.е. готов спустить. Впрочем, удивительно ли, что так сказано в ветхом завете, если и в новом Иоанн, беседуя с иудеями, говорит нечто подобное? "**Уже и секира при корне дерев лежит**" (Лк.3:9). Как? Ужели Бог подражает дровосеку, срубающему деревья топором? Ужели и здесь надобно принимать секиру и деревья? Нет; равно как не нужно принимать в буквальном смысле плевелы и пшеницу, когда говорится: "**лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым**" (Мф.3:12). Что же такое – секира? Наказание и мучение. Что – деревья? Люди. Что – плевелы? Злые. Что – пшеница? Добрые. Что – веяние? Отделение одних от других. Так и здесь меч, лук и стрелы означают наказание и мучение. Затем словами: "**напрягает лук Свой и направляет его**", пророк выражает

замедление и задержку наказания, впрочем, задержку непродолжительную, но готовую окончиться. А "**сосуды смерти**" он называет стрелы. Как орудия, необходимые для земледелия, называются земледельческими, нужные для плавания – плавательными, способствующие ткачеству – ткацкими, так и причиняющие смерть он называет орудиями смертными. Далее объясняя, какие именно разумеет он смертные орудия, прибавляет: "**стрелы Свои**", выражая быстроту наказания, когда хочет этого Бог. Что значит: "**палящими**"? Наказуемым, подвергаемым мучению. Неужели же недостаточно огня, а нужны еще стрелы? Видишь ли, что все это сказано в переносном смысле и усилено для того, чтобы, таким образом, больше внушить страх? А смысл слов его следующий: Бог приготовил наказания для тех, которые имеют быть наказанными. Если бы он сказал иначе, то не внушал бы такого страха; а теперь, указав на стрелы, меч, лук, натягивание его и устремление, орудия смерти и пламень, таким разнообразием названий он усилил в слушателях чувство страха. Потом, облегчая этот страх, присовокупляет: "**палящими**". Чтобы кто-нибудь из неразумных не подумал, что Бог простирает руку свою на всех и вооружается против всех, присовокупляет: "**палящими**". Тоже выражает и Павел, когда говорит о начальнике: "**ибо он не напрасно носит меч**" (Рим.13:4). Если же и у начальников меч совершает это и внушает страх, то тем более – у Бога. Впрочем, и то показывает необыкновенное человеколюбие Его, что Он устрашает и усиливает наказания на словах, дабы они не исполнились на самом деле. Для того Он натянул лук, для того приготовил его, для того положил стрелы, для того приготовился наказать, чтобы не приступить к наказанию.

12. Усиливая речь выражением: "**изощряет**", пророк показывает силу и быстроту наказания, выражением: "**напрягает**" – близость его, выражением: ″**приготовляет**″ – неизбежность, если не исправятся, выражением: "**палящими**" – самих виновных, чтобы, вразумившись всем этим, они оставили нечестие. А если бы действовали здесь ярость и гнев, то Бог не предсказал бы об этом тем, которые имели быть наказанными. Гнев не так действует, а напротив того, особенно когда он в полной силе, стремится к исполнению наказания и мучения. Неприятели и все, желающие совершить наказание, не только не говорят о том, но даже скрытно нападают, чтобы имеющие подвергнуться наказанию, узнав о том, не могли предостеречься. Но Бог поступает не так, а совершенно напротив: Он и предсказывает, и отсрочивает, и устрашает словами, и принимает все меры, чтобы не привести угрозы в действие. Так Он поступил с ниневитянами. И там Он натянул лук, изострил меч, приготовил стрелы, а удара не нанес. Не видишь ли, что слова пророка суть лук, стрела и меч изощренный, когда он говорит: "**у Бога, на три дня ходьбы, и Ниневия будет разрушена**" (Ион.3:4)? Но этой стрелы Он не спустил, потому что она не для того была приготовлена, чтобы спустить, но чтобы отложить ее. Воины вооружаются для того, чтобы наказать; а Бог – не так, но для того, чтобы, вразумив людей страхом, удержать руку свою от наказания. Не будем же смущаться; страх, внушаемый словами, есть знак великого человеколюбия, и чем страшнейшие Он употребляет выражения, тем от большей благости проистекают они. И родители, когда не хотят наказывать детей, словами сильнее выражают гнев; так и Он, когда не хочет наказывать, внушает сильнейший страх словами. Он говорит, что уготовал геенну, чтобы не ввергнуть нас в геенну. Потому и в Евангелиях говорится много о наказании, и даже больше, нежели о царстве. Так как на людей бесчувственных не столько действует обещание благ, сколько страх мучений располагает к добродетели и отклоняет от порока, то Бог особенно останавливается на этих последних и часто говорит о них. Не будем же скорбеть, слыша страшные выражения, – они приносят большую пользу, представляя и долготерпение и правосудие Его; не будем ни отчаиваться в спасении, – потому что Он долготерпелив, ни предаваться беспечности, – потому что Он праведен; здесь Он показывает великое долготерпение, а там не пользующихся этим предаст наказанию на самом деле. Чтобы этого не случилось с нами, будем еще здесь отклонять тамошнее наказание. "**Вот, нечестивый зачал неправду**, **был**

чреват злобою и родил себе ложь" (ст. 15). В еврейском: вместо боле – иевал = зачал болезнь. Другой переводчик (Симмах) говорит: и зачав (καί κυήσας). И родил беззаконие. Другой (Акила): ложь (ψεύδός). "**рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил**" (ст. 16). Другой (Симмах): в погибель, которую устроил (είς διαφθοράν ήν είργάσατο). Пророк сказал, что Бог приготовился наказать; сказал, что Он посылает наказания; вразумил этим слушателя, показав, что над ним висит гнев свыше; а теперь научает его самим делом и показывает, что еще прежде наказания нечестие само по себе есть наказание. Выражая это, и Павел говорит: "**получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение**" (Рим.1:27), и представляет примеры потерпевших крайние бедствия от нечестия. Так как многие из людей грубых обыкновенно тогда особенно вразумляются, когда увидят наказания на других, то он представляет и их. Так делает и Христос, который, сказав многое о геенне, представляет и ввергенных в нее, как-то: богатого, жившего при Лазаре, дев безумных, раба, скрывшего один талант в землю, и пострадавших в настоящей жизни, как-то: задавленных упавшей башней и тех, которых кровь Пилат смешал с жертвами (Лк.13:1,4). Так и Петр, сказав многое о геенне, тогда особенно поразил слушателей, когда представил примеры наказанных, и пред глазами их совершил наказание Анании и Сапфиры (Деян.5:1). Так и Павел поступил с волхвом (Деян.13:11). Тоже, только иным образом, он внушает, когда упоминает о странствовавших в пустыне и говорит так: "**не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питие: ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос. Но не о многих из них благоволил Бог, ибо они поражены были в пустыне**" (1Кор.10:1-5). Говоря о будущем, т.е. о геенне, наказании и мучении, он приводит доказательства этого из прошедшего, представляя самих наказанных, одних – змиями, других – всегубительной смертью. Тоже делает здесь и Давид, имея в виду или Ахитофела, или Авессалома. Некоторые утверждают, что это сказано им об Ахитофеле. так как будто бы несвойственно одному и тому же лицу говорит: "**сберегите мне отрока Авессалома**", и после смерти его: "**о, кто дал бы мне умереть вместо тебя**" (2Цар.18:5,33), – и говорит то, что теперь Он говорит. Но первое он мог говорить по естественному побуждению природы, а последнее теперь по вдохновению Духа. Впрочем, об Авессаломе ли, или об Ахитофеле сказано это, нужно вникнуть в сказанное; о лицах же, к кому это относится, много рассуждать не буду.

13. Чему же мы научаемся отсюда? Пророк внушает, что копающий яму ближнему сам впадет в нее; и как женщины, находящиеся в муках рождения, терзаются этими муками, так и строящий козни, прежде нежели обидит ближнего, сам терзается и мучится, и притом не легко, а с великой болью. Желая выразить силу этой боли, он и назвал ее болезнью рождения. Вообще, когда Писание хочет показать нам невыносимую скорбь, то выражает ее названием *болезни рождения.* Так и в другом месте говорится: "**ужас объял жителей Филистимских**" (Исх.15:14), т.е. страх, трепет, труд, скорбь. Также Павел говорит: "**когда будут говорить: "мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут**" (1Фес.5:3). Здесь он указывает на два обстоятельства: на невыносимость и на неожиданность страдания. И Езекия говорит: "**младенцы дошли до отверстия утробы матерней, а силы нет родить**" (Ис.37:3), выражая болезнью рождения невыносимый страх свой и беспокойство. Так точно выражается и здесь пророк. Подлинно, хотя бы кто был безмерно порочен, суд совести не истребляется, потому что он – от природы и внедрен в нас Богом вначале. Какие бы мы ни употребляли усилия, он остается, взывая, осуждая, наказывая, и нет никого из живущих порочно, кто не испытывал бы тысячи мучений, и замышляя злое, и приводя замысел в исполнение. Был ли кто порочнее Ахаава? Но и он, пожелав виноградника, вспомни, какое испытал мучение. Будучи царем

и обладателем всего, не встречая себе противоречия ни от кого, он, не вынося упреков совести, ходил печальный, с поникшею головою, смущенный, пасмурный, выражая на лице своем упрек осуждающей совести и не имея возможности скрыть скорбь, бывшую в душе его; потому и был замечен женою (3Цар.21:5). Предатель, решившийся на такое злодеяние, не вынося мучений от упреков совести, повесился, и таким образом, окончил жизнь. Но как живущий порочно терпит мучения, так живущий добродетельно наслаждается спокойствием и душевным миром. Посмотри, сколько мучений терпит тот, кто хочет отомстить кому-нибудь, или сделать какую-нибудь несправедливость. Он исполняется гнева, разрывается с досады, подвергается волнению бесчисленных помыслов, избирает тысячи путей, чувствует страх, ужас и трепет, успеет ли он в своем намерении, исполнит ли мщение; а между тем гнев неудержимо тревожит его, – и вот прежде, нежели нанес обиду другому, он губит самого себя. Напротив, воздерживающийся от гнева свободен от всего этого; и весьма естественно, потому что он господин самого себя и сам устрояет все, а тому нужны и время, и место, и хитрость, и коварство, и оружие, и приготовления, и дерзость, и лесть, и раболепство, и лицемерие. Видишь ли, как легка добродетель, и как труден порок, – как та спокойна, а этот исполнен смятения?

Изображая его, пророк и говорит: "**нечестивый зачал неправду, был чреват злобою и родил себе ложь**". Отсюда видно, что неправда не в природе нашей, но есть нечто чуждое нам. Потому она и тяготит и, пока мы не освободимся от нее, причиняет нам болезни рождения. Так, зародившийся младенец, пока совершенно не разовьется, естественно остается в утробе матери; потому оставаясь в ней, и не причиняет боли; а когда разовьется, то пребывание его там делается неестественным, и оттого происходят болезни рождения. Природа, стесняемая, старается извергнуть его вон, как совершившая и выполнившая все и долее уже не имеющая возможности носить его. Впрочем, здесь бывает наперед зачатие, а потом – болезни рождения; а там – наперед боль, а потом уже зачатие и роды, Что же это значит? То, что здесь болезни рождения бывают только во время родов, а там – с самого начала. Как только человек захотел чего-нибудь худого, то прежде, чем остановился на этом своею мыслью, является смущение и беспокойство в душе его. Семя, однажды положенное в утробу женщины, само и образуется в состав рождаемого; а в людях, строящих козни, сегодня зарождается один помысел, завтра другой, и тысячи дурных семян бросаются одно за другим, и каждый день являются новые зачатия и болезни рождения, которые терзают производящую их душу. Здесь бывает рождение не такое, какое обыкновенно бывает у женщин; оно подобно рождению ехидн, у которых дети рождаются, разрывая утробу и расторгая бока матери: так бывает и с кознями и неправдою! Но сколько бы мы ни усиливались, мы не можем изобразить словами того мучения, какое испытывают злые. Потому некто и сказал: "**если буен, то один потерпишь**" (Прит.9:12). Действительно, что несноснее и мучительнее состояния человека завидующего, строящего козни, домогающегося чужой собственности? Эти страсти терзают душу жестче всякого палача.

14. Итак, справедливо пророк назвал такие помыслы болезнями рождения. Но как женщины рождают от совокупления с мужчинами, и, если тела их здоровы, то таковы же бывают и рождающиеся от них дети, а если повреждены, то и дети по природе своей бывают похожи на родителей, так – и с помыслами. Если ты будешь обращаться с людьми добрыми, то таковы будут и твои порождения, а если – со злыми, и при этом не будешь осторожен, то получишь от них великий вред. Послушай, что говорит пророк: "**были беременны, мучились, – и рождали как бы ветер**" (Ис.26:18); и о произведениях диавола: "**высиживают змеиные яйца и ткут паутину**" (Ис.59:5). Будем же убегать людей порочных. Не безрассудно ли, тогда как можно зачинать и рождать по заповедям Божиим, не хотеть этого, но гоняться за обществами людей порочных, поступая подобно

женщине, которая, имея возможность соединиться с царем, не захотела бы этого, но, вместо него, избрала бы себе в сожителя разбойника и вора? "**Рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил**". Здесь пророк опять употребляет переносные выражения; как болезнями рождения он выражает скорбь, так рвом изображает трудность освобождения от порока. "**И упал в яму, которую приготовил**", или как говорит другой: "**кто роет яму, тот упадет в нее**" (Прит.26:27). И это дело человеколюбия Божия – назначить коварству такую участь, что сети опутывают самих людей коварных, дабы они и этим вразумились отстать от вражды и козней против ближнего. Так случилось при Моисее. Тот, кого хотели умертвить, спасся; а фараон тем самым способом, каким злоумышлял против младенцев, погубил самого себя, – потому что, приказав умерщвлять младенцев, он вынудил мать Моисея из страха выставить дитя в реке, из которой дочь фараона вытащила корзинку и, нашедши в ней дитя, воспитала того, который, выросши, погубил их всех (Исх.2:3). Отсюда ясно открывается благое промышление Божие, и подается людям порочным сильное вразумление, а убегающим пороков – утешение. Так случилось и с прекрасным Иосифом. Братья, продав его в рабство, потерпели то, что потерпели; ему не причинили никакого вреда и даже принесли пользу, а сами испытали печальные последствия. И много можно было бы привести подобных примеров. Посмотри и на других.

Взял ли кто чужую собственность? Он погубил самого себя. Обиженному, как часто бывает, он принес даже пользу, а своей душе причинил вред. Оскорбил ли кто другого? Он пронзил мечом самого себя. Не терпеть зло, а делать зло, составляет истинное бедствие. Потому и Павел увещевал лучше терпеть обиды, нежели обижать (1Кор.6:7). И Христос учил, если кого ударят по щеке, не отвечать тем же, но и подставлять себя еще для получения удара (Мф.5:39). Это знак величайшей силы, это производит терпение, это делает душу крепкою, это поставляет ее выше страстей. Тот, кто обижает, бьет, или позорит другого, наперед сам уловляется страстью и делается пленником, а потом уже, по-видимому, причиняет вред ближнему, тогда как сам уже подвергся жесточайшему злу, предав себя крайнему рабству. "**Злоба его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя**" (ст. 17). Это сказано, как говорят, и об Ахитофеле, и об Авессаломе, потому что тот и другой погубили свои головы. Первый окончил жизнь, удавив себя; а второй, подъехавши под дерево и зацепившись за него волосами, висел долгое время. Так и Иуда окончил жизнь свою удавлением, увидевши, что он сделал все на погибель головы своей. И Ахитофел, поняв, что Давид непременно одержит победу, пошел и удавился. И Авессалом невольно повис на дереве, и был умерщвлен не тотчас, но наперед висел как пред судилищем, будучи прицеплен к дереву, и по высшему суду Божию висел долгое время, испытывая мучение от своей совести. Он хотел омочить руку свою в крови отца; отец же и несмотря на это просил воинов пощадить его, и так далек был от тщеславия, что даже после смерти оплакивал его. Дабы ты убедился, что случившееся было делом не человеческих усилий, а всецело божественным определением, то вот – волосы и дерево связали его, и бессловесное животное предало; вместо веревки послужили волосы, вместо виселицы – дерево, а вместо палача привел его сюда лошак. И посмотри на это чудное дело. Когда он находился в таком бедственном положении, никто из преданных ему не посмел подойти и спять его, хотя было столько удобного времени. И то устроил Бог, что он не был снят и не приведен связанный к отцу, потому что отцовская любовь чрезмерно щадила его; и то достойно удивления, что примиривший его с отцом (2Цар.15:33) сам же и убил его, сделавшись как бы сильным его обличителем. Впрочем, убил он, а определил так Бог.

15. Что действительно так определено было свыше, послушай, как выражает это сам пророк. Сказав: "**злоба его обратится на его голову**", он говорит: "**славлю Господа по правде Его и пою имени Господа Всевышнего**" (ст. 18). Будем благодарить, говорит,

Господа, не поражению других радуясь, а признавая определение Божие. Но кто может возблагодарить Его "**по правде Его**"? Кто может восхвалить Его так, как Он есть? Никто. Что же значит: "**по правде Его**"? Иначе сказать: за правду Его. Я буду петь, говорит, в честь Господа вышняго, потому что Его – победы, трофеи, а не мои. Как на войне, когда царь одержит победу, подданные, составив хоры, поют, воссылая ему похвалы, так буду делать и я. Не сказал: прославил, но: "**славлю**", показывая, что он и после получения благ не забывает их, не становится беспечным, но сознает и бодрствует, – не потому, чтобы Бог имел в этом нужду, но потому, что это полезно и благотворно для нас. Как жертвоприношения Бог принимал, не имея нужды в жертвах, – "**если бы Я взалкал**", говорит Он, "**то не сказал бы тебе**" (Пс.49:12), – но, желая привести людей к почитанию Его, так и песнопения Он принимает, не имея нужды в наших похвалах, но желая нашего спасения. Бог весьма сильно желает нашего преспеяния в добродетели.

Ничто так не способствует преспеянию в добродетели, как частое собеседование с Богом, постоянное благодарение и славословие Бога. Пророк славословит Бога, изумляясь Его правосудию и долготерпению. Но где, скажешь. Его долготерпение, если тиран был умерщвлен? И здесь оно было велико и продолжительно. Бог оставлял его в живых долгое время, чтобы он пришел в раскаяние; дал ему овладеть и царскими сокровищами, чтобы он, видя дом, в котором вырос и воспитан, и предметы, напоминавшие об отце, пришел в раскаяние. Подлинно, если он не был зверь и имел не каменное сердце, то все это достаточно могло бы вразумить его: стол, за которым он бывал вместе с отцом, дом, седалища, где преподаны были ему увещания, когда он совершил убийство, и кроме того многое другое могло смягчить его. Он слышал, что отец его скитался, как изгнанник и беглец, что он терпел крайние бедствия. Если же это не смягчало его, то случившееся с Ахитофелом – петля и смерть – должно было вразумить его и привести в раскаяние. Ведь он не незнал о случившемся с другом его. И в чем мог он обвинить отца, когда делал это? В том ли, что отец удалил его от своего лицезрения (2Цар.14:32)? Но за это следовало удивляться ему и быть признательным, что братоубийцу он принял так кротко. Не имея ничего, в чем мог бы обвинить отца, он увлекся безрассудным желанием, и притом тогда, когда отец был уже старцем, и, когда надежда его готова была исполниться, не потерпел даже мало времени. Как он не подумал, что, и одержав победу, он стал бы проводить самую жалкую жизнь, сделавшись нечистым и достойным проклятия за сам трофей свой?

16. Где теперь те, которые жалуются на бедность? Какой бедности, какой болезни, какой скорби не тяжелее все это? Но Давид ничего такого не подумал, не досадовал, не плакал и не говорил: хороши же награды получаю я, поучаясь в законе Божием день и ночь, находясь в таком сане, будучи смиреннее всех; пощадив врагов, я сам предан в руки бесстыдного сына. Ничего такого он не сказал и не подумал, но перенес все с любомудрием, имея в своих обстоятельствах одно утешение, – что все это происходило не без ведения Божия. Как три отрока говорили: "**да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся**" (Дан.3:18), и если бы кто-нибудь спросил их: с какой надеждою вы умираете, чего ожидаете, чего надеетесь после смерти, после сожжения (потому что тогда не было у всех надежды воскресения), то услышал бы от них: для нас величайшая награда умереть за Бога, – так и он находил величайшее утешение в том, что Бог, зная о случившемся, не препятствовал этому. Так и влюбленный готов тысячу раз потерпеть смерть за свою любимую, хотя после смерти ничего не ожидает от нее. Так и нам должно переносить все не в ожидании царства, не в надежде каких-нибудь других благ будущих, а для самого Бога. Между тем многие так беспечны и ленивы, что не прилепляются к добродетели даже и при наградах за нее; Бога, обещающего царство, не слушают, а диавола, увлекающего в геенну, любят. Что ужаснее такого безумия? Но что я говорю о геенне? Еще прежде геенны здесь он подвергает нас скорби, стыду, осмеянию,

бесчисленным мукам, а многие стремятся к нему. Представь себе прелюбодея: какую жалкую жизнь влачит он, как он еще прежде геенны бывает подозрителен, боится теней, не может ни на кого смотреть прямыми глазами, но, опасаясь всех, и знающих и незнающих, видит везде острые мечи, висящую над головою смерть, палачей, судилища. Бывает ли что-нибудь подобное с целомудрием, хотя бы оно сопровождалось тысячами трудностей? Целомудренный не всегда ли находится в радостном расположении духа, а прелюбодей не всегда ли – в унынии и мраке? Тоже можно видеть и на других, на предающихся гневу и обуздывающих гнев, на похищающих чужое и отдающих, или лучше сказать, расточающих свое для Бога. Эти находятся в тихой пристани, а те, увлекаемые водоворотом настоящих зол, кружатся каждый день. Кроме того, когда предающийся любостяжанию достигает старости и видит, что и страсть не доставляет ему наслаждения, и приближающаяся смерть внушает страх, то, представь, какие он испытывает страдания. Но не так бывает с добродетельным; напротив, тогда особенно он и радуется и веселится, когда достигает старости, потому что его наслаждение тогда не увядает, а еще более процветает. Для прелюбодеев, развратников, корыстолюбцев, чревоугодников старость полагает конец наслаждению; а для людей, живущих добродетельно, она служит к умножению наслаждений. Так, еще прежде геенны и тамошних мучений, всего этого достаточно, чтобы, тронуть нашу душу. Помня это, будем убегать порока и прилепляться к добродетели, будем любить Бога не за блага Его, а за Него самого. Таким образом, мы в настоящей жизни пойдем путем добродетели, который сам по себе тесен, но делается широким от доброй воли путников, и которого вершины да сподобимся достигнуть все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 8

"В конец о точилех".

Другой переводчик (Симмах): победная песнь (Ἐπινίκον) о точилех. Третий (Акила и Феодотион): победителю, о Гетеитиде. А в еврейском: ламанасси ал агеффие.

1 В конец, о точилех, псалом Давиду,

2. Господи Господь наш, яко чудно имя твое по всей земли, яко взятся великолепие твое превыше небес.

3 Из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу, враг твоих ради, еже разрушити врага и местника.

4 Яко узрю небеса, дела перст твоих, луну и звезды, яже ты основал еси:

5 что есть человек, яко помниши его? или сын человечь, яко посещаеши его?

6 Умалил еси его малым чим от ангел, славою и честию венчал еси его:

7 и поставил еси его над делы руку твоею, вся

1 В конец. О точилах. Псалом Давида.

2 Господи, Господь наш! Как чудно имя Твое по всей земле! Ибо величие Твое превознеслось выше небес.

3 Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу, ради врагов Твоих, дабы погубить врага и мстителя.

4 Как я посмотрю на небеса, дела перстов Твоих, на луну и звезды, которые Ты основал, -

5 То что такое человек, что Ты помнишь его? Или сын человеческий, что посещаешь его?

6 Ты умалил его малым чем пред Ангелами, славою и честью Ты увенчал

покорил еси под нозе его:	его,
8 овцы и волы вся, еще же и скоты польския,	7 И поставил его над делами рук Твоих, все покорил под ноги его:
9 птицы небесныя и рыбы морския, преходящыя стези морския.	8 Овец и волов всех, а также и скот полевой,
10 Господи Господь наш, яко чудно имя твое по всей земли.	9 Птиц небесных и рыб морских, проходящих стези морские.
	10 Господи, Господь наш! Как чудно имя Твое по всей земле!

"**Господи, Господь наш, яко чудно имя твое по всей земли**". Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **как велико (τί μέγα) имя твое** (ст. 1, 2).

1. В предыдущем псалме пророк сказал: "**Исповедаюсь Господу по правде Его и пою имени Господа Вышнего**" (Пс.7:18). Здесь он исполняет обещание, вознося Ему песнопение. В том псалме он говорил от одного лица: "**Господи, Боже мой! на Тебя я уповаю; спаси меня**" (ст. 2), а здесь от лица многих: "Господи, Господь наш! Как чудно имя Твое по всей земле!" Но умолкните и слушайте внимательно. Если на зрелище, когда поют сатанинские хоры, бывает великая тишина, чтобы слышать те пагубные песни, между тем как там хор состоит из шутов и плясунов, управляет ими какой-нибудь простой музыкант, поется сатанинская и пагубная песня, воспевается нечистый и злой бес, то здесь, где хор состоит из мужей святых, управляет им пророк, песнь поется не по внушению сатаны, а по благодати Духа, и воспевается не бес, а Бог, не должно ли хранить глубокое молчание и слушать с трепетным благоговением? В нашем хоре участвуют и горние силы, потому что и горние хоры, херувимы и серафимы, исполняют тоже дело – непрестанно воспевают Бога. Из этих хоров некоторые являлись и на земле и пели вместе с бодрствовавшими пастырями (Лк.2:13). Выслушаем же и это песнопение. Воспевающие царей земных говорят им о власти, о трофеях, о победе, исчисляют побежденные ими народы, называют их победоносцами и покорителями варваров, и т. д. Подобную песнь воспевает и блаженный Давид. Он говорит о победе, о трофее, о покорении врагов, не таких, как те, но гораздо опаснейших. И смотри, как начинает он: "**Господи, Боже наш!**" Для других, неверующих в Бога, Он есть Господь в одном отношении, а для нас в двух: потому, что Он создал нас из ничего, и потому, что мы знаем Его. Видишь, как пророк в самом начале высказывает главное Его благодеяние. Если ты узнаешь, как Он сделался твоим Господом, как Он нас, отчуждившихся, бывших врагами и омертвевших, сделал своими и оживотворил, то ясно увидишь, что это есть главное Его благодеяние.

Этому удивляясь, пророк и говорит: "**как чудно имя Твое**", т.е. удивительно в высшей степени; а как именно удивительно, он не сказал, – потому что не мог измерить этого, – только выразил усиленно и возвышенно. Где те, которые исследуют существо Божие? Если пророк, высказав имя Его, так удивился, что пришел в изумление, то какое извинение могут иметь те, которые говорят, будто они знают существо Божие, тогда как пророк не мог знать даже того, как удивительно имя Его? "**Как величественно имя Твое**".

Этим именем разрушена смерть, связаны бесы, отверсто небо, открыты двери рая, ниспослан Дух, рабы сделались свободными, враги – сынами, чужие – наследниками, люди – ангелами. Что я говорю: ангелами? Бог стал человеком, и человек Богом; небо приняло естество земное, и земля приняла Сидящего на херувимах среди воинств ангельских; отнято средостение, разрушена ограда, соединено разделенное, рассеян мрак, воссиял свет, поглощена смерть. Представляя все это и гораздо большее этого, пророк громогласно говорит: "**как величественно имя Твое по всей земле!**" Где теперь сыны иудейские, бесстыдно отвергающие истину? Охотно желал бы я спросить их, о ком говорится это. Скажут: о Вседержителе? Но имя Его не было "**чудно**" по всей земле, как свидетельствует и Исаия, когда говорит: "**всякий день имя Мое бесславится**" (Ис.52:5). Если же служившие Ему были виновниками хулы на Него, то как же оно было "**чудно**"? Что оно чудно по существу своему, это, несомненно; между людьми же оно тогда у многих не было чудно и даже подвергалось прозрению. Но теперь – не так; когда пришел Единородный Сын Божий, тогда имя Его везде стало чудным вместе с Христом. "От востока солнца", говорит пророк, "**до запада велико будет имя Мое между народами**" (Мал.1:11); и еще: "**на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву; а вы хулите его**" (Мал.1:11,12); и другой; "**земля будет наполнена ведением Господа**" (Ис.11:9); и еще: "**только ложь наследовали наши отцы, пустоту**" (Иер.16:19).

2. Видишь ли, что все это сказано о Сыне? Его имя сделалось чудным по всей земле. "**Ибо величие Твое превознеслось выше небес**". Другой переводчик (Симмах) говорит: Ты, который положил хвалу твою превыше небес. Сказав о земле, он обращает речь и к небу, как обыкновенно и всегда делает, когда представляет всю вселенную прославляющею своего Владыку. Тоже самое выражая и здесь, он говорит: чудно внизу, чудно и вверху. Не люди только, но и ангелы воспевают совершенное Им и воссылают благодарность за благодеяния, оказанные людям, как сделали они в начале, составив на земле свои хоры. Таким образом, он говорит или то, что и ангелы воспевают, или хочет изобразить величие Божие. Когда Писание хочет выразить что-нибудь великое, то указывает на расстояние между этими предметами, напр., когда говорит: "**как небо высоко от земли**" (Пс.102:11); и еще: "**как далек восток от запада, так удаляет Он от нас преступления наши**" (Пс.102:12). Итак, здесь пророк изумляется совершившемуся, как оно велико, как важно, потому что существо, которое ниже всех, Бог поставил выше всех. "**Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу**" (ст. 3). Другой переводчик (Акила) говорит: из уст младенцев основал державу; третий (Симмах и неизвестный переводчик. См. Ориг. Экз.): составил силу. А смысл слов его следующий: Ты показал силу свою особенно тем, что привел в деятельность способность недействующую и сделал лепечущий язык ясным для славословия. Здесь он предвозвещает то славословие детей, которое было в храме (Мф.21:15). Но почему Он, оставив другие чудеса, – воскрешение мертвых, очищение прокаженных, изгнание бесов, – упоминает об этом чуде с детьми? Потому, что те чудеса бывали и прежде, хотя не так разительно, однако бывали, т.е. бывали подобные им, хотя не по способу совершения. Так Елисеем был воскрешен мертвый и очищен прокаженный (4Цар.4:85; 5:14); Давидом был прогоняем бес, когда Саул бесновался (1Цар.16:23); а хор грудных младенцев говорил тогда в первый раз. Дабы иудей не стал бесстыдно утверждать, что это сказано о чудесах ветхозаветных, пророк избрал знамение, бывшее тогда в первый и единственный раз. С другой стороны это событие было прообразом апостолов. И они, будучи совершенно младенцами и безгласнее самих рыб, уловили всю вселенную. А что в этом особенно открывается сила Божия, смотри, что в ветхом завете пророки говорят об Отце Его. Беседуя с Моисеем, Бог говорит: "**кто дал уста человеку? кто делает немым, или глухим, или зрячим, или слепым**" (Исх.4:11)? Еще: *дающий ясен язык гугнивым* (Ис.35:5,6). И еще: *Господь дает мне язык научения, чтобы разуметь, когда подобает говорить слово* (Ис.50:4). И в начале сказал: "**сойдем же и смешаем там язык их**" (Быт.11:7). Итак, велико и сильно это знамение. Касательно других люди

бесстыдные могли, хотя и неосновательно, иметь какое-нибудь подозрение, а здесь не могли сказать ничего, потому что здесь простая природа говорила сама за себя. Поэтому он не сказал только: "**младенцев**", чтобы кто не разумел под ними людей незлобивых и простых, но прибавил: "**грудных**", указанием на пищу определяя возраст их; не сказал только: "**младенцев**", но прибавил: грудных, еще никогда не принимавших твердой пищи. В самом деле, удивительно не только то, что они произносили слова, и слова ясные, но и то, что этими словами выразили бесчисленные блага. Чего еще не знали апостолы, то воспевали дети. Кроме того, пророк здесь внушает и нечто другое, именно то, что приступающие к божественному учению должны быть детьми в душе своей. Подлинно, кто не обратится к царству небесному, как дитя, говорит Господь, тот не может войти в него (Мф.28:3). "**Ради врагов Твоих**". Показывает и причину, почему произошло это чудо. Прочие чудеса были не для врагов, но для того, чтобы приступавшие получали благодеяния и другие научались; а это чудо произошло не для того только, но и с тем, чтобы заградить уста врагам, на которых другой переводчик (Акила и Феодотион) точнее указывает словами: для связующих тебя, так как они, связав Его, вели на крест. "**Дабы погубить врага и мстителя**".

Другой (Акила, Симмах и неизвестный переводчик. См. Ориг. Экз.): чтобы остановить врага и отмщающаго за себя. Пророк говорит здесь о народе иудейском, потому что иудеи гнали Христа, как врага, под тем предлогом, будто они делали это в отмщение за Отца. Поэтому Господь, не оставляя им такого оправдания, говорил: "**ненавидящий Меня ненавидит и Отца моего**" (Ин.15:23); и еще: "**верующий в Меня не в Меня верует, но в Пославшего Меня**" (Ин.12:44), – всегда, и в чести и в бесчестии соединяя с Собою Отца. И смотри, с какою точностью выражается пророк. Не сказал: наказать, но: *разрушити*, что другой яснее выражает словом: *остановить,* т.е. прекратить их бесстыдство, а не научить, потому что они были неизлечимо больны. Потому они, видя такое чудо и не имея ничего сказать против него, обращались ко Христу и говорили: не слышишь ли, "**что они говорят**" (Мф.21:16)? Тогда как следовало покланяться и удивляться Ему, они были в большом недоумении, и вместо того, чтобы говорить друг другу, каждый своему ближнему: не "**слышишь ли, что они говорят!**" – они, не обращаясь к самим себе, говорили это Христу. Но почему не был слышен глас ангельский? Потому, что они подумали бы, что так им только слышится, а против того чуда они не могли сказать ничего. Что же говорили дети? Они не говорили ничего странного, ничего противного, ничего такого, что могло бы оскорбить их, но весьма ясно выражали согласие Сына с Отцом. "Благословен", говорили они, "**Грядущий во имя Господне!**" (Мф.21:9).

3. Итак, тогда Он обличил их бесстыдство, а после разрушил и город их. И нет места во вселенной, где не знали бы несчастий иудеев; но как страждущие телесным уродством везде ходят, показывая свои раны, и как судьи, предав смерти многих убийц, одного из них выставляют на виселице, чтобы и по смерти их казнь над ними, как бы лишь только совершенная, вразумляла живых, – так точно и иудеев, не мертвых, а живых, Бог поставил в пример всем, рассеяв их: жившие прежде в одной стране, они теперь рассеяны по всей земле. Если ты спросишь о причине, то не узнаешь никакой другой, кроме той, что они распяли Христа. В самом деле, скажи мне, почему этого никогда не бывало прежде? А если и было некогда, то они тогда отведены были к одному народу и на немногие годы, а теперь не так, – но они наказываются без конца. И если спросишь их: за что вы распяли Христа? – они говорят: за то, что Он был обманщик и волшебник. Но за это вам следовало бы удостоиться большей чести и получить в обладание обширнейшую страну, как угодившим Богу. Кто убил обманщика, волшебника и безбожника, тот убил врага Божия; а кто убил врага Божия, тот справедливо мог бы ожидать себе Его благоволения. Финеес, убив одну блудницу, так угодил Богу, что удостоился священства и такой чести

(Числ.25:12), а вы, которые должны были бы удостоиться гораздо большего благоволения, если убили обманщика, скитаетесь везде, как изгнанники и бродяги. Нет, не за что иное вы терпите это, как за то, что распяли Ходатая, Благодетеля и Учителя истины. Если бы Он был обманщик и безбожник, если бы Он, не будучи Богом, захотел быть Богом, и честь принадлежащую Отцу, присвоял себе, то вы должны были бы заслужить благоволение Божие гораздо больше Финееса, Самуила и всех других, как показавшие такую ревность о законе. Между тем ныне вы терпите то, чего не терпели и тогда, когда идолопоклонствовали, предавались нечестию, закалали детей; не видите конца своим бедствиям, но скитаетесь, как изгнанники, беглецы, бродяги и рабы римских законов; обходите сушу и море, как переселенцы, не имеющие ни города, ни дома, отданные в рабство, лишенные свободы, отечества, священства и всех прежних преимуществ, – рассеянные среди варваров и бесчисленных народов, ненавидимые всеми людьми, презренные и преданные всем на поругание. И, конечно, не за то вы не получили наград, что убили врага Божия, – это безрассудно и нелепо, – напротив то, что вы терпите ныне, свойственно убивающим не врагов Божиих, а умерщвляющим друзей Его. Но, скажут они, мы не говорим этого; мы терпим все это за грехи. Итак, неверные, теперь вы признаетесь? Скажите же мне, за какие это грехи? Разве теперь только вы стали грешниками? Напротив, теперь вы стали более послушными. Но пока не буду говорить об этом, а желал бы я спросить вас вот о чем: почему вы прежде, постоянно согрешая, получали милости от Бога, а теперь уже не получаете, и притом, – что особенно странно, – тогда как теперь вы грешите меньше? Тогда вы и Веельфегору приносили жертвы, и тельцу покланялись, и сыновей своих закалали, и дочерей своих умерщвляли, и притом видя такие знамения; а теперь не видите ни моря разделяющегося, ни камня разверзающегося, ни пророков, к вам являющихся, ни обычного промышления о вас Божия, и однако оказываетесь более послушными. Почему же, когда у вас и меньше грехов и больше благоразумия, вы терпите большее наказание и мучение? Не очевидно ли даже для людей самых неразумных, что нынешний грех ваш гораздо больше прежних? Пока вы грешили против рабов, умерщвляя и побивая камнями пророков, вы получали прощение; а когда подняли руки на Владыку, то ваша рана стала неисцелимою. И вот уже около четырехсот лет прошло с тех пор, как разрушено самое основание вашего города, отнято священство, уничтожено царство, перемешаны колена, исчезло все славное и знаменитое у вас, так что не осталось и следа, – чего прежде никогда не бывало. В древности, хотя храм и был разрушен, оставались и пророки, и дары Духа, и чудеса; теперь же, дабы вы ясно видели, что Бог постоянно отвращается от вас, все это отнято; вас постигло рабство, пленение, лишение всех благ, а что всего тяжелее, – вы оставлены Богом.

4. С вами Бог поступил подобно тому, как если бы кто-нибудь раба, многократно наказанного и не исправившегося, лишив одежды, пустил скитаться нагим и одиноким бродягою, просить милостыни и быть изгоняемым отовсюду. А прежде у вас было не так: у вас были пророки и в Египте, и в Вавилоне, и в пустыне – в Египте Моисей, в Вавилоне Даниил и Иезекииль, в Египте опять Иеремия, – и чудеса за чудесами. Народ ваш был знаменитейшим, так что пленники, происходившие от вас, бывали выше царей. Теперь же ничего этого нет, но остается наказание, тягчайшее прежних, не только по продолжительности времени, но и по великому отвержению. Почему же, скажите мне, когда вы больше грешили, тогда пользовались таким о вас попечением, а когда, как вы говорите, показали ревность о законе, тогда подверглись тягчайшим бедствиям? Этим вы обвиняете Бога в несправедливости, т.е. будто Он согрешающих удостаивал чести, а сделавших доброе дело подверг бесчестию. Если вы убили обманщика, как вы говорите, то вы сделали доброе дело, и если Бог справедлив, как и действительно Он справедлив, то вас следовало бы наградить, а не наказывать; если же Он наказывает, то, очевидно, что настоящие грехи ваши тяжелее прежних. Если теперь вы не предаетесь нечестию и не закалаете детей, как прежде, то какой же это другой грех, за который вы подверглись

тягчайшим бедствиям? Не очевидно ли, что злодеяние распятия есть верх преступлений? Оно погубило вас больше идолопоклонства, изваяния тельца и детоубийства, – потому что не одно и тоже – заклать своего сына, или распять своего Владыку. Вот почему, когда ты закалал сыновей своих, то получал прощение, а когда заклал Сына Божия и твоего Владыку, тогда наказываешься уже без всякой пощады.

Сколько было лет от исхода из Египта до пришествия Христова? Думаю, тысяча пятьсот с лишком. Почему же в течение всех этих лет Бог терпел грехи ваши, а теперь отверг вас, тогда как особенно следовало бы увенчать вас, хотя бы вы совершили много других грехов? Ваше дело весьма велико, если вы убили обманщика; притом вы теперь, по-видимому, и субботы храните, и идолам не покланяетесь, и другие постановления стараетесь соблюдать. Следовательно, когда и жизнь ваша лучше, и дело, совершенное вами, так прекрасно, как вы говорите, тогда вы и терпите крайние бедствия. Что может быть хуже такого безумия? Что может быть безрассуднее того, как вы, желая оправдать самих себя, произносите хулу на Бога? В самом деле, если грех против Христа не больше всех других, и даже, как вы говорите, есть справедливое и доброе дело, то почему Бог вас, сделавших добро, наказывает, а совершавших грехи щадил? Этого не только Бог, но и никакой здравомыслящий человек никогда не решится сделать. Но что говорят они на это? Мы рассеяны для того, – говорят они, – чтобы сделаться учителями вселенной. Это – нелепость и пустословие. Будущим учителям следует наперед самим быть добродетельными и тогда выходить на это дело, каковы и были пророки и апостолы. А те, которые сами развратны и исполнены всяких пороков, как могут быть посланы учить других? Посмотрим, какова была их прежняя жизнь, – и мы найдем, что они были хуже диких зверей. Они были и отцеубийцами, и детоубийцами, и идолопоклонниками, и корыстолюбцами; сказаниями об этом наполнены пророчества. Изображая их сладострастие, Иеремия говорит: "**это откормленные кони: каждый из них ржет на жену другого**" (Иер.5:8). Что может быть хуже такой нечистоты? Они, не как люди, совокуплялись с женами друг друга; потому он и назвал такое неистовство их ржанием. И не в блуде только он обвиняет их, но и в прелюбодеянии, которое притом совершалось так бесстыдно, как у бессловесных животных. Другой пророк говорит: "**даже отец и сын ходят к одной женщине; на одеждах, взятых в залог, возлежат**" (Ам.2:7,8). Не для того ли, скажи мне, Бог послал вас учителями, чтобы мы научились блуду и прелюбодеянию и тому, что отцу и сыну должно иметь одно ложе? А из что говорит Иезекииль? "**Даже не поступаете**", говорит он, "**и по постановлениям язычников**" (Иез.5:7). Не тех ли, скажи мне, которые были хуже язычников, Он послал учителями? А кто может вынести их отвратительные убийства? Они закалали в жертву бесам сыновей и дочерей своих и сжигали их. Это показывает Давид: "**приносили**", говорит он, "**сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам**" (Пс.105:37). Не для того ли Бог послал вас, чтобы род человеческий научился, что должно закалать сыновей и дочерей? И вы не стыдитесь, не смущаетесь, сочиняя такие нелепости! И другой пророк говорит: "**клятва и обман, убийство и воровство, и прелюбодейство крайне распространились, и кровопролитие следует за кровопролитием**" (Ос.4:2). И третий: "**у тебя был лоб блудницы, ты отбросила стыд**" (Иер.3:3). И четвертый: "**князья его посреди него – рыкающие львы**" (Соф.3:3). И еще: "**Господь с небес призрел на сынов человеческих, чтобы видеть, есть ли разумеющий, ищущий Бога. Все уклонились, сделались равно непотребными; нет делающего добро, нет ни одного**" (Пс.13:2,3).

5. Не этому ли вышли вы учить, – бесстыдству, безумию, блуду, прелюбодеянию, убийствам и всякого рода порокам? Но перестанете ли вы вынуждать нас объявлять ваши преступления? Вы – *носимые от чрева и наказуемые даже до старости* (Ис.46:3); вы – слепцы, которые ввергаете друг друга в яму: "**если слепой ведет слепого**", говорит Господь, "**то оба упадут в яму**" (Мф.15:14); вы ежедневно пользуетесь пророками и

никогда не делаетесь лучшими; и вы ли хотите быть учителями других? Когда же вы перестанете пустословить и сознаетесь в своей порочности? Это всегда и губило вас – нежелание сознать причину бедствий в грехах ваших. Вот почему, подобно тому, как поступают судьи, приказывая следовать за приговоренными на казнь глашатаям, объявляющим причину наказания – воры ли они, ила грабители, так точно и Бог, желая везде возвестить о вас, повелел следовать за вами пророкам, которые объявляют причину вашего наказания. Они по всей вселенной находятся неразлучно с вами, и доныне еще говорят вам. Если войдешь в синагоги, то услышишь их? постоянно говорящих это самое. Давид, описывая разбойничье судилище Каиафы, говорит, что за это именно вы и погибли. Сказав: "**расторгнем узы их, и свергнем с себя оковы их**", он присовокупляет: "**тогда скажет им во гневе Своем и яростью Своею приведет их в смятение**" (Пс.2:3,5). Также Исаия, сказав: "**как овца, веден был Он на заклание**", присовокупляет: "**Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого**" (Ис.53:7,9); и в другом месте, беседуя о винограднике, говорит: "**ждал Он правосудия, но вот – кровопролитие; ждал правды, и вот – вопль**" (Ис.5:7), – какой вопль? "**Распни, распни**" (Лк.23:21), – и присовокупляет*:* потому "**оставлю его в запустении: не будут ни обрезывать, ни вскапывать его, – и зарастет он тернами и волчцами, и повелю облакам не проливать на него дождя**" (Ис.5:6). Итак, не за то вы рассеяны (как вы говорите), но за свои дерзкие преступления при кресте, как видно из пророков. А чтобы вы познали силу Христову и научились от вас самих тому, чему не научились от пророков, посмотрите, как сами дела свидетельствуют о том; чему закон не научил вас, то с избытком сделала сила Христова. Пока вы имели закон, вы и совершали убийства, и закалали детей, и прелюбодействовали, а когда воссияло Солнце правды, то и ваши злодеяния много уменьшились и вы стали вести жизнь более скромную, исправившись из соревнования нам. Бог рассеял вас для того, чтобы вы узнали, какую водворил Он жизнь на земле; разрушил храм для того, чтобы против вашей воли отклонить вас от пороков; и где разрушен храм, там и погребен Христос, дабы, удаляясь оттуда по причине гроба Его, вы видели и трофей силы Его, и верность слова, которое сказал Он: "**не останется здесь камня на камне**" (Мф.24:2). Впрочем, трофей Его и памятники силы Его – везде. Если же Он, как вы говорите, был нечестивец и безбожник, то, хотя бы вы совершили бесчисленное множество грехов, вас не следовало наказывать; а если и следовало, то – не в тогдашнее время, дабы кто не подумал, что вы получаете наказание за Него. Не слышали ли вы, как Бог говорил, когда вы были в плену: "**не для вас Я сделаю, а ради святаго имени Моего, которое вы обесславили**" (Иез.36:22)? Весьма велики были тогда пороки ваши; но, говорит Он, дабы иноплеменники не подумали, что Я бессилен, Я оставляю грехи ваши и спасаю вас. Если же тогда Он спасал вас, делавших беззакония, чтобы не хулилось имя Его, то почему не сделал бы Он этого теперь? Хотя бы вы совершили бесчисленное множество грехов, вам не следовало бы терпеть такие бедствия, если бы Христос был обманщик, – дабы кто не подумал, что вы терпите за Него, – а следовало бы получить спасение; если же и следовало терпеть, то, как я сказал, не в тогдашнее время. Между тем все это совершилось вместе. Как скоро явился крест и чрез несколько времени после того, как вышли апостолы, тотчас началась жестокая война против того города, и сказанное в Евангелиях: "**горе же беременным и питающим сосцами**" (Мф.24:19) и все прочее исполнилось, и слова: "**будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне**" (ст. 21), оправдались на деле. Тогда жены ели детей своих, враги расторгали внутренности мертвых, огонь неприятельский везде производил опустошения, все наполнилось кровью и нового рода бедствиями, и вся вселенная услышала о несчастиях иудеев. Вникните же в это, и признайте вашего Владыку. Разве вы не убивали пророков? – и однако не испытывали ничего подобного. Разве вы не разрушали жертвенников? – и, однако не случалось с вами такого бедствия. Разве вы не покланялись тельцу, не служили Веельфегору, не восставали против природы? – и, однако не подвергались таким неприятелям. Разве вы не оказывались неблагодарными среди самих благодеяний? – и,

однако были спасаемы. Почему же теперь постигли вас беспредельные бедствия? Не потому ли очевидно, что вы дерзнули согрешить уже не против рабов, а против самого Владыки? Поэтому и нет вам избавления от постигших вас бедствий, и не будет. Если бы оно имело быть, то предсказали бы пророки. Между тем, предсказав этот плен, они нигде не сказали о возвращении из него, хотя постоянно соединяли угрозы с утешениями и определяли время их. Так Иеремия определенно сказал о семидесяти годах (вавилонского плена, Иер.29:10), и Даниил о трех седьминах с половиною (Дан.9:23); также сказано было, что в Египте вы будете рабствовать четыреста тридцать лет (Быт.15:13; Исх.12:40). Что же касается до этого плена, то нигде не определено ни времени, ни конца его, но "**оставляется вам дом ваш пуст**" (Мф.23:38), и обстоятельства ваши с каждым днем становятся хуже и хуже.

6. Все это соображая тщательно и выводя отсюда дальнейшие заключения ("**дай**" – говорится – "**наставление мудрому, и он будет еще мудрее**" Притч.9:9), вы можете обличать бесстыдство и неблагодарность иудеев. "**Как я посмотрю на небеса, дела перстов Твоих**" (ст. 4). Другой переводчик (неизвестный. См. Ориг Экз.) говорит: *вижу бо небеса*. *Луну и звезды, которые ты основал*. Другой (Акила и Феодотион): *уготовал* . Третий неизвестный переводчик, см. Ориг Экз.: *утвердил* . Сказав: Ты ниспроверг врагов, пророк представляет и подтверждение столь блестящей победы. Ты, говорит, распятый, преданный смерти, явился Создателем вселенной. Поэтому и говорит: "**посмотрю на небеса**", выражая, что прежде немногие знали это, а впоследствии времени узнают все. Но почему он не исчисляет всех частей вселенной? Потому что, упомянув о главнейших предметах видимых, он не имел нужды говорить о всех других. Враги ниспровергнуты так, что гонимый ими и преданный смерти явился Создателем всего видимого. А почему он не сказал: рук твоих, но: "**перстов Твоих**". Дабы показать, что все видимое есть легкое дело силы Его, и указать то чудо создания, что звезды, будучи повешены, не падают. Хотя основанию не свойственно висеть вверху, а свойственно лежать внизу, но Создатель, как превосходный художник и совершитель чудных дел, создал многое в видимом мире не по обыкновенным законам природы. А почему он не говорит ничего о силах бестелесных и в этом не показывает Его творчества? Потому, что предметом пророка было научить слушателей касательно мира видимого. Поэтому и Отец Его часто, беседуя с иудеями, не говорит: Я сотворил ангелов и херувимов, но: "**Моя рука основала землю, и Моя десница распростерла небеса**" (Ис.48:13); и вообще всегда распространяется о предметах видимых, направляя все к спасению слушателей, потому что они, будучи грубы, увлекались более видимым, чем невидимым. Поэтому и Павел, во вступлениях речей своих, всегда начинает с видимых тварей: "**Бог**", говорит, "**сотворивший мир и всё, что в нем**" (Деян.17:24), и всегда упоминает о ежегодных дождях и роде человеческом. И действительно, если я скажу, что Бог сотворил херувимов, то мне нужно доказывать два предмета: что херувимы существуют, и что Бог сотворил их; а касательно вещей видимых, мне нужно только показать, что Он сотворил их. Следовательно, говорить об этом удобнее, потому что самая видимость служит свидетельством сказанного. Слушатель видит и величие, и красоту, и пользу, и постоянство, и благоустройство этих вещей; а мне нужно только показать, что Бог сотворил их. Почему же он же упомянул о солнце, а только о луне и звездах? Сказав о них, он подал мысль и о нем. Так как некоторые отделяют ночь от созданий Божиих, то он, обозначив ее луною, показывает, что Бог есть и ее создатель. Притом немало разнообразия и в звездах, и в явлениях лунного течения. "**Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?**" (ст. 5) Другой переводчик (неизвестный) говорит: *что каждый человек*, *что помнишь его.* Третий (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) вместо: *посещаешь,* говорит: *посетить его*. Сказав о сотворенной природе и посредством части означив целое, пророк обращает теперь речь к промышлению о людях. Хотя и упомянутые создания существуют для нашего рода и суть доказательства промышления, которым он

пользуется, – потому что все твари для человека, – но пророк касается и другого вида промышления, начиная говорить о нем не вдруг, но с великой предусмотрительностью, воздав благодарность за вселенную и сказав о всеобщих благодеяниях, а потом уже и представляя величие попечения, относящегося к человеку. Если и прежде человек был ничто, то тем более он таков после столь многих и великих грехов, когда пришел Христос. Таким образом, он показывает, что пришествие Христово было делом не только пощады, но и великого человеколюбия. Подлинно, Бог, как превосходный врач, оставив здоровых, пришел к нам – больным, ничтожным. Представляя это, он и говорил: "**Что есть человек**"? Иначе сказать: он – ничто, существо ничего не значащее. Видя такое промышление, такое попечение и такие распоряжения, какие сделал Бог для спасения человеческого рода, он крайне удивляется и изумляется, почему Он удостоил человека такого промышления. Представь, что для него все видимое, для него все распоряжения от Адама до пришествия Христова, для него рай, заповеди, казни, чудеса, наказания и благодеяния, во времена закона, для него Сын Божий сделался человеком. А что сказать о благах будущих, которыми он будет наслаждаться? Представляя все это, пророк и говорит: что такое человек, что он удостоен таких благ?

7. Действительно, кто представит себе, сколько для человека сделано и делается, и сколько получит он впоследствии времени, тот исполнится великого изумления и ясно увидит, как печется Бог об этом творении. "**Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его**" (ст. 6). Другой переводчик (Акила, Симмах и Феодотион) говорит: *малым чим от Бога*. Третий (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): *немного от Бога*. В еврейском: *ты унизил его немного пред Богом* (уфасиу мат ми елоим). Здесь пророк упоминает об осуждении и древнем грехе, указывая на смерть. Но Единородный, пришедши, разрушил и ее. "**Славою и честью увенчал его**". Другой (Акила и неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): *славою и достоинством увенчаешь его*. Это можно понимать и исторически, и в переносном смысле. Пророк говорит и о власти человека, которая дана была ему при сотворении; говорит и о последующих благах, которые получил он, по пришествии Христовом. В начале человеку было сказано: "**да страшатся и да трепещут вас все звери земные**" (Быт.9:2); и еще: "и да владычествуют они над рыбами морскими" (Быт. 1:26). А впоследствии сказано: "**даю вам власть наступать на змей и скорпионов**" (Лк.10:19). Но, оставив высшее, он ведет речь о низшем, предоставляя о первом рассуждать тем, которые могут видеть яснее. А большая слава и честь в том, что есть в новом завете, когда человек имеет главою своею Христа, когда он делается телом Его, когда он становится братом и сонаследником и образом тела Его, когда он получает славу большую, нежели Моисей, как сказал Павел: "**мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа**"; потому и замечает: "**то прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы последующего**" (2Кор.3:10,18). Об этой славе пророк говорит в переносном смысле. И подлинно, что может сравниться с такою славою, когда мы составляем хоры вместе с ангелами, когда получаем усыновление Богом, когда Он не щадит за нас Единородного Сына? Какой порфиры, какой диадемы не блистательнее то, когда мы посмеваемся смерти, когда мы достигаем бесстрастия сил бесплотных, тогда как прежде были бесчестными, бесславными и презренными? Адам, не сделавши ничего ни худого, ни доброго, был удостоен чести тотчас по сотворении, – потому что как он мог сделать что-нибудь, не существуя? – а мы, сделавши бесчисленное множество грехов, получили гораздо большую честь. "**Я уже**", говорит Господь, "**не называю вас рабами: Вы друзья Мои**" (Ин.15:14,15). Нас уже не стыдятся ангелы, но даже служат нашему спасению, – так, ангел приходил к Филиппу и ко многим другим, – и благовествовали людям. Теперь мы наследники не земных благ, но имеем общение в благах небесных, соучастники Христа и "**призваны в общение Сына Его, Господа нашего**" (1Кор.1:9). Все это пророк выражает

"**славою и честью**". Потому другой переводчик и говорит: славою и честью увенчаешь его, предвозвещая будущее. "**И поставил его над делами рук Твоих; все положил под ноги его**" (ст. 7). Другой (Феодотион): *сделал его властителем дел рук твоих*. "**Все положил под ноги его: овец и волов всех, и также полевых зверей**" (ст. 7-8). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): *зверей диких*. "**Птиц небесных и рыб морских, все, преходящее морскими стезями. Господи, Боже наш! Как величественно имя Твое по всей земле!**" (ст. 9,10). Как беседуя о сотворении, он не только касается горних сил, но низводит речь и к вещам чувственным, так, и говоря о чести, дарованной людям, и коснувшись сокровенных и бестелесных благ, которые исчислены, он теперь особенно останавливается на предметах чувственных, которые представлялись яснее для людей более грубых. На чем же именно? На земной власти, данной человеку.

И то чудно, – и особенно отмечено им, – что человека, удостоенного чести до преступления, Бог не лишил этой чести и после греха. "**Не много**", говорит, "**Ты умалил его пред Ангелами**", т.е. согрешившего Ты осудил на смерть, и однако, после осуждения на смерть, не лишил его этого дара. Вот почему, сказав о первом, он потом уже говорит о последнем, чтобы показать неизреченное человеколюбие Божие, по которому Он и умаленного человека, за собственное его преступление, оставил увенчанным честью славы и не лишил его власти. А если несколько и лишил, то и это было делом Его попечения. До преступления человек имел власть и над дикими зверями; но после преступления эта власть несколько уменьшена, потому что, хотя он властвует над ними и теперь некоторыми искусственными средствами, но со страхом и трепетом. Бог и не всю отнял у него власть и не всю оставил ему; но тех животных, которые годны ему для пищи и работы, оставил во власти его, а более диких – уже нет, дабы человек в борьбе с ними воспоминал о древнем грехе праотца Адама. Таким образом, и из того, что они не вполне подчинены нам, произошла великая польза. И какая нам польза – иметь у себя ручным и подчиненным льва? Какая польза – иметь в своей власти леопарда? Никакой; но это повело бы только к тщеславию и гордости. Поэтому Бог и оставил их вне нашей власти; а полезных животных сделал подвластными нам, – вола, возделывающего землю, овцу, доставляющую одеяние для наготы телесной, вьючный скот, служащий к перевозке движимостей, птиц и рыб, годных к тому, чтобы стол наш был обильнее.

8. Как иногда кто-нибудь, лишая сына наследства, лишает его не всего имущества, но некоторой части, чтобы вразумить его, так точно поступил и Бог, или – лучше – не так, а иначе. Когда человек лишает сына наследства, то лишает большей части, а меньшую оставляет ему; а Бог, оставив большую, лишил некоторой малой части, и притом для пользы человека, чтобы он не легко получал все прочее. Но и это есть дело попечения Божия. Чтобы изощрить ум человека, низложить высокомерие и предотвратить неуместную праздность, – так как он, получая все легко, предался бы беспечности, – Бог соединил удовлетворение жизненных потребностей с некоторою трудностью и сделал, что он приобретает и не все с трудом и не все без труда. То, что составляет необходимость, Он дозволил человеку иметь без особенного труда и усилий, а что относится к удовольствию, то соединил с трудом и усилиями, желая пресечь и в этом излишнюю бесценность.

А если кто спросит: какая польза от диких зверей? – то мы скажем: во-первых, они производят в душе человека смирение, делают его деятельным, и, когда он слишком надмевается, напоминают ему о слабости его природы, если для него страшно бессловесное животное. Притом от них получается много лекарств для страждущих телесными болезнями. Кто спрашивает, для чего существуют дикие звери, тот пусть спросит также: для чего в нас мокроты и желчь? Ведь и они, умножившись чрез меру, действуют хуже дикого зверя и причиняют вред всему телу. Также есть в нас гнев и похоть, которые свирепее диких зверей терзают тех, кто не удерживает и не обуздывает

их. Что я говорю: раздражительность и гнев, когда даже глаз наш хуже дикого зверя подвергает нас страданиям, уязвляя жалкой любовью? Поэтому не будем спрашивать: для чего существует все это, но будем за все воздавать благодарность Владыке. Что розги для дитяти, то зверь для взрослых людей. Если и при стольких опасностях многие доходят до такой надменности, то представь, до какой степени распространилось бы зло, если бы отнять и эту узду. Вот почему и тело наше так устроено – болезненным, страстным, подверженным тысяче бедствий, и земля с трудом отдает принадлежащее ей, и вся жизнь наша сопряжена с усилиями. Так как настоящая жизнь есть училище, а покой и праздность губят многих из людей; то Бог сделал неразлучными с нею труды и усилия, чтобы ими, как бы какими уздами, удерживать высокомерие души. Впрочем, посмотри, как тварей, и плавающих в водной глубине и летающих в воздушной высоте, Владыка подчинил тебе посредством искусства. Но почему пророк не исчислил всех вещей видимых, растений, семян и дерев? Он в части выразил все, и предоставил любознательным самим исчислять это. Потом он оканчивает речь тем же самым, чем и начал: "**Господи, Боже наш!**", – употребляя те же выражения и прежде изложения, и после изложения. Будем же и мы постоянно повторять их, удивляясь попечению о нас Божию, изумляясь Его мудрости, человеколюбию, промышлению о нас. Это сказано нами в объяснение псалма. Если же хотите, то мы продолжим речь состязательную, и спросим иудеев: где младенцы подали голос? Где этот голос ниспроверг врага? Когда имя Божие было чудным? Они не могут указать другого времени, кроме того, которое светлее солнца являет силу истины. Потому пророк и говорить: "**взираю я на небеса Твои – дело Твоих перстов**", хотя еще Моисей сказал: "**в начале сотворил Бог небо и землю**" (Быт.1:1).

Впрочем, против иудеев достаточно и этого, и сказанного выше. Но так как некоторые и из не принадлежащих к обрезанным, подражая и соревнуя им, именно последователи Павла Самосатского, говорят, что Христос существует с того времени, как произошел от Марии, то мы спросим и их: если Христос существует с того времени, то как Он создал небеса? Пророк говорит здесь, что один и тот же и устроил хвалу "**из уст младенцев и грудных детей**", и сотворил небеса. Если же Он есть создатель вселенной, то Он был прежде небес и не от Марии получил начало, но был прежде Марии. И посмотри на мудрость пророка. Он не только представляет Его создателем, но и создавшим все с великой легкостью: "**взираю я на небеса Твои – дело Твоих перстов**" – не потому, чтобы Бог имел персты, но чтобы показать легкость создания всего видимого, и близкими к нам названиями научить нас тому, что выше нас. Подобным образом, когда пророк говорит: "**пядью измерил небеса, и вместил в меру прах земли**" (Ис.40:12), то означает не горсть, не пядь, но желает представить беспредельность силы Божией. Как же некоторые дерзают говорить, что Сын есть служитель (Бога Творца)? Тот, кто не всю свою силу привел в деятельность, когда надлежало сотворить небеса, – что я говорю: всю? – даже не меньшую часть ее, но малейшую, как может быть служителем? Как Он может быть служителем, если "**что творит Он, то и Сын творит также**" (Ин.5:19)? Как можно сказать: "**также**", если один – служитель, а другой Создатель? И как пророк называет эти дела Его делами, говоря в одном месте: "**в начале Ты, [Господи,] основал землю, и небеса – дело Твоих рук**" (Пс.101:26), а здесь: "**взираю я на небеса Твои – дело Твоих перстов**"? Дела принадлежат не служителям, а совершителям, и если кто есть только служитель, то дело приписывается не ему, а совершающему это дело. Следовательно, и прежде сказанное Моисеем сказано о Сыне: "**в начале сотворил Бог небо и землю**"; и: "**да владычествуют они над рыбами морскими**" (Быт.1:1,26). Совершивший хвалу "**из уст младенцев и грудных детей**", Он же и "**посетил**" человека.

9. То, что Моисей говорит об Отце, Павел относит к Сыну, выражая совершенное между Ними равенство. Если же святые безразлично приписывают сказанное об Отце Сыну, а сказанное о Сыне Отцу ("**все чрез Него начало быть**" – Ин.1:3), то где же дается Ему имя

служителя? Нигде не видно этого. Вот, скажете, о Нем сказано: тем. Но не тоже ли самое говорится и об Отце? И послушай, каким образом: "**верен Бог, Которым вы призваны в общение Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего**" (1Кор.1:9); еще: "**Павел, Апостол Иисуса Христа по повелению Бога**" (2Тим.1:1); и еще:

"**ибо все из Него, Им и к Нему**" (Рим.11:36). Для чего же вы называете Его служителем? Для того, говорят, чтобы почтить Отца. Но сын говорит: "**дабы все чтили Сына, как чтут Отца**", а кто не чтит Сына, тот, очевидно, не чтит и Отца (Ин.5:23). Что же, говорят, не называть ли Сына Отцом? Нет. Он не сказал: дабы вы называли меня Отцом, а что? – дабы Меня, остающегося Сыном, вы почитали, как Отца. Если же ты будешь называть Сына Отцом, то смешаешь все. Честь у Них – общая, а личные свойства – особенные. Для того Он и и сказал: "**Сына**" и "**Отца**", чтобы вы не сливали их личностей. А как Он требовал бы Себе равной чести, если бы не имел одного и того же существа с Отцом? Но, скажешь, почему же Христос говорит о Себе много уничиженного? Потому, что Он желает научить нас смирению, и потому, что был облечен плотью, и по причине бесчувственности иудеев, и потому, что надлежало приводить род человеческий к знанию мало-помалу, и по причине несовершенства слушателей; кроме того часто Он говорит применительно к понятиям слушателей. Самые высокие выражения означают одно только достоинство (существа Божия), или – лучше – что ты ни сказал бы о Боге, все это несравненно ниже существа Его и говорится применительно к нашим понятиям. Что например ты хочешь сказать о Нем? Что – Бог велик? Но этого мало сказать о Боге: великое, как бы оно ни было велико, ограниченно, а Бог беспределен; даже и этого мало сказать о Боге: зная, что Он не имеет предела, я не знаю, что такое – Он и где Он. Назовешь ли Его мудрым, или благим, и притом беспредельно, ты не скажешь ничего достойного существа Его; но к выражению должен присоединять и мысль богоприличную. Если же такие высокие названия не выражают вполне существа Божия, то какого прощения заслуживают те, которые стараются уменьшить и эти названия? Итак, будем убегать их собраний и, познав предвечное бытие Единородного, творческую силу и самобытную власть Его, нераздельность Его с Отцом, снисхождение Его домостроительства и разнообразное попечение промысла Его об нас (а всему этому и еще большему научает внимательных сокровище, заключающееся в этом псалме) – будем во всей точности соблюдать догматы и являть жизнь, достойную их, чтобы нам получить и будущие блага, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, честь и слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 9

"В конец о тайных сына, псалом Давида".

Другой переводчик (Симмах) говорит: победная о смерти сына Давиду.

Третий (Акила и неизвестный переводчик. См. Ориг. Экз.): о юности сына.

1. В конец, о тайных сына, псалом Давиду,	1 В конец. О тайнах сына. Псалом Давида.
2. Исповемся тебе, Господи, всем сердцем моим, повем вся чудеса твоя.	2 Исповедуюсь Тебе, Господи, всем сердцем моим, поведаю все чудеса Твои.
	3 Возвеселюсь и возрадуюсь о Тебе, воспою

3 Возвеселюся и возрадуюся о тебе, пою имени твоему, вышний.

4 Внегда возвратитися врагу моему вспять, изнемогут и погибнут от лица твоего.

5 Яко сотворил еси суд мой и прю мою: сел еси на прстоле, судяй правду.

6 Запретил еси языком, и погибе нечестивый: имя его потребил еси в век и в век века.

7 Врагу оскудеша оружия в конец, и грады разрушил еси: погибе память его с шумом.

8 И Господь во век пребывает, уготова на суд прстол свой:

9 и той судити имать вселенней в правду, судити имать людем в правоте.

10 И бысть Господь прибежище убогому, помощник во благовремениих, в скорбех.

11 И да уповают на тя знающии имя твое, яко не оставил еси взыскающих тя, Господи.

12 Пойте Господеви, живущему в сионе, возвестите во языцех начинания его:

13 яко взыскаяй крови их помяну, не забы звания убогих.

14 Помилуй мя, Господи, виждь смирение мое от враг моих, возносяй мя от врат смертных:

15 яко да возвещу вся хвалы твоя во вратех дщере сиони: возрадуемся о спасении твоем.

16 Углебоша языцы в пагубе, юже сотвориша: в сети сей, юже скрыша, увязе нога их.

17 Знаемь есть Господь судьбы творяй: в делех руку своею увязе грешник.

имени Твоему, Вышний,

4 При обращении врага моего вспять: изнемогут и погибнут они от лица Твоего.

5 Ибо Ты решил суд мой и тяжбу мою: воссел на престол Судящий по правде.

6 Ты наказал народы, и погиб нечестивый. Имя его Ты изгладил на век и в век века.

7 У врага совершенно истощилось оружие, и города Ты разрушил: погибла память о нем с шумом.

8 А Господь вечно пребывает, приготовил Он для суда престол Свой.

9 И Он будет судить вселенную по правде, будет судить людей по правоте.

10 И был Господь прибежищем убогому, помощником в нужное время, в скорбях.

11 И да уповают на Тебя знающие имя Твое, ибо Ты не оставил ищущих Тебя, Господи.

12 Пойте Господу, живущему в Сионе, возвестите среди народов дела Его,

13 Ибо, взыскивая за кровь их, вспомнил, не забыл вопля убогих.

14 Помилуй меня, Господи! Усмотри унижение мое от врагов моих Ты, Который возносишь меня от врат смерти,

15 Чтобы я возвещал все хвалы Твои во вратах дщери Сионовой. Возрадуемся о спасении Твоем.

16 Погрязли народы в пагубе, которую устроили: в той сети, которую они скрыли, увязла нога их.

17 Господь познается, совершая суды: в делах рук своих увяз грешник.

18 Да пойдут грешники в ад, все народы, забывающие Бога.

19 Ибо не навсегда забыт будет нищий,

18 Да возвратятся грешницы во ад, вси языцы забывающии Бога.

19 Яко не до конца забвен будет нищий, терпение убогих не погибнет до конца.

20 Воскресени, Господи, да не крепится человек, да судятся языцы пред тобою.

21 Постави, Господи, законоположителя над ними, да разумеют языцы, яко человецы суть.

22 Вскую, Господи, отстоя далече, презираеши во благовремениих, в скорбех?

23 Внегда гордитися нечестивому, возгарается нищий: увязают в советех, яже помышляют.

24 Яко хвалимь есть грешный в похотех души своея, и обидяй благословимь есть.

25 Раздражи Господа грешный: по множеству гнева своего не взыщет: несть Бога пред ним.

26 Оскверняются путие его на всяко время: отемлются судьбы твоя от лица его: всеми враги своими обладает.

27 Рече бо в сердцы своем: не подвижуся от рода в род без зла:

28 егоже клятвы уста его полна суть, и горести и льсти: под языком его труд и болезнь.

29 Приседит в ловителстве с богатыми в тайных, еже убити неповиннаго: очи его на нищаго призираете.

30 Ловит в тайне яко лев во ограде своей, ловит еже восхитити нищаго, восхитити нищаго, внегда привлещи и в сети своей.

31 Смирит его: преклонится и падет, внегда ему обладати убогими.

32 Рече бо в сердцы своем: забы Бог, терпение убогих не погибнет до конца.

20 Восстань, Господи! Да не преобладает человек, да судятся народы пред Тобою.

21 Поставь, Господи, законодателя над ними, да знают народы, что они люди.

22 Почему Ты, Господи, стал вдали? Презираешь благополучие (и) скорби?

23 Когда гордится нечестивый, раздражается нищий: увязают они в замыслах, которые обдумывают.

24 Ибо хвалим бывает грешник за похоти души своей и обидчик одобряется.

25 Раздражил Господа грешник, по великой дерзости своей (говоря): "не взыщет Он". Нет Бога пред лицем его.

26 Оскверняются пути его на всякое время, отстраняются суды Твои от лица его, над всеми врагами своими он господствует.

27 Ибо сказал в сердце своем: "не поколеблюсь, из рода в род (буду) без зла".

28 Уста его полны клятвы, горечи и лести, на языке его мучение и злоба.

29 Сидит он в засаде, в тайниках, с богатыми, чтобы убить невинного, глаза его подсматривают за нищим.

30 Подстерегает в потаенном месте, как лев в логовище своем, подстерегает, чтобы схватить нищего, схватить нищего, привлекши его сетью своею.

31 Смирит его, наклонится и упадет, когда он обладает убогими.

32 Ибо сказал в сердце своем: "Бог забыл, отвратил лице Свое, чтобы никогда не видеть".

33 Восстань, Господи, Боже мой! Да вознесется рука Твоя, не забудь убогих Твоих до конца.

отврати лице свое, да не видит до конца.

33 Воскресени, Господи Боже мой, да вознесется рука твоя, не забуди убогих твоих до конца.

34 Чесо ради прогнева нечестивый Бога? рече бо в сердцы своем: не взыщет.

35 Видиши, яко ты болезнь и ярость смотряеши, да предан будет в руце твои: тебе оставлен есть нищий, сиру ты буди помощник.

36 Сокруши мышцу грешному и лукавому: взыщется грех его и не обрящется.

37 Господь царь во век и в век века: погибнете, языцы, от земли его.

38 Желание убогих услышал еси, Господи, уготованию сердца их внят ухо твое.

39 Суди сиру и смирену, да не приложит ктому величатися человек на земли.

34 Отчего прогневал нечестивый Бога? Оттого, что сказал в сердце своем: "Он не взыщет".

35 (Но) Ты видишь, ибо Ты смотришь на страдание и озлобление. Да предан будет он в руки Твои: Тебе предоставлен нищий, сироте Ты будь помощником.

36 Сокруши мышцу грешному и лукавому, так что поищется грех его и не найдется.

37 Господь - Царь во век и в век века. Исчезните, язычники с земли Его!

38 Желание убогих Ты услышал, Господи, преданности сердца их вняло ухо Твое.

39 Оправдай сироту и смиренного, дабы не продолжал более человек величаться на земле.

"**Исповедуюсь Тебе, Господи, всем сердцем моим, поведаю все чудеса Твои**" (ст. 1-2).

1. Псалом этот продолжителен. И это есть дело мудрости Духа. Он сделал не все псалмы краткими, и не все продолжительными, но самим размером их сообщил разнообразие этой книге, продолжительностью возбуждая (слушателей) от лености, а краткостью облегчая труд. "**Исповедуюсь Тебе, Господи, всем сердцем моим, поведаю все чудеса Твои**". Исповедание бывает двоякого рода: оно есть или сознание собственных грехов, или приношение благодарности Богу. Здесь оно означает благодарность. Что же значит: "**всем сердцем моим**"? Со всею охотою и усердием, не только за благоденствие, но и за противное тому. То особенно и свойственно душе благодарной и любомудрой, чтобы благодарить Бога и в скорбных обстоятельствах, прославлять Его за все – не только за благодеяния, но и за наказания. Этим заслуживается большая награда. Принося благодарность за благодеяния, ты отдаешь долг; а, принося благодарность за бедствия, ты делаешь Бога должником своим. Кто наслаждается благоденствием и чувствует благодарность, тот исполняет должное, а кто терпит бедствия и прославляет Бога, тот приготовляет себе воздаяние. За такую благодарность Бог дарует много других благ и там и здесь, так что для нас бывают нечувствительными и сами бедствия. Никто не скорбит о том, за что благодарить Бога. Таким образом, отсюда мы можем получить еще другую

пользу – избавиться от скорби. Если ты лишишься имущества и будешь благодарить, то потеря не может огорчить тебя столько, сколько радует чувство благодарности. Это – тяжкий удар для диавола; это делает душу любомудрою; это научает нас истинному суждению о вещах настоящих. Многие из людей не имеет истинного понятия о здешних вещах; потому они и предаются скорби. Так помешавшиеся в уме страшатся того, что не страшно, часто боятся предметов несуществующих, убегают и от теней. Им подобны и те, которые страшатся потери имущества.

Такой страх происходит не от свойства самых вещей, а от нашей воли. В самом деле, если бы это само по себе было прискорбно, то надлежало бы скорбеть всем, лишающимся имущества; если же не все мы скорбим при потере его, то значит, это происходит не от свойства дела, но от несовершенства души. Как находящийся во мраке часто боится веревки, принимая ее за змею, ко всему относится подозрительно и друзей считает врагами, так и люди безрассудные, как бы находясь среди глубокой тьмы, не знают свойства вещей, но пресмыкаются в грязи и негодной травы не считают негодною травою. Преданные сребролюбию, они не чувствуют его зловония, а если бы отстали, то почувствовали бы. Как любящие безобразную женщину, когда оставляют свою страсть, тогда ясно видят ее безобразие, так бывает и с сребролюбцами. Но как, скажешь, могу я оставить эту любовь? Обратимся опять к тому же примеру. Как любящий безобразную женщину, если беспрестанно обращается с нею, то воспламеняет в себе печь, а если на несколько времени удаляется от нее, то страсть его мало-помалу прекращается, так и ты отстань на несколько времени, отступи немного, и это малое расстояние сделается великим, – только начни исправление. Ты имеешь лишний дом? Продай его и отдай нуждающимся, не думая, что ты теряешь его, но что приобретаешь; смотри не на потерю, а на происходящую отсюда пользу, не на то, что ты лишаешься его здесь, а на то, что делаешься полным господином его там. Так и ты всегда можешь возвещать чудеса Божии. Об этом говорится в начале псалма. Между тем человек сребролюбивый не может постоянно упражняться в этом; он постоянно заботится о доходах, торговых оборотах, условиях, товарах, завещаниях, цене полей, цене домов, барышах и выгодах; об них он думает и беспокоится непрестанно, потому что где сокровище человека, там и сердце его (Мф.6:21). Об этом говорит пророк, об этом заботится; как слуги постоянно пекутся о принадлежащем их господам, так и он печется о принадлежащем Господу: что Он заповедал, что исполнено, что еще не исполнено, но должно исполниться? Поэтому, увещеваю тебя, освободись от житейской многозаботливости и постоянно занимайся такими же размышлениями, и возвещай ежедневно совершающиеся чудеса Божии, частные и общие, простирающиеся на всех и на каждого порознь. Жизнь исполнена таких чудес, и с чего бы ты ни начал, с неба ли, или с земли, или с воздуха, или с животных, или с семян, или с растений, – везде найдешь обильное начало для повествования; захочешь ли говорить о прежних благодеяниях, бывших до закона, или под законом, или во времена благодати, или после смерти, или при самой смерти, – и здесь найдешь беспредельное море для повествования. Не безумно ли поэтому, при таком обилии предметов для повествования, которые могут доставить нам и удовольствие, и пользу, и благо для души, погружать ум свой в грязь, занимаясь рассказами о любостяжании и хищении?

2. Если угодно, оставив небесное, будем беседовать о земле, – ее величии, устройстве, назначении, свойствах, постоянном плодородии, различных и разнообразных ее произведениях, семенах, травах, растениях, цветах, лугах, садах. Затем представим вид каждого дерева, его положение, высоту, благоухание, плоды, благовременность, употребление и все прочее, также и саму землю, как возделанную, так и невозделанную, – потому что ничто в ней не остается бесполезным, приносит она то железо, медь, золото, серебро, то ароматы и различные и разнообразные лекарства. Кто может изобразить пользу вод, как пресных, так и соленых, назначение гор – месторождения различных

драгоценных камней, ключи, в них протекающие, деревья годные для кровли и строений? Все это – произведение пустыни. Она питает и животных и всех диких зверей. А кто может описать озера, источники, реки? Как рождающие женщины, получая запас молока, доставляют пищу новорожденным, так и земля, простирая реки и источники, как бы сосцы, доставляет обильное орошение лугам и садам. Но у женщин дитя должно приблизиться к сосцам матери, а здесь земля сама простирает свои сосцы, ниспуская их ко всем.

Пустыня доставляет и другую пользу. Она весьма благоприятствует телесному здоровью, доставляя возможность дышать чистейшим воздухом, обозревать с высоты всю вселенную, в уединении предаваться любомудрию и отдыхать от забот житейских. Кто может описать певчих птиц и образ жизни полевых зверей? Пустыня доставляет еще иную пользу. Она нередко служит для селений вместо стен, представляя возвышающиеся горы, пропасти и утесы. Кто может исчислить травы, в ней растущие, приносящие великую пользу страждущим телесными болезнями? Если же такова польза и так много благ от пустынь и гор, то, обратившись к земле возделанной, к ее широким полям, представь, какой здесь найдешь источник для повествования. Как в нашем теле есть кости, жилы и плоть, так и на земле есть горы, долины и тучные поля, и все это приносит пользу. Но что я говорю о земле, такой огромной стихии? Если ты захочешь изобразить только одно дерево, его вид, употребление, плоды, листья, благовременность и все прочее, то и здесь найдешь обилие предметов для повествования; также, если будешь беседовать о положении гор и о всем, сюда относящемся, или о самом человеке и устройстве его тела, то и здесь найдешь неисчерпаемое море для повествования. Итак, будем упражняться в этом; отсюда нам будет величайшее удовольствие, отсюда – польза, отсюда – неизреченное любомудрие. Потому и пророк, объясняя это, продолжает: "**возвеселюсь и возрадуюсь о Тебе, воспою имени Твоему, Вышний**" (ст. 3). Другой переводчик (Акила и Симмах) говорит: **и похвалюсь** (gauriásw). **Пою имени твоему, Вышний**. Другой (Симмах): **воспою имя** (Ásw tÓnoma) **твое**. Не маловажный вид любомудрия – в том, чтобы веселиться о Боге. Кто веселится о Боге, как должно, тот отвергает всякое житейское удовольствие. Что значить: "**возвеселюсь о Тебе**"? В том, говорит, моя радость, в том мое веселие, что я имею такого Владыку. Кто знает это удовольствие, как должно знать, тот не чувствует других удовольствий. Это есть удовольствие в собственном смысле, а все прочие только носят имя удовольствий, а на самом деле не таковы. Оно возвышает человека, оно освобождает душу от тела, оно возносит к небу, оно поставляет выше всего житейского, оно избавляет от зла. И весьма естественно. Если пленяющиеся красотою телесною не чувствуют удовольствия ни от чего другого в жизни, но стремятся только к одному – к лицезрению любимого предмета, то любящий Бога, как должно любить, может ли чувствовать что-нибудь приятное или прискорбное в настоящей жизни? Не может – ничего; он выше всего этого, наслаждаясь бессмертным удовольствием, потому что таков и предмет любви его. Любящие что-нибудь другое скоро и против воли забывают любимые предметы, так как они увядают и погибают; а эта любовь беспредельна, бессмертна, доставляет высшую радость и большую пользу, и тем самым еще более воодушевляет любящего, что никогда не уничтожается. "**Воспою имени Твоему, Вышний**".

Это особенно свойственно любящему. Любящие поют песнопения в честь любимых и, хотя бы сами не видели их, утешают себя пением. Тоже самое делает и пророк. Так как Бога видеть невозможно, то он составляет в честь Его псалмы, входит с Ним в общение посредством песнопений, воспламеняет свою любовь и как бы созерцает Его, или – лучше – посредством песнопений и псалмов возбуждает любовь к Нему во многих других. Как любящие превозносят своих любимых похвалами и везде прославляют имена их, так точно поступает и пророк: "**воспою**", говорит, "**имени Твоему, Вышний**".

3. Смотри, как он отрешился от земли и всем своим существом прилепился к тому (Высочайшему существу), предав себя Богу. Потому он непрестанно и повторяет имя Его, что так свойственно поступать любящему. "**При обращении врага моего вспять: изнемогут и погибнут они от лица Твоего**" (ст. 4). Другой переводчик (Сииммах) говорит; **так как обратились враги мои назад, преткнулись и исчезли от лица твоего**. И это особенно свойственно любящему, – чтобы постоянно говорить о благодеяниях любимого и восхищаться ими; это происходит от любви и опять возбуждает любовь. Не погрешит тот, кто скажет, что пророк говорит здесь и о невидимых врагах, потому что и они обращаются назад, когда встречают душу мужественную. Как копье, ударяясь о щит слабый, пробивает его, а, ударяясь о твердый и упругий, не причиняет ему никакого вреда, но затупившись отражается назад, так точно бывает и с душою. Если диавол находит душу слабую и беспечную, то бросаемые им стрелы проникают в глубину ее; когда же находит крепкую и сильную, то удаляется без успеха, не причинив ей никакого вреда, так что происходит двоякая, или – лучше – троякая польза: душе он не причиняет никакого вреда, но еще делает ее более крепкою, и сам от того становится более слабым. Смотри, как пророк возвещает силу Божию. "**Изнемогут и погибнут**", говорит, от "**от лица Твоего**". Слыша опять о лице Божием, не подразумевай ничего телесного. Здесь он выражает деятельность и явление Бога, и легкость, с какою действует сила Его, как говорит он в другом месте: "**Он посмотрит на землю, и заставит ее трястись**" (Пс.103:32). Тоже самое он выражает и здесь. Одного взгляда Его достаточно для того, чтобы погубить нечестивых. Если присутствие святых делает силу бесов бессильной, то тем более – присутствие Божие; если молния Его, являясь, устрашает всех, то представь, как нетленная сила Его устрашает и погубляет злых. Видишь ли свойство песнопений? Видишь ли способ славословия, как пророк возвещает силу Божию? Не маловажный урок любомудрия он преподает нам и здесь, в словах: "**воспою имени Твоему, Вышний, при обращении врага моего вспять**". Какой же именно? Тот, что он не только во время бедствий, но и во время благоденствия не забывался. Многие, будучи смиряемы бедствиями, делаются более ревностными в добродетели, а наслаждаясь благами, становятся нерадивыми и беспечными, как говорит он далее об иудеях: "**когда Он умерщвлял их, они искали Его**" (Пс.77:34). Но не таков был псалмопевец: он и во время благоденствия не забывался и бодрствовал. Не мало научают любомудрию и следующие слова: "**ибо Ты решил суд мой и тяжбу мою: воссел на престол Судящий по правде**" (ст. 5). Другой переводчик говорит (Акила): **защитил меня**. "**Ты наказал народы, и погиб нечестивый. Имя его Ты изгладил на век и в век века**" (ст. 6). Другой (Симмах): **ты погубил**. "**Имя его Ты изгладил на век и в век века**". Посмотри опять на любомудрие этого мужа: он не сам мстит врагам, но предоставляет суд Богу, исполняя заповедь апостола: "**не мстите за себя**" (Рим.12:19). И не только это нужно заметить, но и то, что он терпел бедствия незаслуженно. Если бы он терпел их не незаслуженно, то Бог не отомстил бы за него. "**Воссел на престол Судящий по правде**". Здесь он выражается человекообразно, представляя престол и седалище. Слова: "**по правде**" означают то, что особенно свойственно Богу и составляет отличительную принадлежность существа Его. О людях нельзя сказать этого: они, как бы ни были праведны, не всегда судят по правде, не зная правды иногда по невежеству, а иногда по беспечности; Бог же, будучи свободен от всего этого, и зная и желая, произносит суд праведный. Таким образом, слова: "**воссел на престол**", означают: ты судил, ты отмстил, ты воздал. "**Ты наказал народы, и погиб нечестивый**". Видишь, как Бог не имеет нужды ни в оружии, ни в мече, ни в луке, ни в стрелах, но все это говорится человекообразно; для Бога довольно только запретить, и достойные наказания погибнут. А чтобы ты более узнал силу Его, выслушай следующее. "**Имя его Ты изгладил на век и в век века**" (ст. 6), т.е. погубил совершенно, вырвал с корнем, так истребил, что исчезла сама память о них. "**У врага совершенно истощилось оружие, и города Ты разрушил: погибла память о нем с шумом**" (ст. 7). Другой переводчик (Симмах) говорит: **развалины** (eípia). В еврейском: **пустыни** (арвоф). **И**

города разрушил. Что это значит? Уничтожив, говорит, козни и замыслы нечестивого, ты лишил его собственного его оружия. Таков гнев Божий: он все истребляет и уничтожает. Или, как научает, нас другой толкователь, сказавший – пустыни: ты не только разрушил города их, но и пустыни истребил, и города уничтожил. Так вел войну праведник, так он побеждал врагов своих, употребляя не оружие и копья, но имея помощь от Бога. Потому и война его блистательна и славна, и победа торжественна. "**Погибла память о нем с шумом**". Другой переводчик говорит (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **с ними**. В еврейском: **с ним** (эм). Что значит: "**с шумом**"? Означает или совершенное истребление, или общеизвестность бедствий. И это – дело промышления Божия, что Он совершает суд не тайно, дабы наказаниями одних исправлялись другие. Таким образом, он выражает явность погибели.

4. "**А Господь вечно пребывает, приготовил Он для суда престол Свой**" (ст. 8). Другой переводчик (Акила) говорит: **будет сидеть**; **сидение** часто употребляется в смысле неизменяемости существа Божия, как и Иеремия говорит: "**Ты, Господи, пребываешь во веки**" (Плач.5:19). Тоже выражает здесь и еврейское слово: иисив. Пророк часто говорит это при изображении наказания людей, выражая с одной стороны бессмертность существа Божия, а с другой – смертность человеческого рода. Существо и величие Божие не имеют конца. Это, будучи непрестанно напоминаемо, внушает нам страх, чтобы мы боялись Бога и по той, и по другой причине: и по причине величия Его славы, и по причине ничтожества нашего собственного существа, и потому, что Он пребывает вечно, и потому, что Он наказывает вечно и ужасно. Когда нужно объяснить что-нибудь в переносном смысле, то не должно оставлять этого. Иногда нужно и (в словах Писания) подразумевать нечто другое, а иногда нужно понимать их только так, как они сказаны, например: "**в начале сотворил Бог небо и землю**" (Быт.1:1). А иные должно понимать иначе, нежели как они сказаны, например: "**любезною ланью и прекрасною серною, любовью ее услаждайся постоянно; пусть они будут принадлежать тебе одному, а не чужим: источник твой да будет благословен**" (Притч.5:17-19).

Если ты, обратив внимание на эти слова и желая уразуметь смысл их не отступишь от буквальных выражений, то увидишь, что было бы очень бесчеловечно – не давать никому даже воды. А здесь идет речь о жене, о том, что с нею нужно обращаться целомудренно; она называется "**источником**" и "**ланью**", по причине чистоты супружеского сожития. Здесь – так, а в других местах нужно принимать и сами слова, и подразумевать другой, выражаемый ими, смысл,– например, в словах: "**как Моисей вознес змию**" (Ин.3:14). Здесь надобно верить, что это было, – а было действительно, – и разуметь выражаемый этим прообраз Христа. Так и здесь не погрешит тот, кто отнесет сказанное псалмопевцем к иудеям. "**Воссел на престол Судящий по правде. Ты наказал народы, и погиб нечестивый. Имя его Ты изгладил на век и в век века. У врага совершенно истощилось оружие, и города Ты разрушил: погибла память о нем с шумом**".

Всей вселенной известны бедствия распявших Христа: города их разрушены, и диавольские ухищрения остались тщетными, действием промышления Христова, управляющего всем. Впрочем, оставим делать такие приложения любознательным и продолжим объяснение сказанного. "**Приготовил Он для суда престол Свой**". Другой переводчик (Акила) говорит: **утвердил на суд**. "**И Он будет судить вселенную по правде, будет судить людей по правоте**" (ст. 9). Видишь ли, как пророк мало-помалу усиливает речь? Упомянув о престоле, он изображает свойства этого престола, который составлен не из дерева или другого какого-нибудь вещества, но из правды. Он основан, говорит, на правде. "**Судить вселенную по правде**". Говорит и о настоящем, и о будущем. Суд всеобщий будет там, а частный бывает и здесь; Бог совершает многое и теперь, чтобы люди бесчувственные не подумали, будто все существует без Промысла.

Если здесь не все получают венцы, не удивляйся этому: "**ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную**" (Деян.17:31); а настоящая жизнь есть поприще, место подвигов, время борьбы. Поэтому не все здесь получают по заслугам, но там уготованы праведникам награды, а грешникам наказания. Здесь – ожидание и долготерпение, чтобы грехи были очищаемы покаянием, а там – не то. Так человекоубийца, пока находится на пути, может исправиться и избежать наказания, а когда подвергнется приговору судии, тогда для него остается меч, палач и могила. Так и здесь: пока мы находимся в настоящей жизни, то для нас возможно исправиться и избежать наказания; а когда отойдем туда, то будем плакать тщетно, – потому что "**приготовил Он для суда престол Свой**". Не погрешит и тот, кто слово: "**приготовил**" будет понимать так, как оно сказано, – потому что у Бога все готово, и наказания, и венцы, и приговоры. Для Бога нет ни ожидания, ни времени, ни промедления, и живые не предварят умерших, как говорит Павел: "**мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших**" (1Фес.4:15). "**Будет судить людей по правоте**". Посмотри на мудрость пророка, как он говорит и о настоящем, и о будущем; о настоящем: "**наказал народы, и погиб нечестивый**"; о будущем: "**приготовил Он для суда престол Свой, и Он будет судить вселенную по правде**". Он делает это для того, чтобы неверующие будущему убедились доказательствами из настоящего. "**И был Господь прибежищем убогому, помощником в нужное время, в скорбях**" (ст. 10). Другой переводчик говорит (Акила): **изнуренному**; третий (Симмах): **сокрушенному**. Он часто называет себя нищим и убогим, хотя был царем; так и в другом месте говорит; "**я нищ и убог**" (Пс.39:18).

Он знал, ясно знал, что все человеческое ничтожнее тени, что у нас нет ничего собственного кроме добродетели, а все прочее подобно листьям, приставшим отвне. А что добродетель есть наша собственность, это видно из следующего: куда бы мы ни пошли, мы несем ее с собою, а все прочее – нет; следовательно, она – собственность наша, а все прочее – чужое. Как из людей мы называем своим того, кто близок к нам, так и добродетель мы называем принадлежащей нам больше, нежели богатство, потому что она всегда близка к нам.

5. Посмотри на признательную и любомудрую душу пророка. Хотя он имел и коней, и войско, и многое другое, но, оставив все это, он призывает помощь свыше и все свое спасение возлагает на Бога. Не сказал: моим прибежищем были войска, или деньги, или стены, но: "**был Господь прибежищем убогому**", Он сам, говорит, доставил мне безопасность. Ничто не может сравниться с этим убежищем, как по удобству, так и по безопасности; прочие убежища и подвергаются опасностям, и не могут быть найдены скоро и в готовности, но бывают ненадежны и по времени, и по месту, и по множеству других обстоятельств, а это убежище находится близ тебя, если только ты будешь тщательно искать его. "**Тогда ты воззовешь: Он скажет: "вот Я!**" (Ис.53:9); "**разве Я – Бог только вблизи, говорит Господь, а не Бог и вдали?**" (Иер.23:23). Здесь нам не нужно ни бежать, ни предпринимать путешествия, но и сидя дома можно находить это убежище. Иногда Бог избавляет от опасностей, а иногда чрез них делает людей славнее и сильнее врагов, – и притом, как то, так и другое подает в надлежащее время. Если находящие это убежище ведут себя смиренно, то Он подает то и другое; если же они не вполне показывают такую добродетель, то Он ограничивается первым, чтобы они, получив и второе, не возгордились. А что действительно это часто доводит до гордости, можешь убедиться примером Езекии, который возгордился именно по этой причине; впрочем Бог не забыл его, но, так как счастливая победа поселила в душе его гордость, посредством болезни довел его до раскаяния (Ис.38:1). "**Помощник в нужное время, в скорбях**"? В надлежащее время, благовременно. Здесь пророк говорит о двоякой благовременности: о том, что Бог помогает, и что помогает в надлежащее время.

Благовременностью он называет здесь скорбь. Почему? Потому, что она есть мать любомудрия, может освободить человека от смерти и особенно привлекает помощь Божию; при ней исчезает леность и беспечность, при ней мы делаемся усерднейшими в молитвах. Как ненастное время есть самое лучшее для земледелия, так и скорбь – для попечения о душе. Хотя мы всегда имеем нужду в помощи Божией и во время благоденствия, но особенно тогда, когда находимся в скорби. "**Помощник**" – этим выражением он внушает нам и нечто другое, именно то, что и сами мы должны быть деятельными, так как помогающий помогает делающему. Поэтому мы не должны оставаться в бездействии, но привносить и с своей стороны молитвы, милостыни и все прочее. И соратники помогают тем, которые сами сражаются, а не тем, которые пали духом и бездействуют. Итак, если хочешь получить помощь от Бога, не оставляй ничего, зависящего от тебя самого. Так Иов получил помощь, потому что сам твердо стоял и боролся; так и апостолы – потому что сами были деятельны. "**И да уповают на Тебя знающие имя Твое, ибо Ты не оставил ищущих Тебя, Господи**" (ст. 11). Другой переводчик (Акила и Симмах) говорит: **и будут надеяться**. Пророк часто поступает так, – обращается от молитвы к увещанию, будучи общим учителем вселенной и предлагая всем сокровище любомудрия. Хорошо сказал он: "**да уповают на Тебя знающие имя Твое**", знающие, говорит, Тебя, Твое содействие и Твою помощь имеют прочный якорь, сильную защиту и несокрушимую крепость в надежде на Тебя, не только обещающего избавить от бедствий, но не допускающего смущаться и среди самих бедствий. Подлинно, кто отрешился от всего человеческого и предался надежде на помощь свыше, тот не только получает скорое избавление от бедствий, но и среди самих бедствий не колеблется и не смущается, ободряемый надеждою на этот якорь. Так, три отрока не только избавились из печи, но и находясь в печи не смущались, потому что были уверены в помощи Божией. Поэтому другой переводчик и говорит: и будут надеяться, или – будут уверены. Безопасность, происходящая от надежды на Бога, гораздо надежнее самой власти во время бедствий, – потому что последняя есть человеческая, а первая – божественная и непреодолимая. Сказав, что Бог был помощником и прибежищем, пророк объясняет и то, как это бывает. Как же это бывает? Если мы постоянно надеемся на Него. Если же Он не вдруг избавляет от бедствий, то это бывает для твоего испытания. Как, имея возможность не допускать к тебе бедствий, Он допускает для того, чтобы сделать тебя более крепким, – так, и имея возможность избавить от них в самом начале, Он медлит и отсрочивает для того, чтобы укрепить твое терпение, упражнять твою надежду и усилить твою любовь к Нему; Он не попускает нам ни постоянно бедствовать, чтобы мы не отчаялись, ни постоянно благоденствовать, чтобы мы не пали. "**Ты не оставил ищущих Тебя, Господи**". Другой переводчик говорит (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **ибо не оставил**. Тоже говорится и в другом месте: "**взгляните на древние роды и посмотрите: кто верил Господу – и был постыжен? или кто взывал к Нему – и Он презрел его?**" (Сир.2:10)? Но как можно искать Бога, Который существует везде? Ревностью, усердием, отрешением от всего житейского. Так нередко, имея что-нибудь пред глазами и в руках, мы не знаем этого, везде ходим и ищем того, что находится у нас, когда наши мысли обращены к чему-нибудь другому.

6. Как же мы можем искать Бога? Если устремим к Нему свои мысли, если отрешимся от всего житейского. Кто ищет, тот стремится к искомому предмету, изгнав из души все другое. И не просто нужно искать, но изыскивать. Кто изыскивает, тот не только сам ищет, но и прибегает к помощи других, чтобы найти искомое. Из предметов житейских мы часто, ища чего-нибудь, не находим, а в предметах духовных не бывает этого, но всякий ищущий непременно находит, потому что, как только мы приступаем к исканию, Бог не попускает нам долго мучиться, как Сам Он говорит: "**ищущий находит**" (Мф.7: 8). "**Пойте Господу, живущему в Сионе, возвестите среди народов дела Его**" (ст. 12). Другой переводчик (Акила) говорит: **седящему**. **Возвестите в народах начинания Его**.

Другой (Симмах): **в народах действия его**. Что говоришь ты? Тот, кому "**небо**" служит "**престолом**" и "**земля подножием**", у кого "**в руке Его все концы земли**" (Ис.66:1; Пс.94:4), обитает в Сионе? Да. Под обитанием он разумеет здесь не заключение в жилище, – потому что величие Божие беспредельно, – а особенное благоволение Его к этому месту и особенную близость к Нему, чтобы чрез такое снисхождение привлечь к себе иудеев. Так и у нас тот дом называется нашим, к которому мы особенно расположены. Так и в нас Бог обитает, не заключая себя в нас, но находясь в особенной близости к нам. Сионом же в переносном смысле называется церковь: "**вы приступили к горе Сиону и церкви первенцев**" (Евр. 12:22-23). И справедливо церковь называется горою, по ее твердости, крепости и непоколебимости. Как невозможно поколебать гору, так – и церковь Божию. "**Возвестите среди народов дела Его**". Псалмопевец желает, чтобы люди были провозвестниками благодеяний Божиих и никогда не скрывали даров Его, и желает этого всегда для блага как возвещающих, так и слушающих, потому что и те и другие отсюда получают пользу, если будут внимательны. "**Ибо, взыскивая за кровь их, вспомнил, не забыл вопля убогих**" (ст. 18). Видишь ли, о каких начинаниях говорит Он? О благодеяниях. Здесь же он внушает великую истину, именно ту, что убийство не совершается безнаказанно, а непременно подвергнется наказанию, как и Моисей в книге Бытия говорит: "**я взыщу и вашу кровь**" (Быт.9:5). Это – знак беспредельного промышления, внимательнейшего попечения Его. Если же Он наказывает не вдруг, не удивляйся этому: Он дает грешникам время – покаяться. "**Не забыл вопля убогих**". Посмотри опять, как убогие пользуются его благоволением. Впрочем, здесь говорится не просто об убогих, но о тех нищих духом, о которых говорит Христос (Мф.5:3), потому что особенно молитвы тех бывают услышаны, которые смиренны и сокрушенны сердцем. Здесь внушается и то, и другое – и молитва, и смирение. "**На кого Я призрю**", говорит Господь, "**на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим**" (Ис.66:2)? И всегда смирение служит к успешному возношению молитвы, потому что Господь близок к сокрушенным сердцем. Потому молящийся особенно должен быть чужд надменности, чего требует и Павел, когда говорить: "**без гнева и сомнения**" (1Тим.2:8). Хорошо сказал, псалмопевец: "**вопля убогих**", называя "**воплем**" расположение души, а не звук голоса; а словом – "**не забыл**" он выражает, что они непрестанно взывали к Богу, но не тотчас получали просимое. Какой же смысл содержится в этих словах? Не подумайте, что Бог забыл и потому не отмщает; Ему свойственно – преследовать такие дела, хотя бы даже никто не взывал к Нему; а когда взывают, и сами взывающие смиренны, то – тем более. "**Помилуй меня, Господи! Усмотри унижение мое от врагов моих Ты, Который возносишь меня от врат смерти, чтобы я возвещал все хвалы Твои во вратах дщери Сионовой. Возрадуемся о спасении Твоем**" (ст. 14, 15).

Другой переводчик говорит (Симмах): **песнопения твои**. Третий (Феодотион): **похвалы твои**. Посмотри, как пророк постоянно предается молитве. И избавившись от бедствий, и находясь в безопасности, он не перестает молиться и говорит: "**помилуй меня**", умоляя Бога о будущем. Подлинно, мы всегда имеем нужду в божественном промышлении, и еще более тогда, когда избавились от бедствий, потому что в это время нам предстоит другая борьба, которая труднее прежней, борьба с леностью и гордостью; и диавол тогда нападает сильнее. Поэтому особенно после избавления от бедствий, нам нужна небесная помощь, чтобы нам хорошо пользоваться благоденствием. Так и иудеи, освободившись от египтян, вели жестокую борьбу с самонадеянностью и беспечностью; но они не могли вести ее хорошо, почему тогда особенно и подвергались смерти. Они не могли мужественно стоять ни против чревоугодия, ни против малодушия, но подражали страстям египтян, которые и погубили их. И Давид, когда избавился от гонений Саула и от других врагов своих и достиг спокойствия, тогда и подвергся более опасной борьбе –

страсти невоздержания, которая и довела его до тягчайшего наказания. Таким образом, особенно тогда и нужно бояться, когда мы избавляемся от бедствий.

7. Как мы боимся не столько привязанного зверя, сколько отвязанного, так точно и порока можно бояться менее во время скорби, потому что тогда он бывает связан скорбью и другими узами, а во время благоденствия особенно нужно бояться его. Действительно, часто можно видеть, что благоденствие производит больше зла, нежели бедствия. Так Езекия после победы едва не погиб. Потому и псалмопевец в другом месте говорит: "**благо мне, что Ты смирил меня**" (Пс.118:71). И здесь он испрашивает милости после избавления от бедствий, и причиною помилования приводит то, что он тяжко страдает. "**Усмотри унижение мое от врагов моих**"; и еще: "**возносишь меня от врат смерти**". Я прибегаю, говорит, к Защитнику и Промыслителю, который всегда подает мне руку помощи. Видишь ли, как он, молясь о будущем, остается благодарным за прошедшее и выражает двоякое благодеяние? Он не сказал: избавляющий меня от врат смертных, но: **"возносишь меня"**, – потому что благодеяние Божие не ограничивается одним избавлением от бедствий, но и делает избавляемых дивными, славными, знаменитыми, высокими. Также не сказал: от двери, но: "**от врат**", выражая множество опасностей. "**Чтобы я возвещал все хвалы Твои во вратах дщери Сионовой**". Что советовал делать другим, то же делает и сам. "**Возвестите**", говорит, "**среди народов дела Его**"; то же теперь и я буду делать, и делать не просто, в присутствии одного, двух или трех, но среди множества зрителей. "**Возрадуемся о спасении Твоем**". В этом мой венец, в этом моя диадема, чтобы одержать победу чрез Тебя, чтобы получить спасение чрез Тебя. Так и мы будем искать спасения не каким-нибудь образом, и избавления от бедствий не как бы то ни было, но от Бога. Говорю это к тем, которые во время болезней употребляют заклинания и прибегают к другим чародействам для облегчения болезни. Это значит – искать себе не спасения, а погибели, потому что величайшее спасение есть то, которое получается от Бога. "**Погрязли народы в пагубе, которую устроили: в той сети, которую они скрыли, увязла нога их**" (ст. 16). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **погрузились**. "**Пагубою**" он называет порок, потому что ничто так не губит нас, как порок. Нет ничего бессильнее человека порочного; он побеждается собственным своим оружием; как железо гибнет от ржавчины и мех от моли, так и грешник от порока. Таким образом, грех, еще прежде наказания Божия, сам собою мстит тому, кто совершает его. Так как пророк много говорит о небесном правосудии и помощи Божией, из которых первое открывается не вдруг, но часто замедляется и отсрочивается, отчего многие делаются еще более нерадивыми, то теперь он внушает, что наказание не далеко, что оно постигает людей порочных, как и Павел говорит: "**получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение**" (Рим.1:27). И смотри, какие точные он употребляет выражения. "**Погрязли**", говорит, т.е. насильно удержаны, подверглись неизбежному несчастию. И далее: "**в той сети, которую они скрыли, увязла нога их**". Порочные, говорит, связывают себя неразрешимыми узами. Это сбылось на апостолах и иудеях. иудеи, восставая против апостолов, им не причинили никакого вреда, а себя подвергли бесчисленным бедствиям, лишившись города, свободы и всего прочего; проповедь апостолов распространялась, а злоумышленники погибали. Так и ввергавшие трех отроков в вавилонскую печь сами погибли от нее. Так было и при Данииле. Впрочем, при нем это произошло по справедливости, – потому что ввергавшие сами ввергали его в ров; а почему при трех отроках, тогда как согрешил царь, подвергаются наказанию стоявшие при печи? Потому, что они уже были объяты пламенем, послужив повелению тирана и поклонившись золотому изображению. "**В той сети, которую они скрыли**". Посмотри, как он выражает крайнюю их виновность. Так как дело их было постыдно, то они скрывают его и сами стараются скрыться. "**Господь познается, совершая суды: в делах рук своих увяз грешник**" (ст. 17). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **познан был, суд сотворив**, т.е. наказуя, карая, отмщая. Видишь

ли еще благодеяние от наказания? Оно не только делает наказуемых более ревностными, но и распространяет свет богопознания, и отсюда еще более можно видеть, как Бог печется о людях. Так, когда Он позволил, чтобы стадо свиней бросилось с утеса и утонуло в море, тогда люди особенно испугались (Мк.5: 13-18). И в ветхом завете иудеи, "**когда Он умерщвлял их, они искали Его**", как говорит пророк (Пс.77:34). Почему же он не делает этого постоянно? Потому, что желает, чтобы люди не насильно, а добровольно совершали дела добродетели, побуждаемые к тому не столько наказаниями, сколько благодеяниями. Но, скажут, не гораздо ли лучше быть добрым по принуждению, нежели злым по свободному расположению? Невозможно быть добрым по принуждению. Кто добр только потому, что связан, тот не останется добрым навсегда, но, получив свободу, возвратится к злу; а кто воспитывается так, чтобы сделаться добрым по свободному расположению, и сделается таким, тот останется твердым в добре. "**В делах рук своих увяз грешник**". Не сказал: рук Божиих, но "**рук**" самого "**грешника**".

8. Видишь ли, как он разнообразит речь, представляя то наказание, происходящее свыше, то наказание, происходящее от порока? Где наказание свыше? "**Господь познается**", говорит, "**совершая суды**". Где наказание от порока? "**В делах рук своих увяз грешник**". И далее, изображая наказание, происходящее от порока, говорит: "**в делах рук своих увяз грешник**". Говорит не об одном наказании Божием, потому что Бог часто ожидает и медлит, и не об одном наказании от порока, потому что многие спокойно предаются ему, но подтверждает речь свою тем и другим. Поэтому и продолжает: "**в делах рук своих увяз грешник**". Другой неизвестный переводчик (см. Ориг. Экз.), говорит: **перстов своих**. Таким образом, когда ты строишь διαψαλμα – козни, то не думай, что строишь их другому; ты сплетаешь сети самому себе. Ως **песнь, перемена тона** (в славянском переводе нет этих слов). Другой (Феодотион): **голос постоянно**. Третий неизвестный переводчик (см. Ориг. Экз.): **пение** (μελωδημα) **постоянно**. В еврейском: **еггаон сел**. "**Да пойдут грешники в ад, все народы, забывающие Бога**" (ст. 18). Другой (Акила): **обратятся**. Опять он останавливается на том же, – доказывает, что порок неизбежно сопровождается наказанием, что нечестие производит смерть, и грех – бедствия. "**Ибо не навсегда забыт будет нищий, терпение убогих не погибнет до конца**" (ст. 19). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см.. Ориг. Экз.) говорит: **не до конца ожидание кротких будет забыто**. Хорошо сказал он: "**не до конца**", внушая, что не всегда нужно искать спокойствия. Как обнаружится терпение, если всегда будет спокойствие? А смысл слов его следующий: порочные будут наказаны и потерпят крайние бедствия, потому что Бог не попустит обижаемым постоянно терпеть обиды. Этим он и последних ободряет, и первых устрашает, и показывает человеколюбие Бога, Который замедлением наказания делает одних более опытными в добродетели, а других привлекает к покаянию. Смотри, какой чести удостаиваются бедные, не просто бедные, но смиренные сердцем, потому что они особенно и способны к терпению, или лучше сказать, одно происходит от другого, от смирения – терпение, а от терпения – смирение. Если же кто-нибудь спросит: почему под бедностью разумеется смирение? – то мы скажем: потому, что она особенно способна к добродетели. Богатый проводит жизнь в беспокойстве и смятении, а бедный легко переносит все, часто упражняя свои силы в борьбе с бедностью, как бы на ристалище. Потому и Христос говорил, что с богатством трудно войти в царствие (Мф.19:28). Что значит: "**терпение убогих не погибнет до конца**"? Значит: никогда не погибнет, и непременно получит свой плод. Это не всегда бывает в делах житейских, где часто цель не достигается, и труды пропадают. Так земледелец ожидает плодов и купец – пользы; но часто от неблагоприятной погоды тот и другой лишаются плода трудов своих. У Бога же этого не бывает; напротив, всегда непременно цель достигается. А постоянная уверенность в достижении цели служит немалым утешением. "**Восстань, Господи! Да не преобладает человек, да судятся народы пред Тобою**" (ст. 20). Другой переводчик (Акила) говорит: **да не будет дерзким**. **Да судятся народы пред тобою**. Другой

(неизвестный переводчик. См. Ориг. Экз.): **и пред лицом твоим**. Сказав о нечестии, которое овладело многими из людей, упомянув о пороках их, хищении, корыстолюбии, убийствах, пророк просит у Бога помощи обижаемым. Таково человеколюбие святых: они заботятся не только о себе самих, но о всей вселенной, как об одном доме, и молят Бога о всех людях, как об одном теле. "**Восстань, Господи! Да не преобладает человек**". Что значит: "**Восстань, Господи**"? Отомсти, говорит, помоги, накажи несправедливых. И хорошо он употребляет такие прямые выражения: "**восстань**", и "**да не преобладает человек**", дабы показать, что человек ничтожен, происходит из земли, есть прах и пепел. "**Да судятся народы пред Тобою**". Что означают эти слова? Пусть, говорит, будут судимы за грехи свои; они не сделались лучшими от Твоего долготерпения; потребуй же отчета в их преступлениях. "**Поставь, Господи, законодателя над ними, да знают народы, что они люди**" (ст. 21). Διαψαλμα – **перемена тона** (в славянском переводе нет этого слова). Другой (Акила): **постоянно**. Что значит: "**Поставь законодателя над ними**"? Так как они, говорит, делают все самоуправно, не желая отдавать отчета, то восстань Ты, и да будет для них наказание вместо внушения. Тоже говорит и другой переводчик (Акила), выражаясь так: **наведи Господи страх на них**. Смотри, как он желает им не наказания, но того, чтобы они научились, исправились и не жили беззаконно. Да будет им, говорит, наказание вместо внушения, и не только им, но и другим. А чтобы ты видел, какая отсюда польза, как это истребляет их болезнь, выслушай следующее. "**Да знают народы**", говорит, "**что они люди**". Смысл слов его такой: многие утратили и это, забыли о своей природе, дошли до безумия, не знают самих себя. И хорошо прибавил он: "**постоянно**"[1], выражая, что (нужно знать это) не только во время бедствий, но и во время благоденствия. Если Ты накажешь их теперь, то они, чувствуя сильный страх и помня постигшие их бедствия, будут знать свою природу и тогда, когда достигнут благоденствия.

9. Видишь ли, как пророк молится за них и желает, чтобы они оставили свое безумие? Подлинно, не знать самих себя – крайнее безумие, хуже умопомешательства. Последнее есть болезнь невольная, а первое есть следствие развращенной воли. "**Почему Ты, Господи, стал вдали? Презираешь благополучие (и) скорби?**" (ст. 22)? Пророк говорит это от лица обижаемых, прося и умоляя Бога, а отнюдь не укоряя Его. Многие из страдающих, побуждаемые скорбью, прежде надлежащего времени просят произвести суд, подобно тому, как подвергающиеся отсечению просят врача оставить их, прежде, нежели отсечение совершенно окончено, – просят вредного для себя, потому что не могут переносить боли; они часто кричат врачам: ты замучил меня, ты погубил меня, ты убил меня, но это слова – не разума, а боли. Так точно говорят и многие из малодушных во время скорбей, не перенося трудностей. И Софония также высказывает подобные слова (Соф.3:1). Но это в ветхом завете, когда требовались умеренные подвиги, в новом же это несовместно с любомудрием. "**Когда гордится нечестивый, раздражается нищий: увязают они в замыслах, которые обдумывают**" (ст. 23). Другой переводчик (Акила) говорит: **да увязнут**. "**Ибо хвалим бывает грешник за похоти души своей и обидчик одобряется. Раздражил Господа грешник, по великой дерзости своей (говоря): "не взыщет Он". Нет Бога пред лицем его**" (ст. 24, 25). Приняв на себя вид ходатая и прося за обижаемых, пророк выражает и свойственные им прискорбные чувствования, которые происходят от слабости человеческой, – потому что человек обижаемый, не видя наказания и достойного возмездия своему обидчику, скорбит, не перенося благоденствия человека нечестивого, а для последнего и это – не малое наказание. Потом псалмопевец просит, чтобы они получили наказание, чтобы козни их обратились на них самих, и говорит о невыносимом виде нечестия. О каком же именно? "**Ибо хвалим бывает грешник за похоти души своей**". С чем нужно скрываться, чего должно стыдиться, за то самое, говорит, хвалят его, удивляются ему. Как же возможно будет исцеление, когда порок удостаивается похвалы? Это бывает и ныне. Одного превозносят, как достигшего

власти; другого – как отомстившего врагам своим; третьего – как человека благоразумного, за то, что отнял у всех имущество; когда он погубил себя, говорят: он устроил себя; другие говорят другое; о предметах же духовных – ни одного слова. Не скоро похвалят человека, удаляющегося от дел, равно и любящего бедность, но хвалят богатого, предприимчивого, льстивого, принимающего на себя раболепные обязанности без всякой пользы. Это и оплакивает псалмопевец, – как порок усилился до такой степени, что им восхищаются и хвалятся, и, что всего хуже, не стыдятся его, а напротив, порочный не только сам хвалится своими делами, но слышит себе похвалы и от других. Что может быть хуже такого безумия? "**Раздражил Господа грешник**". Другой переводчик (Симмах) говорит: **потому что беззаконник похваливший по похоти души своей, и корыстолюбца одобривший раздражил Господа. Когда возвысится гнев его, не взыщет**. Третий (Аклиа): **потому что нечестивый восхвалил в похоти души своей, и корыстолюбец одобрив поносил Господа. Нечестивый по высоте гнева своего не взыщет**. А семьдесят толковников: **раздражи Господа грешный: по множеству гнева своего не взыщет**. Видишь ли, до чего простирается дерзость нечестивого? Что я говорю, продолжает пророк, что он оскорбляет бедных? Он раздражает Самого Бога. "**По великой дерзости своей**", говорит, "**не взыщет**", т.е. Бога. Другой же переводчик относит это к нечестивому, выражаясь: **по высоте своей**, т.е. гордости, тщеславию. Видишь ли великость безумия и развращение его? Он становится врагом и противником своих ближних, чуждым для добродетели, любителем и хвалителем пороков. Хорошо далее Сказал другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **нет Бога во всех помышлениях его**, выражая, что он не ищет Бога, исполнен тьмы, не имеет страха пред очами Его. Как гной ослепляет глаза, так и порок – душу человека, и увлекает его в пропасть. "**Нет Бога пред лицем его**". Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **во всех мыслях его**. "**Оскверняются пути его на всякое время, отстраняются суды Твои от лица его, над всеми врагами своими он господствует**" (ст. 26). Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **взят суд твой**.

Видишь ли плоды нечестия? Свет ума его погасает, мысли его притупляются и сам он отдается пленником пороку. Как слепец часто падает в яму, так и он, не имея страха Божия пред очами, постоянно проводит жизнь в нечестии, – не так, чтобы то в благочестии, то в нечестии, но постоянно в нечестии, не помнит ни геенны, ни будущего суда, ни воздаяния, но отвергнув все эти побуждения, как узду, подобно ненагруженному кораблю предается опасным ветрам и буйным волнам, не имея никого, кто бы управлял его душою. Видишь ли, как порочный в самом пороке находит наказание? Что может быть хуже необузданного коня, ненагруженного корабля, ослепленного человека?

10. Но всех их несчастнее человек порочный, погасивший в себе свет страха Божия и отдавшийся в плен нечестию. "**Ибо сказал в сердце своем: "не поколеблюсь, из рода в род (буду) без зла**" (ст. 27). Другой переводчик (Симмах) говорит: **всех врагов своих сдувает**, **говоря в сердце своем: не поколеблюсь в род и род, потому что не буду в несчастии**. Видишь ли безумие? Видишь ли невыразимое бедствие? Видишь ли постепенно возрастающую погибель? Видишь ли, как состояние, почитаемое безумными блаженством, исполнено великих бедствий, как оно падает? Грешника хвалят во грехах его и благословляют в беззакониях его. Это первая пропасть, которая может погубить невнимательного.

Поэтому лучше принимать тех, которые укоряют и вразумляют, нежели тех, которые хвалят и льстят при самой погибели, потому что последние развращают беспечных и располагают к большим порокам. Так и этого грешника, расположив к гордости, они довели до безумия. Потому и Павел, говоря о прелюбодеях, тоже самое внушает коринфянам: "**и вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать**" (1Кор.5:2).

Нужно много оплакивать, а не хвалить грешника. Видишь ли крайнее развращение, когда порочный не только не осуждается, но даже удостаивается похвалы? А отсюда, от собственного безумия и похвал, он увеличил свою порочность, забыл о страхе Божием и правосудии Его, забыл даже о своей собственной природе. Подлинно, кто забывает о правосудии Божием, тот впоследствии времени забывает и о самом себе. Посмотри, как рассуждает он: я не поколеблюсь в род и род, но останусь без зла. Что может быть безумнее такого суждения, когда человек, существо тленное, окруженное предметами скоропреходящими и подверженное бесчисленным переменам, питает такие мечты? А откуда это происходит? От безумия. Когда безумный наслаждается благоденствием, одерживает победы над врагами, удостаивается похвал и удивления, тогда он бывает хуже всех. Не ожидая перемены своего состояния, он неблагоразумно пользуется и счастьем, а подвергшись несчастью, не будучи к тому подготовлен, он смущается и теряется. Не таков Иов: он и среди счастья каждый день ожидал несчастья; потому и говорил: "**ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне. Нет мне мира, нет покоя, нет отрады: постигло несчастье**" (Иов.3:25,26). И другой Премудрый говорил: "**во время сытости вспоминай о времени голода и во дни богатства – о бедности и нужде**" (Сир.18:25). Но этот грешник, однажды развратившись, не смотрит на дела человеческие, а на основании своего благоденствия считает их непоколебимыми; это – знак крайнего безумия и растления, и причина погибели. Итак, не считай блаженными людей богатых, одерживающих победу над своими врагами и получающих за это похвалы; все это – опасные пропасти для невнимательных, увлекающие в саму глубину нечестия. "**Уста его полны клятвы, горечи и лести, на языке его мучение и злоба**" (ст. 28). Другой переводчик (Акила) говорит: **бесполезное**. "**Сидит он в засаде, в тайниках, с богатыми, чтобы убить невинного, глаза его подсматривают за нищим**" (ст. 29). Другой (Симмах): **сидя в засаде за двором**. "**глаза его подсматривают за нищим. Подстерегает в потаенном месте, как лев в логовище своем, подстерегает, чтобы схватить нищего, привлекши его сетью своею**" (ст. 30). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **в логовище** (περιφράγματι) **своем. "Подстерегает в потаенном месте"**. Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **во увлечении его**. "**сетью своею. Смирит его, наклонится и упадет, когда он обладает убогими**" (ст. 31). Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **в тенетах**. Другой (Акила): **согнувшись притаится**, **нападая с сильными своими на слабых**. Видишь ли, как он сделался даже диким зверем? Пророк описывает его, как зверя, изображая его коварство, засады, умыслы. Кто может быть несчастнее и беднее его, если он нуждается в имуществе бедного? Его ли, скажи мне, мы назовем богатым? После этого можно назвать богачом и вора и разбойника. Нет, говорит пророк. Что в том, что он не подкапывает судилищ и не нападает ночью, если он обманом погашает свет судии? Что в том, что он нападает не на спящих, а всегда на бодрствующих? Он оказывается еще бесстыднейшим. Поэтому и законы сильнее наказывают мошенников, ворующих днем. Видишь ли его бедность и вместе жестокость? Бедность – потому что он желает принадлежащего бедному; жестокость – потому что он не трогается несчастьем ближнего, но вместо того, чтобы сжалиться и помочь бедному, сам притесняет его. Впрочем, дела его не останутся без наказания; но когда он будет чувствовать себя сильным, когда будет думать, что достиг своей цели, когда станет считать себя непобедимым, тогда и погибнет, чтобы открылись и мудрость Божия, и терпение бедных, и его неисправимость, и незлобие и долготерпение Божие. Наказание не вдруг постигает его, потому что Бог своим долготерпением призывает его к покаянию; а когда он от долготерпения не получает никакой пользы, тогда Бог вразумляет его наказанием. Подвергшиеся его притеснению не потерпели никакого вреда, но еще сделались лучшими и славнейшими от скорби; и Бог, ожидая, явил свое незлобие и долготерпение. а после долготерпения силу и могущество, поразив нечестивого тогда, когда тот считал себя сильнее себя самого; так он, оставшись

неисправимым, подвергся жесточайшему наказанию. И это – не малое вразумление для благоденствующих.

11. Итак, когда ты одержишь победу над врагами и когда будет все тебе благоприятствовать, то не предавайся беспечно жизни порочной, но тогда-то и бойся еще более, – потому что тогда возрастает твоя порочность, не остается для тебя оправдания, отнимается у тебя всякая надежда на прощение, если ты остаешься порочным. "**Ибо сказал в сердце своем: "Бог забыл, отвратил лице Свое, чтобы никогда не видеть**" (ст. 32). Посмотри, в какую низвергается он пропасть погибели, какие составляет суждения; не осмеливаясь, по бесстыдству их, высказывать их явно, он содержит их в себе самом, восстает против истины и омрачает то, что яснее солнца, по слепоте души своей. "**Восстань, Господи, Боже мой! Да вознесется рука Твоя, не забудь убогих Твоих до конца**" (ст. 33). Другой переводчик (неизвестный, см. Ориг. Экз.) говорит: **возвысь руку твою**. "**Отчего прогневал нечестивый Бога? Оттого, что сказал в сердце своем: "Он не взыщет". (Но) Ты видишь, ибо Ты смотришь на страдание и озлобление. Да предан будет он в руки Твои: Тебе предоставлен нищий, сироте Ты будь помощником**" (ст. 34, 35). Другой (Акила): **ты, видел** (eÏdeV), **потому что на болезнь и гнев ты будешь взирать**, **чтобы предать в руку твою**. Третий (Симмах): **чтобы они были преданы в руки твои.** Так говорит беззаконник, похититель, корыстолюбец, пока он не испытал наказания; а пророк, опровергая его суждения, распространяется о долготерпении Божием. Тот говорит: Бог отвратил лице свое, и не увидит никогда; он же напротив говорит: Ты видишь, взираешь, и долготерпишь, пока нечестивые не впадут в руки твои. Что значит: пока не будут "**преданы они в руки Твои**"? Пророк выразился человекообразно; а смысл слов его следующий: Ты долготерпишь, ожидаешь до тех пор, пока они не предадутся крайнему нечестию; хотя Ты мог бы в самом начале остановить и истребить их, но беспредельно море твоего долготерпения: Ты видишь – и не отмщаешь, но ожидаешь от них покаяния; если же они упорствуют, то наказываешь, когда они не получают никакой пользы от Твоего долготерпения. Сказав многое о людях притесняемых, пророк, послушай, как раскрывает тоже и в следующих словах: "**Тебе предоставлен нищий, сироте Ты будь помощником**". Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) переводчик говорит: **ты был**. Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **ты будешь**. Смысл слов его следующий: это – Твое дело, это – особенно свойственно Тебе. А что принадлежит Богу, того Он не оставит и не выдаст. Как художнику свойственно строить, кормчему – управлять кораблем, солнцу – светить, так Тебе свойственно защищать сирот, простирать руку помощи бедным; никто так не помогает им, как Ты один. Это выражается словом: "**предоставлен**". Некто другой, говорит, но Ты один – заступник сирых и бедных. "**Сокруши мышцу грешному и лукавому, так что поищется грех его и не найдется**" (ст. 36). Другой переводчик (Феодотион) говорит: **да взыщется нечестие его, да не обрящется он сам**. Он просит, чтобы не сам грешник был сокрушен, но сила, власть, господство нечестия его; потом просит, чтобы и он подвергся наказанию, отдал отчет в делах своих, и выражая великость нечестия его, говорит: если это будет, то он не может устоять, не станет показываться, но погибнет, исчезнет, скроется совершенно, когда будут исследованы дела его. Итак, пусть никто не плачет, подвергаясь сиротству и бедности, потому что в какой мере возрастают они, в такой же мере увеличивается и помощь Божия. Пусть никто не превозносится своею властью и не надмевается; это – скользкое и опасное место, на котором очень легко могут упасть невнимательные. "**Господь - Царь во век и в век века. Исчезните, язычники с земли Его!**" (ст. 37). Здесь пророк отвечает тем, которые смущаются и недоумевают о том, что грешники не тотчас подвергаются наказанию. Чего, говорит, ты боишься, чего страшишься? Разве этот Судия временный? Разве царство Его имеет конец? Если грешник не наказывается теперь, то непременно будет наказан после, потому что требующий этого пребывает и царствует вечно. "**Желание убогих Ты услышал, Господи, преданности**

сердца их вняло ухо Твое" (ст. 38). Другой переводчик говорит (Акила): **намерение сердца их услышало ухо твое**. Третий (Симмах): **устроишь**, **что сердца их услышит ухо твое**. "**Оправдай сироту и смиренного, дабы не продолжал более человек величаться на земле**" (ст. 39). Другой (Акила): **суди сирому и угнетенному**.

Видишь ли, как много пророк говорит и печется о самих людях порочных? Ведь они-то особенно и терпят зло. Несправедливо обижаемый терпит только потерю имущества, а обижающий подвергается крайней опасности. В самом деле, не важно ли то, что такие люди даже не чувствуют болезни, в которой находятся? Это – высшая степень бесчувственности, и потому они особенно достойны сожаления; это – знак несовершенного ума. Дети считают за ничто предметы опасные; они часто протягивают руки в огонь, а между тем боятся и пугаются, видя пустые маски. Подобно им и корыстолюбцы боятся бедности, которая нисколько не страшна, но еще доставляет безопасность, и высоко ценят неправедно собранное богатство и любостяжание, которое страшнее всякого огня. Подлинно любостяжание всегда есть зло. Поэтому и пророк постоянно увещевает воздерживаться от него, и, угрожая, и устрашая, и умоляя Бога – восстать для наказания такой бесчувственности. "**Исчезните**", говорит он, "**язычники с земли Его!**"; угрожает им погибелью, а для несправедливо обижаемых просит Бога быть помощником и защитником, чтобы и последние ободрились, и первые вразумились. Итак, пусть никто не гоняется за обилием богатства. Отсюда происходит много зол для невнимательных: гордость, леность, зависть, тщеславие, и другие гораздо большие. Но чтобы вам освободиться от всего этого, вырвите сам корень их (корыстолюбие). Когда нет корня, тогда не растут и дурные растения. Все это сказано не для того только, чтобы мы слушали, но чтобы исправлялись и являли многие добродетели о Христе Иисусе, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] в славянском переводе этого слова нет.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 10

"В конец (псалом) Давиду".

Другой переводчик (Симмах) говорит: победная песнь Давиду.

Третий (Акила и Феодотион) – победителю.

1. В конец, псалом Давиду, на Господа уповах, како речете души моей: превитай по горам, яко птица?	1 В конец. Псалом Давида. На Господа уповаю, как скажете душе моей: "улетай на горы, как птица?"
2 Яко се, грешницы налякоша лук, уготоваша стрелы в туле, состреляти во мраце правыя сердцем.	2 Ибо вот, грешники натянули лук, заготовили в колчан стрелы, чтобы во мраке стрелять в правых сердцем,
3 Зане яже ты совершил еси, они разрушиша: праведник же что сотвори?	3 И что Ты совершил, то они разрушили, а праведник что сделал? Господь в храме святом Своем:
4 Господь во храме святем своем. Господь, на небеси престол его: очи его на нищаго призираете, вежди его испытаете сыны	4 Господь - на небе престол Его, очи Его взирают на нищего, зеницы Его

человеческия.

5 Господь испытает праведнаго и нечестиваго: любяй же неправду ненавидит свою душу.

6 Одождит на грешники сети: огнь и жупел, и дух бурен часть чаши их.

7 Яко праведн Господь и правды возлюби: правоты виде лице его.

испытывают сынов человеческих.

5 Господь испытывает праведного и нечестивого, а любящий неправду ненавидит свою душу.

6 Низведет Он на грешников сети: огонь, и сера, и дух бурный - их доля (из) чаши (скорбей).

7 Ибо праведен Господь и правду возлюбил, правоту видит лице Его.

1. "**На Господа уповаю, как скажете душе моей: "улетай на горы, как птица?**" (ст.1). Другой (Акила): **взойди на горы, как птица**. Третий (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **переселись**. "**Ибо вот, грешники натянули лук, заготовили в колчан стрелы, чтобы во мраке стрелять в правых сердцем**" (ст.2). Другой (Симмах): **как во тьме.**

"**И что Ты совершил, то они разрушили, а праведник что сделал? Господь в храме святом Своем**" (ст.3). Другой (Симмах): **потому что законы нарушены**. Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **потому что учения будут низвращены**. Велика сила надежды на Бога. Она есть неприступная ограда, непреоборимая стена, непобедимая помощь, тихая пристань, несокрушимая крепость, неотразимое оружие, неодолимая сила, пролагающая себе путь среди мест непроходимых. Ею безоружные побеждали вооруженных, жены – мужей, дети весьма легко оказывались сильнее опытных в военном искусстве. И удивительно ли, что они побеждали врагов, когда они одерживали победу над самим миром? Пред ними стихии забывали свою природу и обращались в их пользу, звери не были более зверями, и печь – печью, потому что надежда на Бога преобразует все. Острые зубы, тесная темница, естественная свирепость, мучительный голод, челюсти близ самого тела пророка, ничто (не было для них) преградою, но надежда на Бога, сильнее всякой узды сдерживая челюсти, обращала их назад. Представляя это, Псалмопевец и говорил тем, которые советовали ему удалиться и бежать и искать себе спасения в местах безопасных: "**на Господа уповаю, как скажете душе моей"**? Что говоришь ты? Владыку вселенной я имею своим помощником; совершающего легко все и всегда я имею своим вождем и покровителем; а ты посылаешь меня в необитаемое место и советуешь искать безопасности в пустыне? Разве помощь пустыни больше Того, Кто может сделать все с великой легкостью? Для чего ты заставляешь меня, сильно вооруженного, бежать, как бы обнаженного и безоружного, и хочешь сделать изгнанником? Имеющему войско и огражденному стенами и оружием ты не посоветовал бы бежать в пустыню, а если бы посоветовал, то показался бы смешным: почему же того, с которым сам Владыка вселенной, ты изгоняешь, заставляешь скитаться и бежать от нападения грешников? Кроме сказанного я имею и другую причину не бежать. Если и Бог помогает, и нападающие суть грешники, то не подвергается ли крайнему бесчестию тот, кто советует подражать робким птицам? Разве ты не знаешь, что приготовленное против меня войско слабее паутины? Если враг земного царя, куда бы ни пошел, везде находится в опасности, боится и трепещет, то тем более враг Бога всех: куда бы он ни пошел, все ему

враги и даже сама природа, потому что, как друзей Божиих боятся и стихии и звери, и уважает всякая тварь, так на врага и противника Божия вооружаются и нападают и неодушевленные твари. Вот почему одних, прежде нежели они коснулись земли, растерзали звери, других истребил огонь. Враги имеют стрелы и колчан, и все у них готово, – уже "**заготовили**" их, говорит, "**в колчан**", – но нет у них никакой силы, и ничего такого мы не боимся; если бы даже я увидел кого-нибудь спускающим стрелу, и тогда не устрашился бы. В самом деле, какая польза от оружия, если нет силы? Так и у них нет ее, потому что нет к ним благоволения Божия. Они строят козни и нападают не прямо; но потому особенно я и смеюсь над ними, что они бросают стрелы свои во мраке. Ничто не может быть бессильнее человека, строящего козни. Не нужно другим поражать его; он падает от собственной руки и погибает от собственного коварства. Что же может быть бессильнее того, кто побеждается собственным оружием? Кроме этого надобно сказать и то, что они нападают на нас не только как грешники на укрепляемых Богом, и притом с коварством, но и нападают на невинных, не сделавших им никакого зла. И это не мало делает их слабыми. Как идущие против рожна (Деян.9:5) не причиняют ему никакого вреда, а повреждают свои собственные ноги, так и они. Вместе с тем есть и еще причина, которая уничтожает силу их нападения. Какая же? "**Что**", говорит, "**Ты совершил, то они разрушили**". Смысл слов его следующий: они нападают и ведут войну с Тобою, нарушая Твой закон и Твои повеления. Подлинно, они усиливаются разрушить Твои заповеди, и при том совершенные. Или это говорит пророк, или то, что они преступники закона. Не малое доказательство их слабости – и в том, что они выходят на войну, не сохранив Твоих заповедей. Потому они и воюют против правых и строят козни, что не слушаются Твоих повелений.

2. Раскрыв слабость врагов, и показав ее не в том, в чем показывают другие, (так как не сказал, что они не имеют ни денег, ни крепостей, ни союзников, ни городов, ни искусства в войне, но, оставив и презрев все это, как ничего не значащее, сказал, что они беззаконники, что нападают на людей, не сделавших им никакого зла, что они нарушают заповеди Божии), – пророк говорит потом о вооружении праведных, раскрывая и отсюда легкость победы их над врагами. Так точно и мы должны различать сильное и слабое, и не того особенно бояться, чего боятся люди достойные осмеяния. В самом деле, что говорят? Такой-то жесток, коварен, имеет много денег и великую власть. Но поэтому особенно я и смеюсь над ним: все это – виды слабости. Но он, скажешь, умеет строить козни? В этом ты открываешь мне новый вид слабости.

Почему же многие из таких людей побеждают? Потому что ты не умеешь хорошо сражаться с ними, потому что ты сам домогаешься того же, что делает их слабыми, – славы и власти. Избегай этой причины вражды, поражай противников иначе: гордого – смирением, корыстолюбивого – нестяжательностью, невоздержного – воздержанием, завистливого – дружелюбием, и ты легко победишь их. Раскрыв, как я выше сказал, слабость противников, смотри, как он изображает и вооружение праведника. "**Праведник**", говорит, "**что сделал**"? Т.е. когда враги так приготовились, ты спрашиваешь: как вооружился праведник? Послушай. "**Господь - на небе престол Его, очи Его взирают на нищего, зеницы Его испытывают сынов человеческих**" (ст. 4).

Видишь ли, как кратко он выразил защиту его? Ты спрашиваешь: что он сделал? Прибег к Богу, живущему на небе, существующему везде. Он не натянул лука, не приготовил колчана, как враги его, не расположился во мраке, но оставив все это, оградился против всего надеждою на Бога и противопоставил им Того, Кто не имеет нужды ни в чем подобном, ни во времени, ни в месте, ни в оружии, ни в деньгах, но одним мановением совершает все. Видишь ли защиту его, непобедимую, быструю и легкую? "**Очи Его взирают на нищего, зеницы Его испытывают сынов человеческих. Господь**

испытывает праведного и нечестивого, а любящий неправду ненавидит свою душу" (ст. 4-5). Другой переводчик (Акила) говорит: **очи его исследуют**. Третий (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **Господь, праведный испытатель**.

Четвертый (Акила): **праведного испытывает и нечестивого, и любящего неправду возненавидела душа Его**. "**Любящий неправду ненавидит свою душу**". Видишь ли готового Помощника, благонадежного Защитника, Который везде присутствует, все видит, за всем наблюдает, Которому особенно свойственно промышлять и пещись, – хотя бы никто не просил Его, – препятствовать обижающим, помогать обижаемым, воздавать одним награды за добродетели, а другим назначать наказания за грехи? Он знает все; очи Его видят всю вселенную; и не только знает, но и желает исправить все. Потому в другом месте, выражая тоже самое, пророк и называет Его "**праведным**" (ст. 7). Если же Он праведен, то Он не станет только смотреть на такие дела. Он отвращается нечестивых, одобряет праведных. Далее, раскрывая и здесь тоже, о чем он говорил в предыдущем псалме, т.е., что порок сам по себе может достаточно наказать грешников, прибавляет: "**любящий неправду ненавидит свою душу**". Порок противен душе, враждебен и гибелен, так что порочный еще прежде наказания уже испытывает наказание. Видишь ли, как враги оказываются со всех сторон удобоуловимыми, если и праведник имеет такого Помощника, и они побеждаются тем самым собственным оружием, которым защищаются, причиняя вред и погибель сами себе? Видишь ли легкость этой помощи? Не нужно ни идти куда-нибудь, ни бежать, ни тратить имущества, потому что Бог присутствует везде и видит все. "**Низведет Он на грешников сети: огонь, и сера, и дух бурный - их доля (из) чаши (скорбей). Ибо праведен Господь и правду возлюбил, правоту видит лице Его**" (ст. 6, 7).

Другой переводчик говорит (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **одождит на беззаконных угли**.Третий, неизвестный переводчик (см. Ориг. Экз.): **правоты увидит лице их**, т.е. праведных, или Его – Бога. Сказав о наказании, происходящем от самого порока, и зная, что многие не смотрят на это, пророк наконец потрясает душу нечестивых наказанием, посылаемым свыше, употребляя усиленные выражения и страшные названия; говорит, что на них свыше прольются дождем огонь, сера, бурный ветер и горячие угли, – желая представить этими переносными выражениями неизбежность отмщения, высшую степень мучения, скорость и разрушительную силу наказания.

3. Что значит: "**их доля (из) чаши**"? Это их удел, говорит, это их достояние, это постигнет их в жизни, от этого они погибнут. Далее приводится и причина: потому что Всевидящий не попустит пройти этому безнаказанно. Как другой пророк говорит: "**чистым очам Твоим не свойственно глядеть на злодеяния, и смотреть на притеснение Ты не можешь**" (Авв.1:13), так и он выражает тоже в словах: "**праведен Господь и правду возлюби**л". Богу особенно свойственно принимать правду, справедливость, и Он не попустит никогда противного ей.

Вот почему и в начале псалма пророк сказал: "**на Господа уповаю, как скажете душе моей: "улетай на горы, как птица?**" Те, которые надеются на блага житейские, не лучше птицы, которая, надеясь на пустыню, делается легко уловимою для всех. Таков – надеющийся на богатство. Как птица уловляется и детьми, и сетями, и силками, и другими бесчисленными средствами, так и богатый уловляется и друзьями, и врагами. Он живет даже в большей опасности, нежели птица, имея множество людей, которые ловят его, а прежде всех – свои порочные пожелания; он – изгнанник, всегда зависящий от обстоятельств времени; он боится и свирепости палачей, и гнева царя, и коварства от льстецов, и обмана от друзей; когда восстают на него враги, он трепещет больше всех; и когда бывает мир, он опасается козней, потому что не имеет богатства прочного и

неотъемлемого. Потому он постоянно скитается и переселяется из одного места в другое, проходя пустыни и горы, обитая во мраке, находя среди полудня глубокую тьму и строя козни. Не таков праведник. "**Стезя праведных – как светило лучезарное, которое более и более светлеет до полного дня**" (Притч.4:18). Они не решаются ни строить козней, ни делать несправедливостей, и имеют спокойную душу. А порочные, постоянно строя козни, всегда пребывают во тьме и страхе, подобно ворам, разбойникам и прелюбодеям; они во время дня видят мрак, потому что душа их бывает одержима страхом. Каким же образом может быть рассеян этот мрак? Если, отставши от всего этого, ты утвердишься в надежде на Бога, хотя бы ты был величайшим грешником. "**Взгляните**", говорит Премудрый, "**на древние роды и посмотрите: кто верил Господу – и был постыжен?**" (Сир.2:10)? Не сказал: праведник, но: "**кто**". Хотя бы, говорит, это был грешник. То и удивительно, что и грешники, держась этого якоря, делаются непобедимыми для всех; таково особенное свойство преданности Богу, что и отягченный грехами ты найдешь ободрение в Его человеколюбии, потому что, как "**проклят человек, который надеется на человека**", так блажен, "**который надеется на Господа**" (Иер.17:5,7). Итак, оставив все другое, держись этого якоря. Бог видит все и судит праведно, и не только судит, но и приводит в исполнение суд свой. Поэтому пророк, сказав о праведности Его, изображает и наказание огнем и бурным духом. Он делает это потому, что печется о грешниках и желает наказанием побудить их к исправлению. Будем же, по всем этим причинам, прибегать к Нему и постоянно обращать к Нему свои взоры. Таким образом мы достигнем всех благ о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 11

"В конец. Об осьмом (дне). Псалом Давида".

Другой переводчик (Акила) говорит: победителю о восьмой.

В еврейском сказано: асеминиф.

1 В конец, о осмей, псалом давиду,

2. Спаси мя, Господи, яко оскуде прпбный: яко умалишася истины от сынов человеческих.

3 Суетная глагола кийждо ко искреннему своему: устне льстивыя в сердцы, и в сердцы глаголаша злая.

4 Потребит Господь вся устны льстивыя, язык велеречивый,

5 рекшыя: язык наш возвеличим, устны наша при нас суть: кто нам Господь есть?

6 Страсти ради нищих и воздыхания убогих ныне воскресену, глаголет Господь: положуся во спасение, не обинюся о нем.

7 Словеса Господня словеса чиста, сребро разжжено, искушено земли, очищено

1 В конец. Об осьмом (дне). Псалом Давида.

2 Спаси меня, Господи, ибо не стало преподобного, ибо умалилась истина среди сынов человеческих.

3 Суетное говорил каждый ближнему своему: уста льстивые (говорили) от сердца, и от сердца говорили злобное.

4 Истребит Господь все уста льстивые, язык высокомерный,

5 Тех, которые говорят: "язык наш возвеличим, уста наши при нас, кто нам Господь?"

6 Ради страдания нищих и воздыхания убогих, ныне восстану, - говорит Господь, - явлюсь спасением, откроюсь в нем.

седмерицею.

8 Ты, Господи, сохраниши ны и соблюдеши ны от рода сего и во век.

9 Окрест нечестивии ходят: по высоте твоей умножил еси сыны человеческия.

7 Слова Господни - слова чистые, серебро расплавленное, испытанное в земле, семикратно очищенное.

8 Ты, Господи, сохранишь нас и соблюдешь нас от рода сего и во век.

9 Вокруг нечестивые ходят. По высоте Твоей Ты умножил попечение о сынах человеческих.

"**Спаси меня, Господи, ибо не стало преподобного, ибо умалилась истина среди сынов человеческих**" (ст. 2). Другой (Акила): **потому что сократились верные от сынов человеческих**.

1. Добродетель и сама по себе трудна и неудобоисполнима, но особенно тогда, когда исполняющий ее находится среди малого числа людей добрых. Как путешествие бывает трудно особенно тогда, когда путешественник один и не имеет никого своим спутником, так точно и здесь. Действительно, не маловажное дело – участие и утешение братий. Потому и Павел говорит: "**будем внимательны друг ко другу, поощряя к любви и добрым делам**" (Евр.10:24). Потому и древних праведников особенно нужно ублажать не только за то, что они совершали добродетели, но и за то, что совершали их при великом оскудении добродетелей, когда нигде не видно было добродетельных. Это выражает и Писание, когда говорит: "**Ной был человек праведный и непорочный в роде своем**" (Быт.6:9). Мы удивляемся Аврааму, Лоту, Моисею потому, что они были как бы звездами среди глубокой ночи, розами среди терний, овцами среди множества волков, шли по пути, противоположному всем, и не останавливались. Если в толпе это бывает трудно, и когда многие идут в противоположную сторону, то один, идущий вопреки толпе, встречает многочисленные затруднения; если во время мореплавания, когда волны несутся в противоположную сторону, бывает трудно направлять корабль им на встречу, – то тем более в добродетелях. Вот почему и этот праведник, шедший по пути добродетели, тогда как все другие шли по противоположному пути, прибегает к промышлению Божию и говорит: "**спаси меня, Господи**". Он выражает не что иное, как следующее: мне нужна высшая десница, небесная помощь, божественное содействие, потому что, идя по пути, противоположному всем, я имею нужду в великом промышлении. Не сказал: спаси меня, потому что нет преподобного, но: "**не стало преподобного**", выражая, что и те, которые были, погибли, так как стало господствовать зло, усилилась болезнь. От этого предостерегает и Павел: "**разве не знаете**", говорит, "**что малая закваска квасит все тесто?**" (1Кор.5:6) И еще: "**худые сообщества развращают добрые нравы**" (1Кор.15:33). Что значит: "**умалилась истина**"? Есть много истин. Как между цветами и другими предметами одни суть истинные, а другие ложные, напр., есть пурпур настоящий и пурпур поддельный, также и в шафране, и в драгоценных камнях, и в ароматах и других подобных вещах, – так точно и в добродетелях. Истина есть то, что действительно. Итак, истины извратились и помрачились, не в том смысле, будто они повредились в самом существе своем, но в том, что отвергнуты людьми; поэтому он не только сказал: "**умалилась истина**", но, желая выразить именно это, присовокупил: "**среди сынов**

человеческих". Смотри: есть украшение истинное, есть и ложное. Какое украшение истинное? Духовное. Какое ложное? Телесное. Есть богатство истинное, есть и ложное. Ложное состоит в имуществе. а истинное – в добрых делах. Есть и радость ложная и истинная, также и красота, и власть, и слава. Но многие из людей, оставив истинное, гоняются за ложным. Как сам человек бывает истинным и ложным, – истинный тот, который живет и действует, а ложный тот, который изображен на картине, – так точно бывает и с добродетелями.

2. "**Суетное говорил каждый ближнему своему: уста льстивые (говорили) от сердца, и от сердца говорили злобное**" (ст. 3). Другой переводчик (Симмах) говорит: **в сердце ином и ином говорили**. Пророк говорит о двух родах зла: о том, что они говорили суетное, и о том, что говорили ближнему; а под суетным разумеет или ложное, или излишнее и бесполезное. Тоже выражает и Павел, когда говорит: "**не говорите лжи друг другу**" (Кол.3:9). И особенно тяжело то, что все развратились. Он не сказал: такой-то и такой-то, но: "**каждый**". Зло не было только снаружи, но и внутри, в сердце: "**от сердца, и от сердца**", или, как другой переводчик говорит: **в сердце ином и ином**, внушая, что в сердце их – великая двуличность. Это хуже всяких врагов. Есть враги явные и открытые, которых легко можно остеречься, и есть враги, снаружи представляющие одно, а сами в себе содержащие другое, которых трудно уловить тем, на кого они нападают, и которые гораздо опаснее людей, носящих скрытно при себе мечи. "**Истребит Господь все уста льстивые, язык высокомерный, тех, которые говорят: "язык наш возвеличим, уста наши при нас, кто нам Господь?**" (ст. 4, 5). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: будем **владычествовать**. **Уста наши при нас**. Другой (Акила): **с нами суть**. **Кто нам Господь есть?** Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **кто будет господствовать над нами?** Видишь ли, как пророк печется и об них? Не против них сказано это, а за них. Он не сказал, что они погибнут, но что зло истребится; не сказал: потребит Господь их, но: "**уста льстивые**".

3. Здесь опять он желает, чтобы истреблено было не существо их, но язык, гордость, коварство, чтобы уничтожено было их высокомерие; и, смеясь над их безумием, говорит: "**уста наши при нас, кто нам Господь?**" Слова, свойственные беснующимся и сумасшедшим! Потому и Павел, говоря вопреки им, внушает: "**не знаете ли, ибо вы куплены дорогою ценою**" (1Кор.6:19,20), и повелевает жить не для себя самих (Римл.16:7). Эти уста, говорит, принадлежат не тебе, но Господу: Он сотворил их, Он устроил их, Он вдохнул в них жизнь. Но ты владеешь ими? Не все то наше, чем мы владеем: так мы владеем деньгами, которые другие поручили нам; владеем землею, которую другие по найму предоставили нам. Так и уста Бог дал тебе не для того, чтобы ты производить терние, но чтобы бросал полезные семена, чтобы распространял чрез них не тщеславие и коварство, но смиренномудрие, благословение и любовь. И глаза Он дал тебе не для того, чтобы ты сладострастно смотрел ими, но чтобы украшал их целомудрием; и руки дал не для того, чтобы ты наносил удары, но чтобы подавал милостыню. Как же ты говоришь: "**уста наши при нас**", когда ты делаешь их орудиями греха, прелюбодеяния, нечистоты? "**Кто нам Господь?**" О, диавольское слово, о, бесовская душа! Не видишь ли ты, человек, как вся тварь возвещает силу, премудрость, попечение и промышление твоего Владыки, как твое тело, душа, жизнь, видимое, невидимое, и почти все возглашает и проповедует могущество Создателя, – и ты говоришь: "**кто нам Господь?**" Это – слова безумия, исступления, душевного развращения; отсюда – бесчисленное множество зол. Такие люди говорят: "**кто нам Господь?**"; а другие, хотя исповедуют Господа, но отвергают учение о суде и наказании, приобретают себе за краткое удовольствие великие мучения, и, желая успокоить себя забвением о геенне, незаметно чрез такое бесстрашие ввергают себя в бездну погибели. Поэтому увещеваю тебя помнить о геенне и беседовать о ней, и таким благоприличным образом украшать свою душу, потому что много бывает

пользы от такой беседы. Не напрасно Бог угрожает нам геенною, и чрез это делает ее несомненною, но чтобы страхом сделать нас лучшими. Потому и диавол старается и употребляет все меры, чтобы истребить память о геенне. Итак, не забывай о ней, не говори: для чего мне огорчать себя безвременно? Разве это огорчение безвременно? Оно будет безвременным тогда, когда ты будешь мучиться в геенне; здесь время сокрушения, а не там. Это доказывает богач, живший при Лазаре, которому бесчисленные страдания не принесли никакой пользы. А если бы он сокрушался благовременно, то не потерпел бы того, что потерпел. "**Ради страдания нищих и воздыхания убогих, ныне восстану, – говорит Господь, – явлюсь спасением, откроюсь в нем**" (ст. 6). Другой переводчик (Симмах) говорит: **устрою явное спасение**. Посмотри, какова сила смиренномудрия. Сила нищих, – а под нищими я разумею сокрушенных сердцем, – есть заступление Божие за их страдание. Пророк не говорит здесь о жизни их, о добродетелях, но страдания их, говорит, преклоняют Бога и побуждают к наказанию и отмщению. Вот что значит – мужественно переносить обиды; вот как Бог печется о несправедливо обижаемых! Несчастье и страдание служат для них величайшей защитою. Велика сила воздыхания: она призывает высшую помощь. Страшитесь – вы, которые обижаете бедных. Вы имеете власть, богатство, деньги, благосклонность судей; но они имеют оружие, которое сильнее всего, – воздыхания, слезы и терпение обид, чем и привлекают себе помощь небесную. Это оружие разрушало дома, ниспровергало основания, уничтожало города, потопляло целые народы: я разумею воздыхания несправедливо обижаемых. Сам Бог призирает на их, благодушие, когда они, испытывая страдания, не произносят ни одного худого слова, но только воздыхают и оплакивают собственные бедствия. Что значит: "**явлюсь спасением, откроюсь в нем**"? Смело, открыто и явно, говорит, буду защищать их, так чтобы узнали все. Но разве Он когда-нибудь спасает не явно? Иногда и не явно, а тайно, потому что Он не нуждается в славе человеческой. Теперь же, когда враги, очевидно, нападали на них, оскорбляли и бесчестили их, как бы не имеющих Бога своим помощником, дабы и сами враги вразумились и сделались лучшими, на опыте узнав помощь Господа, я устрою, говорит, спасете их явно. "**Слова Господни – слова чистые, серебро расплавленное, испытанное в земле, семикратно очищенное**" (ст. 7). Какая последовательность между этими словами и вышесказанными? Великая и непосредственная. Не думайте, говорит, что это сказано напрасно, что эта угроза тщетна: слова Его чисты, чужды лжи. Как расплавленное серебро не имеет ничего чуждого и нечистого, так и слова Бога, какие бы Он ни сказал, должны непременно исполниться. Потому и говорит: "**серебро расплавленное, испытанное в земле**". Другой переводчик (Акила) говорит: **расплавленное, идущее по земле**. А в еврейском, вместо "**испытанное в земле**", сказано: **ваалил лаарес**, т.е. расплавленное, текущее в земле. "**Семикратно очищенное**".

4. Видишь ли, как пророк образом вещества выражает неложность, истинность Божию? Как серебро расплавленное, разжженное и подвергавшееся этому неоднократно, бывает свободно от всякого постороннего вещества после тщательного очищения, – так и изречение божественное. "**Ты, Господи, сохранишь нас и соблюдешь нас от рода сего и во век**" (ст. 8). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **сохранишь их**. Третий (Акила и Феодотион): **сохранишь это и соблюдешь нас от рода сего и во век**. Четвертый (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **вместе с родом вечным**. "**Вокруг нечестивые ходят. По высоте Твоей Ты умножил попечение о сынах человеческих**" (ст. 9). Другой (Акила, Симмах, Феодотион): **будут ходить**. Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **вокруг нечестивых будут ходить**. "**По высоте Твоей Ты умножил попечение о сынах человеческих**". Другой (Симмах): **когда возвысятся низкие из сынов человеческих**. Третий (Акила): **по высоте, сделавшись малоценными для сынов человеческих**. В еврейском: **харм золло левни адам**. "**Ты, Господи, сохранишь нас и соблюдешь нас**". Смотри, как он часто, или – лучше, – постоянно

прибегает к Богу, и от Него ищет помощи, потому что эта помощь всесильна и не ограничивается никаким временем. Мы, говорит, не имеем нужды ни в чем человеческом; Ты сохраняешь нас непрестанно. Что значит: "**вокруг нечестивые ходят**"? По переводу семидесяти (толковников) нужно разуметь так: хотя бы нечестивые окружили нас, мы ничего не потерпим, потому что Ты сохраняешь нас, возвышаешь и делаешь славными. По другому переводу нужно разуметь так: нечестивые удалятся, когда Ты возвысишь уничиженных сынов человеческих; т.е. когда нас, почитаемых презренными и низкими, Ты прославишь, удалишь их и отгонишь. Что значит: "**по высоте Твоей**"? Иначе сказать: Ты сделал подобными Тебе, сколько возможно для человека быть подобным Тебе. "**Сотворим человека**", сказал Господь, "**по образу нашему и по подобию**" (Быт.1:26). Что Он на небе, то мы на земле; и как на небе нет никого выше Его, так на земле нет существа, подобного человеку по достоинству. "**Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный**" (Мф.5:48). Даже имя свое Он сообщил нам: "**Я сказал: вы – боги и все – сыны Вышнего**" (Пс.81:6); и еще: "**Я поставил тебя Богом фараону**" (Исх.7:1). Он сделал человека даже создателем телесного и бестелесного. Так Моисей претворил одну стихию, а другие – другие стихии; нам же Он повелел созидать самих себя в храм Ему. Хотя ты не созидаешь неба, но созидаешь храм Богу. И самое небо славно потому, что в нем обитает Бог; тем более мы – чрез Христа; "**и воскресил с Ним**", говорит апостол, "**и посадил на небесах**" (Еф.2:6). Он дал нам власть творить больше, нежели Он сам творил: знамения, говорит он, "**которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит**" (Ин.14:12). И в ветхом завете один изменил течение моря (Исх.14:21), другой удержал солнце и повелел остановиться луне (Иис. Нав. 10:13), третий возвратил назад солнечные лучи (4Цар.20:11); отроки в печи удержали силу огненной стихии и неистовый пламень бездействовал и стонал, как связанный (Дан.3:23); и звери умели почитать друзей Божиих, и, несмотря на мучивший их голод, оставались благоразумными (Дан.6:22). Да постыдятся чревоугодники такого воздержания зверей! Львы увидели Даниила и сделались благоразумными; а мы, видя Сына Божия грядущим к нам, не делаемся благоразумными. Они решились лучше умереть с голоду, нежели коснуться тела святого; а мы, видя Христа обнаженным и но изнемогающим от голода, не уделяем даже от избытков своих, но, живя в изобилии, презираем святых. Другому другу Божию земля произрастила из собственных недр свои дары с таким плодородием, с каким прежде не произращала никогда (Иов.42:10). И удивительно ли, что они сами были почитаемы, когда их одежды и тени были страшны для бесов, смерти и болезни (Деян.5:15; 19:12)? Даже ангелы уважали таких людей и оказывали им особенную честь (Быт. 18:5;19:3). И как могли они не уважать тех, кому оказывал честь сам Господь? Это было и в ветхом, и в новом завете. Потому пророк и говорит: "**по высоте Твоей Ты умножил попечение о сынах человеческих**". Итак, представляя величие этой чести, будем воздавать Ему за нее достойным образом, чтобы преимущество чести не служило для нас поводом к наказанию, которого да избавимся все мы, как учащие этому, так и учащиеся, о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 12

"В конец, псалом Давиду".

Другой переводчик (Симмах) говорит: **победная песнь Давида. Третий (Феодотион): на победу.**

1 В конец, псалом давиду, 12. Доколе, Господи, забудеши мя до конца? доколе	1 В конец. Псалом Давида. 2 Доколе, Господи, будешь забывать меня

отвращаеши лице твое от мене?

3 Доколе положу советы в души моей, болезни в сердцы моем день и нощь? доколе вознесется враг мой на мя?

4 Призри, услыши мя, Господи Боже мой: просвети очи мои, да не когда усну в смерть:

5 да не когда речет враг мой: укрепихся на него.

6 Стужающии ми возрадуются, аще подвижуся.

7 Аз же на милость твою уповах: возрадуется сердце мое о спасении твоем: воспою Господеви благодеявшему мне и пою имени Господа вышняго.

до конца? Доколе будешь отвращать лице Твое от меня?

3 Доколе я буду слагать помыслы в душе моей, (а) печали в сердце моем день и ночь? Доколе будет возноситься надо мною враг мой?

4 Призри, услышь меня, Господи, Боже мой, просвети очи мои, да не усну смертно.

5 Да не скажет враг мой: "я преодолел его!"

6 Угнетающие меня обрадуются, если я поколеблюсь.

7 Я же уповал на милость Твою: возрадуется сердце мое о спасении Твоем, воспою Господу, благотворящему мне, и пою имени Господа Вышнего.

"Доколе, Господи, будешь забывать меня до конца?" Другой (Симмах): **забываешь меня совершенно**.

"Доколе будешь отвращать лице Твое от меня?" Другой (Акила, Симмах и Феодотион): **скрываешь**.

"Доколе я буду слагать помыслы в душе моей?" Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **устрою мысли. "(а) печали в сердце моем день и ночь? Доколе будет возноситься надо мною враг мой?"** Другой (Симмах): **заботу в помышлении моем ежедневно** (ст. 1-3).

1. Не малое благо и в том, чтобы чувствовать забвение от Бога. Под забвением же разумей не состояние страстное, но оставление. Многие, подвергшись забвению от Бога, даже не сознают этого, и не скорбят; а блаженный Давид не только сознавал это, но исчислял и время забвения, потому что выражение: доколе означает продолжительность времени. Потому он и скорбит, и плачет. Смотри, как он никогда не скорбит ни о чем житейском, ни о богатстве, ни о славе, но всегда о благоволении Божием. Почему же, скажешь, он знал, что Бог забыл его? Потому, что он знал и то, когда Бог помнил о нем, и ясно понимал, в чем состоит это забвение, и в чем это памятование, – не так, как многие из людей, которые, когда богатеют, когда прославляются людьми, когда все у них идет успешно, когда одерживают победы над врагами, тогда и думают, что Бог помнит о них; потому они и не знают, когда Он забывает их. Не зная знамений памятования Его, они не знают и знамений забвения Его, не разумея знаков любви Его, не разумеют и знаков неблаговоления Его. Многих из людей, имеющих земные блага, Бог забывает, и даже особенно их; напротив о неимеющих часто памятует. Памятование о нас Божие

происходит не от чего иного, как от добрых дел, внимательности, бодрствования, упражнения в добродетели; равно и забвение не от чего иного, как от грехов, корыстолюбия, хищения. Поэтому и ты, возлюбленный, когда находишься в несчастье, не говори: Бог забыл меня; напротив, – когда ты находишься во грехах и когда все идет у тебя успешно. Если ты будешь сознавать это, то скоро отстанешь от порочных дел. "**Доколе будешь отвращать лице Твое от меня?**" Это – высшая степень забвения. Подобиями человеческими пророк изображает действия Божии, и гнев Его и наказание. А Бог отвращает лицо Свое тогда, когда мы поступаем недостойно заповедей Его. "**Когда вы простираете**", говорит Он, "**руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои**"; потом приводит и причину: "**ваши руки полны крови**" (Ис.1:15). Впрочем это оставление и отвращение лица есть также действие великого попечения Божия о нас. Он делает это для того, чтобы; сильнее привлечь нас к Себе. Так и человек, зараженный страстною любовью, видя невнимание к себе любимого предмета, оставляет его и удаляется, не потому, чтобы изгладить его из души своей, но, желая обратить и привязать его к себе. Сказав об отвращении лица и забвении, пророк говорит и о том, что с ним произошло от этого. Что же именно? То, о чем он говорит далее: "**доколе я буду слагать помыслы в душе моей?**" Как вышедший из пристани блуждает везде, и как лишившийся света часто спотыкается, так и подвергшийся забвению от Бога постоянно предается заботам, беспокойствам и скорбям. Впрочем, эти самые заботы, беспокойства, сокрушение, скорбь, собеседование об отвращении Божием, не мало способствуют к тому, чтобы Он опять обратился к нам. Так и Павел говорит о себе в послании к Коринфянам: "**кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною**" (2Кор.2:2)? Не малая, возлюбленный, польза от того, чтобы чувствовать отвращение Божие, скорбеть и сетовать, потому что таким образом мы скоро опять обратим Его к себе. "**Доколе будет возноситься надо мною враг мой? Призри, услышь меня, Господи, Боже мой, просвети очи мои, да не усну смертно**" (ст. 3, 4). Как тогда, когда Бог покровительствует нам и находится с нами, исчезает всякая скорбь, так тогда, когда Он отступает от нас и забывает нас, душа наша терзается сердце скорбит, люди огорчают нас, и везде для нас утесы и стремнины. Но все это попускается с полезною целью, – чтобы люди беспечные, страдая от этого, тщательнее старались возвратиться туда, откуда ниспали. "**Накажет тебя**", говорит пророк, "**нечестие твое, и отступничество твое обличит тебя**" (Иер.2:19). Таким образом, и оставление Божие есть вид промышления Его. Когда Он, промышляя и имея о нас попечение, не видит надлежащего к Себе внимания, тогда на несколько времени отступает и удаляется, чтобы нерадивые, оставив нерадение, сделались ревностнейшими. "**Призри**", говорит пророк, посмотри на врага, возносящегося надо мною; и если не по моему уничижению, то по его надменности и гордости "**услышь меня**". Чего просишь ты? Победы над врагами? Нет, говорит, но того, чтобы просветились очи сердца моего, чтобы рассеялся мрак, объявший мыслительную часть души моей, помрачивший мое мысленное око. Вот чего прошу я: "**просвети очи мои. Да не скажет враг мой: "я преодолел его!"**", видя меня погруженным в греховную смерть: "**я преодолел его**" (ст. 5), я преодолел его, и чего желал, того достиг. Что значит: "**я преодолел его**"? Хотя он не силен вообще, но силен стал против меня. Наше поражение придает ему силу, показывает его сильным, крепким и непобедимым.

2. Видишь: когда мы грешим, не только самих себя срамим, губим, подвергаем смерти, но и своих врагов, которые поражают нас, являем сильными и могущественными, а кроме того еще доставляем им радость и веселие. О, какое безумие, какая слепота – врагам своим содействовать против себя самих, оскорбляющим и огорчающим душу нашу доставлять радость и веселие! Смотри, сколько безрассудств: вместо того, чтобы побеждать врага, – "**у врага совершенно истощилось оружие, и погиб нечестивый**" (Пс.9:7, 6), – вместо того, чтобы одерживать победы, мы сами терпим поражение; и не только это, но и являем его сильным и могущественным; и даже на этом не

останавливается наше безумие, наша крайняя болезнь, но еще доставляем ему радость и веселие. Подлинно, грех есть крайнее сумасбродство и крайнее зло. "**Угнетающие меня обрадуются, если я поколеблюсь**" (ст. 6). Три причины приводит пророк, умоляя Господа, чтобы Он призрел на него, обратил к нему лицо Свое и услышал молитву его: могущество и силу врагов, и еще прежде этого их высокомерие и надменность, и в-третьих, их радость и веселие. Он как бы так говорит: если не по моему прошению и не по моему уничижению обрати ко мне лицо Твое, Господи, то по надменности врагов; они надмеваются своею силою, радуются моим бедствиям, смеются над моим падением. "**Услышь меня, Господи**, **просвети очи мои**": отгони глубокий сон от меня при грехах моих, уснув которым я скоро подвергся бы душевной смерти. Если тогда, как я только лишь поколеблюсь с твердыни твоей, они радуются, восхищаются, считают это своею силою, превозносятся и делаются невыносимыми, то чего не сделают они, когда я буду доведен до смерти? Видишь, как пророк почитает величайшим вредом, не меньшим, чем наказание и мучение, то, чтобы радовался общий враг, чтобы он казался сильным и считался высоким. Если бы он не почитал этого зла величайшим и невыносимым, то не представлял бы его для умилостивления Бога и для получения Его благоволения. Так будем поступать и мы; будем смотреть и стараться, чтобы нам не возвысить врага, не сделать его сильным, не доставить ему веселия, а напротив, чтобы он оказался низким, ничтожным, слабым, прискорбным и безотрадным. А все это исполнится тогда, когда он увидит грешников совершающими дела добрые. "**Я же уповал на милость Твою: возрадуется сердце мое о спасении Твоем, воспою Господу, благотворящему мне, и пою имени Господа Вышнего**" (ст. 7). За какие добрые дела свои ты просишь себе такой милости, чтобы Он опять призрел на тебя, услышал молитву твою, просветил мысленные очи твои? За что тебе это? Пусть другие, говорит, представляют, если могут представить что-нибудь; а я одно знаю, одно говорю, в одном полагаю всю свою надежду, одно представляю: "**милость Твою**", человеколюбие Твое. "**Я же уповал на милость Твою**". Видишь ли смиренномудрие пророка? Видишь ли признательность этого мужа? Хотя он имел множество достоинств и ими мог бы преклонить Бога, но он не говорит ни об одном из них, а прибегает единственно к милости Божией. Отсюда видно, что и тогда, когда он говорит о них, например, в словах: "**если я сделал что**", "**если я отомстил**", и тому подобных (Пс.7:4,5), говорит по совершенной необходимости сказать это; а когда ее нет, тогда он и не говорит ничего подобного, но вместо всякого основания просьбы указывает на милость и человеколюбие Божие. Затем, будучи уверен, что он не обманется в своей надежде, продолжаете "**возрадуется сердце мое о спасении Твоем**".

Видишь ли душу, исполненную надежды? Он просил и, прежде чем получил, уже благодарит, как получивший, поет Богу и совершает все предварительно. Откуда же в нем такая твердая надежда? От глубокой признательности, от великого усердия в молитве, – он знал, что Бог внемлет просящему таким образом, – от сильной горячности и живого чувства сердечного. Как те, которые просят лениво и небрежно, и, получив просимое, едва чувствуют важность дара, – так те, которые возносят молитву с напряженным усердием и ревностью, еще прежде получения, от сильного и искреннего своего расположения, чувствуют важность дара, как получившие, – потому что божественная благодать наперед исполняет их радостью, – благодарят за это и бывают недалеки от самого получения. "**Возрадуется сердце мое о спасении Твоем**". Мою душу, говорит, радует то, чтобы получить спасение от Тебя; мою душу веселит то, что Ты – ее спасение.

3. Видишь ли радость с одной стороны, и радость с другой стороны, – радость врагов о падении (ближнего), и радость души о собственном спасении? Первая свойственна нечестивому, а последняя – спасаемым; первая служит к погибели как того, кто кажется радующимся, так и того, о чем он радуется; а последняя – ко спасению и оживлению радующегося. Этой последней радостью и веселием будем и мы радоваться и веселиться,

а первой будем избегать и отвращаться. "**Воспою Господу, благотворящему мне, и пою имени Господа Вышнего**". В память этого благодеяния я вознесу, говорит, песнь Господу, который облагодетельствовал меня, смирил врага, постыдил его, обнаружил слабость его, услышал молитву мою, обратил ко мне лицо Свое, рассеяв туман и тьму, среди которых я стремился к смерти. Радуясь спасению, я как бы поставляю несокрушимый памятник, когда возношу эту песнь об оказанных мне благодеяниях, не теперь только воспеваю ее и содержу в памяти благодеяния, но и в последующее время буду воспевать и прославлять имя Господа, неизгладимо нося в душе своей великие Его благодеяния. Такая душа, подвергшись бедствиям, не только легко избавляется от них, но и делается более осмотрительною, чтобы опять не подвергнуться подобным бедствиям. В самом деле, если она всегда содержит в памяти благодеяние, то очевидно, что помнит и бедствия, от которых избавилась, получив благодеяние. Помня бедствия, она внимательно размышляет и о том, от чего они случились с нею и по какой причине она подверглась такому злу; а размышляя об этом, она со всех сторон ограждает себя, чтобы опять не впасть в подобные несчастья; и таким образом, благоустрояя и, направляя свою жизнь, она воздает великую благодарность своему Избавителю; нашедши в Нем Избавителя, она желает и в будущем иметь Его всегда своим Хранителем. Будем и мы подражать такой душе; и если впадем в какой-нибудь грех, тотчас восстанем и сделаем для себя падение поводом к большей безопасности и побуждением к тому, чтобы после не грешить. Как же тебе сделать это? У тебя есть учитель – Давид. Ты согрешил? Не засыпай во грехе, но восстань; тотчас представь, что Бог отвратил от тебя лицо Свое, что Он забыл тебя; потом плачь, воздыхай, омывай каждую ночь ложе твое слезами, уходи от делающих беззаконие. Таковы наставления Давида. Скажи вместе с ним: "**доколе, Господи, будешь забывать меня до конца? Доколе будешь отвращать лице Твое от меня?**" Скажи не языком, но прежде того – сердцем; произноси и другие моления Давида. Когда выскажешь все, то надейся на милость Божию, надейся и не сомневайся. "**Но да просит с верою, нимало не сомневаясь**", говорит апостол, "**потому что сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой. Да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа. Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих**" (Иак.1:6-8). Поэтому надейся на милость Его, нисколько не сомневаясь, и ты непременно получишь просимое; а, получив, не будь неблагодарным и непризнательным к Благодетелю, но устрой памятник благодеяния Его, вознеси благодарственную песнь Господу. Если ты не можешь устроить этого сам, то пригласи бедных, воспользуйся их устами и употреби их вместо себя. Будь уверен, что для Господа приятнее Давидовой песни будет та, которую они воспоют за тебя. Как многострунное музыкальное орудие производит более приятные звуки, нежели одностурнное, так и песнь многих бедных будет приятна и любезна Богу, Который внемлет гласу бедных. Поставь такой памятник и себе и Богу: Ему – в память благодеяния, а себе – в знак благодарности и признательности, в знак постоянного памятования, которое содержа всегда в сердце своем, благоустрояй таким образом жизнь свою, – или лучше, будем благоустроять ее, чтобы сделаться достойными наследовать и тамошние блага, о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 41

1 В конец, в разум сынов кореовых, псалом давиду,	1 В конец. В научение. Сынам Кореевым. Псалом Давида.
2. Имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к тебе, Боже.	2 Как олень стремится к источникам вод, так стремится душа моя к Тебе, Боже.
	3 Возжаждала душа моя (явиться) к Богу

3 Возжада душа моя к Богу крепкому, живому: когда прииду и явлюся лицу Божию?

4 Быша слезы моя мне хлеб день и нощь, внегда глаголатися мне на всяк день: где есть Бог твой?

5 Сия помянух, и излиях на мя душу мою: яко пройду в место селения дивна, даже до дому Божия, во гласе радования и исповедания, шума празднующаго.

6 Вскую прискорбна еси, душе моя? и вскую смущаеши мя? уповай на Бога, яко исповемся ему, спасение лица моего и Бог мой.

7 Ко мне самому душа моя смятеся: сего ради помянух тя от земли иордански и ермониимски, от горы малыя.

8 Бездна бездну призывает во гласе хлябий твоих: вся высоты твоя и волны твоя на мне преидоша.

9 В день заповесть Господь милость свою, и нощию песнь его от мене (у мене), молитва Богу живота моего.

10 Реку Богу: заступник мой еси, почто мя забыл еси? и вскую сетуя хожду, внегда оскорбляет враг?

11 Внегда сокрушатися костем моим, поношаху ми врази мои, внегда глаголати им мне на всяк день: где есть Бог твой?

12 Вскую прискорбна еси, душе моя? и вскую смущаеши мя? уповай на Бога, яко исповемся ему, спасение лица моего и Бог мой.

крепкому, живому (говоря): когда приду и явлюсь лицу Божию?

4 Слезы мои были мне хлебом день и ночь, когда говорили мне ежедневно: "где Бог твой?"

5 Это я вспоминал и изливал пред собою душу мою. Как пройду я к месту селения дивного, до дома Божия, при гласе радости и исповедания (Бога), при праздничном восклицании!

6 Почему прискорбна ты, душа моя? И почему смущаешь меня? Уповай на Бога! Ибо я исповедаюсь Ему (говоря): (Ты) спасение лица моего и Бог мой!

7 Во мне самом душа моя смущена, посему я буду воспоминать о Тебе от земли Иорданской и Ермониимской, от горы Малой.

8 Бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих: все валы Твои и волны Твои прошли надо мною.

9 Днем явит Господь милость Свою, а ночью - песнь Ему от меня, молитва Богу жизни моей.

10 Скажу Богу: Ты - заступник мой, почему Ты меня забыл? И почему я сетуя хожу, когда оскорбляет враг?

11 Когда сокрушались кости мои, поносили меня враги мои, говоря мне ежедневно: "где Бог твой?"

12 Почему прискорбна ты, душа моя? И почему смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо исповедаюсь Ему (говоря): (Ты) спасение лица моего и Бог мой!

"**Как олень стремится к источникам вод, так стремится душа моя к Тебе, Боже**" (ст. 2).

И о том, для чего псалом, будучи введен в жизнь, произносится с пением. И о долготерпении Божием.

1. Недавно, когда я беседовал о Мелхиседеке[1], вы удивлялись продолжительности моей речи, а я удивлялся вашему усердию к слушанию и благоразумию, по которому вы, не смотря на продолжительность речи, до конца следовали за мною, хотя речь моя не только была длинна, но и содержала в себе много трудного. Между тем, ни обширность, ни трудность ее не ослабили вашего усердия. Теперь же я постараюсь вознаградить вас за тот труд, предложив вам беседу более ясную. Не нужно держать всегда в напряжении душу слушателей, потому что она скоро изнемогает; не нужно и давать ей всегда послабление и покой, потому что от этого она становится недеятельной. Нужно разнообразить поучения и касаться предметов то более общепонятных, то более трудных. Тогда я говорил, что пастухи, при нападении волков на стадо, оставляют свирель и берутся за пращу; а теперь, когда прошли праздники иудеев, которые хуже всяких волков, мы оставим пращу и возьмемся опять за свирель, перестанем говорить о предметах трудных и обратимся к другим более ясным, возьмем псалтирь Давидову и займемся тем припевом, который все мы пели сегодня. Какой же этот припев? "**Как олень стремится к источникам вод, так стремится душа моя к Тебе, Боже**".

Но наперед нужно сказать, для чего псалмопение введено в нашу жизнь и почему сами пророчества преимущественно произносятся с пением. Для чего употребляется пение? Послушай. Бог, видя, что многие из людей нерадивы, тяготятся чтением духовных писаний и неохотно принимают на себя этот труд, и желая сделать этот труд вожделенным и уничтожить чувство утомления, соединил с пророчествами мелодию, чтобы все, услаждаясь стройностью напева, с великим усердием возносили Ему священные песнопения. В самом деле ничто, ничто так не возвышает и не окрыляет душу, не отрешает ее от земли, не избавляет от уз тела, не располагает любомудрствовать и презирать все житейское, как согласное пение и стройно составленная божественная песнь. Природа наша так услаждается песнями и стройными напевами и имеет к ним склонность, что и грудные дети, когда плачут и бывают неспокойны, усыпляются ими. Кормилицы, нося их на руках, и ходя взад и вперед, напевают им какие-нибудь детские песни и тем погружают в сон глаза их. Часто и путешественники, в жаркий полдень, погоняя вьючных животных, продолжают путь с пением, и этими песнями облегчают тягость путешествия. И не только путешественники, но и земледельцы, выжимая виноградный сок, собирая или очищая виноград, или делая что-нибудь другое, часто также поют. И мореплаватели, работая веслами, делают тоже. Даже и женщины, когда прядут и спутавшуюся пряжу расправляют гребнем, иногда каждая порознь, а иногда все вместе поют какую-нибудь песню. Все же, и женщины, и путешественники, и земледельцы, и мореплаватели, делают это для того, чтобы пением облегчить трудность работы, так как душа, при звуках стройной песни, легче может переносить скуку и труд. Поэтому, так как душа наша имеет склонность к этому роду наслаждения, то дабы злые духи введением развратных песен не испортили всего, Бог для ограждения от них установил псалмы, от которых бывает и удовольствие и вместе польза. От мирских песен может произойти вред, погибель, и много других зол, потому что все то, что есть в них дурного и безнравственного, проникая в душу, расслабляет ее и развращает. Напротив, духовные песни доставляют великую пользу, великое назидание, великое освящение, и служат руководством ко всякому любомудрию, потому что и слова их очищают душу, и Дух Святый скоро нисходит в душу, поющую эти песни. А что действительно поющие их с разумением призывают на себя благодать Духа, о том, послушай, как говорит Павел: "**не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом**"; далее

указывает и способ исполнения Духом: "**поя**", говорит, "**и воспевая в сердцах ваших Господу**" (Еф.5:18,19). Что значит: "**в сердцах ваших**"? Значит: с разумением, не так, чтобы уста произносили слова, а душа блуждала где-то по внешним предметам, но чтобы душа внимала тому, что произносит язык.

2. Как туда, где грязь, бегут свиньи, а где цветы и благоухания, там пребывают пчелы, так и туда, где развратные песни, собираются бесы, а где песни духовные, туда нисходит благодать Духа и освящает уста и душу. Говорю это не для того, чтобы вы только хвалили меня, но чтобы вы и детей и жен учили петь такие песни не только при занятии пряжей и при других работах, но особенно за трапезой. Так как диавол строит козни большей частью во время пиршеств, при помощи упоения, пресыщения, непристойного смеха и душевного расслабления, то особенно тогда, и пред трапезой и после трапезы, нужно защищать себя от него оградою псалмов и, вставши из-за стола, вместе с женою и детьми воспевать Богу священные песни. Если Павел, имея на себе нестерпимые раны, нося на ногах колоду и находясь в темнице, в полночь, когда все покоятся особенно сладким сном, вместе с Силою воспевал славословие Богу, и ни место, ни время, ни заботы, ни склонность ко сну, ни утомление от таких трудов и ничто другое не принудило его прекратить песнопение, – то тем более мы, наслаждаясь благоденствием и дарами Божиими, должны возносить Богу благодарственные песни, чтобы, если от упоения и пресыщения войдет в нашу душу что-нибудь нечистое, псалмопением прогнать все нечистые и порочные пожелания. И как многие из богатых, намочив губку бальзамом, вытирают ею столы, чтобы, если останется от кушаньев какое-нибудь пятно, стереть его и сделать стол чистым, так точно будем поступать и мы, вместо бальзама наполняя уста духовной мелодией, чтобы, если от пресыщения произойдет в душе какая-нибудь нечистота, смыть ее этою мелодией, и встав все вместе будем восклицать: "**Ты, Господи, возвеселил меня творением Твоим, и делами рук Твоих я буду восхищаться**" (Пс.91:5). К псалмопению пусть присоединится и молитва, чтобы вместе с душою нам освятить и сам дом. Подобно тому, как те, которые приводят на пиршества шутов, плясунов и непотребных женщин, призывают туда бесов и диавола и наполняют свои дома множеством бесчинств, – потому что отсюда происходят ссоры, блуд, прелюбодеяние и множество зол, – так те, которые призывают к себе Давида с псалтирью, чрез него призывают к себе Христа. А где Христос, туда ни один бес никогда не осмелится не только войти, но и заглянуть; напротив, мир, любовь и все блага польются туда, как из источников. Те обращают дом свой в зрелище; а ты сделай свое жилище церковью. Подлинно, где псалом, молитва, ликование пророков и боголюбезное настроение духа поющих, – там собрание безошибочно можно назвать церковью. Даже, хотя бы ты не разумел силы слов, приучай по крайней мере уста произносить их. И язык освящается этими словами, когда они произносятся с усердием. Если мы приобретем себе такой навык, то уже ни по воле, ни по лености никогда не оставим этого прекрасного занятия, потому что навык будет побуждать нас даже помимо воли каждый день совершать это прекрасное служение. При таком песнопении, будет ли кто стар или молод, или с грубым голосом, или совершенно незнаком с стройностью пения, в том не будет никакой вины. Здесь требуется целомудренная душа, бодрый ум, сердце сокрушенное, помысл твердый, совесть чистая. Если с этими качествами ты вступишь в святой хор Божий, то можешь стать на ряду с самим Давидом. Здесь не нужно ни псалтири, ни натянутых струн, ни смычка, ни искусства, и никаких орудий; но, если захочешь, можешь сделать самого себя псалтирью, умертвив члены плотские и настроив свое тело согласно с душою. Когда плоть не будет желать "**противного духу**" (Гал.5:17), не будет повиноваться его велениям и приводить их в исполнение на этом прекрасном и дивном пути, тогда ты составишь духовную мелодию. Здесь не требуется искусство, приобретаемое долговременным упражнением, а нужна только твердая решимость, и мы в самое короткое время приобретем опытность. Для этого не требуется ни особенное место,

ни особенное время, но на всяком месте и во всякое время можно петь мысленно. Ходишь ли на торжище, находишься ли в путешествии, сидишь ли в обществе друзей, везде можно возбудить душу, можно взывать и молча. Так взывал Моисей, и Бог услышал. Ремесленник ли ты? Сидя в мастерской и занимаясь работою, ты можешь петь. Воин ли ты, или заседаешь в суде? Можешь делать тоже самое.

3. Можно петь и без голоса, когда душа внутри издает звуки, потому что мы поем не для людей, но для Бога, Который может слышать сердца и проникать в сокровенную глубину нашей души. Об этом свидетельствует и Павел, когда говорит: "**также и Дух подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией**" (Римл.8:26,27). Так он говорит не в том смысле, будто Дух воздыхает, но в том, что духовные мужи, обладающее дарованиями Духа молясь о ближних и вознося прошения, делают это с сокрушением сердца и с воздыханиями. Тоже будем делать и мы, и каждый день станем обращаться к Богу с псалмопением и молитвами. Впрочем, чтобы нам не слова только произносить, но разуметь саму силу слов, изъясним начало псалма. Какое же это начало? "**Как олень стремится к источникам вод, так стремится душа моя к Тебе, Бож**е". Таково свойство любящих, – не скрывать любви в молчании, но обнаруживать ее пред ближними и говорить, что они любят. Любовь по свойству своему пламенна, и душа не может терпеть, чтобы хранить ее в молчании. Вот почему и Павел, воодушевленный любовью, говорил Коринфянам: "**уста наши отверсты к вам, Коринфяне**" (2Кор. 6:11), т.е. я не могу скрывать и держать в молчании любовь, но всегда и везде, и в душе и на языке, ношу вас. Так и блаженный пророк, питая любовь к Богу и пламенея этою любовью, не мог молчать, но иногда говорил: "**Как олень стремится к источникам вод, так стремится душа моя к Тебе, Бож**е", а иногда: "**к Тебе с утра обращаюсь, возжаждала Тебя душа моя**", как земля непроходимая и безводная, и пустынная (Пс.62:1,2), – так сказал другой переводчик (неизвестный, см. Ориг. Экз.). Не имея сил изобразить любовь словом, он везде ищет сравнения, чтобы, хотя таким образом показать нам свою любовь и сделать нас участниками любви. Послушаем же его и научимся любить так же.

Пусть никто не говорит мне: как могу я любить Бога, Которого не вижу? И многих мы любим, не видя их, как например: отсутствующих друзей, детей, родителей, родственников и домашних, и то, что мы не видим их, нисколько не служит препятствием, но это самое особенно и воспламеняет любовь, усиливает привязанность. Потому и Павел, говоря о Моисее, что он, оставив сокровища, богатство, царскую славу и все прочие почести египетские, решился лучше страдать с иудеями, и затем, показывая нам причину этого в том, что все это он делал для Бога, присовокупляет: "**как бы видя Невидимого**" (Евр.11:27). Ты не видишь Бога, но видишь создание Его, видишь дела Его – небо, землю, море. А кто любит, тот, увидев произведение любимого, или обувь, или одежду, или что-нибудь другое, воспламеняется любовью. Ты не видишь Бога, но видишь Его служителей и друзей, т.е. мужей святых и имеющих пред Ним дерзновение. Послужи же теперь им, и будешь иметь не малое утешение для своей любви. И между людьми мы обыкновенно любим не только друзей своих, но и тех, кого они любят. Если кто из любимых нами скажет: я люблю такого-то, и всякое благодеяние, оказанное ему, считаю оказанным мне самому, то мы делаем все и стараемся всячески угодить этому человеку, как будто видим в нем самого любимого. Тоже можно делать теперь и в отношении ко Христу. Он сказал: Я люблю бедных, и если они получат какое-нибудь благодеяние, Я воздам за то, как бы Сам получить его. Будем же делать все для облегчения их участи, или лучше, истощим на них все свое имущество, веруя, что в лице их мы питаем Бога. А что действительно, питая их, мы питаем Самого Бога, об этом, послушай, что говорит Христос: "**ибо алкал Я, и вы**

дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был наг, и вы одели Меня" (Мф.25:35-36); и много доставляет Он нам случаев к удовлетворению нашей любви.

Любовь обыкновенно возбуждают в нас следующие три предмета: или телесная красота, или великое благодеяние, или любовь к нам другого. Каждый из этих предметов, сам по себе, может воспламенить в нас любовь. Хотя бы мы от какого-нибудь человека не получали никакого благодеяния, но если слышим, что он постоянно любит нас, хвалит нас и удивляется нам, то и сами тотчас привязываемся к нему душою и любим его, как благодетеля. А в Боге не одно только это, но и все три совершенства можно видеть в такой высокой степени, что невозможно выразить их словом. И во-первых, красота этого блаженного и нетленного Существа неизъяснима, ни с чем несравненна, превосходнее всякого слова и выше всякого разумения. Впрочем, возлюбленный, когда ты слышишь о красоте, то не предполагай ничего телесного, но разумей некоторую славу бестелесную и великолепие невыразимое.

4. Изображая эту славу, пророк говорит: "**вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И взывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф**" (Ис. 6:2,3), – от изумления, от удивления этой красоте, этой славе. И Давид, представляя эту самую красоту и восхищаясь славою этого блаженного Существа, говорит: "**препояшься мечом Твоим по бедру Твоему, Сильный, Красотою Твоею и добротою Твоею**" (Пс.44: 4, 5). Потому и Моисей часто выражал желание видеть Его, что был уязвлен любовью к Нему и любил эту славу. Потому и Филипп говорил: "**Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас**" (Ин. 14:8). Впрочем, сколько бы мы ни говорили, мы не можем представить ни малейшего, ни даже самого слабого подобия Божественной красоты. Но ты желаешь, чтобы мы исчислили Его благодеяния? И их невозможно изобразить словом. Поэтому Павел говорил: "**благодарение Богу за неизреченный дар Его**" (2Кор. 9:15), и еще: "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его**" (1Кор.2:9); И еще: "**о, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!**" (Рим.11:33). А любовь, которую Он показал нам, какое слово может изобразить? Удивляясь ей, Иоанн говорил: "**ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного**" (Ин.3:16). Если же ты хочешь слышать собственные слова Его и узнать Его любовь, то послушай, что говорил Он чрез пророка: "**забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя**" (Ис.49:15). И как Псалмопевец говорит: "**как олень стремится к источникам вод, так стремится душа моя к Тебе, Боже**", – так и Христос говорил: "**сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих**

под крылья, и вы не захотели" (Мф.23:37). И еще говорит пророк: "**как отец ущедряет сынов, так Господь ущедрил боящихся Его**"; и еще: "**ибо сколь высоко небо над землею, (столь же великую) милость Свою утвердил Господь на боящихся Его**" (Пс.102:13,11). И как пророк ищет подобия для выражения своей любви, так и Бог употребляет некоторые подобия, чтобы выразить нам любовь, какую Он показывает в устроении нашего спасения. Пророк приводит в пример жаждущую лань и иссохшую землю, а Бог – любовь птиц к своим птенцам, попечительность отцов, высоту неба от земли и сердоболие матерей, не потому, чтобы Он любил нас только так, как мать дитя, но потому, что, кроме этих образцов, подобий и примеров, у нас нет других сильнейших выражений любви. А что Он любит нас не только так, как нежная мать детей, а гораздо больше, выслушай слова Его: "**забудет ли женщина грудное дитя свое, то Я не забуду тебя**". Этими словами Он выразил, что любовь Его к нам пламеннее всякой другой любви. Представь же себе все это вместе, и ты возбудишь в себе горячую любовь, возжешь

светлый пламень. Ведь и любовь к людям обыкновенно ничем так не воспламеняется в нас, как воспоминанием о благодеяниях, которые мы получили от них. Так будем поступать и в отношении к Богу.

Представим себе, сколько Он сделал для нас – само небо, землю, море, воздух, земные растения, различные цветы, животных, пресмыкающихся, обитающих в море, в воздухе, звезды небесные, солнце, луну, вообще все видимое, молнии, порядок времен, преемство дня и ночи, перемены времен года. Он вдохнул в нас душу, одарил нас разумом, почтил величайшей властью; посылал ангелов, посылал пророков, наконец – Сына Своего Единородного. И затем Он продолжает призывать тебя ко спасению и Сам и чрез Единородного Сына. И Павел не перестает убеждать и говорить: "**от имени Христова просим: примиритесь с Богом**" (2Кор.5:20). Не ограничился Бог и этим, но, взяв начаток от твоего естества, посадил Его "**превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем**" (Еф.1:21). Поистине, теперь благовременно сказать: "**кто поведает могущество Господне, во всеуслышание возвестит все хвалы Его?**" (Пс.105:2) И еще: "**что воздам Господу за все, что Он даровал мне?**" (Пс.115:3)

Действительно, что может сравниться с такою честью, когда начаток нашего рода, который столько оскорблял Бога и столько был унижен, сидит на такой высоте и обладает такою честью? И не только общие благодеяния исчисляй в уме своем, но и те, которые касаются собственно тебя, – например, как ты некогда подвергался клевете и избавился от обвинения, как некогда в бурную и темную ночь ты попал в руки разбойников и избежал их умыслов, как ты никогда был вознагражден после понесенного тобою убытка, как подвергся тяжкой болезни и получил облегчение.

5. Исчисляй все благодеяния Божии, оказанные тебе в течение всей твоей жизни, и конечно ты найдешь их много не только в целой жизни, но и в одном дне. И если бы Бог захотел представить нам все благодеяния, которые мы, не сознавая и не разумея, получаем от Него каждый день, то мы не могли бы и перечислить их. Сколько бесов носится в этом воздухе! Сколько противных нам сил! Если бы только Бог позволил им показать нам свои страшные и отвратительные лица, то не пришли ли бы мы в ужас, не погибли ли бы, не уничтожились ли бы? Размышляя о всем этом, равно и о грехах своих, которые мы совершаем сознательно или по неведению, – и то ведь не малое благодеяние, что Бог не каждый день наказывает нас за наши согрешения, – мы можем питать в себе любовь к Богу. В самом деле, когда ты подумаешь, сколько каждый день ты грешишь, сколько каждый день получаешь благодеяний, каким пользуешься долготерпением, какою снисходительностью, когда подумаешь, что, если бы Бог каждый день наказывал, ты не прожил бы и краткого времени, – по словам пророка: "**если беззакония будешь усматривать, Господи, Господи, кто устоит?**" (Пс.129:3), – то воздашь Ему благодарность, и не будешь роптать ни на что, случающееся с тобою; напротив, увидишь, что если бы ты потерпел бесчисленное множество зол, и тогда еще не понес бы достойного наказания. При таком расположении духа ты воспламенишь в себе великую любовь и будешь в состоянии говорить вместе с пророком: "**как олень стремится к источникам вод, так стремится душа моя к Тебе, Боже**". Здесь уместно обратить внимание на то, почему пророк привел в пример это именно животное? Лань сильно чувствует жажду и потому часто прибегает к водным источникам; а это чувство жажды происходит в ней и от природы, и от того, что она пожирает змей и питается их мясом. Так же поступай и ты: поглощай умственного змея, умерщвляй грех, и ты возжаждешь любовью к Богу. Как порочная совесть делает нас нечистыми и ввергает в отчаяние, так тогда, когда мы умертвим свои грехи, очистим себя от пороков, мы будем в состоянии прозреть для духовной жажды, с великим усердием призывать Бога, воспламенить в себе

сильнейшую любовь, и не словами только, но и самими делами воспевать этот припев. Не для того воспел нам псалмы блаженный муж, или лучше – благодать Духа, чтобы мы произносили одни только слова, но чтобы осуществляли их самими делами. Поэтому не думай, будто ты входишь сюда для того, чтобы только произносить слова; нет, когда ты подпеваешь этот припев, то почитай его договором между Богом и тобою. Когда ты произнес: "**как олень стремится к источникам вод, так стремится душа моя к Тебе, Боже**", ты заключил с Богом договор, написал обязательство без бумаги и чернил, громогласно исповедал, что ты любишь Его больше всего, что ты не предпочитаешь Ему ничего и горишь к Нему любовью. Итак, если ты по выходе отсюда увидишь какую-нибудь красивую и бесстыдную женщину, которая станет соблазнять тебя и привлекать к своей любви, то скажи ей: я не могу следовать за тобою; я заключил договор с Богом в присутствии братии, священников, учителей; я исповедал и обещал чрез этот припев любить Его так, "**как олень стремится к источникам вод**"; страшусь нарушить договор, и к Нему одному питаю любовь. Если на торжище ты увидишь серебро, или золотые одежды, или людей, гордо выступающих в сопровождении слуг, на златосбруйных конях, то не обольщайся этим блеском, но опять припевай в самом себе и скажи душе своей: недавно мы пели: "**как олень стремится к источникам вод, так стремится душа моя к Тебе, Боже**"; я приложил это изречение к себе и сделал его своим. Так не будем любить эти житейские блага, чтобы любовь к Богу оставалась в нас чистою и не ослабевала от разделения. Это богатство может доставить нам всякое другое богатство, всякое сокровище, всякую почесть, всякую славу, всякую знаменитость. Будем же хранить его, и мы не станем нуждаться ни в чем другом. Если иные, предавшись постыдной любви и воспламенившись страстью к какой-нибудь красивой девице, часто, не смотря на угрозы родителей, на упреки друзей и насмешки посторонних людей, не оставляют ее, но из привязанности к ней пренебрегают и своим домом, и отцовским наследством, и славою, и добрым именем, и увещанием друзей, считал великим для себя вознаграждением за все это, когда бывают угодны своей любимице, хотя бы она была незнатна, бесчестна и какая бы ни была, то любящие Бога, как должно, могут ли когда-нибудь быть чувствительными к человеческим радостям или горестям? Нет, преданные этой любви даже не станут смотреть на блеск настоящей жизни, но будут смеяться над всяким благоденствием, презирать и всякое бедствие, привязавшись любовью к Богу, не видя ничего другого, кроме Его одного, представляя Его везде и считая себя блаженнее всех. Хотя бы они были в бедности, хотя бы в бесчестии, хотя бы в узах, хотя бы в скорбях, хотя бы в крайних бедствиях, они будут считать себя счастливее самих царей, находя некоторое дивное услаждение среди всех своих страданий в том, что они терпят их для своего Возлюбленного.

6. Вот почему и Павел, находясь среди ежедневных смертных опасностей, в темницах, в кораблекрушениях, в пустынях, подвергаясь бичеваниям и другим бесчисленным наказаниям, радовался и веселился, ликовал и хвалился, и то говорил: "**хвалимся надеждою славы Божией, и не сим только, но хвалимся и скорбями**" (Рим.5:3), то опять: "**ныне радуюсь в страданиях моих, и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его**" (Кол.1:24); и притом называл это благодатным даром, исповедуя и выражаясь так: "**вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него**" (Флп.1:29). Постараемся и мы иметь такое же расположение духа и будем с радостью переносить все постигающие нас бедствия. А мы будем в состоянии переносить их, если возлюбим Бога, как любил пророк. Любовь его можно видеть не только из этого припева, но и из дальнейших его слов. Сказав: "**как олень стремится к источникам вод, так стремится душа моя к Тебе, Боже**", он продолжает: "**возжаждала душа моя (явиться) к Богу крепкому, живому (говоря): когда приду и явлюсь лицу Божию?**" (ст. 3) Не сказал: полюбила душа моя Бога живого, или: возлюбила душа моя Бога живого, но чтобы выразить свое расположение, назвал любовь "**жаждою**", показывая

нам два качества своей любви, и пламенность ее и постоянство. Как жаждущие чувствуют жажду не один день, и не два, и не три дня, но во всю свою жизнь, потому что природа побуждает их к тому, так точно и этот блаженный муж и все святые не один только день были в чувстве сокрушения, как многие из людей, и не два или три дня, – такое сокрушение нисколько не удивительно, – а постоянно и каждый день продолжали благоговейно любить и усиливали свою любовь. Выражая это, он и говорит: "**возжаждала душа моя к Богу крепкому, живому**". Здесь он хочет и объяснить причину своей любви, и тебе показать, как должно любить Бога. Это он показал в следующих словах: "**возжаждала душа моя к Богу**", присовокупив: "**живому**". Он как бы так взывает и убеждает всех, привязанных к вещам житейским: для чего вы безумно обольщаетесь телами? Для чего жаждете славы? Для чего гоняетесь за удовольствиями? Ничто из всего этого не остается всегда и не живет постоянно, но все уходит и проходит, все – ничтожнее тени, обманчивее сновидений, увядает скорее весенних цветов; одно оставляет нас вместе с настоящей жизнью, а другое погибает еще раньше. Обладание этими вещами ненадежно, наслаждение непрочно, превращения быстры. Но в Боге нет ничего подобного. Он живет и пребывает вечно, не подвергаясь никакому ни изменению, ни превращению. Поэтому, оставив временное и скоротечное возлюбим Вечного и Присносущего. Кто любит Его, тот не постыдится никогда, не потеряет и не лишится любимого. Кто любит богатство, тот при наступлении смерти или еще прежде смерти лишается предмета своей любви. Тоже бывает и с тем, кто любить временную славу. А красота телесная часто проходит гораздо скорее, нежели названные нами предметы. Вообще все житейское кратковременно и скоротечно и, лишь только начнется и появится, тотчас исчезает. Но любовь к предметам духовным совсем не такова: она живет и цветет постоянно, не знает старости, не доступна ветхости, не подвержена никакой перемене и превращению, и не страшится безвестности будущего. Кто стяжал ее, тем она и здесь приносит пользу и ограждает их со всех сторон, и по отшествии отсюда не оставляет их, но вместе с ними переходит туда и сопутствует им и явит их светлейшими самых звезд в тот будущий день. Это знал блаженный Давид и потому любил Бога непрестанно, и своей любви не мог скрывать внутри себя, но всяким образом старался пред слушающими обнаружить тот огонь, который пылал внутри его. Сказав: "**возжаждала душа моя к Богу крепкому, живому**" он присовокупляет: "**когда приду и явлюсь лицу Божию?**" Смотри, как он пламенеет. Смотри, как горит. Зная, что, по отшествии отсюда, узрит Бога, он тяготится замедлением, не терпит отсрочки, но обнаруживает нам здесь апостольское расположение духа. Так и апостол воздыхал о замедлении отшествия отсюда (2Кор.5:2). То же самое чувствовал и Псалмопевец, и потому говорил: "**когда приду и явлюсь лицу Божию?**" Если бы он был человеком простым и незнатным, жившим в уничижении и бедности, и презирал настоящую жизнь, то это было бы хотя великим делом, но не столь великим, как теперь, когда царь, наслаждающийся всеми удовольствиями, достигший столь великой славы, одержавший тысячи побед, победивший множество врагов, пользующейся славою и знаменитостью повсюду, смеется над всеми этими благами, над богатством, славою и всеми удовольствиями, и пламенно стремится к благам будущим. Это – свойственно духу возвышенному; это – знак души любо-мудрой и окрыленной небесною любовью.

7. Будем же и мы подражать ему и не станем удивляться благам настоящим, чтобы удивляться будущим, или лучше – станем удивляться будущим, чтобы не удивляться настоящим. Если мы будем непрестанно помышлять о тех благах и представлять себе царство небесное, бессмертие, жизнь бесконечную, ликование с ангелами, пребывание со Христом, славу непреходящую, жизнь чуждую всякой скорби; если будем помнить, что и слезы, и поношения, и злословия, и смерть, и печали, и труды, и старость, и болезни, и немощи, и бедность, и клеветы, и вдовство, и грех, и осуждение, и наказание, и мучение, и вообще все, что только есть в настоящей жизни печального и неприятного, не имеет места в той жизни, а напротив того там пребывают мир, кротость, благость, любовь, радость,

слава, честь, свет и прочие блага, которых и описать словом невозможно, то ничто настоящее не прельстит нас, но и мы будем в со стоянии говорить подобно пророку: "**когда приду и явлюсь лицу Божию?**" А при таком расположении духа мы не впадем ни в гордость от житейского счастья, ни в уныние от несчастья, и ни зависть, ни тщеславие и ничто другое подобное не овладеет нами. Итак, будем приходить сюда не напрасно, и петь припевы не без внимания, но брать их себе вместо жезлов и, таким образом, выходить отсюда. Каждый из этих стихов может внушить нам великое любомудрие, научить правой вере и принести величайшую пользу для жизни; если мы будем тщательно исследовать в них каждое слово, то приобретем великие блага. Поэтому не следует здесь ссылаться ни на бедность, ни на недосуг, ни на мешкотность. Хотя бы ты был беден и по бедности не имел Библии, или, и имея Библию, не имел свободного времени, помни только припевы из псалмов, которые поешь здесь не однажды, не дважды или трижды, но многократно, и ты, по выходе отсюда, получишь великое утешение. В самом деле, смотри, какое сокровище открыл нам настоящий припев. Пусть никто не говорит мне и того, что до истолкования он не знал силы его; и до истолкования этот припев удобопонятен для всякого слушающего и сколько-нибудь желающего понять. Если только ты приучишь себя говорить: "**как олень стремится к источникам вод, так стремится душа моя к Тебе, Боже. Возжаждала душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь лицу Божию?**", – то и до истолкования можешь исполниться всякого любомудрия. И не этот только, но и каждый припев может доставить нам такое же богатство. Если, например, ты скажешь: "**блажен муж, боящийся Господа**" (Пс.111:1) и постараешься понять, что ты говоришь, то будешь соревновать не богатому, не начальствующему, не красивому, не сильному, не дома великолепные имеющему, не властью облеченному, не пищу в царских чертогах вкушающему и не другому кому, а тому, кто живет в благочестии, в любомудрии, в страхе Божием; и будешь соревновать ему не только ради будущего его состояния, но и настоящего. Подлинно, такой человек и здесь могущественнее тех людей. Когда приключается болезнь, то и облеченный порфирою не получает никакого облегчения болезни ни от телохранителей, ни от всего великолепия, но, тогда как и домашние, и родные, и все окружают его, и на нем и под ним лежат золотые одежды, сам он лежит и горит как бы в пламени. А живущий благочестиво и боящийся Бога, хотя бы не было при нем ни отца, ни слуги, и никого другого, только обратит взоры свои к небу не многократно, но дважды или трижды, и угасит всякий пламень. То же можно видеть и во время несчастий и всех неожиданных обстоятельств: люди богатые и знаменитые приходят в смущение, а живущие в благочестии и любомудрии переносят все бестрепетно. Но еще прежде всего этого, хотя бы и не случилось никакого бедствия, совесть человека богобоязненного наслаждается удовольствием более высоким и чистым, нежели душа богатого. Этот и среди внешних наслаждений чувствует себя тяжелее всех томимых голодом, припоминая себе свои беззакония и проводя жизнь с нечистой совестью, а тот, не имея даже необходимой пищи, бывает благодушнее изобилующих всякими удовольствиями, питаясь благими надеждами и каждый день ожидая себе воздаяния за свои добрые дела. Впрочем, чтобы обширностью беседы не утомить вас, я предоставляю усерднейшим разбирать каждый припев и исследовать заключающийся в нем смысл, и оканчиваю здесь свою речь, предлагая любви вашей такой совет: приходите сюда не напрасно, а принимайте и храните эти припевы, как драгоценности, непрестанно размышляйте о них дома и пересказывайте все это друзьям и женам своим. Постигнет ли вас какое-нибудь страдание, или возбудится похоть, или гнев, или другая какая безумная страсть, припевайте их непрестанно, дабы нам и в настоящей жизни наслаждаться великим ми-ром, и в будущей жизни сподобиться вечных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Разумеется 7-я беседа "Против иудеев", сказанная в Антиохии, в сентябре 887-го года по Р. Х. См. т. 1, стр. 726.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 43

"В конец. Сынам Кореевым. В научение".

1 В конец, сынов кореовых, в разум, псалом

2 Боже, ушима нашима услышахом, и отцы наши возвестиша нам дело, еже соделал еси во днех их, во днех древних.

3 Рука твоя языки потреби, и насадил я еси: озлобил еси люди и изгнал еси я.

4 Не бо мечем своим наследиша землю, и мышца их не спасе их, но десница твоя и мышца твоя и просвещение лица твоего, яко благоволил еси в них.

5 Ты еси сам царь мой и Бог мой, заповедаяй спасения иаковля.

6 О тебе враги нашя избодем роги, и о имени твоем уничижим востающыя на ны.

7 Не на лук бо мой уповаю, и мечь мой не спасет мене:

8 спсл бо еси нас от стужающих нам, и ненавидящих нас посрамил еси.

9 О Бозе похвалимся весь день, и о имени твоем исповемыся во век.

10 Ныне же отринул еси и посрамил еси нас, и не изыдеши, Боже, в силах наших.

11 Возвратил еси нас вспять при вразех наших, и ненавидящии нас расхищаху себе.

12 Дал еси нас яко овцы снеди, и во языцех разсеял ны еси.

13 Отдал еси люди твоя без цены, и не бе множество в восклицаниих наших.

14 Положил еси нас поношение соседом

1 В конец. Сынам Кореевым. В научение.

2 Боже! Ушами нашими мы слышали и отцы наши возвестили нам о деле, какое ты сделал во дни их, во дни древние.

3 Рука Твоя истребила народы, а их Ты насадил; поразил людей и изгнал их.

4 Ибо они не мечем своим приобрели землю и не мышца их спасла их, но десница Твоя и мышца Твоя, и светлое лице Твое, ибо Ты благоволил к ним.

5 Ты Сам Царь мой и Бог мой, дарующий спасение Иакову.

6 Тобою поразим врагов наших, и именем Твоим уничтожим восстающих на нас.

7 Ибо не на лук мой уповаю, и меч мой не спасет меня.

8 Ибо Ты спас нас от притеснителей наших и ненавидящих нас посрамил.

9 О Боге похвалимся всякий день и имя Твое будем исповедовать во век.

10 Но ныне Ты отринул и посрамил нас, и не выходишь, Боже, с силами нашими.

11 Обратил нас вспять пред врагами нашими, и ненавидящие нас расхищали себе:

12 Ты отдал нас, как овец, на съедение и между язычниками рассеял нас.

13 Отдал народ Свой даром и не было множества (народа) при восклицаниях наших.

нашым, подражнение и поругание сущым окрест нас.

15 Положил еси нас в притчу во языцех, покиванию главы в людех.

16 Весь день срам мой предо мною есть, и студ лица моего покры мя,

17 от гласа поношающаго и оклеветающаго, от лица вражия и изгонящаго.

18 Сия вся приидоша на ны, и не забыхом тебе, и не неправдовахом в завете твоем,

19 и не отступи вспять сердце наше: и уклонил еси стези нашя от пути твоего,

20 яко смирил еси нас на месте озлобления, и прикры ны сень смертная.

21 Аще забыхом имя Бога нашего, и аще воздехом руки нашя к богу чуждему,

22 не Бог ли взыщет сих? той бо весть тайная сердца.

23 Зане тебе ради умерщвляемся весь день, вменихомся яко овцы заколения.

24 Востани, вскую спиши, Господи? воскресени, и не отрини до конца.

25 Вскую лице твое отвращаеши? забываеши нищету нашу и скорбь нашу?

26 Яко смирися в персть душа наша, прильпе земли утроба наша.

27 Воскресени, Господи, помози нам, и избави нас имене ради твоего.

14 Ты отдал нас в поношение соседям нашим, на посмеяние и поругание живущим вокруг нас.

15 Сделал нас притчей у язычников, кивают на нас головою народы.

16 Во весь день посрамление мое - предо мною, и стыд лица моего покрыл меня,

17 От голоса обидчика и клеветника, от лица врага и гонителя.

18 Все сие постигло нас, но мы не забыли Тебя и не нарушили завета Твоего,

19 И не отступило вспять сердце наше, хотя Ты уклонил стези наши от пути Твоего:

20 Ибо смирил нас на месте злострадания, и покрыла нас тень смертная.

21 Если бы мы забыли имя Бога нашего, и если бы простерли руки наши к богу чужому,

22 То не взыщет ли сего Бог? Ибо Он знает тайны сердца.

23 Но ради Тебя нас умерщвляют каждый день, считают за овец закалаемых.

24 Восстань, почему спишь, Господи? Восстань и не отринь до конца.

25 Почему Ты отвращаешь лице Твое? Забываешь нищету нашу и скорбь нашу?

26 Ибо душа наша унижена до праха, утроба наша прилипла к земле.

27 Восстань, Господи! Помоги нам и избавь нас имени ради Твоего!

"**Боже! Ушами нашими мы слышали и отцы наши возвестили нам о деле, какое ты сделал во дни их, во дни древние**". Другой переводчик говорит (неизвестный переводчик, см. Орг. Экз.): **во дни бывшие прежде**. Третий (неизвестный, см. Орг. Экз.): **бывшие в древности** (ст. 1, 2).

1. Этот псалом, хотя произносит пророк (Давид), но произносит не от собственного лица, а от лица Маккавеев, предвозвещая и изъясняя имевшее быть в их время. Таковы пророки: они созерцают все времена, прошедшие, настоящие и будущие. Но необходимо наперед сказать, кто были Маккавеи, что они потерпели и что совершили, дабы яснее было содержание сказанного. Когда Антиох, прозванный Епифаном, напал (на иудеев), разрушил все и многих из них принудил отступить от отеческих обычаев, эти Маккавеи остались непреклонными среди таких искушений; и когда началась жестокая война, они, не будучи в состоянии ничего сделать, скрылись. Так поступали и апостолы. Они не всегда открыто шли на опасности, но иногда и уклонялись, убегали и скрывались. Когда же они несколько ободрились, то, как мужественные львы, вставши из пещер и вышедши из убежищ, решились спасти не только себя самих, но и других, сколько могли; обходя отечественный город и всю страну, они собирали всех, кого находили еще в здравом состоянии, но многих и из пострадавших и развращенных обращали, убеждая возвратиться к отеческому закону. Бог человеколюбив, говорили они, и никогда не лишает спасения за покаяние. Возвещая это, они собрали войско из храбрых мужей. Они сражались не за жен, детей, слуг, или за разрушение и порабощение отечества, но за закон и отеческие обычаи; потому предводительствовал ими Бог. Таким образом, вступив в борьбу и жертвуя собственной жизнью, они прогоняли врагов, надеясь не на оружие, но вместо всякого оружия находя достаточную силу в самом побуждении к борьбе. А отправляясь на войну, они не прибегали к шуткам и не пели песен, как делают некоторые, и не имели при себе игроков на музыкальных инструментах, как бывает при других войсках, но молили всевышнего Бога быть и соратовать с ними, и простирать им руку помощи, – Бога, за Которого и вели они войну, за славу Которого и подвизались. Посмотрим же, что говорит это воинство Божие, ограждаемое духовным заступлением, намереваясь идти против врагов. "**Боже! Ушами нашими мы слышали**". Так как некоторые, из принадлежавших к их ополчению, видя многочисленность и стройность Антиохова войска, и то, как оно побеждало и овладевало всем при первом набеге, и представляя собственную слабость и малочисленность, впали в малодушие и изнеможение, то пророк, желая ободрить их дух и внушить, что все зависит от водительства Божия и что, при Его содействии, можно и без войска одержать победу, под видом молитвы предлагает воинам некоторое увещание и наставление, и своим собеседованием с Богом возбуждает ревность в них. А это не мало доставляло утешения. Не столько силы имели бы слова, обращенные к ним, сколько обращенные к Богу. Поэтому и далее он говорит: "**ибо они не мечем своим приобрели землю и не мышца их спасла их, но десница Твоя и мышца Твоя, и светлое лице Твое, ибо Ты благоволил к ним**" (ст. 4). Этим он воодушевляет тех, которые имели слабое расположение к подвигам и надеялись достигнуть победы человеческими средствами. Итак, вся эта молитва есть ободрение воинам, внушающее возложить все на Бога и искать победы в надежде на Него. Почему же он не сказал просто: слышали, но: "**ушами нашими мы слышали**"? Разве можно слышать каким-нибудь другим членом тела? Не излишни ли эти слова? Нет. Так люди обыкновенно поступают: когда они рассказывают что-нибудь такое, в чем сами вполне убеждены, и рассказывают что-нибудь важное и необычайное людям, еще не вполне убежденным, то всегда указывают на свои уши и говорят: мы слышали собственными ушами. И не в этом только случае, но и в других мы обыкновенно так же поступаем, призывая во свидетели сами чувства. Таким образом, когда ссылаются на свои уши, то делают это для уверения слушателя. Тоже мы делаем и в отношении к глазам и рукам, когда, например, говорим: мы осязали своими руками. Так и апостолы говорили: "**что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши**" (1Ин.1:1). Но посмотри на добродетель Маккавеев, открывшуюся и здесь, в самом начале: претерпев столько тяжких бедствий для Бога, лишившись отечества и свободы, подвергшись

опасностям, а некоторые из них сделавшись даже беглецами, скитавшимися по горам и пустыням, они не указывают теперь ни на что подобное, не говорят: мы претерпели для Тебя то и то, помоги нам; но, как бы не имея никаких прав и не полагаясь на собственные добродетели, обращаются к благодеяниям, оказанным от Бога предкам их. Нисколько не было бы удивительно, если бы так поступили люди, не имеющие дерзновения, которых необходимость заставляет делать это; но когда те, которые могли бы сказать многое о своих добродетелях, ищут спасения не от них, а от человеколюбия Божия, которого удостоились и отцы их, то это – знак великого их смиренномудрия. В этом они находили и для самих себя не малое побуждение к мужеству, потому что даже одно имя Божие может прекратить бесчисленные войны.

2. "**Отцы наши возвестили нам**". Послушайте вы, которые нерадите о своих детях, позволяете им петь диавольские песни и не занимаетесь божественными повествованиями. Не таковы были древние, но они постоянно проводили жизнь в повествовании о делах Божиих, и приносили двоякую пользу. Получавшие благодеяния, воспоминая об этих благодеяниях, делались лучшими; а потомки их находили в таких повествованиях не мало предметов богопознания и возбуждали в себе ревность к добродетели. Уста родителей служили для них книгою; и всякое занятие, всякая беседа сопровождалась этими повествованиями, приятнее и полезнее которых ничего не было. В самом деле, если простые рассказы о событиях, басни и вымыслы часто бывают поучительны для слушателей, то тем более эти повествования, объясняющие великую благодетельность, силу, премудрость, промышление (Божие), вместе с удовольствием доставляли слушателю ободрение и делали его ревностнейшим. Те, которые присутствовали при событиях и воспринимали их посредством зрения, передавали их другим посредством слуха, и таким образом, слух не менее зрения способствовал к вере. Не присутствовавшие и не видевшие веровали не менее тех, которые присутствовали и видели; и это самое служило для них не малым пособием в вере. Посмотрим же, что они возвещали, и о подобном ли (их состоянию) событии они воспоминали. Ведь кто имеет нужду в ком-нибудь и намеревается просить его, тот, на основании оказанной другим милости, может просить подобного и себе, Я разумею следующее: например, если какой-нибудь слуга просит у нас подарка и говорит, что и другой получил такой же подарок, то он представляет великое право получить и ему тоже, если только пример не окажется недостаточным по несходству, – разумею несходство или в лице или в предмете. Если получивший таков же, каков и просящий, и просимое сходно, то пример действителен; если же первый имел право на получение, а последний – нет, то нужно усилить просьбу. Впрочем, необходимо пояснить сказанное мною из Писаний. Жена хананейская, услышав: "**нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам**", сказала: "**так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их**" (Мф.15:26,27). И Павел в одном послании говорит: "**если другие имеют у вас власть, не паче ли мы**" (1Кор.9:12), доказывая здесь превосходством лица большее право. Также, в послании к Филимону, он говорит: "**тобою, брат, успокоены сердца святых, посему, имея великое во Христе дерзновение приказывать тебе, что должно, по любви лучше прошу**" (Флм.7-9). Здесь пример равного. Когда кто-нибудь получает первый, то он как бы отверзает дверь второму, если намеревающийся просить будет подобен ему, или станет просить того же самого. И не только от благодеяний, оказанных другим, но и от благодеяний, прежде оказанных нам самим, просьба наша часто получает силу. Так поступает и Павел, когда в послании к Филиппийцам говорит: "**вы и в Фессалонику и раз и два присылали мне на нужду**" (Флп.4:16). Вот почему многие, подавая что-нибудь, многим приказывают, чтобы они не говорили об этом другим, дабы милость, оказанная одному, не побудила многих просить подавшего: подавший однажды уже как бы не имеет никакой возможности уклониться от подаяния и другим. Люди дают такое приказание, конечно, потому, что они от подаяния становятся беднее; а Бог напротив возвещает и провозглашает о том, что подает одним,

чтобы и другим доставить повод также просить Его, потому что от подаяния еще более открывается Его богатство. Поэтому Павел и говорит: "**богатый для всех, призывающих Его**" (Рим. 10:12). Видишь ли новое свойство богатства Его? Подражай и ты такому щедролюбию. Если ты будешь таким образом издерживать сберегаемое богатство, то еще более умножишь его; а если зароешь его, то еще более уменьшишь. И удивительно ли, что так случается с предметами духовными, когда то же бывает и с вещественными? Кто, жалея пшеницу, оставит ее лежать дома и не разбросает по нивам, тот отдаст ее на съедение червям; а кто посеет, тот устроит обильную жатву.

3. Послушайте вы, которые ленитесь подавать милостыню, послушайте вы, которые уменьшаете свое богатство сбережением его. Послушайте вы, которые находитесь в положении нисколько не лучшем обогащающихся во сне. Подлинно, все настоящее нисколько не лучше сновидения. Как те, которые грезят во сне, будто они обладают богатством, хотя бы казались обладателями царских сокровищ, с наступлением дня бывают беднее всех, так и тот, кто из настоящей жизни не может ничего принести туда, будет беднее всех, хотя бы здесь обладал всем, – потому что он богат только во сне. Поэтому, если ты хочешь показать мне человека богатого, то покажи тогда, когда наступит день, в который мы отойдем в отечество; а теперь я не могу отличить богатого от бедного, потому что здесь в этих вещах нет истины, а чаще – только приятные и благозвучные названия. Как слепых многие называют многовидящими, но предмет не соответствует имени, а напротив они-то и суть ничего не видящие, так и название богатых здесь приписывается, по моему мнению, тем, которые ничего не приобрели себе там. Кто богат здесь, о том особенно я думаю, что он беден, потому что, если бы он не был очень бедным, то не был бы очень богатым. Как слепого, если бы он не был совершенно слепым, не называли бы многовидящим, так точно нужно рассуждать и здесь. Итак, оставив обольстительные названия, будем искать истинных вещей. Вещи состоят не в названиях, но от свойств вещей происходят названия, сообразные с их качествами. Такого-то называют богатым; но на самом деле он не богат. Как не богат, когда у него много и серебра, и золота, и драгоценных камней, и золотых одежд, и все прочее у него в изобилии? Не богат потому, что не золото, не одежды, не деньги, но милостыня делает человека богатым. А все это – трава, хворост и солома. Какая, скажи мне, одежда может там прикрыть того, кто будет стоять нагим пред страшным судилищем? Страшась этого, и Павел говорит: "**только бы нам и одетым не оказаться нагими**" (2Кор. 5:3). Какие деньги могут выкупить того, кто находится в такой опасности? Какие слуги могут защитить обреченного на такое наказание господина? Какие дома? Какие драгоценные камни? Какие бани могут смыть нечистоту, происходящую от грехов? Доколе вы будете обольщать себя? Доколе вы будете взирать не на истину вещей, а увлекаться сновидениями, тогда как суд уже близок и при дверях? Впрочем, обратимся к нашему предмету. "**Отцы наши возвестили нам о деле, какое ты**

сделал во дни их, во дни древние". Можно разуметь это изречение и в отношении к нам, в переносном смысле. Если им возвестили отцы, то и нам божественная благодать, наитием Духа, даровала подобное тому, что познали они. Как же можно разуметь эти слова в переносном смысле? Относя их к действиям новой благодати, – к тому, что мы возведены на небо, что мы удостоились царства, что Бог сделался человеком, разрушив средостение ограды. Но обратимся к повествованию. "**О деле, какое ты сделал во дни их, во дни древние**". Пророк воспоминает о некоторых древних событиях, говорит о древних делах. Почему же он не воспоминает о чем-нибудь новом и недавнем? Потому, что о недавнем мы по справедливости рассказываем людям и этим убеждаем их, так как у них слабая память; но Богу все одинаково известно, как древнее, так и новое. "**Ты, Господи**", говорит Псалмопевец, "**узнал все последнее и первое**" (Пс.138:4). Для Него нет никакого различия, скажет ли кто о древнем событии, или о новом, только бы это

соответствовало предмету. О каком же древнем событии хочет сказать пророк? Послушаем. "**Рука Твоя**", говорит он, "**истребила народы, а их Ты насадил; поразил людей и изгнал их**" (ст. 3). Знаете ли, о какой говорит он войне, о какой победе, о каком трофее, или еще имеете нужду в нашем объяснении? Многие, я думаю, уже поняли сказанное; но для незнающих необходимо и нам прибавить нечто. О каких же трофеях воспоминает он? О каких делах? О тех, которые были в Египте, в пустыне, в земле обетованной, а особенно о бывших при самом обетовании. Не те, которые вышли из Египта, достигли Палестины: все те пали в пустыне. Когда же потомки их, воспитанные в пустыне, вступили в Палестину, то они, говорит, не нуждались в оружии, но одними кликами своими брали города; перешедши Иордан, первый встретившийся им город Иерихон они разрушили, так сказать, более ликуя, нежели воюя. Взявши оружие, они вышли, как бы не на битву, но на празднество и ликование, облекшись оружием более для украшения, нежели для обороны, и, надевши священные одежды, с предшествовавшими войску левитами, окружили стену города (Иис. Нав. гл.5). Нужно было видеть это дивное и необыкновенное зрелище, как столько тысяч воинов шли в стройном порядке с великой тишиною и благочинием, как будто бы не было никакого врага, и согласными звуками труб совершали все. Да устыдятся те, которые производят шум в церкви. Если там, где звучали трубы, было такое благочиние, то какое прощение могут получить те, которые своим шумом препятствуют слушать там, где говорит сам Бог? Но почему, скажешь, пророк не упомянул о вышедших из Египта? Потому, что они все пали; потому, что они подверглись наказанию. А за что они все погибли? За то, что тяжко согрешили. Притом чрез это Бог устроил и то, чтобы имевшие занять Палестину не видали египетских зол, суеверия и всякого нечестия, и не имели никого учителем этого нечестия. Они были так привязаны, так пленены обычаями египтян, что даже в пустыне после стольких чудес не очистились от остатков заблуждения. А если бы еще они взяли себе в учителей хананеев, которые были хуже египтян, то до чего не дошло бы их нечестие? Поэтому Бог и удержал евреев в пустыне до тех пор, пока родившиеся от них потомки не достигли возмужалости.

4. Это мы говорим не сами от себя, но заимствуя из Писаний. Так чрез пророка Иезекииля Бог укоряет евреев за то, что они не слушали Его, когда Он вывел их в пустыню и многократно беседовал с ними (Иез.20:13-15). Но для чего Он повелел им взять оружие, когда они должны были приступить к Иерихону? Кажется, было бы удивительнее, если бы они сделали это без оружия. Вообще, когда в таких случаях Он повелевал делать что-нибудь человеческое и брать в помощь что-нибудь чувственное, то это делал по снисхождению к их немощи. Что могло сделать их вооружение для разрушения стены? Что – звук труб? Если бы им предстояло нападение на людей, то можно было бы придавать некоторое значение и оружию; но когда надлежало разрушить стену, то для чего они облекаются в оружие? Также при Гедеоне взятые на войну были таковы же, как и не взятые, потому что они все были на виду (Суд. гл.7). Для чего же это делается? Для того, чтобы привести к вере тех, которым даются такие повеления. Душу, прилепившуюся к телу, никогда не видавшую ничего бестелесного и погрязшую в чувственность, надлежало возводить к невидимому посредством видимого. Потому и пророкам в беседе о Боге нужно было упоминать человеческие члены, не потому, чтобы они представляли нетленное Существо под видом этих членов, но чтобы душу, преданную чувственности, посредством человеческого научить предметам вышечеловеческим. Так как божественная деятельность есть нечто мыслимое, то, дабы тогдашние люди не остались в неверии, Бог присовокупляет и нечто чувственное. Если бы Он сказал им: в семь дней город разрушится, между тем как вы будете оставаться в покое и ничего не делать, то, может быть, многие не поверили бы; теперь же Он прилагает эти повеления, как бы некоторую опору для ума человеческого. А чтобы вы не подумали, будто сказанное есть только догадка, я хочу рассказать вам одно древнее событие, доказывающее справедливость слов моих. Был некто Нееман Сириянин. Этот человек, подвергшись проказе и стыдясь такой

болезни, как бы находясь в величайшей опасности, отправляется в Палестину, – будем кратко рассказывать, – желая получить исцеление болезни от пророка (Елисея). Прибыв туда и став у дверей этого мужа, он звал к себе целителя; тот, хотя выслушал его, но не вышел, а послал к нему повеление – омыться в реке Иордане. Так как повеление было легкое, заключало в себе много чувственного и не требовало глубокого размышления, то Нееман не поверил, но что сказал? "**Вот, я думал**", сказал он, "**что он выйдет, станет и призовет имя Господа Бога своего, и возложит руку свою на то место и снимет проказу**" (4Цар.5:11). Видишь ли, как душа его нуждалась в каком-нибудь чувственном знаке? Думать, что повеления целителя недостаточно, а нужна еще рука его, это – следствие немощи исцеляемого. Здесь мы находим разрешение и на многое другое. Потому и Христос не всегда исцелял словом, но и рукою; Он возлагал руку на уста и на язык, и таким образом исцелял приходящих, хотя иногда одним словом, а иногда хотением совершал все. Почему же Он делал это? По немощи приходящих. А чтобы ты был уверен, что это делалось по их немощи, Он хвалил тех, которые не имели нужды в таких действиях. "**Истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры**" (Мф.8:10), сказал Он, когда сотник не приглашал Его идти в дом свой и говорил, что достаточно одного Его повеления. Потому и для Езекии ничего такого не было сделано, а дано одно только предсказание и ничего человеческого не прибавлено (4Цар.19:7). Но ревновавшему жену свою было назначаемо некоторое чувственное действие (Числ. гл. 5). Если ты хочешь принимать это в переносном смысле, – потому что "**все это**", говорит апостол, "**происходило с ними, как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков**" (1Кор.10:11), – то представь превосходных учителей Церкви, употребляющих слово вместо трубы и разрушающих стены противников, и народы вооруженные всеоружием Иисусовым. А седмиричное число дней предуказывает нам разрушение (покоя) субботы, потому что прежде не были предписаны такие заповеди закона. Поэтому о жертвах Бог говорит: "**когда вы приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы Мои**" (Ис.1:12)? Еще: "**священные мяса не помогут тебе, когда, делая зло, ты радуешься**" (Иер.11:15)? Еще: "**приносили ли вы Мне жертвы и хлебные дары в пустыне в течение сорока лет, дом Израилев**" (Ам.5:25)? Еще: "**для чего Мне ладан, который идет из Савы, и благовонный тростник из дальней страны**" (Иер.6:20)? Еще: "**жертвы и приношения Ты не восхотел**" (Пс.39:7). Еще: "**неужели всесожжения и жертвы столько же приятны Господу, как послушание гласу Господа**" (1Цар.15:22)? Еще: "**если бы Ты восхотел жертвы, я дал бы**" (Пс.50:18). И еще: "**послушание лучше жертвы**" (1Цар.15:22). Также отвергая праздники, Бог говорит: "**ненавижу, отвергаю праздники ваши, удали от Меня шум песней твоих, ибо звуков гуслей твоих Я не буду слушать**" (Ам.5:21,23). Еще: "**новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя: они бремя для Меня; Мне тяжело нести их**" (Ис.1:14). И еще: "**таков ли тот пост, который Я избрал, день, в который томит человек душу свою**" (58:5). И Иезекииль говорит: "**и попустил им учреждения недобрые и постановления, от которых они не могли быть живы**" (Иез.20:25).

Так и здесь разрушается (покой) субботы. А почему Бог говорит: **кто изыска сия из рук ваших**, – это решить предоставляю вам; разрешить же подобные вопросы вы будете в состоянии тогда, когда будете вести чистую жизнь.

5. Если Корнилия, за превосходную жизнь, Бог призвал к познанию неизреченных таин, и евнуху за усердное чтение даровал и разумение читанного, то тем более вас, уже принявших веру, если вы покажите правую жизнь, Он научит яснейшим образом. Как нечистая жизнь препятствует познанию истин, – "**не мог**", говорит Павел, "**говорить с вами, как с духовными, если между вами зависть, споры и разногласия**" (1Кор.3:1,2), и Исаия говорит: "**хотят знать пути Мои, как бы народ, поступающий праведно**"

(Ис.58:2), – так чистая жизнь и тщательное искание руководят к их познанию. "**Ищите**", говорит Господь, "**и найдете**" (Лк.11:9). Тоже доказывает и притча о просящем хлебов у друга, уже спавшего (Лк.11:5-8). Потому и Соломон, просивший духовного, получил и то, чего не просил (3Цар.3:11). Когда же соединятся и усердие, и прошение о духовном, и жизнь чистая, то представь, как сделается легким получение, если и одно неотступное усердие само по себе имеет такую силу: "**если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит**" (Лк.11:8). Впрочем, обратимся к нашему предмету. "**О деле, какое ты сделал во дни их, во дни древние. Рука Твоя истребила народы, а их Ты насадил; поразил людей и изгнал их**". Смотри, какие точные пророк употребляет выражения. Ты тогда, говорит, не окончил дела только победою и поражением, но простер все дальше; хотя и прежде того противные стороны были не равны, – так как одни обладали страною, а другие были пришельцами, – однако произошла такая перемена, что первые были совершенно истреблены, а последние сделались гражданами и обладателями. Поэтому он и говорит о первых: "**рука Твоя истребила народы**", а об евреях: "**а их Ты насадил**". "**Рукою**" он называет силу Его. Если же тех, которые пришли отвне и не имели ни города, ни дома, ни места, куда бы направиться и где бы пристать, Он так скоро показал сильнейшими туземных жителей, то тем более, говорит пророк, Он не презрит нас, изгнанных из отечества. Что значит: "**насадил**"? Ты утвердил, потому что насажденное бывает твердым и неподвижным. Но, скажешь, разве евреи не были переселяемы? Разве не были отводимы в чужие страны? Да, были отводимы, но не по слабости Поселившего их, а вследствие порочности насажденных. Если бы собственные их дела не были причиною, то ничто не препятствовало бы им оставаться дома. "**Поразил людей и изгнал их**". Некоторые говорят, что это сказано об египтянах; но мне кажется, что это сказано и о тех язычниках. И последних Он подверг наказанию, показав силу свою и в том и другом – и в истреблении врагов, и в утверждении Своих. "**Ибо они не мечем своим приобрели землю**" (ст. 4). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см, Ориг. Экз.) говорит: **не саблей своей они унаследовали землю**. "**И не мышца их спасла их, но десница Твоя и мышца Твоя, и светлое лице Твое, ибо Ты благоволил к ним**" (ст. 4). Другой говорит (неизвестный, см. Ориг. Экз.): свет . "**Ибо Ты благоволил к ним**". Правда, они побеждали в войнах, будучи все вооружены; они были вооружены, – но это было делом не оружия, а Бога, Который предводительствовал ими. Видишь ли, как пророк под видом молитвы дает совет, увещевая возлагать все на Бога? А почему он называет это наследием отцов, дедов, прадедов, тогда как они не владели этой землею, но скончались в другое время? Потому, что обетование дано было отцам. "**Иди**", сказал Бог Аврааму, "**в землю, которую Я укажу тебе: всю землю, тебе дам Я и потомству твоему навеки**" (Быт.12:1; 13:15). Сказав, "**десница**" и "**мышца**", употребив такие чувственные выражения, смотри, как пророк возвышает речь, присовокупляя далее: "**и светлое лице Твое**", т.е. защищение, промышление. Для них достаточно было и того только, чтобы Он восхотел, чтобы находился с ними. Потом приводится и причина: "**ибо Ты благоволил к ним**", т.е. потому что Ты возлюбил их, потому что Ты восхотел. Таким образом, успехи их были делом благодати, а не заслуг, и не за свои добродетели они получили это, а по человеколюбию Божию. "**Ты Сам Царь мой и Бог мой, дарующий спасение Иакову**" (ст. 5). Другой переводчик (Симмах) говорит: **заповедай о спасении Иакова**. Какая здесь связь речи? Великая в отношении к вышесказанному. Смысл слов его следующий: мы – потомки тех (отцов), и Ты – тот же Бог, совершающий и тогда и ныне; откуда же такая перемена? Подлинно, не иной Бог тот, а иной – Ты, но один и тот же – Ты.

6. И как Ты – один и тот же, так и я не признаю себе иного Бога, но "**Ты Сам Царь мой и Бог мой**"; мы не отступили от Твоей власти, не признали иного защитника. "**Дарующий спасение Иакову**", т.е. и Бог – тот же, и промышление – тоже, отчего же перемена обстоятельств? Что значит: "**дарующий**"? Повелевающий, заповедующий спасаться

Иакову. Здесь он опять представляет легкость помощи и величие власти (Божией), и не напрасно упоминает о прародителе, но, вместо своего права, указывает на его добродетель, желая преклонить Бога. "**Тобою поразим врагов наших, и именем Твоим уничтожим восстающих на нас**" (ст. 6). И Ты – тот же, говорит, и промышление – то же, и мы признаем Тебя же и употребляем то же оружие. Таков смысл слов: "**Тобою поразим врагов наших**". Другой переводчик говорит (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **огорчающих нас** (JlídontaV °mâV) **избием. И о имени твоем уничтожим восстающих на нас**. Другой (Акила и Симмах): **попрем ногами** (sumpat°somen). Что, продолжает он, я говорю: "**Тобою**"? Довольно только призвать имя Твое, и все совершится с отличным успехом. Не сказал: победим, или преодолеем, но: "**уничтожим**", не будем, говорит, считать их за что-нибудь, и не устрашимся, но будем преследовать их, как ничего незначащих. То же выражает и другой переводчик словами: попрем ногами, указывая на могущественную победу, на сражение без труда, на борьбу без страха. "**Ибо не на лук мой уповаю**" (ст. 7). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **полагаюсь** (pépoiJa). "**... и меч мой не спасет меня**" (ст. 7). Почему же ты употребляешь их? Почему вооружаешься? Почему берешь лук и меч? Потому, что так повелел Бог; поэтому я, хотя употребляю их, но все возлагаю на Него. Так обыкновенно сражаются с видимыми врагами те, которые ограждаются вышнею помощью, так и – с невидимыми. Так и ты, когда противишься диаволу, говори: не на оружие свое полагаюсь я, т.е. не на свою силу, не на свои добродетели, но на милость Божию. Так и Даниил говорил: "**ибо мы повергаем моления наши пред Тобою, уповая не на праведность нашу**" (Дан.9:18). "**Ибо Ты спас нас от притеснителей наших и ненавидящих нас посрамил**" (ст. 8). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **потому что** (Óti) **ты спас нас**. Для чего, говорит, приводить древнее и бывшее с предками? Мы сами имеем много залогов Твоего промышления, и можем исчислить славные трофеи и непрерывные победы, дивные и необыкновенные. Поэтому и сказал: "**посрамил**", т.е. ты не просто избавил нас, не просто исхитил, но со стыдом для нападающих на нас. "**О Боге похвалимся всякий день и имя Твое будем исповедовать во век**" (ст. 9). Другой переводчик (Симмах) говорит: **Бога воспеваем всякий день.** Победа прошла, говорит, а благодарность в нас остается. "**Всякий день**", – разумеет всю жизнь. Мы не перестанем воспевать Тебя и хвалиться Твоею помощью; это – наша слава, это – наша похвала, этим мы превозносимся пред всеми; не тем, что мы имеем великий и дивный город, не тем, что первые одерживаем победы, не тем, что превосходим других телесной силою, но тем, что имеем истинного Бога; этим мы будем хвалиться, не только тогда, когда Ты помогаешь нам, но и когда оставляешь нас. Вот что означают слова: "**всякий день**". Подобным образом и Павел говорит; "**я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа**" (Гал.6:14). Нет, подлинно нет другой такой славы. Вот почему еще он говорит: "**хвалимся Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа**" (Рим.5:11). Ничто не может сравниться с такою похвалою. Итак, пусть никто не гордится богатством, никто – чем-нибудь житейским, но только тем, что он имеет Бога своим владыкою. Это – лучше всякой свободы, это – превосходнее самих небес. Если называться по имени такого-то и такого-то между людьми часто составляет славу, то, представь, какую составляет славу – называться Божиим. Потому и Павел вменяет это в великое достоинство, когда говорит: "**те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями**" (Гал.5:24). **Διαψαλμα** – перемена тона (в славянском нет этого слова). Другой (Акила): **постоянно**. В еврейском: **сел**. "**Но ныне Ты отринул и посрамил нас, и не выходишь, Боже, с силами нашими**" (ст. 10). Другой переводчик говорит (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **хотя ты отринул**. Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **и однако ты отринул**. Четвертый (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **но при том ты отвергнул**. "**И не выходишь, Боже, с силами нашими**". Другой (Симмах): **и не ходишь в войсках наших**. За отвержением тотчас следует посрамление и опасность – терпеть от всех бедствия. "**Силами**" пророк называет свои войска, так как в них заключается сила царя, по

премудрому устроению Божию, чтобы был союз между начальником и подчиненными. Царь имеет нужду в подданных, а они – в начальнике, так что они много содействуют друг другу. Чтобы не было гордости, Бог устроил так, что великое часто имеет нужду в малом. Это сделал Он и с неодушевленными предметами. Так иногда колеблющийся столп поддерживается подложенным под него камушком и тяжело нагруженный корабль управляется малым рулем и избавляется от опасностей. Что значит: "**ныне Ты отринул нас**"?

То, что мы, говорит, и при таких страданиях не отступаем от Тебя, славословим, воспеваем, хвалимся Тобою. "**Обратил нас вспять пред врагами нашими, и ненавидящие нас расхищали себе**" (ст. 11) Другой переводчик (Симмах) говорит: **ты поставил нас ниже всякого врага**. Смотри, как говорит он о тяжелых бедствиях и как прискорбными чертами изображает несчастья, показывая, что и враги, хотя были великими грешниками, однако потерпели достаточное наказание.

7. То же с преизбытком сделали и отроки в печи, которые воспевали тогда и говорили: "**предал нас в руки врагов беззаконных, ненавистнейших отступников, и царю неправосудному и злейшему на всей земле**" (Дан.3:32); и еще: "**мы умалены, Господи, паче всех народов, и унижены ныне на всей земле за грехи наши**" (ст. 37). Это самое и здесь выражает пророк и как бы так говорит: мы сделались презреннее всех, так как лишены Твоего промышления, и даже этим не кончились наши бедствия, но мы сделались добычею врагов, которые разделяют нас по своему произволу. Таков смысл слов: "**нас расхищали себе**", т.е. никто им не препятствует. "**Ты отдал нас, как овец, на съедение и между язычниками рассеял нас**" (ст. 12). Другой переводчик (Симмах) говорит: **ты развеял нас**. Что значит: "**как овец, на съедение**"? Т.е. сделав нас удобоуловимыми, показав малозначащими. Есть овцы племенные, годные для приплода; есть и другие, которые по старости или неплодству годны только на съедение. Но хуже всего то, что они были рассеяны между язычниками: это было для них всего тяжелее, потому что там они не могли с точностью соблюдать закон, и были удалены от отеческих обычаев; и притом рассеяны не между одним народом, но везде, так что мы, говорит, способны только к одному – тяжко страдать, а мстить или противиться не можем. Это выражает сравнение с овцами "**Отдал народ Свой даром**" (ст. 13). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **в несущественность**. Третий (Симмах): **несущественности**. "**И не было множества (народа) при восклицаниях наших**". Другой (Симмах): **и не умножил цены их**. Какой же смысл слов его? Сказанное представляется весьма неясным; но будьте внимательны, чтобы вам петь это с разумением. Что же означает сказанное? Пророк представляет их незначительность и ничтожность. Ты, говорит, оставил нас, как людей ничего не стоящих, как малоценных и презренных. Он говорит это согласно с человеческим обыкновением. У нас есть обычай – вещи незначительные и маловажные отдавать и без цены; отдавая то, что мы считаем важным, мы отдаем за большую цену, а то, что считаем неважным, мы отдаем и даром; например, негодных слуг иные отдают за полцены, а другие не берут за них ничего. Если уступить за малую цену значит показать маловажность продаваемого, то тем более – не брать цены. Это и говорит пророк: как если бы кто-нибудь отступился от своей собственности без всякой цены, так и Ты Сам оставил нас, как бы ничего нестоящих, совершенно презрел нас. То же выражает он и далее, присовокупляя: "**не было множества (народа) при восклицаниях**" "**наших**" т.е. при отдаче нас. Потому другой переводчик и говорит: при оценке нас, т.е. при продаже нас. Продажа есть обмен; так мы часто отдаем раба, и получаем за него серебро или золото. "**Ты отдал нас в поношение соседям нашим, на посмеяние и поругание живущим вокруг нас**" (ст. 14). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **на позорище окружающем нас**. "**Сделал нас притчей у язычников, кивают на нас головою народы**" (ст. 15). Тяжко и невыносимо наказание – быть в поругании, особенно у

нечестивых, терпеть это от врагов, видеть вокруг себя поносителей, быть окруженным со всех сторон злословящими. Что значит: "**притча**"? Толки, осмеяние. Вокруг них были люди злонамеренные и бесчувственные, которые не только не жалели их, но и порицали, что особенно огорчало их. Здесь он разумеет, мне кажется, аравитян, обитавших в соседстве с ними. "**Кивают на нас головою народы**". Другой говорит (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **передвижение**. В еврейском: **мануд**. Или то говорит он: ты переселил нас, или под видом кивания головою представляет неистовство чрезмерно радующегося (врага). "**Во весь день посрамление мое – предо мною, и стыд лица моего покрыл меня**" (ст. 16). Другой говорит (Симмах): **бесчестие мое**. "**И стыд лица моего покрыл меня**". Другой (Акила и Симмах): **и злословящего**. "**От голоса обидчика и клеветника, от лица врага и гонителя**" (ст. 17) Это огорчало их больше мучений. Так как они всегда и постоянно наслаждались благоденствием и побеждали врагов, то все отверзли уста, когда они пали, были низвержены и не могли найти покоя, но терпели непрерывное мучение. "**Все сие постигло**

нас, но мы не забыли Тебя и не нарушили завета Твоего" (ст. 18). Другой (Симмах): **и не изменили завету твоему**. Мы, говорит, поступили не так, как другие. Другие и прежде бедствий падали, а мы и после бедствий остались непреклонными в душе. Это говорят они для того, чтобы внушить благую надежду бывшим с ними. Даниил и три отрока говорили: "**согрешили мы, и поступили беззаконно**" (Дан.3:29); а они говорят: "**не нарушили завета Твоего**", ободряя души соратников. Если, говорят, мы потерпели величайшие бедствия, если мы происходим от предков, получивших великие благодеяния, и если в несчастьях мы не отступили (от Бога), то у нас есть великая надежда на спасение.

8. Таким образом, – что говорил я в начале, то скажу и теперь, – под видом молитвы они ободряют души братий и как бы говорят им: почему вы отчаиваетесь в спасении? Мы имеем Бога защитником нашим; если в чем-нибудь мы и согрешили, то получили достаточное наказание; в искушениях мы стояли мужественно; нами предводительствует Тот, Кто постоянно печется даже о грешниках; поэтому без сомнения нам должно ожидать доброго конца. Что же значит: "**не нарушили завета Твоего**"? Значит: не поступали неправо касательно того, что нам вверено, но соблюдали в точности. Подлинно, величайшая неправда – нарушать закон, который мстит за нас, который не попускает терпеть нам обиды от ближних и препятствует беззаконию, – быть неблагодарным к Тому, Кто доставляет столько благ. "**И не отступило вспять сердце наше, хотя Ты уклонил стези наши от пути Твоего**" (ст. 19). Другой переводчик говорит (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **не отстранилось**. "**Хотя Ты уклонил стези наши от пути Твоего**". Другой (Симмах): **и не уклонилось поддерживающее нас** . Третий (Акила и неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **и не обратилось назад сердце наше** , **и не уклонились стопы наши**. Здесь пророк говорит то же, что сказал прежде, т.е. что они при такой буре зол нимало не поколебались. Хорошо сказал он это. Как закон ведет вперед, так беззаконие обращает назад, и как закон повелевает идти прямым путем, так беззаконие совращает человека на пустынный и непроходимый путь. "**Путем**" он называет здесь закон. А слова: "**Ты уклонил**", которые другие переводят: **и не уклонилось поддерживающее нас от пути твоего**, в еврейском читаются так: **уафет асурену мени орах**. Если кто хочет толковать их по семидесяти толковникам, а не по другим, то слова: "**Ты уклонил стези наши от пути Твоего**", значат: Ты удалил нас от храма Твоего и попустил быть в стране чужой, что препятствовало совершению богослужения. "**Смирил нас на месте злострадания, и покрыла нас тень смертная**" (ст. 20). Другой (Акила): **на необитаемом**, Третий (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **на месте сирен** . "**И покрыла нас тень смертная**". Другой (Акила): **ты покрыл нас**. Это противоположение, кажется мне, относится к вышесказанным словам, в которых описываются бедствия:

"**Стыд лица моего покрыл меня, от голоса обидчика и клеветника смирил нас на месте злострадания**".

Если же относить это к словам: "**Ты уклонил стези наши от пути Твоего**", то здесь есть соответствие с той мыслью, которую мы высказали. Он объясняет, как Бог уклонил их от путей их, т.е. от отечества и законов, удалив их в места пустынные и оставив между врагами. Это означают слова: "**покрыла нас тень смертная**", т.е. опасности, производящие смерть, к которым близка смерть, которые Писание называет также муками смертными и вратами адовыми. А "**тенью**" и "**покрытием**" он выражает здесь неизбежность этих бедствий и невозможность найти как-нибудь избавление от них и даже малое облегчение. "**Если бы мы забыли имя Бога нашего, и если бы простерли руки наши к богу чужому, то не взыщет ли сего Бог? Ибо Он знает тайны сердца**" (ст. 21, 22). Это свойственно признательным рабам – не оставлять служения господину даже среди тяжких страданий; это – уроки любомудрия. Здесь они научают и слушателей не лицемерить, но служить Богу от всего сердца. "**Он знает тайны сердца**". Это говорят они, устрашая слушателей, чтобы они не помышляли ничего, недостойного Бога. Посмотри и на величие их добродетели, потому что далее пророк говорит: "**Но ради Тебя нас умерщвляют каждый день, считают за овец закалаемых**" (ст. 23). Великое дело – не оставлять служения Богу и не уклоняться к другому; но гораздо важнее при непрестанных смертных мучениях и ежедневных опасностях – сохранять такую любовь к Нему. Представь, как велик этот вид любомудрия, когда и Павел указывает на него, исчисляя в послании к Римлянам множество апостольских опасностей (Римл. 8:36). Каких же венцов достойны они, являясь в ветхом завете достигшими меры новозаветных подвигов? Как Павел говорит: "**я каждый день умираю**" (1Кор.15:31), так и они, – не на опыте, не на деле, но в душе. Почему они говорят: "**ради Тебя**"? Нам можно бы, говорят они, отступить, оставить отеческие уставы и быть в безопасности; но мы решились лучше тяжко страдать и хранить отеческие обычаи, нежели наслаждаться миром, отступив от законов отеческих. "**Считают за овец закалаемых**". Так легко, говорят, враги истребляют нас. Здесь выражается и покорность их. Не смотря на то, что находимся в таком опасном положении, мы остаемся непреклонными в душе. Здесь справедливо можно также удивляться силе Божией, которая находящихся в таком положении, как овцы заколения, сохранила, и умирающих каждый день не допустила подвергнуться смерти. "**Восстань, почему спишь, Господи? Восстань и не отринь до конца**" (ст. 24). Другой переводчик говорит (Симмах): **что ты, как спящий**. **Востань**. Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **пробудись**. Третий (Симмах): **проснись**. "**Восстань и не отринь до конца. Почему Ты отвращаешь лице Твое? Забываешь нищету нашу и скорбь нашу?**" (ст. 24, 25). Другой (Симмах): **скрываешь**. "**Забываешь нищету нашу и скорбь нашу**". Другой (Симмах): **зло наше**. Смысл этих слов следующий: Ты можешь прекратить бедствия, потому что они происходят не по бессилию Твоему, а попущению. Под сном здесь разумеется покой, под восстанием – отмщение, под лицом – защита, промышление, попечение, помощь.

9. "**Забываешь нищету нашу**"? Посмотри опять, какое любомудрие. Не сказано: наши подвиги; не сказано: непоколебимость мыслей; не сказано: испытанную в искушениях душу. На это они указывают тогда, когда оправдывают себя; а когда ищут помощи, тогда просят спасения, указывая, на что они обречены: так как, говорится, они уже наказаны, так как уже крайне пострадали. Тоже часто делает и Павел, и другие пророки. Притом они говорили это, еще не зная ничего ни о геенне, ни о царстве, и не будучи научены такому любомудрию, и между тем переносили все легко. "**Ибо душа наша унижена до праха, утроба наша прилипла к земле**" (ст. 26). Сказав: "**забываешь нищету нашу**", т.е. огорчение, говорят потом, в чем состоит их огорчение. Смысл этих слов следующий: мы погибли, мы погребены, положение наше нисколько не лучше положения мертвых. По

справедливости можно сказать и о тех, которые привязаны душою к настоящему, что они также "**унижены до праха**", и о тех, которые преданы чревоугодию, – что "**утроба наша прилипла к земле**".

Действительно, кто предан земной любви, прилепился к праху, и бестелесную силу, находящуюся в нем, поработил пеплу, о том справедливо можно сказать, что он находится в таком положении. В самом деле, что иное телесная красота, как не земля и прах, или даже еще хуже того? Если не веришь, то загляни в человеческие гробы, и увидишь там прах и пепел. Когда лицо лишается настоящей жизни, тогда оно и оказывается тем, что есть, и даже еще прежде смерти. Когда настанет старость, когда поразит болезнь, и тогда можешь видеть тоже явление, потому что это – прах. Но Бог, как мудрый художник, и из ничтожного вещества создал превосходную красоту, не для того, чтобы ты предавался прелюбодеянию, но чтобы показать тебе свою премудрость. Поэтому не оскорбляй Художника и дело премудрости Его не обращай в предмет распутства и прелюбодеяния. Удивляйся красоте, но столько, чтобы прославлять Художника, а далее не простирайся, чтобы не возбуждать своей страсти. Прекрасно – создание: поэтому тебе должно покланяться Создателю, а не оскорблять Его. Скажи мне: если бы кто-нибудь, взяв золотую статую или изображение царя, осквернил их грязью или чем-нибудь другим подобным, то не подвергся ли бы он крайнему наказанию? Если же поступающий неуважительно с вещами человеческими подвергается такому наказанию, то чему подвергнется поступающий бесчестно с творением Божиим, особенно, если делающий это имеет собственную жену? Не указывай мне на естественное пожелание. Для того и дозволен брак, чтобы ты не выходил за свои пределы. Смотри, какого ты будешь достоин наказания. Бог позаботился и о твоем спокойствии и о твоей чести, чтобы ты и укрощал естественное раздражение при помощи жены, и делал это с безопасностью и не подвергаясь никакому бесчестию; а ты по невоздержанию оскорбляешь Того, Кто столько промышляет о тебе? Скажи мне: если бы Он не благоволил законом дозволить брак, то какое ты терпел бы насилие, какое мучение? Поэтому тебе следовало бы благодарить и славословить Его, что Он сократил для тебя затруднения, даровав немалое утешение; а ты неблагодарно оскорбляешь Его, забываешь стыд, переступаешь установленные пределы и посрамляешь свою честь. Разве ты не слышишь, что говорит Павел и ныне, громко вещая всем: "**бегайте блуда**" (1Кор. 6:18), или лучше Сам Христос, управлявшей его душою? Для чего ты занимаешься чужою красотой? Для чего засматриваешься не на твое лицо? Для чего стремишься в пропасть? Для чего ввергаешь себя в сети? Ограждай свои глаза; прикрывай свое зрение; положи закон очам своим; послушай Христа, Который, угрожая, поставляет бесстыдный взгляд наравне с прелюбодеянием (Мф.5:28). Что пользы в удовольствии, если оно рождает червей, если подвергает предающегося ему непрестанному страху, вечному мучению? Не гораздо ли лучше, немного воздержав силу своих помыслов, сподобиться вечной радости, нежели за малое удовлетворение порочных пожеланий мучиться бесконечно? "**Нет, дети мои, нехороша молва, которую я слышу**" (1Цар.2:24). Знаю, что слова мои относятся только к некоторым, а не ко всем; но где они найдут рану, там пусть прилагают и врачество. Для чего ты оскорбляешь брак? Для чего оскверняешь ложе? Для чего причиняешь вред своему сочлену? Для чего унижаешь свою честь? Отсеки страсть, истреби сластолюбие. Сластолюбие и пьянство суть источники прелюбодеяния. Если ты не будешь пользоваться удовольствием, как должно, то оно причинит тебе скорбь. Послушай, что потерпели иудеи, когда прелюбодействовали, не приобщаясь тела Христова, не вкушая духовной трапезы: "**не станем блудодействовать**", говорит апостол, "**как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи**" (1Кор.10:8). "**Восстань, Господи! Помоги нам и избавь нас имени ради Твоего!**" (ст. 27). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **восстань защищая нас**, **и освободи нас по милости** твоей (Акила и Симмах). Смотри, чем они заключили свою речь. После бесчисленных своих подвигов,

откуда они ожидают спасения? От милости, от человеколюбия, "**имени ради**" Божия. Что значит: "**имени ради Твоего**"? (Они говорят так), дабы не нарушить того, что сам Он часто говорит: Я творю ради имени моего. Видишь ли смиренномудрие и сокрушенное сердце? Откуда они ожидают себе спасения? От человеколюбия, от милости. Как бы не имея заслуг, как бы не имея никакого права на спасение, а между тем изобилуя трудами и опасностями, они возлагали все на Бога. Будем же и мы, находящиеся под благодатию, подражать им и воздавать славу Богу, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 44

Победная песнь о цветах сынов Кореевых (Симмах).

Другой переводчик (Акила) говорит: победителю о лилиях сынов Кореевых.

В еврейском, вместо слова: о лилиях, сказано: ал сосаним. Разума песнь к возлюбленному (Феодотион). Другой (Акила): знающего песнь о дружбе. Третий (Феодотион): возлюбленным. В еврейском сказано: идофоф. А семьдесят толковников: "В конец. Об имеющих измениться. Сынам Кореевым. В научение. Песнь о Возлюбленном".

1 В конец, о изменяемых сыном кореовым в разум, песнь о возлюбленнем,

2 Отрыгну сердце мое слово благо, глаголю аз дела моя цареви: язык мой трость книжника скорописца.

3 Красен добротою паче сынов человеческих, излияся благодать во устнах твоих: сего ради благсви тя Бог во век.

4 Препояши мечь твой по бедре твоей, сильне,

5 красотою твоею и добротою твоею: и наляцы, и успевай, и царствуй истины ради и кротости и правды: и наставит тя дивно десница твоя.

6 Стрелы твоя изощрены, сильне: людие под тобою падут в сердцы враг царевых.

7 Прстол твой, Боже, в век века: жезл правости жезл царствия твоего.

8 Возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие: сего ради помаза тя, Боже, Бог твой елеем радости паче причастник твоих.

9 Смирна и стакти и касиа от риз твоих, от тяжестей слоновых (от храмов слоновых),

1 В конец. Об имеющих измениться. Сынам Кореевым. В научение. Песнь о Возлюбленном.

2 Излило сердце мое слово благое: изрекаю о делах моих Царю: язык мой - трость книжника скорописца.

3 Прекраснейший из сынов человеческих! Излилась благодать из уст Твоих, посему благословил Тебя Бог во век.

4 Препояшься мечем Твоим по бедру Твоему, Сильный,

5 Красотою Твоею и добротою Твоею, и напрягись, и поспеши, и царствуй, ради истины и кротости и правды, и поведет Тебя дивно десница Твоя.

6 Стрелы Твои изощрены, Сильный, народы пред Тобою падут, - они в сердце врагов Царя.

7 Престол Твой, Боже, во век века. Жезл правоты - жезл царства Твоего:

8 Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более общников Твоих.

из нихже возвеселиша тя.

10 Дщери царей в чести твоей: предста царица одесную тебе, в ризах позлащенных одеяна преиспещрена.

11 Слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя и дом отца твоего:

12 и возжелает царь доброты твоея, зане той есть Господь твой, и поклонишися ему,

13 и дщи тирова с дары: лицу твоему помолятся богатии людстии.

14 Вся слава дщере царевы внутрь: рясны златыми одеяна и преиспещрена.

15 Приведутся царю девы вслед ея, искренния ея приведутся тебе:

16 приведутся в веселии и радовании, введутся в храм царев.

17 Вместо отец твоих быша сынове твои: поставиши я князи по всей земли.

18 Помяну имя твое во всяком роде и роде: сего ради людие исповедятся тебе в век и во век века.

9 Смирна и алой и кассия - от одежд Твоих, из чертогов (сделанных из) слоновой кости, возвеселяют Тебя.

10 Дочери царей - в почете у Тебя, предстала Царица одесную Тебя, в одежде расшитой золотом, преукрашенная.

11 Слушай, Дщерь, и смотри, и приклони ухо Твое, и забудь народ Твой и дом отца Твоего!

12 И возжелает Царь красоты Твоей, ибо Он - Господь Твой, и поклонишься Ему.

13 И дочь Тира с дарами: и богатые из народа будут умолять лице Твое.

14 Вся слава Дщери Царя - внутри Ее; одета она золотою бахромою, преукрашенная.

15 Приведутся к Царю девы во след Ее, ближние Ее приведутся к Тебе.

16 Приведутся с веселием и радостию, введутся в чертог Царя.

17 Вместо отцов Твоих были сыновья Твои: Ты поставишь их князьями по всей земле.

18 Помяну имя Твое в род и род, посему и народы будут славить Тебя во век и в век века.

"**Излило сердце мое слово благое: изрекаю о делах моих Царю: язык мой – трость книжника скорописца".** Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **извлекло.** Третий (Симмах): **подвигнулось сердце мое словом благим** (ст. 1, 2).

1. Желал бы я, чтобы теперь находились здесь все иудеи и язычники; при них, взяв у иудеев книгу псалмов, я и прочитал бы этот псалом. Вы знаете, что и в судилищах и везде свидетельство о делах тогда особенно бывает свободно от подозрения, когда оно представляется со стороны врагов. Поэтому, дабы тоже самое было и теперь, мы представляем свидетельство из ветхого завета, чтобы устыдились и иудеи и язычники, – иудеи, которые читают и не разумеют, и язычники, которые видят, что эти книги доставляются нам врагами. Тогда они уже не станут говорить, что они сочинены нами, когда не мы, но сами распявшие Христа доставляют нам эти книги, возвещающие о Его

силе. Но будут ли они здесь, или не будут, мы сделаем свое и приступим к изъяснению. Этот псалом написан о Христе; потому имеет и надпись: о возлюбленным и: о изменяемых. Христос совершил в нас великую перемену, и во всех делах переворот и изменение. Указывая на эту перемену, и Павел говорил: "**кто во Христе, тот новая тварь**" (2Кор.5:17). Потому и в начале пророк сказал: "(отрыгнуло[1]) **излило сердце мое**". Так как изрекаемое им не было чем-нибудь человеческим, но он начинал возвещать небесное и духовное, не от собственного изобретения, а от божественного действия, то он и выражает это словом: "**излило**". Мы отрыгаем не тогда, когда хотим, а слова произносим, когда хотим, и произносим их и удерживаем; при отрыгании же – не так. Поэтому, желая показать, что изрекаемое им происходит не от человеческого усилия, но от божественного вдохновения, которое возбуждало его, он и назвал пророчество отрыгновением. Как отрыжка зависит от качества кушаний, так и в духовном учении: что вкусил пророк, то и отрыгнул. Так и в другом месте другой пророк представляет тоже действие чувственным образом, съедая книжный свиток, и съедая с удовольствием: "**было**", говорит он, во "**в устах моих сладко, как мед**" (Иезек.3:3). Так как они принимали духовную благодать, то и изрыгали соответственное ей. А что здесь говорится не о чувственной отрыжке и не о кушаньях, послушай, что изрыгается и кто отрыгает. Это – не желудок, принимающий кушанье, а сердце: "(отрыгну) **излило**", говорит, "**сердце мое**". Что отрыгает? Не пищу, не питие, но сродное такой трапезе: "**слово благое**", слово о Единородном, потому что Он преимущественно благ. "**Не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него**" (Ин.12:17). Все в Нем кротко, все далеко от наказания. Пророк отрыгает это потому, что очистил свое сердце. Как желудок, когда бывает наполнен нечистыми соками, отрыгает сродное им, а когда находится в здоровом состоянии, то производит соответственную и отрыжку, так и сердце пророка, будучи очищено от грехов и приняв благодать Духа, отрыгает "**слово благое**". Отсюда мы познаем и нечто другое, именно то, что пророки не были подобны (языческим) прорицателям. У тех, когда бес овладевал их душою, то ослеплял ум и помрачал мысли, и они произносили все так, что их ум нисколько не понимал произносимого, точно какая-нибудь бездушная флейта издавала звуки. Это подтвердил и один из философов в следующих словах: "прорицатели и гадатели, хотя говорят много, но нисколько не понимают того, что говорят" (Платон в Апологии Сократа и в разговоре: Менон). Но Дух Святый действует не так, а напротив, Он оставляет сердцу разумение изрекаемого. В самом деле, если бы пророк не разумел, то как он сказал бы: "**слово благое**"? Бес, как враг и неприятель, действует на природу человеческую враждебно; а Дух Святой, как благопопечительный и благодетельный, приемлющим Его оставляет сознание и открывает уму их смысл своих вещаний. "**Изрекаю о делах моих Царю**". Другой переводчик (Акила и Симмах) говорит: **творения** (poi°mata) **мои**. О каких делах говорит он? О пророчестве. Как дело кузнеца – сделать кирку, дело строителя – построить дом, дело корабельщика – соорудить корабль, так и дело пророка – составить пророчество. А что и это есть также дело, послушай Христа, Который говорит об апостолах: "**трудящийся достоин награды за труды свои**" (Лк.10:7). И Павел говорит: "**особенно тем, которые трудятся в слове и учении**" (1Тим.5:17). Если бы оно не было делом, то как оно заключало бы в себе труд? И что может быть достопочтеннее этого дела, – что полезнее? Оно выше всех искусств. Какое же именно дело, о котором он "**изрекает Царю**"? Это самое песнопение, это самое пророчество. Он не сказал, какому именно царю, выражая, что это – Богу всех. Как мы, когда говорим о царе персидском, то называем его не просто царем, но прибавляем персидский, также и о царе армянском, а когда говорим о нашем царе, то не имеем нужды в прибавлении, но довольствуемся одним названием "**Царя**", – так и пророк, говоря об истинном Царе, довольствуется одним названием: "**Царь**". Как, говоря о Вседержителе, мы не имеем нужды в каком-нибудь прибавлении, потому что нет другого Вседержителя, так и говоря об этом Царе, мы не имеем нужды в каком-нибудь другом прибавлении, потому что нет другого Царя-Бога. Притом и говорящий сам был царь. Отсюда очевидно,

что он говорил не о человеке, но о Боге всех. Поэтому он не сказал: βασιλεί но: τω βασιλεί, прибавлением члена означая господство (божественное).

2. Далее, опять желая показать, что изрекаемое не было произведением человеческого ума, размышления и сочинения, но божественной благодати, а он сам послужил одним только языком, пророк говорит: "**Язык мой – трость книжника скорописца**". Трость пишет то, что велит рука, которая держит ее. Другой переводчик (Симмах) говорит: **язык мой как грифель писца быстрого**. Для чего сказано: "**скорописца**"? Для того, чтобы и этим указать на благодать. Кто говорит от самого себя, тот останавливается и медлит, обдумывая, сочиняя, затрудняясь и незнанием, и неуверенностью, и мнительностью, и во многом встречает остановку быстрота его речи; а когда Дух движет умом, тогда ничто не препятствует, но как водяной поток, изливаясь, течет с великой стремительностью, так и благодать Духа несется с великой скоростью, производя все легко, все удобно. Потом, объясняя тоже самое и показывая, что в изрекаемом нет ничего человеческого, он продолжает: "**прекраснейший из сынов человеческих! Излилась благодать из уст Твоих, посему благословил Тебя Бог во век**" (ст. 3).

Некоторые утверждают, будто это сказано об языке, что он есть трость "**прекраснейшая**"; но мне кажется, что пророк говорит уже о Христе. Поэтому другой переводчик (Акила) и говорит: **красотою украшен ты от сынов человеческих**. По великой, пламенной любви ко Христу, он обращает речь к Нему, подобно как и Иаков говорил: "**молодой лев Иуда, с добычи, сын мой, поднимается. Преклонился он, лег, как лев**" Быт.49:9). Исполнившись вдохновения, он уже беседует со Христом, и к Нему обращает речь свою. Притом говорит не сравнительно; не сказал: прекраснее, но: "**прекраснейший из сынов человеческих**". Его красота, говорит, иная, нежели эта. И смотри, как он в самом начале говорит о домостроительстве (Христовом). А что это относится к домостроительству, видно из следующего. Сказав: "**прекраснейший из сынов человеческих**", пророк присовокупляет: "**излилась благодать из уст Твоих**". Бог не имеет уст, но здесь говорится о домостроительстве. Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз), сказав: **вылилась благодать устами твоими**, выразил тоже еще яснее. Слово: **вылилась** не то ли значит, как если бы кто-нибудь сказал: находясь внутри, она переполнилась, прорвалась? Как же другой пророк говорит: "**Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его**" (Ис.53:2,3)?

Он говорит не о безобразии, – да не будет, – но об уничижении (Христовом). Благоволив сделаться человеком, Христос прошел все степени уничижения, не избрал себе матерью царицы, в пеленах был положен не на золотом ложе, но в яслях, и воспитан не в великолепном доме, но в бедной хижине плотника; также, при избрании учеников, взял не риторов, не философов, не царей, но рыбарей и мытарей, и проводил самую простую жизнь, не имея дома, не облачаясь в драгоценные одежды, не наслаждаясь таковою же трапезой, но получая пропитание от других, претерпевая обиды, презрение, гонение, преследование. Это делал Он для того, чтобы совершенно попрать гордость человеческую. Вот потому-то, что Он не окружал себя пышностью и великолепием, не имел при себе телохранителей и копьеносцев, но ходил иногда и один, как простой человек, пророк и говорит: "**нет в Нем ни вида, ни величия**". А Давид говорит: "**прекраснейший из сынов человеческих**", указывая на благодать, премудрость, учение, чудеса Его. Далее, изображая эту красоту, говорит: "**излилась благодать из уст Твоих**". Видишь ли, что здесь говорится о домостроительстве? Какая же это благодать? Та, которою Он учил, которою творил чудеса. Пророк говорит здесь о благодати, нисшедшей

на плоть (Христову). "**На Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым**" (Ин.1:33. Мф.3:16). В этот храм излилась вся благодать, потому что "**не мерою дает Бог Духа**" (Ин.3:34). "**От полноты Его все мы приняли и благодать на благодать**" (Ин.1:16), а сам этот храм получил всецелую благодать. Тоже выражает и Исаия, когда говорит: "**и почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия; и страхом Господним**

исполнится" (Ис.11:2,3). Здесь – всецелая благодать, а в людях – только малая часть, капля этой благодати. Поэтому Бог и не сказал: дам Духа, но: "**излию от Духа Моего на всякую плоть**" (Иоиль 2:28).

3. Так и сбылось. Вся вселенная получила от этого Духа. Дар начался с Палестины, и распространился в Египет, Финикию, Сирию, Киликию, на Евфрат, в Месопотамию, Каппадокию, Галатию, Скифию, Фракию, Элладу, Галлию, Италию, всю Ливию, Европу, Азию, на сам океан. Но для чего исчислять много? По всякой земле, какую озаряет солнце, распространилась эта благодать; эта капля, эта частица Духа наполнила ведением всю вселенную. Ею совершались знамения, разрешались грехи всех. Между тем эта благодать, подаваемая в столь многих странах, есть только некоторая часть и залог дара. "**И дал**", говорит Павел, "**залог Духа в сердца наши**" (2Кор. 1:22), разумея часть Его действия, потому что Утешитель не разделяется. И смотри, каков этот источник. "**Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков**" (1Кор.12:8-10). Столько дарований в столь многих народах распространила по всей земле благодать, подаваемая в крещении; и все это совершает капля Духа. А что это действительно была капля, открывается из слов: "**излию от Духа Моего**", и из названия ее обручением (залогом). Отсюда видно, что дана (людям) только некоторая малая часть целого. Потому и Иоанн, выражая это, говорит: "**от полноты Его все мы приняли**" (Ин.1:16), или, так сказать, от преизобилия, от преизбытка, от переполнения мы все получили. Представь же, как вседовольна благодать Духа, когда ее достает на такую вселенную, на столько веков, и притом она не уменьшается и не истощается, но всех наполняет благодатным богатством, а сама нисколько не оскудевает. И так как слово: дух имеет много значений, – потому что этим именем называется и ангел, и душа, и ветер, и многое другое, – то прибавлено: "**от Духа Моего**". Как дух человека сроден человеку, так и Дух Божий (Богу), пребывая впрочем, и в собственном Лице. Выражая это, и Павел говорит: "**кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем**" (1Кор.2:11), не сливая (Божеских) лиц, – да не будет, – но показывая превосходство естества Духа. Каково, следовательно, согласие души с самой собою, таково и сродство Духа с Отцом. Как Сын называется Словом, и однако Он не безличен, но из этого мы познаем Его сродство с Отцом, так и Дух Божий называется Духом, и однако Он не безличен. И как Сын потому сообщает нам усыновление, что он есть истинный Сын Отца, так и Дух потому сообщает нам дарования, что Он по природе есть существо Божеское. Так и человек потому, что он человек, может написать образ человека. "**Посему благословил Тебя Бог во век**". Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **для сего**.

Видишь ли, как пророк постоянно обращает речь ко Христу, из любви к Нему? Поэтому и в других местах он не просто изрекает пророчество, но в виде обличения, когда, например, говорит: "**зачем волнуются народы и племена замышляют тщетное?**" (Пс.2:1). Так точно и здесь говорит: "**посему благословил Тебя Бог во век**". Не сказав ничего ни о рождении Его, ни о воспитании, ни о прочем, пророк этим ограничивает речь свою о Нем. Почему? Потому, что говорить обо всем по порядку свойственно

евангелистам; им он и предоставил это; и действительно, им надлежало повествовать о том, а пророчеству свойственно брать некоторые черты и об них говорить. Так пророки всегда и поступают: они упоминают о немногих обстоятельствах события, и при том прикровенно, и оставляют их. Так и этот пророк говорит: "**благословил Тебя Бог во век**", выражал, какой благодати исполнены были слова Его. И посмотри на силу благодати Его. Однажды проходит Он близ моря, и находит Иакова и Иоанна, и говорить им: "**идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним**" (Мф.4:19-20). Потом, в другое время, Он говорит всем ученикам: "**не хотите ли и**

вы отойти? Симон Петр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни: и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго" (Ин.6:67-69). Но что я говорю об учениках? Сами фарисеи, послав к Нему служителей, услышали от них: "**никогда человек не говорил так, как Этот Человек**" (Ин.7:46). И другие также говорили: "**никогда не бывало такого явления в Израиле**" (Мф.9:33). "**И народ дивился учению Его**", говорит евангелист, – "**ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи**" (Мф.7:28-29).

4. Если и ты хочешь познать эту благодать, то послушай, как строги заповеди Его, и увидишь ее силу. "**Кто любит отца или мать более, нежели Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня; и берегший душу свою**", сказал Он "**не достоин Меня**" (Мф.10:37; Лк.14:26). И, однако, это слово смогло осуществиться на деле: так велика благодать Его! Что для человека ближе души? Но и она была презираема по Его заповеди. Впрочем, слыша слова: "**благословил Тебя Бог**", ты не преткнись, не представь чего-нибудь низкого. Здесь, как я прежде сказал, идет речь о плоти Его, которая имеет уста, принимает благодать, принимает благословение. Бог не имеет нужды ни в благословении, ни в благодати, потому что Божество ни в чем не нуждается. "**Ибо, как Отец**", говорит Христос, "**воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет**" (Ин.5:21); и еще: дела, "**что творит Он, то и Сын творит также**" (Ин.5:19); и еще: "**как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца**" (Ин.10:15). Слова: так, также, тоже, выражают безразличие. А здесь говорится о домостроительстве (Христовом во плоти). Мы слышим, как еще Он сам говорит о себе: "**потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою**" за овец (Ин.10:17). Но разве прежде Отец не любил Его? Как же он говорил: "**Сей есть Сын Мой возлюбленный**", (Мф.3:17)? Нет: те слова изрек Он для того, чтобы показать величие подвига. Поэтому, как там причина приводится не без основания, так и здесь причина очевидна. Сказав наперед: "**прекраснейший из сынов человеческих**", и: "**излилась благодать из уст Твоих**", пророк потом и говорит: "**посему благословил Тебя Бог во век**", обращая речь к домостроительству (воплощения), чтобы, когда опять будет говориться что-нибудь не соответственное (Божескому) Его достоинству, ты не преткнулся, но знал, о ком идет речь. Так и Иаков, указывая на тоже домостроительство, после того, как сказал многое, говорит: "**блестящи очи [его] от вина, и белы зубы [его] от молока**" (Быт.49:12). Но Божество не имеет зубов. И другой пророк говорит: "**и жезлом уст Своих поразит землю, и духом уст Своих убьет нечестивого**" (Ис.11:4), выражая тоже самое, что Павел говорит: "**которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего**" (2Фес.2:8).

Итак, чтобы ты, услышав это, не имел низких мыслей (о Христе), пророк показывает тебе силу божества Его. Он не отделяет в Нем ни плоти от божества, ни божества от плоти, впрочем, не сливая этих естеств, – да не будет, – но показывая их единение. Потому и говорит: "**посему благословил Тебя Бог во век**". Каким же образом совершается это благословение? Ангелы и архангелы предстоят ему; престолы, господства, начала, власти воссылают Ему хвалу; вся земля от конца до конца славословит, воспевает и величает воплотившегося Бога. Первый Адам подвергся великому проклятью; а этот напротив –

великому благословению. Тот услышал: "**и ныне проклят ты**" (Быт.3:17; 4:11); также и бывшие после него: "**проклят, кто дело Господне делает небрежно**" (Иер.48:10), и еще: "**проклят [всякий человек], кто не исполнит [всех] слов закона**" (Втор.27:26), и еще: "**проклят пред Богом [всякий] повешенный [на дереве]**" (Втор.21:23). Видишь ли, сколько проклятий? От них освободил тебя Христос, Сам соделавшись клятвою (Гал.3:13). Как Он уничижил Себя для того, чтобы тебя возвысить, и умер для того, чтобы тебя сделать бессмертным, так и сделался клятвою для того, чтобы тебя исполнить благословения. Что может сравниться с этим благословением, когда посредством клятвы подается благословение? Не Сам Он имел нужду в благословении, но подает его тебе. Как тогда, когда я говорю, что Он уничижился, я разумею не какую-нибудь перемену в Нем, но домостроительное Его снисхождение, так и тогда, когда говорю, что Он получил благословение, разумею не то, будто Он имел нужду в благословении, но опять выражаю домостроительное Его снисхождение. Итак, благословение относится к человеческой Его природе. Христос, воскресши из мертвых, уже не умирает (Рим.5:6,9) и не подлежит клятве; или, лучше сказать, Он и прежде не подлежал ей, но принял на Себя клятву для того, чтобы тебя избавить от нее. "**Препояшься мечем Твоим по бедру Твоему, Сильный**" (ст. 4). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **опояши саблю твою по бедру**; третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **надень как саблю твою по бедру**. "**Красотою Твоею и добротою Твоею**". Другой (неизвестный. см. Ориг. Экз.): **хвалу твою и достоинство твое**. Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **славою твоею и благолепием твоим**. Что значит такой переход и такая перемена речи? Говоря об учителе, – а таков смысл слов: "**излилась благодать из уст Твоих**", – пророк внезапно изображает нам вооруженного Царя, и притом не в виде пророчества, но в виде просьбы. Он не сказал: препояшется мечом своим; но просит и говорит: "**препояшься мечем Твоим**". Потом к этому вооружению присовокупляет красоту, представляя Его то вооруженным, то прекрасным: "**красотою**", говорит, "**твоею и добротою твоею**"; а далее – стрелком: "**стрелы**", говорит, "**Твои изощрены, Сильный**" (ст. 6); и опять – победоносным и торжествующим: "**народы**", говорит, "**пред Тобою падут, - они в сердце врагов Царя**" (ст. 6); наконец этого самого воина, царя, стрелка, победителя, представляет намащенным благовониями: "**смирна**", говорит, "**и алой и кассия - от одежд Твоих**" (ст. 9).

5. Что общего между оружием и благовониями, между мечом и намащением, между ратоборством и учением, между луком и украшением? Последние – знаки мира, а первые – войны и сражения. Кто же этот мирный и вместе воинственный, источающий благовония и вместе облекшийся в оружие, исходящий из великолепных чертогов и вместе истребляющий тысячи врагов и производящий такие поражения? Как мы разрешим это недоумение? Если верно узнаем, что и об Отце Его говорится тоже. Так и Отца пророк в другом месте представляет вооруженным, когда говорит: "**если не обратитесь, то Он оружие Свое изощрит, лук Свой Он натянул и приготовил его**" (Пс.7:13). И еще в другом месте говорится: "**облечется в броню – в правду**" (Прем.5:18). Видишь одинаковую их власть. Как там говорится: "**то Он оружие Свое изощрит**", не по чьему-либо повелению, но Сам Собою, так и здесь: "**стрелы Твои изощрены, Сильный, народы пред Тобою падут, – они в сердце врагов Царя**". Потом, желая выразить, что Господь совершает все собственной силою, пророк говорит: "**и поведет Тебя дивно десница Твоя**" (ст. 5). Ты не от кого-нибудь другого, говорит, получаешь силу, но Сам в Себе довольно имеешь ее. И сам Бог мира, послушай, что говорит ученикам: "**не мир пришел Я принести, но меч**" (Мф.10:34), и еще: "**огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся**" (Лк.12:49). А пророк говорит и о том, как он придет: "**сойдет, как дождь на руно и как капля, падающая на землю**" (Пс.71:6). Все это я говорю для того, чтобы вы были внимательны и, уразумев в точности смысл выражений, разрешили для себя недоумение. Приведенные выражения означают действия

Божии. Так и здесь, когда ты слышишь: "**препояшься мечем Твоим по бедру Твоему, Сильный**", то знай, что этим означается Его действие, равно как и словами: "**лук**" и "**стрелы**". Как, приписывая Богу гнев, Писание не страсть усвояет Ему, но означает этим выражением наказующее действие Его и имеет в виду тронуть людей грубых, так и приписывая Ему оружие, оно выражает тоже. Так как мы наказываемся не сами собою, но посредством других орудий, то пророк, желая показать наказующую силу Божию, выражает ее знакомыми нам названиями, не для того, чтобы мы представляли у Бога оружие, а чтобы ощутительнее уразумели Его наказание. Но, скажешь, многие потерпели от этого вред? Без причины, напрасно, и по собственному неразумию. Уже и по тому самому, что говорится о Боге, они должны были понять, что здесь говорится в переносном смысле; но Писание еще и другими выражениями не преминуло вразумить их, что Бог бесстрастен. В другом месте, послушай, как пророк выражает скорость божественного наказания: "**да воскреснет Бог и расточатся враги Его**" (Пс.67:2). Нужно ли оружие, нужен ли меч? Довольно, говорит, одного только воскресения. Но и это еще чувственное выражение. Поэтому в другом месте он говорит: "**посмотрит на землю, и заставит ее трястись**" (Пс.103:32). И еще: "**от лица Господа подвинулась земля**" (Пс.113:7). Но и это еще чувственное выражение. Послушай более высокое: "**все, что восхотел Господь, сотворил**" (Пс.134:6), – для Него довольно только захотеть. Впрочем, и здесь, смотри, как в самых чувственных выражениях пророк внушает, что Бог ни в чем не имеет нужды. Он не прежде упомянул об оружии, как назвав Его "**Сильным**"; и исчислив оружие, всю победу приписал Его деснице, т.е. Его существу и Его могуществу. И другой пророк, выражая то же, сказал: "**владычество на раменах Его**" (Ис.9:6), – сказал не для того, чтобы ты представлял в Боге рамо, – да не будет, – но чтобы знал, что Бог не нуждается в содействии других. "**Препояшься мечем Твоим по бедру Твоему, Сильный, красотою Твоею и добротою Твоею**". О чем говорит здесь пророк? Этими чувственными выражениями он означает силу Христа, которою Он восстановил вселенную, которою Он окончил войну и поставил трофей. Подлинно, была война жестокая, жесточе всех других войн, – не против враждебных варваров, но против бесов, нападающих на нас и развращающих всю вселенную. Потому и Исаия сказал: "**между великими, и с сильными будет делить добычу**" (Ис.53:12); и еще: "**Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, проповедывать пленным освобождение**" (Ис.61:1). Потому Павел везде в надписании посланий говорит: "**благодать вам и мир от Бога Отца нашего**" (Рим.1:7); и еще: "**Он есть мир наш, соделавший из обоих одно**" (Еф.2:14). А чтобы ты, слыша слова: "**препояшься мечем Твоим**", не разумел меча чувственного, то выслушай следующее. Сказав: "**препояшься мечем Твоим**", пророк присовокупил: "**красотою твоею и добротою твоею**", т.е. меч Его – красота Его, доброта Его, слава, достоинство, величие, великолепие. Божественное Существо ни в чем не имеет нужды для исполнения своих предначертаний; Оно – вседовольно. Таким образом, пророк призывает Его выйти на брань за вселенную. Далее от выражений высоких опять нисходит к чувственным. После слов: "**меч**" и "**бедро**", упомянув о "**красоте**", он опять переходит к чувственным выражениям и говорит: "**и напрягись, и поспеши, и царствуй**". Словом: "**напрягись**" он указывает нам на лук и стрелу; а потом, опять желая показать, что для Него не нужно оружие, присовокупляет: "**и поспеши, и царствуй**". Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **преуспевай**. Царство же разумеется здесь то, которое Он, пришедши, устроил в последние времена, – царство общения и ведения.

6. Сказанные слова выражают сильное желание пророка, уже созерцающего деяния (Христа) и вселенную, руководимую Им к истине. Поэтому он и употребил эти выражения в повелительном наклонении. Такие выражения обыкновенно употребляют и низшие из пламенной любви к высшим. "**Ради истины и кротости и правды**". Приводит имя "**истины**". Видишь ли, как Писание объясняет само себя и показывает, что эта победа –

умосозерцаемая и духовная? Упомянув об оружии, мече и луке, для чего пророк говорит здесь о кротости? Какая связь между кротостью и войною, смирением и сражением? Великая, если рассмотреть внимательно. Так и Давид и Моисей были мужи кроткие. О первом Писание говорит: "**помяни, Господи, Давида и всю кротость его**" (Пс.131:1), также и о Моисее: "**Моисей же был человек кротчайший из всех людей на земле**" (Числ.12:3). И, однако, эти мужи, кротчайшие из всех, были строжайшими из всех. Впрочем, если желаете, скажем наперед об их кротости. Блаженный Давид, неоднократно улавливая Саула и имея возможность умертвить его, не наложил на него руки; когда и другие советовали ему умертвить, он пощадил Саула и укротил свой гнев. Также, когда Семей столько оскорблял его и смеялся над его тогдашним несчастьем, и когда военачальники хотели догнать и убить дерзкого оскорбителя, то какие произносит он слова, исполненные всякой мудрости (2Цар. гл. 16)! Равно и об отцегонителе и бесстыдном юноше как он просит своих военачальников: "**сберегите**", говорит, "**мне отрока Авессалома**" (2Цар.18:5)! И в начале, когда он разговаривал с братьями своими, негодовавшими и завидовавшими будущей его победе, представь, как он кротко отвечает: "**не слова ли это**" (1Цар.17:29)! А Моисей? Послушай, что говорит он о тех, которые бросали в него камнями и хотели умертвить его, если бы могли: "**прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал**" (Исх.32:32). Также, когда другие возбуждали в нем ревность и хотели раздражить его, он произносит следующие любомудрые слова: "**если бы все в народе Господнем были пророками, когда бы Господь послал Духа Своего на них**" (Числ.11:29)? Также за сестру свою, порицавшую его, какую он возносит молитву (Чис.12:13)! И во многих других случаях можно видеть кротость его; когда, например, возбранено было ему войти в землю (обетованную), в Палестину, он со всею кротостью беседует с иудеями. И, однако, этот кроткий муж нашел справедливым, чтобы Дафан, Авирон и Корей, восставшие против священства, были поглощены землею, а другие, принесшие чуждый огонь, были сожжены. И кроткий Давид поразил Голиафа, прогнал войско и одержал победу. Вообще кроткому свойственно – прощать обиды, нанесенные ему, и мстить за обиды, нанесенные другим. Так поступал и Христос. Он на кресте говорил: "**Отче! прости им, ибо не знают, что делают**" (Лк.23:34), и, оплакивая Иерусалим, говорил: "**сколько раз хотел Я собрать**

детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст" (Мф.23:37,38); будучи заушаем, Сам не заушал, но и оправдывался пред заушающим; будучи называем беснующимся, изгонял бесов; будучи называем обманщиком и нечестивцем, руководил людей в царство (небесное). И ученикам Своим Он заповедал всегда переносить мучения, преследования, гонения, и занимать низшее место: "**а кто хочет**", говорил Он, "**между вами быть большим, да будет вам слугою**" (Мф.20:26), и в пример приводил самого себя: "**так как**", говорил, "**Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих**" (Мф.20:28). Если же Он изгонял бесов, поражал диавола и истреблял заблуждения, то и это есть доказательство особенной кротости, – чтобы всякое зло истреблять, а одержимых им освобождать от него, враждующих бесов поражать, а страждущих от них избавлять от бедствий. Что же значит: "**ради истины и кротости и правды**"? Сказав о войне, сказав о приготовлении к борьбе, показав вооруженного Воителя, пророк говорит теперь о доблестных делах Его царствования, показывает род трофея, объясняет свойство победы. Другие цари – люди – все ведут войну или за города, или за деньги, или по вражде, или по тщеславию; а Он не по чему-нибудь подобному, но "**ради истины**", чтобы насадить ее на земле, – "**ради кротости**", чтобы сделать кроткими людей, которые свирепее диких зверей, – "**ради правды**", чтобы страждущих под игом беззакония сделать праведными, сначала по благодати, а потом и за добрые дела их. "**И поведет Тебя дивно десница Твоя**". Другой

переводчик (Акила) говорит: **и просветит тебя на страшное десница твоя**. Третий (Симмах): **и покажет тебе страшное десница твоя**.

7. Видишь ли, как пророк опять открывает достоинство Совершающего все это? Выше он, сказав об оружии и мече, перешел к красоте и воззвал слушателя к невещественным понятиям; потом, нисшедши к чувственным выражениям, к луку и стрелам, мало-помалу опять возвел слушателя, сказав о причинах борьбы: истине, кротости и правде; а теперь он изображает и сам образ победы. Какой же именно? "**И поведет Тебя дивно**", говорит, "**десница твоя**". Смысл слов его следующий: это Существо сильно само собою; сила Его сама по себе достаточна как для того, чтобы видеть все нужное к исполнению, так и для того, чтобы привести все это к окончанию.

Хорошо выразился и другой переводчик: **покажет страшное десница твоя**. Действительно, дела Его весьма страшны и ужасны: разрушена смерть, расторгнут ад, отверст рай, открыто небо, обузданы бесы, соединилось горнее с дольним, Бог сделался человеком, человек восшел на царский (небесный) престол, оживилась надежда воскресения, чаяние бессмертия, вкушение неизреченных благ и все прочее, что совершилось Его пришествием. Потому другой переводчик и говорит: **наставит тебя на страшное десница твоя**, выражая, что это Существо сильно само собою, что сила Его достаточна и для составления и для исполнения предначертаний. А семьдесят толковников сказали: **наставит тебя дивно десница твоя**, т.е. не только дела Его достойны удивления, но и то, как чудно они совершены. Смертью попрана смерть; клятвою разрушена клятва и подано благословение; чрез вкушение мы изгнаны прежде из рая, чрез вкушение опять введены в рай; дева изгнала нас из рая, чрез деву мы обрели вечную жизнь; чем осуждены, тем и увенчаны. Созерцая все это, пророк и говорит: "**поведет Тебя**

дивно десница Твоя". Нужно ли для Него оружие? Нужен ли меч, лук и стрелы? Видишь ли, как это Существо сильно само собою? Но смотри, как пророк опять, подобно искусному художнику, нисходит от высоких выражений к чувственным. "**Стрелы Твои изощрены, Сильный, народы пред Тобою падут, – они в сердце врагов Царя**" (ст. 6). Другой переводчик (Акила и Симмах) говорит: **в сердце враги царевы**.

Упомянув о стрелах, смотри, как он опять прибавляет слово: "**Сильный**", дабы ты знал, что Христос не имеет нужды в стрелах, а силен Сам собою. Порядок мыслей такой: "**Стрелы Твои изощрены, Сильный, в сердце врагов Царя**". А слова: "**народы пред Тобою падут**" поставлены в средине. Здесь, мне кажется, двоякий смысл: или пророк говорит о пленении иудеев, покорении и разрушении их города, или в переносном смысле называет стрелами силу слова (евангельского). Подлинно, быстрее стрелы это слово прошло по всей вселенной и коснулось сердца прежних врагов Царя, не для того, чтобы умертвить их, но чтобы привлечь их к себе, как случилось и с Павлом. Не погрешит, кто назовет стрелою то слово, которое, сшедши с неба, коснулось сердца прежнего врага и сделало его другом. "**Народы пред Тобою падут**". Видишь ли успех войны, примирение бывших прежде противниками, научение их, оглашение? Это падение и подпадение под власть Его служит для всех основанием и источником возвышения, потому что Он покорил их Себе, освободив от гордости, тщеславия и бесовского заблуждения. Другой пророк представляет Его обагренным кровью и говорит: "**Кто это идет от Едома, в червленых ризах от Восора**" (Ис.63:1)? Здесь не говорится об оружии, луке и стрелах, а об одежде, – выражение также чувственное, но менее чувственно, нежели у Псалмопевца; и здесь также, при самой чувственности выражений, пророк возводит мысль к предметам бестелесным. На вопрос "**Отчего же одеяние Твое красно**", он отвечает: "**Я топтал точило один**" (ст. 2-3), выражая легкость победы и то, что Он не имел никого Своим

помощником, что Он силен сам по себе. Как там сказано: "**поведет Тебя дивно десница Твоя**", так и здесь: "**Я топтал точило один**". Как легко для виноделателя выжимать ногами виноград, так легко и для Бога совершать, что хочет, или даже не так, а гораздо легче. "**Престол Твой, Боже, во век века. Жезл правоты – жезл царства Твоего: Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более общников Твоих**" (ст. 7, 8). Другой переводчик (Симмах) говорит: **престол твой, Боже, вечный и более**. В еврейском: **Боже, Бог твой** (Елоим Елоах). Что скажет здесь иудей? О ком это говорится? Что скажет еретик? Если скажет, что говорится об Отце: "**Престол Твой, Боже, во век века**", то как отнесет к Нему следующие слова: "**посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой**"? Отец – не Христос, и помазан был не Он. Отсюда ясно, что здесь говорится о Единородном, о Котором и выше было говорено, о Котором и Исаия сказал, что царству Его не будет конца (Ис.9:7).

8. Но, может быть, кто-нибудь спросит: почему пророк говорит теперь о божестве (Христовом), между тем как прежде говорил о домостроительстве (воплощения)? Так поступает и евангелист Матфей. Он начинает с воплощения и в самом начале говорит: "**родословие Иисуса Христа**" (Мф.1:1). Подобным образом поступают Лука и Марк; один только Иоанн – иначе. Он сначала говорит о божестве: "**в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог**", и, сказав о Нем многое, потом уже говорит: "**и Слово стало плотию, и обитало с нами**" (Ин.1:1,14). Впрочем, хотя он при написании Евангелия поступил противоположно другим евангелистам, но и при этом показал великое с ними согласие. Но, скажешь, сообразно ли с разумом, чтобы в противоположном было согласие? Разве ты не знаешь, что есть и не есть, пить и не пить, давать и не давать, суть действия, противоположные между собою? И, однако, врач нередко употребляет то и другое вместе, не противореча самому себе, но, действуя вполне согласно с самим собою; он имеет в виду только одно – здоровье больного. Тоже было и с евангелистами. Также лето противоположно зиме, но у них одна цель – возрастание и созревание плодов. И весь мир состоит из противоположностей, но в нем видна великая стройность ко благу нашей жизни. И Христос шел путем, противоположным Иоанну (Крестителю). Он вкушал, а тот не вкушал. "**Пришел**", говорит Он, "**Иоанн Креститель: ни хлеба не ест, ни вина не пьет; и говорите: в нем бес. Пришел Сын Человеческий: ест и пьет; и говорите: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам**" (Лк.7:33,34). Но, хотя действия их были противоположны, они имели в виду одну цель – спасение уловляемых. Так и в порядке повествования о божестве и воплощении, хотя Иоанн поступает противоположно прочим евангелистам, однако он весьма согласен с ними. А почему так, я объясню. Это потому, что вначале, когда слово еще не было посеяно, надлежало останавливаться на учении о домостроительстве и внушать учение о воплощении, начиная с более чувственного и вещественного; а потом, когда это учение утвердилось, когда эта проповедь принята, благовременно было восходить и выше. Потому и пророки, когда говорят о Христе, прежде всего, начинают речь с домостроительства (воплощения). Так, смотри, Михей начинает: "**и ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле**" (Мих.5:2). Из Вифлеема, конечно, произошло не божество, а плоть. Но, не останавливаясь на одном этом, он восходит и к божеству: "**и Которого происхождение из начала, от дней вечных**". Так и Исаия говорит: "**се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил, что значит: с нами Бог**" (Ис.7:14; Мф.1:23). Видишь ли, как и он от плоти восходит к божеству? Также поступает он и в другом месте, когда говорит: "**ибо младенец родился нам – Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира**" (Ис.9:6). Видишь ли, как он опять, начиная с отрочества и воплощения и как бы восходя по ступеням, останавливается на божестве? Так и Отец Его сначала был познаваем из творения. "**Невидимое Его**",

говорит Павел, "**вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы**" (Римл.1:20). И сам Бог часто является в чувственном образе, мало-помалу возводя род человеческий к невещественным понятиям. Впрочем, удивительно ли, что Он делал такое распоряжение касательно догматов, если и в предписаниях и заповедях Он поступает точно также? Потому и пророк здесь так располагает речь свою, восходя от плоти к божеству – "**уста**" относятся к плоти (Пс.44:3), – от божества нисходя опять к плоти, и таким разнообразием, речи устрояя спасение поучаемых. "**Престол Твой, Боже, во век века**".

"**Престолом**" называется здесь не просто престол, но царство. Здесь он называется вечным, а в другом месте высоким: "**видел я Господа**", говорить Исаия, "**сидящего на престоле высоком**" (Ис.6:1); и еще: "**Господи! рука Твоя была высоко поднята**" (Ис.26:11). Другой пророк видел Господа сидящим на престоле славы (Дан.7:9); а Давид указывает на престол человеколюбия: "**правда и суд – основание престола Его**" (Пс.96:2).

9. Все это сказано о царстве Его, т.е. что оно бесконечно, – таков смысл слов: "**во век века**", – что оно славно, высоко, крепко и могущественно. А что оно безначально, это выражает пророк в другом месте, когда говорит: "**Царство Твое – царство всех веков**" (Пс.144:13). Как престол есть знак царства, так жезл – знак и царства и судебной власти. Потому пророк и говорит: "**жезл правоты – жезл царства Твоего**". Там чистая справедливость, там чистая праведность, там нет ничего прикровенного. Пусть выслушают это люди, неистовствующие и сумасшедшие, или того худшие. Кто же эти люди? Те, которые осуждают Промысл Божий и спрашивают: почему то и то произошло таким образом? Подлинно, не безумно ли, – тогда как от плотника, разрубающего и распиливающего дерево, присутствующие и видящие это не требуют ни объяснения, ни отчета, и у врача, рассекающего и прижигающего тело, или заключающего больного в тесной комнате и предписывающего ему диету, ни один из присутствующих, ни сам больной, не спрашивают о причине его распоряжений, и кормчего, натягивающего веревки и распускающего паруса, или спускающего и погружающего бока корабля, не допрашивают, и не исследуют причины действий каждого из этих мастеров, но молчат и остаются спокойными, хотя они часто погрешают в своем деле, – от неизреченной премудрости, от неизреченного человеколюбия, от беспредельного Промысла спрашивать причины и требовать отчета? Не безумно ли это? Оказывать помощь и отдавать имущество в пользу обижаемых и бедных решаются не скоро, а постоянно допытываются, почему такой-то стал нищим, почему такой-то беден, почему такой-то богат. Раб лукавый и неразумный, почему ты не опускаешь очей своих вниз, не осуждаешь самого себя, не обуздываешь своего языка, не удерживаешь своего ума, почему, перестав исследовать все это, не обращаешь своей любознательности на собственную жизнь? Посмотри на свои дела, на бездну своих грехов и, если ты заботлив и любознателен, потребуй от самого себя отчета в словах, которые ты говорил, и делах, которые ты делал. А теперь ты, оставив себя самого без исследования, между тем как такая беспечность принесет наказание, а такое исследование послужило бы ко спасению, осмеливаешься судить Бога и прилагаешь новый грех к грехам своим. Разве не слышишь пророка, взывающего к Богу: "**жезл правоты – жезл царства Твоего**"; и другого, который говорит: "**суд Мой, как восходящий свет**" (Ос.6:5)? Если ты не знаешь в точности всех дел Господа своего, то за это прославляй Его, за это особенно покланяйся Ему, – за неизреченное Его величие, за непостижимое Его промышление, за многообразное и премудрое Его попечение. "**Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более общников Твоих**" (ст. 8). Сказав выше о славных делах Христовых, победах, трофеях, спасении вселенной, которую Он исполнил истины, кротости, правды, и желая показать, что всему этому и следовало быть, пророк далее говорит о достоинстве

Совершившего это, – что Он есть Бог, Царь, бесконечный, неподкупный Судия, любящий праведных и ненавидящий злых. Так как Он таков, говорит, то Им и совершено все это. Поэтому никто пусть не сомневается. Совершивший все это совершил, как могущий и желающий этого. Сказав возвышенно о божестве Его, пророк опять низводить речь к плоти Его и говорит: "**посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой**". Другой переводчик (Акила) говорит: **на это помазал Тебя**, – на то, чтобы исполнить сказанное, истребить беззаконие, насадить правду, совершить то, что Ты совершил. Но не смущайтесь, когда слышите, что все это приписывается и Отцу. Писание говорит так, не отнимая у Него этих дел, но приписывая Отцу свойственное Сыну, равно как и свойственное Отцу приписывается Сыну. "**И все Мое Твое**", сказал Господь, "**и Твое Мое**" (Ин.17:10). Так и Павел, беседуя о воскресении, говорит: "**Бог воскресил Господа**" (1Кор. 6:14), а Иоанн говорит: "**разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его**" (Ин.2:19). Что значит "**елей радости**"? Христос помазан быль не елеем, а Духом Святым. Поэтому пророк и присовокупил: "**более общников Твоих**", выражая то самое, что никто не был помазан так, как Он. Прежде Христа было много помазанников, но ни одного такого; было много агнцев, но Он – превосходнейший; было много сынов, но Он – Единородный. Все это свойственно Ему преимущественно, не только по божеству, но и по домостроительству (воплощения), потому что никто кроме Его не был помазан таким Духом. Не удивляйся, что пророк называет это елеем; Он, как пророк, говорит прикровенно. Хорошо сказал он: "**радости**", чтобы показать, что это дело радостное, так как "**плод же духа: любовь, радость, мир**" (Гал.5:22). Другой переводчик (Симмах) говорит: **елеем красоты** (Âglaïsmoû). В еврейском: **сасон**, т.е. украшения, славы, красоты. Если же сказать: веселия, то и это справедливо. Как слыша о мече, стрелах и луке, ты разумеешь не меч, стрелы и лук, но силу Христову, совершившую все то, о чем я выше сказал, так и, слыша о елее, не разумей простой елей, но помазание. Елей был только знаком Духа, а главное и необходимое – Дух.

Если так, то не сомневайся называть Его помазанником, как назывался помазанником Авраам и пророки, хотя не все они были помазаны елеем, как сказано: "**не прикасайтесь к помазанным Моим и пророкам Моим не делайте зла**" (Пс.104:15). Когда же помазан был Христос? Когда сошел на Него Дух в виде голубя. "**Общниками**" пророк называет здесь всех, исполненных Духа, как говорит Иоанн: "**и от полноты Его все мы приняли**" (Ин.1:16). А о Христе говорит: "**не мерою дает Бог Духа**" (Ин.3:34). Еще сказано: "**излию от Духа Моего на всякую плоть**" (Иоиль 2:28); а там не говорится: от Духа, но весь Дух сошел на Него, почему и сказано: "**не мерою дает Бог Духа**". "**Смирна и алой и кассия – от одежд Твоих, из чертогов (сделанных из) слоновой кости, возвеселяют Тебя**" (ст. 9). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см, Ориг. Экз.) говорит: **на одежду твою**. Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **есть одежды твои**.

10. Некоторые говорят, что этими словами пророк указывает на погребение, а другие говорят, что он выражает особый род помазания. В древности помазание совершалось не этими благовонными мастями, а другими. И дабы ты убедился, что это – особый род помазания, он и означил различием веществ различие силы. Слова: "**от одежд Твоих**" показывают, что, и одежды Христовы были исполнены благодати. Так кровоточивая остановила потоки крови, прикоснувшись к краю одежды Его (Мф. 9:20). Впрочем, то или другое объяснение принять нет никакого препятствия; по моему мнению, можно принять то и другое. Притом, – нам ничто не препятствует опять сказать то же, – как слыша о луке, мече и подобных вещах, ты не разумеешь их чувственно, так и слыша о смирне и касии, ты разумей их не чувственно, а духовно. "**Из чертогов (сделанных из) слоновой кости, возвеселяют Тебя Дочери царей – в почете у Тебя, предстала Царица одесную Тебя, в одежде расшитой золотом, преукрашенная**" (ст. 9-10). Другой переводчик (Симмах)

говорит: от **храмов слоновых, где возвеселили тебя, при почитании тебя**. Третий (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **в славных твоих**.

Сказав о том, что Христос совершил, пророк говорит теперь о чести, последовавшей за Его делами, – что Ему будут поклоняться в драгоценных храмах. Слоновая кость в древности была самым дорогим и любимым веществом. Вот почему и другой пророк сказал: горе вам, "**вы, которые лежите на ложах из слоновой кости**" (Ам.6:4). Здесь опять показывается, что проповедь коснется не только бедных, но покорит и царства, и воздвигнуты будут Христу великолепные храмы. Это уже, как видно, и сбывается на самом деле. Желая показать силу проповеди, пророк говорит, как она уловила, как пленила жен и мужей, бедных и богатых, самих венценосцев и супруг их, и как везде воздвигла храмы Богу. Потом, так как уже до этого дошла речь, он еще более распространяет ее, изображая и тех, которые совершают пред Ним служение и молитвы. Показав, как народы пали пред Ним, как Он коснулся сердца их, как победил врагов, как наставила Его десница Его, как Он насадил истину, кротость и правду, теперь пророк употребляет переносный образ речи, изображая как бы на картине Церковь; и то, что впоследствии сказали апостолы, один в словах: "**обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою**" (2Кор.11:2), другой: "**имеющий невесту есть жених**" (Ин.3:29), третий: "**Царство Небесное подобно человеку царю, который сделал**

брачный пир для сына своего" (Мф.22:2), – тоже самое и он предвозвещает, представляя невесту и вместе царицу. "**Предстала**", говорит, "**Царица одесную Тебя**". Другой переводчик (Акила) говорит: **поставлена в виде столба**, т.е. твердо стала, неподвижно стала, как и Христос говорит в другом месте: "**и врата ада не одолеют ее**" (Мф.16:18). Видишь ли величие чести? Видишь ли высоту достоинства? Попранную, униженную Он возвел на такую высоту, что она предстоит Богу. Пленная, отринутая, прелюбодейная и нечистая, видишь ли, какого достигла достоинства? Она предстоит Богу вместе с служебными силами. Сын, как равночестный Отцу, сидит одесную Его, а она стоит, потому что она, хотя и царица, есть существо сотворенное. Как же Павел говорит: "**и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе**" (Еф.2:6)? Но вникни внимательнее. Он не просто сказал: "**воскресил**" и "**посадил**", но во "**Христе**", т.е. через Христа. Так как, говорит, Глава наша горе, а мы тело Его, то, когда Глава сидит горе, и мы участвуем в этой чести, хотя и стоим. "**В одежде расшитой золотом, преукрашенная**". Другой (Феодотион): **в диадеме золотой из суфира**. Как у Царя мы разумеем не вещественные лук и стрелы, так и у невесты разумей не вещественные одежды, но от чувственных вещей возвышайся к богоприличным мыслям. А чтобы никто не разумел здесь чего-нибудь подобного, пророк присовокупил: "**вся слава Дщери Царя - внутри Ее**" (ст. 14). Одежда более всего прочего открыта и на виду у всех, кто смотрит; впрочем, таковы одежды телесные, а когда говорится о духовных, то устремляй око ума своего внутрь. Эту одежду Царь соткал и облек ею Церковь в крещении: "**все вы**", говорит апостол, "**во Христа крестившиеся, во Христа облеклись**" (Гал.3:27). Прежде она была нага и безобразна, доступна для всех, проходящих по пути; но как скоро облеклась в эту одежду, то вознеслась на высоту и удостоилась стоять одесную Бога. Хорошо пророк называет ее и "**преукрашенная**". Одежда ее не однообразна, потому что для спасения нужна не благодать только, но и вера, а с верою и добродетель. Впрочем, теперь идет речь не об одеждах. Дух не имел особенной цели описывать золотые одежды жены. Если Исаия обличает жен, которые украшают себя, и везде роскошь осуждается, то как Он стал бы хвалить украшения жены? "**Слушай, Дщерь, и смотри, и приклони ухо Твое, и забудь народ Твой и дом отца Твоего! И возжелает Царь красоты Твоей, ибо Он – Господь Твой, и поклонишься Ему**" (ст. 11,12). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **чтобы воэжелал**. **Потому что тот есть Господь твой** Другой (Симмах): **потому что Сам Он Господь твой**. **И покло- нятся Ему**. Другой (Симмах): **и**

поклонись Ему. "**И дочь Тира с дарами: и богатые из народа будут умолять лице Твое**" (ст. 13). Другой (Симмах): **дочь же державная дары принесет**. "**И богатые из народа будут умолять лице Твое**".

11. Видишь ли, что здесь нет ничего чувственного, ничего телесного, а все духовное? В самом деле, каким образом невеста есть и дочь одного и того же лица? Каким образом дочь может быть и невестою? В делах плотских этого не бывает, но иное то, и иное это; а у Бога бывает то и другое вместе. Он сам родил Церковь крещением и сам сделал ее невестою Своею. "**Слушай, Дщерь, и смотри**". Он даровал ей два блага: учение в словах и видение в чудесах и вере; притом одно уже даровал ей, а другое обещал. Послушай, говорит, слов Моих, посмотри на чудеса и дела Мои и внимай увещаниям. Какую же заповедь дает Он ей прежде всего? "**Забудь народ Твой и дом отца Твоего**". Так как Он избрал ее из язычников, то прежде всего заповедует отвергнуть это родство, забыть о нем, исторгнуть его из души, не только бежать от него, но и не вспоминать о нем. "**Забудь народ Твой и дом отца Твоего**". Словами: "**народ**" и "**дом**" пророк выражает все, там у них происходящее, и жизнь и учение. "**И возжелает Царь красоты Твоей**". Видишь, что здесь говорится не о телесной красоте. Если сделаешь это, говорит, тогда будешь прекрасной, тогда Царь возлюбит красоту твою. Но этого не производить красота телесная. И у неверных мы видим телесную красоту, и между язычниками есть благообразные женщины. Дабы ты убедился, что здесь речь не о телесной красоте, он говорит, что она состоит в послушании Ему; а послушание составляет не телесную красоту, но душевную. Если сделаешь это, говорит, тогда будешь прекрасной, тогда будешь любезною Жениху. "**Ибо Он – Господь Твой**". Вот один и тот же является и Отцом, и Женихом, и Господом. Заповедав оставить отцов своих, забыть народ свой, отвергнуть родство, Он доказывает, что эти заповеди весьма справедливы, что в речи Его есть великая последовательность, что это так должно быть. В самом деле, если и Отец твой Он, и Жених Он же, и Господь Он же, то справедливость требует оставить всех других и прилепиться к Нему. Не сказал: ибо есть Отец твой, но: "**ибо Он – Господь Твой**", дабы тем особенно привлечь ее, что Господь, Владыка и Отец благоволил быть и Женихом ее. И то уже доказывает великое промышление и человеколюбие Его, что Он благоволил быть ее Господом, что избрал Себе ту, которая была рабою бесов и находилась под игом заблуждения, и сделал ее не только рабою Своею, но дочерью и невестою, "**Забудь народ Твой и дом отца Твоего**", потому что ты идешь не к чужому кому-нибудь, а к тому, Кто создал тебя, Кто всех тех ближе к тебе, Кто печется и заботится о тебе; Он – Господь и Отец твой; Он все даровал тебе. "**И поклонишься Ему. И дочь Тира с дарами**". Какая здесь связь речи? Превосходная. Здесь предлагается самое сильное убеждение. Приди, говорит, потому что велика сила Его, и все будут повиноваться Ему. Не говоря о всей вселенной, пророк указывает на соседний город, который тогда был предан нечестию, был твердыней диавола и весьма славился своим богатством; от части он намекает на целое.

Мне даже кажется, что он назвал так всякое нечестие и разврат. Писание обыкновенно именами городов выражает нравы людей, как, например: "**слушайте слово Господне, князья Содомские; внимай закону Бога нашего, народ Гоморрский**" (Ис.1:10). Это говорится к иудеям, но так как они совершали дела содомские, то и называются содомлянами. И удивительно ли, что оно прозывает их таким отечеством, когда дает им таких же и отцов, например, когда говорит: "**отец твой Аморрей, и мать твоя Хеттеянка**" (Езек.16:3). И на этом не останавливает укоризны, но даже низводит речь к зверям, – как, например, в новом завете говорится: "**порождения ехиднины**" (Лк.3:7), и в ветхом: "**высиживают змеиные яйца и ткут паутину**" (Ис.59:5), и еще: "**не таковы ли, как сыны Ефиоплян, и вы для Меня**" (Ам.9:7)? Так и здесь живущих нечестиво и развратно Он назвал тирянами. Но и их, говорит, Я преодолею и покорю Себе, и покорю

так, что они поклонятся, и не просто поклонятся, но и принесут дары и начатки, что составляет высший вид служения и есть знак совершенной покорности. "**Богатые из народа будут умолять лице Твое**". Что значит: "**умолять**"? Почтут, прославят те, которые теперь велики и высоки. Так и сбывается в Церкви: живущих добродетельно почитают и уважают все. даже и те, которые изобилуют богатством и знатностью, потому что добродетель выше всякого богатства.

12. И вы видите, как Церковь почитается всеми. Хорошо сказал пророк: "**лице Твое**", т.е. славе твоей, красоте твоей, великолепию твоему. Так как он упомянул о лице, одеждах и красоте, то, чтобы кто-нибудь из людей грубых не стал представлять чего-нибудь чувственного, далее говорит: "**вся слава Дщери Царя – внутри Ее; одета она золотою бахромою, преукрашенная**" (ст. 14). Проникни, говорит, в сердце ее, познай красоту души ее; о них я говорю тебе; хотя упоминаю об одежде, красоте, золоте, бахромах, драгоценностях и другом подобном, но речь – о сердце, учение – о душе, слово – о добродетели, о внутренней славе. Потом, когда уже вразумил грубого слушателя сказанными словами, он опять смело обращает речь к чувственным изображениям. "**Одета она золотою бахромою, преукрашенная**". Другой переводчик (неизвестный переводчика, см. Ориг. Экз.) говорит: **бахромами золотыми испещрена**. Под именем золота пророк опять разумеет добродетель. Так и Павел говорит: "**строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы**" (1Кор.3:12), обозначая названиями этих веществ добродетель и порок. Чтобы ты не представлял себе таким заключающееся внутри, – он не дозволяет тебе останавливаться на внешности, но устремляет мысль твою внутрь. Как тело, облеченное золотом, является прекрасным, – так прекрасною является и душа, облеченная добродетелью. "**Приведутся к Царю девы во след Ее, ближние Ее приведутся к Тебе**" (ст. 15). Другой (неизвестный, См. Ориг. Экз.): **последуют**. Третий (неизвестный, См. Ориг. Экз.): **вознесутся**. "**Приведутся с веселием и радостию, введутся в чертог Царя**" (ст. 16).

Видишь ли украшенную одежду, видишь ли золотое облачение – цвет девства? Это – одежда Церкви. И посмотри, с какой точностью говорит пророк. Так как не тотчас, по основании Церкви, процвел прекрасный цвет девства, но уже после, спустя несколько времени, то он и говорит об этом после прочего, когда сказал, что она забыла народ и дом отца своего, украсилась внутренней красотою, просияла добротою. Поэтому он и говорит: "**ближние Ее приведутся к Тебе**". Т.е. близкие, не по месту только, но и по образу жизни и по учению согласные с нею, какими нельзя назвать дев еретических, потому что они – не близкие к этой царице. "**Приведутся с веселием и радостию**". Посмотри, как и здесь сияет апостольское учение, и у пророка раскрывается апостольское изречение. Какое же именно? "**Но таковые** (женившиеся) **будут иметь скорби по плоти**" (1Кор.7:28). Как эти имеют скорбь, так те – веселие и радость. Замужняя должна заботиться и о детях, и о муже, и о доме, и о слугах, и о родных, и о свекрах, и о зятьях, и о внуках, о многочадии и бесчадии (впрочем, теперь не время описывать множество забот брачной жизни); а дева, распявшись (для плоти), отрешившись от настоящего, ставши выше забот житейских, удалившись от волнения (мирского) и каждодневно взирая на небо, наслаждается радостью Духа, вкушает веселие. Впрочем, пророк говорит не только о настоящем, но и о будущем, когда девы с чистыми и светлыми светильниками выйдут на встречу Жениху (Мф.25:7). Храмом царевым он называет здесь жилище Царя и чертогами (слоновыми) – брачный чертог. "**Вместо отцов Твоих были сыновья Твои: Ты поставишь их князьями по всей земле**" (ст. 17). Другой (Акила): **будут у тебя сыны твои**. Так как он выше упомянул о народе И отцах, сказав: "**забудь народ Твой и дом отца Твоего**", – то желая показать, что она и в таком состоянии будет наслаждаться великим благоденствием, он прибавил и эти слова. Бесплодная делается матерью бесчисленных детей. Хотя ты,

говорит, отторгнута от родителей, но у тебя будут сонмы детей, столь славные, светлые и знаменитые, что они наполнят всю вселенную.

13. Мне кажется, что он говорит здесь об апостолах, бывших учителями в Церкви. Далее, описывая силу, могущество и славу их, прибавляет: "**поставишь их князьями по всей земле**". Нужно ли объяснять эти слова? Я не думаю; о солнце не нужно говорить, что оно светло, а сказанное яснее солнца. Подлинно, апостолы обошли всю вселенную и сделались владыками выше всех князей и сильнее царей. Цари господствуют при жизни, по смерти же теряют власть; а они по смерти еще более господствуют. Законы царей имеют силу в своих пределах; а заповеди рыбарей распространились по всей вселенной. Царь римский не может предписывать законов персам и персидский – римлянам; а эти палестиняне дали законы и персам, и римлянам, и фракийцам, и скифам, и индийцам, и маврам, и всей вселенной. Законы их имеют силу не только при жизни их, но и по смерти; и принявшие их скорее решились бы отдать душу свою, чем отступить от этих законов. "**Помяну имя Твое в род и род, посему и народы будут славить Тебя во век и в век века**" (ст. 18). Другой переводчик говорит (Акила, Симмах и Феодотион): **припомню имя твое во всяком роде: поэтому народы будут славить тебя постоянно**. Третий (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **за то народы исповедятся тебе**. Пророк объяснил величие власти Церкви пространством земли, обширностью вселенной, множеством покорившихся ей народов. Теперь объясняет достоинство Церкви с другой стороны, именно тем, что она распространится не только по всей вселенной, но и на все века. Бессмертна, говорит, будет память твоя, начертанная в наших книгах, начертанная в общественном устройстве, начертанная в заповедях. Посмотри, как он пророчествует о продолжительности и собственного пророчества, – потому что и эту мысль он выразил словами: "**помяну имя Твое в род и род**". Хотя я умру, говорит, но и по смерти буду воспевать тебя; тело мое разрушится, а писания останутся, и закон вечен. "**Посему и народы будут славить Тебя**". Чем начал пророк, тем и кончил, т.е. Христом. "**Посему**". Чего? Того, что Ты совершил столь великие дела, поставил таких властителей, обуздал зло, насадил добродетель, обручил себе наше естество, доставил такие неизреченные блага, – "**посему**" вся вселенная будет возносить Тебе хвалебную песнь не в краткое время, не десять, двадцать, или сто лет, и не в какой-нибудь части вселенной, но земля и море, обитаемые и необитаемые страны во все века будут петь, воссылая благодарность за дарованные блага. Будем же и мы благодарить за все это человеколюбивого Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] В русском переводе этого слова нет.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 45

"В конец. Чрез сынов Кореевых. О тайнах. Псалом".

Другой переводчик (Акила) говорит: победителю сынов Кореевых. Третий (Акила): о юностях песнь.

1 В конец, о сынех кореовых, о тайных, псалом	1 В конец. Чрез сынов Кореевых. О тайнах. Псалом.

2 Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех обретших ны зело.

3 Сего ради не убоимся, внегда смущается земля, и прелагаются горы в сердца морская.

4 Возшумеша и смятошася воды их, смятошася горы крепостию его.

5 Речная устремления веселят град Божий: освятил есть селение свое вышний.

6 Бог посреде его, и не подвижится: поможет ему Бог утро заутра.

7 Смятошася языцы, уклонишася царствия: даде глас свой вышний, подвижеся земля.

8 Господь сил с нами, заступник наш Бог иаковль.

9 Приидите и видите дела Божия, яже положи чудеса на земли:

10 отемля брани до конец земли, лук сокрушит и сломит оружие, и щиты сожжет огнем.

11 Упразднитеся и разумейте, яко аз есмь Бог: вознесуся во языцех, вознесуся на земли.

12 Господь сил с нами, заступник наш Бог иаковль.

2 Бог нам прибежище и сила, помощник в тяжких скорбях, постигших нас.

3 Посему не убоимся, когда потрясется земля и горы превратятся в морские глубины.

4 Шумели и вздымались воды их, тряслись горы от силы Его.

5 Течения реки веселят город Божий: освятил селение Свое Вышний.

6 Бог посреди его, и он не поколеблется: поможет ему Бог с раннего утра.

7 Пришли в смятение народы, уклонились царства, Вышний дал глас Свой: поколебалась земля.

8 Господь сил с нами, заступник наш - Бог Иакова.

9 Придите и увидите дела Божии, чудеса, какие Он совершил на земле:

10 Он прекратит брани до концов земли, лук сокрушит и сломит оружие, и щиты сожжет огнем.

11 Успокойтесь и познайте, что Я есмь Бог: буду превознесен в народах, буду превознесен на земле.

12 Господь сил с нами, заступник наш - Бог Иакова.

"**Бог нам прибежище и сила, помощник в тяжких скорбях, постигших нас**". Другой (неизвестный переводчик, см. Орг. Эгз.): **в скорбях обретающийся**. "**Посему не убоимся, когда потрясется земля и горы превратятся в морские глубины**" (ст. 1-3).

1. Пророк, с свойственным ему любомудрием, отклоняет здесь слушателя от дел житейских и возводит к надежде высшей. Не указывай мне, говорит, на оружие, стены, ограды, богатство, воинское искусство, множество коней, луки, стрелы, брони, толпы соратников, отряды воинов, телесную силу, опытность воюющих; все это слабее паутины и тени. Если ты хочешь видеть силу непобедимую, прибежище неизменное, крепость

непреодолимую, ограду непоколебимую, то прибегни к Богу, обратись к Его силе. Хорошо сказал он: "**Бог нам прибежище и сила**", выражая, что иногда мы побеждаем убегая, а иногда показывая твердость и сопротивление. Действительно нужно делать то и другое, – иногда наступать, а иногда уклоняться. Так поступал и Павел, иногда уклоняясь, а иногда восставая на противящихся слову истины. Так и Христос поступал и научал нас. Так должно поступать и нам, – должно тщательно наблюдать обстоятельства времени и молиться, чтобы не впасть в искушение, по слову Евангелия, а когда оно постигло нас, то не малодушествовать, а стоять мужественно. "**Помощник в тяжких скорбях, постигших нас**". Как я часто говорил прежде, так скажу и теперь: Бог не препятствует постигать нас скорбям; но, когда они постигли, Он помогает нам, доставляя нам таким образом пользу и опытность. Слово: **зело**[1] нужно отнести к слову: "**Помощник**". Подлинно, Бог помогает не как-нибудь, но обильною Своею помощью подает великое утешение в скорбях. Он подает нам не такую помощь, какая бывает нужна по свойству скорбей, но гораздо большую. "**Посему не убоимся, когда потрясется земля**". Видишь ли, как Он подает помощь большую и с великим преизбытком? Не сказал: не будем побеждены, не падем, но не потерпим и того, что вообще свойственно человеческой природе: "**не убоимся**", не устрашимся. Почему? Потому, что помощь Божия чрезмерна. Называя здесь землю, горы и сердце морей, пророк говорит не о стихиях, но под именем их разумеет невыносимые опасности. Хотя бы мы видели, говорит, все разрушающимся, хотя бы видели невыносимое смятение, хотя бы случилось то, чего никогда не бывало, хотя бы вся природа, так сказать, восстала на саму себя, хотя бы горы подвиглись с своего места, хотя бы все поколебалось в своем основании и смешались самые первые стихии, хотя бы произошло столь великое смятение, и тогда мы не только не будем побеждены, но и "**не убоимся**". А причиною то, что нам помогает, подает руку, содействует Владыка всего этого. Если же и в таком случае мы не устрашились бы и не впали бы в малодушие, то тем более не устрашимся, если враги нападут на нас и противники вооружатся против нас. "**Шумели и вздымались воды их, тряслись горы от силы Его**" (ст. 4). Другой переводчик (Симмах) говорит: **когда шумят и мятутся воды и колеблются горы в прославлении его**. Сказав, что мы не устрашимся, хотя бы все пришло в смятение, пророк говорит потом о силе Божией, что сила Его непобедима. Поэтому справедливо говорит: "**не убоимся**"; и как всегда, так и теперь указывает силу Божию то в природе, то в событиях с людьми.

Смысл слов его следующий: Бог все потрясает, колеблет, изменяет по Своей воле; для Него все удобно и легко. Мне кажется, что пророк разумеет здесь толпу храбрых людей, искуснейших из врагов, бесчисленное множество противников. Но сила Божия, говорит, такова, что от одного мановения Его совершается все. Как же можем мы страшиться, имея такого Владыку? Διαψαλμα – перемена тона (в славянском нет этого слова). Другой (Акила): **постоянно**. "**Течения реки**". Другой (Акила, Симмах, Феодотион): **разделения**. В еврейском: **потоки** (фалагав). "**Течения реки веселят город Божий: освятил селение Свое Вышний**" (ст. 5). Другой (Симмах): **святилище селения Вышняго**. "**Бог посреди его, и он не поколеблется: поможет ему Бог с раннего утра**" (ст. 6). Другой (Симмах): **около утра**. Третий (Акила): **когда настанет утро**. Сказав о могуществе и силе Божией, о том, что для Бога все легко, пророк переходит к промышлению Божию об иудеях, изображая в кратких словах оказанные им благодеяния. Он, столь сильный, столь могущественный и страшный, все держащий и носящий, все потрясающий и движущий, преставляющий и изменяющий, исполнил город наш бесчисленных благ. "**Река**" означает здесь обильное, беспрепятственное и щедрое излияние высших благ. Пророк как бы так говорит: все блага изливаются на нас, как из источников. Как река, разделяясь на множество потоков, орошает страну, по которой протекает, так и промышление Божие окружает нас со всех сторон, обильно изливаясь, стремительно притекая и наполняя все. Оно не только доставляет нам безопасность и непреодолимую помощь, но и духовную

радость. Поэтому пророк и говорит: "**освятил селение Свое Вышний**". И то не малое благодеяние – назвать это место своим селением. 2. Не напрасно сказал он: "**Вышний**". Существо столь высокое, необъемлемое никаким местом, неизреченное, удостоило назвать наш город Своим селением и со всех сторон охраняет его. Таков смысл выражения: "**посреди его**", как и в другом месте Он говорит: "**Я с вами**" (Мф.28:20). Бог объемлет его со всех сторон; поэтому он не только не потерпит никакого бедствия, но и "**не поколеблется**". А причиною то, что он получает помощь самую скорую, решительную и всегда готовую, – это именно значит выражение: "**с раннего утра**", помощь немедленную и не долго ожидаемую, но всегда готовую и действующую быстро и в надлежащее время. "**Пришли в смятение народы, уклонились царства, Вышний дал глас Свой: поколебалась земля**" (ст. 7). Другой переводчик (Акила) говорит: **собрались народы**. Здесь пророк изображает силу помощи Божией. Не в маловажных опасностях, говорит, но когда цари и народы нападали со всех сторон, окружали и осаждали один наш город, он не только не потерпел от них никакого бедствия, но и победил, преодолел и рассеял нападавших. Это и значит выражение: "**уклонились царства, Вышний дал глас Свой**", т.е., как бы одним только гласом покорил города. Выражение чувственное и человекообразное; Бог побеждает не гласом и восклицанием, а одним мановением и произволением; однако он употребил здесь выражение возвышеннее прежних, желая возвести слушателя выше понятий чувственных. Представляя Бога постоянно вооруженным, и желая показать, что все это сказано в смысле переносном, образном и приспособленном к нам, – ведь ни в чем подобном Бог не имеет нужды, – он теперь прибавил: "**дал глас Свой: поколебалась земля**", выражая, что не только города, народы и селения, но и саму эту стихию Бог потрясает. Впрочем, землею Писание часто называет и людей, как, напр.: "**на всей земле был один язык**" (Быт.11:1). "**Господь сил с нами, заступник наш – Бог Иакова**" (ст. 8). В еврейском вместо "**сил**" сказано: **Саваоф**. Смотри, как пророк от земли обращает речь свою к небу, к бесчисленным сонмам ангелов, к ликам архангелов, к высшим силам. Что указываешь мне, говорит, на войска, на варваров, на людей побеждаемых? Представь силу Его в небесном царстве, сколько воинств невидимых сил Он имеет в своей власти. Справедливо он назвал их "**силами**", показывая их могущество, как и в другом месте говорит: "**сильные крепостью, творящие слово Его**" (Пс.102:20). Так один ангел некогда сошедши умертвил сто восемьдесят пять тысяч (4Цар.19:35). Если же Он столь силен, то неужели не захочет подать нам руку помощи? Не опасайся, говорит, этого; поэтому и прибавляет: "**заступник наш**". Бог и может и хочет этого: потому не бойся. А что, если мы недостойны? Но Он благоволил к отцам нашим. Поэтому и прибавляет "**Бог Иакова**", и как бы так говорит; так Он поступает всегда издавна, от начала. Διαψαλμα – перемена тона (в славянском нет этого слова). Другой (Акила): **всегда**. "**Придите и увидите дела Божии, чудеса, какие Он совершил на земле: Он прекратит брани до концов земли, лук сокрушит и сломит оружие, и щиты сожжет огнем**" (ст. 9,10). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **сломил**. "**И щиты сожжет огнем**". Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **и колесницы сожжет огнем**. Сказав о земле, море, горах, о духовном заступлении и помощи, оказанной им, пророк опять обращает речь к зрителям, указывая на эти трофеи, по великой радости и любви своей к Господу, и возвещая победы, которые Он одержал для них. Хорошо пророк сказал: "**чудеса**", а не сказал: победы и трофеи. Действительно, эти события происходили не по обыкновенному порядку вещей, победы одержаны не оружием и телесной силою, а мановением Божиим, и сами дела показывают, что сам Господь был их предводителем. Так как слабые побеждали сильных, немногие многих, притесненные притеснителей, и все это совершалось сверх чаяния, то справедливо он называет это чудесами, как случившееся чудесно и распространившееся по всей земле.

3. Не погрешил бы тот, кто приложил бы это в переносном смысле и к настоящему времени. Христос прекратил жестокую войну с бесами и распространил по всей вселенной

мир. Изображая это, Исаия сказал: "**и перекуют мечи свои на орала, и копья свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать**" (Ис.2:4). До пришествия Христова все люди облекались в оружие, и никто не был свободен от этого занятия, города воевали с городами и везде был слышен шум сражений; а теперь большая часть вселенной в мире, все безопасно занимаются ремеслами, возделывают землю, переплывают моря, и только небольшая часть носит звание воинов для охранения всех прочих. И в них не было бы нужды, если бы мы исполняли должное и не нуждались в напоминании посредством наказаний. "**Огнем**" пророк называет здесь гнев Божий и говорит, что они сожгут свое оружие и колесницы, одержав великую победу, что и случилось, как повествует Иезекииль (Иез.39:10). Любознательным известно это событие. "**Успокойтесь и познайте, что Я есмь Бог: буду превознесен в народах, буду превознесен на земле**" (ст. 11). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **исцелитесь** и **разумейте**. Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **утихните, чтобы вам познать**. В еврейском: **уарфу, уаду**. Мне кажется, что пророк здесь вещает к язычникам и как бы так говорит: познайте силу Его и могущество, являющееся во всей вселенной; но для этого вы должны быть спокойными, должны иметь здравую душу. Слово – "**успокойтесь**" означает это самое: оставьте заблуждения, отстаньте от прежнего образа жизни, выйдите из тьмы окружающих вас злых дел, дабы, руководясь указанием чудес и имея спокойную душу, вы познали Владыку всех. Для этого недостаточно только знать чудеса, но нужно иметь и признательную душу. У иудеев также были чудеса, и, однако, это нисколько не послужило к их спасению. Как лучи солнечные недостаточны для того, чтобы видеть, но нужен и глаз чистый и здравый, так и здесь одних чудес недостаточно. Вот почему пророк, сказав о чудесах, желающим получить от них пользу внушает отрешиться от окружающих их зол, чтобы познать Бога всех. "**Успокойтесь и познайте, что Я есмь Бог**", а не идолы и истуканы. Утихните, и Я представлю вам много доказательств. Это означают слова: "**буду превознесен в народах, буду превознесен на земле**", т.е. посредством дел явлюсь вам великим и высоким. Существо Божие, нетленное и неизреченное, высоко и само по себе; но так как вы не видите этого, то я покажу вам это делами, не только в Палестине и в Иерусалиме, но и между вами – язычниками. Так Бог прославляется, преодолевая и побеждая, творя чудеса и в Вавилоне, и в Египте, и в пустыне, и во всей вселенной, чтобы они везде могли познать Его. "**Господь сил с нами, заступник наш – Бог Иакова**" (ст. 12). Этот Бог, везде великий, везде высокий, есть с нами всегда. Итак, не бойтесь и не смущайтесь, имея такого непобедимого Господа, Которому подобает всякая честь и слава, со безначальным Отцем и животворящим Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Слова зело (очень), нет в русском переводе.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 46

"В конец. Чрез сынов Кореевых. Псалом".

Другой переводчик (Акила) говорит: победителю сынов Кореовых.

1 В конец, о сынех кореовых, псалом,	1 В конец. Чрез сынов Кореевых. Псалом.
2 Вси языцы, восплещите руками,	2 Все народы, восплещите руками,

воскликните Богу гласом радования:	воскликните Богу гласом радости.
3 яко Господь вышний страшен, царь велий по всей земли:	3 Ибо Господь Вышний страшен, Царь великий на всей земле.
4 покори люди нам и языки под ноги наша:	4 Он покорил нам народы и племена под ноги наши.
5 избра нам достояния свое, доброту иаковлю, юже возлюби.	5 Избрал нам наследие Свое, красу Иакова, которую возлюбил.
6 Взыде Бог в воскликновении, Господь во гласе трубне.	6 Вознесся Бог при восклицании, Господь при звуке трубном.
7 Пойте Богу нашему, пойте: пойте цареви нашему, пойте.	7 Пойте Богу нашему, пойте! Пойте Царю нашему, пойте!
8 яко царь всея земли Бог, пойте разумно.	8 Ибо Царь всей земли - Бог, пойте разумно!
9 Воцарися Бог над языки: Бог седит на прстоле святем своем.	9 Воцарился Бог над народами, Бог сидит на престоле Своем святом.
10 Князи людстии собрашася с Богом авраамлим: яко Божии державнии земли зело вознесошася.	10 Князья народов собрались к Богу Авраама, ибо мощные (избранники) Божии на земле весьма превознесены.

"**Все народы, восплещите руками**". Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **рукою**. "**Воскликните Богу гласом радости**". Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **ознаменуйте гласом хваления**. "**Ибо Господь Вышний страшен, Царь великий на всей земле**" (ст. 1-3).

1. Этот псалом такого же содержания (как и предыдущий). В нем пророк изображает победы и трофеи над врагами и призывает всю вселенную к прославлению совершившегося. Но, может быть, некоторым кажется недостойным начало увещания божественного Духа, и это повеление, – рукоплескания, клики, шумные возгласы. Может быть, скажет кто-нибудь: не собирающимся в это почтенное училище, а действующим на зрелищах и пиршествах свойственно рукоплескать и производить шум руками; людям, наставляемым благодатью Духа, прилично спокойствие и благочиние. Что же означают эти слова? О каком восклицании и рукоплескании говорит пророк? Действительно, на войне и в сражении есть такой обычай, т.е. восклицать и рукоплескать, чтобы устрашить неприятелей; а мирной душе это не свойственно. Между тем псалом призывает к тому и другому – к рукоплесканию и восклицанию. Что же означает сказанное? Означает не что иное, как радость и победу. Так и в другом месте пророк представляет реки рукоплещущими: "**да рукоплещут вместе и реки**" (Пс.97:8). Также Исаия представляет дерева делающими тоже (Ис.55:12), и Псалмопевец еще в другом месте представляет горы

и холмы скачущими (Пс.113:14), не для того, чтобы мы буквально разумели, будто горы и холмы скачут и реки рукоплещут, как бы имея руки, – это было бы крайне безрассудно, – но чтобы видели высшую степень радости. То же самое можно видеть и у людей. Почему же пророк не сказал: радуйтесь и веселитесь, но: "**восплещите**" и "**воскликните**"? Чтобы показать нам величайшую радость. Как Христос, когда говорит: "**ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое**" (Мф.17), повелевает не на самом деле помазываться, – никто из нас не делает этого, – но показывать радость и веселое расположение духа (ведь Он заповедует поститься с радостью, а не с унынием), – так и здесь заповедуется нам не рукоплескать, но веселиться и радоваться, воспевая псалом. Впрочем справедливо можно разуметь этот псалом более в переносном смысле, возвышаясь над историческими событиями. Хотя пророк начинает речь с чувственных изображений, но он руководит слушателя к духовным предметам.

Как я прежде говорил, так и теперь скажу: иное в Писании должно понимать так, как сказано, а иное в смысле переносном, – напр., когда говорится: "**волк будет жить вместе с ягненком**" (Ис.11:6). Мы не разумеем здесь ни волков, ни агнцев, ни пастбищ, ни вола, ни тельца, но под видом бессловесных представляем нравы людей. А иное нужно принимать в двояком смысле, чувственном и духовном, – как, например, в событии с сыном Авраамовым (Быт. гл. 22): мы видим, что сын был приносим в жертву, но под этим действием с сыном разумеем и нечто другое таинственное, именно - крест. Также в агнце египетском мы видим образ страданий (Христовых). Тоже нужно сделать и здесь. Пророк говорит не об арабах и других соседних народах, но призывает "**все народы**". "**Ибо Господь Вышний страшен, Царь великий на всей земле**". В самом начале он возбуждает слушателя, призывая к слушанию столь важного благовестия, к всеобщему славословию, к некоторому божественному и духовному празднеству, к тайноводству, принесенному с небес. Потому и говорить: "**восплещите руками**", т.е. радуйтесь, восхищайтесь. То же самое заповедует и евангельское учение, когда говорит: "**возрадуйтесь**" (Лк.6:23), повелевая, конечно, не скакать и плясать, – это было бы неприлично, – но выражая особенно сильную радость, потому что совершившееся достойно великой радости. Где только светит солнце, везде распространилось евангельское учение, на всю вселенную простерлось спасение, и те, которые прежде были преданы заблуждению, явили любомудрие выше иудейского служения. "**Все народы, восплещите руками**". Руками, которые прежде были нечисты, отвратительны, ежедневно оскверняемы кровью от нечистых жертв, которыми вы убивали детей, совершали гнусные дела и действовали вопреки самой природе, этими руками восплещите ныне. "**Воскликните Богу гласом радости**". Языком, которым вы вкушали нечистое, которым произносили слова богохульные, этим языком возгласите победную песнь. Так и воины имеют обычай, когда неприятельское войско уступает, не продолжать упорного боя, но дружным криком и воплем потрясать уже пораженные души противников; и это служит знаком блистательной победы и величайшего торжества, когда считается достаточным окончить сражение не руками, а одним криком вместо рук и оружия.

2. Все это было делом Христа. Он сам прекратил жестокую войну, связал "**сильного**" и расхитил сосуды его (Мф.12:29). Но, как человеколюбивый, Он предоставляет наслаждаться победою и трофеями тем, которые нисколько не подвизались, и повелевает воспевать победную песнь, как будто они сами совершили это и одержали победу. Потому все мы восклицаем не тихим, но громким голосом: "**смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?**" (1Кор.15:55). И еще: "**вознесся Бог при восклицании**". Так сказано в настоящем псалме (ст. 6). И в другом месте: "**Ты взошел на высоту, пленил плен, принял дары от людей**" (Пс.57:19). Воспели некогда и иудеи победную песнь, когда потонуло войско египтян: "**Пою Господу, ибо Он высоко превознесся**" (Исх.15:1); но наша песнь гораздо торжественнее, потому что ныне погибли не египтяне, а бесы,

побежден не фараон, а диавол, отнято не чувственное оружие, а умерщвлен грех, не в Чермном море, а в купели возрождения, и мы идем не в землю обетованную, а стремимся на небо, вкушаем не манну, а принимаем тело Господне, пием не воду от камня, а кровь от ребра Христова. Поэтому пророк и взывает: "**восплещите руками**"; вы освободились от камней и дерев (ветхозаветных), и взошли на небо и на небо небес и стали пред престолом Царя. Итак "**воскликните Богу**", т.е. принесите благодарность Ему, приписывайте победу Ему, трофей Ему. Это – не человеческая война, не чувственная борьба, подвиг не для чего-нибудь житейского, но для самого неба и благ небесных. Он сам руководил этою войною и даровал нам победу. "**Ибо Господь Вышний страшен, Царь великий на всей земле**". Где ныне те, которые унижают славу Единородного? Вот Сын называется великим Царем, как называется и Отец. Не клянись, говорит Христос, "**ни небом, потому что оно престол Божий, ни Иерусалимом, потому что**

он город великого Царя" (Мф.5:34-35). И в другом месте: "**Бог крепкий, Отец вечности**", т.е. Царь (Ис.9:6). Итак, когда ты слышишь, что Господь твой был пригвожден, повешен на кресте, погребен, нисшел в преисподние места земли, то не смущайся и не унывай: Он – "**Вышний**", и вышний по естеству; а то, что высоко по естеству, не падет с высоты, не сделается низким, но и в самом уничижении остается и является высота Его. Так и Христос, когда умер, тогда особенно и явил Свое могущество против смерти. "**и свет во тьме светит**", говорит евангелист, "**и тьма не объяла его**" (Ин.1:5). Так и Его высота открылась в уничижении. Смотри, как Он, и находясь во аде, потряс все высокое; тогда солнце сокрыло свои лучи, камни распались, завеса раздралась, земля поколебалась, Иуда удавился, Пилат и жена его устрашились, сам судия оправдывался. Итак, когда ты слышишь, что Он быль связан и подвергался бичеванию, то не смущайся, но смотри, как Он и в узах являл Свою силу. Он только спросил: "**кого ищете?**", и все пали на землю (Ин.18:4). Видишь ли, как Он "**страшен**", – какие дела совершает одним словом и мановением? Когда ты видишь Его мертвым, то представь камень отваленный, ангелов, со страхом сидящих при гробе, ад расторгаемый, смерть попираемую, узников разрешаемых, и тогда уразумеешь, как Он страшен. Если же Он, во время Своего уничижения, явил такую силу, на небе, на земле, во аде, то какою же явит во время будущего Своего пришествия? Послушай, что во время Его уничижения говорят бесы, источая пену, разрывая узы, ходя по местам непроходимым: "**что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? пришел Ты сюда прежде времени мучить нас**" (Мф.8:29). Если же так говорили они тогда, то что скажут, когда Он опять придет, и силы небесные поколеблются и солнце померкнет, и луна не даст света своего? Поэтому пророк и говорит: "**Вышний страшен**". Или лучше, кто достойно выразит все, повествуя о том дне, когда Он пошлет ангелов по всей вселенной, когда все сотрясется, земля поколеблется, возвращая залог умерших, бесчисленные тела восстанут, небо совьется, как свиваемое полотно; когда поставится страшный престол (Дан.7:9), потекут огненные реки, отверзутся книги, совершенное каждым во мраке сделается явным; когда будут невыносимые наказания и мучения, ужасные силы, обнаженные мечи, отведение в геенну; когда прекратятся всякие отличия, и царей, и военачальников, и градоначальников, и предстоятелей, явится множество ангелов и сонмы мучеников, пророков, апостолов, священников, монахов; когда последуют неизреченные награды, воздаяния, венцы, блага, превосходящие разумение?

3. Кто может выразить это словом? Если пророк, описывая творения, утомился и отступил, сказав: "**как величественны дела Твои, Господи!**" (Пс.91:6), и если Павел, рассматривая один вид промышления Божия, воскликнул: "**о, бездна богатства**" (Рим.11:33), то что скажет тот, кто станет описывать этот день? Все это предвидел пророк и сказал: "**Господь Вышний страшен, Царь великий на всей земле**", указывая на спасение вселенной. Он и прежде был великим Царем, но не был познан: "**в мире был, и**

мир Его не познал" (Ин.1:10); а теперь Он сделал и это, стал великим Царем и для нас, которых усвоил Себе. В самом деле, не велик ли тот, Кто, послав по всей вселенной рыбарей бедных, неученых, простых, числом одиннадцать, незнатных, оставивших отечество, безгласных, как рыбы, с одною одеждой, без обуви, почти нагих, уловил всех как бы по повелению? Истинно Он – великий Царь, очистивший вселенную от заблуждения, распространивший истину в короткое время и уничтоживший владычество диавола; Он и без подчиненных – великий Царь, имеющий силу и власть не от рабов, не по внешнему виду и одежде, но по самому своему естеству. "**Я на то родился**" (Ин.18:37). Он – великий Царь, имеющий честь не отвне откуда-нибудь, не нуждающийся ни в чем для того, чтобы быть Царем, делающий все, что хочет. "**Идите по всему миру и проповедуйте**", сказал Он (Мк.16:15), – и слово стало делом. "**Хочу, очистись**" (Мф.8:3); "**Иисус запретил духу нечистому, сказав ему: дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него**" (Мк.9:24); "**умолкни, перестань**" (Мк.4:39); "**идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его**" (Мф.25:41); "**приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**" (Мф.25:34). Видишь ли везде Его власть? Видишь ли Его силу? Он так привлек к Себе покорившихся Ему, что они готовы скорее положить душу свою, нежели нарушить Его заповеди. Обыкновенный царь принимает честь от своих подданных; а Он сам дарует честь Своим подчиненным. Вот почему там одно только название, а здесь – дело. Он – великий Царь, сделавший всю вселенную небом, научивший варваров любомудрствовать и подражать ангелам. "**Он покорил нам народы и племена под ноги наши**" (ст. 4). О, чудо! Распявших Его убедил поклониться Ему; оскорблявших, богохульствовавших, преданных каменным истуканам научил полагать душу свою по Его произволению. Подлинно не апостолами совершено это, а Тем, Кто руководил их и управлял их душою. Как мог рыбарь или делатель палаток произвести такую перемену во вселенной, если бы глаголы Его не устранили всех препятствий? Волшебников и тиранов, ораторов и философов, и всех противившихся апостолы рассеивали, как прах, и разгоняли, как дым, и таким образом, распространяли свет истины, не оружием, не богатством, но простым словом; или лучше, слово их было не простое, а сильнее всякого дела. Когда они призывали имя Распятого, – смерть удалялась, бесы убегали, болезни исцелялись, телесные повреждения исправлялись, зло истреблялось, опасности исчезали, стихии изменялись.

Поэтому, когда скажут нам: почему же Он не помог самому себе на кресте? – то мы ответим: это еще более удивительно. В самом деле, не одно и тоже – сойти со креста, или, будучи распятым, именем Своим воскресить столько умерших. А что Он остался тогда на кресте добровольно, это доказали последствия. Если Он избавлял других от постигавшей их смерти, то тем более мог избавить себя самого прежде, нежели они постигла Его; если Он даровал жизнь другим, то тем более мог даровать самому себе, что и сделал через три дня, воскресши с великою силою. Это доказали последствия. Если имя Его над чужими телами оказывало такую силу, что, будучи произносимо, отгоняло смерть, то никто не может сомневаться, что и над собственным телом Он мог показать великую силу и покорить смерть. "**Он покорил нам народы и племена под ноги наши**". Посмотри на мудрость пророка, как он выражает все точно. О чем впоследствии говорили апостолы: "**что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?**" (Деян.3:12), о том же гораздо прежде говорит и пророк. Слово: "**под ноги**" означает покоренное, или лучше, великую покорность. Если хочешь знать, сколь велика эта покорность, послушай: "**все, которые владели землями или домами**", говорит Писание, "**продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов**" (Деян.4:34-35). Иные вместе с имуществом отдавали и душу свою. "**голову свою**", говорит Павел, "**полагали за мою душу**" (Рим.16: 4), и о других говорит: "**если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне**" (Гал.4:15); и в

послании к Коринфянам говорит: "**то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие, какие извинения, какое негодование на виновного, какой страх, какое желание, какую ревность, какое взыскание! По всему вы показали себя чистыми в этом деле**" (2Кор.7:11). Так они почитали и боялись апостолов! Также Лука пишет: "**из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их**" (Деян.5:13). И еще Павел говорит: "**чего вы хотите? с жезлом придти к вам, или с любовью и духом кротости?**" (1Кор.4:21)

4. Видишь ли достоинство и власть апостолов? Все это сделано тем словом, которое Он изрек, посылая их: "**и се, Я с вами**" (Мф.28:20). Он сам, предшествуя им, уничтожал препятствия; сам уравнивал все и делал трудное легким. Прежде все дышало войною, все было исполнено утесов и пропастей, и негде было ни поставить ноги, ни остановиться, все пристани были закрыты, все дома заперты, уши всех заграждены; но как скоро апостолы вышли и стали проповедовать, то разрушили все преграды врагов, так что слушатели отдавали души свои и подвергались бесчисленным опасностям за проповеданное. "**Избрал нам наследие Свое, красу Иакова, которую возлюбил**" (ст. 5). Другой переводчик (Симмах) говорит: **прославление Иаковле**. Посмотри на точность пророчества. Выше пророк сказал: "**покорил нам народы и племена**". И действительно, наперед обратились иудеи, сначала в числе трех тысяч, потом пяти, а после них язычники. И сам Господь сказал: "**есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь**" (Ин.10:16). Далее, чтобы кто-нибудь, услышав слова: "**избрал нам наследие Свое**", не стал недоумевать, сомневаться и говорить: почему же иудеи не веруют ныне? – пророк дополнительными словами разрешил недоумение. Бог с Своей стороны избрал и их и, сколько от Него зависело, не оставил никого. Если хочешь знать и причину, то выслушай следующее: "**красу Иакова, которую возлюбил**", присовокупляет пророк. Мне кажется, что он здесь разумеет верующих, как Павел объяснил, сказав: "**но не то, чтобы слово Божие не сбылось: ибо не все те Израильтяне, которые от Израиля; и не все дети Авраама, которые от семени его, но сказано: в Исааке наречется тебе семя. То есть не плотские дети суть дети Божии, но дети обетования признаются за семя**" (Рим.9:6-8). Верующих справедливо можно назвать "**красою**" народа, так как что прекраснее тогдашних верующих?

"**Наследием**" же Его называет пророк этот народ не потому, чтобы Бог когда-нибудь оставлял прочие народы, но чтобы выразить сильную к нему любовь Божию, близость и особенное промышление. А чтобы тебе видеть точность пророка, посмотри, как он употребляет выражение, которое обыкновенно употребляют люди о вещах покупаемых. Многие, покупая что-нибудь, часто называю добротою ("**красою**")то, что превосходит прочие вещи. Так и пророк, желая показать, что не все спасутся, говорит: "**красу Иакова**". Тоже и в евангелиях выражается многими притчами. "**Вознесся Бог при восклицании**" (ст. 6). Не сказал: вознесен, но: "**вознесся**", выражая, что Христос вознесся не при помощи кого-нибудь, ведшего Его, но сам шел этим путем. Илия и не таким путем восшел, каким Христос, и вознесен был посторонней силою, потому что человеческое естество не может идти несвойственным ему путем, а Единородный "**вознесся**" собственной властью. Потому и Лука сказал: "**когда они смотрели на небо, во время восхождения Его**" (Деян.1:10).

Не сказал: когда Он был взят, или возносим, потому что это было Его собственное восхождение. Если Он еще прежде распятия ходил по водам, будучи облечен вещественным и подверженным страданью телом, то удивительно ли, что, приняв тело нетленное, Он вознесся по воздуху? Где же "**восклицание**"? Кто восклицал, когда Он восходил? Тогда было молчание, и только одиннадцать учеников присутствовали при

этом. Видишь ли, что не нужно принимать эти выражения в буквальном смысле, но постигать означаемое ими? Как я в начале псалма говорил, что воскликновением он означает нечто другое, именно победу, трофей, так и здесь он говорит: "**при восклицании**", т.е. выражает, что Христос восшел с победою, поправ смерть, разрушив грех, прогнав бесов, истребив заблуждение, переменив все на лучшее, возведши наше естество в прежнее, или гораздо лучшее отечество. И когда Он восходил, то ничто не противостало Ему, ни власть греха, ни могущество смерти, ни сила клятвы, ни владычество тления и нечестия, ничто подобное, но, расторгнув все это, как паутину, ниспровергнув сонмища бесов и силы диавола и все прочее, Он восшел, совершив то, что благоволил.

5. Вот почему и Павел, изображая победу Христову, сказал: "**отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою**". И еще: "**истребив учением бывшее о нас рукописание, которое было против нас, и Он взял его от среды и пригвоздил ко кресту**" (Кол.2:14,15). "**Господь при звуке трубном**".

Этим пророк выражает тоже самое, т.е. блистательную победу. Впрочем, здесь можно разуметь и нечто другое, именно известность, ясность, торжественность. Хотя при самом событии никто не знал о нем, но оно сделалось так известным, как будто прозвучала труба, или еще более. Это событие происходило тогда тихо, но оно не укрылось почти ни от кого из жителей вселенной и самое существо дел так прославило его, как будто прозвучала труба, или еще более. Действительно, звучная труба не могла бы так созвать всех на это зрелище, как впоследствии глас дел доказал вознесение (Христово), возвестив о нем сильнее всякого грома. Не так мог бы гром огласить вселенную, как ясно дела огласили людей и тогдашних и будущих. Гром слышен только для присутствующих; а эти дела возвестили о событии всем поколениям яснее трубы и слышнее грома.

Впрочем не погрешил бы тот, кто назвал бы трубами уста апостолов, трубами не медными, но лучше золота и драгоценнее драгоценных камней. А для чего пророк не сказал: в трубе, но: "**при звуке трубном**"? Для того, чтобы выразить их единодушное согласие, как и Павел говорит: "**я ли, они ли, мы так проповедуем**" (1Кор.15:11), – и еще говорится: "**у множества же уверовавших было одно сердце и одна душа**" (Деян.4:32). Апостолы возвещали, как трубы, не на войну призывая, но благовествуя победу. Как войскам, когда они идут на сражение, вместе с знаменами предшествуют и трубы, чтобы ободрять присутствующих, действуя не на зрение только, но и на слух,– так было и тогда. Когда апостолы входили в какой-нибудь го-род, то как бы звучали трубы, и все стекались слушать их. "**Пойте Богу нашему, пойте! Пойте Царю нашему, пойте! Ибо Царь всей земли – Бог, пойте разумно! Воцарился Бог над народами, Бог сидит на престоле Своем святом**" (ст. 7-9). Сказав о величии события, пророк призывает вселенную к прославлению Бога с великим усердием, почему и повторяет несколько раз: "**пойте**"; и притом призывает петь не просто, но с великим разумением. Что значит: "**пойте разумно**"? Познав случившееся, говорить, уразумев величие событий. И еще нечто другое, мне кажется, выражает он словом: "**разумно**", именно петь не голосом только, но и делами, не устами только, но и жизнью. "**Воцарился Бог над народами**". Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **выше** (Êpánw) **языков**. О каком царстве говорится здесь? Не о царстве вследствие сотворения, но о царстве вследствие усвоения нас Богу, Бог царствовал над всеми и прежде, как Творец и Создатель; а теперь воцарился над людьми, добровольно и с благодарностью покорившимися Ему. Действительно, достойно величайшей хвалы и удивления то, как Христос, поносимый иудеями, произвел в людях такую перемену, что прославляется по всей вселенной. Те, которые никогда не читали пророков, не знали закона, но по образу

жизни были подобны диким зверям, внезапно изменились, оставили все заблуждения и покорились, не два, три, четыре, или десять народов, но живущие по всей вселенной.

"**Бог сидит на престоле Своем святом**". Что значит: "**сидит на престоле**"? Царствует, управляет. Хорошо сказал пророк: "**на святом**", потому что Он не только царствует, но и царствует свято. Что значит: царствует свято? Чисто. Люди, достигнув такой власти, употребляют свою силу на неправду, а Его владычество чуждо всего подобного, чисто и свято. Его судилище не изменяется и не искажается ни обольщением, ни чем-нибудь подобным, но всегда чисто, праведно, сияет светлее всякой чистоты, блистает неизреченною славою. "**Князья народов собрались к Богу Авраама, ибо мощные (избранники) Божии на земле весьма превознесены**" (ст. 10).

6. Здесь указывается на распространение евангелия, которое коснулось не только простых людей, но и облекающихся в диадему и сидящих на царском престоле. Потом выражая, что один и тот же Бог и нового и ветхого завета, пророк говорит: "**к Богу Авраама**"; иначе сказать; один и тот же Бог – Бог праотцев, и давший закон. Потому и Иеремия говорил: "**завет, который Я заключу с домом Израилевым, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской**" (Иер.31:31,32), – выражая, что один и тот же Законодатель и нового и ветхого завета. Также Варух говорил: "**сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю. После того Он явился на земле и обращался между людьми**" (Вар.3:36-38), – выражая, что Давший закон есть и Воплотившийся, а Воплотившийся есть и Давший закон. То же и этот пророк говорит в словах: "**собрались к Богу Авраама**". В еврейском, вместо: с Богом, сказано: **ем Елои Авраам**. Каким образом это произошло? "**Мощные (избранники) Божии на земле весьма превознесены**". Кто же эти "**избранники Божии**", как не апостолы и все верующие? Так как сила их столько просияла, то пророк и говорит, что они вознеслись над всеми. Хорошо назвал он их державными. В самом деле, не державны ли те, которые противостали всей вселенной, бесам, диаволу, народам, городам, язычникам, тиранам, наказаниям, мучениям на сковородах и в печах, обычаям, силе природы, преодолели все, стали выше всего и ничем не были побеждаемы? Не державны ли те, которые и по смерти явили такую силу? Не державны ли те, которых слова крепче адаманта, и никакое время не сокрушает их, но с каждым днем более и более возрастают, так как проповедь евангельская распространяется везде, по всем странам вселенной? За все это возблагодарим человеколюбивого Бога, Которому слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 47

"Псалом песни. Сынам Кореевым. На второй (день) недели".

1. Псалом песни сынов кореовых, вторыя субботы,	1 Псалом песни. Сынам Кореевым. На второй (день) недели.
2 Велий Господь и хвален зело во граде Бога нашего, в горе святей его,	2 Велик Господь и славен весьма в городе Бога нашего, на горе Его святой,
3 благокоренным радованием всея земли: горы сионския, ребра северова, град царя великаго.	3 Благоустроенной, радости всей земли. (Это) горы Сионские, северные стороны, город Царя Великого!
4 Бог в тяжестех (во храмех) его знаемь есть,	4 Бог в жилищах его ведом, когда

егда заступает и.

5 Яко се, царие земстии собрашася, снидошася вкупе:

6 тии видевше тако, удивишася, смятошася, подвигошася:

7 трепет прият я тамо, болезни яко раждающия.

8 Духом бурным сокрушиши корабли фарсийския.

9 Якоже слышахом, тако и видехом во граде Господа сил, во граде Бога нашего: Бог основа и в век.

10 Прияхом, Боже, милость твою посреде людий твоих.

11 По имени твоему, Боже, тако и хвала твоя на концах земли: правды исполнь десница твоя.

12 Да возвеселится гора сионская, и да возрадуются дщери иудейския, судеб ради твоих, Господи.

13 Обыдите сион и обымите его, поведите в столпех его:

14 положите сердца ваша в силу его, и разделите домы его, яко да повесте в роде инем.

15 Яко той есть Бог наш во век и в век века: той упасет нас во веки.

защищает его.

5 Ибо вот, цари земли собрались, сошлись вместе.

6 Они, видя сие, удивились, смутились, поколебались.

7 Трепет объял их: там (постигли их) болезни как бы рождающей.

8 Ветром бурным Ты сокрушишь корабли Фарсийские.

9 Как мы слышали, так и видели в городе Господа сил, в городе Бога нашего: Бог основал его на век.

10 Восприняли мы, Боже, милость Твою среди народа Твоего.

11 Как имя Твое, Боже, так и хвала Тебе, - до концов земли: правдою наполнена десница Твоя.

12 Да возвеселится гора Сионская и да возрадуются дочери Иудеи, ради судеб Твоих, Господи!

13 Обойдите Сион и обоймите его, возвестите в башнях Его,

14 Обратите сердца ваши к укреплению его, и рассмотрите дома его, чтобы возвестить иному роду.

15 Ибо сей есть Бог наш во век и в век века. Он упасет нас во веки.

"**Велик Господь и славен весьма в городе Бога нашего, на горе Его святой, Благоустроенной, радости всей земли**". Другой переводчик говорит (Акила): **хорошим произрастением, утехою всей земли**. Третий (Симмах): **от начала предопределенным просвещением всей земли** (ст. 1-3).

1. И здесь пророк изображает прекращение войн и избавление от борьбы. Иудеи, возвратившись из земли Вавилонской, избавившись от продолжительного плена, получив

опять отеческую землю и избежав многих войн, в благодарность за все эти блага воспевают Виновнику их песнь и говорят: "**Велик Господь и славен весьма**". "**Велик**", а как велик, не говорит пророк, потому что этого никто не знает, – почему и прибавляет: "**и славен весьма**". Величию Его нет предела. Смысл этих слов следующий: должно прославлять и величать Его одного, и притом выше всякой меры, прославлять как за беспредельное и непостижимое величие существа Его, так и за чрезвычайные благодеяния Его к нам. Он и хотел, и имел силу сделать, что хотел. "**В городе Бога нашего, на горе Его святой**". Что говоришь ты? Здесь заключаешь славу Его, великого и хвального, в этом городе и в этой горе? Нет, не то говорю я, отвечает пророк, но то, что мы прежде других познали Его. Или это он выражает словами: "**в городе Бога нашего**", или желает показать, что в нем явилась слава и величие Божие посредством бывших здесь чудес, когда тех, которые были пленены, рассеяны, унижены, содержимы в стране врагов, как во гробе, он внезапно возвеличил так, что они преодолели своих притеснителей, достигли прежнего благосостояния и наследовали отечество в древнем виде. Хотя величие Его, говорит, возвещают и видимые твари, но так как многие люди издревле неразумны, то Он внушает познание о Себе и посредством врагов и победы, часто воздвигая чудные трофеи, изменяя обстоятельства к лучшему и совершая такие чудеса сверх всякого чаяния и надежды. А Божиим пророк называет этот город не в том смысле, будто прочие города лишены Промысла но, выражая, что иудеи имели некоторое преимущество пред другими в познании Его. Тогда как другие города могли быть названы Божиими только в отношении сотворения, этот был таков и по особенной близости к Богу, и потому, что все чудеса были совершены здесь. Итак, тогда этот город назывался Божиим; а ныне все мы называемся Божиими. "**Те, которые Христовы**", говорит апостол, "**распяли плоть со страстями и похотями**" (Гал.5:24) Видишь ли силу добродетели? И гора названа Божиею потому, что на ней совершалось служение Богу. "**Благоустроенной** (в славянском тексте **– благокоренным**), **радости всей земли**". Эти слова весьма неясны; поэтому нужно быть внимательным. Читающий их поверхностно приходит в великое недоумение, а тщательно вникающий в них увидит последовательность и точную связь мыслей. Смысл этих слов следующий: "**велик Господь и славен весьма в городе Бога нашего, на горе Его святой, благоустроенной, радости всей земли**", т.е. хорошо укореняя, хорошо утверждая, хорошо укрепляя его на радость и веселие всей вселенной. То же выразил и другой переводчик, сказав: **предопределенным просвещением всей земли**, т.е. сделал его просвещением и утехою всей вселенной. Отсюда – источник благочестия, корни и начала богопознания. Так, Господь укоренил его и крепко утвердил на украшение всей вселенной, на радость и веселие всей земли, Иерусалим был тогда училищем земли, и хотевшие получить радость, украситься и просветиться здесь, научались нужному. Вот почему пророк, выражая это, и не сказал: укореняя, но: "**благокоренный**". Впрочем, если желаешь принимать эти слова и в переносном смысле, то увидишь истину их на делах. Действительно оттуда произошло утешение для всей вселенной, оттуда радость и веселие, оттуда источники любомудрия, там распят Христос, оттуда вышли апостолы: "**от Сиона выйдет закон и слово Господне – из Иерусалима**" (Мих.4:2). И эта радость имеет корни бессмертные. "**Горы Сионские, северные стороны, город Царя Великого!**". Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **горы Сионские, бедра северова**. В еврейском: **гора Сион, на северной стране** (ар Сион иерхеи сафун). Почему, скажи мне, пророк упоминает теперь о севере и описывает нам местоположение? Потому, что отсюда часто воздвигались войны на иудеев, от нашествия варваров, и пророки часто говорят об этом, называя войну северной и описывая "**поддуваемый ветром кипящий котел, и лицо его со стороны севера**" (Иер.1:13). На севере в отношении к Палестине лежит страна персов. Удивляясь бывшему, пророк прибавил это, желая выразить: Ты сделал Палестину непобедимою с той стороны, откуда она постоянно терпела нападения. Как если бы кто-нибудь сказал о теле: ты сделал слабую часть его самой крепкою, так точно и пророк выражает ту же мысль: откуда вопли и слезы, откуда причины бедствий –

те части исполнились удовольствия и благоденствия; откуда угрозы, ужасы и опасности – оттуда радость и веселие, и никто уже не боится той северной страны мира, никто не опасается, никто не имеет подозрения, но все радуются, потому что Ты укоренил ее в радости. "**Бог в жилищах его ведом, когда защищает его**" (ст. 4). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **познан**. Третий (Симмах): **Бог в царских чертогах его будет познан в крепости**. Четвертый (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **Бог в тягостях его познан в избавлении его**.

2. Пророк возвещает достоинство, славу, венец этого города словами: "**город Царя Великого**". Потом, показывая, почему он есть "**город Царя Великого**", прибавляет: "**Бог в жилищах его ведом, когда защищает его**", Который являет великое о нем промышление, спасает его всего со всех сторон, печется о нем не только в совокупности, но и о каждом доме его промышляет. Нам Он известен и без этого, но врагам Он показал силу Свою и таким образом. Так, когда на Езекию напали толпы варваров и окружили весь город, как бы сетью, то отступили от него, оставив после себя множество мертвых (4Цар.19). Многие и другие враги приступали к нему и удалялись с бесчестием. Все это, говорит пророк, совершено промыслом Божиим и сделало этот город славным, и он сталь велик, не потому, что славен, но потому, что прославился таким образом. "**Ибо вот, цари земли собрались, сошлись вместе**" (ст. 5). Другой переводчик (Симмах) говорит: **вот цари соединились строем**. "**Они, видя сие, удивились, смутились, поколебались. Трепет объял их: там (постигли их) болезни как бы рождающей**" (ст. 6, 7). "**Ветром бурным**". Другой (Симмах): **ветром сильным**. Третий (Акила): **ветром жгучим**. "**Ты сокрушишь корабли Фарсийские**". Другой (Симмах): **разрушишь**. В еврейском сказано: **фарсис**. Он описывает здесь войну тяжкую и поднявшуюся со всех сторон, а потому и славнейшую победу, Сказав, что Господь защищает этот город и оказывает великое о нем промышление, теперь объясняет, как Он защищал его. Когда напали на него, говорит, многочисленные народы, – их разумеет он под множеством "**царей**", – и не просто напали, но "**собрались, сошлись**", тогда произошли такие дела, что сами они, удивившись чудесам, отступили. Война приняла такой оборот, что они сами, пришедши в изумление и страх, рассеялись и с великим расстройством обратились назад, испугавшись многие немногих, собранные вместе несобранных, и были в положении нисколько не лучше жены рождающей. Отсюда видно, что война происходила не по устроению человеческому, но Бог был распорядителем борьбы, не только приводя в смятение мысли врагов, но и потрясая сердца их, повергая их в болезни рождения и производя в них невыразимый страх. И случилось тоже, как если бы собрался большой флот, и бурный ветер поднявшись сокрушил все корабли, потопил суда, и привел все внезапно в великое смятение. Этим примером, кажется мне, пророк выражает легкость победы и чрезвычайность смятения. И те, которые владели флотом и пришли из отдаленной и чужой страны, погибли все от гнева Божия, как бы от бурного ветра. Поэтому он означил и место, откуда они пришли, прибавив: "**Фарсийские**". Тоже выражено и в еврейском этим словом, которое мы привели для вас в чтении текста. Таким образом, или это можно разуметь, или то, что я прежде сказал. т.е.: как бурный ветер, поднявшись, часто сокрушал корабли фарсийские, так точно Бог рассеял эти толпы. "**Как мы слышали, так и видели в городе Господа сил, в городе Бога нашего: Бог основал его на век**" (ст. 9). Видишь ли, как он объясняет вышесказанное выражение: благоукореняя? Не сказал: благоукоренив, но: благоукореняя, т.е. постоянно промышляя, постоянно заботясь, постоянно ограждая. Сказав о том, что случилось в его время, он обращается к древним событиям и показывает, что первое согласно с последним. О чем, говорит, мы слышали на словах, то видели и в делах, т.е. победы, трофеи, Божие промышление, дивные чудеса. Господь никогда не переставал совершать их. Ему свойственно и избавлять от опасностей, и руководить к богопознанию. Не напрасно пророк напомнил и о случившемся за долгое время. Нужно было научить и древними событиями, и новыми делами, чтобы грубейшие

из слушателей от настоящего научались верить и давно бывшему, получали двоякую пользу и, таким образом, слух заменял бы у них зрение. "**Восприняли мы, Боже, милость Твою среди народа Твоего**" (ст. 10). Другой переводчик (Симмах) говорит: **мы признали Боже, милость твою среди людей твоих** (eicásamen). В еврейском: **в храме твоем исповедали (ихалах деммину)**. "**Как имя Твое, Боже, так и хвала Тебе, – до концов земли: правдою наполнена десница Твоя**" (ст. 11).

3. Сказав: "**как мы слышали, так и видели**", пророк говорит далее, что он слышал и что видел. Что же он слышал и что видел? То, что благодать Божия делает город крепким и непоколебимым; она – его основание и сила; она делает его неприступным, не человеческая помощь и содействие, не сила оружия, не башни и стены, а что? Бог хранит его. Иудеев особенно нужно было учить этому, почему пророк часто и внушает им это. "**Восприняли мы, Боже, милость Твою среди народа Твоего**". Что значить: "**восприняли**"?

Надеялись, ожидали, и познали человеколюбие Твое. Сказав, что Господь укоренил город, основал и оградил, и желая показать, что это попечение бывает не по достоинству получающих, а по благости Дающего, и вместе желая смирить гордость их, он как бы так говорит: все это дела Твоей милости, Твоей славы, Твоей благости. Поэтому и прибавляет: "**как имя Твое, Боже, так и хвала Тебе, – до концов земли: правдою наполнена десница Твоя**". "**Хвала Тебе**", говорит, совершает дела столь великие и дивные, столь высокие и славные. Не по мере и достоинству получающих благодеяния Ты оказываешь попечение, а по Своему величию. "**Хвала**", т.е. благая весть о делах сделала их известными. Хотя они совершались в Палестине но, по величию и важности своей, достигли последних пределов вселенной, и живущие далеко узнавали все. Так, о бывшем в Египте иерихонская блудница знала точнее присутствовавших при этом (Иис. Нав.2:10); случившееся в Палестине рассказывали жившие в стране персидской; о происходившем в самой Персии знали жившие на крайних пределах земли. Для этого царь и отправил послания по всей вселенной, возвещавшие о случившемся в пещи вавилонской (Дан.3:98). Поэтому пророк, сказав: "**хвала Тебе, – до концов земли**", присовокупил: "**правдою наполнена десница Твоя**". Как он обыкновенно поступает, восходя от бывающего у людей к тому, что свойственно существу Божию, так поступает и в настоящем месте: не потому, чтобы можно было разуметь в Боге что-нибудь прибывающее или убывающее, – да не будет, – но потому, что слово и язык человеческий слабы, и потому нужно соединять с словом богоприличную мысль.

Итак, говоря здесь о принадлежностях естества Божия, он выражает то, что существенно свойственно Богу. Что же такое? "**Правдою наполнена**", говорит, "**десница Твоя**"; показывают, что случившееся было следствием не достоинства облагодетельствованных, но существенного свойства Божия, потому что самое существо Его радуется правде, утешается человеколюбием. Это Его дело, Его обычай; потому они и получали такие благодеяния. Как огню свойственно согревать и солнцу светить, так и Богу свойственно благотворить, и даже не так, а гораздо более. Потому пророк говорит: "**правдою наполнена десница Твоя**", выражая щедрость, свойственную существу Божию. "**Да возвеселится гора Сионская и да возрадуются дочери Иудеи, ради судеб Твоих, Господи!**" (ст. 12). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **о судах твоих**. "**Обойдите Сион и обоймите его**". Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **и окружите**. "**Возвестите в башнях Его**" (ст. 13) Другой (Симмах): **исчислите столпы его**. Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **восхвалите**. "**Обратите сердца ваши к укреплению его**". Другой (Симмах): **в ограду**. Третий (Акила): **благосостояние**. "**И рассмотрите дома его**". Другой (Симмах): **измерьте царские чертоги его**. "**Чтобы возвестить иному роду**" (ст. 14). Другой (Симмах): **роду**

последующему. "**Ибо сей есть Бог наш во век и в век века. Он упасет нас во веки**" (ст. 15). Нам не нужно объяснять, для чего пророк заповедует все это, – обойти город, исчислить столпы, обратить внимание на здания, рассмотреть его красоту, определить его ограды и стены, измерить дома и дворцы; слово его ясны сами по себе. Сказав это, он тотчас присовокупил и причину. Какую? "**Чтобы возвестить иному роду**". Смысл слов его следующий: исполнитесь удовольствия, возрадуйтесь, возвеселитесь, но не просто и как случится, а тщательно изучив крепость города. Когда он сделался развалинами, был разрушен до основания, и самое место его почти исчезло, так что предки наши уже отчаялись в его исправлении и говорили: "**иссохли кости наши, мы умираем, погибаем, все погибаем**" (Иез.37:11; Чис.17:12), и не надеялись возвратить его, тогда и получили его опять, и притом не таким, каким оставили, а гораздо лучшим, красивейшим, славнейшим, большим, богатейшим, крепчайшим, обширнейшим и по зданиям, и по торговле, и по силе, и по обилию богатства. "**Слава**", говорит пророк, "**сего последнего храма будет больше, нежели прежнего**" (Агг.2:9). Итак, он увещевает народ и как бы так говорит ему: вот этот самый город, который был в отчаянном положении, без надежды, и обратился в развалины, как опять достиг блистательнейшего состояния? Посмотрите на все это, на его здания, блеск, красоту, и познав отсюда могущество Божие, как Бог возвеличил его из отчаянного состояния, возвестите потомкам вашим о силе Божией, о постоянном Его промышлении, о том, что Он всегда печется о нас, защищает, и пасет нас. Такие повествования послужат и для потомков предметом великого любомудрия, уроком ревностнейшего богопознания и побуждением к добродетели. Для того пророк и заповедует обойти город, чтобы они могли быть опытными учителями потомков своих.

4. Так и мы, всегда и постоянно созерцая его, будем иметь в уме город наш Иерусалим, будем непрестанно представлять красоты этого города, который есть столица Царя веков, в котором обитают духи праведных, сонмы патриархов, апостолов и всех святых, где все постоянное, а не преходящее, где красоты нетленные и невиданные, составляющие наследие только тех, которые совершенно забыли о тленных и временных житейских попечениях, т.е. о богатстве, роскоши и пагубных удовольствиях диавола. Будем же каждый день преуспевать в братолюбии и дружелюбии к нуждающимся, в любви к ближним и сердечном прощении оскорбляющими нас, чтобы таким образом, проведши жизнь хорошо и богоугодно, мы могли сделаться, наследниками небесного царства во Христе Господе нашем, Которому слава и держава, с Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 48

"В конец. Сынам Кореевым. Псалом".

Другой переводчик (Симмах) говорит: победная песнь.

1 В конец, сыном кореовым, псалом,	1 В конец. Сынам Кореевым. Псалом.
2 Услышите сия, вси языцы, внушите, вси живущии по вселенней,	2 Услышьте сие, все народы, внемлите, все живущие во вселенной:
3 земнороднии же и сынове человечестии, вкупе богат и убог.	3 Земнородные и сыны человеческие, богатый вместе с убогим!
4 Уста моя возглаголют премудрость, и поучение сердца моего разум.	4 Уста мои изрекут премудрость и размышление сердца моего - разумение.

5 Приклоню в притчу ухо мое, отверзу во псалтири ганание мое.

6 Вскую боюся в день лют? беззаконие пяты моея обыдет мя.

7 Надеющиися на силу свою и о множестве богатства своего хвалящиися:

8 брат не избавит, избавит ли человек? не даст Богу измены за ся,

9 и цену избавления души своея: и утрудися в век,

10 и жив будет до конца, не узрит пагубы.

11 Егда увидит премудрыя умирающыя, вкупе безумен и несмыслен погибнут, и оставят чуждим богатство свое.

12 И гроби их жилища их во век, селения их в род и род, нарекоша имена своя на землях.

13 И человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им.

14 Сей путь их соблазн им, и по сих во устех своих благоволят.

15 Яко овцы во аде положени суть, смерть упасет я: и обладают ими правии заутра, и помощь их обетшает во аде: от славы своея изриновени быша.

16 Обаче Бог избавит душу мою из руки адовы, егда приемлет мя.

17 Не убойся, егда разбогатеет человек, или егда умножится слава дому его:

18 яко внегда умрети ему, не возмет вся, ниже снидет с ним слава его.

19 Яко душа его в животе его благословится, исповестся тебе, егда благосотвориши ему.

20 Внидет даже до рода отец своих, даже

5 Приклоню к притче ухо мое, открою в псалтири загадку мою:

6 Зачем бояться мне в день бедственный? - Беззаконие ноги моей окружит меня (тогда).

7 надеющиеся на силу свою и множеством богатства своего хвалящиеся!

8 Брат не избавит, избавит ли (вообще) человек? Не даст он Богу выкуп за себя

9 И цену искупления души своей, (хотя бы) он и трудился вечно.

10 Будет (ли) жить до конца, не увидит погибели?

11 Ибо он видит, что мудрые умирают (и) одинаково (с ними) безумный и неразумный погибают и оставляют чужим богатство свое.

12 И гробы их - жилища их на век, селения их в род и род, (хотя) и нарекли они имена свои на землях.

13 Но человек, будучи в чести, не уразумел (сего), сравнялся с несмысленными скотами и уподобился им.

14 Сей путь их - соблазн им, и после того устами своими будут одобрять (его).

15 Как овцы, в аду они положены, смерть будет пасти их, и праведные скоро будут владычествовать над ними, а помощь им истощится в аду: из славы своей они низринуты.

16 Но Бог избавит душу мою от власти ада, когда примет меня.

17 (Посему) не бойся, когда разбогатеет человек, или когда увеличится слава дома его,

18 Ибо при смерти он ничего не возьмет, и не сойдет с ним слава его.

19 Хотя душа его при жизни его будет прославляема и (даже) признательна тебе,

до века не узрит света.

21 И человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им.

когда оказываешь ему добро,

20 Но он пойдет к роду отцов своих: во век не увидит света.

21 И человек, будучи в чести, не уразумел, сравнялся с несмысленными скотами и уподобился им.

"**Услышьте сие, все народы**". Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **услышьте это**. "**Внемлите, все живущие во вселенной**". Другой (неизвестный, см. Ориг. Укз.): **на закате**. Третий (Акила и Симмах): **на западе**. В еврейском: во вселенной (олд). "**Земнородные и сыны человеческие**". Другой (Симмах): **человечество и притом сыны каждого мужа**. "**Богатый вместе с убогим**". Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **вместе**. (Ст. 1-3).

1. Теперь пророк хочет сказать нам нечто великое и таинственное. Он не призывал бы к слушанию жителей всей земли, не составлял бы зрелища вселенского, если бы не намеревался сказать нам что-нибудь великое, славное и достойное великого собрания. Он уже не иудеям только, живущим в Палестине, изрекает пророчество, но, как апостол и евангелист, обращает речь ко всему роду человеческому. Закон научал народ в одном углу вселенной, а слово проповеди (евангельской) возвещено по всей земле и распространилось по всем странам, какие только освещает солнце. Тот был некоторым руководством и предуготовлением и служил к осуждению и смерти, а это – благодать и мир. Итак, если он призвал к слушанию весь род человеческий, то приступим, и мы и посмотрим, что хочет сказать нам Псалмопевец, общий наставник рода человеческого. Как, хотя бы то были варвары, хотя бы мудрецы, хотя бы простолюдины, ты всем повелеваешь приступить? Да, говорит; поэтому и начинает так: "**все народы**", и еще присовокупляет: "**земнородные и сыны человеческие**", разумея все человечество. О, какое учение! Как оно полезно всем и относится ко всем! Поэтому он и призывает всех не только просто слушать, но и повелевает внимать возвещаемому с великим усердием и ревностью. Не сказал только: "**услышьте сие, все народы**", но и: "**внемлите**". Выражение: "**внемлите**" значит не что иное, как слушать с усердием и напряженным вниманием. Слово "**внемлите**" употребляется собственно тогда, когда кто-нибудь говорит к самому уху, и сам, внимая, и другого, заставляя внимать внушаемому. "**Внемлите, все живущие во вселенной**". Если есть племена, еще не сложившиеся в народы, рассеянные и кочующие, то и их, говорит, я призываю к слушанию. И посмотри на мудрость проповедника. Прежде всего он возбудил внимание и возвысил душу слушателей, призвав всех их вместе к слушанию; а потом, когда призвал, смиряет гордость их, чтобы они по многочисленности своей не стали превозноситься. Действительно, кто намеревается говорить о предметах любомудрия, тому особенно нужны такие слушатели, сокрушенные и смиренные, чуждые гордости и тщеславия. Как же он смирил их душу? Напомнив им об их природе. Сказав: "**народы**", он присовокупил: "**земнородные и сыны человеческие**"; указал на природу, из которой начало бытия нашего, напомнил об общей матери всех нас. Для чего он прибавил: "**сыны человеческие**"? Так как он сказал: "**земнородные**", то чтобы кто-нибудь не подумал, подобно языческим баснословам, будто люди в начале

выросли из земли, как некоторые баснословили, представляя людей посеянными, он и прибавил: "**сыны человеческие**". Отцы ваши – люди, но начало бытия у вас и у них – земля. "**Что гордится земля и пепел?**" (Сир.10:9) Представь свою мать, и смири гордость, укроти высокомерие; вспомни, что ты "**прах ты и в прах возвратишься**" (Быт.3:19), и оставь всякое тщеславие. Мне нужен такой слушатель; для того я смиряю тебя, чтобы сделать тебя способным к принятию возвещаемого. "**Богатый вместе с убогим**". Видишь высокое достоинство Церкви. В самом деле, не высокое ли это достоинство, что она не делает выбора между слушателями по званиям, но равно преподает все учение, предлагает общую трапезу и богатому и бедному? Сказав о том, что соединяет всех, т.е. что все – земнородны, все – сыны человеческие, указав на общую всех природу, пророк потом обращается к кажущемуся различию и неравенству в житейском отношении и отвергает это различие, призывая всех вообще, потому что у нас общая природа. Призываю, говорит, всех вообще, потому что у нас общее жилище – вселенная; вы придумали различие по богатству и бедности, и ввели неравенство, но я опять отвергаю его, не предпочитая богатых и не унижая бедных, равно не призывая и одних бедных и не отгоняя богатых, но призывая тех и других, и не просто тех и других, тех прежде, а этих после, или этих прежде, а тех после, но "**вместе**". Пусть будет общее собрание, общее слово, общее слушание. Хотя ты богат, но ты произошел из того же праха, явился на свет так же, как и бедный, одинаковым рождением: и ты – сын человеческий, и он.

2. Если же самое главное и существенное у всех вас одинаково и равно, то для чего ты превозносишься тенями и призраками, из-за ничтожного расторгая общее? У вас общая природа, общее рождение, общая собственность: для чего же ты делаешь внешнюю принадлежность поводом к разделению? Я не терплю этого, и потому призываю тебя вместе с бедным: "**богатый вместе с убогим**". В других местах не увидишь вместе богатого и бедного, ни в судилищах, ни в царских чертогах, ни на торжищах, ни на пиршествах; там один в чести, другой в презрении, тот с дерзновением, этот со стыдом: "**мудрость бедняка пренебрегается, и слов его не слушают**" (Еккл.9:16); "**заговорил богатый, – и все замолчали и превознесли речь его до облаков; подвергся несчастью бедняк, и еще бранят его; сказал разумно, и его не слушают**" (Сир.13:27,28). А здесь не так. В церкви я не терплю такого преимущества и такого безумия, но предлагаю всем общее учение. Посмотри на мудрость учителя, как он еще прежде, нежели начал проповедь, одним воззванием преподал величайший урок. Призвав всех вместе, он не попустил ни богатому превозноситься, ни бедному оставаться в унижении, и показал, что как богатство не есть благо, так и бедность не есть зло, но то и другое относится к вещам излишним и внешним. Для меня, говорит, нет никакого различия, будешь ли тем, или этим; ни в богатстве твоем я не вижу преимущества, ни в бедности недостатка. Но, может быть, кто-нибудь скажет ему: если ты человек, имеющий такую же природу, то как ты считаешь себя достойным и способным быть учителем вселенной и призываешь всех с концов земли? Разве ты имеешь сказать что-нибудь достойное такого собрания? Да, говорит он. Призвав вселенную, и тем сделав слова свои достоверными, послушай, что говорит он: "**уста мои изрекут премудрость и размышление сердца моего – разумение**" (ст. 4). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **прошепчет сердце мое разумение**. В еврейском: **произнесет (уагие)**. Видишь ли, как он скоро объяснил слова свои? Не о богатствах, говорит, я буду беседовать, не об отличиях, не о власти, не о силе телесной, не о другом чем-нибудь из вещей тленных; я намереваюсь обстоятельно говорить о премудрости, которая не напрасно и не случайно досталась мне. "**Приклоню к притче ухо мое, открою в псалтири загадку мою**" (ст. 5). Другой (неизвестный переводчик, см, Ориг. Экз.): **приклоню к притче ухо мое**. В еврейском сказано: **к притче** (**ламасал**). "**Открою в псалтири загадку мою**". Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **загадку мою**. В еврейском: **идафи**. Какая связь этих слов с

выше сказанными? Вместо учителя я вижу теперь слушателя. Он призвал всех к слушанию чего-то полезного, и когда все пришли и собрались, когда обещал сказать нечто мудрое, тогда, еще не сказав ничего, оставляет место учителя и переходит на место слушателя: "**приклоню**", говорит, "**к притче ухо мое**". Почему же он поступает так? Весьма благоразумно и согласно с предыдущим. Так как он сказал: "**уста мои изрекут премудрость**", то, дабы кто-нибудь не подумал, что будет сказано нечто человеческое, и в словах: "**размышление сердца моего**" не подозревал собственного его изобретения, он удостоверяет здесь, что возвещаемое божественно и что он не проповедует ничего собственного, но что слышал, то и говорит. Я приклонил, говорит, слух мой к Богу, услышал от Него, и что низошло свыше в душу мою, то и возвещаю. Подобным образом говорил и Исаия: "**Господь Бог дал Мне язык мудрых, пробуждает ухо Мое, чтобы Я слушал**" (Ис.50:4). Также Павел: "**вера от слышания, а слышание от слова Божия**" (Рим.10:17). Видишь ли, что и он был прежде слушателем, а потом стал учителем? Потому другой переводчик и сказал: **и прошепчет сердце мое**. Что значит: прошепчет? Пропоет, произнесет некоторую духовную песнь. Если же он называет ее "**размышлением сердца моего**", не смущайся; что он принял от Духа, тому постоянно поучался, о том часто размышлял в самом себе, и уже размыслив возвещал другим. Что значит: "**к притче**"? Это слово имеет много значений. Оно означает и молву, и пример, и порицание, как, напр., когда говорится: "**сделал нас притчей у язычников, кивают на нас головою народы**" (Пс.43:15). Притчею называется также загадочная речь, которую многие называют вопросом, требующим разрешения, когда она выражает нечто, но из самих слов не ясна, заключая в себе сокровенный смысл, каковы, напр., слова Сампсона: "**из ядущего вышло ядомое, и из сильного вышло сладкое**" (Суд.14:14), и – Соломона: "**чтобы разуметь притчу и замысловатую речь**" (Притч.1:6). Называется притчею и подобие: "**другую притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем**" (Мф.13:24). Называется притчею и переносное выражение, напр.: "**сын человеческий! предложи загадку и скажи притчу: большой орел с большими крыльями...**" (Иез.17:2-3), где орлом называется царь. Притчею называется также прообраз и предначертание, как показывает Павел, когда говорит: "**верою Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака и, имея обетование, принес единородного**" (Евр.11:17), т.е. в прообразе и предначертании.

3. Итак, что же здесь называет он притчею? Мне кажется, так называет он повествование. Не смущайся, что он употребляет речь загадочную и весьма трудную для разумения; он делает это для того, чтобы возбудить слушателя; так как речь легкая для разумения доводит многих до невнимательности, то он и говорит притчею. Потому и Христос многое говорил в притчах, а наедине ученикам объяснял их. Притча отличает слушателя достойного от недостойного; достойный старается узнать смысл сказанного, а недостойный оставляет его без внимания. Так и было тогда, иудеи и трудною для разумения речью не возбуждались и не располагались делать вопросы: так мало они внимали сказанному! Прикровенная речь вообще может сильно побуждать к исследованию. Поэтому и Христос поступал так, говорил в притчах, для того, чтобы возбудить и расположить иудеев, беспечных и сонливых, к внимательнейшему слушанию. Но они, не смотря и на это, не были внимательны; а ученики слушали прилежно, и когда не разумели, тогда особенно и были внимательны из-за того, что не разумели. Потому Он и объяснял им притчи наедине. Потому и пророк говорит: "**приклоню к притче ухо мое, открою в псалтири загадку мою**". "**Загадка**" есть речь прикровенная и загадочная, как он говорит и в другом месте: "**открою в притчах уста мои, возвещу изначальные гадания**" (Пс.77:2). Ее он осмелился назвать премудростью потому, что был подвигнут божественным откровением; сказал: "**в псалтири**", для того, чтобы показать духовный смысл учения и бывшее ему вдохновение свыше; предложил наставление в виде песнопения для того, чтобы сделать речь свою приятною. Видишь ли, какое составил он

предисловие? Призвал вселенную, отверг неравенство, бывающее в жизни, напомнил о природе, смирил высокомерие, обещал сказать нечто великое и высокое, сказал, что ничего не будет говорить от себя, но только то, что слышал от Бога, заметил, что речь его будет весьма неясна, чтобы сделать нас внимательнее, обещал научить нас духовной мудрости, о которой размышлял он постоянно. Будем же внимательны и не пропустим ничего. Если слово его есть премудрость, притча и загадка, то требуется напряженное внимание. Что же это за поучение, что за загадка, что за притча, что за премудрость, которую он слышал свыше? "**Зачем** ", говорит, "**бояться мне в день бедственный?**" Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **во дни лукавого**. Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **зла**. В сирском **бедствия** (**ра**); в еврейском также: **ра**. "**Беззаконие ноги моей окружит меня**" (ст. 6). Другой (Симмах): **следов моих**. В еврейском: **злоба гонителей моих окружает меня** (**аон акувваи исуввуни**). Видишь ли, как слова его загадочны, приточны, прикровенны и весьма неясны? Но, если угодно, узнаем наперед, о каком говорит он "**дне бедственном**". Какой день Писание обыкновенно называет лютым? День бедствий, наказаний, скорбей. Так и в другом месте он говорит: "**блажен помышляющий о бедном и убогом! В день лютый избавит его Господь**" (Пс.40:1). Таков день будущего суда, страшный и ужасный для грешников. Видишь ли первый урок высочайшего любомудрия, который научает тебя, что, достойно страха и что – презрения? Кто не делает этого превосходного различия, тот находится как бы в глубоком мраке и расстройстве, и не знает, что делать.

Если мы не станем различать, чего должно страшиться и что презирать, то жизнь наша будет исполнена многих заблуждений, многих опасностей. В самом деле, крайне безумно – бояться того, что недостойно страха, и смеяться над тем, чего должно страшиться. Тем и отличаются люди взрослые от детей, что последние, не имея зрелого разума, боятся масок и людей, одетых в мешок, между тем как оскорбить отца или мать считают за ничто; бросаются на огонь и горящие светильники, а боятся какого-нибудь шума, не имеющего в себе ничего страшного; а взрослые не подвержены ничему такому. Но так как многие неразумнее детей, то пророк и делает такое различие, говоря, чего должно страшиться, – не того, что для многих кажется страшным, т.е. бедности, незнатности, болезни, которые для многих кажутся не только страшными, но даже ужасными и невыносимыми, – ничего подобного он не внушает, – а только одного греха. Это означают слова: "**беззаконие ноги моей окружит меня**". Итак, вот приточное слово, вот новое и необыкновенное учение! Действительно, для многих кажется новым и необыкновенным – говорить, что не должно бояться никаких житейских скорбей. "**Зачем бояться мне в день бедственный**"? Только одного, говорит, боюсь я, чтобы беззаконие на пути моем и в жизни моей не окружило меня. Пятою (ногой) Писание называет коварство. "**Который ел хлебы мои**", говорит пророк, "**поднял на меня пяту**" (Пс.40:10), Также Исав сказал об Иакове: "**запнул меня уже два раза**" (Быт.27:36). Таков грех: он коварен и способен к обольщению. Его, говорит, боюсь я, – греха, который обольщает меня, который окружает меня.

4. Поэтому и Павел называет грех "**запинающим**" (Евр.12:1), выражая, что он часто, легко и удобно овладевает нами. В здешних судилищах люди опасаются многого, и богатства, и власти, и клеветы, и обмана; а там нет ничего подобного, но страшен один только грех, окружающий предающихся ему со всех сторон и поступающий свирепее неприятельского войска. Потому нужно всячески стараться, чтобы не быть окруженным от него, и, если видим, что он хочет напасть на нас, то убегать от сетей его, как делают на войне искусные воины; если же будем уловлены от него, то немедленно разрывать узы его, как сделал Давид, сокрушив силу его покаянием. Он был пленен грехом, но скоро избавился от него. Кто боится греха, тот никогда не будет бояться ничего другого, но будет смеяться над благами настоящей жизни и презирать скорби, потому что один только страх греха потрясает душу его. Кто имеет этот страх, для того ничто, поистине ничто другое не

страшно, ни сама смерть, которая страшнее всего, но только – один грех. Почему? Потому, что грех предает человека геенне, подвергает вечным мучениям. С другой стороны такой страх ведет ко всякой добродетели. Представь, как важно не превозноситься житейскими благами, не малодушествовать в бедствиях, не прилепляться ни к чему настоящему, заботиться о будущем, ожидать последнего дня, проводя жизнь в этом страхе. Такой человек сделается ангелом, опасаясь только одного греха и ничего другого; он не будет бояться ничего другого, если будет одного этого бояться, как должно бояться, и напротив, кто не боится этого, тот испытает много страшного. "**Надеющиеся на силу свою и множеством богатства своего хвалящиеся**" (ст. 7). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см., Ориг., Экз.) говорит: **гордящиеся**. "**Брат не избавит, избавит ли (вообще) человек? Не даст он Богу выкуп за себя. И цену искупления души своей, (хотя бы) он и трудился вечно**" (ст. 8, 9). Может быть, кто-нибудь спросит: какая здесь связь речи? Великая, непрерывная и весьма близкая. Так как он говорит о суде, будущем страшном отчете, о неподкупном приговоре, а в здешних судилищах многие извращают правду, подкупают судей и избегают наказания, то возвещая неподкупность того суда и усиливая страх, о котором сказал выше, он присовокупляет и это, объясняя, что подлинно хорошо, как он сказал, страшиться одного только греха и ничего другого. Там нельзя извратить правды деньгами, или избавить себя от геенны подарками; там не спасает ни покровительство, ни красноречие, и ничто другое подобное. Как бы ты ни был богат, какую бы ни имел власть, с кем бы ни был знаком, все это тщетно и бесполезно; там каждый наказывается и увенчивается по делам своим. И современник Лазаря был весьма богат, но богатство не принесло ему никакой пользы (Лк.16); и девы были знакомы с другими девами, но эта близость нисколько не помогла им (Мф.25), потому что там требуется только одно. Поэтому вы, говорит пророк, надеющиеся на богатство и облеченные властью, напрасно и тщетно превозноситесь; с вами не пойдет на тот суд ни обилие богатства, ни сила власти; ни дружба, ни родство, и ничто другое не избавит вас. Там нельзя дать деньги, выкуп или цену за душу свою, чтобы спастись. Как же говорит Писание: "**приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители**" (Лк.16: 9)? Что значат эти слова? Они не заключают в себе ничего противного, ничего несогласного с вышесказанными, но весьма согласны с ними. Здесь говорится, что нужно приобретать друзей в настоящей жизни, употребляя богатство и расточая имущество на нуждающихся; здесь заповедуется не что другое, как только щедрая милостыня. Если ты отойдешь туда, не сделав ничего такого, то никто не будет ходатайствовать за тебя. Не дружба людей ходатайствуем за нас, но то, что друзья приобретены богатством; потому Господь и присовокупил: "**друзей богатством**", дабы ты знал, что тебя защитят сами эти дела твои: милосердие, человеколюбие, щедрость к нуждающимся. А что ни родство, ни дружба не принесут никакой пользы без дел, об этом послушай, что говорит пророк: "**если бы нашлись сии три мужа: Ной, Даниил и Иов, не спасли бы ни сыновей, ни дочерей**" (Иез.14:14,18). Но что я говорю о будущей жизни, если и в настоящей дружба нисколько не защищала? Так, сколько плакал и рыдал Самуил, и, однако, не спас Саула (1Цар.15:35)! Сколько молился Иеремия, и, однако, ни в чем не помог иудеям, но еще получил запрещение молиться (Иер.14:7,11)! И удивительно ли, что Иеремия нисколько не помог им, когда даже Моисей, как сказано, если бы он был в то время, не мог бы спасти тогдашних иудеев, которые предавались нечестию и сами от себя не оказывали ничего доброго (Иер.15:1)?

5. Сколько скорбел об иудеях Павел, сказавший: "**Братия! желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение**" (Рим.10:1), и, однако помогла ли им его молитва? Нисколько. Но что я говорю о молитве, когда он желал даже быть отлученным за них от Христа (Рим.9:3)? Итак, не напрасны ли молитвы святых? Нет; напротив, они имеют великую силу, если и ты содействуешь им. Так Петр воскресил Тавифу не только по своей молитве, но и потому, что она отличалась милосердием (Деян.9:36). Так и другим

помогали молящиеся святые. Но так бывает здесь, где еще продолжаются труды и подвиги; а там нет ничего такого, но спасение зависит только от дел. Потому пророк и смеется весьма сильно над богатыми и гордыми. Он не сказал: имеющие богатство, или приобретшие силу, но: "**надеющиеся на силу свою и множеством богатства своего хвалящиеся**", смеясь и укоряя их за то, что они надеются на тени и превозносятся дымом. Хорошо также сказал он: "**не даст цену искупления души своей**", потому что цена души выше даже целого мира, как говорит Господь: "**какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?**" (Мф.16:26) А чтобы ты убедился, что цена души выше целого мира, послушай, что говорит Павел о других святых: "**скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин**" (Евр.11:37-38). Подлинно, мир – для души. Как отец не взял бы дома за сына, так и Бог не взял бы мира за душу; но от нее требуются дела и подвиги. Хочешь ли знать, как велика цена душ наших? Единородный Сын Божий, желая искупить их, принес в жертву не мир, не человека, не землю, не море, но честную кровь Свою. Так и Павел говорит: "**вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков**" (1Кор.7:23). Видишь ли великость цены? Следовательно, когда ты погубишь душу свою, купленную такою ценою, то как можешь опять искупить ее? "**Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает**" (Рим.6:9). Видишь ли, как велика цена, как высоко достоинство души? Не пренебрегай же ею и не делай ее пленницей. "**Будет (ли) жить до конца, не увидит погибели?**" (ст. 10). Другой переводчик (Акила) говорит: **и успокоился во век**. Третий (Симмах): **успокоившись в веке сем, будет жить во век**. Сказав о богатых и сильных и показав, что от этого нет им никакой пользы, пророк говорит теперь о живущих добродетельно, в трудах и скорбях, и ободряет подвижников любомудрия. Не говори мне, продолжает он, что здесь труды и огорчения, но представь плоды, вспомни, что человек бессмертен, что за ними следует вечная жизнь, не имеющая конца. Поэтому, не гораздо ли лучше, – немного потрудившись здесь, получить вечный покой, нежели, насладившись немного, мучиться бесконечно? Далее, желая показать, что не только там награды и венцы, но еще и здесь бывает начало воздаяния, он продолжает: "**ибо он видит, что мудрые умирают (и) одинаково (с ними) безумный и неразумный погибают и оставляют чужим богатство свое**" (ст. 11). Не возражай мне: ты говоришь только о будущем; нет, я и здесь даю тебе задаток (будущих) венцов, или лучше, залог их и сами награды. Как и каким образом? Человек любомудрый, руководящийся надеждою будущего, и саму смерть не будет считать смертью, но, видя пред глазами своими лежащего мертвеца, не предастся скорби, подобно многим другим, представляя венцы; награды, неизреченные блага, "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце**" (1Кор.2:9), тамошнюю жизнь, ликование с ангелами. Как земледелец, видя истлевающее зерно, не падает духом и не отчаивается, а напротив тогда особенно и радуется и восхищается, зная, что это истление бывает началом новой жизни и причиною обильнейшего плодоношения, так и праведник, украшенный добрыми делами и ежедневно ожидающий царства, видя пред глазами своими смерть, не унывает, как многие другие, не смущается и не сокрушается; он знает, что для живущих праведно смерть есть перемена к лучшему, переход к блаженнейшему состоянию, путь к венцам. Кого здесь пророк называет "**мудрыми**"? Не истинно премудрых, а считающихся премудрыми. Мне кажется, что он разумеет языческих мудрецов, смеясь над ними и потому, что они, "**называя себя мудрыми, обезумели**" (Рим.1:22), нисколько не думая о воскресении. Когда праведник увидит этих мудрецов погибающими, плачущими, проливающими слезы, рыдающими, тогда сам не испытает ничего подобного, но будет выше таких стрел, ободряясь благими надеждами и зная, что эта гибель есть не погибель существа, а истребление смертности, уничтожение тления. Эта смерть не тело погубляет, а истребляет тление; сущность же остается во веки, чтобы воскреснуть в большей славе, – впрочем не у всех, потому что хотя воскресение будет общим для всех, но воскресение во славе только для живших праведно. "**И гробы их – жилища их на век, селения их в род и род, (хотя)**

и нарекли они имена свои на землях" (ст. 12). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **находящееся внутри домов их во век**. Третий (Симмах): **жилища их в род, назвавшие по именам своим земли**. В еврейском: ***на землях*** **(алиадамоф)**.

6. Видишь ли, как пророк не только будущими, но и здесь случающимися обстоятельствами отклоняет от зла и любостяжания и руководит к добродетели, истребляя страсть к богатству, называя людей, привязанных к настоящим благам, безумными и доказывая это самими делами? В самом деле, скажи мне, что может быть безумнее человека, который трудится, заботится и собирает богатство для того, чтобы другие наслаждались плодами трудов его? Что может быть хуже этого тщетного труда, когда употреблявший усилия и подвергавшийся изнурению сам окончит жизнь, а наслаждение благами предоставит другим, и притом не родным и знакомым, а, как часто бывает, врагам и противникам? Поэтому пророк и не сказал: другим, но: "**чужим**" оставят богатство свое. Что значит: "**одинаково безумный и неразумный погибают**"*? Т.* е. вместе с теми, о которых сказано выше. Здесь, мне кажется, он говорит о людях нечестивых, привязанных к благам настоящим и нисколько не думающих о будущем, называя их безумными и в этом отношении. Если ты думаешь, что после настоящей жизни ничего не будет, то для чего и мучишься и беспокоишься, собирая отовсюду бесчисленные богатства, подвергая себя трудам, а плодами их не наслаждаясь? "**И гробы их – жилища их на век**". Это говорит он сообразно с их мнением. "**Селения их в род и род, (хотя) и нарекли они имена свои на землях**". Что может быть хуже такого безумия – считать гробницы вечным жилищем и превозноситься ими?

Так, многие часто строят гробницы великолепнее домов. Они трудятся и беспокоятся или для врагов, или для червей и праха, расточая имущество без всякой пользы. Таков образ мыслей у тех, которые ничего не надеются в будущем. Но при этом мне нужно оплакивать и многих других, которые, и надеясь на будущее, подражают не имеющим никакой надежды в будущем, созидая гробницы, воздвигая великолепные памятники, зарывая золото в землю, расточая имущество свое на других и, таким образом, оказываясь хуже тех людей. Кто не ожидает ничего после настоящей жизни, тот заботится о здешних благах хотя неразумно, но по крайней мере потому, что не ожидает ничего лучшего; а ты, человек, знающий о жизни будущей, о тамошних неизреченных благах, о том, что, по изречению евангельскому, "**тогда праведники воссияют, как солнце**" (Мф.13:43), какое можешь получить прощение, какое можешь иметь оправдание? Какому не подвергнешься ты справедливому наказанию, когда все расточаешь здесь на прах, на пепел, на памятники, на противников, на врагов? "**И нарекли они имена свои на землях**". Вот другой род безумия: давать свои названия зданиям, полям, баням, и считать это величайшим для себя утешением, гоняться за тенью вместо истины. Если ты, человек, хочешь приобрести себе вечную память, то не названия свои давай зданиям, а воздвигай трофеи добрых дел, которые и в настоящей жизни сохранят твое имя, и в будущей доставят тебе вечный покой. Если ты желаешь и домогаешься оставить по себе память, то я укажу тебе путь к ней, истинный и несомненный: старайся быть добродетельным. Ничто так не делает имени человека бессмертным, как добродетель. Это доказывают мученики, доказывают останки апостолов, доказывает память живших добродетельно. Сколько царей воздвигали города, строили пристани, давали им имена свои, и по смерти не получили себе никакой пользы, преданы молчанию и забвению? А рыбарь Петр, не сделавший ничего такого, но преданный добродетели, занял царственный город и после смерти сияет светлее солнца. Но то, что ты делаешь, смешно и постыдно. Эти самые памятники не только не делают тебя славным, но делают даже смешным, раскрывая против тебя уста всех. Тогда как твое любостяжание могло бы со временем быть предано забвению, эти здания стоят везде, как столбы и трофеи, свидетельствующие о твоем

любостяжании. "**Но человек, будучи в чести, не уразумел (сего), сравнялся с несмысленными скотами и уподобился им**" (ст. 13). Здесь, мне кажется, пророк сожалеет о том, что человек, существо разумное, которому вверено господство на земле, унизился до бессловесных животных, трудясь напрасно, делая противное своему спасению, занимаясь тщеславием, предаваясь любостяжанию, беспокоясь о вещах бесполезных. Честь человека состоит в добродетели, в помышлении о будущем, в том, чтобы делать все для той жизни и презирать настоящее. Жизнь бессловесных животных ограничивается настоящим существованием, а наша направляется к другой жизни, лучшей и не имеющей конца. Вот почему люди, не знающие ничего о будущем, хуже бессловесных животных, и не только они, но и те, которые ведут жизнь развратную, делаясь змеями, скорпионами и волками по коварству, волами по глупости, псами по бесстыдству.

7. Скажи мне, в самом деле, что может быть безумнее людей, занимающихся гробницами и памятниками и удивляющихся надписаниям чужих имен? Ничто не оставляет о нас памяти, кроме одной добродетели, ни дом, ни статуя, ни дети, и ничто другое подобное. Дом есть дело строителя, статуя – дело художника, дети – дело природы, а к твоей славе это нисколько не относится. Вот почему пророк и называет такого человека безумным, так как он, наложив на себя ярмо безумия, становится хуже бессловесного животного. Животное бывает хоть полезно и способно к земледелию; а человек, предавшись безумию, делается чрез это и его хуже. Сказав выше о том, как грубы, земляны и низменны понятия таких людей, как бесполезны труды их в собирании богатства, и желая сильнее выразить вину их, пророк упоминает и о благодеяниях Божиих, как и в других местах обыкновенно поступают пророки. Так Исаия, намереваясь обличить иудеев, прежде всего, упоминает о чести, оказанной им Богом, и говорит: "**Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня**" (Ис.1:2). Так и здесь пророк, выражая одним словом благодеяния, оказанные Богом роду человеческому, говорит: "**человек, будучи в чести, не уразумел**". О какой чести говорит он? Послушай, что говорит он в другом псалме: "**умалил его малым чем пред Ангелами, славою и честью Ты увенчал его**", и, объясняя эту честь, продолжает: "**все покорил под ноги его: овец и волов всех, а также и скот полевой, птиц небесных и рыб морских, проходящих стези морские**" (Пс.8:6-9). Действительно, величайшая честь – предоставить ему владычество над всем видимым, и притом еще ему не сделавшему ничего доброго. Еще не создав его, Бог сказал: "**сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему**", и потом, желая объяснить выражение: "**по подобию**", прибавил: "**и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями**" (Быт.1:26). Это существо небольшое, величиною в три локтя, и столь малое по телесной силе в сравнении с бессловесными животными, Он сделал превосходнейшим пред всеми ими способностью разума, одарив его разумною душою, что и служит знаком величайшей чести. При помощи этой способности человек построил города, рассек моря, возделал землю, изобрел бесчисленные искусства, сделался обладателем свирепейших животных, и – что всего важнее и главнее – познал своего Создателя Бога, приступил к добродетели, узнал, что хорошо, и что нет. Он один из видимых тварей молится Богу; он один удостоился откровений, познал много сокровенного, научился небесному; для него земля, для него небо, для него солнце и звезды, для него течение луны, перемены времен года и разнообразие погоды, для него произрастание плодов, растения и столь многие роды животных, для него день и ночь; для него были посланы апостолы и пророки, для него часто были посылаемы ангелы. Впрочем, нужно ли исчислять многое? Всего исчислить невозможно. Для него Единородный Сын Божий сделался человеком, был распят, погребен, и по воскресении для него было столько страшных знамений; для него закон, для него рай, для него потоп. Действительно, и это величайший для него роль чести – получать исправление посредством благодеяний и наказаний. Для него все бесчисленные

дела промышления, совершенные в прежнее время; и сам будущий суд совершится для его чести. Вот почему и говорит Иов: что есть человек, что Ты привел его на суд (Иов.14:3), подобно как говорит Псалмопевец в другом месте: "**что такое человек, что Ты помнишь его?**" (Пс. 8:5) Для него опять придет Единородный Сын Божий с бесчисленными благами, потому что одни блага Он уже даровал нам, сообщив их чрез крещение и другие таинства и тайноводства, и наполнив землю разными чудесами, а другие обещал даровать, как-то: царство небесное, жизнь вечную, чтобы нам сделаться наследниками Его и царствовать вместе с Ним. Поэтому и сказал Павел: "**если терпим, то с Ним и царствовать будем**" (2Тим.2:12). Представляя все это, пророк справедливо сравнивает с бессловесными животными тех людей, которые предпочли своему благородству порок и сами себя предали страстям животных. Тоже делают и другие пророки, желая таким сравнением возбудить стыд в бесстыдных слушателях. Так один из них говорит: "**это откормленные кони: каждый из них ржет на жену другого**" (Иер.5:8), а другой: "**вол знает владетеля своего, и осел – ясли господина своего**" (Ис.1:3), выражаясь еще сильнее, нежели Давид; Давид сказал: "**сравнялся с несмысленными скотами и уподобился им**", а этот говорит, что они сделались даже безумнее скотов, потому что и "**вол знает владетеля своего, и осел – ясли**

господина своего, а Израиль не знает [Меня], народ Мой не разумеет" (Ис.1:3).

8. Другой премудрый муж, желая показать, что человек ленивый, беспечный и преданный праздности хуже муравьев, отсылает его к ним учиться трудолюбию: "**пойди**", говорит, "**к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготовляет летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою**" также повелевает ему идти к пчеле: "**или пойди к пчеле и познай, как она трудолюбива, какую почтенную работу она производит; ее труды употребляют во здравие**" (Прит.6:6-8. Еккл.11:3). Третий говорит: "**судьи его – вечерние волки**" (Соф.3:4). Еще иной: "**сидела ты для них, как Аравитянин в пустыне**" (Иер.3:2). А сын Захарии говорит: "**порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева?**" (Мф.3:7) Также Исаия: "**высиживают змеиные яйца и ткут паутину**" (Ис.49:5). И сам пророк Давид в другом месте говорит: "**яд аспидов в устах их**" (Пс.139:4); и еще: "**ярость их подобна змеиной**" (Пс.57:5). Таков порок: человека, столь великого, столь славного и украшенного таким достоинством, он доводит до низости бессловесных животных. Поэтому и в настоящем псалме пророк, указав на два вида порока и предоставив другие соображению слушателей, так укоряет преданных им. Подлинно, что может быть безрассуднее человека, который напрасно, тщетно и со вредом для головы своей обходит вселенную и собирает бесчисленные богатства не для себя, а для других, неизвестных ему и даже часто для врагов и ненавистников? Хорошо сказал он: "**оставляют чужим богатство свое**". Что может быть безумнее тех, которые на себя принимают труды и грехи при собирании богатства, а другим предоставляют наслаждаться им? Потом, вместе с любостяжанием, выставляя на вид тщеславие, он с великой силою обличает и этот порок: "**нарекли**", говорит, "**они имена свои на землях**". Что опять может быть безумнее тех, которые поручают свою память и вверяют свою славу камням, деревам, бездушному веществу? Они многих совершенно лишили имущества, ограбили вдовиц, разорили сирот, для того, чтобы сделать великолепное жилище для червей, создать величественные ограды для моли и тления, думая, что чрез это память их будет бессмертною, тогда как все это не может предохранить тела от смерти даже на одно краткое мгновение. "**Путь их – соблазн им, и после того устами своими будут одобрять (его)**" (ст. 14). Какой, скажи мне, "**путь их**"? Усильное искание всего этого, тщетная деятельность, великая страсть к богатству, ненасытная жажда славы. Еще прежде, говорит, будущего наказания, и здесь бывает им соблазн и преткновение. Действительно, этот путь – не малый соблазн, не малое преткновение, не малое препятствие к

преуспеянию в добродетели. Поэтому он и говорит: "**сей путь их – соблазн им**". Хорошо назвал он этот путь соблазном для них. Они связывают сами себя, налагают узы сами на себя. "**И после того устами своими будут одобрять (его)**". Сказанное здесь есть самое тяжкое зло и причина прочих зол. Когда люди, совершающие столько грехов, беззаконий и безумств, ублажают и прославляют самих себя, называют себя достойными подражания и восхищаются своими делами, то, представь, какую великую силу получает злое желание порока, восхваляемого самими совершающими его. В самом деле, если он, и будучи осуждаем, порицаем и обличаем, подвергаясь в совести людей бодрствующих бичеванию, наказанию и ненависти, так бесстыдно процветает и с каждым днем усиливается, то, когда для него не только не будет препятствий, ни обличения, ни угрызения совести, ни сожаления о случившемся, ни раскаяния о сделанном, ни сокрушения, ни воздыханий, ни слез, а будет все противное тому, когда совершающие его будут одобрять самих себя, превозносить себя похвалами, считать себя за это самое лучше других и по совершении прославлять сделанное, – а это и означают слова: "**и после того устами своими будут одобрять (его)**", – то до чего не дойдут они? Действительно, есть люди столь развратные, так глубоко падшие, что и по совершении злого пожелания, когда при виде преступления им особенно следовало бы стыдиться, они радуются, восхищаются, услаждаются сделанным. Грех таков, что прежде его совершения он прикрывает свою гнусность, украшает свою отвратительность опьяняющим удовольствием; но, когда он совершен, когда удовольствие похоти мало-помалу проходит и наступает угрызение совести, наказующее освободившийся от него рассудок, тогда открывается вся его гибельность. А эти люди и после совершения греха, когда видят собранное богатство, воздвигнутые гробницы, оконченные тщеславные здания, вместо того, чтобы сокрушаться и воздыхать, – они и после этого, после совершения греха, после исполнения злого пожелания, еще более предаются недугу. Когда, таким образом, идет дело с их стороны, тогда Бог приступает к Своему делу.

9. Как осуждающие сами себя за свои грехи предупреждают и отклоняют от себя суд Божий, как говорит Павел: "**если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы**" (1Кор.11:31), так напротив страждущие неизлечимой болезнью, согрешающие и не раскаивающиеся в своих грехах, навлекают на себя строгое наказание Божие. Так как и эти люди, которые или похищают чужое, или тщетно и напрасно истрачивают свое, расточая на гробницы, на червей и на моль то, что следовало бы употреблять на бедных, не раскаиваются в делах своих, но остаются неисцельно больными, то, послушай, что потом бывает с ними. Что же бывает? Они подвергаются наказанию от Бога. Поэтому пророк и присовокупляет: "**как овцы, в аду они положены, смерть будет пасти их**" (ст. 15). Не кротость выражает он здесь названием овец (так как что может быть свирепее людей, которые остаются равнодушными при виде обнаженных и истощенных от голода бедных, а украшают жилища для тления, червей и моли?), – но легкость их погибели, скорость угрожающей им опасности, удобоуловимость их для врагов. Действительно, нет ничего слабее человека, живущего порочно. То же будет и с этими людьми: они так будут поражены, так скоро погибнут, отойдут в ад так удобно, легко, быстро, немедленно, как закалаемые овцы. Это – смерть, или еще хуже смерти. Они, после такой кончины, подвергнутся смерти вечной; они отойдут не в лоно Авраама и не в другое какое-нибудь место, но в ад, – место осуждения, наказания и конечной погибели. И здешняя кончина их унизительна и безотрадна, и тамошняя жизнь исполнена мучений. Так и мы имеем обыкновение говорить о людях, скоро погибающих: такой-то погиб, как овца. Как жили они подобно бессловесным животным, так и погибают подобно бессловесным животным, не имея благой надежды на будущее; и не только так, но еще к большему бедствию. "**Смерть будет пасти их**". Здесь, мне кажется, пророк называет смертью тамошнюю погибель, мучение, как и в другом месте говорит пророк: "**душа согрешающая, она умрет**" (Иезек.18:20), выражая не уничтожение бытия, а наказание. Он продолжает

переносную речь. Сказав об овцах, показывает и их пастыря. Кто же этот пастырь? Это – ядовитый червь, нескончаемый мрак, неразрешимые узы, скрежет зубов. Видишь, как они терпят наказание во всем: в жизни, потому что встречали препятствия к добродетели, были рабами и пленниками порока, трудились трудом напрасным и постыдным, – в смерти, потому что окончили жизнь скоро и бесславно, – после смерти, потому что преданы вечной погибели. "**И праведные скоро будут владычествовать над ними**". Так как многие из людей огрубевших и дошедших до бесчувственности камней не имеют ясной и светлой надежды на будущее, но преданы настоящему и видимому, то он и устрашает их этою переносной речью. А потом, когда сказал кратко о будущем, опять говорит об унижении их и наказании в жизни настоящей, показывая, как они слабы, низки, презренны, и хотя бы обладали бесчисленными богатствами, хотя бы облечены были властью, бывают слугами в рабами тех, которые живут добродетельно. Поэтому и говорит: "**и праведные скоро будут владычествовать над ними**", т.е. скоро, постоянно, так что не нужно для этого ни времени, ни труда, ни ожидания. Таково свойство добродетели и порока, что последний служит первой, опасается ее и страшится, хотя бы он был украшен бесчисленными прикрасами и многими отличиями, а та была без всяких украшений и стояла сама за себя. Напротив, скажешь, мы видим, что порочные господствуют над добродетельными? Но не станем смотреть на ошибочное мнение многих, – такое суждение происходит от ложных понятий, – но будем правильно судить о вещах, и ты убедишься, что сказанные слова справедливы. Пусть будет злой господином, и добрый слугою, или лучше, если хочешь, приведем другой высший пример. Пусть будет злой царем, а добрый частным человеком; и посмотрим, кто из них господин другого, на чьей стороне власть, кто из них повелевает и кто – повинуется. Как нам узнать это? Пусть царь прикажет частному человеку сделать какое-нибудь порочное и нечестное дело: как поступит добрый подданный? Он не только не согласится, не послушается, но постарается и самого повелевающего отклонить от намерения, хотя бы за это ему надлежало умереть. Кто же из них свободный? Тот ли, кто поступает по своей воле и не страшится в этом случае царя, или тот, кто презирается подданным? Но, не останавливаясь на неопределенном примере, вспомним, не была ли египтянка, жена Пентефрия, царицею? Не владычествовала ли она над всем Египтом? Не была ли она супругою царя? Не облечена ли была великою властью? А Иосиф, не был ли рабом, пленником, купленным слугою? Не вооружилась ли она против юноши всеми своими средствами, не другому поручив вести войну, но сама, вступив с ним в борьбу? Но кто оказался тогда рабом и кто свободным? Она ли, убеждавшая, просившая, умолявшая, сделавшаяся пленницей не человека, но злейшей страсти, или он, призревший ее диадему, скипетр, и порфиру, и все внешнее великолепие, и разрушивший ее замыслы? Не вышла ли она невыслушанною и потом поработившеюся еще другой страсти, безумному гневу, мщению? А он не вышел ли с главою, украшенной бесчисленными венцами, и не показал ли в самом рабстве еще блистательнее свою свободу?

10. Нет ничего столь свободного, как добродетель, и ничего столь раболепного, как порок. Потому и в другом месте некто говорит: "**разумный раб господствует над беспутным сыном**" (Притч.17:2).

Как пленник, хотя бы он обладал бесчисленными богатствами, потому самому еще более подвергается нападению всех, так и преданный страстям бывает слабее паутины. Например, на войне не добродетельных ли мы видим побеждающими? Также в делах и советах не их ли мнения оказываются твердыми, хотя бы никто не соглашался с ними? А в жизни будущей? Не богатый ли просил, как нищий, капли воды и не получил? А бедный, который был умерен и добродетелен, не наслаждался ли величайшим блаженством, получив одинаковый жребий с Авраамом? Также апостолы, будучи заключаемы в узы, подвергаясь бичеванию и бесчисленным страданиям, не побеждали ли тех, которые

подвергали их этому? Вспомни, в какое недоумение приводили они гонителей своих, которые говорили: "**что нам делать с этими людьми?**" (Деян.4:16)? Они были связываемы и приводимы в судилища, но, тогда как те занимали место судей и начальников, а эти стояли на месте подсудимых, последние побеждали первых. И всегда, если посмотреть внимательно, добродетельный окажется одерживающим победу над нечестивым, победу истинную, не такую, какая обыкновенно бывает у многих, не ложную, суетную и легко ниспровергаемую, но прочную и непоколебимую. "**А помощь им истощится в аду**", т.е. будет бессильна. Смысл этих слов следующий: не только здесь они бывают удобоуловимы, без всякого защитника и без всякого помощника, и открыты для нападения всех, но – что гораздо хуже – не будут иметь и там никакого ходатая, защитника и помощника, который утешил бы их среди страданий. Так, мудрые девы не могли подать помощи неразумным, ни Авраам – богатому, ни Ной, Иов и Даниил – сынам и дщерям. Слово: "**истощится**" значит: ослабеет, уничтожится. "**Ветшающее и стареющее близко к уничтожению**" (Евр.8:13). "**Из славы своей они низринуты**".

Чего они особенно желали, для чего делали все и трудились, т.е. чтобы и по смерти достигнуть великой славы посредством богатства, зданий, гробниц, имен своих, начертанных на гробницах, – и этого, говорит, лишатся они, что причинило бы им величайшую скорбь, если бы они были живы и знали о том. Подобные памятники служат обвинителями умерших. Тело их сокрыто в земле, а камни издают голос, ежедневно осуждая их жестокость и бесстыдство, объявляя их общими для всех врагами, постоянно побуждая проходящих произносить им проклятия, обвинения, порицания. Что же это за слава – оставить после себя обвинителя, который не умолкает, но одним видом своим отверзает уста всех, побуждает всех видящих и проходящих произносить сильнейшие укоризны построившим его? Что может сравниться с таким безумием – воздвигать то, от чего сами они терпят наказание, от чего подвергаются стыду и осуждению, от чего и после смерти тревожатся многими, от чего бывают им проклятия, порицания и бесчисленные укоризны как обиженных ими, так и необиженных? "**Но Бог избавит душу мою от власти ада, когда примет меня**" (ст. 16). Сказав о наказании злых людей, о воздаянии за грех, пророк говорит и о наградах добрым. Так обыкновенно поступают и он и другие пророки, чтобы исправить слушателя и с той и с другой стороны, и наказаниями за грехи, и наградами за добродетели. Участь первых, говорит, бесчестие, тщетный труд, безумие, посмеяние, стыд, погибель, смерть, мучение, вечное наказание, сокрушение, лишение славы и безопасности и при жизни и по смерти, порицание, осуждение, отсутствие всякого утешения в бедствиях; а наша напротив – избавление от наказания, свобода души, безопасность, слава, честь. Все это он выразил словами: "**но Бог избавит душу мою от власти ада, когда примет меня**", называя здесь адом наказания, нестерпимые тамошние мучения. Размысли, сколько чести, не в этом только, но и в том, что сказал он в прибавленных словах. "**Когда**", говорит, "**примет меня**", тогда я узрю Его гораздо яснее, нежели теперь. "**Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу**" (1Кор.13:12). А когда душа будет спасена, тогда и тело получит участие в благах. "**Не бойся, когда разбогатеет человек, или когда увеличится слава дома его**" (ст. 17). Если же так, то почему, говорит, ты боишься настоящего? Почему огорчает тебя бедность? Почему ты страшишься человека богатого? Ты слышал учение о воскресении, награждении добрых и наказании злых: для чего же боишься теней? Тамошние блага тверды и постоянны, а здешние подобны цветам увядающим. Поэтому, оставив все прочее, пророк и нападает на твердыню всех зол – страсть к богатству, потому что когда она ниспровергнута, тогда разрушается и все прочее.

11. Но как, укажешь, мне не бояться людей столь сильных? Кратковременно могущество их, одночасна сила, непрочно благоденствие; теням и сновидениям подобны и богатство,

и роскошь, и такая честь. Поэтому пророк и присовокупляет: "**ибо при смерти он ничего не возьмет, и не сойдет с ним слава его**" (ст. 18), показывая причину, почему не должно бояться временного. Пришла смерть, говорит, подсекла корень, и вся красота вместе с листьями исчезает, и дом предается на расхищение всем. Как овцы и козы нападают на срубленное и брошенное дерево, так точно и к умершим богачам приступают многие из врагов, многие из друзей, многие из облагодетельствованных ими, чтобы расхитить их имущество; и обладавший такими богатствами, имевший столько виночерпиев, поваров, серебряных и золотых чаш, столько десятин земли, домов, слуг, лошадей, мулов, верблюдов и рабов отходит один, так что никто не сопровождает его, отходит, оставляя здесь и сами одежды свои. Действительно, чем великолепнее он был бы одет, тем обильнейшую доставил бы пишу для червей, тем больше возбудил бы жадность гробораскитителей и покушение на его несчастное тело. Подлинно, чем больше он украшается, тем сильнее навлекает на себя оскорбления, вооружая и призывая на себя руки разрывателей могил. Но скажешь: что в том? Зато он здесь веселится и торжествует до самой смерти. Весьма многие и не до смерти; а напротив, когда враги нападали на них, то они страдали более осужденных преступников, лишившись имущества, подвергшись бесчестию и будучи заключены в темнице. Так, сидевший вчера на колеснице, сегодня – в узах; вчера принимавший услуги от льстецов, сегодня окружен палачами; надушенный благовониями обагряется кровью; возлежавший на мягком ложе повергается на жесткий пол; всеми прославляемый презирается всеми. Но, скажешь, и по смерти он получает великолепное и славное погребение. А что в этом ему, ничего не чувствующему? Только больше зловония, больше посрамления, больше зависти; это великолепие служит поводом к постоянной вражде между детьми покойного. И посмотри, как точны выражения и велико любомудрие пророка. Он не только поражает богатого тем, что богатство не отходит вместе с ним, но и здесь разоблачает все его обольщение, показывая, что это – не его богатство, хотя человек и обладает им. Он не сказал: когда умножится **слава его**, но: "**слава дому**[1] **его**". Все это, говорит, что я исчислил, фонтаны, портики, бани, золото и серебро, лошади и мулы, ковры и одежды, есть слава дома, а не человека, живущего в доме.

Слава человека есть добродетель, которая и отходит вместе с приобретшим ее. А эта слава остается славою дома, или, лучше сказать, не остается, а разрушается вместе с домом, и не приносит никакой пользы жившему в нем, потому что была не его славою. "**Хотя душа его при жизни его будет прославляема**" (ст. 19). Сказав о богатстве и славе, теперь пророк говорит о почестях. Так как богатые и об этом много заботятся, о лести на площади, об угождении народа, о похвалах общества, считают за нечто великое – встречать рукоплескания на зрелищах, на пиршествах и в судилищах, провозглашаться всеми и называться достойными подражания, то, смотри, как он показывает ничтожество и этого со стороны продолжительности времени. "**При жизни его**", говорит, т.е. эти угождения, эти прославления бывают только до конца настоящей жизни; а потом, вместе с прочим, уничтожается и это, как временное и тленное, и даже в устах тех же хвалителей обращается в противное после смерти его, когда спадает маска, внушавшая страх. "**Будет прославляема и (даже) признательна тебе, когда оказываешь ему добро**". Смотри, как он осуждает и благодеяния таких людей. Ты льстишь ему, угождаешь, притворно и лицемерно оказываешь какую-нибудь временную услугу; а он, хотя будет воздавать тебе благодарность, но с тем, чтобы ты сделал угодное ему, и когда, таким образом, совершенно подкупить тебя, тогда и будет благодарить тебя. Вот что означают слова: "**будет прославляема и (даже) признательна тебе, когда оказываешь ему добро**". Не сказал: когда сделаешь ему полезное, окажешь благодеяние, но: когда сделаешь угодное ему, окажешь услугу по желанию и по мысли его; указал таким образом вред с обеих сторон, и от лицемерного одобрения, и от злонамеренного угождения. "**Но он пойдет к роду отцов своих: во век не увидит света. И человек, будучи в чести, не уразумел,**

сравнялся с несмысленными скотами и уподобился им" (ст. 20, 21). "**Пойдет**", т.е. будет подражать алчности отцов своих, и, происшедши от злых, наследует злобу их; или иначе: если не сделает ничего доброго, то окажется не получившим никакой пользы от богатства, останется вместе с почившими прежде него во прахе до суда, и не будет в состоянии видеть света по закону природы. Потом, повторяя прежде сказанное, пророк говорит: "**и человек, будучи в чести, не уразумел, сравнялся с несмысленными скотами и уподобился им**". Человек, говорит, который умер таким образом, не употребив на должное богатства своего, нисколько не отличается от бессловесного животного; он не познал чести, данной ему от Бога, и уподобился скотам, для которых смерть есть конец жизни; чего да избавимся все мы, как учащиеся этому, так и учащие, во Христе Иисусе Господе нашем. Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] В русском переводе этого слова нет.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 49

Псалом асафу,

2 Бог богов Господь глагола, и призва землю от восток солнца до запад.

2 От сиона благолепие красоты его:

3 Бог яве приидет, Бог наш, и не премолчит: огнь пред ним возгорится, и окрест его буря зелна.

4 Призовет небо свыше, и землю, разсудити люди своя.

5 Соберите ему прпбныя его, завещающыя завет его о жертвах.

6 И возвестят небеса правду его: яко Бог судия есть.

7 Услышите, людие мои, и возглаголю вам, Израилю, и засвидетелствую тебе: Бог, Бог твой есмь аз.

8 Не о жертвах твоих обличу тя, всесожжения же твоя предо мною суть выну:

9 не прииму от дому твоего телцев, ниже от стад твоих козлов.

10 Яко мои суть вси зверие дубравнии,

1 Псалом Асафа. Бог богов, Господь изрек, и призвал землю от востока солнца и до запада.

2 От Сиона благолепие красоты Его.

3 Бог явно придет, Бог наш, и не будет безмолвен: огонь пред Ним возгорится и вокруг Его сильная буря.

4 Он призовет небо свыше и землю рассудить народ Свой.

5 Соберите Ему преподобных Его, принявших завет Его о жертвах.

6 И возвестят небеса правду Его, ибо Бог есть Судия.

7 Слушай, народ Мой, и Я буду говорить тебе, Израиль! И Я засвидетельствую тебе: Я Бог, твой Бог.

8 Не за жертвы твои Я буду укорять тебя - всесожжения твои предо Мною всегда.

9 Не приму от дома твоего тельцов и от стад твоих козлов.

10 Ибо Мои - все звери лесные, скот на горах и волы.

11 Я знаю всех птиц небесных и украшение

скоти в горах и волове:

11 познах вся птицы небесныя, и красота селная со мною есть.

12 Аще взалчу, не реку тебе: моя бо есть вселенная и исполнение ея.

13 Еда ям мяса юнча? или кровь козлов пию?

14 Пожри Богови жертву хвалы и воздаждь вышнему молитвы твоя:

15 и призови мя в день скорби твоея, и изму тя, и прославиши мя.

16 Грешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания моя и восприемлеши завет мой усты твоими?

17 Ты же возненавидел еси наказание и отвергл еси словеса моя вспять.

18 Аще видел еси татя, текл еси с ним, и с прелюбодеем участие твое полагал еси:

19 уста твоя умножиша злобу, и язык твой сплеташе льщения:

20 седя на брата твоего клеветал еси и на сына матере твоея полагал еси соблазн.

21 Сия сотворил еси, и умолчах, вознепщевал еси беззаконие, яко буду тебе подобен: обличу тя и представлю пред лицем твоим грехи твоя.

22 Разумейте убо сия, забывающии Бога, да не когда похитит, и не будет избавляяй.

23 Жертва хвалы прославит мя, и тамо путь, имже явлю ему спасение мое.

полей всегда предо Мною.

12 Если бы Я взалкал, не сказал бы тебе (о сем): ибо Моя вселенная и что наполняет ее.

13 Ужели Я ем мясо волов и пью кровь козлов?

14 Принеси Богу жертву хвалы и исполни пред Всевышним обеты твои,

15 И (тогда) призови Меня в день скорби твоей, и избавлю тебя, и ты прославишь Меня.

16 Грешнику же сказал Бог: зачем ты проповедуешь уставы Мои и содержишь завет Мой устами твоими?

17 Ведь ты возненавидел наставление и поверг слова Мои вспять:

18 Если ты видел вора, то спешил вместе с ним, и с прелюбодеем имел участие.

19 Уста твои размножали злословие, и язык твой сплетал коварства.

20 Сидя (в собрании) на брата твоего ты клеветал и для сына матери твоей полагал соблазн.

21 Ты это сделал, а Я умолчал; ты подумал беззаконие, будто Я буду тебе подобен. Я обличу тебя и представлю пред лицем твоим грехи твои.

22 Уразумейте же это, забывающее Бога, дабы Он не восхитил (вас), и (тогда) никто не избавит.

23 Жертва хвалы прославит Меня: и это путь, коим Я явлю ему спасение Мое.

"**Псалом Асафа. Бог богов, Господь изрек, и призвал землю от востока солнца и до запада**" (ст. 1).

1. И в другом месте тот же пророк говорит: "**Бог стал в сонме богов**"; и еще: "**Я сказал: вы – боги**" (Пс.81:1,6). Также Павел: "**есть много богов и господ много**" (1Кор. 8:5), и Моисей: "**судей не злословь и начальника**" (Исх.22:28), и в другом месте: "**тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих**" (Быт.6:2), и еще он же: "**кто будет злословить Бога своего, тот понесет грех свой; хулитель имени Господня должен умереть, камнями побьет его все общество**" (Лев.24:15,16). Также: "**боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес**" (Иер.10:11). На кого же таким именем указывает Писание в этих свидетельствах и о каких здесь говорит богах? О властителях. Поэтому оно и присовокупляет: "**судей не злословь и начальника в народе твоем не поноси**" (Исх.22:28). Так же называет оно и тех, которые произошли от какого-нибудь благочестивого предка. Так Енос, отличавшийся великой добродетелью, был назван именем Божиим; и когда потомки его и потомки брата его стали смешиваться между собою, то Писание назвало сынами Божиими происшедших от этого добродетельного мужа. "**Тогда начали**", говорится, "**призывать имя Господа Бога**" (Быт. 4:26). Также народ иудейский почтен этим названием в словах: "**Я сказал: вы – боги и все – сыны Вышнего**" (Пс.81:6). Бог назвал так этот народ по своему человеколюбию. Таким образом объясняется и следующее изречение: "**кто будет злословить Бога своего, тот понесет грех свой**", т.е. кто злословит властителя, "**хулитель имени Господня должен умереть, камнями побьет его все общество**", т.е. кто присвояет имя истинного Бога неистинным богам. Такой грех не простителен, почему и наказание за него тягчайшее. Называются этим именем и языческие боги, но не по достоинству и не по праву на такое название, а по обольщению заблудившихся и назвавших их таким именем. Потому и Павел говорит: "**хотя и есть так называемые боги**" (1Кор.8:5), выражая, что они не суть истинные боги и называются так не по достоинству. О каких же богах пророк говорит здесь: Бог богов? Мне кажется – о языческих, не как об истинных, но как почитаемых такими от людей заблудившихся. Так как иудеи были еще грубы и не вполне чужды идолослужения, но были склонны к идолам и имели много остатков беззакония, то он очищает мысли их и от этого, показывая, что Бог есть Господь и тех богов. Действительно Он есть Господь и бесов, т.е. самого существа их; а злые мысли и всякое зло от них происходит. Мне кажется, что этот псалом имеет связь с предыдущим. И здесь написано обличение и осуждение грешников; только там пророк призывал к слушанию всю вселенную, а здесь – сами стихии, распростертые по всей вселенной. Здесь другое зрелище, другое собрание: там – народы, земнородные, богатый, бедный; здесь – небо и земля, и сам Бог представляется судящимся и оправдывающимся пред народом иудейским. Поэтому нам нужно иметь и больше внимания. Тоже делает и другой пророк, – представляет Бога судящимся и призывает в судии дебри и основания земли: "**слушайте**", говорит, "**горы, суд Господень, и вы, твердые основы земли: ибо у Господа суд с народом Своим, и с Израилем Он состязуется**" (Мих.6:2); и еще: "**Я еще буду судиться с вами, говорит Господь, и с сыновьями сыновей ваших буду судиться**" (Иер.2:9). И во многих местах Писаний можно видеть такое изображение; оно особенно поразительно, достойно человеколюбия Божия, и показывает неизреченную благость Бога, снисходящего до того, чтобы судиться с людьми. "**От Сиона благолепие красоты Его**" (ст. 2). Это изречение заключает в себе нечто и пророческое и историческое, потому что и в ветхом завете отсюда же было благолепие Его. Храм, святое святых, все богослужение и учреждение ветхозаветного законодательства, множество священников, жертвы; и всесожжения, священные песнопения и псалмы, и все прочее отсюда; и образ будущих благ там же был предначертан. Когда наступило время придти истине, то опять она там же открылась в начале. Оттуда воссиял крест; оттуда бесчисленные благодеяния. Вот почему Исаия, описывая закон нового завета, говорит: "**от Сиона выйдет закон, и слово Господне – из Иерусалима**" (Ис.2:3). Сионом он называет здесь целую страну и город, лежащий в ней, столицу иудеев. Оттуда апостолы, как быстроногие кони из какой-нибудь ограды, были посланы во всю вселенную; оттуда они начали совершать знамения; там было воскресение

и вознесение (Христово); там – преддверие и начало нашего спасения; там первоначально стали возвещаться неизреченные догматы; там прежде открылся Отец, познан Единородный Сын, дана такая благодать Духа; там апостолы начали проповедь о бестелесных предметах, о дарованиях, силах и обетовании будущих благ. Все это представляя, пророк называет "**красотою Его**", потому что благолепие и красота Божия есть Его благость, человеколюбие и благотворение всем. "**Бог явно придет, Бог наш, и не будет безмолвен: огонь пред Ним возгорится и вокруг Его сильная буря**" (ст. 3). Видишь, как он постепенно прояснеет речь, раскрывает сокровище, бросает светлейший луч: "**Бог явно**", говорит, "**придет**". Когда Он приходил не явно? Когда? В первое Свое пришествие. Тогда Он пришел без шума, для многих оставаясь неизвестным и долго не открываясь. Что я говорю – для многих, когда и сама Дева, носившая Его во чреве, не знала (всей) неизреченной тайны, и братья Его не веровали в Него, и мнимый отец не думал видеть в Нем ничего великого?

2. Но что я говорю о людях? И сам диавол не знал Его, потому что если бы он знал, то не спрашивал бы Его спустя столько времени на горе: "**если Ты Сын Божий**", – сказав это один, два и три раза (Мф.4:3,6). Потому и Иоанну, который начинал открывать Его, Он сказал: "**оставь теперь**", т.е. умолчи теперь, потому что еще не пришло время открыться тайне домостроительства; Я хочу еще скрываться от диавола; умолчи же, "**ибо так надлежит нам**" (Мф.3:15). Также сходя с горы, Он повелел не сказывать никому, что Он – Христос (Мф.17:9). Тогда Он приходил, как пастырь, найти заблудшую овцу и уловить одичавшую добычу, почему и прикрывал Себя. Как врач не вдруг показывает себя страшным больному, так и Он хотел открыться не в самом начале, но мало-помалу и постепенно. Вот почему тот же пророк, изображая тихое пришествие Его, сказал впоследствии: "**сойдет, как дождь на руно и как капля, падающая на землю**" (Пс.71:6). Он пришел не с шумом, не производя смятения, не колебля земли, не метая молний, не потрясая неба, не посылая множества ангелов, не расторгая тверди и не сходя на облаках, но мирно носимый во чреве Девы в течение девятимесячного времени, рождается как сын плотника, полагается в яслях и бедных пеленах, терпит гонение и бежит с матерью в Египет. Потом, по смерти беззаконника, возвращается, ходит то туда, то сюда, по виду как один из обыкновенных людей, имея бедную одежду и скудную пищу и постоянно путешествуя, так постоянно, что даже утомляется на пути. А после Он придет не так, но столь явно, что пришествие Его даже не будет иметь нужды в провозвестнике. Поэтому Он Сам, показывая очевидность своего будущего пришествия, говорил: если услышите: "**вот, Он в пустыне", – не выходите; "вот, Он в потаенных комнатах", – не верьте; ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого**" (Мф.24:26); оно само покажет себя и возвестит о себе. И с молнией бывает то же: мы не имеем нужды, чтобы кто-нибудь возвещал о ней; но как скоро она является, то и делается видимою для всех, и в одно время для всех. Так и Павел говорит: "**Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба**" (1Фес.4:16). Так и пророк видел Его несомым на облаках, реку, текущую пред Ним, страшное седалище и неумолимый суд (Дан.7:9). Тогда будет время суда и осуждения; поэтому тогда Он явится уже не как врач, но как судия. Таким образом Даниил видел и престол Его, и реку, протекающую пред Его седалищем, и все это являлось ему огненным, и колесница и колеса. А вначале, при первом Своем пришествии, Он не являл ничего такого, ни огня, ни реки, ни чего-нибудь другого подобного, но тогда были ясли, гостиница, хижина и бедная мать. С другой стороны пророк выражает здесь Его непреложность и неизменяемость. Так как он сказал, что Седящий на престоле имеет волосы чистые, как волна, и одежду белую, как снег, то, чтобы ты разумел не волосы и одежду, а чистоту и светлость, он представляет все в огне. "**Огонь пред Ним возгорится и вокруг Его сильная буря**". Такими подобиями и этот пророк выражает непреложность, неизменяемость, светлость и неприступность Божию. Он не ограничивается только огнем,

но, желая показать силу Его наказания, присовокупляет: "**сильная буря**". Словом: "**буря**" (cataigiV) называется или тяжелая глыба снега, которая увлекает и ниспровергает все ей встречающееся, или сильное стремление ветра, которое производит то же самое и бывает невыносимо для идущих ему навстречу. Желая выразить тяжесть этого наказания, он и употребляет такие сравнения. "**Он призовет небо свыше и землю рассудить народ Свой**" (ст. 4). Опять упоминает о стихиях, от которых произошло бесчисленное множество благ для рода человеческого, не только в отношении к жизни и составу тела, но и в отношении к богопознанию. В самом деле, красота, величие, расположение и сущность этих стихий и всего, что происходит из них, что бывает вообще во всякое время, и что часто в отдельных явлениях, все это питает и устрояет тела наши и руководит к познанию Создателя. Потому и Павел говорит: "**невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы**" (Рим. 1:20); и еще: "**когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией**" (1Кор.1:21), т.е. премудростью, которая является в тварях и составляет не малое, но весьма великое и весьма ясное вразумление. И то, что происходит чрез них хотя ежедневно, кажется совершающимся по естественному порядку вещей, но также возвещает Создателя. Подлинно, Господь есть создатель природы.

3. Не удивляйся, что пророк, говоря о всеобщем суде, обращает речь к иудеям. Так и Павел говорит: "**ярость и гнев, скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых, Иудея, потом и Еллина!**"; и еще: "**те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут; а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся**" (Рим.2:8,9,12). "**Соберите Ему преподобных Его, принявших завет Его о жертвах**" (ст. 5). Для чего он называет здесь преподобными тех, которых намеревается обвинять и судить? Для того, чтобы усилить обвинение и указанием на их достоинство выразить большее наказание. Так и мы, когда видим кого-нибудь согрешившим и хотим сильнее укорить его, называем его по его званию, чтобы тем сделать для него осуждение более тяжким, и говорим: призови диакона, или священника. Иудеи назывались царским священием и народом избранным и много превозносились этим: отсюда он и раскрывает важность их преступлений. "**Принявших завет Его о жертвах**". Так как они, совершая бесчисленное множество грехов, допуская столько видов зла, похищая чужое, предаваясь корыстолюбию, убивая, прелюбодействуя, смешивая кровь с кровью, думали, что они совершают много доброго и исполняют закон и завет, когда приносят в жертву овец и тельцов, то он с этой стороны укоряет их и, смеясь над ними, говорит: "**принявших завет Его о жертвах**", т.е. думающих, что для их спасения достаточно приносить в жертву тела бессловесных животных. "**И возвестят небеса правду Его, ибо Бог есть Судия**" (ст. 6). Здесь он опять, желая показать светлость, ясность, очевидность, непререкаемость, известность правды Божией, представляет неодушевленные стихии возвещающими ее таким же образом, как сказано было прежде. "**Ибо Бог есть Судия**", т.е. определяющий должное каждому. Не напрасно он употребил здесь слово: "**Судия**", но дабы показать, что Бог и Сам праведен и другим воздает тем же. О Боге слово: **судия** употребляется вместо: **праведный**, как и Павел выражается в словах: "**Ибо иначе как Богу судить мир?**" (Рим.3:6) В том ведь преимущественно и состоит суд, то преимущественно и значит быть судиею, чтобы не только произносить приговор, но произносить его справедливо. Судимы же будут как иудеи, жившие тогда, так и грешившие после в новом завете: первые будут иметь своими обвинителями природу и закон, а последние кроме того все сделанное для них Христом. В самом деле, что они могут сказать, или какую представить причину, почему они не уверовали? Но, прошу вас, внимайте словам моим, чтобы вы могли заграждать уста противникам. Лучше им теперь потерпеть от нас поражение и исправиться, нежели отойти туда, считал себя победителями, и быть осужденными общим Судиею вселенной. Что же могут сказать иудеи, почему они умертвили Христа? Какую вину, малую или великую, они находят в Нем? "**За то, что Ты, будучи человек, делаешь**

Себя Богом" (Ин.10:33)? Но не эти были слова их во время крестных Его страданий, а другие; тогда они не говорили: "**делаешь Себя Богом**", но: "**всякий, делающий себя царем, противник кесарю**" (Ин.19:12). Между тем они же часто хотели поставить Его царем, а Он скрывался. Но прежде, скажешь, они обвиняли Его, что Он делал Себя Богом. Что же? Если бы Он называл Себя Богом ложно и несправедливо, на самом деле, не будучи Богом, то обвинение имело бы основание; если же справедливо, то следовало покланяться Ему, а не распинать Его. Посмотрим же, точно ли Он, не будучи Богом, делал Себя Богом, т.е. показывал и называл. Но откуда хочешь ты узнать это? Из тогдашних ли событий, или настоящих, или бывших при Его рождении? Кто родился когда-нибудь от Девы? Кто показал такую звезду? Кто вел волхвов таким путем, не силою и принуждением, но убеждением и откровением? Видишь ли, как вся тварь узнала Владыку? Природа первая уступает, не противится, не противоречит, не говорит: не допускаю такого рождения, я не умею производить дитяти из девственного чрева, я не могу сделать матерью без брака, – но отступает и переходит свои пределы, потому что узнала своего Владыку. Потом, когда Он родился, сошли ангелы, возвещая, что Живущий на небесах явился на земле; земля стала небом, так как здесь был царь, и волхвы поклонились Ему, пришедши издалека; младенец лежал в яслях в Палестине, а пришедшие из варварской страны оказали Ему такую честь и почитание, какие следует оказывать Богу. Впрочем, может быть, они не примут этих знамений, а потребуют других, бывших при настоящем поколении. Но у нас нет недостатка и в таких доказательствах. Такова истина: она изобилует доказательствами. Здесь-то особенно они и не могут представить никакой тени опровержения. Так, хотя ты не был тогда, когда Он рождался от Девы, но должно верить пророку, который говорит: "**се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил**" (Ис.7:14). Хотя ты не был тогда, когда Он, облекшись плотью, ходил по земле, и Владыка обращался с рабами, но спроси Иеремию, и он скажет тебе так: *"***сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю. После того Он явился на земле и обращался между людьми***"* (Вар.3:36-38).

4. И касательно всех прочих событий пророки, которых книги ты доселе напрасно пересматриваешь и перевертываешь с этою целью, ясно возвещают все. Впрочем, опровержения против иудеев мы часто высказывали, и будем высказывать; теперь же обратимся к своему предмету. "**И возвестят небеса правду Его, ибо Бог есть Судия**". Здесь, кажется мне, он говорит об Его правде, о великом Его попечении, о человеколюбии к самым иудеям, о многоразличном и разнообразном промышлении Его о всех людях, посредством творения, закона, благодати, видимого, невидимого, пророков, ангелов, апостолов, наказаний, благодеяний, угроз, обетований, порядка вещей во времени. "**Слушай, народ Мой, и Я буду говорить тебе, Израиль! И Я засвидетельствую тебе: Я Бог, твой Бог**" (ст. 7). Посмотри опять, какая благость и кротость в самом начале речи. Как человек стал бы говорить человеку беспокойному и беспорядочному: если ты будешь слушать, то я буду говорить, если будешь внимать, то я скажу, – так и Владыка говорит рабам: если "**слушаете**" Меня, то "**буду говорить**". Действительно, они были ленивы и беспечны и даже на краткое время не прилагали спокойно слуха своего к чтению законов. Выражая это, один пророк, живший в Персии, говорил: "**ты для них – как забавный певец с приятным голосом**" (Иез.33:32). Они часто говорили пророкам, чтобы те не пророчествовали, и даже прогоняли их и казались недовольными. И царь угрожал одному пророку и приказывал не проповедовать народу (Иер.32:3). "**Я Бог, твой Бог**". Не напрасно здесь употреблено повторение, но так как Он говорил к людям бесчувственным, ожесточенным и ослепленным, то и напоминает о Своем владычестве, полагая прекрасное начало дальнейшему наставлению и внушая, что они обязаны Ему свободою, и, по справедливости, должны были бы отдать Ему долг, как рабы Владыке, как творения Творцу, как получившие величайшие благодеяния и удостоившиеся такой чести. "**Не за**

жертвы твои Я буду укорять тебя - всесожжения твои предо Мною всегда" (ст. 8). Так обличают их и другие пророки, потому что они, презрев важнейшую часть добродетели, в жертвоприношениях полагали надежду спасения. В оправдание свое они готовы были говорить: мы приносим жертвы, мы совершаем всесожжения. Но Я, говорит Бог, пришел не за это судить вас, и не за то обвинять, будто вы презрели это. Исаия еще сильнее укоряет их так: " **к чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. Когда вы приходите являться пред лице Мое, кто требует от вас, чтобы вы топтали дворы Мои**?" (Ис.1:11,12) Хотя (в законе) много сказано о жертвах, но Бог давал законы о них не потому, чтобы особенно желал их, но по снисхождению к немощи иудеев. Также Иеремия говорит: "**для чего Мне ладан, который идет из Савы, и благовонный тростник из дальней страны?**" (Иер.6:20) Вообще все пророки говорят, что в этом нет ничего важного. Поэтому и сам Бог, начиная речь, говорит так: "**Я Бог, твой Бог**", выражая и этим, что тот способ служения не достоин Его.

Подлинно, Бога должно чтить не дымом и смрадом, но доброю жизнью, не телесной, а духовной. Не так поступают бесы языческие; они даже требуют себе жертв. Это выражает и один из греческих стихотворцев, когда говорит: **мы получили этот жребий** (Илиад. 4:49). Но не таков наш Бог. Те, жаждая крови людей, желая мало-помалу приучить их к убийствам, постоянно требовали этого; а Он, желая мало-помалу отклонить их от убиения и бессловесных животных, сделал им только снисхождение, дозволил жертвы, чтобы уничтожить жертвы. "**Не приму от дома твоего тельцов и от стад твоих козлов. Ибо Мои – все звери лесные, скот на горах и волы. Я знаю всех птиц небесных и украшение полей всегда предо Мною**" (ст. 9-11). Смотри, как Он мало-помалу возводит мысли преклонившихся к земле, очищая ослепленный ум их и внушая, что Он учредил жертвы не потому, чтобы нуждался в них, и установил в законе не потому, чтобы одобрял их. Если бы, говорит, Я хотел принимать такое служение, то, имея в Своей власти всю подсолнечную и будучи Создателем всего, назначил бы Себе для приношения обильнейшие жертвы. Далее, смеясь над ними и стыдя их, чтобы сделать обличение более разительным, Он говорит: "**если бы Я взалкал, не сказал бы тебе (о сем): ибо Моя вселенная и что наполняет ее**" (ст. 12). Так как Он дозволил жертвоприношения для того, чтобы мало-помалу отклонить от них иудеев, а они привязались к столь маловажной вещи и не получили себе никакой пользы от такого снисхождения, то, беседуя с ними несколько чувственно и человекообразно, Он говорит: "**если бы Я взалкал, не сказал бы тебе (о сем)**", т.е. Я не алчу, потому что Бог **ниже взалчет, ниже утрудится**; и если бы Я хотел принимать такое служение, не имел бы недостатка в бесчисленных жертвах и всесожжениях. Все это предо Мною в великом изобилии; но будучи Господом и Владыкою всего, Я хочу получать от тебя Свое, чтобы этим путем привлечь тебя к Моей любви и отклонить от привязанности к пустым вещам.

5. Потом, опять возводя их к высшему, Он говорит: "**ужели Я ем мясо волов и пью кровь козлов?**" (ст. 13) Я, говорит, запретил и людям делать это и назначил величайшее наказание тем, которые едят кровь (Лев.7:16): как же могу Я нуждаться в крови, когда отклоняю рабов Своих от такой пищи? Отвергнув, таким образом, все это, показав, что это недостойно Его, присоединив к обличению и насмешку, Он не останавливается на этом, но показывает другой способ жертвоприношения, который составляет род превосходнейшего врачевания, отклоняя от вещей бесполезных и прилагая к ранам то, что может исцелить их. Окончив речь о вышесказанном, он говорит: "**принеси Богу жертву хвалы и исполни пред Всевышним обеты твои**" (ст. 14). Как? Без крови, – потому что такая жертва особенно достойна Бога. Поэтому, сказав: "**принеси Богу**", он прибавляет: "**жертву хвалы**", т.е. благодарности, священных песнопений, прославления Его посредством дел. Смысл слов его следующий: живи так, чтобы прославлялся твой

Владыка. Этому и Христос учил, сказав: "**да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Мф.5:16). "**Хвала**" есть не что иное, как похвала, слава, прославление. Живи так, чтобы прославлялся твой Владыка, и ты принесешь совершенную жертву. Такой жертвы требует и Павел, когда говорит: "**представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу**" (Рим.12:1); и тот же пророк в другом месте говорит: "**восхвалю имя Бога моего песнею, возвеличу Его хвалением. И (это) будет угодно Богу более, нежели юный телец, с подрастающими рогами и копытами**" (Пс.68:31,32). Такую жертву приносил Иов, когда, после ударов, превышавших природу человеческую, благодарил и говорил такие слова: "**Господь дал, Господь и взял; [как угодно было Господу, так и сделалось;] да будет имя Господне благословенно!**" (Иов.1:21). "**И исполни пред Всевышним обеты твои**". Здесь пророк говорит о молитвах, чтобы мы постоянно пребывали в молитве и с поспешностью воздавали Богу то, что обещали. Хорошо сказал он: "**исполни**", потому что после обещания дело становится долгом. Так Анна отдала сына, как величайший долг (1Цар.1:28). Так и ты, если дашь обет милосердия, целомудренной жизни, или чего-нибудь другого подобного, спеши исполнить его. Если же кто выполнил в точности обещанное, то, хотя бы он и не давал других обетов, и для него обязательны дела добродетели. Внушая это, Христос говорил: "**сделали, что должны были сделать**", и при этом сказал притчу о рабе, которому назначена была самая малая работа, но по исполнении ее приказано не возлечь, а ходить и служить (Лук. 17:7-10). И другой некто говорит: "**когда даешь обет Богу, то не медли исполнить его, потому что Он не благоволит к глупым: что обещал, исполни**" (Еккл.5:3). Ты сделал обет? Исполни его, чтобы смерть, пришедши не воспрепятствовала. Но что, скажешь, мне до этого, когда я не властен в своей жизни? Потому-то и не следует медлить, что тебе неизвестна кончина, что ты не властен в своей жизни и смерти. Так, кажущееся оправдание служит обвинением. Не смерть бывает причиною неисполнения обета, но твоя запоздалость и медленность. "**И (тогда) призови Меня в день скорби твоей, и избавлю тебя, и ты прославишь Меня**" (ст. 15). Видишь ли великий преизбыток воздаяния? Что может сравниться с таким человеколюбием, когда Бог дает награды за саму добродетель, награды гораздо большие трудов, и притом дает в самое нужное время? Для чего сказал Он: "**призови Меня**"? Для чего Он ожидает, чтобы мы призвали Его? Для того, чтобы произвести в нас большую привязанность, пламеннейшую любовь к Нему чрез то, что Он будет давать, а мы – призывать Его и получать. Подлинно, добродетель производит привязанность к Богу, и воздаяние производит то же самое, и молитва также укрепляет эту привязанность. Потому Он и говорит: дай Мне, и Я дам тебе. Даже вместе с тем, как ты даешь, ты получаешь, – потому что Он не нуждается ни в чем. Так, если ты будешь кроток, умерен, целомудрен, то Богу не прибавляешь ничего, а самого себя делаешь чистыми лучшим, – и, однако за это Он назначает тебе величайшие награды и венцы, как будто ты доставил Ему пользу. И еще прежде тех венцов ты наслаждаешься не малым удовольствием, пользуясь спокойствием совести и окрыляясь благими надеждами. "**Днем скорби**" пророк называет здесь не дни несчастий или неблагоприятных обстоятельств, но то время, когда грех нападает на тебя, когда диавол осаждает тебя, внушая злые пожелания, ты получишь, говорит, великую помощь. "**И избавлю тебя, и ты прославишь Меня**". И это опять Бог говорит не потому, чтобы Он имел нужду в прославлении от нас, – как может нуждаться в нем Бог славы? – но потому, что при благодарственных песнопениях бывает воспоминание о благодеянии, возбуждается пламеннейшая к Нему привязанность, и, прежде всего, получается высочайшее блаженство.

6. Не погрешит тот, кто скажет, что "**днем скорби**" пророк называет здесь и будущий день: там будет скорбь непрестанная. Здесь и смерть наступающая прекращает бедствия, и друзья утешающие, и конец вожделенный, и часто надежда на перемену обстоятельств, и продолжительность времени смягчают страдания души, равно как и бедствия ближних,

потому что иметь участников в скорбях и видеть другие подобные примеры для многих кажется великим утешением. А там нет ничего такого; нет никого утешающего, но все лишены друзей; ни продолжительность времени не смягчает страдания, потому что как это может быть, если пламень действует постоянно? – ни надежда на освобождение, – потому что это наказание вечно, – ни ожидание смерти, – потому что это мучение бесконечно и наказываемые тела бессмертны, – ни то, что для многих кажется утешением, т.е. чтобы видеть других страждущими. Во-первых, там невозможно видеть других страждущих, потому что мрак, подобно какой-нибудь ограде, затемняет зрение; притом чрезмерное страдание не позволяет даже чувствовать такое утешение. Так богач не получал отсюда никакого утешения, равно как и скрежещущие зубами. "**Грешнику же сказал Бог: зачем ты проповедуешь уставы Мои и содержишь завет Мой устами твоими?**" (ст. 16). Видишь ли совершенную лиру, стройную цитру, издающую в различных звуках гармоническую песнь? Ту же мысль можно находить и у апостолов и у других пророков; и Павел также внушает, что тому нет никакой пользы учить других, кто предварительно не научил самого себя. Так как иудеи превозносились и жертвами, и тем, что имели закон, и называли себя учителями других, то он доказывает, что они получают от того небольшую пользу, если сами остаются невеждами, и, сильно укоряя их, говорит: "**как же ты, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? говоря: "не прелюбодействуй", прелюбодействуешь? гнушаясь идолов, святотатствуешь? Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога?**" (Рим.2:21-23). Поэтому и о себе он говорил: боюсь, "**проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (1Кор.9:27), низлагая гордость тех, которые превозносились красноречием, а сами были чужды добродетели. Ту же речь с другой стороны он обращает к иудеям, когда говорит: "**ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон**"; и еще: "**не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут**" (Рим.2:14,13). И пророк говорит: "**учители закона не знали Меня**" (Иер.2:8); и еще: "**лживая трость книжников и его превращает в ложь**" (Иер.8:8). Почему? Потому, что "**аист под небом знает свои определенные времена, и горлица, и ласточка, и журавль наблюдают время**; **а народ Мой не знает определения Господня**" (Иер.8:7). А этот пророк говорит, что не соблюдающий добродетели не только не получает никакой пользы, поучая других, но и сам лишается своего преимущества. Если в мирских судилищах погрешивший наказывается бесчестием молчания, то как, говорит, в общем училище может иметь голос тот, кто предан греху? Это училище гораздо важнее того судилища. Там осужденные получают наказания, а здесь все делается для того, чтобы согрешившие не наказывались, но покаянием исправляли грех. И в царских дворцах не может быть истолкователем царского слова никто из обличенных в развратной жизни. Для чего же ты "**проповедуешь уставы Мои**", и учишь других, тогда как сам делаешь противное, опровергая жизнью своею слова свои, и отвращаешь тех, кто хотел бы слушать тебя? Ведь ты не столько научаешь словами, сколько отвращаешь делами. Поэтому и Христос хвалит того учителя, который преподает совершенное учение и делами и словами: "**кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном**" (Мф.5:19). Итак, пусть твоя жизнь чистым голосом научает тому же; тогда, хотя бы ты заградил свои уста, ты будешь провозглашать громче трубы не только для присутствующих, но и для находящихся вдали. Так небо возвещает славу Божию, не имея уст, не двигая языком, не испуская дыхания, но красотою вида располагая зрителя удивляться Создателю. Что там на небесах – красота вида, тем же пусть будет в твоей душе добродетель. Если же ты, будучи сам осквернен и имея против себя множество обвинителей и, прежде всего собственную совесть, домогаешься занять кафедру учителя, то, когда станешь обличать пороки, будешь обличать не столько других, сколько самого себя. "**И содержишь завет Мой устами твоими**", – потому что сердце бывает чуждо плодов, происходящих отсюда, и уста движутся напрасно и даже к осуждению самого говорящего. А если бы кто посмотрел в

его душу, то увидел бы великую борьбу. "**Ведь ты возненавидел наставление и поверг слова Мои вспять**" (ст. 17). "**Наставлением**" здесь он называет изучение закона, которое исправляет душу, прогоняет порок и насаждает добродетель. Как же ты берешься сеять его в других, когда сам не имеешь его в делах своих? Ты ведь "**возненавидел**", говорит, "**и поверг слова Мои вспять**".

7. Таким образом ты не только не получил никакой пользы от изучения закона, но исказил и то, что имеешь от природы. Основания того, что должно делать и чего не должно, внедрены в нас от природы; а ты отверг их и не содержишь в памяти. "**Если ты видел вора, то спешил вместе с ним, и с прелюбодеем имел участие**" (ст. 18). Так как невозможно найти человека совершенно безгрешного, о чем некто сказал: "**кто может сказать: "я очистил мое сердце, я чист от греха моего?**" (Притч.20:9), и Павел, сказав: "**хотя я ничего не знаю за собою**", прибавил: "**но тем не оправдываюсь**" (1Кор.4:4), и *праведный себя самого обвиняет в первословии*, т.е. грехов своих (Притч.18:17), то, чтобы никто не мог сказать: если все во грехах, а грешнику Бог запрещает "**проповедовать уставы Его**", то кто же будет возвещать их? – чтобы кто-нибудь не сказал этого, пророк исчисляет роды грехов в частности. "**Есть грех к смерти**" (1Ин.5:16), как и Илий говорил: "**если согрешит человек против человека, то помолятся о нем Богу; если же человек согрешит против Господа, то кто будет ходатаем о нем?**" (1Цар.2:25) И по закону одни грехи были неисцелимы, так что наказывались смертью, а другие получали весьма скорое врачевание. Так и Христос в новом завете говорит: "**если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает,**

то да будет он тебе, как язычник и мытарь" (Мф.18:15-17). В другое время, когда Петр спросил: "**сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня?**", то услышал в ответ: "**до седмижды семидесяти раз**" (Мф.18:21,22); а здесь Христос учит, что после двух внушений грех делается великим, и не позволяет ожидать долее. Что же? Не противоречит ли одно другому? Нет; но "**до седмижды**", говорит, "**семидесяти раз**" тогда, если тот покается. А как станет кто-нибудь отпускать тому, кто не сознается, что он согрешил, и не кается? Так и врачу, от которого желаем получить лекарство, мы показываем рану. О каком же грешнике говорит здесь Писание? Выслушаем внимательно. Пророк описывает его следующим образом: "**если ты видел вора, то спешил вместе с ним, и с прелюбодеем имел участие. Уста твои размножали злословие, и язык твой сплетал коварства. Сидя (в собрании) на брата твоего ты клеветал и для сына матери твоей полагал соблазн**" (ст. 18-20). Видишь ли черты порока, изображенные как бы на картине, и как чрез пороки нечестивый делается подобным зверю, искажая благородство своей природы? Поэтому мы не поверхностно взглянем на эту картину, но рассмотрим ее тщательно и подробно. "**Если ты видел вора**", говорит, "**то спешил вместе с ним**".

Это – причина всех зол; то особенно вредит добродетели и ослабляет ревность многих к добру, когда некоторые не только не обличают грешников, но еще сорадуются им. Это не меньше самого греха. Послушай Павла, который говорит: "**не только их делают, но и делающих одобряют**" (Рим.1:32). Не маловажен и тот грех, когда кто-нибудь, хотя сам не делает зла, но сорадуется злу. Согрешающий может указать на крайность, сослаться на бедность, хотя такие оправдания не основательны, а ты почему одобряешь сделанное им, даже не получая от того никакого удовольствия? Он, может быть, раскается; а ты затворяешь для себя и эти двери, отвергаешь и это врачество, лишаешь себя и этого утешения, заграждая для себя со всех сторон путь к покаянию. Когда он увидит, что ты, не

участвующий в грехе и обязанный обличать, не только не обличаешь, но и прикрываешь, и не только прикрываешь, но и содействуешь, – то, что он подумает о себе самом, что – о сделанном поступке? Многие из людей часто не по одному собственному соображению судят о том, что должно делать, но и соблазняясь мнением других. Если согрешивший увидит, что все отвращаются от него, то подумает, что он сделал великое зло; а если увидит, что другие не только не оскорбляются и не отвращаются, но кротко сносят и благосклонно обращаются с ним, то, исказив суд своей совести, при содействии одобрения многих неправому его мнению, на что он не решится? Когда же он осудит себя и перестанет грешить безбоязненно? Итак, кто делает зло, тот должен осуждать самого себя, потому что это путь к удалению от зла; и кто не делает добра, тот должен хвалить добро, потому что готовность есть путь к деятельности. А здесь пророк говорит о человеке, который одобряет совершаемые грехи, почему и справедливо обличает его со всею силою. Если порок, будучи обличаем, так цветет, а добродетель, будучи прославляема, едва вызывает своих деятелей на подвиги, то что было бы, если бы этого не было? То же не редко можно видеть и в сонме священников. Но если это тяжкий грех в учениках, то тем более в учителях.

8. Что делаешь ты, человек? Закон нарушен, целомудрие пренебреженно, столько грехов сделано кем-либо из лиц освященных, все низвращено, а ты не беспокоишься? Пророк призывает даже неодушевленные стихии принять сильнейшее участие в плаче о всех вообще грехах: "**подивитесь сему**", говорит, "**небеса, и содрогнитесь, и ужаснитесь**" (Иер.2:12); и еще: "**плачет сок грозда; болит виноградная лоза**" (Ис.24:7).

Неодушевленные твари плачут, воздыхают и гневаются вместе с Владыкою; а ты, существо разумное, не скорбишь, не обличаешь, не являешься грозным мстителем за божественные законы, но еще сообщаешься с грешниками? Как же ты можешь получить прощение? Правда, Бог не требует мстителя, не нуждается в помощниках; но Он хочет иметь тебя служителем Его в этом деле, чтобы ты сам не впал в тоже самое, сделался целомудреннее от негодования на другого, и показал чрез то любовь Свою к Нему. Когда другой грешит, а ты проходишь мимо, не обличаешь и не скорбишь, то делаешь свою душу более беспечною и склонною к падению, и располагаешь ее весьма часто впадать в те же самые грехи; а тому не мало вредишь своею неблаговременною снисходительностью, делая для него отчет в будущем более трудным и в настоящем приучая его к большей беспечности. Это сказано не о ворах только, но и о всяком грехе; пророк же указал на меньший из грехов, чтобы ты знал, что не получивший прощения за этот грех тем более не получит такого утешения при другом. А далее, послушай, что он говорит: "**и с прелюбодеем имел участие**" он переходит к важнейшему греху, так как тот меньше этого. Сравнивая эти грехи, некто сказал: "**не спускают вору, если он крадет, чтобы насытить душу свою, когда он голоден**" (Притч. 6:30). Если же воровство непростительно, то тем более – прелюбодеяние. "**Прелюбодеянием**" здесь он называет блуд. Итак, если ты узнаешь, что кто-нибудь из одной с тобою паствы блудодействует и приступает к тайнам, то скажи служащему при их раздаянии: такой-то не достоин таин, отстрани святотатственные руки. В самом деле, если он не достоин **поведать оправдания**, то представь, какому подвергнется он наказанию, если еще прикоснется к священной трапезе, и не только он, но и тот, кто прикрывает его. Не сказал пророк: **и прелюбодействовал**, но "**с прелюбодеем имел участие**". О, сколь великое зло – прикрывать гнилые раны других, если прикрывающему он полагает наказание вместе с согрешающим, и тому, не меньшее, чем и этому! Тот может сослаться на страсть, хотя такое оправдание не уважительно, равно как и вор – на голод; а ты не можешь сказать и этого. Для чего же ты, не получая удовольствия, разделяешь с другим наказание и делаешься его соучастником? Потому и мирские судьи наказывают не только сделавших преступление, но и слуг их, о которых известно, что они знали о преступлении, и господа,

которые выдают их, охотно выпили бы их кровь и сели бы их плоть, приписывая им вину преступления не меньше, как и жене прелюбодействовавшей. Они, не подняв завесы, доставили большую свободу тайным делам; они подвергли бесчестию и прелюбодейцу, и оскорбленного мужа, и самого прелюбодея, потому что, если бы они наперед объявили о том, если бы сделали известным, то прекратили бы всякую ловлю. И как преимущественно те ввергают добычу в сети, которые расставляют сети, стерегут будущую добычу, всячески скрывают свою хитрость и стараются не допустить ни шума, ни чего-нибудь другого, что может отогнать зверя, так точно и здесь, если ты сидишь при расставленной диаволом сети и, видя прелюбодея, готового попасть в нее, не производишь шума и смятения, то преимущественно ты губишь его.

Не говори мне этих слов, исполненных великой бесчувственности: "для чего мне беспокоиться? – Я забочусь о своем". Тогда ты особенно и будешь заботиться о своем, когда будешь искать своего в пользе ближнего. Поэтому и Павел говорит: "**никто не ищи своего, но каждый пользы другого**" (1Кор. 10:24). Чтобы тебе, говорит, найти свое, ищи того, что полезно другому. "**Уста твои размножали злословие, и язык твой сплетал коварства. Сидя (в собрании) на брата твоего ты клеветал и для сына матери твоей полагал соблазн**". Пусть никто не говорит: "я делаю это по человеколюбию". Какое человеколюбие – не остановить и не удержать готового упасть в пропасть, благоприятствовать преступному удовольствию, не обращать внимания на пьющего гибельный яд? Впрочем, ты не можешь говорить и этого. Если это действительно происходит от человеколюбия, а не от сонливости, небрежности и лености, то почему ты, оставив виновного, злословишь брата, который ни в чем не виновен? Дня чего ты клевещешь на того, кто не сделал ничего худого и ни в чем не согрешил? Видишь, до какой крайней степени доходит порок твой с той и другой стороны. Тому, кто опьянел от похоти, ты не препятствуешь упиваться, и не вразумляешь его; а тому, кто не сделал ничего худого, делаешь вред. "**Сидя (в собрании) на брата твоего ты клеветал и для сына матери твоей полагал соблазн**".

9. Смотри, как пророк самыми выражениями своими усиливает обличение. Того, говорит, кто одной с тобою матери причинил болезни рождения, родился из одного с тобою чрева, разделял с тобою дом, стол и пищу, вырос из одного корня, получил одно с тобою происхождение, с ранних лет вместе с тобою воспитывался, – ты злословишь, и не только злословишь, но и приводишь в дело клевету свою. Таков смысл слов: "**полагал соблазн**". Если же не должно злословить того, кто соединен с тобою естественным рождением, то тем более духовным. Итак, склоняющегося на грех не допускай до падения; и не сделавшего ничего худого не злословь и не порицай. Одно происходит от зависти, другое от бесчувственности; не удерживать готового упасть свойственно бесчувственности, а низвергать стоящего свойственно зависти. И заметь: он описывает не просто клеветника, но такого, который делает это с хитростью и коварством: "**сидя**", говорит, "**на брата твоего ты клеветал**". Каин, убив брата, лишил настоящей жизни только его одного; а эти люди своими клеветами губят многих, и, прежде всего самих себя. Подлинно, они вредят не тому только, на кого клевещут, но и другим, или, лучше сказать, только тем, которые принимают клевету их. В самом деле, тот, кто слышит о себе ложную клевету, не только не терпит вреда, но еще получит величайшую награду. Не тот, кто терпит, а кто делает зло, достоин наказания; так точно не тот, кто слышит о себе, но кто произносит клевету, будет наказан, если только и слышащий не подал справедливого повода к его осуждению. Будем поэтому стараться не о том, чтобы нам не слышать о себе чего-нибудь худого, – так как это невозможно, и притом есть изречение Христово: "**горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо**" (Лк.6:26), – но чтобы нам самим не подавать к тому поводов. Кто хочет, чтобы все говорили о нем хорошо, тот часто губит свою душу, питая любовь к славе человеческой, оказывая услуги людям в том, в чем не должно, угождая в том, в чем

не следует, чтобы купить себе их расположенность. С другой стороны и тот, кто презирает всеобщую худую молву о себе, губит самого себя. Как для добродетельного невозможно, чтобы все говорили о нем хорошо, так невозможно, чтобы все не говорили худо о том, кто во многих отношениях подает много поводов к худой о себе молве. Если же, не смотря на твое безукоризненное поведение, являются злословящие тебя, то тем большая ожидает тебя награда, как было с апостолами и другими доблестными мужами. Впрочем, нужно заметить, что, хотя бы порицали нас в таком деле, за которое совесть не укоряет нас, и тогда мы не должны презирать порицателя и причиняемый им вред, но с надлежащей осторожностью принимать все меры к уничтожению неосновательной молвы. Потому и Павел в денежных делах посылал многих относить пропитание для бедных (1Кор.16:3), и причину этого приводит следующую: "**остерегаясь, чтобы нам не подвергнуться от кого нареканию при таком обилии приношений**" (2Кор.8:20). Зная, что другие могут соблазняться, он не оставил без внимания и не пренебрег этим, но так как было в его власти уничтожить соблазн, то заблаговременно позаботился и о самих соблазняющихся. Также в другом месте он говорит: "**если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего**" (1Кор.8:13). Несмотря на то, что эти вещи безразличны, но если, говорить, они производят соблазн, то, хотя мне самому не причиняют вреда, я не пренебрегаю спасением соблазняющихся. Если вред (от приспособления к другим) больше спасения, то не смотри на соблазняющегося; если же нет, то не пренебрегай им. Пусть это будет общим правилом и руководством, когда должно оставлять без внимания соблазняющихся, и когда не должно. Например: иудеи соблазнялись тем, что Павел не соблюдал закона, и потому многие тысячи отступали и колебались в вере. Что же он делает? Желая прекратить соблазн, – потому что важнее было спасение стольких тысяч, – и исправить их колебание, он не допустил им оставаться в том мнении, будто он не соблюдает закона; а это и было очень важно. С другой стороны они соблазнялись тем, что он проповедовал Распятого (1Кор.1:23); но в этом случае он не обратил внимания на соблазнявшихся, – потому что гораздо важнее была польза проповеди. Так поступал и Христос. Когда Он беседовал о пище и некоторые соблазнились Его словами: "**не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека: всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится**" (Мф.15:11-13). Когда же требовали от Него податей, то, хотя Он знал, что не должен платить, но так как еще не пришло время открыться Его достоинству, то сказал: "**чтобы нам не соблазнить их, пойди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми, и, открыв у ней рот, найдешь статир; возьми его и отдай им за Меня и за себя**" (Мф.17:27). Когда Он давал закон, исполненный великой мудрости, а они оставались неисцелимыми, то справедливо Он не обратил на них внимания и отменил (ветхий) закон; а когда они еще не были способны принять учение об Его достоинстве, то справедливо Он снисходит к ним и уплатою подати прикрывает учение о своем божестве. "**Сидя (в собрании) на брата твоего ты клеветал**". Для того, скажешь, чтобы исправить его?

10. Но для этого тебе следовало бы не клеветать на него скрытно, а призвать и исправлять его наедине, как Христос заповедал. Обличения, высказываемые пред всеми, часто делают обличаемых более бесстыдными, и многие из грешников, если видят, что им можно быть незаметными, легко решаются исправиться; а если они уже у многих потеряли хорошее мнение, то иные из них впадают в отчаяние и предаются бесстыдству. Но ты обижен им? Для чего же обижаешь еще самого себя? Кто мстит, тот поднимает меч на самого себя. Если ты хочешь и себе сделать добро и ему отмстить, то отзывайся хорошо об оскорбившем тебя, – тогда ты вместо себя сделаешь многих обвинителями его, и сам получишь великую награду; если же будешь отзываться худо, то никто не поверит тебе, подозревая в тебе вражду. Таким образом твои усилия обращаются против тебя самого. Ты хочешь повредить его доброму имени, а выходит противное, потому что эта цель

достигается похвалою, а не порицанием; а ты поступаешь совершенно напротив, и себя более бесчестишь, и его не касаются стрелы твои. Вражда, касаясь души слушающих, не позволяет им принять слышанное, и бывает то же, что в судебных приговорах. Когда кто-нибудь в судилище станет возражать, то испортить все; так и здесь подозрение во вражде не допустить принять отзыв. Итак, не клевещи, чтобы тебе не осквернить самого себя; не смешивай навоза с грязью и глиной, но сплетай венцы из роз, фиалок и других цветов; не носи помета во рту, подобно жукам, – а так делают клеветники, сами первые испытывая зловоние, – но держись цветов, подобно пчелам, и составляй соты, как они, и будь со всеми дружелюбен. От клеветника все отвращаются, как от издающего зловоние и питающегося бедствиями других, как пиявка кровью и жук навозом; а человека, имеющего уста доброречивые, все принимают как общего сочлена, как родного брата, как сына, как отца. Но что я говорю о настоящем и о мнениях людей? Представь страшный день, неподкупный суд, и то, что говоря ложь, ты прибавляешь новые грехи к грехам своим. "**Говорю же вам**", говорить Господь, "**что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда**" (Мф.12:36). Хотя бы, говорит, было справедливо сказанное тобою, и в таком случае ты не избегнешь осуждения, открывая несчастья и позор ближнего. Вспомни о фарисее. Он не был мытарем, но стал грешнее мытаря, потому что произнес злословие на мытаря. Мытарь не был фарисеем, но стал праведнее фарисея, потому что осудил самого себя. "**Ты это сделал, а Я умолчал; ты подумал беззаконие, будто Я буду тебе подобен. Я обличу тебя и представлю пред лицем твоим грехи твои**" (ст. 21). 11. Видишь ли неизреченное человеколюбие? Видишь ли величайшую благость? Видишь ли беспредельное богатство долготерпения? **Молчанием** пророк называет здесь долготерпение. Ты осмелился сделать, говорит, столько грехов, и я не наказывал тебя, но терпел и переносил, давая тебе возможность покаяться. А ты, не только не извлек отсюда никакой пользы, но еще больше предался пороку; ты не только не переменился, не только не устыдился и не осудил себя за дела свои, но еще сталь думать, что Я, – долготерпевший, ожидавший, молчавший и столько переносивший, – переношу это не по долготерпению и человеколюбию, но потому, будто не хочу исправлять этого и не огорчаюсь такими делами. "**Уразумейте же это, забывающее Бога, дабы Он не восхитил (вас), и (тогда) никто не избавит**" (ст. 22). Что же именно? Сказанное. Что значит: "**уразумейте**"? Вникните, Что же здесь сказано прикровенного и требующего особенного внимания? Сам вид учения указывает на новый образ жизни. Сказав немного о жертвах, он предлагает евангельские законы; а с другой стороны, так как слушатели его были покрыты великой нечистотой грехов, он, желая извлечь их из нечестия, как бы из болота, и очистить прежний путь их порочных наклонностей, как бы гной глазной, побуждает их вспомнить о бывшем прежде, чтобы они, предав это забвению, не остались без плода. Подлинно, греховный навык производит в душе великое ослепление, делает людей безрассудными и потемняет светлое око ума. "**Дабы Он не восхитил (вас), и (тогда) никто не избавит**". О, неизреченное человеколюбие! Это – слова нежно любящей матери, или, лучше, слова благости, беспредельно превосходящей такую любовь. Сделав такое обвинение, показав такой гнев, он сам предостерегает их. Сказав: "**обличу тебя и представлю пред лицем твоим грехи твои**", произнесши осуждающий приговор, он опять отменяет решение, не предавая их наказанию, как осужденных, но, как имеющих исправиться от увещания и совета, удерживая и вразумляя страхом: "**дабы**", говорит, "**не восхитил**", как лев, "**и (тогда) никто не избавит. Жертва хвалы прославит Меня: и это путь, коим Я явлю ему спасение Мое**" (ст. 23). Показав Свое человеколюбие, сделав увещание, совет, угрозу, внушив страх, назначив строгое наказание и сделав предостережение, Он указывает и способ, каким можно исправить сделанное: "**жертва хвалы**", говорит, "**прославит Меня**". Смысл слов Его следующий: она не только прекратит Мой гнев, отменит осуждение, но и прославит Меня. Видишь, как велико это дело, если чрез него прославляется Бог. "**И это путь, коим Я явлю ему спасение Мое**". Видишь ли

неизреченную награду? Видишь ли крайнее человеколюбие? Обещает показать путь Божий и истинное спасение Божие поступающим так. Покоримся же обещающему и будем прославлять Его правою жизнью и жертвою хвалы. Этот путь, посредством такой жертвы, ведет ко спасению, которого да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 108

В конец, псалом давиду,

2 Боже, хвалы моея не премолчи:

2 яко уста грешнича и уста льстиваго на мя отверзошася, глаголаша на мя языком льстивым,

3 и словесы ненавистными обыдоша мя, и брашася со мною туне.

4 Вместо еже любити мя, оболгаху мя, аз же моляхся:

5 и положиша на мя злая за благая, и ненависть за возлюбление мое.

6 Постави на него грешника, и диавол да станет одесную его:

7 внегда судитися ему, да изыдет осужден, и молитва его да будет в грех.

8 Да будут дние его мали, и епископство его да приимет ин:

9 да будут сынове его сири, и жена его вдова:

10 движущеся да преселятся сынове его и воспросят, да изгнани будут из домов своих.

11 Да взыщет заимодавец вся, елика суть его: и да восхитят чуждии труды его.

12 Да не будет ему заступника, ниже да будет ущедряяй сироты его:

13 да будут чада его в погубление, в роде единем да потребится имя его.

14 Да воспомянется беззаконие отец его

1 В конец. Псалом Давида. Боже! К хвале моей не будь безмолвен.

2 Ибо уста грешника и уста льстивого открылись против меня, наговорили на меня языком льстивым,

3 И словами ненависти окружили меня и вооружились на меня без вины (моей):

4 Вместо того, чтобы любить меня, они лгали на меня, а я молился,

5 И воздали мне злом за добро и ненавистью за любовь мою.

6 Поставь над ним грешника, и диавол да станет одесную его.

7 Когда будет судиться он, да выйдет осужденным, и молитва его да будет в грех.

8 Да будут дни его кратки, и достоинство его да приимет другой.

9 Да будут сыновья его сиротами и жена его вдовою.

10 Скитаясь, да переселяются сыновья его и просят, да будут изгнаны из домов своих.

11 Да взыщет заимодавец все, что есть у него, и чужие да расхитят нажитое трудами его.

12 Да не будет у него заступника и да не будет щедрого для сирот его.

13 Да будут дети его истреблены, с одним родом да изгладится имя его.

14 Да будет вспомянуто беззаконие отцов его пред Господом, и грех матери его да не

пред Господем, и грех матере его да не очистится:

15 да будут пред Господем выну, и да потребится от земли память их:

16 занеже не помяну сотворити милость, и погна человека нища и убога, и умилена сердцем умертвити.

17 И возлюби клятву, и приидет ему: и не восхоте благословения, и удалится от него.

18 И облечеся в клятву яко в ризу, и вниде яко вода во утробу его и яко елей в кости его:

19 да будет ему яко риза, в нюже облачится, и яко пояс, имже выну опоясуется.

20 Сие дело оболгающих мя у Господа и глаголющих лукавая на душу мою.

21 И ты, Господи, Господи, сотвори со мною имене ради твоего, яко блага милость твоя:

22 избави мя, яко нищ и убог есмь аз, и сердце мое смятеся внутрь мене.

23 Яко сень, внегда уклонитися ей, отяхся: стрясохся яко прузи.

24 Колена моя изнемогоста от поста, и плоть моя изменися елеа ради.

25 И аз бых поношение им: видеша мя, покиваша главами своими.

26 Помози ми, Господи Боже мой, и спаси мя по милости твоей:

27 и да разумеют, яко рука твоя сия, и ты, Господи, сотворил еси ю.

28 Прокленут тии, и ты благсвиши: востающии на мя да постыдятся, раб же твой возвеселится.

29 Да облекутся оболгающии мя в

очистится.

15 Да будут они всегда пред Господом, и да будет истреблена с земли память их,

16 За то, что он не думал оказывать милость и преследовал человека бедного, и нищего, и сокрушенного сердцем, чтобы умертвить (его).

17 И возлюбил он проклятие - и оно постигнет его, и не восхотел благословения - и оно удалится от него.

18 И облекся он проклятием, как одеждою, и оно вошло, как вода, в утробу его и, как елей, в кости его.

19 Да будет оно ему, как одежда, в которую он одевается, и как пояс, которым он всегда опоясывается.

20 Такова участь клевещущих на меня пред Господом и говорящих злое о душе моей.

21 Но Ты, Господи, Господи, сотвори со мною по имени Твоему, ибо блага милость Твоя:

22 Избавь меня, ибо я нищ и убог и сердце мое смущено во мне.

23 Как тень, когда уклоняется она, я исчез, был изгоняем, как саранча.

24 Колена мои изнемогли от поста, и тело мое изменилось от (лишения) елея.

25 И я стал посмешищем для них: они, видя меня, кивали головами своими.

26 Помоги мне, Господи, Боже мой, и спаси меня по милости Твоей.

27 И да уразумеют, что такова рука Твоя и Ты, Господи, соделал это.

28 Они проклянут, а Ты благословишь, восстающие на меня да постыдятся, а раб Твой возвеселится.

29 Да облекутся клевещущие на меня

срамоту и одеждутся яко одеждою студом своим.

30 Исповемся Господеви зело усты моими и посреде многих восхвалю его:

31 яко преста одесную убогаго, еже спсти от гонящих душу мою.

срамом, и покроются, как одеждою, стыдом своим.

30 А я буду громко исповедовать Господа устами своими и среди множества (людей) восхвалять Его,

31 Ибо Он стал одесную убогого, чтобы спасти от гонителей душу мою.

"**В конец. Псалом Давида. Боже! К хвале моей не будь безмолвен. Ибо уста грешника и уста льстивого открылись против меня, наговорили на меня языком льстивым, И словами ненависти окружили меня и вооружились на меня без вины (моей): Вместо того, чтобы любить меня, они лгали на меня, а я молился, И воздали мне злом за добро и ненавистью за любовь мою. Поставь над ним грешника, и диавол да станет одесную его. Когда будет судиться он, да выйдет осужденным, и молитва его да будет в грех. Да будут дни его кратки, и достоинство его да приимет другой. Да будут сыновья его сиротами и жена его вдовою. Скитаясь, да переселяются сыновья его и просят, да будут изгнаны из домов своих. Да взыщет заимодавец все, что есть у него, и чужие да расхитят нажитое трудами его**" (ст. 1-11).

1. Здесь нам нужна великая внимательность, потому что сказанные слова, при одном их произношении и с первого взгляда, смущают многих из невнимательных. Весь этот псалом наполнен проклятиями; вся речь проникнута ими и обнаруживает в говорящем сильный и пламенный гнев, который не останавливается на самом нечестивце, но простирает наказание и на детей, и на отца, и на мать его, и не довольствуется одним несчастьем, но прилагает бедствия к бедствиям. В самом деле, посмотри, чего просит он. "**Поставь над ним грешника, и диавол да станет одесную его**", т.е. пусть будут обвинителями его люди порочные и коварные, и пусть он не преодолеет их. Это и значит: "**когда будет судиться он, да выйдет осужденным**". Не довольствуется и этим наказанием, но при таком осуждении просит еще, чтобы кто-нибудь другой получил после него честь его: "**и достоинство его**", говорит, "**да приимет другой**". Не останавливается и на этом, но заграждает для него единственную оставшуюся пристань, прося, чтобы он не удостоился никакой милости от Бога: "**и молитва его**", говорит, "**да будет в грех**". Притом просит, чтобы он подвергся преждевременной смерти: "**да будут**", говорит, "**сыновья его сиротами**". Не останавливается и здесь, хотя и этого было бы достаточно, но еще продолжает. Душе весьма воспламенившейся свойственно не удовлетворяться одним или двумя наказаниями, но просит столь многих. Следующее затем еще более тяжко: просит сиротства и вдовства остающимся после него. Хотя по смерти его это необходимо должно случиться, но, пылая гневом, полагает и это в ряду проклятий. Не останавливается и на сиротстве, но и после таких бедствий простирается далее, увеличивает бремя, просит, чтобы потомки его были изгнанниками и переселенцами: "**скитаясь, да переселяются**", говорит, "**сыновья его**", т.е. пусть блуждают, не останавливаясь, пусть не имеют даже необходимой пищи и не перестают переходить с места на место, будучи гонимы и преследуемы по всей земле и нигде не находя себе места для пристанища. Вместе с этим просит им нищеты, и нищеты крайней и невыносимой, так

чтобы они не получали помощи даже от родных, но, скитаясь, искали ее у иноплеменников и незнакомых. И послушай, как выражает это. Сказав: "**да переселяются сыновья его и просят**", прибавляет: "**да будут изгнаны из домов своих. Да взыщет заимодавец все, что есть у него, и чужие да расхитят нажитое трудами его**". Это – новый вид несчастья, чтобы имущество его было предано расхищению, чтобы он подвергался нападениям заимодавцев, переносил всякого рода оскорбления и, что всего тяжелее, среди таких бедствий не имел защитника, так как и этого просит: "**да не будет**", говорит, "**у него заступника**" (ст. 12). Несчастья и сами по себе невыносимы; но когда нет и защитника, тогда они еще более тяжки. "**Да не будет щедрого для сирот его**". О, какой великий гнев, когда и преждевременное сиротство не находит себе сострадания, и не только сострадания, но еще осуждается на крайнюю погибель: "**да будут**", говорит, "**дети его истреблены, с одним родом да изгладится имя его**" (ст. 13). Видишь ли речь, исполненную гнева и ни на чем не останавливающуюся? Просит, чтобы они жили в различных и разнообразных несчастьях, чтобы преданы были всякого рода бедствиям и погибли в неизвестности. И как бы недостаточно было несчастья детей его, прибавляет еще: "**да будет вспомянуто беззаконие отцов его пред Господом, и грех матери его да не очистится. Да будут они всегда пред Господом, и да будет истреблена с земли память их**" (ст. 14, 15). Это особенно свойственно гневу – раскрывать подробно несчастья, о которых сказано вообще, и часто повторять одно и тоже. Сказав: "**да будет вспомянуто беззаконие отцов его**", прибавляет: "**да не очистится**". Хотя это – одно и тоже, но гнев побудил сказать и то и другое; а смысл этих слов следующий: умертви его, убей, уничтожь. Видишь ли, какое множество проклятий? Если хочешь, я опять с начала перечислю их. Пусть, говорит, попадет он к злым людям, будет обвинен, предан в их власть, осужден, подвергнется преждевременной смерти, лишится чести и увидит, что она перешла не к потомкам его, но к кому-нибудь чужому; пусть жена его погибнет, и дети терпят бедность и сиротство, проводят жизнь в нищенстве, будут осуждены и отовсюду изгоняемы, не имеют никакого защитника, будут лишены и благоволения Божия, не находя себе никакого ни пристанища, ни убежища; пусть изгладится имя его с земли, и погибает он в неизвестности; пусть и отец и мать его будут наказаны за грехи свои и погибнут несчастным и злополучным образом.

2. Все выше сказанное не поражает ли слушателя? Хочешь ли узнать, кто этот человек, так осуждаемый? Если мы, слыша, что какого-нибудь человека порицают, спрашиваем у присутствующих, о ком это говорится, то тем более, слыша такие проклятия от пророка, необходимо узнать, и узнать со страхом и сокрушенным сердцем, кто этот человек, подвергшийся столь сильному гневу, так огорчивший Св. Духа, что об нем говорится столько и таких страшных бедствий. Поэтому, если угодно, прочитаем опять этот псалом с начала с великим вниманием. Не шумите. Я буду изъяснять его со всею тщательностью, сколько могу. Предмет исследования не маловажен. И во-первых: почему, когда осуждается сам согрешивший, наказываются вместе с ним и дети, и жена, и родители? Во-вторых: кто этот, подвергающийся проклятию? В-третьих: каким образом верховный из апостолов доказывает, что этот псалом относится к Иуде, или лучше, не весь псалом, а часть псалма? "**В книге же Псалмов написано: да будет двор его пуст, и да не будет живущего в нем; идостоинство его да приимет другой**" (Деян.1:20)? Здесь опять представляется нам другой вопрос, так как не все это написано в настоящем псалме; потому он и указал не на один псалом, а на целую книгу. Именно слова: "**да будет двор его пуст**" находятся в другом псалме (Псал.68:26), а в этом: "**и достоинство его да приимет другой**": но Петр соединил то и другое в одно свидетельство. Так и Павел часто поступает; например, когда говорит: "**придет от Сиона Избавитель, и отвратит нечестие от Иакова. И сей завет им от Меня, когда сниму с них грехи их**" (Рим.11:26,27). Что же, скажет кто-нибудь, вышесказанное есть пророчество или проклятие? Пророчество в виде проклятия. Тоже мы можем находить и в других местах;

тоже сделал и Иаков. Так как слушателей нужно вразумлять тем, что случалось с другими, то многие пророчества составлены так, чтобы самим образом выражения увеличить страх в обществе. В самом деле, не одно и тоже – сказать, что такой-то пострадает так и так, или произнести тоже самое в виде гнева и негодования. А что я говорю не без основания, объясню вам это пророческими изречениями. Когда Иаков готовился умереть, то сказал сыновьям своим: "**соберитесь, и я возвещу вам, что будет с вами в грядущие дни**" (Быт. 49:1); и, намереваясь пророчествовать, с самого начала как бы воспламеняется гневом и начинает пророчество с проклятия: "**Рувим**", говорит, "**первенец мой! ты – крепость моя и начаток силы моей, верх достоинства и верх могущества; но ты бушевал, как вода, – не будешь преимуществовать**" (Быт.49:3,4), в виде проклятия предсказывая будущую его погибель. Он же, говоря о благах, произносит в виде молитвы (Иосифу): "**да благословит тебя благословениями небесными свыше, которые превышают благословения гор древних и приятности холмов вечных**" (Быт.49:27,28), хотя и это есть пророчество. Но очевидно, что все это происходит не от человеческой страсти. Тоже самое делает и с Ханааном дед его: "**Ханаан**", говорит, "**будет рабом**" (Быт. 9:26), – дабы ты знал, что Бог, защищающий обижаемых, наказывает обижающих. И Христос употреблял тот же образ речи, призывая к себе людей под видом пророчества и сетования: "**горе**", говорил Он, "**тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида!**"; и еще: "**Иерусалим! Иерусалим! избивающий пророков**" (Лк.10:13; 13:34). О ком же говорит псалом? Отчасти об Иуде пророчествовал здесь Дух чрез Давида; а в остальной части о других. Пророчество бывает и в таком виде. Мы неоднократно увидим такой состав псалма, что начало его относится к одному лицу, а остальное к другому. Вышесказанное можно видеть и из другого места: когда иудеи вступили в землю обетованную, то сын Навинов получил повеление от Бога разделить двенадцать колен на двенадцать частей и произнести отчасти благословения, а отчасти проклятия. Эти благословения и проклятия были предсказанием будущего: "**проклят ты**", говорил он, "**в городе и проклят ты [будешь] на поле**" (Втор.28:16), и бесчисленные подобные проклятия, касающиеся колен, составили длинную речь.

Тоже можно сказать и здесь, т.е. под видом проклятия составлено пророчество, которое означает и предвозвещает события, имевшие случиться с Иудою, а потом касается и другого предмета, именно: говорит против некоторых людей, восстающих на священство, – чтобы мы знали, как велико зло – восставать на священников Божиих и употреблять против них коварство и неправду. Сказанное здесь есть не что иное, как внушение, что постигнет тех, которые обижают ближних и восстают с коварством и злобою против людей, не сделавших ничего худого. Если же псалмопевец просит, чтобы и дети его были наказаны, не смущайся этим, возлюбленный; детьми он называет здесь тех, которые сами участвуют в пороках таких людей. Писание часто называет детьми и сынов по естественному родству и соучастников нечестия, хотя бы они и не были естественными сынами, как, например, когда говорит: "**ваш отец диавол**" (Ин.8:44). Хотя иудеи не были сынами диавола по природе, – как облеченные плотью могли быть сынами бесплотного? – однако по участию в нечестии они вступили в родство с ним. Потому оно называет их чуждыми для Авраама: "**если бы вы**", говорит, "**были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы**" (Ин.8:39). А что сын не наказывается за отца, равно как и отец за сына, это всякому известно, – и в законе сказано об этом, – разве когда отец худо воспитывал сына; но и тогда он наказывается не за сына, а за собственное нерадение, как, например, Илий (1Цар. 3:13).

3. Если угодно, повторим этот псалом с начала. "**К хвале моей не будь безмолвен**". Другой переводчик (Акила) говорит: **Боже, хвалению моему не не внемли**. Третий (Симмах): **не умолчи**, т.е. не оставь без наказания, но накажи за такие дела, потому что Ты славен, велик и силен исправить их. "**Ибо уста грешника и уста льстивого**

открылись против меня, наговорили на меня языком льстивым, и словами ненависти окружили меня и вооружились на меня без вины (моей): вместо того, чтобы любить меня, они лгали на меня, а я молился".

Видишь ли сильную злобу? Видишь ли коварный замысел? Видишь ли злоумышленников? Бога особенно прогневляет и то, когда грешник делает зло с намерением, с умыслом и с великим усилием. Иное, когда кто пал по увлечению и обольщению; иное, когда кто, совершая зло, делает как бы дело; иное, – и это величайшее преступление, – когда злоумышляют против того, кто сам не злоумышляет. Сказав: "**вместо того, чтобы любить меня**", псалмопевец выражает не что иное, как то, что благодетелю, который достоин любви, которому следовало воздавать добром, они воздавали противным тому. "**А я молился**". Видишь ли любомудрие? Видишь ли смирение? Видишь ли кротость? Видишь ли благоговение души? Я не вооружался, говорит он, не вступал в борьбу, но прибегал к Тебе, призывал Твою помощь и Твое содействие, – это сильнейшее оружие и непобедимое заступление. Далее, сказав об Иуде, как он сам себя подверг осуждению, произнес сам на себя смертный приговор, как удавился, как апостольство его перешло к другому, он опять обращается к прежнему предмету. Таково свойство пророчества, что в нем иногда прерывается речь, вносится другое событие и, по изложении его, опять делается обращение к прежнему. А прикровенно было это пророчество по причине неблагодарности иудеев. Оно указывает, как я прежде сказал, на некоторого человека, злоумышлявшего против священства, после времени возвращения иудеев из вавилонского плена. Любознательнейшим это известно из истории. Ему-то псалмопевец предсказывает великие бедствия, лишение защитников, – просит, чтобы для него было заграждено всякое прибежище, чтобы ему не было оказываемо никакого долготерпения, ни сострадания, ни прощения. Это, по-видимому, есть проклятие, как я выше сказал и не перестану часто говорить, но на самом деле есть пророчество, доказывающее, как гневается Бог, когда злоумышляют против священства. Потом он подробно излагает бедствия и говорит: "**за то, что он не думал оказывать милость и преследовал человека бедного, и нищего, и сокрушенного сердцем, чтобы умертвить (его)**" (ст. 16).

Это – крайняя жестокость, великое бесчеловечие, когда кто-нибудь не только злоумышляет, но злоумышляет против того, кто может преклонить на милость и возбудить сострадание. Такой человек дошел до зверской свирепости и даже сделался хуже. Зверям свойственна свирепость по природе; а он, будучи одарен умом, предал свое благородство пороку. И звери показывают некоторую приязнь и кротость к одноплеменным и однородным с ними; а эти люди не постыдились даже единства природы, но того, кого следовало бы миловать, поддерживать и одобрять, они отогнали и отвергли. "**И возлюбил он проклятие - и оно постигнет его, и не восхотел благословения – и оно удалится от него**" (ст. 17). Так как псалмопевец просил ему много бедствий, то показывает, что начало и причина их не в ком-нибудь другом, а в нем самом, своими делами отвергшем помощь Божию и навлекшем на себя гнев Божий. "**И облекся он проклятием, как одеждою, и оно вошло, как вода, в утробу его и, как елей, в кости его**" (ст. 18).

Здесь показывается сила наказания и продолжительность мучения и вместе внушается, что бедствия у всех людей происходят от них самих, от собственной их вины, когда они своими делами и поступками сами отвергают добро и сами себя подвергают наказаниям. "**Да будет оно ему, как одежда, в которую он одевается, и как пояс, которым он всегда опоясывается**" (ст. 19). Говорит так, чтобы показать неизреченный гнев Божий, который постигнет таких людей. Смысл этих слов следующий: бедствия так охватят их, что не будет никакой перемены, но прильнуть к ним и останутся при них постоянно.

Далее внушая, что Бог наказывает нечестие и исправляет порок, и что такой приговор падет не на одного только этого грешника, но и на всех виновных в том же, прибавляет: "**такова участь клевещущих на меня пред Господом и говорящих злое о душе моей**" (ст. 20), т.е. таково наказание, таков суд восстающим, злоумышляющим, враждующим против меня. "**Говорящих злое о душе моей**". Следовательно, и за слова полагаются наказания, и наказания жесточайшие.

4. Окончив речь об этом, он опять прибегает к Богу, испрашивая Его заступления. Не останавливается на наказании злоумышленников, но, желая показать, что страждущие имеют мстителя за наносимые обиды и получают великое заступление, присовокупляет: "**но Ты, Господи, Господи, сотвори со мною по имени Твоему, ибо блага милость Твоя**" (ст. 21). Посмотри на его признательность, посмотри на смиренномудрие. Хотя он имел достаточную причину к испрашиванию заступления в самом своем страдании, – так как из многих мест Писания можно видеть, что страждущие несправедливо от людей имеют великое дерзновение к испрошению себе помощи от Бога, – но он, не указывая на это, прибегает к одному человеколюбию Божию и говорит: "**сотвори со мною по имени Твоему**", т.е. как бы так говорит: не потому, чтобы я был достоин того, но ради Себя Самого, ради того, что Ты человеколюбив и милостив. Поэтому и присовокупляет: "**ибо блага милость Твоя**". Хорошо сказал он: "**ибо блага милость Твоя**". У людей милость часто бывает не такова, но иногда служит ко вреду и погибели, а у Бога всегда к пользе. "**Избавь меня, ибо я нищ и убог и сердце мое смущено во мне**" (ст. 22). Видишь ли, что он опять просит спасти его не как достойного, не как праведного, но как совершенно изнуренного, как измученного, как претерпевшего бесчисленные бедствия? "**И сердце мое смущено во мне**". Такова сила бедствий: они не только разрушают тело, но и возмущают душу. "**Как тень, когда уклоняется она, я исчез, был изгоняем, как саранча**" (ст. 23). Изображает силу коварства злоумышленников, невыразимую их злобу, и ту деятельность, которую сам он показывал в таких обстоятельствах. "**Колена мои изнемогли от поста, и тело мое изменилось от (лишения) елея**" (ст. 24). Видишь ли, какое он употреблял оружие против козней и злобы на него? "**И я стал посмешищем для них: они, видя меня, кивали головами своими**" (ст. 25). Таковы суждения порочных: они не только не отступают, когда видят, что праведник противопоставляет им благочестие, но и порицают, насмехаются, поносят. Что же он? Он прибегает к непобедимой помощи и непреодолимой защите: "**помоги мне**", говорит, "**Господи, Боже мой, и спаси меня по милости Твоей. И да уразумеют, что такова рука Твоя и Ты, Господи, соделал это**" (ст. 26, 27). Что значит: "**что такова рука Твоя**"? Твоя помощь, Твоя защита. Я хочу не только спастись, но так, чтобы и они знали, Кем я спасен, дабы иметь мне двойной трофей, двойной венец, высшую славу. "**Они проклянут, а Ты благословишь, восстающие на меня да постыдятся, а раб Твой возвеселится**" (ст. 28). Здесь он научает слушателя любомудрию; показывает, что хотя бы люди предавали праведника бесчисленным проклятиям, от них не будет ему никакого вреда, потому что Бог благословляет его, а на них же самих обратится стыд и бесчестие. "**Раб Твой возвеселится**".

Хорошо сказал он: "**возвеселится**", выражая, что эта радость оттуда же, откуда подаются блага; ничто, говорит, прискорбное уже не может смутить меня, когда у меня будет пребывать радость, происходящая от Тебя. "**Да облекутся клевещущие на меня срамом, и покроются, как одеждою, стыдом своим**" (ст. 29). Смотри, как он просит еще, чтобы они были не только подвергнуты наказанию, но и стыду и бесчестию, чтобы это послужило для них уроком к исправлению и поводом к перемене на лучшее. "**А я буду громко исповедовать Господа устами своими и среди множества (людей) восхвалять Его, ибо Он стал одесную убогого, чтобы спасти от гонителей душу мою**" (ст. 30, 31). В воздаяние за все это он воссылает Богу славословие, благодарение, хвалу, возвещает пред всеми дела Его, становится среди всех проповедником дарованных ему благ. Это и

есть жертва, это – приношение, чтобы хранить всегда в памяти благодеяния Божии, напечатлевать их в уме, проповедовать устами, делать многих слушателями благодеяний Его. Таким образом, и принявший благодеяние, получит воздаяние за благодарность свою и удостоится от Бога еще большей милости, и слушающие сделаются более ревностными от случившегося с другими, и благодеяние, оказанное другим, сделается для них величайшим побуждением к преспеянию в добродетели.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 109

1 Псалом давиду,

2 Рече Господь Господеви моему: седи одесную мене, дондеже положу враги твоя подножие ног твоих.

2 Жезл силы послет ти Господь от сиона, и Господствуй посреде врагов твоих.

3 С тобою начало в день силы твоея, во светлостех святых твоих: из чрева прежде денницы родих тя.

4 Клятся Господь и не раскается: ты иерей во век по чину мелхиседекову.

5 Господь одесную тебе сокрушил есть в день гнева своего цари:

6 судит во языцех, исполнит падения, сокрушит главы на земли многих.

7 От потока на пути пиет: сего ради вознесет главу.

1 Псалом Давида. Сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих.

2 Жезл силы пошлет Тебе Господь от Сиона и господствуй среди врагов Твоих.

3 С Тобою власть в день силы Твоей в блеске святых Твоих. "Из чрева прежде денницы Я родил Тебя".

4 Клялся Господь и не раскается: Ты - священник во век по чину Мелхиседека.

5 Господь одесную Тебя поразит в день гнева Своего царей.

6 Совершит Он суд над народами, наполнит (землю) трупами, сокрушит головы многих на земле,

7 Из потока на пути будет пить, посему поднимет главу.

"**Псалом Давида. Сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**" (ст. 1).

1. Встанем, прошу вас, и усилим внимание. Этот псалом возвещает нам весьма великие истины и опровергает не один какой-нибудь вид ересей, но различные и разнообразные. Он опровергает и иудеев, и Павла Самосатского, и ариан, и маркионитов, и манихеев, и всех неверующих воскресению. Если же он направлен против так многих, то и нам нужно иметь много глаз, чтобы в точности заметить способы этого ратоборства. В мирских ратоборствах, если что-нибудь и будет не досмотрено, то нет никакого вреда для зрителя, потому что там зрелище устрояется не для назидания, но для удовольствия. А здесь, если ты не заметишь с точностью, каким образом противник нападает, и каким образом мы можем поражать его, то потерпишь не малый вред. Итак, чтобы тебе не испытать этого,

возбуди твой ум, открой твой слух. Прежде всего мы будем поражать иудеев и устремимся против них, взяв в союзники себе пророка с вышесказанными словами. Когда мы утверждаем, что это ясно сказано о Христе, иудеи не принимают этого, но сочиняют нечто другое. Опровергнем же наперед их учение, а потом изложим и наше. Спросим их: кто этот Господь праведника? "**Сказал**", говорит он, "**Господь Господу моему**". Здесь упоминается не об одном лице, но представляется беседа одного с другим. Кто же, по словам их, говорит здесь? Бог. А кто слушает? Авраам. Другие разумеют – Зоровавеля, а иные – иное лицо, не говоря ничего согласного, как опьяневшие, или лучше, как блуждающие во мраке и толкающие друг друга. Что же, скажи мне, разве Зоровавель есть Господь Давида? Основательно ли это, когда он сам вменял себе в великую честь называться Давидом? И последующее показывает, что здесь ничего не сказано ни о Зоровавеле, ни о Давиде, потому что ни один из них не был почтен священством; а здесь говорится о некотором Лице, имеющем Необыкновенное и дивное священство: "**Ты - священник во век по чину Мелхиседека**" (ст. 4). Но раскроем предложенное. Говорят они и еще нечто более пустое именно утверждают, будто это сказано о народе (иудейском), но народ не был священником, да и прочее, сказанное здесь, никак не может быть отнесено к нему. Итак, оставив это, как пустое и не требующее опровержения, представим то, что они еще говорят. Что же такое? Иные из них утверждают, будто здесь говорит сын Авраама о своем господине. Что может быть неосновательнее этого? В самом деле, что хочет сказать здесь сын Авраамов? Когда был священником господин его, который сам обращался к священнику Мелхиседеку и просил у него благословения? Основательно ли относить к Аврааму слова: "**из чрева прежде денницы Я родил Тебя**" (ст. 3)? Как можно отнести это и к Давиду, или Зоровавелю, или народу? Сказанное здесь превышает человеческую природу. И какой смысл имели бы слова: "**сиди одесную Меня**", если бы здесь разумелись эти лица? Никакого. Как можно сказать: "**сиди одесную**

Меня" об Аврааме, который сам вменял себе в величайшую честь стоять пред ангелами? Но какое у них есть основание? Они говорят: как ты допускаешь другого Господа, когда Писание ясно говорит: "**Господь, Бог наш, Господь един есть; Ему одному служи; и нет еще кроме Его**" (Втор.6:4,13;4:39)? Но ради кого, скажи мне, это сказано? Преимущественно ради твоего, иудей, невежества. Почему ничего подобного не было сказано ни Аврааму, ни Исааку, ни Иакову, ни Моисею, а только тебе одному, когда ты, вышедши из Египта, слил себе тельца? Почему, скажи мне?

Если же ты не знаешь, то узнай причину от меня. Так как ты, вышедши из Египта, слил себе тельца, стал служить Веельфегору и обращаться к множеству богов, допуская беззаконное многобожие, то, желая уврачевать твою болезнь, Бог и сказал: "**един**", для отличия от мнимых богов, а не для того, чтобы отвергнуть Единородного. Иначе, почему в начале было сказано: "**сотворим человека по образу Нашему и по подобию**" (Быт.1:26), и еще: "**сойдем же и смешаем там язык их**" (Быт.11:7), и еще Давид говорит: "**посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более общников Твоих**" (Пс.44:8)? Если же Моисей говорит: "**Господь, Бог наш, Господь един есть**", то причиною этого была ваша немощь. И удивительно ли, что так было с догматами, если и в делах Бог низводил речь от совершеннейшего к менее совершенному, снисходя к вашей немощи? Так, Он дозволил отпускать одну жену и брать другую, хотя вначале не такой дал закон. И касательно пищи Он сделал великое различие, хотя вначале напротив говорил: "**как зелень травную даю вам все**" (Быт.9:3). И касательно места (богослужения) Он установил много законов, не дозволяя везде совершать молитвы, хотя вначале не дал такого закона, но являлся Аврааму и в земле персидской, и в Палестине, и везде, и Моисею впоследствии являлся в пустыне.

2. Что же, скажешь, Писание противоречит само себе? Нет; но оно распределяет все на пользу, сообразно с временем, исправляя немощь каждого поколения. Поэтому тебе и было сказано: "**Господь, Бог наш, Господь един есть**". А что Он имеет и Сына, об этом еще пророки говорили в своих книгах, впрочем говорили не очень ясно, чтобы не повредить тебе по твоей немощи, и не скрывали, чтобы дать тебе возможность впоследствии образумиться и из собственных их книг узнать догматы истины. Этим преимущественно мы можем доказать, что пророки суть истинные пророки, когда будем говорить с язычниками, и показать достоверность ветхого завета. Если ты это отвергнешь, то каким образом заградишь уста язычнику? На что укажешь ты? На исход ли из Египта и на пророчества касательно тебя? Но он не примет их. Если же ты укажешь на предсказанное в ветхом завете о Христе, и покажешь истинные события, свидетельствующие об исполнении пророчества, тогда он не в состоянии будет противиться. А если ты, иудей, будешь отвергать наши писания, то каким образом защитишь ветхий завет? Когда кто-нибудь спросит тебя: откуда видно, что писания Моисеевы истинны, тогда что ты скажешь? Не скажешь ли: мы уверовали в них? Тем достовернее наши писания, потому что и мы уверовали в них; притом вы – один только народ, а мы – вся вселенная; и не столько вас убедил Моисей, сколько нас Христос; все ваше прошло, а наше пребывает. Укажешь ли на предсказания? Но у нас их больше. Таким образом, если ты отвергаешь наше, то набрасываешь тень и на свое. Или на чудеса? Но вы не можете показать теперь ни одного Моисеева знамения, – они были и прошли; а мы имеем многие и различные знамения Христовы, которые еще и теперь совершаются, и предсказания, которые сияют яснее солнца. Или на законы? Но наши заключают в себе более любомудрия. Или на то, что вы вышли из Египта, тогда как египтяне препятствовали? Но не одно и то же – победить противящуюся вселенную, или преодолеть одних египтян. Впрочем, я говорю это не с тем, чтобы противопоставить ветхий завет новому, – нет, – но чтобы обуздать неблагодарность иудеев. И тот и этот завет даны одним и тем же Богом и от Него произошли; но я хочу доказать, что иудей, отвергая пророчества о Христе, извращает большую часть пророчеств, и что он не может доказать важности ветхого завета, если не будет принимать нового. А что вышесказанные слова изречены не о человеке, это для имеющих разум очевидно из слов: "**сиди одесную Меня**", и из того, что Он называется "**Господом**", подобно Господу, который говорит к Нему, и из того, что Он рожден "**из чрева прежде денницы**", и из того, что Он есть "**священник во век по чину Мелхиседека**", и из слов: "**с Тобою власть в день силы Твоей**" (ст. 3).

Теперь пред нами является другой иудей, хотя он и носит вид христианина, именно Павел Самосатский; и против него можно говорить из нового завета. Но, чтобы не показалось, будто мы, оставив одну, переходим к другой части противников, будем опровергать и его отсюда же. Что же говорит он? Говорит, будто Христос есть простой человек и существует только с того времени, как родился от Марии. А что, скажи мне, скажешь ты против этого изречения: "**из чрева прежде денницы Я родил Тебя**"? Можно и все прочее, что сказано против иудеев, сказать и против его последователей. В этом виновны не мы, а они сами, имея великое сходство с иудеями в учении; потому мы и можем употреблять против них одно и тоже оружие; одинаково нападающих нужно и отражать одними и теми же стрелами. Итак, что значит общение престола? Этим означается равенство чести (Отца и Сына). Это может заградить уста и тем, которые держатся мыслей Ария. Потому и Христос иудеям, говорившим, что Он есть сын Давидов, сказал: "**как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих?**" (Мф.22:43,44) А впоследствии апостол Павел, излагая учение о домостроительстве и яснее раскрывая это место, наносит смертельный удар и Маркиону, и Манихею, и всем тем, которые страдают подобною болезнью; он, с свойственною ему

мудростью, объясняет, как Христос стал иереем по чину Мельхиседекову (Евр.гл.7). Но возвратимся к нашему предмету. "**Сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня**". Видишь ли равенство чести? Престол – знак царствования; где один престол, там одинаковая честь одного и того же царствования. Поэтому и Павел говорит: "**об Ангелах сказано: Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь. А о Сыне: престол Твой, Боже, в век века**" (Евр.1:7-8). И Даниил видел все твари, ангелов и архангелов, предстоящими, а Сына человеческого идущим на облаках и доходящим даже до "**Ветхого днями"** (Дан.7). Если эти слова соблазняют некоторых, то пусть они узнают, что Он "**сидит одесную**", и перестанут соблазняться. Как мы не говорим, что Он больше Отца, хотя имеет почетнейшее седалище "**одесную**", так и ты не говори, что Он меньше и ниже, но равночестен и равен Отцу: это именно означает общение седалища. "**Доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**". Каких врагов? Послушай Павла, который говорит: "**первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его, а затем конец. Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои**" (1Кор.15:23-25).

3. Видишь ли согласие слов пророческих и апостольских? Там говорится: "**доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**"; а здесь: "**доколе низложит всех врагов под ноги Свои**". Но ни там, ни здесь слово "**доколе**" не означает предела времени. Иначе как стояло бы пророческое изречение: " **владычество Его – владычество вечное**", царство, которое "**не разрушится**", "**и Царству Его не будет конца**" (Дан.7:14; Лк.1:33), если бы Он имел царствовать только до известного времени? Видишь ли, что нужно обращать внимание не на одни выражения, но восходить к их разумению? Слыша слова пророка, что Отец полагает врагов под ноги Его, не смущайся; это сказано не потому, будто Сын не имеет силы. Павел говорит, что Он сам полагает врагов под Ноги Свои: "**Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои**" (1Кор.15:25), и все приписывает Ему: "**когда Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу**" (1Кор.15:24), т.е. когда устроит царство, тогда прекратит всякую власть. Таков смысл слова: "**упразднит**". Приписывая все Сыну, он не отделяет от Него Отца, равно как не отделяет и Сына от Отца, потому что все, принадлежащее Сыну, принадлежит и Отцу, и принадлежащее Отцу принадлежит и Сыну. Так и сам Христос сказал: "**и все Мое Твое, и Твое Мое**" (Ин.17:10). Итак, когда слышишь, что Отец покорил, не думай, что Сын не участвует в этом деле; и когда слышишь, что Сын покорил, не говори, что Отец не причастен этому, потому что эти дела общи Им, равно как и все дела. "**Жезл силы пошлет Тебе Господь от Сиона и господствуй среди врагов Твоих**" (ст. 2).

Жезлом силы пророк называет саму силу; а о Сионе упоминает потому, что оттуда получили начало эти дела: там Он дал закон, там совершал чудеса, оттуда началась проповедь и распространилась по всей вселенной. Если же хочешь принимать это изречение в переносном смысле, то послушай Павла, который говорит: "**но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и церкви первенцев**" (Евр.12:22). "**Жезл силы пошлет Тебе Господь от Сиона**". "**Жезл**" иногда означает наказание, иногда благодеяние, иногда утешение, а иногда есть знак царства. А что все это действительно так, послушай пророка, который говорит: "**жезл Твой и посох Твой – они утешили меня**" (Пс.22:4), и еще: "**будешь пасти их жезлом железным, как сосуды горшечника сокрушишь их**" (Пс.2:9); также Павел говорить: "**чего вы хотите? с жезлом придти к вам, или с любовью и духом кротости?**" (1Кор.4:21) Видишь, как он бывает жезлом наказания; посмотри же, как бывает и жезлом царства. Исаия говорит: "**и произойдет отрасль** (жезл) **от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его**" (Ис.11:1); и Давид: "**престол Твой, Боже, во век века. Жезл правоты – жезл царства Твоего**" (Пс.44:7). Здесь он назвал жезлом ту силу, с которою ученики обошли вселенную,

исправляя нравы и возводя людей от неразумного греха к разумной человеческой природе, по повелению Христову: "**идите, научите все народы**" (Мф.28:19). Моисей также имел жезл, но он получал силу от Бога, посредством которой и совершал все. Его жезл разделял воды, а этот сокрушил нечестие вселенной. Не погрешил бы тот, кто бы назвал и крест жезлом силы, потому что этот жезл изменил землю и море и исполнил их великой силы. С этим жезлом апостолы прошли по всей вселенной и совершили все; с ним они успевали во всем, начав от Иерусалима. "**И господствуй среди врагов Твоих**". Посмотри на пророчество, сияющее яснее солнца. Что же значит: "**господствуй среди врагов Твоих**"? Иначе сказать: среди язычников, среди иудеев. Так церкви были насаждены среди городов; так апостолы преодолевали и побеждали. Это знак славной победы – воздвигать жертвенники среди врагов, быть как овцы среди хищных зверей и как агнцы среди волков. Так и Христос сказал, посылая их: "**Я посылаю вас, как овец среди волков**" (Мф.10:16). Это не меньше того чуда; победить тем, которые окружены со всех сторон, значит не меньше, чем овцам преодолеть волков, даже гораздо больше, потому что они в числе двенадцати привлекли всю вселенную. "**И господствуй среди врагов Твоих**". Не сказал: побеждай среди врагов Твоих, но: "**господствуй**", чтобы показать, что это – не трофей, приобретенный сражением, но господство, достигаемое повелением. Действительно так побеждали апостолы, имея в себе Христа и совершая все как бы по повелению. Поэтому и каждый дом был открыт для них, и верующие повиновались им покорнее всякого раба, продавая свои имения и полагая цену их к ногам апостолов, не смея даже брать что-нибудь для своих нужд и оказывая такое к ним уважение, что не осмеливались даже присоединяться к ним (Деян.5:13).

4. И не только над верными они имели такую силу, но и над неверными. В самом деле, скажи мне, какой признак раба? Не делать ли то, что приказывает господин его? Какой признак господина? Не делать ли чрез рабов то, чего он хочет? Кто же делал, что хотел, с тогдашними царями и властителями? Не апостолы ли? Очевидно, так. Цари и властители хотели держать вселенную в нечестии и приказывали служить бесам; а апостолы желали противного – и желание их исполнилось. Если же укажешь мне на их узы, бичевания, мучения, то еще более докажешь их господство. Как и каким образом? Потому, что и при всем этом желание их исполнилось. Они не по закону, свойственному многим господам, но посредством добродетели достигли этого господства, не имевшего нужды ни в каких внешних пособиях, но торжествовавшего среди всеобщих козней. Обыкновенных господ рабы нередко своими кознями доводили до погибели, потому что господство их было несовершенно и весьма слабо; а господства апостолов никто не мог уничтожить, но сами козни делали его еще более блистательным. Какой же господин славнее: тот ли, который имеет нужду в бесчисленных пособиях, чтобы держать рабов в покорности, или тот, который без всего этого со властью действует и распоряжается подчиненными? Очевидно, последний. Господа, имеющие власть, свойственную многим, часто лишались бы вместе с властью и жизни, если бы не имели в помощь себе законов и не жили в городах, а Павел господствовал и в пустынях и везде. Хочешь ли видеть, как он был даже славнее царей? Он ввел законы во всей вселенной, так что люди, оставив законы царей, стали повиноваться его предписаниям. Притом цари имеют власть только над телами, а апостолы имели власть над душами. Какой раб господину, или поданный царю повиновался с такою охотою, как верующие – Павлу, писавшему к ним только послания? Кто выразит их любовь и усердие к нему, когда они готовы были вырвать для него даже глаза свои? Имел ли кто когда-нибудь таких рабов? Вот почему пророк, представляя все это, – как они покоряли себе верных, как были страшны для неверных, которых властью своею обращали в бегство, и как чрез них господствовал Христос, – сказал не просто: будь господином (curíeue) среди врагов Твоих, но: господствуй (catacuríeue), выражая особенно сильную власть. Враги, видя это, не могли сделать ничего против них, хотя имели на своей стороне и законы, и палачей, и всякую власть. Впрочем, они были так

могущественны силою Того, Кто обитал в них. Он господствовал чрез них; не просто был господином, но господствовал, имел великую власть. Силою Обитавшего в них они смело шли и на огонь, и на железо, и на диких зверей, и на все. Подлинно, всегда с ними был Христос, и потому они так радовались и восхищались, подвизаясь как бы в чужих телах, отрешившись от всех житейских скорбей, покоряясь владычеству Христа, не щадя ни имущества, ни тела, ни настоящей жизни. Так поступали и те, которые были некогда врагами и противниками, непобедимая же сила Христова не только избавила их от вражды, но и довела до такой покорности и преданности. Вот почему, хотя говорится, что Отец полагает врагов под ноги Его, но говорится не в том смысле, будто Сын нисколько не действует, – все это было делом Единородного, – но, как я выше сказал, дабы ты почитал Отца и Сына одним Богом, с свойственными каждому из них особенностями, и не представлял двух существ нерожденных. А что все это было сделано Сыном, ты усматривай из самих дел, и не принимай сказанного просто в смысле человекообразном, потому что иначе выйдет много нелепых следствий. Но чтобы тебе убедиться в этом, послушай, что я хочу сказать. Одни из людей, будучи прежде врагами, сделались друзьями; а другие и доселе остаются врагами. Что врагов Он сделал друзьями, это объясняет Павел, когда говорит: "**когда Он предаст Царство Богу и Отцу**" (1Кор.15:24); объясняет и сам Спаситель, когда говорит Своему Отцу: "**Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить**" (Ин. 17: 4). А покорение врагов – дело Отца. Между тем первое важнее последнего, потому что не одно и тоже – наказать упорных врагов и сделать врагов друзьями. Впрочем, ни Сын от этого не меньше Отца, ни Отец не меньше Сына. А дабы ты знал, что и последнее так же свойственно Сыну, как и первое Отцу, послушай. "**Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его**" (Мф.25:41). И Посылающий ангелов собрать плевелы есть также Единородный (Мф.13:30), и везде мы видим Его наказывающим диавола. Это признают и сами бесы, когда говорят: "**пришел Ты сюда прежде времени мучить нас**" (Мф.8:29), следовательно Он будет мучить их. Видишь ли, что все это, хотя приписывается Отцу, но есть дело и Сына? А что дела Сына принадлежат также и Отцу, послушай, как Он Сам говорит: "**никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец**" (Ин.6: 44), и еще: "**никто не приходит к Отцу, как только через Меня**" (Ин. 14:6). Итак, не должно понимать всего этого человекообразно. Поэтому и выражения: "**врагов Твоих**" не должно принимать так, будто они – враги одного Сына, потому что "**кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца**" (Ин.5:23).

5. Таким образом иудеи суть враги не только Сына, но и Отца. Поэтому Бог и подверг их величайшим бедствиям, разрушил город их и превратил его в развалины, впрочем, не тотчас после распятия Христова, но дал им много времени для покаяния, если бы только они захотели покаяться, и послал апостолов, чтобы, чрез них познав силу Его, они когда-нибудь, хотя поздно, обратились. Но так как они имели болезнь неисцельную, то Бог и послал на них крайние бедствия, желая и чрез это призвать их к покаянию, чтобы они, лишившись своей прежней жизни, самою необходимостью приведены были к истине, видя, что Тот, Кого они оскорбляли, стал предметом поклонения, а все им принадлежавшее разрушилось. Если же и после этого они не сделаются лучшими, то, как недостойные никакого помилования, подвергнутся вечному наказанию. Слыша слово: "**подножие**", разумей не что-нибудь чувственное, но покорность. А что враги покорятся и Отцу, это видно из дальнейших слов, потому что как престол один, так и подножие одно.

"**С Тобою власть в день силы Твоей**" (ст. 3). Так как пророк выше сказал: "**доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**", то чтобы кто не подумал, будто Сын не силен и имеет нужду в содействии, как кто-либо из апостолов, послушай; как он разрешает такое недоумение: "**с Тобою**", говорит, "**власть в день силы Твоей**". Что значит "**в день силы**"? В Тебе говорит, начальство, не после пришедшее, но всегда

существующее в Тебе самом. То же выразил и Исаия, когда сказал: "**владычество на раменах Его**" (Ис.9:6), т.е. в Нем самом, в существе Его, в природе Его, не так как у (обыкновенных) царей. Власть царей основывается на множестве войска; а у апостолов не так. Впрочем и их власть происходила от внешней, содействовавшей им силы; а Христос имеет власть по природе Своей, в существе Своем, не после рождения получив ее и не отвне приобретши, но и родившись с нею. Вот почему, когда Его спросили о царстве Его, Он сказал: "**Я на то родился и на то пришел**" (Ин.8:37). "**С Тобою власть в день силы Твоей**". Выражение: "**с Тобою власть**" означает не только то, что начальство Его не зависит от другого, но и то, что оно постоянно и вечно. Люди часто лишаются власти еще при жизни, а если не при жизни, то непременно по смерти, или – лучше сказать – и при жизни власть их находится не в них, но, как я выше сказал, в войсках, телохранителях, богатствах, укрепленных оградах и во всем прочем; а у Бога нет ничего подобного, но власть Его в Нем и притом постоянно; как невозможно, чтобы не было существа Его, так невозможно, чтобы не было и царства Его. "**В день силы Твоей**". Под "**днем силы**" можно разуметь и день уже прошедший, и день будущий. Тот и другой доказывают величайшую силу Христову. Не величайшее ли доказательство силы Его, когда смертью Его смерть упраздняется, медные врата сокрушаются, грех истребляется, клятва разрушается, когда все прежнее зло уничтожается, а вместо того подаются новые блага? Что может сравниться с этою силою, – посмотришь ли на чудеса, или на другие дела Его? Мертвые восстают, прокаженные очищаются, бесы прогоняются, море укрощается, грехи отпускаются, расслабленные укрепляются, рай отверзается, камни распадаются, завеса раздирается, лучи солнечные скрываются и тьма покрывает вселенную, тела усопших святых восстают, разбойник возвращается в древнее отечество, своды небесные раскрываются, униженное естество человеческое возносится выше неба небес и, что еще важнее, посаждается на царском престоле, и предстоят ему ангелы и силы, всякий порок изгоняется, добродетель возвращается, благодать Духа подается, рыбари, мытари и скинотворцы заграждают уста философов, обуздывают язык риторов, разрушают владычество бесов, жертвенники, храмы, праздники и торжества языческие отменяются, смрад и дым и все нечестивые жертвоприношения решительно прекращаются, все прорицатели, святотатцы, гадатели и все орудия диавола обращаются в бегство, церкви возрастают по всей вселенной, составляются сонмы девственниц и лики монашествующих, вместе с городами и пустыня наполняется благочестием, лики праведных и святых мужей стройно воспевают, стоя вместе с вышними ангельскими силами, сонмы мучеников и исповедников являются во множестве по всей вселенной, добродетель исполняется с великой легкостью, варварские народы научаются любомудрию, те, которые были свирепее диких зверей, соревнуют жизни ангелов, и везде, где только солнце освещает землю, распространяется учение Христово, после креста и воскресения. Представляя все это, пророк и говорит: "**с Тобою власть в день силы Твоей**".

6. Если ты хочешь видеть будущий день и узнать, что и этот день есть день силы Его, то представь, как небеса свиваются, вся поврежденная природа воскресает, по одному мановению все являются, диавол посрамляется, бесы приходят в отчаяние, праведники получают венцы, каждый дает отчет в грехах своих, а за добрые дела получает награды, как начинается другая жизнь, в которой уже нет ни смерти, ни болезни, ни старости, ни бедности, ни клевет, ни козней, ни жилищ, ни городов, ни искусств, ни мореплаваний, ни одежд, ни пищи, ни питья, ни кровлей, ни постелей, ни столов, ни светильников, ни злых умыслов, ни сражений, ни судилищ, ни браков, ни болезней рождения, ни рождений, но все это исчезает, как разметаемый прах, и настает другое, лучшее состояние жизни, телу даруется нетление, бессмертие и великая сила. Объясняя это, и Павел сказал: "**проходит образ мира сего**" (1Кор.7:31). Если же ты не веришь сказанному, потому что не видишь этого в настоящем, то из настоящего и заимствуй доказательство касательно будущего.

Обойди мыслью всю вселенную, землю и море, Грецию и землю варваров, населенную и ненаселенную, на суше города, на море острова, горы и леса, и увидев, как везде сияет сила Христа, и как все прославляют досточтимое имя Его, сообрази, что Он же, имевший возможность сделать все это, обещал нам и будущее.

Если ты хочешь иметь частнейшее доказательство, то представь, почему вся вселенная стекается видеть гроб, в котором уже нет тела Христова, какая сила влечет людей с концов земли видеть, где Он родился, где погребен, где распят; представь и сам крест, какой силы он есть знамение. Этот крест прежде был знаком проклятой смерти, смерти позорной, смерти самой постыдной; но вот теперь он сделался драгоценнее самой жизни и славнее диадем, так что все мы носим его на челе, не только не стыдясь, но считая его своим украшением. Не только люди простые, но и те, которые облекаются в диадемы, на челе выше диадем носят крест; и весьма справедливо, – потому что он выше бесчисленных диадем. Диадема украшает голову, а крест ограждает душу. Он – гроза для бесов, врачество для болезней души, непобедимое оружие, неприступная стена, непреодолимая защита; он отражает не только нашествие варваров, не только нападение врагов, но и полчища самых свирепых бесов. "**В блеске святых Твоих**". Другой переводчик (Феодотион и неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **в благолепии святого**. Третий (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **в славе святых**. И это также сказано о настоящем и будущем дне. "**Блеском**" здесь пророк называет величие святых. Кто славнее Павла, кто знаменитее Петра, которые обошли всю вселенную, сияя светлее солнца, рассеивая семена благочестия? Они, как сшедшие с неба ангелы, были для всех неприступным предметом благоговения. Выражая это, писатель книги Деяний говорит, что "**из посторонних же никто не смел пристать к ним**" (Деян.5:13). Сами одежды их были исполнены великой благодати, и тени от тел их оказывали великую силу. Если же они были таковы здесь, то представь – в тот день, когда они получат тела нетленные и бессмертные, сияющие светлее всякого видимого света, каковы будут они и подобные им пророки, апостолы, праведники, мученики, исповедники и все отличавшиеся добродетельною жизнью по вере во Христа. Представь это собрание, эти светила, эти лучи, эту славу, благолепие, светлость, торжество. Кто может изобразить все это? Не может никакое слово; только сам опыт может объяснить этот "**блеск**" (людям) достойным такого зрелища. Тогда, я думаю, будет нечто подобное тому, как если бы засияли на небе многие солнца, или непрерывные молнии; а лучше, сколько бы я ни старался изобразить словами эту красоту, я не буду в состоянии выразить ее по достоинству. Все подобные сравнения чувственны; а та светлость, та слава, которая будет сиять там, блистательнее всякой подобной красоты. Тогда сами тела не только будут нетленными и бессмертными, но и облекутся неизреченною славою. "**В блеске святых**". Чтобы не представить Бога только страшным, пророк изображает Его также кротким и благодетельным и говорит: "**в блеске святых**". И это – знак силы Его, чтобы сделать их столь светлыми, как и Павел говорит: "**уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его**" (Фил.3:21).

7. Сказав о предмете так великом и невыразимом, далее апостол прибавляет: "**силою, которою Он действует и покоряет Себе всё**". Не спрашивай, говорит, как это и каким образом; для Бога возможно все, чего Он хочет. А почему пророк не сказал: во светлости святых, но: "**в блеске святых**"? Потому, что награды их многочисленны и разнообразны. "**Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе. Так и при воскресении мертвых**" (1Кор.15:41). И Христос сказал: "**в доме Отца Моего обителей много**" (Ин.14:2). Притом эта светлость не имеет конца. Она не сменяется ночью и не дает места тьме; но, будучи невыразимо великою и несравненно превосходнейшею всякого видимого света, отличается и тем величайшим преимуществом, что не имеет конца; и это опять есть дело невыразимой силы Царя – сообщить телам

смертным и тленным такую силу и могущество. Сказав о предметах так высоких, окрылив слушателя надеждами, пророк далее показывает, что это сказано не без основания, а потому, что таков и Тот, Кто совершает это. Кто же совершающий? Единосущный Отцу. Выражая это, он и продолжает: "**из чрева прежде денницы Я родил Тебя**".

Те, которые перетолковывают эти слова по своему желанию, утверждают, будто здесь говорится о рождении Христа по плоти. Но как же, скажи мне, "**прежде денницы**"? Так назвал он, говорят, ночь, в которую родился Христос, потому что Он родился до рассвета. Но здесь не об этом шла речь, и не об исторических событиях говорит пророк. А с другой стороны они не могут доказать, что пророки, которые говорят о многом прикровенно, говорили только о том, о чем повествовали евангелисты. Здесь говорится: "**прежде денницы**", не прежде восхождения денницы, но прежде самого начала, прежде происхождения денницы. Писание обыкновенно различает, когда оно говорит о времени прежде бытия чего-нибудь, или прежде деятельности. Так, когда говорит Премудрый: "**дабы известно было, что должно предупреждать солнце благодарением Тебе и обращаться к Тебе на восток света**" (Прем.16:28), то разумеет здесь рассвет. Он не сказал: прежде света, но: прежде востока (света), не прежде бытия его, – прежде бытия солнца ничего не было, – но прежде восхода солнца, чем и указывает на рассвет. В другом месте, когда говорится о бытии, солнца, не говорится: прежде востока, но: прежде солнца. Так напр.: "**пребудет с солнцем и прежде луны в роды родов**" (Пс.71:5,17). Таким образом, не одно и тоже означают выражения: прежде солнца и прежде восхода солнца; второе относится к деятельности солнца и означает рассвет, а первое к существованию его. Так точно и здесь, если бы пророк хотел означить ночь, то не сказал бы: "**прежде денницы**", но: прежде восхода денницы, С другой стороны и сам Христос относит этот псалом не к плотскому Своему рождению, но к духовному. Когда Он спросил иудеев: "**что вы думаете о Христе? чей Он сын?**" и когда они отвечали: "**Давидов**", тогда Он привел этот псалом и сказал: "**как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня. Если Давид называет Его Господом, как же Он сын ему?**" (Мф.22:42-45)? Что же означают эти слова? Здесь изображается истинное Его рождение (от Бога Отца). Что же, не прежде ли только денницы Он существует? Нет. И в другом месте говорится: "**пребудет с солнцем и прежде луны в роды родов**" (Пс. 71:5); но это не значит, будто только прежде луны. И об Отце говорится: "**прежде, нежели появились горы и созданы были земля и вселенная, от века и до века Ты существуешь**" (Пс.89:3); но Он существует не от века только, но еще прежде века, и не до века только, но бесконечно. Не соблазняйся выражениями, но разумей их богоприлично. И посмотри на мудрость пророка: он не в самом начале псалма сказал: "**из чрева прежде денницы Я родил Тебя**"; но прежде показал дела Его, и потом уже, когда изобразил Его в делах, прямо выражает божественное достоинство Его. Так и сам Христос сказал: "**если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне; а если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим**" (Ин.10:37,38). Это для того, чтобы ты, узнав, что Он седит одесную Отца, называется Господом так же, как и Отец, имеет начальство в самом Себе, производит такую светлость и господствует среди народов, не изумлялся, когда услышишь, что Он есть Сын Божий и существует прежде всякой твари. Достойно удивления и то, как пророк одно говорит от лица Божия, а другое от своего лица. В словах: "**сиди одесную Меня**", и: "**из чрева прежде денницы Я родил Тебя**", которые выше его, он представляет говорящим самого Бога; а прочее говорит сам. Заметь еще, какие точные он употребляет выражения. Достаточно было сказать: "**родил Тебя**"; но он прибавил: из "**чрева**", для людей, пресмыкающихся по земле, желая показать им истинное Его рождение. И как говоря о руке Божией, он говорит так не для того, чтобы мы допускали у Бога руку, но выражает творческую Его силу, так и здесь упоминает о чреве для того, чтобы выразить истинное Его рождение.

8. Потом, желая составить пророчество в виде приговора судии, он обращает речь к самому Христу, в знак сильнейшей любви и чрезвычайной радости души, вполне объятой Духом Божиим, и говорит: "**клялся Господь и не раскается: Ты – священник во век по чину Мелхиседека**" (ст. 4). Видишь ли, как он опять низводит речь к предмету низшему, беседуя то о божестве, то о человечестве Христовом? Так поступают и евангелисты, чтобы и тот и другой догмат сохранить в точности. Почему он сказал: "**по чину Мелхиседека**"? И по причине таинства, которое прообразовал Мелхиседек, когда предложил Аврааму хлеб и вино, и потому, что это священство не зависит от закона, и потому, что оно не имеет ни конца, ни начала, как говорит Павел. То, что в Мелхиседеке было, как тень, на Иисусе Христе исполнилось, как истина. И как имена **Иисус** и **Христос** были и прежде, так и это. Мелхиседек представляется неимеющим ни начала дней своих, ни конца жизни, не потому, чтобы он действительно не имел их, но потому, что неизвестно его родословие. А Иисус Христос не имеет ни начала дней, ни конца жизни, не в том смысле, как Мелхисидек, но в том, что Он совершенно не имеет ни начала во времени, ни конца. Там тень, а здесь истина. Подобно тому, как слыша имя Иисус (в ветхом завете), ты разумеешь не истинного Иисуса, но принимаешь это имя только за прообраз и больше ничего не ищешь, так и слыша о Мелхиседеке безначальном и бесконечном, не ищи в нем истины, но довольствуйся одним названием, а истину находи во Христе. Слыша здесь о клятве, не разумей действительной клятвы. Как гнев в Боге не есть гнев, или страстное движение, но наказующее действие, так и клятва. Бог не клянется, но изрекает то, что непременно сбудется. Таким образом пророк, сказав о светлости (блеске) святых, о покорении врагов под ноги Его, о дне силы, говорит теперь о настоящем. Смотри, какой употребляет он порядок речи, желая тронуть грубого слушателя. Внушив ему сначала страх словами о суде, и тем смягчив упорство его, он потом говорит и о настоящем. Для этого он и употребляет смешанный состав речи. Смотри. "**Доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**", – это о будущем; потом о настоящем: "**жезл силы пошлет Тебе Господь от Сиона и господствуй среди врагов Твоих**"; далее о будущем: "**с Тобою власть в день силы Твоей в блеске святых Твоих**"; затем опять о настоящем, но таком, в котором заключается уже не наказание, а благодеяние: "**Ты – священник во век по чину Мелхиседека**". Здесь говорится о прощении грехов и примирении с Богом. Остановившись на этом предмете столько, сколько хотел, он опять касается домостроительства (Христова), обращая речь к низшему предмету: "**Господь**", говорит, "**одесную Тебя**" (ст. 5), хотя выше сказал, что Он седит одесную Отца. Видишь ли, что не нужно держаться одних только выражений? Что значит: "**Господь одесную Тебя**"? Коснувшись домостроительства, он говорит о плоти (Христовой), которая получала подкрепление. Мы видим, что Христос был "**в борении, и был пот Его**", и в таком поте, "**как капли крови, падающие**", и был укрепляем (Лк.22:44). Такова природа плоти. "**Поразит в день гнева Своего царей**". Не погрешит тот, кто отнесет это и к настоящим врагам Церкви, и к будущим, которые отдадут отчет за свои грехи и нечестие. "**Совершит Он суд над народами, наполнит (землю) трупами, сокрушит головы многих на земле**" (ст. 6). Что значит: "**совершит Он суд над народами**"? Будет судить, говорит, осудит самих бесов. А что Он действительно судил их, послушай, что говорить сам Христос: "**ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон. И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе**" (Ин.12:31,32). Если же он употребляет несколько чувственное выражение, не соблазняйся этим: такие выражения часто употребляются в Писании. "**Сокрушит головы многих на земле**". Если принимать это в переносном смысле, то можно сказать, что Он низложит гордость; а если понимать буквально, то можно разуметь бедственную участь иудеев, которых Он поразил с великою силою.

"**Из потока на пути будет пить, посему поднимет главу**" (ст. 7). Здесь пророк указывает на скромный образ жизни Христа, на смиренное Его обращение, на то, что Он совершал

все эти дела без всякой пышности, не имея у Себя копьеносцев, не окружая Себя чувственным великолепием, но проводя жизнь самую простую, до того простую, что даже пил из потока. Какова была у Него пища, таково же и питие; пищею Его был ячменный хлеб, а питием – вода из потока. Такую любомудрую жизнь Он вел для того, чтобы научить и других воздерживаться от чревоугодия, презирать пышность, отвращаться от тщеславия. Далее, желая показать плоды такой жизни, пророк говорит: "**посему поднимет главу**". Таков плод смиренномудрия и строгой жизни.

9. Это сказано не о божестве, но о плоти Христовой, которая пила из потока, которая и превознесена. Простота жизни не только не причинила ей никакого вреда, но и вознесла ее на невыразимую высоту. И ты, возлюбленный, имея такие примеры, презирай жизнь, исполненную тщеславия и пышности, веди жизнь простую и неизысканную, если хочешь сделаться славным и великим. Господь Твой приходил для того, чтобы научить тебя идти этим путем. Поэтому и пророк, сказав о делах Его, прибавляет и это, и как бы так говорит: когда ты слышишь о победе и трофеях, то не ожидай увидеть оружие, воинов, колесницы, коней, всадников, щитоносцев, услышать шум и смятение; Совершающий такие дела столь смирен, столь скромен, что пьет воду из потока; однако, будучи таким, Он совершит все это. Пусть выслушают это те, которые имеют пышные столы, вымышляют всякого рода яства и приправы, отвсюду собирают разного рода поваров, отправляют матросов, кормчих и гребцов привозить им необыкновенного рода вина, благовония и сласти, а вместе с тем и самих себя низвергают в пропасть и делают презреннее всех. То не делает человека высоким, что он нуждается во многом, и то не делает его низким, что он довольствуется малым. Если хотите, мы представим примеры тех и других. Пусть кто-нибудь имеет множество людей, доставляющих ему все, матросов и кормчих, художников и домашних служителей, ткачей и красильщиков, пастухов и погонщиков скота, конюхов и наблюдателей за конями, и все они пусть оказывают ему великие услуги; другой пусть не имеет ничего такого, но довольствуется одним хлебом, водою и простою одеждою. Кто из них высок и кто низок? Не ясно ли, что высок имеющий одну только одежду? Он может нисколько не чувствовать подчинения даже самому царю, а тот – раб всех, кто доставляет ему нужное; он унижается, льстит, услуживает всем, опасаясь, чтобы кто-нибудь не оставил его и тем не причинил ему существенного вреда. Подлинно, ничто так не делает человека рабом, как множество потребностей; и ничто так не делает свободным, как довольство лишь необходимым. Тоже можно видеть и на бессловесных животных. Какая польза ослу быть обремененным тяжелою ношею, хотя бы он мог пользоваться ею бесчисленное множество раз? И какая потеря для другого осла, который свободен от всякой тяжести, если он имеет необходимую пищу? Поэтому Христос, желая сделать учеников Своих высокими, как готовившихся проповедовать по всей вселенной, освободил их от всех забот, и, таким образом, окрылил их и сделал тверже адаманта. Подлинно, ничто не придает душе столько силы, как свобода от забот, и ничто столько не делает ее слабою, как бремя забот. Как там не скоро можно встретить печаль, так здесь не скоро можно найти удовольствие. Один из них имеет множество жестоких и бесчеловечных господ и госпожей; а другой не служит никому, но сам господствует над всеми, с великой свободою наслаждаясь лучами солнца, пользуясь воздухом и не имея никого, кто бы огорчал его. Не мучит его ни гнев, ни зависть, ни ненависть; не терзает его ни забота, ни ревность, ни тщеславие, ни гордость, и ничто другое подобное, – но как тихая пристань, свободная от волнения, так и его душа находится в спокойном состоянии и легко стремится к небу, не задерживаясь ничем настоящим. Итак, чтобы и нам наслаждаться такою свободою, спокойствием в жизни настоящей и безмятежностью при отшествии из ней, будем проводить такую жизнь, чтобы нам сподобиться и вечных благ, превосходящих всякое слово, всякий ум и разумение, во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 110

1 Аллилуия, Исповемся тебе, Господи, всем сердцем моим в совете правых и сонме.

2 Велия дела Господня, изыскана во всех волях его:

3 исповедание и великолепие дело его, и правда его пребывает в век века.

4 Память сотворил есть чудес своих: милостив и щедр Господь.

5 Пищу даде боящымся его: помянет в век завет свой.

6 Крепость дел своих возвести людем своим, дати им достояние язык.

7 Дела рук его истина и суд, верны вся заповеди его,

8 утвержены в век века, сотворены во истине и правоте.

9 Избавление посла людем своим: заповеда в век завет свой: свято и страшно имя его.

10 Начало премудрости страх Господень, разум же благ всем творящым и: хвала его пребывает в век века.

1 Аллилуия. Исповедаюсь Тебе, Господи, всем сердцем моим в собрании и сонме праведных.

2 Велики дела Господни; изысканы во всем желания Его!

3 Хвала и великолепие - дело Его, и правда Его пребывает в век века.

4 Памятными соделал Он чудеса Свои. Милостив и щедр Господь:

5 Пищу дал боящимся Его, будет помнить вечно завет Свой.

6 Силу дел Своих возвестил Он народу Своему, чтобы дать ему наследие язычников.

7 Дела рук Его - истина и правда, верны все заповеди Его,

8 Утверждены они на век века, начертаны по истине и правоте.

9 Избавление послал Он народу Своему, заповедал на век завет Свой.

10 Начало премудрости - страх Господень, разум добр у всех, руководящихся им. Хвала Ему пребывает в век века.

"Исповедаюсь Тебе, Господи, всем сердцем моим в собрании и сонме праведных" (ст. 1).

1. Что значит: "**всем**"? Со всею готовностью и усердием, отрешившись от житейских забот, устремившись горе, освободив душу от уз плоти. "**Сердцем**": не одними словами, не только языком и устами, но и умом. Так и Моисей заповедал: "**люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душею твоею**" (Втор.6:5). Под "**исповеданием**", мне кажется, пророк разумеет здесь благодарность; буду воспевать, говорит, буду благодарить. В этом проводил он всю свою жизнь; этим начал, этим и кончил; это было постоянным его занятием, – чтобы возносить благодарность Богу за благодеяния, оказанные как ему самому, так и другим. И Бог ничего так не требует, как благодарности:

она есть жертва, приношение, знак признательной души, и вместе рана для диавола. Потому и блаженный Иов был увенчан и прославлен, что, когда постигли его бесчисленные искушения, когда и сама жена искушала его, он не поколебался, а продолжал благодарить Господа за все, не тогда только, когда был богатым, но и когда стал бедным, не тогда только, когда был здоровым, но и когда тело его было поражено болезнью, не тогда только, когда все дела его текли благополучно, но и когда страшная буря устремилась на весь дом его и на само тело его. Это свойственно особенно признательной душе – воздавать Богу великую благодарность во время скорбей и бедствий и всегда быть благодарною, на что и пророк ясно указал последующими словами. Так как многие из людей благодарят Бога в счастье, а в несчастье ропщут, некоторые же выражают свое недовольство случающимися событиями, то пророк, желая показать, что это зависит не от свойства событий, а от их развращенной души, присовокупляет: "**в собрании и сонме праведных. Велики дела Господни; изысканы во всем желания Его!**" (ст. 1-2). Этими словами он выражает, что нужно быть беспристрастному судии и неиспорченному собранию, и тогда дела Божии ясно окажутся великими, заключающими в себе много чудесного. Они сами по себе велики; но не кажутся такими, когда нет праведного судии. Так и солнце само по себе светло и лучезарно и освещает всю вселенную; но для больных глазами оно не таково; а виною – не солнце, но их болезнь. Поэтому, когда ты увидишь, что кто-нибудь порицает дела Божии, то не осуждай этих дел согласно с его злобою, но считай это величайшим знаком его безумия, при мысли о промысле Божием. Подобно тому, как тот, кто считает солнце темным, не унижает этого светила, но представляет ясное доказательство собственной слепоты, и как тот, кто называет мед горьким, не уменьшает его сладости, но обнаруживает собственную болезнь, так точно и осуждающий дела Божии. Как первый не причиняет вреда самым вещам, и даже не изменяет общего о них представления, а только обличает свое величайшее безумие, так точно и те, которые не имеют правильного понятия о делах Божиих, не видят даже действительных чудес, а тот, кто имеет беспристрастную и неиспорченную душу, удивляется каждому даже из таких событий, которые кажутся неприятными. И действительно, какое, скажи мне, событие не заслуживает удивления? Если хочешь, то мы, оставив все прочее, перейдем к таким событиям, которые многим кажутся тяжкими и невыносимыми, например, смерть, болезнь, бедность и тому подобные. Кто имеет правое сердце, тот принимает и это весьма охотно и с удивлением. Хотя смерть произошла от греха, но сила Божия, человеколюбие и промышление столь велики, что и ее обратил Он в пользу нашему роду. В самом деле, что тяжкого, скажи мне, заключает в себе смерть? Не есть ли она освобождение от трудов, избавление от забот? Не слышишь ли Иова, который в похвалу ее говорит: **смерть мужу покой, егоже путь сокровен** есть (Иов.3:23)? Не прекращает ли она пороки? Если умирает человек порочный, то смерть полагает конец грехам его: "**умерший освободился от греха**" (Рим.6: 7), т.е. уже не прилагает грехов ко грехам; если же умирает добродетельный, то все добрые дела его остаются в безопасности и в надежной сокровищнице. А живых, скажи мне, смерть не делает ли более благоразумными и кроткими? Не видишь ли, как часто богатые, надменные и высоко поднимающее свои брови, присутствуя при выносе покойника и видя тело его бездыханным и недвижимым, детей сиротами, жену вдовою, друзей унылыми, слуг в черных одеждах и весь дом в печальном виде, умиляются, смиряются, сокрушаются? Слышав прежде множество наставлений и не получив никакой пользы, они при таком зрелище вдруг делаются любомудрыми, познают ничтожество и тленность человеческой природы, слабость и непостоянство своей власти, и таким образом по несчастьям других заключают о собственной изменяемости.

2. Если и при существовании смерти так много грабежей, так велико любостяжание, и люди, подобно рыбам, сильнейшие пожирают слабейших, то до чего не дошло бы

любостяжание, если бы не было смерти? Если и теперь, когда люди знают, что они не всегда будут пользоваться награбленным и должны будут волею или неволею предоставить это другим, они доходят до такого безумия и неистовства, то как могла бы когда-нибудь утихнуть злая страсть их, если бы они владели тем безопасно? Затем: не смертью ли сплетаются венцы мученичества? А Павел не чрез нее ли воздвиг бесчисленное множество трофеев? "**Я каждый день**", говорил он, "**умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашею**" (1Кор.15:31). Не смерть – зло, а худая смерть – зло. Поэтому пророк и говорит: "**честна пред Господом смерть преподобных Его**" (Пс.116:6). И в другом месте: "**смерть грешников люта**" (Пс.33:22); называет лютым то, когда кто отходит с нечистой совестью, обремененный и терзаемый сознанием многих грехов. А кто имеет чистую совесть, тот поспешает к наградам, переходит к венцу. Дабы тебе убедиться, что не сама смерть, но сознание приводит людей в смущение, послушай, как рассуждает об этом Павел; он в одном месте говорит: "**находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем; и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего**" (2Кор.5:4; Рим.8:23), и в другом месте объясняет это так: "**но если я и соделываюсь жертвою за жертву и служение веры вашей, то радуюсь и сорадуюсь всем вам**" (Фил. 2:17). Если же смерть не тяжела, но даже вожделенна для живущих праведно, то тем более бедность и все другое, тому подобное. "**Изысканы во всем желания Его**". Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **исследована** (ἐξηχριβωμένα). Пророк говорит здесь, мне кажется, о твореniях, возвещая премудрость Божию; а выше, говоря о "**делах**", – хотя в них мы открыли для малодушных другие мысли, – он разумел знамения и чудеса, которые Бог часто совершал, устрояя судьбу рода человеческого. Что значит: "**изысканы во всем желания Его**"? Значит: исследованы, как говорит другой переводчик, благоустроены, совершенно окончены, полны, способны исполнять волю Его, готовы свидетельствовать о силе Его, не уклоняются и не имеют в себе препятствий к исполнению повелений Его, как говорит он в другом месте: "**огонь, град, снег, лед, ветер бурный, исполняющие волю Его**", т.е. повеления Его (Пс.148:8); и еще: "**Он сотворил луну для (указания) времен, солнце познало запад свой. Ты простираешь тьму, – и настает ночь**" (Пс.103:19,20). И не только они исполняют то, для чего устроены, но когда Бог повелевает что-нибудь противное тому, и тогда они оказывают великое послушание. Так, Он повелел морю, и оно не только не потопило иудеев, – что по природе свойственно ему, – но, простерши свои волны, перенесло их безопаснее, нежели по камням (Исх.14:22). Разженная пещь не только не сожгла отроков, но и доставила им прохладительную росу (Дан.3:25). Звери не только не съели, но и послужили Даниилу вместо телохранителей (Дан.4:22). Кит не только не пожрал (пророка Ионы), но сохранил в целости вверенный ему залог (Ион. 2). Земля не только не снесла, но страшнее моря погубила, когда разверзшись поглотила Дафана и покрыла сонмище Авироново (Числ.16:32). И много других чудес можно видеть в творении, из которых безумцы, обоготворяющие природу, должны убедится, что все совершается не силою природы, но повинуется и покоряется воле Божией. Эта воля создала природу и по своему мановению управляет всем существующим, то сохраняя законы вещей неизменными, то легко изменяя их, когда захочет, и заставляя делать противное. "**Изысканы во всем желания Его**", т.е. к исполнению заповедей Его, повелений Его, и не только повелений, но и к тому, чтобы чрез них люди познавали Бога, что и составляет преимущественно волю Его, для чего особенно Он и создал их. Таким образом, смысл слов пророка следующий: создания Божии так совершенны, что людям внимательным и здравомыслящим доставляют точное, ясное и светлое о Нем познание. Действительно, воля Божия для того особенно в начале и устроила их, чтобы они своим величием, красотою, порядком, деятельностью, служением и всем прочим пробуждали душу зрителя и располагали ум его искать Творца и совершеннейшего Художника-Бога и покланяться их Создателю, чтобы весь состав творения служил для людей вместо книг и письмен.

3. И не только для богопознания, но и для житейского устроения, творения преподают нам величайший урок. Корыстолюбец, видя, как день уступает место ночи и солнце луне, должен устыдиться такого благоустройства стихии и, если он сильнее других, не домогаться принадлежащего слабейшим. Прелюбодей и развратник, видя, как море волнуется и потом удерживается берегами, также устыдится благоустройства беспорядочных вод, и скоро сможет укротить свою возбудившуюся похоть, обуздать ее стремление страхом Христовым, остановить всю силу порочного пожелания и возвратиться к целомудрию. Взирая на землю, человек легко сможет любомудрствовать и о воскресении, принять то, что говорится об этом предмете. Так, когда он увидит, как земля принимает твердое зерно пшеницы и сначала разлагает его и подвергает гниению, а потом произращает его в гораздо лучшем виде, когда он заметит, как виноградная лоза зимою стоит голою, без листьев, ветвей и гроздей, и сама бывает сухим деревом, подобным скелету, а потом при наступлении весны снова получает все свое благообразие, то сможет от растений и семян, возрождающихся после истления, заключать и о собственной плоти. Трудолюбию он научится у муравья, любви к порядку и общежитию у пчелы, как говорится в притче: "**пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни приставника, ни повелителя; но он заготовляет летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою. Или пойди к пчеле и познай, как она трудолюбива, какую почтенную работу она производит; ее труды употребляют во здравие и цари и простолюдины; любима же она всеми и славна; хотя силою она слаба, но мудростью почтен**" (Прит.6:6-8). Та же пчела научит тебя не удивляться одной красоте телесной, когда с нею не соединены добрые качества душевные, и не гнушаться безобразием, когда при нем – прекрасная душа. Это самое выражает и Премудрый так: "**мала пчела между летающими, но плод ее – лучший из сластей**" (Сир.11:3). Посмотри на птиц и от них научись любомудрию. Потому и Христос сказал: "**взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их**" (Мф.6:26). Если неразумные животные не заботятся о пище, то какое оправдание будешь иметь ты, когда не оказываешь даже такого презрения к настоящему, какое – птицы? Если хочешь научиться презирать украшения, то полевые цветы научат тебя не заботиться о внешних украшениях. Это объяснил Христос, сказав: "**посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них**" (Мф.6:28,29). Итак, когда ты вздумаешь заботиться о красоте одежды, то вспомни, что, сколько бы ты ни старался, за травою останется победа, что ты никогда не сможешь сравняться с нею, – и оставь свою неразумную страсть. Многому и другому можно научиться от бессловесных животных, от цветов и от семян. "**Хвала и великолепие – дело Его, и правда Его пребывает в век века**" (ст. 3), т.е. каждое из дел Его. Пророк говорит это не об одном каком-нибудь деле. Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **похвала и достоинство деятельность Его** (έπαινοζ χαί αξίωμα ή έργασία άυτου). А этот говорит: "**хвала**", т.е. благодарность и слава. Каждая из вещей видимых может расположить зрителя к благодарности, к песнопению, к хвалению, к славословию. Не нужно спрашивать: для чего то, для чего это? – но и ночная тьма и день, и голод и обилие, и пустынная и необитаемая земля, и тучная и плодородная, и жизнь и смерть, и все видимое способно и достаточно для того, чтобы побудить внимательных к благодарности. Выражая это чрез одного пророка и представляя сами наказания за благодеяния, Бог сказал: "п**роизводил Я среди вас разрушения, как разрушил Бог Содом и Гоморру; поражал вас ржою и блеклостью хлеба**" (Ам.4:11,9); и чрез другого пророка: "**Я вывел тебя из земли Египетской и искупил тебя из дома рабства**", обращая наказания в благодеяния (Мих.6; 4). Так, и сами наказания Божии суть благодеяния, служат к исправлению, назиданию, наставлению, пресечению зла. Люди одно делают, как благодеяние, другое по ненависти и отвращению; а Бог все делает по любви. Например, как благодетель, Он поселил человека в раю; как благодетель, Он и

изгнал его из рая; как благодетель, Он произвел потоп; как благодетель, Он ниспослал огонь на Содом; вообще, на что ни укажешь, все делает Он для добра. Как благодетель, Он угрожает и геенною. Как отцы бывают отцами не тогда только, когда ласкают детей своих, но и когда наказывают их, и наказывая бывают отцами не меньше, как и лаская, так точно и Бог. Вот почему Павел и сказал: "**есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?**" (Евр.12:7) И Соломон: "**кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему**" (Прит.3:12). "**И правда Его пребывает в век века**".

4. Это, мне кажется, пророк сказал для тех, которые соблазняются несчастьями, нечаянно постигающими некоторых, вразумляя их как бы так: не смущайтесь, видя людей, подвергающихся клевете, обижаемых, страждущих невинно; есть суд беспристрастный, приговор справедливый, воздающий каждому по достоинству. Если ты будешь требовать этого приговора теперь же, то смотри, чтобы тебе не произнести его против себя самого. Подлинно, если бы Бог стал каждый грех тотчас же поражать наказанием и над каждым преступлением приводить в исполнение праведный суд свой, то род человеческий давно был бы истреблен. Для чего говорить о таком-то и таком-то человеке? Я укажу в доказательство этого на величайшего из всех людей – Павла, проповедника вселенной, восхищенного до третьего неба, введенного в рай, причастника страшных таинств, сосуд избранный, друга Христова, проводившего ангельскую жизнь, достигшего таких добродетелей. Если бы Бог не хотел быть к нему долготерпеливым и милостивым, но, когда он грешил, хулил и гнал Церковь, тотчас бы исполнил над ним праведный суд Свой, то давно лишил бы его возможности покаяться. Сознавая это, сам он говорит: "**благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной**" (1Тим.1:12,13,16). Если бы Бог тотчас же наказал блудницу, то когда бы она обратилась (Лк.7:37)? Также Матфей, мытарь, если бы подвергся наказанию прежде обращения, в бытность свою мытарем, то не лишился ли бы возможности покаяться? Тоже было бы и с разбойником, и с волхвами, и с каждым из грешников. Поэтому Бог удерживает гнев Свой и откладывает праведное воздаяние, призывая людей к покаянию. Но если они останутся неисправимыми, то непременно подвергнутся праведному осуждению. Вот почему пророк, желая утешить обижаемых и вразумить обижающих, присовокупляет: "**и правда Его пребывает в век века**". Смысл слов его следующий: и ты, обижаемый, оканчивая жизнь, не отчаивайся в праведном воздаянии, – после отшествия отсюда ты непременно получишь награду за труды; и ты, грабитель, корыстолюбец и нарушитель правды, оканчивая свою жизнь в мире, не оставайся спокойным, – после отшествия отсюда ты за все отдашь отчет, за все зло получишь воздаяние. Бог существует всегда и правда Его пребывает всегда, не находя в смерти препятствия ни для воздаяния за подвиги добродетели, ни для наказаний за дела злые. "**Памятными соделал Он чудеса Свои. Милостив и щедр Господь**" (ст. 4). Что значит: "**памятными соделал Он чудеса Свои**"? Он никогда не переставал, говорит, творить чудеса. Это и значит: "**памятными соделал Он чудеса Свои**", т.е. не переставал, не оставлял в каждом поколении творить чудеса и пробуждать людей грубых чудесными действиями. Человек высокого ума и любомудрый не нуждается в знамениях: "**блаженны невидевшие и уверовавшие**" (Ин.20:29). Но так как Бог печется не о них только, а и о людях грубых, то почти в каждое поколение Он не перестает творить чудеса. Вся видимая природа есть достаточное чудо, но желая возбудить многих от беспечности среди такого зрелища, Бог совершал много дивных дел, и частных и общих, как например потоп, смешение языков, погибель Содома, события с Авраамом, Исааком, Иаковом, в Египте, при исходе евреев, в пустыне, в земле Палестинской, в Вавилоне, по возвращении из плена, при Маккавеях, после пришествия Христова и во время Его пришествия; также события, продолжающиеся доныне, каковы:

падение Иерусалима, создание Церкви, проповедь распространившаяся повсюду, усилившаяся от волнений, умножившаяся от препятствий, сонмы мучеников, и все прочее. Много чудес можно видеть и в частной жизни, и в домах, и в городах. Но мы обратим внимание только на чудеса общие, очевидные и известные всем, происходящие в каждом поколении. Сколько таких чудес было при Юлиане, превзошедшем всех своим нечестием, при гонении на Церковь? Сколько при Максимиане? Сколько при предшествовавших им царях? Если угодно, укажу и на чудеса, бывшие в наше время, каковы: кресты, внезапно отпечатлевшиеся на одеждах, храм Аполлона, разрушенный молнией, перенесение мощей святого мученика Вавилы в Дафнах и явная победа его над бесом, необыкновенная смерть хранителя царских сокровищ, убиение самого царя Юлиана, превзошедшего всех своим нечестием, погибель дяди его, кучи червей и многое другое, голод, засуха, бездождье, постигшее вместе с тем города, и множество других событий повсюду.

5. Вы знаете также, что случилось тогда в Палестине. Когда иудеи хотели восстановить храм, разрушенный по определению Божию, то огонь, выходивший из основания, разгонял всех, в чем удостоверяет и то уже, что это дело осталось неоконченным. "**Милостив и щедр Господь: пищу дал боящимся Его, будет помнить вечно завет Свой**" (ст. 4,5). Сказав о благодеяниях Божиих, оказанных посредством чудес и дел, о попечении об нас, пророк еще усиливает речь, объясняя, что Бог, совершивший столь многие и столь великие дела спасения людей, всеми способами наставлявший их и руководивший к богопознанию и высокому любомудрию, устрояющий жизнь их, делает это не по долгу, – здесь действует величайшая благодать Его, – но по милости и человеколюбию, не потому, чтобы Он сам нуждался в них, но единственно по благости Своей. "**Пищу дал боящимся Его**". Почему Он говорит здесь о боящихся? Бог питает не их одних; и в Евангелии говорится: "**Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф.5:45). Почему же он сказал: "**боящимся Его**"? Мне кажется, что здесь Он говорит о пище не телесной, но духовной; потому и упомянул только о боящихся Господа: эта пища назначена для них. Как питается тело, так питается и душа. А что она действительно питается, послушай: "**не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих**" (Мф.4:4) Итак, он говорит о пище, которую Бог преимущественно дает боящимся Его, т.е. поучение посредством слова, наставление, все любомудрие. "**Будет помнить вечно завет Свой**". Желая опять низложить высокомерие иудеев и смирить гордость их, или лучше – показать, что блага, которыми они пользовались, они получили не за собственные заслуги, но по любви Божией к отцам их и вследствие заветов Его, бывших с ними, говорит: "**будет помнить вечно завет Свой**". Так и Моисей, при вступлении иудеев в землю обетованную, заповедал им говорить и думать. Когда ты построишь, говорил он Израилю, великолепные города и приобретешь богатства, то не говори, что все это сделано ради моей правды, но ради завета с отцами твоими (Втор.9:4,5). Нет ничего хуже гордости, почему Бог постоянно и поражает ее всеми мерами. "**Силу дел Своих возвестил Он народу Своему, чтобы дать ему наследие язычников**" (ст. 6). От общего пророк переходит к частному, от событий, происходивших во вселенной, к событиям, бывшим с иудеями. Впрочем, если рассмотреть внимательно, то и эти события имеют значение всеобщее. Все, случившееся с иудеями, послужило уроком для других: и войны, и трофеи, и победы их могут для внимательных служить вместо проповеди. В самом деле, все это происходило не по обыкновенному порядку дел человеческих, но неизъяснимым образом. По обыкновенному ли порядку вещей разрушаются стены при звуке труб, женщина предводительствующая преодолевает и побеждает, малый отрок одним метанием камня поражает полки неприятелей? Много и других необыкновенных событий случилось с ними. Так они победили врагов; так изгнали их из Палестины. Когда поэтому пророк говорит: "**силу дел Своих возвестил Он народу Своему**", то говорит не что иное, как то,

что Бог явил силу Свою, изгнав народы не просто, но таким способом, из которого евреи особенно ясно могли видеть, – хотя для этого достаточно было и предшествовавших событий, – что поражение врагам было нанесено Богом и что под Его предводительством решена судьба их. И действительно, Бог наставлял иудеев не словами только, но и делами, обувью, одеждою, пищею, светом ночным и дневным, облаком, войною, миром, победами, земледелием, дождями, словом – все возвещало им Господа, пробуждало ослепленный ум их, и не было времени, когда Бог не являл бы им постоянно Своих знамений. "**Дела рук Его – истина и правда, верны все заповеди Его**" (ст. 7). Сказав о силе Божией, пророк говорит и о правосудии Его, о том, что Бог тогда являл не только силу в делах Своих, но и великое правосудие. Он изгнал народы из Палестины не потому только, что хотел поселить в ней иудеев, но по справедливости. Вот почему и Моисей сказал в одном месте: "**мера беззаконий Аморреев доселе еще не наполнилась**" (Быт.15:16). Это нужно сказать не об одних только иудеях и не только о событиях, бывших с ними, но о всем вообще. Все, совершаемое Им, есть истина и суд; суд, т.е. правда. А истиною Писание часто называет и человеколюбие. Слова эти, следовательно, означают, что Бог совершает все по правосудию и вместе по человеколюбию. Подлинно, если бы Он действовал только по правосудию, то все погибло бы.

6. Поэтому тот же пророк в другом месте говорит: "**не войди в суд с рабом Твоим, ибо не оправдается пред Тобою никто из живущих**" (Пс.142:2); и еще: "**если беззакония будешь усматривать, Господи, Господи, кто устоит?**" (Пс.129:3) Так, все, происходящее от Бога, исполнено того и другого. Если бы Он действовал только по правосудию, то все погибло бы; а если бы только по человеколюбию, то многие сделались бы еще более беспечными. Поэтому, для спасения людей Он разнообразит Свои действия, совершая тем и другим их исправление. "**Верны все заповеди Его**". Как поступает часто пророк в других местах, так и здесь: от премудрости Божией, являющейся в творении и в разных видах промышления, он переходит к Его законодательству, показывая и здесь новый вид промышления. В самом деле, Бог вразумляет род человеческий не только тем, что создал столь много таких тварей, но и тем, что установил закон. Вот почему и в восемнадцатом псалме пророк, различая эти два вида промышления, в начале его говорит: "**небеса поведают о славе Божией**"; а в средине, окончив речь о творении, присовокупляет: "**закон Господень непорочен: обращает души; свидетельство Господне верно: умудряет младенцев. Оправдания Господни правы: веселят сердце; заповедь Господня светла: просвещает очи**" (ст. 8,9). Так и здесь, сказав о знамениях, чудесах и делах Божиих, переходит к заповедям и говорит: "**верны все заповеди Его, утверждены они на век века, начертаны по истине и правоте**" (ст. 7,8). Не напрасно сказал он: "**все**", но употребил это выражение, имея в виду множество заповедей. Так, есть законы творения, которые соблюдают все создания, солнце и луна, день и ночь, звезды, земля и течение всей природы. Есть законы, данные природе человеческой в начале, при сотворении человека, о которых Павел говорит: "**когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон**" (Рим.2:14); и еще: "**по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием**" (Рим.7:22). Есть заповеди написанные: они все остаются доныне; если же некоторые из них отменены, то потому, что изменены не к худшему, а к лучшему. Так, заповедь: **не убивай** не отменена, но усилена; также заповедь: **не прелюбодействуй** не отменена, но получила большую силу. Поэтому и сказал Господь: "**не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить**" (Мф.5:17). В самом деле, тот, кто даже не гневается, тем более, будет воздерживаться от убийства; тот, кто не смотрит на женщину сладострастными глазами, тем дальше от прелюбодеяния. Таким образом, закон имеет то особенное преимущество, что он бессмертен, постоянен, и закон природы, и закон естественный, и закон (ветхозаветного) любомудрия, и закон нового завета. Потому и сказал Господь: "**небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут**" (Мф.24:35),

выражая их неизменяемость. Чему пребывать суждено волею Божиею, все то пребывает постоянно, и того ничто поколебать не может. "**Начертаны по истине и правоте**". Что значит: "**по истине и правоте**"? Нет в них, говорит, ничего неправого, ничего уклончивого, ничего темного, ничего сказанного по пристрастию, или вражде, но все направлено ко благу и пользе, – не так, как законы человеческие, в которых заключается много изменчивого, много неясного, много человеческого. Многие из законов человеческих часто были установляемы под влиянием страстей человеческих; иной хочет отомстить врагу или сделать угодное другу, и сообразно с тем установлял законы. Не таковы законы божественные: они яснее солнца, направлены ко благу тех, для кого установлены, руководят их к добродетели и истине, а не к вещам ложным, как то: богатству и власти (это ложь, а дела Божии – истина), научают не тому, чтобы благоденствовать здесь и наслаждаться благами настоящей жизни, но чтобы приобрести блага будущие. В них все говорится о предметах истинных, верных, не имеющих ничего превратного. "**Верны все заповеди Его**". Что значит: "**верны**"? Тверды, постоянны. Когда они нарушаются, то следуют наказания, а сами они не колеблются; когда люди преступают их, то Бог отмщает за них. Поэтому не говори, будто это сказано для угрозы или преувеличенно. Никакой законодатель не говорит только для угрозы, но для вразумления. Если ты не веришь будущему, то убедись в этом из прошедшего. Потоп при Ное, сожжение Содома, погибель фараона, истребление иудеев, пленения, войны – были ли только угрозою или действительным наказанием? Если же события прообразовательные действительно были, то тем более исполнятся истинные, и настолько более, насколько греховнее проступки людей, совершенные после такого врачевания и исправления. "**Избавление послал Он народу Своему, заповедал на век завет Свой**" (ст. 9). В историческом смысле пророк говорит об избавлении иудеев; а в переносном – об избавлении вселенной, как объясняет в следующих словах: "**заповедал на век завет Свой**". Здесь он говорит о новом завете. Так как он упомянул о заповеди и законе, который был нарушен и подверг людей гневу Божию, то и говорит, что "**избавление послал Он народу Своему**" как и сам Господь сказал: "**Я пришел не судить мир, но спасти мир**" (Ин.12:47). Так как нарушенный закон подверг людей наказанию: "**ибо закон производит гнев, потому что, где нет закона, нет и преступления**"; и "**потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его**" (Рим.4:15; 3:23,24), то он и говорит: "**избавление послал Он народу Своему**".

7. Впрочем, не только избавление, но после избавления Господь дал и закон, чтобы мы вели жизнь, достойную благодати. "**Свято и страшно имя его**"[1]. Представив все, что возвышается о попечении и промышлении Божием, и в ветхом завете, и в новом, и в делах, и заповедях, и чудесах, и знамениях, пророк воодушевляется, и, удивляясь величию Божию, оканчивает речь славословием, вознося хвалу Виновнику всего этого. "**Свято и страшно имя Его**", т.е. вполне достойно удивления, изумления. Если же таково имя Его, то не тем ли более существо Его? А как имя Его "**свято и страшно**"? Его страшатся бесы, боятся болезни; этим именем апостолы исправили всю вселенную; его употребив вместо оружия, Давид поразил иноплеменника; им совершено множество великих дел; им мы совершаем священные таинства. Таким образом, представляя, сколько чудес совершает имя Его и сколько благодеяний, как оно поражает противников и укрепляет своих, размышляя о делах, превосходящих обыкновенный порядок вещей и превышающих человеческое разумение, он говорит: "**свято и страшно имя его**". Если же оно свято, то для прославления нужны и уста святые и чистые.

"**Начало премудрости - страх Господень, разум добр у всех, руководящихся им. Хвала Ему пребывает в век века**" (ст. 10) Что значить: "**начало**"? Источник, корень, основание. Сказав столь многое и столь великое о Владыке вселенной, и исполнившись

изумления, пророк присовокупляет и это, выражая, что боящийся Его исполняется всякой премудрости и становится разумным. Потом, дабы кто не подумал, что мудрость ограничивается одним знанием, прибавляете: "**разум добр у всех, руководящихся им**". Недостаточно одной веры, если с нею не соединена и сообразная жизнь. А как "**страх Господень**" – "**начало премудрости**"? Он удаляет от всякого порока и наставляет на всякую добродетель. Пророк говорит о премудрости, состоящей не в словах, но в делах. И языческие мудрецы определяют премудрость знанием вещей божеских и человеческих. Этому познанию научает страх Божий, истребляя порок, насаждая добродетель, располагая презирать настоящее и стремиться к небу. Что же мудрее такой души? Здесь (пророк) указывает не слушателя только, но и исполнителя. "**Разум добр у всех, руководящихся им**", т.е. для исполняющих правила премудрости, для показывающих ее на деле, он есть "**разум добр**". Говорит о разуме благом, потому что есть разум и злой, как например: "**умны на зло, но добра делать не умеют**" (Иер.4:22). Но он требует разума, обнаруживающегося в добродетельной жизни.

"**Хвала Ему пребывает в век века**". Какая, скажи мне, хвала? Благодарение, славословие, которое за дела Его будет вечно воссылаться Ему, но прежде того приличествует самому существу Его. Бог бессмертен и Сам по Себе достоин хвалы; но Он получает хвалу и тогда, когда ты представляешь Его величие и все прочее, получает хвалу и за дела Свои, когда ты усматриваешь Его премудрость в вещах видимых. Пророк говорит это для того, чтобы побудить к благодарности и показать, что те люди не заслуживают никакого снисхождения, которые негодуют на происходящее. В самом деле, если хвала, благодарение и славословие, принадлежит Ему столь ясно, очевидно, несомненно, неизменно, твердо, постоянно, что она даже вечна, беспредельна и бесконечна, а они, не понимая этого, говорят противное, то они противоречат тому, что гораздо яснее солнца, и добровольно остаются слепыми, – потому что она не какая-нибудь временная, чтобы можно было не знать ее, не темная и неизвестная, но очевидная, постоянная, вечная, всегда пребывающая и никогда не имеющая конца.

---

[1] Пс.110:9. Син. перев.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 111

1 Аллилуиа, псалом, Блажен муж бояйся Господа, в заповедех его восхощет зело.

2 Сильно на земли будет семя его, род правых благословится:

3 слава и богатство в дому его, и правда его пребывает в век века.

4 Возсия во тме свет правым: милостив и щедр и праведн.

5 Благ муж щедря и дая: устроит словеса своя на суде, яко в век не подвижится.

1 Аллилуия. Псалом. Блажен муж, боящийся Господа, заповеди Его он возлюбит весьма.

2 Сильно на земле будет семя его, род правых благословится.

3 Слава и богатство - в доме его, и правда его пребывает в век века.

4 Воссиял во тьме свет правым: он милостив и щедр и праведен.

5 Добрый муж, щедро дающий, устроит дела свои на суде, так что во век не поколеблется.

6 В память вечную будет праведник.	6 В память вечную будет праведник,
7 От слуха зла не убоится:	7 Худой молвы не убоится.
8 готово сердце его уповати на Господа: утвердися сердце его, не убоится, дондеже воззрит на враги своя.	8 Сердце его готово уповать на Господа, непоколебимо сердце его, не убоится, пока не увидит (погибели) врагов своих.
9 Расточи, даде убогим: правда его пребывает во век века: рог его вознесется в славе.	9 Он расточил: дал нищим, правда его пребывает в век века, мощь его вознесется во славе.
10 Грешник узрит и прогневается зубы своими поскрежещет и растает: желание грешника погибнет.	10 Грешник увидит (сие) и разгневается, зубами своими поскрежещет и растает. Желание грешника погибнет.

"**Блажен муж, боящийся Господа, заповеди Его он возлюбит весьма**" (ст. 1).

1. Мне кажется, что начало этого псалма находится в непосредственной связи с концом предыдущего и составляет с ним как бы одно неразрывное целое. Там пророк сказал: "**начало премудрости – страх Господень**", а здесь; "**блажен муж, боящийся Господа**"; другими словами, но теми же мыслями поучает страху Божию. Там он назвал такого человека мудрым, а здесь – блаженным. Действительно, в этом заключается истинное блаженство, а все прочее – суета, тень, ничтожество, укажешь ли на богатство, власть, красоту телесную, обилие богатства. Все это подобно падающим листьям, преходящим теням, мимолетным сновидениям. А страх Божий составляет истинное блаженство. Далее, так как и бесы боятся Господа и трепещут, то, дабы ты не подумал, что этого одного достаточно для спасения, он здесь поступает так же, как поступил выше. Как там, сказав: "**начало премудрости – страх Господень**", присовокупил: "**разум добр у всех, руководящихся им**", соединяя с учением и соответственную жизнь, так и здесь, сказав о страхе, говорит не об одном только страхе, происходящем от сознания величия Божия, который имеют и бесы, но присовокупляет: "**заповеди Его он возлюбит весьма**". Этими словами он требует строгой жизни, доброго поведения, любомудрой души. Не сказал: **заповеди Его будет исполнять**, но: "**возлюбит**", требуя чего-то другого, большего. Чего же именно? Того, чтобы исполнять их с усердием, иметь великую любовь к ним, неопустительно следовать их предписаниям, любить их не для награды, обещанной за исполнение их, но для Того, Кто установил их, предаваться добродетели с удовольствием, не по страху геенны, не из опасения наказания, не за обещание царства, но для Того, Кто дал эти заповеди. И в другом месте, выражая удовольствие, получаемое от заповедей Божиих, он говорит: "**как сладки гортани моей слова Твои! Слаще меда для уст моих**" (Пс.118:103). Того же требует, хотя и прикровенно, апостол Павел, когда говорит: "**как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на дела беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые**" (Рим.6:19).

С каким, усердием, с какою готовностью вы предавались пороку, хотя он не доставляет никакой награды, а напротив наказание и мучение, – с таким же усердием предайтесь

добродетели. Впрочем, говорит, предлагаемая мера еще умеренна. Желая выразить это, он говорит: "**говорю по рассуждению человеческому, ради немощи плоти вашей**" (ст. 19), внушая, что нужно оказывать не меньшую ревность к добродетели, какую оказывали мы к пороку. Смысл слов его следующий: если люди не окажут такой же добродетели, то какое они могут иметь оправдание или прощение, не имея к ней такого усердия (какое имели к пороку)? Поэтому пророк и говорит: "**заповеди Его он возлюбит весьма**". Кто боится Господа, как должно, тот принимает заповеди Его с великим усердием. Любовь к законодателю делает закон приятным, хотя бы по-видимому он и заключал в себе какую-нибудь трудность. Пусть никто не осуждает меня, если я употреблю некоторое сравнение, ведь и Павел употребил его, когда сказал: "**как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на дела беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые**". Так, человек влюбленный в блудницу, хотя бы подвергался оскорблению, поношению, побоям, бесчестию, хотя бы изгнан был из отечества и лишен отцовского наследства и благоволения, хотя бы терпел что-нибудь другое ужаснейшее, с удовольствием переносит все это за свою постыдную любовь.

Если же все это принимают с удовольствием, то тем более не должно ли заповеди Божии, спасительные и славные доставляющие нам высокое любомудрие и делающие душу лучшею, принимать с великим удовольствием и не находить в них ничего трудного? Трудность происходит не от свойства заповедей, но от лености многих. Если же кто станет принимать их с усердием, тот найдет их легкими и удобоисполнимыми. Вот почему и Христос сказал: "**иго Мое благо, и бремя Мое легко**" (Мф.11:30). А дабы тебе убедиться, что это действительно так, что леность многим делает и легкое трудным, а усердие и трудное легким, примером тому служат иудеи, которые, питаясь манною, роптали и желали себе смерти; Павел же, мучимый голодом, радовался и восхищался. Те говорили: "**ныне душа наша изнывает; ничего нет, только манна в глазах наших: разве нет гробов в Египте, что ты привел нас умирать в пустыне?**" (Числ.11:6; Исх.14:11). А Павел говорил: "**ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его**" (Кол.1:24). В каких страданиях? В голоде, жажде, наготе и во всем прочем. "**Заповеди Его он возлюбит весьма**". Как это может быть? Если мы будем искренно и бояться и любить Бога, если будем понимать сущность самой добродетели. В самом деле, добродетель, прежде всех других наград, заключает награду в самой себе. Так, когда ты не прелюбодействуешь и не убиваешь, то представь, какое получаешь ты удовольствие, не испытывая упреков совести, не стыдясь домашних, взирая на всех светлыми глазами. Не то бывает с прелюбодеем, он всех боится и трепещет, и на сами тени смотрит с подозрением.

2. Тоже испытывает и корыстолюбец и завистник. А кто свободен от этих страстей, тот испытывает противное. "**Сильно на земле будет семя его, род правых благословится**" (ст. 2). "**Семенем**" Писание часто называет не детей по естественному рождению, но детей по общению в добродетели. Так и Павел, изъясняя слова: "**и дам тебе и потомкам твоим после тебя землю**", говорит: "**ибо не все те Израильтяне, которые от Израиля; и не все дети Авраама, которые от семени его, но сказано: в Исааке наречется тебе семя**" (Рим.9:6,7); и еще: "**в тебе благословятся все народы**" (Гал.3:8). А что здесь говорится не об иудеях, показывает само дело. Те, которые сами были под проклятием, как могли сделаться виновниками благословения для других? Здесь говорится о Церкви, которая по общению в вере стала семенем Авраама. Таковы люди добродетельные и дети людей, боящихся Бога. "**Сильно на земле будет семя его**".

Для чего он сказал: "**на земле**"? Дабы показать, что оно таково еще прежде отшествия отсюда и прежде вкушения тамошних благ. Добродетель, как я выше сказал, заключает награду в самой себе прежде других наград. А что человек добродетельный действительно

имеет сильное семя и сам сильнее всех, это засвидетельствовали апостолы, доказали пророки. И Господь, имея в виду таких людей, говорит: "**всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне**" (Мф.7:24,25). Сколько народных возмущений, сколько гневных действий властителей, сколько мечей, сколько копий, сколько стрел, сколько печей, сколько звериных зубов, сколько пропастей, сколько морей, сколько козней, сколько клевет, сколько происков направлено было против апостолов? И однако ничто не повредило им, но они остались выше всего, носились недосягаемо для стрел злоумышленников, и самих врагов обращали в ряды свои. Подлинно, нет ничего сильнее добродетели: она тверже камня, крепче адаманта. Напротив, нет ничего ничтожнее и бессильнее порока, хотя бы он был окружен бесчисленным богатством, хотя бы имел великую внешнюю власть. Если же такова сила добродетельных на земле, то представь, какую силу они будут иметь на небесах. "**Род правых благословится**". Видишь ли, как этот род сияет и имеет множество провозвестников, которые прославляют его и удивляются ему, и притом не простых людей, а мудрых? Из людей, пресмыкающихся по земле, никто не может понимать его, но особенно будут хвалить, удивляться и превозносить его те, которые имеют неиспорченный разум. Представь же, как велико это приобретение, которое не лишается похвал ни от ангелов, ни от апостолов, ни от людей великих и дивных. Если таковы хвалящие этот род, то подумай и рассуди, каков должен быть он сам. "**Слава и богатство - в доме его, и правда его пребывает в век века**" (ст. 3). От чувственного пророк снова переходит к духовному, потому что Писание часто называет богатством добрые дела, напр., когда говорит: "**чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами**" (1Тим.6:18). Это и есть истинное богатство; а всякое другое носит только название богатства, но на самом деле не таково.

Впрочем, если кто будет разуметь здесь и вещественное богатство, не отступит от смысла речи. Кто был и по имуществу богаче апостолов, к которым все текло как бы из источников? "**Все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов**" (Деян.6:34,35). Видишь ли обилие богатства? Они владели имуществом всех, не имея заботы об нем, и были распорядителями его гораздо более, нежели сами владельцы. Владельцы отказывались от владения и приносили свое имущество к апостолам, сами принимая на себя продажу его и приобретение денег, а распоряжение ими предоставляя во власть апостолов. Потому Павел и говорит: "**мы нищи, но многих обогащаем**" (2Кор.6:10). И удивительно то, что, находясь среди такого богатства, они остались выше богатства, потому что обилие богатства не овладело ими. Это особенно и есть богатство, чтобы не нуждаться в богатстве. "**Слава и богатство – в доме его**". Здесь больше не требуется объяснений. Они имели славу от Бога, и она следовала за ними, по слову божественному: "**ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам**" (Мф.6:33). Кто славнее их? Их принимали, как ангелов Божиих, приносили имущество и полагали к ногам их; они были даже знаменитее носивших диадему. Какой царь шествовал с такою славою, с какою Павел приводил всех в изумление, везде проповедуя, разрешая узы смерти, прогоняя болезни, обращая в бегство бесов и даже посредством одежд своих совершая такие дела? Он делал землю небом и руководил всех к добродетели.

3. Если же так бывает на земле, представь, какой славы удостоятся добродетельные на небесах. Что значит: "**в доме его**"? Значит: с ним. Внешнее же богатство находится не с тем, кто владеет им, потому что оно находится не в безопасности, но в руках клеветников, льстецов, властителей, слуг; потому владеющий им и разбрасывает его повсюду, не надеясь всецело удержать его дома; для того и приставляются к нему стражи и хранители,

хотя это нисколько не помогает, так как оно и при всем том может убежать. "**И правда его пребывает в век века**". Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **и милосердие его пребывает в век века** (ἐλεημοσύνη). Здесь пророк говорит или о добродетели вообще, или о добродетели, противоположной несправедливости, или, как выражено у другого переводчика, разумеет человеколюбие, милосердие. Действительно, такова сила милосердия: оно бессмертно, нетленно и никогда не может погибнуть. Все дела человеческие разрушаются, а плод милосердия остается всегда неувядающим, не подлежащим никакой перемене обстоятельств. Хотя тело человека разрушится, но милосердие не погибнет вместе с жизнью, а пойдет приготовить ему обители, о которых говорит Христос: "**в доме Отца Моего обителей много**" (Ин.14:2). Таким образом оно превосходит все человеческое и своим постоянством и неизменяемостью, которых не имеет ничто житейское. Укажешь ли на красоту? Она увядает от болезни и истребляется старостью. Укажешь ли на власть? Она часто изменяется. Или на богатство, или что-нибудь другое, славное и знаменитое в настоящей жизни? Оно или покидает людей при жизни, или по смерти оставляет их нагими и ничего не имеющими. Не таков плод милосердия: он не истребляется временем, не разрушается смертью, но тогда особенно и становится обезопасенным, когда достигает этой безмятежной пристани. "**Воссиял во тьме свет правым: он милостив и щедр и праведен**" (ст. 4). Описывая блаженство человека, боящегося Бога, пророк говорит о том, что случается с ним в жизни настоящей, т.е. что стяжания его бессмертны, что он удостоится славы, будет выше всех, увидит подобных ему по добродетели, ставших детьми его, непобедимыми, и среди трудных обстоятельств будет наслаждаться великой безопасностью. Это и означают слова: "**воссиял во тьме свет правым**". Для таких людей, для ходящих праведно, среди тьмы воссияет свет. Что значит: "**во тьме**"? Хотя бы, говорит, они находились в скорби, затруднении, искушении и опасностях, – это и называет он тьмою, – Господь скоро пошлет им великую радость. Изъясняя это, и Павел говорит: "**ибо мы не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Асии, потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых**". Видишь ли тьму? "**Но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых, Который и избавил нас от столь близкой смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит**" (2Кор.1:8-10). Видишь ли, как воссиял свет? Тоже можешь видеть и на трех отроках. Они ожидали быть сожженными, но насладились чистейшею росою. Тоже было с Даниилом и другими пророками. Впрочем, если кто захочет принимать эти слова в другом, переносном смысле, тот увидит исполнение их на всей вселенной. Когда тьма покрывала землю и море и заблуждение распространилось повсюду, тогда долу воссияло Солнце правды. Так как тогдашние люди, оставив небо, искали Бога на земле, то Он оттуда и воссиял им, снисшедши к немощным, чтобы возвести их на беспредельную высоту. "**Он милостив и щедр и праведен**". Сказав, что правда человека добродетельного пребывает, и таким образом доставив ему утешение, но зная, что многие из людей милосердых и живущих праведно встречают здесь противное, он присовокупляет другое утешение: "**милостив**", говорит, "**и щедр, и праведен**", предлагая здесь двоякое убеждение. Если Бог "**милостив**", часто прощает и грешников, то тем более Он не оставит праведных, по отшествии отсюда, неувенчанными; если не воздаст им здесь, то непременно воздаст там. Потом прибавляете и "**праведен**"; если же Он "**праведен**", каков Он и действительно, то воздаст каждому по заслугам, хотя бы и не воздал здесь; это особенно и служит величайшим доказательством воскресения. В самом деле, если многие из людей добродетельных терпят бесчисленные бедствия, а многие из порочных наслаждаются великим спокойствием, то где каждый получит по достоинству, если не будет воскресения, и другой жизни, и суда, и воздаяния? Далее, упомянув о правосудии, и тем устрашив слушателя, имеющего отдать отчет во грехах

своих, пророк тотчас предлагает врачество и говорит: "**добрый муж, щедро дающий, устроит дела свои на суде, так что во век не поколеблется**" (ст. 5).

4. Смотри, сколько наград пророк назначает человеку милосердому, именно: что плод его постоянно пребывает, что он освободится от искушений, что он уподобится Богу, – так как и Бог милосерд, – что он получит прощение своих грехов. Это и означают слова: "**устроит дела свои на суде**", т.е. найдет защиту, получит оправдание, не подвергнется тогда осуждению, потому что милостыня послужит ему прекрасной защитою. Другой переводчик (Симмах) говорит: **устрояя дела свои с судом** (οίχονομων τά πράγματα αύτού μετά χρίσεωζ). Т.е. он будет наслаждаться великим благоденствием, не испытает никакого затруднения, как превосходный распорядитель. Напротив, человек жестокий, бесчеловечный, немилосердый весьма не распорядителен. Действительно, что может быть хуже того, когда кто, при опасности для души его, бережет деньги, а душою пренебрегает? Потому и Христос похвалил того управителя, который, при виде опасности, разодрал расписки должников и велел написать новые (Лк. 16:б-8). Не безумно ли, в самом деле, – в случае опасности для настоящей жизни, жертвовать всем для избавления от опасности, а при опасности наказания в жизни будущей, не применять такой распорядительности? Господь называет мудрым распорядителем человека милосердого, который приобретает за малое многое, за деньги небо, за одежду царство, за хлеб и чашу холодной воды будущие блага. Действительно, что может сравниться с такой распорядительностью, когда человек, отдавая блага погибающие, скоропреходящие и тленные, приобретает будущие и неизменные, а чрез это и в настоящей жизни наслаждается безопасностью? Поэтому пророк и говорит: "**устроит дела свои на суде**", или, как говорит другой переводчик: **устрояя дела свои с судом**. На каком "**суде**"? Или на имеющем быть в последний день, или вообще все дела свои будет устроять хорошо, не будет встречать в них никакого замешательства, но все будет у него в порядке. все будет идти последовательно и своим путем, без всякого смятения и беспорядка, так как милосердие сделает все для него удобным. Это и выражает яснее другой переводчик словами: **устрояя дела свои с судом**, потому что милосердый распоряжается своим имуществом рассудительно, а всякий другой действует бесполезно, нераспорядительно. "**Так что во век не поколеблется**". Что может сравниться с такою распорядительностью, когда человек находит путь, который избавляет его от неожиданных обстоятельств, удаляет от житейских волнений, поставляет его в пристани, так что он, будучи человеком, не испытывает ничего человеческого, или, хотя испытывает, но не колеблется? И удивительно, как он при постигающих его искушениях не колеблется и не падает. Разве же не колебались многие из людей милосердых? Нет. Хотя они делались бедными, доходили до крайней скудости и подвергались несчастьям, но они не падали, представляя дела, совершенные ими, и благоволение к ним Божие, снискав себе небесную помощь, и имея у себя крепкий и надежный якорь – чистую совесть. Потому пророк и не сказал, что они не подвергнутся опасностям, но: "**не поколеблется**". Так и Христос о человеке, построившем здание на камне, не сказал, что он не испытает бури, но, и подвергшись ей, останется непоколебимым. То и удивительно, что он безопасен не от недостатка искушений, но и среди частых испытаний остается всегда непоколебимым. Действительно невозможно, чтобы душа, богатая милосердием, когда-нибудь погрязла в нечистоте страстей. "**В память вечную будет праведник**" (ст. 6). Смотри, как не только во время жизни, но и по смерти праведник поучает и наставляет многих. Как же он может при жизни испытывать что-нибудь злое, когда и по смерти он делается для других наставником благодушия? Дабы люди самые неверные убедились, что плод его пребывает бессмертным на небесах, представляется опыт этого еще здесь, тогда как тело его зарывается и предается земле, память о нем носится повсюду.

Такова сила добродетели: она не уступает времени, не увядает с течением дней. Впрочем, это делается для спасения людей порочных. Сами праведники не нуждаются в похвалах от людей; а живущие порочно имеют нужду в похвалах праведникам, чтобы они, слыша похвалы, воздаваемые другим, делались ревностнее и когда-нибудь отстали от пороков. Где те, которые строят драгоценные гробницы и воздвигают великолепные здания? Пусть они выслушают, что делает память вечною, – не каменные здания, не ограды и башни, а совершение добрых дел. Это говорит пророк для людей, крайне неверующих и не заботящихся о будущем, чтобы отклонить их от настоящего и видимого и направить к будущему; а с другой стороны показывает, что добродетель, как я часто говорил, прежде других наград заключает награду в самой себе. "**Худой молвы не убоится**" (ст. 7). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **вести худой не убоится** (ἀγγελίαν κακήν). Как выше он не сказал, что добродетельный не подвергнется искушению, но – подвергшись не поколеблется, так и здесь не сказал, что он не услышит худой вести, но – услышав не устрашится.

5. Как не убоится? Хотя бы он видел приближающуюся войну, или землетрясение, разрушающее города, или разбойников и грабителей, отнимающих все, или варваров, делающих набег, или болезнь, угрожающую смертью, или гнев судии, или что-нибудь другое, – он не боится, потому что наперед положил свое богатство в безопасном месте; и при наступлении смерти не только не трепещет, но спешит скорее переселиться туда, где скрыты его сокровища. "**Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше**" (Мф.6:21). Если купцы, переслав домой большой груз товаров, каждый день спешат увидеть свое богатство, то тем более человек, сложивший все свои сокровища на небесах, желает оставить настоящее и стремится к будущему. Потому ничто не может возбудить в нем страх. "**Сердце его готово уповать на Господа, непоколебимо сердце его, не убоится, пока не увидит (погибели) врагов своих**" (ст. 8). Другой переводчик (Симмах) говорит: **твердо сердце его** (ἑδραία), выражая тоже самое и поясняя слово: готово. Смысл этих слов следующий: ничто не колеблет его и не привязывает к настоящему, но он весь всецело устремлен к Богу, пребывает в надежде, постоянно утвержден на уповании и ничем настоящим не расслабляется и не развлекается. Житейские заботы таковы, что они развлекают мысли, рассеивают ум. Итак, необходимо снова повторить это евангельское изречение: "**ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше**". "**Непоколебимо сердце его, не убоится**". Видишь ли человека, построившего дом свой на камне? Чего бояться ему, ничем не обремененному, препоясанному и не подающему никому никакого повода к нападению? Чего бояться тому, к кому Бог милостив и благоволит? Таким образом, он безопасен с двух сторон, и от помощи свыше, и от спокойствия снизу; ничто не может поколебать его, ни потеря имущества, ни оскорбления, ни клеветы; не в чем повредить тому, кто от земли устремился к небу, в страну, недоступную никакой злобе и никаким козням. Вы хорошо знаете, что все козни происходят от денег и для денег, и все заботы людей направлены к ним. "**Пока не увидит (погибели) врагов своих**". А кто враг его, кроме злых духов и самого диавола? "**Он расточил: дал нищим, правда его пребывает в век века, мощь его вознесется во славе**" (ст. 9). Так как пророк упомянул о милосердии, общительности и сострадательности, а между тем есть много степеней милосердия, – один подает меньше, другой больше, – то посмотрим, кого он называет милосердым: того ли, кто подает от избытка, или того, кто отдает все, что у него есть? Очевидно того, кто отдает все, кто не щадит при этом ничего. Того же требует и Павел, когда говорит: "**кто сеет щедро, тот щедро и пожнет**" (2Кор. 9:6). Заметь, какие превосходные выражения употребляет пророк. Не сказал: подал, или: разделил, но: "**расточил**", выражая и щедрость подающего, и уподобляя дело его сеянию. Действительно, так поступают сеющие, – они расточают то, что имеют и отдают видимое, чтобы получить будущее. Это лучше собирания богатства; расточать таким образом гораздо лучше, нежели собирать. Расточается имущество, а собирается праведность; расточается непостоянное, а

приобретается постоянное. Подобным образом поступают и земледельцы; но они действуют не наверное, потому что от них принимает земля, а ты полагаешь в руку Божию, откуда ничто не может погибнуть. Итак, когда ты смотришь на красивое золото и колеблешься отдать его, то вспомни о сеющих, вспомни о дающих взаймы, вспомни о торгующих, которые начинают с издержек и трат, и притом каждый из них вверяет свое имущество неизвестности, потому что и волны, и недра земли, и расписки должников – все это неверно. Дающие взаймы часто теряли и сам капитал; а кто трудится для неба, тот не боится ничего подобного, но может быть уверен в целости и капитала, и процентов, если только можно назвать процентами приращение, которое гораздо больше самого капитала. Здесь капитал – имущество, а приращение – царство небесное. Видишь ли достоинство этого займа, приносящего проценты гораздо больше капитала? Это ты получишь в будущем, а в настоящем будешь наслаждаться совершенным спокойствием, не будешь подвергаться козням, охладишь страсти клеветников и завистников, проведешь всю жизнь в покое, не изнуряясь заботами о настоящем, но окрыляясь надеждою будущего. "**Мощь его вознесется во славе**". Чего особенно желают люди, то он часто и поставляет на вид, т.е. известность, знаменитость, которую добродетельные и там наследуют, и здесь получат в великом обилии, потому что никто не бывает столь знаменит и славен, как человек милосердый.

6. Если хочешь, представь с одной стороны людей, расточающих свое имение на конских ристалищах и зрелищах, а с другой человека милосердого, и увидишь, каков плод того и другого, как последнего все постоянно превозносят и удивляются ему, считая его общим отцом и прибежищем, а первых, если и похвалят в течение одного только дня, по непристойному и безрассудному увлечению, то потом порицают, как людей бесчеловечных, жестоких, тщеславных, как служителей невоздержания и рабов нечестия. В собраниях, когда начнется речь об этом предмете, первых упрекают за издержки и бесполезную трату, а последнего всякий, даже самый бесстыдный, преступный, жестокий и бесчеловечный похвалит и выразит ему удивление. Такова добродетель: она получает похвалы даже от тех, которые не следуют ей, тогда как порок отвратителен и ненавистен даже для тех, которые предаются ему. Вот почему людей расточительных не хвалят даже те, которые пользуются от них, блудницы, возницы, плясуны, а напротив отзываются об них худо; милосердых же не только бедные, получающие от них, но и все, не пользующиеся их щедростью, превозносят и любят. "**Грешник увидит (сие) и разгневается, зубами своими поскрежещет и растает. Желание грешника погибнет**" (ст. 10). Такова добродетель: она тягостна и невыносима для порока. Как огонь сжигает терние, так и человеколюбие раздражает людей бесчеловечных и жестоких, потому что оно служит обличением и укоризною их нечестия. Посмотри, как грешник, истаивая от гнева, не осмеливается произносить укоризну и прямо смотреть на светлое лицо добродетели; он истаивает в душе, выражает досаду зубами, но не смеет произнести ни слова, а только истаивает и терзается.

Таков порок: хотя бы он достиг самого скипетра, хотя бы стоял близ облеченных в диадему, он всего презреннее и боязливее; он подобен буре, смятению и волнующемуся морю, хотя бы облечен был безмерною властью. А добродетель напротив, хотя бы впала в крайнюю бедность, хотя бы заключена была в темницу, бывает славнее царей, наслаждается великим спокойствием, находится в тихой и безмятежной пристани, не только ничего не терпит от порочных, но и молча может отмщать им и призывать строгий суд на их нечестие. Что может быть несчастнее человека, живущего порочно, который, кроме того, что раболепствует имуществу, еще оскорбляется достоинствами других, славу других считает собственным наказанием, призывает суд сам на себя, терзается своею совестью, мучится в своей душе, становится палачом для самого себя? Видишь ли превосходную силу добродетели? Видишь ли бессилие и жалкое состояние порока? И не в

этом только состоит его несчастие, но и во многом другом, на что указывает и пророк, продолжая: "**желание грешника погибнет**". Что значит: "**желание грешника погибнет**"? Значит: никогда не бывает постоянным. Так как предметы его желаний столь непостоянны и скоропреходящи, то сообразно с тем и сами желания изменяются, прекращаются и не имеют никакого корня. Если же таково состояние грешника здесь, то представь, каково оно будет в веке будущем. Поэтому, чтобы нам не потерпеть того же, будем избегать такого пути, и изберем путь добродетели, и будем постоянно идти по этому пути безопасному, недоступному для врагов, исполненному радости и славы, ведущему нас на небо, доставляющему нам во всем благоволение Божие, делающему нас любомудрыми, заключающему в себе такие блага, которых невозможно выразить словом, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа; Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 112

1 Аллилуия, Хвалите, отроцы, Господа, хвалите имя Господне.	1 Аллилуия. Хвалите, отроки, Господа, хвалите имя Господне.
2 Буди имя Господне благословено отныне и до века.	2 Да будет имя Господне благословенно отныне и до века.
3 От восток солнца до запад хвально имя Господне.	3 От востока солнца до запада славно имя Господне.
4 Высок над всеми языки Господь: над небесы слава его.	4 Высок над всеми народами Господь, выше небес слава Его.
5 Кто яко Господь Бог наш? на высоких живый,	5 Кто, как Господь Бог наш, на высоте живущий
6 и на смиренныя призираяй на небеси и на земли:	6 И на смиренных взирающий на небе и на земле,
7 воздвизаяй от земли нища, и от гноища возвышаяй убога:	7 Поднимающий с земли нищего и от гноища возвышающий убогого,
8 посадити его с князи, с князи людий своих:	8 Чтобы посадить его с князьями, с князьями народа Своего,
9 вселяя неплодовь в дом, матерь о чадех веселящуся.	9 Поселяющий неплодную в дом матерью, веселящейся о детях своих.

"**Аллилуия. Хвалите, отроки, Господа, хвалите имя Господне**" (ст. 1).

1. В Писании часто говорится об этой хвале, потому что она немаловажное дело, но составляет некоторую жертву и приношение, угодное Богу. "**Жертва хвалы**", говорит

Псалмопевец, "**прославит Меня**" (Пс.49:23), и еще: "**восхвалю имя Бога моего песнею, возвеличу Его хвалением. И (это) будет угодно Богу более, нежели юный телец, с подрастающими рогами и копытами**" (Пс.68:31,32). И во многих местах священные книги заповедуют хвалу, и спасаемые приносят ее вместо великой благодарности. Но какую, скажешь, трудность она заключает в себе? Для кого даже из людей самых обыкновенных не легко совершать ее – хвалить Бога? Если рассмотришь внимательно, то увидишь и труд этого дела, и пользу от него. Во-первых, такое песнопение требуется от праведных; человеку нужно наперед исправить свою жизнь, и тогда возносить песнопения Богу, потому что "**неприятна похвала в устах грешника**" (Сир.15:9). Во-вторых, должно хвалить не только словами, но и делами, и Бог желает особенно такой хвалы, такой славы: "**так да светит свет ваш**", говорит Он, "**пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Мф.5:16). Так славят Его херувимы. Потому и пророк, услышав таинственную песнь, в сокрушении сказал: "**и сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами**" (Ис.6:5). Потому и Псалмопевец, заповедуя возносить хвалы, начинает с вышних сил и говорит: "**хвалите Господа с небес, хвалите Его в вышних (селениях)**" (Пс.148:1). Следовательно, нужно быть ангелом, и тогда хвалить Бога. Не будем же считать эту хвалу делом маловажным, но прежде уст пусть возносит ее жизнь наша, и прежде языка пусть взывает наше поведение. Тогда и молча мы можем хвалить Бога, и взывая будем совершать стройную песнь жизнью. Впрочем, не только этому научает нас псалом, но и тому, чтобы всем быть в согласии и составлять совокупный хор. Здесь говорится не одному, или двум, но целому народу. Как Христос, приводя нас к согласию и любви, заповедал совершать общую молитву, и от всей Церкви, как бы от одного лица, говорит: "**Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь**" (Мф.6: 9-13), употребляя постоянно множественное число и повелевая каждому, хотя бы он молился один, хотя бы вместе с другими, молиться и за братьев, так и пророк призывает всех вообще к согласию в молитве и говорит: "**хвалите имя Господне**". Что значит это прибавление имени? Оно особенно выражает расположение говорящего; но указывает и на нечто другое. На что же именно? На то, чтобы имя Его прославлялось чрез нас, чтобы оно было явно хвалимым и посредством нашей жизни. Оно достохвально по самому существу своему; но Бог хочет, чтобы и в нашем образе жизни сияла эта похвала. А чтобы тебе убедиться в этом, выслушай следующее. "**Да будет имя Господне**", продолжает пророк, "**благословенно отныне и до века**" (ст. 2). Что говоришь ты? Разве оно не благословенно, хотя бы ты и не молился? Видишь ли, что он говорит не о том благословении, которое присуще Богу и принадлежит Ему существенно, а о том, которое воздается Ему людьми? Об этом благословении и Павел говорит в словах: "**прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших, которые суть Божии**" (1Кор.6:20). Бог высок, велик и славен сам по Себе, но Он становится таким и у людей, когда служащие Ему являют такую жизнь, что все видящие их благословляют Господа. Христос заповедал нам говорить всегда в молитве: "**да святится имя Твое**", т.е. да прославится чрез нашу жизнь. Как порочною нашею жизнью оно хулится, так добродетельной прославляется, благословляется, освящается. Смысл слов Его следующий: удостой нас всегда вести жизнь добродетельную, чтобы имя Твое было благословенно и чрез нас. "**От востока солнца до запада славно имя Господне**" (ст. 3). Видишь ли, как он предначинает новую жизнь и открывает высокое достоинство (Христовой) Церкви? "**Славно**" уже не в Палестине, не в Иудеи, но во всей вселенной. А когда это сбылось, как не тогда, когда стала процветать наша Церковь? В древности оно не только не прославлялось в Палестине, но и хулилось обитавшими в ней иудеями. "**И постоянно**", говорит пророк, "**всякий день имя Мое бесславится**" (Ис.52:5). А ныне оно

славится по всей вселенной. Выражая это, и другой пророк говорит: "**истребит всех богов земли, и Ему будут поклоняться, каждый со своего места, все острова народов**" (Соф.2:11), и еще иной: "**приношение из рук ваших неблагоугодно Мне. Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву; велико будет имя Мое между народами, говорит Господь**" (Мал.1:10,11).

2. Видишь ли, как Бог отверг и прекратил иудейское служение и по всей вселенной предвозвестил и распространил жизнь и служение нашей Церкви? Пророк, сказавший это, жил после возвращения из плена вавилонского, и в то время проповедовал, дабы иудеи не говорили, что он возвещает о разрушении и плене вавилонском. Это возвещает ангел (Малахия) тогда, когда плен уже кончился и иудеи возвратились к прежней своей общественной жизни, предсказывая разрушение, бывшее при Веспасиане и Тите, после которого не будет перемены бедственных обстоятельству так как за ними последовали уже дела нашей Церкви. Поэтому пророк и говорит: "**велико будет имя Мое между народами**" (Мал.1:11), т.е. благословенно, прославляемо их жизнью, как и здесь говорится: "**славно имя Господне**".

"**Высок над всеми народами Господь, выше небес слава Его**" (ст. 4). Видишь ли опять, что народы принимают служение Ему, и не один, не два, или три, но все, живущие во вселенной? Что яснее этого пророчества? Почему же Господь "**высок над всеми народами**"? Потому ли, что мы величаем Его, не прибавляя впрочем Ему высоты? Нет, но потому, что в учении, богослужении, поклонении и во всем прочем не представляем ничего унизительного для Него, как иудеи, а все гораздо лучшее и возвышеннейшее. Такова и сама жизнь Церкви; сколько небо выше земли, столько эта жизнь выше древней. Поэтому он и говорит: "**высок над всеми народами Господь**". Величая Бога служением, мы знаем и то, что и это с Его стороны есть снисхождение, потому что, хотя наше служение и выше древнего, однако оно ниже Его достоинства. Павел, показывая различие ведения. существующего ныне и имеющего быть в будущей жизни, говорит: "**когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое**" (1Кор.13:11), и еще: "**мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу**" (1Кор.13:9,12). Этим он выражает, что ведение настоящее настолько отстоит от будущего, насколько младенец от мужа, достигшего совершенного возраста. "**Выше небес слава Его**". Сказав о хвалении и величании Бога посредством человеческой жизни и научив именно так величать Бога, так хвалить, так превозносить, пророк побуждает нас еще к большей добродетели, показывая, где особенно совершается такая хвала. Где же? На небесах. Там слава Его. Ангелы особенно прославляют Его, прославляют не только по собственной природе, но и чрез послушание людей, которым они служат, ревностно содействуя исполнению желаний и заповедей Его. Потому и говорит пророк: "**сильные крепостью, творящие слово Его**" (Пс.102:20). И в Евангелии Христос заповедал молиться так: "**да будет воля Твоя и на земле, как на небе**" (Мф.6:10), т.е. как ангелы святят имя Его, чуждаясь всякого порока и ревнуя о добродетели, – так да сподобимся и мы святить Его. Это выражает пророк и здесь: "**выше небес слава Его**". Итак, не смотри только на твари, видимые на земле, и на стройность неба, но вознесись умом от чувственного к духовному, к красоте тамошних существ и к светлости тамошней жизни, и тогда ты узнаешь, каким образом "**выше небес слава Его**".

"**Кто, как Господь Бог наш, на высоте живущий, на смиренных взирающий на небе и на земле**" (ст. 5-6)? Как возвышенны, по-видимому, эти слова! Но если представишь, о Ком они сказаны, то они будут весьма недостаточны. И здесь, как я говорил, не должно

останавливаться на словах, но возноситься мыслью. В самом деле как может обитать на небесах наполняющий небо и землю, вездесущий, сказавший: "**разве Я – Бог только вблизи, говорит Господь, а не Бог и вдали?**" (Иер.23:23), измеривший "**воды горстью своею и пядью измерил небеса; восседает над кругом земли**" (Ис.40:12,22)? Но так как пророк говорил иудеям, то он и употребляет такие выражения, мало-помалу возвышая их душу, окрыляя и постепенно возбуждая их ум. Потому он и не сказал просто: "**на высоте живущий и на смиренных взирающий**"; но сказал прежде: "**кто, как Господь Бог наш**", а потом присовокупил: "**на высоте живущий и на смиренных взирающий**"; сказал первое, чтобы показать, для чего он говорит последнее, – именно, по причине немощи иудеев, склонных к идолослужению и покланявшихся богам, заключенным в определенных местах и храмах. Потому он и делает некоторое сравнение между ними, хотя Бог несравненно превосходит всех, приспособляя речь свою к немощи слушателей, как я прежде сказал и не перестану часто говорить. Он заботился не о том, как бы сказать что-нибудь достойное славы Божией, но как бы сказанное было понятно для слушателей. Потому он мало-помалу и возвышает их, впрочем, не останавливается на низших понятиях, но открывает опять другие, высшие. Сказав: "**на высоте живущий и на смиренных взирающий**", он опять возводит речь к высшему и говорит: "**на небе и на земле**" (ст. 6), выражая, что Бог – везде, и там и здесь. Он не издали смотрит на землю, как бы заключенный в небесах, но как вездесущий и всему соприсущий.

3. Видишь ли, как он мало-помалу окрыляет ум слушателей? Таким образом, возвысив слушателя от земли и устремив к небу, расположив его опять размышлять о предметах высших, далее он переходит к другому доказательству силы Божией и говорит: "**поднимающий с земли нищего и от гноища возвышающий убогого**" (ст. 7). И ничтожное возвышать – дело силы великой и неизреченной. В других местах говорится, напротив, что Бог смиряет высокое, напр.: "**Он укрепляет опустошителя против сильного, и опустошитель входит в крепость**" (Ам.5:9). А здесь сказано, что Он может возвышать и малых. Таков общий смысл речи. Если же кто захочет понимать ее в переносном смысле, тот увидит, что это исполнилось на язычниках, увидит это и на нас – людях, живущих по пришествии Христовом. Что беднее нашей природы? Однако Христос возвысил ее, вознес вместе с начатком нашим на небо, и посадил на престоле Отчем. "**И от гноища возвышающий убогого, чтобы посадить его с князьями, с князьями народа Своего**" (ст. 7,8). "**Гноищем**" он называет здесь тленность и происходящую оттого частую изменчивость, внушая, что для Бога все легко и удобно. Далее переходит к другому, важнейшему предмету. Какому? К тому, что Бог может не только изменять обстоятельства и недостатки заменять совершенством, но переменять законы самой природы, неплодную делать матерью. "**Поселяющий**", говорит, "**неплодную в дом матерью, веселящейся о детях своих**" (ст. 9). Это исполнилось над Анною, исполнялось и над многими другими. Видишь ли, как совершенно, как полно это песнопение? Пророк сказал, как совершится исправление вселенной, как прекратится иудейство, как воссияет новая жизнь Церкви, как везде будет приноситься жертва; потом, желая сделать слова свои достоверными и для людей грубых, подтвердил речь свою о будущем тем, что уже было. Смысл слов его следующий: не сомневайся, человек, что будет такая перемена, что Бог введет и отвергнутые народы в величайшую славу. Не видишь ли, как это ежедневно исполняется, как смиренные возвышаются и садятся с князьями? Не видишь ли, как поврежденная природа исправляется, бесплодные делаются матерями? Нечто подобное произошло и с Церковью: она была неплодною, но стала матерью многих детей. Поэтому и говорит Исаия: "**возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, немучившаяся родами; потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа**" (Ис.54:1), предвозвещая то, что имело произойти с Церковью. Таким образом, здесь пророк и окончил речь, доказав достоверность пророчества и событиями уже совершившимися, и величием Божиим. Все, что угодно Богу, легко совершается. Он

может и природу изменить, и смиренных возвысить, и нравы исправить. Итак, зная все это, будем исполнять должное с нашей стороны, и мы удостоимся всякой славы, взойдем на неизреченную высоту, получая помощь от Бога, Которому слава и держава, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 113

1 Аллилуия, Во исходе Израилеве от египта, дому иаковля из людий варвар,

2 бысть иудеа святыня его, Израиль область его.

3 Море виде и побеже, иордан возвратися вспять:

4 горы взыграшася яко овни, и холми яко агнцы овчии.

5 Что ти есть, море, яко побегло еси, и тебе, иордане, яко возвратился еси вспять?

6 горы, яко взыграстеся яко овни, и холми яко агнцы овчии?

7 От лица Господня подвижеся земля, от лица Бога иаковля:

8 обращшаго камень во езера водная и несекомый во источники водныя.

9 Не нам, Господи, не нам, но имени твоему даждь славу о милости твоей и истине твоей:

10 да не когда рекут языцы: где есть Бог их?

11 Бог же наш на небеси и на земли, вся елика восхоте, сотвори.

12 Идоли язык сребро и злато, дела рук человеческих:

13 уста имут, и не возглаголют: очи имут, и не узрят:

14 ушы имут, и не услышат: ноздри имут, и не обоняют:

15 руце имут, и не осяжут: нозе имут, и не

1 Аллилуия. По исходе Израиля из Египта, дома Иакова - из варварского народа,

2 Иудея стала святынею Его, Израиль - областью Его.

3 Море увидело и побежало, Иордан возвратился вспять.

4 Горы прыгали, как овны, и холмы, как ягнята у овец.

5 Что с тобою, море, что ты побежало? И что с тобою, Иордан, что ты возвратился вспять?

6 (Что с вами) горы, что вы запрыгали, как овны, - и холмы, как ягнята у овец?

7 От лица Господа подвинулась земля, от лица Бога Иаковлева,

8 Обратившего камень в озёра воды и нерассеченный - в источники вод.

9 Не нам, Господи, не нам, а имени Твоему дай славу, по милости Твоей и истине Твоей!

10 Пусть никогда не говорят язычники: "где Бог их?"

11 Бог же наш на небе и на земле: все, что захотел, сотворил.

12 Идолы язычников - серебро и золото - дела рук человеческих:

13 Уста имеют, но не проговорят, глаза имеют, но не увидят;

14 Уши имеют, но не услышат; ноздри имеют, но не обоняют;

15 Руки имеют, но не осяжут; ноги имеют, но не пойдут; не издадут голоса гортанью своею.

пойдут: не возгласят гортанем своим.

16 Подобни им да будут творящии я и вси надеющиися на ня.

17 Дом Израилев упова на Господа: помощник и защититель им есть.

18 Дом ааронь упова на Господа: помощник и защититель им есть.

19 Боящиися Господа уповаша на Господа: помощник и защититель им есть.

20 Господь помянув ны благсвил есть нас: благсвил есть дом Израилев, благсвил есть дом ааронь,

21 благсвил есть боящыяся Господа, малыя с великими.

22 Да приложит Господь на вы, на вы и на сыны вашя:

23 благословени вы Господеви, сотворшему небо и землю.

24 Небо небесе Господеви, землю же даде сыновом человеческим.

25 Не мертвии восхвалят тя, Господи, ниже вси низходящии во ад:

26 но мы живии благословим Господа отныне и до века.

16 Подобны им да будут делающие их и все надеющиеся на них!

17 Дом Израилев уповал на Господа; Он помощник и защитник для них.

18 Дом Ааронов уповал на Господа; Он помощник и защитник для них.

19 Боящиеся Господа уповали на Господа, Он - помощник и защитник для них.

20 Господь, вспомнив о нас, благословил нас: благословил дом Израилев, благословил дом Ааронов,

21 Благословил боящихся Господа, малых и великих.

22 Да приложит Господь (благ) вам, вам и сыновьям вашим!

23 Благословенны вы Господом, сотворившим небо и землю.

24 Превысшее небо - Господу, а землю Он дал сынам человеческим.

25 Не мертвые восхвалят Тебя, Господи, не все нисходящие во ад,

26 Но мы, живые, будем благословлять Господа отныне и до века.

"**Аллилуия. По исходе Израиля из Египта, дома Иакова – из варварского народа, Иудея стала святынею Его, Израиль – областью Его**" (ст. 1, 2).

1. Здесь пророк свидетельствует о великом снисхождении и милости Божией. Какой? Той, что Он наперед являет собственную силу, а потом и требует поклонения Себе. Это выражает пророк словами: "**по исходе Израиля из Египта, Иудея стала святынею Его**". Тогда, говорит, Он явил силу Свою знамениями в Египте и в пустыне, тогда и усвоил Себе народ израильский. Так поступил Он и с Адамом: наперед сотворил мир и явил могущество Своей премудрости и силы, а потом создал человека и потребовал от него поклонения Себе. Так и Единородный Сын Божий наперед являл многие и различные

знамения, а потом требовал веры. Потому и людям, приходившим к Нему вначале, как еще не получившим от Него залога и доказательства Его божественности, Он не говорил: веруете ли, что могу сотворить это? – а только показывал знамения. Когда же он по всей Палестине оставил памятники Своей силы, исцеляя телесные недуги, истребляя зло, проповедуя о царстве, преподавая спасительные законы, тогда и стал требовать веры от приходивших к Нему. Люди стараются наперед приобрести власть, и тогда уже начинают благодетельствовать; а Бог начинает с благодеяний. Но что я говорю о других благодеяниях, когда Он наперед претерпел сам крест и потом победил вселенную, доказав делами Свое о ней попечение? Это и выражает здесь пророк в словах псалма: "**по исходе Израиля из Египта, дома Иакова – из варварского народа, Иудея стала святынею Его**".

"**По исходе**", т.е. при удалении, при освобождении из Египта. Не сказал просто: из Египта, но присовокупил: "**из варварского народа**", названием врагов показывая попечение Божие. От столь жестоких, бесчеловечных, варварских египтян они не могли бы освободиться, если бы не получили помощи от крепкой руки и непобедимой десницы. Действительно, египтяне были свирепее диких зверей, грубее камней; будучи поражаемы бесчисленными ударами, они не смягчались. Так, назвав египтян народом варварским, пророк выразил превосходство силы Божией, которою Он столь дикий и столь жестокий народ отчасти убедил, отчасти принудил против воли отпустить рабов, а потом потопил противников в море, и таким образом освободил народ Свой.

Что значит: "**Иудея стала святынею Его**"? Иначе сказать: сделалась народом служащим Ему, народом преданным Ему, народом усвоенным Ему. Собственно же святынею назывались храм, святилище, святое святых, как и Захария говорит о некоторых спрашивающих: *если вниде (рус.* вошел, вошла*) здесь святыня*, или будем поститься[1] (Зах.7:3), указывая на возвращение кивота и всего прочего. "**Иудея стала святынею Его**". Прежде она была страною нечистою и презренною; а когда вступил в нее народ израильский, тогда сделалась "**святынею Его**", т.е. святыня введена в нее соблюдением закона, жертвоприношениями, богослужением и другими священными обрядами. "**Израиль – областью Его**". Что значит: "**Израиль – областью Его**"? Значит: подвластен Ему. Хотя вся вселенная находится под властью Его, но эти люди подвластны и по особенной близости к Нему. Им он сообщал пророчества, беседовал с ними и преимущественно устроял дела их. Еще и в другом отношении эти люди были Его народом, именно в том, что по Его мановению они часто и выходили на войну и предпринимали многое другое. Освободив их из рук варваров, от насилия, рабства, крайней опасности и несчастья, Он сделался царем их. Потому и в другом месте, оправдывая Себя и показывая, что Он наперед Сам от Себя давал им, а потом требовал Себе воздаяния от них, Он сказал: "**был ли Я пустынею для Израиля? был ли Я страною мрака?**" (Иер.2:31) Смысл этих слов следующий: был ли. Я бесплодным для вас? Не сообщал ли Я вам бесчисленные блага? Не изменял ли саму природу? Не заставлял ли стихии служить вам? Не даровал ли вам жизнь, свободную от трудов человеческих? Поэтому Он и говорит: "**был ли Я пустынею для Израиля?**" Т.е. не сообщил ли Я вам бесчисленные блага; освобождение из Египта, избавление от варваров, явление чудес, жизнь в пустыне, наследие Палестины, покорение язычников, постоянные трофеи, непрерывные победы, чудные знамения, непрерывные чудеса, плодородие земли, умножение вашего рода, славу по всей вселенной, и многие другие? Видишь ли благодеяния Божии? Поэтому Он и присовокупляет: "**был ли Я страною мрака?**". Т.е. не пользовались ли вы от Меня бесчисленными плодами? Не благословлял ли Я вход ваш и исход ваш, стада ваши и паствы ваши, хлеб ваш и воду вашу? Не оградил ли Я вас безопасностью? Не сделал ли вас неприступными, страшными и непобедимыми? Не текло

ли к вам все, как из источников, с земли и с неба? Владыка тем особенно и являет Себя, что промышляет о подданных, печется и заботится о них.

2. Потому и Христос не сказал: "**пастырь добрый**" принимает честь и служение, но "**полагает жизнь свою за овец**" (Ин.10:11). В том и заключается власть, в том и состоит мудрость пастырская, чтобы презирать свои выгоды и заботиться о благе подчиненных. Начальник – тоже, что врач, или даже больше врача. Врач доставляет исцеление своим искусством, а начальник, кроме того, и собственными опасностями. Так поступал и Христос, претерпевший заушения, распятие и бесчисленные страдания. Поэтому Павел и сказал: "**ибо и Христос не Себе угождал, но, как написано: злословия злословящих Тебя пали на Меня**" (Рим.15:3). Итак, пророк исчисляет здесь два или три и более благодеяний, говорит, что Бог избавил иудеев от варваров, освободил от иноплеменников, вывел из рабства, прекратил их труды и бедствия, совершил бесчисленные чудеса, а потом удостоил их сделать Своею святынею и подданными, потому что и это немалый род благодеяния, что Он избрал их в Свои подданные. "**Море увидело и побежало, Иордан возвратился вспять**" (ст. 3). Смотри, как он усиливает речь и указывает на большие благодеяния. Для чего, говорит, упоминать о варварах и язычниках, когда и сама природа покорялась, отступала и возвращалась назад, видя Предводителя и давая путь Вождю народа? Действительно, все тогда покорялось и уступало народу еврейскому, дабы он знал, что все происходившее с ним было не следствием усилий человеческих, но чудесным действием божественной, неизреченной силы. И заметь выразительность речи, как прекрасно пророк составил ее. Он не сказал: отступало, или удалялось, но что? "**Море увидело и побежало**". Выражением: "**побежало**" он хочет показать быстроту отступления, силу страха, легкость действия Божия.

А дабы кто не подумал, что это явление было периодическое или случайное, оно с того времени более не происходило, но было только однажды, когда повелел Бог, и притом действовало различно на различные лица. Беспорядочное течение вод, как бы разумное и одушевленное, по повелению Божию, одних спасло, а других погубило, для одних сделалось гробом, а для других колесницею. Тоже можно видеть и в пещи вавилонской. Огонь, действовавший простым и обыкновенным образом, обнаружил великую разборчивость, когда Бог повелел, – одних, находившихся внутри его, он спас, а других, находившихся вне, объял и умертвил. "**Иордан возвратился вспять**". Видишь ли, как чудеса совершались в различные времена и в различных местах? Дабы иудеи знали, что сила Божия распростерта везде и не ограничивается местом, Бог являлся совершающим чудеса везде, и в пустыне, и в стране варваров, и в море, и в реках, и при Моисее, и при Иисусе; и везде сопровождали их знамения, чтобы, смягчив чудесами свою бесчувственную душу и грубый ум, они сделались покорными и способными к принятию богопознания. "**Горы прыгали, как овны, и холмы, как ягнята у овец**" (ст. 4). Здесь представляется нам немаловажный вопрос. Некоторые в недоумении говорят: о вышесказанном мы знаем, что оно было; история передала нам, что и Чермное море разделилось при исходе Израильтян, и Иордан обратился назад, когда проходил кивот; а о том, чтобы горы и холмы скакали, мы не видим нигде письменного свидетельства. Что же сказать на это? То, что пророк, желая сильнее выразить радость и величие чудес, представляет и сами неодушевленные твари играющими и скачущими, как бывает с веселящимися. Поэтому он и употребляет подобие: "**как ягнята у овец**"; эти бессловесные, когда радуются, скачками выражают свою радость. Как другой пророк, изображая бедствия, говорит, что и виноград рыдал и вино плакало (Ис.24:7), не в том смысле, будто виноград действительно рыдал, – разве может рыдать виноград? – но, желая выразить чрезмерность скорби, усиленным образом представляет и неодушевленные твари как бы участвующими в скорби; так и здесь пророк представляет тварь участвующею в радости, чтобы показать величие этой радости. Так и мы, встречая

какого-нибудь почтенного мужа и желая выразить происходящую от того радость, обыкновенно говорим: ты наполнил дом радостью, разумея не стены дома, но выражая чрезмерность радости. "**Что с тобою, море, что ты побежало? И что с тобою, Иордан, что ты возвратился вспять? (что с вами) горы, что вы запрыгали, как овны, – и холмы, как ягнята у овец?**" (ст. 5,6) Продолжает речь в виде вопроса и обращается к стихиям опять в том же смысле, в каком изобразил их скачущими. Как там он говорил о них, не усвояя им чувства, но желая показать чрезмерность радости и величие совершившихся дел, так и здесь предлагает им вопрос не потому, чтобы они имели чувство и могли отвечать, но чтобы яснее выразить предмет и показать его чудесность.

3. Так как произошло нечто новое и необыкновенное, то он и делает такой вопрос, и сам предлагает ответ. Какой? "**От лица Господа подвинулась земля, от лица Бога Иаковлева**" (ст. 7). Здесь опять названием движения выражает удивление, изумление, восторг, чтобы показать величие событий.

Желая при этом показать, как велика добродетель этого мужа (Иакова), имя раба соединяет с именем Господа. Так и Павел вменяет это в великую честь святым, и приписывает тому, что они отрешились от всего житейского. Он не только упоминает об этой чести, но излагает и причину ее, чтобы показать слушателю тот путь, которым он может достигнуть такого преимущества. Какого? Того, чтобы Бог назывался именем рабов. Потому и сказал: по этой причине не "**не стыдится их, называя Себя их Богом**" (Евр.11:16). Как же Бог назывался их именем? Он говорил: "**Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова**" (Исх.3:6). Излагая наперед причину такого названия, апостол говорит: "**все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле**". Вот причина, – потому и продолжает: по этой причине "**и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом**" (Евр.11:13-16). Какая же, скажи мне, причина этого? Та, что они исповедали себя странниками и пришельцами, не имели никакой привязанности к настоящему, но, отрешившись от всего житейского, жили таким образом в земле чужой. "**Обратившего камень в озёра воды и нерассеченный – в источники вод**" (ст. 8). Могут ли, скажи мне, получить прощение люди жестокие и упорные, когда камень, несекомый, твердый и грубый, повинуется велению Божию, а человек, украшенный разумом, самое нежное создание, становится бесчувственнее камня? "**Нерассеченный**" (άχρότομον) пророк называет здесь камень, как не легко уступающий железу и только с поверхности (έχ των άχρων) едва раздробляемый ударом. Но и он изменил, говорит, свои естественные свойства и произвел источники вод. Творец природы может изменять сами законы ее и являть противоположные им действия, как и поступал Он часто во многих случаях, показывая, что Он же создал все из ничего. Таким образом, сказав о древних благодеяниях, чудесах, знамениях, – как Бог избавил иудеев от рабства иноплеменникам, как вывел на свободу, как изменял стихии и все исполнял радостью, пророк обращается теперь к настоящему, прибегая к той пристани. И как прежнее совершалось не за заслуги людей, получавших благодеяния, а по человеколюбию Божию и "**ради имени Моего**", чтобы, как говорил Он, "**чтобы оно не хулилось**" (Иез.20:9), но чтобы все видели из дел силу и могущество Его и посредством их поучались, – так и теперь пророк представляет тоже основание и говорит: если мы неисправны по жизни и безответны по делам, то сделай это **ради имени Твоего**, что говорил некогда и Моисей. Согласно с ним и псалмопевец говорить: "**не нам, Господи, не нам, а имени Твоему дай славу, по милости Твоей и истине Твоей!**" (ст. 9). Не для нас, говорит, не для того, чтобы нас сделать более славными и знаменитыми, но чтобы стала известною сила Твоя. А имя Его как тогда прославляется, когда Он защищает и помогает, так прославляется и тогда, когда мы живем добродетельно и блистаем своим поведением. "**Так да светит свет**", сказал Господь, "**ваш пред людьми чтобы они видели ваши добрые дела и**

прославляли Отца вашего Небесного" (Мф.5:16). И как добродетельною жизнью нашею оно прославляется, так напротив порочною жизнью хулится. Указывая на это, Он сказал через пророка: вас ради имя мое хулится во языцех (Пс.52:5). Таким образом, не имея возможности ничем оправдать их, псалмопевец прибегает к этому, как делал и Моисей.

Впрочем, Бог, пекущийся о спасении людей, не всегда так поступает. Если бы Он всегда так поступал, то многие из людей беспечных сделались бы еще худшими, имея величайшую надежду на безопасность от бедствий в том, что Бог будет постоянно спасать их для Своей славы. Но этого не бывает, потому что Бог заботится не столько о своей славе, сколько о спасении людей. Если люди иногда презирают славу, то тем более Бог, Который ни в чем от нас не нуждается. Но пророк, принимая на себя ходатайство за них, как я сказал, представляет в защиту их то, что было возможно, и два раза повторяет выражение: "**не нам, Господи, не нам**", показывая великое недостоинство спасаемых, "**а имени Твоему дай славу**". Мы достойны бесчисленных бедствий, но "**по милости Твоей и истине Твоей!**". Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **по милости твоей** (διά τό ἐλεός σου). Видишь, как ясно и сам пророк знал, что Бог часто, забывая о собственной славе, заботится только об исправлении грешников. Поэтому он и присовокупляет: "**по милости Твоей и истине Твоей**", т.е. по милости Своей окажи нам помощь; если Ты не желаешь Себе славы от людей, то – "**по милости Твоей и истине Твоей**". Бог может, да – может, не только милуя, но и наказывая, достигнуть славы; но не так, говорит, поступи с нами, а "**по милости Твоей**". Нам следовало бы воздать славу имени Твоему своею жизнью и поведением; но так как мы этого не сделали, то поступи с нами по Своему снисхождению, по милости и человеколюбию. "**Пусть никогда не говорят язычники: "где Бог их?**" (ст. 10)

4. Слышу, как и ныне многие, когда молятся, повторяют эти слова; но боюсь, чтобы когда-нибудь не пришлось им в другом смысле говорить: "**где Бог их?**" – когда многие станут похищать, обижать и делать бесчисленные неприятности.

"**Бог же наш на небе и на земле: все, что захотел, сотворил**" (ст. 11). Здесь пророк говорит против заблуждения неразумных. Так как многие из них не знают, что есть Бог, то для истребления такого заблуждения он говорит: "**Бог же наш на небе и на земле: все, что захотел, сотворил**" . Если на небе, то тем более на земле. Что же значит "**на небе все, что захотел, сотворил**"? Здесь он разумеет или горние силы, бесчисленные сонмы их, или повеления Божии, которые легко исполняются. Если же на земле существует великое смятение и беспорядок, то не удивляйся. Это происходит от злобы людей, от порочности виновников этого, а не от бессилия Божия. О силе и могуществе Божием свидетельствует все, совершающееся на небе. Если же на земле не так, виновны в этом люди, сделавшие самих себя недостойными. Можно и иначе понимать это выражение, именно так, что Бог по долготерпению Своему за многое еще не наказывает по достоинству. Потому и нечестивые торжествуют над праведными, что человеколюбивый Бог не хочет тотчас же наказывать за каждое преступление; иначе род наш давно был бы истреблен. Пророк говорит здесь, что Бог силен, могуществен и в состоянии наказать, – это видно из дел Его на небе, – но Он не делает этого, соблюдая во всем долготерпение и располагая живущих порочно к покаянию. "**Идолы язычников – серебро и золото – дела рук человеческих: уста имеют, но не проговорят, глаза имеют, но не увидят; уши имеют, но не услышат; ноздри имеют, но не обоняют; руки имеют, но не осяжут; ноги имеют, но не пойдут; не издадут голоса гортанью своею. Подобны им да будут делающие их и все надеющиеся на них!**" (ст. 12-16).

В сто пятом псалме, описывая безумие идолопоклонников, пророк сказал: "**и приносили в жертву сыновей своих и дочерей своих бесам**" (ст. 37); в настоящем же он показывает

бесчувственность их, по которой они прилепляются к бездушному веществу, и перечисляя все члены идолов, пространно посмевается им. Потом присовокупляет: "**подобны им да будут делающие их и все надеющиеся на них**". Хотя уподобеление Богу есть добродетель, но здесь оно послужило к проклятию. Представь же, каковы должны быть языческие боги, когда уподобление им подвергает решительному проклятию. Хорошо пророк составил речь свою, выставляя на вид крайнее их безумие и представляя их смешными.

В самом деле, не смешно ли, скажи мне, привязываться к истукану, представляющему крайнее бесстыдство? Кто захотел бы видеть нагую женщину? А бес сидит в нагом изображении. Истуканы изображают то блуд, то безумную страсть к мужчинам. Что означает на них орел? Что – Ганимед? Что – преследующий деву Аполлон? Что – другие отвратительные изображения? Везде сладострастие, везде разврат, везде изображения незаконных кровосмешений и неистовых страстей. И истуканы, и празднества, и торжественные собрания, и обряды их суть выражения, памятники и училища бесстыдства, и не только бесстыдства, но и убийств человеческих. Потому тем же они и воздают честь бесам. У них нет ничего, кроме разврата, невоздержного пьянства, жестокости, бесчеловечья, убийств, и, как может видеть всякий, все праздники их состоят в этом. Таким образом, выставив на посмеяние бесчувственность идолов и безумие надеющихся на них, пророк обращается к прославлению Бога и говорит: "**Дом Израилев уповал на Господа; Он помощник и защитник для них. Дом Ааронов уповал на Господа; Он помощник и защитник для них. Боящиеся Господа уповали на Господа, Он – помощник и защитник для них**" (ст. 17-19). Этими словами он изображает силу Божию и несравненное превосходство Его пред всеми. Описывая дела, совершенные между иудеями, он показал двоякое, или троякое благодеяние Божие: во-первых, то, что Он избавил их от бесов; во-вторых, то, что сообщил им познание о Самом Себе; в-третьих, то, что даровал им помощь Свою.

Теперь он говорит раздельно, об Израиле, о священническом роде и о приходящих к Нему из язычников, потому что священник и мирянин не равны между собою, но первый имеет некоторое преимущество; поэтому он справедливо и делает разделение. Действительно, священникам предоставлена была большая честь.

5. Потом, желая показать, что промышление Божие не ограничивалось одними иудеями, он упоминает и о прозелитах, обращавшихся из язычников, выражая, что Бог простирал помощь и благословение Свое на всех. "**Господь, вспомнив о нас, благословил нас: благословил дом Израилев, благословил дом Ааронов, благословил боящихся Господа, малых и великих**" (ст. 20, 21). Что значит: "**благословил**"? Т.е. даровал бесчисленные блага. И человек благословляет Бога, как, например, говорится: "**благослови, душа моя, Господа**" (Пс.102:1); но благословляя Бога, он сам приобретает пользу, получая себе просвещение, а не доставляя что-нибудь Ему; а Бог благословляя доставляет нам просвещение, Сам же от нас ничего не получает. Бог есть существо, ни в чем не имеющее нужды. Следовательно, и в том и в другом случае мы получаем пользу. Как же он благословил иудеев? Он дал им хлеб с неба, произвел воду из камня, охранял входы и исходы их, умножал стада их, назвал их народом избранным, царским священством, дал закон, посылал пророков. Возвещая тоже и в другом месте, пророк говорит: "**не сделал Он сего ни одному (еще) народу и судов Своих не явил им**" (Пс.147:9). И другой пророк говорит: "**есть ли какой великий народ, к которому боги его были бы столь близки, как близок к нам Господь?**" (Втор.4:7) "**Малых и великих**". Ни одно поколение, говорит, не было лишено благословения, но на всех распространялось оно. "**Да приложит Господь (благ) вам, вам и сыновьям вашим!**" (ст. 22). Видишь ли другой вид благословения – умножение рода? Поэтому другой пророк,

представляя противоположное следствие в виде наказания, говорит: "**мы умалены, Господи, паче всех народов**" (Дан.3:37)[2]. Это благословение они получали в Египте, хотя было бесчисленное множество препятствий, труды, притеснения, жестокость приставников; но слова Божия ничто не остановило, и благословение Его действовало так, что в двести лет они умножились до шести сот тысяч. Тогда в этом заключалось благословение, а теперь, в новом завете, – в другом, гораздо лучшем. Потому Павел говорит: "**благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивший нас во Христе всяким духовным благословением в небесах**"; и еще: "**тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем, Тому слава в Церкви**" (Еф.1:3;3:20,21).

Потому и пророки в древности, желая оказать благодеяние, подавали это благословение. Так Елисей вознаградил жену, принявшую его, дарованием сына. В новом же завете благословением служит не это, а гораздо лучшее. Так порфиропродавщица не этого просила у апостолов, а чего? "**Если вы признали меня верною Господу, то войдите в дом мой и живите у меня**" (Деян.16:15)[3].

Видишь ли, какое различие между ветхим и новым заветом, – чего желали тогда, и чего теперь? Также Христос говорит: "**радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах**" (Лк.10:20). И Павел: "**Бог же надежды да исполнит вас всякой радости и мира в вере, дабы вы, силою Духа Святаго, обогатились надеждою**" (Рим.15:13). Видишь ли силу благословения, подающего неизреченные блага и не заключающего в себе ничего земного? И еще Павел говорит: "**Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре**" (Рим.16:20). А в ветхом завете, когда люди были более склонны к чувственности, предметы благословения были чувственные, и многочадие считалось величайшим благом. Так как от греха произошла смерть, то Бог, желая утешить род человеческий и показать, что Он не истребит его и не предаст совершенной погибели, но еще сделает людей многочисленнее прежнего, сказал: "**плодитесь и размножайтесь**" (Быт.9:1). Когда же сделалось известным, что смерть есть сон, тогда открылось достоинство девства. Поэтому Павел и говорил: "**желаю, чтобы все люди были, как и я**"; и еще: "**хорошо человеку не касаться женщины**" (1Кор.7:1). И Христос: "**есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного**" (Мф.19:12). Впрочем, и в древности Бог внушал прикровенно, что нужна добродетель, а не многочадие. Так, послушай, наприм., что говорит Премудрый: "**не желай множества негодных детей и не радуйся о сыновьях нечестивых. Когда они умножаются, не радуйся о них, если нет в них страха Господня. Не надейся на их жизнь и не опирайся на их множество. Лучше один праведник, нежели тысяча грешников, и лучше умереть бездетным, нежели иметь детей нечестивых**"; и лучше один, творящий волю Господа, нежели тьмы беззаконников (Сир.16:1-4). Но неразумные иудеи, всегда склонные к чувственности и нерадящие о добродетели, говорили: "**он желал получить от Бога потомство**" (Мал.2:15)? Поэтому Он, желая показать, что Он не этого требует, многократно предавал их погибели, когда оскудевала между ними добродетель. "**Благословенны вы Господом, сотворившим небо и землю**" (ст. 23). Хорошо прибавил он: "**Господом**". Это особенно и есть благословение. Получается благословение и от людей, но оно касается вещей человеческих; а это – величайшее благословение. Люди благословляют, т.е. хвалят и прославляют, обладающих богатством, властью и почестями; но такое благословение – временное и, когда оно продолжается, не приносит никакой пользы; а благословение Божие – вечно и приносит величайшую пользу. Сотворшему "**небо и землю**".

6. Видишь ли, какова сила этого благословения? Слова Его становятся делами. Слово Его создало небеса. "**Словом**", говорит пророк, "**Господним небеса утверждены**" (Пс.32:6). Этим же словом, столь могущественным, Он благословляет и тебя.

"**Превысшее небо – Господу, а землю Он дал сынам человеческим**" (ст. 24). Что говоришь ты? Неужели Бог избрал небо в жилище Себе, и заняв места горние, назначил нам здешние? Нет, не так; но это – слова приспособительные к понятиям людей. Если бы это было так, то могли ли бы стоять другие слова, сказанные Богом: "**не наполняю ли Я небо и землю? говорит Господь**" (Иер.23:24)? Последние противоречили бы первым, если бы мы стали принимать те буквально, а не обратили внимания на заключающийся в них смысл. Что же значит: "**превысшее небо – Господу, а землю Он дал сынам человеческим**"? Он выражается приспособительно, не заключая Бога в небесах. И слова: "небо – престол Мой, а земля – подножие ног Моих" (Ис.66:1), равно как и слова: "**не наполняю ли Я небо и землю**", также не вполне соответствуют достоинству Божию, а сказаны приспособительно к нам. Бог все объемлет, все носит, не нуждаясь в каком-нибудь месте, но Сам содержа все; небо же называется домом Его потому, что оно есть место, не оскверненное пороком. Здесь, следовательно, не говорится, что небо есть избранное место Его, точно так же, как и в следующих словах: "**когда Всевышний давал уделы народам и расселял сынов человеческих, тогда поставил пределы народов по числу сынов Израилевых**" (Втор.32:8), или: "**Иакова избрал Себе Господь**" (Пс.134:4). Здесь не говорится, будто иудеи принадлежат Ему, а прочие люди не принадлежат и лишены действий Его промышления и творчества, – Он есть Бог общий всем, а выражение такое употреблено для того, чтобы показать любовь Его к ним, как бывшим по-видимому лучше других. А что не их одних Он избрал, но о всех промышлял, это показывают события, бывшие и прежде Моисея, и при нем, и после него в разных случаях. Так Он дал солнце, землю, море и все прочее всем вообще, и закон естественный внедрил во всех. Авраама персиянина Он возлюбил и переселил; но чрез него вразумлял и египтян, и жителей Ханаанской земли, и персов; также чрез сына и внука его исправлял многих из их соседей, сколько зависело от Него. Потом, когда родился Моисей, событиями происходившими с иудеями Он руководил к богопознанию египтян, жителей Палестины и затем вавилонян. Таким образом, когда пророк говорит: "**превысшее небо – Господу**", то выражает, что Господь пребывает в тамошних обителях, как свободных от всякого зла. Так и ты, если не будешь привязываться к земле, но сделаешься ангелом, то скоро войдешь на небо и в отеческий дом, и даже еще прежде воскресения переселишься отсюда и будешь обладать таким достоинством. Как многие из людей, избранных в члены великого сената, и живя в деревне носят это звание, так и ты, если захочешь быть гражданином неба, то и живя здесь можешь иметь это достоинство.

"**Не мертвые восхвалят Тебя, Господи, не все нисходящие во ад, но мы, живые, будем благословлять Господа отныне и до века**" (ст. 25,26). Мертвыми он называет здесь не скончавшихся, но умерших в нечестии, или истлевающих во грехах. Авраам, Исаак и Иаков и после кончины так живы, что и живущие приводят их на память. Так Моисей, молясь об управляемом им народе, их именем умоляет Бога, упоминая об них в молитве. Также три отрока их именем молятся о спасении и говорят: "**не отними от нас милости Твоей ради Авраама, возлюбленного Тобою, ради Исаака, раба Твоего, и Израиля, святаго Твоего**" (Дан.3:35). Если же они имели такую силу, то как они – мертвы? И Христос сказал: "**предоставь мертвым погребать своих мертвецов**" (Мф.8:22). Потому и Павел называет скончавшихся не мертвыми, но упокоившимися: "**не хочу же оставить**", говорит, "**вас, братия, в неведении об умерших** (χεχοιμηένων – усопших)" (1Фес.4:13). Праведник, и скончавшись, не умер, но спит. Кого ожидает лучшая жизнь, тот и по смерти спит; а кого ожидает бесконечная смерть, тот и при жизни умер, и при жизни мертвец. Эти последние нисходят во ад, а первые взойдут на небо и будут со Христом. Потому-то и пророк не сказал просто: живые, но: "**мы, живые**", указывая на себя самого. Почему он не сказал: **живые**, но прибавил: **мы**? Так и Павел сказал: "**мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших**" (1Фес.4:15).

Как здесь прибавление: **мы** не дозволяет относить сказанного ко всем, а только к верным и по образу жизни подобным Павлу, – так и там прибавление: "**мы живые**" указывает на подобных Давиду, живущих добродетельно. "**Отныне и до века**". Видишь ли, как и это прибавление означает тоже? Что тоже? То, что пророк говорит о живущих добродетельно. Подлинно, никто из живущих в этой жизни не живет вечно, кроме только тех, которые живут всегда славной жизнью. И грешники живут, но живут в наказании, мучении и скрежете зубов; а те – во свете и славе, занимаясь вместе с бесплотными силами возношением таинственных песнопений Богу. Итак, чтобы и нам наслаждаться этою радостью, будем вести такую жизнь, чтобы достигнуть того состояния, которого не может представить ни слово, ни ум, и ничто другое, но которого блаженство можно познать только самым опытом; да сподобимся его все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Этих слов – η νηστεύσομεν – нет ни у 70 в данном месте, ни в еврейском.

[2] Вместо έσμέν, как у 70, у Златоуста читается: έσμέν όλιγοστοί; вместо παρά πάντα τά έθνη – παρά πάντας τούς κατοίκοῦντας την γην

[3] Вместо εί κεκρίκατέ με πιστην τω Κυρίω είναι – у Златоуста: εί ού κεκρίκατέ με άναξίαν τω Κυρίω

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 114

1 Аллилуиа, Возлюбих, яко услышит Господь глас моления моего,

2 яко приклони ухо свое мне: и во дни моя призову.

3 Обяша мя болезни смертныя, беды адовы обретоша мя: скорбь и болезнь обретох и имя Господне призвах:

4 О!, Господи, избави душу мою: милостив Господь и праведн, и Бог наш милует.

5 Храняй младенцы Господь: смирихся, и спасе мя.

6 Обратися, душе моя, в покой твой, яко Господь благодействова тя:

7 яко изят душу мою от смерти, очи мои от слез и нозе мои от поползновения.

8 Благоугожду пред Господем во стране

1 Аллилуия. Я радуюсь, что слышит Господь глас моления моего,

2 Что Он приклонил ко мне ухо Свое. Посему во дни мои буду призывать (Его):

3 Объяли меня болезни смертные, муки адские постигли меня, скорбь и мучение я обрел и имя Господне призвал.

4 Господи, избавь душу мою! Милостив Господь и праведен, и Бог наш милует.

5 Хранит младенцев Господь. Я смирился, и Он спас меня.

6 Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь облагодетельствовал тебя,

7 Ибо он избавил душу мою от смерти, очи мои от слез и ноги мои от преткновения.

8 Буду благоугоден Господу в стране живых.

живых.

"**Аллилуия. Я радуюсь, что слышит Господь глас моления моего**" (ст. 1).

1. Кто, скажешь, не любит, чтобы его слушали? Многие из людей мирских. Они не хотят быть услышанными в том, что для них полезно, но просят бесполезного для них, а потом, когда их прошение исполняется, скорбят и ропщут. Полезно то, что признает и находит полезным для нас Бог, – назовешь ли голод, или болезнь, или что-нибудь другое подобное. То, что Бог признает полезным и подает нам, действительно полезно. Так, послушай, что сказал Он Павлу: "**довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**" (2Кор.12:9). Для него были полезны гонения, скорби, притеснения. Услышав, что это полезно для него, апостол и сказал: "**посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен**" (ст. 10). Итак, не всякий может радоваться, когда внемлет ему Бог, подающий полезное. Многие желают бесполезного и утешаются этим; а пророк не так, но что? Он любил, что Бог слушал его, подавая ему полезное. "**Что Он приклонил ко мне ухо Свое. Посему во дни мои буду призывать (Его)**" (ст. 2). Опять человеческими выражениями он означает мановение Божие. Выражает этими словами и нечто другое, именно говорит: я недостоин того, чтобы быть услышанным, но Он сам снизошел ко мне. "**Посему во дни мои буду призывать (Его)**". Что значит: "**во дни мои**"? Будучи услышан, говорит, я не отступлю, не сделаюсь беспечным, но во все дни мои буду исполнять это дело. "**Объяли меня болезни смертные, муки адские постигли меня, скорбь и мучение я обрел и имя Господне призвал**" (ст. 3). Видишь ли оружие сильное? Видишь ли утешение, разрушающее всякую скорбь? Видишь ли душу, пламенеющую любовью к Господу? Смысл слов его следующий: для избавления от окружающих меня зол для меня достаточно призвать Бога. Почему же мы часто призываем и не избавляемся от бедствий? Потому, что не призываем так, как должно призывать. А что Бог всегда готов подавать, об этом послушай, как Он сам говорит в Евангелии: "**есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него**" (Мф.7:9-11). Видишь ли, какова Его благость, когда наша в сравнении с нею оказывается лукавством? Если же таков наш Господь, то будем всегда прибегать к Нему и Его одного призывать в помощники, и найдем Его готовым спасать нас. Если потерпевшие кораблекрушение и несущиеся на досках, призывая людей, находящихся вдали, немедленно располагают их к человеколюбию, хотя не имеют с ними ничего общего, но стали известны им только по случившемуся несчастью, то тем более Бог, человеколюбивый и по существу своему благий, избавит находящихся в несчастии, если только они захотят прибегнуть к Нему и искренно призвать Его, оставив надежды человеческие. Поэтому, когда ты подвергнешься какому-нибудь неожиданному бедствию, не падай духом, но тотчас восстань и прибегни к безмятежной пристани, несокрушимой защите, к помощи Божией. Он для того попустил тебе подвергнуться бедствию, чтобы ты призвал Его. Но многие тогда особенно и падают и теряют бывшее у них благочестие, между тем как следовало бы поступать напротив. Он весьма любит нас; потому и попускает нам подвергаться скорбям, чтобы мы искреннее прилеплялись к Нему. Как матери, устрашая непослушных детей различными

страшилищами, заставляют их прибегать к своим недрам, и делают это не с тем, чтобы огорчать их, но чтобы привязать их к себе, так и Бог, всегда желая привязать нас к Себе, как сильно любящий, или больше всякого любящего, попускает тебе впадать в такие нужды, чтобы ты постоянно упражнялся в молитве, постоянно призывал Его и, оставив все прочее, помышлял об Нем. "**Господи, избавь душу мою! Милостив Господь и праведен, и Бог наш милует**" (ст. 4). Другой переводчик (Симмах) говорит: **молю. Господи, изведи душу** мою (άξιω δη… έξελου). Третий (Акила): **о, Господи, спаси душу мою** (περίσωον).

Видишь ли любомудрую душу? Видишь ли, как он, оставив все житейское, просит только одного, чтобы душа его осталась невредимою, не потерпела ничего пагубного для нее? Действительно, когда душа в хорошем состоянии, то все прочее придет само собою; а когда она не в хорошем состоянии, то всякое другое благоденствие не принесет нам никакой пользы. Потому нам должно и делать и говорить так, чтобы она спаслась. На это указывает и Христос, когда говорит: "**будьте мудры, как змии**" (Мф.10:16). Как змий выставляет все свое тело, чтобы только спасти голову, так и тебе нужно оставить все прочее для спасения души. Ни бедность, ни болезнь, ни самое главное из всех бедствий – смерть не могут повредить подвергшемуся им, когда спасена душа; равно как и от самой жизни не получишь ничего доброго, когда душа растлилась и погибла. Вот почему пророк, оставив все прочее, говорит только о душе и просит, чтобы она была подвергнута не строгому суду и избавлена от невыносимых наказаний. "**Милостив Господь и праведен, и Бог наш милует**". Видишь ли, как он научает слушателя не отчаиваться и не предаваться беспечности? Он как бы так говорит: не отчаивайся, потому что Господь милостив; но не будь и беспечен, потому что Он праведен. Таким образом, он и предостерегает от беспечности, и истребляет отчаяние, с той и другой стороны устрояя наше спасение.

2. Далее, указывая на готовность Божию к помилованию, пророк прибавляет: "**и Бог наш милует**". Хорошо сказал он: "**Бог наш**", в противоположность богам, о которых он упомянул прежде. Тем свойственно закалать, убивать, непримиримо враждовать, а Ему – миловать, прощать и всегда избавлять от опасностей: это особенно, между прочим, и доказывает, что те – бесы и губители, а Он – промыслитель, защитник и Бог истинный.

"**Хранит младенцев Господь. Я смирился, и Он спас меня**" (ст. 5). Здесь пророк указывает на высочайший вид Его промышления. Сказав: "**милостив Господь и праведен, милует**", он показывает действие величайшего Его человеколюбия. Какое? В отношении к младенцам. Мы имеем разум, научающий нас остерегаться одного и избирать другое, предотвращать угрожающие бедствия и облегчать постигшие нас, – мы уже приобрели силы, знаем способы; а дети лишены всего этого и беззащитны; но над ними всегда бодрствует промысел Божий, и если бы они не были постоянно под Его покровительством, то все погибли бы. Младенца и змий умертвил бы еще в пеленках, и домашняя птица, и многие из пресмыкающихся, живущих в домах. Ни кормилица, ни мать, и никто другой не мог бы иметь совершенно достаточного за ними присмотра, если бы они оставались без высшего промысла. Впрочем, некоторые думают, что здесь говорится о зародышах, еще не вышедших из чрева матери. "**Смирился, и Он спас меня**". Не сказал: Он не допустил подвергнуться опасностям, но: спас после того, как они постигли. Сказавши о промысле Божием вообще, пророк говорит о нем и в отношении к собственному лицу, как обыкновенно он доказывает и общими примерами, и частными. Итак, не ищи и ты жизни, совершенно безопасной; она не полезна для тебя. Если она была не полезна для пророков, то тем более – для тебя. А что она действительно была не полезна, о том, послушай, как он говорит: "**благо мне, что Ты смирил меня, чтобы я научился оправданиям Твоим**" (Пс.118:71). Здесь высказывается двоякая

благодарность: за то, что Бог попустил подвергнуться опасности, и за то, что не оставил подвергшегося опасности. То и другое есть вид благодеяния, и первый не меньше второго, но, если сказать нечто удивительное, даже больше, потому что последнее избавляет от опасности, а первое делает душу более любомудрою. "**Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь облагодетельствовал тебя, ибо он избавил душу мою от смерти, очи мои от слез и ноги мои от преткновения. Буду благоугоден Господу в стране живых**" (ст. 6-8). В историческом смысле эти слова означают некоторое дивное избавление, успокоение и освобождение; а если принимать их в переносном смысле, то избавление здесь может означать отшествие из здешней жизни и указывать на это успокоение. Действительно, смерть есть освобождение от всех неожиданных бедствий, и скончавшийся с доброю надеждою уже не подлежит неизвестности, но находится в безопасности. Хотя смерть произошла от греха, но Бог обратил ее к нашему благу. Потому же Он не ограничился только ею, но и саму жизнь сделал трудною, дабы ты знал, что Он не допустил бы и первой, если бы Своею премудростью не мог обратить ее в величайшую нам пользу. Сказав: "**в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь**" (Быт.2:17), Он не ограничился этим наказанием, которое заключалось в словах: "**прах ты и в прах возвратишься**" (Быт.3:19), но объявляет и другое: "**в поте лица твоего будешь есть хлеб, со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе**"; и жене говорит: "**умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей**" (ст. 16-18). Первого недостаточно было для того, чтобы вразумить их. А таким образом, мы видим, многие исправляются. Смерть, постигая людей, делает их бесчувственными; а эти бедствия делают живых лучшими. Если же смерть представляется страшною, то причиною этого слабость людей. А что действительно страх происходит от слабости, послушай Павла, который просил себе смерти и радовался ей: "**имею желание**" говорил он "**разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше**"; и еще: "**я и тому радуюсь и буду радоваться**" (Фил.1:17-23); а противным тому тяготился: "**мы в себе стенаем**", говорил он, " **ожидая усыновления, искупления тела нашего**" (Рим.8:23); и еще: "**находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем**" (2Кор.5:4).

3. Видишь ли, какое благо – любомудрие? Что другим кажется достойным слез, то ему вожделенно; а что другим кажется достойным радости и веселия, о том он воздыхает. Действительно, не достойно ли воздыханий – быть в стране чужой, вдали от своего отечества? И не достойно ли радости – скоро возвратиться в тихую пристань, достигнуть горнего жилища, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания? Но, скажешь, возможно ли это для меня, грешника? Вот, видишь ли, что не смерть причиняет скорбь, а нечистая совесть? Поэтому перестань грешить, и смерть будет для тебя вожделенною. "**Очи мои от слез**". Справедливо сказано это; там нет ни печали, ни уныния, ни плача. "**И ноги мои от преткновения**". Это важнее первого. Что? То, что мы избавляемся не только от скорби, но и от козней и обольщения. Скончавшийся с добрыми делами стоит на камне, достиг пристани, избег всех препятствий, свободен от всякого страха и смятения, – пребывает в постоянном спокойствии отшедший отсюда таким образом. "**Буду благоугоден Господу в стране живых**". Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **при Господе** (έμπροσθεν). Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **буду ходить** (έμπεριπατήσω). Тоже выражает и Павел, когда говорит: "**восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем**" (1Фес.4:17). Хорошо сказал пророк: "**в стране живых**"; та жизнь есть истинная жизнь, чуждая смерти, исполненная чистых благ. "**Когда**", говорит апостол, "**упразднит всякое начальство и всякую власть и силу, последний же враг истребится – смерть**" (1Кор.15:24,26). Когда все это упразднится, тогда не останется ничего прискорбного, ни забот, ни трудов; все будет радостью, все миром, все любовью, все спокойствием, все веселием, все истинным, искренним и твердым; тогда не будет никаких недостатков, ни гнева, ни скорби, ни

любостяжания, ни сладострастья, ни бедности, ни богатства, ни бесчестия, и ничего другого подобного. Будем же и мы стремиться к этой жизни и делать все для нее. Потому и в молитве нам заповедано говорить: "**да приидет Царствие Твое**" (Мф.6:10), чтобы мы всегда представляли себе тот день. Кто проникнут этою любовью и питается надеждою этих благ, тот не сокрушается никаким из настоящих бедствий, не возмущается никакою из здешних скорбей. Как идущие в царственный город не задерживаются ничем на пути, ни лугами, ни садами, ни пропастями, ни пустынями, но, не обращая внимания на все это, одно только имеют в виду – ожидающее их отечество, так и тот, кто ежедневно представляет себе небесный град и питает любовь к нему, ничто трудное не будет считать трудным, и ничто приятное и славное – приятным и славным. Что я говорю: не будет считать? Он даже не увидит этого, имея другое зрение, такое, какое заповедал Павел. сказав: "**когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно**" (2Кор. 4:18). Видишь ли, как он изобразил тот же путь другими словами? Итак, будем стремиться к тем благам, чтобы достигнуть их и насладиться вечною жизнью, которой да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 115

1 Аллилуия, Веровах, темже возглаголах: аз же смирихся зело.	1 Аллилуия. Я веровал, посему и говорил: я весьма смирился.
2 Аз же рех во изступлении моем: всяк человек лож.	2 Я же сказал в исступлении моем: всякий человек лжив.
3 Что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми?	3 Что воздам Господу за все, что Он даровал мне?
4 Чашу спасения прииму и имя Господне призову:	4 Чашу спасения прииму и имя Господне призову.
5 молитвы моя Господеви воздам пред всеми людьми его.	5 Обеты мои Господу исполню пред всем народом Его.
6 Честна пред Господем смерть прпдбных его.	6 Честна пред Господом смерть преподобных Его.
7 О, Господи, аз раб твой, аз раб твой и сын рабыни твоея: растерзал еси узы моя.	7 Господи! Я - раб Твой, я - раб Твой и сын рабыни Твоей. Ты расторг узы мои,
8 Тебе пожру жертву хвалы, и во имя Господне призову.	8 Тебе принесу жертву хвалы и имя Господне призову.
9 Молитвы моя Господеви воздам пред всеми людьми его,	9 Обеты мои Господу исполню пред всем народом Его,
10 во дворех дому Господня, посреде тебе, иерусалиме.	10 Во дворах дома Господня, среди тебя, Иерусалим.

"**Аллилуия. Я веровал, посему и говорил: я весьма смирился**" (ст. 1).

1. Упоминая об этом изречении, блаженный Павел говорит: "**имея тот же дух веры, как написано: я веровал и потому говорил, и мы веруем, потому и говорим**" (2Кор.4:13). Итак, необходимо прежде сказать, как апостол воспользовался этими словами, и о чем у него была речь: тогда будет ясно для нас и пророческое изречение.

А с другой стороны, то учение самое лучшее, в котором не прерывают связи речи, не берут одну часть и не останавливаются на ней, но предлагают объяснение с самого начала. О чем же беседуя, Павел упомянул об этом пророческом изречении? О воскресении и наслаждении будущими благами, которые превосходят всякое слово, ум и представление. Так как все это выше всякого слова и не может быть объяснено, но должно быть принимаемо верою, то, чтобы иудей не смущался и не считал себя обманутым как бы питаемый пустыми надеждами, апостол исправляет его неразумие и как бы так говорит: я требую не нового чего-нибудь, а древнего блага – веры. Так говорит Павел. А пророк, намереваясь предсказать о некоторых благах, ожидающих иудеев в настоящей жизни и выходящих из ряда дел человеческих, и желая, чтобы никто не оставался неверующим, начинает псалом так: "**веровал, посему и говорил**". Когда Иерусалим пал, храм обратился в развалины, и все иудеи, пленные и связанные, были отведены в чужую страну, а иноплеменники заняли их землю вместо них и получили повеление насаждать виноград, строить дома и заключать браки, тогда все это повергло иудеев в отчаяние и они рассуждали сами с собою так: если мы, имея го-род, оружие, башни, множество имущества, храм, жертвенник, богослужение, обряды и все прочее общественное устройство, были преданы, сделаны пленниками и отведены в рабство, – то теперь, находясь в чужой стране и лишившись всего, обезоруженные и обращенные в рабов, как мы можем возвратить свое отечество? Так как многие из более слабых, рассуждая таким образом, смущались, беспокоились и не внимали пророкам, предсказавшим возвращение, то псалмопевец и сказал эти слова, внушая всем, что нужно веровать глаголам Божиим. Другие пророки говорили им иначе, как например Исаия: "**послушайте Меня, стремящиеся к правде, ищущие Господа! Взгляните на скалу, из которой вы иссечены, в глубину рва, из которого вы извлечены**". И еще: "**посмотрите на Авраама, отца вашего, и на Сарру, родившую вас: ибо Я призвал его одного и благословил его, и размножил его**" (Ис.51:1,2). Смысл этих слов следующий: Авраам не был ли иноплеменником, бездетным и престарелым? Не имел ли жену, и по возрасту и по природе неспособную к деторождению? Не было ли состояние его во всех отношениях безнадежным? Что же? От него одного, бездетного, престарелого, не наполнил ли Я всю вселенную? Почему же вы смущаетесь? Если Я мог от одного наполнить вселенную, то тем более от вас немногих наполню Иерусалим. Потому и говорит пророк: "**взгляните на**

скалу, из которой вы иссечены", называя так Авраама, "**в глубину рва, из которого вы извлечены**", называя так Сарру. Как "**ров**" сам по себе не имеет воды, но получает ее от верхних дождей, так и Сарра, не имевшая сама по себе способности деторождения, получила эту способность свыше; и как камень никогда не приносит плода, так и Авраам не был к тому способен; но Я произвел вас из него, и от одного наполнил такие страны. Потому и Иезекииля Бог выводит в поле, показывает ему кучу костей, оживляет их, пророчествует и, указывая на кости, говорит: если Я могу воскрешать мертвых, то тем более вас – живых "**выведу**" (Иез.37:13). Так говорили другие пророки; а этот как? "**Веровал, посему и говорил**", т.е. нужно веровать обетованиям, так как и я, рассуждая об

этом, представляя это и принимая верою, рассеял всякое сомнение. Павел говорит, что и по отношению к нашим чувственным и видимым благам нужна вера; если же она нужна по отношению к чувственным, то тем более к духовным. Если для принятия того, что они возвратят свой город, иудеям нужна была вера, то тем более нам, ожидающим неба. Когда совершается что-нибудь великое, превосходящее ум и превышающее разум, тогда должно руководствоваться верою, а не исследовать дело обыкновенным порядком человеческим, потому что чудные дела Божии выше всего этого. Потому мы должны, обуздывая свои помыслы, обращаться к вере, и таким образом, прославлять Бога. Кто старается своими мыслями исследовать дела Его, тот не прославляет Его, желая подчинить уничиженному своему разуму неизреченные дела Его домостроительства.

2. Вот почему и Павел, повествуя об Аврааме, который не поступал так, но, удержав свои помыслы, взирал на силу Обещавшего, и показывая, что этим он особенно прославил Бога, говорит: "**не поколебался в обетовании Божием неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное**" (Рим.4;20,21). Что же значит: "**имея тот же дух веры, как написано: я веровал и потому говорил, и мы веруем, потому и говорим**"?

Здесь апостол открывает нам великое таинство. Какое? То, что ветхий и новый заветы происходят от одного и того же Духа, что один и тот же Дух, глаголавший в первом, глаголал и в последнем, что вера есть наставница всех и без нее ты не можешь сказать ничего. "**И мы**", говорит, "**веруем, потому и говорим**". Если отвергнешь веру, то невозможно и уста открыть. А для чего он не сказал: имея туже веру, но: "**тот же дух веры**"? Для того, чтобы объяснить излагаемый предмет и показать, что нужно руководство Духа для восшествия на высоту веры и обличения слабости разума. Потому и в другом месте он же говорит: "**каждому дается проявление Духа на пользу. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом**" (1Кор.12:7,9). Но, может быть, кто-нибудь скажет, – и справедливо, – что он говорит о другой вере, посредством которой совершались чудеса. И я знаю, что иная та вера, о которой апостолы говорили: "**умножь в нас веру**" (Лк.17:5), и иная та, по которой все мы называемся верными, не совершая чудес, а имея познание благочестия. Но и здесь нужна помощь Духа. Так Лука о некоторой жене пишет, что (Господь) "**отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел**" (Деян.16:14). И Христос говорит: "**никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец**" (Ин.6:44). Если же это – дело Божие, то грешат ли неверующие, когда ни Дух не помогает им, ни Отец не влечет, ни Сын не руководит? И о Себе самом Он говорит: "**Я есмь путь**" (Ин. 14:6), выражая, что для приведения к Отцу нужно Его руководство. Итак, если Отец влечет, Сын руководит, Дух просвещает, то грешат ли те, которые не привлечены, не руководимы, не просвещены? Грешат, потому что они сами не оказали себя достойными этого просвещения. Так, посмотри, случилось с Корнилием: он не сам собою достиг этого, но Бог призвал его, потому что он сам предварительно сделал себя достойным того. Поэтому и Павел, беседуя о вере, говорит: "**и сие не от вас, Божий дар**" (Еф.2:8). Бог не оставляет и тебя без добрых дел. Хотя от Него зависит привлекать и руководить, но Он ищет благопокорной души, и тогда оказывает Свое содействие. Вот почему и Павел в другом месте говорит: "**призванным по Его изволению**" (Рим.8:28), В самом деле, добродетель и спасение наше бывают не по принуждению. Хотя большая часть и почти все зависит от Бога, но Он предоставил нечто малое и нам, чтобы назначение венцов сообразовалось с личным достоинством каждого. Потому и Павел, сказав: "**имея тот же дух веры**", т.е. глаголавший и в ветхом завете, присовокупил: "**и мы веруем, потому и говорим**". Здесь вера нужна гораздо больше, нежели там, как по существу обетований, невидимых и духовных, так и по порядку времени, потому что наши награды не в настоящей жизни, а в будущей. Даже и касательно настоящих благ

нужна вера, потому что и духовные дары, при самом даровании их, требуют веры, как например: сообщение таинств, дар крещения. Так сила этих благ превосходит всякое слово. Если же касательно предметов вещественных и чувственных нужна была вера, то тем более она нужна здесь. Впрочем, апостольское изречете достаточно объяснено; время – перейти к пророческому и сказать, что говорит блаженный Давид. Что же говорит он? "**Веровал, посему и говорил**". Хотя он еще не сказал ничего, но выражает то, что уже сказано было в мыслях его. Что же было сказано? Размыслив, говорит, о несчастии и плачевном состоянии иудеев, о совершенном опустошении и конечной погибели, я не усумнился в перемене к лучшему, но надеялся на нее, возвещал о ней и "**говорил**"; и в предыдущих псалмах я много говорил о ней, но говорил и возвещал по внушению веры.

3. Другой же, не столько научившийся вере, посмотри, как хромает и смущается. Сам Давид в другом псалме, но не о себе самом, а о страданиях людей колеблющихся, говорит так: "**сколь благ Бог Израилев к правым сердцем! А у меня едва не пошатнулись ноги, едва не поскользнулись стопы мои**" (Пс.72:1,2), разумея не ноги и стопы, но помыслы хромающие. Присовокупляет и причину – следующую: "**я же сказал в исступлении моем: всякий человек лжив**" (ст. 2), т.е. видя иноплеменников благоденствующими, а иудеев униженными. О каком же роде колебания говорит он? "**И сказал я: "ужели напрасно сохранял я в праведности сердце мое, и умывал среди невинных руки мои**" (Пс.72:13)? Говорит и о том, что побудило его сказать это: "**вот эти грешники вечно благоденствуют и удержали богатство**" (Пс.72:12). Потом, смотри, как опять обращается к себе самому: "**если бы я сказал: буду так рассуждать**", говорит, "**посему я предпринял уразуметь это, – это было трудно мне, пока я не вошел во святилище Божие**" (Пс.72:15-17). Смысл слов его следующий: я утомился, я изнемог в помыслах, потому что таковы помыслы; потом рассудил, что я делаю трудное дело, потому что, ища, таким образом, я не буду в состоянии ничего узнать ясно, пока не возвращусь в отечество.

Видишь ли, какое зло – предоставлять предметы веры рассуждению, а не вере? Если бы такой человек был тверд в вере, то он не сказал бы этого, не смутился бы, не поколебался бы, не подвернулись бы ноги его и не уклонились бы стопы его. Но не так было с пророком; став на камне, он не смущался и не колебался, но, видя иудеев в таком жал-ком состоянии, а иноплеменников в противоположном, он громким голосом и с полным убеждением возвещал о возвращении, часто и во многих псалмах, и был твердо уверен в этом, взирая не на силу иноплеменников и не на слабость иудеев, а на силу обещавшего Бога. Потому и говорит: "**веровал, посему и говорил: я весьма смирился**". Другой переводчик (Симмах) говорит: **я же огорчен был очень** (έκακωθην). "**Я же сказал в исступлении моем: всякий человек лжив**" (ст. 2). Другой (Симмах): **и сказал я в смятении: всякий человеке лжет** (άδημονων… διαψεδεται). Здесь опять открывается его светлая вера, потому что и великое несчастье не повергло его в отчаяние. Такова вера: она есть некоторый священный якорь, который со всех сторон укрепляет имеющую ее душу; она тогда особенно и обнаруживается, когда среди затруднительных обстоятельств убеждает имеющего ее питать благие надежды, прекращая смятение помыслов. Это и выражает пророк словами: **я очень огорчен был**, – огорчен был, но не отчаялся, не пал духом. Потом, объясняя, что он не просто был огорчен, но весьма сильно, прибавляет: "**сказал в исступлении моем: всякий человек лжив**".

Что значит: "**в исступлении моем**"? При избытке несчастья, при великости бедствий. Нас постигло, говорит, столь великое множество, что привело в исступление и смущение. "**Исступлением**" он называет здесь притупление чувств, происходящее от страданий. Так, когда говорится и об Адаме, что Бог навел на него **исступление** (Быт.2:21), то выражается состояние некоторой нечувствительности. Исступлением (έκστασις) называется то

состояние, когда человек бывает вне себя. А наведено было тогда исступление на Адама для того, чтобы он не чувствовал взятия из него ребра и не страдал при этом. Таким образом, Бог, желая отклонить от него чувство боли, чтобы он не стал ненавидеть происшедшее от него, как пострадавший от этого, навел на него исступление. И в другом месте говорится: "**пришел в исступление**" (έκστασις) (Деян.10:10). Здесь также выражается некоторое изумление и нахождение вне себя. И везде слово **исступление** означает это. Такое состояние бывает или по действию Божию, или вследствие чрезвычайных страданий, потому что и несчастье может производить исступление и смущение. Таким образом, пророк говорит здесь об исступлении от великих бедствий, постигших его. Но что значит: "**всякий человек лжив**"? Ужели нет ни одного правдивого? Как же об Иове написано: "**был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла**" (Иов.1:1)? Что скажем мы и о пророках? Если и они лживы и сказанное ими ложно, то все погибло. Что скажем об Аврааме? Что о всех праведниках? Видишь ли, как худо – принимать изречения (Писания) буквально, и не проникать в смысл их? Что же значит: "**всякий человек лжив**"? То, что говорит он в другом месте: "**человек подобен суете**" (Пс.143:4); или что говорит другой пророк в словах: "**всякая плоть – трава, и вся красота ее – как цвет полевой**" (Ис.40:6), т.е. вещь самая маловажная, скоропреходящая, подобная тени, сновидению, или какому-нибудь призраку.

4. Дабы ты убедился, что я говорю это не просто, для одного сравнения, другой переводчик (Акила) сказал: **лживость** (διάψευσμα), третий (Симмах): **лжет** (διάψεύδεται), четвертый (Феодотион): **недостаточен** (ικλείπει). Это последнее выражение весьма отличается от первых. Ложь есть порок души; а быть недостаточным, скоропреходящим, изменяемым, подобным сновидению, цвету и тени – несовершенство природы. Здесь сказано тоже, что говорится в словах: "**я прах и пепел**" (Быт.18:27); и еще: "**что гордится земля и пепел?**" (Сир.10:9); или что сказал тот же пророк: "**такое человек, что Ты помнишь его?**" (Пс.8:5) Во всех этих местах выражается тленность и ничтожество природы. Так мы говорим о жатве: жатва обманула, т.е. не оправдала надежды; или говорим: год обманул, выражая тоже самое. Так как человек есть существо тленное и ничтожное, и особенно в несчастии мы обыкновенно так любомудрствуем и рассуждаем о слабости природы, то и пророк, томимый скорбью, взирая на природу человека, достойную сожаления, обнаруживающую во всем свою тленность и ничтожество, сказал: "**всякий человек лжив**", т.е. человек – ничто. И в другом месте он сказал: "**подобно призраку ходит человек**" (Пс.38:7). "**Что воздам Господу за все, что Он даровал мне?**" (ст. 3) Смотри, как он показывает величие благодеяния не только тем, что сделано, но и тем, кому оно сделано, выражая другими словами ту же мысль, какую сказал он в псалме. Как там сказал: "**то что такое человек, что Ты помнишь его? Или сын человеческий, что посещаешь его?**" (Пс.8:5), так и здесь.

Благодеяние является вдвойне важными, когда оно и по существу своему велико, и оказывается какому-нибудь ничтожному существу, что также увеличиваем, благодеяние и милость. Чтобы выразить это, он и говорит: "**что воздам Господу**", объясняя, что Бог удостоил такого дара человека, который есть ложь, существо тленное и ничтожное. "**За все, что Он даровал мне**". благодарной душе свойственно – заботиться и искать, чем бы воздать благодетелю за полученные от него благодеяния и, сделав со своей стороны все, считать себя не сделавшею ничего достойного. Упомянув сначала о воздаянии, он далее обещает принести это воздаяние, и выражает двойную благодарность – и принесением того, что мог, и изъявлением того, что, принесши это, он не принес ничего достойного. Что же он намеревается воздать Богу? Послушай: "**чашу спасения прииму**", продолжает он, "**и имя Господне призову**" (ст. 4). Те, которые принимают эти слова в переносном смысле, утверждают, что здесь говорится об общении в таинствах. Но мы, держась

исторического их значения, полагаем, что здесь говорится о возлияниях, жертвоприношениях и благодарственных песнопениях. В ветхом завете были различные жертвы; так была жертва хваления, о грехах, всесожжения, о спасении, жертвы мира и многие другие. Таким образом, смысл слов его следующий: я не имею ничего достойного принести, но что имею, то и приношу; я принесу Богу жертву благодарности, и буду воспоминать о дарованном от Него мне спасении. "**Обеты мои Господу исполню пред всем народом Его**" (ст. 5). "**Обетами**" он называет здесь обещания, обеты. Во время бедствий он прибегал к Богу и признавал себя должником Его, обещая Ему принести эти жертвы, если избавится от бедствий. Так как, говорит, несчастье прекратилось, то я совершу обеты свои Господу пред всеми людьми Его. "**Честна пред Господом смерть преподобных Его**" (ст. 6). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: драгоценна (έντιμος). Какая здесь связь речи? Какое отношение имеют эти слова к предыдущим? Кто рассмотрит внимательно, тот найдет между ними тесную связь, так как имели некоторое преимущество пред прозелитами те, которые были израильтянами издревле, от предков. Вот почему и пророк говорит: "**Господи! Я – раб Твой, я – раб Твой и сын рабыни Твоей. Ты расторг узы мои**" (ст. 7).

Не сказал: ослабил, но: "**расторг**", выражая, что они сделались недействительными. "**Узами**" он называет скорби, искушения, опасности. Есть узы добрые, в которых лучше быть заключенным, как например те, о которых говорится: "**в союзе мира**" (Еф.4:3), и: "**есть совокупность совершенства**" (Кол.3:14). Но есть узы и противоположные, как напр., те, о которых говорится: "**в узах греха своего он содержится**" (Прит.5:22). На это указывает и Христос, когда говорит: "**сию же дочь Авраамову**", связанную так сатаною, "**не надлежало ли освободить от уз**" (Лк.13:16)? И Исаия говорит о Христе: "**восстановить землю, чтобы возвратить наследникам наследия опустошенные, сказать узникам: "выходите**" (Ис.8, 9). Эти-то узы Бог растерзал, а не разрешил; первое больше последнего. Впрочем, не погрешит и тот, кто захочет принимать эти слова в переносном смысле, разумея здесь узы грехов и всего ветхого человека. Есть и еще прекрасные узы, которые всегда носил Павел, как он сам говорит: "**я, Павел, сделался узником Иисуса Христа**" (Еф.3:1); и еще: "**я исполняю посольство в узах**" (Еф.6:20; Деян.28: 20). "**Тебе принесу жертву хвалы и имя Господне призову**" (ст. 8). Смотри, как он выше, и ниже, и везде приносит это воздаяние Богу. Выше говорит: "**чашу спасения прииму и имя Господне призову**"; и здесь: "**Тебе принесу жертву хвалы**", т.е. буду благодарить, буду воспевать.

"**И имя Господне призову**". Видишь ли, какова его жертва хвалы? "**Обеты мои Господу исполню пред всем народом Его, во дворах дома Господня, среди тебя, Иерусалим**" (ст. 9,10). Это делает он не из желания показать себя, не из тщеславия, но, желая во всех возбудить собственную ревность и сделать их общниками благодарности. Так поступают все святые, призывая к общему хвалению не только людей, но и саму тварь всю, когда они получают какое-нибудь благодеяние. Действительно, ничто так не угодно Богу, как то, чтобы быть благодарным Ему не только в счастье, но и в несчастье. Это особенно и есть жертва; это – величайшее приношение! Так прославился Иов, так – Павел, так – Иаков, так – каждый из праведников, воздавая признательность и благодарность Богу особенно в трудных обстоятельствах. Так будем поступать и мы, будем всегда благодарными, чтобы получить и вечные блага, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 116

Пророчество о христианской Церкви

1 Аллилуиа, Хвалите Господа, вси языцы, похвалите его, вси людие:	1 Аллилуия. Хвалите Господа, все народы, похвалите Его, все люди,
2 яко утвердися милость его на нас, и истина Господня пребывает во век.	2 Ибо непоколебима милость Его к нам, и истина Господня пребывает во век.

"**Аллилуия. Хвалите Господа, все народы, похвалите Его, все люди, ибо непоколебима милость Его к нам, и истина Господня пребывает во век**" (ст. 1, 2).

1. Для всякого очевидно, что эти слова составляют пророчество о Церкви верующих и предсказание о проповеди, которая объяла всю вселенную. В псалме призываются не один, не два или три только народа, но вся земля и море. А это оправдалось тогда, когда воссияло пришествие Христово. Потом пророк представляет и причину спасения, объясняя, что они спаслись не за собственные добрые дела, не за жизнь и подвиги, но единственно по человеколюбию Божию. "**Непоколебима**", говорит, "**милость Его к нам**", т.е. стала основательно, крепко, тверже камня. Подлинно, она возрастает с каждым днем более и более. "**И истина Господня пребывает во век**", потому что тогда особенно воссияла истина. Он сказал так потому, что ветхий завет был образом и тенью. Это выражает и евангелист, когда говорит: "**закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа**" (Ин.1:17).

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 117

1 Аллилуиа, Исповедайтеся Господеви, яко благ, яко в век милость его.	1 Аллилуия. Исповедайтесь Господу, ибо Он благ, ибо во век милость Его.
2 Да речет убо дом Израилев: яко благ, яко в век милость его.	2 Да скажет (сие) дом Израилев, ибо Он благ, ибо во век милость Его.
3 Да речет убо дом ааронь: яко благ, яко в век милость его.	3 Да скажет (сие) дом Ааронов, ибо Он благ, ибо во век милость Его.
4 Да рекут убо вси боящиися Господа: яко благ, яко в век милость его.	4 Да скажут все боящиеся Господа, ибо Он благ, ибо во век милость Его.
5 От скорби призвах Господа, и услыша мя в пространство.	5 В скорби призвал я Господа, и Он услышал меня, (изведши) на простор.
6 Господь мне помощник, и не убоюся: что сотворит мне человек?	6 Господь мне помощник и не убоюсь: что сделает мне человек?
7 Господь мне помощник, и аз воззрю на враги моя.	7 Господь мне помощник, и я воззрю на врагов моих.
8 Благо есть надеятися на Господа,	8 Лучше надеяться на Господа, нежели

нежели надеятися на человека:

9 благо есть уповати на Господа, нежели уповати на князи.

10 Вси языцы обыдоша мя, и именем Господним противляхся им:

11 обышедше обыдоша мя, и именем Господним противляхся им:

12 обыдоша мя яко пчелы сот, и разгорешася яко огнь в тернии: и именем Господним противляхся им.

13 Отриновен превратихся пасти, и Господь прият мя.

14 Крепость моя и пение мое Господь, и бысть ми во спасение.

15 Глас радости и спасения в селениих праведных: десница Господня сотвори силу.

16 Десница Господня вознесе мя, десница Господня сотвори силу.

17 Не умру, но жив буду и повем дела Господня.

18 Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя.

19 Отверзите мне врата правды: вшед в ня, исповемся Господеви.

20 Сия врата Господня: праведнии внидут в ня.

21 Исповемся тебе, яко услышал мя еси и был еси мне во спасение.

22 Камень, егоже небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла:

23 от Господа бысть сей, и есть дивен во очесех наших.

24 Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь.

надеяться на человека.

9 Лучше уповать на Господа, нежели уповать на князей.

10 Все народы окружили меня, но именем Господним я воспротивился им.

11 Со всех сторон окружили меня, но именем Господним я воспротивился им.

12 Окружили меня, как пчелы сот, и разгорелись, как огонь в терниях, но именем Господним я воспротивился им.

13 Низринутый, я готов был упасть, но Господь поддержал меня.

14 Крепость моя и пение мое - Господь, и Он был мне спасением.

15 Глас радости и спасения в селениях праведных: десница Господня явила силу.

16 Десница Господня возвысила меня, десница Господня явила силу.

17 Не умру, но жив буду и поведаю дела Господни.

18 Научая, наказал меня Господь, смерти же не предал меня.

19 Отворите мне врата правды: вошедши в них, я исповедаюсь Господу.

20 Это - врата Господни: праведные войдут в них.

21 Исповедаюсь Тебе, ибо Ты услышал меня и был мне спасением.

22 Камень, которым пренебрегли строители, он стал во главу угла:

23 От Господа было это, и дивно в очах наших.

24 Сей день сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный.

25 Господи, спаси же! О, Господи, поспеши

25 О! Господи, спаси же, О! Господи, поспеши же.

26 Благословен грядый во имя Господне: благословихом вы из дому Господня.

27 Бог Господь, и явися нам: составите праздник во учащающих до рог олтаревых.

28 Бог мой еси ты, и исповемся тебе: Бог мой еси ты, и вознесу тя: исповемся тебе, яко услышал мя еси и был еси мне во спасение.

29 Исповедайтеся Господеви, яко благ, яко в век милость его.

же!

26 Благословен грядущий во имя Господне! Благословили мы вас из дома Господня.

27 Бог - Господь и явился нам. Соберитесь на праздник многолюдными толпами, (доходящими) до рогов жертвенника.

28 Ты - Бог мой, и я буду славить Тебя. Ты - Бог мой, и я буду превозносить Тебя. Буду исповедаться Тебе, ибо Ты услышал меня и был мне спасением.

29 Исповедайтесь Господу, ибо Он благ, ибо во век милость Его.

"**Аллилуия. Исповедайтесь Господу, ибо Он благ, ибо во век милость Его**" (ст. 1).

1. В этом псалме есть следующее изречение, которое обыкновенно поет народ: "**сей день сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный**" (ст. 24); оно во многих производит восторг, и потому народ имеет обыкновение петь его особенно во время духовного и небесного праздника (Пасхи). Но мы, если хотите, рассмотрим весь псалом с начала и объясним его не со стиха воспеваемого, но с самого начала. Отцы заповедали народу петь этот стих, как благозвучнейший и заключающий в себе некоторую высокую истину, чтобы он, и не зная всего псалма, получал отсюда совершенное наставление; а нам нужно рассмотреть весь псалом, потому что и в средине его находится важное пророчество. Здесь сказано: "**камень, которым пренебрегли строители, он стал во главу угла**" (ст. 22), что и Христос повторил иудеям, хотя довольно прикровенно. потому что они уже пылали гневом, а Он не хотел более раздражать их, так как Он "**трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит**" (Ис.42:3), – однако повторил. Итак, рассмотрим этот псалом, как мы сказали, с начала. Какое же его начало? "**Исповедайтесь Господу, ибо Он благ, ибо во век милость Его**". Представляя благодеяния Божии во вселенной и непрестанное человеколюбие, которое Он являет во всем, пророк призывает всех к общению в благодарности, указывая на величайшее и главное из благодеяний Его. "**Да скажет (сие) дом Израилев, ибо Он благ, ибо во век милость Его**" (ст. 2). Что говоришь ты? "**Дом Израилев**", – тот, который многократно подвергался плену, рабствовал в Египте, рассеян до последних пределов земли, терпел бесчисленное множество бедствий в Палестине? Да, говорит он. Израильтяне особенно служат свидетелями благодеяний Его, которых они получали гораздо больше, нежели другие. И сами страдания их свидетельствуют о великом к ним благоволении Божием. Если посмотреть внимательно, то и за пришествие Христово они должны много благодарить Бога. Хотя они потерпели бедствия, но это произошло не от Того, Кто пришел, а от собственного их неразумия. Он пришел к ним и часто говорил: "**Я послан только к погибшим овцам дома Израилева**"; и ученикам: "**на путь к язычникам не**

ходите, и в город Самарянский не входите"; и к хананеянке: "**нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам**" (Мф.15:24; 10:5, 6; 15:26). Он все делал и устроял для их спасения; если же они оказались недостойными благодеяния, то должны винить собственное нечестие и крайнее неразумие.

"**Да скажет (сие) дом Ааронов, ибо Он благ, ибо во век милость Его**" (ст. 3). Здесь он призывает к песнопению в частности священников, показывая, как превосходно священство. Чем они важнее были других, тем большей удостоились чести от Бога, не только по священству, но и во всем прочим. Для них сошел огонь с неба (Лев.10:2), отверзлась земля (Чис.16:32), произрос жезл, и множество других чудес совершилось для них, или лучше – за них. "**Да скажут все боящиеся Господа, ибо Он благ, ибо во век милость Его**" (ст. 4). Такие люди особенно способны видеть человеколюбие Его и во всем познавать благость Его. Что значит: "**ибо во век милость Его**"? Значит: постоянная, непрерывная, во всем сияющая и проявляющаяся. Если же многие не видят ее, то не видят по слабости собственного разумения. Как больные глазами не видят солнца по тому самому, и здоровые не всегда могут смотреть на него по причине чрезмерного блеска, так невозможно знать вполне и всего промышления Божия, потому что величие Его разума и премудрости много превосходит понятия человеческие.

Притом многие страсти ослепляют неразумных так, что они совершенно не видят Его. И, во-первых, страсть к удовольствиям, при которой не замечают и того, что для всех ясно. Затем, во-вторых, невежество и развращение ума. В самом деле, не безумно ли – отца, который наказывает сына, одобрять и хвалить, и за это особенно почитать отцом, а на Бога, когда Он наказывает за грехи, роптать и жаловаться? Что может быть хуже развращения – жаловаться на действия противоположные, то роптать, что Бог наказывает, то – что не наказывает? Когда видят грабителей и корыстолюбцев, то хотят, чтобы они были наказаны; а когда сами грешат, то не хотят; это – знак развращения ума. Кроме того, в-третьих, люди иногда и не знают, что хорошо и что худо, но ошибаются в суждении о вещах, по причине своего пристрастия ко злу и наклонности к порокам. В-четвертых, даже и не помышляют о своих грехах. В-пятых, невыразимо велико расстояние между Богом и людьми. В-шестых, Бог не желает открывать всего и везде, потому что нам достаточно знать и немногие частности.

2. Не должно стараться узнавать распоряжения Божии во всем (это значило бы домогаться невозможного и совершенно превышающего всякую созданную тварь), а те, которые хотят познать их отчасти, должны быть свободными от упомянутых страстей, и тогда они увидят их яснее солнца, хотя не вполне, а только отчасти, и будут благодарить Его за все. "**В скорби призвал я Господа, и Он услышал меня, (изведши) на простор**" (ст. 5). Видишь ли благость и человеколюбие Божие? Пророк не сказал: я был достоин, или: сделал добрые дела, но только: "**призвал**", и эта молитва была достаточна для избавления от бедствия. Так и об иудеях в Египте Бог говорит: "**Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей** " (Исх.3:7-8). Не сказал: я увидел благочестие народа Моего, или перемену его к лучшему, но скорбь его, и услышал вопль его. Видишь ли милосердого Отца, подающего помощь за одни страдания? У людей не всякий страждущий удостаивается помилования; часто, видя рабов наказываемыми и переносящими скорби, мы не облегчаем их страданий, представляя великость их преступлений; а Бог избавил здесь за одно страдание, и не только избавил от страдания, но и доставил великую безопасность: "**услышал меня**", говорит, "**(изведши) на простор**". Страдание для того и было допущено чтобы страждущие сделались более исправными и любомудрыми. "**Господь мне помощник и не убоюсь: что сделает мне человек?**" (ст. 6). Видишь ли высоту духа? Видишь ли ум, так возвышающийся над человеческой

немощью, что не обращает внимания на всю природу? Это будем и мы не только петь, но выражать и делами. Пророк не сказал: я ничего не потерплю, но: "**не убоюсь: что сделает мне человек**"; т.е. хотя и потерплю, но не боюсь. Тоже говорит и Павел: "**Если Бог за нас, кто против нас?**" (Рим.8:31)? Хотя бесчисленны были враги их, но нисколько не повредили им. И не крайним ли было бы малодушием, – пользуясь благоволением Господа, страшиться подобных себе рабов? Но пророк был не таков; он был выше и недоступнее для подобного страха. Так будем действовать и мы, и не станем лишать себя помощи Божией чрез страх пред людьми; это значило бы оскорблять помощь Божию. Так о Езекии говорится, что он пострадал за то, что, когда заходящее солнце поднялось опять на столько степеней, на сколько спустилось, когда это знамение могло поразить всех приходивших и желавших узнать о нем, он хотел удивить их не делами Божиими, а человеческими, опасаясь нападения врагов; он показал им свои сокровища, возлагая на эти сокровища свою надежду. Поэтому разгневанный Бог сказал: "**и взято будет все**" (4Цар.20:17), т.е. на что ты надеешься, чем гордишься. Так и израильтяне осуждаются за то, что они надеялись на богатство и коней; потому пророк и увещевал их умилостивлять Бога противным тому и говорит: "**не станем садиться на коня**" (Ос.14:4). Бог чтить тебя, а ты сам бесчестишь себя? Бог чтит тебя, предлагая Свою помощь, а ты прибегаешь к человеческим надеждам, полагаешь надежду своего спасения в бездушном веществе – богатстве? Бог хочет не только спасти тебя, но и сделать это достойным образом. Он очень любит тебя, и потому, отклоняя тебя от всего, привлекает к Себе, отстраняя все, ведет к Себе, и как бы так говорит Своими делами: во Мне полагай надежды свои и ко Мне непрестанно обращай взоры свои. "**Господь мне помощник, и я воззрю на врагов моих**" (ст. 7). Видишь ли, как он не отмщает и не нападает сам, но предоставляет Богу отмщать врагам?

"**Лучше надеяться на Господа, нежели надеяться на человека. Лучше уповать на Господа, нежели уповать на князей**" (ст. 8, 9). Здесь не делается сравнения (между Богом и людьми), но в Писании часто употребляется такой оборот речи и о предметах несравнимых, по немощи тогдашних слушателей. Итак, он говорит это не для сравнения, а по снисхождению к слушателям. Поэтому другой пророк говорит: "**проклят человек, который надеется на человека**" (Иер.17:5). Нет ничего слабее такой надежды: она слабее паутины; и не только она слаба, но и опасна, – это знают все те, которые надеялись на людей и погибли вместе с ними. Напротив, надежда на Бога не только тверда, но и безопасна, неподвержена никакой перемене. Поэтому Павел и сказал: "**надежда не постыжает**" (Рим.5:5), и другой Премудрый: "**взгляните на древние роды и посмотрите: кто верил Господу – и был постыжен?**" (Сир.2:10)? Но я, скажешь, надеялся и посрамился. Не клевещи, человек, не противоречь божественному Писанию; если ты посрамился, то конечно потому, что не надеялся, как должно, ослабел, не дождался конца, стал малодушествовать. Не делай же этого, но, когда видишь наступающие бедствия, не падай духом; это собственно и есть надежда – стоять твердо среди опасностей.

3. Кто был несчастнее иноплеменников – ниневитян? Однако они, находясь в самых стеснительных обстоятельствах и ожидая погибели города, не отчаялись, но показали искреннее раскаяние, и тем подвигли Бога отменить приговор Свой. Видишь ли, какова сила надежды? А сам пророк, находясь во чреве кита, не вспоминал ли о храме и возвращении в Иерусалим? Так и ты, хотя бы находился при смерти и подвергался величайшим опасностям, не отчаивайся. Бог может и из безвыходных обстоятельств доставить выход. Потому и говорит Премудрый: "**от утра до вечера изменяется время, и все скоротечно пред Господом**" (Сир.18:26). Не видишь ли, как вельможа остался голодным при изобилии (4Цар.7)? Не видишь ли, как вдова имела довольство во время голода (3Цар.17)? Когда обстоятельства твои делаются затруднительными, тогда особенно

и надейся. Тогда особенно Бог являет силу Свою; не вначале, но когда человеческие средства окажутся безнадежными. Тогда – время божественной помощи. Потому и отроков Он избавил не вначале, но после их пребывания в пещи; и Даниила избавил не прежде, чем он был ввержен, но по истечении семи дней. Итак, смотри не на свойство обстоятельств, приводящих в отчаяние, а на силу Божию, которая и безнадежному сообщает благие надежды. Это самое и выражает псалмопевец, и желал показать, что сила Божия может спасти впадших даже в самые крайние бедствия и погибающих, а не только в начале бедствий, послушай, что прибавляет: "**все народы окружили меня, но именем Господним я воспротивился им**" (ст. 10). Видишь ли неизбежную опасность? Он вел войну не с отдельным отрядом, не с врагами, прямо стоящими против него, но окружен был со всех сторон, как бы опутан сетью и как бы охвачен тенетами, не от одного, двух или трех, но от всех народов, и, однако, все эти узы расторгнуты надеждою на Бога.

"**Со всех сторон окружили меня, но именем Господним я воспротивился им. Окружили меня, как пчелы сот, и разгорелись, как огонь в терниях, но именем Господним я воспротивился им**" (ст. 11, 12). Видишь ли, какие великие он изображает бедствия? Не просто сказал: "**окружили меня**"; но: "**как пчелы сот, и разгорелись, как огонь в терниях**", означая пчелами стремительность нападения, а тернием силу гнева и неукротимость раздражения, потому что кто удержит огонь, попавший в терние? И, однако, этих врагов, напавших с такою силою и стремительностью и окруживших меня, я не только избежал, говорит, но и отразил. Вспомни, как то же самое было и с веществом купины. Огонь пожигал купину, и однако ни купина не сгорала, ни огонь не погасал, но оба оставались вместе и не истребляли друг друга. Что слабее купины? И что сильнее огня? Однако дивная сила Божия чудодейственно сохранила то и другое. Подобное чудо совершилось и тогда (с Давидом). Враги, как огонь, устремились, и как пчелы, напали на него и окружили его, и однако не могли сделать ничего. Оружие непобедимое, помощь непреодолимая, имя Божие отразило всех их. "**Низринутый, я готов был упасть, но Господь поддержал меня**" (ст. 13). Изобразив великость бедствий многочисленностью, положением, стремительностью и раздражением нападающих, он изображает и тем, что сам потерпел от них. Бедствия, говорит, так угнетали меня, что я был близок к падению и изнурению; ударами их я так был поражен, что готов быль пасть; но когда я уже падал на колени и преклонялся, и все средства человеческие оказались безнадежными, тогда Бог и явил мне Свою помощь. Так поступает Бог для того, чтобы никто не присвоял себе славы Его. Подобное тому, во времена судей, Он сделал с Гедеоном (Суд.7:2). Потому же и при Езекии Он ночью даровал победу (4Цар.19:35). Если Езекия не участвуя в сражении и нисколько не содействуя победе, возгордился, то не скорее ли бы впал в эту страсть, если бы только был в строю, если бы видел, как падали поражаемые? Итак, когда дела приходят в отчаянное положение со стороны людей, тогда Бог и посылает Свою помощь. Тоже Он сделал и при Голиафе (1Цар.17); тоже – и с апостолами. Поэтому Павел и говорит: "**сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых**" (2Кор.1:9). "**Крепость моя и пение мое – Господь, и Он был мне спасением**" (ст. 14). Как бы так говорит: Он сам стал моею силою и помощью. Что значит: "**пение мое**"? Слава моя, хвала моя, украшение мое, торжество мое. Бог не только избавляет людей от опасностей, но и доставляет им славу и торжество. И везде можно видеть, как от Него подается спасение со славою. Впрочем, здесь указывается и на нечто другое. Что же? Моя непрестанная песнь, говорит, мой постоянный глас – хвала Ему; мое дело – непрестанное прославление Его.

4. Пусть выслушают это те, которые растлевают себя сатанинскими песнями. Какой вред они причиняют себе? Какое могут иметь оправдание? Тогда как пророк постоянно воспевает Спасителя, они постоянно оскверняют себя песнями бесовскими. "**Глас радости и спасения в селениях праведных: десница Господня явила силу**" (ст. 15).

Когда Бог совершит все, тогда получившие победу радуются, восхищаются, веселятся сугубою радостью, – и о том, что спасены, и о том, что спасены Богом. Радость их составляет Тот, Кто даровал победу. Далее, желая показать побуждение к такой помощи, пророк присовокупляет: "**селениях праведных**".

Не сказал: в жилищах, но: "**в селениях**" (ἐν σκηναις), желая указать на временное их обитание. Такова была куща Авраама, когда он возвратился, одержав победу над иноплеменниками, прославившись своими подвигами. Такова была палатка Павла, когда он возвращался, поразив бесов, искоренив заблуждение, со славою подвигов. "**Десница Господня возвысила меня, десница Господня явила силу**" (ст. 16). Посмотри на причину радости. И теперь он говорит тоже, что говорил прежде, – показывает, что все это совершено Богом. Видишь ли, что благодеяние Его состоит не только в избавлении от бедствий, но и в доставлении торжества? Сказав: "**десница Господня явила силу**", прибавляет: "**десница Господня возвысила меня**", чтобы показать дарованную ему славу. "**Возвысила меня**" – значит тоже, что прославила; Он сделал нас не только сильными, но и славными.

"**Не умру, но жив буду и поведаю дела Господни**" (ст. 17). Опасности, говорит, угрожали мне смертью; но я не умру, но жив буду, т.е. такова чудодейственность Господа, что Он исхитил из уст самой смерти, предначертав, в избавлении от необычайных опасностей, еще прежде нового завета, образ воскресения. Знамение этого воскресения он дал нам еще в начале, когда преложил Еноха (Быт.5:24). Если ты не веришь, что тела могут воскреснуть, то уверься его примером. Как могло бы тело его оставаться целым столь долгое время? Не одно и тоже – восстановить разрушенный дом, или сохранить ветхий и близкий к разрушению столь долгое время. Или ты не знаешь, что Господь же сотворил и несуществовавшее? Тем более Он может воскресить. Есть для тебя и другой образ воскресения; разумею взятие Илии, который не умер даже доныне. Для Бога все удобно и легко. "**У Бога не останется бессильным никакое слово**", говорит Писание (Лук.1:37); "**все, что захотел, сотворил**", говорит пророк (Пс.113:11). Не видишь ли, как трудны для тебя дела художника? Однако ты доверяешь его искусству. Почему же, доверяя искусству подобного тебе раба, ты требуешь отчета у премудрости Божией и не принимаешь верою совершаемого Им? Не крайне ли это безрассудно? "**Не умру, но жив буду**". Не погрешит и тот, кто будет принимать эти слова в переносном смысле. Хотя здесь сказано о воскресении, – слово: "**не умру**" значит, что смерть будет не в смерть, – но можно разуметь это и иначе. Не умру, говорит, другою смертью, на которую указывал Христос, когда говорил: "**верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек**" (Ин.11:25).

"**И поведаю дела Господни**". В том и состоит жизнь, чтобы хвалить Его и всем возвещать дела Его. Какие, скажи мне, дела? Те, о которых он намеревается говорить, продолжая: "**научая, наказал меня Господь, смерти же не предал меня**" (ст. 18). Видишь ли дивное дело? Видишь ли благо? Он благодарит Бога не только за то, что избавлен от бедствий, но воздает величайшую благодарность и за то, что подвергся им, и говорит о пользе искушений. Какая же это польза? "**Научая, наказал меня**", говорит, "**Господь**". Та польза от опасностей, что они сделали его лучшим. Видишь ли в том и в другом могущество и попечение Божие, – и в том, что Он допустил подвергнуться бедствиям, и в том, что после избавил от них? "**Смерти же**", говорит, "**не предал меня**". Хорошо сказал другой переводчик (неизвестный): **смерти же не отдал меня** (ἔδωχε), выражая, что все находится в Его власти. Таким образом, пророк получил двоякое благо, – избавился и от бедствий, и от греха, как и Павел говорит в послании к Евреям: "**если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны**" (Евр.12:8).

"**Отворите мне врата правды: вошедши в них, я исповедаюсь Господу**" (ст. 19). Тем, которые наказаны и отстали от грехов своих, отверзаются врата правды.

5. Человек наказанный с дерзновением может говорить: "**отворите мне врата правды**". Эти слова можно принимать и в переносном смысле и разуметь врата небесные, которые заключены для нечестивых, и в которые должно ударять добродетелью, милостынею, правдою. "**Это – врата Господни: праведные войдут в них**" (ст. 20). Есть врата смерти, врата погибели, есть врата жизни, врата узкие и тесные. Так как много врат, то он указывает отличие врат Господних, присовокупляя: "**это – врата Господни**", потому что те не Господни. Какое же их отличие? То, что ими входят наказуемые и скорбящие, как узкими и тесными. Они тесны; потому и входят ими скорбящие; а врата, ведущие к погибели, – широки и пространны.

"**Исповедаюсь Тебе, ибо Ты услышал меня и был мне спасением**" (ст. 21). Не просто сказал: "**услышал**", но наперед "**наказал**", сделал лучшим; потому и благодарит Его не только за то, что услышан, но и за то, что наказан, потому что вследствие того и услышал. Вообще, у пророка часто высказывается такого рода благодарность; и она, как я говорил и не перестану говорить, есть лучшая жертва и приношение. "**Камень, которым пренебрегли строители, он стал во главу угла**" (ст. 22). Что эти слова относятся ко Христу, известно всякому, – потому что сам Он в Евангелии приводит это пророчество: "**неужели вы никогда не читали в Писании**", говорит, "**камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла?**" (Мф.21:42) А что это пророчество по-видимому не находится в связи с повествованием, но, прервав последовательность речи, стоит посреди ее, это нисколько не удивительно и не ново; так изречены многие пророчества в ветхом завете, потому что им надлежало быть прикровенными до времени, чтобы не были истреблены и сами книги. Так и пророчество о рождении Христовом, хотя, по-видимому, находится в связи с повествованием, но не имеет с ним ничего общего, именно: "**се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил**" (Ис.7:14; Мф.1:23). "**Камень, которым пренебрегли строители**". Строителями он называет иудеев, – законоучителей, книжников, фарисеев, которые отвергли Его и говорили: "**Ты Самарянин и что бес в Тебе**" (Ин.8:48), и еще: Он не от Бога, "**но обольщает народ**" (Ин.7:12). Но этот отвергнутый явился столь полезным, что сделался главою угла. Не всякий камень пригоден для угла, но только самый лучший, который может соединить стены с той и другой стороны. Итак, смысл слов пророка следующий: отвергнутый и униженный иудеями оказался столь дивным, что не только вошел в состав здания, но и соединил две стены его. Какие же стены? Уверовавших из иудеев и язычников, как и Павел говорит: "**Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека**", и еще: "**утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем**" (Еф.2:14,15,20). Эти слова – великое обличение для иудеев, что они, созидая, не узнали годного камня, но отвергли, как негодный, тот камень, который мог сдержать здание. Если желаешь еще более узнать эти две стены, послушай, что говорит сам Христос: "**есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести: и они услышат голос Мой, и будет одно стадо и один Пастырь**" (Ин.10:16).

Это было издревле предначертано как бы в образе: Авраам был патриархом тех и других, т.е. необрезанных и обрезанных. Но там – только образ, а здесь – истина. "**Стал во главу угла**", т.е. соединил тот и другой народ. "**От Господа было это, и дивно в очах наших**" (ст. 23). Что значит: "**от Господа было это**"? Совершившееся, говорит, не было делом человеческим; никто ни из людей, ни из ангелов, ни из архангелов, не мог составить

такого угла; не мог сделать этого ни праведник, ни пророк, ни ангел, ни архангел, но только один Бог; это собственно – Его дело. Другой переводчик (Акила) говорит: **от Господа было сие** (τοῦτο), т.е. это чудное и необычайное дело – составление угла. "**И дивно в очах наших**". Кто дивен? Угол, союз двух народов в деле благочестия, потому что и из иудеев уверовали многие тысячи, и апостолы были из иудеев. Хорошо он сказал: "**в очах наших**", потому что это дивное дело очевидно не для всех. И кто не изумится, кто не удивится тому, что там, где распят Христос, покланяются Христу, и распявшие Его – в бесчестии, а поклоняющиеся Ему – во славе? По всей земле прошло слово Его, присоединяя всех к истине. Оно дивно и для тех, которые как-нибудь узнают об нем, а гораздо очевиднее и яснее для верующих. Поэтому он и сказал: "**в очах наших**". "**Сей день сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный**" (ст. 24). Под "**днем**" он разумеет здесь не течение солнца, но важные дела, совершившиеся в продолжение его, Как, называя день худым, разумеют не течение солнца, а случившиеся в продолжение его бедствия, так и под днем хорошим разумеют совершившиеся в продолжение его хорошие дела. Смысл слов его следующий: дивные дела, совершившиеся в этот день, совершил сам Бог, потому что совершать подобные дела свойственно только Его единой деснице.

6. Так, что может сравниться с тем днем, в который совершилось примирение Бога с людьми, прекращена долговременная борьба, земля сделалась небом, люди, недостойные земли, явились достойными царства (небесного), начаток нашего естества вознесен превыше небес, отверст рай, возвращено нам древнее отечество, уничтожено проклятие, изглажден грех, осужденные законом получили спасение без закона, вся земля и море познали своего Господа, совершилось множество и других дел, которых теперь исчислить невозможно? Представляя все это, пророк приписывает все Богу и внушает, что эти события суть дела Божии.

"**Возрадуемся и возвеселимся в оный**". Говорит здесь о радости духовной, разумной, сердечной. "**Возрадуемся и возвеселимся в оный**", потому что мы сподобились столь великих благ. И это немалая добродетель – радоваться о благах, ликовать, веселиться, с удовольствием принимать благодеяния Божии. "**Господи, спаси же! О, Господи, поспеши же!**" (ст. 25). Видя благополучие вселенной, изменение обстоятельств, и перемену к лучшему, и сорадуясь удостоившимся этого, говорит: "**Господи, спаси же! О, Господи, поспеши же!**", спаси тех, которые получают эти блага, так чтобы они преисполнились ими и показали плоды, достойные благодати; сделай для них путь удобным, так чтобы после получения они не отпали от этих благ. "**Благословен грядущий во имя Господне! Благословили мы вас из дома Господня**" (ст. 26), Наши блага состоят не в том только, что совершилось, но и в другом лучшем, каково: воскресение, царство, наследие со Христом. Желая выразить все это, пророк и присовокупил: "**благословен грядущий во имя Господне**". То же говорил и Христос иудеям: "**сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен Грядый во имя Господне!**" (Мф.23:39). Так как они часто возражали, что он не от Бога, что Он – противник Божий, то Он и говорит им: вы сами будете свидетельствовать, что Я не противник Божий, когда увидите Меня идущим на облаках, и воскликнете: "**благословен Грядый во имя Господне!**", отнимая у себя словами этой хвалы всякое оправдание. Очевидность того, что будет тогда, заставит вас высказать эти слова, которыми вы прославите Бога и вместе произнесете тяжкое обвинение на самих себя. "**Благословили мы вас из дома Господня. Бог – Господь и явился нам. Соберитесь на праздник многолюдными толпами, (доходящими) до рогов жертвенника**" (ст. 26-27). Пророк разумеет весь верный народ, получающий благословение в доме Божием. И везде пророки ублажают тех, которые будут веровать. Почему же они ублажают и отчего это блаженство? Потому, что Бог явился нам. "**Явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы**

мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке, ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа" (Тит.2:11-13). Итак, пророк удивляется здесь воплощению, – тому, что Бог и Господь, будучи таким по существу Своему, благоволил явиться во плоти. "**Явлением**" он называет то домостроительство, по которому Господь вселился в девическое чрево, сделался человеком и обращался с людьми. За то, говорит, "**благословили мы**", что удостоились такого дара. Это выражал и Христос, когда говорил: "**истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали**" (Мф.13:17).

"**Соберитесь на праздник многолюдными толпами, (доходящими) до рогов жертвенника**". Другой переводчик (Симмах) говорит: **свяжите в торжестве чащи** (συνδήσατε έν πανηγύρει πυχάσματα). Третий (Акила): **составьте праздник из тучных** (έν πιμελέσιν). От пророчества опять переходит к повествованию. Смысл этих слов следующий: празднуйте, торжествуйте. Но что значит: "**(доходящими) до рогов жертвенника**"? По одному переводчику (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз): **принесите жертвы тучных** (θύσατε θυσίας λιπαράς), а по другому (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **венки и ветви привесьте к храму** (στεφανωματα καί κλάδους άνά τω ναω). В еврейском сказано: **есру аг ваад оффим**. И то и другое означает праздник, радостный день, торжество. От духовного пророк опять обратил речь к чувственному и упомянул о собрании иудеев.

"**Ты – Бог мой, и я буду славить Тебя. Ты – Бог мой, и я буду превозносить Тебя. Буду исповедаться Тебе, ибо Ты услышал меня и был мне спасением**" (ст. 28). Здесь показывает, что и без благодеяний Божиих должно благодарить Бога и прославлять Его ради величия Его и неизреченной славы. На это он указывает тем, что сделал такое прибавление после того, как сказал о благодеяниях, которыми был облагодетельствован. Я и без того, говорит, буду благодарить и исповедовать, что имею такого Господа, столь высокого, столь великого, столь невидимого, столь непостижимого. "**Превозносить**" – значит: прославлю. "**Исповедайтесь Господу, ибо Он благ, ибо во век милость Его**" (ст. 29). Не только сам приносит эту жертву, но и многих других призывает в участники хвалы и благодарения, и возвещает человеколюбие Божие, воспевая постоянно Его неизменяемость и величие. Зная это, будем и мы непрестанно благодарить человеколюбивого Бога и приносить Ему такую жертву, чтобы нам сподобиться и будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 119

"Песнь степеней".

Другой переводчик (Акила, Симмах и Феодотион) говорит: песнь восхождений (άναβάσεων).

1 Песнь степеней, Ко Господу, внегда скорбети ми, воззвах, и услыша мя.	1 Песнь степеней. Ко Господу в скорби моей я воззвал, и Он услышал меня.
2 Господи, избави душу мою от устен неправедных и от языка льстива.	2 Господи, избавь душу мою от уст неправедных и от языка льстивого.
3 Что дастся тебе, или что приложится тебе	3 Что дастся тебе или что прибавится тебе

к языку льстиву?

4 Стрелы сильнаго изощрены, со угльми пустынными.

5 Увы мне, яко пришелствие мое продолжися, вселихся с селении кидарскими:

6 много пришелствова душа моя: с ненавидящими мира бех мирен:

7 егда глаголах им, боряху мя туне.

при языке льстивом?

4 Изощренные стрелы Сильного с опустошительными углями.

5 Горе мне, что жизнь моя в переселении продолжительна: поселился я в шатрах Кидарских.

6 Долго жила душа моя в стране переселения: с ненавидящими мир я был в мире.

7 Когда же я говорил с ними, они без вины враждовали со мною.

"**Ко Господу в скорби моей я воззвал, и Он услышал меня**" (ст. 1).

1. Каждый из прочих псалмов имеет собственное надписание, а здесь несколько псалмов, поставленных вместе, имеют одно надписание: "песнь степеней", или, как говорит другой переводчик, восхождений. Некоторые называют их и степенями. Почему же, скажешь, они так названы? В смысле историческом потому, что в них говорится о возвращении из Вавилона и упоминается о тамошнем плене, а в смысле переносном потому, что они наставляют на путь добродетели: так некоторые понимают их. В самом деле, этот путь, подобно ступеням, мало-помалу возводит человека добродетельного и любомудрого и доводит его до самого неба. Другие говорят, что этим указывается на лествицу Иакова, которая была показана ему досягающею от земли до неба. Таким образом, и высшие, неприступные селения делаются доступными для нас, когда подставляются ступени и лестницы. Но так как восшедшие, потому самому, что они взошли на высоту, могут подвергнуться омрачению от головокружения, то не только восходящим, но и достигшим самой высоты, нужно соблюдать предосторожность. Эта предосторожность состоит в том, чтобы не смотреть на то, сколько мы прошли, дабы не возгордиться, но смотреть вперед, сколько остается пройти, и стремиться туда. То же и Павел выражает, когда говорит: "**забывая заднее и простираясь вперед**" (Флп.3:13). Таков переносный смысл этого слова. Но мы, если угодно, обратимся к истории и посмотрим на освободившихся из плена. Как же они освободились из плена? Любовью к Иерусалиму; напротив те, которые не имели этой любви, нисколько не получили участия в милости Божией, но остались и умерли в рабстве. Если и мы будем подражать им, то испытаем тоже самое. Если мы не будем исполнены любовью к благам небесным и желанием горнего Иерусалима, но постоянно будем привязаны к настоящей жизни, оскверняясь грязью забот житейских, то не сможем достигнуть отечества.

"**Ко Господу в скорби моей я воззвал, и Он услышал меня**". Видишь ли пользу скорби? Видишь ли готовность милосердия Божия? Польза скорби, потому что она привела их к чистой молитве; готовность милосердия, потому что оно тотчас явилось к взывающим. Тоже Бог сделал и прежде, в Египте; потому и сказал: "**Я увидел страдание народа**

Моего в Египте и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей" (Исх.3:78). Так и ты, возлюбленный, находясь в скорби, не отчаивайся, не малодушествуй, но тогда особенно и возвышайся духом, потому что тогда молитвы твои чище и благоволение Божие полнее, и все время проводи так, чтобы жизнь твоя была исполненною трудов, знал, что "**все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы**" (2Тим.3:12), и что "**многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие**" (Деян.14:22). Не люби поэтому жизни изнеженной и беспечной и не желай идти путем широким, который не ведет к небу, – а путем узким и тесным. Если ты хочешь достигнуть высших селений, то убегай удовольствий, попирай гордость житейскую, презирай богатство, славу и власть; избери бедность, сокрушение духа, покаяние, источники слез, и стремись ко всему, чем можно приобрести спасение. Избравший это и сам находится вне опасности, и молитвы его делаются возвышеннейшими. Если ты, таким образом, устроишь себя, и с таким сердцем будешь взывать к Богу, то Он непременно услышит тебя. Для этого пророк и сказал: "**в скорби моей я воззвал, и Он услышал меня**", чтобы ты научился возвышаться мало-помалу и окрылять свои молитвы, чтобы ты не унывал и не отчаивался во время скорбей, но извлекал из них пользу. Если пророк Елисей, человек, не попустил ученику своему отринуть припавшую к нему жену, сказав: "**оставь ее, душа у нее огорчена**" (4Цар.4:27), и выразив этим не что иное, как то, что она имела для себя великую защиту и оправдание в скорби своей, то тем более Бог не отринет тебя, приступающего к Нему с прискорбною душою. Потому и Христос ублажает плачущих, а смеющихся называет несчастными. В беседе о блаженствах Он в самом начале говорит: "**блаженны плачущие**" (Мф.5:4). Итак, если хочешь восходить по этим ступеням, то отвергни изнеженность и беззаботность, стесни себя прискорбной жизнью, отстань от дел земных. Это – первая степень. Невозможно, никак невозможно в одно и тоже время и восходить по лестнице, и оставаться на земле.

2. Ты видишь высоту неба, знаешь краткость времени, знаешь неизвестность смерти. Не медли же и не отлагай, но с великою поспешностью приступи к этому шествию, чтобы в один день проходить по две, по три, по десяти, по двадцати степеней.

"**Господи, избавь душу мою от уст неправедных и от языка льстивого**" (ст. 2). Смотри, как здесь сияет евангельская заповедь: "**молитесь, чтобы не впасть в искушение**" (Лк.22:46). Подлинно, возлюбленный, ничто не может сравниться с искушением – попасть к человеку коварному; он опаснее дикого зверя. Зверь и кажется тем, что он есть; а тот часто скрывает яд под видом кротости, чтобы и коварство было незаметным, и впадал в яму неосторожно попавший. Потому-то пророк часто молит Бога об избавлении от таких злоумышленников. Если же должно избегать людей лживых и коварных, то тем более – развратителей, проповедующих нечестивое учение. Особенно можно назвать **устами неправедными** те, которые отклоняют от добродетели и увлекают к пороку. Поэтому пророк и просит Господа избавить от них душу его, потому что туда проникают стрелы их. "**Что дастся тебе или что прибавится тебе при языке льстивом?**" (ст. 3) Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **что доставит тебе или что прибавит язык льстивый** (παρέξει… προσθήσει)? Третий (неизвестный, см. Орг. Экз.): **что дал бы тебе, или что прибавил бы тебе язык с коварством** (δωη… πρσθείη… χατ έπιθέσως)? Эти слова выражают не что иное, как то, что такой порок велик, что такого рода зло тяжко. Поэтому, видишь ли, как пророк гневается, негодует и говорит: "**что дастся тебе или что прибавится тебе при языке льстивом?**", т.е. какое достойное наказание найдется для этого зла? Подобным образом и Исаия говорил иудеям: "**во что вас бить еще, продолжающие свое упорство?**" (Ис.1:5)? Тоже и он говорит: "**что дастся тебе или что прибавится тебе при языке льстивом?**" Он или это говорит, или то, что в самом пороке уже заключается наказание; ты сам, еще прежде наказания, причиняешь

себе наказание, рождая зло в самом себе. Действительно, порок есть величайшее наказание для души еще прежде наказания. Какое же может быть достойное наказание для такого порока? Здесь – никакого, кроме поражения от Бога. Человек не может воздать за него по достоинству, потому что этот порок превышает всякое наказание; а Бог поразит его. Поэтому, желая показать это, пророк тотчас присовокупляет: "**изощренные стрелы Сильного с опустошительными углями**" (ст. 4). "**Стрелами**" здесь опять он называет наказания. Другой переводчик говорит (Симмах и Феодотион):**стрелы сильного изощрены, с углями, собранными в кучу** (μετὰ ἀνθράκων εστοιβασμένων). Третий (Акила): **с углями можжевеловыми** (σύν αθρακίαις ἀρκευθίναις), – такими переносными выражениями увеличивая страх наказания. И то – с собранными в кучу, и это – с можжевеловыми – заключает в себе одну мысль; только там представляется количество, а здесь качество и сила наказания. Тоже выражают и семьдесят толковников словами: со угльми пустынными, т.е. опустошительными, разрушительными, истребительными. Вещами, страшными для нас, Писание означает и Божии наказания, называя их стрелами и огнем. А здесь, мне кажется, указывается также на иноплеменников, потому что другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.), выражая это, говорит: **избавь душу мою от уст лживых** (απο χείλους ψευδους). Таковы их слова, таковы козни и злоумышления, исполненные лжи и всякого нечестия.

"**Горе мне, что жизнь моя в переселении продолжительна: поселился я в шатрах Кидарских**" (ст. 5). Другой переводчик (неизвестный, см. Ориг. Экз.) говорит: **увы мне, что пришествие свое я продолжил** (παροικων παρείλκυσα). Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **увы мне, что я пришельствовал долго** (προσηλύτευσα έν μακυσμω). Таким образом они сетуют о плене Вавилонском; а Павел – о продолжительности здешней жизни: "**находясь в этой хижине**", говорит он, "**воздыхаем под бременем**" (2Кор. 5:4); и еще: "**но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем**" (Рим.8:23). Действительно, настоящая жизнь есть странничество. Что я говорю: странничество? Она гораздо хуже и странничества. Потому Христос и назвал ее путем: "**тесны врата**", говорит Он, "**и узок путь, ведущие в жизнь**" (Мф.7:14). И это есть самая лучшая и даже первая наука – знать, что мы странники в настоящей жизни. Древние исповедовали это и потому особенно прославились. Выражая это, Павел говорит: "**Бог не стыдится их, называя Себя их Богом**" (Евр.11:16).

Почему, скажи мне: "**их**"? Потому, что они признавали себя странниками и пришельцами. Это – корень и основание великой добродетели. Кто здесь странник, тот там будет гражданином; кто здесь странник, тот не станет привязываться к настоящим благам, не будет заботиться ни о жилище, ни о богатстве, ни о пище, ни о чем другом подобном; но, как находящиеся в чужой стране, делают все и употребляют все меры к возвращению в отечество и каждый день стремятся увидеть страну, их произведшую, так и питающий любовь к будущим благам не огорчится здешними несчастными обстоятельствами, и не возгордится счастливыми, но будет проходить мимо всего этого, как путник. Вот почему и в молитве нам заповедано говорить: "**да приидет царствие твое**", чтобы мы, питая в душе желание и ожидание того дня и постоянно имея его пред глазами, не увлекались настоящим. Если иудеи, желавшие возвращения в Иерусалим, даже после освобождения, оплакивают прошедшее, то какое мы можем иметь извинение, какое оправдание, не питая сильной любви к горнему Иерусалиму?

3. Посмотри, как они оплакивают свое пребывание между иноплеменниками: "**поселился**", говорит, "**я в шатрах Кидарских**": "**долго жила душа моя в стране переселения: с ненавидящими мир я был в мире**" (ст. 6). Здесь они оплакивают не только свое пребывание в стране чужой, но и обращение с иноплеменниками. Так и другие пророки оплакивали настоящую жизнь и говорили: "**не стало милосердых на**

земле, нет правдивых между людьми" (Мих.7:2); и этот самый пророк: "**спаси меня, Господи, ибо не стало преподобного**" (Пс.11:1). Настоящая жизнь тяжела не потому только, что она исполнена суеты и безвременных забот, но и потому, что в ней много успевают люди злые.

Нет ничего гнуснее и тяжелее обращения с такими людьми. Не столько дым и смрад тяготит глаза, сколько обращение с злыми людьми огорчает душу. Не помнишь ли, как и Господь наш Иисус Христос выразил тягость пребывания с ними? Когда Он сказал: "**доколе буду с вами? доколе буду терпеть вас?**" (Мф.17:17), то указал на то, что содержится в словах: "**поселился я в шатрах Кидарских**". Это – варвары, которые обыкновенно поступают с подвластными им, как звери, живут в шалашах и пещерах и доходят до свирепости диких зверей. Но еще несноснее их хищники, корыстолюбцы, развратники, живущие в роскоши. "**Долго жила душа моя**". Однако не много; только семьдесят лет. Но пророк называет их многими не по количеству, а по трудности обстоятельств. Для страждущих и немногие годы кажутся многими. Так должно чувствовать и нам: хотя бы мы прожили немногие годы, но должны считать их многими по сильному желанию будущих благ. Говорю это, не осуждая настоящей жизни, – да не будет; и она – дело Божие, – но, желая возбудить в вас любовь к будущим благам, чтобы вы не привязывались к настоящему, не прилеплялись к плоти и не уподоблялись малодушным, которые, хотя бы прожили тысячи лет, говорят, что – мало. Что может быть безрассуднее этого? Что может быть грубее – тогда как предстоит небо и небесные блага, "**не видел того глаз, не слышало ухо**" (1Кор.2:9), гоняться за тенями и желать вращаться в пучине настоящей жизни, подвергаясь непрестанным волнам, бурям и кораблекрушениям? Не таков был Павел, но он спешил и стремился туда, и только одно удерживало его – спасение людей (Флп.1:23). "**Когда же я говорил с ними, они без вины враждовали со мною**" (ст. 7). Видишь ли, как он показывает тяжесть тамошней жизни? Не сказал: с не имеющими мира, но: "**с ненавидящими мир я был в мире**". Видишь ли пользу скорби? Видишь ли плоды плена? А теперь кто из нас может сказать это? Желательно, чтобы мы с мирными были мирны; а он и с ненавидящими мир был мирен.

Как же и мы можем достигнуть этого? Если будем жить, как странники, – опять обращаю речь к тому же предмету, – если будем жить, как пришельцы, если не будем пленяться ничем настоящим. Подлинно, ничто не бывает столько причиною вражды и раздора, как любовь к настоящим благам, пристрастие или к славе, или к богатству, или к удовольствиям. Когда же ты разорвешь все эти узы и не попустишь душе пленяться чем-нибудь подобным, тогда увидишь, откуда берет свое начало раздор, где лежит основание добродетели. Для того Христос и повелевает нам быть овцами среди волков, чтобы ты не говорил: я потерпел то и то, и оттого ожесточился. Хотя бы ты потерпел бесчисленное множество обид, продолжай быть овцою, и победишь волков. Такой-то человек зол и нечестив; но ты имеешь силу, которою можешь преодолевать и злых. Что смиреннее овцы? Что свирепее волка? Однако первая преодолевает последнего, как видно на апостолах, потому что нет ничего могущественнее кротости, ничего – сильнее долготерпения. Вот почему Христос и заповедует нам быть овцами среди волков. Но сказав это и желая объяснить, каков должен быть Его ученик, и что для него недостаточно этой простоты, т.е. кротости овцы, прибавляет еще нечто другое: "**будьте**", говорит, "**как голуби**" (Мф.10:16), соединяя кротость двух смирных и незлобивых животных. Такой требует Он от нас кротости, когда мы обращаемся среди злобных! Не говори мне: он зол, я не могу сносить. Тогда особенно и нужно показывать кротость, когда мы имеем дело с злобными и враждебными; тогда и открывается ее сила, тогда и сияет ее действенность, достоинство и польза. "**Когда же я говорил с ними, они без вины враждовали со мною**". Другой переводчик (Симмах) говорит: **и как я говорил им, они враждовали** (καὶ ο΄τε), выражая или: с ненавидящими мир я был мирен, или: за то, что я говорил им, они

враждовали. Смысл этих слов следующий: во время самой беседы, говорит, когда я особенно выражал любовь свою, когда произносил особенно дружелюбные слова, тогда они и раздражались, строили козни, и ничто не укрощало их; но я продолжал соблюдать свою добродетель, не смотря на такое их расположение. Так должны поступать и мы; хотя бы нападали на нас любящих, хотя бы враждовали, хотя бы строили козни, мы должны соблюдать свое, помня заповедь, повелевающую быть подобными овцам и голубям среди волков, чтобы и их сделать лучшими, и самим достигнуть небесных благ, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 120

"Песнь степеней".

Другой переводчик (Акила, Симмах и Феодотион) говорит: пение на восхождение (ᾄσμα εἰς τὰς ἀναβάσεις).

1 Песнь степеней, Возведох очи мои в горы, отнюдуже приидет помощь моя.

2 Помощь моя от Господа, сотворшаго небо и землю.

3 Не даждь во смятение ноги твоея, ниже воздремлет храняй тя:

4 се, не воздремлет, ниже уснет храняй Израиля.

5 Господь сохранит тя, Господь покров твой на руку десную твою.

6 Во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию.

7 Господь сохранит тя от всякаго зла, сохранит душу твою Господь:

8 Господь сохранит вхождение твое и исхождение твое, отныне и до века.

1 Песнь степеней. Возвел я очи мои в горы, откуда придет помощь моя.

2 Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю.

3 Не давай споткнуться ноге твоей: не воздремлет Хранящий тебя.

4 Вот, не воздремлет и не заснет Хранящий Израиля.

5 Господь сохранит тебя, Господь - покров твой по правую руку твою:

6 Днем солнце не обожжет тебя и луна ночью (не повредит).

7 Господь сохранит тебя от всякого зла, сохранит душу твою Господь.

8 Господь сохранит вход твой и исход твой, от ныне и до века.

"**Возвел я очи мои в горы, откуда придет помощь моя**" (ст. 1). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **возвожу очи мои в горы, откуда приидет помощь моя** (αἴρω).

1. Посмотри на душу, которая, подвергшись бедствиям, затрудняется, недоумевает и желает получить утешение чрез обращение к Богу. Это опять действие и польза искушений; они окрыляют ее, возбуждают и заставляют искать вышней помощи, отрешая от всего житейского. Если же иудеи, грубые и привязанные к земле, от страданий во время плена сделались столь благоразумными и обратились к небу, то тем более мы во время бедствий должны поступать так и прибегать к Богу; от нас требуется большее совершенство, нежели от них. Находясь среди врагов, не имея ни города, ни стены, ни башни, ни оружия, ни помощи от людей, ни богатства и ничего подобного, но пребывая в плену и рабстве своих владык и в месте врагов, будучи угнетаемы такими великими бедствиями, они прибегли к непобедимой деснице, и лишенные средств человеческих, самой беспомощностью научились любомудрствовать; потому и говорили: "**возвел я очи мои в горы, откуда придет помощь моя**". Все человеческое уничтожилось, погибло, исчезло; осталось одно только спасение – от Бога. "**Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю**" (ст. 2). Видишь ли, как они ищут Бога везде, и на земле, и на небе, и на горах, и в пустыне, везде представляя Его пред собою? Видишь ли, как душа их возвышалась, как они проповедуют о Промысле, простирающемся на все? Не напрасно пророк прибавил: "**сотворившего небо и землю**", но прикровенно выразил такую мысль: если Он сотворил небо и землю, то может помочь везде, и в чужой земле, подать руку и в стране иноплеменников, спасти лишенных и отечества; если Он одним словом произвел такие стихии, то тем более может избавить нас от иноплеменников. Видишь ли, как любомудрствуют те, которые были бесчувственнее камней, и жили в чужой земле? Они вспоминают уже не о храме, но о небе и земле. Посмотри, как они исповедуют творчество, премудрость и промышление Божие. Те, которые прежде говорили дереву: "**ты мой отец**", и камню: "**ты родил меня**" (Иер.2:27), исповедуют теперь Творца вселенной. "**Помощь моя от Господа**", а не от людей, не от коней, не от богатства, не от союзников, не от оград. "**Помощь моя от Господа**". Эта помощь непреодолима, это содействие непобедимо, и не только непобедимо, но и легко и удобно. Не нужно ни идти далеко, ни кланяться привратникам, ни издерживать деньги, ни отправлять посольства, но можно, оставаясь дома, приобрести это покровительство; только нужно отрешиться от всего человеческого, держаться этой надежды, иметь острое зрение и смотреть на предметы высокие.

Для того Бог и сотворил из всех животных только одного человека с прямым станом и утвердил глаза его в верхней части тела, чтобы научить его и самой внешностью, что он должен взирать в высоту. Только одно это животное устроено таким образом, а все прочие смотрят вниз и обращены к земле; человек же обращен к небу, чтобы он смотрел туда, о том любомудрствовал, о том помышлял и имел острое зрение души. Потому-то и сказал один Премудрый: "**у мудрого глаза его – в голове его**" (Еккл.2:14), т.е. он чужд всего низкого, стремится к небу, помышляет о высоком. "**Не давай споткнуться ноге твоей: не воздремлет Хранящий тебя**" (ст. 3). Видишь ли, какой эти слова требуют от нас ревности? Так как они упомянули о помощи Божией, призвали помощь свыше, то пророк увещевает, предлагает совет и как бы так говорит: если хочешь получить ее, то сделай должное и со своей стороны. Что же именно он советует? "**Не давай споткнуться ноге твоей**", т.е. не уклоняйся, не соблазняйся, и тогда Бог подаст тебе руку помощи: не оставит тебя, не отступит от тебя.

Таким образом, от нас зависит начало дела; оно в нашей власти. Если же это в нашей власти, то, желая получить что-нибудь, мы должны привносить нечто с своей стороны, – этого хочет и Бог, – хотя малое и незначительное, однако должны привносить, не оставаясь в бездействии, не предаваясь дремоте и сну, не отчаиваясь, но действуя и стараясь спасти себя. Потому Господь наградил и тех, которые работали только с одиннадцатого часа, хотя много ли могли сделать пришедшие в одиннадцатом часу

(Мф.20:6)? Но Он сделал это для того, чтобы в работе их получить повод, иметь основание к дарованию венцов. Потому пророк и говорит: "**не давай споткнуться ноге твоей: не воздремлет Хранящий тебя**"; когда ты сделаешь должное с твоей стороны, тогда последует и зависящее от Него. Отсюда открывается еще и то, что, если мы и сделаем должное с нашей стороны, и тогда имеем нужду в Его помощи, чтобы достигнуть безопасности, чтобы оставаться непоколебимыми.

2. Кто же попускает колебаться ноге своей? Тот, кто гоняется за вещами тленными, не имеющими твердого основания, напр., предается пристрастию к богатству, любви к житейскому. Потому такие люди часто колеблются и падают, подвергая сами себя крайней опасности. Эти вещи никогда не бывают твердыми и постоянными, но всегда колеблются и изменяются, колеблются хуже волн, проходят скорее водных потоков и рассыпаются легче всякого песка. "**Вот, не воздремлет и не заснет Хранящий Израиля**" (ст. 4). Если ты, говорит, так устроил себя, то и Он "**не воздремлет и не заснет**", т.е. не презрит, не выдаст, не оставит тебя обнаженным и беспомощным. Желая выразить это, он не напрасно сказал: "**Хранящий Израиля**". Смысл этих слов следующий: если Бог постоянно, издревле, со времени предков твоих, действовал для доставления тебе безопасности, то Он не оставит Своего дела, не перестанет делать так, как делал постоянно, если только ты не дашь поколебаться ноге своей, и не только не оставит тебя, но и защитит с великою силою. "**Господь сохранит тебя, Господь – покров твой по правую руку твою**" (ст. 5). Он будет, говорит, твоим покровителем, помощником, защитником. Видишь ли, как и здесь он хочет сделать тебя деятельным? Как бывает у воинов, стоящих в строю, Он станет по правую руку твою, чтобы ты был непобедим, деятелен, тверд, силен, чтобы воздвиг трофей, одержал победу, потому что этою рукою мы преимущественно делаем все. Он не только будет находиться при тебе и не только будет помощником твоим, но и покровом. Опять повторяю: предметами, близкими к нам, пророк означает помощь Божию; "**рукой**" и "**покровом**" изображает полное хранение и ближайшее содействие Божие. "**Днем солнце не обожжет тебя и луна ночью (не повредит)**" (ст. 6). Это было тогда, когда они выходили из Египта и странствовали в пустыне. Здесь он выражает великую безопасность. Впрочем, может быть и тогда, при возвращении (из Вавилона), они удостоились подобного чуда каким-нибудь другим образом. Поэтому, желая показать особенное промышление Божие, пророк прибавляет, что Бог не только избавит их от бедствий, но и от того, что обыкновенно бывает с людьми, – потому что щедродательна милость Его, неизреченно человеколюбие, не по мере нужды нашей Он подает нам помощь Свою, но превышает дарами Своими и сами прошения наши. "**Господь сохранит тебя от всякого зла, сохранит душу твою Господь**" (ст. 7). Тот, Кто не попускает тебе подвергаться даже малым неприятностям и до такой степени простирает Свое попечение и промышление, конечно, еще более защитит тебя от всего другого. Великая печаль отступает и проходит от мановения Божия, чего у людей не может быть. Человек часто от одного зла избавил, а от другого – не мог, или и мог, но не хотел; а всемогущая и всесильная десница Божия, какое бы ни случилось бедствие, может прекратить его, может избавить и освободить тебя от всего. "**Господь сохранит вход твой**

и исход твой, от ныне и до века" (ст. 8). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **пришествие твое** (πρσέλευσιν). Видишь ли постоянную помощь везде, и при входе и при выходе? Что может сравниться с такою любовью, с таким человеколюбием? Этими словами пророк означает всю жизнь, потому что из этого слагается вся жизнь, из входов и выходов. Выражая это яснее, он присовокупляет: "**от ныне и до века**". Не на один день, говорит, не на два, на три, на десять, на двадцать, или на сто, но постоянно, чего у людей не бывает; у них великое непостоянство, частые перемены, внезапные перевороты, сегодня друг, завтра враг, сегодня помогает, завтра оставляет, и часто не только оставляет, но и начинает враждовать и строить козни злее

всякого врага. Дела же Божии неизменны, постоянны, вечны, тверды, бесконечны. Чтобы и нам удостоиться их, будем исполнять должное с нашей стороны, и таким образом достигать великой безопасности и будущих благ о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 121

Песнь степеней

1 Песнь степеней, Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем.	1 Песнь степеней. Я возвеселился, когда сказали мне: "пойдем в дом Господень!"
2 Стояще бяху ноги нашя во дворех твоих, иерусалиме.	2 Стояли ноги наши во дворах твоих, Иерусалим.
3 Иерусалим зиждемый яко град, емуже причастие его вкупе.	3 Строящийся Иерусалим подобен городу, которого здания соединены вместе.
4 Тамо бо взыдоша колена, колена Господня, свидение Израилево, исповедатися имени Господню:	4 Ибо туда вошли колена, колена Господни, по откровению Израилю, прославлять имя Господне.
5 яко тамо седоша престоли на суд, престоли в дому давидове.	5 Ибо там поставлены престолы для суда, престолы в дому Давида.
6 Вопросите же яже о мире иерусалима: и обилие любящым тя.	6 Молите же о мире Иерусалиму, и (да будет) обилие у любящих тебя!
7 Буди же мир в силе твоей, и обилие в столпостенах твоих.	7 Да будет мир в силе твоей и обилие в крепостных башнях твоих!
8 Ради братий моих и ближних моих глаголах убо мир о тебе.	8 Ради братьев моих и ближних моих я говорил о тебе: "(да будет) мир!"
9 Дому ради Господа Бога нашего взысках благая тебе.	9 Ради дома Господа Бога нашего я искал тебе блага.

"**Я возвеселился, когда сказали мне: "пойдем в дом Господень!**"" (ст. 1).

1. А теперь многие даже огорчились бы при таком приглашении. Если кто пригласит идти на конские ристалища или на зрелища беззакония, то стекаются многие; а в дом молитвы немногие идут без лености. Но не так было с иудеями. Что может быть прискорбнее, когда христиане оказываются беспечнее иудеев? Отчего же они сделались такими? Опять повторяю: от плена они сделались лучшими. Те, которые прежде гнушались и избегали храма и слушания изречений божественных, ходили на горы, в рощи и дубравы, и предавались великому нечестию, теперь оставили пристрастие к суеверию, с радостью

внемлют этому призыву, пробуждаются, восстают и восхищаются в душе своей. Они страдали голодом и жаждою, не "**голод хлеба, не жажду воды**", но "**но жажду слышания слов Господних**" (Ам.8:11), и испытав такое наказание, с большим желанием стремятся к тому, от чего прежде отступили. Они обнимают самый помост (Сиона) и говорят: "**ибо рабы Твои возлюбили и камни его, и о прахе его жалеют**" (Пс.101:15); еще: "**когда приду и явлюсь лицу Божию?**" (Пс.41:3) еще: "**буду воспоминать о Тебе от земли Иорданской и Ермониимской, от горы Малой**" (Пс.41:7); и еще: "**вспоминал и изливал пред собою душу мою**" (Пс.41:5). Что, скажи мне, "**вспоминал**" ты? "**Как пройду я к месту селения дивного, до дома Божия**" (Пс.41:5), т.е. что я приду к этим ликам, этим торжественным собраниям, этому богослужению. "**Стояли ноги наши во дворах твоих, Иерусалим**" (ст. 2). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **я возвеселился, когда сказали мне: в дом Господень мы пришли; стали ноги наши во дворах твоих, Иерусалим** (είπόντων μοι: ήλθομεν… έστησαν). Видишь ли чрезмерную радость? Как бы уже получив желаемое, они радовались самому призванию и с великою любовью обнимали дом молитвы и город.

Так Бог всегда поступает. Когда мы, владея благами, не чувствуем этого, то Бог исторгает их из рук наших, чтобы то, чего не сделало обладание, сделало лишение. Тоже испытали и они, обнимая храм, обнимая город, воздавая великую благодарность Богу за возвращение им отечества, "**строящийся Иерусалим подобен городу, которого здания соединены вместе**" (ст. 3). Другой (Симмах): **созданный, как город** (την οικοδομημένην ὡς πολιν). Т.е. по переводу семидесяти: Иерусалим будет построен, как город, – указывается на время до построения его; или, по другому переводчику: мы возвратились в Иерусалим, построенный, как город, – указывается на события после плена. Так как тогда во всем городе было великое запустение и развалины, башни были ниспровергнуты, стены разрушены, и только видны были остатки древнего отечества, то возвратившиеся иудеи, видя его запустение, припоминают прежнее его благосостояние, превозносят его похвалами и говорят, что город столь славный и великолепный, имевший церковь, начальников, царей, первосвященников, и отличавшийся великою красотою, доведен до такого жалкого состояния. А что это так, выслушай сами слова: "**строящийся Иерусалим**"; следовательно, тогда он еще не был городом. Тоже видно и из следующих слов, которые прибавляет пророк: "**здания соединены вместе**". Здесь он говорит, что в городе здания были слитные, твердые и сплошные, что между ними не было ничего пустого, но во всех местах он был застроен часто, совершенно, слитно, так что был до плена непрерывным и связным целым. Потому другой переводчик (Симмах), выражал это, говорит: **имеющий связь** (συνάφεν έχουσα). Далее высказывает ему и другую похвалу. "**Ибо туда вошли колена, колена Господни, по откровению Израилю, прославлять имя Господне**" (ст. 4). Этим особенно украшался город, не столько великолепием и зданиями, сколько тем, что все стекались туда, когда происходило народное или церковное собрание, или предстоял вопрос о чем-нибудь. Так как здесь находился храм, отправлялись все богослужебные обряды, были и священники, и левиты, и царский дворец, и неприступное (святое святых), и преддверия, и жертвы, и жертвенник, и праздники, и торжества, и молитвы, и чтения, одним словом – так как здесь сосредоточена была вся сущность общественного устройства, то сюда должны были собираться все колена, особенно три раза в год: в Пасху, в Пятидесятницу и в праздник кущей, потому что в других местах все это было не дозволено. Поэтому-то, в похвалу города, он и говорит: "**туда вошли колена**". Другой (Акила): **туда восходят скиптры** (σκηπτρα). Не просто сказал: колена, но: "**колена Господни**". Хотя все колена были Господними, но им не было дозволено совершать все это в собственном отечестве; такая честь была предоставлена столице, собиравшей и привлекавшей к себе всех.

2. Это было установлено в целях богопознания, чтобы иудеи, блуждавшие повсюду, не имели поводов и путей к идолопоклонству. Потому Бог и заповедал там приносить жертвы, там молиться, там отправлять торжества, самым ограничением места желая оградить, удержать и обуздать их мысли, склонявшиеся к нечестию. Это и выражает пророк словами: "**колена Господни, по откровению Израилю**". Что значит: "**по откровению Израилю**"? Величайшее свидетельство, доказательство, знак промышления Божия, при котором не оставалось им никакого оправдания, если они отступят, совратятся и уклонятся к идолам. Это было величайшим свидетельством Его промышления, силы и премудрости. Там читался закон, который содержит сведения и повествования о древних великих событиях; там они, встречаясь друг с другом, соединялись любовью; там совершившиеся торжества служили для них поводом и случаем к взаимным сношениям; усиливался страх (Божий), умножалось благочестие и бесчисленное множество благ происходило от стечения их в этот город. "**Прославлять имя Господне**", т.е. благодарить, совершать богослужения, молиться, приносить дары и жертвы, что руководило их к благочестию и делало общественное устройство более твердым. "**Ибо там поставлены престолы для суда, престолы в дому Давида**" (ст. 5). Вот и другое преимущество города. Какое? То, что там царские чертоги. Это именно означают слова: "**там поставлены престолы для суда, престолы в дому Давида**". Другой переводчик (неизвестный переводчик): **дома Давида** (του οίκου). Двоякое начальство, священников и царей, там соединялось в одно, так что город украшался как бы двойным украшением – венцом и диадемою. Там были судии, к которым восходили дела, превышавшие разумение прочих. Если в каких-нибудь других городах возникал вопрос, приводивший в недоумение, то его представляли, как бы на апелляцию, к судьям иерусалимским и оттуда получалось разрешение. Так было в древности; а теперь все было в жалком состоянии, – было совершенное запустение, разрушение, развалины, немногие остатки зданий жалкого вида, только намекавшие и напоминавшие о прежнем благосостоянии. Впрочем, пророк не ограничивает своей речи этими печальными воспоминаниями, но возбуждает радостную надежду и говорит: "**молите же о мире Иерусалиму, и (да будет) обилие у любящих тебя!**" (ст. 6). Что значит: "**молите же о мире Иерусалиму**"? Иначе сказать: просите, требуйте. Другой переводчик (Симмах) говорит: **приветствуйте Иерусалим** (ασπάσατε), т.е. молитесь, чтобы он возвратился к прежнему благосостоянию, чтобы избавился от частых войн, чтобы получил наконец спокойствие. Или это говорит (пророк), или пророчествует.

"**Молите же о мире Иерусалиму**", т.е. мир будет дан ему. "**И (да будет) обилие у любящих тебя!**". Другой (Симмах): **будут спокойны** (ηρεμήοσουσιν). Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **да благоденствуют любящие тебя** (ευ παθήσαιεν αγαπῶντές σε). Здесь представляется величайшее благоденствие, когда оно не ограничивается только самим городом, но и любящие его наслаждаются благами, между тем как в прежние времена было напротив. Тогда те, которые ненавидели его и нападали на него, были особенно сильны, сильнее и славнее других, и легко одерживали победы. Но теперь те, которые любят тебя, будут в великой безопасности, будут ограждены вместе с тобою. Здесь он разумеет или тех, которые будут содействовать им, или самих граждан. "**Да будет мир в силе твоей и обилие в крепостных башнях твоих!**" (ст. 7), Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **в ограждении твоем** (προτεισκίσματι). Третий (Симмах): **в окрестности твоей** (περιβόλω).

Что значит: "**в силе твоей**"? Значит: в недрах твоих, в жителях твоих, в благосостоянии твоем. Так как война разрушительна, и погубила его, то и желает ему мира. "**И обилие в крепостных башнях твоих**". Другой (Симмах): **во дворцах твоих** (βασιλείοις), Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **благоденствие** (ευπάθεια). Четвертый (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **спокойствие** (ηρεμία). Предсказывает им не только избавление от бедствий,

но и получение бесчисленных благ: мира, изобилия, плодородия. Какая польза от мира, если будут жить в бедности, нищете, голоде? И какая польза от изобилия, если будет война? Потому он и предсказывает им и те и другие блага – и пребывание в изобилии, и пользование им в безопасности, в мире. "**Ради братьев моих и ближних моих я говорил о тебе: "(да будет) мир!"** (ст. 8). Разумеет или соседей, радовавшихся их падению, и молится о мире, чтобы и те смирились и познали силу Божию, или говорить о братьях, живших в городе. Итак, "**ради братьев моих и ближних моих**", да будет мир, чтобы вы хотя поздно успокоились, сделавшись от бедствий лучшими. "**Ради дома Господа Бога нашего я искал тебе блага**" (ст. 9). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **скажу мир в тебе** (λαλήσω είρήνην έν σοί). Сказав: "**ради братьев моих и ближних моих**", и показав, что он молится об этом не ради заслуг их, но чтобы более облагодетельствовать их, прибавляет: "**ради дома Господа Бога нашего**", т.е. желаю мира для Его славы, для восстановления Его богослужения, для большего распространения Его учения. Одни из иудеев родились во время плена, а другие были свидетелями и отведения в плен и возвращения. Первые узнали обо всем этом от старейших, – о бывшем прежде, при совершении богослужения, благолепии и благоденствии, которого они лишились. Видишь ли, как он смиряет их гордость, чтобы не думали, будто они получили блага, как потерпевшие достойное наказание, но знали, что они возвращены в свое отечество для славы Божией, и зная это, были осторожны, чтобы, предаваясь прежним грехам, не испытать того же?

Зная это, и мы будем всячески стараться не падать; если же когда-нибудь впадем в грехи, то постараемся скорее встать и не обращаться к прежнему, чтобы не услышать сказанного расслабленному: "**вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже**" (Ин.5:14). Это сказано для того, чтобы научить добродетельных крепко хранить свою добродетель, а освободившихся от грехов – оставаться при доброй перемене, дабы всем вместе получить небесные блага, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 122

1 Песнь степеней, К тебе возведох очи мои, живущему на небеси.	1 Песнь степеней. К Тебе возвел я очи мои, живущему на небе.
2 Се, яко очи раб в руку господий своих, яко очи рабыни в руку госпожи своея: тако очи наши ко Господу Богу нашему, дондеже ущедрит ны.	2 Вот, как очи рабов (обращены) на руки господ их, как очи рабы (обращены) на руки госпожи ее, так очи наши - ко Господу Богу нашему, доколе Он ущедрит нас.
3 Помилуй нас, Господи, помилуй нас, яко помногу исполнихомся уничижения:	3 Помилуй нас, Господи, помилуй нас, ибо много насыщены мы уничижением.
4 наипаче наполнися душа наша поношения гобзующих и уничижения гордых.	4 Премного насыщена душа наша презрением от благоденствующих и уничижением от гордых.

"**Песнь степеней. К Тебе возвел я очи мои, живущему на небе**" (ст. 1).

1. Видишь, как везде видна польза плена. Те, которые всегда привязаны были к земле, надеялись на ассириян и египтян, на крепость стен, на множество богатства, теперь отрешаются от всего этого, прибегают к непобедимой деснице, обращаются к этой надежде, приобретают высокие мысли и, отказавшись от земли и лишившись храма, – потому что храм их был разрушен, – призывают наконец самого Бога с неба. Он называется живущим на небе, не потому, чтобы ограничивался местом, – нет, Он, все наполняет, – но потому, что Он преимущественно обитает в тамошних силах, подобно как говорится, что Он обитает и в людях: "**вселюсь в них и буду ходить в них**" (2Кор.6:16). Таким образом, находясь в стране иноплеменников, иудеи научились немалым истинам, именно – отрешаться от земли, и ясно понимать, что Бог везде скоро внемлет, когда призывают Его. Так как, наконец, появлялся луч новой жизни, то пророк и начинает касаться будущего, отвергая мало-помалу и прикровенно закон о соблюдении мест. "**Вот, как очи рабов (обращены) на руки господ их, как очи рабы (обращены) на руки госпожи ее, так очи наши – ко Господу Богу нашему, доколе Он ущедрит нас**" (ст. 2). Посмотри здесь опять, как возросло их благочестие: не на короткое только время они питают надежду на Бога, но навсегда предаются ей и утверждаются на ней. Потому приводят и сравнение, которым выражают именно то, что они ни от кого другого не ожидают себе помощи и содействия и ни к кому другому не обращают взоров, подобно как рабыня и раб имеют одно только средство к получению и пищи, и одежды, и всего содержания – от господ своих, и не перестают взирать на них, но ожидают, когда получат, а когда получат, то остаются благодарными, и поступают так постоянно. Так и они, желая показать, что они взирают на Него и делают это постоянно, что они не имеют никакой другой надежды и неотступно ожидают Его помощи, и что все, находящееся у них, принадлежит Ему, упоминают о рабынях и рабах. Смотри, как те, которые прежде, будучи приглашаемы идти к Богу, слушали это с отвращением и небрежностью, теперь от несчастий сделались настолько лучшими, что не хотят отступить от Него, но ожидают, служат и просят от Него, "**доколе Он ущедрит нас**". Не сказал: доколе даст награду, или: доколе сделает вознаграждение, но: "**доколе Он ущедрит нас**". Так и ты, человек, постоянно приступай, хотя получишь, хотя не получишь; если не получишь, не отступай, и непременно получишь. Если и жестокого начальника преклонила на милость неотступность вдовы (Лук.18:5), то можешь ли иметь прощение ты, так скоро отступая от Бога, унывая и ослабевая? Не видишь ли, как служанки не отступают от господ, не позволяя ни мысли, ни взору блуждать по сторонам? Так поступай и ты; следуй одному Богу и, оставив все прочее, будь в числе Его слушателей, и непременно получишь то, чего просишь с пользою для себя.

"**Помилуй нас, Господи, помилуй нас, ибо много насыщены мы уничижением**" (ст. 3). Видишь ли сокрушенную душу? Они просят спасти их по милости, и даже не по милости заслуженной, а потому, что они потерпели великое наказание, как и Даниил говорит: "**умалены, Господи, паче всех народов**" (Дан.3:37). Тоже и они говорят в своей молитве: мы потерпели крайнее бедствие, лишились отечества и свободы, сделались рабами иноплеменников, жили в унижении, были изнуряемы голодом, притеснением и жаждою, подвергались оплеванию и были попираемы ногами в течение всего времени: за это прости и помилуй нас. Что значит: "**премного насыщена душа наша**"? Сама душа наша, говорит, ослабела и изнурилась от великих бедствий. Многие, хотя подвергаются бедствиям, но переносят их мужественно; а мы, говорит, и этого лишились; мы унываем во время бедствий, сокрушаемся. Они не пользовались надлежащим образом дарованными им преимуществами; потому Бог и исправил их противным тому, как он всегда делает. Так Адама, не употребившего на пользу пребывания в раю, Он исправил изгнанием из рая; и жену, сделавшуюся худшею от равной с мужем чести, Он сделал

лучшею посредством порабощения и подчинения. Так и этих иудеев, которые от свободы и безопасности в своем отечестве сделались худшими, необузданными и невоздержными, Он исправляет противным тому. Умоляя о помиловании, они и говорят Богу: "**Премного насыщена душа наша презрением от благоденствующих и уничижением от гордых**" (ст. 4). Другой переводчик (Симмах) говорит: **много насытилась душа наша, от порицания благоденствующих, от презрения гордых** (πολλων εχοστάσθη.. έπιλαλούντων των εύθηνούντων, έξευτελζόντων των ύπερηφάνων). Третий (Акила): **поношения надменных** (τοῦ μυκτηρισμου των ύπερφερω). Четвертый (неизвестный переводчик): **унижения самих благоденствующих** (έξουδενωσεως αύτων εύθηνούντων). Они выражают одну и туже мысль: оплакивают бедствия словами: **напиталась душа наша презрением**; а семьдесят толковников говорят другое, именно: чтобы все это обратилось на них, чтобы они сами испытали тоже, чему подвергли нас, чтобы смирилась их гордость и надменность. Так часто и случается; Бог обыкновенно делает это, смиряя высокомерных и унижая гордых, чтобы отклонить их от пути, ведущего к погибели. Нет ничего хуже гордости. Для того и бывают искушения и скорби, дано смертное тело и посылаются многие несчастные обстоятельства, для того страдания и болезни, чтобы крепко обуздать душу, которая легко надмевается и доходит до гордости. Поэтому не смущайся, возлюбленный, когда подвергаешься искушениям, но помня слова пророка: "**Благо мне, что Ты смирил меня, чтобы я научился оправданиям Твоим**" (Пс.118:71), принимай несчастье за врачество, пользуйся искушением надлежащим образом, и достигнешь величайшего спокойствия, которого да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 123

1 Песнь степеней. Яко аще не Господь бы был в нас, да речет убо Израиль:

2 яко аще не Господь бы был в нас, внегда востати человеком на ны, убо живых пожерли быша нас:

3 внегда прогневатися ярости их на ны, убо вода потопила бы нас.

4 Поток прейде душа наша:

5 убо прейде душа наша воду непостоянную.

6 Благословен Господь, иже не даде нас в ловитву зубом их.

7 Душа наша яко птица избавися от сети ловящих: сеть сокрушися, и мы избавлени быхом.

8 Помощь наша во имя Господа, сотворшаго небо и землю.

1 Песнь степеней. Если бы не было Господа с нами, да скажет Израиль,

2 Если бы не было Господа с нами, когда восстали люди на нас, то живыми они поглотили бы нас,

3 Когда рассвирепела ярость их на нас, то вода потопила бы нас:

4 Но поток перешла душа наша,

5 Душа наша перешла чрез стремительную воду.

6 Благословен Господь, не предавший нас в добычу зубам их!

7 Душа наша избавилась, как птица из сети птицеловов: сеть порвалась, и мы избавились.

8 Помощь наша в имени Господа, сотворившего небо и землю.

"**Песнь степеней. Если бы не было Господа с нами, да скажет Израиль**" (ст. 1).

1. Часто я говорил, и теперь скажу, и не перестану говорить: велик плод плена и может приводить внимательных к любомудрию. В самом деле, посмотри, что говорят теперь после плена те, которые прибегали к идолам, отвращались от Бога и предавались нечестию, как они приписывают свое спасение Богу? И пророк, как превосходный хороначальник, заповедует им непрестанно говорить это. Сказав наперед сам, он внушает и им, как учитель ученикам, говорит: "**если бы не было Господа с нами, когда восстали люди на нас, то живыми они поглотили бы нас**" (ст. 2). Они были безоружны, наги, пленники, рабы, только что освободились от бедствий, имели город без стен, или даже вовсе не имели города, и по возвращении были для всех готовою добычею; но вместо стены и крепости был у них Бог. Тоже и мы ныне будем говорить: "**если бы не было Господа с нами, то живыми они поглотили бы нас**". Действительно, чего не сделал бы враг наш диавол, "**если бы не было Господа с нами**"? Послушай, что Христос говорит Симону: "**Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя**" (Лк.22:31,32). Этот злой и ненасытный зверь, если бы не был непрестанно обуздываем, ниспроверг бы и расстроил все. Если он, получив некоторую малую власть над блаженным Иовом, разрушил дом его до основания, исказил его тело, произвел такие прискорбные события, истребил его имение, умертвил его детей, наполнил плоть его червями, вооружил жену, сделал друзей врагами, внушил рабам так оскорблять его, то, не будучи обуздываем различным образом, не погубил ли бы он всех? Потому и говорит пророк: "**если бы не было Господа с нами**". Они были весьма малочисленны и бедны, и многие нападали на них по возвращении.

Но и в том открывалась премудрость Божия, что не вдруг дана была им безопасность, а мало-помалу и постепенно. Бог сделал так для того, чтобы соблюсти их в боговедении и чтобы не исчезло исправление, произведенное в них пленом. Так как избавление от бедствий обыкновенно делает людей более беспечными, то Он и при самом даровании благ попускал им подвергаться частым искушениям, чтобы искушения были для них постоянным упражнением в любомудрии. Бог не оставляет людей навсегда ни в несчастии, чтобы они не изнемогли, ни в счастии, чтобы они не сделались беспечными; но различными способами устрояет их спасение. "**То живыми они поглотили бы нас**". Видишь ли, как он изображает зверство нападающих? Действительно, есть люди, обнаруживающие свирепость зверей, и даже свирепее их поступающие с своими единоплеменниками. Зверь, напав однажды, оставляет ярость и уходит, или, будучи прогнан, не нападает более; а люди часто после неудачи опять нападают, стараясь растерзать само тело ближнего. Так безрассуден гнев, так кипит и клокочет эта страсть! Как же можем мы истребить эту болезнь? Если будем рассудительны, если будем помышлять о смерти у ежедневно умирающих, если будем вникать в самое естество наше, которое есть земля и пепел. Когда красота лица обольщает твою душу, то поди к памятникам и гробам предков, и посмотри на лежащих там, как они обратились в прах, – и ты получишь от этого зрелища великое расположение к сокрушению. Не укоряй слов моих в жестокости. Как одержимые горячкою, освободившись от болезни, имеют нужду в чистом воздухе, так точно и неистовствующие страстями, пришедши к памятникам, как бы находят здоровое местоположение и избавляются от многих болезней. В самом деле, довольно одного вида урны, чтобы смирить человека самого гордого. Отсюда перенесись мыслью к будущему страшному дню, к тем истязаниям и осуждениям, к тем наказаниям, в которых нет утешения, от которых никто не защитит тебя. Всем этим усмиряй страсти.

Вспоминай также о тех людях, которые в настоящей жизни из богатства впали в бедность, из славы – в бесчестие; и если хочешь гневаться, то гневайся не на сродного тебе брата, а на злого духа. Вот на кого ты можешь устремлять эту страсть; с ним не мирись никогда, на него изливай и истощай свой гнев, ему ставь западню, против него не переставай никогда вести войну. "**Когда рассвирепела ярость их на нас, то вода потопила бы нас: но поток перешла душа наша, душа наша перешла чрез стремительную воду**" (ст. 3-5). "**Потоком**" и "**водою**" пророк называет здесь невыразимый гнев врагов. Он есть вода, несущаяся беспорядочно и с великой стремительностью и силою увлекающая то, что ей встречается. Впрочем, здесь говорится не только о наступлении бедствий, но и о миновании их.

2. Не будем же падать духом, когда постигают нас бедствия. Каковы бы они ни были, они – поток и мимолетное облако; какую бы ты ни назвал скорбь, она имеет конец; на какое бы ни указал бедствие, оно имеет предел. А если бы они не имели конца, то не достало бы нашего естества. Но, скажешь, они увлекают многих? Не по собственной стремительности, а потому, что увлекаемые сами беспечны и легко претыкаются. Поэтому, чтобы нам не быть увлекаемыми и идти по самой глубине этого потока, будем осматривать местность его и держаться священного якоря, чтобы не потерпеть кораблекрушения. Так и поток воды до времени бывает страшен, а потом безмерно понижается. "**Вода потопила бы нас**". Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **тогда воды потопили бы нас, как бездна, дошедши до души нашей** (ὑδατα ὡς φάργξ παρελθόντα). "**Но поток перешла душа наша**".

Другой (Акила) говорит: **тогда вознеслись бы над душою нашею гордые, как воды** (ὡς τά υδατα ὑπερήφανοι). Видишь ли, какова помощь Божия, как среди таких бедствий Он не попустил им подвергнуться потоплению? Бог попускает умножаться бедствиям не для того, чтобы потопить нас, но чтобы сделать нас более опытными и яснее показать Свою силу. Гордыми здесь называются враги, которые, нападая сильнее всякого потока и всякой неудержимой воды, не причинили им никакого вреда; а причиною этого помощь Божия, содействие свыше, непобедимая защита. Поэтому, сказав об избавлении от бедствий, пророк говорит и о Виновнике избавления, и притом в виде славословия: "**благословен Господь, не предавший нас в добычу зубам их! Душа наша избавилась, как птица из сети птицеловов: сеть порвалась, и мы избавились**" (ст. 6,7). Видишь ли, как он изображает и собственную слабость, и силу врагов? Те нападали, как дикие звери и львы, готовые пожрать самое тело их, вооружившись и силою и яростью; а эти были слабее всякой птички. Но дивные дела Божии тогда особенно и открываются, когда слабые побеждают сильных. Нападение было невыносимо не потому только, что с одной стороны были враги сильные и страшные, исполненные великой ярости и готовые пожрать саму плоть, а с другой люди слабые, малочисленные и удобоуловимые, но и потому, что последние находились среди бедствий, поставлены были в самые затруднительные обстоятельства и со всех сторон угрожаемы войнами. Но всегда Сильный и готовый спасать избавил нас, говорит, с великой легкостью и после того, как мы подверглись бедствиям. Желая выразить это, он сказал так: "**душа наша избавилась, как птица из сети птицеловов: сеть порвалась, и мы избавились**". Потом, показывая и то, каким образом это было, прибавляет: "**помощь наша в имени Господа, сотворившего небо и землю**" (ст. 8). Видишь ли силу Защитника? Видишь ли Его могущество? Он разрушил и сами средства нападения.

Это можно принимать и в переносном смысле, – в отношении к диаволу и роду человеческому. Пророк показывает, как Бог избавил от него, как разрушил козни его. Это произошло с того времени, когда Христос сказал ученикам: "**даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью**" (Лк. 10:19). Теперь уже не открытая

борьба и не равный бой; но диавол лежит, повергнутый на землю, а ты стоишь прямо и поражаешь сверху; он обессилен, а ты крепок. Почему же он часто одерживает над нами победу? По нашему малодушию, по беспечности спящих. Если ты захочешь противостать ему, то он не посмеет идти против тебя. Если же он побеждает тебя спящего, то это происходит не от его силы, а от твоего малодушия. Кто, даже из самых слабых, не победит спящего? Но теперь крепкий связан, сосуды его расхищены (Мф.12:29), сила его сокрушена, убежище его разрушено, мечи у него отняты. Чего же хочешь более? Почему боишься его? Почему страшишься? Тебе повелено попирать его, обессиленного: почему же ты трепещешь, скажи мне, почему колеблешься? Разве не понимаешь, какого имеешь ты Помощника? Ведь не только враг сделался слабее, но и помощь тебе стала больше. Волнения плоти усмирены, бремя греха свергнуто, ты получил благодать Духа, силу помазания: "**как закон, ослабленный плотию, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти, чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти**" (Рим.8:3,4). Он сделал плоть покорною, даровал тебе оружие – броню правды, препоясание истины, шлем спасения, щит веры, меч Духа; дал тебе залог – плотию Своею питает тебя, кровию Своею напояет тебя; вручил тебе крест, как копье, копье никогда несокрушимое; связал диавола и поверг его на землю. Итак, ты безответен, если бываешь побеждаем; не имеешь оправдания, если терпишь поражение, потому что имеешь бесчисленные средства к победе. "**Сеть порвалась, и мы избавились. Помощь наша в имени Господа, сотворившего небо и землю**". Видишь ли, какой у тебя Вождь, какой Царь? Создатель всего, словом Своим произведши такие существа, столь огромные, столь великие. Не падай же духом, стой мужественно; ничто не препятствует тебе воздвигать славный трофей. Зная это, возлюбленные, будем бодрствовать и подвизаться, не будем спать, но, изострив оружие и усилив ревность, будем непрестанно нападать на врага, чтобы, одержав светлую победу, с великою славою достигнуть нам царства небесного, которого да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 124

1 Песнь степеней. Надеющиися на Господа, яко гора сион: не подвижится в век живый во иерусалиме.

2 Горы окрест его, и Господь окрест людий своих, отныне и до века.

3 Яко не оставит Господь жезла грешных на жребий праведных, яко да не прострут праведнии в беззакония рук своих.

4 Ублажи, Господи, благия и правыя сердцем.

5 Уклоняющыяся же в развращения отведет Господь с делающими беззаконие: мир на Израиля.

1 Песнь степеней. Надеющиеся на Господа - как гора Сион: не подвижется во век живущий в Иерусалиме.

2 Горы вокруг его, а Господь - вокруг народа Своего, отныне и до века.

3 Ибо не оставит Господь жезла грешных над жребием праведных, чтобы не простерли праведные рук своих к беззакониям.

4 Яви, Господи, благо добрым и правым сердцем!

5 А склонных к хитрости накажет Господь с совершающими беззаконие. Мир Израилю!

"**Песнь степеней. Надеющиеся на Господа - как гора Сион: не подвижется во век живущий в Иерусалиме**" (ст. 1).

1. Для чего пророк прибавил: "**Сион**"? Для чего не сказал просто: "**как гора**", но упомянул именно об этой горе? Для того чтобы научить нас не падать духом в несчастьях, не погружаться в уныние, но, держась надежды на Бога, мужественно переносить все – и войны, и битвы, и смятения. Как эта гора, сделавшись некогда пустынною и лишенною жителей, опять достигла прежнего благосостояния и возвратила древнее благополучие вследствие возвращения своих обитателей и откровения чудес, так и мужественный человек, хотя бы потерпел бесчисленное множество бедствий, не поколеблется. Так и ты желай жизни не безопасной, бездейственной и безбедной, но неколеблющейся от опасностей. Не одинаково ведь можно показать свое искусство, оставаясь спокойно в пристани или переплывая волнующееся море. Один делается ленивым, беспечным и слабым; а другой, испытав много подводных камней, много скал, много бурных ветров и других морских опасностей, и перенесши все это, делает свою душу более крепкою. Ты введен в настоящую жизнь не для того, чтобы бездействовать, лениться, не терпеть никаких бедствий, но чтобы чрез страдания сделаться славным. Не будем же искать покоя, или роскошной жизни; желание этого прилично не мужественному человеку, а червю, более животному неразумному, нежели имеющему разум. Ты молись усердно, чтобы не впасть в искушение; но когда впадешь, то не скорби, не смущайся, не унывай, а употребляй все силы, чтобы сделаться славным. Не видишь ли, как мужественнейшие из воинов, слыша призывающую трубу, взирают на трофеи, на победы, на венцы, на доблестных предков? Так и ты, при звуке духовной трубы, встань и будь мужественнее льва; иди и на огонь, и на железо. Сами стихии стыдятся истинно мужественных людей. И звери боятся таких храбрых мужей; хотя бы они рассвирепели от голода, или от своих природных свойств, они забывают все, увидев праведника, и удерживают ярость свою. Итак, ограждай себя этим оружием, и ты не будешь бояться даже огня, хотя бы ты видел пламя, восходящее до неба. У тебя Вождь доблестный, всемогущий и одним мановением разрушающий опасности. Все – Его, и небо, и земля, и море, и звери, и огонь; все для Него легко изменить и передвинуть. Почему же, скажи мне, ты боишься? Не по чему иному, как по лености и собственному нерадению. Смерть не выше ли всех бедствий? Но и она есть долг природы. Почему же ты не извлекаешь пользы из этого долга? Если, волею или неволею, необходимо идти этим путем, то почему не идти с пользою, с подвигами, доставляющими не временные блага, но радость, превышающую здешние скорби? Если же эти слова кажутся тебе тяжкими, то представь людей, которые, не ожидая награды, подвергаются продолжительному страданию, постоянно борются с голодом, имеют неизлечимые и продолжительные болезни, заставляющие их часто желать прекращения жизни, а иногда бросаться в петлю и на меч. Тебя же ожидает небо и небесные блага, и ты не трепещешь, не страшишься, предаваясь беспечности и притом имея такого Помощника? Разве не слышишь слов пророка: "**надеющиеся на Господа – как гора Сион**"? Словом: "**гора**" он выражает непоколебимость надежды на Бога, ее твердость, неприступность, непобедимость. Как никто не может ни сдвинуть, ни поколебать горы, хотя бы употреблял бесчисленные средства, так и тот, кто нападает на возлагающего надежду на Бога, возвратится домой с пустыми руками. Подлинно, надежда на Бога гораздо тверже горы. "**Не подвижется во век живущий в Иерусалиме**". Другой переводчик (Симмах) говорит: **непоколебим во век живущий окрест Иерусалима** (ἀπείτρεπτον… οἰκούμενον περὶ Ἰερυσαλὴμ). Но, скажешь, разве не поколебались три отрока и Даниил? Нет. Они лишились отечества, подверглись плену, но колебания не показали никакого никогда; напротив среди такого смятения, среди такого множества волн они, как бы стоя на камне и находясь в тихой пристани, не потерпели ничего неприятного. Не

называй колебанием несчастные обстоятельства; не в этом колебание, а в погибели души и отпадении от добродетели; такому колебанию и среди опасностей не подвергаются люди бодрствующие, напротив они укрепляют тогда свое любомудрие и сияют еще более. Если же хочешь принимать в переносном смысле эти слова: "**не подвижется во век живущий в Иерусалиме**", то вообрази тамошнее состояние, – в горнем отечестве. Подлинно, достигшие его свободны от всех превратностей. Там нет ничего соблазняющего, ни похоти, ни удовольствий, ни поводов ко греху, ни печали, ни болезни, ни опасности; всего этого там совершенно нет. "**Горы вокруг его, а Господь – вокруг народа Своего, отныне и до века**" (ст. 2). Здесь пророк говорит и о защите, представляемой городу самим его местоположением; но не допускает надеяться на это, а возводит к непобедимой помощи – к Богу.

2. Хотя и горы, говорит, ограждают его, но он нуждается в той (высшей) защите: она делает его непобедимым. Поэтому другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) переводчик говорит: **Господь же окрест народа своего** (περὶ), т.е., не надейтесь на окрестные горы, потому что этот город делает непобедимым то, что "**не оставит Господь жезла грешных над жребием праведных, чтобы не простерли праведные рук своих к беззакониям**" (ст. 3). Показывает основательную причину помощи Божией, на которую они могут надеяться. Какую же? Бог не допустит, говорит, чтобы блага праведных были в руках грешников. Говорит это как для того, чтобы они надеялись на помощь Божию, так и для того, чтобы пребывали в добродетели, если они хотят постоянно получать помощь Его и обладать собственными благами. Этим он показывает, что и обладание благами и безопасность зависят от собственной их воли. "**Жезлом грешных**" называет царство врагов. А смысл этих слов следующий: не попустит владеть наследием праведных; если же на время Он попускал это, то для исправления, внушения и вразумления. "**Чтобы не простерли праведные рук своих к беззакониям**". Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **поэтому не простирают праведные на беззаконие рук своих** (διὰ τοῦ ουκ εκτείνουσιν). Почему? Потому, как выше сказано, что Бог защитит, отмстит, отразит, отгонит врагов от владений их. Он как бы так говорит: искушением наученные и рядом благ улучшенные, они постоянно будут жить в добродетели, и, вразумляясь тем и другим, не прикоснутся к пороку. Так все служило к тому, что душа их сделалась лучшею, от постигающих бедствий получая исправление и от подаваемых благ усиливая свою ревность. "**Яви, Господи, благо добрым и правым сердцем!**" (ст. 4). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **благотвори** (αγαθοποίησον). "**А склонных к хитрости накажет Господь с совершающими беззаконие. Мир Израилю!**" (ст. 5). Видишь ли, что начало всего зависит от нас – и удостоиться благ и получить наказание? Но хотя начало от нас, однако и при этом сияет великий свет человеколюбия Божия. Он с великим избытком побеждает нас Своими воздаяниями; за грехи Он налагает соразмерное наказание, а за добрые дела дает превосходнейшее воздаяние. "**Правыми**" пророк называет здесь людей не лукавых, простосердечных, не имеющих в себе ничего скрытного и коварного. Такой правоты особенно Бог ищет везде. Такова добродетель: она проста и открыта, а порок напротив изменчив, извилист и запутан; это можно видеть на опыте. Так, кто хочет солгать и обмануть, тот, представь, сколько употребляет усилий, сколько должен придумать различных средств и хитрых слов, сколько иметь ловкости. А кто говорит истину, тому не нужно ни труда, ни беспокойства, ни лицемерия, ни хитростей, и ничего подобного, потому что она сияет сама собою. Как безобразные лица нуждаются во многих внешних уборах и покровах для прикрытия естественного безобразия, а прекрасные по природе напротив безыскусственно сияют сами собою, так бывает с ложью и истиною, с пороком и добродетелью. Отсюда очевидно, что порок еще прежде наказания сам причиняет наказание, а добродетель еще прежде воздаяния сама доставляет награду. Как добродетель заключает в себе самой награду еще прежде венцов, так порок заключает в себе самом мучение еще прежде наказания. Действительно, что может быть

несноснее наказания, происходящего от греха? Потому и Павел, упоминал о развратниках, растлевающих свою красоту и извращающих законы природы, говорит, что в этом самом и заключается величайшее мучение еще прежде наказания. "**Мужчины**", говорит он, "**на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение**" (Рим. 1:27), называя возмездием греха их само распутство и действие. "**Мир Израилю!**". Молитвою (пророк) заключает речь. Таковы души святых: с увещанием и советом они соединяют молитву, доставляя слушающим величайшую помощь.

"**Мир**" здесь он разумеет не только чувственный, но и высший, от которого и тот происходит; молится, чтобы душа не восставала сама на себя, воздвигая борьбу страстей. Такого мира будем искать и мы, чтобы нам достигнуть обетованных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 125

1 Песнь степеней. Внегда возвратити Господу плен сионь, быхом яко утешени.

2 Тогда исполнишася радости уста наша, и язык наш веселия: тогда рекут во языцех: возвеличил есть Господь сотворити с ними.

3 Возвеличил есть Господь сотворити с нами: быхом веселящеся.

4 Возврати, Господи, пленение наше, яко потоки югом.

5 Сеющии слезами, радостию пожнут.

6 Ходящии хождаху и плакахуся, метающе семена своя: грядуще же приидут радостию, вземлюще рукояти своя.

1 Песнь степеней. Когда возвратил Господь плен Сиона, как мы были утешены!

2 Тогда наполнились уста наши радостью и язык наш веселием. Тогда говорили среди народов: "Великое Господь сотворил с ними".

3 Великое Господь сотворил с нами: мы веселились.

4 Возврати, Господи, пленных наших, как потоки (влечешь) южным ветром.

5 Сеющие со слезами пожнут с радостью.

6 Уходящие уходили и плакали, бросая семена свои, а приходящие придут с радостью, собирая снопы свои.

"**Песнь степеней. Когда возвратил Господь плен Сиона, как мы были утешены!**" (ст. 1). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **когда возвратит Господь плен, мы будем утешены** (έπιστέψη … έσόμεθα).

1. Слово: "**плен**" по названию своему просто, но имеет много значений. Есть плен добрый, о котором напр., говорит Павел: "**и пленяем всякое помышление в послушание Христу**" (2Кор.10:5); есть и худой, о котором напр., он говорит: "**которые вкрадываются в домы и обольщают женщин**" (2Тим.3:6); есть духовный, о котором говорится: "**проповедовать пленным освобождение**" (Ис.61:1); есть и чувственный – от

неприятелей. Но первый – тяжелее. Взявшие кого-нибудь в плен по закону войны часто и щадят пленных; хотя заставляют их носить воду, рубить дрова и ходить за лошадьми, но нисколько не вредят их душе; а кто взят в плен грехом, тот приобрел себе властелина жестокого и беспощадного, принуждающего его к делам самым постыдным. Этот тиран не умеет ни щадить, ни миловать. Послушай, напр., как он, взяв в плен жалкого и несчастного Иуду, не пощадил его, но сделал святотатцем и предателем, а по совершении греха, вывел его на зрелище пред иудеями, открыл его преступление и не допустил воспользоваться покаянием, но, предупредив раскаяние, довел его до петли. Грех есть властелин жестокий, дающий нечестивые приказания, подвергающий бесчестию повинующихся ему. Поэтому, увещеваю вас, будем с великой ревностью убегать власти его, будем бороться с ним, никогда не станем мириться с ним, и, освободившись от него, будем пребывать в этой свободе. Если иудеи, освободившись от иноплеменников, были утешены. то тем более мы, освободившись от греха, должны радоваться и восхищаться, и хранить вечно эту радость, а не нарушать и не осквернять ее, снова предаваясь тем же порокам. "**Как мы были утешены**". Другие переводчики говорят (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **как мечтающие во сне** (ἐνυπνιαζόμενοι); в еврейском: как мечтающие во сне (хаолемим). Что значит: "**утешены**"? Мы, говорит, исполнены покоя, радости, удовольствия. "**Тогда наполнились уста наши радостью и язык наш веселием. Тогда говорили среди народов: "Великое Господь сотворил с ними". Великое Господь сотворил с нами: мы веселились**" (ст. 3,4). Радость по случаю освобождения из плена не мало содействует перемене к лучшему. Но, скажешь, кто не радуется при этом? Отцы их, когда были освобождены из Египта и изведены из тамошнего рабства на свободу, с крайней неблагодарностью роптали среди самих благ, негодовали, были недовольны, постоянно сетовали. Но мы, говорит, не так: мы радуемся и восхищаемся. Высказывают и причину радости. Мы радуемся, говорит, не только по причине освобождения от бедствий, но и потому, что отсюда все узнают Божие промышление о нас: "**тогда говорили среди народов: "Великое Господь сотворил с ними". Великое Господь сотворил с нами**". Не напрасно здесь допущено повторение, но для того, чтобы показать великую радость, какую имели они. Одни слова принадлежат язычникам, а другие – им. И, смотри, они не сказали: спас нас, или: освободил нас, – но: "**сотворил**", желая словом: "**сотворил**" выразить необычайность дела, исполненного чудесности. Видишь ли, что, – как я часто говорил, – чрез этот народ научилась вселенная, когда он был отводим в плен и возвращаем оттуда? Самое возвращение было вместо проповедника, потому что слух о них распространялся везде, открывая всем человеколюбие Божие; и поистине велики и необычайны были чудеса, совершившаяся с ними. Сам обладавшей ими Кир отпустил их, когда никто не просил, но Бог смягчил душу его; и отпустил не просто, а с дарами и пожертвованиями. "**Возврати, Господи, пленных наших, как потоки (влечешь) южным ветром**" (ст. 4). Почему он в начале псалма сказал: "**когда возвратил Господь плен Сиона**", а здесь: возврати? Он говорит о будущем. На это наводит нас особенно другой переводчик, который не сказал: когда возвратил, но: когда возвратит. Притом, это дело, начавшись тогда, не вдруг совершилось все, но было много переселений иудеев, – было и первое, и второе, и третье.

2. Итак, или это говорит (пророк), или он молится, чтобы избавление было всецелое. Многие из иудеев хотели остаться в стране иноплеменников; поэтому, пламенно желая избавления, он говорит: "**возврати, Господи, пленных наших, как потоки (влечешь) южным ветром**", т.е. побуждая и поощряя с великой стремительностью, с великою силою. Другой переводчик (Акила), выражая это самое, сказал: **как ручьи** (καταρροίας). Третий (Симмах): **как протоки** οχετούς). Четвертый (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **как спуски воды** (αφέσεις). "**Сеющие со слезами пожнут с радостью**" (ст. 5). Это сказано об иудеях, но часто может иметь приложение и ко многим другим случаям. Такова добродетель: она получает блистательные награды за труды. Поэтому нам нужно

наперед трудиться и изнуряться, и потом уже искать покоя. Это всякий часто может видеть и в делах житейских. Потому и пророк в речи своей указал на сеяние и жатву. Как сеющий должен работать, трудиться, проливать пот и переносить холод, так и упражняющийся в добродетели. Ничему так не несвойствен покой, как человеку. Потому Бог и сделал путь его узким и тесным; даже не только дела добродетели, но и дела житейские Он соединил с трудом, и последние гораздо более. И сеятель, и строитель, и путник, и дровосек, и ремесленник, и всякий человек, если хочет приобрести что-нибудь полезное, должен работать и трудиться. И как семена имеют нужду в дожде, так мы в слезах. Как землю нужно пахать и копать, так и для души, вместо заступа, нужны искушения и скорби, чтобы она не произрастила худых трав, – чтобы смягчилась ее жестокость, чтобы она не возгордилась. И земля, без тщательного возделывания, не приносит ничего здорового. Итак, смысл слов пророка следующий: нужно радоваться не только возвращению, но и плену, и за то и другое исповедовать благодарность Богу. Это – сеяние, а то – жатва. Как сеющие после трудов пользуются плодами, так и вы, говорит, когда отошли в плен, были подобны сеющим, испытывали скорби, труды, изнурение, бедствия, переносили ненастье, войну, дожди, холод, и проливали слезы. Что дождь для семян, то слезы для страждущих. Но вот, говорит, за эти труды получили воздаяние. Таким образом, когда он говорит: "**уходящие уходили и плакали, бросая семена свои, а приходящие придут с радостью, собирая снопы свои**" (ст. 6), то говорит не о хлебе, а о делах, научая слушателя не унывать в страданиях. Как сеятель не унывает, хотя ему предстоит много трудностей, представляя обильную жатву, так и страждущему не должно унывать, хотя бы много встретилось ему прискорбного, ожидая жатвы, представляя плоды, происходящие от страдания. Зная это, будем и мы благодарить Господа и за страдания и за покой. Хотя обстоятельства бывают различны, но все вместе и каждое порознь направляется к одному концу, подобно тому как сеяние и жатва; будем же и бедствия переносить мужественно и с благодарностью, и покой – с славословием, чтобы нам сподобиться и будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 126

1 Песнь степеней. Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии: аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий.

2 Всуе вам есть утреневати: востанете по седении ядущии хлеб болезни, егда даст возлюбленным своим сон.

3 Се, достояние Господне сынове, мзда плода чревняго.

4 Яко стрелы в руце сильнаго, тако сынове оттрясенных.

5 Блажен, иже исполнит желание свое от них: не постыдятся, егда глаголют врагом своим во вратех.

1 Песнь степеней. Если Господь не построит дом, напрасно трудятся строители, если Господь не сохранит город, напрасно бодрствует страж.

2 Напрасно вы встаете рано: вставайте, вкушающие хлеб (в) скорби, отдохнувши, после того как Он даст возлюбленным Своим сон.

3 Вот наследие от Господа - сыновья! Награда - плод чрева!

4 Что стрелы в руке сильного, то сыновья изгнанных.

5 Блажен, кто исполнит желание свое чрез них: не устыдятся они, когда будут говорить в воротах с врагами своими.

"**Песнь степеней. Если Господь не построит дом, напрасно трудятся строители, если Господь не сохранит город, напрасно бодрствует страж. Напрасно вы встаете рано: вставайте, вкушающие хлеб (в) скорби, отдохнувши, после того как Он даст возлюбленным Своим сон**" (ст. 1, 2).

1. В этом псалме говорится о состоянии дел по возвращении иудеев из плена. Когда они, по освобождении из плена и по возвращении из страны иноплеменников, нашли город разрушенным, стены и башни обращенными в развалины, и начали восстанавливать их, а между тем многие, завидуя благополучию иудеев и опасаясь их благоденствия, нападали на них с разных сторон и препятствовали делу, то среди таких событий тратилось время, и было потрачено времени столько, что более сорока лет употреблено на построение храма. Это выразили иудеи, когда говорили: "**сей храм строился сорок шесть лет**" (Ин.2:20), разумея не первое построение храма при Соломоне, но последующее, бывшее после освобождения из Персии. Так как много тратилось времени на построение храма, города и стен (построение города потребовало еще больше времени), то пророк, научая их опять прибегает к Богу, объясняет это и показывает, что все будет напрасно и тщетно, если они не приобретут помощи от Бога. Без помощи Божией невозможно не только освободиться из плена, но и восстановить стену по освобождении. Что я говорю: восстановить стены и построить город? Даже построенного и оконченного никто не мог бы сохранить, если бы не имел такого содействия. Это говорит пророк для того, чтобы всеми мерами убедить их опять обращаться к помощи Божией, чтобы от спокойствия они не сделались более беспечными. Потому и Бог подавал им блага не вдруг, а постепенно и мало-помалу, чтобы после скорого избавления от бедствий они не обратились опять к прежнему нечестию; и при самом даровании благ часто напоминал им о нападении врагов, непрестанно пробуждая их от беспечности. Слова пророка сказаны вообще, но получили начало от этого события. Действительно, их нужно прилагать ко всем, чтобы и мы сами не были беспечными, не оставались в бездействии, но чтобы, делая зависящее от нас, возлагали все на Бога, постоянно и во всем держась надежды на Него. Как без содействия Божия невозможно довести дела до конца, так и при помощи Божией, если мы сами будем беспечны и не деятельны, невозможно достигнуть конца. "**Напрасно вы встаете рано: вставайте, вкушающие хлеб (в) скорби**" (ст. 2). Другой переводчик (Акила) говорит: **медлющим садиться** (βραδύνουσι καθῆσθαι). Третий (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **отсрочивающим сидение** (χρονίζουσι τοῦ καθῆσθαι). Смысл этих слов следующий: хотя бы вы не спали, хотя бы вставали до утра, хотя бы медлили ложиться спать, употребляя все время на труды и работу, но если вы не получите помощи свыше, то все дела человеческие разрушатся и от таких усилий не будет никакой пользы. "**Вставайте, вкушающие хлеб (в) скорби**". Этими словами он выражает, что они вели труженическую жизнь, будучи вместе и воинами и строителями. Одною рукою, говорит, они держали корзину или камень, а другою – меч, разделяя себя для строения и войны, и вместе с щитами носили мусор. Так как город был не огражден стенами и беззащитен, то действительно иудеи, ежечасно опасаясь внезапных и нечаянных нападений, строили стены в вооружении; при них были мечи, щиты и копья, а вдали от них находились соглядатаи, которые извещали их о скрытных движениях врагов, и давали знак звуком труб, как скоро издали замечали их приближение. Но хотя бы вы делали это, говорит пророк, и ели хлеб в изнурении, все будет тщетно и напрасно, если не приобретете помощи свыше. Если же они так нуждались в вышней помощи для восстановления города и стен, то гораздо более нуждаемся мы, идущие путем. который ведет на небо. "**Вот наследие от Господа – сыновья! Награда – плод чрева!**" (ст. 3). Какая здесь связь речи?

Великая и неразрывная с предыдущим. Смысл этих слов следующий: если Бог не подаст Своей помощи, то все напрасно; а когда Он подаст Свою помощь, тогда и сон приятен, тогда будет и покой, и жизнь свободная от опасностей и исполненная мира.

2. Итак, когда Бог даст им сон, когда Он успокоит их, когда Он отразит нападающих, тогда они не только построят город, не только сохранят его, но и получат гораздо большие блага; они будут отцами многих детей, Бог даст им еще многочадие. "**Награда - плод чрева**".

Что это значит? В награду, говорит, они получат многочадие. Хотя оно есть дело природы, но когда Бог подаст Свою помощь, то и оно будет успешнее, потому что и оно нуждается в помощи свыше, при ней наполнится Иерусалим множеством жителей. Впрочем, благоденствие их не ограничится только этим, т.е. построением, сохранением и многочадием, но к этому присоединится и нечто другое; а что именно, пророк объясняет в дальнейших словах: "**что стрелы в руке сильного, то сыновья изгнанных**" (ст. 4). Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **связанных** (πεδητῶν). Смысл слов его следующий: они не только будут находиться за безопасными стенами, в укрепленном городе, среди многочисленных детей, но и будут страшны для врагов, так страшны, как стрелы. Не сказал просто: "**стрелы**", но "**в руке сильного**". Стрелы сами по себе не страшны, но: когда они в руках человека сильного, тогда грозят смертью нападающим. Так они будут страшны. Кто они? "**Сыновья изгнанных**", т.е. тех, которые некогда были слабы, были связаны. Он постоянно напоминает им и о прежних бедствиях во время благоденствия, чтобы всеми средствами исправить сердце их, – и тем, что они потерпели, и тем, от чего избавились, и тем, чем будут наслаждаться. "**Блажен, кто исполнит желание свое чрез них: не устыдятся они, когда будут говорить в воротах с врагами своими**" (ст. 5). Другой (Феодотион) говорит: **блажен, кто наполнит колчан свой ими** (φαρετραν). Т.е. и это будет дано им: сила телесная, страх для других невыносимый, многочадие, безопасность, красота города, победа и трофеи на войнах. Потому он и ублажает их, как имеющих наслаждаться таким благоденствием. Они будут, говорит, вооружены. Но не в этом поставляет их блаженство, а в том, что они не постыдятся. "**Не устыдятся они, когда будут говорить в воротах с врагами своими**" Что это? Величайший трофей, величайшая слава, торжество, блаженство. Их не будут порицать, как будто не удостоившихся промышления Божия, или как будто имеющих бессильного Бога, или хотя и сильного, но отвергших от себя Его промышление своими грехами. Напротив, отличаясь всем этим, – городом, стенами, стражей, детьми, оружием, силою, – они не будут скрываться при виде врагов, но будут встречать их с великим мужеством, украшаясь, превозносясь, величаясь всем этим, как знаком Божия покровительства над ними. Верх всех благ и венец блаженства – быть в состоянии величаться помощью Божиею. Поэтому пророк этим и оканчивает речь, научая всех, прежде всего, искать этого украшения и хвалиться им. Будем же и мы приобретать это украшение, чтобы сподобиться вечных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 127

1 Песнь степеней. Блажени вси боящиися Господа, ходящии в путех его:	1 Песнь степеней. Блаженны все, боящиеся Господа, ходящие путями Его.
2 труды плодов (рук) твоих снеси: блажен еси, и добро тебе будет.	2 Трудами рук твоих будешь питаться: блажен ты и благо тебе будет!
3 Жена твоя яко лоза плодовита в странах	3 Жена твоя - как виноградная плодовитая

дому твоего:

4 сынове твои яко новосаждения масличная окрест трапезы твоея.

5 Се, тако благословится человек бояйся Господа.

6 Благословит тя Господь от сиона, и узриши благая иерусалима вся дни живота твоего,

7 и узриши сыны сынов твоих: мир на Израиля.

лоза (вьющаяся) по стенам дома твоего; Сыновья твои - (что) побеги маслины, - вокруг трапезы твоей.

4 Вот так благословится человек, боящийся Господа!

5 Благословит тебя Господь от Сиона, и увидишь благо Иерусалима во все дни жизни твоей.

6 И увидишь сынов сынов твоих. Мир Израилю!

"**Песнь степеней. Блаженны все, боящиеся Господа, ходящие путями Его**" (ст. 1).

1. Смотри, как пророк начинает здесь с того, чем кончил там. Как там он ублажал тех, которые не постыжаются, имея Бога своим помощником и защитником, так и здесь начинает тем же: "**блаженны**", говорит, "**все, боящиеся Господа**". Опять говорит о всех вообще, по поводу иудеев. Хорошо сказал он: "**все**". Будет ли кто рабом, или господином, бедным, или увечным, и кто бы то ни был, ничто не препятствует ему иметь это блаженство, о котором он говорит. Другое блаженство ложное и мнимое, которого домогаются многие, едва ли может составиться из множества благ, соединившихся вместе; и если эти блага не соединятся вместе, то никто из людей не может быть счастливым. Например: кто богат, тому этого недостаточно для счастья, а нужно присовокупить к тому и здоровье, потому что кто богат, но увечен, тот далек от счастья и даже несчастнее бедных. Многие люди богатые, но страждущие от болезни, считают блаженными бедных, собирающих милостыню по переулкам, а себя несчастными, не смотря на тысячи талантов. Если же иной и здоров и богат, но недостает ему славы, то опять новое препятствие счастью. Есть люди, которые, имея много богатства и здоровое тело, невыносимо страдают при виде военачальников или облеченных другою властью. Не имея никаких почестей, они считают себя несчастнее всех, будучи обязаны подчиняться тем, в сравнении с которыми часто их слуги гораздо богаче. Далее, пусть будет и слава и богатство и телесное здоровье; но если не будет безопасности от козней бесчисленных врагов, завидующих, злоумышляющих, ненавидящих, осуждающих, клевещущих, то человек будет опять несчастнее всех, будет проводить жизнь зайца, боясь теней, трепеща и страшась всех. Если же он будет свободен и от этого, будет любим всеми и все благополучно соединится у него, и слава, и богатство, и безопасность, и почести (чему соединиться невозможно, но допустим это), если все это стечется к нему и ни в чем не будет недостатка, если и любовь народа, и величие славы, и обилие богатства, и телесное здоровье, и всевозможная безопасность, и непобедимость соединятся у него, – то и такой человек, вступивший в брак с злонравною и развратною женою, часто бывает несчастнее всех, не имеющих ни одного из тех благ. Пусть у него и жена будет добрая и согласная с его мыслями и желаниями; но он имеет худых детей, и по необходимости бывает несчастнее всех, или вовсе не имеет их, и потому скорбит и плачет. Вообще, на что

ни посмотришь человеческое, увидишь много недостатков. Для чего говорить о чем-нибудь другом? Часто худой слуга все расстраивает и приводит в беспорядок; и нет ничего столь непрочного, как гордость человеческая.

Но не таков боящийся Бога: он свободен от этих волн, пребывает в тихой пристани и вкушает истинное блаженство. Вот почему пророк, оставляя все прочее, называет блаженным только его. Счастье человеческое невозможно, если не стекутся все блага, или лучше сказать, когда и стекутся, то оно колеблется от того самого, что составляет его. Часто богатство погибает, красивая жена умирает, прислуга изменяет, дети делаются отцеубийцами, и вообще, как я сказал, во многих отношениях все это непрочно. А здесь, хотя бы стеклись все бедствия, ничто не только не вредит блаженству, но делает его более крепким и более прочным. Ни бедность, ни бесчестие, ни телесная болезнь, ни злоба жены, ни злонравие детей, и ничто другое ни подрывает и не колеблет этого блаженства. Оно не от них имеет свое начало, чтобы колебаться от их колебания, но имеет корень свыше, и потому остается несокрушимым. Если хотите, объясним это примерами. Иосиф не был ли рабом, изгнанником, лишенным отечества, невольником варваров, сначала сарацын, а потом еще более свирепых египтян. Не считали ли его прелюбодеем? Не подвергался ли он обвинению и клевете? Не сидел ли в темнице? Не был ли заключен в узы? Но получил ли он от этого какой-нибудь вред? Напротив, поэтому он и стал блаженным. Подлинно, удивительно, что это блаженство, как я сказал, не только ничем не уменьшается, но еще становится блистательнее и славнее. Если бы Иосиф ничего такого не потерпел, то не был бы столь блаженным.

2. Хочешь ли, я скажу и о таких, которые сильно предавались порокам, но потом вдруг переменились и отстали от всякого зла? Кто был несчастнее разбойника? Но он вдруг стал блаженнее всех. Он совершил множество убийств, был приговорен к распятию на кресте, приведен на смерть, осуждаем всеми, проводил все время и истратил жизнь в делах злых; но так как он в короткое время показал, как следует, страх к Богу, то сделался блаженным. И блудница, торговавшая своею красотою и предававшаяся всем на поругание и потому бывшая несчастнее всех, стала блаженною, показав, как должно, страх к Богу. Нет зла, которого не уничтожал бы страх Божий. Как огонь, приняв железо, хотя бы самое испорченное и покрытое большою ржавчиной, делает его ясным и светлым, очищая его и совершенно исправляя повреждение, так и страх Божий в короткое время совершает все и не допускает ничему человеческому вредить тем, которые проникнуты им. Не был ли немощен Тимофей? Не был ли он постоянно в болезнях и страданиях? Но кто был блаженнее его? Иов, скажи мне, не находился ли в бедности, бесчадии, в жесточайших язвах телесных? Не подвергался ли оскорблениям, поруганиям, злословию, голоду и всем человеческим бедствиям? Но и он стал блаженнее всех. Все это не только не поколебало его, но и сделало более твердым. И жена вместе со всеми другими огорчала его; но все это еще более прославило его. Представляя все это, пророк и говорит: "**блаженны все, боящиеся Господа, ходящие путями Его**". Дабы ты не подумал, что для тебя достаточно страха, он присовокупил: "**ходящие путями Его**", указывая на то и другое: "**боящиеся**" и "**ходящии**". Многие, имея правую веру, но, проводя развратную жизнь, стали несчастнее всех. Поэтому, чтобы слова его не показались в этом отношении несправедливыми, он прибавил: "**ходящие путями Его**". А какие это пути Божии, как не добродетельная жизнь? Чрез нее можно взойти на небо, достигнуть отечества и узреть самого Бога, сколько возможно человеку зреть Его. "**Путями Его**" называются потому, что чрез них можно взойти к Богу.

Пророк не сказал: путь, но: "**путями**", выражая, что они многочисленны и различны. Бог устроил много путей для того, чтобы обилием их сделать для нас восхождение к Нему легким. Одни из людей сияют девством, другие прославляются брачною жизнью, иные

украшаются вдовством; одни отвергли все, другие – половину; те восходят праведною жизнью, эти – покаянием. Для того Бог и устроил так много путей, чтобы тебе удобно было идти. Ты не мог после бани крещения сохранить тело свое чистым? Можешь очистить себя покаянием, можешь богатством, милостыней. У тебя нет богатства? Можешь призреть больного, посетить заключенного, подать чашу холодной воды, принять странника под кров свой, пожертвовать две лепты, как вдовица, и плакать с плачущими; и это – милостыня. Но ты не имеешь ничего, совершенно беден, слаб телом и даже ходить не можешь? Переноси все это с благодарностью – и получишь великую награду. Такова была добродетель Лазаря. Он никому не помогал деньгами: как он мог делать это, не имея сам необходимой пищи? Он не ходил в темницу: как он мог делать это, будучи не в силах сам подняться? Он не посещал больного: как он мог делать это, будучи сам облизываем псами? Но и без этого он приобрел награду за добродетель мужественным перенесением всего, – тем, что, видя жестокого и бесчеловечного в чести и роскоши, а себя в таких бедствиях, не произнес ни одного непристойного слова. Потому он и наследовал лоно Авраамово, хотя был ничем не лучше мертвого, бездейственно лежа тогда пред вратами богача; увенчан вместе с патриархом, совершившим так много добрых дел, прославлен и помещен в лоне его тот, кто не раздавал милостыни, не подавал руки обижаемому, не принимал странников, не мог сделать ничего другого подобного, но только за все благодарил Бога, и получил светлый венец терпения. Подлинно, великое дело – благодарность, любомудрие, терпение среди таких страданий; это – высшая добродетель. За то и Иов был увенчан. Поэтому и диавол говорил: "**кожу за кожу, а за жизнь свою отдаст человек все, что есть у него**" (Иов.2:4). Не малое дело – обуздать страждущую душу так, чтобы она ни в чем не согрешила. Это равно мученичеству; это – верх добра.

3. Так, если и ты, возлюбленный, подвергнешься болезни, горячке или ранам, и боль будет заставлять тебя сказать какую-нибудь хулу, но ты воздержишься, будешь благодарить и славить Бога, то получишь такую же награду. И для чего роптать, скажи мне, и произносить богохульные слова? Разве боль сделается оттого легче для тебя? Даже, если бы она и делалась легче, и тогда не следовало бы решаться на это, и терять спасение души, заботясь доставить облегчение своему телу. Между тем боль от этого не только не облегчается, но еще становится тяжелее. В самом деле, диавол, видя, что он получил некоторый успех, доведши тебя до ропота, усиливает огонь пещи, разжигает болезнь, чтобы ты исполнил его желание. Таким образом, если бы даже, как я сказал, боль и облегчалась, не должно делать этого; если же ты не получаешь никакой пользы, то для чего губишь сам себя? Но ты не можешь молчать? В таком случае благодари Бога; прославляй Того, Который искушает тебя в этой пещи. Вместо ропота произнеси славословие. Тогда и награда тебе великая, и боль сделается легче. Так и блаженный Иов говорил: "**Господь дал, Господь и взял**"; и еще: "**неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?**" (Иов.1:21; 2:10)? Но мне, скажешь, Бог не дал богатства? Тем легче рана. Ведь не одно и тоже лишиться богатства, насладившись им, или не испытав его жить в бедности. Если многие из людей бедных, видя бедствия других и сравнивая с своими, считают свои бедствия сравнительно тягчайшими, то, сравнивая себя не с другими, а с самими собою, они чувствуют скорбь, конечно, тем тягчайшую, чем более прежний опыт дает чувствовать потерю. Так и бесчадие, испытываемое с самого начала, легче бесчадия, следующего за многочадием. Не одно и то же – не получить чего-нибудь, или после получения лишиться. Итак, мужественно переноси все случающееся; это для тебя – мученический подвиг. В самом деле, не только то составляет, мученичество, когда кто получает приказание принести жертву и не приносит ее, и даже решается лучше подвергнуться терзаниям, нежели исполнить это; но и то делает мучеником, когда кто, не смотря на боль, принуждающую роптать, решается терпеть и не говорить ничего непристойного. Так Иов не за то увенчан, что получил повеление

принести жертву и не принес ее, но за то, что мужественно перенес скорби. И Павел прославлен за то, что с благодарностью переносил бичевания, скорби и все прочее. "**Трудами рук твоих будешь питаться: блажен ты и благо тебе будет!**" (ст. 2). Почему пророк двукратно повторяешь блаженство? Потому, что он знал великость этого блаженства, услаждался представлением его. А какое, скажи мне, будет "**благо**"? "**Жена твоя – как виноградная плодовитая лоза (вьющаяся) по стенам дома твоего; Сыновья твои – (что) побеги маслины, - вокруг трапезы твоей**" (ст. 3). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **во внутреннейших** (έν τοις έσωτάτοις). Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **в чреслах** (έν τοις μηροις). "**Вот так благословится человек, боящийся Господа!**" (ст. 5). Что, скажи мне, говоришь ты? Это ли блаженство? Это ли благо – благосостояние дома, наслаждение своими трудами, множество детей, жена? Нет; это только – прибавление. "**Наипаче ищите Царствия Божия, и это всё приложится вам**" (Лк.12:31). Так как пророк говорил людям еще несовершенным, то он и убеждает их, как малых детей, предметами чувственными. Не удивляйся этому. Если Павел во время такого любомудрия поступает так же с людьми, пресмыкающимися по земле, убеждая их таким же образом, то тем более это свойственно пророку. Где же так поступает Павел? Во многих местах. Так, когда он рассуждает о девстве, то ничего не говорит им о будущем, но представляет только освобождение от скорбей, происходящих от брака (1Кор.7:28). Также, когда говорит о почитании родителей, то убеждает таким же образом: "**первая**", говорит, "**заповедь с обетованием**". Какая заповедь? "**Почитай отца твоего и мать и будешь долголетен на земле**" (Еф.6:2,3). И опять, когда пишет о любомудрии в отношении к врагам, представляет чувственную награду, выражаясь так: "**делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья**" (Рим.12:20). Но Христос – не так, потому что Он беседовал не с слабыми; но за девство Он назначает царство, а за любовь ко врагам – уподобление Богу, сколько возможно для людей быть подобными Богу. И даже в ветхом завете, когда руководились чувственностью, мы видим, что люди, способные к любомудрию, убеждались предметами высшими. Указывая на это, Павел говорит: "**все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные**" (Евр.11:13). Таким образом, наградою боящимся Бога служит не только это, – наслаждение собственностью, жена, дети, благосостояние дома, – это только избыток и прибавление; а главные и великие блага заключаются, во-первых, в самом страхе Божием, который сам по себе составляет награду, потом – в тех неизреченных благах, "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**" (1Кор.2:9). "**Благословит тебя Господь от Сиона, и увидишь благо Иерусалима во все дни жизни твоей**" (ст. 5). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **и узри в благах Иерусалим** (ορα εν άγαθοις). "**Благами**" он называет город, богатство. благолепие, победы, почести, благосостояние, плодородие, безопасность, мир.

4. "**Во все дни жизни твоей**". Хорошо пророк прибавил эти слова о днях. Действительно, это – особенный знак дара Божия и доказательство Его промышления, чтобы не терпеть ничего человеческого, не терять и не испытывать превратностей, разве когда Бог во гневе Сам отнимает данное. "**И увидишь сынов сынов твоих. Мир Израилю!**" (ст. 6). Но многие, скажешь, боявшиеся Бога, остались бездетными. Что же из этого? Мы подвизаемся не для настоящих благ, но преимущественно для угождения Богу, а потом в надеждах на будущее. Тогда (в ветхом завете) было это наградою; а теперь – небо и блага небесные. Если ты и при страхе Божием не имеешь детей, то почему знаешь, не дал ли Он тебе других благ, больших этого благополучия? Он, "**богатый милостью**" (Еф.2:4), не одним способом благодетельствует всем, но различно. Сколь многие, имевшие детей, считали блаженными не имевших? Сколь многие, имевшие богатство, кончили жизнь несчастнее бедных? Сколь многие, наслаждавшиеся славою, как бы пронзены были этим мечом и потерпели жесточайшие бедствия? Не исследуй же происходящего и не требуй

отчета от Бога, но переноси все мужественно и с благодарностью; в особенности не привязывайся ни к чему настоящему. Потому тебе и повелено возносить такую молитву, в которой ты произносишь только одно прошение о чувственном предмете, и больше ничего. Притом и оно, по умеренности своей, также становится духовным. Во всем прочем говорится нам о небе, тамошнем царстве, совершенной жизни, избавлении от грехов; а о предметах чувственных нам повелено произносить только одно слово. Какое? "**Хлеб наш насущный дай нам на сей день**" (Мф.6:11), и больше ничего. Так как мы призываемся к другому отечеству и предназначены к высшей жизни, то и наши прошения должны быть сообразны с нею; а эти временные блага, если они притекают, должно отвергать с великим усердием.

"**Мир Израилю**". Другой переводчик говорит: **и узри сыны сынов твоих, мир на Израиль** (ιδε… είρήνην). Молитва, соответствующая обществу. Этого особенно желают те, которые изнурены продолжительною войною. Какая для них польза в остальном, если нет мира? Потому он и обещает им главное из тогдашних благ, – безопасность, мир, и притом постоянный; это преимущественно и есть дело промысла Божия – давать и не допускать лишения. Человеческие предметы по самой природе своей скоропреходящи и непостоянны; поэтому, желая показать, что это дается им не просто, но по высшей воле и мановению Божию, пророк сказал: "**во все дни**", – обещал мир постоянный. Так и было, сколько это зависело от Бога. Если же он был нарушен, то опять это произошло от их нечестия. Как тогда, когда Бог угрожает людям наказаниями, а они покаянием отклоняют гнев Его, Он останавливает наказания, так и тогда, когда обещаются блага, а имевшие воспользоваться обещанием окажутся недостойными, Он не исполняет обещания. Итак, сколько зависело от Него, Он обещал им мир "**во все дни**"; но они своим нечестием нарушили дар. Говорю это для того, чтобы мы не отчаивались, когда Он угрожает, но покаянием отклоняли гнев Его, и не предавались беспечности, когда Он обещает блага, но ревностью и исправностью в жизни доводили обещания до исполнения. Если мы не будем поступать так, то одно обещание не может спасти нас. Так и Иуде было обещано, что он сядет на престоле с одиннадцатью учениками, но он не сел; а причиною тому не Обещавший, но сам Иуда, оказавшийся недостойным обещания. Так и мы, имея обетование царства, не будем беспечными, но станем исполнять должное с нашей стороны, чтобы сподобиться вечных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 128

1 Песнь степеней. Множицею брашася со мною от юности моея, да речет убо Израиль:

2 множицею брашася со мною от юности моея, ибо не премогоша мя.

3 На хребте моем делаша грешницы, продолжиша беззаконие свое.

4 Господь праведн ссече выя грешников.

5 Да постыдятся и возвратятся вспять вси ненавидящии сиона:

6 да будут яко трава на здех (на кровех),

1 Песнь степеней. Многократно вели брань со мною с юности моей, - да скажет Израиль.

2 Многократно вели со мною брань с юности моей, но не превозмогли меня.

3 На хребте моем работали грешники, увеличивали беззаконие свое.

4 Господь праведен: Он рассек выи грешников.

5 Да постыдятся и обратятся вспять все ненавидящие Сион!

6 Да будут они, как трава на кровлях,

яже прежде восторжения изсше:	которая до исторжения (ее) засохла,
7 еюже не исполни руки своея жняй, и недра своего рукояти собираяй:	7 Ею не наполнил руки своей жнец и горсти своей собирающий снопы.
8 и не реша мимоходящии: благословение Господне на вы, благословихом вы во имя Господне.	8 Им не говорят прохожие: "Благословение Господне на вас, благословляем вас именем Господним".

"**Песнь степеней. Многократно вели брань со мною с юности моей, – да скажет Израиль. Многократно вели со мною брань с юности моей, но не превозмогли меня**" (ст. 1, 2). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **но не одолели меня** (αλλα).

Этот псалом находится в связи с предыдущим. Так как построение (храма) было прерываемо и дело не приближалось к концу, то пророк, желая внушить иудеям добрые надежды, чтобы они не отчаивались, примером прошедшего располагает их смело ожидать будущего и научает говорить эти слова. Какие? Враги, говорит, часто нападая, не могли преодолеть и не одержали полной победы; хотя они брали пленных, переселяли их в чужую страну и во многих войнах побеждали, но и тогда побеждали не собственной силою, а по грехам иудеев; притом не остались победителями до конца; они не могли ни совершенно истребить рода иудейского, ни уничтожить города, ни окончательно погубить народа, но будучи на короткое время, по попущению Божию, победителями, они снова были побеждаемы. Чем были побеждаемы? Тем, что иудеи возвращались к прежнему благосостоянию. Это и выразил другой переводчик, сказав: **но не одолели меня**. "**На хребте моем работали грешники, увеличивали беззаконие свое**" (ст. 3). Что это значит? Они, говорит, строили козни, не как случилось, но с великими усилиями и хитростями, составляя обманы, нападая тайно; выражение: "**на хребте моем**" означает или хитрость и коварство, или напряженность и великую силу; т.е. они старались сокрушить саму силу мою. Другой переводчик (Акила и Феодотион), вместо: делали, сказал: **возделывали** (ηροτρίασαν), дабы показать, что они козни против праведника обратили в занятие. "**Увеличивали беззаконие свое**". Что говорит он? Показывает, что они нападали не только с силою, но и с великой настойчивостью, употребляя много времени, обращая козни в занятие и продолжая действовать непрестанно. Между тем они, говорит, не имели никакого успеха, не по нашей силе, а по силе Божией. Поэтому, указывая на Того, Кто воздвигал трофей и доставлял победу, он присовокупляет: "**Господь праведен: Он рассек выи грешников**" (ст. 4). Другой (Акила и Симмах), вместо: "**выя**", говорить: **сети** (βρόχους), выражая замыслы, хитрости, козни. Хорошо сказал он не: разрушил, но: "**рассек**", чтобы лучше показать, что Бог сделал замыслы их совершенно бесполезными. И действительно, когда город стали строить снова, многие, снедаемые завистью, нападали со всех сторон, и делали это не раз или два, а многократно. Тоже было и с Церковью. Когда она начала насаждаться, то на нее постоянно нападали все: сначала цари, народы, властители, потом коварные еретики, и со всех сторон поднимались против нее великие и разнообразные войны. Однако ничто не одолело ее; враги сокрушены, а Церковь процветает. "**Да постыдятся и обратятся вспять все ненавидящие Сион!**" (ст. 5). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **да будут отражены назад**

(ανατραπήτωσαν). "**Да будут они, как трава на кровлях, которая до исторжения (ее) засохла, ею не наполнил руки своей жнец и горсти своей собирающий снопы**". И "**им не говорят прохожие: "Благословение Господне на вас, благословляем вас именем Господним**" (ст. 6-8). Заключает увещание молитвою, внушая бодрость слушателю и указанием на прошедшее и самою молитвою, и показывая несправедливую причину войны; они, говорит, подняли войну по зависти и ненависти. Поэтому и восклицает: "**да постыдятся и обратятся вспять все ненавидящие Сион!**". Не только пусть будут побеждены, но притом – постыдно и позорно. Потом, сказав: "**да будут они, как трава на кровлях**", останавливается на этом подобии, сравнивая их не просто с травою, но с травою на кровлях. Хотя трава и на тучном поле скоро увядает, но он, желая сильнее выразить ничтожность противников, сравнивает их с травою на кровлях, и, таким образом, показывает их непрочность с двух сторон – и свойством травы и свойством места. Таковы, говорит, замыслы врагов, – они не имеют ни корня, ни основания, но на короткое время кажутся цветущими, а потом обличаются и падают сами собою. Таково и благоденствие живущих нечестиво, такова слава житейских благ! Они лишь только являются, тотчас и исчезают, не имея ни основания, ни силы. Вот почему не должно прилепляться к ним, но представляя их скоротечность, стремиться к предметам вечным, непоколебимым и не подвергающимся превратности, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 129

1 Песнь степеней. Из глубины воззвах к тебе, Господи: Господи, услыши глас мой.

2 Да будут уши твои внемлюще гласу моления моего.

3 Аще беззакония назриши, Господи, Господи, кто постоит? яко у тебе очищение есть.

4 Имене ради твоего потерпех тя, Господи, потерпе душа моя в слово твое: упова душа моя на Господа.

5 От стражи утренния до нощи, от стражи утренния да уповает Израиль на Господа:

6 яко у Господа милость, и многое у него избавление: и той избавит Израиля от всех беззаконий его.

1 Песнь степеней. Из глубины (сердца) я воззвал к Тебе, Господи:

2 Господи, услышь голос мой! Да будут уши Твои внимательны ко гласу моления моего.

3 Если беззакония будешь усматривать, Господи, Господи, кто устоит?

4 Ибо у Тебя (лишь) очищение. Ради имени Твоего,

5 Господи, я уповал на Тебя, потерпела душа моя в слове Твоем,

6 уповала душа моя на Господа; От стражи утренней до ночи, от стражи утренней

7 да уповает Израиль на Господа. Ибо у Господа милость и великое у Него избавление,

8 и Он избавит Израиля от всех беззаконий его.

"**Песнь степеней. Из глубины (сердца) я воззвал к Тебе, Господи: Господи, услышь голос мой!**" (ст. 1).

1. Что значит: "**из глубины**"? Не просто устами, не просто языком, – потому что слова льются и тогда, когда мысль блуждает, – но из глубины сердца, с великим усердием и ревностью, из самых оснований души. Таковы души скорбящих: они потрясаются всецело, в самом сердце, призывая Бога с великим сокрушением; потому и бывают услышаны. Такие молитвы имеют великую силу, не рассеиваясь и не колеблясь, хотя бы диавол нападал с великою дерзостью. Как дерево крепкое, весьма глубоко пустившее корни в землю и обхватившее недра ее, противостоит всякому порыву ветра, а дерево, держащееся на поверхности, колеблется при малом дуновении ветра, вырывается с корнем и падает на землю, так точно и молитвы, исходящие из недр души и имеющие корень в глубине ее, остаются крепкими и неослабными и не колеблются, хотя бы приступали бесчисленные помыслы и все полчище диавола; а молитвы, исходящие из рта и с языка, но не происходящие из глубины души, не могут даже взойти к Богу, по беспечности молящегося, потому что малейший стук возмущает его и всякий шум отвлекает его от молитвы, – уста его издают звук, но сердце пусто и ум не занят. Не так молились святые, но с такою ревностью, что преклонялось и все тело. Блаженный Илия, готовясь молиться, во-первых, искал уединения; потом, положив голову между коленами и воспламенив в себе великую горячность, таким образом совершал молитвы (3Цар.18: 42). Если хочешь видеть и прямо стоящего на молитве, то посмотри опять на него же, когда он обратился к небу и молился с таким напряжением, что низвел огонь свыше (3Цар.18:36). Также, когда он хотел воскресить сына вдовы, то простерся весь и совершил это воскрешение, не рассеиваясь и не зевая, подобно нам, но воспламеняясь ревностною молитвою. Впрочем, для чего говорить об Илие и других святых?

Я часто видал женщин, которые за отсутствующего мужа или больного ребенка так молились из глубины души, проливали такие потоки слез, что достигали цели молитвы. Если же так пламенно молятся женщины за ребенка и отсутствующего мужа, то может ли получить прощение муж, молящийся безжизненно, с мертвою душою? Потому мы часто и отходим тщетными после молитвы. Послушай, как Анна молилась из глубины души, какие проливала потоки слез, как возвышалась посредством молитвы (1Цар.1:10). Кто молится таким образом, тот еще прежде, нежели получить просимое, получает от молитвы великие блага: укрощает все страсти, смиряет гнев, изгоняет зависть, подавляет похоть, ослабляет любовь к вещам житейским, доставляет душе великое спокойствие, восходит на самое небо. Как дождь, падая на твердую землю, размягчает ее, или как огонь смягчает железо, так подобная молитва, еще сильнее огня и лучше дождя, смягчает и орошает ожестевшую от страстей душу. Душа сама по себе нежна и восприимчива; но как вода Истра часто окаменевает от холода, так и душа наша от греха и беспечности отвердевает и делается камнем. Поэтому нам нужна великая горячность, чтобы размягчить затверделость ее. Это преимущественно совершает, молитва. Итак, когда ты приступаешь к молитве, то заботься не о том только, чтобы получить просимое, но чтобы и во время самой молитвы сделать свою душу лучше, – потому что и это производит молитва. Молящийся таким образом становится выше всего житейского, окрыляет свой ум, делает мысль свою легкою, не уловляется никакою страстью. "**Из глубины (сердца) я воззвал к Тебе, Господи**". Здесь пророк употребляет два выражения: "**из глубины**" и "**воззвал**", разумея под воззванием не звук голоса, а расположение души. "**Господи, услышь голос мой!**". Отсюда мы научаемся двум истинам: во-первых, той, что невозможно получить чего-нибудь от Бога, если не будет должного с нашей стороны; потому он наперед сказал: "**из глубины воззвал**", а потом: "**услышь**"; во-вторых, той, что молитва напряженная и

исполненная слез умиления может с великою силою преклонять Бога к принятию молитвы; потому пророк как бы совершив нечто великое и исполнив должное с своей стороны, продолжает: "**Да будут уши Твои внимательны ко гласу моления моего**" (ст. 2). **Ушами** он называет способность слушать; а под **гласом** опять разумеет не звук дыхания, не крик, а напряженное состояние души. "**Если беззакония будешь усматривать, Господи, Господи, кто устоит? Ибо у Тебя (лишь) очищение**" (ст. 3)? Дабы кто-нибудь не сказал: я, грешник, исполненный бесчисленных зол, не могу приступать, молиться и призывать Бога, пророк для уничтожения такого недоумения говорит: "**если беззакония будешь усматривать, Господи, Господи, кто устоит?**" Слово: "**кто**" здесь означает: никто, потому что невозможно, поистине невозможно, никому никогда удостоиться милости и человеколюбия, если будут исследованы дела его со всею строгостью.

2. Это мы говорим не для того, чтобы ваши души предавались беспечности, но чтобы ободрить впадающих в отчаяние. "**Кто может сказать: "я очистил мое сердце, я чист от греха моего?**" (Притч.20:9)? Но для чего говорить о других? Если бы я вывел Павла и стал требовать от него строгого отчета в делах его, то и он не мог бы устоять. В самом деле, что он мог бы сказать? Он тщательно изучил пророков, был ревнителем отеческого закона, видел совершавшиеся знамения, и однако, оставался гонителем и переменился не прежде, как получив чудное видение и услышав страшный глас; а до того времени все приводил в смятение и разрушал. Но Бог, не смотря на все это, призвал его и удостоил великой благодати. А верховного Петра, не обвиняет ли то, что он подвергся тяжкому падению после бесчисленных чудес и знамений, после такого предостережения и совета? Но Господь, не смотря на это, поставил его первым апостолом. Потому и говорил: "**Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя**" (Лк.22:31-32). После этого, если бы Бог пришел судить не с милостью и человеколюбием, но требовать строгого отчета, то непременно всех нашел бы виновными. Вот почему и Павел говорил: "**хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь**" (1Кор.4:4). "**Если беззакония будешь усматривать, Господи, Господи**". Не напрасно пророк употребляет повторение, но в знак своего удивления и изумления великому человеколюбию Господа, бесконечному Его величию и неизмеримой пучине Его благости. "**Кто устоит?**" Не сказал: кто убежит, но: "**кто устоит?**" Не в состоянии будет, говорит, даже устоять. "**Ибо у Тебя (лишь) очищение**". Что значит: "**ибо у Тебя очищение**" Избежать наказания можно не за наши добродетели, но по Твоей благости, потому что избавить от суда зависит от Твоего человеколюбия. Если мы не удостоимся его, то наши дела не в состояние спасти нас от будущего гнева.

3. Объясняя это, сам Бог чрез пророка говорит: "**Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого и грехов твоих не помяну**" (Ис.43:25), т.е. это – Мое Дело, дело Моей благости, Моего человеколюбия; твои дела никогда не в состоянии избавить тебя от наказания, если не присоединится Мое человеколюбие. И еще: "**Я создал и буду носить, поддерживать и охранять вас**" (Ис.46:4). "**Ради имени Твоего, Господи, я уповал на Тебя, потерпела душа моя в слове Твоем, уповала душа моя на Господа**" (ст. 4). Другой переводчик (Симмах) говорит: **ради закона твоего** (ένεκεν του νόμου σου). Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **ради познания слова твоего** (του γνωσθηναι). Смысл этих слов следующий: ради человеколюбия Твоего, ради закона Твоего я ожидал спасения, – потому что если бы я смотрел на свои дела, то давно отчаялся бы, давно потерял бы надежду; но теперь, внимая закону Твоему и слову Твоему, я питаю добрые надежды. Какому слову? Слову человеколюбия, потому что Он сам говорит: "**как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших**" (Ис.55:9). Также пророк говорит: "**сколь высоко небо над землею, (столь же великую) милость Свою утвердил Господь на боящихся Его**"; и еще: "**насколько отстоит восток**

от запада, (настолько) Он удалил от нас беззакония наши" (Пс.102:11,12). Т.е. не только совершавших добрые дела Я спасал, но и грешников щадил, и среди беззаконий твоих оказывал тебе Мое покровительство и попечение. Другой переводчик (неизвестный, см. Ориг. Экз.) говорит: **чтобы ты был страшным, я ожидал Господа** (όπως επίφοβος εση). Для кого страшным? Для врагов, для зложелателей, для враждующих против меня. Еще что значит: "**ради имени Твоего**"? Хотя, говорит, я грешник и исполнен бесчисленных зол, но знаю, что Ты не попустишь нам погибнуть, чтобы не посрамилось имя Твое. Так Он сам говорит у Иезекииля: "**не для вас Я сделаю это, дом Израилев, а ради святаго имени Моего, которое вы обесславили у народов**" (Иез.36:22). Т.е. мы недостойны спасения и за свои дела не можем ожидать ничего доброго, но ради имени Твоего ожидаем спасения; нам осталась эта надежда спасения. Другой переводчик (Акила и Феодотион) говорит: **ради страха я ожидал Господа** (ένεκεν φόβου). Третий (Симмах): **ради закона я ожидал Господа** (νόμου) "**Потерпела душа моя в слове Твоем**". Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **ожидала душа моя слова его** (προσεδόκησεν… τω ρήματι αυτου). Третий (Акила): **терпела душа моя и слова Его ожидал я** (το ρημα αυτου εκαραδόκησα). Т.е. в предвещаниях и постоянных обетованиях человеколюбия и благости Его я имел священный якорь и не отчаивался за себя. "**От стражи утренней до ночи, от стражи утренней да уповает Израиль на Господа**" (ст. 5), т.е. во всю жизнь, во всякую ночь и день. Подлинно, ничто так не может доставлять спасения, как постоянное обращение к Нему, как сохранение этой надежды, хотя бы стеклось бесчисленное множество обстоятельств, повергающих в отчаяние; это – стена несокрушимая, безопасность невозмутимая, крепость непобедимая. Поэтому, хотя бы обстоятельства угрожали смертью, опасностью, совершенною погибелью, не переставай надеяться на Бога и ожидать от Него спасения, потому что для Него все легко и удобно, и из безвыходных обстоятельств Он может доставить выход. Не тогда только надейся получить Его содействие, когда дела твои текут счастливо, но особенно тогда, когда настанет волнение и буря, когда будет угрожать крайняя опасность; тогда-то особенно Бог и показывает Свою силу. Таким образом смысл слов пророка следующий: должно надеяться на Бога постоянно, во все время, во всю жизнь. "**Ибо у Господа милость и великое у Него избавление, и Он избавит Израиля от всех беззаконий его**" (ст. 6). Что значит: "**ибо у Господа милость**"?

Здесь, говорит, сокровищница и источник человеколюбия, постоянно текущий. Где милость, там и избавление, и не просто избавление, но "**великое**" избавление и беспредельная пучина человеколюбия. Итак, хотя бы грехи предавали нас погибели, мы не должны падать духом и отчаиваться. Там, где милость и человеколюбие, не требуется строгого отчета в грехах, так как Судия, по великой милости Своей и по расположению к человеколюбию, многое прощает. Такой судия – Бог, готовый и расположенный постоянно миловать и давать прощение. "**И Он избавит Израиля от всех беззаконий его**". Если Бог таков, если везде источается великое человеколюбие Его, то несомненно, что Он спасет и народ Свой, и избавит его не только от наказания, но и от грехов. Зная это, будем и мы призывать и просить Его, и никогда не отступать, получим ли мы, или не получим. Если в Его власти – дать, то в Его власти и то, когда дать; Он Сам точно знает для этого время. Итак, будем просить, молить, уповать на Его милость и человеколюбие, и никогда не отчаиваться в своем спасении, но будем делать должное с нашей стороны, и тогда несомненно последует нужное с Его стороны, так как у Него неизреченная благость и беспредельное милосердие, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 130

1 Песнь степеней. Господи, не вознесеся сердце мое, ниже вознесостеся очи мои: ниже ходих в великих, ниже в дивных паче мене.

2 Аще не смиреномудрствовах, но вознесох душу мою, яко отдоеное на матерь свою, тако воздаси на душу мою.

3 Да уповает Израиль на Господа отныне и до века.

1 Песнь степеней. Господи! Не превозносилось сердце мое и не превозносились очи мои: не входил я в великое и дивное, что выше меня.

2 Если я не смиренномудрствовал, но возносился душою моею (к Тебе), как вскормленное дитя к матери своей, то так и воздай душе моей.

3 Да уповает Израиль на Господа от ныне и до века!

"**Песнь степеней. Господи! Не превозносилось сердце мое и не превозносились очи мои: не входил я в великое и дивное, что выше меня**" (ст. 1). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **и не возвышались** (ουδε υψώθησαν). "**Не входил я в великое и дивное, что выше меня**". Другой (Акила и Феодотион): **в великолепиях** (εν μεγαλωσύναις). Третий (Симмах и Феодотион): **в величиях и в превышающем меня** (εν μεγαλειότησιν, ουδέ υπερβάλλουσιν υπέρ εμέ).

Что это? Павел называет неразумием – хвалить самого себя даже в случае необходимости, почему и говорит: "**дошел до неразумия, хвалясь; вы меня к сему принудили**" (2Кор.12:11). А пророк, неужели не знал этого, хвалясь теперь не пред двумя, тремя или десятью человеками, но, пред всею вселенною, и хвалясь так: я смирен и умерен, смирен чрезмерно и кроток? Это именно означают слова: "**если я не смиренномудрствовал, но возносился душою моею (к Тебе), как вскормленное дитя к матери своей, то так и воздай душе моей**" (ст. 2). Почему же он делает это? Потому, что это дело не всегда непозволительно, но иногда бывает и необходимо, и даже случается, что мы бываем неразумными не потому, что хвалимся, а потому, что не хвалимся. Потому и Павел говорит: "**хвалящийся хвались о Господе**" (2Кор.10:17). Так, кто не хвалится крестом, тот неразумнее и несправедливее всех; кто не хвалится верою, тот презреннее всех; кто не хвалится и не превозносится этим, тот непременно погибнет. Вот почему апостол и говорил с дерзновением: "**я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа**" (Гал.6:14). Также сказано: "**да не хвалится мудрый мудростью своею, да не хвалится сильный силою своею, да не хвалится богатый богатством своим. Но хвалящийся хвались тем, что разумеет и знает Меня, что Я – Господь**" (Иер.9:23,24). А когда хвалиться худо? Когда мы делаем это, как фарисей. Почему же, скажешь, Павел сказал: "**дошел до неразумия, хвалясь; вы меня к сему принудили**" (2Кор.12:11)? Потому, что он говорил о делах своей жизни и поведения, о которых не следовало говорить без нужды. Но в другом месте он говорит: "**если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину**" (2Кор.12:6). Таким образом, кто говорит истину, по требованию обстоятельств, тот не безумен. Следовательно, и пророк, когда хвалится, не безумен, потому что говорит истину. А для чего он обратил речь свою к этому предмету? Для того, чтобы научить слушателей по избавлении от зла не возвращаться к безумию, по освобождении от уз не неистовствовать снова и не подпадать игу другого плена. Повествуя о своих качествах, он вразумляет слушателя, и не говорит: я надмевался, и удержал эту страсть, – но что? "**Не превозносилось сердце мое**", т.е. этот

порок даже не коснулся души моей. Сердце его было как бы некоторою необуреваемою пристанью, не допускавшею к себе волн порока, который есть источник всех зол и корень крайнего нечестия. Что же значит: "**Не превозносилось сердце мое и не превозносились очи мои**"? Я не возвышал бровей, говорит, и не поднимал шеи. Из внутреннего источника страсти болезнь выходит и на наружность, приводит и тело в состояние, сообразное с внутренней заразою. "**Не входил я в великое и дивное, что выше меня**". Что значит: "**в великое**"? С людьми надменными, богатыми, гордыми, тщеславными. Видишь ли истинное смиренномудрие? Он не только сам был свободен от этой болезни, но избегал и зараженных ею, и избегал подобных собраний, по великой ненависти своей к надменности; отвращаясь этого порока, он не только сам избегал его, не только сделал область сердца своего недоступною для него, но и от преданных ему убегал далеко, чтобы не получить от них какой-нибудь заразы.

Немаловажное дело – избегать надменных, ненавидеть гордых, отвращаться от них и гнушаться ими; это – величайшая опора добродетели, величайшая ограда смиренномудрия. "**Что выше меня**". Другой: **и в превышающем меня**. "**Если я не смиренномудрствовал, но возносился душою моею (к Тебе), как вскормленное дитя к матери своей, то так и воздай душе моей**" (ст. 2). Другой (Симмах): **так да воздастся душе моей** (ανταπδοθείη). Это – усиленное выражение. Если я, говорит, не был смирен, как грудное дитя при матери своей, но надмевался сердцем своим, то пусть будет воздано душе моей. Смысл слов его следующий: я не только был чист от этого порока, т.е. гордости, и не только удалялся от имеющих его, но и в высшей степени приобрел противоположную ему добродетель – смирение, умеренность, сокрушение. Тоже и Христос заповедал ученикам: "**если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное**" (Мф.18:3). Я приобрел, говорит, такое смирение, какое у грудного дитяти; как оно держится за мать, бывает смиренно, чуждо всякой надменности, просто и кротко, таким и я был в отношении к Богу, держась Его постоянно. Впрочем, он не без причины упоминает о грудном дитяти, но хочет изобразить скорбь свою, затруднение, уныние, великость зол. Как дитя, будучи отнято от сосца, не отстает от матери, но хотя и плачет. скорбит, сетует, досадует, гневается, однако держится за мать и не отстает от нее, так и я, говорит, в скорби, в затруднении и во всех многочисленных несчастьях был предан Богу. Если же я не был таким, говорит, то пусть будет воздано душе моей, т.е. пусть она подвергнется крайнему наказанию. "**Да уповает Израиль на Господа от ныне и до века!**" (ст. 3). Видишь, – как я сказал в начале, – что верою и учением должно постоянно хвалиться и без причины, и не хвалящийся этим погибнет; а что касается дел жизни, то не должно отказываться – хвалиться ими по требованию обстоятельств. Какие это обстоятельства? Многие и различные, из которых одно например состоит в том, чтобы научить слушателя. Так и пророк, зная это и желая показать, что он говорит о своих добрых качествах для того, чтобы расположить слушателя к соревнованию, прибавляет: "**да уповает Израиль на Господа от ныне и до века!**" Хотя бы, говорит, тебя постигли несчастья, скорби, войны, плен, и какое бы то ни было из неожиданных бедствий, ты держись надежды на Бога, упования на Него, и непременно получишь добрый конец; Бог избавлением от бедствий воздаст тебе за эту благую надежду, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том V

Книга 2

ТОЛКОВАНИЕ НА ПСАЛМЫ*

* В беседах используется русский перевод псалмов проф. Юнгерова, сделанный непосредственно с греческого текста Септуагинты, который использует Златоуст, и потому гораздо более подходящий для этой книги, в отличие от перевода Синодального, сделанного с еврейского оригинала.

БЕСЕДА на псалом 131. Кротость Моисея и разъяснение того в чем проявляется истинная кротость и в чем – жестокость. Воспоминая о кротости Давида, почему псалмопевец говорит об его обете построить храм Господу? – "Вот мы слышали, что оно в Евфрафе... Войдем в селения Его...". Молитва об успокоении Ковчега Завета и народа и о благолепии храма ради добродетелей Давида и бывших ему божественных обетований, которые даны были однако с условием. – При исполнении этого условия иудеи будут наслаждаться духовными и материальными благами. – "На нем процветет святыня Моя...".

БЕСЕДА на псалом 132. Высокое достоинство любви, как соединяющей вместе с приятностью и пользу, и сравнение ее с священным миром, возливавшимся на голову первосвященника, и о росою. – "Ибо там заповедал Господь благословение". – Где "там"? Любовь – царица добродетелей.

БЕСЕДА на псалом 133. Общее содержание заключительного псалма степеней. – От христианина требуется высшая святость, чем от живших под законом. – "Ночью поднимайте руки ваши..." – Исполняющий это получит благословение от Господа. – Для чего прибавлено: "от Сиона" и: "сотворивший небо и землю"?

БЕСЕДА на псалом 134. Важное значение псалмопения или хвалы Господу в духовной жизни человека. – Что значит: "в достояние Свое"? – Другие побуждения к прославлению Господа: премудрость Божия в устроении облаков, соединении дождей с молниями и движении ветров. – "От сокровищ своих". – Особенное божественное попечение об Израиле и высшая цель совершившихся в Египте знамений и – по выходе из него – побед над врагами. – Славословие Господу за необычайные его милости. – "Идолы язычников – серебро и золото..." – Различие в благословениях.

БЕСЕДА на псалом 135. Беспредельное величие Божия милосердия, владычества и всемогущества. – Чудеса суть действия не только силы, но и благости. – Проявления божественного всемогущества в событиях при Чермном море, в пустыни и в Ханаанской земле. – Сила человеческого смирения и всеобщность божественного промышления.

БЕСЕДА на псалом 136. Вавилонский плен пробудил в иудеях пламенную любовь к Иерусалиму и много способствовал их исправлению. – "Если забуду тебя, Иерусалим, да будет забыта десница моя". – Увещание жить так, чтобы не лишиться горнего Иерусалима. – Жажда мести со стороны пленных иудеев, мысль самого пророка и новозаветное учение об этом.

БЕСЕДА на псалом 137. Что значит: "и пред Ангелами воспою Тебе"? – От нас зависит, что бы мы были услышаны Богом. – "Ты возвеличил над всем имя Твое святое.., умножь попечение обо мне, о душе моей". – Призыв всех властителей земли к благодарности Господу. – "И да воспоют пути Господни". – Господь далеко провидит будущее и спасает бедствующих, как милосердый Творец.

БЕСЕДА на псалом 138. Как нужно понимать слова: "Господи, Ты испытал меня и узнал меня"? – Если Бог знает помышления человека прежде их возникновения, то для чего Он употребляет испытание посредством дел? – "Стезю мою и путь мой Ты исследовал". – Божественное предведение, творческая сила и промышление. – Непостижимость для человека божественного существа, способа вездеприсутствия и помощи в бедствиях. – Что значит: "какова тьма ее, таков и свет ее (будет)". – Изменение действия стихий по воли Божией. – У человека знание не полное; не таково божественное ведение. – "В течении дней они образуются, но никто из них". Не малая добродетель – иметь в великой чести друзей Божиих и избегать общества нечестивых людей. – "Искуси меня, Боже, и узнай сердце мое".

БЕСЕДА на псалом 139. Лукавый или порочный человек хуже дикого зверя; в собственном смысле лукавый есть диавол. – Подобно последнему, порочный человек всегда более вредит самому себе. – Злых людей христианину нужно сожалеть и просить вышней помощи об избавлении от опасных козней их. – Тяжко грешат те, которые постоянно упражняются в зле. – "Не предай меня, Господи, грешнику... Главный предмет совещания их, обсуждаемый устами их, постигнет их". – Злословие есть также вид нечестия, которое также подлежит наказанию, как звери – ловитве. – Славословие праведных Господу.

БЕСЕДА на псалом 140. Упрек слушателям за непонимание смысла этого псалма; важное его значение, равно как и другого, – утреннего (62-го). – Какое воззвание слышит Бог? Чему научает пророк, говоря о жертве вечерней? – Что внушается сравнением молитвы с фимиамом? – Первое прошение псалмопевца – о разумном употреблении дара слова; что следует и чего не следует говорить; примеры не благовременного молчания и спасительного употребления слова. – Какое разумеется "ограждение уст"? Гибельность праздных слов, коварных лобзаний, слов ропота на Промысл Божий. Охранять нужно не только уста, но еще прежде – мысль. "Не уклони сердце мое к словам лукавым, для измышления извинения во грехах". – Общества порочных людей нужно избегать, а обличения праведных – принимать. – "Но и молитва моя (да не будет) в благоволении у них. Пожраны были близ камня судии их". – Ожидание псалмопевцем лучшего будущего, когда наставления праведников будут принимаемы и, не смотря на крайние бедствия, утвердится надежда на Бога. – Молитва об избавлении от тайных козней нечестивых и надежда на то, что последние будут побеждены. – "Я один останусь, пока не перейду".

БЕСЕДА на псалом 141. Словами: "гласом" и "гласом" выражается твердое стремление, с каким псалмопевец взывал к Богу. – Двоякая польза скорбей. – Вследствие чего некоторыми во время тяжких бедствий овладевает отчаяние или ропот? – Высокий пример бодрости духа во время величайших опасностей и – упования на Бога. – Усиление молитвы псалмопевца указанием на тяжкую свою скорбь и коварство врагов. – "Меня

ждут праведники, доколе не воздашь мне". – Увещание – молиться и не унывать во время бедствий, как благотворно действующих на людей и другие твари.

БЕСЕДА на псалом 142. Молитва бывает прошением или обетом. – "Во истине Твоей". – С какою молитвою нужно обращаться к Богу и с каким душевным расположением? – Как нужно понимать: "услышь меня в правде Твоей"? – Благодетельность для грешника угрозы судом Божиим. – "Ибо враг преследовал душу мою". – Различные виды смирения и между ними – смирение от несчастий. – Живущие в грехах подобны находящимся во тьме. – Не малое утешение приносит знание раскрытых в Писании дел Божиих. – "Душа моя (стремится) к Тебе, как земля безводная". – Об указании какого пути просит псалмопевец? и в силу чего просит? "В землю правды".

БЕСЕДА на псалом 143. Неужели Бог есть учитель войны? – Высшая помощь необходима особенно в борьбе с духовными враждебными силами. – "Он подчиняет мне народ мой". – Достоинство человека и обличение еретиков, приписывающих себе знание, невозможное для человека. – Что мы можем знать о Боге? – Что значит: "подобен суете"? – Как нужно понимать божественное схождение, прикосновение к горам, молнию, стрелы? "Избавь меня... из руки сынов чужих". – Кроме языка как мы еще можем хвалить Бога? – Хотя люди полагают обыкновенно свое счастье в многочисленном потомстве, богатстве и безопасности, но истинное блаженство состоит в том, чтобы иметь Господа Богом своим.

БЕСЕДА на псалом 144. Христианин, как сделавшийся сыном Отца небесного, должен непрестанно прославлять Его и словами и делами по примеру псалмопевца. – Господь достоин величайшей хвалы и за бесчисленные Его благодеяния и вследствие бесконечного величия Его Существа. – "Из рода в род будут восхвалять дела Твои..." – Величие Божие возвещают, как благотворные для нас, так и страшные, губительные, явления природы. – Выше же всякого слова Его благость ко всем и ко всему. "Славу царства Твоего изрекут" (преподобные), чтобы научать других и сделать их общниками славословия. – Что значит: "преподобные" – Божественное милосердие к падающим. – "Ты даешь им пищу благовременно". – Особые блага, подаваемые верным, боящимся Бога.

БЕСЕДА на псалом 145. Что значит: "в коих нет спасения"? – Нельзя полагаться на людей, особенно на начальников. – Совет псалмопевца потомкам Иакова – искать помощи у Бога отцов, избавляющего от таких бедствий, которые выше сил человека. – "И путь грешных погубит".

БЕСЕДА на псалом 146. Самое славословие Господу служит источником бесчисленных благ. – "Псалмопение – благо, да будет приятным Богу нашему хваление". – К какому событию из истории израильтян относится этот псалом? – "И всем им имена нарекает". – Особое проявление божественного промысла в возвышении смиренных и низложении гордых. "Начинайте Господа прославлять". – Благоволение Божие достигается не силою коней и мужеством воинов, а страхом Божиим.

БЕСЕДА на псалом 147. Побуждение жителей Иерусалима к благодарности Господу за дарованную безопасность, – умножение населения и мир с соседями... – "И лучшею пшеницею насыщает тебя". – Промыслительная деятельность Господа простирается на всю вселенную, в которой быстро исполняются Его повеления, как это показывают различные воздушные явления. – Цель, с какою указывает псалмопевец на проявление божественного всемогущества в этих явлениях природы. – "Возвещает слово Свое Иакову... " – Но если Господь не открыл воли Своей прочим народам, то почему Он

называет их? – А если они знали, что должно делать, то почему сказано: "не сделал Он сего ни одному (еще) народу"? – Объяснение псалма в переносном смысле – о вышнем Иерусалиме и христианской Церкви, ее распространение и произведенной христианством перемене в жизни человечества.бессловесным животным.

БЕСЕДА на псалом 148. Призыв всех тварей – духовных и чувственных – к прославлению Творца и особая цель этого призыва. – Почему пророк говорит немного о небесных силах и пространнее – о видимых предметах? – Различные способы прославлять Бога; хвала Ему неодушевленных тварей. – Мир имеет Творца и Промыслителя. – Обращаясь к земным тварям, почему псалмопевец перечисляет те из них, которые кажутся бесполезными, или вредными? – Нужно благодарить Бога за установление власти Царей. – "Ибо превознесено имя Его Единого". – Свою славу Господь распространить и на Израиля, если он будет исполнять Его заповеди.

БЕСЕДА на псалом 149. "Песнь новая" в переносном смысле есть песнь Нового Завета, в историческом – торжественная песнь. – "Хвала Ему в собрании преподобных". Благодарность Богу, соединенная с радостью и единогласием. – Почему древним дозволено было употреблять при славословии Богу музыкальные орудия? – "Чтобы совершить мщение над народами... Произвести над ними суд преднаписанный... "

БЕСЕДА на псалом 150. "Хвалите Бога во святых Его". - "Хвалите Его в силах Его". - Как христианин может исполнить увещание псалмопевца относительно прославления Бога на различных музыкальных орудиях? - Что значит: "на кимвалах громогласных"?

Две Беседы на слова пророка Давида: "Не бойся, когда разбогатеет человек"

БЕСЕДА 1 на слова пророка Давида: "не бойся, когда разбогатеет человек, или когда увеличится слава дома его" (Пс.48:17), и о гостеприимстве. Приветствие слушателям. - Кто из людей человек только по имени, и как сделаться человеком на самом деле? - Как достигнуть того, чтобы не бояться человека богатого? - В чем состоит истинное богатство? - Пастырская обязанность проповедника трудна, но незаменима. - Как спастись богатому? - Пример странноприимства и увещание женам. - Внешнее богатство служит к украшению дома, а не самого человека.

БЕСЕДА 2 сказанная в Константинополе в великой Церкви, после того, как другой сказал слово, при немногочисленном собрании, на слова: "не бойся, когда разбогатеет человек" (Пс.48:17), и о милостыне. Великая благотворность упражнения в божественном Писании. - Человеческие дела подобны тени. - Что такое слава человека и слава дома? - Богатство приносит человеку не славу, а бесславие и осуждение. Обличение роскоши и тщеславия. - Богатство есть беглый раб. - Увещание избегать тщеславия и творить щедрую милостыню.

БЕСЕДА сказанная в великую седмицу, о том, почему эта седмица (страстная) называется великою, и на слова: "хвали, душа моя, Господа" (Пс.145:1), и о темничном страже, упоминаемом в Деяниях. Увещание к усиленному духовному бодрствованию во время Страстной недели. - Почему она называется великою и чем христиане и христианские цари ознаменовывают ее? - "Хвали душа моя Господа". - Как внутренности наши могут благословлять Господа? - Почему в Пс.145-м призывается к этому только душа? - Великая сила песнопений Богу. - Апостолы ничего не делали на показ и к ним привлекали верующих не только чудеса их, но еще прежде чудес жизнь их. - Великая сила молитвы, соединенной с постом и благодарностью Богу. - Когда молитва

соединена бывает с благодарностью? - Увещание - совершать молитву с благоговейным вниманием. - Как поддерживать внимание во время молитвы?

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 131

1 Песнь степеней. Помяни, Господи, давида и всю кротость его:

2 яко клятся Господеви, обещася Богу иаковлю:

3 аще вниду в селение дому моего, или взыду на одр постели моея:

4 аще дам сон очима моима, и веждома моима дремание, и покой скраниама моима:

5 дондеже обрящу место Господеви, селение Богу иаковлю.

6 Се, слышахом я во евфрафе, обретохом я в полях дубравы:

7 внидем в селения его, поклонимся на место, идеже стоясте нозе его.

8 Воскресни, Господи, в покой твой, ты и кивот святыни твоея.

9 Священницы твои облекутся правдою, и прпдбнии твои возрадуются.

10 Давида ради раба твоего, не отврати лице помазаннаго твоего.

11 Клятся Господь давиду истиною, и не отвержется ея: от плода чрева твоего посажду на престоле твоем.

12 Аще сохранят сынове твои завет мой и свидения моя сия, имже научу я, и сынове их до века сядут на престоле твоем.

13 Яко избра Господь сиона, изволи и в жилище себе.

14 Сей покой мой во век века, зде вселюся, яко изволих и.

15 Ловитву его благсвляяй благсвлю,

1 Песнь степеней. Помяни, Господи, Давида и всю кротость его:

2 Как он клялся Господу, обещался Богу Иакова: "

3 Не войду в жилище - дом мой, не войду на одр мой,

4 Не дам сна глазам моим и дремания векам моим и покоя вискам моим,

5 Пока не найду места Господу, жилища Богу Иакова".

6 Вот мы слышали, что оно в Евфрафе, нашли его в полях дубравы.

7 Войдем в селения Его, поклонимся месту, где стояли ноги Его.

8 Встань, Господи, на место покоя Твоего, Ты и Кивот Святыни Твоей.

9 Священники Твои облекутся правдою, и преподобные Твои возрадуются.

10 Ради Давида, раба Твоего, не отвергни лица помазанника Твоего.

11 Клялся Господь Давиду истиною и не отречется от нее: "от плода чрева твоего посажу на престоле твоем.

12 Если сохранят сыны твои завет Мой и сии откровения Мои, которым Я научу их, (то) и сыны их до века будут сидеть на престоле твоем".

13 Ибо избрал Господь Сион и возжелал его в жилище Себе: "

14 Это - покой Мой в век века, здесь поселюсь, ибо Я возлюбил его.

15 Пищу его благословляя благословлю,

нищыя его насыщу хлебы:	нищих его насыщу хлебом,
16 священники его облеку во спасение, и прпдбнии его радостию возрадуются.	16 Священников его облеку во спасение, и преподобные его радостью возрадуются.
17 Тамо возращу рог давидови, уготовах светилник помазанному моему.	17 Там возращу рог Давиду. Приготовил Я светильник помазанному Моему.
18 Враги его облеку студом, на нем же процветет святыня моя.	18 Врагов его покрою стыдом, а на нем процветет святыня Моя".

В других местах испрашивается спасение только ради памяти предков, а здесь говорится и о добродетелях, о том, что служит источником всех благ, – о скромности, смиренномудрии, кротости, которою особенно отличался и Моисей. Он был, говорит Писание, "**человек кротчайший из всех людей на земле**" (Чис.12:3). Но некоторые из еретиков, осуждая его поведение и сказанные слова, говорят: что говоришь ты? Ужели был самым кротким тот, кто напал на египтянина и убил его, кто пролил столько крови иудеев и произвел между ними столько войн, кто позволил родственникам убивать родственников, кто молитвою разверз землю, низвел огонь свыше и одних потопил, других сжег? Если такой человек был кроток, то кто же гневлив и жесток? Перестань, не говори пустого. Я утверждаю и не перестану утверждать, что он был кроток и даже самый кроткий из всех людей, и, если хотите, то не другим чем-нибудь, а тем самым, что сказано против него, постараюсь доказать его кротость. При этом можно было бы сказать о том, что говорил он пред Богом о своей сестре, о молитве, какую вознес за народ, о всех этих апостольских и достойных неба изречениях, о снисходительности, с какою он беседовал с народом. Можно было бы и об этом сказать и перечислить многое другое; но, если хотите, оставив это, мы из самых тех слов, которые выше сказаны врагами, докажем, что он был самый кроткий человек, – из того самого, на основании чего некоторые называют его тяжелым, жестоким и гневливым. Каким же образом мы докажем это? Если наперед различим и определим, что такое кротость и что жестокость. Поражать еще не значит быть суровым, и щадить не значит быть кротким; кроток тот, кто и может переносить нанесенные ему самому оскорбления, и защищает несправедливо обижаемых и сильно восстает против обижающих; напротив, кто же таков, тот беспечен, сонлив, нисколько не лучше мертвого, а не кроток, не скромен. Не обращать внимания на обижаемых, не соболезновать несправедливо страждущим, не гневаться на обижающих, - это не добродетель, а порок, не кротость, а беспечность. Таким образом, то и доказывает кротость его, что он был так горяч, что тотчас устремлялся, когда видел других обижаемыми, не могши удержать негодования в защиту справедливости; а когда сам терпел зло, то не мстил, не нападал, но всегда оставался любомудрым. Если бы он был жесток и гневлив, то, воспламеняясь и разгорячаясь так за других, он не оставался бы спокойным за себя самого, но тогда гораздо более предавался бы гневу. Вы знаете, что нам гораздо тягостнее касающееся нас самих, нежели других. А он, когда другие терпели зло, отражал обиду не менее самих страждущих; оскорбления же, наносимые ему самому, переносил с великим терпением, будучи высок в том и другом случае, выражая в первом свою ненависть ко злу, а во втором – свое долготерпение. И что, скажи мне, ему следовало делать? Пренебречь наносимую обиду и зло, причиняемое народу? Но это свойственно было бы не вождю народа, не великодушному и незлобивому, а недеятельному и беспечному. Ты не осуждаешь врача, который посредством отсечения останавливает

гниение, проникающее во все тело: почему же называешь жесточайшим человеком того, кто решился сильным ударом прекратить болезнь, гораздо опаснейшую гниения, распространявшуюся по всему народу? Это свойственно неразумному судье. Начальнику такого множества людей, вождю народа столь жестокого, грубого и необузданного, следовало в самом начале остановить и пред дверью удержать зло, чтобы оно не простиралось далее. Но, скажешь, он сделал, что земля поглотила Дафана и Авирона? Что говоришь ты? Ужели нужно было оставить без внимания попрание священства, нарушение законов Божиих, разрушение того, чем держится все, т.е. священного сана, сделать недоступное доступным для всех, и чрез слабость к этим людям дозволить всем желающим попирать священную ограду и ниспровергнуть все? Но было бы делом вовсе не кротости, а бесчеловечия и жестокости, оставить без внимания распространение такого зла и, пощадив двести человек, погубить столько тысяч. Также, скажи мне, когда он повелел убивать родичей, что надлежало ему делать, если Бог гневался, нечестие возрастало, и никого, не было, кто мог бы избавить их от гнева? Допустить ли, чтобы удар небесный нисшел на все колена и предал совершенной погибели весь род, оставив без внимания вместе с наказанием и грех, который делался неизлечимым, – или наказанием и убиением немногих людей уничтожить грех, удержать гнев и преклонить Бога на милость к преступникам? Если таким образом будешь исследовать дела праведника, то отсюда особенно и увидишь, что он был весьма кроток.

2. Впрочем, предоставив любознательным делать заключения из вышесказанного, чтобы нам предмета постороннего не сделать больше ближайшего, возвратимся к предложенному. Что же было предложено? "**Помяни, Господи, Давида и всю кротость его: как он клялся Господу, обещался Богу Иакова**" (ст. 1, 2). Предположив говорить о кротости Давида, и оставив дела его в отношении к Саулу, к братьям, к Ионафану, долготерпение в отношении к воину, который осыпал его бесчисленными порицаниями, и другие многочисленнейшие, псалмопевец обращает речь к главному делу, которое показывало особенно великую ревность. Почему же он поступает так? По двум причинам; во-первых, потому, что это преимущественно благоугодно Богу: "**на кого Я призрю**", говорит Он, "**на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим**" (Ис.66:2); во-вторых, потому, что тогда особенно нужным делом было возобновление храма, построение города, восстановление древнего общественного устройства; потому он особенно к этому и обращает речь; то, как известное и признанное всеми, оставляет, – всем известна была кротость Давида, – а это, особенно нужное для его цели, выставляет на вид. Действительно, что тогда желали видеть иудеи? Возобновление храма и восстановление древнего богослужения. А так как этим делом особенно славился Давид, то, как бы в награду за его усердие, псалмопевец просить Бога о построении храма и говорит: "**Помяни, Господи, Давида и всю кротость его: как он клялся Господу, обещался Богу Иакова: "Не войду в жилище – дом мой, не войду на одр мой, не дам сна глазам моим и дремания векам моим и покоя вискам моим, пока не найду места Господу, жилища Богу Иакова**" (ст.1-5). Но как это относится к тебе? Так как я, говорит, потомок его, и так как ты, приняв его усердие, обещал восставить его род и царство, то ныне мы и просим исполнить эти обещания. Давид не сказал: пока не построю, – потому что это не было дозволено ему, – но: "**пока не найду места Господу, жилища Богу Иакова**". Не упоминая о том, кто построил, псалмопевец указывает на того, кто дал обет, чтобы ты знал, сколь великое благо – дух правый, и как Бог всегда назначает награду за намерение. Поэтому об нем особенно и упоминается, так как он был строителем более, нежели сын его, потому что он дал обет, а этот получил повеление. И посмотри на его усердие: не только, говорит, не вступлю в дом и не взойду на одр, но и тем, что составляет естественную потребность, не буду наслаждаться спокойно, пока не найду места и селения Богу Иакова. В противоположных этому чувствах Бог укорял иудеев, когда говорил: вы живете "**в домах ваших украшенных, тогда как дом сей в запустении**"

(Агг.1:4). "**Пока не найду места Господу, жилища Богу Иакова**". Посмотри опять и здесь на усердие и заботливость души его. Царь говорит: "**пока не найду места Господу, жилища Богу Иакова**", тогда как сам владел всем. Он хотел построить не просто, но на месте самом удобном и самом приличном для храма, и должен был искать этого места: так он был неусыпно заботлив! "**Вот мы слышали, что оно в Евфрафе, нашли его в полях дубравы**" (ст. 6). Теперь повествует о том, что было давно, выражая, что и прежде ковчег много времени странствовал, переходя с места на место; поэтому и говорит: "**вот мы слышали, что оно в Евфрафе**", т.е. об этом рассказывали нам отцы наши; мы знаем по слуху, что и тогда, странствуя везде по полям и пустыням, он потом был поставлен на месте; тоже пусть будет и теперь. Слово: "**в Евфрафе**" означает здесь колено Иудино, в котором ковчег поставлен был после долгого странствования. "**Войдем в селения Его, поклонимся месту, где стояли ноги Его**" (ст. 7). Видишь, какое чувственное он употребляет выражение по причине великой бесчувственности слушателей, упоминая о селениях Божиих, о ногах и месте, где стояли ноги Его. Все это он говорил о месте ковчега, так как оттуда исходили страшные глаголы, разрешавшие недоумения касательно дел иудейских и предсказывавшие будущее. "**Встань, Господи, на место покоя Твоего, Ты и Кивот Святыни Твоей**" (ст. 8). Другой переводчик (неизвестный, см. Ориг. Экз.) говорит: **силы твоей** (ισχύος). Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **державы твоей** (κράτους). И то и другое справедливо, потому что оттуда была подаваема святость, и хранившиеся там письмена доставляли и святость и силу.

3. Хорошо так сказал он. Действительно, чрез ковчег Бог явил силу не раз, не два, а многократно, как например, когда он взять был азотянами, когда ниспроверг идо-лов, когда поразил прикоснувшихся к нему, когда остановил язву, по возвращении своем, и другими делами, совершенными там, Бог являл силу Свою. Что же значит: "**встань, Господи, на место покоя Твоего**"? Утверди на месте, говорит, нас странствующих и ковчег носимый, и хотя когда-нибудь, наконец, успокой его. "**Священники Твои облекутся правдою, и преподобные Твои возрадуются**" (ст. 9). Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **да облекутся** (αμφιεσθήτωαν). Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **да оденутся** (ενδυσάσθωσαν). Это гораздо яснее, потому что он молится, а не пророчествует, и просит о приобретении добродетели. "**Правдою**" здесь он называет священные обряды, священство, богослужение. жертвы, приношения, а вместе с тем и беспорочный образ жизни, которого особенно надобно требовать от священников. "**И преподобные Твои возрадуются**", т.е. когда это сбудется. Смотри: он не просит ни построения города, ни обилия жизненных припасов, ни другого какого-нибудь благополучия, но благолепия храма, успокоения ковчега, совершенства священников, священных обрядов, богослужения, священства. Далее, так как просившие этого сами были виновны во многих грехах, он опять прибегает к предку и говорит: "**ради Давида, раба Твоего, не отвергни лица помазанника Твоего**" (ст. 10). Что значит: "**ради Давида, раба Твоего**"? Не только за добродетель его, говорит, и не за то, что он показал такое усердие к созданию храма, но и потому, что ты дал ему такое обещание. "**Ради Давида, раба Твоего, не отвергни лица помазанника Твоего**". Кого? Того, кто тогда был помазан, управлял и стоял во главе народа. "**Клялся Господь Давиду истиною и не отречется от нее: "от плода чрева твоего посажу на престоле твоем**" (ст. 11). Упомянув о Давиде, о добродетели этого мужа, усердии его ко храму, изложив древние события и высказав просьбу о восстановлении прежнего их общественного устройства, он теперь предлагает самое главное, именно говорит о Божиих обетованиях. Каких? "**От плода чрева твоего посажу на престоле твоем**". Но эти обетования даны были не просто, а с некоторым условием. Какое же это условие? Послушай: "**если**", продолжает он, "**сохранят сыны твои завет Мой и сии откровения Мои, которым Я научу их, (то) и сыны их до века будут сидеть на престоле твоем**" (ст. 12). Заключив такие условия, Бог вручил им рукописание, а они отвечали: "**всё, что сказал Господь, сделаем и будем послушны**" (Исх. 24:7).

Потом, видя, что одна сторона нарушила условия, он обращает речь к месту, отвсюду заимствуя слова утешения: "**ибо**", говорит, "**избрал Господь Сион и возжелал его в жилище Себе: это – покой Мой в век века, здесь поселюсь, ибо Я возлюбил его**" (ст. 13, 14). Т.е. не человек избрал это место, а Бог назначил его, снисходя к их слабости. Смысл слов его следующий: месту, которое Ты взял, которое избрал, которое назначил, которое признал удобным для Себя, не попусти разрушаться и погибнуть, потому что Ты сказал: "**здесь поселюсь**". Но Он сказал это с условиями. Какими? "**Пищу его благословляя благословлю, нищих его насыщу хлебом**" (ст. 15). "**Насыщу хлебом**" он называет обилие жизненных припасов, плодородие, и молится, чтобы все текло к ним как бы из источников. Действительно, такой образ жизни вели в древности иудеи, не чувствуя естественных нужд, когда только Бог благоволил к ним; не было у них ни недостатка в хлебе, ни голода, ни язвы, ни преждевременной смерти, ни другого чего-нибудь подобного, что обыкновенно случается с людьми, но все текло к ним как бы из источников, потому что рука Божия исправляла немощь дел человеческих. Таким образом он говорит здесь; Ты обещал благословить его ловитву, т.е., подать изобилие в вещах необходимых при великой безопасности. "**Пищу его благословляя благословлю, нищих его насыщу хлебом, священников его облеку во спасение, и преподобные его радостью возрадуются. Там возращу рог Давиду. Приготовил Я светильник помазанному Моему. Врагов его покрою стыдом, а на нем процветет святыня Моя**" (ст. 15-18). Смотри, какое благополучие во всех отношениях: они не будут иметь недостатка ни в чем необходимом, священники – в безопасности, народ – в радости, царь – в силе. "**Светильником**" он называет здесь или царя, или покровительство, или спасение, или свет, а вместе с тем величайший вид благополучия. Какой? Тот, что враги скроются и не будет никого, кто мог бы повредить этим благам. Не сказал просто: погибелью, но: "**стыдом**", желая, чтобы они скрылись живые, удалились, и своими страданиями свидетельствовали о силе и благоденствии этого народа. "**На нем процветет святыня Моя**". Что значит: "**на нем**"? На народе. Вместо: "**святыня**", другой переводчик (неизвестный, см. Ориг. Экз.) говорит: **рог** (κέρας). Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **определение его** (αφόρισμα αυτοῦ). Четвертый (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **определенное ему** (αφωρισμένον). Что же означают эти слова? Мне кажется, что здесь говорится о благополучии, безопасности, силе, царстве.

То, что Я определил ему в начале, говорит, будет процветать, умножаясь, не увядая и не уменьшаясь; но все это будет в таком случае, если сохранится выше сказанное условие. Какое? "**Если сохранят сыны твои завет Мой**". Одни обетования Божии не доставляют нам благ, если и мы не будем исполнять следуемое с нашей стороны, и имея их в виду, не должно малодушествовать и предаваться беспечности. Многих и из тех благ, которые Бог обещал, Он не подает, если получившие обещания оказываются недостойными; равно как и наказаний, которыми угрожал, он не приводит в исполнение, когда те, которые прогневали Его, впоследствии исправляются и отклоняют гнев Его. Итак, зная это, не будем ни предаваться беспечности по причине обетований, чтобы нам не упасть, ни отчаиваться по причине угроз, но исправляться. Таким образом мы можем достигнуть будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 132

1 Песнь степеней. Се, что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе?	1 Песнь степеней. Вот, что хорошо и что приятно, - это - жить братьям вместе!

2 Яко миро на главе, сходящее на браду, браду аароню, сходящее на ометы одежды его:	2 (Это) то же, что миро на голове, стекающее на бороду, на бороду Аарона, стекающее на края одежды его,
3 яко роса аермонская сходящая на горы сионския: яко тамо заповеда Господь благословение и живот до века.	3 Что роса Ермонская, сходящая на горы Сионские. Ибо там заповедал Господь благословение и жизнь до века.

Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **что хорошо, что добро** (αγαθὸν και)

1. Многие предметы хороши, но не имеют приятности; другие доставляют удовольствие, но не хороши; то и другое соединиться может весьма не легко. Но в том, о чем говорит пророк, соединилось то и другое, и приятность и доброта. Такова преимущественно – любовь; вместе с пользою она заключает в себе и удобство и приятность. Ее здесь он и прославляет. Он говорит не просто о жительстве и не о пребывании в одном доме, но о жизни "**вместе**", т.е. с согласием и любовью, – потому что отсюда происходит единодушие. Сказав, что это "**что хорошо и что приятно**", он потом объясняет свои слова примерами и приводит вещественные сравнения, которые могут представить слушателю предмет в яснейшем виде. Какие же сравнения? Посмотри: "**(это) то же, что миро на голове, стекающее на бороду, на бороду Аарона, стекающее на края одежды его**" (ст. 2). Аарон, будучи первосвященником, помазывался миром, которое источалось со всех сторон, и от этого помазания он был весьма вожделенен, приятен и любезен для взиравших на него. Как он, – говорит пророк, – будучи помазан миром, блистал видом, был светел лицом, исполнен великого благоухания, и доставлял приятность взиравшим на него очам, так прекрасно и это; и как то зрелище не только было хорошо, но и приятно для зрения, так и это доставляет душе удовольствие. "**Что роса Ермонская, сходящая на горы Сионские. Ибо там заповедал Господь благословение и жизнь до века**" (ст. 3). Приводит и другое сравнение, которое заключает в себе великую приятность и доставляет зрителю удовольствие. Не напрасно сказал он это. Так как до плена десять колен израильских и два колена жили отдельно, отчего происходили многие беззакония, возмущения, распри и войны между ними, то он убеждает, чтобы этого не было, и советует, чтобы народ более не разделялся, но жил вместе, соединенно, под управлением одного начальника и царя, чтобы любовь проходила от начала до конца, как роса нисходит на все. Он сравнивает любовь с миром и росою, желая показать посредством первого ее благовоние, а посредством второй – успокоение и приятность вида. "**Ибо там заповедал Господь благословение и жизнь до века**". Где "**там**"? В такой жизни, в таком согласии, в таком единодушии, в таком сожительстве. Действительно, это – благословение, а противное тому – проклятие. Вот почему некто, прославляя это, говорит: "**единомыслие между братьями и любовь между ближними, и жена и муж, согласно живущие между собою**" (Сир.25:2). Другой, прикровенно выражал силу единения, говорит: "**если лежат двое, то тепло им, и нитка, втрое скрученная, нескоро порвется**" (Еккл.4:11,12); показываете здесь и удовольствие и силу, внушая, что и во время покоя будете великое удовольствие, и во время деятельности великая сила. И еще: "**озлобившийся брат неприступнее крепкого города**" (Прит.18:20). И Христос говорит: "**где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них**" (Мф.18:20). И сама природа требует этого. Потому и в начале Бог, создав человека, сказал: "**не хорошо быть человеку одному**" (Быт.2:18), и, сотворив живое существо, т.е. жену, необходимостью общения соединил ее с мужем, желая бесчисленными способами сблизить нас между

собою. "**И жизнь до века**". Хорошо пророк прибавил это; где любовь, там великая безопасность, великое благоволение Божие. Она – мать всех благ, она – корень и источник их, она – прекращение войн, истребление распрей. Выражая это, он и присовокупил: "**и жизнь до века**". Действительно, как несогласие и раздор причиняют смерть и смерть преждевременную, так любовь и согласие производят мир и единодушие, а где мир и единодушие, там все в жизни безопасно и вполне надежно. Но для чего говорить о настоящем? Любовь доставляет нам небо и неизреченные блага; она – царица добродетелей. Зная это, будем ревностно питать ее в себе, чтобы нам получить и настоящие блага и будущие, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 133

1 Песнь степеней. Се, ныне благословите Господа, вси раби Господни, стоящии в храме Господни, во дворех дому Бога нашего.	1 Песнь степеней. Ныне благословите Господа, все рабы Господни, стоящие в храме Господнем, во дворах дома Бога нашего.
2 В нощех воздежите руки вашя во святая и благословите Господа.	2 Ночью поднимайте руки ваши к святыням и благословляйте Господа.
3 Благословит тя Господь от сиона, сотворивый небо и землю.	3 Благословит тебя Господь от Сиона, сотворивший небо и землю.

1. Здесь пророк оканчивает **Песни степеней**, давая своей речи прекрасное заключение, – славословие и благословение. Он желает, чтобы рабы Господни были такими не только по вероисповеданию, но и по образу жизни. Поэтому и прибавляет: "**стоящие в храме Господнем, во дворах дома Бога нашего**". Нечистому и оскверненному не позволительно даже входить в священную ограду. Поэтому, кто достоин войти, тот достоин и благословлять. Дом Божий подобен небу; как туда не позволяется входить никакой противной силе, так и в дом Божий.

Представь, человек, какое ты получил достоинство, и, так как сам ты сделался храмом (Божиим), какую ты должен наблюдать чистоту. Как же ты можешь соблюдать чистоту? Если станешь отвергать всякий порочный помысл, если сделаешь область своих мыслей недоступною для диавольских внушений, если будешь постоянно украшать свою душу, как неприступное святилище. Если в храме иудейском не всякое место доступно было для всех, но было много различных отделений, из которых одно назначалось для прозелитов, другое для иудеев по происхождению, иное для священников, иное для одного первосвященника, и притом даже для него не всегда, а только однажды в год, то представь, какую святость нужно иметь тебе, получившему знамения гораздо важнейшие, нежели какие имело тогда святое святых! Не херувим, но сам Господь херувимов обитает в тебе, не стамну, манну, каменные скрижали и жезл Ааронов получаешь ты, но тело и кровь Господа, Дух вместо письмени, благодать, превышающую человеческое разумение, и дар неизреченный. А чем больших ты удостоен знамений и страшных таинств, тем

большая требуется от тебя святость, и тем большему подвергнешься наказанию, если преступишь заповеданное тебе. "**Ночью поднимайте руки ваши к святыням и благословляйте Господа**"(ст. 2). Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **свято** (αγίως). Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **священно** (ηγιασμένως). "**И благословляйте Господа**". Для чего сказал он: "**ночью**"? Желая научить нас, чтобы мы не всю ночь тратили на сон, и показать, что тогда молитвы бывают чище, когда легче ум и меньше забот. Если же ночью должно ходить во святилище, то представь, может ли получить прощение тот, кто и дома не совершает молитв в это время. Пророк поднимает тебя с постели и ведет к храму, заповедуя проводить там ночь; а ты, и оставаясь дома, не делаешь этого. Хорошо сказано: свято; этим внушается, что молиться должно без порочных помыслов, без памятозлобия, без любостяжания, без всякого другого подобного греха, губящего душу. "**И благословляйте Господа**". Совершенное благословение бывает особенно тогда, когда с словами согласна и жизнь, когда ты делами прославляешь создавшего тебя Бога, по слову Евангелия: "**да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Мф.5:16). "**Благословит тебя Господь от Сиона, сотворивший небо и землю**" (ст. 3). Т.е., если ты будешь делать это, то и сам получишь благословение от Бога, – если будешь так проводить ночи, если будешь молиться свято, если будешь достоин стоять в доме Господнем, если самого себя сделаешь благопотребным храмом. Таким образом, преподав наставление, какое нужно было, пророк заключает речь молитвою. Превосходному учителю свойственно – и исправлять слушателя советом, и укреплять молитвами. Что хочет он выразить словом: "**от Сиона**"? Это имя было для иудеев вожделенно; там совершались все священные обряды. Поэтому он молится, чтобы они опять получили прежнее общественное устройство, совершали те же священные обряды и получили такое благословение. Затем, возводя их к более высоким понятиям и научая, что Бог находится везде, а храм Он повелел построить по причине их немощи, и что призывать Его должно везде, прибавляет: "**сотворивший небо и землю**".

Иудеи тогда призывали Бога в своем храме, а мы – на всяком месте, во всякой стране, и дома, и на торжище, и в пустыне, и на корабле, и в гостинице, и где бы мы ни были. Место нисколько не препятствует молитве, только бы настроение души соответствовало молитве. Устроив себя таким образом, будем призывать Бога везде, и Он придет к нам и поможет нам, сделает все трудное для нас легким и удобным и удостоит нас будущих благ, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 134

1 Аллилуиа. Хвалите имя Господне, хвалите, раби Господа,	1 Аллилуия. Хвалите имя Господне, хвалите, рабы Господни,
2 стоящии во храме Господни, во дворех дому Бога нашего.	2 Стоящие во храме Господнем, во дворах дома Бога нашего!
3 Хвалите Господа, яко благ Господь: пойте имени его, яко добро:	3 Хвалите Господа, ибо благ Господь; пойте имени Его, ибо это - благо.
4 яко иакова избра себе Господь, Израиля в достояние себе:	4 Ибо Иакова избрал Себе Господь, Израиля в достояние Свое.
5 яко аз познах, яко велий Господь, и	5 Ибо я познал, что Господь велик и

Господь наш над всеми боги:

6 вся, елика восхоте Господь, сотвори на небеси и на земли, в морях и во всех безднах.

7 Возводя облаки от последних земли, молнии в дождь сотвори, изводяй ветры от сокровищ своих.

8 Иже порази первенцы египетския от человека до скота:

9 посла знамения и чудеса посреде тебе, египте, на фараона и на вся рабы его.

10 Иже порази языки многи и изби цари крепки:

11 сиона царя аморрейска и ога царя васанска, и вся царствия ханаанска:

12 и даде землю их достояние, достояние Израилю людем своим.

13 Господи, имя твое в век, и память твоя в род и род:

14 яко судити имать Господь людем своим, и о рабех своих умолится.

15 Идоли язык сребро и злато, дела рук человеческих:

16 уста имут, и не возглаголют: очи имут, и не узрят:

17 уши имут, и не услышат: ниже бо есть дух во устех их.

18 Подобни им да будут творящии я и вси надеющиися на ня.

19 Доме Израилев, благословите Господа: доме ааронь, благословите Господа: доме левиин, благословите Господа:

20 боящиися Господа, благословите Господа.

21 Благословен Господь от сиона, живый во иерусалиме.

Господь наш превыше всех богов.

6 Все, что восхотел Господь, сотворил на небе и на земле, в морях и во всех безднах.

7 Он возводит облака от краев земли и при дожде молнии творит. Он изводит ветры из сокровищниц Своих.

8 Он поразил первенцев Египетских от человека до скота;

9 Ниспослал знамения и чудеса среди тебя, Египет, на фараона и на всех рабов его.

10 Он поразил народы многие и избил царей мощных:

11 Сигона, царя Аморрейского, и Ога, царя Вассанского, и все царства Ханаанские.

12 И отдал землю их в наследие, в наследие Израилю, народу Своему.

13 Господи! Имя Твое - во век и память о Тебе в род и род.

14 Ибо будет Господь судить народ Свой и к рабам Своим умилосердится.

15 Идолы язычников - серебро и золото, дела рук человеческих:

16 Уста имеют и не проговорят, глаза имеют и не увидят.

17 Уши имеют и не услышат, и нет дыхания в устах их.

18 Подобны им да будут делающие их и все надеющиеся на них!

19 Дом Израилев, благословите Господа! Дом Аарона, благословите Господа! Дом Левия, благословите Господа!

20 Боящиеся Господа, благословите Господа!

21 Благословен Господь от Сиона, живущий в Иерусалиме.

1. Опять пророк призывает слушателей к жертвоприношению, состоящему в похвалах; это – жертва Богу и приношение. Потому и в другом месте он говорит: "**восхвалю имя Бога моего песнею, возвеличу Его хвалением. И (это) будет угодно Богу более, нежели юный телец, с подрастающими рогами и копытами**" (Пс.68:31, 32). Он постоянно упоминает о **храме** и **дворах**, привязывая их к этому месту и не дозволяя отступать. Для того и в начале Бог повелел воздвигнуть храм, чтобы истребить между ними всякое нечестие и идолослужение, когда они должны были собираться все в одно место, а не блуждать везде произвольно и свободно, и в рощах и источниках, на холмах и горах находить поводы к нечестию, принося там жертвы и делая возлияния на высотах. Для того и закон осуждал на смерть того, кто приносил жертву вне храма: если "**ко входу скинии собрания не принесет, или если кто заколет вне стана, то человеку тому вменена будет кровь**" (Лев.17:4). Поэтому пророк везде собирает их в это место, чтобы они, слушая, вразумлялись и удерживались от заблуждения. Он заповедует петь, воспевать псалмы и хвалить, потому что хвалы Богу были и для них побуждением к благочестию., заключая в себе повествования о древних событиях в Египте, в пустыне, в земле обетованной, при законодательстве, на горе Синае, во время войн; одно и тоже занятие было вместе и прославлением Бога, и вразумлением для поющих, устроявшим их жизнь и руководившим к правому вероучению. "**Хвалите Господа, ибо благ Господь**". Другой переводчик (неизвестный, см. Ориг. Экз.) говорит: **так как милостив** (χρησός). Что особенно вожделенно для слушателей, на то он часто и указывает, – на человеколюбие, снисходительность, милость Божию.

"**Пойте имени Его, ибо это – благо**". Этим он выражает, что такое занятие заключает в себе и некоторое удовольствие вместе с пользою. Особенная польза от него – изрекать хвалу Богу, очищать душу, возвышать мысли, научаться правым истинам, любомудрствовать о настоящем и будущем. Но вместе с тем оно своими стройными звуками доставляет и великое удовольствие, некоторое утешение и отдохновение, и делает поющего достойным почтения. А что оно действительно делает такими поющих, видно из слов другого переводчика (Акила), который говорит: **потому что благопристойно** (ευπρεπές), и третьего (неизвестный), который говорит: потому что приятно (ηδυ). Оба они говорят правду; кто поет псалом, тот, хотя был бы крайне развратным, стыдясь псалма, обуздывает силу сладострастия, и хотя бы обременен был бесчисленными пороками и одержим унынием, услаждаясь удовольствием, облегчает свои мысли, окрыляет ум и возвышает душу. "**Ибо Иакова избрал Себе Господь, Израиля в достояние Свое**" (ст. 4). Говорит не об общих благодеяниях, которые они имели вместе с другими, но о собственном их и особенном. Какое же это благодеяние? То, что Он избрал этот народ, посвятил Себе и оказывал им особенное пред другими промышление. Пророки постоянно делают это, т.е. составляют многие свои речи из описания благодеяний, которые были оказаны им. Что значит: "**в достояние Свое**"? В богатство, в собственность. Хотя и малочислен был этот народ, но Бог избрал его Себе в богатство, взирая не на малочисленность его, а на добродетели, к которым Он хотел руководить их, точно все прочие люди не составляли для Него такого богатства, как этот народ, что действительно и было как по благоволению к ним Божию, так и по их воспитанию. И Павел часто называете **богатством** спасение людей, как например, когда говорит: "**один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его**" (Рим.10:12); и еще: "**перед своим Господом стоит он, или падает**" (Рим.14:4). Видишь, как пророк выражает Божию к ним любовь, промышление, попечение, благоволение, назвав их "**достояние Свое**". Тем и другим выражением он показывает особенное о них

промышление Божие, – и тем, что "**избрал**", и тем, что – "**в достояние Свое**". Видишь ли, как он показал Его человеколюбие? Потому и в начале сказал: "**ибо я познал, что Господь велик и Господь наш превыше всех богов**" (ст. 5). Вот и другую представляет причину – воспевать хвалы. Но скажи мне: ты "**познал**", а другие разве не знают? Знают, но не так, как я. Люди святые и особенно возвысившиеся могут истинно знать величие Его, не все, каково оно есть в самом себе, – это невозможно, – но яснее других. "**И Господь наш превыше всех богов**". Вот, скажешь, сказав: "**Господь велик**" и "**ибо я познал**", он потом уменьшает силу своих слов, сравнивает Бога с другими богами и по сравнению отдает Ему преимущество. Нет, он сказал так приспособляясь к немощи слушателей, желая мало-помалу возвысить их до такого разумения. Действительно, не очень сильное доказательство величия – сказать, что Бог выше и больше других; но, как я выше сказал, он приспособляет свою речь к немощи слушателей, возвышая их мало-помалу. Они тогда любили слышать это и убеждаться в этом.

2. А что Бог несравненно превосходит всех, это Он показывает далее, приводя величайшее доказательство Его могущества и тем объясняя, что прежнее сказано им по немощи слушателей. Когда он только указывает на этот предмет, то говорит о неважном; а когда подтверждает, объясняет и доказывает Его величие, то представляет великие дела Его. Какие же он потом представляет дела, достойные Бога и свойственные Ему одному? Посмотри: "**все**", продолжает он, "**что восхотел Господь, сотворил на небе и на земле, в морях и во всех безднах**" (ст. 6). Видишь ли всесильное могущество? Видишь ли источник жизни? Видишь ли непреодолимую силу? Видишь ли несравненное превосходство? Видишь ли власть, не встречающую никаких препятствий? Видишь ли, как для Него все легко и удобно? "**Все**", говорит, "**что восхотел Господь, сотворил**". Скажи мне: где? "**На небе и на земле**"; не только здесь, но и на небе; не только на небе, но и на земле; и не только на земле, но и "**в морях и во всех безднах**". "**Бездною**" он называет преисподние места земли, равно как словом: "**на небе**" выражает и места выше небес. Не смотря на обширность их, воля Его нигде не встречает препятствий, но проникает все, и, что подлинно удивительно, Создавший это создал не с трудом, не с усилием, не повелением, но хотением; Он только захотел, и дело совершилось. Видишь, как Он показал и легкость творения, и множество созданий, и власть неограниченную? Затем, не говоря о самом небе и море, излагает то, что находится в них, и притом не все, находящееся в них, но, оставив находящееся на небе, хотя оно особенно дивно, говорит о том, что близ неба. Почему? Потому, что те предметы, хотя и велики, но многим неизвестны, а эти, хотя и меньше, но открыты и очевидны для всех. Так как он говорил людям, которые не столько верою руководились к разумению предметов невидимых, сколько занимались предметами видимыми, то отсюда он и начинает учение, делая сам тоже, что внушал делать другим. Что же именно? Воспевать Бога за дела Его, возносить Ему хвалы, изучая каждое дело Его и за каждое славословя Его. Увещевая хвалить Бога, он часто говорил: "**хвалите имя Господне, хвалите, рабы Господни**"; а теперь показывает и то, как должно хвалить, именно: исследуя состав творений, удивляясь и изумляясь премудрости, промыслу, могуществу, попечению Его. Отсюда мы научаемся, что существует не одно наше море, но что много морей, различных и беспредельных, потому что он говорит: "**в морях и во всех безднах**". Так моря Каспийское, Индийское, Чермное – почти отделены от этого моря, а вне – Океан, окружающий землю. "**Он возводит облака от краев земли и при дожде молнии творит. Он изводит ветры из сокровищниц Своих**" (ст. 7). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **поднимая** (αναβιβάζων). Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **привлекает от пределов** (ανασπᾶ απ ακρων). Четвертый (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **от конца** (εκ τελέσματος). Так и у Иова сказано: "**заключает воды в облаках Своих**" (Иов.26:8), и у Соломона: "**завязал воду в одежду**" (Прит.30:4). Впрочем, он говорит не то, а нечто другое чудное. Что же именно? То, что воздух, сделавшись более густым, поднимается вверх и несется,

поднимается то, что тяжело, получая направление противоположное своей природе. Удивительно и то, что в нем держится вода; но гораздо удивительнее то, что тяжелое носится на легком; а еще удивительнее то, что сгустившаяся в этом воздухе вода, вытекая из облака, уже не задерживается последующим воздухом и не сгущается, но разливается во все стороны и нисходит на землю. Если бы она держалась там по своей природе, то должна была бы держаться и в этом воздухе. Если кто пустит на воздух пузырь, наполненный водою, то, когда он понесется по воздуху, понесется и заключающаяся внутри вода, хотя бы она и вылилась из пузыря; так следовало бы и здесь быть. Но так как все исполнено чудес и дела Божии дивны, то все это превышает обыкновенный порядок вещей и наше разумение. Вода, которая держится в воздухе облачном, уже не держится в воздухе последующем. Видишь ли необычайное дело? Видишь ли, как пророк, представив то, что кажется маловажнее прочего, показал удивительность этого? Затем представляет и нечто другое удивительное: "**от краев**", говорит, "**земли**", или: от пределов земли. Облака не только поднимаются, но и носятся, и не везде, где появятся, производят дождь, но часто, прошедши многие страны, миновав города и народы, производят дождь в другом месте. Итак, удивительно не только то, что они поднимаются, но и то, что идут, как бы в горних жилищах, нося в себе тяжесть такого множества вод.

3. "**И при дожде молнии творит**". Посмотри на другое чудное явление, как соединяются предметы, противоположные по природе. Нет ничего пламеннее молнии, и нет ничего холоднее воды; но и они здесь соединяются вместе, однако не сливаются и не смешиваются, а сохраняют каждая свои свойства. Огонь находится в воде и вода в огне, но ни огонь не осушает воды, ни вода не погашает огня. Между тем молния острее солнечного света, блистательнее и пронзительнее. Это доказывается зрением, которое постоянно встречается с солнечными лучами, а стремления молнии не может выносить даже на короткое время. Притом солнце в продолжение целого дня пробегает небо, а она в одно мгновение – всю вселенную, как и Христос свидетельствует: "**как**", говорит Он, "**молния исходит от востока и видна бывает даже до запада**" (Мф.24:27). "**Он изводит ветры из сокровищниц Своих**". Вот еще явление природы, которое доставляет нам пользу не малую, а такую, что много способствует нашей жизни, укрепляет и освежает утомленные тела и делает воздух более легким. Дело ветров – приводить в движение воздух, чтобы он, оставаясь неподвижным, не испортился, способствовать созреванию плодов, питать тела. Кто мог бы описать пользу их для мореплавания, и времена года, в которые они являются по порядку и сменяют друг друга, господствуя на море и препровождая плавателей? Один отправляет, другой принимает, идут противоположными путями и служат, так что сама борьба их бывает полезна для жизни; и множество других действий ветров можно было бы исчислить. Но пророк, не говоря обо всем этом и предоставив соображать слушателю, сам представляет только легкость, с какою они производятся. Словами: "**из сокровищниц Своих**" он выражает не то, будто есть некоторые сокровищницы ветров, но то, как легко Бог управляет ими и как живо и удобоподвижно это создание. Как имеющий что-нибудь в своей сокровищнице свободно вынимает все, когда хочет, так и Создатель всего легко сотворил все и передал природе. Видишь ли, какое разнообразие и в воздухе, подобно тому, как есть много разнообразия в воде и в огне? Из вод иная в источниках, иная в морях, иная в воздухе, иная в облаках, иная на небе, иная выше небес, иная под землею. И огонь – иной в солнце, иной в луне, иной в звездах, иной в молнии, иной в воздухе, иной в деревах, иной около нас и в светильниках, иной в земле, – часто ведь огонь выходит из земли так же, как вода из источников, – иной в камнях, ударяемых один об другой, иной на вершинах дерев и в деревах, натираемых одно об другое, иной в громовых ударах. Так точно и воздух – иной густ, тот именно, что вокруг нас, иной более тонок, а находящейся еще выше бывает более горячим. И ветры весьма различны – иной суше, иной влажнее, иной теплее. Воздух и облако иногда несется медленнее, а иногда быстрее, как бы на конях. И из облаков – иные

подобны водоносным сосудам, и иногда бывают наполнены водою, а иногда носятся пустыми, иные подобны веерам. Но ты, взирая на них, на их различие и разнообразие, удивляйся Создателю. "**Он поразил первенцев Египетских от человека до скота**" (ст. 8). Сказав о явлениях общих и показав промышление Божие о всей вселенной, в молниях, ветрах, воздухе, облаках, дождях, и таким образом, обличив пустословие тех, которые говорят, будто промышление Его простирается только до луны, он переходит к частному, к тому, что касается в особенности иудеев. Вышесказанным он объяснил, что и земля, и небо, и все видимое удостаивается действий человеколюбия Божия; а чтобы сделать иудеев более признательными, он повествует и о частных событиях, показывая, что Бог вселенной, промышляя о всем, оказал им некоторые особенные благодеяния. Впрочем, и то, что сделано для них, было также для всех вообще. Если Он избрал их между другими, то это самое возбуждало в других соревнование, как и Павел говорит: "**от их падения спасение язычникам, чтобы возбудить в них ревность**" (Рим. 11:11). Как отец, когда дети оставляют его, берет одного из них и сажает к себе на колени, делая это не для него, но гораздо более для прочих, чтобы они, тронувшись таким предпочтением, прибегли к отцу для получения такой же ласки, так и Бог поступал с иудеями. Взяв их не на колена, а на мышцы и рамена, как говорит пророк (Ос.11:3; Втор. 32:11), Он даровал им вожделенные блага, храм, жертвы, которых они более всего и с особенным усердием желали, помощь на войне, победы, трофеи, плодородие земли, изобилие плодов, отличая их всем этим, а в других возбуждая ревность. Но так как они могли сделаться дурными, если бы постоянно были в довольстве, то Он обуздывал их и наказаниями. Подлинно велика премудрость Божия; из самых трудных обстоятельств она находит выход.

4. И посмотри на мудрость пророка: от явлений общих он переходит к событиям частным, чтобы кто-нибудь из неразумных не подумал, будто Бог есть Бог только некоторых людей; сказав о явлениях общих, он потом уже касается этих и говорит: "**Он поразил первенцев Египетских**". Или вам кажется, что это было сделано для иудеев? Но если я докажу, что это было сделано и для других, тогда что скажут те, которые отвергают всеобщность Промысла Божия? Как же можно доказать это? Весьма достаточно привести следующее изречение Божие, которое ясно выражает это: "**но для того Я сохранил тебя, чтобы показать на тебе силу Мою, и чтобы возвещено было имя Мое по всей земле**" (Исх.9:16). Видишь ли, как смерть была вестницей, и посланное от Бога наказание было проповедью, которая распространялась везде и возвещала Божие могущество? Таким образом Бог промышлял о всей вселенной и тогда, когда устроял дела иудеев. И прежде Он являл силу Свою, как например при Иосифе, при Аврааме; но теперь – гораздо яснее. Как? Тогда чрез благодеяния, а теперь чрез наказания. И Он не перестает, как я часто говорил, постоянно и в каждом поколении являть Себя делами и открывать Себя; но только делает это не всегда одинаково, а различно и разнообразно: тогда чрез жену Авраама, которая страдала бесплодием, потом чрез голод и изобилие, а после того чрез многократные казни. Так как египтяне не укоряли Бога в слабости, сами умерщвляли первенцев еврейских и обагряли реку кровью их, то Бог еще в это время прикровенно являл им силу Свою. Египетские бабки, которые не слушались жестоких повелений и уклонялись от исполнения бесчеловечной воли царя, наслаждались великим благоденствием. То и другое было делом Промысла Божия: и то, что женщины оказались мужественнее носивших диадему, и то, что они получили воздаяние в великом умножении рода своего. Слова: "**за сие Бог делал добро повивальным бабкам**" (Исх.1:20), именно и означают, что родство их умножалось; чем они благодетельствовали иудеям, тем и сами были награждены от Бога; они не умерщвляли детей их, и им Бог давал многочадие. Но так как египтяне оставались бесчувственными, то Он послал им жесточайшую казнь, о которой узнала вселенная, узнали и египтяне; другие узнали по слуху, а они собственными страданиями, зрением и опытом познали силу Божию. Для того и предсказано было им об этом, чтобы наказание не показалось следствием какого-нибудь

случая или естественной смерти. Таким образом, здесь можно повторить то, что в другом месте сказано о Спасителе. Что? "**И господствуй среди врагов Твоих**" (Пс.109:2). Не в пустыне и не в другом каком-нибудь месте, но в самом городе Бог поразил их наказанием. Впрочем, и в самом наказании, посмотри, какое было человеколюбие. Он начал со скотов, а потом уже дошел и до людей. Кто не удивится силе Божией, как Он в одно мгновение времени совершил все, оказав и пощаду и неизреченную мудрость? Он послал эту казнь не первую, желая исправить их посредством других, и когда послал, то не без предсказания. Для чего? Для того, чтобы вразумить их словами, чтобы им не испытать того на самом деле; а с другой стороны, так как они не исправились, Он не оставил казни сомнительною. Чтобы кто-нибудь не подумал, будто она постигла их, как естественная болезнь или зараза, для того, посмотри, сколько соединилось обстоятельств. Во-первых, все поражены в одну ночь; во-вторых, все первенцы. Если бы это была зараза, то она не коснулась бы только всех первенцев и не пощадила бы следующих за ними, но постигла бы всех без разбора. В-третьих, если бы это была зараза, то она не миновала бы всех иудеев и не коснулась бы одних египтян, но гораздо скорее поразила бы тела первых, ослабленные трудом, страданиями и столь многими бедствиями, и до такой степени истощенные нищетою и голодом, а не царских детей, не тех, которые наслаждались совершенным довольством и пользовались всеми удобствами жизни. Если бы это была зараза, то она не пришла бы вдруг, но наперед обнаружились бы все признаки ее наступления; между тем произошло все вдруг, чтобы обличилось жестокосердие египтян. После такой казни и после того, как ясно увидели, что казнь ниспослана Богом, они преследовали вышедших иудеев, – что и служит знаком крайнего их ожесточения и величайшим оправданием действий Божиих. Так как знамения должны были кончиться, то Он окончил их таким знамением, которое оправдывало Его и за прежние пред людьми, хотевшими быть внимательными. Чтобы кто-нибудь не сказал: почему все подвергаются наказанию, тогда как удерживал иудеев и грешил царь? Он последней казнью разрешил это недоумение. Как этою последнею? Так, когда поражены были первенцы их, то они и против воли царя изгнали иудеев. Следовательно, если бы они и сначала хотели, то могли бы преодолеть его, прежде же они не преодолевали царя не потому, что не могли, а потому, что не хотели. И последовавшее затем преследование увеличивает вину их.

5. Тоже случилось и при Сауле; когда нужно было спасти сына его, то все вместе, угождая царю, спасли виновного (1Цар.14:45); а когда он захотел умертвить столько священников, то и голоса не подали и не защищали (1Цар.22:17). Если там содействовала им природа, то и здесь – справедливость; здесь были священники, убиение было беззаконное и гнев нерассудительный. Но причина заключалась в нерадении и в пренебрежении к священникам. За то, посмотри, какие постигли их бедствия; не малому подверглись они наказанию за такое пренебрежение. Поэтому, когда делается что-нибудь беззаконное, то пусть никто не остается беспечным, но каждый пусть будет пламеннее огня, пусть огорчается не менее самих обижаемых, и таким образом будет остановлено много зол. "**От человека до скота**". Почему же и скот? Потому, что он сотворен для людей; за людей Бог и наказывает его, чтобы усилить страх, чтобы увеличить бедствие, чтобы показать, что казнь послана Богом и поражение пришло с неба. "**Ниспослал знамения и чудеса среди тебя, Египет, на фараона и на всех рабов его**" (ст. 9). Что значит: "**среди тебя**"? Или означает место, или: явно; выражение: среди часто значит: явно, как, например, когда говорится: "**прежде века соделал спасение среди земли**" (Пс.73:12), потому что средина открыта для всех. "**Ниспослал знамения и чудеса среди тебя, Египет**". И справедливо. Эти события совершились для того, чтобы исправить их и наказать тех, которые должны были получить пользу, потому что они происходили не просто, но со многими чудесами, так что здесь была двойная польза, и от того, что Бог поражал, и от того, что – необычайным образом. "**На фараона и на всех рабов его**". Видишь ли неизреченное могущество? Когда все были вместе, наказание постигло именно их, и они пострадали, а

другие получили пользу. Почему же он говорит: "**на всех рабов его**", тогда как не все имели первенцев? Он говорит и о прочих знамениях. В Египте, когда египтяне были поражены, иудеи получали пользу, а в пустыне, когда иудеям были оказываемы благодеяния, то и другие получали пользу; врагам Бог посылал казни, а им благодеяния, в том и другом случае доставляя пользу всем. Но почему Он не благодетельствовал и тем? Потому, что большая часть людей обыкновенно познают Бога более чрез наказания, нежели чрез благодеяния. А что Он сам не хотел наказывать, посмотри, как Он неоднократно останавливал казни, являя в том и другом и силу Свою и человеколюбие. Хотя довольно было первой, второй и третьей казни, чтобы после того совершенно погубить их как больных неизлечимо, но Он не хотел этого, и хотя предвидел будущее, т.е. что они не сделаются лучшими и после пятой, шестой и девятой казни, но не переставал делать Свое дело. Здесь особенно надобно удивляться и могуществу Его, и промышлению, и премудрости, и благости, – могуществу, потому что Он поражал, промышлению, потому что останавливал казни, премудрости, потому что, и зная будущее, делал Свое дело; тоже самое показывает и человеколюбие Его, а особенно то, что Он начал с низших существ, с бессловесных животных. Потом Он коснулся и царя, что особенно сделало известными эти события. События, случающиеся с частными людьми, могут остаться и неизвестными, а когда удар наносится лицу знаменитому, то молва об этом без всякого препятствия распространяется везде. Сказав о причине поражения, пророк говорит и о самых казнях, но не повторяет их несколько раз и не перечисляет всех в частности, но, означив все одним словом, оставляет их: "**ниспослал**", говорит, "**знамения и чудеса среди тебя, Египет**". Далее он выводит народ из Египта в пустыню и везде показывает, что Бог есть Бог не некоторых только людей и управляет не одною страною, но всею вселенною. Поэтому и присовокупляет: "**Он поразил народы многие и избил царей мощных**" (ст. 10). В продолжение всего пути Он различным образом давал залоги Своего могущества и Сам предводительствовал ими, научая посредством дел; также и посредством войн внушал им тоже, что и прежде, т.е. что не свойство воздуха, не сила стихий и не другое что-нибудь подобное, но предводительствовавшая ими десница сражалась за них; а те и другие события подтверждались взаимно: бывшие в пустыне – бывшими в Египте и бывшие в Египте – бывшими в пустыне. Действительно, когда они без оружия, без воинского устройства и без боя поражали врагов, то Он явно доказал им, что и в Египте Он так потрясал стихии против египтян, не имея нужды в этих стихиях, но употреблял их в дело, желая различными и разнообразными средствами показать Свою силу. "**Сигона, царя Аморрейского, и Ога, царя Вассанского, и все царства Ханаанские**" (ст. 11). Пророк не исчисляет городов и не говорит подробно о битвах, но опять величественно проходит бесчисленный ряд чудес. Он мог бы остановиться и красноречиво изобразить эти события, но не делает этого, и, хотя ему представлялось великое множество дел Божиих, касается всех их мимоходом. Враги были вооружены, имели укрепленные города и были искусны в воинском деле, а иудеи были беглецы, неопытные в воинском искусстве, освободившиеся от продолжительного рабства и долговременного притеснения, истощенные голодом и страданиями, открытые для обид всем; но предводительствовавшая ими десница делала их сильнее всех.

6. Впрочем, эта война была и справедлива, иудеи не сами нападали, но те подавали повод, заграждая им путь, что было крайне бесчеловечно. А с идумеянами Бог не попустил им вести войну. Дабы иудеи, ободренные молчанием, после опять не стали нападать, но знали, с кем нужно воевать, а кого щадить, Он сделал это в пустыне, посредством дел дав им закон, как им должно было поступать с встречавшимися. "**И все царства Ханаанские**". Видишь ли, как научалась этим вся вселенная? Как огонь – терние, так и они поражали всех, и никто не мог противиться им. Послушай, что говорит Валаам, научившись не от пророков, не от Моисея, а из самых дел: народ этот поядает всю землю (Числ.22:4; 24:8). Видишь ли переносное слово, употребленное с особенной

выразительностью? Не сказал: побеждает, или: истребляет, но: поядает, желая выразить, что они одерживали победы легко, воздвигали трофеи без пролития крови и поражали своим приближением. Им не нужно, говорит, ни воинского устройства, ни сражений, но довольно только подойти, и все уступает и преклоняется. Бог доставлял им победы не только по закону войны и сражения, чтобы кто-нибудь не приписал совершившихся событий им самим, но воздвигал против врагов их и стихии вселенной; так, Он наперед поразил их души, выпавший град погубил многих, солнце остановилось и дало возможность продолжать битву, и много было подобных чудес, и звук труб, ударяя в крепости сильнее огня, разрушал стены. Это принесло пользу и тем и другим; враги узнали, что не люди вели против них войну, а иудеи научились обращаться к Богу и отнюдь не превозноситься своими успехами, но вести себя благопристойно и смиренно. Впрочем, победить таким образом было для них больше чести, нежели только победить; это и сделало их славными и научило быть скромными, – славными, потому что они имели такого Военачальника, скромными, потому что они уже не надмевались своими успехами. "**И отдал землю их в наследие, в наследие Израилю, народу Своему**" (ст. 12). И это – величайшее чудо, что они не только изгнали врагов, но могли занять землю и разделить между собою города; это доставило им великую радость, великую честь, великую славу. Это было также действием силы Божией, потому что немаловажное дело – овладеть неприятельской страною, но и здесь нужна великая помощь. "**Господи! Имя Твое – во век и память о Тебе в род и род**" (ст. 13). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **воспоминание о тебе** (ανάμνησίς). Здесь пророк прерывает связь речи славословием, как обыкновенно делают святые. Когда они, начав говорить о чудесах Божиих, воспламеняются, то не прежде оканчивают речь, как воздадут славу Богу, произнесут славословие, и тем исполнят свое желание. Так и Павел поступает везде, особенно в начале посланий; например, он говорит церквам галатийским: "**благодать вам и мир от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа, Который отдал Себя Самого за грехи наши, чтобы избавить нас от настоящего лукавого века, по воле Бога и Отца нашего; Ему слава во веки веков. Аминь**" (Гал.1:3,5); и в послании к римлянам: "**Израильтян, которым принадлежат усыновление и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования; их и отцы, и от них Христос по плоти, сущий над всем Бог, благословенный во веки, аминь**" (Рим.9:4,5); и еще в другом месте: "**Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Аминь**" (1Тим.1:17). Так и здесь пророк, представляя промышление Божие о всем, казни египетские, различные и разнообразные благодеяния, оказанные иудеям в пустыне, и события, совершившиеся в защиту их против врагов, и воспламеняясь неизреченным человеколюбием Божиим, произносит славословие и говорит: "**Господи! Имя Твое – во век и память о Тебе в род и род**", т.е. слава Твоя вечна; ничто не вредит ей, ничто не уменьшает ее, но она пребывает всегда, остается непоколебимою, неизменною, цветущею и полною. Что значит: "**память о Тебе в род и род**"? Память о Тебе, говорит, нескончаема и беспредельна. "**Ибо будет Господь судить народ Свой и к рабам Своим умилосердится**" (ст. 14), Можно или то и другое относить к народу израильскому в том смысле, что Бог накажет его, а потом остановится и помилует, или раздельно можно относить: "**умилосердится**" – к народу, а "**судить**" – к врагам, т.е., тех помилует, – это и значит: "**умилосердится**", – а врагов будет судить, т.е. предаст их наказанию.

7. Не имея возможности указать на подвиги их жизни, пророк для оправдания их употребил названия людей и рабов (Господа). Сказав: "**умилосердится**", он выражает, что примирение зависит от человеколюбия Божия, а не от их достоинства, потому что где моление, там нужно прощение, а где нужно прощение, там не оценка заслуг, а человеколюбие. Так как выше он сказал: "**память о Тебе в род и род**", а они тогда одни из всех народов присвояли себе Бога, то он некоторым образом намекает на это и говорит:

спасение людей Твоих явит славу Твою у многих; слава, свойственная самому существу Божию, никогда не уменьшается, не уничтожается и не изменяется, хотя бы никто не чтил ее; но слава Его у многих откроется и чрез наше спасение, когда мы будем опять иметь город, святилище, храм, и опять получим прежнее общественное устройство.

"**Идолы язычников – серебро и золото, дела рук человеческих**" (ст. 15). Так как он в начале сказал: "**Господь наш превыше всех богов**", и по-видимому приписал Ему только сравнительное превосходство, по немощи слушателей, то, смотри, как он возвышает это превосходство. Начав с могущества Божия, и сказав о делах Его на небе, на земле, в безднах, у иудеев, в собственной их земле и в чужой, у врагов и язычников, потом напомнив об Его благости, человеколюбии, промышлении, премудрости, силе, и показав, что Он есть Бог всех и промышляет о всей вселенной, он наконец обличает бессилие богов идольских и прямо нападает на самое существо их, или лучше сказать, самое имя их обращает в укоризну. Идол есть не что иное, как нечто бессильное и ничтожное, есть название крайней слабости. Поэтому он и начинает так: "**идолы язычников – серебро и золото**". Во-первых, это – идол; во-вторых, это – бездушное и бесчувственное вещество; в-третьих, идолы потому самому, что они – идолы, не только сами по себе маловажны, бессильны, ничтожны, но и потому, что сделаны людьми. Потому и прибавляет: "**дела рук человеческих**", что служит к величайшему осуждению тех, которые почитают их, которые, будучи сами виновниками даже существования их, возлагают на них надежду своего спасения. "**Уста имеют и не проговорят, глаза имеют и не увидят. Уши имеют и не услышат, и нет дыхания в устах их. Подобны им да будут делающие их и все надеющиеся на них!**" (ст. 16-18). "**Уста**", говорит, "**имеют и не проговорят**". Видишь ли, как сильно он подвергает их осмеянию и как обличает обольщение? Так как их часто приводят в движение бесы, то он раскрывает лицемерие и обман, внушая, что нет духа в устах их. А почему злой бес без них не действует и не говорит? Изображения идолов представляют блуд, прелюбодеяние и бесчисленные пороки; поэтому, желая самим видом истуканов научить обольщаемых подражать делам, которые изображаются идолами, он присутствует и сидит в них, приводит их в движение и обольщает. Далее, подвергая их осмеянию другого рода, пророк говорит: "**подобны им да будут делающие их**". Представь, каковы эти боги, если сходство с ними подлежит проклятию. Не так у нас; крайний предел добродетели и достижение самой вершины совершенства состоит в уподоблении Богу, сколько это возможно для нас. А у них, говорит, и богослужение и боги таковы, что уподобление им подвергает крайнему проклятию. Таким образом, и то, что идолы – бездушное вещество, и то, что они изображают бесстыдство, и то, что они стоят без всякого чувства, и то, что сходство с ними подвергает проклятию, – все доказывает крайность этого заблуждения. Сказав об их бессилии, обольщении, лукавстве бесов, безумии тех, которые делают их, и скоро оставив их, пророк заключает речь славословием, не распространяясь более о делах Божиих, которые уже ясно показал, но, оставляя это, как признаваемое всеми, требует хвалы от тех, которые пользуются Его благодеяниями, призывает всех к славословию и говорит: "**дом Израилев, благословите**

Господа! Дом Аарона, благословите Господа! Дом Левия, благословите Господа! Боящиеся Господа, благословите Господа! Благословен Господь от Сиона, живущий в Иерусалиме" (ст. 19-21).

Почему он призывает не всех вместе, но разделяя по званиям? Дабы ты знал, что есть великое различие в благословениях. Иначе благословляет священник, иначе левит, иначе мирянин, иначе множество народа. Выражением: "**благословите**″ он указывает на блаженное и нетленное Существо. Благословите, говорит, за то, что вы избавились от врагов, удостоились поклоняться такому Богу, познали истину, Он сам по Себе благословен, имеет благословение в самом существе Своем и не нуждается в похвале от

других; однако и вы благословите, не с тем, чтобы прибавить что-нибудь Ему, но чтобы самим получить великие плоды. Хотя Он благословен по существу, – как и действительно Он таков, – но желает, чтобы и мы благословляли Его. И опять пророк вспоминает о Сионе и Иерусалиме. Так как там сосредоточены были общественные дела иудеев, положено основание их богослужению, и там они получали наставления и распоряжения, то он хочет сделать эти места священными именем Божиим, чтобы, питая к ним благоговение, они были ревностными к ним, а, будучи ревностными, чувствовали больше влечения к ним, а чувствуя влечение, прилеплялись к богослужению, а прилепляясь к нему, восходили на высшую степень добродетели, для которой совершалось все. Так, тогда был Иерусалим и Сион; а теперь – небо и предметы небесные. К нему, увещеваю вас, будем прилепляться и мы, чтобы нам сподобиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 135

1 Аллилуиа. Исповедайтеся Господеви, яко благ: яко в век милость его.	1 Аллилуия. Исповедайтесь Господу, ибо Он благ, ибо во век милость Его.
2 Исповедайтеся Богу богов: яко в век милость его.	2 Исповедайтесь Богу богов, ибо во век милость Его.
3 Исповедайтеся Господеви господей: яко в век милость его.	3 Исповедайтесь Господу господ, ибо во век милость Его.
4 Сотворшему чудеса велия единому: яко в век милость его.	4 Он Един сотворил великие чудеса, ибо во век милость Его.
5 Сотворшему небеса разумом: яко в век милость его.	5 Сотворил небеса разумно, ибо во век милость Его.
6 Утвердившему землю на водах: яко в век милость его.	6 Утвердил землю на водах, ибо во век милость Его.
7 Сотворшему светила велия единому: яко в век милость его:	7 Он Един сотворил великие светила, ибо во век милость Его:
8 солнце во область дне: яко в век милость его:	8 Солнце - для управления днем, ибо во век милость Его.
9 луну и звезды во область нощи: яко в век милость его.	9 Луну и звезды для управления ночью, ибо во век милость Его.
10 Поразившему египта с первенцы его: яко в век милость его:	10 Поразил Египет с первенцами его, ибо во век милость Его.
11 и изведшему Израиля от среды их: яко в век милость его:	11 И извел Израиля из среды их, ибо во век милость Его.
12 рукою крепкою и мышцею высокою: яко в век милость его.	12 Рукою крепкою и мышцею высокою, ибо во век милость Его.
13 Раздельшему чермное море в	13 Разделил Чермное море на части, ибо во

разделения: яко в век милость его:

14 и проведшему Израиля посреде его: яко в век милость его:

15 и истрясшему фараона и силу его в море чермное: яко в век милость его.

16 Проведшему люди своя в пустыни: яко в век милость его.

17 Поразившему цари велия: яко в век милость его.

18 И убившему цари крепкия: яко в век милость его:

19 сиона царя аморрейска: яко в век милость его:

20 и ога царя васанска: яко в век милость его.

21 И давшему землю их достояние: яко в век милость его:

22 достояние Израилю рабу своему: яко в век милость его.

23 Яко во смирении нашем помяну ны Господь: яко в век милость его.

24 И избавил ны есть от врагов наших: яко в век милость его:

25 даяй пищу всякой плоти: яко в век милость его.

26 Исповедайтеся Богу нбсному: яко в век милость его.

век милость Его.

14 И провел Израиля среди него, ибо во век милость Его.

15 И низверг фараона и войско его в Чермное море, ибо во век милость Его.

16 Провел народ Свой в пустыне, ибо во век милость Его.

17 Поразил царей великих, ибо во век милость Его.

18 И убил царей крепких, ибо во век милость Его:

19 Сигона, царя Аморрейского, ибо во век милость Его,

20 И Ога, царя Васанского, ибо во век милость Его.

21 И дал землю их в наследие, ибо во век милость Его.

22 В наследие Израилю, рабу Своему, ибо во век милость Его.

23 Он вспомнил нас в уничижении нашем, ибо во век милость Его.

24 И избавил нас от врагов наших, ибо во век милость Его.

25 Он дает пищу всякой плоти, ибо во век милость Его.

26 Исповедайтесь Богу Небесному, ибо во век милость Его.

1. Сказав выше о благодеяниях, которые Бог оказал людям, теперь пророк говорит и о том, сколь велика милость Его; не измеряя ее, – это невозможно, – но, желая показать беспредельное ее величие, призывает всех к славословию и говорит: "**исповедайтесь Господу**", т.е., благодарите, славьте Его. "**Ибо во век милость Его**". Что значить: "**во век**"? Он не иногда только благодетельствует, а иногда удерживается от этого, не иногда только милует, а иногда перестает миловать, как бывает у людей, которым препятствуют страсти, не дозволяет малодушие, останавливает угождение другим, не допускают

обстоятельства; но Бог не таков: Он постоянно милует, и никогда не перестает делать это, хотя делает различно и разнообразно. Так, говорит пророк, Он всегда милует, и никогда не перестает благодетельствовать людям. Далее, сказав, что Бог постоянно милует, пророк приводит и доказательства милости Его и постоянства этой милости, заимствуя их от предметов видимых. Но так как он руководил слушателей к благочестию, то, смотри, как опять сравнивает Бога с языческими богами, и опять по снисхождению к слушателям. Что же говорит Он? "**Исповедайтесь Богу богов**", и каждый раз прибавляет: "**ибо во век милость Его**" (ст. 2). "**Исповедайтесь Господу господ, ибо во век милость Его**" (ст. 3). В предыдущем псалме он говорит, что Господь "**наш превыше всех богов**" а здесь говорит еще более, – что Он Господь их и Владыка их, – идолов ли будешь разуметь, или бесов, потому что, хотя бесы прогневали Его и преданы позору, но и они рабы и подвластны Ему. Потому, говорит, "**исповедайтесь**", что вы имеете Бога, Который выше всех, Которому нет подобного, Который есть Владыка всех, Господь всех. Впрочем, Он называется и Богом благоугодивших Ему; например, когда говорится: "**Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова**" (Исх.3:6). Почему же здесь Он называется Богом бесов? В ином смысле говорится то, и в ином это. Там представляется близость и особенная любовь Его к ним; а здесь показывается Его превосходство.

"**Он Един сотворил великие чудеса, ибо во век милость Его**" (ст. 4). Сказав, что Он есть Господь и Владыка богов, пророк приводит теперь доказательство этой истины, подтверждает сказанное, указывая опять на силу Его. Не сказал: **сотворившему**, но: **творящему**, выражая, что Он непрестанно благодетельствует, творит чудеса, совершает, дела дивные[1]. Пророк представляет два особенные Его свойства: что Он "**творит**" и что творить "**Един**"; или лучше сказать – три и даже четыре: что Он "**творит**", и творит "**чудеса**", и "**великие**" чудеса, и творит "**Един**". Этими словами не опровергается Сын Божий, но только Бог противопоставляется бесам. Посмотрим же, какие это чудеса, великие чудеса, которые Он один творит. Впрочем, вначале пророк говорил нам не о силе, но о человеколюбии и благости Божией: "**исповедайтесь**", говорил он, "**Господу, ибо Он благ**". Почему же теперь Он перешел к силе? Потому, что эти чудеса суть действия не только силы, но и человеколюбия. Объясняя, какие это чудеса, он продолжает: "**сотворил небеса разумно, ибо во век милость Его. Утвердил землю на водах, ибо во век милость Его**" (ст. 5, 6). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг.) говорит: **составившему землю в водах** (πιλήσαντι παρ υδασι). "**Он Един сотворил великие светила, ибо во век милость Его: солнце – для управления днем, ибо во век милость Его. Луну и звезды для управления ночью, ибо во век милость Его**" (ст. 7-9). Если все это показывает Его силу и премудрость, то вместе показывает и великое Его человеколюбие. То, что все это так величественно, прекрасно и прочно, возвещает о силе и премудрости; а то, что оно сделано для нас и для нашей пользы, возвещает о человеколюбии и постоянной благости Его. Видишь ли, как "**во век милость Его**"? Не на десять и не на двадцать лет Он сотворил это, и не на сто, двести, или тысячу лет, но продолжил на всю жизнь нашу. Выражая это самое, пророк и прибавляет в каждом стихе: "**ибо в век милость Его**". Поразительно и то, что Он, сотворив это и предоставив нам в начале, не лишил и тогда, когда человек преступил заповедь, но что дал ему, когда еще он не согрешил, то оставил в наслаждение ему и после грехопадения, и не воспрепятствовал пользоваться этим после греха. Притом Он сотворил не одно только небо, но и другое, показав в самом начале, что Он не оставит нас на земле, но переселит туда. Если бы Он не хотел переселить нас туда, то для чего и создано было бы небо? Эта стихия для Него самого не нужна, потому что Он ни в чем не имеет нужды; но, желая нас с земли переселить туда, Он приготовил тамошние обители.

2. Вот почему и пророк, зная это, в каждом стихе прибавляет: "**во век милость Его**", удивляясь Его человеколюбию. "**Утвердил землю на водах**". Посмотри и здесь на

человеколюбие Его. Когда мы сделались смертными и подверглись многим нуждам, Он и тогда не оставил нас, но дал нам здесь на время соответственное пристанище и наполнил землю столь многими знаками своего человеколюбия, что и словами выразить их невозможно. Погружаясь в бездну этих благодеяний и видя это беспредельное море, пророк в восторге возвысил свой голос и сказал: "**как величественны дела Твои, Господи! Все премудростью Ты сотворил**" (Пс.103:24). Кто посмотрит на солнце, на луну, на порядок времен, тот и теперь увидит все Его человеколюбие. Действительно, эти стихии не мало способствуют к благосостоянию нашей жизни и даже к самой жизни: они питают, дают зрелость плодам, так что без них и жить было бы невозможно, показывают нам времена года, означают часы дня, различают течение дня и ночи, руководят путешествующих по земле и морю, доставляют пользу и в других бесчисленных отношениях. Видишь ли, как "**во век милость Его**", и почему пророк в каждом стихе повторяет это? Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) слова: "**для управления днем**", передает так: **владеет днем** (επικρατεῖν). Третий (неизвестный переводчик): **во область ночью** (εν νυκτί). "**Поразил Египет с первенцами его, ибо во век милость Его. И извел Израиля из среды их, ибо во век милость Его. Рукою крепкою и мышцею высокою, ибо во век милость Его**" (ст. 10-12). Он часто обращается к чуду, бывшему в Египте, по причине великой неблагодарности иудеев, которые, постоянно слыша, забывали об этом. И в самом деле, это чудо – не малая милость; оно избавило их от плена, от рабства, и для потомков послужило поводом к богопознанию. Впрочем, здесь намекается и на нечто другое. На что? На то, что и после тех казней освобождение их от рабства зависело от силы Его, поразившего их страхом и потопившего египтян в море. А это говорит он для того, чтобы кто-нибудь из неразумных не подумал, будто Бог, повелев им взять золото и серебренные сосуды, повелел по Своей слабости. Он сделал это, желая во всех отношениях быть страшным для врагов и показать, что Он может сделать все и силою и властью, и скрытно и незаметно для них. То, что сделал Он явно, сделал не потому, будто не мог устроить скрытно; и то, что устроил скрытно, сделал не потому, будто не мог взять явно; но в том и другом случае показал Свою силу. А что и это навело великий страх на иноплеменников, о том, послушай, как впоследствии сказали волхвы азотские: "**и для чего вам ожесточать сердце ваше, как ожесточили сердце свое Египтяне и фараон? вот, когда Господь показал силу Свою над ними, то они отпустили их, и те пошли**" (1Цар.6:6). Видишь ли, как они страшились Его и поэтому, – по причине похищения, скрытности, неизвестности для них?

"**Разделил Чермное море на части, ибо во век милость Его**" (ст. 13). Другой (Симмах): **на отделения** (είς τομάς). Третий (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **на части** (είς τμήματα). Некоторые говорят, что был не один путь, но вода расступилась отдельно для каждого колена, так что было много проходов. Все это, если показывало великую Его силу и являло Его страшным и великим, то вместе было делом и великого человеколюбия не только к тем, которые удостоились этого, но и к врагам, если бы они хотели быть внимательными. В самом деле, Он не вдруг потопил их, но когда они, после такого множества чудес, решились броситься в воду. Хотя бы они были бесчувственнее всех, они должны были, представив прежние чудеса и настоящие, бывшие у них пред глазами, удивляться Его силе, покланяться и оставить неуместное состязание. Но они, видя, как вся природа по Его воле изменяет свои свойства и восстает против них, даже и при этом не оставили своего безумия, но, и взирая на такое необычайное чудо, дерзко вступили на этот необычайный и новый путь. Потому море и сделалось для них гробом, и это было делом не природы, а казнью, посланною от Бога. Потому в короткое время и совершились противоположные действия, и море разделилось не в одном месте, но по числу всех колен. При каждом из знамений пророк упоминает о милости, потому что она преимущественно была целью действий Божиих, и чудеса совершались на стихиях для того, чтобы они не были приписаны естественному порядку вещей, но высшему мановению, творившему

чудеса. Так было и с морем. А что это произошло тогда не по случаю, видно из того, что после ничего такого уже не было; между тем все, происходящее естественно, часто повторяется и обыкновенно бывает в известное время. "**И провел Израиля среди него, ибо во век милость Его**" (ст. 14).

3. Видишь ли, как справедливо пророк в каждом стихе прибавляет: "**во век милость Его**"? Все это показывает непрерывное Его попечение. Хотя сами события имели конец, но воспоминание о них служило для потомков великим побуждением к богопознанию; будучи передаваемы потомкам чрез воспоминание, они руководили их к великому любомудрию. Впрочем не одни эти чудеса были совершаемы, после них не прекратилось промышление Божие, и на событиях египетских не остановилось Его человеколюбие, но всякое время и всякий век представляют обильные доказательства неизреченного Его человеколюбия. Удивляясь этому, пророк постоянно и прибавляет: "**ибо во век милость Его**". Хорошо прибавил он: "**провел Израиля среди него**", потому что и это – дело могущества Божия. Не довольно было только раздвинуть море и сделать для них переход удобным, – это самое еще более могло поразить их, устрашить и удержать от решимости, внушая своею необычайностью великую боязнь, – а сила Божия, и после отступления моря, произвела в них смелость и внушала им идти этим новым и необыкновенным путем. Когда воды возвышались с той и другой стороны, нужно было иметь возвышенную и мужественную душу, чтобы не страшиться перехода и не опасаться, чтобы море, поднявшееся по ту и другую сторону, не низвергнулось на них и не потопило всего стана. "**И низверг фараона и войско его в Чермное море, ибо во век милость Его**" (ст. 15). Это выражение употребил он, желая показать, как легко совершилось потопление. Притом заметь, как вместе с могуществом и гневом Бог показал и долготерпение, не прежде погубив их, – хотя они и дошли до такого бесстыдства и сопротивления, – как когда они сами добровольно бросились в пропасть. Не напрасно наказывается и войско фараона; так как оно разделяло грех и участвовало в преследовании, то разделило и наказание и мучение.

"**Провел народ Свой в пустыне, ибо во век милость Его**" (ст. 16). Это – не меньше того, как провести через море. В самом деле, хотя там земля была суха, и можно было на ней поставить стан, но вместе с тем было много других неудобств. Там все могло погубить их и предать жесточайшей смерти: и голод, и засуха, и жажда, и лучи солнца, ударяющие более надлежащего, и множество диких зверей, и недостаток во всем необходимом. Ты знаешь, сколь во многом человек имеет нужду. Но они, будучи лишены всего этого, не имея ни крова, ни пищи, ни достаточной одежды, ни обуви, и ничего другого подобного, как бы ликуя среди городов, продолжали путь в таком положении чрез всю пустыню. Посмотри, сколь многих чудес, бывших в пустыне, и сколь многих лет руководительства народом пророк не исчисляет, а упоминает только о двух чудесах, совершившихся над тамошними царями. Проходя молчанием новую их пищу, чудный кров, светильник, который никогда не переставал являться, одежды, которые не ветшали, обувь, которая не изнашивалась, источники, которые истекали из камней, и другие необыкновенные и чудные явления, которые делали для них путь удобным, он упоминает только о двух, как Бог поразил царей иноплеменников, как воздвиг трофей и даровал им победу; а прочее представить обстоятельно предоставляет слушателю. Поэтому он говорит: "**поразил царей великих, ибо во век милость Его. И убил царей крепких, ибо во век милость Его: Сигона, царя Аморрейского, ибо во век милость Его, и Ога, царя Васанского, ибо во век милость Его**" (ст. 17-20). И к каждому стиху прибавляет: "**ибо во век милость Его**", показывая, что хотя одних врагов сменяли другие, но никто не победил их. Почему? Потому что они непрестанно удостаивались человеколюбия Божия. Это и выражает он, постоянно повторяя: "**ибо в век милость Его**". "**И дал землю их в наследие, ибо во век милость Его. В наследие Израилю, рабу Своему, ибо во век**

милость Его" (ст. 21-22). Два вида благодеяния: тот, что они победили врагов, и тот, что сделались господами их владений. Действительно, и то было делом великой силы, что они не только изгнали туземцев, но и были в состоянии занять и удержать чужую землю.

Далее, опять объясняя, что они сделались владетелями всего этого не по своим заслугам, а единственно по благости Божией, прибавляет: "**Он вспомнил нас в уничижении нашем, ибо во век милость Его**" (ст. 23), выражая, что не в добродетелях, не в счастье, а "**в уничижении нашем**". Смысл этих слов следующий: достаточно было бедствия и страдания нашего, чтобы преклонить Его на милость. Так и в начале, когда освободил их из Египта, Он не сказал: *видя видел* перемену их к лучшему, но: "**Я увидел страдание народа Моего в Египте**" (Исх.3:7). "**И избавил нас от врагов наших, ибо во век милость Его**" (ст. 24). Чтобы не перечислять отдельно войн, нападений, побед, трофеев, он опять, одним словом коснувшись ряда их подвигов и оставив то, что происходило в частности с иудеями, обращается к всеобщему Его промышлению и говорит: "**Он дает пищу всякой плоти, ибо во век милость Его**" (ст. 25). Другой (Акила): **который дает хлеб** (ός δίδωσιν αρτον). Третий (Симмах): **дающий хлеб** (διδοὺς αρτον). Итак не земля, не вода, не воздух, не солнечный луч, и не что-нибудь другое произращает плоды, но все – от Него. Посмотри и здесь не только на могущество, но и на неизреченное человеколюбие Его. Как Христос сказал: "**ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф.5: 45), так и пророк здесь выражает тоже в словах: "**Он дает пищу всякой плоти**", т.е., не праведным и добродетельным только, но и грешникам и нечестивым и всему роду человеческому, что в особенности и возвещает об Его владычестве. Видишь ли, что псалом составлен особенно для того, чтобы руководить к богопознанию? Потому и в начале он прежде всего указал на всеобщие явления, и в конце ими же заключил речь: выше сказал о солнце и луне, о молниях и дождях, которые бывают не в одной только части вселенной, а в заключение указал на общую всех пищу. Затем, доказав промышление Божие о всем, прибавил: "**исповедайтесь Богу Небесному, ибо во век милость Его**" (ст. 26), потому что из сказанных явлений открывается и то, что Он есть Господь всего, и горнего и дольнего, и на все простирается Его промышление и попечение. Будем же возносить Ему благодарность за все, за всеобщее и за частное, за благость, за человеколюбие, за могущество, за попечение, и будем делать это постоянно в продолжение всей жизни, как и псалмопевец говорит: "**исповедайтесь Господу, ибо Он благ, ибо во век милость Его**". Это – жертва; это – приношение; это особенно преклоняет Его на милость к нам и привлекает Его благоволение, которого да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Святитель читает не: сотворшему, а: творящему – τῶ ποιοῦντι

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 136

1 Давиду иеремием. На реках вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам сиона:	1 Давида. Иеремиею. На реках Вавилонских, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе.
2 на вербиих посреде его обесихом	2 На вербах среди него мы повесили органы

органы нашя.

3 Яко тамо вопросиша ны пленшии нас о словесех песней, и ведшии нас о пении: воспойте нам от песней сионских.

4 Како воспоем песнь Господню на земли чуждей?

5 Аще забуду тебе, иерусалиме, забвена буди десница моя.

6 Прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу иерусалима, яко в начале веселия моего.

7 Помяни, Господи, сыны едомския в день иерусалимль глаголющыя: истощайте, истощайте до оснований его.

8 Дщи вавилоня окаянная, блажен, иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам:

9 блажен, иже имет и разбиет младенцы твоя о камень.

наши.

3 Ибо там спрашивали нас пленившие нас о словах песней и уведшие нас о пении: "воспойте нам (что-либо) из песней сионских!"

4 Как запоем песнь Господню на земле чужой?

5 Если забуду тебя, Иерусалим, да будет забыта десница моя!

6 Прилипни язык мой к гортани моей, если я не буду помнить Тебя, если не поставлю Иерусалима, как верх веселия моего!

7 Припомни, Господи, сынам Едомским, в день Иерусалима говорившим: "опустошайте, опустошайте его до основания!"

8 Дочь Вавилона окаянная! Блажен, кто сделает тебе воздаяние за то, что сделала ты нам.

9 Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень.

1. Велика любовь у этих людей к городу (Иерусалиму), великое желание – возвратиться туда. Пока они обладали благами, то постоянно были недовольны и дерзки; а когда лишились их, тогда стали желать их; для того Бог и лишил их, чтобы возбудить в них большее желание. Так и часто поступает Бог. Когда мы, наслаждаясь Его благами, не чувствуем этого, Он лишает нас их, чтобы мы вразумились лишением и опять старались приобрести их. Но почему они сидели при реках? Они были пленниками и находились в неприятельской стране; потому и жили вне стен и городов. "**На вербах среди него мы повесили органы наши**" (ст. 2). Другой переводчик (Акила) говорит: **псалтири** (κιθάρας). Третий (Симмах): **лиры** (λύρας). Для чего они, отправляясь в плен, взяли с собою органы, которыми не могли пользоваться? Это устроено было Богом для того, чтобы и в чужой стране они имели памятники своего прежнего общественного устройства и тем более сокрушались, видя знаки тогдашнего богослужения. "**Ибо там спрашивали нас пленившие нас о словах песней и уведшие нас о пении: "воспойте нам (что-либо) из песней сионских!**" (ст. 3). Не мало пользы получили они и от того, что иноплеменники приставали к ним и желали слышать их песни. Посмотри и здесь, какое получали они исправление от плена. Те, которые вышли из надлежащих пределов, отступили от своего богопочтения и всеми способами попирали закон, на чужой земле вели себя так строго, что даже тогда, когда иноплеменники приставали к ним, угрожали, со всех сторон окружали их и желали послушать, даже и тогда они не склонились на их желание, но предпочли закон и строго сохранили его. Вместо: "**уведшие**", другой переводчик

(неизвестный, см. Ориг. Экз.) сказал: **надменно поступавшие с нами** (καταλαζονευόμενοι ἡμῶν), выражая как бы следующее: те, которые прежде нападали на нас и восставали, со временем сделались столь кроткими, тихими и смиренными, что даже желали послушать наших песней. Однако иудеи не согласились петь. Видишь ли, как скорбь делает людей сильными, как делает сокрушенными, как смиряет душу? Они и плакали и сохраняли закон; те самые, которые смеялись над плакавшими пророками, забавлялись и издевались, теперь, когда им никто не напоминал об них, обращались к слезам и плакали. От этого и враги получали великую пользу; они видели, что иудеи тяготились не пленом, оплакивали не рабство и не пребывание в чужой земле, а лишение собственного богослужения. Поэтому псалмопевец и прибавляет: "**вспоминали о Сионе**". И не просто плакали они, но делали из этого постоянное занятие. Поэтому и в начале он сказал: "**сидели мы и плакали**", т.е. для того и садились, чтобы плакать и рыдать. Почему же не позволялось им петь в чужой земле? Потому, что нечистым ушам не следовало слышать этих таинственных песнопений. "**Как запоем песнь Господню на земле чужой?**" (ст. 4)? Т.е. нам не позволительно петь; хотя мы и лишились отечества, однако продолжаем хранить закон и соблюдать его в точности; хотя вы и владеете нашими телами, но не преодолеете души. Видишь ли душу, которая от скорби сделалась любомудрою и стала выше бедствий? "**Если забуду тебя, Иерусалим, да будет забыта десница моя! Прилипни язык мой к гортани моей, если я не буду помнить Тебя, если не поставлю Иерусалима, как верх веселия моего!**" (ст. 5, 6). Заметь и здесь великую перемену. Те, которые каждый день слышали, что они будут лишены города, и не обращали на это внимания, теперь сами на себя призывают проклятия, если забудут о нем. Что значит: "**да будет забыта десница моя**"? Пусть, говорит, крепость моя, сила моя забудет меня, и пусть я буду безгласен от множества бедствий, "**если я не буду помнить Тебя, если не поставлю Иерусалима, как верх веселия моего**". Что значит: "**если не поставлю Иерусалима**"? Не только, говорит, буду воспоминать о тебе при других делах, но и при пении, и в песнях. Слово: "**поставлю**" значит: поставлю в начале песни; оно выражает сильное желание или лучше любовь и пламенное стремление к городу. Выслушаем это все мы, и будем поучаться. Как они, когда лишены были города, тогда и стали искать его, так многие и из нас испытают тоже, когда в тот день лишатся горнего Иерусалима. Но они после лишения имели надежду возвращения, а нам, когда мы лишимся, уже невозможно будет возвратиться. "**Червь их**", говорить Господь, "**не умирает и огонь не угасает**" (Мк.9:46). Поэтому нам нужно с особенною тщательностью наблюдать за самими собою и так устроять настоящую жизнь, чтобы не сделаться пленниками, чуждыми и отлученными от того отечественного города. "**Припомни, Господи, сынам Едомским, в день Иерусалима говорившим: "опустошайте, опустошайте его до основания!**" (ст. 7). И это выражение свойственно людям, пламенно стремящимся к городу. Смысл слов их следующий: накажи тех, которые не хотели довольствоваться взятием города, не насытились его разрушением, но настаивают и говорят: разрушайте, пока есть у него основание. Они хотели бы, чтобы не осталось и самих оснований города, но чтобы и основания его были исторгнуты.

2. Вместе с вавилонянами тогда напали на иудеев и аравитяне, о которых пророк часто упоминает и которых сильно укоряет за то, что они, не смотря на свое родство с иудеями, поступали хуже врагов. "**Дочь Вавилона окаянная! Блажен, кто сделает тебе воздаяние за то, что сделала ты нам**" (ст. 8). Другой (Акила): **опустошенная** (προνενομευμένη). Третий (Феодотион): **которая будет расхищена** (διαρπασθησομένη). Здесь он показывает силу Божию не в избавлении от бедствий, но и в ниспослании бедствий на самих победителей, предсказывает несчастья, которые постигнут Вавилон, и, по причине имеющих постигнуть его бедствий, называет его несчастным. Этим он также научает иудеев, внушая, что сила Божия распростерта по всей земле. "**Блажен, кто сделает тебе воздаяние за то, что сделала ты нам**". Другой (неизвестный, см. Ориг.

Экз.): **которое прежде ты сделала нам** (προεποίησας). "**Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень**" (ст. 9).

Эти слова, исполненные великого гнева и угрожающие великим наказанием и мучением, суть слова страсти пленных, которые требуют великого наказания, некоторой изумительной и необыкновенной казни. Пророки многое говорят не от себя, но изображая и выставляя на вид страсти других. Если же хочешь знать собственную мысль пророка, то послушай, что он говорит: "**если я отомстил воздающим мне зло**" (Пс.7:5); он стоял выше даже той меры возмездия, которая была дозволена ему законом. А когда он изображает страсти других, то описывает гнев, негодование, как сделал и теперь, выставляя на вид страстное желание иудеев, которые простирали свой гнев даже на младенческий возраст. Но не так в новом завете; напротив, нам заповедано напаять и питать врагов и молиться за обижающих нас. Это мы делаем по установленному для нас закону. Какому? "**Если праведность ваша**", сказал Господь, "**не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**" (Мф.5:20). Покажем же великое усердие и будем в превосходстве хранить всю правду, живя еще на земле, как на небе, и ликуя вместе с ангелами. Таким образом мы достигнем и будущих благ, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 137

1 Псалом давиду, аггеа и захарии. Исповемся тебе, Господи, всем сердцем моим, и пред ангелы воспою тебе, яко услышал еси вся глаголы уст моих:

1 Псалом Давида. Аггея и Захарии. Исповедаюсь Тебе, Господи, всем сердцем моим, и пред Ангелами воспою Тебе, ибо Ты услышал все слова уст моих.

2 поклонюся ко храму святому твоему и исповемся имени твоему о милости твоей и истине твоей, яко возвеличил еси над всем имя твое святое.

2 Поклонюсь храму святому Твоему и исповедаю имя Твое, за милость Твою и истину Твою, ибо Ты возвеличил над всем имя Твое святое.

3 В оньже аще день призову тя, скоро услыши мя: умножиши мя в души моей силою твоею.

3 Когда я призову Тебя, скоро услышь меня: силою Твоею умножь попечение обо мне, о душе моей.

4 Да исповедятся тебе, Господи, вси царие земстии, яко услышаша вся глаголы уст твоих:

4 Да исповедают Тебя, Господи, все цари земли, ибо они услышали все слова уст Твоих,

5 и да воспоют в путех Господних, яко велия слава Господня:

5 И да воспоют пути Господни, ибо велика слава Господня.

6 яко высок Господь, и смиренныя призирает, и высокая издалеча весть.

6 Ибо высок Господь и на смиренное взирает и превознесенное издали знает.

7 Аще пойду посреде скорби, живиши мя: на гнев враг моих простерл еси руку твою, и спасе мя десница твоя.

7 Если я пойду среди скорби, Ты даруешь мне жизнь: на гневных врагов моих Ты простер руку Твою, и спасла меня десница Твоя.

8 Господь воздаст за мя: Господи, милость твоя во век: дел руку твоею не презри.

8 Господь воздаст за меня; Господи, милость

Твоя во век, дел рук Твоих не презирай.

1. Об этом я часто беседовал с вами; потому, оставив это, перейдем к следующему. Что значит: "**и пред Ангелами воспою Тебе**"? Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **с дерзновением, Боже, воспою тебя** (παρρησία… άσω σε). Третий (Акила): **пред богами воспою тебе** (έναντι θεῶν μελψδήσω σοι). Если он говорит об ангелах небесных, то слова его имеют такой смысл: постараюсь петь вместе с ангелами, буду соревновать им, ликовать вместе с горними силами; хотя я и отличен от них по природе, однако постараюсь усердием сравняться с ними. Если же примем эти слова по изъяснению других переводчиков, то, мне кажется, он говорит о священниках. Писание обыкновенно называет священника и ангелом и богом; то оно говорит: "**судей не злословь и начальника в народе твоем не поноси**" (Исх.22:28), то: "**уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа**" (Малах.2:7). Таким образом, если принять последнее, то сказанное нужно понимать так: со священниками, в их присутствии, когда они будут начинать и предшествовать, и я с подобающим благочинием пойду, последую за ними и воспою Тебе. "**Ибо Ты услышал все слова уст моих**". Видишь ли великую благодарность? Видишь ли напряженное внимание? Не так, как некоторые из людей беспечных и рассеянных, которые до получения бывают ревностны, а после получения нерадивы, – он и до получения усердно приступает, и после получения непрестанно благодарит. А из того, что он был услышан Богом, видно, что он совершал молитву чистую и превосходную, потому что мы тогда особенно бываем услышаны, когда молитва наша благоугодна Ему.

Итак, от нас зависит и то, чтобы мы были услышаны. Когда мы просим того, что Бог достойно может дать, когда просим с усердием; когда сами делаем себя достойными получения, тогда Он слышит моление и подает просимое. "**Поклонюсь храму святому Твоему и исповедаю имя Твое, за милость Твою и истину Твою, ибо Ты возвеличил над всем имя Твое святое**" (ст. 2). Не малая и это добродетель, когда кто может входить в храм и, входя, покланяться с чистою совестью. Не в том дело, чтобы преклонить колена, или войти в храм, но в том, чтобы войти с душою усердною и с умом внимательным, чтобы пребывать в нем не телом только, но и душою. Не малое достоинство – покланяться Богу всех так, как должно покланяться. Если пред царями это считается достоинством, то тем более пред Богом всех. "**И исповедаю имя Твое, за милость Твою и истину Твою**". Что это значит? Буду благодарить, говорит, Тебя за то, что я испытал на себе великое Твое попечение, потому что я не за свои заслуги удостоился возвратиться в отечество и увидеть храм, но по милости Твоей и человеколюбию Твоему. За то буду покланяться Тебе, за то "**исповедаю имя Твое**", что меня, достойного казни и мучения и стоящего того, чтобы постоянно жить в чужой стране, Ты скоро возвратил оттуда. "**Ибо Ты возвеличил над всем имя Твое святое**". Смысл этих слов следующий: не за благодеяния только я буду благодарить, но и за саму славу Твою неизреченную, за величие беспредельное, за естество непостижимое. "**Ибо Ты возвеличил**", говорить, "**над всем имя Твое святое**", т.е. благодеяниями, стихиями, – тем, что на небе, тем, что на земле, делами в отношении к врагам, делами в отношении к Своим. Нет ни одной части создания, горнего и дольнего, которая не возвещала бы звучнее трубы величия имени Твоего. Представим ли ангелов, или архангелов, или бесов, или бесчувственные стихии, камни, семена, солнце, луну, землю, моря, или рыб и птиц, или озера, источники, реки, – во всем является великое имя Твое. Другой переводчик (неизвестный, см. Ор. Экз.) вместо: "**Ты возвеличил над всем имя Твое святое**", говорит: потому что **ты возвеличил над всеми именами твоими**

слово твое (υπερ πάντα τὰ νόματά σου τὴν ρη῎σιν σου). Третий (неизвестный, см. Ор. Экз.): **изречение твое** (λόγιον). "**Когда я призову Тебя, скоро услышь меня: силою Твоею умножь попечение обо мне, о душе моей**" (ст. 3). Другой (неизвестный, см. Ор. Экз.): **в день, в который я призвал тебя, ты услышал меня** (επεκαλεσάμην… επήκουσας). Это и Бог обещал, сказав: "**тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: "вот Я!**" (Ис.58:9); этого и пророк просит. Таковы души, находящиеся в скорби: они хотят скоро видеть избавление от бедствий. "**Силою Твоею умножь попечение обо мне, о душе моей**". Другой (Симмах): **ты возбудил в душе моей силы** (συνέστης… δυνάμεις), как и прежде, вместо: услыши меня, другой переводчик сказал: услышал меня. Что же значат эти слова? Возвышенным (μετέωρα) называется все высокое, от глагола: αιρεσθαι (подниматься вверх), и возвышениями моря (μετεωρισμοὶ) называются его волны и поднятия, от αιρεσθαι.

Поэтому умножь значит: вознесешь меня, возвысишь меня. Тоже он сказал и в другом мести: "**по высоте Твоей Ты умножил попечение о сынах человеческих**" (Пс.11:9), т.е. вознес, возвысил. Так и здесь он говорит: умножь, чтобы выразить: Ты исполнишь меня великой радости, сделаешь душу мою возвышенною и, что всего важнее, не допустишь, чтобы это возвышение мое, эта радость моя была скоротечна, но сделаешь ее крепкою, прочною, твердою и неподвижною. Вот что значит: "**силою Твоею умножь попечение обо мне, о душе моей**".

2. Смысл этих слов следующий: Ты возвысишь меня силою, вознесешь крепостью и поможешь мне. Потому и другой переводчик, выражая это самое, сказал: **ты возбудил в душе моей силы**. Хорошо сказал он: в душе моей. Это особенно свойственно Богу – ободрять души среди скорбей, как было и с апостолами. Их бичевали, а они возвращались с радостью (Деян.5: 41): так возвышена была душа их! Это преимущественное дело силы Божией, это преимущественно являет могущество Его, – не допускать душу падать среди бедствий. "**Да исповедают Тебя, Господи, все цари земли, ибо они услышали все слова уст Твоих**" (ст. 4). Посмотри на признательность его. Он не довольствуется тем, что сам благодарит, но и всех властителей призывает к участию в благодарности, и даже венценосцев. Хотя и велика, говорит, их власть и сила, но все они должны благодарить Тебя и за то, что сделано для других. Выражая это, он и присовокупляет: "**услышали все слова уст Твоих**". Если они будут благодарить, то получат отсюда великое приобретение и пользу. Дары Твои так открыты для всех, что, кто хочет, может участвовать в них и пользоваться ими. И царство не может доставить людям столько пользы, сколько слышание слов Твоих. Это для них – безопасность, это – сила, это – украшение, это – великолепие, это – царство, это – блеск и могущество власти. "**И да воспоют пути Господни, ибо велика слава Господня**" (ст. 5). Если читать: в путях Твоих, то сказанное значит: в законах Твоих, в повелениях Твоих. Если же – "**пути Господни**", то: пусть, говорит, повествуют, прославляют, возвещают славные дела Твои, – это именно значит слово: "**да воспоют**". "**Ибо велика слава Господня**", т.е. всем известна, всем ясна, всем очевидна, всем готова благодетельствовать, так что все обязаны ей благодарностью. "**Ибо высок Господь и на смиренное взирает и превознесенное издали знает**" (ст. 6). Высок по естеству, высок по существу. Но здесь еще говорится применительно к служению иудейскому и не в строгом смысле; а далее он поясняет это и смиренному слушателю внушает глубокую мысль. Что же значит: "**превознесенное издали знает**"? Здесь говорится о предведении, которое особенно свойственно силе Божией. Потому и у пророков Бог часто этим опровергает заблуждение идолослужителей. Другой переводчик (Акила) говорит: **и вознесенное издалеча распознает** (επηρμένον… διαγινώσκει). Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **и возвышенное** (μετεώρον). Так как он сказал: "**высок Господь и на смиренное взирает**", то прибавляет: "**и превознесенное издали знает**", дабы показать, что Бог не просто знает высокое, но и на большом расстоянии, т.е. прежде,

нежели оно сбылось, прежде, нежели исполнилось, прежде, нежели осуществилось на деле. "**Если я пойду среди скорби, Ты даруешь мне жизнь: на гневных врагов моих Ты простер руку Твою, и спасла меня десница Твоя**" (ст. 7). Не сказал: отгонишь скорбь; но: среди самих скорбей оживишь меня, т.е. можешь спасти среди самих опасностей. Это и удивительно и необыкновенно, чтобы в то самое время, когда окружают бедствия и враги, поставить в безопасности человека, окруженного ими. "**На гневных врагов моих Ты простер руку Твою**". Другой (Симмах): **против дыхания врагов моих прострешь** (αναπνοῆς… εκτενεῖς). Видишь ли величайшую силу, простирающуюся на ту и другую стороны? И меня, говорит, находящегося среди бедствий, Ты можешь спасти, и их, беснующихся, неистовствующих и дышащих огнем, смирить и укротить. "**И спасла меня десница Твоя**". Другой (Симмах): **и спасет меня десница твоя** (σώσει), т.е. сила Твоя, крепость Твоя. Подлинно у Бога есть все пути и все средства, и из отчаянного положения Он может привесть ко спасению. "**Господь воздаст за меня; Господи, милость Твоя во век, дел рук Твоих не презирай**" (ст. 8). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **отдаст** (συντελέσει). Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **уплатит** (επιτελέσει), т.е. отмстит врагам. Не сказал: отмстить, а: "**воздаст**", дабы показать, что, хотя долг на мне, но Он удовлетворит и уплатит, потому что Он человеколюбив. Можно относить это и к тому, что сделано для нас Христом. Он воздал за нас. "**Господи, милость Твоя во век, дел рук Твоих не презирай**". Приводит два основания для получения милости: одно то, что Бог милосерд и благ, и милосерд постоянно, так что человеколюбие Его никогда не прерывается, не прекращается и не уменьшается; а другое то, что Он – Творец и Создатель. Но если мы на этих основаниях испрашиваем себе спасения, то и с своей стороны должны являть что-нибудь достойное милости. "**Кого миловать**", говорит Он, "**помилую**" (Рим. 9:15). Он милует не без разбора, но и Он также делает некоторое различие. Если бы Он миловал без разбора, то никто не подвергался бы наказанию. Итак, будем делать должное не только для того, чтобы получить милость, но и потому, что мы созданы Богом. Кто создан Богом, имеет такого Творца и Царя, тому должно вести жизнь, достойную Его попечения и такого промышления. Если мы будем так поступать, то получим будущие блага, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 138

1 В конец давиду, псалом захариин, в разсеянии. Господи, искусил мя еси и познал мя еси: ты познал еси седание мое и востание мое.

2 Ты разумел еси помышления моя издалеча:

3 стезю мою и уже мое ты еси изследовал и вся пути моя провидел еси.

4 Яко несть льсти в языце моем: се, Господи, ты познал еси

5 вся последняя и древняя: ты создал еси мя и положил еси на мне руку твою.

6 Удивися разум твой от мене,

1 В конец. Давида. Псалом Захарии, в рассеянии. Господи, Ты испытал меня и узнал меня: Ты узнал, когда я сажусь и встаю.

2 Ты издали уразумел помыслы мои.

3 Стезю мою и путь мой Ты исследовал, и все пути мои Ты предвидел,

4 Ты, Господи, узнал, что нет лести на языке моем:

5 Все последнее и первое. Ты создал меня и положил на меня руку Твою.

6 Дивно ведение Твое для меня: мощно! Не могу (постигнуть) его.

утвердися, не возмогу к нему.

7 Камо пойду от духа твоего? и от лица твоего камо бежу?

8 Аще взыду на небо, ты тамо еси: аще сниду во ад, тамо еси.

9 Аще возму криле мои рано и вселюся в последних моря,

10 и тамо бо рука твоя наставит мя, и удержит мя десница твоя.

11 И рех: еда тма поперет мя? и нощь просвещение в сладости моей.

12 Яко тма не помрачится от тебе, и нощь яко день просветится: яко тма ея, тако и свет ея.

13 Яко ты создал (стяжал) еси утробы моя, восприял мя еси из чрева матере моея.

14 Исповемся тебе, яко страшно удивился еси: чудна дела твоя, и душа моя знает зело.

15 Не утаися кость моя от тебе, юже сотворил еси в тайне, и состав мой в преисподних земли.

16 Несоделанное мое видесте очи твои, и в книзе твоей вси напишутся: во днех созиждутся, и никтоже в них.

17 Мне же зело честни быша друзи твои, Боже, зело утвердишася владычествия их:

18 изочту их, и паче песка умножатся: востах, и еще есмь с тобою.

19 Аще избиеши грешники, Боже: мужие кровей, уклонитеся от мене.

20 Яко ревниви есте в помышлениих, приимут в суету грады твоя.

21 Не ненавидящыя ли тя, Господи,

7 Куда пойду от Духа Твоего и от Лица Твоего куда убегу?

8 Взойду ли на небо - Ты там, сойду ли в ад - Ты там пребываешь.

9 Если подниму крылья мои поутру и поселюсь на краю моря,

10 То и там рука Твоя поведет меня и удержит меня десница Твоя.

11 И сказал я: "Может быть, тьма сокроет меня?" Но и ночь (есть) свет в услаждении моем.

12 Ибо тьма не будет темна от Тебя, и ночь будет светла, как день: какова тьма ее, таков и свет ее (будет).

13 Ибо Ты создал внутренности мои, воспринял меня от чрева матери моей.

14 Буду исповедовать Тебя, ибо Ты явился страшно дивным: чудны дела Твои, и душа моя знает (их) близко.

15 Не сокрыты были от Тебя кости мои, которые создал Ты втайне, и образование меня (как бы) в преисподних земли.

16 Неоконченное (зарождение) мое видели очи Твои, и в книге Твоей все (люди) будут записаны: в течении дней они образуются, но никто из них (не останется не записанным).

17 А мне весьма почтенны друзья Твои, Боже, весьма надежно их владычество.

18 Попытаюсь счесть их, но они многочисленнее песка морского. Пробудился я, и еще с Тобою пребываю.

19 если бы избил Ты, Боже, грешников! Мужи кровожадные, удалитесь от меня!

20 Ибо вы дерзки в замыслах. Но тщетно они будут владеть городами Твоими.

21 Не возненавидел ли я ненавидящих Тебя, Господи, и о врагах Твоих не сокрушался ли?

возненавидех, и о вразех твоих истаях?

22 Совершенною ненавистию возненавидех я: во враги быша ми.

23 Искуси мя, Боже, и увеждь сердце мое: истяжи мя и разумей стези моя:

24 и виждь, аще путь беззакония во мне, и настави мя на путь вечен.

22 Совершенною ненавистью возненавидел я их: они стали для меня врагами.

23 Искуси меня, Боже, и узнай сердце мое, испытай меня и узнай пути мои:

24 И увидишь, есть ли у меня путь беззакония? И наставь меня на путь вечный.

1. Что говоришь ты? После испытания Бог знает, а прежде испытания не знает? Отнюдь нет; как это может быть, когда Он знает все прежде бытия? Выражение: "**испытал меня**" значит: совершенно знаешь меня. Как апостол, когда говорит, что Бог испытает "**сердца**" (Рим.8:27), означает не неведение, а совершенное знание, так точно и Псалмопевец словами: "**испытал меня**" означает яснейшее знание, т.е.: Ты совершенно знаешь меня. "**Ты узнал, когда я сажусь и встаю**". Сидением и восстанием означает он всю жизнь, потому что в этом проходит наша жизнь, – в делах, движениях, входах, выходах. Затем, так как он в начале сказал: "**испытал меня**", то чтобы кто-нибудь из неразумных не подумал, что Он знает только по испытанию, или по опыту, на основании слов: "**Ты узнал, когда я сажусь и встаю**", посмотри, как он предотвращает это последующим прибавлением: "**Ты издали**", говорит, "**уразумел помыслы мои**" (ст. 2), выражая этим, что Бог знает не вследствие испытания и не имеет нужды в испытании, но знает все силою предведения. Тот, кто знает помышления, находящиеся в уме, не имеет нужды в испытании посредством дел. Притом Бог знает помышления не только появляющиеся в уме, но еще прежде, нежели они появились; и не просто прежде, нежели появились, но и задолго прежде. Желая выразить это, пророк и присовокупил: "**ты издали**

уразумел помыслы мои". Если же Бог знает сами помышления, то для чего Он употребляет испытание посредством дел? Не для того, чтобы Самому узнать, но чтобы испытываемых сделать опытными. Так и Иова Он знал прежде испытания, почему и свидетельствовал о нем так: "**человек непорочный, справедливый, богобоязненный**" (Иов.2:3); однако употребил и испытание, чтобы и его сделать более твердым, и обличить коварство диавола, примером его сделать и других более ревностными. И удивительно ли, что Он поступил так с Иовом, когда и с грешниками Он делает то же самое? Так, Он совершенно знал, что ниневитяне не заслуживают погибели, но чрез покаяние исправятся; однако употребил и испытание самым делом; и везде Он представляет много доказательств Своего промышления и человеколюбия, не довольствуясь Своим знанием.

Вот почему и Единородный говорил: "**если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне; а если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим**" (Ин.10:37,38). Так как многие, грубые душою и бесчувственные, говорят многое подобным образом: такого-то Бог избрал, такого-то возлюбил, а такого-то возненавидел, и оттого один стал хорошим, а другой дурным, – то Он, желая исправить мысли каждого из подобных людей, убеждает их делами, представляя доказательство от дел, и с одной стороны еще прежде опытов объявляет, что такой-то добродетелен, чтобы они познали силу Его предведения, а с другой стороны удостоверяет и делами, чтобы кто-нибудь из неразумных не сказал, что такой-то сделался таким вследствие предсказания. И Павел, посмотри, как выражает это,

когда говорит: "**когда они еще не родились и не сделали ничего доброго или худого (дабы изволение Божие в избрании происходило не от дел, но от Призывающего), сказано было ей: больший будет в порабощении у меньшего**" (Рим.9:11,12). Бог не имеет нужды ожидать конца дел, но еще прежде Сам знает, кто будет дурным и кто – не таким. "**Стезю мою и путь мой Ты исследовал, и все пути мои Ты предвидел**" (ст. 3). Как сидением и восстанием пророк называет действия, согласно с общим обычаем, – ведь и мы часто говорим: такой-то знает, как садятся и как встают, выражая точное его знание, – так "**стезею**" и "**путем**" он называет здесь всю свою жизнь, почему и присовокупляет: "**и все пути мои Ты предвидел**". И выражение: "**исследовал**", означает не искание и исследование, а точное знание; и здесь, желая выразить тоже, он прибавил: "**все пути мои Ты предвидел**", т.е. все действия худые и добрые Ты знаешь прежде, нежели они совершились. "**Ты, Господи, узнал, что нет лести на языке моем**" (ст. 4). Другой переводчик (Симмах) говорит: **разноречия** (ετερολγία). Это – величайший признак добродетели; это – главное из благ; этого особенно требует Христос, когда говорит: "**если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное**" (Мф.18:3), – разумея незлобие, бесхитростность, прямоту и простоту. Поэтому Он и избрал людей простых и говорил: "**славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам**" (Мф.11:25). Заметь, пророк не сказал: я имел и отверг лукавство, но: никогда его не было у меня, никогда эта болезнь не касалась языка моего, никогда этот порок не имел ко мне доступа. "**Все последнее и первое. Ты создал меня и положил на меня руку Твою**" (ст. 5). Не помышление только, говорит, знаешь Ты, и не дела мои и пути мои только, но все, что было и будет. "**Ты создал меня и положил на меня руку Твою**". От силы предведения он переходит к силе творческой, и от творческой опять к силе предведения. Бог не только создал нас не существовавших, но и созданных содержит.

2. То и другое и Павел приписывает Христу: "**Бог многократно и многообразно**", говорит, "**говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего**" (Евр.1:1,2). Затем, продолжая, говорит и о творчестве: "**чрез Которого и веки сотворил**". Далее, упомянув о существе Его и сказав: "**Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его**", показывает и промыслительную Его силу: "**и держа**", говорит, "**все словом силы Своей**" (ст. 3). И в послании к Колоссянам он говорит тоже самое: "**ибо Им создано всё, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано**" (Кол.1:16,17). Это – о творчестве Его. Затем, указывая на промыслительную силу, прибавляет: "**и Он есть прежде всего, и все Им стоит**" (ст. 17). Также Иоанн, изображая то и другое, говорит: "**все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть**" (Ин.1:3). Этим он указывает на творчество. Затем говорит о промышлении: "**в Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков**" (ст. 4). Тоже и пророк выражает здесь. "**Ты создал меня**": это говорит он о творчестве. Далее говорит о промышлении: "**и положил на меня руку Твою**". Что значит: "**положил**"? Содержишь, соблюдаешь, носишь. На это и Павел указывает в словах: "**ибо мы Им живем и движемся и существуем**" (Деян.17:28), потому что не только для получения бытия, но и для сохранения и продолжения бытия мы имеем нужду в Его силе. "**Дивно ведение Твое для меня: мощно! Не могу (постигнуть) его**" (ст. 6). Другой (Симмах): **превышает меня** (υπερβάλλει); и вместо слова: **утвердися**, другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.) говорит: **превознесен** (υπερεπήρθη). Смысл слов его следующий: хотя и промышлением Твоим я пользуюсь и знаю, что Ты провидишь все и создал меня из небытия, однако не могу иметь о Тебе знания точного и вполне ясного: оно **удивися**, т.е. превышает, превосходит меня, так обширно, что не может быть обнято умом моим; так оно дивно, так велико! Но при всем том, что оно дивно и велико, не может ли оно быть обнято умом? Нет; поэтому, чтобы ты не утверждал этого, он и прибавил: "**не**

могу (постигнуть) его". Рассуждая о знании, он не говорит: я не знаю Бога; но я не имею о Нем знания совершенного и ясного. Так говорит и Павел; о том, что Он есть, мы знаем, а того, что Он есть по существу, не знаем: "**надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть**" (Евр.11:6). Не сказал, что Он есть по существу, потому что это никому неведомо. О том, что Бог человеколюбив, что Он милосерд, что Он благ, мы знаем, а в какой степени – не знаем. Но пророк, оставив все это, указывает на нечто другое, что кажется более доступным, и сознается, что не знает и этого. Не говорю уже о том, продолжает он, что есть Бог по существу, и о том, в какой степени Он благ, – известно, что это непостижимо, – но я не могу сказать и того, как Он существует везде; и это выше нашего разумения. Поэтому, сказав: "**дивно ведение Твое для меня: мощно! Не могу (постигнуть) его**", он продолжает: "**куда пойду от Духа Твоего и от Лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо – Ты там, сойду ли в ад – Ты там пребываешь. Если подниму крылья мои поутру и поселюсь на краю моря** (другой (Симмах): **останусь** (καταμενῶ), **то и там** (другой (Симмах): **еще и там** (ετι εκεῖ) **рука Твоя поведет меня и удержит меня десница Твоя**" (ст. 7-10). "**Духом**" и "**лицом**" называет он самого Бога; т.е. куда пойду я от Тебя? Ты все наполняешь, везде присутствуешь, не частью, но везде вдруг, всецело. Исчисляя места горние и дольние, широту и долготу, глубину и высоту, он показывает, что Бог присутствует везде. И не сказал: куда я ни пойду, Ты последуешь за мною и удержишь меня, но: куда я ни пойду, Ты – там, т.е. там нахожу тебя существующим прежде меня. Поэтому-то он и говорит: "**не могу (постигнуть) его**". Но, если ты не знаешь Его совершенно, то почему знаешь, что Он дивен? Потому, что Он превышает мое разумение, побеждает мой разум. И солнечного луча мы не можем знать ясно, и однако поэтому самому особенно удивляемся ему; так точно и в отношении к познанию Бога. Мы не знаем Его совершенно; мы знаем, что Он человеколюбив, благ, милосерд, снисходителен, и существует везде; но что Он по существу, или в какой степени названные свойства принадлежат Ему, или как Он существует везде, этого не знаем. Сказав таким образом, почему "**не могу (постигнуть) его**", возвестив о Божием предведении, творчестве, промышлении, непостижимости и неизъяснимости существа Его, пророк потом говорит о другой силе Его, которая также внушает великое удивление, если исследовать ее разумом, потому что и она непостижима. Какая же это сила? "**То и там рука Твоя поведет меня и удержит меня десница Твоя**", т.е. Ты можешь сделать, чтобы люди, подвергшиеся бедствиям, находясь среди самих бедствий, не были изнурены бедствиями.

3. Чтобы объяснить это, пророк прибавляет: "**И сказал я: "Может быть, тьма сокроет меня?" Но и ночь (есть) свет в услаждении моем. Ибо тьма не будет темна от Тебя, и ночь будет светла, как день: какова тьма ее, таков и свет ее (будет)**" (ст. 11,12). Сказав выше о том, что я перечислил, и вместе о том, что Бог не только везде присутствует, но и руководит, охраняет и ограждает, теперь он показываете и в этом прибавлении нечто необыкновенное, т.е. что Бог не только ограждает и охраняет, но и совершает это сверхъестественно. Сказав: "**рука Твоя поведет меня и удержит меня десница Твоя**", он присовокупляет: "**И сказал я: "Может быть, тьма сокроет меня?**". Другой (Симмах): **если скажу: может быть тьма прикроет меня** (εὰν… επισκεπάσει). Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **сокроет меня** (καλύψει).

"**Тьма**" здесь означает скорбь. Смысл слов его следующий: я был окружен бедствиями и сказал в самом себе: одолеют меня бедствия; таков смысл слов: "**тьма прикроет меня**"; а другой говорит: **тьма сокроет меня**. "**И ночь будет светла, как день**". Другой (Симмах): **ночь светла вокруг меня** (νῦξ ψωτεινὴ περὶ εμὲ). Что же это значит? Я, говорит, сказал это, соображая по обыкновенному порядку вещей; но внезапно зло обратилось в добро, или лучше, не зло обратилось в добро, а, тогда как зло оставалось, я наслаждался великим спокойствием. Он не сказал: ночь исчезла, но: ночь была светлою. Это значит: ночь,

оставаясь ночью, т.е. бедствия и несчастья, – потому что их он разумеет под именем ночи, – не могли попрать меня, но во время ночи был свет, т.е. защита для меня. Действительно, когда хочет Бог, тогда и противоположное бывает и является в противоположном. Не видел ли ты и пещь горящую, и росу прохлаждающую, и первую неугасающею, и последнюю не высыхающею, и прохладу и пламень вместе? Как же, скажи мне, это было? Хочу знать: как это было? Или нет, я не хочу и знать, как было, – потому что невозможно; но верую событию и покланяюсь Виновнику его: "**пути Его кто постигнет? Как ветер, которого человек не может видеть, так и большая часть дел Его сокрыта**" (Сир.16:21). Разве не знаешь, что египтяне днем ходили ощупью, как бы во мраке, а израильтяне видели, и когда мрак все покрывал, – что и в начале свет воссиял среди тьмы? Творец всегда владычествует над природою вещей, не в том только смысле, что производит несуществующее, но и в том, что и существующему в природе может дать иной вид. "**Ибо тьма не будет темна от Тебя**". Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **у тебя** (παρά σοι). "**И ночь будет светла, как день**". Другой (Симмах): **но и ночь как день явится** (αλλὰ φανεῖται). "**Какова тьма ее, таков и свет ее (будет)**". Другой

(неизвестный переводчик): **подобно тьме и свет ее** (ομοιον). Хорошо сказал он: "**от Тебя**", т.е. у Тебя, выражая следующее: если Ты захочешь, то и тьма не будет тьмою, но покажет свойства света. Поэтому и присовокупляет: "**и ночь будет светла, как день**", чем еще более объясняет прежде сказанное и выражает, что ночь покажет свойства дня, как бы свои собственные. Когда хочет Бог, то стихии изменяют свои действия на противоположные так точно, как будто бы они от начала были их собственные. Если Ты захочешь, то и ночь будет такова, и ей так будет свойствен свет, как тьма. Это и выражает он, присовокупляя: "**какова тьма ее, таков и свет ее (будет)**". Это сказано в смысле собственном о стихиях, а в переносном – о делах. Отсюда видно, что Бог может доставить людям, впавшим в скорби, столько же отрады, облегчая их скорби, сколько имеют ее люди, пользующееся счастьем. Чудно это и удивительно, – так, например, было и с Иосифом. Не столько наслаждался он счастьем и честью, живя в отеческом доме, сколько будучи продан и содержим в доме иноплеменников. Сами враги сплетали ему диадему и приготовляли порфиру, и самое бесчестие послужило для него поводом к чести и царствованию. Видишь ли, как объясняются слова: "**ночь будет светла, как день**"? И касательно слов: "**какова тьма ее, таков и свет ее (будет)**", нужно сказать тоже самое: как то, так и другое будет принадлежать ей, не по видимому только, но потому, что Ты, Господи, изменяешь порядок вещей. "**Ибо Ты создал внутренности мои, воспринял меня от чрева матери моей**" (ст. 13). Какая связь этих слов с вышесказанными? Близкая и весьма тесная. Сказав о столь великой силе Божией, пророк теперь показывает, что эту силу Он употребляет на пользу людям и на благодеяния.

Чтобы кто-нибудь из неразумных не сказал: что мне в том, что Он велик, силен и предведущ? – покажи, получаем ли мы отсюда какую-нибудь пользу, – он присовокупляет: "**Ты создал внутренности мои**", разумея под частью целого человека. А это не мало являет славу и промышление – быть стяжанием Божиим, потому что Кто "**создал**", тот и печется и промышляет. Объясняя это, он и присовокупляет дальнейшие слова: "**воспринял меня от чрева матери моей**", т.е., всегда Ты ограждал меня, промышлял о мне, охранял меня, с первого моего возраста, от самых пеленок, и все, о чем я сказал, Ты доказал делами. "**Буду исповедовать Тебя, ибо Ты явился страшно дивным: чудны дела Твои, и душа моя знает (их) близко**" (ст. 14). Что это значит? Ты создал меня, говорит, но я не знаю, как создал; Ты промышляешь, но я не могу обнять умом всего Твоего промышления; Ты везде присутствуешь, но я не постигаю и этого; Ты знаешь будущее, и прошедшее, и тайны души человеческой, но я и этого не могу понять умом своим, так как Ты изменяешь природу вещей и устрояешь, что они, сохраняя свою

природу, являют действия противоестественные и притом как бы свои собственные и свойственные им по природе.

4. Соединив все это вместе, вдохновенный пророк громко воскликнул: "**буду исповедовать Тебя, ибо Ты явился страшно дивным**", т.е. Ты явился дивным, Ты – дивен. "**Чудны дела Твои, и душа моя знает (их) близко**". Что я говорю, продолжает он, о Тебе, когда и совершаемое Тобою заключает в себе много дивного? Затем, не перечисляя всего и ограничиваясь собственным знанием, говорить: "**и душа моя знает (их) близко**"; не просто знает, но сильно, крепко. Если знает, то, как же он прежде говорил: "**дивно ведение Твое для меня: мощно! Не могу (постигнуть) его**"? Это сказано о самом Боге, а то – о делах Его; если же и то сказано о Нем, то мы так можем понимать: он знает, что Бог дивен, велик, высок, но того, что Он по существу, – я опять повторю тоже, – каково Его величие и как принадлежит Ему все упомянутое, не знает. Между тем такое незнание есть доказательство знания, хотя и странны слова мои. Так и моря мы не знаем, как оно пространно, и, однако, потому самому особенно и знаем море, что не знаем меры его. Если же кто скажет, что он знает, как велико море, тот именно и не знает его. Таким образом, бывает объявление знания, которым обличается незнание, и бывает незнание, которое свидетельствует нам о знании. "**Не сокрыты были от Тебя кости мои, которые создал Ты втайне, и образование меня (как бы) в преисподних земли**" (ст. 15). Опять говорит о знании Божием и показывает, что Он знает все это. Итак, он говорит или о том, что Бог знает все тайное, или указывает на нечто другое, на создание и образование человека: даже и тогда, когда я образовался. Ты не незнал чего-нибудь, но знал все; хотя природа составляла меня мало-помалу, хотя она действовала втайне и как бы в преисподних земли, для Тебя, говорит, все обнажено и открыто. Другой переводчик (Акила) сказал так: **не сокрылись кости мои от тебя, с которыми я создан втайне** (τὰ οστᾶ… οις εποιήθην). Третий (Симмах): **не утаилась от тебя крепость моя, с которою я создан втайне** (κραταίωσις), **разнообразно составлен, как бы в преисподних земли** (εποικίλθην - Акила). Четвертый (неизвестный): **не утаилась от тебя сила моя, или кости мои от тебя, хотя я создан втайне, образован в преисподних земли** (δύναμις… οτι εζεικονίσθην). Все они говорят одно и тоже, т.е. Ты совершенно знал меня и тогда, когда я составлялся по частям; Ты знаешь даже каждый член и приращение его. Так и Христос говорит: "**а у вас и волосы на голове все сочтены**" (Лк.12:7). Эти слова указывают вместе и на промышление и на знание Божие. "**Неоконченное (зарождение) мое видели очи Твои, и в книге Твоей все (люди) будут записаны: в течении дней они образуются, но никто из них (не останется не записанным)**" (ст. 16). Или опять говорит тоже самое, т.е. Ты знал меня, когда я еще не был образован, – потому что другой переводчик (Симмах) сказал так: **необразованного меня видели очи твои** (αμόρφωτόν), – или говорит о самих делах, т.е. еще не сделанное видели очи твои. "**И в книге Твоей все (люди) будут записаны: в течении дней они образуются, но никто из них (не останется не записанным)**". Не ясны эти слова, но до смысла их надобно доходить по связи речи и по другому переводу. Смысл их, согласно с предыдущим, следующий. А что сказано было прежде? "**Неоконченное (зарождение) мое видели очи Твои**", т.е. когда я еще не получил образа, когда еще создавался, когда еще составлялся, и тогда они видели меня так ясно, как того, кто образован, как того, кто составлен, как того, кто совершенно устроен и уже не нуждается ни в одном дне для своего окончательного устройства. А дабы ты убедился, что это так, послушай другого переводчика (Симмах): **необразованного меня**, говорит он, **провидели очи твои, вместе со всеми, которые написаны в книге твоей, не нуждаясь ни в каком дне для своего образования** (σὺν πᾶσι… ημέας πλασσομένοις, ουκ ενδεούσης ουδεμιᾶς). Наравне с ними, говорит, Ты видел меня, наравне с теми видел меня, которые созидаются в дни свои, в дни, при которых нет недостатка ни в одном дне. Он говорит это не потому, будто на небе есть книга, и не потому, будто кто-нибудь вписывается в нее, но книгою означает точное знание, подобно

тому, как говорится: "**внимает Господь и слышит это, и пред лицем Его пишется памятная книга**" (Мал.3:16); и еще: "**и раскрылись книги**" (Дан.7:10). "**А мне весьма почтенны друзья Твои, Боже, весьма надежно их владычество**" (ст. 17). Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **досточтимыми стали други твои** (τιμιοι εγένοντο οι εταῖροί σου). И это не малая добродетель – иметь в великой чести друзей Божиих. Ты промышлял о мне, говорит, произвел меня из небытия, содержишь меня; а я воздаю Тебе тем, что почитаю друзей, Твоих. "**Весьма надежно их владычество**", т.е. они утвердились. Другой (Симмах) говорит: **как многочисленны главы их** (τί παμπληθεῖς αι κεφαλαὶ αυτῶν). Это яснее, потому что далее он прибавляет: "**попытаюсь счесть их, но они многочисленнее песка морского. Пробудился я, и еще с Тобою пребываю**" (ст. 18). Я почитаю их, а Ты умножаешь и делаешь многочисленнее песка, и не только делаешь их многочисленными, но и сильными; это именно означает выражение: "**владычество**". Он говорит о двояком благополучии, о возрастании и по числу и по силе. "**Пробудился я, и еще с Тобою пребываю**". Другой (неизвестный, см. Ор. Экз.): **проснусь и навсегда буду у тебя** (εξυπνώσω εις αει παρὰ σοί).

5. Не малый знак добродетели, когда кто в счастье остается добродетельным. Многие, достигнув благоденствия, забывались; а я – нет, говорит, но и восстав, т.е. избавившись от бедствий, всегда буду с Тобою. "**Если бы избил Ты, Боже, грешников! Мужи кровожадные, удалитесь от меня!**" (ст. 19). Не то говорит он: если убьешь, тогда я буду; то он обещал и без этого; и просит сделать это не с тем, чтобы уничтожить само существо людей, но с тем, чтобы обратить их от греха к праведности. Он не сказал: если бы избил Ты, Боже, людей, но: "**грешников**". Другой переводчик (Симмах) вместо: **грешников**, говорит: **преступника** (παραβάτην), разумея врагов, поклоняющихся идолам.

"**Мужи кровожадные, удалитесь от меня**". "**Мужами кровожадными**" он называет убийц, людей, находящих удовольствие в убийствах. Не маловажен и этот путь к преспеянию в добродетели – убегать и уклоняться от сообщества с такими людьми. Затем следует и причина: "**ибо вы дерзки в замыслах. Но тщетно они будут владеть городами Твоими**" (ст. 20). Другой (Симмах): **которые выразили против тебя помышление** (οιτινες αντελάλησάν σοι διαλογισμόν). Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **потому что огорчили тебя злоумышленно** (οτι παρεπίκρανάν σε εν κακοβουλία). Смотри,

как он не ищет своего, но за оскорбление Бога удаляется и избегает общения с ними. Для иудеев и то было причиною погибели, что они сообщались с людьми порочными. Потому они и получили закон, были отделены законом от таких людей, получили заповедь избегать браков с ними и, вышедши из Египта, сорок лет воспитывались отдельно в пустыне. Потому закон и назывался ограждением, как ограждавши их со всех сторон и удерживавший от общения с порочными людьми, потому что они по нраву своему легко обольщались, увлекались и изменялись. "**Но тщетно они будут владеть городами Твоими**". Другой (Акила): **вознеслись тщетно противники твои** (επήρθησαν ματαίως αντίζηλοί σου). Третий (неизвестный): **враги твои** (οί εχθροί σου). Он потому избегает и уклоняется их, что они вознеслись против славы Божией, что поступали беззаконно, что произносили слова богохульные. "**Не возненавидел ли я ненавидящих Тебя, Господи, и о врагах Твоих не сокрушался ли? Совершенною ненавистью возненавидел я их: они стали для меня врагами**" (ст. 21, 22). Так и Бог обещал быть врагом врагам и противником противникам их; это особенный знак дружбы; и он воздает Богу тем и другим. Выше сказал: "**мне весьма почтенны друзья Твои, Боже**"; а здесь: "**не возненавидел ли я ненавидящих Тебя**"; и там с чрезвычайной силою, и здесь с чрезвычайною силою, потому что не только "**возненавидел**", говорит, но и "**не сокрушался**". "**Искуси меня, Боже, и узнай сердце мое, испытай меня и узнай пути мои: и увидишь, есть ли у меня путь беззакония? И наставь меня на путь вечный**"

(ст. 23, 24). Но в начале он говорил: "**Господи, Ты испытал меня и узнал меня: Ты узнал, когда я сажусь и встаю. Ты издали уразумел помыслы мои. Стезю мою и путь мой Ты исследовал, и все пути мои Ты предвидел Все последнее и первое**". Почему же здесь опять он, как бы еще не искушенный, говорит: "**искуси меня**"? Видишь ли, что он употребляет человеческие выражения не для того, чтобы мы оставались при низких понятиях, но чтобы, составив из всего этого богоприличную мысль, восходили к высоким понятиям. Он просит, чтобы Бог испытал и исследовал его, не для того, чтобы узнал сердце его Тот, Кто наперед знает все, еще прежде бытия, но чтобы узнали мы, приобретающие познания по окончании дел. Это и значит здесь выражение: "**искуси меня**". "**И увидишь, есть ли у меня путь беззакония? И наставь меня на путь вечный**".

Какой же это вечный путь, как не путь духовный, ведущий к небу и не имеющий конца? Все прочее временно и оканчивается с настоящей жизнью. Поэтому, оставив все, он ищет этого пути, бессмертного, беспредельного, не имеющего конца. Как же человек может быть приведен на этот путь? Если получит помощь Божию, если будет делать должное и с своей стороны, упражняться в добродетели, предаваться любомудрию, становиться выше всего житейского, потому что на этом пути нет ничего скоропреходящего и временного. Такова добродетель. Она доставляет плоды всегда цветущие и никогда неувядающие, блага бессмертные, нетленные и бесконечные, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 139

1 В конец, псалом давиду. Измы мя, Господи, от человека лукава, от мужа неправедна избави мя:

2 иже помыслиша неправду в сердцы, весь день ополчаху брани:

3 изостриша язык свой яко змиин: яд аспидов под устнами их.

4 Сохрани мя, Господи, из руки грешничи, от человек неправедных измы мя, иже помыслиша запяти стопы моя.

5 Скрыша гордии сеть мне и ужы, препяша сеть ногама моима:

6 при стези соблазны положиша ми.

7 Рех Господеви: Бог мой еси ты, внуши, Господи, глас моления моего.

8 Господи, Господи, сило спасения моего, осенил еси над главою моею в день брани.

9 Не предаждь мене, Господи, от желания моего грешнику: помыслиша на мя, не

1 В конец. Псалом Давида.

2 Удали меня, Господи, от человека лукавого, от мужа неправедного избавь меня.

3 Помыслили они неправду в сердце, всякий день готовились к брани,

4 Изощряли язык свой, как у змеи: яд аспидов в устах их.

5 Сохрани меня, Господи, от руки грешника, от людей неправедных избавь меня, которые задумали запнуть стопы мои.

6 Скрыли гордые сеть для меня, из вервий устроили сеть для ног моих: На пути поставили мне западни.

7 Я сказал Господу: Ты - Бог мой, услышь, Господи, голос моления моего.

8 Господи, Господи, сила, спасающая меня! Ты осенил главу мою в день брани.

9 Не предай меня, Господи, грешнику (удалив) от желания моего: они замыслили

остави мене, да не когда вознесутся.

10 глава окружения их, труд устен их покрыет я.

11 Падут на них углия огненная, низложиши я во страстех, и не постоят.

12 Муж язычен не исправится на земли: мужа неправедна злая уловят во истление.

13 Познах, яко сотворит Господь суд нищым и месть убогим.

14 Обаче праведнии исповедятся имени твоему, и вселятся правии с лицем твоим.

против меня, не оставь меня, да не превознесутся.

10 Главный предмет совещания их, обсуждаемый устами их, постигнет их:

11 Падут на них угли огненные, низложишь их страданиями, и они не устоят;

12 Человек злоязычный не исправится на земле, мужа неправедного зло уловит в погибель.

13 Познал я, что сотворит Господь суд нищим и воздаяние убогим.

14 Посему праведные будут исповедовать имя Твое, и правые вселятся пред лицем Твоим.

1. Где теперь те, которые говорят: для чего дикие звери, для чего скорпионы, для чего ехидны? Вот находится животное, которое обнаруживает большую злобу, не по природе своей, а по воле – человек. Поэтому и пророк, не упоминая о всех других, просит избавить от него. Скажи же мне: если человек таков, то неужели не следовало и существовать людям? Говорить это крайне безумно, потому что нет ничего вредного в человеке, кроме одного только греха, и когда уничтожен грех, тогда все легко, удобно, мирно, а когда он существует, тогда во всем подводные камни, бури, кораблекрушения. Пусть никто не осуждает нас, что мы назвали человека порочного худшим дикого зверя. Зверь, хотя не имеет кротости от природы, но легко может быть обмануть и проявить себя тем, что он есть; а от человека, замышляющего зло и принимающего на себя различные виды, остеречься гораздо труднее, нежели от дикого зверя; часто он одевается шкурою овцы, а внутри скрывает волка; поэтому многие неосторожные и впадают в его сети. Так как трудно уловить подобных зверей, то пророк обращается к молитве и призывает помощь Божию для избавления от такой напасти. Чрез подобных людей часто и диавол действует, и таким образом поражает. Итак, напастей много со всех сторон: и порочный человек нападает, и злой бес враждует, и невыносимое искушение беспокоит. Потому нам и заповедано говорить в молитве: "**и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого**" (Мф.6:13). Разнообразна борьба, многоразличны нападения, ко всему надобно быть готовым. Как тот, кто намеревается выйти в море, должен предвидеть и стремление беспорядочных вод, и напор буйных ветров, и скопление облаков, и подводные камни, и скалы, и встречи с дикими зверями, и нападения морских разбойников, и голод, и жажду, и опасности моря, и неудобства пристани, и сопротивление мореплавателей, и недостаток съестных припасов, и все подобное, и ко всему быть готовым, – так точно и вступивший в водоворот настоящей жизни должен быть готовым и к страданиям тела, и к болезням души, и к козням людей, и к нападениям врагов, и к обманам мнимых друзей, и к бедности, и к искушениям, и к клеветам, и к полчищам бесов, и к ярости диавола, если он хочет достигнуть царственного города и войти в пристань с полным грузом.

Итак, здесь пророк называет "**человека лукавого**"; а когда говорится о диаволе, то он называется просто лукавым. Почему же? Потому, что диавол сам есть отец лукавства; поэтому он по преимуществу и называется лукавым, и вместо собственного достаточно ему этого прилагательного имени, по причине чрезмерной злобы его, которая, впрочем, не врожденна ему, но произошла после. Если хочешь знать, откуда произошло и самое название лукавство, то можешь и отсюда получить для себя великую пользу. **Лукавством** (πονηρία) оно называется потому, что причиняет муку (πόνον) и изнурение тому, кто предан ему. Вот почему и Премудрый, указывая на это, говорит: "**если ты мудр, то мудр для себя и для ближних твоих; и если буен, то один потерпишь**" (Прит.9:12). Как же злой один почерпает злое, когда он многим делает зло? Но он не вредит никому из тех, которые сами не беспечны и не нерадивы. Если хочешь, то мы, оставив злого человека, представим самого злого беса. Скажи мне: не излил ли он всю свою злобу, а повредил ли сколько-нибудь Иову? Напротив, не сделал ли его более славным, а себе не причинил ли тягчайшее падение? Также Каин не один ли исчерпал зло? Нет, скажешь, но вместе и Авель. Как и каким образом? Он скоро был препровожден в безмятежную пристань; но это было для него величайшим благодеянием, что он окончил жизнь с добрым подвигом, что общий долг природы он совершил с пользою. То, что бывает со всеми вообще и совершается по необходимости, для него совершилось с пользою; и потому это значило – не потерпеть зло, а украситься светлейшим венцом. И Иосифу, какой вред причинили братья? Не сами ли они одни исчерпали зло? Но, скажешь, Иосиф сделался рабом. Что же? Я прибавлю, что и узником; но не о том идет речь, был ли он рабом и узником, а о том, потерпел ли отсюда какой-нибудь вред. Напротив, мы находим, что он получил величайшую пользу, приобрел большее дерзновение пред Богом и чрез то самое, что казалось бедственным, достиг настоящего благоденствия.

Не будем же бояться людей злых, но жалеть о них. Тогда действительно они были страшны, когда не был еще открыт высокий путь, ведущий к любомудрию; а теперь, когда нам открыты небеса и люди делаются ангелами, они уже не страшны. Так зверь, с великою стремительностью бросающийся на острие копья, по-видимому, угрожает опасностью тому, кто держит копье, но наносит самому себе тягчайшую рану; и тот, кто прет "**против рожна**" (Деян.9:5), также обагряет кровью свои ноги.

2. Такова добродетель – рожен и меч изощренный; а все злые люди хуже и безумнее диких зверей. Когда они нападают на добрых, то гораздо больше причиняют зла себе; добрым они причиняют убыток в деньгах, или здоровье, а сами наносят существенный вред душе своей. Если бы потеря имущества причиняла вред нашей собственной добродетели, то Павел не заповедал бы терпеть обиды, а не обижать (1Кор. 6:7). Если бы терпение обид было злом, то Законоположник добра не заповедал бы зла. Впрочем, хотя это действительно так, не следует предавать себя людям злым и иметь общение с ними, но убегать и уклоняться от их общества; а когда они нападают, то мужественно встречать их. Потому нам и заповедано молиться, чтобы не впасть в искушение. Потому и пророк, сказав: "**удали меня, Господи, от человека лукавого**", прибавляет: "**от мужа неправедного избавь меня**", разумея опять порок вообще, потому что он говорит здесь о неправде не только в отношении к имуществу, но ко всему. Пророк просит избавить его, чтобы не пасть, или чтобы самому не сделаться таким же. Притом просит не просто, но сделав должное и с своей стороны. Вот почему в конце предыдущего псалма он сказал, что избегаем, их и общества их, а здесь просит помощи Божией; там он оказал должное с своей стороны, сказав: "**мужи кровожадные, удалитесь от меня! Ибо вы дерзки в замыслах**", а здесь просит Бога избавить его от их нечестия. Действительно, удаляться от подобных обществ и как можно дальше держать себя от сношения с злыми – это не только способствует благоденствию, безопасности, свободе и всякому удовольствию, но и есть величайшее счастье. Поэтому, описывая злобу их, пророк продолжает: "**помыслили они**

неправду в сердце, всякий день готовились к брани" (ст. 2). Видишь ли, как трудно остеречься от этих зверей, в мыслях своих скрывающих зло и в тайне строящих козни? Они "**помыслили**", говорит, "**в сердце**", т.е. пока не обнаруживали злобы, но скрывали и питали ее внутри, и, что всего хуже, не по увлечению, не с поспешностью, но тщательно делали свое дело; это именно и значит: "**помыслили**", т.е. со старанием, со всяким тщанием. "**Всякий день готовились к брани**"; этим означает он всю жизнь; а под именем **браней** разумеет здесь не те, которые бывают в боевом строе и посредством оружия, но те, которые бывают посредством коварных замыслов, которые люди ведут на торжищах и в домах, не надевая лат и не ограждаясь щи-том, но вместо всякого оружия употребляя злобу и бросая слова язвительнее стрел. Величайшая степень злобы их состоит не в том только, что они коварны, враждебны, всегда готовы на брани и битвы, но и в том, что они таковы во всю жизнь и никогда не прекращают своего злобного нападения. Между тем, если бы они хотели вести войну, то имели бы другой справедливый повод. Им следовало бы вооружиться против грехов, ратовать против диавола, подвизаться против болезней души, изощрять мечи против бесов; но они не обнаруживают даже и наклонности в такой борьбе, а друг в друга бросают стрелы. "**Изощряли язык свой, как у змеи: яд аспидов**

в устах их" (ст. 3). Видишь ли низость порока? Людей он делает зверями, аспидами и змиями, и разумный язык превращает в зверский. В чем он обвинял их выше, в том опять обвиняет и здесь. В чем же именно? "**Яд аспидов в устах их**", говорит, всегда, постоянно. Как выше он сказал: "**всякий день готовились к брани**", так и здесь: "**изощряли язык свой, как у змеи: яд аспидов в устах их**"; именно это везде означает διάψαλμα, которое по-еврейски называется: **сел**, т.е. постоянно[1]. Если кратковременный порок есть тяжкое зло, то какое прощение, какое оправдание могут иметь те, которые постоянно упражняются в нем и никогда не насыщаются? "**Сохрани меня, Господи, от руки грешника, от людей неправедных избавь меня, которые задумали запнуть стопы мои. Скрыли гордые сеть для меня, из вервий устроили сеть для ног моих: на пути поставили мне западни**" (ст. 4, 5). Нет никого неправеднее людей, которые, упражняясь во зле, прежде всех других причиняют вред собственной своей душе. В самом деле, если они бывают виновниками соблазна, если они подают повод неразумным поносить славу Божию, если они не исполняют должного, но, получив душу и тело от человеколюбивого Бога, не оказывают признательности и, наслаждаясь такими благами такого мира, воздают Благодетелю делами противными, то, что может быть неправеднее этого, что неблагодарнее? Притом они, – что делает зло еще более тяжким и крайне великим, – стараются причинить вред и другим. "**Задумали**", говорит, "**запнуть стопы мои**". Если же замыслы их не исполнились, то это было делом человеколюбия Божия. Он разрушил коварные замыслы их.

3. Посмотри, как старательно было коварство их, с какой тщательностью строились козни их. Они скрывали и расширяли сети, и притом "**на пути**", чтобы и протяжением их, и скрытностью, и близостью, уловить и захватить в свои руки. Они были художниками зла, везде расставляли сети, считая единственным своим делом погубить его. Хочешь ли знать, как и диавол расставляет подобные сети? Посмотри опять на случившееся с Иовом. Что шире, что длиннее, что ближе сетей, которые расставил он не только в ближних, в друзьях, в жене, но и в самом теле его? "**Я сказал Господу: Ты – Бог мой, услышь, Господи, голос моления моего. Господи, Господи, сила, спасающая меня! Ты осенил главу мою в день брани**" (ст. 7, 8). Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **держава спасения моего** (κράτος). Сказав о войне и замыслах и указав на невыносимые бедствия, пророк прибегает к непреоборимой помощи, призывая с неба Помощника, Который может уничтожить их.

Вот признак благородной души, вот свойство любо-мудрого ума – при таких обстоятельствах, окружающих со всех сторон, не прибегать к человеческой помощи и не искать ее в смертных суждениях, но обращать взоры к небу, призывать вездесущего Бога и не предаваться унынию, смущению и беспокойству. Смотри, с каким достоинством он излагает речь свою. Не сказал: я хорошо исполнил то и то, справедливо поступил в том и в том, но что? "**Ты – Бог**", говорит, "**мой**", представляя важнейшее право на помощь в том, что он прибегает к своему Владыке, Творцу и Царю. "**Услышь, Господи, голос моления моего. Господи, Господи, сила, спасающая меня**". Говорит: "**сила спасающая**", выражая, что есть и сила мучения и наказания; мне, говорит, Ты подавал силу спасения; Ты можешь и карать и умерщвлять, – но всегда употреблял силу Свою к моему спасению. Посмотри на любовь говорящего: повторением слова: "**Господи**" и прибавлением слов: "**спасающая меня**" он выражает великую привязанность. "**Ты осенил главу мою в день брани**". Видишь ли благородную душу? Он припоминает и прежнее, как Бог доставил ему безопасность, – потому что таков смысл слова: "**осенил**". Посмотри, как он показывает и легкость этого дела для Бога. Не сказал просто: прежде; но в сам тот "**день**", когда угрожали бедствия, когда была борьба, когда я находился в крайней опасности, тогда Ты и поставил меня в безопасности. Не имеет нужды в приготовлении или в предуведомлении Бог, видящий все, и настоящее, и будущее, и прошедшее, могущий сделать все и всегда присущий с готовою помощью. Далее, желая выразить превосходство победы и безопасности, он не сказал: спас меня, но что? – "**осенил главу мою**", т.е. Ты не допустил мне потерпеть и малейшей скорби, даже такой, какая происходит от зноя, но поставил меня в такой безопасности и вместе с безопасностью доставил мне такое удовольствие и спокойствие, что я не чувствовал даже никакого неприятного жара, но наслаждался тенью, т.е. избавлением и свободою от бедствий. Вот почему он и прибавил: "**осенил**", показывая это самое, и вместе означая легкость помощи для Бога названием тени, как бы так выражаясь: Тебе достаточно только присутствовать, и все совершается. "**Не предай меня,**

Господи, грешнику (удалив) от желания моего: они замыслили против меня, не оставь меня, да не превознесутся" (ст. 9). Другой (Симмах и Феодотион): **не дай, Господи, по желаниям беззаконного** (τας επιθυμίας τοῦ παρανόμου). Смысл слов его следующий: не дай по желанию против меня, т.е. чего желает он против меня, того не дай ему исполнить. Не сказал: чего желает, но: "**от желания моего**", выражая как бы следующее: не дай исполниться ни малейшей части того, чего он желает. Таковы люди нечестивые; они с великим старанием строят козни ближним, подобно диаволу, о котором говорится: ходит "**как рыкающий лев, ища, кого поглотить**" (1Петр.5:8). Так старательно он напал на Иова; так хотел низложить Петра, почему и сказал Господь: "**се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу**" (Лк.22:31). Видишь ли, какое имел он желание? Есть и люди, которые по зависти и ненависти соревнуют ему в злобе, радуясь бедствиям других. Таких людей Писание называет несчастными: увы, говорит оно, "**которые радуются, делая зло, восхищаются злым развратом**" (Притч.2:14); в весьма справедливо, потому что это – знак развращенной души. Если о погибающих должно скорбеть, сетовать и плакать, то какое прощение, какое оправдание могут иметь те, которые не только не сострадают, но еще радуются? Не видишь ли, как и Сам Христос, приступая к казни, плачет о погибели Иерусалима? Не видишь ли, как и Павел скорбит, сетует и плачет о погибели других? Но есть люди столь развратные, что чужие несчастья считают для себя утешением в своих бедствиях. "**Они замыслили против меня, не оставь меня, да не превознесутся**": это значит: διάψαλμα. Другой (Симмах и неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **чтобы они никогда не возносились** (μὴ αποβαίης).

Вот знак нечестивой и развратной души, – когда прилагают старание, совещание и усилия к совершению зла. Для тебя недостаточно того, что случается нечаянно, недостаточно

губить нас по неосторожности, но нужно еще совещание, время и раз-мышление для совершения зла.

4. Какое же оправдание можешь иметь ты, обращающий коварство в занятие, делающий совещания для совершения зла и призывающий сообщников? Но посмотри на смирение пророка. Он не сказал: не оставь меня, потому что я достоин того, не оставь меня за добродетели моей жизни; но что? – "**да не превознесутся**", чтобы они не сделались более надменными и не предались большей гордости от моей беспомощности. "**Главный предмет совещания их, обсуждаемый устами их, постигнет их**" (ст. 10). Другой (Симмах): **горечь окружающих меня, зараза уст их да обратится на них** (ὁ πικρασμός τῶν κυκλούντων με, ὁ μόχθος τῶν χειλέων αὐτῶν πωμασάτω αὐτούς). **Окружением** он называет здесь собрание, синедрион, нечестивое общество, развратные советы. Смысл слов его следующий: сами советы нечестивые, сама совокупность коварных и развратных намерений пусть сокрушит и погубит их. Предметом "**совещания их**" он называет здесь коварство. Таково коварство: оно обращается в погибель тому, кто предается ему, и ввергает его в пропасть. Так было с Давидом. Враги надеялись подвергнуть его бесчисленным бедствиям, но он сделался более славным. Так, скажешь, но я не этого желаю; покажи, как замышлявшие зло поражались собственными своими замыслами и погибали; скажи, где это случалось? С братьями Иосифа; они, желая сделать его рабом и погубить, сами подверглись крайней опасности, хотя он, насколько это зависело от них, подвергся и рабству и смерти. И Авессалом, желая насилием погубить отца, погиб сам от насилия. "**Падут на них угли огненные, низложишь их страданиями, и они не устоят**" (ст. 11). Смысл слов его следующий: достаточно и самого порока, чтобы погубить упражняющихся в нем, но вместе с тем они подвергнутся и наказанию от Бога. Здесь "**углями огненными**" он называет наказание, посылаемое свыше. Часто оно совершалось и посредством самого огня, как наприм. над Дафаном, Кореем и Авироном и над окружавшими пещь вавилонскую. "**Низложишь их страданиями, и они не устоят**". Другой (неизвестный по имени переводчик): **впадут в пропасти, чтобы не восстали** (πεσοῦνται εις βοθύνους μήποτε ανστῶσιν). Третий (неизвестный, см. Ор. Экз.): **скоро и не восстанут** (εσπευσμένως). По одному переводчику эти слова значат: погуби их так, чтобы они уже не восстали; по другому: с великою скоростью, таково значение слова: εσπευσμένως.

"**Человек злоязычный не исправится на земле, мужа неправедного зло уловит в погибель**" (ст. 12). Сказав о гневе Божием, он опять показывает, что порок и сам по себе достаточен, чтобы погубить имеющих его. Немаловажен и этот вид нечестия – быть дерзким и не удерживать языка своего. "**Злоязычным**" здесь он называет поносителя, болтливого, злословящего, постоянно лающего и поступающего нисколько не лучше пса. Какие же, скажи, последствия этого? "**Не исправится**", говорит, "**на земле**". Другой (неизвестный, см. Ор. Экз.): **не укрепится** (ουκ εδρασθήσεται), т.е. низвергнется, низвратится, погибнет. Таков плод злословия; такой человек всем враждебен, всем неприятен, для всех отвратителен и несносен. Как человек долготерпеливый, скромный и умеющий молчать безопасен, постоянен и всем приятен, так этот человек ведет жизнь опасную, навлекая на себя бесчисленных врагов со всех сторон, а прежде всего возмущая собственную душу и не попуская ей быть в покое, но и тогда, когда никто посторонний не беспокоит, возбуждая внутри ее бесчисленные войны и смятения. "**Мужа неправедного зло уловит в погибель**". Так и другой мудрый говорит (Симмах): **беззакония уловляют мужа** (παρανομίαι αγρεύουσιν). Смотри опять, как достаточно порока для погубления того, кто предается ему. Но для чего он употребил выражение: уловят? Для того, чтобы ты видел неизбежность наказания, чтобы ты, поступая несправедливо и не тотчас подвергаясь наказанию, не слишком надеялся. Такова ловитва; она удается не всегда, и не тотчас; однако уловляемые дикие звери, хотя не пойманы, и еще не попали в сети, не

находятся в безопасности. Так и душа, поступая несправедливо, не должна слишком надеяться, хотя она еще и не уловлена, потому что когда-нибудь она будет уловлена. Поэтому, если хочешь быть в безопасности, перестань делать зло, и будешь наслаждаться великим спокойствием. Почему он сказал: "**в погибель**"? Потому, что многие уловлялись и во спасение, как напр. через апостолов, через святых мужей. Но неправедные, уловляемые пороком, не так, а – в погибель и истление. Почему же за пороком не тотчас следует наказание? По человеколюбию Господа; если бы Он захотел каждого из грешников тотчас подвергать наказанию, то большая часть рода человеческого давно была бы истреблена. "**Познал я, что сотворит Господь суд нищим и воздаяние убогим. Посему праведные будут исповедовать имя Твое, и правые вселятся пред лицем Твоим**" (ст. 13,14). Другой (Симмах): **пред лицом твоим** (παρὰ). Вместо: "**вселятся**", другой (Симмах) говорит: **останутся** (διαμενοῦσιν); третий (Акила): **будут сидеть** (καθεδοῦνται), а вместо (неизвестный переводчик): "**познал**" – **знаю** (οἶδα). Так как он сказал, что они **уловятся** и **погибнут**, и выразил, что наказание не тотчас следует за преступлением, то, чтобы кто-нибудь из людей грубых не сделался от этого более беспечным, он прибавляет: "**познал**", внушая, что это непременно будет; обижаемые не останутся не отомщенными. "**Нищими**" он здесь называет не просто бедных, но самых смиренных, сокрушенных; а, говоря это, он и обижаемых утешает, и обижающих вразумляет; чтобы одни от ожидания не отчаялись, а другие от замедления не сделались более беспечными. Замедление ведет к покаянию, а упорных Бог наказывает строже, и весьма справедливо. Почему? Потому, что они, пользуясь такою благостью, не сделались лучшими. Представь же, каково человеколюбие Божие, когда и преданным Ему Он попускает терпеть зло и не мстит за них, желая исправить тебя чрез покаяние. "**Посему праведные будут исповедовать имя Твое**". Что говорит Он? Что бы ни случилось, говорит, они будут благодарить; хотя они будут видеть смиренных притесняемыми, а неправедных возвышающимися, они не станут требовать отчета в событиях. Это особенно свойственно праведным – всегда и за все благодарить. "**И правые вселятся пред лицем Твоим**", т.е. получив помощь Твою, помышляя о Тебе, всегда пребывая с Тобою, они никогда не отступят от Тебя; что бы ни случилось, они никогда не будут огорчаться, никогда не станут роптать на совершающееся. Душе твердой и уму непреклонному свойственно – не спрашивать отчета у Господа. Поэтому и Павел говорил: "**а ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: "зачем ты меня так сделал?**" (Рим.9:20)? Будем же и мы постоянно соблюдать эту признательность и за все благодарить Бога, Которому слава и благодарение и поклонение, ныне и присно, и в нескончаемые веки веков. Аминь.

---

[1] сел или села (διάψαλμα) собственно значит: **перемена тона**. В славянском переводе нет этого слова.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 140

1 Псалом давиду. Господи, воззвах к тебе, услыши мя: вонми гласу моления моего, внегда воззвати ми к тебе.

1 Псалом Давида. Господи, я воззвал к Тебе, услышь меня, вонми гласу моления моего, когда я взываю к Тебе.

2 Да исправится молитва моя яко кадило пред тобою: воздеяние руку

2 Да возносится молитва моя, как фимиам, пред Тобою, поднятие рук моих - да будет (как)

моею, жертва вечерняя.

3 Положи, Господи, хранение устом моим и дверь ограждения о устнах моих.

4 Не уклони сердце мое в словеса лукавствия, непщевати вины о гресех с человеки делающими беззаконие: и не сочтуся со избранными их.

5 Накажет мя праведник милостию и обличит мя, елей же грешнаго да не намастит главы моея: яко еще и молитва моя во благоволениих их.

6 Пожерты быша при камени судии их: услышатся глаголи мои, яко возмогоша (усладишася).

7 Яко толща земли проседеся на земли, расточишася кости их при аде.

8 Яко к тебе, Господи, Господи, очи мои: на тя уповах, не отими душу мою:

9 сохрани мя от сети, юже составиша ми, и от соблазн делающих беззаконие.

10 Падут во мрежу свою грешницы: един есм аз, дондеже прейду.

жертва вечерняя.

3 Положи, Господи, хранение устам моим и дверь в ограждение уст моих.

4 Не уклони сердце мое к словам лукавым, для измышления извинения во грехах вместе с людьми, совершающими беззаконие, и да не соединюсь с избранниками их.

5 Наставит меня праведник милостиво и обличит меня, елей же грешника да не помажет главы моей, но и молитва моя (да не будет) в благоволении у них.

6 Пожраны были близ камня судии их, услышаны были слова мои, ибо они могущественны.

7 Как глыба земли распадается на земле, так кости их рассыпались при аде.

8 Но к Тебе, Господи, Господи, очи мои (обращены), на Тебя я уповал: не отними душу мою.

9 Сохрани меня от сети, которую расставили для меня, и от соблазнов (со стороны) делающих беззаконие.

10 Падут в сеть свою грешники, а я один останусь, пока не перейду (ее).

1. Слова этого псалма, можно сказать, все знают и во всяком возрасте постоянно поют, но смысла их не разумеют. Это не малого заслуживает осуждения – каждый день петь и устами произносить слова, а не стараться вникнуть в силу мыслей, заключающихся в словах. Кто видит чистую и прозрачную воду, тот не может удержаться, чтобы не приблизиться, не взять и не испить ее, и кто часто ходит на луг, тот не может уходить оттуда, не собравши несколько цветов; а вы, с раннего возраста до глубокой старости продолжая повторять этот псалом, знаете только слова его, сидите у закрытого сокровища, носите с собою замкнутый кошелек, и даже из любопытства никто из вас не старался узнать, что значат эти слова, никто не исследовал, не вникал. Между тем нельзя сказать и того, чтобы этот псалом был ясен и всех клонил ко сну, чтобы в нем не оставалось исследовать ничего, так как все находится на виду. Нет, он неясен, и в состоянии разбудить того, кто засыпает, и даже того, кто уже крепко спит. Что значит, например: "**не уклони сердце мое к словам лукавым**"? Что значит: "**наставит меня праведник милостиво и обличит меня**"? А следующее затем, скажи мне, не темнее ли

всякого мрака? "**Но и молитва моя (да не будет) в благоволении у них. Пожраны были близ камня судии их, услышаны были слова мои, ибо они могущественны**" (ст. 4-6). Но не смотря на то, что в этом псалме столько неясного, многие пробегают его без внимания, как бы какую-нибудь песню. Впрочем, чтобы, слишком распространяясь в укоризнах, не сделать слова своего тяжким, приступим к объяснению сказанного. Слушайте со вниманием, потому что, я думаю, отцы установили читать этот псалом каждый вечер не напрасно и не для одного, находящегося в нем, выражения: "**поднятие рук моих – да будет (как) жертва вечерняя**". Тоже самое выражение встречается и в других псалмах, как например: "**вечером и утром и в полдень поведаю, и возвещу, и Он услышит голос мой**" (Пс.54:18); и еще: "**Твой – день и Твоя – ночь**" (Пс.73:16); и еще: "**вечером водворится плач, а утром – радость**" (Пс.29:6); и много можно найти псалмов, приличествующих вечернему времени. Следовательно, не поэтому отцы избрали этот псалом, но заповедали читать его, как некоторое спасительное врачество и средство для очищения грехов, чтобы все, чем бы ни осквернились мы в продолжение дня, находясь на площади, или дома, или в другом каком-нибудь месте, мы очистили при наступлении вечера посредством этой духовной песни. Она есть врачество, которое истребляет все подобное. Таков и утренний псалом, – ничто не препятствует нам кратко упомянуть и об нем, – он воспламеняет любовь к Богу, возбуждает душу и, сильно воспламенив ее и исполнив великой благости и любви, в таком расположении позволяет приступать к делу. Посмотрим же, чем он начинается и чему научает нас. "**Боже, Боже мой! К Тебе с утра обращаюсь, возжаждала Тебя душа моя**" (Пс.62:2). Видишь ли, как он высказывает слова воспламененной души? А где любовь к Богу, оттуда убегает всякое зло; где память о Боге, там забвение грехов и прекращение зла. "**Так бы и явился к Тебе во святилище,**

чтобы видеть силу Твою и славу Твою!" (ст. 3). Что значит: "**та**к"? С такой, говорит, преданностью, с такою любовью, чтобы видеть славу Твою, которую можно видеть везде на земле. Но чтобы нам, оставив находящееся под руками, не заняться посторонним, отсылаем слушателя к тому, что сказано об этом псалме, а сами обратимся к предложенному теперь.

Что же говорит пророк? "**Господи, я воззвал к Тебе, услышь меня**". Что, скажи мне, говоришь ты? Потому ли, что ты воззвал, требуешь быть услышанным, и представляешь эту причину, как достаточную, чтобы тебе быть услышанным? Следовательно, теперь нужны люди с громким и сильным голосом? Но это было бы неосновательно. Чем согрешил тот, у кого голос слабый и тихий и язык медленный? Не таков ли был Моисей, и однако он был услышан скорее всех? Не больше ли всех взывали иудеи, и однако Бог не внял молитвам их? Сильный и слабый голос – это совершенство и недостаток природы; но это не служит основанием ни быть услышанным, ни быть неуслышанным, потому что не заслуживает ни похвалы, ни порицания. Бывает много природных совершенств и у порочных людей. Не был ли благообразен и прекрасен Авессалом, и даже до кудрей волос не простиралась ли красота тела его? И что же? Не был ли плешив Елиссей, так что дети смеялись над ним? Но ни первому красота не принесла никакой пользы, ни последнему неблагообразие не причинило вреда. Что я говорю о слабом голосе, или медленном языке, когда и молчавший Моисей и не говорившая Анна были услышаны? А обращаясь к иудеям, Бог сказал: "**когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу**" (Ис.1:15). Что же выражает Псалмопевец словами: "**Господи, я воззвал к Тебе, услышь меня**"? Он разумеет здесь внутреннее воззвание, которое произносит сердце воспламененное и дух сокрушенный, которое произнося и Моисей был услышан. Как человек, взывающий голосом, напрягает всю свою силу, так и взывающий сердцем напрягает весь ум свой.

2. Такого воззвания требует Бог, воззвания, которое происходит от сердца и не дозволяет поющему зевать и развлекаться. Впрочем, не только Он требует такого воззвания, но и

молитвы к Нему. Есть много людей, которые стоят и не взывают к Богу; уста их взывают к Богу и произносят имя Божие, а ум не разумеет ни одного слова. Такой человек не взывает, хотя и громко произносит слова, и не молится Богу, хотя и кажется молящимся Ему. Не так – Моисей; он взывал, и был услышан; потому и Бог сказал ему: "**что ты вопиешь ко Мне?**" (Исх.14:15)? И не только когда взывал, но и когда молчал, он получал желаемое, потому что оказывался достойным того, чтобы быть услышанным. Если хочешь видеть и грешников, усердно молившихся, громко взывавших и получавших просимое, то посмотри на блудницу, молившуюся молча; посмотри на мытаря, получившего оправдание одною молитвою. Так взывает и Псалмопевец, почему и говорит: "**Господи, я воззвал к Тебе, услышь меня**"; поэтому и просит быть услышанным.

"**Когда я взываю к Тебе**". Посмотри и на другое достоинство его молитвы. Не потому он просит быть услышанным, что молится усердно, но и потому, что приносит молитву, достойную недремлющих очей Божиих. Какая же это молитва? Та, когда кто молится не против врагов, не о богатстве и прибытке, не о власти и славе, и ни о чем-нибудь из благ тленных, но о благах нетленных и вечных. "**Ищите же**", говорит Господь, "**прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам**" (Мф.6:33). "**Когда я взываю к Тебе**". Видишь ли, как он желает, чтобы и мы взывали с усердием, с ревностью? Ведь в это особенно время диавол строит нам козни. Он знает, что молитва есть величайшее оружие, и что, хотя бы мы были грешниками и достойными осуждения, мы можем совершить многое, если молимся с ревностью и согласно с законами Божиими; потому он тогда и старается вселить в нас беспечность и внушить порочные помыслы, чтобы сделать для нас молитву бесплодною.

Зная это, мы должны охранять от него наше усердие и никогда не молиться против врагов, но подражать апостолам. Они, претерпевши тысячи бедствий, находясь в узах, подвергаясь крайней опасности, прибегали к молитве и говорили: "**воззри на угрозы их**". А затем что? Не говорили: сокруши или умертви их, как многие часто говорят с проклятиями; нет, а что? "**Дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое**". Как и каким образом? Не умерщвлением ли противников? Не уничтожением ли и погублением их? Нет, а как? "**Как Ты простираешь руку Твою на исцеления и на соделание знамений и чудес именем Святаго Сына Твоего Иисуса**" (Деян.4:29,30). Видишь ли молитву, исполненную любомудрия, в которой и после таких бедствий не испрашивается никакого наказания врагам? Но так молились они, находясь еще в живых и имея дыхание; а Стефан, уже оставляя настоящую жизнь, не только не просил зла врагам, но и старался бросавших в него камни и убивавших его спасти молитвою своею от гнева Божия за такое их беззаконие и взывал: "**Господи! не вмени им греха сего**" (Деян.7:60). Какое же может быть прощение, какое оправдание тем, которые молятся против врагов?

Как может быть услышана такая молитва, когда она возносится вопреки заповедям Божиим? Не будем же говорить ничего подобного. Нам не только не должно молиться против врагов, но даже должно истреблять в себе гнев против них; потому и говорит апостол: "**желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения**" (1Тим.2:8); т.е. если ты имеешь врага, то истреби гнев, и таким образом приступай к Господу, и не только устами не говори ничего против него, но и душу очисти от этого яда. Если такова будет молитва твоя, и если ты будешь усердно призывать Бога, то прежде, нежели окончишь молитву, будешь услышан. Этого и просит Псалмопевец, когда говорит: "**вонми гласу моления моего, когда я взываю к Тебе**". И сам Бог обещал это: "**ты воззовешь**", говорит, "**и Он скажет: "вот Я!**" (Ис.58:9). "**Да возносится молитва моя, как фимиам, пред Тобою**". Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **да поставится молитва моя, как кадило пред тобою**

(ταχθήτω). Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **да уготовится** (ἑτοιμασθήτω). "**Поднятие рук моих – да будет (как) жертва вечерняя**". Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **дар вечерний** (δῶρον). Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **приношение вечернее** (προσφρὰ).

Чему хочет научить нас пророк, говоря о жертве вечерней? В древности было два жертвенника: один сделанный из меди, другой – золотой; первый был всенародный, назначенный почти для всех жертв народа; а последний находился в святилище, за завесою. Но, чтобы сказанное нами было яснее, постараемся изложить этот предмет с начала. У иудеев в древности был храм, длиною в сорок локтей, а шириною в двадцать. Десять локтей этой длины отделялись внутри завесою, и отделенная часть называлась: святое святых; а находившаяся вне завесы – просто: святое. И все сияло золотом.

3. Некоторые говорят, что и верхняя доска (того жертвенника) была скована из золота. Туда один первосвященник входил однажды в год; там находился и кивот, и херувимы; там и стоял золотой жертвенник, на котором приносился фимиам, и который не для чего иного был устроен, как только для фимиама. Это происходило однажды в год. Во внешнем же храме находился жертвенник медный; на нем каждый вечер был приносим и сожигаем агнец. Это называлось жертвою вечернею, потому что была и утренняя жертва, и дважды в день надлежало зажигать жертвенник в храме, кроме других жертв, приносимых от народа. Священникам было повелено и постановлено законом, когда никто не приносил, собственно от себя приносить и сожигать одного агнца утром и одного вечером; первая жертва называлась утреннею, а последняя вечернею. Так делать было заповедано Богом, Который этим внушал, что должно служить Ему непрестанно, и при начале и при конце дня.

Такая жертва и такой фимиам были всегда благоприятны Богу; а жертва за грехи была иногда благоприятна, иногда и не- благоприятна, смотря потому, к добродетели или к пороку расположены были приносившие ее; напротив, то, что приносилось не за грехи других, но как узаконенное священнодействие и обычное служение, всегда было благоприятно. Итак Псалмопевец просит, чтобы молитва его была такова, как эта жертва, не оскверняемая никакою нечистотою приносящего, как этот фимиам чистый и святой. Таким прошением он научает и нас приносить молитвы чистые и благовонные. Такова правда; напротив, грех зловонен. Вот почему, показывая зловоние греха, он же говорит: "**ибо беззакония мои превысили голову мою, подобно тяжелому бремени отяготели на мне**" (Пс.37:5).

Как фимиам и сам по себе хорош и благовонен, но особенно издает благоухание тогда, когда бывает положен на огонь, так и молитва и сама по себе хороша, но бывает лучше и благовоннее тогда, когда приносится от души пламенеющей ревностью, когда душа становится кадильницею и возжигает в себе сильный огонь, фимиам не был полагаем прежде, нежели был разложен огонь или разгорались угли; тоже и ты делай с душою: сначала воспламеняй ее ревностью, и тогда полагай в нее молитву. Пророк просит, чтобы молитва его была как кадило, а воздеяние рук как жертва вечерняя, потому что, то и другое благоприятно Богу. Как? Если то и другое будет чисто, если то и другое будет непорочно, – и язык и руки, – эти чисты от любостяжания и хищения, а тот свободен от злословия. Как в кадильнице не должно быть ничего нечистого, а только огонь и фимиам, так и уста не должны произносить ни одного скверного слова, но слова исполненные святости и хвалы; также и руки должны быть кадильницей. Пусть же будут уста твои кадильницей, и смотри, чтобы не наполнять их навозом. Так поступают те, которые произносят срамные и нечистые слова. Почему же Псалмопевец не сказал: жертва утренняя, но: вечерняя? Мне кажется, это сказано безразлично. Если бы он сказал:

утренняя, то любопытный спросил бы: почему он не сказал: вечерняя? Если же кто хочет слышать не из одного любопытства, то скажу, что утренняя жертва еще ожидает вечерней, а вечерняя довершает собою священнодействие, и по совершении ее дневное служение не остается как бы незаконченным, но уже совершилось и получило конец. А что значит воздеяние рук во время молитвы? Так как руки служат орудием при совершении многих злых дел, как-то: побоев, убийств, хищения, любостяжания, поэтому самому нам и повелевается воздевать их, чтобы служение в молитве было для них препятствием ко злу и воздержанием от порока, чтобы ты, намереваясь похитить или присвоить что-нибудь, или убить другого, и вспомнив, что ты будешь простирать свои руки, как бы ходатаев пред Богом, и ими приносить духовную жертву, не посрамлял их и не делал их безответными от служения порочным делам. Итак, очищай их милостыней, человеколюбием, помощью нуждающимся, и потом простирай их на молитву. Если ты не позволяешь себе приступать к молитве с неумытыми руками, то тем более не должен осквернять их грехами. Если ты боишься меньшего, то тем более страшись большего. Молиться с неумытыми руками не так непристойно; а простирать руки, оскверненные множеством грехов, – это навлекает великий гнев Божий.

4. Так же мы должны рассуждать и касательно уст и языка, и их должны соблюдать недоступными для порока и такими употреблять на молитву. Если тот, кто имеет золотой сосуд, не решится обратить его на низкое употребление по причине драгоценности вещества его, то тем более мы, имея уста драгоценнее золота и жемчуга, не должны осквернять их бесстыдными, гнусными, поносительными и бранными словами. Не на медном и не на золотом жертвеннике ты приносишь фимиам, но на гораздо драгоценнейшем, – в храме духовном. Там бездушное вещество; а в тебе обитает Бог, ты – член и тело Христа. "**Положи, Господи, хранение устам моим и дверь в ограждение уст моих**" (ст. 3). Испросив у Господа, чтобы молитва его была услышана и благоприятна, посмотри, какое первое приносит пророк прошение, какое моление. Он не сказал: дай мне богатство, дай мне почести от людей, дай мне победу над врагами, дай мне детей; ничего такого он не просит, но, оставив все это лежать на земле, просит того, чего должно просить у Бога. Как, скажешь, разве не нужно просить благ телесных? Нужно, но умеренно, как говорил Иаков: "**если [Господь] Бог даст мне хлеб есть и одежду одеться**" (Быт.28:20), и как Христос заповедал нам молиться: "**хлеб наш насущный дай нам на сей день**" (Мф.6:11). А, прежде всего, должно просить благ духовных. Так поступает Псалмопевец: "**положи**", говорит, "**Господи, хранение устам моим**". Видишь ли его мудрость? Видишь ли его любомудрие? С чего он начинает прошение? С величайшего из добрых дел, которое, будучи пренебрегаемо, становится причиною всех зол, а будучи ревностно исполняемо – причиною благ. Действительно, много зла причиняет болтливость языка, и напротив, воздержание его – много добра. Как нет никакой пользы от дома, города, стен, дверей, ворот, если нет при них стражей и людей знающих, когда надобно запирать их и когда отворять, так не будет пользы и от языка и уст, если разум не будет приставлен открывать и закрывать их с точностью и великою осмотрительностью, и знать, что нужно произносить и что держать внутри. Не столь многие, говорит Премудрый, "**пали от острия меча, сколько павших от языка**" (Сир.28:21); и Христос говорит: "**не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека**" (Мф.15:11); и еще другой: "**для слов твоих сделай вес и меру, и для уст твоих – дверь и запор**" (Сир.28:29). Псалмопевец же, зная, что это дело весьма трудное, присовокупляет молитву и призывает Бога на помощь. Впрочем, и Премудрый выражает тоже самое, когда говорит: "**кто даст мне печать благоразумия на уста мои**" (Сир.22:31)? И нам надобно исполнять должное с своей стороны; потому он и говорит об этом в виде заповеди: "**сделай для уст твоих – дверь и запор**"; надобно просить и помощи Божией, чтобы наше усердие исполнилось на деле. Будем же постоянно хранить свои уста, приставив разум, как запор, не с тем, чтобы они были заключены постоянно, но

чтобы открывались в надлежащее время. Иногда молчание полезнее слов, а иногда слова лучше молчания. Поэтому Премудрый и говорит: "**время молчать, и время говорить**" (Еккл.3:7). Если бы устам надлежало постоянно быть открытыми, то не нужно было бы для них двери; а если бы им надлежало быть постоянно закрытыми, то не нужно было бы хранения. Для чего хранить то, что заперто? Для того дверь и хранение, чтобы мы делали все в надлежащее время. А другой говорит: "**для слов твоих сделай вес и меру**" (Сир.28:29), требуя еще большей точности, – чтобы мы не только произносили слова, какие должно, но с надлежащей тщательностью, так сказать, взвешивали и обсуживали их. Если мы поступаем так с золотом и веществом тленным, то тем более надобно делать это с словами, так чтобы в них не было ни недостатка, ни излишества. Вот почему и говорит Премудрый: "**не удерживай слова, когда оно может помочь**" (Сир.4:27). Видишь ли время произнесения слов? А в другом месте, указывая на время молчания, говорит: "**если имеешь знание, то отвечай ближнему, а если нет, то рука твоя да будет на устах твоих**" (Сир.5:14). Еще: "**многоречивый опротивеет**" (20:8). "**Лучше человек, скрывающий свою глупость, нежели человек, скрывающий свою мудрость**" (20:31). "**Выслушал ты слово, пусть умрет оно с тобою: не бойся, не расторгнет оно тебя**" (19:10). Еще: "**глупый от слова терпит такую же муку, как рождающая – от младенца**" (19:11). Далее и о мере слов говорит: "**говори, юноша, если нужно тебе, едва слова два, когда будешь спрошен, говори главное, многое в немногих словах. Будь как знающий и, вместе, как умеющий молчать**" (32:9,10). Подлинно, много нужно осмотрительности, чтобы, владея языком, употреблять его совершенно безопасно. Потому он и говорит еще: "**бывает обличение, но не вовремя, и бывает, что иной молчит, – и он благоразумен; иной молчит – и оказывается мудрым**" (Сир.19:28;20:5). Нужно не только молчать и говорить благовременно, но и с великой благодатью, почему Павел и говорит: "**слово ваше да будет всегда с благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому**" (Кол.4:6).

Подумай, что это – член, которым мы беседуем с Богом, которым возносим Ему хвалу; это – член, которым мы принимаем страшную Жертву. Верные знают, о чем я говорю. Поэтому нужно, чтобы он был чистым от всякого осуждения, порицания, сквернословия, клеветы. Если в нас рождается какой-нибудь скверный помысл, то надобно подавить его внутри, и не допускать ему переходить в слова. Если малодушие заставляет тебя роптать, то нужно истребить и этот корень, содержать дверь крепко и хранить строго. И порочным пожеланиям не нужно дозволять рождаться, а зарождающиеся подавлять внутри и иссушать в самом корне.

5. Такое хранение языка имел Иов, почему он и не произнес ни одного непристойного слова, но большею частью молчал, а когда следовало отвечать жене, то произносил слова исполненные любомудрия. Тогда только следует говорить, когда слова полезнее молчания. Потому и Христос сказал: "**за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда**" (Мф.12:36). И Павел: "**никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших**" (Ефес.4:29). А как можно содержать эту дверь в безопасности и хранить строго, об этом послушай другого, который говорит: "**всякая беседа твоя – в законе Вышнего**" (Сир.19:20). Если ты научишься не говорить ничего лишнего, но постоянно ограждать и мысль и уста свои беседою из божественных Писаний, то хранение твое будет крепче адаманта. Есть много путей погибели чрез уста, напр., когда кто сквернословит, когда насмехается, когда пустословит, когда тщеславится, как фарисей, который, не имея ограждения при устах своих, в немногих словах излил все, что находилось у него внутри, и потому, как дом без двери, не имея возможности удержать находившегося в нем сокровища, вдруг сделался бедным. Другой, посмотри, погиб чрез тщеславие, когда сказал: "**выше звезд Божиих вознесу престол мой**" (Ис.14:13). А иудеи иногда за то, что радовались несчастиям ближнего, слышат: "**всякий, делающий зло,**

хорош пред очами Господа"; иногда укоряются за то, что роптали и говорили: "**лучше устраивают себя делающие беззакония, и хотя искушают Бога. И ныне мы считаем надменных счастливыми**". Так написано в книге (Мал.2:17;3:15). Другие погибли чрез ропот, как говорит Павел: не будем роптать, "**как некоторые из них роптали и погибли от истребителя**" (1Кор.10:10). Когда же они роптали? Когда говорили: "**разве нет гробов в Египте, что ты привел нас умирать в пустыне?**" (Исх.14:11). Иные чрез насмешки: ели и пили, "**а после встали играть**" (Исх.32:6). Иные чрез злословие: "**всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: "рака", подлежит синедриону**" (Мф.5:22). И другие, гораздо в большем числе, погибли другими способами, не сохранив уст своих.

Если ты хочешь слышать, как некоторые погибали и чрез неблаговременное молчание, я покажу тебе. "**Если ты не будешь вразумлять его и говорить, чтобы остеречь беззаконника**", говорил Господь, "**Я взыщу кровь его от рук твоих**" (Иез.3:18). А иной – чрез то, что говорит всякому без разбора и бросает вверенное ему: "**не давайте**", сказал Господь, "**святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями**" (Мф.7:6). Иной – чрез смех, почему и сказано: "**горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете**" (Лук.6:25). Видишь ли, как губят уста? Посмотри, как напротив и спасают уста. Видел ли ты фарисея, погибшего чрез них? Посмотри на мытаря, спасшегося чрез них. Видел ли иноплеменника, потерпевшего наказание за тщеславие? Посмотри на праведника смиренного и сказавшего: "**я, прах и пепел**" (Быт. 18:27). Видел ли радующегося чужим бедствиям, и за то осужденного и наказанного? Посмотри на сострадательного, получившего спасение, – сказано: "**сделай знак на челах людей скорбящих, воздыхающих**" (Иез.9:4). Потому и Павел говорит: "**радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими**" (Рим.12:15); если ты, говорит, не можешь сделать ничего другого, то не малое доставишь утешение сетующему своим соболезнованием. Видел ли смеющегося, и за то преданного плачу? Посмотри на скорбящего и получающего утешение. "**Блаженны плачущие**", сказал Господь, "**ибо они утешатся**" (Мф.5:4). Видел ли ропщущих, и за то наказанных? Посмотри на благодарных – спасающихся. "**Благословен Ты, Господи Боже**", говорит пророк, "**хвально и прославлено имя Твое вовеки. Ибо праведен Ты во всем, что соделал с нами**", и немного далее: "**Ты совершил истинные суды во всем, что навел на нас**" (Дан.3:26,27,28). Те говорили: "**всякий, делающий зло, хорош пред очами Господа**"; а эти напротив: "**чистым очам Твоим не свойственно глядеть на злодеяния**" (Авв.1:13). Те ублажали чуждых, "**лучше устраивают себя делающие беззакония**"; а этот ублажает получающих помощь от Бога: "**блажен**", говорит, "**народ, у которого Господь – Бог его**" (Пс.143:15); и еще: "**не ревнуй лукавым и не завидуй делающим беззаконие**" (Пс.36:1). Видел ли, как святые и других увещевают пребывать, и сами пребывают твердыми в искушениях? Послушай Иакова, который говорит: "**и даст мне хлеб есть и одежду одеться**" (Быт.28:20), и Авраама, который говорит: "**даже нитки и ремня от обуви не возьму**" (Быт.14:23), и когда целомудрие жены его было в опасности, когда угрожал ему голод, он не произнес ни одного непристойного слова; также, когда сын сказал ему: "**отец мой! вот огонь и дрова, где же агнец**" – посмотри, с какою кротостью и любомудрием он говорит в ответ: "**Бог усмотрит Себе агнца**" (Быт.22:7,8). Ни природа, ни сострадание не заставили его изменить намерение при этих словах, которые сказал сын его, один на один, когда любовь особенно должна была воспламениться с большей силою. Чтобы кто-нибудь не сказал, что он не плакал, стыдясь других, он, отделившись от всех и находясь наедине, показал столь великое любомудрие.

6. Видел ли наказываемых за смех? Посмотри на спасающихся слезами и постом, вспомнив о ниневитянах. Видел ли наказываемых за злословие? Посмотри на получающих награду за благословие. "**Благословляющий тебя благословен, и**

проклинающий тебя проклят" (Числ.24:9). "**Благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного**" (Мф.5:44,45). Видишь ли, что не должно ни совершенно заключать уста, ни всегда открывать их, но знать время для того и другого? Зная это, и пророк сказал: "**положи, Господи, хранение устам моим и дверь в ограждение уст моих**". Какое же это ограждение, как не мысль, которая грозно стоит и держит в руках огонь, готовый сжечь употребляющих уста безрассудно? Ее поставь привратником и стражем, угрожающим совести, и она никогда не отворит двери безвременно, но во время, на пользу и на неисчислимые блага. Потому и сказал некто: "**помни о конце твоем, и вовек не согрешишь**" (Сир.7:39). Видишь ли, как и этот предлагает ту же мысль? А я сделал ее более грозною, сказав, что она держит в руках не только то, что происходит при смерти, но и после смерти. Если будет так, то никакое зло не родится в душе.

Сравни с этим и другое изречение, – что за всякое праздное слово дашь ответ в день судный (Мф.12:36). Вспомни, что отсюда и смерть произошла. Если бы жена не говорила со змием о том, о чем говорила, если бы не приняла слов его, то и сама не получила бы вреда, и мужу не дала бы плода, и он не вкусил бы. Говорю это не для того, чтобы винить язык и уста, – нет, – но неблаговременное их употребление, которое происходит от небрежности ума. Есть и другой путь погибели чрез уста, когда бывают лобзания постыдные и нечистые, или коварные и льстивые. И на них положи хранение. Таково было лобзание Иуды, исполненное коварства. Но не таково лобзание Павла, которым он заповедует лобзать друг друга: "**приветствуйте**", говорит, "**друг друга лобзанием святым**" (2Кор.13:12). Не таково было лобзание Давида с Ионафаном, но святое, честное, исполненное искренней любви (1Цар.20:41). Таково же было лобзание тех, которые, пали на выю Павлову, и облобызали его (Деян.20:37). Потому и говорит пророк "**положи, Господи, хранение устам моим и дверь**", не просто дверь, но прибавляет: "**в ограждение**", чтобы она все обнимала и сохраняла в безопасности. Есть и иной род погибели чрез язык, когда говорят: почему это так, для чего это так сделано? Укоряя тех, которые предлагают такие безрассудные вопросы, Павел говорит: "**ты кто, человек, что споришь с Богом?**" (Рим.9:20)? Впрочем надобно охранять не только уста, но и мысль еще прежде уст. Потому и сказал некто: "**кто приставит бич к помышлениям моим, чтобы они не щадили проступков моих**" (Сир.23:2)? Потому и Христос истребляет сами внутренние порочные помыслы, когда говорит: "**всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею**" (Мф.5:28). Видишь ли, как Он не дозволяет произрастать и даже получать начала ни похоти, ни гневу? "**Всякий, гневающийся на брата своего**", говорит Он, "**подлежит геенне огненной**" (Мф.5:22) Не мало служит к безопасности и то, чтобы не говорить много, почему и сказано: "**при многословии не миновать греха, а сдерживающий уста свои – разумен**" (Притч.10:19). "**Не уклони сердце мое к словам лукавым, для измышления извинения во грехах вместе с людьми, совершающими беззаконие, и да не соединюсь с избранниками их**" (ст. 4). Другой (Симмах): **не отврати сердца моего в слова лукавые помышлять мысли беззаконные** (μὴ παρατρέψῃς… ἐννοεῖν εννοίας παρανόμους). Почему пророк изменил порядок речи, и сказал сначала об устах, а потом перешел к сердцу? Он сделал это не напрасно и не случайно. Как имеющие надзор за узниками, замышляющими бегство, поставляют первым делом держать крепко двери темницы, и об этом все заботятся, и когда это сделано, то остальное сделать легко, так точно поступает здесь и Псалмопевец и в своей молитве как бы так говорит: пусть будут заключены двери, и порочные помыслы скоро будут укрощены. Поэтому он как останавливает извне входящие помыслы в самом начале, так истребляет и злой корень их: "**не уклони**", говорит, "**сердце мое к словам лукавым**", говорит не потому, будто Бог уклоняет, – да не будет, – но в таком смысле: не попусти уклониться, не попусти обратиться к порочным помыслам.

Действительно, там – в сердце – источник добродетели и порока. А какие бывают "**слова лукавые**"? Многие и различные. Таковы словеса тех, которые строят козни, хулят Бога, отвращаются от добродетели, гоняются за пороком, с охотою слушают о развращенных учениях и греховной жизни, слова, происходящие от великого нечестия. Но как есть слова и помыслы "**лукавые**", так есть и слова **жизни**. Поэтому ученики и говорили Христу: "**Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни**" (Ин.6: 68). Словами жизни называются такие, которые доставляют жизнь, называются словами спасения те, которые доставляют спасение. Потому и говорит один Премудрый:

"**не удерживай слова, когда оно может помочь**" (Сир.4:27). А "**слова лукавые**" делают лукавыми и тех, которые произносят их.

7. Как воздух бывает вредным и заразительным, так и слова. Что производит воздух в теле, то же и слова в душе, которая принимает их. Поэтому пророк, продолжая речь, молится и говорит: не попусти уклоняться туда. Видишь ли, как он указывает на свободное произволение души, на то, что природа сама в себе не заключает порока, но принимает его, увлекаясь беспечностью? "**Измышления извинения во грехах**". Это в особенности служит путем к погибели, когда или сама согрешающая душа, отвергнув страх, вымышляет предлоги к беспечности, или когда другой, желая у кого-нибудь, совершившего прелюбодеяние, исторгнуть чувство сокрушения, говорит: "разве ты виноват? – Виновата похоть". Грешить – зло; но еще тягчайшее зло – отпираться по совершении греха. Это в особенности и есть оружие диавола. Так было и с первозданными людьми. Тогда как Адаму следовало признаться в грехе, он слагает вину на жену, а она потом на диавола. Тогда как следовало бы говорит: "**совершающими беззаконие**", иные не только не признаются, но еще составляют оправдание. Диавол, зная, что исповедание греха есть избавление от греха, склоняет душу к бесстыдному упорству. Но ты, возлюбленный, когда согрешишь, говори: я согрешил. Нет ничего справедливее такого оправдания. Таким образом, ты умилостивишь Бога; таким образом, и сам себя сделаешь более медленным на те же грехи. А если станешь отыскивать пустые предлоги и освобождать душу от страха, то усилишь в ней расположение снова предаваться тем же грехам и много прогневаешь Бога. Ни у кого из согрешивших не бывает недостатка в бесстыдных оправданиях. Человекоубийца может ссылаться на свою раздражительность, вор на бедность, прелюбодей на похоть, иной на власть; но все это – предлоги неосновательные, не представляющие никакого уважительного оправдания. Не от них происходят грехи, но от воли согрешающих. А что это действительно так, я объясню близкими к делу примерами. Если встречается иной человек, который проводит жизнь в бедности, имеет похоть, подлежит всем потребностям природы, и однако, не впадает в такие грехи, то, какое они могут иметь оправдание? Хорошо сказал один Премудрый: "**кто приставит бич к помышлениям моим и к сердцу моему наставника в мудрости, чтобы они не щадили проступков моих и не потворствовали заблуждениям их**" (Сир.23:2)? Посмотри: Давид, согрешив, не оправдывается, но говорит: "**согрешил я пред Господом**" (2Цар.12:13). Хотя он мог бы сказать: для чего эта женщина обнажалась, для чего мылась пред моими глазами? – но он знал, что это был бы неосновательный предлог, и потому прибегает к прямому оправданию и говорит: "**согрешил**". Не так поступил Саул, но будучи укоряем за то, что прибег к волшебнице, сказал: "**тяжело мне очень; Филистимляне воюют против меня**" (2Цар. 28:15); потому и был строго наказан. Тогда как следовало сказать: согрешил, сделал беззаконие, он этого не сказал, но старался уклониться, представляя пустые предлоги. "**С людьми, совершающими беззаконие**". Присовокупляя это, пророк показывает, что таким людям особенно свойственно искать предлогов и бесстыдствовать. Вот почему Давид часто представляет добродетелью – избегать таких обществ, и даже этим начинает саму книгу: "**блажен муж, который не**

ходил на собрание нечестивых, и на пути грешных не стоял, и в обществе губителей не сидел" (Пс.1:1). Поэтому самому ты видишь его всегда исповедующим грехи свои.

Так, когда он перечислил народ, то сказал: "**вот, я согрешил, я [пастырь] поступил беззаконно**" (2Цар.24:17). Не сказал: что в том, что я сделал перечисление? – но осудил сам себя, и за то получил прощение. Подлинно, ничто так не умилостивляет Бога, как исповедание грехов. А это бывает тогда, когда избегают обществ, заглушающих страх ко грехам и располагающих к беспечности. Потому и Павел, и Иеремия много говорят об этом и оба заповедуют избегать общения с людьми порочными и столь беспечными. Иов также полагает это в числе добродетелей, когда говорит: "**если я ходил в суете, и если нога моя спешила на лукавство**" (Иов.31:5). А этот свидетельствует о себе, что он даже не сидел вместе с ними: "**не сидел я**", говорит, "**в собрании суетном**" (Пс.25:4). Потому и Павел запрещает даже вкушать пищу с порочными и иметь какое-нибудь общение с ними: "**если же кто не послушает слова нашего в сем послании, того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним, чтобы устыдить его**" (2Фес.3:14). "**И да не соединюсь с избранниками их**". Другой (Симмах): **и не буду вкушать с ними сладостей их** (μηδὲ συμφάγοιμι τὰ ἡδέα). Третий (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **не буду участвовать в удовольствиях их** (μὴ συναυλισθῶ εν ταῖς τερπνότησιν). Здесь он согласно с апостолом выражает, что должно избегать удовольствий и пиршеств людей, где особенно возрастает грех, где бывает много бесстыдства.

8. Немаловажный признак добродетели, немаловажное средство к исправлению – избегать таких пиршеств и обществ, не поддерживать дружбы с ними, не ослаблять крепости души и не терять силы любомудрия раболепством чреву. Многие, уважая такую дружбу, потонули в пучине пьянства, впали в прелюбодеяние, воспламенили в себе огонь сладострастия, бегая по пиршествам и зрелищам, исполненным великого нечестия. А Псалмопевец свидетельствует о себе, что он удалялся от подобных обществ, что не участвовал и в трапезе их. "**Наставит меня праведник милостиво и обличит меня, елей же грешника да не помажет главы моей, но и молитва моя (да не будет) в благоволении у них**" (ст. 5). Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **да поразит меня праведник по милости и да обличит** (κατελασάτω… ελεγζάτω). И это вместе с предыдущим немаловажный вид добродетели – не избегать обличений и укоризн от людей праведных. Смысл слов его следующий: в тех обществах, в которых приятно говорят ко вреду, я не хочу участвовать, но лучше желаю быть с теми, которые обуздывают, исправляют, обличают, обнажают грехи, наказывают. Это особенно и свойственно милосердию и человеколюбию – врачевать раны. "**Елей же грешника да не помажет главы моей**". Видишь ли душу, сроднившуюся с добродетелью? Она с удовольствием переносит и укоризны праведных, а от нечестивых не принимает и приятных слов. Почему? Потому, что последние, оказывая благосклонность, часто губят, а первые, обличая и укоряя, исправляют, с укоризною первых соединена милость, а с милостью последних – смерть. Поэтому и сказал некто: "**искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего**" (Притч.27:6). Заметь притом, как здесь выражается апостольская заповедь. "**обличай, запрещай, увещевай**" (2Тим.4:2). Таково обличение святых, так поступают и врачи, – не только отсекают, но и обвязывают. Вот почему и Христос, желая сделать обличение удобоприемлемым, не позволяет в самом начале укорять всенародно и говорит: "**пойди и обличи его между тобою и им одним**" (Мф.18:15). Так и Павел поступал, соединяя обличение с милостью и выражаясь то: "**о, несмысленные Галаты**", то: "**дети мои, хорошо ревновать в добром всегда**" (Гал.3:1; 4:17,18). Обличающий должен много обдумывать, чтобы обличение было принято охотно; нужно много благоразумия тому, кто прилагает это врачество; лучше сказать – обличающий должен иметь больше мудрости, нежели режущий тело. Почему? Потому, что там одно режется, а другое терпит боль; здесь сама (душа) и поражается и чувствует

боль. "**Елей же грешника да не помажет главы моей**". Что это значит? Этот, говорит, ищет не пользы слушателя, а своей собственной, чтобы показаться приятным, дружественным; а тот имеет в виду пользу другого прежде собственного удовольствия; так и в этом отношении они весьма разнятся между собою. Если же надобно удаляться от нечестивых людей и тогда, когда они оказывают милость, то когда же должно допускать их к себе? Никогда. Хотя бы нечестивый предлагал деньги, хотя бы обещал удовольствия и почести, отвергай его и убегай; а за праведником следуй, хотя бы он уязвлял тебя словами и укорял, потому что он и есть любящий тебя. "**Но и молитва моя (да не будет) в благоволении у них**". Другой (Симмах): **так как еще и молитва моя между злодеяниями их** (εντὸς τῶν κακιῶν). Третий (Акила.): **так как еще и молитва моя при нечестии их** (εν ταῖς πονηρίαις).

Пророк одного просил у Бога, а другое представляет от себя, и тем показывает, что люди не должны полагаться на одну молитву, предаваясь сами беспечности и сну, но приносить должное и с своей стороны. Что же он приносит от себя? Не овец, не волов, не деньги, но кротость нравов и крайнее отвращение к нечестию беззаконников. Я не только, говорит, буду избегать пагубной благосклонности, не только охотно приму обличение праведных, но и восстану против похотей беззаконников; я так далек от желания их милости, что даже молюсь против их похотей. Это означают слова: "**пожраны были близ камня судии их, услышаны были слова мои, ибо они могущественны**" (ст. 6) Другой (Симмах): **рассыплются в руке камня** (εκτιλήσοντι εν χειρὶ πέτρας). Здесь пророк показывает, как порок легко побеждается, как стремительно падает нечестие. Сами, говорит, властители, которые всем распоряжались, погибли. И не сказал: погибли, но: "**пожраны были**", выражая, что они погибли так, что не видно и следа их, как он говорит еще о нечестивом: "**и прошел я мимо, и вот его нет: и искал его, и не нашлось место его**" (Пс.36:36). Что значит: "**близ камня**"? Вблизи. Смысл слов его следующий: как камень, брошенный, в море, не может быть виден, так и их благоденствие, исчезая, делается, наконец, невидным и совершенно погибает. Или это он выражает, т.е. неизвестность, совершенную погибель, или силу, могущество, крепость. Вот что означают слова: "**рассыплются в руке камня**". "**Услышаны были слова мои, ибо они могущественны**". Другой (Акила): **потому что они ограждены стражей** (εδορυφορήθησαν). Третий (Симмах): **потому что они благообразны** (ευπροσωπίσθησαν). Т.е. они на опыте узнают приятность моего увещания и совета. Как? Обличение от праведных приносит этот плод и наставление их доставляет великое удовольствие.

9. Такова добродетель: она требует кратковременного труда, а доставляет вечную радость. "**Как глыба земли распадается на земле, так кости их рассыпались при аде**" (ст. 7). Другой (Симмах): **как земледелец, когда разрывает землю, так рассыпаны кости наши в устах адовых** (ωσπερ γεωργὸς οταν ρήσση τήν γῆν… εις στόμα αδου). Третий (Акила): **подобно рубящему и разрывающему землю, рассыпаны кости наши во аде** (ομοίως αποκλῶντι καὶ διασχίζοντι τὴν γῆν). Четвертый (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **как возделывающий и копающий на земле, рассыпаны кости наши при аде** (ώς καλλιεργῶν καὶ σκάπτων εν τῇ γῇ). Сказав, что слова его заключают в себе много приятности, пророк говорит и о прежних бедствиях. Хотя, говорит, мы терпели крайние бедствия и подобно тому, как земля рассекается и раскапывается, или разбрасывается плугом, так и мы все были рассеяны, погибали и приблизились к самым вратам смерти, – но и в таком состоянии мы хотели бы лучше принять вразумление и обличение от праведников, нежели милость от грешников; и что ни случилось бы, мы пребудем в надежде на Тебя и никогда не перестанем взирать на Тебя.

Вот почему пророк и присовокупляет: "**но к Тебе, Господи, Господи, очи мои (обращены), на Тебя я уповал: не отними душу мою**" (ст. 8). Хотя бы, говорит,

постигли нас бесчисленные бедствия, войны, битвы, смерти, врата адовы, мы не отступим от священного якоря, но будем держаться надежды на Твою помощь и, оставив оружие и ополчения, отсюда будем ожидать избавления, – от Твоей помощи. "**На Тебя я уповал: не отними душу мою**". Другой (Акила): **не истощи** (μὴ ἐκκενώσης), т.е. не попусти мне отойти без всякого доброго дела. "**Сохрани меня от сети, которую расставили для меня, и от соблазнов (со стороны) делающих беззаконие**" (ст. 9). Он говорит здесь не просто о кознях, но о кознях тайных, скрытых, которых трудно остеречься и заметить, и против которых особенно нужна высшая помощь. Поэтому он и заключает речь молитвою, оканчивая ее тем же, чем и начал. Он показывает, что с его стороны приносится надежда на Бога, постоянное обращение к Богу, удаление от нечестивых обществ, ненависть к их порочным пожеланиям; а от Бога подается помощь, содействие, сила – стать выше самых трудных обстоятельств. Так совершается добродетель, – т.е. когда привносится и наше старание и помощь Божия содействует. "**Падут в сеть свою грешники, а я один останусь, пока не перейду (ее)**" (ст. 10)[1]. В чью мрежу впадут они? Во мрежу самого Бога, т.е. будут уловлены, побеждены. Праведных бедствия постигают для их исправления и возбуждения их любомудрия; а грешных, как неисцелимо больных, для наказаний и мучения. "**Один останусь, пока не перейду**". Другой (Акила): **вместе буду, пока пройду** (αμα). Третий (Феодотион и неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **при одном и том же** (επὶ τὸ αυτὸ). Т.е. уединен, сосредоточен, нерассеян, или, по переводу семидесяти толковников, отделен от нечестивых, чужд их общества и как бы проводя жизнь один, что и составляет величайший вид добродетели; и притом не один, два или три дня, говорит, я так веду себя, но во всю свою жизнь. Вот чем ограждается, укрепляется и возрастает добродетель, – тем, чтобы удаляться от нечестивых, быть собранным и сосредоточенным в самом себе во всю жизнь и жить в уединении от людей развращающих. Не пустыня делает уединенным, но любомудрая воля. Таким образом и живущие в городах, среди шума и торжищ могут быть уединенными, если будут избегать развратных обществ и прилепляться к собраниям праведников. Это – путь безопасный. Итак, кто способен исправлять и других, тот пусть обращается с теми, которые расположены принять врачество, и делает их лучшими; а кто слаб, тот пусть избегает людей нечестивых, чтобы не заразиться от них. Таким образом он и настоящую жизнь проживет безопасно, и получит будущие блага, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] В славянском: **во мрежу свою**; святитель читал: **его** (αυτο῀).

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 141

1 Разума давиду, внегда быти ему в вертепе молящемуся. Гласом моим ко Господу воззвах, гласом моим ко Господу помолихся.

2 Пролию пред ним моление мое, печаль мою пред ним возвещу.

3 Внегда изчезати от мене духу моему, и ты познал еси стези моя: на пути сем, по

1 В научение. Давида, когда он в пещере молился. Гласом моим ко Господу воззвал я, гласом моим ко Господу помолился.

2 Излию пред Ним моление мое, печаль мою пред Ним возвещу.

3 Когда исчезал из меня дух мой, Ты и (тогда) знал стези мои: на пути сем, по

немуже хождах, скрыша сеть мне.	которому я ходил, скрыли сеть мне.
4 Сматрях одесную и возглядах, и не бе знаяй мене: погибе бегство от мене, и несть взыскаяй душу мою.	4 Смотрел я направо и видел: и не было знающего меня, не было места, куда мне бежать, и никто не заботился о душе моей.
5 Воззвах к тебе, Господи, рех: ты еси упование мое, часть моя еси на земли живых.	5 Я воззвал к Тебе, Господи, сказал: Ты - упование мое, Ты - часть моя на земле живых,
6 Вонми молению моему, яко смирихся зело: избави мя от гонящих мя, яко укрепишася паче мене.	6 Вонми молению моему, ибо я весьма унижен, избавь меня от гонителей моих, ибо они укрепились более меня.
7 Изведи из темницы душу мою, исповедатися имени твоему: мене ждут праведницы, дондеже воздаси мне.	7 Изведи из темницы душу мою, чтобы исповедать имя Твое; меня ждут праведники, доколе не воздашь мне.

1. Видишь ли, как пророк часто делает это, – начинает речь таким образом, и дважды повторяет здесь: "**гласом**" и "**гласом**"? Он делает это не напрасно, но чтобы посредством двукратного повторения внушить нам два действия, живое усердие и напряженное внимание, и, кроме того, чтобы мы взывали собственным голосом. Не все ведь взывают "**гласом**", не все – к Богу, не все – собственным. А нужно, чтобы все это было вместе. Кто взывает против врагов, тот произносит голос не человека, а дикого зверя и змия. Кто беспечен и невнимателен к тому, что говорит, тот взывает не к Богу, но говорит тщетно и напрасно. Кто не возбуждает своей души, тот, хотя бы громко кричал, также не взывает. "**Глас**", как я и прежде часто говорил, означает не силу дыхания, а напряженное внимание. Но не так поступает пророк; он соединяет эти три обстоятельства и выражает, что он и взывает "**гласом**", и к Богу, и собственным голосом; потому и говорит дважды: "**гласом моим**" и "**гласом моим**". "**Излию пред Ним моление мое, печаль мою пред Ним возвещу**" (ст. 3). Видишь ли душу, свободную от всего житейского? Не к людям прибегал он, не от них искал помощи, но – к помощи непреоборимой, содействию высшему. Далее, желая выразить напряженное внимание и пламенное усердие, какое он имел, употребляет выражение: "**излию**", т.е. с великим обилием.

Отсюда мы научаемся, что скорби не мало способствуют любомудрию. Таков плод скорби. Поэтому пусть никто не избегает ее. Она приносит двоякую пользу: во-первых, делает нас более ревностными и внимательными; во-вторых, дает нам немалое право на то, чтобы быть услышанными. Потому и пророк не сказал: правду мою, или добрые дела мои, но: "**печаль мою**", так как и она служила не малою защитою для него. Потому и Исаия говорит: "**утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш, говорите к сердцу Иерусалима и возвещайте ему, ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои**" (Ис.40:1,2). И Павел: "**предать сатане во изможднение плоти, чтобы дух был спасен**" (1Кор.5:5). И еще в послании к Коринфянам говорит: "**оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром**" (1Кор.11:30-32). И Авраам сказал богатому: "**чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь – злое; ныне же он здесь**

утешается, а ты страдаешь" (Лук.16:25). И Давид, когда Семей проклинал его, сказал: "**если мой сын, который вышел из чресл моих, ищет души моей, тем больше сын Вениамитянина; оставьте его, пусть злословит, ибо Господь повелел ему; может быть, Господь призрит на уничижение мое, и воздаст мне Господь благостью за теперешнее его злословие**" (2Цар.16:11). И везде в Писаниях мы находим, что те люди, которые с благодарностью переносят скорби, не только изглаждают множество грехов своих, но и приобретают чрез это не малое дерзновение пред Богом. "**Когда исчезал из меня дух мой, Ты и (тогда) знал стези мои: на пути сем, по которому я ходил, скрыли сеть мне**" (ст. 4). Когда малодушные люди особенно падают, а многие и произносят богохульные слова, тогда он особенно любомудрствует, научаясь такому расположению духа от скорби.

Поэтому, когда ты видишь, что кто-нибудь отчаивается во время скорби, или произносит какие-нибудь непристойные слова, то причиною этого считай не скорбь, а малодушие говорящего, потому что скорбь по существу своему обыкновенно производит противное: внимание, душевное сокрушение, глубокое размышление, преспеяние в благочестии. Потому Павел и говорит: "**от скорби происходит терпение, от терпения опытность**" (Рим.5:3,4). Если же иудеи во время скорбей роптали, то этот ропот происходил не от скорби, но от их безумия; святые, подвергаясь скорбям, делались более славными и любомудрыми. Потому и сам пророк говорил: "**благо мне, что Ты смирил меня, чтобы я научился оправданиям Твоим**" (Пс.118:71). И Павел: "**но Господь сказал мне: "довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи". И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен**" (2Кор.12:9,10). Видишь ли, как и пророк во время скорби более ободряется, прибегает к Богу, прилепляется к Нему с большею силою и в самой глубине зол (это означают слова: "**когда исчезал из меня дух мой**"), тогда-то и делается особенно ревностным? Слова: "**Ты и (тогда) знал стези мои**" другой переводчик (Симмах) передал так: потому что **ты знаешь** (σὺ γὰ οιδας). "**Смотрел я направо и видел: и не было знающего меня, не было места, куда мне бежать, и никто не заботился о душе моей**" (ст. 5). Здесь он показывает

великое несчастье, множество бедствий и козни врагов, как они приступали и приближались, желая низвергнуть его, и, что особенно тяжело, у него не только не было помощников или сотрудников, но даже "**и не было знающего**".

2. Этим выражается совершенная пустыня, крайнее отчуждение всех. И подлинно, немногие решаются присутствовать и помогать в несчастьях, особенно когда несчастья угрожают опасностями. Однако это не только не повредило пророку, но еще более принесло ему пользы, приблизив его к Богу. Так и ты, возлюбленный, когда видишь умножающиеся бедствия, не унывай, но еще более ободряйся. Бог попускает им быть для того, чтобы прогнать твою беспечность, чтобы пробудить тебя от сна. Тогда все лишнее отсекается, тогда все житейское забывается, тогда человек делается более ревностным в молитве, более усердным к милостыне и к презрению чрева, и всякая страсть легче побеждается, обращаясь в бегство от скорби. Так и в начале Бог подверг нас трудам и скорбям, желая не наказать нас, хотя изрек приговор в виде наказания, но вразумить нас и сделать лучшими. Если и теперь, когда окружают нас скорби и жизнь исполнена трудов, господствует такое нечестие, то до чего не дошло бы зло, если бы их не было? И удивительно ли, что скорбь служит благом для души, если она – благо и для тела? Пресыщать тело наслаждениями – вредно. Так и бедствия, когда окружают нас со всех сторон, заставляют быть бдительными; и если мы внимательны, то не терпим от них никакого вреда. Потому и говорит некто: "**знай, что ты посреди сетей идешь и по**

зубцам городских стен проходишь" (Сир.9:18). И Псалмопевец говорит: "**стези мои: на пути сем, по которому я ходил, скрыли сеть мне**". Если кто примет эти слова в переносном смысле, то уразумеет, что так поступает диавол, не издали строя козни, но скрывая их близко.

Вот почему с нашей стороны и требуется великая бдительность. Он скрывает свою сеть, в милостыне – тщеславие, в посте – гордость, скрывает не на других путях, но на тех самых, по которым мы ходим, что особенно тяжело. "**Не было места, куда мне бежать**". Посмотри на новое приращение бедствий. Пророк показывает, что не только на путях его расставлены были сети, не только не было помогающего и даже знающего об этом, но и оставшееся средство к избавлению, – искать спасения в бегстве, – не было для него легко и удобно. Так он был ввержен в глубину бедствий, находился в неизбежном несчастии, – и, однако не отчаивался. "**И никто не заботился о душе моей**", т.е. не было защитника, помощника. Что же он? Среди таких бедствий и затруднений отчаялся ли в спасении? Нет. Он тотчас прибегает к Богу и говорит: "**я воззвал к Тебе, Господи, сказал: Ты – упование мое, Ты – часть моя на земле живых**" (ст. 6). Видишь ли бодрость души? Бедствия не подавили его, но еще более окрылили; и находясь в трудных обстоятельствах, он нашел непобедимую десницу, всемогущую силу и облегчение затруднений. "**Сказал: Ты – упование мое**". Все человеческое, говорит, оказывается тщетным, буря так превышает всякую помощь, что никаким искусством невозможно избежать кораблекрушения; но, хотя нет никакой надежды на людей и все мы в отчаянном положении, для Тебя легко все, и потому мы не ослабеваем в надежде на Тебя. "**Ты – часть моя на земле живых**", т.е. сам Ты – мой жребий, мое сокровище, мое богатство, мое все. "**На земле живых**". **Землею живых** он называет здесь свое отечество; напротив плен вавилонский он часто называет адом и смертью. Так как на земле чужой не совершалось обычного богослужения, а здесь исполнялись священнодействия, то он говорит: "**часть моя на земле живых**". Ты всегда, говорит, присущ мне, усвоил меня Себе на земле живых, и велика была моя близость к Тебе.

"**Вонми молению моему, ибо я весьма унижен, избавь меня от гонителей моих, ибо они укрепились более меня**" (ст. 7). Видишь ли, как он и здесь представляет в свою защиту то, что говорил выше, т.е. что он "**весьма унижен**", получил наказание за грехи с избытком. Выражение: "**весьма**" означает не жалобу на события, но скорбь и изнурение страждущего. Если смотреть на важность грехов, то это унижение не будет "**весьма**"; а если – на слабость страждущего, то оно "**весьма**", чрезмерно. Бог никогда не требует наказания, равняющегося важности грехов; если же для страждущих оно кажется невыносимым, то это зависит не от существа дела, но от слабости переносящих. "**Избавь меня от гонителей моих, ибо они укрепились более меня**". Вот и другая причина избавления – неправедные козни нападающих, тогда как он в великом изнурении. "**Изведи из темницы душу мою, чтобы исповедать имя Твое; меня ждут праведники, доколе не воздашь мне**" (ст. 8). "**Исповедать**" здесь сказано вместо: **благодарить**. Смысл слов его следующий: избавь меня от бедствий. **Темницею** он называет здесь крайние несчастия.

3. "**Исповедать имя Твое**". Немаловажное дело и то, чтобы, находясь в счастье, не доходить до забвения о полученных благодеяниях. Многие из людей во время скорбей бывают усердными, а в счастье беспечными; другие в счастье бывают беспечными, а во время скорбей отчаиваются и падают духом. Но пророк при тех и других обстоятельствах неизменно сохранял благочестие; скорбь не доводила его до падения, но еще более располагала к прошению и молитве; и счастье не расслабляло его, но и тогда готовился благодарить. "**Меня ждут праведники, доколе не воздашь мне**". Другой (Симмах): **увенчаны будут праведники, когда окажешь мне благодеяние** (στεφαώσοντα…

ευεργετήσης με). Что это значит? И праведникам, говорит, это принесет пользу; они будут радоваться, веселиться, ликовать, видя мое избавление от бедствий. Души святых таковы, что они и страждущим сочувствуют и счастливым не завидуют, но радуются, веселятся, утешаются, видя получающих благодеяния, как и Павел заповедал: "**радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими**" (Рим.12:15). Это – не малая добродетель. Многие радуются, когда другие падают, и завидуют, когда они восстают, предаваясь той и другой страсти от жестокости и бесчеловечия. Но не таковы праведники; свободные от той и другой страсти, милостивые и человеколюбивые, они приобретают противоположные тому добродетели; как первые от жестокости своей впадают в ту и другую страсть, так последние по человеколюбию состраждут страждущим и сорадуются радующимся.

А почему он сказал: "**воздашь мне**"? Другой переводчик (неизвестный переводчик) говорит: **когда окажешь мне благодеяние.** Еще иные: **воздашь и вознаградишь меня** (ανταποδῶς καὶ αμείψη με). Между тем выше он указал на скорбь и смирение, а не на добрые дела свои, не на дерзновение, происходящее от дел. За что же он испрашивает себе воздаяния? За дни смирения. И это немаловажное дело – переносить скорбь с благодарностью. Потому он и называет награду за это воздаянием. Так и мы не будем унывать во время скорбей, но молиться, чтобы не впасть в искушение; а когда оно постигло нас, то будем принимать его; чрез это мы избавляемся от присущих нам грехов, а если имеем какую-нибудь добродетель, то и ее делаем более светлою. Так показал на себе Иов, который тогда особенно и просиял. Это полезно и для тела, полезно не только людям, но и бессловесным животным, и не только животным, но и растениям. И земледельцы не позволяют винограднику и другим деревам чрезмерно разрастаться ветвями, но препятствуют дальнейшему их росту и, обрезывая ножом, обращают всю силу их к корню, чтобы они, истощив всю силу на листья, не производили негодных плодов. Так бывает и с людьми. Когда ревность тратится на дела излишние, тогда душа делается бессильною к произведению зрелого и совершенного плода благочестия. То же можно видеть и на воде. Стоячая и неподвижная вода бывает вредна; а движущаяся, вычерпываемая и проточная не только здорова, но ее приятно и видеть, и касаться, и пить. Стеснение нередко побеждает и природу. Так вода, стремящаяся и текущая вниз, будучи стесняема, поднимается вверх. Так точно бывает и с людьми. Те, которые великодушно переносят скорби, становятся более высокими, хотя бы они были весьма низкими, самыми земными и уничиженными, и приобретают отсюда великую пользу. Зная это, будем с благодарностью переносить постигающие нас бедствия, дабы и они сделались для нас более легкими, и нам достигнуть будущих благ, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 142

1 Псалом давиду, егда гоняше его авессалом сын его. Господи, услыши молитву мою, внуши моление мое во истине твоей, услыши мя в правде твоей:

2 и не вниди в суд с рабом твоим, яко не оправдится пред тобою всяк живый.

3 Яко погна враг душу мою: смирил есть в землю живот мой: посадил мя есть в

1 Псалом Давида, когда его преследовал Авессалом, сын его. Господи! Услышь молитву мою, вонми молению моему во истине Твоей, услышь меня в правде Твоей,

2 И не войди в суд с рабом Твоим, ибо не оправдается пред Тобою никто из живущих.

3 Ибо враг преследовал душу мою, смирил до земли жизнь мою, посадил меня в темноте, как

темных, яко мертвыя века.

4 И уны во мне дух мой, во мне смятеся сердце мое.

5 Помянух дни древния, поучихся во всех делех твоих, в творениих руку твоею поучахся.

6 Воздех к тебе руце мои: душа моя яко земля безводная тебе.

7 Скоро услыши мя, Господи, изчезе дух мой: не отврати лица твоего от мене, и уподоблюся низходящым в ров.

8 Слышану сотвори мне заутра милость твою, яко на тя уповах: скажи мне, Господи, путь, в оньже пойду, яко к тебе взях душу мою.

9 Изми мя от враг моих, Господи, к тебе прибегох.

10 Научи мя творити волю твою, яко ты еси Бог мой: дух твой благий наставит мя на землю праву.

11 Имене твоего ради, Господи, живиши мя правдою твоею: изведеши от печали душу мою:

12 и милостию твоею потребиши враги моя и погубиши вся стужающыя души моей: яко аз раб твой есмь.

от века умерших.

4 И уныл во мне дух мой, смутилось во мне сердце мое.

5 Вспомнил я дни древние, находил поучение во всех делах Твоих, твореними рук Твоих назидался.

6 Простирал к Тебе (молитвенно) руки мои: душа моя (стремится) к Тебе, как земля безводная.

7 Скоро услышь меня, Господи, дух мой исчез, не отвращай лица Твоего от меня, (а иначе) я уподоблюсь сходящим в могилу.

8 Возвести мне скоро милость Твою, ибо я на Тебя уповал; покажи мне, Господи, путь, по коему мне идти, ибо к Тебе я вознесся душою моею.

9 Удали меня от врагов моих, ибо я к Тебе прибег.

10 Научи меня творить волю Твою, ибо Ты - Бог мой. Дух Твой благий поведет меня в землю правды.

11 Имени Твоего ради, Господи, даруешь мне жизнь по правде Твоей, изведешь от печали душу мою,

12 И по милости Твоей истребишь врагов моих и погубишь всех угнетающих душу мою, ибо я раб Твой.

1. Молитва бывает и словесным прошением, бывает и обетом. Поэтому один премудрый и предлагает такое увещание: "**не повторяй слова в прошении твоем**" (Сир.7:14). Не то внушает и советует он, чтобы мы, прося и моля Бога, не повторяли дважды одного и того же, – нет, нам заповедано даже непрестанно молиться, – но чтобы мы не откладывали обетов, данных нами Богу, а спешили исполнить их. Потому и в другом месте говорится: "**когда даешь обет Богу, то не медли исполнить его**" (Еккл.5:3). Будущее неизвестно; или болезнь, или какие-нибудь неожиданно случившиеся занятия могут воспрепятствовать исполнению обета; также если придет смерть и воспрепятствует, ты не получишь прощения. Но здесь Псалмопевец говорит о прошении и молении, почему, объясняя это, он и продолжает: "**во истине Твоей, услышь меня**". Другой переводчик (Симмах) говорит: **в вере твоей** (εν τῆ πίστει). Третий (Акила): **в крепости твоей** (εν τῆ

βεβαιότητι). Т.е. услышь прошение и приведи его в исполнение, утверждая истиною Твоею; употреби силу к исполнению того, о чем я прошу. Посмотрим же, в чем состоит его прошение. У людей, когда кто-нибудь приносит прошение, принимающие рассматривают его и, если оно справедливо и законно, выслушивают.

Но у людей просьбы бывают о почестях, о деньгах, иногда о защите от несправедливости; некоторые просят и того, что превышает власть судей. Но мы просим о прощении грехов и приступаем к прошению тогда, когда внутренний наш судия, т.е. находящаяся в нас совесть, не прощает нам, потому что не имеет власти прощать. И как к царю никто не смеет приступить с просьбою о разодранной одежде или о десяти отнятых оволах, так и ты еще более опасайся, чтобы не приступить к Богу с просьбою о предметах мало–важных и ничтожных, напр., если бы кто обидел тебя в деньгах, или оскорбил тебя. Когда же нападает на тебя диавол, тогда особенно нужна высшая помощь. Но ты не имеешь никого, кто бы ходатайствовал за тебя и представил твое прошение? Взывай сам, когда проходит Царь; избери благоприятное время. Когда же проходить Царь? Всегда, во всякое время. Когда ты хочешь, когда ты сделаешь себя достойным того, иудеям, когда они являлись пред лице Божие, заповедано было стоять под горою, иметь белые одежды и не входить к женам; а ты, вместо одежды, очищай душу, и потом иди и приступай к Царю с целомудрием, кротостью и великим спокойствием, если хочешь получить просимое. Это путешествие не требует больших издержек; возьми на дорогу добродетель. А где живет этот Царь? Близ сокрушенных сердцем. Иди этим путем. "**Близок Господь ко всем**", говорит пророк, "**призывающим Его истинно**" (Пс.144:18). Там найдешь Его, там встретишь Его. Он – близ тех, которые раздробляют хлеб, алчущим и творят милостыню. Если пойдешь этим путем, то найдешь Его готовым услышать твое прошение, – "**ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: "вот Я!**" (Ис.58:9), – и не будешь иметь нужды в посреднике, но сам предложишь Ему прошение. "**Услышь меня в правде Твоей**". Что говоришь ты? Далее ты намереваешься сказать: "**и не войди в суд с рабом Твоим, ибо не оправдается пред Тобою никто из живущих**" (ст. 2); а здесь просишь быть услышанным по правде? Что же означают эти слова? **Правдою** он называет здесь человеколюбие; и во многих местах Писания "**правда**" употребляется в этом значении, – и весьма справедливо. У людей правда не соединяется с милостью; а у Бога не так, но с правдою соединяется и милость, и притом такая, что и сама правда называется человеколюбием. Посмотри, например, на потоп: сколько тогда оказано было милости, и сколько правды! Хотя тогдашние грешники и получили наказание, но не такое, какого заслуживали. Не указывай на глубину вод, на множество дней, в которые продолжалось наводнение, на вселенную, сделавшуюся бездною. Что значило это для погибших? Все это могло внушать сначала величайший страх, но для умерших уже не составляло никакого наказания. Как могли нести наказание те, которые не чувствовали происходившего, которые погибли в краткое мгновение времени, подверглись смерти самой скорой и легкой, гораздо скорейшей и легчайшей, нежели смерть от огня, меча, петли и пыток? Это событие, так сказать, составляло для них более зрелище наказания, нежели наказание на самом деле. Те, которые совершали такие преступления в течение всей жизни до глубокой старости, получили наказание в краткое мгновение времени, если только можно назвать наказанием неизбежный долг природе.

2. Видишь ли, как велико человеколюбие Божие? Хочешь ли видеть его еще с другой стороны? Бог не вдруг навел потоп, но предсказал о нем однажды, и дважды, и многократно; и посредством ковчега Он возвещал людям, но они и тогда не послушались, хотя беззакония их не заслуживали и пред–сказания. Сама природа не научила их, но как свиньи, или даже хуже всяких свиней, они растлевали друг друга, ниспровергали законы природы с самого основания, не слушали никакого ни убеждения, ни совета, не получали пользы и от соседства праведника, и между тем только в краткое мгновение времени

потерпели наказание, или, лучше сказать, избавились от растления и освободились от наказания, потому что делать такие дела гораздо хуже, нежели утонуть. Скажи мне, в самом деле, наказание ли это – людей, растлевающих себя пороками, беззаконно смешивающихся друг с другом, оскверняющих и оскверняемых, освободить от такой заразы? О враче, который отсекает гнилые члены, мы не скажем, что он терзает тело, но назовем его человеколюбивым; не гораздо ли более должны мы удивляться премудрости и человеколюбию Бога, Который наказывает Своих таким образом? Итак, должно непрестанно удивляться Ему и прославлять Его. По этой причине не перестанем удивляться промышлению Его, но будем непрестанно прославлять Его и за то, что Он сделал кратковременное отсечение, остановил распространение зла и употребил безболезненное врачество. Не смущайся тем, что все и вдруг были потоплены. Чем отличается это от смерти, постигающей мало-помалу? Какая польза умершему от того, что он умер один, или какой вред от того, что – вместе со всеми? "**Услышь меня в правде Твоей**" твоей, т.е. в человеколюбии. А чтобы видеть, что именно это он выражает, пророк присовокупляет: "**и не войди в суд с рабом Твоим**". Того же просил и Иов, который был "**непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла**" (Иов.1:1). "Нет между нами посредника", говорил он, "**который положил бы руку свою на обоих нас**" (Иов.9:33); а когда Бог явился, то он сказал: "**руку мою полагаю на уста мои**" (39:34), хотя Бог взывал к нему: "**препояшь, как муж, чресла твои**" (40:2). Также Бог обличал и иудеев, когда говорил: "**какую неправду нашли во Мне отцы ваши, что удалились от Меня и пошли за суетою, и осуетились**" (Иер.2:5).

Он поступает так не для того, чтобы сделать приговор Свой более тяжким, но чтобы пробудить в людях чувство и сознание грехов, и тогда уже даровать им прощение, дабы таким образом они видели величие благодеяния. Потому Он и говорит: "**грехов твоих не помяну: припомни Мне; станем судиться**", не для того, чтобы тебе быть осуждену, но "**чтоб оправдаться**" (Ис.43:26). Вот, почему Он не Сам высказывает беззакония, но располагает к тому грешника. Если бы Он хотел наказать, то прямо произнес бы обвинение; а теперь, так как Он хочет помиловать, то предоставляет это самому грешнику, чтобы он получил венец за признание и исповеданием приобрел помилование. Что может сравниться с таким человеколюбием? Ничто. Скажи, говорит, и больше ничего я не ищу; признайся, и этого для Меня довольно; скажи, и от всего Я удержусь. "**И не войди в суд с рабом Твоим**". Многие исправились от того, что Бог будет судить их. Люди благочестивые наперед знают это; а неразумные научаются этому от частого повторения пророками: "**у Господа суд с народом Своим, и с Израилем Он состязуется**". И еще: "**слушайте, горы, и вы, твердые основы земли**" (Мих.6: 2); "**слушайте, небеса, и внимай, земля**" (Ис.1:2). Таким образом, от частого повторения, что Бог будет судить, исправлялись и бесчувственные. Некоторые из иудеев говорили: "**почему мы постимся, а Ты не видишь?**" (Ис.58:3); и еще: "**всякий, делающий зло, хорош пред очами Господа, и мы считаем надменных счастливыми**" (Мал. 2:17;3:15); и еще: "**неправ путь Господа**" (Иезек.33:17). И блаженный Иов, подвергшись искушению, не с такою мыслью, как иудеи, и не тоже – да не будет, – однако говорил: "**нет между нами посредника, который положил бы руку свою на обоих нас. Да отстранит Он от меня жезл Свой, и страх Его да не ужасает меня**" (Иов.9:33,34). Потому Бог говорит ему: "**Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне**" (38:3). Потом, когда Иов в изумлении сказал: "**вот, я ничтожен; что буду я отвечать Тебе?**"; и еще: "**я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле, руку мою полагаю на уста мои**" (Иов.39:34;42:5,6), – тогда Бог говорит ему: "**препояшь, как муж, чресла твои**" (40:2); как бы припоминает слова его и говорит: так как ты хотел судиться со Мною, то вот я предстою, желая судиться. Видишь ли неизреченное человеколюбие, видишь ли беспредельную благость Божию? Потому и три отрока говорили: "**согрешили мы, и поступили беззаконно**" (Дан.3:29). Так как многие

из людей бесчувственных, по внушению диавола, слагают грехи свои на Бога, то Бог, желая истребить эту привычку в самом корне, часто говорит, что Он будет судиться с ними.

3. Подобным образом согрешил и первозданный. Он говорил: "**жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел**" (Быт. 3:12). Подобным образом многократно грешили и иудеи. "**Ибо не оправдается пред Тобою никто из живущих**". Что, продолжает пророк, говорю я о себе, о таком-то и таком-то? Нет на земле человека, который, судясь в Твоих заповедях, мог бы оправдаться; так сильна победа с Твоей стороны. "**Ибо враг преследовал душу мою, смирил до земли жизнь мою, посадил меня в темноте, как от века умерших**" (ст. 3). Можно думать, что это сказано о Сауле, который был врагом ему и тогда преследовал его. Можно, в переносном смысле, разуметь и врага – диавола, потому что он непрестанно преследует людей Божиих. Как же мы можем избавиться от его преследования? Если найдем такое место, куда он не может войти. А какое, скажешь, это место? Какое же другое, кроме неба? А как можно, взойти на небо? Послушай Павла, который говорит и объясняет, что мы еще облегченные плотью можем обитать там: "**ищите горнего**", говорит он, "**где Христос сидит одесную Бога**" (Кол.3:1); и еще: "**наше же жительство – на небесах**" (Флп.3:20). "**Смирил до земли жизнь мою**".

Слово: **смирение** имеет много значений. Есть смирение добродетели, напр., когда говорится: "**сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничижит**" (Пс.50:19). Бывает смирение от несчастий; бывает и от грехов. Здесь пророк говорит о смирении от несчастий. Это выражает он, продолжая: "**смирил до земли жизнь мою**". Бывает смирение от гордости, напр., когда говорится: "**возвышающий сам себя, унижен будет**" (Лк.18:14). Бывает и другого рода смирение – от ненасытимости. Что презреннее тех, которые погребают себя в богатстве, власти и славе? Такие люди низки в двояком отношении: во-первых, потому, что пресмыкаются по земле; во-вторых, потому, что почитают важными такие вещи, подобно малым детям, которые считают важными бабки, мячики и другие игрушки. Это – знак не того, что сами вещи важны, но того, что занимающиеся ими имеют ум несовершенный и низменный. Впрочем, у детей это – недостаток возраста и природы, а у тех – вина воли. Человек, ставший мужем и пришедший в полный возраст, считает важным делом пиршества, блудодейства и роскошь; что может быть презреннее этого? Многие называют таких даже людьми великой души, но сами они еще гораздо презреннее их. Будем же знать, в чем состоит истинное величие и от чего происходит низость. Ничто не делает столь высоким, как презрение к упомянутым вещам. Псалмопевец говорит затем о смирении – от несчастий. "**Посадил меня в темноте, как от века умерших**". Он говорит о двояком несчастии: о том, что – "**в темноте**", и что – "**от века умерших**", означая тем и другим тогдашний плен. Как и находясь во тьме, можно делать что-нибудь при зажженном светильнике, то он, желая сильнее выразить крайность бедствий, названием "**умерших**" увеличивает печальную картину. Таковы и те, которые живут во грехах: они подобны мертвым, находящимся во тьме. Хотя они бывают окружены бесчисленными светильниками, хотя являются светлыми от одежд и других украшений, но они нисколько не лучше уже умерших и находящихся во тьме, даже гораздо хуже их, потому что та тьма естественная, а эта зависит от преступной воли. Есть тьма будущая, о которой говорит Господь: "**связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю**" (Мф.22:13); есть и тьма греховная: "**сидящих**", говорит евангелист, "**во тьме и тени смертной**" (Лк.1:79). Также Павел: "**мы – не сыны ночи, ни тьмы**" (1Фес.5:5); и еще: "**осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце**" (Римл.1:21).

Подобно тому как находящееся во тьме не знают свойства вещей, так и живущие во грехах бывают слепы, не различают являющихся предметов, гоняются за тенями, как за истинными вещами, гоняются за богатством, удовольствиями и властью, не узнают врагов, не узнают и друзей, доверяясь врагам как друзьям, и враждуя против друзей как против врагов. Не видишь ли ты ежедневно бедных, которые взывают, плачут, и никто не слушает их? Почему же другие не слушают? Потому, что диавол "**посадил**" их "**в темноте, как от века умерших**". Что для тех – тьма и смерть, то для них – бесчеловечие. Сидящим в тьме свойственно не видеть угрожающих бедствий; тоже испытывают и они, не видя предстоящих бедствий, стремясь в бездны и пропасти. Сидящим во тьме свойственно со всею смелостью решаться на дела постыдные; так поступают и живущие в нечестии, подобно сидящим во тьме и как будто нет ни одного человека, который видел бы дела их, они дерзко решаются на все преступления, среди городов, как будто в пустыне.

4. Сидящие во тьме находятся в постоянном страхе; таковы и нечестивые. Ни один корыстолюбец и хищник не свободен от страха, хотя бы он безмерно превозносился и по внешности казался веселым. Таково свойство совести. Подобные люди и прежде были неизвинительны, а тем более теперь, когда воссияло Солнце правды, а они еще продолжают сидеть во тьме. Почему же они еще сидят во тьме, когда воссияло Солнце? По слабости своего зрения. Погрузившись в рытвины, пещеры и пропасти нечестия, они не могут взирать на лучи Его, по слабости своего зрения. "**И уныл во мне дух мой, смутилось во мне сердце мое**" (ст. 4). Другой (Симмах): **и смущалась во мне душа моя** (περιελεῖτο ψυχή). Смущением души пророк выражает крайне великую скорбь. Что значит: "**во мне**"? Я не мог, говорит, высказать скорбь свою другим и получить какое-нибудь утешение. Так, души людей порочных постоянно возмущаются не только от настоящих но и от ожидаемых бедствий. У них никогда не бывает спокойствия, никогда не бывает душевного мира, но они волнуются сильнее всякого моря; ни ночью, ни днем они не находят покоя от бури, но тревожатся везде, хотя никто не беспокоит их, нося в самих себе внутреннюю борьбу; они не наслаждаются тем, что уже получили, терзаясь и мучась мыслями о том, что еще не получено, заботясь о делах всех людей, разведывая об имуществе других и обдумывая, как бы одного убедить, другого устрашить, того обольстить словами, этого принудить, иного обмануть услужливостью, составляя клеветы, покупки, продажи, обязательства, доверенности, собирая себе проценты, капиталы и весь сор подобных зол; и когда дела их идут благополучно, тогда особенно они и беспокоятся. Посмотри на богача, как он беспокоился, когда было плодородие на его ниве, как он затруднялся, недоумевал и говорил: "**вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие**" (Лк.12:18). А бедный ничего подобного не испытывает. "**Вспомнил я дни древние, находил поучение во всех делах Твоих, творениями рук Твоих назидался**" (ст. 5). Не малое утешение – знать и прошедшее и настоящее. Так как Бог, можно сказать, по одним и тем же законам управляет и настоящим и прошедшим, то величайшее утешение в настоящем – воспоминать о прошедшем. Потому и в другом псалме он говорит: "**ужели на веки отвергнет Господь и более не будет благоволить? Или навсегда милость Свою пресечет?**" (Пс.56:8,9)? Тоже и другой говорит: "**взгляните на древние роды и посмотрите: кто верил Господу – и был постыжен?**" (Сир.2:10)? И Павел: "**все это происходило с ними, как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков**" (1Кор.10:11). И не только о чужих, но и о своих обстоятельствах часто воспоминая, мы получаем пользу. Это выражает и апостол, когда говорит: "**вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий**" (Евр.10:32); приводит и противное: "**какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь**" (Рим. 6:21)? И другой премудрый говорит: "**во всех делах твоих помни о конце твоем, и вовек не согрешишь**" (Сир.7:39); хотя это – будущее, но общая смерть получила начало в

прошедшем. Так поступает, и Павел: когда нужно утешить кого-нибудь, или вразумить, он заимствует доказательства и от прошедшего и от будущего. "**Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу, но не о многих из них благоволил Бо**г" (1Кор. 10:1–5). А иногда от будущего: "**которые подвергнутся наказанию, вечной погибели, от лица Господа и от славы могущества Его**" (2Фес.1:9) и еще: "**но приближается на них гнев до конца**" (1Фес.2:16); "**ибо день покажет, потому что в огне открывается**" (1Кор.3:13); и еще: "**ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления**" (Еф.5:6). Так он говорит, когда нужно вразумить; также, когда нужно утешить, он заимствует утешение от того и другого, например, от прошедшего: "**благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих!**" (2Кор.1:3,4), и от будущего: "**нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас**" (Рим.8:18). Потому-то и Псалмопевец говорит: "**вспомнил я дни древние, находил поучение во всех делах Твоих**", не просто: "**вспомнил**", но: "**находил поучение**", т.е. сделал для себя занятием и тщательно старался размышлять в самом себе о том, что случилось в древности. Действительно, великое утешение и назидание получаем мы от событий, повествуемых в Писаниях. Потому Павел и говорит: "**терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду**" (Рим.15: 4); и еще: "**все Писание богодухновенно и полезно для научения**" (2Тим.3:16).

5. Так и Псалмопевец, находясь в скорби и смущении, отсюда заимствовал утешение, от размышления о древних событиях, от воспоминания о различных действиях промышления Божия. Другой переводчик (Акила) говорит: **и изучал все деянии твои** (καὶ εμελέτησα). "**Твореними рук Твоих назидался**". Другой (Симмах): **дела рук твоих я изучал** (τά εργα). Этим он выражает, что, поступая таким образом, он получал великое утешение и становился ближе к Богу. Тоже объясняет он и в дальнейших словах: "**Простирал**[1] **к Тебе (молитвенно) руки мои: душа моя (стремится) к Тебе, как земля безводная**" (ст. 6). Не сказал: **простер**, но: **воздел**, желая выразить сильное расположение сердца, стремившегося как бы вырваться из тела и удалиться к Богу. Воодушевившись, говорит, воспоминанием великих событий, размыслив о человеколюбии, о вразумлении посредством несчастий и спокойствии, доставляемом по избавлении от них, я прибегнул к тебе. "**Душа моя (стремится) к Тебе, как земля безводная**". Другой (Симмах, Акила): **как земля, жаждущая к тебе всегда** (διψῶσα πρὸς σὲ αεί): это и означает: διάψαλμα[2]. И в несчастии, говорит, и в счастье, и во всякое время я показывал одинаковую ревность. Что значит: "**как земля безводная**"? Как земля иссохшая жаждет дождя, так и я желаю быть постоянно с Тобою. Такое желание особенно усиливалось в нем от тяжести бедствий; потому Бог и попускал им умножаться, показывая великое Свое промышление. Он не только создал твари, но и промышляет о созданном, как о людях, так и о всем прочем. Зная это, Павел говорит: "**ибо мы Им живем и движемся и существуем**" (Деян.17:28); и еще: "**и все Им стоит**" (Кол.1:17). И Давид: "**все ожидают от Тебя пищи, чтобы Ты дал им благовременно: когда Ты дашь им, примут, когда Ты откроешь руку, все насытятся благом. А когда Ты отвратишь лице, – смятутся, возьмешь дух их, и исчезнут, и в землю свою возвратятся**" (Пс.103:27–29); и еще: "**он посмотрит на землю, и заставит ее трястись**" (Пс.103:32). И Исаия: "**восседает над кругом земли**" (Ис.40:22). Также о добродетели: "**если Господь не построит дом, напрасно трудятся строители**" (Пс.126:1); и еще: "**Поселяющий неплодную в дом матерью, веселящейся о детях своих**" (Пс.112:9). Для того Он потрясает землю, и прикасаясь к горам воспламеняет их, чтобы явить Свое владычество

(Пс.103:32). Для того Он помрачает солнце и производит затмение, чтобы возвестить о творческой силе Своей.

Ты видишь в Писаниях, что солнце обращалось назад и луна останавливалась вместе с ним, и много других чудес. Так было тогда, когда познания о Боге еще не были распространены; а теперь нет нужды в таком наставлении, потому что сами события возвещают и являют Господа. Видишь ли бывшие в Египте тьму и изменение стихий? Если некоторые скажут, что это затмение произошло естественно, а не по повелению Божию, то пусть они скажут, как произошло затмение во время распятия Христова? Оно случилось не в определенное время, но тогда, когда, по законам природы, ему особенно не следовало быть, именно: в четырнадцатый день месяца, в полнолуние, когда затмения не бывают. Но сказать они не могут. Отсюда очевидно, что как все прочее, так и все затмения происходят по повелению Творца. "**Скоро услышь меня, Господи, дух мой исчез, не отвращай лица Твоего от меня, (а иначе) я уподоблюсь сходящим в могилу**" (ст. 7). Что говоришь ты? Побуждаешь врача спешить к уврачеванию тебя? Нет; но страждущие души, равно как и больные люди, обыкновенно призывают врачей, хотя еще не пришло время, и требуют скорее доставить исцеление. Так и он просит и присовокупляет причину: "**дух мой исчез**". Бог может и из мертвых воскресить, а тем более избавить прежде смерти; но, как я сказал, здесь обнаруживается слабость природы. Псалмопевец знал, что для Бога все легко, но не мог переносить удара бедствий. "**Не отвращай лица Твоего от меня, (а иначе) я уподоблюсь сходящим в могилу**". Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **не скрой лица твоего от меня** (μὴ κρύψης). А отчего бывает это отвращение? Сам Бог говорит чрез Исаию: "**рука Господа не сократилась на то, чтобы спасать, грехи ваши отвращают лице Его от вас**" (Ис.59:1–2). Итак, когда мы сделаем что-нибудь греховное, то Он отвращается от нас. "**Чистым очам Твоим**", говорить пророк, "**не свойственно глядеть на злодеяния, и смотреть на притеснение Ты не можешь**" (Авв.1:13). Потому Он отвращается и от людей надменных: "**на кого Я призрю**", говорит, "**на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим**" (Ис.44:2)? Итак, будем приобретать эту добродетель, чтобы обратить к себе лицо Его, чтобы нам не впасть в бездну зла среди великой тьмы. Можно и упавши восстать; и потому падающие не должны оставаться лежащими.

Грех по свойству своему есть ров, содержащий в себе свирепых зверей и исполненный мрака. Поэтому спустим туда цепь Писаний, приложим старание, и мы скоро восстанем, если упали. Но как мы можем начать путь? Если, упавши, не будем беспечными и не станем отчаиваться, но будем воспевать пророческие слова: "**разве, упав, не встают**" (Иер.8:4); и еще: "**если голос Его услышите, не ожесточайте сердец ваших**" (Пс.94:7,8), и препоясав себя такими мыслями, выйдем вон. "**Возвести мне скоро милость Твою, ибо я на Тебя уповал; покажи мне, Господи, путь, по коему мне идти, ибо к Тебе я вознесся душою моею**" (ст. 8). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **услышанною сотвори мне с утра милость твою** (εξ ορθρου), т.е. скоро.

6. Видишь ли душу, находящуюся в скорби и смущении? Она хочет быть услышанною прежде испытания, чтобы укрепиться надеждами и испытанием. Смысл этих слов следующий: вставь меня по Своему обещанию. Затем присовокупляет и основание прошения: "**я на Тебя**", говорит, "**уповал**". Бог ничего так не требует, как постоянного обращения к Нему. "**Покажи мне, Господи, путь, по коему мне идти, ибо к Тебе я вознесся душою моею**". Что говоришь ты? Когда и природа имеет закон, в самом начале внедренный в нее Богом, и Моисеевы писания обновляют его, ты опять просишь: "**покажи мне, Господи, путь, по коему мне идти**"? Это можно понимать или так: совесть моя заглушена грехом, и потому я прошу обновить ее; или под именем пути здесь разумеется многое, неизвестное людям, на что указывает и Павел, когда говорит: "**мы не**

знаем, о чем молиться, как должно" (Римл.8:26). Если же Павел, при таком ведении, не знал этого, то можно ли удивляться словам Псалмопевца? Впрочем, посмотри, он не желает здесь ничего чувственного, но ищет пути, ведущего к Богу, и сам от себя полагает тому начало. Он не просто сказал: "**покажи мне, Господи, путь**", ведущий к Тебе, но что? "**Ибо к Тебе я вознесся душою моею**", т.е. к Тебе стремлюсь, к Тебе обращаю взоры. Таким людям особенно Бог указывает путь. Вот потому-то об иудеях Господь, на вопрос, почему Он говорит им в притчах, сказал: "**что они видя не видят, и слыша не слышат**" (Мф.13:13). А слово: "**вознесся**" значит: я перенес, или передал Тебе душу мою. "**Удали меня от врагов моих, ибо я к Тебе прибег**" (ст. 9). Смотри, как молящийся везде прибавляет и причины: "**не отвращай**", говорит, "**лица Твоего от меня, ибо я на Тебя уповал; покажи мне, Господи, путь, ибо к Тебе я вознесся душою моею. Удали меня от врагов моих**", потому что "**ибо я к Тебе прибег: меня творить волю Твою, ибо Ты – Бог мой. Дух Твой благий поведет меня в землю правды**" (ст. 10). Не сказал просто: научи меня воле Твоей, но: "**творить волю Твою**", т.е. руководи к самим делам, – потому что необходима высшая помощь и высшее наставление, чтобы идти путем, ведущим к добродетели, впрочем не так, чтобы мы могли бездействовать, но чтобы и сами привносили должное с нашей стороны. "**Ибо Ты – Бог мой**". Видишь ли, как духовны его прошения? Он возносит прошение не о богатстве, власти и славе, но об исполнении воли Божией: это – сокровище всех благ, неиссякаемое богатство, начало и корень, средина и конец благоденствия. "**Дух Твой благий поведет меня в землю правды**". Видишь ли, как он внушает нам, как научает нас совершать путь Духом Святым? Потому и Павел говорит: "**нам Бог открыл это Духом Своим**" (1Кор.2:10). "**В землю правды**". В буквальном смысле он говорит здесь о своем отечестве; а в переносном – о пути, ведущем к добродетели. Другой переводчик (Акила) говорит: **по земле ровной** (ὸιὰ γῆς ὁμαλῆς). Действительно, нет ничего ровнее добродетели, свободной от шума и смятения. "**Имени Твоего ради, Господи, даруешь мне жизнь по правде Твоей, изведешь от печали душу мою**" (ст. 11). Видишь ли, как он опять прибегает к Богу, а не на свою жизнь возлагает надежду?

"**По правде Твоей, изведешь от печали душу мою**". Другой (Симмах): **милостью твоею** (ἐλεημοσύνη). Видишь ли, как справедливо то, о чем я выше сказал, т.е. что **правдою** он часто называет человеколюбие Божие? "**Изведешь от печали душу мою**", – потому что "**молитесь**", сказал Господь, "**чтобы не впасть в искушение**" (Мк.14:38). "**И**

по милости Твоей истребишь врагов моих и погубишь всех угнетающих душу мою, ибо я раб Твой" (ст. 12). Не потому, говорит, чтобы я был достоин, но по человеколюбию Твоему избавь меня от восстающих на меня, освободи от строящих мне козни, дай немного перевести дух от скорби. "**И по милости Твоей истребишь врагов моих и погубишь всех угнетающих душу мою, ибо я раб Твой**". Смотри, как опять приводится причина. Иначе нам невозможно получить просимое, но необходимо всегда делать самих себя достойными получения того, чего просим; нужно привносить должное и с нашей стороны, и тогда уже приступать к Богу. Одна молитва сама по себе недостаточна. Молились и иудеи, но услышали: "**и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу**" (Ис.1:15). Впрочем удивительно ли, что иудеи не были услышаны, когда и Иеремия, просивший за них, получал запрещение и слышал не однократно: "**не возноси за них молитвы и прошения, и не ходатайствуй предо Мною, ибо Я не услышу тебя**" (Иер.7:16)? И удивительно ли, что не был услышан Иеремия? "**И если бы нашлись**", говорил Бог, "**Ной, Даниил и Иов, то сии три мужа не спасли бы ни сыновей, ни дочерей**" (Иез.14:14,16). Итак, зная это, будем не только молиться, но вместе с молитвами делать и самих себя достойными получения, чтобы достигнуть и настоящих и будущих благ, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

[1] В славянском "воздел".

[2] Διάψαλμα собственно значит: перемена тона. Этого слова нет в славянском переводе.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 143

1 Псалом давиду, к голиафу,. Благословен Господь Бог мой, научаяй руце мои на ополчение, персты моя на брань.

2 Милость моя и прибежище мое, заступник мой и избавитель мой, защититель мой, и на него уповах: повинуяй люди моя под мя.

3 Господи, что есть человек, яко познался еси ему? или сын человечь, яко вменяеши его?

4 Человек суете уподобися: дние его яко сень преходят.

5 Господи, преклони небеса, и сниди: коснися горам, и воздымятся:

6 блесни молнию, и разженеши я: посли стрелы твоя, и смятеши я.

7 Посли руку твою с высоты, изми мя и избави мя от вод многих, из руки сынов чуждих,

8 ихже уста глаголаша суету, и десница их десница неправды.

9 Боже, песнь нову воспою тебе, во псалтири десятоструннем пою тебе:

10 дающему спасение царем, избавляющему давида раба своего от меча люта.

11 Избави мя и изми мя из руки сынов чуждих, ихже уста глаголаша суету, и десница их десница неправды:

12 ихже сынове их яко новосаждения водруженая в юности своей, дщери их

1 Псалом Давида. О Голиафе. Благословен Господь, Бог мой, научающий руки мои ополчению; персты мои брани.

2 (Он) - милость моя и прибежище мое, заступник мой и избавитель мой, защитник мой, и на Него я уповал. Он подчиняет мне народ мой.

3 Господи! Что такое человек, что Ты открылся ему? Или сын человеческий, что Ты помышляешь о нем?

4 Человек подобен суете: дни его, как тень, проходят.

5 Господи! Приклони небеса и сойди, коснись гор, и они воздымятся.

6 Блесни молниею, и рассеешь их, пусти стрелы Твои, и смятешь их.

7 Простри руку Твою с высоты, изми меня и избавь меня от вод глубоких: из руки сынов чужих,

8 Коих уста говорили суетное, и коих десница - десница неправды.

9 Боже! Новую песнь воспою Тебе, на псалтири десятиструнной пою Тебе,

10 Ибо Ты даруешь спасение царям, избавляешь Давида, раба Своего, от меча лютого.

11 Избавь меня и изыми меня из руки сынов чужих, коих уста говорили суетное и десница коих - десница неправды.

12 Сыновья их - как молодые сады, крепко укоренившиеся в юности своей, дочери их

удобрены, преукрашены яко подобие храма:

13 хранилища их исполнена, отрыгающая от сего в сие: овцы их многоплодны, множащыяся во исходищих своих: волове их толсти:

14 несть падения оплоту, ниже прохода, ниже вопля в стогнах их.

15 Ублажиша люди, имже сия суть: блажени людие, имже Господь Бог их.

убраны и украшены наподобие храма.

13 Житницы их полны, (от избытка) пересыпается из одного (отделения) в другое, овцы их многоплодны, размножаются на путях своих, волы их тучны.

14 Нет трещин в ограде (у них), ни прохода (через нее), ни крика на площадях их.

15 (Другие) считали счастливым народ, у которого это есть, (но) блажен народ, у которого Господь - Бог его.

1. Что говоришь ты? Неужели Бог есть учитель войны, брани, ополчения? Да, не погрешит тот, кто припишет Ему и победу при этом. Таков смысл слов: "**научающий руки мои**", т.е. дающий силу преодолевать врагов, побеждать, воздвигать трофеи. Так, когда Давид низложил Голиафа, виновником победы был Бог; когда он вел многие войны, воздвигал трофеи, брал неприятельские города вместе с жителями, то Бог доставлял ему победу. Потому он и воспевал: "**Господь крепкий и сильный, Господь сильный в брани**" (Пс.23:8). И при Моисее Бог совершал много подобного.

Впрочем, есть и другая война, которая гораздо тяжелее этой, в которой нам особенно нужна высшая помощь, – наша борьба с враждебными силами. А что у нас борьба с ними, о том послушай Павла, который говорит: "**наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной**" (Еф.6:12). Эта борьба тяжелее потому, что полчища этих неприятелей не одной с нами природы и невидимы для нас, и потому, что борьба происходит не за что-нибудь маловажное, а за спасение или погибель. Здесь невозможно видеть убиваемых, невозможно наперед знать ни времени, ни препятствий, ни места, и ничего подобного. Эти полчища нападают и на площади, и в доме, и во время игр, и во время бездействия, так что мы должны постоянно быть осторожными. Война с ними не знает перемирия, не имеет ни вестников, ни переговорщиков и ничего подобного, но бывает без объявления. Поэтому здесь особенно нужно со всех сторон ограждать себя и подкрепляться пищею. А пища для такой войны и оружие для таких воинов есть слушание божественных Писаний. Кто не вкушает этой пищи, тот мучится голодом: дам им, сказал Господь, "**не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних**" (Ам.8:11). Здесь, как и в обыкновенной войне, необходима высшая помощь. "**Не спасается**", говорит пророк, "**царь многою силою и исполин не спасется множеством крепости своей. Обманчив конь для спасения: во множестве силы своей он не спасется**" (Пс.32:16,17). Так, многие обращали в бегство врагов, когда предшествовали тому молитвы, которые и ниспровергали неприятельские полчища. "**(Он) – милость моя и прибежище мое, заступник мой и избавитель мой, защитник мой, и на Него я уповал. Он подчиняет мне народ мой**" (ст. 2). Видишь ли, как он опять ожидает спасения от человеколюбия Божия? Вместе с тем он указывает здесь и на нечто другое. Этими словами он выражает: я не был бы и достоин Его милости, если бы Сам Он не оказал ее; Он Сам – "**милость моя**", а не я снискал ее своими делами. В самом деле, хотя Бог и милостив, однако не всем оказывает милость без разбора. "**Кого миловать**", говорит

Он, "**помилую; кого жалеть, пожалею**" (Рим.9:15). Поэтому, если мы хотим быть помилованными, то должны с своей стороны заслуживать такую милость. А пророк и самое помилование приписывает Богу. Видишь ли сокрушенную душу? Видишь ли признательное сердце, которое приписывает все человеколюбивому Богу? "**Заступник мой и избавитель мой, защитник мой, и на Него я уповал**". Он непрестанно выражает надежду на Бога, научая всех не унывать во время бедствий, но и среди несчастий обращаться к Богу, не отчаиваясь и не падая духом. Он есть "**заступник мой и избавитель мой**". Если Он не защитит и не избавит в самом начале бедствий, то и тогда должно надеяться. Если Он Сам есть Заступник, то непременно избавит от бедствий. Надежда особенно и бывает тогда, когда видимые обстоятельства повергают в отчаяние, а она внушает бодрость в отношении к будущему. "**Он подчиняет мне народ мой**". Хорошо сказал пророк. Действительно, нужна и для этого высшая помощь, чтобы удерживать подданных в повиновении, чтобы они не восставали и не возмущались. Таким образом не только для покорения неприятелей и врагов, но и для подчинения домашних нам нужна великая помощь свыше. Великое дело – хорошо управлять своим народом, не меньшее, чем побеждать врагов. Нередко многие на войнах воздвигали трофеи, а во время мира падали, не умея держать бразды управления подчиненными. Следовательно, не от силы царствования зависит покорность войска, но от помощи Божией; от ней – как победы над врагами, так и подчинение своих. "**Господи! Что такое человек, что Ты открылся ему? Или сын человеческий, что Ты помышляешь о нем?**" (ст. 3)? Другой переводчик (Акила) говорит: **что есть человек, и ты знаешь его** (καὶ γνώση). Третий (Симмах): **что ты обращаешь внимание на него** (γνωρίζεις). Следовательно, велик должен быть тот, кто познает Бога, или – лучше – будет Познан от Него; и не только этот, но и тот, кому Бог откроет Себя. Поэтому весьма хорошо сказали семьдесят толковников: **познался еси ему**, – выражая, что не мы открыли Его, но Он Сам открыл Себя нам; не сказал пророк: **что есть человек, познавший Тебя**, но: "**что такое человек, что Ты открылся ему**"?

2. И Павел непрестанно выражает ту же мысль, – напр., когда говорит: "**а тогда познаю, подобно как я познан**" (1Кор. 13:12). И Сам Христос: "**не вы Меня избрали, а Я вас избрал**" (Ин.16:16). И еще в другом месте Павел: "**но кто любит Бога, тому дано знание от Него**" (1Кор.8:3). Потому же он непрестанно называет себя званным, показывая, что не сам он прибег, но наперед был призван. Так и в другом месте он говорить: "**говорю так не потому, чтобы я уже достиг, или усовершился; но стремлюсь, не достигну ли я**" (Филп3:12). Не сказал: я постиг, но: "**говорю так не потому, чтобы я уже достиг**". Как же пророк говорит: "**что такое человек**"? Между тем другой говорит: "**многие хвалят человека за милосердие, но правдивого человека кто находит**" (Прит.20:6). И еще иной: "**по образу Божию сотворил его**" (Быт.1: 27). И действительно, он поставлен господином над всеми тварями. Есть и такие люди, которых "**те, которых весь мир не был достоин**" (Евр.11:38). Но все это сказано о добродетели, когда люди исполняют ее; а в словах: "**что такое человек**" говорится о человеческой природе. Правда, велика и природа человеческая; велика, но если иметь в виду познание, какого она удостоилась, то в сравнении с ним она весьма несовершенна.

Пусть выслушают это последователи еретиков, которые так безумны, что выходят из своих пределов и страдают крайним невежеством, утверждая, будто они знают то, что выше их. Так, и в незнании может быть знание, и в знании незнание. Если хотите, объясним это предметами чувственными. Скажи мне, если бы кто стал утверждать, что он может измерить море и узнать, сколько заключается в нем мерных сосудов, то не он ли именно и не знает, что такое море? Напротив, кто говорит, что он не знает, что число мер в море неисчислимо, тот особенно и знает, что такое море. Так и в отношении к Богу, кто будет утверждать: я видел Бога и достиг до Него собственным зрением, тот именно и не

окажется ли незнающим Бога, называя невидимого видимым, и преувеличением своего знания лишая себя и того, какое для него возможно? Напротив, кто скажет, что Бог невидим и что никто не может видеть Его, не тот ли особенно и знает Его? Также, если один назовет Бога непостижимым, а другой постижимым, то не будет ли последний незнающим Бога, а первый знающим? Посмотри, как Павел, идя тем же путем, говорит: "**отчасти знаем, и отчасти пророчествуем**" (1Кор.13:9). Представь, сколько создано тварей, чтобы познать Бога, – не то, каков Он по существу, но то, что Он существует. Так и Павел говорит: "**надобно, чтобы приходящий к Богу веровал**" (Евр.11:6). О Нем возвещают все твари, – "**от величия красоты созданий сравнительно познается Виновник бытия их**" (Прем.13:5), – самое устройство человека, честь, предоставленная ему Богом, наказания, благодеяния, распоряжения, предвозвещенные пророками, различные чудеса; а после всего этого пришел Сам Единородный и совершил дивное и страшное домостроительство нашего спасения. И между тем есть люди, которые еще не знают такой ясной истины; и ты еще говоришь, что можешь собственным разумом постичь, каков Бог по существу Своему? Итак, скажешь, ты не знаешь Бога? Нет, я знаю, что Он есть, что Он человеколюбив, что Он благ, что Он промышляет, и все прочее, о чем говорится в Писаниях; но каков Он по существу, этого я не знаю. Адам захотел знать больше, послушавшись диавола, и за излишнее желание лишился и того, что имел. Тоже бывает с людьми, которые руководятся человеческим разумом и не слушают, что "**Господь дает мудрость; из уст Его – знание и разум**" (Притч.2:6). Разве не слышат они Павла, который говорит: "**нам Бог открыл это Духом Своим**", и отвергает человеческие умствования (1Кор.2:10)? "**Всякое превозношение**", говорит он, "**восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу**" (2Кор.10:5). И другой премудрый говорит: "**вошли в мир по человеческому тщеславию, и потому близкий сужден им конец**" (Прем.14:14). "**Что такое человек, что Ты открылся ему**"? Представь беспредельное Его величие. Впрочем, когда я говорю это, я еще не говорю достойно Бога и не знаю, как сказать. Приписывая Богу величие, мы употребляем не собственное выражение, но так как нет другого выражения, то и употребляем слова, какие можем. Так, называя Бога высочайшим, я не определяю Его места, но выражаю высоту и величие существа Его, которое превышает, и превосходить все. Поэтому и говорить пророк: "**что такое человек, что Ты открылся ему**"? Бог для того и сотворил человека уничиженным, и вместе даровал ему великие свойства, чтобы он не превозносился, чувствуя величайшую нужду в смирении по немощи своей природы. "**Или сын человеческий, что Ты помышляешь о нем**?" Видишь ли, каково величие существа Божия? "**Человек подобен суете: дни его, как тень, проходят**" (ст. 4). Другой переводчик (Симмах), вместо: "**суете**", говорит: **дуновению** (ατμῶ). Слово: суета означает не что иное, как тленность, смертность, кратковременность. Здесь пророк говорит о теле. Потому и Авраам говорить: "**я, прах и пепел**" (Быт.18:27); и Исаия: "**Всякая плоть – трава, и вся красота ее – как цвет полевой. Засыхает трава, увядает цвет**" (Ис. 40:6,7). Что же значит: "**подобен суете**"? Т.е. ничтожеству; все человеческое непрочно и непостоянно, все проходит и исчезает. "**Дни его, как тень, проходят**", т.е. и тогда, когда являются, не имеют никакой силы, и скоро пролетают.

3. И на самом опыте ты можешь видеть это, представив людей, которые украшены почестями, ездят на колесницах, облечены властью, заключают других в темницы и наказывают. Чем отличаются они от тени не только во время смерти, но еще прежде смерти? Как скоро они лишаются власти, то все это проходит и исчезает; а предметы истинные – за здешнею жизнью; там и воздаяния, и наказания истинные, и блага, и неподкупный Судия. Между тем все здешнее подобно детским играм: сегодня – судия, завтра – подсудимый. Так часты перемены и неожиданны превращения! "**Господи! Приклони небеса и сойди, коснись гор, и они воздымятся**" (ст. 5). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **когда ты преклонил небеса и снисшел и коснулся гор, они**

воздымились (κλίναντός σου … εκαπνίσθησαν). Какая здесь связь речи? Великая и неразрывная с предыдущим. Начав говорить о человеческой слабости и показав ничтожество человеческой природы, пророк и здесь опять низлагает гордость людей надменных и, продолжая речь, выражает как бы следующее: надлежало бы им самим видеть слабость своей природы и не высокомудрствовать; но так как они не хотят этого, то Ты покажи Своими делами, до какой они дошли низости.

"**Господи! Приклони небеса и сойди**". Говорит так не потому, будто Бог действительно нисходит, – возможно ли сказать это о Вездесущем? – но выражается о Боге человекообразно для того, чтобы посредством человекообразных выражений тронуть грубых слушателей. И **прикосновение**, хотя представляется величественным, гораздо ниже достоинства Божия. Богу не нужно прикасаться к горам, чтобы они воздымились, даже не нужно и мановения; но довольно одной воли и хотения. Таким образом, сказав о слабости человеческой, он говорит и о могуществе Божием, сколько человек может сказать, – потому что и это гораздо ниже величия Его. "**Блесни молниею, и рассеешь их, пусти стрелы Твои, и смятешь их**" (ст. 6). Под именем молнии и стрел он разумеет не действительные молнии и стрелы, а называет так наказания, чтобы известными предметами привести гордого и беспечного в страх, трепет и сокрушение. Если иной не может выносить молнии, посылаемой не для наказания, то кто устоит, когда Бог захочет привесть в движете карающую силу Свою? "**Стрелы**" же Божии суть язвы, голод, разрушения и другие различные наказания. "**Простри руку Твою с высоты, изми меня и избавь меня от вод глубоких: из руки сынов чужих**" (ст. 7). Сила Божия готова не только наказывать, но и спасать. "**Рукою**" пророк называет здесь помощь, содействие; поэтому он не сказал: простри, но: **посли**[1]; а если в иных местах говорит и: "**простри**" то выражает тоже самое. Под "**водами**" он разумеет беспорядочное, нестройное и стремительное нападение врагов. А что здесь говорится не о водах, видно из прибавленных слов: "**из руки сынов чужих**". **Чуждыми сынами**, мне кажется, он называет людей, отчуждившихся от истины; как верных мы считаем своими ближними и братьями, так неверных – чуждыми; поэтому особенно мы отличаем своего от чужого. Мой ближний – не столько тот, кто близок ко мне по родству, сколько тот, кто признает со мною того же отца и имеет общение в той же трапезе; эта связь крепче родства, равно как и несходство нравов ведет к отчуждению гораздо более, нежели различие по происхождению. Не на то смотри, что мы живем под одним небом и в одной вселенной; а ищу другого общения, которое выше неба; там наше отечество и жизнь. "**Жизнь ваша**", говорит апостол, "**сокрыта со Христом в Боге**" (Кол.3:3). Не на земле мы живем, но переселились в высшее жилище. У нас другой свет истинный, другое отечество, другие сограждане и сродники. Потому и Павел говорит: "**не чужие и не пришельцы, но сограждане святым**" (Еф.2:19). Как же, скажешь, Христос назвал ближним самарянина, хотя великое различие (между ним и истинно верующим)? Но и не по естественному родству. Так, когда нужно оказать благодеяние, то пусть всякий человек будет ближним твоим; а когда дело касается истины, то различай своего от чужого. Если бы даже твой брат, родной по отцу и матери, не имел с тобою общения в законе истины, то он должен быть для тебя более чужим, чем скиф; и напротив, если скиф или савромат содержит правые догматы и верует в то же, во что веруешь и ты, то он дол-жен быть к тебе ближе и роднее единоутробного брата; и варвара от не-варвара мы отличаем не по языку, не по происхождению, но по мыслям и душе. Тот преимущественно и есть человек, кто содержит правое учение веры, и ведет любомудрую жизнь.

4. Посмотрим теперь, как описал чуждых пророк. "**Изми меня**", говорит он, "**из руки сынов чужих, коих уста говорили суетное, и коих десница – десница неправды**" (ст. 8). Видишь ли, каких людей он называет чуждыми? Тех, которые живут порочно, любят неправду, произносят безумные речи, не говорят ничего полезного. Итак, чуждых узнавай

по словам и делам их, как и Христос сказал: "**по плодам их узнаете их**" (Мф.7:16). Как, воинам дается много условных выражений и знаков, чтобы, когда произойдет ночное сражение, или поднявшаяся пыль произведет темноту, подобную ночи, или случится какое-нибудь другое недоумение и замешательство, кто-нибудь не принял своего товарища за врага, или врага за товарища, – так и здесь пророк дает тебе признаки, по которым ты можешь отличить своего от чужого, именно слова и дела тех, о которых он говорит: "**коих уста говорили суетное**, **и коих десница – десница неправды**". Действительно, у нас и теперь идет война и жесточайшее ночное сражение с бесами, нападающими на нас, с похотями, восстающими против нас, с помыслами, возникающими в нас. Есть и у нас, посвященных в таинства, условные выражения и знаки, так что, если в случае сомнения мы пожелаем узнать, посвященный ли кто-нибудь или не посвященный, можем узнать, спросив у него условные знаки.

"**Коих десница – десница неправды**". Что может быть хуже того, когда руку, данную нам для помощи, мы употребляем на неправду? Мы имеем руки для того, чтобы помогать себе и другим обижаемым, чтобы истреблять беззакония, быть пристанищем и защитою притесняемым. Какое же можем иметь мы оправдание, употребляя это оружие не для спасения других, а на собственную погибель? "**Боже! Новую песнь воспою Тебе, на псалтири десятиструнной пою Тебе**" (ст. 9). Какая здесь опять связь речи? Весьма близкая. Сказав: "**простри руку Твою, изми меня, и рассеешь их**", пророк обещает и с своей стороны принести воздаяние Богу за помощь, воздаяние, которое не прибавляет ничего Тому, Кому приносится, а приносящему доставляет пользу Какое же это воздаяние? "**Новую песнь воспою Тебе**". Хотя оно мало в сравнении с величием благодеяния, но он приносит то, что имеет. Так и мы от бедных и ничего не имеющих не требуем ничего, кроме благодарности и признательности. Впрочем, мы оказываем помощь для того, чтобы более прославиться; а Бог – не потому, чтобы имел нужду, но чтобы прославить самих воспевающих Его, и тем оказать им новое благодеяние. "**На псалтири десятиструнной пою Тебе**", т.е. буду благодарить Тебя. В то время были музыкальные орудия, на которых воссылали Богу хвалебные песни; а теперь, вместо орудий, можно употреблять телесные члены. Мы можем петь не только языком, но и глазами, и руками, и ногами, и слухом. Если каждый из этих членов делает то, что приносит Богу славу и хвалу, если, например, глаз не смотрит бесстыдно, если руки не простираются на хищение, а на подаяние милостыни, если слух открыт для слушания псалмов и духовных песнопений, если ноги стремятся в церковь, если сердце не строит козни, а наполнено любовью, то члены тела делаются псалтирью и гуслями и воспевают новую песнь не словами, а делами. "**Ибо Ты даруешь спасение царям, избавляешь Давида, раба Своего, от меча лютого**" (ст. 10). Не войско, не множество воинов, не телохранители спасают, но помощь Божия. "**Избавляешь Давида, раба Своего**". Сказав о всех вообще, пророк говорит и о самом себе; и притом не сказал: избавившему, но: "**избавляешь**", выражая непрестанное промышление Божие.

5. Далее он снова просит того, чего просил прежде, непрестанно припадая к Богу и умоляя об избавлении от людей нечестивых, и говорит: "**избавь меня и изыми меня из руки сынов чужих, коих уста говорили суетное и десница коих – десница неправды. Сыновья их – как молодые сады, крепко укоренившиеся в юности своей, дочери их убраны и украшены наподобие храма**" (ст. 11, 12). Здесь он описываешь мирское благополучие и богатство, и начинает с того, что считается главным – иметь детей добрых и цветущих здоровьем, и притом обоего пола; потому и прибавляет: "**дочери их убраны и украшены наподобие храма**". Вместе с юностью он изображает и роскошь в одежде, и головные уборы, и другие женские украшения, изобретаемые при всяком богатстве. Потом описывает такой вид богатства, который кажется второстепенным, а теперь, может быть, считается первостепенным: "**Житницы их** ", говорит, "**полны, (от**

избытка) пересыпается из одного (отделения) в другое, овцы их многоплодны, размножаются на путях своих, волы их тучны" (ст. 13). Что значит: "**полны**"? Стесненные. Не вмещается, говорит, в хранилищах богатство их. "**Овцы их многоплодны, размножаются на путях своих, волы их тучны**". И это считалось не малым благополучием. У древних богатство состояло в этом, – в стадах крупного и мелкого скота и в хлебных зернах, – пока не явилась нынешняя роскошь. "**Нет трещин в ограде (у них), ни прохода (через нее), ни крика на площадях их**" (ст. 14), т.е. и земледелие охраняется с великою заботливостью и с великим тщанием, плоды созревают, ограды стоят твердо, виноградники возделываются и ограждаются со всех сторон. "**Ни крика на площадях их**". Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **во дворах их** *(επαύλεσιν).* Вот еще вид благоденствия, который не всегда бывает при богатстве, это – тишина, спокойствие, безопасность, – когда никто не строит козней, никто не нападает, когда нет ни шума, ни смятения. "**(Другие) считали счастливым народ, у которого это есть, (но) блажен народ, у которого Господь – Бог его**" (ст. 15). Видишь ли добродетель этого мужа? Указав на богатство всякого рода, изобразив его словом, присовокупив мнение о нем других людей, сам он не испытывает ничего человеческого и не считает завидными тех, которые обладают таким богатством, но, презирая все это, ублажает истинное сокровище. Другие, говорит, считают блаженными людей, имеющих это; а я ублажаю людей, "**у которого Господь – Бог его**", полагая в этом одном все их довольство, благосостояние, богатство. Те блага проходят и исчезают; а это блаженство остается постоянно, и вместо овец, детей, волов, оград и виноградников, ублажение Бога будет и богатством и безопасностью и непреоборимою стеною. Итак, слыша это, не смущайтесь ничем подобным, но презирая тени, держитесь истины, потому что пророк выше сказал, что "**человек подобен суете: дни его, как тень, проходят**" (ст. 4). Поэтому, если ты увидишь людей, которые живут в таком изобилии, но ведут жизнь порочную, то, хотя бы вся вселенная считала их блаженными, ты считай их жалкими и несчастными; а людей, преданных Богу, признавай достойными подражания и блаженными. Будем же все мы постоянно искать этого богатства, и этого блаженства, чтобы получить и настоящие и будущие блага, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, во веки веков. Аминь.

---

[1] **посли** – церковнославянском

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 144

1 Хвала давиду. Вознесу тя, Боже мой, царю мой, и благословлю имя твое в век и в век века.	1 Хвала Давида. Превознесу Тебя, Боже мой, Царь мой, и благословлю имя Твое во век и в век века.
2 На всяк день благословлю тя, и восхвалю имя твое в век и в век века.	2 Всякий день буду благословлять Тебя и восхвалять имя Твое во век и в век века.
3 Велий Господь и хвален зело, и величию его несть конца.	3 Велик Господь и весьма славен и величию Его нет конца.
4 Род и род восхвалят дела твоя и силу твою возвестят:	4 Из рода в род будут восхвалять дела Твои и могущество Твое возвещать,

5 великолепие славы святыни твоея возглаголют и чудеса твоя поведят:

6 и силу страшных твоих рекут и величие твое поведят:

7 память множества благости твоея отрыгнут и правдою твоею возрадуются.

8 Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив.

9 Благ Господь всяческим, и щедроты его на всех делех его.

10 Да исповедятся тебе, Господи, вся дела твоя, и прпбнии твои да благословят тя:

11 славу царствия твоего рекут и силу твою возглаголют,

12 сказати сыновом человеческим силу твою и славу великолепия царствия твоего.

13 Царство твое царство всех веков, и влдчество твое во всяком роде и роде. Верен Господь во всех словесех своих и прпдбен во всех делех своих.

14 Утверждает Господь вся низпадающыя и возставляет вся низверженныя.

15 Очи всех на тя уповают, и ты даеши им пищу во благовремении:

16 отверзаеши ты руку твою и исполняеши всякое животно благоволения.

17 Праведн Господь во всех путех своих и прпбен во всех делех своих.

18 Близ Господь всем призывающым его, всем призывающым его во истине:

19 волю боящихся его сотворит, и молитву их услышит, и спасет я.

20 Хранит Господь вся любящыя его, и

5 О великолепии славной святыни Твоей будут говорить и о чудесах Твоих возвещать.

6 И о силе страшных (дел) Твоих скажут, и о величии Твоем поведают.

7 Воспоминание о великой благости Твоей провозгласят, и правду Твою будут радостно воспевать.

8 Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив.

9 Благ Господь ко всем, и щедроты Его на всех делах Его.

10 Да поведают о Тебе, Господи, все творения Твои, и преподобные Твои да благословят Тебя.

11 Славу царства Твоего изрекут и о могуществе Твоем поведают,

12 Чтобы возвестить сынам человеческим о силе Твоей и великолепной славе царства Твоего.

13 Царство Твое - царство всех веков и владычество Твое - во всех родах. Верен Господь во всех словах Своих и свят во всех делах Своих.

14 Подкрепляет Господь всех падающих и восстановляет всех низверженных.

15 Очи всех на Тебя уповают, и Ты даешь им пищу благовременно:

16 Открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее по благоволению (Твоему).

17 Праведен Господь во всех путях Своих и свят во всех делах Своих.

18 Близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его истинно.

19 Волю боящихся Его сотворит, и молитву их услышит, и спасет их.

20 Хранит Господь всех любящих Его, и всех

вся грешники потребит.	грешников истребит.
21 Хвалу Господню возглаголют уста моя: и да благословит всяка плоть имя святое его в век и в век века.	21 Хвалу Господу изрекут уста мои, и да благословит всякая плоть имя святое Его во век и в век века.

1. На этот псалом должно обратить особенное внимание. Он содержит в себе те выражения, которые посвященные в тайны часто припевают, как-то: "**очи всех на Тебя уповают, и Ты даешь им пищу благовременно**" (ст. 15). Кто сделался сыном и вкушает духовную трапезу, тот должен прославлять Отца. "**Сын чтит отца**", говорит пророк, "**и раб – господина своего**" (Мал.1:6). И ты сделался сыном, участвуешь в духовной трапезе, вкушаешь плоть и кровь Того, Кто возродил тебя; поэтому воздавай благодарностью за такое благодеяние, прославляй Даровавшего тебе такие блага и, повторяя эти слова, настраивай душу свою согласно с ними. Произнося: "**превознесу Тебя, Боже мой, Царь мой**", оказывай великую преданность Богу, чтобы и о тебе сказал Он, как об Аврааме, Исааке и Иакове: "**Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова**" (Исх.3:6). Если ты будешь говорить: "**Боже мой, Царь мой**", и не только говорить, но и показывать великую любовь к Нему, то и Он скажет о тебе: "**раб мой, слуга мой**", как сказано о Моисее. **И благословлю имя твое в век и в век века**. Видишь ли, как пророк открывает несколько и будущую жизнь? А благословение он разумеет не только совершаемое словами, но и делами. Так Бог и превозносится, и благословляется. Так и в молитве нам заповедано говорить: "**да святится**", т.е. да прославляется "**имя Твое**" (Мф.6:9). "**Всякий день буду благословлять Тебя и восхвалять имя Твое во век и в век века**" (ст. 2). Другой переводчик (неизвестный, см. Ориг. Экз.) говорит: **во век непрестанно** (διηνεκῶς). Это особенно свойственно душе благочестивой – отрешаться от дел житейских и воспевать хвалебные песни Богу. Да и стыдно было бы человеку, существу разумному и превосходящему все видимое, в деле славословия быть ниже других тварей; и не только стыдно, но и безрассудно. Не безрассудно ли это, в самом деле, когда другие твари каждый день и час воссылают хвалу Господу? "**Небеса**", говорит Псалмопевец, "**поведают о славе Божией, и о творении рук Его возвещает твердь. День дню изливает слово, и ночь ночи возвещает знание**" (Пс.18:2, 3). И солнце, и луна, и разнообразный хор звезд, и стройный состав всего прочего проповедуют о Творце своем. Поэтому тот, кто превосходнее всех тварей и не делает этого, но даже ведет такую жизнь, что ею хулится сотворивший его Бог, может ли удостоиться прощения? Какое может иметь оправдание тот, кто сотворен для благоугождения человеколюбивому Богу и наслаждения благами будущего царствия, но нисколько не заботится об этом, а предается житейским делам и мирским заботам? Но не таков был пророк; он всю свою жизнь возносил хвалу Богу – и словами и делами. Подлинно, мы обязаны Ему многим: Он сотворил нас несуществовавших, сотворил нас такими, по сотворении сохраняет нас и каждый день промышляет о всех вообще и о каждом в частности, и тайно и явно, и заметно для нас и незаметно. Можно ли исчислить все видимое, что Он сотворил для нас: служение, которое видимые твари доставляют нам, устройство тела, благородство души, ежедневное попечение о нас посредством чудес, законов и наказаний, разнообразное и непостижимое Его промышление, главнейшее же из всех благодеяний, – что Он не пощадил для нас и Единородного Сына, блага уже дарованные нам чрез крещение и другие таинства, и те неизреченные блага, которые будут дарованы – царствие, воскресение, жизнь, исполненная всякого блаженства? Кто стал бы исчислять все это порознь, тот погрузился бы в безмерное море благодеяний и увидел бы, сколь многим он

обязан человеколюбивому Богу. И не только по этому, но и по величию славы Его и неизменяемости существа Его подобает Ему от нас хвала, благословение, постоянная благодарность, служение и непрестанное поклонение. Это выражает и пророк, когда говорит: "**велик Господь и весьма славен и величию Его нет конца**" (ст. 3). Сказав: "**благословлю и восхвалю**", он объясняет, что Бог не имеет нужды ни в похвалах наших, ни в благословениях, что к славе Его ничего не прибавляется от славословия служащих Ему, потому что существо Его неизменно, вседовольно и не имеет нужды ни в чем другом; но сами славословящие делаются от того более славными. Впрочем и не для этого только мы должны славословить Его, но и за превосходство Его славы, на что указывает и пророк, когда говорит: "**велик Господь и весьма славен**", т.е. не имеющий ни в чем нужды. Что значить: "**весьма славен**"? Достоин хвалы, славословия, хвалебных; песней и не просто – "**славен**", но и "**весьма**", – это тоже присовокупил пророк, – а в какой степени "**славен**", этого он не мог выразить словом, и потому прибавил: "**и величию Его нет конца**" или, как другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **изобретения** (εζεύρεσις). Смысл этих слов следующий: имея великого Господа, будь и сам ты высок и отрешись от дел житейских; питай мысли выше ничтожества вещей настоящих, не для того, чтобы сделаться гордыми надменным, но великим по душе и высоким по уму. Иное – высокомерие, и иное – великодушие: высокомерен тот, кто хвалится маловажными вещами и презирает подобных себе рабов; а великодушный смирен по душе и все великолепие настоящей жизни считает за ничто.

2. Где теперь те, которые говорят, что они так знают Бога, как Он знает Сам Себя? Пусть выслушают они слова пророка: "**величию Его нет конца**" – и устыдятся своего безумия.

"**Из рода в род будут восхвалять дела Твои и могущество Твое возвещать**" (ст. 4). Как обыкновенно поступает пророк в других местах, так поступает и здесь. Выразив удивление величию и славе Божией, он переходит к раскрытию дел Его. Тоже самое он делает здесь: "**из рода в род**", говорит, "**восхвалять дела**", доказывая величие Божие делами; т.е. оно явилось не в одно только время и потом прошло, не в течение двух или трех лет, но продолжается во весь настоящий век, так что каждый род видит действия Его. Это означают слова: "**из рода в род**", т.е. род настоящий, и следующий за ним, и следующий за тем, и опять следующий и каждый из последующих, именно: твари, во все время продолжающие свое существование, – небо, земля, море, воздух, озера, источники, реки, семена, растения, травы и происходящие от них благодетельные следствия; течение природы, никогда не прерывающееся, дожди, времена года, постоянно повторяющиеся, ночь, день, солнце, луна, звезды и все прочее; кроме того дела, совершающиеся в каждом поколении, и в частности и вообще к исправлению и ко благу всего человеческого рода, происходившие у иудеев непрестанно чудеса, знамения, промышление Божие, открывавшееся в изобилии плодов, в победах над врагами, и во всем прочем; также чудеса, бывшие во время пришествия Христова, при апостолах, во время гонений, чудеса многочисленнейшие и много превосходившие величием своим чудеса древние, или наконец дела, совершающиеся в наше время. Подлинно, нет времени, которое, кроме общих дел Божиих, не представляло бы знамений промысла Его. "**И могущество Твое возвещать**"; и посредством благодеяний, говорит, и посредством наказаний, потому что во всякое время Бог не перестает всеми способами промышлять о нашей природе. "**О великолепии славной святыни Твоей будут говорить и о чудесах Твоих возвещать**" (ст. 5). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз): **красоту хвалы твоей и слова чудес твоих возвестят** (ωραιότηα τοῦ επαίνου σουκαί τοὺς λόγους τῶν παραδόζων). Сказав о "**могуществе**" Божием, пророк показывает, как она велика. Она совершала не простые и необыкновенные дела, но совершала так дивно и необыкновенно, так выше природы человеческой, что дела Его исполнены чудес и славы. Представь то, что происходило в Египте, в Палестине, при Аврааме, при Исааке, при Иосифе, опять в Египте при Моисее, в

пустыне, по вступлении в обетованную землю, потом в плену вавилонском, при Навуходоносоре, в пещи (вавилонской), во рве львином, при возвращении из плена, при пророках. Все это возвещает силу, славу и величие Творца, и внушает великое удивление и изумление.

"**И о силе страшных (дел) Твоих скажут, и о величии Твоем поведают**" (ст. 6). Этим пророк показывает, что сила Божия совершенно достаточна и для того и для другого, и для благотворения и для наказания, и что все исчисленное заключает в себе то и другое. Впрочем, не только в тогдашних событиях, но и в природе можно видеть много орудий для тех и других действий Его, – напр., для страшных действий: громы, молнии, вихри, ураганы, моровые язвы, снега, грады, повальные болезни, морозы, засухи, наводнения; также между пресмыкающимися – драконы, скорпионы, змеи; между летающими – саранча; между низкими – песьи мухи, гусеницы. Все это – орудия Промысла, которые исправляют людей, прогоняют леность, пробуждают от глубокого сна, приводят от беспечности к бодрствованию. И не только в этих действиях, но и в противоположных, сила Его совершенна. Поэтому, желая внушить нам и это, пророк, сказав: "**и о силе страшных (дел) Твоих скажут, и о величии Твоем поведают**", присовокупляет: "**воспоминание о великой благости Твоей провозгласят, и правду Твою будут радостно воспевать**" (ст. 7). Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз) говорит: **доброты твоей** (αγαθωσύνης). "**И правду Твою будут радостно воспевать**". Другой (Симмах): **и милости твои восхвалят** (ελεημοσύνας σου ευφημήσουσιν). И мы, после того, как исчислили страшные дела Божии, должны сказать и о противоположных им; таковы из вещей видимых и окружающих нас – перемены времен года и дня, сады, луга, различные цветы, вода годная для питья и приятная, благотворные дожди, плодородие земли, различные плоды, разные дерева, благоприятные ветры, солнечный луч, лунный свет, разнообразный хор звезд, тишина ночи; из бессловесных – овцы, волы, козы; из диких: серны, олени, зайцы и многие другие; из пернатых – индийские птицы; вообще в делах Его можно видеть не только наказания, но и благодеяния, и благодеяния гораздо больше, нежели наказания. Притом наказаниями Он внушает страх, а если иногда и на самом деле приводит их в исполнение, то по великой бесчувственности тех, которые не исправляются страхом; благодеяния же Он посылает с любовью, хвалится ими и на самом деле простирает их не только на достойных, но и на недостойных.

3. Так, устрояя различным образом наше спасение, Бог посылает то благодеяния, то наказания, и первые чаще, нежели последние, потому что первых только и желает. И геенною Он угрожает не для того, чтобы ввергнуть нас в нее, но чтобы не ввергнуть; ее Он приготовил для диавола: "**идите**", говорит, "**в огонь вечный, уготованный диаволу**" (Мф.25:41); а для людей приготовил царствие, внушая, что Он не хочет ввергать человека в геенну. "**Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив. Благ Господь ко всем, и щедроты Его на всех делах Его**" (ст. 8,9). Видишь ли, как и пророк останавливается на благодеяниях Божиих и об них более распространяет речь? Он ясно знал, что в этом особенно состоит богатство Божие. Невозможно было бы нам и спастись, если бы не велико было человеколюбие Его; невозможно было бы нам существовать, не пользуясь великою Его благостью. Поэтому и Сам Он сказал: "**Изглажу беззакония твои**" во грехах твоих защищаю тебя (Ис.44:22). "**Щедр и милостив Господь**". Посмотри, как пророк показываете неизреченное Его человеколюбие. Бог не только милует согрешающих, но являет и другой немалый вид человеколюбия – долготерпение, чтобы грешники пришли в раскаяние и при человеколюбии Божием достигали спасения и собственным старанием, получая, таким образом, дерзновение пред Ним своими подвигами. Он не только "**милостив**", но и "**многомилостив**", говорит пророк, выражая, что великое милосердие Его не может быть измерено, но превосходит всякое слово.

Далее, сколько возможно, он объясняет это, прибавляя: "**Благ Господь ко всем, и щедроты Его на всех делах Его**".

Что значит: "**ко всем**"? И к грешникам, говорит, и к живущим в беззакониях. Не одни праведные, делающие добрые дела, или кающиеся, но все тем самым, чему они подвергаются, возвещают милость и благость Его. Если кто спросит меня: кому Бог оказал благость? – то я скажу: не Авелю только, но и Каину, не Ною только и детям его, но и погибшим от потопа; Он все дает по человеколюбию. А чтобы ты убедился, что Он благ ко всем, рассмотри вот эти события. Не делом ли великой благости, скажи мне, было то, что братоубийцу, дерзнувшего на такое убийство, осквернившего руку кровью и поправшего божественные законы, Он предал такому наказанию, которое составляет больше вразумление, нежели наказание, дабы и самого грешника продолжительностью времени очистить от сделанного греха, и других научить тем, чему он подвергся? Не делом ли великой благости, скажи мне, было то, что современников потопа, бывших неисцелимо больными и не исправлявшихся ни угрозами, ни внушениями и ничем другим, Он удержал от зла, употребив общий долг природы вместо врачества, и наведши на них легчайшую смерть посредством воды? Впрочем, выражение: "**на всех делах**" можно относить не только к людям, но и ко всему видимому и к животным бессловесным; даже если бы кто вознесся к ангелам и архангелам, то и там увидел бы великую благость Божию, великое милосердие. На всякое творение простирается великое человеколюбие Его. Это сознавал и пророк и потому присовокупил: "**да поведают о Тебе, Господи, все творения Твои, и преподобные Твои да благословят Тебя**" (ст. 10), т.е. пусть благодарят Тебя, пусть воссылают Тебе хвалы и те, которые получили дар слова, и те, которые не имеют голоса. Каждое из безгласных существ сотворено так, что, не смотря на свое безгласие, может славословить Бога собственною своею природою, чрез видящих его и пользующихся им людей. Эти существа прославляют Творца своею природою, а люди – и поведением и делами, на что указывает и пророк, прибавляя: "**преподобные Твои да благословят Тебя**". "**Преподобными**" он называет здесь людей святых, исполняющих заповеди Божии, недоступных для грехов и нечестия. "**Славу царства Твоего изрекут и о могуществе Твоем поведают**" (ст. 11).

Что значит: "**славу изрекут**"? Т.е. совершенство, человеколюбие, попечение, неимение нужды в подвластных Ему, столь великое промышление о них, неприступность света, неизреченность существа, непостижимость Его. "**И о могуществе Твоем поведают**", т.е. воспоют непобедимую и непреодолимую силу Твою – не потому, чтобы Ты нуждался в этих песнопениях и хвалах, но как для блага самих воспевающих, так и для того, чтобы научить других и сделать их общниками славословия. Потому он и продолжает: "**чтобы возвестить сынам человеческим о силе Твоей и великолепной славе царства Твоего**" (ст. 12). Этим он показывает, что Бог допускает славословия для того, чтобы другие познали могущество Его. Так, велика сила Его, велика слава, велико благолепие, велико и неизреченно, превосходит всякое слово и побеждает всякий ум; но самая великость и неизреченность Его требует, чтобы кто-нибудь научал людей, по причине безумия многих. И солнце есть самая светлая звезда, – однако больные глазами не видят света его; так точно и промысл Божий яснее всякого солнца, – но люди с превратными мыслями и закрытым слухом имеют нужду в великом попечении, чтобы раскрылся ум их.

4. Итак, нужно постоянно повторять им и внушать учение об этом. Далее, так как пророк, сказав о славе царствия Божия и великолепии, оставил это без объяснения, он опять возвращается к тому же и по возможности объясняет, какова эта слава, и говорит: "**царство Твое – царство всех веков и владычество Твое – во всех родах. Верен Господь во всех словах Своих и свят во всех делах Своих**" (ст. 13), – не настоящих только, но и грядущих; оно бесконечно, беспредельно, и одно только вечно. "**И**

владычество Твое – во всех родах". Смотри, как и здесь выражается бесконечность царства Божия; оно простирается на всю вселенную, на все века, на все времена. "**Верен Господь во всех словах Своих и свят во всех делах Своих**". Сказав о бесконечности царства Божия, об его крепости, твердости, непоколебимости, он говорит и о непреложности изречении Его. Слово: "**верен**" значит: тверд, истинен. Если же Бог верен, то сказанное Им непременно сбудется. Как царство Его неразрушимо и беспредельно, так и слова Его тверды и непоколебимы; первое никогда не прекращается, и последнее никогда не остаются без действия. Если же они не остаются без действия, то непременно должны сопровождаться делами. Даже, если когда Бог сказал что-нибудь, и не исполнилось, то и это служит доказательством истинности Его. "**Иногда Я скажу о каком-либо народе и царстве, что искореню, сокрушу и погублю его; но если народ этот, на который Я это изрек, обратится от своих злых дел, Я отлагаю то зло, которое помыслил сделать ему**" (Иер.18:7-8). Подобным образом и о благодеяниях говорит: благое скажу, и если изменятся, то и я изменю сказанное о них (Иер.18:10). "**И свят во всех делах Своих**". Что значит: "**свят**"? Безукоризненный, правый, чистый, непорочный, не подающий никому никакого повода к осуждению Его. "**Подкрепляет Господь всех падающих и восстановляет всех низверженных**" (ст. 14). Сказав о царстве Божием, что оно беспредельно, об изречениях Его, что они истинны, о делах Его, что они безукоризненны, о славе и великолепии, Псалмопевец говорит опять о человеколюбии Его, так как и то самое составляет величайшую славу Его царствия, что Он не только поддерживает стоящих, но бодрствует и над готовыми упасть, чтобы этого не случилось с ними, и поднимает лежащих, и притом, – что особенно удивительно, – поднимает всех, не одного кого-нибудь, а всех, хотя бы то были рабы, хотя бы бедные, хотя бы незнатные, хотя бы происходящие от незнатных. Он – Господь всех; Он не проходит мимо лежащих и не презирает колеблющихся. Так поступает Он со всею природою, так и с каждым порознь. Если же некоторые из лежащих не восстают, то не по вине Его, желающего восстановить всех, но по вине самих нехотящих встать. Так Господь хотел восстановить и падшего Иуду и для того сделал все с Своей стороны, но он сам не хотел этого. Так Он восстановил падшего Давида и сделал его крепким; восстановил и Петра, готового пасть; а как, послушай. "**Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя**" (Лк.22:31,32). Далее Псалмопевец говорит о другом виде благодеяния, потому что разнообразно и многоразлично попечение Божие. "**Очи всех на Тебя уповают, и Ты даешь им пищу благовременно**" (ст. 15). Видишь ли, как он показал, что "**Благ Господь ко всем, и щедроты Его на всех делах Его**"? Как в Евангелии сказано: "**Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф.5:45), так и здесь он выражает тоже словами: "**и Ты даешь им пищу благовременно**". Действительно, не дожди, земля и воздух, но повеление Божие всегда произрещает плоды.

Слово: "**благовременно**" означает, что все распределено по временам и производится в разные сроки. И это много доказывает премудрость Его, что Он производит не все вместе и вдруг, но разделяет пищу по временам целого года, так, чтобы и земледелец имел отдых, и произведения земли не портились. Итак слово: "**благовременно**" означает или то, что мы сказали выше, т.е., что все распределено по временам, или то, что Бог дает пищу нуждающимся и имеющим недостаток. Но, скажешь, как он говорит: "**очи всех на Тебя уповают**", когда есть много людей, живущих в нечестии, которые утверждают, что все существует само по себе? Он говорит здесь о сущности дела, подобно тому, как и в другом месте говорит: "**и птенцам ворона, призывающим Его**", хотя эти птенцы – животные бессловесные (Пс.146:9); и еще: "**молодые львы, рыкающие о добыче, чтобы выпросить у Бога пищи себе**", хотя и эти также бессловесны и сами просить не могут (Пс.103:21). Здесь он говорит о сущности дела; так надобно сказать, имея в виду не желание их, а сущность дела. "**Открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее по**

благоволению (Твоему)" (ст. 16). "**Рукою**" он называет деятельность и силу подающую, всеми способами внушая тебе, что произрастание плодов зависит не от стихий, а от промысла Божия; и вместе с тем показывает, как это легко для Бога: "**открываешь**", говорит, "**руку Твою**". Так как тогдашние люди, оставив Виновника всего, покланялись воздуху и солнцу и думали, что от этого происходят плоды, то Псалмопевец, желая возвести их к верховному началу, Виновнику и Владыке всего этого, часто говорит так, внушая, что все зависит от Его десницы, что все блага происходят от Его промысла.

5. "**Насыщаешь**", говорит здесь пророк, "**по благоволению**", т.е. благоугождения, так что каждое животное удовлетворяется, по желанию своему, потребным ему. Бог не просто дает пищу, но, сколько полезно каждому, сколько каждое желает, сколько нужно для удовлетворения. Смысл этих слов следующий: Ты даешь и бессловесным, и людям, и всем так, как приятно каждому, как угодно каждому, и удовлетворяешь так, что ни в чем не бывает недостатка. Поэтому он и говорит: "**насыщаешь все живущее по благоволению**". "**Праведен Господь во всех путях Своих и свят во всех делах Своих**" (ст. 17). "**Путями**" он называет здесь распоряжения Божии, промышление, попечение, с каким Он благоустроил все. Все дела Его, говорит, достохвальны, исполнены чудес, не подают никому никакого повода к осуждению, хотя иные и беснуются и безумствуют. Дела Его в сущности своей таковы, что они сияют, блестят, проповедуют Создателя, Его промысл, попечение, человеколюбие, правду, святость. "**Близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его истинно**" (ст. 18). Вот и другой вид промышления, главное из благ. Сказав о благах общих, подаваемых и неверным, о пище, о дождях, пророк говорит теперь о благах, подаваемых особенно верным. Какие же это блага? То, что Господь находится **близ** их, т.е. охраняет их, печется о них и промышляет гораздо больше, нежели о других, благоволит к ним, милостив и благосклонен к ним, открывает им блага по преимуществу. "**Волю боящихся Его сотворит, и молитву их услышит, и спасет их**" (ст. 19). Но, скажешь, Павел хотел, чтобы отступил от него ангел сатанин, т.е. искушения, скорби, гонения, и, однако, Бог не сделал этого. Нет, сделал, потому что когда Павел узнал, что он просил не полезного для себя, то по действию Божию стал снова желать и сильно желать скорбей, и потому говорил: "**благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях**" (2Кор.12:10). Если же прежде он желал противного, то желал по неведению; а когда узнал, что этого хочет Бог, то и сам стал находить в том удовольствие. Не иного желает воля Божия, и иного воля боящихся Его; если же иногда они сами, как люди, желают чего-нибудь несогласного с волею Божиею, то после исправляются. "**Хранит Господь всех любящих Его, и всех грешников истребит**" (ст. 20). И то не малое дело промысла – охранять, доставлять безопасность, проявлять Свое промышление. "**Грешниками**" пророк называет людей неизлечимо больных, не желающих исправиться. Если же кому-нибудь и из любящих Его Он попускает подвергаться смерти, то и это для сохранения их, как случилось с Авелем, потому что хотя тела их разрушаются, но по душе они делаются более светлыми, а после получат и тела нетленные. Таким образом, изобразив разные виды промышления Божия, сколько можно было изобразить словом, общие, частные и особенные о святых, попечение о колеблющихся, промышление о лежащих, долготерпение, исправление грешников, хранение святых, Псалмопевец заключает, свою речь опять славословием, призывает всю вселенную к общению в славословии и говорит: "**хвалу Господу изрекут уста мои, и да благословит всякая плоть имя святое Его во век и в век века**" (ст. 21), Видишь, как он, движимый благоговейным расположением, призывает не только получающих благодеяния, но и подвергающихся наказаниям, – ведь и это знак промышления, – не только людей, но и бессловесных животных, и стихий, и все бездушные твари, – потому что все исполнено благости Божией. Не перестанем же и мы словами и делами постоянно прославлять Бога столь благого, столь человеколюбивого, везде распространяющего Свои благодеяния, чтобы нам получить и настоящие и будущие блага благодатию и

человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Которому слава и держава, во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 145

1 Аллилуиа, аггеа и захарии. Хвали, душе моя, Господа:

2 восхвалю Господа в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь.

3 Не надейтеся на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения.

4 Изыдет дух его, и возвратится в землю свою: в той день погибнут вся помышления его.

5 Блажен, емуже Бог иаковль помощник его, упование его на Господа Бога своего,

6 сотворшаго небо и землю, море, и вся, яже в них: хранящаго истину в век,

7 творящаго суд обидимым, дающаго пищу алчущым. Господь решит окованныя:

8 Господь умудряет слепцы: Господь возводит низверженныя: Господь любит праведники.

9 Господь хранит пришелцы, сира и вдову приимет, и путь грешных погубит.

10 Воцарится Господь во век, Бог твой, сионе, в род и род.

1 Аллилуия. Аггея и Захарии. Хвали, душа моя, Господа.

2 Восхвалю Господа в жизни моей; буду петь Богу моему, пока существую.

3 Не надейтесь ни на князей, ни на сынов человеческих, в коих нет спасения.

4 Выйдет дух его, и он возвратится в землю свою: в тот день погибнут все замыслы его.

5 Блажен, кому Бог Иакова - помощник, и у кого упование - на Господа Бога Своего,

6 Который сотворил небо и землю, море и все, что в них, хранит истину во век,

7 Совершает (правый) суд для обижаемых, дает пищу алчущим. Господь разрешает окованных;

8 Господь умудряет слепых, Господь поднимает низверженных, Господь любит праведников.

9 Господь хранит пришельцев, сироту и вдову приимет и путь грешных погубит.

10 Господь во век будет царствовать. Бог Твой, Сион, в род и род!

1. Пророк начинает этот псалом тем, чем кончил предыдущий, – хвалою и славословием. Это не мало способствует очищению души. "**Хвалою**" же, как я неоднократно говорил, он называет прославление посредством дел, как и Христос говорит: "**да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Мф.5:16); также и Павел: "**прославляйте Бога и в телах ваших и в душах ваших**" (1Кор.6: 20). И как в предыдущем псалме пророк говорил: "**всякий день буду благословлять Тебя**" (Пс.144:2), так и здесь: "**буду петь Богу моему, пока существую**". Потом, опять желая сделать других людей участниками в славословии, он начинает повествовать о человеколюбии Божием, горя и пламенея любовью, обозревая всю вселенную, приглашая всех в хор свой. Действительно, и это составляет великую хвалу и величайшую славу для Бога, когда Он призывает многих быть участниками Его спасения.

"**Не надейтесь ни на князей, ни на сынов человеческих, в коих нет спасения**" (ст. 3). Другой переводчик (неизвестный, см. Ориг. Экз.) говорит: **на того, кто не может спасти** (τῷ μὴ ἐχοντι σῶσαι). Пусть выслушают это увещание и совет те, которые надеются на человеческое покровительство, непрочное и неверное. Что значит: "**в коих нет спасения**"? Они, говорит, не властны в своем собственном спасении, не могут покровительствовать даже самим себе; когда придет кончина, они будут лежать безгласнее камней. Это означают последующие слова: "**выйдет дух его, и он возвратится в землю свою: в тот день погибнут все замыслы его**" (ст. 4). Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **предположения его** (προθέσις). Смысл этих слов следующий: кто не может защитить самого себя, тот, как может спасать других? Нет ничего слабее и ненадежнее такой надежды. Это показывают сами дела. Павел, беседуя о надежде на Бога, сказал: "**а надежда не постыжает**" (Рим.5:3).

Не таковы дела человеческие, они слабее тени. Не говори мне, что такой-то человек – начальник. И начальник в этом отношении не имеет никакого преимущества пред обыкновенным человеком; он подлежит такой же неизвестности. Даже, если можно сказать нечто удивительное, потому особенно и не должно надеяться на него, что он – начальник. Такая власть весьма непрочна. Если он не падает, то бывает склонен к гневу и пользуется своею властью неблагонамеренно, как будто он не должен будет отдать отчет тому, кто принимал от него обет; если же он будет благонамеренный, то тем скорее в сравнении с частными людьми может подвергаться падениям, чем большими и многочисленнейшими бывает окружен кознями; и тем легче он может быть уловлен, чем больше людей, строящих ему козни. Что значат телохранители? Что значат многочисленные стражи? Итак, кто в благоустроенном городе не может поручиться даже за собственное тело, но находится в таком тревожном состоянии, как будто находится среди неприятелей, тот как может спасать других? Кто во время мира боится больше находящихся на войне, тот как может других утверждать в безопасности и избавлять от опасностей? Многие сами по себе могли бы жить в безопасности, но погибли именно оттого, что надеялись на таких людей; когда эти последние падали, то они низвергались вместе с ними; для других самые стражи делались предателями. Впрочем, пророк, оставив все это, – потому что многие избегали подобных случаев, – указывает на то, что не подлежит сомнению, на смерть. Если даже, говорит, все будет у тебя идти благополучно, если он будет доброжелателен к тебе, благосклонен и готов на воздаяния, то, окончив жизнь среди обещаний, он оставляет тебя с пустыми надеждами, потому что ему не достало жизни для исполнения обещания. Если же он даже не имеет достаточно жизни для исполнения обещания, но жизнь его прерывается прежде исполнения, то ты прибегаешь к ненадежной помощи. Или вы не знаете, что так случилось со многими, и когда падал покровитель их, они, лишившись помощника, терпели от этого большее падение? Но что я говорю о непрочности и неисполнении обещаний, когда недолго остается и сам виновник их? "**И возвратится**", говорит пророк, "**в землю свою**". Если он погибает, то тем более обещания его. Потому пророк и прибавляет: "**в тот день погибнут все замыслы его**", выражая, что не только обещания его не достигнут исполнения, но погибнет и сам обещающий. Что же затем он делает? Отклонив надежды человеческие, он указывает безопасную пристань и несокрушимую крепость и предлагает совет. Это и есть превосходнейший способ увещания – отклонять от слабого и приводить к твердому, уничтожать ложное и представлять истинное, обличать вредное и показывать полезное. "**Блажен, кому Бог Иакова - помощник, и у кого упование - на Господа Бога Своего**" (ст. 5). Видишь ли важность совета и увещания? Под именем блаженства он разумеет все блага и показывает безопасность этой надежды. Назвав блаженным надеющегося на Бога, он говорит потом о силе Помощника, объясняя, каков человек, и каков Бог; тот погибает, а Этот пребывает, и не только Сам пребывает, но и дела Его. Потому он и присовокупляет: "**Который сотворил небо и землю, море и все, что в них, хранит истину во век**" (ст. 6).

2. Если же дела Его постоянны, то тем более Сам Он неизменяем и всемогущ; сами дела Его доказывают Его силу и то, что Он таков. Но если Он, при неизменяемости и всемогуществе, не желает? Многие неразумные говорят это. Но, смотри, как пророк уничтожает такое сомнение. Сказав: "**Который сотворил небо и землю, море и все, что в них, хранит истину во век**", он присовокупляет: "**совершает (правый) суд для обижаемых, дает пищу алчущим. Господь разрешает окованных**" (ст. 7). Смысл слов его следующий: в том и состоит дело Божие, обыкновенное и особенно Ему свойственное, чтобы не оставлять без внимания обижаемых, не проходит мимо притесняемых, подавать руку помощи тем, кому строятся козни; и это постоянно. Поэтому он говорит: "**во век**", указывая на это, и не только на это, но и на то, что следует далее. "**Дает пищу алчущим. Господь разрешает окованных. Господь умудряет слепых**" Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **просвещает** (φωτιζει). "**Господь умудряет слепых, Господь поднимает низверженных, Господь любит праведников. Господь хранит пришельцев, сироту и вдову приимет и путь грешных погубит**" (ст. 8, 9). Видишь ли, как он всяким образом доказывает, что промышление Божие простирается на все, что Его дело – избавлять от бедствий, утолять голод, освобождать от уз? Впрочем, это отчасти могут делать и люди; но следующее – нет. Он исцеляет, говорит, слепоту, восстановляет падших, прославляет сияющих добродетелью, спасает беззащитных, утешает и ободряет скорбящих и бедствующих от сиротства и вдовства. Потом, сказав: "**любит праведников**", показывает, что Бог многим помогает даже за одно только несчастье. Так, алчущих Он питает потому, что они алчут, хотя в этом нет добродетели; связанных разрешает потому, что они связаны, хотя и это не добродетель, а несчастье; слепым дает зрение по причине слепоты, хотя и это не заслуга, а несчастье, – равно как и расслабление, и странничество, и сиротство, и вдовство. Если же Он помогает находящимся в несчастьях, то тем более подвизающимся в добродетели. Итак, если Он и может и хочет, и все дела Его постоянны, если Он и принимает добродетель и милует за несчастья, то почему ты не оставляешь защитника ненадежного, слабого, тленного, и не прибегаешь к сильному и непобедимому, Который не укоряет за несчастья, но избавляет от них, и может сделать все, чего хочет? Посмотри, с какой точностью выразился пророк и в последних словах. Он не сказал: грешников погубит, но "**путь**" их, т.е. дела их. Бог не отвращается от существа, но ненавидит пороки. "**Господь во век будет царствовать. Бог Твой, Сион, в род и род!**" (ст. 10). Если же Он царствует постоянно и пребывает вечно, то не должно сомневаться; но если Он не сделал воздаяния здесь, то отлагает его до большего воздаяния. Итак, не будем смущаться и беспокоиться в искушениях, если мы не тотчас получаем избавление от них, но предоставим время избавления Самому Господу; и когда совершим что-нибудь доброе, не будем тотчас же требовать воздаяния, но также будем полагаться на Его волю, потому что, если Он откладывает, то после делает большее воздаяние. Будем же благодарить Его за все и постоянно воссылать Ему хвалу. Таким образом и настоящую жизнь мы проведем в великой безопасности, и достигнем неизреченных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, со безначальным Его Отцем и животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 146

1 Аллилуиа. Хвалите Господа, яко благ псалом: Богови нашему да усладится хваление.	1 Аллилуия. Хвалите Господа! Ибо псалмопение - благо, да будет приятным Богу нашему хваление!
2 Зиждай иерусалима Господь: разсеяния Израилева соберет:	2 Господь, зиждущий Иерусалим, соберет рассеянный народ Израиля.

3 изцеляяй сокрушенныя сердцем и обязуяй сокрушения их:	3 Он исцеляет сокрушенных сердцем и обвязывает раны их,
4 изчитаяй множество звезд, и всем им имена нарицаяй.	4 Исчисляет множество звезд и всем им имена нарекает,
5 Велий Господь наш, и велия крепость его, и разума его несть числа.	5 Велик Господь наш и велика крепость Его, и разум Его непостижим.
6 Приемляй кроткия Господь, смиряяй же грешники до земли.	6 Принимает кротких Господь, а грешников унижает до земли.
7 Начните Господеви во исповедании, пойте Богови нашему в гуслех:	7 Начинайте Господа прославлять, пойте Богу нашему на гуслях,
8 одевающему небо облаки, уготовляющему земли дождь: прозябающему на горах траву и злак на службу человеком:	8 Одевающему небо облаками, приготовляющему для земли дождь, произращающему на горах траву и злак на службу людям,
9 дающему скотом пищу их, и птенцем врановым призывающым его.	9 Дающему скотам пищу их и птенцам ворона, призывающим Его.
10 Не в силе констей восхощет, ниже в лыстех мужеских благоволит:	10 Не силу коня Он любит и не к (быстрому) бегу мужа благоволит,
11 благоволит Господь в боящихся его и во уповающих на милость его.	11 Благоволит Господь к боящимся Его и уповающим на милость Его.

1. Выше, в сто сорок четвертом псалме, пророк говорил: "**Велик Господь и весьма славен**" (Пс.144:3), и много беседовал о славе Его, а здесь показывает, что и самое славословие есть "**благо**", и само псалмопение бывает источником бесчисленных благ. Оно отрешает ум от земли, окрыляет душу, облегчает и возвышает нас. Поэтому и Павел говорит: "**исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу**" (Ефес.5:19). "**Да будет приятным Богу нашему хваление!**". Другой переводчик (неизвестный, см. Ориг. Экз) говорит: **аллилуиа, потому что благо – песнь Богу** (αλληλούια, δτι καλὸν ωδὴ τω Θεῶ). Что значит: "**да будет приятным Богу нашему хваление**"? Да будет, говорит, благоприятно. Для того, чтобы хвала была приятна Богу, недостаточно только петь, а нужны и добрая жизнь, и молитва, и внимание поющего. Мне кажется, что этот псалом относится к возвращению из плена вавилонского, как видно из дальнейших слов. Псалмопевец продолжает: "**Господь, зиждущий Иерусалим, соберет рассеянный народ Израиля**" (ст. 2). Хотя отпустил их Кир, но все это совершилось не по его рассуждению, а по мановению Божию. Другой переводчик (Симмах), вместо: "**зиждущий**", сказал: **созиждет**, а вместо: **рассеяния – изгнанных** (οικοδομήσει… τοὺς εζωσμένους). Почему же пророк говорит так? Потому, что они не все вдруг возвратились, но собирались после отпуска мало-помалу.

"**Он исцеляет сокрушенных сердцем и обвязывает раны их**" (ст. 3). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **повреждения их** (τὰ κατεαγμένα). Так как он не мог с дерзновением указать на жизнь свою, то опять указывает на несчастье, и на свойственные Богу действия. Богу свойственно – утешать угнетенных; это – собственно Его дело. Как Павел говорит, "**блаженны, чьи беззакония прощены и чьи грехи покрыты**" (Рим.4:7), указывая на дело собственно принадлежащее Богу, так и пророк здесь говорит: "**и исцеляет сокрушенных сердцем**", выражая, что, хотя бы мы были недостойны, но так как мы – Его творение, то Он не оставит Своего создания, не отступит от свойственного Ему дела. Так и Павел говорит: "**как начал, так и окончил у вас и это доброе дело**" (2Кор.8:6); и другой: "**чтобы оживлять дух смиренных и оживлять сердца сокрушенных**" (Ис.57:15); и этот самый Пророк в другом месте: "**сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничижит**" (Пс.50:19). Итак, когда ты захочешь получить утешение, то смири себя, предай сокрушению душу свою. Это сказано о благоволении Божием, о благости и человеколюбии Его, о том, что Его дело – утешать находящихся в несчастьях; а дальше говорится о могуществе Его. "**Исчисляет множество звезд и всем им имена нарекает**" (ст. 4), т.е. знающий. Так как здесь шла речь о народе рассеянном и нигде не видном, то пророк справедливо привел этот пример, выражая, что Бог может собрать и рассеянных. Он обыкновенно ободряет и утешает сокрушенных, и бесчисленное множество звезд знает в точности; следовательно и нас, которых Он обещал умножить подобно звездам, соберет в точности. "**И всем им имена нарекает**". Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **всем имена нарицающий** (τοῖς πᾶσιν). Третий (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **всех их по именам назовет** (πάντας αὐτοὺς ονομασί καλέσει). Я думаю, что это сказано об израильтянах; пророк говорит тоже, что после говорил Исаия: "**ты Мой раб, Я избрал тебя и не отвергну тебя:не бойся**" (Ис.41:9). Что же значит: "**и всем им имена нарекает**"? Никто из них, говорит, не погибнет; но как называющие по именам, так и Он соберет всех в точности. "**Велик Господь наш и велика крепость Его,**

и разум Его непостижим" (ст. 5). Так как он сказал о величайшем деле, о том, что Бог соберет столько тысяч людей, рассеянных по всей вселенной, то говорит теперь о могуществе Его, располагая самых колеблющихся из иудеев к вере. "**И разум Его непостижим**".

Поэтому не исследуй, как и каким способом; величие его беспредельно. Потому он и сказал: "**и величию Его нет конца**" (Пс.144:3). Как беспредельно Его величие, так беспредельна и мудрость. Потому сказав: "**Велик Господь наш**", он и присовокупил: "**и разум Его непостижим**". И знание Его удивительно, почему пророк и говорит: "**дивно ведение Твое для меня: мощно! Не могу (постигнуть) его**" (Пс.138:6), и судьбы Его неисследимы, почему он и говорит: "**истина Твоя до облаков**" (Пс.35:6).

2. Итак, если Бог и велик, и силен, и премудр, то не исследуй, как это будет. "**Принимает кротких Господь, а грешников унижает до земли"** (ст. 6). Дабы кто-нибудь из безумных не сказал: что нам до того, что Он в точности знает звезды? – пророк излагает и попечение Его о людях, являемое таким образом; и не сказал: помогающий кротким Господь, но гораздо более: "**принимает**"; выразился так, как бы о любвеобильном отце. Что же значит: "**принимает**"? Успокаивающий, поддерживающий, руководящий. Видишь ли совершенную силу Его в том и в другом случае – и в возвышении смиренных и в низложении гордых? Он не просто смиряет, но до крайности, это именно значит: "**до земли**". "**Начинайте Господа прославлять, пойте Богу нашему на гуслях**" (ст. 7). Другой (Симмах): **исчислите** (καταλέξατε). Сказав о делах Его, пророк опять призывает людей к славословию: "**начинайте**", говорит, "**Господа прославлять**", т.е. в благодарении, с великим усердием. "**Пойте Богу нашему на гуслях**". Другой (Симмах): **на лире** (διὰ λύρας).

"**Одевающему небо облаками, приготовляющему для земли дождь, произращающему на горах траву и злак на службу людям**" (ст. 8). Чтобы кто-нибудь из бесчувственных не сказал: что мне до небесного? – пророк тотчас присовокупляет и пользу для людей, показывая этим прибавлением и то, для чего Бог покрывает небо облаками. Для тебя, говорит, для того, чтобы приготовить тебе дождь; и для тебя, чтобы он произвел траву. Посмотри на мудрость пророка: он говорит о благах всеобщих, которые Бог даровал всем, и таким образом заграждает уста безумным с особенною силою. В самом деле, если Бог так щедр для неверных, что и собирает облака, и низводит дождь, и оживляет землю, то тем более сделает добро вам, которые называетесь собственным его народом.

"**Произращающему на горах траву**". Смотри, как щедродательно Его промышление: не только на возделанной земле, но и на горах Он предлагает обильную Свою трапезу, приготовляет пищу для скотов, которые сотворены на служение людям. Потому пророк и продолжает: "**дающему скотам пищу их и птенцам ворона, призывающим Его**" (ст. 9). Здесь он указывает на другой вид попечения Божия, – на то, что Бог дает пищу не только скотам, служащим человеку, но и другим бессловесным животным: "**и птенцам**", говорит, "**ворона, призывающим Его**". Если же Он так печется о бессловесных животных, и притом диких и не служащих людям, – то гораздо более промышляет о людях, особенно о тех людях, которые прославляют Его песнопениями, которых Он назвал даже собственным Своим народом и наследием. Далее, так как они были слабы, не имели оружия и нуждались во всем, то, чтобы они не смущались этим, смотри, как он исправляет такой недостаток. "**Не силу коня**", говорит, "**Он любит и не к**

(быстрому) бегу мужа благоволит, благоволит Господь к боящимся Его и уповающим на милость Его" (ст. 10, 11). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **в ожидающих милости его** (τοῖς αναμένασιν). Если, говорит, вы будете иметь страх и совершенную надежду на Него, то приобретете Его благоволение; а приобретши Его благоволение, будете могущественнее всех, кто имеет коней и оружия. Нужно только одно: не унывать и не смущаться, но ожидать Его милости, потому что в том и состоит надежда, чтобы не отчаиваться и не падать духом, не тотчас получая ожидаемое. И хорошо сказал он: "**на милость Его**", потому что они не имели дерзновения по делам своим. Хотя, говорит, ваши дела изменяют вам, но надейтесь на Его милость, и вы удостоитесь Его попечения и помощи, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 147

1 Аллилуиа, аггеа и захарии. Похвали, иерусалиме, Господа, хвали Бога твоего, сионе:

2 яко укрепи вереи врат твоих, благсви сыны твоя в тебе.

3 Полагаяй пределы твоя мир, и тука пшенична насыщаяй тя:

4 посылаяй слово свое земли, до скорости течет слово его,

5 дающаго снег свой яко волну, мглу

1 Аллилуия. Аггея и Захарии. Восхвали, Иерусалим, Господа, хвали Бога твоего, Сион!

2 Ибо Он укрепил запоры ворот твоих, благословил сынов твоих (жить) в тебе.

3 Утверждает в пределах твоих мир и лучшею пшеницею насыщает тебя.

4 Посылает слово Свое на землю, скоро течет слово Его.

5 Расстилает (по земле) снег, как белую шерсть,

яко пепел посыпающаго,	туман, как пепел, рассыпает,
6 метающаго голоть свой яко хлебы: противу лица мраза его кто постоит?	6 Низвергает лед Свой, как куски хлеба; пред холодом Его кто устоит?
7 Послет слово свое, и истает я: дхнет дух его, и потекут воды.	7 Пошлет слово Свое и растопит все, подует дуновение Его - и потекут воды.
8 Возвещаяй слово свое иакову, оправдания и судбы своя Израилеви:	8 Возвещает слово Свое Иакову, оправдания и суды Свои Израилю.
9 не сотвори тако всякому языку, и судбы своя не яви им.	9 Не сделал Он сего ни одному (еще) народу и судов Своих не явил им.

1. Не к городу пророк обращает речь, а к жителям его. Как поступает он во всей книге, так поступает и здесь. Он часто увещевает и советует благодарить Бога за благодеяния и надеяться не на здание и не на крепость стен, а на Его промышление. Положив это в основание, он продолжает: "**ибо Он укрепил запоры ворот твоих, благословил сынов твоих (жить) в тебе**" (ст. 2). Что значит: "**укрепил запоры**"? Поставил, говорит, тебя в безопасности, сделал непобедимым. "**Благословил сынов твоих**", т.е. весьма умножил их. Это – один вид благодеяния; а другой выражен словом: "**в тебе**". Смысл слов его следующий: Он умножил их не в рассеянии, не в разделении, но собрав их "**в тебе**". Далее показывает еще другой вид промышления и говорит: "**утверждает в пределах твоих мир и лучшею пшеницею насыщает тебя**" (ст. 3). Можно быть и безопасным и многочисленным, и вместе с тем вести войну. Но здесь он таким выражением показывает, что они были свободны и от этой опасности, что не только город был свободен от нападения, но и самые отдаленные пределы их. Видишь ли, сколько исчисляет он благодеяний? Первое и важнейшее из всех выражено словами: "**Бога твоего**". Этими словами он выразил следующее: Он приблизил тебя к Себе, сделал тебя Своим наследником и, будучи общим Владыкою всех, стал твоим по преимуществу; это – первое и главное из всех благ. Второе благодеяние состоит в том, что Он поставил город в безопасности. Третье – в том, что Он умножил их. Четвертое – в том, что Он избавил от войн и смятений не один только город, но и весь народ, и притом не однажды, не дважды, и не трижды делал это, но делает постоянно, так как не сказал: утверждающий, но: "**утверждает**". Если же и случались войны, то не потому, чтобы Бог оставлял их, но потому, что они сами отступали от Него; а Его постоянным делом было – ограждать, доставлять безопасность, избавлять от всякого смятения и войны.

Вместе с этим благодеянием пророк указывает затем и на другие, – на плодородие и обилие земных плодов, научая опять и здесь приписывать все не земле и не свойству воздуха, но промышлению Божию. Каким образом? Следующими словами: "**лучшею пшеницею насыщает тебя**". Смотри: не сказал просто: пшеницею, но: "**лучшею пшеницею**", выражая великое плодородие; тук пшеничный означает сочность плодов. Таковы дары Божии: зрелы и прекрасны. Таким образом, говорит он здесь, Бог щедро насыщает тебя самою лучшею пшеницею; это самое желая выразить, он не сказал: дающий, но: "**насыщает тебя**". "**Посылает слово Свое на землю, скоро течет слово Его**" (ст. 4). Как обыкновенно пророк делает, т.е. переносит речь от частных предметов к общим, и от общих опять к частным, так поступает и здесь. Так как он сказал: "**хвали**

Бога твоего", то, чтобы кто-нибудь из безумных не подумал, будто Бог есть Бог только иудеев, показывает, что Он есть Бог всей вообще вселенной, и что промышление Его простирается по всей земле, перенося речь от частного к общему и к промышлению Божию, действующему везде. Вот почему, сказав: "**посылает слово Свое на землю**", прибавляет: "**скоро течет слово Его**". Этими словами он показывает, что Бог печется не только о нашей стране, но о всей вселенной. Под "**словом**" он разумеет здесь повеление, промыслительную деятельность. Притом, желая выразить легкость действий, означает это как названием "**слова**", так и "**течением**"; не довольствуясь и этим, прибавляет еще: "**скоро**". Смысл слов его следующий: все, что Бог ни повелевает, совершается с великой скоростью; Он дает повеления по всей вселенной. Какие же дает Он повеления? Касающиеся того, что поддерживает нашу жизнь, – движения воздуха, времен года и других перемен. Потому и присовокупляет: "**расстилает (по земле) снег, как белую шерсть, туман, как пепел, рассыпает**" (ст. 5). Другой переводчик (Симмах) говорит: **росу сгущенную** (δρόσον πεπηγμένην). В еврейском: **хефор хаефир**. "**Низвергает лед Свой, как куски хлеба; пред холодом Его кто устоит?**" (ст. 6)? Другой (Симмах): **пред лицом зноя его кто устоит** (καύματος)? "**Пошлет слово Свое и растопит все, подует дуновение Его – и потекут воды**" (ст. 7). Здесь он представляет непобедимое и беспредельное могущество Божие в том, что Он производит вещи несуществовавшие и изменяет существующие, и преобразует их так, как хочет.

2. Тоже выражает и другой пророк, когда говорит: "**Кто сотворил семизвездие и Орион, и претворяет смертную тень в ясное утро, а день делает темным как ночь, призывает воды морские и разливает их по лицу земли?**" (Ам.5:8). Хотя все подчинено непреложным законам природы, но и эти законы изменяются, когда Ему бывает угодно. Ему все уступает и повинуется. Иногда Он изменяет само существо вещей, а иногда, оставляя существо, дает им другую деятельность; собственную и природную их деятельность оставляет без действия, а производит в них другую противоположную, как, напр., Он сделал с пещию вавилонскою. Там был огонь, но не сожигал; напротив вверженные туда наслаждались приятнейшей росою. Море было пред иудеями, но вода не потопила их, и они прошли безопаснее, нежели по камню. Земля была под Дафаном и Авироном, но она не удержала тел их, а поглотила скорее моря. Сухим деревом был жезл Ааронов, но произрастил плод прекраснее растущих на земле. Самым глупым животным была ослица Валаамова, и между тем не хуже разумного человека говорила в свою защиту бившему ее. Львы были при Данииле, и между тем обнаружили кротость овец, не потому, чтобы уничтожилась природа их, но потому, что изменилась их деятельность. Много и других подобных чудес можно видеть и теперь в творениях. Не считай их маловажным чудом на том основании, что они совершаются каждый год и происходят пред нашими глазами. Представь, как важно то, что влага иногда является снегом, а иногда водою, и такие перемены происходят в краткое мгновение времени. Чтобы кто-нибудь из неразумных не приписал этого естественному действию стихий и не считал одни стихии причинами таких явлений, но знал, Кто повелевает ими, пророк относит все это к Его повелению и говорит: "**пошлет слово Свое и растопит все**", т.е. даст повеление. Не сила ветров преимущественно производит это, но Бог, сотворивший ветры. Он стал говорить о стихиях и о переменах, совершающихся в стихиях, для того, чтобы явлениями, происходящими каждый год, научить грубого и бесчувственного иудея познанию силы Божией и внушить ему, что и дела, его касающиеся, Бог легко может устроить, как захочет, и неблагоприятные обстоятельства обратить в противоположные. Как во время дурной погоды и нестерпимого холода Он легко может произвесть тишину и смягчить все, так и им, находящимся в плену и изнуренным войнами, Он легко может возвратить мир и отечество и восстановить их прежнее благоденствие. И не это одно выражает пророк, но прикровенно внушает и нечто другое. Что же такое? То, что как неприятные перемены часто бывают полезны и благотворны, так и случившееся с иудеями было полезно и

весьма благотворно. Но чтобы не слишком огорчить их, пророк опять обращает речь к переменам более благоприятным. А что означают приведенные им сравнения? Он не сказал просто: "**расстилает (по земле) снег**", но прибавил: "**как белую шерсть**"; не сказал: "**туман**", но прибавил: "**как пепел**"; не сказал: "**низвергает лед**", но прибавил: "**как куски хлеба**". Мне кажется, этим он хотел показать легкость и удобность исполнения для Бога. "**Возвещает слово Свое Иакову, оправдания и суды Свои Израилю**" (ст. 8). Другой (Акила): **уставы** (ακριβασμοὺς). Третий (Симмах): **повеления** (προστὰγματα). "**Оправдания и суды Свои Израилю.**

Не сделал Он сего ни одному (еще) народу и судов Своих не явил им" (ст. 8, 9). Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **подобного** (όμοια). "**И судов Своих не явил им**". Смотри, как он опять переходить от общего к частному и к тому, что преимущественно относится к иудеям, желая возбудить в них большую ревность. В начале псалма он говорит о предметах чувственных и полезных для тела, как-то: о безопасности, о плодородии, о мире; а здесь обращает речь к предметам более высоким, говорит о законодательстве, которое составляет важный вид благодеяния, отклоняя от порока, руководя к добродетели, просвещая душу. Так и Моисей часто повторяет это, напр., когда говорит: "**есть ли какой великий народ, к которому боги его были бы столь близки, как близок к нам Господь, Бог наш, когда ни призовем Его?**" (Втор.4:7) И Давид еще говорит: "**Господь – творящий милостыни и судьбу всем обижаемым.**

Он явил пути Свои Моисею, сынам Израиля – желания Свои" (Пс.102:6,7). Также Иеремия: "**Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю**" (Вар.3:36,37).

Но, может быть, кто-нибудь скажет: если Он не открыл воли Своей прочим людям, то почему Он наказывает их? А что Он наказывает и живших прежде закона и находящихся во всей вселенной грешников, это видно из слов, сказанных Христом: "**царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит его**". И еще: "**ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его**" (Мф. 12:41,42). Это сказано, конечно, потому, что и они отдадут отчет, и одни из них удостоятся похвалы, другие получат наказание. Но если им не объявлено, что должно делать, то как они будут судить других? И опять, почему сказал Господь: кровь отмстится, "**от крови Авеля праведного до крови Захарии**" (Мф.23:35)? И еще: "**что земле Содомской отраднее будет**" (Мф.11:24)? Словом: "**отраднее**" Он выражает не совершенное освобождение от наказания, но то, что они за свои грехи получат более легкое наказание. Если же те, которые уже были наказаны, снова подвергнутся столь тяжкому наказанию, то кто из других людей избежит этого?

3. Мы видим, что были наказаны жившие во время потопа, и многие другие, и сам Каин. Однако Павел, выражая вышесказанную мысль, говорит: "**ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою. Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны**" (Рим.1:18-20). Потом, рассуждая о жизни, он и в этом отношении не освобождает их от ответственности и говорит: "**Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют. Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие дела и (сам) делая то же? Или пренебрегаешь богатство благости, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благость Божия ведет тебя к покаянию? Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога, Который**

воздаст каждому по делам его: тем, которые постоянством в добром деле ищут славы, чести и бессмертия, – жизнь вечную; а тем, которые упорствуют и не покоряются истине, но предаются неправде, – ярость и гнев. Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых, Иудея, потом и Еллина!" (Рим.1:32;2:3-9). Видишь ли из всего сказанного, что все грешники, жившие прежде закона, подвергаются наказанию, а все, упражнявшиеся в добродетели и удалявшиеся нечестия, наслаждаются благами? Как же может случиться то или другое, если они не знали, что должны были делать? Но скажешь, если они знали, что должно делать, то почему пророк говорит: "**не сделал Он сего ни одному (еще) народу и судов Своих не явил им**"? Итак, что означают эти слова и что хочет сказать пророк? Послушай. Писанного закона Бог не дал никому из других народов, но они все имели внутри естественный закон, который внушает, что – добро и что – зло. Вместе с сотворением человека Бог вложил в него неумолимого судию – находящейся в каждом закон совести. Для иудеев же Он сделал нечто особенное, именно: объявил им требования закона письменно. Потому и пророк не сказал: не сотворил всякому языку, но: "**не сделал Он сего**", – т.е. не дал им ни скрижалей, ни писаний, ни законодателя Моисея, и ничего прочего, что было при горе Синае; но все это получили исключительно иудеи, тогда как природа человеческая у всех людей заключала в себе достаточный закон совести. Это выразил и Павел, когда сказал: "**ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон**" (Рим.2:14). Потому иудеи и заслуживают большего осуждения, что они, получив кроме естественного еще писанный закон, вели себя так беззаконно. Таким образом, великое благодеяние Божие послужило им к большему осуждению по их нерадению. Впрочем, сказанного довольно для буквального изъяснения псалма. Если же кто хочет принимать этот псалом в переносном смысле, то мы не откажемся вступить и на этот путь, не искажая истории, – да не будет, – но вместе с нею желая раскрыть и этот смысл для любознательнейших, сколько возможно. "**Восхвали, Иерусалим, Господа, хвали Бога твоего, Сион**". Павел знал вышний Иерусалим, о котором говорит: "**а вышний Иерусалим свободен: он – матерь всем нам**" (Гал.4:26); также и Сионом признавал он Церковь, когда говорил: "**вы приступили не к горе, осязаемой и пылающей огнем, не ко тьме и мраку и буре, а к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах**" (Евр.12:18,23). Поэтому можно в переносном смысле и к ней относить слова: "**восхвали, Иерусалим, Господа, хвали Бога твоего, Сион! Ибо Он укрепил запоры ворот твоих, благословил сынов твоих (жить) в тебе**". Действительно, Бог оградил ее гораздо безопаснее Иерусалима, не вереями и вратами, но крестом и знамениями Своей силы, которою Он везде устроил ее ограду, сказав: "**и врата ада не одолеют ее**" (Мф.16:18).

4. Так, вначале и все цари, и народы, и города, и полчища бесов, и вся сила диавола, и другие бесчисленные противники нападали на Церковь; но все это рассеялось и погибло, а она, умножаясь, достигла такой высоты, что стала выше самих небес. "**Благословил сынов твоих (жить) в тебе**". Как. вначале Бог сказал: "**плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю**" (Быт.9:1), и это слово распространилось по всей земле, так и впоследствии Он сказал: "**идите, научите все народы**" (Мф.28:19), и: "**будет проповедано Евангелие сие в целом мире**" (Мф.16:13), и это повеление в краткое время достигло самых пределов вселенной. Потому Он и говорил: "**если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода**" (Ин.12:24); и еще: "**когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе**" (Ин.12:32). При начале мира от одного человека произошли многие, размножаясь по закону природы, и потому дело шло медленнее; а при апостолах общество умножалось не по закону природы, но по благодати, и потому вдруг в один день три тысячи, затем пять тысяч, потом бесчисленное множество, и наконец вся вселенная родилась славным возрождением, Церковь возросла, умножилась и самим делом доказала благословение,

которое она получила, потому что "**ни от крови, ни от хотения плоти**", но от благодати Божией "**родились**" (Ин.1:13). "**Утверждает в пределах твоих мир**". Это преимущественно и в собственном смысле можно сказать о Церкви; и притом, что особенно удивительно, она наслаждалась миром в то время, как боролась с врагами, и наслаждалась безопасностью тогда, когда все строили ей козни. Потому и сказал Господь: "**мир оставляю вам, мир Мой даю вам**" (Ин.14:27). "**И лучшею пшеницею насыщает тебя**". И это можно в переносном смысле относить к Церкви и разуметь о духовной пище, о том хлебе жизни, который Он даровал нам. "**Посылает слово Свое на землю, скоро течет слово Его**". Какое, скажи мне, слово? Слово, проповеданное апостолами и обтекшее всю вселенную быстрее птицы. Так и Давид, выражая тоже в другом месте, говорит: "**Господь дал слово благовествующим с великою силою**" (Пс.67:12). Если же кто из безумных сомневается в этом, то пусть научится из перемен, происходящих со стихиями, посмотрит, как снег падает вдруг и в одно мгновенье времени обнимает всю землю, не продолжительно покрывая лицо ее, но вдруг одевая ее. Так как Псалмопевец был пророком, и ему свойственно было, предсказывая будущее, говорить неясно и в переносном смысле, то он справедливо распространяется о стихиях. Смысл слов его следующий: вся земля будет оглашена словом Божиим, и притом с великой скоростью и в краткое время. Потом, чтобы кто-нибудь не усумнился и не сказал: если один иудейский народ, пользовавшийся столь долгое время таким попечением, не сделался лучшим, то, как возможно в короткое время исправиться жителям целой вселенной? – пророк в подтверждение своих слов приводит примеры стихий, как то: снег, иней, град, которые происходят в одно мгновение. Поэтому не сомневайся и в том, что расположения людей легко могут измениться. Но почему же многие противятся? И они уступят и покорятся. Если небольшого холода, когда он усиливается, никто не может переносить, но все уступают ему и преодолеваются им, то тем более слову и повелению Божию покорится все противящееся. Он имеет силу изменять существа, давать бытие несуществующим, сообщать им такую силу, что они становятся для всех невыносимыми. "**Возвещает слово Свое Иакову, оправдания и суды Свои Израилю**". И здесь без погрешности можно разуметь духовного Иакова и Израиля, которого знал Павел и говорил: "**мир им и милость, и Израилю Божию**" (Гал.6:16), Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 148

1 Аллилуиа, аггеа и захарии. Хвалите Господа с небес, хвалите его в вышних.

2 Хвалите его вси ангели его: хвалите его, вся силы его.

3 Хвалите его, солнце и луна: хвалите его вся звезды и свет.

4 Хвалите его, небеса небес и вода, яже превыше небес.

5 Да восхвалят имя Господне: яко той рече, и быша: той повеле, и создашася.

6 Постави я в век и в век века: повеление положи, и не мимо идет.

7 Хвалите Господа от земли, змиеве и вся

1 Аллилуия. Аггея и Захарии. Хвалите Господа с небес, хвалите Его в вышних (селениях).

2 Хвалите Его, все Ангелы Его, хвалите Его, все воинства Его.

3 Хвалите Его, солнце и луна; хвалите Его, все звезды и свет.

4 Хвалите Его, небеса небес и вода, которая превыше небес:

5 Да восхвалят имя Господне, ибо Он сказал - и они явились, повелел - и создались.

6 Поставил их во век и в век века: повеление дал - и не пройдет оно.

бездны:

8 огнь, град, снег, голоть, дух бурен, творящая слово его:

9 горы и вси холми, древа плодоносна и вси кедри:

10 зверие и вси скоти, гади и птицы пернаты:

11 царие земстии и вси людие, князи и вси судии земстии:

12 юноши и девы, старцы с юнотами.

13 Да восхвалят имя Господне: яко вознесеся имя того единаго, исповедание его на земли и на небеси.

14 И вознесет рог людий своих: песнь всем преподобным его, сыновем Израилевым, людем приближающымся ему.

7 Хвалите Господа от земли: змеи и все бездны;

8 Огонь, град, снег, лед, ветер бурный, исполняющие волю Его;

9 Горы и все холмы, деревья плодоносные и все кедры;

10 Звери и все скоты, гады и птицы пернатые;

11 Цари земли и все народы, властелины и все судьи земли;

12 Юноши и девы, старцы с молодыми.

13 Да восхвалят имя Господне, ибо превознесено имя Его Единого: исповедание Его (совершается) на небе и на земле!

14 И Он возвысит силу народа Своего. (Такова) песнь всех преподобных Его, сынов Израиля, людей, приближающихся к Нему.

1. Так обыкновенно поступают святые по великому своему благоговению: когда они намереваются благодарить Бога, то призывают многих к участию в славословии и приглашают присоединиться к ним для этого доброго служения. Так поступили три отрока, которые, находясь в пещи, приглашали все твари к прославлению оказанного им благодеяния и к славословию Бога. Так поступает и здесь пророк, призывая тот и другой мир, горний и дольний, чувственный и духовный. Тоже делает пророк Исаия, когда говорит: "**радуйтесь, небеса, и веселись, земля; ибо утешил Господь народ Свой**" (Ис.49:13). И тот же Псалмопевец, когда говорит: "**по исходе Израиля из Египта, дома Иакова – из варварского народа: горы прыгали, как овны, и холмы, как ягнята у овец**" (Пс.113:1,4). И еще Исаия в другом месте: "**и облака да проливают правду**" (Ис.45:8). Как бы находя себя одних недостаточными для прославления Владыки, они стараются сделать всех участниками славословия. Особенно часто делает это Псалмопевец, – напр., когда говорит: "**поклонитесь Ему, все Ангелы Его**" (Пс.96:7); и еще: "**сильные крепостью, творящие слово Его**" (Пс.102:20).

Этим он внушает еще нечто другое. Что же такое? То, чтобы никто из безумных не думал, будто существуют два Создателя. Так как твари различны, отличаются друг от друга по существу своему, именно: одни чувственные, другие духовные, одни видимые, другие невидимые, одни облеченные телами, другие бестелесные, то, чтобы кто-нибудь из различия созданий не стал заключать о двух Создателях, пророк учреждает один хор, воссылая Богу от всех одно песнопение и внушая, что одного и того же Бога должны славословить и горния и дольния твари, и тем научая, что один Создатель тех и других. Он начинает с высших тварей и говорит: "**хвалите Его, все Ангелы Его, хвалите Его,**

все воинства Его". Другой переводчик (Симмах) говорит: **все воинства его** (στρατιαὶ). Он разумеет здесь херувимов, серафимов, господства, начала, власти. Это – знак пламенной души, это – свойство горячей любви: побуждать всех к славословию возлюбленного; это – знак души, постоянно услаждающейся мыслью о Боге, изумляющейся и удивляющейся Его славе, преданной Ему. "**Хвалите Его, солнце и луна; хвалите Его, все звезды и свет**" (ст. 3). Другой (Симмах): **звезды света** (αστέρες φωτὸς). "**Хвалите Его, небеса небес и вода, которая превыше небес: да восхвалят имя Господне, ибо Он сказал – и они явились, повелел – и создались**" (ст. 4-5). Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **поставил их пребывать вечно** (διαμένειν αιωνίως). "**Поставил их во век и в век века: повеление дал – и не пройдет оно**" (ст. 6). Почему пророк, сказав немного о небесных силах, тотчас оставил их и, обратившись к видимым предметам, говорит о них пространно, перечисляя все порознь, находящиеся и вверху и внизу? Потому, что эти предметы для тогдашних слушателей были понятнее, как видимые и находящиеся пред глазами. Потому и Моисей, в повествовании о сотворении мира, не сказав ничего – ни малого, ни многого – о существах горних, начинаете речь с неба и земли, потом переходит к солнцу, луне, растениям, плавающим, четвероногим, и оканчивает человеком. Словами: "**небеса небес**" пророк не означает здесь множества их, но выражает одно и то же небо небес. На еврейском языке небо обыкновенно называется небесами. Подобным образом в другом месте он говорит: "**превысшее небо – Господу, а землю Он дал сынам человеческим**" (Пс.113:24). "**И вода, которая превыше небес**". Ты слышал Моисея, который говорит, что Бог одни воды поместил внизу, другие утвердил выше свода небесного, когда основал твердь среди бездны и повелел водам пребывать выше тверди.

Но, может быть, кто-нибудь скажет: как могут все эти творения хвалить Бога, не имея ни голоса, ни языка, ни души, ни смысла, ни разума, ни органа голоса, ни мысли? Есть два способа славословия: один посредством слов, другой посредством созерцания, и, кроме того, третий – посредством жизни и дел. Так и люди не только словами, но и молча могут возносить славу Богу, как говорит Христос: "**да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Мф.5:16). И еще: "**да даст тебе Господь детей от жены сей вместо данного, которого ты отдал Господу**" (1Цар.2:20). Бывает славословие посредством языка, как славословил Бога Моисей с Мариамною, когда говорил: "**пою Господу, ибо Он высоко превознесся**" (Исх.15:1). Бывает славословие и посредством самой твари, как говорит тот же Псалмопевец: "**небеса поведают о славе Божией, и о творении рук Его возвещает твердь**" (Пс.18:1). Так и здесь тварь прославляет Его своею красотою, расположением, величием, свойствами, употреблением, служением, постоянством, пользою, происходящею от нее. Итак, когда пророк говорит: "**хвалите Господа ангелы, силы, небеса, луна, солнце, звезды, вода, которая превыше небес**", то выражает, что каждая из тварей достойна премудрости Создателя и исполнена великих чудес. Тоже и Моисей в начале выразил кратко в словах: "**и увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма**" (Быт.1:31), – прекрасно так, что прославляет Творца и располагает зрителя к славословию Художника.

2. Таким образом "**хвалою**" пророк называет красоту тварей, которая доставляет хвалу Создателю. Тоже и Павел говорит: "**ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество**" (Рим.1:20). И Псалмопевец, сказав о тварях и предоставив созерцающим их изучать их красоту, величие и пользу, сам указывает на Виновника всего этого и говорит: "**ибо Он сказал – и они явились, повелел – и создались. Поставил их во век и в век века: повеление дал – и не пройдет оно**".

Что творения прекрасны и удивительны, это видно при самом взгляде на них; а что они имеют Творца, не существуют сами собою и безначальны, это достаточно видно из самых слов его. Если же кто сомневается, то пусть научится от меня, что они имеют Творца, Художника, Промыслителя и Хранителя. Пророк внушает здесь две мысли, или, лучше сказать, три, а если внимательнее исследовать, то и четыре; именно говорит, что Бог сотворили все, сотворил из ничего, сотворил легко и поддерживает сотворенное. Выражение: "**Он сказал**" означает легкость действия, как и Павел, изъясняя тоже, говорит: "**животворящим мертвых и называющим несуществующее, как существующее**" (Рим.4:17), словом – "**повелел**" указывая на легкость. А что Бог и поддерживает сотворенное, это показывает сам пророк, прибавляя: "**поставил их во век и в век века: повеление дал – и не пройдет оно**". Смотри, как и здесь он опять выражает, власть, могущество Божие, не только словом: "**поставил**", но и словом: "**повеление дал**", означая Его деятельность человеческими выражениями. Как для тебя легко – сказать, и не трудно – дать приказание, так для Бога – создать несуществующее и поддерживать сотворенное; или даже не так, но гораздо легче. Невозможно и представить чрезвычайную легкость, с какою Он сотворил все. И удивительно не только то, что Он поддерживает все и что законы природы остаются непреложными, но и то, что они остаются бесконечно долгое время. Представь, сколько прошло веков, и ничто из существующего не разрушалось: ни море не затопило земли, ни солнце не сожгло вещей видимых, ни небо не поколебалось, ни пределы дня и ночи не смешались, равно ни перемена времен года, ни что-нибудь другое подобное, но каждую из тварей низших и высших Он устроил так, что она во всей точности соблюдает однажды назначенные ей в начале пределы. Сказав о тварях высших и небесных, пророк нисходит потом на землю. Как поступил он в отношении к высшим тварям, именно: начав с превыше-небесных, перешел к небесным, так и здесь от небесных переходить к земным. Есть люди, которые говорят, что находящиеся на небе твари достойны творчества Божия, а земных порицают, указывая на то, что здесь есть скорпионы, эхидны, драконы и прочие роды диких зверей, также и дерева бесплодные; поэтому пророк, как бы опровергая их, раскрывает свой предмет с другой стороны. И посмотри, как он поступает: опустив тех животных, которые несомненно признаются добрыми и которых польза доказывается опытом, как-то: овец, волов, ослов, верблюдов и прочих животных, служащих нам к перевозке тяжестей, он обращается к животным, которые кажутся бесполезными, указывая на драконов, на непроходимую часть моря, и на то, что кажется вредным, как-то: огонь, град, снег, иней; потом на бесплодные дерева, горы; оставив поля и равнины, удобные для земледелия и произращения добрых плодов, он переходит к горам, холмам, к местам пустынным, и упоминает о животных пресмыкающихся. Впрочем, чтобы яснее видеть это, нужно выслушать самые слова его. Сказав: "**повеление дал – и не пройдет оно**", он продолжает: "**хвалите Господа от земли: змеи и все бездны; огонь, град, снег, лед, ветер бурный, исполняющие волю Его**". Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.) говорит: **ветер тифона** (ανεμος τυφῶνος). "**Горы и все холмы, деревья плодоносные и все кедры; звери и все скоты, гады и птицы пернатые**" (ст. 7-10). Для чего он так составил свою речь? Для того чтобы сильнее доказать промышление Божие. Если и те твари, которые кажутся бесполезными и враждебными роду человеческому, так прекрасны и так полезны, что возносят хвалу и славословие Богу своим составом, то представь, каковы прочие. Если угодно, рассмотрим каждую из названных тварей. "**Змеи**", говорит, "**и все бездны**". "**Змеями**" он называет здесь китов, как и в другом месте говорить: "**этот змей, которого Ты создал, чтобы унизить его**" (Пс.103:26). И во многих местах это животное так называется.

3. Но как, скажешь, это животное прославляет Творца? А как оно не прославляет? Когда ты посмотришь на его величину и состав тела, о котором с большою подробностью Писание говорит в книге Иова (40:11), то можешь ли не удивляться Создателю,

произведшему такое животное? И не только по своей величине оно достойно удивления, но и потому, что для жилища ему назначена непроходимая часть моря. Удивительно и то, как это дикое и огромнейшее животное не преступает своих пределов, но остается в назначенных ему для жительства местах, и не только не выходит на землю, или на обитаемые страны, но не вредит и той части моря, которая удобна для мореплавания, и не истребляет разных родов рыб, но живет в своем месте. И не только это заслуживает удивления, но и сама глубина бездны. Что сказано об этом звере, то же можно заметить и о море. И оно, бывая неудержимым во время сильных ветров и имея такое множество воды, не выходит из своих пределов, не затопляет соседней земли, но также связано неразрывными узами, хотя вода по природе своей беспокойна. Если же оно имеет столь огромную величину и возмущается такими ветрами, то представь, как велико чудо, что оно не выступает из своего места, не смотря ни на беспокойную свою природу, ни на огромность, ни на силу ветров, но при таком беспорядке соблюдает совершенный порядок. Размышляя об этом, ты можешь и отсюда составить хвалу Богу, и удивляться Его могуществу, премудрости, силе, власти. Есть и другие неизъяснимые причины этих явлений, которые знает только сам Создатель. Потому и сказал некто: не говори: почему "**что это? для чего это?", ибо все в свое время откроется**" (Сир. 39:22). "**Огонь, град, снег, лед, ветер бурный, исполняющие волю Его**". Здесь пророк прибавляет к вышесказанному нечто новое. В предыдущем псалме он удивлялся тому, как снег, иней в короткое время покрывает всю землю, как он отвердевает, изменяется, превращается в противоположное состояние; а здесь он удивляется тому, как вещи, произшедши из небытия, продолжают бытие, и, продолжая бытие, совершают дело служения Богу, хотя сами неразумны, и приводят повеление Его в исполнение с великою покорностью. Даже одна и та же вещь по повелению Его часто производила действия, по свойству своему противоположные, – как, наприм., в вавилонской пещи огонь и сожигал и орошал, совершая в одно время то и другое. Но, скажешь, разве это заслуживает благодарности? И великой. Бога должно прославлять одинаково как тогда, когда Он наказывает, так и тогда, когда избавляет от наказания. То и другое свидетельствует об Его попечении; то и другое есть дело Его благости. Люди одно делают по доброте, а другое по злобе и гневу; но Бог делает то и другое по человеколюбию. Так, одинаково должно прославлять Его и за то, что Он поселил Адама в раю, и за то, что изгнал его, и благодарить не только за царство, но и за геенну, потому что и ее Он приготовил, и ею угрожает для того, чтобы отклонить нас от зла. Как врача мы уважаем не только тогда, когда он питает, но и тогда, когда изнуряет голодом, не только когда выводит на улицу, но и когда заключает дома, не только когда намащает, но и когда жжет и отсекает, – потому что, хотя эти действия противоположны, но имеют в виду одну цель, – так и Бога должно прославлять за все, и тем более, что там человек, а здесь Бог, и что те действия часто имеют противоположный исход, а дела Божии совершаются с величайшею премудростью и промышлением. Град и огонь не только служат наказанием, но и они иногда избавляли от наказания, прекращали войны, прогоняли нападавших неприятелей. Или ты не знаешь, сколько чудес сотворено посредством этих стихий в Египте, у иудеев и при нашем поколении? Сила Повелевающего такова, что Он часто и посредством стихий совершал такие же чудеса, какие совершал посредством ангелов, этих разумных и верховных сил, для того, чтобы, когда совершает их ангел, кто-нибудь из безумных не приписал их ему самому, но приписывал бы Повелевшему. Так, прекратил ли ангел войну? И град также прекращал ее. Истребил ли ангел первородных? И морская буря истребляла целый народ. Потому за все благодари человеколюбивого Бога. "**Горы и все холмы, деревья плодоносные и все кедры; звери**

и все скоты, гады и птицы пернатые". Посмотри, как пророк останавливается более на предметах не столь полезных, на горах, оврагах, холмах, диких зверях, пресмыкающихся и деревах бесплодных. Дерева плодородные сами собою представляют очевидную пользу,

равно как ровные поля и кроткие животные; а дикие звери, пресмыкающиеся, горы и бесплодные дерева какую, скажешь, приносят пользу? Великую и много способствующую к поддержанию нашей жизни. Так, горы и холмы и бесплодные дерева весьма нужны нам для строения, так что, если бы их не было у нас, то ничто не защищало бы рода нашего от истребления. Как ровные поля нужны нам для питания, так бесплодные дерева и камни нужны для построения домов и для приготовления из них бесчисленного множества других изделий.

4. А змеи, скажешь, скорпионы, драконы, львы какую приносят выгоду для жизни? Какая от них польза? Великая и неизреченная, не меньше, чем от кротких животных. Те полезны для телесных потребностей, а эти внушают тебе страх, делают тебя благоразумным, приучают к борьбе, приводят тебе на память грех прародителя в раю и показывают, каких зол бывает причиною непослушание. Прежде звери не были такими, не были страшными и опасными для человека, но были кроткими и ручными. Бог привел их к Адаму, и он нарек им имена. Змей говорит с Евою, и Ева не убегает от него. Но когда заповедь была нарушена и оказано было непослушание Богу, тогда уменьшилась честь человека. Поэтому, когда ты увидишь льва или змея, то вспомни об этих событиях и они послужат тебе немалым поводом к любомудрию. Вспомни также о Данииле, как страшные звери сделались для него нестрашными, когда он возвратился к древнему образу (Божию), равно как и эхидна для Павла, и ты приобретешь отсюда немалую ревность и попечение о душе. Вместе с тем и по другой причине нужно дивиться устроению и распоряжению о них Божию. Почему? Потому, что Он назначил им для жительства места, удаленные от городов, пустыни; будучи страшными, они не обитают в городах и не нападают на живущих в них, но любят и предпочитают пустыню, так как Бог издревле назначил им ее, чтобы они там имели удобное и свойственное себе место жизни. Когда ты спишь, они ходят по пустыне. Так и пророк в другом месте говорит: "**ты простираешь тьму, – и настает ночь, когда ходят все звери лесные**" (Пс.103:20). Видишь ли, как и теперь еще остаются следы твоей власти, хотя и сокращенные, однако свидетельствующие о прежней чести? Дикие звери, как беглые рабы, отделены от тебя и временем и местом; и если ты сам не пойдешь к ним, то и они не нападут на тебя, но будут жить в пустынях. Когда ты огорчаешься и недоумеваешь, для чего сотворены дикие звери, то поступаешь весьма безрассудно, – потому что, если ты сам будешь хорошо вести себя, то не потерпишь от них никакого вреда; если же потерпишь вред от зверей, то вспомни, что и от людей ты часто терпишь вред гораздо тягчайший. Человек бывает хуже зверя. Тот прямо обнаруживает свое зверство; а этот скрывает свою злобу под видом кротости, и потому часто бывает трудно остеречься его. Впрочем, если ты будешь благоразумен, то ни зверь, ни человек не только не причинят тебе никакого вреда, но еще принесут весьма великую пользу. Но что я говорю о звере и человеке, когда и сам диавол не только не причинил никакого вреда Иову, но и послужил для него поводом к получению бесчисленных венцов? И что я говорю: зверь и человек, когда и от заключающихся в тебе веществ, если будешь нерадив, можешь потерпеть гораздо больший вред, как, напр., от желчи или мокроты, если какою-нибудь неумеренностью дозволишь им слишком умножиться? Так во всем нужно внимательное благоразумие. Как при нерадении ты получаешь от них величайший вред, так при благоразумии и внимательности приобретешь от них же не маловажную пользу. Все зависит от твоей воли. Так, к чему во всей природе служит снег, огонь и буря, к тому же в теле служат мокрота, кровь и желчь. Поэтому нужно умерять их с величайшим благоразумием, чтобы получить от них какую-нибудь пользу, а не вред. Но что я говорю о теле, когда и душа имеет такие принадлежности, которые делаются болезнями, если допустишь их дойти до неумеренности, а когда умеряются, то служат в пользу? Так гнев, если будешь пользоваться им, как должно, служит спасительным врачеством, а если неумеренно, то бывает причиною погибели. И похоть, управляемая с умеренностью, делает тебя отцом, так как она бывает полезною для рождения детей; а

если не умеряется, то часто ввергает тебя в блуд и прелюбодеяние. Итак, не слагай вины на посторонние предметы, но всегда обвиняй свою волю. Если ты будешь оставлять ее в пренебрежении, то потерпишь вред и от себя самого, погибнешь и от собственного тела; а если будешь благоустроять ее, то не испытаешь ничего худого и неприятного ни от бесов, ни от диавола, а не только от зверей.

"**Цари земли и все народы, властелины и все судьи земли**". Другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз) говорит **все племена** (φῦλα). "**Юноши и девы, старцы с молодыми**". Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **избранные** (εκλεκτοὶ). "**Старцы с молодыми**". Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **с юными** (μετὰ νέων). "**Да восхвалят имя Господне, ибо превознесено имя Его Единого: исповедание Его (совершается) на небе и на земле!**" (ст. 13). Здесь пророк говорит о другом виде промышления Божия – о начальниках. Так и Павел в послании к Римлянам весьма мудро доказывает, что разделение всех людей на начальников и подчиненных есть дело премудрости Божией: "**ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро**" (Рим.13:4). Если ты уничтожишь этот порядок, то все погибнет. Если и теперь, когда между начальниками есть много дурных, самое дело это так нужно, что и при дурных качествах начальников бывает от них великая польза, то представь, каким благоденствием наслаждался бы род человеческий, если бы имеющие в руках своих власть хорошо распоряжались ею. Впрочем, учреждение власти есть дело Божие; а то, что к ней допускаются люди порочные и пользуются ею не так, как должно, зависит от испорченности людей.

5. Итак, пророк говорит, что должно возносить великую благодарность Богу и за то, что есть цари, и за то, что есть судии. Имея попечение о благоустройстве людей, чтобы многие из них не жили бессмысленнее зверей, Бог учредил власть начальников и царей, как бы бразды для управления колесницею или кормило для управления кораблем. Поэтому, если ты начальник, то благодари человеколюбивого Бога за то, что ты удостоился участвовать в таком попечении; если ты подчиненный, то опять благодари Его за то, что имеешь начальника, который печется о тебе и не дозволяет злым людям строить тебе козни. Достиг ли ты старости, или еще молод, благодари Бога. Весь этот псалом особенно научает тому, что должно за все прославлять Бога, хотя бы ты был начальником, хотя бы принадлежал к простому народу. Выражая это, пророк и сказал: все люди. Юноша ли ты, говорит, или старец, жена ли, или муж. "**Превознесено имя Его Единого**". Другой (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.): **потому что оно превосходно** (ὑπερέχον). "**Исповедание Его (совершается) на небе и на земле**". Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **и песнопение его** (ὑμνος). "**И Он возвысит силу народа Своего. (Такова) песнь всех преподобных Его, сынов Израиля, людей, приближающихся к Нему**" (ст. 14). Смысл слов его следующий: из всего видимого я показал его промышление, славу, величие; но должно славить Его не только за это, но и без этого. Действительно, и прежде этого и без этого Богу принадлежит величие, слава и благодарность от всех. Выражение: "**Его Единого**" здесь употреблено в противоположность мнимым богам. Потом, возводя слушателя к высшим понятиям, пророк опять переносит его от земли на небо. Как в начале псалма он нисходил с неба на землю, так теперь от всего видимого возводит слушателя выше неба и говорит: "**исповедание Его (совершается) на небе и на земле**", т.е., хотя и высшие силы, невидимые и духовные, не перестают благодарить и славословить Бога, но столь великий и столь благий Бог удостоил и нас назвать Своим народом, и не только назвать, но и возвысить и возвеличить. Поэтому он и присовокупляет: "**и Он возвысит силу народа Своего**", опять побуждая их этим к усерднейшему служению Богу и внушая, что Он не имеет нужды в их служении (как может нуждаться в нем Тот, Кому по естеству Его принадлежит слава и подчинено столько тварей?), но по одной благости приблизил их к Себе, прославил и возвеличил по

всей вселенной. Это и выражает пророк словами: "**песнь всех преподобных Его, сынов Израиля, людей, приближающихся к Нему**". Чтобы выражение: "**сынов Израиля**" не подало слушателям повода сделаться беспечными и надменными, и чтобы они, надеясь на одно это название, не стали нерадеть о душевных добродетелях, пророк, после слов: "**песнь всех**", не сказал просто: людям, но: "**преподобных Его**", и далее, после слов: "**сынов Израиля**", присовокупил: "**людей, приближающихся к Нему**". Другой переводчик (неизвестный переводчик, см**.** Ориг. Экз.), вместо: "**песнь**", сказал: **хвала** (ἔπαινος). Смысл слов его следующий: если вы будете праведными, если станете приближаться к Нему, то удостоитесь великой славы. Все, принадлежащее Ему, постоянно, потому что Он так богат и так славен; но мы должны делать должное с нашей стороны; тогда и мы достигнем великого прославления, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, во во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 149

1 Аллилуиа. Воспойте Господеви песнь нову: хваление его в церкви прпдбных.	1 Аллилуия. Воспойте Господу песнь новую: хвала Ему в собрании преподобных.
2 Да возвеселится Израиль о сотворшем его, и сынове сиони возрадуются о цари своем.	2 Да возвеселится Израиль о Сотворившем его, и сыны Сиона да возрадуются о Царе своем.
3 Да восхвалят имя его в лице, в тимпане и псалтири да поют ему.	3 Да восхвалят имя Его хором, под тимпан и псалтирь да поют Ему.
4 Яко благоволит Господь в людех своих, и вознесет кроткия во спасение.	4 Ибо благоволит Господь к народу Своему и вознесет кротких во спасение.
5 Восхвалятся прпдбнии во славе и возрадуются на ложах своих.	5 Восхвалятся преподобные во славе и возрадуются на ложах своих.
6 Возношения Божия в гортани их, и мечи обоюду остры в руках их:	6 Величания Бога - во устах их, и мечи обоюдоострые в руках их,
7 сотворити отмщение во языцех, обличения в людех:	7 Чтобы совершить мщение над народами, наказание над племенами,
8 связати цари их путы, и славныя их ручными оковы железными:	8 Связать царей их узами и вельмож их - ручными железными оковами,
9 сотворити в них суд написан. Слава сия будет всем преподобным его.	9 Произвести над ними суд преднаписанный. Слава сия будет на всех преподобных Его.

1. В переносном смысле "**новою**" названа здесь песнь нового завета, потому что тогда обновилось все – и завет: "**Я заключу**", говорил Бог, "**новый завет**" (Иер.31:31), и тварь: "**кто во Христе**", говорит апостол, "**тот новая тварь**" (2Кор. 5:17), и человек: "**совлекшись**", говорит он же, "**ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его**" (Кол.3:9,10). Итак, по

причине новой жизни и по всему прочему настоящий завет называется новым, и петь ныне пророк заповедует новую песнь этого завета. А в историческом смысле здесь разумеется славная и торжественная песнь, которую иудеи должны были петь за победы, за успешные деяния, за трофеи. "**Хвала Ему в собрании преподобных**".

Видишь ли, как пророк прежде словесной благодарности требует благодарности посредством жизни и дел, и таких людей призывает в хор поющих? Не достаточно благодарить только словами, если они не будут сопровождаться и добродетельною жизнью. "**Хвала Ему в собрании преподобных**". И нечто другое он внушает здесь, именно, показывает, что должно возносить славословия с совершенным согласием, потому что **церковью** называется соединение, собрание. "**Да возвеселится Израиль о Сотворившем его, и сыны Сиона да возрадуются о Царе своем**" (ст. 2). Прежде частных благодеяний он указывает на общее и далее приведенными словами внушает как бы следующее: благодари Бога за то, что Он произвел тебя несуществовавшего и вдохнул в тебя душу. Подлинно, не маловажен и этот вид благодеяния. Но здесь он внушает и еще нечто большее. Таким выражением он указывает не просто на сотворение, но на близость Израиля к Богу, и заповедует благодарить не только за то, что Бог сотворил его, но и за то, что сделал его Своим народом. Видишь ли, как он приближает и прилепляет народ к Богу, желая, чтобы он не просто благодарил, но с радостью, с веселием и пламенною душою? Все это он выразил словом: "**да возвеселится**". Он требует от благодарящего такого расположения, чтобы он воспламенялся любовью, чтобы возбуждался усердием, чтобы весь предавался прославляемому Богу. Тоже выражает он и в другом месте, когда говорить: "**как олень стремится к источникам вод, так стремится душа моя к Тебе, Боже**". И еще: "**возжаждала душа моя к Богу крепкому, живому**" (Пс.41:2,3). И еще: "**возжаждала Тебя душа моя и сколь сильно плоть моя (стремилась) к Тебе в земле пустой, и непроходимой, и безводной**" (Пс.62:2), или, как говорит другой переводчик (Симмах): **в земле жаждущей** (διψάδι). Желая выразить расположение и стремление души своей, он сравнивает ее с жаждущею землею, с жаждущею ланью. И в другом месте, высказывая словами это стремление, он говорит: "**когда приду и явлюсь лицу Божию?**" (Пс.41:3) Таковы души святых, как, напр., душа Павла, которая воздыхала о том, что замедлялся исход ее отсюда. "**И сыны Сиона да возрадуются о Царе своем**". Видишь ли, что пророк, как я выше сказал, указывает здесь на близость, на то, что они были избранным народом Божиим? Потому он и прибавляет: "**о Царе своем**". Бог был царем их не только по сотворению, но и по усвоению. "**Да восхвалят имя Его хором, под тимпан и псалтирь да поют Ему**" (ст. 3). Посмотри, как и здесь видно согласие. "**Хором**" составляются для того, чтобы все вместе и единогласно возносили славословия. Тоже внушает и Павел, когда говорит: "**не будем оставлять собрания своего**" (Евр.10:25). То же означает и сама молитва, которая возносится всеми вместе: "**Отче наш, сущий на небесах! и прости нам долги наши: и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого**" (Мф.7:9; Лук. 11:4), и в которой употребляется множественное число. Так и в древности люди были научаемы петь и славить Бога согласно, чтобы всеми способами они располагались к любви и единодушию. "**Под тимпан и псалтирь да поют Ему**".

2. Некоторые, принимая названия этих орудий в перенос-ном смысле, говорят, что тимпан требует умерщвления нашей плоти, а псалтирь обращения к небу, потому что это последнее орудие приводится в движение сверху, а не снизу, как гусли. Но я сказал бы, что древние были руководимы этими орудиями по причине грубости души их и потому, что они недавно отстали от идолов. Подобно тому, как жертвоприношения, так и это Бог дозволил им из снисхождения к их немощи. Итак, пророк заповедует здесь петь с радостью. Это означают слова: "**да восхвалят имя Его хором**", – с согласием, с чистою жизнью. Далее, желая возбудить в них еще большее усердие, пророк говорит и о благоволении к ним Того, Кого воспевают. "**Ибо благоволит**", продолжает он, "**Господь к**

народу Своему и вознесет кротких во спасение" (ст. 4). Что может сравниться с таким благополучием, когда кому благоволит Бог? "**И вознесет кротких во спасение**". Посмотри опять, как он представляет и то, что принадлежит Богу, и то, что – людям. Как выше, требуя от них благодарности, он указал и на то, что принадлежит Богу, сказав: "**ибо благоволит Господь к народу Своему**", так и здесь, возвещая то, что принадлежит Богу, требует и того, что зависит от людей: "**и вознесет**", говорит, "**кротких во спасение**". Возносить – дело Божие; а быть кроткими – дело людей; Божие не является, если наперед не будет человеческого. И посмотри на величие дара. Он не сказал просто: спасет, но: "**вознесет во спасение**", т.е. не только избавит от бедствий, но и сделает известными и знаменитыми, доставит им вместе с спасением и славу. Объясняя это, пророк продолжает: "**восхвалятся преподобные во славе и возрадуются на ложах своих**" (ст. 5). Как там он призывает "**кротких**", так здесь – "**преподобных**". Бог всегда являет все дела Свои чудесно. Так Он освободил евреев из Египта, так вывел их из Вавилона, сделав их славными не только, избавлением от бедствий, но и чудесами, бывшими при этом. "**И возрадуются на ложах своих**". Таким прибавлением пророк выражает великую безопасность, великое спокойствие, великую радость, великое удовольствие. Это говорит он для того, чтобы они знали, что все сделано было не их собственным оружием, не их собственною силою, но содействием Божием, которое нужно приобретать смирением и кротостью. "**Величания Бога – во устах их, и мечи обоюдоострые в руках их, чтобы совершить мщение над народами, наказание над племенами**" (ст. 6, 7). Здесь он описывает войну с ликованием и говорит, что, если они будут петь и славословить Бога, то одержат победу. "**Величаниями**" называет он славословия, песнопения, благодарения. Поэтому другой переводчик (неизвестный переводчик, см. Ориг. Экз.), вместо "**величания**", сказал: **славословия** (ὑμνολογίας). "**Чтобы совершить мщение над народами, наказание над племенами**". Что это значит? Так как враги, победившие иудеев, во все время (плена) оскорбляли их, то он обещает обличить врагов делами и показать посредством дел, что не недостаток силы в Боге, но грехи иудеев доставляли победу врагам их. Когда они достаточно были наказаны, то человеколюбивый Бог одним мановением произвел в обстоятельствах их чудную перемену. И посмотри на превосходство победы. Пророк продолжает: "**связать царей их узами и вельмож их – ручными железными оковами**" (ст. 8). Видишь ли величие силы? Они не только прогнали и разбили врагов, но и возвратились с пленниками, являя всем могущество Божие. "**Произвести над ними суд преднаписанный. Слава сия будет на всех преподобных Его**" (ст. 9). Что значит: "**суд преднаписанный**"? Явный, всеми признаваемый, такой, который не может быть предан забвению. Таковы дела Божии: и по величию событий, и по чрезвычайности чудес они простираются на все (будущее) время. Такая, говорит, будет победа, такой трофей, будет всем столь известен и столь очевиден, как будто бы он был начертан на столбе, и никогда не изгладится, "**Слава сия будет на всех преподобных Его**". Какая слава? Слава победы, или – лучше, – не просто победы, но такой победы, при содействии Божием, при помощи свыше. Смотри, как пророк опять упоминает о "**преподобных**", возбуждая в слушателях ревность к добродетели и святой жизни. Впрочем, мне кажется, под именем славы он разумеет не только победу, но и хвалу, песнопения, славословия, научая всем этим, что прославляющие Бога приобретут и себе великую славу, явятся более светлыми, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА НА ПСАЛОМ 150

1 Аллилуиа. Хвалите Бога во святых его, хвалите его во утвержении силы его:	1 Аллилуия. Хвалите Бога во святых Его, хвалите Его на тверди силы Его.
2 хвалите его на силах (в силах) его,	2 Хвалите Его в силах Его, хвалите Его по

хвалите его по множеству величествия его:	чрезмерному величию Его.
3 хвалите его во гласе трубнем, хвалите его во псалтири и гуслех:	3 Хвалите Его голосом трубы, хвалите Его на псалтири и гуслях.
4 хвалите его в тимпане и лице, хвалите его во струнах и органе:	4 Хвалите Его на тимпане и хором, хвалите Его на струнах и органе.
5 хвалите его в кимвалех доброгласных, хвалите его в кимвалех восклицания.	5 Хвалите Его на кимвалах доброгласных, хвалите Его на кимвалах громогласных.
6 Всякое дыхание да хвалит Господа.	6 Всякое дыхание да хвалит Господа!

"**Аллилуия. Хвалите Бога во святых Его, хвалите Его на тверди силы Его**" (Ст. 1). Другой переводчик (Симмах) говорит: **во святилище его** (ἐν τῷ αγίω). Третий (Акила): **во святыне его** (ἐν τῷ ἡγιασμένω).

1. Здесь пророк говорит или о народе, или о святой жизни и святых мужах. Смотри, как он оканчивает книгу благодарностью, научая нас, что это должно быть и началом и концом наших действий и бесед. Так и Павел говорит: "**всё, что вы делаете, словом или делом, всё делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца**" (Кол.3:17). Так же начинается и наша молитва. Говорить: "**Отче наш**" свойственно тем, которые благодарят за полученные дары, означая все дары одним этим названием. Кто назвал Бога "**Отцом**", тот исповедал усыновление; а кто исповедал усыновление, тот возвестил оправдание, освящение, искупление, отпущение грехов, дарование Духа. Все это наперед должно быть, чтобы мы имели усыновление, и удостоились назвать Бога Отцом. Впрочем, мне кажется, пророк указывает здесь еще на нечто другое: "**во святых Его**", говорит он, т.е. чрез святых Его. Благодарите Его за то, что Он так устроил жизнь, или: что сделал людей ангелами. Потому, сказав наперед: "**во святых**", пророк прибавляет "**хвалите Его на тверди силы Его**", выражая то, что я сказал, так как этого Бог желает более, нежели того, и небо сотворено для человека, а не человек для неба. Другой переводчик (Симмах), вместо: "**на тверди**", говорит: **в неистребимом** (τῷ ακαθαιρέτω), Третий (Акила): **во утверждении державы его** (κράτυς). Мне кажется, что пророк указывает и еще на нечто другое, как и в предыдущем псалме. Как там он сказал: "**хвалите Его, все Ангелы Его**", так и здесь: "**хвалите Его на тверди силы Его**", т.е. находящиеся на тверди Его. Он непрестанно призывает горния силы к участию в славословии. "**Хвалите Его в силах Его, хвалите Его по чрезмерному величию Его**" (ст. 2). Другой (неизвестный переводчик, см. Орг. Экз.): **чрез силы его** (διὰ). В еврейском: **вегевурофав**. Смысл слов его следующий: хвалите Его за силы Его, за могущество Его, за чудеса Его, за могущество, которое Он являет во всем, горнем и дольнем, общем и частном, над каждым и непрестанно. "**Хвалите Его по чрезмерному величию Его**". Но возможно ли вознести хвалу соответствующую множеству величия Его? Пророк не говорит: соответствующую, но такую, какую ты можешь возносить, представляя множество величия Его; возноси такую хвалу, какая возможна для тебя, какую человек должен возносить великому и безмерно великому Богу; а хвалу достойную Его никто вознести не может. Видишь ли стремление души? Видишь ли душу пламенную,

стремящуюся и усиливающуюся преодолеть собственную немощь и возлететь наконец к самому небу, душу соединившуюся с Богом и преданную Ему с великою любовью? "**Хвалите Его голосом трубы, хвалите Его на псалтири и гуслях**". Другой (Симмах): **звуком рога** (οἰ ηχσυ κερατίνης). "**Хвалите Его на псалтири и гуслях**". Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **цевницею и лирою** (διὰ νάβλας καί λύρας). "**Хвалите Его на тимпане и хором, хвалите Его на струнах и органе**". Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **струнами и гуслями** (διὰ χορδῶν καὶ κιθάρας). "**Хвалите Его на кимвалах доброгласных, хвалите Его на кимвалах громогласных**". Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **в кимвалах знамения** (σημασίας). "**Всякое дыхание да хвалит Господа!**". Другой (неизвестный, см. Ориг. Экз.): **вздох** (αναπνοη) (ст. 3-6). Пророк приводит в движение все музыкальные орудия и заповедует на всех их возносить стройную песнь, воспламеняя и возбуждая душу слушателей.

Как иудеям заповедано было славить Бога всеми музыкальными орудиями, так и нам повелевается славословить Его всеми членами: глазами, языком, слухом и руками. Это выражает Павел, когда говорит: "**умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего**" (Рим.12:1). Славит Его глаз, когда не смотрит бесстыдно; и язык, когда поет; и слух, когда не внимает срамным песням и клеветам на ближнего; и сердце, когда не строит козней, но источает любовь; и ноги, когда бегут не на совершение зла, а на исполнение добрых дел; и руки, когда простираются не на хищение, любостяжение и побои, а на милостыню, и защиту обижаемых. Тогда человек делается благозвучною псалтирью, вознося Богу самую стройную и духовную песнь. Те орудия были дозволены тогда иудеям, как по их немощи, так и для того, чтобы располагать их к любви и согласию, побуждать ум их исполнять с радостью то, что доставляет пользу, и таким услаждением души руководит их к большему усердию. Бог, зная их грубость, леность и беспечность, хотел таким мудрым распоряжением пробудить их от усыпления, облегчая труд продолжительной молитвы приятностью музыкального пения. Что же значит: "**на кимвалах доброгласных**"? Так называет пророк псалмы, иудеи не просто ударяли в кимвалы, не просто играли на гуслях, но, сколько возможно, и посредством кимвалов, и посредством труб и посредством гуслей выражали значение псалмов; к этому они прилагали усердие и старание, которое приносило великую пользу. "**Всякое дыхание да хвалит Господа**". Призвав жителей небесных, пробудив народ, приведши в движение все музыкальные орудия, пророк наконец простирает речь ко всей природе, приглашая к песнопению всякий возраст, старцев, мужей, юношей, отроков, жен, вообще всех жителей вселенной, и таким образом наперед рассеивает семена нового завета для людей, распространенных по всей земле. Итак, будем постоянно хвалить Бога и непрестанно благодарить Его за все и словами и делами. Это – наша жертва и приношение; это – служение самое лучшее и достойное ангельской жизни. Если мы будем постоянно славить Его таким образом, то и настоящую жизнь проведем без всякого преткновения, и достигнем будущих благ, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 1

НА СЛОВА ПРОРОКА ДАВИДА:

"не бойся, когда разбогатеет человек, или когда увеличится слава дома его" (Пс.48:17), и о гостеприимстве.

1. Приятно земледельцу влачить плуг для расчищения нивы, проводить бразды, исторгать терния и тогда сеять семена, когда уже не останется терния, вредного для посева; но гораздо приятнее проповеднику преподавать божественные внушения слуху, свободному от смятения. Поэтому мы с удовольствием приступаем к слову, видя эту ниву очищенною. Хотя мы не видим вашей души, но ваши отверстия глаза и напряженный слух доказывают мне внутреннее ваше спокойствие. Хотя я не могу проникнуть в вашу совесть, но устремленные и поднятые кверху взоры говорят, что нет никакого смятения внутри вас, или лучше, ими вы усердно взываете: бросай семена, мы примем посеянное, в надежде на плод, потому что мы изгнали из души всякую житейскую заботу. Вот почему и я всегда касаюсь глубочайших мыслей, надеясь на доброту нивы. Писание требует не только мудрого наставника, но и разумного слушателя; поэтому я ублажаю вас, а вместе считаю блаженным и себя. "**Блажен**", говорит оно, кто "**передает ее в уши слушающих**" (Сир.25:12), и еще: "**блаженны алчущие и жаждущие правды**" (Мф.5:6). Так вам, которые с усердием пришли сюда, мы преподаем наставления. Все другие находятся теперь на торжищах и изнуряются житейскими заботами, а вы, став выше земли, принимаете духовные внушения; они раболепствуют рабыне, заботясь о плоти, а вы соблюдаете и украшаете свою благородную и свободную душу. Где ты, человек, находишься теперь? На торжище. Чего ищешь? Грязи и пыли. Приди сюда и прими от меня миро. Для чего ты собираешь богатство погибающее, предаешься сребролюбию, этому тирану, домогаешься власти скоропреходящей, заботишься о вещах житейских, которые сегодня существуют, а завтра – нет? Для чего срываешь цветы, а оставляешь плод? Для чего бежишь за тенью, а не принимаешь истины? Для чего гоняешься за исчезающим, а не ищешь пребывающего? "**Всякая плоть – трава, и вся красота ее – как цвет полевой; трава засыхает, цвет увядает, а слово Бога нашего пребудет вечно**" (Ис.40:6-8). Ты имеешь много богатства? Но что в этом для души? Ты богат деньгами, но беден душою; украшаешься листьями, но не имеешь плода. Какая, скажи мне, от этого польза? Ты приобрел деньги, которые после оставишь здесь; приобрел власть, которая сопровождается кознями. Приди сюда, насладись мудрою беседою, изгладь свои грехи, истреби свои беззакония, очисти свою совесть, возвысь свой ум, будь ангелом и человеком. Оставь узы плоти, и возьми легкие крылья жизни; отрешись от видимого, и держись невидимого; взойди на небеса, ликуй с ангелами, стань пред престолом высоким, превознесенным; оставь этот дым, эту тень, это сено, эту паутину. Я не нахожу достойного названия здешней суете. Говорю это и не перестану говорить. Приди, и будь человеком, чтобы не напрасно было приписываемо твоему существу это имя. Поняли ли сказанное вам? Он, говорят, человек. Да, он человек, но часто только по имени, а не человек по душевному настроению. Когда я вижу тебя живущим безумно, то как назову тебя человеком, а не волом? Когда вижу тебя расхищающим чужое, то, как назову тебя человеком, а не волком? Когда вижу тебя блудодействующим, то, как назову тебя человеком, а не свиньею? Когда вижу тебя коварным, то, как назову тебя человеком, а не змием? Когда вижу тебя имеющим яд, то, как назову тебя человеком, а не аспидом? Когда вижу тебя безрассудным, то, как назову тебя человеком, а не ослом? Когда вижу тебя прелюбодействующим, то, как назову тебя человеком, а не конем неистовым? Когда вижу тебя непокорным и бесчувственным, то, как назову тебя человеком, а не камнем? Ты получил от Бога благородство, – для чего же изменяешь достоинству природы? Окажи мне, что ты делаешь? Некоторые люди умеют, сколько возможно, выучивать животных тому, что свойственно человеку: попугаев научают говорить человеческим голосом, побеждая искусством природу; львов делают ручными и водят их по площадям. Так, льва, неукротимое животное, ты делаешь кротким, а сам оказываешься свирепее волка? И – что еще хуже – каждое из бессловесных животных имеет один какой-нибудь недостаток: волк хищен, змий коварен, аспид ядовит; а у злого человека не так. Человек часто имеет не один недостаток, но бывает и хищен, и коварен, и ядовит, соединяя в душе своей страсти животных. Как же я назову тебя человеком, когда ты не имеешь царственного отличия, не

имеешь диадемы, не имеешь багряницы? "**Сотворим**", сказал Бог, "**человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему**" (Быт.1:26). Размысли, человек, по какому образу ты создан, и не унижай себя до низости скотов. Если бы ты увидел царя бросившим багряницу и диадему, поставляющим себя наравне с воинами и изменяющим своему сану, то назвал ли бы ты его царем? Ты – человек. Не доказывай мне, что ты имеешь душу человека, но покажи, что ты – человек по душевному настроению. Ты – владыка бессловесных животных, а сам стал рабом безумных страстей, обитающих в тебе?

2. Но как, скажешь, я сделаюсь человеком? Если будешь обуздывать мудрования плоти, эти безумные мудрования, если оставишь блуд, если исторгнешь неумеренную страсть к богатству, этому злому тирану, если сделаешь ниву свою чистою. Как ты можешь сделаться человеком? Если будешь приходить сюда, где делаются человеками. Я возьму тебя конем, и сделаю человеком; возьму тебя волком, и сделаю человеком; возьму тебя змием, и сделаю человеком, не изменяя природы, а изменяя волю. Но что говоришь ты? Я имею детей, управляю домом, забочусь о жене, угнетен бедностью, стараюсь приобрести необходимое пропитание. Все это – отговорки и предлоги. Если бы я удерживал тебя здесь навсегда и не позволял тебе иметь нисколько времени для занятия внешними делами, то ты мог бы оправдаться предо мною и говорить: я имею детей, управляю домом; тогда ты справедливо мог бы говорить это, или лучше, и тогда не следовало бы говорить этого, потому что, когда ты будешь упражняться здесь, Бог может доставить большую благоуспешность всем делам твоим. Но я не принуждаю тебя ни к чему такому, не говорю: будь здесь каждый день, но – только дважды в неделю. Разве это тяжело, разве невыносимо? И притом приходи в церковь не на целый день, а на короткое время, получи духовные наставления, чтобы тебе не получить ран, не с тем, чтобы укорять других, но чтобы обратить и торжище в церковь. Приди, получи оружие, чтобы тебе с оружием не получить смертельной раны. Стань в строю, только вооруженный, стань на святом месте, только с чистыми очами; войди в пристань, только со тщанием управляя кораблем. Этому ты можешь научиться здесь; но ты не хочешь этого, а выходишь в строй мирской, не облекаясь в оружие заповедей Божиих. Размысли, сколь великое дело – выйти из церкви, научившись пренебрегать все человеческое, попирать ногами скорби и становиться выше удовольствий, не превозноситься последними и не изнуряться первыми. Таков был Иов. Он не падал духом от бедности и не превозносился богатством, но при всех переменах обстоятельств соблюдал одинаковым свое внутреннее настроение.

Приди, получи от меня оружие. Какое оружие? Такое, которое часто может доставлять тебе спасение. Ты выходишь и видишь человека, гордо сидящего на златосбруйном коне и окруженного множеством копьеносцев; затем видишь человека бедного и уничиженного. В тебе рождается зависть к богатому и возбуждается отвращение к бедному. Но является Давид, приступает к тебе и говорит: "**не бойся, когда разбогатеет человек**". Иди с пророком, и не бойся; иди, куда я указываю тебе, с пророком, учителем, руководителем, проповедником. "**Не бойся, когда разбогатеет человек**". Но, скажешь, это – слова убеждения, совета, указания на то, что должно быть; покажи мне способ, как я могу не бояться такого человека. Вот он: богатство по свойству своему подобно природе человека; а в чем именно, я скажу тебе. Что такое человек? Животное слабое, тленное, кратковременное. Таково и богатство, или – лучше – не таково, но еще ненадежнее. Оно часто оканчивается не только вместе с человеком, но еще прежде человека. Вы видите в этом городе множество примеров преждевременной погибели богатства, и знаете, что богатство погибало, когда владевший им еще жив: конец богатства – обращение в бедность. Представь же, как кратковременно богатство. Владевший им еще жив, а оно уже погибло; и, о, если бы оно погибало одно, а не губило вместе с собою и самого владельца! Поэтому не погрешишь, если назовешь богатство рабом неблагодарным, рабом кровожадным и человекоубийственным, рабом, который воздает господину своему

погибелью. И – что еще хуже – оно не только подвергает человека опасностям тогда, когда оставляет его, но еще прежде, нежели оставит, тревожит и смущает его. Не смотри на то, что он одет в шелковые одежды, умащен благовониями, окружен слугами; но посмотри в его совесть, обнажи его душу, когда он еще богат, и ты увидишь внутри его бури и смятения. А когда видишь другого, падающего своим падением, то усматривай в том и собственное несчастье.

3. В самом деле, что может быть непостояннее дел человеческих? Неоднократно я говорил, что они подобны речным потокам, которые являются и тотчас исчезают, приходят и тотчас уходят. "**Не бойся, когда разбогатеет человек**". Прими эти слова, как духовную песнь; когда возбудится в тебе зависть, то пусть припомнится этот стих, и слова его изгонят страсть. "**Не бойся, когда разбогатеет человек**". Это – мое врачество, имеющее в виду не деньги, а небо; я не тело врачую, а душу, и не только вашу, но и свою, потому что хотя я и учитель, но вместе и человек, имеющий общую со всеми природу, и потому предлагаю общее учение.

"**Не бойся, когда разбогатеет человек**". Прими эти слова, как сокровище и опору; прими эти слова, как источник богатства и изобилия. Богатство состоит не в том, чтобы богатеть, а в том, чтобы не желать богатства. Поняли ли сказанное вам? Кто желает богатеть, тот имеет нужду в имуществе, в деньгах; а кто не желает богатеть, тот всегда в довольстве. "**Не бойся, когда разбогатеет человек, или когда увеличится слава дома его**". Почему же, скажи мне, "**не бойся**"? Так как богатых боятся, то пророк описывает жизнь их. Почему ты боишься человека, который обильно украшен листьями, а не имеет плода? Почему боишься человека, который проводит горькую жизнь? Почему боишься человека, который сам всегда находится в страхе? Почему боишься человека, который находится в постоянном трепете? Раб твой не боится тебя, когда ты в отсутствии; а богатый носит своего господина внутри себя; куда бы он ни пошел, любостяжание следует за ним, и делает врагами всех – и родных, и домашних, и друзей, и завистников, и благодетелей. Во всех оно возбуждает отвращение. Тогда как бедный проводит жизнь, не боясь никого, потому что богат только любомудрием и терпением, богатый, который предан корыстолюбию, бывает ненавидим всеми и в общественных собраниях ходит, как общий враг, которому льстят в лицо, а внутренне ненавидят его. А что это действительно так, видно из следующего: когда подует ветер и сорвет листья, когда изменятся обстоятельства, тогда открываются мнимые друзья, тогда обнаруживается притворство льстецов, тогда отличается сонм лицемеров и весь наружный обман. Тогда все открыто говорят: негодный, коварный, нечестивый! Что говоришь ты? Не ты ли вчера льстил ему? Не ты ли целовал его руки? То, было, говорит, притворство; прошло время, и я бросил притворство и обнаружил свои мысли. Почему же, скажи мне, ты боишься того, против которого столько обвинителей? Но что это в сравнении с тем, когда он обвиняет сам себя? Говорю это, осуждая не богатство, как я тысячекратно говорил, а тех, которые худо употребляют хорошую вещь. Богатство с добрыми делами хорошо. Когда оно бывает хорошим? Когда приносит отраду бедности, когда облегчает нищету. Послушай, что говорит Иов: "**я был глазами слепому и ногами хромому: отцом был я для нищих**" (Иов. 29:15-16). Вот богатство: оно было не грехом, а нищелюбием! "**Странник не ночевал на улице; двери мои я отворял прохожему**" (Иов.31:32). Вот употребление богатства, богатства не по имени, а на самом деле! То богатство есть слуга этого богатства, то носит только имя богатства без действительности, а это и по имени и на деле есть истинное богатство. Какое? Богатство добродетелей, богатство милостыни. Каким образом? Я скажу. Бывает богатый, который похищает чужое, и бывает богатый, который отдает бедным свое; тот богатеет, собирая, а этот – расточая; тот засевает землю, а этот возделывает небо; сколько небо лучше земли, столько стяжания первого хуже стяжаний последнего; этот пользуется любовью бесчисленного множества людей, а тот осуждается

всеми; и, что поистине удивительно, хищника и корыстолюбца ненавидят не только обиженные им, но и те, которые не потерпели от него никакого зла, но только сожалеют о потерпевших, а милосердого любят не только облагодетельствованные им, но и те, которые не получили от него благодеяния. Так, братие, добродетель лучше порока. Порок делает для человека врагами и тех, которые не обижены им, а милосердие приобретает любовь и от тех, которые не получили благодеяний. О человеке милосердом все говорят: да вознаградит его Бог! Какое же ты получил от него благо-деяние? Не я, но брат мой; не я, но сочлен мой; добро, сделанное ему, я отношу к себе. Видишь ли, какова добродетель, как она вожделенна, как любезна, как прекрасна? Человек милосердый есть общее пристанище, отец всех, подпора престарелых. О милосердом, если случится с ним какое-нибудь несчастье, все молятся: помилуй его, Боже, сохрани его, надели его добром! Но подойди к дому хищника, и ты услышишь, как говорят о нем: негодный, коварный, нечестивый! Какую же ты получил от него обиду? Я – никакой, но брат мой. На него каждый день – бесчисленное множество жалоб. А когда он падает, то все нападают на него. Это ли жизнь? Это ли богатство? Не гораздо ли это хуже жизни осужденного преступника? Осужденный связан по телу, а этот по душе. Ты видишь его связанным, и не жалеешь его? Я отвращаюсь от него, потому что он связан не по нужде, а по произволению, потому что он сам наложил на себя узы.

4. Опять, скажут мне, ты против богатых? А вы опять против бедных. Опять ты против хищников? А вы опять против тех, у кого похищают. Вы не насыщаетесь, пожирая и терзая бедных, и я не насыщаюсь, исправляя вас. Постоянно ты покровительствуешь этим людям, постоянно покровительствуешь бедному? Но отступи ты от овцы моей, удались от стада моего, не вреди ему. Ты вредишь моему стаду и осуждаешь, что я отгоняю тебя? Если бы я был пастырем обыкновенных овец, то ты осудил бы меня, когда бы я не отгонял нападающего на них волка. Я – пастырь разумных овец; отгоняю не камнем, а словом; или лучше, не отгоняю тебя, а призываю тебя; сделайся овцою, приди, будь в моем стаде. Для чего ты вредишь стаду, которое ты должен был бы увеличить собою? Я отгоняю не тебя, но отгоняю волка. Если ты не волк, то я не отгоняю тебя; если же ты стал волком, то обвиняй самого себя, Я не против богатых, но за богатых; и когда говорю это, то за тебя говорю, хотя ты и не чувствуешь этого. Как за меня говоришь ты? Так; я удаляю тебя от греха, избавляю тебя от хищения, делаю тебя для всех любезным, для всех вожделенным. Я постоянно говорю тебе: не похищал ли ты, не искал ли корысти? – приди, и я изменю тебя, изменю вражду в дружбу, опасность в безопасность; это я сделаю для тебя здесь, а там доставлю тебе царство небесное, чтобы ты не подвергся бесконечным мучениям, чтобы ты получил блага, "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**" (1Кор.2:9). Кому это свойственно, отгоняющему или советующему, любящему или ненавидящему тебя? Но, скажешь, ты ненавидишь меня. Нет, я люблю тебя. Я имею заповедь Господа моего: "**любите врагов ваших**" (Мф.5: 44). Я не перестану врачевать тебя. Господь наш, будучи распят, говорил: "**Отче! прости им, ибо не знают, что делают**" (Лк.23:34). Разве тебя я преследую? Я преследую страсть твою. Разве с тобою я сражаюсь? С пороком твоим. И ты не считаешь меня благодетелем, не считаешь меня покровителем, не считаешь меня твоим защитником больше всех? Кто же другой скажет тебе об этом? Начальник ли? Ничего такого он не скажет тебе; он говорит о проступках, о неисправностях. Жена ли? Она говорит о нарядах, о золоте. Сын ли? О наследстве, о завещании, о достоянии. Слуга ли? О службе, о свободе. Собеседники ли? О пиршествах, об ужинах, об обедах. Те ли, которые на зрелище? О срамном смехе, о необузданной похоти. Тот ли, кто в судилище? О завещаниях, о наследстве, об освобождении – о том, чем он занимается. От кого же ты услышишь это, если не от меня? Все боятся тебя, а я не смотрю на тебя, и покуда ты таков, я не боюсь тебя, презираю тебя, презираю страсть твою. Я делаю разрез, ты кричишь, но я не боюсь крика твоего, а желаю твоего спасения, потому что я – врач. Если ты, имея рану, призовешь врача и увидишь, как

он наострил железо, то не говоришь ли ему: разрезай, хотя мне и будет больно, – надеясь на исцеление болезни от разреза? А меня ты убегаешь, меня, который не разрезаю, но очищаю душу твою словом. Между тем врач что делает? Часто он разрезывает, и рана делается хуже; а я делаю не хуже, а лучше, потому что там – слабая природа и бессильное лекарство, а здесь – сила слова. Врач не ручается за твое исцеление, а я ручаюсь за твое спасение, – послушай меня. Для того снисшел Единородный Сын Божий, чтобы нас возвести и поставить выше небес. Только одного я боюсь – греха; все прочее – мимо, богатство ли, бедность ли, власть ли, и что бы то ни было. Говорю так и не перестану говорить, потому что хочу, чтобы никто не погиб из моего стада. Итак, богатому можно спастись? Конечно, Иов был богат, и Авраам был богат. Ты видел его богатство? Посмотри же и на его страннолюбие. Ты видел его трапезу? Посмотри и на его дружелюбие. А что Авраам? Он был богат. Разве я спорю с тобою? Был ли богат Авраам? Да, он был богат. Ты видел его богатство? Посмотри же и на образ его жизни. В полдень Господь явился ему, сидевшему у дуба Мамврийского: "**и вот, три мужа**" (Быт.18:2). Он встал (не зная, что явившийся был Бог, – как мог он это знать?), поклонился и сказал: если вы находите меня достойным, войдите под тень кущи моей. Видишь ли, что делал в полдень старец? Не сидел под кровлею, а приглашал странников и путников, вовсе незнакомых ему, и, встав, кланялся им, хотя сам был богат и знатен. Изобилуя богатством, он оставлял дом, жену, детей, рабов, которых имел триста восемнадцать, оставлял всех, и выходил на ловитву, распростирал сеть страннолюбия, чтобы какой-нибудь путник, какой-нибудь странник не прошел мимо его дома. Посмотри, что делает старец. Он не поручает этого слуге, хотя имел их триста восемнадцать, – потому что знал обыкновенную леность рабов, – опасаясь чтобы слуга не проспал, не пропустил странника и не потерял добычи. Вот Авраам, вот богатый! А ты удостаиваешь ли хотя посмотреть на бедного, хотя отвечать ему, хотя побеседовать с ним? Если же когда и подашь ему милостыню, то чрез слугу. Но не так поступал праведник. Он сидел под палящими лучами солнца, обливаясь от жары потом; тенью для него была любовь к странноприимству; он сидел собирая плоды страннолюбия, хотя был богатым. Сравни с ним нынешних богачей. В полдень где сидят они? В аду. Где сидят? В мертвецком пьянстве. Где сидят. На торжище распростертые, пьяные, ослепленные сердцем, безумнейшие бессловесных животных. Но не так поступал праведник.

5. Хочешь ли подражать Аврааму? Подражай, не только не запрещаю, но и советую, хотя от нас требуется больше, нежели от Авраама. "**Ибо если**", сказал Господь, "**праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**" (Мф.5:20). Но ты пока старайся сравниться, по крайней мере, с Авраамом. Что же Авраам? Он был страннолюбив; он встал и поклонился странникам, даже не зная, кто они таковы. Если бы он знал, то не сделал бы ничего удивительного, послужив Богу; но незнание того, кто были путники, показывает в нем великую любовь к странноприимству. Он сидел и оказал им гостеприимство. Как? Щедро; он заклал тельца, призвал Сарру, сделал общницею гостеприимства и жену, которая не скрывалась в своем жилище, но стояла под дубом. И эта трапеза разверзла ее утробу и исправила недостаток природы. Авраам заклал тельца, и получил Исаака; Сарра замесила муку и получила потомство, как звезды небесные и как песок морской. Но ты, конечно, скажешь: дай и мне в вознаграждение столько истинных сынов. Бедный, жалкий, презренный, ты ищешь земного? Я даю тебе небо, ликование с ангелами, наслаждение вечное, и ты ищешь смертного и тленного? Я даю тебе жизнь, не имеющую конца. Награда высшая, воздаяние большее! Слушай внимательно, что я скажу тебе, чтобы тебе увидеть противоположность в действиях. Когда нужно было оказать гостеприимство, то Авраам что сказал жене своей Сарре? "**Поскорее замеси три саты лучшей муки**" (Быт.18:6). Пусть выслушают сказанное жены. "**Поскорее замеси три саты лучшей муки**". Вот зрелище, общее для всех нас; вот училище общее для обоих полов. Пусть выслушают сказанное жены, пусть

выслушают и мужи, и подражают. "**Поскорее замеси три саты лучшей муки**", сказал он, а сам поспешил к стаду волов. Они разделяют труд, чтобы разделить и венец; общий брак, – общие должны быть и дела добродетели. Я взял, говорит, тебя в помощницу, – будь же мне помощницею и в высших делах: "**поскорее, поскорее**". Понуждает жену, чтобы медленностью не огорчить странников. "**Поскорее замеси три саты лучшей муки**". Трудное поручение! Не легкое приказание! "**Замеси три саты лучшей муки**". И Сарра не сказала: что это? Разве для того я сочеталась с тобою браком, чтобы мне месить и печь хлеб, жене, имеющей такое богатство? У тебя триста восемнадцать рабов, и ты не хочешь приказать им, а мне поручаешь эту службу? Не сказала она ничего такого и даже не подумала. Она была женою Авраама не только по союзу плотскому, но и по союзу добродетели; потому он и говорит ей: "**поскорее**"; а она с усердием принимает приказание, потому что знала обильные плоды гостеприимства. "**Поскорее, поскорее**". Он знал усердие жены своей. А нынешние жены? Сравним их с Саррою. Принимают ли они подобные приказания, подобные занятия? Покажи мне руку жены любящей украшения, и ты увидишь, как эта рука снаружи покрыта золотом, а внутри подвергнута осаде. Достояние скольких бедных, скажи мне, носит рука твоя? Протяни ко мне руку твою, покажи ее: чем она отягчена? Любостяжанием. Посмотри на руку Сарры: чем она украшена? Странноприимством, милостынею, любовью, нищелюбием. О, прекрасная рука! Посмотри на ту и другую руку; вид их одинаков, но велико между ними различие. Здесь потоки слез, а там венцы и награды. Говорю это для того, чтобы ни жены не требовали украшений от мужей, ни мужья не слушали жен, требующих этого. Вот Сарра, вот богатая жена замесила три меры муки. Каков труд? Но она не чувствовала труда в надежде на плод и воздаяние. "**Поскорее замеси три саты лучшей муки**". А ты, жена, что делаешь? Наряжаешься? Чтобы понравиться кому? Мужу? Дурное старание, если ты хочешь таким образом понравиться мужу, если спешишь таким образом угодить своему мужу. Как же я буду нравиться ему? Целомудрием. Как буду угождать ему? Скромностью, любомудрием, кротостью, любовью, единодушием, согласием. Вот, жена, твои украшения. Эти добродетели твои производят единодушие; а те украшения не только не делают тебя приятною, но даже делают тебя несносною для мужа. Когда ты говоришь ему: отними у других и принеси мне, то на малое время ты нравишься ему, а после будешь иметь в нем врага. А чтобы ты убедилась, что ты стараешься понравиться не мужу, вот что скажу тебе: дома ты снимаешь украшения, а в церкви ты надеваешь их; если бы ты хотела нравиться мужу, то носила бы их дома. Но, как я сказал, ты входишь в церковь, украшенная золотом на руках и на шее. Если бы пришел сюда Павел, этот муж страшный и вместе вожделенный, – страшный для грешников и вожделенный для благочестивых, – который взывает и говорит так: "**чтобы также и жены украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою**" (1Тим.2:9); потом, если бы вошел сюда язычник и увидел вверху женщин, носящих такие украшения, а внизу Павла, так проповедующего, то не сказал ли бы он, что здесь театральное зрелище и баснословие? Нет, наше собрание не зрелище, хотя здесь и делаются такие дела. Но язычник соблазняется и говорит: я входил в христианскую церковь, слышал Павла, говорившего: "**не золотом, не жемчугом**", и видел женщину, показывающую делами совершенно противное.

6. Какая тебе, жена, польза от золота? Чтобы казаться красивою и благообразною? Но это нисколько не придает красоты душе твоей. Будь красива душою, – тогда будешь приятна и по телу. "**Мудрость человека просветляет лице его**" (Еккл.8:1). А мудрость есть свойство души. Ничто так не производит расположения и привязанности, как любовь. Если муж любит тебя, то, хотя бы ты была и безобразна, ты кажешься ему приятною; а если он ненавидит тебя, то, хотя бы ты была благообразна, он не захочет смотреть на тебя. Ненависть души не позволяет видеть красоты лица. Когда ты станешь требовать от него нарядов и золота, тогда и он возненавидит тебя и станет убегать от тебя, как от человека

пристающего к нему с требованиями на торжище. Но оттого он может убежать, а от тебя не может, так как ты всегда находишься при нем и требуешь услуг, несогласных с разумом. Все это, жена, ты же только принимай слухом, но пусть изменится и сердце твое. Слова мои суть горькие лекарства, горькие на время, но доставляющие постоянную радость. Я – врач я очищаю раны, чтобы они, застаревши, не сделали разрез, более тяжким. Я врачую, доставляя здоровье посредством слова; другие же заботятся только о жизни настоящей, временной, обманчивой, презренной. А что говорил я об Аврааме, – я не забыл обещания, – слова его: "**поскорее, замеси**" пусть каждая жена начертает в своем сердце, и каждый муж пусть содержит в своей совести.

Для чего, скажи мне, ты носишь шелковые одежды, ездишь на златосбруйных конях и украшенных лошаках? Лошак украшается снизу; золото лежит и на покрывале его; бессловесные лошаки носят драгоценности, имея золотую узду, бессловесные лошаки украшаются; а бедный, томимый голодом, сидит при дверях твоих, и Христос мучится голодом. О, крайнее безумие! Какое оправдание, какое прощение получишь ты, когда Христос стоит пред дверьми твоими в виде бедного, а ты нисколько не трогаешься? Кто избавит тебя от тамошнего наказания? Я подал, говоришь ты, милостыню. Но подавай не столько, сколько хочет бедный, а сколько ты можешь. Что, скажи мне, ты будешь отвечать тогда, когда настанут невыносимые наказания, тамошние мучения, казни, страшные силы, когда будет кипеть река огненная, когда явится страшный престол, неподкупное судилище, безначальное Существо, конец дел человеческих, когда ни отец, ни мать, ни сосед, ни царь, ни путник, ни странник не помогут тебе, но будет стоять человек один с своими делами, осуждаемый за них, или венчаемый за них? Что ты скажешь тогда? Тогда ты припомнишь слова мои; но какая будет тебе польза? Никакой. Так и тот богач вспомнил и искал времени покаяния, но не получил никакой пользы. "**Пошли**", говорил он, "**Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем**" (Лк.16: 24). Но Лазарь не был послан, не потому, чтобы одна капля принесла ущерб великому райскому источнику, но потому, что капля милосердия не смешивается с жестокостью. Так как во время подвигов богач презирал его, то во время венцов он не удостоил богача никакого утешения.

7. Говорю это для того, чтобы ни бедный не плакал от бедности, ни богатый не радовался богатству. Ты богат? Гибельно богатство, если ты не употребляешь его надлежащим образом. "**Поскорее замеси три саты лучшей муки**", сказал Авраам, а сам "**побежал к стаду**" и заколол тельца (Быт.18:7). Старец бежал скоро; слабость тела не остановила, а любо-мудрый дух укрепил его; усердие победило природу. Господин трехсот восемнадцати рабов нес тельца, и не тяготился бременем, но окрылял душу усердием. Старец принял на себя – сходить поспешно и много служить, а жена приняла на себя труд и хлопоты. Они угощали странников не только щедрым подаянием денег и обильною трапезою, но и услужливостью и совершенным угождением, не чрез рабов, но собственными руками и другими членами. Потом жена стояла в виде служанки, а странники, незнакомые, возлежали, – я не перестану говорить об этом, – они считали пришельцев за людей бедных, но не смотрели на это, а приняли их как странников, и оба предстояли при этом, собирая грозды странноприимства добрым расположением, любомудрием, услужливостью, ласковостью, трудами, угождением, любовью, заботливостью, усердием, всецелою предупредительностью. Жена стояла под деревом, пользуясь деревом, как бы брачным чертогом, и имея покровом тень листьев, и не стыдилась стоять в виду пред всеми. Она стояла, отличаясь собственною красотою и собирая плоды служения. Что же пришедший? "**Я опять буду у тебя**", сказал он, "**в это же время, и будет сын у Сарры**" (Быт.18:10). Какой плод произрастила трапеза, какой прекрасный, какой скорый, какой зрелый! Какой сочный и спелый грозд! Эти слова как бы вошли в ее утробу, и зачался сын. Таковы плоды странноприимства! Выслушай

внимательно то, что я хочу сказать. Впоследствии, когда вырос сын, рожденный от трапезы, когда плод странноприимства сделался мужем, – родило же его не столько чрево, сколько трапеза, а прежде всего слово Божие, – когда он вырос и стал мужем, и наконец пришло время вступления в брак, – слушай внимательно, что я говорю, – когда блаженный старец, патриарх Авраам приближался к смерти, – а жил он среди женщин развращенных и народа нечестивейшего, – тогда он призвал раба своего и сказал: здесь нечестивые женщины хананейские. Чего же ты желаешь? Поди, говорит, в землю, где я родился, и приведи оттуда жену сыну моему. Необыкновенные и дивные дела! Вы знаете и хорошо знаете: когда кто-нибудь хочет женить своего сына, то отец и мать совещаются, ходят по чужим домам, одному льстят, другому угождают, причем является множество свах и сватов, делаются обещания денежных вознаграждений, и все хлопоты и переговоры отец и мать принимают на себя, и не стыдятся, не краснеют, не поручают слугам; а когда придет странник, то говорят слуге: поди, отведи его вниз, прими его. Но Авраам поступал наоборот: когда нужно было сделать высокое и любомудрое дело, то он делал сам, не поручал гостеприимства слуге, но жене и себе; а когда дело шло о приискании жены и браке, то сказал слуге: поди ты. А здесь жены поступают напротив. Если они хотят переговорить с золотых дел мастером, то не стыдятся и идут сами, и сидят при работе его, чтобы не украли золота; страсть к богатству заставляет их презирать стыд и приличие. Но Авраам поступал не так: когда нужно было принять странников, то делал это сам и жена его; а когда дело касалось брака, то действовал чрез слугу. Но, скажешь, почему ты упомянул об Аврааме? Потому, что он был богат. Помни это и ты об Аврааме, и никогда не будешь презирать никого. А как я дошел до речи об этом? Взяв в руководство слова пророка: "**не бойся, когда разбогатеет человек**". Этот стих произвел все это; и вот мы нашли в нем сокровище, обильное золотом. "**Не бойся, когда разбогатеет человек**". Возьми этот посох, который может поддерживать дрожащее от слабости тело. Действительно, не столько посох поддерживает дрожащее тело людей слабых и старых, сколько этот стих укрепит колеблющуюся душу молодых и старых, осаждаемых похотями и грехами. "**Не бойся, когда разбогатеет человек**". Что ты боишься человека, которого скорее можно назвать волком, нежели человеком? Что ты боишься человека, который исполнен нечестия и погряз в золоте? Что ты боишься человека, который неправдою потерял собственные блага и постоянно имеет внутри себя врага? Но мне пророк объявил: "**не бойся, когда разбогатеет человек**". Скажи же мне теперь и то, каким образом я могу не бояться богатого. "**Или когда увеличится слава дома его**".

8. О, прекрасное выражение! Какая мудрость заключается в этом изображении и наставлении! "**Не бойся, когда разбогатеет человек, или когда увеличится слава дома его**". Не сказал: когда умножится слава его, но: "**слава дома его**". Так, когда ты войдешь в дом какого-нибудь богача, и увидишь огромные колонны, золотые карнизы, обложенные мрамором стены, фонтаны, источники, портики, колеблемые ветром деревья, покрывающую все мозаику, толпу одетых в золото евнухов, множество слуг, устланный коврами пол, блистающие золотом столы, великолепные спальни, то все это – слава дома, а не слава человека. Славу человека составляют: благочестие, скромность, милосердие, кротость, смиренномудрие, мир, правда, нелицемерная любовь ко всем; все это – слава человека. Что же ты боишься богатого? Бойся лучше дома его, потому что богат дом, а не живущий в нем. Но, скажешь, я не боюсь дома. Почему? Потому, что золото есть бездушное вещество. А человека богатого боишься? Да. Почему? Разве богатство есть его принадлежность? Оно – только украшение дома. Стены обложены мрамором: какое же отношение к человеку, живущему в них? Потолки в золоте: какое отношение к их владельцу? Главы колонн золотые: какое отношение к голове хозяина, осквернённой грехами? Пол чист? Но совесть не чиста. Одежды шелковые? Но душа покрыта рубищами. Дом богат? Но хозяин дома – нищий. "**Когда увеличится слава дома его**". А чтобы вы убедились, что это действительно – слава дома, а не человека, я докажу вам это вашими

же словами. Часто, входя в чей-нибудь великолепный дом и выходя из него, что говоришь ты? Я видел прекрасные мраморы. А не говоришь: я видел прекрасного человека? Удивительные колонны, прекрасные окна. А не говоришь: удивителен живущий там? Множество золота на потолке. А не говоришь: много милосердая в хозяине? Много фонтанов, много богатства. А не говоришь: много богатства в самом владельце? Всегда ты говоришь о стенах, всегда о мраморах, всегда о фонтанах, всегда об источниках. Опять, когда ты видишь коня, украшенного золотою уздою, то говоришь: прекрасная узда! Это – похвала мастеру золотых дел. Прекрасная одежда! Это – похвала ткачу. Прекрасные рабы! Это – похвала купившему их. Таким образом, сам хозяин остается не увенчанным, а вещи, находящиеся около него, удостаиваются похвал. Напротив, когда ты видишь человека добродетельного, то говоришь: он – человек добрый, прекрасный, кроткий, удивительный, милосердый, человеколюбивый, смиренный, постоянно упражняющийся в молитвах, постоянно соблюдающий посты, постоянно посещающий церковь, постоянно внимательный к божественному учению. Это – похвалы самому человеку; это – его венцы. Итак знай, в чем состоит богатство человека, и в чем богатство дома, и "**не бойся**". Когда ты научишься различать хорошо богатство того и другого, то не станешь бояться. Видишь ли, как тот, кого ты считал богатым, беден и нищ? "**Не бойся, когда разбогатеет человек**". А чтобы тебе убедиться, что это действительно так, если богатый обольщает тебя при жизни, то посмотри на него во время его кончины. Отходя отсюда, берет ли он с собою что-нибудь из своего богатства? Он умирает, и лежит нагим тот, который облекался шелковыми одеждами, лежит нагим в яме, и рабы отходят и проходят и никто из них не заботится о нем, потому что они были не его рабами. Он отошел, и ничего не осталось после него. Жена терзается, распускает волосы; все утешают, но она не внемлет им; дети остались сиротами, жена вдовою, все отверженными, – виночерпии, разливатели, собеседники, льстецы, евнухи. Отходя отсюда, он не может взять ничего из своей утвари, но что? Выносится один. Его превозносят похвалами. Но что от этого ему? Тщеславие прославляет его. Для чего? Может ли он получить от этого какую-нибудь пользу? Ничто из всего этого не может помочь ему в тот страшный день. И так отходит в гроб тот, кто расхищал все, помещается на трех аршинах земли, и больше ничего; пред лицом его земля и крышка гроба. Потом отходит и жена. Где же богатство? Где слуги? Где великолепие? Где пространный и прекрасный дом? Все оставляет его; оставляет и жена, хотя бы и не хотела; зловоние отгоняет ее, кучи червей заставляют ее удалиться. И этим оканчивается все? Да, – потому что он отошел, не имея при себе ничего собственного. А чтобы тебе убедиться, что он действительно отошел, не имея ничего собственного, посмотри на блаженных мучеников. При них остается все их достояние, и потому мы не отходим от гроба их. Там и жена не может оставаться; а здесь царь слагает с себя диадему и стоит при гробе мученика, прося и умоляя даровать ему избавление от бед и победу над врагами. Итак, "**не бойся, когда разбогатеет человек**". Напечатлев в уме своем этот стих, будем воспевать Господу и благодарить Его за все, Отца и Сына и Святого Духа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 2,

сказанная в Константинополе в великой Церкви, после того, как другой сказал слово, при немногочисленном собрании, на слова: "не бойся, когда разбогатеет человек" (Пс.48:17), и о милостыне (произнесена, вероятно, в 400 г. по Р. Х.).

1. Не велик плод красноречивого проповедника, но зрел; тонка струна, но важен звук; не много слов, но драгоценны мысли. В самом деле, он и ободрил похвалами весь народ, возбудив в слушателях большее усердие хвалебными словами, и указал Виновника земледелия, вознес Ему песнопения и благодарения по апостольской заповеди, окончив речь славословием. Если же Он сократил трапезу, то сделал это не по бедности, а по

смиренномудрию; окончил речь не потому, чтобы не мог говорить больше, но, предоставив нам предложить наставление. Итак, освободившись от бури бывших смятений, очистим слух, как бы некоторыми речными потоками, чтением Писаний. Так поступают и мореплаватели: когда они, избавившись от бури и переплыв широкое море, достигают тихой пристани, то, спустив паруса, оставив весла и сошедши с корабля, подкрепляют свое тело омовением, пищей, питием, сном и отдыхом, чтобы сделать его способнейшим к дальнейшему мореплаванию.

Будем и мы подражать им, и, избавившись от недавно бывшего смятения, беспокойства, волнения, введем нашу душу, как бы в некоторую спокойную пристань, в чтение Писаний. Упражнение в божественных Писаниях есть безмятежная пристань, нерушимая стена, непоколебимая крепость, неотъемлемая слава, несокрушимое оружие, невозмутимое благополучие, постоянное удовольствие и всякое добро, какое только можно представить. Оно прогоняет уныние, сохраняет благодушие, бедного делает богаче богатых, богатым доставляет безопасность, грешника делает праведным, праведного поставляет в безопасном убежище, исторгает существующее зло, насаждает не существовавшее добро, прогоняет злобу, возвращает к добродетели, и не только возвращает, но и укореняет ее и делает постоянною, составляя духовное врачество и некоторую божественную и неизреченную песнь, умерщвляющую страсти. Оно исторгает терния грехов, очищает, ниву, сеет семена благочестия и доводить плод до зрелости. Не будем же нерадеть о таких благах, не будем удаляться от собраний, но станем приходить сюда постоянно, чтобы постоянно получать врачество, и чтобы никто не мучился завистью, видя богатого, и не тяготился своею бедностью, но, познав истинные свойства вещей, пусть каждый убегает от теней и держится истины. Тень, хотя иногда и кажется больше тела, но она – тень; она не действительно больше, а только такою кажется, и притом кажется тогда, когда мы бываем дальше от солнечного луча; во время же полудня, когда луч падает прямо на голову, она со всех сторон уменьшается, сокращается и становится незначительною. То же можно видеть и в делах человеческих. Чем кто дальше становится от добродетели, тем большими представляются предметы настоящей жизни; а когда он поставит себя при самом блистающем свете божественных Писаний, тогда увидит суетность, скоротечность и ничтожество этих тленных предметов и ясно убедится, что все это нисколько не лучше речных потоков, являясь и в то же время исчезая. Поэтому пророк, рассуждая любомудро и желая исправить людей малодушных, жалких, пресмыкающихся по земле, гонящихся за великолепием богатства, боящихся и трепещущих пред теми, которые изобилуют этими предметами, равно и нас удержать от такого исступления и научить презрению к ним, как вещам ничтожным, сказал: "**не бойся, когда разбогатеет человек, или когда увеличится слава дома его, ибо при смерти он ничего не возьмет, и не сойдет с ним слава его**" (Пс.48:17,18). Видишь ли точность его выражений и яснейшее различение предметов? Он не сказал: когда умножится слава его, но: "**слава дома его**", показывая, что иное – слава человека, и иное – слава дома. Что же такое слава человека, и что слава дома? Нужно верно различать это, чтобы не принимать сновидений за истину. Славу дома составляют портики, галереи, золотая кровля, пол украшенный драгоценными камнями, луга, сады, толпы слуг, богатая мебель, из которых ничто не относится к человеку; а слава человека – правая вера, ревность по Боге, любовь, кротость, смирение, усердие в молитвах, любомудрие милостыни, целомудрие, умеренность и все прочие виды добродетели. А что это действительно так, ты можешь убедиться из того, что собравший богатство не получает от него себе славы, и никто не называется добрым потому, что он имеет прекрасный дом, или сад, или луг, или множество слуг, или дорогие одежды. Все похвалы относятся к имуществу, а не переносятся на владельца. Мы удивляемся дому, саду, лугу и красоте одежд; но этим восхваляется искусство сделавших, а не добродетель владеющих, и даже напротив, это служит доказательством нечестия последних.

2. Богатства, по свойству своему, не только не придают, славы обладающим ими, но совершенно уничтожают ее. Тех, которые хвалятся их обилием, все признают людьми жестокими, бесчеловечными, негодными и чуждыми любомудрия. Это – слава не человека, как я сказал, но дома; тех же, которые живут в целомудрии, умеренности, кротости, смирении и с усердием служат Богу, мы отличаем, хвалим, превозносим, потому что в этом преимущественно состоит слава человека. Зная это, не почитайте счастливым того, кто владеет в изобилии этими вещами, не имеющими с ним ничего общего. Если ты увидишь человека, сидящего на колеснице, надменного, гордого, поднимающегося до облаков, но на самом деле, – это невозможно, – но душевным помыслом или, лучше, бессмыслием, то не называй его славным, высоким и великим. Высоким делают человека не кони, везущие колесницу, а высота добродетели, возносящая до сводов небесных. Если увидишь другого сидящего на коне, сопровождаемого множеством жезлоносцев, разгоняющих пред ним народ на площади, не ублажай и его за это, но наперед узнай его душу и тогда составляй о нем мнение, соответственное ее качествам. А то, что мы видим ныне, достойно смеха. Для чего, скажи мне, ты разгоняешь народ на площади? Для чего толкаешь встречающихся и будучи сам человеком, гонишь человека? Какая гордость! Какое безумие! Не сделался ли ты волком, или львом, что, при входе в город всех обращаешь в в бегство? Но и волк никогда не прогоняет волка и лев – льва, напротив они живут вместе, уважая единство природы; а ты, кроме природы имея еще многие другие побуждения к кротости, смирению и сравнению себя с другими людьми, для чего становишься свирепее диких зверей и ради бессловесного животного оказываешь презрение к существам разумным? Господь твой возвел человека на небо, а ты не разделяешь с ним и площади? Что я говорю: на небо? Господь посадил его на царский престол, а ты выгоняешь его даже из города? Для чего у тебя золотая узда, украшающая коня? Какое ты можешь иметь оправдание, или какое прощение, когда бессловесное животное, которое не чувствует оказываемой ему чести, ты украшаешь сверх нужды, – ведь для него одно и то же, как золото, так и свинец, – а видя Христа, изнуряемого голодом, не доставляешь Ему даже необходимой пищи? И почему ты, будучи сам человеком, не хочешь сообщаться с людьми, но ищешь пустыни среди городов не думаешь, что Господь твой вкушал пищу с мытарями, беседовал с блудницею, распялся с разбойниками и обращался между людьми, но, предаваясь гордости и надменности, перестаешь быть человеком? Отсюда у вас великое нерадение о милостыне, отсюда страсть к стяжанию, отсюда жестокость и бесчеловечие. Когда ты надеваешь золотую узду на коня, золотое ожерелье на слугу, золотую оправу на камень, золотые ремни на себя, золотую одежду, золотой пояс, золотую обувь, и столько налагаешь на себя потребностей невоздержания, чтобы удовлетворить ненасытную страсть и доставить пищу самому свирепому зверю, т.е. сребролюбию, тогда ты обнажаешь сирот, обижаешь вдовиц и являешься общим врагом всех, проводя суетную жизнь и избирая путь, не ведущий ни к чему доброму. Для чего тебе хочется украшать иноплеменного раба своего золотою одеждою? Какая отсюда прибыль? Какая польза для души? Какая выгода для тела? Какое приобретение для дома? Напротив, это – напрасная трата, безрассудная расточительность, предмет роскоши, знак нечестия, повод к пустой и распутной жизни, растление души, путь, ведущий к бесчисленному множеству зол. А ложи, обложенные серебром и украшенные золотом, подножные скамейки и горшки, сделанные из тех же металлов, и множество таких смешных вещей, могут ли способствовать к исправлению твоей жизни? Улучшили ли они тебя, или твою жену, или кого-нибудь из твоих домашних? Не от этого ли множество разбойников и воров? Не от этого ли беглые рабы? Когда они видят везде блестящее серебро, то в них развивается порок воровства. Если в тебе, человеке свободном и гордящемся своим благородством, блестящее на площади серебро возбуждает пожелание, то тем более в рабе. Говорю это не для того, чтобы оправдывать беглых рабов и подобных преступников, но чтобы убедить вас не доставлять пищи таким их болезням. Но, скажешь, куда же скрыть богатство? Неужели зарыть в

землю? Нет; но, если ты хочешь послушаться моего совета, то я покажу тебе способ, которым ты можешь сделать этого беглого раба верным.

3. Богатство есть беглый раб, перебегающий сегодня к одному, завтра к другому; и не только оно само есть беглый раб, но обращает в таких же рабов и людей, делая часто беглецами сохраняющих его. Как же можно удержать этого беглеца? Противоположно тому, как поступают с другими беглецами. Другие удерживаются, когда их стерегут, а оно убегает, когда сберегается, и удерживается, когда разделяется. Если сказанное кажется тебе странным, то научись от земледельцев. Если они оставляют пшеницу дома и закапывают, то отдают ей моли и червям, и губят; а если разбрасывают по нивам, то не только сохраняют ее, но и умножают. Так и богатство, остающееся в сундуках, за дверями и запорами, или зарываемое в землю, скоро убегает; если же ты расточишь его на бедных, как земледелец бросает пшеницу на ниву, то оно не только не убежит, но еще увеличится. Итак, зная это, не отдавай его слуге, но раздай в бесчисленное множество рук, в руки вдов и сирот, убогих, заключенных в темнице. Находясь в таких руках, оно не может убежать, но удерживается твердо и увеличивается. Но, скажешь, что же я оставлю детям? Я не заставляю тебя раздавать все; а если и все раздашь, то тем более богатыми сделаешь детей своих, оставив им вместо денег милостивого Бога, благие плоды милосердия и между людьми множество покровителей и благодетелей. Как людей корыстолюбивых мы ненавидим, хотя бы сами не потерпели от них вреда, так милосердых, хотя бы мы сами не получили от них никакой милости, уважаем и любим, и не только их, но и детей их. Представь же, какая честь видеть детей любимыми множеством людей и слышать, как и все говорят, когда богатство употреблено на пропитание бедных: это – сын человеколюбивого, это – сын милостивого. Между тем ты вещь бесчувственную украшаешь тщетно и напрасно, – потому что камень остается бесчувственным, сколько бы ты ни положил на него талантов золота, – а тому, кто чувствует и изнуряется голодом, не хочешь подать даже необходимой пищи. Но когда откроется страшное судилище, потекут огненные реки и потребуется от нас отчет в делах наших, тогда что скажешь ты в оправдание такого небрежения, такого безумия, жестокости и бесчеловечия? Какое представишь основательное извинение? Каждый из прочих людей имеет какую-нибудь цель и основание своей деятельности: земледелец, если потребуешь от него отчета, скажет, для чего он запрягал волов, проводил борозды, тащил плуг; купец скажет, для чего он вел корабль по морю, нанимал работников, тратил деньги; строитель, сапожник, медник, хлебопекарь и каждый из ремесленников покажет основание и причину своих действий; а ты, украшая ложе свое серебром, позлащая коня и камень, приготовляя такие же кожи, если потребовать от тебя отчета и основания – какую представишь причину? Какое скажешь основание? Разве сон бывает приятнее на таком ложе? Не можешь сказать этого; напротив, – если сказать нечто неожиданное, – бывает даже не приятнее, потому что там больше забот и сильнее беспокойство. Здание разве делается безопаснее от золота? Нет. Разве конь бывает лучше от такой узды, или слуга – от такой одежды? В этом случае бывает все напротив. Для чего же вы показываете такое невежество во всем этом? Вы, конечно, скажете, что чрез это приобретаете себе большую славу. Но разве вы не слышали в начале нашей беседы, что все это – не слава человека, а напротив бесчестие его, бесславие, осуждение и унижение? Отсюда приходит зависть, клевета и бесчисленное множество зол; и чем огромнее стяжания, тем продолжительнее осуждение; эти обширные и великолепные дома, и по смерти владельцев, громко говорят против них, как самые злые обвинители. Тело их предано земле, но вид зданий не позволяет, чтобы вместе с телом была погребена и память об их любостяжании; каждый прохожий, при взгляде на высоту и величие обширного и великолепного дома, скажет себе или ближнему: скольких слез стоило построение этого дома? Сколько ограблено сирот? Сколько обижено вдов? Сколько людей лишено платы? Таким образом, для тебя выходит противное: ты желал приобресть славу при жизни, но и по окончании жизни не избавляешься от обвинителей и,

как медный столб, этот дом передает твое имя и заставляет даже тех, которые не видели тебя при жизни, осыпать тебя бесчисленными укоризнами.

4. Итак, если чрезмерное честолюбие не приносит даже и такой пользы, то будем убегать, возлюбленные, будем убегать этой болезни и не будем свирепее бессловесных животных. У них все общее – и земля, и источники, и пастбища, и горы, и леса, и ни одно из них не имеет больше другого; а ты человек, кротчайшее животное, делаешься свирепее зверя, заключая в одном своем доме пропитание тысячи и даже многих тысяч бедных, между тем, как у нас одна, общая природа и многое другое, кроме природы: общее небо, солнце, луна, хор звезд, воздух, море, огонь, вода, земля, жизнь, смерть, юность, старость, болезнь, здоровье, потребность пищи и одежды; также общие и духовные блага: священная трапеза, тело Господа, честная кровь Его, обетование царствия, баня возрождения, очищение грехов, правда, освящение, искупление, неизреченные блага, "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**" (1Кор.2:9). Поэтому, не безумно ли тем, которые имеют между собою столько общего, и природу, и благодать, и обетования, и законы, быть так пристрастными к богатству, не соблюдать и в этом равенства, но превосходить свирепость зверей, и притом тогда, как предстоит необходимость скоро оставить все это, и не только оставить, но и подвергнуться из-за этого крайней опасности? Смерть отторгает от наслаждения земными благами, и затем приводит к отчету и вечным мучениям. Итак, чтобы с нами не случилось этого, будем творить щедрую милостыню; она – царица добродетелей; она будет с дерзновением ходатайствовать там и избавит от наказания и мучения, так что никто не остановит того, кто с нею восходит на небо. Легки ее крылья, велика сила ее ходатайства; она достигает до самого царского престола и безопасно возносит туда своих питомцев. "**Молитвы твои**", сказал (ангел Корнилию), "**и милостыни твои пришли на память пред Богом**" (Деян.10:4). Почему и нам не взойти на эту высоту, отказавшись от неуместного любостяжания, от бесполезной роскоши и тщеславия? Сделаем же излишние вещи полезными для нас, раздав свое великое богатство и вручив его деснице Судии, Который может сохранить его в безопасности, и за это в день суда будет кроток и милостив к нам, и хотя бы мы совершили тысячи грехов, подаст нам прощение и оправдание, которого да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА,

сказанная в великую седмицу, о том, почему эта седмица (страстная) называется великою, и на слова: "хвали, душа моя, Господа" (Пс.145:1), и о темничном страже, упоминаемом в Деяниях

1. Мы совершили плавание поста и по благодати Божией достигли наконец пристани; но не будем беспечными потому, что мы достигли пристани, а напротив потому самому, что мы достигли конца, будем еще более ревностными. Так поступают и кормчие: когда они готовятся ввести в устье пристани корабль с грузом, наполненный до верху пшеницею и другими товарами, то бывают особенно деятельными и осторожными, чтобы корабль после долгого плавания не разбился здесь о какую-нибудь скалу и не потопил всех товаров. Так и мы теперь должны быть особенно деятельными и осмотрительными, чтобы при конце не лишиться воздаяния за труды; потому нам и нужно усилить ревность. Так поступают и бегающие на ристалищах: когда они видят, что они уже недалеко от места наград, тогда особенно ускоряют бег свой. Так и борцы, когда, после многих усилий борьбы и многократных побед, приближаются к венцам, тогда особенно ободряются и напрягают свои силы. То же самое сделаем теперь и мы. Что для кормчего – пристань, для бегающих – место наград и для борцов – венцы, то для нас – настоящая седмица, начаток

благ и приближение к венцам. Потому и мы называем ее великою, не потому, чтобы дни ее были продолжительнее всех других, – напротив есть другие дни продолжительнее, – и не потому, чтобы в ней было числом больше дней, – они равны прочим, – но потому, что в эту седмицу Господь совершил для нас великие дела. Во время этой великой седмицы низложена давняя власть диавола, попрана смерть, связан крепкий, расхищены сосуды его, умерщвлен грех, разрешена клятва, открыт рай, доступным сделалось небо, люди соединились с ангелами, разрушено средостение ограды, снято покрывало, Бог мира умиротворил горнее и земное. Потому она и называется великою седмицею; и как она есть глава других седмиц, так для ней глава – великая суббота; что в теле глава, то в седмице – суббота. Потому в это время многие и усиливают свою ревность: одни увеличивают пост, другие – священные бдения, иные умножают милостыни, свидетельствуя такою ревностью к добрым делам и усиленным благочестием в жизни о величии благодеяния, оказанного нам Богом. Как в то время, когда Господь воскресил Лазаря, вышли к нему навстречу все жители Иерусалима и своею многочисленностью свидетельствовали, что Он воскресил мертвого, а усердие вышедших и служило доказательством чуда, – так точно и теперь усердное почитание этой великой седмицы служит знаком и доказательством величия совершенных во время ее дел. Ныне мы не из одного города и не из Иерусалима только выходим на встречу Христу, но со всей вселенной бесчисленные церкви везде выходят на встречу Иисусу, не пальмовые ветви держа в руках и потрясая, но принося Владыке Христу милостыню, человеколюбие, добродетель, пост, слезы, молитвы, бдения и всякое благочестие.

И не мы только почитаем эту седмицу, но я цари нашей вселенной почитают ее необыкновенным образом, давая отдохновение всем, занимающимся общественными делами, чтобы они, пользуясь свободою от занятий, усердно проводили все эти дни в духовном служении. Для того они и затворили теперь двери судилищ; пусть прекратятся, говорят они, всякого рода тяжбы, ссоры и наказания; пусть несколько отдохнут руки палачей; дела Господа совершены для всех вообще; пусть же и от нас рабов будет какое-нибудь добро. И не только такою ревностью и усердием они почтили ее, но и другим не меньшим образом. В это время рассылаются царские указы, которыми повелевается освободить от уз заключенных в темнице. Как Господь наш, сошедши во ад, освободил всех, которые были содержимы смертью, так точно и рабы, делая посильное для них и подражая человеколюбию Господа, освобождают людей от чувственных уз, не имея сил освобождать от уз духовных.

2. И мы почитаем эту седмицу; и я вышел с вами, представляя, вместо пальмовых ветвей, слово назидания, повергая две лепты, подобно вдовице. Те выходили с пальмовыми ветвями, восклицали и говорили: "**благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних!**" (Мф.21:9). Выйдем и мы, и вместо пальмовых ветвей представив цветущие души, будем восклицать, как пели сегодня: "**Хвали, душа моя, Господа. Буду восхвалять Господа, доколе жив**" (Пс.145:1,2). И те слова принадлежат Давиду, и эти; или лучше – и те, и другие принадлежат не Давиду, а благодати Духа. Произносил их пророк, но языком его двигал Утешитель. Потому он и сказал: "**язык мой - трость книжника скорописца**" (Пс.44:2). Как трость пишет не сама собою, но по распоряжению движущей ее руки, так точно и язык пророков говорил не сам собою, а по благодати Божией. Но для чего он не просто сказал: **язык мой трость книжника**, но: "**трость книжника скорописца**"? Чтобы ты знал, что у них мудрость духовная, и потому в ней великая легкость и великая быстрота. Люди, говоря сами от себя, составляют речь, соображают, медлят, тратят много времени; а там слова текли, как из источника, не встречали никакого препятствия, и даже быстрота языка преодолевалась приливом мыслей. Поэтому он и сказал: "**язык мой - трость книжника скорописца**"; внутри нас,

говорит, кипят обильные потоки, и потому они вытекают с великою скоростью; нам не нужно ни соображений, ни усилий и трудов.

Впрочем, посмотрим, что говорит он в словах: "**хвали, душа моя**". Эти слова и мы поем теперь вместе с Давидом, потому что хотя он не присутствует с нами телом, но присутствует духом. А что праведники действительно присутствуют и поют вместе с нами, об этом, послушай, как Авраам говорит богатому. Когда богач сказал: пошли Лазаря, чтобы мои братья, узнав о мучениях в аде, исправились, – он отвечал: "**у них есть Моисей и пророки**" (Лк.16:29). Хотя Моисей и все пророки уже давно умерли телом, но их имели они в писаниях. Если ты, поставив бездушное изображение своего сына или друга, думаешь, что сам умерший присутствует при тебе, и воображаешь его посредством этого бездушного изображения, то тем более мы, чрез божественное Писание, наслаждаемся присутствием святых, имея в нем изображение не тел, но душ их, потому что изречения их суть изображения душ их. Ты хочешь убедиться, точно ли праведники живут и присутствуют? Никто не призывает мертвых во свидетели; а Христос призывает их во свидетели своего божества, и прежде всех самого Давида, чтобы научить тебя, что он жив. Когда иудеи недоумевали о Нем, Он сказал им: "**что вы думаете о Христе? чей Он сын? Говорят Ему: Давидов. Говорит им: как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня**" (Мф.22:42-44)? Видишь ли, что Давид жив? Если бы он не был жив, то Христос не представил бы его свидетелем божества Своего. Притом не сказал: **как же Давид, по вдохновению, называл**, но: "**называет**", чтобы показать, что он и теперь присутствует и говорит чрез писания. Давид некогда пел псалмы, и мы теперь поем их вместе с Давидом. Он имел псалтирь с бездушными струнами, и церковь имеет псалтирь, устроенную из струн одушевленных. Наши языки суть струны этой псалтири, которые издают хотя различные звуки, но согласное благочестие. Жены и мужи, старцы и юноши, хотя отличаются друг от друга по возрасту, но не отличаются по псалмопению, потому что Дух, настраивая голос каждого, производить во всех одно согласное пение, как объяснил и сам Давид, призывая всякий возраст и всякий пол к этому согласному пению: "**всякое дыхание**", говорит он, "**да хвалит Господа!**" (Пс.150:5). "**Хвали, душа моя, Господа**". Почему он оставил тело? Почему не говорит ничего телу? Не разделяет ли он живое существо на две части? Нет; но он наперед побуждает распорядительницу. А что он не отделял тела от души, послушай, как он говорит в другом месте: "**Боже, Боже мой! К Тебе с утра обращаюсь, возжаждала Тебя душа моя и сколь сильно плоть моя (стремилась) к Тебе в земле пустой, и непроходимой, и безводной!**" (Пс.62:2). Но, скажешь, покажи мне, где он призывал и тело к песнопению. Так, он говорит: "**Благослови, душа моя, Господа и вся внутренность моя - имя святое Его!**" (Пс.102:1). Видишь ли, как и тело участвует в стройном пении? Что значит: "**и вся внутренность моя - имя святое Его!**"? Нервы, говорит, кости, вены, артерии и все внутренности.

3. Но как внутренности наши могут благословлять Бога, когда они не имеют голоса, не имеют уст, не имеют языка? Душа может делать это. Но как могут внутренности, не имея ни голоса, ни языка, ни уст, благословлять Бога? Так же, как "**небеса поведают о славе Божией**" (Пс.18:1). Как небеса, хотя не имеют языка, уст и губ, но, красотою своего вида изумляя зрителей, побуждают их своим дивным устройством возносить хвалу Создателю, так и в наших внутренностях, если ты представишь все, если рассмотришь разнообразие их свойств, деятельности, силы, согласия, устройства, положения, числа, стройности, то произнесешь слова пророка: "**как величественны дела Твои, Господи! Все премудростью Ты сотворил**" (Пс.103:24). Видишь ли, как внутренности благословляют Бога без голоса, уст и языка? Для чего же пророк говорит только душе? Для того чтобы она не рассеивалась, когда говорит язык, как часто случается с нами во время молитв и

песнопений, – для того, чтобы с той и другой стороны было согласие. Если ты, молясь, не слушаешь слов Божиих, то, как Бог услышит твою молитву? Таким образом, когда он говорит: хвали, "**душа моя, Господа**", то выражает следующее: пусть молитвы будут возносимы внутри, из глубины сердца. Поэтому и Павел говорит: "**буду петь духом, буду петь и умом**" (1Кор.14:15). Душа есть некоторый отличный музыкант, есть художник; а тело есть орудие, заменяющее псалтирь, флейту и лиру. Другие музыканты не всегда бывают со всеми своими инструментами, но то берут их, то оставляют; они не постоянно играют, и потому не всегда носят в руках инструменты, а тебе Бог хотел внушить, что ты должен непрестанно хвалить и благословлять Его и для того соединил в тебе навсегда орудие с художником. А что нужно благословлять Бога непрестанно, о том послушай, как говорит апостол: "**непрестанно молитесь. За все благодарите**" (1Фес.5:17,18). Так как молиться должно непрестанно, то и орудие находится постоянно при художнике. "**Хвали, душа моя, Господа**". Это произнес прежде Давид одним своим языком, а ныне, после кончины своей, он говорит это бесчисленным множеством языков, не у нас только, но и по всей вселенной. Видишь ли, что он не мертв, но жив? Как может назваться мертвым тот, кто имеет столько языков и говорит столькими устами? Поистине великое дело – хвала Богу; она очищает нашу душу и производит в нас великое благоговение.

Хочешь ли знать, какая сила в песнопениях Богу? Три отрока, воспевая их, погасили вавилонскую пещь, или лучше, не погасили, но, что гораздо удивительнее, разженный пламень попрали ногами, как грязь. Это песнопение, проникнув в темницу с Павлом, разрешило узы, отворило двери темницы, поколебало основания, поразило великим ужасом темничного стража. "**Около полуночи**", говорит Писание, "**Павел и Сила, молясь, воспевали Бога**" (Деян.16:25). Что же случилось потом? Совершенно необыкновенное и дивное дело. Узы разрешились, связанные связали несвязанных. Узы, по свойству своему, крепко держать связанного и не дают ему свободы; а здесь несвязанный страж темницы пришел и пал к ногам связанного Павла. Вещественные узы по свойству своему таковы, что удерживают связанного; а узы Христовы имеют такую силу, что несвязанных покоряют связанным. Страж вверг их внутрь темницы, а они, находясь внутри, отворили внешние двери; он заключил ноги их в колоду, но связанные ноги их разрешили руки других. Потом, говорит Писание, страж припал к ним в страхе и трепете, с воплем, беспокойством и слезами (ст. 29). Что же случилось? Не ты ли сам связал их? Не ты ли стерег их в заключении? Но удивительно ли, что эта сила отворила темницу, когда она имеет возможность отверзать небеса? "**Что вы свяжете на земле**", сказал Господь, "**то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе**" (Мф.18:18). Она разрешает узы грехов: удивительно ли, что она разрешила узы железные? Она разрешает узы бесовские и освобождает души, связанные ими: удивительно ли, что она разрешила цепи узников? И посмотри на двоякое чудо: она разрешила и в то же время связала; разрешила узы и связала сердце узников, так как они не знали, что были свободны. Она отворила и в то же время заключила: отворила двери темницы и заключила глаза сердца узников, так что они не видели отворенных дверей, чтобы, воспользовавшись свободою, не обратились в бегство. Видишь ли, как она связывает и разрешает, отверзает и заключает? 4. Это происходило ночью для того, чтобы событие совершилось без шума и без всякого смятения. Апостолы ничего не делали на показ и из тщеславия. Начальник темничной стражи пал к ногам Павла. Что же Павел? Ты видел чудо его, видел необычайные дела его. Посмотри же на его попечение, посмотри на его человеколюбие. "**Но Павел возгласил громким голосом, говоря**", говорит Писание, "**не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь**" (Деян.16:28). Того, кто жестоко связал его, он не допустил тяжко погибнуть; он не помнил зла. "**Ибо все**", говорит, "**здесь**". Посмотри на его смирение. Он не сказал: эти чудеса сотворил я, но что? "**Все мы здесь**". Павел сравнил себя с узниками. Увидев случившееся, страж удивился, был поражен чудом и благодарил Бога. Поистине он был достоин попечения и снисхождения; он не приписал

случившегося волшебству. Почему же он не подумал, что случившееся – дело волшебства? Потому, что слышал, как они славили Бога; а волшебник никогда не славит Бога. Он встречал многих волшебников, так как был темничным стражем; но никто из них никогда не совершал такого дела, не разрешал уз, не оказывал такого попечения. Павел хотел остаться связанным, а не бежать, чтобы избавить его от смерти. Тот вбежал с мечом в руках и со светильником, потому что диавол хотел чрез убийство лишить его покаяния; но Павел громким возгласом быстро доставил спасение душе его. Он не просто сказал, но "**возгласил громким голосом, говоря: все мы здесь**". Страж удивился такому попечению, несвязанный припал к связанному и что сказал? "**Государи мои! что мне делать, чтобы спастись?**" (ст. 30)? Как, ты связал их, и сам в затруднении? Ты заключил их в колоду, и у них ищешь средства к покаянию и спасению? Видишь ли его пламенное усердие, видишь ли ревность? Он не медлил, и избавившись от страха, не оставил доброго дела, но тотчас приступил к спасению своей души. Была ночь и даже полночь; но он не сказал: подождем, пусть настанет день, а тотчас приступил к спасению. Велик этот муж, – говорил он, – выше человеческой природы; я видел чудное дело его, удивляюсь человеколюбию его; потерпев от меня бесчисленное множество зол, находясь в крайних обстоятельствах, потом овладев мною, который связал его, и имея возможность погубить меня, он не только не сделал ничего такого, но, когда я сам намеревался убить себя и пронзить мечом свое горло, он удержал меня. Поэтому с убеждением сказал: "**государи мои! что мне делать, чтобы спастись?**" Так, не чудеса только привлекали к апостолам верующих но еще прежде чудес жизнь их. Потому и Христос сказал: "**так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Мф.5:16). Видишь ли пламенную ревность темничного стража? Посмотри и на ревность Павла. Он не медлил и не оставил его без внимания; но, находясь в узах, в колоде, в ранах, тотчас преподал ему таинства и с ним всему дому его, а после духовного очищения и духовной трапезы, принял и трапезу телесную. Но для чего Бог поколебал темницу? Он хотел возбудить в темничном страже внимание к происходившему; разрешил чувственные узы связанных, чтобы разрешить духовные узы темничного стража. Наоборот сделал Христос. Когда пришел к нему человек расслабленный, страдавший двояким расслаблением, греховным и телесным, тогда Он наперед разрешил его от расслабления греховного, сказав: "**чадо! прощаются тебе грехи твои**" (Мк.2:5), а потом, когда некоторые сомневались, богохульствовали и говорили: "**кто может прощать грехи, кроме одного Бога?**", Он, желая показать им, что Он есть истинный Бог, желая осудить их собственными их словами, чтобы можно было сказать: "**твоими устами буду судить тебя**" (Лк.19:22), говорит: ты сказал, что никто не может отпускать грехи, кроме одного Бога; вот я отпускаю грехи; исповедуй же мое Божество; осуждаю тебя твоими же словами (Мк.2:10). Там сначала духовное разрешение, а потом чувственное; а здесь наоборот, разрешены сначала чувственные узы, а потом духовные.

Видишь ли, какова сила песнопений, как сильна хвала, как сильна молитва? Сила молитвы всегда велика; но если молитва соединяется с постом, то делает душу еще более сильною. Ныне у нас особенная чистота помыслов; ныне возбуждается ум и душа созерцает все горнее. Потому Писание и соединяет всегда молитву с постом. Как и когда? "**Не уклоняйтесь**", говорит оно, "**друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве**" (1Кор.7:5); и в другом месте: "**сей же род изгоняется только молитвою и постом**" (Мф.17:21); и еще в другом месте: "**совершив пост и молитву и возложив на них руки**" (Деян.13:3).

5. Видишь ли, как молитва везде соединяется с постом? Тогда наша лира издает приятнейшую и самую лучшую мелодию, потому что струны ее бывают не вялы, не ослаблены излишеством невоздержания, но рассудок тверд, ум жив, душа бодра. Так должно приближаться к Богу и беседовать с Ним наедине. Если мы, намереваясь сказать

что-нибудь нужное своим друзьям, отводим их в уединенное место, и тогда говорим с ними, то тем более мы должны так поступать в отношении к Богу, т.е. входить в эту сокровищницу с совершенною тишиною, и тогда конечно получим все, чего только будем просить полезного. Молитва великое благо, когда она совершается с благодарным и бодрым расположением духа. Когда же дух бывает благодарным? Когда мы приучаем себя благодарить Бога, не только получая просимое, но и не получая. Бог иногда дает, а иногда не дает; но то и другое делает с пользою, так что, хотя ты получаешь, хотя не получаешь, ты получаешь и чрез то самое, что не получаешь; хотя ты достигаешь желаемого, хотя не достигаешь, ты достигаешь и чрез то самое, что не достигаешь. Не получить просимого часто бывает полезнее, нежели получить. Если бы для нас часто не было полезно не получать просимого, то Бог конечно всегда давал бы; а не получать с пользою значит достигать просимого. Вот почему Он часто медлит исполнять наше прошение, не желая мучить нас медленностью, но отсрочкою дара научая постоянной внимательности. Так как мы часто, получив просимое, после получения ослабляем усердие в молитвах, то Он, желая усилить нашу ревность в молениях, откладывает дар. Так поступают и чадолюбивые родители: детей ленивых и предающихся детским играм они часто обещанием большого подарка удерживают при себе, и потому иногда откладывают дар, а иногда и вовсе не дают его. Бывает и то, что мы просим себе чего-нибудь вредного; но Бог, лучше нас зная полезное для нас, не удовлетворяет нашим молитвам, устрояя полезное для нас и без нашего ведома. Впрочем, удивительно ли, что мы бываем не услышаны, когда то же бывало и с Павлом? И он часто не получал просимого, но не только не скорбел, а еще благодарил Бога. "**О том**", говорит он, "**трижды молил я Господа**" (2Кор.12:8). Слово: "**трижды**" означает: часто. Если же Павел часто не получал просимого, то тем более мы должны быть терпеливыми. Но посмотрим, какое он, часто не получая просимого, имел расположение духа при неполучении. Он не только не скорбел, но еще хвалился тем, что не получал. Так, сказав: "**трижды молил я Господа о том, но Господь сказал мне: "довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**", он прибавляет: "**потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами**" (2Кор.12:9).

6. Видишь ли благоразумие раба Божия? Он просил избавления от немощи, и Бог не послушал его; но Павел не только не скорбел, а еще хвалился при своей немощи. Так и мы будем настраивать свои души; даст ли Бог или не даст просимого, за то и другое будем благодарить Его, потому что в том и другом случае Он делает полезное для нас. Если в Его власти – дать, то в Его же власти и то, когда дать, что дать, или не дать. Ты сам не знаешь полезного для тебя так хорошо, как знает Он. Ты часто просишь бесполезного и вредного; но Он, более заботясь о твоем спасении, смотрит не на прошение, но прежде того всегда на пользу для тебя. Если плотские родители не все дают просящим детям, не потому, чтобы не обращали на них внимания, но потому, что весьма заботятся о них, то тем более Бог, и больше любящий и больше всех знающий полезное, поступает таким образом. Будем же непрестанно упражняться в молитвах не только днем, но и ночью. Послушай, что говорит сам пророк: "**в полночь я вставал славить Тебя за праведные суды Твои**" (Пс.118:62). Царь, имевший столько забот, управлявший племенами, городами и народами, устроявший мир, ведший войны, видевший пред собою всегда бесчисленное множество дел и не имевший нисколько отдыха, упражнялся в молитвах не только днем, но и ночью. Если же царь, живший в таком довольстве, имевший столько забот, окруженный столь многими делами, не успокаивался даже ночью, но постоянно совершал молитвы усерднее монахов, живущих в горах, – то, скажи мне, какое прощение получим мы, которые живем в полном спокойствии, ведем частную и недеятельную жизнь, и между тем не только целые ночи проводим во сне, но и во время дня не совершаем установленных молитв с надлежащим бдением? Молитва – великое оружие; молитва – великое украшение, ограждение и пристань, сокровище благ и нерасхищаемое

богатство. Когда мы нуждаемся в людях, то бывает нужно и тратить деньги, и употреблять рабскую лесть, и много хлопот и усилий. Часто бывает, что нельзя обращаться к самим господам за получением милости и даже беседовать с ними, но наперед служителей их, домоправителей и надзирателей нужно расположить к себе и деньгами, и словами, и всякими способами, чтобы потом чрез них получить просимое. Но у Бога не так; напротив, Он не столько по ходатайству других, сколько по просьбе нас самих склоняется на милость. Здесь и получающий и не получающий может получать пользу; а от людей в том и другом случае мы часто получаем вред. Итак, если обращающееся к Богу получают большую пользу и с большей легкостью, то не будем оставлять молитвы. Бог тогда особенно примирится с тобою, тогда особенно подаст тебе, чего ты просишь, когда ты будешь просить сам собою, когда представишь чистую душу, бодрый ум, и будешь молиться не рассеянно, как делают многие, у которых часто язык произносит слова молитвы, а душа блуждает по домам, площадям и дорогам. Все это – козни диавола. Он знает, что в это время мы можем получить прощение грехов, и потому, желая заградить нам пристань молитвы, в это время нападает на нас, отвлекая наши мысли от произносимых слов, так что мы отходим больше со вредом, нежели с пользою. Зная это, человек, когда ты приступаешь к Богу, размысли, к Кому ты приступаешь, и для тебя достаточным будет побуждением к внимательности достоверность Того, Кто готов даровать тебе благодать. Воззри на небо и размысли, к Кому ты обращаешь свою речь. Если всякий, хотя бы самый беспечный, вступая в разговор с человеком, нисколько возвысившимся почестями человеческими, непременно оправляет себя и побуждает душу свою быть бодрою, то тем более, когда мы размыслим, что мы беседуем с Владыкою ангелов, получим отсюда для себя достаточное побуждение к внимательности. Если нужно предложить и другой способ, которым мы можем избежать рассеянности, то я скажу вот что: мы часто, по окончании молитвы, отходим, не слышав ничего из того, что говорили; заметив это, мы тотчас снова повторим ее, и если случится опять тоже самое, то повторим в третий и четвертый раз и не прежде перестанем молиться, пока произнесем всю молитву со вниманием. Когда диавол увидит, что мы не прежде перестаем, пока произнесем молитву с усердием и вниманием, то он, наконец, оставит свои козни, видя, что его козни только заставляют нас часто повторять ту же молитву. Много ран, возлюбленные, мы получаем каждый день от домашних и от чужих, на торжище и дома, от общественных и частных дел, от соседей и друзей. Ко всем этим ранам мы прилагаем врачество во время молитвы. Бог имеет силу, если мы с бодрою мыслью, пламенной душою и чистою совестью приступаем к Нему и просим прощения, даровать нам отпущение всех грехов, которого да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Св. Духом, слава во веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том VI

Книга 1

Толкование на пророка Исаию

Предисловие.

Глава 1. Видение Исаии, сына Амосова, которое он видел (Ис.1:1).

Глава 2. Слово, которое было в видении к Исаии, сыну Амосову (Ис.2:1).

Глава 3. Вот, Господь, Господь Саваоф, отнимет у Иерусалима и у Иуды посох и трость (Ис.3:1).

Глава 4. И ухватятся семь женщин за одного мужчину в тот день, и скажут: "свой хлеб будем есть и свою одежду будем носить, только пусть будем называться твоим именем, - сними с нас позор" (Ис.4:1).

Глава 5. Воспою Возлюбленному моему песнь Возлюбленного моего о винограднике Его (Ис.5:1).

Глава 6. В год смерти царя Озии (Ис.6:1).

Глава 7. И было во дни Ахаза, сына Иоафамова, сына Озии, царя Иудейского (Ис.7:1).

Глава 8.1. И сказал мне Господь: возьми себе большой свиток и начертай на нем человеческим письмом: Магер-шелал-хаш-баз. И я взял себе верных свидетелей: Урию священника и Захарию, сына Варахиина, - и приступил я к пророчице, и она зачала и родила сына. И сказал мне Господь: нареки ему имя: Магер-шелал-хаш-баз, ибо прежде нежели дитя будет уметь выговорить: отец мой, мать моя, - богатства Дамаска и добычи Самарийские понесут перед царем Ассирийским (Ис.8:1-4).

Глава 8.2.

Глава 9.

Глава 10.

Глава 11.

Глава 12.

Глава 13.

Глава 14.

Глава 15.

Глава 16.

Глава 17.

Глава 18.

Глава 19.

Глава 20.

Глава 21.

Глава 28.

Глава 30.

Глава 31.

Глава 32.

Глава 33.

Глава 34.

Глава 35.

Глава 36.

Глава 37.

Глава 38.

Глава 39.

Глава 40.

Глава 41.

Глава 42.

Глава 43.

Глава 44.

Глава 45.

Глава 46.

Глава 47.

Глава 48.

Глава 49.

Глава 50.

Глава 51.

Глава 52.

Глава 53.

Глава 54.

Глава 55.

Глава 56.

Глава 57.

Глава 58.

Глава 59.

Глава 60.

Глава 61.

Глава 62.

Глава 63.

Глава 64.

Беседы на слова пророка Исаии

Беседа 1. В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном (Ис.6:1).

Беседа 2. На слова пророка Исаии: В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном (Иса.6:1). И о том, что не должно оставлять без внимания ни времени, ни даже единой буквы божественных Писаний.

Беседа 3. На первую (чит. вторую) Паралипоменон, где говорится: возгордилось сердце Озии (2Пар. 26:16), также о смиренномудрии, и о том, что добродетельному не следует быть самонадеянным, и о том, сколь великое зло - гордость**.**

Беседа 4. На слова пророка Исаии: В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном; похвала городу Антиохии и вдохновенное обличение запрещающих брак.

Беседа 5. На слова пророка Исаии: В год смерти царя Озии видел я Господа, и доказательство того, что справедливо наказан был проказою Озия, недостойно кадивший, что позволительно не царям, а священникам.

Беседа 6. На слова пророка Исаии: В год смерти царя Озии видел я Господа, и доказательство того, что справедливо наказан был проказою Озия, недостойно кадивший, что позволительно не царям, а священникам.

На слова пророка: Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия (Ис.45:7).

На слова пророка Иеремии: Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим (Иер.10:23).

Объяснение того, что неясность пророчеств о Христе, язычниках и отпадении иудеев полезна.

Еще о неясности Ветхого Завета и о человеколюбии Божиим, и о том, что не должно осуждать друг друга.

Святого отца нашего Иоанна Златоуста

Архиепископа Константинопольского

Толкование на пророка Исайю

Превосходство пророка Исайи весьма ясно можно видеть и из самой книги его, но в совершенстве показывает это апостол Павел, который знал лучше всех добродетели его и говорил Св. Духом. Объясняя смелую речь пророка, нераболепный образ мыслей, высокий ум и большую ясность пророчества о Христе, он выразил все это одним словом: "**а Исаия смело говорит: "Меня нашли не искавшие Меня, Я открылся не вопрошавшим о Мне"**" (Рим. 10:20). Велика также и сострадательность этого пророка. Он не только восставал против народного безумия и с великой смелостью, свободной речью и высокими мыслями возвещал евреем угрожавшие им скорбные обстоятельства, но и сам среди этих обстоятельств скорбел и сокрушался не меньше подвергшихся им и плакал горче угнетенных ими. Таковы были обыкновенно, можно сказать, все пророки и святые: расположением своим к руководимым ими они превосходили любовь отцов и далеко превышали силу природы. Действительно, никто и никогда не пламенел такою любовью к своим детям, с какою они умирали за руководимых, скорбели, плакали, молили Бога о страждущих, шли вместе с ними разделять их бедствии, делали и терпели все для того, чтобы избавить их от вышнего гнева, и от угнетающих обстоятельств. Никто не может быть так способным к принятию власти, как душа любомудрая и умеющая сострадать. Потому и великого Моисея Бог возвел на престол народного водительства, что он еще прежде делами показал свою любовь к народу и после говорил: "**прости им грех их":** потом "**изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал**"[1](Исх. 32:32). И этот самый пророк, видя погибель их, говорил: "**оставьте меня, я буду плакать горько; не усиливайтесь утешать меня в разорении дочери народа моего**" (Иса. 22:4). Иеремия составил пространный плач по разрушении города. Иезекииль даже пошел вместе с ними в плен, считая более легким для себя быть в стране чужой, нежели в отечественной, находя величайшее утешение в несчастии находиться вместе со страждущими и исправлять дела других. Даниил, ради возвращении их из плена, двадцать и больше дней оставался без хлеба и со всем усердием молил Бога об освобождении их из горького

рабства (Дан. 10:2–3). И каждый из святых сияет этой добродетелью. Так и Давид, видя посылаемый гнев Божий, угрожающий народу, просил направить удар на него самого и говорил: вот, "**я согрешил, я поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они? пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего**" (2 Цар. 24:17)[2]. И патриарх Авраам, находясь вдали от бедствий и не имея никакого участия в угрожавших содомлянам несчастиях, просил и молили Бога так, как будто находился среди самых бедствий, и не отступил бы в своем ходатайстве, чтобы отвратить страшное сожжение, если бы Бог, оставив его, не отошел (Быт. 8:33). А святые нового завета являли еще большую добродетель, как получившие большую благодать и привязанные к большим подвигам. Потому и Петр, слыша слова Христов, что богатым весьма трудно взойти на небо, скорбел, трепетал и спрашивал так: "**кто же может спастись**" (Лук. 18:26)? – хотя относительно своих обстоятельств имел смелую надежду. Они смотрели не на свое положение, а заботились о вселенной. И Павел показывает нам это во всех своих послания; предпочитая видение Христа даже спасению людей, говорил так: "**быть со Христом, потому что это несравненно лучше:**[3] **а оставаться во плоти нужнее для вас**" (Фил. 1:23-24). Такой же характер сохраняет нам и этот пророк, который, изрекая определения Божьи с великою смелостью и запрещая грешникам, непрестанно и продолжительно умоляет Бога, разгневанного против них; особенно можно видеть это в конце его пророчества. Теперь же нужно начать с самого вступления.

---

[1] éí μέν άφείς αύτοίς τήν άμαρτίαν, άφες. Έπεί κ′αμέ ′εξάλειψον ¢εκ τής βίβλον, но в ц.-сл.: аще убо оставиши им грех их, остави; аще же ни, изглади мя из книги твоея (ср. греч. ват. т. éí μέν άφείς αύτοίς τήν άμαρτίαν αύτών, άφες. Εί δέ μή, έξάλειψόν με έκ τής βίβλου σου).

[2] В ц.-сл. пер.: св аз есмь согрешивый, аз есмь пастырь зло сотворивый, а сии овцы, что сотвориша? Да будет ныне рука Твоя и пр.

[3] В ц.-сл. пер.: желание имый разрешитися и со Христом быти много паче лучше и пр.

ГЛАВА 1

"Видение Исаии" (Ис. 1:1)

1. Видением Исайя называет пророчество, или потому, что многие из будущих событий он созерцал самым своим зрением, подобно тому, как Михей видел народ рассеянным (3 Цар. 22:17), и Иезекииль – пленение и беззаконие поклонявшихся солнцу Фаммузу (Иезек. 8:14), или потому, что слышанное пророками от Бога было для них нисколько не меньше виденного зрением, но одинаково достоверно, чего в житейских делах не бывает. Они слышали иначе, нежели прочие люди, как сам пророк говорил: "**пробуждает ухо Мое, чтобы Я слушал**" (Иса. 50:4). Притом он, называя речь свою видением, делает ее достоверною, возбуждает слушателя и обращает к Тому, Кто совершил эти дела. Так обыкновенно все, передававшие изречения Божьи, прежде всего внушали, что они не говорят ничего от самих себя, но что произносимые им слова суть изречения божественные и письмена нисшедшие с неба. Так Давид говорит: "**язык мой – трость скорописца**" (Пс. 44:2). Не трости приписывай письмена, но держащей ее руке, т.е. не языку Давида, но движущей его благодати. И другой пророк выражает то же самое, когда говорит: "**я был пастух и собирал сикоморы**" (Амос. 7:14), - чтобы кто-нибудь не приписал сказанного им человеческой мудрости. А третий не ограничился только этим, но

прибавил и ничто другое, сказав**:** "**а я**" исполнен[1] "**силы Духа Господня, правоты и твердости**" (Мих. 3:8). Действительно, благодать делала их не только мудрыми, но и сильными, не составом тела, но мыслию. Так как они имели дело с народом дерзким и бесстыдным, жаждавшим крови пророков и совершавшим убийство святых, то, конечно, они нуждались в великой сил, чтобы не бояться невыразимой его дерзости. Потому и говорил Бог Иеремии: "**поставил тебя ныне укрепленным городом и железным столбом и медною стеною**" (Иер. 1:18); и Иезекиилю: "**и ты будешь жить у скорпионов; не бойся речей их и не страшись лица их, ибо они мятежный дом**" (Иез. 2:6). И Моисей, когда был посылаем, отказывался, кажется мне, боясь мне не только фараона, но особенно самого народа иудейского (Исх. 4:10). Беседуя с Богом и не распространяясь о варваре, он с великим тщанием старался узнать, что должно ему говорить иудеям неверовавшим, что они действительно были посланы от Бога, и знамения получил сообразные с их расположением; и весьма справедливо. Ведь, если один из них, и притом облагодетельствованный, им привел его в такой страх, то что должен был он чувствовать, представляя этот буйный народ? Потому пророк и получил не только Духа мудрости, но и силы, и говорил: я исполнился "**силы Духа Господня, правоты и твердости**" (Мих. 3:8); и другой: "**слово Господне было Иеремии, сыну Хелкиину**" (Иер. 1:1); и еще иной: "**Пророчество** (λήμμα) (бремя) **о Ниневии; книга видений Наума Елкосеянина**" (Наум. 1:1). И этот самый пророк означает другим выражением то же, что предыдущие назвав получение Духа бременем. Так они говорили, будучи объемлемы (λαμβαυόμευοι) Духом, то он и назвал так действие благодати.

Потому и Павел везде в начале посланий употребляет выражение: апостольство; то, что пророки означали выражением: видение, слово, бремя, глагол, он означает выражением: апостольство. Как тот, кто изрекает видение и слово Божье, говорит не свое, так и тот, кто называет себя апостолом, преподает не свое учение, а то, какое повелел ему Пославший. Достоинство апостола (посланника) – не прибавлять ничего от самого себя. Потому и Христос говорил: "**и отцом себе не называйте никого на земле: ибо один у вас Наставник – Христос**" (Мат. 23:9-10), показывая, что начало всех наших догматов происходит свыше, от небесного Владыки, хотя люди служат к их преподаванию. Еже виде Исайя. Как видят пророки то, что видят, мы сказать не можем, потому что невозможно объяснить словом способа их видения; это знает ясно только тот, кто узнал на опыте. Если часто никто не может объяснить словом действий природы и страстных состояний души, тем более – способа действий Духа. Впрочем, если позволительно привести неточные сравнения, - не с тем, чтобы ясно представить дело, но только изобразить подобием, - мне кажется, с пророками происходило тоже, как если бы чистая вода, приняв в себя солнечные лучи, просветилась. Так и души пророков, очистившись наперед собственною добродетелью, принимают дар Духа и, проникнувшись этим светом, получают видение будущего. Сын Амосов. Для чего он упоминает об отце? Или для отличия от других, одноименных с ним, или для того, чтобы научить, что незначительность отца нисколько не помрачает добродетели сына, а благородство состоит не в том, чтобы происходить от знатных родителей, но чтобы самим быть великими. Так и этот пророк, происходивший от незнатного отца, сделался знаменитее всех, просияв превосходством собственной добродетели. Еже виде на Иудею и на Иерусалим.

2. Почему он не упомянул отдельно о том и другом месте? Потому, что и наказания им были отдельные и в различные времена, так как Бог премудро устроил и то чтобы не все вдруг погибали, но медленно и мало-помалу, дабы через наказание отведенных в плен оставшиеся делались благоразумнее. Если же они не пользовались врачеством, как должно, то это – вина не врача, но больных. Так Он поступает всегда и в каждом поколении; не всех, вместе и одинаково согрешающих, вместе и наказывает, - иначе весь наш род давно был истреблен, - но одних наказывает здесь, делая для них самих наказание

в той жизни более легким, и предлагая современникам их величайшее побуждение к исправлению, а других, которые не хотят исправиться ни сами собою, ни через такое устроение, сберегает для неизбежного и страшного дня суда. В царство Озии и Ахаза и Езекии, иже царствовавша во Иудеи. С пользою он указывает и время пророчества, отсылая любознательного слушателя к истории событий, Пророчество становится удобопонятнее и яснее, когда мы узнаем, при каких обстоятельствах и при каких ранах иудейских пророки приготовляли врачество. "**Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит**" (ст. 2). Это вступление исполнено великого гнева. Если бы гнев его не был весьма сильным и невыразимым, но он не оставил бы людей и не обратил бы речи к стихиям. Впрочем, он делает это не только для того, чтобы показать свой гнев, но чтобы и самих людей, которые будут слушать, пристыдить с великою силою, показав, что одаренные разумом хуже бесчувственных стихий. Так обыкновенно поступали и другие пророки. Потому и посланный к Иеровоаму, оставив царя, к которому был послан, обратил речи к жертвеннику (3 Цар. 13:1-2). И Иеремия взывал к земле так: "**о, земля, земля, земля! Запишите человека сего,…человеком злополучным**" (Иер. 22:29-30). И еще другой говорил: "**слушайте, горы,… твердые основы земли**" (Мих. 6:2). Сыны родих. Пророк указывает на сделанное им благодеяние, не общее для всех людей, состоящее в получении бытия, но особенное, состоящее в усыновлении. Бог всегда предваряет Своими благодеяниями. Как при сотворении человека Он еще не созданного почтил властью, сказав: "**сотворим человека по образу Нашему и подобию Нашему**" (Быт 1:26), а в новом завете оказал еще большее благодеяние, когда не только не сделавших ничего (доброго), но даже не сделавших бесчисленное множество зол, удостоил бани пакибытия, - так и здесь можно видеть, что Он почтил усыновлением не только не сделавших ничего доброго, но даже падших. Впрочем, воздавая честь прежде трудов, Он не лишает награды после трудов, но и тогда удостаивает еще больших наград. И возвысих. Одним этим словом он изобразил все, бывшее в Египте, в пустыне, в Палестине. Бог, по обилию благодеяний Своих, обыкновенно не останавливается на подробном исчислении событий. Тии же отвергошася ме. Преступили, говорит, мой закон оставили мои заповеди. "**Вол знает владетеля своего, и осел -- ясли господина своего**" (ст. 3). Сравнения усиливают обличение, особенно когда они заимствуются от предметов неравных, как и Христос говорит: "**ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят**" его; и еще: "**царица Южная восстанет на суд с родом сиим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой**" (Мф. 12:41–42). И Иеремия также говорит: "**пойдите на острова Хиттимские и посмотрите, и пошлите в Кидар**[2] **и разведайте прилежно, и рассмотрите: переменил ли какой народ богов своих,… а Мой народ променял славу свою на то, что не помогает**" (Иер. 2:10-11). Пророк показывает нетрудность постановлений закона, так что та мера, какая требуется от людей, легко исполняется и бессловесными животными, и даже бессмысленнейшими из бессловесных. Но, скажет кто-нибудь, животные от природы имеют это знание. А мы совершаемое ими от природы можем исполнять по воле. Вол знает владетеля своего. Обличает их не только преимуществом дара, но и чрезмерностью их нечестия усиливает обличение. Как выше он призывал стихии к их обличению, так теперь сравнивает их не с людьми, но с бессловесными животными, и притом с бессмысленнейшими, и показывает, что они хуже этих животных.

3. Так поступает и Иеремия, указывающий на **горлицу** и **ласточку** (Иер. 8:7), и Соломон, отсылающий проводящего ленивую жизнь то к муравью, то к пчеле (Прит. 6:6; Сир. 11:3). Израиль же мене не позна. Крайнее нечестие, когда даже те, которые были приближены и удостоены стольких почестей, все вдруг уклонились к нечестию. Не сказал: Иаков, но: Израиль, чтобы добродетелью предка яснее показать неблагодарность потомков. Тот добродетелью души приобрел благословение, выраженное этим названием, а они нечестием своим изменили ему. И людие мои мене не разумеша; мене, говорит, сияющего

светлее солнца. "**Увы, народ грешный**" (ст. 4). И это в обычае у пророков – оплакивать болящих неисцельно. Так поступает и Иеремия во многих местах; так и Христос, когда говорит: "**горе тебе, Хозарин! Горе тебе, Вифсаида!**" (Мат. 11:21), потому что и это – вид наставления. Кого не вразумило учение, того часто исправляло сетование. Людие исполнени грехов. Еще более усиливает обличение указанием на то, что они все и притом крайне грешны. Семя лукавое. Не происхождение их порицает, но показывает, что они порочны с самого первого возраста. Как Иоанн, восклицая: змеи, "**порождения ехиднины**", не бесчестить их природы, иначе не сказал бы: "**сотворите же достойный плод покаяния**", если бы они по природе и от рождения были таковыми (Мф. 3:7-8), - так и пророк здесь, говоря: семя лукавое, не порицает их рождения. Сынове беззаконнии. Не сказал: преступный, но: беззаконный, находящийся в состоянии нисколько не лучше тех, которые никогда не получали закона. Показывает также несогласие их воли (с законом). Остависте Господа и разгневасте. Сказал это для ясности: имени Божьего достаточно было для обличения, как и Иеремия обличает, когда говорит, что они от Него отступили и прилепились к демонам (Иереем. 5:7)[3]. Святаго Исраилева. И это усиливает их вину, что Он, будучи Владыкою всех, им тогда особенно был известен. "**Повернулись**[4] **назад. Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство?**" (ст. 5) (Отвратистеся вспять. Что еще уязвляется, прилегающе беззаконие?) Величайшее нечестие, когда и от наказаний не делаются лучшими. Впрочем, и наказание есть вид благодеяния. Они не могли сказать, что Бог только почтил и облагодетельствовал их, а согрешивших оставил, но Он и почестями привлекал их, и страхом наказаний вразумлять, и, однако, при том и другом они остались неисцельно больными. Он употреблял все виды врачевания, отсекая и прижигая; но боль не уступала, а это особенно и служит знаком неисцельной болезни, когда не могут даже принимать врачества. "**Вся голова в язвах, и все сердце исчахло: от подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места: язвы, пятна, гноящиеся раны**" (ст. 6). (Всякая глава в болезнь и всякое сердце в печаль: от ног даже до главы несть в нем целости: ни струп, ни язва, ни рана палящаяся. Из-за замены сл. текста дальше идет разногласие в тексте). Потом говорит о наказаниях и мучениях, потому что это – не меньший вид благодеяния и чести, оказанной им. Я, говорит, всех их наказал и подверг скорби. Если же всякая глава в болезнь, то как нет ни струпа, ни язвы? Струп тогда является действительным струпом, когда прочие части тела здоровы; а когда будет изъязвлено все тело, тогда рана уже не будет представляться рано. Это он и хочет выразить, т.е. что все тело изъязвлено, не так, чтобы одна часть была здорова, а другая изранена, но все – в гоне, все – одна рана. Несть пластыря приложити. Это тяжелее прежнего, потому что не так тяжело болеть, как при болезни не иметь возможности принять врачество, и особенно, когда есть такой Врач. Неочищенные и необвязанные и не смягченные елеем (Ниже елеа, ниже обязания). Чтобы выразиться сильнее, он продолжает переносную речь, а в этом и состоит превосходство переносной речи. "**Земля ваша опустошена**" (ст. 7). Это он не описывает, как уже бывшее, но предсказывает, как будущее. Пророки обыкновенно так поступают, устрашая слушателя и вместе с тем показывая силу своей истины. Как прошедшему невозможно не быть, так и будущему, возвещенному пророками, невозможно не случиться, если только люди, которым угрожает наказание, не раскаются. Города ваши огнем сожжены. Бог не совершенно истребил их, но поставил стоять остатками от варварского сожжения, которые могли бы сильнее трогать обращающих на них взоры. Поля ваши в ваших глазах съедают чужие; все опустело, как после разорения чужими. (Страну вашу перед вами чуждии поядают ю, и опусте низвращенна от людей чуждих.) Еще тяжелее несчастие, когда люди бывают зрителями собственных бедствий, а не только по слуху узнают о них. "**И осталась дщерь Сиона, как шатер в винограднике, как шалаш в огороде**" (Оставится дщерь Сионя, яко куща в винограде, и яко овощное хранилище в вертограде.) (ст. 8).

4. Сравнения, особенно те, которые употребляются в Писании, много способствуют к усилению речи. А дочерью Сиона пророк называет Иерусалим, потому что он лежит при этой горе. Как шатер в винограднике, как шалаш в огороде. Когда расхищены плоды и уведены земледельцы, тогда уже излишни здания города. Как осажденный город. Это – намек на их слабость и беспомощность. Когда нет никакого помощника, тогда бывает необходимо запереться, ожидая защиты единственно от стен. "**Если бы Господь Саваоф не оставил нам небольшого остатка, то мы были бы то же, что Содом, уподобились бы Гоморре**" (ст. 9). У пророков всегда в обычаи – предсказывать не только те бедствия, которые грешники имеют потерпеть, то и те, которые они достойны были потерпеть, чтобы во время самого наказания они воздавали великую благодарность Богу, испытывая наказание не соответствующее грехам, но гораздо меньшее. Так и здесь он говорит, что грехи их заслуживали не этих, исчисленных бедствий, но всецелого истребления и совершенного уничтожения всего рода их, как и случилось с содомлянами; но человеколюбие Божье не допустило быть этому, а послало наказание гораздо меньше грехов. Так как есть великое сродство между ветхим и новым заветами, то и Павел справедливо привел эти слова и сказать еще решительнее, нежели пророк (Рим. 9:28-29). В самом деле, как в то время, если бы не была великая милость Божья, все были бы истреблены, так и во время пришествия Христова, если бы не явилась благодать, все пострадали бы тяжелее тех. Но Бог оставил нам семя – разуметь спасшихся от плена. "**Слушайте слово Господне, князья Содомские: внимай закону Бога нашего**[5]**, народ Гоморрский**" (ст. 10). Сказав, что ни достойны были наказания содомлян, пророк показывает, что они дерзнули совершить дела содомлян; потому и называет их общим именем. Иначе такое выражение было бы неуместно. А что действительно он обращает теперь речи не к содомлянам, но к иудеям, называя их общим именем, это доказывают последующие слова, где он упоминает о жертвах, приношениях и прочих, установлены законом, священнослужениях, которых и следа не было у содомлян. Закону Бога нашего, - говорить так для обличения.

"**К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу**" (….есмь всесожжений овних и тука агнцов, и крове юнцов и козлов не хощу)(ст. 11). Псалом сорок девятый весь сходен с этим местом и составлен хотя из других выражения, но их тех же мыслей. Словам псалма: "**Он призывает свыше небо и землю, судить народ Свой**" (Пс. 49:4) подобны слова: слыши небо, и внуши земле, яко Господь возглагола; и последующее сходно. Как Давид говорит: "**К чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. Я пресыщен всесожжениями**" (не о жертвах твоих обличу тя, всесожжения же твоя предо Мною суть выну. (ст. 8), так и Исайя говорит: к чему Мне множество жертв ваших? говорит Господь. И еще Давид говорит: Не приму от дому твоего тельцов, чиже от стад твоих козлов. (ст. 9); и Исайя: всесожжениями овнов и туком откормленного скота, и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу. (есмь всесожжений овних и тука агнцов, и крове юнцов и козлов не хощу). Так как они, часто слыша обличения в недостатке прочих добродетелей, ссылались, как на величайшее оправдание, на жертвы, которые они часть приносили, то справедливо тот и другой пророк, или – лучше – все пророки отвергали такое их оправдание. Отсюда видно, что жертвы были установлены не сами для себя, а для того, чтобы они служили им руководством к другой последующей жизни. Но так как иудеи, пренебрегая существенно необходимым, занимались ими, то Бог говорит, то Он не принимает их. "**Когда вы приходите являться пред лице Мое**" (Ниже приходите явится Ми) (ст.12), - если, говорит, вы придете в храм. Кто бо изыска сия из рук ваших? Между тем целая книга, называемая Левит, состоит из постановлений о жертвоприношениях; и во Второзаконии и в других многих местах встречается много законов, касательно их. Как же он говорит: кто изыска сия из рук ваших? Говорит для того, чтобы ты знал, что Бог не имел особенного

желания устанавливать, но от слабости иудеев получили начало законы о жертвах. Как не хотел Бог, чтобы отпускаема была жена, однажды соединенная с мужем, но для предотвращения больших зол, именно, чтобы при запрещении развода не стали убивать ненавистных жен внутри домов, Он допустил меньшее зло, так точно и здесь, желая удержать от жертвоприношений бесам, Он допускал то, чего не хотел, чтобы достигнуть того, чего хотел. То же самое выразил пророк Амос, сказав: "**приносили ли вы Мне жертвы и хлебные дары… в течение сорока лет?**"[6] Говорит Господь (Амос. 5:25). И Иеремия говорит: "**ибо отцам вашим Я… не давал заповеди**" (ср. Иер. 7:22)[7].

5. Так как бесам было совершаемо служение таким образом, то Бог, желая, чтобы это не сделалось для немощнейших поводом к погибели, непрестанно говорить об этом через всех пророков. Бесы негодовали, когда им не были приносимы жертвы, и непрестанно и настойчивостью требовали себе дыма и смрада, и говорили: мы получили этот дар в жребий[8]. А Бог и вначале не требовал их, и когда установил, то показал, что не по Своему желанию Он допустил их, как видно не только отсюда, но и из того, что Он скоро отменил их, и когда они были приносимы, не принимал, и вообще всячески показывал, что такой способ служения гораздо ниже Его величия. Так и теперь Он говорит: для вас Я терпел это, а не сам имел в том нужду. Ходити по двору моему не приложите. Здесь он или предсказывает плен, или запрещает им это, потому что приходили не с благочестивым расположением духа. "**Не носите больше даров тщетных**" (И аще принесите Ми самидаль, всуе) (ст. 13). Из заповедей одни были даны сами по себе, а другие для чего-нибудь другого; например, познавать Бога, не убивать, не прелюбодействовать и тому подобное, было заповедано ради происходящей отсюда пользы; а приносить жертвы, воскурять фимиам, соблюдать субботу и тому подобное, было заповедано не для того, чтобы только было совершаемо само по себе, но чтобы через исполнение этого люди отклонялись от служения бесам. Но так как иудеи жертвоприношения совершали, а пользы от них не получали, но еще привязывались к бесам, то Бог справедливо отвергает и сами жертвы. Так и то дерево справедливо вырубают, которое имеет листья и ветви, а плодов не приносит, потому что земледелец всячески заботится о растении не для коры и ствола, но для получения плодов. Курение отвратительно для Меня (Кадило мерзость Ми есть). Видишь ли, что Он не свойству приносимого радовался, но испытывал расположение приносящих? Потому дым и смрад от жертвоприношения Ноева Он назвал "**приятное благоухание**" (Быт. 8:21), а их фимиам – мерзость. Он требует, как я сказал, не вещества даров, но расположения приносящих. "**Новомесячия ваши и праздники ваши**" (ст. 14). Нужно заметить, что Он не отвергает ничего необходимого, но – то, что отменил и Христос, пришедши на землю. Потому и Павел, воспользовавшийся этим словом решительнее, когда боролся против иудеев, предполагая не только это, но и другое, больше этого, говорил, что не проявляющие ничего (доброго) изнутри не получают никакой пользы извне. "**Вот**[9] **ты,**" говорил он, "**называешься Иудеем, и успокаиваешь себя законом, и хвалишься Богом, и знаешь волю Его, и разумеешь лучшее, научаясь из закона**" И еще: "**обрезание полезно, если исполняешь закон; а если ты преступник закона, то обрезание твое стало необрезанием.**" (Рим. 2:17-18, 25). Те, говорит, которым был вверен закон, не получали никакой пользы от того, что им был вверен закон, потому что они не веровали. Тоже выражает и Давид другим образом, когда говорит: "**грешнику же говорит Бог: что ты проповедуешь уставы Мои?**" (Псал. 49:16). Так как они чрезмерно превозносились слышанием закона, хотя не исполняли его, то Павел и укорил их за такое тщеславие, говоря: "**как же ты, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь?**" (Рим. 2:21-22). Подобным образом и Давид говорит: "**когда видишь вора, сходишься с ним, и с**" прелюбодеями[10] "**сообщаешься**" (Псал. 49:18). И дне великаго не потерплю. Говорит о пятидесятнице, празднике кущей, пасхе и прочих праздниках. Поста, и праздности[11], и праздников ваших ненавидит душа моя. Говорит им человекообразно. Бысте Ми в сытост: в пресыщение, в отвращение. Это

служит доказательством неизреченного долготерпения Его, что Он часто согрешавших терпел и не прежде наказывал, как сами грешники крайностью нечестия вызывали Его не это. Ктому не стерплю грехов ваших: более уже не буду терпеть. Это подобно сказанному Давидом: "**ты это делал, и Я молчал**" (Пс. 49:21).

"**И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу**[12]" (ст. 15). Отсюда видно, что от молитвы, даже продолжительной, не бывает никакой пользы, если молящийся остается в грехах. Нет ничего равного добродетели и молению посредством дел. Ваши руки полны крови, т.е. убийственны; но не сказал: убийственны, а: полны крови, выражая, что они делали грех занятием, и всегда усиленным занятием.

6. И это дело благости Божьей, что, угрожая, Он оправдывается, приводить причины, почему Он и не принимает их молитвы. "**Омойтесь, очиститесь**" (ст. 16). Почему же Он, сказав: к тому не стерплю грехов ваших, дает совет, и, показав, что они больны неисцельно, говорить об исправлении? Бог обыкновенно так поступает: и угрожает лишением спасения, чтобы усилить страх, и не останавливается на этом, чтобы подать добрые надежда, и таким образом, привести к раскаянию. Это каждый может видеть везде. Так Он поступил с ниневитянами не на словах, а не деле. Не обещав им ничего доброго на словах, но представив в угрозе одно только наказание. Он прекратил Свой гнев, как скоро все эти иноплеменники показали должное со своей стороны. Так опять и Давид говорит в псалме; я сказал уже, что этот псалом совершенно сходен с началом (книги Исаии). Как Исайя после угроз говорит: омойтесь, очиститесь, так и Давид, после слов: "**изобличу тебя и представлю пред глаза твои грехи твои**", прибавляет: "**кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня, и кто наблюдает за путем своим, тому явлю**[13] **Я спасение Божие**" (Псал. 49:21,23), называя хвалою славословие посредством дел и исповедание Его.

А чтобы они, слыша слова: омойтесь, очиститесь, не разумели обыкновенных очищений, пророк продолжает: удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло. Показывает легкость добродетели и свободу воли, так как от них самих зависело – исправиться. "**Научитесь делать добро**" (ст. 17). Таким образом от большого нечестия они даже потеряли познание добродетели. Так и пророк Давид говорит: "**придите, дети, послушайте меня: страху Господню научу вас.**" (Псал. 33:12). Это знание выше всех знаний и достойно тем большего старания, чем больше встречает препятствий – от насильственного влечения природы, от лености воли, от козней бесов, от множества дел. Так и Варух говорит: Сей Бог наш, не вменитс ин к Нему: изобрете всяк путь хитрости (Вар. 3:36-37) (я не нашла этого места). Ищите правды (Взыщите суда), т.е. защиты обижаемых, для чего нужно много трудов и бодрости души; потому и сказал: взыщите. Много помрачает правду, - и подарки, и неведение, и властолюбие, и стыд, и страх, и лицеприятие; потому и нужна великая бдительность. Спасайте угнетенного. Это важнее предыдущего; здесь требуется не только правое суждение, но и приведение дела к окончанию. Защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Бог много печется, чтобы никто не терпел зла, а еще больше, когда кто, подвергаясь злу, терпит притом еще другое несчастье. Вдовство и сиротство невыносимы и сами по себе; но если притом еще другие обижают этих несчастных, то – двойное кораблекрушение. "**Тогда придите - и рассудим, говорит Господь**" (ст. 18). Надобно заметить, что везде у пророков ничего Бог так не требует, как защиты обижаемых. Так и в другом месте, как у Михея, когда иудеи говорят: "**разве дам Ему первенца моего за преступление мое и плод чрева моего -- за грех души моей?**", Он присовокупляет: "**о, человек! сказано тебе, что -- добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим.**" (Мих. 6:7-8). Также и пророк Давид

говорит: "**милость и суд буду петь; Тебе, Господи, буду петь.**" (Пс. 100:1). И придите. Он наперед представил оправдания, потом призывает на суд; наперед научил, как они могли бы избавиться от обвинений, потом и требует отчета, чтобы не осудить их, не имеющих защиты. И истяжимся, говорит, будем судиться. Судясь, Он бывает и защитником и врачом. Далее, желая показать, что мы, хотя бы сделали великие дела, имеем и тога нужду в Его человеколюбии для избавления от грехов, говорит: если будут грехи ваши, как багряное, - как снег убелю; берет совершенно противоположные свойства и обещает изменить одно из них на противоположное. Если будут красны, как пурпур, - как волну убелю. Велика сила покровительства вдовицам, если оно душу, так оскверненную, что она как бы покрыта краскою нечестия, не только освобождает от зла, но и делает столь светлою. "**Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас: ибо уста Господни говорят**" (ст. 19, 20). Так как для людей более грубых вожделенно и приятно не столько избавление от грехов, сколько наслаждение благами, почитаемыми в настоящей жизни, то Он обещает им вместе с тем и эти блага, - потому что последнее зависит от первого.

7. Притом, показывая легкость добродетели, он полагает ее зависящею только от хотения. А потом, чтобы упоминанием благ не подать повода к беспечности, он заключает речь страшною угрозою и убеждает в несомненности ее силою Изрекшего это. "**Как сделалась блудницею верная столица?**" (Како бысть блудница град верный Сион) (ст. 21). Этот вопрос означает и скорбь говорящего, и великую бесчувственность иудеев, и неожиданность события. Так и Павел с недоумением говорит о галатах: "**удивляюсь,… что вы так скоро переходите**" (Гал. 1:6). Это – вид обличения и внушения, призывающего к добродетели. Выраженное удивление и прибавление похвал к обличению делает обличение более тяжким, - потому что мы не столько порицаем тех, которые не отличаются ничем и ведут низкую жизнь, сколько тех, которые прежде оказались ревностными (в добродетели), а потом предались порокам. Называя его здесь блудницею, пророк разумел не разврат телесный, но неблагодарность к Богу, которая тяжелее блуда. Там унижается человек, а здесь пренебрегается Бог. Такое название употребляют как он, так и все другие пророки, - потому что Бог благоволил почитаться для этого рода как бы мужем, выражая неизреченную любовь к нему; потому они часто и говорят, как бы о муже и жене, не для того, чтобы унизить речь до грубых дел человеческих, но чтобы сравнением с предметами обыкновенными руководить слушателей к познанию любви Божьей, а вместе с тем и тронуть их позорным названием. Верный, т.е. благочестивый, исполненный всякой добродетели; и отсюда видно, что под блудом он разумеет не телесный разврат; иначе он сказал бы: город целомудренный, в противоположность блуднице; а теперь желая показать, что под блудом он разумеет нечестие, в противоположность ему полагает веру. Полон суда, т.е. исполненный правды. Опять величайшее обличение: они не только всецело предавались нечестию, но и всецело оставили добродетель, вдруг отвергнув все богатство благ и ниспадши в крайнюю бездну зол. Правда обитала в ней: была водворена, говорит, обитала, т.е. была насаждена, укоренена, усердно исполняема всеми гражданами. Он продолжает прежние похвалы с одной стороны для того, чтобы усилить обличение за перемену, а с другой – подать добрые надежды и показать, что им легко опять исправиться. Ныне же убийцы, т.е. человекоубийцы. "**Серебро твое стало изгарью**" (ст. 22), т.е. поддельное, нецельное, нечистое. Вино твое испорчено водою (Корчемцы твои мешают вино с водою). Так как вначале он не изобразил их нечестия в частных видах, но сказал только, что они отверглись Господа, стали семенным злым и сынами беззаконными, что могло показаться более проницанием, нежели обвинением, то здесь он исчисляет сами вины их в частных видах, и прежде всего указывает на то, что составляет первое, среднее и последнее из зол, - сребролюбие и корыстолюбие в торговле. Впрочем, некоторые, не разумея неизреченной

премудрости Божьей, принимают эти слова в переносном смысле. Великий и возвышенный Исайя, говорят они, не стал бы говорить о плутовстве менял и испорченности корчемников, но серебро здесь означает изречения Божье и вино – учение, которое они искажали прибавлением собственных мнений. Я не порицаю и этого объяснения, но говорю, что другое более справедливо. Говорить о таких предметах не только не недостойно пророка, но даже весьма достойно и его и человеколюбия Божьего. И для чего много распространяться об этом? Когда Единородный Сын Божий пришел на землю, принесши с Собою высокое учение и желая насадить ангельскую жизнь, тогда и Он немало говорил о мерах и таких предметах, которые кажутся еще маловажнее этого, - о приветствиях, о сидении посреди других, о возлежании на первом месте. Эти, по видимому, маловажные дела, когда пренебрегают ими, делаются великими поводами к грехам. Если же должно исполнять это в новом завете, то тем более должно было в ветхом, когда и слушатели были более грубы, и вся жизнь их исправлялась тем больше, чем больше народ научался удаляться от всякой несправедливости, ни в чем не обманывать ближних и не увеличивать бедности нуждающихся вредным корчемничеством.

8. От пренебрежения этим часто были разрушаемы города, владыки были низвергаемы с престолов, происходила непримиримая война; и напротив при соблюдении этого был великий мир, благоденствие и безопасность, руководствующая к добродетели. "**Князи твои не покоряются**" (ст. 23). Это – знак величайшей болезни и развращения, когда сами врачи усиливают болезни. Начальники должны удерживать беспорядочные действия народа, располагать его к исполнению долга, делать покорным закону; если же они сами первые нарушают законы, то как они могут быть учителями других? Выражение: не покоряются значит не повинуются закону, не соблюдают заповедей, - как и Павел обличая говорить: "**как же ты, уча другого, не учишь себя самого?**" (Рим. 2:21). Когда испорчен корень, тогда чего доброго можно ожидать от ветвей? Общницы татем. Еще важнее вина, когда они не только не прекращают преступлений, но стараются делать напротив, не только преследуют воров, но и содействуют им, делая зло, совершенно противоположное добродетели начальника. Любяще дары. Другой немаловажный вид сребролюбия, который имеет благовидное основание, но под предлогом благосклонности означает крайнее корыстолюбие. Гонящее воздаяние: злопамятны в отношении к своим врагам, мстительны в отношении к оскорбившим их, что составляет величайший вод злобы. Потому не только новом, но и в ветхом завете он осуждается с великой силой. И злобы, говорит пророк, "**зла друг против друга**" не помните [14] "**в сердце вашем**" (кийждо брата своего да не помните в сердцах своих) (Зах. 7:10). От этого зла должен быть чистым и народ, а тем более начальник, который в составлении приговора подсудимым должен быть свободен от вражды, чтобы пристань не сделалась для них подводным камнем. Сирым не судящи, т.е. не покровительствующие, так чтобы они получили справедливое. И суду вдовиц не внимающи. Надо заметить, что не только делать зло, но и не делать добра, - считается пороком. Так и в новом завете, не питавшие алчущего, не за то. Что они похищали чужое, но за то, что не раздавали своего нуждающимся, отсылаются в огонь геенский подобным образом и эти здесь осуждаются не за то, что предаются корыстолюбию и злоупотребляют властью, но и за то, что не подают помощи нуждающимся. Сего ради такого глаголет Владыка Господь Саваоф, властитель Израиля, т.е. народа[15]. Не напрасно пророк прибавил: властитель, но, желая напомнить иудеям о благодеяниях, полученных ими сверх чаяния, и о тяжких наказаниях, которые они потерпели. Так как они, согрешившие много и часто и пользуясь великим долготерпением Божьим, предавались беспечности, то он хочет показать, что Бог может наказать, когда захочет, и не иметь нужды ни в обстоятельствах, ни во времени, но все у Него близко и готово. Горе крепким во Исраили: не престанет бо ярость моя на противныя моя[16] Что может быть несчастнее тех, которые имеют врагом своим Бога? Не престанет, говорит Он

не для того, чтобы привести их в отчаяние, но чтобы, усилив страх, призвать к покаянию. Страшнее этих слов: не престанет ярость, следующие слова: на противныя моя. Ничто так не гневит Бога, как несправедливость к бедным. Горе крепким, говорит Он, осуждая не просто силу, но силу, употребляемую во зло; а под силою разумеет здесь не крепость телесную, но власть, являющуюся от стечения обстоятельств. И суд врагом моим сотворю: накажу врагов моих. Врагами своими Он называет тех, которые по своей наглости относятся враждебно к бедным; и говорит это для того, чтобы показать тебе значение несправедливости. "**И обращу на тебя руку Мою и… очищу с тебя**[17] **примесь**" (И наведу руку мою на тя, и разжегу тя в чистоту) (ст. 25). Чтобы ты уразумел, что каков бы ни был гнев Божий и наказание, они служат не для зла и не для отмщения только, но и для того, чтобы сами наказываемые сделались лучшими, Он говорит: **и очищу с тебя примесь** (и разжегу тя в чистоту). Потому не тогда нужно скорбеть, когда мы наказываемся, но когда грешим; последнее производит нечистоту, а первое – очищение. Что же значит: в чистоту? Так, чтобы не осталось в тебе и следа нечистоты. Что для золота огонь, то же для беспечных наказание. Непокоряющихся же погублю, и отниму всех беззаконных от тебя, и всех гордых смирю. Те, говорит, которые больны неисцельно и не укрощаются даже наказаниями, погибнут. Какая польза от их жизни, если они при жизни вредят себе и другим? А те, которые от их наказания могут исправиться, останутся. Здесь мне кажется он намекает и на плен. "**И опять буду поставлять тебе судей, как прежде, и советников, как вначале**" (ст. 26).

9. Здесь он говорит о возвращении из плена. После истребления неисцельно больных, после исправления способных к раскаянию, он благовременно прилагает и остальной вид врачевания – предстоятельство хороших начальников и общество добрых советников, чтобы, при уврачевании тела лекарствами и при отличных врачах, части города пришли в благосостояние во всех отношениях. Действительно, немаловажный вид благодеяния – получить добрых начальников. И по сих наречешися град правды, мати градовом, верный Сион. Но мы не находим, где бы прилагалось такое название к городу Иерусалиму. Что же можно сказать на это? То, что он говорит здесь о названии, выраженном делами.

Это не мало поможет нам, когда иудеи потребуют от нас объяснения имени Еммануила. Если Исаия сказал, что Христос будет назван таким именем, а между тем Он нигде так не назван, то мы можем сказать им, что пророк назвал Его по значению дел Его. Так точно и здесь. "**Сион спасется правосудием, и обратившиеся [сыны] его -- правдою**" (С судом бо спасется пленение его и с милостынею) (ст. 27). С судом, т.е. с отмщением, с наказанием и мучением врагов. С милостынею, т.е. с великим человеколюбием. Здесь Он обещает им две величайших дара: наказать отведших их в плен и доставить им самим великое благоденствие; каждый из этих даров сам по себе может доставить величайшее удовольствие, а когда они стекутся оба вместе, то произойдет неизреченная радость. С другой стороны, желая показать, что и после продолжительного плена они будут возвращены в отечество не за то, что понесли достойное наказание и очистились от грехов, но по человеколюбию Божьему, он прибавляет: и с милостынею. "**Всем же отступникам и грешникам - погибель**" (ст. 28). Это – третий вид благодеяния, состоящий в том, что не будет ни одного соблазнителя и обольстителя, но будут истреблены учители зла. И оставившие Господа скончаются: а нечестивые, говорит, погибнут.

"**Они будут постыжены за дубравы, которые столь вожделенны для вас**" (Занеже постыдятся о идолах своих, ихже сами восхотеша) (ст. 29). Некоторые стараются приложить эти слова к настоящему времени; но мы, не споря с ними, будем следовать по порядку. Вот что, говорит он, случится при нашествии неприятелей. Когда иноплеменники вторгнутся в страну, осадят город, будут держать всех как бы в сетях, и не

будет никого, кто бы отомстил им и развеял облако, потому что Бог оставил эту страну, тогда конечно самым делом обнаружится великий стыд почитателей идолов. Ихже восхотеша, говорит, т.е. о которых тщательно заботились. Посрамятся о изваянных своих, ихже совершиша[18]. В виде рассказа он предлагает обличение, так как, еще прежде нанесения им ран, самый способ делания идолов достаточен был для того, чтобы пристыдить их. В самом деле, что может быть постыднее, как делать для себя какого-нибудь Бога? И посрамлены за сады, которые вы избрали себе. Они не только поклонялись истуканам, но и служили деревьям в рощах. "**Ибо вы будете, как дуб, [которого] лист опал**" (ст. 30), т.е. или идолы, или сами жители города. А это дерево он привел в пример как потому, что оно особенно растет в тамошней стране и находится у них в обилии, так и потому, что оно сильно и густо цветет, когда распускается, и бывает крайне безобразно, когда теряет листья. И как сад, в котором нет воды. Другое сравнение, более ясное, нежели первое, и удостоверяющее в истине сказанного в первом. Действительно, нет ничего приятнее цветущего сада, и нет ничего неприятнее сада опустошенного. То и другое случилось и этой столицей. Она была всегда прекрасна и блистательна, отличаясь бесчисленными красотами, и стала хуже и отвратительнее всех, потеряв вдруг такое богатство благолепия. "**И сильный будет отрепьем**" (И буде крепость их яко стебль изгребия) (ст. 31). Прежние сравнения взяты, чтобы показать безобразие, а это – слабость; все они весьма понятны, заключают в себе весьма ясный и выразительный смысл. Яко стебель изгребия, т.е. слабы. И деяния их как искры огненные. Здесь он показывает, что зло – внутри их, что они сами себе причинили плен и воспламенили печь. Как упавшие искры производят огонь, так совокупные грехи их воспламенили гнев Божий. И будут гореть вместе, -- и никто не потушит (И сожгутся беззаконницы и грешницы вкупе, и не будет угашаяй). Опять Он угрожает им лишением спасения по той же самой причине, не для того, чтобы они отчаивались, но чтобы возбудить в себе живой страх, оставили свою великую беспечность; притом указывает здесь и на нечто другое, на непреодолимую силу свою, на то, что когда Он наказывает и отмщает, тогда никто не может противостать и прекратить бедствия.

---

[1] Св. И. Зл. читает здесь: άλλά μήν έγώ έυεπλήσθην ίσχύος согласно с евр. м. т. Но в александрийском тексте здесь читается: έάν μή έμπλήσω έγώ ίσχύν, почему ц. слав.: аще аз не наполню силы.

[2] В ц.-сл. пер.: и в Кидар послите, и разсмотрите прилежно и видите, аще и проч.

[3] Ц.-слав.: сынове твои оставивша мя, и кляшася теми, иже не суть бози.

[4] Буквально: отвратишася (άπηλλοτριώθησαν).

[5] Св. И. Зл. читает здесь: Θεοΰ ήμών = Бога нашего, как читается в некоторых списках греческого текста, наприм. в комплютенской полиглотте и в издании александрийского текста Грабе. Но в кодексе алекс. и ватик. ήμών не читается, почему в ц.-слав.: закону Божьему.

[6] Св. И. Злат. оставляет слово "в пустыни" (έν τή έρήμω).

[7] Св. И. Злат. передает общий смысл Иер. 7:21-23.

[8] Илиад. 4:49.

[9] Св. И. Зл. в начале 17 ст. читал έί δέ = аще же, как читает Грисбах и следующие ему критики новозаветного текста (Лахман, Тишендорф, Шольц и нек. др). Но другие читают ίδε = се.

[10] Ц.-славянский пер., согласно с алдинским изданием и комплютенской полиглоттой: и с прелюбодеем (καί μετά μοιχού).

[11] Св. И. Злат. оставляет χαί τάς νουμηνιας ύμών = и новомесячий ваших.

[12] Св. И. Злат. оставляет последнее слово ύμών = вас.

[13] В греч. СП. αύτω, почему ц.-слав. "ему".

[14] Св. Иоанн. Злат. читает: μνησιχαχείτε, как стоит в некот. сп. греч. т. (ср. альд. изд., клмплют. пол. и др.), а не μνησιχαχείτω, как в ал., ват. кд. (ср. слав "помнить").

[15] В славянском нет слов: властитель Израиля (ό δυνάστης τοΰ Ισραήλ). Чтение св. И. Зл. не имеет для себя аналогии в греч. СП., но в евр. яз. ему соответствует abir Israel=русск. пер.: Сильный Израилев (ср. Пешито: Aschino Isroil).

[16] Св. И. Зл., согласно некот. греч. сп. (ср. евр. м. т. и Пешито), читает здесь μου, чего нет ни в ал., ни в ват. код.

[17] Св. И. Зл., согласно алек. код. и мн. греч. сп., читает здесь σε=тя, чего нет в ват. код. (ср. ц.-слав. пер.).

[18] Καί αίσχυνθήσονται επί τοίς γλυπτοίς αύτών, έφ' οίς έποίήσαν. Этих слов нет ни в ал., ни в ват. код., а потому они не переведены и в ц.-слав. Но в некот. греч. сп. слово γλυπτοίς=изваянных заменяет стоящее ниже слово χήποις=садах.

Глава 2

"Слово, которое было[1] в видении к Исаии, сыну Амосову" (Ис 2:1)

1. Отсюда видно, что пророки изрекали не все пророчества вдруг, но, получая вдохновение в различные времена, возвещали их по частям, которые впоследствии, будучи собраны вместе. Составили целую книгу. Потому он здесь так и начинает. И не отсюда только это делается ясным и понятным для нас, но и из дальнейших слов, где пророк означает и время пророчества, то прибавляя: в лето, в которое вошел Нафан во Азот[2] (Ис. 20:1), то замечая: "**в год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном**" (Иса. 6:1). Пророчества собраны вместе не так, как послания Павла и евангелия, но, как я сказал, в различные времена. Потому и настоящее слово он начинает особым предисловием, и не потому только, но потому, что предмет, о котором он намеревается говорить, весьма отличен от преждесказанного и возвышеннее его. Здесь именно он говорит нам о призвании язычников, об открытии проповеди, о распространении ведения по всей вселено, о водворении мира на земле. Если же он, намереваясь говорить о таких догматах, упоминает об Иудее и Иерусалиме, – это нисколько не странно. Речь его была пророчеством прикрытым до времени приведенными именами. Так и Давид, приступая к составлению 71 псалма, надписал его, Соломону[3], о далее изрек видения, которые гораздо важнее достоинства Соломона и даже природы всех людей. Ведь слова: "**будет имя его вовек; доколе пребывает солнце; доколе пребудет… луна**" престол его[4] (Пс. 71:17, 5), и тому подобные, конечно, никто из людей самых

безумных не станет относить к природе человеческой так же поступил и Иаков, когда предсказывал то же, о чем теперь намеревается говорить Исайя, и даже больше этого, он вместе с призванием язычников, предсказал и о смерти (Христовой), и о воскресении, и о времени, в которое имел прийти (Христос). И он изложил все это не открыто, но названием сна прикрыв то, о чем намеревался сказать; так, например, он предсказывал, по–видимому, о том, что случится с Иудой, но, как свидетельствуют последующие события, предсказал и о том, что совершит Христос, так как Иуда не был чаянием языков, и не тогда прославилось колено его, когда оскудело их (иудеев) государство, но все это произошло, когда пришел Христос.

Если же иудеи бесстыдно будут отвергать этот закон пророчеств, то из самих изречений (пророческих) весьма легко можно обличить их, если кто, тщательно раскрыв пророчества и с надлежащим вниманием исследовав каждое слово, приложит сказанное к событиям. А чтобы сильнее заградить уста их, я постараюсь объяснить это пророчествами не о Христе, но об их патриархах, и покажу, что многие пророчества, хотя были изречены о родоначальниках, но исполнились на потомках. Я изложу, для примера, одно или два события, и потом обращусь к своему предмету. Так, когда Иаков, признав Симеона и Левия, предсказывал случившееся с ними, то сказал: "**Симеон и Левий братья",** и укорив их за преступление и несправедливое избиение сихемлян, продолжал: "**разделю их в Иакове и рассею их в Израиле**" (Быт. 49:5–7). Но всякий может видеть, что это не сбылось на Симеоне и Левии, а на коленах, происшедших от них. Колено Левино действительно было рассеяно, – десятая часть его принадлежала каждому из прочих колен; колено Симеоново, которое испытало почти такую же участь, заняв пространство по жребию вне всех колен, не получило, как все другие, совокупного и сосредоточенного наследства (Иис. Нав. 19:1–9; 1 Пар. 4:24–43). И сам Иаков, получив благословение от отца, не пользовался ни одним из них. Отец предсказал ему великое благоденствие и постоянное господство над Исавом; но он имел недостаток в необходимом, питался, будучи наемником, и был так далек от господства над братом, что опасался даже за свою жизнь, и встретившись с ним только однажды с великим страхом, был рад, что мог удалиться от него и спастись. Что же сказать на это? Неужели пророчество ложно? Да не будет! Но обычай пророчества часто бывает таков, что случившееся с одними лицами предсказывается под другими, и одни имена употребляются вместо других, как было и с Ханааном. Мы не видим, чтобы он был рабом у братьев, но проклятие, изреченное на него, не осталось без исполнения, а исполнилось на гаваонитянах, происшедших от Ханаана. Сказанное в виде проклятия было пророчеством.

2. Если же столь многие и такие примеры показывают нам, что многое из сказанного говорится об одних, а сбывается на других, и если пророки употребляют имена таким образом, то что удивительного, если и теперь пророк, приводя имена Иудеи и Иерусалима, предвозвещает о Церкви? Так как он говорил к людям неблагодарным, которые убивали пророков, сжигали книги, разрушали жертвенники, то для них справедливо покрывало лежало при чтении ветхого завета, но словам блаженного Павла (2 Кор. 3:14). Иначе они истребили бы и книги, если бы понимали силу пророчества о Христе. Если они не устыдились Его, когда Он сам присутствовал, творил чудеса и представлял совершеннейшие доказательства Своей силы, согласия и единомыслия с Отцом, и не отстали дотоле, пока распяли Его, то едва ли они пощадили бы тех, которые говорили о Нем, которых они и без того беспрестанно побивали камнями. Потому пророки, употребляя собственные и известные им имена, таким образом прикрывали пророчества. А что здесь говорится не об Иудее и Иерусалиме, это мы обстоятельно докажем, обратив внимание на каждое слово.

Яко будет в последняя дни явления гора Господня (ст. 2). Заметь точность пророка он не только возвещает события, но обозначает и время. Что говорит Павел в словах: "**но когда пришла полнота**" времени[5] (егда же приде кончина времен) (Галл. 4:4), и в другом месте: "**в устроении полноты времен**" (в смотрение исполнения времен) (Еф. 1:10), также и пророк говорит: в последние дни. Горою же он называет Церковь и непобедимость догматов. Как если бы бесчисленные войска нападали на горы, натягивая луки, бросая копья, подводя осадные орудия, горам они не могли бы повредить, но сами отступили бы, проявив собственную силу, так и все, воевавшие против Церкви, ее не поколебали, а потеряв собственную силу, посрамились, при самом нанесении ударов оказываясь бессильными, при самом нападении впадая в изнурение, при самом действии испытывая поражение от страждущих; в этом и состоит дивный способ ее победы, возможной не для людей, а только для Бога. В Церкви достойно удивления не только то, что она победила, но и то, что победила таким образом. Будучи гонима, преследуема, терзаема бесчисленными способами, она не только не уменьшалась, но и возрастала, и само ее терпение поражало старавшихся причинить ей эти страдания. Таково действие алмаза в отношении железа: тем самым, что он получает удары, он уничтожает силу ударяющего; таков и рожон в отношении к тем, которые идут против него: он нисколько не делается от того слабее, когда окровавливает ноги идущих против него. (Деян. 9:5). Потому пророк и назвал Церковь горою. Если же иудей не допускает здесь переносного смысла, то пусть он обличится собственными словами пророка. Сам пророк сказал, что волки и агнцы будут пастись вместе, что свистнет Бог мухам и пчелам и наведет на иудеев руку сильную, потому что они не хотели иметь воду силоамскую (Иса. 1:6; 7:18; 8:6). Если бы кто–нибудь стал принимать это буквально, то получил бы много непонятного; но принимающим означаемое этими выражениями должно представлять ход мыслей таким образом. Что же означается этими выражениями? Названиями волков и агнцев означаются нравы людей – зверские и кроткие; мухами – бесстыдство египтян; рекою – стремительность неприятельского войска; Силоамом – кротость и доброта начальствовавшего тогда царя иудейского. Никто из людей самых безумных, конечно, не будет противоречить нам в этом. Потому, как это пророк означил другими названиями, так и твердость Церкви, ее непоколебимость, высоту, непобедимость, он выразил названием горы. И другой пророк сравнивает с горою надеющихся на Бога, означая их непобедимость. Явлена. Это уже не требует объяснения. Сами события по свойству своему громче трубы возвещают славу Церкви. Не так блистательно солнце и происходящий от него свет, как дела Церкви. И дом Божий на версе гор.

3. Как истолковал бы это иудей? Храм его никак не на верху гор; а сила Церкви касается самых небес. Как дом, находящийся на вершине гор, бывает виден всеми, так, и еще больше того, Церковь сделалась славною у всех людей. И возвысится над холмами. Этим пророк опять выражает то же самое, – чего с храмом никогда не бывало, даже и тогда, когда он, по–видимому, был в самом лучшем состоянии. И как относить это к храму, когда он и самими иудеями часто был непочитаем, и разрушаем руками иноплеменников? А сила Церкви, хотя испытывала нападения более жестокие и более частые, нежели он, но никогда не была покоряема руками нападающих, а напротив особенно от врагов делалась еще более высокою и славною. Тогда были сонмы мучеников, тогда лики исповедников, тогда являлись души крепче железа и сияли светлее самых звезд; тела их были рассекаемы, но душа не была побеждаема, а побеждала и увеличивалась. Кто видал, кто слыхал, чтобы убиение приносило венец, чтобы заклание доставляло победу, чтобы войско делалось более славным тогда, когда больше являлось убиваемым неприятелями?

И потекут к ней все народы. (И придут к ней вси языцы). Продолжая речи, пророк делается более ясным, говорит более открыто, выражает пророчество более вразумительно, и сильнее заграждает уста иудеев. Хотя бы они были весьма бесстыдны,

этого они никак не могут отнести к своему храму. Язычникам было запрещено и тщательно возбранялось входить в рам. Что я говорю: входить в храм? И самим иудеям с великими угрозами закон запрещал иметь смешение с язычниками и подвергал их за это величайшему наказанию. Пророк Аггей все свое пророчество составил из того, что обличал, угрожал, требовал наказания за такое непозволенное смешение посредством брака. Но наше – не таково; Церковь, со всею щедростью раскрывая свои недра, с распростертыми объятьями ежедневно принимает все народы вселенной. Такое повеление и первые учители догматов получили от Единородного, немедленно услышав от Него такие слова: "**итак идите, научите все народы**" (шедшее научите вся языки) (Мф. 28:19). Заметьте, как прок указывает не только на призвание язычников, но и на усердное их послушание. Он не сказал: приведутся, но: придут. И другой пророк, выражая это яснее, сказал: "**и уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: `познайте Господа', ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого**" (Иер. 31:34). Для иудеев и тварь изменяла свои свойства, и были постоянные угрозы, и беспрестанные наказания, и непрерывные чудеса, и явления пророков, и страх законодателя, и угрожавшие войны и нападения иноплеменников, и бедствия, попускаемые Богом, и наказания, ниспосылаемые с неба; но они оставались жестоковыйными и необрезанными, как говорил Стефан (Деян. 7:31), упорными и непреклонными; а для язычников достаточно было простого слова и одного слышания, и все они тотчас притекли. Потому и Давид, указывая на это, сказал: людие, ихже неведеных, работаша Ми и, удивляясь их послушанию, прибавил: в слух уха послушаша Мя. (Пс. 7:44–45). И Иаков, выражая то же самое более загадочно, сказал: "**он привязывает к виноградной лозе осленка своего и к лозе лучшего винограда сына ослицы своей**" (привязуяй к лозе жребя свое, и к винничию жребца осляте своего) (Быт 49:11). Кто видел жеребенка, привязанного к лозе винограда (винничию), стоящего у виноградника, и не повреждающего плодов? Между бессловесными – никогда; а между людьми это совершилось с великою точностью. Иудеи, будучи связаны бесчисленными узами, "**сокрушили иго, расторгли узы**", как говорит пророк (Иер. 5:5); а язычники, не будучи принуждаемы никакою необходимостью, охотно послушались, как сын ослицы, привязанный к лозе винограда, не нарушили ни одной из заповедей, но стояли, показывая великую покорность. "**И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева**" (ст. 3). Посмотри, как они составляют лики и торжества, убеждают друг друга, и все делаются учителями, – не один, не два и не три, но многие стекающиеся народы. Придут, говорит, многие народы и из различных стран, – чего у иудеев никогда не было. Если некоторые и приходили к ним, то разве немногие прозелиты, и притом с великим трудом, и они никогда не назывались народами, но – пришельцами. "**Пришельцы**", говорит пророк, "**придут к тебе**" и будут твоими слугами (Иса. 54:15). Если же пророк продолжает иносказательную речь, называя Церковь горою и домом Бога Иаковля, то не удивляйся этому. Он, как я прежде сказал, то раскрывает, то закрывает пророчество; первое делает для того, чтобы людям более разумным дать способ к уразумению сказанного; а второе – для того, чтобы удержать беспорядочное стремление неразумных; и везде он разнообразит свою речь.

4. Если он сказа: Бога Иаковлева, то не смущайся этим, возлюбленный. И Единородный Сын Божий был Богом Иаковлевым. Он и дал закон, и совершал у них все чудеса. Это ясно можно видеть и из ветхого завета, если иудеи не приписывают никакой важности новому. Так Иеремия говорит: "**Я заключу с вами новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами**" (завещаю вам завет нов, не по завету, егоже завещах отцем) вашими[6] (Иер. 31:31–32), выражая, что Сын Божий был законодателем обоих законов. А что Он и освободил евреев из Египта, об этом пророк прибавляет: "**в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской**" (в день, в оньже емшу Ми за руку их, извести я от земли Египетския) (ст. 32). Если же Он вывел их, то Он же совершил и все чудеса в Египте и в пустыне. И возвестит нам путь свой, и пойдем по нему. Видишь ли

ищущих некоторого другого закона? Путем Писание обыкновенно называет заповеди Божьи. Если бы он говорил о прежнем завете, то не сказал бы: возвестить нам, потому что тот завет был ясен, понятен и известен всем.

А что мы говори это без лжеумствования, в этом самые слова (пророка) могут убедить и крайне бесстыдных. Упомянув здесь только о пути, он объясняет, о каком он говорит пути, и излагает много отличительных его признаков. Потому продолжает: ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне – из Иерусалима (от Сиона бо изыдет закон, и слово Господне из Иерусалима). Против этого и бесстыднейшие сыны иудейские не могут открыть рта. И что здесь говорится и новом завете, это можно видеть и из места, и из времени, и из того, кто принял закон, и из самих действий по принятии закона, и из всего вообще. И во-первых, из места: от горы Сиона. Закон Моисеев дан был предкам их на горе Синай. Как же здесь говорится: от Сиона? Не довольствуясь этим, он прибавил и время. Не сказал: изыде закон, но изыдет, что относится к будущему времени и к предмету еще не бывшему. Закон ветхий уже дан был за много лет прежде того, как пророк говорил это; закон же нового завета будет дан спустя много лет. Потому он и не сказал: изыде, но: изыдет, т.е. впоследствии. Потом он опять переходит к самому месту, говоря: и слово Господне – из Иерусалима. Здесь он с точностью показывает нам отличительный признак нового завета. Действительно, Христос преподавал высокие и достойные небес заповеди то сидя на горе, то находясь в Иерусалиме. Сказав таким образом о месте и времени, пророк прибавляет и то, кто примет закон, заграждая со всех сторон уста противоречащим. Кто же примет его? Народ ли еврейский и сыны иудейские? Нет, но происходящие из язычников. Потому и прибавляет: "**будет Он судить народы**" (и судити будет посреди язык) (ст. 4). Закону особенно свойственно – судить противящихся ему. А что здесь идет речь не о ветхом завете, это ясно из самих действий. Мы не соблюдаем субботы, не принимаем ни обрезания, ни праздников их и ничего другого из ветхого, потому что мы слышали Павла, который говорит: "**если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа**" (Галл. 5:2); и еще: "**наблюдаете дни, месяцы, времена и годы: боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас**" (Гал. 4:10–11). Отсюда очевидно, что о новом завете говорится в словах: будет Он судить народы (и судити будет посреди язык), как и Павел говорит: "**в день, когда… Бог будет судить тайные [дела] человеков**" (в день, егда судит Бог тайная человеком) (Рим. 2:16). Как, скажи мне, будет судить? По ветхому завету? Нет, но по благовествованию моему. Видишь ли, – хотя слова различны, но мысли согласны? Исаия говорит: будет Он судить народы (и судити будет посреди язык). И Павел говорит: "**будет судить по благовествованию моему**" (Рим. 2:16). И изобличит людей многих, т.е. противящихся и преступающих. Это и Христос объясняя говорил: "**Я не сужу его**[7] **но слово, которое Я говорил, оно будет судить**" (не Аз сужду вам, но слово, еже глаголах, то судит вам) (Иоанн. 12:47–48). И перекуют мечи свои на орала, и копья свои – на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать. Пророк не довольствуется прежними признаками, – велико ведь богатство истины, – но прибавляет еще признак нового завета, сияющий по всей вселенной. Какой же именно? Мир и прекращение войн. Когда это будет, говорит, тогда водворится такое спокойствие во вселенной, что самые воинские оружия будут перекованы на земледельческие орудия. А этого, как всякий может видеть, не было во времена иудеев, но было все напротив. Во все продолжение своего царства они не переставали воевать и подвергаться войнам, когда враги то продолжительное, то краткое время наступали на них. Жители самой Палестины часто ставили их в затруднительные обстоятельства, так что они подвергались крайней опасности.

5. Это ясно показывает история царств, вся составленная из войн; показывают и все пророки, возвещавшие эти события и предсказывавшие о них прежде, нежели они

случились. С того самого, можно сказать, дня, в который евреи освобождены были от египетского рабства, они проводили все врем в войнах.

А теперь не то, но великий мир во вселенной. Если же и бывают войны, то не так, как прежде. Тогда вооружались города против городов, страны против стран, народы против народов, и один народ разделялся на многие части. Кто прочитает книгу Иисуса Навина и Судей, тот увидит, сколько войн испытала тогда Палестина в короткое время. И не это только было тяжело, но и то, что закон повелевал всем браться за оружие и никто не был свободен от такой службы. Этот закон имел силу не только у иудеев, но и по всей вселенной, так что и ораторы и философы, не имевшие ничего, кроме плаща, по призыву к войне, брали щиты и становились в воинский строй. Так Сократ, сын Софрониска, весьма славившийся между афинянами своим спокойствием и любомудрием, раз или два стоял в строю; и глава их ораторов, Демосфен, часто с кафедры выходил на войну. Если же ораторов и философов никакой закон не освобождал от войны, то еще менее кто-нибудь другой из народа освобождался от такой обязанности. Но теперь нельзя видеть ничего подобного. После того, как воссияло Солнце правды, и города, и народы, и все племена стали столь далеки от жизни в таких опасностях, что даже не умеют взяться за что-нибудь воинское, но, сидя внутри стен и городов, издали узнают и делах воинских, и весь народ живет на свободе и без обязанности к такой неприятнейшей службе. Если же и теперь бывают войны, то где-нибудь далеко, на крайних пределах рисского государства, а не по городам и селениям, как было прежде. Тогда и в одном народе, как я сказал, непрестанно происходили бесчисленные возмущения и многоразличные возмущения и многоразличные войны; а ныне где только светит солнце, вся земля от Тигра до Британских островов, и Ливия, и Египет, и народ палестинский или, лучше сказать, все подвластное римлянам, находится в мире; вы знаете, каким совершенным спокойствием наслаждаются эти города, узнающие о войнах только по слуху. Христос мог бы уничтожить и остатки войн, но Он попускает быть набегам варваров для некоторого вразумления людей беспечных, делающихся во время мира более нерадивыми. И пророк для способных правильно понимать выразил то же самое, что я сказал, т.е. что уже более не будет частых возмущений. Он не сказал, что совершенно не будет войны, но что? Не поднимет народ на народ меча, и о свободе народов прибавил: не будут более учиться воевать, кроме немногих, назначенных для того воинов. "**О, дом Иакова!**[8] **Придите, и будем ходить**[9] **во свете Господнем; но Ты отринул народ Твой, дом Иакова**" (И ныне ты, доме Иаковль, придите и пойдем светом Господним; остави бо люди своя, дом Иаковль) (ст. 5,6). Окончив пророчество о Церкви, пророк переходит опять к историческим событиям, как бы продолжая ход речи. Так обыкновенно поступают пророки: не только сжатостью[10] сказанного, но и видом последовательности они прикрывают пророчество. Потому он и не оканчивает речи совершенно, но, как бы простирая одну какую-нибудь цепь, опять переходит к вразумлению иудеев и говорит: О, дом Иакова! Придите, и будем ходить во свете Господнем, т.е. по заповедям Его, по закону Его. "**Заповедь есть светильник**," говорит премудрый, "**и наставление – свет, и назидательные поучения – путь к жизни**[11]" (зане светильник,…, заповедь закона, и свет, и жизни, и обличение, и наказание) (Прит. 6:23). Также Давид говорит: "**заповедь Господа светла, просвещает очи**" (Пс. 18:9); и еще: "**слово Твое -- светильник ноге моей и свет стезе моей**" (Пс. 118:105). И везде, как всякий может видеть, закон так называется. Так и Павел говорит: "**и уверен о себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд**" (уповая же себе вожда быть слепым, света сущным во тьме, наказателя безумным) (Рим. 2:19–20). Подлинно, не так лучи солнца руководят наши очи телесные, как заповеди закон просвещают зрение душевное.

6. Таким образом пророк, желая показать, что еще прежде воздаяния и наград заповеди доставляют нам вознаграждение при самом их исполнении, назвал их светом. Как глаз при

самом освещении светом получает пользу, так и душа при самом повиновении закону получает величайшие плоды, очищается, освобождается от порока и восходит к самой добродетели; напротив того, преступающие закон, еще прежде наказания, получают наказание в самом преступлении, находясь в положении более жалком, нежели сидя во тьме, испытывая страх, терпеть и угрызения совести, и в самый полдень боясь и страшась всех знающих и ничего не знающих. Но Ты отринул народ Твой, дом Иакова (Остави бо люди своя, дом Иаковль), т.е. устранился, отступил, презрел, лишил своего промышления. Внушив страх, пророк потом приводит и причину, чтобы они исправили совершившиеся. Какая же это причина? Зане наполнися[12] страна их волхвований, якоже иноплеменников. Прежде он обвинял их в корыстолюбии, сребролюбии, презрении вдовиц; а здесь укоряет за неправые мнения и остатки нечестия, которые мало-помалу увлекали их к демонскому заблуждению. Притом в обличение их не просто сказал, что они волхвовали, но: наполнися страна их. Порок их, говорит, опять увеличился чрезмерно. Как выше он говорил не просто: народ грешный (людие грешники), но: обремененный беззакониями (исполнены грехов) (Иса. 1:4), так и здесь говорит: наполнися. Далее, желая еще более усилить обличение, прибавляет: якоже из начала. Из начала, когда? Когда они еще не знали Бога, когда еще не получили закона, когда еще не испытали Его благодеяний, когда жили с язычниками; это заслуживало крайнего осуждения, – теперь, после таких действий промышления и попечения Божьего, быть нисколько не лучше таких, которые не испытали ничего подобного. Не останавливаясь и на этом, но желая тронуть их еще более, он прибавляет: якоже иноплеменников, таким сравнением личностей делая осуждение более тяжким. Также постоянно делает и Павел, как, например, когда говорит: "**ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших**" (не хощу же вас, братие, не ведети о умерших, да не скорбите, якоже и прочии не имущии упования) (1 Сол. 4:15); и еще: "**чтобы каждый из вас умел**[13] **соблюдать свой сосуд в святости и чести,**

а не в страсти похотения, как и прочии[14] **язычники, не знающие Бога**" (1 Сол. 4: 4–5). Такой образ речи сильно трогает людей даже и сильно падших. Если же так осуждаются иудеи, то какое прощение, какое оправдание можем иметь мы, после такой благодати, неизреченной чести, надежды на бессмертные блага, впадая в такое же бедственное состояние, как и они? Действительно, и ныне есть много людей, которые заражены этою болезнью и губят свою жизнь, которые предаются безумию волхвователей и кроме того, что оскорбляют Бога, приобретают себе излишние скорби и ослабевают в подвигах добродетели. Так дьявол всячески старался убедить неразумных, что не в их власти добродетель и порок, что они не одарены свободным произволением, желая таким образом совершить два постыднейших дела: ослабить опдвиги добродетели и лишить величайшего дара – свободы. То посредством гаданий, то через наблюдение дней, то через нечестивое учение о судьбе, то через многое другое, он ввел в жизнь эту тяжкую болезнь и низвратил все. Потому и пророк сильно обличает это, чтобы исторгнуть болезнь с корнем. И чада многа инопламеннича родишася им.

7. Что значит: чада иноплеменнича? У евреев, по причине их легкомыслия и удобопреклонности к обольщению, издревле был закон – не смешиваться ни с кем из прочих людей, чтобы такие связи не послужили поводом к нечестию. Так как они не только не могли исправлять других, но и сами неспособны были избегать вреда от других, то Бог, оградив их законом и удерживая от смешения с прочими народами, устроял и наставлял их особо, так как желательно было, чтобы они, хотя при таком руководстве, могли сохранить данное им от Бога устройство. Но подобно тому, как они преступали другие заповеди, так, презрев и эту, вступали в родство с соседями, от которых брали себе невест, – от моавитян, аммонитян и других нечестивых народов, – и, заводя другие связи,

принимали учителей злочестия и оскверняли чистоту своего благородства. За это, между прочим, и укоряет их пророк. "**И наполнилась земля его**," говорит он, "**серебром и золотом, и нет числа сокровищам его; и наполнилась земля его конями, и нет числа колесницам его**" (ст. 7). Но какое преступление, скажет кто-нибудь, иметь деньги, приобрести коней, особенно в то время, когда было немного расположения к любомудрию? Что же мы скажем на это? Пророк осуждает не обладание ими, но настроение воли, употреблявшей их не так, как должно. Как тогда, когда он говорит: горе крепким (Иса. 1:24), он не власть осуждает, но худо пользующихся властью, так точно и здесь он укоряет не за то, что они приобрели богатство, но за то, что собирали его с великим избытком и сверх нужды. И не бяше, говорит, числа сокровищ их. И не это только, но и то, что они, гордясь богатством и силою коней, мало-помалу уклонялись от надежды на Бога, как и в другом месте говорил им пророк: "**горе надеющимся на силы свои и хвалящимся множеством богатства своего**[15]" (Пс. 48:7); и еще в другом месте: "**не спасется царь множеством воинства; исполина не защитит великая сила**" (Пс. 32:16); и еще в ином псалме говорит: "**не на силу коня смотрит Он, не к [быстроте] ног человеческих благоволит, - благоволит Господь к боящимся Его**" (не в силе констей восхощет, ниже в лыстех мужеских благоволит: блвгоколит Господь в боящихся Его) (Пс. 146:10–11). "**И наполнилась земля его идолами: они поклоняются делу рук своих, тому, что сделали персты их**" (и наполнися земля мерзостей дел рук их, и поклонишася тем, яже сотвориша персты их) (ст. 8). Пророк, как мудрый врач, высказывает причину недуга и источник болезни. Намереваясь обличить их в нечестии, он предварительно показал причины болезни: сребролюбие, высокомерие, незаконные связи, объяснив то от этого они мало-помалу впали в бездну погибели и стали поклоняться идолам. Потом, осмеивая такое их служение, прибавляет: дел рук их. Действительно, что может быть смешнее того, когда человек делает бога? Мерзостию же Писание обыкновенно называет идолов; потому и мерзостью запустения называется истукан, поставленный в храме. "**Итак, когда увидите**," говорит Господь, "**мерзость запустения,… стоящую на святом месте: читающий да разумеет**" (Мф. 24:15). Желая отклонить их от привязанности к предметам чувственным, Бог запрещал им делать всякое изображение и называл это мерзостью, чтобы далеко отвести их от нечестия. Чувствовать омерзение значит чрезмерно ненавидеть что-нибудь, как нечистое, как проклятое. Таким образом мерзостью в Писании называется достойное ненависти и отвращения. А всякий идол таков. "**Они поклоняются делу рук своих, тому, что сделали персты их: и преклонился человек, и унизился муж**" (и поклонишася тем, яже сотворивша персты их: и преклонится человек, и смирится муж) (ст. 9, 10). Как поклонение Богу возвышает человека, так поклонение идолам унижает и низводит с высоты. В самом деле, что ниже человека, который лишает себя спасения, имеет своим врагом Бога всех, преклоняется перед вещами бездушными, служит камням? Бог удостоил нас такой чести, что сделал выше самых небес, а дьявол старается низвести покоряющихся ему до такого бесчестия, что делает их бесчувственнее самых вещей бесчувственных. Потому и говорит пророк: смирися муж. Это обличение само по себе достаточно было для того, чтобы имеющего ум отклонить от такой болезни; но так как многие из людей боятся не столько грехов, сколько наказаний, то он присоединяет и наказание, и говорит: и не претерплю им. Не прощу, говорит, не оставлю, не пренебрегу, но потребую отчета и назначу наказания за преступления. "**Иди в скалу и сокройся в землю от страха Господа**" (И ныне внидите в камения и скрыйтеся в землю от лица страха) Господня (ст. 10). Достаточно посмявшись безумию поклоняющихся идолам и указанием на способ делания идолов обличив и глупость служащих им и бессилие идолов, Он еще подтверждает слова Свои, предоставляя испытать сказанное на опыте, и говорит: для Меня достаточно было и того самого, что идолы делаются людьми, чтобы показать безумие обольщаемых; но так как они, погрузившись в нечестие, как бы в опьянение, стали слепы к предметам ясным и очевидным, то горд их постигнут такие

бедствия, что и самые бесчувственные убедятся, каково бессилие идолов и какова сила Божья.

8. Для того, прежде, нежели сказать о войне, пророк говорит о том, что произойдет от нее, повелевая идти в скалу и сокрыться в землю (у св. И. Зл: войти в камни и скрыться под самую землю), не с тем, чтобы они действительно сделали это, но чтобы таким образом убедились, как невыносим гнев, который тогда покажет Бог. Сокройся (Скрыйтеся), говорит, землю от страха Господа и от славы величия Его, егда восстанет сокрушити землю (в землю от лица страха Господня, и от славы крепости Его, егда восстанет сокрушити землю). Не сказал просто: от величия Его (от крепости Его), но: от славы величия (от славы крепости). Таковы именно дела Божьи и таковы победы Его; в них – великая слава и знаменитость. Здесь, мне кажется, пророк указывает на победу, бывшую при Езекии, называя землей множество народа, сокрушением – поражение, а восстанием – явление Его на помощь. Потому и Давид говорит так: "**да восстанет Бог, и расточатся враги Его**" (67:2); и еще: "**восстань, Боже, суди землю**" (Пс. 81:8), – означая делами и положениями людей действия Божьи. Очи бо Господни высоцы, человек же смирен (ст. 11). Чтобы никто из тогдашних слушателей не сомневался в сказанном, – ведь случившееся для многих было невероятным и превышающим всякое чаяние, – он прибегает к могуществу Совершающего и слабости подвергающихся Его действию. Нет ничего, говорит, выше Бога, и ничего – слабее людей. Итак, не сомневайся, может ли столь Великий и Сильный внезапно так унизить слабых. Хорошо сказал он: Очи Господни высоцы. Не сказал: сила, но: очи Господни, так как и одного воззрения Божьего достаточно для ниспровержения всего противного. Тоже и Давид говорил в другом месте: "**Призирает на землю, и она трясется**" (Пс. 103:32); и еще другой пророк: и воззрю к нему, и премогу ему (Осия 11:4). " **И падет величие человеческое,… и один Господь будет высок в тот день**" (И смирится высота человеческая. И вознесется Господь един в день оный) (ст. 11). По совершении чудной победы, после славных и дивных трофеев, бесы будут обличены, идолы поруганы, лжепророки принуждены молчать, господство иноплеменников разрушено, всякие уста, противоречащие Богу, заграждены. Потому он и говорит: и один Господь будет высок (И вознесется Господь един). Никто уже не будет противоречить и сомневаться в могуществе Божьем, когда дела представят такое яснейшее доказательство. Высота существа Божьего постоянна, никогда не начиналась и всегда существует; возвышение же разумеется в мысли людей, когда противоречащие и противодействующие, убедившись доказательством самых дел, покорятся и вознесут приличное славословие. "**Ибо [грядет] день Господа Саваофа**[16] **на все гордое и высокомерное и на все превознесенное, – и оно будет унижено, – и на все кедры Ливанские, высокие и превозносящиеся, и на все дубы Васанские, и на все высокие горы**[17]**…**" и на всякую стену высокую "**и на всякую высокую башню, и на все корабли Фарсисские, и на все вожделенные украшения их**[18]**. И падет величие человеческое,…; и один Господь будет высок в тот день**" (День бо Господа Саваофа придет на всякаго досадителя горделивого, и на всякаго высокаго и величаваго и смирятся: и на всяк кедр Ливанский выскоих и превознесенных, и на всяко древо желудя Васанска, и на всякую гору высокую, и на всякую стену высокую и на всякий столп выско, и на всякий корабль морский, и на вско видение доброты кораблей. И падется высота человеча, и вознесется Господь един в день оный) (ст. 12–17). Здесь стеною, кедром, холмом и дубом он называет сильных людей, высотою этих дерев иносказательно означая власть их; а названием корабля и видения доброты кораблей указывает на богатейших из них.

9. Он хочет сказать следующее: всякий человек сильный, всякий властитель, всякий военачальник, всякий обладающий богатством, всякое, так сказать, великолепие и могущество человеческое тогда уничтожится и прекратится, и ничто не поможет им

избежать гнева Божьего: ни сила телесная, ни опытность в войне, ни изобилие богатства, ни покровительство власти, ни множество войска, и ничто другое подобное. О кедрах ливанских он упоминает потому, что особенно там растет это дерево, или потому, что эти предметы были близко; видением же доброты кораблей называет великолепие военачальников, окруженных богатством, оружием, копьеносцами. Впрочем, мне кажется, он намекает и на прибытие иноплеменников издалека. "**И идолы совсем исчезнут. И войдут [люди] в расселины скал и в пропасти земли от страха Господа и от славы величия Его, когда Он восстанет сокрушить землю**" (И рукотвореная вся скрытость, внесшее в пещеры, и в разселины камией, и в вертепы земныя, от лица страха Господня, и от славы крепости Его, егда восстанет сокрушити землю) (ст. 18,19). Боги их, говорит, не только не подадут им никакой помощи, но и сами будут нуждаться в помощи людей и безопасных местах, чтобы не быть взятыми. От страха Господа и от славы величия Его, когда Он восстанет сокрушить землю. Чтобы кто-нибудь не приписал это нашествию иноплеменников и не подумал, будто страх зависит от их могущества, он обращает речь к Богу всех и говорит, что сам Бог будет управлять этою войною и в Его власти – среди такой опасности наказывать за совершенные преступления. "**В тот день человек бросит кротам и летучим мышам серебряных своих идолов и золотых своих идолов, которых сделал себе**[19] **для поклонения им, чтобы войти в ущелья скал**[20] **и в расселины гор от страха Господа и от славы величия Его, когда Он восстанет сокрушить землю**". (В день бо оный изринет человек мерзости своея златыя и серебряныя, яже сотвориша себе, да покланяются суетным и нетопырем, еже внити в твердыя камения, и в разселины каменей от лица страха Господня, и от славы крепости Его, егда восстанет сокрушити землю) (ст. 20, 21). Достаточно он посмеялся им, показав, как они скрываются вместе с богами и уходят в землю, и как драгоценность вещества не может нисколько помочь в предстоящем бедствии. Нетопырями же он называл идолов или по их бессилию, или по мрачности заблуждения и потому, что бесы все делают скрытно. Как для нетопырей солнце и свет ненавистны, а ночь и тьма приятны, так и для бесов и для увлеченных ими в заблуждение пороков все преступное обычно и приятно, а добродетель и дела света – ненавистны, и когда сияют эти дела, то они тотчас погружаются в мрак, так что живущий добродетельно не нуждается ни в каком труде и усилии, потому что довольно только явиться свету, и все мрачное рассеется. "**Перестаньте вы надеяться на человека, которого дыхание в ноздрях его, ибо что он значит?**" (Оставите вам человека, емуже есть дыхание в ноздрях его: яко в чем вменися им сей?) (ст. 22). Здесь, мне кажется, он указывает на Езекию, который от страха и великого изнурения находился при последнем издыхании. Когда иноплеменники, как бы поймав его в сети, думали, что имеют в нем верную добычу, и что они без труда возьмут город и отведут царя в плен, тогда случилось противное ожиданию иноплеменников. Потому и прок говорит: Перестаньте вы надеяться на человека, которого дыхание в ноздрях его, ибо что он значит? Т.е., он не значит ничего. Они надеялись истребить все набегом, но случилось все напротив, и тот, кого вы считаете за ничто, и за человека слабого, окажется славнее всех, получив помощь от Бога.

---

[1] Св. И. Зл. слов: παρά Κυρίου= от Господа здесь не читал, как они не читаются и в ват. код.

[2] Св. И. Зл. читает здесь Νάθαν= Нафан, как в алек. код., но ват. код. и до. греч. сп. Τανάθαν, ср. ц.-сл. Танафан, а в евр. м. Тартан.

[3] Св. И. Зл. читает надпись LXXI пс: τω Σολομώντι= Соломону, согласно с евр. м. т., но в греч. сп.: είς Σολωμών, почему ц.-сл.: о Соломоне.

[4] Вместо: ό θρόνος αύτού= престол Его, в греч. сп., согласно с евр. м. и Пеш., стоит: γενεάς γενεών= ц.-сл.: рода родов.

[5] Св. И. Злат. читает здесь: τών χαιρών= времен, но в послании в Галатам, откуда взята цитата, здесь стоит: τού χρόνου=в ц.сл. лета.

[6] Св. И. Злат. читает здесь у Иеремии: τοίς πατράσιν ύμών=ощем вашим (как в Фридрихо-Августовском код. LXX). Но код. Алекс. и ват. читают: τοίς πατράσιν αύτώ, почему в ц. слав.: отцем их.

[7] В еванг. Иоанна (12:47) слова Спасителя читаются: έγώ ούх χρίω αύτόν= в ц.-сл.: я не сужу его; но св И. Злат перефразирует относительно неверующих иудеев: ούх έγώ κρινώ ύμάς, "я не сужу вас".

[8] Слова σύ известные греч. сп. пер. LXX здесь не имеют.

[9] Перед πορευθώμεν=пойдем св. И. Зл. читает χαί=и, которое стоит в некоторых греч. сп. (ср. комплют. пол и след. изд).

[10] Вместо άσφαλέ α, Allenus читает здесь άσαφεία=неясностью.

[11] В изв. греч. сп. здесь читается: χαί όδός ζωής=ц.-сл.: и путь жизни.

[12] Греч. списки здесь, после слова: ένεπλήσθη=наполнился, читают: ώς τό άπ' άρχής=якоже изначала, что читал здесь, как видно из последующего, и св. И. Зл., но в данном месте текста св. И. Злат. по изданию Миня эти слова пропущены.

[13] Слов: от вас=ύμών у св. И. Зл. по изд. Миня здесь нет.

[14] τά λοιπά=прочие, что здесь читал св. И. Злат., в греч. сп. 1 Солун. нет.

[15] Св. И. Зл. читает в начале ст. 7 Пс. XLVIII ούαί=горе, чего в греч. сп. пер. LXX нет.

[16] Слова παραγίνεται=придет, читается здесь св. И. Злат., согласно с некот. гр. сп., в алекс. и ват. код. нет, а потому оно не читается и в ц.-слав.

[17] Стоящие Дале в греч. сп. LXX слова: χαί έπί πάντα βουνόν ύψηλόν= в ц.-сл.: и на всякий холм высокий – у св. И. Зл. не читаются.

[18] Стоящие далее в греч. сп. пер. LXX, слова: καί ταπειωθήσεται τάς άνθρωπος= в ц.-сл.: и смирится всякий человек, у св. И. Злат. не читаются.

[19] Согласно некоторым греч. сп. пер. LXX, СА. И. Злат. читает здесь έαυτοίς, что отсутствует в код. алекс., ват., а потому не имеет соответствующего ему себе в ц.-сл.

[20] είς τάς στερεάς πέτρας, но в известных греч. сп. είς τάς τρώγλας τής στερεάς πέτρας, почему в ц.-сл.: в вертепы твердаю камене.

ГЛАВА 3

"Вот, Господь, Господь Саваоф, отнимет у Иерусалима и у Иуды посох и трость" (Се Владыка Господь Саваоф отъимет от Иерусалима и от Иудеи крепкаго и крепкую) (Ис. 3:1)

1. Как отличный врач, то прижигая, то отсекая, то давая горькие лекарства, имеет целью здоровье больных, так точно и человеколюбивый Бог, различными и разнообразными наказаниями скрепляя расслабление и распадение иудеев, то устрашает непризнательным набегом иноплеменников, то еще прежде такого нападения поражает их другими угрозами, разнообразием угроз постоянно сохраняя в них живой страх. Так теперь Он угрожает им бессилием, голодом, засухою, лишением не только необходимого, но и того, что нисколько не меньше необходимых вещей сохраняет нашу жизнь. Не голод только тяжек, но тяжко – иметь недостаток и в управляющих делами; от этого обыкновенно и самое богатство бывает тяжелее голода. В самом деле, какая польза в том, что все льется как бы из источников, когда происходят междоусобные войны, когда море воздымается, волны бушуют, и нет ни кормчего, ни рулевого, и никого, кто мог бы остановить бурю обстоятельств и воззвать спокойствие? Если же вместе с этим бывает и голод, то представь чрезмерность бедствий. Всем этим Бог угрожает (иудеям), и, во-первых, самым тяжким бедствием. Вот (се), говорит, Господь, Господь Саваоф (Владыка Господь Саваоф). Это выражение: вот (се) пророки употребляют постоянно, когда хотят удостоверить слушателя в истине слов своих. Не здесь только, но и прежде, и в самом начале можно видеть, что грехи часто предшествовали телесному расслаблению, как напр. в Каине. Так как он неправильно воспользовался своей силой, то справедливо подвергся расслаблению. Так и в сидевшем при купели грехи были причиною расслабления, как говорит Христос: "**вот, ты выздоровел; не греши больше**" (Иоан. 5:14). И Павел говорит: "**оттого многие из вас немощны**", – потому, что они грешили, принимая таинства с нечистою совестью (1 Кор. 11:30). И блудника он предает "**во изможднение плоти**", подвергая его такому наказанию за грехи (1 Кор. 5:5). Впрочем, это не всегда бывает наказанием за грехи, но иногда бывает поводом к получению венцов, как у Лазаря и Иова. И не слабость только, но и другие болезни телесные происходили от греха, как напр. проказа Озии за бесстыдство его намерения. Так и рука царя Иеровоама иссохла за его гордость и высокомерие. И язык Захарии был связан не за что иное, как за грех души. Потому, так как и для иудеев телесное здоровье, благоденствие и обилие богатства служили поводом к высокомерию, то и Бог исторгал корень гордости, вразумляя их, делая лучшими и доставляя им больше того, чего лишал их. Что за вред – иметь слабое тело, когда этим научается душа? Притом, чтобы они не подумали, что случившееся было следствием слабости природы, пророк предсказывает об этом и простирает угрозу не только на мужей, но распространяет наказание и на женский пол, – так как был развращен и тот и другой пол, – и далее, по причине крайнего бесстыдства, обращает речи против самих женщин, обвиняя их в преступлениях, которые разрушили город до самого основания. Потому и на них он посылает заразу; именно заразу, мне кажется, он разумеет, когда говорит: отниму посох и трость (отьиму крепкаго и крепкую), или какую-нибудь другую телесную болезнь, не уступающую искусству врачей. Таковы – наказания Божьи. Крепость хлеба и крепость воды. Это – тягчайшее наказание, когда уничтожается не самое существо, а происходящая от него сила, так что люди наказываются самым видом его, никогда не насыщаясь им и отсюда усматривая, что это – гнев Божий. Исполина и крепкого. Исполином Писание постоянно называет человека сильного или превосходящего многих размером своих членов. Когда в книге Бытия от говорит: "**это сильные, издревле славные люди**" (тий бяху исполини, человецы именити) (Быт. 6:4), то этими словами не говорит о рождении какого-нибудь другого рода, но указывает нам, что они были сильны, крепки, здоровы. И человека ратника и судию. Невыносимое наказание, указание крайней гибели составляет сказанное, когда, и при целости стен и башен, город вместе с самими жителями может быть предан неприятелям. Ведь безопасность городов

заключается не в камнях, не в деревах и оградах, но в благоразумии населяющих город; когда есть такие люди, тогда ни, и в присутствии врагов, ограждают город безопаснее всего; а когда их нет, то, хотя бы никто не беспокоил его, он представляется более жалким, нежели город осаждаемый.

2. Таким образом, пророк преподал тем и всем слушающим немалый урок любомудрия, убеждая никогда не надеяться на величие города, на рвы и укрепления, но на добродетель мужей пригодных. Внушая им страх, он говорит, что Бог лишит город безопасности, отняв не только сведущих в войне, но и умеющих судить, которые не менее воюющих приносят пользу городам, благоустраивая мир и часто отклоняя угрожающие войны. Так как войны постоянно произрастают от корня грехов, то стражи законов и точные блюстители правосудия, обуздывая большую часть грехов, могут уничтожать и поводы к войне, почему же Бог отнимает их? Потому, что люди не пользовались ими, как должно, когда они были. Как спасительные наставления Его приносили великую пользу слушателям, но, возвещая иудеям, Он прикрывал свои наставления неясностью, потому что они не внимали словам Его, так точно эти великие дары, которые доставляют нам великое спасение, Он часто отнимает, когда принимающие не хотят извлечь из них никакой пользы. И пророка, и смотреливаго. Не малый вид гнева (Божьего) – и то, когда прекращаются пророчества. Так, когда Бог отвратился от народа иудейского за грехи детей Илия и за великое нечестие народа, то прекратилось пророчество: "**слово Господне**," говорит Писание, "**было редко в те дни, видения [были]**[1] **не часты**" (глагол Господень бы честен в тыя дни, не бы посылаемо) (1 Цар. 3:1); честен, т.е. редок. И при Озии то же самое. Между тем не мало пользы они получили бы от этого, если бы хотели. Слышать волю Божью, приготовляться к будущим бедствиям, узнавать неизвестное и то, когда нужно напасть на неприятелей, когда быть спокойным, и как избегать всех скорбей, – это много способствовало им к спасению. Но так как, слыша откровения, они не поступали, как должно, то Бог лишил их и откровения; при чем являлось великое человеколюбие Божье в том, что Он, и предвидя будущее, и зная, что они не будут пользоваться дарами Его, как должно, делал все, от Него зависящее. Вместе с пророком, говорит, Бог отнимет и смотреливаго.

Здесь, мне кажется, смотреливым он называет того, кто по великому благоразумию своему и по опытности в делах предугадывает будущее. Ведь иное дело – предугадывание, иное – пророчество. Один говорит Духом Божьим, не привнося ничего от себя самого; а другой, на основании прежде бывшего и усилиями собственного благоразумия, предвидит многое из будущего, как свойственно предвидеть человеку благоразумному. Но между тем и другим великое различие, – такое как между благоразумием человеческим и благодатью божественною. А чтобы примером пояснить слова мои, вспомним о Соломоне и Елиссее. Оба они возвещали неизвестное и открывали сокровенное, но оба не одною и тою же силою: первый по человеческому благоразумию, на основании естественного опыта, говорил о прелюбодейных женах (Прит. гл. 5); а последний говорил не по какому-либо соображению, – какое соображение могло открыть воровство Гиезия (4 Цар. гл. 5)? – но по божественной благодати провидя отдаленные события. И старца, пятьдесятоначальника (ст. 2, 3). Вместе с теми, говорит, отнимет Бог и старца, и пятидесятника, разумея под старцем не просто человека престарелого, но имеющего вместе с сединою и благоразумие, свойственное седине. Также и под пятьдесятоначальником он разумеет не одного какого-нибудь пятидесятника, но называет этим именем всех начальников. Ничего, по истине ничего нет хуже безначалия, подобно тому как нет ничего ненадежнее корабля, который не имеет кормчего. На останавливаясь и на этом, он угрожает, что отнята будет и другая великая опора безопасности, – умеющие подавать отличные советы, которые не меньше оружия доставляют благодеяния городам. Отниму, говорит, и дивнаго советника, и премудраго архитектона, разумея не строителя,

но человека опытного в делах, знающего многое и умеющего благоразумно устраивать все дела города.

Вместе с теми – и разумнаго послушателя. Действительно когда нет его, то, хотя бы все прочее было, нет никакой пользы городам; хотя были и пророки, и советники и начальники, но если нет ни одного слушателя, то все – тщетно и напрасно. Здесь, мне кажется, выражение: отниму, значит: оставлю, попущу, подобно тому, как Павел говорит: "**то предал их Бог превратному уму**" (предаде их в неискусен ум) (Рим. 1:28), выражая не то, будто Бог вверг их в безумие, но – оставил и попустил им оставаться безумными.

"**И дам им отроков в начальники**" (и поставлю юноши князи их) (ст. 4). Это хуже и гораздо бедственнее безначалия, потому что кто не имеет начальника, тот лишен руководителя, а у кого худой начальник, тот имеет ввергающего в пропасть. Отроками (у св. И. Злат - юношами) же здесь называет их пророк, не унижая этого возраста, но желая яснее показать их безумие. Бывают и отроки (юноши) разумные, и старцы, живущие безумно; но так как это обыкновенно случается редко, а большей частью бывает напротив, то он и назвал безумных таким именем. Тимофей был отроком (юношей), но управлял Церковью мудрее множества старцев. И Соломон, будучи двенадцати лет, беседовал с Богом, имел великое пред Ним дерзновение, прославился, получил венец, был по своей мудрости предметом удивления для иноплеменников, и не только мужи, но и жены приходили издалека, имея единственной целью своего путешествия то, чтобы научиться чему-нибудь и послушать его голоса, а когда он достиг старости, то много уклонился от добродетели. И отец его, блаженный Давид, совершил тяжкий грех не тогда, когда был отроком и юношей, но когда уже прожил этот возраст, тогда согрешил; а когда он был малым отроком, тогда воздвиг дивный трофей, поразил иноплеменника, показывал всякое любомудрие, и юность нисколько не была для него препятствием к делам доблестным. Также от Иеремии Бог не принял отказа, когда он ссылался на свой возраст; но послал его к иудейскому народу, сказав, что в этом нет никакого препятствия, только бы мысли были здравы. Имея такой же возраст, или даже гораздо меньший, Даниил осудил старцев. И Иосия, не имея еще и десяти лет, взошел на царский престол, и тогда отличался добрыми делами; но после того вскоре, предавшись беспечности, потерял душевную добродетель. А Иосиф? Он, будучи не только юным, но и весьма юным, вступил в трудную борьбу, сражаясь не против людей, но против самой силы природы, и из печи и пламени, гораздо более жестокого, нежели персидский[2], не вышел ли здравым, оставшись невредимым не менее трех отроков? Как они тогда вынесли неповрежденными свои тела и даже волосы, вышедши как бы из источника, а не из печи, так и он, в этой борьбе, освободившись из рук египтянки, остался непобедимым ни от ее прикосновения, ни от слов, ни от вида, ни от одежды, ни от благовоний, – что скорее хвороста и смолы воспламеняет огонь страсти, – ни от самого возраста своего не потерпел ничего такого, что свойственно потерпеть человеку. И эти три отрока, находясь в самом цветущем возрасте, обуздали чрево, попрали страх смерти, победили столь великое свойство и гнев царя, устремившегося против них свирепее нещадного пламени, и ничто не преодолело их, но постоянно оставались они с нераболепною душою. Таки образом пророк не унижает возраста, когда говорит этою подобным образом и Павел, когда говорит: "**не [должен быть] из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом**" (не новокрещенну (подобает епископу бытии, μή νεοφυτον), да не разгордевся в суд впадет Диавол) (1 Тим. 3:6), разумеет не юного по возрасту, а новообращенного (у св. И. Злат – новонасажденного) (νεωστί φυτευθέντα), т.е. оглашенного; словом: насаждать он означает оглашать и учить, как, напр., когда говорит: "**я насадил, Аполлос поливал**" (1 Кор. 3:6). И Христос называет это насаждением: "**всякое растение**, " говорит Он, "**которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится**" (Матф. 15:13). Если бы апостол называл новокрещенным юного, то Тимофея весьма юного, так юного, что сам говорил: "**никто да**

не пренебрегает юностью твоею" (1 Тим. 4:12), он не возвел бы на такую степень власти и не поставли бы управлять такими церквами. И ругатели господствовать будут ими. Видишь ли, что он укоряет не возраст, но развращенное настроение? Таким прибавлением он выразил это яснее. Ругателями он же здесь называет обманщиков, лицемеров, льстецов, которые обольстительными речами предают других дьяволу. "**И в народе один будет угнетаем другим, и каждый – ближним своим**" (и нападати имут людие, человек на человека, и человек на ближняго своего) (ст. 5). Как в зданиях, когда поддерживающие их деревья сгнили, или отняты, стены необходимо обрушиваются, не имея никакой подпоры, так и там, где отняты вышеупомянутые мужи, начальники, советники, судьи, пророки, ничто не препятствует народу истреблять самого себя и быть великому смятению.

4. Юноша будет нагло превозноситься над старцем, и простолюдин над вельможею (приразится отроча к старцу, и безчестный к честному). Юноша, говорит пророк, будет противиться старцу, будет превозноситься пред ним, презирать его. Это, еще прежде нападения неприятелей, бедственнее всякой войны, потому что когда старость не будет уважаема юностью и люди низкие и презренные станут попирать ногами людей, прежде почтенных, тогда город будет находиться в состоянии нисколько не лучшем того, как бы он утопал в волнах. "**Тогда ухватится человек за брата своего, в семействе отца своего, [и скажет]: у тебя [есть] одежда, будь нашим вождем, и да будут эти развалины под рукою твоею.**

А [он] с клятвою скажет: не могу[3] **исцелить [ран общества]; и в моем доме нет ни хлеба, ни одежды; не делайте меня вождем народа**" (яко имется человек брата своего или домашняго отца своего, глаголя: ризу имаши, началовождь нам буди, и брашоно мое под тобою да будет. И отвещав в день оный речет: не буду началовождь, несть бо в дому моем ни хлеба, ни ризы: не буду началовождь людем сим) (ст. 6, 7). Здесь, кажется мне, пророк указывает или на какую-нибудь весьма бедственную осаду города, приведшую их в крайне стеснительное положение, или, без осады, на какой-нибудь невыносимый голод и великий недостаток в необходимом. Он выражается согласно с общим обыкновением. Как многие говорят: "если бы случилось, что весь город продавался за овол, то я не мог бы купить его", выражая этим свою крайнюю бедность, так и пророк говорит, что если бы за одну одежду и за один хлеб продавались начальственные должности, и тогда никто не купит их: такой будет недостаток в необходимом. "**Так рушился Иерусалим**" (яко оставлен бысть Иерусалим) (ст. 8), т.е. покинут, опустошен, лишен промышления Божьего. И пал Иуда (и Иудеа паде); исполнилась, говорит, замешательства и беспокойства, смятения и беспорядка. И языки их с[4] беззаконием не покоряются Господеви. Здесь показывается и причина зол, – невоздержание языка. В этом обличает их и Осия: "**Ефрем,** " говорит, "**сделается пустынею в день наказания; между коленами Израилевыми Я возвестил это**" (Ефрем в пагубу бысть во дни наказания: в племенах Исраилевых показах верная) (Ос. 5:9). То же говорит и Малахия: "**вы прогневляете Господа словами вашими**[5] **и говорите: `чем прогневляем мы Его?' Тем, что говорите: `всякий, делающий зло, хорош пред очами Господа, и к таким Он благоволит', или: `где Бог правосудия?'**" (пророцы укоряющии Бога словесы и весте: о чесом прогневахом Его? Зане весте: всяк творяй зло, добр пред Господем, и в них сам благоволи: и где есть Бог правды?) (Мал. 2:17). В этом же и он обвиняет их, представляя двоякую вину, – ту, что они не только не покоряются и не только нарушают закон, тогда как должны были бы стыдиться и краснеть, скрываться и склонять голову, но еще стараются увеличить прежние беззакония, при неисполнении заповедей произнося дерзкие слова, подобно какому-нибудь негодному рабу, который, не исполняя приказаний господина, еще оказывается дерзким. Сего ради ныне смирися слава их, и студ лица их противу ста им (ст. 9). Пророк опять говорит о будущем, как бы о прошедшем, следуя обыкновенному закону пророчества. Смирением славы он называет плен. Действительно,

не малым стыдом было для тех, которые были в звании владык вселенной, – покориться людям нечестивым и иноплеменным. А под студом лица он разумеет стыд, происходящий от греха. Такова была жизнь их. Так как они наперед постыдили сами себя своими делами, то и Бог лишил их славы, предав их наказанию меньшему, нежели какому они подвергли сами себя. Не так дурны были они, живя в чужой стране, как когда, владея своею столицею, предавались беззакониям. Там сокращались злые дела их, а в отечестве более и более увеличивались. Таким образом пророк преподает им высокое учение, убеждая постоянно прежде наказания удаляться от пророков, воздерживаться и стыдиться, не тогда, когда иноплеменники возьмут их и отведут в рабство, но когда сила греха будет держать их пленниками. "**И о грехе своем они рассказывают открыто, как Содомляне, не скрывают.**" (грех же свой яко Содомский возвестиша, и явиша). Часто я говорил, и теперь скажу: пророк, показывая человеколюбие Божье, предсказывает не только то, что они будут терпеть, но и то, чему они достойны были подвергнуться. Грехи их были равны содомским; а наказания их – гораздо легче. Бог не исторг их с корнем, не разрушил города их до основания и не истребил остатков рода их. Выражения же: возвестиша и явиша сказаны человекообразно, потому что не тогда Бог узнает совершившееся, когда оно совершается, – как можно сказать это о Том, Кто знает все прежде бытия? – но пророк сказал так для того, чтобы показать великость бедствия.

5. Как в другом месте Писания, когда говорит: умножися вопль грехов их[6] ко Мне (Быт. 18:20), говорит так, не представляя Бога обитающим где-нибудь далеко и не заключая Его в небе, но показывая великость греха, так и здесь словом возвестиша пророк выражает чрезмерность порока. Грехи более легкие могли бы быть незаметными; но чрезмерные и великие бывают весьма известны и явны, хотя бы не было никого, кто бы осуждал и обличал их: они сами себя обличают и делают явными. Таким образом пророк, желая показать великость зол, говорит: возвестиша и явиша, т.е. совершали зло с великою неумеренностью, с великой дерзостью, не стыдясь и не скрываясь, но делая порок своим занятием.

"**Горе душе их! ибо сами на себя навлекают зло, скажите праведнику, что благо [ему], ибо он будет вкушать плоды дел своих**" (горе души их: зане умыслиша совет лукавый на себе самих, рекше: свяжем праведнаго, яко непотребен нам есть) (ст. 9,10). Крайнее зло, когда не только грешат, и не только грешат дерзко, но и изгоняют тех, которые могли бы исправить это. Как сумасшедшие часто бросаются на врача, так точно и они представляли величайшее доказательство неисцелимой болезни в том, что изгоняли праведных. Такова добродетель: она одним появлением своим огорчает живущего порочно. Таков порок: он часто, еще не слыша обличения, тяготится самим присутствием людей, живущих честно. Здесь двоякое обличение: за то, что они связывают праведника, и за то, что связывают его как бы непотребнаго. Так, когда кто-нибудь не только не принимает полезного, но и считает это вредным, то какое остается для него средство к исправлению? Потому и пророк, видя, что они дошли до крайности, начинает снова с плача, а не с обличения и укоризны, говоря: горе душе их; и далее весьма мудро говорит: ибо сами на себя навлекают зло (зане умыслиша совет лукавый на себе самих). Хотя совершившиеся, по-видимому, направлено против праведника, но если исследовать внимательно, то умысел их обращается не на того, кто страждет, а на тех, кто делает это. Отсюда мы научаемся, что человек добродетельный, хотя бы подвергся бесчисленным оскорблениям, не потерпит никакого вреда от причиняющих их; а злоумышляющие против него скорее на себя самих поднимают меч, как было и с этими. Они, связывая праведника, нисколько не повредили ему, но самих себя ввергли в больший мрак и пустыню, удалив от себя светильник. Ибо он будет вкушать плоды дел своих (убо плоды дел своих снедят). Таков пророк: он сам в себе заключает наказание. Сказанное здесь пророком означает следующее: они вкусят от своих плодов, поставив себя в совершенной

пустыне и приготовив себе многие пропасти. "**А беззаконнику – горе, ибо будет ему возмездие за [дела] рук его**" (ст. 11). Видишь ли, что от нас всегда зависит мера и начало наказания? Потому пророк опять плачет, сетует и сокрушается, что иудеи злоумышляли сами против себя и хуже всякого врага вредили своему спасению, а что может быть бедственнее этого? "Людие мои, приставницы ваши пожинают вас" (ст. 12). Превосходному учителю свойственно разнообразить речь, не повергать только в скорбь и не доставлять только удовольствие, но иногда предлагать то, а иногда другое, чтобы от такого смешения происходила великая польза. Потому и пророк не только обличает, но и плачет, что бывает еще сильнее обличений, однако причиняет меньшую скорбь, и – что удивительно – нанося глубочайшую рану, производит легчайшую боль. Он не плачет только, но и врачует и употребляет еще иной, дивный способ наставления. Какой же именно? Укоряет не всех вместе, но отделяет народ от начальников и на их голову обращает укоризны. Польза такого рода обличений так велика, что и Моисей весьма часто употреблял его. Этот пророк, когда все были достойны обличений, обращает речь против начальников; а Моисей, нашедши тогда народ особенно виновным в беззаконии, а Аарона достойным не столь великого обличения, оставил весьма виновных и обратил обличение на не столь виновного, такими укоризнами против него возбуждая совесть их признать себя достойными большого наказания. Так и случилось: затем уже не было нужды в других речах к народу, но тех одних слов, которые сказаны были Аарону, достаточно было, чтобы привести в сокрушение столь многие тысячи, как бы одного человека, и от такой дерзости обратить к страху и крайнему томлению. Предвидя это, Моисей, тотчас сошедши (с горы), бросил скрижали и сказал Аарону: "что сотвоиша тебе людие сии, яко сотворил еси я порадование врагам?" [7] (Исх 32:21, 25).

6. Так поступает и этот пророк, подражая тому святому мужу двояким образом. Моисей тогда не только укорил, но, приняв также вид сострадающего, таким образом совершил то обличение Так и этот подражал тому и другому, говоря: людие мои, приставницы ваши пожинают вас. Он и делает им обличение, и говорит как сострадущий народу. Приставниками же, кажется, он называет здесь истязающих, под которыми, как я думаю, разумеет хищников и их любостяжателей; а если не так, то собирающих подати. Посмотри и здесь на мудрость его: он осуждает не самое дело а неумеренность. Не сказал: требуют, но: пожинают, т.е. отнимают имущество, лишают всего под предлогом требования должного. Такое выражение он заимстсовал от примера собирающих жатву; пожинать (κλαμάσθαι) значит: после жатвы собирать выпавшие от жнецов колосья и совершенно ничего не оставлять на ниве. Так точно поступали тогда и эти люди, отнимая у иудеев все имущество и оставляя их нагими. И истяжающии обладают вами. Еще тяжелее то, что они не ограничивали этим своего любостяжания, но еще далее простирали насилие, делая людей свободными рабами. Людие мои блажащия вас льстят вы. Здесь, мне кажется, он указывает на лжепророков, или на тех, которые обольщали их словами, что везде бывает причиной крайнего развращения. Поэтому, показывая вред, происходящий отсюда, он присовокупляет: и стези ног ваших возмущают, т.е. не позволяют идти прямо, сбивая с пути, расслабляя, делая нерадивыми.

"**Восстал Господь на суд – и стоит, чтобы судить народы. Господь вступает в суд со старейшинами народа Своего и с князьями его**" (но ныне устроится Господь на суд, и поставит на суд люди своя. Сам Господь на суд придет со старейшины людей и с князи их) (ст. 13,14). Он продолжает тот же способ исправления, обращая укоризны от народа к старцам и начальникам и употребляя более грозный образ речи: представляет самого Бога судящим и осуждающим и обличающим за грехи против народа тех, которые обижали народ. Потому и говорит: восстал Господь на суд. Так как он окончил обличение, – обличение же для людей бесчувственных не очень тяжко, но наказание для них страшно, – то и говорит, что на одном обличении дело не остановится, но последует и наказание за

грехи, когда Сам, имеющий судить, наконец потребует отчета и вступит в суд с грешниками. Это показывает и великое снисхождение Бога, желающего судиться с ними, и самую речь делает обличительною, так что имеющих ум может привести в великое сокрушение. И не по той только причине, о которой я сказал выше, он обращает речь к начальникам и старцам, но и для того, чтобы научить всех, что начальники подвергнутся более тяжким взысканиям, нежели подчиненные. Подчиненный даст отчет только за себя самого, а начальник и за себя самого и за народ, который вверен его власти. И от старцев справедливо требуется такая же строгость жизни, так как что для тех – власть, то для этих – возраст их. Правда, и юноша, тяжко согрешающий, достоин наказания; но тот, кто по самому возрасту способен к воздержанию и не обуревается такими волнами страстей, но имеет возможность с большею легкостью быть любомудрым и с большим удобством удаляется от всего житейского и приобрел больше благоразумия вследствие опытности в делах, тот справедливо должен быть наказан больше всех, если он в старости совершает дела невоздержанных юношей. "**Вы зачем опустошили виноградник; награбленное у бедного – в ваших домах?**" (Вы же почто запалисте виноград мой и разграбление убогаго в домах ваших?) Бог всегда имеет великое попечение о терпящих обиды, и не меньше, как за грехи против Него, а иногда и больше, гневается за грехи против подобных нам рабов. Жену прелюбодейную он позволил отпускать, а язычницу – нет (Мат. 5:32; 1 Кор. 7:12), хотя последняя виновна против Него самого, а первая – против человека. И когда приносится жертва, Он повелел оставлять дар и не прежде приносить его, пока оскорбивший ближнего помирится с братом своим (Мат 5:23, 24); и когда судил должника десятью тысячами талантов, то, обличая его в грехах против Себя, даже на назвал его лукавым, но скоро примирился с ним и простил весь долг, а за сто динариев и рабом назвал лукавым, и предал истязателям, и не прежде позволил отпустить, пока будет отдан весь долг (Мат. 25).

7. И когда сам Христос был ударяем, то Он не сделал ничего рабу, нанесшему удар, но кротко отвечал: "**если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?**" (Иоанн. 18:23). Но когда Иеровоам, простерши руку, повелел взять обличавшего его пророка, тогда Бог сделал руку его сухою (3 Цар. 13:4), научая и тебя кротко переносить обиды, касающиеся тебя самого, а касающиеся Господа преследовать с великою силою. Потому и преподавая заповеди, Он хотя и поставил любовь к ближнему второю заповедью, но – подобно первой, и как исполнения той требует весьма строго, так и этой. О первой он говорит: "**всем сердцем твоим и всею душею твоею**", и об этой: "**как самого себя**" (Матф. 22:37, 39). И из многих других мест можно видеть, с какой строгостью Он предписывает нам обязанности друг к другу. Так и здесь, посмотри, как сильно Он повторяет и усиливает обличение разительными выражениями: Вы, говорит, зачем опустошили виноградник? (вы же, говорит, почто запалисте виноград мой) Как поступили бы какие-нибудь жестокие иноплеменные неприятели, так вы поступили со своими. Виноградом же Он называет народ, по причине великого попечения о нем и промышления свыше. И желая усилить обличение. Не сказал: почему подобных себе рабов, ближних, братьев, но Мое, говорит, погубили, Мое расхитили? Далее, показывая, в чем состоит это опустошение (запаление), говорит: награбленное у бедного – в ваших домах (разграбление убогаго в домах ваших). Не столько град вредит виноградникам, сколько несправедливость к бедному и убогому обыкновенно подпаляет его душу, подвергая ее унынию, тягчайшему всякой смерти. Хищничество – всегда зло, но особенно тогда, когда обижаемый находится в крайней бедности. Этим он не только обличает, но и исправляет, обращая взоры их на похищенное. После таких слов, самый вид лежащего пред глазами может достаточно тронуть того, кто не сделался слишком бесчувственным. "**Что вы тесните народ Мой?**" (пошто вы обидите людей моих) (ст. 15). Он продолжает тот же образ речи; как там говорил: виноградник (виноград мой), так и здесь: народ мой (людей моих). И лица[8] убогих посрамляете? Тех, кого нужно было исправлять, вы

прогоняете; тех, кого нужно было восстановлять, вы сокрушаете. Вместе с грабительством они еще презирали низших, обращались с ними хуже, нежели с невольниками, присоединяя к любостяжанию надменность, и от неправедного обогащения приобретая великую гордость. С корыстолюбием неразлучна болезнь высокомерия, и чем кто более собирает богатства, тем более усиливается и эта болезнь. Сие глаголет Господь, Господь Саваоф[9]. Что значит: Саваоф? Ангелов, архангелов, вышних сил. Он говорит так, желая возвести слушателя от земли на небо, внушить ему мысли о великом царстве Божьем, чтобы поразить его этим, сделать более благоразумным и показать, что такое снисхождение есть следствие не слабости, а долготерпения Божьего. "**И сказал Господь: за то, что дочери Сиона надменны и ходят, подняв шею, и выступают величавою поступью и гремят цепочками на ногах, оголит Господь темя дочерей Сиона и обнажит Господь срамоту их; в тот день отнимет Господь красивые цепочки на ногах и звездочки, и луночки, серьги, и ожерелья, и опахала, увясла и запястья, и пояса, и сосудцы с духами, и привески волшебные, перстни и кольца в носу, верхнюю одежду и нижнюю, и платки, и кошельки, светлые тонкие епанчи и повязки, и покрывала. И будет вместо благовония зловоние, и вместо пояса будет веревка, и вместо завитых волос – плешь, и вместо широкой епанчи – узкое вретище, вместо красоты – клеймо. Мужи твои падут от меча, и храбрые твои – на войне. И будут воздыхать и плакать ворота [столицы], и будет она сидеть на земле опустошенная**" (Сия глаголет Господь: понеже вознесошася дщери Сиона, и ходиша высокою выею, и помизанием очес, и ступением ног, крупно ризы влекущыя и ногами купно играющыя. И смирит Господь начальныя дщери Сиони, и Господь открыет срамоту их в день он. И отьимет Господь славу риз их и красоту[10] их, и вплетения[11] и тресны ризныя, и луницы[12], и срачицы тонкия, и красоту лица их, и состроение красы славныя, и обручи, и запястия, и сплетение[13], и перстни, и кольца, и усерязи[14], и багряницы[15], и утварь храмную, и светлая Лаконская, и виссоны, и синеты, и червленцы, и виссон со златом и синетою претыкан[16], и тончицы преиманы златом: и будет вместо вони добрыя смрад. И вместо пояса ужем перепояшешися, и вместо украшения главы твоея[17] плешь имета будеши дел твоих ради, и вместо ризы багряныя перепояшешися вретищем. Сия ти вместо благолепия[18]. И сын твой добрейший, егоже любиши, мечем падет, и крепцыи ваши мечем падут, и смирятся: и восплачутся хранилища утварей ваших, и останешися едина, и о земле ударена будеши) (ст. 16–25).

Здесь пророк сделал нечто необыкновенное, обратив пространную речь к женам, чего нигде в Писаниях мы не встречаем в таком виде. Какая же причина этого необыкновенного образа речи?

8. Велика, мне кажется, была тогда изнеженность жен, и много они способствовали порочности мужей. Потому пророк и обращается особенно к ним, направляя на них более тяжкие упреки; и в начале он возвышает речь, говоря от лица Божьего: И сказал Господь: за то, что дочери Сиона надменны и ходят, подняв шею (Сия глаголет Господь: понеже вознесошася дщери Сиона, и ходиша высокою выею). Он упрекает их за главнейшее из зол, – за гордость и высокомерие. Это зло везде несносно, но особенно в женском поле. Жена, исполненная высокомерия, будучи более легкомысленною и неразумною, легко развращается, утопает, терпит кораблекрушение от всякого бурного дуновения, так как гордость и высокомерие потопляет ее. Он, кажется, обращается к женам иерусалимским; потому и называет их дочерями Сиона. И ходят, подняв шею (и ходиша высокою выею). Здесь он и посмеивается над ними, и показывает женское высокомерие, которое не может оставаться в душе, но прорывается наружу и выражается движениями тела. И не за гордость только но укоряет их, но и за распутство, как говорит, и объясняет в дальнейших словах. Он прибавляет и обольщая взорами (и помизанием очес). Это свойственно развратным женщинам – мигать глазами и таким образом показывать великое распутство

изнеженность; ничто так не доказывает распутства и изнеженности как это. И ступанием ног, купно ризы влекущыя. Немаловажен и этот упрек, хотя он и кажется маловажным; напротив, влачить по земле одежду – это знак крайней испорченности, изнеженности, невоздержания, распутства. Даже один из язычников, осмеивая своего противника, поставил ему в укоризну, сказав: "он спускает одежду до пяток"[19]. И ногами купно играющыя. И это опять – признак такого же бесстыдства. Во всем, и в глазах, и в одежде, и в ногах, и в походке, обнаруживается или целомудрие, или распутство. Движения внешних членов суть как бы вестники души, находящейся внутри. Как живописцы, смешивая краски, начертывают изображения, какие хотят, так точно и движения телесных членов выводят наружу свойства души и представляют их нашим глазам. Потому и другой премудрый сказал: "**Одежда и осклабление зубов и походка человека показывают свойство его**"(одеяние мужа, и смех зубов, и стопа ноги[20] возвестят, яже о нем) (Сир. 19:27). И оголит Господь темя дочерей Сиона и обнажит Господь срамоту их; в тот день…(дальше тексты расходятся) (И смирит Господь начальныя дщери Сиони, и Господь открыет срамоту их в день он. И отьимет Господь славу риз их). Обличив два порока, гордость и распутство, он для каждого употребляет соответственное врачество: для первого – первое, а для второго – последующее, для гордости – смирение, а для красоты одежд – лишение ее. Когда говорит, настанет война, тогда все будет унесено. Тогда высокомерные и гордые женщины, пораженные страхом, освободятся от этой болезни; развратные и во всем изнеженные, подвергшись игу плена, освободятся от всей этой изнеженности.

Но чтобы сделать слова свои более чувствительными для них и коснуться души слушателей, пророк подробно исчисляет украшения одежд этих женщин, золотые вещи, носимые на лице и прочих членах тела, потом переходит и к украшению дома. Они не только тела украшали, но простирали таковую гордость и на стены, расточая имение на ненужные предметы, и, завивая свои волосы, простирали всюду эти обольстительные крылья. За это он и укоряет их, говоря: отьимет славу риз их и красоту их, и вплетения их, и тресны ризныя. Выражением: тресны ризныя он называет или какое-нибудь головное украшение, или самый вид головной прически. И луночки (и лунницы), – украшение около шеи, видом подобное луне. И срачицы тонкия, – вероятно, говорит о летней одежде. И красоту лица их, – здесь, мне кажется, он разумеет притирания и румяна. И состроение красы славныя, – этим указывает на позолоту. И обручи, – золотые украшения на руках. И запястья (И запястия), – украшение на кистях рук. И сплетение, – золотое украшение вокруг головы. И перстни и кольца, – которые называют браслетами. И усерязи, и багряницы, и пребагряная. И утварь храмную, и светлая Лаконская. Такова была их забота касательно роскоши, что они употребляли не только отечественные произведения, но собирали и издалека, из чужих стран, и предпринимали для этого морские путешествия, потому что между Палестиной и Лакедемоном великое расстояние и огромное море.

9. Итак, не напрасно пророк, не называя сами одежды, указал на их отечество, но для того, чтобы показать безмерную роскошь женщин. И виссоны, и синеты, и червленцы, и виссон со златом и синетою претыкан, и тончицы преиманы златом. Они не оставили ни одного вида ни в одежде, ни в других украшениях, но прошли все пути роскоши, силою разврата будучи доведены до сумасшествия. Если же и тогда, прежде благодати и такого любомудрия, это было осуждаемо, то какое оправдание могут иметь нынешние жены, которые призваны на небо и к подвигам большим, которые обязываются соревновать ангелам, которые могут несравненно с большей силой побеждать такое воздержание, и между тем превосходят и действующих на зрелище? И, – что всего хуже, – они даже не думают, что грешат. Потому и на них нужно вооружиться словом пророка. Действительно, не только к тем, но и к этим относится прибавленное им: будет вместо

благовония зловоние (будет вместо вони добрыя смрад) Видишь ли, как он отвергает и намащение благовониями и угрожает за это великим наказанием? Зловонием (у св. И. Злат. - Смрадом) он называет здесь пыль, которая поднимается после разрушения города и набега неприятелей. И действительно, они истребляли его тогда огнем и мечем, иное в нем разрушая, а иное предавая сожжению. Предвещая это, пророк говорит: и будет вместо благовония зловоние, и вместо пояса будет веревка (и будет вместо вони добрыя смрад. И вместо пояса ужем перепояшешися); он представляет изображение плена и отведение в страну иноплеменников. И вместо завитых волос – плешь (и вместо украшения главы твоея плешь имети будеши) – потому что или волосы выпадет от скорби, или неприятиели сделают это, или они – сами себе. В древности был обычай – во время печали и несчастия стричься или бриться. Так, Иов остриг главу, услышав о несчастии детей. И этот пророк далее говорит, что вместе с вретищем и рыданием будет острижение (Ис 22:12). Также другой пророк говорит: "**сними с себя волосы, остригись, скорбя о нежно любимых сынах твоих**" (оброснися и остризися по чадех своих младых) (Мих. 1:16). И вместо широкой епанчи – узкое вретище (и вместо ризы багряныя перепояшешися вретищем). Не представляется ли это страшным и невыносимым? Но нас ожидают еще не такие наказания, а червь ядовитый и тьма нескончаемая. Если тех за пристрастие к украшениям постигли плен, рабство и крайние бедствия, – а что Бог осудил и наказал их собственно за этот грех, послушай, как пророк, исчислив бедствия, указывает и на их причину: сия ти; говорит, вместо благолепия – если иудейские жены, пристрастные к украшениям, подверглись такому наказанию, когда отечество их было разрушено до основания, и они, после великой роскоши, были отведены в чужую страну рабынями, пленницами и изгнанницами, и преданы голоду, болезням и бесчисленным родам смерти, то не очевидно ли, что мы подвергнемся еще тягчайшим наказаниям, впадая в те же грехи?

Если же какая-нибудь жена, пристрастная к украшениям, еще не потерпела ничего подобного, – пусть она не будет самонадеянна. Бог обыкновенно посылает наказания на одного и на другого и через них внушает всем прочим, какие ожидают их бедствия. Но выражу яснее сказанное мною. Жители Содома совершали некогда тяжкие грехи и подверглись крайнему наказанию, когда нисшел пламень, и города, и люди, и земля с телами их, – все было сожжено. Что же? После них разве никто не дерзал совершать такие же дела? Напротив, многие и во многих местах вселенной. Почему же они не потерпели ничего подобного? Потому, что они соблюдаются для другого, тягчайшего наказания. Потому Бог, сделав это однажды, не делал более, чтобы дерзающие совершать такие дела ясно видели, что они никогда не избегнут наказания, хотя бы здесь и не подвергались им. В самом деле, сообразно ли было бы с разумом, если бы те, которые жили прежде благодати и закона и не слушали ни пророков, ни кого-нибудь другого, потерпели такие наказания за свои грехи, а те, которые после них удостоились такого попечения Божьего и не вразумились примером их, – от чего грех делается гораздо более тяжким, – избежали бы назначенного за это наказания? Почему же они и теперь еще не наказаны? Дабы ты научился, что они соблюдаются для наказания, гораздо более тяжкого.

10. А что действительно можно подвергнуться наказанию более тяжкому, нежели содомское, послушай Христа, который говорит: "**отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому**" (Матф. 10:15). Потому, если нынешние жены, пристрастные к украшениям, не потерпели того, что потерпели украшавшиеся тогда, – пусть они не будут самонадеянны. Самое замедление и долготерпение Божье приготовляет им жесточайшую огненную печь и делает пламень сильнейшим. Так случилось и с Ананией и Сапфирой. Они, вначале и при первом явлении (евангельской) проповеди утаив часть своего имения, тотчас были поражены смертью; а после них многие, дерзавшие делать то же, не потерпели ничего. Как же было бы сообразно с разумом, чтобы Судья праведный и воздающий всем равно, меньше согрешивших

наказывал, а тяжелее согрешивших оставлял без наказания? Не очевидно ли, что, предопределив день, в который будет судить вселенную, Он потому откладывает наказание, чтобы люди или от долготерпения его исправились, или подверглись тягчайшему наказанию, если останутся в тех же грехах? Итак, когда мы, согрешая так же, как уже грешили другие, потерпевшие наказание, не терпим того же, то не будем самонадеянны, но еще более будем страшиться. Наказанием тех Бог как бы изрек закон, внушая и убеждая всех: Я для того наказал согрешившего вначале, чтобы и ты, согрешающий после них, ожидал себе того же, чтобы ты исправился и сделался лучшим. За одинаковые грехи назначены одинаковые наказания, хотя они не тотчас исполняются. А относительно этих людей я медлил не без причины, но потому, что в их дома от изнеженности жен вошла дурная болезнь, – страсть к украшениям, которая усилила трату имущества, вводя мужей в излишние издержки, подавая повод к вражде, беспокойству и ежедневному соперничеству, и истощая утробу бедных. В самом деле, когда жена заставляет мужа издерживать все имущество или даже больше своего имущества на гордость тела (потому что гордость тела – лежащее вокруг него золото), тогда рука необходимости сжимается для благодетельной милости. И, как можно видеть, множество других видов греха происходит отсюда. Впрочем, предоставив хорошо узнавать это на опыте самим подвергающимся такому злу, обратимся к последующему. Представив изображение плена и сказав: Я наведу это вместо благолепия, пророк усиливает наказание и говорит: и сын твой добрейший, егоже любиши, мечем падет, и крепцыи ваши мечем падут. Действительно, это бедственнее плена; это – жизнь хуже смерти. Когда вместе с рабством они принуждены оплакивать безвременные скорби, то вообрази, как велико такое несчастие, когда соединяются одно с другим разные огорчения, которые тяжки и сами по себе. Подлинно, когда случился один плен, то такое бедствие было невыносимым, и когда случались такие скорби у живущих на свободе, то жизнь была горче смерти; но теперь, говорит, то и другое будет соединено вместе. Такое бедствие нужно назвать более, чем двойным, а тройным и четвертным, – когда именно сын, и прекрасный, и любимый, и от врагов, а не по общему закону природы, лишается жизни, а вместе с ним – и все находящиеся в зрелом возрасте, так что им не остается никакой доброй надежды на человеческую помощь и содействие. И будут воздыхать и плакать ворота [столицы], и будет она сидеть на земле опустошенная (И смирятся: и восплачутся хранилища утварей ваших, и останешися едина, и о земле ударена будеши). Пророк всеми мерами увеличивает плач, усиливает страх, возбуждает живое сокрушение, поставляет бедствия на вид, распространяет описание несчастия, обращаясь ко всему, собирая отовсюду скорбные черты по причине бесчувственности слушателей, так как желательно было, чтобы такими угрозами они были потрясены и стали чувствовать совершение ожидающих их бедствий. Потому они и прибавил то, что представляется весьма жалким, – что они будут видеть опустошенное хранилище золота, памятник прежнего благоденствия, который самим видом своим будет постоянно возбуждать живую скорбь. Несчастия обыкновенно тогда особенно поражают нас, когда мы сравниваем их с прежним благоденствием; такое сравнение делает рану более жестокой. Так и Иов некогда со слезами говорил: "**о, если бы я был, как в прежние месяцы**" (кто мя устроит по месяцам прежних дней?) (Иов. 29:2). И повествует о всем богатстве, о благах, которые текли как бы из источников, о почестях, о доходах, о всей славе своей, чтобы таким сравнением лучше показать, как тяжки настоящие, постигшие его бедствия. То же делает теперь и пророк, напоминая о хранилищах и, не довольствуясь этим, представляет их самих плачущими. Речь бывает поразительнее, когда делаются такие олицетворения. Потому он представляет плачущими и виноград и вино, чтобы сильнее поразить слушателей и тронуть их бесчувственность. Что значит: останешися едина? Оставленная, говорит, без помощников и без попечения Божьего лишенная всей прежней славы, окруженная со всех сторон врагами и стесненная среди иноплеменников. Затем, желая представить крайность

унижения, говорит: и о земле ударена будеши. Не сказал: упадешь, или: низвергнешься; но употребил другое слово, яснее выражающее все ее унижение.

---

[1] Слово όρασις=видение у св. И. Злат. здесь по изд. Миня не читается.

[2] Т.е. вавилонский. Св. Иоанн Златоуст часто называет Ассирию и Вавилонию – Персией.

[3] Слово σου=твой у св. И. Зл. здесь не читается.

[4] В ц.-слав. переводе эти слова читаются: и язык их со беззаконием, не покоряются Господеви.

[5] В ц.-слав. переводе эти слова читаются: прогнивляющии Бога словесы вашими. Первые два слова: οί προφήται όνιδείζοντες=пророцы укоряющии, читаемые у св. И. Зл., ни в одном греч. т. не читаются, а потому – и в ц.-сл. Слова ύμων=вашими св. И. Зл. не читал.

[6] Св. И. Зл. делает перифраз Быт 18:20: "**вопль Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма.**" (вопль содомский и гомморский умножися ко Мне и грехи их велицы зело)

[7] Св. И. Злат. делает сокращенный перифраз Исх. XXXII, ст. 21 и 25.

[8] Вместо τό πρόσωπον=ц.-слав. лице, как читается в Алекс. и ват. код., св. И. Зл. читает τό πρόσωπα=лица.

[9] В ц.-слав. эти слова читаются: глаголет Господь Саваоф.

[10] Вместо: τούς χόσμους=ц.-сл.: красоты, как в алекс. код., св. И. Злат. читал τούς χόσμον=красоту.

[11] В ц.-сл.: вплетения златая (на главе).

[12] В ц.-сл.: и луницы гривенныя.

[13] χαί τό έμπλόχιον=и сплетение=reticulum

[14] В ц.-сл.: и художныя усерязи.

[15] Следующих затем по ал. и ват. код. слов: χαί τά μεσοπόρφυρα=в ц.слав.: и пребагряная св. И. Зл. не читал.

[16] Вместо: συγχαθυφασμένα=в ц.-сл.: претыканы, как в ал. и ват, св. И. Зл. читал: συγχαθυφασμένην= претыкан.

[17] В ц.-слав., согласно алекс. и ват. код.: и вместо украшения златаго еже на главе (χαί αντί τού χόσμου τής χεφαλής τού χρυσίου).

[18] Ταύτά σοι άντί χαλλωπισμού: эти слова не читаются ни в одном известном греч. списке Т. LXX, потому отсутствуют и в ц.-слав.

[19] У Диона говорится так о Цицероне (usque ad talos vestem demitteret).

[20] В алекс. и ват. списк.: βήματα άνθρώπου=в ц.-сл.: стопы человека.

ГЛАВА 4

"И ухватятся семь женщин за одного мужчину в тот день, и скажут: свой хлеб будем есть и свою одежду будем носить, только пусть будем называться твоим именем, – сними с нас позор" (Ис. 4:1).

1. Пророк хочет показать происшедшее от войны оскудение в людях, как народ иудейский стал малочислен. Нам, говорили (женщины), не нужно покровительство, какое свойственно женам получать от мужей, но пусть муж останется совершенно свободным от такой обязанности, ласкать и любить, только бы нам как-нибудь избавиться от имени вдовства. Это означают слова: сними с нас позор, – так как в древности вдовство считалось позорным. "**В тот день отрасль Господа явится в красоте и чести, и плод земли – в величии и славе, для уцелевших [сынов] Израиля**" (В день оный возсияет Бог в совете со славою на земли, еже вознести и прославити останок Исраиля) (ст. 2). Весьма тронув душу их угрозою бедствий, достаточно описав несчастия и предложив пространную речь о страшных событиях, пророк, наконец, переходит к предметам более утешительным. Отличный способ врачевания состоит в том, чтобы не только отсекать и прижигать, но и утолять происходящую отсюда боль смягчающими лекарствами. Так точно поступает и он. Все это, говорит он, разрешается не скорбями, но по окончании бедствий последуют события более утешительные, и будет не только избавление от скорбей, но и великая слава и великое торжество. Сиянием Божьим он называет то, которое рассеивает мрак скорби, производит светлый день и делает людей славными. А выражение в совете означает, что Бог устроит все разумно, с свойственной Ему премудростью. "**Тогда оставшиеся на Сионе и уцелевшие в Иерусалиме будут именоваться святыми, все вписанные в книгу для житья в Иерусалиме**" (и будет останок Израиля в Сионе и останок в Иерусалиме: святи нарекутся вси написаннии в жизнь во Иерусалиме) (ст. 3). Чтобы ты не убедился, что не по какому-нибудь случаю совершилось спасение тех, которые избегли опасности, но при помощи высшего определения они, находясь среди бедствий, не были подавлены или, для этого он говорит: будут именоваться святыми, все вписанные в книгу для житья в Иерусалиме (святи нарекутся вси написаннии в жизнь во Иерусалиме) – те, говорит, которые отделены, предусмотрены, назначены не потерпеть ничего худого. Справедливо он называет их святыми, выражая то, что не напрасно они отделены и не без причины таково определение Божье, но несколько способствовал тому и добродетельный образ их жизни, или прежний, или последующий. Между ними хотя были добрые и кроткие, он и они от случившихся событий сделались еще лучшими и более исправными. Как золото, брошенное в огонь, очищается от всякой нечистоты, так и люди ревностные делаются еще более ревностными во время искушений, очищаясь от всякой беспечности. "**Когда Господь омоет скверну дочерей Сиона и очистит кровь**[1] **Иерусалима из среды его духом суда и духом огня**" (Яко отмыет Господь скверну сынов и дщерей Сионских, и кровь очистит от среды их духом суда и духом зноя) (эта ссылка расходится с современным текстом) (ст. 4). Здесь, мне кажется, он разумеет двоякое очищение, – и то, что они получат наказание за грехи, и то, что они от этого сделаются более ревностными в будущем. Под кровью Иерусалима (у св. И.Злат. – иерусалимскою) он разумеет умерщвление, неправедные убийства. Потом, желая сильнее показать вину их, говорит: из среды его (от среды их). Они не тайно и не

скрываясь отважились на человекоубийства, но хуже разбойников и нападающих на больших дорогах. Эти, скрываясь во тьме и в пустых местах, совершают свойственные им дела; а те, среди площадей, среди города, в самых судилищах совершали свои беззакония. Но и эту, говорит, происшедшую отсюда нечистоту истребит наступающая война. Так при утешительных обстоятельствах он оправдывается в прежних скорбных, объясняя, что все прежде случившееся случилось для того, чтобы они омылись, чтобы очистились, чтобы как бы перегорели в огне, чтобы отложили всякую нечистоту, чтобы сняли с себя бесчестие грехов и убийств. Что значит: духом суда и духом огня? Он продолжает иносказание, заимствованное от веществ, подвергаемых плавлению. Как там воздух, входящий в плавильную печь, раздувающий пламя и делающий уголья более горячими, истребляет всякую примесь, так и здесь гнев Божий и набег неприятелей стал для города вместо огня, огня не истребляющего, но жгущего, очищающего, наказывающего, исправляющего. Выражение духом суда значит: посредством мучения, наказания, воздаяния. И придет Господь. Пришествием пророк называет Его действие. "**И сотворит Господь над всяким местом горы Сиона и над собраниями ее облако и дым во время дня и блистание пылающего огня во время ночи; ибо над всем чтимым будет покров. И будет … для осенения днем**[2] **от зноя и для убежища и защиты от непогод и дождя**" (И будет все место горы Сиони, и вся яже окрест ея осенит облак во дни, и яко дыма и света огненна горяща в нощи, всею славою покрыется: и будет в сене дне от зноя, и в покров, и в сокровение от жестости и дождя) (ст. 5, 6). Под облаком здесь он разумеет успокоение от бедствий; а под огнем – явление Бога, соединенное с утешением. Что – облако во время зноя, то – во время тьмы и глубокой ночи огонь, светло горящий; тот умиряет зной, а этот прогоняет тьму. Таким образом явление Бога он уподобляет свету огня, а успокоение – тени облака. Далее, желая показать, что бедствия будут уничтожаться не мало помалу, но вдруг, при самом господстве скорбей, произойдет перемена, чтобы отсюда убедились, что переворот к лучшему произошел не по обстоятельствам и по какому-нибудь случаю, но все совершено высшей силой, он говорит: блистание пылающего огня во время ночи (яко света огненна горяща в нощи), – так совершится перемена! И будет шатер для осенения днем (и будет в сене дне) Что будет? Помощь, говорит, и содействие Божье. Как тень во время зноя, и как кровля или убежище в какой-нибудь пещере сохраняет в безопасности укрывшегося в ней, когда падает сильный дождь, так точно помощь Божья и во время столь грозной войны не допустит потерпеть никакого зла тем, которых Он определил спасти в начале.

---

[1] В ц.-сл. пер., согласно некот. гр. сп. пер. LXX: кровь иерусалимску.

[2] Слово ήμεραϛ=дне в ц.-сл., согласно ват. код., не читается.

ГЛАВА 5

"Воспою Возлюбленному моему песнь Возлюбленного моего о винограднике Его" (Ис. 5:1)

1. Внушив страх предсказанием бедствий, утешив обещанием благ, употребив различные врачества, пророк снова возводит речи к началу – началу, приличествующему для вступления в пророчество. Как вначале он возвестил о благодеяниях Божьих, оказанных иудеям, говоря: "сыны родих и возвысих", а также о сделанных ими беззакониях, присовокупляя: "ти отвергашася Мене", и: "Исраиль же Мене не позна, и людие мои не разумеша" (Ис. 1, 2, 3), так и здесь другими словами, но теми же мыслями он выражает

одинаковое с прежним. Но почему, намереваясь изрекать обличения, он называет обличение песнью? Моисей с Марией справедливо поступил так, когда намереваясь петь победную песнь, справедливо начал такими словами: "пою Господу, ибо Он высоко превознесся; коня и всадника его ввергнул в море" (Исход 15:1). И Девора, после дивного того трофея, после необыкновенной победы, справедливо составила победную песнь, воссылая славословие Богу (Суд. гл. 5). А этот пророк, намереваясь обличать и имея потребность в сильном слове и в состоянии души не успокоительном, а напряженном, обещал нам теть и называет обличения песнью. Впрочем не он один делает это, но и великий Моисей, воспевший тогда победную песнь, в обличение иудеев, составил длинную песнь из укоризн, говоря: "сие ли воздаете вы Господу, народ глупый и несмысленный? " (Втор. 32:6). И много составив обличений, он заповедал иудеям произносить их в пении; да и мы еще и теперь произносим их в пении.

Почему же они составляли обличения в виде песни? Потому что они руководились духовной мудростью и хотели доставить великую пользу душам слушателей. Так как нет ничего столь полезного, как постоянное памятование о своих грехах, а памятование ни от чего не делается столь прочным, как от песни, – так дабы они не скучали от чрезмерных обличений и не уклонялись от постоянного памятования о своих грехах, пророк, стройностью песни желая уничтожить стыд, происходящий от этого памятования, и облегчить невыносимую скорбь, составил такие песни, чтобы вынуждаемые любовью к пению постоянно повторять их, они постоянно помнили о самих себе, и чтобы постоянное памятование о грехах было для них некоторым постоянным уроком добродетели. Вы знаете, что даже теперь иные книги Писания многим не известны и по имени, а произведение псалмов у всех на устах, равно как и эти самые песни. Так из самого опыта видно, сколь великая польза происходит от песни. Потому и говорит пророк: "воспою Возлюбленному моему песнь Возлюбленного моего о винограднике Его." Песнь, говорит, возлюбленному винограду воспою о самом возлюбленном. И для него я пою, говорит, и предмет песни – он сам и дела его. Не удивляйся, что он называет любимым и возлюбленным того, кого намеревался обличать. И служит величайшим обличением, что они, будучи любимыми и пользуясь таким благоволением Божьим, не сделались лучшими. То же выражает и другой пророк, когда говорит: "как виноград в пустыне, Я нашел Израиля; как первую ягоду на смоковнице, в первое время ее, увидел Я отцов ваших" (Осия 9:10); он означает этими плодами то, как они воожделенны и любезны для Бога, вожделенны и любезны не за собственные добродетели, но по благости Божьей. А смысл слов его следующий: Я так возлюбил их, как если бы кто нашел виноград в пустыне, или ранний плод на смоковнице. Эти сравненья, не соответствуя достоинству Божьему, сказаны приспособительно к их чревоугодию. "Ти же," говорит, пользуясь такой любовью, "отчуждишася и внидоша к Веельфегору." (Ос. 9:10). Так точно и здесь пророк называет их виноградом любимым и возлюбленным, выражая, что Бог сделал все со своей стороны, так как не они прежде начали любить, но Бог начал прежде. Они же и после этого не оказали себя достойными благодеяний, но во всем явили противное. "У Возлюбленного моего был виноградник на вершине утучненной горы." (Виноград бысть возлюбленному в розе, на месте тучне). Названием винограда пророк выражает все Божье промышление и попечение о них.

2. Впрочем, он не останавливается на этом, но исчисляет и другие благодеяния. И во-первых, указывает на местоположение. В словах: "в розе, на месте тучне" он говорит с похвалой как о свойстве земли, так и о местоположении, о котором и Давид в псалме сказал об Иерусалиме: "горы окрест Иерусалима, а Господь окрест народа Своего" (Пс. 124:2). Бог оградил его, говорит, и самым местоположением, кроме того не удовольствовался этим, но Сам был для него величайшей стеной; это и выражает пророк словом: "на вершине горы" (в розе), означая как безопасность и непреодолимость места,

так прежде того – помощь Божью, и заимствуя переносное выражение от воловьего рога. Такие выражение и в народе употребляется о тех, которые убегают в какое-нибудь безопасное место. Так как вол есть сильнейшее из всех животных, а рог есть крепчайший член этого животного, – он ведь пользуется рогом, как оружием, – то многие и привыкли так говорить по причине его непреодолимости; и Писание часто называет "рогом единорога" людей, находящихся в безопасности. Итак, "на вершине горы" (в розе), значит здесь: в безопасности, на высоте, – как и в начале пророк говорил: "я воспитал и возвысил сыновей" (Ис. 1:2). "На месте тучне"; а Моисей выразил это словами: "в землю, … где течет молоко и мед" (землю кипящую млеком и медом) (Исх. 3:8). "И Он обнес его оградою, и …" (не нашла последнего слова) "И ограждением оградих и окопах" (ст. 2). "Ограждением" Он называет или стену, или закон, или свое промышление. Действительно, закон ограждал их безопаснее стены. "И окопах", т.е. сделал крепкую защиту. Так как ограда часто бывает удоборазрушима, то Я, говорит, окружил их другой защитой. "И насадил в нем отборные виноградные лозы." (и насадил лозу избранну) Он продолжает переносную речь, которую не должно изъяснять буквально, но довольно знать только цель ее. "Отборной" (избранной) (Σωρήχ) называет он здесь лозу истинную, благородную, приносящую плоды не дурные и низшего сорта, но отборные и первостепенные, потому что много сортов виноградных лоз. "И построил башню[1] посреди его, и выкопал в нем точило[2]" (и создах столп и предточилие ископах посреди его). Некоторые разумеют здесь храм, а под "точилом" (предточилием) – жертвенник, так как там собирались плоды добродетелей каждого, и приношения, и все жертвы; но я и теперь скажу тоже, что сказал выше, т.е., что нужно смотреть на цель переносной речи. Всем этим Он хочет сказать: Я исполнил все со Своей стороны, оказал всякое попечение; Я не обременял их работами, на изнурял трудами, не заставлял их самих строить, копать и насаждать, но передал им вполне устроенное дело; не ограничил и этим своего человеколюбия, но и "**ожидал, что он принесет добрые грозды**" (ждах, да сотворит гроздие) и с великим долготерпением ожидал надлежащего времени плодоприношения; это именно и означает выражение: "**ожидал**" (ждах). "**А он принес дикие ягоды**" (и сотвори терние). Указывает на их жизнь бесплодную, грубую, упорную. Какого же прощения могут удостоиться те, которые после столь великого попечения воздают землевладельцу такие плоды? "**И ныне, жители Иерусалима и мужи Иуды, рассудите Меня с виноградником Моим**" (ст. 3). Велика сила правды, если самим виновным предлагает судить о том, что сделал Он, и что сделали они. "**И ныне**"; Я не упоминаю, говорит, о древнем, но и ныне готов судиться. Так Я никогда не перестаю исполнять Свое, а вы не исполняете своего. "**Что еще надлежало бы сделать для винограднika Моего?**[3]**… Почему, когда Я ожидал, что он принесет добрые грозды, он принес дикие ягоды?**" (Что сотворю еще винограду моему? Занеже ждах, да сотворит гроздие, сотвори же терние) (ст. 4). Состав речи кажется неясным; потому нужно сделать его более ясным. Смысл слов его следующий: что нужно было сделать, и Я не сделал? Известно, что они так много грешили; какое же они могут иметь извинение? Разве что-нибудь опущено было, что они совершали такие преступления? "**Что еще надлежало бы сделать для винограднika Моего, чего Я не сделал ему?**" Вот то, говорит, что сделал Я; но Я не останавливаюсь на сделанном и не говорю, что Я сделал много благодеяний, а все ли Я сделал, после чего уже не оставалось бы сделать ничего, об этом прошу вас сказать, – вас, которые получали благодеяния, были свидетелями сделанного и собственным опытом узнали это, а не посторонних и чужих. "**Итак Я скажу вам, что сделаю с виноградником Моим**" (ст. 5). Одержав победу и показав неблагодарность их, Он наконец произносит свое определение и говорит о том, что намеревается Он сделать, не для того, чтобы осудить их, но чтобы страхом угрозы сделать более послушными. "**Отниму у него ограду, и будет он опустошаем; разрушу стены его, и будет попираем.**
"

3. Отниму, говорит Он, помощь Мою, лишу защиты, оставлю без такового промышления, и тогда они из противоположного, когда подвергнутся разграблению от всех, узнают, чем пользовались прежде. "**И оставлю его в запустении: не будут ни обрезывать, ни вскапывать его.**" (И оставлю виноград мой, и ктому не обрежется. Ниже покопается) (ст. 6). Опять Он употребляет переносную речь. Если же кто хочет узнать обстоятельнее, то Он говорит о попечении посредством наставления, посредством заповедей. Они уже не будут пользоваться тем, чем пользовались прежде, не будут иметь ни учителей, ни начальников, ни пророков, которые бы как прежде исправляли их и пеклись об них. Как заботящиеся о винограде окапывают его и подрезают, так и исправляющие души угрожают, устрашают, поучают, обличают; но они, говорит, будут лишены этого, будучи отведены в землю чуждую. "**И зарастет он тернами и волчцами, и повелю облакам не проливать на него дождя.**" (И взыдет на нем, якоже на лядине, терние, и облаком заповем, еже не одожити на него дождя). Он говорит или о запустении города, или об оскудении их самих и запустении души каждого из них; а под облаками некоторые разумеют здесь пророков, которые как бы получали дождь свыше и передавали возвещаемое им народу. Но и они, говорит, не будут делать обычного им. И действительно, хотя один или два пророка пошли вместе с иудеями в плен, но сонм пророков тогда молчал. "**Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев, и мужи Иуды – любимое насаждение Его.** " (Виноград бо Господа Саваофа дом Исраилев есть и человек Иудин новый сад возлюбленный:) (ст. 7). Употребив множество переносных выражений: "**виноград**", башня (столп), точило (предточилие), "**ограждение, окопание, обрезывание**" винограда, чтобы кто-нибудь из тогдашних неразумных людей не подумал, что все это говорится о винограде, он к концу речи тотчас объяснил все. "**Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев**" (Виноград бо Господа Саваофа дом Исраилев): не о растениях, говорит, речь моя, не о бездушной жизни, не о камнях и стенах, но о народе нашем. Потому и прибавил: "**и мужи Иуды – любимое насаждение Его**" (и человек Иудин новый сад возлюбленный), потому что колено иудино имело некоторое преимущество пред прочими десятью коленами, и храм находился близко к нему и все богослужение, и более других оно процветало, и было царственным и более могущественным. Называя его "**любимым**" (возлюбленным), пророк опять укоряет иудеев, которые оказались такими перед Богом, сильно любившим их. Таков закон любящих – и при самих обличениях не скрывать своей великой любви. Отсюда мы получаем и другой не малый урок. Какой же именно? Тот, – когда и какие места Писания нужно принимать в переносном смысле, и что мы не можем по собственному произволу употреблять эти правила, но должны по указанию самого Писания пользоваться иносказательным образом речи. Я хочу сказать следующее: в настоящем месте Писание говорит о винограде, ограждении, точиле; но оно не оставило на произвол слушателя прилагать сказанное к каким угодно предметам, или лицам, но потом объяснило себя, сказав: "**Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев**." Также и Иезекииль, изображая орла великого и великокрылого входящим на Ливан и обрывающим вершину кедра, не предоставляет произволу слушателей объяснять эту иносказательную речь, но сам же говорит, кого он разумеет под орлом, и кого под кедром (Иез. 17:3–12). И этот самый пророк, говоря далее о некоторой сильной реке, стремящейся на Иудею, чтобы слушателю нельзя было прилагать сказанное к какому угодно лицу, называет и того царя, которого он назвал рекой (Иса. 7:7). И везде в Писании таков закон: когда оно употребляет иносказание, то предлагает и изъяснение иносказания, чтобы не просто и не случайно необузданный произвол желающих иносказания блуждал и носился повсюду. И что удивительного, если так поступали пророки? И писатель Притчей так же поступает. Сказав: "**елень любве, и жребя твоих благодатей да беседует тебе, и источник твоея воды да будет тебе**" (русс. - Источник твой да будет благословен; и утешайся женою юности твоей) единому[4], он сам объяснил, ради чего он сказал это о жене законной и честной, – чтобы отклонить от сношения с женою развратною и чужою (Прит. 5:18, 19).

Так точно и этот пророк сказал здесь, кого он назвал виноградом. Далее, после того как он сказал об обвинениях, сказал о наказаниях, – он к концу речи опять представляет оправдание: "**ждал Он правосудия, но вот – кровопролитие; [ждал] правды, и вот – вопль**" (ждах, да сотворит суд, сотвори же беззаконие, и не правду, но вопль). Я справедливо, говорит, определяю наказание; Я ожидал "**правосудия**" (да сотворит суд), т.е. правду, а они показали противное: беззакония, неправду и вопль. "**Воплем**" он называет здесь любостяжание, несправедливую раздражительность, безрассудный гнев, несогласия, ссоры. "**Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что [другим] не остается места**" (Горе совокупляющим дом к дому, и село к селу приближающим, да ближнему отьмиут что) (ст. 8).Сказав, что они производили вопль, т.е. предавались любостяжанию и хищению, он приводит и частный вид этой неправды, исполненный великой злобы; и опять начинает плачем, показывая великость их грехов, и выражая, что они страдали неисцельной болезнью.

4. Такие поступки можно видеть и ныне у людей, худо пользующихся богатством, которые делают притязание на соседние земли не для своей безопасности, но в обиду ближним, подобно распространяющемуся огню грабя всех соседей. "**Как будто вы одни поселены на земле.**

В уши мои [сказал] Господь Саваоф" (Еда вселитеся едины на земли? Услышашся бо в ушесах Господа Саваофа сия. У св. И. Зл. стоит только ст. 9) (ст. 8, 9). Пророк показывает, что они страдают неисцельной болезнью тщетно и напрасно. Так как подобных людей не столько удерживают наказания и мучения, сколько точное знание, что они не воспользуются похищенным, то он угрожает им этим и говорит, что они будут трудиться, мучиться и пользоваться плодами греха, но наслаждения иметь не будут. Недремлющее, говорит, Око не смотри спокойно на такие дела. Словами: "**услышашася бо**" он выражает не то, будто эти дела теперь только стали известны Богу, но то, что теперь приближается суд и уже наступает воздаяние. "**Многочисленные домы эти будут пусты, большие и красивые – без жителей.**"

Таково любостяжание! Доставляя предающимся ему большие богатства, оно лишает их прежнего. Это выражает он и здесь, говоря: когда вы устроите великолепные жилища, когда присвоите себе имущества всех, тогда лишитесь и прежнего. Дома будут стоять без владельцев и громче всякой трубы вещать против тех, которые сначала приобрели их грабительством, тогда как увеличившееся запустение будет представляться как бы некоторым трофеем. "**Идеже бо возорют десять супруг волов, сотворит корчаг един, и сеяй артавас шесть, сотворит меры три**" (ст. 10). От города пророк обращает речь к запустению страны, чтобы со всех сторон поразить слушателя. И дома, говорит, не будут иметь жителей, и земля не будет оказывать своей силы. Так и в начале за грех Адама она произрастила терние и волчицы; и после него за преступление Каина она приносила плоды гораздо меньшие трудов его и собственной силы. И во многих других местах можно видеть, что она наказывается за грехи людей. И удивительно ли, что нечестие людей уменьшает производительность и плодородие земли, если она через нас сделалась тленною и опять через нас делается нетленною? Так как самое бытие свое она получила для нас и для служения нам, то и состояние ее такое или иное берет начало и корень здесь же. Так было и при Ное. Когда человеческая природа низошла до крайней порочности, то смешались все вещи, и семена, и растения, и роды бессловесных, и земля, и море, и воздух, и горы, и рощи, и холмы, и города, и стены, и дома, и башни, и все вообще покрылось тогда страшным потопом. А когда опять нужно было размножаться человеческому роду, то земля получила свой порядок и опять пришла в прежнее благоустройство. То же происходило, как всякий может видеть, и в частных случаях в честь людей. Так море отступало и опять вступало на свое место, солнце с луной

задерживалось и останавливало свое течение, огонь оказывал свойства воды, земля – свойства моря, а море – свойство земли: все, сказать кратко, обращается в пользу людей. Так как человек почетнее всего и для него существует все сотворенное, то теперь, когда народ иудейский согрешил, Бог останавливает плодородие земли и не дозволяет ее недрам приносить обычные плоды после многих трудов и усилий людей, чтобы они познали отсюда, что не искусство земледельческих рук, не волы и плуг, не свойство земли и не что-нибудь другое подобное, но именно – Господь всего этого есть Тот, Кто изливает все щедрою рукою, и опять, когда хочет, останавливает все. "**Горе тем, которые с раннего утра ищут сикеры и до позднего вечера разгорячают себя вином; и цитра и гусли, тимпан и свирель и вино на пиршествах их; а на дела Господа они не взирают и о деяниях рук Его не помышляют**" (ст. 11, 12). Обличив великое их любостяжание, он полагает и корень зла. Этим корнем было пьянство, которое бывает причиной бесчисленного множества зол, особенно когда предаются ему с такой безмерностью.

5. Посмотри, как метко он осмеивает их. Весь день, говорит, они употребляют на это. Не тогда, когда нужно обедать, они поступают так, говорит он, но всякое время делают временем пьянства, и с самого начала дня, когда особенно нужно было бы им быть внимательными, они предаются великому опьянению, и потом уже невольно до вечера остаются в этой болезни. Если же они однажды поспешат погрузиться в бездну невоздержания, лишатся естественного смысла и отдадут свою душу в плен гибельной власти пьянства, то, подобно тому, как корабль, не снабженный балластом и не имеющий кормчего и корабельщиков, носится туда и сюда, увлекаемый повсюду беспорядочным стремлением вод, так точно и они носятся, увлекаясь в глубину опьянением. Потому пророк и говорит: "**горе тем, которые с раннего утра ищут сикеры**" (горе востающим заутра, и сикер гонящым). Они не нужду удовлетворяли, и не ожидали пробуждения потребности, чтобы удовлетворить ее, но тем и занимались и о том заботились, чтобы – постоянно пьянствовать. Потому он говорит: "**которые … ищут сикеры**" (и сикер гонящым). Сикером здесь называется сок пальм, который они приготовляли, перетирая и выжимая пальмовые плоды, чтобы обратить его в вино. Он имеет одуряющее свойство и производит опьянение; он они не обращали на это внимания, ища во всем удовольствия. "**До позднего вечера разгорячают себя вином**." (Ждущым вечера: вино бо сожжет я). Таково свойство пьянства: с течением времени оно усиливается и возбуждает мучительную жажду. Далее пророк указывает и на другую вину, не меньшую первой: "**и цитра и гусли, тимпан и свирель и вино на пиршествах их**" (с гуслями бо и певницами, и тимпаны, и свирельми вино пиют). Это осуждает и другой пророк, когда говорит: "**пиющи процеженое вино, и первыми вонями мажущиися, плещущии ко гласу пищалей, аки стояща мнеша, а не яко бежаща**" (Амос. 6:6, 5). Действительно, это знак крайнего нечестия и душевного развращения – обращать свой дом в зрелище и предаваться таким песням. Что производит помрачающее пьянство, то производит и музыка, ослабляя крепость ума, сокрушая бодрость души и располагая к большему сладострастию. "**А на дела**" Божьи[5] "**они не взирают и о деяниях рук Его не помышляют**"; он говорит или о чудесах Его, или о созерцании природы. Как они могут созерцать ее, когда обращают день в ночь, а ночью бывают нисколько не лучше мертвых? Как они могут видеть восходящее солнце, блистательную красоту неба, разнообразный вечерний хор звезд и порядок и деятельность всех прочих тварей, когда они лишены и внешних и внутренних очей? Таким образом они немалый вред причиняли сами себе, если отходили из настоящей жизни без созерцания чудес Божьих, будучи погружены все время в мрак пьянства. "**Убо пленени быша людие мои, за еже не ведети им Господа**" (ст. 13). Опять пророк возвещает будущее, как уже совершившееся, и определяет наказание за такой порок. Пьянство и само по себе может служить вместо всякого наказания, наполняя души смятением, исполняя ум мраком, делая его пленником, подвергая людей бесчисленным болезням внутренним и внешним. И Павел знал это, – что нечестие само по

себе служит наказанием, потому и сказал: "**и возмездие, еже подобаше прелести их, в себе восприемлюще**" (Рим. 1:27). Но так как бесчувственность их была такова, что они, получая наказание, не чувствовали его, находясь в болезни, не сознавали, что больны, то он возвещает и внешнее наказание: "**за то народ мой пойдет в плен непредвиденно, и вельможи его будут голодать, и богачи его будут томиться жаждою.**" (Убо пленени быша, говорит, людие мои, за еже не ведети им Господа, и множество бысть мертвых глада ради и жажди водныя). Заметь, как в самом наказании предлагается великое вразумление, а не вдруг посылается тягчайшее мучение. Бог не вдруг послал плен, но наперед голод и зной, чтобы они, оставаясь дома, сделались лучшими и своею неисцельной болезнью не привлекли войска иноплеменников. Но так как они не послушались и не получили отсюда пользы, то наконец Он посылает на них крайнее наказание. Впрочем, прежде этого пророк возвышенно и сильно изображает бедствие голода, говоря: "**преисподняя расширилась**" (и разшири ад душу свою) (ст. 14), – говорит так не потому, чтобы ад имел душу, но олицетворяет угрозу, желая сделать свои слова более разительными и произвести живой страх в душе слушателей. Потому и продолжает так: "**и без меры раскрыла пасть свою**", – говоря как бы о каком-нибудь звере и приближая к ним образ вещей; и всего ужаснее то, что ад не только открыл уста свои, но и остается открывшим их, не насыщаясь погружающимися в него. "**И сойдет [туда]**[6] **слава их и богатство их, и шум их и [всё], что веселит их**" (и снидут в он славни, и велицыи, и богатии, и губители их). Далее, чтобы ты знал, что это происходило не по естественному порядку вещей, но было ударом Божьим и определением, нисшедшим с небес, он говорит, что туда будут низвергнуты люди знатные и облеченные властью, которые расстраивали все и приводили в беспорядок дела иудеев.

6. "**Губителями**" пророк справедливо называет их, как людей, которые не оставляют нечестия в себе самих, но передают эту болезнь другим. Таково свойство заразы: начинаясь в одном теле, она, распространяясь, заражает и остальных. "**И веселяйся в нем**", т.е. наслаждающийся удовольствиями, восхищающийся, считающий себя обладателем постоянных благ, и тот падет и погибнет. "**И преклонится человек, и смирится муж, и глаза гордых поникнут; а Господь Саваоф превознесется в суде**" (ст. 15,16). (И смирится человек, и обезчестится муж, и очи высокоглядящи смирятся, и вознесется един[7] Господь Саваоф в суде) (у св. И. Злат. только ст. 15). Посмотри опять на попечение Божье. Он не производит совершенной погибели, не истребляет всего народа из их среды (живых), но оставляет некоторых, чтобы они от наказания погибших сделались лучшими. Это Он выражает словом: "**преклонится**" (смирятся), т.е. те, которые останутся, оставленные. "**И Господь Саваоф превознесется в суде, и Бог Святый явит святость Свою в правде**" (И вознесется Господь Саваоф в суде, и Бог святый прославится в правде) (ст. 16). Указывает на два блага: на то, что они избавятся от надменности и сделаются лучшими, и на то, что Бог будет предметом удивления для всех; это означают слова: "**превознесется и явит святость**" (вознесется и прославится), через самое наказание, через поражение их. Что значит: "**в суде**" Через воздаяние. "**И упасутся расхищеннии яко юнцы, и пустыни плененных агнцы поядат**" (ст. 17) (русс - И будут пастись овцы по своей воле, и чужие будут питаться оставленными жирными пажитями богатых). Указывает здесь на малочисленность оставшихся и на чрезвычайное запустение страны. "**Горе тем, которые влекут на себя беззаконие вервями суетности, и грех – как бы ремнями колесничными;**

которые говорят: `пусть Он поспешит и ускорит дело Свое, чтобы мы видели, и пусть приблизится и придет в исполнение совет Святаго Израилева, чтобы мы узнали!'" (Горе привлачающым грехи своя[8] яко ужем долгим, и яко ига юнична ременем беззакония своя, глаголющым: скоро да приближатся, яже сотворит Бог[9], да видим, и да придет совет Святаго Исраилева, да разумеем) (ст. 18, 19). Тогда как пророки

постоянно угрожали и предсказывали бедствия, лжепророки, проповедуя угодное народу и расслабляя его, уверяли, что слова тех ложны, а их слова истинны. Таким образом многие, будучи обольщаемы, не верили и самым речам. Так как пророчества исполнялись не вдруг после того, как были изрекаемы, – потому что природой пророчества служило предсказание имеющего исполниться спустя долгое время, – так как пророки постоянно говорили о голоде, заразах и войнах, а на самом деле этого еще не было, то многие из обольщенных, находя в самом замедлении бедствий повод к неверию, говорили: пусть исполнится сказанное; если вы говорите правду, то пусть наступят такие события; покажите нам на деле определение Божье. Потому, так как они делали для себя долготерпение Божье поводом к неверию, и через то умножали грехи свои, как неверием, так и большею беспечностью от неверия, – пророк справедливо оплакивает их, говоря: вы как бы длинной веревкой привлекаете к себе гнев Божий, и увеличиваете свою порочность; если вы не верите сказанному, то теперь остается вам испытать это на самом деле; таким образом, вы сами навлекаете на себя бедствия, не веруя сказанному. Потому он говорит: "**горе тем, которые влекут на себя беззаконие**" (горе привлачающим грехи своя), т.е. воздаяние за грехи. "**Яко ужем долгим**", говорит, вы издалека привлекаете к себе определенное за ваши грехи наказание, и "**яко ига ремнем**" юницы сущей под игом, – выражая этим их усилие, старание. Как если бы кто крепкой веревкой привлекал к себе что-нибудь, так и вы своим неверием привлекаете на себя гнев Божий. Далее говорит и о том, каким образом они привлекали: "**пусть Он поспешит и ускорит дело Свое, чтобы мы видели**" (глаголющым: скоро да приближатся, яже сотворит Бог, да видим). В этом укоряет их и другой пророк: "**горе желающим дня Господня! для чего вам этот день Господень? он тьма, а не свет, он тьма, и нет в нем сияния**" (Амос. 5:18, 20). Так и эти неверующие говорили: когда придет день наказания и мучения? "**Горе тем, которые зло называют добром, и добро – злом, тьму почитают светом, и свет – тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое – горьким!**" (ст. 20). Опять он говорит о том же. Так как они оскорбляли пророков и называли обманщиками, а лжепророков почитали, и таким образом извращали порядок вещей, то он возвещает им "**горе**" за превратное суждение. "**Горе**," говорит, "**которые зло называют добром**", т.е. лжепророчество, "**и добро – злом**", т.е. пророчество, "**почитают светом, и свет – тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое – горьким**". Хотя и тяжки, говорит, слова пророков, но нет ничего слаще их, так как они словесными угрозами избавляют от испытания (бедствий) на деле; и хотя сладки слова лжепророков, но нет ничего горче их, так как они прелестью слов навлекают действительную угрозу.

7. Вот так мудро пророк перетолковал их суждение. Так как они словам одним не внимали, как изрекающим весьма горькое, а словам других внимали, как весьма благосклонным и заключающим в себе великую сладость, то он сказал, что, напротив, великая сладость – у пророков, а великая горечь – у лжепророков. В том же смысле нужно нам понимать и слова о свете и тьме. Одни вели к заблуждению, а другие руководили к истине; одни, почти связав руки, передавали мраку плена, а другие принимали все меры, чтобы привести к свету свободы. Потому, так как слушатели имели об этом превратные и ненадлежащие понятия, пророк справедливо вразумляет их, говоря: "**Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою!**" (ст. 21) (у св. И. Зл. - **тьму почитают светом, и свет – тьмою**, **Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою!** (ст. 21)). Не мал и этот недостаток, когда кто считает себя мудрым и во всем полагается на свои суждения: отсюда и происходит вышесказанное, т.е. что называют доброе злым, а злое добрым и проч. За это и Павел осуждал языческих философов, когда говорил: "**называя себя мудрыми, обезумели**" (Рим. 1:22). И писатель Притчей также говорит: "**видал ли ты человека, мудрого в глазах его? На глупого больше надежды, нежели на него**" (Притч. 26:12). И в другом месте Павел осуждает это, когда говорит: "**не мечтайте о себе**" (Рим. 12:16); и еще: "**если кто из вас думает быть**

мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым" (1 Кор. 3:18). Пусть не надеется, говорит, на собственную мудрость и на свои собственные суждения, но, смирив их, пусть передаст свою душу наставлению Духа. Так как и между иудеями были такие люди, которые презирали пророков, как пастухов и приставников стада, желая считать мудрыми самих себя, что было основанием гордости их и пренебрежения возвещаемого им, то пророк справедливо оплакивает их, говоря: "**горе тем, которые храбры пить вино и сильны приготовлять крепкий напиток**" (ст. 22) (горе, иже мудри в себе самих и перед собою разумны. Горе крепким вашым, вино пиющым, и вельможам растворяющим сикер) (У св. И. Зл. - **горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою! горе тем, которые храбры пить вино и сильны приготовлять крепкий напиток** (ст. 22)). Не удивляйся, что он, сказав недавно так много против пьянства, опять повторяет ту же речь; так как эта рана тяжела и неудобоизлечима, то нужно было часть омывать ее. Она тяжела и неудобоизлечима потому, что многим не кажется грехом, тогда как есть тягчайший из всех грехов и производит бесчисленное множество болезней. Потому он и говорит: "**которые храбры пить вино и сильны приготовлять крепкий напиток**" (вино пиющым, и вельможам растворяющим сикер). Двоякая опасность: от силы опьянения и от избытка власти. Действительно, всем людям нужно благоразумие, но особенно облеченным почестями и властью, чтобы, увлекаясь бременем власти, как бы каким-нибудь стремлением беспорядочных вод, не свергнуться в пропасть. "**Которые за подарки оправдывают виновного и правых лишают законного!**" (ст. 23). Опять двоякая вина: оправдание виновного и осуждение невинного. А корень того и другого греха – принятие подарков. "**Сего ради якоже сгорит трость от углия огненнаго, и сожжется от пламене разгоревшагося**" (ст. 24). Он указывает на быстроту воздаяния, на скорость наказания, изображая таким подобием совершенную погибель их.

8. Все это выразил он словами: "**пламень, углие, трость**" и последующими. "**Так истлеет корень их, и цвет их разнесется, как прах**." Прочное и крепкое разрушится, великолепное рассеется, светлое пройдет и исчезнет. "**Не восхотиша бо закона Господа Саваофа** творити[10], **но слово Святаго**[11] **раздражиша.**" "**Словом**" пророк называет закон. "**За то возгорится гнев Господа на народ Его, и прострет Он руку Свою на него и поразит его, так что содрогнутся горы**[12]**, и трупы их будут как помет на улицах. И при всем этом гнев Его не отвратится, и рука Его еще будет простерта**" (ст. 25). Здесь он указывает на жестокую войну, во время которой невозможно будет даже предавать тела погребению, не с тем, чтобы наказаны были мертвые, но чтобы живые примером чужих несчастий сколько-нибудь удержались от собственного порока. И смотри, как он сильно выразился. Не сказал, что умершие не погребены, но брошены презреннее всякого помета, что для живых кажется страшнее всего и ужаснее самой смерти. Но, что хуже всего, они и после этого, говорит, не исправились, но остаются в том же состоянии. А так как они не исправлялись, то он опять угрожает им тягчайшим ударом, – от иноплеменников. Потому и продолжает говоря: "**и поднимет знамя народам дальним**" (воздвигнет убо знамение во языцех сущих далече) (ст. 26). Чтобы отдаленность пути не повергли их в беспечность, он говорит, что для Бога так легко привести их, как для поднявшего знамя – вывести на сражение вооруженных и готовых воинов, или как бывает это с конями, приготовленными к бою: как скоро подается знак выхода, они тотчас выскакивают из-за ограды. Таким образом пророк указывает здесь на два обстоятельства: на то, что они (сущие во языцех) легко придут по призванию Божьему, и на то, что они давно пришли бы, если бы великое долготерпение Его не удерживало их. В дальнейших словах он еще более показывает легкость этого, говоря: "**и позвиждет я**[13] **от конец земли**." Не удивляйся, что он, говоря о Боге, употребляет такие чувственные выражения; он приспособляет слова к неразумию слушателей, желая показать всем этим только то, что это и для Бога легко, и непременно сбудется; потому и присовокупляет: "**и се скоро легце грядут: не взалчут, ни утрудятся, ни**

воздремлют[14]" (ст. 27). Это сказано преувеличенно. Возможно ли в самом деле, чтобы они не алкали и не спали, будучи людьми и подлежа общим условиям жизни? Всем этим, как я сказал, он изображает быстроту войска, легкость, скорость. "**И не снимется пояс с чресл его, и не разорвется ремень у обуви его; стрелы его заострены, и все луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колеса его – как вихрь; рев его – как рев львицы; он рыкает подобно скимнам, и заревет, и схватит добычу и унесет, и никто не отнимет. И заревет на него в тот день как бы рев [разъяренного] моря; и взглянет он на землю, и вот – тьма, горе, и свет померк в облаках**[15]" (…и возопиет их ради в той день, яко шум моря, волнующася: и воззрят на небо горе, и на землю низу, и се тма жестока, тма в нужде их) (ст. 27–30). Всем этим пророк распространил речь и усилил страх, описав порознь каждое обстоятельство, сказав относительно свойства врагов, их силы, оружия, коней, колесниц, чтобы обилием сказанного привести слушателей в великое сокрущение и ясностью изображений приблизить к ним эти обстоятельства. Потому он сравнивает врагов со львами, и не останавливается на этом сравнении, но изображает и голос и нападение зверя, и, продолжая переносную речь, употребляет много образных выражений. Затем он упоминает о море, говоря, что будет такой шум, такое смятение, какое бывает тогда, когда сильно бушует и волнуется море; и вообще употребляет все меры усилить страх, чтобы они не имели нужды испытать (эти бедствия) на самом деле. И, что еще более ужасно, тогда не будет, говорит, защитника ни от земли, ни с неба, но, лишенные и горней защиты и земной помощи, они будут переданы врагам. "**Тьмой**" же он называет здесь помрачение, происшедшее в них от несчастия, не в том смысле, будто исчезнут лучи солнца, но в том, что страждущие, по своему расположению, будут видеть среди полудня вместо света мрак, как обыкновенно бывает с людьми, пораженными скорбью и унынием. А чтобы ты знал, что эта тьма происходила не от свойства воздуха, но от их расположения, он прибавил: тма жестока в нужде их.

---

[1] В ц.-сл.: столп посреди его (ср. алекс. и ват. код. перев LXX: πύργον ἐν μέσφ αὐτοῦ).

[2] В ц.-сл.: в нем (ср. алекс. и ват код. ἐν αὐτφ).

[3] След. сл.: чего я не сделал ему (и не сотворих ему) (χαί οὐχ ἐποίησα αὐτφ) здесь не читаются у св. И. Зл., а читаются ниже.

[4] Вместо: σοι ἰδία=в ц.-сл.: тебе твой, ср. алекс. и ват. код. пер. LXX, св. И. Зл. читал: σοι μόνφ.

[5] Св. И. Зл. читает здесь: τοῦ θεοῦ, тогда как в известн. греч. сп. т. LXX читается: Κυρίου, почему в ц.-сл.: Господня.

[6] Согласно некот. греч. сп. пер. LXX, св. И. Зл. здесь после χαταβήσονται=снидут, читает: εἰς αὐτόν= в он.

[7] Слово μόνος=един, читаемое здесь св. И. Зл., в друг. греч. сп. не чит.

[8] Согласно некот. греч. сп. пер. LXX, св. И. Зл. здесь, после слова: τάς ἁμαρτίας – грехи, читал αὐτών=своя.

[9] После слова: ποιήσεν=сотворит, св. И. Зл., согласно некот. греч. сп. пер. LXX, читает: ὁ θεος=Бог.

[10] После слова: Σαβαώθ=Саваоф, св. И. Зл., согласно некот. гр. сп. пер. LXX, читал: ποιείν=творити.

[11] Следующего после άγίου=святого, слова 'Ισραήλ=Израилев (ср. ал., ват. код., а потому и ц.-сл.), св. И. Зл. не читал.

[12] Вместо: καί παρωξύνθη τά όρη=в ц.-сл.: и раздражишася горы, как чит. в ал. и ват. код., св. И. Зл., согласно некот. греч. сп. пер. LXX, читал: καί παρωξύνθη έπί τά όρη.

[13] Вместо: αύτοίς=им, как чит. в. ал. код. т. LXX (ср. ц.-сл.), св. И. Зл. читал αύτούς.

[14] Последнего слова όυδέ κοιμηθήσονται=в ц.-сл. ни поспят св. И. Зл. не читал.

[15] Согласно некот. греч. сп. пер. LXX, св. И. Зл. конец 30 ст. читал: χαί έμβλέψονται είς τόν ούρανόν άνω, χαί είς τήν γήν χάτω. χαί ίδού σχότος σχληρόν, σχότος έν τή απορ΄α αιέτών.

ГЛАВА 6

"В год смерти царя Озии видел я Господа" (и бысть в лето, в неже умре Озиа царь) (Ис. 6:1).

1. Почему пророк в других случаях означает время (пророчества) жизнью царей, а здесь – смертью? Он не сказал: было в дни Озии, или в царствование Озии, но: было тогда, когда умер. Для чего же он делает это? Не просто и не случайно, но здесь он внушает нам нечто таинственное. Что же именно? Этот Озия, опьяненный успехом своих дел и возгордившись благоденствием, стал превозноситься выше своего достоинства. Будучи царем, он подумал, что ему позволительно священнодействовать, вторгся в храм, вошел во святое святых, и, когда священник препятствовал и запрещал ему входить туда, он не остановился, но продолжал безумствовать, пренебрегая словами священника. За такое бесстыдство Бог поразил его проказой на челе, так что он, пожелав чести больше надлежащей, потерял и ту, какую имел; не только не получил священства, но, сделавшись нечистым, лишился царства, и со стыда все время проживал тайно в некотором доме (2 Парал. 26). Вместе с ним и весь народ испытал гнев Божий за то, что презирал законы Божьи и не защищал оскорбляемого священства. А в чем он испытал этот гнев? В том, что сократились пророчества; разгневанный Бог не давал им ни о чем никакого ответа. Впрочем, Он сделал это не навсегда, но продолжением жизни царя ограничил и продолжение наказания. Когда этот царь окончил жизнь, тогда и Бог прекратил Свой гнев, и опять отверз врата пророчества. Указывая на это, пророк напомнил нам о времени смерти царя.

Потому и начинает пророчество так: "**в год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего**" (и бысть в лето, в неже умре Озия царь, видех Господа седяща). Между тем, Христос говорит: "**Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил**" (Иоан. 1:18); и еще: "**это не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца**" (Иоанн. 6:46); и Моисею сам Бог сказал: "**не может увидеть Меня и остаться в живых**" (Исх. 33:20). Как же пророк говорит, что он видел Господа? "**Видел**", говорит, "**Господа**". Он говорит не противное словам Христовым, но весьма согласное с ними. Христос говорит о точном богопознании, которого никто не имеет; сущего Божества и чистого существа Его никто не видел кроме Единородного; а пророк повествует о видении, возможном для него. Он не мог видеть того, что есть Бог, но видел Его явившимся в образе и нисшедшем настолько, насколько могла возвыситься немощь созерцающего. А что действительно ни он и никто другой не видел чистого

Божества, это очевидно из самого повествования. "**Видел**", говорит, "**Господа сидящего**"; но Бог не сидит; это телесное положение. Притом говорит не просто "**сидящего**", а: "**на престоле**"; но Бог не поддерживается чем-нибудь; как можно сказать это о Том, Кто существует везде и наполняет все, "**в Его руке глубины земли**" (Пс. 94:4)? Очевидно, что это видение было снисхождением Божьим. Выражая то же самое, и другой пророк сказал от лица Божьего: "**Я … умножал видения**" (Осия 12:10), т.е. являлся различным образом. Но если бы являлось само чистое существо Божье, то оно не являлось бы различным образом; а так как по снисхождению Бог являл Себя пророкам, то таким, то другим образом, принимая виды, соответственные различным временам, то он и говорит: "видения умножих и в руках пророческих уподобихся", т.е. являлся не так, как есть, но принимал такой образ, какой могли видеть созерцавшие. Так, ты видишь Его то сидящим, то вооруженным, что имеющим седые волосы, то в тихом ветре, то в огне, то показывающим задняя свои, то на херувимах и в образе, подобном веществам металлическим, светло блестящим. Впрочем, почему Он является то вооруженным и окровавленным, то в огне, то показывающим задняя, то не небе, то на престоле, то на херувимах, – об этом говорить теперь не время, чтобы второстепенный предмет не занял нас больше главного. Теперь же необходимо сказать о настоящем видении. Для чего Бог является здесь сидящим на престоле и притом окруженным серафимами? Он приспособляется к обычаю человеческому, так как и речь Его обращена к людям; Он намеревается изречь определение о делах великих и о всей вселенной, равно как и об Иерусалиме, и произносит двоякий приговор, и приносящий наказание городу и всему народу, и возвещающий благодеяние вселенной, великие надежды и бессмертные почести.

2. Судьи имеют обычай – делать это не тайно, а восседая на возвышенном месте, в присутствии всех, при поднятых покрывалах. Подобно им Бог повелевает предстоять пред Ним серафимам, восседает на высоком престоле и таким образом произносить определение. А дабы ты убедился, что это не догадка, а таков обыкновенно образ Его действий, я постараюсь объяснить это и из другого пророка. Так у Даниила, когда также надлежало произнести великое определение о бедствиях и наказаниях иудеев и о благах, уготованных вселенной, также является престол светлый и славный, и предстоящее множество ангелов и сонмы архангелов, и сидящий вместе (с Всевышним) Единородный, и открываются книги, и протекают огненные реки, и вообще представляется подобие судилища (Дан. гл. 7). Все это сходно с тем, о чем говорится здесь, или даже пророк (Даниил) еще яснее возвещает, так как времена его были ближе и пророчество уже достигало самых дверей (исполнения). Впрочем, оставив трудолюбивым сличать и сравнивать это и изучать общность того и другого пророчества, мы старательно займемся, как я сказал, предложенным пророчеством, объясняя по возможности каждое слово. Тогда сказанное будет и для нас и для вас более ясным. Что же говорит пророк? "**Видел Господа сидящего**". Сидение на престоле всегда служит знаком суда, как говорит Давид: "**ты воссел на престоле, Судия праведный**" (сел еси на престоле, судяй правду) (Пс. 9:5); и Даниил: "**поставлены были престолы…судьи сели**" (Дан. 7:9, 10). А простое сидение, по выражению пророка, служит знаком другого. Чего же именно? Твердости, постоянства, крепости, неизменяемости, бессмертия, бесконечной жизни. Потому он и говорит: Ты сидящий во век, а мы погибающие во век.[1] Ты, говорит, пребываешь, существуешь, живешь, остаешься всегда одинаковым. А что он сказал это не о сидении на престоле, ясно видно из противоположения; он не сказал: мы стоящие, но: погибающие. Сидеть же на престоле значит судить. Потому пророк и видел Его сидящим на престоле высоце и превознесенне; или тем означается одно, а этим – другое. Престол Его был "высок", т.е. велик и чрезвычайно обширен, при "превознесен", т.е. казался на невыразимой высоте и выше его. "И исполнь дом славы Его." Какой, скажи мне, "**дом**"? Храм; так как оттуда началась вражда, то справедливо и в этом чудном видении Бог является сидящим там. "**Славой**" же пророк называет здесь блеск, неприступный свет, которого он не мог

выразить словом, и потому назвал его славой, и не просто славой, но славой Божью. "**Вокруг Него стояли Серафимы**" (ст. 2). Кого он называет серафимами? Бесплотные силы горных существ, которых добродетель и блаженство можно видеть из самого их названия; в еврейском языке "**серафим**" значит: "**огненные уста**".

О чем же мы узнаем из этого? О чистоте существа их, неусыпности, бдительности, стремительности, деятельности, беспорочности. Так и пророк Давид, желая показать нам беспрепятственное служение, скорость исполнения и великую деятельность горных сил, сказал: "**Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими -- огонь пылающий**" (Пс. 103:4), выражая названием этих стихий скорость, легкость, деятельность. Таковы эти силы, воспевающие Господа чистыми устами, имеющие это постоянным занятием своим, - возносящие славословия, как непрестанное служение. На их достоинство указывает их близость к престол Божьему. Как у земных царей отличающиеся бóльшими достоинствами стоят перед самым царским престолом, так точно и эти силы, по своей превосходной добродетели, окружают горный престол, постоянно наслаждаясь неизреченным блаженством и восхищаясь блаженным жребием этого служения. "**У каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое**[2], **и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И взывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!**" (Шесть крил единому, и шесть крил другому: и двема убо покрываху ноги своя, двема же покрываху лица своя, и двема летаху…) (ст. 2, 3). Что означают эти перья и что выражают эти крылья? У бестелесных сил, конечно, нет таких крыльев; но этими чувственными изображениями пророк опять означает нечто таинственное, снисходя к слабости тогдашних слушателей, впрочем и чрез это снисхождение точно открывая нам мысли, превосходящие всякое разумение.

3. Итак, что же означают крылья? Высоту и превосходство этих сил. Так и Гавриил представляется летящим и нисходящим с небес, чтобы ты познал его быстроту и легкость. И удивительно ли, что Писание употребляет такие выражения о служебных силах, когда и в речи о самом Боге всех оно не чуждается такого приспособления? Так Давид, желая изобразить или бестелесность Его, или быстроту явления Его повсеместных, говорит: "**шествуешь на крыльях ветра**" (Пс. 103:3), хотя, конечно, ни ветры не имеют крыльев, ни Он сам не ходит на крыльях; как в самом деле это может быть с Тем, Кто присутствует везде? Но, как я выше сказал, Он, снисходя к слабости слушателей, возвышает их ум такими представлениями, какие доступны для них. И в другом месте, желая показать помощь Божью и происходящую от нее безопасность, он употребляет те же выражения, говоря так: "**в тени крыл Твоих укрой меня**" (Пс. 16:8). А здесь посредством крыльев пророк показывает нам не только возвышенность и легкость, но и нечто другое поразительное. Он показывает, что, хотя это видение было снисхождением, каково оно действительно было, но самые горные силы и в этой мере не могли выносить его. Закрывать ноги и закрывать хребты свойственно трепещущим, ужасающимся блеска, не выносящим молнии, которая исходила от престола. Потому оградой крыльев как бы некоторой стеной, они закрывали свои лица; и что обыкновенно испытываем мы, когда разражается гроза и блестят молнии, от которых мы преклоняемся на землю, тоже испытывали и они.

Если же серафимы, эти великие и дивные силы, не могли без страха взирать на сидящего Бога, сидящего именно на престоле, но покрывали и лица и ноги, то какое слово выразит безумие тех, которые говорят, что ясно знают самого Бога и исследуют Его нетленное существо?[3] "**И двумя летал. И взывали.**" Что значит: "**летал**", и что он хочет этим выразить? То, что они постоянно находятся близ Бога и не отступают от Него, но в этом и состоит их жизнь, что они постоянно поют пред Ним, всегда прославляют Создателя. Он

не сказал: воззвали, но: "**взывали**", т.е. непрестанно делают это. "**Друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят.**" Этим выражается их стройное пение и славословие, совершаемое с великим согласием. Это заключает в себе не только славословие, но и пророчество о благах, ожидающих вселенную, и точное наставление касательно догматов. Почему они не однажды сказали это слово, и потом замолчали, и не дважды, и потом остановились, но прибавили тоже в третий раз? **Не** очевидно ли, что они поступали так, воспевая песнь Троице? Потому-то Иоанн относит эти слова к Сыну, Лука к Духу, а пророк к Отцу. И последующие слова открывают нам ту же мысль. После такой песни они прибавляли: "**вся земля полна славы Его!**" Это было свойством точного пророчества, что они предвозвещают будущее ведение, через которое вселенная исполнилась славы Божьей, так как прежде и в то время, когда были произносимы эти слова, не только прочие части вселенной, но и сама страна иудейская была исполнена нечестия, и никто не славил тогда Бога. Об этом свидетельствует сам пророк, когда говорит: "**всякий день имя Мое бесславится**" (вас ради[4] имя мое хулится во языцех) (Ис. 52:5). Когда же земля исполнилась славы Его? Тогда, когда эта песнь принесена на землю, когда земные люди присоединились к лику горных сил, и стали возносить одну песнь и совершать общее славословие. Если же иудей бесстыдно отвергает это, то пусть он покажет, когда вся земля исполнилась славы Его, славы, происходящей от богопознания? Он не может показать этого, хотя бы тысячекратно упорствовал в своем бесстыдстве. "**И поколебались верхи врат от гласа восклицающих**" (и взяся наддверие от гласа, имже вопияху) (ст. 4). Видишь ли, с какой легкостью в пророчестве одни предметы соединяются с другими? После этой песни и наполнения земли славой Его, идет речь о прекращении всего иудейского, что и выразил пророк понятием "**верхи врат**" (наддверия).

4. Это было знаком опустошения и разрушения храма; а когда разрушен храм, тогда прекратилось и все прочее. И чтобы ты убедился, что ветхий завет прекращен новым, он говорит: "**поколебались верхи врат от гласа**" (и взяся наддверие от гласа), т.е. тень рассеялась от того, что настало такое славословие, воссияла благодать и слава Божья распространилась по всей вселенной. "**И дом наполнился куреniями**". Этим, мне кажется, означается разорение, ожидающее его, пламень иноплеменников и ужаснейшее сожжение. "**И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа**" (и рекох: о, окаянный аз, яко умилихся, яко человек сый, и нечисты устне имый, посреде людей нечистыя устне имущих аз живу: и царя Господа Саваофа видех очима моима) (ст. 5). Видение изумило пророка, поразило, привело в великий страх, подвигло к исповеданию, заставило полнее сознать бедность собственного естества. Таковы все святые: когда они удостаиваются бóльшей чести, тогда они больше и смиряются. Так Авраам, беседуя с Богом, называл себя "**прахом и пеплом**" (Быт. 18:27); так Павел, когда удостоился известного видения, назвал себя "**извергом**" (1 Кор. 15:8); так и этот пророк называет себя "окаянным", сначала со стороны своей природы, говоря: "о, окаянный аз, яко умилихся, яко человек сый", а потом со стороны душевного состояния: "**с нечистыми устами**". Он назвал свои уста нечистыми, как я думаю, в противоположность с теми огненными устами чистых сил, с их совершеннейшим служением. Не останавливаясь на этом, он произносит исповедание и за весь народ, присовокупляя: "**и живу среди народа также с нечистыми устами**". Почему же он осуждает здесь свои уста? Он выражает свою нерешительность. Так и три отрока, находясь в пещи, говорили почти тоже самое: "**нет нужды нам отвечать тебе на это**" (Дан. 3:16) (у св. И. Зл. - несть нам отверзти уст (Дан. 3:33). И теперь, когда было время песнопения и славословия, и когда пророк видел горные силы делавшими это, он справедливо обращает слово к устам, которые призваны особенно к такому служению. По этой причине он назвал нечистыми свои уста, но уста народа – не по этому, а потому, что иудеи были исполнены беззакония. "**И глаза мои видели Царя, Господа Саваофа**".

Потому, говорит, я скорблю и плачу, что, будучи недостойным, я удостоился такой чести, превышающей мое достоинство, превосходящей мое естество. Впрочем, когда он говорит: "**видел**", то разумей здесь не точное знание, но возможное для него.

И посмотри, как полезно исповедание: он осудил самого себя, и тотчас был очищен. Далее он говорит: "**Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника:**

и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен" (ст. 6, 7). Некоторые говорят, что это – прообразы будущих таинств: и этот алтарь, и разложенный огонь, и служебная сила, и прикосновение к устам, и очищение грехов; но мы пока будем держаться истории и скажем, для чего это происходило. Пророк имеет быть послан к народу иудейскому – возвестить нечто страшное и невыносимое. Потому посылаются серафимы, чтобы исполнить его страха и дерзновения. И чтобы он не ссылался, – подобно тому, как Моисей ссылался на свою гугнивость и Иеремия на свою молодость, – на то, что он имеет нечистые уста и не может служить проповеди, приступают серафимы, очищающие грехи его не собственной силой – ведь это принадлежит только Отцу и Сыну и Святому Духу, – но повелением Божьим и прикосновением угля. Потому он и не сказал: вот я очищу, но: "**и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен**", по повелению Пославшего. Но почему серафимы взяли уголь клещами? Бестелесная сила, конечно, не должна была обжечься углями. Почему же так было? По великому снисхождению. Потому и взял он это с жертвенника, где приносились жертвы и совершались очищения грехов. Если же ты спросишь: почему уста пророка не были обожжены, то, главным образом, потому, что в этом явлении не было огня чувственного; а с другой стороны, когда что делает Бог, то не исследуй и не любопытствуй.

5. Впрочем, иногда и действительный и чувственный огонь, касаясь тел, не обнаруживал действий огня. Если там, где были хворост и смола, пламень забывал собственную природу, то удивительно ли, что в настоящем чудном событии этот огонь очищал, но не жег? "**И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас?**" (и слышах глас Господа глаголюща: кого послю и кто пойдет к людем сим?) (ст. 8). Видишь ли, каков успех видения, как много сделал страх? Нечто подобное было с Моисеем; этому пророку, хотя не являлся ни серафим, ни сам Господь, сидящий на престоле, но показано было тогда чудное видение, такое явление, на которое никто не мог бы взирать. "Купина", говорится в Писании, горела и "**не сгорала**" (Исх. 3:2). Но и после этого видения и после многих увещаний Божьих великий Моисей уклонялся, отказывался и представлял множество причин отказа, говоря: "**я тяжело говорю и косноязычен**"; и: "**пошли другого, кого можешь послать**" (избери ты[5] иного, егоже послеши) (Исх. 4:10, 13). И Иеремия ссылался на свой возраст (Иер. 1:6). И Иезекииль, по получении повеления Божьего, семь дней оставался при реке, уклоняясь и медля; потому Бог и приложил к нему притчу, говоря: "**Я поставил тебя стражем дому Израилеву**" (стража дах тя дому Исраилеву) (Иезек. 3:17); и еще: "**Я взыщу кровь его от рук твоих**" (душу их от руки твоея взыщу[6])(Иезек. 3:18). А Иона не только отказывался, но и бежал (Ион. 1:3). Что же? Неужели Исайя был смелее всех, и даже великого Моисея? Кто может сказать это? Почему же тот уклонялся, получив повеление, а этот, и не получив прямого повеления, изъявил свою готовность? Ведь не сказано было: иди; но когда Бог сказал: "**кого Мне послать?**" – он тотчас принял повеление. Некоторые говорят, то, так как он согрешил, не обличив Озии, дерзнувшего войти в святилище, то, желая последующим усердным послушанием загладить тот грех, он тотчас изъявил согласие, чтобы умилостивить Бога; потому и уста свои назвал нечистыми, что не говорил смело. Но я не могу согласиться с теми, которые говорят так, потому что достовернее их Павел, который называет Исайю

дерзающим и говорит: "**А Исаия смело говорит**" (Рим. 10:20). Потому, как говорят, он и кончил жизнь свою не обыкновенной смертью, но потерпел жесточайшее мучение, так как иудеи не выносили смелой речи его. Кроме того, и Писание нигде не говорит, чтобы он присутствовал при поступке Озии и присутствуя молчал, но говорящие так выдумывают это сами от себя. Что же нужно сказать? То, что положение Моисея было не одинаково с положением Исаий. Тот был посылаем в чужую и варварскую страну, к неистовому и жестокому тирану; а этот к своим соотечественникам, которые часто слушали и были наставляемы в течение долгого времени. И потому там и здесь нужно было не одинаковое мужество, чтобы послушаться. А некоторые говорят, что и другое нечто было причиной такой готовности его, именно: когда он произнес исповедание за себя и за народ и увидел посланы серафимов и очистивших уста его, то, надеясь, что будет тоже и с народом и что он пойдет возвестить ему об этом, с готовностью принял повеление. Святые были как боголюбивы, так и человеколюбивы больше всех людей. Таким образом, надеясь возвестить какое-либо избавление от бедствий, он тотчас изъявил свое согласие и сказал: "**вот я, пошли меня**". С другой стороны он имел душу весьма решительную на опасности, как это видно из всего пророчества его. Итак, когда он изъявил согласие идти и уже не смел отказаться, тогда услышал прискорбные слова. Бог поступил с ним премудро. Он не сказал с самого начала: иди и говори; но прежде высказал повеление неопределенно и не открывал образа посольства. Когда же Исайя немедленно изъявил согласие, тогда Бог и высказывает зло, которое постигнет иудеев. Какое же именно? "**И сказал Он: пойди и скажи этому народу: слухом услышите – и не уразумеете, и очами смотреть будете – и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их**" (ст. 9, 10). Это, я думаю, не требует объяснения, так как уже давно объяснили совершенно знавшие эти слова – Иоанн сын грома и Павел, который точно знал и древнее и новое. Проповедуя в Риме собравшимся к нему, и потом ушедшим и не верившим сказанному, он говорил: "**хорошо Дух Святый сказал: слухом услышите, и не уразумеете**" (Деян. 28:25, 26). А сын грома, – так как иудеи видели чудеса Христовы и не верили, слышали учение и не внимали ему – (Христос воскресил Лазаря, а они искали убить Его; Он изгонял бесов, а они называли Его беснующимися; Он вел их к Отцу, а они называли Его обманщиком, и держались превратных мнений), – упоминает об этом пророчестве, говоря: хорошо сказал Исайя пророк, что вы слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите (сравн. Иоан. 12:38, 40).

6. Так как у них были помрачены внутренние очи ума, то им не было никакой пользы от очей внешних, при повреждении разумного суждения. Потому они видя не видели и слыша не слышали; и причиною этого, прибавляет пророк, было не повреждение внешних чувств, не расстройство природы их, но ослепление сердца. "**Огрубело**", говорит, "**сердце народа сего**". А огрубение ума бывает от грехов и житейских пожеланий. О таком огрубении говорил и Павел в словах: "**И я не мог говорить с вами,…, как с духовными: ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах**", – присовокупляя и причину этого в следующем: "**Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы?**" (1 Кор. 3:1–3). Так и те, мучимые великой завистью и ненавистью и осаждаемые другими бесчисленными страстями сделали грубым свое умственное око и уже не могли видеть ясно; а потому принимали другие и превратные мнения о том, что видели. Видя все это в точности, пророк предсказал и причину болезни. Но, заметь, из двух находящихся здесь пророчеств, одно, касающееся Церкви и благ, уготованных вселенной, получили и изрекли серафимы в словах: "**Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!**"; а другое, касающееся пленения и наказания иудеев, было предоставлено пророку, – для того, чтобы ты и отсюда познал превосходство Церкви. "**И сказал я: надолго ли, Господи?**" (ст. 11). Видишь ли, что мы привели не ложную и

неосновательную догадку о послушании пророка, оказанном с великой готовностью? Услышав противное тому, чего он ожидал, именно о запустении, погибели, он просит теперь узнать меру наказания; он уже не смел просить о совершенном избавлении их от гнева, так как Бог предварительно показал, что они грешат непростительно. Их дерзкие поступки были следствием не соучастия и не дерзостного настроения, но души, делающей непослушание своим занятием, задорного ума, как бы нарочито и усиленно противящегося делам Божьим. На это указывает Бог в словах: "**да не узрят очами,**[7] **…, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их**". Они, говорит, как бы боясь, чтобы не узнать чего-нибудь должного, с великим старанием ослепляли свой ум. Потому, так как и обвинение было весьма тяжко, и наказание неизбежно, пророк желает узнать то, что оставалось: впрочем, под видом желания узнать он высказывает просьбу. Но так как и об этом он не смел просить прямо, то свое желание узнать предлагает в виде вопроса, говоря: "**надолго ли, Господи? Он сказал: доколе не опустеют города, и останутся без жителей, и домы без людей, и доколе земля эта совсем не опустеет. И удалит Господь людей, и великое запустение будет на этой земле. И если еще останется десятая часть на ней и возвратится, и она опять будет разорена; [но] как от теревинфа и как от дуба, когда они и срублены, [остается] корень их, так святое семя [будет] корнем ее.**" (доколе, Господи? И рече: донеже опустеют гради, от еже не населенным быти, и домы, от еже не быти человеком, и земля останется пуста. И посем продолжит Бог человеки, и умножатся оставльшиися на земли. И еще на ней есть десятина, и паки будет в расхищение, якоже теревиноф, и яко желудь, егда испадет из плюски своея: семя свято стояние его) (ст. 11–13). Окончив пророчество, он опять обращает речи к истории, предсказывая как пленение десяти колен, так ради этого пленения и долготерпение Божье в отношении к двум коленам; далее предсказывает отведение в плен и этих последних за то, что ни не воспользовались долготерпением, как должно; а потом опять – благоденствие, которое даровано будет остатку их. Так, когда он говорит: "**доколе не опустеют города, и останутся без жителей**" (донеже опустеют гради, от еже не населенным быти,), то указывает на пленение десяти колен; действительно, они все были совершенно расстроены, взяты с великим насилием и все отведены в чужую страну, так что и города их все стояли без людей, и земля лишилась своих возделывателей к пользе имеющих остаться. Таким образом, когда он говорит: "**доколе не опустеют города, и останутся без жителей, и домы без людей**" (донеже опустеют гради, от еже не населенным быти, и домы, от еже не быти человеком), то разумеет плен. А когда говорит: "И посем продолжит Бог человеки", то указывает или на полное благосостояние всех, или на благоденствие, которое будет дано двум коленам по отведении десяти колен. И действительно, освободившись от Сеннахирима и войска иноплеменников и воспользовавшись неожиданной победой, они опять размножились и долго жили, потому что никакая война не беспокоила их. Когда Он говорит: "продолжит", то разумеет или многочисленность людей, или продолжительность лет. А чтобы ты узнал, что это говорится о двух коленах, Он прибавляет: "**останется десятая часть на ней**" (на ней есть десятина), называя десятиною то, что свыше десяти, остающееся после десяти, чем и были два колена. Такое же выражение употребляет и Павел, когда говорит: "**более нежели пятистам братий**", т.е. свыше пяти сот (1 Кор. 15:6). "И паки будет в расхищение, якоже теревиноф, " т.е. два колена. "И яко желудь, егда испадет из плюски своея." Как этот плод неприятен, когда выпадает из скорлупы своей, так и они будут осмеиваемы и презираемы, когда будут изгнаны из города и все лишатся своей славы. "Семя свято стояние его." Впрочем, бедствия их, говорит, будут не неисцельны и не бесконечны, но семя их будет свято и "стояние", т.е. твердо, крепко, неподвижно, в ожидании перемены обстоятельств. Они лишатся благоденствия, но сами не подвергнутся совершенной погибели, но останутся и и будут "**стоять**", доколе опять не получат прежнего образа жизни и не возвратятся к прежней святости.

[1] Σύ καθήμενος είς τόν αίώνα, καί ήμεϊς άπολλύμενοι είς τόν αίώνα: этих слов в известных текстах кн. пр. Даниила не найдено.

[2] Выражение "**закрывал**" τούς πόδας έαυτών = "**ноги свои**" св. И. Зл. здесь читает прежде выражения; "**закрывал**" τά πρόσωπα έαυτων = "**лице свое**", тогда как в изв. греч. сп. пер LXX, а потому и в ц.-сл., они читаются в обратном порядке. Вместо τά πρόσωπα = "**лица**", в ал. и ват. код.: τά πρόσωπον = "**лице**". Но во 2-й беседе на Пс. 6:1 св. И. Зл. читает это место так, как оно читается в друг. изв. греч. сп. пер. LXX.

[3] Еретики – аномеи.

[4] В греч. сп. пер LXX следует далее слово: διά παντός=в ц.-сл.: присно.

[5] В ц.-сл.: "могуща"=δυνάμενον (ср. ват. код).

[6] τήν ψυχήν αύτών έκ χειρός σου έχζητήσω, но во всех изв. греч. сп. пер LXX: τό αϊμα αύτοϋ έх χ. σ. έχζ=ср. ц.-сл.: "крове же его от руки твоея возыщу".

[7] Следующее затем, по изв. гр. сп. пер. LXX, слова καί τοϊς ώοί άκούσωσιν=в ц.-сл.: "и ушима услышать" у св. И. Зл. не читаются.

ГЛАВА 7

"И было во дни Ахаза, сына Иоафамова, сына Озии, царя Иудейского" (Иса. 7:1).

1. Я часто говорил и теперь скажу, что в древности пророчества изрекаемы были не для того, чтобы иудеи только узнавали будущее, но чтобы, узнав, получали отсюда пользу, чтобы от страха угроз они делались более благоразумными и от обещания благ – более усердными к исполнению добродетели, познавая из того и другого силу Божью и попечение Его о них. Подлинно, по этой причине были изрекаемы предсказания, и для того, чтобы иудеи не думали, будто события совершаются просто и случайно, по какому-либо порядку природы и естественному течению дел, но знали, что и то и другое происходит по мановению свыше и по определению Божьему; а это весьма много способствовало им к богопознанию. Но так как пророчества, – как я и прежде говорил, – исполнялись не тотчас по изречении их, но предсказания тогда были изрекаемы, а сами события совершались спустя долгое время, так и некоторые из слышавших часто умирали прежде и не могли судить о последствиях предсказаний, то, смотри, что делает и устраивает Бог. Он соединяет одно пророчество с другими пророчествами, ближайшее с отдаленнейшими, бывшее в их поколение представляя величайшим доказательством того, что должно совершиться спустя долгое время. В евангелиях же пользу такого рода Он устраивает другим образом: соединяет с пророчествами чудеса и подтверждает одни другими. Так, например, к Христу некогда подошел прокаженный и был очищен, а после него отрок сотника был исцелен от известной тяжкой болезни, и знамени эти были велики; но Он не ограничился этими знамениями, а присовокупил и пророчество. Так как сотник оказал дивную и великую веру, за которую отрок и был исцелен от болезни, то Христос присовокупил: "**многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом**[1]**: а сыны царства извержены будут**" (Матф 8:11). В этих словах Он предсказывает образование Церкви из язычников, и отверждение иудеев, что теперь исполнилось на самом деле и для всех видно яснее солнца; но тогда было пока неясно и

невероятно для неверующих. Для того предварительно и совершенно было тогда знамение, чтобы внушить великую веру в то, что имело совершится после, равно как и самое пророчество, исполнившееся ныне на самом деле, служит твердым подтверждение бывшему тогда знамению. Скажет ли неверующий, что прокаженный не очистился? Но пусть он посмотрит на истину пророчества, и от этого пусть верит и в знамение. Сказали ли бы тогдашние иудеи, что предсказания Его не истинны? Но пусть они посмотрят на очистившегося прокаженного и после бывшего с ним не сомневаются и касательно будущего. Таким образом, для тех знамение служило величайшим залогом истинности пророчества, а для нынешних пророчество – действительности знамения. Видишь ли, как одно подтверждается другим? ТО же можно видеть в ветхом завете. Так, когда Иеровоам тяжко неистовствовал и поставил золотых тельцов, то пришедший пророк и предсказал будущее и тогда же совершил знамение. Чтобы никто не сомневался в том, что должно было случиться через триста лет, он разрушил жертвенник, пролил тук и иссушил руку царя, посредством совершившегося перед глазами ясно подтвердив то, что имело свершиться спустя много времени (3 Цар. гл 13). И таких событий много можно видеть и в ветхом и в новом завете, так как Бог различно устраивает наше спасение. Так точно было и здесь, и притом с великим преимуществом; не только дано было знамение, но и пророчество соединено с знамением. Впрочем, чтобы сказанное было более ясным. Рассмотрим обстоятельно само сказание. "**И было во дни Ахаза, сына Иоафамова, сына Озии, царя Иудейского, Рецин, царь Сирийский, и Факей, сын Ремалиин, царь Израильский, пошли против Иерусалима, чтобы завоевать его, но не могли завоевать. И было возвещено дому Давидову и сказано: Сирияне расположились в земле Ефремовой**" (И бысть во дни Ахаза, сына Иоафамля, сына Озии, царя Иудина, взиде Расин царь Арамль, и Факей, сын Ромелиев, царь Исраилев на Иерусалим, воевати на него, и не возмогоша разорити его. И возвестися в дому Давидове. Глаголя: совещася Арам со Ефремом) (ст. 1, 2). Это – история, повествование о событиях но кто имеет ум и острое зрение, тот и отсюда может получить великую пользу, познав великую премудрость Божью и попечение Его об иудеях. Он и не остановил войны в самом начале, и наступавшему не допустил овладеть городом но, дозволив сделать угрозу на словах, остановил ее исполнение, возбуждая и избавляя иудеев от беспечности, и показывая свою силу, что он может и тогда, когда бедствия достигнут своего конца, сохранить невредимыми подвергшихся им так, как будто эти бедствия и не начинались. Это, как можно видеть, Он часто делает, напр. в пещи вавилонской, во вру львином и в других бесчисленных случаях. Так и эти пришли, осадили город, коснулись стен, привели в трепет ум жителей, но больше не могли сделать ничего.

2. Отсюда можно видеть беззаконие десяти колен, в том, что не только начали междоусобную войну и подняли оружие на своих братьев, но и соединились с чужеземцами и иноплеменниками и, будучи обязаны даже не иметь с ними простого общения, призвали их к себе на помощь, вооружились вместе с ними и восстали против своего города. Они побудили иноплеменника Рецина идти против их столичного города. И обстоятельства войны были неравны. У тех было бесчисленное войско, и города, и племена, и народы; а здесь ничего такого но был один только столичный город, так что сила Божья открылась со всей ясностью. Тогда как здесь никто не брал оружия, не выходил и не противоборствовал, злые замыслы тех разрушились. "**Но не могли**", говорит пророк, "**завоевать**" (и не возмогоша разорити его). Что же препятствовало этому? Не что иное, как рука Божья, которая невидимо отражала их. Впрочем, как я сказал, Бог хотя и отвратил войну, но от страха не тотчас избавил. "**И было возвещено,**" говорит, "**дому Давидову, как**[2] **Сирияне расположились в земле Ефремовой, и всколебалось сердце его и сердце народа его**" (И возвестися в дому Давидове, яко совещася Арам со Ефремом, и ужасеся душа его и душа людей его). Когда Бог намеревается совершить что-нибудь необыкновенное, то Он не вдруг совершает чудо, но сначала попускает тем, к которым

оно относится, чувствовать бедствия, чтобы по избавлении от бедствий они не оказались неблагодарными. Так как многие из людей, частью по гордости, частью по беспечности, забывают бедствия по избавлении от бедствий, или, не забывая, приписывают успехи самим себе, то Бог попускает им сначала потрясение от скорбей, а потом освобождает от затруднительных обстоятельств. Так точно Он поступил и здесь. Он попустил, чтобы сердца их пришли в трепет, попустил быть великой скорби, а потом и послал избавление. То же Он сделал и с великим Давилом. Намереваясь вывести его на борьбу и воздвигнуть руками его славный трофей, Бог сделал это не в начале войны, но оставил израильтян мучиться от страха в течение сорока дней, и когда они уже отчаялись в своем спасении, когда иноплеменник произнес бесчисленное множество укоризн, и, не смотря на то, никто не осмеливался выйти и противостоять врагу, тогда только, именно тогда, когда они признали свое поражение и слабость их сделалась явной, Он вывел на борьбу этого отрока и совершил дивную победу. Если и после этого, после такого обнаружения их слабости, спасенный царь, побуждаемый ненавистью и завистью, строил козни Давиду и, предавшись страсти, оказался неблагодарным к благодетелю, то чего не сделал бы он, если бы Господь не доказал таким очевидным образом трусости как его, так и всего войска? То же самое, как можно видеть, Бог делал и во многих других случаях. Точно так делается и здесь. Намереваясь освободить иудеев от войны и избавить их от оскорблений, Он попускает им сначала чувствовать бедствия. "**И всколебалось,**" говорит пророк, "**сердце его и сердце народа его, как колеблются от ветра дерева в лесу**" (и ужасеся душа его и душа людей его, якоже в дубраве ветром восколеблется). Пророчеству свойственно – обнаруживать сокровенные чувствования людей. Так и здесь он выражает состояние души каждого из них и для ясности приводит сравнение, чтобы показать силу скорби. И поколебалась, говорит, душа их, смирилось высокоумие; они отчаялись в своем спасении, думали, что находятся в крайности, не ожидали ничего доброго, и каждый из них сокрушался собственными помыслами. Что же Бог? Он предсказывает избавление и потом совершает его, чтобы они опять не приписали освобождения города кому-нибудь другому, Он посылает пророка возвестить будущее. "**И сказал Господь Исаии: выйди ты и сын твой Шеар-ясув навстречу Ахазу, к концу водопровода верхнего пруда, на дорогу к полю белильничьему, и скажи ему: наблюдай и будь спокоен; не страшись и да не унывает сердце твое от двух концов этих дымящихся головней, от разгоревшегося гнева Рецина и Сириян и сына Ремалиина**" (и рече Господь ко Исаий: изыди во сретение Ахазу, ты, и оставшийся Иасув сын твой, к купели горняго пути села белилнича, и речеши ему: блюди еже молчати, и не бойся ниже душа твоя да изнеможет: ниже убойся[3] от двою древу главень дымящихся сих; егда бо гнев ярости моея будет паки изцелю) (ст. 3, 4). Что значит: "**выйди навстречу**" (изыди во сретение)? От страха и скорби царь не был спокоен и не мог оставаться дома, но, как обыкновенно бывает с осажденными, постоянно выходил, обозревал стены, подходил к воротам, распоряжался и исследовал, в каком положении находятся дела неприятелей. Потому Бог и говорит: "**выйди навстречу**". А что значит: "**ты и сын твой Шеар-ясув**" (ты, и оставшийся Иасув сын твой)? "**Шеар-ясув**" (Иасув) на еврейском языке значит: обращение и деятельность. Потому и Иессей, посылая Давида к братьям его, говорил: "и Иасув их возмешь"[4], т.е. скажешь мне об их обращении и о том, что они делают (1 Цар. 17:18).

3. Итак, здесь, мне кажется, пророку повелевается взять с собой народ, чтобы по окончании событий царь не мог оставаться неблагодарным, как бы не слышавший ничего такого от пророка. Смысл приведенных слов следующий: выйди на встречу ты и обращающиеся с тобой, оставшиеся от народа. Не удивляйся, что Бог называет народ сыном его, – и далее пророк говорит: "**вот я и дети, которых дал мне Господь**" (Иса. 8:18). Действительно, святые были вместо отцов и даже превосходили всех плотских отцов своей любовью и попечением об этом народе. "Оставшимися" он называет их потому, что многие были уведены врагами. "**На дорогу к полю белильничьему**" (горняго

пути села белилнича). И здесь мне представляется немалое затруднение, – как те, которые были заключены и осаждены и не смели выйти вон, явились за воротами города; ведь этот путь виден ныне вне стен его. Чем же разрешить это недоумение? Тем, что в древности он был огражден еще другой стеной; у этого города было две стены, как любознательные легко могут видеть из другого пророка. Итак, пророк, вышедши, ободряет упавший дух их и внушает надежду относительно будущего. Успокойся, говорит он, и не бойся; и называет царей древесными головнями, выражая как силу их, так и непорочность; потому он и присовокупляет: "**дымящихся**", т.е. находящихся близко к тому, чтобы погаснуть. Потом, желая показать, что нападение врагов произошло не от силы их, а по Божьему попущению, говорит: "**Сирия, Ефрем и сын Ремалиин**[5] **умышляют против тебя зло, говоря: пойдем на Иудею и возмутим ее**[6]**, и овладеем ею**[7] **и поставим в ней царем сына Тавеилова. Но Господь Бог так говорит: это не состоится и не сбудется; ибо глава Сирии – Дамаск, и глава Дамаска – Рецин; а чрез шестьдесят пять лет Ефрем перестанет быть народом; и глава Ефрема – Самария, и глава Самарии – сын Ремалиин. Если вы не верите, то потому, что вы не удостоверены**" (егда бо гнев ярости моея будет, паки изцелю. Сын же Арамль, и сын Ромелиев, яко совещаста совет лукавый Ефрем и сын Ромелиев[1)] на тя, глаголюще: взыдем во Иудею, и озлобим ю [2)] и собеседовавшее [3)] отвратим я к нам, и воцарим в ней сына Тавелиева. Сия же глаголет Господь Саваоф: не пребудет совет сей, ниже сбудется: но глава Араму Дамаск, и глава Дамаску Расин: но еще шестьдесят и пять лет, оскудеет царство Ефремово от людей: глава же Ефремова Соморон, и глава Соморону сын Ромелиев: и аще не уверите, ниже имате разумети) (ст. 5–9). Опять пророк представляет величайшее подтверждение пророчества. Так как слушатели были поражены страхом, и бедствия были пред глазами, а отрадное было только в надежде и даже превосходило всякое ожидание, и притом они были не очень доверчивы, то смотри, что он делает. Он дает величайшее знамение того, что предсказанное сбудется, обнаруживая замыслы противников. Он открывает, с каким намерением они осадили город, о чем совещались между собой, на каких условиях приступили, и показывает, что или это событие есть предательство ("собеседовавшее", говорит, "с ними, отвратим я к нам") или враги обезумели от великой гордости, думая, что им не нужно ни браться за оружие, ни вступать в борьбу и сражение для того, чтобы взять город. Для нас достаточно, говорили они, только явиться и поговорить, и возвратиться, взяв всех в плен. Потом, как обыкновенно бывает с гордыми, они, надмеваясь такою надеждою, совещаются об избрании царя, как будто город уже взят и нужно поставить кого-нибудь царем в столице. Таковы, говорит пророк, замыслы их; но воля Божья ниспровергает все это. Потому он продолжает: "**но Господь Бог так говорит**" (Сия же глаголет Господь) и не останавливается на этом, а прибавляет "Саваоф", потому что когда он намеревается возвестить что-нибудь великое, то напоминает о силе Божьей, высшем царстве, о чудном и дивном владычестве Его. Что же говорит Бог? "**Это не состоится и не сбудется; ибо глава Сирии – Дамаск.**" Начальство его, говорит, власть его ограничится Дамаском, и не будет простираться далее. "**И глава Дамаска – Рецин.**" Начальником и правителем Дамаска, говорит, будет Рецин, т.е. он останется при своем и не увеличит своего могущества. "**А чрез шестьдесят пять лет Ефрем перестанет быть народом.**" (но еще шестьдесят и пять лет, оскудеет царство Ефремово от людей)

4. Это величайшее доказательство истины, когда пророки предсказывают и время событий, предоставляя желающим исследовать с точностью значение пророчества. Теперь, говорит пророк, они отступят от города, но по истечении шестидесяти пяти лет погибнет весь народ; враги возьмут его и уведут всех; а теперь, прежде того плена, они не получат ничего больше того, чем владеют. Чтобы царь, слыша, что израильтяне погибнут через шестьдесят пять лет, не сказал в самом себе: что же? – если они теперь возьмут нас, а тогда погубят, какая нам польза? – пророк говорит: не бойся и за настоящее; тогда они будут выселены совершенно, а теперь не получат ничего больше того, чем владеют. "**И**

глава Ефрема", т.е. десяти колен, будет "**Самария**" (потому что там была столица их) и далее не распространится, "**и глава Самарии**" **–** царь израильский. Что говорил он о Дамаске, то же выражается и здесь, т.е. они не будут иметь ничего больше того, чем владеют теперь. Далее, так как он сказал о делах превышающих разум человеческий и превосходящих обыкновенные соображения, и сказанное было пророчеством, то справедливо присовокупил: "**если вы не верите, то потому, что вы не удостоверены.**" Не спрашивай, говорит, как и каким образом это будет; Бог есть свершитель, а тебе нужна только вера, и ты уразумеешь силу Совершающего; ты получил полное доказательство сказанного. Так и пророк Давид говорил: "**я веровал, и потому говорил**" (Пс. 115:1). И Павел, повторяя это изречение, приложил его к высшим предметам, сказав: "**но, имея тот же дух веры, как написано: я веровал и потому говорил, и мы веруем, потому и говорим**" (2 Кор. 4:13). Если ветхозаветное, которое так отстоит от новозаветного, как земля от неба, имело нужду в вере, то тем более – познание догматов столь высоких, которые и на ум никогда никому не приходили. Это выражает и сам апостол, когда говорит: "**но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его**" (1 Кор. 2:9). " **И продолжал Господь говорить к Ахазу, и сказал: проси себе знамения у Господа Бога твоего: проси или в глубине, или на высоте. И сказал Ахаз: не буду просить и не буду искушать Господа. Тогда сказал [Исаия]: слушайте же, дом Давидов! разве мало для вас затруднять людей, что вы хотите затруднять и Бога моего? Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут**[8] **имя Ему: Еммануил**" (ст. 10–14). Велико снисхождение Божье, и велика неблагодарность царя. Выслушав пророка, он должен был нисколько не сомневаться в сказанном; а если усомнился, то принять знамение и уверовать, как поступали многие из мужей иудейских. Бог, будучи человеколюбивым, часто не отказывал в этом (в знамении) для чувственных, пресмыкающихся долу и привязанных к земле (иудеев), как напр. сделал при Гедеоне. Так как Ахаз был несовершеннее всех и весьма груб, то смотри, как Бог опять снисходит к нему. Он сам привлекает его и предлагает ему просить знамения, хотя и то было не малым знамением, что Он открыл его тайные мысли, обнаружил все его душевное расположение и обличил все притворство. Так как пророк сказал: "**проси себе знамения**", а царь, притворяясь вполне верующим, отвечал: "**не буду просить и не буду искушать Господа**", то смотри, с какой силой пророк поражает его, справедливо употребляя при обнаружении его притворства тягчайшее обличение. Потому, не удостаивая царя ответа, он обращается к народу и говорит: "**слушайте же, дом Давидов! разве мало для вас затруднять людей, что вы хотите затруднять и Бога моего?**"Эти слова неясны; поэтому нужно обстоятельно разъяснить их. В них пророк говорит следующее: разве мои эти слова? – разве мое определение? Если не верить людям напрасно и без причины жестоко и достойно осуждения, то гораздо более – Богу. Итак, " **затруднять**" значит не что иное, как – не верить. Разве малая вина, говорит, разве незначительна обида – не верить людям? Но если это – жестоко, то гораздо более – не верить Богу.

5. Он говорил это для того, чтобы все знали, что пророк не был обманут и судил не по сказанным словам, но произносил определение по мыслям в душе Ахаза. Так поступал часто и Христос, по сказанию евангелий. Прежде, чем показывать какое-либо знамение, он обличал злобу иудеев, скрывавшуюся в мыслях их, и в этом самом показывал не малое знамение, – как напр. Он поступил при исцелении расслабленного. Когда Он сказал ему: "**дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои**", а они говорили в себе: "**он богохульствует**", тогда Он, прежде, чем исцелить расслабленного, сказал: "**для чего вы мыслите худое в сердцах ваших?**", представив величайшее доказательство божества своего в том, что Он знает сокровенные помышления (Мат. 9:2–4). "**Ибо Ты один**," говорит Писание, "**знаешь сердце всех сынов человеческих**" (яко Ты един токмо, говорит Писание, веси сердца) (3 Цар. 8:39). И Давид также говорит: "**Ты испытуешь**

сердца и утробы, праведный Боже!" (Пс. 7:10). Ведение этого Бог часто сообщал и пророкам, чтобы слушатели знали, что сказанное ими было не человеческое, но всякое определение приносилось свыше, с небес. Потому и этот громогласнейший Исайя, беседовав с царем весьма кротко, возвестив избавление от бедствий, повелев не бояться за настоящее и представив ему доказательства этого открытием намерения врагов, обличением предательства, предсказанием совершенного и всецелого пленения Израиля и назначением времени, не ограничился этим, но идет далее и не ожидает, чтобы царь сам просил знамения, но предлагает ему, не желающему этого по крайнему неверию, и притом – не просто, но предоставляет выбор на его волю; не говорит: такое и такое знамение, но: где хочешь. Господь богат, всемогуща сила Его, неизреченна власть; захочешь ли знамения с неба, - нет никакого препятствия; захочешь ли с земли– и этому ничего не препятствует; таков смысл слов: "**в глубине, или на высоте.**" Но когда царь не убедился и этим, то пророк и тогда не замолчал, но, прибавив обличение для исправления слушателя и для показания того, что тот не обманул и не обольстил словами, открывает таинственное пророчество, которое послужит к спасению вселенной и исправлению всего, и говорит, что это знамение дается уже не Ахазу, но всему народу иудейскому. Сначала пророк обращал речь к нему, но когда он показал себя недостойным, то обращается к целому народу. "**Итак Сам,**" говорит, "**Господь даст**" не тебе, но "**вам знамение**" "**Вам**," – кому? Находящимся в доме Давидовом: оттуда произошло это знамение. Какое же знамение? "**Се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил.**" Надобно помнить, как я выше сказал, что знамение дается уже не Ахазу, а что это не догадка, можно видеть из того, что сам пророк, сказав в обличение и укоризну: "**разве мало для вас затруднять людей,**" присовокупил: "**Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве приимет**"[9]. Если бы это была не дева, то не было бы и знамения. Знамение должно выходить из общего порядка вещей, превосходить обычный порядок природы, быть дивным и необыкновенным, так, чтобы каждый из видящих и слышащих замечал это. Потому оно и называется знамением, что заключает в себе нечто знаменательное; а знаменательным оно не было бы, если бы не выходило из общего порядка прочих вещей. Так и здесь, – если бы шла речь о жене, рождающей по закону природы, то для чего пророк назвал бы знамением то, что бывает ежедневно? Потому и в самом начале пророчества он не сказал: "**се, Дева** (παρθένος)", но: ή παρθένος, прибавлением члена указывая нам на некоторую особенную, единственную Деву. А что такое прибавление выражает именно это, можно видеть и из евангелий. Когда иудеи послали к Иоанну спросить: "**ты кто есть**", то не говорили: ты ли "**Христос**" (Χριστός), но: ты ли ό Χριστός; и не говорили: ты ли "**пророк**" (προφήτης), но: ты ли ό προφήτης (Иоан. 1:19, 25)? Каждое из этих выражений означало нечто особенное. Потому и в начале Евангелия Иоанн не сказал: "**в начале было Слово** (λόγος)", но: "**в начале было** ό λόγος, **и Слово** (ό λόγος) **было у Бога**" (Иоанн 1:1). Так точно и здесь пророк не сказал: "**се** παρθένος", но: "**се** ή παρθένος", и с свойственным пророку достоинством: "**се**", потому что он почти видел эти события, представляя их себе и имея полную уверенность относительно сказанного. Пророки яснее наших глаз видели невидимое. Чувству свойственно обманываться; а благодать Духа сообщала непреложное решение.

6. Но почему, скажешь, он не прибавил, что рождение будет от Духа Святого? Сказанное было пророчеством, и потому, как я часто говорил, нужно было возвещать прикровенно, по причине неблагодарности слушателей, чтобы они, узнав все ясно, не сожгли всех книг. Если они не щадили пророков, то тем более не пощадили бы их писаний. А что сказанное мной не догадка, можно видеть из того, что другой царь, при Иеремии, взяв самые книги, разрезал их и предал огню (Иер. 36:23). Видишь ли невыносимое безумие? Видишь ли безрассудный гнев? Он не удовольствовался тем, что изгладил письмена, но сжег и книги, желая удовлетворить своей безумной страсти. Впрочем, хотя этот дивный пророк сказал прикровенно, но выразил все. Дева, оставаясь девою, как иначе могла бы зачать, если не

от Духа Святого? Превзойти закон природы не мог никто другой, кроме творца природы. Таким образом, сказав, что родит дева, он выразил все. Возвестив о рождении, пророк называет и имя Рожденного, не то, которое дано Ему, но которое приличествует Ему по делам. И Иерусалим он называет "**городом правды**", хотя никогда он не назывался городом правды, но удостоился такого имени по делам, по причине значительной перемены к лучшему и защиты справедливости (если "**блудницей**" пророк называет его не потому, чтобы этот город когда-нибудь имел такое название, но приписывает ему это имя за порочность, то и после этого называет его городом правды за добродетель – Иса. 1:21, 26). То же самое нужно сказать и о Христе, т.е. что пророк приписал Ему имя по делам. Действительно, тогда особенно Бог был с нами, когда Он явился на земле, обращался с людьми и показал великое о нас попечение. Не ангел и не архангел был с нами, но сам Господь нисшел и принял на Себя исправить все, беседовал с блудницами, возлежал с мытарями, входил в дома грешников, подавал надежду на спасение разбойникам, привлекал волхвов, обозревал и исправлял все, соединил с Собой и самую природу. Все это предсказывал пророк, возвещая как о рождении, так и о неизреченных и беспредельных плодах этого рождения. Когда Бог с людьми, то уже не должно ничего бояться и трепетать, но относительно всего быть уверенным, что действительно и исполнилось. Древние и неподвижные преступления разрешены, осуждение всего рода человеческого уничтожено, силы греха сокрушены, власть дьявола прекращена, рай, бывший недоступным для всех, отверзся сперва для человекоубийцы и разбойника, своды небесные раскрылись, человек соединился с ангелами, наше естество вознеслось на престол царский, темница ада сделалась праздной, смерть по имени осталась, но в существе дела уничтожилась, сонмы мучеников и жены сокрушили жало ада.

Провидя все это, пророк радовался и восхищался, и одним словом изобразил нам это, предвозвестив нам Еммануила. "**Он будет питаться молоком и медом**[10]**, доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе; ибо прежде нежели этот младенец будет разуметь отвергать худое и избирать доброе**" (…прежде, неже разумети Отрочати благое или злое, отринет лукавое, еже збрати благое… - дальше в тексте идет Отрок) (ст. 15, 16). Так как рожденный Отрок был не простым человеком, и не Богом только, но Богом в человеке, то пророк справедливо разнообразит свою речь, высказывая то одно, то другое, излагая дивное и не допуская, чтобы не верили домостроительству Божьему, но необычайности чуда. Когда он сказал, что родит дева, – а это было выше природы, – и что рожденный будет назван Еммануилом, – а это также было выше разумения, – то, чтобы кто-нибудь, слыша об Еммануиле, не впал в ересь Маркиона и болезнь Валентина касательно домостроительства, он отдельно прибавляет и яснейшее доказательство домостроительства, указывая на пищу. Что именно он говорит? "**Он будет питаться молоком и медом**". А это свойственно не Божеству, но нашей природе. Потому Он не просто вселился в человека, созданного Им, но зачался, бал носим во чреве в течение девяти месяцев, переносил и рождение, и пелены, и пищу приличную первому возрасту, чтобы всем этим заградить уста тем, которые дерзают отвергать домостроительство (воплощение Божье). Таким образом прок, издалека провидя это, говорит не только о зачатии и дивном рождении, но и о пище первого возраста, которой Христос питался в пеленах и которая нисколько не отличалась от пищи прочих людей и не имела в сравнении с нею ничего особенного. У Него не все было отличное от нам, и не все общее с нами. То, что Он родился от женщины, есть общее с нами; а что Он родился от Девы, это – выше нас. То, что Он принимал пищу по обыкновенному закону природы и одинаковому для прочих людей, есть общее с нами; а что этот храм был недоступен для греха, и не испытал греха, это необыкновенно и дивно и свойственно только Ему одном. Потому пророк и сказал о том и другом. Не после испытания зла, говорит, Он отстал от зла, но еще прежде, и от самого начала являл всякую добродетель. Об этом и сам Христос

говорил: "**Кто из вас обличит Меня в неправде?** " И еще: "**ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего**" (Иоанн. 8:46; 14:30).

7. И этот самый пророк далее говорит: "**потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его**" (Ис. 53:9). То же говорит он и здесь, т.е. прежде, чем Отрок будет в состоянии узнавать или отличать злое, с самого неопытного во зле возраста, с самого рождения Он станет являть добродетель и не будет иметь ничего общего с пороком. "**Ибо прежде нежели этот младенец будет разуметь отвергать худое и избирать доброе**". Опять теми же словами прок выражает ту же мысль и останавливается на этом предмете. Так как сказанное им было весьма высоко, то повторением изъяснения он удостоверяет в его истине. То же, что он выше сказал в словах: "**доколе не будет разуметь**" или "**отвергать худое**", он и далее выражает в словах: "**прежде нежели этот младенец будет разуметь**" и прибавляет опять те же выражения: "**отвергать худое и избирать доброе**". Это было особенно свойственно Ему одному. Потому и Павел постоянно повторяет то же и Иоанн, увидевший Его, воскликнул эти слова: **"вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира**" (Иоанн. 1:29). А кто взял на Себя грехи других, тот сам тем более был безгрешен. И Павел, как я выше сказал, постоянно повторяет то же. Так как Христу надлежало умереть, то, чтобы кто из неверующих не подумал, что Он был наказан за собственные грехи, апостол постоянно поставляет на вид безгрешность Его, желая показать, что смерть Его есть искупление за наши грехи. Потому он и говорит: "**Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает: … ибо, что Он умер, то умер однажды для греха**" (… еже бо умре, греху умре) (Рим. 6:9, 10). И этой смерти, говорит, Он подвергся не как виновный, не за собственный грех, но за общий грех всех. Если же Он и прежде не подлежал смерти за какой-нибудь свой грех, то совершенно очевидно, что Он уже не умрет. "**Земля та, которой ты страшишься, будет оставлена обоими царями ее**". (и оставится земля, ея же ты боишися, от лица двух царей) Что часто делает пророк, то же делает и здесь: после пророчества он обращается к историческим событиям. Так поступил он и в сказании о серафимах, как мы ясно показали; также поступил и здесь. Сказав о благах, уготованных вселенной, он теперь обращает речь к царю. Потому и продолжает: "**земля … будет оставлена**". Что значит "**оставлена**"? Будет неприкосновенной, будет свободной, не испытает неприятного, не подвергнется бедствиям войны. "**Земля та, которой ты страшишься, будет оставлена**", за которую ты страшишься, за которую трепещешь, "**обоими царями ее**", т.е. дамаским и израильским. Дале, чтобы царь от предсказания о благах не сделался более беспечным и вследствие мира не сделался более нерадивым, пророк опять возбуждает его душу, говоря: "**Но наведет Господь на тебя и на народ твой и на дом отца твоего дни, какие не приходили со времени отпадения Ефрема от Иуды, наведет царя Ассирийского**" (ст. 17). Этими словами он возвещает нашествие иноплеменников, которые разрушили город до основания и, взяв жителей в плен, ушли; возвещает не для того, чтобы это случилось, но чтобы они, вразумившись страхом, отклонили от себя угрожавшее бедствие. Но так как они ни от благ, которыми не по достоинству пользовались, не сделались лучшими (а что действительно они пользовались ими не по достоинству, видно из душевного расположения царя и крайнего его неверия), ни от угроз страшными событиями не исправились, но упорно противились и тому и другому полезному врачеству, то пророк наконец употребляет глубочайшее сечение, чтобы истребить гнилую рану и отсечь неисцельно больные члены. Что же значит: "**со времени отпадения Ефрема от Иуды, наведет царя Ассирийского**"? Иноплеменники сделали нападение, чтобы увести всех их; но потом, оставив Иуду и два колена, обратились против Израиля. Таким образом, слова его означают следующее: с того дня, когда десять колен привлекут к себе войско иноплеменников, отвлекши его от вас, по своим крайне великим грехам, и, привлекши их к себе, будут уведены, с того дня нужно будет и вам бояться и страшиться. Простираясь далее, они нападут и на вас, если

вы не исправитесь. "**Со времени**" того, говорит, "**наведет**" их Господь. Не в то же время когда уведены израильтяне, взяты были и эти, но спустя немного времени.

8. Таким образом, по смыслу слов пророка, Бог тогда же навел бы эти дни, но Он медлил и долготерпел, хотя грехи их по своей важности требовали тогда же наказания, как Он и часто делает, т.е. медлит и отсрочивает при наступлении назначенного дня. Это служит с одной стороны величайшим свидетельством Его человеколюбия, а с другой яснейшим доказательством неблагодарности тех, которые не хотят надлежащим образом пользоваться Его человеколюбием. Так и здесь пророк говорит, что уже тогда постановлено определение, уже тогда был гнев Божий, чтобы, представив близость наказания, расположить к раскаянию. Сделать их лучшими, и по взятии десяти колен привести остальные два в уныние, чтобы они не сделались более беспечными, после пленения одних и избежания плена другими. "**И будет в тот день: даст знак Господь мухе, которая при устье реки Египетской**" (и будет в той день: позвиждет Господь мухам, яже владеют частию реки Египетской) (ст. 18). Видишь ли, как ненапрасно я говорил, что он, желая усилить в них страх, произносит угрозу с того же дня? Это доказывают последующие слова, которыми он увеличивает страх, представляя им войска, которые были для них весьма страшны, объясняя легкость нашествия врагов, что крайне могло тронуть их, и указывая на множество войска, что особенно поражало их ум. Все это он выразил последующими словами: "**И будет**", говорит. " **в тот день: даст знак Господь мухе**".(и будет в той день: позвиждет Господь мухам) Мухами здесь он называл египтян по их наглости и бесстыдству, потому что они, будучи постоянно прогоняемы, постоянно вновь нападали и не давали ни малейшего отдыха, но часто причиняли иудеям множество беспокойств, беспрестанно приставая к ним во время несчастья, как мухи к ранам. Их, говорит, приведет Бог. Впрочем, не сказал: приведет, а: "**даст знак**" (позвиждет), выражая легкость их нашествия и непобедимость силы Божьей, для которой достаточно одного мгновения и все совершается. Справедливо пророк угрожает им наперед такими врагами, которых нападение они уже испытали. "**И пчеле, которая в земле Ассирийской**" (у св. И. Зл. "пчел"- мн. число). В сирском и еврейском тексте, как говорят, сказано не "**пчел**", но "**осам**" (σφήχας). Так как этих врагов они еще не очень испытали, то сравнением с таким насекомым пророк внушает им великий страх, выражая названием этого насекомого их силу, стремительность, мстительность, тяжесть ран, скорость прибытия, трудность остеречься от них. "**И прилетят и усядутся все они по долинам опустелым и по расселинам скал, и по всем колючим кустарникам, и по всем деревам**" (и придут вси и почиют в дебрех страны. И в пещерах каменных, и в вертепах, и во всякой разселине, и во всяком древе) (ст. 19). Сказав, как те народы страшны и как войско их быстро, он говорит теперь и об их множестве. Не сказал: ополчатся, но: "**усядутся**" (почиют), как бы не в неприятельскую страну прибыв, но наслаждаясь в собственной, и как бы не на утомление и труды приготовившись, но выступая на явную победу и собирая готовую добычу. Потому он говорит: "**прилетят и усядутся**" (придут и почиют), что свойственно тем, которые победили, воздвигли трофей и после многих подвигов и убийств отдыхают. Они будут отдыхать не только на полях, но, по бесчисленному множеству их, страна недостаточна будет для помещения тел их, и потому телами иноплеменников покроют пропасти, и скалы, и горы, и леса, и все. Если бы они были не так сильны и не так быстры, то многочисленности их достаточно было бы для поражения иудеев; но когда соединяется и то и другое, и такая многочисленность и такая сила, и, – что всего тяжелее, – когда гнев Божий предводительствует ими, – тогда какая остается надежда на спасение? Впрочем выражение: "**по всем колючим кустарникам, и по всем деревам**" (во всякой разселине, и во всяком древе), сказано преувеличено. Конечно, не на деревьях они будут отдыхать, но здесь, как я сказал, пророк допускает и преувеличение. И вместе продолжает сравнение с осами.

"**В тот день обреет Господь бритвою, нанятою**" (ст. 20). Внушив сильный страх войсками неприятелей, пророк еще более усиливает его, обращаясь к небу, и показывая, что не какие-нибудь иноплеменники, египтяне и персы, но Бог вдет войну против иудеев. "**Бритвою**" здесь он называет невыносимый гнев Божий, против которого никто не может устоять, который легко настигает и истребляет. Как волосы на теле не могут устоять против острия бритвы, но тотчас уступают и падают, так точно, говорит он, и дела иудейские не могут устоять против гнева Божьего.

9. Таким образом "**бритва нанятая**" показывает нам сильный, полный гнев Божий, окончательное определение Его. А выражение: "**по ту сторону реки, царем Ассирийским**" значит: по ту сторону Евфрата, – потому что Иудея и вся Палестина от Персии лежала по другую сторону этой реки. Все это, говорит пророк, Господь совершенное "**отнимет**". А называя голову, волосы, бороду и ноги, Он называет всю страну в форме сравнения с телом, обнимая словом всю их страну, как он говорил и в начале: "**вся голова в язвах, и все сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет у него здорового места**" (Иса. 1:5, 6), разумея не одного человека, но сравнивая всю страну с одним телом. То же он говорит и здесь, т.е. что вся земля подвергнется тяжкому наказанию. Одно он выразил "**бритвой**", а другое подобием тела, объясняя, что угрожающее определение Божье, тяжелее всякой бритвы, истребит и людей и произведения земли, и оставит ее обнаженной и пустынной. Далее он изображает это запустение другим сравнением, и делает это для того, чтобы в них страх остался всегда живым, и скорбь не ослабела от продолжительности речи. Людям невнимательным кажется, что следующие слова содержат обещание некоторых благ; но обстоятельно вникающие знают, что в них изображается великое запустение. В самом деле, что он говорит? "**И будет в тот день: кто будет содержать корову и двух овец, по изобилию молока, которое они дадут, будет есть масло; маслом и медом будут питаться все, оставшиеся в этой земле**" (ст. 21, 22). Здесь. Как я выше сказал, изображается великое запустение. Земля, производящая пшеницу и ячмень, будучи лишена людей. представит обильное пастбище для овец, и столь обильное, что по избытку корма даже две овцы и одна телка будут в состоянии доставить владельцу их источники молока. Таким образом, избыток корма для бессловесных служит величайшим доказательством недостатка людей. То же означает и мед: пчелы обыкновенно любят обитать в пустынях, где они находят обильную пищу где никто не беспокоит их. А чтобы ты убедился, что здесь изображается великое запустение, служат дальнейшие слова. "**И будет в тот день**[11]**: на всяком месте, где росла тысяча виноградных лоз на тысячу сребренников, будет терновник и колючий кустарник.**

Со стрелами и луками будут ходить туда, ибо вся земля будет терновником и колючим кустарником" (ст. 23. 24). И это служит знаком великого бедствия, что не только горы и леса, но и пахотная и тщательно обрабатываемая земля приносит тернии. Пророк не напрасно означил цену винограда, но чтобы показать и свойство земли, и великое прилежание земледельцев. Между тем и эту землю, говорит, столь плодородную и обработанную руками землевладельцев, Бог обратит в такую пустыню, что она будет производить тернии вместо винограда и внушать такой страх проходящим, что никто не посмеет вступать на нее обнаженным и безоружным. Это он говорит желая показать и пустынность места, и множество живущих там зверей. Потрясши таким образом ум слушателей и произведши в них сильный страх, пророк опять несколько смягчает речь, прибавляя и приятное, и перемену к лучшему, чтобы они и из того и из другого познали силу Божью. Но на страшном он останавливается долго, а приятное, сказав, тотчас оставляет. Почему? Потому, что они тогда особенно нуждались во врачесте угрозы; поэтому-то, изложив ее пространно, он потом, желая дать им некоторый отдых и таким образом опять призвать к добродетели, прибавляет и приятное: "и всяка", говорит, "гора

оремая возорется" (ст. 25). Как во время гнева Божьего и плодородная земля сделается пустынею, так наоборот, по умилостивлении Его, и грубая покажет свойства земли тучной, приняв плуг и семена. А когда это свершится тогда будет и все, следующее отсюда, – мир и безопасность, уверенность и безбоязненность, как было прежде. "**Не пойдешь, боясь терновника и колючего кустарника: туда будут выгонять волов, и мелкий скот будет топтать их**" (не найдет, говорит, тамо страх: будет от лядины и от терния в паству овцам и в попрание волу). Этим он опять указывает на благополучие, как и далее он говорит: блажен сеющий[12] "**при всех водах и посылающие туда вола и осла**" (при всякой воде, идеже вол и осел попирает) (Иса. 32:20). Как тогда, когда он желает изобразить запустение, он представляет в речи своей "сиринов" и "онокентавров" (Иса. 13: 21, 22), так тогда, когда желает изобразить мир и безопасность, всегда представляет животных кротких, ручных и содействующих нам в земледелии, выражая через них то, что от них происходит, – возделывание земли и прочее их служение.

---

[1] Св. И. Зл. читает: έκβληθήσονται έξω="**извержены будут**" (изгнани будут вон), но во всех греч. сп. пер. LXX читается: έκβλ είς τό σχότος τό έξώτερον="**извержены будут во тьму внешнюю**" (изгнани будут во тму кромешнюю).

[2] Οτι="**как**" (яко), тогда как выше, согласно с греч. сп. пер LXX, употреблено: λεγόντων, "**сказано**" (глаголя) (ват. λέγων).

[3] Μηδέ φοβηθής="ниже убойся" читается здесь только у св. И. Злат., в друг. греч. сп. отсутствует (ср. ц.-сл.).

[4] καί τό Ιασούβ αύτών λήφη. В славянском: "и еликих аще требует, увеси".

[5] Слова: Έφραϊμ καί ό ύιός τοϋ Ρωμελίου отсутствуют в ал. код., а потому не перев. и в ц.-сл.

[6] Καί κακώσομεν άυτήν="злобим ю" читаются только у св. И. Зл., но отсутствуют в друг. греч. сп.

[7] После слова συλλαλήσαντες="собеседовавше", в ват. код. стоит αυτοίς=в ц.-сл. "с ними" не читаемое св. И. Зл. здесь, но читаемое ниже.

[8] Καλεσουσι. В славянском: "наречеши". Ср. Матф. 1:23.

[9] Здесь св. И. Зл. употребляет выражение έξει, как в ал. код., а выше – λήφετοι, как в ват. В. ев. Мф. 2:23, применительно к которому св. И. Зл. приводит эти слова, читается έξει.

[10] Πρίν ή γνώναι αύτόν ή προελέσθαι πονηρά, έχλέξεται τό άγαθόν, но в ц.-сл.: " **доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе**" (ср. т. Компл. полигл. πρίν ή γνώνι αύτόν προελέσθαι πονηρά, ή έχλέξασθαι τό άγαθόν).

[11] Следующие далее в греч. сп. слова: πάς τόπος, "всяко место" у св. И. Зл. не читаются.

[12] В ц.-сл., согласно алекс. и ват. код.: "блажени сеющи".

ГЛАВА 8

"И сказал мне Господь: возьми себе большой свиток[1] и начертай на нем человеческим письмом: Магер-шелал-хаш-баз. И я взял себе верных свидетелей: Урию священника и Захарию, сына Варахиина. И приступил я к пророчице, и она зачала и родила сына. И сказал мне Господь: нареки ему имя: Магер-шелал-хаш-баз. Ибо прежде нежели дитя будет уметь выговорить: отец мой, мать моя, – богатства Дамаска и добычи Самарийские понесут перед царем Ассирийским" (И рече Госполь ко мне: прими себе свиток книжный нов велик, и напиши в нем писалом человечим, еже скоро пленение сотворити корыстей, приспе бо; и свидетели Мне сотвори, верны человеки, Урию иереа, и Захарию сына Варахина. И приступих ко пророчице, и во чреве зачат, и роди сына. И рече Господь мне: нарцы имя ему: скоро плени, нагло расхити. Зане прежде неже разумети отрочати назвати отча или матерь, примет силу Дамаскову и корысти Самарийския пред царем Ассирийским) (Ис. 8:1–4).

1. Эти два повеления буквально, по видимому, различны и не имеют между собой ничего общего; но кто тщательно вникнет в силу мыслей, тот увидит, что они весьма сродни и имеют одну цель. Впрочем, наперед нужно сказать, для чего пророчества введены в человеческую жизнь. Итак, нужно сказать: для чего введены они? Бог обыкновенно отсрочивает и медлит наказывать грешников, между тем как бывает скор и быстр на благодеяния добродетельным. Это, т.е. то, что наказание следует не непосредственно на преступлениями, людей более беспечных располагает к падению. Потому Бог, чтобы показать Свое долготерпение и чтобы люди не сделались от этого более беспечными, употребляет врачество пророчества, научая грешников не самыми наказаниями, но до времени только предсказанием о них, чтобы они в случае, если, выслушав угрозы, сделаются лучшими, – отклонили от себя действительное наказание; а если останутся бесчувственными, то Он подвергнет их наказанию. Дьявол же, видя это и понимая, сколь великая происходит отсюда польза, посылал лжепророков, которые говорили против пророков, угрожавших голодом, язвами, войнами, нашествием иноплеменников, и возвещали благоприятное. Как Бог страшными словами хотел отклонить наказание на самом деле, так дьявол производил противное: благоприятными словами расслабляя и делая людей беспечными, он делал необходимым наказание на самом деле. Потом, когда веровавшие лжепророкам и нисколько не радевшие о добродетели, но оставшиеся при своих грехах, навлекали на себя наказание, и конец дела показывал истинность пророков и обличал лживость лжепророков, дьявол опять употреблял другое средство для погибели предающихся ему. Он убеждал людей легко обольщаемых, что случившиеся бедствия произошли от гнева бесов, которых они пренебрегали и презирали. Потому и Бог для уничтожения такого обмана предвозвещает людям за много лет прежде то, что случится впоследствии, особенно же имеющие быть бедствия, чтобы обольщающие их не могли приписать случившегося гневу бесов. А что я говорю это не по догадкам, послушай Исайю, который говорил: "**веем, яко жесток еси, и жила железна выя твоя, и чело твое медяно. И возвестих ти, яже древле, да не когда речеши, яко идоли мне сия сотвориша**[2]**, и изваянная и слиянная** сотвориша[3] **мне. Ниже разумел еси**, ниже слышана быша тебе[4]" (Ис. 48:4–8). Так как они, – как я сказал и как можно видеть из приведенного свидетельства, – приписывали бедствия бесам, то пророчество предварительно разрушает этот обман, предсказывая о них за много лет. Но так как и после того неблагодарные могли сказать: вы не предсказывали, мы прежде не слыхали, вы теперь выдумали это после событий, вы не знали будущего, откуда видно, что об этом уже было сказано? – то смотри, как ясно и неопровержимо Бог обличает их, заграждая бесстыдные уста. Он не только позволяет пророку сказать, но повелевает и написать сказанное на свитке, и не просто написать, – чтобы те не могли сказать, будто пророк выдумал это после событий, – но призвать и свидетелей письмен и мужей достоверных

как по званию своему, так и по образу жизни. "**И я взял себе** ", говорит, "**верных свидетелей: Урию священника и Захарию, сына Варахиина**" (и свидетели, говорит, Мне сотвори, верны человеки, Урию иереа, и Захарию сына Варахина), чтобы когда это исполнится и станут говорить, что об этом не было сказано за много лет, представленный свиток и присутствующие свидетели заградили уста бесстыдных. Потому он и говорит: "прими свиток нов", чтобы он по ветхости не погиб, но чтобы оставался на долгое время и своими письменами обличал их. "**И начертай … человеческим письмом**", т.е. тростью, то, что имеет случиться. Что же имело случиться? Война, победа иноплеменников, взятие в плен, расхищение добычи. Все это говорит, ты напиши. "**Магер-шелал-хаш-баз**" (еже скоро пленение сотворити корыстей, приспе бо). Что значит: "приспе бо? " Это слово выражает две следующие мысли: ту, что важность грехов их тогда уже требовала наказания и наказание уже было при дверях, но Бог медлил, желая Своим долготерпением исправить их и отклонить наказание, – и ту, что для Него легко и удобно употребить только мановение и все привести в исполнение. Так как речь шла об иноплеменниках, имевших сделать нападение, то он говорит: не думайте, что отдаленность пути и многочисленность войска могут сколько-нибудь замедлить дело, как это обыкновенно бывает у людей.

2. Находящийся вдали стоит перед Богом. Потому для Бога легко и удобно в один миг и в одно мгновение времени тотчас привести и представить врагов с крайних пределов земли, хотя бы эти враги и были многочисленными. "**И я взял себе верных свидетелей: Урию священника и Захарию, сына Варахиина**" (и свидетели Мне сотвори, верны человеки, Урию иереа, и Захарию сына Варахина). Свидетели чего? Времени, так что если письмена будут подвергаться порицанию, то живые люди, присутствовавшие тогда, когда это было писано, и ясно знавшие время, когда это было сказано, могли бы заградить уста решающимся бесстыдствовать. Такого же содержания и дальнейшие слова, производящие яснейшее обличение. Как и каким образом? Выслушаем сами слова. Приступил. Говорит пророк, "**к пророчице**". Так он назвал свою жену, может быть, потому что и она была удостоена пророческого Духа. Благодатные дары простирались не на мужей только, но нисходили и на женский пол. В делах духовных бывает не так, как в житейских нуждах, в которых роды занятий разделены, и одни из них принадлежат мужчинам, а другие женщинам, так что не могут переменяться между собой: в делах духовных – равные подвиги и общие венцы. Это с ясностью можно видеть и в новом завете и во всей человеческой жизни. Итак, совокупившись с женой по закону брака, пророк сделал ее беременной, и когда родился младенец, нарек ему имя новое и необыкновенное, содержащее в себе историю будущих событий. Что именно сказал Господь? "**Нареки ему имя: Магер-шелал-хаш-баз. (**нарцы имя ему: скоро плени, нагло расхити), чтобы, если не поверят письменам, заключающимся в свитке, то название младенца, содержащее в себе историю будущих событий, данное прежде их исполнения и постоянно повторяемое во всякое время, заградило уста самых бесстыжих. В том, что пророк не выдумал это после исполнения событий, но предвидел их свыше, могли убедиться даже самые неблагодарные противники, видя самого младенца, получившего еще прежде исполнения событий такое название, которое предвозвещало будущие бедствия. Потому он и объясняет силу пророчества и с точностью определяет время в следующих словах: "**Ибо прежде нежели дитя будет уметь выговорить: отец мой, мать моя, – богатства Дамаска и добычи Самарийские понесут перед царем Ассирийским**" (Зане прежде неже разумети отрочати назвати отча или матерь, примет силу Дамаскову и корысти Самарийския пред царем Ассирийским). Смысл этих слов следующий: во время его незрелого возраста, когда он еще не в состоянии говорить, совершатся дела победы и трофеев, не в том смысле, будто сам младенец сможет вступить в бой и поразить неприятелей, но в том, что в течение этого возраста, т.е. прежде, нежели младенец станет говорить, все будет предано врагам. "**И продолжал Господь говорить ко мне и сказал**

еще[5]**: за то, что этот народ пренебрегает водами Силоама, текущими тихо, и восхищается Рецином и сыном Ремалиины м, наведет на него Господь воды реки бурные и большие – царя Ассирийского**" (ст. 5–7). Как обычно у Бога, – что Он не только предсказывает наказания, но излагает и причины их, чтобы и этим вразумить слушателей, – так Он поступает и здесь. Сказав о разграблении земли иноплеменниками и о добыче и предсказав о нашествии врагов, он приводит и причину войны. Какая же это причина? Неблагодарность жителей города. Так как они, говорит, имея царя приветливого, кроткого и тихого, отложились от него и пожелали притеснителей и решились перейти под чуждую власть, не соблюдая собственного благополучия, то Я исполню их желание с великим избытком, приведши к ним человека грубого и жестокого. Он употребляет переносные выражения для означения как нрава туземного царя, так и силы иноплеменника, и делает это для того, как я всегда говорил, чтобы придать словам своим больше выразительности. Потому он и говорит: "**пренебрегает водами Силоама**", разумея не воду, но так как этот источник течет медленно и тихо, то Он сравнивает с тихим течением воды тихий и кроткий нрав тогдашнего царя, и называет его Силоамом по его незлобию и кротости. А это служит величайшим обвинением для подвластных, что они, находясь под игом не тяжким, домогались новизны и хотели предаться царям чуждым. Так как они, говорит, не хотят царя кроткого и тихого, но желают Рецина и сына Ремалиинаго, то я наведу на них царя вавилонского; и стремительное нападение войска его называет водой реки "**бурной и большой**".

3. Потом, объясняя переносное выражение, пророк говорит: "**царя Ассирийского**". Видишь ли, как несомненным оказывается сделанное нами прежде замечание, что при переносных выражениях Писание обыкновенно объясняет само себя? Так точно он поступает и здесь. Сказав о реке он не остановился на этом переносном выражении, но сказал, о какой реке он говорит, именно: "**царя Ассирийского со всею**[6] **славою его; и поднимется она во всех протоках своих и выступит из всех берегов своих; и пойдет по Иудее, наводнит ее и высоко поднимется – дойдет до шеи; и распростертие крыльев ее будет во всю широту земли Твоей...**" (царя Ассирийска и всю славу его. И взыдет на всяку дебрь вашу, и обыдет всяку стену вашу, и отимет от иудеи человека, иже возможет главу воздвигнути, или могущаго что совершити: и будет полк его, во еже наполнити ширину страны твоея) (ст. 7, 8). Желая показать, что не человеческой силой, но Божьим гневом совершится сказанное, пророк описывает царя ассирийского не врагом, нападающим войной, но идущим как бы на готовую добычу. Он не остановится, говорит, и не будет ополчаться, но множеством людей покроет лицо земли и займет ее легко. Впрочем, и в этом гневе много человеколюбия. Пророк не угрожает разрушением города их, но предсказывает некоторый плен и отведение, желая наказанием отведенных сделать оставшихся более благоразумными. "И отимет," говорит, "от иудеи человека, иже возможет главу воздвигнути", т.е. людей, имеющих власть, руководящих и управляющих всем, развращающих народ, Он сделает пленниками и рабами, так что низшие тогда несколько отдохнут, и как от страшной участи отведенных, так и от безопасности собственной свободы, сделаются лучшими. Потому и говорит: "могущаго что совершити", т.е. сильного, имеющего возможность действовать, могущего сделать что-нибудь. И еще прежде отведения, говорит, иноплеменник самым видом своим достаточно поразит вас, наполнив всю землю телами неприятелей. Потому и прибавляет: " **и распростертие крыльев ее будет во всю широту земли Твоей... Враждуйте, народы, но трепещите, и внимайте, все отдаленные земли! Вооружайтесь, но трепещите; вооружайтесь, но трепещите! Замышляйте замыслы, но они рушатся; говорите слово, но оно не состоится: ибо с нами Бог!**" (и будет полк его, во еже наполнити ширину страны твоея. С нами Бог. Разумейте языцы, и покаряйтеся, услышите даже до последних земли, могущие покаряйтеся: аще бо паки возможете, паки побеждени будете. И иже аще совет совещаете, разорит Господь, и слово, еже аще возглаголете, не пребудет в вас, яко с нами Бог) (ст. 9.

10). Здесь, мне кажется, пророк предсказывает победу Езекии, этот славный трофей, и причину победы. Хотя у врагов, говорит, и оружие, и бесчисленное войско, и воинская опытность, но с нами помощь сильнее всего, т.е. Бог. И действительно, иноплеменник пришел, как пророк угрожал прежде, и, взяв многие города, удалился; но когда он после того сделал нападение, то испытал противное. Это и предсказывает пророк, возвещая и Виновника победы и обращая речь к самим иноплеменникам. Не надейтесь, говорит, на свою прежнюю победу; при настоящем нападении нам явилась великая помощь; узнайте же это и отступите, как покушающиеся на невозможное. Далее, указывая на Виновника этой победы и на то, что слава о таких делах распространяется на крайних пределов земли, говорит: "услышите даже до последних земли". И действительно, не было никого, кто не слыхал бы о тогдашних событиях в Иерусалиме. Потому он говорит: " услышите даже до последних земли, могущие покаряйтеся". Этот иноплеменник тогда приобрел весьма большую славу своим могуществом. Впрочем, "могущими" он называет здесь не только крепких телесной силой, но и отличающихся обилием богатства и великолепием славы. "Аще бо паки возможете, паки побеждени будете. И иже аще совет совещаете, разорит Господь, и слово, еже аще возглаголете, не пребудет в вас, яко с нами Бог". Так как замыслы их были порочны, и они надеялись разрушить сам город до основания, и таким образом возвратиться домой, то пророк обнаруживает замыслы их и говорит, что все это ограничится только словами. Далее, так как он возвещал о делах, превышающих природу человеческую, то, желая сделать слова свои достоверными, он постоянно обращается к достоинству Совершающего их и говорит: "**ибо с нами Бог**"; Он сам разрушит все эти козни; Ему слава…

---

[1] χάρτου, опущенное в ват. т. и комплют. полигл., потому оставл. без перев. и в ц.-сл.

[2] Следующ. далее в греч. сп. слов: χαί μή είπης= "и не рцы" св. И. Зл. не читал.

[3] Вместо έποίησεν, в ал. и ват. код. читается ένετείλατο, почему в ц.-сл.: "заповедаша"

[4] Слова: ούτε άχουστά σοι έγένετο не читаются в греч. сп., а потому не перевед. и в ц.-сл.

[5] По ц.-сл. далее следует слово: "глаголя" = λέγων, согласно с комплют. полигл. и нек. гр. сп.

[6] Слово πάσαν = "**всю**", в ал. код. и ват. т. не читается, потому не перев. и в ц.-сл.

ГЛАВА 8[1]

Ст. 11. 12. "**Так говорил … Господь**" не покоряющимся крепости руки (Его): т.е. неверующим иудеям, не повиновавшимся Его законам. Путем людей сих не глаголете, да не когда речете ложная или хульная или жестокая: "все бо, еже рекут людие сии, жестоко есть", – или, как выражается другой переводчик, Симмах, восстание (άνταρσις), – т.е.: разве словами только приводится к концу спор? Подобным образом говорил иноплеменник: "еда советом и словесы устными битва бывает?" (Ис. 36:5). Не обращайтесь к ним со словами угрозы, чтобы они не думали, что в состоянии совершить что-либо, так как говорить гневно свойственно иноплеменникам. "Страха же их не убойтеся". Я запрещаю вам угрожать им не потому, что вам должно бояться их; не произнося угрожающих слов, вы однако не бойтесь их, "ниже возмятитеся".

13. "**Господа … чтите свято, и Он – страх ваш**" (Господа, того святите, и той будет вам в страх). Что же значит: "**Господа … чтите свято**"? (Господа, того освятите) (Святить Господа) значит иметь надежду только на Него, прославлять Его, главным образом славиться Им, бояться Его, чтобы, воздавая Ему честь, не бояться других. "**И будет Он освящением и камнем преткновения, и скалою соблазна**". И аще будеши уповая на Него, будет тебе во освящение, и не якоже о камень претыкания преткнется, ниже яко о камень падения): нелегко могут подвергнуть вас скорби грядущие события.

14.15. "**Домов Израиля, петлею и сетью для жителей Иерусалима**" (Домове же Иаковли в пругле, и в раздолии сидящий во Иерусалиме). Этими словами он пророчествует об устроителях осады, которые намерены были окружить их. "Сего ради изнемогут" в нем "мнози, и падут" и к сокрушению "приближатся", и мужи в рабство ведени будут; в рабство же они будут отведены потому, что взяли внешние города. Не думайте, говорит, что все спасутся, так как, если есть что-либо лучшее в городе, то не по причине храма, а по причине жителей. А для того, чтобы кто-либо не подумал, что гибель или спасение будут общими, он прибавляет следующие слова:

16. "Тогда," говорит, "явлени будут" печатлеющиися, "еже не учитися" закону, – т.е. обнаружатся восстающие против законов: как в (вавилонской) печи опалило тех, которые находились вне ее, а тем, которые находились внутри, не причинило вреда, то же самое произойдет и там.

17. "**Итак я надеюсь на Господа, сокрывшего лице Свое от дома Иаковлева, и уповаю на Него**" (И речеши: пожду Бога, отвращшаго лице Свое от дома Иаковля, и уповая буду нань). Что ты говоришь? Ты будешь ждать Того, Кто других отвел в плен? Конечно, говорит, Его, и говорит правильно, чтобы и другие научились терпению, иначе и они будут подвержены тому же наказанию. Это именно слово учит их терпению в скорбях, чтобы они стали разумнее. "Пожду", говорит, терпеливо Того, Кто сокрушил меня и подверг меня наказаниям. Ведь когда мы находимся в ссоре с отцом или матерью, мы не ищем другого отца и другой матери, но стараемся примириться с ними же; тем больше, когда Бог прогневается на нас, нам должно стремиться к Тому, Кто прогневался, а не к тому, кто не гневался. Именно, когда Он гневается, тогда Он бывает более милостивым к тебе: если удары от друзей лучше, нежели ласки от врагов, – то насколько лучше вразумление от Бога? "**Искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего**" (Причт. 27:6). Выслушай, что говорил Давид "**возврати ковчег Божий в город. Если я обрету милость пред очами Господа, то Он возвратит меня и даст мне видеть его…**" И аще не восхощет мя, "**то вот я; пусть творит со мною, что Ему благоугодно**" (2 Цар. 15:25–26). Не будем, говорит, полагать для него законов, и спрашивать у Него основания относительно того, что происходит с нами; но только одно должно нам делать, – когда Он нас вразумляет, принимать вразумление с благодарностью.

18. "**Вот я,**" говорит, "**и дети**" мои, "**которых дал мне Господь**", а не природа: если Он их дал, Он и сохранит. И не только, говорит, "**вот я**", но вместе с детьми "**вот я**", – как говорил Давид: "**вот я; пусть творит со мною, что Ему благоугодно**" (2 Цар. 15:26). Подобным ему был и этот раб Господа, который предал Ему себя и говорил: вот я здесь; мое ли это? Богу свойственно ограждать тех, которых Он дал мне; и вот, я себя самого и тех, которых Он дал мне, приношу Ему же. И мы в несчастьях будем говорить так, как говорил Иов: "**Господь дал, Господь и взял**" (Иов. 1:21). Постигнут ли бедствия или что-либо иное, – он, доказывая свое повиновение Богу, говорит: "**Вот я и дети, которых дал мне Господь**".

И абие "будут **указания и предзнаменования в Израиле от Господа Саваофа, живущего на горе Сионе**". Правильно сказано: " **от Господа Саваофа**"; но почему: "**живущего на горе Сионе**"? – Чтобы открыть вещи, имеющие быть, и представить указание на помощь. " **Вот я и дети** мои, и будут **указания и предзнаменования**" **(**Се аз и дети мои, и будут знамения и чудеса). Видишь ли, каков плод терпения? "И будут," говорит, "**указания и предзнаменования**". Он предсказывает не только спасение, но и свою славу. Как хозяин, видя своего раба охотно принимающим удары и наказание, оставляет свой гнев, так – и Бог. Сам Господь Саваоф сошел и обитает на горе Сион; и твоя неправедность служит причиной, почему Он не помогает (тебе): ведь если бы Он не желал помогать тебе, Он не обитал бы на этой горе. Пророки не только предсказывают, но и объясняют мысли сказанного, а также и Того, Кто говорил (чрез них): Бог не принуждает, но желает, чтобы люди умилостивили гнев Его добровольно.

19. "**И когда скажут вам: обратитесь к вызывателям умерших и к чародеям, к шептунам и чревовещателям, -- тогда отвечайте: не должен ли народ обращаться к своему Богу? Спрашивают ли мертвых о живых?**" (И аще рекут к вам: изыщите чревоволшебников, и от земли возглашающих, тщесловующих, иже от чрева глашают, не язык ли к Богу своему взыщет? Что испытуют мертвыя о живых?) Добровольно не решайтесь прибегать к гадателям, но если бы вас привлекали к тому другие, и тогда не соглашайтесь. Когда возникала война или постигало какое-либо бедствие, был обычай спрашивать у гадателей о будущем. Человеческая природа всегда желает, ищет и употребляет тщательные усилия знать невидимое, особенно желает наперед знать о своих несчастьях, чтобы вследствие неожиданности не впасть в замешательство. Итак, выслушай, что он говорит: Я, говорит, наперед предсказал вам имеющие быть знамения и чудеса, чтобы вы не нуждались в других предсказаниях, хотя бы вас привлекали и обманывали. Поэтому, если вы будете внимать совету других, то вы будете недостойны расположения и милости Божьей, вы, приготовляющие для самих себя бедствия.

Какое утешение получишь ты, о, человек, от заклинателей, когда постигнут бедствия? Если ради потерянного богатства ты тратишь еще другие деньги, вопрошая прорицателей, то что пользы тебе, если найдешь блага? Вместе с богатством ты будешь отведен в рабство, погубишь и душу свою, и никто не поможет тебе. Но должно сказать, что такое гадатель: это – злой демон, который говорит из чрева женщин, и этим странным действием старается ложное сделать достоверным; говорит же он не естественным образом, а из живота, и этим людей невежественных повергает в изумление, показывая, что он говорит истину, и что искусство "от земли возглашающих и от чрева тщесловующих" достоверно. Акила называет их авгурами и издающими голос; Симмах – предсказателями, которые шепчут и шипят; Феодотион – писклявыми вещунами, т.е. подобными цыплятам. А мне кажется, что здесь означается также некромантия, и что этим странным голосом дьявол повергает людей в изумление, как объясняли и другие переводчики. Демоны обыкновенно щебечут и издают голос птиц, – что LXX толковников назвали "тщесловием" (κενολογία), – чтобы отовсюду необычными кликами утверждать ложь. Хотя демон владеет искусством убеждать (людей), что он может вызывать души умерших, но мы утверждаем, что душа, по выходе их тела, вступает в некоторое жилище и пребывает там, – выйти оттуда она не может. Демон старается показать, что она не только обитает в костях (умерших людей), но ходит туда и сюда, блуждая понапрасну, что она не подчинена какой-либо власти, ни даже божественному промышлению, и не будет подвержена какому-либо наказанию за содеянные преступления. Таким образом он делает то, что многие верят, будто после смерти души постоянно блуждают. Но это – басни детей и старух, и остерегайтесь верить им, когда вас привлекают такими вымыслами. Волшебница (аэндорская) некогда, по Божьему дозволению, показала Саулу Самуила для того, чтобы изобразить ему воскресение, хотя это не было воскресением, и чтобы на

основании этого он веровал, что Бог есть Владыка живых и мертвых. Хотя виденный им не был Самуилом, однако он не осмелился отвратить его от Бога.

Но якоже "языцы, иже к Богу своему взыщут". Те, которые так говорят или делают, далеки от Бога, подобно тому, как и Саул, который был наказан. Отступив от Бога, он вопрошал прорицательницу, и это ему не принесло никакой пользы, но он был подвержен тягчайшему наказанию: раньше (назначенного) времени пришла его злая кончина. Смотри, как он осмеивает их: "**спрашивают ли**," говорит "**мертвых о живых?**" (Что испытуют мертвыя о живых?) Мертвыми он называет или демонов, или самих умерших. И этого более, чем достаточно, для открытия лжи. Если и живые ничего не знают, то тем больше следует это сказать об умерших и погребенных в земле, которые не знают даже того, что знаем мы.

20. **"[Обращайтесь] к закону и откровению. Если они не говорят, как это слово, то нет в них света**" (Закон бо в помощь даде, не якоже слово сие, заньже нелет дары даяти). Он не говорит: слово сие, но: "якоже слово сие". Часто иной, воздерживаясь от магического искусства, расположен к какому-либо иному заблуждению. И вот, закон (в одном слове) выставляет (известное) положение: не приводите никакой причины. Когда Бог нам запрещает, мы должны повиноваться и соблюдать, не произнося своего осуждения относительно того, что запрещает Бог. Хорошо сказал он: "закон в помощь даде". Соображения возбуждают, обманывают людей, в них много такого, что смущает ум, и все это приводит к печали, к скорби. Закон не довольствуется только запрещением, но также показывает, что такого рода преступления недостойны милости. Разве это – такие вины, за которые можно было бы умилостивить дарами? Это – грехи без врачевания, вины без утешения. Их, говорит, не только не должно позволять себе, но даже не должно и заводить относительно их речи. Грешно не только допускать их, но и говорить об них, – Бог желал с корнем исторгнуть их. Потому Он повелел, чтобы одна часть грехов искупалась жертвами, а другую объявил не имеющей такого врачевания. Но почему? Потому, что последние ужасны и должны быть избегаемы. Достаточно для тебя слышать, что они запрещены Богом, чтобы ты удерживал пожелание своего ума.

21. А о бедствиях он предсказывает так: "**и будут они бродить по земле, жестоко угнетенные и голодные; и во время голода будут злиться, хулить царя своего и Бога своего**" (и придет на вы жесток глад, и будет, егда взалчете, скорбни будете, и зло речете князю и отечеству), т.е. идолам. Видишь ли, почему пришел голод? Он вполне предсказывает и желает показать, что идолы суть зло и бессильны: те, которые не смогут прекратить голода, каким образом задержат войну совне? "**И во время голода будут злиться, хулить царя своего и Бога своего**" (и будет, егда взалчете, скорбни будете, и зло речете князю и отечеству). Видишь ли вместе с бессилием и обвинение идолов? Они не могли предотвратить и хулы относительно самих себя, и – голода.

22. "**И взглянут вверх, и посмотрят на землю**" Видишь ли, каким образом они хулили Бога? А они терзались и мучились от угрызений совести. "**И посмотрят,**" говорит, "**на землю**", так что, вследствие совершенных грехов, они стали несмелыми. И "се скудость, теснота," и "тма" и сокрушение, "якоже не видети". Но Акила не говорит: "якоже не видети", но нравы развращенные; другие же переводчики говорят, что они будут с открытыми очами видеть мрак, т.е. их затемненные очи лишатся способности видеть. "**Но не всегда будет мрак там, где теперь он сгустел**", т.е. эти бедствия имеют продолжаться определенный период времени, чтобы вы познали негодность идолов.

[1] Объяснение св. Иоанна Златоуста на последующие главы книги пророка Исайи начиная с 11-й ст. VIII-й гл. до LXIV-й гл. включительно, на греческом языке не сохранились, по крайней мере учеными патрологами не найдено, но сохранилось на армянском языке и было издано в Венеции в 1887 г. мекитаристами в латинском переводе. По переводу и изданию мекитариство сделан и наш перевод в этой части объяснения св. Иоанна Златоуста на книгу пророка Исайи. На полях указаны соответствующие страницы латинского перевода мекитаристов.

ГЛАВА 9

Ст. 1-2. **Прежнее время умалило землю Завулонову и землю Неффалимову; но последующее возвеличит приморский путь, Заиорданскую страну, Галилею языческую**, части Иудеи. **Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет**. Сперва, говорит, потерпи наказание; это получается дорогой ценой Иерусалима. **Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий**. Какой же это свет?

3. **Ты умножишь народ, увеличишь радость его. Он будет веселиться пред Тобою**. Так как они были беглецами, то Христос пришел в их страну, и излил на них радость, не как на виновных в преступлении и постыдных беглецов. И правильно (пророк) сказал: **Ты умножишь народ**; из числа их уверовало много язычников, которые жили вместе с ними и вблизи их и также были объяты радостью. Смотри, откуда рождается свет: на каком же основании язычники стали причастниками его? С пришествием Христа, свет родился в Вифлееме, и отсюда воссиял языкам; с самого начала все гнали Его из Иудеи, и Он, удаляясь, перешел в Египет, так что свет заблистал языкам. Но этот свет мы видим не телесными очами, а очами сердца и ума. **Народ, ходящий во тьме**. Тьмой пророк называет их первую жизнь: и так как они ходили во тьме, то я покажу тебе раны и мучения их. **Живущих в стране тени смертной**. Страной и тенью смерти он называет заблуждение идолослужения, в котором они блуждали и пали на землю. Видят **свет великий**. Нам объявлено не только о земном, что ясно открыто, но также и о небесном, т.е., что такое смерть, жизнь, зло, добро, чтобы мы не взирали на каменных и деревянных идолов, не вперяли очей своих в землю, но созерцали постигаемое умом, не исследованное и небесное. Поистине велик и дивен этот свет, который евангелист называет светом истинным (Ин.1:9), так как он учит нас истине: видимые предметы скоро разрушаются, приходят в запустение, и исчезают, напротив этот свет — велик, истинен, тверд и недвижим, показывает нам великое и истинное. **Ты умножишь народ, увеличишь радость его**. **Он будет веселиться пред Тобою.** Только Господу надлежит веселиться о спасении нас, ставших свободными: веселием он называет крест.

Он будет веселиться пред Тобою, как веселятся во время жатвы. Подобно тому, как во время жатвы радуются о полевых плодах, так и они найдут все уготованным для себя, хотя после труда и усилий. **Будет веселиться, как радуются при разделе добычи**,**—** так как они уже не будут более испытывать угнетения от неудач, но будут услаждаться лишь такими вещами, в которых нет беспокойства.

4-5. **Ибо ярмо, тяготившее его, и жезл, поражавший его, и трость притеснителя его Ты сокрушишь, как в день Мадиама.** Как тогда война не человеческой силой прекращена была, так теперь — сражение сатаны: тогда урны и факелы, теперь же и не урны и не факелы, но ввержены в пламень взаимно борющиеся демоны. Вам известно об этой войне, если же неизвестно, то я вам расскажу. **Ибо всякая обувь воина во время**

брани и одежда, обагренная кровью, будут отданы на сожжение, в пищу огню. Этими словами обозначается будущее, т.е., что они все возвратят с негодованием и отвращением.

6. **Ибо младенец родился нам — Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира.** Почему же? Потому что Родившийся разрушить и погубил их (иудеев); Своим рождением для нас Он потребил их. Хотя Павел говорит, что Он родился для них, но так как они не пожелали признать Его, то Он родился **нам,** и Младенец **нам**, и Сын **нам**. Выслушав, как пророк предсказывает о Его человеческой природе и рождении, и с начала учит, от кого Он родился, теперь пойми, кто есть Он и каково Его имя. **Владычество на раменах Его.** Этого невозможно понять относительно какого-либо другого человека (а только относительно Христа), так как Он имеет Свое начальство не от кого-либо другого, но от Себя самого и Своей природы, так как есть самодовлеющий. **И нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира.** Где теперь та и другая сторона — иудеи и еретики? Вот дар Святого Духа, делающий нас достойными того, чтобы мы удивлялись и не испытывали. Итак, должно исповедовать, что Творец не есть творение, что Он один, а не два, — Сын, т.е., Тот, Кого не желают признавать иудеи. А то, что они не пожелали получить здравие от общего врачества, указывает на их раны. Выше он говорит: **с нами Бог,** а здесь говорить: **Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира.** И воистину; **—** великого Отеческого совета, так как никто не объявил нам имени Отца, кроме Того, Кто имеет ту же самую природу и впоследствии пожелал быть Ангелом Его, — не то, что Он преобразился в ангела, но — исполнял обязанность ангела, по благости Своей, будучи Богом от Бога, по сказанному: **И Я открыл им имя Твое** (Ин.17:6,26).

Советник. Вот иное значение: так как Отец пожелал сделать язычников сонаследниками, подобными и сопричастными Сыну Своему, то смотри, какой совет держал Он с Сыном и Духом Святым, именно — возвысить нашу природу и поставить ее выше ангелов, архангелов, херувимов и серафимов. **И нарекут имя Ему: Чудный, Советник,** для того, чтобы возвысить землю и прах до неба. Но Он сам есть совет и воля: мыслил, желал, возлюбил мир, пришел и освободил его от зла.

Чудный, Советник. Это выражение не находится в переводе 70-ти (в ват. код. т. LXX эти слова не читаются, но в алекс. читаются), но находится у других переводчиков и в еврейском тексте, вместе с другими последующими словами. Потому заслуживает удивления мученик Лукиан, который хорошо извлек и сопоставил остальное, чтобы сделать для нас ясным равенство по существу Сына с Отцом, и несправедливо обвиняют его, как еретика. Но как же говорится: **Кто уразумел дух Господа, и был советником у Него и учил Его?** (Ис.40:13)? Не видишь ли ты, что выражением "кто" показывается не разделение между Отцом и Сыном, а отличие от идолов, которые называются богами? Чудно, говорит, будет имя Мое и величественно. Весьма хорошо Он говорит и в другом месте: **что ты спрашиваешь об имени моем? оно чудно** (Суд.13:18); а также: **Господи, Боже наш! как величественно имя Твое по всей земле!** (Пс.8:2). И в самом деле, как не чудно то имя, которое прогнало ложь, просветило круг земной и привлекло к Себе и к Отцу.

Бог крепкий. Различие между теми, которые не были богами, и Богом истинным состоит в главенстве. Как же вы говорите, что Он находится под властью, когда пророк называет его главным? Известно, что главный не находится под чьей-либо властью. **Князь мира, Отец вечности.** Как же Он не знал дня, когда называется: вот Сын, и вот Отец (ср. Мф.25:36)? Хотя в этом мире Он не был признан неверующими, но в конце (века) все

признают Его. Хорошо сказано: **Отец вечности,** потому что Он сотворил не только настоящее, но и будущее.

Назвав Его сперва Советником великого совета, пророк потом свободно говорит о Нем все более важное. Но чтобы ты не считал Его грозным, он говорит:

7. **Приведу мир на князи, и здравие Ему** (в русском переводе этих слов нет), т.е., во дни воплощения Его, чрез Него исцелю сочленов Его, всех верующих. **Умножению владычества Его и мира нет предела:** бесконечен мир Его, и нет ничего, что бы отняло его; почему (Христос) и говорит: **Мир оставляю вам, мир Мой даю вам** (Ин.14:27).

На престоле Давида и в царстве его. Возвратимся снова к началу этого места, и повторим эти же слова, как они выражены другими переводчиками. 70 толковников говорят: Яко отроча родися нам, и Сын дадеся нам, егоже начальство бысть на раме Его, и нарицается имя Его великого совета Ангел; приведу мир на князи и здравие Ему. И велие начальство Его, и мира Его несть предела. Акила же говорит: яко отроча родися нам, и Сын дадеся нам, и бысть мерило на хребте Его, и нарече имя Его дивен, советник, крепкий, могущий, Отец и Князь даже их, несоизмеримый, и мира Его несть более предела. А Симмах: юноша родися нам, и мир будет на раменах Его, и наречется имя Его дивность, советник, крепкий, могущий, Отец будущаго века, князь мира их; умножися наставление, и мира Твоего несть конца. Таким же образом Феодотион не сказал: нарицается, но: нарече; дивно мыслит, крепкий, могущий, Отец, Князь мира; умножити наставление и мира несть конца. Так и в еврейском тексте: наречется имя Его: дивный, советник, Бог крепкий, Отец века, князь мира, чтобы умножилась власть, и миру нет конца. Итак, ясно, что св. мученик (Лукиан) ничего не прибавил и не убавил, но собрал у евреев и других переводчиков, расположил по порядку и издал все в свет. Таким образом, перевод Лукиана (это — тот перевод, который сделан св. Лукианом-мучеником, пресвитером антиохийским, в 300 г. по Р. Хр., в царствование Диоклетиана) не должно подозревать, он даже важнее и правильнее, чем текст палестинский. Но возвратимся к начатому.

На престоле Давида и в царстве его, чтобы Ему утвердить его и укрепить его судом и правдою отныне и до века. Ревность Господа Саваофа соделает это. Так как оно постоянно разрушалось, и не по иной причине, а только по причине грехов, то Он пришел с рождением крещения, чтобы совершенно восстановить его. **Судом и правдою**: Он справедливо наблюдал его. **Отныне и до века**. Каким же образом было уставлено царство Давида? Чрез повсеместное по земному кругу почитание Родившегося от Давида, семя которого пребывает во веки веков. **Ревность Господа Саваофа соделает это**, а не добродетель, говорит, людей, которые были недостойны Его. Это нам не причиняет обиды, но открывает твердость благ. Он называет мир и спасение душ, вместе и тел, так как начало телесных болезней возникло из грехов. Потому (Христос) сказал расслабленному: **вот, ты выздоровел; не греши больше** (Ин.5:14), и в другом месте говорится: не будет у вас болезней (ср. Исх.15:26). Так как первых наказаний было недостаточно, то нужно было присоединить и другие. А то, что я говорю, означает следующее: Бог установил наказание смертью, если человек осмелится вкусить от древесного плода, и не присоединил ничего иного. Так как человек преступил заповедь, то навлек на себя наказание болезнями: он должен был умирать, хотя самая жизнь у него должна была проходить без скорби. Но так как, вследствие этого, он мог предаваться лености, то Бог присоединил также наказание болезнями, чтобы человек, вразумленный этим, помнил о добре. Таково промышление Божие, что, посредством немногих болезней, человек освобождается от многочисленных мучений. Потому Бог и угрожает иудеям многим, т.е., скорбями, болезнями, унынием и прочими бедствиями, чтобы явить

добродетель причиною всех благ. Теперь же, так как они вели худую жизнь, Он угрожает им, как наказанием, адом.

8-9. **Смерть послал Господь на Иакова, и придет на Израиля** (в русском тексте: Слово посылает Господь на Иакова, и оно нисходит на Израиля). Он послал, и она придет. Переводчики употребляют глаголь, послал, так как ничто не может прогнать то, что послано Богом. А так как это послано на его народ, то он ведет речь как бы с сожалением. **Чтобы знал весь народ, Ефрем и жители Самарии, которые с гордостью и надменным сердцем говорят**. Смотри, ничто так не огорчает Бога, как высокоумие, по гордости несносные, но вздорные слова, которые полагают надежду в вещах преходящих, как в весьма твердых.

10. **Кирпичи пали**, говорит, **построим из тесаного камня**. О, человек! Ты постоянно слушаешь о будущих войнах, об имеющих постигнуть твое государство бедствиях, и однако доселе презираешь эти слова, и заботишься о хороших постройках. О, безумие, неопытность, гордость! Бог угрожает, ты презираешь? И хотя бы Бог не угрожал, тебя должен был бы убедить в этом самый предмет. Если ничто иное, то жизнь иудеев не менее пророков могла убедить их в пророческом значении этих слов. Но, может быть, вы думаете, потому вас и не постигнет наказание, что вы сделаете хорошие постройки? Это — слова крайне неверующих, погрузившихся в неведение Бога: не веруя изречениям пророков, они до того ожесточились, что намеревались строить долговечные здания. И ныне, о, человек, для кого ты созидаешь долговечные здания? В скором времени ты удалишься из этого мира: сегодня или завтра разрешится твое тело, — чьи же будут, сделанные тобою, крепкие здания? О, как велико такое безумие! Но, скажешь, я забочусь о существовании сыновей и родственников. Гораздо лучше домов и зданий были те заповеди, которые дал Ионадав Рехавитянин своим сыновьям: **и домов не стройте** (Иерем.35:7); ты же, напротив, если бы имел возможность, возбуждал бы их к большим бедствиям: к тому теперь ты и стремишься, привязывая таким образом и их к преходящему миру.

Созиждем себе столб (в русском переводе этих слов нет): не говорят — "детям или потомкам", но **"себе";** пророк, говорят, — сумасшедший, и не знает, что говорит. Созидают же они башни не затем, чтобы в них жить, а ради славы и хвастовства. Видишь ли, как они, по своей гордости, оскорбляли Бога? Впрочем, говорит, не ради только этого, но и ради народа еврейского, Я подвергну их наказанию.

11-12. **И воздвигнет Господь против него врагов Рецина, и неприятелей его вооружит: Сириян с востока, а Филистимлян с запада; и будут они пожирать Израиля полным ртом. При всем этом не отвратится гнев Его, и рука Его еще простерта.** Благодеяния должны принести пользу. Смотри, как Бог вразумляет нас страхом наказаний. Сперва Он пророчество-вал о вавилонянах, потом о сирийцах и западных греках. Мне кажется, этим Он желал показать некоторое благо, т.е., что слава Его явится на всем земном круге, а в особенности среди вавилонян, которые в то время владели многими странами, дабы они не присвояли себе победы, но понимали, что Бог дал им власть угнетать многие народы и эллинов **от запада солнца.** Но почему? Потому что они **будут они пожирать Израиля полным ртом.** Видишь ли, что он и сам наконец ищет от них защиты? **При всем этом не отвратится гнев Его, и рука Его еще простерта.** Эти слова значат или то, что они, выслушав столько угроз, не стали однако добрыми, или то, что Бог не доведет до такого предела наказания; как видно из последующих слов, речь идет о народе.

13. **Но народ не обращается к Биющему его, и к Господу Саваофу не прибегает.** Видишь ли, что Он сказал все это ради того, чтобы народ не быль уязвлен, тем не менее последний не обратился? Все эти слова пророка имеют значение, подобное тому, как если бы кто-нибудь сказал: было испытано все и не было никакой пользы, пока не был ранен.

14-15. **И отсечет Господь у Израиля голову и хвост, пальму и трость, в один день** (ц. сл.: И отъят Господь от Иерусалима главу и ошиб, велика и мала, во един день). Другие же переводчики не говорят: **велика и мала,** но: сеявшего раздоры**,** соблазнявшего и затруднявшего свободу. Он не говорит: голову и ноги, но, как бы шла речь о неразумных зверях, голову и хвост; так как народ был подобен змеям, то Он сокрушил голову, корень всякого зла, и отсек хвост, чтобы он больше не мог двигаться. **В один день:** верно он показал, что эти наказания были ниспосланы Богом.

Потом он обращает речь к тем, которые подвержены были заклятию: **старец и знатный, — это голова,** которые, по лицеприятию, худо творили суд. **А пророк-лжеучитель есть хвост.** Почему же он назвал лжепророка хвостом, хотя он кажется их главой? Потому что лжепророки побуждали их ко злу и не допускали исправиться. Отсюда мы научаемся, что большего наказания достойны не творящие зло, а побуждающее их ко греху. Бедняк, пожалуй, в свое извинение может представить себе свою бедность, а ты, будучи сильным и богатым, что представляешь себе? Потом пророк отвечает, справедливо утверждая, что это обстоятельство служит не наказанием, но врачеством и исправлением.

16. **И вожди сего народа введут его в заблуждение, и водимые ими погибнут**. Доселе они не объявились, но в конце концов обнаружатся. Теперь они будут прельщать, но потом их узнают все. Он присоединяет: **введут его в заблуждение**, потому что, хотя они прельщают теперь, но объявятся (как прельстители) потом.

17. **Поэтому о юношах его не порадуется Господь.** Что пользы быть рослым и сильным, если кто худо пользуется возрастом и силой? Например, если у кого рабы будут людьми рослыми, хорошо сложенными, крепкими и здоровыми, но преданными порокам, пьянству и разврату, шатающимися туда и сюда, то их сила никого не порадует, потому что, хотя они и крепки телом, но не имеют ума, вследствие чего происходит всякое зло. Добро само по себе не есть добро, и зло само по себе не есть зло, но по душевному настроению делающего то и другое. Конь будет смирен и надежен, если он имеет хорошее направление с начала, но он причинить много вреда, если имеет наклонность ко злу.

И сирот его и вдов его не помилует; они не исправятся от наказаний и не станут добрыми. Чтобы ты не презирал такую суровость и не считал ее жестокостью, для этого, уразумей причину ее: **ибо все они**, говорит, **лицемеры и злодеи, и уста всех говорят нечестиво**. Смотри, не быть милосердым здесь — признак милосердия, потому что ничто более не способствует их исправлению, как — оставление, небрежение, забвение. **При всем этом не отвратится гнев Его, и рука Его еще простерта**, для принесения наказаний самым делом, или для повторения угроз, как подобало Богу. Все это я (пророк) исполнил и предсказал, но **не отвратится гнев Его**, т.е., сказанные мною слова не могли отстранить гнева Его.

18. **Ибо беззаконие, как огонь, разгорелось, пожирает терновник и колючий кустарник и пылает в чащах леса, и поднимаются столбы дыма**. Видишь ли, какую пищу огню дал гнев Божий? Это — подобно тому, как искра, когда упадет туда, где находится много сухой травы, становится большим пожаром, а если ничего не найдет такого, что возбуждало бы его, тотчас ослабляется и погасает.

19. **Ярость Господа Саваофа опалит землю, и народ сделается как бы пищею огня; не пощадит человек брата своего**. Ты, говорит, конечно, слышал о том, как скоро горит сено, а потому не считай пожар погасимым. Я употребляю подобие этого рода для того, чтобы показать его быстроту и силу. А если ты желаешь знать эту силу, то обрати внимание на последующие слова: **народ сделается как бы пищею огня** (близ пожарища). **Ярость Господа Саваофа опалит землю, и народ сделается как бы пищею огня**. Для подтверждения той же мысли, он говорит о гневе Божием, как о таком, который не пощадит ни земли, ни другой вещи, ни бедных, ни богатых; а это он утверждает затем, чтобы ты не думал, что грех имеет такую силу, а гнев Божий ничего не может. **И народ сделается как бы пищею огня**. Здесь он обозначает такие отношения, при которых, говорит, будут пренебрегаемы даже законы природы, и люди не будут узнавать друг друга.

Не пощадит человек брата своего. Так как вы непризнаете друг друга, то Я погублю вас иным образом **Не пощадит человек брата своего**. Оставаясь кротким и спокойным теперь, он не переменится к другим, подобно жестокому зверю, не будет иметь сожаления к своему брату, который к нему ближе всех, и таким образом бедствия усилятся.

20. **И будут резать по правую сторону, и останутся голодны**, т.е., отступит, оставит его; **и будут есть по левую, и не будут сыты**, т.е., будет поедать подобно огню, разрушающему направо и налево.

Каждый будет пожирать плоть мышцы своей. А Симмах говорит: плоти ближнего своего. О, горькая, полная желчи трапеза! О, пища, приготовленная демонами! О, непотребное пиршество! Трапеза горечи, приготовленная из своих членов, — сам себе стал пищею и так приятной, что ею не насытиться: злые и воюющие демоны сошли в город, что горше многих смертей. Не лучше ли было окончить жизнь от неимения пищи и не находить такого дорогого врачества? Врачество — злейшее, чем болезнь, здравие — худшее, чем слабость: человек вступил в борьбу с самим собою. Как же не наполниться всему ужаса и страха? Смотри, какую он вкушал пищу: уста исполнены крови и грязи, губы — сырого мяса, ел себя самого, сам для себя стал собакой, жесточайшим всех хищников. Какое преступление! Какая жалость! Знаю, что мои слова многих ужасают, повергают в страх, трепет и слезы. Но если бы я показал, что сами мы делаем преступления, большие этих, то ужели вы не ужаснулись бы этого? Вся церковь есть единое тело, но, когда мы поедаем своих братьев, то мы в то же время гложем взаимно кости каждого из нас. **Если же друг друга угрызаете и съедаете** (Гал.5:15), когда, говорю, это делается между людьми, то ужели они не делаются подобными бешеным, хищным и безумным животным?

21. **Манассия — Ефрема, и Ефрем — Манассию**: это законные братья. **Оба вместе — Иуду**. Видишь ли гнев, усматриваешь ли бешенство? **При всем этом не отвратится гнев Его, и рука Его еще простерта**, чтобы они знали, каких они достойны наказаний. Будучи подвержены стольким наказаниям, они однако не исправились, но оставались доселе погрязшими в те же пороки.

ГЛАВА 10

1. **Горе тем, которые постановляют несправедливые законы и пишут жестокие решения**. Другие же переводчики говорят: горе тщательно изыскивающим основания. Почему он повторяет это? Только потому, что злодейства их были многочисленны и часты, что и было причиной болезней. Писание всюду называет злодейства болезнями: **под языком — его мучение и пагуба** (Пс.9:28). И поистине, болезнями служат

злодеяния, не только не приносящие хорошего плода, но приносящие в крайней степени плод погибели.

2. **Чтобы устранить бедных от правосудия и похитить права у малосильных из народа Моего, чтобы вдов сделать добычею своею и ограбить сирот**. Не видишь ли ты, что пророк считает жалкими не обижаемых, но обижающих? Чем более он показывает обиды бедняков, тем более умножает наказания богачей. На них все постоянно жалуются, и, однако, постоянно так делается. Неудивительно, что евреи несут наказания, так как они совершенно привержены к земным вещам, но нам, ставшим трезвыми и мудрыми, не дозволительно быть виновными в преступлении того же рода.

Вести **вдов... и сирот** в добычу народа Моего. Вот, иное великое убежище! Тем, которых не мучило сиротство, не притесняло вдовство и никакое другое зло, не дозволительно было притеснять других. Меня, говорит, должно бояться, и вследствие страха предо Мною вам надлежит быть кроткими и трезвыми.

3. **И что вы будете делать в день посещения, когда придет гибель издалека?** Почему он говорит: **издалека**? Чтобы обратить их к покаянию и чтобы показать, что Бог угрожает наказанием и оно определено небом.

К кому прибегнете за помощью? И где оставите богатство ваше? Другие же переводчики говорят: еже не впасти во узы. Так как вы оказались жестокими и бесчеловечными к своим ближним, то Я пошлю на вас чужих, и вы не найдете ни утешения, ни спасения. Это совершенно справедливо. Вы не жалели сирот, и вас никто не пожалеет. Кто привел вас в такую бедственность?

4. **И где оставите богатство ваше?** (в ц.сл.: **где оставите славу вашу?**). Кто, говорит, может сохранить вашу славу? **Без Меня согнутся между узниками и падут между убитыми**. Видишь ли, как зло обличает само себя? Горе, говорит, пишущим лукавство, потому что они свое лукавство пишут. Ты, говорит, обнаружил жестокий дух, и Я, говорит, наведу на тебя и обнаружу наказания и удары, и не окончу этим: **при всем этом не отвратится гнев Его, и рука Его еще простерта**.

5. **О, Ассур, жезл гнева Моего! и бич в руке его — Мое негодование!** Теперь пророк обращает угрозу к воюющим, и предсказывает то, что имело случиться в царствование Езекии, когда в один день пало 185000 человек (4Цар.19:35). Ты спрашиваешь: почему это случилось? Промышление Божие относительно народа убеждало их более, чем пророческие предсказания. Пророки увещевали иудеев, и тогда, когда они оставались врагами действовавших у них законов. Видишь ли, что те (ассирийцы) сами по себе представляют повод (к наказанию)? Спрашивается однако: почему Он наказал их, когда в их руках был жезл гнева Его? Для понимания этого пророчества об ассирийцах, выслушай, что говорит (Рапсак): **а если вы скажете мне: "на Господа Бога нашего мы уповаем", то на того ли, которого высоты и жертвенники отменил Езекия, и сказал Иуде и Иерусалиму: "пред сим только жертвенником поклоняйтесь в Иерусалиме"?** (4Цар.18:22); **Господь сказал мне: "пойди на землю сию и разори ее"** (4Цар.18:25). Таким образом, как оказывается, они (ассирийцы) раньше знали о всем этом: Рапсак, говорят, был из числа их. Видишь ли, зачем он раньше предсказывает об этом? Затем, чтобы они (иудеи), видя город осаждаемым огромным войском, не падали духом. Потому Бог говорит, что ассирийцы, хотя получили власть от Него, не пожелали познать Давшего им эту власть. Незнание того, что победа над другими народами была дарована Богом, было великим невежеством; присвоение же победы над иудеями своему могуществу, а не

Богу, было признаком величайшего безумия. Как во время Моисея, так и теперь: Я, говорит, дал жезл гнева в руку твою, чтобы ты поражал не народ Мой, а иноплеменников.

6. Но так как народ был беззаконным, то, говорит, **Я пошлю его против народа нечестивого и против народа гнева Моего, дам ему повеление ограбить грабежом и добыть добычу и попирать его, как грязь на улицах**. Хотя всего того было достаточно, чтобы показать, что те народы беззаконны, однако, говорит, Я повелел им произвести такую добычу.

7. **Но он не так подумает и не так помыслит сердце его**, но размышлял о том, как бы быть храбрейшим из всех на самом деле. **У него будет на сердце — разорить и истребить немало народов**. Хотя он считал себя способным достигнуть этого, однако ему должно бояться переменчивости человеческой. Смотри, какое зло не знать меры самоуважения.

8-9. **Ибо он скажет: "не все ли цари князья мои? Халне не то же ли, что Кархемис? Емаф не то же ли, что Арпад? Самария не то же ли, что Дамаск?** Приводится на память, что он (ассирийский царь) был наказан Богом для того, чтобы показать величайшую силу Божию: по прошедшему соображай о будущем. Удерживая свою смелость, не уразумеешь ли ты теперь могущества силы Божией? Он говорил таким образом для того, чтобы показать силу Божию: того, кто, подобно сильному дождю или стремительному ручью, наводнил многие страны, разделил народы, опустошил поля, Бог заключит в небольшом презренном городе, как бы он и не существовал.

10. **Так как рука моя овладела царствами идольскими, в которых кумиров более, нежели в Иерусалиме и Самарии**. Смотри, это выше человеческой природы. О, человек! Ты говоришь: никто не мог мне воспрепятствовать. Чем больше ты говоришь об этих ужасах, тем больше показываешь могущество Божие.

11. **То не сделаю ли того же с Иерусалимом и изваяниями его, что сделал с Самариею и идолами ее?** Видишь ли слабость идолов? Видишь ли, что гордость его касается не только людей, но что он издевается и над богами, так как говорит: от начатого мною меня не могли отвратить ни множество людей, ни даже могущество богов? Если ты начинаешь, то ясно, что ты слаб; а если когда-либо найдется, кто воспрепятствует тебе, то ясно, что Он сильнее людей и богов.

12. **И будет, когда Господь совершит все Свое дело на горе Сионе и в Иерусалиме, скажет: посмотрю на успех надменного сердца царя Ассирийского и на тщеславие высоко поднятых глаз его**. Что значит слово: **совершит**? Акила говорит: тотчас отсечет, а Симмах: будет отсечено. Он многим попускает страх и бегство, так как и это послужит к показанию величия чудес. Но когда ассирийский вождь увеличит свой гнев и будет больше не в состоянии говорить что-либо иное, тогда Бог ему воспрепятствует. Что делает Бог, это Он делает не для показа, а для пользы евреев и варваров, как и Павел говорит: **когда ваше послушание исполнится** (2Кор.10:6).

13-14. **Он говорит: "силою руки моей и моею мудростью я сделал это, потому что я умен: и переставляю пределы народов, и расхищаю сокровища их, и низвергаю с престолов, как исполин; и рука моя захватила богатство народов, как гнезда; и как забирают оставленные в них яйца, так забрал я всю землю, и никто не пошевелил крылом, и не открыл рта, и не пискнул"**. Смотри великую гордость, которая, хотя не воздымала ума до величия Божия, но была достаточна для посрамления и наказания. Кто, говорил он, предо мною Бог ваш? Бог (пока) бросил и оставил этого гордого храбреца для

того, чтобы он более познал могущество Божие. Он мог послать с неба огонь и попалить войско, наслать на него зверей или различные казни, но не желал. Он попустил, чтобы они осадили город, молчал, чтобы они преступили меру и чтобы царь Езекия совершил свою молитву, а потом уже обнаружил гнев свой, совершая великое дело. Но, по милости Божией, я дойду до этого места, а теперь объясню, что значат слова: **когда Господь совершит все** (ст. 12). Например, как вызывающий удивление артист не выходит на площадь пред зрителями в неудобный момент, но лишь после того, как увидит их всех в сборе, каждого — сидящим по порядку и на своем месте, тогда выступает для показывания силы своего искусства, — так и Бог: когда каждый сидел на горе Сионе и в Иерусалиме, как бы для зрелища, тогда, говорит, **посмотрю на успех надменного сердца царя Ассирийского и на тщеславие**, так как, сравнительно с этим, нет иного худшего ума. Таким образом совершенно доказано то, что не может быть никого несчастнее гордого: да и как может гордиться тот, кто не в силах понимать того, что ясно даже детям? И он не сказал: "посещу человека", но "**посмотрю на успех надменного сердца**". Он не взял из среды (их) царя, но попустил, чтобы он исправился, вследствие бедствий, постигших других; а так как он не исправился, но, возвратившись домой, поклонялся богам и начал предаваться неисправимым порокам, то Бог взял его из среды живых (Ис.37:38), чтобы тем наказанием, которому Он подверг его, вразумить других. Таким образом показал не смену вещей, а только конец. Желал он также показать нам и нечто иное, именно, спасение спасаемых, и рассказать о гибели гордеца.

Я, говорит, **силою руки моей**, **и моею мудростью я сделал это**, чтобы нигде не было царей и не обреталось князей. **И переставляю пределы народов**, **и рука моя захватила богатство народов, как гнезда**. Видишь ли, доколе простирает жестокий ум свою гордость? Как он обнаруживает гордость с угрозами? Видишь ли, сколько зла рождается от гордости? **И никто не пошевелил крылом, и не открыл рта, и не пискнул**. Раскрывает совершенную его гордость, чтобы показать, какого человека победил Бог. Тем, кто следует добродетели, нехорошо превозноситься и говорить о себе великое, так как гордых постигают наказания от Бога, как случилось с фарисеем: если того, кто, по своим добрым делам, противился воле диавола, могло отвратить (от Бога) и погубить одно слово и одна вина, то насколько более возможно это относительно других хвастунов? И если хвастовство не дозволительно упражняющимся в добродетели, то насколько больше оно недозволительно для уклоняющихся от добродетелей?

15. **Величается ли секира пред тем, кто рубит ею? Пила гордится ли пред тем, кто двигает ее?** Смотри, с кем сравнивают еретики Сына Божия. С тем, с чем Св. Писание сравнивает ассирийцев. Как секира сечет не сама собою, так и ты сам собою не сделаешь ничего; и как пила не сама себя влечет, так и ты сам собою не совершишь ничего. И не так, т е., после этого Я не буду больше в тебе нуждаться. **Как будто жезл восстает против того, кто поднимает его.** Так как Я был вознесшим тебя, то впоследствии Я никогда не вознесу тебя.

16. **За то Господь, Господь Саваоф, пошлет чахлость на тучных его, и между знаменитыми его возжет пламя, как пламя огня**, так как несчастие сопровождалось бесчестием. Чем больше были угрозы, тем больше слава Израиля, когда возгорелся огонь среди неприятелей.

17. **Свет Израиля будет огнем, и Святый его — пламенем,** Пророк обозначает их гибель: гнев (Божий) пожирал неприятельское войско, подобно огню.

18-19. **которое сожжет и пожрет терны его и волчцы его в один день и славный лес его и сад его, от души до тела, истребит; и он будет, как чахлый умирающий. И**

остаток дерев леса его так будет малочислен, что дитя в состоянии будет сделать опись. Они устремятся в бегство, как от огня, и их легко будет сосчитать. И не прибегут более к тебе: говоря так, пророк показывает, что они (евреи) некогда прибегали к нему (ассирийскому царю), который отвел в рабство евреев и ради них также жителей Самарии, так как по причине осады одних случились бедствия с другими.

20-21. **И будет в тот день: остаток Израиля и спасшиеся из дома Иакова не будут более полагаться на того, кто поразил их, но возложат упование на Господа, Святаго Израилева, чистосердечно**. Видишь ли, к чему послужило несчастие?

Остаток обратится, остаток Иакова — к Богу сильному. Почему только эти, а не все? Всем должно было обратиться к добру. Видишь, что чудеса были сотворены ради всех, а принесли пользу только им одним.

22-23. **Ибо, хотя бы народа у тебя, Израиль, было столько, сколько песку морского, только остаток его обратится; истребление определено изобилующею правдою; ибо определенное истребление совершит Господь, Господь Саваоф, во всей земле**. И вот, пророк обращается к пророчеству. Так как иудеи всегда надеялись на численность, говоря, что Бог не погубит такого множества людей, то он исторгает эту надежду: Я, говорит, не придам значения многочисленности. И другой пророк также говорит: и будет число сынов Исраилевых, яко песок морский (Ос.1:10). Что пользы в толпе, если бесполезны сами дела? Не все имели быть неверующими, но так как веровали немногие, то и спасение получили немногие. **Истребление определено изобилующею правдою**: не будет более продолжаться долготерпение, снисхождение и милость. Но, как мне кажется, выражение: **определенное истребление совершит Господь, Господь Саваоф, во всей земле**, указывает на решения в будущей жизни. Смотри, как с чудесами смешиваются пророчества, бывшие и неисполнившиеся. Так как сказано, что спасутся немногие оставшиеся, то ты не говори, каким образом из такого множества спасаются немногие. Так или иначе, говорит, Я не буду щадить вас, но погублю всех, даже оставшихся. Видишь ли, как Он заботится, чтобы они надеялись на Бога, а не на множество, как и в другом месте говорит: **Мне ли не пожалеть... города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек** (Иона 4:11). Говоря это, Бог как бы утешал пророка, но, и безотносительно к тому, Он пощадил город, ради примерного покаяния: ведь если бы Он принимал во внимание многочисленность, то должен был бы пощадить и прежде покаяния. Но если прежде покаяния Он не принимал во внимание многочисленности, то, конечно, не принимал ее во внимание и после покаяния, почему и говорится: **И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего** (Иона 3:10), и в другом месте: **чем больше они умножаются, тем больше грешат против Меня** (Ос.4:7). Видишь ли, что множество не умилостивляет, а скорее раздражает Бога, так как чем больше людей, тем больше зла? Один нечестивый часто может спастись, но многие — никогда и нигде, так как все страдают той же болезнью. И ныне, в наши времена, скажут, ужели Бог погубил бы такое множество? Конечно, так как Он презирает множество. Не видишь ли ты, что только один с домом своим избежал невредимым потопа, трое только спаслись от огненного гнева, посетившего содомлян, и двое только — в пустыне? Лучше, говорит, один творящий волю Божию, чем 10000 беззаконников, — и справедливо: что бы ты лучше желал найти — 10000 деревянных или оловянных монет, или — одну драгоценную жемчужину? Не говори, что она одна только, но знай, что она одна драгоценнее тех многих, так как не во множестве цена, но в цене — множество. Потому о немногих добрых людях говорится: **те, которых весь мир не был достоин** (Евр.11:38).

24. **Посему так говорит Господь, Господь Саваоф: народ Мой, живущий на Сионе! не бойся Ассура. Он поразит тебя жезлом и трость свою поднимет на тебя, как Египет**,

т.е., легко и человеколюбиво Я подвергну тебя наказанию и бедствиям ради любви. Это есть признак правды Божией, что он не открывает, каким образом тебе помогли египтяне, на которых ты много раз надеялся.

25-26. **Еще немного, очень немного, и пройдет Мое негодование, и ярость Моя обратится на истребление их**. Акила и другие прибавляют: Господь сил (воздвигнет) муки, сообразно язве Мадиама, на месте мучения, на место крепкое, которое он открыл; а другие: на Сион, который Он открыл. **И поднимет Господь Саваоф бич на него, как во время поражения Мадиама у скалы Орива, или как простер на море жезл, и поднимет его, как на Египет**. Акила говорит: жезл Его на море; а Симмах: жезл Его на путь египетский. Этим примером подтверждается настоящее пророчество: как некогда посредством 300 человек, без труда и оружия, Он истребил всех, подобно тому и теперь. **Или как простер на море жезл, и поднимет его, как на Египет**, т.е., они пройдут мимо вас, и устремятся в Египет; потому, видя их, не бойся.

27. **И будет в тот день: снимется с рамен твоих бремя его, и ярмо его — с шеи твоей; и распадется ярмо от тука**. Акила и Симмах говорят: бремя его. Они не так будут побеждены, чтобы, произведя новый набор, снова двинуться против тебя войною, но, вследствие тяжкого поражения, будут совершенно истреблены; потому он говорит: **снимется с рамен твоих бремя**.

28. **Он идет на Аиаф**; другие называют: Ават. **Проходит Мигрон**. А 70 толковников и другие: в Макрон, еврейский же текст: в Маттон.

29-31. **В Михмасе складывает свои запасы. Проходят теснины; в Геве ночлег их; Рама трясется; Гива Саулова разбежалась. Вой голосом твоим, дочь Галима; пусть услышит тебя Лаис, бедный Анафоф! Мадмена разбежалась, жители Гевима спешат уходить**. Видишь ли, что Писание даже перечисляет в отдельности те лагери, в которых должно было находиться ассирийское войско? Но, хотя оно от вас недалеко, однако вы не бойтесь, так как оно идет туда, куда направляется, возьмет оттуда то, что пожелает, и возвратится, а вам не причинит никакого вреда.

33. **Еще день простоит он в Нове; грозит рукою своею горе Сиону, холму Иерусалимскому. Вот, Господь, Господь Саваоф, страшною силою сорвет ветви дерев, и величающиеся ростом будут срублены, высокие — повержены на землю. И посечет чащу леса железом, и Ливан падет от Всемогущего**. Не видишь ли, сколько бывает утешения и радости, когда что-либо делает Сам Бог?

ГЛАВА 11

1. **И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его**. Другие переводчики: из пня, а еврейский текст говорит: из стебля (в современном еврейско-масор. т.: из ствола). Видишь ли дивное? Видишь ли пророчество? **И произойдет**, говорить, **от корня**, показывая, что это — дело будущего. Некоторые передают это за сказанное о царе Езекии, но Езекия царствовал раньше того времени, когда было это сказано. Пророк утверждает, что эта **отрасль** происходит из корней предков. Хорошо сказал: **от корня** т.е. от Авраама и даже раньше его, открывая рождение без брака, как и другие говорят; "из пня". **Отрасль**, говорит, **произойдет** не из семени или из земли, но из корней, — **произойдет**, как бы не проходя чрез корни, но — из самих корней, т.е., Он принял плоть не от какого-либо тела, которое прошло чрез другое тело, но от тела Девы, не принося тела с неба, ни воспринимая иное тело чрез новое творение, и Сам не изменяясь во плоти, но принимая тело истинное от Девы, вместе с духом и разумом, тело

Свое, Слова Божия, а не тело какого-либо человека вне себя, как и Павел говорит: пришло и произошло от жены (ср. Гал.4:4), обозначая вместе с тем тело без брака, от плоти жены. Отраслью пророк называет также и царство, так как Писание везде называет отрасли и честь царства — жезлом, цари (по нему) держат в руке золотой жезл, — таким образом жезл по нему служит названием царства, страха и возбуждения. Посмотрим, как пророк говорит здесь о телесном пришествии Того, Кого он выше назвал Отроком, имеющим родиться от Девы. **И ветвь произрастет от корня его**. Видишь ли, что этим означается также возрастание? Так как слова **произойдет** и **произрастет** означают преуспевающий и законосообразный рост, то он не говорит: возрастет от тебя, но от самой **отрасли**, так что цвет **отрасли** никогда не завянет. А чтобы здесь не разумели отрасли вещественной, пророк хорошо прибавил: **Иессеева**, как делают евангелисты, вразумляя, что Бог всяческих никого не гнушался.

2-3. **И почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума**. Да устыдятся еретики, желающие толковать Писание по-иудейски. **Дух**, говорит, **совета и крепости, дух ведения и благочестия**. А другие прибавляют также: страха, т.е., исполнит Его дух страха Господня. Акила: над ним будет благовоние страха Божия. Симмах и Феодотион: Он Сам будет благоухать страхом Божиим. Почему Он, Бог, исполнится Духа? Если Он боится Отца, как вы богохульствуете, то почему Он имел нужду в Духе, Которого вы считаете ниже Его?Далее, для нас Он, в духе и теле Своем, принимает Духа премудрости и разума, ведения и благочестия, представляя нам пример в Себе Самом, что мы нуждаемся в таких дарах Духа Божия. Будучи Господом, Он не нуждается в этом приятии Духа, но Дух является в Нем, чтобы благодеяния Его открылись нам. Он воплотился и вочеловечился не по какой-либо свой нужде, но только для того, чтобы людей сделать сынами Божиими. Точно также Он принял Духа не по какой-либо скудости, но только для того, чтобы даровать Духа в обилии — нуждающимся. Так как, если что принадлежит Отцу, принадлежит и Ему (Сыну), как сказано в Евангелии: **И все Мое Твое, и Твое Мое** (Ин.17:10), то ясно, что Дух, сосущественный Отцу, сосуществен и Ему, и как Себя Самого Он положил за стадо, так даровал сосущественного Себе Духа, с соизволения Отца и Св. Духа, чтобы оживотворить мир, который был мертвым. Пророк утверждает, что Он принял Духа не в меру, но весь был исполнен Духа Божия. Ничто не сродно Отцу, кроме одного лица Сына, и ничто Сыну, кроме лона Отчего, также ничто не исполнено Св. Духа, кроме сосущественного Ему Сына. **Дух**, говорит, **премудрости, разума, дух совета и крепости, ведения и благочестия и страха** Господня, потому что где находится страх Господень, там есть все. Показывающей в себе Духа со всеми дарами Его показывает ради того, чтобы нас привести к страху благочестия, и потому не говорит о Себе Самом: Я убоялся Тебя, но: Я возлюбил Тебя (ср. Ин.14:31). Сыну возможно было любить, не бояться. Те, которые толкуют сказанное о другом человеке, исполнившемся Св. Духа, пусть укажут того, кто был способен к приятию всего Духа. Ты думаешь о Езекии или Зоровавеле? Не приводи других, об них я поговорю в своем месте, а теперь скажу об этих двух, т.е. о Езекии и Зоровавеле. Который из них мог получить полноту Духа? Если будешь настойчиво утверждать, что они были способны к этому, то почему ты не признаешь того же относительно Христа? Что мог Езекия? Хотя своей молитвой он сохранил город невредимым, но все это он сделал при помощи силы Божией; а какие силы явил Христос? Выслушай говорящего пророка: **владычество на раменах Его** (Ис.9:6). Этого недостаточно, — я обличу бесстыдных следующими словами: **и будет судить не по взгляду очей Своих**. Видишь ли признак Его божественности? Акила: не по видению очей будет судить, и не по речам будет обличать. Другие: не по слуху ушей будет обличать. Таковые дела — не по человеческому образу, а по Богу, как сказано: **сокрытое принадлежит Господу Богу нашему** (Втор.29:29), **человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце** (1Цар.16:7). Одному Богу свойственно судить не по подозрению, а нам свойственно — часто отступать от справедливости. Видишь ли? Все, что пророки

повсюду приписывают божественной силе, тоже этот пророк (Исаия) приписывает Ему, — Он не говорит: то по подозрению, а то не по подозрению Он будет судить, но: никогда не будет судить по подозрению. Если бы Он был только про- роком, то и Он мог бы заблуждаться, подобно Самуилу и Елисею, которые многого не знали наперед, и узнавали тогда, когда желала благодать Св. Духа. Опять, показывая строгий суд, пророк прибавляет: **и не по слуху ушей Своих решать дела**. Видишь ли, какого призывает Судию, — который не только обличит по словам, но объявит и сердечные тайны, и таким образом совершит суд. Земные судьи судят только явное, и, вследствие незнания, часто поступают против права; но Бог исследует и сердечные тайны, пред Ним все открыто, по сказанному: **слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные** (Евр.4:12): оно не только отделяет дух от тела, но и душу, т.е., благодать Духа, от души, и не нуждается в речах и письмах, как сказано: отверзутся книги живых и воздастся суд (ср. Дан.7:10).

4-5. **Он будет судить бедных по правде, и дела страдальцев земли решать по истине; и жезлом уст Своих поразит землю, и духом уст Своих убьет нечестивого**. Там пророк показывает знание, здесь — строгость суда, подобно тому, как Он произнес суд о Лазаре и богаче, и — в другом месте: **не от Меня зависит, но кому уготовано Отцем Моим** (Мф.20:23), именно, не от Меня Самого является препятствие (к этому), когда они (сыны Зеведеевы) считают себя достойными. Хорошо Он назвал славными земли, так как они не были славными неба. Смотри, как Он чрез Авраама осудил богатого, не применив Своего могущества, так как праведно судилище Его.

И духом уст Своих убьет нечестивого. И будет препоясанием чресл Его правда,

и препоясанием бедр Его — истина. Это ясно сказал Павел об антихристе, которого **Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего** (2Фес.2:8), причем не будет иметь нужды ни в оружии, ни в военных снарядах: достаточно только явиться свету, чтобы исчезла тьма. Желаешь ли ты знать, каким образом Он поразит? Подобно тому, как Он увидел готовившихся схватить Его и сказал: **кого ищете?** И они тотчас **отступили назад и пали на землю** (Ин.18:4,6). **Поразит землю, и духом уст Своих**, — как сказано об Отце: **Словом Господним небеса утверждены и Духом уст Его вся сила их** (Пс.32:6). Он угрожает морю и сушит, иссушает все реки, Он говорит солнцу: не восходи, и оно не восходит. Как случается с нами, что мы теми же руками, которыми делаем что-либо, можем и разрушить, так и с Богом: **Словом Господним небеса утверждены** (Пс.32:6). **И будет препоясанием чресл Его правда, и препоясанием бедр Его — истина**. Симмах и Феодотион: грудь Его будет окружена верою, чтобы и мы облачились в эту одежду. Какой человек являлся имеющим вечную одежду, приличествующую одному Богу, о чем в конце этого пророчества говорится: **облечется в броню — в правду** (Прем.5:18; Ис.59:17) и в одежду Божию? **Тогда волк будет жить вместе с ягненком** (ст. 6). И опять: **жезлом уст Своих поразит землю**, а в другом месте: Он говорил и земля была изранена. Будешь ли (при этих словах) понимать тело, грехи которого были поражены жезлом, или, имеющее быть в конце мира, поражение на земле, — не впадешь в заблуждение.

6. **Тогда волк будет жить вместе с ягненком**. Акила переводит: волк будет странствовать к агнцу; Симмах: вместе будут обитать; Феодотион: будут странствовать. Волками называются жестокие людские нравы, а агнцами — благоразумные. Если кто утверждает, что здесь говорится не то, а только — о зверях, тот пусть объяснит, какой жезл произошел из корня Иессеева? Что здесь говорится о злых и добрых людях, помимо прочего, ясно из того, что другие переводчики утверждают это даже точнее. Один

говорит: будет странствовать, другой: вместе будут обитать. О зверях этого понимать невозможно, тогда как польза странствования наблюдается в людях. Под волками, пасущимися с агнцами и друг другу не приносящими вреда, разумей солдат, диких умом, жестоких, сотников и полководцев, которые, вследствие благочестия и любви ко Христу, придя в себя, не будут обнаруживать гнева относительно смиренных и простых людей. **И барс будет лежать вместе с козленком**: и это Бог может легко сделать, да и мы можем, когда пожелаем. **И теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их**.

7. **И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому**. Пророк говорит, что они не только ходят в одном и том же месте, но находятся вместе на том же пастбище, когда пища готова, не так, чтобы изменилась природа, но нравы жизни: по его словам, волк не изменится в агнца, но, оставаясь в диком состоянии и имея господство по храбрости, он тем не менее не будет причинять смиренному вреда. И в другом месте Св. Писание свирепых начальников называет арабскими волками. **И барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе**. Каждый из зверей оставить свой дикий нрав; это значит тоже, что сказано выше: обличит языцы многи. Не то удивительно, что Он произнесет суд и обличит славных земли, но более удивительно то, что Он вложит в людей такие добродетели, что они станут подражателями небесных путников, и великих и малых подчинить тому же закону, чтобы никто не мог обижать бедных. Таковы дела Творца Бога. **И малое дитя будет водить их**. Они будут так согласны, что не будут нуждаться ни в законах, ни в чем-либо ином подобном, но каждый будет управлять только самим собою, как и говорится: **закон положен не для праведника** (1Тим.1:9). Если кто придет для управления христианским городом, где все следуют Христу, то, хотя бы он и весьма мало знал и даже был малым отроком, тем не менее, обещая направлять жизнь по христианским нравам, он тотчас поведет всех легко, и они своему явившемуся вождю никогда не причинят никакой неприятности. **И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе**. Эти слова означают для нас тоже, что и прежние, т.е., жестокие и разумные будут обитать вместе, и, вследствие благочестия, не будут обижать друг друга. Смотри, как он низводит речь до малых отроков, которых ныне и видим обнаруживающими такую добродетель благочестия в отроческом возрасте. **И лев, как вол, будет есть солому**. Если ты видел какого-либо полководца, который приготовлял свою обильную трапезу из награбленного, ел и пил таким образом, подобно неистовому льву, пожирал тела и размельчал кости других, свою трапезу наполнял кровью и мясом, а потом увидишь его, под влиянием благочестия, то постящимся, то умеренно употребляющим пищу, — тогда ты вспомни слова пророка, говорящего: **как вол, будет есть солому**, так как он изменил свою дикость и грубость, не только относительно общества, но и относительно трапезы, так что в нем невозможно более найти свойств дикости и грубости.

8-10. **И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей**. Симмах: и пойдет младенец на пещеры аспидов, и отрок, питающийся молоком, видя василисков, возьмет их руками, и они не обидят его, и не причинят вреда на всей горе святой Моей. Слабые, обитающие среди злых, не будут подвергаться неприятностям от их злобы. Бог дал нам такую силу, вследствие которой их злоба не может вредить нам. Если уколы чародеев и ложные заклинания, которыми они пользуются, могут сделать тела злых зверей невредимыми от ядов, то тем более, вследствие помазания Духа и духовных заклинаний, которыми закляты умы наши, свободны будем от зла мы, когда пожелаем. Таким образом мы не только будем отвлечены от зла, но и будем так сильны, что нам не в состоянии будет вредить злоба других. Каким образом это исполнится? **Ибо земля будет наполнена**

ведением Господа, как воды наполняют моря. Все это творит познание Бога, которым обновляемся и изменяемся не только мы, но и вся земля. Не думай, что говоря, что вся земля наполнится познания Бога, пророк говорит только о Палестине: пророческие слова этой книги не допускают такой скудости, даже совершенно не согласуются с ней. **Как воды наполняют моря**. Не без причины пророк говорит: моря, а не: море. Каким же образом можно открыть добрые дела или благочестие христиан? Не видим ли мы распри и тяжбы между христианами? Они завидуют друг другу, борются между собой из желания господства, любят славу и мир, погрязают в мщении и судах, обходят землю и море ради наживы и торговли. Не видишь ли ты вождей и начальников христианских поглощающими живых людей? Наконец, каким образом на христианах исполнились те слова, или — вся земля наполнилась познания Господа? Почему очень многие народы, услышавшие христианскую религию, не отступили от своих диких нравов? Таким образом, покажи, скажут, нам, где эти во всяком случае хорошие законы. Говорить так, как мне кажется, значит думать и говорить пустое многое, — возмущать и возмущаться, и — стараться обнаруживать пустые пророчества и ложные слова. Думают, что мы не в состоянии подтвердить истины. Не бойтесь! По милости Божией, когда будем говорить об этом, мы скажем все то, что даст благодать Духа, так как ради Его славы трудимся и за Него ведем войну. Я покажу тебе, сколько войн окончено. Не враждовала ли сама с собой природа? Не поклонялись ли деревьям и камням и не кропили ли на все жертвенники кровью? Чем они отличались от волков? Они были даже хуже волков. Последние заботятся и жалеют своих детенышей, напротив люди, вместо милосердия, которого требовала природа, оказывались жестокими. Зачем нам стараться доказывать это на основании язычников? Выслушай говорящего пророка: **и приносили в жертву сыновей своих и дочерей своих бесам** (Пс.105:37), или, как написано в книге царей: царь Амон **(св. И. Златоуст, вероятно, имеет здесь в виду рассказ 4 Царств относительно Меши, царя моавитского, который, во время войны против него Иорама и Иосафата, на стенах города принес своего сына во всесожжение. Об Аммоне, царе иудейском, оставившем Господа и служившем кумирам, книга Царств такого свидетельства не содержит (ср. 4Цар.21: 19-26))**, когда вел войну, принес своего сына во всесожжение пред всеми (4Цар.3:27). Ужели это кажется признаком малой жестокости? Почему же теперь никто не делает этого, даже язычник? Отроки свободно живут с отцами и матерями, имеют заботу и любовь к родителям. Тогда отцы вели себя относительно сыновей, как палачи, а теперь они доставляют им пищу, жизнь и почести. Желаешь ли ты понять, каким образом **младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи,** и **не будут делать зла**? Все это открывается в христианах. Хотя во время мученичества их бросали зверям, однако чрезвычайная сила последних не могла вредить им, и часто даже младенцы в этих битвах получали венцы, одни оставляли свои имения, другие раздавали их. Не видишь ли ты, сколько учреждено больниц для расслабленных, сколько вспомоществований оказано сиротам, сколько заботливости о вдовицах? Да зачем нам перечислять внешнее? Войди в церковь, и ты собственными глазами увидишь эти учреждения, и тот, кто против нас писал все это, сам засвидетельствует, что в церкви пользуются одинаковой честью бедные и богатые, знатные и слуги. Не видишь ли, что все они уходят от той же трапезы (пользуются той же трапезой)? Но тебе видеть невозможно. Каким образом рыси будут лежать вместе с козлищами, жестокий и храбрый воитель — с смиренными и кроткими? Если они полюбили добродетели не все вместе, это неудивительно; но более удивительно то, что некоторые предались многим добродетелям, — а другие, будучи не вполне совершенными, однако отрешились от жестокого характера. Но когда вся земля исполнялась ведения Господня? Когда **во всю землю вышло вещание их** (Пс.18:5).

11. **И будет в тот день**. Видишь ли, когда все это должно было исполниться? Потом пророк говорит: **к корню Иессееву, который станет, как знамя для народов, обратятся**

язычники, — и покой его будет слава. Кто надеялся на Зоровавеля или Езекию? **И покой его будет слава**. Кого? Мы не знаем, чтобы это исполнилось на ком-либо ином; но на Христе, конечно, исполнилось: **и покой его будет слава**, т.е., гроб, в котором Он был погребен, который всегда почитается и прославляется. **И будет в тот день: Господь снова простре руку Свою; в тот день**, т.е., во время пришествия Христова, исполнится это, когда Он, побуждаемый ревностью, опять соберет остаток прочих людей, **какой останется у Ассура**. Видишь ли, что все это совершит ревность Божия?

12-13. **И поднимет знамя язычникам, и соберет изгнанников Израиля, и рассеянных Иудеев созовет от четырех концов земли. И прекратится зависть Ефрема, и враждующие против Иуды будут истреблены. Ефрем не будет завидовать Иуде, и Иуда не будет притеснять Ефрема**. Хотя Иуда был не велик и заключал в себе только два колена, однако к нему перешло царство. Потом указывается на поражение египтян, имевшее быть после возвращения из плена, когда некоторые будут поражены, а иные — покорены.

16. **Тогда для остатка народа Его, который останется у Ассура, будет большая дорога, как это было для Израиля, когда он выходил из земли Египетской**: упоминаются прежние, бывшие с ними, происшествия.

ГЛАВА 12

1. **И скажешь в тот день: славлю Тебя, Господи; Ты гневался на меня, но отвратил гнев Твой и утешил меня**. Нам всегда должно благодарить Бога, как прогневавшегося, так и примирившегося с нами, потому что из такового гнева происходит совершенное примирение.

2. **Вот, Бог — спасение мое: уповаю на Него и не боюсь**. Этим пророк указывает на некоторый долг, который мы погасили, и потому теперь стали веселыми. И **уповаю на Него**: Бог этого ищет (от нас) больше всего. И ныне, **чтобы соблюдал заповеди Господа [Бога твоего] и постановления Его, которые сегодня заповедую тебе, дабы тебе было хорошо** (Втор.10:12-13). **Ибо Господь — сила моя, и пение мое — Господь; и Он был мне во спасение**: Он не только спасает, но также отличает и прославляет.

3-6. **И в радости будете почерпать воду из источников спасения**. Здесь присоединяются еще другие слова: — **Веселись и радуйся, жительница Сиона, ибо велик посреди тебя Святый Израилев**. Всех, говорит, призовите во свидетельство, и всем укажите, чтобы все познали не стыдиться Меня, но призывать свободно.

ГЛАВА 13

1. **Пророчество о Вавилоне**. Акила: колесница вавилонская, Феодотион и Симмах говорят: притча о вавилонянах. **Которое изрек Исаия, сын Амосов**, — потому что видели и другие пророки.

2-3. **Поднимите знамя на открытой горе, возвысьте голос; махните им рукою, чтобы шли в ворота властелинов. Я дал повеление избранным Моим и призвал для совершения гнева Моего сильных Моих, торжествующих в величии Моем**. Акила: Я повелел освященным Моим, именно, Я приведу вождей и воинов: этим он напоминает о царе Кире; Я, говорит, приведу их, чтобы вы боялись царя. **И призвал для совершения гнева Моего сильных Моих**, — другие переводчики, вместо: "**сильных**", говорят:

"воины", — **торжествующих в величии Моем**. Акила: подъятые гордостью, Феодотион: радующиеся в укоризнах Моих.

4-9. **Большой шум на горах, как бы от многолюдного народа, мятежный шум царств и народов, собравшихся вместе**: это означает присутствие многих воинов, с большою и огромною подмогою. **Господь Саваоф обозревает боевое войско. Идут из отдаленной страны, от края неба**, т.е., из Мидии и Парфии. **Рыдайте, ибо день Господа близок (в ц.сл.: Се день Господень неисцельный)**. Весьма хорошо понимать это о будущем (веке). Если мы трудимся в этом мире для приобретения добродетелей, то таковые способствуют спасению, иначе нас, по переселении из этого мира, одолеет сила мучений, которым никогда не будет конца. Потому Он называет день **неисцельным**, чтобы кто-либо не обретался неисцельным в этом мире, подобно тому, как господа, намереваясь бить рабов и в то же время имея намерение простить их вину, однако часто клянутся пред друзьями: если я поймаю его, то не оставлю в живых. Если желаешь знать, каким образом этот день — неисцелен, то пойдем вместе к тому богачу, у которого было много рабов, было изобилие чаш и домашней утвари в этом веке, и ничто из этого не оживотворило его в ином веке, но он до того мучился, что просил Лазаря освежить его иссохшие уста. И ты не краснеешь? Каким образом ты не приходишь в смятение, ища себе врача от язв, которыми томишься, в том, кого ты видел ежедневно и жестоко оставлял, не жалел его, хотя имел такую же природу? Но жестокое мучение заставляет забывать чувство стыдливости. Кто не сжалился бы над этим невыносимым мучением, хотя бы он и сам терпел зло от испытывающего таковое? И вот, он просит не великого чего-либо, не того, чтобы освободиться из горящего пламени и выйти из ада, но — только сколько-нибудь освежить небольшую часть тела. Однако и этого ему никто не дозволил. **И сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть** (Лк.16:26). Пусть он не думает, что вследствие того, что он был жесток к Лазарю, отец Авраам не дозволил последнему освежить горевшие жаждою уста. Для других это служило бы доказательством лености, и они рассуждали бы так: Лазарь не оказал богатому добра потому, что, во время своей жизни, получал от него зло; но мой отец или брат могут заступиться, так как отец не может смотреть на такие казни, чтобы не сжалиться, он умилосердится и извлечет из мук. Христос, чтобы отстранить все эти пустые утешения и убедить каждого надеяться на свои добродетели, и весьма мало на других, выставляет Авраама, который говорит: **и сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят** (Лк.16:25). А прежнее показывает справедливое правосудие: **ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь — злое** (Лк.16:25). Я, говорит, признаю и утверждаю, что я не столь бесстыден, чтобы быть несправедливым даже в мучениях. Не ради справедливости я желаю облегчения, но только требую сострадания. **Между нами и вами утверждена великая пропасть**, потому что неисцельный день исполнен гнева и ярости. Хорошо сказал пророк: "исполнен", так как (тогда) нет места для покаяния, но все исполнено гнева, нет места для сожаления и милости, так как Бог дал врачество покаяния на время жизни, а тот день сделал неисцельным. Но, может быть, скажут: ужели Он не примет во внимание человеческой природы? Ужели мы не из грязи, — не прах и пепел? Однако не теперь время таких слов; эти прекрасные слова следовало помнить тогда, когда вы совершали грехи, хвастались, горделиво превозносились, предавались изнеженности и срамному пьянству. Патриарх Авраам говорил во время мучений, когда гнев Божий уже пришел, был уже при дверех (Мф.24:33), но решение суда еще не было дано и не передано мучителям. Возможно ли изменение закона после судебного решения? Не слышишь ли ты, как сам Авраам молил Бога, пока стоял в качестве судьи и говорил с Ним; но когда низвел число праведников до десяти и лишь сказал: **неужели Ты погубишь праведного с нечестивым** (Быт.18:23), то замолчал? Точно также должно говорить и там: после произнесения определения должно молчать, — теперь ты стараешься напрасно. Если ты

не поспешал во время поспешения, то что пользы поспешать теперь? Сам Христос молит, и ты не внемлешь. И Павел также настойчиво говорит о молитве Христа: **как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом** (2Кор.5:20). Ты должен примириться, говорит, с Моим Сыном, который ни против кого не грешил, но даже понес грехи многих. Если ты примиришься с Ним, то примиришься и со Мною; а если не слушаешь Его молений, то напрасно будешь просить Меня о чем-либо.

Хотя ты не примиришься с Спасителем и Искупителем, однако Я жду и терплю, прошу и не желаю отступить и презреть молитву. Каким образом ты можешь просить Меня, когда Я подвергну тебя наказанию и казни? Ты просишь и умоляешь Меня теперь, но тебе должно было слушать и повиноваться тогда, когда Я звал тебя, и Я бы дал тебе прощение и милосердие, и примирился бы с тобою, а (теперь) ты примирение сделал своим обвинением.

10. **Вот, приходит день Господа лютый, с гневом и пылающею яростью, чтобы сделать землю пустынею и истребить с нее грешников ее**. Он называет тот день Господень, в который придут в изумление все, прежде не красневшие от стыда, лица. Тогда все, являющиеся теперь мятежниками, уразумеют, что все от Бога, когда они подвергнутся наказанию и проникнутся трепетом, когда бывшие презренными в этом мире просияют светлее лучей солнца, а гордые, славные и знатные здесь, будучи низвержены и унижены, пойдут в место мучения. Тогда будет день Господень, когда каждый **приимет мзду по своему труду**. Если этот день есть день не только гнева и ярости, но также воздаяния и чести, то почему, скажут, он обозначается не приятными, но суровыми выражениями? Из-за тебя и твоей небрежности, чтобы — по крайней мере таким образом — возбудить тебя. Ведь, все знают, что он есть день воздаяния, но не знают, что — также день наказания; тому верят, а этому не верят. **Чтобы сделать землю пустынею**. Но почему сказано: всю **землю**? Выслушай также и последующее: **и истребить с нее грешников ее**. Когда грешников примет ад, а праведников — рай, то справедливо пророк сказал: **сделать землю пустынею**, где совершались грехи. Тогда ниспровергнутся города и дома и все. Мировой порядок обновится снова, хотя некоторые этому не верят. Справедливо сказано: **истребить с нее**, — так как они погибнут не совершенно, но, будучи низвержены в огонь, понесут наказание за свои дела.

11. **Звезды небесные и светила не дают от себя света; солнце меркнет при восходе своем, и луна не сияет светом своим**. Кому они будут давать свет, когда явится Солнце правды? Когда является солнце, пропадают все звезды; точно также и после того, когда явится Солнце правды, не будет являться никакое светило.

12. **Я накажу мир за зло**. Выслушай теперь изречение, угрожающее вселенной бедствиями. **И нечестивых — за беззакония их, и положу конец высокоумию гордых, и уничижу надменность притеснителей**. Почему же, оставляя иные бедствия, Он выставляет на вид только это? Чтобы показать тяжесть гордости, которая есть корень зол, источник неправды, из которой произошел конец и начало погибели мира: она была началом всех зол, она низвергла с неба сатану и прочих с ним. Потому и Бог, чтобы исцелить эту тяжелую рану, все совершил со смирением: Свое рождение, хождение в мире, призвание апостолов, и Деву, от которой родился, и обручника, которому была обручена эта Дева, так как он был по занятию ремесленник, которым не было места в гостинице, и они были так бедны, что не имели даже колыбели, почему Он, как сын бедных, был положен в яслях. Когда Он телесно взошел в возраст, то, говорится, **и некоторые женщины служили Ему имением своим** (Лк.8:2,3); и Сам Он говорил: **Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову** (Лк.9:58). Людей незначительных Он призвал в апостолы, Он дал учение смирения, укрепляя его совершенно и в тоже время

преследуя гордость, как лютого зверя. Таким образом, Своею трапезою, ложем, жизнью, Своими одеждами, наставлениями, крестом страдания и всем прочим Бог учит нас ничему иному, только смирению. Он умыл ноги предателя: это более дивно, чем прочее. Видишь ли, какую Он показывал кротость? Он принял удар от раба, которого поддерживал силою терпения. С тех пор и доселе Он презирается и получает укоризны, однако Он и говорил и все дела совершил для спасения тех, которые Его презирают и пренебрегают.

Тогда каждый, как преследуемая серна и как покинутые овцы, обратится к народу своему, и каждый побежит в свою землю (ст. 14): пророк не только говорит о пороках, но показывает, также и достоинство добродетелей.

13. **Сделаю то, что люди будут дороже чистого золота, и мужи — дороже золота Офирского**. Видишь ли красоту добродетелей? Видишь ли блеск? **Для сего потрясу небо, и земля сдвинется с места своего от ярости Господа Саваофа, в день пылающего гнева Его**. Пророк опять останавливается на страшных словах и даже дольше прежнего, признавал это полезным для того, чтобы сделать их благонравными. **Потрясу**, говорит, **небо**. Если подвигнутся силы небесные, то тем более разъярится самое небо, столь долгое время питавшее людей, и причиной вечных наказаний будет обилие небесных благ, всегда кормившее их. Не думай, что второе пришествие будет подобно первому: тогда Он приходил тихо и молчаливо, для подъятия грехов, а теперь придет для праведного возмездия; тогда Он был как бы врачом, а теперь — в образе судии; тогда Он насаждал виноградную лозу, а теперь собирает плод; потому Он придет для низвращения всего, чтобы ты уразумел величие Его и чтобы знал, что Он мог и тогда придти таким же образом. Если в руке Его — края мира, Он **призирает на землю, и она трясется** (Пс.103:32), то что удивительного, что когда Он придет, то превратит все? **От ярости Господа Саваофа**: души почувствуют ярость Господню.

14. **Тогда каждый, как преследуемая серна**: те, которые будут отделены от праведников, не найдут себе нигде убежища и утешения. **И как покинутые овцы**: и правильно, так как не будут иметь пастыря. **И не будет собираяй** (в русском переводе этих слов нет): каким образом их соберут, когда Сам Бог рассеивает? Пророк снова меняет речь.

17-18. **Вот, Я подниму против них Мидян, которые не ценят серебра и не пристрастны к золоту. Луки их сразят юношей**. А Симмах говорит: из луков погубят юношей. **И не пощадят плода чрева**. Бедствия должны быть тяжкими, так как отсутствуют слова милости. Смотри же, как много благ для одних и как много бедствий для других. О, дивное превращение!

19-20. **И Вавилон, краса царств, гордость Халдеев, будет ниспровержен Богом, как Содом и Гоморра, не заселится никогда, и в роды родов не будет жителей в нем; не раскинет Аравитянин шатра своего, и пастухи со стадами не будут отдыхать там. Но будут обитать в нем звери пустыни, и домы наполнятся филинами; и страусы поселятся, и косматые будут скакать там. Шакалы будут выть в чертогах их, и гиены — в увеселительных домах**. **Косматые** на самом деле не существуют, не обитают и в Вавилоне, но у людей встречается такое название, они употребляюсь его для обозначения пустыни или города, не имеющего жителей. В таком смысле принимает его и Писание, излагая все по человеческому обычаю, но не утверждая, что это так на самом деле. Писание принимает даже вульгарную речь людей и таким образом говорит с ними. Другие переводчики, вместо **косматых**, полагают: страусы. А Акила говорит: волосатые и косматые демоны. Симмах и Феодотион: мохнатые волосами демоны и онокентавры. И будут перекликаться совы в Идим (в еврейско-масоретском: в чертогах его).

ГЛАВА 14

1. **Близко время его, и не замедлят** день наказания: парфяне и мидяне овладеют царством вавилонским. **Ибо помилует Господь Иакова и снова возлюбит Израиля**: после 70 лет, назначенных Богом для плена народа (иудейского), они возвратятся из Вавилона. **И поселит их на земле их, и присоединятся к ним иноземцы и прилепятся к дому Иакова**.

2. **И возьмут их народы, и приведут на место их**. Когда царь Кир повелел народам собрать и с почетом вести в землю Израиля, и сыны Израиля разделили пришедших в земле Господней в качестве рабов и рабынь, то не только была вложена (Богом) в сердца врагов забота собирать и вести таковых, но весьма многие иноплеменники, влекомые славой благочестия, охотно решили быть рабами сынов Израилевых, подобно тому, как из Египта, вместе с народом Господним, вышла большая толпа иноплеменных. **И возьмет в плен плениших его, и будет господствовать над угнетателями своими**.

3-4. **И будет в тот день: когда Господь устроит тебя от скорби твоей и от страха и от тяжкого рабства, которому ты порабощен был, ты произнесешь победную песнь на царя Вавилонского и скажешь: как не стало мучителя, пресеклось грабительство!** Удивительно: бедствия называются покоем. Акила яснее показывает, каким образом ад престал от дела своего, видя бедствие его (ц. вавилонского). Огорчишася сретущии тя, т.е., воспламенились гневом. Акила же говорит: опустились внутрь. Симмах: подвиглись, Феодотион: вознегодовали как на того неприятеля, так и на смерть.

5-11. **Сокрушил Господь жезл нечестивых, скипетр владык, поражавший народы в ярости ударами неотвратимыми, во гневе господствовавший над племенами с неудержимым преследованием. Вся земля отдыхает, покоится, восклицает от радости; и кипарисы радуются о тебе, и кедры ливанские, говоря: "с тех пор, как ты заснул, никто не приходит рубить нас". Ад преисподний пришел в движение ради тебя, чтобы встретить тебя при входе твоем; пробудил для тебя Рефаимов, всех вождей земли; поднял всех царей языческих с престолов их. Все они будут говорить тебе: и ты сделался бессильным, как мы! и ты стал подобен нам! В преисподнюю низвержена гордыня твоя со всем шумом твоим; под тобою подстилается червь, и черви — покров твой**. Итак, смотри: они подвиглись, смутились, и показали, что это — наказание Божие, — дело Божие, которого они даже не ожидали, и оно было сверх чаяния. Справедливо сказано: **как упал ты с неба, денница, сын зари?** Некоторым это кажется сказанным относительно враждебных сил, потому что и Христос говорит: **Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию** (Лк.10:18). Не отвергнем этого толкования: возможен и иной смысл этого выражения, тем не менее, примем это толкование, так как оно теперь полезно. Удивительно, что сатана, хотя был бестелесной силой, светил утром и был посылаем ко всем языкам, ниспал с неба. Видишь ли, когда в нем возбуждается горделивая память? Смотри, как это злейшее семя, посеянное вначале сатаной, произросло и выросло. Когда ты сравниваешь бедствия относительно земной жизни, то Бог чрез пророка сообщает тебе такой закон. Если, при стечении стольких вынудительных обстоятельств и многоразличных перемен, Адам не мог обуздать дерзость, чтобы не превознестись в величии, и не считая достаточным для себя покоя и бессмертия, пожелал сравняться с Богом, — то как не научили тебя на счет человеческой природы преданные в руку сатаны? О царе Тирском говорится: ты рекл еси: бог есмь аз, а не человек (ср. Иезек. 28:9); а об асирийцах: **рука моя захватила богатство народов, как гнезда** (Ис.10:14). Таково было предостережение, чтобы ты не переступал положенной тебе меры. Ты непременно выйдешь из пределов, если тебя оставить свободным, — и не совершишь ли тогда дел худших, чем прежние? Строители башни были исполнены гордости, это же

было и у язычников. В этих делах показан образ неравенства, а Бог всегда старается уничтожить страсть алчности, чтобы никто не желал и не хотел больше меры.

16-18. **Тот ли это человек, который колебал землю, потрясал царства, вселенную сделал пустынею**. Что ты говоришь? Почему плачешь и обвиняешь? Ведь это плач — обличение злых, указание, что Сам Бог обладает правом налагать наказание, тогда как (царь вавилонский) не освободил бывших в плену. Видишь ли, что человеческая жестокость была причиной правды Божией, которая обрушилась на него жестокой смертью?

19. **Ты повержен вне гробницы своей, как презренная ветвь**. Видишь ли, что и это случилось не без основания, но по причине человеческой злобы, так как прежде говорится, что нам не должно считать наказания случайными. Он (ц. вавилонский), говорится, не только умрет, но умрет смертью жестокою. **Все цари народов, все лежат с честью, каждый в своей усыпальнице; а ты повержен вне гробницы своей, как презренная ветвь**: другие почили в чести, а ты в казни и мучениях.

20-25. **Как одежда убитых, сраженных мечом, которых опускают в каменные рвы, — ты, как попираемый труп, не соединишься с ними в могиле; ибо ты разорил землю твою, убил народ твой**. **Как Я помыслил, так и будет; как Я определил, так и состоится, чтобы сокрушить Ассура в земле Моей и растоптать его на горах Моих**. Видишь ли, откуда происходит его наказание? Ты дал приказание. Выше и ниже Ты говоришь; Я приведу царя вавилонского, и никто не может успокоиться у него (ср. Иерем.25:9-11), а здесь, напротив, высказываешь другое правило: **истреблю имя Вавилона и весь остаток, и сына и внука.** Почему же? Не Ты ли отдал ему власть над землею? Потом: **чтобы не восстали и не завладели землею и не наполнили вселенной неприятелями**: итак, по причине будущих событий, они подвергаются наказанию, которого не заслужили. **За беззаконие**, говорить, **отца их**. А это как возможно? Так как они были бы жестокими относительно своих отцов, потому они исторгаются из среды живых прежде, чем совершат такие дела, — они ведь были охотниками до войн и состязаний и людьми были воинственными. О ком говорится: **племя злодеев**? О Навуходоносоре это не может быть сказано, так как от него царство принял сын его, сам он умер в мире. Быть может, здесь указывается на Валтасара, который был убит вместе с сыновьями своими. Почему говорится: **разорил землю твою, убил народ твой**? Это сделал Навуходоносор, а не Валтасар. Может быть, говорится об ассирийцах, которые были большим бременем для иудеев. Мы же скажем следующее: тот, кто не пощадил священных сосудов, которые он осквернил, вследствие беспорядочного пьянства, каким образом мог щадить прочее? Потому далее говорится: **спадет с них ярмо его, и снимется бремя его с рамен их** (ср. Ис.48:6). Отец же его, делавший столь великие дела, почитал Даниила, почему дал такое правило: **кто произнесет хулу на Бога Седраха, Мисаха и Авденаго, был изрублен в куски, и дом его обращен в развалины** (Дан.3:96). **И сделаю его владением ежей и болотом**. А прочие говорят: наследие змий; еврейский. И **вымету его метлою истребительною, говорит Господь Саваоф**. Если, вследствие грехов жителей, земля производит из себя то, что служит им в погибель, то это бывает более тяжким злом, чем уступка города неприятелям. **С клятвою говорит Господь Саваоф: как Я помыслил, так и будет; как Я определил, так и состоится, чтобы сокрушить Ассура в земле Моей и растоптать его на горах Моих**. Он говорит или о вавилонянах, или о других подобных им. Вавилон подпал власти ассириан, потом вавилоняне, не мидяне, овладели Ассирией. Может быть, вавилоняне овладели царством ассирийским не войною, но законами власти, а их наконец погубили мидяне. Это считай сказанным о вавилонянах, а не об ассирийцах.

28-29. Видение филистимлян. **В год смерти царя Ахаза было такое пророческое слово** о филистимлянах. **Не радуйся, земля Филистимская, что сокрушен жезл, который поражал тебя**. А другие говорят: разбить. Акилла: жезл власти гонящих. Симмах и Феодотион: пред ярмом сокрушающих вас жезл мучения. **Ибо из корня змеиного выйдет аспид, и плодом его будет летучий дракон**. А прочие говорят: изыдет василиск, убивающий одним взглядом. Из этого мы научаемся относительно изменчивости вещей, совершающейся не по человеческой, а по Божией воле. **Он изменяет времена и лета, низлагает царей и поставляет царей** (Дан.2:21). Видя царствующим сурового князя, человекоубийцу жестокого, не молись, чтобы он был изъят из среды живых, но примирись с Богом, который может укротить его жестокость. Если же не примиришься с Богом, Он может возбудить других более жестоких князей. Итак, будем прибегать не к людям, а к небесной власти, от которой поставляется власть князей. **Сердце царя — в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его** (Притч.21:1). Итак, не бойся сердца князя, но бойся Держащего это сердце в руке. Где Бог благоволит, там и в огне обретается роса; а когда Бог поборает, тогда и в удовольствии является сражение и спор. Не были ли потреблены огнем вавилоняне, стоявшие вне печи? Бог был их врагом. Не были ли три отрока ввержены в печь горящую, и — огонь нисколько не повредил им? Бог был их другом. Тем, кому Бог не благоволит, не бывает ничего доброго; напротив, кому Он благоволит, тем не бывает ничего злого. Итак, зачем ты совершаешь такое длинное путешествие, выдумываешь столько средств и усовершенствований, бегаешь туда и сюда, одного просишь, другому обещаешь тленную награду, иных делаешь посредниками, когда тебе нужно было сделать краткий путь, — примириться с Богом? Если Бог тебе не благоволит, то все труды бесполезны; а если Он милостиво воззрит на тебя, то даже враги станут друзьями. Животные пустыни, говорится, примирятся с Тобою. Таким образом вред Даниила мог отстранить Бог, заградивший ненасытные уста львов, удержавший их жадные языки от крови, чтобы заградить уста злословящих, изменить их злые намерения в добрые помыслы, чтобы умы их не замышляли против святого. Он не завидовал венцу его: любовь пророка к Богу и любовь Бога к нему не обнаружились и не восхвалялись бы, если бы Бог не попустил пророку испытать труды искушения. Бог любит праведников, и желает показать их всем. Так поступают друзья относительно любимых ими лиц: они не желают скрывать своей любви, но желают иметь многочисленных свидетелей святой и искренней любви. Бог же, хотя не нуждается ни в чем, украшает Себя любовью святых, подобно человеку, украшающему себя украшениями, и желает всем сделать явною любовь Свою и любовь к Себе. Послушай, как Бог любил Иова, хотя этого никто не знал. Что же он делает? Объявляет о Своей любви сатане, чтобы из этой любви показать похвалу Иова. Итак смотри, как он похваляет его: **обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле** (Иов.1:8). Это — слова любви, и они не таковы, как наши: мы хвалим по лести, а Он — не так. Бог не только говорит: Я желаю показать вам похвалу его, так как люблю его, но призывает весь мир на зрелище, оставляет борца в битве одного, а Сам отступает. Чтобы кто-либо не сказал, что вся победа принадлежит ему одному, Бог стоял вдали и внимательно наблюдал за борьбой борца. Хотя у борцов присутствует учитель, которого никому невозможно удерживать, но Бог, чтобы победа была блистательнее, не был таковым, не учил его способу борьбы, но оставил его в борьбе одного и безоружного. Ты, говорит, замыслил отнять его блага, Я же отдам в руку твою тело его, а против него ты ничего не возможешь (ср. Иов.1:12). Бог всем желает показать, как Он любил его, и открывает Свою любовь к нам, будучи сам свободен от всякой злой страсти. Мы во всем ищем славы, желая, для хвастовства, показать те доблести, какими мы одарены. Он же не так, — но, чтобы сделать нас кроткими и честными. Как иной друг, чтобы показать свою любовь к возлюбленному, рисует его телесный образ, глаза, нос, щеки, так желает показать Свою величайшую любовь Бог: потому Он отпечатлевает в душах прекраснейший образ, и доставляет свидетельство, что ничто не сравнится с его красотой. Сперва об Иове

засвидетельствовано, что в то время он один был приятен Богу, а потом перечисляются в отдельности его добродетели: **был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла** (Иов.1:1). Откуда это явствует? говорит сатана. Я сделаю то, что ты испытаешь его. Как если бы кто-либо сказал: красота является от белил, румян и лазури, позволь мне отнять украшение, чтобы тебе видеть, как безобразно лицо, которое ты любишь, а тот уверенно сказал бы: иди и мой, как угодно, и оно явится еще красивее, — так же говорит и Бог: иди испытывай, и ты увидишь, что он окажется еще светлее. Он благосклонно говорит своему возлюбленному как бы так: не думай, что Я оставил тебя; Я не отнял любви и попечения, напротив, ради любви, сделал все, чтобы всем показать Свою любовь к тебе. Смотри также, что сказал Иов: **Господь дал, Господь и взял** (Иов.1:21), и: **неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?** (Иов.2:10). Не желая, чтобы кто-либо злословил его Возлюбленного, — а иной мог сказать: в такие-то бедствия Он предал тебя, — Иов своей любовью устраняет проклятие: **буди**, говорит, **имя Господне благословенно** (Иов.1:22). Люблю, говорит, и не могу я злословить Его. Хотя в другом месте говорится: укоризна отнимает любовь, однако в данном случае не говорится об этом, но таковые обстоятельства кажутся безвредными. Не только были укоризны, но и тяжкие мучения, и они никоим образом не могли повредить ему; хотя он и говорил с жаром, но не по причине укоризны, а мольбы, мучительная же мольба была следствием полученной скорби. Тяжки следующие слова его: **не обвиняй меня; объяви мне, за что Ты со мною борешься?** (Иов.10:2); **если я согрешил, то что я сделаю Тебе**? (Иов.7:20). Он сильно был опечален тем, что, стоявшие при нем, его ближние тогда готовы были думать, будто он не любит Бога, и Бог не любит его. Я, говорит, знаю, и Ты, Господи, знаешь, но кто их убедит? Настолько они считали его оставленным Богом. Подобным же образом Бог говорил Моисею: **оставь Меня** (Исх.32:10), **прощаю по слову твоему** (Числ. 14:20); а сестре его говорил: ни с кем Я не говорил так, как с Моисеем (ср. Числ.12:6-8). Тот щадил, но Бог не отпускал (греха). **По слову твоему**, говорит, **прощаю,** а не ради их. Смотри также во время Авраама: **пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего** (Быт.12:1), и: **утаю ли Я от Авраама раба Моего, что хочу делать** (Быт.18:17). Но возвратимся к начатому.

29. **Не радуйся, земля Филистимская, что сокрушен жезл, который поражал тебя, ибо из корня змеиного выйдет аспид**. Езекия, говорит пророк, будет для вас нестерпим. Но почему он не сказал: Бог вас накажет? Потому что имя аспидов повергало их в больший страх. Говоря "аспид", пророк показывает не злобу Езекии, но нечто более тяжкое и обременительное для них.

30. **Тогда беднейшие будут накормлены, и нищие будут покоиться в безопасности**. Видишь ли, как они не веровали тому, что происходит и что имеет произойти от Господа. Нечто подобное же случилось во время пришествия Христова: Он пасет убогих, питает неимущих; богатые же не так, но остаются жадными. Бедных пасет Бог, как Он и говорит: **Аз есмь пастырь добрый** (Ин.10:11), добрый пастырь не в том смысле, что опытен в богатом столе, но что ведет овец к ясному и чистому источнику. Не видишь ли ты овец, которые не желают тонких снедей, но щиплют простую пищу? Точно также Бог будет питать тебя. Не питал ли Он когда-либо? Конечно, питал, но только рыбами и хлебами, так как это было ежедневной пищею граждан (Мф.16:16-21). Некогда Он также напитал мясом, но это принесло вред, а не пользу ядущим (Числ.11:31-34). **Нищие будут покоиться в безопасности**: показывается покой смерти. Другие же переводчики говорят: да седят в мире, — потому что не будет у них ни голосов, ни плача, ни воплей, ни иного чего-либо подобного, но они будут в мире, не будут приходить в смущение и не будут противоборствовать, хотя бы даже подвергались смерти и отсекновению главы. **Будут покоиться в безопасности**, — так как иной (из них) будет умирать ради Бога, и он почиет в мире, с честью. Драгоценна такая смерть праведников. Смерть будет драгоценной не

оттого, что иной умрет в своем доме, на ложе или среди семейных, но оттого, что мы будем умирать храбро и мужественно за истину. Что такая смерть драгоценна, об этом свидетельствует вся вселенная. Хотя знаменита кончина царей и вождей, и она иногда почитается их семейными, однако она непохожа на кончину тех рыбарей, которые умерли не по естественному порядку, но с великой добродетелью и совершенной победой, и гробницы которых почитаются во всем мире. Одному была отрублена голова, другой был четвертован, иной — побит камнями. Тем более они почитаются, что почили такою смертью, так как умерли ради мира вселенной. Подобно тому, как даже мало предприимчивые вожди в высшей степени почитаются после смерти, за те труды, какие они подъяли ради мирских дел, и пали в сражении, так и апостолы, умершие за церкви, их мир, прияли венцы, и после смерти более и более почитаются. Если их Царь смертью смерть попрал, то, конечно, и вождям надлежало подражать своему Царю. Итак, не будем горевать о тех, кому была отсечена голова, и не будем ублажать тех, которые умирают в своем доме: это не блаженство, а то не горе. Но блаженными должно считать тех, которые мужественно умирают за истину, и в гробницу несут как одежду, хорошую жизнь, — которая гораздо драгоценнее золотых одеяний. Иной, оставляя умирающего за истину нагим и считая недостойным погребения, таким образом, более украшает его, нанося ему тяжкий позор за понесенный ради истины труд. Он делает его не жалким, но блаженным, так как таковую одежду не ест моль, не точит червь, не крадут воры, не истребляет время, не гноит земля: она остается нетленной и украшает облеченного в нее более, чем солнце и корона из звезд украшает небо.

Будем же желать такого рода смерти за благо общественное. Но почему не за нашу корысть и пользу? Это я говорю затем, чтобы мы приготовляли себя самих к трудам, привходящим со дня на день, ради благочестия. И ныне, если желаем, мы умираем многократной смертью. Как может смертный человек умирать многократной смертью? Когда он смертен, то он умрет лишь однажды; а если он умирает часто, то ясно, что он — бессмертен: ведь умирает живой, а тот, кто умер, снова не умирает. Является новый вопрос: он не есть смертный. Если бы он был смертным, то каким образом он умер бы снова? Он — и не бессмертный: если бы он был бессмертным, то каким образом Павел говорил: **за Тебя умерщвляют нас всякий день** (Римл.8:36), и опять: истинно, истинно говорю вам: **я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашею** (1Кор.15:31). Он думал об унижении и вреде, а не о делании добродетели (так как однажды умереть положено всем людям), почему и сказал: **я каждый день умираю**. Сколько времени Бог дал для его жизни, столько Павел и оставался, всегда умирая; он не желал оставаться должником, но считал своим долгом умирать **каждый день**. Что же равное этому показываем мы? Смотри, кому дано покоиться таким образом: бедным, слабым, не велеречивым. Смерть их пророк называет покоем, потому что нет ничего подобного тому покою, когда иной беспорочный стремится на тот путь, вне земного отечества. Как человек, близкий к смерти, дает правила и повеления относительно своего дома, жены и детей, и располагает все, как желает, хотя это его не касается больше, а потом думает ни о чем больше, как о смерти, так — тем более тот, кто собрал столько сокровищ, с которыми он уверенно может предстать к Богу. Душа его станет пред Богом, после того как священная смерть снимет тягость грехов; легкий дух взойдет на небо и уверенно устремится к Богу, когда у него отнята будет злая совесть, — не боясь какого-либо наказания и не страшась, что для него должны заключиться врата небесные, оставляя тело охотно, без битвы и борьбы, не насильственно влекомый вожатаями и не внезапно уносимый, и ему не должно опасаться вследствие какого-либо греха, ни сомневаться вследствие зла. Весело и охотно он отдается им, как отрок, ищущий кормилицу, отца или матерь, — отлично зная, что он призывается не для мучения и вечной смерти, но для царской почести и трапезы, уготованной всем добрым, и понимая, что то тело, которое он на некоторое время оставляет, он примет вновь, с великой славой и честью.

30. **Твой корень уморю голодом, и он убьет остаток твой**, так что не найдется вновь корня. Велико — спасение, отъемлющее зло голодом.

31. **Рыдайте, ворота! вой голосом, город! Распадешься ты, вся земля Филистимская, ибо от севера дым идет, и нет отсталого в полчищах их. Что же скажут вестники народа? — То, что Господь утвердил Сион, и в нем найдут убежище бедные из народа Его**. Вот, пророк обращает пророческую речь к иноплеменникам, и предсказывает прежде о дыме: как дым предшествует огню, так неприятный вест ник предшествует гневу. Смотри здесь на человеколюбие Бога, который не тотчас воспламеняет огонь, но прежде поднимает дым, чтобы видящие его избегали огня. Смотри также, как дым приходит издалека, но никто, не заботится о себе.

Что же скажут вестники народа? — То, что Господь утвердил Сион, и в нем найдут убежище бедные из народа Его. Что значит: **что скажут**? Это значит: они ничего не могут сказать и ответить как-либо, так как у них отняты все поводы защиты. Все будет происходить не по естественному порядку, но все оскудеют во зле, в похотях; освободятся только жители Иерусалима. Какой ответ ты сможешь дать? Он основал Сион, Им спасутся смиренные народа, а — не твоею доблестью. Видишь ли, кого пророк называет смиренными? Слабых, преданных своими близкими, чтобы объявилась помощь Божия.

ГЛАВА 15

1. Видение седьмое. **Пророчество о Моаве**.

Теперь пророк говорит о земле моавитян, чтобы их не считали виновниками предсказанного, и исчисляет причины наказания: во-первых, говорит, они горды и клеветники, потом — заслуживают наказания ради Иерусалима. **Ночью будет разорен Ар-Моав и уничтожен; так! ночью будет разорен Кир-Моав и уничтожен!** Ночью пророк обозначает блуждание страстного желания, вследствие чего происходит гибель государства.

2-3. **Он восходит к Баиту и Дивону, восходит на высоты, чтобы плакать**: так как он был алтарем, где были воздвигнуты жертвенники. **Моав рыдает над Нево и Медевою**. Когда придет неприятель для осады, вы убежите из городов на горы, на гору Навав, — где был погребен Моисей. **У всех их острижены головы, у всех обриты бороды** — от шлемов и тяжести оружия, хотя из этого ничего не может произойти. **На улицах его препоясываются вретищем**: на улицах, где они чтили идолов. **На кровлях его и площадях его все рыдает, утопает в слезах**: на кровлях его, где почитали воинство небесное.

4-5. **И вопит Есевон и Елеала; голос их слышится до самой Иаацы**, — во внешних городах, окружавших Моавию. **За ними и воины Моава рыдают**, именно, с площади моавитской вышли крик и плач. **Рыдает сердце мое о Моаве; бегут из него к Сигору**: казни усилились в Моавии до Сигора, куда бежал Лот. Юница бо есть трилетна (в русском переводе этих слов нет), т.е., в цветущем возрасте, в силе, в зрелости, в прелестях. Пророк говорит: **восходят на Лухит с плачем; по дороге Хоронаимской поднимают страшный крик** — потому, что Ароним был расположен на равнине, а дорога к нему — на горе, так что бежавшие с полей пробегали близ гор. Но, не найдя там покоя, они бежали в горы, как сказано выше: **восходит на высоты, чтобы плакать** (15:2), — на гору и куда более их гнало. **Поднимают страшный крик; потому что воды Нимрима иссякли**. Водою он называет или войска городов, или то, что, при умножении разбойников, убывают воды.

6-9. **Луга засохли, трава выгорела, не стало зелени**. Ясно, что там, где стоят бесчисленные войска, бывает скудость травы и зелени. Хотя бы они спаслись и при этих условиях, однако наведу на дебрь Аравлян, и возмут ю: хотя бы они, в дебрях и крепостях, остались невредимыми от иноземных разбойников, однако, они не смогут избавиться от ближних арабов, знающих их укрепления. Прейде бо вопль предел земли Моавитския до Агаллима, вследствие нашествия разбойников на Моава и другие ближние города. До кладязя Елимля. **Воды Димона наполнились кровью**. Это, кажется мне, два речных потока, куда бежали беглецы, но арабы, знакомые с местностью, пришедши и сюда, умертвили бежавших. Потому пророк прибавляет: наведу бо на Димона Аравляны, и возму семя Моавле, и Ариилево, и останок Адаминь, и послю на вселенную ради нищеты и шатания.

ГЛАВА 16

1-8. Еда камень пуст есть гора дщере Сиони? Т.е., лишен помощи. Нет, но во время осады языческих войск она найдет помощь. **Ибо блуждающей птице, выброшенной из гнезда, будут подобны дочери Моава у бродов Арнонских. Составь совет, постанови решение**, не о чем ином, но: **осени нас среди полудня, как ночью, тенью твоею, укрой изгнанных, не выдай скитающихся**. Вследствие опасности, их свет превратится в мрак, потому пророк прибавляет: **пусть поживут у тебя мои изгнанные Моавитяне**. Арнон, укрепленный город, не спасет никого из моавитян. Яко отъяся, говорит, помощь твоя, и князь погибе, попираяй от земли[1]: эти города были покорены вместе с князьями. **И утвердится престол милостью, и воссядет на нем в истине, в шатре Давидовом, судия, ищущий правды и стремящийся к правосудию**. Здесь, мне кажется, указывается на Езекию, так как по его молитве город получил милость. **Слыхали мы о гордости Моава, гордости чрезмерной, о надменности его и высокомерии и неистовстве его: неискренна речь его**, глаголет Господь, и ненавидение его: моавитяне всегда ненавидели израильтян. Не тако волхвование твое, не тако[2]: с тобой случилось не так, как обольщало тебя твое волхвование, говорившее, что гнев (Господа) не превозможет тебя. В Моавии как бы не плачут, когда-то там слышался плачь, но теперь **возрыдает Моав о Моаве, — все будут рыдать, поля Есевонские оскудели**: вследствие крайнего бедствия, даже ужасного опустошения полей не будут считать стыдом. **Также и виноградник Севамский; властители народов истребили лучшие лозы его**: поля и виноградные лозы будут попираемы множеством солдат. **Которые достигали до Иазера**, до Иазира, куда вы убежите во время бегства, но **расстилались по пустыне,** т.е., они стали блуждать по пустыне.

9-10. **Посему и я буду плакать о лозе Севамской плачем Иазера**: это были поля моавитян. **Буду обливать тебя слезами моими, Есевон и Елеала; ибо во время собирания винограда твоего и во время жатвы твоей нет более шумной радости. Исчезло с плодоносной земли веселье и ликование, и в виноградниках не поют, не ликуют; виноградарь не топчет винограда в точилах: Я прекратил ликование**, т.е., вследствие уменьшения людей, даже поля и виноградники будут бесплодными.

11. **Оттого внутренность моя стонет о Моаве, как гусли, и сердце мое — о Кирхарешете**. Подобно тому говорит и Иеремия: слово Господне было в устах моих, как огонь, и пылало в костях моих (ср. Иерем.5:14), и Михей: аз исполнен силы Духа Господня (3:8). Они сами поспешали прежде всего всем объявить, что сердца пророков вдохновлены благодатию Св. Духа.

12. И будет в посрамление тебе[3]: он, говорит, посрамлен ради идолов, на которых возлагал надежду, почему прибавляется: **хотя и явится Моав, и будет до утомления**

подвизаться на высотах, и придет к святилищу своему помолиться, но ничто не поможет, так что сознают, что ни от кого нет помощи, только от Того, кто хранил Иерусалим и разрушил его.

13-14. **Вот слово, которое изрек Господь о Моаве издавна. Ныне же так говорит Господь: чрез три года, считая годами наемничьими, величие Моава будет унижено со всем великим многолюдством**. Некогда пророк сказал о других бедствиях, теперь же возвещает и об этом: после трех лет обесчестится слава Моава, **и остаток будет очень малый и незначительный**.

---

[1] В русском переводе этих слов нет.

[2] В русском переводе этих слов нет.

[3] В русском переводе этих слов нет.

ГЛАВА 17

1. Видение седьмое. **Пророчество о Дамаске**.

2-3. **Вот, Дамаск исключается из числа городов и будет грудою развалин**. И приводятся причины этого: **не станет твердыни Ефремовой и царства Дамасского с остальною Сириею; с ними будет то же, что со славою сынов Израиля**. Отсюда ясно, что Господь наказывает его, не как мятежника, но щадя и промышляя. **И придет к святилищу своему помолиться**, говорит пророк, **но ничто не поможет** (16:12), но не говорит: не могут. Каким же образом? Те, которые прежде говорили против пророчества пустое, каким образом могли оказать помощь, когда сами лишены ее? Пророк говорит то, что имело произойти с евреями, что все они оставят города.

4. **И будет в тот день: умалится слава Иакова, и тучное тело его сделается тощим**: так как одни будут убиты вне, другие будут осаждены в городах, а остальные дойдут до крайнего бедствия, так что не сможет помочь ни жрец, ни пророк, ни кто-либо иной. Таким образом ясно, что значит: **умалится слава Иакова, и тучное тело его сделается тощим**: не сможет помочь ему ни множество, ни телесная сила, ни иное подобное, и останутся весьма немногие, как колосья на полях, после жатвы. Потому Бог возбуждает войну и часто немногочисленным дает победу над многими, чтобы показать, что победа принадлежит не множеству, но могуществу Того, кто по Своей воле побеждает многих и с многими, и с малыми.

5-6. **То же будет, что по собрании хлеба жнецом, когда рука его пожнет колосья, и когда соберут колосья в долине Рефаимской. И останутся у него, как бывает при обивании маслин, две-три ягоды на самой вершине, или четыре-пять на плодоносных ветвях, говорит Господь, Бог Израилев**. Смотри, что говорит пророк. Положив славу в своей местности, они считали город свободным, и пренебрегали предпринимать что-либо внутри стен. Но для нас свобода обеспечена не местностью, а помощью Господа. Это пророк говорит для того, чтобы придать пророчеству веру, чтобы иудеи не боялись. Смотри, как велик был страх их! Он поразил иноплеменных не только затем, чтобы они научились силе Его, но также затем, чтобы они сами стали трезвыми и полезными для себя.

7-8. **В тот день обратит человек взор свой к Творцу своему, и глаза его будут устремлены к Святому Израилеву; и не взглянет на жертвенники, на дело рук своих, и не посмотрит на то, что сделали персты его, на кумиры Астарты и Ваала**. Что ты делаешь, жалкий человек? Тот тебя сотворил, а ты уповаешь на иного? Сотворивший тебя не сможет ли быть твоим покровителем? Приведший тебя из ничего к жизни может снова возвратить в ничто. **И глаза его будут устремлены к Святому Израилеву**, т.е., очи ума будут созерцать Святого Израилева. **И не взглянет** на мучителей своих. Ужели не великое бесчестие — не быть в состоянии понимать очень легкое, при отсутствии трудностей? И как человек будет почитать то, что он делает? Это происходит не из иного чего-либо, а только — из тупости.

9. **В тот день укрепленные города его будут, как развалины в лесах и на вершинах гор, оставленные пред сынами Израиля, — и будет пусто**. Он приводит на память минувшие благодеяния, чтобы иудеи познали Его теперь, так как им невозможно отвергать, и они должны признать, что разрушение (городов аморреев и евеев) они совершили не своей силою, но эти самые народы, за свои грехи, были предоставлены им, как и теперь те самые города за грехи (жителей). Смотри на многочисленность обвинений! Если иудеи совершили те же грехи, что и языческие народы, то ужели они не заслужили их же наказания?

10. **Ибо ты забыл Бога спасения твоего, и не воспоминал о скале прибежища твоего; оттого развел увеселительные сады и насадил черенки от чужой лозы**. Не достаточно ли было сказать только: Бога? Зачем также — **Бога спасения твоего**? **Ты забыл Бога спасения твоего, и не воспоминал о скале прибежища твоего**. Не только не помянул, даже забыл. Но, забыв Бога, как ты не вспомнил Питателя, всегда кормившего тебя? Так как необходимость в пище и лечении настоятельна, то ты должен вспоминать Его. **Оттого развел увеселительные сады**. Акила ставит: насаждение благолепия. Симмах: насаждения прекрасные. Феодотион: насаждения благоприличные. **И насадил черенки от чужой лозы**. Акила говорит: и отросток чужой, а прочие — подобное этому, именно: ты будешь насаждать в то время, когда иноземцы будут вести войну и расположатся лагерем вне стен.

11. **В день насаждения твоего ты заботился, чтобы оно росло и чтобы посеянное тобою рано расцвело; но в день собирания не куча жатвы будет, но скорбь жестокая**, вследствие беглецов, оставивших город. **Чтобы посеянное тобою рано расцвело**, т.е., вызреет. Во оньже день наследиши, паки отец человечь, наследие даси иноплеменным, аки сыном твоим[1], и будешь сопровождать их.

12-14. **Увы! шум народов многих! шумят они, как шумит море. Рев племен! они ревут, как ревут сильные воды. Ревут народы, как ревут сильные воды; но Он погрозил им и они далеко побежали, и были гонимы, как прах по горам от ветра и как пыль от вихря. Вечер — и вот ужас! и прежде утра уже нет его. Такова участь грабителей наших, жребий разорителей наших**. Да не устрашает тебя, говорит, множество, которое возбуждает смятение. **Увы! шум народов многих! шумят они, как шумит море. Рев племен! они ревут, как ревут сильные воды. Ревут народы, как ревут сильные воды; но Он погрозил им и они далеко побежали**. Другие говорят: побежит и далеко будет преследовать. **И были гонимы, как прах по горам от ветра и как пыль от вихря**. Смотри, как тотчас стала весьма легкою победа. **Вечер — и вот ужас! и прежде утра уже нет его**. Он называет даже время победы, которая имела быть ночью; почему не днем? Чтобы не видели мучений и не смущались граждане. **Такова участь грабителей наших, жребий разорителей наших**. Видишь ли, как пророк приводит это на ум, чтобы знали, что те наказаны были ради их же?

[1] В русском переводе этих слов нет.

ГЛАВА 18

1-2. **Горе земле, осеняющей крыльями по ту сторону рек Ефиопских, посылающей послов по морю, и в папировых суднах по водам! Идите, быстрые послы, к народу крепкому и бодрому, к народу страшному от начала и доныне, к народу рослому и все попирающему, которого землю разрезывают реки.** Пойдут к языку без упования и попранному. Твоя помощь не сможет совершить что-либо, и ты будешь, как люди, путешествующие понапрасну. Они посылают в море послания и вестников, которые имеют проводить жизнь далеко от родины и на чужбине. Чтобы послания не истребило время, для этого они делают их по форме рек. **Горе земле, осеняющей крыльями по ту сторону рек Ефиопских**. Акила: горе земле с тенями, а Симмах: горе земле, в которой слышится крик попранных без упования, — или потому, что были весьма ослаблены крылья, или потому, что они обитали по ту сторону эфиопской или северной реки. Каким образом они пошлют в страну индийцев и получат помощь? **Посылающей послов по морю, и в папировых суднах по водам! Идите, быстрые послы, к народу крепкому и бодрому, к народу страшному от начала и доныне, к народу рослому и все попирающему, которого землю разрезывают реки**. А Симмах: посылавший послов по морю и сосуды из папируса, чтобы они шли по воде к народу без упования, живущему по ту сторону земли.

3. **Все вы, населяющие вселенную и живущие на земле! смотрите, когда знамя поднимется на горах, и, когда загремит труба, слушайте!**

Ныне реки земныя, аки страна населена[1]. Те, кто слабы по природе, тем более ослабнут от нападения воюющих. Аки страна населена, именно, страна их украсится красивыми зданиями. **Когда знамя** от Господа **поднимется на горах, и, когда загремит труба, слушайте**, т.е., то, что сказано и потом совершится, — не думай, говорит пророк, что объявлено в моих словах: я не призывал бы всех вас во свидетели, если бы не имел надежды, что это исполнится в будущем. Величественно и дивно то, что настоящее изречение произносится не в каком-либо уединенном месте и не частным образом, т.е., тайно, но пред всеми, наподобие трубы, наполняющей своим звукам вселенную, чтобы пришла высота добродетелей и обошла всю вселенную.

4. **Ибо так Господь сказал мне: Я спокойно смотрю из жилища Моего, как светлая теплота после дождя, как облако росы во время жатвенного зноя**. Пусть не называют этого сомнительным: как солнце бывает светлее в полдень, так и теперь; а потому не бойся. **Как облако росы во время жатвенного зноя**. Как облака доставляют утешение разгоряченным от солнечного жара, потому что тенью уменьшают солнечный жар, и не только осеняют, но и охлаждают, так и спасение Божие придет им в утешение от угрожающего им зла.

5-6. **Ибо прежде собирания винограда, когда он отцветет, и грозд начнет созревать, Он отрежет ножом ветви и отнимет, и отрубит отрасли. И оставят все хищным птицам на горах и зверям полевым; и птицы будут проводить там лето, а все звери полевые будут зимовать там**. Они будут изъяты из среды живых и лишатся чести погребения, и большие и малые будут удалены как бы серпами, так что даже тела твоих мертвецов не смогут войти в гробницы. Желая показать ужас бедствия, пророк говорит,

что умрет столько людей, как некогда в пустыне. Евреи видели трупы врагов на берегу, выброшенные из моря: тех, кого они боялись и страшились, видели брошенными на берег, голыми, безоружными и без погребения. Тогда это совершалось для общего зрелища, и они не видели ни ран, ни ударов, но — мертвые и оставленные тела.

7. **В то время будет принесен дар Господу Саваофу от народа крепкого и бодрого, от народа страшного от начала и доныне, от народа рослого и все попирающего, которого землю разрезывают реки, — к месту имени Господа Саваофа, на гору Сион**. Когда это исполнится и увенчается трофеем, тогда они воздадут Господу победу и славу. То, чего они не могли совершить своею доблестью, потом Господь совершил Своею силою. Язык не надеющийся и попран, иже есть в части речней страны своея. Этими словами показывается как малочисленность и слабость их, так и величие победы, чтобы они приписывали победу не себе, но Богу.

---

[1] В русском переводе этих слов нет.

ГЛАВА 19

1. **Пророчество о Египте. — Вот, Господь восседит на облаке легком и грядет в Египет. И потрясутся от лица Его идолы Египетские, и сердце Египта растает в нем**. Акила говорит: на плотном малом. Что ты говоришь: **восседит на облаке**? Хотя облака и не плотны, однако в них есть нечто телесное. Другие разумеют под облаком Пресвятую Деву, но это неудобоприемлемо, так как облако означает нежность, легкость и подвижность сущности. **И потрясутся от лица Его идолы Египетские**. Он начинает победу с демонов, чтобы между людей не оставалось какого-либо повода для наказания. Когда Он пришел и ничего пока не совершил, то, вследствие одного пришествия Его, потряслась вселенная. Это совершилось, когда только пришел Христос. Спустившись в Египет, Он в корне исторг все неправды. После того никакой тиран и царь не вели войны против Бога, не отпадали от Него; вследствие большой несправедливости, но, ради веры в Него, даже предавали себя на смерть. Нет фараона, который осмелился бы противиться Богу, как до чудес, так и после их, но люди без чудес принимают царство Христово. Там более не находится города, господствующего над пустынею, но вся пустыня, украшенная своими гражданами, превосходит другие государства, так как Бог сотворил дух и тело, и есть люди, которые следуют духовной свободе и добродетели. Итак, смотри на совершенно удивительную вещь: не видно судилища. Почему и каким образом? Нет собраний советников и совопросников, нет безбожных законов, нет властей и приставников (ср. Исх.1:11-22), нет коней и мулов, везущих колесницы, нет голосов глашатаев и наживы рабам (Исх.14:5-9), но все это изгнано оттуда. Какая помощь от врача здоровым, которые, с пришествием Христа, получили совершенное спасение? Хорошо сказал пророк: **восседит**, чтобы этим словом показать, что Он есть судья и мздовоздаятель за все, там происходящее. **И сердце Египта растает в нем**. Какая польза потом от тела, когда недостает ума, правителя его? Здесь и обозначается такое ослабление, совершившееся с ведущими войну. Они ослабели вследствие слабости не тела, но ума, вследствие своей внутренней слабости.

2. **Я вооружу Египтян против Египтян; и будут сражаться брат против брата и друг против друга, город с городом, царство с царством**. Ужели это признак благорасположения? Конечно, и даже великого, — как и Господь говорил: **не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я**

пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее (Мф.10:34-35). Подобно тому, как, в случае повреждения человеческого члена, должно отсечь неизлечимую часть, так должно делать и здесь.

3-5. **И дух Египта изнеможет в нем, и разрушу совет его, и прибегнут они к идолам и к чародеям, и к вызывающим мертвых и к гадателям. И предам Египтян в руки властителя жестокого, и свирепый царь будет господствовать над ними, говорит Господь, Господь Саваоф. И истощатся воды в море и река иссякнет и высохнет**. Хотя эти слова имеют оттенок пророчества, однако они не предсказывают ничего о будущем. **И истощатся воды в море и река иссякнет и высохнет**. Когда это было? Видишь ли могущество и силу Божию? Почему не случилось так прежде? Почему в то время Он не уничтожил природы воды, но преобразовал ее? Во время чародеев Он желал начинать с меньших знамений, чтобы и их побудить к таковым. Но, спрашивают нас, где была иссушена река? Кто это знает? И как могло это случиться? Каким образом случилось это? скажи пожалуйста. Ужели это было удивительнее огненного дождя и пламени, превращенных в росу? Впрочем эллины не знают этого, по своему неразумию; они услаждаются своим и, обыкновенно, прославляют только свое; слыша что-либо новое и дивное, они стараются это скрывать. Это — древнее событие, происшедшее некогда, в век их философов.

6-7. **И оскудеют реки, и каналы Египетские обмелеют и высохнут; камыш и тростник завянут. Поля при реке, по берегам реки, и все, посеянное при реке, засохнет, развеется и исчезнет**. Симмах говорит: непристойность будет нищенствовать, Феодотион: бедный будет арот; это, еврейское слово означает непристойность. Видишь ли, что однодневная только убыль воды считается великим (бедствием)?

8-11. **И восплачут рыбаки, и возрыдают все, бросающие уду в реку, и ставящие сети в воде впадут в уныние; и будут в смущении обрабатывающие лен и ткачи белых полотен; и будут сокрушены сети, и все, которые содержат садки для живой рыбы, упадут в духе. Так! обезумели князья Цоанские; совет мудрых советников фараоновых стал бессмысленным. Как скажете вы фараону: "я сын мудрецов, сын царей древних?"**

И восплачут рыбаки, и возрыдают все, бросающие уду в реку, и ставящие сети в воде впадут в уныние. Таково будет бедствие от недостатка воды (вообще), что даже опытные рабочие подвергнутся этому бедствию. **Так! обезумели князья Цоанские; совет мудрых советников фараоновых стал бессмысленным**. Что значит: **стал бессмысленным**? Значит: они не найдут никакого средства, чтобы облегчилось положение дела, как и в ином месте говорится: **и вся мудрость их исчезает** (Пс.106:27). Такова сила Господня, что Он наводит такие бедствия, которые могут или умалить, или уничтожить и мудрых, и сильных, и богатых, чтобы ясно было, что эти казни посланы от Бога. **Как скажете вы фараону: "я сын мудрецов, сын царей древних?"**

12. **Где они? где твои мудрецы? пусть они теперь скажут тебе; пусть узнают, что Господь Саваоф определил о Египте**. Пророк не говорит, чтобы они уничтожили бедствия, что свойственно высшей силе, но: **скажут**, что позволяет даже языческое предсказание. **Пусть узнают, что Господь Саваоф определил о Египте.**

13. **Обезумели князья Цоанские; обманулись князья Мемфисские, и совратил Египет с пути главы племен его**, или потому, что прежде обещали какие-либо блага, или потому, что они, прежде гордые, не могли проявить этого.

14. **Господь послал в него дух опьянения; и они ввели Египет в заблуждение во всех делах его, подобно тому, как пьяный бродит по блевотине своей**. Здесь многократным образом показывается сила Господа: чрез великую притязательность Египта Господь отнимает всю силу магического искусства, обладанием которого тот славился. (Мудрецы его) не только не будут получать пророчества и предсказывать будущее, но не будут в состоянии объяснить его, даже и после научения Мною: такова именно сила Господня, что Он может скрыть от них даже что-либо известное и видимое. Вот, говорит, Я сказал, сообразил, совершил, — тем не менее, они потом не смогут ничего сказать. Он дал им дух заблуждения, так как были слабы умы их. Бог желает, чтобы Его считали причиной не только благ, но и бедствий: **делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это** (Ис.45:7), и: **бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы?** (Ам.3:6) Заблуждение являет Его не менее, чем истина. Выслушай аскалонитян, как они лукаво дивились: не это ли, говорят, Бог, который обманул египтян (ср. 1Цар.6:6)? Не только, говорят они, следует бояться Того, кто творит чудеса, но должно бояться Того, кто сводит с прямого пути. Находясь в мире и безопасности, пусть они не полагаются на это, так как у них может быть какой-либо хитрый замысел: потому и говорится, что "Он прельщает". Бог любит род человеческий и не желает, чтобы причиной чего-либо считали демонов, подобно тому, как греческие мудрецы полагали другую силу: они подразделяли божественную силу на две взаимопротивных стороны, обнаруживая и свою деятельность по той же мерке, причем одну называли демонами добрыми, а другую — злыми. Но Бог — не так. Конечно, говорят, что существует некоторая бестелесная злая сила, но не супротив Господа и не равна с Ним, но повинуется и подчинена Ему, как в человеческом роде могут быть злые и добрые люди. Демон, как показывает Бог, не может делать зла сам по себе. **Которых**, говорится, **я предал сатане** (1Тим.1:20). Если сатана не мог дерзнуть на что-либо без предания Павла, то тем более он не может ничего подобного совершить без соизволения Бога. Если он боится рабов Господних, и выжидает, пока услышит повеление их, чтобы повиноваться ему, как палач — судье, то тем более — Бога. И смотри, как, с соизволения Божия, он мало-помалу наступал на Иова. Смотри также, что совершилось с несчастным Иудой. Сатана сперва не смел напасть на него по своей воле, прежде получения власти. Но когда тот отделился от божественного сонма, тогда вошел в него сатана. Хотя и прежде того он много раз, вследствие святотатственного воровства, приготовлял в себе место для сатаны, и сам Иуда служил для себя злом, однако сатана не имел власти, прежде чем Христос не предал ему его. Отсюда научаемся, как страшно человеку пренебрегать молитвой и законами. **И они ввели Египет в заблуждение во всех делах его, подобно тому, как пьяный бродит по блевотине своей**.

15-17. **И не будет в Египте такого дела, которое совершить умели бы голова и хвост, пальма и трость. В тот день Египтяне будут подобны женщинам, и вострепещут и убоятся движения руки Господа Саваофа, которую Он поднимет на них. Земля Иудина сделается ужасом для Египта; кто вспомнит о ней, тот затрепещет от определения Господа Саваофа, которое Он постановил о нем**. Иудеи, говорит, будут подвержены наказанию, так как они были причиной бедствий для них. Видишь ли, какими благами пользовались евреи, когда ради их приходила в замешательство вселенная, и их не только прельщали, но и боялись.

18. **В тот день пять городов в земле Египетской будут говорить языком Ханаанским и клясться Господом Саваофом; один назовется городом солнца**. Акила: город весны; Сим-мах; город Арег. Феодотион: город Арен назовется один. Пророк показывает обилие вещей, так как и в Египте был сооружен храм. Почему говорится: **будут говорить языком Ханаанским**? Потому что они имели говорить иудейским языком. Потом называется и имя: **один назовется городом солнца**. Видишь ли исполнившееся пророчество? Видишь ли подтверждение? Пророк называет время, место, число и имя:

они не только узнают их имя, но и своему будут учиться. Так как им надлежало рассеяться по вселенной, то пророк прежде приучал их к добродетелям, и уничтожал страх законов и силу их. Теперь же, скажут, он учит иным образом, и зачем нам слушать сказанное? По закону совершенно не дозволялось строить храм в ином месте: это — преступление. Но затем ты не бойся этого закона. Смотри, в чем показано безразличие: дозволено изменение уставов не в добродетелях, а только в местах.

19. **В тот день жертвенник Господу будет посреди земли Египетской**: это говорятся и о настоящем времени. **И памятник Господу — у пределов ее**. Как воздвигнутый памятник остается крепким и говорит словами надписи о древних доблестях, так — и жертвенник; этот памятник сделан не из меди и несокрушимых каменьев, но — из другого, нерукодельного вещества. О чем же проповедует надпись этого памятника? О силе Господа. Этот, воздвигнутый вне, жертвенник означает не что-либо иное, как только смерть Господню, если Бог может умереть, потому что смерть Господа в теле показывает не что-либо иное, как только милосердие Господа, — эта смерть была причиной жизни вечной. Затем излагаются обстоятельства дела.

20. **И будет он знамением и свидетельством о Господе Саваофе в земле Египетской, потому что они воззовут к Господу по причине притеснителей, и Он пошлет им спасителя и заступника, и избавит их**. Как они вопияли сначала, и Бог послал им Моисея, так — и теперь. Смотри, Бог не всегда и не ко всем безразлично снисходит — к просящим, вопиющим, молящим о благах, но только к тем, которые вопияли из-за оскорбляющих их. Видишь ли, что мучение приводит к лучшему плоду? Он утешает, чтобы ты вопиял и таким образом снискал милосердие.

И Он пошлет им спасителя и заступника, и избавит их. Одни относят это к Онии, а мне кажется, это сказано о Христе. Некоторые переводчики говорят: пошлет им Спасителя. Многие пророчества имеют двоякий смысл, подобно тому, как говорится: из Египта воззвах Сына Моего (Ос.11:1). Это спасение — тем больше, чем достойнее — души и помыслы. **Заступника** (ц.сл.: судию)**, и избавит их**. Что такое: **заступник**? Или — то, что Он осудил сатану, или — то, что не всех безразлично. Потому, что спасение происходит из благодати, не думай, что оно совершается ненамеренно и безразлично. Но как — из благодати? Если кто делает что-либо, достойное благодати.

21-25. **И Господь явит Себя в Египте; и Египтяне в тот день познают Господа и принесут жертвы и дары, и дадут обеты Господу, и исполнят. И поразит Господь Египет; поразит и исцелит; они обратятся к Господу, и Он услышит их, и исцелит их. В тот день из Египта в Ассирию будет большая дорога, и будет приходить Ассур в Египет, и Египтяне — в Ассирию; и Египтяне вместе с Ассириянами будут служить Господу. В тот день Израиль будет третьим с Египтом и Ассириею; благословение будет посреди земли, которую благословит Господь Саваоф, говоря: благословен народ Мой — Египтяне, и дело рук Моих — Ассирияне, и наследие Мое — Израиль**.

И Господь явит Себя в Египте; и Египтяне в тот день познают Господа и принесут жертвы и дары, и дадут обеты Господу, и исполнят. Видишь ли, что сперва Бог является им, а потом они познают Его? **Поразит Господь Египет; поразит и исцелит; они обратятся к Господу, и Он услышит их, и исцелит их. В тот день из Египта в Ассирию будет большая дорога, и будет приходить Ассур в Египет, и Египтяне — в Ассирию; и Египтяне вместе с Ассириянами будут служить Господу**. Населяя Иерусалим, они пребывали в бедствиях, а когда пришли в землю иноплеменных, получили благословение. Видишь ли, что Бог всегда ищет добродетели, а не места? Кто святее этого народа? Он впервые показал тебе, что можно угодить Богу и в чужой земле.

А когда слышишь от Павла, что на всех местах воздеваются преподобные руки, то ты не смущайся и не думай, что он говорит что-либо против закона. Все, что было в ветхом завете, изъято: субботы, упразднены, обрезание отнято, жертвы отвергнуты, храм бесполезен, государство потеряно, город разрушен. И вот, после этого, ты, с опущенной головой, придешь сюда и сядешь под бегущими тенями, которые не принесли никакой пользы отцам. Все иудейское изъято, только одно знание Бога без дел нисколько не помогло им. Видишь ли? Все это — тени и образы, ими Бог желал чего-то иного. Будем же делать угодное Богу и стремиться к спасению, и не будем домогаться чего-либо — иудейского ли, или христианского. Ничто столько не знатно, как добродетель и святая религия, которой желает Бог.

ГЛАВА 20

1-2. **В год, когда Тартан пришел к Азоту**. Другие говорят: Фаран. **Быв послан от Саргона, царя Ассирийского**. Акила и Симмах говорят: от Саркуна. **И воевал против Азота, и взял его, в то самое время Господь сказал Исаии, сыну Амосову, так: пойди и сними вретище с чресл твоих и сбрось сандалии твои с ног твоих. Он так и сделал: ходил нагой и босой**. Зачем пророк называет даже время, когда показывает осаду города? Затем, чтобы научить иудеев относительно времени осады города, так как они не верили одним словам, а также — научить словами и египтян, — убедить их, что им не дается более времени. Так как они, будучи неверующими, не имели никакой веры в минувшие события, то пророк приводит, как ясный признак, поражение города. Если ты, египтянин и пустословец, считаешь одно заслуживающим презрения, то веруй другому, и признай совершившееся. Они должны были скоро верить наставлению, хотя бы и малейшему, слыша таковое, тем более — теперь, когда он присоединяет исполнение, т.е., разоблачение пророка. Если бы произнесенные слова не исполнились, то напрасно и тщетно возлюбленный покрылся бы срамом. Что удивительного, если пророк, говоря неверующим и иноплеменным, показал такого рода действие, когда этим самым он подтверждал свои слова, возвещая единоплеменникам не только о том, когда был послан, но и — когда победил (Тартан)? Видишь ли, какова польза от времени? Мы не напрасно и не тщетно читаем Писание, и не тщетно здесь всегда упоминается время, но для научения чрез времена большему. **Пойди и сними вретище с чресл твоих и сбрось сандалии твои с ног твоих**. Такую одежду и такое одеяние употреблял пророк. Почему же он получил повеление сбросить таковую одежду, облекши в которую свои члены, он оплакивал наступающие бедствия, и — показаться нагим? Подобно тому, как Даниил постилал пепел, как постель (Дан.9:3), так и этот пророк, видя их неизлечимый порок, облачался в такой траур. Не видишь ли ты женщин, как они, видя своих мужей при смерти, покрывают голову и ноги черными одеждами и, если возможно, готовы употреблять все черные одеяния? Так и этот пророк, сознавая, что не будет никакой пользы от пророчества, услышав от Врача душ, что государство прекратит свое существование, и для него нет никакой помощи или лекарства, видел евреев бесчувственными, наподобие больного, не воспринимающего боли, и потому плакал. Одинаковый с этим плач обнаруживал и Иеремия. Но смотри: хотя Исаия и был удручен сетованием, но он не проявлял его, когда это было ненужно, так как это делалось не по тщеславию, а по причине великой заботливости, чтобы грядущие на них вскоре (бедствия) не обнаружились неожиданно. Обрати также внимание на то, какое пророк показывает повиновение. Этот постоянный муж, сетующий таким образом, лишь только получил повеление сложить одежду сетования и печали, тотчас послушался сказанного. А зачем одевался в верблюжью кожу Иоанн? Не затем, чтобы показать людям сетование, но — причину многих даров, именно, пришествие Проповеданного; кроме того, мне кажется, он оплакивал Иерусалим, который имел не принять Христа, о чем плакал и Господь, также и затем, чтобы подтвердить слова образно. Вы знаете, что, когда больной не воспринимает болей и каждый из близ стоящих

может понять близкий конец жизни, врачи приказывают, чтобы они, движимые любовью, не плакали и не смущали души больного, чтобы тем не увеличивать все более печали. Что ты, скажут, врач, говоришь? Ужели я слезами убью? Конечно, скажет тот, слезы показывают ему близкую смерть. Итак, пророк увещевал будущих (слушателей) не только слезами, но и образами. Тоже делал и Давид, но — вследствие своих грехов. Другие делают тоже теперь, оплакивая впрочем, не завоевание города в скором времени, как — тогда пророк, и не предугаданный плен, но злые времена. Ныне, когда возмущена вселенная, подобно Иерусалиму того времени, они постоянно и везде видят смятение, оплакивают погибших, несознающих своей погибели, вследствие чего, оставив города, они, не так как Иона, но иным образом убегают в пустыни.

И сбрось сандалии твои с ног твоих. Он так и сделал: ходил нагой и босой: это служит признаком великого повиновения. Пророк не сказал: что Ты, Господи, говоришь? Ты повелеваешь шутить, осмеивать, презирать, глумиться, насмехаться? Будут говорить, что я — безумный и глупый. В законе определяется, что даже в банях родителям неприлично быть нагими пред сыновьями и сыновьям — пред отцами, а Ты повелеваешь мне быть нагим? Мы будем бесчестными пред женщинами и постыдными пред отроками. Однако пророк не осмеливается не только говорить, а даже помышлять таковое, так как позор и бесчестие является только тогда, когда человек делает то, что запрещает Бог. А то, что Бог повелевает, не позорно, и — при послушании — служит людям даже на пользу. Что ты говоришь, человек? Сам Господь не счел недостойным для себя воспринять недостойный образ (человеческий), принять то, что неприличествовало Ему, чтобы освободить тебя от бесчестия. Ты же, напротив, отвергаешь его, и тебе неприятно терпеть его ради твоих соработников. Он, неизреченный и непостижимый умом, сердцем и помышлениями, — говорится, — сидит на облаках, и, что особенно важно, Ему приписывается гнев, хотя Он менее всего подвержен этой страсти, — часто говорится: прогневался Господь; а ты ради своих соработников отвергаешь и медлишь? Обрати внимание на то, от чего произошло бесчестие наготы? — От грехов. Бесчестие есть грех, оно было причиной наготы, вследствие которой все подвергаются презрению. Но если кто показывается нагим по повелению Божию, то это — не есть бесчестие. Не видел ли ты борцов нагими и готовыми к бою? Здесь для видящих это не бывает никакого вреда, напротив — прибыль и великая польза.

3-4. **И сказал Господь: как раб Мой Исаия ходил нагой и босой три года, в указание и предзнаменование о Египте и Ефиопии, так поведет царь Ассирийский пленников из Египта и переселенцев из Ефиопии, молодых и старых, нагими и босыми и с обнаженными чреслами, в посрамление Египту**. Почему же, скажут, не повелевается в отношении других? Отвечаем: потому, что это обнаружилось не во всей вселенной. **Три года, в указание и предзнаменование** (ц.сл.: три лета будут в знамения и чудеса). Видишь ли, как велика потеря — надеяться на человека, а не на Бога? Ты слышал о слабости соседей, когда она настала, и не стал лучшим, слышал о наготе пророка, и не раскаялся. Бог повелел, чтобы три года совершалось нечто дивное, и это не принесло тебе пользы, потому ты пойдешь в плен нагим, с бесчестием, и тебя постигнет наказание, вместе с муками и потерями. **Молодых и старых.** Зрелище — по виду ужасное, жалкое и печальное: старцы отведенные в плен. Не достойны ли были такого наказания иудеи, которые уже раньше знали об этом и видели исход дела? Смотри, тоже самое происходит и ныне: не пророк посылается, но Сам Христос показывает в Себе все блага и немощи, возвещает, что будет воскресение, которое Он прежде явил в Своем теле, предсказал даже о Своем страдании, говоря: **Сыну Человеческому должно много пострадать** (Лк.9:22), принял плевание в лицо, ударение, был связан и перенес болезни смертные. Пророки с плачем говорили, что это будет. Он же перенес скорби для того, чтобы и нас побудить к терпению, страдание их (иудеев) было наказанием, а наше есть добродетель.

5-6. **Тогда ужаснутся и устыдятся из-за Ефиопии, надежды своей, и из-за Египта, которым хвалились. И скажут в тот день жители этой страны: вот каковы те, на которых мы надеялись и к которым прибегали за помощью, чтобы спастись от царя Ассирийского! и как спаслись бы мы?** Это касается евреев, чтобы они научились надеяться на Бога, а не на помощь людей.

ГЛАВА 21

1. **Пророчество о пустыне приморской. — Как бури на юге носятся, идет он от пустыни, из земли страшной**. Акила говорит: колесница пустыни. Симмах и Феодотион говорят: вихрь. Акила говорит: как туча в полдень; Симмах и Феодотион: как буря от полудня. Акила говорит: блуждать в пустыне.

2. **Грозное видение показано мне**...

(Далее в кодексе недостает нескольких листов)

ГЛАВА 28

Ст. 16. **Посему так говорит Господь Бог: вот, Я полагаю в основание на Сионе камень, – камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крепко утвержденный: верующий в него не постыдится**. Видишь ли ты, что для этого было необходимо пришествие Христово? Видишь ли необходимость воплощения? **Вот**, говорит, **Я полагаю**, а не кто-либо из пророков. **В основание на Сионе**: так как целое здание было низвержено, то поэтому Он полагает основание в глубину, подобно тому, как, в случае совершенного разрушения какой-либо стены, если кто-либо желает ее воссоздать, он опускает большие камни в самую глубину. А что здесь Он предсказал никоим образом не о камне или о каком-либо другом неодушевленном предмете, это ясно из следующего: **верующий в него не постыдится**. Конечно, Он не камням повелел веровать, но, как ясно, возвестил об Искупителе, как и Павел говорит: **положил основание** (ср. 1Кор.3:10-11). Этим словом Он не то желает обозначить, что Сын сотворен, нет, никоим образом, но – что Тот, Кто был от начала, есть Христос и основание евангелия, на котором создана церковь. На Иисусе поставлено все, как на основании, по Его собственному свидетельству: **Аз есмь** корень, а вы ветви (ср. Ин. 15:5). Он, рожденный из самого корня, не имевши ничего общего с людьми, по Своему милосердию восхотел стать подобным людям и стать основанием зданий человеческих; верующие исходят из Него, как ветви.

Почему же Он называется основанием? Потому, что тот, кто не будет созидать на этом основании, никогда не сможет войти в здание, и кто начинает не с него, тот ниспровергнется. Он называется камнем крепким и устойчивым, потому что крепко держит всех, прилепляющихся к нему,– многоценным, честным, который ни прославить по его заслугам никто не может, ни взвесить его стоимость. **Все, что имеет Отец, есть Мое** (Ин.16:15), говорит Он. Как же Он не будет драгоценен, когда в Его руках власть жизни и смерти? Тот, Кто может щедро подавать такие дары, силен не только обогащать бедных, но и людей делать ангелами, потому что не только дарует богатства и тщетные одеяния, но и обновляет природу. Как не будет драгоценен Тот, Кто раздает не только золото или серебро, но также бессмертие телесное, царство небесное, власть вечную? Как не будет драгоценен Он, если пред Ним все, **как капля из ведра, и считаются как пылинка на весах** (Ис.40:15). Кто может возвестить величие Его? После некоторого созерцания его, сам Павел восклицал: **о, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!**(Рим.11:33), а потом: **судьбы Твои – бездна великая** (Пс.35:7); кроме того: **кто изречет могущество Господа**

(Пс.105:2)? Как будет не драгоценен Тот, дары и силы Которого не могут быть поведаны словами, потому что они превосходят всякий разум, силу языка и высоту помышления? Говоря: **камень испытанный**, пророк обозначает несравнимое совершенство Того, Которому нет ничего равного и подобного. Говоря: **избрал Давида, раба Своего** (Пс.77:70), псалмопевец показывает, что он оказался избранником пред всеми людьми того времени: о нем он говорит, как о человеке, так как, хотя он был избранным, однако был человеком. А здесь пророк обозначает несравнимое превосходство Его (Мессии), потому что никто не равен Ему, а Он Сам только равен Отцу. Чтобы тогда, когда называется Сын или Христос, не считали Его одним из многих, пророк прибавляет: Он есть избранный, Которому никто не может обрестись равным. Как говорится об Отце: **нет между богами, как Ты, Господи** (Пс.85:8), так говорится и о Сыне: **кто между сынами Божиими уподобится Господу?**(Пс.88:7). Хотя их есть весьма много, однако только Он Сам равен Отцу. Видишь ли, что только Ему одному принадлежит наследие с Отцом, и Он неравен прочим сынам (Божиим)? Употребив относительно Того и Другого одно и то же выражение, пророк обозначает одну и ту же силу. И опять: **нет подобного Тебе, Господи, между богами, и нет (подобного) по делам Твоим** (Пс.85:8). Чтобы не подумал кто-либо, что пророк сказал о Нем льстиво, приводится подтверждение из Его дел: веруйте Мне, говорится, и исследуйте Мои дела (ср. Ин.10:38), – если они подобны делам Отца, то веруйте Мне, как Творцу. Подобно этому и Сам Христос говорил: **когда не верите Мне, верьте делам Моим** (Ин.10:38). **Камень испытанный, краеугольный**. Видишь ли, как поспешно пророк открывает тайну? Он назвал (Мессию) не только **камнем**, но **камнем краеугольным**. Опытные в постройке зданий весьма хорошо понимают эти слова, а неопытных мы должны научить. Краеугольные камни должны быть самыми твердыми, сравнительно с остальными камнями, употребляемыми строителями при сооружении зданий. Соединяя и связывая прочие камни, они должны быть устойчивее прочих, чтобы утверждать выдающуюся часть здания, сдерживая ее сжатою как бы двумя руками, и чтобы делать ее способной к сопротивлению устремляющимся на нее порывам (ветра). Таково назначение краеугольных камней, – чтобы они противостояли порывам ветров, а также тщательно сохраняли здание. Все это исполнилось во Христе: **сделавшись за нас клятвою** (Гал.3:13), Он претерпел смерть и прочие муки, чтобы сохранить нашу природу; вместе с тем Он собрал и соединил две разъединенных стены, т.е., язычников и евреев. Сам Он поставил Себя посредине, чтобы соединить два разделенных во едино: Он связал разъединенные стены, т.е., природу ангельскую и человеческую. Видишь ли на одном теле Христовом четыре стены, из которых создан единый храм? В нем мы связаны, собраны и соединены, – мы, которые были разъединены и разделены. Он был обрезан и повиновался всем законам, дабы несоблюдением их не отвратить от Себя (иудеев); привлек к Себе также и язычников, чтобы открыть свободный путь новой благодати. Пока находились преграда и средостение, благодать не смела придти; когда же они были отняты, она осмелилась придти и пребывать (с людьми). И сами ангелы вели войну против людей, за то, что Господь их подвергался поношению от людей, а потому угрожали мстить за таковое поношение их. Он собрал (в Себе) также и их, потому что, находясь в теле, не пренебрегал быть почитаемым ими, как они, прежде пришествия Его, почитали только Божество. Кто же будет так безумен и жалок, чтобы, видя своего Господа облеченным природою врагов, осмелиться на борьбу против нее и – лучше – скоро не воссоединится с Ним? Если он удостоил надеть нашу одежду, то как Он может ненавидеть ее? Подобно тому, как друзьям свойственно надевать одежды любимых ими лиц, хотя бы они были весьма грязными, так и Сам Христос не только надел эту одежду здесь, но не стыдится носить эту безобразную, в которую облачился, одежду и на небесах, сидя одесную Отца: любовь побеждает все, и ничто для нее непостыдно. Весьма хорошо говорится: **драгоценный**. Хотя он принял ударение и заплевание в лицо, перенес множество мук, и наконец принял позорную и проклятую смерть, однако остерегись думать об этом

бесславии: хотя Он Сам подвергся этому бесславию, тем не менее Он никогда не терял Своего достоинства.

Слыша об основании, остерегайся думать о нем пренебрежительно: это основание не скрытое, но – явное и держит на себе все крепко. В другом месте это основание называется **главой угла** (Пс.117:22; ср. Мф.21:42): на небесах оно держит все крепко, а на земле делает все неподвижным, – на одном и том же утверждено все, и, в случае его отсутствия, все распадается. Потому и говорится: **в руке Его все концы земли** (Пс.94:4). Видишь ли, как пророк сказал о Сыне в отношении всего мира то же самое, что говорится об Отце в отношении земли? В руке Его находится не только земля, но также природа ангелов и архангелов и все остальное. Мы веруем, что сказанное об Отце, в отношении земли, величайшее и лучшее, – то же утверждается и о Сыне, по сказанному: **все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть** (Ин.1:3). Не только небо и земля, но ангелы и архангелы, престолы и власти, господствия и начала, и все прочее произошло и продолжается чрез Него. Говоря, что Он есть глава всего, пророк показывает смысл, в каком все произошло чрез Него. Подобно тому, как никто не может жить без головы и власти, исходящей из нее в члены (тела), так ничто из созданного не может продолжаться без Христа: **возьмешь**, говорится, **дух их, и исчезнут** (Пс.103:29). Христос есть основа всех основ, и никому не приличествует полагаться на себя или на своих великих соплеменников, в особенности это не приличествует иудеям, которые всегда славились своими великими соплеменниками: хотя и происходит что-либо хорошее, но это совершается силой Христовой.

Верующий в него не постыдится. Справедливо сказано: **верующий в него не постыдится**. Смотри, в этих словах обозначено (первое) пришествие Его, которое хотя бы было и весьма славным, однако нуждалось в вере. А во время славного пришествия Его, не будет нужды в вере, так как величие Божие восполнит место веры. Видишь ли, что всегда нужна вера? Говорит: **верующий в него**, а не: старавшийся познать Его; говорит: **верующий**, а не: вопрошавший и исследовавший; говорит: **верующий**, а не: тщательно изыскивавший. Да постыдятся те, которые желают исследовать Непостижимого! Видишь ли, что всегда нужна вера. Что Он родился, жил на этой земле, умер, подвергшись казням и мукам, и освободил весь мир крестом, – всему этому должно веровать. Нужна великая и славная вера, чтобы веровать, что от креста, орудия смерти, произошла свобода и от смерти – жизнь, наполнившая всю вселенную, как написано: **земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море** (Ис.11:9), и кроме того: **и уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: "познайте Господа", ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого** (Иер.31:34), а также: **от востока солнца до запада славно имя Господне** (Пс.112:3). Совершения чего именно большего этого будет желать кто-либо? Подумай о превосходстве силы Божией: там Он водрузил знак разумения, а здесь трофей победы. Что – проклятие креста? Однако, как видим, от древа совершилось искупление.

Кто слышал когда-либо, кто видел когда-либо, чтобы наказание проклятия было признаком отрешения смерти и разрушением грехов, что взаимно совершенно противоположно? И как нам не удивляться? Мы не желаем даже видеть мучителя и подойти к нему, охватываемые страхом, а между тем налагаем на царскую диадему, на украшения воинов, на члены тела, именно, на голову, грудь и сердце, а также на жертвенники и постели – знак креста. Если когда нужно изгнать бесов, мы употребляем крест, равным образом он полезен для исцеления болезней. Сколько людей было распято до того времени, и, однако, ни в одном не проявилось такой силы. **И Ему будут поклоняться**, говорит Софония, **каждый со своего места** (Соф. 2:11). Не веруй, иудей, словам моим, но я спорю с тобой, показывая тебе древнее свидетельство! Почему ты,

жалкий, несчастный, упорствуешь? Почему ведешь войну против самого твоего спасения? Почему ищешь своей гибели? Почему прешь противу рожна? Не видишь ли ты гроба, не знаешь ли места креста? Не водружены ли они, как памятники? Если кто-либо спросит меня: что дивного сотворил Христос, то я опущу небо, землю, море, воскресение многих мертвецов, и прочие, сотворенные Им, чудеса, именно, умножение хлебов, превращение воды в вино, – и укажу только на крест, который – славнее прочего. Его распятие, говорю я, заплевание лица и ударение, – все это послужило для нашей величайшей пользы. Это – дело Божие, Сам Христос называет это дело славою: **Отче**, говорит Он, **пришел час, прославь Сына Твоего** (Ин.17:1), и Павел присоединяет: **а я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа** (Гал.6:14). Он оставил нам образец этого знака затем, чтобы мы непрерывно помнили, что Христос пострадал за людей, чтобы облагодетельствовать их, – Он крестом разрушил крест и смерть.

Это служит признаком величайшей и бесконечной любви и благосклоннейшего милосердия к нам. Потому и Павел весьма часто говорил: **любовь Божия излилась** (Римл.5:5), и Иоанн: **так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного** (Ин.3:16; ср. Ин.4:9): Его единого, которого имел, Он дал нам. Пришел Сам Сын и крестною смертию совершил наше искупление. Движимый Своею волею, а не необходимостью, Он исполнил таинство святейшего креста, который Он водрузил посреди вселенной, молниевидное и божественное знамение битвы, данное верующим, как орудие победы против врага и как славу надежды великого дня.

ГЛАВА 30

6. **Тяжести на животных, идущих на юг, по земле угнетения и тесноты, откуда выходят львицы и львы, аспиды и летучие змеи; они несут на хребтах ослов богатства свои и на горбах верблюдов сокровища свои к народу, который не принесет им пользы**. Так как они делали неправду, пророк называет их четвероногими. Хотя между теми и другими простиралась пустыня, однако люди не пренебрегали безрассудно передавать свои блага народу египетскому, который не мог помочь им никоим образом.

Откуда выходят львицы и львы, аспиды и летучие змеи; они несут на хребтах ослов богатства свои и на горбах верблюдов сокровища свои. Львом пророк называет колено Иудино, которое имело силу не от себя самого, а от небесной помощи, по сказанному: **молодой лев Иуда** (Быт.49:9). Напоминая о доблестях отцов, пророк осмеивает глупость сыновей. **Откуда выходят львицы и львы, аспиды и летучие змеи**: это он говорит для того, чтобы этими словами поразить сердца их, показывая, что от благочестивых родителей родились нечестивые сыны. Вы, говорит, посрамляете Меня, а Я прославляюсь вами пред неприятелями. Праведник уверен в себе самом, как лев (ср. Притч.28:1), а беззаконный изобилует смятением и не имеет мужества.

7. Ступай, говорит, **помощь Египта будет тщетна и напрасна...** прежде не было наказания... постигли наказания... и они не считали этого неожиданным. Он не только излагает повеление, но и присоединяет:

8-9. **Теперь пойди, начертай это на доске у них, и впиши это в книгу, чтобы осталось на будущее время, навсегда, навеки. Ибо это народ мятежный, дети лживые, дети, которые не хотят слушать закона Господня**. Видишь ли, что Им повелено писать ради обличения и обвинения, как и Моисей в своей песни? Это был народ непослушный, совершенно растленный.

10-11. **Которые провидящим говорят: "перестаньте провидеть", и пророкам: "не пророчествуйте нам правды"**, как больные, которые боятся рук врачей, **говорите нам лестное, предсказывайте приятное; сойдите с дороги, уклонитесь от пути**. Тем не менее, как видим, для утверждения душ их, возвещались видения и объявлялись пророчества. Почему же они чувствовали отвращение при этих словах, и желали находиться в заблуждении?

12-13. **Посему так говорит Святый Израилев: так как вы отвергаете слово сие, а надеетесь на обман и неправду, и опираетесь на то: то беззаконие это будет для вас, как угрожающая падением трещина, обнаружившаяся в высокой стене, которой разрушение настанет внезапно, в одно мгновение**. Какое слово? Именно, они полагались не на Бога, а на египетскую ложь. **Беззаконие это будет для вас, как угрожающая падением трещина**. Вот, великий грех – испытывать мучение вследствие слова Божия: как падает стена укрепленного города, так и тот, кто мучится. Крепок и недвижим есть Говорящий:

15. **Оставаясь на месте и в покое, вы спаслись бы; в тишине и уповании крепость ваша; но вы не хотели**. Мы тогда научимся лучше, когда отступим от грехов, как от грехов. Во время совершения грехов, очи бывают окружены мраком и никто не желает греха, как греха; когда же кто-либо отступает от грехов, тогда он чувствует скорби грехов, подобно тому, как, после таяния льда, вырываются из льда источники, – как это случилось с великим Давидом, или как бывает в том случае, когда кто-либо, упав стремительно в глубокую и темную пропасть, после выхода из нее, охватывается ужасом. Какой, говорит пророк, плод был для вас тогда, почему вы пришли теперь в смущение? Трудно бывает сознать злобу грехов, когда ты грешник, но когда покаешься, тогда, вследствие праведности, уразумеешь грехи, как грехи. Итак, вследствие грехов, должно плакать, потому что плач и стенание суть признаки осуждения соделанного. Поэтому ясно, что нужны обращение, слезы и стоны, так как стенание есть подтверждение и ручательство обращения. Господь был крепость ваша, и вы не хотели слушать Его, и хотя вы видели зрелище вещей, однако из этого ничему не научились.

16-18. **И говорили: "нет, мы на конях убежим", – за то и побежите; "мы на быстрых ускачем", – за то и преследующие вас будут быстры. От угрозы одного побежит тысяча, от угрозы пятерых побежите так, что остаток ваш будет как веха на вершине горы и как знамя на холме. И потому Господь медлит, чтобы помиловать вас, и потому еще удерживается, чтобы сжалиться над вами; ибо Господь есть Бог правды: блаженны все уповающие на Него!** Здесь, ясно, пророк говорит о вавилонянах, много раз научая, чтобы было известно, о пришествии помощи с неба. **И потому Господь медлит, чтобы помиловать вас, и потому еще удерживается, чтобы сжалиться над вами**, – т.е., чтобы показать Свою великую и неизмеримую силу.

19. **Ибо Господь есть Бог правды: блаженны все уповающие на Него! Народ будет жить на Сионе в Иерусалиме**. Ничто иное нам так не помогает, как терпение и постоянная надежда. Павел говорит: **надежда не постыжает** (Римл.5:5), и: **в великом терпении** (2Кор.6:4), а в Евангелии говорится: **претерпевший же до конца спасется** (Мф.24:13). Нет ничего, что бы более утверждало человека.

Иерусалим же плачем восплачется: помилуй мя: он получил ответ... твоих... так как здесь... все привело к концу. Не слава жизни, не обилие правды, не показание добродетели, – будут только вопли и слезы, подобно тому, как в стране египетской, говорится, **Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его** (Исх.3:7), не потому, что они обратились к правде, но потому, что Он полагал для них достаточным

прибегнуть, для своего спасения, к Богу. Ужели этого достаточно для примирения с Богом? Конечно, говорит пророк, потому что Он милостив и жалеет тебя: **Он помилует тебя, по голосу вопля твоего, и как только услышит его, ответит тебе**.

20. **И даст вам Господь хлеб в горести и воду в нужде**: хотя в этом городе вы мало потерпели, однако вы будете освобождены от плена в стране чужой. И ктому не приближатся к тебе льстящии тя (руск. перевод: **и учители твои уже не будут скрываться, и глаза твои будут видеть учителей твоих**): видишь ли, какая выгода от наказания, и какова польза после мучений? Не говорит: не соблазнят тебя, но: не приближатся к тебе, ты будешь для них недоступным и недостижимым.

21. **И уши твои будут слышать слово, говорящее позади тебя: "вот путь, идите по нему", если бы вы уклонились направо и если бы вы уклонились налево**, т.е. прельщающих посребренными суетами, которыми они удерживали тебя от спасения Божия, а сами заблуждались, как показывают следующие слова.

22-24. **Тогда вы будете считать скверною оклад идолов из серебра твоего и оклад истуканов из золота твоего; ты бросишь их, как нечистоту; ты скажешь им: прочь отсюда. И Он даст дождь на семя твое, которым засеешь поле, и хлеб, плод земли, и он будет обилен и сочен; стада твои в тот день будут пастись на обширных пастбищах. И волы и ослы, возделывающие поле, будут есть корм соленый, очищенный лопатою и веялом**. Не спрашивай здесь, исполнилось ли сказанное, или нет? Многое сказано гиперболически, для утешения их, чтобы они освободились от плена; многое не исполнилось оттого, что они были недостойны, и это очевидно из последующего.

25. **И на всякой горе высокой и на всяком холме возвышенном потекут ручьи, потоки вод, в день великого поражения, когда упадут башни**. Ничто подобное, как видим, не случилось когда-либо после плена. (Бог) говорит, что Он намерен искоренить народ и вновь не создаст царства, если даже они обратятся; иначе: чтобы не считали этих слов сказанными тогда, когда они уже исполнились, Он для этого предвещает их заранее (в армянском кодексе здесь неясность, почему латинский переводчик передал смысл лишь отдельных слов).

26. **И свет луны будет, как свет солнца, а свет солнца будет светлее всемеро, как свет семи дней, в тот день, когда Господь обвяжет рану народа Своего и исцелит нанесенные ему язвы**. Мы видим, на ком исполнилось это пророчество. Начнем с начала. Иудеи говорят: это еще не исполнилось, мы же показываем, что никто из иудеев не исцелен, но среди нас мы это обнаруживаем очень ясно: нам явился свет, не только в семь, а более, чем в тысячу раз, больший солнечного, в одно и то же время просвещены очи внутренние и внешние, всюду потекла живая вода, т.е., наставление учения Христова, исцелено наше сокрушение, обвязана рана. Итак, пусть они берегутся, не прельщаются и не отступают от истины, удаляясь в хладную и тщетную надежду. Иерусалим плачем восплакася: помилуй мя! Когда было это? Говорят: во время плена. А разве теперь они не в плаче или только в то время они погибали от мучений? **При реках Вавилона, там сидели мы и плакали** (Пс.136:1). Презриши идолы (эти слова не имеют себе соответствия

ни в одном тексте и древнем списке Св. Писания). Каких идолов? Когда они очистились от нечестия? Не имели ли эти великие слова совершиться с ними после возвращения? Разве Он не мог совершить обещанное? Но, как мы выше говорили, они были недостойны этого.

27-28. **Вот, имя Господа идет издали, горит гнев Его, и пламя его сильно, уста Его исполнены негодования, и язык Его, как огонь поедающий, и дыхание Его, как разлившийся поток, который поднимается даже до шеи, чтобы развеять народы до истощания; и будет в челюстях народов узда, направляющая к заблуждению**: и теперь является гнев, но не вместе со славою, а тогда явится слава Его и великий блеск. **Горит гнев Его, и пламя его сильно, уста Его исполнены негодования, и язык Его, как огонь поедающий**: как решение судей есть не иное что, как только смерть, так решение Христа есть огонь и мучение, как сказано: **идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его** (Мф.25:41).

29. **И будет в челюстях народов узда, направляющая к заблуждению**. **А у вас будут песни, как в ночь священного праздника, и веселие сердца, как у идущего со свирелью на гору Господню, к твердыне Израилевой.** Те, кто всегда грешат, всегда ли будут предаваемы наказанию? Хотя не было никакого иного признака мучений, однако, вследствие самой изменчивости человеческой, людям должно было отступать от грехов и не дерзать совершать зло. Хотя они не веруют, что Иудея достаточно защищена одним Богом и призывают на помощь ассириян, и считают достоверным, что с ними не приключится никакое зло, однако в то время они будут бояться больше друзей, чем врагов, что было достаточно для их поражения и для познания гнева Божия. Итак, пусть они не обвиняют древнюю неприязнь и не оказывают доверия неожиданной перемене.

32-33. **Будет с тимпанами и цитрами**: они сами будут причиной погибели, сами навлекут на себя бедствия: меч вавилонян, пожирающий пламень, град, смешанный с камнями. Так как иудеи были беззаботны и нисколько не сомневались считать их (вавилонян) друзьями, а не врагами, то они воспылали для них, почти подобно пожару, и, подобно граду, сошли те, которые во дни Езекии посылали к нему вестников с дарами. Говоря о вавилонянах, пророк разумеет и ассириян, потому что ассирияне, владея Сирией, подчинили всех вавилонян, таким же образом, как вавилоняне, покорив ассириян, царствовали в Вавилоне.

И всякое движение определенного ему жезла, который Господь направит на него, будет с тимпанами и цитрами, и Он пойдет против него войною опустошительною. Ибо Тофет давно уже устроен; он приготовлен и для царя, глубок и широк; в костре его много огня и дров; дуновение Господа, как поток серы, зажжет его, т.е., раньше времени не будешь предан наказанию: два бедствия имеют прийти, одно внезапно, а другое – от друзей. **Ибо Тофет давно уже устроен; он приготовлен и для царя, глубок и широк.** Если ты не царствовал, то царство Иудино будет наказано временем плена, а это яснее открывается из последующего: **в костре его много огня и дров; дуновение Господа, как поток серы, зажжет его**,– чтобы показать непрестающее наказание. Это можно понимать и о будущем суде мира.

ГЛАВА 31

1. **Горе тем, которые идут в Египет за помощью, надеются на коней и полагаются на колесницы**. Что глупее этого? Те, которые прежде подвергались от (египтян) бедствиям, и тогда, и потом не отстали от них, и не имели к ним ненависти, но еще более надеялись на них. **Потому что их много, и на всадников, потому что они весьма сильны, а на Святаго Израилева не взирают и к Господу не прибегают**. Хотя древняя история учила их силе Божией и тому, что не должно надеяться на воинов, однако Бог обвиняет их не относительно этого, но того, что они не полагали надежды на Бога, и не исповедовали Бога своим Спасителем.

2-3. **Но премудр Он; и наведет бедствие, и не отменит слов Своих; восстанет против дома нечестивых и против помощи делающих беззаконие. И Египтяне – люди, а не Бог; и кони их – плоть, а не дух. И простpет руку Свою Господь, и споткнется защитник, и упадет защищаемый, и все вместе погибнут** Наказание – всеобще, и обвинение – велико, так как многие и теперь прибегают к египтянам, оставляя небесную надежду, надеются на тщетные средства, т.е., на славу и богатство. **Но премудр Он; и наведет бедствие**: **наведет** – не по причине неприятного настроения духа, потому что Он действует с такой мудростью для того, чтобы они понимали, что нуждаются в Его помощи, а это дело не только мудрости, но и милосердия. **И не отменит слов Своих**, чтобы они к Нему прибегали и не вопрошали понапрасну суетных. **И Египтяне – люди, а не Бог; и кони их – плоть, а не дух**: они надеялись на коней египтян, которым, однако, те не оказали никакой помощи. **Коня**, говорится, **приготовляют на день битвы, но победа – от Господа** (Притч.21:31). Хотя Бог мог даровать тебе победу и без этого приготовления, тем не менее, чтобы ты гордо не поднимал головы, Он сделал для тебя необходимым все это.

4-6. **Ибо так сказал мне Господь: как лев, как скимен, ревущий над своею добычею, хотя бы множество пастухов кричало на него, от крика их не содрогнется и множеству их не уступит, – так Господь Саваоф сойдет сразиться за гору Сион и за холм его**. Видишь ли, что пророк берет пример с малого и однако повергает их в страх, как говорится у пророка Осии: **буду нападать на них, как лишенная детей медведица** (Ос.13:8), которая, исполнившись великого прещения, не скоро возвращается к покою. **Обратитесь к Тому, от Которого вы столько отпали, сыны Израиля**: образ обращения больше, нежели благодеяние и спасение.

7. **В тот день отбросит каждый человек своих серебряных идолов и золотых своих идолов**. Когда они подвергаются наказанию, тогда становятся добрыми, как будет то же и в геенне. Тот богач, когда подвергся наказанию, тогда стал добрым, злой и жестокий внезапно явился милосердым, он просил послать кого-либо вразумить братьев его, чтобы и они, умерши во грехах, не подверглись тому же наказанию. Когда он был в богатстве и видел ближнего в мучениях, он никогда не жалел его, а потом, находясь в муках, жалел даже и отсутствующих.

Таким образом, после наказания, всегда видим усовершение. Бог никого не подвергает наказанию с гневным намерением; тогда как мы изливаем свой гнев на других, воспламеняемые гневом, Бог не так, но наказывает наши злые действия для исправления. Почему, говорят, Бог не пожалел фараона после обращения? Мы отвечаем: когда тот показал добродетель? Разве он, преследуя народ после десяти казней, не пылал желанием подчинить его себе? Отсюда явно, что не Бог, а он сам был причиной своей гибели. Он (Бог) предает смерти подверженных неисцельной болезни, как Он сделал с содомлянами и жившими во время потопа, которые, пренебрегши спасением, погибли. Почему, скажут, Он теперь не делает этого, но щадит людей, состарившихся в пороках, даже до смерти? По справедливости, отвечаем, тогда Он быстро мстил, а теперь щадит, чтобы утвердить надежду воскресения и не сделать кого-либо праведником по необходимости. Тогда не боялись ада, и потому он внезапно подвергал их этому наказанию, теперь же не так, – чтобы люди каялись ради страха будущей жизни; только изредка Он наказывает неожиданно.

8-9. **И Ассур падет не от человеческого меча, и не человеческий меч потребит его, – он избежит от меча, и юноши его будут податью**, т.е., ангел не мечом побил войско ассириян. **И от страха пробежит мимо крепости своей**, чтобы сделать явным, что не мог избежать тяжкого гнева Божия. **И князья его будут пугаться знамени, говорит Господь,**

Которого огонь на Сионе и горнило в Иерусалиме. Акила и Феодотион говорят: блажен имеющий свет в Сионе, а Симмах: имеющий огонь в Сионе и печь в Иерусалиме; огнем он здесь называет бедствия, имеющие постигнуть ассириян во время Езекии. **Огонь на Сионе и горнило в Иерусалиме**: так называется блаженное время спасения. Некоторые принимали эти слова о небесном Иерусалиме, и я охотно с этим соглашаюсь; в этом мире иной может избегнуть наказания и казней, но можете ли вы поэтому верить, что он избегнет наказания в другой жизни? Хотя они суть сыны и семя Божие, однако каждому должно обнаруживать свои добродетели. Хотя они называются сынами, тем не менее, если не будут обнаруживать почтенных нравов, имя сынов им не принесет никакой пользы, подобно тому, как и отцы суть таковы не потому, что рождают, но потому, что обучают своих сынов правилу справедливости. По Павлу, кажется, чадородие не доставляет нам никакой пользы, так как он говорит: **спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием** (1Тим.2:15).

ГЛАВА 32

1-2. **Вот, Царь будет царствовать по правде, и князья будут править по закону**. Великое благодеяние Божие заключается в том, что Он воздвигает царя, праведно царствующего, и князей, с судом властвующих. Праведным же он называет не только того, кто лишил себя богатства, но того, кто все совершил со справедливостью: царю и князьям свойственно почитать справедливость, так как те, которые по своему могуществу сильны сохранять законы твердыми, сильны также нарушать правила. Иные же разумеют это о Христе: **вот, Царь будет царствовать по правде**, князья же, говорят они, суть апостолы, по сказанному в псалме: **Ты поставишь их князьями по всей земле** (Пс.44:17).

И каждый из них будет как защита от ветра и покров от непогоды, как источники вод в степи, как тень от высокой скалы в земле жаждущей. Здесь пророк указывает на одержание побед во время Езекии. Бог затем дозволил возрасти ужасу и неприятелям славиться только словами, чтобы, по совершении этих дел, (евреи) вспоминали о чудесах и не делали даже малого зла. Несчастья, когда приближаются, тогда и вселяют страх, и кажутся ужасными и как бы новыми, когда же прекращаются, тогда считаются незначительными, об них не остается и памяти. Видишь ли, что победа царя Езекии предвозвещена здесь не тогда, когда исчез страх и они забыли о чудесах? Чтобы этого не произошло, Бог продолжил страх и позволил, чтобы чудеса были явными.

Как источники вод в степи в земле жаждущей. Прежде Бог показал их нуждающимися в благодати, а потом даровал пользование ею.

3-4. И к сему не будут уповающе на человеки (в русском переводе этих слов нет). Приявши благодать, они получили пользу для душ. **И очи видящих не будут закрываемы, и уши слышащих будут внимать. И сердце легкомысленных будет уметь рассуждать**. Итак ясно, что недостаточно слушать, а нужно еще понимать: что пользы в том, если разум не разумеет?

5-9. **Невежду уже не будут называть почтенным, и о коварном не скажут, что он честный. Ибо невежда говорит глупое, и сердце его помышляет о беззаконном, чтобы действовать лицемерно и произносить хулу на Господа, душу голодного лишать хлеба и отнимать питье у жаждущего. У коварного и действования гибельные: он замышляет ковы, чтобы погубить бедного словами лжи, хотя бы бедный был и прав. А честный и мыслит о честном и твердо стоит во всем, что честно**. Таков помысел тех, которые неправедными словесами развращали смиренных, т.е., таков совет злых,

устремляющихся умом туда и сюда, чтобы портить и извращать слова на суде. Поистине величайшая неправда заключается в том, чтобы, вместо словесной помощи и милосердия, портить и извращать их на суде. Помышления праведников останутся неподвижными, от них ничто не может быть отсечено или отнято. Так, те три отрока положили себе не поклоняться изображению, и никто не мог изменить их мысли. Равным образом Павел положил себе не изменять проповеди, и ничто не могло поколебать его воли. Подобно тому, как то, что свойственно Богу, есть неподвижно, так и свойственное рабам Его есть твердо: никто не может изменять помышлений их, которые они помышляют, ни смерть, ни иное что, как говорит Павел: **ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем** (Римл.8:38-39). Если добродетель так устойчива и тверда, то напротив злонравие — не стойко и не твердо. Кто был храбрее Навуходоносора, который владычествовал над всей вселенной, все покорил своей власти, которому не мог противостоять никто из князей и тиранов? А между тем какие-то юные мальчики переменили мысль царя страхом Божиим. Это именно означает тот камень, о котором говорится: **всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне** (Мф.7:24).

Женщины беспечные! встаньте, послушайте голоса моего; дочери беззаботные! приклоните слух к моим словам. Хорошо сказал: **встаньте**, потому что богатство повергает в великое разрушение. Почему он говорит: **встаньте** от разрушения вашего, **послушайте голоса моего**? Это значит: будьте расположены к слышанию. Что же они услышат? Вся земля, говорит, извратится. Почему же пророк называет жен **беспечными**, или, как говорят другие переводчики счастливыми? И другой пророк употребил эти слова для обличения, говоря: **говорящие господам своим: "подавай, и мы будем пить!"** (Ам.4:1). Так как они именно весьма часто были причиной гибели мужей, то поэтому пророк призывает их к наказанию. Или же он называет женами государства, как ясно из последующего.

10-19. **Еще несколько дней сверх года, и ужаснетесь, беспечные**. Когда они преданы будут мучителям, тогда вспомянут о радости праздничных дней, и это возбудит у них скорбь и опасение. Смысл всех этих и последующих слов один и тот же. **Доколе не излиется на нас Дух свыше**, т.е. посещение свыше. И почиет в пустыни суд, и правда в Кармиле вселится (русск. перевод: **тогда суд водворится в этой пустыне, и правосудие будет пребывать на плодоносном поле**). Гора Кармил находится близ страны израильской. Именем же горы пророк обозначает спасение и мир страны, подобно тому, как, упоминая Ливан и кедры его, указывает на народ и страну. Все это совершилось с ними после возвращения, почему он и говорит: **спокойствие и безопасность вовеки**: здесь он обозначает не конец мира, но время спасения. **И град будет падать**. Хотя во время Зоровавеля против них сражалось многое множество народов, однако они не могли причинить им никакого вреда. Потом — иным образом. И будет пустыня в Хермель, а Хермель в дубраву вменится (в русск. переводе этих слов нет). Пустыня и города, где совершаются побоища и всегда процветают бои, не отличаются между собою. Какая помощь от судей и судилищ там, где совершается всякое беззаконие? А после прекращения неправды, земля будет пользоваться миром. И будут, сказано, дела правды в мире. Да и как может обретаться мир там, где ссора и состязание? Выслушай говорящего: **плоть желает противного духу, а дух — противного плоти** (Гал.5:17). Если у нас воля находится в правде, то мы обитаем во граде мира, где совсем не будет какой-либо причины состязания, потому что как неправда бывает началом ссоры, так из правды выходит мир. Не смотри на телесное угнетение, а на ту пользу, какая происходит из того угнетения: часто ведь сражение и состязание бывают причиной мира. Подобно тому, как в то время, когда воины ведут сражение, города и народы пользуются миром, а когда по

трусости отстают и не борются с неприятелем, тогда мир исчезает, — так происходит и здесь. **И делом правды будет мир, и плодом правосудия — спокойствие и безопасность**

вовеки. Тогда народ мой будет жить в обители мира и в селениях безопасных, и в покоищах блаженных: ничто не дает покоя душевного, ничто не успокаивает совести и не услаждает мысли, как только справедливость, когда нет ничего, что бы причиняло мучение и возмущало ум. **Спокойствие и безопасность вовеки**. Правда не знает изменчивости времени, равным образом человеческих затруднений, все этого рода вещи от ее лица отгоняются, пренебрегаются, презираются. И будут живущии в дубравах уповающе, яко сущии на полях (в русск. переводе этих слов нет). Обитающий с добродетелью в лесах будет жить безопаснее, чем в городе; напротив, предавшийся неправым действиям, хотя бы был окружен тысячью стен, ничем не отличается от безоружного и незащищенного. Великое благо добродетель, сохраняемая со всяким попечением; но великое зло — грех, т.е., предание себя растлению. **Мудрость делает мудрого сильнее десяти властителей, которые в городе** (Екклес.7:19). **Отойди от человека глупого, у которого ты не замечаешь разумных уст** (Притч.14:7). Облечемся же в эти доспехи: нет ничего крепче этого вооружения, никогда не оставляющего нас безоружными и незащищенными.

Какой вред принесла Иоанну наклонность к пустынничеству? Каким злодеям или разбойникам предал Бог пустынного человека? Какой вред принесла Илии гора Кармил? Не были ли более подвержены страху укрепленные города, чем та гора?

Нет ничего безопаснее добродетели, нет ничего безобразнее порока. **Если бы ты захотел постигнуть стезю жизни ее, то пути ее непостоянны, и ты не узнаешь их** (Притч.5:6). Что удивительного, если добродетельный человек не был обольщен коварством людей, когда он остался непреодолимым в то время, когда снисходили казни с неба? Точно также и Христос указывает не на внутреннее испытание, а на то, которое сходит с неба, когда говорит: **и пошел дождь**, называя здесь дождем посылаемые с неба испытания, **и разлились реки**, как называет коварство сослужителей, **и подули ветры, и он не упал** (Мф.7:25). Желаешь ли, чтобы я показал тебе такого человека, который, будучи подвержен сперва испытанию, потом козням, не потерпел никакого ущерба, но остался непобедимым как для неба, так и для мира? Он говорит: **Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось; да будет имя Господне благословенно** (Иов.1:21). А видел ли ты дождь, сходящий свыше? Се есть в руце твоей (ср. Иов.2:6). Смотри на козни, происходящие от людей: **похули** говорит, **Бога и умри** (Иов.2:9); но тот (Иов) не сказал ничего подобного. Не видел ли ты, что река ударяла в здание, и оно не пало? Оно было основано на камне страха Божия.

20. **Блаженны вы, сеющие при всех водах и посылающие туда вола и осла**. **Блаженны**: что означает это слово? По толкованию некоторых, им обозначены возвращающиеся. А мне кажется, что им обозначается нечто иное, именно: **блаженны** те, которые смягчают свои грубые души и предуготовляют возделанными для земного семени. Пророк не сказал: при всякой земле, но **при всех водах и посылающие туда вола и осла**, не только ради того, что они сеют в сердце, но и ради того, что слагают жатву в житнице жизни.

ГЛАВА 33

1. Горе обидящим вас! Вас никтоже изобидит (русск. перевод: **Горе тебе, опустошитель, который не был опустошаем, и грабитель, которого не грабили! Когда кончишь**

опустошение, будешь опустошен и ты; когда прекратишь грабительства, разграбят и тебя). Что ты говоришь? Когда их обижают, то почему же не обижают? Это тебе так кажется, но в действительности не то. И отвергаяй вас отвергает не вас, но себя самого. Вещи непостоянны. **Если буен, то один потерпишь** (Притч.9:12). Хотя мы видим многих, желающих вредить другим, тем не менее, никто не вредит им, а каждый – самому себе. Злой – зол только для себя самого. **Коварное сердце не найдет добра**, говорится (Притч.17:20). **Гнев губит и разумных** (Притч.15:1); прогневавшийся же муж безобразен; он изменяет цвет лица не того, на кого гневается, а – только свое; хотя гневающийся бранится, тем не менее он получает рану в свое сердце. В другом месте говорится: **что уксус для зубов и дым для глаз, то ленивый для посылающих его** (Притч.10:26). Каждый связывается собственными узами, беззакония поистине губят человека. И яко молие в ризе, тако предани будут (в русском переводе этих слов нет).

2. **Господи! помилуй нас; на Тебя уповаем мы**. Видишь ли, что не напрасно должно миловать бедных? Лишен ли ты добродетелей, отсутствуют ли у тебя дела покаяния? Если ты по крайней мере с верою попросишь этого, то ты получишь. Нам известно, что часто обретавшие помилование так именно обретали его: **пал к ногам его, умолял его и говорил: потерпи на мне, и всё отдам тебе** (Мф.15:29); и тот, кто, придя в самую ночь, просил друга своего, **если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит** (Лк.11:8); а пропавшая овца, между девяносто девятью, была разыскиваема и найдена и была дорога для пастыря. Однако должно исследовать. Если Бог милует, то почему же он не милует всех. Там, где милосердие, там не спрашивают о чести, доблести и нравственности. Если дело обстоит таким образом, должно было миловать всех, и если все исходит из милосердия Божия, то не говори: этот достоин, а тот – весьма мало. Когда допрашивает Бог, эти слова должны быть устранены; когда милосердие на лицо, оно приносит спасение, не взирая на достоинство или недостоинство.

Итак, каким образом Бог говорит: **и кого помиловать – помилую, кого пожалеть – пожалею** (Исх.33:19)? Это чтобы сделать явным, что Он никого не милует напрасно, потому что есть достойные и недостойные. Все достойны спасения, которые желают его, но не все достойны милосердия, потому что не желают его. Чрез это познаются достойные и недостойные. Как, скажет иной, это сообразно? Я говорю от Писания, а не от своего разума: один был должен десять тысяч талантов, другой – сто динариев, но тот и другой был должник. Для обоих ли их должно было найтись милосердие, или нет? Конечно, скажу, и там не спрашивалось о достоинстве, потому что тот и другой был должник, но один из двух, как знаем, лишился милости даже после прощения. Сын же Божий пришел, некоторым оказывая милость, а иных призывая к ней; некоторые приблизились, иные же нет. Таким образом ясно, что Он помиловал тех не насильно или по необходимости, и никого, не желающего взывать о милосердии, не принуждал к этому. У просящего о милосердии должно обнаружиться желание и охота следовать ему, чтобы таким образом он мог сознавать действия милосердия; но если он пренебрегает этим, то как он может получить спасение, превосходство воды и благодати? Но кто, скажут, до того жалок, негоден и безумен, чтобы, совершив бесчисленные беззакония, не пожелать милосердия Божия и не восхотеть спасения? Таких бесчисленное множество. Когда пришел Христос, намереваясь дать отпущение грехов, то почему не пожелали следовать спасению иудеи, которым Он даже говорил: **сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья** (Мф.23:37)? Видишь ли, что они также не желали? Что легче молитвы? Но когда ты не пожелал молиться, то каким образом желаешь обрести милосердие? Итак, не пожелавший просить милости каким образом будет желать ее? Разве требуются добродетели, или трудна тебе молитва, требует ли она труда, пота или бдения? Только, говорит, проси; но ты не желаешь и этого, и следуешь уму Симона,

который говорит: **помолитесь вы за меня Господу** (Деян.8:24). Сверх того, ты не знаешь, что никто, хотя бы превосходнейший тебя и более благочестивый, не может молиться за тебя лучше, чем мог бы сделать это ты сам. Даже когда ты нечист и лишен уверенности в Боге, Ему твои молитвы угодны более, чем молитвы за тебя какого-либо святого и верующего, – потому что Бог не о Своей чести заботится, отталкивая тебя и принимая молитвы того, а только того желает Бог, чтобы ты был с Ним в дружественных сношениях. Так, почему Он отверг молитвы пророка Иеремии, часто молившегося за иудеев? Разве не потому, что пророк увещевал их, чтобы они сами изливали молитвы к Богу? **Ты же не возноси за них молитвы**, говорит, **за этот народ**, а потом прибавляет: **не видишь ли, что они делают** (Иерем.7:16,17)? Они, говорит, ни о чем не заботятся, а ты желаешь, плачешь, вопишь и взываешь. Мы также молимся вместе со святыми, но наша надежда да будет великой и в наших молитвах. Мытарь просил Бога не чрез кого-либо превосходнейшего, но сам мог столько, сколько тысяча праведных созерцателей, если бы они молились за него Богу. Не говори: я не умею молиться, я недостоин, у меня нет веры; выставляя причины недостоинства и молчания, ты показываешь большую необходимость молиться. Ты недостоин, не имеешь веры? Когда ты таков, то употребляй, как лекарство против зла, молитвы. Слушай, что говорили три отрока: **и ныне мы не можем открыть уст наших; мы сделались стыдом и поношением для рабов Твоих и чтущих Тебя** (Дан.3:33). Каким образом они не отверзали уст? Однако уста были отверсты, они молились и получили. И мы, подобно им, будем приступать к молитвам. То, что ты говоришь мне, что ты недостоин и не имеешь веры, скажи Господу всяческих и скоро приобретешь веру. Совесть твоя не позволяет смотреть с уверенностью на небо? Но это послужило мытарю даже на пользу. То, что ты считаешь препятствием для твоих молитв, это освящает твои молитвы. Эти слова и такой смысл приличествуют не только преступным, но и почитающим добродетели. Авраам, когда намерен был нечто просить у Бога, говорил: **я, прах и пепел** (Быт.18:27); признавая свое недостоинстоинство, он сошел до такого несовершенства природы, что мог отложить гордость ума. И Давид говорил: **я же червь, а не человек** (Пс.21:7).

Ты часто уклонялся от Бога. Ужели по этой причине ты будешь оставаться в грехе? Не приближаясь к Богу и не моля Его, ты прибавляешь ко грехам (другие) грехи. Слушай пророка, молящегося за многих: **Господи! помилуй нас; на Тебя уповаем мы**. Что лучше этой молитвы, когда он молится не за одного, а за всех членов вселенской церкви? Он так был приятен Богу, что молился за всех, имел заботу о всех, и назвал причину своих молитв: **на Тебя уповаем мы**. И ты делай тоже; ужели мало милосердие Божие? Ужели твои грехи могут превзойти меру Его благости? Как малая искра в обширнейшем море, так или даже меньше – вины и грехи человека пред милосердием Божиим. Желаешь ли ты знать могущество Его? Только по Своей воле Он соделал сынами и сонаследниками Единородного Своего отверженых мира сего, осужденных, недругов, отчужденных, лишенных надежды, безбожных (ср. Ефес.2:12). Хочешь ли знать силу Его для искоренения грехов? **Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю** (Ис.1:18). В другом же месте говорится яснее: **окропи меня иссопом, и буду чист** (Пс.50:9): это (иссоп) есть цветок, который погружали в кровь, и им кропили грешников в народе. **Омой меня, и буду белее снега** (Пс.50:9). Если от благости Его исходит существование душ, то тем более их чистота и освящение. Итак, никто пусть не отчаивается, считая перемену невозможной, потому что, когда ты – грешник, то это нечто неестественное. Грех есть не иное что, как только действие против воли Божией, и невозвращение к покаянию также противно Его воле. Он есть Господь всего, – и свободных тварей. Он пожелал, и совершились небеса. Если Он только пожелает, то ты тотчас выйдешь святым. **Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их** (Римл.8:33)? Не помышляй о множестве твоих грехов, но смотри на бесконечную благость Божию. Болезни – велики, но Врач – больше; буря сильна, но кормчий – мудр; души доведены до отчаяния, но

лекарства находятся наготове и после отчаяния. Нет ничего, что могло бы победить и превозмочь Его милосердие. Он говорит: **ныне, если голос Его услышите** (Пс.94:7; Евр.3:7). Что хуже разбойника? Однако чрез одно слово, в мгновение ока он вошел в рай прежде множества святых. Помышление о грехах и страх свойственны приходящему и прибегающему к милосердию Божию. Если мы находимся с Ним в дружественных отношениях, то, хотя бы весьма много согрешили против Него, однако мы ничего не боимся, по любви к верному Другу. Если же мы сомневаемся полагаться на Его любовь, то это отсутствие веры будет зависеть от нас самих.

Не был ли достоин спасения блудный сын ради того, что хотя и пришел в расстройство вследствие многого содеянного зла, тем не менее с покорной просьбой пришел к отцу своему? Почему тот принял его с такой радостью? Какие он увидел в сыне добродетели? Разве не против воли и охотно пришел он? Разве не побуждаемый голодом, бедностью и бесчестием пошел он и пришел к отцу? Но отец его не занимался тщательным исследованием этого, потому что ему было все ясно. Он издали увидел его тощего, бледного, измаранного и жаждущего. Но это не отвратило его, чтобы не признать желанного: хотя он пришел к отцу вследствие стеснительных обстоятельств, тот принял своего сына. Когда мы обращаемся к Богу, Он обнимает нас, хотя бы мы прибегали к Нему по стеснению и необходимости. Когда один другого любит, то, считая маловажными всякие лишения, желает только видеть лицо любимого им, и благодарит те стеснительные обстоятельства, которые служили поводом для его прихода. Не что иное заставило евреев вопиять к Богу, как только притеснение и труд плинфоделания. Разве не было желания или наклонности ума? Разве не тогда они искали Бога, когда они были убиваемы? Что же? Разве Он не отвергал их в то время, как они столько искали Его? Меньше всех народов. Богу угодно избавлять нас, прибегающих к Нему даже во время мучения. По-видимому, Ему как бы Самому было желательно подвергать людей бедствиям, иначе почему же Он угрожает нам геенною и постоянно нас устрашает? Разве не затем, чтобы мы к Нему обратились? Почему Он заставил нас нуждаться во многом? Разве не затем, чтобы мы обращались к Нему по крайней мере по причине бедности? Вот иные доказательства. Смотри, что Он говорит: **накажет тебя нечестие твое, и отступничество твое обличит тебя; итак познай и размысли, как худо и горько то, что ты оставил Господа Бога твоего и страха Моего нет в тебе** (Иер.2:19). Ты не желаешь образумиться от слов? Я предоставлю тебе быть обличенным от дел. Это было не Мое желание, но так как ты пожелал, то Я не буду поступать с тобою против твоего права. Смотри на милосердого отца: он не выслушал ни одного слова умилостивления или покаяния, а только узрел и обнял сына. Какие добродетели ты увидел в нем, что вышел к нему навстречу с такой любовью? Даже и этого было недостаточно, но он почтил его более, чем другого, одаренного добродетелями. Не достаточно ли было лучше почтить того одинаково с другими, чем – более прочих? Если дело обстоит таким образом, тогда грешники преимуществуют пред праведниками. Не так: только те грешники преимуществуют пред праведниками, которые после греха возвращаются к покаянию; в этом случае делается явным, что может случиться то, что иной грешник и падший выходит лучше, чем прежде. Бысть племя непокаряющихся в пагубу, и семя их бысть растлено (в русском переводе этих слов нет). Бог губит злых не всех, и не всех оставляет. Он не губит для того, чтобы каждый предопределенный стал достойным, и не оставляет для исправления и бдительности других. Если бы Он всех их изъял из среды, то отнял бы даже случаи для борьбы; а если бы всех оставил, то сделал бы живых ленивыми, добродетельные действия трудными. Если же бы Он не подвергал злых наказаниям, то воспрепятствовал бы пользе добрых.

3-5. **От грозного гласа Твоего побегут народы; когда восстанешь, рассеются племена**. Это не то значит, что Бог как бы имеет голос, – нисколько: голос есть свойство тела и

совершается различными, относящимися к телу, членами; но этим выражением указывается на легкость совершенной победы. Ныне же соберутся корысти ваши малаго и великаго; якоже аще кто соберет пруги, тако наругаются вам от язвин ваших (русск. перевод: **и будут собирать добычу вашу, как собирает гусеница; бросятся на нее, как бросается саранча**). Хорошо сказал пророк: от язвин; язвиной он называет народ и торжище.

5. **Высок Господь, живущий в вышних**. Почему говорится: **в вышних**? Не только там, но и в возвышенных душах, потому что **уста праведного пасут многих** (Притч.10:21), и поклоняющимся Ему **в духе и истине** (Ин.4:24). Высок тот, кто далек от земли и земных вещей: недостаточно, чтобы он находился от земных вещей на малом расстоянии, но – на таком, на каком мертвые – от живых. Если ты отступишь мало, то это тоже, как будто ты находишься вблизи, и ты бываешь тотчас уловляем. **Держи дальше**, говорится, **от нее путь твой** (Притч.5:8). Поистине велико расстояние между пользой и вредом: хотя ты и грешишь, ты не тотчас падешь в яму, напротив, восстанешь более сильным и потом всегда будешь осторожным. **Он наполнит Сион судом и правдою**, потому что решение совершится по праведному суду Божию.

6. **И настанут безопасные времена твои, изобилие спасения, мудрости и ведения; страх Господень будет сокровищем твоим**, т.е., в осторожности. Пусть никто не отчаивается, никто пусть не страшится. Прежде всего должно заботиться о том, что есть глава всех добродетелей чтобы не причинять никому вреда и не завидовать благу других: тогда мы будем пребывать в мире, всем приятны и любезны. Пророк не говорит: Сион имеет мало правды, но **наполнит Сион судом и правдою**. Если ты будешь справедлив только между добрыми и не будешь таким между прочими, то справедливость будет отчасти оскорблена. Как ты уверен относительно богатства, хотя ты не видел его, однако ты знаешь, что оно приготовлено для тебя, – так тебе приготовлено для спасения великое богатство в сокрытых сокровищах, которое теперь не обнаруживается, чтобы кто-либо не злоумыслил на него. Итак, не считай себя бедным, хотя ничего (о тебе) не кричать на улицах. Не является теперь слава? Напротив, она, теперь является. Кто славнее апостолов, кто почтеннее и чтимее пророков, именем которых исполнена вселенная? Иначе, Он не желает теперь делать славу явною для желающих состязаться, пока не наступит для них время. Однако скажут: если бы мы видели славу, то состязание для нас было бы вожделеннее. Напротив, мы сделались бы нерешительнее, размышляя о своих гораздо больших стремлениях. **Мудрости и ведения**. Акила же и Симмах ставят: знание. **Страх Господень будет сокровищем твоим**. В Писании страх (Божий) называется правдой. Дух и благочестие отступили и удалились, кто же привлек их? Наказания. Сия суть сокровища правды, т.е., они с осторожностью и твердостью стерегут правду, потому что страх Божий в человеке может все.

7. **Вот, сильные их кричат на улицах; послы для мира горько плачут**. Пророк показывает высшее превосходство Бога и Его помощь, когда предпочитает рабов господам, чтобы те знали, что они достигли этого не своею добродетелью, а эти низложены не по причине слабости, но что причиной всегда была или добродетель или пренебрежение ее и во всем проявляется добродетель и правда Божия. Он не щадит своих (служителей), когда они грешат, и не уступает чуждым (вере в Него), когда они упорно пребывают в том же зле. Таким образом, видя вавилонян подверженными бедствиям, удивляйся правде Его, потому что Он и своих и чужих осудил равной мерою суда. Только добродетель оправдывает, а пренебрежение ею делает виновными. Он всех сотворил, всех и любит; все, как дело рук Его, получили от Него жизнь, но не все равны в дарах или наказаниях. Добрые и злые стали таковыми каждый по своей воле, почему к иным Он обращается, а от иных отвращает лицо Свое, одних отталкивает с ненавистью, а других,

призванных к Нему, любит. У нас есть два способа сношений с Богом: один – чрез молитву, другой – чрез добродетели.

8-11. **Послы для мира горько плачут. Опустели дороги; не стало путешествующих; он нарушил договор, разрушил города, – ни во что ставит людей**. Это – дела Божии. **Земля сетует, сохнет; Ливан постыжен, увял; Сарон похож стал на пустыню, и обнажены от листьев своих Васан и Кармил. Ныне Я восстану, говорит Господь, ныне поднимусь, ныне вознесусь. Вы беременны сеном, разродитесь соломою; дыхание ваше – огонь, который пожрет вас**. Он тогда восстал, когда предал их. Но данный предмет не был очень ясным. Природа Его славна, и Он так говорит о Себе, сообразуясь с человеческим разумением. Не сказал: **ныне** воздвигнусь, но говорит: **восстану**, потому что достаточно только воскреснуть, чтобы все обратилось в бегство. **Да воскреснет Бог и расточатся враги Его** (Пс.67:1). То выражение грубо и недостойно божественной природы: "воздвигнуться" свойственно телу, которое, прежде воздвижения, пребывает на месте. А это хотя грубо, однако утонченнее прочих подобных выражений.

Бог также говорит, что Он имеет славу, чтобы ты, будучи неверным, веровал в Него, когда Он призывает тебя к свету. И Павел говорит таким же образом: **для достижения славы Господа нашего Иисуса Христа** (2Фес.2:14). **Ныне вознесусь**, т.е., покажу Себя. Он казался низким в народе; говоря: **ныне**, Он показывает ближайшее время, – то, что пророчество исполнится спустя непродолжительное время. Не верьте, что Я буду медлить. Я не говорю: вы услышите, но – Я сделаю вас зрителями новых чудес. Ныне ощутите (в русском переводе этих слов нет): спустя много времени после того вам это будет понятно. **Вы беременны сеном, разродитесь соломою; дыхание ваше – огонь, который пожрет вас**: не как дерево, а как бесплодное терние, так в одно и тоже время и тотчас они будут сожжены, Бог же никогда не сожигает плодоносного дерева. Чтобы ты не подумал, что это совершается ради народов, пророк сказал: **и будут народы, как горящая известь, как срубленный терновник, будут сожжены в огне**. Терние удобно для огня, равным образом и они (иудеи) подлежат гневу.

13. **Слушайте, дальние, что сделаю Я; и вы, ближние, познайте могущество Мое**. Эти узнают, а те услышат. Он подвергал иудеев скорби тогда именно, когда были многочисленные свидетели их наказаний и вместе обнаруживались причины всяких добродетелей, так, чтобы это не сокрылось ни в одной стране, достигло до края земли, и обошло все части вселенной.

14. **Устрашились грешники на Сионе; трепет овладел нечестивыми**: так как удаляется причина, по которой они (иудеи) были преданы неприятелям, мучившим их, то не будет ничего такого, что бы затрудняло их. **Кто из нас может жить при огне пожирающем? кто из нас может жить при вечном пламени?** Говорят, что пророк сказал это о возвращении (из плена); но мне кажется, что здесь указывается и на будущее. **Кто из нас может жить при вечном пламени?** Огонь этот есть тот, который Христос называл вечным местом, потому что нет для него конца.

15. **Тот, кто ходит в правде** (во Христе), **и говорит истину**. Много есть таких, которые ходят сообразно с правом, не потому, что любят право, а ради страха Божия. Не так поступает праведник: он ненавидит **корысть от притеснения, удерживает руки свои от взяток, затыкает уши свои, чтобы не слышать о кровопролитии, и закрывает глаза свои, чтобы не видеть зла**. Он (праведник) называет неправду злом, о котором не желает и слышать: такова и есть добродетель. **Праведник ненавидит ложное слово** (Притч.13:5). Для него как бы невозможно видеть и слышать зло.

16. **Тот**, сказано, **будет обитать на высотах; убежище его – неприступные скалы**, т.е., безопасности, так что нескоро попадет в руки злых. **Хлеб будет дан ему; вода у него не иссякнет**. Его обильное желание удаляется всякого захвата и бывает неизменным. Чего же он достоин?

17. **Глаза твои увидят Царя в красоте Его, узрят землю отдаленную**, не глазами, но верою. Смотри, что следует превосходнее прочего. **Сердце твое будет только вспоминать об ужасах: "где делавший перепись? где весивший [дань?] где осматривающий башни?"** Все эти блага, сказано, пришли без усилья книгочиев и мудрецов. Где есть исчитаяй питаемыя малы и велики люди? Имже не совещаше, ниже видяше глубокий глас имущаго, яко не слышати людем уничтоженным, и несть слышащему смысла (в русском переводе этих слов нет). Не потому было так, что не было советников, но потому, что народ не имел разумения. Причиной всех зол служит глупость.

20-21. **Взгляни на Сион, город праздничных собраний наших; глаза твои увидят Иерусалим, жилище мирное, непоколебимую скинию; столпы ее никогда не исторгнутся, и ни одна вервь ее не порвется**. Таким образом они недвижимы и неразрываемы? Конечно, но почему? По вине их самих, **там у нас великий Господь**. Смотри, пророк показывает причину непоколебимости, каковою называет не войска, не богатство и не крепость стен, но имя Божие. **Будет вместо рек, вместо широких каналов**: этим он показывает победу и устойчивость благ. **Туда не войдет ни одно весельное судно, и не пройдет большой корабль**: ты, сказано, пришедший из Вавилона, никогда не возвратишься тем же путем и нет иного, кроме Господа, Бога твоего: Бог бо мой велик есть, не минет мене (в русском переводе этих слов нет).

22. **Ибо Господь – судия наш, Господь – законодатель наш, Господь – царь наш; Он спасет нас**. Будучи нашим Князем, Он подвергнет нас наказанию.

Ослабли веревки твои, не могут удержать мачты и натянуть паруса. Бывает так: пророчество обыкновенно обозначает то плен, то вместе с ним возвращение: как сильные ветры разрушают остов корабля, так жестокие враги уносят их постановления, законы, твердые памятники и денежные приобретения. **Тогда будет большой раздел добычи, так что и хромые пойдут на грабеж**. Иеремия говорит: **слепой и хромой, беременная и родильница вместе с ними** (Иер.31: 8), как говорится здесь: **хромые пойдут на грабеж**, и Захария: Иевусей будет **как тысяченачальник** (Зах.9:7).

ГЛАВА 34

Ст. 1-3. **Приступите, народы, слушайте и внимайте, племена! да слышит земля и все, что наполняет ее, вселенная и все рождающееся в ней!** Посмотрим, что он сказал. Почему он зовет всю вселенную? **Ибо гнев Господа на все народы, и ярость Его на все воинство их. Он предал их заклятию, отдал их на заклание. И убитые их будут разбросаны, и от трупов их поднимется смрад, и горы размокнут от крови их**. Полагают, что это сказано относительно избиения Гога и Магога; но мне кажется, пророк указывает на последний день мира, как показывает следующее:

4. **И истлеет все небесное воинство; и небеса свернутся, как свиток книжный; и все воинство их падет, как спадает лист с виноградной лозы, и как увядший лист – со смоковницы**. Смотри: как предсказал пророк, так предсказывал о внезапном падении звезд и Христос. Не спрашивай, каким образом те, которые пригвождены и прикреплены на небесах, спадут, как падают листья виноградной лозы. Как падают листья в свое время, так и они падут в установленное время. Кроме того он этим обозначает и нечто другое:

они будут более славными. Как виноградная лоза, после падения листьев, является нагою и потом, с новой весной, вновь украшается листьями и ветвями, так изменятся к лучшему и небеса.

5-7. **Ибо упился меч Мой на небесах: вот, для суда нисходит он на Едом и на народ, преданный Мною заклятию. Меч Господа наполнится кровью, утучнеет от тука, от крови агнцев и козлов, от тука с почек овнов: ибо жертва у Господа в Восоре и большое заклание в земле Едома. И буйволы падут с ними и тельцы вместе с волами, и упьется земля их кровью, и прах их утучнеет от тука**. Пророк мечами называет наказание, чтобы чрез известное возвестить неизвестное. Он сказал: **упился меч Мой на небесах**, чтобы показать, что наказание, о котором он говорит, как о страшном, сходит с неба. Слова: **для суда нисходит он на Едом и на народ** показывают, что народ, который предан был грехам, подвергся наказанию не неправильно, а по справедливому суду Божию. Бог угрожает ему страшным гневом не затем, чтобы истребить, но чтобы посредством страха побудить к добродетелям. По справедливости Он называет людьми пагубными тех, которые были во грехах. Подобно тому, как брошенная вещь находится вдали от глаз хозяина, так и грешник уда-лен от святого лица Божия, как говорил Каин: **вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня** (Быт.4:14), сообразно изречению: **не будет взирать на величие Господа** (Ис.26:10).

Произнося гневные слова, пророк говорит: не думайте, что Бог подвержен таковым страстям. Человек, угнетенный несчастием, гневается и не может понимать силы законов, когда ум его подвигнут гневом; но не так Бог. А как же? Когда Он гневается, Он во всем поступает справедливо. Наш ум вследствие гнева помрачается; напротив, Бог, наказывая других, каждому воздает по его делам и не подвигается от гнева. Хотя о нас и Боге говорится тоже самое, но не тоже самое этим обозначается: Он по своей природе не гневлив, напротив, мы гневаемся, – почему мы прежде мучим себя самих, потом других, причиняя или не причиняя им вреда. **Меч Господа наполнится кровью, утучнеет от тука, от крови агнцев и козлов, от тука с почек овнов**. Смотри: он наглядно представляет дело: чрез козлов и овнов показывает, что истребление их подобно истреблению бессловесных животных; подобно тому, как об этих после их заклания более не говорится, так и о тех людях, которые приняли их нравы и стали хуже их; те лишены слова по природе, а эти стали подобны им. **Жертва у Господа в Восоре и большое заклание в земле Едома**. Почему пророк называет это жертвою? Потому что гнев Божий дошел до того, что не мог миновать их.

8. **Ибо день мщения у Господа, год возмездия за Сион**: (здесь) не было никакой несправедливости, но праведный суд и воздаяние по делам.

И упьется земля их кровью, и прах их утучнеет от тука. Ибо день мщения у Господа, год возмездия за Сион. Здесь ясно, что гнев пришел на идумеев ради Сиона, града Божия, так как Сион был градом Божиим, т.е., жаждущим спасения от Бога, презирающим идолов иноплеменников, которые не принесли им никакой пользы.

9-10. **И превратятся реки его в смолу, и прах его – в серу, и будет земля его горящею смолою: не будет гаснуть ни днем, ни ночью; вечно будет восходить дым ее; будет от рода в род оставаться опустелою; во веки веков никто не пройдет по ней**. Хотя он и изображает тягчайшее бедствие идумеев, однако, многие полагали, что это сказано о последнем суде, потому что, говорят, здесь – смола и сера и вечное наказание, так как он прибавляет: не угаснет в вечное время, **ни днем, ни ночью**.

11-17. **И завладеют ею пеликан и еж; и филин и ворон поселятся в ней; и протянут по ней вервь разорения и отвес уничтожения. Никого не останется там из знатных ее, кого можно было бы призвать на царство, и все князья ее будут ничто. И зарастут дворцы ее колючими растениями, крапивою и репейником – твердыни ее; и будет она жилищем шакалов, пристанищем страусов. И звери пустыни будут встречаться с дикими кошками, и лешие будут перекликаться один с другим; там будет отдыхать ночное привидение и находить себе покой. Там угнездится летучий змей, будет класть яйца и выводить детей и собирать их под тень свою; там и коршуны будут собираться один к другому. Отыщите в книге Господней и прочитайте; ни одно из сих не преминет придти, и одно другим не заменится. Ибо сами уста Его повелели, и сам дух Его соберет их. И Сам Он бросил им жребий, и Его рука разделила им ее мерою; во веки будут они владеть ею, из рода в род будут жить на ней.** Пророк показывает совершенное истребление их; от слова "елени" и до конца пусть мудрейшие видят, должно ли здесь разуметь что-либо иное.

ГЛАВА 35

Ст. 1. **Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцветет как нарцисс**. Он дважды сказал: **пустыня** (в ц. сл. тексте слово "пустыня" употреблено дважды); пустынею называется необработанная земля, она же называется землей жаждущей.

2. **Великолепно будет цвести и радоваться, будет торжествовать и ликовать; слава Ливана дастся ей, великолепие Кармила и Сарона; они увидят славу Господа, величие Бога нашего**. Этими словами пророк показывает перемену в мире вследствие пришествия Христа, т.е.: люди, жаждущие и бездеятельные, будут пить живую воду учения Христова и увидят славу Господню, как сказал Иоанн: **и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца** (Ин.1:14). Слова: **величие Бога нашего**, – показывают, что Он (Христос), вознесшись на кресте, превзошел всех, которых называли богами.

3-4. **Укрепите ослабевшие руки и утвердите колени дрожащие; скажите робким душею: будьте тверды, не бойтесь; вот Бог ваш, придет отмщение, воздаяние Божие; Он придет и спасет вас**. **Укрепите ослабевшие руки и утвердите колени дрожащие.**

Эти слова Павел писал к евреям, что Бог был помощником для притесненных: поддерживал руки расслабленных и побуждал их (Евр.12:12; 8:6), подобно тому, как воин-муж доставляет помощь ослабевшим. **Скажите робким душею: будьте тверды, не бойтесь**. Видишь ли: не из испытания, но из малодушия происходит оставление. **Вот Бог**

ваш, придет отмщение, воздаяние Божие; Он придет и спасет вас. Придет Он сам, а не иной, так как никто не мог совершить нашего спасения, и **придет отмщение**. Смотри, как пали дела иудеев: город их разрушен, Иуда удавился, Ирод – отец и сын – умерли позорнейшей смертью, Сапфира подверглась казни, пораженная внезапной смертью, также и волхв Елимас. Не возможно ли Богу наказывать каждого в этом мире? Но выслушай, что говорится: Бог **не до конца гневается** (Пс.102:9). Если бы Он тотчас наказывал по тяжести греха, то уже давно весь человеческий род был бы истреблен. Но не только здесь, а и в будущем веке Он будет воздавать им (иудеям) и прочим. То немногое, что Он показывает теперь, обнаруживает иногда наказание, иногда – покой. Когда ты видишь демонов изгнанными, скорби удаленными, всю природу почитающею правду, зверей укрощенными, всех тварей почитающими апостолов, – то размышляй, что ты видел силу будущего, залог душ. **Он придет и спасет вас**: придет Сам, но не раб или ангел, а

Сам, что и Павел часто подтверждает, показывая высшую Его славу, когда говорит о Его пришествии в таких словах: **Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне** (Евр.1:1): в этих словах он сделал различие между Господом и рабами.

5-6. **Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзутся. Тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь; ибо пробьются воды в пустыне, и в степи – потоки**. Не о людях только сказано, что Он воздает и потом будет воздавать им, но также и о диаволе, так как и ему Он воздал, связав его в настоящее время. Откуда же это открывается? **Никто, войдя в дом сильного, не может расхитить вещей его, если прежде не свяжет сильного, и тогда расхитит дом его** (Мк.3:27): и они (демоны) говорили: **оставь! что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? пришел Ты сюда прежде времени мучить нас** (Мк.1:24, Мф.8:29); и Господь говорил: **отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи** (Мф.4:10), а также: **Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию** (Лк.10:18), и потом: **даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью** (Лк.10:19).

Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзутся. Будут исцелены телесные члены, необходимые для приобретения сообразного познания о Боге. Диавол ослепил наш путь, заключил пути знания, которые ведут нас к Богу. Выслушай блаженного Павла, который говорит: **невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы** (Рим.1:20). Но как может видеть тот, у кого нет глаз? Об ушах он же сказал: **вера от слышания** (Рим.10:17). Если кто не имеет ушей, то как он может слышать? Но тех, которых ослепил враг, пришедший Христос исправил, не только обновив телесные члены, но и нравы душевные. Что пользы, если просвещены внешние члены, когда ослеплен разум? Часто и при открытых глазах не видят. Но если он (Христос) делал (врачевание) для глаз, то тем более сделает его для душ, когда заблуждение проникло в ум, или когда какая-либо болезнь возмутила правильный порядок (душевной жизни). Так это и было, Христос все это устранил. **Тогда хромой вскочит, как олень**. Он даровал не только телесное здравие, но всем, приступающим к святым рукам (Его), разрешение от уз душевных. **И язык немого будет петь**. Невежды и необразованные победили мудрецов и философов, кроме народа иудейского, который, будучи упрямым, ожесточился в отступлении, не послушал Священного Писания и уклонился от спасения.

Ибо пробьются воды в пустыне, и в степи – потоки. Пророк показывает неожиданное и совокупное получение благодеяний и прохлаждение жаждущих душ. Нет иной более суровой пустыни, как бездеятельные, невозделанные души, ставшие обиталищем зверей; подобно тому, как в пустынях обитают звери и произрастают терния, так и в душах людей.

7. **И превратится призрак вод в озеро, и жаждущая земля – в источники вод**. Тоже говорил и Христос: **кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек** (Иоан.4:14). Почему говорит: **источник вод**? – Сообразуется со святостью христиан, и умерщвляет силу страстей.

Тамо будет веселие птицам, и селитва трости, и лузи. И тамо будет путь чист, и путь свят наречется (в русском переводе этих слов нет). Когда же? После крещения, после просвещения, так как мы ничего не имеем от себя самих, но все нам даровало благоволение Божие. Там, где шествуют ноги царя, каким образом не будет чистым и святым путь? Там, где бьет такой источник, каким образом потоки не будут напоять жаждущих душ?

8-9. **И будет там большая дорога, и путь по ней назовется путем святым: нечистый не будет ходить по нему; но он будет для них одних; идущие этим путем, даже и неопытные, не заблудятся. Льва не будет там, и хищный зверь не взойдет на него; его не найдется там, а будут ходить искупленные**. Очистим же самих себя, когда станем пришельцами Господа, чтобы идти по этому пути. **Идущие этим путем, даже и неопытные, не заблудятся**. Никто, шествующий при свете, не может уклониться с пути. **Льва не будет там**. Что это за лев? Тот, кто желает считаться львом, желает, чтобы его слуги считались злыми зверями. Все таковые, как бы ни старались, однако не принесут никакого вреда истинно верующим. Те, которые ходили путями грешников, освобожденные и собранные Господом, искупленные ценою Его святой крови, пойдут по пути Его. Хотя кое-что из этого было видимо во время возвращения из плена, однако вполне это исполнилось во время пришествия Христова.

10. **И возвратятся избавленные Господом, придут на Сион с радостным восклицанием; и радость вечная будет над головою их; они найдут радость и веселье, а печаль и воздыхание удалятся**. Хотя некоторые полагали, что все это исполнилось во время возвращения из плена, однако тогда не могло быть, чтобы не было больше скорби, и печали, и воздыхания, – чтобы они отбежали; во время же Христово все это исполнилось. Потому апостол сказал: **радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь**, и во всякой молитве пребывайте (Флп.4:4), так как Церковь более не рождает своих сыновей со скорбью, и не умножается печаль и воздыхание, **а печаль и воздыхание удалятся**.

ГЛАВА 36

1. **И было в четырнадцатый год царя Езекии, пошел Сеннахирим, царь Ассирийский, против всех укрепленных городов Иудеи и взял их**. Удивителен был тот муж, удивителен и велик. Выслушай: когда Бог намерен сделать что-либо дивное, то Он раньше соображает; **пошел**, говорится, **против всех укрепленных городов Иудеи и взял их**, – чтобы ты не думал, что Иерусалим мог спастись со своими укреплениями. Смотри на правду мужа, который был защитником города. Неприятель взял другие города, но не мог завоевать Иерусалима. Тем не менее, он продолжительное время занимался военными действиями относительно его. Как человек смелый, переходя чрез ограждавший вал, он овладел прочими городами.

2-3. **И послал царь Ассирийский из Лахиса в Иерусалим к царю Езекии Рабсака с большим войском**. Он хотел удержать все города, а также завладеть и этим. Но почему же – **с большим войском**? Только затем, чтобы объявилась сила Божия. Он пришел внезапно, устрашая словами и видом многочисленных воинов, привел жителей города в трепет; он не знал, что он возвратится с окаменелым сердцем и разбитой надеждой **И вышел к нему Елиаким, сын Хелкиин, начальник дворца, и Севна писец, и Иоах, сын Асафов, дееписатель**. Как же они не устрашились, если пришедший, не как храбрый воин, но как деспотический царь, намерен был все истребить по своей смелости?

4-5. **И сказал им Рабсак: скажите Езекии: так говорит царь великий**. Он счел обременительным назвать Езекию царем... **Что это за упование, на которое ты уповаешь?** Справедливо ты сказал, что битва совершается не словами и не мудростью, но силою Божиею. Что значат эти слова: **Я думаю, что это одни пустые слова**? Они означают или слова, направленные к Езекии, или мысль того, который думал, что евреи сильны только на словах, говорил о них с насмешкою, как бы так: хотя у тебя советники – пророки, однако, в этом нет никакой пользы, но нужны оружие, стенобитные машины, храбрые мужи, сила, – по обычаю варваров и сильных. О, бесполезное и гордое слово, о,

нездравый ум! **Для войны нужны совет и сила: итак на кого ты уповаешь, что отложился от меня?**: если ты разумно не устроишь войско, то труд будет тщетным и напрасным. **Итак на кого ты уповаешь, что отложился от меня?** Кто придает тебе храбрости? Разве египтяне? Говоря о слабости их, он утверждает, что они не приносят никакой пользы, а даже вредят; это он говорил справедливо, остальное же – неправда.

6-10. **Вот, ты думаешь опереться на Египет, на эту трость надломленную**. Подобно Иезекиилю, он называет египтян тростями; помощь их, говорит он, не тверда; она не только не приносит пользы, а даже вред: **если кто опрется на нее, войдет тому в руку и проколет ее! Таков фараон, царь Египетский, для всех уповающих на него. А если скажешь мне: "на Господа, Бога нашего мы уповаем", то на того ли, которого высоты и жертвенники отменил Езекия и сказал Иуде и Иерусалиму: "пред сим только жертвенником поклоняйтесь"?**: никакой пользы не принесет вам таковое заблуждение. Что же он сказал после того? Приказав воинам держать город в осаде, сказал: **итак вступи в союз с господином моим, царем Ассирийским; я дам тебе две тысячи коней; можешь ли достать себе всадников на них? И как ты хочешь заставить отступить вождя**. Смотри, каково свидетельство от неприятелей: **надеясь на Египет**. Что ты говоришь, жалкий человек? Если уповающие – рабы, по той причине, что они уповали на египтян, то этими словами он вновь унижает гордость египтян; однако, он с пользою поносил их, указывая на надежду на Бога, который часто мог посылать им величайшую помощь. Смотри, каким образом он приводил их к сомнению: **да разве я без воли Господней пошел на землю сию, чтобы разорить ее?** Он, говорит, вывел нас и потом не может нас сохранить? **И пусть не обнадеживает вас Езекия Господом, говоря: "спасет нас Господь** (ст. 15). А ты говоришь, он вывел нас?

11-21. **И сказал Елиаким и Севна и Иоах Рабсаку: говори рабам твоим по-арамейски, потому что мы понимаем, а не говори с нами по– иудейски, вслух народа, который на стене**. Смотри, как они вызывали его. Тебе нужно было надеяться, на силу Божию; ты, говорит, не устрашай умов твоих воинов. Эти слова полны великого безумия: этот гордец расслаблял ум воинов то обещанием благ, то страшными угрозами. **Итак да не обольщает вас Езекия, говоря: "Господь спасет нас". Спасли ли боги народов, каждый свою землю, от руки царя Ассирийского?** Он говорит о слабости прочих богов, потом Самарии и союзников. Смотри на старание его о том, чтобы сделать победу славною. **Где боги Емафа и Арпада? Где боги Сепарваима? Спасли ли они Самарию от руки моей?** Ты сказал, что они не принесли спасения; но если сохраняет Бог, то по твоему же разуму Такой Бог есть великий и неодинаковый с прочими.

Да ядят мотыла, и пиют мочь (в русском переводе этих слов нет). Смотри, он угрожает всем людям, особенно иудеям, омерзительными казнями. **Но они молчали и не отвечали ему ни слова**. Почему? **Потому что от царя дано было приказание: не отвечайте ему**. О, несчастный! Ничего нет подобного Богу; не думай, что помощь бессильна. Слышащие это разрывали свои одежды и объявили об этом Езекии; а он, наученный от Давида: **восстали на меня свидетели неправедные, одевался во вретище** (Пс.34:11,13), сделал то же самое.

ГЛАВА 37

1. **Когда услышал это царь Езекия, то разодрал одежды свои и покрылся вретищем, и пошел в дом Господень**. Смотри на сражение, смотри на войну и битву: он не приготовлял оружия, не выстраивал машин, не обходил стен, не укреплял их башнями и не посылал послов к другим народам; но направил послами к небу молитвы верующего духа, которыми, как он надеялся, мог угодить Царю небесному. Этот царь (Езекия)

представил в жертву всесожжения свои слезы, свое сокрушенное сердце, себя самого, облеченного во вретище. Тому, кто был знатнее прочих, надлежало быть поручителем за души всех: простершись на землю, он изливал просительные молитвы; у него на сердце не было царского тщеславия, он не думал о царстве, но в своем духе размышлял только о том, что спасение заключается больше в совете Божественном, чем в помощи воинов. Царю и князю свойственно, чтобы он не только был почитаем более тех, кто не облечены властью, но также имел бы заботу о подчиненных больше той, какую имеют они сами.

2-3. **И послал Елиакима, начальника дворца, и Севну писца, и старших священников, покрытых вретищами, к пророку Исаии, сыну Амосову. И они сказали ему: так говорит Езекия: день скорби и наказания и посрамления день сей, ибо младенцы дошли до отверстия утробы матерней, а силы нет родить**. Почему же Езекия сам не пришел к пророку? Он сделал лучше и надежнее, когда пришел к Богу. **Так говорит Езекия**. В своей слабости он говорил: **Господи! вспомни, что я ходил пред лицем Твоим верно** (Ис.38:3); не так говорит теперь: он не указывает ни на святость жизни, ни на множество добродетелей, а только на величие скорбей: **день скорби**; не потому, говорит, я скорблю, что город осажден, но потому, что варвар равняет Господа с демонами, полагает, что Он не сильнее их.

День скорби и наказания и посрамления день сей, ибо младенцы дошли до отверстия утробы матерней, а силы нет родить. Двойная скорбь бывает, когда пришло время родить: как потому, что дитя не может появиться, так и потому, что рождение нужно ускорять усилием, которое не приносит пользы. Видишь ли, что он также молился о том, чтобы были удалены скорби. Но тот, кто изливал такие молитвы и говорил так смиренно, впоследствии стал гордым. Какое зло – гордость! Хотя он имел многочисленные и значительные свидетельства Божественной помощи, однако после того он забыл обо всем этом, как и о своей траурной одежде: до того он был охвачен пороком гордости.

Может быть, услышит Господь Бог твой слова Рабсака. Так и ниневитяне говорили: **кто знает, может быть, еще Бог умилосердится и отвратит от нас пылающий гнев Свой** (Ион.3:9). Чему нам следует научиться из этого? Хотя мы не надеялись найти милосердие, однако нам не должно удерживаться от молитвы. Слово: **аще** (может быть, если) есть признак неуверенного ума. Тоже говорил Бог пророкам: **и послушай**, говорит (Втор. 5:27), а потом: **о, если бы сердце их было у них таково** (Втор. 5:29). Хотя Бог прекрасно знал, что они (евреи) не будут слушать, однако Он не щадил увещаний; будем же и мы поступать таким образом. **Может быть, услышит Господь Бог твой слова Рабсака**, Он не осмеливается назвать Его своим Богом. Итак, что ты говоришь? Ты молишь Бога, но надеешься получить спасение не ради своих молитв, а ради обид неприятеля; точно так же говорится и в притчах: **не радуйся, когда упадет враг твой, и да не веселится сердце твое, когда он споткнется** . **Иначе, увидит Господь, и неугодно будет это в очах Его, и Он отвратит от него гнев Свой** (Притч.24:17-18). Часто побуждает Бога и вызывает на помощь не достоинство спасаемых, но злоба нечестивых. Таким образом и здесь здравый в своем уме показал большое смирение. Видишь ли, как постыдно порицание? Не думай, что это слова Рапсака; то были слова царя, так как прибавлено: **которого послал царь Ассирийский**; а он послал такие пустые и исполненные гордости слова, чтобы оскорбить Бога живых. Это не городу было осадой и не нам бесславием, но, напротив, нам было великою скорбью, что он осмелился все это высказать против Бога, и поносил Его обидными словами; он не сказал ни одного слова, чтобы обнаружить свое великое благочестие.

Вознеси же молитву об оставшихся, которые находятся еще в живых. Смотри: вследствие несправедливых слов врага, молитва Езекии, душевное настроение пророка и

вместе угнетенное состояние остальных соединены со многою скорбью. Также и мы будем прибегать к тем, которые могут свободно говорить с Господом, потому что они – твердые башни для нашей защиты. Но не достаточно только прибегать к ним. Езекия и сам не переставал молиться, хотя и возвестил пророку: прежде того один, а потом вместе с ним, он усердствовал в молитве. Поэтому не следует пренебрегать молитвой, а не только прибегать к святым. Царь покрылся пеплом, хотя был в славе, только затем, чтобы удержать войну. Ты же, обыкновенный человек, лишенный почестей, не приходишь молиться к Богу, но украшенный в развевающуюся тунику, намазанный благовониями, ты пренебрегаешь быть в мире с Тем, Который прогневался на тебя. Никто, подверженный бездействию, не может примириться с Царем царей и угодить Ему, прогневавшемуся. Подумай о величии Того, Которому молишься, о множестве своих грехов и о бренности своей природы, и, сознав это в своем уме, смиряй себя ничтожного. Хотя ты облачаешься в рубище, однако ты не сделал ничего достойного Того, Которому желаешь угодить. Время скорби и слез, а не смеха и радости; мы всегда много согрешаем и вызываем гнев Божий; ужели нам не должно по крайней мере на какой-либо час воздерживаться от грехов?

6-7. **И сказал им Исаия: так скажите господину вашему: так говорит Господь: не бойся слов, которые слышал ты, которыми поносили Меня слуги царя Ассирийского**. Смотри, как Он возбуждает его и ободряет: он, говорит, порицал Меня; когда дело обстоит таким образом, ты не бойся. Когда Бог считает обиды нанесенными Ему самому, то мы, вследствие их, не должны приходить в смущение. Он, говорит, против Меня восстает, против Меня ведет войну. **Вот, Я пошлю в него дух** (т.е. смущение) **и он услышит весть, и возвратится в землю свою, и Я поражу его мечом в земле его**. Он говорит о последнем наказании, не объявляя о всех, последовательно бывших, постоянных ударах. Мне кажется, Он не обрек бы его такому наказанию, если бы тот не упорствовал в том же пороке. Этими словами в то же время Бог ободрил дух Езекии; если бы Он сказал, что тому должно пасть от меча в стране твоей (иудейской), то Он, конечно, навел бы на него сомнение, что тот, хотя и падет от меча, однако может навредить ему; когда же падает в своей стране, то земля его (Езекии) остается безопасной. Потом, для искоренения гордых умов, пророк говорит: **услышав это, он послал послов** путем прямым. **Ты ли уцелеешь? Боги народов, которых разорили отцы мои, спасли ли их**. Это служит к тому, чтобы сами неприятели уверовали в великую силу Божию.

14-15. **И взял Езекия письмо из руки послов и прочитал его, и пошел в дом Господень и молился**. Он взял книгу, как бы великое вооружение, чтобы Бог согласился с ним. Смотри: отец его был неверующим, а он, напротив, исполнен веры и жестоко борется против врага. Откуда он взял оружие против завоевателей? Из дома Божия, из молитв и прошений. Эти оружия велики и необходимы, для того, чтобы всегда и везде призвать от Бога помощь. **Господи Саваоф, Боже Израилев...** Саваофом называются вышние силы, ангелы и архангелы. Оскорбления неприятелей, говорит, нисколько не подвигли меня; вследствие их хулений, я отнюдь не думаю, будто теперь бессильна помощь Твоя. Хотя бы и часто умаляли славу милосердия Твоего, однако я исповедую Твое великое могущество не только над землею, но и на небесах. Почему же? Бог силен, а вы не достойны спасения. Потому он прибавляет: **Боже Израилев**. Я всемогущ, потому что Я Господь Саваоф, т.е., сил. Ты желаешь, и это угодно Тебе, потому что Ты – Господь Израилев, **седящий на Херувимах! Ты один Бог всех царств земли**. Так как варвар думал, что Богу принадлежит только Иудея, небольшая часть вселенной, и обращался к Богу, как бы к равному себе, то Езекия, для уничтожения этого мнения, говорит: **Ты один Бог всех царств земли**. Ты не только царь, но Ты **один**, несравнимый с кем-либо, не имеющий себе союзника или товарища, – как думает сириец.

17-20. **Ты сотворил небо и землю**. Если они – дела могущества Твоего, то тем более их обитатели. **Правда, о, Господи! цари Ассирийские опустошили все страны и земли их и побросали богов их в огонь**. Почему же? **Но это были не боги, а изделие рук человеческих**. Таким образом, сила Божия показывается везде, не только от своих, но и от чужих, – потому что они были демоны, а не боги. **И ныне, Господи Боже наш, спаси нас от руки его; и узнают все царства земли, что Ты, Господи, Бог один**. Я и без свидетельства знаю Тебя, но, чтобы и другие узнали Тебя из совершенства Твоих творений, и чтобы спасение было общим учением и правилом для всех, – пусть город освободится от бедствий, чтобы весь мир спасся от заблуждения. Надежда Иерусалима научит имеющих великий варварский образ мысли. Видишь ли, он управлял всеми делами и, по исполнении их, имел способность прорицания?

21. **И послал Исаия, сын Амосов, к Езекии сказать: так говорит Господь, Бог Израилев: о чем ты молился Мне против Сеннахирима, царя Ассирийского**. Он не говорит, что ради тебя Я услышал царя, но ради молитвы, которою ты молился. Всегда после молитвы мы видим дар. Но разве Бог не мог без молитвы даровать спасение? Но тогда спасенный не приготовлял себе ни добродетели, ни предвидения.

22. **Вот слово, которое Господь изрек о нем: презрит тебя, посмеется над тобою**. Прежде он говорит об избиении неприятелей, чтобы ободрить Езекию. **Кого ты порицал и поносил?** Разве видимые вещи не убедят тебя? На кого направил стрелы? **И на кого возвысил голос и поднял так высоко глаза твои?** что и ныне говоришь: **и рука моя захватила богатство народов, как гнезда; и как забирают оставленные в них яйца, так забрал я всю землю** (Ис.10:14). Теперь ты поносишь Меня и считаешь Мою силу своею.

26. **Разве не слышал ты, что Я издавна сделал это, в древние дни предначертал это, а ныне выполнил**. Смотри, какую помощь доставляют нам пророки. Так как ты не уверовал, то Я поставлю судилища и посажу в судьи всю вселенную. (Царь ассирийский) говорил: своею силою и советом я овладел тем и другим городом; напротив, говорит Бог, не своею силою и мудростью, но Моею, так как прежде, чем это исполнилось, Я предсказал тебе. Но тот говорит: я этому не верю. Если ты не веришь, то конец событий научит тебя. Если Я какого-либо жалкого делаю внезапно мужем храбрым и властелином, то не открывается ли отсюда, что и прежде не без Моей воли совершилось такое разрушение города? Иначе, от малой победы должно верить великому. Так как язычники не веруют Христу, говорящему о воскресении, то мы покажем им большее дело, чем воскресение, чтобы они не сомневались относительно меньшего. Привести весь мир, чуждый веры, ко Христу – гораздо больше, чем воскресение. Телесная природа не противится воле Творца и не может Ему противостоять, Божественная свобода пожелала творения тел, и они произошли; кроме того, она желала, чтобы люди были добрыми, но те не были таковыми. Когда ты видишь, что совершилось что-либо весьма трудное, веруй в то, что – более легко, потому что все содержится под Божественною властью. Некоторые же вещи не только подлежат этой власти, но и зависят от твоего свободного изволения. Точно также и пророчество тогда познается лучше, когда оно открывает не только то, что сам Бог намерен делать, но и то, что желаешь ты сам. Смотри, что здесь говорится: хотя Бог показывает свое могущество, но причина такого проявления зависит от него.

28-29. **Сядешь ли ты, выйдешь ли, войдешь ли, Я знаю все, знаю и дерзость твою против Меня**. **За твою дерзость против Меня и за то, что надмение твое дошло до ушей Моих, Я вложу кольцо Мое в ноздри твои и удила Мои в рот твой, и возвращу тебя назад тою же дорогою, которою ты пришел**. Не только, говорит, **Я знаю все, знаю и дерзость твою против Меня**, но и: **что надмение твое дошло до ушей Моих**. Он

Показывает свое долготерпение, как относительно содомлян: не тотчас после возмущения твоего Я восстал против тебя, говорит, но Я выжидал восхождения твоего ко Мне. 30-34. **И вот, тебе, Езекия, знамение**. Слово направляется к Езекии. **Ешьте в этот год выросшее от упавшего зерна, и на другой год – самородное**, т.е.: вы не пойдете в рабство, но будете есть то, что посеяли; этим Он объявляет, что вы не будете побеждены неприятелями. Слова: **и на другой год**, как мне кажется, обозначают, что будет изобилие хлеба, т.е., что земля произведет плодов настолько, что их достаточно будет и для второго года. **А на третий год сейте и жните, и садите виноградные сады, и ешьте плоды их. И уцелевший в доме Иудином остаток пустит опять корень внизу и принесет плод вверху**. Это предсказывается для того, чтобы они (иудеи) не были лишены надежды. **Ревность Господа Саваофа соделает это**. Видишь ли, что пророк все предостерегает царя, чтобы он никогда не думал, что спасение дастся ему ради его добродетелей, а не ради благоволения Божия. Тем не менее, он впал в гордость.

Посему так говорит Господь о царе Ассирийском: не войдет он в этот город. Смотри на гордость неприятеля и на победу царя без пролития крови, сообразно тому, что предсказал пророк: **падут подле тебя тысяча** (Пс.90:7), а ты только будешь видеть поражение неприятелей. **Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего**. Смотри, как Он смягчает сердце царя, чтобы он не впал в прегрешение. Однако, он согрешил.

36. **И вышел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч человек. И встали поутру, и вот, все тела мертвые**. Это случилось ночью, чтобы они (евреи) не приписывали себе победы; чтобы, если бы они когда-либо стали гордиться, им препятствовало в том самое время, так как все это совершилось в то время, когда спали.

37-38. **И отступил, и пошел, и возвратился Сеннахирим, царь Ассирийский, и жил в Ниневии. И когда он поклонялся в доме Нисроха, бога своего, Адрамелех и Шарецер, сыновья его, убили его мечом, а сами убежали в землю Араратскую. И воцарился Асардан, сын его, вместо него**. Смотри, каково неверие: и после того, как он сознал многоразлично силу Божию, он почитал идолов, испрашивая от них спасения, – и потому в то время испытал силу Божию. **И воцарился Асардан, сын его, вместо него**. Когда он думал, что достиг дома, с ним случились большие бедствия, чем те, которые произошли от ангела: он пал, убитый своими сыновьями, и никакой пользы не принесли ему идолы, так как они были бессильны. Нельзя сказать, что это произошло оттого, что он не молился идолам, – он был убит во время молитвы перед идолами. Почему же ты, глупый диавол, не помог ему, когда он предан был такому бедствию? Он собрал воинов против варварских народов, и ты никак не помог ему, но допустил смерть многих воинов в чужой стране. Однако он не жаловался на тебя, и не уклонился от тебя, и не хулил тебя, но, пришедши, молился тебе, и почему же ты потерпел убийство его пред тобою? Ясно, что ты совершенно бессилен.

ГЛАВА 38

1-2. **В те дни**, говорит (пророк). Не без умысла прибавляет пророк: "в те дни", но чтобы научить нас о причинах зла, так как часто у многих нечто доброе бывает началом зла, что подтверждается и книгами Паралипоменон: **но как смирился Езекия в гордости сердца своего** (2Пар.32:26). Смотри, человек: справедливо на нас приходят бедствия. Что было достаточно для того, чтобы ты возгордился? Может быть ты своею силою управлял, или совершил победу? Может быть ты преследовал неприятелей? Но разве не в то время, когда спал весь город, все это совершилось? Причиною того превосходства было то, что

Бог управлял городом. Разве ты не слышал: **ради Себя и ради Давида, раба Моего** (Ис.37:35)? **И пришел к нему пророк Исаия, сын Амосов, и сказал ему: так говорит Господь: сделай завещание для дома твоего**. Смотри, когда он пришел к нему: тогда именно, когда Езекия был в великой скорби, чтобы, находясь в своей болезни, он легче уверовал. Кроме того, ему должно было веровать и ради того, что произошло с ним и с неприятелем. **Сделай завещание для дома твоего, ибо ты умрешь, не выздоровеешь**. Не просто сказал: **умрешь**, но прибавляет: **сделай завещание**, – что иные толковники объясняют: "прикажи", каковое выражение побуждало к более крепкой вере. Таким образом он вел себя так, что подтверждались остальные чудеса, которые имели совершиться.

Тогда Езекия отворотился лицем к стене. Почему пророк не указал причину болезни? Чтобы не обесславить праведника. Подумай теперь, что болезнь не дозволила ему идти в храм Божий и даже гулять, так как он смертельно болел, но он не был небрежен. Из этого нам должно научиться тому, что нам всегда нужны добрая воля, свобода и разумение. Почему же он обратился к стене? Чтобы тайно и спокойно иметь возможность говорить к Богу, когда не было иного утешителя.

3. **О, Господи! вспомни, что я ходил пред лицем Твоим верно и с преданным Тебе сердцем и делал угодное в очах Твоих. И заплакал Езекия сильно**. Почему же он не надеялся на свою добродетель? Потому что он видел лучшее, чем скорби. Говорит – **пред лицем Твоим** не для хвастовства и не для того, чтобы этим доставить себе славу человеческую, но с совершенным сердцем. Он прибавляет слезы для того, чтобы как можно яснее показать, что он не только надеется на добродетели, но также имеет надежду получить спасение в милосердии Божием. Видишь ли, он не произносит многих слов, но только показывает благочестие сердца. Так все здесь сосредоточено.

4-5. **И было слово Господне к Исаии, и сказано: пойди и скажи Езекии: так говорит Господь, Бог Давида, отца твоего**. Он не сказал: Господь твой; пророк имел в уме благочестие отца, кротость и смирение Давида. **Я услышал молитву твою, увидел слезы твои, и вот, Я прибавлю к дням твоим пятнадцать лет**. Научимся из этого тому, что относится к великому благочестию. Нам должно исследовать в отдельности: происходит ли кончина жизни вследствие болезни, или по душевным причинам, вследствие ли естественных недугов, или чьих-нибудь притеснений. Дни нашей жизни 70 или самое большее 80 лет (ср. Пс.89:10): здесь, говорят, предел природы, только доселе простирается человеческая природа. Хотя не всегда так бывает, но от немногих случаев не будем заключать ко всем. Обратим речь к иному. Смерть происходит от грехов, почему Писание говорит: **пожить многое время, и чтобы прибавились тебе лета жизни** (Притч.9:18); **чтобы продлились дни твои на земле** (Исх.20:12); **не предавайся греху, и не будь безумен: зачем тебе умирать не в свое время** (Екклез.7:17), и в ином месте: **число дней твоих сделаю полным** (Исх.23:26). Но мы прекрасно знаем, одни смерти бывают своевременно, а другие несвоевременно; одни по праведности, другие по грехам. Но разве могут быть несвоевременные смерти по добродетелям? **Восхищен**, говорится, **чтобы злоба не изменила разума его** (Прем. Солом.4:11). Отсюда ясно, что смерть может быть несвоевременной по определению мудрости и по милосердию Божию. Приими, говорит, Господи, Иосию, дабы он не узрел грядущих зол (ср. 4Цар.22:20). Видишь ли, что (не только) вследствие бедствий, а также и по милосердию Божию, бывают то несвоевременная смерть, то старость. Говорится: **чтобы продлились дни твои на земле** (Исх.20:12). Но иная бывает старость по грехам, по сказанному о Каине: **за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро** (Быт.4:15), как это по иному случаю объяснили иные, и как объяснили также мы в толковании на Захарию (Толкование св. Иоанна Златоуста на книгу св. пророка Захарии, о котором он здесь упоминает, до последнего

времени не найдено). А Павел говорит: **оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает** (1Кор.11:30). Ясно, что мы нашли две причины своевременной и несвоевременной смерти, противоположные между собою: праведность и грех. Посмотрим, не можем ли мы найти также иных причин. Да, находим, именно, – хотя ты и не веришь этому, – то, что Бог может возбудить болезнь или обиды людей. Умирают не только по причине козней человеческих, а и по допущению Божию, подобно тем, на которых упала башня (Силоамская), о которых Иисус говорил: **или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме?** (Лк.13:4). А бывает иная причина и своевременной смерти, как исполнилось это на Павле. Не напрасно и не неправедно был долговечен этот праведник: **а оставаться во плоти нужнее для вас** (Флп.1:24), иначе он быстро отправился бы ко Христу: он желал оставаться во плоти ради проповеди. Таким образом и пророки по этим же причинам вели долгую жизнь для пользы многих. Вот мы показали уже три причины своевременной и несвоевременной смерти; желаете ли вы также знать и четвертую причину? Авраам обновился от старости к юности, чтобы родить детей. Желаете ли также знать пятую причину, которая несказанна и удивительна? Смерть младенцев, которые были убиты в жестокое правление нечестивого Ирода: они были умерщвлены не по причине праведности или грехов и не были восхищены по причине злобы, но были убиты вследствие жестокости сердца: Ирод убил их по своей злобе. А почему, скажут, погибли во время потопа? Мы скажем: истреблены были по повелению Божию за свои грехи. А почему – младенцы израильские? Почему – первенцы египетские? И те по какой-либо причине. Как те, которые были истреблены в потопе, так и те, которые были убиты Иродом, и те, которые убиты в Египте: все по разным причинам. Так как причины смерти отдельных людей различны, то должно исследовать, каковы они. Во время Ноя – чтобы не распространялось зло, во время Христа – не так; египтяне погибли за грехи отцов, израильтяне же по причине злобы египтян. Но если ты скажешь, почему Он не погубил сразу всех грешников, то я скажу: придет суд. Если кто-либо скажет, что младенцы, умерщвленные Иродом, были убиты не по тем причинам, так как, если бы они были грешниками, то могли бы исправиться, а если праведниками, то им нанесена обида, – то мы скажем, что на самом деле – не так. Бог умеет воздавать даже едва родившимся, когда Он даже о неродившемся, который не сделал ничего доброго или злого, говорит: **больший будет в порабощении у меньшего** (Рим.9:12), а также: **Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел** (там же ст. 13), и это сказано относительно грядущего, так как Бог знает, какого они направления. Ясно, что новорожденные, если хороши, угодны Богу, а если злы, то смерть для них же полезнее, чтобы они не сделались злыми. Но каким образом, скажут, понимать следующее: если предается казни какой-либо вор или преступник, то ужели Бог повелел, чтобы тот умер злою смертью? Не от Бога произошло такое повеление, но от злобы. Тот злоупотребил свободою, сам был причиною своей смерти, сам принял на себя иго смерти, как говорит премудрый: **привлекли ее и руками** (Прем. Солом.1:16). Но если кто-либо стремительно падает, то разве не Бог причиняет такую смерть? А может быть он упал вследствие небрежности? Если Бог попускает ему умереть таким образом, то он в совершенстве знает причины этого. Если же умирает какой-либо удавленник, то Бог не желает этого, а попускает по гордой воле таковых. Таким же образом, когда на путешественника нападают воры, то иногда одному путешественнику Он дозволяет пройти, и его спасает, а иногда относительно другого он допускает смерть, чтобы не уничтожить свободы. Итак, мы полагаем, что одна смерть бывает по повелению и воле Божией, а другая по его попущению, хотя и против его воли, – убийца осудил сам себя. Бог не везде помогает, хотя и желает, чтобы мы на Него надеялись; Он никогда не презирает, так чтобы не думали, что творения Его не имеют промышления и попечения о себе. Ясно, что определенная людям от Бога смерть не есть неизбежна, но что Бог отменяет уже произнесенное решение относительно смерти, вследствие покаяния, когда к нему прибегает праведник или грешник. И относительно

праведного Езекии было произнесено решение, но он слезами своими изменил таковое решение. Таким образом, Бог желает, чтобы смерть происходила не только по природе, но также по праведности или по грехам, чтобы мы имели возможность своею праведностью избегать несвоевременной смерти. Но скажут: какая теперь польза, когда я слышу, что первый человек умерь по грехам, я же, хотя соблюдаю кое-какую праведность, однако умираю, уничтожаемый тем же наказанием? Если ты праведен, то ты можешь избегнуть несвоевременной смерти; если же ты грешник, то нельзя. В то время это имело значение, но теперь Бог повелел, чтобы и смерть вменялась в ничто.

Вот, Я прибавлю к дням твоим пятнадцать лет. Скажут: не более, так определено было. Но разве не понимают, что решение было принято, а он (Езекия) изменил его своими слезами? Это было знаком милосердия Божия. Если кто-либо получает приговор от человека, то он не может быть в безопасности, если только не заступится пред судьей кто-нибудь, имеющий большую власть, который в состоянии освободить осужденного. Но не так у Бога: тот, кому произнесено было решение, молился и плакал один, и наказание смертное было отменено.

6-8. **И от руки царя Ассирийского спасу тебя**. Смотри, как Он сокрушил его гордость: Я, говорит, избавлю тебя, но не ты себя. **И вот тебе знамение от Господа**. Во время войны, Он дает, как знамение, условие победы. **И вот, тебе, Езекия, знамение: ешьте в этот год выросшее от упавшего зерна** (Ис.37:30), – дает такое знамение, которое указывает на прошедшее, так как Бог дает знамение не только тогда, когда желает, чтобы веровали в какое-либо будущее событие, но и тогда, когда желает, чтобы не забыли о прошедшем. Подобным образом в истории медного змия, который изображал распростертые руки: напишите, говорится, в память сие, да ведомо будет иным языком и грядушим (ср. Второ.31:19). Если совершившиеся вещи близки, то они не нуждаются в знамениях, если же они отдаленны, тогда нуждаются. Теперь смотри на чудесную вещь и предсказание: чудесным был конец войны, когда явился ангел и были избиты воины ассирийские. Но более дивно было предсказание: вы будете сеять и жать как бы во время мира, но не как в такое время, когда является неприятель, на подобие грозной молнии. Он прибавил знамение к знамениям не ради праведника, так как он веровал и без знамения, но ради прочих, чтобы открылось все, и чтобы чрез избиение многих неприятелей они познали, что Он есть владыка смерти, а чрез продление жизни Езекии – что Он есть начальник и податель жизни. **Вот, я возвращу назад на десять ступеней солнечную тень, которая прошла по ступеням Ахазовым. И возвратилось солнце**. Симмах говорит яснее: вот, говорит, Я заставлю возвратиться тень ступеней, которыми она сошла по часам Ахаза, и возвращу солнце на десять ступеней; и возвратилось солнце на десять часов, тихо сходя по ступеням. Действительно было удивительно: если бы Он повелел возвратиться тени быстро, то это не было бы удивительно, и могли бы думать, что может быть это произошло от солнечного течения и здесь ничего не проявилось особенного; но из тихого возвращения было ясно, что это совершилось Всемогущим Правителем мира. Смотри: дело совершается не на ровном месте, но на ступенях, где ясно виделась сила Совершающего чудеса. И это случилось на всем земном шаре. Никто когда-либо не видел и не слышал, чтобы совершилось чудо равное этому. Иисус Навин говорит: **стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою**, и они стали (Иис. Нав.10:12). Хотя это было и великое знамение, однако оно не показывало, что солнце и луна стали сами собою, но что есть кто-то удерживающий их и все направляющий. Для того, чтобы не подумали, что творение в определенном своем видимом течении, равно и солнечное движение – останавливаются собственною силою, Он двигает солнечную тень тихо и изменяет ее по желанию, не потому, что Он желает вредить всему миру, но затем, чтобы, побуждаемые удивлением, все обратились к вере. Солнцу повелел стать Иисус Навин,

повернул же его назад Бог и Христос замедлил путь его, чтобы ты, видя его замедление, научился, что это произошло не от природы солнца, а от Творца.

9-10. **Молитва Езекии, царя Иудейского, когда он болен был и выздоровел от болезни**. Видишь ли, он воздает благодарность в болезни и вспоминает о благодеяниях. **Я сказал в себе: в преполовение дней моих**. **Преполовение дней** он называет дни молодости, или, как иные переводчики говорят: в мои спокойные дни, т.е., во время бездействия или покоя. **Должен я идти во врата преисподней; я лишен остатка лет моих**, т.е., я умру несвоевременно. Мерою печали служат года; нам же нужно жить.

11-12. **Я говорил: не увижу я Господа, Господа на земле живых; не увижу больше человека между живущими в мире**. А это еще печальнее, потому что мертвые также подвержены печали. **Жилище мое снимается с места и уносится от меня, как шалаш пастушеский; я должен отрезать подобно ткачу жизнь мою; Он отрежет меня от основы; день и ночь я ждал, что Ты пошлешь мне кончину**. Отсюда ясно, что жизнь его была близка к концу, потому что он уже намеревался умереть, и все-таки был спасен Богом. Итак, это было делом как бы нового воскресения; хотя решение относительно смерти не исполнилось, однако жизнь его как бы имела конец. И такой умерший был воздвигнут Тем, Кто освобождает от смерти.

13. **Я ждал до утра; подобно льву**; львом он называет великую скорбь. **Он сокрушал все кости мои; день и ночь я ждал, что Ты пошлешь мне кончину**. Так он открывает угрожавший ему конец и нечаянное спасение от Бога. Потеря надежды воистину для него была надеждою.

14-20. **Как журавль, как ласточка издавал я звуки, тосковал как голубь**, т.е., я взывал, молился вследствие остроты скорбя. **Уныло смотрели глаза мои к небу: Господи! тесно мне; спаси меня. Что скажу я?** т.е., о мне, **Он сказал мне, Он и сделал. Тихо буду проводить все годы жизни моей, помня горесть души моей. Господи! Так живут, и во всем этом жизнь моего духа; Ты исцелишь меня, даруешь мне жизнь. Вот, во благо мне была сильная горесть, и Ты избавил душу мою от рва погибели, бросил все грехи мои за хребет Свой**. Видишь ли, он показывает грех как причину смерти, подобно тому, как и сам исповедал. **Ибо не преисподняя славит Тебя, не смерть восхваляет Тебя, не нисшедшие в могилу уповают на истину Твою**.

Итак, те, которые не благословляют Бога, ничем не отличаются от умерших; они даже хуже их, потому что не благословляющие Бога считаются умершими и скрытыми в гробнице. Истинно он говорит: **живой, только живой прославит Тебя, как я ныне**: он называет живыми тех, которые преданы благочестию, как ясно из следующих слов: **как я ныне**. В то время был живым не он один, но весь мир, однако относительно благочестия живым был только он один. Езекия не был лишен веры в воскресение: **не преисподняя славит Тебя, не смерть восхваляет Тебя, не нисшедшие в могилу уповают на истину Твою**. Но умершие во грехах подобны истлевшим в земле, лишенным благословения. **И мы во все дни жизни нашей со звуками струн моих будем воспевать песни в доме Господнем**. Видишь ли, он обещает великое покаяние во грехах. Пока он не перестанет благословлять Бога, **в доме Господнем**, за это время никогда грех не может в нем укорениться.

21-22. **И сказал Исаия: пусть принесут пласт смокв и обложат им нарыв; и он выздоровеет. А Езекия сказал: какое знамение, что я буду ходить в дом Господень?** Но почему он приказал наложить на рану пласт из смоквы? По подобию Неемана,

который пожелал приобрести несколько земли, как видимый и телесный знак выздоровления; так сделал и он.

А почему сказано: **молитва Езекии, царя Иудейского, когда он болен был и выздоровел от болезни**, – теперь же говорится: **пусть принесут пласт смокв и обложат им нарыв; и он выздоровеет**? Пророки имеют обычай рассказывать вновь о том, о чем они говорили раньше. Болезни удаляются не опытностью врачей, но помощью Господа, Который может исцелять без помощи медицины и какого-либо медикамента, не требуя какой-либо жертвы; а если иногда что и требует, то только веры исцеляемых. Потому Христос не посетил дома сотника, так как вера его была велика (Мф.8:13), напротив, он пришел к начальнику синагоги ради малой веры его (Мк.5:22,24). Потом в ином месте Он говорит: **хочу, очистись** (Мф.8:3), а другому простирает руку (Мк.1:41), иному же исследует глаза (Мк.8:23). Почему? Потому что Он применялся к настроениям всех. Прокаженному Нееману говорится: **пойди, омойся** (4Цар.5:10); а сам Христос брением помазал очи слепому (Ин.9:6), брение же не приносит здоровья, даже ослепляет; и относительно Лазаря говорит: **отнимите камень** (Ин.11:39), и **иди вон** (там же 43). Но может быть Он не мог воскресить умершего в то время, когда лежала крышка? Он сделал так для того, чтобы поднимавшие камень были свидетелями воскресения; если Он отверз врата смерти и освободил связанных заклепами ее, то тем более Он мог словом поднять камень, лежавший на отверстии гробницы. Затем, чтобы люди не были неверующими, Он повелел мертвым воскресать пред ними. Подобным же образом и здесь дано повеление относительно наложения смоквы на язву. Езекия показывает себя близким к смерти, когда говорит: **я должен отрезать подобно ткачу жизнь мою**. Ясно, что излечение произошло не от пласта смоквы, но от повеления Божия. Помощь врачей происходит от природы лекарств, но не от их могущества, Христова же сила не такова: Он не лечил лекарствами, но пользовался ими только для знамения. Лекарством же было слово Его; когда Он повелевал, то все становилось весьма легко.

Какое знамение, что я буду ходить в дом Господень? Иные говорят: что означают эти слова: **какое знамение, что я буду ходить в дом Господень?** Не давай, говорит, знамения молитвы или выздоровления, или иной вещи; напротив, когда ты пойдешь в дом Божий, то это самое уже будет знамением.

ГЛАВА 39

1. **В то время Меродах Валадан, сын Валадана, царь Вавилонский, прислал к Езекии**. Что же послал? Письма, содержащие приветствие, и послов с дарами. Видишь ли, какая польза произошла из болезни Езекии? Видишь ли плод победы? Те, которые своими войсками преследовали иудеев и не признавали их за людей, но считали бесправным народом, эти самые прислали послов, требовали мира, заботились о религии иудеев и желали принять их закон. Посылать послов вместе с дарами после выздоровления значило не только просить о мире, но также вступать в дружбу, значило – примирение. И Езекия обнаружил им чистую дружественную любовь. Но пророк говорит Езекии:

3. **Что говорили эти люди? и откуда они приходили к тебе?** Езекия открыл не то, что они сказали, но – откуда они пришли. Но разве пророк не знал об этом, что спросил его? После того он показывает, что он спросил об этом не потому, что не знал: он предсказал грядущий плен. Мы должны исследовать причину наказания пленом. Хотя она не указана, однако об ней можно заключить из радости развеличавшегося Езекии. Подобно тому, как не указана причина его болезни, а мы полагаем, что таковою была гордость, так, хотя теперь и не открывается причина прихода послов, однако мы думаем, что она заключалась в том, что он надеялся на людей, а не на Бога. Ему неприлично было надеяться на людей и

вступать с ними в дружбу, тем не менее, побежденный дарами, он показывает им не то, что прилично было, а напротив, показывает им дом Nechotha. Акила, вместо "дом Нехота", говорит: "дом курений"; Симмах: "дом военных вооружений, золота, серебра, стакти, елея и курения и всего того, что было в его сокровищнице". Почему же ты привязываешь к себе этих друзей, а не Бога, в котором была вся твоя безопасность? Некоторые думают, что он пожелал, показав им сокровища, устрашить их на тот случай, когда ему надлежало пользоваться иными вещами для иной цели. Другие же говорят, что послы пришли затем, чтобы узнать причину происшедшего знамения, так как тот день (исцеления Езекии) был продолжителен, более продолжителен, нежели прочие дни. Был десятый час и солнце вновь возвратилось еще на десять часов; вследствие прихода и возвращения его стало много часов; а потом солнце совершило, сообразно своему течению, еще 12 часов. Вавилоняне, смотря на такую вещь удивленными глазами, пришли спросить о происшедшем знамении, так как в один день солнце должно было совершить течение 32 часов. Поэтому пророк и говорит: **что говорили эти люди?** Езекия не стал показывать им великого Бога, сотворившего дивное, а показал им то, что он мог показать из человеческих дел, но он не помыслил о том, что написано: **проклят человек, который надеется на человека** (Иер.17:5).

5-8 **Вот, придут дни, и все, что есть в доме твоем и что собрали отцы твои до сего дня, будет унесено в Вавилон; ничего не останется, говорит Господь. И возьмут из сыновей твоих, которые произойдут от тебя, которых ты родишь, – и они будут евнухами во дворце царя Вавилонского**. Правильно думают некоторые, что это написано о Данииле, который происходил из царского семени, которого сделали евнухом, а также и о трех отроках.

И сказал Езекия Исаии: благо слово Господне, которое ты изрек; потому что, присовокупил он, мир и благосостояние пребудут во дни мои. Но не так говорили те великие и дивные мужи; а как же? Не престаю, говорится, **непрестанно благодарю за вас Бога, вспоминая о вас в молитвах моих** (Ефес.1:16). **Я согрешил, я пастырь поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они?** (2Цар.24:17); а также другой праведник: **прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал** (Исх. 32:32). Видя скорби тех, с которыми они жили, они не чувствовали своей скорби, а тот Езекия не думал о скорбях других, сам находясь в благополучии; его нрав был человеческим, а нрав тех ангельским; он был суровым и жестоким относительно родственников, а те были добрыми и благожелательными даже относительно чужеродных. Говорим так, чтобы не делать того же. Если тот богач, который был жесток к Лазарю, был так милостив в мучениях, то тем более нам следует быть милостивыми. Смотри, какую пользу получил тот от мучений: праведный Езекия не заботится даже о своих детях; напротив, беззаконный и жестокий не забыл о своих ближних; хотя он был в муках, однако он не удерживался от молений и прошений; хотя он не мог принести им никакого утешения, однако он все молил и просил? Где те, которые говорят, что утешением живущих в мучениях служит то, чтобы все вместе находились в муках? Вот тот богач не просил о том, чтобы мучение прибавлялось к мучениям, но просил, чтобы братья его не грешили и чтобы они не жили также в мучениях, до которых они еще не дошли. И в самом деле, что пользы тебе, чело-век, желать видеть других в мучениях? Ужели это для тебя будет утешением в скорби? Ужели оттого мучения будут более легкими? Конечно, говорят; но рассуждая так, ты не знаешь, как велики мучения. Ужели ты думаешь, что богач был один в муках, а не вместе с 600 товарищами по наказаниям? То, что он был не один, а вместе со многими, узнай из слов Авраама: **между нами и вами утверждена великая пропасть** (Лк.16:26), Ужели множество народа делает жар пламени более легким? Никак. Иудеям, которые были отведены в плен, хотя их было много, ужели это служило утешением? Если ты, человек, воспользуешься светом разума, то ты поймешь,

что в мучениях других тебе могут помочь только молитвы, для того, чтобы ты нашел спасение. Если же мы все виновны против Господа, то кто может утолить гнев Его? Так как Езекия был столь жесток к своим детям, то смотри, как утешил его милостивый Господь.

ГЛАВА 40

1-2. **Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш; говорите к сердцу Иерусалима**. Пророк не напрасно повторяет это, потому что предсказание дается ради тех, которые пришли в отчаяние; как Аврааму Бог говорил: **Авраам, Авраам** (Быт.22:11), так и здесь: **утешайте, утешайте**. Предложив иудеям прежде многие и великие слова обвинения, предвозвестив им многоразличные, имевшие быть, бедствия, устрашив их ум страшными словами, Бог, движимый милосердием, теперь вдруг говорит: **народ Мой**, о котором в ином месте Он воззвал: **поспеши сойти отсюда, ибо развратился народ твой** (Исх.32:7). Тогда он достоин был называться народом Моисея, а не Бога. Но праведный раб, любящий господина своего, ужели потерпел, чтобы этот народ был его народом? Никак. Почему же Бог сказал: **развратился народ твой**? Чтобы побудить их к молитвам. Когда же он сказал: **оставь Меня** (Исх.32:10), то этим показал, что убеждает его молиться. **Священники** (в русском переводе этого слова нет), **говорите к сердцу Иерусалима**. Свойство священников – заступаться и исправлять; они – гавань народов, заступники для умилостивления Бога, посредники между Богом и людьми. **Возвещайте ему, что исполнилось время борьбы его, что за неправды его сделано удовлетворение, ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои**. Мы говорим, что Бог не воздает по грехам каждому, сообразно изречению: **если беззакония будешь усматривать, Господи, Господи, кто устоит?** (Пс.129:3) между всеми живущими? А ты говоришь: **от руки Господней принял вдвое за все грехи свои**. Таково свойство милосердого отца – наказывать мало и это наказание представлять великим, так как любовь не терпит видеть многочисленность наказаний осужденных; иначе, Он желает дарованием благ вновь привести их к вере. **За неправды его сделано удовлетворение**: приятны эти слова тем, которые подверглись наказанию, так как они означают обыкновенно разрешение грехов.

3. **Глас вопиющего в пустыне – разрешится грех** (в русском переводе слов "**разрешится грех**" нет)**: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему**. Прежде он сказал о плене, потом показывает утешение и освобождение из плена. Всегда ли наказание согласно с виной? Разве не будет разрешен грех? Конечно, говорит, разрешится грех.

Глас вопиющего в пустыни. Это – благовестие в оставленной земле иудеев, после возвращения из плена. Но можно понимать эти слова и в ином смысле: **глас вопиющего в пустыни** – не только в пустынных странах, но также в пустынных, одиноких душах. Почему же он взывал к бесчувственным? Здесь показывается нам смелость проповедующего: тот, кто безбоязненно обвинял иудеев, начав с главнейших из них, в том, что руки полны крови пророков, тот не удерживался в обличениях, но свободно говорил: **порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева?** (Мф.3:7). Таким образом, голосом назван тот, кто был не только голосом, но также человеком и пророком, подобно тому, как и Слово Божие было не только бездушным словом, но живым Словом и совершенным человеком. Хорошо сказано: **в пустыне**, так как города были исполнены зла, и он бежал туда, где не было зла, где были места, свободные от грехов. Если бы ты обратил внимание на плоды человеческой деятельности, то земля могла бы назваться пустынею.

Смотри на благоразумие и кротость :там не было ни войн, ни убийств, не было ни воровства, ни жадности, ни каких-либо иных грехов. Потому пророк и говорит: **видел беззаконие и пререкание в городе, беззаконие и злоба среди него и неправда** (Пс.54:10-11), а в ином месте: **сколь многие и лютые скорби посылал Ты мне** (Пс.70:20). Сперва пророк доставляет некоторое свидетельство о том, что презирает все, что относится к этой жизни, – пустыню делает своим жилищем; потом описывает города и все, что находится в городах. Таковым был вначале и Адам; он не имел нужды в доме, в одежде и украшениях, которые употребляются нами, как знак будущей почести. Город часто бывает не так полезен для обитания, как совершенно безлюдная пустыня. Посмотрим же, что говорит пророк словами: **приготовьте путь Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему**. Пути не были утоптаны и гладки. Подобно тому, как во время прибытия в какой-либо город царя приготовляется, выравнивается и делается удобным путь для его шествия, хотя бы такой путь был непроходимым, неутоптанным, почти непосещаемым, зарос терновниками и колючками, так должно было делать и тогда. И он (**глас вопиющего**) пришел прежде затем, чтобы приготовить путь Христу. **Прямыми сделайте в степи стези Богу нашему**, т.е., приготовляйте Ему путь в неутоптанном и непроходимом месте. Удивительно то, что Он пришел в пустыню, где никакого не являлось пути добродетелей и мудрости. Волхвы, блудники, мытари, разбойники проповедовали здесь прежде; души их были совершенно лишены добродетелей и не устроены, не были склонны к исправлению нравов, не желали доблести, но были всегда проникнуты злобою. Итак, велика сила Царя, Который приготовил эту непроходимую и невозделанную пустыню, сделал путь царским.

4. **Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся**. Мы видим, что это исполнилось в новом завете, согласно с образом. Прежде же это совершилось во время возвращения из плена, так как народ пришел без труда и препятствия. Потом наполнение дебрей, понижение гор, холмов и изменение трудного в легкое означает тот путь, который ведет к добродетелям, что он легок и ровен, так что на нем не встретятся ни глубокие долины, ни стремнистые горы, и не будет никаких препятствий для тех, кто пожелает по нему идти. Выслушай, как сам Господь показывает легкость такого пути: **иго Мое**, говорит, **благо, и бремя Мое легко есть** (Мф.11:30); и Павел: **ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу** (2Кор.4:17); а также: **совлекшись**, говорит, **ветхого человека** (Колос.3:9). Как легко совлечение одежды, так еще легче свержение зла. Ясно, что добродетель легка не по своей природе, но Христос Своим пришествием сделал ее весьма легкою, как и Павел говорит: **бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?** (Рим.7:24); а потом: **итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу** (Рим.8:1). До пришествия Христа сила добродетели была подобна густым кедровым рощам, стремнистым и лесистым местам, почти была непроходима; пророки, праведники плакали и оплакивали тех, которые населяли эти суровые места; но после Христа – не так. Почему же пророк говорит: **всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся**? Спросим иудеев: скажите, когда это случилось? Какая гора понизилась и какая дебрь наполнилась? Ничего такого не возвестил Ездра, написавший о возвращении; но я покажу, что это сказано о добродетелях. Никогда у язычников не было имени девства, потому что сила девства и добродетелей была трудна, сурова и неудобна; теперь же она стала так легка и доступна, что даже и женщинам даровано стремиться по этой царской и безопасной дороге; многие вступают на эту дорогу без сомнения и страха, так как Христос призывает и нас к тому, что совершил Сам. **Приготовьте путь Господу**. Каким путем Он шел первый, им же ведет и нас, чтобы и мы стремились, желали и хотели также. **Всякий дол да наполнится**. Никакая добродетель не есть самая трудная и никакая не легче прочих; стремитесь легко ко всем и будете совершенствоваться, когда пожелаете. **Кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими**. Что такое

выпрямятся? Не только мы освободимся от рук тиранов, но также от заблуждения и от тех, которые изменяют нашу добродетель в лукавство, – что выражает яснее Акила: "кривое в правое", что еврей называет "агова", т.е. кривое, сообразно сказанному: **и все сыновья твои будут научены Господом** (Ис.54:13). Пророк не сказал: будут уничтожены трудные пути, но – изменятся в легкие, и это – знак великой силы, что Бог изменяет не природу, но нравы и желания; тому, кто живет в бедности, Он показывает, что таковая бедность нисколько не обременительна, а даже желательна ради благочестия. **Кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими**. Что жесточе лишения всего имущества? Но и такое лишение они переносили легко и с радостью, и все с величайшей готовностью подвергались ему: **у множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее** (Деян.4:32); апостол говорит: **вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий, то сами среди поношений и скорбей служа зрелищем для других, то принимая участие в других, находившихся в таком же состоянии** (Евр.10:32-33). Что ты говоришь, Павел? Что он примет расхищение имуществ с радостью? Конечно, говорит, потому, что написано: **кривизны выпрямятся**; и Лука в Деяниях Апостольских говорит: **они же пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие** (Деян.5:41). **Кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими**. Что труднее угроз, что мучительнее наказания после угроз? Но и это стало легким, не потому, что изменилась природа, но потому, что одно стало причиною другого. Такова сила Бога, Который не желает одного и не насылает другого, но то самое, что было кривым, превращает в прямое, чтобы ты познал, что зло происходит не от природы, но от свободы, которая неправо мыслит. Таким образом и Бог не новые тела призовет к воскресению, но обновит те же самые, истлевшие и превращенные в прах.

5. **И явится слава Господня, и узрит всякая плоть спасение Божие; ибо уста Господни изрекли это**. Слава Господня являлась всегда, но слава Божия наиболее явилась тогда, когда Бог принял природу человека и установил ангельское житие на земле, когда Он перенес в воспринятом теле столь много мучений. **И узрит всякая плоть спасение Божие**, а не какого-либо человека, так как все, которые взирали на Него, видели спасение Его. Хотя не все уверовали, однако все видели, – иные верою, иные слухом, а впоследствии все увидят. Так как пророк говорил о великом, то прибавляет и то, что давало веру его словам, так, чтобы уверовали все, говоря: **ибо уста Господни изрекли это**. Когда сам Господь будет держать речь, никто не будет неверующим, потому что слово Его есть творец природы и строитель новых вещей. А потому не спрашивай у Него о каком-либо праве. Как я прежде утверждал (по поводу того), что некоторые между языческими философами говорили нечто таковое, так скажу и теперь: когда говорит Бог, не исследуй более. Рабы, слыша слова своих господ, не спрашивают более, не осмеливаются давать вопросы или отвечать, а только исполняют их приказания. Точно также и ты, слыша, что говорил Бог, не испытывай более.

6. **Голос говорит: возвещай! И сказал: что мне возвещать? Всякая плоть – трава, и вся красота ее – как цвет полевой**. А другие переводчики говорят: все милосердие его; по-еврейски: ucughisdov, что переводится: "милосердие". Теперь смотри, как Он увещевает нас, чтобы мы желали воскресения; чрез презрение того, что близко нам, Он склоняет нас к желанию высших вещей. Справедливо сказано: **возвещай**, так как определение, которое нужно было высказать, было противно мнению каждого и представляло слова мудрости, принять которые весьма многие могли с трудом, судя о них по своему смутному разумению. Потому пророк и говорит: **возвещай**, – не сомневайся проповедовать повеленное: оно придает храбрости для плавающих по волнам, чтобы они пустились в более глубокое море. Не бойся, говорить, хотя бы и противились слышанным

словам. Не оставляй твоего постоянства, **возвещай**, взывай, так как в тех словах, которые ты будешь говорить, заключается великая сила. Хотя бы их никто не принимал, однако ты веруй в силу повеления: ничто не может уничтожить этого определения, потому что оно есть повеление Божие. Не говори: все противятся, все противостоят; твои слова утверждены на истине, а потому взывай свободно: **всякая плоть – трава**. Каким же это образом? Ужели это вина Творца? Да не будет. Он не так образовал человека, но тотчас даровал бессмертие. Но ты, который ввел грех, ты сделал человека бесславным. Не думай, что дело рук Божиих – тела из сена; Бог прежде говорит: **не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь** (Быт.2:17). Почему же ты говоришь о сене? Разве тела царей, прекрасных женщин и славных витязей сделаны также из сена? Конечно, говорит; если ты сомневаешься в этом, то обрати внимание на общий для всех конец. Обращал ли ты со вниманием глаза на гробницы? Разве чернь ниже, а богачи превосходнее? Никак; вообще все – пепел, все – прах, потому что все обратятся в прах и пепел. И здесь пророк не только говорит: **плоть**, но: **всякая плоть**. Так же говорит и другой пророк: **суетен всякий человек** (Пс.38:12). Смотри же, почему он не говорит: всяк человек, но: **всякая плоть**, т.е., тела, которые ходят по плоти. Пророк воспользовался худшим выражением, потому что иудеи делали неправые дела, подобно тому, как и Бог говорит: **не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками [сими], потому что они плоть** (Быт.6:3). Но мы и сено; вы, говорится, **вы не по плоти живете** (Римл.8:9). Смотри же теперь, говорит, на милосердие Божие: тебе, осужденному и низведенному до жалкого состояния, Он вновь дарует силу избавиться от осуждения; ты был сеном, но если желаешь, не будешь сеном; говорится: **строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы** (1Кор.3:12). Видишь ли, все зависит от здания? Если ты исследуешь природу тел, то она не лучше природы трав; подобным же образом она иссыхает и падает, и во время старости в ней не находится ничего юношеского. Если же ты обратишь внимание на знатность души, то ты найдешь, что человек ничем не меньше ангелов: **Ты умалил его малым чем пред Ангелами, славою и честью Ты увенчал его** (Пс.8:6).

И всяка слава человеча, яко цвет травный (русск. перевод: **и вся красота ее – как цвет полевой**). Человеческое тело не имеет каких-либо преимуществ пред прочими телами, но, принимая умножение славы, оно кажется величественнее остальных: облеченный славою показывает некоторый блеск, остальные же являются низшими. Говоря, что не только отпадет сено, но также иссохнет и цвет сена, пророк показывает презрение к славе сильных. Не видишь ли ты князей, свободных от служебных занятий? Можешь ли ты что-либо противопоставить им? Они окружены золотом и жемчугом, сидят верхом на гордых конях, восседают на колесницах, запряженных белыми конями, окружены толпою слуг, впереди и сзади себя имеют телохранителей. Но если явится что-либо внушающее страх, то весьма многими из них овладевает трепет, и часто к вечеру все это распадается. Нет ничего ценнее бедняка, даже нагого. Потому и говорится: всяка слава человеча, яко цвет травный: хотя бы говорилось о благах, почестях или о красоте, тем не менее все имеет придти в одно и то же жалкое состояние. Но если бывает так с телом теперь, то тем более будет так с ним в будущем. Что ты говоришь? Вот теперь иссохло сено и отпал цвет. Сам Давид говорит: **не бойся, когда разбогатеет человек, или когда увеличится слава дома его, ибо при смерти он ничего не возьмет, и не сойдет с ним слава его** (Пс.48:17-18). Но почему ты не сказал, что и живой также оставил ее, т.е., славу? Мне кажется, так сказано для неверующих и мирских душ. Так как для них кажется невероятным, что они в другой жизни получат во сто крат более за то, что они здесь оставили, то Давид утверждает несомненное, именно: когда они умрут, вместе с ними не пойдет их величие.

Почему же ты так часто желал заключать уста тех, которые помышляли только о мирском? Чтобы кто-либо не мог говорить, что у большинства слава оставалась до смерти, и таким образом опровергать слова пророка. Потому он и утверждает, что всякая слава отойдет в конце жизни.

7-8. **Засыхает трава**, говорит, т.е., умерла. Наша смерть такова, как иссыхание овощей и отпадение цветов. Смерть, говорит, не бывает двойною: умер человек и вместе с ним цвет его, т.е., его величие, слава, помыслы. **В тот день**, говорится, **погибнут все замыслы его** (Пс.145:4); сегодня ты стараешься вредить другим, но завтра они не найдут твоего места. Того, о чем кричат, как о событии, на весь мир, лени-вые не желают понимать; потому пророк говорит: **возвещай**, Акила: возопий; а еврейский т. говорит: cria, т.е., призывай. Бог приказывает ему кричать как бы глухим, чтобы ты, видя кого-либо угнетенным тиранами, возопил к нему те же самые слова: **всякая плоть – трава**. Не обращай внимания на плотскую славу, но думай о будущей бедственности их; чем славнее она является теперь, тем жалче будет впоследствии, когда в один миг времени отпадет величие ее. И вот, говорят, ты презрел все блага мира. Я не презираю их так, как будто бы они – зло по своей природе. Но хотя бы они были добром, и мы пользовались бы ими хорошо, тем не менее они прейдут и не останутся навсегда.

Но что же останется? **Слово Бога**, который пребывает во век твердым и неизменным; это – слова Его и повеления, которых не могут разрушить ни времена, ни смерть, ни болезнь, ни старость, ни зависть, ни ссора, ни что-либо иное подобное. Если бы кто-либо стал порицать слова мои, то пусть он встанет и докажет, что я сказал худо. А я сказал, что есть нечто такое, что твердо и остается всегда, и есть нечто изменяемое и скоропреходящее. Не сказал пророк: дела Господа пребывают, но: **слово** Господа **пребудет**; если пребывает **слово**, то тем более дела. Если **слово Бога нашего пребудет вечно**, то конечно должно принять веру в воскресение. В некоторых списках после этих слов: **засыхает трава, увядает цвет**, мы находим приписанными несколько большими буквами: **когда дунет на него дуновение Господа: так и народ – трава**. Давид также сказал: **возьмешь дух их, и исчезнут, и в землю свою возвратятся** (Пс.103:29).

9. **Взойди на высокую гору, благовествующий Сион! возвысь с силою голос твой, благовествующий Иерусалим! возвысь, не бойся; скажи городам Иудиным: вот Бог ваш!** Почему пророк говорит: **не бойся**? Ужели может найтись кто-либо такой, который возвещает и вместе с тем боится, – особенно, если он вестник честный и справедливый? Что же это такое? Да не покажутся всем возвещенные слова невероятными. Не бойтесь, говорит, да не будет этого, потому, что то, о чем Я говорю, Я исполню. Но так как величие сказанного делало весьма многих неверующими, и они думали, что это неисполнимо, как случилось с Ионою, то, говорит, ты не бойся; хотя сказанное и велико, но разумей, что говорящий может совершить все. Потому и говорится: **взойди на высокую гору, благовествующий Сион! возвысь с силою голос твой, благовествующий Иерусалим!** – чтобы многих сделать свидетелями относительно возвещенных слов, которые были предсказаны уже давно.

10. **Скажи городам Иудиным: вот Бог ваш! Вот, Господь Бог грядет с силою, и мышца Его со властью**. Что такое **с силою** и **со властью**? В свое первое пришествие Он явился не с крепостью и не со властью, но кротким и смиренным; Он был распят по плоти и умер, оставаясь живым и животворя по Своему божеству; но во второе пришествие Он явится не так, по сказанному: **если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем** (2Кор.5:16), – чтобы ты знал, что Он принял бесславие ради нашего спасения, пожелав быть подобным нам.

Вот, награда Его с Ним и воздаяние Его пред лицем Его. Правильно сказал, что мзда будет чрез слова. Он повелевает и всем располагает Своим словом. **И воздаяние Его пред лицем Его**, – именно, пред Богом; тогда не будет нужды в обличителе, так что Он сам распределит по справедливости.

11-14. **Как пастырь Он будет пасти стадо Свое; агнцев будет брать на руки и носить на груди Своей, и водить дойных**. Пророк показывает легкость дел, имеющих совершиться в то время. Сам Христос учит об этом в евангельской притче так: **как пастырь отделяет овец от козлов** (Мф.25:32). Я не могу легко отличать злого от доброго, а Он делает это без труда, по сказанному: **кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем?** (1Кор.2:11) Испытующий душу лучше самой души человеческой знает, что находится в человеке: **так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия** (1Кор.2:11). Павел ничего не знал в себе самом, но он не оправдывался в этом. Христос же говорил на вечери: **один из вас, ядущий со Мною, предаст Меня** (Мк.14:18); таким образом, Он Сам знал все, прежде чем это случилось. Как же так? Прежде чем происходит что-либо доброе или дурное, Бог одно любит, а другое ненавидит; и это не незаслуженно, но ради вот чего: **агнцев будет брать на руки**: Он не будет нуждаться ни в палке, ни в каком-либо ином орудии.

И имущия во утробе утешит (в русском переводе этих слов нет). Видишь ли, Он ясно показывает Свое попечение? Так как это на самом деле не совершается во время суда и воздаяния, то мне кажется, что это исполнилось во время возвращения (иудеев) из вавилонского плена: они нуждались в попечении более, чем остальные обремененные люди или матери, носившие детей во утробе; им и говорится: во время пути имейте большее попечение.

Сказавши великое, что для большинства казалось трудным, пророк желает то же самое подтвердить еще большим, потому далее прибавляет: **кто исчерпал воды горстью своею**? Иные переводчики говорят: **и пядью измерил небеса, и вместил в меру прах земли, и взвесил на весах горы и на чашах весовых холмы**. Почему же Он не сказал об ангелах: кто сотворил ангелов, или кто по ставил архангелов, а говорит о видимом и явном? Так как те велики, то Он возвышает ум неразумных не к невидимому, но желает учить из видимого, и не говорит: кто создал, или кто поставил, но – кто узнал. Если познание есть действие, скорее даже действие Божие, то тем более произведение чего-либо из ничего. В другом месте говорится: **исчисляет множество звезд и всем им имена нарекает** (Пс.146:4); каждая из них достаточна для того, чтобы мы познали дело Божие. Он из ничего произвел, сохраняет произведенное и желает сохранять. Таким же образом говорит и Иов. Однако не таково искусство строителей; хотя они выделывают сосуды, но не делают их из ничего; и сделанные изделия не могут сохранить до конца и даже на продолжительное время. В Боге же то удивительно, что Он может сотворенное Им сохранять в вечность неприкосновенным. Сотворенное сохраняется не своею силою, но сообразно сказанному: **в руке Его все концы земли** (Пс.94:4).

Таким образом, не веруй тому, что Бог прежде отмерил, а потом построил; Он не измерял небес пядью; никакая мера не годна для неизмеримой руки. Когда же говорится: **испытующий сердца** (Пс.7:10), то здесь выражается не что иное, как только то, что Он знает. Знание рождается от исследования. Слова: **исчисляет множество звезд** (Пс.146:4) показывают не иное что, как только знание, потому что от исчисления происходит знание. Когда же пророк говорит: **кто исчерпал воды**, то этим показывает не что иное, как только то, что Бог знает, сколько существует воды. И смотри: Он не нуждается ни в каких мерах, но прибегает к силе Своих рук. Он Сам знает меру своих произведений. **И пядью измерил**

небеса, показывая, что небо есть произведение Его совершенной силы. **И вместил в меру прах земли**. Всем ясно, что небо больше, чем земля, потому что небеса составляют как бы оболочку над землею. Видишь ли, что эти слова недостойны Бога, Который все сотворил из ничего?

Кто взвесил на весах горы и на чашах весовых холмы? Какие весы могут взвесить горы – такую громаду? Но хотя ты и слышал о весах, однако не подумай, что Бог пользуется такими весами. Он в совершенстве все знает так, как будто бы он это взвесил на весах. Какой-то из диаволов говорил, что он знает число песка и меру моря, и хвастался этим настолько, что своею ложью обольстил других; пророк же истинно возвещает нам некоторую часть Божественной силы. Здесь нет никакого лживого хвастовства, но одна верная истина. Потом он показывает величие Божие иным образом, именно, что Ему принадлежит знание от Себя Самого, и таковое знание непостижимо. Не удивляйся, говорит, что он знает все, – Он мудр, так что мудрости Его никто не обнимет; почему и прибавляет: **кто уразумел дух Господа, и был советником у Него и учил Его?** Говоря "**кто**", он включает здесь всех в сферу неведения. Не так, как говорят еретики, что Сын есть вместе и Святый Дух, потому что чрез Сына мы научаемся Господом. **Кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца, и кто есть Отец, не знает никто, кроме Сына** (Лк.10:22); а о Духе апостол говорит: **Божьего никто не знает, кроме Духа Божия**; и потом: **Дух все проницает, и глубины Божии** (1Кор. 2:10,11), т. е., Он знает глубины Божии, но испытует их не по причине неведения; точно так же, как и Отец испытует сердца людей не потому, что их не знает. Как мы выше показали, знание происходит от исследования, но не исследование от знания. **Кто уразумел**, говорится, **дух Господа?** Но апостол говорит: **мы имеем ум Христов** (1Кор.2:16); если никто не разумеет ума Господня, как же говорит апостол: мы имеем ум Христов? Но **нам**, говорит, **Бог открыл это Духом Своим** (1Кор.2:10), – столько, чтобы было достаточно для нас, но не столько, каков на самом деле ум Господень.

Для того, чтобы совершенно отделить Бога от всех тварей, как не нуждающегося ни в чем, ни от кого не научаемого, ни от кого не одаряемого, пророк прибавляет: **с кем советуется Он, и кто вразумляет Его и наставляет Его на путь правды, и учит Его знанию, и указывает Ему путь мудрости?** Он прежде находит основание для будущих событий. И можем ли мы веровать, что Ему свойственно малое ведение? Мы от Него научились необходимым познаниям; тем не менее мы так злы и глупы, что стараемся испытывать Знающего от Себя самого природу всех вещей.

15-17. **Вот народы – как капля из ведра, и считаются как пылинка на весах**. Не обращай внимания на множество языков, но взирай на величие Бога, Который легко может погубить их. **Вот народы – как капля из ведра, и считаются как пылинка на весах**. Акила говорит: вот острова, как падающие капли; Симмах и Феодотион точно так же.

И Ливана недостаточно для жертвенного огня. Пророк вновь в удачных выражениях обозначает малость средств для прославления Бога. Если бы, говорит, Я нуждался во всесожжениях, и если бы вы истребили даже всю дубраву Ливанскую, то и этого было бы недостаточно для горения всесожжений; если бы принесены были в жертву все животные, то и они бы не удовлетворили; вся природа не в состоянии достойно почтить Бога. Смотри на благость Божию относительно человека: хотя ничто не достаточно для Его славы, тем не менее Он не прозирает ничтожных, но делает достойными.

Все народы пред Ним как ничто, – менее ничтожества и пустоты считаются у Него. Как нет ничего достойного, что могло бы Его почтить, так никто не может охватить Его

премудрости, никто не может быть советником Его и учителем. Если никто не охватывает Его знания, то кто может уразуметь Его существо? Если части неба суть мерила руки Его, то те, которые ниже небес, каким образом могут исследовать мудрость Его?

18. **Итак кому уподобите вы Бога? И какое подобие найдете Ему? Идола выливает художник, и золотильщик покрывает его золотом и приделывает серебряные цепочки.** Бог не давал какого-либо повеления изображать Его образ, или делать Его подобие. Моисей во многих местах повелевает: **не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли** (Исх.20:4). Вначале никто не изображал Бога, и никто не мог охватить Его ведение. Изображение делается с того, что предается тлению и уничтожается, чтобы после уничтожения сохранилась о нем по крайней мере память чрез изображение. Но кто сделает образ Бога живого и нетленного? Кому подобен Он, так чтобы кто-либо мог описать изображение Того, Который только подобен Себе Самому? Пророк мудрым исследованием бессилия идолов и силы Божией подвергает их наказанию. Он сперва показывает, что знание Бога непостижимо и неизмеримо; потом описывает строение идолов, которые бывают деревянные, или каменные, или золотые, или серебренные, но, во всяком случае – неразумные. Но почему, скажут, говоря так о природе идолов, он не делает того же относительно природы Бога? Природу Бога ничто не может выразить, так что, умалчивая о существе Его, он открывает знание Его. А так как идолы сделаны из дерева или из металлов, то потому он и говорит о качестве и строении их природы. **И какое подобие найдете Ему?** Ему ничто не подобно нет подобного Ему образа в творениях; только один образ Его – это несотворенный Сын.

20-21. **А кто беден для такого приношения, выбирает негниющее дерево**, **приискивает себе искусного художника, чтобы сделать идола, который стоял бы твердо**. Так как многие из таковых идолов оставались довольно продолжительное время, то пророк показывает, что они сделались такими не сами от себя, но вследствие не гниющего дерева; их изделия продолжали сохраняться вследствие опытности мастера, который постарался так, чтобы изображение не подвергалось тлению. Не думай о красоте, о продолжительности, или неизменяемости идола: все это относится к искусству человека. Но если они, идолы, в состоянии совершить что-либо, то пусть покажут. Почему пророк прибавляет: **разве не знаете? разве вы не слышали? разве вам не говорено было от начала? разве вы не уразумели из оснований земли?** Эти слова должны быть вам известны; должно ожидать, чтобы вы поверили этим словам не по слуху, но, научившись им с самого начала, так как этому могла вас научить самая природа вещей. Хотя вы не разумеете, а приняли их от других не теперь, а изначала, тем не менее, я утверждаю, что ваше нечестие не имеет извинения. Так как пророк говорил о возвращении из плена, то, чтобы они не думали, что для освобождения от притеснений и достижения спокойствия нужно придти в древнюю порочность, Он и дал, как бы столбы, повеления, которые не позволили им впасть в прежнее нечестие.

22. **Он есть Тот, Который восседает над кругом земли, и живущие на ней – как саранча пред Ним; Он распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья**. Другие же говорят: сидящий над кругом; **и живущие на ней – как саранча**. Видишь ли, земля есть круг? Круг показывает круглую форму земли. Полезно знать и это, чтобы мы не соблазнялись баснями языческих философов, которые обыкновенно думают, что земля подобна ложбине, округлости, диску, блюду или чему-нибудь такому подобному. Слыша как пророк, говорит, что земля есть круг, ты не исследуй более. Хорошо сказано: **восседает**, потому что **в руке Его все концы земли** (Пс.94:4). Им создано все. Относительно знаний Его сказано было прежде: **кто исчерпал воды горстью своею и пядью измерил небеса**; здесь же пророк говорит не о творении,

но о промышлении. Итак, не исследуй, на чем стоит и утверждена земля: Бог держит ее Своею рукою. Нет иного основания, кроме Его. И не спрашивай о каких-либо иных убедительных доказательствах. **И живущие на ней – как саранча**. Так слаб человек пред Богом, так Бог вращает его, как желает. Итак, не думай о громаде земли, но обращай внимание на великую силу Держащего, чтобы потом тебе не смущаться и не разбегаться (в своем исследовании) туда и сюда. Если ты будешь помнить, что круг земли неподвижен, то ты поймешь силу великой, непобедимой и неослабевающей руки, и таким образом будешь действительно веровать. Мы также часто имеем обыкновение называть саранчу, как пример слабости.

Он распростер небеса, как тонкую ткань; Акила говорит: распростерший небо, как воздух; Симмах: поставивший небо, как перекладину. Здесь пророк говорит о творении, но не о произведенной материи, и не о небесных созданиях, а показывает то, в чем люди могут быть участниками вместе с Богом. Пророк не говорит, каким образом Бог произвел творения из ничего, но показывает, что Он иные сохраняет в неприкосновенности, а другие даже украшает. Весьма велика опытность искусства утверждать и украшать созданные вещи, а утвержденные сохранять в целости. Мы не тогда удивляемся строителям, когда они вытесывают громадные колонны, но когда они помещают их на своем месте и укрепляют. Таким образом не только удивляйся Богу из-за того, что Он произвел и показал громаду небесных тел, но и из-за того, что произведенное сохраняет крепким и целым. Пусть небесная громада и великий небесный свод падут и низринутся на землю: какая сила в состоянии исправить и сдержать их, если не сила Того, Кто произвел все это вначале из ничего? Слыша слова: **и раскинул их, как шатер**, ты, обитатель земли, не бойся, что небо может упасть на землю, так как пророк раньше говорит: **распростер небеса, как тонкую ткань**, чтобы этим примером отнять у тебя страх. Когда ты боишься, что небо, если оно подобно скинии, может упасть, то он тотчас же подтверждает тебе, что небо крепко, **как тонкая ткань**. Но зачем же он приводит оба эти примера? Затем, чтобы именем ткани указать на прочность, а именем скинии на легкость для Творца, Который мог поставить небо так легко, как скинию, и в то же время не так неустойчиво, как скинию, а так крепко, как камеру (ткань). А чтобы легкость Творца не устрашала творения, пророк и пожелал назвать небо прежде камарой, для отнятия страха, потом говорит уже о второстепенном, и показывает, что не напрасно и не тщетно и не ради пустого тщеславия Он поставил таким образом, а для того, чтобы под ним обитали люди. Небеса распростерты подобно крыше с выпуклой формой. Но если кто-либо скажет: почему же небеса наклонены на подобие камеры, а не устроены на подобие ровной крыши? – то я только отвечу, что я сам ничего не понимаю относительно этих вещей; я знаю, что такова форма неба, но почему она такова, этого я не знаю. Что означает "распростер"? Подобно тому, как человек скоро и без труда распростирает платья, гораздо легче и скорее этого Бог распростер небеса. Но удивительно то, что спустя столько веков на небесах не образовалось никакой трещины или отверстия. Какая веревка может удерживать распростертое небо, или какие колонны, или какие канаты, привязанные к небу, сохраняют его твердым и распростертым? Впрочем, я знаю, вы ничего не можете мне показать подобного, а вам лучше должно прибегать к силе Божией, по сказанному: **в руке Его все концы земли** (Пс.94:4). Правильно сказано: **раскинул**; но в другом месте говорится: **и небеса свернутся, как свиток книжный** (Ис.34:4); а еще в ином месте: **как одежду совьешь их, и изменятся** (Пс.101:27). Как тонкое полотно, так Бог распростер небо над нашей головою. Своим величием, красотою и разнообразными украшениями оно увеселяет и освежает наши глаза. От него исходит не только то, что для нас необходимо, но также и то, что величием красоты поражает нас радостью и веселием. Бог, богатый милостью, доставляет нам великие блага, исполняя не только наши необходимые потребности, но даруя нам также радость и спокойствие; иначе – почему Он положил пред глазами такое плодородие земли, такую широту неба, обширную атмосферу

и такое обилие вод? Разве множество творений не превосходит наши потребности? Он сделал это как для нашего удовольствия, так и для удовлетворения нашей потребности.

23-24. **Он обращает князей в ничто, делает чем-то пустым судей земли**. Что значит: **обращает князей в ничто**? Перемена какого-либо царя есть дело трудное, но для Бога оно легкое. Легким ли тебе кажется лишить царства царя, под своим скипетром держащего весь мир, почитаемого всеми, принудительно движущего все своим словом? Но для Бога и это не трудно; для Него не трудно даже кого-либо из черни, кто бы не умел даже говорить, возвысить на такой почетный пост. Он говорит, что это для Него не только легко, но даже весьма легко, именно сказано: **обращает князей в ничто, делает чем-то пустым**. Видишь ли, что он для примера приводит известное всем? Мы не присутствовали в то время, когда Он творил небеса, и не разумели в то время, когда Он распростирал их. Так как высокое и даже весьма высокое выслушивается ушами, и тем не менее совершенно не воспринимается слушающими, то Он самое сокровенное слово превращает в иное, известное всем, которое всегда обитает среди людей. Подобно этому говорил и другой пророк: **он изменяет времена и лета, низлагает царей и поставляет царей** (Дан.2:21); потом: **многие из властелинов сидели на земле, тот же, о ком не думали, носил венец** (Иис. сына Сирах.11:5); а также: **видел я рабов на конях, а князей ходящих, подобно рабам, пешком** (Екклез.10:7); затем: **от утра до вечера изменяется время, и все скоротечно пред Господом** (Иис. сын. Сирах.18:26); а также: **все скоротечно пред Господом** (Иис. Сирах.18:26). Смотри, сколько свидетельств рассеял Господь всюду на земле, чтобы познавать и верить в творение земли. Ты желаешь слышать слово, которому учит тебя Господь с неба, но не желаешь ему, однако, научиться; сравнивай вещи мира, замечай то, что совершается ежедневно, и ты познаешь Господа и Творца.

И землю, аки ничтоже, говорит, сотвори (русском переводе этих слов нет). Тебе, знающему, что Бог сотворил землю, когда ее не было, и так скоро, как ничто, ужели кажется великим, что Он твердо держит ее? Где те, которые привыкли говорить, что земля существовала невидимой и безобразной? Вот говорится: сотвори ее; если сотворил, то как же она не была сотворена? Сотворил ее легко и скоро. Другой же пророк сказал: **я посмотрю на небеса, дела перстов Твоих** (Пс.8:4), а также: **что захотел, сотворил** (Пс.113:11). Сотворил ее, аки ничтоже, т.е. сотворил все Своим словом.

Справедливо говорит пророк: "Он призвал их, и они говорят: вот мы", – чем, кажется, он показывает легкость творения. Какой-то мудрец говорит, что каждое из творений открывает Творца. Но здесь пророк нас учит величию Творца не только из творений, а также из другого доказательства, именно – из самой формы творения. Видишь ли ты величие и красоту тварей? Однако, ты не останавливайся только на них, но уразумей и научись, что все это великое произошло, как ничто, именно по повелению и по слову, по указанию перст, и по зову Его. "Один, говорится, призывающий все из ничего". Этим подтверждается легкость и скорость творения. Как мы слыша что-либо удобоисполнимое, подаем за это голос, так Он повелел быть тому, чего прежде не было. Как же, скажут, может это быть? Удивительно то, что наш Господь таков есть, что дел Его мы не можем охватить ни словами, ни умом, ни каким-либо иным образом.

Прежде пророк сказал о творении, что Бог легко сотворил землю и небо. Землю, говорит, аки ничтоже сотвори, и прибавляет: **едва они посажены, едва посеяны, едва укоренился в земле ствол их**. Относительно идолов он говорит это, или относительно вавилонян? Скажем: о тех и других; к тем и другим и мы применим эти слова, для того, чтобы мы могли узнать истину. Может быть, пророк говорит то, что вавилоняне пойдут в плен и как бы будут унесены ветром. Если же он говорит об идолах, то его слова означают, что

идолы не могут показать никакой силы, так как, будучи бесчувственны и неодушевленны, они не могут доставить людям ничего доброго не только сами от себя, но и по образцу того, как люди делают друг другу взаимно, хотя это относится не к насадителям растений или сеятелям, но к Богу, который дает приращение. Идолы же не могут совершить этого даже в малой степени. Что удивительного, что они не могут сделать ничего для своего спасения, а уносятся как бы ветром? Ты видел силу Божию; посмотри же на слабость идолов. Но почему же, высказав положение, он не высказывает и противоположения, – именно, что они, идолы, не устрояли земли? Говоря: "Ты сотворил землю", пророк показывает, что Он, Бог, сотворил также растения, потому что кто произвел мать их, тот, очевидно, сотворил и сами растения. Идолы же не производили растений, и не могут оказать какой-либо пользы, даже подобно людям. **Высохли**, – что обыкновенно случается с деревом. Подобно тому, как иссохшее дерево бывает бесплодно, так лишены каких-либо сил и сами идолы. **И вихрь унес их**. Бурею здесь пророк называет те наказания, которые происходят от Бога: грядущие войны, которые идолам не принесут никакой пользы.

25-26. **Кому же вы уподобите Меня и с кем сравните? говорит Святый**. Хорошо сказано: **кому же вы уподобите Меня**; справедливо сказано: ныне убо (в русском переводе этих слов нет); воспользовавшись столькими благами, вы не уразумели Меня. И вознесуся (в русском переводе этих слов нет), **говорит Святый**, т.е., что может Меня вознести? Отсюда ясно, что слава идолов происходит от людей, и превозношение их – от человеческих украшений. Так как они (люди) украшают глиняные изделия царскими одеждами, влагают в руку великий знак гнева, как будто идол может ниспосылать с неба огонь, или град, то разве не они возвышают их? Каким образом, сказано, вы можете возвысить Меня, т.е. Бога? Никоим образом. Это совершенно невозможно ни теперь, ни в будущем. Ясно, что Бог ни в чем не нуждается и не превозносится от людей, но Сам превозносит их. Показав, что Он ни в чем не нуждается, и ничто не может превозносить Его, пророк прибавляет: **поднимите глаза ваши на высоту небес и посмотрите, кто сотворил их?** Разве не Я сотворил все это из ничего? Такой смысл имеют слова: **кто сотворил их?** Мы также воспользуемся этими словами. Он повелел быть и произвел то, чего прежде не было, подобно тому, как мы, говоря, что такой-то человек сделал какой-либо сосуд или одежду, показываем этим, что этого другой никто до него не сделал. Я, говорит, не нуждаюсь в вашем превозношении, но вы **поднимите глаза ваши на высоту небес**. Хорошо он сказал это относительно людей, которые всегда смотрят только на дольняя, и которые не могут возноситься на высоту, хотя человеку дана такая форма, что желает ли, или не желает он, – не может забывать о своей славной природе, так как Бог сотворил человека с прямым телом и дал ему глаза, этих возвышающихся зрителей тела. Сотворивший тебя таким образом разве не научил этим, что Он поместил глаза в таком месте не для чего-либо иного, как для того, чтобы ты смотрел на высоту, подобно князю и судье, чтобы ты не смотрел только на дольняя, но поднимал свои свободные глаза на высоту? Помимо того, Он даровал тебе другое, более легкое, нежели глаза, крыло, которое позволяет летать не только в эфире, который называют спокойным и который простирается выше звезд, между воздухом и небом, а даже и далее небес. Какое же это крыло? Крыло истинной веры, потому что крылами веры ты можешь подняться Далее небес и знать все, что там находится.

И посмотрите, сказано, **кто сотворил их?** Может быть, иной скажет: я вижу все: красоту и величие небес, но не могу познать Того, Кто все это сотворил; вижу я солнце, луну, небо, звезды и иное подобное, но каким образом я могу познать Творца? Менее прочих прилично было бы говорить это иудеям, которым Бог даровал познание о своем творении различным образом. (Но, говорят) Он был невидим, и в то время, когда Он простирал небеса, с Ним никого не было, тем менее – человека, который мог бы уразуметь, что творения суть дело рук Его. Бог творил небеса, но Адама не было там Он утвердил землю,

и тот не видел; Он воззвал море, и тот не присутствовал, – а потому не знал, так как человек создан был после того, как было сотворено все. Итак, скажут, каким же образом мы можем знать, что творения происходят от Бога? Сначала, по причине того самого главного и важного дела, так как Бог пред лицом Адама сотворил из него же самого другого человека, – жену. Тот, Кто мог создать человека, тем более мог создать прочее, что создано ради человека. Легче было создать небеса и иные твари, чем человека, не только по причине души, но и – тела, потому что Бог вложил великое совершенство в каждый член человека. Впрочем, скажут: Адам не видел жены в то время, когда она образовалась, но увидел ее после творения. Мы отвечаем: однако, он знал, что она взята от него и произошла от него, так как сказал: **вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей** (Быт.2:23). То, что Бог создал также животных, он узнал из того, что Тот привел к нему всех, дабы он дал имена тем, о которых он знал, что они сотворены из земли, как это видно из следующих слов: **прах ты и в прах возвратишься** (Быт.3:19). Конечно, скажут, из этих слов он знал, что он произошел из земли; но откуда он мог знать, что земля сотворена из ничего? Мы отвечаем: Творец, ведущий все, вложил в него премудрость, так что он провидел и мог знать тайны Божии. Как же он не знал иного, меньшего? Но каким образом мог Адам знать отделение ребра, если на него был наведен тогда сон? Когда один спит, а другой у него что-либо отнимает, что тому принадлежит, то этот не чувствует. Но, видишь ли, Адам видел иными очами не только настоящее, но и будущее. То, что животные произошли не от человека, видно из следующего: **вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей** (Быт.2:23). Что означают слова: **кость от костей моих**? Во-первых, то, что животные произошли не от него, а потом – то, что никогда не будет того, что совершилось теперь. Видишь ли, Адам пророчествует и о будущем. Моисей, который не был с Богом, когда Он творил все, также научился откровениям от Духа Святого, как сын от отца, – тому, что он узнал только спустя продолжительное время. В другом месте говорится: **что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им** (Рим.1:19), т.е., они (люди) могли знать Бога; **ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы** (Рим.1:20). Потом, во все роды Бог давал какой-либо знак своего учения: во время потопа Он обновил землю; во дни вавилонской башни сотворил некоторое новое чудо; иные подобные чудеса творил во время гибели содомитян и во время Авраама; но наиболее дивное – во время Своего пришествия. Каин научился от своего отца, но пренебрег, так как был беззаконен, и он сознавал Бога не только Творцом, но, если угодно, судьей и даже мстителем. А его отец сознавал Бога Творцом, вездесущим, помощником всех людей, – помимо этого, сознавал и то, что ничто не происходит случайно, но все – по распоряжению Божию, и что тот, кто исторгает своего недруга из среды живых, должен быть наказан. Смотри познание воскресения: кровь умершего вопиет более, чем голос живущего. Бог подверг Каина наказаниям, чтобы кто-либо не сказал: я убил человека и ничего более не боюсь. Он же показывает нам, что должно бояться более тогда, когда мы не боимся какого-либо врага, так как у нас есть иной враг – Бог. Никогда Бог не оставлял мир без какого-либо свидетельства.

И сам Петр говорит: **истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему** (Деян.10:34-35). А в другом месте также сказано: **когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон** (Римл.2:14). Он написал законы, а потом вновь оставил их без законов, чтобы ты не сказал: "Он чрезвычайно обременял меня". Вот, говорит, Я не буду более твоею помощью; смотри, можешь ли ты сам собою совершать добродетели? Но они не могли ничего сделать сами собою, поэтому Я опять буду смотреть за ними и сохранять по Своему благоволению.

Поднимите глаза ваши на высоту небес. То, что находилось на земле, не могло открыть тебе Творца, как ты думал; но ты не сообразил вот чего: **и наполнится славою Его вся земля** (Пс.71:19), и что сказано в ином месте: **милостью Господа полна земля** (Пс.32:5). Если земля исполнена милости и славы, то почему Бог повелевает им возвести очи на высоту? Они знают, что небо лучше, нежели земля. Так как вы ничему не научились от земли, то смотрите, по крайней мере, на небо: небо прекрасно, но земля необходима. Подобно тому, как отдельное тело сложено из многих членов, так и Бог сотворил мир; и то, что Павел говорил о единстве членов тела, должно понимать также и о всем мире. Если Бог дал великую честь отдельному незначительному члену, то это Он сделал для того, чтобы не происходило разногласий и раздоров в теле. Пусть земля отверженнее и презреннее, чем небо, однако, она имеет больше, чем то: она питает всех, которые по ходят, и из нее происходят тела. Небо также имеет весьма многое, оно дает нам многое, благодаря солнцу, луне и звездам. Но земля пренебрегается, потому что ее всегда топчут ногами. Если, говорит, вы взглянете на высоту, то вы поймете и то, что находится на земле. Впрочем, это не по обычаю язычников, которые промышление и управление мира, да и то не целостное, но несовершенное и исполненное раздоров, разделяли между 600-ми богов. Таким образом они говорят, что Церера владычествует над землею, Нептун – над морем, Аэр – над погодой, да и Церера, говорят, не одна только возделывательница земли, но вместе с нею иные отдельные божества: Бахус – показатель виноградной лозы, Минерва – изобретательница маслины, и иные божества возделыватели деревьев. Но здесь нет ничего подобного. **Посмотрите, кто сотворил их?** и прибавляет: **кто выводит воинство их счетом? Он всех их называет по имени: по множеству могущества и великой силе у Него ничто не выбывает**. Таким образом

и Давид говорит: **исчисляет множество звезд и всем им имена нарекает** (Пс.146:4), – показывая этим, что Бог не только все сотворил, но и сохраняет все прочным и устойчивым. На это же указывают и следующие слова: **выводит воинство их счетом**. Пророк не сказал: кто выведет, но: кто выводит, – чтобы показать, что Он их выводить всегда и постоянно. Потом он прибавляет следующие слова: "кто творит чудеса и есть дивен", – чтобы ты всегда видел Его, всегда Ему удивлялся, Он показывает тебе одно ночью, а другое днем. Но скажут: всегда – одно и то же, и ничего не дает нового и прекрасного. Но не кажется ли тебе удивительным то, что Он в одном и том же показывает всегда многоразличный и прекрасный порядок? Если бы все между собою перемешалось, смешались бы зима и лето, то, как ты думаешь, совершалось ли бы все само собою? Но если дивный порядок всех вещей не побуждает тебя к познанию Бога, то какова же твоя тупость! Подобно тому, как торговцы предлагают свои товары, так и Бог предложил пред тобою мир, чтобы ты из видимых вещей приобрел веру в Него. **Всех**, говорит, **их называет по имени**, т.е.: Его слову внемлет все. **По множеству могущества и великой силе**. Пророк не сказал: "от многого знания Твоего или премудрости", но только удивился славе Его, так как слава преимуществует пред мудростью. **По множеству могущества и великой силе**, говорит, так как и мы думаем, что слава находится во всех тех, кому мы удивляемся. Когда ты говоришь о каком-либо царе, то, говоришь, ему присуща великая слава, хотя ты вполне не можешь знать ни достоинства, ни красоты его, так как красота и достоинство и иное подобное заключают в себе некоторую славу. Имя же славы ближе к превосходству, чем остальные названия, и может заключать в себе весьма многое. Велика, говорим, в дивных делах слава: она такова, что мы не можем вообразить большей. **По множеству могущества**. Не только сказано: **могущества**, но также: **и великой силе**. **У Него ничто не выбывает**: во-первых, по причине природы разума, а потом – по причине ежедневно происходящих напоминаний, т.е. провидения, и по причине того, что относится к премудрости Божией. Не говори того, что я теперь говорю: ужели может быть тобою познано это, когда ты нечестив? Бог уже сначала разумел все, так как Он Творец и Испытатель сердец и Правитель всего существующего.

Таким образом, если творения, которые Он создал ради тебя, близки Его сердцу, по написанному: сотворил небо жилище (ср. Ис.40:22), и если Он небо сотворил жилищем, то – тем более землю. Если, говорит Бог, Я наблюдал за небом и землею, то тем более за тобой, ради которого все создано.

27. **Как же говоришь ты, Иаков, и высказываешь, Израиль: "путь мой сокрыт от Господа, и дело мое забыто у Бога моего"?** Здесь, мне кажется, Бог хотел восстановить и подкрепить притесненных и угнетенных, которые столь продолжительное время были в плену, говоря как бы так: Я не далек от тебя, не сокрыты от Меня твои пути, не отнял Я суда твоего, Я нахожусь близ тебя, чтобы помочь тебе; придет, и уже есть, спасение твое; не были сокрыты от Меня пути твои, но грехи твои скрыли лицо Мое от тебя, и ради неправд твоих Я пренебрегал права твои. Когда иудеи говорили: **почему мы постимся, а Ты не видишь? смиряем души свои, а Ты не знаешь?** (Ис.58:3), то Он знал и даже в совершенстве знал о том, но презирал их ради многих неправд. Потому Он говорит только о премудрости, – говоря как бы так: Он в совершенстве все знает и измеряет, исчисляет и все называет по имени. Разве, говорит, Я не знаю и не могу искупить вас? Конечно, все это Я знаю и все предвижу. Если Я измерил Своими руками небо, то тем более Я провижу вас; если Я сотворил землю ради вас, как бы ничто, то разве Я не могу помочь вам? Я сотворил жителей ее, как саранчу, и князей ее, как не владеющих ничем: могу ли Я Сам нуждаться в чем- либо? Итак, **кому же вы уподобите Меня?** Я не упрекал вас за всесожжения ваши, так как и **Ливана недостаточно для жертвенного огня, и животных на нем – для всесожжения**. Ничего я не скрыл от Тебя, – все Ты знал от начала.

28-31. **Разве ты не знаешь? разве ты не слышал, что вечный Господь Бог, сотворивший концы земли**. Акила говорит: "творит концы земли"; Симмах говорит: "сотворил". Почему сказано: **разве ты не знаешь?** Потому что тебе должно было знать Бога или из самого порядка вещей, или из того, что Я прежде поведал обо всем. Не говори: я научился этому от диаволов. Единому Богу свойственно быть вечным и сотворить концы земли, а также и то, что следует далее: **не утомляется и не изнемогает**. Акила говорит: "ослабеет"; а Симмах говорит: "не утомился, не утрудился". Иные же переводчики думают, что эти слова произнесены ради колебания евреев. Известно, что ангелы также не алчут и не утруждаются. Но ты прежде познал творческую силу Его, – премудрость и непостижимость существа Его из того, что Он все сотворил из ничего. **Разум Его неисследим**. Акила говорит: нет исследования; Симмах: нет меры премудрости Его; Феодотион: нет конца премудрости Его. Справедливо сказано: **Он дает утомленному силу, и изнемогшему дарует крепость**; а другие переводчики: дающий ослабевшему силу. Богу свойственно не только то, что Он Сам ни в чем не нуждается, но и то, что Он разделяет между другими то, в чем Сам не нуждается. **И изнемогшему дарует крепость**. Те (еретики) нечестиво приписывают какое-то зло Божественной природе, в которой нет ничего злого, но Бог каждому воздает по Своему правому, достойному суду. Когда Он кого-либо мучит, то Он не гневается, и когда наказывает, то Сам не предается страсти, тогда как мы, мучая кого-либо, сами чахнем вследствие великого гнева.

Утомляются и юноши и ослабевают, и молодые люди падают, а надеющиеся на Господа обновятся в силе. Видишь ли, Бог их мучил. **А надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут – и не устанут, пойдут – и не утомятся**. Это и совершается в крещении, так как юнеют и обновляются те, которые достойны этого святого таинства. Говорится: терпящии (в русском переводе этого слова нет). Не видишь ли, какова и сколь велика добродетель терпения? Потому никогда не должно падать духом, никогда – страшиться, оставлять надежду, в каком бы положении ни находились дела, никогда не должно приходить в смущение, но всегда быть твердым и

переносить все терпеливо. Здесь представляется также и пример веры. Если происходит обновление с орлами, то какое обновление произойдет с людьми, когда они обновятся, просвещенные крещением? **Потекут – и не устанут, пойдут – и не утомятся**. Не видишь ли ты, что с той и другой стороны сияет могущество Бога, как наказывающего, так и спасающего.

ГЛАВА 41

1. **Умолкните предо Мною, острова, и народы да обновят свои силы; пусть они приблизятся и скажут: "станем вместе на суд"**. Акила говорит: "немотствуйте"; Симмах: "молчите". **Народы да обновят свои силы**. Справедливо сказано: **обновят**, потому что обновление не может совершиться иным образом, как только от Бога, по написанному: **приступите к Нему и просветитесь** (Пс.33:6). Подобно тому, как просвещается приступающей к солнцу, так и приступающий к Богу весьма много просвещается. Обрати внимание, прошу, на образ обновления: посмотри на возрождение крещения, которое открывается из обновленных вещей. Иные переводчики здесь говорят: "молчите острова", – что служит признаком призвания к учению. **Пусть они приблизятся и скажут: "станем вместе на суд"**. Что значит: **станем вместе на суд**? Производить суд значит произносить суждение относительно того, что было сказано. Здесь прежде возвещается будущее. Если бы я сказал что-либо, а сам не мог исполнить этого, тогда я был бы бессильным подобно идолам. Потому законно и праведно сказано: **скажут**, т.е., когда Я все совершу.

2-3. **Кто воздвиг от востока мужа правды?** Некоторые понимают эти слова о Кире, другие – о Зоровавеле, а иные переводчики говорят: кто возбудил с востока праведного? Это мщение возбуждено с востока. Ужели, говорит, из моего города? Никак, из чужой страны и варварской земли. Таким образом, не только никто из обитателей, но и ни один из Моих служителей не проклинает Меня. Из этого открывается не только милосердие Божие, но и сила Его. Весьма хорошо сказано: **воздвиг**, а не "сотворил". Он тогда же все мог совершить и на последующее время, возможность этого наперед была, но, по причине их неправд, Он медлил. Таким образом, пророк обозначает и скорость его, когда говорит: **призвал его следовать за собою**, – т.е., не будет никакого препятствия и затруднения. **Предал ему народы и покорил царей**. Я, говорит, никогда не отказываюсь призывать неприятелей во свидетели совершенных дел, чтобы происходило и исполнялось все так, чтобы удивлялись и сами неприятели. **Он обратил их мечом его в прах, луком его в солому, разносимую ветром. Он гонит их, идет спокойно дорогою, по которой никогда не ходил ногами своими**. Видишь ли, он говорит о праведнике, возбужденном с востока; по переводу Семидесяти, он говорит о народе, для которого никто не будет служить препятствием.

4. **Кто сделал и совершил это? Тот, Кто от начала вызывает роды**. Богу обычно в том случае, когда совершена какая-либо несправедливость, вспоминать о прежних событиях. Какие же, ты думаешь, здесь разумеются события? События с египтянами, во время Авраама, гибели Содома и потопа. Не видишь ли ты, что Он одинаково требует мщения, как по отношению к своим, так и к чужим? Чтобы сохранить правду целою и неповрежденною и чтобы не погибло право, Бог избирает как своих, так и чужих, судя по грехам, или по праведности их. И когда Он иной раз упоминает о делах предков, говоря: "ради Авраама избрал я вас", то Он желает показать этим не что иное, как то, чтобы они отложили свою гордость, и чтобы не приписывали праведности себе самим, а Богу. **Я – Господь первый, и в последних – Я тот же**. Очевидно, не было никого прежде Него и никого не будет после Него. Богу особенно свойственно то, что никого не было прежде

Его, и никого не будет после Него, т.е., Он не имеет начала и вечен, это свойственно только бессмертной вечности.

5-7. **Увидели острова и ужаснулись, концы земли затрепетали. Они сблизились и сошлись; каждый помогает своему товарищу и говорит своему брату: "крепись!"** В раньше сказанных словах открывается возвращение из плена, а потом дается осмеяние идолов. Хотя они (языцы) собирают свои силы и доставляют помощь во время войн, однако надежда их тщетна, так как их идолы суть деревянные, а потому они не найдут у них никакой помощи.

8-9. **А ты, Израиль, раб Мой, Иаков, которого Я избрал**. Здесь дается им некоторое утешение, – именно, что они не таковы, как те, которые возлагают свою надежду на идолов, потому что надеждой их служит Бог, а не идолы. Именами предков – Израиля и Иакова – Бог утешает их. Смотри на сильную помощь! **Семя Авраама, друга Моего, – ты, которого Я взял от концов земли и призвал от краев ее, и сказал тебе: "ты Мой раб, Я избрал тебя и не отвергну тебя"**: Бог говорит таким образом для того, чтобы они не являли себя надменными относительно Его. Я, говорит, Авраама возлюбил. Но какая им от этого польза? Чтобы они ревновали и подражали его добродетели. Знаком любви служит и то, что говорит Он далее: **которого Я взял от концов земли и призвал от краев ее**,– т.е., из среды князей. Пусть не говорят: в то время, когда мы находились в своей стране и существовал храм, в котором совершалось истинное богопочитание, тогда Бог предал нас неприятелям, а теперь призывает нас из чужой страны. Это ли, говорит, мы узнаем? Конечно, – Он сказал, и это будет. Ничто подобное никогда не совершалось во время ваших предков. Я помог ему (Иакову) в то время, когда он находился в стране персов, где, хотя он не был пленником, однако подвергался весьма тяжким притеснениям. Зная будущее, как настоящее, Я сказал ему: **ты Мой раб**. Ничто не сравнится с такою знатностью! **Ты Мой раб**, говорить, **Я избрал тебя**. Не ради серебра избрал Я тебя, говорит, как это бывает у вас. Что избирается, то бывает более превосходным: избирающий имеет большую заботу об избираемом. Прочие народы, говорит, Я презрел, и тебя одного избрал.

10-14. **Не бойся**, говорит, **ибо Я с тобою**. Это – великое утешение. **Не смущайся, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей**. Господь напоминает о прошедших благодеяниях: разве у тебя немало примеров прежнего благоволения? Сам Давид говорит: **ужели на веки отвергнет Господь и более не будет благоволить?** (Пс.76:8).

И поддержу тебя десницею правды Моей. Разве Я помогал тебе незаслуженно, когда ты – Мой раб? Никак, но – по справедливости. Это – дело Моей верной десницы, чтобы никогда не презирать тех, которые подвергаются наказаниям и мучениям, так что и вы воспользуетесь Моею совершенной помощью, поелику десница Моя справедлива.

Вот, в стыде и посрамлении останутся все, раздраженные против тебя; будут как ничто и погибнут препирающиеся с тобою. Будешь искать их, и не найдешь их, враждующих против тебя; борющиеся с тобою будут как ничто, совершенно ничто; ибо Я Господь, Бог твой; держу тебя за правую руку твою, говорю тебе: "не бойся, Я помогаю тебе". Не бойся, червь Иаков, малолюдный Израиль, – Я помогаю тебе, говорит Господь и Искупитель твой, Святый Израилев. Хотя дни твои коротки, и ты червь, однако сознавай величайшую помощь Божию. Не смотри на наступающие бедствия, но уразумевай всемогущую силу.

15. **Вот, Я сделал тебя острым молотилом, новым, зубчатым**. Другие же говорят: снабженные остриями. **Ты будешь молотить и растирать горы, и холмы сделаешь, как мякину**. Но ужели горы и холмы могут быть стерты? Пророк обозначает множество воинов. **Ты возрадуешься о Господе** (ст. 16). Что значит радоваться в Господе? Не что иное, как – не радоваться ни богатствам, ни победам, но благости Божией; сам Бог был тебе помощью. **Бедные и нищие ищут воды, и нет ее**. Слова: **ищут воды, и нет ее,** могут быть поняты и таким образом: бедные искали воды, но для них ее не было. **Язык их сохнет от жажды: Я, Господь, услышу их, Я, Бог Израилев, не оставлю их. Открою на горах реки и среди долин источники; пустыню сделаю озером и сухую землю – источниками воды; посажу в пустыне кедр, ситтим и мирту и маслину; насажу в степи кипарис, явор и бук вместе, чтобы увидели и познали, и рассмотрели и уразумели, что рука Господня соделала это, и Святый Израилев сотворил сие.** Не видишь ли, каково попечение Божие, которое не только дарует блага, но также открывает, что Он есть податель, чтобы не думали, что эти благодеяния произошли по случаю, или от человеческого усердия, но знали, что они произошли от Божественного промышления и управления? Человеку свойственно подвергаться наказаниям и притеснениям, а потом получать блага; Богу же свойственно разуметь причину того и другого.

20-22. **Представьте дело ваше, говорит Господь; приведите ваши доказательства, говорит Царь Иакова. Пусть они представят и скажут нам, что произойдет; пусть возвестят что-либо прежде, нежели оно произошло, и мы вникнем умом своим и узнаем, как оно кончилось, или пусть предвозвестят нам о будущем**. Так как вы в отведении иудеев в плен полагали победу идолов, то, говорит, Я теперь буду судить вас. Пришел конец, так как Я желаю навести наказания, о которых впрочем Я предвозвестил прежде их совершения. Идолы же не смеют даже подступиться к вам. Почему же? Потому что они неподвижны; они не только не могут предсказать того, что будет, но не могут даже двигаться. Я же не только возвестил сначала, но показал и путь, которым могло все это произойти. Итак, смотрите на прежнее. Если вы не можете рассказать об этом, то кто может поверить вам относительно будущего? Идолам не свойственно возвещать будущее, ни также демонам, которые создали идолов. Только Бог, Который предвозвещает, может исполнить предвозвещенное. Теперь же, для того, чтобы служители идолов покрылись стыдом и позором, Он подвергает идолов и демонов наказаниям.

23-27. **Скажите, что произойдет в будущем, и мы будем знать, что вы боги, или сделайте что-нибудь, доброе ли, худое ли, чтобы мы изумились и вместе с вами увидели. Но вы ничто, и дело ваше ничтожно; мерзость тот, кто избирает вас**. Эти слова имеют двоякий смысл, так как они означают как предвидение, так благодеяние и наказание, которые суть дела одного Бога, а не демонов.

Но ужели, скажут, диаволы не могут сделать этого? Своею силою – отнюдь нет, но только по попущению Божию могут сделать кое-что. Но если Бог позволит, то и я тогда смогу сделать кое-что. По какой же причине ты удивляешься тому, что диавол без силы Божией не может никогда повредить людям, когда он не мог повредить даже свиньям и собакам, как мы знаем из евангелия и из истории Иова? Откуду есте вы, и откуду дело ваше? От земли мерзость избраша вас (в русском переводе этих слов нет). Почему так сказано? Потому, что достаточно знать, "откуда вы"; нет нужды ни в суждении, ни в избрании. Вы произошли от земли, но вы стали нечистыми не ради земли, а потом стали нечистыми; по природе же вы не были презренны. Обнаруживая слабость их, Бог вместе с тем показывает свою силу: **Я воздвиг его от севера, и он придет; от восхода солнца будет призывать имя Мое и попирать владык, как грязь, и топтать, как горшечник глину**, т.е. во время возвращения из плена, не желающие удаления их из Вавилона. **Кто возвестил об этом изначала, чтобы нам знать, и задолго пред тем, чтобы нам можно**

было сказать: "правда"? Если вы не возвещаете сначала, то для вас невозможно возвестить и потом, так как вы не понимаете даже сказанного другими. Но иной может сказать: почему ты, пророк, говоришь все это об изображениях, и весьма мало обращаешь внимание на силы, пребывающие в них: хотя бы они и возвещали сначала, однако, они никогда не делают ничего доброго. Они, будучи сделаны из глины и дерева, как бы руководят людей к кроющимся в них силам. Между тем, пророк рассуждает только о материи, – не иначе, как рассуждают отроки, которые бегают полные стыда. Что должно сказать теперь на это? Прежде всего, знание бестелесного относится к позднейшему времени, тогда как все древние почитали только изображения. И пока не были подвергнуты порицанию немые изображения, никто не заботился познавать сокрытые в них силы. По этой причине пророк и обращается к изображениям, которые считали за богов, и весьма часто укоряет их, говоря: **но никто не сказал, никто не возвестил, никто не слыхал слов ваших**. Но если бы нужно было обратиться с речью к демонам, то из того, что выше было сказано, мы не сомневаемся утверждать то же самое. Иудеи почитали демонов, и вследствие служения им приносили в жертву сыновей и закалали дочерей. Они были до того преступны, что не щадили даже жизни детей, оставили Бога, отца, благодетеля и милосердого, который различным образом заботился об них и помогал им, почитали и служили вредным демонам, но не Богу – подателю даров. Посмотрим же, помогли ли им демоны, которых они почитали гораздо более, чем Бога. Конечно, – никогда. Они даже предали их, и не могли избавить их от наказаний и мучений. Они не помогали им не только в чужой стране, но даже и дома. Они не возвестили "сначала" и старались представлять лживым то, что возвестили сами пророки.

Вот, я расскажу нечто из языческой истории. Когда-то возгорелась война против греческой страны, и персы, совершив вторжение, овладели весьма многими городами. Может быть, ты скажешь, что в то время демоны освободили греков от неприятелей? Но, в таком случае, ты будешь рассказывать басни и передавать человеческие бредни: они были освобождены не вследствие какого-либо демонского явления, но по совету Фемистокла, который позаботился устроить флот. Таким образом, он спас своих сограждан, однако город был сожжен. Не так поступил Господь наш Бог, Который в одно мгновение истребил 180 тысяч мужей. Сами жрецы идолов не им приписывали вину, так как она были небрежными относительно идолов в храмах, и обвиняли их в том, что взаимно враждовали между собою, впрочем не из-за лености относительно идолов, а по своей жадности, так что они между собою дрались и резались. Итак, почему они сначала не возвестили о пришествии Христа? Да и теперь, почему они ничего не возвещают сначала, но глухо таят все гадания и предсказания будущего? Разве нет более идольских жрецов, провещателей, авгуров и неистовых? Даже очень много. Но им ли благодаря мы всегда избавлены от всего дурного, и проводим еще мирную жизнь? Нет у нас ни сражений, нет ни борьбы, – ничего подобного. Нам не нужны предсказания, так как Бог дал нам такой образ жизни, что мы можем проводить спокойную жизнь и без предсказания. Известно, что пророчества людям были по особому благоволению Божию. Какая нужда в предсказаниях, когда мы живем спокойно и свято? У вас же (идолослужителей) не было ничего подобного.

Начало Сиону дам (в русском переводе этих слов нет), т.е.; как они были сначала, так же будут и во время возвращения. И Иерусалима утешу на пути. От язык бо, се ни един (в русском переводе этих слов нет). Так как никто из них никогда не утешил его (Иерусалим), то поэтому Я дозволил ему дойти до такого состояния, чтобы он познал слабость идолов тех языков. Как же ты здесь предо Мною молишься идолам? Возвратись туда и молись там, потом ты поймешь, могут ли они что-либо, или нет. Возвратись, молись сообразно с почитанием и религией их, и потом ты испытаешь бессилие их.

ГЛАВА 42

1. **Вот, Отрок Мой, Которого Я держу за руку, избранный Мой, к которому благоволит душа Моя**. Как Давид весьма часто сопоставляет Христа и Соломона и хотя, кажется, говорить о Соломоне, однако концом его пророчества является Христос, так и здесь Бог, говоря: **Отрок Мой**, ведет речь о Сыне. Это нисколько не удивительно: если люди называются богами и сынами Божиими, то и Бог – Сын Божий называется человеком и Сыном человеческим. Хотя имена такого рода скрывают пророчества, как бы нечто сокровенное, однако нам должна быть известна истина их. По той причине, что Христос имел родиться из рода иудейского, Бог в этих именах то скрывает, то открывает Его. Слово: **держу** должно понимать относительно Его человечества, а не божества, так как божество не нуждается ни в чем. Точно также то, что Он подкрепляется ангелом, должно понимать не по божеству, но по человечеству: Тот, Кому принадлежит все, каким образом мог нуждаться в с помощи раба, по написанному: **все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть** (Ин.1:3)? Если чрез Него все сотворено и утверждено, то каким образом Он укреплялся ангелом?

Положу, говорит, **дух Мой на Него**. Это – знак величайшей благодати Божией, которая чрез Него излилась на нас, по словам апостола: **любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым** (Рим.5:5). Прежде очищения душ, невозможно приятие таких даров. Он, только для примера приявший Св. Духа, в Котором Он не нуждался, чтобы стать совершенным человеком, желает, чтобы также и все были святыми, сделались достойными храмами и жилищами Духа Святого.

И возвестит народам суд. Эти слова нуждаются, в объяснении. Нравы древних были срамными и преступными: сыновья бесчинствовали со своими матерями, дочери с отцами; одни других убивали, были истребляемы руками своих же родственников, показывали зверский нрав, – даже более свирепый, чем у зверей. Но теперь не так: овцы и волки покоятся вместе, барс возлежит вместе с козленком, по написанному: **от Сиона выйдет закон, и слово Господне – из Иерусалима** (Ис.2:3).

И возвестит народам суд, – т.е., Он осудит их религии. Совершились два чуда: отступили от зла, и возвратились к честной жизни. Иудеи, хотя имели всегда пред глазами закон, по своей извращенности, отступили от истины; напротив, язычники, хотя были грубее грубых животных, обнаружили превосходнейшие добродетели. Справедливо сказано: **возвестит**, а не: совершит, так как Он пришел возвестить то, что было суждено, но сокрыто раньше, по написанному: **вышел сеятель сеять** (Лк.8:5). Он принес и распространил как бы превосходнейший дар из отеческого сокровища, – небесную религию, которая почитала и проповедовала истинного Бога, которая драгоценнее и золота, и всех жемчужин, венцов и пурпуров царских. Он обещал нам венец царства небесного, показал нам последний суд и наложил на наши души страх суда, как бы узду; наши души украсил различными и многими добродетелями, а нечестие и страстные порывы, которые нас мучили, совершенно истребил. Вот каковые и сколь великие блага даровал Он! Он ведь речь не только о будущей судьбе, но возвещал также и настоящее, когда сказал о башне, упавшей и избившей многих, а также и о Пилате, который смешал кровь с жертвами. Не молчал Он о будущем в ветхом завете, не сокрыл ближайшего и в новом, но показал, что каждому законодательству присуща своя сила.

2-3. **Не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах**. Этими словами пророк показывает Его кротость. Не с насилием и властностью, но со скромностью и спокойствием примет Он все добродетели. Зачем было кричать Тому, Кто учил этим добродетелям? Какие замешательства не происходили из тех религий, которые

люди измыслили себе по гордости! Он же – не так, но все совершил спокойно и без торопливости.

Трости надломленной не переломит. Именно то особенно удивительно, что Он возделал столь многие и столь великие добродетели так мирно, что никому не был в тягость. В то время, когда Он проповедовал столь важные и строгие нравы, никогда никто не тяготился, и не отвращал лица своего от Него. Обрати, пожалуйста, внимание на то, какова сила скромности! Среди кого, однако, все это совершилось? Среди иудеев, потому что они были надломленною тростью. Какие раздоры, какие убийства совершались после их возвращения! Реки наполнялись кровью, горы покрывались трупами! Религия пребывает твердою и устойчивою тогда, когда на жизнь людей не налагается никакая сила и никакое острое и тяжкое правило; порядок устанавливается тогда, когда совершенно отсутствует разногласие.

И льна курящегося не угасит. А другие переводчики говорят: "и льна тонкого не угасит". Некоторые под льном разумели законы, а под тростником народ.

Будет производить суд по истине. Почему говорится: **по истине**? Чтобы показать и обличить человеческую ложь. Они не только отвергали истину, но были исполнены всяких страстей и суетности. До того времени никто никогда не упражнялся в истине, но все следовали тщетному и пустому. Впрочем, здесь можно понимать и нечто другое – суды и наказания, по написанному: **ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон. И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе** (Ин.12:31-32). Происходит великий суд, его желает сам Бог. Если бы кто и не пожелал, то таковой не устоит против Него, как некто мудро сказал: **кто скажет: что Ты сделал?** (Прем. Сол.12:12). Итак, хотя Он, будучи Богом, был выше всего, однако Он отвечал скромно и кротко, и воздавал суд не только нам, но и преступному демону, чтобы кто-либо не сказал, что тот был осужден несправедливо. Смерть по праву и по заслугам подчинила своей власти людей, потому что они согрешили и являлись виновными, как и сам Христос говорит: **ныне суд миру сему** (Ин.12:31), т.е. мщение человеческой природе. Все считались виновными и повинными греху. Но каким образом ты, диавол, осмелился причинить насилие Сыну Божию, иже греха **не сделал греха, и не было лжи в устах Его** (Ис.53:9)? На каком основании ты, диавол, побудил людей к тому, чтобы они подвергли Его казни? А чтобы ты (человек) считал побудителем именно его (диавола), для этого выслушай: **диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искариоту предать Его** (Ин.13:2). Сам диавол побудил, сам зачал преступление, чтобы привести их к убийству Христа Бога. Если бы, диавол, кто спросил и стал выведывать у тебя: зачем ты убил Его, какую вину нашел в Нем? – То ты только один был бы осужден и понес наказание, а прочие были бы целы. Мщение миру уже совершено, – невинный умер, как нечестивый, для того, чтобы оживотворить умерших, подверженных казни смертной.

4. **Не ослабеет и не изнеможет, доколе на земле не утвердит суда, и на закон Его будут уповать острова**. Не бесполезно и не тщетно говорил Он о суде, но правильно: **доколе на земле не утвердит суда**. Человеческий суд никогда не совершается по истине, не только потому, что не соблюдаются права, но и потому, что если бы судья и не был подкуплен деньгами или подарками, если бы был свободен от гнева и доброжелательства, то часто сами обстоятельства бессильны открыть истину: или случается какое-либо недоразумение, или не бывает на лицо верных свидетелей. Но истинен только тот суд, в котором Бог, судящий все справедливо, назирает все сокровенное нашего сердца. Так как Он разумеет все, то Он не произнесет суда по каким-либо душевным замешательствам, по ненависти или почему-либо иному. Только в таком суде присутствует истина, так что сами преступники и виновные сознаются, что они осуждены по праву. Что истиннее этого

суда? Никому из вас не тайна, что преступники никогда не желают сознаваться в своей вине, но стараются ее скрыть. Ничего подобного – на том суде, но они сами произносят решение относительно себя самих. Даже и в этом мире совершались подобные вещи, – с царем Давидом, который говорит: **вот, я согрешил, я пастырь поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они?** (2Цар.24:17). Не говори, что он побуждаем был сказать это наказанием, – подобно тому, как те, которые подверглись пыткам и не знают, что они виновны, но под влиянием ударов выдают себя за согрешивших. Не так тот праведник: в то время, когда остальные подверглись наказанию, когда он один был свободен от наказания, он принимал на себя наказание, – говоря: **я согрешил, я пастырь поступил беззаконно**. Каин же говорил: **наказание мое больше, нежели снести можно** (Быт.4:13), и это прежде, чем претерпел наказание. А Адам скрылся, чтобы скрываясь сделать свое преступление открытым и явным. Желаешь ли ты видеть подобные вещи и в геенне? Когда богатый услышал, **ты получил уже доброе** (Лк. 16:25), то он не противился и не просил извинения. Пусть никто не говорит, что это сделал страх судии, – мы знаем, что иные отвечают смело и противоречат даже на суде. Разве не было также судии? Обрати внимание на то, как удержавший один талант отвечает: **я боялся тебя, потому что ты человек жестокий** (Лк.19:21). О, кротость! О, спокойствие Судии! Какие Он перенес слова: **я боялся тебя, потому что ты человек жестокий**. Какого судью не воспламенили бы эти слова, но только не Его? В другом месте Он говорит, как бы указывая на причину: **народ Мой! что сделал Я тебе и чем отягощал тебя? отвечай Мне** (Мих.6:3). В ином месте Он также спрашивает не о новом, а о прошедшем: **какую неправду нашли во Мне отцы ваши** (Иер.2:5)? Справедливо и по заслугам обвиняя Иону, Он говорит: **неужели так сильно огорчился ты за растение? Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч**

человек? (Ион.4:9,11) Ужели ты не разумеешь, что Он везде указывает нам причину? Он не считал недостойным указать причину даже тогда, когда говорит с диаволом: **обратил ли ты внимание твое на раба Моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла** (Иов.1:8). Нам должно обратить внимание также на тех, которых Он повелевает низвергнуть в геенну. Прежде сядет суд, а потом будет произнесено наказание, так что они подвергаются наказаниям тогда, когда ничего не могут сказать против него: подобно тому, как совершилось с не имеющим брачной одежды, так будет и с теми, которые не доставили Ему брашна, и с теми, которые совершили что-либо подобное (преступное). Он произнесет суд не необдуманно, но после того, как все будет собрано в одно место, и объявить подлежащим наказанию с великой кротостью о мучениях, которым каждый их них подвергнется за свои вины по закону и справедливости.

Не ослабеет и не изнеможет. Полагали, что крест будет препятствием проповеди. Потому хорошо сказано: **не ослабеет и не изнеможет**; крест, который надеялись упразднить в скором времени, **не ослабеет и не изнеможет.**

Доколе на земле не утвердит суда, и на закон Его будут уповать острова. Видишь ли пользу будущего суда? Когда проповедь о последнем суде раздалась по земле, то ни повеление царей, ни угрозы судей, ни терния, ни мучение, ни смерть, ни какое-либо лукавство не могли затруднить ее, но она была причиной того, что были установлены справедливые законы во вселенной. Хотя и теперь существуют идолослужители, однако, пользуясь всем этим, они воздают благодарность христианам, если не ради религии, которая приводит к познанию Бога, то ради справедливых законов, которые изменили их извращенные нравы к лучшему, и очистили землю от пороков. Если бы христианская религия была искоренена, то совершенный мир окончательно разрушился бы. Сколько прекратилось грехов! Не говори: по какой причине не искоренены окончательно все

пороки? Разве ты не видишь, что теперь они гораздо меньше по своей силе и действиям? Сколько и какие чрезмерные приостановлены прелюбодеяния! Как бесчеловечны были люди до того времени! Каким они подвергались несчастьям! Я не говорю, что ты знаешь об, этом из писаний, но ты можешь узнать от самих историков которые сообщили столько рассказов об этом. Какие были голода, пагубные эпидемии и землетрясения! Воровством даже хвалились: если кто-либо оказывался вором, то его только разыскивали, и после того он не получал никакого бесславия. Ты слышал, конечно, что Меркурий, славный из богов, был вор, Венера – блудница. Свидетелями такого порядка вещей служат также празднества, которые праздновались. В честь их даже в последние времена флейтисты слагают стихотворения. Не так – у нас; не о Боге, да не будет, но даже о друзьях Божиих ничего такого не рассказывается. Но если ты желаешь знать, какова была у древних сила страстей, то ты спроси у идолослужителей и научись у них. И еще теперь находятся маги, и демоны, и бесноватые между идослужителями, между арабами и персами. Бог по той причине оставил хотя некоторую часть идолопоклоннической закваски, чтобы она служила стыдом для идолослужителей. И в настоящее время, в праздничные дни, они покрывают лицо дырявыми одеждами и оставляют рот для заклинания; питаются без всякого отвращения собачьим мясом; а когда приходит демон, то он простирает безумного, с всклокоченными волосами, которого побуждает говорить неслыханное и невозможное. Совсем не так у нас, где отсутствуют таковые бесчинства язычников. Зачем я вспоминаю об этом, когда мы знаем, что люди, одетые в женское платье, шатаются по всему городу, предаваясь распутству? Что позорнее такого бесславия? Смотри на злого демона: хотя он согрешил и пал до такой степени с самого начала, однако, он и доселе старается сохранить некоторый след своей злобы. В древнее время безумие было таково, что думали превращать людей в существа с собачьим лицом, изменяли слова и язык; а если бы ты из-за голоса не поверил, что это собака, то говорили: верь тому, что это собака, из-за пищи. Человек, пожалуй, может издавать собачий голос, но как он может принимать собачью пищу? Но заклинатели, казалось, могли изменить природу у совращенных; а те не понимали, что в человеческом теле находится какой-либо демон, который показывал собачье лицо, подражал собачьему голосу, питаясь исключительно только собачьей пищей. Но Бог наш совершенно запретил такое распутство. Тогда именно и исполнилось: **и на закон Его будут уповать**, т.е., на имя Христа. Видишь ли, что такие вещи происходили у язычников. Как же не поверить нам в Того, Кто простил нам такие нравы.

Что значит: **и на закон Его будут уповать**? В то время только одно имя будет делать То, что делал Он Сам. Когда ты призовешь Христа и обратятся в бегство демоны, то как же ты не поверишь в Его имя? Не следует думать, что Он показывает удивительное только относительно настоящего. Он также даровал прочим залог бессмертной жизни тем же образом, каким явил нам чудесное.

5. **Так говорит Господь Бог, сотворивший небеса и пространство их**. Иные говорят: кто, утверждает своды; Симмах говорит: кто утвердил. Что значит: **пространство**? Может быть, Он образовал какое-либо вещество? Кажется, что этим обозначается нечто подобное. В верхней части Он провел свод ради жидкого вещества вод, чтобы они не лились в нижнюю часть; так как они весьма легки и нежны на подобие дыма, то Он утвердил их и сделал твердыми. Потом: Он водрузил, т.е., связал с землею, чтобы она наклоняясь не упала: когда что-либо водружается, то водружается во что-либо, – это ясно из самого выражения. Таким образом, здесь не обозначается ни круг, ни круглая фигура. **Распростерший землю с произведениями ее, дающий дыхание народу на ней и дух ходящим по ней**. Каким образом вещество, будучи нежным, может выносить тяжесть великих и высоких гор; почему постоянно текущая вода не пресечется, и почему, всегда охватываемая пламенем, она не воспримет огня? Однако, она тверда как камень, и даже более, чем камень, потому что это был Бог, **распростерший землю с произведениями ее**,

особенно же людей, чтобы ты разумел, что крепость их происходит от Бога. Если бы им не покровительствовало божественное промышление, то весь человеческий род был бы уничтожен с самого начала. Сколько было бедствий! Сколько печалей! Почему пророк и говорит: **помощь моя от Господа** (Пс.120:2). Сколько огорчений! Сколько душевных волнений! Какая печаль! Сколько кораблекрушений! Если бы не разрушалось тело, то дух, не будучи в состоянии переносить такого бремени скорби и печали, улетел бы. Так как существует столько скорбей и печалей, то Он не оставляет, хотя часто отступает, чтобы ты разумел, что, когда Он не оставляет и не отступает, то это – дело Его силы. Обратим внимание на животных: сколько у них бедствий! Сколько зла и трудов! Однако, они не прекращают существования. Почему и Павел говорит: **и кто способен к сему** (2Кор.2:16); а потом: **утешающий нас во всякой скорби нашей** (2Кор.1:4). Если бы небо не было нам помощником, то остальное не было бы достаточно для нас, чтобы переносить такие бедствия. **Дающий дыхание народу на ней и дух ходящим по ней**. Или иначе: есть Попечитель душ, т.е. все сохраняется божественным промышлением; одни тела одушевлены, другие неодушевлены. Взирая на прекрасное и видимое тело небес, ты не думай, что оно одушевлено, как вздорно говорят греческие басни; но все, что существует, существует и остается твердым, не имея души. Также, взирая на землю, не думай, что она одушевлена, потому что она стоит и твердо пребывает; точно так же и относительно воды. Вот небо и земля: одно находится выше, другая ниже; есть одушевленные и есть неодушевленные существа. Бог дал душу людям, но никак не небу, ни земле, ни воде; скотам же Он дал душу чувствующую, но не разумную. Известно, что Он – Творец душ разумных и чувствующих. В людях же нет никакого различия между духом и, душою; но эти два названия обозначают одно и то же, как тело и плоть, человек и разумное животное.

6-7. **Я, Господь**. Видишь ли, никакое имя не приличествует справедливее и истиннее Богу, как имя Господа. **Призвал Тебя в правду**, – т.е. Сына. Никто иной не призван, чтобы Он принадлежал человеческому роду **в правду**. **И буду держать Тебя за руку и хранить Тебя**. Здесь также показывается воплощение Сына и, без сомнения, оно подтверждается. **И поставлю Тебя в завет для народа**. Некоторые говорят: "в договор". Что такое договор? Или каким именно образом? Чтобы Он исполнил закон. **Во свет для язычников**. Видишь ли, и язычники также призваны пророками? **Чтобы открыть глаза слепых**. В данном случае нужны были две вещи, т.е., свет и здоровые глаза, и Он сделал то и другое. Когда Он творил чудо со слепым, то Он показал Себя, открыл глаза его и сказал: **ты веруешь ли в Сына Божия? Он отвечал и сказал: а кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него?** (Ин.9:35,36). Он показал себя, и не обинуясь отвечает: **и видел ты Его, и Он говорит с тобою**. А расслабленному Он сказал: **вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже** (Ин. 5:14). **Чтобы узников вывести из заключения**. Это также принадлежало Судии, так как люди столь долгое время пребывали связанными в цепях. **И сидящих во тьме – из темницы**. Опять Он обличает заблуждение идолопоклонства. Сатана связал человеческую природу твердыми цепями, окружил чело черным нимбом заблуждения, ослепил ум их мрачными облаками глупости, как сказано: **осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце** (Рим.1:21). Видел ли ты причину мрака? Не подражай тем, которые сидят во мраке, потому что, говорит, от их мысли происходит мрак. Пусть справедливо сказано, что для язычников произошел мрак от их мысли, но откуда для иудеев? Из того, что **не разумея праведности**

Божией и усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божией (Рим.10:3). Никто не желает учиться у иного, но желает быть учителем; ему стыдно принимать что-либо от другого, и потому он ничего не имеет. Этим пороком были заражены иудеи и язычники; те и другие желали быть изобретателями

религий; а это злое желание было таково, что они не могли стоять, но сидели, как бы в страшной темнице, связанными и склоненными.

8. **Я Господь, это – Мое имя**. Итак, когда Сын называется тем же именем, то разве Он не воистину Господь? **Один Господь Иисус Христос** (1Кор.8:6). Обрати, пожалуйста, внимание на то, что имя "Господь" говорится первым. У нас, когда некоторые называются господами, то это имя к ним никогда не прилагается в собственном смысле, но Богу это название принадлежит истинно, потому что Он есть истинно Господь. **И не дам славы Моей иному и хвалы Моей истуканам**, т.е.: Я отделю Мое имя от идолов, и это на самом деле совершилось во время пришествия Иисуса Христа, Господа нашего: никто уже более не призывает имен идолов, но только имя Господа нашего Иисуса Христа. Кроме того, можно понимать это сказан- ным и относительно людей, так как люди суть слава Божия, по слову апостола: **муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия** (1Кор.11:7). Как отображение чего-либо есть образ, так и человек есть образ Божий. Я, говорит, этой изукрашенной, крепкой, славной и прекрасной статуи, дела рук Моих, никогда не отдам идолам. Видишь ли, что пришествие Христа было необходимо?

9. **Вот, предсказанное прежде сбылось, и новое Я возвещу; прежде нежели оно произойдет, Я возвещу вам**. Здесь говорится о древних законах, которые были отменены. Итак, наступало время нового завета, которое нужно было возвещать и таким образом делать достоверным то, что имело совершиться после того: как совершилось первое, так должно совершиться и другое. В первом, как мы читаем, написано много такого, что указывает на другое и что исполнилось истинно, как-то: о войнах, о добродетелях и об ином весьма многом, согласно пророчествам. Говорится: не будет дождя (3Цар.17:1), и он не изливался. Сказано: Я изберу твою отрасль, и он будет владычествовать над землею (ср. 2Цар.7:12,16), и это исполнилось; а также: **потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет** (Быт.15:13), и это исполнилось; в другом месте говорится: **будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а вы будете у Меня царством священников и народом святым** (Исх.19:5-6); и иное многое, о чем мы говорили и будем говорить, из чего будет ясно, что другое имело начало от первого.

10. **Пойте Господу новую песнь**; другие говорят: воспойте. **Хвалу Ему от концов земли, вы, плавающие по морю, и все, наполняющее его, острова и живущие на них**. Что значит: новая песнь? Не по обычаю древних и не по иудейским законам, но в Духе Святом. Все, что рождается от благодати, есть новое и новая добродетель; таким образом, необходимо было быть и новой песни. А этим не Богу воздается большая честь или похвала, потому что природа Божественная не нуждается ни в чем, но напротив, те, которые почитают таким образом Бога, могут более приблизиться к Богу, вследствие своих добрых дел. Потому Иисус Христос сказал: **таких поклонников Отец ищет Себе, поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине** (Ин.4:23-24).

Он не нуждается в чем-либо. Он совершенно не нуждается в ваших похвалах; не нуждается даже в похвалах ангельских сил; прежде чем они произошли, Он ни в чем не нуждался. Мы знаем, что ангелы восклицают непрестанным гласом: **Свят, Свят, Свят** (Ис.6:3); а иные: **слава в вышних Богу, и на земле мир** (Лк.2:14); херувимы же великим голосом: **слава Господня благословенна от места ее** (ср. 1Пар.16:27). Слышим и иные весьма многие похвалы и песнопения: **Благословите Господа, все Ангелы Его** и архангелы (Пс.102:20). Однако Он ни в чем этом не нуждается. Желаешь ли ты видеть царство Божие? Обрати глаза твои на небо – и ты увидишь там шестьсот ангелов, узришь тысячу архангелов, предстоящих серафимов, херувимов, окружающих Его огненный трон, увидишь всех их в почтении и трепете. Но здесь не проявляется начальство Божие таким

образом, не только вследствие слабости природы, и не потому, что велико различие между людьми и ангелами, но и потому, что люди не могут славить Его таким же образом, какой употребляют те дивные существа. Если, когда является царь, чернь охватывается страхом, то насколько больший страх будет пред высшим величеством. Подобно тому, как если кто, приходя к царскому дворцу, видит там смерть и угрозы и всех исполняющими свои обязанности близ царя, так и там силы ангелов совершают то же. Кроме того, есть весьма многое, что удаляет обитателей земли от такого служения. Напротив, небесные силы ничего иного не делают, как только всегда прославляют Бога и созерцают Его, по написанному: **смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного** (Мф.18:10). Самому Христу служили ангелы: **се, Ангелы приступили и служили Ему** (Мф.4:11). Не думай, что Он только получил заушение и много иного претерпел, но вспомни также и о том, что Он говорил: **Царство Мое не от мира сего** (Ин.18:36). Точно также и сам Навуходоносор

исповедал: **как велики знамения Его и как могущественны чудеса Его! Царство Его – царство вечное, и владычество Его – в роды и роды** (Дан.3:100). Также написано в Евангелии: **Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе** (Мф.6:9-10). **Пойте Господу новую песнь, хвалу Ему от концов земли, вы, плавающие по морю, и все, наполняющее его, острова и живущие на них**. Небесные силы более, чем люди, боятся и почитают Бога: чем более они сознают, тем более боятся Его. У них нет ни упрямства, ни неповиновения, ни непослушания, потому что они **сильные крепостью, творящие слово Его** (Пс.102:20). Видишь ли, что страх их велик? Те, которые не подлежат никакому наказанию, смотри, каким охватываются ужасом. Если даже сами серафимы не смеют взирать на Него, то как мы можем испытывать Его? Подобно тому, как на этой земле, чем более мы смотрим на солнечные лучи, тем более вынуждены отступать, так и тогда, чем более созерцаем Христа, тем более нам нужно бояться Его. Смотри, как Он прославился на горе: ученики Его были устрашены и пали ниц. Пророки часто не повиновались Богу, ангелы же никогда не делали этого. Почему же? Ради великого страха. **Хвалу Ему от концов земли**. Этими словами возвещается то, что имеет быть по всей земле, по написанному: **во всю землю вышло вещание их** (Пс.18:5).

Вы, плавающие по морю, и все, наполняющее его, острова и живущие на них. Смотри: звук проповеди прошел по всей земле. Но, может быть, кто-либо скажет: ужели те, которые населяют глубины земные, лишены проповеди, – ведь и Давид говорит: **они видели дела Господни и чудеса Его во глубине** (Пс.106:24)? Ничего против этого нельзя сказать; и им Бог даровал многое для познания Божественного ведения, им даже нужно быть более внимательными к добродетели, потому что страшное море может в высшей степени поражать их души, – постоянно они видят возбужденные и грозные волны, постоянно смотрят на смерть и тени.

11-24. **Да возвысит голос пустыня и города ее, селения, где обитает Кидар**. Пустыня и веси никогда не веселятся. Но Священное Писание, когда Бог намерен совершить милость, обыкновенно приносит радостную весть и неодушевленным предметам. **Господь выйдет, как исполин, как муж браней возбудит ревность; воззовет и поднимет воинский крик, и покажет Себя сильным против врагов Своих**. По причине благоволения Он узрел народ свой, и освободил его из плена, но не по причине заслуг искупленных. **Долго молчал Я, терпел, удерживался; теперь буду кричать, как рождающая, буду разрушать и поглощать все; опустошу горы и холмы, и всю траву их иссушу**. Акила и Симмах говорят: иссушу гавань. Видишь ли, Господь открывает, что не желал подвергать наказаниям преступных, и потому говорит: "Я мучим был столькими

скорбями, как рождающая". Хотя печаль и скорбь не относятся к Богу, но отсюда ясно, что Он никогда не желает подвергать людей наказаниям и пренебрегать ими.

Опустошу горы и холмы, и всю траву их иссушу, т.е.: Я уничтожу произвол и силы неприятелей, и когда сокрушу их силы, то введу вас в вашу страну. **И поведу слепых дорогою, которой они не знают**. Видишь ли величайшее могущество Божие, которое сокрушает сокрушителей, приводит мучимых в покой, что и случилось, когда они возвратились из плена. Но это пророчество удобнее применить к язычникам, чем к евреям, так как пророк прибавляет: **неизвестными путями буду вести их**; они совершенно не знали пути, так как были слепыми. **Мрак сделаю светом пред ними**. Опять пророк говорит об иных чудесах: мрак изменился в свет и печаль в радость. **Вот что Я сделаю для них и не оставлю их**. Я дарую, научу и сохраню. После того, как приняли таковые дары от Бога, нам нужно уповать на Его мышцу, чтобы вновь не уклоняться в прошедшее зло. **Тогда обратятся вспять**. Зачем не сначала? Затем, чтобы вступили иные.

Великим стыдом покроются надеющиеся на идолов. Всегда, но особенно после пришествия Христа, Который показал их бессилие. **Слушайте, глухие, и смотрите, слепые, чтобы видеть**. То была глухота и слепота не телесная, но душевная; телесная глухота не может много вредить нам, – часто бывает даже причиною благоразумия, по написанному: **я же, как глухой, не слышал, и, как немой, не открывал уст своих** (Пс.37:14); но душевная глухота всегда лишает благ.

Кто так слеп, как раб Мой, и глух, как вестник Мой, Мною посланный? Кто так слеп, как возлюбленный, так слеп, как раб Господа? Иудеи были глухими и слепыми. Христос говорит: **кто имеет уши слышать, да слышит** (Мк.4:9); и в другом месте: **блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат** (Мф.13:16). Таким образом, ясно, что они, иудеи, были глухими и не слышали, слепыми и не видели, почему прибавляется: **слеп, как раб Господа**. Но они ослепли не тогда только, а гораздо прежде, почему и прибавляется: **ты видел многое, но не замечал**; не однажды и не дважды, но **видел многое, но не замечал**.

Господу угодно было, ради правды Своей, возвеличить и прославить закон. Бог всегда желает этого, вы же не желали, а даже, напротив, обращались к хищничеству и злохулениям. **Но это народ разоренный и разграбленный.**

Пругло до в ложах везде (в русском переводе этих слов нет), – по той причине, что они предались хищению и сами были предметом хищения.

Кто из вас приклонил к этому ухо, вникнул и выслушал это для будущего? Кто предал Иакова на разорение и Израиля грабителям? не Господь ли, против Которого мы грешили? Не хотели они ходить путями Его и не слушали закона Его. Смотри, Он ясно открывает, что Он намеренно иных наказывает, Сам же ни от кого не терпит мучения.

ГЛАВА 43

1-9. **Ныне же так говорит Господь, сотворивший тебя, Иаков, и устроивший тебя, Израиль: не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему; ты Мой. Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, – через реки ли, они не потопят тебя; пойдешь ли через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя. Ибо Я Господь, Бог твой, Святый Израилев, Спаситель твой**. Итак, теперь постараемся не только освободиться от зла, но будем особенно и всегда стараться быть близкими к Богу. Хотя бы

иной и освободился от всех бедствий и притеснений, тем не менее, если он находится вдали от помощи Божией, то это хуже всяких бедствий. Священное Писание представляет нам многочисленные примеры этого. Отроки в пещи радовались более, чем те, которые находились вне пещи, в то время, как царь вместе со своими воинами испытывали душевные муки. Кроме того, и сами иудеи, когда ввергли апостолов в узы, подверглись большему смущению, чем апостолы. Такова природа добродетели, что даже и во время мучений она сохраняет своих почитателей без смущения. А зло имеет такую природу, что даже во время самого мира оно подвергает преступных смущению. Подобно тому, как приятные и животворные весенние ветры не оказывают никакой пользы для тела, подверженного лихорадочному состоянию, так нет никакой пользы нашим душам, хотя бы они были лишены бедствий, если люди находятся под бременем великих грехов. **Я Господь, Бог твой, Святый Израилев**. Смотри, каким образом Он показывает свою силу и волю. Что означают эти слова: **Я Господь, Бог твой, Святый Израилев**? – Не что иное, как Его славу, ради которой Он избрал тот народ, который был всегда Его народом. **В выкуп за тебя отдал Египет**; а другие переводчики говорят: "искупление за тебя". **Ефиопию и Савею за тебя**; т.е.: Я поражу их и разрушу ради наказаний, которым они тебя подвергли. **Не бойся, ибо Я с тобою**. Нет иного утешения, равного этому утешению. Это же обещал Иисус Христос ученикам Своим, говоря: **Я с вами во все дни до скончания века** (Мф.28:20).

От востока приведу племя твое и от запада соберу тебя. Северу скажу: "отдай"; и югу: "не удерживай; веди сыновей Моих издалека и дочерей Моих от концов земли, каждого кто называется Моим именем, кого Я сотворил для славы Моей, образовал и устроил, т.е.: собрание их будет Моею славою, Я, говорит, прославлюсь, – как и апостол говорил: **для достижения славы Господа нашего Иисуса Христа** (2Фес. 2:14). Как по иным причинам, так особенно ради Моей славы Я не оставлю вас в чужой стране. **Выведи народ слепой, хотя у него есть глаза, и глухой, хотя у него есть уши**: здесь говорится о начальниках, которые были слепыми.

Пусть все народы соберутся вместе, и совокупятся племена. Кто между ними предсказал это? пусть возвестят, что было от начала. Совершенно никто не мог когда-либо возвестить этого, т.е. того, что произойдет с ними. Вам принадлежит возвещение о том, что касается вас и иных, а тем не принадлежит возвещения даже о том, что касается их. Итак, кто сможет все это возвестить? **Пусть представят свидетелей от себя**, – как бывает на суде; **и оправдаются**. Если они смогут показать свое право и будут говорить правду, то Я не боюсь исследования и не оставлю без внимания. **Пусть представят свидетелей от себя**, если они таковых имеют, людей ли, каковы суть пророки и вы, потерпевшие наказания, или книги, в которых Я говорил прежде о многом и исполнил. Смотри, Он скромно и без всякого насилия показывает право! Итак, после того как Он обличил теперь врагов, Он обращается с речью к евреям.

10-13. **А Мои свидетели, говорит Господь, вы**. Разве Я не исполнил потом истинно того, что предвозвестил? Хотя Я, говорит Бог, Сам по Себе достойный и верный свидетель, однако, и вы также будьте Мне свидетелями. Смотри, как Бог премудро показывает Свое право: сколько раз Он говорит в Евангелии: **Я Сам свидетельствую о Себе** (Ин.8:18); **свидетельство Мое истинно** (Ин.8:14); **и свидетельствует о Мне Отец, пославший Меня** (8:18); так и здесь говорит: **раб Мой, которого Я избрал**, – называя свидетелем и пророка. Это, говорит, Я говорю ради вашего спасения, **чтобы вы знали и верили Мне, и разумели**. Видишь ли, Он всегда предпочитает веру мудрости?

Прежде Меня не было Бога и после Меня не будет. Итак, что же должно сказать о Сыне? Не думай, что Рожденный не есть также Бог, но что сотворенный не может быть

Богом. Видишь ли, Он всегда и везде полагает пред нашими глазами Свою вечность и творческую силу; как Он представил нам в доказательство Божества то, что не имеет начала, так теперь – вместе с творческою силою, показал предвидение. Такими-то знамениями и примерами Он показывает нам Бога.

Я, Я Господь, и нет Спасителя кроме Меня. Вы, говорит, не молили Меня и не убеждали, чтобы Я был вашим Спасителем, но Я пожелал вашей свободы по Своей воле. Не думай, что такая свобода совершилась случайно; Сам Я, говорит, предвозвестил и потом исполнил. **Я предрек и спас, и возвестил; а иного нет у вас**, т.е. явно **предрек**. Где те боги, которым вы закалали и приносили жертвоприношения? Чтобы вы не говорили: идолы ничего не предвозвестили по своей воле и намеренно, **предрек**, говорит Бог, и, тем не менее они не могли возвестить вам ничего. Я же, говорит, хотя и укорял Меня ассириянин, внезапно проявил Свое могущество.

12-21. **И вы – свидетели Мои, говорит Господь, что Я Бог; от начала дней Я Тот же, и никто не спасет от руки Моей; Я сделаю, и кто отменит это?** Видишь ли силу над всеми силами? Видишь ли власть, господствующую над всеми господствами? **Ради вас Я послал в Вавилон**, т.е.: вас ради Я предам их мучению. **Я Господь, Святый ваш, Творец Израиля, Царь ваш**. По-видимому, он указывает на Зоровавеля, а в действительности на Христа. **Так говорит Господь, открывший в море дорогу**. Он приводит им на память прежние чудеса, чтобы возбудить веру в последующее. **В сильных водах стезю**, т.е.: на бурном море, которое постоянно пенится от постоянных ветров. Двойное чудо – проложить путь и на водах, и на том море, которое постоянно угрожает шумящими волнами. Но **все легли вместе, не встали**: хотя они пред глазами имели столько картин, т.е., египтян и море, однако они сомневались относительно награды.

Но вы не вспоминаете прежнего и о древнем не помышляете. Вот, Я делаю новое; ныне же оно явится; неужели вы и этого не хотите знать? Я проложу дорогу в степи, реки в пустыне. Тогда я рассек море и поставил волны, как стену; теперь Я повелеваю протекать в безводной рекам. Но пути в пустыне и реки в безводной сперва обозначают метафорически освобождение народа из вавилонского плена, а потом в действительности учение Христово, по написанному: **из чрева потекут реки воды живой** (Ин.7:38). Смотри, в том и другом, скорее во всех трех – могущество Божие.

22-25. **А ты, Иаков, не взывал ко Мне; ты, Израиль, не трудился для Меня, ты не приносил Мне агнцев твоих во всесожжение и жертвами твоими не чтил Меня** т.е.: издревле, с отдаленного времени, когда не было жертв. Для того, чтобы они, возвратившись из плена, не пренебрегали прочими добродетелями, полагая свое спасение только в жертвах, смотри, Он исторгает из их душ такое мнение не только для восхищения грешников, но и для промышления о добрых, чтобы они никогда не впадали в ту же вину. **И Ливана недостаточно**, говорится, **для жертвенного огня** (Ис.40:16); а также: **ужели Я ем мясо волов и пью кровь козлов** (Пс.49:13)? Видишь ли, как посредством вышесказанного, Он их более располагает к вере. Разве Я не воз- любил тебя вначале, когда еще не существовали жертвоприношения?

Ты, Израиль, не трудился для Меня. Ты не приносил Мне агнцев твоих во всесожжение и жертвами твоими не чтил Меня. Я не заставлял тебя служить Мне хлебным приношением и не отягощал тебя фимиамом. Он говорит это потому, что они присвояли все это себе для славы: читая прежнее, ты узнаешь, что Я призвал тебя без жертв, а из позднейшего ты узнаешь, что Я освободил тебя также без жертвоприношений. **Не отягощал тебя фимиамом**: чтобы они приносили Мне ладан от крайних пределов. **Ты не покупал Мне благовонной трости за серебро и туком жертв твоих не насыщал**

Меня, но **ты грехами твоими затруднял Меня, беззакониями твоими отягощал Меня**; т.е.: хотя ты в продолжение своих дней пребывал во грехах и неправдах, однако Я не лишал тебя Своей защиты. Мне кажется, что этими словами Он указал на то время, когда они вращались в Египте.

Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого и грехов твоих не помяну. Не только говорит: Я смягчаю твое наказание, но и: **грехов твоих не помяну**. Если ты не желаешь иметь против кого-либо ненависти, то ты не только не говори о том на словах, но не вспоминай о вине его и в уме. Не только должно щадить неправды грешников, но должно совершенно отгонять от твоей души и сам гнев.

26-28. Ты **припомни Мне; станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться**. Видишь ли, Он воздвигает судилище и объявляет победу по суду. Как выше Он сказал: делайте то и это, **спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову, тогда придите – и рассудим** (Ис.1:17-18), сначала научая, как можно победить, а потом призывает на суд, – подобным образом поступает и здесь. **Припомни Мне**, говорит, **станем судиться**. Почему говорится: **Припомни Мне**? Чтобы они уразумели величину благодеяний. Тот, кто любит кого-либо, желает обнаруживать, что он близок его сердцу, так чтобы любимый им помнил о благодеяниях, не забывал об них, по крайней мере понимал, от каких грехов он освобожден. Ты, говорит, никогда не думай в своей душе, что Я вступаю с тобою в суд для того, чтобы осудить тебя, но для того, чтобы открыть тебе, насколько Я люблю тебя. Не Я объявляю твои грехи, но ты сам расскажи о них, и тогда ты узнаешь, какие язвы уврачевал Я. Потому Я и говорю: **припомни Мне**, – чтобы ты сам себя оправдывал; для этого же достаточно, чтобы ты сам исповедал, а Я не говорил ни слова.

Праотец твой согрешил, и ходатаи твои отступили от Меня. Ужели теперь нет грехов? Ужели теперь вы не отступили от Меня? **За то Я предстоятелей святилища лишил священства и Иакова предал на заклятие и Израиля на поругание**. Некоторые говорят: в проклятие; а еврейский текст говорит: в проклятие Иакова и в осуждение Исраиля. Другие же говорят: в злохуление. Видишь ли, что все дела твои лживы? Что значит: **праотец твой согрешил**? Я молчал, а вы положили начало. **Говори ты, чтоб оправдаться**: не медли, не выжидай Моей речи, как и другой говорит: **первый в тяжбе своей прав** (Притч.18:17). Вот Он всегда побуждает нас к тому, чтобы мы искали той пользы, которая годна как для праведника, так и для грешника. Почему ты скрываешь свои грехи? Их должно показать или здесь, или там. Если дело обстоит таким образом, то их полезно показать здесь, чтобы ты мог избавиться от них. Почему ты боишься смерти за Бога, если, как признано, умереть необходимо? Если это так, то лучше умереть за Бога. Почему ты прилепляешься к богатствам, которые, против нашей воли, нужно будет оставить? Если же это верно, то оставим их добровольно. Почему ты желаешь славы и прочего подобного? Разве все это не отойдет от тебя? Разве Бог никогда не отнимет от тебя этого? Почему же ты не упражняешься в благочестии, когда знаешь, что всегда должен воздерживаться от зла? Мы между собою говорим так: какая польза мне? Разве я не благодарю тебя, если ты делаешь это ради меня? Разве не нужно было этого делать? Но Бог поступает не так: если тебе приключается какое-либо естественное зло, и ты Его ради терпеливо это переносишь, то Он не оставляет тебя благодарностью даже за эти заслуги.

ГЛАВА 44

1-2. **А ныне слушай, Иаков, раб Мой, и Израиль, которого Я избрал**. Этими словами Он открывает, что Он есть страж их, а что причиной и началом их наказания служат они сами, так как Он предал любезного и избранного друга наказаниям не бесполезно и не без желания его исправления. **Так говорит Господь, создавший тебя и образовавший тебя,**

помогающий тебе от утробы матерней. Здесь Он приводит на память другое благодеяние: Он желает, чтобы рождение признавалось не делом природы, но делом Его, по написанному: **дел рук Твоих не презирай** (Пс.137:8).

3. **Не бойся, раб Мой, Иаков, и возлюбленный Израиль, которого Я избрал; ибо Я изолью воды на жаждущее и потоки на иссохшее; излию дух Мой на племя твое и благословение Мое на потомков твоих**. Он вспоминает об источниках, которые проистекли в пустыне. Подобно тому, как Я желал, чтобы истекли источники, когда вы жаждали, так и теперь Я освобожу вас от скорбей. **Излию дух Мой на племя твое,** т.е.: Я излию на рождение твое Мое благословение, Мою любовь, Мое благоволение, так что Мои благодеяния будут переходить от рода в род. **И будут расти между травою, как ивы при потоках вод. Один скажет: "я Господень"** (ст. 4-5). Великое дело быть в общении с Богом и относиться к числу Его служителей! **Другой назовется именем Иакова, а иной напишет рукою своею: "я Господень", и прозовется именем Израиля**. Но Акила говорит не это, но: будет подражать; Симмах: приготовит себя; Феодотион: притворится. Тот, кто говорит: Божий есмь, притворится во имя Иакова, что переводится "лжец", так что и он обманет врагов своих. Многие из языков, когда увидели дела Божии, совершившиеся ради иудеев в стране персов, пожелали вместе с ними выйти и идти в страну израильскую. Указывая на это, переводчики говорят: будет подражать, или притворится во имя Иакова.

6-20. **Так говорит Господь, Царь Израиля, и Искупитель его, Господь Саваоф: Я первый и Я последний, и кроме Меня нет Бога, ибо кто как Я? Пусть он расскажет, возвестит и в порядке представит Мне все с того времени, как Я устроил народ древний, или пусть возвестят наступающее и будущее**. Смотри, Он спрашивает не о великом, но о том, **как Я устроил народ древний, или пусть возвестят наступающее и будущее**. Скажи только это; Я не приказываю ему вести речь о прежних временах и о высших силах.

Не бойтесь и не страшитесь: не издавна ли Я возвестил тебе и предсказал? И вы Мои свидетели. Есть ли Бог кроме Меня? нет другой твердыни, никакой не знаю. Делающие идолов все ничтожны, и вожделеннейшие их не приносят никакой пользы,

и они сами себе свидетели в том. Они не видят и не разумеют, и потому будут посрамлены. Видишь ли, что они имеют происхождение от людей? **Кто сделал бога и вылил идола, не приносящего никакой пользы? Все участвующие в этом будут постыжены, ибо и художники сами из людей же; пусть все они соберутся и станут; они устрашатся, и все будут постыжены**. Вновь Он указывает на совершенную бесчувственность идолов. Насмехаясь над изваяниями, пророк поносит их в язвительных выражениях и останавливается на описании того, каким образом делались эти изваяния: **плотник выбрав дерево, протягивает по нему линию, остроконечным орудием делает на нем очертание, потом обделывает его резцом и округляет его, и выделывает из него образ человека красивого вида, чтобы поставить его в доме**. Остальные затем слова относятся к бесславию делателей идолов. **И это служит человеку топливом, и часть из этого употребляет он на то, чтобы ему было тепло, и разводит огонь, и печет хлеб. И из того же делает бога, и поклоняется ему, делает идола, и повергается перед ним. Часть дерева сожигает в огне, другою частью варит мясо в пищу, жарит жаркое и ест досыта**. Итак, ты не взирай на идола и красоту его, но лучше размышляй таким образом: где же находится другая половина той части, которую сожгли, которая была употреблена для топлива и на другие их потребности? Она была сожжена и превращена в

пепел. Осмеивая их, пророк вместе с тем приводит здесь слова согреваемых: **хорошо, я согрелся; почувствовал огонь**.

А из остатков от того делает бога, идола своего, поклоняется ему, повергается перед ним и молится ему, и говорит: "спаси меня, ибо ты бог мой". Не знают и не разумеют они: Он закрыл глаза их, чтобы не видели, и сердца их, чтобы не разумели. И не возьмет он этого к своему сердцу, и нет у него столько знания и смысла, чтобы сказать: "половину его я сжег в огне и на угольях его испек хлеб, изжарил мясо и съел; а из остатка его сделаю ли я мерзость? буду ли поклоняться куску дерева?" Акила говорит: и не скажет: ужели ложь в деснице моей? Смотри, каков смысл обвинений.

21-23. **Помни это, Иаков и Израиль, ибо ты раб Мой; Я образовал тебя: раб Мой ты, Израиль, не забывай Меня**. Он не говорит ничего иного, как только то, что требует человек. **Изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако**. Он показывает легкость для Него таких дел. **Изглажу беззакония твои**, говорит, **обратись ко Мне, ибо Я искупил тебя**. Видишь ли, не только в благодеяниях нужно нам иметь упование на Бога, но также обращаться и просить Его. **Обратись ко Мне**, говорит; ты несправедливо поступаешь, когда говоришь: я не смею, так как я исполнен бесчестия. **Я искупил тебя**: представление извинительных причин всегда служит стеною, преградою, препятствием и стыдом. **Обманутое сердце ввело его в заблуждение**, как почитающих, так и тех, кому воздают почитание. И несть лжи в деснице Моей (в русском переводе этих слов нет), т.е.: так как дело, которое им нужно совершить, велико и превышает их силы, то Я являюсь помощником, защитником и крепостью их. **Торжествуйте, небеса, ибо Господь соделал это. Восклицайте, глубины земли; шумите от радости, горы, лес и все деревья в нем; ибо искупил Господь Иакова и прославится в Израиле**. Подобно этому говорится: **тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих** (Римл.8:19); или: **вся тварь совокупно стенает и мучится доныне** (Римл.8:22). Точно также и здесь, в знак их примирения с Богом, Он приглашает многих участвовать в их радости.

Я Господь, Который сотворил все, один распростер небеса и Своею силою разостлал землю. Они, говорит, побуждают Его, чтобы Он произвел и нечто величайшее. Кто ин удержаваяй? (в русском переводе этих слов нет). Акила: кто есть спорящий со Мною? Я не говорю: кто накажет, или кто может быть помощником? Хотя это гораздо легче, однако из этого Я открываю силу Своего могущества.

24-28. **Так говорит Господь, искупивший тебя и образовавший тебя от утробы матерней: Я Господь, Который сотворил все, один распростер небеса**. Везде Он представляет творения выше прочего, чтобы показать Свою силу и попечение, а также подтвердить, что никому невозможно бороться против Него. Если бы Он не сотворил, то Он не мог бы также сохранять. Если Он вначале сотворил без принуждения, или без услуг чьих-либо, то тем более Он будет сохранять после творения. Так как во время творения никому не представлялось случая выражать неудовольствие, и предание твари большим скорбям казалось невозможным, то поэтому величайший из пророков говорил: **чтобы Египтяне не говорили: на погибель Он вывел их, чтобы убить их в горах и истребить их с лица земли** (Исх.32:12).

Я Господь, Который сотворил все, — как то, что касается вас, так и то, что касается врагов. Не думайте, что есть иной Бог: **один распростер небеса и Своею силою разостлал землю**. Он опять говорит о славнейших творениях, которые имеют особое преимущество между прочими. Уразумевай (отсюда), что Он желает удостоверить нас посредством видимого, а не невидимого. **Разостлал**, говорит, **землю**, и кто может

разрушить? Это указание великой силы: Он может что-либо сотворить такое, чего не может никто разрушить, не только разрушить, но даже подумать об этом; не только никто не в силах разрушить, но неспособен даже об этом и думать. **Который делает ничтожными знамения лжепророков и обнаруживает безумие волшебников**; Симмах говорит: лжецов. Удивительно, что то, что Он делает, Он делает таким образом, что никто не может уничтожить этого. Пусть не Я сотворил небо и утвердил землю; однако, Я разрушил то, что почиталось всеми за великое, и удержал силу тирана, так как Я не только рассыпал слова чревоволшебников, но уничтожил из их сердца самое прорицание. Вот великая сила и непреодолеваемая крепость! **Мудрецов прогоняет назад и знание их делает глупостью**, — чтобы показать, что Он Господь мудрости и совета. **Который утверждает слово раба Своего**. Признаком могущества служит уничтожение того, что принадлежит другим, и исполнение того, что принадлежит Его рабу. Если бы Он мог только разрушить, то, может быть, сказали бы, что Он только это и может делать; если же Он, разрушая то, что принадлежит чужим, вместе с тем утверждает то, что принадлежит Его служителям, то ясно, что могущество Его совершенно, и Он ни в чем не нуждается. **И приводит в исполнение изречение Своих посланников**. Там прорицания, которые Он скоро разрушает, а здесь не только возвещает пророчества, а даже и их исполнение. Мне кажется, что вестниками Он называет здесь людей.

Который говорит Иерусалиму: "ты будешь населен", и городам Иудиным: "вы будете построены, и развалины его Я восстановлю". Симмах: Я, говорящий земле: ты будешь опустошена, как бездна, также иссушу твои реки. Здесь говорится или о том, что Бог силен совершить это, или же указывается на множество войн, что также сообразно со смыслом.

Который говорит о Кире: пастырь Мой, и он исполнит всю волю Мою и скажет Иерусалиму: "ты будешь построен!" и храму: "ты будешь основан!"; Акила говорит: Я, Который говорю Киру, нападателю Моему; Симмах и Феодотион по их переводу: пастырю Моему. **И он исполнит всю волю Мою**. Здесь также пророк указывает величие силы Божией. Чего Он желает, Он успевает между теми, которые никогда не надеялись на Него и не сознавали Его. Бог подвигнул ум его отпустить пленников по повелению Его, так как все пророки предсказывали о рассеянии и гибели народа, о делах, совершавшихся с великими чудесами. Освободить пленника казалось признаком милосердия, но пред Богом, славить Которого и чтить великими жертвами он (Кир) не умел, это не было признаком милости, но признаком Его высшей силы, которая подвигла дух царя. Как Он привел вавилонян и предал в их руки евреев, так и теперь Он делает это. Ужели Он лишил его свободы, и извратил ум мужа? Никак; Он никогда не лишал его свободы, но побудил его свободу к совершению этого. Бог иногда побуждает людей к добру, но никогда — ко злу, и даже из их зла Он делает нечто доброе, — из тех злых дел, которые совершаются ими, производит нечто доброе, как ясно из истории вавилонян, иудеев и многих других.

ГЛАВА 45

1-3. **Так говорит Господь помазаннику Своему Киру: Я держу тебя за правую руку**. Ясно, что Бог помазал его, почему и называет его Своим Христом. Из этого помазания Он открывает иное помазание. Акила говорит: помазанному елеем; иные: Христу Своему. Он не помазал прочих царей, и этого не объявляет теперь за праведника, но желал, чтобы он поступил так для создания города, почему и называет его Своим Христом; помимо того, еще и потому, что Кир быль кротчайшим из прочих царей. Но говоря даже о царе вавилонском, Бог говорит, что он принял власть от Него, почему называет его Своим рабом, говоря: Навуходоносор раб Мой (Иер.25:9, 27:6); ассириян Он также сделал таковыми: **О, Ассур, жезл гнева Моего! и бич в руке его – Мое негодование!** (Ис.10:5);

потом: **Я пошлю его** (Ис.10:6). Видишь ли, каким образом Он приближал к Себе царей народов? Об Антиохе также говорится, что его возбудил Бог: **вот, Я**, говорит, **поставлю на этой земле пастуха, одного из глупых пастухов** (Зах.11:16,15). Таким образом, Он объявляет, что власть Его распространяется повсюду, хотя цари и не повиновались Его власти. Почему же Он так поступает? От нас это сокрыто, это известно только Ему Самому, мы же не знаем промышления Его.

Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебе народы, и сниму поясы с чресл царей, чтоб отворялись для тебя двери, и ворота не затворялись; Я пойду пред тобою и горы уровняю, медные двери сокрушу и запоры железные сломаю; и отдам тебе хранимые во тьме сокровища и сокрытые богатства, дабы ты познал, что Я Господь, называющий тебя по имени, Бог Израилев. Ради Иакова, раба Моего. Видишь ли, сколько даров Он дарует народу? Когда видишь казни, которыми Он поразил фараона, то не думай, что Бог несправедлив хотя бы отчасти: Он желал освободить народ легким образом, но египтянин не пожелал этого. То, что Бог не пожелал подвергать его казням, ясно из того, что Он совершил прежде, – именно, Он послал к царю египетскому человека, который говорил: **отпусти народ Мой, чтобы он совершил Мне служение в пустыне** (Исх.7:16). Так как это повеление не было трудным, то не следовало ли ему повиноваться охотно? Он не сказал: пусть они принесут Мне жертвы в твоей стране, так как ты тогда ответил бы: это невозможно; наши жрецы служат нам, и непозволительно никому в нашу страну вводить нового закона. Он не сказал: пусть пойдут на отдаленное место, но просил только три дня отдыха. Если бы тот отпустил их даже совсем на свободу, то и это было бы справедливо, так как они служили тебе, египтянин, продолжительное время без платы. Однако, – не так: требуются только три дня, но он и в том отказал. Но разве тебе не должно было бояться Моей силы и не злоупотреблять Моим долготерпением? Персиянин же не упорствовал таким образом в своем мнении: как только он услышал, так тотчас отпустил их, и быстро возвратил пленников. От кого он услышал, или воспринял это? Может быть, в стране персов были уже свидетельства Божественной силы. Но я говорю: по внушению Божию. Пусть не говорит фараон, что он не был вразумлены он слышал повеление Божие, и тем не менее сердце его осталось ожесточенным. Почему Бог посылал к нему наперед Моисея? Разве не затем, чтобы убедить царя отпустить народ? Но тот не пожелал. Персиянин напротив, как только услышал, так тотчас се готовностью последовал повелению.

4-6. **Ради Иакова, раба Моего, и Израиля, избранного Моего, Я назвал тебя по имени**, т.е. именем Христа Моего. Точно также вместе с обещанием Он возвещает здесь наказание евреям: **ты**, говорит, **не знал Меня. Я Господь, и нет иного; нет Бога кроме Меня**. Я поступал так, что был врагом врагам твоим, и другом друзьям твоим: тем, которые не желали твоего возвращения, Я показал Себя врагом, а Киру, который повиновался Мне, Я показал Свою дружбу.

Я Господь, и нет иного; нет Бога кроме Меня. Чтобы противники Его не думали, что Он один из многих, но что Он только единственный и всемогущий, поэтому Он прибавляет: **дабы узнали от восхода солнца и от запада, что нет кроме Меня; Я Господь, и нет иного**. Смотри, Он промышляет также и о прочих народах, и показывает им великие благодеяния, чтобы, когда они, по устранении заблуждений, возвратятся в дом Его, под водительством истины, они достигли царства небесного.

Я Господь, и нет иного; нет Бога кроме Меня. Они прекрасно знали, что Он – Бог, но не знали того, что Он один только Бог, что уже давно знали иудеи: **Господь, Бог наш, Господь един есть** (Втор.6:4). Равным образом, они не знали, что Он – единый Бог не только иудеев, но вместе с тем и всей вселенной: **Я Господь, и нет иного**.

7-8. **Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это**. Видишь ли, Он не допускает никакого иного творца. Подобно тому говорится и в ином месте **кто делает немым, или глухим** (Исх.4:11)? **И произвожу бедствия**: здесь говорится о войнах, так как Бог Сам по Себе не творит зла и не будет творить. Он называет злом некоторое возмездие или мщение. А то, что в Нем Самом нет никакого зла, ясно из того, что иногда мщение и наказание изменяются в утешение.

Кропите, небеса, свыше, и облака да проливают правду. Опять Он обещает, что после возвращения произойдет нечто такое, что их благодеянию как бы обрадуются даже твари. Если кому угодно, то можно понимать это об учении Христовом. Горе не только тому, кто обвиняет своего Творца, но горе говорящему против Него, или тому, кто требует у Бога отчета относительно будущих событий. **Я создал землю и сотворил на ней человека**: почему же, говорит, ты не просишь у Меня помощи? Если бы Я не пожелал, то тебя не было бы. Отсюда ясно, что существование происходит по благости Божией.

9-11. **Горе тому, кто препирается с Создателем своим, черепок из черепков земных! Скажет ли глина горшечнику: "что ты делаешь?" и твое дело скажет ли о тебе: "у него нет рук?"** Эти слова Он говорит тем, которые обвиняют долготерпение Божие, говоря: Богу следовало это сделать, а то оставить. Нет более нечестивого слова, как предписывать закон судье и судить по человеческому разумению о Законодателе природы. В великом деле Он пользуется малым примером. Художник не есть творец брения, но только виновник формы его, да и то, – насколько он может. Бог же есть виновник не только твоей формы, но и материи, из которой ты сотворен. Брение получает от художника не бытие, а только форму, и однако оно не противится и не противодействует ему. Напротив ты, который совершенно был сотворен Богом, садясь пред судилищем, призываешь Бога на суд. Брение не противится, так как оно не имеет ни слова, ни уст. Ужели ты потому противишься, что получил от Него дар слова? Ужели ты будешь пользоваться тем даром против Щедродателя, чтобы вести с Ним войну? Почему ты не вспоминаешь о тех причинах, по которым тебе невозможно вести войну против Бога? Не затем Он даровал тебе слово и разум, чтобы ты, имея эти преимущества, противился ему, но чтобы ты прославлял и благословлял Его, – не затем, чтобы ты судился и спорил с Ним. Ты получил язык для превозношения Его, а ум для благодарения и веры, как мы и читаем у Иисуса сына Сирахова: добровольно Я дал тебе язык; а указывая на причину, говорит: чтобы ты благословлял Его и прославлял Его (ср. Иис. Сирах.51:30). Брение совершенно лишено речи. Если ты познаешь (Творца), то поймешь, что ты ничтожнее брения и лишен дара слова.

Так как Он принимал участие в том, чтобы освободить их, и хорошо знал, что они будут Его злословить за минувшее время, в которое они подвергались притеснениям, по написанному: **едва не пошатнулись ноги мои** (Пс.72:2); и потом: **"как узнает Бог? и есть ли ведение у Вышнего?" И вот, эти нечестивые благоденствуют в веке сем, умножают богатство** (Пс.72:11-12), а также: почему прогневался на нас **вот уже семьдесят лет** (Зах.1:12)? Многие намерены были обвинять Его подобными словами, – а поэтому Он заключает их уста словами: **скажет ли**

глина горшечнику? Смотри на благоприятность времени, т.е., на то время, когда они уже имели получить свободу. Чтобы они не думали, что Бог не может совершить такие дела, Он и приводит эти слова. Если бы в то время, как Он употреблял эти слова, они оставались все еще в притеснениях, то они могли подумать, что Он обманул их этими словами, так как не мог освободить их от наказаний. Но Он заключает их уста временем освобождения, чтобы они знали, что то отпущение есть дело неисследуемой и неиспытуемой премудрости, и никому не позволительно обвинять, говорить зло, или

исследовать. Когда Он обращается к противникам, то заимствует выражение из быта возделывающего землю: **всегда ли земледелец пашет для посева, бороздит и боронит землю свою?** (Ис.28:24). Когда же он говорит тем, у которых не было никакой надежды на освобождение, то Он пользуется подобием брения и художника. Вы, говорит, не знаете, что все это Я совершил для вашего научения; все это Я предсказал, а вы не слышали. Если вы не слышали и сами себя подвергли наказанию, то вы и обвиняйте в этом не Меня, а себя.

Между тобою и Богом существует не только различие, но это различие таково, как между брением и художником: художник не есть творец брения, но только формы; однако один весьма близок к другому, так как и брение, и художник суть творения; твой же Творец не сотворен, а ты – Его творение. Так как между тобою и Богом весьма большое различие, то и говорится: **скажет ли глина горшечнику: "что ты делаешь?" и твое дело скажет ли о тебе: "у него нет рук?"** Оно не будет отвечать ни тогда, когда оно брение, ни тогда, когда оно – выделанный сосуд: "когда мне лучше бы было быть брением, зачем ты меня превратил в форму?" или: "когда мне лучше быть обработанным, почему ты допустил мне пребывать брением"? Это говорится многими бесстыжими философами, которые служат предметом посмеяния и срама для всех. Они желают своим умом исследовать неизмеримую премудрость Божию, потому они отвратительны и ненавистны, за свои болтливые речи, которые они бесполезно повторяют каждый день, не переставая: если творение было добро, то почему оно не изначально? Если же оно зло, то почему оно совершается впоследствии? Что иное должно отвечать на это, кроме следующего: **скажет ли глина горшечнику**, или творение Творцу своему? Он один знал все, знал также время, когда должно творить. Если, говорят, хорошо творение, то почему не творится каждый день? Но разве ты можешь теперь положить Богу закон? О, гордость и жалость червя, земли и праха! Он спрашивает таким бесстыдным образом основания у природы столь несказанной и неисследуемой, по обычаю развращенных и пустых детей, которые, будучи лишены ума, иногда оскорбляют мудреца. Что сказал пророк, для них не велико, кажется им даже ничем.

Горе тому, кто говорит отцу: "зачем ты произвел меня на свет?", а матери: "зачем ты родила меня?" Он приводит в пример и это, на подобие сказанного прежде. Ужели возможно для кого-либо сказать своему отцу: зачем ты меня родил, или своей матери, зачем ты меня зачала? Если первое свойственно безумному, то тем более свойственно безумному второе. Ты не обвиняешь природу в такой вине, но Меня, Который есть господин природы, почему ты осмеливаешься обвинять в такой вине? Ты говоришь: почему Бог сотворил людей? Где – рождение по законам природы, там как у отца, так и у матери существуют многочисленные скорби; об них ты не спрашиваешь. Напротив Меня ты призываешь на суд. Почему Он здесь сказал о рождении и о зачатии? Чтобы принять на Себя самого то и другое расположение родителей, и показать, что причиной того есть также Он – милосердый Бог. В ином месте говорится: **как отец ущедряет сынов, так Господь ущедрил боящихся Его** (Пс.102:13); а также: **есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?** (Мф.7:9); кроме того, в этой же самой книге ниже: **забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то**

Я не забуду тебя (Ис.49:15). Родители имеют весьма большую заботу, больше которой невозможно найти, но промышление Божие превосходит и ее. Здесь указывается то же, именно, что Он заботится о своих служителях подобно родившей их матери и подобно отцу промышляет обо всем, все располагает и есть причина всего.

Так говорит Господь, Святый Израиля и Создатель его. Акила говорит: возвратитель его; Симмах: искупитель его. **Вы спрашиваете Меня о будущем сыновей Моих и хотите Мне указывать в деле рук Моих?** Можно ли отцу отвечать за детей, или творцу за творение? Вы никогда и ни под каким условием не можете промышлять и заботиться лучше, чем могу Я. Не спрашивайте о том, что происходит по необходимости природы, но лучше судите о том, что происходит по Моим благодеяниям. В рождении не вся заслуга принадлежит отцу, так как это есть дело природы, но все принадлежит Мне, и рождение происходит по Моему благословению; если какая заслуга приписывается отцу, то гораздо большая есть Моя заслуга, так как отцы являются только средством, а Я – истинная причина всего.

Тако глаголет Господь, сотворивый грядущая (в русском переводе слова "грядущее" нет). Хорошо сказано: грядущее, т.е. будущее, потому что не должно помышлять только о прошедшем. Для обличения вас достаточно было только того, что вы призваны к жизни из ничего и что вы получили эту жизнь по Моей премудрости. Ужели Я не люблю вас? – говорит Он. Но не достаточно только любить. Ужели Я не умею заботиться о вас? Чтобы нам знать ведение Его, коим Он обо всем промышляет, Он привел такой пример: Он называет отца и мать, чтобы более удостоверить нас о Своей любви. Никто не скажет: я не могу заботиться, я умею любить, но не желаю; но все говорит: я люблю и забочусь. Мне кажется, что Он говорит как бы так: как сын не может говорить ничего подобного матери, хотя он произошел на свет из ее утробы в скорби, так и вам не должно ничего говорить подобного.

Потом Он исчисляет прошедшее: **Я создал землю и сотворил на ней человека**. Смотри на землю, питательницу, и на сотворение ее прежде прочего. Говоря: **землю**, Он показываете все блага, так как она есть уготованный стол, одежда, пища.

12. **Я – Мои руки распростерли небеса, и всему воинству их дал закон Я**. Акила и Симмах говорят: всем силам их заповедал; Феодотион: всем силам его приказал; а это – в знак Его попечения и промышления. Пусть творение не относится к промышлению, тем не менее разве вы не будете приписывать промышлению столь много уготованных благ? Отцу должно воздавать благодарность за то, что он родил, хотя бы он потом и не имел никакой заботы о рожденном. Тем не менее, никто не обвиняет его в том, что он пожелал родить; он сам пользуется своею властью. Гражданские законы делают его в этом случае господином – поступать как ему угодно, без страха наказаний, так как у него находится верный залог; его заботы и любовь естественны. Полагаясь на это, Я дал отцу всякую власть. Но Я не только это сделал, а также небо и землю, и присоединил звезды. Это, может быть, имеет общее значение, но мы видим и особенное.

13-17. **Я воздвиг его в правде и уровняю все пути его**. Мне кажется, что Он обозначает всю природу вместе с творениями. Говоря же о Своем попечении, Он только называет еврейский народ того времени. **Я воздвиг его в правде**: здесь говорится или о Зоровавеле, или о царе Кире. **Он построит город Мой и отпустит пленных Моих, не за выкуп и не за дары**; другие говорят: не по изменам и не по дарам. Чтобы ты сознавал, что это повеление происходит от Бога, Он говорит: **говорит Господь Саваоф**. Когда говорит Господь, должно веровать, потому что это Господь. Другие же говорят, что это сказано о Христе; ничто не препятствует принять и это. **Он построит город Мой**, т.е., Церковь. Восставит **в правде**: Он утвердил Церковь таким образом, чтобы она показывала свою власть не во множестве служителей и не в законах, писанных чернилами, и не во внешних делах; но каким же образом? В правде, так как нет ничего подобного правде. Потому тех, которые подчиняются Его власти, Он удерживает не силою, но их желанием. Он не сотворил никакого зла, не принес никому вреда. **Уровняю все пути его**, чтобы никто не

обвинял Его в данных законах. **И отпустит пленных Моих, не за выкуп и не за дары**. Т.е.: **не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди** (Мф.10:9).

Труды Египтян. А иные говорят: река египетская и торговля эфиопская. По справедливости он называет трудами мирские дела и заботы, подобно тому, как другой пророк называет это смятением: **подобно призраку ходит человек, напрасно только мятется он, собирает сокровище, а не знает, для кого собирает его** (Пс.38:7). Торговля есть скорбь, и труды – тщетны, по написанному: **все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем. Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все – суета и томление духа** (Еккл.1:13-14). Потом говорится: **и Савейцы, люди рослые, к тебе перейдут и будут твоими; они последуют за тобою**. Саваим были соседями египтян, и они получили новую проповедь чрез евнуха.

В цепях придут и повергнутся пред тобою, и будут умолять тебя. Все были связаны великим заблуждением, особенно египтяне, эфиопляне и соседние с ними саваимляне. После того Он указывает причину, почему они прейдут: **у тебя только Бог, и нет иного Бога**, по написанному: **Я в Отце и Отец во Мне** (Ин.14:10). А другие – слова: **у тебя только Бог** – считают сказанными относительно Иерусалима. Если это так, то смысл не изменяется, так как из него произошел Господь и Бог. Прочие же переводчики не указывают никакой причины, но говорят: но и в тебе сильный; Симмах говорит: так как в тебе есть Бог и нет без тебя Бога, Бог в Боге. Ясно: Отец есть в Сыне, как Он и сам говорит: **Я в Отце и Отец во Мне** (там же). Здесь также указывается слепота иудеев. **Истинно Ты Бог сокровенный, Бог Израилев, Спаситель**. Акила не говорит: Ты еси Бог, не ведехом; но: Ты еси Бог невидим. Симмах и Феодотион говорят: сокрытый. Когда же Он был сокрыт? Он проявляется в Своем творении и промышлении о тварях, которым Он сохраняет их. Потому следующие слова указывают на Его промышление: **Бог Израилев**, говорится, **Спаситель**. **Все они будут постыжены и посрамлены; вместе с ними со стыдом пойдут и все, делающие идолов**. Акила говорить: постыдятся и даже покраснеют от стыда все вкупе, пойдут со стыдом к художественным изделиям. Симмах говорит: был постыжен; Феодотион: они все вместе. Другие переводчики во многом обличают делателей идолов. Может быть, это было сказано об египетских и эфиопских купцах. По 70-ти здесь обозначается обновление народов и совокупная радость о спасении Израиля. Потом призывается море и земля. На это указывает слово: острова. Обновляйтеся, говорит, ко Мне острови (в русском переводе этих слов нет); **Израиль же будет спасен спасением вечным в Господе; вы не будете постыжены и посрамлены во веки веков**. С юности они будут чтить прекраснейшие добродетели.

18-19. **Ибо так говорит Господь, сотворивший небеса, Он, Бог, образовавший землю и создавший ее**. Смотри: так как пророк намерен сказать нечто великое, то он не называет одно имя Господа, хотя и оно достойно и достоверно, но говорит также о силе Его, потому что Он все содержит и всем управляет, и ничто не может противиться власти Его. **Он, Бог, образовавший землю**. Смотри: земля не существовала и была сотворена Им после; на это указывают слова: **образовавший землю и создавший ее.** Здесь сказано, что не только сотворена материя, но также формы и пространство, так как земля была неустроена и невидима, безобразна, бесславна, когда ее окружали и покрывали воды. **Он, Бог, образовавший землю и создавший ее**. Ужели Он разделил (только), – как утверждали бесстыжие греки, называя некоторых богов преисподними, а иных небесными? Один, говорит, есть Бог всего мира; сила Его на земле такова, что все видимое свидетельствует о Нем. Недостаточно и этого, но Он таков, что никто не может говорить о Нем достойно и никто не может понимать Его. Акила и Феодотион говорят: это говорит Господь, утверждающий небо; Он есть Бог, творящий землю и совершающий

ее. Необходимо истолковать это. Все, сотворенное Богом, находится не далеко от Него. Он, все держа и всем управляя, как бы постоянно творит и утверждает. 70-т говорят: Он сотворил все совершенным и законченным, и Он Сам различил то, что сотворил; а другие говорят: предуготовил, утвердил; по 70-ти: различил, т.е.: сделал явным сокрытое многими водами. Вначале не было такого отделения, но вода и земля были смешаны. Прогнать массу воды и показать землю сухою – это дело чрезвычайной силы. Мы можем наблюдать это и теперь, когда волнуется море и когда устремление бушующих волн угрожает покрыть всю землю. Однако, показывая угрозу, оно не может осуществить этой угрозы, так как ясно, что Бог таким образом утвердил землю от начала и создал ее не без цели, но для того, чтобы она была обиталищем Его творений. Смотри: само море сделалось достойным того, чтобы веровать Божественному обетованию, что Бог освободит людей и не погубит. **Не напрасно сотворил ее**. И в ином месте говорится: **ужели напрасно Ты создал всех сынов человеческих?** (Пс.88:48). Земля была сотворена ради вас и была приготовлена для вашего обитания, чтобы она питала вас и промышляла о вас. **Я Господь, и нет иного. Не тайно Я говорил, не в темном месте земли**. Как во время исхода из Египта дарованы были Моисею законы, так и теперь, – чтобы удержать их от пороков персов. **Не тайно Я говорил, не в темном месте земли**. Пророк говорит об идолах и о темных предсказаниях их, а также о тех, которые находятся во мраке, т.е.: если их дела темны, то Мои не таковы, но Я говорю с великою свободою, которой никто не препятствует, нисколько не сомневаясь, чтобы кто-либо мог пренебречь Мною. Эти слова ясны, по сказанному: **что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях** (Мф.10:27), т.е., при свете, явно; а также: **всякий, делающий злое, ненавидит свет** (Ин.3:20); потом: **Я свет миру** (Ин.8:12); и в ином месте: **Я говорил явно миру; Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда Иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего** (Ин. 18:20). **Не говорил Я племени Иакова: "напрасно ищете Меня"**. Я не давал такого повеления, Я не приказывал этого на возвышенной горе, где они все присутствовали и слышали. Разве Я не давал вам обещания, когда с неба пришел голос и прозвучала труба? Таким образом, нет причины говорить, что – Я повелел это, так как Я теперь утверждаю то, что сказал прежде. **Я Господь, изрекающий правду, открывающий истину**, т.е.: Я возвещаю на твоем суде истину будущего. Богу принадлежит совершать с правдою настоящее и предсказывать с истиною будущее, чего не могли возвестить все идолы.

20-26. **Соберитесь и придите, приблизьтесь все, уцелевшие из народов**. Подобно тому, как тот, кто намерен освободить виновных из уз, прежде их увещевает и приводит им на память прежние преступления, чтобы для освобожденных избавление не послужило причиною к совершению новых пороков, – устрашает и угрожает, не наказание этим налагая, но напротив, заботясь о том, чтобы они не возвращались к прежним нравам, – так и Бог, имевший освободить их из плена, призывает и приглашает их пред Свое судилище. Ужели Я склонял вас, говорит, почитать идолов? **Соберитесь и придите, приблизьтесь все, уцелевшие из народов**: Я призываю всех вместе; если кто осмелится, то пусть явно обличит Меня; Я возвещаю пред всеми, чтобы вы, собравшись, взаимно утешали себя и думали, что вы освобождены от язык. **Невежды те, которые носят деревянного своего идола и молятся богу, который не спасает**. **Невежды**, – так как они пребывали все еще во мраке и были совершенно ослеплены. Он обличает их самым делом, потому что они по самой природе не могут двигаться. Почему такая смерть, почему такая тяжесть? Он высказывает два положения: они (идолы) изображения и подобия людей; Я не подобен им. Будучи деревом, они, имея подобие людей, пусть же помогут вам, если только они могут помогать. Потому пророк говорит с насмешкой: **молятся богу, который не спасает**. Хотя предсказание есть, по-видимому, малое дело, однако Богу свойственно не только предсказывать, но также и учить путям, которыми мы должны стремиться к тому, что предсказано. Я же не требую этого от них, но только того, чтобы они возвестили; Я или

лгу, или говорю истину. Придите сюда, чтобы научиться там, где их почитают; может быть, они возвестят что-либо, **приблизьтесь все, уцелевшие из народов**. Что означает это слово: **все**? Некоторые вместе с вами из язычников придут, чтобы познать Бога истинного.

Кто возвестил это из древних времен, наперед сказал это? Смотри предвидение: Я не только сказал, но также совершил услышанное всеми. **Наперед сказал это**. Таким образом, хотя они забывают, однако, они услышат вместе с вами. **Не Я ли, Господь? и нет иного Бога кроме Меня**: кроме Меня нет спасителя, и Я не напрасно требую царства, но потому, что нет иного праведника, кроме Меня; никто кроме Меня не может быть Богом и Спасителем, кто бы был и справедливым к мучимым, и вместе с тем дивным спасителем. Может случиться, что иной является праведным относительно виновных, но он не может быть спасителем. Для примера: иной царь может произносить справедливый приговор, но он, однако не может делать невредимым, и по справедливому решению подвергаются смерти весьма многие. У Меня же нет ничего подобного, но Я вместе справедлив и спаситель. Справедливое решение не препятствует Мне спасать; желание спасти виновных нисколько не вредит справедливому суду. Наказание же с правдою есть великое спасение для виновных, подобно тому, как в теле излечение какой-либо раны служит исцелением всего тела. Что дело обстоит таким образом, я тебе покажу это. Скажи: что составляет благо – наказывать по правде, или по неправде? Но я не говорю так, а утверждаю даже противное, потому что освобождающий праведного не щадит наказаний, но полагает конец грехам. Разве Павел не был богохульником, когда он говорит: **благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что так поступал по неведению, в неверии; благодать же Господа нашего (Иисуса Христа) открылась во мне обильно с верою и любовью во Христе Иисусе. Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый. Но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение** (1Тим.1:12-16). Итак, что же? Видишь ли, праведный Бог ограничивает Себя самого? Он более и более обличает себя, чтобы ни в чем не обличил его судия. Нигде, кажется, Бог не говорил и не обличал таким образом, но Он желает, чтобы грешник обличал сам себя. Никто не возвещает о грехах, если он прежде не обличит своей злобы. Освободил ли Он его, или нет? **Я пришел не судить мир, но спасти мир** (Ин.12:47). Не таков ли был разбойник? Однако Праведный и Спаситель освободил его. Кого же Он не спас? Праведных по законам, которые не пожелали этого. Он произносит одинаковое решение относительно праведных и грешных вместе, так как говорится: **все согрешили и лишены славы Божией** (Римл.3:23), каковыми словами показывается, что относительно праведности Божией даже и праведники суть грешники. Спасение же имеет место не только в этом мире, но гораздо более – после смерти, когда необходимо совершенное спасение. **Ко Мне обратитесь, и будете спасены, все концы земли, ибо я Бог, и нет иного**. Не думай, что Мое милосердие – только ради Иерусалима. Я для того призвал их, чтобы призвать также и вас, чтобы и вы ревновали им. Я желаю только того, чтобы вы обратились, чтобы начало обращения происходило от вас, а не от Меня, Я же буду много помогать вам, когда вы обратитесь ко Мне. Я не требую ничего иного, кроме покаяния. **Я Бог, и нет иного. Мною клянусь**: **из уст Моих исходит правда**. Разве не надлежало клясться, для того, чтобы слышащие эти слова уверовали? Что это было именно так, свидетельствует Павел: да имеют, говорит, великое **утешение призвания к вечной жизни** (ср. Евр.6:11-12). **Слово неизменное**. Он говорил часто, но не исполнял, вследствие недостоинства порочных людей; потому здесь Он прибавляет также клятву. **Предо Мною преклонится всякое колено**. Прилично было неверующих убеждать таким образом. Но что ты говоришь, благий Господи? Твои иудеи оставили Тебя, а Ты желаешь

собрать к Себе иных друзей? Иудеям принадлежала великая слава, когда Бог являл их победу, и вместе с тем велико было ничтожество неприятелей, так как они не могли не только превзойти рабов, но видели, что они отвергают самих господ. **Мною будет клясться всякий язык**. Павел говорит это о тех, которые пребывают в преисподней. Когда совершилось это, о, иудеи? Очевидно, это совершилось у нас. Когда Богу поклонилось всякое колено, если вы отступили от Бога и после возвращения из плена? Он говорит не: "станут", но: **предо Мною преклонится всякое колено**. Выше же он показал тоже самое: если Я совершил землю, то ясно, что Я – Бог вселенной. **Мною будет клясться всякий язык**. Это – знамение благочестия. И речет **только у Господа, будут говорить о Мне, правда и сила; к Нему придут и устыдятся все, враждовавшие против Него.** Каким образом поклонится всякое колено, когда есть некоторые отлучающиеся? Многие из отступивших от Господа посрамятся, и все прославятся Богом, но никто не будет прославляться у Бога мирскими вещами. **Господом будет оправдано и прославлено все племя Израилево**. Такова истинная слава, которая происходит от праведности, а не от чего-либо иного.

ГЛАВА 46

1-2. **Пал Вил, низвергся Нево; истуканы их – на скоте и вьючных животных**. Они падут так, что это будет невозвратным, так как они не имеют никакой силы и никакого чувства. Особенно они пали в то время, когда должен был освободиться народ. **Истуканы их** звери и гады (слов "звери" и "гады" в русском переводе нет): или они почитали зверей и гадов, или же делали изображения, подобные им. **Ваша ноша сделалась бременем для усталых животных**. Пророк осмеивает идолов: если они – боги, то каким образом их можно уносить, на подобие связанного бремени? Сила Божия никогда не нуждалась в подобной человеческой помощи. **Низверглись, пали вместе; не**

могли защитить носивших, и сами пошли в плен. Помысли о том, каким образом они могли когда-либо избавиться от войны.

3-4. **Послушайте меня, дом Иаковлев и весь остаток дома Израилева**. Так как многие подверглись погибели и расхищению, то и говорится: **принятые Мною от чрева, носимые Мною от утробы матерней**. Чтобы кто-либо не обвинял пророка, что он всегда говорит одно и то же, он указывает причину этого, т.е., упорство слушающих. Ни в какое время жизни, говорит он, вы не были расположены к научению. **И до старости вашей Я тот же буду, и до седины вашей Я же буду носить вас**. Ужели только до старости их? Нет, но также и потом, подобно тому, как если Он говорил, что Он был прежде Авраама, то это не значило, что Он был только до этого времени.

Я создал и буду носить, поддерживать и охранять вас. Потом пророк показывает, как признак милосердия Божия, то, о чем они особенно просили. "Ты Сам, Ты именно виновник этого, Ты мучишь нас без милосердия". Это противно сказанным Им словам: Я слышу вас; но вы Меня не слушаете. Хотя Я вечен, однако, вижу вас меняющими богов. Как же Я не щажу вас? Вы – тяжелое бремя и, будучи склонны к оскорблениям, давно уже погибли бы, если бы Я не заботился о вас. **Я создал**, Я услышу, т.е.: не вы совершили все это, но Я вновь дарую избавление и спасу вас. **Я создал и буду носить, поддерживать и охранять вас**: это – или обличение, или же возвещение.

5-13. **Кому уподобите Меня?** Идолам ли? Опять пророк осмеивает изваянные изделия, идольские изображения. **Высыпают золото из кошелька и весят серебро на весах, и нанимают серебряника, чтобы он сделал из него бога; кланяются ему и повергаются перед ним; поднимают его на плечи, несут его и ставят его на свое место; он стоит, с**

места своего не двигается; кричат к нему, – он не отвечает, не спасает от беды. Вспомните это и покажите себя мужами; примите это, отступники, к сердцу; вспомните прежде бывшее, от начала века. Как язва уродует лицо, так грехи – души. **Вспомните это и покажите себя мужами**: кто, уклонившись с прямого пути, откажется возвратиться на него? Хотя бы Я и не увещевал вас к тому, не надлежало ли вам искать прямого пути по иным побуждениям? **Примите это, отступники, к сердцу**. Видишь ли, Бог требует такого именно обращения? Помяните первая от века: таков образ покаяния, что кающийся часто думает о прежнем и сожалеет о нем; для того существуют книги и повеления. Я готов потребовать во всякое время от вас мщения. Он не говорит: в то или иное время, но во всякое время. Я показываю не только благодеяние, но и мщение, не только терпение, но и Свою любовь, и для Меня достаточно, чтобы вполне и не тщетно возбудить веру как в Мое благодеяние, так и в вечное наказание. **Я возвещаю от начала, что будет в конце, и от древних времен то, что еще не сделалось**. Видишь ли, предсказание принадлежит одному Богу и никому иному. **Еще не сделалось**. Когда? Не по порядку времени, но все вместе, так, как Он желал. Он прежде сказал о том, что имело быть спустя отдаленное время, и теперь называет это **будет в конце**. **Говорю: Мой совет состоится, и все, что Мне угодно, Я сделаю**. Это свойственно только Богу – делать то, чтобы Он ни сказал, так как ничто не может препятствовать Ему и противиться Ему. Человек же не может даже говорить, и не смеет ничего делать. **Я воззвал орла от востока, из дальней страны, исполнителя определения Моего**. Птицами пророк называет израильтян ради быстроты возвращения, подобно тому, как птицы быстро пролетают путь, по которому они отправились. **Я сказал, и приведу это в исполнение; предначертал, и сделаю**. Он опять показывает легкость, с которою Он совещал. **Я сказал, и приведу это в исполнение; предначертал, и сделаю**,– открывая этими словами, что Он сотворил из ничего, и, однако, не непрочным, но твердым. Такой смысл имеют слова: **и приведу это в исполнение**,– то, чего не было. Если ты спрашиваешь о легкости творения, то Он говорит: Я призвал, как бы это уже было; а если спрашиваешь о силе, то Он говорит: Я создал то, чего не существовало. **Послушайте Меня, жестокие сердцем**. Акила говорит: крепкие сердцем: Симмах: жестокие сердцем, – что говорит и Стефан в своей речи пред ними. **Далекие от правды**. Смотри, как велик вред, когда кто-либо отступает от праведности; следовать за правдою – это начало доброй жизни, а порочность делает людей бесчувственными и глупыми. Вы не только отступили, но и удалились от праведности. **Я приблизил правду Мою, она не далеко, и спасение Мое не замедлит**. Он называет правду милосердием, так как в милосердии находится правда, и в правде милосердие, почему и говорится: **Милость и суд воспою Тебе, Господи** (Пс.100:1), и опять: **кого помиловать – помилую** (Исх.33:19), – и все это не без причины. Видишь ли правду с милосердием и милосердие с правдою? Иногда Он подвергал их наказанию, но спустя какое время? Если ты обратишь внимание на то, что Он иногда наказывает то после продолжительного времени, то скоро, то ты всегда найдешь милосердие. Он наказал Каина, однако ничего не было милосерднее такого наказания: Он склонял его к тому, чтобы тот освободился от своей порочности. Хотя в короткое время Он истребил тех, которые умерли во время потопа, однако ничего не было легче этого, потому что таким образом Он искоренил их нечестие. **Я приблизил правду Мою, она не далеко, и спасение Мое не замедлит; и дам Сиону спасение, Израилю славу Мою**. Прочие, приходя из отдаленной страны, после освобождения из плена, подвергались презрению, как виновные, как блуждающие и странствующие. Я же, говорит, поступлю противоположным образом: **и дам Сиону спасение, Израилю славу Мою**. Таким образом, после возвращения, Он сделал их такими, что они не только не подвергались презрению, но даже достигли наибольшей славы.

ГЛАВА 47

1-5. **Сойди и сядь на прах**. А прочие говорят: на землю. **Девица, дочь Вавилона**. Смотри: пророк повелевает властно, чтобы научить нас великому. Это не пророчество, но повеление Божие. **Престола нет, дочь Халдеев, и вперед не будут называть тебя нежною и роскошною**. Смотри: изнеженные женщины стали жалкими и изгнанными из царства. **Возьми жернова и мели муку**: они перешли от царства к жерновам, в невыносимый и весьма тяжелый плен. **Сними покрывало твое**, открой седины (слов "открой седины" в русском переводе нет). Ужели ты не пожалеешь и старости? Ужели ты не почтишь даже и седых волос? **Подбери подол, открой голени, переходи через реки: откроется нагота твоя, и даже виден будет стыд твой. Совершу мщение и не пощажу никого**; а другие говорят: совершится мщение, – Я отомщу за тебя.

6-15. **Я прогневался на народ Мой, уничижил наследие Мое и предал их в руки твои; а ты не оказала им милосердия, на старца налагала крайне тяжкое иго твое. И ты говорила: "вечно буду госпожею**". Видишь ли причину наказаний? Своею ли силою ты победила их? **Предал их в руки твои**, а ты не пощадила, не пожалела даже старцев, – ты сказала, что будешь владычествовать над ними во веки веков. Видишь ли, что даже и тех, которых предает нам Бог, должно наказывать с милостью? **А не представляла того в уме твоем, не помышляла, что будет после**. Нет ничего хуже человека, который забывает о своей природе. **Но ныне выслушай это, изнеженная, живущая беспечно, говорящая в сердце своем: "я, – и другой подобной мне нет**. Это пророк говорит, чтобы показать тебе, что человеческие перемены происходят не по мысли людей, так как, спустя немного дней, ты будешь схвачена, и внезапно будут воевать против тебя те, на которых ты надеялась. **Но внезапно, в один день, придет к тебе то и другое, потеря детей и вдовство**. Смотри: пророк показывает, что внезапно от Бога произойдет тот гнев и с неба наказание. **В полной мере придут они на тебя, несмотря на множество чародейств твоих и на великую силу волшебств твоих**. Увы, велика же сила их! Они не только не могут познать предсказанного, но даже не могут противостоять познанным предсказаниям иных, и ничего не могут предпринять. Бороться против предсказанного есть не что иное, как сильно надеяться на свою доблесть и презирать слабость борющихся. О людях ли только я говорю это? Никак; но если подвигнутся и преисподние силы, то и они не смогут причинить никакого вреда.

Я, и никто кроме меня. Смотри: хотя бы то, что есть (само по себе) человеческое, было уготовано и хорошо расположено, тем не менее, если не приходит счастье с неба, то таковое приготовление не приносит никакой пользы, а делается даже бесчестием и срамом для приготовляющих. Поистине это служит признаком стыда, так как они надеются на тех, от которых не найдут никакой помощи. Так как, говорит, ты пребываешь гордою в своем уме, то **придет на тебя бедствие: ты не узнаешь, откуда оно поднимется; и нападет на тебя беда, которой ты не в силах будешь отвратить, и внезапно придет**

на тебя пагуба, о которой ты и не думаешь. Видишь ли, Он всегда показывает неожиданное? Удивительно же то, что Он гораздо раньше предсказывает и не совершает в действительности предсказания, так что люди думают, что Он не может совершить своих угроз; но потом Он исполняет предсказанное неожиданно и внезапно. Им всегда следовало ожидать. Но хотя Он и удерживал гнев, однако это не принесло никакой пользы. Пощадивший ниневитян мог пощадить и их. **Оставайся же с твоими волшебствами и со множеством чародейств твоих, которыми ты занималась от юности твоей**. Ассириянин порицал иудеев, говоря: где есть Бог ваш, Который может помочь вам? Но он говорил так напрасно: Бог даровал им помощь и отомстил за них.

Ты утомлена множеством советов твоих; пусть же выступят наблюдатели небес и звездочеты и предвещатели по новолуниям, и спасут тебя от того, что должно

приключиться тебе. Акила говорит: осветители неба; а иные говорят: наблюдатели небес, которые смотрят на небесные звезды. Чтобы кто-либо не сказал, что астрологи могут предсказывать будущее, пророк говорит: они не возвестили тебе ничего иного, кроме тоски, которой подвержены они сами, постоянно наблюдая звезды и будучи бессильны знать что-либо. **Вот они, как солома: огонь сожег их, – не избавили души своей от пламени**. Они не только будут бесполезны тебе, но даже и сами погибнут. **Такими стали для тебя те, с которыми ты трудилась, с которыми вела торговлю от юности твоей. Каждый побрел в свою сторону; никто не спасает тебя**. Каждый, говорит, будет наказан по грехам своим. Каким же образом ты сможешь освободиться от этого?

ГЛАВА 48

Ст. 1-5. **Слушайте это, дом Иакова, называющиеся именем Израиля и происшедшие от источника Иудина**. А другие говорят: от воды Иуды. Видишь ли, Он презирает происхождение, если оно не соединяется с добродетелью, но более влачится по земле, – употребляя здесь прекрасные выражения. **Дом Иакова, называющиеся именем Израиля и происшедшие от источника Иудина, клянущиеся именем Господа и исповедающие Бога Израилева, хотя не по истине и не по правде. Ибо они называют себя происходящими от святого города и опираются на Бога Израилева**. Он приводит на ум прежние события, – или те, которые совершились в Египте, когда Он говорил: и смирят я лет четыриста и тридесят[1] (ср. Быт.15:13), – или те, которые совершились в Вавилоне, потому что они подвергались мучению в течение 70 лет. **Прежнее Я задолго объявлял; из Моих уст выходило оно, и Я возвещал это и внезапно делал, и все сбывалось**: пришло или в то время, когда они были как бы виновными, или когда не ожидали. **Я знал, что ты упорен, и что в шее твоей жилы железные, и лоб твой – медный**. Он утверждает это затем, чтобы кто-либо не сказал, что пророчества, постоянно угрожающие будущими наказаниями, нисколько не приносили пользы, и что они сами от угроз не получили никакой пользы, и не стали лучшими. **Поэтому и объявлял тебе задолго, прежде нежели это приходило, и предъявлял тебе, чтобы ты не сказал: "идол мой сделал это, и истукан мой и изваянный мой повелел этому быть**. Потому и Агав пророчествовал, что будет великий голод (Деян.11:28), чтобы в то время, когда почитание демонов едва прекратило свое существование, они не верили, что такой голод произойдет вследствие их гнева. Потому Бог предсказал о нем чрез Своего пророка, а не чрез чужого. Знаю, говорит, что ты жесток, и предсказал потому, что ты не получаешь никакой пользы от пророчеств.

6-8. **Ты слышал, – посмотри на все это! и неужели вы не признаете этого? –** т.е.: вы пренебрегли этим. **А ныне Я возвещаю тебе новое**, т.е.: что должно совершиться во время возвращения из плена. **Оно произошло ныне, а не задолго и не за день, и ты не слыхал о том**, т.е.: вы не веровали и не заботились. **Ты и не слыхал и не знал об этом, и ухо твое не было прежде открыто**, т.е.: Я терпел для того, чтобы ты разумел, почему Я не тотчас подверг наказаниям, как сказал о них. Конечно, Я предсказал на словах, но в действительности ничего (такого) еще не совершил. Так обыкновенно говорил многое и Христос, но Он раскрывал не все притчи.

Приводится также и самая причина слепоты их. **Ибо Я знал, что ты поступишь вероломно, и от самого чрева матернего ты прозван отступником.** По этой причине Я не говорил тебе ничего относительно того обещания, но дозволил, чтобы ты блуждал туда и сюда. Каким образом кто-либо может быть беззаконником от чрева? В этих словах обозначается множество пороков, – так как никому невозможно быть беззаконником от чрева. Подобно этому говорится и в ином месте: **удалились от Бога грешники с самого**

рождения, заблудились от чрева матери, говорили ложь (Пс.57:4). Разумей: когда они от младенческого возраста перешли в юношеский, то они совершенно оставили Бога. Иные же говорят: ты называешься беззаконником от чрева матери. Это совершилось в то время, когда они вышли из Египта, потому что они чрез Моисея вышли из египетских мучений ко спасению, как бы из чрева.

9-15. **Ради имени Моего отлагал гнев Мой, и ради славы Моей удерживал Себя от истребления тебя**. **Вот, Я расплавил тебя, но не как серебро; испытал тебя в горниле страдания.** Видишь ли, Он считает **страдание** помощью? Но, говорит, они не были достойны даже этого: хотя бы (во время плена) они пребывали в добродетелях, но эта помощь им оказывается только ради Моего имени. Чтобы обозначить легкость наказания, Он не говорит: наказал, а только: **испытал**. Но скажи: какая же отсюда последует польза? **Ради славы Моей удерживал Себя от истребления тебя**, говорит.

Ради Себя, ради Себя Самого делаю это, чтобы они пришли к покаянию не только от наказаний, но и от чудес, ради чего Я не посылаю ни бедствий, ни благ без чудес. А если угодно, то я опять покажу тебе, что в каждом бедствии и благе заключаются чудеса, так что дары благодати обнаруживаются из того и другого.

Вот, Я расплавил тебя, но не как серебро; испытал тебя в горниле страдания. Ради Себя, ради Себя Самого делаю это, – ибо какое было бы нарекание на имя Мое! славы Моей не дам иному. Здесь Он называет Своею славою народ. **Послушай Меня, Иаков и Израиль, призванный Мой: Я тот же, Я первый и Я последний**. Что значат эти слова: **Моя рука основала землю, и Моя десница распростерла небеса?** Здесь Он говорит не о творении, но о расположении.

Призову, говорит, неодушевленное и бесчувственное, **и они предстанут вместе**. **Соберитесь все и слушайте**. **Кто между ними предсказал это? Господь возлюбил его, и он исполнит волю Его над Вавилоном**, т.е.: любящий тебя исполнил свою волю относительно их. **И явит мышцу Его над Халдеями**. Что ты говоришь? Что Он будет мучить тех ради того, что любить этих? Никак, но подобно тому, как тот, кто любит какого-либо человека, считает прекрасным говорить своему другу: "я сделал то и это ради тебя", – так и Бог, любящий Свой народ, мучил тех (вавилонян), и кроме того, ради Своей любви, освобождал из рабства. То, что Он подвергал халдеев казням не ради только их, ясно из следующего: **Я, Я сказал, и призвал его; Я привел его, и путь его будет благоуспешен**: говорится о Кире, о котором Он предсказал и исполнил предсказанное. Мы часто указывали также на причины этой вещи, которые находим и в евангелии, когда читаем: **прежде нежели то сбылось, дабы, когда сбудется,**

вы поверили, что это Я (Ин.13:19).

16-19. **Приступите ко Мне, слушайте это: Я и сначала говорил не тайно**. Если Я теперь говорю свободно, то Я и тогда говорил также не в сокровенном месте. **С того времени, как это происходит, Я был там; и ныне послал Меня Господь Бог и Дух Его.** Видишь ли, что и Дух посылающий также есть Бог?

Так говорит Господь, Искупитель твой, Святый Израилев: Я Господь, Бог твой, научающий тебя полезному, ведущий тебя по тому пути, по которому должно тебе идти к полезному. Другие говорят: научил тебя. Часто говорится в писании: **Я Господь, Бог твой** (Исх.20:2), чтобы они сознавали величайшую помощь Его. Цари склонны делать полезное не из любви к добродетели, но ради своего удобства, и если когда упражняются

в добродетелях, то это также служат к их пользе. Бог же убеждает Своих слуг, чтобы пребывали в добродетелях, убеждает дело рук Своих, чтобы благочестиво жили.

О, если бы ты внимал заповедям Моим, – говорит. Ясно, что Он все, что ни делал, совершил для нашей пользы. **Тогда мир твой был бы как река, и правда твоя – как волны морские**, текущие и обильные: мир непрестанный и ненарушимый. Нет ничего полезнее повеления Божия: оно есть вместе источник жизни, мира и всех благ.

И семя твое было бы как песок; и этого благодеяния достигали исполнители повелений. **И происходящие из чресл твоих – как песчинки**. А другие говорят: как тысячи земли. Но **не изгладилось бы, не истребилось бы имя его предо Мною**, т.е.: и теперь также, хотя ты и не слыхал о Мне. О, благоволение Божие! Хотя ты и не слыхал обо Мне, однако Я и теперь, говорит, не буду подвергать тебя никаким наказаниям предо Мною. Хотя бы вы были отвержены духом человеческим, однако, вы будете жить предо Мною, и можете вновь слышать повеления Мои.

20-21. **Выходите из Вавилона, бегите от Халдеев**. Почему же Он повелевает обратиться в бегство? Этим Он указывает на их леность. Некоторые из иудеев, охваченные любовью к врагам своей страны, желали там остаться; Он предотвращает их от такого чувственного и бездеятельного настроения, говоря: **выходите из Вавилона, бегите от Халдеев**, – из земли твоих врагов, так как на эту страну придут весьма многочисленные и великие бедствия, так что вам, желающим пользоваться жизнью, всегда нужно бежать. Подобно тому, как некогда случилось в Египте, что удерживавшие евреев потом побуждали их выходить, и выгоняли их силою, так, говорит, и теперь произойдут такие бедствия, что как вы, так и прочие вместе обратитесь в бегство.

Со гласом радости возвещайте и проповедуйте это, распространяйте эту весть до пределов земли, т.е.: проповедайте о совершившихся событиях везде во вселенной. Он желает показать или то, что Он исхитил их от рук врагов Своею силою, или же то, что он восстановил их невредимыми, почему и говорит далее: **говорите: "Господь искупил раба Своего Иакова"**, и не потерпел, чтобы они жаждали **в пустынях, чрез которые Он ведет их: Он источает им воду из камня; рассекает скалу, и льются воды**. В этих словах указывается на легкость освобождения, так что, если бы кто сомневался, что Он не может совершить освобождения из Вавилона, то такой пусть поверит этому в виду совершившегося во время странствования по пустыне. Свободная воля людей гораздо более упряма, чем природа остальных тварей: эти совершенно лишены души или чувства, напротив – те, будучи одарены разумом, если желают, то слушаются, если же не желают, то остаются упорными.

Нечестивым же нет мира, говорит Господь. Каким образом нечестивые не охватываются радостью, когда пророки говорят: **нет позора в смерти их и продолжительности в страдании их.**

В трудах людей не участвуют и (наравне) с людьми не терпят наказа (Пс.72:4-5); а потом: **и цитра и гусли, тимпан и свирель и вино на пиршествах их,** младенцы пред ними (Ис.5:12), – что служит признаком великой радости; а также: **путь нечестивых благоуспешен** (Иер.12:1). Почему же здесь говорится: **нечестивым же нет мира**? А иные говорят: нет мира нечестивым, потому что они, может быть, иногда находят радость; но еврейский псалом говорит: Amar Adonai Karsaim[2], т.е., нет мира нечестивым. Ясно, что они не имеют истинной, неиссякаемой, нескончаемой радости. Подобно тому, как бесконечен Бог, так и радость, которая исходит от Бога, бесконечна; она всегда течет, всегда цветет и никогда не иссякает; нечестивые же лишены такой радости. Пророк не

сказал: они не подвержены радости, но: **нет мира**, – как если бы кто-либо сказал какому-либо бедняку, что он не богач и что это не возможно. Люди, которые ежедневно ведут неправую жизнь, а также участники их преступлений, всегда живут в великом страхе и смятении и пребывают в постоянной смерти. Ничто не препятствует назвать это смертью, здесь есть нечто более тяжелое даже самой смерти. Смерть есть освобождение от бед, от зол, которые содержат нас связанными, и разрешение души от уз тела. Когда происходит такое разрешение, то вместе с ним прекращаются и все заботы. Неправая жизнь бывает причиною многих преступлений, так как она производит пороки и часто весьма сильно воспламеняет их. Каждый как бы связывается своею веревкою, и вследствие неправой жизни происходит опутывание. Конечно, бывают и иные обстоятельства, которые делают жизнь печальной и даже без вины, как труд для обеспечения себе средств жизни, смертельные болезни, потери, порицания, обвинения, коварство, встречающиеся весьма часто горести и многое подобное. Но когда присутствует грех, этот неукротимый зверь, то вновь не является никакого утешения. Смотри на блуждающего и беглого Каина, проводящего неспокойную жизнь.

Не должно ли (здесь) сказать о тех безумцах и отчаянных, которые, хотя суть люди, лишены смысла более, чем камень? Хотя они одарены умом, однако не пользуются им, так что постоянно стремглав падают в бездну зол, и хотя погружены в нечистоте пороков, думают оставаться здесь. Об них пророк говорит: **нечестивым же нет мира**. Действительно, – **нет**: они проводят жизнь в скорби и сомнении, одиноко ли, или, видя вместе с собою других, находящихся в наказаниях, предусматривая из их наказаний свои бедствия, подобно тому, как почитающие добродетель, если услышат что-либо нравственно прекрасное, охватываются радостью. (Нечестивые) не могут слышать писаний, потому что не желают слышать о своих наказаниях. Писания, хотя не мучат злых прямо, однако всем им угрожают. Слыша таковые угрозы, нечестивые постоянно изнывают. Писания никому не угрожают отдельно, но всем нечестивым вместе. Подобно этому и Павел говорил: **старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа** (Евр.12:14). Злой человек, слыша их, воспринимает как бы рану в жилы, и отходит. Выслушивая определение, он уязвляется в сердце. И это происходит прежде, чем он увидит Судию и придет время суда, когда еще нет на лицо ни мучений, ни наказаний. Совесть, показывающая то, что следовало делать, мстит за беззаконие, тем более, когда он слышит: **или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют** (1Кор.6:9-10); а также: **страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников** (Евр.10:27).

Если он получает это от Писаний, то откуда больше он может получить какое-либо утешение и облегчение? Если от них является скорбь и печаль, то каким образом нечестивый может быть объят радостью; куда может убежать, или в чем найти утешение, если от них (Писаний) он получает печаль и уязвление? Хотя бы он пришел в гавань всех благ, он не получит никакой радости, но найдет там скорбь и удары. Если писания не доставляют ему утешения, то что иное может принести облегчение?

Ты, может быть, желаешь, чтобы мы повели его на публичное зрелище, где место радости и смеха? Древние думали, что это путь не к нравственно-славному, но к забвению добродетели и развращению нравов; ныне же говорят: нет, а мы таким образом облегчаем нашу ежедневную печаль, которая давит дух. Пусть будет так. Итак, приходит он на публичное зрелище, слышит певцов, видит действующих лиц. Когда он там видит изнасилователя чужой жены потерпевшим, то он возвращается домой уязвленным. Хотя никто из зрителей не знает о соделанном им преступлении, тем не менее, совесть его

угнетает дух и говорит ему, что смех народа из-за жены ближнего касается не того, кто играл эту роль, но его самого, который совершил такую вину.

Если ты желаешь, то мы поведем его туда, где есть радость, где люди предаются игре и где происходит свадьба или движения плясунов. Но и здесь он сильно скорбит и стонет, вследствие совершенных беззаконий. То, что все делают с полною свободою и с совершенной радостью, он сделал несправедливо и вышел виновным. Мы тогда более понимаем наше заблуждение, когда видим добрые дела других. Когда кто-либо обличается в том, что он поступил незаконно, тогда как мог поступить прилично и честно, то разве он не застонет и не заскорбит (в этом случае) более горько? Куда же ты желаешь вести этого прелюбодея? Может быть к судилищу судей, где очень много собирается подобных ему? Здесь же он увидит великие преступления и великую печаль. Когда он увидит там одного преданным мучениям, себя же самого, виновного в той же вине, остающимся безвредным, то скорби его будут умножаться более и более. Вот, тот уже отложил попечение, и уже предан мучителям, а он сам, по причине страха и сомнения, день ото дня все более слабеет. Что же дальше должно делать, когда мы уже водили этого неправого человека в церковь, на зрелище, на свадьбу, на веселье, и он в этом не нашел никакого утешения? Если мы кого-либо пораженного тяжкою болезнью и страдающего водянкою приведем к источнику вод, к реке, или пруду, то он тогда испытывает больший жар в животе, так как он содержит болезнь в животе. Если мы будем присутствовать при смерти того человека (нечестивого), то увидим печаль и несказанные бедствия. Вышедши с брачного пира (жизни), он предастся мучителям и понесет наказание. Не там ли величайшее бедствие, несказанный страх и наказание?

Нечестивым же нет мира, говорит Господь. Когда Бог говорит это, то ты тем более не сомневайся. Он определил: не будет радости, – и ты не исследуй более. Когда ты видишь кого-либо страдающим лихорадкой, а также – кубки и чаши со многими напитками, или полные прохлаждающей воды, стол, всячески уготованный, на который положены изысканная пища и тонкие яства, то ты подумаешь, что больной – один из здоровых; на самом же деле он изнывает от болезни. Я вменяю ни во что блага того, кто, хотя съедает пищу, однако через это еще больше подвергается страданию, так как доставляет пищу для лихорадочного жара. Подобно этому, когда ты видишь какого-либо нечестивца, превозносимого паразитами до небес, прославляемого теми, которые его окружают и говорят о нем только льстивые слова, которые пользуются роскошным столом, обоняют различные благовония и украшаются различными одеждами, – то ты остерегись называть его счастливым, но плачь, вздыхай и стони: это не что иное, как пища для огня, который воспламенен грехами и потому более увеличивает страдание. Это ежедневное бремя и стеснение духа. Богатства питают только огонь. Подобно тому, как чрезмерная пища повреждает тела не только больных, но также и здоровых, так и чрезмерные богатства не только вредят душам злых людей, но также и для тех, которые считают себя добрыми, служат причиною скорби и умножают печали. У них тогда именно и бывает меньшая радость, когда они услаждаются своими преступлениями, потому что печаль есть врачество и облегчение такого рода скорби, особенно, если это печаль по Боге. Веселие же и радость суть умножения скорби. Остерегайся думать о радости, которая есть причина слез. Те, которые среди таких слез охватываются радостью, никогда не будут иметь здравия души. Вот, посмотри, какой огонь они собирают в себе, и какая сила заключалась в весьма малом выражении пророка. Если позволишь, то мы исследуем вновь. Когда ты видишь князей мирских благолепными, величественными, веселящимися в старости от своего пресыщения, радостными ради сынов и потомков, торжествующими, ликующими без печали и заботы, счастливыми и блаженнейшими во всех делах, – то ты думай, что они более достойны плача и слез, потому что воспламеняют свои души огнем греховным. Грехи умножаются вследствие обилия благ и исчезают вследствие скорби и бед. Если с

каким-либо нечестивым случится, что он пользуется приятной и легкой жизнью, то таковая легкость становится умножением скорби. И на самом деле, мы знаем многих, которые более лишены разумения, чем грубые животные: они говорят, что стремятся к такой жизни, что они желают проводить такую именно жизнь, ее только могут выносить. Но это и есть самое худшее: они не подвергаются никакой скорби.

---

[1] В Быт.15:13, в словах Бога Аврааму относительно имеющего произойти от него потомства, время пребывания евреев в Египте определяется, как в еврейско-масоретском т., так и в переводах, в четыреста лет. Но в Исход 12,40-41, а также в Галат.3:17, оно определяется в четыреста тридцать лет. Св. И. Златоуст берет последнюю дату, и применяет ее к Быт.15:13.

[2] Этих слов в еврейско-масоретском тексте Псалтири не находится. Подобные им по смыслу читаются в Псалме 49:16: грешнику же сказал Бог: зачем ты проповедуешь уставы Мои и содержишь завет Мой устами твоими? Но замечательно, что в изъясняемом здесь месте пророчества Исаии читаются слова, подобные тем, которые названы словами из еврейского псалма, а именно: Adoaj lareschajim.

ГЛАВА 49

1. **Слушайте Меня, острова, и внимайте, народы дальние**. Акила говорит: племена; Феодотион: народы. Временем многим стояти будет, глаголет Господь (в русском переводе этих слов нет). Акила и Феодотион говорят: издалека. Он всегда называет, начиная с островов. Пророк приглашает языки, призывая тех, которые пользуются смыслом, вместо бессмысленных, чтобы они уразумели совершившиеся события и величие Божие.

Временем многим стояти будет, глаголет Господь. Он призывает море и землю во свидетельство будущего. То, что должно было исполниться во время возвращения образно, пророк показывает, что это исполняется теперь самим делом.

Господь призвал Меня от чрева, от утробы матери Моей называл имя Мое. Другие говорят не: **называл**, но: вспомянул. По переводу 70-ти: от чрева матери Моея наречет имя Мое, – и эти слова должны быть истолкованы сообразно следующему: **Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим** (Лк.1:35). Не после этого только времени назовется Святым Тот, Кто был святым от начала по своей природе и есть Освятитель всех, но Он объявится Святым после этого времени. А также: **се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог**, т.е., Искупитель (Мф.1:23). Он был Искупителем с начала и от века, но назовется Искупителем потому, что объявится имеющим совершить искупление. Подобно тому, как и прежде было сказано, что ни ангел, и никакой дух, но Сам Господь сошел с небес и освободил их (ср. Ис.63:9). Так нужно объяснить выражение: Святый. Хорошо сказано: **от чрева, от утробы матери Моей**; именно, Он объявился Святым, Искупителем с того времени.

2-4. **И соделал уста Мои как острый меч**, которым Он отсекал все скорби и болезни, которым удалял то, что служило для Него препятствием, которым Он говорил, будучи страшен диаволам и духам. **Тенью руки Своей покрывал Меня**. Это должно понимать относительно Израиля. Как Он употребляет имя Иакова и Израиля, когда ведет речь о

Сыне, так точно, когда говорит о Сыне, всегда присоединяет что-либо относительно спасения народа. Смысл пророчества двоякий, именно, оно обозначает пророка и народ, – **острый меч** есть или уста пророка, или уста народа, потому что они своими молитвами, как бы острым мечом, могли совершать все. Действительно, как нет ничего лучше уст человеческих, так нет ничего слабее этих уст; они заключали небо и совершали величайшие чудеса, как в ветхом, так и в новом завете. Пророки только говорили, и все творения слушали. Апостолы только словами обращали демонов в бегство. Уста же освобождали грешников и совершали праведность праведника.

2-4. **Под кровом руки Своея скры Мя**: это – безопасность; **и соделал Меня стрелою изостренною**: это – укрепление, против которого никто не в силах бороться; **в колчане Своем хранил Меня**: тот же смысл; **и сказал Мне: Ты раб Мой, Израиль, в Тебе Я прославлюсь**. Не малая слава, когда Бог прославляется в чело-веке. **А Я сказал: напрасно Я трудился, ни на что и вотще истощал силу Свою**; а другие говорят: исполнится, будет издержана и вместе будет истрачена. Видишь ли, какими словами Израиль приносит свои приношения Богу? Нет ничего иного лучше этих слов. Так как он сознавал, что Бог радуется такого рода словам, то сказал: **но Мое право у Господа, и награда Моя у Бога Моего**; другие же говорят: суд и правда, т.е.: Господь отомстил за меня. И труд мой пред Богом моим (этих слов в русском переводе нет): я, говорит,

ради Него действую, ради Него тружусь.

5-6. **И ныне говорит Господь, образовавший Меня от чрева в раба Себе**; не иной смысл (этих слов), как если бы кто сказал: я есмь Его. **Чтобы обратить к Нему Иакова**. Симмах говорит: возвратиться. **И чтобы Израиль собрался к Нему; Я почтен в очах Господа**. Нам нужно приходить к Господу не в известное место, но лучше с нравами и правилами; никаким другим образом не возможно достигнуть Его, как только праведным порядком. **Почтен в очах Господа**: велика добродетель, когда кто-либо прославляется пред Господом. Когда какой-либо воин оказывается пред царем готовым к послушанию, а во время войны храбрым, то таковой является славнейшим прочих. Так и сильные Божии пред Богом.

И Бог Мой – сила Моя. Акила говорит: твердость Чтобы никто не приписывал добродетели себе самому, пророк говорит: **и Бог Мой – сила Моя. И Он сказал: мало того, что Ты будешь рабом Моим.** Почему так говорится? Кому неизвестно, что нет ничего подобного этому? **Моисей**, говорится, **раб Мой, умер** (Иис. Нав.1:2). Но если великое дело – называться рабом, то какого наказания достойны мы, которые, хотя называемся сынами, тем не менее остаемся неблагодарными относительно Его? Если бы мы назывались даже архангелами, то такое название однако было бы не славнее и не больше того, потому что невозможно словами выразить этого рода чести: подобно тому, как неизречен и неисповедим Бог, так и служение Его.

И Он сказал: мало того, что Ты будешь рабом Моим для восстановления колен Иаковлевых и для возвращения остатков Израиля, но Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Мое простерлось до концов земли. Апостолы понимали, что это исполнилось во Христе; во Израиле это не совершилось на самом деле, так как спасение во Израиле не простиралось до края земли. Хотя это говорилось относительно их, однако исполнилось в последнее время, – Христос был заветом народа и светом языков, пребывавших во мраке.

7. **Так говорит Господь, Искупитель Израиля, Святый Его, презираемому всеми, поносимому народом, рабу властелинов**. Акила не говорит: освятите, и последующих

слов, но, вместе со многими переводчиками, пишет: так говорит Господь, ближний Израиля, Святый его, тому, презирающему себя самого, и презренному племенами, рабу князей. Симмах говорит: так говорит Господь, Искупитель Израиля, Святый его, презренному от себя, поруганному от язык, рабу князей; Феодотион говорит то же, что Акила, изменяя только одно слово, именно, Акила говорит: "презренному", а тот говорит: "отверженному, который порицает себя". Обрати внимание на перемену: пророк приводит на память прежнее уничижение и истощание, так чтобы пользующиеся божественными благодеяниями не забывали их, потому что дары благодеяния делают нас настолько беспамятными, что мы не вспоминаем ни о притеснителе, ни об освободителе нашем. Вместе с тем он открывает и могущество Бога, Который презренного, поруганного, не имеющего почести и величия, сделал таким, что он сказал: **цари увидят, и встанут; князья поклонятся ради Господа**. Видишь ли чудо нового завета, изображенное в ветхом? Ведь, как халдеи Израиля, так и диаволы держали в своей власти всю человеческую природу, вводя людей в заблуждение. Смотри также, почему **поклонятся**? – **ради Господа,** говорит. Акила и Сим-мах говорят: за Господа, – чтобы они не приписывали праведности себе самим, но Господу, Который показывает достоверным и истинным, что некогда обещал; почему и говорит: **Который верен, ради Святаго Израилева, Который избрал Тебя**.

8. **Так говорит Господь: во время благоприятное Я услышал Тебя**. Акила и Симмах говорят: во время благоугодное, подобно тому, как и Давид сказал: **время оказать благоволение, Боже** (Пс.68:14). **И в день спасения помог Тебе**. Что ты говоришь? А если время не удобно, разве Он не поможет? Совсем не то, но он приводить, во 1-х, причину отсрочивания, почему Он медлил, подобно тому, как врач, намеревающийся помочь больному, медлит и выжидает удобного времени. Врач нуждается во времени, но, конечно, не Бог, так как Тот, Который прежде дал то, что дал, может потом изменить; но поступает так для того, чтобы была двойная помощь: чтобы, с одной стороны, помочь, и с другой стороны, оказать помощь в благоприятное время; если бы Он помог прежде времени, то не было бы никакой пользы; но Он помог тогда, когда надлежало помочь, чтобы показать, что и оставление есть также дело Его промышления. Потому это время и называется благоприятным, как говорит и Павел: **теперь время благоприятное** (2Кор.6:2). Бывает удобное время, которое, если мы пропустим, уже более не будет для нас временем полезным для добродетели, – подобно тому, как девы, которые пропустили время исполнить необходимое дело (Мф.25:8-11), и богач, который презирал Лазаря (Лк.16:24-25), когда после того просили благоприятного времени, то не нашли. Благоприятное время – тогда, когда мы вращаемся еще в этом мире; когда же мы отсюда отправимся, то мы не можем более получить пользы и собрать плода покаяния, подобно тому, как борец, который дал связать себя по рукам в то время, когда присутствовали зрители, после удаления зрителей уже не может изменить своего поражения на победу, так как только тогда, когда сидят зрители, и присутствует руководитель, можно связать и быть связанным; когда же исполнится определенное время, тогда игра бывает брошена, и все попытки являются напрасными. **И в день спасения помог Тебе; и Я буду охранять Тебя, и сделаю Тебя заветом народа**. Акила и Симмах говорят: сохранил тебя. **Чтобы восстановить землю, чтобы возвратить наследникам наследия опустошенные**. Акила

и Симмах говорят: дать во владение рассеянныя наследия. Это можно понимать и относительно Христа после воплощения, Который, как человек, говорил: **Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?** (Мф.27:46).

Во время благоприятное Я услышал Тебя, и в день спасения помог Тебе; и Я буду охранять Тебя, и сделаю Тебя заветом народа. Видишь ли: пришествие Христа к языкам, для того, чтобы утвердилась земля, всегда возвещаемо было пророками? До Его

пришествия земля была исполнена великого смятения. Она не была так безобразна и так неудобна, как тогда, когда ил и многие воды ее покрывали. Но она была безобразна потому, что множество преступлений, беззакония и возмущения привели в замешательство и погубили выработанный порядок. Постоянно были ежедневным войны и сражения, смятение, пролитие братской крови, стоны и крики, плачь, вздохи и вопли. Таким образом земля не была устроена твердо. Потому пришел Бог, обновил ее и даровал ей, как смятенному и возмущенному городу, мир. Удивительно то, что Он не изгнал неверных и не поместил на место их других, но их же обратил в верующих. Начальники, видя рабов удаляющимися от своих господ, преследуют их и призывают к себе. Бог же желал показать Свое милосердие, возвращая их от неразумия к добродетели. Между теми, которые не были годными и казались лишенными всякой надежды, от которых ничего нельзя было ожидать доброго, Он избрал Своих учителей, как Павла, который был богохульником, возмутителем и гонителем (1Тим.1:13), который говорил: **для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной** (1Тим.1:16); как мытаря Матфея, волхвов и преступного и нечистого вора, который нашел путь ко Христу даже на кресте. Так как не приносило никакой пользы ни учение, ни страх геенны, ни угроза огнем, ни муки, то потому Он весьма часто говорил: **Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию** (Мк.2:17); **Я пришел не судить мир, но спасти мир** (Ин.12:47). Почему вы ищете бегства, почему вы бежите? Разве Я пришел для совершения наказаний, разве сурова проповедь Моя, разве обременителен вам приход Мой? Кто убегает от врача? Разве горько лекарство? Я говорил не только: плачьте, вопите, вздыхайте; но: **придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас** (Мф.11:28). Почему же вы медлите придти ко Мне? Когда Он увидел их нежелающими придти, то Сам обходил города и веси, проповедуя и говоря: **покайтесь** (Мк.1:15). Они же думали о ссоре, о зависти и о беззакониях. Кто завидует своему благодетелю? Посмотрим теперь, искоренял ли Он корень болезней такого рода. Но разве Он не сделал прокаженного здоровым и не послал его к священнику, – исследователю выздоровления (Мк.1:44). Не пришел ли Я, по Моисееву закону, чтобы собрать, а не расточить вас? Противился ли Я священникам и желал ли правления над вами? Не приносил ли Я жертвы сообразно закону? Не сохранил ли Я послушания, – Я, Который сам – Владыка и Законодатель? В чем Я сделал вас смешными и скрытными? Старался ли Я когда-либо обмануть вас вашею славою, или же скорее утвердил ее? Не повелевал ли Я тем среди вас, которые впали в заблуждение, следующего: **всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте** (Мф.23:3)? Если бы они поступали по делам их, то они не повиновались бы словам их. Ужели Я отдалял от Бога? Не принес ли Я всего Богу? Не сказал ли освобожденному от легиона демонов: прослави Бога (ср. Лк.8:39); а другому: **пойди, покажись священнику и принеси за очищение твое** (Мк.1:44)?

Возвратить наследникам наследия опустошенные: это относится к тем, которые имеют твердое наследство и будут управлять им, по написанному: **и господствуй среди врагов Твоих** (Пс.109:2). Иначе пророк называет пустынею человеческую природу: пустынею было то, что не приносило никакого плода, – не древесного, земного, но – плода душевного. Но приидет Господь и сделает их плодоносными.

Сказать узникам: "выходите", и тем, которые во тьме: "покажитесь". Видишь ли, он возвещает форму утверждения, которая относится не к человеческой, но к Божеской, бессмертной, блаженной и дивной природе, которая не трудом или стараниями, но только словом могла освободить заключенных в греховных узах и открыть сидящих во мраке заблуждения. Он говорил: **чадо! прощаются тебе грехи твои** (Мк.2:5); а Лазарю: **гряди вон** (Ин.11:43). Если находятся в узах и во мраке содержащееся по повелению людей, то

их узы и мрак не таковы, как узы и мрак грешников: те связаны невольно, а эти по своей воле; может случиться, что не когда-либо разрешатся от своих уз, эти же никогда не могут разрешиться, даже когда они, как таковые, будут брошены в огонь, так что даже геенна не сможет разрешить их, если они связанными придут туда. Если бы они могли разрешиться, то тогда не было бы бессмертных мучений и вечных наказаний. 10-17. **Они при дорогах будут пасти, и по всем холмам будут пажити их**. Прочие же говорят: на полях, на равнинах, – т.е. во всякое время их жизни им будет все потребное: везде они будут находить пищу, так как Я пред ними распростру вселенную. Хотя бы они были преданы рабству, бедности, скорбям, или иным мучениям, однако они (легко) перенесут их. **Не будут терпеть голода и жажды, и не поразит их зной и солнце**. Иные понимают это относительно будущей жизни; мне же кажется, что он здесь сказал и относительно настоящей: если им не повредит ничто прочее, то конечно не повредит и зной. И теперь Бог распростирает облака; но Он даровал нам не только их, а также и утешения святого Духа и всякие дары, так что никакая страсть со своим зноем не имеет силы.

Ибо Милующий их будет вести их и приведет их к источникам вод. Акила же говорит: милующий помилует их. Симмах: поведет. Феодотион: понесет их. Смотри: утешение происходит от благоволения. **И приведет их к источникам вод**. Акила: направит. Симмах: поведет. **И все горы Мои сделаю путем, и дороги Мои будут подняты.** Акила и Феодотион говорят: пути Мои будут без препятствий. Симмах: и пути Мои подымутся, – т.е., вся жизнь их.

И как ровная стезя, они будут легки. **Вот, одни придут издалека; и вот, одни от севера и моря, а другие из земли Синим**. Прочие же и еврейский текст говорят: Sinim. **Радуйтесь, небеса, и веселись, земля**; Акила: благословляйте. Иные говорят: радуйтесь. Феодотион и Симмах: веселитесь. **Ибо утешил Господь народ Свой.** Акила и Феодотион говорят: потому что утешил. Симмах говорит: потому что утвердил. **И помиловал страдальцев Своих**. Прочие говорят: помиловал. Видишь ли, к кому простирается утешение? Не к гордым и напыщенным, но к смиренным? Они принимают слово Божие, но не те.

А Сион говорил: "оставил меня Господь, и Бог мой забыл меня!" Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя. Видишь ли: благость Божия превышает любовь естественную и попечение родителей.

Вот, Я начертал тебя на дланях Моих; стены твои всегда предо Мною. Акила говорит: вот, Я поставил тебя на руках Моих, а стены твои всегда предо Мною. Симмах: на руках Моих Я видел тебя, и стены твои всегда предо Мною. Фодотион же говорит: на руках Моих Я напишу тебя и ты предо Мною всегда. Бог показывает, что Его попечение постоянно, и никто ничего не может против Него, по сказанному: **и никто не может похитить их из руки Отца Моего** (Ин.10:29); а в другом месте: **если бы Иехония, сын Иоакима, царь Иудейский, был перстнем на правой руке Моей, то и отсюда Я сорву тебя и отдам тебя** (Иер.12:24).

Сыновья твои поспешат к тебе, а разорители и опустошители твои уйдут от тебя. Акила говорит: но созидатели твои будут из тех, которыми ты был разрушен. Феодотион: придут созидатели, которые разрушили тебя. Симмах говорит: придут сыны твои, которые разрушили тебя. Можно ли, говорит, придти спустя такое время? Конечно, говорит, и гораздо раньше, так как это полезно для искоренения грехов. **Разорители и опустошители твои уйдут от тебя.** Удивительно то, что происходили такого рода перемены. Когда ты видишь, что руки неприятелей созидают то же самое, что они прежде разрушили, то ты поймешь, что Бог предал их плену, и Он же совершил созидание города

после того, и как Он желает, так и направляет человеческий ум. Что более такой силы? Если кто утверждает, что не по причине божественной воли так случилось, но как будто бы неприятели пришли сами и завоевали город, то мы скажем: почему же он ими восстановлен вновь? Кто побуждал их к тому? Никак не должно было им созидать города, воинственного с самого начала, каким они признавали его, что он действительно таков. Кто пожелает поднимать своего простертого неприятеля и воздвигать вновь своего недруга и врага? Тот, кто создал город и окончил войну, был Кир, который тех, которых он прежде держал пленниками, потом прославил, как бы принадлежавших к славному роду. Разве недостаточно было освободить их из плена? Но он даже почтил их, чтобы они стали известными и прочим. **И опустошители твои уйдут от тебя**. Неприятели и варвары удалятся от него.

18-20. **Возведи очи твои и посмотри вокруг, – все они собираются, идут к тебе**. Сошедшиеся вокруг тебя, бесчисленные, не как рассеянные во время плена, но совокупленные, собравшиеся вместе и соединенные, они будут ведены Богом, как вождем. Смотри, с каким промышлением, с каким разнообразием и разновременностью совершалось возвращение. Возвращение одних и пребывание других было признаком силы Божией. Я, говорит, освободил тебя от твоего плена, но ты не поверил, что Я намеревался тебя освободить. Теперь вновь Я отнимаю Свою помощь, и ты возвратишься к прежнему состоянию, вновь будешь связан в узах и задержан, пока ты не узнаешь, что только Я совершал как освобождение, так и удержание. Чтобы показать возвращение всех вместе, Он утверждает это клятвою: **живу Я! говорит Господь, – всеми ими ты облечешься, как убранством, и нарядишься ими, как невеста**. Этими словами пророк показывает, от какого жалкого состояния они избавились и к какой пришли славе. Они освободились из плена, их город воздвигнут, все порядки, разрушенные прежде, восстановлены вновь; не так, как в то время, когда они в пятом поколении выходили из Египта, в количестве шестисот тысяч. Что же мы скажем? Ужели Бог сотворил людей для того, чтобы они, долго оставаясь живыми, распространились и наполнили вселенную? Не это причина; Бог может размножить людей и в малом месте, когда они – истинные люди. Кроме того, пророк прибавляет: **ибо развалины твои и пустыни твои, и разоренная земля твоя будут теперь слишком тесны для жителей, и поглощавшие тебя удалятся от тебя. Дети, которые будут у тебя после потери прежних, будут говорить вслух тебе: "тесно для меня место; уступи мне, чтобы я мог жить"**. Смотри, какие блага имеют быть по возвращении из плена. Пустые места так наполнятся сынами и потомками, что они скажут, что **тесно для меня место; уступи мне, чтобы я мог жить**. В пустынных местах будет такое чрезвычайное множество сынов, они почувствуют тесноту, вследствие множества, над ними исполнится древнее благословение: **не будет ни бесплодного, ни бесплодной, ни у тебя, ни в скоте твоем** (Втор.7:14). Когда же это произошло? Когда, после изгнания неприятелей, они достигли покоя, так что стали жить и размножаться.

21-23. **И ты скажешь в сердце твоем: кто мне родил их?** Иерусалим думал об этом с удивлением, спрашивая как бы во сне: **кто мне родил их? Я была бездетна и бесплодна**. Другие говорят: я пустынна и вдова. Сиимах говорит: бесплодна. Акила: неплодна. Видишь ли чудеса Божии в безнадежных вещах? **Отведена в плен и удалена**. Акила: блуждающая и отдаленная. Симмах говорит: пленная и пришельствующая. Препятствием для Иерусалима служили два обстоятельства: во-первых, то, что он находился под властью чужих, а потом то, что он, будучи низвержен со своей ступени, сошел с твердыни. **Кто же возрастил их? вот, я оставалась одинокою; где же они были?** Такое повторение служит знаком несказанного изумления, соединенного с сомнением и безумной радостью.

Так говорит Господь Бог: вот, Я подниму руку Мою к народам, и выставлю знамя Мое племенам, и принесут сыновей твоих на руках и дочерей твоих на плечах. Чтобы они не надеялись на свою праведность, Он говорит: возвращение произойдет под Моим водительством и Моею, силою. Чтобы показать любовь, по которой совершится возвращение, Он говорит то: "изыдут", то: **принесут сыновей твоих на руках и дочерей твоих на плечах. И будут цари питателями твоими, и царицы их кормилицами твоими**. Эти слова исполнились во время царя Кира: царские вельможи кланялись евреям. Смотри многоразличные чудеса: они вышли не обманывая, как они вышли из Египта, но снабженные великими почестями.

24. **Может ли быть отнята у сильного добыча, и могут ли быть отняты у победителя взятые в плен?** Им настоящие слова казались невероятными, потому Он подтверждает их доказательствами. Не грабили ли их неприятели? Конечно, но к своему же собственному вреду. Хотя они их грабили, но делали это не своею силою. Я предал их в их руки. Почему же говорится: **у победителя взятые в плен**? Если кто приведен неправедно в плен, то ужели Я не могу его освободить? **Да! так говорит Господь: и плененные сильным будут отняты, и добыча тирана будет избавлена; потому что Я буду состязаться с противниками твоими и сыновей твоих Я спасу**, – так как крепкий может отомстить. **И притеснителей твоих накормлю собственною их плотью, и они будут упоены кровью своею, как молодым вином**, – с большею жадностью и с весьма великим желанием. Видишь ли: они напрасно налагали на них руки. То, что они взяли, им не принесло никакой пользы. **И всякая плоть узнает, что Я Господь, Спаситель твой и Искупитель твой, Сильный Иаковлев**, что Я совершил это, а не они.

ГЛАВА 50

Ст. 1. **Так говорит Господь: где разводное письмо вашей матери, с которым Я отпустил ее? или которому из Моих заимодавцев Я продал вас?** Я полагаю, что Богом не только даны здесь предсказания о благах, а также дано основание относительно прошедших несчастий, чтобы показать, что они (иудеи) были причиною плена; иначе почему бы Он указал на книгу отпущения? Жены, отпускаемый мужьями, по надлежащему, обыкновенно получают книгу отпущения, как это делается и теперь. Я, говорит, не давал такой книги, и никто не может обвинять Меня в том, что Я дал ее первый. Но она прежде пожелала уйти, и Я позволил. Точно также не Я продал вас; иначе покажите залог. Здесь Он говорит по человеческому обычаю, чтобы отстранить обвинение, что Он был причиною плена. Какая же это причина? **Вот, вы проданы за грехи ваши, и за преступления ваши отпущена мать ваша. Почему, когда Я приходил, никого не было, и когда Я звал, никто не отвечал?** Таковы во время Христа были те, которые не повиновались. То же говорил Моисей: **внимай, небо, я буду говорить** (Втор.32:1). То же говорил этот самый пророк с самого начала: **слушайте, небеса, и внимай, земля** (Ис.1:2). Что иное значит "**приходил**", как не то, что Я всегда присутствую, всегда защищаю. Защита Божия никогда не оставляла их. **Приходил**, говорит, для увещания, для исправления, для созидания, а вы не послушали. **Разве рука Моя коротка стала для того, чтобы избавлять, или нет силы во Мне, чтобы спасать?** ужели Я бессилен?

2-5. **Вот, прещением Моим Я иссушаю море, превращаю реки в пустыню; рыбы в них гниют от недостатка воды и умирают от жажды**. А другие говорят: опустошу море. Акила говорит: иссушил. Откуда это открывается? Из тех событий, которые прежде совершились в Египте. **Превращаю реки в пустыню; рыбы в них гниют**. Акила говорит: возгниют рыбы их; Симмах: умрут рыбы их. Знамение этого дал Иордан.

Я облекаю небеса мраком, и вретище делаю покровом их. А это произошло ночью в Египте. Если бы не было ничего иного, то одно это разве не могло погубить всех? Показывая, что это слова не человеческого ума, и чтобы кто не сказал: я знаю, что Бог всемогущ, но откуда известно, что ты говорил от Его имени? — пророк говорит: **Господь Бог дал Мне язык мудрых, чтобы Я мог словом подкреплять изнемогающего; каждое утро Он пробуждает, пробуждает ухо Мое, чтобы Я слушал, подобно учащимся**. Подобно этому говорят другие пророки: **а я исполнен силы Духа Господня** (Мих.3:8); **я не пророк и не сын пророка; я был пастух и собирал сикоморы** (Амос.7:14), а потом: **и избрал Давида, раба Своего, и взял его от стада овец** (Пс.77:70). Подобно этому говорится и здесь: **Господь Бог дал Мне язык мудрых, чтобы Я мог словом подкреплять изнемогающего**. Языком он называет пророчества, и призывает к суду тех, которые слушали их с скорбным духом, чтобы они не думали, что это слова человеческой мудрости, но поистине слова Господни. **Каждое утро Он пробуждает**, говорит, **ухо Мое, чтобы Я слушал**. Таким образом он показывает свое желание и многочисленные дары Божии. **Господь Бог открыл Мне ухо**, говорит, **и Я не воспротивился, не отступил назад**, — показывая, что от Него происходит научение и премудрость. Справедливо говорится: **каждое утро Он пробуждает, пробуждает ухо Мое, чтобы Я слушал, подобно учащимся**, так как эти слова не могут быть слышимы человеческими ушами, если уши не будут прежде приноровлены для таковых слов. Не занятием, но благодатью приобретается небесная мудрость, по мере веры каждого.

И Я не воспротивился, не отступил назад. Видишь ли, он показывает здесь свободу и свободное изволение. **Не воспротивился**, — показывая, что он может и противиться, подобно тому, как противился Иеремия, который говорит: **было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих** (Иер.20:9), показывая, что он говорит не от себя, но что это было пророчество.

6-11. **Я предал хребет Мой биющим**. Акила говорит: наносящим раны; а другие: биющим. **И ланиты Мои поражающим**. Другие говорят: грабителям. Смотри, каково было Его послушание: **не воспротивился**, говорит, хотя противоречие было возможно, и Он сам мог подтвердить, что такое слово сурово и невыносимо. Если кто не может терпеливо переносить оскорблений, то каким образом Я могу перенести такие наказания? Но этим пророк желает показать всем, что говорит не по своей воле и не по человеческому уму. Да и каким образом он мог говорить что-либо по своему уму, когда его постигло столько наказаний?

Лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания. Что ты говоришь? Конечно, говорят, Я всегда остаюсь в этом жалком состояния; не раз и не два и не три, но всегда, так как все роды бешенства и гнева были обнаружены и терзали Меня, а Я не противоглаголю.

Подверженный стольким и таковым бесчестиям и наказаниям, что Он говорит? **И Господь Бог помогает Мне**. Вот иное знамение того, что эти слова происходят от Бога, и эти повеления даны с неба. Когда устремилось на Него столько нечестивых людей, которые, ударяя рукою, постоянно плевали в Его лицо, прилагали язвы к язвам, и не желали быстро убить Его, для того, чтобы Он испытывал большие и большие мучения, тогда Он переносил терпеливо, приводил себе на память слова и говорил: **и Господь Бог помогает Мне**. Подобно этому, во время апостолов не только было показано то, что они преданы мучениям Богом, но также и то, что они получили от Него помощь, так как они говорили: **жизнью ли то, или смертью** (Фил.1:20); когда говорили "**смертью**", то показывали свое терпение, "**жизнью**" — помощь Христову. Да возвеличится, говорит, в нас Бог (сравн. Филп.1:20); а во втором послании к Коринфянам он пашет: **смерть**

действует в нас, а жизнь в вас (2Кор.4:12): хотя, говорит, мы подвергаемся мучениям, но вы должны помогать нам.

Я не стыжусь, говорит, **Господь Бог помогает Мне**. Смотри, эти слова подобны словам апостола: **отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем** (2Кор.4:8-9). **Я держу лице Мое, как кремень**. Ясно, что это происходило свободно, а не по необходимости. Смотри, каким образом слово Божие украшает помощью и своим благоволением. **Близок**, говорит, **оправдывающий Меня.** Вместе с тем Он уверен относительно будущего: если Я, который подвергаюсь стольким мучениям, не посрамился, то тем более не должно оставлять надежды вам, хотя бы вас и удерживали от возвращения из плена; если Я невинно подвергаюсь мучениям ради вас, то тем более вам должно переносить таковые скорби.

Не останусь в стыде: Он имеет уверенность относительно будущих событий. **Близок оправдывающий Меня**, — Он даже находится во Мне. Этим Он обозначает не то, что Он пребывает в тебе, но это значит то, что Он (оправдавый) пребывает во Мне. Так, дозволяя Мае подвергаться мучениям, и вместе с тем не дозволяя постыдиться, Он указывает на то, что Он пребывает во Мне. То же самое совершалось во времена апостолов. Если кто не верит воскресению, то он должен верить, что есть воскресение и разрешение от смерти, от мучений, перенесенных апостолами, не только потому, что Бог всегда освобождал их от мучений, но лучше потому, что они никогда не были посрамлены.

Кто хочет состязаться со Мною? станем вместе. Кто хочет судиться со Мною? пусть подойдет ко Мне. Кто, говорит, не верит, пусть придет, покажется; если кто хочет исследовать, пусть придет сюда и, если может, обличить Меня во лжи; кто хочет приготовить себе победу, пусть придет, воспротивится Мне. Я же готов для произнесения решения.

Вот, все они, как одежда, обветшают; моль съест их. Акила говорит: ржавчина; Симмах: плесень. Этим обозначается или гнев Божий, или же свойство тела. Бог вечен, и потому мы не будем бояться. Человеческие мучения преходят, как вода, и никогда не бывают твердыми. Потому пророк говорит: **кто из вас боится Господа, слушается гласа Раба Его?** Свойство боящихся Бога слушать пророков, как и Христос говорил: **слушающий вас Меня слушает** (Лк.10:16). Это — велико и удивительно.

Кто ходит во мраке, без света, по причине, говорит, неведения и неправых дел, о чем говорил и Соломон: **путь же беззаконных — как тьма; они не знают, обо что споткнутся** (Притч.4:19); **стезя праведных — как светило лучезарное** (Притч.4:18). Почему пророк прибавляет: **без света**? Ясно, что те, которые ходят во тьме, не находятся во свете. Однако, иногда может быть виден свет ходящим и во тьме, если кто зажжет свет, лампаду или факел. Но они, ходя во тьме, не имеют никакого света, для того, чтобы отогнать тьму. И пророк сказал не только, что они не отгонят тьму, но что они никогда не сделают этого: угрызение совести может омрачить свет сердца. **Да уповает на имя Господа**. Симмах и Феодотион говорят: будьте уверены. **И да утверждается в Боге своем**: велика помощь у того, кто надеется на Бога. Каким же образом возможно кому-либо надеяться и полагаться на имя Господне, когда существует столько препятствий? Устраняя всякие препятствия, мы будем надеется только на Него.

Вот, все вы, которые возжигаете огонь. Акила говорит: огонь разжигаете. **Возжигаете огонь, вооруженные зажигательными стрелами, — идите в пламень огня вашего и стрел, раскаленных вами**. Совершающие грехи возжигают огонь, но они всегда

пребывают во мраке и никогда — во свете. Этого рода огонь не имеет света, но только горит и пожирает. Такова именно природа этого огня. Если вы желаете огня, то берите тот, при свете которого вы можете ходить, а не тот, который опаляет, не давая света.

Это будет вам от руки Моей; в мучении умрете. Акила говорит: в нужде. Симмах: в скорбях. Что ты говоришь? Конечно, говорит, так как и Иеремия говорит то же самое: **В запустении он плачет предо Мною; вся земля опустошена** (Иер.12:11). Не напрасно Он мстил людям, но потому, что они презрели и пренебрегли Его слова. **В мучении умрете**, т.е., даже и сон не будет у вас приятным. Подобно этому, выше говорит: **ходит во мраке, без света**, показывая, что в их делах нет света.

ГЛАВА 51

Ст. 1. **Послушайте Меня, стремящиеся к правде, ищущие Господа**. Тем Он говорит: **Кто хочет судиться со Мною? пусть подойдет ко Мне** (50:8); а этим: **послушайте Меня, стремящиеся к правде, ищущие Господа**. Тем говорит: судите, а этих Он научает. Все ищущие Господа и гонящие правду будут научены. Но к тем, хотя бы и пришел кто-либо и стал кричать в уши, однако труд его будет напрасен. Кто же **ищущие** Господа? Тот, кто стремится к справедливости и одобряет правду. Праведным же называется не только тот, кто не служит жадности, но и тот, кто неповинен ни в какой дурной страсти. Не напрасно говорится: ищите то, что справедливо и хорошо, так как Он часто говорит о тех, которые следуют жадности и служат иным дурным страстям. Итак, нам необходимо следовать справедливости и искать правду, – таким образом человек может находить Бога, потому что когда кто-либо ищет чего, то ему предстоит это найти. Пусть слушатель будет весьма доблестным и одаренным добродетелью, однако, ему необходима премудрость, так как сила и крепость одна не в состоянии убедить слушателя, если ему не будет присуща премудрость. Писание превозносит похвалами мудрого слушателя, говоря: **и Господь отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел** (Деян.15:14), а в другом месте: **и будут все научены Богом** (Ин. 6:45), да и в настоящей книге выше говорится: **каждое утро Он пробуждает, пробуждает ухо Мое, чтобы Я слушал** (50:4). А премудрый говорит: **Господь дает мудрость; из уст Его – знание и разум** (Притч.2:6).

Взгляните на скалу, из которой вы иссечены, **в глубину рва, из которого вы извлечены**. Справедливо сказал: **скалу**, сравнивая естественное неплодие с твердостью камня, так как утроба Сарры была пуста и бесплодна, – и вместе с тем показывая, что наше рождение есть дело рук Божиих. Не одна только природа нужна для этого, но Бог творит и образует, – не так, как первого человека, но способом однако не особенно отличным. Подобно тому, как человек был сотворен, так теперь, хотя и воспринимает нечто из утробы, сам творит. Здесь было не одно неплодие, а также старость. Сарру он сравнивает с глубоким рвом, что Акила называет дном потока, Симмах – пещерой, Феодотион – отверстием. Ров также бывает бесплодным, потому что он не бьет, наподобие источника, а только сохраняет собранную воду, не умножая обилие воды. Прочие переводчики говорят: "бейте ключом", так что становится совершенно известным, что Бог совершает все. **Посмотрите на Авраама, отца вашего, и на Сарру, родившую вас**. Эти слова пророк говорит тем, которые утверждают, что те трудные события не могут совершиться. Из прошедших событий он убеждает их в этом: вам должно верить Моим словам. Если вы не верите, то Я буду убеждать вас прошедшим. Если Я только от одной женщины произвел множество народа, и она породила всех вас, хотя родила одного Исаака, ради которого была изменена бесплодная природа утробы, – таким образом, если Я именно совершил это, то ужели Я не выведу вас из плена? Для Меня совершенно легко

сделать возможным то, что ни для кого невозможно. Для того, чтобы вы имели такое убеждение, вам достаточно обетований предков.

Ибо Я призвал его одного. Скорее их было двое. Другие же говорят яснее: Я призвал его одного; именно, он был один по природе. **И сотворил**, говорит, **Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их** (Быт.1:27). Таким образом, человек есть мужчина и женщина, один глава, а другая тело. Но Я совершаю что-либо не со множеством работников, и при малом количестве их не теряю присутствия духа, но всегда и везде ищу добродетели. **Ибо Я призвал его одного и благословил его, и размножил его**. Я умножил его не в своей стране, но в чужой земле, для того, чтобы было ясным, что для Меня все весьма легко. Почему же Он не упомянул об Адаме, обстоятельства жизни которого могли удобнее убедить их? Потому что они всегда думали об Аврааме. Присоедини сюда также и то, что этот был известен им более: он не был лишен никакой добродетели, и был одарен весьма многими обетованиями.

Благословил его, говорит, **и размножил его.** Он не говорит о причине, чтобы они не подвергались отчаянию, полагая, что Авраам назван возлюбленным и был умножен ради своих добродетелей. Именно, они могли говорить: но мы, лишенные всяких добродетелей, каким образом будем ожидать спасения?

Равным образом Он прибавляет: **так, Господь утешит Сион, утешит все развалины его и сделает пустыни его, как рай, и степь его, как сад Господа; радость и веселие будет в нем, славословие и песнопение**; Симмах говорит: воссозижду. Бог призвал Авраама не ради юношеских добродетелей, хотя Писания говорят о добрых его нравах, но потому, что Он предвидел будущее. Подобным образом Он говорит: вы нуждаетесь в великих примерах, для того, чтобы не сомневались более. Ведь и утроба Сарры была бесплодна, – здесь Он называет ее пустынною землею. Но сравнение этих двух предметов, именно делание пустынной земли плодородною и наполнение бесплодной утробы не совпадает одно с другим: руки земледельцев могут сделать землю плодородною, но наполнение бесплодной утробы зависит совершенно от Божественной силы. Потом, нет никакого сравнения между следующими двумя предметами: призвать одного и размножить его и сделать множество чрез призвание многих. Далее, освободить от неприятелей и против их воли возвратить пленника домой – не одно и то же, что привести (человека) из своей страны в чужую, так как освобожденные были возвращены тотчас. Таким образом, им должно было убедиться, что Он легко совершит то, что было малым, после того, как Им было сделано великое.

Утешит все развалины его и сделает пустыни его, как рай. Акила и Симмах говорят: как предмет удовольствия; Феодотион: как сад.

И степь его, как сад Господа. Акила: поля его; Симмах: листья его; Феодотион: Аравию его. **Радость и веселие будет в нем, славословие и песнопение.** Акила: глас хвалы; Симмах: глас песней; Феодотион: глас псалмов и благословений. События будут таковы, что они (опять) могут благословлять Бога, хвалить Его, и вместе с тем извлекать (отсюда) весьма большую пользу для своих нравов.

4. **Послушайте Меня, народ Мой, и племя Мое, приклоните ухо ко Мне! ибо от Меня произойдет закон, и суд Мой поставлю во свет для народов**. Почему Он повторяет первые слова (в ц.сл. тексте слово "послушайте" повторяется два раза)? Потому что Он говорит о великих вещах, которые совершатся: **ибо от Меня произойдет закон**. Он опять слегка касается будущего. Полагать законы есть дело более прочего необходимое, и это отличает нас от лишенных разума. Что пользы иметь дар слова, когда мы лишены

правильного разума? Страсти, которым мы подвергаемся, делают ум пустым, и потому происходит то, что способность говорить, которою нам следовало отличаться среди прочих, мы изменяем в болтливый нрав неразумных животных. Но у тех гнев тотчас успокаивается, у нас же упорствует ненависть. У них не бывает зависти, у нас же она всегда воспламенена. Таким образом, законодатель и закон – это первая и великая помощь. Потому иноплеменники, а также завоеватели городов считали законодателей большими благодетелями, чем своих родителей. Это справедливо и заслуженно, так как последние дают жизнь, а те учат, как проводить честную жизнь, – вследствие чего происходят защита и твердость. Не стены, не войска, но справедливые законы делают государства безопасными. Так точно и человека освобождают от болезни не крепость и здоровье тела, но добродетели духа и правильный порядок жизни. По этой причине один мудрец говорит: **человек мудрый силен, и человек разумный укрепляет силу свою** (Притч.24:5), и помощь его выше десяти князей в государстве; а также: **отойди от человека глупого, у которого ты не замечаешь разумных уст** (Притч.14:7). Мы постоянно видим, что выдающимися людьми становятся не крепкие телесною силою, но великие душевною добродетелью, так как и корабль рассекает волны не потому, что он велик, окован медью, и имеет несокрушимые борта, но потому, что имеет управителя, который направляет его по своей воле.

И суд Мой поставлю во свет для народов. Поистине их просветило знание судов и понимание законов Его. Видишь ли пользу суда? Мрак удален, страх отогнан, страсти изъяты. Подобно тому, как появление судьи обращает в бегство воров, грабителей трупов и разбойников и всякого рода злодеев, так точно, когда рассудок получает свою силу, и садится на пре- стол суда, он удаляет все вредное, а усвояет и делает приятным все полезное. Не видел ли ты в городе, каким страхом охватываются, когда садится на суде судья, не только виновные, но также и невинные? Таким же образом, когда ум бывает здрав, и подобно судье садится на трон суда, страх и трепет превращают в бегство то, что было прежде сделано незаконного: не только обличаются неправые мысли, но и невинные движения ума боятся и охватываются страхом. Подобно этому, когда судит Бог, то даже звезды не объявляются пред Ним чистыми, и не оправдывается сам Павел: **хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь** (1Кор.4:4). Таким образом, когда ум произносит себе суд и надлежащими обличениями исследует изъяны, то ничто не пригодно для оправдания его, по сказанному: **кто может сказать: я очистил мое сердце, я чист от греха моего** (Притч.20:9)? Кроме того, написано: **нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы** (Екклез.7:21); а также: **о чем говорите в сердцах своих, о том сокрушайтесь на ложах ваших** (Пс.4:5); и сам Павел говорит: **да испытывает же себя человек** (1Кор. 11:28), и опять: **если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы** (1Кор.11:31). Не без причины Он повелевает нам рассуждать о себе самих. Ты не осмеливаешься и не желаешь возмущать свою совесть, исследуя свою жизнь, для того, чтобы не иметь побуждения изгнать найденные весьма многочисленные грехи. Мы знаем, что многие одержимы этим пороком. Из того, что случалось со мною, я считаю за исследованное и достоверное то, что происходит с остальными. Я сам, хотя часто желал спокойно взвесить всю свою жизнь и тщательно исследовать, но никогда не решался, чтобы не угнетать своего ума чрезмерною скорбью и печалью. Если бы мы пожелали тщательно и внимательно испытать все наши грехи и привести их себе на память, то, конечно, тогда наши старания были бы истинными и чистыми. Если же мы тщательно беспокоим ум, и предаемся бездействию, в таком случае какая нам от этого будет польза? Да и что, скажут, за приятность исследовать свою жизнь только затем, чтобы подвергаться величайшей скорби? Здесь мы терзаемся духом, а там будем подвержены наказанию. Но я утверждаю, что такая печаль весьма полезна: если тебе досадно исследовать себя, то ты потом ревностно будешь остерегаться думать о грехах. И не в этом только будет польза для тебя, но ты будешь иметь клятву Бога относительно того, что Он к тебе будет

снисходителен по написанному: **припомни Мне; станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться** (Ис.43:26). Если только сказание своих беззаконий оправдывает, то тем более, – когда у тебя будет такое великое исповедание их. Для грешника нет большей пользы, как всегда иметь в уме и пред глазами свои грехи и как можно чаще сокрушаться и испытывать себя. Ничто скорее этого не умилостивляет гнев Божий: ни посты, ни лежание на земле, ни бдение, ни иное прочее в этом роде. Я покажу тебе это из священного Писания: **беззаконие мое я познал и греха моего я не скрыл, сказал: "исповедуюсь Господу в беззаконии моем", и Ты простил нечестие сердца моего** (Пс.31:5). Говорит: **сказал**. Не видишь ли, какая сила заключается в этих словах: **говори ты, чтоб оправдаться** (Ис.43:26)? Потом: **беззаконие мое я познал и греха моего я не скрыл** (Пс.31:5). Ужели Бог не знает, если ты не пожелаешь объявить об этом? Разве Он не имеет в Себе всеведущего знания, благодаря которому все, что совершается, является как бы написанным в Его уме. Но говорят: по крайней мере мы не подвергаемся мирскому позору, и никто нас не осмеивает и не презирает. С такими соображениями ты не можешь избежать и здесь насмешек и достичь будущих благ. Если ты скажешь: каким образом это может быть? то я тебе отвечу: пользуясь таким утешением, мы будем совершать здесь все большие преступления, а там будем преданы вечным наказаниям и мучениям.

5. **Правда Моя близка; спасение Мое восходит, и мышца Моя будет судить народы; острова будут уповать на Меня и надеяться на мышцу Мою**. Он говорит о Своей праведности, которою Он пользуется как здесь, так и там. **Правда Моя близка**, т.е., Мой суд, но не милосердие. **Спасение Мое восходит**: что иное означает это выражение, как не – явно и внезапно? **Мышца Моя будет судить народы; острова будут уповать на Меня и надеяться на мышцу Мою**. Симмах говорит: и Мои мышцы будут судить народы. А прочие говорят: язычников. Во всех этих выражениях одно и то же значение.

6. **Поднимите глаза ваши к небесам, и посмотрите на землю вниз: ибо небеса исчезнут, как дым, и земля обветшает, как одежда, и жители ее также вымрут; а Мое спасение пребудет вечным, и правда Моя не престанет**. Смотри, как пророк приводит примеры для того, чтобы показать легкость возвращения, подобно тому, что совершилось в Египте и что случилось с Авраамом. Теперь опять возвращаясь к творениям, он говорит о силе Божией: **ибо небеса исчезнут, как дым**. Акила говорит: небо свернулось как дым; Феодотион говорит: небо будет, как твердая соль. Темно-синий и хрустальный цвет неба пророк сравнивал с формою прозрачной соли. 70 толковников говорят: **как дым**. Ясно, что никто не может сделать дым твердым, только Божие всемогущество. **И земля обветшает, как одежда**. Пророк представляет две взаимно противоположные вещи: Бог сделал твердым то, что было нежным, и сделал мягким то, что было твердым, показывая, что Ему легко все делать.

И жители ее также вымрут, т.е. те, которые обитают на этой земле. Мне кажется, что здесь пророк своими словами желал обозначить также небо. Бог может разрушить то, что есть не что иное, как дым. И конечно, если Бог желает, то Он может рассеять небо, как дым, так как оно имеет твердость не по своей природе, но по воле Творца. Для того, чтобы оно было прекрасным и блестящим, Он сделал его нежным и легким, сохраняя его Своею силою. Если, говорит, Я могу разрушить небо, то тем более Я могу уничтожить людей – ваших врагов, когда пожелаю. Таким образом, для посрамления людей развращенных, Он прибавляет такие слова: **Послушайте Меня, знающие правду**.

7. **Послушайте Меня, знающие правду, народ, у которого в сердце закон Мой! Не бойтесь поношения от людей, и злословия их не страшитесь**. А прочие говорят: не бойтесь укоров, как и Сам Христос говорит: **блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесья** (Мф.5:11).

8. **Ибо, как одежду, съест их моль и, как волну, съест их червь; а правда Моя пребудет вовек, и спасение Мое – в роды родов**. Акила говорит: как ризы, которые поедает ржавчина. Симмах говорит: червь; Феодотион: моль. **Как одежду, съест их моль**. Итак, ужели никого не уязвляют бесчестие и клеветы? Потому Езекия говорил: да услышит Господь Бог твой словеса (Рапсакова), укоряти Бога живого (срав. Ис.307:4). И сам Давид говорил: **избавь меня от клеветы человеческой** (Пс.118:134)). За порицание Бога в скором времени сошел гнев. Пророк же (здесь) говорит о клеветническом порицании людей. Давид, действительно, отомстил своему врагу Семею, но он не сам убил его, а повелел убить своему сыну, хотя Семей никогда не сделал вреда последнему, – для того, чтобы и других подобных ему удержать. Потому пророк выше говорит праведникам: **послушайте Меня, знающие правду, народ, у которого в сердце закон Мой**; и потом: **и как одежду, съест их моль**. Эти слова он говорит или о порицаниях, или о порицателях, – почему и прибавляет: **Мое спасение пребудет вечным, и правда Моя не престанет**, – что и Сам Христос сказал: **радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах** (Мф.5:12). Если прейдет небо, т.е., форма небес, которая теперь необходима, а также и человеческая природа изменит свою форму, тогда что останется твердого и устойчивого? **Мое спасение пребудет вечным**. Что ты говоришь? Ужели спасение будет и тогда, когда ты подвергнешь наказаниям и поразишь? Конечно: хотя для погибших это не спасение, а правда, но для искупленных – спасение. Веки вечные не могут воспрепятствовать спасению и правде. Подобно тому, как невозможно не быть Богу, а напротив необходимо Ему быть всегда и жить во век, так же необходимо, чтобы всегда и постоянно царствовали правда и спасение. Если же кто скажет: почему люди не разумеют этого? – то я отвечу словами священного Писания: **помилуй меня, Боже**, говорит, **по великой милости Твоей** (Пс.50:1). Псалмопевец назвал милость только великой, но какова она, он сам не знает. **И по множеству щедрот Твоих** (там же). Здесь он утверждает, что щедроты многочисленны; но как велики щедроты Его, он совершенно не знает. И сам Павел говорит: **как безмерно величие могущества Его** (Ефес.1:19); но каково оно, он не может знать, и потому он называет его **величием** и даже **безмерным величием**, чтобы ты не осмелился его никогда исследовать. Чем более ты будешь исследовать, тем более оно будет превосходить твои размышления. Если бы ты мог когда-либо обнять его умом, то тогда было ли бы величество преспеющим? Потом в ином месте он же говорит: **благодарение Богу за неизреченный дар Его** (2Кор.9:15). Никто не может исповедать Его.

Но посмотрим: ужели невозможно каким-либо образом уразуметь то, что невозможно исповедать? Не всегда бывает так, чтобы мы не могли даже понимать того, что мы не можем исповедать. Конечно, говорит, мир превышает всякий разум; потому говорится: **мир Божий, который превыше всякого ума** (Филип.4:7). Здесь говорится, скажут, о мире, мы же исследуем о милосердии и о величайших дарах. Что же, скажи, находится более превосходного, чем мир с милосердием? Мир есть великий и особенный дар милосердая. Но обратимся умом к тому, где особенно находится преспеющее милосердие Божие: **не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его** (1Кор.2:9). Если же иногда бывает речь относительно меры, то ты остерегись думать, что милосердие Божие имеет такую меру. Вот я разъясню сказанное: **как отец ущедряет сынов, так Господь ущедрил боящихся Его** (Пс.102:13); в евангелии же читается так: **вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим** (Мф.7:11). И сам пророк говорит: **забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя** (Ис.49:15). Эти примеры приведены здесь не для того, чтобы показать, что мера милосердия Его одинакова с теми, но потому, что мы не знаем милосердия больше отеческого, оно является самым великим в наших мыслях. Чтобы ты таким образом верил в сказанное, выслушай, что говорится: **забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не**

пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя (Ис.49:15). Таким образом, когда ты слышишь: **насколько отстоит восток от запада, (настолько) Он удалил от нас беззакония наши** (Пс.102:12), то ты остерегись думать, что таково только расстояние, но считай его гораздо большим. Так как ты не знаешь иной меры больше той, то псалмопевец и воспользовался известным тебе примером. Но что это расстояние гораздо больше, ясно из следующих слов: **Я Сам изглаживаю преступления** (Ис.43:25), **истребив** (Колос.2:14). Здесь, таким образом, больше, чем отдаление грехов: то, что отдалилось, может придти вновь; но то, что однажды уничтожено, больше уже не пишется. Потом в ином месте говорится: **Отец милосердия и Бог всякого утешения** (2Кор.1:3). Что он желает показать этими словами? Мне кажется, что он показывает этим, что милосердие Его непостижимо, подобно тому, как непостижим Он Сам. Так как непостижима Его сила, то таково же и все то, что относится к этой силе, по сказанному: **все, что восхотел Господь, сотворил** (Пс.134:6); а потом: **Богу же всё возможно** (Мф.19:26). Тот, Кому принадлежит неизмеримая сила, необходимо одарен неизмеримою также премудростью. Таким образом, если нет меры Его премудрости, то ужели мы можем измерить Его милосердие? Никоим образом; мы всегда должны мыслить, что то милосердие, которым все установлено, неизмеримо. Сверх того, о Его любви также говорится: **так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного** (Ин.3:16); о судах же Его говорится: **судьбы Твои - бездна великая** (Пс.35:7); а о милосердии: **Ты являешь милость тысячам** (Иер.32:18).

Этими словами мы не желаем побуждать вас к лености, но оживляем доброю надеждою и милосердием Божиим тех, которые находятся без надежды. Поистине, как велико милосердие Его, так велик гнев Его. Так и Христос говорит: **на небесах более радости** (Лк.15:7). Но, увы, что такое человек? Если говорится: **народы – как капля из ведра, и считаются как пылинка на весах** (Ис.40:15), если, говорю, все люди вменяются таким образом, то как будет только один достоин явиться пред лицом Господа, особенно когда он грешник? Но спасение человеческое служит для Бога предметом такой заботливости, что Он ради одного кающегося грешника подвергает радости небо и землю. Что иное может сравниться с таким попечением? Но ты не думай, что Сын послан Богом Отцом только для спасения всего мира. Если бы только один человек нуждался в искуплении, то тем не менее Бог не нашел бы недостойным послать Своего Сына. Скажут: какими соображениями ты можешь это подтвердить? Выслушай говорящего Павла: **предал Его за всех нас** (Рим.8:32). Это есть также признак справедливости, потому что не сказано: за богатых и сильных, а не за бедных или за мудрых только, а не за немудрых, за неимущих, а не рабов, – но за всех, так что Он всех ценил одинаково. Но в иных словах апостол говорит, что Он предал Себя за него: **а что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня** (Гал.2:20). Что ты говоришь, Павел? Ужели ты желаешь ограничить дары Божии? Не ты ли недавно сказал: **Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас** (Римл.8:32)? Почему же теперь говоришь: **предавшего Себя за меня** (Гал.2:20)? Конечно, говорит, для того, чтобы показать тебе, что хотя бы нужно было предать Сына ради одного, и тогда Бог ни под каким условием не отказался бы исполнить это. Желаешь ли, чтобы я показал тебе это с помощью какого-либо сравнения? Но разве не одна только погибла овца, а девяносто девять уцелели? Однако, медлил ли Он, не предпочел ли Он оставить тех и пойти по горам, равнинам и долинам? Прекратил ли Он Свое хождение прежде, чем нашел ее? Разве остальные не могли бы быть для Него утешением, когда отсутствовала одна только? Подобного рода вещи проявляются там, где, конечно, существует горячая любовь. Также и жадный к золоту, хотя он имеет много денег, если потеряет одну монету, подвергается сильной скорби, потому что он любит всю силу своих денег. Посмотри, пожалуйста, на любовь Его после того, как найдена одна овца: с каким попечением и любовью Он полагает ее на Свои плечи; Он не наносил ей уда-ров, не подвергал ее какому-либо иному

наказанию. Конечно, таково свойство любящих и расположенных людей, что даже когда их оставляют друзья, когда они удаляются, даже вредят им, они ни под каким видом не гневаются на обиду, но только желают возвращения и примирения. Какие обиды мы наносили Богу, или как возбуждали гнев Его! Но Бог мстил ли нам после этого? Никак, но Он даже говорил: **Я пришел не судить мир, но спасти мир** (Ин.12:47). Почему же вы бежите, почему удаляетесь? **Мы – посланники от имени Христова, говорит апостол, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом** (2Кор.5:20). Но ужели это – после оскорблений и бесславия? Конечно, говорит, и тогда примиритесь. Итак поспешим и мы, чтобы Он примирился также с нами.

9. **Восстань, восстань, облекись крепостью, мышца Господня! Восстань, как в дни древние, в роды давние! Не ты ли сразила Раава, поразила крокодила?** По переводу 70 ясно, что это повеление дано было городу. Если всячески должно повиноваться царю, повелевающему что-либо, то тем более Богу, когда Он кому-либо что повелевает. Акила же говорит: восстань, восстань, и крепость облеки в мышцу твою; здесь у него непосредственно читается то слово, которое обозначает имя Господа. Но 70 выражение: **восстань, восстань**, относят к Иерусалиму, как ясно из последующих слов, потому что прибавляют: не ты ли еси опустошаяй море? (так в ц. сл. тексте). Акила говорит: может быть, ты, опустошивший море. Ничто не препятствует понимать эти слова об Иерусалиме: все бывшие чудеса совершались ради народа, как он называет Иерусалим: Бог, говорит, действовал, но все это совершалось для народа. По этой причине пророк обращает речь к Богу, чтобы показать, что те чудеса совершались Им ради народа, т.е., ради Иерусалима. Итак, оставив кажущееся сомнение, которое в действительности не есть сомнение, и возвращаясь к начатому нами, мы будем объяснять по переводу 70.

Облекись крепостью, мышца. Этим пророк обозначает отвержение грешников. Подобно тому, как по окончании болезни больной выздоравливает и крепнет, так и после удаления грехов выздоравливают души. Греховная грязь уменьшает душевные силы и часто развивает болезнь. Расслабленная и согбенная жена, а также коринфяне, которые были немощными за грехи (1Кор.11:30), пусть выскажут свидетельства относительно этого. Не говори, что форма тела не уродуется вследствие грехов. Подобно тому, как вследствие болезни тела уменьшается острота души, так и тело бывает участником в болезни души. И все это есть даже дело милосердия Божия: дух с трудом узнает о своей болезни и казнях грешников, а потому Бог установил, чтобы тело также чувствовало таковые труды, так чтобы мы побуждались к исправлению зол, которыми мы связаны, чрез телесные болезни. Если желаешь, то прежде всего исследуем гнев. Не видишь ли ты, каким образом гнев обезображивает тело? Потому и премудрый говорит: **муж ярый неблагообразен** (Притч.11:25). То, что гнев губит и душу, ясно из следующего: **гнев губит и разумных** (Притч.15:1). Таким образом, по телу заметно, когда оно бывает угнетено бременем зол, что и душа также подвержена таким же тягостям. Таким же образом, когда дух находится под бременем, то и тело принимает в том же участие. Добродетель делает здоровыми не только души, но также и тела, сохраняя их от разложения, на подобие острой и холодной зимы.

Востани, востани, Иерусалиме (в русском переводе слова "Иерусалим" - нет). После опустошения, он был громадной развалиной: он не только был ниспровергнут до основания, не только были разрушены здания, но отверженный город сидел во прахе и горел от огня грешников. Благочестие было на словах, так как он был сильно поврежден грехами и беззакониями, плен же принес ему весьма большую пользу. Кем было это совершено, по какой причине Иерусалим подвергся наказаниям и каким образом он мог освободиться от жестоких уз, – относительно этого учит этот самый пророк. Он учит, что как падение Иерусалима произошло от него самого, так от него же самого произойдет

воскресение и восстановление прежней добродетели. Потому он увещевает Иерусалим только к этому. То, что от него самого произошло падение и восстановление, ясно из следующего.

Восстань, как в дни древние, в роды давние. Пророк утверждает и убеждает Иерусалим к такой перемене. **Не ты ли иссушила море, воды великой бездны, превратила глубины моря в дорогу, чтобы прошли искупленные?** (ст. 11). Здесь говорится об египтянах и о переходе чрез море. Твоею ли силою совершилось все это? Ты не мог совершить этого сам собою, но все это совершила и довела до конца рука Божия. Эти слова пророк говорит для того, чтобы ты знал, что все совершено ради тебя, чтобы и ты не думал, что Бог делает что-либо напрасно и необдуманно: Он делает не прежде, чем ты подал повод к этому. На что, говорит, мне показывать великое и удивительное? Народ кричал и стонал вследствие своих притеснений: **Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его от приставников его; Я знаю скорби его** (Исх.3:7). То, что Бог сделал чрез Моисея, пророк приписывает народу. Видишь ли, как могуществен тот, кто повинуется Богу, и как бессилен противящийся Богу? Не от тебя самого тогда была сила и не вследствие твоей слабости пришли настоящие бедствия, но первую ты получил ради своей добродетели, а последние пришли на тебя ради твоих грехов. Обрати внимание на то, что он говорит: они подверглись разрушению вследствие гордости и вследствие какой-то надежды, которая не принесла им никакой пользы. Если, таким образом, те погибли по причине своей гордости, то эти, также пребывающие в безумии, каким образом могли освободиться? Бог не только истребил их, но подверг также осмеянию и позорищу. Так как падение на землю показывает слабость падающих, то поэтому и они (египтяне) за то, что топили мальчиков в водах, сами потонули в водах подобным же образом. Вспомни, говорит, о прежней славе твоей, научись, если желаешь, тому, что тебе присуща великая добродетель. **Не ты ли иссушила море?** Не говори, что ты победил равных себе народов, – когда ты победил как бы самую природу: была изменена природа, ты почти господствовал над творениями, когда благоволил к тебе Господь творений, Который никогда не завидовал тебе, ты же, как искренний друг, повелевал творением друга. **Превратила глубины моря в дорогу, чтобы прошли искупленные**. Ты подверг мучениям своих неприятелей, сам же имел новый путь. Пророк потому исчисляет чудесные благодеяния, чтобы напоминанием древних добродетелей убедить их любить Бога, побудить их к тому, чтобы они и теперь, как прежде, обратились к Господу. Он есть, говорит, Бог твой. **И возвратятся избавленные Господом и придут на Сион с пением, и радость вечная над головою их; они найдут радость и веселье: печаль и вздохи удалятся**. На главе их будет радость, как бы некоторый венец или трофей. **Печаль и вздохи удалятся**: хотя это было тогда сказано относительно их образно, но впоследствии это должно было совершиться в действительности. **Печаль и вздохи удалятся**. Так как множеством грехов мы навлекли скорби, печали и воздыхания, то поэтому пророк говорит: если ты исторгнешь корень, то тогда иссохнет и то, что произошло от того корня. Так как ты избрал себе тяжелую жизнь, то, когда начнешь говорить: почему Бог дал нам тяжелую жизнь, тогда вспомни о начале ее, вспомни, что мы сами были причиною наших притеснений. Бог не желал, чтобы в нашу природу вторгались печали, так как, сотворив ее, Он даровал ей величайшие блага. Если ты не веришь этому, то выслушай Священное Писание, которое говорит: **нашел, что Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы** (Еккл.7:30). Выслушай же, каким Адам был сначала: не было ни печали, ни заботы, которые присоединились потом, как наказания; ему следовало воздерживаться от зол, о которых он и не помышлял прежде. Подобным же образом, когда говорится: **скорбью будешь питаться** (Быт.3:17), то ясно, что человек прежде был подвержен радости; а также, когда говорится: **в поте лица твоего** (Быт.3:19), то ясно, что прежде он проводил жизнь без пота и труда; когда говорится: **в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь**

(Быт.2:17), то отсюда следует, что прежде Адам был бессмертным. Потому Христос, желая показать нам, что Он восстановил нас в прежнее состояние, увидевши после Своего воскресения жен, которые были матерями печали, прежде всего произнес им слово, которое совершенно было противоположно печали, говоря: **радуйтесь** (Мф.28:9); если по вашей вине пришла печаль сначала, то теперь ради Меня приходит наконец радость. Точно также и Павел часто говорил: **радуйтесь всегда в Господе** (Флп.4:4). **Древнее прошло** (2Кор.5:17). Если смерть не есть более смерть, то и печаль не есть более печаль. Итак, если сокрушено жало смерти, то разрушены также и действия грехов, потому что печаль входит в душу вместе с грехами. Тогда, говорит, отбежат скорби и печали и воздыхания; отбежать же означает не что иное, как удалиться.

12. **Я, Я Сам – Утешитель ваш**. Я всегда один и тот же; хотя изменилось положение вещей, однако Я не изменился, но Тот же, Который был. Справедливо сказано: **Я, Я Сам – Утешитель ваш**, потому что все блага бывают ничем, когда нет Того, Кто утешает; поэтому и Павел говорит: **утешающий нас во всякой скорби нашей** (2Кор.1:4). Будем же всегда молиться Тому, Кто причиняет печаль и дает долготерпение для нетерпеливых; никогда не будем стремиться к тому, чтобы быть богатыми, но к тому, чтобы только Бог благоволил к нам. При Божием благоволении, мы, будучи и бедными, можем быть радостны; когда же Бог гневается, то хотя бы мы были богатыми и состоятельными, мы все будем томиться от печали. Когда Бог нам враг, то хотя бы у нас были и блага и друзья, от них не будет никакой пользы; когда же Бог к нам благорасположен, то ничто враждебное не может повредить нам.

Кто ты, что боишься человека, который умирает, и сына человеческого, который то же, что трава. Справедливо пророк приводит на ум знатность его (Иерусалима), как бы какой-либо царской дочери, которая боится своих слуг. Скажи, пожалуйста, кем ты был? Эти слова: "**кто ты**" обозначают многое: во-первых, то, что он (народ еврейский) прежде прочих людей познал Бога; потом, ты один был освобожден от заблуждений, ты один почитал добродетели, тебе одному Я открыл сокровенное и невидимое Своей премудрости, по сказанному: **не сделал Он сего ни одному (еще) народу и судов Своих не явил им** (Пс.147:9). Какой народ Бог избрал таким образом, или кто когда-либо слышал голос Божий, как слышали они? Кем ты был? Что более привлекает тебя: телесная доблесть, или душевная мудрость? Блага, которые пришли издалека, или блага, которыми ты пользовался дома? **Кто ты** и почему **боишься человека, который умирает**: разве Я не даровал тебе жить жизнью бесплотных сил? Если не открыто, то как бы прикровенно Я даровал тебе таковую жизнь. В течение сорока лет ты не обрабатывал земли и не собирал жатвы, и тем не менее ты пользовался всеми благами. **И хлеб небесный дал им: хлеб Ангелов ел человек** (Пс.77:24-25). Ничего человеку не дается без труда. Кем ты был и почему убоялся? Ты господствовал над самою смертью. Бог прежде явил будущее и весьма часто освобождал их от бедствий. Он был бессмертным – потому, что имел Бога как бы своим вождем; он мог столько, сколько сам желал.

Который то же, что трава. Видишь ли бессилие природы? Хотя она внушила тебе страх, но не своею силою, а по причине твоего бездействия. Кто боится сена? Или, как если бы кто сказал нам: кто ты таков и почему боишься диавола? Он повелел тебе попирать змия, почему же ты боишься его? Сам Христос с тобою, почему же ты боишься врага?

13-16. **И забываешь Господа, Творца своего, распростершего небеса и основавшего землю**. Одно дело творение и промышление, а другое – могущество и попечение. Не одно и то же забыть отца и Бога, Который есть первая и истинная причина. Ты не увидел Бога, сотворившего тебя, но разве ты не видишь небо, которое всегда приводит тебе на ум творение? Куда бы ты ни пошел, небо представляется тебе, как какая-либо твердая и

устойчивая статуя. Оно окружает тебя, говорит и проповедует о Творце, и куда бы ты ни пошел, везде ты найдешь небо учителем.

И непрестанно, всякий день страшишься ярости притеснителя. Акила говорит: мучающего тебя. **Как бы он готов был истребить?** Прочие же говорят: призвать тебя. **Но где ярость притеснителя? Скоро освобожден будет пленный**. И теперь желаешь ли ты узнать, кто это такой? Обрати внимание: **Я Господь, Бог твой, возмущающий море, так что волны его ревут: Господь Саваоф – имя Его**. Итак, Он есть господствующий над всем этим. **И Я вложу слова Мои в уста твои**. Подвергшись многим бедствиям, они лишились также утешения возвещать определения Божии. Потому и говорится: **вложу слова Мои в уста твои**. А один из переводчиков говорит: сделаю то, что ты всегда будешь размышлять о законах Божиих, чтобы таким образом возбудить попечение твое и желание. **И тенью руки Моей покрою тебя, чтобы устроить небеса и утвердить землю**. А Симмах говорит: на которой насадил тебя, под этими силами, и охранял тебя различными стражами.

17-23. **Воспряни, воспряни, восстань, Иерусалим, ты, который из руки Господа выпил чашу ярости Его, выпил до дна чашу опьянения, осушил**. Так как пророк выше сказал: кем ты был и почему убоялся гнева ярости **притеснителя?** – то для того, чтобы Иерусалим не думал, что он подвергся наказаниям от людей, он прибавляет: **из руки Господа выпил чашу ярости Его**. Писания всегда называют наказания чашею; пророк прибавляет: **до дна**, чтобы показать угрожающее наказание Божие. А так как таковое наказание сходит глубоко, в самое сердце, то пророк говорит: **выпил** и **осушил**. Он приводит справедливую причину, и так как гнев следовало умилостивить, то говорит: ты исполнил меру наказаний, испил, опустошил чашу, так что от наказаний не осталось ничего.

Но чтобы показать, что никто не мог помочь ему (Иерусалиму), пророк говорит: **некому было вести его из всех сыновей, рожденных им, и некому было поддержать его за руку из всех сыновей, которых он возрастил**. Он напоминает им о великих и горьких наказаниях, говоря, что они не только подверглись скорби, но так измучились от несчастия, что в их бедствиях не нашлось утешителя. Говоря: **некому было поддержать**, пророк не обвиняет сынов его, но этим старается научить, что наказания произошли с неба, так что даже и самые сыны не желали утешить своей матери. Почему ты бежишь к чужим, когда даже среди твоих домашних не было тебе никакой надежды? Когда наказывает Бог, то не должно полагать надежды ни в обилии войск, ни в крепости городов.

Тебя постигли два бедствия, кто пожалеет о тебе? – опустошение и истребление, голод и меч: кем я утешу тебя? Ужели сыны твои, которые и сами нуждаются в утешении? Кроме того, кто в состоянии переносить голод? Итак, чтобы научить тебя, что война происходит также с неба, Он послал также голод. **Сыновья твои изнемогли, лежат по углам всех улиц, как серна в тенетах, исполненные гнева Господа, прещения Бога твоего**, т.е. они были полумертвыми вследствие опустошительного голода. Симмах говорит: как сеть, потому что, как сетью они не могут удержать воды, так их старания не могут утолить гнев Божий. Пророк говорит: были **исполненные гнева Господа, прещения Бога твоего**.

Итак выслушай это, страдалец и опьяневший, но не от вина. Так говорит Господь твой, Господь и Бог твой, отмщающий за Свой народ: вот, Я беру из руки твоей чашу опьянения, дрожжи из чаши ярости Моей: ты не будешь уже пить их, и подам ее в руки мучителям твоим, которые говорили тебе: "пади ниц, чтобы нам пройти по

тебе"; и ты хребет твой делал как бы землею и улицею для проходящих. Акила говорит: плечи твои; Симмах же: хребет твой. **Улицею для проходящих**. Смотри, когда Он был уже готов освободить их, Он показывает угрожающие им великие наказания, и что никто не может отвратить таковых бедствий, так чтобы и после благодеяний они не забывали о благах или о грехах, ради которых они подверглись наказанию. Воспоминание то о грехах, то о наказаниях и благодеяниях полезно людям. Бог измышляет многое подобное, чтобы побудить нас к смирению и пользе другим, – приводил Он на ум их воспоминание не только о благодеяниях, но также и о наказаниях после благодеяния, именно, обо всем, что совершилось в Египте и что во время потопа. Знамением потопа была радуга. Грех содомитян показывает попаленная земля. Радуга видима по всему земному кругу, знамение же греха содомского не повсюду видимо. Смотри, таким образом небо и земля представляют знамение гнева Божия: одно усматривается очами, другое же возвещается прочим людям по слуху. Медный змей был знамением относительно иудеев, листы жертвенника были также знамением. Мы имеем много знамений ада в слабостях, болезнях, тяжких наказаниях, так что из этого мы можем гадать о будущем. Кто не слыхал о гневе, излившемся на содомитян? Где среди языков не было слышно об этом? А наказания иудеев разве недостаточны для того, чтобы мы познали будущие наказания? Город разрушен, храм сожжен, скорби, притеснения, рассеяние тех, которые распяли (Христа); все они без полей, без городов, в дырявых платьях блуждают по вселенной. То, что они рассеяны не силою человеческою, ясно из того, что иногда при помощи Божией они побеждали македонян, персов и мидян, но великая сила Распятого их рассеяла и разбросала таким образом. Когда Финеес убил одного человека, то он получил великие блага. Когда сам Моисей сделал то же, то и ему были величайшие дары. Теперь же, если они убили действительно противника Божия, то почему же они подверглись мучениям, почему они рассеяны и разбросаны по вселенной? Кто не верит в адские наказания, тот пусть обратит свой ум на наказания, происходящие с иудеями, или на наказания Сапфиры и Анании, которые, посвятив прежде свое имущество Богу, потом погибли, как грабители храма.

ГЛАВА 52

1-5. **Восстань, восстань, облекись в силу твою, Сион! Облекись в одежды величия твоего, Иерусалим, город святый! ибо уже не будет более входить в тебя необрезанный и нечистый. Отряси с себя прах; встань, пленный Иерусалим! сними цепи с шеи твоей, пленная дочь Сиона!** Многие тогда радовались вследствие такого обетования. Почему же они желали обитать в земле неприятельской, когда они прежде вышли из своей страны? Чтобы они не были неверующими, пророк говорит: **отряси с себя прах** от тебя, **встань, пленный Иерусалим**. Восстань от земли и от печалей, и сядь на трон славы. **Сними цепи с шеи твоей, пленная дочь Сиона**, как вдова, посыпающаяся пеплом. **Ибо так говорит Господь: за ничто были вы проданы, и без серебра будете выкуплены**. Что значит это выражение – **за ничто**? Не напрасно и не тщетно, но как мы сказали выше: **которому из Моих заимодавцев Я продал вас** (Ис.50:1). Получил ли Я блага, принужден ли Я вознаграждать, как должник? Если Я вас предал без сребра, то тем более Я возвращу вас без сребра. **Ибо так говорит Господь Бог: народ Мой ходил прежде в Египет, чтобы там пожить, и Ассур теснил его ни за что. И теперь что у Меня здесь?** Он вспоминает прошедшее, именно, то, каким образом Он их освободил. Он часто указывает на плен, как бы на обвинение. Почему же? Чтобы показать, что они сами были причиною плена. Так как ни первый, ни второй плен не мог исправить их, то поэтому пророк говорит: **народ Мой взят даром, властители их неистовствуют**, не потому, что они были бессильными, но потому, что пошли **даром**, т.е., в то время, когда их Господь был всемогущ. Так как они обвиняли Его в том, что Он не пришел к ним на помощь, то пророк прибавляет: **и постоянно, всякий день имя Мое бесславится**. Они

сами были виновниками переселения в Египет и пленения между ассириянами и вавилонянами; по своей вине они были взяты неприятелями которые овладели ими легко. Он им при- писывает вину: **вас ради** (этих слов в русском переводе нет), говорит, хулят Бога те, которые говорят, что Я слаб, и бессилен, и жесток, и немилосерд. **И постоянно, всякий день имя Мое бесславится**, когда Я вас охраняю и когда даже вас наказываю. Когда Я являюсь охранителем, то говорят: что это за народ такой, ради которого мы все умираем? Когда же Я вас подвергаю наказаниям, то говорят: разве Он не мог спасти их? **Поэтому**, прибавляет, **народ Мой узнает имя Мое**, – потому что, говорит, **поэтому узнает в тот день, что Я тот же, Который сказал: "вот Я!"**. Почему же говорится: **поэтому**? Потому что **имя Мое бесславится**. То же говорил и Павел, показывая их ежедневные беззакония, от которых они никогда не отступали.

6-14. **Поэтому узнает в тот день, что Я тот же, Который сказал: "вот Я!"**. Христос, говоривший чрез пророков, потом показал Себя во плоти и говорил с нами. Потому также прибавляется: **как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего радость**. Акила говорит: как прекрасны на горах ноги благовествующего мир, благовествующего благое; Симмах: как приятны, а Феодотион: как прекрасны. По справедливости здесь усматриваются ноги, попирающие змей и скорпионов. Прекрасны эти ноги: они превосходят по красоте лучи солнечные, они приносят нам весьма многие блага. Что может сравниться с миром? Что может быть приятнее примирения с Богом, с самим собою и с своим ближним? Смотри, как велась троякая и различная борьба: мы боролись с Богом, с самими собою, а также с другими. Бог же прекращает эту борьбу, нисходя свыше и говоря: **мир вам**. Не мы ли сами просили обетования мира? Он Сам пришел, чтобы мы примирились с Ним, убеждал нас и дал такие блага, каких никто не мог знать или измыслить. **Проповедующего спасение**: Я, говорит, покажу всем. **Говорящего Сиону: "воцарился Бог твой!"**. А другие говорят: воцарился. **Голос сторожей твоих – они возвысили голос**. Прочие говорят: зрителей, т.е., прославляющих Бога. **И все вместе ликуют, ибо своими глазами видят, что Господь возвращается в Сион. Торжествуйте, пойте вместе, развалины Иерусалима, ибо утешил Господь народ Свой, искупил Иерусалим. Обнажил Господь святую мышцу Свою пред глазами всех народов; и все концы земли увидят спасение Бога нашего**. Все это совершилось среди народа после возвращения из плена.

Идите, идите, выходите оттуда; не касайтесь нечистого. Павел, говоря о своих временах, как на свидетельство, указывает на этого пророка. Какое основание для жизни люди того времени считали более превосходным, чем жизнь вавилонян? Справедливо же пророк убеждает их, так как многие были в нерешимости относительно того, оставаться им (в Вавилоне) или нет, и побуждает их (к исходу), указывая вместе с тем и причину: **идите, идите, выходите оттуда** и нечистых **не касайтесь**. Акила и Симмах говорят: мерзостей. Смотри на извращенность! Когда они вышли из Египта, то желали вернуться туда. Когда их призывали (выходить) из Вавилона, то они были нерешительны и скорбны. Такое возвращение они переносили с болезненным настроением, так что не желали уходить даже и после обещаний стольких благ. Пророк помышляет о чем-то новом, когда говорит: **выходите из среды его, очистите себя, носящие сосуды Господни**. Если вам не достаточно только выйти, то по крайней мере подумайте о следующем: вам, которые были служителями священных сосудов, совершенно неприлично обитать между нечистыми.

Ибо вы выйдете неторопливо, и не побежите. Вам будет такое знамение: **впереди вас пойдет Господь, и Бог Израилев будет стражем позади вас**,– так что вы не выдумывайте причины, что вы будете подвергаться бедствиям, подобно тому времени, когда вы вышли из Египта. Не так, но напротив, – с великим почетом, без замешательства и в спокойствии вы выйдете, потому что с вами пребывает Сам Господь.

Вот, раб Мой будет благоуспешен, возвысится и вознесется, и возвеличится. Как многие изумлялись, смотря на Тебя, – столько был обезображен паче всякого человека лик Его, и вид Его – паче сынов человеческих. К чудесам присоединяются чудеса, как и во время Авраама. Не будем спрашивать о порядке, потому что таков обычай пророков, которые, когда говорят о чем-либо, то обращаются и к другим предметам. Таким образом и здесь, сказавши о плене и о возвращении, пророк обращает речь к иному предмету: **раб Мой будет благоуспешен**. О ком, думают иудеи, сказано это: о Зоровавеле, о Данииле, или о народе? Мы, напротив, говорим, что это утверждается о Христе. Пусть не указывают нам на порядок. Из многих мест пророков мы можем показать, что порядок не сохраняется, и разные предметы связываются вместе. Теперь же мы сопоставим со Христом одного из тех, к которому думают относить сказанное, и посмотрим: к кому из них все это более применимо, того мы и возьмем; вы же будьте судьями по данному вопросу. Что значит: уразуметь, т.е., постичь? Уразуметь писание: таково, мне кажется, значение данного слова; это говорит и Акила: се уразумеет отрок Мой; еврейский же текст полагает то же, что и Акила. Я утверждаю, что пророк сказал это во всяком случае о Христе, чтобы показать, что все совершалось по Его желанию, так как Христос говорит: **очень желал Я есть с вами сию пасху** (Лк. 22:15). Хотя это было и тяжело, однако было желаемым ради того, что должно было совершиться. Чтобы показать, что Он добровольно и по любви, а не по необходимости или против воли взошел на него (крест), и что этот был для Него желательным, и весьма приятным, Христос говорит: **нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих** (Ин. 15:13). Видишь ли, как Он открывает Свое желание, по которому Он желал креста, который Он называет даже славою (Ин.12:28,32). **И вознесется, и возвеличится**. Прочие же говорят: и подымется. Не со всеми поднятыми, т.е., распятыми, пребывает слава, но напротив им принадлежит презрение. Свое возношение Он отделяет от прочих, говоря: **когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я** (Ин. 8:28); потом: **когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе** (Ин.12:32). То, что для остальных было причиною проклятия, разрешало все проклятия.

Возвысится и вознесется, и возвеличится: это указывает великое возношение; потом говорит: **возвеличится**. Итак, кто вознесся и кто прославился, когда был вознесен? К кому желают иудеи применить все эти слова: к Зоровавелю, или к Даниилу, или к народу, или к Богу, Которого почитает весь мир? **Как многие изумлялись, смотря на Тебя**. Акила говорит: удивились. Симмах: изумились. **Столько был обезображен паче всякого человека лик Его**. А другие говорят: так поврежден. **И вид Его – паче сынов человеческих**. Акила называет вид его лицом. Кто удивлялся Зоровавелю иди народу? Хотя многие удивлялись Даниилу, но вид его, который всегда считали прекрасным, не был бесславным. Во Христе же совершились оба эти чуда, потому что одни удивлялись Ему, а другие имели к Нему презрение. Справедливо также говорится: **вид Его**, потому что ради него, т.е., вида, они пренебрегали Его, говоря: не сей ли есть тектонов сын? Не называется ли мати Его Мария (ср. Мк.6:3)? То, что они удивлялись Ему, ясно из следующих слов: **никогда не бывало такого явления в Израиле** (Мф.9:33), а потом: **воистину Он был Сын Божий** (Мф.27:54). Для того, чтобы все это не считалось за невероятное нами, имеющими впоследствии говорить об этом, пророк наперед сказал об этом: **обезображен**, говорит. Его считали имеющим демонов, неистовым, считали соблазнителем народа, однако, Он никогда не показывал им лица Своего страшным. Справедливо также сказано: **был обезображен паче всякого человека лик Его, и вид Его**, – так как Богом Он не был презрен, но был прославлен. Свидетельствует об этом голос с неба: **Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте** (Мк.9:7). Не был презрен Богом тот, Кто все знает ясно. Не был презрен и людьми, почитателями благочестия, но презрен теми, которые были только людьми, людьми, живущими не религиозною жизнью. Таковые в Его бесславном лице встретили преткновение, –

бесславном, говорю, по человечеству, но не по божеству. Вид Христа не был безобразным более, чем вид всех людей. Но слава Его божества не настолько являлась в Его виде, насколько он (вид Его) был прекрасен по человечеству. Какое большее бесславие, как Богу показывать Себя человеком, Владыке облекаться в образ раба? То и другое не исполнилось на Данииле, потому что все ему удивлялись, никто его не пренебрегал. Смотри теперь сперва на чудеса, потом на бесславие. Справедливо говорит пророк: **вид Его**, потому что вид креста был бесславен и позорен. Когда видишь Его подверженным оплеванию и заушению, связанным в узах, терпящим бесславие креста и презренным, то и тогда обращай внимание сперва на чудеса, а потом на бесславие. Сами творения познали распятого Господа, так как они подвиглись и пришли в смущение. Теперь же уразумей Его могущество: если Он, бывший в таком бесславии, привел в такое замешательство твари, то тем более это совершится тогда, когда Он придет в величии Своем, со славою Отца и с ангелами.

15. **Так многие народы приведет Он в изумление**. Хотя иные переводчики сказали иначе, однако, следующие слова по переводу 70 обозначают, что народы удивятся настолько, что не произнесут слова, потому что здесь читаем: **цари закроют пред Ним уста свои**. Все читают здесь те же слова. Пророк говорит не только о бесславии, но также и о том, что будет после бесславия. **Многие народы приведет Он в изумление**. Эти слова нуждаются в истолковании. **Цари закроют пред Ним уста свои**, т.е., они удивятся, придут в изумление, будут держать уста вытянутыми. Кто из неверных не будет объят удивлением? Прославление не препятствует. Потому после бесславия и презрения являются чудеса, чтобы обнаружилась сила креста.

Ибо они увидят то, о чем не было говорено им, и узнают то, чего не слыхали. Когда это совершилось в народе иудейском? Но ко Христу все это применимо как тогда, так и теперь. Где те пророки, которые возвещают о нем (народе иудейском), так чтобы все впоследствии уверовали? Слова: **они увидят то, о чем не было говорено им** – означают то же, что говорит Павел: **у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый** (Гал.3:1). Велика сила Распятого, но велико и обвинение иудеев. Если уразумеют те, которые никогда не слушали пророков, говоривших о Христе, то что должно отвечать тем, пред которыми совершилось столько чудес, каковые даже и без пророчеств могли привлечь созерцавших? Они слышали слова пророков, глазами своими видели Его (т.е. Христа) и Его чудеса, и однако не уверовали. Напротив те, хотя не видели Христа, и не слышали слов пророков, уверовали. Это удивительно, это – великое дело. Ужели все это ложно? Никак, но из самого происшествия мы научаемся тому, что не ложно то, что предсказано было прежде многого времени. **Увидят то, о чем не было говорено им**, говорится, **и узнают**. Узнать – то же самое, что и веровать. Почему же они не уверовали? Потому, что они впали в гордость: гордость есть начало всех зол.

ГЛАВА 53

1-2. **Господи! кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?** **Мышца Господня**, т.е., знамение божественной силы. Кто, говорит, веровал нам? Пророк сказал это справедливо, потому что иудеи не веровали даже евангелистам. **Господи, кто поверил слышанному от нас?** То, что мы говорили, мы говорили не от себя, но возвещали слышанное. Справедливо сказано: **кто поверил**: необходима была вера, а не исследование. Кто будет спрашивать у нас об основании? Ничего не должно говорить и возвещать, потому что сказанное удивительно, оно превышает ум. Пророк не говорит: никто не согласился, но: никто не веровал. **И кому открылась мышца Господня?** Не думай, что это были только слова, так как тотчас последовал свидетель происшествия. Однако они не видели и не слушали. Чудеса были недостаточны для того,

чтобы они уверовали, поэтому необходимо было откровение, так как некоторые могли, а иные не могли видеть предложенное зрелище. **Блаженны очи, видящие то, что вы видите** (Лк.10:23); а также: **на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы** (Ин.9:39). Ясно, что всегда необходимо разумение, иначе, когда нет силы слов, то ни прочное свидетельство событий и ничто иное не может убедить неверующего человека. Смотри, как давно пророк предсказал то чудо, что иудеи не веровали! **Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли**. Акила говорит: он восстанет, как молодой питомец пред лицом его; Симмах: он восстал, как красота пред ним; Феодотион: восстанет пред лицом его, как младенец. Пророк у них отнимает всякую оборону и того, что он сказал, было достаточно для того, чтобы их не щадить. **Мышца Господня**: чтобы уразумели, что все творения суть дела Его крепкой мышцы. Кроме того, пророк говорит: **мышца**, чтобы показать, что Он есть сосуществен с Отцом и творит добродетель от Себя Самого: Он творит, что ни пожелает, не потому, что имеет повеление, подобно рабу, но потому, что обладает равною силою, как Отец. **Как отпрыск и как росток из сухой земли**. Акила говорить: как корень из невозделанной земли. Он был младенцем, но не так, как прочие младенцы; **ростком**, – но в **земле сухой**. Сухой землей пророк называет неискусобрачную Деву, чуждую всякого супружеского смешения и росы семени. Этого одного было достаточно, чтобы привлечь их к Себе. В божестве ли только Своем Он пришел, или явился вместе и как совершенный человек? Не ел ли Он с ними, и не возрастал ли среди них? Не жил ли Он с ними тридцать лет? Он никогда не отделялся от общества людей, чтобы не приводить их в недоумение, и в то же время не был ниже прочих, чтобы не подумали, что Он одинаков и подобен большинству. Как отрок, Он был равен прочим, но как **как отпрыск и как росток из сухой земли**, Он превосходил прочих. **Нет в Нем ни вида, ни величия**. Акила говорит: нет Ему вида, ни великолепия. Симмах: у Него нет ничего достойного почести. **И мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему**. Что ты говоришь? Ужели Он был так безобразен? Не должно говорить этого, говорит пророк. И я покажу это тебе ясно из последующего. **Нет в Нем ни вида, ни величия**: лишение славы я назвал безобразным видом, потому что Он не отказался явиться в низменном образе. Он родился от бедной Девы, потом предал Себя мучениям, тер-пел, что Его называли имеющим демона и соблазнителем, и не желал мстить Своим врагам. Иногда, удаляясь, Он обходил многие места, сопровождал на пути спутников, для того, чтобы показать Свое смирение, а не хвастовство. Не только должно искать славы, но также должно принимать и бесчестие, из которого происходит слава. Какой вред принесло Ему бесчестие или, лучше, как полезно было смирение для Его превосходства? Если ты желаешь видеть Его, как Бога, то исследуй. Но ко всему этому прибавь многое другое, и таким образом ты найдешь Его силу равною Отцу. Когда пророк сказал: **нет в Нем ни вида, ни величия,** то, чтобы кто не подумал, что Он лишен всякой славы, он прибавил: **и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему**, – показывая, что Ему был присущ вид не по нашему разуму, и что мы не можем созерцать Его так, как достоин созерцаемый. Но что Он был славен, это подтвердил Сам Христос, говоря: **ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира** (Ин.17:5). Иначе, пророк назвал безобразною славою вид креста.

3-6. **Он был презрен и умален пред людьми**. Видишь ли, какому бесчестию Он подвергся? **Презрен и умален пред людьми**: не только вследствие воплощения, но также и потому, что Он потерпел смерть, бесчестие и проклятие. Он был объявлен виновным в нарушении закона, был осужден, как злодей, потому **был презрен и умален пред людьми**. И Он был умаленным не только по причине способа осуждения, но также и по причине обычных наказаний.

И к злодеям причтен был (ст. 20). Видишь ли, пророку часто предносится пред глазами не славное, но исполненное бесчестия? Каким образом Он не поколебался? Пророк говорил о бесчестии, как будто бы оно было исполнено славы. (При этом пророк является) не ниже апостолов, потому что все они единодушно возвещали крест, ничего не уменьшали. Если они говорили о чем более пространно, то это о бесчестии, узах, о бичеваниях, о посмеяниях и поношениях; об этом они возвещали преимущественнейшим образом. Кроме того, апостолы веровали, что сила Распятого божественна, так что не пренебрегали возвещать ни о каком бесчестии. Исполненное славы и чести не могло совершить добродетели столь всеобщей. Если бы дело совершилось не таким образом, то было бы нисколько не удивительно совершить славное посредством славного. Но удивительно то, что в то время, как одна противоположность противополагается другой противоположности, в данном случае (одна) противоположность имеет большую силу, чем другая (соответствующая) противоположность.

Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши. Так как пророк несколько раз сказал, что у Него нет вида, ни доброты, то чтобы не подумали, что это сказано по причине Его безобразия, он прибавляет: **Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши**, т.е., преследования, притеснения, коварство. Поистине, велика премудрость переносить болезни и велика сила. Болезнями здесь пророк называет слабости, грехи, лукавство. **Изъязвлен**, говорит, **за грехи наши**, – слабости и грехи учеников, так как один называл Его имеющим демона, другой соблазнителем, а остальные – врагом Божиим; Он же переносил терпеливо такую слабость умов. Язвами, мне кажется, пророк называет или печаль, или скорби от наказаний. Если кто-либо здоровый переносит пороки других, то это весьма удивительно; тем более удивительно, когда такой человек, обремененный какою-либо болезнью, переносит бесчинства других, в то время, как они огорчают его, нападая на него. Иов не мог переносить насмешек друзей. Об Нем же (о Христе) пророк говорит: **Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши**. Иудеи, когда находились в притеснениях, то не призывали даже имени Божия, а Он (Христос) показывает двоякое действие силы: Сам будучи пригвожден ко кресту, Он переносил Свои скорби и вместе с тем искуплял наказания других. Для того, чтобы кто-либо переносил скорби других, необходимо, чтобы он сам не имел скорби. Но не так, говорит пророк, Он (Христос): **изъязвлен**, переносил слабость других. Его ударяли кулаками, огорчали, мучили, но Он понес грехи других; Он умирал, и разрешал смерть других. Нисколько не удивительно было бы, если бы такие чудеса совершил чистый бестелесный Бог; а потому пророк говорит: **изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши**. Он не только человек, и не только Бог, и это мы познаем из этих самых слов; пророк не сказал: "терпит", но: ведый терпети (в русском переводе этих слов нет): Он ведает это по Своей природе и от начала. **И мы отвращали от Него лице свое**, говорит, и не вменися (этого слова в русском переводе нет). Другие говорят: Он был обезображен, мы не вменили Его, т.е.: Он был презрен, ненавидим, презираем и ни во что вменяем всеми. Говоря: **изъязвлен**, пророк говорит о Его бесчестии. Однако, Он Сам думал, что бесчестие не есть бесчестие, и презрение не есть презрение. Или, как говорят другие переводчики: по причине бесчестия мы не вменили Его.

Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни. Подверженный многим мучениям, Он, однако, все их претерпел ради нас. Смотри, Он оплакал Иерусалим и, возмутившись духом, глубоко вздохнул и потом вызвал из гроба Лазаря, а также пришел в возбуждение по причине Иуды: **один из вас предаст Меня** (Мф.26:21). Он возмутился духом не потому, что Иуда намерен был предать Его, – иначе, как же Он мог сказать Отцу: **Отче! пришел час, прославь Сына Твоего** (Ин.17:1)? – но потому, что видел предателя имеющим оставить собрание двенадцати апостолов, и видел иудеев имеющими быть рассеянными по вселенной. Он скорбел не о Своих скорбях, но об их

обстоятельствах; и вместе с тем нас научает горевать о несчастьях других. Не потому Он мучается, что был предан наказаниям, но затем, чтобы показать, что те, ради которых Он претерпевал такие наказания, не будут иметь в Него веры, что ясно показывает, говоря: **Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст** (Мф.23:37,38). И мы вменихом Его быти в скорбях, в язве и во озлоблении, как бы от Бога (этих слов в русском переводе нет). Справедливо сказано, что мы вменили Его "как бы от Бога", потому что Бог не принуждал Его к тому ни необходимостью, ни силою, но Он Сам предал Себя добровольно за наши грехи. **Если Ты Сын Божий, сойди с креста** (Мф.27:40), говорили иудеи. Но все это ради вас, чтобы исполнилось сказанное: и мы не вменихом Его. Речь шла не о страдании и скорбях, но напротив, об исцелении и спасении, потому что говорит пророк: **Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши**. **Он**, говорит, **мучим за беззакония наши**. Справедливо во многих местах Он показывает язвы рук и тела, причиненные крестом. Было ли это язвами и скорбями для Него? Никак, говорит, – Он пришел для этого добровольно, Он желанием возжелал этого. **Наказание мира нашего**

было на Нем, и ранами Его мы исцелились, т.е.: Его учение и страдание дали нам мир. **Ранами Его мы исцелились**. О каком исцелении говоришь ты? Об исцелении тела? Никак, но об исцелении душ.

Все мы блуждали, как овцы. Он говорит о том исцелении, которое отвращает от заблуждения. Мы блуждали не один или два, но все. Если ты скажешь, что иудеи не были в заблуждении, то Сам Христос говорит: **Я послан только к погибшим овцам дома Израилева** (Мф.15:24). Видишь ли: исцеление креста совершилось как за них, так и за языков. О каком исцелении говорит пророк? О возвращении ли из вавилонского плена? Никак, но об обращении душ от заблуждения к истине. **Совратились каждый на свою дорогу**. Велико и несказанно было заблуждение: каждый без принуждения заблудился от своего пути; не только блуждали в чужой земле, но и в своей стране, и в своем городе заблудились от истины. **И Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих**. Чтобы ты не думал, что все это пришло на Него ради Его грехов, пророк говорит: **Господь возложил на Него грехи всех нас**. Ради нас, говорит, а не ради своих грехов Он оказался как злодей. **Но страдал добровольно и не открывал уст Своих**. Почему же Он молчал и не давал ответа? Если свидетельство Его дел не могло склонить их, то тем менее могли сделать это слова. Даже суд не мог убедить их (иудеев), но они, как господа, против закона приготовили Его смерть, будучи настолько яростными, что, хотя бы Он и отвечал, они, однако не послушали бы. Молчание могло освободить Его от креста. Но Он молчал также и потому, что они сделались совершенно недостойными Его ответа: ни сон жены Пилата, ни удавление предателя, ни краска стыда лжесвидетелей, ничто иное не могло преклонить их ума. Вы распинаете Его, – почему же вы взываете к кесарю?

7-8. **Как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих**, показывая Свою кротость не только всем прочим, но и самою смертью. Мне кажется, что пророк назвал Его овцой не только потому, что Он молчал, но и потому, что Он был жертвою; и Симмах говорит: и жертва пришла для жертвоприношения. Молчание тех, которых ведут на смерть, должно иметь малое действие, так как они молчат вследствие страха. Но молчание Того, от одних слов Которого державшие Его пали на землю, было велико. **Сказал им: кого ищете**, и все **они отступили назад и пали на землю** (Ин.18:4-7). Какой ответ был больше этого? Какие слова – более сильными? Ты видел силу, смотри также и на кротость. Как Он силен, как

кроток! Не только от силы, но и от самой кротости нам можно познать Его божество. **Как агнец пред стригущим его** связанный, говорит, **так Он не отверзал уст Своих**. Однако, Он отверзал Свои уста и говорил. Но чтобы показать Свое смирение, Он никогда не употреблял жестоких и суровых выражений. **Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?** (Ин.18:23). Такой ответ был кротче самого молчания. И мы или ничего не будем отвечать, или же будем отвечать смиренно.

От уз и суда Он был взят, – так как Он предался такому смирению, что не позволяли Ему говорить, чтобы совершенно отдалить от Него суд. Вы знаете, что даже у незначительных и у людей самых преступных не отнимается право защиты и право говорить по законам, так чтобы они были совершенно лишены помощи права. Он же, по причине Своего великого смирения, ничего не говорил на суде. Смотри: пророк, кроме того, прибавляет и нечто приятное, относительно слова крестного, именно, возвещение о чудесах: **но род Его кто изъяснит? ибо Он отторгнут от земли живых**. Что ты говоришь? Не о человеке ли ты говоришь? Если Он только человек, то почему никто не мог поведать о Его рождении? Невозможно, говорит. Но чтобы не было преткновения, вследствие того, что такое величайшее смирение совершалось на кресте, смотри, каким образом пророк снова поднимает нас и показывает нам Его силу, именно: хотя Он подвержен был этим мучениям, однако **Он отторгнут от земли живых**; Он Сам живет в Боге, по сказанному: **вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге** (Колос.3:3).

Он отторгнут от земли живых. Кто был человеком без того, чтобы не родиться? Пусть постыдятся еретики, хулящие слова пророка. Пусть никто не говорит о вечном рождении, потому что оно сокровенно; я же говорю о том рождении которое совершается в мире. Каким образом человек рождается от Девы? Каким образом без плотского соития возможно зачатие? Каким образом без мужа – отрок, и без супружеского сношения – потомство? Кто изъяснит? **Прежде нежели сочетались они, оказалось**, говорится, **что Она имеет во чреве от Духа Святаго** (Мф.1:18). Не показан образ зачатия, но сказано: **Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим** (Лк.1:35). Но разве, скажут, это тебе не кажется известным, и разве не знают все этого? Итак, когда обратятся к такому возражению, мы исследуем следующее: **Дух Святый найдет** (Лк.1:35). Дух Святый, говорят, совершил это. Но скажи: каким образом Он это совершил? Так ли, как Бог сотворил Адама? Но это является несообразным. Из семени чело-века? Да не будет, и говорить это есть великое нечестие. Так ли, как Еву – из ребра? Конечно не так. Извлек ли Он что-либо из утробы и образовал ли? Я не допускаю и этого. Но ужели без Девы? И это не прилично; тогда невозможно говорить, что Он принял от Нее плоть. Итак, каким же образом? Я прежде других исповедую свое незнание: я говорю, что я не знаю. Не исследуй неиспытуемого, что сокрыто. Я говорю, что Он принял плоть от, Девы, и исповедую, что это была истинная плоть. А каким образом Он принял от Нее, я этого знать не могу. Я не мудрее пророков и не разумнее Святого Духа, Который говорил устами пророка. Дух, знающий, яже суть Божия, как дух человека, знающий, яже в человеце (ср. 1Кор.2:11), не сказал ничего более, как только: **род Его кто изъяснит?** Я и ты – кто такие, чтобы исследовать неисследуемое и спрашивать о несказанном? Если человек не может изъяснить Его временного рождения, которому свидетелями бесчисленные ангелы, пророки и все творения, которое было почти подобным нашему, так как Он был по человечеству во всем подобен нам, за исключением греха, то кто настолько безумен и безрассуден, чтобы осмелиться исследовать непосредственное, несказанное и вечное рождение? Он не от этой жизни: **отторгнут от земли живых**. Каким же образом **отторгнут от земли живых**? Конечно, говорит, смерть Его была не по подобию нашей природы, так как Его тело не было подвержено греховному закону, чтобы понести смертное наказание ради греха, но Он был мучен ради грехов других: **посему и Бог превознес Его** (Флп.2:9). Видишь ли,

какое благо быть мучимым за других? Но мы, скажут, каким образом удостоверимся, если рождение Его неизреченно, **Он отторгнут от земли живых**, мы Его не видим и не понимаем Его рождения? Пророк говорит это, чтобы жестоковыйные и неразумные научились, что Он умер по плоти, но не по божеству. Он не оставался между мертвыми, но жил у Бога, по сказанному: **не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видела тления** (Деян.2:31), – так что ясно, что это относится к божеству. Он умер не за свои грехи, но за грехи других, – смертною природою, но не живою. **За преступления народа Моего претерпел казнь**. Симмах говорит: ради беззаконий людей Моих.

9-12. И дам злейших вместо погребения Его, и богатыя вместо смерти Его (русский перевод: **Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого**). Этими словами пророк обозначает опустошение города, который справедливо был разрушен римлянами. Бог предал его вместо погребения Его. Вместо погребения кого, иудеи? За чью смерть? Ездра, Зоровавель, Иисус, Иоседек и другие равные им умерли и были погребены; и ты не можешь говорить, что город разрушен ради погребения и смерти их. Справедливо сказал пророк: дам злейших; нет ничего злее народа иудейского. Вместо погребения Его, – так как они по причине погребения достойны были великих наказаний, не потому, что Он был погребен, но потому, что они не желали и не позволяли Его погребения. Если бы не случилось ничего иного, то только ради погребения Его они не были достойны прощения. Их осудил не только крест, но и погребение, хотя сам крест был достаточен для их осуждения. Если бы не случилось никакого иного чуда, то только исповедание разбойника могло побудить их к раскаянию. Впрочем, может быть, они скажут, что они не слышали такого исповедания и не видели последних чудес? Но умирающий **возопив громким голосом, испустил дух** (Мф.27:50). Не так ведут себя прочие, которые близки к смерти: их сила оставляет их мало-помалу, потом исходит дух, так что они не знают наперед конца жизни. Может быть (иудеи) скажут: мы не слышали даже голоса. Почему же они опускают разодранную завесу, распавшиеся скалы, землетрясение и помраченные лучи солнца? Но тогда, скажут, Он был еще жив. Если бы ты видел кого-либо по смерти творящим таковое, то не поразился ли бы ты удивлением и вместе страхом? Но разве ты, иудей, сам не просил судью, чтобы поставил воинов для бдительной охраны? Ведь, ты сам оградил стражами умершего, – скажи же теперь свое мнение. Не было никого из учеников, никакого евангелиста; ты сам, иудей, своею рукою запечатал гроб, сам поставил стражей, которые не благоволили к Нему, но были противниками и неверующими, которые не видели чудес и не знали пророков. Если же Он убедил разбойника, то тем более мог убедить вас, у которых были в руках пророчества. Если Он привлек к Себе воинов, то тем более мог привлечь к Себе вас, всегда слушающих Моисеевы законы. Но скажи: разве вы не видели никакого чуда во время распятия? Разве мало того, что уверовал разбойник? Воины били себя в грудь, сотник был удивлен. Но однако они, иудей, отвергли все таковое. Дам злейших вместо погребения Его, – не только потому, что они убили, но и потому, что, хотя они могли уразуметь все эти чудеса, они не захотели. **Он погребен у богатого**. Пророк называет их (иудеев) богатыми, потому что в то время они были богаче прочих людей, по причине великого обилия плодов; кроме того, они были богаты духовно, прежде чем совершили зло, потому что Бог имел о них большее попечение, чем о прочих.

Потому что не сделал греха. Следует ли думать, что это сказано относительно народа, как и те слова: дам злейших вместо погребения Его? Здесь им также должно уступить. **Не было лжи в устах Его**. Но вот говорится: **нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы** (Екклез.7:20); а потом: **и кто не погрешал языком своим?** (Иис. сын. Сир.19:17). Что должно сказать об этих словах: **все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу**? Чтобы ты не думал, что пророк, говоря "**все**", сказал это слово о большинстве, а не о всех, он говорит: **мы блуждали** – все вместе

и каждый в отдельности, чтобы понимали, что все это совершилось относительно Его. Он Сам предсказал, что это будет относительно Его: так это было и исполнилось. Если же не так, то скажи, иудей, ты, который с таким прилежанием убил беззаконного человека: почему же ты подвергся таким наказаниям? Во время Моисея виновные в идолослужении подвергались смерти по причине ревности Божией, и таким образом был умилостивляем гнев Божий. Теперь же, если ты не был виновен, если ты, почитая добродетель, по закону справедливости, убил человека, противного Богу, пренебрегающего законы, то почему ты подвергся наказанию? Финеес убил и был оправдан. Надлежало и тебе быть оправданным. Ты также заботился о славе Божией. Разве не следовало получить тебе награду за твое старание и за твою заботу? Но, говорит он, мы наказаны теперь за грехи. За какие же грехи? Разве за грех золотого тельца? За золотых телиц? Разве за убитых мальчиков и за принесенных в жертву дочерей? Не преследовали ли вы обольстителей и обманщиков Иуду и Февду? Почему же вы не получили великих наград, как заботившиеся о законах? Никто не может сказать, что вы обнаружили попечение только относительно Его; но (вы обнаружили его) также и относительно учеников, которые последовали за Ним: вы побили камнями Стефана, убили Иакова, подвергли многим мучениям Павла. Между тем, в то время, когда вы это делали, среди вас не было ни одного идолослужителя.

И Господь хощет очистити Его от язвы Его (в русск. перевод: **но Господу угодно было поразить Его**). Чтобы ты, услышав о смерти Его и о погребении во гробе, не прилеплялся своим умом только к этому, пророк прибавляете прикровенное слово о "воскресении", касаясь которого выше, он сказал: **ибо Он отторгнут от земли живых**; здесь же говорит: Господь хощет очистити Его от язвы Его, так что показывает тело Его свободным от истления, по сказанному: **и плоть Его не видела тления** (Деян.2:31), так как Он не был виновен. Если же Он удержал знаки язв, то ты не думай, что Он от этого был ниже, так как это было для утверждения твоей веры: **посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет** (Лк.24:39). Таким образом Он показал, что Он воззвал Свое тело к жизни прежде, чем оно подверглось тлению и разложению. Кроме рубцов ран, которые оно удержало, для утверждения учеников в вере в воскресение, на святом Его теле не обреталось никакого порока.

Когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное. Подтвердив то, что Он, Христос, умер за их, а не за Свои грехи, и что они понесут наказание, пророк также указал и на их признание: что если они только пожелают, то может совершиться их освобождение от наказания. Что означают эти слова: **жертву умилостивления**? Он не спрашивает ни золота, ни серебра, а ищет только одного: веруйте, да очиститеся от грех ваших (ср. Деян.3:19). **И воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его, чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих**. Все это свойственно мудрости и разумению, но **познание Его** означает воскресение. **Оправдает многих** – явит правду Его. Так как сказано: **чрез познание Его Он, Праведник** не его, но **оправдает многих**, то ясно, что Он показал праведным для всех неизвестного многим. **Воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его**, т.е.: Он последовал закону обрезания. Дал знамение Своего обрезания Сам Господь всяческих, Который принял служение раба, умыл ноги учеников и отер лентием. Он был Господом и Творцом тех, которым Он хорошо служил. **Не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить** (Мф.20:28); а также: **кто больше: возлежащий, или служащий? не возлежащий ли? А Я посреди вас, как служащий** (Лк.22:27). Почему Он и принял вид раба, в котором Он хорошо служил многим. Что означают эти слова: **рукою Его**? Некоторые говорят: в руке Христа пребывает сила, чтобы о Нем не думали, что Он си лен от кого-либо иного; что Он ни желал, все делал Своею силою. Отъяти скорби от души Его (в русском переводе этих слов нет): вера многих несколько отнимает от скорби

Его. Хотя Он страдал по человечеству, однако Он многих привлек к Себе. **И грехи их на Себе понесет**: праведник никогда не наказывается за грехи. **Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными**, говорится, **ибо любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так: если один умер за всех, то все умерли. А Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего** (2Кор.5:14-15); потом: **никто из нас не живет для себя** жить (ср. Рим.14:7); а также: **вы куплены дорогою ценою** (1Кор.6:20); **живем ли или умираем, – всегда Господни** (Рим.14:8); **Христос за всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего** (2Кор.5:15). Для того, чтобы ты не думал, что пророк сказал только о будущем, а не о прошедшем, он прибавляет: **и грехи их на Себе понесет**. Акила говорит: подымет. Симмах говорит: поведет.

Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу, т.е., корысти сатаны. Он победил и принял доспехи сильного. Хорошо сказано: **будет делить**. Он разделил, потому что некоторым из Своих апостолов дал языков, а иным обрезанных. **За то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был**. Один из переводчиков говорит: Он вменен был между вредными. (Он был предан) на смерть, не без пользы, но для того, чтобы поднять их. Видишь ли пользу смерти, видишь ли плоды креста? Смерть, говорят, не была сообразною. Она была совершенно сообразною для Него, потому что Своею смертью Он становится Владыкою всех живых. Эта смерть была исполнена бесчестия. **Мы вспомнили**, говорят иудеи, **что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну** (Мф.27:63). Хорошо сказано: **к злодеям причтен был**, так как Он Сам не был беззаконником.

Тогда как Он понес на Себе грех многих. А прочие говорят: принял. **И за преступников сделался ходатаем**. Акила говорит: пошел навстречу осмеивающим Его; Симмах: противоречащим. Феодотион: и Он будет мучить нечестивых. Смотри, как часто пророк предостерегает, чтобы не было у кого-либо преткновения. Каким образом какой-либо беззаконник может понести и изгладить грехи других? Не по той ли причине Он предан был смерти, что ненавидел грехи? Для того, чтобы изгладить их, Он добровольно умер. Почему, однако, сказано: поднял, или вознесет? Для того, чтобы обозначить крест, потому что на нем был пригвожден ко кресту грех; крестом были разрешены грехи.

ГЛАВА 55

1-5. **Жаждущие! идите все к водам; даже и вы, у которых нет серебра, идите, покупайте и ешьте**. Пророк показывает будущее изобилие. Говорится: **купите**. Каким же образом купить, – на деньги? Но вы получите даром и свободно, подобно тем, которые покупают за свои деньги. И как вода, которая покупается за малую плату, так будут для вас все блага. Везде земля произведет вам свой тук. Какая важность говорит об остальных благах, когда без денег покупается и мясо и вино. **И трудовое свое за то, что не насыщает**. Пророк говорит о первых трудах, которыми вы занимались, когда вы подвергались большим скорбям, собирая сокровища, и однако ваша бедность увеличивалась все более и боле. Так как сокровища, собранные несправедливо, хотя бы были весьма многочисленны, тем не менее становятся малыми, то и вы, трудившиеся прежде, не сделали ничего полезного. Теперь же вы будете богатыми и будете более радоваться.

Послушайте Меня внимательно и вкушайте благо, и душа ваша да насладится туком. Видишь ли, какою ценою Бог покупает послушание? **Приклоните ухо ваше и придите ко Мне: послушайте, и жива будет душа ваша**. Не так, как говорим мы: тебе должно повиноваться всем моим словам; Бог же обещает, что за повиновение Он воздаст

благодарность: **жива будет душа ваша**. Какова жизнь души, это ни от кого не скрывается, так как пророк говорит не о телесной, но о душевной жизни. **И дам вам завет**

вечный, неизменные милости, обещанные Давиду. Как верно было это Давиду обещание Его, так будет твердо и то, что Он обещал. **Милости, обещанные Давиду**: что же это такое? Правильный порядок, добрая жизнь, благопоспешество. Другие же говорят: милость Его. Кроме того, это – **завет вечный, неизменные милости**, потому что власть его пребыла твердою до конца. **Вот, Я дал Его свидетелем для народов, вождем и наставником народам**. Свидетельство иудеев во языцех, по написанному: **когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон** (Рим.2:14). **Вот, ты призовешь народ, которого ты не знал, и народы, которые тебя не знали, поспешат к тебе ради Господа Бога твоего и ради Святаго Израилева, ибо Он прославил тебя**: обличается упорство иудеев теми, которые почитали Господа, не зная Его. **Поспешат к тебе**. Видишь ли благодеяния Божии? Хотя они (языки) были очень неблагодарны, однако Бог почтил их и благоволил к ним, так что они прибегли к Нему, как к Спасителю и Благодетелю, по написанному: **и пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева** (Ис.2:3). Именно, Бог был искупителем и дарователем благ для всех языков чрез Свой народ, не в явных и видимых войнах, но в невидимых, потому что Он многим открыл Себя истинным Бо-гом. Для того, чтобы они не полагались на свою добродетель и не приписывали себе добродетели, пророк говорит: **ради Господа Бога твоего и ради Святаго Израилева, ибо Он прославил тебя**.

6-13. **Ищите Господа, когда можно найти Его; призывайте Его, когда Он близко**. Не призывайте Его как бы мимоходом, но всем умом и всем сердцем взыщите Господа. Разве мы не знаем Его? Конечно, говорит, вы знаете. Но когда вы покажете правильный порядок и душевную простоту, тогда вы будете познавать Его более и более. **Когда Он близко. Да оставит нечестивый путь свой и беззаконник – помыслы свои**. Когда Он дарует блага, тогда, по крайней мере, отступите от беззаконий; но для многих – о, ужас – дары Божии служат причиною зол. **И беззаконник – помыслы свои**, – не только дела, но также и помышления, которые служат корнями и источниками дел. Вы, говорит, очистите не только тело, но и душу, которая есть царица и госпожа. Когда госпожа, находящаяся в вас, здрава, тогда и помышления, зависимые от нее, пользуются даром благочестия, по написанному: **каков начальствующий над городом, таковы и все живущие в нем** (Иис. Сын. Сир.10:2). Это можно сказать не только о городах, но даже о помышлениях наших.

И да обратится к Господу, и Он помилует его. Обращение может совершиться не прежде, чем обращающийся отступит от беззаконий, и помилование – не прежде, чем он изгладит порочные мысли. **И да обратится к Господу, и Он помилует его**, когда, обратившись и живя по Его воле, вы будете очищены? **Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь**: разве Я буду помнить об обидах, на подобие людей, или Я мало милосерд, наподобие человека. **Но как небо выше земли**. Что ты говоришь? Ужели они отстоят таким образом? Так как вы знаете, что это самая большая мера, то поэтому Я сравниваю Свое милосердие с этой мерой, хотя оно гораздо больше; как отстоит небо от земли, так, и гораздо больше, благость Божия отстоит от человеческой злобы.

Как дождь и снег нисходит с неба и туда не возвращается, но напояет землю и делает ее способною рождать и произращать, чтобы она давала семя тому, кто сеет, и хлеб тому, кто ест, – так и слово Мое, которое исходит из уст Моих, – оно не

возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его. Пророк показывает, что повеления Его неизменны. Как дождь или снег не возвращаются на небо, но совершают дело, ради которого они посланы, так и Мои повеления совершать то, что Я желаю. Но чтобы они не подверглись небрежности, пророк в виду того, что раньше сказал, что Он не тотчас совершит, говорить: **не возвращается**. А чтобы мы не считали Его угроз и обещаний ложными, и таким образом не вредили себе самим, пророк прибавляет: **пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших**.

И благопоспешу путие Мои и повеления Мои (в русском переводе этих слов нет). Другие же говорят: вы будете сохранять повеления Мои. **Итак вы выйдете с веселием и будете провожаемы с миром; горы и холмы будут петь пред вами песнь, и все дерева в поле рукоплескать вам. Вместо терновника вырастет кипарис; вместо крапивы возрастет мирт**. Симмах говорит: вместо крапивы. Здесь пророк показывает или будущее счастье, после возвращения из плена, или же строгость законов и легкость благодати. **И это будет во славу Господа, в знамение вечное, несокрушимое**, – т.е.: совершится и исполнится то, что Я обещал. Если же каким образом это не исполнится, то будет ясно, что они сами были недостойны таковых даров.

ГЛАВА 56

1-4. **Так говорит Господь: сохраняйте суд и делайте правду; ибо близко спасение Мое и откровение правды Моей**. Подобно тому, как, намереваясь освободить их от бедствий, Он убеждает их к сохранению доброй жизни и правильного порядка, чтобы они могли освободиться от наказаний, так и теперь, намереваясь вести их ко благу, Он увещевает их не быть небрежными, не отрекаться от благ и в великом изобилии благ не забывать об этом, по написанному: **стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел** (Втор.32:15). Бог, говорит, готов благодетельствовать вам. Итак вы не делайте себя недостойными Его даров. Хотя все происходит от Его милосердия, однако Он не желает, чтобы это милосердие было причиной вашей небрежности. **И близко спасение Мое**. Не говорит: совершится, – чтобы показать, что милость Его, которую вы скрываете множеством грехов ваших, как бы всегда наготове.

Блажен муж, который делает это, и сын человеческий, который крепко держится этого, который хранит субботу от осквернения и оберегает руку свою, чтобы не сделать никакого зла. Человек бывает блаженным прежде всего ради своей добродетели: только добродетель доставляет награду, а потому он оберегается осквернять субботы. По законам соблюдение суббот было началом правильного порядка. Если ты желаешь знать, что такое суббота, то мы покажем законное определение относительно этого дня. Бог даровал таковые постановления относительно субботы не напрасно. Во время субботы иудеи не заботятся о телесном, не приготовляют пищи, не делают ничего, за исключением самого необходимого, чем должно пользоваться. Только это было позволено, остальное же возбранено и совершенно запрещено. Если бы они воздерживались от трудов во все дни, прилагая старание только к духовному, то человеческая природа ничем не отличалась бы от ангелов: тогда не нужно было бы заниматься торговлей, обмениваться платой, не нужно было бы вращаться ни в лавках, ни в палатках, тогда не было бы никакой телесной заботы, и таким образом иудей оставался бы с связанными руками и в жалком положении; были бы запрещены все заботы, и всякие дела, и вместе с тем прекратились бы зло и грехи; никто не пашет, никто не жнет, только обрезывают, даже животного, упавшего в ров, не поднимают. **И оберегает руку свою, чтобы не сделать никакого зла**. В седьмой день повелевалось помнить о добродетелях, слушать божественный закон, заботиться о вечной жизни. Хотя они делали это, побуждаемые необходимостью, однако законы

связывали их руки так, что они не грешили ни добровольно, ни непроизвольно. Если бы они таким образом всегда воздерживались от зла, то они подражали бы жизни ангельской, и тогда не должно было бы отдавать отчета ни в крови пророков, ни в убийстве праведников, ни в том величайшем безумии, что они осмелились наложить руки даже на Христа Божия. Видишь ли, какие добродетели происходили от субботы? Бог, зная, что они никогда не отстанут от грехов, повелел соблюдать субботу, чтобы, по крайней мере, в седьмой день они воздерживались от грехов. **И оберегает руку свою, чтобы не сделать никакого зла**. Справедливо говорит: **оберегает**, потому что рукам не так вредят терновник и острия колючки, как греховные уколы, которые уязвляют и ослабляют душу. Велика сила рук для излияния молитв и для щедродарения бедным; они также уязвляют сатану, когда святые поднимаются к Богу. Если ты желаешь уразуметь силу рук, то посмотри на мужей и жен, целующих руки священника. Почему они не целуют голову или иной член? Потому, что им (рукам) придана великая сила, они – служительницы неизреченных таин, ими каждый возрождается к новой жизни. Смотри на апостолов: сколько и каковы дела они совершили своими пречистыми руками: **тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святаго** (Деян.8:17). И теперь какую помощь и какие блага даруют нам святые руки священников! **Да не говорит сын иноплеменника, присоединившийся к Господу: "Господь совсем отделил меня от Своего народа"**. Смотри, эти слова подобны словам апостола: **ибо когда язычники**, говорит, **не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон** (Рим.2:14); а также: **обрезание полезно, если исполняешь закон; а если ты преступник закона, то обрезание твое стало необрезанием. Итак, если необрезанный соблюдает постановления закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание?** (Рим.2:25-26). Хотя у тебя нет сродства с Авраамом, но по причине добродетели ты соединишься с ним более близким сродством, чем его дети. Не думай, что оно для тебя меньше, чем для иудеев, которые славятся своими праотцами – Авраамом, Исааком и Иаковом. **И да не говорит евнух: "вот я сухое дерево"**. Многие иноплеменники желали выйти с иудеями. Чтобы они не тяготились суровыми законами, или тем, что они лишались отечества, пророк отнимает причину. Он говорит, что необходимы духовные добродетели, а не только повиновение суровым законам. **Ибо Господь так говорит об евнухах: которые хранят Мои субботы и избирают угодное Мне, и крепко держатся завета Моего**. Справедливо сказано: **избирают угодное Мне**, – чтобы они не думали, что только жертвоприношения и телесное обрезание достаточны для спасения, но чтобы они занимались духовными добродетелями, не заботясь особенно об одном телесном очищении. **И крепко держатся завета Моего**. Хорошо сказано: "**держатся**", потому что с великим прилежанием надлежало повиноваться законам, которые относились к душе; прочими же законами, как пустыми, следовало пренебречь.

5-8. **Тем дам Я в доме Моем и в стенах Моих место и имя лучшее, нежели сыновьям и дочерям**; **дам им вечное имя, которое не истребится**. Потому желательны дела, что они сохраняют нашу память бессмертною, не дозволяют ей быть преданною забвению. **И имя лучшее, нежели сыновьям и дочерям**: это по природе, а то по изволению; это по необходимости, а то по добродетели. Имя добродетели лучше, чем имя сынов и дщерей, не только потому, что сохраняется память о нас, но и потому, что мы славимся добрыми делами и не подвергаемся наказаниям по причине ложного мнения. Если кто приобретает имя чрез дурные дела, то память о таковом погибнет, вследствие забвения о злых делах. Иуда известен во вселенной, но на зло и на гибель ему самому; славен также и Павел, но к добру и пользе вспоминающих. Не напрасно я сказал об этом, – я вижу многих созидателей величественных дворцов, поставляющих себе прекрасные погребальные памятники, не ради чего иного, как только затем, чтобы посредством сооружений оставить себе имя и память в этом мире после смерти. Но таковыми делами они приобретают себе бесполезное и ложное утешение. Какую пользу принесут умершему

украшенные здания? Хотя бы многие говорили: этот дворец или эта гробница принадлежит такому-то, однако в этом нет никакой пользы, а даже великий вред. Таковой (человек) подвергается обвинению, как скупой, неимущий, малодушный, хищник, грабивший сирот и вдов, чтобы соорудить себе гробницу, или поставить памятник. А этот памятник стоит, как бесполезное изображение, являясь обвинителем зла его самого, памятником о его преступлениях. Даже те, которые охотно пожалели бы умершего, теперь не пожалеют; он сделал не иное что, как оставил для живых бессмертное обвинение, оставив памятник, бесполезный для имени и славы. Позаботься, человек, оставить себе имя и память в лице помнящих людей, которые бы иногда возвещали о твоих добродетелях, которые бы говорили: мы жили чрез тебя, чрез тебя мы освободились от бедствий, чрез тебя мы приняли утешения и избавились от несчастий. Вот это память, это имя, – когда пользуются благами люди, помнящие и мудрые, а не камень, не известь, не земля, т.е., люди, которые ради тебя воздают благодарность Богу.

И сыновей иноплеменников, присоединившихся к Господу, чтобы служить Ему и любить имя Господа, быть рабами Его, всех, хранящих субботу от осквернения ее и твердо держащихся завета Моего, Я приведу на святую гору Мою и обрадую их в Моем доме молитвы; всесожжения их и жертвы их будут благоприятны на жертвеннике Моем, ибо дом Мой назовется домом молитвы для всех народов. Видишь ли ряд жертвоприношений, которые освящают жизнь не сами собой, но когда жизнь бывает свята по другим основаниям, тогда и они бывают святыми и приемлемыми.

Дом Мой назовется домом молитвы для всех народов. Видишь ли, как давно можно было языкам входить в дом Божий, как давно отверсты были врата? Итак, почему же ты, иудей, обвиняешь теперь Христа, когда слышишь Исаию, говорящего то же? Обрати внимание, что закон желает того же. Но однако они не могли следовать тому, чего желал закон; они думали, что жертвоприношений было достаточно для всего. **Дом Мой назовется домом молитвы для всех народов. Господь Бог, собирающий рассеянных Израильтян, говорит: к собранным у него Я буду еще собирать других. Все звери полевые, все звери лесные! идите есть**, все звери дубравныя, приидите, видите. Чтобы евреи не печалились из-за общения с языками, думая, что они лучше, Бог напоминает о Своих благодеяниях им, именно: Я вас рассеял и соберу. Это означают слова: **к собранным у него Я буду еще собирать других. Все звери полевые, все звери лесные**. Так как Он говорил с язычниками, то Он совершенно свободно открывает, почему Он позволил им придти в чужую землю и почему тех (иудеев) отверг от Своего лица, по апостольскому выражению: **ибо если Бог не пощадил природных ветвей, то смотри, пощадит ли и тебя** (Рим.11:21). Я, говорит, сказал: **все звери полевые, все звери лесные! идите есть**. Языки Он называет зверями, ради их диких нравов, так как звери отличаются от людей такими нравами. Если человек не изменяет нравов своей жизни, то он ничем не отличается от диких зверей. Мы иногда называем дикими зверями людей неправых и злых, думая, что недостаточно их называть только зверями, и для того, чтобы показать совершенно жестокое умственное настроение их, мы называем их дикими зверями; кроме того, если мы думаем, что недостаточно даже и этого, то мы называем их демонами и демонами злыми и вредными. Того, что человек одарен телом, еще не достаточно для обнаружения меры его человечности; но нужно, чтобы душа его открыла, что он действительно человек. Тело образовано для того, чтобы быть служителем и рабом души. Но когда ум принимает нравы зверей, то что пользы от цитры, когда бывает болен сам цитрист? У Навуходоносора было некогда тело человека, но пища, образ жизни и остальные нравы звериные. И сколько есть подобных ему по нравам! О, если бы они, удалившись, питались вместе со зверями травами, а не терзали тел людей, не пили их крови, и не расхищали имущества и достояния других, так как даже и у зверей нет такого нрава, чтобы один зверь терзал другого.

9-12. **Стражи их слепы все и невежды: все они немые псы, не могущие лаять**. Теперь он продолжает обличать злобу иудеев, поведает о наказании и причине наказания, о том, что они – безумны, что они ослепли, но не слепотою тела, а слепотою ума. Говорить "**все**": это поистине бедствие, что они все были немыми псами, неспособными лаять. Между зверями псы самые ручные. Греческие мудрецы им удивлялись и нравы этого кроткого животного брали за образец мудрости. Пес очень хорошо признает своих, и отказывается от чужих. Он, претерпевая многие труды и голод, не оставляет своего господина. Но самое главное это то, что он может отличать домашних от чужих. Напротив, они (иудеи), так как не лаяли на чужих, потеряли хороший нрав подобных животных. Они не боролись против вредных демонов, не отступали от пороков, но предавались им, как бы полусонные, тупые и оцепенелые, как бы принявшие дурман, давали всем свободный путь для их беззаконий, только радуясь этому. Если бы они не могли делать должного, то конечно на них не простиралось бы обвинение. Но они могли и не желали. А так как они не желали, то они потеряли к тому способность. **Вас мир не может ненавидеть** (Ин.7:7), не потому, что он не мог ненавидеть, но потому, что не желал. Отсюда ясно: не мочь – тоже что не желать, – подобно тому, как мы часто говорим: этот раб не может быть хорошим, каковыми словами мы указываем на то, что он не желает; если бы он не мог, то никто бы его не обвинял. Никто не обвиняет говорящего: я не могу лететь на небо, потому что хотя бы он и желал этого, он не может.

Бредящие лежа, любящие спать. Мне кажется, это сказано о лжепророках, а также о тех, которые любят глубокий сон. Потом указывается иное зло: **и это псы, жадные душею, не знающие сытости; и это пастыри бессмысленные**. Преданные чревоугодию, бессильные, ябедники, они показывали свое ничтожество и небрежность там, где следовало показывать доброту и мужество, свою строптивость и бесстыдство там, где нужно было показывать кротость и мир. Смотри, они изобиловали добродетелью, но обращали ее в неправду; они не занимались ею даже и в благоприятное время. Я утверждаю, что кротость хороша, но в свое время. Хороша и свобода, но когда она нелицеприятна. Та и другая по своей природе не есть ни благо, ни зло. **Есть**, говорится, **стыд, ведущий ко греху, и есть стыд – слава и благодать** (Иис. Сын. Сир.4:25); **бывает обличение, но не вовремя, и бывает, что иной молчит, – и он благоразумен** (Иис. Сын. Сир.19:28); **многоречивый опротивеет** (Иис. Сын. Сир.20:8). Видишь ли, что все бывает целесообразно или нецелесообразно по способу действия. Если бы это было таково по природе, то тогда нужно было бы обвинять и природу. Но они (иудеи) были таковыми не по природе, а по небрежности. Так как они вели себя не хорошо сами, то поэтому и молчали; им, конечно, и нужно было молчать. **Бессмысленные**. Видишь ли, какое безумие порождается злом и великим заблуждением, – большее, нежели безумие глупцов, которые рождаются одаренными малым разумом. Я говорю это о тех безумцах, которые более чем рождающиеся таковыми, презренны, жалки, несчастны и более достойны слез. Тех освобождает от обвинений их несовершенная природа, а эти, сами себя сделавшие безумными и глупыми, куда убегут, чтобы избегнуть обвинения?

Все смотрят на свою дорогу, т.е., за своими удобствами, за своими страстями. Откуда происходят страсти? Они происходят не от природы, но от желания. **Желание праведных есть одно добро** (Притч.11:23), и: **желание исполнившееся – приятно для души** (Притч.13:20). Итак, ясно, что желание зла происходит не от природы, но от развращенной воли. Например: одно желание у людей здоровых и другое у людей слабых. Корни последнего исходят из болезни, а корни первого из здоровья. Точно также и здесь. Посмотрим, чего желает праведник: **как олень стремится к источникам вод, так стремится душа моя к Тебе, Боже. Возжаждала душа моя (явиться) к Богу крепкому, живому** (Пс.41:2-3); потом: **возжаждала Тебя душа моя и сколь сильно плоть моя стремилась к Тебе** (Пс.62:2); потом: **всемерно желает душа моя (войти) во дворы**

Господни (Пс.83:3). Посмотрим, чего желает злой: он **всякий день он сильно алчет** злое (Притч.21:26); в них всегда пребывает душа и ум его. О праведном же говорится: **многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали** (Мф.13:17). Что желание добра сообразно с природой, а желание зла несообразно с природой, ясно из слов Павла: **влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас** (Флп.1:23-24). Он считал легкими временные бедствия. Если бы он был против них вследствие их природы, то он не должен был бы называть их легкими. Не делай какого-либо возражения относительно больных; я возьму пример от тебя самого. Я не говорю о Павле, но о вас, которые желаете зверских нравов. Что значит пользоваться добрым здоровьем? Заключается ли оно в (самой) природе, или же есть нечто вне природы? Некоторые думают, что оно заключается в (самой) природе. Будем ли мы презирать природу? Никак. Но постыдные совокупления с мальчиками, пренебрегающие законами природы, считаешь ли ты естественными или нет? Ясно, что они противоестественны, самое бесплодие есть уже знак неправильности совокупления. Потому все законодатели и прочие определяли за это смертную казнь. Итак, теперь, когда многим это кажется естественным, то есть ли это поистине сообразно с природой, или противно природе? А также женщины, презирающие законы чрез совокупление в незаконной любви, любящие чужого, а не своего мужа, – не ясно ли, что поступают против природы? Желать жены своего ближнего разве не противно природе? Думать, что достаточно одной своей жены, вот это сообразно с природой. А желание богатств разве не противно природе? Конечно, – хотя мы не желаем в этом уступить, подобно тому, как тем не кажутся противными природе даже звериные совокупления. Не будешь ли ты казаться самому себе более целомудренным, когда воздержишься от пожеланий? Не кажется ли тебе желание богатеть противным природе, когда ты видишь, что жадно прилепляющиеся к богатствам никогда не отстают от пороков? Когда ты придешь к людям здоровым, то тогда уразумеешь, что как желание богатств, так и преданность скупости противны природе, подобно тому, как и мудрый Павел говорит: **усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным** (1Кор.9:27); и Господь наш сказал в Евангелии, что **тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь** (Мф.7:14). Ясно, что не сообразное с природой, а противное природе требует величайших трудов. Не иначе, как если бы кто-либо заставил кого ходить на руках. На ногах ходить легко и не требует никакого труда; ходить же на голове, совершенно невозможно. Равным образом я говорю: если бы добродетели были сообразны с природой, то они не требовали бы никакого усердия; если же сообразно с природой не следовать добродетели, то тогда ничего более не остается и говорить. Но вот, присутствует Христос, произносящий решение, а также Павел является законодателем: **усмиряю**, говорит, **и порабощаю тело мое** (1Кор.9:27), изменяя его из одного рабства в другое; Христос же сказал: **тесны врата и узок путь** (Мф.7:14). Но то, что естественно, не требует труда, так как сама природа может заботиться о своем. Потому Бог не наложил (на нас) всего трудного, чтобы не обременять нас излишними трудами: иное совершается против природы, иное же сообразно с природой. То, что сообразно с природой, легко до такой степени, что мы не воспринимаем даже, каким образом это совершается. Христос говорил слабым и ленивым, что **тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь** (Мф.7:14). Бывает такое время, когда здоровое состояние становится болезнью, когда болезнь кроется внутри тела. Не слыхал ли ты когда-либо, как народная толпа говорит, что привычка есть вторая природа? Так как Христос видел большую часть людей погруженными в беззаконие, то Он сказал, что **тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь** (Мф.7:14). Когда же Он проповедует только о добродетели, то посмотрим, что Он говорит: **иго Мое благо, и бремя Мое легко, и найдете покой душам вашим** (Мф.11:30,29). Каким же образом обрящется покой на тесном пути? Каким образом этот путь можно назвать и тесным и дающим покой? Основание этого тоже самое, какое я привел выше: когда Он говорит к слабым, то Он

называет этот путь тесным и узким; когда же говорит это к здоровым, Он называет его приятным и легким. А Павел был здоров или слаб, когда говорил: боюся, **проповедуя другим, самому не остаться недостойным** (1Кор.9:27)? А также: **посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть** (1Кор.10:12)? Если и ты разделяешь также такое мнение, то каким же образом ты говоришь: **ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое** (2Кор.4:17). Если телесные скорби легки, каким же образом они будут легче тех, которые вне человеческой природы? Не столько страсти душевные терзают наш ум, сколько мучения и узы, гонение, бесчестие и голод. Каким же образом происходит, что те легки, а эти тяжелы? Он увещевает нас к тому, чтобы мы были осторожны и не слишком самоуверенны. Когда он сказал: боюся, **проповедуя другим, самому не остаться недостойным** (1Кор.9:27), то он показал свободу. Если он боялся, то он не мог стоять таким образом. Но так как он был уверен, то и говорил такие слова, чтобы кто-либо не пренебрег его. А приводя иных к доброму плоду, он полагал, что сам обретает спасение. Нет никакой пользы, говорит он, проповедовать другим, если мы относимся к себе пренебрежительно. Когда он говорит: **и чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений** (2Кор.12:7), то говорит по смирению, а не по гордости, потому что он мог славиться. Но опуская великое, чем он мог славиться, он напротив славится следующим: **дано мне жало в плоть, ангел сатаны** (2Кор. 12:7), т.е., соблазнитель; **если должно мне хвалиться** (2Кор. 11:30), **собою же не похвалюсь, разве только немощами моими**; **не буду неразумен** (2Кор.12: 5-6). Как же иному не возгордиться тем, чем он славится? Так как он говорил с теми, которые пренебрегали дела, полагаясь только на свою веру, то он сказал: **и потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух** (1Кор. 9:26), т.е., не напрасно и не попусту. Почему же чаще бывает противное природе, чем сообразное с природой? Потому, что мы не прилагаем никакого старания. Подобно тому, как здравие сообразно с природой, но если мы относимся к нему небрежно, то впадаем в различные болезни, таким же образом, хотя желание блага и коренится в природе, однако Бог пожелал, чтобы оно нуждалось в нашем изволении. То, что совершается сообразно с природой, совершается легко, но воле свойственно противиться природе; потому мы не принуждаемся какой-либо необходимостью. Если бы добродетель была сообразна с природой, то Бог не убеждал бы нас к ней; но добродетель совершается не только природой, но и желанием (самого человека). Врач приходит затем, чтобы тело, вышедшее за пределы природы, возвратить к его природе, и кость, отпавшую от своей твердыни, вновь прикрепить. То, что сообразно с природой, может быть восстановлено искусством. Но если искусство отсутствует, тогда и то, что было сообразным с природой, становится противным природе. Таким же образом, когда ты в своих нравах ходишь не по воле Божией, то ты вышел за пределы природы. Но так как добродетель сообразна с природой и совершается по желанию, то поэтому Христос сказал: **итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними** (Мф.7:12). Тому, что сообразно с природой, человек научается не от другого, но от самого себя, так как Он опять говорит: **возлюби ближнего твоего, как самого себя** (Мф.22:39). Он на долгое время оставил людей без закона. Откуда же ясно, скажут, что это сообразно с природой? Из того, что сказал Христос и что было сказано до него и наконец из весьма многого иного. Например, мы называем сообразной с приро- дой ту пищу, которая соответствует нашей природе; ту же пищу, которая разрушает ее, мы называем противной природе. И опять: сообразно с природой то, что относится к миру и сохраняем, его устойчивость; то же, что может разрушить мир, противно природе. Добродетели мы называем естественными, так как они сохраняют нашу жизнь твердою; грехи же мы называем противными природе, потому что они разрушают ее. Если угодно, приди, дай нам построить дом или город! Некоторым кажется, что знание добра у варваров и у греков было не одинаково. Мы знаем, говорят они, что должно и не должно делать, так как мы научены законами, законодателями,

судами; а те где научились? Я скажу, что тому, чему ты научился из законов и законодателей, они научились от естественного закона. Представь два города: один, созданный грехами, а другой – правдою, и посмотрим, который из них будет долговечен и крепок. Из этого мы можем открыть, что сообразно с природой и что противно природе. Если тебе угодно, то мы рассмотрим тоже и на людях. Пьяный поступает сообразно с природой, или против природы? Те болезни, которые происходят от пьянства, обличают пьяного, что он поступает не сообразно с природой, но противно природе.

Все, сказал пророк, **смотрят на свою дорогу, каждый до последнего, на свою корысть**. Велико несчастье, когда больные следуют своему желанию и не повинуются предписаниям врача. Смотри же на предрассудок: богатый ходит за своим богатством, расточительный проводит время только в прелюбодеянии. Как на причину всех пороков, мы укажем на пьянство, на которое многие смотрят совершенно как на ничто. Оно, прежде всего, повреждает ум, потом приводит к скупости, так как тому, кто не имеет ничего, чтобы уплатить, нужно предаваться скупости. А узы скупости железны, – подобно тому, как если ты свяжешь какой-либо член узами, то вместе с ним влачится и все тело, куда бы ни влачились узы. Не достаточно и этого: пьяница теряет силу, становится скупым, грабителем, гневливым, ревнивцем, жестоким и безумным.

ГЛАВА 57

1-9. Теперь смотри: **праведник**, говорит, **умирает**. Один здоровый скоро погибает между многими больными. Это и есть признак болезни, что сильные, которые могут исправить их жизнь и нравы, исторгаются из их среды. **Праведник восхищается от зла:** такова была польза от его праведности. **Он отходит к миру; ходящие прямым путем будут покоиться на ложах своих**, т.е., от беззакония злых. И это не малое, а даже весьма большое зло, когда полагают светильник в скрытом месте и уносят свет "от среды". **Ходящие прямым путем будут покоиться на ложах своих**. Что означает это? Жизнь их была в замешательстве, а самая смерть его приятна, потому что Бог освободил его от зла, прежде чем пришло такое зло. То же, что казалось противным ему, стало совершенно благоприятным, потому что он не увидел ни войны, ни битвы. Некоторые же думают, что это сказано об Иосии, которого помиловал Бог, дабы не видеть ему плена народа.

Но приблизьтесь сюда вы, сыновья чародейки, семя прелюбодея и блудницы. Для вас не было никакой пользы исторгать вашего обвинителя из среды, потому что Я Сам буду судить вас. **Но приблизьтесь сюда**. Законно и праведно он называет вероломных и мятежных семенем **прелюбодея и блудницы**. Но почему они подвергаются порицанию, когда таковы были их отцы? А они сами мало делали беззаконий отцов? Они не почитали родов праведных, почему же неприлично было называть их таким образом? Если кто называется сыном прелюбодея, и это название ему приносит пользу, потому что приписывает способность воздерживаться от зла и считать его бесславным, то таковое бесчестие приносит малый, скорее даже никакого вреда. Но если ты предаешься позору, то что пользы гневаться? Ты гневаешься, когда тебя называют сыном прелюбодея, почему же ты не гневаешься, когда совершаешь таковое преступление?

Над кем вы глумитесь? против кого расширяете рот, высовываете язык? Мне кажется, здесь пророк порицает злохуления их, которыми они упрекали Бога. **Высовываете язык**. Здесь, мне кажется, они обвиняли Бога в том, что пути Его были неправедны.

Не дети ли вы преступления, семя лжи, разжигаемые похотью к идолам? Чтобы показать, вследствие чего они были сынами пагубы, пророк говорит: **под каждым**

ветвистым деревом, заколающие детей при ручьях, между расселинами скал. Он вновь обвиняет их как бы так: вы не познали даже природы. Разве вы не знали, что закалать сынов противно природе? **Между расселинами скал**. Вы не считали их достойными гробницы, говорит, и вам недостаточно было закалать их пред идолами, но вы закалали их в отдаленных местах: **под каждым ветвистым деревом**. Если не достоин прощения тот, кто почитает идолов, то тем более тот, кто приносит жертву деревьям. Идолы могли прельщать их, как имеющие некоторую форму, но каким образом они прельщались деревьями, не имеющими такой формы? **В гладких камнях ручьев доля твоя; они, они жребий твой; им ты делаешь возлияние и приносишь жертвы: могу ли Я быть доволен этим?** Я делаю тебя судьей. Разве не должно гневаться Мне, вследствие оскорбления твоей природы и вследствие повреждения законов твоих, говорит Господь? **На высокой и выдающейся горе ты ставишь ложе твое и туда восходишь приносить жертву. За дверью также и за косяками ставишь памяти твои**: не только в горах и пустынях ты совершал беззакония, но **и за дверью также, и за косяками** ты полагал беззаконные знаки. **Ибо, отвратившись от Меня, ты обнажаешься и восходишь**, т.е., будешь более сильным. Отсюда ясно, что и плен был необходим, и ты сам доставил причину бедствий.

Распространяешь ложе твое. Пророк говорит об умножения зол. **И договариваешься с теми из них, с которыми любишь лежать**. Это еще хуже: без принуждения, а по своей воли и распутству ты совершал прелюбодеяния.

Ты ходила также к царю с благовонною мастью и умножила масти твои, и далеко посылала послов твоих, и унижалась до преисподней. Этими словами пророк обличает многообразие их извращенных желаний. За это же порицает народ иудейский и Иезекииль.

10-19. **Унижалась до преисподней. От долгого пути твоего утомлялась**, – подобно блуднице, которая обходит вселенную, чтобы искать спящих с нею, хотя и таким образом она не насыщается. **Но не говорила: "надежда потеряна!"; все еще находила живость в руке твоей, и потому не чувствовала ослабления**. Акила говорит: не искал. Симмах: не заботился. Сказал: сего ради (этих слов в русском переводе нет). Видишь ли, все совершалось ради того, чтобы мы просили Бога? Смотри опять, почему Он отрицает прощение. **Кого же ты испугалась и устрашилась, что сделалась неверною и Меня перестала помнить и хранить в твоем сердце?** Здесь не было места страху, потому что ты не знал величия Моей силы и их слабости. Ясно, что это послужило тебе только бесчестием. **Не оттого ли, что Я молчал, и притом долго, ты перестала бояться Меня? Я покажу правду твою и дела твои, – и они будут не в пользу тебе**. Здесь пророк называет наказание правдою, потому что Бог наказал их по праведному суду.

Когда ты будешь вопить, спасет ли тебя сборище твое? – т.е., тебя не защитят идолы, на которых ты надеялся. **Всех их унесет ветер, развеет дуновение; а надеющийся на Меня наследует землю и будет владеть святою горою Моею. И сказал: поднимайте, поднимайте, ровняйте путь, убирайте преграду с пути народа Моего**. Акила говорит: соблазн; Симмах сказал: претыкание от пути народа Моего. Смотри опять на силу Его, – Он многое обличал в них. Здесь Он опять напоминает им некоторые противные явления от мест, где совершались откровения, и старается привести их к вере, говоря: **ибо так говорит Высокий и Превознесенный, вечно Живущий, – Святый имя Его: Я живу на высоте небес и во святилище**. Этими словами пророк показывает силу и вечность. Хотя эти слова нам кажутся великими, однако пророк говорит с нами по человеческому образу, потому что Бог не содержится в каком-либо определенном месте. Но так как он выше сказал о лесах, то здесь говорит: **Я живу на высоте небес**. А так как они думали, что Бог

пребывает только в храме, то пророк говорить: **и во святилище**. Видишь ли, каким образом Он предсказал будущее? **И также с сокрушенными и смиренными духом, чтобы оживлять дух смиренных и оживлять сердца сокрушенных**. Если это может происходить, то ясно, что может произойти и нечто иное, более легкое: если Бог может изменять душевные нравы, то тем более – остальное. **Оживлять сердца сокрушенных** сердцем: Бог скоро оживотворяет тех, у кого отнята надежда на жизнь.

Ибо не вечно буду Я вести тяжбу и не до конца гневаться. Другие же говорят: не во век буду судить вас. Видишь ли, Бог никогда не гневается до смерти? Некоторые, может быть, по поводу этих слов утешаются, понимая их об адских наказаниях. Но говоря здесь: вам (в русском переводе этого слова нет), пророк обозначает некоторых, но не утверждает, что Бог не будет гневаться во век на всех. Он прибавляет также и соответственную причину: **иначе изнеможет предо Мною дух и всякое дыхание, Мною сотворенное**. Разве чужие для Меня те, которых Я подверг наказанию? Они – творения рук Моих.

За грех корыстолюбия его Я гневался и поражал его, скрывал лице и негодовал; но он, отвратившись, пошел по пути своего сердца. Я видел пути его, и исцелю его, и буду водить его и утешать его и сетующих его. Видишь ли, Он утешает печального и пораженного скорбью. За какие же грехи Он мстил? Почему ты говоришь: мало что опечалих его (в русском переводе этих слов нет), когда они подверглись наказаниям в течение семидесяти лет? Не считай семьдесят лет, а думай о том, что было тяжким только начало плена, а после того они пользовались таким удобством, что, когда им объявлено было о возвращении, то не хотели возвратиться домой, – до того они пользовались благами и всеми удобствами. Сам Иезекииль учит нас, какую легкую жизнь они проводили в плену (вавилонском). Итак, не думай, что все время плена было временем наказания. Бог незаметно утешает и среди притеснения. **И исцелю его, и буду водить его и утешать его**, **и сетующих его**, т.е., даст утешение, радость и похвалу. **Я исполню слово: мир, мир дальнему и ближнему, говорит Господь, и исцелю его.**

А нечестивые – как море взволнованное, которое не может успокоиться и которого воды выбрасывают ил и грязь. Нет мира нечестивым, говорит Бог мой.

ГЛАВА 58

1-6. **Взывай громко, не удерживайся; возвысь голос твой, подобно трубе**, так как то, что он намерен был говорить, было трудно. **И укажи народу Моему на беззакония его, и дому Иаковлеву – на грехи его**, – ради чего Он и придал ему храбрости, чтобы тот не боялся. **Они каждый день ищут Меня и хотят знать пути Мои, как бы народ, поступающий праведно и не оставляющий законов Бога своего; они вопрошают Меня о судах правды, желают приближения к Богу**. Первым грехом было то, что, когда они находились в плену по воле Божией, то даже тогда противились Ему, повторяя осуждение того, что произошло, по своей дерзости и бесстыдству. Это самое и было знаком греха, что они, отступив некогда от законов и религии, обвиняли промысл Божий. Им следовало молчать по крайней мере в виду своего жалкого состояния, потому что, когда они были свободны, то не делали ничего доброго. **Они вопрошают Меня о судах правды**, т.е., указывая Мне день, они ищут праведного суда.

Почему мы постимся, а Ты не видишь? смиряем души свои, а Ты не знаешь? Т.е.: те, которые совершили весьма многие преступления, желали освободиться от наказаний только посредством постов, – они говорили Богу: вот мы постились, почему же мы не освобождены? Итак, что же? Он не считал их недостойными даже тогда, когда они постились, и нисколько не скрывал от них основание Своего действия. **Вот, в день поста**

вашего вы исполняете волю вашу и требуете тяжких трудов от других. Теперь, что же для Меня такое – ваше смирение? Если кто постится затем, чтобы мстить своему должнику, то какую пользу ему приносят посты? Подобно тому, как кто, будучи связанным, содержится в темнице и своими узами ударяет своих ближних, точно также и пост бывает обвинением постящихся, когда они причиняют бедным вред. Если они, постясь, оказываются столь жестокими, то тем более – не постясь. **Вот, вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкою рукою бить других**. Симмах говорит: мучаете. Обрати внимание на различные повеления. Пост и девство ничто, когда отсутствуют плоды, которые из них происходят. Некоторые повеления таковы, что они ни в чем не нуждаются, а некоторые требуют помощи иных, подобно тому, как и сами вещи, относящиеся к жизни, некоторые совершаются только сами от себя, другие же – от других вещей. Как земледелие нуждается в семени, в обработке земли и в ином прочем, или как борцы – в кулаках, масле, упражнении, точно также и здесь. Зачем бывают посты? Затем, чтобы рассеивать раздоры. Откуда происходят раздоры? Из того, что они предали свой ум безрассудству.

Таков ли тот пост, который Я избрал, день, в который томит человек душу свою, когда гнет голову свою, как тростник, и подстилает под себя рубище и пепел? Это ли назовешь постом и днем, угодным Господу? Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды. О каком посте здесь говорится? Пророк показывает не пост, но воздержание от грехов. Смотри на Бога, считающего достойным приятия пост дел, который приносит пользу не только совершающим пост, но и ближним. Даниил исполнял пост, но этот пост был приятен Богу, так как он постился за других. Моисей также постился за других. Пророк показывает и порядок поста. Если не исполняется то, что соответствует посту, то пост не приносит никакой пользы. Точно также и девство без любви пренебрегается. Хотя оно и тяжко, хотя пост и велик, однако Бог не требует такого труда; но то и другое угодно Ему тогда, когда приносит плод. Некто когда-то говорил: **пощусь два раза в неделю** (Лк.18:12), и тем не менее не имел никакой пользы. Посты установлены ради того, чтобы мы воздерживались от изнеженности и обретались готовыми для милосердия; если кто не делает этого, то труды его тщетны.

Разреши оковы неправды, говорит. Справедливо называете "оковами", потому что оковы трудны для разрешения, почему мудрый называет его петлею. Симмах и Феодотион, говорят: тайну. Остерегись думать, что это сказано только о богатствах: в нас есть и другие беззакония, которые мы совершаем словами и делами. Разрушай обдолжения насильных писаний (этих слов в русском переводе нет), **развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся**. Он не только повелевает нам воздерживаться от зла, но и увещевает нас к добру. **И угнетенных**, говорит, **отпусти на свободу**. Не показывай относительно их праведного суда. Здесь более, чем там: там Он повелел разрешение обид, а здесь увещевает к тому, чтобы ты не совершал даже своего суда. Если человек имеет, то ты требуй по праву; а если он не имеет, то откуда он тебе отдаст? И всякое писание неправедное раздери (этих слов в русском переводе нет): здесь

Он повелевает не только отпустить, но также и разодрать. Это и сделал Христос: хотя писание было справедливым, по причине наших грехов, однако Он разо- драл его и пригвоздил ко кресту. Ведь не для них, но для тебя послужит ущербом, если ты будешь сохранять писание и не раздерешь его: когда ты придешь в такое же состояние, и с тебя точно также взыщут.

7. **Раздели с голодным хлеб твой**. Не сказал: дай, но: **раздели**, – повелевает давать человеколюбиво, как говорил и Павел: **и если я раздам все имение мое** (1Кор.13:3), в пищу бедным. Хлеб твой, сказано, а не чужой. **И скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся**, по сказанному: **если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного** (1Тим.5:8). Таковы посты без насилия и обременения, когда мы делаем свои домашним человеком, в отношении хлеба, дома и одежды, того, кто лишен крова, и утешаем угнетенных. Ясно, что состояние суровости, жестокости и немилосердия противны этому. Бог мудро постановил, чтобы мы взаимно друг другу соболезновали, по написанному: **всякое животное любит подобное себе, и всякий человек – ближнего своего** (Иис. Сын. Сир.13:19). Ты пользуешься многою пищею, а тот погибает от голода; ты одеваешься в тонкие полотна, а он ходит постыдно нагим. Почему Бог повелевает, чтобы ты не презирал ближних по крови? Потому что и они имеют право приобретать блага от богатого родителя. Однако, многие глупцы мучаются при этом, рассуждая так: почему тот богат, а мы бедны? Те изобилуют благами, а мы – притеснениями? Почему, подобно тому, как Он сделал общим для всех солнце и не сделал света малым для бедняков и великим для богача, почему таким же образом Он не сделал всех благ общими? Но Бог сделал богатства также общими, потому что Он повелел богачам выдавать от них беднякам. Если бы Он не сделал богатства общими, то Он не дал бы такого повеления. Если бы то, что необходимо для нашей жизни, Бог не сделал общим, то человеческий род был бы погублен и уничтожен. Если же бы Он даровал каждому богатство, то этим самым Он отнял бы средства к добродетели, а потому Он распределял блага всем не поровну, для того, чтобы грехи, которые происходят от любви к богатству, не распространились на всех и не повреждали всех. Если бы Он не сделал солнца общим, а только для некоторых, подобно тому, как богатства, то многие ходили бы во тьме. Но Бог дал богатство богачу затем, чтобы он утешал скорби бедности.

8-10. **Тогда откроется, как заря, свет твой**, т.е., скоро явится помощь. Что означает: "**откроется**"? Этим показывается изобилие и превосходство. Видишь ли: то, что ты даешь, это самое и получаешь.

И исцеление твое скоро возрастет. Итак, в нашей власти находится, чтобы скоро или поздно явилось наше спасение. Каково было здоровье, когда у нас были многие язвы! Потому пророк говорит: **и исцеление твое скоро возрастет**, для разрешения и прогнания грехов. **И правда твоя пойдет пред тобою**, подобно тому, как впереди царя идут слуги, скороходы, и свита, кричащие громким голосом, которых из-за этого мы считаем счастливыми. Смотри, какие идут впереди слуги, вместо рабов: **правда твоя**. Все далеко отступают от нее, никто не осмеливается взирать на нее. Теперь посмотрим, каковы одежды ее: ужели пояс или понтийская мышь? Никак, но **слава Господня будет сопровождать тебя**. Какой венец или одежда подобны этому украшению? Именно, как Бог милосерд, благодетелен и животворящ, такими же Он желает, чтобы были и рабы Его, сообразно тому, что говорил подвергшийся великим несчастьям Иов: **был глазами слепому и ногами хромому** (Иов.29:15).

Украсит тебя, говорит, **и слава Господня будет сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: "вот Я!"**. Что больше этого, когда Он не ожидает ни молитв, ни требований просителей, чтобы услышать их? Прежде чем ты попросишь, Он дарует просимое. Какой отец, называемый милосердым, или какой друг, называемый искренним, так скоро отзывается? Смотри, что ты купил за малый хлеб или лоскуток: у людей славу, а у Бога любовь. И все это тебе так легко. Ты сделал это однажды или дважды, но этого не достаточно: тебе нужно делать это как можно чаще, по написанному: **милость и истина да не оставляют тебя** (Притч.3:3); и опять: **не**

отказывай в благодеянии нуждающемуся, когда рука твоя в силе сделать его (там же, 27). Бог повелевает, чтобы ты всегда раздроблял хлеб.

Когда ты удалишь из среды твоей ярмо, перестанешь поднимать перст и говорить оскорбительное. Акила говорит: если отнимешь от страны твоей, чтобы простирать перст твой во вред других. Симмах говорит: отнять перст и оковы, Феодотион употребляет подобные же слова. Пророк называет **ярмом** грех, у которого есть много сплетений, в котором нет правильности и законности. Слова **поднимать перст** пророк называет хищничества, или же объяснения посредством рук, по обычаю разбойников. **И говорить оскорбительное**, по написанному: **всё делайте без ропота** (Флп.2:14). Роптание есть знак ленивого и бездеятельного ума. Пророк увещевает нас не только к деятельности, но также к тому, чтобы мы делали с большим прилежанием, так чтобы своим роптанием не повреждали дела. Когда рука выдает милостыню бедным, то уста да молчат, так чтобы мы не упускали плода, и сладкое не становилось бы горьким. Зачем ты, человек, ропщешь по поводу просьб бедного? Если бы он не был бедным, то он и не просил бы, а потому тебе нужно пожалеть его, что он у тебя просит куска хлеба и одежды, побуждаемый к тому необходимостью. Но, говорят, он всегда надоедает мне: я много раз бранился и никоим образом не мог освободиться от такой тягости. Но разве тебе не известно, что бедность и наглое требование желудка не избавляют от необходимости просить? Ругань не побеждает необходимости и страх не побеждает нужды, которая гложет желудок. Когда мы требуем чего-либо у Бога, то Он не гневается на нас, но гневается тогда, когда не просим. Твой Господь пылает гневом ради того, что ты ничего не просишь у Него; а ты гневаешься, когда у тебя просят.

И отдашь голодному душу твою и напитаешь душу страдальца, т.е.: **доброхотно дающего любит Бог** (2Кор.9:7). Кто дает таким образом, тот пусть думает, что получил; и действительно получает, потому что дает малое, а получает от Бога великие дары. **И напитаешь душу страдальца**.

Тогда свет твой взойдет во тьме, и мрак твой будет как полдень. Что означают эти слова: воссияет свет во тьме? Хотя бы мы были окружены, как бы мраком, бедствиями и искушениями и прочим подобным, однако, добродетель милостыни в состоянии разогнать весь этот мрак; подобно тому, как когда является солнце, то оно разгоняет густой воздух, так точно и милостыня удаляет мрак притеснений и печалей. Но что я говорю о мраке? Она погашает даже пламя огня, по написанному: **вода угасит пламень огня, и милостыня очистит грехи** (Иис. Сир.3:30).

11-14. **И будет Господь вождем твоим всегда, и во время засухи будет насыщать душу твою и утучнять кости твои**. Видишь ли разрешение и награду? Отпускаются даже грехи и умножаются блага. Мы получаем то, чего желаем. По справедливости Бог назвал милостыню семенем, потому что она как семя посевается в землю и приносит многочисленный плод. Но почему, скажут, мы часто видим многие дома, которые были милосердыми, а потом разрушились и подверглись великому ущербу? Не указывай на некоторые малые и случайные явления, но рассуждай о том, что бывает вообще. Если ты не желаешь слушать это, то я покажу тебе Иова, чтобы ты познал, что Бог таковых людей возводит до величайшей высоты. Некоторых Он испытывает искушениями, чтобы они были достойными величайших похвал; а тем, которые не обладают совершенным умом, Бог скоро здесь же дает награду. Мальчики, если кто-либо у них что выхватить, тотчас плачут и поднимают большие вопли. Но не так поступают мудрые и опытные: они на время питают свои души надеждою, и так как они положили собирать себе сокровища на небе, то поэтому считают за ничто здесь потерянное.

И ты будешь, как напоенный водою сад и как источник, которого воды никогда не иссякают. Видишь ли, как хороша милостыня? Таковым был и Иов, который говорил: **пути мои обливались молоком**, (Иов.29:6), которому отовсюду были великие блага: **имения у него было** (Иов.1:3), здания и все. Разве по причине скупости и глупости дарованы ему эти блага, или же скорее по причине широты сердца и милосердия? Так как Бог намерен был восстановить их (иудеев) в прежних благах, и вновь даровать им город, то, чтобы они, полагаясь на милосердие Божие, не пренебрегали добрыми делами, в особенности, когда слышали: **и застроятся потомками твоими пустыни вековые**, – для этого Он присоединяет многочисленные повеления, **если ты удержишь ногу твою**, говорит: **ради субботы от исполнения прихотей твоих во святый день Мой, и будешь называть субботу отрадою, святым днем Господним, чествуемым, и почтишь ее тем, что не будешь заниматься обычными твоими делами, угождать твоей прихоти и пустословить**. Видишь ли, это есть также зло, и даже хуже всякого зла? Где теперь иудеи, которые хвалились субботою, что они ничего в нее не делали, хотя оскверняли уста и языки?

То будешь иметь радость в Господе, и Я возведу тебя на высоты земли и дам вкусить тебе наследие Иакова, отца твоего. Пророк показывает будущие добродетели. Но чтобы они не сомневались, что все твердо пребывает, он сказал: **уста Господни изрекли это**.

ГЛАВА 59

1-11. **Вот, рука Господа не сократилась на то, чтобы спасать, и ухо Его не отяжелело для того, чтобы слышать. Но беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим**. Смотри: пророк не только желает уверять их, ищущих спасения, в силе Его (Бога), но также требует прилежания в делах и в соблюдении законов. По причине ли слабости Моей все это? Никак, потому что Я мог и тогда освободить вас от притеснений. Но вас предали ваши беззакония, и все это пришло на вас по причине ваших грехов, – почему, говорит, Я повелеваю вам стараться воздерживаться от грехов. Потом пророк перечисляет грехи: **руки ваши осквернены кровью**. Все пророки обличают их в том, что их руки исполнены убийства. Мне кажется, что он побуждает их ум к покаянию в прежних грехах и желает предотвратить будущие преступления, так как впереди предстояло им совершить такое убийство, которое тяжелее и беззаконнее всех прочих убийств. Пророки всегда желали сделать их кроткими. Потому пророк прежде сказал: **руки ваши осквернены кровью.** Сам Бог уже прежде того дал такое повеление, так как они были склонны к убийству, которое было причиною гибели их более, чем остальные грехи, говоря: **не убий** (Исх.20:13). Чтобы они не думали, что какое-либо убийство бывает совершенно непроизвольным, Бог сказал яснее: **не умерщвляй невинного и правого** (Исх.23:7). Потому Он запрещает железо и употребление его, чтобы удержать их от убийства, говоря: **железо** никогда да не касается сооружения храма (срав. Втор. 27:5; 3Цар.6:7). Хотя впоследствии священники закалали в жертву овец и волов, однако они приносили кровь Богу. Если следовало воздерживаться от крови животных, которые приносились Богу, то тем более – от крови людей. Воздерживаться от нее следовало тем более, чем более ценности имеет и чем ближе тебе человек, по сравнению с бессловесными животными.

И персты ваши – беззаконием; уста ваши говорят ложь, язык ваш произносит неправду. Пророк перечисляет отдельные беззакония рук, пальцев, уст, языка и каждого члена, и таким образом легко отвращает их от грехов. И смотри: означенные дела и убийства они совершают по козням, не побуждаемые гневом и не движимые порывом сердца, хотя они знали, что это грех, – до того они привыкли к убийствам.

Язык ваш произносит неправду. Этими словами пророк уже и раньше обличал их в том, что они все делали с тщеславием или дерзостью. Здесь Он вновь обличает их, говоря: **никто не возвышает голоса за правду, и никто не вступается за истину; надеются на пустое и говорят ложь, зачинают зло и рождают злодейство**, т.е. на идолов, **надеются на пустое и говорят ложь**. Все, что бесполезно и тщетно, или совращение, или порицание. **Говорят ложь, зачинают зло и рождают злодейство**.

Высиживают змеиные яйца и ткут паутину; кто поест яиц их, – умрет, а если раздавит, – выползет ехидна. Этими словами пророк указывает на их обманы и советы, которые они замышляют, дела безрассудства и коварства, которые уготовляют, так как преступления беззаконных таковы, что они служат в ущерб и во вред для самих делающих. **Паутины их для одежды негодны, и они не покроются своим произведением**, т.е.: их дела не совершатся. Последующие слова показывают, что дело обстоит таким образом: **дела их – дела неправедные**. Следовало делать то, что полезно было и им самим и ближним; напротив, их дела были бесполезными и вредными.

Ноги их бегут ко злу, и они спешат на пролитие невинной крови. Видишь ли злобу? Они проливают не только кровь, но кровь неповинную. Если бы кровь даже не была невинною, то и тогда с большим ужасом нужно было бы им остерегаться от убийства, так как Бог насадил мир в нашей природе. Ему чуждо не только допускать беззаконие, но даже и видеть охотно таковое. Бог, зная слабость нашего ума, дал нам помощь в самой природе.

Мысли их – мысли нечестивые; опустошение и гибель на стезях их. Пути мира они не знают, и нет суда на стезях их; пути их искривлены, и никто, идущий по ним, не знает мира, – почему также Давид обличает их. **Потому-то и далек от нас суд, и правосудие не достигает до нас; ждем света, и вот тьма – озарения**. Видишь ли исцеление Божие? Он не только отпустил их вины без отмщения, но показывает, что грехи совершенно отделяют людей от Бога. Увы! Какой мрак окутал сердце тех, которые совершали такое зло! Какой мрак или тень окружали их! **И ходим во мраке. Осязаем, как слепые стену, и, как без глаз, ходим ощупью; спотыкаемся в полдень, как в сумерки**, – так как души их будут покрыты неправдами более, чем мраком. А поелику они не чувствовали густого мрака бедствий, то пророк присоединяет: **ожидаем суда, и нет его, – спасения, но оно далеко от нас**.

Пророк за них просит Господа и приносит покаяние, говоря: **ибо преступления наши многочисленны пред Тобою, и грехи наши свидетельствуют против нас**. Видишь ли: не малые, но великие грехи возбуждают Бога. Он умеет давать прощение согрешающим простительно, подобно тому, как Он говорил о хананеях: **мера беззаконий**

Аморреев доселе еще не наполнилась (Быт.15:16), и о фараоне: **для того Я сохранил тебя, чтобы показать на тебе силу Мою** (Исх.9:16). Равным образом и Павел говорил об иудеях: **чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали** (2Кор.12:21); таким же образом и многое иное. Почему же, говорят, Бог предал смерти Ананию и Сапфиру тотчас, как они согрешили? Таким образом Бог часто поступает для пользы и благополучия. Теперь мы поразмыслим о том: пощадил ли Он, или не пощадил их? Прежде всего, они солгали, потом испытывали Духа Святого; они согрешили не только потому, что утаили священные вещи, но и потому, что искушали Святого Духа. Когда Петр спросил: **скажи мне, за столько ли продали вы землю?** (Деян.5:8), то жена не постыдилась. Почему тот спросил? Разве не затем, чтобы они исповедали и принесли покаяние? Таким же образом

Бог спросил Адама, чтобы побудить его к покаянию; говорил также и Каину: **где Авель, брат твой?** (Быт.4:9), чтобы тот искупил свой грех. Разве Он не мог в самом начале обличить его? Если Он обличал, то делал это не для чего иного, как только для того, чтобы тот своим исповеданием пришел к выздоровлению. Не потому ли Он сказал: **станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться** (Ис.43:26)? Они властны не грешить. Если грешат, то Он не отвергает, но вновь посещает, чтобы освободить их от грехов.

12-21. **Ибо преступления наши многочисленны пред Тобою**. Когда беззаконие многочисленно пред Богом, то разве не достаточна скорбь кающегося пред лицом Бога, милостиво выслушивающего и не исследующего наших проступков с тщательным прилежанием? Если сыны возвещают о своих грехах отцу, то он старается скрыть их, а не исследовать тщательным образом. Тем более сделает это Бог, Которому, как всемилосердому, жаль поступков грешника.

И грехи наши свидетельствуют против нас; ибо преступления наши с нами, и беззакония наши мы знаем. Мы изменили и солгали пред Господом, и отступили от Бога нашего. Потому пророк молит за них смиренно, говоря: **ибо преступления наши с нами, и беззакония наши мы знаем**. Нет ничего хуже грешника, который попускает и желает скрыть свои проступки. Может случиться, что им совершаются такие проступки, которые потом изглаждаются покаянием. Скрывать же их есть величайшее зло. Когда грех содомитян был слишком велик, то Бог сказал: **вопль Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма** (Быт.18:20). Видишь ли: после того, как умножилось зло, Он сошел для мщения. Точно также Он говорит, видя грехи египтян: **Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его от приставников его** (Исх.3:7), а во время Ноя говорит: **и воззрел Господь Бог на землю, и вот, она растленна, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле** (Быт.6:12). Но Он не тотчас рассекает рану, если не видит ее вновь открывшеюся, или для того, чтобы побудить к покаянию, или для того, чтобы исполнилось зло. Подобно тому, как опытный врач, знающий время сечения раны, выжидает терпеливо удобного момента сечения, чтобы посредством подходящих лекарств поправить больного, таким же образом и Бог, хотя знает, что мы достойны многих наказаний, однако желает освободить нас чрез покаяние, хотя бы грехи наши были бесчисленны. Зло обострилось настолько, что даже невинные подвергались мучениям от неправедных, почему и сказано: **и Господь увидел это, и противно было очам Его, что нет суда. И видел, что нет человека, и дивился, что нет заступника**. Так как ничей ум не был склонен к суду, Бог же не желал, чтобы те люди терпели неправду, вследствие бесчисленного зла, то поэтому Он посетил, спрашивал их, говорил им: **и помогла Ему мышца Его, и правда Его поддержала Его**. Разве это не кажется тебе также великим даром милосердия? Двоякое милосердие – удалять такую страсть, милосердие – как к терпящим, так и к мучающим: тех Он освобождает от зла, а этих удерживает от мучительства. Таковое благодеяние даровано не только терпящим, но и мучающим. Человеческий закон часто проступок одного считает общественным, и не дозволяет жить тому, кто изнасиловал жену ближнего своего, хотя бы он намерен был дать удовлетворение за такую обиду, – не дает права известному судье сделать снисхождение при наказании такого лица, но считает бесчестие как бы нанесенным себе самому и таким образом заботится об ее чести.

Потом пророк снабжает Бога соответствующим оружием, говоря: **и Он возложил на Себя правду, как броню, и шлем спасения на главу Свою**. И мы облечемся в твердейшие оружия правды, чтобы их не мог победить враг, – сделанные не из железа и меди, но происшедшие из добродетелей. **И убоятся имени Господа на западе и славы Его – на восходе солнца. Если враг придет как река, дуновение Господа прогонит его. И придет Искупитель Сиона и сынов Иакова, обратившихся от нечестия, говорит**

Господь. И вот завет Мой с ними, говорит Господь: Дух Мой, Который на тебе, и слова Мои, которые вложил Я в уста твои, не отступят от уст твоих и от уст потомства твоего, и от уст потомков потомства твоего, говорит Господь, отныне и до века, т.е.: истинны и тверды будут возвещения и обетования Мои, и пребудут всегда.

ГЛАВА 60

1-18. **Восстань, светись, Иерусалим, ибо пришел свет твой, и слава Господня взошла над тобою**. Акила и другие говорят: восстань и просветись. Какую благодать показывает это повеление? Если свет уже пришел, то нужно ли, чтобы просвещались все, – желают они или не желают? Не так: подобно тому, как солнечный свет освещает не только вследствие своих лучей, но и вследствие здорового состояния глаз, так необходимо, чтобы находились люди, которые бы получали благодать того света, и не удаляли ее от себя. При обилии благ, мы предаемся лености и делаемся недостойными даров. Чтобы этого не происходило, пророк прежде увещевает нас к тому, чтобы мы сделались достойными принять таковой свет, потому он и повторяет: **светись, Иерусалим, ибо пришел свет твой**. Здесь пророк говорит о свете знания, и нет ничего драгоценнее того света, который дает радость и удерживает от печали. **И слава Господня взошла над тобою**, воссияет. Смотри, о каком свете говорит пророк: он говорит о том свете, с которым соединяется слава Божия. Славою Божиею пользуется именно тот, кто ведет жизнь в правильном порядке, одаренную добродетелями. Зачем он не сказал: происходит, но: **взошла**? Затем, чтобы показать будущее обновление их. Слава Господня, которая была у них и прежде, отступила; теперь же она должна явиться вновь, так чтобы они подверглись или наказаниям, или наградам.

Ибо вот, тьма покроет землю, и мрак – народы; а над тобою воссияет Господь, и слава Его явится над тобою. Когда воссияет этот свет, то нужно, чтобы им просветились все и повсюду. А те явления (тьма и мрак) будут происходить не по необходимости, или насилию, но будут добровольными. **И придут народы к свету твоему, и цари – к восходящему над тобою сиянию**. Видишь ли превосходное действие света? Он прекрасен и просвещает царей. **Возведи очи твои и посмотри вокруг: все они собираются, идут к тебе; сыновья твои издалека идут и дочерей твоих на руках несут**. Все, что возвещено в этой главе, было обетованиями, которые должны были исполниться после возвращения из плена; если же что не исполнилось, то это совершилось по причине их недостоинства. Некоторые понимают это относительно Церкви, а прочие относительно воскресения. **Ибо во гневе Моем Я поражал тебя,** т.е.: ты был пленником не по причине Моей слабости. Потому, если дело обстоит таким образом, Он может освободить тебя, как и сказал: **но в благоволении Моем буду милостив к тебе**, но не за твою добродетель. Ты подвергся наказаниям за твои грехи, и милость произошла не из твоей добродетели. **И будут всегда отверсты врата твои, не будут затворяться ни днем ни ночью**. Это сказано относительно народа, оставшегося вне веры, чтобы такими словами увещевать его к возвращению. На самом же деле это исполнилось в Церкви, так как врата ее открыты всегда, и никогда не затворяются.

19-22. **Не будет уже солнце служить тебе светом дневным, и сияние луны – светить тебе; но Господь будет тебе вечным светом, и Бог твой – славою твоею. Не зайдет уже солнце твое, и луна твоя не сокроется**. Каким же образом **не будет уже солнце служить тебе светом дневным** и вместе с тем не **зайдет уже солнце твое**? Каким образом **и сияние луны – светить тебе**, а потом: **и луна твоя не сокроется**? Не оскудеет свет светил, но он будет светить не так, как будет светить Господь; свет светил освещает на время только тело, а свет Бога освещает как тело, так и душу. Видишь ли чудеса? Бог показывает благодеяния, которые Он намерен даровать народу после возвращения из

плена, и вместе с тем предсказывает, что Он дарует в новом завете великую благодать, потому что не только будет светить свет светил, но гораздо лучше: свет Божий будет просвещать умы и помышления, – тот свет, от которого народ намерен был отступить. Отсюда же открывается и то, что Он обещает им (иудеям) не духовные дары, но золото, серебро, медь, железо, овнов наваиофских, кипарисы, лавры. Итак, иудей, обрати внимание и не надейся ни на что иное, кроме благ телесных. Хотя свет луны или солнца иногда иссякает, однако это происходит не от их природы, но от грехов, которые народ навлек на них. Потому Бог и говорить: будете ходить во свете светил без страха; а потом: всяка печаль отнимется от тебя. **И окончатся дни сетования твоего**. Здесь пророк говорит также о внезапной смерти, которой больше не будет. **И народ твой весь будет праведный, на веки наследует землю**. А это не Бог совершил, а совершили они сами, – Бог привлекал их на небо, а они отпали, по своей негодности. **Отрасль насаждения Моего, дело рук Моих, к прославлению Моему**. Мне, говорит, угодно, чтобы то, что Я насадил, пребывало для Моей славы. **От малого произойдет тысяча, и от самого слабого – сильный народ**.

ГЛАВА 61

1. **Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня**: такова, может быть, причина помазания Его. В ином месте показывается иная причина, когда говорится: **на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым** (Ин.1:33). Видишь ли: здесь пророк сказал без члена: **Дух Господа Бога на Мне**; так же мы читаем в другом месте: **если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его** (Рим.13:9). Ясно, что Иисус принял Святого Духа не потому, что Он в Нем нуждался, но только во свидетельство, – никто ведь не получает того, что есть его. Как Своим божеством Он показывает силу, так и Своим Духом, являя, что Дух есть той же природы, какой Он Сам. Он сказал: **совершилось** (Ин.19:30). Где – иудеи, где – еретики? Когда Бог говорит: **совершилось**, то никто не может противоречить. Здесь говорится: **Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня**, а в другом месте: **Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса** (Деян.10:38). Сказано: Бог, – не человек; не елеем, но Духом Святым и силою. Если бы Он помазан был людьми елеем, то Он не был бы выше остальных помазанников. Подобно тому, как Он был крещен, не нуждаясь в крещении, так как Дух в Нем пребывал до крещения, по сказанному: **Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя** (Лк.1:35), таким же образом во время крещения на Него сошел Святый Дух не ради освящения, потому что Он был свят и есть Освятитель всех, и не для того, чтобы совершить дивное, что Он мог совершить Своим божеством, но только для того, чтобы представить свидетельство, почему Иоанн и говорил: **Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым** (Ин.1:33). Для того, чтобы показать, что явление Святого Духа было только для свидетельства, а не потому, что Он не имел Его, Иоанн сказал: **и я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий** (Ин.1:34). Ясно, что Сын Божий есть Бог, так как Отец Сам представил свидетельство, говоря: **Сей есть Сын Мой возлюбленный, Того послушайте** (Мк.9:7); потом Сам Христос говорил: **Я Духом Божиим изгоняю бесов** (Мф.12:28), а также в ином месте: **тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола** (Мф.4:1). Этими словами Он выражает одну и ту же волю и свое равенство с Духом Святым, даже во плоти. Мы исследуем: говорил ли Он о благодати, или о Святом Духе? Сказано: **Дух Господа Бога на Мне**,а не благодать Господня. Но удивительно то, что Дух Господень явился над Богом. Было необходимо, чтобы Святый Дух явился над воплощением Бога, чтобы благодать Духа чрез плоть Его, Христа, утвердилась в нас. Как над Ним Дух явился во свидетельство, не потому, что Он в Нем нуждался, так над нами Он является не во свидетельство, но для отнятия нашей скудости, по написанному: **сей самый Дух**

свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божии (Рим.8:16). Он показывает нам, что Сын по божеству есть одной и той же природы с Отцом; а нас, хотя мы и не сыны по природе, Он освящает и делает сынами по благодати. **Благовествовать нищим послал**. Здесь послание есть то же, что и откровение. Откуда и куда посылается Тот, Который по божеству Своею природою пребывает во всех? **Нищим**, говорит. Разве не нищими были князья, начальники и богачи, которым Ему нужно было возвещать? Конечно, говорит, были поистине нищие: они были великими в этой жизни, но нищими для будущей жизни. Потом, иным образом, пророк называет нищими людей, которые первые получили благовестие.

Послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, – тех, сердца которых часто оскудевали по причине грехов. Иудеи и прочие, которые приняли благовестие, были недостойными. Сам Господь наш в нагорной проповеди в начале говорил: **блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное** (Мф.5:3). Нищим открыта дверь небесная; смирение – причина всех благ, а гордость – причина всех зол.

Помазал Меня Духом, т.е., дал свидетельство. Для того, чтобы того Помазанника не считали подобным прочим пророкам, не считали посланным только для благовествования, пророк прибавляет: **исцелять сокрушенных сердцем**, или по причине грехов, или по причине печали. А для того чтобы показать, что исцеление принадлежит собственно Ему, и что Он не есть слабый пророк, который дарует иным то, что прежде получил сам, Он в евангелии говорит: **придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас** (Мф.11:28). Говоря: "**Я**", Он объявляет о Своей безусловной и высшей свободе. Видишь ли: прежние благодеяния были видимы, а настоящие невидимы, те – телесны, а эти обновляют души. В данном случае говорится не о настоящем и земном, но о будущем и небесном. Справедливо Он называет их нищими, потому что они лишились таких благ. Он также показывает, что недостаточно только нам принять благовестие, но что следует нам и согласиться с принятым благовестием.

Послал Меня исцелять сокрушенных сердцем. Некоторые были сокрушенными по причине скорбей, иные по причине грехов, иные по причине того и другого, – подобно тому, как Господь наш сказал расслабленному: **вот, ты выздоровел; не греши больше** (Ин.5:14). Иные сокрушаются по причине праведности или грехов; по причине праведности, как написано: **сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничижит** (Пс.50:19); по причине грехов, как написано: **исправь повреждение ее, ибо она поколебалась** (Пс.59:4). Некоторые сокрушаются по причине диавола, как согбенная женщина, по причине грехов, как написано: **ибо беззакония мои превысили голову мою, подобно тяжелому бремени отяготели на мне. Воссмердели и согнили раны мои от безумия моего** (Пс.37:5-6), потому что, когда мы не обращаем внимания на то, что гниет, то происходит смрад. Потом говорится: **опустошение и гибель на стезях их** (Ис.59:7). Не так телесные скорби уменьшают силу тела, как грехи разрушают силу духа. Потом пророк показывает иное благодеяние для души: **проповедовать пленным освобождение**, т.е., тем, души которых были в плену. Откуда это ясно? Из того, что Он сказал не: "даровать", но: проповедать отпущение, показывая этим, что благодеяние зависит от воли принимающих. Он пришел для благовестия, для того, чтобы желание добра было им приятно. И слепым прозрение (в русском переводе: **и узникам открытие темницы**). Какие слепцы вышли из Вавилона? Хотя они были слепыми, прежде чем пришли, однако они не были таковыми после возвращения.

2-9. **Проповедовать лето Господне благоприятное**. Акила и Симмах говорят: год приятный. И день воздаяния Богу нашему (в русском переводе: **и день мщения Бога нашего**). Справедливо говорит: день воздаяния, чтобы они не надеялись только на

возвещенные блага, и не были беспечными. Вот приходит суд, так что Он каждому воздаст по его делам. Он не затем только пришел, чтобы отпустить грехи, и даровать дары. А ты получаешь таковые дары для умножения грехов!

Утешить всех сетующих,– как тех, которые скорбели по причине телесных, так и тех, которые скорбели по причине духовных немощей. Симмах говорит: утешить. **Возвестить сетующим на Сионе, что им вместо пепла дастся украшение, вместо плача – елей радости, вместо унылого духа – славная одежда**. Другие говорят: вместо духа притупления. Видишь ли Бога радости, пришедшего для отъятия печали? Не человек является между людьми и не ангел между ангелами; здесь нет ничего телесного, но все духовное. **И назовут их**, говорит, **сильными правдою, насаждением Господа во славу Его**. Итак, смотри, это было насаждение Господа, а не человека. На ком же это совершится: на нас ли, или на других? Ясно, что насаждение Господне в славу есть Церковь.

И застроят пустыни вековые. Поистине, пустынны были города, не потому, что были разрушены стены, и не потому, что были пустыми дома, но потому, что они были лишены людей, которые должны были знать Господа и однако не знали Его. Теперь же восстановлены города, в которых действительно обретаются люди, ведящие Господа. Итак, хорошо сказано: **пустыни вековые.**

Восстановят древние развалины и возобновят города разоренные, остававшиеся в запустении с давних родов. И придут иноземцы и будут пасти стада ваши; и сыновья чужестранцев будут вашими земледельцами и вашими виноградарями. Удивляться должно тому, что пророк открыто говорит о правителях Церкви, в словах: **а вы будете называться священниками Господа, служителями Бога нашего будут именовать вас**. Называя их царством священников и Своим народом святым, Бог говорит это о всех христианах. Видишь ли: все это совершается в источнике спасительной купели и все там помазуются. **Будете пользоваться достоянием народов и славиться славою их. За посрамление вам будет вдвое**. Посмотрим, где исполняются эти слова и в какое время **вам будет вдвое**. Они тогда (по возвращении из плена) владели вторично, но это не исполнилось. Пророк, однако, здесь говорит: **за посрамление вам будет вдвое**. Ясно, что будет другой народ, который наследит землю вторицею. Это открывается из последующих слов: **потому что в земле своей вдвое получат; веселие вечное будет у них**. Когда веселие вечное было у евреев в их земле? **Ибо Я, Господь, люблю правосудие, ненавижу грабительство с насилием, и воздам награду им по истине, и завет вечный поставлю с ними; и будет известно между народами семя их,**

и потомство их – среди племен; все видящие их познают, что они семя, благословенное Господом. Это совершилось на апостолах, с которыми он вступил в вечный союз; сыны их известны даже и среди языков. **Все видящие их познают**. Какой народ не знает их? **Все видящие их познают, что они семя, благословенное Господом. Радостью буду радоваться о Господе**, – вследствие множества учеников и будущих даров.

10-11. **Возвеселится душа моя о Боге моем; ибо Он облек меня в ризы спасения, одеждою правды одел меня**. Не видишь ли ты, что здесь пророк сказал только о радости духовной? Здесь нет ничего вещественного, но все духовное, потому что он говорит: **возвеселится душа моя о Боге моем**. Когда мы получаем какую-либо духовную благость, то мы радуемся о Господе. Всякий, кто радуется о своих благах и детях, хотя бы потом подвергался печали, однако, видя приятную жену или любимых сынов, затем не считает бедствий более бедствиями. Равным образом это случается и с тем, кто радуется о

Господе, – особенно, когда он наверное знает, что Бог не прогневался на него; тогда он более не скорбит и не печалится, подобно тому, как апостолы всегда радовались о Боге и других увещевали к тому же, говоря: **радуйтесь всегда в Господе** (Флп.4:4). Эта радость непреходяща и бессмертна. Если кто радуется о благах, то радость его бывает временна: когда богатство его истощится, то вместе с ним исчезнет и радость. Подобно тому, как свежие весенние цветы бывают приятны для глаз, а поблекшие неприятны, таким же образом и богатство отнимает радость от ума и, может быть, само первое отойдет от нас, или мы от него. Иной, может быть, будет радоваться из-за прекрасной жены, но и она – владение непрочное, радость временная, веселие преходящее, соединенное со многими огорчениями и подозрениями: потому-то эта радость временна. Но если ты полюбишь Господа, то милосердие Его будет вечным; любовь постоянно обновляется, желание возжигается, никогда не дряхлеет и не стареет. Тот, кто любим тобою, всегда нов, желателен и достоин любви. Если же ты скажешь, что ты не видишь Его, то посмотри на небеса: как они прекрасны, как величественны! Как небо приятно, усладительно для зрения и полезно для всего! А это небо есть дело Того, Которого ты любишь, тонкое и нежное дело перст Его. Отсюда ты уразумеешь красоту Его Самого, насколько это возможно. Разве ты не видишь Его? Если желаешь, то ты Его узришь, – очисти только ум, очисти сердце, потому что говорится: **блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят** (Мф.5:8) [Следующая затем строка, вследствие поврежденности текста в армянском кодексе, оставлена без перевода].

Облек меня в ризы спасения. О какой ризе говорит пророк? Та риза, в которую мы облекаемся, не есть риза спасения. Но я знаю, что вам, ведящим таинство, это известно. Однако, пусть говорит Павел: **во Христа крестившиеся, во Христа облеклись** (Гал.3:27). Христос есть одежда спасения. Ты облекся в ризу не затем, чтобы покрыть наготу телесную, но затем, чтобы быть неприкосновенным для насилия смерти. Справедливо пророк говорит: **ризу**, – потому что мы были нагими, бесславными, непослушными, глупыми, блуждающими, служащими многим страстям; грехи сделали нас нагими, и сатана, которому мы дали у себя место, сделал нас бесславными. Потому пришел Христос, облачил нас, и показал нам разум, которым мы можем легко совлечь с себя ветхого человека с деяньми его и облечься в нового, созданного по Богу. И так как в нашей власти – совлечь его, то потому Он и повелевает, говоря: **облек**, так чтобы одежда всегда пребывала с нами. **Одеждою правды одел меня**. Есть здоровье, которого мы можем достигнуть после болезней, благодаря врачам и наставлениям советников; это же здоровье приобретается вместе с радостью и величайшими благами и никогда не подвергает нас бесчестию. **Как на жениха возложил венец**. Акила говорит: как жениху, украшенному венцом. **И, как невесту, украсил убранством**. Митра – это венец, украшенный ожерельями и драгоценными камнями, который женихи надевают себе на голову во время бракосочетания. **И, как невесту**, говорит, **украсил убранством**. Поистине, было брачное торжество, но только духовное, в котором души сделались причастницами Бога. Смотри на бедность невесты, которая получает от жениха одежду и украшение; никто другой не мог украсить ее этими одеждами. Подобно тому, как какой-либо муж – царь, когда желает взять себе в жены понравившуюся служанку, не имеющую одежды, достойной брачного торжества, и не имеющую средств самой от себя приготовить таковые одежды, дарит ей все это и украшает, – таким же образом и Христос даровал все украшения Церкви и украсил ее. **Ибо, как земля производит растения свои**. Этими словами показывается многочисленный плод добродетели. **Так Господь Бог проявит правду и славу пред всеми народами**. Справедливо сказано: **пред всеми народами**, чтобы видели, свидетельствовали и подражали ей.

ГЛАВА 62

1-10. **Не умолкну ради Сиона, и ради Иерусалима не успокоюсь.** Это, мне кажется, сказано для того, чтобы они не гордились. **И увидят народы правду твою и все цари – славу твою, и назовут тебя новым именем, которое нарекут уста Господа. И будешь**

венцом славы в руке Господа и царскою диадемою на длани Бога твоего. Т.е., она будет защищена и будет пребывать в безопасности. И прозовешися воля Моя (в русском переводе этих слов нет). Но когда город назывался таким именем: "воля Божия"?

Как жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой. Видишь ли вновь воспламененную любовь и возбужденное желание? **На стенах твоих, Иерусалим, Я поставил сторожей**. Но разве не были поставлены стражи на стенах Иерусалима? Конечно, были поставлены и даже весьма часто. Какую, же они принесли пользу? Они сами подверглись мучению. Здесь стражами называются или правители, или священники.

О, вы, напоминающие о Господе! не умолкайте, – не умолкайте пред Ним, доколе Он не восстановит и доколе не сделает Иерусалима славою на земле. Видишь или нет, как Он всегда утверждает, что добродетели происходят от них? А для того, чтобы они не полагались на то, что было предсказано, и не вели себя так, как будто они были достойны этого, пророк сказал: **доколе Он не восстановит и доколе не сделает Иерусалима славою на земле**. Если вы будете вести правильную жизнь, то будете радостью Иерусалима и славою земли; если же нет, то, что предсказано вашим сынам, совершится в апостолах, которые будут радостью небесного Иерусалима и славою во всей вселенной.

Господь поклялся десницею Своею и крепкою мышцею Своею. Смотри на двоякую клятву: **десницею** и **крепкою мышцею Своею**. **Не дам зерна твоего более в пищу врагам твоим**. Но разве Он не отдавал? Конечно, отдавал. Итак, разве Он нарушил клятву? Когда говорится о наказаниях, то Он изменяет клятву: почему же Он изменяет клятву и относительно благ? Не Он изменил, но они изменили, не повинуясь Его повелениям: Он не возвратил их домой потому, что они могли совершить большие преступления.

И сыновья чужих не будут пить вина твоего, над которым ты трудился; но собирающие его будут есть его и славить Господа, и обирающие виноград будут пить вино его во дворах святилища Моего. Видишь ли, что все блага их – видимые. Обрати кроме того внимание на то, что когда Он обещает духовный дар, то евреям в нем отказывает.

Проходите, проходите в ворота, приготовляйте путь народу! Ровняйте, ровняйте дорогу, убирайте камни, поднимите знамя для народов! Вот, Господь объявляет до конца земли. Это мне представляется в духовном смысле. **Приготовляйте путь народу** Господню. Смотри, какими именами Он называет их: называет "камнями"; именем их будет "воля Моя" (этих слов в русском переводе нет), "знаменем". Когда они (иудеи) назывались такими именами? Разве они не понимают, что этими именами Он показывает нечто совершенно иное? Он ищет скромной жизни; если таковой Он не находит в них, то это происходит от их лености.

ГЛАВА 63

1-2. **Кто это идет от Едома, в червленых ризах от Восора?** Пророк, говоря о дивных вещах, обыкновенно употребляет форму вопроса, показывая, что не только он, но и другие объяты удивлением. Выше он сказал: **кто это летят, как облака** (Ис.60:8)? А когда Господь уготовляет веру Своим откровениям, то Он не только показывает пророкам то,

что должно совершиться, но старается показать это и новым способом, – подобно тому, как Амос говорил о Боге: видех Господа, стояща на стене адамантовой (ср. Амос.7:7); Даниил – иным способом; Михей говорил: **я вижу всех Израильтян, рассеянных** (3Цар.22:17). Смотри здесь: **кто это идет от Едома**? Пророк говорит о тех, которые должны были подвергнуться избиению, и о тех, которые намеревались сильно мучить народ Его.

Я увидел человека в оскверненной одежде, препоясанного поясом, как бы мужа, топчущего в точиле, в красных одеждах, из Босры. Он виден был в этом месте, чтобы тем самым показать мучения, которым Он подвергся, подобно тому, как в ином месте говорится: **вижу поддуваемый ветром кипящий котел, и лицо его со стороны севера** (Иер.1:13); подобно тому, как и Захария видел также коней. **Столь величественный в Своей одежде**. Каким образом может быть прекрасен тот, кто облечен в оскверненные одежды? Одежда поистине бывает прекрасна тогда, когда она выкрашена в цвет. Однако, удивительно то, что если бы тот не был таковым, то пророк не был бы объят удивлением. Когда Бог творит дивное, то непозволительно требовать от Него причины.

Выступающий в полноте силы Своей, т.е.: Он крепок и скромен; таков именно был образ лица Его. Теперь Он отвечает вопрошающему, говоря: **Я – изрекающий правду, сильный, чтобы спасать**, т.е., творю. Говоря: **изрекающий**, Он показывает самое дело: **могуществен исполнитель слова Его** (Иоиль 2:11), говорит Иоиль. **Отчего же одеяние Твое красно, и ризы у Тебя, как у топтавшего в точиле?** У нее не был цвет вина или крови, но среднее между тем и другим. Образ топчущего точило означает легкость битвы; а цвет крови показывает, что здесь речь идет не о вине, но о крови. Он топтал точило, не порожнее внутри, но наполненное, и был забрызган не мало, но замаран совершенно.

3-10. **Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною**, т.е.: Я не нуждался ни в чьей помощи и не требовал никого в помощники. Здесь говорится не о телесном точиле, и это ясно из последующих слов: **и из народов никого не было со Мною**.

И Я топтал их во гневе Моем и попирал их в ярости Моей. Почему же? **Ибо день мщения – в сердце Моем, и год Моих искупленных настал**. Относительно их Он применил воздаяние, и спас тех, которые были ими мучимы. Видишь ли: они были причиною наказания для самих себя. Но чтобы ты, слыша о гневе, не подумал, что в Боге есть какие-то противоразумные движения, пророк приписывает Ему правильный и справедливый суд, и утверждает, что Он отдалил время Своего наказания: **день мщения**. Для того, чтобы показать, что он говорит здесь о наказаниях иудеев, пророк прибавляет: **год Моих искупленных настал**. Подобно тому, как во время суда открываются обиды врагов и вместе с тем наши права, таким же образом и тогда некоторых Он наказывал, а иных спасал, чтобы они познали, что Он может совершать то и другое; а не так, как говорят греческие лжемудрецы, будто есть демоны, из которых некоторые не совершают зла, а только добро, иные же совершают только зло, а не добро, так что у тех и у других нет цельной власти, а только наполовину, да и той лишены. **Я топтал точило один, и из народов никого не было со Мною; и Я топтал их во гневе Моем и попирал их в ярости Моей.** Справедливо сказано: **во гневе Моем и попирал их в ярости Моей**. Он показывает тот гнев, которым преследовал евреев, и это было самое полезное для увещания их, как говорит и апостол: **не гордись, но бойся** (Рим.11:20), чтобы они, вследствие чужих бедствий, пришли к покаянию. Блага обыкновенно делают беспечными тех, которые пользуются ими, и приводят к беспорядочной жизни. Бедствия ближних Он наложил на уста их, как бы некую узду, так как эти бедствия отвращают от зла тех, которые живут богато. Вообще здесь сказано следующее: видя бедствия ближних, ты бойся.

Обратим теперь внимание на то, что здесь сказано аллегорически. **Кто это идет от Едома**? Это пророчество двояко: Христос явился им обагренный кровью, потому что Он говорит: **как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильного?** (Мф.12:29); и потом: **но мужайтесь: Я победил мир** (Ин.16:33); а в другом месте: **проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение** (Лк.4:18) (сравни Ис.61:1); в другом же месте: потому что Он сокрушил врата медяная и сломил вереи железныя (сравни Ис.45:2), – и иное подобного рода, что указывает на Его победу, и объясняет, что Он был обагрен кровью, как и Иаков пророчески говорит: **моет в вине одежду свою и в крови гроздов одеяние свое** (Быт.49:11); а также Симеон, великий священник, указывает на многие битвы следующими словами: **се, лежит Сей на падение и на восстание многих** (Лк.2:34). Здесь Он кажется пришедшим от Эдома после умерщвления многих, Вифлеем же был расположен в стране идумеев. Кроме того, Давид показывает Его как бы снабженным оружием: **препояшься мечем Твоим по бедру Твоему, Сильный** (Пс.44:4). Это говорит затем, чтобы ты не считал Его слабым, – подобно тому, как выше сказал пророк: **Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его** (Ис.53:3). Он открывался всем не одним и тем же образом: одним образом явился иудеям, иным – апостолам, иным – пророкам, иным – на горе бывшим с Иаковом, иным – бывшим с Клеопою, иным – союзникам Петра, когда Иоанн сказал: **это Господь** (Ин.21:7), иным – Фоме, иным – Марии до и после воскресения, потому что она то считала Его вертоградарем, то называла "рабби", а Он сказал: **не прикасайся ко Мне** (Ин.20:17). Каждому Он уделял по мере веры. Подобно тому, как и Отец Его являлся то в огне, то под видом старца, применительно к обстоятельствам, не изменяя Своей природы, – избави Бог, – но всегда оставаясь тем же. Вид же Господа не всегда являлся под одним и тем же образом. Точно так и здесь Он менял Свой образ, применительно к расположениям верующих. **Столь величественный в Своей одежде**. Мы можем сказать, что эта утварь есть Церковь, которая по Его благодати стала прекрасною, по написанному: **всеми ими ты облечешься, как убранством, и нарядишься ими, как невеста** (Ис.49:18). Мы – утварь Его, а Он – наша. Он не считает достаточным одного примера, но желает, чтобы то, что принадлежит Ему, было также и нашим, подобно тому, как Он желает, чтобы мы стали Его. Я есть одежда ваша, говорит, а вы Моя (ср. Иерем.13:11). Я, говорит, облачу вас, подобно тому, кто препоясан по чреслам поясом. Потом говорит: **мы члены тела Его,**

от плоти Его и от костей Его (Ефес.5:30). Я, говорит, глава, а вы – члены. В другом месте сказано: Я есть дом ваш, а, вы – храм Мой (ср. 1Кор.3:16; 6:19). Опять: кто **пребывает во Мне, и Я в нем** (Ин.6:56); Я вкушаю вас, а вы вкушаете Меня. Еще: **Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его** (Ин.4:34), и: **Он и ходатайствует за нас** (Римл.8:34).

Выступающий в полноте силы Своей: пророк здесь обозначает не насилие, но крепость. Этими словами он открывает правильный порядок вещей. Если кто взвешивает эти слова, то он открывает некоторую силу. Но крепость совершающего никоим образом не должно назвать насилие.

Я – изрекающий правду, сильный, чтобы спасать. Но кто это таков, – пророк не сказал. Да постыдятся еретики, исследующие сущность. **Я**, говорит, **изрекающий правду**, показывая этими словами непостижимость существа. **Я – изрекающий правду**, т. е. Я сужу судом спасительным. Суд Его не для осуждения, а для спасения. Грешников, говорит, Я делаю праведными; суд некоторых направляется к спасению, а суд других к осуждению.

Отчего же одеяние Твое красно? Я топтал, говорит, **точило**. Вы, которые научились таинству, знаете это совершенно. **Я топтал**, говорит, **точило один**. И поистине, только Бог один мог совершить это, а не кто другой, не человек и не ангел. **В ярости Моей**, говорит. Ярость Его простирается на врагов, – на сатану и на смерть. Теперь смотри на пророка, как он радуется при наказании врагов, которого они были достойны, и молится о том, чтобы наказание было отъято от народа, подобно тому, как делали Иеремия, Даниил и все другие.

Воспомяну милости Господни, говорит. Ужели пророк забыл? Нисколько; но он приводит на ум то, что они забыли, утверждая, что настоящее было в связи с прошедшим. Таким образом поступают всегда пророки, напоминая людям о древних и новых благодеяниях. Он, говорит, дал мне способность и силу поведать о чудесах Его. **Воспомяну милости Господни и славу Господню за все, что Господь даровал нам, и великую благость Его к дому Израилеву**. Ужели только судья благой? Не только благой, но также обладающий и другими дарами. Это пророк говорит затем, чтобы показать тот дар прежде остальных, потому что, пользуясь им, Он часто судит по Своему милосердию, воздает нам по милости Своей и по любви Своей наводит добро и зло, не по причине злобы, но то и другое по причине Своего милосердия. Как в раю является милосердие, так и в аду: куда ты ни обращаешься с исследованием, везде находишь милосердие Господне. Как тебе кажется, – разве не по милосердию Он сотворил Адама, даровал ему рай, сделал его достойным того, что говорил с ним? И не в этом только сияет милосердие Божие; но даже и тогда, когда Он отверг его и изгнал из рая, Он показал Свое милосердие. Хотя эти вещи кажутся весьма несогласными между собою, однако то и другое (милосердие) независимы относительно своего конца. Не только возвращение иудеев из плена, но и отправление их туда произошло по Его милосердию. Мы бываем то добры, то злы, так что, подверженные изменениям, мы не все совершаем правильно. Он же всегда бывает благодетелен, потому что милосердие происходит от Его природы, так что, как наказывая, так и даруя награды, Он всегда являет одно и то же благоволение. Если когда-либо происходят противоположные действия, то это бывает не от Его благоволения, но от супротивников, которые делают себя недостойными его. Подобно тому, как солнце увеселяет своим светом многих, а больным глазами причиняет мучения, подобно тому, как огонь влажное и мягкое вещество делает и жестким и сплоченным, таким образом одно делает жестким, иное сплоченным, иное размягчает, золото расплавляет, а глину делает жесткою, но то и другое производит своим жаром, – точно так же и Господь единым Своим милосердием сотворил рай и ад. Что я говорю? Легче огню лишиться своего жара, чем Богу Своей благости. О всех творениях мы можем рассуждать при Божием попечении, но о божественных свойствах не можем этого, – ни словом, ни даже умом. А потому истинно сказано: **Я тот же** (ср. Ис.41:4; 43:10), где Он говорить не относительно Своей природы, но относительно милосердия и про- мышления. С чем должно сравнить эту любовь? **Как жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой** (Ис. 62:5). Сравнить ли ее с любовью отца и матери? Такое сравнение невозможно: вы, говорит, плоть от плоти Моей, и кость от костей Моих.

Он сказал: "подлинно они народ Мой, дети, которые не солгут". А другие говорят: не отвергну, т.е.: как чада, они могли ожидать от Меня благ, пока не отвергали Меня. Я не говорю, что они не получили от Меня благ; но так как они чада, то им неприлично было оставлять отца. **Во всякой скорби их Он не оставлял их**. Он не отнимает наказания в половину, и не попускает его в половину. Когда соединены сила и желание, то ничто не может противостоять (им). Теперь же смотри, каким образом Он напоминает им о Своей любви: не ходатай (какой-либо) ниже ангел, но Сам Господь спасе я (в русском переводе: **и Ангел лица Его спасал их; по любви Своей и благосердию Своему Он искупил их**). Великое дело охранять, но еще больше, когда Он Сам хранит, как и Павел говорит: **не**

довольно сего, но и хвалимся Богом (Рим. 5:11). Не один Павел, но и Моисей также сказал: **если не пойдешь Ты Сам с нами, то и не выводи нас отсюда** (Исх.33:15). Но если Он обещал всем спасение, то однако не славу. Смотри, какой славы Он сделал достойными их: **Он**, говорит, **искупил их;** а потом приводит и причину: **по любви Своей и благосердию Своему**. Чтобы показать, что они были недостойны этого, Он говорит: Сам избави их, и восприят их, и вознесе (этих слов в русском переводе нет). Не только избавил, что указывает на милосердие, но и вознесе, т.е., прославил их во все дни века.

Что же сделали те, которым и без всего этого надлежало, как сынам, почитать Отца? **Но они возмутились и огорчили Святаго Духа Его**. Говорит ли он о Духе Святом, или о каком-либо служителе, как кощунствуют еретики? По справедливости пророк называет Святого Духа, так как все совершено святым Духом; об Нем говорят пророки и Моисей. **Поэтому Он обратился в неприятеля их**. Видишь ли, что они сами были причиною вражды? Сам Господь **воевал против них**. Это служит знаком любви и великого милосердия: Он их щадил, когда они были злы, для того, чтобы они достигли лучшего плода. Если же бы Он не щадил, то они давно уже превратились бы в ничто. Отсюда ясно, что Бог враждебен к ним в том смысле, что Он преследовал их любовью для их спасения. Он был врагом, чтобы не быть врагом навсегда: Он удалил, чтобы воспринять.

Тогда народ Его вспомнил древние дни. Днями древними он называет дни Моисея и своего народа. В последующих словах он особенно вызывает их на вражду и битву. Именно: где благодеяния, бывшие отцам вашим и вам самим? **Где Тот, Который вывел их из моря с пастырем овец Своих? где Тот, Который вложил в сердце его Святаго Духа Своего**, т.е. в Моисея и в семьдесят старейшин? Этими словами пророк также обозначает те духовные чудеса, которые они совершили в народе. Справедливо говорит: **с пастырем**, так как чрез него он извел всех; а так как тот, во время бегства, ушел в Мадиамскую землю, то Бог говорит, что Он извел его оттуда. Но так как они веровали, что Моисей, а не Бог, извел их, потому что говорили: где есть Моисей, изведший нас из Египта (ср. Исх.32:23)? то для того, чтобы они не оставались при своем мнении, полагая, что Моисей вывел их из Египта, а Иисус Иоседеков из Вавилона, пророк показывает только, что не Моисей извел их из Египта, так как сам Моисей изведен был оттуда только силою Божиею. **Вложил в сердце его Святаго Духа Своего**: мы знаем, что им не было возвещено о Духе Святом; но в них Он был, так как был в их вождях – Моисее и в семидесяти старейшинах (здесь одна строка осталась без перевода, вследствие повреждения в армянском кодексе)... **Который вел Моисея за правую руку**. Не напрасно Он повторяет, что Моисей был изведен, но для того, чтобы удержать нечестивые слова их, постоянно говорит: "Я извел их". Повествует (пророк) также и о том, что было совершено в пустыне. **Разделил пред ними воды, чтобы сделать Себе вечное имя, Который вел их чрез бездны, как коня по степи, и они не спотыкались**. **Дух Господень вел их к покою**. Он говорит о Моисее, как бы о духе. **Так вел Ты народ Твой, чтобы сделать Себе славное имя**. Хотя они были недостойны, однако, говорит, Я ради тебя совершу это (ср. Исх.33:17). Они поистине были спасены чрез него (Моисея). **Призри с небес и посмотри из жилища святыни Твоей**. Мы обращаемся не к храму, приходим не на место откровения, но призываем Тебя с неба, потому что это Твой храм, это Твое обиталище. Пророки говорили о небе, чтобы показать, что земной храм не может обнимать Бога. **Где ревность Твоя и могущество Твое?** То же самое говорил и Давид: **где милости Твои древние, Господи** (Пс.88:50), – чтобы они прибегали не к своим добродетелям, но к милости Божией. Но нужно знать: хотя велика милость Господня, однако, в ней присутствует избрание... (две строки оставлены без перевода, по причине повреждения текста в армянском кодексе). Я терпел доселе, но теперь не попущу; доселе Я попускал, но вы пренебрегли. Во время благоприятно **милости Твои ко мне удержаны**, но мы не получили от этого никакого плода. **Только Ты – Отец наш; ибо Авраам не узнает нас, и**

Израиль не признает нас своими. Видишь ли, как полезно было им славиться не собою, а родом своим? Мы происходим, говорит, от того (Авраама), но он не знал нас. **Ты, Господи, Отец наш, от века имя Твое: "Искупитель наш"**, – подобно тому, как раб, купленный кем-либо, называется именем своего господина. Пророк не сказал: имя Твое призываем, но: **имя Твое: "Искупитель наш"**. А это и было причиною наказания их, потому что, хотя на них было имя Божие, однако они Им пренебрегали.

Для чего, Господи, Ты попустил нам совратиться с путей Твоих, ожесточиться сердцу нашему, чтобы не бояться Тебя? Они, по словам пророка, говорили это или потому, что несколько сомневались относительно этого предмета, или по причине наказаний, как они утверждали в ином месте: **уклонил стези наши от пути Твоего** (Пс.43:19), т.е.: Ты отогнал нас, оставил нас в чужой земле, исключил нас от законов и полезных повелений, ни во что вменил служение наше, и пренебрег послушания наши. **Обратись ради рабов Твоих**, т.е., ради праведных и смиренных. **Короткое время владел им народ святыни Твоей**. Смотри: место Его, Иерусалим, так близко сердцу их, что если они не могли удержать всей земли, то старались по крайней мере овладеть частью ее.

Враги наши попрали святилище Твое. Хотя мы не достойны, однако, яви милосердие по причине гордости их. **Мы сделались такими, над которыми Ты как бы никогда не владычествовал и над которыми не именовалось имя Твое**. Они говорят это не только по причине грехов, но и потому, что были оставлены.

ГЛАВА 64

О, если бы Ты расторг небеса и сошел! горы растаяли бы от лица Твоего. Смотри, как Он везде проповедует о Своей силе, что Он велик и может совершить то, чего желает. **Как от плавящего огня, как от кипятящего воду, чтобы имя Твое сделать известным врагам Твоим; от лица Твоего содрогнулись бы народы. Когда Ты совершал страшные дела, нами неожиданные, и нисходил, – горы таяли от лица Твоего. Ибо от века не слыхали, не внимали ухом, и никакой глаз не видал другого бога, кроме Тебя**. Ужели видели? Никак, говорит; хотя мы блуждали и почитали иных богов, однако никогда не видели Бога, равного Тебе. **Когда Ты совершал страшные дела, нами неожиданные**. Милосердие бывает истинною помощью, особенно имеющим терпение, – если не тотчас, то, наверно, в последующее время. **Ты милостиво встречал радующегося и делающего правду, поминающего Тебя на путях Твоих**. Видишь ли, Он не безразлично идет навстречу ко всем, но только к творящим правду. **Но вот, Ты прогневался, потому что мы издавна грешили; и как же мы будем спасены**, т.е.: когда Ты на нас прогневался, мы преданы были в плен (далее одна строка оставлена без перевода, вследствие повреждения текста в армянском кодексе).

Ты прогневался, потому что мы издавна грешили. Если по причине наших грехов ты желаешь воздавать нам наказания, то мы и заслуживаем этого. **И нет призывающего имя Твое, который положил бы крепко держаться за Тебя; поэтому Ты сокрыл от нас лице Твое и оставил нас погибать от беззаконий наших**, т.е.: прогневавшись, Ты устрашил нас и так отогнал, что мы не осмеливаемся более приступать к Тебе. **И оставил нас погибать от беззаконий наших**. Это сказано не ради пророка, но ради народа. Следовало бы сказать лучше так: так как Он прогневался на нас, то мы совершили еще величайшие преступления; а потому Он презрел нас, и не заботился о нас.

Но ныне, Господи, Ты – Отец наш; мы – глина. То, что должно было сказать, пророк не осмелился утверждать, т.е.: **Ты – Отец наш**, а мы сыны. Для того, чтобы мудрою тщательностью обратить к себе попечение Его, пророк сказал: **Господи, Ты – Отец наш**;

а для того, чтобы показать повиновение и почтение, он говорит: **мы – глина, а Ты – образователь наш, и все мы – дело руки Твоей**. Делай так, как ты желаешь. **Не гневайся, Господи, без меры, и не вечно помни беззаконие**.

Потом слова обращаются к храму и к святому месту: **города святыни Твоей сделались пустынею**; Ты же нет… (здесь оканчивается вставка перевода с новооткрытой в армянском тексте части творения Златоуста и далее идет опять перевод с издания Миня. Ред.).

БЕСЕДЫ НА СЛОВА ПРОРОКА ИСАИИ

БЕСЕДА 1

Похвала тем, которые пришли в церковь; о благочинии при славословиях, и на слова пророка Исаии: видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном (Ис.6:1).

1. Вижу, что вы с великим усердием стараетесь прилагать к делу сказанное вам прежде. Потому и я без лености бросаю семена учения, питаясь от того доброй надеждой. Земледелец, хотя бы с трудом бросал семена, – когда видит землю плодоносною и жатву обильною, забывает о прежних трудах и ободряется к дальнейшему обработыванию и сохранению (плодов) ожидаемою пользою. Но сколько плодоноснее и полезнее того это земледелие! То, производя изобилие чувственных плодов, доставляет пищу телам; а это, сея словесное учение и умножая дары Духа, собирает богатство душевное, пищу не истребляемую, не истлевающую, не уничтожающуюся, не портящуюся от времени, но сохраняемую неизреченным Промыслом и заключающую в себе духовное наслаждение. Это – плод моих трудов; это – богатство, соблюдаемое для вашей любви. Видя его умножающимся в вас, я постоянно радуюсь, как не напрасно бросающий семена, как не без пользы понесший труды, как сеющий на землю плодоносную, тучную, способную к принесению плодов. Из чего же я заключаю о такой пользе? Откуда вижу, что слова мои прилагаются к делу? Из самого настоящего собрания, из того, что вы с усердием посещаете мать всех – церковь, из этого всенощного и непрерывного стояния, из того, что вы, подражая ликам ангельским, приносите непрестанное славословие Создателю. О, дарования Христовы! На небе славословят ангельские воинства; на земле люди, в церквах составляя лики, подражают такому их славословию; на небе серафимы взывают Трисвятую песнь; на земле множество людей возносит ту же песнь; составляется общее торжество небесных и земных существ, одна благодарность, один восторг, одно радостное ликостояние. Оно устроено неизреченным снисхождением Господа; оно составлено Духом Святым; гармония звуков его согласована благоволением Отца; свыше оно имеет ритмичность членов и, движимое Троицею, как бы некоторым плектром (плектром называлось орудие из золота, серебра или слоновой кости, которым, во время игры на струнном музыкальном инструменте, игравший ударял по струнам), производит усладительную и блаженную мелодию, ангельскую песнь, непрестанную гармонию. Вот – следствие здешнего усердия; вот – плод нашего собрания! Вот почему я радуюсь, видя такое благолепие; радуюсь, видя радость в душах ваших, радость духовную, веселие по Боге. Ничто так не делает нашей жизни радостною, как веселие в церкви. В церкви сохраняется радость радующихся, в церкви утешение для унывающих, в церкви веселие для скорбящих, в церкви успокоение для изнуренных, в церкви отдохновение для утружденных. **Придите ко Мне**, сказал Господь, **все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас** (Мф.11:28). Что может быть вожделеннее этого воззвания? Что приятнее этого приглашения? На пир зовет тебя зовущий тебя в церкви Господь, приглашает к отдохновению вместо трудов, возвращает к успокоению после скорбей, облегчая бремя

грехов, врачуя уныние наслаждением и печаль радостью. О, неизреченное попечение, небесное призвание! Поспешим же, возлюбленные, как показать ревностное усердие, так и с надлежащим благочинием и с должным расположением исполнять его. Об этом я хочу теперь сказать вам слово, по видимому тяжкое, но поистине не тяжкое и полезное. Так поступают и чадолюбивые отцы: они предлагают детям не только то, что доставляет радость на краткое время, но и то, что причиняет скорбь, и внушают им не только то, что тотчас оказывает пользу, но и то, что кажется тяжким, но бывает спасительным по исполнении, и этому последнему научают с особенным усердием и настойчиво требуют от них соблюдения. Мы предлагаем такое слово для того, чтобы нам не трудиться здесь напрасно, чтобы, приняв на себя необходимость бдения, нам не подвизаться без рассудка, чтобы звуки, рассевающиеся в воздухе, не гласили более ко вреду, нежели к пользе. И купец, производя отдаленную торговлю и подвергаясь сильному течению ветров и возмущению волн, не стал бы напрасно и без пользы переносить такие трудности; но для того он и рассекает моря, и решается на опасности, и переходит с места на место, и целые ночи проводит без сна, чтобы получить себе прибыль от своей торговли. А если бы этого не было, но вместо прибыли у него истрачивался бы и капитал, то он не стал бы ни сходить с своего места, ни подвергать себя таким разнообразным опасностям.

2. Зная это, будем приходить сюда с надлежащим благоговением, чтобы вместо отпущения грехов не умножить их и с тем не возвратиться домой. Чего же мы желаем и требуем? Того, чтобы, вознося божественные песнопения, вы были проникнуты великим страхом и украшены благоговением, и таким образом возносили их. Из присутствующих здесь есть люди, которых, я думаю, не знает и ваша любовь, которые, не почитая Бога и считая изречения Духа обыкновенными, издают нестройные звуки и ведут себя нисколько не лучше беснующихся, колеблясь и двигаясь всем телом и показывая нравы, чуждые духовному бдению. Жалкий и несчастный! Тебе должно с изумлением и трепетом возносить ангельское славословие, со страхом совершать исповедание пред Создателем и чрез это испрашивать прощение грехов; а ты переносишь сюда обычаи шутов и плясунов, безобразно протягивая руки, припрыгивая ногами и кривляясь всем телом. Как ты не боишься и не трепещешь, дерзко слушая такие изречения? Разве ты не знаешь, что здесь невидимо присутствует сам Господь, измеряя движение каждого и испытывая совесть? Разве ты не знаешь, что ангелы предстоят этой страшной трапезе и окружают ее со страхом? Но ты не разумеешь этого, потому что слышанное и виденное тобою на зрелищах помрачило твой ум, и совершаемое там ты вносишь в церковные обряды, обнаруживая бессмысленными криками беспорядочность своей души. Как же ты испросишь прощение своих грехов? Как преклонишь на милость Господа, принося моление столь небрежно? Ты говоришь: **помилуй мя, Боже**, а сам обнаруживаешь нрав, противный помилованию. Взываешь: **спаси мя**, а сам принимаешь вид, чуждый спасения. Помогут ли сколько-нибудь молитве руки, непрестанно поднимаемые кверху и движимые беспорядочно, и сильный крик, производимый напряженным дуновением воздуха, но не имеющий смысла? Не свойственны ли такие действия беспутным женщинам, встречающимся на перекрестках, или кричащим на зрелищах? Как же ты осмеливаешься к ангельскому славословию примешивать бесовские шутки? Как ты не стыдишься того изречения, которое здесь произносишь: **работайте Господу со страхом и радуйтесь Ему с трепетом** (Пс.2:11)? Это ли значит: **работать со страхом**, чтобы действовать необузданно и с напряжением и самому не знать, о чем говоришь беспорядочными звуками голоса? Это – знак презрения, а не страха, дерзости, а не смирения; это свойственно более произносящим шутки, нежели славословящим. Что же значит: **работать Господу со страхом**? Значит: исполняя всякую заповедь, совершать это со страхом и трепетом, возносить молитвы с сокрушенным сердцем и смирённым умом. И не только **работать со страхом**, но и **радоваться с трепетом** повелевает Дух Святый чрез пророка. Так как исполнение заповеди обыкновенно доставляет радость упражняющемуся

в добродетели, то и ей, говорит он, надобно предаваться со страхом и трепетом, чтобы нам, забывшись от бесстрашия, не погубить трудов и не оскорбить Бога. Но как возможно, скажешь, радоваться с трепетом? Эти два чувства не могут быть вместе в одно и тоже время, будучи весьма различны между собою. Радость есть удовлетворение желаний, наслаждение приятным, забвение неприятного; а страх есть преувеличение ожидаемых бедствий и происходит в отчаивающейся совести. Как же можно **радоваться со страхом**, и не просто со страхом, но и **с трепетом**, который есть усиленный страх и знак великого беспокойства?

Как, скажешь, это может быть? Этому научают тебя серафимы, которые самым делом исполняют такое служение. Они наслаждаются неизреченною славою Создателя и созерцают непостижимую красоту, – не говорю, какова она по самому существу своему (потому что она непостижима, незрима, невообразима, и нелепо было бы так думать о ней), но сколько они могут, сколько они в состоянии просвещаться этими лучами. Они постоянно служат вокруг царского престола, пребывают в постоянной радости, в вечном веселии, в непрестанном удовольствии, восхищаясь, ликуя, неумолчно славословя. Стоять пред лицом этой славы и просвещаться происходящим от нее светом, это – их радость, восторг, веселие, слава. Может быть, и вы несколько почувствовали удовольствие и в вас пробудилось желание этой славы.

3. Если вы захотите послушаться увещаний и совершать настоящее славословие с благоговением, то и вы не лишитесь этой радости, потому что один и тот же Господь, прославляемый на небесах и на земле. **Вся земля полна славы Его!** (Ис.6:3). Как же серафимы, наслаждаясь такою радостью, соединяют ее со страхом? Послушай, что говорить пророк: **видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном**. Почему он, сказав: **высоком**, прибавил: **и превознесенном**? Разве не достаточно было словом: **высоком** – объяснить все и показать превосходство достоинства? Для чего же он прибавил: **и превознесенном**? Для того, чтобы показать непостижимость седалища. Так как у нас слово: высокий внушает мысль о сравнении чего-нибудь с предметами дольними и низкими, – напр. горы называются высокими по отношению к равнинам и долинам земли, и небо называется высоким, потому что превышает все земное, – а слово: превознесенный и возвышенный относится только к одному непостижимому Существу, которого невозможно ни постигнуть, ни изъяснить, то он и сказал: **видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном**. И что еще видел ты, пророк? Что созерцал ты вокруг Его? **Вокруг Него**, говорит, **стояли Серафимы** (ст. 2). Что делали они, и что говорили? Какое имели они дерзновение? Они не имели, говорит, никакого дерзновения, но были исполнены страха и изумления и самым видом своим показывали неизреченный трепет. **Двумя** (крыльями) **закрывал каждый лице свое**, как для ограждения себя от света, исходящего от престола, потому что не могли снести невыносимой славы его, так и для выражения своего благоговения, которое они имели к Господу.

Такою радуются они радостью, таким восхищаются веселием, и однако закрывают не только лица, но и ноги свои. Почему же они делают это? Лица они справедливо закрывают по причине страшного зрелища, потому что они не могут взирать на неприступную славу; но почему закрывают ноги? Я желал бы предоставить вам, чтобы вы сами потрудились решить это и пробудились для исследования предметов духовных; но чтобы, оставив ваш ум занятым таким исследованием, не произвести в вас невнимательности к увещанию, я считаю необходимым самому объяснить это. Почему же они закрывают ноги? Они стараются выразить свое беспредельное благоговение к Создателю, желая показать великое смущение и видом своим, и голосом, и взором, и самым положением. Но так как они и таким образом не достигают желаемого и должного,

то, закрываясь со всех сторон, остальное прикрывают. Поняли ли вы сказанное, или нужно опять повторить это? Впрочем, для большей ясности, постараюсь раскрыть это примерами, случающимися у нас. Кто предстоит земному царю, тот всеми мерами старается выразить пред ним свое великое уважение, чтобы этим снискать себе от него большее благоволение. Для того он и видом головы, и голосом, и сложением рук, и постановкою ног, и положением всего тела старается показать такое уважение. То же происходит и с теми бесплотными силами. Питая великое благоговение к Создателю и стараясь во всем выразить его, но не достигая желаемого, не соответствующее их желанию они закрывают покрывалом. Потому и говорится, что они закрывают лица и ноги свои. Может быть представлено и другое более таинственное воззрение касательно этого: так говорится не потому, чтобы они действительно имели ноги и лица (они бестелесны, подобно Божеству), но дабы этим показать, что они со всем смирением, со страхом и благоговением служат Господу. Так должно предстоять и нам, принося Ему славословие со страхом и трепетом и как бы созерцая Его самого очами ума. Подлинно, здесь присутствует сам Он, неописуемый никаким местом, и отмечает голоса всех. Потом, воссылая Ему хвалу с сердцем сокрушенным и смиренным, сделаем ее благоприятною и вознесем на небо, как благовонный фимиам. **Сердце сокрушенно и смиренно**, говорит Писание, **Бог не уничижит** (Пс.50:19). Но, скажешь, пророк заповедует совершать славословие с восклицанием: **воскликните**, говорит, **Господу, вся земля** (Пс.65:1). И мы запрещаем не такое восклицание, а бессмысленный вопль, не голос хвалы, а голос бесчинства, усиленные крики друг пред другом, напрасное и тщетное поднятие рук на воздух, топание ногами, безобразные и непристойные обычаи, которые свойственны занимающимся шутками на зрелищах и ристалищах. Оттуда приносятся к нам эти вредные привычки, оттуда эти неблаговейные и простонародные крики, оттуда непристойные движения рук, ссоры, состязания, беспорядочные нравы.

4. Действительно, ничто так не производит невнимательности к изречениям Божиим, как восхищение тамошними представлениями. Потому я часто внушал, чтобы никто из приходящих сюда, слушающих божественное учение и причащающихся страшной и таинственной жертвы, не ходил на те зрелища и не смешивал божественных таинств с бесовскими. Но некоторые так обезумели, что, имея даже благоговейный вид и дожив до глубокой седины, все-таки бегут туда, не обращая внимания на наши слова и не стыдясь собственного возраста. И когда мы поставляем им это на вид и убеждаем постыдиться седины и благоговейности, то какой пустой и смешной ответ дают они? Там, говорят они, находится пример будущей победы и венцов, и мы оттуда получаем весьма великую пользу. Что говоришь ты, человек? Это – старая и обманчивая речь. От чего ты получаешь там пользу? От бесчисленных ли ссор и напрасных и бесполезных проклятий, обращающихся во вред говорящим, или от обид, злословий и насмешек, которыми осыпают друг друга зрители этих представлений? Но, конечно, не от них. Или извлекаешь пользу из бесчинных криков, бессмысленного вопля, поднимающейся пыли и людей толкающихся, теснящихся и лицемерящих пред женщинами? Но здесь все пророки и учители представляют самого Владыку ангелов седящим на престоле высоком и превознесенном, разделяющим награды и венцы достойным и назначающим геенну и огонь недостойным; и сам Господь подтверждает это. Как же ты презираешь то, в чем страх для совести, обличение дел, истязание суда и неизбежность наказания, и между тем для безрассудного оправдания своих зрелищ указываешь на пользу от того, от чего ты терпишь неисправимый вред? Нет, прошу и умоляю, не будем представлять оправданий во грехах; это – предлог и обольщение, причиняющее вред нам самим. Впрочем, довольно об этом; время уже обратиться к прежнему увещанию и, изложив его кратко, положить приличный конец слову. Подлинно, здесь не только бесчинство, но господствует еще некоторая другая тяжкая болезнь. Какая же именно? Предполагающее беседовать с Богом и возносящие Ему славословие, потом, оставив Его, каждый выбирает соседа, и начинает

разговаривать о делах, происходящих дома, на торжищах, в народе, на зрелищах, в войске, как устроено то и как опущено это, что излишне в распоряжениях и чего не достает в них, и вообще разговаривает здесь о всех делах общественных и частных. Заслуживает ли это прощения? Беседующий и с земным царем говорит только о том, о чем тот хотел бы слышать и о чем он сам предлагает вопросы, если же осмелится упомянуть о чем-нибудь другом против его желания, то подвергается тяжкому наказанию; а ты, беседуя с Царем царствующих, Которому с трепетом служат ангелы, оставив беседу с Ним, разговариваешь о грязи, о пыли, о паутине? Таковы ведь настоящие дела. Как ты перенесешь наказание за такое пренебрежение? Кто избавит тебя от этого наказания?

Но, скажешь, дела и управление находятся в худом положении; об них мы и говорим много и беспокоимся много. Какая же причина? Неблагоразумие, скажешь, правителей? Не неблагоразумие правителей, а наша греховность, последствие преступления. Она низвратила дела, она привлекла все бедствия, она вооружила врагов, она доставила нам поражение. Не от чего-нибудь другого постиг нас ряд бедствий, как только от этой причины. Хотя бы правителем нашим был какой-либо Авраам, хотя бы Моисей, хотя бы Давид, хотя бы мудрейший Соломон, хотя бы праведнейший из всех людей, но если мы живем худо, это безразлично в отношении к причине зол. Как и каким образом? Если бы он был из числа людей беззаконнейших и поступающих безрассудно и бесчинно, то ведь наше собственное безрассудство и бесчинство произвели такого правителя, наши грехи навлекли на вас такой удар. Получать правителей по сердцу своему значит нечто иное, как то, что мы, согрешив наперед, получаем такого и предстоятеля, будет ли он из лиц церковных, или из мирского звания. А с другой стороны, хотя бы он был весьма праведен, и так праведен, что равнялся бы с добродетелью Моисея, праведность его одного не может покрыть безмерных грехов подчиненных. Это можно ясно видеть в примере самого Моисея, который много страдал за израильтян и усердно молил за них Бога, чтобы наследовали обетованную землю; но так как они собственными грехами сделали себя недостойными этого обетования, то молитва его не могла изменить праведного определения Божия, по которому весь народ погиб в пустыне. Между тем кто праведнее Моисея? Или кто имеет более дерзновения пред Богом? Хотя и говорится в Писании, что **много может молитва праведного** (Иак.5:16), но поспешествуема, т.е. воспомоществуемая раскаянием и исправлением тех, за кого она возносится. А у кого образ жизни нераскаянный и неисправимый, тем как может она принести помощь, когда они сами препятствуют этому своими делами? 5. Но что мы говорим о том, что так бывает при грехах целого народа, когда грех немногих подчиненных и часто даже одного превышает заслуги справедливых правителей? Это можно видеть также на народе израильском, который, под предводительством Моисея вступив в землю ино-племенников и начав с ними войну, подвергался всеобщему поражению и истреблению, когда некоторые из него прельстились женами тех.

А пример того, как это случилось по поводу одного, видим на Ахаре, который, утаив красивую одежду из посвященного Богу, навлек гнев Божий на народ. Впрочем, может быть, некоторые из присутствующих не знают этого события, потому нужно кратко сказать о нем, чтобы напомнить знающим и научить незнающих. Этот Ахар был одним из мужей, перешедших через Иордан вместе с Иисусом Навином, с тем Иисусом, который по определению Божию был избран в преемника Моисею и был подобием и прообразом истинного Спасителя нашего Иисуса Христа: как он провел народ израильский чрез Иордан из пустыни в землю обетованную, так и Спаситель наш провел чрез святое и спасительное крещение из пустыни неведения и идолослужения в горний Иерусалим, к матери первородных, где уготованы обители истинного покоя, где безмятежная и мирная жизнь. Таким образом, проведши народ силою Повелевшего, он двинулся к Иерихону и, совершая эту дивную осаду, когда стены готовы были пасть, что говорил он к народу?

Город будет под заклятием, и все, что в нем – Господу [сил]; только Раав блудница пусть останется в живых, она и всякий, кто у нее в доме; потому что она укрыла посланных, которых мы посылали; но вы берегитесь заклятого, чтоб и самим не подвергнуться заклятию, если возьмете что-нибудь из заклятого, и чтобы на стан [сынов] Израилевых не навести заклятия и не сделать ему беды (Иис. Нав.6:16,17). Все, находящееся в городе, говорит, посвящается Богу, – это именно значит: проклят, – и потому никто пусть не похищает себе из назначенного Господу Богу и не губит нас на земле. Опасна была такая заповедь; велика строгость повелевшего Бога и предписавшего Иисуса. Как мог быть не нарушен этот закон в таком множестве народа, когда многие обстоятельства располагали к тому? Непостоянство и корыстолюбие народа, или то, что не все слышали о предписанной заповеди, или драгоценность добычи, служащей как бы приманкою и прельщающей корыстолюбцев, легко могли побудить к нарушению закона. И однако такой закон был дан, и опасность нарушения его висела над головой. Что же потом? Стены пали, и все, что было в городе, досталось в руки осаждавших. Но, тогда как весь народ соблюдал эту заповедь, преступление одного навлекло гнев Божий на весь народ. **Но сыны Израилевы**, говорит Писание, **сделали [великое] преступление [и взяли] из заклятого. Ахан, сын Хармия, сына Завдия, сына Зары, из колена Иудина, взял из заклятого, и гнев Господень возгорелся на сынов Израиля** (Иис. Нав.7:1). Согрешивший был один: как же согрешили сыны израильские и разгневался Господь на сынов израилевых? Видишь ли, как грех одного навлек наказание на весь народ, как он восстановил Бога против всего множества их? Итак, когда преступление было совершено и никто не знал о нем, кроме одного Бога, знающего сокровенное, то наказание должно было последовать, а совершивший преступление, хотя казалось, скрывался, но совестью сожигался, как огнем. Наконец наступило время мщения и обнаружения греха. **Иисус из Иерихона**, говорит Писание, **послал людей в Гай, что близ Беф-Авена, с восточной стороны Вефиля, и сказал им: пойдите, осмотрите землю. Они пошли и осмотрели Гай. И возвратившись к Иисусу, сказали ему: не весь народ пусть идет, а пусть пойдет около двух тысяч или около трех тысяч человек, и поразят Гай; всего народа не утруждай туда, ибо их мало [там]. Итак пошло туда из народа около трех тысяч**

человек, но они обратились в бегство от жителей Гайских; жители Гайские убили из них до тридцати шести человек, и преследовали их от ворот до Севарим и разбили их на спуске с горы; отчего сердце народа растаяло и стало, как вода (Иис. Нав.7:2,4,5).

6. Посмотри на последствие одного греха, посмотри на неисцельную рану. Согрешил один, а смерть и ужас поражают весь народ. Что же это, благий Господи? Ты один праведен и праведны суды Твои; Ты воздаешь каждому по собственным делам его; Ты сказал, человеколюбец, что каждый умрет за свой грех, и другой вместо одного не будет наказан. Что же значит это Твое праведное определение? Все дела Твои, Господи, добры и весьма добры и устрояются нам на пользу. Грех, отвечает Он, есть некоторая зараза; потому пусть он будет предан позору чрез наказание всех, чтобы они, узнав, какой вред произвело одно преступление, избегли вечного наказания за грехи большие. Итак Иисус, увидев непонятное бегство, разорвал одежды свои, пал на землю и произнес те скорбные слова, которые излагает божественное Писание. Что же говорит ему Господь? **Господь сказал Иисусу: встань, для чего ты пал на лице твое? Израиль согрешил, и преступили они завет Мой, который Я завещал им; и взяли из заклятого, и украли, и утаили, и положили между своими вещами; за то сыны Израилевы не могли устоять пред врагами своими и обратили тыл врагам своим, ибо они подпали заклятию; не буду более с вами, если не истребите из среды вашей заклятого** (Иис. Нав.7:10,12). Это объявлено народу; преступник указывается Богом и сознается. **В ответ Иисусу**, говорит Писание, **Ахан сказал: точно, я согрешил пред Господом Богом Израилевым и сделал то и то: между добычею увидел я одну прекрасную Сеннаарскую одежду и двести**

сиклей серебра и слиток золота весом в пятьдесят сиклей; это мне полюбилось и я взял это; и вот, оно спрятано в земле среди шатра моего, и серебро под ним [спрятано] (ст. 20,21). Так он открыл все, когда увидел, что неложен указавший это и силен обличивший Свидетель; потом смотри – его позорную и страшную смерть. **Иисус и все Израильтяне с ним**, говорит Писание, **взяли Ахана, сына Зарина, и серебро, и одежду, и слиток золота, и сыновей его и дочерей его, и волов его и ослов его, и овец его и шатер его, и все, что у него было, и вывели их [со всем] на долину Ахор. И сказал Иисус: за то, что ты навел на нас беду, Господь на тебя наводит беду в день сей. И побили его все Израильтяне камнями, и сожгли их огнем, и наметали на них камни** (ст. 24,25). Таково наказание за преступление; таков неумолимый суд Божий. Зная это, будем считать наступление скорбей последствием наших грехов, и, ежедневно рассматривая свои проступки, будем обвинять в том не других, но самих себя. Не только невнимательность правителей, но гораздо более наши проступки навлекают на нас бедствия. Итак каждый, приходящий сюда, пусть помышляет о собственных грехах, а не обвиняет других, и таким образом с надлежащим благочинием пусть возносит настоящее славословие. А требуемое от нас благочиние состоит в том, чтобы, во-первых, приступать к Богу с сердцем сокрушенным, потом выражать такое расположение сердца и внешним видом, стоянием, благопристойным положением рук, кротким и сдержанным голосом. Это легко и возможно для всякого желающего. Как же это может быть исполнено всеми? Поставим для себя законом и скажем: предписана общеполезная заповедь, и все мы должны участвовать в этой пользе. Потому прекратим беспорядочные вопли и исправим положение рук, слагая их при возношении к Богу, а не поднимая непристойными движениями. Этого не любит и отвращается Бог, как Он любит и приемлет человека кроткого. **А вот на кого Я призрю**, говорит Он, **на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим** (Ис.66:2)? Скажем друг другу: Бог не хочет, чтобы мы беседовали с Ним и вместе разговаривали между собою, чтобы, оставив беседу с Ним, вели разговоры о предметах настоящих и грязью оскверняли жемчужины. Он считает это обидою для Себя, а не славословием. Если же кто станет нарушать эту заповедь, то мы будем заграждать ему уста, преследовать его, как врага нашего спасения, и выгонять его вон из ограды святой церкви. Поступая таким образом, мы легко загладим прежние грехи свои, и сам Господь будет ликовать среди нас со святыми ангелами и раздавать каждому венцы за благочиние. Он человеколюбив и щедр и радуется нашему спасению; потому, услаждаясь нашими добрыми делами, Он обещал царство небесное и участие в жизни вечной и уготовал все блага, желая, чтобы мы наследовали их; чего да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу подобает слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 2

На слова пророка Исаии: в год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном (Ис.6:1). И о том, что не должно оставлять без внимания ни времени, ни даже единой буквы божественных Писаний.

1. Радуюсь, видя вас собравшимися слушать божественные изречения, и считаю это величайшим свидетельством вашего преспеяния по Боге. Как аппетит служит знаком здоровья телесного, так любовь к духовным изречениям служит знаком здоровья душевного. Поэтому радуюсь; но вместе и боюсь, что я не буду в состоянии доставить вам ничего достойного этого желания. Так и любящая мать скорбит, когда, имея грудного младенца, не может доставить ему источников молока в изобилии; но, хотя она имеет его и недостаточно, однако дает грудь, а младенец, взяв тянет и вытягивает ее, и, согревая устами охладевшие сосцы, старается извлечь себе пищи больше, нежели есть в них. Мать

чувствует боль от терзания сосцев, но не отталкивает Младенца, потому что она – мать и готова лучше перенести все, нежели огорчить дитя свое. Если же матери имеют такую любовь к своим детям, то тем более нам нужно иметь такое расположение относительно вашей любви. Скорби рождения духовного пламеннее скорбей рождения естественного. Итак, хотя наша трапеза очень скудна, но мы не скроем и ее, но вынесем все, что есть у нас, на средину и предложим вам. Хотя ее мало и скудно, но мы предлагаем. Так и хоть, которому вверен был талант, не за то был осужден, что не представил пяти талантов, но за то, что и один, полученный им, зарыл в землю, – за это он и был наказан. И Бог и люди требуют не малого или многого, но того, чтобы приношение было никак не меньше настоящей силы. Вы слышали прежде, когда мы удостоились беседовать с вашей любовью, когда мы читали тот псалом, который, извергая грешника из священной ограды, призывал ангелов и горние силы славословить Бога всех. Хотите ли и сегодня слышать самую ангельскую песнь, став там где-нибудь близко? Я думаю, хотите. Если негодные люди, составляя хоры на площади и среди глубокой тьмы и безвременно по ночам воспевая блудные песни и соблазнительные стихотворения, поднимают и привлекают к себе весь наш город, то, когда небесные сонмы, горние лики воспевают Царя вселенной, неужели мы не соберемся слушать их божественного и блаженного песнопения? Иначе какое может быть нам прощение? Но как можно, скажешь, слушать их? Вошедши на самое небо, если не телом, то умом, если не видимым присутствием, то мыслью. Наше тело будучи земляным и тяжелым, естественно остается внизу; но душа свободна от такой необходимости и легко возлетает в высочайшие и возвышеннейшие области; она, захочет ли достигнуть самых крайних пределов вселенной, или взойти на небо, не встречает никакого препятствия: столь легкие крылья мыслей дал ей Бог! И не только легкие крылья Он дал ей, но наделил ее и очами, которые смотрят гораздо острее очей телесных. Зрение телесное, когда устремляется сквозь пустой воздух, проникает на большое расстояние; но когда встречает малое тело, тогда, подобно потоку, задержанному в своем течении, обращается назад. А зрение души, хотя бы встречало стены, крепости, громады гор и самые тела небесные, легко проникает все. Впрочем, при всей своей быстроте и остроте зрения, душа сама по себе не в состоянии постигать предметов небесных, но имеет нужду в руководителе. Сделаем же то, что делают желающие посмотреть на царские чертоги. Что же они делают? Они, отыскав того, кому вверены ключи от тамошних дверей, приступают к нему, беседуют с ним, упрашивают его, а часто дают и серебра, чтобы расположить его к себе. Приступим же и мы к кому-нибудь из тех, которые приставлены к вратам небесным, будем беседовать с ним, будем просить его, покажем вместо серебра (добрую) волю и искреннее расположение. Если он примет это вознаграждение, то, взяв нас за руку, проведет везде, покажет не царские чертоги, но самого Царя седящего, окруженного воинствами и военачальниками, тьмами ангелов и тысячами архангелов; все он покажет нам подробно, сколько нам возможно видеть. Кто же это? Кому вверено такое служение, при помощи которого мы хотим теперь войти? Исаия, громогласней- ший из пророков. Итак, необходимо вступить в беседу с ним.

Следуйте же тихими шагами, в совершенном молчании. Никто не входи сюда с житейскими заботами, никто – с рассеянностью и смущением, но оставим все это за первыми дверями, и таким образом все войдем сюда. Мы входим в царские чертоги небесные, вступаем в светлые области; внутри они исполнены великого молчания и неизреченных тайн.

2. Но слушайте внимательно: чтение Писаний есть откровение неба. **В год**, говорит пророк, **смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном** (Ис.6:1). Видишь ли услужливость благосклонного слуги? Он тотчас привел нас пред царский престол, не проводя наперед длинными обходами, но как только отворил двери, уже и показал прямо седящего Царя. **Вокруг Него**, говорит, **стояли**

Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И взывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его! (ст. 2,3).

Поистине свят Тот, Кто удостоил наше естество столь многих и столь великих таинств, Кто сделал нас участниками в предметах столь непостижимых. Страх и трепет объемлет меня при этой песни. И удивительно ли, что чувствую это я – бренный и происшедший из земли, если и самые горние силы постоянно объемлет величайший ужас? Потому они и отвращают лица свои и употребляют крылья вместо ограды, не вынося исходящих оттуда лучей. Но, скажешь, являемое было снисхождением: как же они не выносили его? Мне ли ты говоришь это? Скажи тем, которые исследуют непостижимое и блаженное естество, которые дерзают на то, на что дерзать не должно. Серафимы не смели смотреть даже на снисхождение Божие: как же человек дерзнул сказать, или лучше, как человек дерзнул подумать, что он может точно и ясно познать то чистое естество, которое недоступно созерцанию даже херувимов? Трепещи небо, ужасайся земля; эта дерзость больше дерзости их (иудеев). Как нечестиво поступали тогда те, так нечестиво поступают теперь и эти. Они одинаково покланяются твари; но что выдумали теперь эти, того никто из тогдашних людей не смел ни сказать, ни слушать. Что говоришь ты? Явление было снисхождением? Да, но снисхождением Божиим. Если Даниил, имевший великое дерзновение пред Богом, не мог смотреть на ангела, нисшедшего к нему, но пал и лежал преклоненным, так как связи зрения его ослабели от этой славы, то удивительно ли, что ужасались серафимы, не вынося созерцания той славы? Не столько расстояния между Даниилом и ангелом, сколько между Богом и этими силами. Впрочем, чтобы и нам, останавливаясь слишком долго на этих чудесах, не навести ужаса на ваши души, обратимся к началу рассказа, и будем назидать душу менее высокими предметами. **В год смерти царя Озии**. Прежде всего, нужно узнать, для чего пророк означает нам время, так как не без причины и не напрасно он делает это. Уста пророков суть уста Божии; а эти уста не говорят ничего напрасно. Не будем же и мы слушать без внимания. Если те, которые выкапывают металлы, не пренебрегают и малыми частицами, но, когда нападают на золотую жилу, тщательно осматривают ее ветви, то не гораздо ли более мы должны делать это с Писаниями? В металлических рудах бывает весьма трудно найти желаемое, потому что металлы – земля, и золото есть не что иное, как земля; общность природы искомых веществ обманывает зрение, и однако при всем том золотопромышленники не оставляют дела, но обнаруживают всякую тщательность, и, всматриваясь, узнают, что действительно земля, и что действительно золото. А с Писанием не бывает так. Здесь предлагается не смешанное с землею золото, но чистое золото. **Слова Господни**, говорит псалмопевец, **слова чистые, серебро расплавленное, испытанное в земле** (Пс.11:7). Писания – не металлы, требующие обработки; но они доставляют готовое сокровище тем, которые ищут богатства, заключающегося в них. Достаточно только приникнуть к ним, чтобы отойти, исполнившись всякой пользы; достаточно только открыть их, чтобы тотчас увидеть блеск этих дорогих камней.

Не напрасно я сказал это и не без причины распространился об этом, но потому, что есть коварные люди, которые, взяв в руки божественные книги и увидев счет времени или перечисление имен, тотчас оставляют их и укоряющим их говорят: здесь одни только имена, и нет ничего полезного. Что говоришь ты? Бог вещает, а ты смеешь говорить, что в сказанном нет ничего полезного? Если ты увидишь одну только простую надпись, то, скажи мне, не остановишься ли ты на ней со вниманием и не станешь ли исследовать заключающегося в ней богатства? Но что я говорю о временах, именах и надписях? Посмотри, какую силу имеет прибавление одной только буквы, и перестань пренебрегать целыми именами. Патриарх наш Авраам (действительно он принадлежит нам, нежели иудеям) сперва назывался Аврамом, что в переводе значит: странник (здесь св. И. Зл.

имеет в виду, очевидно, Быт.14:13, где еврейское ибри = еврей, приложенное к вмени Аврам, у 70 переведено не еврей, а ц.-сл. пришелец); а потом, будучи переименован в Авраама, стал отцом всех народов; прибавление одной буквы доставило праведнику такое преимущество. Как цари своим наместникам дают золотые таблицы в знак власти, так и Бог тогда придал праведнику эту букву в знак чести.

3. Впрочем, об именах я скажу в другое время; а теперь нужно сказать о том, как полезно знать времена событий, и как вредно не знать их. И, во-первых, докажу это житейскими делами. Договоры и записи о браках, о долгах и о других обязательствах не имеют никакой силы, если в них не будет написано вверху времени консульства. Оно дает им силу; оно предотвращает споры; оно избавляет от судилищ и делает врагов друзьями. Потому те, которые пишут их, в заглавии бумаг, выставляют консульство, как свечу на светильнике, чтобы оно было видно всем подчиненным. Если ты уничтожишь это, то отнимешь свет, и исполнишь все мрака и великого смятения. Потому всякое дело об отдаче и получении, и с друзьями, и со врагами, и с рабами, и с попечителями, и с управителями, требует этого удостоверения, и всегда мы прописываем внизу и месяцы, и годы, и дни. Если же в делах житейских эта заметка имеет такую силу, то в делах духовных она гораздо важнее и полезнее. В пророчествах она показывает, что они – пророчества. Пророчество есть не что иное, как предсказание будущих событий. Поэтому кто не знает времени, к которому относится сказанное или случившееся, тот как может доказать спорящему достоинство пророчества? Отсюда у нас борьба и победа над язычниками, когда мы доказываем, что наше учение древнее того, которое у них. Отсюда у нас доказательства истины и против иудеев, – против жалких и несчастных иудеев, которые по незнанию времени впали в величайшее заблуждение. Если бы они слушали слова патриарха: **не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель, и Ему покорность народов** (Быт.49:10), и если бы внимательно исследовали времена Его пришествия, то не отпали бы от Христа и не предались бы антихристу, как и сам Христос, внушая им это, сказал: **Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете** (Ин.5:43). Видишь ли, какое произошло падете от незнания времен? Не пренебрегай же такою пользою. Как на полях межи и столбы не позволяют смешивать пашни, так времена и годы не позволяют смешивать одни события с другими, но, отделяя их друг от друга и располагая в надлежащем порядке, избавляют нас от великой запутанности. Итак, нужно сказать вам, кто был этот Озия, когда он царствовал, над кем царствовал, сколько времени продолжалось его царствование, и как он кончил жизнь. Лучше было бы замолчать, потому что необходимо пуститься в беспредельное море исторических повествований. Но тем, которые намерены отправиться в это море, нужно отправляться в путь с пловцами, не с утомленными, а свежими силами. Для того везде на море и существуют пристани и острова, чтобы отдохнул и кормчий, и гребец, один отложив весло, другой, оставив руль. Для того везде на дорогах и придуманы гостиницы и постоялые дворы, чтобы и вьючные животные и путники отдохнули от трудов. Для того и слову учения положено время молчания, чтобы нам и себя не изнурить, и вас не утомить продолжительностью речи. Эти времена знал и Соломон, который говорит: **время молчать, и время говорить** (Еккл.3:7). Итак пусть будет для нас время молчания, чтобы для учителя было время глаголания (т.е. для епископа Флавиана, который говорил поучения иногда прежде, а иногда и после св. Златоуста в антиохийской церкви). Наши слова подобны вину, недавно почерпнутому из точила; а его слова подобны вину старому и долго стоявшему, которое доставляет нуждающимся великую пользу и крепость, – так что сегодня повторилось известное евангельское событие: после худшего вина приносится лучшее (Ин.2:10). И как то вино произошло не из винограда, но произвела его сила Христова, – так и его речь изливает не человеческий ум, а благодать Духа. Если же потоки ее обильны и духовны, то будем принимать их тщательно и хранить бережливо, чтобы, постоянно орошаясь ими, мы могли

приносить зрелые плоды дарующему их Богу, которому подобает всякая слава и честь с Единородным Его Сыном и Всесвятым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 3

На первую[1] (чит. вторую) Паралипоменон, где говорится: возгордилось сердце его (2Пар.26:16), также о смиренномудрии, о том, что добродетельному не следует быть самонадеянным, и о том, сколь великое зло – гордость.

1. Благословен Бог: и в наш век произрасли мученики и мы удостоились видеть людей, закалаемых за Христа, – людей, проливающих святую кровь, которая орошает всю Церковь, проливающих кровь, страшную для бесов, вожделенную для ангелов, спасительную для нас. Мы удостоились видеть людей, ратующих за благочестие, побеждающих, увенчиваемых; и удостоились не только видеть, но и принять самые тела этих подвижников; и мы теперь имеем у себя этих венценосцев. Впрочем речь о мучениках теперь мы предоставляем ревнителю мучеников, нашему общему учителю; а сами будем говорить вам теперь об Озии, чтобы уплатить наш старый долг и удовлетворить давнему томительному желанию – слышать об этом. Я хорошо знаю, что каждый из вас томится желанием слышать о тех событиях; и мы продлили это томление, не из желания увеличить вашу скорбь, но стараясь усилить желание, чтобы наше угощение показалось вам приятнее. Когда богатые предлагают угощение и принимают сытых гостей, то они могут возбудить в них аппетит драгоценностью приготовленного; а трапеза бедных ни от чего так не оказывается блистательною, как если приступающие к ней будут голодными. Кто же был Озия, чей он потомок, чей царь, сколько времени царствовал, что сделал хорошего, в чем погрешил и как окончил жизнь? Обо всем этом мы скажем вам теперь, или лучше, сколько можно сказать, чтобы множеством сказанного не обременить вашей памяти, как бывает с огнем светильника. Если в него будешь подливать масла к светильне понемногу, то доставишь достаточную пищу огню, а если нальешь вдруг, то погасишь и бывший огонь. Итак, этот Озия был потомок Давида и царь иудейский; царствовал он пятьдесят два года, и сначала был добродетельным, а потом впал в грех. Возмечтав о себе выше собственного достоинства, он хотел присвоить власть священства.

Таково зло – гордость; она в каждом производит то, что он не знает самого себя, и после многих трудов уничтожает все сокровище добродетели. Прочие грехи обыкновенно происходят от нашей беспечности; а она зарождается в нас, когда мы поступаем правильно. Обыкновенно ничто так не производит гордости, как добрая совесть, если мы не будем внимательны. Потому и Христос, зная, что эта страсть приходит к нам после добрых дел, говорил ученикам: **когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать** (Лк.17:10). Когда будет приступать к вам этот зверь, тогда этими словами, говорит, заприте от него двери. Не сказал: когда исполните все, тогда вы ничего не стоите; но сами вы **говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать**; говори, не бойся, не по твоему суду произношу Я приговор. Если ты сам назовешь себя непотребным, то Я увенчаю тебя, как благопотребного. Так и в другом месте Бог говорит: **говори ты, чтоб оправдаться** (Ис.43:26). В судилищах внешних после обвинения и признания в преступлениях назначается смерть; а в судилище божественном после признания – венец. Потому и Соломон говорил: **не оправдывай себя пред Господом** (Сир.7:5). Ничего такого не слушал Озия, но вошел в храм, хотел кадить, и священника, который останавливал его, не послушал. Что же Бог? Он поразил Озию проказою на челе, дабы наказать бесстыдное лицо его и научить его, что это было судилище божественное и что не против людей восставал он. Вот что известно об Озии. Теперь проследим это

сказание сначала. Я для того предварительно и рассказал вам кратко все случившееся, чтобы вы, слушая сказание Писания об этом, в точности следили за ним. Будьте же внимательны. **И делал он**, говорит Писание, Озия **угодное в очах Господних** (2Парал.26:4). Этим оно засвидетельствовало о великой его добродетели. Он не только **делал угодное**, но и **в очах Господних**, а не на показ людям, как те, которые у иудеев трубили о своей милостыне, искажали во время постов свои лица, совершали молитвы на перекрестках. Что может быть несчастнее таких людей, когда они труды переносят, а всякого воздаяния лишают себя?

2. Что делаешь ты, человек? Одному ты будешь отдавать отчет в делах своих, а другого призываешь в свидетели дел? Одного имеешь судьею, а другого сажаешь зрителем? Не видишь ли, как возницы, – когда весь город сидит вверху на конских ристалищах, – проезжая все пространство поприща, стараются ниспровергнуть колесницы соперников там, где видят сидящего царя, и один глаз его считают важнее столь многих глаз? А ты видишь самого Царя ангелов наблюдающим за твоим течением и, оставив Его, стараешься привлечь взоры подобных тебе рабов? Не потому ли и отходишь ты после тысячи состязаний без венца, после многих подвигов приходишь к Распорядителю подвигов без наград? Но Озия был не таков, **делал он угодное в очах Господних**.

Как же он после такой праведной жизни поколебался и пал? Этому и я удивляюсь и недоумеваю, или лучше, при этом нет места недоумению, потому что он был человек, существо удобопреклонное к греху и скорое на пороки. И не только это бедственно, но и то, что мы должны проходить путем тесным и узким, под угрожающими с обеих сторон утесами. Если же и удобопреклонность воли и трудность пути содействуют одному и тому же, то не удивляйся падениям. Как на зрелищах те, которые стараются восходить и нисходить по натянутому снизу вверх канату, если немного засмотрятся, то, потеряв равновесие, падают на подмостки и погибают, так и идущие этим путем, если немного будут нерадивы, низвергаются в пропасть. Подлинно, этот путь гораздо более того каната и узок, и крут, и опасен, и гораздо более высок; он оканчивается вверху у самого неба, и тогда шествие становится для нас особенно опасным, когда мы бываем вверху, при самой вершине; стоящие на высоте чувствуют великий страх, и для них остается только одно средство спасения – не обращать взоров вниз, не смотреть на землю; иначе делается сильное головокружение. Потому пророк непрестанно и взывает к нам: **не погуби** (Пс.55:1), возбуждая нашу душу, предающуюся нерадению, предохраняя и удерживая ее, готовую упасть. Вначале нам нужно небольшое вразумление. Почему? Потому, что каждый человек, даже ленивейший из всех, приступая к делу, показывает сначала великое старание и, с живым усердием и свежими силами, легко принимается за предположенное; но когда мы пройдем большую часть пути, когда усердие наше охладеет, силы наши ослабеют и мы готовы будем пасть, – тогда благовременно является к нам пророк, предлагает нам свое изречение, как бы трость, и говорит: **не погуби.**

И диавол тогда нападает на нас сильнее. Как плавающие по морю разбойники не тогда нападают на корабли, когда видят их выходящими из пристани (какая им польза потопить пустое судно?), но когда корабли возвращаются с полным грузом, тогда они и употребляют все свои хитрости, так и злой бес, когда видит людей, собравших многое, пост, молитвы, милостыню, целомудрие, и все прочие добродетели, когда видит наш корабль наполненным драгоценными камнями благочестия, тогда и нападает, со всех сторон подкапываясь под сокровище, чтобы потопить судно в самом устье пристани и отпустить нас в ту пристань ни с чем. Потому пророк увещевает всех и говорит: **не погуби**. После такого падения уже трудно снова встать: **с приходом нечестивого приходит и презрение** (Притч.18:3). Падшего в начале мы все прощаем по его неопытности, но тот, кто упал после многих переходов, не легко удостоится прощения

или оправдания; такое падение его приписывается нерадению. И не только это бедственно, но и то, что многие соблазняются такими падениями, и поэтому также грех становится непростительным. Зная это, будем слушать пророка и не станем растлевать (жизнь свою) в конец. Потому и Иезекииль говорит: кто праведен, потом падет согрешив, не помянутся тому правды его, но во грехе своем умрет (ср. Иезек.3:20; 18:24)[2]. И он боялся за конец. И не только этим, но и противным тому он доказывает великую силу. Если будет, говорит он, кто грешен, но потом обратится будет праведен, **жив будет, не умрет** (Иезек.18:21,22)[3]. Видишь, как и здесь показывает он великую заботливость о конце. Чтобы и праведник, надеясь на свою праведность и предавшись беспечности, не погиб, пророк устрашает его концом; чтобы и грешник, отчаявшись после падений, не остался навсегда в своем падшем состоянии, он восстановляет его указанием на конец. Ты, говорит, много согрешил, но не теряй надежды; есть выход, если ты покажешь конец, противоположный началу. Ты, говорит он праведнику, сделал много доброго, но не полагайся на это; случается и падать, если до конца не сохранишь одинакового усердия. Видишь ли, как он истребляет и нерадение в одном, и отчаяние в другом?

3. Ничего такого не слушал Озия, и потому, слишком положившись на себя, пал падением тяжким и неисправимым.

Не всякое падение производит в нас одинаковую рану, но одни из грехов заслуживают только порицания, а другие навлекают тягчайшее наказание. Так Павел, укоряя тех, которые на общих вечерях не ожидали братий, говорит: **не хвалю вас** (1Кор.11:17). Видишь: этот грех подлежит только порицанию, и укоризна служит для него наказанием. Но не так поступает он, когда говорит о блуде, а как? **Если кто**, говорит, **разорит храм Божий, того покарает Бог** (1Кор.3:17). Здесь уже не укоризна или порицание, а тягчайшее наказание. Также и Соломон знал различие между грехами; он, сравнивая воровство с прелюбодеянием, говорит так: **не спускают вору, если он крадет, чтобы насытить душу свою, когда он голоден**. **Кто же прелюбодействует с женщиною, у того нет ума; тот губит душу свою, кто делает это** (Притч.6:30,32). И то и другое, говорит, есть грех; но один грех меньше, другой больше; тот находит предлог в бедности, а этот не имеет никакого оправдания. И этот, скажешь, вынуждается естественною потребностью? Но не допускает этого данная человеку жена; она лишает его оправдания. Для того и учрежден брак и законное пользование, чтобы муж не мог говорить ничего подобного. Для того и дана ему помощница жена, чтобы обуздывать беснующуюся природу, чтобы укрощать волны похоти. Потому, как кормчий, допустивший кораблекрушение в пристани, не может иметь никакого оправдания, – так и человек, достигший безопасности чрез брак, и оскорбляющий чужие браки, или похотливо взирающий на какую-нибудь жену, не может иметь никакого оправдания ни пред людьми, ни пред Богом, хотя бы он тысячу раз ссылался на естественное удовольствие. Впрочем, какое может быть удовольствие там, где – страх, беспокойство, опасность и ожидание столь многих бедствий, где предстоят судилища, следствия, гнев судьи, меч, палач, пропасть и казнь? Такой человек трепещет и боится всего: теней, стен и самых камней, как будто они издают звук; он подозревает и опасается всех – слуг, соседей, друзей, врагов, знающих все и не знающих ничего. Но, если угодно, пусть не будет ничего такого, пусть никто не знает о дерзких делах его, кроме его одного и оскорбляемой им женщины; как он перенесет обличения совести, имея всегда при себе этого сильного обличителя? Ведь как от самого себя никто убежать не может, так и от приговора этого суда. Этот суд не подкупается деньгами, не увлекается лестью, потому что он есть суд божественный, внедренный Богом в наши души. Подлинно, **кто же прелюбодействует с женщиною, у того нет ума; тот губит душу свою, кто делает это** (Притч:6:32). Конечно, и вор не освобождается от наказания и получает воздаяние, но меньшее. Сравнения показывают не противоположность сравниваемых предметов, но, оставляя каждый из них на своем месте,

представляют, который из них меньше и который больше. Может быть, вы не поняли сказанного; потому необходимо сказать яснее. Хорошев дело – брак, но лучше его – девство; однако потому, что девство лучше, брак не есть худое дело; он ниже девства, но сам по себе – хорошев дело. Так и здесь: худое дело – воровство, но меньше прелюбодеяния, хотя и само по себе худо. Видишь ли различие между грехами? Посмотрим же, какой грех допустил Озия. **Возгордилось**, говорит Писание, **сердце его** (2Парал.26:16). Тяжкая рана; это – гордость, гордость, которая есть источник всех зол. А чтобы тебе скорее понять, как зла эта болезнь, выслушай следующее: прочие грехи ограничиваются нашим естеством, а гордость увлекла и низвергла с неба силу бестелесную; диавола, который прежде не был диаволом, она сделала диаволом. Мы привели бы во свидетели Исаию, который говорит о нем так: **взойду на небо, буду подобен Всевышнему** (Ис.14:13,14); но не любящие иносказательных выражений не примут нашего свидетельства; если же мы вместе с ним представим обличителем Павла, то уже никто не станет противоречить. Что же говорит Павел в послании к Тимофею? То, что недавно принявшего проповедь не должно возводить в высокое звание епископства: **не должен быть из новообращенных,** говорит, **чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом** (1Тим.3:6), – чтобы он, говорит, согрешив так же, как диавол, не подвергся одному и тому же с ним.

4. И не отсюда только это очевидно, но и из того, что посоветовал злой бес первому из всех людей. Как добрые имеют обычай – советовать ближним то, чрез что сами сделались добрыми, так и злые имеют обычай – внушать ближним то, чрез что сами сделались злыми. Это – один из видов злобы, и утешением в собственном наказании злые считают погибель других. Что же диавол посоветовал Адаму? Допустить мысль, которая превышала собственную природу, – надеяться стать равным Богу. Если это, говорит диавол, низвергло меня с неба, то тем более тоже самое извергнет его из рая. Потому и Соломон говорит: **Бог гордым противится** (Притч.3:34; 1Петр.5:5). Не сказал: Бог гордых оставляет, предоставляет самим себе, лишает Своей помощи, но говорит: **противится**, – впрочем не в том смысле, будто Богу нужно ополчаться и бороться против гордого. Что может быть слабее гордого? Как лишившийся зрения беззащитен от всякой обиды, так и гордый, который не знает Господа (а **начало гордыни**, говорит Премудрый, **удаление человека от Господа** (Сирах.10:14)), лишившись этого света, легко преодолевается и людьми. Если бы даже он был силен, и тогда Богу не нужно было бы ополчаться против него; Тому, для которого было достаточно одного хотения, чтобы произвесть все, гораздо легче уничтожить все. Для чего же сказано: **противится**? Для того, чтобы показать сильное отвращение Его к гордому. Итак, что гордость есть тяжкая рана, видно как отсюда, так и с других сторон. Если хотите, то с другой стороны мы раскроем и причину, от которой происходит эта рана. Писание, начиная обличать кого-либо, обыкновенно не только высказывает грех его, но доказывает нам и причину греха; оно делает это для того, чтобы предостеречь здоровых от впадения в те же грехи. И врачи, приходя к больным, еще прежде болезней исследуют причины их, чтобы уничтожить зло в самом источнике, так как кто, оставляя корень, подрезывает одни ветви, тот не делает ничего иного, как только трудится напрасно. Где же Писание указывает и на грех и на причину греха? Так, оно обличает живших пред потопом за непристойные связи, и послушай, какую представляет причину: **сыны Божии**, говорит, **увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал** (Быт.6:2). Что же? Не красота ли причиною греха? Нет; она – дело премудрости Божией; а дело Божие никогда не может быть причиною порока. Или зрение? Нет; и оно – дело природы. Что же? Взгляд порочный, потому что он происходит от развращенной воли. Потому и один премудрый, увещевая, говорит: **отвращай око твое от женщины благообразной и не засматривайся на чужую красоту** (Сирах.9:8). Не сказал: не смотри, – это случается и само собою, – но: **не засматривайся**, говорит, запрещая намеренный взгляд, пытливое

зрение, продолжительно-порочное рассматривание, происходящее от развращенной и похотливой души. Но какой, скажешь, отсюда может быть вред? **От нее**, говорит он, **загорается любовь** (в ц.сл.: **похоть**) (Сир. 9:9). Как огонь, касаясь сена или соломы, не медлит, но как скоро коснулся этого вещества, тотчас обращается в яркий пламень, так и огонь похоти, находящейся в нас, когда посредством взгляда очей коснется благовидной и блестящей красоты, тотчас воспламеняет душу. Потому не смотри на временное удовольствие, доставляемое зрением, но взирай на непрестанное мучение, происходящее от похоти. Удовольствие, нанесши рану, обыкновенно прекращается; а рана не прекращается, но часто остается и губит. Как олень, смертельно раненный стрелою, хотя бы убежал от рук охотников, не получаем, от этого уже никакой пользы, – так и душа, пораженная стрелою похоти, от непристойного и любопытного взгляда, хотя бы бросивши стрелу и ушла, растлевается и погибает, видя везде этого врага, ее преследующего. Впрочем я говорил о том (не нужно позволять слову делать длинные отступления), что Писание обыкновенно показывает и грехи и причины их. Так и здесь, послушай, что говорит оно об Озии. Оно сообщает нам не только то, что **возгордилось сердце его**, но прибавило и то, от чего оно **возгордилось**. От чего же оно превознеслось? **Когда он сделался силен**, говорит, **возгордилось сердце его** (2Пар.26:16). Он не вынес величия власти, но как от пресыщения бывает воспаление, а от воспаления происходит горячка, и потом нередко отсюда приключается смерть, так и здесь от великого изобилия счастливых обстоятельств произошла гордость. Что в телах воспаление, то в душах гордость. Потом от гордости явилось в нем и желание того, что не принадлежало ему.

5. Об этом мы распространяемся не напрасно, но для того, чтобы вы никогда не завидовали и не приписывали блаженства людям, облеченным властью, зная, как опасно их положение, и чтобы никогда не считали несчастными живущих в бедности и угнетении, зная, что это доставляет большую безопасность. Потому и пророк восклицал: **благо мне, что Ты смирил меня** (Пс.118:71). Посмотри, какое зло произошло от высокого положения. **Возгордилось**, говорит Писание, **сердце его на погибель** (2Пар.26:16). Что значит: **на погибель**? Из порочных помыслов одни совершенно не входят в нашу душу, если мы оградим себя великою предосторожностью; другие зарождаются внутри и, если мы будем беспечны, разрастаются; если же против них будут приняты меры, то скоро заглушаются и пропадают; а иные и рождаются, и размножаются, и обращаются в порочные действия, и расстраивают все здоровье нашей души, если мы предадимся великой беспечности. Таким образом слова: **возгордилось сердце его** означают, что гордость его не осталась внутри и не была потушена, но вышла наружу и, обратившись в порочное действие, погубила все его добродетели. Блаженное дело – совершенно не допускать порочного помысла, как и пророк говорил: **не превозносилось сердце мое** (Пс.130:1); не сказал: оно вознеслось, но я обуздал его, а даже и не начинало возноситься, т.е. я постоянно соблюдал душу недоступною для порока. Это – блаженное дело; близко к нему и то, чтобы вошедшие помыслы тотчас прогонять и не позволять им оставаться долго, дабы не образовалась в нас нива для пороков. Если же и до такой степени мы будем беспечными, то есть средство избавления и от этой беспечности, по человеколюбию Божию, и много врачебных средств против таких ран приготовлено неизреченною и великою Его благостию. Впрочем, окончим слово, чтобы не случилось теперь того, чего мы боялись в начале, чтобы обилие предметов не обременило вашей памяти. Поэтому же необходимо кратко перечислить сказанное. Так поступают матери: когда они положат за пазуху детям плодов, или сластей, или чего-нибудь подобного, то, чтобы по рассеянности детей что-нибудь из данного им не выпало, крепко стягивают одежду их поясом, чтобы со всех сторон сделать преграду. Сделаем тоже и мы; широко распустившееся слово стянем и отдадим на сохранение памяти. Вы слышали, что не должно делать ничего напоказ, сколь великое зло – беспечность, как она легко низвергает и ведущего безукоризненную жизнь. Вы узнали, какая нам нужна заботливость особенно

при самом конце жизни, и что не должно ни отчаиваться впавшему в грех, если он исправляется, ни полагаться на себя добродетельному, если он предается беспечности. Говорили мы вам о различии грехов и о том, что не должно засматриваться на красоту телесную, и показали, какое происходит от этого зло. Вы помните сказанное вам о гордости, равно как и о порочных помыслах. Сохраняя это, отправимся домой; или лучше, сохраняя это, послушаем и совершеннейшего наставления отличного учителя (т.е. епископа Флавиана). Наши слова, каковы бы они ни были, носят на себе признаки молодости; а его слова, каковы бы они ни были, украшаются старческою мудростью. Наши слова подобны потоку, несущемуся стремительно; а его слова подобны источнику, изливающему реки с великим спокойствием, и уподобляющемуся более течению елея, нежели воды. Примем же эти потоки, чтобы образовался в нас **источник воды, текущей в жизнь вечную** (Ин.4:14), который да сподобимся все мы получить благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со святым и благим Духом, честь, слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Почти во всех рукописях имеется: – на первую Паралипоменон, но здесь, несомненно, разумеется 2 Паралипоменон, где излагается история Озии.

[2] Св. И. Зл., цитируя здесь прор. Иезекииля, приводит его слова из 3:20 и 18:24 не буквально, а в перифразе.

[3] И здесь св. И. Зл., цитируя пр. Иезекииля, приводит его слова из 18:21-22 не буквально, а в перифразе.

БЕСЕДА 4

На слова пророка Исаии: в год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном; похвала городу Антиохии и вдохновенное обличение запрещающих брак.

1. Прекрасное у нас сегодня зрелище и блистательное собрание. Какая же причина этому? Сегодняшняя жатва – плод вчерашнего посева. Вчера мы насаждали, а сегодня собираем плоды. Мы возделываем не бездушную землю, чтобы ей медлить плодами, но разумные души. Здесь не природа медлительная, но благодать споспешествующая. Благоустроенный у нас народ, послушные люди. Вчера они призваны, а сегодня получают венцы. Сегодняшнее послушание – плод вчерашнего увещания. Потому и мы охотно бросаем семена, что видим чистую ниву, не терние заглушающее, не дорогу утаптываемую, не камень бесплодный, но глубокую и тучную почву, которая, принимая семена, тотчас приносит нам и колос. Я постоянно говорю и не перестану говорить: хвала нашему городу не за то, что он имеет сенат, – и мы можем перечислять консулов, имеет много статуй, обширную торговлю и выгодное местоположение, – но зато, что в нем живет народ, любящий слушать, храмы Божии наполнены, церковь более и более находит себе отрады в слове, которое льется каждый день и никогда не насыщает жажды слушателей. Город делается достойным удивления не по зданиям, а по своим жителям. Не говори мне, что город римлян велик по своей огромности, а покажи мне там народ, любящий слушать. И Содом имел башни, а шатер был жилищем Авраама; но приходившие ангелы миновали Содом и зашли к шатру, потому что они искали не великолепия домов, но ходили и искали добродетели и красоты души. И еще: пустыня имела Иоанна, а город – Ирода; и пустыня была превосходнее города. Почему? Потому, что пророчество – не в зданиях.

Говорю это для того, чтобы мы никогда не превозносили города, в котором развращены нравы. Для чего говоришь ты мне о зданиях и столбах? Они разрушаются с настоящею жизнью. Войди в церковь, и здесь посмотри на благородство города. Войди, посмотри на бедных, остающихся здесь с полуночи до рассвета, посмотри на всенощные священные бдения, соединяющие день с ночью, на этих людей, не боящихся ни насилия сна и днем и ночью, ни нужд бедности. Это – великий город и столица вселенной. Сколько епископов, сколько учителей приходят сюда и, получив назидание от народа, уходят, чтобы правила, здесь вкоренившиеся, пересадить в другие места? Если ты будешь говорить мне о внешних достоинствах и обилии богатства, то станешь хвалить дерево по листьям, а не по плодам. Говорю это, желая не льстить вашей любви, но возвестить о вашей добродетели. Блажен я вами; блаженны вы сами собою. **Блажен**, говорит Писание, **кто приобрел мудрость и передает ее в уши слушающих** (Сирах.25:12); потому я и стал блаженным. **Блаженны алчущие и жаждущие правды** (Мф.5:6). Видите ли, как стали блаженны вы сами собою? Блажен муж, любящий духовные изречения. Это отличает нас от бессловесных. Нас отличают от них не свойства телесные, не пища, ни питие, не жилище, не жизнь: все это у нас общее с бессловесными; но чем отличается человек от бессловесных? Словом. Потому человек и называется животным словесным. Как питается тело, так питается и душа: тело хлебом, а душа словом. Если бы увидел человека, вкушающего камень, то сказал ли бы ты, что это – человек? Так точно, если ты увидишь кого-нибудь питающегося не словом, а предметами чуждыми слова, то скажешь: он перестал даже быть человеком, потому что благородство человека доказывается тем, чем он выкармливается. Итак, когда наше зрелище полно, когда волновавшееся море успокоилось и бушевавшие волны улеглись, теперь выдвинем корабль, распустив вместо паруса язык, вместо ветра призвав благодать Духа, вместо руля и кормила употребив правителем крест. В море соленые воды, а здесь живая вода; там бессловесные животные, а здесь разумные души; там плывущие стремятся с моря на землю, а здесь плывущие – с земли на небо; там корабли, а здесь духовные речи; там корабельные доски, а здесь словесные сочетания; там парус, а здесь язык; там веяние ветра, а здесь наитие Духа; там кормчий – человек, а здесь кормчий – Христос. Потому этот корабль, хотя колеблется волнами, но не потопляется. Он мог бы плыть в спокойствии, но не допускает этого Кормчий, чтобы ты видел и терпение плывущих и вполне познал мудрость Кормчего.

2. Пусть услышат эллины, пусть услышат иудеи о наших делах и превосходстве Церкви. Сколько врагов восставало против Церкви, и однако она никогда не была побеждена? Сколько властителей? Сколько военачальников? Сколько царей? Август, Тиверий, Каий, Клавдий, Нерон, люди образованные, сильные, столько восставали против нее, еще младенчествовавшей, и однако не искоренили ее; но восстававшие уже не воспоминаются и преданы забвению, а та, против которой восставали, превозносятся выше неба. Ты не смотри на то, что Церковь находится на земле, но на то, что она жительствует на небе. Откуда это видно? Показывают сами дела. Была война против одиннадцати учеников; вся вселенная воевала против них; но те, против кого воевали, победили, а воевавшие побеждены; овцы преодолели волков. Видишь ли пастыря, посылающего овец посреди волков, чтобы они и в бегстве не искали спасения? Какой пастырь делает это? А Христос сделал это, чтобы показать тебе, что не по естественному порядку вещей, а сверхъестественно и выше обыкновенного порядка вещей совершаются эти дела. Церковь утверждена больше неба. Язычник, может быть, обвинить меня в надменности; но пусть он подождет доказательства, и познает силу истины, что легче погаснуть солнцу, чем уничтожиться Церкви. Кто, скажешь, возвещает об этом? Тот, Кто основал ее. **Небо и земля прейдут**, говорит Он, **но слова Мои не прейдут** (Мф.24:35). Это Он не только сказал, но и исполнил. Почему же Он основал Церковь тверже неба? Потому, что Церковь драгоценнее неба. Для чего небо? Для Церкви, а не Церковь для неба. Небо для человека, а не человек для неба. Это видно и из того, что Он сам сделал. Христос принял не

небесное тело. Впрочем, чтобы, распространяя речь, нам сегодня опять не остаться у вас в долгу (вы знаете, сколько вчера мы обещали вам), мы готовы заплатить долг. Я отложил речь ради отсутствовавших. Но так как отсутствовавшие исполнили свою обязанность и своим присутствием доставили нам полную трапезу, то теперь и мы предложим яства, яства не устаревшие; ведь, хотя бы они были и вчерашними, они не делаются устаревшими. Почему? Потому, что они – не мясо, которое может испортиться, а мысли, постоянно цветущие. Мясо портится, потому что оно тело; а мысли, оставаясь, делаются более благовонными. О чем же мы говорили вчера? Вчера и мы наслаждались трапезою, и отсутствовавшие не потерпели потери. **В год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном**. Кто говорит это? Исаия, созерцатель серафимов, бывший в браке, и однако не погасивший в себе благодати. Вы внимали пророку и слышали сегодня от пророка: **выйди ты и сын твой Шеар-ясув** (Ис.7:3). Не нужно оставлять без внимания и этого. **Выйди ты и сын твой**. Итак, пророк имел сына. Если же он имел сына, то имел и жену, чтобы ты знал, что брак – не зло, а прелюбодеяние – зло. Между тем, когда мы беседуем со многими и говорим: почему ты не хорошо живешь, почему не ведешь строгой жизни? – то отвечают: как я могу, если не оставлю жены, если не оставлю детей? Почему же? Разве брак служит препятствием? Жена дана тебе помощницею, а не вредительнецею. Разве не имел жены пророк? И, однако, брак не был препятствием для Духа; он и жил с женою и был пророком. Разве не имел жены Моисей? И, однако, он и рассекал камни, и изменял воздух, и беседовал с Богом, и умилостивлял божественный гнев. Разве не имел жены Авраам? И однако он стал отцом народов и Церкви; он имел сына Исаака, который также был для него поводом к добрым делам. Не вознес ли он (в жертву) сына, плод брака? Не был ли он и отцом и боголюбцем? Не оказался ли священником, принесшим в жертву собственную утробу, – священником и отцом? Не показал ли в себе природу побеждаемую и благочестие побеждающее, естественную привязанность покоряемую и благочестивые действия покоряющие, отца устраняемого и боголюбца увенчиваемого? Не видишь ли ты его всецело и любящим сына и любящим Бога? И попрепятствовал ли ему брак? А что мать Маккавеев? Не была ли она женою? Не присоединила ли семерых сыновей к лику святых? Не видела ли их мучениками? Не стояла ли она при этом непоколебимая, как гора? Не стояла ли она, перенося мученичество с каждым из них и, как мать мучеников, не вытерпела ли седмикратное мученичество? Ведь когда они были подвергаемы пыткам, она сама принимала удар. Не без боли она принимала это, потому что была мать, и терзание природы оказывало свою силу; и, однако, она не была побеждена. Было море и волны, и, однако, как бушующее море укрощается, так и возмущаемая природа была покоряема страхом Божиим. Как она намастила их? Как воспитала их? Как представляла Богу сем храмов, статуй золотых, или лучше, драгоценнейших золота?

3. А что действительно золото не так драгоценно, как душа мучеников, послушай. Явился тиран, но, будучи побежден одною женщиною, удалился. Он поражал оружием, а она побеждала твердостью духа; он разжигал пещь, а она пламенела добродетелью духа; он двигал войско, а она устремлялась к ангелам; видела тирана внизу, и помышляла о Царствующем горе; видела пытки на земле, и исчисляла награды на небе; видела настоящее мучение, и представляла будущее бессмертие (2Макк. гл. 7). Потому и Павел говорил: **не на видимое, но на невидимое** (2Кор.4:18). Был ли для нее каким-нибудь препятствием брак? А Петр, основание Церкви, чрезвычайный ревнитель Христа, не учившийся красноречию и побеждавший риторов, неученый и заграждавший уста философов, расторгавший языческую мудрость, как паутину, прошедший вселенную, не имел ли и он жены? Да, имел; а что действительно имел, послушай евангелиста. Что же говорит он? Иисус приходил к теще Петра огнем жегомой (ср. Мф.8:14). Где теща, там и жена; где жена, там и брак. А Филипп? Не имел ли он четырех дочерей (Деян.21:9)? Где четыре дочери, там и жена и брак. А Христос? Хотя Он родился от Девы, но приходил на

брак и принес дар. **Вина нет у них**, сказали Ему, и Он обратил воду в вино (Ин.2:1-11), почтив своею девственностью брак и своим даром одобрив дело, чтобы ты не отвращался брака, а ненавидел прелюбодеяние. Я, хотя и с опасностью, но обещаю тебе спасение, если ты и будешь иметь жену.

Будь внимателен к самому себе. Жена, если она добрая, бывает твоею помощницею. А что, если она недобрая? Сделай ее доброю. Разве у других не были жены и добрые и злые, чтобы ты не имел предлога к оправданию? Какова была жена Иова? Напротив Сарра была доброю. Укажу тебе на жену худую и злую. Не повредила мужу жена Иова. Она была худа и зла и советовала ему богохульствовать. Что же? Поколебала ли она эту крепость? Сокрушила ли этот адамант? Преодолела ли эту скалу? Поразила ли она этого воина? Ниспровергла ли этот корабль? Исторгла ли это дерево? Нисколько. Она нападала, а крепость делалась более твердою; она воздвигала волны, а корабль не утопал, но плыл спокойно; плоды дерева были обрываемы, а само дерево не колебалось; листья падали, а корень оставался твердым. Говорю это для того, чтобы никто не ссылался на злобу жены. Худа она? Исправь ее. Она, скажешь, лишила меня рая. Но она возвела тебя и на небо. Природа одна и та же, но душевное настроение различно. Худа жена Иова? Но хороша Сусанна. Бесстыдна египтянка? Но скромна Сарра. Ты видишь ту? Посмотри и на эту. И из мужей одни злы, а другие добры. Иосиф был прекрасен, но старшие его (братья) бесстыдны. Видишь ли везде зло и добродетель, происходящие не от природы, а получающие отличительные свойства свои от душевного настроения? Не представляй мне предлогов к своему оправданию. Впрочем, поспешим к долгу и его уплате. **В год смерти царя Озии**. Я намереваюсь сказать о том, для чего пророк означает время события. Вчера мы спрашивали, почему, тогда как все пророки и даже этот самый пророк в других местах говорит о времени жизни царей, здесь этот обычай нарушен, и не говорит он: во дни Озии, но: в год смерти Озии? Сегодня я хочу решить это. Хотя теперь большой жар, но еще больше роса слова; хотя утомляется изнемогающее тело, но радуется бодрствующая душа. Не говори мне о жаре и поте. Если ты потеешь телом, то омываешь свою душу. Три отрока были в пещи, и не потерпели никакого вреда, но пещь была для них росою. Когда ты думаешь о поте, то думай и о награде и о воздаянии. Водолаз осмеливается бросаться в глубину вод не для чего иного, как для жемчужин, которые бывают причиною войны. Впрочем, я порицаю не вещество, а развращение души. А ты для того, чтобы получить сокровище неоскудевающее и возрастить виноград в душе своей, не хочешь переносить жара и пота? Не видишь ли, как сидящие на зрелище потеют и на обнаженную голову принимают лучи солнца, чтобы сделаться пленниками смерти, рабами блудницы? Они трудятся для своей погибели, а ты не хочешь трудиться для своего спасения? Ты – ратоборец и воин. Итак, кто этот Озия, и для чего пророк сказал об его смерти? Этот Озия был царь, муж праведный и украшавшийся многими добрыми делами; но потом впал в гордость, в гордость, мать пороков, в надменность, исполненную смятений, в высокомерие, погубившее диавола. Подлинно, нет ничего хуже гордости; потому вчера мы и вели всю речь об этом, истребляя гордость и научая смиренномудрию.

4. Сказать ли тебе, сколь великое благо – смиренномудрие и сколь великое зло – гордость? Грешник победил праведного, мытарь – фарисея, слова оказались выше дел. Как слова? Мытарь говорил: **Боже! будь милостив ко мне грешнику!**; а фарисей говорил: **я не таков, как прочие люди**, хищник или неправедник, но что? **Пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю** (Лк.18:11-13). Фарисей выставлял праведные дела; мытарь произносил слова смирения, – и слова оказались выше дел, и такое сокровище развеялось, и такая бедность обратилась в богатство! Пришли два корабля с грузом; оба подошли к пристани, но мытарь вступил в пристань благополучно, а фарисей потерпел кораблекрушение, чтобы ты знал, сколь великое зло – гордость. Ты праведен? Не унижай брата своего. Ты украшаешься добрыми делами? Не поноси

ближнего и удержись от похвалы себе. Насколько ты высок, настолько смиряй себя. Слушай внимательно слова мои, возлюбленный. Праведник должен бояться гордости больше, нежели грешник, – это я и вчера говорил и сегодня повторяю для тех, которые вчера не были, – потому что грешник по необходимости имеет смиренную совесть, а праведник может гордиться своими добрыми делами. Как между мореплавателями имеющие пустой корабль не боятся шайки разбойников, потому что они не нападают на пустой корабль, а имеющие корабль, наполненный грузом, боятся разбойников, потому что разбойник обыкновенно является там, где золото, где серебро, где драгоценные камни, – так и диавол не скоро нападает на грешника, но на праведника, где много богатства. Гордость часто происходит от наветов диавола; потому нужно бодрствовать. Насколько ты высок, настолько смиряй себя. Когда восходишь на высоту, тогда тебе нужно остерегаться, чтобы не упасть. Потому и Господь наш говорит: **и вы, когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать** (Лк.17:10). Что ты много думаешь о себе, будучи человеком, сродным земле, единосущным с пеплом, и по природе, и по мыслям, и по произволению в делах? Сегодня ты богат, завтра беден; сегодня здоров, завтра болен; сегодня весел, завтра печален; сегодня в славе, завтра в бесчестии; сегодня молод, завтра стар. Прочно ли что-нибудь человеческое, и не течет ли оно подобно речным потокам? Оно лишь только явилось, и уже оставляет нас быстрее тени. Что же превозносишься ты, человек, дым, суета? **Человек подобен суете: дни его, как тень, проходят** (Пс.143:4). **Засыхает трава, увядает цвет** (Ис.40:7).

Говорю это не для того, чтобы унизить существо человека, но чтобы обуздать гордость. Великое создание – человек, и почтенное существо – муж милосердый. Но этот Озия, будучи царем и облеченным в диадему, стал превозноситься потому, что был праведным, и возгордившись больше собственного достоинства, вошел во святилище. И что говорит Писание? **Вошел в храм Господень, чтобы воскурить фимиам на алтаре кадильном** (2Пар. 26:16). Будучи царем, он похищает преимущество священства; хочу, говорит, **воскурить фимиам**, потому что я – праведен. Но остановись в своих пределах; иные пределы царской власти, и иные пределы священства; последнее больше первой. Не видимыми вещами отличается царь; не по камням, прикрепленным к нему, и золоту, которым он облечен, должно судить о царе. Он получил власть распоряжаться делами земными; а постановление священства занимает место горе. **Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе** (Мф.18: 18); Царю вверено здешнее, а мне – небесное; когда я говорю: мне, то разумею священника. Потому, когда ты увидишь недостойного священника, не порицай священства, потому что не предмет нужно осуждать, но того, кто худо пользуется хорошим предметом. И Иуда сделался предателем; но это – позор не апостольству, а его душевному настроению; не вина священства, а зло душевного настроения.

5. Итак, осуждай не священство, а священника, худо пользующегося хорошим предметом. Потому, когда кто-нибудь, беседуя с тобою, скажет: видел ли ты такого-то (священника) христианином? – отвечай: я говорю с тобою не о лицах, а о предметах. Сколь многие врачи делались палачами и давали яд вместо лекарства? Но я осуждаю не искусство, а того, кто худо пользуется искусством. Сколь многие кормчие затопили корабли? Но худо не искусство мореплавания, а их душевное настроение. Если он и был дурным христианином, то осуждай не учение и священство, а того, кто худо пользуется хорошим предметом. Царю вверены тела, а священнику – души; царь прощает недоимки денежные, а священник – недоимки греховные; тот заставляет, этот убеждает; тот действует повелением, этот – советом; тот имеет оружие чувственное, этот – оружие духовное; тот ведет войну с варварами, а я веду войну с бесами. Последняя власть больше; потому царь и преклоняет голову под руки священника, и всегда в ветхом завете священники

помазывали царей. Но царь Озия, вышедши из своих пределов и преступив меру царской власти, решился присвоить себе лишнее и с дерзостью вошел во святилище, желая кадить фимиамом. Что же священник? Непозволительно тебе, Озия, сказал он, кадить фимиамом. Посмотри на дерзновение, на нераболепный образ мыслей, на язык, касающийся неба, на свободу, ничем нестесняющуюся, на тело человека и ум ангела, на ходящего по земле и обитающего на небе. Он видел царя, и не смотрел на порфиру; видел царя, и не смотрел на диадему. Не говори мне о царской власти там, где беззаконие. **Не тебе**, царь, **Озия, кадить Господу**, во святом святых; ты преступаешь пределы, присвояешь не данное тебе; потому ты потеряешь и то, что получил. **Не тебе, Озия, кадить Господу; это дело священников**; это не твое, а мое. Похитил ли я твою порфиру? Не похищай же ты моего священства. **Не тебе, Озия, кадить Господу; это дело священников, сынов Аароновых** (2Пар.26:18). Это происходило спустя много времени после смерти Аарона. Почему же он не сказал только: **священникам**, но упомянул и о праотце? В то время случилось нечто подобное. Дафан, Авирон и Корей восстали против Аарона; но разверзлась земля и поглотила их; сошел огонь с неба и попалил их (Числ. гл. 26, ст. 9, 10). Потому священник, желая напомнить царю из тогдашней истории, что и прежде нападали на священство, но оно не было унижено, и восставало множество людей, но Бог отмстил за него, сказал: **не тебе, Озия, кадить Господу; это дело священников, сынов Аароновых**. Не сказал: вспомни, что потерпели тогда сделавшие это; не сказал: подумай, что восставшие были сожжены; но назвал Аарона, за которого было отмщено, и привел царю на память это со-бытие, как бы так сказав: не дерзай на дела Дафана, чтобы тебе не потерпеть того же, что было при Аароне. Но царь Озия не послушался, а надмеваясь гордостью, вошел во святилище открыл святое святых и хотел кадить фимиамом. Что же Бог? Когда таким образом священник был презрен и достоинство священства попрано, и уже священник не мог сделать ничего, – ведь дело священника только обличать и показывать дерзновение, а не употреблять оружие, не браться за щиты, не потрясать копьем, не натягивать лук, не бросать стрелы, но только обличать и показывать дерзновение, – когда священник обличал, а царь не слушался, но взялся за оружие, щиты и копья, и воспользовался своею властью, тогда священник сказал к Богу: я сделал свое дело, больше не могу сделать ничего; помоги попираемому священству; законы нарушаются, правила ниспровергаются. Что же Человеколюбец? Он наказал дерзкого. **Проказа явилась на челе его** (2Пар.26:19). Где бесстыдство, там и наказание.

Но видишь ли человеколюбие в самом наказании Божием? Он не послал молнии, не потряс земли, не подвиг неба, но **проказа явилась**, не на другом каком-нибудь месте, а на челе, чтобы лицо носило следы наказания, как письмена, начертанные на столбе; это сделано было не только для него, но и для тех, которые будут после него. Имея силу послать другое достойное наказание, Он не послал, но как бы начертал на каком-нибудь высоком месте закон, который говорил: не делайте этого, чтобы не потерпеть того же. Вышел одушевленный закон, и чело издавало голос громче трубы. Письмена были начертаны на челе, письмена, которые не могли быть из- глажены, потому что они были написаны не чернилами, чтобы можно было изгладить их, но были естественною проказою, которая сделала царя нечистым, чтобы других сделать чистыми. И как осужденных на казнь, когда дадут им веревку, выводят с веревкою в устах, так и этот ходил, имея вместо веревки проказу на челе, за то, что поругался над священством. Говорю это, осуждая не царей, но безумствующих от гордости и гнева, чтобы вы знали, что священство больше царской власти.

6. Так всегда, когда согрешит душа, Бог наказывает тело. Так Он поступил и с Каином. Согрешила душа его, совершившая убийство, а тело его подверглось расслаблению; и весьма справедливо. Почему? Стеня и трясыйся (в русском переводе: **когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя**), сказал Бог,

будеши на земли (Быт.4:12). И ходил Каин, возвещая об этом всем, рассказывая молча, научая без слов. Язык молчал, а члены взывали и говорили всем, почему он стенает, почему трясется: я убил брата, я совершил убийство. Моисей после говорил письменно, а этот ходил и самым делом говорил всем: не убий. Видишь ли уста, которые молчали, и дело, которое взывало? Видишь ли одушевленный закон, носимый везде? Видишь ли столб, переходивший с одного места на другое? Видишь ли мщение за мщение? Видишь ли наказание, послужившее основанием назидания? Видишь ли душу согрешившую и плоть наказываемую? И весьма справедливо. Так было и с Захариею: душа его согрешила, а язык был связан. Захария, родивший глас (вопиющего в пустыне), действительно был наказан, когда у него орудие слова сделалось неспособным к употреблению. И Озия, когда согрешил, был поражен проказою на челе, чтобы он вразумился. Таким образом царь вышел, сделавшись примером для всех, и храм очистился; он был изгнан, хотя никто не изгонял его, и, желая присвоить себе священство, потерял и то, что имел. И вышел он из храма. В древности был закон – всякого прокаженного изгонять из города; а ныне уже нет. Почему? Потому, что тогда Бог обращался с людьми, как с детьми; тогда была проказа телесная, а теперь наблюдается проказа душевная. Итак вышел царь в проказе, а они не изгнали его из города, боясь его порфиры и царской власти, и опять он занял свое место вопреки закону? Что же Бог? Прогневавшись на иудеев, Он прекратил пророчество. Все это я сказал по поводу изречения пророка, чтобы уплатить долг. Но возвратимся к предмету. Царь вышел из храма прокаженным. По обычаю должно было бы изгнать его и из города, как нечистого; но народ дозволил ему оставаться внутри города, и не осмелился сделать ничего должного, ни малого, ни великого. И потому, так как они оставили царя в городе, Бог отвратился от них и прекратил благодать пророчества; и весьма справедливо. За то, что они нарушили закон Его и боялись изгнать нечистого, Он прекратил дар пророчества. **Слово Господне было редко в те дни, видения были не часты** (1Цар.3:1), т.е. Бог не говорил с ними чрез пророков; не было им вдохновения от Духа, которым они говорили, потому что между ними был нечистый, а благодать Духа не действовала между нечистыми. Потому она и не была присуща, не являлась пророкам, но молчала и скрывалась. Чтобы сказанное было для вас понятным, объясню примером. Как человек, питающий к кому-нибудь любовь, жестоко обиженный им в чем-нибудь, говорит ему: я больше не покажусь тебе, не стану говорить с тобою, – так поступил тогда и Бог. Когда не изгнавшие Озии прогнивали Его, то Он сказал: Я больше не стану говорить пророкам вашим, не буду ниспосылать благодати Духа. Посмотри на наказание, исполненное милосердия. Он не послал молнии и не потряс города в самом основании; но что? Вы, говорит, не хотите отмстить за Меня? И Я не буду беседовать с вами. Не мог ли Я изгнать его? Но Я хотел предоставить остальное вам. Вы не хотите? И Я не буду беседовать с вами и не стану вдохновлять пророков. И благодать Духа не действовала, было молчание, вражда между Богом и людьми. Когда же потом царь умер, то уничтожилась и причина нечистоты. Таким образом пророк долго не пророчествовал, но, между тем как он не пророчествовал, гнев Божий прекратился, и пророчество возвратилось. По этой необходимости пророк означает время и говорит: **в год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном**. Когда он умер, тогда я увидел Господа; прежде я не видел Бога, гневавшегося на нас. Пришла смерть нечистого и прекратила этот гнев. Потому он, везде упоминая о жизни царей, здесь сказал о смерти Озии. **В год смерти**, говорит, **царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном**. Но здесь опять можно видеть человеколюбие Божие. Умер нечистый, и примирился Бог с людьми. Почему это произошло, тогда как с их стороны не было никаких добрых дел, но только умер царь? Потому, что Бог человеколюбив и не бывает строг к таким людям. Человеколюбивый и благий Бог требовал только одного, чтобы удалился нечистый. Итак, зная это, отгоним гордость, возлюбим смиренномудрие и будем воздавать обычную славу Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 5

На слова пророка Исаии: в год смерти царя Озии видел я Господа, и доказательство того, что справедливо наказан был проказою Озия, недостойно кадивший, что позволительно не царям, а священникам.

1. Сегодня мы окончим беседы об Озии и завершим речь, чтобы и нам не подвергнуться осмеянию, подобно тому человеку, упоминаемому в Евангелии, который решился построить башню и не мог, чтобы кто-нибудь из проходящих и об нас не сказал: **этот человек начал строить и не мог окончить** (Лк.14:30). Но чтобы сказанное было для вас более ясным, нужно повторить немногое из прежде сказанного, дабы наша беседа не вышла на духовное зрелище без головы, но дабы, приняв свой вид, была узнана зрителями. Это будет для слышавших уже напоминанием, а для не слышавших наставлением. Итак, прежде мы говорили о том, как благочестив был Озия, как он сделался дурным, отчего и до какой степени он впал в гордость; а сегодня нужно сказать, как он вошел во святилище, как решился кадить фимиамом, как священник не дозволял, как тот не послушался, как навлек на себя гнев Божий, как окончил жизнь в проказе, и почему пророк, оставив дни жизни его, упомянул о смерти, сказав так: **в год смерти царя Озии**. Для того мы и рассказали все событие с начала. Слушайте же со вниманием. **Но когда он сделался силен**, говорит Писание, **возгордилось сердце его на погибель его, и он сделался преступником пред Господом Богом своим**. Каким образом обидел? **Ибо вошел**, говорит, **в храм Господень, чтобы воскурить фимиам** (2Пар.26:16). О, дерзость! О, бесстыдство! Осмелился вступить в самое сокровенное святилище, вторгся во святое святых, которое было местом, недоступным ни для кого, кроме первосвященника, решился осквернить его. Такова душа, зараженная гордостью. Однажды оставив попечение о своем спасении, она никогда не перестает безумствовать, но, передав бразды своего спасения безумным пожеланиям, носится везде. Как необузданный конь, сбросив узду с своих уст и свергнув всадника с своего хребта, несется быстрее всякого ветра и бывает неприступным для встречающихся, когда все разбегаются и никто не осмеливается удержать его, так и душа, отвергнув обуздывающий ее страх Божий и отбросив управляющий ею разум, бегает по странам нечестия до тех пор, пока, стремясь в бездну погибели, свергнет в пропасть собственное спасение. Потому, нужно постоянно удерживать ее и, как бы некоторою уздою, благочестивыми помыслами обуздывать безумное ее стремление; этого Озия не сделал, но решился на преступление против власти самой высшей из всех, – потому что священство важнее самой царской власти и есть высшая власть. Не говори мне о багрянице, о диадеме и золотых одеждах; все это – тень и маловажнее весенних цветов. **Всяка слава человеча**, говорит пророк, **яко цвет травный**, хотя бы ты указал на самую славу царскую (Ис.40:6). Не говори же мне об этом; но если хочешь видеть различие между священником и царем, исследуй меру власти, данной каждому из них, и увидишь, что священник сидит гораздо выше царя. Хотя царский престол кажется нам важным по прикрепленным к нему камням и облекающему его золоту, но царь получил власть распоряжаться делами земными и больше этой власти не имеет ничего, а престол священства утвержден на небесах, и священнику вверено устроять тамошние дела. Кто говорит это? Сам Царь небес. **Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе**, говорит Он, **и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе** (Мф.18:18). Что может сравниться с такою честью? Небо получает начало суда с земли. Судия сидит на земле, и Владыка следует за рабом; и что последний присуждает внизу, то Он утверждает горе. Священник стоит посредником между Богом и родом человеческим, низводя на нас оттуда благодеяния и вознося туда наши прошения, примиряя со всею природою разгневанного Бога, и нас, разгневавших Его, избавляя от рук Его. Посему Бог преклоняет и самую царскую главу под руки священника, научая нас, что последний по власти больше первого: меньшее благословляется от лучшего. Впрочем,

о священстве и о том, как велико это достоинство, мы скажем в другое время; а теперь посмотрим, как велико было беззаконие Озии царя, или лучше тирана. Он вошел в храм Господень; за ним вошел и священник Азария. Напрасно ли я говорил, что священник больше царя? Намереваясь изгнать его, не как царя, но как беглеца и неблагодарного слугу, священник вошел с решительностью, подобно тому, как благородный пес нападает на нечистого зверя, чтобы выгнать его из дома господина.

2. Видишь ли душу священника, исполненную великого дерзновения и высоких мыслей? Он не посмотрел на величие власти, не подумал, как опасно останавливать душу, одержимую страстью, не внял словам Соломона: **гнев царя – как рев льва** (Прит.19:12); но взирая на истинного Царя небес, представляя то судилище и те воздаяния и оградив себя этими мыслями, таким образом обратился к тирану. Он знал, верно знал, что угроза царя подобна гневу льва для тех, которых взоры устремлены к земле; а для человека, который имеет в виду небо и готов лучше положить душу свою внутри святилища, нежели спокойно взирать на оскорбление священных законов, он маловажнее всякого пса. Подлинно, нет ничего бессильнее преступающего божественные законы, равно как нет ничего сильнее защищающего божественные законы. **Всякий, делающий грех, есть раб греха** (Ин.8:34), хотя бы он имел на голове бесчисленное множество венцов; а творящий правду царственнее самого царя, хотя бы он был последним из всех. Так размышляя в самом себе, этот благородный муж приступил к царю. Войдем же и мы вместе с ним, если угодно, чтобы слышать, что он говорит царю. Это возможно; и не мало пользы – видеть, как царь обличается священником. Что же говорит священник? **Не тебе, Озия, кадить Господу** (2Пар.26:18). Не назвал его царем, не назвал именем власти, потому что предварительно тот сам себя лишил чести. Видишь ли дерзновение священника? Теперь посмотри и на кротость его. Нам нужно не только дерзновение, когда мы намереваемся обличать, но еще больше кротость, нежели дерзновение, потому что грешники никого из людей так не отвращаются и не ненавидят, как того, кто намеревается обличать их; они стараются найти предлог – уклониться и избежать обличения; поэтому нужно удерживать их кротостью и снисходительностью. Обличитель несносен для грешников не только тогда, когда они слышат его голос, но и тогда, когда только видят его. **Тяжело нам**, говорят они, **и смотреть на него** (Прем.2:15); поэтому нужно оказывать к ним великую кротость. Для того и пророческое слово представило нам как грешника, так и того, кто намеревается исправить его. Так мудрые врачи, намереваясь отсечь загнившие члены, или вынуть камни, образовавшиеся в проходах, или исправить другой какой-нибудь естественный недостаток, делают это, не отводя больного в угол, но полагая его среди площади, и, составив зрелище из мимоходящих, таким образом производят отсечение. Они делают это не для того, чтобы выставить на позор человеческие бедствия, но чтобы каждый имел великое попечение о собственном здоровье. Так поступает и Писание. Когда оно берет кого-нибудь из грешников, то громогласно выставляет его на вид не среди площади, а среди всей земли, и, составив зрелище из вселенной, таким образом прилагает врачество, научая нас более заботиться о собственном спасении. Посмотрим же, как священник начал тогда исправлять царя. Он не сказал: "о, нечестивый и пренечестивый, ты все низвратил и привел в беспорядок, ты дошел до крайней степени нечестия"; и не распространился в продолжительных обличениях, но как отсекающие стараются делать это быстро, чтобы скоростью сечения уменьшить чувство боли, так и он краткостью обличения остановил гнев царя. Действительно, что – отсечение для больных, то – обличение для грешников. Кротость он показал нам между прочим и краткостью речи. А если хочешь видеть и сечение в словах его, и то, где он скрыл железо, послушай. **Не тебе, Озия**, говорил он, **кадить Господу; это дело священников, сынов Аароновых, посвященных для каждения** (2Парал.26:18). Этим он нанес удар; а как, я скажу. Почему он не сказал просто: священникам, но упомянул притом и об Аароне? Аарон был первым первосвященником, и в его времена была сделана такая же дерзость. Дафан, Корей и

Авирон, вместе с некоторыми другими восставши против него, хотели сами священствовать; но одних из них поглотила расступившаяся земля, других сжег нисшедший с неба огонь (Числ.16; Пс.105:17,18). Итак, желая напомнить царю об этом событии священник напомнил ему об Аароне, который был оскорблен тогда, – чтобы обратить мысли его на несчастие оскорбивших. Впрочем, от этого не было никакого успеха, не по вине священника, но по дерзости царя. Следовало бы похвалить священника и выразить благодарность за совет; а он, говорит Писание, **разгневался** и сделал рану свою более тяжкою (2Пар. 26:19). Не столь великое зло – грех, как бесстыдство после греха. Но Давид поступил не так, а как? Будучи обличен Нафаном за Вирсавию, он сказал: **согрешил я пред Господом** (2Цар.12:13).

3. Видишь ли сердце сокрушенное? Видишь ли душу смиренную? Видишь ли, как и сами падения святых славны? Как прекрасные тела и в болезни своей показывают нам много следов благообразия, так и души святых в самих падениях носят знаки своей добродетели. Притом Давид был обличаем пророком среди царского дворца, в присутствии многих; а этот получил обличение внутри святилища без свидетелей, и однако не перенес обличения. Что же? Остался без исцеления? Нет, по человеколюбию Божию; но как о бесноватом, когда ученики не могли изгнать из него беса, Христос сказал: **приведите его ко Мне сюда** (Мф.17:17), так и здесь, когда священник не мог отгнать болезнь, худшую всякого беса, т.е. грех, то наконец сам Бог принимается за больного. И что Он делает? Поражает его проказою на челе. **И когда разгневался он на священников**, говорит Писание, **проказа явилась на челе его, пред лицем священников, в доме Господнем, у алтаря кадильного** (2Пар.26:19), и он вышел, подобно тому, как отводимые на смерть имеют на устах веревку, знак осуждения, так и он, имея знак бесчестия на челе; но не палачи влекли его, а сама проказа вместо палачей толкала его в голову. Он вошел, чтобы присвоить священство, но потерял и царство; вошел, чтобы сделаться более почтенным, но сделался презреннейшим; как нечистый, он стал ниже всякого простолюдина. Таково зло – не оставаться в пределах, назначенных нам Богом, как в отношении к чести, так и в отношении к знанию. Не видишь ли ты, как это море бывает непреодолимо во время бури, какими оно поднимается волнами? Но, поднявшись до великой высоты и стремясь с великою яростью, когда оно достигнет предела, назначенного ему Богом, то, обратив волны в пену, принимает опять свой прежний вид. Между тем, что может быть слабее песка? Впрочем не песок полагает ему препятствие, а страх пред Тем, Кто назначил ему пределы. Если же тебя не вразумляет этот пример, то пусть научит тебя событие с Озиею, теперь изложенное нами.

Но так как мы уже видели гнев Божий и достойное воздаяние, то теперь покажем и человеколюбие и великое снисхождение Его. Нужно говорить не только о гневе, но и о благости Божией, чтобы не привести слушателей ни в отчаяние, ни в беспечность. Так и Павел поступает, употребляя в увещании и то и другое: **видишь благость и строгость Божию** (Рим.11:22), говорит он, чтобы и страхом и благими надеждами восстановить падшего. Видишь ли строгость Божию? Посмотри и на благость Его. Как же можем мы увидеть эту благость? Если узнаем, чего достоин был Озия. Чего же он был достоин? Как только он вошел в священный притвор с таким бесстыдством, то стал достоин тысячи молний и крайнего наказания и мучения. Если прежде дерзнувшие на тоже, сообщники Дафана, Корея и Авирона, подверглись такому наказанию, то гораздо больше должен был подвергнуться такому же наказанию он, не вразумившийся и их несчастием. Но Бог не сделал этого, а наперед чрез священника предложил ему увещание, исполненное великой снисходительности, и как Христос заповедал делать людям, когда они согрешают друг против друга, так Бог поступил и с этим человеком. **Если же**, говорит он, **согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним** (Мф.18:15). Так обличил Бог и этого царя. Христос продолжает: **если же не послушает**, **то да будет он**

тебе, как язычник и мытарь (ст. 16, 17). Но Бог, по своему человеколюбию превышая собственные законы, и тогда не поразил его, не отверг его, ослушавшегося и вознегодовавшего, но опять обратился к нему и научил таким способом, который служил более к исправлению, нежели к наказанию. Он не послал молний свыше, не сжег бесстыдной головы, а только вразумил проказою. Так было с Озиею; но я прибавлю еще одно только и окончу слово. Что же именно? То, о чем мы спрашивали выше, в начале: почему, тогда как во внешних делах и в пророчествах все обыкновенно означают время жизни царей, здесь пророк, опустив это, упомянул о времени смерти Озии, говоря так: **в год смерти царя Озии**? Тогда как можно было означить время царствовавшего тогда государя, как было в обыкновении у всех пророков, он не сделал этого. Почему же не сделал? Был древний закон – изгонять прокаженного из города, чтобы и живущие в городе сделались лучшими, и сам он не был предметом шуток и посмеяния для желающих оскорблять его, но чтобы, оставаясь вне города, он имел уединение завесою несчастья. Тому же должен был подвергнуться и этот царь после проказы; но он не подвергся, так как жители города боялись его по причине власти его, а жил тайно в своем доме. Это прогневало Бога и прекратило пророчества, как случилось и при Илии: **слово Господне было редко в те дни, видения были не часты** (1Цар.3:1). Но ты посмотри и здесь на человеколюбие Божие. Он не разрушил города и не погубил жителей, но как друзья поступают с равными им, оставаясь в молчании, когда имеют право укорять их в чем-нибудь, так и Бог поступил с народом, который достоин был большего наказания и мучения. Я, говорит Он, изгнал его из святилища, а вы не изгнали его из города; Я, связав его проказою, сделал его частным человеком, а вы и тогда не ободрились, но осужденного Мною не решились выгнать из города. Какой царь мог бы спокойно перенесть это, и не разрушил бы города до основания, видя, что тот, кому повелено переселиться за пределы, остается в городе? Но Бог не сделал этого, потому что Он – Бог, а не человек. Когда же царь умер, то с его жизнью Бог прекратил и гнев свой на них, отверз двери пророчества, и оно опять возвратилось к ним. Но ты из этого способа примирения усматривай человеколюбие Божие. Если кто станет исследовать дело по справедливости, то выходит, что ему тогда не следовало примиряться. Почему? Потому, что не их заслугою было изгнание Озии. Не они, взяв, изгнали его, но смерть, наступившая по закону природы, извергла его тогда из города. Но Бог не взыскателен к нам до такой степени, а желает только одного, – как бы примириться с нами. За все это будем благодарить Его и прославлять неизреченно Его человеколюбие, которого да окажемся достойными все мы, благодатию и щедротами Единородного Сына Его, Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 6

О серафимах

1. Едва только мы переплыли море собеседования об Озии, едва переплыли не вследствие длинноты пути, но вследствие вашей плывущих вместе с нами, любознательности. Так и кормчий, имея спутников любознательных и желающих видеть чужие города, совершает путь не в один день, хотя бы расстояние было только на один день, но принужден бывает употреблять на это больше времени, подплывая к каждой пристани, позволяя заходить в каждый город, чтобы сколько-нибудь удовлетворить желанию плывущих вместе с ним. Тоже сделали и мы, плавая не около островов, показывая не берега, пристани и города, но добродетели мужей праведных и беспечность грешников, бесстыдство царя и дерзновение священника, гнев Божий и человеколюбие Его, из которых то и другое послужило к исправлению. Но так как наконец мы дошли до царского города, то уже не будем медлить, а устроив себя, как намеревающиеся войти в город, таким образом взойдем в горнюю

столицу, Иерусалим, матерь всех нас, город свободный, где серафимы, где херувимы, где тысячи архангелов, где тысячи тысяч ангелов, где престол царский. Пусть же не присутствует здесь никто из непосвященных и нечестивых, – потому что мы намереваемся приступить к таинственным повествованиям, – никто из нечистых и недостойных слушать об этом; или лучше – пусть присутствует всякий, и непосвященный и нечестивый, только пусть оставить вне всякую нечистоту и порочность и таким образом входит сюда. Так и того человека, который имел нечистые одежды, отец жениха выгнал из брачного дома и священного чертога не за то, что он имел нечистые одежды, но за то, что вошел, имея их не сказал ему: почему ты не имеешь одежды брачной, но: **как ты вошел сюда не в брачной одежде** (Мф.22:12)? Ты стоял говорит, на распутиях, прося милостыни, и я не постыдился твоей бедности и не отвратился от твоего презренного состояния, но, избавив тебя от всякого унижения, ввел в священный чертог, удостоил царской вечери и оказал высшую честь тебе, достойному крайнего наказания; а ты и от благодеяний не сделался лучшим, но остался при обычном пороке, обесчестив брак, оскорбив и жениха; отойди же теперь и понеси должное наказание за такую бесчувственность. Так и каждый из нас пусть смотрит, чтобы не услышать таких же слов, и, оставив всякие помыслы, недостойные духовного учения, пусть таким образом участвует в священной трапезе. **В год смерти царя Озии**, говорит пророк, **видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном**. Как он видел, я не знаю; о том, что он видел, он сказал; а как видел, о том умолчал; я принимаю сказанное, но не любопытствую знать умолчанное; разумею открытое, но не исследую сокрытого; для того оно и сокрыто. Объяснение Писаний есть золотая ткань, основа ее – золото, нить ее – золото; не примешиваю тканей паутинных; знаю слабость моих мыслей. **Не передвигай**, говорит Премудрый, **межи давней, которую провели отцы твои** (Притч.22:28). Переставлять пределы не безопасно; и как мы переставим то, что назначил нам Бог? Ты хочешь знать, как пророк видел Бога? Будь и сам пророком. Но как, скажешь, это возможно для меня, имеющего жену и заботящегося о воспитании детей? Возможно, если захочешь, возлюбленный. И этот пророк имел жену и был отцом двоих детей, но ничто такое не было для него препятствием. Подлинно, брак не служит препятствием для шествия к небу. Если бы он был препятствием и жена была бы причиною наших бедствий, то Бог, вначале сотворив ее, не назвал бы ее помощницею. Я хотел сказать, что значит **седение** Божие. Бог не сидит, потому что это – положение тела, а Божество бестелесно.

2. Я хотел сказать, что значит **престол** Божий. Бог не объемлется престолом, потому что Божество неограниченно. Но боюсь, чтобы, распространяясь в беседе об этом, мне не замедлить уплатою долга. Я вижу, что все хотят слышать о серафимах, и не сегодня только, но еще с первого дня; потому мое слово, проходя, как бы чрез толпу людей, чрез множество мыслей, встречающихся ему с великим стремлением, спешит к этому повествованию. **Вокруг Него стояли Серафимы**, говорит пророк (Ис.6:2). Вот серафимы, которых давно все вы желали видеть. Посмотрите же, насытьте ваше желание, но без смятения и без поспешности, как бывает при царских выходах. Там это бывает по необходимости; копьеносцы не ожидают, пока зрители насмотрятся, но прежде, нежели они хорошо рассмотрят все, заставляют удалиться; а здесь не так, но слово представляет нам зрелище до тех пор, пока вы не рассмотрите всего, сколько можно рассмотреть. **Вокруг Него стояли Серафимы**. Прежде достоинства естества их пророк показал нам достоинство их по близости их местопребывания. Он не сказал прежде, каковы серафимы, но сказал, где они стояли. Последнее показывает достоинство их больше первого. Почему? Потому, что величие этих сил не столько доказывается тем, что они серафимы, сколько тем, что они стоят близ Царского престола. И мы тех из копьеносцев считаем знаменитейшими, которых видим идущими близ самой царской колесницы. Так и из бестелесных сил те – светлее, которые находятся близ самого престола. Потому и пророк, не говоря о достоинстве естества их, наперед говорит нам о преимуществе их по

местопребыванию, зная, что в этом – высшее их украшение, что в этом – красота тех существ. Подлинно, в том слава, и честь, и всякая безопасность, чтобы являться около этого престола. Тоже можно видеть и касательно ангелов. Христос, желая показать величие их, не сказал, что они ангелы, и потом замолчал, но сказал: **Ангелы их на небесах**

всегда видят лице Отца Моего Небесного (Мф.18:10). Как там высшим знаком достоинства ангельского служит то, что они видят лицо Отца небесного, так и здесь высшим знаком достоинства серафимов служит то, что они стоят вокруг престола, а он находится посреди их. Но это великое достоинство и тебе можно получить, если захочешь. Господь находится посреди не только серафимов, но и нас самих, если мы захожем. **Ибо, где двое или трое**, говорит Он, **собраны во имя Мое, там Я посреди них** (Мф.18:20); и еще сказано: **близок Господь к сокрушенным сердцем и смиренных духом спасет** (Пс.33:19). Потому и Павел взывает: **о горнем помышляйте**, **где Христос сидит одесную Бога** (Кол.3:1,2). Видишь ли, как он поставил нас вместе с серафимами, приведши близко к Царскому престолу? Далее пророк говорит: **у каждого из них по шести крыл**. Что показывают нам эти шесть крыльев? Высоту, возвышенность, легкость и быстроту этих существ. Потому и Гавриил нисходит с крыльями, – не потому, чтобы были крылья у этой бестелесной силы, но в знак того, что он сошел с высочайших областей, оставив горния обители. А что значит число крыльев? Здесь нет и нужды в нашем толковании, потому что само слово объяснило себя, описав нам их употребление. **Двумя**, говорит, **закрывал каждый лице свое**, – и справедливо: ими, как бы некоторою двойною оградою, они заграждали свои взоры, потому что не переносили блеска, исходящего от этой славы. **И двумя закрывал ноги свои**, может быть, по причине той же поразительности. Так и мы обыкновенно, будучи объяты каким-нибудь ужасом, со всех сторон закрываем свое тело. Что я говорю о теле, когда и сама душа, почувствовав тоже при чрезвычайных явлениях и сосредоточив свою деятельность, убегает в глубину, со всех сторон ограждая себя телом, как бы некоторым покровом? Впрочем, слыша об изумлении и ужасе, да не подумает кто-нибудь, что они находятся в некотором неприятном страхе; с этим изумлением соединено и некоторое безмерное удовольствие. **И двумя летал**. И это служит знаком того, что они постоянно стремятся к высокому и никогда не смотрят вниз. **И взывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят** (ст. 3). И воззвание их также служит для нас величайшим знаком их удивления; они не просто воспевают, но весьма громко, и не только громко, но и постоянно делают это. Тела светлые, хоты бы они были даже чрезвычайно светлыми, обыкновенно поражают нас только тогда, когда мы в первый раз обращаем на них взоры; а когда мы посмотрим на них дольше, то от привычки перестаем удивляться, так как глаза наши присматриваются к этим телам. Потому видя и царское изображение, лишь только выставленное и светло блистающее красками, мы удивляемся; но чрез один или два дня уже не удивляемся. Что я говорю о царском изображении, когда мы испытываем тоже самое и в отношении к солнечным лучам, светлее которых нет никакого тела? Таким образом привычка уничтожает удивление ко всем телам; но в отношении к славе Божией бывает не так, а совершенно напротив. Чем более те силы созерцают эту славу, тем более они изумляются и больше удивляются; потому они с того самого времени, как начали существовать, доныне созерцая эту славу, никогда не переставали восклицать с изумлением; то, что испытываем мы в течение короткого времени, когда молния проносится пред нашими глазами, это они испытывают постоянно, и непрестанно с некоторым удовольствием чувствуют удивление. Притом они не только взывают, но делают это взаимно друг к другу, что служит знаком сильнейшего изумления. Так и мы, когда гремит гром или трясется земля, не только вскакиваем и восклицаем, но и сбегаемся в домах друг к другу. Тоже делают и серафимы; потому они и взывают друг к другу: **свят, свят, свят**.

3. Узнали ли вы это воззвание? Наше ли оно, или серафимское? И наше, и серафимское, потому что Христос разрушил средостение ограды, примирил небесное и земное, и **соделавший из обоих одно** (Ефес.2:14). Прежде эта песнь была воспеваема только на небесах; но когда Владыка благоволил сойти на землю, то принес к нам и это песнопение. Потому и этот великий первосвященник, представ пред святою трапезою, совершая словесное служение, принося бескровную жертву, не просто призывает нас к этому славословию, но наперед сказав херувимскую песнь и упомянув о серафимах, таким образом повелевает всем возносить это страшное воззвание, чтобы напоминанием о существах, поющих вместе с нами, возвысить ум наш от земли, и как бы так взывает к каждому из нас: ты поешь вместе с серафимами; стань же вместе с серафимами, распростирай крылья вместе с ними, летай вместе с ними около Царского престола.

И удивительно ли, что ты становишься вместе с серафимами, когда к тому, чего не смеют касаться серафимы, тебе Бог дозволил приступать безопасно? **Тогда прилетел**, говорит пророк, **ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника** (Ис.6:6). Тот алтарь есть образ и подобие этого алтаря, тот огонь – этого духовного огня. Но серафим не смел коснуться его рукою, а коснулся клещами; ты же принимаешь рукою. Итак, если посмотришь на достоинство предложенных даров, то они гораздо выше прикосновения серафимов; а если представишь человеколюбие твоего Владыки, то благодать предложенного не стыдится низойти до нашего уничиженного состояния. Потому, представляя это и помышляя о величии дара, человек, восстань когда-нибудь, отступи от земли, взойди на небо. Но, скажешь, тело влечет и притягивает вниз? А вот наступают дни поста, которые придают легкие крылья душе и бремя плоти делают легким, хотя бы они нашли тело тяжелее всякого свинца. Впрочем речь о посте пусть будет после, а теперь станем говорить о таинствах, для которых и установлены посты. Как на олимпийских играх цель борьбы – венец, так и цель поста – чистое приобщение; а если мы в продолжение таких дней не исполним этого, то, тщетно и напрасно изнурив себя, без венцов и наград сойдем с поприща поста. Для того отцы и распространили поприще поста и дали нам время покаяния, чтобы мы, очистив и омыв себя, таким образом приступали к таинству. Потому и я уже теперь громким голосом взываю, свидетельствую, прошу и умоляю – не с нечистотою, не с порочною совестью приступать к этой священной трапезе, потому что иначе это не будет приступлением и приобщением, хотя бы мы тысячу раз прикасались к святому Телу, но осуждением, мучением и увеличением наказания. Итак, никакой грешник пусть не приступает, или лучше, я не скажу: никакой грешник, – потому что в таком случае я себя прежде всех отлучаю от божественной трапезы, – но пусть не приступает никто, оставаясь грешником. Для того я уже теперь наперед и говорю это, чтобы, когда наступит царское пиршество и настанет та священная вечеря никто не мог сказать: я пришел неприготовленным и нагим; нужно было прежде сказать об этом; если бы я услышал об этом прежде, то, конечно, переменился бы, конечно очистился бы, и таким образом приступил бы. Потому, чтобы никто не мог ссылаться на такой предлог, я уже теперь наперед свидетельствую и убеждаю показать великое раскаяние. Знаю, что все мы виновны, и никто не может похвалиться, что он имеет чистое сердце. Но не то тяжело, что мы не имеем чистого сердца, но что, не имея чистого сердца, не прибегаем к Тому, Кто может сделать его чистым. Он может, если захочет, или лучше, Он гораздо больше нас хочет, чтобы мы были чистыми, но ожидает хотя малого повода от нас, чтобы надежнее увенчать нас. Кто был грешнее мытаря? Но только за то, что сказал: **Боже, милостив буди мне грешному**, он вышел оправданным больше фарисея (Лк.18:13). Какую силу могли иметь эти слова? Но не слова очистили его, а то расположение, с каким он сказал эти слова, или лучше, не одно только расположение, но еще прежде того человеколюбие Божие.

4. Какое великое дело, скажи мне, какой труд, какой подвиг для грешника убедить себя, что он грешник, и сказать это пред Богом? Видишь ли, как не напрасно я говорил, что Бог хочет получить хотя малый повод от нас, и потом уже Сам делает все для нашего спасения? Покаемся же, будем скорбеть, будем плакать. Когда кто-нибудь лишится дочери, то часто проводит большую часть своей жизни в слезах и рыданиях; а мы погубили душу, и не плачем; лишились спасения, и не сокрушаемся? Что я говорю о душе и спасении? Мы раздражили Владыку столь кроткого и благого, и не скрываемся в землю? Подлинно, попечением Своим об нас Он превосходит всякое благорасположение не только попечительного владыки, но и любвеобильного отца и чадолюбивой матери. **Забудет ли женщина грудное дитя свое**, говорит пророк, **чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя** (Ис.49:15). Это изречение верно и без доказательства, потому что оно – Божие; однако мы представим теперь и доказательство от дел. Некогда Ревекка велела сыну своему притворным образом предвосхитить благословение, одела его хорошо со всех сторон и дала ему вид брата; но увидев, что он и при этом не ободряется, и желая уничтожить в сыне всякий страх, сказала: **на мне пусть будет проклятие** (Быт.27:13); слова – истинно свойственные матери, пламенеющей любовью к сыну. Но Христос не сказал только, но и сделал это, не обещал только, но и показал на деле, как Павел ясно говорит: **Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою** (Гал.3:13). И Его мы раздражаем? Не несноснее ли это, скажи мне, самой геенны, неумирающего червя и неугасимого огня? Итак, когда ты намереваешься приступить к священной трапезе, то имей в уме, что там присутствует и Царь всего, потому что Он действительно присутствует, зная мысли каждого, и видит, кто приступает с надлежащею святостью и кто с порочною совестью, с нечистыми и сквернымы помыслами, с беззаконными делами. Если Он найдет кого-нибудь таким, то сначала предает его суду совести; потом, если тот вразумится собственными размышлениями и сделается лучшим, Он опять принимает его; если же остается неисправимым, то впадает наконец в Его руки, как неблагодарный и непризнательный. А каково – это, послушай Павла, который говорит: **страшно впасть в руки Бога живаго** (Евр.10:31). Знаю, что эти слова неприятны; но что мне делать? Если не стану прилагать горьких лекарств, то не истребятся раны; а когда прилагаю горькое, то вы не переносите боли. Тесно мне со всех сторон. Впрочем, необходимо уже удержать руку; сказанного достаточно для исправления внимательных. А чтобы оно принесло пользу не только одним вам, но и другим чрез вас, теперь еще повторим это кратко. Мы говорили о серафимах; показали, как велико достоинство – стоять близ Царского престола; также и то, что и люди могут приобресть это достоинство; говорили об их крыльях, о неприступной силе Божией и о снисхождении Его к нам; еще говорили о причине их возглашения и постоянного удивления и о том, как при непрестанном созерцании непрестанно и славословие серафимов; напомнили вам, в какой мы включены хор и с кем вместе воспеваем общего Владыку; прибавили несколько слов о покаянии, и, наконец, показали, сколь великое зло – приступать к таинствам с порочною совестью, и как невозможно избежать наказания тому, кто остается неисправимым. Этому пусть научится и жена от мужа, и сын от отца, и слуга от господина, и сосед от соседа, и друг от друга, и даже с врагами будем беседовать об этом, потому что мы должны будем отдать отчет и за их спасение. Если нам заповедано даже их подъяремных животных упадших поднимать и заблудившихся спасать и возвращать (Ис.8:5), то тем более должно заблуждающуюся душу их обращать и падшую восстановлять. Если таким образом мы будем устроять дела свои и наших ближних, то будем в состоянии стать с дерзновением пред судилищем Христа, с Которым Отцу, со Святым и Животворящим Духом, слава, честь, держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

На слова пророка Исаии:

Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия (Ис.45:7).

1. Немного слов, но сладкий в них источник меда, – меда, который не производит пресыщения. Мед вещественный доставляет удовольствие только языку и портится; а мед учения проникает в совесть, доставляя постоянную радость и руководя нас к бессмертию. Тот собирается с растений, а этот составляется из божественных Писаний. Этим сегодня насытил вас говоривший прекрасно, получивший в награду послушание и показавший силу любви и благородство веры (разумеется епископ Флавиан, или какой-либо другой проповедник, говоривший прежде св. Златоуста). А теперь и мы опять предложим вам обычную трапезу с великим усердием; мы весьма радуемся, что, тогда как на конском ристалище происходит блистательные упражнения, сюда стеклось такое множество, презрев тамошнее препровождение времени. Потому и мы ставим чашу, наполненную с великим изобилием, чащу, производящую не опьянение, но доставляющую целомудрие. Таково вино Писаний, таковы яства этой трапезы; они не утучняют плоти. Впрочем, мы говорим это, не унижая естества плоти, но предпочитая ей благородство души, не отвергая употребления, но обуздывая неумеренность. Когда мы любомудрствуем, то надобно любомудрствовать так, чтобы не подать повода устам еретиков. Это тело, хотя ниже души, но оно не противно душе; и душа, хотя и проста, но она служит потребностям тела. Превосходный Художник – Бог составил эту вселенную не из одного, двух или трех веществ, но вложил в нее различные и разнообразные сущности, показывая в разнообразии тварей обилие Своей премудрости. Он создал не небо только, но и землю; не землю только, но и солнце; не солнце только, но и луну; не луну только, но и звезды; не звезды только, но и воздух; не воздух только, но и облака; не облака только, но и эфир; не эфир только, но и озера, источники, реки, горы, рощи, холмы, луга, сады, семена, растения, разные роды трав, различные виды, различные силы и различные сущности, которые каждый может видеть везде, обозревая мир; и когда он пробежит мыслью состав вселенной, то скажет вместе с пророком: **как величественны дела Твои, Господи! Все премудростью Ты сотворил** (Пс.103:24). Так, если ты хочешь видеть зрелище, то, оставив тамошнее сатанинское, приходи на это духовное; если хочешь слушать лиру, то, оставив тамошнее пение и напрягши силу своего ума, приходи слушать это, пробуждающее твои мысли, укрепляющее твой ум. Посмотри, как различные звуки и отдельные струны со всех сторон возносят одно и совершенно согласное пение превосходному Художнику – Богу. Как некоторый духовный звук, состоящий из различных звуков, издает одно стройное пение, славословие Создателю, так и эти струны звучат и сами по себе, звучат и одна с другой вместе. А чтобы тебе узнать, как звучат они сами по себе, ударь мыслью в струну неба, и ты услышишь, как она издает великие звуки и воссылает славу Богу. Это уразумел пророк и сказал: **небеса поведают о славе Божией, и отворении рук Его возвещает твердь** (Пс.18:2). От этой струны перейди к струне дня и ночи, и ты увидишь, как и они издают звуки приятнее всякой лиры и гуслей, особенно тогда, когда будет ударять в эти струны кто-нибудь умеющий. Но как, скажешь, они издают звук? Небо не имеет ни уст, ни языка, ни неба во рту, ни зубов, ни губ; как же оно издает звуки? Как говорит и день? Здесь нет органов, произносящих звуки, но течение солнца и луны, день и ночь, смена времени. Чтобы кто-нибудь из людей, более грубых, слыша это, не усумнился и не смутился, послушай, как пророк сам старается объяснить сказанное. Сказав, что **небеса поведают о славе Божией**, и что **день дню изливает слово, и ночь ночи возвещает знание** (Пс.18:3), он не остановился на этом, но прибавил: **нет наречий и языков, где не слышны были бы голоса их** (ст. 4). Смысл слов его следующий: день и ночь и небо не только имеют голос, но и такой голос, который звучнее, яснее и сильнее голоса человеческого. Как и каким образом? Послушай сами слова его: **нет наречий и языков, где не слышны были бы голоса их**. Что же это такое?

Одобрение голоса, похвала звука. Мой голос понятен для говорящего на одном со мною языке, а для говорящего на другом языке – нет; напр.: когда я говорю на греческом языке, тогда, кто знает этот язык, поймет меня; а скиф, фракиянин, мавр, индиец – нет, потому что различие языка не позволяет моей речи быть для него понятною.

2. Также, когда говорит скиф или фракиянин, я не могу понимать его, а другой – языка другого. У неба же, дня и ночи – не то, но голос их таков, что он слышен, понятен и ясен для всякого языка, всякого наречия, всякого народа. Потому пророк, сказав, что **день дню изливает слово, и ночь ночи возвещает знание**, прибавил: **нет наречий и языков, где не слышны были бы голоса их**. Смысл этих слов следующий: такое имеют наречие, такой имеют голос день, ночь, небо и все твари, что всем языкам, всем народам понятен голос их. Нет **наречий**, говорит, т.е. нет народа, нет языка, где бы не слышен был голос неба; но и скиф, и фракиянин, и мавр, и индиец, и савромат, и всякое наречие, всякий язык, всякий народ может понимать этот голос. Как и каким образом? Теперь выслушай это, чтобы тебе узнать, как небо говорит молча. Когда ты увидишь эту красоту, величие, положение, постоянство, блеск, и, размыслив о всем этом в самом себе, прославишь Создателя, восхвалишь Творца, тогда небо издало голос и вознесло славу Богу посредством твоего языка. Таков смысл слов: **небеса поведают о славе Божией**. Как и каким образом? Располагая зрителя красотою своего блеска – удивляться Создателю. Когда ты, увидев такое создание, скажешь: слава Тебе, Боже, какое великое тело Ты создал и поставил в средине! – тогда небеса воздали эту славу, пользуясь твоим языком и возбуждая удивление посредством зрения. Так они молча возносят славу Богу и этот голос слышат все. Так как не посредством слуха можно познавать это, а посредством зрения и созерцания, зрение же у всех одно, хотя язык и различный, то и варвар, и скифы, и фракияне, и мавры, и индийцы слышат этот голос, т.е., взирая на такое чудо, поражаясь красотою, блеском, величием и всем прочим, что есть на небе, возносят славу Создателю, если они здраво мыслят. Тоже надобно сказать и о дне и о ночи. Как небо, возбуждая в зрителе удивление своею красотою, положением, величием, блеском, постоянством времени, пользою, деятельностью и всем прочим, располагает его прославлять Спасителя, так и ночь и день. Когда ты заметишь стройный порядок этих времен, как день, исполнив свою меру, не усиливается изгнать ночь из собственных ее пределов, не показывает никакого любостяжания и, хотя он светлее ее, не старается занять все время, но отступает; равным образом и ночь, совершив свое течение, уступает место дню, и это совершается в продолжение столь многих лет, без всякого смешения и смятения, и последняя не прогнала первого и первый не отнял ничего у последней, хотя один светлее, другая темнее, – тогда опять, удивляясь стройному порядку, не воздашь ли ты славы Богу? Как сестры, любящие одна другую, разделяя отцовское наследство мерою и весом, ни малейшей части не отнимают одна от другой, – так точно ночь и день, разделив между собою все время, соблюдают такое равенство, не отнимая друг от друга ни малейшей части, как вы знаете по самому опыту. Пусть выслушают это любостяжатели и лишающие братьев наследства; пусть они постыдятся стройного порядка времен, согласия ночи и дня, и исцелятся от своей болезни. Таким образом **день дню изливает слово, и ночь ночи возвещает знание**, не издавая голоса, но своим порядком, стройностью, равенством и беспрепятственною соразмерностью громче трубы возвещая Создателя не в одном каком-нибудь углу вселенной, но везде, где только солнце освещает землю. Эти звуки раздаются по всей вселенной, так как везде небо, везде день, везде ночь; и наставление свое простирают они по земле и по морю. Потому пророк не ска-зал просто: небеса возвещают славу Божию, но: **поведают**, т.е. научают и других, имеют учениками своими род человеческий и распростерты на виду, как величайшее училище, вместо книг и букв предлагая и простым и мудрым и всем созерцать красоту их природы, преподавая заключающееся в них самих, как бы в книге, учете о премудрости и силе Божией. Так и люди не только словами, но и молча прославляют Бога чрез других: потому и Христос

говорил: **так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного** (Мф.5:16). Как кто-нибудь, видя светлую жизнь другого, хотя бы сам живущий и молчал, воздает славу Богу, так точно и взирая на красоту неба прославляют Творца. Потому пророк и сказал: **небеса поведают о славе Божией, и отворении рук Его возвещает твердь. День дню изливает слово, и ночь ночи возвещает знание**. Какое **знание**? Разумение о св. Творце. Как день выводит человека на дела, так последующая ночь доставляет ему отдых от множества трудов, избавляет от забот и, успокаивая утомленные вежди и сжимая ресницы, приготовляет его опять встретить солнечные лучи с свежими силами. Так и ночь доставляет человеку не малую, но весьма великую пользу. Если бы она не доставляла человеку отдыха от множества трудов, преемствуя дню, то не доставлял бы ему никакой пользы и день, который выводит его на дела, – потому что, при изнеможении естества его от постоянного труда, это живое существо заболело бы и погибло бы, и не было бы ему ни- какой пользы от солнечных лучей. Потому, делая день полезным для человека, она своим служением особенно и руководит пользующегося ее течением к познанию Бога. Таким образом, когда кто размыслит, какая польза от дня и какая – от ночи, как они сменяют друг друга, чередуясь, как бы в хороводе, и попеременно сохраняют род наш, тогда, хотя бы он был тупейшим из всех людей, может собственным размышлением познать премудрость превосходного Художника-Бога, которую Он явил посредством дня и ночи, назначив нам первый для деятельности, а последнюю для отдыха от трудов.

3. О всем этом мы стали говорить с самого начала; но так как, может быть, нечто из читанного нам сегодня смущает многих из невнимательных и неопытных в Писаниях, то теперь с великою поспешностью обратимся и к этому. Читано было о кровоточивой жене, которая прикосновением (к одежде Христовой) остановила потоки крови и силою веры похитила такое сокровище. Подлинно, действие ее было похищением, но похищением похвальным, и похитившая после обличения была одобрена; сам Иисус, у которого было похищено, похвалил эту жену (Мф.9:20-22). Также читано было о страданиях Павла, о ранах, темницах, преданиях на суд, кораблекрушениях, узах, цепях, разнообразных и постоянных кознях против него, ежедневных смертельных опасностях, голоде, жажде, наготе, заговорах на него ежедневных. Но что я делаю? Нужно бежать с великою поспешностью, чтобы опять Павел не задержал и не отклонил меня от предмета. Вы знаете, как часто меня, идущего и обратившегося в другую сторону, он удерживал среди речи, и удерживал так, что я принужден был оканчивать на нем свою беседу. Потому, чтобы и сегодня не случилось с нами того же, с великою поспешностью набросим как бы узду на увлекаемое туда слово, и таким образом отвлечем его и приведем к пророческому изречению. Какое же это изречение? **Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия**. Видите, как не напрасно и не без причины мы обратились к этому месту и, оставив все другое, стремились придти сюда. Эти слова могут произвести великое смущение в человеке невнимательном. Пробудитесь же, напрягайте слух и, оставив все житейские заботы, внимайте словам моим. Сегодня я хочу вознаградить вас за ваше присутствие здесь, и отпустить, насытив духовною пищею, так чтобы отсутствовавшие на самом деле узнали, какую понесли они потерю; а узнают они тогда, когда вы, со вниманием приняв сказанное, будете в состоянии передать и им. **Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия**. Я постоянно повторяю одно и тоже, чтобы напечатлеть это в вашем уме и потом предложить разрешение. Не один этот пророк говорит так, но и другой, выражаясь согласно с ним, сказал: **бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы?** (Амос.3:6). Что же значат эти слова? На все подобные места нужно предложить одно разрешение. Какое же разрешение? Мы получим его, если вникнем в силу этих изречений. Но слушайте со вниманием; мы не напрасно и не без причины постоянно напоминаем вам об этом, но потому, что наконец приближаемся к глубоким мыслям. Из всех предметов одни – добро, другие – зло, а третьи – нечто

среднее; из них некоторые многим кажутся злом, а на самом деле не таковы, но только так называются и считаются.

Впрочем, чтобы яснее представить то, о чем я говорю, объясним сказанное примерами. Бедность для многих кажется злом, но на самом деле она не такова, а напротив, если кто внимателен и любомудр, она служит даже к истреблению зла. Богатство для многих кажется добром, но на самом деле оно не прямо добро, если кто не будет пользоваться им, как должно. Если бы богатство было прямо добром, то и владеющие им должны бы быть добрыми; но если не все богатые добродетельны, а только те, которые хорошо пользуются богатством, то очевидно, что богатство само по себе есть не прямо добро, но некоторое средство к добродетели, занимающее среднее место. Посмотри: в теле бывают свойства, по которым и называются те, кто имеет их; например, белизна есть не сущность, но свойство и случайная принадлежность сущности; и кому она принадлежит, того мы называем белым. Также болезнь есть некоторое свойство и случайная принадлежность; и кому принадлежит она, того мы называем больным. Потому, если бы и богатство было добродетелью, то владеющий богатством должен бы быть и называться добродетельным; если же богатый не всегда бывает добродетельным, то и богатство не есть добродетель или прямо добро, а бывает таким по душевному настроению того, кто пользуется им. Также, если бы бедность была злом, то все бедные должны бы быть злыми; если же многие из бедных достигли небес, то следовательно бедность – не зло.

4. А что, скажет иной, если многие богохульствуют от бедности? Не от бедности, но от собственного безумия и малодушия они делают это. Доказательством тому служит блаженный Иов, который, находясь в крайней бедности, будучи низвержен в самую пропасть бедности, не только не богохульствовал, но продолжал благословлять Бога и говорил: **Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось; да будет имя Господне благословенно!** (Иов.1:21). Но ради богатства, скажешь, многие делаются хищниками и любостяжателями? Не ради богатства, а ради собственного безумия; и свидетелем этому служит тот же муж, который при таком богатстве не только не похищал чужого, но и свое раздавал, и сделал у себя пристанище для странников: **двери мои**, говорил он, **я отворял прохожему** (Иов.31:32). И Авраам, имея такое богатство, не жалел ничего для приходящих; и ни этого ни того богатство не сделало корыстолюбцем, равно как и бедность не сделала ни Иова, ни Лазаря богохульником; но оба, они, не имея даже необходимого пропитания, так прославились, что один получил свидетельство от Бога, верно знающего откровенное, а другой несен был отсюда предшествующими ангелами, сделался сожителем праотца и удостоился таких же благ, как и он. Следовательно, к предметам средним принадлежат бедность и богатство, здоровье и болезнь, жизнь и смерть, слава и честь, рабство и свобода, и тому подобное. Нет нужды перечислять все, чтобы слишком не распространить беседы, но, подав вам повод к собственному размышлению, следует перейти к нужнейшему. **Дай наставление мудрому**, говорит Писание, **и он будет еще мудрее** (Притч.9:9). Итак все эти предметы суть средние, так что пользующиеся могут употреблять их и на добро и на зло. А что они действительно средние, как напр., богатство, это доказал Авраам, который пользовался им по надлежащему; доказал и живший при Лазаре богач, который расточал свое имение на погибель своей головы. Таким образом, богатство прямо не есть ни добро, ни зло. Если бы оно было прямо добром, а не чем-либо средним, то живший при Лазаре богач не был бы так наказан; если бы оно было злом, то Авраам не прославился бы так, бывши богатым. Нечто подобное есть и болезнь. Если бы болезнь была злом, то следовало бы и имеющему ее быть злым; следовало бы поэтому быть злым и Тимофею, который страдал тяжкою болезнью: **употребляй немного вина**, говорил ему апостол, **ради желудка твоего и частых твоих недугов** (1Тим.5:23). Если же он не только не был от этого злым, но и сделал болезнь свою средством к увеличению своей награды, мужественно перенося ее, то

очевидно, что болезнь – не зло. И другой пророк постоянно был болен глазами, и однако от этого не был злым, но и пророчествовал, и предвидел будущее, и болезнь не служила ни малейшим препятствием к добродетели. И здоровье не есть прямое добро, если кто употребляет его не по надлежащему, а на худые дела, или на безумное действие, что тоже не безвинно. Потому и Павел говорил: **если кто не хочет трудиться, тот и не ешь** (2Сол.3:10). Все это – среднее, и, смотря по людям пользующимся бывает, иногда тем, а иногда другим. Но для чего говорить о здоровье и болезни, богатстве и бедности? Даже то самое, что для многих представляется главою благ и верхом зол, именно, жизнь и смерть, и они не прямо таковы; но также принадлежат к предметам средним, которые могут быть и тем и другим по душевному настроению пользующихся ими. Например, жизнь – добро, когда пользующийся ею употребляет ее по надлежащему, а когда он употребляет ее на грехи и беззакония, то она уже не добро, но лучше такому умереть. И наоборот то, чего по мнению многих нужно избегать, может доставить бесчисленные блага, когда будет к тому надлежащая причина. Это доказывают мученики, которые за смерть сделались блаженнее всех. Потому и Павел желал не просто жить со Христом, но потому, что это было для него **плодом дела. Не знаю, что избрать. Влечет меня то и другое**, говорил он, **имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас** (Фил.1:22-24). Потому и пророк говорит: **честна пред Господом смерть преподобных Его**, не просто смерть, но такая именно смерть (Пс.115:6); и в другом месте: **смерть грешников люта** (Пс.33:22). Видишь ли, что и это есть нечто среднее, не прямо добро и не прямо зло, а смотря по настроению испытывающих это. Потому и премудрый Соломон, считая полезным среднее между тем и другим, любомудрствуя об них и показывая, что не прямо первая есть добро, а последняя зло, но и она бывает добром в надлежащее время, хотя и кажется тяжкою, когда бывает не в надлежащее время, говорит: **время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное** (Екк.3:2). И радоваться не всегда полезно, но иногда бывает вредно; и скорбеть не всегда хорошо, а бывает иногда смертоносно и гибельно. Доказывая это самое, опять Павел говорит: **печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть** (2Кор.7:10). 5. Видишь ли, что и это принадлежит к предметам средним? Следовательно и противоположное этому принадлежит к предметам средним, т.е. радость. Поэтому апостол и заповедал непросто радоваться, но радоваться **о Господе** (Фил.4:4). Впрочем уже довольно мы объяснили предметы средние, если только слушатели были внимательны; теперь нужно перейти не к средним, но к добрым, которые не могут быть злыми, и к злым, которые не могут быть добрыми. Все вышесказанные предметы бывают иногда тем, а иногда другим, как напр., богатство бывает иногда злом, когда служит к любостяжанию, а иногда добром, когда употребляется на милостыню, и все прочее таким же образом. Но есть предметы, которые иногда не могут быть злом, а противоположные им всегда бывают злом, и никогда не могут быть добром; таковы: нечестие, богохульство, разврат, жестокость, бесчеловечие, чревоугодие, и тому подобное.

Я говорю не то, будто человек злой никогда не может сделаться добрым, и добрый никогда не может сделаться злым, – но то, что самые эти предметы не могут быть таковыми. Они всегда остаются одинаковыми, одни добрыми, другие злыми; а человек, когда избирает первые, то бывает добрым а когда – противоположные им, то – злым. Итак, предметы троякого рода: одни – добро и не могут быть злом, как напр., целомудрие, милостыня и тому подобное; другие – зло и никогда не могут быть добром, как напр., разврат, бесчеловечие, жестокость; третьи бывают иногда тем, иногда другим, смотря по настроению пользующихся ими. Богатство иногда служит к любостяжанию, иногда употребляется на милостыню; но это зависит от настроения пользующегося им. Бедность бывает поводом иногда к богохульству, иногда к славословию и любомудрию. Потому и надобно теперь же приступить к разрешению, так как многие из безрассудных называют

злом не только действительное зло, которое никогда не может быть добром, но и некоторые из средних предметов, напр., бедность, плен, рабство, которые составляют, как мы показали, не зло, а нечто среднее; так как многие, как я выше сказал, называют это злом, тогда как оно не есть зло, то пророк и говорит об этих предметах, которые многими считаются и называются злом, но на самом деле не зло, – о плене, о рабстве, о голоде и тому подобном. А что они действительно не зло, но еще служат к истреблению зла, мы наперед представим голод, который для всех кажется страшным и ужасным. Узнай же, как он не есть зло, и научись любомудрствовать. Когда еврейский народ дошел до крайней степени нечестия, тогда Илия, поистине великий и достойный небес, желая истребить болезнь нерадения и излечить ее, сказал: **жив Господь Бог Израилев, пред Которым я стою! в сии годы не будет ни росы, ни дождя, разве только по моему слову** (3Цар.17:1), – и тот, кто имел одну только милоть, заключил небо: такое он имел дерзновение пред Богом! Видишь ли, что бедность не зло? Иначе беднейший из всех людей, живя на земле, не имел бы дерзновения – показывать такую силу одним только словом. Сказав это, он ибо навел голод, как превосходного учителя и истребителя бывших зол; и подобно тому как бывает с телом, подвергшимся сильной горячке, самые жилы земли высохли, источники и растения оскудели, и недра земли сделались бесплодными. Тогда народ получил немалую пользу: был удержан от стремления к беззаконию, был обуздан и стал более послушным и покорным пророку. Те, которые прибегали к идолам и детей своих закалали в жертву бесам, при избиении столь многих жрецов вааловых не негодовали и не роптали, но переносили бывшее в молчании и страхе, сделавшись лучшими от голода.

6. Видишь ли, что голод не только не есть зло, но еще истребляет зло, исцеляя болезни подобно лекарству? Если хочешь видеть, что и сам плен не есть зло, то представь, каковы были иудеи прежде плена, и какими были во время плена, и узнаешь, что ни свобода не есть прямо добро, ни плен – зло; когда они пользовались свободою и имели собственное отечество, то делали такие дела, что пророки каждый день обличали их за преступление законов, за поклонение идолам, за нарушение заповедей Божиих; а когда они были отведены в чужую землю и жили в стране иноплеменников, тогда смирились, сделались лучшими и соблюдали закон, как можно видеть из псалма, который необходимо теперь привести, чтобы вы узнали плоды плена. Какой же этот псалом? **На реках Вавилонских, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе. На вербах среди него мы повесили органы наши. Ибо там спрашивали нас пленившие нас о словах песней и уведшие нас о пении: "воспойте нам (что-либо) из песней сионских!" Как запоем песнь Господню на земле чужой?** (Пс.136:1-4)? Видишь ли, как плен смирил их? До него они не слушались и пророков, внушавших не преступать закона; а после него, не смотря на требование иноплеменников, на побуждение и принуждение властителей – преступить закон, они не соглашались, но говорили: **как запоем песнь Господню на земле чужой**, когда закон не позволяет этого. Посмотри и на трех отроков: они не только не потерпели никакого вреда от плена, но еще сделались от него более славными, равно как и Даниил. А Иосиф? Какое потерпел он зло, сделавшись странником, рабом и узником? Не поэтому ли только он возвысился и прославился? А та иноплеменная жена, жившая в богатстве, великолепии и свободе, какую получила от этого пользу? Не была ли она несчастнее всех потому, что не хотела пользоваться этим, как должно? Итак, мы ясно показали, что – добро, что – зло, и что – среднее между ними; также объяснили, что пророк говорит о предметах средних, которые – не действительно зло, а только кажутся таким для многих, о плене, рабстве, ссылке. А для чего это сказано, нужно показать.

Человеколюбивый Бог, скорый на милость и медленный на наказание и мучение, чтобы не предавать иудеев наказаниям, посылал к ним пророков, устрашая их словами, дабы не наказывать самим делом, как Он поступил и с ниневитянами. Там Он угрожал тогда

истребить город не для того, чтобы истребить его, но чтобы не истребить его, как действительно и случилось. Тоже Он делал тогда и с иудеями, посылал пророков, угрожая нашествием иноплеменников, войнами, пленом, рабством, ссылкою, жизнью в чужой земле. Как чадолюбивый отец, имеющий упрямого и нерадивого сына, желая вразумить его, ищет ремней, грозит веревками, говоря: свяжу, высеку, убью, и бывает страшным на словах, чтобы таким образом обуздать пороки юноши, так точно и Бог постоянно угрожал, желая страхом сделать иудеев лучшими. Диавол, видя это и желая воспрепятствовать исправлению, происходившему от такой угрозы, посылал лжепророков, и тогда как пророки угрожали пленом, рабством, голодом, те предсказывали противное, мир, плодородие, наслаждение бесчисленными благами. Потому, осуждая их, пророки говорили: **"мир! мир!", а мира нет** (Иерем.6:14)? Кто занимается Священным Писанием, тот знает, как происходило все, что было у пророков с лжепророками, ослаблявшими усердие народа. Когда таким образом они расслабляли и развращали народ, то Бог говорил чрез пророков: **делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это** (Ис.45:7). Какое же зло? То, о котором выше сказано: плен, рабство, и тому подобное, а не прелюбодеяние, распутство, любостяжание и что-нибудь подобное. Потому и другой пророк, когда говорит: **бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы**, разумеет такое же зло, голод, болезни, посылаемые от Бога раны (Амос 3:6). Так и Христос, когда говорит: **довольно для каждого дня своей заботы**, разумеет труды, утомление, изнурение (Мф.6:34).

7. Итак, пророк говорит следующее: пусть не развращают вас лжепророки; Бог может даровать вам мир и отдать вас в плен. Это и значит: **делаю мир и произвожу бедствия**. Но дабы ты убедился, что это справедливо, рассмотрим обстоятельно сами выражения. Сказав выше: **Я образую свет и творю тьму**, Он потом прибавил: **делаю мир и произвожу бедствия** (Ис.45:7). И выше Он представил два противоположные предмета, и затем – два противоположные предмета, дабы ты знал, что Он говорит не о прелюбодеянии, но о несчастьях. Что противоположно миру? Очевидно – плен, а не распутство, не прелюбодеяние, не любостяжание. Как выше он представил два противоположные предмета, так точно и здесь; а миру противоположны не прелюбодеяние, не блуд, не распутство и прочие пороки, а плен и рабство. Но на людей какое впечатление производят стихии, такое же и обстоятельства. Например: Бог сотворил как свет, так и тьму; и, однако, для многих свет кажется приятным, а тьма неприятною, и они порицают ночь, как нечто дурное; так точно поступают они и с обстоятельствами. Между тем не должно порицать ни ночи, ни тьмы, ни рабства одного, ни плена. Скажи мне, что худого заключает в себе тьма? Не доставляет ли она отдыха от трудов, успокоения от забот, утоления печали, восстановления сил? Если бы не было тьмы и ночи, то наслаждались ли бы мы когда-нибудь светом? Не расстроилось ли бы и не погибло ли бы это живое существо – человек? И как тьма для неразумных кажется злом, и, однако, не есть зло но доставляет нам пользу относительно самого дня, делая нас более способными после отдыха к дневным трудам, так не есть зло и плен, о котором пророк говорит в словах: **делаю мир и произвожу бедствия**, но он весьма полезен для тех, кто пользуется им, как должно; он делает их более благоразумными и послушными, истребляя гордость.

Добродетель не подвергается рабству и ничто не может преодолеть ее, ни рабство, ни плен, ни бедность, ни болезнь, ни сама смерть, которая сильнее всего. Доказательством служат все те, которые перенесли все это и сделались от того более славными. Какой вред потерпел Иосиф от рабства (ничто не препятствует опять указать на того же мужа), какой от заключения, какой от уз, какой от клеветы, какой от козней, какой от жизни в чужой земле? Какой вред потерпел Иов от истребления волов и стад, от насильственной и преждевременной смерти детей, от поражения тела, от скопища червей, от невыносимой скорби, от сидения на гноище, от наветов жены, от укоризн друзей, от порицания рабов?

Какой вред потерпел Лазарь от того, что лежал при воротах, был облизываем языками собак, от постоянного голода, от презрения богача, от ран, от невыносимой боли, от недостатка покровителей, от презрения со стороны тех, которые могли бы подать ему помощь? Или какой вред потерпел Павел от множества темниц, истязаний, смертей, потоплений и прочих искушений, которых невозможно исчислить словом? Размышляя обо всем этом, будем избегать порока и следовать добродетели; будем молиться, чтобы нам не впасть в искушение; а если когда впадем, то не будем падать духом и унывать, потому что это – оружие добродетели для тех, которые пользуются им, как должно, и мы будем в состоянии чрез все прославиться, если будем внимательны, и достигнем вечных благ, которых да сподобимся все мы о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА

На слова пророка Иеремии:

Знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим (Иер.10:23).

1. Как на вещественном и общедоступном пути одни места бывают ровны и удобны, а другие трудны и неудобны, так и в божественных Писаниях одни места сами по себе удобопонятны для всех, а другие требуют большего исследования и труда. Когда мы идем по пути ровному и удобному, тогда нам не нужна великая осторожность, а когда идем по пути наклонному, узкому, простирающемуся до самой вершины горы и с обеих сторон ограниченному пропастями, тогда нам нужна душа бодрая и осторожная, потому что трудность местности не позволяет быть беспечным; здесь, если кто хотя и немного засмотрится и только одна нога поскользнется, все тело падает в пропасть, и если он посмотрит вниз в пропасть, то испытывает головокружение и низвергается. Так и в божественных Писаниях одни места легки и удобны для разумения и могут быть проходимы без труда, а другие трудны, неудобны и не так легко могут быть проходимы. Потому всем должно бодрствовать и быть внимательными, когда мы проходим такие места, чтобы нам не подвергнуться крайней опасности. Для того и мы иногда упражняем вас местами легкими, а иногда ведем к труднейшим, чтобы и дать вам отдых от труда и истребить беспечность. Как занимающееся постоянно легкими делами становятся ленивыми, так принуждаемые постоянно к делам тяжелым изнуряются от труда; потому нужно разнообразить виды учения и сообщать иногда то, иногда другое, чтобы ум наш не расслабел чрезмерно, а с другой стороны от излишнего напряжения не расторгся и не отказался от труда. Потому мы, недавно беседуя с вами о Павле и Петре и бывшем между ними прении в Антиохии, и показав вам, что кажущееся несогласие их было полезнее всякого мира, вели вас по пути наклонному и трудному; но когда заметили вашу усталость, то в следующий день перешли к другому, легчайшему предмету, говорили в похвалу блаженного Евстафия, а после него воздавали хвалу славному мученику Роману, причем было у нас блистательное зрелище, великое рукоплескание и много восклицаний. Как человек утомленный, пришедши на луг, радуется и восторгается, не видя здесь никакого труда и изнурения, но отдых, удовольствие и великое душевное спокойствие, так и вы у меня были тогда в подобном состоянии; после трудов и затруднений при слушании о том предмете перешедши к похвалам мученикам, как бы на луг; вы с великим спокойствием исполнились радости. Тогда не было ни возражений, ни опровержений, ни нападений, ни отступлений, но без всякого препятствия речь текла сама собою легко, непринужденно и свободно. Потому она и была блистательна и торжественна и удостоилась многих похвал. Когда ум слушателей легко следует за беседою, тогда он, исполняясь великого удовольствия, скорее располагается к похвале говорящему. Потому,

так как мы дали вам достаточно отдохнуть в эти дни, не предлагая вашей любви ничего трудного и тяжелого, то сегодня опять обратим вас к прежнему упражнению, поведем вас к местам Писаний труднейшим и требующим великого внимания, не для того, чтобы утомить вас трудом, но чтобы упражнением сделать вас способными проходить и эти места с безопасностью. И как тогда сначала представлялось некоторое несогласие и прение между апостолами, а когда мы поднялись выше этих скал, то вверху увидели плоды Духа: любовь, радость, мир (Гал.5:22), и труд наш не был напрасен и излишен, но окончился радостью, так и сегодня по молитвам вашим я надеюсь, что, если с усердием и великим терпением мы совершим предстоящий нам путь и будем в состоянии достигнуть самой вершины, то найдем там все ровным, легким и удобным. Что же предстоит вам теперь? Читанное сегодня из пророка: **знаю, Господи, что не в воле человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим**. Вот предмет для исследования; вы же, как тогда показали усердие, так и теперь будьте внимательны; этот предмет не меньше того, но требует еще большего внимания. Почему? Потому, что кажущееся несогласие между Павлом и Петром, которое впрочем, не есть несогласие, было известно немногим, и потому от незнания о нем не могло произойти великого вреда; а это изречение повторяется везде, в домах, на площадях, в селах, в городах, на суше, на море, на островах, и куда ни пойдешь, везде услышишь многих, которые говорят: написано: **не в воле человека путь его**; и не только повторяют это изречение, но прибавляют к нему и другие подобные, именно: **не от желающего и не от подвизающегося** (Римл.9:16), и, кроме того, еще: **если Господь не построит дом, напрасно трудятся строители** (Пс.126:1). Это делают они для того, чтобы прикрыть божественными Писаниями собственное нерадение и чтобы такими словами лишить нас спасения и надежды. Этим они хотят доказать не что иное, как то, что нет ничего в нашей власти. Все наше погибает; напрасно обещание царства, напрасна угроза геенною, напрасны законы, наказания, воздаяния, советы.

2. Для чего увещевать того, кто ни в чем не властен? Для чего обещать тому, кто лишен всякой власти? Как совершивший добрые дела не достоин похвалы, так и согрешивший не подлежит наказанию и мучению, если дела не зависят от нас. Но когда люди будут иметь такое убеждение, то после этого уже никто не станет ни держаться добродетели, ни удаляться от порока. Если теперь, когда мы каждый день возвещаем о геенне, беседуем о царстве, представляем невыносимые мучения, превышающие ум человеческий награды, советуем, увещеваем, употребляем все способы убеждения, – едва только некоторые решаются на подвиги добродетели, едва отстают от греховных удовольствий, то, когда отсечешь и этот священный якорь, не потонет ли весь корабль, и не погибнуть ли все, совершенно погрузившись в волнах, не будет ли ежедневно множества кораблекрушений? Ни о чем, подлинно ни о чем так не старается диавол, как убедить душу человеческую в том, что она ни за грехи не подлежит наказанию, ни за добрые дела не достойна похвал и венцов, чтобы и у ревностных ослабить руки и охладить усердие, и в беспечных усилить малодушие и увеличить нерадение.

Потому нужно внимательно слушать то, что говорится; будет пропасть и бездна с обеих сторон, если мы станем читать это изречение без внимания. Что же нам сказать? Неужели пророк сказал неправду? Но это не безопасно; пророк не говорит неправды; потому что он изрекает глаголы Божии. Итак, пророк не сказал неправды, и следовательно дело не в нашей власти? И дела наши – в нашей власти, и пророк не сказал неправды; мы докажем и то и другое, если будете внимательны. Я для того и показал пропасть с обеих сторон, чтобы мы со вниманием проходили предстоящий нам путь. Мы исследуем не только это изречение: **не в воле человека путь его**, но и весь ход речи, – о ком оно сказано, кем, кому, для чего, когда и как. Не достаточно сказать о чем-нибудь, что оно написано в Писаниях, и не должно прямо, выхватывая слова и отрывая члены от тела

богодухновенных Писаний, брать их отдельно и без взаимной их связи и произвольно и безотчетно искажать их. Таким образом вошли в нашу жизнь многие неправые мнения, по действию диавола, который научает людей беспечных превратно толковать заключающееся в Писаниях и, прибавляя или убавляя, помрачать истину. Потому недостаточно сказать о чем-нибудь, что это написано в Писании, но должно читать в целой связи речи, потому что, если мы будем разрывать совокупность и связь изречений между собою, то произойдут многие дурные мнения. Напр., в Писании сказано: **нет Бога** (Пс.13:1); еще: **отвратил лице Свое, чтобы никогда не видеть** (Пс.9:32); и еще: **Он не взыщет** (Пс.9:34). Что же, скажи мне, разве нет Бога? Разве он не видит земных дел? Кто дерзнет сказать это, или выслушать? Между тем это написано в Писании; но узнай, как написано. **Сказал безумный**, говорит оно, **в сердце своем: "нет Бога"**. Это – мысль и суждение не Писания, но ума безумца; Писание высказало не свое мнение, а передало мнение другого. И еще: **отчего**, говорит оно, **прогневал нечестивый Бога? Оттого, что сказал в сердце своем: "Он не взыщет"**. И здесь опять оно излагает мысль и суждение человека нечестивого и развращенного. Так и врачи имеют обыкновение, беседуя с здоровыми, говорить о проступках людей больных и безумных, чтобы сделать первых более осторожными. Так как здоровье души есть благочестие, а болезнь и крайний недуг ее – неведение о Боге, то Писание излагает слова нечестивых для того, чтобы мы не просто слушали, но и сами воздерживались. Оно говорит о том, что сказал безумный, чтобы ты сделался благоразумным и не допускал таких слов; говорит о том, что сказал нечестивый, чтобы ты убегал нечестия. Притом не только должно не разрывать связи речи, но и приводить изречения Писаний в целости и ничего не прибавлять к ним.

Многие повторяют и некоторые другие места из Писаний, превратно толкуя их. Написано, говорят: если ты разжигаешься, то женись. Но нигде этого не написано таким образом; а как именно сказано, посмотри. **Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться** (1Кор.7:8,9). Разве не тоже самое, говорят, заключается в словах: если ты разжигаешься, то женись? Если бы даже тоже самое значили слова: если ты разжигаешься, то женись, – и тогда не следовало бы, отрывая их, искажать целое изречение Писания и передавать мысли Писания собственными словами; но здесь мы найдем и великое различие. Когда ты просто говоришь: если разжигаешься, то женись, тогда даешь позволение всем решившимся пребывать в девстве, в случае пробуждения похоти, нарушать завет с Богом, перебегать в брачное состояние и забывать прежний обет.

3. Но когда ты узнаешь, кому говорит это Павел, именно, не всем вообще, но тем, которые еще не дали обетов, тогда ты можешь уничтожить такое вредное и гибельное позволение. **Говорю**, говорить апостол, **безбрачным же и вдовам**, не давшим обет вдовства, но еще не решившимся ни на то, ни на другое, а находящимся в некотором среднем состоянии между тем и другим намерением. Например: если какая-нибудь жена лишилась мужа и еще не рассудила в самой себе и не решила, остаться ли ей во вдовстве, или вступить во второй брак, – такой, говорит он, я внушаю, что лучше оставаться так; если же она не может переносить этого бремени, то пусть вступает в брак; но те, которые уже определили себя и записались в звание вдовиц и заключили завет с Богом, уже не властны, говорит, вступать во второй брак. Потому пиша о них в послании к Тимофею, он говорит так: **молодых же вдовиц не принимай, ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак. Они подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру** (1Тим.5:11,12). Видишь ли, как здесь он укоряет и наказывает их и признает достойными суда и осуждения за то, что они нарушали завет с Богом и изменяли обету? Таким образом отсюда видно, что приведенное изречение относится не к давшим обет.

Потому должно не просто произносить его, но знать и те лица, к которым обращаются Писания.

Подобным образом повторяют другое изречение, не искажая состава его, но прибавляя к нему еще нечто не написанное. Такова злоба диавола, что он или прибавлением, или убавлением, или извращением, или перетолкованием предмета вводит пагубные мнения. Какое же это изречение? **Мое серебро**, говорит Бог, **и Мое золото**, и, кому хочу, дам его (Агг.2:8). Здесь одно сказано, а другое не сказано в Писании, но прибавлено отвне. Слова: **Мое серебро и Мое золото**, сказал пророк; а слов: и, кому хочу, дам его, – не находится, но они повторяются по невежеству многих. Какой же и от этого происходит вред? Многие злодеи, обманщики, развратники и такие люди, которые недостойны даже видеть это солнце, ни жить, ни дышать, наслаждаются великим благоденствием, извращая все, расхищая дома вдовиц, грабя сирот, обижая низших. Потому диавол, желая убедить людей, что всякое богатство происходит свыше и дается от Бога, дабы чрез это произнести великую хулу на Господа, взяв из Писания изречение: **Мое**

серебро и Мое золото, прибавил к нему другое, которого нет в Писании: и, кому хочу, дам его. Не так говорит пророк Аггей. Когда иудеи возвратились из земли иноплеменников и хотели восстановить храм и привести его в прежнее благолепие, но затруднялись, потому что были окружены врагами, находились в великой бедности и не видели ни откуда никакой помощи, – тогда пророк, желая возбудить в них добрые надежды и убедить, чтобы они не сомневались в окончании, говорит от лица Божия: **Мое серебро и Мое золото, слава сего последнего храма будет больше, нежели прежнего** (Агг.2:8-9).

Но, скажешь, как это относится к предмету? Отсюда следует, что не должно приводить изречения Писаний просто, не должно расстраивать последовательность и разрывать связь речи и, выхватывая изречения отдельно и без связи с последующими или предыдущими. Не безрассудно перетолковывать и извращать их. Подлинно не безрассудно ли – в судилище, рассуждая о предметах житейских, представлять все основания, указывать и на место, и на время, и на лица, и на причины, и на многое другое, а, когда у нас идет дело о жизни вечной, приводить места из Писаний просто и как случится? И царский закон никто не станет читать просто и как случится, но, если не скажет о времени, не укажет на законодателя, не произнесет его в подлиннике и в целости, то осуждается и подвергается крайнему наказанию; а мы, читая не человеческий закон, но принесенный свыше с небес, будем позволять такую беспечность, чтобы разрывать его члены и части? Достойно ли это какого-нибудь оправдания и прощения? Может быть, я чрезмерно распространил речь, но не напрасно, а для того, чтобы отклонить вас от дурной привычки. Не будем же тяготиться, пока не дойдем до конца; мы созданы не для того, чтобы только есть, пить и одеваться, а чтобы избегать порока и держаться добродетели, руководясь божественным любомудрием. А что действительно мы созданы не для того, чтобы есть и пить, но для других, гораздо высших и лучших целей, послушай самого Бога, Который представляет и причину, почему Он создал человека. Создавая его, Он сказал так: **сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему** (Быт.1:26).

4. Но мы уподобляемся Богу не тогда, когда едим, пьем и одеваемся, – потому что Бог ни ест, ни пьет, ни одевается, – а тогда, когда делаем правду, показываем человеколюбие, бываем добрыми и кроткими, оказываем милосердие к ближним, упражняемся во всякой добродетели. Есть и пить – это у нас общее с природою бессловесных и этим мы нисколько не лучше их. В чем же наше преимущество? В том, что мы созданы по образу и по подобию Божию. Итак, не будем тяготиться, беседуя о добродетели, но, предложив пророческое изречение, тщательно исследуем его и посмотрим, кто высказал его, о ком,

когда, кому, в каких обстоятельствах, и вообще разберем все, что может послужить к его объяснению. Высказал это пророк Иеремия, но не о себе, а молясь о других, об иудеях неблагодарных, бесчувственных, неисправимых, достойных осуждения и крайнего наказания, о которых Бог говорил ему: **ты же не проси за этот народ и не возноси за них молитвы и прошения, и не ходатайствуй предо Мною, ибо Я не услышу тебя** (Иер.7:16). Некоторые утверждают, что это сказано о Навуходоносоре. Когда этот иноплеменник вознамерился напасть на иудеев, уничтожить их город, взять их и отвести в плен, тогда пророк, желая убедить всех, что он овладеет городом не собственною силою и могуществом, но за их грехи, по попущению Бога, Который управляет войною и ведет его в свой город, сказал: **знаю, Господи, что не в воле**

человека путь его, что не во власти идущего давать направление стопам своим. Смысл слов его следующий: этот путь, по которому идет теперь неприятель, чтобы напасть на нас, не от него, и не от него зависит эта война и победа, но, если бы Ты не предал нас в руки его, то он не одолел бы нас, не победил бы. Потому, говорит, прошу и умоляю, – когда уже угодно Тебе, – совершить наказание не без меры: **наказывай меня, Господи, но по правде, не во гневе Твоем** (Иер.10:24). Но так как некоторые не соглашаются на это и утверждают, что здесь говорится не об иноплеменнике, а вообще о природе человеческой, то необходимо отвечать и им. Что же сказать им? То, что пророк молился за людей грешных, за которых молиться было часто запрещаемо; потому он наперед заставляет плакать сам город. Так как Бог постоянно говорил: **не молись о них**, то он наперед представляет город просящим о человеколюбии, чтобы отсюда получить некоторый предлог и справедливый повод к молитве за них пред Богом, обращает речь к городу и говорит: **горе мне в моем сокрушении; мучительна рана моя**; потом и тот говорит: **"подлинно, это моя скорбь, и я буду нести ее; шатер мой опустошен, и все веревки мои порваны; дети мои ушли от меня, и нет их: некому уже раскинуть шатра моего и развесить ковров моих, ибо пастыри сделались бессмысленными и не искали Господа, а потому они и поступали безрассудно, и все стадо их рассеяно". Несется слух: вот он идет, и большой шум от страны северной, чтобы города Иудеи**

сделать пустынею, жилищем шакалов (Иер.10:19-22). Далее, когда тот (т.е. город) оплакал собственное несчастье, он (пророк) говорит: **знаю, Господи, что не в воле человека путь его**. Что же? Вследствие плача, скажешь, он ввел пагубное мнение во вселенную, отнимая у нас свободу и утверждая, что дела не зависят от нас? Нет; и среди плача он вне такой опасности. Сказав: **не в воле человека путь его**, он не замолчал, но прибавил: **не во власти идущего давать направление стопам своим**. Смысл слов его следующий: не все зависит от нас, но иное – от нас, а иное – от Бога. Избирать лучшее, желать, стараться, предпринимать всякий труд, – это зависит от нашей воли; а доводить свои желания до конца, не допускать падений и достигать успеха в делах, – это зависит от вышней благодати. Бог разделил с нами добродетель, не все предоставил нам, чтобы мы не возгордились, и не все взял на Себя, чтобы мы не впали в беспечность, но, оставив немногое нашим трудам, большую часть совершает Сам. А что действительно, если бы все зависело от нас, тогда многие возгордились бы и предались бы высокомерию, послушаем, что говорил фарисей, в какую впал он гордость, как превозносился и ставил себя выше всей вселенной (Лк. 18:10-14). Потому Бог сделал, что не все зависит от нас, но предоставил нечто и нам, чтобы иметь благовидный повод справедливо увенчать нас. Тоже Он объяснил и тою притчею, в которой говорит, что господин, нашедши людей в одиннадцатый час, послал их работать в винограднике (Мф.20). Что могли они сделать в одиннадцатом часу? Но для Бога достаточно было и этого краткого времени, чтобы дать им полную награду.

А чтобы ты убедился, что пророк говорит истину и не отнимает у нас свободы, но любомудрствует здесь об окончании дел, выслушай дальнейшие слова его. Сказав: **не в воле человека путь его**, он тотчас прибавляет: **наказывай меня, Господи, но по правде, не во гневе Твоем**. Если бы совершенно ничто не зависело от нас, то напрасно он говорил бы: **наказывай меня, Господи, но по правде**.

5. В самом деле, что может быть несправедливее того, чтобы наказывались те, которые не властны в делах своих, и чтобы подвергались осуждению люди, которых путь и жизнь находятся не в их власти? Таким образом, когда он является молящим Бога о том, чтобы наказание их не было слишком жестоко, то выражает не что иное, как то, что они достойны осуждения и наказания; а это показывает не что иное, как свободу их воли. Если бы они не были властны в делах своих, то не нужно было бы и просить, чтобы они подверглись более легкому наказанию, и даже совершенно наказывать их; или, лучше, не нужна была бы и просьба, потому что Бог не имеет нужды в чьей-нибудь просьбе о том, чтобы Он не наказывал невинных. Но что я говорю: Бог, – когда не делает этого и человек благоразумный? Итак, когда пророк является просящим за иудеев, то очевидно, что он просит за грешников; а грех бывает тогда, когда мы, имея власть не преступать закона, преступаем его. Из всего этого видно, что наши добрые дела зависят и от нас и от Бога. Таково и следующее изречение: **помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего** (Римл.9:16). Для чего же, скажешь, мне и стремиться, для чего хотеть, если не все зависит от меня? Для того, чтобы хотением и стремлением привлечь помощь и благословение Божие, чтобы Он оказал содействие, простер Свою руку и довел до конца. А если ты оставишь это и перестанешь хотеть и стремиться, то и Бог не прострет Своей руки, но отступит и Он. Откуда это известно? Послушай, что говорит Он Иерусалиму: **сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст** (Мф.23:37,38). Видишь ли, как и Бог отступил за то, что они не хотели? Потому нам нужно и хотеть и стремиться, чтобы приобресть благоволение Божие. Это и пророк говорит, т.е., что успешное окончание дел зависит не от нас, а от помощи Божией, но избрание зависит от нас и от нашей воли. Итак, скажешь, если окончание дела зависит от помощи Божией, то я, не окончив дела, не должен подлежать никакому обвинению; когда я сделаю все с своей стороны, и покажу желание, и изберу, и приступлю к делу, но Тот, от Кого зависит окончание, не поможет мне и не прострет Своей руки, то я свободен от всякого осуждения. Нет, не так; быть не может, чтобы Бог оставил нас, когда мы хотим, избираем и решаемся. Если Он внушает и советует не желающим, чтобы они пожелали и захотели, то тем больше Он не оставляет решающихся. **Взгляните на древние роды**, говорит Премудрый, **и посмотрите: кто верил Господу – и был постыжен? или кто пребывал в страхе Его – и был оставлен? или кто взывал к Нему– и Он презрел его?** (Сирах.2:10). Также и Павел говорит: **надежда не постыжает** (Римл.5:5), т.е. упование на Бога. Невозможно, чтобы не достиг конца тот, кто надеется на Бога всею душою и исполняет все с своей стороны. И еще: **верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести** (1Кор.10:13). Потому и предлагает один мудрый муж такие увещания: **сын мой! если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению: управь сердце твое и будь тверд, и не смущайся во время посещения; прилепись к Нему и не отступай, дабы возвеличиться тебе напоследок** (Сир.2:1-3). И в другом месте предлагается увещание: **претерпевший же до конца спасется** (Мф.10:22). Все это – правила, законы и неизменные определения; в душе нашей должно быть твердо внедрено, что невозможно, чтобы кто-нибудь прилагающий старание, пекущийся о своем спасении и исполняющий все с своей стороны, был когда-нибудь оставлен Богом. Не слышишь ли, что говорит Господь Петру? **Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя** (Лк.22:

31,32). Когда Он видит, что бремя превышает наши силы, тогда простирает Свою руку и облегчает искушение; но когда видит, что мы, по собственной беспечности и лености, теряем собственное спасение и не хотим спастись, тогда Он отступает и оставляет нас, потому что Он не употребляет насилия и не принуждает, и как поступал в учении, так поступает и здесь. Как там нежелающих слушать и отходящих Он не принуждал и не заставлял, а внимательным разрешал неясное и притчи делал понятными, так точно и в делах: людей беспечных и нежелающих Он не принуждает и не заставляет, а добровольно решающихся привлекает с великою силою. Потому и Петр говорит: **истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему** (Деян.10:34,35). И пророк внушает тоже самое, когда говорит: **если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас** (Ис.1: 19,20). Итак, зная это, зная, что от нас зависит хотеть и стремиться, и что хотением и стремлением мы привлекаем к себе Бога на помощь, а привлекши Его, достигаем до конца дел, – восстанем, возлюбленные, и покажем всю ревность ко спасению нашей души, чтобы, потрудившись здесь малое время, в нескончаемой и бессмертной жизни достигнуть нам вечных благ, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Объяснение того, что неясность пророчеств о Христе, язычниках и отпадении иудеев – полезна

1. Сегодня хочу предложить вам пророческую трапезу и приготовляюсь вывесть слово в море мудрости Исаии. Но что будет со мною? Я недоумеваю и боюсь, чтобы, вышедши из пристани и вступив в глубину пророческих мыслей, мы не потерпели головокружения, какое испытывают неопытные мореплаватели. Те, когда покинут землю, по ту и другую сторону корабля увидят морскую бездну и ничего более кроме моря и неба, впадают в болезненное помрачение и думают, что корабль их кружится вместе с морем. Но такое головокружение происходит не от свойств моря, а от неопытности плавателей, потому что другие плаватели даже с обнаженным телом прямо бросаются в волны и не испытывают ничего подобного, но, погрузившись в самую глубину, пребывают там в большей безопасности, нежели в какой находящиеся на суше, и хотя соленая вода проникает и в уста их, и в глаза, и во все тело, они не беспокоятся. Таково благо – упражнение; таково зло – неопытность; так первое научает презирать и страшное, а последняя заставляет бояться и подозревать опасность и в безопасном. Одни, сидя на высоких скамьях корабля, испытывают головокружение и от одного зрелища моря, а другие не смущаются и среди самих волн. Тоже бывает и с нашею душою. И на нее часто нападают волны страстей, которые свирепее морских волн, как например буря гнева, ниспровергающая сердце, и ветры злой похоти, производящие в душе великое смятение. Когда начинается буря гнева, то неопытный и неискусный тотчас смущается, теряется, приходит в замешательство и оставляет душу утопать в страстях и подвергаться кораблекрушению; а опытный и научившийся мужественно переносить это, поставив свой разум над страстями, как бы кормчего при руле, не прежде перестает употреблять все усилия, как когда приведет ладью в спокойную пристань любомудрия. Что бывает на море и что происходит в душе, тоже случается и при изъяснении Писаний: неизбежно смущение и тревога, когда мы войдем в это море, не потому, чтобы самое море было страшно, но потому, что мы – пловцы неопытные. А что действительно речь, по свойству своему легкая, бывает трудною по неопытности слушателей, свидетелем этого представлю вам Павла. Он, сказав, что Христос был первосвященником по чину Мелхиседекову, и исследуя, кто этот Мелхиседек, присовокупил: **о сем надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать** (Евр.5:11). Что говоришь ты, блаженный Павел? Неужели оно неудобоизъяснимо для тебя, обладающего духовною мудростью, слышавшего

неизреченные глаголы, восхищенного до третьего неба? Если оно неудобоизъяснимо для тебя, то кому же оно понятно? Для меня, говорит, **трудно истолковать**, не по своей трудности, но по немощи слушателей. Потому, сказав: **трудно истолковать**, он присовокупил: **потому что вы сделались неспособны слушать**. Видишь ли, что не от свойств слова, но от неопытности слушателей нетрудное делалось трудным? И не только трудным, но и обширным краткое слово делается от той же причины; поэтому он и сказал, что оно не только **трудно истолковать**, но и **много**, указывая причину и обширности и трудности его в немощи слушателей. Как больным не надобно предлагать скудной и наскоро приготовленной трапезы, но нужно приготовлять разные кушанья; чтобы больной, если не захочет взять одного, взял другое, и если не понравится ему то, принял бы иное, и если отвергнет и это, взялся бы за прочее, и чтобы таким различием яств нам победить его недовольство и разнообразием трапезы уврачевать мрачное его настроение, так часто нужно поступать и в отношении к духовной пище. Когда мы немощны, то нужно приготовлять речь обширную и разнообразную, в которой были бы и сравнения, и примеры, и доказательства, и описания, и многое другое подобное, чтобы из всего этого нам легче было выбрать полезное. Впрочем, хотя апостолу предстояло слово и обширное и неудобоизъяснимое, он не лишил своих слушателей учения о Мелхиседеке, но, сказав слова: **надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать**, он возбудил их ревность, чтобы они сделались более усердными к слушанию, а, предложив трапезу, удовлетворил их желанию.

2. Так поступим и мы. Хотя море пророков беспредельно и много там пучин, однако с опасностью жизни пустимся в это море по мере наших сил; лучше же – по мере не наших сил, но дарованной нам свыше благодати; осмелимся войти в это море не по нашему дерзновению, но для вашей пользы, подражая и в этом Павлу. А что он не лишил их слова о Мелхиседеке, выслушай следующее. Сказав: **надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать**, он присовокупил: **ибо Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего, тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, которому и десятину отделил Авраам от всего, – во-первых, по знаменованию имени царь правды, а потом и царь Салима, то есть царь мира, без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда** (Евр.7:1-3). Не смутил ли слуха вашего Павел, беседуя о человеке и говоря: **без отца, без матери**? Но что я говорю: о человеке? Если бы это было говорено и о Христе, то и тогда не подало ли бы нам повода ко многим вопросам? Ведь, если он без отца, то как Он – сын? Если без отца, то как – Единородный? Сын должен иметь отца; иначе он не был бы сыном. Но Сын Божий и без отца, и без матери. Каким образом? Без отца – по земному рождению, без матери – по небесному, потому что ни на земле Он не имел отца, ни на, небе – матери. **Без родословия**. Пусть выслушают это те, которые производят исследования о существе Его. Некоторые думают, что слова: **без родословия** сказаны о небесном Его рождении. Впрочем одни из еретиков не допускают даже и этого, и о том рождении они производят разыскания и исследования; а другие, более скромные, соглашаются относить эти слова к тому рождению, но не думают, чтобы выражение: **без родословия** сказано было и о земном рождении. Докажем же, что Павел сказал это о том и другом рождении, – и о небесном, и о земном. Подлинно, и то изумительно, и это таинственно. Потому и Исаия говорит: **род Его кто изъяснит** (Ис.53:8)? Но это, говорят, сказано о том, о небесном рождении. Что же мы ответим Павлу, который сказал об обоих рождениях и потом уже присовокупил: **без родословия**? Сказав сначала: **без отца, без матери**, он потом прибавил: **без родословия**, чтобы ты уверовал, что Христос не имеет родословия не только по тому рождению, по которому Он – без матери, но и по тому, по которому Он – без отца, т.е. по земному. Поэтому апостол, упомянув о том и другом рождении, потом и сказал: **без родословия**. Ведь и это земное рождение Его непостижимо, для того, чтобы на

то мы не смели даже и взирать. Если преддверие храма так страшно и недоступно, то как покусится кто-нибудь войти во святилище? То, что Сын Божий родился от Отца, я знаю; но как – не знаю. То, что Он родился от Девы, я знаю; но образа рождения даже и здесь не постигаю. Рождение Его по тому и другому естеству исповедуется; но относительно образа того и другого рождения умолчано. И как здесь, в отношении к Деве, хотя я не знаю, как Он родился от Девы, однако исповедую, что Он родился, и не отвергаю самого события по незнанию способа рождения, так поступи и ты в отношении к Отцу: хотя ты и не знаешь, как Он родился, но исповедуй, что – родился. И если еретик будет говорить тебе: как Сын родился от Отца? – ты низведи мысль его на землю и скажи ему: сойди с небес и покажи, как Он родился от Девы, и тогда спрашивай о том. Удержи его, и обуздай, и не позволяй ему ни убежать, ни уклониться в лабиринт умозаключений, но удержи и порази не рукою, а словом, и не давай ему делать риторических различений и изворотов, каких он желает. Оттого еретики и приводят в смущение тех, с кем рассуждают, что мы следуем за ними, а не подводим их под законы божественных Писаний. Итак, окружи его со всех сторон стеною, – свидетельствами из Писаний, и он не в состоянии будет и уст открыть. Скажи ему: как (Христос) родился от Девы? – я не отступлю и не отстану. Он не мог бы выяснить способа этого рождения, хотя бы употреблял тысячи усилий, потому что, когда Бог заключит, кто отверзет? Такие дела приемлются только одною верою. Если же ты не удерживаешься, но требуешь умственных доказательств, то скажу тебе то, что Христос сказал Никодиму: **если Я сказал вам о земном, и вы не верите, – как поверите, если буду говорить вам о небесном** (Ин.3:12)? Я сказал о рождении от Девы, и ты не знаешь и не смеешь уст открыть; как же ты хочешь исследовать небо? Впрочем, о, если бы ты усиливался постигнуть (только) небо, а не Владыку небес! **Если Я сказал вам о земном, и вы не верите**. Не сказал: не убеждаетесь, но: **не верите**, показывая нам, что и земное требует веры. Если же земное требует веры, то гораздо более небесное. Между тем тогда Он беседовал с Никодимом о рождении гораздо меньшем, – именно речь была о крещении и духовном возрождении, – и однако говорил, что и это может быть принимаемо (только) верою. Земным же Он назвал это не потому, чтобы оно было земное, но потому, что оно совершается на земле и, в сравнении с небесным рождением, неизреченным и превосходящим всякий ум, оно земное. Итак, если невозможно знать, как я возрождаюсь от воды, но должно принимать это одною верою и не исследовать способа, то какое было бы безумие – усиливаться человеческими соображениями постигнуть небесное рождение Единородного Сына и требовать объяснений способа, каким совершилось это рождение?

3. Впрочем, уже достаточно показано, каким образом Единородный Сын Божий – без отца и без матери, и как Он не имеет родословия по тому и другому рождению; теперь возвратимся к своему предмету, отложив беседу о Мелхиседеке до другого дня, и усилим внимание, намереваясь слушать пророческие притчи. Пророческие изречения подобны притчам, много трудного в ветхом завете и неудобопонятны эти книги; а новый завет яснее и удобопонятнее. Почему же, скажешь, это так устроено, хотя в новом завете говорится о предметах более важных – о царстве небесном, о воскресении тел и о неизъяснимых благах, которые даже выше ума человеческого? Итак, какая причина того, что пророчества неясны? В них предсказывается иудеям много бедствий: и то, что они будут отвергнуты, а мы будем приняты, и то, что храм их будет разрушен и более уже не восстановится, а Иерусалим падет и будет доступен для всех, и то, что иудеи, сделавшись скитальцами, рассеются по всей вселенной и, лишившись города, не будут более иметь и древнего гражданского устройства, но все прежнее будет у них отнято – и пророчества, и жертвы, и священство, и царство. И не только об этом, но и о многом другом подобном предсказывали пророки, помещая в своих книгах множество прискорбных сказаний. Потому, чтобы иудеи, ясно услышав об этом в начале, не умертвили говоривших, эти прикрыли свои предсказания неудобовразумительностью и оставили события в великой

темноте, чтобы неясность сказанного доставила безопасность им – говорившим. А откуда это известно? Ведь мы должны представить и доказательства, хотя беседуем и среди друзей, потому что, может быть, здесь есть много и не из числа друзей. Пусть же и они узнают это, чтобы и они сделались друзьями. Я сказал, что, если бы иудеи услышали о бедствиях, которые имели постигнуть их, и о том, что Иерусалим будет разрушен за Христа и разрушен навсегда и безвозвратно, если бы они ясно услышали об этом от пророков, то тотчас умертвили бы говоривших об этом. Откуда же это известно? Прежде всего из самих нравов иудеев, – потому что они были неистовы и звероподобны. Это – народ, всегда жаждавший крови пророков; руки их навыкли к убиению святых. В этом укоряет их великий Илия, когда говорит: **Господи, разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили мечом** (3Цар.19:10). Также и Христос говорит: **Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе** (Мф.23:37). Согласно с этим и Исаия, обличая их, взывал: **ваши руки полны крови** (Ис.1:15). И в свою очередь Христос говорил: **вы сыновья тех, которые избили пророков**, и **строите гробницы пророкам: дополняйте же меру отцов ваших** (Мф.23: 29-32). Видишь, как и Господь, и рабы свидетельствуют о склонности иудеев к убийству? Что же значит: **дополняйте же меру отцов ваших**? Убейте, говорит, и Меня; прибавьте к крови рабов и убиение Господа. Хотя они убили множество людей, но все это были подобные им рабы; когда же простерли руки на Владыку, мера исполнилась, – и справедливо. Пока они не умертвили Господа, то еще имели надежду на спасение и могли ожидать, что Агнец Божий придет и вземлет грех мира; но когда убили врача, попрали самую жертву умилостивительную и отвратились от пришедшего отпустить грехи, тогда уже потеряли всякую надежду. Потому Он и говорит: **дополняйте же меру отцов ваших**. Так, скажешь, многими свидетельствами доказано, что они убийцы и нечестивцы; но откуда видно, что они не пощадили бы пророков, если бы услышали, что Иерусалим будет разрушен, что закон прекратится, что ветхий завет отменится? Хотя это весьма ясно и из сказанного, но я представлю еще более очевидное доказательство из самих Писаний. Если когда они слышали пророка, который говорил, что Иерусалим подвергнется временному разрушению, то, вместо того, чтобы раскаяться и отклонить от себя гнев Божий, они изливали ярость свою на такого пророка. А что это правда, выслушайте сами истории. Некогда персы осаждали их город, и войско иноплеменников окружало его; опасность не была неизвестною, но город Иерусалим находился тогда уже среди сети, так как враги все были вооружены и стояли кругом; однако, не смотря на столь явную опасность, когда Иеремия пришел и сказал им, что город будет предан в руки халдеев, и тогда как это не было даже пророчеством – потому что они собственными глазами видели имевшее случиться, – тогда как он сказал явное и очевидное, эти нечестивые, бесчувственные и неблагодарные к благодетелям пришли в такое неистовство, что сочли его за предателя и губителя города, и сказали, что он **ослабляет руки воинов, которые остаются в этом городе, и руки всего народа, говоря к ним такие слова** (Иер.38:4). Между тем он ободрял, возбуждал в них ревность и обращал к Богу, ограждая их несокрушимою и непреодолимою стеною. Но они, не подумав ни о чем этом, требовали его смерти. И такие награды всегда воздавали они своим благодетелям. И хотя царь простил, они не перестали неистовствовать, но, не имея власти умертвить пророка, ввергли его в грязный ров.

4. Если же они не выносили известия о временном пленении, то как выслушали бы предсказание о всегдашнем рабстве? Если когда Иеремия сказал: вы будете отведены в Вавилон, они не могли терпеливо слышать это, но наказали говорившего, то, когда бы услышали от пророков: не в Вавилон вы будете отведены, а будете рассеяны по всей вселенной и уже впредь не возвратитесь, – не выпили ли бы они даже и кровь говорящих? Если же и это еще кажется догадкою, то я представлю вам ясное доказательство, что не безопасно было говорить им о будущем, т.е., о нашей чести и об их отпадении. За что, скажи мне, побили камнями Стефана – начаток мучеников? Не это ли они поставляли ему

в вину и не говорили ли: **мы слышали, как он говорил хульные слова на Моисея и на Бога**? Он сказал, говорили, **что Иисус Назорей разрушит место сие и переменит обычаи, которые передал нам Моисей** (Деян.6: 11-14), – и за то побили его камнями. Если же тогда они не могли терпеливо слышать этого, когда уже обстоятельства удостоверяли их в том, то как они стерпели бы пророков, предсказывавших об этом? Ты слышал, возлюбленный, что за слова о храме и изменении обычаев они побили камнями Стефана, – послушай, как тоже они поставляли в вину и Христу. **Он**, говорили они, **говорил: могу разрушить храм Божий и в три дня создать его** (Мф.26:61; Ин.2:19). Видишь ли, как всегда разрушение храма и изменение обычаев возбуждало в них гнев? Потому пророки, хотя говорили об этом, но не говорили ясно. За то они хотели убить и Павла, что он убеждал их переменить обычаи. Откуда это известно? **Видишь, брат**, говорили ему, **а о тебе наслышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея** (Деян.21:20,21). Верующие не могли терпеливо слушать учение об отступлении закона: как же еще не уверовавшие могли бы терпеливо слышать, что закон прекратится? Таким образом то, что иудеи умертвили бы пророков, если бы они ясно предсказали что-нибудь подобное, мы доказали свидетельствами и блаженного Иеремии, и первомученика Стефана, самого Христа и апостола Павла. Всем они ставили в вину одно и то же, и за это умерщвляли их. А что они сожгли бы и сами книги пророческие, если бы знали говоримое в них, и это я постараюсь доказать одним историческим событием, которое сокровенно для вас, но тотчас будет весьма ясно, потому что так я постараюсь изложить его. Какое же это событие, – послушайте.

В четвертый год Иоакима, сына Иосии, царя Иудейского, было такое слово к Иеремии от Господа: возьми себе книжный свиток и напиши в нем все слова, которые Я говорил тебе об Израиле и об Иуде и о всех народах с того дня, как Я начал говорить тебе, от дней Иосии до сего дня (Иер.36:1,2), т.е., все бедствия, которые Я думаю причинить им. Посмотри, как человеколюбив и попечителен Бог. Так как они не хотели терпеливо слушать (Моих угроз) по частям, то собери, говорит, все это и увеличь страх, чтобы хотя таким образом они исправились. Припомните обещание: мы предположили доказать, что они истребили бы и сами книги, если бы сознавали все, что сбылось ныне. **Может быть, дом Иудин услышит о всех бедствиях**, – ведь надобно держаться истории, – **какие Я помышляю сделать им, чтобы они обратились каждый от злого пути своего** (Иер.36:3). **Может быть** – говорит Бог. Неужели, скажи мне, Он не знает будущего? Разве не знал, послушают ли они, Тот, Кто знает все прежде бытия, испытывает сердца и утробы, судит желания и помышления, пред очами Которого все обнажено и открыто? Почему же он говорил: **может быть, дом Иудин услышит**? И это нужно вам знать ради тех, которые обвиняют Единородного в незнании. Вот и Отец употребляет выражения, свойственные незнающему, – потому что слово: **может быть** свойственно незнающему; между тем Он не знает. Поэтому, когда ты услышишь и Сына говорящего что-нибудь подобное, то разумей в том же смысле, потому что, как Сын, Он во всем подражает Отцу.

Но отложим до времени эти споры, чтобы нам не уклониться от настоящего предмета; теперь же скажем: для чего Он говорит: **может быть услышит**? Если бы он сказал, что они послушают, без **может быть**, то это было бы ложно, потому что они не хотели послушать. Если же Он сказал бы правду, что они не послушают, то напрасно и посылал бы пророка к тем, которые не послушают. И не поэтому только, но и для того, чтобы предведение Его не было сочтено какою-либо необходимою причиною непослушания, употребил Он неопределенные выражения, чтобы кто-нибудь не сказал: Бог предрек, и непременно так должно было исполниться, как говорят и об Иуде. Господь предсказал, говорят, что он будет предателем, и потому он сделался предателем. О, безумие! О,

бесстыдство! Нет, человек, не предведение Божие бывает причиною зла,– да не будет, – оно не бывает необходимою причиною имеющего случиться, но есть только предведение. Не потому Иуда сделался предателем, что Христос предсказал об этом, но потому Христос и предсказал, что он имел стать предателем. Потому и здесь, чтобы не говорили, будто Бог, сказав, что они не послушают, заградил им путь к покаянию, Он предварительно отклонил этот предлог их и сказал пророку: **может быть**.

5. Припомните обещание; я для того часто напоминаю вам об этом, чтобы вы, между тем как я говорю о соприкосновенных предметах, не забыли предложенного нами в начале главного предмета. Какой же был этот предмет? Тот, что если бы иудеи знали, что с ними случатся постигшие их бедствия, т.е., те бедствия, которые терпят они теперь, то истребили бы сами книги и не пощадили бы даже и божественных Писаний. Но возвратимся к истории. Иеремия, выслушав это, призывает ученика своего Варуха, сына Ириина, и говорит ему: впиши в книгу все, имеющие постигнуть их, бедствия (Иер. 36:4). Что это значит? Бог повелел тебе, а ты посылаешь ученика? Не робеешь ли ты? Не беспокоишься ли? Не боишься ли? Если ты боишься, то как осмелится ученик? Но ничего такого не было, здесь же приводится и причина. Сказав: напиши и прочитай, Иеремия прибавил: потому что я содержусь в темнице (Иер.36:4,5). О, великодушие! Он был в темнице и не оставлял пророчества! Обратим внимание на мужество праведника и любомудрие души его. Он не сказал себе: столько огорчений постигло меня за эти смелые речи. Бесчисленное множество слов истратил я и не имел никакого успеха, и не приобрел себе ничего, кроме того только, что меня заключили в узы, и еще не избавил меня Бог от этих уз, как опять посылает меня к тем же зверям. Ничего такого он не сказал и даже не подумал, но имел в виду только одно, как бы исполнить повеление Владычне; и так как сам не мог, то исполнил его чрез ученика. Говорит: прочти им и объяви все бедствия, потому что **я заключен**. Таким образом говорил Иеремия, а писал в книге Варух. Было время поста, когда происходило это наступал праздник, призывавший всех в столицу; следовало быть общему собранию, так как о необходимых предметах надлежало рассуждать в собрании. Варух пришел к начальникам и прочитал в слух начальников **написанные в свитке слова Иеремии в доме Господнем**; сказал и причину: **может быть**, говорит, **они вознесут смиренное моление пред лице Господа** (Иер.36:7,16), – чтобы они не подумали, что он говорил, как обвинитель, но, узнав, что он пришел уврачевать их, сделались более кроткими. Что же они? Тогда как следовало изъявить благодарность, похвалить и подивиться, они ничего такого не сделали, но пошли и донесли царю о написанном в книге, а книгу положили в доме Елисама. **Царь**, говорит Иеремия, **послал Иегудия**, одного из предстоявших ему, приказал принести книгу. **Царь в то время, в девятом месяце, сидел в зимнем доме**, т.е., в ноябре. Называет его девятым, считая от марта; это надобно знать в точности потому, что если бы он считал с сентября, то не могла бы тогда быть зима. Для чего же и об этом присоединено? Это ясно узнаешь из последующего. **И перед ним горела жаровня**; горячие, говорит, уголья были, потому что было холодно. Видите ли, как ничто не опускается в божественном Писании? И огненные горящие уголья были пред ним; и вельможи стояли около него. Принесена была книга, исполненная предсказаний о бесчисленных благах (потому что предсказание о бедствиях было избавлением от бедствий), и была читана. Припомните, прошу вас, обещание. **Когда Иегудий прочитывал три или четыре столбца, царь отрезывал их писцовым ножичком и бросал на огонь в жаровне, доколе не уничтожен был весь свиток на огне, который был в жаровне** (Иер.36:23). Видишь ли, как они не щадят даже и книг? Как не воздерживаются даже и пред божественными Писаниями? Так как в книге говорилось о пленении Иерусалима, то он изрезал ее, и, не нашедши пророка, излил свой гнев на книгу. А кто так неистовствует против неодушевленных вещей, тот чего не сделал бы, если бы нашел одаренного душою? Как дикие звери, поймав сражающихся с ними, – после того, как эти убегут, оставив в устах зверей свои кожаные одежды, – терзают сами

кожи, чтобы удовлетворить своему гневу, так точно поступил и царь. Не нашел он того, кому принадлежал свиток, и изрезал самый свиток, и не только изрезал, но и бросил в **огонь в жаровне**, чтобы не осталось и следов тех письмен. Но еще не всю узнали вы ярость его; вполне же узнаете ее, если тщательно вникнете в повествование. Не сказано, что он прочитал всю книгу и затем сжег; но: **прочитывал три или четыре столбца, царь отрезывал их писцовым ножичком и бросал на огонь**. Не дождался даже и окончания чтения, но в самом начале тотчас ожесточился. Потому не безопасно было для пророков ясно предсказывать иудеям все будущие бедствия. Если царь не мог терпеливо слушать о временном плене, то как он перенес бы, узнав о плене постоянном? Но и на этом он не остановился, а послал, говорится, везде искать пророка; однако, не нашел его, потому что Бог скрыл его. Этого Бог прикрыл тогда местом, а прочих пророков – неясностью их сказаний.

6. И не из этого только нам будет видно, что говорит иудеям о будущей чести и славе язычников и об ожидающем их самих бесчестии было делом слишком смелым и свойственным душе, явно бросающейся на опасность, – но и из слов Павла. Он, видя одного из пророков, открывшего кое-что немногое из этих пророчеств и сказавшего яснее остальных как о наших благах, так и о бедствиях иудеев, изумился и удивился его смелости, и сказал так: **а Исаия смело говорит: Меня нашли не искавшие Меня; Я открылся не вопрошавшим о Мне** (Рим.10:20). **Я открылся не вопрошавшим обо Мне; Меня нашли не искавшие Меня. "Вот Я! вот Я!" говорил Я народу, не именовавшемуся именем Моим** (Ис.65:1). А если бы предсказание не сопряжено было с опасностью, то для чего Павел сказал: **а Исаия смело говорит: Меня нашли не искавшие Меня**? Это, поистине, величайшее обвинение против иудеев. Не искавшие нашли, а искавшие не получили; не слышавшие уверовали, а слышавшие распяли (Христа). Потому он и назвал Исаию смелым. Действительно, величайшею было смелостью – стать среди обличаемых и произносить обличения без пощады, явно в пророчестве своем лишая их чести, а другим предоставляя подобавшую тем славу. Судилище слушателей его все состояло из его обвинителей; а при враждебных судьях, кто может избежать опасности? Потому апостол и говорит: **а Исаия смело говорит**.

Впрочем я хочу доказать вам это еще яснее. В Писаниях неясно сказано об иудеях и об нас для того, чтобы иудеи прежде времени не поняли говоримого. Свидетелем и этого я представляю велегласнейшего Павла, говорившего свыше, трубу небесную, сосуд избранный, друга Жениха – Христа. **Я обручил вас единому мужу**, говорит он, **чтобы представить Христу чистою девою** (2Кор.11:2). Такого представляю вам свидетеля, ясно утверждающего, что именно для этого в ветхозаветном Писании прикрыто нечто, но не все. Если бы всему надлежало быть неясным, то напрасно было бы и возвещать тогдашним людям. Но в пророчествах говорится и о временных тогдашних войнах, моровых язвах, голоде; говорится и о том, что происходит ныне, о призвании Церкви, отвержении синагоги, отменении закона. Богу угодно было, чтобы о последнем иудеи не знали; а о первом, происходившем в их времена, знали. Это самое я и постараюсь доказать, т.е., что Бог оставил неясным только обстоятельства, касающиеся нас и синагоги, со- бытия настоящие и отменение закона; этого им не следовало знать с тогдашнего времени. Если бы они сначала знали, что закон дан на время, то конечно презрели бы его; для того-то Бог и сделал его прикровенным. А что не всякое пророчество было неясным, но только эта часть была прикрыта, послушай Павла, который ясно показывает нам то и другое, т.е., что закон был прикровен, и только в этой части. В послании к Коринфянам он говорит так: **имея такую надежду, мы действуем с великим дерзновением, а не так, как Моисей, который полагал покрывало на лице свое, чтобы сыны Израилевы не взирали на конец преходящего. Но умы их ослеплены: ибо то же самое покрывало доныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета,**

потому что оно снимается Христом (2Кор.3: 12-14). Слова эти, может быть, неясны; потому нужно пояснить их, напомнив вам саму историю. Когда Моисей, приняв на горе скрижали, намеревался сойти оттуда, то от святого лица его воссияла такая неизреченная и дивная слава, что никто из народа не мог подходить к нему и беседовать с ним. Потому, чтобы не быть совершенно недоступным для народа, он налагал на лицо свое покрывало и таким образом доставлял иудеям возможность безбоязненно обращаться с ним. Он имел это покрывало, беседуя с народом, а обращаясь к Богу, опять снимал его. Это происходило как для того, чтобы законодатель приобрел доверие от тех, которые имели получить приносимый им закон, так вместе с тем и для того, чтобы в нем предначертан был образ истины и преднаписана была причина домостроительства Христова. Так как некоторые имели сказать: почему Христос пришел не с обнаженным Божеством, но облекся плотию? – то задолго прежде посредством лица раба были предупреждены все такие возражения. Если славу раба, впоследствии времени приданную ему, иудеи не в силах были видеть, то как могли бы они потом смотреть на обнаженное Божество?

7. И не только на это указывает нам Моисеево покрывало, но и на то, что и иудеи испытывают тоже в отношении к закону, что испытывали они тогда в отношении к лицу Моисея. Как не созерцали они славы лица законодателя от того, что препятствовала лежавшая завеса, так не могут они теперь видеть и славу закона. Это нужно нам и против еретиков. Подумав, что сказанное служит к осуждению закона, они ухватились за это место послания; услышав, что закон имеет покрывало и что он престает, и приняв это за порицание, они оставили Писания, чтобы водиться собственными умствованиями. Между тем это самое и свидетельствует о величии закона. Как тогда не служило к осуждению Моисея то, что он имел покрывало на лице, а показывало слабость иудеев, для Моисея же было даже величайшею похвалою, когда лицо его блистало такою славою, что ему нужна была завеса для подобных ему рабов, так – случилось и с законом. Если бы закон не имел неприступной славы, то не было бы нужды и в покрывале. Потому, когда апостол говорит, что **покрывало доныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета**, то выражает его неясность. Когда же говорит: **потому что оно снимается Христом**, то указывает нам на ту часть закона, которая неясна. Та часть закона, которая учила нас жизни и поведению, не была неясна, – иначе он был бы дан напрасно, – а только те части его были прикровенны, из которых мы могли узнать, что закон чрез Христа упраздняется. Подлинно, и это было делом премудрости Божией – ввести закон, говорящий о себе самом, что Христос, пришедши, упразднить его, и что во Христе он прекратится. Итак, та часть закона, которая говорит, что во Христе закон прекратится, – эта только и неясна. И это самое выясняя, великий Павел прибавил: **доныне остается неснятым, потому что оно снимается Христом**. Чтобы ты, услышав, что **то же самое покрывало доныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета**, не подумал, будто весь он неясен и прикровен, апостол этим прибавлением исправляет такое недоумение. Сказав: **покрывало доныне остается неснятым**, он присовокупил: **потому что оно снимается Христом**. То самое, говорит он, не открыто, что имело упразднiться во Христе; впрочем, не открыто для тех, кто не приступил к вере; а приступивший и получивший благодать Святого Духа видит закон уже не под покрывалом, но созерцает открытую его славу. Слава же закона состоит в том, что он мог научить, что во Христе он упраздняется, чтобы ты знал и это. Видишь ли славу закона? Истинная слава его в том, когда он может руководить тебя ко Христу, а руководит он тогда, когда разъясняет, что сам он упразднится. Следовательно, и отсюда наносится еретикам смертельная рана. Если бы закон был противен и враждебен Христу и не Им дан, то Павлу не следовало бы назвать славою закона то, что он может научить приступающих к нему, что чрез Христа он упраздняется. С другой стороны, если бы закон был худ, то не следовало бы снимать с него покрывало, но надлежало бы оставаться ему прикровенным и после благодати. Если благодать делает приступающих к ней более проницательными в деле разумения закона, так что отсюда они получают

начала и все побуждения к вере во Христа, то какое кто-либо мог бы привести лучшее доказательство сродства закона с благодатию, как не то, что Христос открывает очи приступающих к Нему, чтобы они могли видеть руководство закона, а закон, открывшись и сделавшись ясным, возможет с большою легкостью руководить разумеющих дела Христовы? Так, это показывает, что ни Христос не враждует против закона, ни закон против Иисуса, но совсем напротив: закон предуготовляет людей к этому великому любомудрию, а Христос принимает их оттуда и возводит на верх совершенства. За все это возблагодарим человеколюбивого Бога, устрояющего все в надлежащее время и многоразлично соделывающего наше спасение, и будем посильно вести жизнь, достойную Его человеколюбия и такого промышления, чтобы нам получить и будущие блага, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, честь, держава, во веки веков. Аминь.

Еще о неясности

Ветхого Завета, и о человеколюбии Божиим,

и о том, что не должно осуждать друг друга

1. Радуется пастух, когда видит стадо волов своих здоровым и тучным; радуется и земледелец, когда видит нивы свои цветущими; но не так радуется земледелец на нивы, и пастух на волов, как я радуюсь теперь и восхищаюсь, взирая на это прекрасное гумно, наполненное этими духовными снопами. Когда слово благочестия сеется в столь многих и таких слушателях, то необходимо должны скоро произрасти обильные и зрелые колосья послушания. Когда кто-либо проводит борозды в глубокой и тучной почве, то он, хотя бы и не щедрою рукою бросал семена, получит обильные плоды, потому что свойство местности собственною силою восполняет скудость семян. Так точно и тот, кто сеет в души послушные и исполненные благочестия, хотя бы бросал скудные семена учения, увидит богатую жатву, потому что мудрость слушателей прикрывает скудость говорящего. Тоже бывает и в рыбной ловле. Хотя бы рыболовы были и неопытны, но, если они закидывают сети в залив, богатый рыбою, то легко извлекают добычу, потому что множество стекшейся рыбы прикрывает их неопытность. Если же в такой ловле множество имеющих быть уловленными часто вознаграждает неопытность ловца, то тем более так случится в этой ловле духовной. Те рыбы, как скоро увидят закидываемые сети, тотчас отклоняются и отбегают; а вы поступаете напротив: когда увидите вставшего и распростершего невод учения, то не только не уклоняетесь и не убегаете, но идете далее внутрь, стекаясь со всех сторон, и каждый, толкая и тесня ближнего, старается сам первым подойти и попасть в сеть. Поэтому мы никогда не извлекали невода пустым, не по причине нашей опытности, а – вашего усердия. Итак, довольно услаждал нас и прежде язык, источающий неподдельное и чистое золото и имеющий источники меда на устах, или лучше, сладостью духовного учения превосходящий приятность всякого сота, – разумею язык блаженного Павла.

Но так как вы, по свойственному вам любомудрию, не уничижаете и того, что есть у меня, бедного и скудного, а удивляясь превосходнейшему, приходите слушать слова и нашей скудости, то я и вышел с усердием отдать вам долг, который я обещал прежде, но не выполнил, потому что обширность учения воспрепятствовала нам дойти до конца. Какой же это долг? Необходимо напомнить вам о начале займа, чтобы, зная предмет, яснее, было вам исследование его. Мы исследовали тогда, почему Ветхий Завет темнее Нового, – вы, конечно, помните это, – и высказали только одну причину – грубость слушателей, и привели во свидетели Павла, который говорит: **ибо то же самое покрывало доныне**

остается неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом (2Кор.3:14). Мы показали, что как законодатель Моисей имел покрывало, так и закон имел покрывало – неясность; но это покрывало не служило ни к укоризне законодателя, ни к осуждению закона, а обличало немощь слушателей, потому что Моисей имел покрывало не для себя, а для тех, которые не могли выносить славы лица его, когда же он обращался к Господу, тогда снимал с себя покрывало. Так и закон, еще не будучи в состоянии преподать учения совершенного и исполненного любомудрием, учения о Христе и Новом Завете, – все то заключалось в ветхозаветном Писании как бы в сокровищнице, – имел покрывало, снисходя к иудеям, а для нас соблюдая все богатство, чтобы это покрывало было снято, когда придет Христос и мы к Нему обратимся. Итак, видите, до какого достоинства довело нас пришествие Христово, – возвело на степень Моисея. Но, может быть, кто-нибудь скажет: для чего же тогда и возвещаемо было то, что не могло быть для них ясным? Для того, чтобы оно принесло пользу людям последующим. Достоинство пророчества состоит не в том, чтобы возвещать о настоящих событиях, но чтобы предсказывать будущие. Когда пророчество высказывается прикровенно, то по исполнении события становится более ясным, а до исполнения – отнюдь нет. Таким образом, будучи высказано прикровенно, оно было темно, а когда события исполнились, то сказанное сделалось более ясным. А чтоб вы убедились, что пророчество, высказываемое хотя бы и за долгое время, но высказываемое прикровенно, бывает неясным в ожидании исполнения событий, я покажу вам это из примера самих учеников (Христовых). **Разрушьте храм сей**, говорил Христос иудеям (Ин.2:19). Именно, когда Он изгонял осквернявших храм торговлею, то они говорили: **каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать?** На это он отвечал: **разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его**. **А Он говорил о храме тела Своего** (Ин.2:21). Это было некоторым пророчеством, потому что еще не было ни креста, ни разрушения церкви, ни тридневного воскресения, которое Он сам совершил. И посмотри, с какою точностью выразил Он то и другое, – и дерзость иудеев, и собственную свою силу. Но, однако, они не поняли говоримого. И вовсе не удивительно, что не поняли иудеи, когда даже ученики Его, как говорит Писание, не поняли, пока Он не воскрес из мертвых; а тогда **поверили Писанию и слову, которое сказал Иисус** (Ин.2:22).

2. Видишь ли, что они имели нужду в исполнении событий, чтобы пророчество сделалось ясным, и что иудеи не были виновны, не понимая тех пророчеств о Христе до пришествия Христова, потому что с пришествием Его пророчества имели сделаться понятными и ясными. Послушай, что говорит Сам Христос: **если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха** (Ин.15:22). Почему не имели бы греха, когда пророчества предвозвещали? Потому, что хотя и предвозвещали, но до пришествия Того, о Ком предсказывалось, не были ясными и понятными. Если бы и тогда пророчества были ясными и понятными для иудеев, то очевидно, что и до пришествия Его они имели бы грех;. если же они не имели греха, то очевидно по неясности и прикровенности того, что говорилось. Притом до пришествия Христова от них и не требовалась вера во Христа. Для чего же предсказываемо было тогда? Для того, чтобы, когда Он придет, они имели домашних учителей, которые руководили бы их, и знали, что эти события не новость и это домостроительство не недавнее, но что о нем предвозвещено было издавна, за долгое время; а это не мало могло привлекать их к вере. Итак, вот одна причина неясности (пророчеств), которую мы подтвердили и многими свидетельствами в прежней беседе. Но, чтобы не наскучить вам, говоря опять одно и тоже, нужно оставить ее и сказать о другой причине, которая делает Ветхий Завет не темным и не непонятным, а более трудным для нас, – ведь иное дело – вовсе не понимать ничего из предлагаемого и видеть лежащее покрывало, а иное – постигать говоримое, но только постигать с трудом.

Итак, в чем состоит вторая причина, по которой Ветхий Завет труднее Нового? Ветхий Завет, который мы имеем, написан не на нашем природном наречии: он написан на одном языке, а мы читаем его на другом; вначале он был написан на языке еврейском, а мы приняли его на языке греческом. Но когда с одного языка переводят на другой, тогда встречают много трудностей. Сведущие во многих языках хорошо знают, до какой степени не возможно передавать со всею ясностью речь природного своего языка при переводе на другой язык. Это и было причиною трудности Ветхого Завета. Еще за триста лет до пришествия Христова, при египетском царе Птоломее, Ветхий Завет был переведен на греческий язык; и это было весьма полезно и необходимо. Пока он относился к одному народу еврейскому, дотоле оставался на еврейском языке, потому что никто другой не стал бы тогда внимать ему, так как остальная часть рода человеческого находилась в крайней грубости. Когда же должен был явиться Христос и призвать к Себе всю вселенную не только чрез апостолов, но и чрез пророков, – ведь и они руководят нас к вере и познанию Христа, – тогда наконец пророчества, как бы некоторые входы и пути, прежде загражденные неясностью языка, Бог сделал открытыми со всех сторон посредством перевода, чтобы все, стекаясь отовсюду из среды язычников и с великим удобством проходя этими путями, могли по ним придти к Царю пророков и поклониться Единородному Сыну Божию. Потому еще до времени пришествия Христова все они были переведены; если бы они оставались только на еврейском наречии, а между тем Давид говорил бы: **проси у Меня, и дам Тебе народы в наследие Твое и концы земли во владение Твое** (Пс.2:8), то как мог бы узнать говоримое сириянин, или галатиец, или македонянин, или афинянин, при неясности Писания? Также, – когда Исаия взывал: **как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен** (Ис.53:7); и еще: **к корню Иессееву, который станет, как знамя для народов, обратятся язычники, – и покой его будет слава** (Ис.11:10); и еще: **земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море** (Ис.11:9). Также, – когда Давид опять говорил: **все народы, восплещите руками, воскликните Богу гласом радости** (Пс.46:6); и еще: **сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих** (Пс.109:1).

3. Потому, так как в Ветхом Завете предсказано и о страдании, и о воскресении, и о вознесении, и о сидении одесную, и о втором пришествии Христовом, и обо всем том вообще, что содержится в Новом Завете, то чтобы это не осталось неизвестным для последующих народов и чтобы они не были в неведении о силе пророчества, благодать Божия еще до пришествия Христова предуготовила перевод Писаний и сделала их полезными не только обратившимся из язычников, но и тем иудеям, которые были рассеяны по всей вселенной и уже не употребляли еврейского языка. Таким образом вот уверовал и язычник, взирая на знамения иудеев. В свою очередь, как могли бы апостолы обратить и иудея, если бы не представили ему домашнего учителя-пророка? Если Павел, пришедши в Афины, имел нужду в надписи, начертанной на жертвеннике, и из ней извлек поучение афинянам, надеясь легче побудить их собственным их оружием, что и случилось, то тем более, беседуя с иудеями, он имел нужду в помощи со стороны пророков, чтобы те не обвиняли его, будто он предлагал слуху их нечто новое и странное. Но почему, скажешь, не быть бы одному языку, чтобы мы не встречали никакого затруднения? Да, человек, был в древности один язык, и как одна у людей природа, так был один у всех и язык. В начале не было иноязычного, не было разноречивого, не было ни индийца, ни фракиянина, ни скифа, но все говорили одним языком. Какая же, скажешь, была причина (различия языков)? Мы, всегда непризнательные к Благодетелю, оказались недостойными этого одного языка. Что говоришь ты? Оказались недостойными языка? И животные бессловесные все имеют свой собственный язык; овцы блеют, козы блеют, бык мычит, конь ржет, лев рыкает, волк воет, дракон свистит; каждое из бессловесных сохранило собственный свой звук, а я один лишился своего языка? Дикие и кроткие,

ручные и неукротимые животные остались каждое при своем, в начале доставшемся им языке, а я, владыка их, лишен этой чести? Их честь неизменна, а я лишился даров Божиих? Какой, столь великий, совершил я грех? Ужели не довольно было прежних наказаний? Бог дал мне рай, – и изгнал меня из рая; я вел жизнь свободную от скорбей и трудов, – Он осудил меня на пот и изнурение; земля доставляла мне все без посева и без плуга, – Он повелел ей произращать терние и волчцы, и меня обратил опять в нее; Он наказал меня смертью, и женский пол в наказание подверг болезням рождения и трудам. Не довольно было этих наказаний, – Он отнял у меня язык, лишил меня и этой чести, чтобы я отвращался от единоплеменных и единородных, как от диких зверей, отделяясь языком от общения с ними. Я распространил это возражение для того, чтобы, когда приведу разрешение, победа была тем блистательнее. Если Бог хотел, скажешь, лишить меня всего этого, то для чего и давал мне это в начале? Хотите ли, я извлеку отсюда же и разрешение, – из этого самого возражения? Так много оправданий для Бога, что и самого возражения противника, без всякого прибавления с нашей стороны, достаточно для опровержения обвинений. Если он хотел лишить меня всего этого, то для чего и давал мне это в начале? И я скажу тоже самое: если Он хотел лишить тебя всего этого, то для чего и давал? Значит, Он потому дал тебе это в начале, что не хотел отнимать у тебя. Что же вышло? Не Бог отнял у тебя, а ты сам потерял данное тебе. Удивляйся же Его человеколюбию, по которому Он даровал, и обвиняй самого себя за легкомыслие, по которому ты не сохранил дара. Таким образом очевидно, что не тот виноват, кто вручил залог; а тот подлежит обвинению, кто утратил залог. Бог доказал, что Он любил, был человеколюбив и хотел одарить, тогда как никто не принуждал Его и не заставлял, – не по удивлению к заслугам твоим, и не имея надобности воздавать тебе за какие-нибудь труды, но тотчас по сотворении тебя, тотчас Он дал тебе это преимущество, чтобы показать, что этот дар был не воздаянием за заслугу, но одною только благодатию. Если же ты не сохранил данного, то обвиняй самого себя, а не Того, Кто дал тебе дар.

Но разве это только можем мы сказать за Владыку? Достаточно, конечно, и этого оправдания; но бесконечная Его благость и неизреченное человеколюбие представляет нам множество и других оправданий. Не то одно можно сказать, что Он даровал, а ты потерял, хотя даровавший и таким образом освобождается от обвинений, или, лучше сказать, еще достоин величайшего удивления за то, что, и предвидя, как ты потеряешь, не лишил тебя дара; но я могу сказать и другое, гораздо большее. Что же такое? То, что и после того, как ты потерял по собственному легкомыслию, Он снова возвратил тебе потерянное, лучше же сказать – не одно только потерянное, но еще гораздо большее того. Ты потерял рай, а Он дал тебе небо. Видишь ли, как приобретение выше потери, во сколько изобильнее это богатство? Он дал тебе небо, чтобы явить Свое человеколюбие, и уязвить диавола, показывая, что, хотя бы диавол делал тысячи козней человеческому роду, он не достигнет никакого успеха, так как Бог всегда ведет нас к высшей почести. Итак, ты потерял рай, а Бог отверз тебе небо; ты осужден на труд временный, – и удостоен жизни вечной; Он повелел земле произращать терние и волчцы, а душа произрастила тебе плод Духа.

4. И посмотри, до чего снизошло человеколюбие Божие. Потерявшие что-нибудь из своих стяжаний, хотя бы приобрели большее и драгоценнейшее, однако стараются найти и то потерянное, и не прежде удовлетворяются, как возвратив его. Так и тебе, когда ты потерял рай, Бог дал не только небо, но и рай, и небо. **Ныне же будешь со Мною в раю**, говорит Он (Лк.23:43), чтобы утешить скорбящую душу не только прибавлением большего, но и возвращением потерянного. Впрочем, если угодно, обратимся к самому предмету нашей речи, и посмотрим, как мы потеряли язык. История не мало способствует безопасности; кто знает состояние прежней безопасности, тот будет осторожнее и в остальном. Необходимо сказать вам все, именно, что в древности у всех людей был один язык и что

впоследствии он распался на многие. Доколе он был один и когда распался на многие? И исчез ли тот самый язык, когда вошли в употребление другие, или он оставался, когда вошли в употребление прочие? Для чего он был смешан и по какой причине? Потом на каком из этих многих языков написан Ветхий Завет, – из-за которого мы и коснулись всего этого, – на древнем ли и первобытном, или на тех, которые вошли впоследствии? Но не бойтесь; хотя всего этого сегодня мы не можем сообщить, но, конечно, сообщим вам после. Для чего же, не намереваясь сообщить всего сегодня, мы перечислили вам содержание всех долгов своих? Для того, чтобы вы, ожидая уплаты, всегда имели нас в уме своем. Ведь кто дал кому-нибудь в займы денег и имеет должника, еще неуплатившего долг, тот и за трапезою, и дома, и на площади, и на постели, везде думает, и во сне бредит о своем должнике; любовь к деньгам делает то, что и должник вместе с деньгами постоянно присущ душе заимодавца. Поэтому и мы объявили свои долги, чтобы от надежды уплаты нам всегда быть в ваших душах, и дома, и на площади, и где бы вы ни находились; но всех долгов сегодня мы не уплатим, чтобы чрез ожидание остающегося оставить в вас повод к воспоминанию о нас. Подлинно, крепкая опора для нас – постоянно пользоваться вашею любовью, – любовью такого и столь великого народа. Кто пользуется любовью, тот, конечно, будет пользоваться и молитвою; а как велико это благо, видно из следующего. Тот Павел, который был восхищен до третьего неба, слышал неизреченные глаголы, победил все потребности природы, будучи, наконец, в совершенной безопасности, имел еще нужду в молитве учеников и говорил: **умоляю вас, братия, Господом нашим Иисусом Христом и любовью Духа, подвизаться со мною в молитвах за меня к Богу** (Рим.15:30,31); и еще: **всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых и о мне, дабы мне дано было слово** (Ефес.6:18,19). И везде видите вы, что он то просит молитв у своих учеников, то благодарит их по получении. А чтобы не говорил кто-нибудь, что Павел прибегает к молитвам учеников по смирению, он показывает и силу их, когда говорит так: **Который и избавил нас от столь близкой смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит, при содействии и вашей молитвы за нас, дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас** (2Кор.1:10,11).

Если же молитва народа избавляла от опасности Павла, то как же не следует ожидать и нам великих плодов от такого предстательства? Молясь сами по себе, мы бываем слабы, а когда соберемся, становимся более сильными; потому мы и молим Бога всенародно и со взаимною помощью. Так и царь часто, осудив кого-нибудь на смерть, не склоняется на просьбу кого-нибудь одного об осужденном; но если умоляет целый город, то смягчается и по многочисленности умоляющих освобождает ведомого в пропасть от осуждения и возвращает к жизни. Такова сила всенародной молитвы. Для того все мы и собираемся сюда, чтобы успешнее преклонить Бога на милость; молясь сами по себе, мы, как я выше сказал, бываем слабы, а вознося молитву в союзе любви, умоляем Бога даровать нам просимое. Говорю это не напрасно и не для себя только, а для того, чтобы вы всегда спешили в собрания, чтобы вы не говорили: что же, разве я не могу молиться дома? Можешь молиться, но эта молитва имеет не столь великую силу, как та, которая совершается вместе с сочленами, когда все тело Церкви единодушно и единогласно воссылает прошение, в присутствии священников, возносящих молитвы всего народа.

5. Хочешь ли знать, какова сила молитвы, совершаемой в Церкви? Некогда Петр был заключен в темницу и связан многими цепями. **Церковь прилежно молилась о нем Богу** (Деян.12:5), и тотчас освободила его из темницы. Что же может быть сильнее этой молитвы, которая приносила пользу столпам и твердыням Церкви? Павел и Петр – твердыни и столпы Церкви: и на одном из них она расторгла узы, другому отверзла уста. Но, чтобы показать сугубую ее силу не только из тогдашних событий, но из

совершающихся ежедневно, мы напомним вам о самой молитве, совершаемой народом. Если бы кто-нибудь из простых людей велел вам, каждому по себе, молиться о спасении епископа, то каждый, конечно, отказался бы, как от бремени, превышающего его силу. Когда же вы все вместе слышите диакона, повелевающего это в словах: помолимся о епископе, и о старости, и о заступлении, да право правит слово истины, и о сущих здесь и повсюду, – тогда не отказываетесь исполнить повеление, но, сознавая силу вашего собрания, усердно возносите молитву. Посвященные в тайны знают, о чем я говорю; молитве оглашенных это еще не предоставлено, так как они не достигли до такого дерзновения, а вам служащий при молитвах повелевает приносить их и о вселенной, и о Церкви, простирающейся до концов земли, и о всех, управляющих ею епископах, – и вы повинуетесь с готовностью, свидетельствуя самым делом, что велика сила молитвы, согласно возносимой в церкви народом. Впрочем, возвратимся к своему предмету, к тому, что в древности был один язык. Итак, откуда известно, что был один язык? **На всей земле**, говорится, **был один язык и одно наречие** (Быт.11:1). Неясны эти слова. Разве земля имеет уста? Нет; что же и о чем здесь говорится? Не об этой бесчувственной и неподвижной земле говорится здесь, но так назвало Писание весь вообще род людей, напоминая им о собственной их природе, напоминая о матери, из которой они произошли. Это живое существо, т.е. человек, двойственно, состоит из двух естеств, чувственного и духовного, т.е., из души и тела, и имеет сродство как с небом, так и с землею. Духовным естеством своим он имеет общение с высшими силами, а чувственным соприкасается с земными предметами, составляя собою некоторую тесную связь между тем и другим творением. Поэтому, когда он делает что-нибудь угодное Богу, то называется духовным, получая это название не от души, а от другого высшего достоинства, – от действия Духа, – так как для совершения добрых дел нам недостаточно души, если не будем получать той помощи. А чтобы вы убедились, что для совершения добрых дел нам недостаточно и души, – но что я говорю: для совершения добрых дел? даже и для возможности разуметь глаголы (Божии), – апостол говорит: **душевный человек не принимает того, что от Духа Божия** (1Кор.2:14). Как плотским он называет того, кто раболепствует плоти, так и душевным называет того, кто вверяет дела умствованиям человеческим и не принимает действия Духа. Но мы называемся, как я ска-зал, духовными, когда совершаем добрые дела; а когда согрешим, падем и сделаем что-нибудь недостойное нашего благородства, тогда Писание называет нас по низшему нашему естеству – именует нас землею. Так и здесь, намереваясь осудить некоторых, именно тех, которые строили башню, превозносились гордостью, стали думать о себе выше своего достоинства, – намереваясь осудить их гордость, оно назвало их по низшему их естеству, сказав: **на всей земле был один язык.** А чтоб вы убедились, что так называет оно нас, когда мы согрешим, Бог называл так Адама после греха, сказав: **ибо прах ты и в прах возвратишься** (Быт.3:19), хотя Адам не землею только был, но имел и бессмертную душу. Почему же он назван землею? Потому, что согрешил. А когда Бог творил его, то не назвал его так, но как? **Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему: и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и да страшатся и да трепещут вас все звери земные** на всей земле (Быт.1:26;9:2). Видишь ли, каковы преимущества природы (человеческой), каковы почести, каковы похвалы? Но это до греха; а после греха уже: **прах ты и в прах возвратишься**. Послушай же, как и Малахия предвещает тоже, или – лучше – Бог чрез пророка: **вот, Я пошлю к вам**, говорит Он, **Илию пророка**. Для чего пошлет? **И он обратит сердца отцов к детям и сердца детей к отцам их** (Мал.4:5,6). Так как имеет быть тот суд страшный и ужасный, то, чтобы Судия не осудил некоторых безответных на наказания, и чтобы Илия, пришедши и предсказав, что близко – при дверях наступление суда, сделал людей благоразумными, – ведь сказанное за много лет обыкновенно пренебрегается, – то названный пророк и придет возобновить это в нашей памяти. Впрочем, теперь надобно доказать, что землею называются согрешающие.

6. Итак, сказав: **он обратит сердца отцов к детям**, Бог присовокупил: **чтобы Я, придя, не поразил земли проклятием**. А поражает Он согрешающих. Видишь ли, что согрешающие называются землею? И, в свою очередь, в другом месте, проповедуя о Христе, пророк говорил так: **и будет препоясанием чресл Его правда, и препоясанием бедр Его – истина** (Ис.11:5). Не потому, чтобы у Бога были ребра и чресла, – ведь Божество бестелесно, – но этим он указывает нам на неподкупность и непогрешимость приговора Судии, на то, что у Него нет места ни клеветникам, ни обидчикам, ни подкупу деньгами, ни незнанию правды. В здешних судилищах и невинный наказывается, и виновный избегает наказания, потому что правда часто извращается; а когда придет Судия праведный и непогрешимый, препоясанный правдою по чреслам своим и обвитый истиною по ребрам своим, – тогда все получат должное с точностью. **И жезлом уст Своих поразит землю** (Ис.11:4). А чтобы ты убедился, что он говорит не о земле, а о грешниках, – прибавил: **и духом уст Своих убьет нечестивого**. Видишь ли, что и здесь грешники названы землею? Зная это, когда услышишь, что **на всей земле был**, разумей и ты, в свою очередь, человеческую природу. Этим Писание напоминает нам о собственном нашем ничтожестве, потому что великое благо – рассматривать свое сродство, и знать, из чего мы составлены. Рассматривание природы это, – достаточное учение о смиренномудрии; оно может укротить все страсти и произвести спокойствие в душе. Поэтому некто предлагал такое увещание: внемли себе, размышляй о своей природе и ее устройстве, и этого довольно для тебя, чтобы постоянно смиряться (Втор.15:9). Потому праведный Авраам постоянно содержал в себе эту мысль и никогда не высокомудрствовал. Беседуя с Богом, имея пред Ним такое дерзновение и получив от Него свидетельство своей добродетели, он говорил: **я, прах и пепел** (Быт.18:27). И другой, желая усмирить человека надменного, не распространяется много, а только напоминает ему об его природе и сильно вразумляет его, так говоря: **что гордится земля и пепел** (Сир.10:9)? Но ты говоришь мне о том, что оказывается после смерти? Усмири его при жизни. Теперь он не знает, что он земля и пепел. Он видит благообразие тела, видит власть, услужливость льстецов, сопровождающих его тунеядцев, одевается в драгоценные одежды, облекается великими знаками власти, и этот призрак обольщает его и располагает забывать о природе. Знаем, что мы земля и пепел, но знаем мы, смиренномудрствующие; а он не ожидает доказательства на это при кончине, не идет к могилам и гробницам предков, но смотрит на настоящее, нисколько не думая о будущем. Научи же его еще здесь, что он земля и пепел. Подожди, говорит; я научу его не этому, но другому, гораздо более уничиженному, чтобы он, когда станет тщеславиться, познал свое ничтожество, чтобы еще при жизни получил врачество. Сказав: **что гордится земля и пепел?** – он прибавил: **и при жизни извергаются внутренности его** (Сир.10:10). Что значит: **и при жизни извергаются внутренности его**? Эти слова, может быть, неясны. Утробою называет он внутренности, называет чрево, наполненное калом, множеством нечистоты и зловония, не с тем, чтобы осудить природу, но чтобы привести к смиренномудрию. **И при жизни извергаются внутренности его**. Видишь ли уничиженность и тленность существа? Не ожидай дня кончины, чтобы убедиться в своей слабости; но рассмотри человека еще при жизни, вникай мыслью в его внутренности – и ты увидишь все его ничтожество. Однако, не падай духом; не по ненависти к нам, а щадя нас, Бог устроил так, чтобы подать нам великий повод к смиренномудрию. Если человек, будучи землею и пеплом, дерзнул сказать: **взойду на небо** (Ис.14:13), то куда не увлекся бы он мыслью, если бы не имел узды от природы? Итак, когда ты увидишь, что кто-нибудь надмевается, поднимает голову, возвышает брови, несется на колеснице, выражает угрозу, ввергает в темницу, предает смерти, причиняет обиды, то скажи ему: **что гордится земля и пепел? И при жизни извергаются внутренности его**. Это можно сказать не только о человеке частном, но и о самом сидящем на царском престоле. Смотри не на багряницу, и не на диадему, и не на золотые одежды, а исследуй саму природу – и ты не увидишь в ней ничего больше, чем у простых людей; или – лучше – рассмотри, если

хочешь, и порфиру, и диадему, и одежды, и всю эту пышность, и ты опять увидишь, что и это состоит из земли. **Всякая плоть – трава, и вся красота ее – как цвет полевой** (Ис.40:6). Вот, все это украшение оказывается даже ниже земли. Видишь ли, как укрощает гордость, как низвергает всякую надменность размышление о самой природе? Довольно только подумать, что мы такое, и из чего составлены – и тотчас исчезнет надменность помыслов. Для того Бог и сотворил нас из двух естеств, чтобы, когда ты будешь превозноситься гордостью, усмирила тебя низость плоти; а когда ты помыслишь что-нибудь неблагородное и недостойное дарованной тебе от Бога чести, благородство души возводило бы тебя к соревнованию силам небесным.

7. Не только для истребления гордости полезно рассматривание природы, но, когда возмущает нас и какая-нибудь другая страсть, например, страсть к деньгам, или эта непристойная и доводящая до распутства страсть к телесной красоте, оно может укрощать страсть. Поэтому, когда ты видишь женщину благообразную, с светлым взором, веселую, с блестящими щеками, с необыкновенною красотою в лице, воспламеняющую твои помыслы и возбуждающую пожелание, то представь, что предмет твоего удивления – земля, что воспламеняет тебя пепел – и душа твоя перестанет неистовствовать. Вскрой кожу лица ее, и тогда ты увидишь все ничтожество ее красоты; не останавливайся на поверхности, но проникай мыслью глубже, – и ты не найдешь ничего больше, кроме костей, нервов и жил. Но недостаточно этого? Представь, что она изменилась, состарилась, заболела, что глаза ее впали, щеки опустились, весь прежний цвет поблек; подумай, чему ты удивляешься, и устыдись своего суждения. Ты удивляешься грязи и пеплу, тебя воспламеняет пыль и прах. Говорю это, не осуждая природы, – да не будет, – не унижая ее и не подвергая презрению, но желал приготовить врачество для больных. Бог сотворил ее такою, столь уничиженною, для того, чтобы показать и собственную силу и Свое попечение о нас, бренностью природы располагая нас к смиренномудрию и укрощая всякую нашу страсть, а вместе с тем являя Свою мудрость, по которой Он мог и в грязи образовать столь великую красоту. Поэтому, когда я уничижаю естество, то открываю искусство Творца. Как ваятелю мы более удивляемся не тогда, когда он производит нам прекрасную статую из золота, а тогда, когда вырабатывает точный и совершенный образ из грязного вещества, так и высочайшему Художнику – Богу мы удивляемся и воздаем хвалу потому, что в пепел и грязь Он вложил необыкновенную красоту и в телах наших явил некоторую неизреченную мудрость. И это совершил Он не в нашем только теле, но и во всем творении. Создав твари большею частью из веществ ничтожных, Он вложил в них ясное доказательство собственного искусства, и вместе напечатлел на них некоторые признаки бренности естества, чтобы ты по искусству и красоте удивлялся Творцу, а по бренности и ничтожности природы и естества не покланялся тварям. Блистательно солнце, когда оно светит и озаряет всю вселенную; но с наступлением ночи оно затмевается. **Что**, говорит Премудрый, **светлее солнца? но и оно затмевается** (Сир.17:30); и не только ночью, но и днем. Солнце часто исчезает и днем для того, чтобы ты удивлялся Художнику за искусство и не покланялся твари по ее слабости. Видишь ли небо, как велико это тело, как оно прекрасно, как блистательно и по наружности превосходнее наших тел? Но оно бездушно. Видишь ли и доказательство искусства, и обличение слабости? Видишь ли предостережения, предложенные тебе с той и другой стороны? Чтобы ты не обвинял Творца в слабости, Он создал твари прекрасными; а чтобы ты не покланялся тварям, как богам, Он создал их отчасти слабыми. Помните это всегда. Мы объясняем Писания не для того только, чтобы вы поняли их, но чтобы вы и исправляли свои нравы. Если не будет этого, то напрасно мы читаем, напрасно объясняем. Как борец, приходящий в училище борьбы, намащающийся и пользующийся руководством учителя, напрасно приходил бы в это училище, если бы при наступлении борьбы не воспользовался своим искусством, так и вы, приходящие сюда и изучающие все хитрости и козни диавола, напрасно приходили бы сюда, если бы при наступлении

времени подвигов падали, увидев благообразное лицо, или превозносясь гордостью, или увлекшись каким-нибудь другим порочным помыслом. Помните же эти слова, сказанные не против природы нашей, а против непотребных пожеланий; не природу осуждаем мы своею речью, а пожелания. Так-то усмиряйте гнев, так укрощайте похоть, так обуздывайте гордость. **На всей земле был один язык и одно наречие** (Быт.11:1). Вот предмет нашего исследования. Не о земле здесь говорится, но о том, что у всех людей был один язык. Для чего же язык назван **одноим наречием**? Писанию обычно называть так речи, т.е., языком. И это необходимо знать ради еретиков, осуждающих творение Божие и говорящих, что тело – зло. Так как злые движения сердца в Писании означаются названиями телесных членов, например: **изощряли язык свой, как у змеи** (Пс.139:3), **язык их - острый меч** (Пс.56:5), то, поэтому, некоторые и думают, что здесь говорится о языке. Не о языке здесь говорится, – да не будет, он ведь – творение Божие, – а об убийственных словах, которые умерщвляют людей и поражают сильнее меча. **Язык их - острый меч**; и еще: **уста льстивые (говорили) от сердца, и от сердца говорили злобное** (Пс.11:3), – говорится не о члене телесном, а о лукавых речах. Так и здесь, в словах: **на всей земле был один язык**, Писание учит не тому, будто у всех людей были одни уста, но устами оно назвало язык; потому после слов: **на всей земле был один язык**, оно присоединило: **и одно наречие**. Точно так же, когда оно говорит: **гортань их - открытый гроб** (Пс.5:11), то осуждает не гортань, а исходящие из нее злые речи, мертвое учение; это ведь действительно – гроб, вместилище мертвых костей и тел. Таковы уста и тех, которые порицают Создателя; таковы уста тех людей, которые говорят срамное, злословят, изрыгают из своей гортани слова зловонные и непотребные.

8. Наполни гортань свою, человек, благовонием, а не зловонием; сделай ее царскою сокровищницею, а не гробом сатанинским. Если же она уже гроб, то, по крайней мере, закрой ее, чтобы не выходило из нее зловоние. Ты имеешь дурные помыслы? Не выноси их посредством слов; пусть они лежат внизу, и скоро заглохнут. Мы – люди, часто питающие в себе много порочных, непристойных и постыдных помыслов; но не будем позволять этим помыслам переходить в слова, чтобы, сдавливаемые внизу, они ослабевали и погибали. Как тот, кто ввергнул в яму различных свирепых зверей, если сверху закроет эту яму, то легко задушит их, а если оставит хотя некоторый выход и хотя малую возможность дышать, то даст им большое послабление и не только не задушит их, но сделает еще более свирепыми, так бывает и с порочными помыслами, когда они зарождаются внутри. Если мы преграждаем им выход наружу, то скоро уничтожаем их; а если выпускаем их посредством слов, давая им перевести дыхание посредством языка, то делаем их более сильными и от занятия постыдными словами скоро впадаем в бездну непристойных дел. Поэтому пророк и назвал гортань не просто гробом, но **гробом открытым**, осуждая то самое, о чем я сказал; кто произносит постыдные слова, тот не себя только срамит, но распространяет великую заразу и между ближними и обращающимися с ним. И как, открыв гробы, мы наполнили бы города заразою, так и скверные уста, открываемые с бесстыдством, заражают всех обращающихся с ними тягчайшею болезнью. Потому на уста нужно наложить дверь, и запор, и узду. Таким образом мы достаточно доказали, что тогда был один язык. Далее необходимо сказать, почему введены многие языки. Впрочем, займемся пока нравственною беседою. Научим свой язык носить узду и не произносить просто все, что есть в душе, не порицать братьев, не угрызать и не пожирать друг друга. Гораздо хуже кусающих тело те, которые делают это словами. Первые кусают зубами тело, а последний угрызает словами душу, наносит рану доброй славе, причиняет рану неисцельную. Поэтому он подвергнется тем большему наказанию и мучению, чем тягчайшее причиняет угрызение. И не поэтому только порицатель будет лишен прощения, но и потому, что он не может представить ни справедливого ни несправедливого предлога к своему пороку. Другие грехи, хотя и неосновательные имеют причины, однако имеют, – например, блудник увлекается

похотью, вор хочет избавиться от бедности, человекоубийца удовлетворяет гневу; а порицатель не может представить никакого предлога. В самом деле, какой предлог, скажи мне, в обилии денег? Какому удовлетворяет он пожеланию? У него нет никакого другого повода, кроме зависти, не имеющей ни справедливой, ни несправедливой причины. Поэтому он и лишится всякого прощения. Ты хочешь порицать? Предлагаю тебе для этого полезный предмет. Ты хочешь злословить? Злословь свои грехи. **Припомни Мне**, говорит пророк, **станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться** (Ис.43:26). Видишь ли порицание, доставляющее венец, похвалу и оправдание? И еще: **первый в тяжбе своей прав** (Притч.18:17), – себя самого, а не другого. Если ты сделаешься порицателем другого, то будешь наказан; а если – себя самого, то будешь увенчан. И чтобы ты узнал, как велико благо – порицать свое грехопадение, для этого и говорится: **первый в тяжбе своей прав**. Если же он праведник, то как будет порицателем? А если он порицатель, то как будет праведником? Праведник не подлежит порицанию. А чтобы ты узнал, что и грешник, порицая свои грехи, чрез самое порицание их становится праведником, для этого и говорится: **первый в тяжбе своей прав**. Что значит: **первый**? Слушай внимательно. В судилищах бывают две стороны: одна – доносчиков, другая – тех, на которых доносят; одна – обвинителей, другая – обвиняемых; одна – виновных, другая – невинных; и начало речи предоставляется обвинителю, невинному. Но здесь – напротив. Ты, виновный, предвосхить начало речи, чтобы тебе сделаться невиновным; не дожидайся обвинителя. Хотя бы ты принадлежал и к виновным, но прежде, нежели услышишь что-нибудь подобное от обвинителя, сам обвини свои прегрешения. Язык есть меч изощренный; но им мы не станем ранить других, а будем вырезать собственные гнилые язвы. Хочешь ли узнать, что праведники обыкновенно порицали не других, а самих себя? Послушай Павла, который взывает: **благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик** (1Тим. 1:12,13). Видишь ли, как он порицает самого себя? И еще: **Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый** (1Тим.1:15). И еще в другом месте: **я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию** (1Кор.15:9). 9. Видишь ли, как везде он порицает самого себя? Он знал пользу этого порицания, знал, что оно доставляет оправдание. Так, когда нужно было ему порицать самого себя, он порицал беспощадно; а когда видел, что кто-нибудь осуждал чужие пороки, то, смотри, с какою строгостью заграждал ему уста, говоря так: **не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения** (1Кор.4:5). Предоставь суд Тому, Кто знает тайны сердечные. Хотя бы ты, по твоему мнению, точно знал дела ближнего, суд твой ошибочен: **кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем** (1Кор.2:11)? Сколь многие из презираемых и ничтожных просияют светлее солнца? Сколь многие из великих и славных окажутся прахом и гробом поваленным? Слышал ли ты, как Павел порицает самого себя, с силою и даже преувеличенно непрестанно вспоминая о грехах, за которые он не имел подвергнуться осуждению? Он был хульником, и гонителем, и досадителем прежде своего крещения, а крещение изгладило те грехи; однако он вспоминает о них, не потому, чтобы дол-жен был отдать за них отчет, а чтобы показать человеколюбие Божие, и каким его, бывшего таким, устроил Бог, сделав из гонителя апостолом. Если же он вспоминает о грехах, изглаженных, то тем более мы должны вспоминать о грехах, сделанных нами после крещения. Какое нам будет оправдание, или какое прощение, когда тот непрестанно вспоминал о делах, не подлежащих осуждению, а мы не вспоминаем даже и о тех, за которые должны будем дать отчет, но, оставив собственные пороки, занимаемся чужими? Послушай, что говорит Петр: **выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный** (Лк.5:8). Послушай, как и Матфей порицает прежнюю свою жизнь, называет себя мытарем и не стыдится открыто осуждать прежнее свое поведение (Мф.10:3). Не имея ничего, за что бы осуждать себя после крещения, они вспоминают

прежнее, научая нас не составлять никакого суждения о чужих пороках, а заботиться и непрестанно помышлять о своих собственных. Нет, подлинно нет другого такого врачества для исцеления от грехов, как непрестанное воспоминание о них и постоянное их осуждение. Так мытарь мог избавиться от бесчисленных грехов, сказав: **Боже! будь милостив ко мне грешнику** (Лк.18:13). Так фарисей лишился всякого оправдания за то, что, оставив мысль о своих беззакониях, стал осуждать вселенную, говоря: **Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь** (Лк.18:11). Поэтому и Павел увещевал так: **каждый да испытывает свое дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом** (Гал.6:4). Хочешь ли знать, как в ветхом завете праведники порицали самих себя? Послушай, и они говорили согласно с теми. Так Давид говорил: **беззакония мои превысили голову мою, подобно тяжелому бремени отяготели на мне** (Пс.37:5). А Исаия взывал: **горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами** (Ис.6:5). И три отрока, находясь в печи и предавая за Бога тела свои на смерть, причисляли себя к крайним грешникам и говорили: **согрешили мы, и поступили беззаконно** (Дан.3:29), тогда как что было светлее их, что чище? Здесь, если они и совершили какие-нибудь грехи, то естество того пламени изгладило все их. Однако они не смотрели на добрые дела свои, а помышляли о грехах. Так и Даниил после львиного рва, после бесчисленных страданий, которые он претерпел, – и он осуждал самого себя, а ближнего никто. Почему? Потому, что порицающий самого себя умилостивляет Его и располагает к себе; это порицание делает праведника еще праведнее, а грешника избавляет от осуждения и делает достойным прощения. Итак, зная это, будем заботиться не о чужих, а о своих пороках; будем испытывать свою совесть, вспоминать всю свою жизнь, исследовать каждый из наших грехов, и не будем не только порицать других, но даже и слушать порицающих. Ведь и за это положено осуждение и величайшее наказание. **Не внимай**, говорит Писание, **пустому слуху** (Исх.23:1). Не сказано: слуху суетному не верь; но: и не принимай его; загради свои уши, прегради вход порицанию, покажи, что и ты – слушатель сам не меньше чувствуешь неприязни и отвращения к порицателю, как и тот, кого он порицает. Подражай пророку, который говорит: **тайно клевещущего на ближнего своего - сего я изгонял** (Пс.100:5). Не сказал: я не верил, или не принимал слов его; но: и прогонял его, как врага и противника.

10. Но есть люди, которые, утешая себя суетным утешением, говорят так: Господи, не поставь мне этого в грех, потому что я должен отвечать на слышанное! К чему это оправдание? К чему такое извинение? Молчи, и ты будешь избавлен от обвинений; не говори ничего, и ты будешь свободен от опасения. Для чего ты сам на себя навлекаешь беспокойства и пред Богом, и пред людьми? Для чего делаешь сам себя подлежащим обвинению? Для чего налагаешь на себя тягчайшее бремя? Разве не довольно для тебя давать отчет в собственных пороках, что ты наваливаешь на себя еще чужие грехи? Напрасно это оправдание; не за слышание только ты будешь отвечать, но и порицание вменится тебе; если ты, услышав, не молчишь, то будешь отвечать не за слышание только, но и за порицание. **От слов своих оправдаешься**, говорит Господь, **и от слов своих осудишься** (Мф.12:37). Я говорю и объявляю это, боясь не за тех, которых порицают, а за тех, которые порицают. Тот, кого порицают, не терпит никакого оскорбления или вреда; напротив, если ложно то, что говорят о нем, он получит еще награду; а если справедливо, и тогда он не терпит никакого вреда от твоего порицания. Ведь Судия произнесет ему приговор не по твоему злословию. И, если должно сказать нечто удивительное, великодушно переносящий порицание получит даже величайшую пользу, подобно тому, как и мытарь; а порицающий, хотя бы и справедливо порицал ближнего, весьма много вредит себе. Не нужно и доказывать того, что он погиб, если клевещет; но для всякого, конечно, очевидно и то, что, хотя бы он говорил и правду, он сам себе приготовляет строжайший суд, разглашая несчастия ближнего, делаясь причиною соблазнов, открывая

всем то, что надлежало бы скрывать, и проповедуя о грехах ближнего. Если соблазнивший одного неминуемо будет наказан, то соблазняющий весьма многих худою молвою какому не подвергнется наказанию? И фарисей не лгал, а говорил правду, называя мытаря мытарем, однако, был осужден. Итак, зная это, возлюбленные, будем избегать порицания. Нет греха тяжелее и вместе легче этого греха. Почему? Потому, что он совершается быстрее всякого беззакония и скоро увлекает человека невнимательного. Остальные грехи требуют и времени, и издержек, и ожидания, и помощников, и часто продолжительностью времени пресекаются. Например, решился ли кто убить, решился ли похитить или обратить в свою пользу чужое, – ему предстоит много хлопот, и от медленности часто он теряет свой гнев, отказывается от порочного стремления, оставляет гибельную мысль, не прибавляет к своему желанию самого дела. А при порицании не так, но если мы не очень бдительны, то легко увлекаемся. Не нужно нам ни времени, ни ожидания, ни издержек и никаких хлопот, чтобы сказать худое, но довольно только решиться, и желание тотчас переходит в дело, – потому что здесь требуется к услугам только язык. Потому, если это зло быстро, если этот грех легко приражается, если тяжко за него наказание и мучение, а пользы никакой, ни великой, ни малой, то будем с великим тщанием избегать этой болезни, будем прикрывать чужие пороки, а не разглашать, будем увещевать согрешающих, как и Господь говорит: **если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним** (Мф.18:15). Негласность обличений сделает более легким и врачевание. Не будем терзать, не будем разъедать чужих ран; не будем подражать мухам, но будем соревновать пчелам. Мухи садятся на раны и разъедают их; а пчелы летают по цветам. Поэтому последние делают соты, а первые причиняют боль телам, на которые садятся; эти отвратительны, а те вожделенны и достолюбезны. Будем же, поэтому, заставлять свою душу летать по лугу добродетели святых и непрестанно распространять благоухание их подвигов, а ран ближнего не будем разъедать. Но, если и увидим людей, делающих это, будем заграждать им уста, удерживая их страхом наказания и напоминая им о сродстве их с братиями. Когда же они ничего такого не послушаются, то назовем их мухами, чтобы хотя унизительность этого названия удержала их от дурного занятия, чтобы, оставив это дурное занятие, они употребляли весь свой досуг на рассматривание собственных пороков. Таким образом и падшие восстанут, припоминая свои грехи не разглашенные, и, непрестанно помышляя о собственных пороках, легко отстанут от них, чрез воспоминание о прежних грехах сделавшись более медленными к совершению остальных, и постоянно представляющие добродетель святых получат величайшую ревность подражать им. А когда чрез все это будет исправлено целое тело нашей Церкви, то мы будем в состоянии всею полнотою ее войти в царство небесное, которого да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно и во веки веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том VI

Книга 2

Толкование на пророка Даниила

Глава 1.

Глава 2.

Глава 3.

Глава 4.

Глава 5.

Глава 6.

Глава 7.

Глава 8.

Глава 9.

Глава 10.

Глава 11.

Глава 12.

Глава 13.

ОБОЗРЕНИЕ КНИГ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Введение.

Обозрение книги Бытия.

Обозрение книги Исход.

Обозрение книги Левит.

Обозрение книги Числ.

Обозрение книги Второзакония.

Обозрение книги Иисуса Навина.

Обозрение книги Судей.

Обозрение книги Руфь.

Обозрение четырех книг Царств.

Вторая книга Царств.

Третья книга Царств.

Четвертая книга Царств.

Первая книга Паралипоменон.

Вторая книга Паралипоменон.

Первая книга Ездры.

Вторая книга Ездры.

Книга Есфирь.

Книга Товита.

Книга Иудифь.

Книга Иова.

Книга Премудрости Соломоновой.

Книга Притчей Соломоновых.

Обозрение книги Сираха.

Обозрение книги пророка Исаии.

Обозрение книги пророка Иеремии.

Обозрение книги пророка Иезекииля.

Обозрение книги пророка Даниила.

Книга пророка Осии.

Книга пророка Иоиля.

Книга пророка Амоса.

Книга пророка Авдия.

Книга пророка Ионы.

Книга пророка Михея.

Книга пророка Наума.

Беседа о том, что один Законодатель Ветхого и Нового заветов, также об одежде священника, и о покаянии.

О ТВОРЕНИИ МИРА

О первом дне творения

Беседа о втором дне творения, а также против сказавшего, что нам, христианам, не следует говорить при освящении "Господь Саваоф"

Беседа о третьем дни творения и о воскресении

Беседа о четвертом дне творения

Беседа о пятом дне творения

О шестом дне творения, о первозданных людях, о змее, о древе познания, о жизни в раю и общении Бога с Адамом

Слово о змее, повешенном на кресте Моисеем в пустыни, и о Божественной Троице

ТОЛКОВАНИЕ НА КНИГУ ПРОРОКА ДАНИИЛА[1]

ГЛАВА I

И сказал царь Асфеназу, начальнику евнухов своих, чтобы он из сынов Израилевых, из рода царского и княжеского, привел 4 отроков (ст. 3).

Это попускается для того, чтобы чрез сравнение открылась сила Божия; и как бывало во многих других случаях, так было и с мудростью. Чтобы кто-нибудь не приписал случившегося персидской мудрости, для опровержения этого и другие учатся вместе с ними (еврейскими юношами). Неразумные судят о делах преимущественно по сравнению; потому и Бог часто употребляет сравнение, и когда говорит о Себе Самом, не гнушается сличать и сравнивать Себя с языческими богами; и пророки говорят: **нет подобного Тебе, Господи, между богами** (Пс.85:8). **У которых нет никакого телесного недостатка, красивых видом, и понятливых для всякой науки, и разумеющих науки, и смышленых и годных служить в чертогах царских, и чтобы научил их книгам и языку Халдейскому** (ст. 4). И красота служит препятствием целомудрию и любомудрию. Для чего же он требует таких, которые бы и стройностью членов и благовидностью лица превосходили всех других? Выслушаем.

Если царь, и царь варварский, требует таких людей, то не гораздо ли более Бог любит красоту душевную? Если пред тем предстоять недостойны были имевшие недостаток на теле, **у которых**, говорится, **нет никакого телесного недостатка**, то гораздо более недостойны предстоять пред Богом имеющие порок в душе. Справедливо царь требует и сильных, способных для домашнего служения, как говорит пророк, или он указывает также и на силу душевную; это означают слова: **смышленых и годных служить в чертогах царских**. А для чего он требует **смышленых**? Те качества, т.е. мудрость и благоразумие, служат в пользу, а для чего это? Как варвар и человек житейский, царь требует этого по великому своему честолюбию; а человеку мудрому нужно искать только душевных качеств. Как мы ищем красивых одежд не для пользы, так и он требует красивых лиц, как бы игрушек. Для чего же Бог создал красоту? Послушай другого, который говорит: **от величия красоты созданий сравнительно познается Виновник бытия их** (Прем.13:5). Так можно видеть, что и в нашем теле многое существует не только для пользы, но и для красоты; цвета и краски существуют для красоты, а не для одной пользы; можно быть и черным, и ничего не терять в смысле пользы. И волосы у нас для красоты, как и Павел говорит: **если муж растит волосы, то это бесчестье для него** (1Кор.11:14). И шея прямая и имеющая соразмерную величину, и все прочее дано нам для благообразия, так что, если отнимешь что-нибудь малое от целого, испортишь красоту, а польза останется. Потому и для красоты особенно Создатель устроил у нас это животное (тело), и не только это, но и все прочие. Впрочем, одним Он дал красоты больше, другим меньше; а многим уже после рождения сообщает приятность, которой они прежде не имели. И в самом положении членов ты можешь усматривать красоту, — напр., в том, что глаза находятся наверху, подобно радуге, и имеют гладкую круглоту, разнообразие цветов, правильность, чистоту, белизну. Но скажут: красота бывала соблазном? — Не по собственной своей природе, а по легкомыслию соблазняющихся. **Отвращай око твое от женщины благообразной**, говорит Премудрый, **и не засматривайся на чужую красоту** (Сирах.9:8). Не сказал просто: **не засматривайся**, но прибавил: **на чужую красоту**; следовательно он одобряет наслаждение собственною. Почему Иосифу красота не послужила во вред, не сделала его изнеженным, не исполнила гордости и тщеславия? У**тешайся женою юности твоей, любезною ланью и прекрасною серною: груди ее да упоявают тебя во всякое время**, говорит Премудрый, **любовью ее услаждайся постоянно** (Притч. 5:19). И красота служит союзом брака, — потому что людей весьма привлекает тело. Так как нам дана трудная и тяже- лая жизнь, то даровано и некоторое утешение, Отсюда воспламеняется любовь, которая охватывает все. Господь предусмотрел и употребил много средств к тому, чтобы союз брака оставался нерасторжимым. Но, скажешь, красота и в начале была соблазном: **тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих**, говорится в Писании, **что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал** (Быт.6:2). Не она была соблазном, а испорченность тех людей. Бог создал дочерей красивыми не для того, чтобы они были бесстыдными, но чтобы каждый любил свою жену.

Смышленых, говорится далее, **и понятливых для всякой науки**, т.е. ревностных, способных ко всякой мудрости. **И чтобы научил их книгам и языку Халдейскому**. Моисей, будучи частным человеком, воспитан был, как царь; а они, происшедши от царского рода, воспитывались наряду с рабами властителя. Хорошо предустрояется то, чтобы они научились наукам и языку халдейскому, чтобы, когда Даниил станет беседовать с царем о великих предметах, никто не был посредником и не исказил его слов. А остальное для чего? Для того, чтобы ты познал мудрость Даниила и с самого начала видел, как он выше чрева. Другой сказал бы: я пленник, не имею ни откуда необходимой пищи, Бог конечно простит меня. Не так поступал он, потому что не для награды какой-нибудь и не по страху только, но и по любви он служил Богу, с великим усердием и не мало времени. Три года они учились мудрости и три года постились. Видишь ли

благоразумие Даниила? Когда нужно было остерегаться, он был весьма тверд и предусмотрителен, и он не подчинился, но просил, умолял; а когда не было никакого вреда, то он не отказывался изучать язык и мудрость иноплеменников, потому что не учиться предосудительно, а следовать их учению. Так он мог лучше узнать свою собственную мудрость, узнать, — опять чрез сравнение, — что нет другой такой мудрости, как еврейская, и сделаться более сильным. А если бы это было преступно, то и здесь он устоял бы и воспротивился бы. Видишь ли, что добродетели его происходили оттуда же, откуда (пороки) у чревоугодников, предпочитающих чеснок манне? Потому Даниил и явился мудрым. **Между ними были из сынов Иудиных Даниил, Анания, Мисаил и Азария. И переименовал их начальник евнухов — Даниила Валтасаром, Ананию Седрахом, Мисаила Мисахом и Азарию Авденаго** (ст. 6, 7). Даниилу, говорится, он дал имя Валтасара. И бог их так же назывался, или — лучше — так назывался сын царя. Потому не дерзко ли он поступил, на- звав пленника таким именем? Конечно, он поступил бы дерзко, если бы это же самое имя не имело здесь совсем другого значения, как было и с Иосифом, которому поклонился отец его. И что великого в том, что он назван был таким именем? Не видим ли мы, что и ныне многие из частных людей называются именами царей? Но, скажешь, не в царском доме. А для чего делается перемена имен? Посмотри, как устрояются все эти обстоятельства. Царь видит сон не прежде, как по прошествии трех лет. Видишь ли, что здесь устрояет Бог? Для чего же? Для того, чтобы Даниил имел больше дерзновения пред царем. Но могут сказать, что он больше прославился бы, если бы царь увидел сон ранее трех лет. Но тогда не вышел бы указ против юношей, а кроме того Даниилу и не поверили бы. Потому евнух на малых и незначительных вещах получает доказательство благоволения Божия к ним, чтобы, когда они попросят его о более важном, он по недоверию не отказался и чтобы им лучше изучить язык и сделаться более смелыми. Не видишь ли, как то же случилось и с Давидом, — как царь, судя о делах по возрасту, не поверил ему, когда он обещал победить иноплеменника? Наконец, обрати внимание на то, что Даниил изучал основы их жизни. Моисей и Даниил тщательно изучали иноплеменников. Чтобы не показалось, будто они предпочитали свое чужому по неведению, для этого Бог дозволяет им вкусить и мудрости тех, чтобы ты, увидев, или лучше, услышав слова Моисея: **только этот великий народ есть народ мудрый и разумный** (Втор.4: 6), не думал, что такой отзыв происходил от любви или пристрастия, но приписывал его здравому суждению, так как нельзя сказать, что он по ненависти к учителям удалялся от их учения. Оба они пользовались великою честью, и однако предпочитали свое. Так и Павел с удивлением говорил о Моисее: **и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение, и поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища** (Евр.11:25,26).

Даниил положил в сердце своем не осквернять яствами со стола царского и вином, какое пьет царь, и потому просил начальника евнухов о том, чтобы не осквернять ему. Бог даровал Даниилу милость и благорасположение начальника евнухов (ст. 8, 9). Посмотри, как он начинает с добрых дел. Так уже с этого времени он показал, что он велик был и чуден; потому он и называется славным именем. В чем можно было, в том он соблюдал закон. Кто другой, скажи мне, стал бы считать мерзостью царскую трапезу? Видишь, как он с самого начала обнаружил мудрость. **Просил начальника евнухов**, говорится, **о том, чтобы не осквернять ему**. Видишь, как он был не честолюбив. Он не сказал: отдам лучше душу свою; но просил не выдавать его, если возможно. Для чего, говорит, мне искать чести? Но не так поступили Иосиф и Моисей. Что же? Осудим ли мы их? Конечно нет, потому что они не знали того, что произошло впоследствии: еще не было закона, запрещающего некоторые яства. Посмотри, как он и обличает и любомудрствует, выказывая мудрость и в малом. То же и апостолы говорили: **сие надлежало делать, и того не оставлять** (Лк.11:42). Он поступал так не потому, чтобы

яства были идоложертвенными, но потому, что были запрещены законом. Упросил ли он евнуха? Смотри, как Писание тотчас разрешило твое недоумение. **Бог даровал Даниилу милость**, говорит оно, **и благорасположение начальника евнухов**. То же было и с Иосифом; и там Иосиф пользовался милостью, **и снискал Иосиф благоволение в очах его** (Быт.39:1-4). Между тем оба они были рабами и в домах иноплеменников. Слова Даниила по справедливости могли возбудить гнев царя. Что говоришь ты? Трапезу властелина ты называешь мерзкою? А сам ты для нас разве чище? Разве ты не знаешь, что вы для того изучаете язык и науки халдейские, чтобы поступить в нашу среду? Почему же евнух оказал ему уважение? Даниил был презренным рабом, пленником. Хотя бы он был и важным и заслуживал уважение, но оказать ему уважение было опасно. Потому Писание, сказав, что **благорасположение**, передает и слова евнуха, и его опасения. Как же все устроилось? Это было бы невозможно, и не было бы позволено, если бы не устроила всего высшая благодать. **Тогда сказал Даниил Амелсару, которого начальник евнухов приставил к Даниилу, Анании, Мисаилу и Азарии: сделай опыт над рабами твоими в течение десяти дней; пусть дают нам в пищу овощи и воду для питья; и потом пусть явятся перед тобою лица наши и лица тех отроков, которые питаются царскою пищею, и затем поступай с рабами твоими, как увидишь. Он послушался их в этом и испытывал их десять дней. По истечении же десяти дней лица их оказались красивее, и телом они были полнее всех тех отроков, которые питались царскими яствами** (ст. 11-15). Великое дерзновение, величайшая решимость, великое благоразумие, великая вера! **Сделай опыт над рабами твоими в течение десяти дней**. А чтобы ты не подумал, что цветущий вид лица зависел от свойства семян, обрати внимание на воду, которая не питательна. И не только здоровыми оказались они, но еще здоровее пользовавшихся царскою трапезою; а всякому известно, что мясо и вино обыкновенно питательны больше всего. Заметь, как тотчас же получилось благое следствие от решимости отроков и благодати Божией. Решимость их выразилась в том, что они не захотели, а благодать — в том, что могли (воздержаться). **И потом**, говорит, **пусть явятся перед тобою**. Тебе мы предоставляем судить. Легка и удобоисполнима эта милость: удостоверься на деле; хотя сам я хорошо знаю, но раньше срока не объявляю, для твоей же пользы. Смотри, как он этим научил и придворных и показал, что он любит Бога. Притом не сказал просто: сотвори, с нами, но: **сделай опыт над рабами твоими**. Они не отказывались воздавать честь людям, где это нисколько не вредило благочестию. И Павел делал тоже самое. Начиная защитительную речь, он прежде всего в похвалу судии говорил так: **ты многие годы справедливо судишь народ сей** (Деян.24:10); он пользуется здесь общественными делами. Также Нафан, пророчествуя, оказывал честь Давиду, Иаков — фараону, Авраам — сожителям. И Даниил говорит: **царь! вовеки живи!** (Дан.6:21). Видишь слово исполненное лести; но я назвал бы это не лестью, а благоразумием и мудростью. Так и Павел говорит: **со внешними обходитесь благоразумно, пользуясь временем** (Кол.4:5). Так учил и Христос: **отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу** (Лк. 20:25). Что же? Разве семена не были нечистыми? Нисколько, равно как и вода. Так они продолжали поступать три года.

По окончании тех дней, когда царь приказал представить их, начальник евнухов представил их Навуходоносору. И царь говорил с ними, и из всех отроков не нашлось подобных Даниилу, Анании, Мисаилу и Азарии, и стали они служить пред царем. И во всяком деле мудрого уразумения, о чем ни спрашивал их царь, он находил их в десять раз выше всех тайноведцев и волхвов, какие были во всем царстве его (ст. 18-20). **По окончании тех дней**, говорит, преуспели они и в красоте и здоровье. Посмотри, как все это сверхъестественно; посмотри, как Творец являет Свою деятельность. Как ваятелем оказывается не только тот, кто может растопить медь и дать ей форму, но не меньше его и тот, кто может исправить уже сделанную статую, то же можно видеть и по отношению к Богу и этим отрокам. Сохранение тел здоровыми после

такого питания составляет не меньшее доказательство творческой силы, как и создание человека из земли. Откуда у них здоровый вид? Откуда блестящий цвет? Откуда сила? Вы знаете, что питье воды и ядение семян ослабляет силы. Они не хотели питаться даже хлебом; а не малое различие между пшеницею приготовленною и неприготовленною; силы укрепляются не только от ядения, но и от сварения подаваемого, а семенам вариться не свойственно. Заметь, что просьба эта проистекала не из честолюбия просивших, но имела основанием настоятельную нужду. Не просто, без всякой причины, они подвергли себя испытанию, но по требованию необходимости. Так далека была от честолюбия душа отроков. Между тем кто, имея такую веру и находясь среди иноплеменников, не захотел бы показать властителям то благоволение, которое имеет к нему Бог? А они не хотели этого. Посмотри также, как и обличение ими старших вызывалось только необходимостью.

---

[1] Толкование это во многих местах является неполным, неясным и запутанным, так что издатель "не без некоторого сомнения" поместил его в числе подлинных творений св. И. Златоуста. Может быть, недостатки эти объясняются неисправностью того единственного списка, с которого оно издано у Миня, или же мы имеем здесь только черновые записи св. отца, оставшиеся без дальнейшей обработки.

ГЛАВА 2

Во второй год царствования Навуходоносора снились Навуходоносору сны, и возмутился дух его, и сон удалился от него (ст. 1). Но этот год — двенадцатый. Если прошло три года после взятия города, а он был взят в девятом году, то этот год — двенадцатый. Некоторые говорят, что одним и тем же знаком у евреев обозначается как то так и другое число. Или это — ошибка писца, или здесь разумеется второй год после того, так отроки были представлены. Но не о том речь. Обстоятельство здесь затруднительнее. Какое же? То, что царь не знал, какой был сон его. И это премудро устроилось, потому что, если бы этого не было, то не открылась бы мудрость Даниила. Представим, что и он был бы призван и сказал будущее, и другие сказали бы; но, так как исполнения еще не было, то кто из них говорит истину и кто лжет? Это нужно было бы исследовать другими способами. Допустим, что самый сон был бы объявлен; пусть Даниил сказал бы то, что он говорил; пусть и те сказали бы противное: откуда было бы известно, лжет ли он, или говорит правду? Потому он здесь же представляет доказательство. С Иосифом же было не так, но царь рассказывает сон, потому что время исполнения было близко. Достойно удивления, что в Египте мудрецы египетские, будучи в безопасности, не хотели выдумать что-нибудь, но сказали, что они не знают. Если же они не могут объяснять снов, то в чем другом можно верить им? Здесь иначе и не должно было случиться; а в пророчестве Иосифа исполнение было ясно, особенно на случае с царедворцем. Заметь, что халдейские мудрецы не приглашают Даниила, но решаются лучше умереть, нежели видеть его прославившимся. Впрочем, для того ли только был открыт сон, чтобы Даниил прославился? Я не скажу этого. Если бы даже только для этого, и тогда было бы великое и удивительное дело явления Божией силы; но не для этого только. Для чего же? Для того, чтобы и царь вразумился, узнав, что род его не всегда будет господствовать, — ведь, если и после того, как ему было сказано это, он не оставил гордости, то тем более, если бы этого не было сказано, — и чтобы он признал Бога Господом всего. Так как они придавали большое значение снам, то и случилось все это. Потому Бог и открывает им будущее; равно и потому, что богов они почитали особенно за предведение будущего. Все волшебство их было направлено к этому. **Когда вышло это повеление, чтобы убивать**

мудрецов, искали Даниила и товарищей его, чтобы умертвить их. Тогда Даниил обратился с советом и мудростью к Ариоху, начальнику царских телохранителей, который вышел убивать мудрецов Вавилонских; и спросил Ариоха, сильного при царе: "почему такое грозное повеление от царя?" Тогда Ариох рассказал все дело Даниилу(ст. 13-15)? Видишь ли дерзновение? Видишь ли мужество? Он говорит это тому, кто имел власть умерщвлять! Притом он скорбит и о других. Это повеление, говорит он, не имеет ни основания, ни предлога, ни благовидности, — таких людей мы называем бесстыдными. **И Даниил вошел, и упросил царя дать ему время, и он представит царю толкование сна** (ст. 16). Удивительно, как царь позволил это. Заметь, как все во всем доверяют Даниилу. На каком основании царь думал, что он говорит истину? Почему не сказал: все обличены и признались, что это выше естества человеческого; а ты, иноплеменник, почему думаешь превзойти всех? Но когда Бог устрояет и располагает события, то нисколько не сомневайся. А с другой стороны, было бы и безопаснее придти к царю после. Для чего же Бог не тотчас открыл ему? Во-первых, для того, чтобы событие сделалось известным, и чтобы мудрецы были поставлены в великое затруднение. И он, хотя был пророком, однако ранее не знал этого. Кроме того чрез праведников Бог оправдывается пред тобою, показывая, что если им, подвергавшимся опасности, Он не давал ничего без усильной молитвы, то тем более не даст тебе. Потому и Павел везде требует молитв: **в молитве постоянны**, пишет он (Рим.12:12). Недостаточно чистой жизни, если нет и молитвы. Посмотри также на великую веру Даниила. Это — второй подвиг, и снова Дани- ил является руководителем и испрашивает времени, потребного для усиленного ожидания и молитвы. Он не просил, чтобы царь выслушал его тотчас же. Царь сделал ему эту милость, вместе с его друзьями. **И тогда открыта была тайна Даниилу в**

ночном видении, и Даниил благословил Бога небесного. И сказал Даниил: да будет благословенно имя Господа от века и до века! ибо у Него мудрость и сила; он изменяет времена и лета, низлагает царей и поставляет царей; дает мудрость мудрым и разумение разумным; он открывает глубокое и сокровенное, знает, что во мраке, и свет обитает с Ним. Славлю и величаю Тебя, Боже отцов моих, что Ты даровал мне мудрость и силу и открыл мне то, о чем мы молили Тебя; ибо Ты открыл нам дело царя (ст. 19-23). Еще не ясно было открыто ему, но в видении пророк подготовляется. Посмотри же на его дерзновение. **Почему**, говорит, **такое грозное повеление**? Мне кажется, что он еще прежде открытия сна остановил архимагира от убийства как осуждением этого повеления, так и обещанием найти средство от беды. Почему же открыто было Даниилу? И между святыми есть степень преимущества; потому он и предпочитается. Как же он видел? В видении, говорит Писание, а не при помощи человеческой мудрости. Хорошо называется **тайною** то, что всем было неизвестно. **И благословил Бога небесного**, т.е. Вседержителя, Который силен и там, в стране иноплеменников. Не было там жертвы, храма и жертвенника, но было благое произволение, — и все совершилось. Смотри: по получении просимого, он не поспешил тотчас же во дворец царя, а сначала воздал величайшую благодарность Подателю, не так как мы, часто забывающие о благодарности от радости при успехе наших дел. Но он не таков; он благословил Бога и сказал: **да будет благословенно имя Господа от века и до века!**. Мы, говорит он, временны и недолговечны, но воссылаем Ему благословение не только за это время, а и за все, не только за то, в которое мы живем, но и за прежнее, и за будущее. Всегда должно благословлять Бога, является ли Он, или не является, потому что промысл Его простирается на все. Посмотри, как в благодарении он показывает, кому принадлежит и знание сновидений: **даровал мне мудрость и силу**, т.е. знание всего и предведение. Здесь он говорит следующее: Бог знает все; ничего нет такого, чего бы Он не знал. Что же, это ли только, одно ли только предведение имеет Он? Притом пророк не сказал: имеет, но: **у Него мудрость и сила**, желая показать нам, что это естественное совершенство Божие, что это принадлежит Ему по естеству. Что же? Он только

предвидит, а не действует? Нет, и действует. **Изменяет времена и лета**. Не о переменах годов говорит он, а о переменах дел. **Низлагает царей и поставляет царей**, потому что Он совершает эти перемены. Но разве Он только предвидит и действует? Не свойственно ли Ему и нечто другое, величайшее, именно — власть и другим сообщать ведение? **Дает мудрость мудрым**. Не тем, которые раньше были мудрыми, а тем, которым Он дарует мудрость. Если какой мудрец имеет мудрость не от Него, то он не мудр. Не подумайте, что мудрость есть искусство халдеев. **И**, говорит, **разумение разумным**. Далее посмотрим, от науки ли, или от природы Даниил получил мудрость. И об этом говорит он: **Он открывает глубокое и сокровенное**. Не сказал: находит, но: **открывает** другим то, что для нас глубоко и сокровенно, что отделено от нас долгим временем и сокрыто. **Знает, что во мраке, и свет обитает с Ним**. Посмотри, что говорит он? Так же говорит и Давид: **какова тьма ее, таков и свет ее** (Пс.138:12), — говорит о глубине знания, или потому, что хотя бы было темно, для Него нет тьмы, или потому, что Он сам есть свет. Каким же образом Он знает находящееся во тьме? (Он знает), как имеющий при Себе свет. **Свет обитает с Ним** всегда, — говорит человекообразно. Как нет ничего темного для того, кто имеет зажженный светильник, так и для Бога; или еще более (для Него нет ничего темного): как для того, кто имеет свет в глазах, кто всегда носит его с собою; Он Сам — свет. **Славлю и величаю Тебя**, говорит, **Боже отцов моих, что Ты даровал мне мудрость и силу**. Благовременно он упомянул теперь об отцах, желая чрез них умолить Его, подобно тому, как сильно любящему человеку напоминают о любимых лицах. И ныне **открыл мне то, о чем мы молили Тебя**. Вероятно, он просил и еще о чем-нибудь, так что Бог открыл ему и это. **Ибо Ты открыл нам дело царя**, говорит, **после сего Даниил вошел к Ариоху, которому царь повелел умертвить мудрецов Вавилонских, пришел и сказал ему: не убивай мудрецов Вавилонских; введи меня к царю, и я открою значение сна** (ст. 24). Поспешно пришел к нему и говорит: **не убивай мудрецов Вавилонских**. Кто позаботился бы о них? Смотри, как человеколюбив и кроток пророк. Но его не послушали бы, если бы он не присовокупил следующего: **введи меня к царю, и я открою значение сна. Тогда Ариох**, говорится, **немедленно привел Даниила к царю и сказал ему: я нашел из пленных сынов Иудеи человека, который может открыть царю значение сна** (ст. 25). **Я нашел**, говорит, **из пленных сынов Иудеи человека**. Не постыдился его происхождения, потому что при затруднительных обстоятельствах ни о чем подобном не спрашивают, и всякая гордость, обычная в счастье, подавляется. Так больной никогда не станет спрашивать о происхождении врача, и находящийся в какой-нибудь другой опасности не будет исследовать, к высшему ли или низшему сословию принадлежит тот, кто намерен избавить его от опасностей, но желает только одного — избавления. Кто не постыдился бы, кто не посрамился бы, видя, что всех мудрецов отечества убивают, а пленников возвышают и превозносят? Ничего такого он не подумал, но поспешно повел (к царю), а тот спросил, уже не с прежнею гордостью. Что же говорит царь, когда он опытом убедился, что его требование было безрассудно? **Царь сказал Даниилу, который назван был Валтасаром: можешь ли ты сказать мне сон, который я видел, и значение его** (ст. 26)? Он говорит уже с большею кротостью; он не говорит: если не можешь, то подвергнешься участи других. Что же Даниил? **Даниил отвечал царю и сказал: тайны, о которой царь спрашивает, не могут открыть царю ни мудрецы, ни обаятели, ни тайноведцы, ни гадатели. Но есть на небесах Бог, открывающий тайны; и Он открыл царю Навуходоносору, что будет в последние дни** (ст. 27, 28). Посмотри на благоразумие пророка. Он не сказал тотчас же: я могу возвестить тебе; но, что прежде всего нужно было знать царю, о том и говорит. **Тайны**, говорит, **о которой царь спрашивает, не могут открыть царю ни мудрецы, ни обаятели, ни тайноведцы, ни гадатели. Но есть на небесах Бог, открывающий тайны**. Защищает тех, которые несправедливо были убиты, показывая, что и он говорит не сам от себя. Я сказал, говорит он, что это не дело волхвов, вовсе не для того, чтобы представить себя самого славнее их, но чтобы ты убедился, что и я говорю не по внушению человеческой

природы. **Но есть на небесах Бог**: не ограничиваете Его небом, но говорит так царю, как варвару, отвлекая его от земли; Бог — не подобный вашим богам, которые вращаются около земли. **И Он открыл царю Навуходоносору, что будет в последние дни**. Посмотри, как он говорит прикровенно; всю сущность видения помещает в предисловии и пробуждает ум царя, не высказывая ничего тяжелого и неприятного. **Сон твой**, говорит, **и видения главы твоей на ложе твоем были такие: ты, царь, на ложе твоем думал о том, что будет после сего? и Открывающий тайны показал тебе то, что будет** (ст. 29). Говорит согласно с народным мнением, будто сны как бы висят над головою, потому ли, что в ней сосредоточена мыслительная способность, или потому, что под головою разумеются глаза; а сами слова его означают: ты подал повод (к откровению). Не сказал просто: Бог открыл тебе; но сказал так: ты размышлял о том, **что будет после сего**. Так как он завладевал вселенною, то и размышлял, прострет ли он свою царскую власть на всех, или умрет. Величие власти обыкновенно приводит нас к забвению того, что природа наша смертна. Потому вероятно, что погрузился в бездну собственных подвигов, он не был твердо уверен, что умрет. Тоже случилось и с другим царем. Потому некто и сказал ему: **будучи человеком, а не Богом**,— разумея царя тирского (Иезек. 28:2). И посмотри, как он без оскорбления обличает царя. Он не сказал ему: ты думал именно об этом, — но: **что будет после сего**. Об этом ты думал, и размышлял, что будет впоследствии. **На ложе твоем**, когда никто не тревожил, но была спокойна душа; когда особенно много рождается у нас помыслов, злоупотребляющих нашим покоем и досугом. Потому-то у многих есть обычай проводить это время в молитве, так как тогда душа бездействует и происходит великий вред, если мы беспечны. **И Открывающий тайны показал тебе то, что будет**. Заметь, что уже второй раз он упоминает о Боге и не как пришлось; там он говорит: Тот, который **есть на небесах**, а здесь; **Открывающий тайны показал тебе то, что будет. А мне тайна сия открыта не потому, чтобы я был мудрее всех живущих, но для того, чтобы открыто было царю разумение и чтобы ты узнал помышления сердца твоего** (ст. 30). Он как бы говорит: откровение исходит не от меня, и то, что я один из всех узнал об этом, не дает мне преимущества пред другими. Бог сделал так не потому, что видел мою мудрость. Если же и после таких слов царь поклонился ему, как Богу, то что если бы он не говорил этого? **Но для того, чтобы открыто было царю**, говорит. Не ты меня должен благодарить, а я тебя; я узнал для того, чтобы ты узнал. Посмотри, как он приближает царя к Богу, и предстоящее чудо и любовь к нему заранее приписывает Богу. Когда царь узнал, что это для его чести, то очевидно мог прилепиться к Богу. Тебя, говорит он, Бог почтил более, чем меня. Видишь ли, как нечестолюбив этот юноша, как он приступает к предмету речи не прежде, чем отклонив царя от высокого о нем мнения? Потому, мог ли гоняться за славою тот, кто отвергает ее и тогда, когда ему воздают ее? И не сказал он: так как я почитаю Бога, как так служу Ему больше других, то и открыто мне; но — чтобы ты узнал то, что весьма полезно. А первое и без его слов должно было придти на мысль слушателям. **Тебе, царь, было такое видение: вот, какой-то большой истукан; огромный был этот истукан, в чрезвычайном блеске стоял он пред тобою, и страшен был вид его. У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные** (ст. 31-33). Посмотри, какого видения удостоился Навуходоносор. Так как проповедь (евангельская) должна была впоследствии распространиться между язычниками, то она заранее вводится в языческое предание, и в языческой земле является подобное видение, когда уже был разрушен храм и прекращены установления закона. Но изъясняется оно чрез евреев,— потому что, хотя проповедь должна была распространиться среди язычников, но чрез еврейских мужей — апостолов. Так было и с Корнелием. Язычники идут впереди, а не позади. Так и здесь, Навуходоносор первый увидел видение, но значение его первый узнал Даниил. Видишь, что иудеи являются и первыми и последними: они первые получили блага, но не поняли того, что получили, чтобы равенство было (у них с язычниками). Так и тогда (верующие)

удостаивались Духа прежде крещения. И при Аврааме сначала дано обетование о множестве народов, а потом обрезание; но спасение — чрез обрезание. Об этом многократно говорили иудеям пророки, и если бы не велика была леность ваша, то я раскрыл бы, где и когда. А так как иудеи не внимали, то проповедь переходит потом к язычникам. Иудеи, слушая такие слова, показывали презрение; а язычник, услышав, поклонился. Заметь, что это прообразует то, что случилось при Христе. Хананеянка поклоняется Ему; а они не только не делают этого, но изгоняют Его. Так и здесь, иудеи заключили Иеремию в узы, а язычник поклонился Даниилу. Также иудеи изгоняют апостолов, а язычники говорят: **боги в образе человеческом сошли к нам** (Деян.14:11). Когда суждение произносится без пристрастия, то оно бывает безукоризненно и чисто. Видишь ли, как ярки здесь образы? В Вавилоне слышится весть о Христе, и слушателем является варвар, дабы ты узнал, что не только язычники, но и варвары услышат об этом, как говорит Павел: должен благовестить **и Еллинам и варварам** (Рим.1:14). И чтобы ты не отчаивался, подается надежда. И действительно, как все неблагоприятно! Царская гордость, варварская природа, незначительность говорящего, — ведь он был пленником, — возраст его, — ведь он был юношей, — иная вера. Царь не сказал: тебе нужно было предвидеть свои дела, пленение города; тогда ты не знал, а теперь предсказываешь? Так впоследствии говорили глупцы: Христу надлежало бы воскресить Себя Самого. Самым предметом речи Даниила было разрушение царства Навуходоносора и конец всей вселенной, — и, однако Навуходоносор поверил; если бы он не поверил, то не принес бы жертвы Даниилу. Навуходоносор верит, а некоторые не верят этому. Потому и дано много пророчеств. Если бы те не сбылись, то не верь и этим. Впрочем, чтобы не затемнить речи, будем толковать вам это пророчество. Навуходоносор видел пять веществ: золото, серебро, медь, железо, глину. Весь образ означает время и последовательность времени. Хорошо он назвал его образом, потому что все наши дела подобны образу, неодушевленному образу. И хорошо сказано: образ **золота**, потому что как золото, хотя оно и блестит, происходит от земли, так и наше естество и дела. И посмотри: оно обращается в **прах**, каким было прежде (ст. 35). Между тем камень не мог сделать этого. Камень может разбить, но сущности изменить не может; а здесь было так. Видишь таинство воскресения. Действительно, когда тела наши разлагаются на стихии и возвращаются в прежнее естество, т.е. в землю, тогда происходит тление. А все это совершает камень. Итак, когда ты представляешь этот образ состоящим из различных веществ, голову его блестящею, грудь менее красивою, чрево еще более простым, а ноги еще худшими, то считай это различием только по виду, — потому что все это одной природы, как доказывает конец, обращающий все в прах. Здесь не мало премудрости. Можно применить эту премудрость и к настоящим обстоятельствам, переходя от тогдашнего властителя к ныне царствующему, потом к начальнику, который за ним следует и соответствует меди, затем низшим — железным и глиняным. Но если ты войдешь в гробницу, то, хотя бы они употребляли тысячи усилий, устраивая себе и там золотой гроб, увидишь одно и тоже естество. Вспомни затем того богатого, который был узником (т.е. Павла), или того богатого, который стал бедным подобно глине (т.е. Иова), и увидишь, что все — прах. Но заметь: все превратилось в прах не прежде, чем упал камень. **Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана, в железные и глиняные ноги его, и разбил их. Тогда все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах на летних гумнах, и ветер унес их, и следа не осталось от них; а камень, разбивший истукана, сделался великою горою и наполнил всю землю** (ст. 34, 35). Не прежде обнаружилась сущность вещей, как воссияло Солнце правды (и показало), что золото — не золото. Посмотри, и в этом самом образе до его сокрушения, когда вещества еще оставались на местах, ни одно из них нисколько не было лучше другого; но только по виду, по времени и по свойству одни казались лучше других. Потому и золото Бог творил из земли, чтобы ты не находил в нем ничего великого. Почему же царство Навуходоносора называется

золотым, персидское серебряным, македонское медным, а римское железным и глиняным? Посмотри, как хорошо расположены вещества. Золото представляет богатство, но оно слабо и служит более к обольщению, украшению и тщеславию. Таково и царство этого варвара. Много было золота у него и у (тех) варваров, потому что там, говорят, страна металлов. От сириян привозится много богатства, но бесполезного. Занимает же место головы, потому что явилось первым. Персидское не столь богато, равно как и македонское; римское полезнейшее и сильнейшее, а по времени позднейшее, и потому занимает место ног. Впрочем, в нем есть части слабые и части более сильные. Такова изменчивость людей. **И, по причине умножения беззакония**, сказал Господь, **во многих охладеет любовь** (Мф.24:12). А когда иссякает любовь, то по необходимости происходят распри и войны; когда же есть злоумышленники и враги, то люди по необходимости относятся друг к другу так, как глина к железу. Как эти вещества по природе различны и никогда не могут соединяться между собою, так бывает и тогда. Об этом говорят и пророки и апостолы. Затем настает конец. Как при Ное, когда усилилось зло, последовал потоп, так и теперь. И как больное тело, когда предается невоздержанию, погибает, так и мир. Если же Бог щадит город, когда в нем есть пять праведников, то тем более пощадит Он мир, когда в нем будет соответственное количество праведников. **Камень разбивший истукана, сделался великою горою и наполнил всю землю** (ст. 35). **Доколе**, говорит, **камень не оторвался от горы**. Посмотри, когда это случилось: не тогда, когда было золотое царство, или серебряное, или медное, но когда явилось железное; тогда, говорит, он **оторвался от горы**; говорит, — **от горы**, подразумевая высоту. Но пред царем он показал, что сон относится к делам человеческим. **Камень**, говорит, **оторвался от горы**. Указывает на свободное действие без принуждения; не сказал: был брошен, но: **оторвался от горы**; также указывает на неожиданность и на то, что никто не знал этого. **Отторгнут был от горы не руками** (ст. 45). Указывает на рождение (Христа) по плоти. Иногда Писание называет горою и жен, напр., когда говорит: **взгляните на скалу, из которой вы иссечены, в глубину рва, из которого вы извлечены** (Ис.51:1). И Христос часто называется камнем, по твердости. **А на кого он упадет**, говорится, **того раздавит** (Лк.20:18). **Как прах на летних гумнах**. Здесь указывается на непостоянство. **И ветер унес их, и следа не осталось от них**. Царства разрушаются так, как будто они не существовали. **А камень, разбивший истукана, сделался великою горою и наполнил всю землю**. Апостольская проповедь наполнила всю вселенную. Таким образом этот камень иногда называется горою, иногда краеугольным, а иногда основанием, чтобы ты знал, что он наполняет все, — горою потому, что он содержит все, краеугольным потому, что на нем стоит все, потому же он называется и основанием и корнем винограда. **Я есмь лоза, а вы ветви** (Ин.15:5). **Вот сон**, говорится далее, **скажем пред царем и значение его. Ты, царь, царь царей, которому Бог небесный даровал царство, власть, силу и славу, и всех сынов человеческих, где бы они ни жили, зверей земных и птиц небесных Он отдал в твои руки и поставил тебя владыкою над всеми ими. Ты — это золотая голова** (ст. 36-38). Показав могущество Божие, он потом смело преподает ему и проповедь. И посмотри, с каким уважением и почтительностью ведет речь. **Ты,** говорит, **царь, царь царей, которому Бог небесный даровал царство, власть, силу и славу, и всех сынов человеческих, где бы они ни жили, зверей земных и птиц небесных Он отдал в твои руки**. Ты господствуешь не только над подобными тебе людьми, но и над пустынею и над тем, что над головою. Заметь, как он указал на тот дар Божий, который дан в начале: **и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими** (Быт.1:28), чтобы ты знал, что Бог есть Творец и пустыни, что Он — Создатель не только кротких, но и диких животных. **Ты, царь, царь царей, которому Бог небесный даровал царство, власть, силу и славу, и всех сынов человеческих, где бы они ни жили**. Уже не говорит: **есть на небесах Бог**. Посмотри, как он постепенно преподает учение (о Боге). Сначала сказал, что Он обитает на небе, чтобы не представляли Его около земли. Когда царь освоился с этою мыслью, то переходит далее и показывает, что Бог есть Творец самого

неба, и Владыка и Господь, и не заключается в каком-либо месте, но всякое место есть Его творение. Если же Он — Господь неба, то может дать тебе землю. Сам Он взял небо, а тебе дал землю. Чем Он является там, тем ты на земле: высшим всех, владыкою всех, главою всех. Из земных благ Он дал тебе больше других, сделав тебя главою и показав царство твое золотым, из чистого золота. **Ты — это золотая голова! После тебя восстанет другое царство, ниже твоего, и еще третье царство, медное, которое будет владычествовать над всею землею** (ст. 39). Таково было македонское царство. **А четвертое царство будет крепко, как железо; ибо как железо разбивает и раздробляет все, так и оно, подобно всесокрушающему железу, будет раздроблять и сокрушать** (ст. 40). Под четвертым разумеет римское. Но он не приводит названий. Почему? Ради того он не говорит яснее, чтобы многие не уничтожили самых книг. **А что ты видел ноги и пальцы на ногах частью из глины горшечной, а частью из железа, то будет царство разделенное, и в нем останется несколько крепости железа, так как ты видел железо, смешанное с горшечною глиною. И как персты ног были частью из железа, а частью из глины, так и царство будет частью крепкое, частью хрупкое. А что ты видел железо, смешанное с глиною горшечною, это значит, что они смешаются через семя человеческое, но не сольются одно с другим, как железо не смешивается с глиною** (ст. 41-43). Когда это было с римлянами? Ты знаешь, какие перемены были в их царстве. И (цари) не все были из царского рода; притом многие были неверными. **И во дни тех царств Бог небесный воздвигнет царство, которое вовеки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно** (ст. 44). Приведи ко мне сюда иудеев. Что скажут они об этом пророчестве? О человеческом царстве конечно, нельзя сказать, что оно будет бесконечно; а между тем должно же быть такое, о котором это сказано. Если скажешь, что здесь говорится о Боге Отце, то послушай, что говорится: **во дни тех царств**, т.е. римлян. С другой стороны, могут сказать: каким образом Он сокрушил золото — вавилонское царство, которое давно уже разрушено, и серебро — царство персидское, и медь — македонское? Эти царства были давно и уже кончились. Но не удивляйся, возлюбленный. Если Павел не осмелился сказать ясно, но говорит: **пока не будет взят от среды удерживающий теперь** (2Сол.2:7), — тем более пророк. Но скажи мне, какая была бы польза, если бы сказано было ясно? Если же спросят: каким образом Он сокрушил медь и железо, — то этот вопрос будет одинаков с прежним: ведь и в тех словах также высказывается сомнение, — каким образом Он истребляет уже погибшие царства? Он действительно делает это, истребляя другие царства, в которые вошли прежние. Притом и раньше Он сокровенно делал это, потому что Он и прежде был Богом, хотя и не обнаруживал Своего действия, — чем и вызывается ваше справедливое недоумение. Если же кто захочет отнести это пророчество и к настоящему времени, тот не погрешит. Действительно, и ныне Он разрушает царства, — гордость македонян и владычество (римлян). Когда ты посмотришь на мучеников, которые делают это и для исполнения Его заповеди охотно решаются на смерть, то увидишь, как Его царство наполнило землю. Ты знаешь пророчества: если бы не исполнилось какое-нибудь из них, то не верь и концу. Далее пророк присовокупляет: **так как ты видел, что камень отторгнут был от горы не руками и раздробил железо, медь, глину, серебро и золото. Великий Бог дал знать царю, что будет после сего. И верен этот сон, и точно истолкование его** (ст. 45). Посмотри, как он доказывает сказанное, неясное посредством ясного, и как бы так говорит: кто сказал сон, тому должно верить и в толковании. Что же царь? **Тогда**, говорит, **царь Навуходоносор пал на лице свое и поклонился Даниилу, и велел принести ему дары и благовонные курения** (ст. 46). Так скоро поверили пророку. И справедливо царь сказал: **велел принести ему дары и благовонные курения**. Видишь величайшее чудо. Видишь, как у язычников было в обычае из людей делать богов. Следовательно, когда спросят: откуда идолопоклонство? — знай начало его. Так и апостолов из людей сделали богами (Деян.14:11). Так и диавол в начале, стараясь посеять нечестие, сказал: **вы будете,**

как боги (Быт.3:5). Но так как тогда ему не удалось это, то он усиливается после, стараясь везде ввести многобожие. **И сказал царь Даниилу: истинно Бог ваш есть Бог богов и Владыка царей, открывающий тайны, когда ты мог открыть эту тайну** (ст. 47). После одного только этого события он так скоро поверил, — а иудеи, слыша многое подобное, не внимали. Видишь ли, как Бог показывает тебе благоразумие язычников? Так как уже наступало время, в которое надлежало преподать им проповедь, то Он заранее оправдывается предками их, что не напрасно и не без причины Он предпочитает их иудеям.

ГЛАВА 3

Царь Навуходоносор сделал золотой истукан, вышиною в шестьдесят локтей, шириною в шесть локтей, поставил его на поле Деире, в области Вавилонской. И послал царь Навуходоносор собрать сатрапов, наместников, воевод, верховных судей, казнохранителей, законоведцев, блюстителей суда и всех областных правителей, чтобы они пришли на торжественное открытие истукана, которого поставил царь Навуходоносор (ст. 1,2). Посмотри, какая правдивость повествования: кто не постыдился бы объявить это? Что говоришь ты? Тот, который поклонился (Даниилу), совершил пред ним возлияние, почтил Бога, так удивлялся и изумлялся, тот самый, по прошествии непродолжительного времени, снова возвращается к прежнему заблуждению. И это случилось к лучшему: его еще не поразили знамения. Но (отроки) не думали ничего подобного, а имели в виду только одно, как бы сохранить чистую истину. Навуходоносор, взяв город, — тогда он завоевал его и овладел им, — поставил изображение, вероятно увлеченный гордостью. Некоторые утверждают, что он вспомнил о том образе, который показан был ему во сне; а другие говорят, что он хотел возвести самого себя в число богов. Древние, подобно диаволу, имели наклонность считать себя богами. Посмотри же на последствия. Не требуя поклонения самому себе, он приказал покланяться изображению, желая достигнуть этого великолепием, стараясь поразить и величиною и тяжестью этого тела, а также и местом. **На поле Деире**, говорит пророк. Может быть, это было ровное поле.

Есть мужи Иудейские, которых ты поставил над делами страны Вавилонской: Седрах, Мисах и Авденаго; эти мужи не повинуются повелению твоему, царь, богам твоим не служат и золотому истукану, которого ты поставил, не поклоняются. Тогда Навуходоносор во гневе и ярости повелел привести Седраха, Мисаха и Авденаго; и приведены были эти мужи к царю (ст. 12, 13). Почему здесь не видно Даниила? Мне кажется, что доносчики из страха не называли его, или царь, по уважению к нему, не принуждал его, чтобы не иметь в нем явного обличителя. Некоторые видят причину этого в том, что он назывался Валтасаром, — а это имя было у них названием идола, — и потому Бог устроил, что Даниил не был брошен в печь, чтобы не приписали избавления его силе этого имени и не уклонились от обличения. Что же три отрока? Конечно, и они могли обличить это дело. Но почему же Бог не сделал так, чтобы они наперед предсказали (о своем избавлении)? Халдеи клеветали на них, — ведь зависть делает многое. Они не могли переносить, видя, что пленники властвуют над ними. Но посмотри: как при (истолковании сна) Даниилом они сначала узнали образ жизни и кротость его, а потом увидели знамения, так и здесь сначала отроки делаются известными и Бог открывает их благочестие, а сами они, будучи так приготовляемы, не выставлялись на вид. Вы знаете, что человек, отчаявшийся остаться в живых и готовый на смерть, способен решиться на все, и даже на то, что кажется весьма дерзким. Но они, презирая смерть, были кроткими, не простирая смелости до дерзости, и делали это не по честолюбию.

А сии три мужа, Седрах, Мисах и Авденаго, упали в раскаленную огнем печь связанные. И ходили посреди пламени, воспевая Бога и благословляя Господа (ст. 23, 24). Посмотри: не удивительно ли и не чудно ли это — ходить и петь в огненной печи, как бы в водной купели? Ничто не препятствовало этому, потому что так хотел Бог. Таков же, мне кажется, был и тот огонь, который сжег находившихся вне; и то — огонь, и это — огонь, и то — тела и это — тела; и, однако, тех он коснулся, а этих не коснулся. Видишь ли, как велико было их благочестие? Ты удивляешься ему? Подивись и благоволению Господа и чести, какую Он оказал им. **Я прославлю прославляющих Меня**, говорит Он (1Цар.2:30). Он сделал их зрелищем для всех. Сверхъестественно говорили они; сверхъестественно и прославляет Он их. Посмотри на рабов, которые могут делать то же, что и Господь. Зачем же дивиться, что они посмеялись над царем, когда стихии благоговеют и удивляются им? Печь сделалась церковью, уподобилась самому небу. Они уже здесь испытали нетление. В начале грех подверг наши тела страданию; когда же человек делает правду, они опять становятся свободными от страданий. **И ходили**, говорит пророк. Но посмотрим, что говорят они; послушаем их таинственный голос, полный спокойствия. Ты слышал беспорядочные и нестройные звуки самвики, псалтири и гуслей? Послушай же голос из огня. Не казалось ли тебе удивительным, что голос Божий был слышен из огня? Вот и рабам Своим Он даровал тоже. Какой воздух, сотрясаясь, производил этот голос? Не убеждают ли всегда тех, которые обрекаются на сожжение, открывать уста для того, чтобы после этого сила (души) не могла оставаться в теле и на малое время? Посмотри на музыкальное согласие, как они все славословят как бы одними устами. **И став Азария молился и, открыв уста свои среди огня, возгласил** (ст. 25). Чтобы ты не думал, что они благодарят только за настоящее, они взывают к Богу о плене и тех бедствиях, которые случились с ними. Посмотри, как они начинают. **Благословен Ты, Господи Боже отцов наших, хвально и прославлено имя Твое вовеки**. **Ангел Господень сошел в печь вместе с Азариею и бывшими с ним и выбросил пламень огня из печи, и сделал, что в средине печи был как бы шумящий влажный ветер, и огонь нисколько не прикоснулся к ним, и не повредил им, и не смутил их** (ст. 26, 49, 50). Итак, не случайно это сделалось. Они не только не были сожжены, но и **огонь нисколько не прикоснулся к ним, и не повредил им**, не сделал им ни малейшего вреда, и даже они не чувствовали жара. Пламя поднялось так высоко, чтобы видно было и тем, которые находились вне. Удостоверить их (в истине чуда) достаточно могли и ввергаемые дрова, и непрерывность огня, и то, что он казался воспламеняющимся более и более, и то, что это происходило пред всеми. **Навуходоносор царь, услышав, что они поют, изумился, и поспешно встал, и сказал вельможам своим** (ст. 91). А как случилось, что Навуходоносор услышал? Может быть, он сидел здесь все время. Бог не попустил ему тотчас услышать для того, чтобы и самое время свидетельствовало о случившемся, т.е. что отроки, находясь там и долгое время, не потерпели ничего худого. **Не троих ли мужей бросили мы в огонь связанными? Они в ответ сказали царю: истинно так, царь! На это он сказал: вот, я вижу четырех мужей несвязанных, ходящих среди огня, и нет им вреда; и вид четвертого подобен сыну Божию** (ст. 91, 92). Он видел их чрез отверстие. **Тогда подошел Навуходоносор к устью печи, раскаленной огнем, и сказал: Седрах, Мисах и Авденаго, рабы Бога Всевышнего! выйдите и подойдите! Тогда Седрах, Мисах и Авденаго вышли из среды огня** (ст. 93). Почему же они вышли не прежде, как он позвал их? Хорошо и то, что он наперед спросил вельмож, чтобы после своего ответа они не могли сделать никакого возражения, и чтобы они не имели времени одуматься. Как Моисею Бог говорил: **что это в руке у тебя?** (Исх.4:2), — так и их Навуходоносор предупреждает этим вопросом. **Вот, я вижу**, говорит он, **четырех мужей**

несвязанных, ходящих среди огня, и нет им вреда; и вид четвертого подобен сыну Божию. Вероятно, он явился в великой красоте. Почему же ты, Навуходоносор, узнал Сына Божия? Посмотри, как варвар пророчествует по одному виду. **Тогда подошел**

Навуходоносор к устью печи, раскаленной огнем, и сказал: Седрах, Мисах и Авденаго, рабы Бога Всевышнего! выйдите и подойдите. Заметь: он не приказал погасить печь, но сказал, чтобы они вышли. Видишь великое и дивное чудо. Он назвал их тем названием, которым надеялся особенно угодить им. Нет ничего равного этому благородному званию. В самом деле, послушай, что говорит сам Бог: **Моисей, раб Мой, умер** (Иис. Нав.1:2). И **Исааку**, говорится, **рабу Твоему** (Быт.24:14). Таким названием восхищаются ангелы, и херувимы, и серафимы. После того отроки не медлили, как сделал бы тщеславный человек, но тотчас послушались; и сошлись все видеть чудо.

ГЛАВА 4

Я, Навуходоносор, спокоен был в доме моем и благоденствовал в чертогах моих (ст. 1). Почему пророк написал так, а не сказал: Навуходоносор спокоен был, — написал как бы от его лица? Мне кажется, что это — слова самого Навуходоносора. Когда он исправился от прежнего заблуждения, то, может быть, обнародовал такое послание. А Даниил приводит сам указ, чтобы быть достоверным. Здесь говорит роду человеческому сам испытавший это. И посмотри, какое наставление дается здесь гордым. То, что он потерпел, — от гордости, и сам и в начале и в конце указывает, что причиною всего была гордость. В конце он говорит: **Который силен смирить ходящих гордо** (ст. 34), а в приступе, в самом начале, показывает причину гордости: там объясняет, что за это он был унижен, а здесь говорит, отчего это произошло, — именно оттого, что он наслаждался великим благоденствием; так и Давид говорит: **овладела ими гордость** (Пс.72:6). Так точно и здесь причиною этого является полное благоденствие. В начале он говорит: **спокоен был в доме моем и благоденствовал в чертогах моих**. Невозможно, чтобы соединились вместе все блага. Случается быть счастливым по должности и несчастливым в своем доме, как было с Иродом, или с Давидом; случается быть несчастливым в делах общественных, но не терпеть ничего неприятного в доме; случается пользоваться миром в городе, но испытывать тревоги по должности. А этот человек благоденствовал во всех отношениях; ничто не огорчало его. Видишь ли, какое зло — безмятежность? Как для укрепления тела, когда нет обязательных трудов и занятий, мы занимаемся особыми упражнениями, так обыкновенно делает и Бог, чтобы укротить излишнюю силу. **Но я видел сон, который устрашил меня, и размышления на ложе моем и видения головы моей смутили меня. И дано было мною повеление привести ко мне всех мудрецов Вавилонских, чтобы они сказали мне значение сна** (ст. 2, 3). Посмотри, как Бог хочет смирить его не самим делом, но предсказанием будущего события, и как страшен был сон. Почему же и теперь не отступил от него дух его и он не забыл сна, как прежде? Потому что Даниил уже прежде представил достаточное доказательство (своей мудрости), именно при объяснении прежнего сновидения, и не было никакой нужды прибегать ко вторичному испытанию. Бог совершает все ради нужды, а не из тщеславия. С другой стороны это делается и для обличения волхвов, чтобы они опять не сказали: **да скажет царь рабам своим сновидение, и мы объясним его значение** (Дан.2:7); они уличаются в том, что не могут сделать ни того ни другого. Они не могли опять сказать: **дело, которого царь требует, так трудно, что никто другой не может открыть его царю, кроме богов, которых обитание не с плотью** (Дан.2:11). Этим царь убеждался, что и прежде Даниил говорил не по человеческой мудрости; убеждался, что и в прежние времена волхвы не говорили ничего здравого, как сам он сознался, но только некому было обличать их. А когда явилось для них обличение из Иудеи в лице Даниила, то они уже не смеют и притворяться. Таким образом они опять приглашаются по внушению (Божию). Достойно удивления, почему царь, испытав силу Даниила в таких делах, не призвал его прежде всех? Сам Бог устроил так, чтобы победа Даниила произошла после их поражения. **Устрашил меня**, говорит царь; однако и при этом не сделался лучшим, но захотел испытать на самом деле. Так всегда Бог невиновен. **Тогда пришли тайноведцы,**

обаятели, Халдеи и гадатели; я рассказал им сон, но они не могли мне объяснить значения его. Наконец вошел ко мне Даниил, которому имя было Валтасар, по имени бога моего, и в котором дух святаго Бога; ему рассказал я сон (ст. 4, 5). **Наконец**, говорит, **вошел ко мне Даниил**. Говорит, как забывший Даниила. Действительно, уже много лет прошло (после первого сна), а он скоро забывал, как имевший столько забот и живший в такой роскоши. Название: другой (в русском переводе этого слова нет) показывает, что царь почти совсем забыл его. **По имени**, говорит, **бога моего**. Не хочет ли он этим сказать: я так почтил его, что именем бога назвал его? У них был обычай называть детей своих именами богов, потому что и людей они иногда признавали богами. Так и у нас есть имена Вил и Велий. Когда бесы увидели, что таким образом людям воздается почитание и приписывается название богов, то и сами стали содействовать этому. Почему он говорит: **Даниил, которому имя было Валтасар**? Потому что Даниил имел силу Божию. Это имя было у них величайшею честью. И Даниил позволял им называть его этим именем; но сам нигде, упоминая о себе, не называет себя Валтасаром, но говорит: **я Даниил**. Какой чести удостоился сын царя, такой же и он, потому что и до испытания он казался удивительным по самому виду своему. Не собственною силою, говорится, он изрекал, но **в котором дух святаго Бога**; здесь говорится не о том Духе, которого мы называем Утешителем, но вдохновенном, он был боговдохновенным. **Валтасар, глава мудрецов**. Он был, говорит, первым из них. Смотри, сколько знаков его превосходства пред другими. **Валтасар, глава мудрецов! я знаю, что в тебе дух святаго Бога** (ст. 6). Лучший из всех, кого я знаю. Царь сказал это, чтобы опять не поставить его в необходимость ответить: **не потому, чтобы я был мудрее всех** (Дан.2:30); царь своими словами надеялся особенно расположить его к себе, и потому сказал это прежде всего другого. Если я назвал тебя князем обаятелей, то не подумай, что я сказал это во свидетельство того, будто ты говоришь от человеческой мудрости; ты **глава мудрецов**, но я знаю, что ты говоришь все, движимый силою божественною; это я узнал по опыту. **И никакая тайна**, говорит, **не затрудняет тебя**. Таковы дела божественные; человеческие дела несовершенны, а Божии не таковы. **Объясни мне видения сна моего, который я видел, и значение его. Видения же головы моей на ложе моем**. Что же говорит он? **Я видел, вот, среди земли дерево весьма высокое. Большое было это дерево и крепкое, и высота его достигала до неба, и оно видимо было до краев всей земли. Листья его прекрасные, и плодов на нем множество, и пища на нем для всех; под ним находили тень полевые звери, и в ветвях его гнездились птицы небесные, и от него питалась всякая плоть** (ст. 6-9). Что значит это видение? Им опять изображается непостоянство дел человеческих. Птицы, говорит, и звери наслаждались тенью его, и обитали в нем, и пища была им от него. Говорится о власти его, простиравшейся на всю вселенную. Итак, прежде под видом кумира, а теперь под видом дерева открываются ему события. Почему Бог не послал Даниила возвестить это? Потому что, когда события представляются наглядно, то речь о них является более достоверною и страшною, чтобы доказать, что Возращающий растения возвеличивает и царство сокровенно и без нашего ведома. **И видел я в видениях головы моей на ложе моем, и вот, нисшел с небес Бодрствующий и Святый. Воскликнув громко, Он сказал: "срубите это дерево, обрубите ветви его, стрясите листья с него и разбросайте плоды его; пусть удалятся звери из-под него и птицы с ветвей его; но главный корень его оставьте в земле, и пусть он в узах железных и медных среди полевой травы орошается небесною росою, и с животными пусть будет часть его в траве земной. Сердце человеческое отнимется от него и дастся ему сердце звериное, и пройдут над ним семь времен. Повелением Бодрствующих это определено, и по приговору Святых назначено, дабы знали живущие, что Всевышний владычествует над царством человеческим, и дает его, кому хочет, и поставляет над ним уничиженного между людьми"** (ст. 10-14). **И вот, нисшел с небес Бодрствующий и Святый**, так что устрашил его. **Воскликнув громко, Он сказал: срубите это дерево, но**

главный корень его оставьте в земле. Но так как эта отрасль легко повреждается, то **оставьте**, говорит он, как бы **в узах железных и медных**. **И пройдут**, говорит, **над ним семь времен**, **и дастся ему сердце звериное**. А что это относилось к человеку, видно из последующего. **И дастся**, говорит, **ему сердце звериное**. Изречением Ира слово (в русском переводе этих слов нет), т.е., само по себе слово не может быть ясным, но имеет нужду в толкователе. **И по приговору**, говорит, **Святых назначено**, т.е., и святые будут в состоянии сказать так. Или это он разумеет, или то, что они будут в состоянии предложить вопрос и показать причину, по которой это происходит и которая открылась из ответа. **Дабы знали живущие**, говорит, **что Всевышний владычествует над царством человеческим**. Вот причина. Видишь ли, как Бог промышляет о людях, как власть Его не ограничивалась иудеями? **Такой сон видел я, царь Навуходоносор; а ты, Валтасар, скажи значение его, так как никто из мудрецов в моем царстве не мог объяснить его значения, а ты можешь, потому что дух святаго Бога в тебе** (ст. 15). **Так как никто из мудрецов в моем царстве не мог объяснить**. Он знал, что Даниилу будет приятно, когда все признают себя побежденными не для его славы, но чтобы опять открылась сила Божия. **А ты можешь**, говорит, **скажи**. Почему можешь? **Потому что дух святаго Бога в тебе**. Посмотри: этим он начал речь, этим и кончил. **Дерево, которое ты видел, которое было большое и крепкое, высотою своею достигало до небес и видимо было по всей земле, на котором листья были прекрасные и множество плодов и пропитание для всех, под которым обитали звери полевые и в ветвях которого гнездились птицы небесные, это ты, царь, возвеличившийся и укрепившийся, и величие твое возросло и достигло до небес, и власть твоя — до краев земли. А что царь видел Бодрствующего и Святаго, сходящего с небес, Который сказал: "срубите дерево и истребите его, только главный корень его оставьте в земле, и пусть он в узах железных и медных, среди полевой травы, орошается росою небесною, и с полевыми зверями пусть будет часть его, доколе не пройдут над ним семь времен", — то вот значение этого, царь, и вот определение Всевышнего, которое постигнет господина моего, царя: тебя отлучат от людей, и обитание твое будет с полевыми зверями; травою будут кормить тебя, как вола, росою небесною ты будешь орошаем, и семь времен пройдут над тобою, доколе познаешь, что Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет. А что повелено было оставить главный корень дерева, это значит, что царство твое останется при тебе, когда ты познаешь власть небесную** (ст. 17-23). Что жеДалее говорит он? Каков будет конец бедствия? **Посему, царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот чем может продлиться мир твой** (ст. 24). Для чего ты говоришь: **искупи**, и силу врачества подвергаешь некоторому сомнению? Не потому я сказал: **искупи**, что сомневаюсь, — нет, я желаю внушить ему страх и показать, что он согрешил выше всякого врачества и всякого прощения. Если и после таких слов он не освободился от безумия, то тем больше, если бы не было высказано сомнения. Ту же цель имеет в виду Бог и в других местах, когда напр. говорит чрез пророка: **хотя бы ты умылся мылом и много употребил на себя щелоку, нечестие твое отмечено предо Мною, говорит Господь Бог** (Иер.2:22); и еще: **может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс — пятна свои?** (Иер.13:23). Как там он не допускает отвергнуть покаяния не для того, чтобы более устрашить, так и здесь Он сказал: **искупи**, желая показать бездну грехов. А почему не сказал: смирись, признай Бога? Если царь за это страдает, как и сам он говорит то для чего ты советуешь другое? Он сказал: **Всевышний владычествует над царством человеческим**. Что же, я наказываюсь для того, чтобы другие вразумились? Нет, не желая открывать ясно во сне, Бог сказал: **дабы знали живущие,** а Даниил говорит: **Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет**. Видишь ли, как здесь говорится о смиренномудрии? Во сне, говорит, предложено такое врачество, а я укажу и другое. Так бывает, например, когда гневается начальник, сам он ничего не говорит, а кто-нибудь из

его приближенных, подошедши к виноватому, говорит: сделай то и то, дай денег, и не раз, и мы можем избавить тебя от угрожающих бедствий. **Еще речь сия была в устах царя, как был с неба голос: "тебе говорят, царь Навуходоносор: царство отошло от тебя! И отлучат тебя от людей, и будет обитание твое с полевыми зверями; травою будут кормить тебя, как вола, и семь времен пройдут над тобою, доколе познаешь, что Всевышний владычествует над царством человеческим и дает его, кому хочет!" Тотчас и исполнилось это слово над Навуходоносором, и отлучен он был от людей, ел траву, как вол, и орошалось тело его росою небесною, так что волосы у него выросли как у льва, и ногти у него — как у птицы** (ст. 28-30). Вот определение свыше постигшее самого Навуходоносора. И все до конца исполнилось. Ты не ценил, говорит, человеческого благородства, поэтому пал до низости зверей. Ничто не могло быть постыднее этого, ни то, если бы Бог сделал его бедным, или узником, или кем-нибудь другим подобным. Впрочем, Он не лишил его естественного благородства, не сделал тела его звериным, но то, чем отличается человек от бессловесных, Он довел до зверского состояния. И сделал это так, что и другие могли узнать это по его пище, по виду. Чему же мы научаемся из этого? Тому, что, хотя бы с нами и не случилось ничего подобного, мы бываем нисколько не лучше бессловесных, если впадаем в гордость, или в другую зверскую страсть. Многие и ныне, подобно Навуходоносору, имеют душу зверя. Послушай Матфея, который говорит: **змии, порождения ехиднины** (Мф.23:33); и пророк говорит: **откормленные кони: каждый из них ржет на жену другого** (Иер.5:8); другой говорит: **все они немые псы, не могущие лаять** (Ис.56:10); иной называет людей **лисицами** (Иезек.13:4), иной — **аспидами и василисками** (Пс.90:13). Но гораздо хуже дойти до зверства в обычной жизни, нежели испытать случившееся с Навуходоносором. В нем душа нисколько не пострадала; а мы, накопляя так много грехов, сделались гораздо худшими, как уже сказано. Мудрецы языческие, говорят, превращали людей в зверей. Но то — басня, а это — истина. Для чего они превращали их? Без всякой цели; а Писание высказывает и причину: **дабы знали живущие, что Всевышний владычествует над царством человеческим**. Видишь ли, как все возможно для Бога, — и из людей сделать зверей, и изменить разум? Представь же, как поразительно было видеть человека, жившего прежде в таком блеске, обитающим вместе с зверями, нагим. Он не переменил своего вида; иначе здесь не было бы ничего страшного. Получить **сердце зверя** не то значит, будто он лишился разума, но то, что, имея человеческую душу, он чувствовал свое положение. Если бы он превратился в зверя, то не сознавал бы случившегося. Что же значит: **дастся ему сердце звериное**? Т.е. он одичал и не хотел быть вместе с людьми, или боялся быть с людьми, или боялся людей, как зверей. Что было выше его, и что теперь ниже его? **И отлучен он был от людей**. Могущество нисколько не защитило его. Он не сделался плотоядным зверем, но ел траву, и был подобен бессловесному животному. Ты будешь употреблять траву, как привычную пищу. Как звери не съели его? Как тело его могло переносить такую пищу? Как он не погиб? А времени прошло не мало. Он ходил, представляя всем образец унижения, нося на себе знаки наказания, как заклейменный. Может быть скажут, что ему лучше было бы терпеть это, оставаясь с людьми; но это не было позволено для усиления его наказания; а вразумление все-таки получалось, так как все рассказывали о случившемся с ним, и, может быть, сами видели его вне (города); видеть же это было гораздо ужаснее. Притом времени прошло не мало, но целая седьмица. **Доколе не пройдут**, говорит, **над ним семь времен**, три года с половиною.

По окончании же дней тех, я, Навуходоносор, возвел глаза мои к небу, и разум мой возвратился ко мне; и благословил я Всевышнего, восхвалил и прославил Присносущего, Которого владычество — владычество вечное, и Которого царство — в роды и роды. И все, живущие на земле, ничего не значат; по воле Своей Он действует как в небесном воинстве, так и у живущих на земле; и нет никого, кто мог бы противиться руке Его и сказать Ему: "что Ты сделал?" (ст. 31, 32) **Возвел**,

говорит, **глаза мои к небу**, т.е. он обратился к Богу и молился Ему, и у Него просил помощи. Хотя время вполне прошло, но он не полагался на это. Как сам он был властен не допустить исполнение события, так и теперь, если бы по истечении определенного времени он остался неисправимым, это определение не принесло бы ему никакой пользы, потому что определение Божие исполняется не по необходимости, но применительно к нашему состоянию. Так и Даниил, хотя время уже исполнилось, не напрасно молится, чтобы с продолжением нечестия и оно не продолжилось (Дан.9:4). Как бывает это при помиловании, например Езекии (4Цар. гл. 20), так и при наказании, например иудеев: Бог хотел скоро ввести их в Палестину, а они своим нечестием прибавили себе сорок лет. Посмотри, как царь прибегает к Богу. Я воззрел, говорит он, на небо, и стал опять человеком. **И разум мой возвратился ко мне**. Как человеческий вид его изменился, но не превратился в звериный, так и ум. Что же далее? **Восхвалил и прославил**. В каких выражениях? **Всевышнего**, говорит, **восхвалил и прославил Присносущего**. Ни что так не считается достойным Бога, как постоянное бытие. **Которого владычество — владычество вечное, и Которого царство — в роды и роды**. Этим особенно человек отличается от Него, и это считалось у людей высшим блаженством. **Которого владычество — владычество вечное**, существует во всякое время. Без пищи, говорит, Он питал меня; без одежды и без всего прочего не погибло мое тело. Представь, каким он стал, возвратившись из пустыни на царство. **В то время возвратился ко мне разум мой, и к славе царства моего возвратились ко мне сановитость и прежний вид мой; тогда взыскали меня советники мои и вельможи мои, и я восстановлен на царство мое, и величие мое еще более возвысилось** (ст. 33). **Тогда взыскали меня**, говорит, **советники мои и вельможи мои**, прогнавшие властителя и царя, — впрочем по распоряжению Божию. Для того и определяется время, чтобы ты не подумал, будто что-нибудь происходит случайно. **Которого царство — в роды и роды. И все, живущие на земле, ничего не значат**. Если я, владычествующий над всеми, вменен был ни во что, то тем более все прочие. Тот, Кто лишил царства столь сильного мужа, тем более (лишит всего) подвластных. **По воле Своей Он действует как в небесном воинстве, так и у живущих на земле**. Выражение: **ничего не значат** означает не то, Бог презирает их, — совсем нет, оно значит то, что Он силен и как хочет, так и распоряжается ими. Тоже выражают и следующие слова: **по воле Своей Он действует как в небесном воинстве, так и у живущих на земле**. Пусть так; о земле ты знаешь, а о небе откуда узнал? Из сновидения. Он повелел, и они повиновались. Из огня пещи. **И нет никого, кто мог бы противиться руке Его и сказать Ему: что Ты сделал?** Не только, говорит, не воспротивится, но даже не скажет ни слова. Он властвует над всеми; Он сам — все. **В то время возвратился ко мне разум мой**. **В то время**,— в какое? В определенное Богом. Почему они возвратили его на царство? Они низвергли его — столь сильного, как же они опять возвели его, сделавшегося слабым? **К славе царства моего возвратились ко мне сановитость и прежний вид мой; тогда взыскали меня советники мои и вельможи мои, и я восстановлен на царство мое, и величие мое еще более возвысилось**. Видишь ли, как Бог может и утвердить и разрушить царство? В этом следовало бы убедиться и из прежних опытов, но так как он не убедился, то Бог разрушил его царство, и опять восстановил.

Ныне я, Навуходоносор, славлю, превозношу и величаю Царя Небесного, Которого все дела истинны и пути праведны, и Который силен смирить ходящих гордо (ст. 34). Нельзя сказать, что Он имеет силу, но несправедливую; нет, и правда его велика. **И Который силен смирить ходящих гордо**. Не сказал: смиряет, чтобы показать тебе долготерпение Его, и чтобы ты знал, что не по слабости Он поступает так, но чрез одного вразумляет и других. Видишь ли силу Его? Видишь ли правду? Видишь ли человеколюбие? Видишь ли, как произносят это уста варвара? Кто говорил так мудро? Воспитанные пророками не говорили ничего подобного; напротив, они говорили: **не**

делает Господь ни добра, ни зла (Соф.1:12); и еще: **не своею ли силою мы приобрели себе могущество?** (Амос.6:13). И еще: **всякий, делающий зло, хорош пред очами Господа, и к таким Он благоволит** (Малах.2:17); и еще: **тщетно служение Богу, и что пользы, что мы соблюдали постановления Его** (Мал.3:14). Видишь ли в Палестине сатанинское учение? Видишь ли в земле варварской пророческую мудрость? Это — прообразы благодати, которую имели получить язычники, прообразы того, что последние имели предварить первых. Далее повествуется, как Валтасар, опьянев во время пиршества, повелевает принести сосуды (храма), как бы хвалясь победою отца, или — вернее — безумствуя от опьянения; а может быть и потому, что иудеи были зрителями происходившего, чтобы искоренить в них благоговение, какое они имели к Богу. Это происходило от гордости и пьянства. Будем же остерегаться пьянства, возлюбленные. От него происходит много безрассудного. Пьянство властвует и над великими людьми; ведь Валтасар повелел это, напившись вина. Отец его, вывезши сосуды, пощадил их, и, взявши город, не дерзнул употребить их на человеческое служение; а этот не только сам употреблял, но отдал их для употребления и вельможам своим и наложницам и возлежавшим вместе с ним.

ГЛАВА 5

Валтасар царь сделал большое пиршество для тысячи вельмож своих и перед глазами тысячи пил вино. Вкусив вина, Валтасар приказал принести золотые и серебряные сосуды, которые Навуходоносор, отец его, вынес из храма Иерусалимского, чтобы пить из них царю, вельможам его, женам его и наложницам его. Тогда принесли золотые сосуды, которые взяты были из святилища дома Божия в Иерусалиме; и пили из них царь и вельможи его, жены его и наложницы его. Пили вино, и славили богов золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных (ст. 1-4). Видишь, что сосуды были взяты. Но посмотри на их силу и после того, как они были взяты и положены в идольском храме. Царь поступает с ними по своему произволу. Почему это? Они взяты были за грехи (иудеев), которые были наказаны. Чем же все кончилось после знамения? Почему не потерпели ничего вельможи, но один царь? Потому, что он приказал, он был виновником. **И славили богов золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных**. Почему у них было такое различие богов? Диавол, желая лишить их всякого оправдания, часто внушал им делать деревянных богов, чтобы им не иметь оправдания даже в драгоценности вещества. **Славили** их. Посмотри, Бог никогда не начинает, но действует после. Для чего суд последовал немедленно и в тот же час? Для того, чтобы не уничтожилось то, что было сделано прежними чудесами; оскорбляя Бога употреблением сосудов, царь хотел оскорбить и людей. И посмотри, что происходит. Он пожелал сосудов, и в тот же час был наказан. Для чего не посылается пророк с обличением, но персты руки? Для того, чтобы обличение было более поразительно. **В тот самый час вышли персты руки человеческой и писали против лампады на извести стены чертога царского, и царь видел кисть руки, которая писала** (ст. 5). Заметь, что был вечер. Нужно было укротить надменность, происшедшую от опьянения, нужно было всем присутствовавшим узнать, что царь несет наказание. Зачем Бог не послал тотчас молнии с неба? Затем, чтобы опять прославился и раб его, чтобы выслушали от него, за что царь терпит это. Даниил, войдя, не только объясняет написанное, но говорит длинную речь, и притом увещательную, — не с тем, чтобы принесть пользу царю, но чтобы сделать других лучшими. **Тогда введен был Даниил пред царя, и царь начал речь и сказал Даниилу: ты ли Даниил, один из пленных сынов Иудейских, которых отец мой, царь, привел из Иудеи?** (ст. 13). Говорит это, как бы желая устрашить и притеснить Даниила. Но сказав: **которых отец мой, царь, привел из Иудеи**, он привел эти слова против себя самого: значит, он сам нуждается в этих пленниках! **Я слышал о тебе, что дух Божий в тебе и свет, и разум, и**

высокая мудрость найдена в тебе. Вот, приведены были ко мне мудрецы и обаятели, чтобы прочитать это написанное и объяснить мне значение его; но они не могли объяснить мне этого. А о тебе я слышал, что ты можешь объяснять значение и разрешать узлы; итак, если можешь прочитать это написанное и объяснить мне значение его, то облечен будешь в багряницу, и золотая цепь будет на шее твоей, и третьим властелином будешь в царстве (ст. 14-16). Он признает своих мудрецов побежденными и говорит: скажи и получи это. Но посмотри на пророка: пред отцом его он смутился духом (Дан.4:16), а теперь не чувствует никакого смущения. Что же он говорит? **Тогда отвечал Даниил, и сказал царю: дары твои пусть останутся у тебя, и почести отдай другому; а написанное я прочитаю царю и значение объясню ему** (ст. 17). Для чего он отказывается от подарков? Для того, чтобы ты знал, что он говорит не для них. Он говорит это без гнева и потому прибавляет: **а написанное я прочитаю царю и значение объясню ему**. Видишь ли, как он выше богатства, выше почестей, не нуждается ни в чем царском? Таковыми должны быть возвещающие дела Божии. (Он отказывается) и для того, чтобы царь не подумал, будто он расположил его к себе подарками или будто в сказанном есть нечто человеческое. Что же он говорит? Прежде чем объяснить написанное, он предлагает совет, напоминая ему о случившемся с отцом его, с самого начала. **Царь! Всевышний Бог даровал отцу твоему Навуходоносору царство, величие, честь и славу. Пред величием, которое Он дал ему, все народы, племена и языки трепетали и страшились его: кого хотел, он убивал, и кого хотел, оставлял в живых; кого хотел, возвышал, и кого хотел, унижал. Но когда сердце его надмилось и дух его ожесточился до дерзости, он был свержен с царского престола своего и лишен славы своей, и отлучен был от сынов человеческих, и сердце его уподобилось звериному, и жил он с дикими ослами; кормили его травою, как вола, и тело его орошаемо было небесною росою, доколе он познал, что над царством человеческим владычествует Всевышний Бог и поставляет над ним, кого хочет** (ст. 18-21). Если он, говорит, не удостоился прощения, то, скажи мне, чего достоин ты, не исправившийся после такого примера? И незнанием ты не можешь оправдаться. Разве ты не знал всего этого? Кого и кому предпочитаешь ты? Ты предпочитаешь богов не слышащих и не видящих? **И ты, сын его Валтасар, не смирил сердца твоего, хотя знал все это, но вознесся против Господа небес, и сосуды дома Его принесли к тебе, и ты и вельможи твои, жены твои и наложницы твои пили из них вино, и ты славил богов серебряных и золотых, медных, железных, деревянных и каменных, которые ни видят, ни слышат, ни разумеют; а Бога, в руке Которого дыхание твое и у Которого все пути твои, ты не прославил. За это и послана от Него кисть руки, и начертано это писание. И вот что начертано: мене, мене, текел, упарсин. Вот и значение слов: мене — исчислил Бог царство твое и положил конец ему; Текел — ты взвешен на весах и найден очень легким; Перес — разделено царство твое и дано Мидянам и Персам** (ст. 22-28). **Исчислил**, говорит, **Бог царство твое и положил конец ему**. И то, что оно разделилось и не осталось целым, сделано в наказание. Так было и с Соломоном. Не только сын Валтасара не получил царства, но оно еще и разделилось. Посмотри, как Бог является правым пред ним; посмотри, как сам он виноват. **Бога, в руке Которого**, говорит, **дыхание твое и у Которого все пути твои, ты не прославил**. Не мог ли он тотчас же умертвить тебя? Но он долготерпелив. Кого не устрашило бы такое наказание, и притом столь близкое? Видишь ли, что Бог властен и в том и другом? Чем, скажи мне, ты заслуживаешь прощения? Ты сын, не скажу даже — потомок, Навуходоносора, — как же ты не знал всего этого? Определение пишется, как в судилище; а Даниил объясняет написанное. Как пришло царю на мысль почтить Даниила? Мне кажется, он желал избежать осуждения присутствовавших может быть, он надеялся получить за это избавление.

ГЛАВА 6

Даниил превосходил прочих князей и сатрапов, потому что в нем был высокий дух, и царь помышлял уже поставить его над всем царством. Тогда князья и сатрапы начали искать предлога к обвинению Даниила по управлению царством; но никакого предлога и погрешностей не могли найти, потому что он был верен, и никакой погрешности или вины не оказывалось в нем (ст. 3, 4), т.е. был благорасположен к царю. А, может быть, слова: **он был верен** означают: надеялся на Бога, Который управляет всем; а когда Бог управляет, то какая же может быть опасность? Что же далее? **И эти люди сказали: не найти нам предлога против Даниила, если мы не найдем его против него в законе Бога его** (ст. 5). Невозможно, говорят, ничего найти. Почему? Разве он не человек? Разве он не погрешал ни в чем? Будущее неизвестно; как же вы ручаетесь за будущее? Мы узнали об этом, говорят, на опыте. **Если мы не найдем его против него в законе Бога его**. Но там он еще более безупречен. Бог попускает искушение для испытания. Не мог ли Он укротить их злобу? Но чтобы научить тебя и вызвать твое удивление перед подвигом, Он не лишает венца рабов своих. **Тогда эти князья и сатрапы приступили к царю и так сказали ему: царь Дарий! вовеки живи! Все князья царства, наместники, сатрапы, советники и военачальники согласились между собою, чтобы сделано было царское постановление и издано повеление, чтобы, кто в течение тридцати дней будет просить какого-либо бога или человека, кроме тебя, царь, того бросить в львиный ров. Итак утверди, царь, это определение и подпиши указ, чтобы он был неизменен, как закон Мидийский и Персидский, и чтобы он не был нарушен. Царь Дарий подписал указ и это повеление** (ст. 6-9). Посмотри, что они делают, как они стараются постановить безрассудный закон, и усиленно просят этого. Разумно ли было сказать: **просить какого-либо бога или человека**? Оправдание своей просьбы они стараются найти в краткости времени. Но что же это за предлог? Почему вы просите об этом? **Согласились**, отвечают они; все мы, собравшиеся, порешили, чтобы в продолжение тридцати дней просить только у тебя одного. О, варварская просьба! О, угодливость, исполненная великого безумия, бесславящая того, кому по-видимому оказывает честь! Ведь, если это хорошо, то и всегда так следовало бы делать; если же не хорошо, то не должно быть и в течение тридцати дней. И затем, если это хорошо, то для чего указывать на множество (решавших)? И без этого царь должен был согласиться. А если это не хорошо, то хотя бы повелевала вся вселенная, не следовало слушаться. Царь не заметил коварства, как видно из последующего. Он постановил, а они закрепили это постановление указом, чтобы царь не имел времени отменить его, хотя бы потом и пожелал. Что же говорит Даниил, услышав об этом? Он не смутился, и ни в чем не изменил своей жизни. Посмотри, как добродетельный человек живет всегда ровно, взирая на все, как на какие-нибудь скоропреходящие цветы, — и на радости и на скорби, как на тени. Если он был непоколебим вначале, то тем более теперь, когда он получил победные венцы в стольких подвигах. Почему же он не пришел (к царю)? Почему не вознегодовал, пользуясь таким влиянием у царя? Он хотел подействовал не словом, а делом. Мы видим, что в других случаях, когда было необходимо, он всегда спешил явиться. **Даниил же, узнав, что подписан такой указ, пошел в дом свой; окна же в горнице его были открыты против Иерусалима, и он три раза в день преклонял колени, и молился своему Богу, и славословил Его, как это делал он и прежде того** (ст. 10). Для чего Писание напоминает нам, что дверцы были отверсты к Иерусалиму? Иудеи имели к нему сильную любовь, и как тот, чья возлюбленная отсутствует, любит и путь, ведущий к ней, — так точно было и с Даниилом. Другие любили Иерусалим ради чувственных благ, а он ради славы Божией. А что это так, видно из того, что он не хотел возвратиться в Иерусалим, когда дождался желанного времени. Потому и мы, как заповедали нам отцы, молимся, взирая на восток; мы также стремимся к древнему городу и отечеству; и оно вполне достойно этого. Зачем же мы обращаемся к востоку, если Бог — везде, и пророк говорит: **воспойте Богу, пойте имени Его, готовьте путь Шествующему на запад** (Пс.67:5)? Там, на востоке, была как

бы лечебница в древности. Но ведь ты не прибегал к ней? Поразмысли; ведь и мы живем в плену, — впрочем только до пришествия Христова. Почему же он только в три времени дня преклонял колена свои? Что же? Разве и это не удивительно? Он был человек, обремененный столькими заботами, и не имевший ни малого отдыха. Посмотри, как исполнялось апостольское изречение: **на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки** (1Тим.2:8). И то, что Христос повелел, они исполняли. **Затворив дверь твою**, говорится, **помолись Отцу твоему** (Мф.6:6).

Тогда отвечали они и сказали царю, что Даниил, который из пленных сынов Иудеи, не обращает внимания ни на тебя, царь, ни на указ, тобою подписанный, но три раза в день молится своими молитвами. Царь, услышав это, сильно опечалился и положил в сердце своем спасти Даниила, и даже до захождения солнца усиленно старался избавить его. Но те люди приступили к царю и сказали ему: знай, царь, что по закону Мидян и Персов никакое определение или постановление, утвержденное царем, не может быть изменено. Тогда царь повелел, и привели Даниила, и бросили в ров львиный; при этом царь сказал Даниилу: Бог твой, Которому ты неизменно служишь, Он спасет тебя! (ст. 13-16). Может быть, некоторые из вас скажут: разве царь не мог избавить его? Конечно, Бог мог сделать царя более твердым, но Он вел борца на подвиг. Он знал конец событий. И царь не спорил бы, если бы знал, чем все кончится; но он не мог знать. Он достоин похвалы за усердие, достоин прощения за старание. Так любезен был ему Даниил! Но завистники не позволяют видеть хорошее, или — лучше — позволяют видеть, но не такими глазами. Не должно допускать, говорят они, чтобы решения твои были столь нетверды и законы наши столь слабы; весь народ оскорбляется. Даниила ввергают в ров; налагают камень. **Тогда царь повелел, и привели Даниила, и бросили в ров львиный; при этом царь сказал Даниилу: Бог твой, Которому ты неизменно служишь, Он спасет тебя! И принесен был камень и положен на отверстие рва, и царь запечатал его перстнем своим, и перстнем вельмож своих, чтобы ничто не переменилось в распоряжении о Данииле. Затем царь пошел в свой дворец, лег спать без ужина, и даже не велел вносить к нему пищи, и сон бежал от него** (ст. 16-18). Вспомни о гробе Христовом, когда иудеи положили на нем печать. Если бы не было этого, то сказали бы, что дело совершилось волшебством. Но все, что ни делается врагами, бывает нам на пользу. Это сделано было для того, чтобы отнять у клеветников всякий предлог к оправданию: и царь налагает печать, чтобы им не было возможности сделать что-нибудь или вытащить Даниила и сослаться на львов, и они налагают печать, чтобы царю невозможно было избавить его, и чтобы таким образом решение дела было беспристрастно. И не ужинал царь, говорится, и не спал. Посмотри, как велика его любовь. Что же случилось? Сначала он ободрил Даниила, сказав: **Бог твой, Которому ты неизменно служишь, мог ли спасти тебя от львов** (ст. 20). Опять он говорит то именно, что могло ободрить душу его. Может быть, он уже слышал об этом. Потом он приходит, произнося славословие. **Тогда царь чрезвычайно возрадовался о нем и повелел поднять Даниила изо рва; и поднят был Даниил изо рва, и никакого повреждения не оказалось на нем, потому что он веровал в Бога своего. И приказал царь, и приведены были те люди, которые обвиняли Даниила, и брошены в львиный ров, как они сами, так и дети их и жены их; и они не достигли до дна рва, как львы овладели ими и сокрушили все кости их** (ст. 23, 24). За что истребляются дети и жены? В чем согрешили они? Может быть, и они участвовали в этом деле. Видишь ли наказание нечестивых? Видишь ли награду праведных? Всем поучайся, всем назидайся. Видишь, как Бог, если и оставляет человека, делает это на пользу? Он преодолел огонь, преодолел зверей. После этого уже не спрашивай, зачем существуют львы, леопарды и прочие дикие звери. Они, подобно каким-нибудь палачам, стояли по бокам Даниила, как бы на некотором божественном и страшном судилище, и не осмелились растерзать ребра праведника, потому что не слышали повеления Судии. Но когда бросили к ним других, то

они, по повелению Божию, истребили их. **И сокрушили**, говорится, **все кости их**. Кто обуздывал их уста? Кто повелел воздержаться от предложенной пищи? Какой мудрец столь воздержен, что мучимый голодом и видя пред собою средство утолить его, не захотел бы избавиться от него? Опять указы, опять божественная проповедь, опять доказательства на деле.

ГЛАВА 7

В первый год Валтасара, царя Вавилонского, Даниил видел сон и пророческие видения головы своей на ложе своем. Тогда он записал этот сон, изложив сущность дела. Начав речь, Даниил сказал: видел я в ночном видении моем, и вот, четыре ветра небесных боролись на великом море, и четыре больших зверя вышли из моря, непохожие один на другого. Первый — как лев, но у него крылья орлиные; я смотрел, доколе не вырваны были у него крылья, и он поднят был от земли, и стал на ноги, как человек, и сердце человеческое дано ему. И вот еще зверь, второй, похожий на медведя, стоял с одной стороны, и три клыка во рту у него, между зубами его; ему сказано так: "встань, ешь мяса много!" Затем видел я, вот еще зверь, как барс; на спине у него четыре птичьих крыла, и четыре головы были у зверя сего, и власть дана была ему. После сего видел я в ночных видениях, и вот зверь четвертый, страшный и ужасный и весьма сильный; у него большие железные зубы; он пожирает и сокрушает, остатки же попирает ногами; он отличен был от всех прежних зверей, и десять рогов было у него. Я смотрел на эти рога, и вот, вышел между ними еще небольшой рог, и три из прежних рогов с корнем исторгнуты были перед ним, и вот, в

этом роге были глаза, как глаза человеческие, и уста, говорящие высокомерно (ст. 1-8). Почему не сказано, что он видел женщин? Когда нужно было представить наказание и проклятие, тогда Писание употребляло образы женщин; а когда — царства, то — зверей. Здесь предметом речи служит царство; ему и дается чувственный образ. И это весьма хорошо. Так как свойства царств особенно ясно проявляются в зверях, то они и нужны были для пророка. Он хотел показать роскошь, соединенную с свирепостью, и представил львицу; хотел показать медленность, и представил медведицу; хотел показать быстроту и легкость и уничтожение всех властей посредством войн, и представил рысь. Посмотри, как хорошо, что он прежде всего созерцал море, т.е. всю вселенную. Она полна такого смятения и так волнуется, как будто населена рыбами, а не людьми. Так и Христос объясняет, что настоящая жизнь есть море, когда говорит: **подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода** (Мф.13:47). **И вот, четыре ветра небесных боролись на великом море**. Объясняя, что звери вышли оттуда, он показывает быстроту промышления Божия. Так и мы, говоря о быстроте, указываем на ветер. Ветры устремились, говорит, на море, и вышли звери из моря. И начальники наши имеют нашу же природу. Так часто Писание называет царя львом, желая показать царское достоинство, соединенное со зверскими нравами. О четырех ветрах сказано потому, что есть ветер восточный, есть северный, есть и южный; это все равно, что сказать: они возмутили море, взволновали его до неба. **Четыре больших зверя вышли из моря, непохожие один на другого. Первый — как лев**, — таким он явился в сновидении; в действительности же это не было. Двумя образами означается царское достоинство. Некоторые же говорят, что (вавилонский царь) одолел ассирийского, и потому употребляются два образа. **Но у него крылья орлиные; я смотрел, доколе не вырваны были у него крылья**, т.е. власть, **и он поднят был от земли, и стал на ноги, как человек, и сердце человеческое дано ему**. Свирепое животное! С обеих сторон оно имело органы для быстрого движения: сверху — крылья, снизу — ноги; но то и другое было отнято: крылья были сокрушены и не были более видны, а ноги обратились в слабые

человеческие. **И сердце человеческое дано ему**. Велика была надменность этого животного; но теперь, говорит, этот царь сделался смиренным, кротким, ручным. **И вот еще зверь, второй, похожий на медведя, стоял с одной стороны, и три клыка во рту у него, между зубами его; ему сказано так: "встань, ешь мяса много!"** Медленностью отличалось царство персидское. Под владычеством мидян и персов **три клыка**, т.е. страны или царства, которые они соединили. **Ему сказано так: "встань, ешь мяса много!"**, так как они взяли и Вавилон и причинили много бедствий. **Затем видел я, вот еще зверь, как барс; на спине у него четыре птичьих крыла, и четыре головы были у зверя сего, и власть дана была ему.** Потом, говорить, **барс**, т.е. Александр, царь македонский, пробежавший всю вселенную, так как не было никого стремительнее и быстрее его; он был силен и быстр, как этот зверь. **Четыре**, говорит, **птичьих крыла** над ним, т.е. он захватил себе всю власть, так так, разделив персов на тринадцать областей, он подчинил себе всех. Видишь ли его быстроту? Она изображается и свойствами зверя и крыльями. Он прошел всю вселенную. **И четыре головы были у зверя сего, и власть дана была ему**. Далее пророк говорит о явлении зверя с разнообразными и разнородными свойствами, которому не может дать образа: так изменчив был этот зверь. Он победил все те царства. У прочих сила была в быстроте, а у этого — в зубах, потому что они были железные. **Остатки же попирает ногами**. Здесь говорится о множестве войн. Какие же десять царей? Что значит малый рог? Я утверждаю, что это антихрист является между несколькими царями. **Глаза, как глаза человеческие, и уста, говорящие высокомерно**. В самом деле, что может быть высокомернее уст того, кто превозносится **выше всего, называемого Богом или святынею** (2Фес.2:4)? Не удивляйся, что у него **глаза человеческие,** ведь о нем говорится и то, что он — **человек греха, сын погибели** (2Фес.2:3). Почему же он мал, и не является великим **с** самого начала? Однако после он вырастет и победит несколько царей. Что же? За ним уже не следует другое царство, но сам Бог истребляет его. **Видел я, наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его — как чистая волна; престол Его — как пламя огня, колеса Его — пылающий огонь. Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним; судьи сели, и раскрылись книги** (ст. 9, 10). Усилим внимание, возлюбленные, потому что идет речь не о маловажных предметах. **Престолы**, говорит, **поставлены**, **и воссел Ветхий днями**. Кто Он? Как, слыша о медведе, ты разумел не медведя, и слыша о льве, разумел не его, а царства, и слыша о море, разумел не море, а вселенную, и прочее, — так и теперь. Кто этот **Ветхий днями**? Он был подобен некоему старцу. Бог принимает на Себя образы по требованию обстоятельств, по которым является, и (здесь) показывает, что суд должен быть вверяем старцам. Слыша о престоле, ты не будешь разуметь седалище; как же можно разуметь кого-нибудь обыкновенного под сидевшим, когда в одном месте Он представляется вооруженным (Прем.5:18), в другом — окровавленным (Ис.63:3)? Здесь пророк хочет выразить, что (настало) время суда. **Одеяние на Нем было бело, как снег**. Почему? Потому, что настало время не только суда, но и воздаяния; потому, что всем нужно предстать пред Ним; потому, что **суд Мой**, как говорит пророк, **как восходящий свет** (Ос.6:5). Потом **поставлены были престолы**. Не те ли престолы, о которых говорит Христос: **сядете и вы на двенадцати престолах** (Мф.19:28)? **И волосы главы Его — как чистая волна**. Огонь ничего не истреблял, он был безвреден. Видишь ли здесь образ государства и народа? Престол был страшен, потому что имел много огня, и не просто огня, но **как пламя огня**. Чтобы ты не думал, что он употреблен для сравнения, пророк указал и действие его, сказав, что он был не просто огонь, но **как пламя огня**. **Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним**, **судьи сели** т.е., Он для того пришел, чтобы произвести суд. **И раскрылись книги**. Что говоришь ты? Разве имеет нужду в книгах Бог, **знающий все прежде бытия его** (Дан.13:42), **создал по одному сердца их и вникает во все дела их** (Пс.32:15)? Нет, это говорится применительно к

обычаю начальников, подобно тому, как употребляются у нас записи. Как у нас записи читаются не для того, чтобы только начальник узнал дело, но чтобы видна была справедливость суда, так и здесь: хотя и знает праведный Судия, но открывает книги. Для чего? Что ты хочешь сказать? А почему он не говорит и о почестях? Он сказал: **поставлены были престолы**, в знак того, что Бог определил и почести; но так как мы не послушались, то Он назначил наказание и мучение. Не такое ли воззвание и к нам сделали Христос? **С того времени**, говорит евангелист, **Иисус начал проповедывать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное** (Мф.4:17). Не разумей здесь, возлюбленный, ничего телесного, и не думай, что беспредельный Бог объемлется престолом. Если **в руке Его все концы земли** (Пс.94:4), если Он **взвесил на весах горы**, если **народы — как капля из ведра, и считаются как пылинка на весах**, как Сам Он говорит (Ис.40:12,15), то какое место может объять Его всего? Нет, Он не был объемлем престолом. Если же Он имел одежду, то как огонь не истребил ее? Как называется **Ветхий днями** Тот, Кто существует прежде всех веков? Как Он может быть ветхим? **А Ты**, говорит Псалмопевец, **тот же** (Пс.101:28). Как же Он может быть ветхим? **И лета Твои**, говорится, **не оскудеют** (Пс.101:28). Как могла быть одежда у Беспредельного и Бестелесного? **И величию Его**, говорит Псалмопевец, **нет конца** (Пс.144:3); и еще: **взойду ли на небо - Ты там, сойду ли в ад - Ты там пребываешь** (Пс.138:8). Как же Он был облечен в человеческую одежду и огонь не истреблял ее? Впрочем, пророк мог видеть и многое другое. Как волосы не сгорали в огне? Потому пророк и прибавил: **престол Его — как пламя огня**. **И раскрылись книги**, — так, что кто осуждается, тот осуждается по собственной вине. **Видел я тогда, что за изречение высокомерных слов, какие говорил рог, зверь был убит в глазах моих, и тело его сокрушено** (ст. 11) за высокомерие, хотя Александр и поклонился Богу. **И предано на сожжение огню**. **И у прочих зверей отнята власть их, и продолжение жизни дано им только на время и на срок** (ст. 12). Хотя их власть кончилась, но жизнь оставалась. **Зверь был убит в глазах моих, и тело его сокрушено и предано на сожжение огню**. Этим выражается совершенное истребление. **Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий** (ст. 13). Кто не знает этого? Кто может не видеть этого? Не то же ли — о, иудей — говорит Петр или Павел? **Дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему.** Отсюда видно, что они имеют равную честь. **Подведен был к Нему** (ст. 18). Чтобы ты, когда увидишь, что Ему дается царство, не понимал слова: **дана** по человечески, пророк говорит: **с облаками небесными**. Облаками Писание обыкновенно обозначаешь небо. **И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится** (ст. 14). Что, скажи мне, может быть яснее этого? **Все народы**, говорит, **племена и языки служили Ему**. Посмотри, как пророк охватил все народы вселенной. Посмотри, как (Сын человеческий) получил и власть суда. А чтобы ты не подумал, что это только на время, он говорит: **владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится**, но стоит и пребывает. Если же ты не веришь этому, то убедись делами. Видишь ли равночестность Его с Отцом? Так как Он явился после Отца, то пророк и говорит, что Он пришел вместе с облаками. А что Он был и прежде, это видно из того, что Он приходит **с облаками**. **И Ему дана власть**, т.е. та, которую Он имел. **Чтобы все народы, племена и языки служили Ему**. Он имел власть и прежде и тогда принял ту самую, которую имел. В каком смысле ты разумеешь волосы у Отца и прочее, в таком разумей и это. Слыша: **дана**, и тому подобное, ты не думай о Сыне ничего человеческого, или низкого. Как, видя **Ветхого днями**, ты не разумеешь старца, так понимай и прочее. Не ищи ясности в пророчествах, где тени и гадания, подобно тому, как в молнии ты не ищешь постоянного света, но довольствуешься тем, что она только блеснет. **Вострепетал дух мой во мне, Данииле, в теле моем, и видения головы моей смутили меня** (ст. 15). Конечно, смущало его то, что он созерцал. Он первый и один видел Отца и Сына, как бы в видении.

Что могут сказать на это иудеи? Так как предстоявшее пришествие Сына было уже близко, то справедливо и являются чудные видения. **Я подошел к одному из предстоящих и спросил у него об истинном значении всего этого, и он стал говорить со мною, и объяснил мне смысл сказанного** (ст. 16). Он спрашивает, что значит виденное им, и узнает об антихристе, узнает и о царстве, не имеющем конца. **Эти**, говорит, **большие звери, которых четыре, означают, что четыре царя восстанут от земли. Потом примут царство святые Всевышнего и будут владеть царством вовек и вовеки веков. Тогда пожелал я точного объяснения о четвертом звере, который был отличен от всех и очень страшен, с зубами железными и когтями медными, пожирал и сокрушал, а остатки попирал ногами, и о десяти рогах, которые были на голове у него, и о другом, вновь вышедшем, перед которым выпали три, о том самом роге, у которого были глаза и уста, говорящие высокомерно, и который по виду стал больше прочих. Я видел, как этот рог вел брань со святыми и превозмогал их, доколе не пришел Ветхий днями, и суд дан был святым Всевышнего, и наступило время, чтобы царством овладели святые. Об этом он сказал: зверь четвертый — четвертое царство будет на земле, отличное от всех царств, которое будет пожирать всю землю, попирать и сокрушать ее. А десять рогов значат, что из этого царства восстанут десять царей, и после них восстанет иной, отличный от прежних, и уничижит трех царей, и против Всевышнего будет произносить слова и угнетать святых Всевышнего; даже возмечтает отменить у них праздничные времена и закон, и они преданы будут в руку его до времени и времен и полувремени. Затем воссядут судьи и отнимут у него власть губить и истреблять до конца. Царство же и власть и величие царственное во всей поднебесной дано будет народу святых Всевышнего, Которого царство — царство вечное, и все властители будут служить и повиноваться Ему. Здесь конец слова. Меня, Даниила, сильно смущали размышления мои, и лице мое изменилось на мне; но слово я сохранил в сердце моем** (ст. 17-28). Почему же ты, человек, не сказал этого глагола? Потому, что это нисколько не относилось к иудеям; напротив, на словах Бог сообщил это прикровенно, но сохранил в сердце пророка. Так и в конце он говорит: **сокрыты и запечатаны слова сии до последнего времени** (Дан.12:9), и желает, чтобы они оставались неясными. То же делает и Сам (Христос), когда говорит притчами. Посмотри, как пророк всячески возвышает это царство, чтобы ты не разумел ничего человеческого. Люди, хотя бы овладели всею землею, не (могут владеть) всегда и на бесконечное время. Пусть никто не говорит мне, что пророк разумеет здесь краткое время. Что же значат слова: **царство это не будет передано другому народу** (Дан.2:44)? Посмотри на бывшее при Дарие и македонянах. Для кого это было? Для иудеев. Потому и Александр, как говорят, поклонился храму, увидев книгу Даниила, и язычники удивлялись силе его предсказания. Об этом никто не говорил, кроме одного этого пророка.

ГЛАВА 8

В третий год царствования Валтасара царя явилось мне, Даниилу, видение после того, которое явилось мне прежде. И видел я в видении, и когда видел, я был в Сузах, престольном городе в области Еламской, и видел я в видении, — как бы я был у реки Улая. Поднял я глаза мои и увидел: вот, один овен стоит у реки; у него два рога, и рога высокие, но один выше другого, и высший поднялся после. Видел я, как этот овен бодал к западу и к северу и к югу, и никакой зверь не мог устоять против него, и никто не мог спасти от него; он делал, что хотел, и величался. Я внимательно смотрел на это, и вот, с запада шел козел по лицу всей земли, не касаясь земли; у этого козла был видный рог между его глазами. Он пошел на того овна, имеющего рога, которого я видел стоящим у реки, и бросился на него в сильной ярости своей. И я видел, как он, приблизившись к овну, рассвирепел на него и поразил овна, и

сломил у него оба рога; и недостало силы у овна устоять против него, и он поверг его на землю и растоптал его, и не было никого, кто мог бы спасти овна от него. Тогда козел чрезвычайно возвеличился; но когда он усилился, то сломился большой рог, и на место его вышли четыре, обращенные на четыре ветра небесных. От одного из них вышел небольшой рог, который чрезвычайно разросся к югу и к востоку и к прекрасной стране, и вознесся до воинства небесного, и низринул на землю часть сего воинства и звезд, и попрал их, и даже вознесся на Вождя воинства сего, и отнята была у Него ежедневная жертва, и поругано было место святыни Его. И воинство предано вместе с ежедневною жертвою за нечестие, и он, повергая истину на землю, действовал и успевал. И услышал я одного святого говорящего, и сказал этот святой кому-то, вопрошавшему: "на сколько времени простирается это видение о ежедневной жертве и об опустошительном нечестии, когда святыня и воинство будут попираемы?" И сказал мне: "на две тысячи триста вечеров и утр; и тогда святилище очистится". И было: когда я, Даниил, увидел это видение и искал значения его, вот, стал предо мною как облик мужа. И услышал я от средины Улая голос человеческий, который воззвал и сказал: "Гавриил! объясни ему это видение!" И он подошел к тому месту, где я стоял, и когда он пришел, я ужаснулся и пал на лице мое; и сказал он мне: "знай, сын человеческий, что видение относится к концу времени!" И когда он говорил со мною, я без чувств лежал лицем моим на земле; но он прикоснулся ко мне и поставил меня на место мое, и сказал: "вот, я открываю тебе, что будет в последние дни гнева; ибо это относится к концу определенного времени. Овен, которого ты видел с двумя рогами, это цари Мидийский и Персидский. А козел косматый — царь Греции, а большой рог, который между глазами его, это первый ее царь; он сломился, и вместо него вышли другие четыре: это — четыре царства восстанут из этого народа, но не с его силою. Под конец же царства их, когда отступники исполнят меру беззаконий своих, восстанет царь наглый и искусный в коварстве; и укрепится сила его, хотя и не его силою, и он будет производить удивительные опустошения и успевать и действовать и губить сильных и народ святых, и при уме его и коварство будет иметь успех в руке его, и сердцем своим он превознесется, и среди мира погубит многих, и против Владыки владык восстанет, но будет сокрушен — не рукою. Видение же о вечере и утре, о котором сказано, истинно; но ты сокрой это видение, ибо оно относится к отдаленным временам" (ст. 1-26).

Голос человеческий, который воззвал и сказал, говорится, **Гавриил! объясни ему это видение**. Посмотри на обязанности ангелов и архангелов. Есть ли другая большая сила? **И он подошел**, говорит пророк, **к тому месту, где я стоял, и когда он пришел, я ужаснулся и пал на лице мое**. Где те, которые злословят ангелов? Ангел не сделал ничего сам от себя. Видишь ли, что и они разделены на многие чины и виды? В первом видении пророк говорит: **подошел к одному из предстоящих и спросил** (Дан.7:16); а здесь не так. **И услышал я одного святого говорящего**; спрашивает другой, как бы не зная, — чтобы узнал Даниил. **И сказал**, говорит он. **Под конец же царства их, когда отступники исполнят меру беззаконий своих, восстанет царь наглый и искусный в коварстве**. Посмотри, как пророк показывает иудеям, что они сами виноваты; но он не высказывает этого ясно, чтобы они намеренно не остались злыми: ведь если они оставались такими, когда ничего подобного не было сказано, то тем более остались бы, если бы это было ясно выражено; также и для того, чтобы ты знал, что Дух везде имеет силу, что Бог предвидит все, и что Он, хотя знал о будущих грехах их, однако вывел их (из плена). И заметь: если бы он указал на годы, время показалось бы непродолжительным, — поэтому он исчисляет дни, чтобы устрашить множеством их, и притом исчисляет не только дни, но и ночи. Он долго останавливается на печальных событиях при Антиохе, чтобы устрашить хотя таким образом. **И укрепится сила его**, т.е., Бог мог остановить его,

но попустил за грехи иудеев, и не просто за грехи, но за то, что исполнилась мера. Разве есть какая-нибудь мера грехов? **Ибо мера беззаконий**, говорит Бог, **Аморреев доселе еще не наполнилась** (Быт.15:16). И заметь: предсказывается уже не сожжение, но отдельные случаи убийств. Так как некоторые будут добрее и лучше отцов, то и наказание положено меньшее. Это говорится для того, чтобы они, возгордившись победами, бывшими при Зоровавеле, не сделались беспечными. И посмотри, как он не указывает ничего светлого после времен Антиоха, но говорит только о прекращении бедствий и о времени, их обнимающем. Что же? Разве он не предсказал об этом плене? Предсказал, но весьма не ясно. Потому и Христос сказал: **когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте** (Мф.24:15). Бедствия придут, говорит, но так, как будто он не предсказывал. Впрочем некоторые говорят, что справедливо не предсказано об этом, так как этот плен не имел определенного времени. **Ему назначали**, говорит пророк, **гроб со злодеями, но Он погребен у богатого** (Ис.53:9). **Но ты сокрой это видение, ибо оно относится к отдаленным временам**, т.е., сохрани, сбереги, чтобы оно не исказилось от продолжительного времени. Посмотри, как Бог всегда щадил иудеев. Они пришли в Египет и сделались дурными; Он не отступил от них, но вывел их в пустыню. Они оставались в нечестии; Он не отступил от них, но ввел в землю обетованную. При Антиохе опять вывел их, и опять они остались такими же. При Христе они опять были такими же; но Он и тогда не отступил от них, а постоянно печется о них. Как естественные свойства, данные нам от природы, не покидают нас, что бы ни случилось, так и Бог; или лучше, они могут покинуть нас, но Бог никогда не оставляет Своим промышлением и попечением. **Забудет ли женщина грудное дитя свое**, говорит Он, **чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя** (Ис.49:15). Как мать не смотрит на то, хороши ли ее дети, но исполняет закон природы, — так, и даже более, Бог постоянно печется, никогда не оставляет, всегда действует в одной и той же мере. **И я, Даниил, изнемог, и болел несколько дней; потом встал и начал заниматься царскими делами; я изумлен был видением сим и не понимал его** (ст. 27). Отчего же он изнемог? Может быть, от скорби при размышлении о будущих бедствиях, тогда как и настоящие не окончились. И еще, говорит, столько бедствий! Или: я еще не примирил с ними Бога, а они сами опять вооружают Его против себя. И **потом встал и начал заниматься царскими делами**, т.е. служил. И **я изумлен был видением сим и не понимал его**. Особенно сильна бывает скорбь в том случае, когда ею невозможно ни с кем поделиться; или (он скорбит) потому, что они были нечестивы. И **начал заниматься**, говорит, **царскими делами**, т.е., я ничего не опускал, но исполнял свои дела.

ГЛАВА 9

В первый год Дария, сына Ассуирова, из рода Мидийского, который поставлен был царем над царством Халдейским, в первый год царствования его я, Даниил, сообразил по книгам число лет, о котором было слово Господне к Иеремии пророку, что семьдесят лет исполнятся над опустошением Иерусалима. И обратил я лице мое к Господу Богу с молитвою и молением, в посте и вретище и пепле (ст. 1-3). Это Дарий мидянин. Под первым годом пророк разумеет не первый год его царствования, так как не сказал: в первое лето царствования его, но **в первый год царствования его**, так что можно назвать его и первым годом, в который он, будучи царем, может быть, взял в плен приверженцев Валтасара. **я, Даниил, сообразил по книгам число лет**, т.е., время убиения Валтасара, и размышлял. Посмотри, как он прежде определенного срока не осмеливался приступать к Господу. Также поступили три отрока в пещи; но во рве он не так поступил. Что же? Те ли поступили худо, или он? Ни те, ни он. Те выразили свою любовь, а он — разумение переживаемого времени. Итак, не с разумением ли читал он пророчества? Я думаю, что он ведет счет не со взятия города, а может быть с пленения

Израиля; опустением Иерусалима справедливо можно назвать и войны. Заметь, и здесь седьмеричное число. Как прежде он изменил четыреста тридцать лет (Исх.12:40) в двести пятнадцать, так и теперь, я думаю, уменьшено. **О котором было слово Господне к Иеремии пророку, что семьдесят лет исполнятся над опустошением Иерусалима. И обратил я лице мое к Господу Богу с молитвою и молением, в посте и вретище и пепле**. Посмотри на его благочестие. **И обратил я**, говорит, **лице мое**, т.е. прежде, до уничижения, я стыдился, а теперь **обратил я лице мое**, — иначе сказать: осмелился. Если бы он просил должного, то не сказал бы: **обратил я лице мое**, как будто дело было соединено с опасностью. Если же он столь заботится о других, если, пользуясь таким благоволением у Бога и у царя, нисколько не услаждается этим, но сокрушается более бедствующих, как бы сам подвергаясь бедствиям, то как не удивляться ему по достоинству? Посмотри, как он и после этих бедствий не осмеливается приступить к Богу до тех пор, пока не увидел, что время исполнилось. Что же будет с нами несчастными? Что говоришь ты, Даниил? Ты находишься среди благ, пользуешься честью от Бога и от людей; что же ты заботишься о других? Так поступал и Моисей. И что говорит он? **В посте и вретище и пепле** просил он о должном. Почему же, если это было должное? Потому, что опасался, как бы иудеи не оказались недостойными и этого. Для Бога нет необходимости; Он выше законов. **И обратил я лице мое к Господу Богу**, говорит, **с молитвою и молением**. Прежде всего он испрашивает этого. Позволит ли мне Бог, говорит он, молиться за них? Потому что он слышал, что Иеремии было сказано: **ты же не проси за этот народ и не возноси за них молитвы и прошения** (Иер.7:16). Не смотря на то, что ходатаями за него были и плен, и наступление срока, и собственная его добродетель, и бесчисленные страдания, он не чувствует в себе смелости, но посыпается пеплом и покрывается вретищем, и таким образом молится. Что же сделаем мы, беспечные? Ему мы должны подражать. Чтобы никто не мог сказать, что прочие пророки делали это по бедности, — тот, кто больше всех пользовался великим почетом, смиряется больше всех. Он происходил от царского рода и наслаждался столь многими благами. Так надобно оплакивать собственные бедствия; так нужно жалеть о своих ближних; таково сострадание пророков. Посмотри, как он особенно отличался этим. Моисей говорил: **прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей** (Исх.32:32). А Даниил постоянно был в посте и слезах. И Павел был постоянно в слезах и готов был идти в самую геенну. Никто из них не услаждался собственными благами; но как глаз в теле, хотя он и красив, не может чувствовать своей красоты, когда ноги повреждены и гниют, так было и с ними. Для чего пепел? Он напоминал ему о собственной его природе. Для чего вретище? Оно смиряет своею грубостью. Для чего пост? И он напоминает о том, что было в раю. Таков обычай (благочестивых): они стремятся к тому, что причиняет скорбь. Я не достоин, говорит он, ни земли, ни одежды, ни других даров природы, но заслуживаю тягчайшего наказания, хотя облечен в персидские ткани и ношу персидскую тиару. И что еще говорит он? Послушаем его исповедь. **И молился я Господу Богу моему** (ст. 4). Посмотри на его любовь к Господу. **Богу моему**, говорит. Того, кого он не осмеливался просить, называет своим Богом. **И когда я еще говорил и молился, и исповедывал грехи мои и грехи народа моего, Израиля, и повергал мольбу мою пред Господом Богом моим о святой горе Бога моего; когда я еще продолжал молитву, муж Гавриил, которого я видел прежде в видении, быстро прилетев, коснулся меня около времени вечерней жертвы и вразумлял меня, говорил со мною и сказал: "Даниил! теперь я исшел, чтобы научить тебя разумению. В начале моления твоего вышло слово, и я пришел возвестить его тебе, ибо ты муж желаний; итак вникни в слово и уразумей видение** (ст. 20-23). Если скажут нам иудеи: почему при Исаии, когда сын Озии страшился войны и нашествия двух царей, пророк вышедши дал им знамение, которое должно было исполниться спустя много лет? — то и мы скажем им: почему, когда Даниил молился о возвращении и желал услышать что-нибудь об этом, пришедший ангел не возвестил ничего об этом, а указал на дела, имевшие совершиться спустя много времени?

Как там вопрос вполне разрешается, так и здесь. Восстановление города делается весьма достоверным, когда возвещается, что он и опять будет взят. Что же? Не желал ли Он опечалить пророка, сделав это? Нет, Он желал внушить больший страх иудеям. И не однажды и не дважды, но многократно Он делает это, потому что предстоявшее благополучие легко могло наполнить гордостью их душу, так как город имел быть не только восстановлен, но и построен руками варваров, теми самыми руками варваров, которые разрушили его. Об этом и Исаия говорит, показывая, что Бог всемогущ, что Он может все сделать и изменить (Ис.49:17). Иудеям были впоследствии возвращены блага отечества и дарованы блистательные и частые победы, о которых и возвещают пророки, напр. Иезекииль говорит, что семь лет будут сожигаемы оружия тех, которые будут взяты в плен (Иезек.39:9), и другие часто говорили тоже самое; чтобы они, возгордившись этим, не сделались хуже прежнего, Бог страхом предсказания и многократным повторением одного и того же как бы ставит их в неизбежную необходимость не развращаться, хотя бы они и хотели. Потому Он не открывал ясно и времени; да и какая была польза открывать это? И заметь, когда сообщается пророчество? При самом возвращении, когда обстоятельства их были благоприятны и цветущи. Моисей, намереваясь ввести их в землю обетованную, при самом получении благ, предсказывает о наступающих бедствиях, говоря: **свидетельствуюсь вам сегодня небом и землею** (Втор.4:26): бесчувственности, происходящей от благополучия, он противопоставляет угрозу наказания, — так и Даниил удерживает их страхом. Потому и Захария много останавливается на этом и говорит об этом потому, что ничего нет менее полезного для природы человеческой, чем благоденствие и спокойствие. **Когда я еще продолжал молитву**, говорит, **муж Гавриил,** обыкновенно являвшийся ему, **которого я видел прежде в видении, быстро прилетев,**

коснулся меня около времени вечерней жертвы, — или для того, чтобы он не испугался видения, или для того, чтобы уразумел сказанное. Так как при других нельзя было открыть этого ясно, то он и прикасается. **И вразумлял меня**, говорит, **говорил со мною и сказал: "Даниил! теперь я исшел, чтобы научить тебя разумению. В начале моления твоего вышло слово, и я пришел возвестить его тебе, ибо ты муж желаний; итак вникни в слово и уразумей видение**. Вникни, говорит, в то, что будет сказано. Когда кто просит об одном, а слышит о другом, тогда нужно великое внимание. **И возвратится народ, и обстроятся улицы и стены** (ст. 25). Некоторые разумеют здесь стену, которую построил Агриппа. **Итак знай и разумей: с того времени, как выйдет повеление о восстановлении Иерусалима, до Христа Владыки семь седмин и шестьдесят две седмины; и возвратится народ и обстроятся улицы и стены, но в трудные времена. И по истечении шестидесяти двух седмин предан будет смерти Христос, и не будет; а город и святилище разрушены будут народом вождя, который придет, и конец его будет как от наводнения, и до конца войны будут опустошения. И утвердит завет для многих одна седмина, а в половине седмины прекратится жертва и приношение, и на крыле святилища будет мерзость запустения, и окончательная предопределенная гибель постигнет опустошителя"** (ст. 25-27). Посмотри как поразительно он говорит о бедствиях! **И утвердит завет для многих одна седмина, а в половине седмины прекратится жертва и приношение, и на крыле святилища будет мерзость запустения, и окончательная предопределенная гибель постигнет опустошителя** (ст. 27). Посмотри, как он окончил речь прискорбными событиями, а о благоприятных сказал не ясно, — последние указаны в словах: **утвердит завет для многих одна седмина;** о прискорбном же говорит часто и много. **И мерзость запустения**, т.е., Адрианова. Об этом яснее говорит Захария; он говорит и о благоприятных обстоятельствах для тех, которые остались. И в Египте иудеи жили столько лет, и, однако, не были истреблены; а теперь ты уже и не ожидаешь этого (их спасения)! Посмотри и на другие обстоятельства. Иудеи теперь и не входят в свой город, как прежде, да и кто может даже говорить об их возвращении? Никто.

ГЛАВА 10

В третий год Кира, царя Персидского, было откровение Даниилу, который назывался именем Валтасара; и истинно было это откровение и великой силы. Он понял это откровение и уразумел это видение. В эти дни я, Даниил, был в сетовании три седмицы дней. Вкусного хлеба я не ел; мясо и вино не входило в уста мои, и мастями я не умащал себя до исполнения трех седмиц дней (ст. 1-3). Почему он опять скорбит? Если насту- пил первый год царствования Кира, то о чем он плачет, и притом все эти дни, хотя можно было скорбеть только один день? И опять он не слышит ничего о том, о чем молится. Он молится, мне кажется, о том, чтобы прекратились бедствия; но Бог не говорит ничего такого, а высказывает яснее тоже, что и прежде. Пророк молится, чтобы возвратились все иудеи, хотя и ожидали их великие бедствия и, хотя Бог хотел отвергнуть их отечество. И здесь Бог говорит это яснее и точнее. Заметь, что Даниил всегда удостаивается видения, только после поста. Когда надлежало узнать сон (Навуходоносора), предшествовал пост; когда являлся Гавриил, опять был пост, пепел и вретище; когда теперь является ангел, снова пост и молитва. Но посмотри, как он почти оправдывается пред Даниилом. **А в двадцать четвертый день первого месяца был я на берегу большой реки Тигра, и поднял глаза мои, и увидел: вот один муж, облеченный в льняную одежду, и чресла его опоясаны золотом из Уфаза. Тело его — как топаз, лице его — как вид молнии; очи его — как горящие светильники, руки его и ноги его по виду — как блестящая медь, и глас речей его — как голос множества людей. И только один я, Даниил, видел это видение, а бывшие со мною люди не видели этого видения; но сильный страх напал на них и они убежали, чтобы скрыться. И остался я один и смотрел на это великое видение, но во мне не осталось крепости, и вид лица моего чрезвычайно изменился, не стало во мне бодрости. И услышал я глас слов его; и как только услышал глас слов его, в оцепенении пал я на лице мое и лежал лицем к земле. Но вот, коснулась меня рука и поставила меня на колени мои и на длани рук моих. И сказал он мне: "Даниил, муж желаний! вникни в слова, которые я скажу тебе, и стань прямо на ноги твои; ибо к тебе я послан ныне". Когда он сказал мне эти слова, я встал с трепетом. Но он сказал мне: "не бойся, Даниил; с первого дня, как ты расположил сердце твое, чтобы достигнуть разумения и смирить тебя пред Богом твоим, слова твои услышаны, и я пришел бы по словам твоим** (ст. 4-12). Видишь ли, как я сказал, что он почти оправдывается пред пророком? **С первого дня**, говорит, я послан. Почему же медлил? **Но князь царства Персидского стоял против меня двадцать один день** (ст. 13). Ты слышал, что **когда Всевышний давал уделы народам и расселял сынов человеческих, тогда поставил пределы народов по числу сынов Израилевых** [в ц.слав: Ангелов Божиих] (Втор.32:8)? Каждый народ имеет покровительствующего ангела, который желает быть сильнее других. **Я, Даниил, видел это видение**, потому что не достаточно было выслушать сказанные слова. Видишь ли, что пророки были наставляемы и иным образом? **И великой силы**. Подлинно великой, если люди слабые преодолели того Антиоха, который одержал столько побед. **И истинно было это откровение**. Это сказано потому, что могли этому не поверить. **Который назывался именем Валтасара**. Пророк напоминает о прежних событиях, чтобы явиться достоверным. Вот он нарушил и пасху, так как пасха бывает в первый месяц, а он постился до двадцать четвертого дня этого месяца. Пост его начинается в четырнадцатый день и продолжается от четырнадцатого до двадцать первого и еще два дня. Посмотри, как постановления закона уже отменяются. Не страх ли заставил тебя бежать, Даниил? Нет говорит он. Заметь, где он видит видение: в пустыне, подобно Моисею, потому что города исполнены шума и смятения. Так и Христос преображается на горе. **Вот, Михаил, один из первых князей, пришел помочь мне, и я остался там при царях Персидских. А теперь я пришел возвестить тебе, что будет с народом твоим в последние времена, так как видение относится к отдаленным дням". Когда он говорил мне такие слова,**

я припал лицем моим к земле и онемел. Но вот, некто, по виду похожий на сынов человеческих, коснулся уст моих, и я открыл уста мои, стал говорить и сказал стоящему передо мною: "господин мой! от этого видения внутренности мои повернулись во мне, и не стало во мне силы. И как может говорить раб такого господина моего с таким господином моим? ибо во мне нет силы, и дыхание замерло во мне". Тогда снова прикоснулся ко мне тот человеческий облик и укрепил меня и сказал: "не бойся, муж желаний! мир тебе; мужайся, мужайся!" И когда он говорил со мною, я укрепился и сказал: "говори, господин мой; ибо ты укрепил меня". И он сказал: "знаешь ли, для чего я пришел к тебе? Теперь я возвращусь, чтобы бороться с князем Персидским; а когда я выйду, то вот, придет князь Греции. Впрочем я возвещу тебе, что начертано в истинном писании; и нет никого, кто поддерживал бы меня в том, кроме Михаила, князя вашего (13-21). И **муж, облеченный в льняную одежду**, может быть, священническую. Видение его, **как вид молнии**. Как он являлся им в молнии? Для чего так является этот ангел? Не для того ли, чтобы поразить народ? Но какая от этого польза? Он является для того, чтобы убедить пророка не скорбеть о том, что ему многократно говорится одно и тоже: ангел свидетельствует о силе будущего; или для того, чтобы уверить пророка. И **глас речей его — как голос множества людей**, — чтобы и этим устрашить. Даниил лишается чувств и потом во время беседы опять изнемогает: вероятно, ангел только попускает это, а не сам делает его бессильным, потому что прежде он сказал: **мужайся**, и он встал. Видишь ли, каков был внешний вид ангела? Не подумай, будто Даниил видел медь или золото. Кого мог бы так поразить вид их? А здесь везде свет. Так как я послан, говорит он, то предупреждаю тебя только о том, что ты не потерял благодати. **Слова твои услышаны, и я пришел бы по словам твоим**. Чего же он просил и о чем молился? Но ангел не говорит ему об этом и ни о чем подобном. Может быть, он хотел точно узнать время (избавления), то, что за ним последует. **Князь царства Персидского стоял против меня**. Не о земном ли начальнике говорит он? Нет, потому что и в другом месте он говорит: **вот, придет князь Греции**. Мне кажется, что этот князь не из числа начальников, или правителей народных, но из числа высших сил. Потом, когда другие ангелы не могли устоять против него, он и говорит об этом пророку. Иудеи, говорит, освобождены. Чего же ты еще просишь? И **вот, Михаил, один из первых князей, пришел помочь мне, и я остался там при царях Персидских. А теперь я пришел возвестить тебе, что будет с народом твоим в последние времена**. Почему Михаил не приходил ранее двадцати дней? Мне кажется, он хочет показать пророку, что он просит недозволенного, противозаконного и трудного, как бы ставит в затруднение и ангелов. Потому и Михаил не тотчас, не в самом начале приходит на помощь, но впоследствии, чтобы внушить, что недостойны были возвращения (иудеи) жившие после. Ангелы оскорблены этим. **И я остался там** — или для того, чтобы убедить, или воспрепятствовать. Но какой же ангел станет противиться, услышав, что Бог дарует благодать? Я думаю, что здесь дело представляется в чувственном образе, подобно тому, как в другом месте сказано: **кто увлек бы Ахава** (2Па-рал.18:19); и еще: **итак оставь Меня, да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их** (Исх.32:10). Пророк как бы удерживает Бога, — но ведь Он не терпит препятствий или принуждения. Так точно и здесь. И в другом месте говорится: **отпусти Меня, ибо взошла заря** (Быт.32:26); и еще об ангеле и ослице: **если бы она не своротила от Меня** (Чис.22:33); и еще: **только лице его Я приму** (Иов.42:8). Следовательно, этим показывается не то, будто ангел противится Богу, но только то, что ангелы оскорбляются. Такую силу имел Даниил! И **я пришел возвестить тебе, что будет с народом твоим в последние времена**. Посмотри, как он, оставив необходимое дело, оправдывается перед пророком. Даниил опять изнемогает, и опять ангел поднимает его и говорит: **теперь я возвращусь, чтобы бороться с князем Персидским; а когда я выйду, то вот, придет князь Греции**. Может быть, он шел бороться с одним из противившихся ему из-за будущего, например действовавших против Македонии; впрочем, он еще не уверен в этом. Разве бывает у ангелов борьба и состязание

за людей? Да, — потому что они много заботятся о людях. Он еще не был уверен, и как бы так сказал: я вынужден бороться с ним.

ГЛАВА 11

Итак я с первого года Дария Мидянина стал ему подпорою и подкреплением. Теперь возвещу тебе истину (ст. 1, 2). Я тот, говорит, который и тогда спас (иудеев). Чтобы кто-нибудь не сказал: для чего ты борешься? — что, если не победишь? — он говорит: нет; и тогда я защищал их. **И нет никого, кто поддерживал бы меня в том, кроме Михаила, князя вашего** (Дан. 10:21). Это говорит он для того, чтобы убедить пророка, что он не враг и не противник ему, но что пророк требует недозволенного; и не потому так говорит, будто он нуждается в помощниках. Что же? Очевидно, что он не был из числа **князей**. Потом он говорит обо всем подробно и указывает, откуда будут поражения. Далее возвещает о спасении и славе народа его в будущем.

ГЛАВА 12

И слышал я, как муж в льняной одежде, находившийся над водами реки, подняв правую и левую руку к небу, клялся Живущим вовеки, что к концу времени и времен и полувремени, и по совершенном низложении силы народа святого, все это совершится. Я слышал это, но не понял, и потому сказал: "господин мой! что же после этого будет?" И отвечал он: "иди, Даниил; ибо сокрыты и запечатаны слова сии до последнего времени. Многие очистятся, убелятся и переплавлены будут в искушении; нечестивые же будут поступать нечестиво, и не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют. Со времени прекращения ежедневной жертвы и поставления мерзости запустения пройдет тысяча двести девяносто дней. Блажен, кто ожидает и достигнет тысячи трехсот тридцати пяти дней. А ты иди к твоему концу и упокоишься, и восстанешь для получения твоего жребия в конце дней" (ст. 7-13). Ты же, говорит, **иди**, потому что это будет спустя много времени. Следовательно, пророк плачет не о возвращении, но уже после возвращения плачет о возвратившихся.

ГЛАВА 13

Царь Астиаг приложился к отцам своим, и Кир, Персиянин, принял царство его. И Даниил жил вместе с царем и был славнее всех друзей его (ст. 1, 2). Даниил написал нам историю о Виле. **Не думаешь ли ты, что Вил неживой бог? не видишь ли, сколько он ест и пьет каждый день?** (ст. 6) Увы, вот какое доказательство и признак божества: он много ест и пьет! Даниил не возразил: разве это Бог, скажи мне? — потому что царь был слаб, но одержал полную победу. Он не сказал: я говорю тебе о Боге, сотворившем небо и землю; а ты мне представляешь ненасытное чрево; это совершенно не свойственно Богу; Бог не алчет и не утомляется. Но пророк хочет победить не рассуждениями, а делами. Сам царь назначил наказание. Почему Вил ест не пред глазами присутствующих, а ночью? Как жрецы не сообразили, что они будут обличены чрез собственную их хитрость? Когда устрояет Бог, тогда ничему не удивляйся. И **царь повелел умертвить**, говорит пророк (ст. 22). Что он говорит еще о змие? Неужели кто-либо покланяется зверю? И его он умертвил. Видишь ли, как были безрассудны, как слабы цари персидские? **Принужден был предать** (ст. 30). За что он предал его, после столь блистательной победы? **Ангел Господень сказал Аввакуму**, говорится, **отнеси этот обед, который у тебя, в Вавилон к Даниилу** (ст. 34). Посмотри на чудо. Разве невозможно было принести ему пищу из другого какого-нибудь места, а не из Иудеи? Так угодно было пророку, чтобы не поступать так же, как при евнухе, и не терпеть голода, считая пищу оскверненною. Как он узнал Аввакума? По сходству речи. Аввакум должен

был сделаться вестником величайшего чуда для тех, которые находились в Иудее. Как человек не устрашился зверей? Он ел, а они постились. Пусть они не касались тела праведника; но почему воздерживались от пищи? Как бы какой-нибудь намордник или узда удерживала их.

ОБОЗРЕНИЕ КНИГ ВЕТХОГО ЗАВЕТА

Введение

Новым завет называется по времени и по свойству заключающегося в нем, потому что в нем все возобновлено, и, прежде всего человек, для которого (сотворено) все. Могут сказать: небо и теперь тоже самое, равно как и земля, и чело-век, господствующий над всем; но дан новый закон, новые заповеди, новая благодать чрез крещение, новый человек, новые обетования; теперь не земля и земное, но небо и небесное; новые таинства; теперь уже не те вещественные предметы, овца и кровь, дым и смрад, но разумное и исполненное добродетелей служение; новые заповеди; древо, возводящее на небеса и делающее нас высокими. Цель же обоих заветов одна: исправление людей. И удивительно ли, что такова цель Писания, когда и сама природа существует для пользы человека? Для него Бог создал и великое небо, и пространную землю, и безмерное море, чтобы люди, видя величие сотворенного и удивляясь Создателю, доходили до богопознания. Все это для человека. И так как цель ветхого и нового заветов одна, то Моисей счел необходимым описать и древние события, но не по способу языческих писателей. Те пишут историю только для того, чтобы изложить рассказ о событиях, представить войны и сражения, и приобрести себе славу этими писаниями. А законодатель пишет не так: он везде излагает историю великих праведников, чтобы повествование об их жизни служило для потомков добрым наставлением. Поэтому же он повествует не о праведниках только, но и о грешниках, чтобы мы одним подражали, а примера других избегали, и чрез то и другое преуспевали в добродетели и усердии. Таким образом, пусть никто не считает странным, что законодатель рассказывает древние события и пишет законы. Ведь какую силу имеет закон, такую же и рассказ о жизни святых. Итак, в ветхом завете есть книги исторические, каковы следующие восемь: книга Бытия, повествующая о сотворении мира и о жизни угодивших Богу; Исход, повествующая о чудесном освобождении иудеев из Египта, о пребывании их в пустыне и о даровании закона; Левит — о жертвах и священнослужении, — потому что колено Левиино наследовало священство, и от имени этого колена получила название эта книга; потом Числ, — потому что, по исходе из Египта, Бог повелел сосчитать народ иудейский, и было насчитано шестьсот тысяч, происшедших от одного человека — Авраама. Затем Второзаконие, — потому что Моисей вторично объяснил им закон. Далее Иисус Навин; он после Моисея был вождем иудеев, ввел их в землю обетованную и разделил эту землю по жребиям между двенадцатью коленами. После него Судии, — потому что, по смерти Иисуса, управление иудеями перешло к знатнейшим людям и господствовали (разные) колена. Затем Руфь, краткая книга, заключающая в себе историю иноплеменницы, бывшей замужем за одним иудеем. Потом четыре книги Царств, в которых повествуется о событиях при Сауле, при Давиде, при Соломоне, Илии и Елисеее, до плена вавилонского. После Царств книги Ездры. После того, как иудеи за грехи свои отведены были в Вавилон и пробыли там семьдесят лет в рабстве, Бог наконец умилостивился над ними и расположил Кира, царствовавшего тогда над персами, отпустить пленников; это тот Кир, которого воспитание описал Ксенофонт. Будучи отпущены, они возвратились под предводительством Ездры, Неемии и Зоровавеля. Об этом возвращении и пишет Ездра, именно, о том, как они по возвращении во второй раз построили храм и восстановили город. Но по прошествии ста лет опять постигла их война — македонская. Затем случились события при Антиохе Епифане, когда иудеи, потерпев осаду, продолжавшуюся три года с половиною, и тяжко пострадав, опять

избавились от бедствий. Потом, спустя немного времени, приходит Христос, и ветхий завет кончается. А чтобы знать, откуда произошел народ иудейский, необходимо здесь нечто сказать. После Адама был Сиф, потом Енох, затем другие многие поколения, и наконец Ной, при котором произошел потоп, так как люди развратились от нечестия. По прекращении потопа, он, вышедши из ковчега один с троими сыновьями, наполнил землю своим потомством, так как постепенно произошло множество родов. Когда люди размножились, то они захотели построить башню, которая достигла бы до неба. Но Бог, не одобряя их намерения, смешал языки их, разделив один на многие. Так как они перестали понимать друг друга, то им невозможно стало и жить вместе друг с другом; и это было поводом к рассеянию их по всей вселенной. Говорят, что при этом смешении языков Евер, предок иудеев, не захотел участвовать в их предприятии, и один сохранил собственный язык, удостоившись этого за свое прекрасное поведение. Потомком его был Авраам; потому язык иудеев и называется еврейским, от Евера. Таким образом потомком его был Авраам; сыном Авраама — Исаак, у которого сын — Иаков. Он был отцом двенадцати патриархов: Рувима, Симеона, Левия, Иуды, Иссахара, Завулона, Неффалима, Гада, Дана, Асира, Иосифа, Вениамина. По имени одиннадцати из этих патриархов названы происшедшие от них колена. От каждого из них произошло колено и потомки назывались их именем. От Иосифа же произошло не одно колено, а два; отец Иосифа не хотел, чтобы его именем называлось одно колено. Как же случилось? Так как Иосиф был один, то, желая сделать его сугубым патриархом, Иаков решил, чтобы по именам двоих сыновей его, Ефрема и Манассии, были названы два колена; оба эти колена и приписывались Иосифу. Таким образом произошло тринадцать колен, одиннадцать от других патриархов и два от Иосифа — чрез сыновей его. Отсюда исключается колено Левиино, которому предоставляется священнослужение, причем оно не должно было заниматься чем-нибудь другим и число двенадцать не нарушено. Итак двенадцать колен исполняли все прочие дела, а колену Левия одному поручены были обязанности священства. Из этого колена произошел Моисей. Итак, эти двенадцать патриархов, прибыв в Египет, во исполнение обетования Божия, данного Аврааму: **умножая умножу семя твое, как звезды небесные** (Быт. 22:17), сделались предками шестисот тысяч. Из них и составился народ иудейский, получивший название от царственного колена Иудина, от которого происходили цари. Таким образом, в Ветхом завете есть исторические книги, именно те, которые мы указали выше; также и нравоучительные, как то: Притчи, Премудрость Сирахова, Екклезиаст и Песнь Песней; затем пророческие, как то: шестнадцать пророков, Руфь и Давид (Книга Руфь помещается между пророческими, может быть, ввиду прообразовательного значения Руфи; возможно и то, что она попала сюда по ошибке писца). Впрочем, эти различные виды Писания можно находить и смешанными один с другим. Например, в исторических сказаниях можно найти пророчество; и от пророков можно услышать много исторических рассказов; и нравоучения и увещания можно встретить в том и другом, и в пророчествах и в исторических повествованиях. Все это, как я выше сказал, имеет в виду одно — исправление слушателей, так что и повествования о прежде бывшем, и нравоучения и увещания, и пророчества направляют нас к должному. Дело пророчества преимущественно состояло в том, чтобы предсказывать будущее, как радостное, так и прискорбное, чтобы одних ободрять, а других удерживать от нечестия страхом. Есть и другой род пророчества, — это предсказание о Христе; в них с точностью говорится не только о пришествии Его, но и о том, что Он будет делать по пришествии, о зачатии, о рождении, о кресте, о чудесах, об избрании учеников, о новом завете, о прекращении иудейства, об истреблении язычества, о высоком достоинстве Церкви и о всех других, последующих обстоятельствах. Обо всем этом со всею ясностью за много времени предсказывали пророки, об ином прообразованиями, а об ином словами.

Есть именно два вида пророчества: предсказание о будущем или делами, или словами; словами, когда, желая сказать о кресте, говорят: **как овца, веден был Он на заклание, и**

как агнец пред стригущим его безгласен (Ис.53:7). Это — пророчество словами; делами же, когда напр. Авраам является возносящим сына и закалающим овна. Этими действиями он предъизображал крест и имевшее совершиться заклание за вселенную. И много можно найти в ветхом завете таких прообразов и предсказаний делами. Впрочем, пророчеству свойственно говорить не только о будущем, но и о прошедшем, как это особенно встречается у Моисея. Когда он повествует о небе и земле, то говорит о прошедшем и сокрытом временем, и, значит, изрекает об этом пророчество. Как говорит о том, чего еще не было и что еще неизвестно, свойственно пророчеству, так и открывать и сообщать бывшее, но сокрытое временем, свойственно такой же благодати. Свойственно пророчеству говорить и о настоящем, когда что-нибудь есть, но скрывается, как, напр., было с Ананиею и Сапфирою; здесь было ни прошедшее, ни будущее, а настоящее, но неизвестное. Петр же, открыв пророчеством, обнаруживает это. Таковы вообще писания ветхого завета. А в новом завете то, что в ветхом сказано загадочно, объясняется; именно: пророчества свидетельствуются делами, изображается жизнь, достигающая до небес, указываются неизреченные будущие блага, **не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку** (1Кор.2:9). Новый завет, приняв человека, постепенно и мало-помалу освобожденного от нечестия ветхим заветом, возводит его к жизни ангельской. Делом ветхого завета было — сотворить человека, а нового — сделать человека ангелом. Когда нечестие произвело то, что люди перестали быть людьми, низвело их до низости бессловесных и сделало скотоподобными, то закон освобождал их от этого нечестия, благодать же прибавляет им и ангельские добродетели. Есть и книги нового завета, именно: четырнадцать посланий Павла, четыре Евангелия, два — учеников Христовых, Иоанна и Матфея, и два — Луки и Марка, из которых один был учеником Петра, а другой — Павла. Те собственными глазами видели Христа и обращались с Ним, а эти передали другим то, что приняли от тех. Еще книга Деяний, того же Луки, повествовавшего о тогдашних событиях, и три соборных послания (Святитель Златоустый не упоминает о прочих четырех соборных посланиях и Апокалипсисе, вероятно, потому, что эти книги в его время еще не везде были внесены в канон книг Св. Писания).

Обозрение книги Бытия

Сотворение мира и создание человека. Адам получает заповедь, и из ребра его создается жена, которая, будучи обольщена змием, обольщает мужа и, подвергшись вместе с ним проклятию, изгоняется из рая; и змий подвергается проклятию — ползать на персях. Каин убивает брата за его превосходство, и несет наказание; затем рождает детей. Ева же рождает Сифа. Исчисление происшедших от Адама и от Сифа до Ноя, и осуждение мужей за непозволительные супружества и за другие беззакония. Сынами Божиими здесь называются те, которые ведут свой род от Сифа, — так как сказано: **Я сказал: вы - боги и все - сыны Вышнего** (Пс.81:6; Быт.6:2). А дщерями человеческими называются те, которые произошли от Каина. Далее Бог предсказывает Ною будущее истребление людей посредством потопа и повелевает сделать ковчег, в триста лактей длиною, в пятьдесят лактей шириною и в тридцать лактей вышиною. Когда он вошел в ковчег, то произошло наводнение, продолжавшееся сорок дней и сорок ночей. Уменьшаться стала вода после ста пятидесяти дней; а открылись вершины гор в первый день десятого месяца. По прошествии сорока дней Ной выпустил ворона, но он не возвратился; спустя семь дней выпустил голубя, и он возвратился, с масличною ветвью. Ной получает от Бога повеление выйти из ковчега, и вышедши принес жертву Богу и получил благословение со своими сыновьями; получил также обетование от Бога, что более уже не будет такого истребления людей посредством потопа. После того он благословляет Сима и Иафета, и проклинает Ханаана за то, что отец его Хам обнаружил наготу отца. Это проклятие исполнилось на Гаваонитянах, или лучше оно имело вид проклятия, на самом же деле было пророчеством. Следуют потомки Ноя до Фалека, который получил это название от того, что при нем

была разделена земля. Тогда они построили башню, от чего и самое место названо Вавилон, что значит смешение, так как здесь были смешаны языки их. Но отец Фалека Евер, говорят, не участвовал с прочими в строении башни, и за это у него не было изменено наречие, но язык его остался целым, и от него получил и самое название свое. Он назывался Евером; потому и язык его назван еврейским; это и служит величайшим доказательством того, что еврейский язык древнее всех наречий. Прежде смешения языков все употребляли этот язык. Евер есть предок Авраама. Излагаются родословия от Сифа до Авраама. Отец Авраама Фарра берет своих сыновей, Авраама и Нахора, и внука своего Лота, и идет в Харран, намереваясь пройти в землю Ханаанскую; и когда он умер в Харране, Бог повелевает Аврааму переселиться из Харрана, и он пришел в Сихем, в земле Ханаанской. И сказал ему Бог: **потомству твоему отдам Я землю сию** (Быт.12:7). И построил Авраам жертвенник Богу и поставил шатер при море. Когда был голод, Авраам, пришедши в Египет, повелевает жене своей сказать, что она сестра его; фараон же, взявший ее, будучи наказан Богом, возвращает ее Аврааму. Когда пастухи Авраама и Лота поссорились между собою, то они разделили места обитания. Лот взял землю содомскую; Авраам же поселился при дубе Мамврийском, и опять получил, обетование от Бога, что семя его умножится и наследует эту землю. Когда от Ходоллогомора отложились пять царей земли содомской, подвластные ему прежде, то он, взяв с собою других трех царей, вступил с ними в сражение и, обратив их в бегство, взял в плен; в числе пленников был и Лот. Авраам, услышав об этом и погнавшись за ними с тремястами семнадцатью домочадцами, освободил своего племянника, с лошадьми и женами, и Мельхиседеку, благословившему его и вынесшему хлебы и вино, дал десятину. Потому и говорит Павел в послании к Евреям: **так сказать, сам Левий, принимающий десятины, в лице Авраама дал десятину** (Евр.7:9). Когда же царь содомский предлагал Аврааму взять лошадей, он не согласился: **даже нитки и ремня от обуви не возьму из всего твоего, чтобы ты не сказал: я обогатил Аврама** (Быт.14:23). Потом, когда Бог говорить ему: **награда твоя [будет] весьма велика** (Быт.15:1), он сетует на свою бездетность и опять слышит, что тот, кто произойдет от него, наследует ему, и семя его будет, как звезды небесные. Здесь находим изречение: **Аврам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность** (Быт.15:6). Он совершает рассечение (животных) и узнает, что потомки его будут пришельцами, но потом будут освобождены, после четырехсотлетнего угнетения. Сарра, будучи бесплодною, дает Аврааму Агарь, чтобы он имел от нее детей. Когда же она родила, то возгордилась пред госпожой своей, и Авраам отдает ее Сарре, чтобы она отмстила за оскорбление свое. Обиженная своею госпожою, она убегает из дома, но получает от ангела повеление возвратиться к госпоже своей, и вместе получает обетование, что потомство ее умножится; самое имя младенцу, прежде его рождения, назначает ангел, назвав его Измаилом. Агарь родила Измаила. Авраам, будучи девяносто девяти лет, получает новое имя, он стал называться уже не Аврамом, но Авраамом. Бог повелевает ему обрезаться со всем домом. Имя Сары также переменяется, и она стала называться Саррою. Потом Авраам получает обетование об Исааке. Является Аврааму Сын Божий с двумя ангелами и говорит ему: **Я опять буду у тебя в это же время [в следующем году], и будет сын у Сарры, жены твоей** (Быт.18:10). Авраам ходатайствует перед Богом за Содом. Два ангела приходят к Лоту. Содомляне настойчиво требуют их и наказываются слепотою. Ангелы же, взяв Лота, вышли из дома, и сам он вместе с дочерями спасается в Сигоре, а жена его обратилась в соленый столб, потому что посмотрела назад. Когда же страна содомская была сожжена, Лот удалился в гору, и сделались беременными от него дочери его; старшая родила Моава, а младшая Аммона; кровосмешения с отцом они достигли посредством опьянения; они думали, что род человеческий прекратился. Авраам переселился в Герары, и царь Герарский Авимелех взял Сарру; но когда Бог угрожал ему, то он, оправдываясь, говорит, что он считал эту женщину сестрою Авраама, потому что она сама так сказала. Он отдал ее Аврааму с дарами. Потом возвращенная Сарра рождает Исаака. Авраам изгоняет из дома служанку с

сыном Измаилом. Авимелех заключает с Авраамом договор, чтобы не обижать друг друга, и получает от Авраама семь агниц, во свидетельство того, что клятвенный колодец принадлежит Аврааму. Авраам получает повеление принести сына во всесожжение, и возносит его, но вместо него закалается баран. Все же это было прообразом домостроительства, которое имел совершить для нас Христос. Сарра умирает, и Авраам, купив место у Ефрона Хеттеянина, погребает там жену свою, и посылает раба своего сосватать для Исаака жену в Месопотамии, заповедав ему не отводить туда сына его, если жена не захочет идти с ним. Раб пришел в город Нахора и просил знамения, по которому мог бы узнать девицу, — а знамение состояло в том, чтобы она предложила пить и ему, и верблюдам его; тогда выходит Ревекка, дочь Вафуила, сына Нахорова, — Нахор же был брат Авраама, — и дав пить ему и верблюдам его, и сказав, чья она дочь, вводит этого чело-века в дом и угощает. Когда же он сказал, для чего пришел, и просил отпустить девицу, то родители предоставили это на решение самой девице. Так как она согласилась, то, взяв ее, он ушел, и стала она женою Исаака. Авраам, до смерти Сарры, берет себе женою Хеттуру; рожденных от нее детей он удалил от Исаака, дав им подарки, а наследником своего имущества сделал Исаака, и умер. Здесь перечисляются имена сынов Измаила, селения которого простирались от Евилата до Сура. Так как Ревекка была неплодна, то Исаак просил Бога, чтоб она зачала, и когда зачала, Бог говорит ей: **два племени во чреве твоем, и два различных народа произойдут из утробы твоей** (Быт.25:23), предсказывая об иудеях и о нас, христианах. Когда младенцы родились и выросли, то Исав уступает и продает первородство свое Иакову за кушанье из чечевицы. Исаак хотел отправиться в Египет, так как усилился голод, но Бог удержал его, заповедав остаться там, где он жил, и обещав быть с ним и благословить семя его и умножить. Авимелех, царь герарский, узнав, что Ревекка жена Исаака, — а он думал, что она сестра его, — определил наказание смертью всякому, кто обидит ее. Исаак сеял и получал стократный плод. Когда же он, по благословению Божию, стал весьма богатым, то филистимляне стали завидовать ему, и Авимелех изгнал его оттуда. Он не мстил, но удалился и выкопал колодцы, из-за которых произошел спор. Он не противился, но выкопал другие колодцы, пока не перестали беспокоить его. И благословил его Бог. И Исаак принял пришедшего к нему Авимелеха приветливо и угостил, не помня обид. Между тем Исав взял себе в жены хананеянок, которые досаждали Ревекке. Исаак состарился и притупилось зрение его. Он приказывает сыну своему Исаву наловить дичи и приготовить для него кушанье, чтобы благословить Исава. Иаков же, при содействии матери, предупредил Исава. Сварив двух козлят и обвернув Иакова кожами их, чтобы закрыть гладкую кожу его, она дала ему в руки кушанье и послала (к отцу). Он вошел и получил благословение. Исав, пришедши и узнав о случившемся, заплакал и зарыдал и просил благословить и его, и своею настойчивостью вынудил благословение, — хотя не такое, на какое надеялся, однако вынудил. Таким образом, будучи благословлен малым вместо великого, он разгневался на брата, злопамятствовал и ожидал смерти отца, чтобы тогда смелее сделать ему вред. Мать предупреждает об этом Иакова и советует искать спасения в бегстве. Сказав Исааку, что жизнь ей будет не в жизнь, если и Иаков возьмет жену из хананеянок, она убеждает Исаака послать Иакова в Месопотамию к брату ее Лавану, чтобы взять жену из дочерей его. Когда Иаков ушел, Исав берет себе женою дочь Измаила. Измаил был сын Авраама, родившийся ему от Агари. Иаков видит лестницу, ставит столп и обещает отдать Богу десятую часть имущества своего, если возвратится благополучно. Он пришел в Месопотамию, увидел Рахиль и поцеловал ее; девица же пошла, и рассказала об этом отцу своему Лавану, который, вышедши, узнал Иакова и привел его к себе. Иаков служил ему в уплату за дочь; но тот дал ему старшую. Когда Иаков досадовал на этот обман, Лаван предлагает ему прослужить еще семь лет, если хочет получить и младшую. Он и на это соглашается, и получает и младшую. Старшая, Лия, была слаба глазами; а младшая, Рахиль, была прекрасна. Они были образами: старшая — синагоги иудейской, а младшая — церкви Христовой. Лия зачала и родила

Рувима, Симеона, Левия и Иуду. Рахиль же не рождала, и потому дала Иакову еще жену, слу- жанку свою Валлу, которая и родила Дана и Нефеалима. И Лия дала Иакову в жену служанку свою Зелфу, которая и родила Гада и Асира. После того Лия родила Иссахара и Завулона. Потом и Рахиль родила Иосифа. Когда Иаков захотел возвратится в свою землю, Лаван дает ему награду, которую назначил сам Иаков, именно — весь скот пестрый из овец и весь скот белый из коз. И все это умножилось, потому что Иаков клал палки в водопойнях, и зачинали овцы, и рождались белые и пестрые, полосатые и с крапинами. Все это было делом Божиим, как говорит сам Иаков. Тогда сыновья Лавана стали завидовать ему, и он, взяв жен своих с имуществом, тайно удалился. Лаван преследовал его, но прежде чем он настиг Иакова, Бог угрожает ему, если он жестоко поступит с Иаковом. Догнав Иакова, он, прежде всего, укорял его и спрашивал о причине тайного ухода. Когда же Иаков сказал, что он сделал это потому, что его ненавидели, и потому, что он опасался, как бы Лаван не взял от него дочерей своих, тогда Лаван требовал богов своих, которых похитила Рахиль. Когда он не нашел их, то Иаков жестоко укоряет его. Наконец, когда они поели и попили, они расстались друг с другом, воздвигнув там холм из камней, который и назвали холмом свидетельства. Тогда встретили Иакова ангелы Божии. Иаков посылает к Исаву известить его о своем прибытии. Когда посланные возвратились и сказали, что Исав идет с тремястами мужей, тогда Иаков, объятый страхом, просит Бога избавить его от угрожающей опасности, и посылает подарки Исаву. Иаков перешел поток, был благословлен и переменено было имя его. Тогда он увидел идущего Исава и разделил своих людей; служанок с детьми их поставил первыми, Лию с детьми второю, а Рахили с Иосифом приказал идти последнею; сам же пошел впереди. Исав встретил его дружелюбно, принял от него дары и просил сопутствовать ему; но Иаков отказался. Отправившись далее, он остановился в городе сихемском Салиме. Здесь Сихем, сын царя Еммора, полюбив Дину, дочь Иакова, и растлив эту девицу, просил отдать ее ему женою, в законное супружество. Симеон и Левий сказали, что они охотно отдадут, если он обрежется с своим народом. Когда же они обрезались и были еще больны, Симеон и Левий умертвили их. После этого Иаков боялся, чтобы соседние хананеи не напали на него, и, по повелению Божию, удалился в Вефиль, где умерла кормилица Ревекки. Когда же Бог благословил его, то, вышедши из Вефиля, он поселился за башнею Гадер. Тогда Рахиль родила несчастно, и умерла, и была погребена на дороге к Евфрафе; это — Вифлеем. Рожденный же ею был Вениамин. Тогда переспал Рувим с Валлою, наложницею отца своего. Затем умер Исаак, и погребли его Исав и Иаков. Излагается родословие потомков Исава, между которыми находится Иов, называемый здесь Иовавом. Иосифа возненавидели братья его за сны и за то, что отец любил его больше, чем их. Схватив его наедине, они хотели убить его; но Рувим посоветовал бросить в ров, потому что хотел, по крайней мере, избавить его от смерти. Они бросили, но потом продали его мадианитянам, по совету Иуды; одежду же его, обагрив кровью, показали отцу. Он подумал, что сын его съеден зверями и горько плакал. У Иуды родились Ир, Авнан и Силон. По смерти Ира, жену его Фамарь взял брат его Авнан и не хотел восстановить семени брату своему. Когда и он умер, то Иуда не захотел отдать Фамари в жены третьему сыну Силону, Фамарь, украсившись, села, как блудница, при пути. Иуда, подумав, что она действительно блудница,— так как она закрыла свое лицо, — вошел к ней, и дал ей залог: цепь, перстень и жезл. Когда после этого сделалось известным, что Фамарь зачала, то тесть ее Иуда велел сжечь ее; но она послала сказать ему, что зачала от того человека, которому принадлежит перстень. Тогда Иуда сказал: **она правее меня** (Быт.38:26). Когда она рождала, то сначала Зара показал руку, но потом убрал ее; вышел Фарес, и тогда уже Зара. Это иносказательно объясняется так: сначала, говорят, первый народ, т.е. бывшие до закона праведники, показал руку, т.е. жизнь добродетельную и ангельскую; потом дан был закон; а после того возобновилась прежняя жизнь, возведенная до высшего совершенства в царстве Христовом. Иосифа купил архимагир фараонов, Пентефрий, и поручил ему дом свой. Он не послушал госпожи,

убеждавшей его совершить преступление; оклеветанный ею, он ввержен в темницу; и там он был начальником и изъяснил сны главному виночерпию и главному хлебодару. Сбылось так, как он сказал: один был умерщвлен, а другой возведен в прежнее достоинство. Фараон видел во сне коров и колосья, которыми означалось плодородие и следующий затем голод. Иосиф был выведен из темницы, чтобы истолковать эти сны, потому что начальник виночорпиев указал на него. Он истолковал и дал совет для ослабления будущего голода; сделался первым по фараоне, и, собрав множество хлеба в семь лет плодородия, по наступлении голода продавал его желающим. При- шли и братья его купить хлеба. Не видя между ними Вениамина и боясь, не погубили ли они и его, он обвиняет их в соглядатайстве и говорит, что они избавятся от обвинения только в том случае, если приведут в Египет и покажут младшего брата Вениамина. Взяв из них Симеона и связав его, прочих он отпустил, дав хлеба и серебра. Когда же они, открыв мешки, увидели серебро, то изумились странному событию, и рассказав отцу случившееся, просили отпустить с ними Вениамина. Но он не хотел отпустить отрока. Когда же голод усилился и Иуда настаивал на необходимости взять Вениамина, обещаясь возвратить его здравым и невредимым, тогда Иаков дал серебра вдвойне, приказав отнести и другие дары. Когда они пришли к Иосифу, он принял их благосклонно, спросил об отце и великолепно угостил. Когда же нужно было им отправляться, он повелел вложить в мешок Вениамина серебряную чашу, без ведома их. Она была положена, и они взяли (мешки) и ушли; тогда Иосиф повелел начальнику дома своего догнать этих людей. Он, догнав их, укорял, что они благодетелю отплатили злом. Они, возмутившись, определили тому, кто будет уличен в краже, смерть, а себе рабство; чаша нашлась у Вениамина. Тогда Иуда вошел и долго говорил об отце, об Иосифе и Вениамине, и предложил себя самого в рабство вместо отрока; этим он возбудил в Иосифе такое сострадание, что тот оставил всякое притворство. Выслав всех, чтобы можно было плакать свободно, он открывает себя братьям и посылает их за отцом с дарами и колесницами; это угодно было и фараону. Услышав о случившемся с Иосифом, Иаков обрадовался и, по повелению Божию, отправился в Египет. Отец увидел Иосифа; это было доложено фараону; и поселился Иаков в земле Рамессийской. Когда издержано было серебро в Египте, люди отдавали скот и получали хлеб; когда же оскудело и это, а голод не прекращался, то отдавали себя вместе с землею, и сделавшись рабами фараона, сеяли и пятую часть плодов отдавали ему, а четыре части брали в свою пользу. Находясь при смерти, Иаков берет с Иосифа клятву не погребать его в Египте, но в гробнице отцов его. Сыновей же Иосифа, Ефрема и Манассию, включает в число не внуков, а сыновей своих. Иаков ослабел зрением, и когда он лобызал и намеревался благословить их, Иосиф поставил Ефрема по левую руку Иакова, а Манассию по правую. Иаков же положил правую руку на младшего, стоявшего по левую руку, а левую на стоящего по правую, и благословил их. Когда же Иосиф подумал, что отец сделал это по неведению и хотел исправить, то Иаков не дозволил, сказав, что делает это сознательно, а не по неведению. Тогда Иаков отдает исключительно Иосифу Сихем, которым овладели Симеон и Левий, и благословляет сыновей своих. Здесь он пророчествует о Христе: **не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель, и Ему покорность народов** (Быт.49:10). Когда Иаков умер, Иосиф оплакал его, и отвез и похоронил в пещере Авраамовой. Братья его сказали: **что, если Иосиф возненавидит нас и захочет отмстить нам за всё зло, которое мы ему сделали?** (Быт.50:15), и просили его, говоря: **вот, мы рабы тебе** (Быт.50:18). Иосиф же заплакал и сказал им: **не бойтесь, ибо я боюсь Бога; вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы сделать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей; итак не бойтесь: я буду питать вас и детей ваших. И успокоил их и говорил по сердцу их** (Быт.50:19-21). Иосиф прожил сто лет и видел детей Ефрема до третьего рода. Он сказал братьям своим: **я умираю, но Бог посетит вас и выведет вас из земли сей в землю, о которой клялся Аврааму, Исааку и Иакову. И заклял Иосиф сынов Израилевых,**

говоря: Бог посетит вас, и вынесите кости мои отсюда (Быт.50:24-25). Скончавшись ста лет, он был погребен в гробнице в Египте.

Обозрение книги Исход

Когда воцарился в Египте фараон, который не знал Иосифа, он стал изнурять израильтян грязною работою и деланием кирпичей. Он приказал и повивальным бабкам умерщвлять младенцев израильских мужеского пола; так как они не послушались, то он вменил это народу в преступление. Тогда родился Моисей из колена Левиина, и родители вынесли его в корзине. Вышла дочь фараона и, взявши младенца, отдала его на воспитание. Сделавшись взрослым, Моисей вышел к сынам израильским, узнал о притеснении и увидел египтянина, бьющего одного еврея. Осмотревшись кругом и не видя никого, он убил египтянина и скрыл его в песке. Вышедши в другой день, он видит двух ссорящихся евреев и говорит одному из них: **зачем ты бьешь ближнего твоего? А тот сказал: кто поставил тебя начальником и судьею над нами? не думаешь ли убить меня, как убил [вчера] Египтянина** (Исх.2:13-14)? Моисей убоялся, фараон же, узнав о случившемся, искал убить Моисея. Моисей, убоявшись, удалился в землю мадиамскую, и помог дочерям Иофора напоить (скот). Они рассказали отцу о случившемся и привели к нему Моисея. Иофор отдает ему женою дочь свою, которая и родила Моисею Гирсама и Елиезера. Когда он пас стадо, Бог вступает с ним в разговор. Он подошел и увидел чудо с кустом, который горел и не сгорал. Бог посылает его в Египет, говоря: **Я есмь Сущий. И сказал: так скажи сынам Израилевым: Сущий [Иегова] послал меня к вам** (Исх.3:14). Бог повелевает созвать совет старцев и затем войти к фараону, а также сказать народу, чтобы он, выходя, взял от соседей золотые и серебряные сосуды; дает ему знамения для удостоверения: жезл, который обратился в змия, изменение руки его, которая стала бела, как снег, и опять получила прежний цвет, и воду реки: **вылей на сушу** говорит, **и вода, взятая из реки, сделается кровью на суше** (Исх.4:9). Моисей отказывался; Бог же разгневался, и присоединил к нему Аарона. Моисей объявил тестю своему Иофору, что он намеревается отправиться в Египет. По смерти царя, искавшего души его, Бог говорит ему: **пойди, возвратись в Египет** (Исх.4: 19). Он взял детей и жену, и пошел. Потому является ему ангел и угрожает ему, не из-за обрезания, — если бы из-за обрезания, то ангелу следовало бы удалиться не прежде того, как мать обрезала бы и другого сына, — но для того, чтобы он не брал жены в Египет, — потому что он был послан не жить там, но вывести израильтян, что и сам он понял, и отпустил жену. Откуда видно, что он отпустил ее? Из того что, когда он вышел из Египта, встретил его тесть Иофор с женою его. Приходит к Моисею Аарон, и оба они созвали старейшин израильских и объявили им сказанное Богом те возрадовались. Когда они вошли к фараону и требовали чтобы он отпустил народ, то царь не только не согласился, но еще больше стал притеснять израильтян, повелев не давать им мякины, чтобы они сами доставали ее себе. Когда писцы подвергались наказанию за то, что дело не исполнялось, то пришли они к фараону, но не имели никакого успеха. Тогда они стали кричать против Моисея, — и он опять посылается к израильтянам возвестить им об исходе. Они же не слушали Моисея по малодушию своему. Здесь излагается родословие Моисея, и Бог говорит ему: **Я поставил тебя Богом фараону** (Исх.7:1), и посылаете его к фараону, повелев показать знамение, если бы потребовал царь, именно превращение жезла в змия. Когда жезл обращен был в змия, и однако, царь не согласился, то вода реки превращается в кровь, земля наполняется жабами, потом появились скнипы, мухи, затем мор скота, струпы, град и огонь, саранча и тьма непроницаемая. Когда же должно было произойти умерщвление первенцев, израильтяне получают повеление заколоть агнца мужского пола, непорочного, и кровью его помазать пороги, потому что сказано было: не погибнут находящиеся в том доме, на котором будет кровь агнца. Тогда же дается им закон о семи днях опресночных; и Бог повелевает им соблюдать этот праздник по пришествии в землю обетованную. Если

спросят вас, говорит Он, сыны ваши, скажите: **это пасхальная жертва Господу** (Исх.12:27). Когда в полночь началось истребление первенцев египтян, тогда они изгнали израильтян из Египта. Израильтяне вышли, взяв с собою сосуды серебряные и золотые, много присоединившегося к ним народа, овец, волов, и другой скот. Пребывание в Египте и в земле ханаанской сынов израильских, как их, так и отцов их, продолжалось четыреста тридцать лет. И сказал Бог: **освяти Мне каждого первенца, разверзающего всякие ложесна между сынами Израилевыми, от человека до скота** (Исх.13:2), — потому что Он умертвил первенцев египетских. Не повел их Бог чрез землю филистимскую, чтобы они не переменили намерения, в виду войны, и не возвратились в Египет, но повел — чрез Чермное море. В пятом поколении вышли сыны Израилевы из Египта; Моисей взял и кости Иосифа. Бог указывал путь Израилю ночью столпом огненным, а днем столпом облачным. Когда фараон, передумав, погнался за ними, то Моисей ударил жезлом по морю, и оно расступилось; когда же израильтяне прошли, то оно соединилось над египтянами и потопило их. И воспел Моисей песнь, воспела и Мариам с женами. Они пришли к Мерре, где была горькая вода, и Моисей сделал ее сладкою посредством дерева. Потом пришли они туда, где было двенадцать источников и семьдесят финиковых деревьев; это место называлось Елим. Оттуда они пришли в пустыню между Елимом и Синаем. Здесь, в пустыне, израильтяне возроптали, требуя мяса. Тогда ниспослана была им манна. Потом послал им Бог коростелей. Здесь Бог повелел относительно манны, чтобы ее не запасали на завтрашний день, потому что, когда ее собирали много, не было излишка, и, когда мало, не было недостатка. Но они ослушались, и оставленное наполнялось червями. Бог сказал: не выходите собирать манну в субботу; но они ослушались и в этом, выходили, но не находили ее. Моисей повелевает положить часть манны в золотой сосуд для последующих поколений. Манну израильтяне ели сорок лет. Тогда же они возроптали вследствие жажды. Моисей ударил в камень, и потекла вода. Амаликитяне вышли на войну с Израилем, и Иисус Навин обратил их в бегство; пока руки Моисея были подняты, одерживали победу израильтяне; а когда он опускал их, тогда они были побеждаемы; это было образом креста. Аарон и Ор стояли, поддерживая руки Моисея. ИИ сказал Господь к Моисею: **напиши сие для памяти в книгу** (Исх.17:14). Приходит Иофор, тесть Моисея, с женою его, и ради Моисея, и ради народа. Писание называет его зятем не в точном смысле. Моисей рассказывает тестю о чудесах; он удивляется. Когда же он увидел, что весь народ стоит перед Моисеем, который не имеет возможности судить всех, то говорит ему: **ты же усмотри себе из всего народа людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь их над ним тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками и письмоводителями** (Исх.18:21). Моисей сделал так и взошел на гору. Бог повелел ему сказать народу, что они будут **царством священников**, Божиих, **народом святым**, если будут послушны. Они отвечали: **всё, что сказал Господь, исполним и будем послушны** (Исх.19:8). Тогда он повелевает народу быть чистыми до третьего дня и вымыть одежды свои. Здесь сказано то, что повторено и у апостола в послании к евреям: **если и зверь прикоснется к горе, будет побит камнями** (Евр.12:20). Тогда задымилась гора, загремели звуки труб. Моисей получает заповеди закона, десятословие, и прочие постановления. Выражение же: **судей не злословь**, сказано не об идолах, но о начальниках, потому что прибавлено: **и начальника в народе твоем не поноси** (Исх.22:28). Израильтянам обещается, если будут послушны, много благ, — именно, что они овладеют народами, наследуют землю, что вода и хлеб их будут благословенны, что они будут избавлены от всякой болезни, не будет между ними ни бесплодной, ни бесплодного, ни преждевременной смерти, что пределы их будут простираться от Чермного моря до земли филистимской, от пустыни до Евфрата. Тогда Моисей принес жертву, половину крови возлил на жертвенник и, взяв кровь, окропил ею народ. Об этом упоминает и Павел в послании к Евреям, говоря: **первый завет был утвержден не без крови** (Евр.9:18). Моисей получает повеление взойти на гору и взять

скрижали. Был он там сорок дней и сорок ночей. Выслушал (повеления) об устройстве скинии и всех ее принадлежностей, о священной одежде, о помазании священников и о выкупах, которые состояли в том, чтобы каждый давал половину дидрахмы, т.е. десять оволов; Бог дает заповедь о составлении елея и о соблюдении субботы. Между тем израильтяне восстают против Аарона и впадают в идолопоклонство. Тогда Бог говорит Моисею: **оставь Меня, да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их, и произведу многочисленный народ от тебя** (Исх.32:10). Когда Моисей, сходя, увидел тельца и веселящийся народ, то бросил скрижали и разбил их, укорил Аарона и дал повеление пришедшим сынам Левииным, сказав: **кто Господень, [иди] ко мне! И собрались к нему все сыны Левиины. И он сказал им: так говорит Господь Бог Израилев: возложите каждый свой меч на бедро свое, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего. И сделали сыны Левиины по слову Моисея: и пало в тот день из народа около трех тысяч человек** (Исх.32:26,27,28), и пали три тысячи мужей. Тогда Моисей, взойдя, говорит Богу: **прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал** (Исх.32:32). Тогда народ стал плакать и получил повеление снять украшения свои. Здесь сказано: **и говорил Господь с Моисеем лицем к лицу, как бы говорил кто с другом своим** (Исх.33:11). Иисус же Навин не выходил из скинии. Тогда Моисей просит Бога, чтобы Он не оставлял народ, и, вытесав две скрижали, получает десятословие, пробыв на горе опять сорок дней и сорок ночей. Опять ему дается повеление о пасхе, о субботе, об истреблении богов языческих, о посвящении Богу первенцев. Здесь сказано, что Моисей говорил народу под покрывалом, о чем и Павел говорит во втором послании к Коринфянам (2Кор.3:13). Тогда даются им заповеди о субботе и о веществе, которое должно быть употреблено на строение скинии, т.е. о золоте, меди, кожах и прочих веществах. Они приносили это с великим усердием, так что оказался даже излишек. Все относящееся к устройству скинии, исполняли Веселиил из колена Иудина и Елиав из колена Данова; и воздвигнута была скиния, и облако осенило ее. На эту постройку употреблено золота двадцать девять талантов и семьсот сиклей, серебра сто талантов и семьсот семьдесят два сикля и меди семьдесят талантов и две тысячи пятьсот сиклей.

Книга 3-я Левит

Эта книга называется **Левит** потому, что содержит в себе описание всего левитского служения, и того, как Аарон и сыновья его избираются из колена Левиина и помазываются во священники; (она излагает) также все разнообразие жертв, весь порядок богослужения в храме и священнического служения. Излагаются и законы о каждой жертве, — спасения и жертве за вольное и невольное прегрешение; объясняется и то, как должно каждое из приношений разделять и возносить. Описывается в этой книге помазание первосвященника и священников, также различие и распознавание признаков проказы людей, одежд и стен дома, и полагается закон касательно их очищения; сообщается закон о браках законных и указывается, какие сожительства незаконны; еще сообщается разделение чистых и нечистых животных, птиц, рыб и пресмыкающихся, и говорится, какими из них евреи могут питаться и от каких должны воздерживаться. Даются указания о дне трубном (празднуемом) в новомесячие седьмого месяца; также заповедь о великом посте, который называется субботою суббот и отпущением грехов, заповедь, чтобы евреи совершали его в седьмой месяц, в десятый день месяца. Содержится постановление о празднике кущей, в 15 день того же месяца и о других праздниках и о том, какие во время их должно делать приношения; также об освобождении купленных евреев, о прощении долгов, об успокоении земли, которое должно быть в седьмой год. Излагается снова напоминание о всех законах, повелениях и свидетельствах; приводятся обетования соблюдающим их и жесточайшие угрозы

нарушающим. Называется различие чистой и нечистой пищи на следующих основаниях: из скотов чистыми называются те, у которых раздвоены копыта и на копытах глубокой разрез, и которые отрыгают жвачку, — каковы: теленок, овца, коза, олень, буйвол, серна, газель, антилопа, трагелаф, камилопард и подобные. Если же у них чего-нибудь из этого не достает, то они не чисты, — каковы: верблюд, тушканчик и заяц, потому что хотя они и отрыгают жвачку, но у них не раздвоены копыта; также свинья, потому что, хотя у нее раздвоены копыта, но она не отрыгает жвачки. Из птиц запрещается употреблять в пищу следующих: орла, грифа, морского орла, коршуна, сокола, ворона, и подобных им, ястреба и ему подобных, филина, рыболова, ибиса, лебедя, пеликана и сипа, цаплю, зуя и подобных им, удода и нетопыря. Из пресмыкающихся крылатых называются нечистыми все, ходящие на четырех ногах, кроме тех, которые имеют выше ног голени, чтобы скакать по земле, — каковы: саранча, питтак, аттак и подобные им, и офиухос. Из животных, живущих в водах, в море, в реках и в потоках, называются чистыми те, которые имеют перья и чешую, — каковы: барвена, скар, главк, головень, и подобные им. Те же, у которых не достает чего-нибудь из этого, нечисты и не должны быть употребляемы в пищу, как например каракатица, потому что она хотя имеет перья, но чешуи у нее нет. Из пресмыкающихся по земле называются нечистыми следующие: крот, мышь, ящерица, землеройка, хамелеон, аскалеват, савр и аспалак. О змее же и тому подобных излишне было и упоминать, — так как очевидно было, что они для всех отвратительны и мерзки. Впрочем и об них упомянуто во Второзаконии. Еще содержатся постановления о трупах, как вещах оскверняющих, о крови и о женах рождающих. Сименоточивый признается нечистым на семь дней. Также излагаются постановления об обрезании младенца в восьмой день, о месячном очищении женщин и о различии очищения рождающих младенца мужского или женского пола; о проказе и очищении ее, о кровоточивых и сименоточивых, о благоповедении, о козле отпущения и о посте; о том, что не должно иметь незаконного сожительства, о законных и незаконных браках, о том, что священник не должен брать вдову или отпущенную, но девицу без всякого порока; о впадающей в прелюбодеяние дочери священника и о том, что священник должен быть непорочен, о приносимых дарах, о субботах и праздниках, о празднике пасхи, кущей и труб, о елее и свете, о хлебах предложения и годе отпущения, о рабах из иудеев и язычников. Об отвержении идолов говорится так: **не делайте себе кумиров и изваяний, и столбов не ставьте у себя, и камней с изображениями не кладите в земле вашей, чтобы кланяться пред ними, ибо Я Господь Бог ваш** (Лев.26:1). К этому присовокупляются следующие угрозы нарушителям: **Я Господь Бог ваш, Который вывел вас из земли Египетской, чтоб вы не были там рабами, и сокрушил узы ярма вашего, и повел вас с поднятою головою. Если же не послушаете Меня и не будете исполнять всех заповедей сих, и если презрите Мои постановления, и если душа ваша возгнушается Моими законами, так что вы не будете исполнять всех заповедей Моих, нарушив завет Мой, — то и Я поступлю с вами так: пошлю на вас ужас, чахлость и горячку, от которых истомятся глаза и измучится душа, и будете сеять семена ваши напрасно, и враги ваши съедят их** (Лев.26:13-16). Вот что содержит эта книга вместе с другими повелениями и заповедями; этим она заканчивается.

Обозрение книги Числа

Обозрение книги Чисел в Лондонском кодексе начинается так: "Эта книга называется Числа потому, что каждое колено, по повелению Божию, было сосчитано, и в этой книги указывается число всего народа. А считали народ Моисей и Аарон и вместе с ними старейшина каждого колена. Число способных к войне от 20 лет и выше оказалось 600150, кроме остальных. Колено же Левиино Моисей и Аарон, по слову Божию, сосчитали отдельно, от одного месяца и выше".

***

Моисей получает повеление исчислить народ от двадцатилетнего возраста и выше, и оказалось шестьсот три тысячи пятьсот пятьдесят человек, кроме левитов. Излагается родословие левитов, и они исчисляются, и оказалось их двадцать две тысячи от одномесячного возраста и выше. Так как первенцев израильских было двадцать две тысячи двести семь-десять три, то за первенцев излишних против числа левитов Моисей взял выкуп и отдал его Аарону. Поголовный выкуп доставил тысячу триста шестьдесят пять сиклей. Моисей определяет, кто должен отправлять священнослужение и кто быть левитами, потому что не все удостоены были такой чести. Одним из них вручены были драгоценнейшие из сосудов скинии, другим менее важные. Левитов от двадцатилетнего возраста и выше до пятидесятилетнего, которые и отправляли богослужение, было восемь тысяч пятьсот восемьдесят три. Потом повелевается удалить из стана всякого нечистого, говорится о жертве за преступление и установляется закон ревнования, чтобы и жена не могла быть оклеветана в прелюбодеянии, и виновная в прелюбодеянии не могла укрыться. Делается постановление об обете посвящения Богу и о том, как священник должен благословлять сынов израильских. Когда же поставлена была скиния, то старейшины принесли много великих даров. Моисей получает повеление очистить левитов, и слышит, что они должны служить с двадцати лет и выше, а после пятидесяти лет оканчивать служение. Бог чрез Моисея повелевает им совершить Пасху. **И сказал Господь Моисею в пустыне Синайской во второй год по исшествии их из земли Египетской, в первый месяц, говоря: пусть сыны Израилевы совершат Пасху**, — потому что был первый месяц второго года (Числ.9:1,2). Нечистые приступили к Моисею, и он спросил о них Бога. Бог повелел тому, кто не может совершить пасху в первый месяц, или потому что нечист, или потому, что находится в дальнем пути, совершить ее во второй месяц, в четырнадцатый день. А кто, будучи чистым и не находясь в дальнем пути, не захочет совершить пасху в первый месяц, тот сделает грех. **Один устав**, говорит, **пусть будет у вас и для пришельца и для туземца** (Числ.9:14). Когда восходило облако, то поднимались с места сыны израильские; а где оно останавливалось, там и они останавливались. Моисей получает повеление сделать серебряные трубы, чтобы ими извещать народ, когда нужно отправляться в путь, чтобы собирать народ на войну и для жертвоприношений, также чтобы употреблять эти трубы в праздники, в новомесячия при всесожжениях. Когда сыны израильские отправились в путь, Моисей убеждал Иовава, сына Рагуилова, который назывался также Иофором, чтобы и он участвовал и в путешествии и в обетованных им благах. Когда поднят был ковчег, Моисей сказал: **восстань, Господи, и рассыплются враги Твои, и побегут от лица Твоего ненавидящие Тебя** (Числ.10:35). Народ стал роптать, и сожжена была часть стана, а то место прозвано было **Тавера** (Числ.11:3). Моисей помолился и наказание прекратилось. Они стали требовать мяса и говорили: **мы помним рыбу, которую в Египте мы ели даром, огурцы и дыни, и лук, и репчатый лук и чеснок; а ныне душа наша изнывает; ничего нет, только манна в глазах наших** (Числ.11:5,6). Когда Моисей вознегодовал на их ропот и обратился к Богу, то Бог дает ему в помощники семьдесят старейшин, чтобы они участвовали с ним в управлении. Здесь же, когда Иисус Навин сказал: **господин мой Моисей! запрети им (Елдаду и Модаду)** пророчествовать, Моисей ответил: **не ревнуешь ли ты за меня? о, если бы все в народе Господнем были пророками, когда бы Господь послал Духа Своего на них** (Числ.11:28,29). Тогда посланы были от Господа коростели, которых они и ели. Мясо было еще в зубах их, как они стали умирать. Об этом сказано в псалме: **еще пища была в устах их, когда гнев Божий пришел на них, и убил очень многих из них и избранных Израиля низложил** (Пс.77:30,31). Место это прозвано **гробами похотения**. Тогда Мариам сказала против Моисея: **одному ли Моисею говорил Господь** (Числ.12:2)? Бог сказал, что Он только с ним одним из всех пророков говорил так, и послал проказу на Мариам. Когда Моисей помолился о ней, то Бог не допустил ей

очиститься прежде, нежели она пробыла семь дней вне стана. Моисей посылает несколько человек из народа осмотреть землю хананскую. Осматривавшие принесли оттуда виноградную кисть и хвалили землю, но боялись ее жителей, потому что тамошние люди были воинственны. Халев же сын Иефонии и Иисус Навин, которые также были в числе соглядатаев, ободряли народ. Их хотели побить камнями; но Бог, разгневавшись, сказал, что возроптавшие не войдут в землю обетованную, а только дети их, и Халев сын Иефонии, и Иисус. **По числу сорока дней**, сказал Он, **в которые вы осматривали землю, вы понесете наказание за грехи ваши сорок лет, год за день, дабы вы познали, что значит быть оставленным Мною** (Числ.14:34). Тогда все соглядатаи умерли, кроме Халева и Иисуса Навила, и плакал народ. Некоторые пошли против амаликитян без позволения Божия; а ковчег оставался в стане с Моисеем. Амаликитяне вышли и поразили их. Дается заповедь о всесожжениях, о начатках, о жертвах за грех. Захвачен человек, собиравший дрова в субботу, и побит камнями. Повелевается сделать кисти на краях одежды. Восстание Корея, Дафана и Авирона и наказание их. Остальной народ не вразумился этим, но опять восстал против Моисея, и умерло четырнадцать тысяч семь сот. Тогда процвел жезл Аарона. Указывается и определяется, что следует получать левитам и великому священнику. Дается закон о пепле телицы, из которого приготовлялась вода очищения. Некоторые думают, что эта телица была образом страдания Господа нашего Иисуса Христа. Пеплом телицы очищался тот, кто делался нечистым от прикосновения к мертвому. Народ пришел в Кадис, и там умерла и погребена Мариам. Не имея воды, иудеи опять ропщут; но Моисей и Аарон получают повеление извести воду из камня. Моисей ударил о камень, сказав: **разве нам из этой скалы извести для вас воду**, и потекла вода. **И сказал Господь Моисею и Аарону: за то, что вы не поверили Мне, чтоб явить святость Мою пред очами сынов Израилевых, не введете вы народа сего в землю, которую Я даю ему** (Числ.20:10-12). Моисей отправляет послов к царю едомскому, чтобы он пропустил их; но тот не дозволил, и пошли от него в сторону сыны израильские. Когда дошли они до горы Ор, то, по повелению Божию, Моисей, взяв Аарона и сына его Елеазара, возвел их на гору, и облек Елеазара в одежды Аароновы. Аарон скончался на горе, и плакал народ тридцать дней. Израильтяне победили хананеев и предали их проклятию. Пришедши к Чермному морю, обошли землю едомскую, стали малодушествовать и роптать на Моисея, и послал на них Бог змеев, которые умерщвляли их. Моисей помолился, и по повелению Божию сделал медного змия. Укушенный, посмотрев на змия, оставался жив. Об этом змие сказано в Евангелии: **как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому** (Ин.3:14). Моисей посылает послов к царю аморрейскому Сиону. Этот Сион воевал пред тем с царем моавитским и взял его землю. Когда же он и с израильтянами вступил в войну, то был жестоко поражен ими, и все города его взяли израильтяне. Вступив в войну с Огом, царем васанским, они подвергли и его той же бедственной участи, какой и Сиона, и взяли землю и все города его. Царь Валак посылает к волхву Валааму, чтобы он проклял народ израильский. Бог сначала воспрепятствовал этому; но когда тот настоятельно побуждал волхва, то Бог попустил ему идти, но не проклинать, и обратил проклятия в благословения, — не потому, чтобы проклятия волхва имели какую-нибудь силу, но потому, что народ бедствовал, готов был верить его клятвам и мог там подвергнуться осуждению за свою слабость. Валаам пророчествует о Христе, говоря: **восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля** (Числ.24:17), — потому что Дух Божий был с волхвом. Когда Валаам удалился, сыны израильские сходятся с дочерями моавитскими и служат Вефльфегору. Тогда Моисей повелевает каждому убить брата, совершавшего идолослужение. Финеес, сын Елеазара, пронзил копьем Замврия израильтянина и Хасви мадианитянку вместе с ним; и это вменилось ему в правду. Тогда исчислены были сыны израильские от двадцати лет и выше, и оказалось шестьсот три тысячи тридцать человек; левитов же от одномесячного возраста и выше двадцати три тысячи. Это исчисление сделано было в Аравофе моавитском, по ту сторону Иордана.

Между ними не оказалось ни одного человека из тех, которых прежде исчислял Моисей в пустыне синайской, кроме Иисуса Навина и Халева, сына Иефонии. Приходят дочери Салпаада из колена Манассиина, и просят, чтобы к ним перешло наследство и имущество отца их, так как он умер без детей мужского пола. Бог повелел отдать им это; (и заповедано) если кто умрет, не имея сына, то должна наследовать дочь; если нет и дочери, то брат, а если нет брата, то брат отца. Бог показывает Моисею с горы Навав землю обетованную, и на его место рукополагается Иисус Навин. Тогда даются сынам израильским заповеди о всесожжениях, о жертвах ежедневных, в субботы, в новомесячия, в пасху, в день седмиц и в седьмой месяц; заповедуется также об обетах, т.е. какие обеты можно давать. Тогда вооружаются двенадцать тысяч израильтян против мадианитян, и Финеес с ними, и умерщвляют их, и пять царей мадиамских, и Валаама волхва. Начатки добычи они принесли Богу, а остальное разделили между собою. Колена Рувимово, Гадово и половина колена Манассиина приступили к Моисею и просили себе землю по ту сторону Иордана. Моисей отдал им ее, взявши с них наперед обещание воевать вместе с прочими израильтянами и перейти чрез Иордан с оружием, чтобы сражаться за своих братьев. Здесь Моисей повествует о путешествии от Египта до того времени, как они подошли к Иерихону; заповедует им истребить всех идолов языческих; говорит им о границах земли, откуда она начинается и где оканчивается; делает распоряжение и о земле, которую должны были получить левиты, и о шести городах убежища, чтобы невольный убийца убегал туда и спасался от опасности, живя там до тех пор, пока умрет великий священник. Если же он будет схвачен вне пределов города и убьет его родственник убитого, то отмстивший не подвергается наказанию. Кратко говорится о законах касательно убийств. Приходят начальники колена Манассиина и говорят Моисею: так как решено, чтобы дочери Салпаада получили наследство, то что будет, если случится им выйти замуж за кого-нибудь из другого колена? Участок нашего колена отойдет в то колено. Тогда Моисей повелел, чтобы каждый брал жену из своего колена, дабы наследства не переходили от одного колена в другое.

Обозрение книги Второзакония

Моисей кратко повествует о всем, прежде бывшем, приводя иудеям на память как благодеяния Божии, так и их нечестие. Увещание о том, чтобы не почитать идолов. Здесь находится и следующее изречение: **и дабы ты, взглянув на небо и увидев солнце, луну и звезды [и] все воинство небесное, не прельстился и не поклонился им и не служил им, так как Господь, Бог твой, уделил их всем народам под всем небом** (Втор.4:19). Выражение: **уделил** значит не то, будто Бог повелел (поклоняться им), — нет, оно подобно тому, что сказал блаженный Павел: **предал их Бог превратному уму** (Рим.1:28). Это не значит, что Он **предал**, но что попустил им, когда они сами захотели и оставались неисправимыми. Так и здесь: **уделил** им, т.е. попустил, когда они избрали заблуждение и не хотят исправиться. Здесь немного далее он говорит: **свидетельствуюсь вам сегодня небом и землею, что скоро потеряете землю, для наследования которой вы переходите за Иордан; не пробудете много времени на ней, но погибнете** (Втор.4:26). Потом показывает, что Бог никому не давал того, что дал им; и назначает три города при Иордане для убежища. Еще напоминает им о прежнем, и говорит: **и внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоем и идя дорогою, и ложась и вставая; и навяжи их в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими, и напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих** (Втор.6:7-9). Сказав, какие бедствия постигнут их, если они не будут послушны, ободряет их, чтобы не боялись врагов. Опять напоминает о прежнем. Здесь находится изречение: **берегись, чтобы не обольстилось сердце твое** (Втор.6:12), которое и далее он часто повторяет им; он увещевает приписывать победы не собственной силе, но благодати Божией. Здесь же сказано: **Бог наш есть огнь поядающи**й (Втор.4:24), которое употребил Павел в

послании к Евреям (Евр.12:29). Здесь же Моисей увещевает их не превозноситься. **Не за праведность твою**, говорит, **и не за правоту сердца твоего идешь ты наследовать землю их, но за нечестие [и беззакония] народов сих Господь, Бог твой** (Втор.10:5). Припоминает им также о сооружении тельца. Здесь говорится: **обрежьте крайнюю плоть сердца вашего и не будьте впредь жестоковыйны** (Втор.10:16). Хвалит землю обетованную. Здесь находится изречение: **берегись, чтобы не обольстилось сердце твое** (Втор.6:12), и предсказываются бедствия непослушным, и блага послушным. Повелевает произнести **благословение** на горе Гаризин, и проклятие на горе Гевал (Втор.9:29), истребить идолов и места поклонения им. Заповедует не везде приносить жертвы Богу, а на том месте, которое Он изберет; не подражать язычникам, и не слушаться никого, кто будет советовать поклоняться идолам, хотя бы он творил знамения; не слушать ни друга, ни кого-либо другого, но побивать камнями такого советника, хотя бы то был брат; и если бы целый го-род стал служить идолам, истребить его. Говорит о том, что должно употреблять в пищу, и чего не должно. Дает законы о прощении долгов, об отпущении и освобождении рабов, о первенцах, о пасхе. Здесь находится изречение: **не можешь ты заколать Пасху в котором-нибудь из жилищ твоих, которые Господь, Бог твой, даст тебе** (Втор.16:5). Говорится о седмицах, о празднике кущей, о судьях, о царях, если они пожелают когда-либо поставить кого-нибудь царем; о левитах, и о том, что они должны получать; о том, что не должно прибегать к так называемым очистителям, или чародеям, к волхвованиям, гаданиям и тому подобным (Втор.18:10). Здесь находится изречение: **ибо его избрал Господь Бог твой из всех колен твоих, чтобы он предстоял пред Господом, Богом твоим** (Втор.18:15). Дается заповедь о городах убежища. Здесь говорится: **при словах двух свидетелей, или при словах трех свидетелей состоится всякое дело** (Втор.19:15); и о лжесвидетелях, какому наказанию они должны подвергаться. Говорит, кого должно отправлять на войну, и заповедует не допускать междоусобной войны. Увещевает не убивать неприятелей, попадающих в их руки, кроме семи народов, и говорит: разграбляйте все города, которые возьмете, убивая только мужеский пол; из тех же, чью землю наследуете, не оставляйте в живых никого; плодоносных деревьев не рубите для устройства ограды во время осады. Дает закон о том, что должно делать, если найден будет убитый, а убийца не откроется. Если кто, имея двух жен, одну будет ненавидеть, а другую любить, и первенец родится от ненавидимой, то ему не должно предпочитать сына любимой. Говорит о непослушном сыне. Здесь находится изречение: **проклят пред Богом [всякий] повешенный [на дереве]** (Втор.21:23). Так как было определено тем, которые не исполняют закона: **Проклят [всякий человек], кто не исполнит [всех] слов закона сего и не будет поступать по ним** (Втор.27:26), а Христос, как исполнивший закон, не мог подлежать этому проклятию, то Он вместо одного проклятия принял на себя другое, будучи повешен на древе. Даются законы о том, что не должно презирать бессловесных животных, даже принадлежащих врагу, и другие; говорится о законах супружеских и полагается наказание развратителям дев. Указывается, кому запрещается вход в церковное собрание, даются и другие законы, между прочим о том, чтобы не брать процентов; чтобы не медлить исполнением обетов, чтобы давший какой-нибудь обет, тотчас исполнял его; о жене, получающей разводное письмо; о залогах, о краже, о плате наемнику, о сироте, о вдове, об оставлении колосьев и виноградных ягод для бедных. Здесь говорится о том, что не должно виновному в каком-нибудь проступке давать более сорока ударов; также о том, чтобы не заграждать уст волу молотящему, и о том, чтобы оставшийся в живых брат восстановлял семя умершему, и о том, чему первый должен подвергнуться, если не захочет восстановить; о весах, о мерах; об истреблении амаликитян; о начатках; о милосердии ко вдовам и сиротам. Отсюда начинаются проклятия и благословения, первые непокорным, а последние послушным, и произносится длинная речь об ожидающих их бедствиях. Это исполнилось при ассириянах и вавилонянах; а то, что они будут есть детей, исполнилось во время осад. Упоминается здесь и о Христе. **Жизнь**, говорит, **твоя будет висеть пред тобою**

(Втор.28:66). Здесь находится изречение: **да не будет между вами корня, произращающего яд и полынь** (Втор.29:18), которое привел и Павел в послании к Евреям (Евр.12:15). Здесь же сказано: **сокрытое принадлежит Господу Богу нашему, а открытое — нам и сынам нашим до века** (Втор. 29:29); **ибо заповедь сия, которую я заповедую тебе сегодня, не недоступна для тебя и не далека; она не на небе, чтобы можно было говорить: кто взошел бы для нас на небо и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?** (Втор.30:11,12). Эти слова, сказанные о заповедях закона, Павел отнес к вере во Христа (Римл.10:6). **Во свидетели**, говорит Моисей, **пред вами призываю сегодня небо и землю** (Втор.30:19). Тогда он призывает Иисуса Навина и заповедует вести народ, и не бояться врагов, имея помощником Бога; также внушает, чтобы в праздник кущей читали закон всему народу. Бог предсказывает Моисею, что по смерти его народ будет служить идолам, и будет наказан. Пусть будет, говорит, эта песнь свидетельницею против них, потому что они никогда не забудут ее. И написал Моисей песнь, и предсказал им, что они будут предаваться нечестию. Здесь находится изречение: **они раздражили Меня не богом, суетными своими огорчили Меня: и Я раздражу их не народом, народом бессмысленным огорчу их** (Втор. 32:21). Моисей получает повеление взойти на гору Аварим, которая называлась также Навав, и посмотреть на землю обетованную; и, благословив каждое колено, он скончался. Никто не знает гробницы его до сего дня. Здесь оканчиваются пять книг Моисея, которые одни только и были приняты самарянами.

Обозрение книги Иисуса Навина

Иисус получает повеление сказать народу, чтобы он внимал закону Божию; посылает соглядатаев, которые и пришли в Иерихон. Узнав об этом, царь города послал искать этих мужей у блудницы Раав, которая приняла их. Но она скрыла соглядатаев, и за эту услугу просила пощады своему дому, когда будет взят город, на что они и согласились. Возвратившись, они рассказали о случившемся. Иисус повелевает народу перейти Иордан; и перешли посуху и поставили на месте стана двенадцать камней. Цари аморрейские, жившие по ту сторону Иордана, и цари финикийские, узнав, что евреи перешли Иордан посуху, пришли в ужас и смятение. Тогда Иисус по повелению Божию обрезывает израильтян каменными ножами. Так как они находились в пустыне сорок лет, то многие из воинов не были обрезаны: они и погибли; а вместо них Бог воздвигнул сынов их, которых Иисус обрезал, потому что они на пути оставались не обрезанными. Тогда, он совершил пасху; и в тот день, в который они вкусили опресноков из пшеницы этой земли, манна прекратилась. Иисус получает повеление снять обувь свою и обходить Иерихон с трубами и ковчегом семь дней. Когда это было исполнено, стены пали сами собою. Очевидно, что уже с того времени начал нарушаться покой субботы, потому что, как бы кто ни стал считать дни, суббота неизбежно должна пасть на эти семь дней. Тогда спасается Раав с родственниками своими и поселяется между израильтянами, а город сожигается и предается проклятию; Иисус проклял того, кто стал бы восстановлять его. Ахар тайно взял несколько заклятых вещей, и народ потерпел поражение при нападении на другой город. Иисус молит Бога, и Бог повелевает очиститься от заклятого. Указан Ахар, обличен в краже и побит камнями со своими сыновьями и дочерями. Иисус возобновил войну и взял Гай (Газу) и сжег его; в нем погибло двенадцать тысяч, а царя города повесили на дереве. На израильтян собираются напасть цари аморрейские, хананейские и другие. Иисус строит жертвенник из цельных камней и пишет на них второзаконие; одна половина народа стояла близ горы Гевал, а другая близь горы Гаризин. Далее говорится о гаваонитянах. Они, услышав об израильтянах и убоявшись их вследствие того, что было совершено ими в сражениях, приходят к ним одетые в ветхие одежды, с черствыми хлебами и изношенною обувью, и говорят народу, что они идут из далекой страны и в доказательство того, что они живут далеко, показывают свои одежды,

хлебы и обувь. Они говорили, что все это обветшало на пути, а пришли они для заключения союза с ними. Израильтяне, не вопросив Бога, заключили союз; но узнав, что те обманули их и живут не далеко, а близко, не могли воевать против них по причине клятвы и сделали их рабами, — дровосеками и водоносцами. Здесь исполнилось пророчество Ноя, которое он изрек: **проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих** (Быт.9:25), так как они произошли от Ханаана. Адонивезек, царь иерусалимский, услышав, что взят Иерихон и Гай и что гаваонитяне сдались, пошел на них войною вместе с другими царями. Они же призвали на помощь Иисуса. Он пришел, сразился и обратил неприятелей в бегство; с неба упал на них град, который истребил их больше, нежели меч сынов израильских; тогда остановилось солнце против Гаваона, и луна против долины Елом; и умертвил Иисус весь народ неприятельский и пять царей; взял Манилу, Ловну, Лахис, Аглон. Хеврон, Давир и страну горную и ровную. Собрались многие другие цари с многочисленными войсками; и их победил Иисус. Здесь указываются имена их, города и число. Иисус получает повеление разделить землю между израильтянами, и описывает, какое колено какой получило удел и что дано левитам. Колена Рувимово и Гадово и половину колена Манассиина Иисус посылает в уделы их, которые они получили еще при жизни Моисея. Отошедши, они построили близ Иордана жертвенник. Это смутило прочие колена, которые подумали, что те сделали это по отступничеству, и послали к ним посольство с упреком. Но те в свое оправдание сказали, что они построили жертвенник не по отступничеству, но для того, сказали они, чтобы потомки ваши не считали наших сынов чуждыми родства с ними, по той причине, что между ними протекает Иордан, чтобы этот жертвенник служил свидетельством и чтобы дети ваши не могли сказать потомкам нашим: **нет вам части в Господе** (Иис. Нав.22:27). Это убедило прочие колена не воевать против них. Тогда Иисус созывает израильтян, напоминает им о благодеяниях Божиих, убеждает соблюдать закон, предсказывает ожидающие их бедствия, если они не будут соблюдать его, и умирает. Умирает также Елеазар первосвященник, и вместо него делается первосвященником Финеес, сын его. Израильтяне стали поклоняться идолам и были преданы Еглому, царю моавитскому, который и владычествовал над ними восемнадцать лет.

Обозрение книги Судей

Здесь говорится, какие города взяли израильтяне и какие обложили данью. Ослабленные военными трудами, они нарушили заповедь Божию, повелевавшую истреблять всех без исключения. Пришел ангел от Господа к израильтянам и обличил их в преступлении. Следовало, говорил он, истребить всех, а вы заключили с ними союзы; потому Бог не истребит оставшиеся народы. Услышав это, они все плакали, и то место названо плачем (Суд.2:2). Они неоднократно то преступали закон и служили идолам и были предаваемы врагам, то освобождались от рабства, то снова подвергались тем же бедствиям. Они были под игом Хусарсафема, царя сирийского, восемь лет, и избавил их Господь чрез судию Гофониила. Потом они были под игом Еглома, царя моавитского, но воззвали к Богу, и Он воздвиг им Аода, который хитростью поразил Еглома и моавитян. После него были судиями Сомегар и Девора, женщина-пророчица. Когда изральтяне были под игом царя ханаанского, Девора повелевает Вараку быть военачальником на войне. Он не соглашался, если она не пойдет с ним; и она, женщина, пошла вместе с ним. Во время сражения неприятели обращаются в бегство и военачальник Иавина, Сисара, пришедши к одной женщине по имени Иаили, просит напиться; она дала ему молока вместо воды. Когда он, напившись, заснул, тогда эта женщина, взяв кол, пронзила им висок его. Так умер Сисара, и Варак, пришедши, увидел его мертвым. Тогда Девора воспела победную песнь. Опять израильтяне предаются в руки мадианитян, потому что они часто прогневляли Бога. Тогда явился Гедеону ангел и убедил его начать войну. Потом Господь повелевает ему заколоть упитанного тельца у отца своего, принесть жертву всесожжения и разрушить жертвенник

Ваала. Он сделал так и принес жертву всесожжения Богу. Гедеон, — он же и Иероваал, — просит знамения, которое и совершилось на руне. Он получает повеление отпустить все войско и удержать только триста человек. Сделав так и вышедши с светильниками и трубами, он поразил врагов. Тогда умерщвлены Орив и Зив, князья мадиамские, и цари Зевей и Салман. По смерти своей Гедеон оставил семьдесят сынов и одного от наложницы, Авимелеха. Последний, умертвив семьдесят братьев, овладел царством; но спустя немного времени понес наказание за братоубийство. Когда во время сражения он подошел к одному городу, то женщина поразила его в голову обломком жернового камня, и он умер. После Авимелеха был судиею Фола; после Фолы — Иаир. Сыны израильские прогневали Бога и преданы были в руки аммонитян. Тогда князья народа просят быть военачальником на войне с аммонитянами Иефеая, сына блудницы, изгнанного братьями из отеческого дома, и предоставляют ему власть. Он согласился и, прежде всего, отправил послов к царю аммонитян, но не убедил его; дав обет Богу принести в жертву первого, кто встретит его, если он возвратится с войны, нападает на врагов; победив их, он приносит в жертву собственную дочь, потому что она первая вышла ему навстречу. Опять израильтяне прогневали Бога и преданы были в руки иноплеменников. Тогда рождается Сампсон. Увидев одну женщину в Фамнафе, он полюбил ее и пожелал вступить с нею в законный брак. Родители его сначала препятствовали этому, потому что она была иноплеменница; но, увидев его настойчивость, не противились. Когда он пошел переговорить о ней, то встретился ему лев, которого он растерзал своими руками. Когда нужно было совершиться браку, он, опять отправившись в путь, увидел сот меда в челюсти убитого им льва и, взяв, ел и дал родителям, а собеседникам своим предложил загадку: **из ядущего**, т.е., из уст льва, **вышло ядомое, и из сильного** — вместо горького — **сладкое** (Суд.14:14). Он обещал, если отгадают, дать им тридцать рубашек и тридцать верхних одежд; а если не в состоянии будут отгадать, то они должны дать ему столько же. Недоумевая и не находя разгадки, они стали угрожать жене его смертью, если она не узнает от него значения загадки. Она узнала, открыла им, и они сказали и получили подарки. Сампсон разгневался; отец невесты, испугавшись, отдал ее одному из брачных друзей его; это еще более оскорбило его; поймав триста лисиц и зажегши факелы на их хвостах, он пустил их на поля иноплеменников. Когда таким образом он сжег их хлеб на полях, они сожгли дом невесты вместе с нею и отцом ее. Сампсон и после этого не смягчил гнева своего, но продолжал нападать на них. Они же объявили войну израильтянам и требовали Сампсона; израильтяне, связав его, выдали врагам. Но он, разорвав узы и нашедши ослиную челюсть, избил ею тысячу человек; потом, почувствовав жажду, помолился Богу, и из челюсти потекла вода, и он пил. Оттуда он пошел в Газу к блуднице, и окружили его враги; но он в полночь, взяв городские ворота и положив их на плечи, вышел. После того Сампсон полюбил одну женщину, по имени Далилу, и взял ее себе в жены. Вельможи иноплеменников обещали ей тысячу сто сребренников, если она узнает от него, каким образом он может быть лишен силы. Когда она старалась узнать, то он сначала обманывал ее; но, наконец, когда она настойчиво требовала, сказал ей правду, — что он лишится силы тогда, когда кто-нибудь острижет его волосы. Она известила вельмож, и усыпив его, распорядилась остричь его, и он лишился силы. Иноплеменники, взяв его, ослепили и посадили в темницу. Потом они веселились и вывели его из темницы, чтобы насмеяться над ним; но он, горько застонав и призвав Господа, чтобы он укрепил его, обхватил столпы дома и, поколебав их, обрушил дом на вельмож, на самого себя и на множество прочего народа; и погибло людей больше того, сколько погибло их от него при жизни его. После этого мужи из колена Данова начали войну, взяли Лаис, дали ему свое имя и поставили там истукан для богослужения. Один левит, когда разгневалась на него наложница его и ушла в дом отца своего, пошел взять ее к себе; взяв ее и возвращаясь домой, он остановился на пути в Гаваоне Вениаминовом у одного старца. Жители Гаваона, окружив дом, требовали странника, чтобы надругаться над ним. Старец готов был отдать им дочь свою девицу; но они, взяв

наложницу, ругались над нею целую ночь. Когда же наступило утро, то, отпустив ее, удалились. Пришедши к дому, в котором находился муж ее, она умерла от поругания. Левит, вышедши и нашедши ее мертвою, рассек ее на двенадцать частей и послал ее двенадцати коленам. Они вознегодовали на случившееся и, вооружившись, потребовали выдачи тех, которые оскорбили женщину; когда же их не выдали, они объявили войну; но в первый раз были поражены, и во второй также, а после третьего сражения истребили все колено Вениаминово, кроме убежавших шестисот человек. Этому колену грозила опасность совершенно погибнуть, потому что они не имели жен и сыны Израилевы поклялись не выдавать за них своих дочерей; поэтому израильтяне избили тех, которые не сражались вместе с ними против сынов Вениаминовых и отдали последним девиц их в числе четырех сот. Но так как этого числа было недостаточно, то израильтяне позволили им во время праздника выйти и похитить девиц без ведома родителей.

Обозрение книги Руфь

Ноемминь, по смерти своего мужа и сыновей и по окончании голода, из-за которого она переселилась в страну моавитскую, приходит в Иудею. Одна сноха ее, по ее убеждению, осталась в стране моавитской; а другая, которой имя Руфь, не смотря на то, что свекровь сильно убеждала ее остаться, не согласилась, но последовала за нею. Руфь выходит замуж за Вооза, родственника Ноеммини, и рождает Овида, Овид — Иессея, а Иессей — Давида царя.

Обозрение четырех книг Царств

Елкана, у которого было две жены, от одной из них не имел детей. Когда он пришел в Силом принести жертву, то эта жена молится Богу, потом рождает Самуила, и отдает его в дом Господень навсегда, как обещала прежде, нежели зачала его. Первосвященником был тогда Илий. Сыновья Илия, Офни и Финеес, были распутные и нечестивые юноши, бравшие части от жертв, прежде нежели они были приносимы Богу. Илий благословил Анну, и она имела еще трех сыновей и двух дочерей, а Самуил преуспевал в добродетели. Илий, услышав о проступках сыновей своих, — они даже и прелюбодействовали, — сделал им словесный выговор; но они не вразумлялись. Илию предвозвещается погибель его дома и сыновей за грехи последних; и Самуилу объявляется о неумолимом гневе Божиим на дом Илия, и он возвещает об этом Илию. Иноплеменники вступают в войну с израильтянами и, поразив, обращают их в бегство. А когда сыновья Илия вынесли ковчег, то и они пали на войне вместе со многими другими, а ковчег взяли неприятели. Некто пришел и возвестил об этом Илию. Он, упав со своего стула, расшибся и умер. Умерла и невестка его, когда услышала об этом. Иноплеменники внесли ковчег в храм Дагона, и он дважды падал и был сокрушен. Также и люди были поражены язвами на задних частях тела. Это были азотяне; и поле их наполнилось мышами. Они отсылают ковчег в Геф; и здесь жители были поражены. Посылают его в Аскалон; и там распространилась смертность. Тогда, по совету своих прорицателей, они сделали золотые подобия опухолей и мышей, и, положив их вместе с ковчегом на колесницу, запрягли коров, телят которых заперли в хлев. Коровы пошли прямо в Вефсамис. Тамошние люди принимают ковчег и приносят жертву Богу, пред глазами иноплеменных князей. Но так как они не охотно приняли его, и сыны Иехонии не радовались, то произошло великое поражение народа. Убоявшись, жители Вефсамиса отсылают от себя ковчег в дом Аминадава. Тогда израильтяне обратились к Богу, и на войне с иноплеменниками победили их, по молитве Самуила, и взяли города, которые те отняли у них. Когда же Самуил состарился, а сыновья его не шли по пути его, то иудеи, собравшись, требуют царя. Самуил огорчился этим, но Бог говорит ему: **послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними; как они**

поступали с того дня, в который Я вывел их из Египта, и до сего дня, оставляли Меня и служили иным богам, так поступают они с тобою, — т.е. то, чего может требовать от них царь (1Цар.8:7-8). Самуил засвидетельствовал; но они требовали настойчиво. В то время пропали ослицы Киса, отца Саулова. Отец послал его искать их. Не отыскав, он по совету спутника приходит к Самуилу спросить о них. Бог указывает его Самуилу и говорит: его помажь в царя. Саул пришел и спрашивает Самуила: где прозорливец? Так звали пророков. Тот отвечал, что это он сам, и привел его в Ваму, где приносилась народная жертва; там угостил его и, отправившись вместе с ним поутру, возлил на него из сосуда елей, поцеловал его и сказал ему, что он будет начальствовать над народом; потом, указав ему некоторые знамения, отпустил его, и Саул стал пророчествовать. Родственник Саула спрашивает его, куда он ходил. Он отвечал, что искал ослиц. Собирается народ в Массифе; Оаул поставляется царем. Царь аммонитский восстает против жителей Галаада; они посылают послов к Саулу; он пришел, сразился вместе с ними и жестоко поразил неприятелей. Устраивается празднество в Галгалах. Самуил говорит речь народу; Он спрашивает: **у кого взял я вола, у кого взял осла** (1Цар.12:3)? Предложив им увещание повиноваться Богу, он молится, — и ниспадает дождь в день жатвы. Народ убоялся и сознался, что он согрешил, потребовав царя. Самуил опять увещевает, чтобы они следовали повелениям Божиим. Саул поражает иноплеменников. Они, раздраженные, нападают с большою силою. Израильтяне обращаются в бегство; остается один Саул. Он приносит жертву всесожжения Богу, не дождавшись Самуила, который велел ждать его. Приходит Самуил, огорчается случившимся, угрожает Саулу тем, что царство будет отнято у него и передастся другому, т.е. Давиду. Когда Саул сидел на холме и с ним было шестьсот человек, то сын его Ионафан с своим отроком, тайно напав на неприятелей, убивает нескольких из них. Саул, увидев это и напав на смущенных неприятелей, жестоко разбивает их, причем дает клятву, что никто не будет вкушать ничего до вечера. Ионафан, не слышавши этого, вкусил меду. Саул приходит и спрашивает Бога, должно ли преследовать врагов; Бог не отвечает ему. Он понял, что совершен грех в народе. Когда был указан Ионафан, то Саул готов был предать его смерти, но народ спас Ионафана из рук его. Самуил возвещает Саулу, чтобы он поразил амаликитян, проклял у них все, и никого не щадил. Он не послушался, пощадил царя их Агага и стада мелкого и крупного скота. Самуил, пришедши и увидев это, разгневался и сказал: **неужели всесожжения и жертвы столько же приятны Господу, как послушание гласу Господа? Послушание лучше жертвы и повиновение лучше тука овнов** (1Цар.15:22). И при этом угрожал ему отнятием царства. Саул принуждал Самуила идти вместе с ним; но тот не хотел; потом, будучи принужден, пошел. После того Самуил, приказав привести к нему Агага, умертвил его собственными руками. С того времени он не видал Саула до дня смерти его, но плакал о нем. Потом Самуил посылается Богом помазать Давида; он пошел и помазал. Тогда овладел Саулом дух лукавый, и приводят к нему Давида, чтобы он пел и укрощал лукавого духа. Когда пришел воевать Голиаф, и все были в страхе, Давида посылают навестить братьев. Пришедши в лагерь, он спрашивает, какая будет награда тому, кто убьет этого иноплеменника. Ему сказали: дочь царя отдана будет за него. Он пришел к Саулу, и обещался убить иноплеменника. Тот не верил; но, наконец, послал его без оружия, потому что он не мог носить оружия. Давид, пустив камень в лицо Голиафа, свалил его и, отрубив ему голову его же мечом, блистательно вышел из сражения. Ионафан, увидев его, привязался к нему душою, очень полюбил его и дал подарки; но Саул стал завидовать ему, потому что хоры дев пели: **Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч** (1Цар.17:7). Саул бросил копье в Давида, чтобы убить его; но он убежал. Чем более Давид приобретал у всех любовь, тем более Саул досадовал; и, желая погубить его, обещал выдать за него свою дочь, если он умертвит сто человек врагов; он умертвил и сделался зятем царя. Когда настала другая война, Давид опять отличился; а Саул еще более возненавидел его, и сказал сыну своему Ионафану, что хотел бы убить Давида. Тот

уведомил Давида и советовал скрыться; когда же умилостивил отца, то привел к нему Давида. Когда опять настала война, Давид снова отличается и опять убегает от Саула, который хотел поразить его копьем. По совету жены он убегает из дома. Саул посылает взять его, но она сказала, что он болен. Саул, узнав, что он убежал, стал укорять дочь, и, выведав, где был Давид, посылает привести его оттуда. Так как посланные не возвратились, но, оставшись там, стали пророчествовать, то пошел сам Саул. Давид приходит к Ионафану и объявляет, что Саул покушается на его жизнь. Если хочешь, говорит, завтра удостовериться точнее, то во время обеда я удалюсь; потом, если отец твой спросит о причине, скажи, что, по случаю жертвоприношения в городе, я испросил позволение отлучиться; если он перенесет это спокойно, то я не буду подозревать ничего худого; если же он рассердится, то, очевидно, что он готовит против меня козни и мщение. Ионафан так и сделал и Саул так рассердился, что покусился убить своего сына. Ионафан, выскочив из-за стола, ушел в поле и стал бросать стрелы, — это было условным знаком, — и, побежав сзади отрока своего к тому месту, где скрывался Давид, сказал: **смотри, стрела впереди тебя: скорей беги, не останавливайся** (1Цар.20:37,38). Давид понял, что означали эти слова и, по удалении отрока, падает в объятия Ионафана и плачет; Ионафан советует ему бежать и помнить условия, которые состояли в том, чтобы Давид никогда не лишал милости дома Ионафанова, ни при жизни, ни по смерти его. Давид приходит к первосвященнику Авимелеху. Тогда он ел хлебы предложения и взял меч Голиафа, сказав, что он спешно послан куда-то царем. Оттуда он приходит к Анхусу, потом в Одолам, и поручает царю моавитскому домашних своих. Когда Саул сетовал пред слугами своими, что никто не содействует ему и не предает Давида, Доик, идумеянин, который случайно видел Давида, когда он приходил к первосвященнику, известил царя о случившемся. Саул призвал священников, и так как присутствовавшие не хотели убить их, повелевает Доику сделать это. Он убил триста пятьдесят мужей, носивших ефод, и истребил город их Номву. Об этом возвещает Давиду один из сынов первосвященника, успевший спастись. Давид опечалился и оставил спасшегося при себе; потом освободил от врагов Кеиль. Услышав, что Саул идет против него, он ушел оттуда в пустыню Зиф. Саул, услышав об этом, преследует его; но во время преследования, получив известие о нападении неприятелей, удаляется. Потом, по возвращении с войны, Саул опять стал преследовать его, и вошел в пещеру, где находился Давид и приближенные его. Хотя все советовали Давиду убить Саула, он не послушался, и не дозволил хотевшим сделать это. Когда Саул вышел из пещеры, то последовал за ним и Давид, закричал ему и показал ему и его злобу, и свою справедливость. Саул заплакал. Тогда умер Самуил. Давид посылает просить даров у Навала за то, что сберег его стада. Тот не только не дал, но еще оскорбил его в лице посланных. Давид, вооружившись, пошел, чтобы убить его. Об этом узнала Авигея, жена его, и взяв дары, встретила Давида, и после многих просьб отклонила его от этого намерения. По смерти Навала она делается женою Давида. Саул, услышав, где находится Давид, опять идет против него. Когда он и все войско его спали, приходит Давид с Авессою. Этот советовал убить врага, но Давид не послушался, а взяв лежавший у головы его кувшин и копьё, отошел на далекое расстояние и, закричав, разбудил военачальника Саулова и укорял его в беспечности, в том, что он не стережет царя; показал копье и кувшин, и укорял Саула, что он преследует человека, не сделавшего ему никакого зла. Тогда Давид убегает к Анхусу, потому что не считал безопасным находиться близ Саула. Давид получил от Анхуса Секелаг, делал набеги на неприятелей, и приобретал много имущества и овец. Тогда собрались иноплеменники против израильтян, и Саул вопрошает чревовещательницу. Давид был удален из войска Анхусова, потому что князья иноплеменников не позволили ему идти вместе с ними, опасаясь, чтобы он не предал их войска; он находит Секелаг сожженным, и не находит там женщин, потому что они были отведены в плен. Вопросив Бога, должно ли преследовать (врагов), и получив в ответ, что должно, отправился в погоню. Узнав от египетского слуги, где враги расположились лагерем, он напал на них неожиданно, разбил их, взял добычу и разделил

ее поровну как между сражавшимися, так и между оставшимися при обозе. Когда произошло сражение иноплеменников с израильтянами, пали Саул, Ионафан и два другие сына его; взяв Саула, неприятели повесили его на стене Вифсана, т.е. Скифополя. Но жители Иависа, пришедши, взяли его и Ионафана и погребли.

Вторая книга Царств

Некто приходит объявить Давиду, что он убил Саула; но Давид умертвил его, и оплакал Саула и Ионафана. Его помазывают на царство, и он посылает послов к жителям Иависа галаадского похвалить их за то, что они погребли Саула. Авенир, военачальник Саула, поставил царем над израильтянами сына Саулова Иевосфея (у св. И. Златоуста здесь и далее это имя заменено именем внука Саулова, сына Ионафанова, Мемфивосфея). А над коленом Иудиным воцарился Давид. Когда сошлись друг с другом Иоав, военачальник Давида, и Авенир, военачальник Саула, и произошло сражение между юношами, Асаил, брат Иоава, погнался за Авениром; и хотя последний неоднократно советовал ему возвратиться, он не слушался. Тогда Авенир убивает его, и, призвав Иоава, увещевает прекратить войну. Война продолжалась между домом Сауловым и домом Давидовым, и первый ослабевал, а последний усиливался. Авенир берет себе наложницу Саула; Иевосфей укоряет его. Разгневанный Авенир посылает к Давиду, обещая предать ему весь народ и сам приходит к нему. Давид угостил его. Когда услышал об этом возвратившийся с войны Иоав, то, отозвав Авенира, он коварно умертвил его, мстя за кровь брата. Давид, узнав об этом, проклинает Иоава, оплакивает Авенира и погребает его с великою честью. Рихав и Ваана, тайно убив Иевосфея, пришли в Давиду, думая, что угодили ему этим убийством. Он же умертвил их. Тогда Давид делается царем всего народа, и приходит в Иерусалим к Иевусею; хромые заграждают ему путь; он берет крепость и строит себе дом. Ему помогал Хирам, царь тирский. Иноплеменники сделали нападение, но Давид вышел и разбил их. Когда же они опять сделали нападение, Бог запрещает ему идти им навстречу, **Когда услышишь шум как бы идущего по вершинам тутовых дерев**, говорит Бог, **то двинься, ибо тогда пошел Господь пред тобою, чтобы поразить войско Филистимское** (2Цар.5:24). Давид переносит ковчег и умирает Оза, потому что простер руку свою к ковчегу. Когда переносили ковчег, Давид скакал, а Мелхола укорила его. Давид пожелал построить храм, но это было воспрещено ему чрез пророка Нафана; он молится Богу и благодарит Его за обетования, которые услышал. Давид поразил иноплеменников, и моавитян и сирийцев, а золотое оружие, которое взял, перенес в Иерусалим, откуда впоследствии взял его Сусаким, царь египетский. И много приношений Давид посвятил Богу. Он удостаивает Мемфивосфея (св. отец называет здесь и далее Мемфивосфея тем именем, каким, он назван в 1Пар.9:40: Мемфиваал), сына Ионафанова, царского стола и отдает ему все имущество Саула, а Сиве с детьми, бывшему рабу отца его, повелевает служить Мемфивосфею. Посылает послов к царю аммонитян утешить его, когда умер его отец; но тот, по совету своих вельмож, наносит оскорбление людям, посланным Давидом для утешения. Вследствие этого начинается война; сначала Давид посылает Иоава, а потом отправляется сам и обращает врагов в бегство. Далее говорится об Урии и Вирсавии и о младенце, который умер. После того рождается Соломон. Иоав осаждает Равваф и, одержав верх над этим городом, посылает к Давиду, желая предоставить ему победу. Амнон, сын Давидов, воспламенился страстью к сестре своей Фамари и, притворившись больным, обесчестил ее, когда она пришла посетить его. Услышав об этом, брат ее Авессалом приглашает царя на пир; так как царь не пошел, то он упросил, чтобы по крайней мере пришли братья; когда же они собрались, то во время пиршества, по его приказанию слуги умертвили Амнона. Услышав об этом, Давид много плакал и разгневался на Авессалома. Тот убежал. Спустя три года, когда смягчился гнев царя, Иоав хитроетью, при помощи фекойской женщины, убеждает царя дозволить Авессалому возвратиться. Впрочем и по возвращении отец не хотел тотчас видеть его, но

два года он жил в Иерусалиме, не показываясь царю. Авессалом призывает к себе Иоава; но этот не послушался; Авессалом зажег его поле, и тогда Иоав по необходимости пришел к Авессалому, был послан им к царю, примирил их и привел его к Давиду. Авессалом завел у себя колесницы и коней, принимал приходящих на суд с великою честью, ободрял их, как правых, сожалел, что никто не может защитить их, и говорил: **о, если бы меня поставили судьею в этой земле** (2Цар.15:4), и таким образом располагал к себе народ. Авессалом восстает против Давида. Давид, услышав об этом, удалился из Иерусалима, оставив наложниц своих в городе. Еффею, желавшему идти вместе с ним, он сначала не дозволил этого, но так как тот настаивал, то дозволил. Когда они перешли поток, Давид повелел священникам возвратить ковчег в город, а сам решился ожидать у горы Елеонской, на случай, если они найдут возможность передать ему какую-нибудь тайну царя. Давиду встречается Хусий, которого он посылает разрушить советы Ахитофела, советника Авессалома. Когда он отправился далее, приходит Сива и, обвинив господина своего Мемфивосфея в том, будто он хочет воцариться, получает все имущество его от Давида. Семей проклинал Давида; Давид удержал Авессу, хотевшего умертвить его. Хусий приходит к Авессалому и уверяет его, что пришел к нему с дружественными чувствами. При совещании о том, что нужно делать, Ахитофел советует Авессалому войти в связь с наложницами отца его. Он и сделал это на крыше дома, так что все видели. Ахитофел предлагает еще другой совет: взять с собою несколько тысяч человек, напасть на Давида и убить его. Но Хусий, призванный дать совет, опроверг совет Ахитофелов, убедив подождать несколько времени, и потом уже, приготовившись, напасть на Давида. Этот совет понравился более; так случилось по устроению Божию. Тогда Хусий посылает сынов священнических и чрез них уведомляет об этом Давида. Ахитофел же, которого совет не принят, удавился. Давиду приносят множество даров. Собрав войско, он послал его на сражение, сказав: **сберегите мне отрока Авессалома** (2Цар. 18:5); а самому ему не дозволили выйти. Происходит сражение, и между многими павшими был убит и Авессалом, зацепившийся волосами за дерево. По умерщвлении его, сражение прекращается. Иоав посылает Хусия уведомить Давида о победе. Давид, услышав об этом, плакал о сыне, пока Иоав, вошедши к нему, переменил его настроение и убедил принять войско с радостным лицом. Царь созывал бегущих израильтян, Авесса же убеждал покориться Давиду тех, которые были к этому расположены раньше. Когда он переходил Иордан, пришел Семей и сознался в своем грехе, Авесса хотел умертвить его, но Давид не дозволил. Пришел и Мемфивосфей, не умытый, в грязных одеждах, с отращенною бородою, с большими ногтями, со всеми знаками скорби по случаю войны против Давида. Царь спросил его, почему он не пошел вместе с ним. Он отвечал, что он просил Сиву, слугу своего, посадить его на осла, — а Мемфивосфей был хром, — но тот не сделал этого. Тогда Давид повелевает ему и Сиве разделить между собою поле. Верзеллия, который многим снабжал царя во время войны, Давид хотел взять с собою; но тот отказался по старости; потому вместо него Давид взял его сына. Тогда войско разделяется и многие переходят к Савею. Давид посылает Амессу воевать против него; но Иоав коварным образом убивает Амессу и осаждает город, в который удалился Савей. Бывшие в городе, по совету женщины, отрубив голову Савея, бросили ее со стены Иоаву и таким образом избавились от войны. Наступает на земле голод; для прекращения голода нужно было выдать гаваонитянам некоторых потомков Сауловых; при этом Давид спасает Мемфивосфея ради клятвы, данной Ионафану. Он выдает сынов и внуков Саула, и погребает Саула и Ионафана во гробе Киса. После того происходят войны. Давида не пускают на войну, чтобы он не подвергся опасности. Тогда он произносит 17-й псалом. Исчисляются заслуги и подвиги начальников Давидовых, Иоав получает повеление исчислить народ, и исчисляет. Оказалось израильтян 900000 и иудеев 400000, способных носить оружие. Тогда приходит пророк Гад, предлагая Давиду выбрать одно из трех наказаний, которому он должен подвергнуться: или три года голода, или три месяца бегства от преследующих неприятелей, или три дня моровой язвы. Он избрал три дня

моровой язвы, и умерло, с утра до обеда, 70000 человек. Тогда Давид говорит: **вот, я согрешил, я пастырь поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они? пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего** (2Цар.24:17). Наказание прекратилось. Давид получает повеление поставить жертвенник на гумне Орны и принести жертву; он так и сделал. Адония (имя Адонии у св. И. Златоуста читается Орния), сын Давидов, угощает приверженцев Иоава и Авиафара, как бы будущий царь. Приходит Вирсавия, по совету пророка Нафана, и извещает об этом Давида. Между тем как она говорила, вошел и Нафан, устроив все так, чтобы поставить царем Соломона. Вышедши, они посадили Соломона на царского лошака. Тогда пророк Нафан и священник Садок отправились к потоку Гиону, помазали Соломона и сказали: **да живет царь Соломон** (3Цар.1:39). Ионафан сын (Авиафара), пришедши, возвестил об этом пировавшему Адонии. Все убежали, а сам Адония, боясь Соломона, прибежал к жертвеннику. Его выводят оттуда; он пришел и поклонился царю. Приближаясь к смерти, Давид убеждает Соломона соблюдать закон Божий, — потому что за это он достигнет исполнения данных ему обетований; дает завещание наказать Иоава и Семея, а детей Верзеллия почтить и удостоить царского стола, и умирает после сорокалетнего царствования

Третья книга Царств

Соломон лишил жизни Адонию за то, что он просил себе Ависагу, и Авиафара лишил священства. Так исполнилась угроза Божия Илию: Авиафар происходил из его рода. Соломон лишил жизни и Иоава, а вместо Авиафара поставил священником Садока. Семею Соломон дал приказание, чтобы он постоянно оставался в городе; если же когда-нибудь выйдет, то не останется безнаказанным и подвергнется смертной казни. Но у него убежали рабы; забыв о приказании, он вышел искать их; Соломон узнал об этом и лишил его жизни. Далее следует повествование о мудрости Соломона, о мире, бывшем при нем, о великолепии его стола, о колесницах, конях и всякого рода богатстве. Соломон испрашивает себе мудрости у Бога. Тогда он производит суд над женщинами, пришедшими к нему судиться из-за младенца. Опять говорится о мудрости Соломона, о великолепии его стола и о том, кто служил ему. Он посылает к Хираму, царю тирскому, просить плотников в наймы; тот и доставил их. Здесь перечисляются работы и количество материалов, приготовленных для храма. Потом говорится о построении храма. Соломон молится в храме, приносит жертвы и обновляет дом. Бог обещает ему блага, если он сохранит Его заповеди, и угрожает противным, если он преступит их. У него был корабль, привозивший золото. Говорится о царице Юга, приходившей послушать мудрости его; о великом богатстве его, о золотом оружии, которое он сделал, о царстве его, от каких до каких пределов оно простиралось. Далее об идолослужении его и об оскорблении, которым он прогневал Бога. За это Бог угрожает ему разрушением царства, прекращением мира. Против него восстают Адер Идумеянин и Разон (у св. И. Златоуста: Ездром); восстает против него и раб его Иеровоам. К Иеровоаму приходит пророк Ахия и велит ему разорвать одежду на десять частей, предсказывая ему, что он будет царствовать над десятью коленами. Так как Соломон хотел убить его, то он убежал в Египет; он возвратился из Египта по смерти Соломона. Народ, пришедши к Ровоаму, сыну Соломонову, просил, чтобы правление его было более легким, нежели Соломоново; но он, по внушению некоторых молодых сверстников своих, грозил, что оно будет для них еще более тяжким. Потому отделились десять колен и сделали своим царем Иеровоама. Когда Ровоам хотел воевать против Иеровоама, Бог не допустил этого. Когда заболело дитя у Иеровоама, он посылает свою жену к пророку Ахии узнать об исходе болезни. Тот сказал, что дитя умрет, и оно умерло. Иеровоам ставит двух тельцов, одного в Вефиле и другого в Дане, чтобы народ не ходил в Иерусалим. Когда он там приносил жертву, пришел человек Божий и предсказал об Иосии. Тогда иссохла рука царя и рассыпался жертвенник; но по

молитве пророка Божия царь исцелился. Он приглашал пророка к своему столу, но тот отказался, соблюдая заповедь Божию, которую после нарушил, за что и был умерщвлен львом. Иеровоам оставался в своем нечестии; и Ровоам предавался идолослужению во все годы своего царствования. Пришел Сусаким и взял сокровища. После Ровоама царствовал Авия, сын его, а после этого сын Авии — Аса. После Иеровоама царствовал сын его Нават (в тексте Адав); его умертвил Вааса, который, воцарившись, вел войну с Асою; последний при помощи (сына) Адера сирийского одержал над ним победу. Так как Вааса был нечестив, то Бог угрожал ему великими бедствиями. По смерти его воцарился Ила (Ела), сын его, которого убил Замврий, один из начальников; воцарившись, Замврий истребил дом Ваасы. Когда же он умер, сжегши самого себя, то воцарился Амврий. Когда умер и этот, воцарился Ахаав, сын его. Царствует сын Асы, Иосафат. Пророк Илия угрожает Ахааву бездождием на три года и шесть месяцев. Пророка питают вороны. Здесь говорится о вдовице сарептской, о сосуде елея, о мере муки, о смерти отрока и его воскресении. Илия посылается к Ахааву, приготовляет жертвоприношение и низводит с неба огонь, который и сожигает жертву. Тогда он, взяв жрецов Вааловых, умертвил их. Затем предсказывает Ахааву о дожде. Взошедши на Кармил, Илия помолился и принес жертву и пошел дождь. Жена Ахаава, Иезавель, угрожает Илие смертью; он пошел в пустыню и заснул; разбуженный ангелом Божиим, он нашел опреснок ячменный, съел его и укрепился. Насытившись этою пищей, он сорок дней шел до Хо- рива. Там он сказал: **разрушили Твои жертвенники** (3Цар. 19:10). Елисей, оставив запряженных волов, следует за Илиею. Далее повествование о винограднике Навуфея; угроза Иезавели и Ахааву; печаль Ахаава. На израильтян напал (сын) Адера (царь) Сирийский с тридцатью двумя царями, но Ахаав победил их. Напав во второй раз, (сын) Адера потерпел опять великое поражение. Когда же он увидел себя в опасности, то, одевшись в бедную одежду, пришел к Ахааву, называя себя рабом его и усердно умоляя о пощаде. Ахаав посадил его на свою колесницу, оказал ему почести и отпустил в его землю. Приходит пророк, укоряет за это царя и угрожает смертью. Ахаав советуется, должно ли воевать с сириянами и, по совету Иосафата, царя иудейского, призывает пророка Михея; когда его спросили, он предсказывает бедствия, если начнут войну. Ахаав гневается. Лжепророк Седекия бьет Михея. Ахаав приказывает задержать Михея, как лжепророка, до тех пор, пока окончится война. Вышедши на сражение, Ахаав сказал Иосафату: переменим одежду; я возьму твою, а тебе отдам свою (3Цар.22:30). Так они и сделали. Между тем воины получили приказание от своего царя, оставив всех, нападать на одного царя израильского; увидев Иосафата, царя иудейского, и приняв его за царя израильского, потому что одежда обманула их, они окружили его, намереваясь убить. Но он закричал и избавился от опасности. Один воин пустил стрелу в Ахаава, и у него потекла кровь. Ее обмывали в источнике, и блудницы омывались в крови его, и собаки лизали ее. После Ахаава воцарился Охозия, сын его. А Иосафат за то, что был другом Ахаава, был наказан расстройством в делах своих

Четвертая книга Царств

Охозия, заболев, послал спросить у Ваала, выздоровеет ли он. Пророк Илия, встретив посланных, велел им возвратиться и сказать, что не выздоровеет. Охозия, узнав, что это Илия, посылал к нему два раза пятидесятиначальников, и каждый из них с пятьюдесятью воинами был истреблен огнем; Илия получает повеление идти с третьим. Пришедши, он сказал, что царь умрет. После него царствовал брат его Иорам, потому что у него не было сына. Здесь говорится о взятии Илии на небо. Сыны пророческие, увидев Елисея, идущего чрез Иордан посуху, сказали: **опочил дух Илии на Елисее** (4Цар.2:15), и просили позволения искать Илию. Он не позволял, а потом позволил, но искавшие не нашли. Делается здоровою вода в Иерихоне. Проходя в Вефиль, Елисей проклинает детей, смеявшихся над ним, и их пожирают медведи. Царь моавитский отказался платить

обычную дань. Против него начинает войну Иорам, царь израильский, взяв с собою Иосафата, царя иудейского, и царя идумейского. Когда они не находили воды в пустыне и им грозила опасность погибнуть, то по совету Охозии приходят к Елисею. Он гневается на царя израильского и говорит, что не хотел бы и видеть его, разве только ради царя иудейского; предсказывает им не только изобилие воды, но и победу над моавитянами; что и случилось. Моавитский царь доведен был до такого бедствия, что заколол своего сына на верху стены. Далее говорится о женщине, у которой прибавилось много масла, и о суманитянке, которой, по молитве пророка, дарован сын; а когда он умер, пророк воскресил его. Во время голода он уничтожил ядовитую горечь в котле и во имя Божие напитал сто мужей двадцатью ячменными хлебами. Нееман, военачальник царя сирийского, поражен был проказою и, пришедши к царю израильскому, требовал врачевания; царь недоумевал и разодрал свои одежды. Елисей призывает Неемана к себе и повелевает ему погрузиться в Иордане семь раз. Он сначала не хотел и не верил, что исцелеет, а потом, по совету своих слуг, погружается и исцеляется. Он давал дары Елисею, но этот не хотел принять. Когда же Нееман удалился, то Гиезий, слуга Елисея, догнав его, как бы посланный от Елисея, берет от Неемана два таланта серебра и две одежды. Пришедши к Елисею, он старался скрыть это; но пророк обличил его и в наказание поразил его проказою. Сыны пророческие идут рубить дрова для строения. Когда топор одного из них упал с топорища, Елисей, отрубив дерево, бросает его в воду, и железо всплыло на поверхность воды. Сирийский царь вел войну с израильским, а Елисей предсказывал действия неприятеля. Узнав об этом, неприятель посылает отряд воинов на Елисея; но по молитве пророка пришедшие поражаются слепотою, и он вводит их в средину врагов их. Когда царь хотел умертвить их, Елисей не дозволил, но велел угостить их и отпустить. Настал сильный голод, так что голова осла стоила пятьдесят сиклей, и четверть каба голубиного помета пять сиклей; тогда пришла к царю одна женщина, и обвиняла другую женщину в том, что последняя съела вместе с нею сына ее и обещала отдать своего, но не исполнила обещания. Тогда царь разодрал свои одежды и приказал отрубить голову Елисею. Пророк говорит посланному к нему, что завтра голод прекратится; а так как этот не верил, то предсказывает ему смерть. Четверо прокаженных, изнуренные голодом, решаются предать себя врагам, но, пришедши в их лагерь, не находят там ни одного человека, а только палатки, полные великого богатства. Взяв, сколько могли снести, они возвратились и донесли царю. Царь сначала подозревал в этом обман, но послав всадников и узнав достоверно, пустил народ расхищать лагерь; и голод прекратился, а не веривший Елисею был раздавлен толпою и умер. Елисей предсказывает женщине, у которой воскресил сына, семилетний голод, и советует ей переселиться из этой страны. Она переселилась; но когда голод прекратился, возвратилась, и, пришедши к царю, просила, чтобы ей возвратили ее имущество. Сирийский царь посылает к Елисею узнать, исцелится ли он от болезни, которою страдает. Пророк сказал пришедшему, что не исцелится, и вместе предсказал бедствия израильтян. Когда этот царь умер, на его место воцарился Азаил. Когда же скончался Иорам, царь иудейский, преемником ему сделался сын его Охозия. Елисей, послав одного из сынов пророческих, велел помазать Иуя; воцарившийся Иуй убивает Иорама и бросает его в виноградник Навуфея, который отнят отцом Иорама. Убив также и Охозию, он входит в город израильский. Между тем Иезавель, украсившись, смотрела сверху. Царь приказал царедворцам сбросить ее и, сброшенная, она умерла. Иуй умертвил и семьдесят сынов Ахаава, убил и братьев Охозии, истребил и жрецов Ваала и сокрушил самого Ваала. Потом Азаил поражал израильтян. По смерти Иуя воцаряется Иоахаз, сын его. Говорится об Иоасе, царе иудейском, о священнике Иодае и о Гофолии. Израильтяне были преданы врагам и опять Бог умилосердился над ними. Когда умер Иоахаз, над израильтянами воцаряется Иоас, сын его; пришедши к Елисею, он плакал. Пророк велел ему взять пять стрел и бросать их в землю. Когда он, бросив только три, остановился, то пророк сказал ему: **надобно было бы бить пять или шесть раз, тогда ты побил бы Сириян совершенно, а теперь только**

три раза поразишь Сириян (4Цар.13:19). Елисей умер и был погребен, и один мертвец, брошенный в гробницу его, воскрес. Когда умер Азаил, воцарился сын его Адер. Иоас трижды поразил сириян и умер; после него воцарился сын его Иеровоам. По смерти Иоаса, царя иудейского, воцарился Амасия, сын его. Поразив идумеев, он сразился и с Иоасом, царем израильским; но Иоас победил его и вошел в Иерусалим. По смерти Иеровоама, над израильтянами воцарился Захария, сын его. По смерти Амасии, царя иудейского, воцарился Азария, который называется и Озиею. При нем начал пророчествовать Осия. Селлум, умертвив Захарию, воцарился над израильтянами. Он пользовался помощью Фула, царя ассирийского, давши ему тысячу талантов. Когда он умер, вместо него воцарился Манаим. После Озии над иудеями воцарился сын его Иоафам; а по смерти Иоафама воцарился сын его Ахаз. При нем напали Раассон сирийский и Факей, сын Ромелиев. Ахаз послал к Фелгаффелласару ассирийскому, приглашая его на помощь, и он, пришедши, взял Дамаск и убил Раассона. Салманассар ассирийский напал на Осию, сына Илы, и сделал его своим рабом. Когда же царь ассирийский узнал, что он хочет отложиться и отправить послов к царю ефиопскому, то осадил его, заключил его в оковы, взял Самарию и другие города, а жителей переселил в Ассирию. Здесь следует обличение израильтян и иудеев. Выведенные из Вавилона и поселенные в Самарии не боялись Бога, и потому были истребляемы львами. Тогда посылается туда священник и научает их закону Божию; но они и Господа боялись, и идолам служили. Говорится о Езекии и ассириянах, о которых говорится и у Исаии; о Манассии и его нечестии, и об убийствах. По смерти его воцарился сын его Амон. По смерти Амона воцарился Иосия, сын его, о котором было предсказано Иеровоаму, рабу Соломонову, когда иссохла рука царя. Он очистил Иерусалим и другие места, раскопал гробницы жрецов идольских и разрушил идолов. О нем сказано, что прежде не было царя подобного ему, который бы обращался к Господу всем сердцем своим и всею душою своею. При нем начал пророчествовать Иеремия; при нем была пророчица Олдана. Когда умертвил его фараон Нехао, воцарился Иоахаз, сын его. Но фараон, свергнув его, отвел в Египет, где он и умер, а царем поставил сына Иосии Елиакима, называвшегося и Иоакимом, и обложил землю данью. Иоаким был первым данником Навуходоносора. Он был выброшен за стены. О нем говорит Иеремия: **труп его будет брошен на зной дневной и на холод ночной и ослиным погребением будет он погребен** (Иер.36:30; 22:19), потому что он был погребен тогда, когда уже истлел. По смерти Елиакима, или Иоакима, сына Иосии, воцарился Иоаким, сын его, внук Иосии. Этот Иоаким назывался и Иехониею. Царь египетский еще не вышел из страны своей, как Навуходоносор, пришедши, осадил город; Иоаким или Иехония вышел к нему с своею матерью. Навуходоносор переселил его в Вавилон и поставил царем в Иерусалиме брата отца его, сына Иосии; это был Матфания, иначе Седекия. Когда же он отложился от царя вавилонского, то Навуходоносор, пришедши, осадил Иерусалим, взял его и сжег, а Седекию, ослепив, заключил в оковы и отвел в Вавилон. Над оставшимися в Иерусалиме он поставил Годолию. Когда же его убил Измаил, то оставшиеся удалились в Египет. Но после того Евилад Мародах, царь вавилонский, удостоил Иоакима великой чести в Вавилоне.

Таким образом царство самарийское, как уже сказано, прекратилось при Осии, сыне Илы, который убил Факея, сына Ромелиева. А царство иерусалимское прекратилось при Седекии. Последний, будучи отведен в Вавилон и лишен зрения, брошен был в ров на 27 лет. Но после того царь вавилонский возвысил Иоакима, дал ему престол выше других царей, и ел и пил вместе с ним до конца своей жизни. Этим и оканчивается книга, т.е. взятием города и отведением народа в плен.

Теперь остается кратко перечислить по этим четырем книгам имена царей иудейских и израильских и показать, каков был конец деятельности каждого из них и сколько лет каждый из них царствовал.

По смерти Саула, царствовавшего сорок лет, царствовал Давид над всеми израильтянами и иудеями сорок лет, а именно, в Хевроне семь лет, и над всеми израильтянами и иудеями тридцать три года. Он творил правду сердцем совершенным. При нем были пророки Нафан и Гад. Соломон, сын Давида, царствовал над всем народом также сорок лет, и совершил зло. И при нем были пророки Нафан и Гад. Ровоам, сын его царствовал семнадцать лет и делал зло. При нем царство разделилось и остались с ним в Иерусалиме два колена, Иудино и Вениаминово; в Самарии же десять колен. При нем были пророки Ахия Силонитянин и Адда. Авия, сын его, царствовал три года; сердце его не было подобно Давидову, но он ходил во грехах отца своего; и при нем был пророк Адда. Аса, сын его, царствовал сорок один год и творил правду; впрочем при нем еще оставались высоты (идольские). При нем были пророки Азария, сын Ададов, и Ананий. Иосафат, сын его, царствовал двадцать пять лет и творил правду; но высоты еще оставались. Впоследствии и он подвергся упреку в нечестии за то, что был в дружбе с Охозиею, царем израильским, и большею частью принимал участие в его делах. При нем были пророки Илия, Елисей, Михей, Иуй, сын Анания, Иозоил, сын Захарии, и Елиезер, сын Додия из Марисиса. Иорам, сын его, царствовал восемь лет и делал зло, потому что имел женою дочь Ахаава. И при нем были Илия и Елисей. Охозия, сын его, царствовал один год и делал зло; после него Гофолия, мать его, семь лет. Иоас, сын Охозии, царствовал сорок лет. Он умертвил Захарию и творил правду всею душою своею, пока мудрый Иодай был жив и наставлял его. Его убили рабы его, в доме Маллоновом. При нем пророчествовал Захария, сын Иодая. Амасия, сын его, царствовал девятнадцать лет, и сначала творил правду, но не так, как Давид, потому что народ еще приносил жертвы на высотах и не истреблял дубрав. И при нем были пророки, но имена их не записаны. Впоследствии Амасия, поразив жителей Сиира, возгордился, стал служить сирийским идолам и был убит, преданный врагам. Азария, он же и Озия, царствовал пятьдесят два года и сначала творил правду, подобно отцу своему; впрочем не истребил высот; но от успехов в делах возгордился и захотел сам воскурить фимиам в храме, что надлежало делать одним священникам; за это он был поражен проказою и услышал: **не тебе, Озия, кадить Господу; это дело священников** (2Пар.26:18). При нем был пророк Исаия. Иоафам, сын его, царствовал шестнадцать лет и творил правду, подобно отцу своему; впрочем не истребил высот. И при нем был Исаия. Ахаз, сын его, царствовал шестнадцать лет и делал зло. При нем были Исаия и Одид пророки. Езекия, сын его, царствовал двадцать девять лет и творил правду совершенно подобно Давиду. Он уничтожил медного змия, которого повесил Моисей. При нем Сеннахирим и Рапсак, ассирияне, произносившие хулу, были поражены, а потом явившийся ангел истребил у них сто восемьдесят пять тысяч человек в одну ночь. Когда Езекия был близок к смерти, ему была продолжена жизнь на пятнадцать лет. Манассия, сын его царствовал пятьдесят лет и делал зло. Он восстановил то, что разрушил Езекия и был вторым Иеровоамом для иудеев, так что за него пострадал Иерусалим, подобно Самарии, и о нем сказано: **он завлек Иуду в грех** (4Цар.21:16). Потому он и был отведен пленником в Вавилон; но в плену, как написано в книге Паралипоменон, раскаялся, и Бог возвратил его в Иерусалим и опять даровал ему царство. Он умер, покаявшись и поучая народ служить Богу, но не был погребен в городе Давидовом, а в саду своем, в саду Озы. Амон, сын его, царствовал два года и делал зло, подобно Манассии, отцу своему, и убили его слуги его; он погребен в саду Озы, где и отец его. Иосия, сын его, царствовал тридцать один год. Народ поставил его царем, когда он был восьми лет, и творил он правду во всем подобно Давиду, не уклоняясь ни направо, ни налево; он истребил дубравы и уничтожил всех идолов. Будучи шестнадцати лет, он обратился к закону и, нашедши его в пренебрежении, приказал читать, объявил и

совершил пасху, как написано. Его умертвил фараон Нехао при Евфрате во время сражения. При нем были пророки Иеремия и Софония и пророчица Олдана, жена Селлима. Иоахаз, сын его, царствовал три месяца и делал зло; его переселил фараон Нехао. При нем был Иеремия. Елиаким, другой сын Иосии, который был переименован в Иоакима, царствовал одиннадцать лет, и делал зло. Иоаким, он же Иехония, сын его, царствовал три месяца, делал зло, и отведен был в Вавилон. Матфанию, сына его, Навуходоносор сделал царем, переименовав в Седекию; он царствовал двенадцать лет и делал зло. И при нем был Иеремия. До этого времени существовало царство иудейское, теперь оно было разрушено, подобно Самарии; город был взять и все отведены пленниками в Вавилон, с сосудами. Всего — двадцать один царь, кроме Гофолии.

Имена царей, бывших в Самарии, конец деятельности каждого из них и продолжительность их царствования таковы. Иеровоам, сын Навата, царствовал двадцать четыре года. По разделении царства, он, возвратившись из Египта, первый царствовал в Самарии и делал зло, как никто другой. Опасаясь лишиться царства, он сделал двух золотых тельцов и соблазнил народ, сказав: **вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли Египетской** (3Цар.12:28); учредил и праздники и жрецов; он **ввел в грех Израиля** (3Цар.14:16), потому что ему подражали все последующие цари. При нем был пророк Ахия Силонитянин, и пророк, обличивший его у жертвенника. Нават, сын его, царствовал два года и делал зло. Из его рода более уже никто не царствовал. Замврий, из другого рода, — двенадцать лет. Вааса — двадцать четыре года, и делал зло. При нем были пророки: Илия, Елисей, Михей, пророк, предсказавший Ахааву о Сирии и о сыне Адера, пророк, поразивший его ранами и обличивший Ахаава, кроме того, и многие сыны пророческие. Охозия, сын его, царствовал два года и делал зло. И при нем были Илия и Елисей. Его пятидесятиначальников Илия поразил огнем, по слову Господню. Иорам, сын Ахаава, царствовал двенадцать лет и делал зло, и из его рода более уже никто не царствовал. При нем вознесся Илия, а Елисей оставался до Иеровоама, сына Иоасафа, царя израильского. И при нем были сыны пророческие. Ииуй, из другого рода, сын Намессиев, царствовал двадцать два года. Он истребил род Ахаава, коварно погубил пророков Ваала и сокрушил кумир его. Этим он сотворил правду и получил обещание, что потомки его будут сидеть на престоле его до четвертого рода. Иоахаз, сын его, царствовал семнадцать лет, делал зло, воевал против Иерусалима и взял оттуда золото и сосуды. Иеровоам, сын его, — сорок один год, и делал зло. Захария, сын его, — шесть месяцев, и делал зло. Доселе были царями потомки Ииуя до четвертого рода. Селлум, из другого рода, сын Иависа, царствовал тридцать дней, и делал зло. Манаим, из иного рода, сын Гаддия, царствовал двадцать лет, и делал зло. При нем пророчествовал Исаия и Осия. Факей, из другого рода, сын Ромелиев, царствовал двадцать лет. Он убил Факию и делал зло. При нем были пророки Исаия и Осия. Осия, из другого рода, сын Илы, царствовал десять лет. Он убил Факея и делал зло, впрочем не так, как его предшественники. Осия был последним царем Самарии. При нем это царство прекратилось, и Самария погибла, и затем поселились в ней ассирияне. От них произошли еретики самаряне, называемые саддукеями. Этим и оканчивается все содержание книг царств.

Первая книга Паралипоменон

Книги **Паралипоменон** называются так потому, что в них содержится многое опущенное в книгах Царств. В первой книге излагается родословие всех колен от Адама до царей, по племенам и народам, по семействам и домам. Говорится также, кого из левитов Давид поставил воспевать Богу на флейтах и арфах и кого назначил для служения при храме, потому что он первый начал строить храм. Коротко излагается и нечто другое о царях и о родах. К этому надобно прибавить, что царствование всех царей иерусалимских от Давида продолжалось четыреста семьдесят четыре года. Все эти цари были из одного рода

Давидова; из них творивших правду было девять, а делавших зло двенадцать, кроме Гофолии. А царствование всех царей в Самарии продолжалось двести шестьдесят девять лет и тридцать дней; царей было двенадцать, из восьми различных родов, и все они делали зло, подобно Иеровоаму.

Вторая книга Паралипоменон

Во второй книге Паралипоменон излагаются деяния царей. Описавшие их были пророки, жившие в различные времена. Но чтобы узнать писателей в отдельности, для этого нужно заметить, что здесь излагаются деяния всех царей израильских и иудейских, опущенные в истории царей. Все деяния их изложили следующие лица: о Давиде писали пророки Самуил, Нафан и Гад, о Соломоне — пророки Нафан и Ахия; об Иеровоаме — пророки Самей и Адда; об Авии — пророк Адда. Об Асе написано в **летописи царей Иудейских** (3Цар.15:23). Об Иосафате писал пророк Ииуй, сын Анания, написавший **книгу царей Израилевых** (2Пар.20:34); об Иоасе — **в книге царей** (2Пар.24:27); об Амасии — в книге царей иудейских и израильских; об Озии — пророк Исаия; об Иоафаме — в книге царей иудейских и израильских; об Ахазе — в книге царей иудейских и израильских; об Езекии — пророк Исаия, сын Амосов; о Манассии — **описаны в записях Хозая** (2Пар.33:19); об Иосии — в книге царей иудейских и израильских; об Иоакиме — в книге царей иудейских и израильских. Так это указано в книгах Паралипоменон.

Первая книга Ездры

(В Славянской Библии — вторая, неканоническая книга Ездры)

Книга Ездры называется так потому, что сам Ездра, бывший священником и чтецом, рассказывает и описывает возвращение сынов израильских из Персии в Иерусалим. Это возвращение последовало сначала с позволения, а потом по повелению царей Кира и Дария, данному Иисусу, сыну Иоседекову, Ездре и Зоровавелю; они состязались в решении некоторых вопросов, получив обещание, что победивший может просить у царя всего, чего захочет. Один говорил, что сильнее всего вино, а другой говорил, что сильнее царь, Зоровавель же сказал, что сильнее этого женщины, а сильнее всего истина. Когда он, сказав так, остался победителем и получил позволение просить, чего захочет, то стал просить, чтобы освобождены были из плена иудеи и построен Иерусалим. Как он просил так и сделано; пленники были отпущены, потому что тогда исполнилось семьдесят лет гнева Божия. Возвратившихся из плена потомков Иуды и Вениамина и левитов было числом сорок две тысячи человек, коней триста тридцать, лошаков двести сорок пять, верблюдов четыреста тридцать пять, рабов их и рабынь семь тысяч триста тридцать четыре, певцов двести, ослов шесть тысяч семь сот двадцать. Строителями были Зоровавель, Иисус, сын Иоседеков и Неемия; а Ездра, сведущий в законе, принес закон и читал его и устроил все, относящееся к храму и левитам. Он объявил закон и сделал распоряжение, чтобы взявшие чужеземных жен во время плена изгнали их. Все изгнали их и очистились, и совершил он пасху по закону, как написано, также и пост. Этим оканчивается первая книга Ездры.

Вторая книга Ездры

(Под 2-ю книгою Ездры здесь разумеется книга Неемии)

В этой книге Ездра говорит о возвращении иудеев из плена так же, как и в первой, кроме рассказа о вопросах. Много говорится об евнухе Неемии; о том, что он просил о построении храма, и что Ездра читал закон, а Иисус, Ануй (сл. Б.: Ванаиа, Неем.8:7) и

Саравия толковали его народу. Ездра, читая, научал богопознанию, а народ вникал в смысл читаемого и совершил пасху; в седьмой же месяц совершил пост и праздник кущей, как написано: **от дней Иисуса, сына Навина, до этого дня не делали так сыны Израилевы** (Неем.8:17). Между тем Ездра, увидев, что жены азотские сходятся с евреями, убедил всех дать обещание сохранять закон Божий; изгнал этих жен, как незаконных, и все поклялись соблюдать закон. Таким образом освятившись и очистившись, они праздновали, и затем ушли каждый в дом свой. Об Ездре говорится и то, что, когда книги были потеряны по нерадению народа во время продолжительного плена, Ездра, как любознательный и сведущий чтец, сохранил их все и потом принес их с собою и снова издал, и таким образом сохранил эти книги (см. 3Ездр. гл.15).

Книга Есфирь

Книга **Есфирь** называется так потому, что чрез Есфирь Бог спас иудеев, которым всем угрожала погибель, а Амана, строившего против них козни, наказал. Царь Артаксеркс, отвергнув свою жену, искал в царстве своем красивейшую и благообразнейшую из всех женщин, чтобы взять ее себе в жены; такою и оказалась Есфирь, родом иудеянка. У нее был родственник Мардохей, взятый в плен в ту страну при Седекии. Царь, возвысив упомянутого Амана, повелел, чтобы все покланялись ему. Но так как Мардохей, служа Богу, не хотел поклоняться человеку, то Аман разгневался на него, и, узнав, что он иудей, убедил царя Артаксеркса и предписал, чтобы все, находившиеся в царстве его, иудеи были истреблены в один день двенадцатого месяца. Узнав об этом, Мардохей сетовал и, совершив пост, обратился к Есфири с просьбою о помощи. Есфирь, после поста и молитвы к Богу, украсившись женскими нарядами, без приглашения и в неурочное время вошла к царю, — а входить без приглашения не позволялось; но она надеялась не на удобное время, а на молитву. Когда царь удивился необыкновенному ее поступку, она от страха упала. Но Бог переменил гнев царя на милость и кротость; он встал и поднял жену, увещевал ее не бояться и позволил ей просить, чего хочет. Она просила царя придти к ней на пир вместе с Аманом, и не один раз, но дважды. Аман от радости и восторга, что удостоился приглашения от царицы, еще более возгордился пред Мардохеем и приказал поставить высокое дерево, намереваясь на следующий день повесить на нем Мардохея. Между тем царь, по благому провидению Божию, не мог заснуть в ту ночь и приказал читать ему памятные записки его дел. При чтении их встретилась запись о добром деле, сделанном для него Мардохеем, именно: когда два евнуха злоумышляли против царя, то Мардохей открыл это царю и уличил их. Из внимания к услуге Мардохея, царь хотел оказать ему достойную почесть. Когда утром вошел к нему Аман, царь спросил его: какой почести достоин тот, кто оказал благодеяние царю? Аман, думая, что царь спрашивает о нем самом, отвечал, что такой человек достоин быть назван вторым по царе. Потому царь приказал удостоить такой почести Мардохея, а Аману приказал идти впереди его. Есфирь же, воспользовавшись случаем, стала ходатайствовать за иудеев. Когда царь, изъявив сожаление о беззаконном повелении против иудеев, разгневался на Амана, то сам Аман стал просить Есфирь в отсутствие царя, припав и обнимая ее колена. Царь, увидев Амана прикоснувшимся к ногам царицы и подумав, что он делает это с постыдною целью, приказал самого Амана повесить на том дереве, которое он приготовил для Мардохея. Тогда царь предписывает, чтобы все иудеи были оставлены в безопасности, а враги их были истреблены ими. Истреблено было пятьдесят тысяч человек. Потому учрежден праздник в четырнадцатый и пятнадцатый день двенадцатого месяца, который называется Адар; а сам этот день на их языке называется фурим (у св. И. Златоуста: фура). Потому в этот день иудеи сжигают изображение Амана и празднуют память своего избавления. Этим и оканчивается книга.

Книга Товита

Книга **Товита** называется так потому, что содержит историю Товита. Товит происходил из колена Нефеалимова, был в плену и жил в Ниневии. Он был милосерд и благочестив; находясь в плену, он не употреблял пищи, общей с язычниками, но воздерживался. Он был закупщиком припасов у царя Снемессара, и оставил на сохранение в Мидии у Гаваила десять талантов. Товит имел усердие погребать умерших из иудеев. Оклеветанный пред царем Ахирилом (Сл. Б.: Сеннахирим), он бежал. По возвращении, он однажды похоронил умершего и лег за стеною дома; в то время, как он по обыкновению лежал с открытыми глазами, воробьи сверху бросили кал на его глаза, и образовались у него бельма, так что он перестал видеть. В то же время в Экватанах была дочь у Рагуила, родственника его, по имени Сарра. Ей препятствовал жить в супружестве злой дух Асмодей; он убил уже семерых, бравших ее за себя. В великой скорби отроковица молилась, и Бог послал ей помощника — архангела Рафаила. Товит, завещав сыну своему Товии не брать жены ни откуда, как только из его колена и рода, передает ему расписку в десяти талантах и повелевает ему идти и взять их обратно. Сын, не зная дороги и человека (к которому нужно было идти), выходит искать спутника, и по Божественному промышлению находить Рафаила, который стоял на площади в виде человека, и нанимает его, как знающего дорогу. Таким образом архангел Рафаил сопутствует ему в виде человека, под именем Азарии. Когда они дошли до реки Тигра, Товия хотел спуститься в нее, чтобы вымыться, но вдруг большая рыба кинулась на юношу. Ангел велел ему схватить рыбу, разрезать ее, вынуть из нее печень, сердце и желчь и хранить это. На вопрос юноши, какая от них польза, — ангел отвечал: печень и сердце, если покурить ими, могут прогонять злого духа, а желчью можно снимать бельма. Таким образом, по совету и при содействии ангела, юноша получает дочь Рагуила Сарру в жены, прогнав этим курением злого духа, который и был связан ангелом в верхних пределах Египта. Оставшись с женою, Товия посылает мнимого Азарию в Мидию, получает чрез него десять талантов и возвращается вместе с ним и женою к отцу. По возвращении, он помазал желчью рыбы глаза отца, и бельма отпали, и Товит тотчас стал видеть. Он ослеп, когда ему было пятьдесят восемь лет, а прозрел, когда было ему шестьдесят шесть. После того, как он прозрел, ангел открыл, что он не человек, а послан от Бога на помощь им и Сарре. Состарившись, Товит завещал сыну своему Товии удалиться в Мидию, в виду предстоявшего разрушения Ниневии, предсказанного пророком Ионою, и, ослабев, скончался 155 лет. Сын же его Товия, переселившись в Мидию, похоронил своего тестя и тещу, и, получив известие о разрушении Ниневии, скончался 107 лет. Этим и оканчивается книга.

Книга Иудифь

Книга **Иудифь** называется так потому, что чрез Иудифь Бог спас сынов израильских, подвергшихся нападению и осаде от Олоферна, а самого Олоферна поразил. Вот эта история: царь ассирийский Навуходоносор, начав войну с Арфаксадом, царем мидийским, требовал помощи от всех народов до Египта. Но так как они не подали помощи, и все отказались, то он, после победы и покорения Арфаксада, начал войну против отказавших ему. Он послал против них Олоферна с великим войском. Тот покорил все народы и сокрушил их идолов; но сыны израильские укрепились, не покорились Олоферну и не боялись угроз его. Первосвященник Иоаким написал жителям Ветилуи, чтобы они преградили путь Олоферну,— чрез нее лежал путь его, — и они преградили. Олоферн же приготовился к войне. Между тем Ахиор, вождь аммонитян, советовал ему не воевать с народом еврейским, охраняемым Богом; но Олоферн, разгневавшись, отослал его в Ветилую и угрожал убить его, когда победит евреев. Таким образом Ахиор жил спокойно в Ветилуе, а Олоферн осаждал город и овладел его источниками. Народ был изнурен жаждою и начальники уже намеревались сдать город; тогда Иудифь, сняв с себя одежду вдовства, — она оплакивала мужа и каждодневно постилась, — украсила себя, подобно

невесте, и, убедив жителей, чтобы они не сдавали города раньше пяти дней, вышла к Олоферну. Она прельстила его своею мудростью и на третий день отсекла ему голову, так что воины его не знали об этом. Потом граждане, повесив голову Олоферна на стене, показали ее вождям его. Тогда ассирияне обратились в бегство, а сыны израильские, сбежавшись со всех сторон, поразили ассириян, спаслись от опасности, взяли добычу врагов и отдали Иудифи все вещи Олоферна. Но Иудифь, отправившись в Иерусалим, посвятила все Господу, и, возвратившись в дом свой, продолжала свою строгую жизнь и осталась до смерти вдовою, не согласившись ни на чьи убеждения вступить в брак. Она скончалась, прожив честно во вдовстве своем, сто пять лет. Этим и оканчивается книга.

Книга Иова

Книга **Иова** называется так потому, что заключает в себе повествование о нем, как он страдал, искушаемый диаволом, как победил его, благочестиво перенесши нанесенные ему удары, и как получил обратно все вдвойне и сделался знаменитее, чем был прежде. Он подвергся страданиям семидесяти лет и прожил после несчастий сто семьдесят лет, так что всех лет жизни его было двести сорок. Иов жил прежде Моисея, потому что был пятым после Авраама потомком Исава. По случаю постигших его бедствий, пришли к нему друзья утешать его, но говорили ему речи столь оскорбительные и безжалостные, что это было вменено им в грех. Но Иов молился о них Богу, и они были прощены. Всех бесед Иова с друзьями восемь: с Елифазом три, с Софаром две и с Валдадом три; затем беседы с Елиусом, сыном Варахиила, Вузитянином. Наконец Господь является Иову в буре и облаке, а Иов отвечает Господу двумя речами. Этим и оканчивается книга.

Цель всей этой книги состоит в том, чтобы научить терпению тех, которые впадают в искушения, хотя их благочестие всем известно; чтобы они не соблазнялись, но восклицали: **Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось; да будет имя Господне благословенно**; и еще: **наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь** (Иов.1:21); и, наконец, чтобы они научились, как велика польза терпения, за которое они могут получить награду подобно Иову. Кроме того здесь показывается, что Бог не есть виновник зла и не искушает никого, но все искушения постигают людей от злых духов по попущению Божию, к прославлению и усовершенствованию людей. Говорят, что эту книгу составил Соломон, если только она не есть произведение Моисея. Таково содержание этой книги, а порядок изложения следующий. В начале говорится, что Иов жил в стране Авситидийской; потом Писание свидетельствует о благочестивой его жизни, говорит о том, что у него было семь сыновей и три дочери, и о числе стад его. Сыновья его, приходя друг к другу, устраивали пиршества каждый день с тремя сестрами своими; а Иов призывал их и очищал сыновей своих, принося о них жертву Богу. Первое свидетельство Господа об Иове пред диаволом; первая клевета диавола на Иова пред Господом. Господь дает власть диаволу над всем, что было у Иова, кроме его самого. Прежде всего, диавол посылает Иову весть о взятии в плен коней и ослов его, и об избиении слуг. Второй вестник сказал Иову, что сожжены овцы его и пастухи их. Третий вестник донес Иову о пленении верблюдов и избиении слуг. Четвертый вестник приходит к нему и говорит, что обрушился дом и убиты все дети его. При всем этом, случившемся с Иовом, он не согрешил пред Господом. Второе свидетельство Господа пред диаволом в похвалу Иова, и вторая клевета диавола на Иова пред Господом. Господь предает ему Иова, с тем, чтобы оставалась неприкосновенною душа его. Диавол, вышедши, поразил Иова от ног до головы. Иов, сидя на навозной куче, скоблил свой гной. Жена убеждает Иова сказать слово против Господа и умереть; но он укоряет ее. Три друга Иова, Елифаз, царь Феманский, Валдад, властитель Савхейский, и Софар, царь Минейский, услышали о всем, случившемся с ним, и пришли к нему, каждый из страны своей, посмотреть на него, и, увидев его, разодрали каждый одежду свою при виде такого бедствия. При таком

страдании Иов впервые отверз уста свои и проклял день и ночь, в которую родился. Он сказал: **раб свободен от господина своего** (Иов.3:19), так **дан страдальцу свет, и жизнь**, **которые ждут смерти, и нет ее** (ст. 20, 21). **Обрадовались бы до восторга, восхитились бы, что нашли гроб** (ст. 23). В ответ на это Елифаз Феманский говорит Иову: **вспомни же, погибал ли кто невинный, и где праведные бывали искореняемы** (Иов.4:7)? **Рев льва и голос рыкающего умолкает, и зубы скимнов сокрушаются; могучий лев погибает без добычи, и дети львицы рассеиваются** (ст. 10-11). Нет ни одного смертного, который был бы **праведнее Бога? и муж чище Творца своего?** (ст. 17). Безумные, говорит, хотя бы и укоренялись, но **тотчас проклял дом его** (Иов.5:3), потому что **жатву его съест голодный и из-за терна возьмет ее, и жаждущие поглотят имущество его** (ст. 5). **Но человек**, продолжает он, **рождается на страдание, как искры, чтобы устремляться вверх** (ст. 7). Господь **уловляет мудрецов их же лукавством, и совет хитрых становится тщетным** (ст. 13); а невинного Господь избавляет от нужд и в седьмой раз **не коснется тебя зло** (ст. 19). **Вот, что мы дознали; так оно и есть: выслушай это и заметь для себя** (ст. 27).

Первый ответ Иова Елифазу таков: **о, если бы верно взвешены были вопли мои, и вместе с ними положили на весы страдание мое! Оно верно перетянуло бы песок морей! Оттого слова мои неистовы** (Иов.6:2,3). Еще: **ревет ли дикий осел на траве? мычит ли бык у месива своего?** (ст. 5). **Твердость ли камней твердость моя? и медь ли плоть моя?** (ст. 12) Еще: **не определено ли человеку время на земле, и дни его не то же ли, что дни наемника?** (Иов.7:1) Еще: **если я согрешил, то что я сделаю Тебе, страж человеков! Зачем Ты поставил меня противником Себе, так что я стал самому себе в тягость?** (ст. 20).

После Елифаза вторым говорит Иову Валдад Савхейский: **долго ли ты будешь говорить так? — слова уст твоих бурный ветер! Неужели Бог извращает суд, и Вседержитель превращает правду?** (Иов. 8:2-3). И еще: **поднимается ли тростник без влаги? растет ли камыш без воды? Еще он в свежести своей и не срезан, а прежде всякой травы засыхает. Таковы пути всех забывающих Бога, и надежда лицемера погибнет** (ст. 11-13).

Первый ответ Иова Валдаду таков: **правда! знаю, что так; но как оправдается человек пред Богом?** (Иов.9:2). Еще: **Он один распростирает небеса и ходит по высотам моря** (ст. 8). **Если действовать силою, то Он могуществен; если судом, кто сведет меня с Ним? Если я буду оправдываться, то мои же уста обвинят меня; если я невинен, то Он признает меня виновным** (ст. 19-20). И еще: **дни мои быстрее гонца, — бегут, не видят добра, несутся, как легкие ладьи, как орел стремится на добычу** (ст. 25-26). **Вспомни, что Ты, как глину, обделал меня, и в прах обращаешь меня? Не Ты ли вылил меня, как молоко, и, как творог, сгустил меня** (Иов. 10:9-10) и пр. **Пусть бы я, как небывший, из чрева перенесен был во гроб** (ст. 19).

После Елифаза говорит Валдад, а после Валдада Софар Минейский, по очереди, так как каждый из них надеялся сказать Иову что-либо лучшее. **Разве на множество слов нельзя дать ответа**, говорит Софар, **и разве человек многоречивый прав?** (Иов.11:2). **То поднимешь незапятнанное лице твое и будешь тверд и не будешь бояться. Тогда забудешь горе: как о воде протекшей, будешь вспоминать о нем. И яснее полдня пойдет жизнь твоя; просветлеешь, как утро** (ст. 15-17).

Первый ответ Иова Софару таков: **подлинно, только вы люди, и с вами умрет мудрость! И у меня есть сердце, как у вас** (Иов.12:2-3). Еще: **кто во всем этом не узнает, что рука Господа сотворила сие? В Его руке душа всего живущего и дух**

всякой человеческой плоти (ст. 9-10). **Остановит воды, и все высохнет; пустит их, и превратят землю** (ст. 15). Еще: **кто родится чистым от нечистого? Ни один. Если дни ему определены, и число месяцев его у Тебя, если Ты положил ему предел, которого он не перейдет** (Иов.14:4-5). И еще: **для дерева есть надежда, что оно, если и будет срублено, снова оживет, и отрасли от него выходить не перестанут** (ст. 7). **А человек умирает и распадается; отошел, и где он?** (ст. 10).

Второй ряд бесед начинается так. Елифаз говорит Иову: **станет ли мудрый отвечать знанием пустым и наполнять чрево свое ветром палящим** (Иов.15:2)? **Тебя обвиняют уста твои, а не я** (ст. 6). И еще: **что такое человек, чтоб быть ему чистым, и чтобы рожденному женщиною быть праведным?** (ст. 14).

Второй ответ Иова Елифазу таков: **слышал я много такого; жалкие утешители все вы** (Иов.16:2). **И ныне вот на небесах Свидетель мой, и Заступник мой в вышних** (ст. 19). **О, если бы человек мог иметь состязание с Богом, как сын человеческий с ближним своим** (ст. 21). И еще: **а они ночь хотят превратить в день, свет приблизить к лицу тьмы. Если бы я и ожидать стал, то преисподняя — дом мой; во тьме постелю я постель мою; гробу скажу: ты отец мой, червю: ты мать моя и сестра моя** (Иов.17:12-14).

После него опять Валдад говорит Иову: **когда же положите вы конец таким речам? обдумайте, и потом будем говорить. Зачем считаться нам за животных и быть униженными в собственных глазах ваших? О ты, раздирающий душу твою в гневе твоем! Неужели для тебя опустеть земле, и скале сдвинуться с места своего?** (Иов.18:2-4). Иов во второй раз отвечает Валдаду: **доколе будете мучить душу мою и терзать меня речами? Вот, уже раз десять вы срамили меня и не стыдитесь теснить меня** (Иов.19:2-3). Еще: **совлек с меня славу мою и снял венец с головы моей. Кругом разорил меня, и я отхожу; и, как дерево, Он исторг надежду мою** (ст. 9-10). И еще: **братьев моих Он удалил от меня, и знающие меня чуждаются меня** (ст. 13). **Зову слугу моего, и он не откликается; устами моими я должен умолять его. Дыхание мое опротивело жене моей, и я должен умолять ее ради детей чрева моего. Даже малые дети презирают меня: поднимаюсь, и они издеваются надо мною** (ст. 16-18). **Помилуйте меня, помилуйте меня вы, друзья мои, ибо рука Божия коснулась меня. Зачем и вы преследуете меня, как Бог, и плотью моею не можете насытиться? О, если бы записаны были слова мои** (ст. 21-23). **Я во плоти моей узрю Бога. Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его. Истаевает сердце мое в груди моей! Вам надлежало бы сказать: зачем мы преследуем его? Как будто корень зла найден во мне. Убойтесь меча, ибо меч есть отмститель неправды, и знайте, что есть суд** (ст. 26-29).

Затем во второй раз Софар говорит Иову: **размышления мои побуждают меня отвечать, и я поспешаю выразить их** (Иов.20:2). Еще: **веселье беззаконных кратковременно, и радость лицемера мгновенна** (ст. 5). **Как помет его, на веки пропадает он** (ст. 7). И еще: **кости его наполнены грехами юности его, и с ним лягут они в прах. Если сладко во рту его зло, и он таит его под языком своим** (ст. 11-12). **Эта пища его в утробе его превратится в желчь аспидов внутри его. Имение, которое он глотал, изблюет: Бог исторгнет его из чрева его** (ст. 14-15). **Нажитое трудом возвратит, не проглотит; по мере имения его будет и расплата его, а он не порадуется. Ибо он угнетал, отсылал бедных; захватывал домы, которых не строил** (ст. 18-19). **Пронзит его лук медный; станет вынимать стрелу, — и она выйдет из тела, выйдет, сверкая сквозь желчь его; ужасы смерти найдут на него** (ст. 25). **Вот удел человеку беззаконному от Бога и наследие, определенное ему Вседержителем** (ст. 29).

Второй ответ Иова Софару таков: **выслушайте внимательно речь мою, и это будет мне утешением от вас** (Иов.21:2). **Разве к человеку речь моя? как же мне и не малодушествовать?** (ст. 4). **Почему беззаконные живут, достигают старости, да и силами крепки?** (ст. 7). **Вол их оплодотворяет и не извергает, корова их зачинает и не выкидывает** (ст. 10). **А между тем они говорят Богу: отойди от нас, не хотим мы знать путей Твоих! Что Вседержитель, чтобы нам служить Ему? и что пользы прибегать к Нему?** (ст. 14-15). **Но Бога ли учить мудрости, когда Он судит и горних?** (ст. 22). **Знаю я ваши мысли и ухищрения, какие вы против меня сплетаете** (ст. 27). И еще: **вы скажете: где дом князя** (ст. 28)? **В день погибели пощажен бывает злодей** (ст. 30), **и за ним идет толпа людей** (ст. 33).

После того в третий раз Елифаз говорит: **разве может человек доставлять пользу Богу? Разумный доставляет пользу себе самому. Что за удовольствие Вседержителю, что ты праведен? И будет ли Ему выгода от того, что ты содержишь пути твои в непорочности?** (Иов.22:2-3). **Вдов ты**, продолжает говорить Елифаз Иову, **отсылал ни с чем и сирот оставлял с пустыми руками** (ст. 9). **И ты говоришь: что знает Бог? может ли Он судить сквозь мрак?** (ст. 13). **Они говорили Богу: отойди от нас! и что сделает им Вседержитель?** (ст. 17). И еще: **и будет Вседержитель твоим золотом и блестящим серебром у тебя** (ст. 25). **Ибо тогда будешь радоваться о Вседержителе и поднимешь к Богу лице твое. Помолишься Ему, и Он услышит тебя, и ты исполнишь обеты твои** (ст. 26-27), и **избавит и небезвинного, и он спасется чистотою рук твоих** (ст. 30). Третий ответ Иова Елифазу таков: **еще и ныне горька речь моя: страдания мои тяжелее стонов моих** (Иов.23:2). **Пусть Он только обратил бы внимание на меня** (ст. 6). **Межи передвигают, угоняют стада и пасут у себя** (Иов.24:2) **нагие ночуют без покрова и без одеяния на стуже** (ст. 7). **Легок такой на поверхности воды, проклята часть его на земле, и не смотрит он на дорогу садов виноградных. Засуха и жара поглощают снежную воду: так преисподняя — грешников** (ст. 18-19).

Затем в третий раз Валдад говорит: **держава и страх у Него; Он творит мир на высотах Своих! Есть ли счет воинствам Его? и над кем не восходит свет Его? И как человеку быть правым пред Богом, и как быть чистым рожденному женщиною** (Иов.25: 2-4)? **Тем менее человек, который есть червь, и сын человеческий, который есть моль** (ст. 6).

Третий ответ Иова Валдаду таков: **как ты помог бессильному, поддержал мышцу немощного** (Иов. 26:2)? **Преисподняя обнажена пред Ним** (ст. 6). **Он распростер север над пустотою, повесил землю ни на чем. Он заключает воды в облаках Своих, и облако не расседается под ними** (ст. 7-8). **Рука Его образовала быстрого скорпиона** (ст. 13).

Так как Софар не стал говорить в третий раз, и первые двое замолчали, не имея больше слов на устах, потому что Иов доказал свою праведность, то Иов вторично начинает говорить о том, а они молча слушают, с пользою для себя. **Жив Господь**, говорит он, **лишивший меня суда, и Вседержитель, огорчивший душу мою, что, доколе еще дыхание мое во мне и дух Божий в ноздрях моих, не скажут уста мои неправды, и язык мой не произнесет лжи** (Иов.27:2-4). **Возвещу вам, что в руке Божией** (ст. 11). **Вот, все вы и сами видели; и для чего вы столько пустословите? Вот доля человеку беззаконному от Бога, и наследие, какое получают от Вседержителя притеснители** (ст. 12-13): **если умножаются сыновья его, то под меч; и потомки его не насытятся хлебом** (ст. 14), **и вдовы их не будут плакать. Если он наберет кучи серебра** (ст. 15-16), **так! у серебра есть источная жила, и у золота место, где его плавят. Железо получается из земли; из камня выплавляется медь** (Иов.28:1-2). **И все драгоценное**

видит глаз его (ст. 10). **Но где премудрость обретается?** (ст. 12). **Бездна говорит: не во мне она; и море говорит: не у меня бездна говорит: не во мне она; и море говорит: не у меня** (ст. 14). **А о кораллах и жемчуге и упоминать нечего, и приобретение премудрости выше рубинов. Не равняется с нею топаз Ефиопский; чистым золотом не оценивается она** (ст. 18-19). **Бог знает путь ее, и Он ведает место ее. Ибо Он прозирает до концов земли и видит под всем небом. Когда Он ветру полагал вес и располагал воду по мере** (ст. 23-25). **И сказал человеку: вот, страх Господень есть истинная премудрость, и удаление от зла — разум** (ст. 28). Так как все трое молчали, то Иов опять начал говорить: **о, если бы я был, как в прежние месяцы, как в те дни, когда Бог хранил меня, когда светильник Его светил над головою моею, и я при свете Его ходил среди тьмы** (Иов.29:2-3), **когда я выходил к воротам города и на площади ставил седалище свое** (ст. 7). **Я спасал страдальца вопиющего и сироту беспомощного** (ст. 12). **Благословение погибавшего приходило на меня, и сердцу вдовы доставлял я радость** (ст. 13). **Я был глазами слепому и ногами хромому; отцом был я для нищих и тяжбу, которой я не знал, разбирал внимательно** (ст. 15-16). **Сокрушал я беззаконному челюсти и из зубов его исторгал похищенное** (ст. 17). **После слов моих уже не рассуждали; речь моя капала на них** (ст. 23). **Я назначал пути им и сидел во главе и жил как царь в кругу воинов, как утешитель плачущих** (ст. 25). **Люди отверженные, люди без имени, отребье земли! Их-то сделался я ныне песнью и пищею разговора их** (Иов.30:8-9), **они гнушаются мною, удаляются от меня и не удерживаются плевать пред лицем моим** (ст. 10). **Он бросил меня в грязь, и я стал, как прах и пепел** (ст. 19), **Ты сделался жестоким ко мне, крепкою рукою враждуешь против меня** (ст. 21). **Я стал братом шакалам и другом страусам** (ст. 29). **Если сердце мое прельщалось женщиною и я строил ковы у дверей моего ближнего** (Иов.31:9), **пусть моя жена мелет на другого** (ст. 10). **Потому что это — преступление, это — беззаконие, подлежащее суду** (ст. 11). **Если я видел кого погибавшим без одежды и бедного без покрова** (ст. 19), **не благословляли ли меня чресла его, и не был ли он согрет шерстью овец моих** (ст. 20), **то пусть плечо мое отпадет от спины, и рука моя пусть отломится от локтя** (ст. 22). **Радовался ли я погибели врага моего и торжествовал ли, когда несчастье постигало его? Не позволял я устам моим грешить проклятием души его** (ст. 29-30). **Объявил бы ему число шагов моих, сблизился бы с ним, как с князем. Если вопияла на меня земля моя и жаловались на меня борозды ее** (ст. 37-38), **вместо пшеницы вырастает волчец и вместо ячменя куколь** (ст. 40).

Далее говорится об Елиусе сыне Варахиила, Вузитянине, который разгневался на Иова за то, что он назвал себя праведным пред Господом. **И отвечал Елиуй, сын Варахиилов, Вузитянин, и сказал: я молод летами, а вы — старцы; поэтому я робел и боялся объявлять вам мое мнение** (Иов.32:6). Когда трое молчали, Елиус, встав, с бесстыдством говорит против Иова: **ибо я полон речами, и дух во мне теснит меня** (ст. 18); и затем продолжает: **Дух Божий создал меня, и дыхание Вседержителя дало мне жизнь. Если можешь, отвечай мне и стань передо мною** (Иов.33:4-5). **Чтобы отвести человека от какого-либо предприятия и удалить от него гордость** (ст. 17), **чтобы отвести душу его от пропасти и жизнь его от поражения мечом. Или он вразумляется болезнью на ложе своем и жестокою болью во всех костях своих** (ст. 18-19). **Плоть на нем пропадает, так что ее не видно, и показываются кости его, которых не было видно** (ст. 21). **Он будет смотреть на людей и говорить: грешил я и превращал правду, и не воздано мне** (ст. 27). Еще сказал Елиус Иову: **внимай, Иов, слушай меня, молчи, и я буду говорить. Если имеешь, что сказать, отвечай; говори, потому что я желал бы твоего оправдания** (ст. 31-32). Еще в третий раз Елиус говорит: **выслушайте, мудрые, речь мою, и приклоните ко мне ухо, рассудительные! Ибо ухо разбирает слова, как гортань различает вкус в пище** (Иов.34:2-3); и продолжает: **есть ли такой человек, как Иов, который пьет глумление, как воду, вступает в сообщество**

с делающими беззаконие и ходит с людьми нечестивыми? (ст. 7-8). **Не может быть у Бога неправда или у Вседержителя неправосудие, ибо Он по делам человека поступает с ним и по путям мужа воздает ему** (ст. 10-11). **Можно ли сказать царю: ты — нечестивец, и князьям: вы — беззаконники? Но Он не смотрит и на лица князей и не предпочитает богатого бедному, потому что все они дело рук Его** (ст. 18-19). **Он сокрушает сильных без исследования и поставляет других на их места** (ст. 24). **Люди разумные скажут мне, и муж мудрый, слушающий меня: Иов не умно говорит, и слова его не со смыслом** (ст. 34-35). Еще в четвертый раз Елиус говорит Иову: **считаешь ли ты справедливым, что сказал: я правее Бога?** (Иов.35:2) И еще в пятый раз Елиус начинает говорить, и ни Иов, ни трое друзей его не слушают его, как безбожника, — из чего открывается, что эти трое образумились. Он говорит Иову: **подожди меня немного, и я покажу тебе, что я имею еще что сказать за Бога** (Иов.36:2); и продолжает: **внимай сему, Иов; стой и разумевай чудные дела Божии** (Иов.37:14). **Будет ли возвещено Ему, что я говорю? Сказал ли кто, что сказанное доносится Ему?** (ст. 20). Или **светлая погода приходит от севера** (ст. 22)?

Явившийся затем Господь оправдывает Иова, и, научая тайне Христовой, говорит к Иову: **кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла?** (Иов.38:2). Речь Господа такова: **затворил море воротами** (ст. 8), **и сказал: доселе дойдешь и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим?** (ст. 11). Или **чтобы земля изменилась, как глина под печатью**, спрашивает Господь, **и стала, как разноцветная одежда** (ст. 14)? **Отворялись ли для тебя врата смерти, и видел ли ты врата тени смертной?** (ст. 17). **Входил ли ты в хранилища снега и видел ли сокровищницы града** (ст. 22)? **По какому пути разливается свет и разносится восточный ветер по земле?** (ст. 24) **Кто проводит протоки для излияния воды** (ст. 25)? И еще: **есть ли у дождя отец?** (ст. 28) **Из чьего чрева выходит лед, и иней небесный, — кто рождает его?** (ст. 29). **Можешь ли возвысить голос твой к облакам, чтобы вода в обилии покрыла тебя? Можешь ли посылать молнии, и пойдут ли они и скажут ли тебе: вот мы?** (ст. 34-35). **Кто вложил мудрость в сердце, или кто дал смысл разуму?** (ст. 36). **Кто приготовляет ворону корм его, когда птенцы его кричат к Богу, бродя без пищи?** (ст. 41). **Ты ли дал красивые крылья павлину и перья и пух страусу? Он оставляет яйца свои на земле, и на песке согревает их** (Иов.39:13-14): **потому что Бог не дал ему мудрости и не уделил ему смысла** (ст. 17); **посмевается коню** (ст. 18). **Твоею ли мудростью летает ястреб** (ст. 26); **по твоему ли слову возносится орел и устрояет на высоте гнездо свое?** (ст. 27).

И еще сказал Господь Иову: **будет ли состязающийся со Вседержителем еще учить? Обличающий Бога пусть отвечает Ему** (ст. 32). Иов отвечал Господу: **вот, я ничтожен; что буду я отвечать Тебе? Руку мою полагаю на уста мои** (ст. 34). Господь, явившись во второй раз Иову, сказал ему из облака: **препояшь, как муж, чресла твои: Я буду спрашивать тебя, а ты объясняй Мне** (Иов.40:2). **Тогда и Я признаю**, говорит Господь, **что десница твоя может спасать тебя. Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; он ест траву, как вол** (ст. 9-10). **Вот, его сила в чреслах его и крепость его в мускулах чрева его; поворачивает хвостом своим, как кедром; жилы же на бедрах его переплетены** (ст. 11-12); **ноги у него, как медные трубы; кости у него, как железные прутья** (ст. 13); **он ложится под тенистыми деревьями** (ст. 16). **Можешь ли ты удою вытащить левиафана и веревкою схватить за язык его?** (ст. 20). **Можешь ли пронзить кожу его копьем и голову его рыбачьею острогою?** (ст. 26). **Меч, коснувшийся его, не устоит, ни копье, ни дротик, ни латы. Железо он считает за солому, медь — за гнилое дерево** (Иов.41:18-19).

Так говорил Господь, а Иов заключил речь следующими словами: з**наю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено. Кто сей, омрачающий Провидение, ничего не разумея? — Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал** (Иов.42:2-3). **Поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле** (ст. 6). Господь укоряет Елифаза Феманского, **сказал Господь Елифазу Феманитянину: горит гнев Мой на тебя и на двух друзей твоих за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов** (Иов.42:7). Затем была принесена жертва за трех друзей Иовом, священником Божиим. Далее говорится, как Господь обогатил Иова, и как, по молитве его за друзей своих, Господь простил им грех. Когда все родственники Иова услышали об этом, то пришли к нему, ели и пили у него, удивлялись ему и дали ему каждый по одной агнице и по четыре золотых драхмы. Об нем написано, что он воскреснет с теми, которых воскресит Господь. В этом и заключается все содержание книги Иова.

Книга Премудрости Соломоновой

Эта книга называется **Премудростью Соломоновою** потому, что, как говорят, она написана Соломоном. В ней содержится учение о правде и о том, как узнавать людей злых и добрых, и пророчество о Христе; также о том, что мудрость приобретается великим трудом и усердием; еще говорится о некоторых произведениях природы, об идолах и их делателях, о надеющихся на них и служащих им. Кроме того здесь находится песнь с исповеданием чудес, совершенных Богом для израильтян пред лицом врагов их. Таково содержаще этой книги; а порядок изложения следующий. В начале — побуждение праведника к благочестию и обличение богохульного нечестивца. Не подражай, говорит Премудрый, противникам Христа, которые обречены на смерть. Нечестивые дошли до того, что распяли Господа славы, предпочитая Ему настоящий век, и апостолов гнали и предали смерти. Говорится, что одни будут пренебрегать законом Господним, а другие — повиноваться ему.

И что при всем множестве не почитающих Христа Бог не пощадит их, потому что Бог хранит одного только праведника, верующего во Христа, хотя бы он умер в юности: **не в долговечности честная старость и не числом лет измеряется** (Прем.4:8). Хотя нечестивый и презирает смерть верующих во Христа, но они избраны Христом. Нечестивые же будут преданы бесславной погибели, и гонители рабов Христовых подвергнутся великому осуждению на суде, увидев славу Христа и их, себя же видя обреченными на мучение. Говорится, что богатство соединяется у нас с гордостью; также о том, какой гнев Божий постигнет не почитающих Христа. Далее увещание начальникам израильским, чтобы они веровали во Христа, или лучше — наставление предстоятелям вселенской Церкви о том, как они должны управлять после Его отшествия. Говорится, что такое Премудрость — Сын Божий, и как Слово стало плотию и обитало с нами. **Я**, говорит Он, **человек смертный, подобный всем вскормлен в пеленах и заботах** (Прем.7: 1-4). О Христе же говорится и далее: от премудрости Божией я получил ведение всего: **в руке Его и мы и слова наши, и всякое разумение и искусство делания** (Прем.7:16). Потом — какова эта премудрость и как она пришла к людям: **она — одна, но может все, и, пребывая в самой себе, все обновляет, и, переходя из рода в род в святые души, приготовляет друзей Божиих и пророков** (ст. 27). Эту премудрость, говорит, я и возлюбил от юности моей и получил от нее все блага телесные и духовные. Познав величие премудрости, я просил Господа, чтобы мне дан был Дух Святой, просвещающий меня в ней. Он и был послан, чтобы содействовать мне: **помышления смертных нетверды, и мысли наши ошибочны** (Прем.9:14). Далее — о делах премудрости: как она сохранила первозданного человека, от каких зол Бог спасает верующих в Него, и какие подает им блага, например Ною, Аврааму, Лоту, Иакову, Иосифу, израильтянам, которых

Он избавил чрез Моисея от руки египтян; как извел для них воду из камня, и как послал ос на семь народов, впрочем являя долготерпение, чтобы дать им время для покаяния, а народ свой научить чрез это быть человеколюбивым. Затем — о поклоняющихся стихиям, о жабах, осах, мышах, саранче, мошках, змеях; о почитателях идолов, сделанных из золота и серебра, или камней, или дерева; о том, что чрез древо (креста) — спасение верующим; о тех, которые делают или украшают идолов; о всяком зле от идолослужения; о нечестивом богослужении и о том, сколько в нем зла; о горшечниках и глиняных идолах; о всех идолах, почитаемых язычниками; о свирепых зверях, змеях, кошках и подобных; о том, что Бог оказал благодеяние израильтянам, послав им вместо жаб коростелей; о том, как Он спас народ Свой от укушения змеями чрез медного змия, повешенного на кресте, а врагов их истребил змеями и мышами; как Он питал народ ангельскою пищею, доставлявшею всякое наслаждение и приспособленною ко всякому вкусу; как Он послал на египтян град с огнем, для истребления идолов; как послал на египтян непроницаемую тьму со всеми ее бедствиями, тогда как святым своим явил свет в Египте и столп огненный в пустыне; как за умерщвление младенцев израильских постигли египтян смерть первенцев и потопление, а для израильтян вместо смерти первенцев даровано спасение кровью агнца; как в пустыне, когда умирали праведники, Аарон умилостивлял Бога молитвами и фимиамом, а когда гибли египтяне в Чермном море, гнев Божий был без милосердия, народ же (израильский) (перешел) необыкновенным путем; о том, что египтяне потерпели все это за ненависть к пришельцам, равно как и содомляне; и о том, что все стихии подчиняются божественному управлению Христа, Который настраивает их, как Ему угодно, подобно тому, как гусляр настраивает струны гуслей. Таково все содержание книги Премудрости Соломоновой, называемой сокровищницею всех добродетелей.

Книга Притчей Соломоновых

Эта книга называется **Притчами Соломоновыми** потому, что притчи изрек и написал Соломон. Приняв царство Давида, отца своего, он просил Бога даровать ему более мудрости, нежели богатства и побед над врагами. Получив ее и став мудрым больше всех людей, живших прежде него и после него, и сделавшись предметом удивления во всем, что делал и говорил, он изрек три тысячи притчей и пять тысяч песней, и рассуждал о всем, произрастающем из земли и о всех животных. Некоторые говорят, что он написал только три книги, именно: Притчи, Экклезиаста и Песнь Песней; а другие приписывают ему и ту, которая надписывается: **Премудрость** и называется: **сокровищница всех добродетелей**, и утверждают, что и она есть подлинное его произведение. Эту книгу он надписал: **Притчи.** Притчи — это мудрые изречения, как бы загадки, которые сами по себе представляют одно, а подразумевается в них нечто другое. Такого рода изречения и есть притчи. Так в Евангелии Иоанна ученики Господни, после того как Господь говорил о многом прикровенно, сказали Ему: **вот, теперь Ты прямо говоришь, и притчи не говоришь никакой** (Ин.16:29); следовательно, в притчах говорится не ясно, а прикровенно. Так как подобных изречений весьма много в этой книге, то она и надписана: **Притчи**. Самое же название **Притчи** произошло от того, что подобные изречения писались на всяком пути для вразумления и назидания проходящих по пути; а писались они при пути потому, что на все могли хранить слова истины, чтобы люди, по крайней мере проходя и замечая написанное, вникали в это и таким образом поучались. Потому некоторые и определяют их так: притча есть придорожное изречение, переносящее наши мысли от чего-нибудь одного ко многому. Итак, в этой книге предлагается **познание премудрости и наказания, разумение словес мудрости, извития словес, уразумение правды истинной, исправление суда**, и обещание — объяснять **притчу и темное слово, речения премудрых и гадания** (Притч.1:2-6). И действительно, здесь есть **познание премудрости и наказания**. Так как язычники утверждают, что они владеют мудростью, и

еретики думают, что они имеют знание, то Соломон и научает истинной мудрости и знанию, чтобы кто-нибудь, увлекшись сходным названием мудрости, не впал в мудрование язычников и еретиков. Язычники, думая, что они что-либо значат и, **называя себя мудрыми, обезумели** (Рим.1:22). И еретики, считая себя знающими, совратились и погрешают, осудив сами себя. Мудрый же, слыша божественные изречения, сделается еще более мудрым. Кто слушает заповеди Божии и хранит их, не пренебрегая учением Господним и не увлекаясь обольщением, тот будет сыном мудрым, и, научившись, скоро получит и познание о Боге. Так научаются мудрые! Разумение же словес мудрости есть учение о едином истинном Боге. Из язычников одни представляли Бога телесным, другие служили вместо Него идолам; также и еретики заблуждаются относительно истинного Бога. Потому Соломон и предлагает истинное знание о Боге, называя Его неизреченным: **слава Божия — облекать тайною дело** (Прит.25:2). О промышлении Божием он говорит: **на всяком месте очи Господни: они видят злых и добрых** (15:3); еще: **богатый и бедный встречаются друг с другом: того и другого создал Господь** (22:2); еще: **бедный и лихоимец встречаются друг с другом; но свет глазам того и другого дает Господь** (29:13); и еще: **пред очами Господа пути человека, и Он измеряет все стези его** (5:21). О суде Его говорит: **жертва нечестивых — мерзость пред Господом, а молитва праведных благоугодна Ему** (15:8); и еще: **дом надменных разорит Господь, а межу вдовы укрепит** (15:25). Он не только говорит о сотворении Им мира, но утверждает, что Господь творит все словом Своим и премудростью; это и есть свойство истинного Бога, что Он — Отец Сына. Так он говорит: **Господь премудростью основал землю** (3:19); и еще: **когда еще Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной. Когда Он уготовлял небеса, я была там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны, когда утверждал вверху облака, когда укреплял источники бездны, когда давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его, когда полагал основания земли: тогда я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицем Его во все время** (8:26-30). Извитиями словес названы те изречения, сокрытый смысл которых открывает и находит тот, кто размышляет над ними. Таковы например следующие: **собирающий во время лета — сын разумный, спящий же во время жатвы — сын беспутный** (10:5); еще: **прозябает трава, и является зелень, и собирают горные травы. Овцы — на одежду тебе, и козлы — на покупку поля** (27:25,26); и еще: **когда сядешь вкушать пищу с властелином, то тщательно наблюдай, что перед тобою** (23:1), и тому подобные. Уразумение правды истинной предлагается потому, что некоторые исказили слово правда. Одни называют правдою — отдавать то, что получил кто-нибудь на сохранение; а другие — воздавать злом за зло и добром за добро. Но такие определения не точны. Нельзя говорить: каким образом он поступил со мною, таким и я поступлю с ним, отмщу ему тем же, чем он обидел меня. Потому Соломон и научает здесь истинной правде; истинная правда состоит в том, чтобы воздавать каждому свое. Прежде всего, **чти Господа от имения твоего и от начатков всех прибытков твоих** (Прит.3:9); потом почитай царя, родителям воздавай должное, и всем — подобающее. Это — один вид правды. Другой состоит в том, чтобы хранить в правде свою душу, соблюдать умеренность, и не уклоняться в неумеренность, но подчиняться разуму, **дабы спасти тебя от пути злого, от человека, говорящего ложь** (2:12), и делать все обдуманно; пусть суд твой будет в помыслах твоих, так чтобы ты судил сам себя, и чтобы все желания твои были благи, потому что **желание праведных есть одно добро**, и **желание праведников исполнится** (11:23, 10:24). О гневе же он говорит: **не дружись с гневливым и не сообщайся с человеком вспыльчивым: глупый весь гнев свой изливает, а мудрый сдерживает его** (22:24; 29:11). Кто так настраивает себя и сохраняет здравыми и невредимыми действия каждой душевной способности, тот будет человеком, знающим истинную правду. Исправлять суд значит прежде всего судить справедливо, по закону Божию, как говорит он: **открывай уста твои за безгласного и для защиты всех сирот. Открывай уста твои для правосудия и для дела бедного и**

нищего (31:8-9). **Кто говорит виновному: "ты прав", того будут проклинать народы, того будут ненавидеть племена: иметь лицеприятие на суде — нехорошо** (24:24,23). Это нужно говорить открыто; притом, судя за что-нибудь других, нужно прилагать тот же суд и к самому себе, испытывать и самого себя, умеряя себя, когда увеличивается гнев, сдерживая, когда усиливается страсть, и, возбуждая, когда засыпает разум, такими словами: **доколе ты, ленивец, будешь спать? когда ты встанешь от сна твоего?** (6:9). Кто поступает так справедливо, и бывает судьею самому себе, тот научится исправлять суд и не услышит от другого: **как же ты, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? говоря: "не прелюбодействуй", прелюбодействуешь?** (Рим.2:21,22). Как путешественник, идущий прямою дорогою, достигает цели, так и человек, исправляющий суд, будет признан справедливым и мудрым. Притчами же называются изречения, представляющие в образах то, о чем говорится. В них сказанное объясняется посредством подобия. Так, по сказанию Марка, Господь говорил: **чему уподобим Царствие Божие? или какою притчею изобразим его?** (Мк.4:30); следовательно, притча есть подобие того, что говорится. И в другом месте Господь, сказав: **Царство Небесное подобно**, присовокупил: **иную притчу** (Мф.13:31). Таковы здесь следующие притчи: **что прохлада от снега во время жатвы, то верный посол для посылающего его** (Прит.25:13); и еще: **что тучи и ветры без дождя, то человек, хвастающий ложными подарками** (ст. 14), и тому подобные. Речения премудрых — не пустые мудрствования, не изречения, обольщающие видом правдоподобия, но основательные; не по заказу высказанные, а дознанные самими говорящими и выражающие как бы приговоры, произносимые ими. Таковы напр. следующие: **веселое сердце делает лице веселым, а при сердечной скорби дух унывает** (Прит.15:13); еще: **сердце разумного ищет знания, уста же глупых питаются глупостью** (ст. 14); еще: **ненависть возбуждает раздоры, но любовь покрывает все грехи** (10:12); и еще: **кто пренебрегает словом, тот причиняет вред себе; а кто боится заповеди, тому воздается** (13:13). Слова других людей бывают большею частью неосновательны, а слова мудрых, каковы напр., вышесказанный, истинны и во всех отношениях точны, так что невозможно противоречить им. Другие люди определяют дела по следствиям их, напр., говорят: несправедливый дурен, прелюбодей не хорош, — что всем известно; а мудрые открывают причины действий, чтобы всякий, узнав причины зол, остерегался их, и представляют как бы краткий очерк движений души. Таково напр. вышеприведенное изречение: **ненависть возбуждает раздоры, но любовь покрывает все грехи**, так как у сварливого распри его получают свое начало от ненависти и никто не скажет, что он любит сварливого; напротив несварливый обнаруживает признаки любви, и никто не скажет, что любящий сварлив. Также следующие изречения: **душа ленивого желает** (Прит.13:2); **вспыльчивый может сделать глупость** (Прит.14:17). Здесь выражается то, что душа праздного предана всяким похотям, а гневливый не может правильно рассуждать. Все эти изречения главным образом указывают на нравственную сторону, на причину действий, раскрывая, что распре предшествует ненависть, а несварливости предшествует любовь, праздности предшествует порочное удовольствие, а гневливости предшествует безрассудство; что презираемый терпит презрение от того, что сам презирает закон; что здоровью предшествует страх Господень; что причиною погибели души бывает необузданность языка; что робости предшествует дерзость. Таким образом, исследуя каждое изречение, ты найдешь, что оно сказано и написано для того, чтобы слушающие, познавая причины зла и добра, избегали худого и делали доброе. Гадания и темные слова — это изречения, сказанные так темно, что читающий их сначала скорбит, думая, что они ничего не выражают и не содержат никакой мысли, но, тщательно вникнув, открывает в них смысл. Таковы, напр.: **у ненасытимости две дочери: "давай, давай!" Вот три ненасытимых, и четыре, которые не скажут: "довольно!" Преисподняя и утроба бесплодная, земля, которая не насыщается водою, и огонь, который не говорит: "довольно!"** (Прит.30:15,16); и еще: **три вещи непостижимы для**

меня, и четырех я не понимаю: пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице (ст. 18, 19), и тому подобные загадки. Они выражают одно, а дают мысль о другом, и хотя неясны, но имеют сокровенный смысл. Таково содержание книги Притчей.

А порядок изложения в ней следующий. Вначале говорится о самых **Притчах Соломона, сына Давидова, царя Израильского, чтобы познать мудрость и наставление, понять изречения разума** (Прит.1:1-2);Далее о том, что **начало премудрости страх Господень** (ст. 7); что нужно слушаться повелений отца и не пренебрегать советами матери, что не должно заблуждаться и идти одним путем с людьми, которые имеют **склад один будет у всех нас** (ст. 14); что **премудрость возглашает на улице, на площадях возвышает голос свой, в главных местах собраний проповедует, при входах в городские ворота говорит речь свою** (ст. 20, 22); что она звала их, но они не послушали ее, потому и она не послушает их, когда они будут звать ее. Далее говорится: **сын мой! если ты примешь слова мои и сохранишь при себе заповеди мои** (2:1), и **так что ухо твое сделаешь внимательным к мудрости** (ст. 2), и **уразумееши правду и суд** (ст. 9); горе **ходить путями тьмы** (ст. 13) **от тех, которые радуются, делая зло, восхищаются злым развратом** (ст. 14); и еще: **которых пути кривы, и которые блуждают на стезях своих** (ст. 16), чтобы тебе **ходить путем добрых и держаться стезей праведников** (ст. 20). Еще говорится о том, чтобы ты не забывал соблюдать закон, чтобы иметь тебе долголетнюю мирную жизнь, — чтобы ты надеялся всем сердцем на Бога, и не был **мудрецом в глазах твоих** (3:7), но почитал Господа **от имения твоего** (ст. 9), и не **наказания Господня, сын мой, не отвергай** (ст. 11), **ибо кого любит Господь, того наказывает** (ст. 12). Говорится о том, что блажен чело-век, нашедший премудрость; о том, что ты не должен предаваться неге, но должен хранить совет и разум, чтобы тело твое было здравым; о том, что не должно отказываться от благотворения нуждающемуся, когда рука твоя может помочь ему, и не должен ты замышлять зло против друга своего, потому что нечист пред Господом всякий беззаконник. Далее говорится, что **Господь над кощунниками посмевается, то смиренным дает благодать** (3:34); это следует слушать наставления отца: **сын мой! словам моим внимай** (4:20) **больше всего хранимого храни сердце твое** (ст. 23), и Господь **же прямыми сделает пути твои** (ст. 29); о том, что не должно внимать жене злой: **если бы ты захотел постигнуть стезю жизни** (5:6), **держи дальше от нее путь твой** (ст. 8). Еще: **пей воду из твоего водоема** (ст. 15) **источник твой да будет благословен** (ст. 18). Еще: **пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым** (6:6); он **заготовляет летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою**. Также говорится, чтобы ты шел **к пчеле и познай, как она трудолюбива** (ст. 8). **Доколе ты, ленивец, будешь спать?** (ст. 9). **Немного поспишь, немного подремлешь** (ст. 10); потому внезапно наступит погибель твоя. Далее о соблюдении заповедей отца; о том, что **заповедь есть светильник, и наставление — свет, и назидательные поучения — путь к жизни** (ст. 23); и еще: **может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих? То же бывает и с тем, кто входит к жене ближнего своего: кто прикоснется к ней, не останется без вины** (ст. 27-29). Еще: **не спускают вору, если он крадет, чтобы насытить душу свою, когда он голоден** (ст. 30); **кто же прелюбодействует с женщиною, у того нет ума; тот губит душу свою, кто делает это** (ст. 32). Далее: **чти Господа, — и укрепишься** (7:1), **храни заповеди мои** (ст. 2), **напиши их на скрижали сердца твоего** (ст. 3), **чтобы они охраняли тебя от жены другого, от чужой, которая умягчает слова свои** (ст. 5). Говорится чтобы ты проповедовал премудрость, потому что она **становится на возвышенных местах** (8:2), **лучше знание, нежели отборное золото** (ст. 10); и что **страх Господень — ненавидеть зло** (ст. 13). Еще: **Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони** (ст. 22); еще: **премудрость построила себе дом** (9:1); и еще: **обличай мудрого, и он возлюбит**

тебя (ст. 8); **если ты мудр, то мудр для себя [и для ближних твоих]; и если буен, то один потерпишь. Кто утверждается на лжи, тот пасет ветры, тот гоняется за птицами летающими: ибо он оставил пути своего виноградника и блуждает по тропинкам поля своего; проходит чрез безводную пустыню и землю, обреченную на жажду; собирает руками бесплодие** (ст. 12). **Женщина безрассудная, шумливая, глупая и ничего не знающая** (ст. 13). **Ленивая рука делает бедным, а рука прилежных обогащает** (10:4); **собирающий во время лета — сын разумный** (ст. 5); **память праведника пребудет благословенна** (ст. 7); **кто ходит в непорочности, тот ходит безопасно** (ст. 9); **в устах разумного находится мудрость, но на теле глупого — розга** (ст. 13); **отвергающий обличение — блуждает** (ст. 17); **кто скрывает ненависть, у того уста лживые; и кто разглашает клевету, тот глуп** (ст. 18); **для глупого преступное деяние как бы забава** (ст. 23); **уста праведника источают мудрость** (ст. 31). Далее говорится об идолопоклонниках, которые делают идолов из золота и серебра из камней, или дерева; о том, что спасение для верующих будет чрез древо (креста); о тех, которые делают или украшают идолов, о зле всякого рода, происходящем от идолопоклонства, о нечестивом богослужении и о том, сколько в нем зол; о горшечнике, и глиняных идолах, о всех идолах языческого богослужения; о свирепых животных, змеях, кошках и подобных; о том, что Бог благоволил послать израильтянам вместо жаб коростелей и проч.

Обозрение книги Сираха

В этой книге говорится о страхе Божием, о том, что не должно гневаться и что должно приступать к Богу без лицемерия, об искушениях и терпении, о почтении к родителям, о кротости, о том, что не должно исследовать глубже того, как заповедано, о милосердии и покровительстве бедным, о мудрости, о стыде вредном и полезном: много здесь говорится о стыде вредном. О том, что не должно предаваться страсти к деньгам, и думать, что мы грешил безнаказанно, хотя бы и не тотчас постигли нас наказания: Бог долготерпелив, но должно умилостивлять Его. О пустословии, о тщеславии, о выборе друзей, об учении, о полезном слушании; о том, что не должно грешить, лгать, пустословить и повторять обетов в молитве, т.е. не откладывать того, что обещано Богу. О жене, о рабах, о скоте, о детях, об отце, о благоговении к Богу, о почитании священников и призрении несчастных; о том, что не должно ссориться, порицать, пренебрегать беседами мудрых старцев; о воздержании, о дружбе, о том, что не следует подражать грешникам; о судье мудром и безрассудном, о гордости, о смирении, о том, чтобы не укорять без суда и исследования, чтобы остерегаться людей порочных. Об угождении богатым, какое многие оказывают им, и о корыстолюбии некоторых из них. О скупых, которых называют червями, так как они не уделяют ничего другим. О приобретении мудрости и о свободе; о том, что лучше быть бездетным, нежели иметь дурных детей, и что нет ничего сокровенного для Бога. О тварях, о создании человека и о чести, какой он удостоен. О даровании закона, о милосердии и раскаянии, о воздержании от сладострастия, о хранении тайн, о вредном стыде глупца; о раскаянии во грехах и нелюбостяжательности, о мудром и безумном, о дерзкой дочери, о невнимательности глупого, о твердом уме, о том, что не следует говорить неосторожно. О сокрушении во грехах, о том, чтобы не клясться, о мудрости. О жене злой и доброй, о купцах, о тех, которые выдают тайны; о тех, которые в лицо хвалят, а потом насмехаются; о прощении ближнему прегрешений его; о коварном языке, о том, чтобы давать в долг ближнему не получая процентов, и снабжать нуждающегося; о тщательном воспитании детей, о рабах, о животных, о снах. О боящихся Бога, о жертвах неправедных, о приношениях праведных, о сребролюбии, о сластолюбии, о пьянстве. О том, что природный состав у людей один, но различие наклонностей производит то, что одни благословляются, а другие проклинаются. О врачевании, о том, что не должно слишком предаваться скорби; о том, что должно повиноваться закону и заповедям

Божиим, о делах Божиих, о наказаниях, о человеческой жизни, исполненной многих бедствий и забот, о делах Божиих.

Обозрение книги пророка Исаии

В ней содержится обличение израильтян, описание их бедствий, отвержение (Богом) жертвоприношений и призыв к лучшей жизни. Пророчество о Церкви и будущем мире. Обличение израильтян и будущая осада; обличение их роскоши и гордости; отвержение Израиля под образом виноградника. Пророк укоряет начальников израильских в любостяжании и пьянстве и предсказывает опустошение; угрожает тем, которые предпочитают ложных пророков истинным. Нашествие врагов. Пророк видит видение, в котором были очищены уста его. Царь сирийский вместе с израильтянами идет войною на Иерусалим, и Исаия пророчествует о Христе, об опустошении Иерусалима и о нашествии Навуходоносора. Пророчество о верующих во Христа. О силе, гордости и погибели царя ассирийского. О верующих во Христа; о рождении Христа по плоти; о кротости верующих в Него. Пророк предсказывает о погибели Вавилона и иноплеменников. Погибель моавитян. Пророчество о Христе. Погибель Дамаска; бедствия израильтян и спасение их. Погибель Египта. Пророк иносказательным образом предсказывает народам, которые не веруют в Господа, бедствия и истребление их нечестия. Исаия получает повеление ходить нагим. Война мидян и вавилонян против Идумеи и Аравии. Последняя осада Иерусалима Навуходоносором. Предсказание Сомнану, строителю дома, о его погибели. Строители дома, т.е. хранители имущества в храме, были из священников (Ис.22:15). Погибель Тира, и затем спасение его, и иносказательное пророчество о церквах. Погибель Вавилона от мидян и благодарность за нее Богу от пророка. Пророчество о верующих во Христа; о погибели диавола от Христа, о пришествии Христа во плоти; о вере во Христа. Пророк укоряет израильтян за то, что они, оставив надежду на Бога, возложили ее на египтян, и предсказывает им бедствия, а потом — благополучие. Здесь же содержится пророчество о Церкви Христовой, об обращении язычников ко Христу и об опустошении Иерусалима. Сказание о Церкви, которое в буквальном смысле относится к Идумее и Иерусалиму, но в переносном смысле — к отвержению иудеев и благоденствию Церкви Христовой. О делах Сеннахирима. Пророчество об Иоанне Предтече и о верующих во Христа. Изображение силы Божией; обличение израильтян за идолопоклонство и напоминание об оказанных народу благодеяниях Божиих. Об устройстве Церкви и о бессилии идолов. Пророчество о Христе и о верующих в Него. Пророк укоряет израильтян за грехи и говорит, что за непослушание их посланы на них бедствия. О вере во Христа; о том, что Бог оставит народ без жертвоприношений и не будет требовать служения посредством жертв. Пророчество о верующих во Христа. Обличение бесси-лия идолов и изображение силы Божией. Погибель Вавилона; обличение жестокосердия иудеев и пророчество о благоприятных обстоятельствах. Пророчество о Христе и утешение Иерусалима. Пророчество о Христе и апостолах. О рождении Христа по плоти, о страдании Его, воскресении и о множестве верующих в Него. Пророчество о Христе и вместе об израильтянах по буквальному смыслу, а по переносному смыслу — о верующих во Христа. Осуждение иудеев за идолослужение, отвержение поста их и указание на другой лучший пост. Далее обличение коварных дел их и замыслов, и пророчество о верующих во Христа. Пророчество о Христе, и об исцелениях души и тела, совершенных Им; об апостолах и прочих верующих в Него. О страдании Его. Исповедание пророка, как бы от лица народа, и обличение Господом неверия иудеев; принятие верующих в Него, и осуждение идолопоклонства иудеев. О верующих в Господа нашего Иисуса Христа из иудеев. Осуждение неверующих в будущую жизнь.

Обозрение книги пророка Иеремии

В ней содержится предсказание израильтянам будущих бедствий от Навуходоносора. Обличение идолопоклонства израильтян и напоминание о благодеяниях Божиих им, и о бедствиях, которые они потерпели за то, что положились на египтян. Обличение бессилия идолов и осуждение самих израильтян за принесение в жертву людей, Обличение израильтян и указание на тяжесть, в сравнении с их преступлениями, преступлений иудеев; предсказание израильтянам благоприятных обстоятельств, если они обратятся к Богу, и исповедание пророка, как бы от лица народа. Нашествие вавилонян, плач пророка о будущем опустошении, и описание самого опустошения. Порицания народу за то, что среди него не оказалось никого столь праведного, чтобы остановить гнев Божий, и обличение нечестия народа. О том, что Иерусалим будет разрушен Навуходоносором не до основания. Нашествие вавилонян и осуждение непослушания израильтян, не хотевших слушать пророка. Обличение лжепроков, обольщавших народ, потому что когда Иеремия говорил, что будет война, — они говорили: нет, будет мир. Отвержение жертвоприношений, нашествие царя вавилонского и обличение неисправимой воли иудеев. Бог увещевает иудеев сделаться лучшими, и угрожает, что, если они не сделаются, то подвергнутся тем же бедствиям, как израильтяне; а Иеремии запрещает молиться о них. Отвержение жертвоприношений, осуждение иудеев за невнимательность и за человеческие жертвы, которые они приносили бесам. Предсказание о том, что место, где стоит идол их, будет для них гробом и что некоторые из убитых даже не будут преданы погребению. Еще о нашествии неприятелей и плач Иеремии о нечестии иудеев. Осуждение иудеев, как необрезанных сердцем; увещание — не служить идолам; плач как бы от лица народа о будущих бедствиях и обличение от Бога. Увещание израильтянам — слушать Бога; осуждение отцов их, и предсказание им будущих зол. Опять запрещается Иеремии молиться о них. Пророк плачет, подвергаясь козням иудеев в Анафофе, и по этому поводу предсказывает ожидающую их погибель. Иеремия получает повеление скрыть пояс и предсказывает, что народ будет пресыщен и опьянен бедствиями. О бездождии. Пророку запрещается молиться о народе; Бог отвергает всесожжения их и посты, и угрожает бедствиями лжепророкам, которые говорили, что несчастья не постигнут народ. Пророк умоляет Бога; но Бог говорит, что Он не послушает, хотя бы даже Моисей и Самуил ходатайствовали за них, и предаст их на меч и смерть, на голод и плен и на жертву всем бедствиям. Иеремия молит Бога об отмщении тем, которые поносят его, а Бог говорит ему: **если ты обратишься, то Я восставлю тебя, и будешь предстоять пред лицем Моим** (Иер.15:19). Иеремия получает повеление не вступать в брак, не плакать и не участвовать с израильтянами в обрядах при погребении умерших. Пророчество об апостолах и о Христе. Пророк предрекает слова неверующих в Него и молится о наказании их; затем увещевает иудеев хранить субботу. Пророк посылается в дом горшечника. **Иногда Я скажу**, говорит Бог, **о каком-либо народе и царстве, что искореню, сокрушу и погублю его**: **но если народ этот, на который Я это изрек, обратится от своих злых дел**, не искореню. **А иногда скажу о каком-либо народе и царстве, что устрою и утвержу его; но если он будет делать злое пред очами Моими и не слушаться гласа Моего, Я отменю то добро, которым хотел облагодетельствовать его** (Иер.18:7-10). Эта глава полезна для обличения иудеев, когда они станут говорить, что Бог обещал им блага, потому что они, не уверовав в Господа нашего Иисуса Христа, сами сделались виновниками своих бедствий. Далее пророк предсказывает о кознях иудеев против него и молится о наказании их за то, что они воздали злом за добро. Иеремия получает повеление взять глиняный сосуд и, засвидетельствовав злодеяния народа, разбить сосуд пред его глазами и сказать: так сокрушится Иерусалим! Когда Пас-хор посадил Иеремию в колоду, пророк предсказывает ему ожидающие его бедствия (Иер.20). Потом, негодует не порицающих его, молится о наказании их и проклинает день своего рождения. Царь Седекия посылает узнать от Иеремии, отступит ли от него Навуходоносор; а Иеремия говорит, что сам Бог будет воевать против иудеев и царя Седекии; если же народ захочет добровольно предаться Навуходоносору, то спасется, и

царь не погибнет, если, оставив свое нечестие, захочет внимать повелениям Божиим. Пророчество против Иоакима и Иехонии и пастырей, и осуждение лжепророков. Иеремия предсказывает иудеям благоприятные обстоятельства, народу, оставшемуся в Иерусалиме с Седекиею, предвозвещает под образом смокв нашествие Навуходоносора, и всем народам предвозвещает погибель под образом чаши. Предсказывает о разрушении Иерусалима. Священники берут Иеремию и обрекают на смерть, но он избегает опасности. Пророк получает повеление наложить на себя оковы и сказать послам иноплеменников, чтобы они советовали царям своим покориться Навуходоносору, потому что Бог угрожает смертью тем, которые не покорятся ему. Такое же увещание он предлагает и Седекии, и народу, и священникам. Но лжепророк Анания говорит против пророка Иеремии, утверждая, что священные сосуды будут возвращены, равно как и Иехония, сын Иоакима, брата Седекии. И сокрушил ярмо пророка. Потому Иеремия посылается возвестить ему смерть в том же году, что и исполнилось. Иеремия предсказывает бедствия лжепроро- кам в Вавилоне, а народу продолжительный плен и будущее возвращение из плена. На это вознегодовал Самей и укорял священника за то, что он не запретил Иеремии произносить такие предсказания. Потому Бог угрожает Самею погибелью. Далее утешительная речь к израильтянам. Иеремия указывает время, когда они возвратятся из Вавилона. Это было время Пасхи (Иер.31:8); и у Ездры можно видеть, что они возвратились в праздник опресноков. Таким образом, иудеи явно обличаются в заблуждении, потому что они еще ожидают описанных в этом месте благ, которые уже осуществились. Далее пророчество об убитых Иродом младенцах. Пророчество о новом завете. Иудеи до сих пор еще ожидают описанного в этом месте восстановления города, между тем оно уже совершилось тогда, когда они возвратились из Вавилона. Иеремия получает повеление купить поле своего дяди, и, купив, говорит: город предан, а Ты повелеваешь купить поле? Бог отвечает ему: настоящие бедствия посылаются за грехи народа, но настанет время, когда город снова населится. Иеремия предсказывает Седекии, что он будет взят в плен, и обличает тех, которые, отпустив на свободу рабов, снова поработили их, и угрожает великими бедствиями. Он повелевает сыновьям Ионадава построить дом; но они отказываются. Иеремия получает повеление написать все, что он пророчество-вал об израильтянах, для того, чтобы иудеи, услышав снова об ожидающих их бедствиях, убоялись хотя этого. Он поручает сделать это Варуху; и он сделал. Написавши, он прочитал иудеям. Когда услышали об этом начальники, то донесли царю Иоакиму. Тот, взяв книгу, сжег ее. Тогда Иеремия получает повеление написать другую такую же книгу, и предсказывает царю бедствия за такой дерзкий поступок. Пророчествует о взятии Иерусалима. Иеремию берут и заключают в темницу; когда он был вызван оттуда Седекиею, то говорит ему, что он будет взят в плен, и просит о себе, чтобы его не отсылали снова в темницу. Но начальники схватили его и бросили в грязный ров. Его вывел оттуда Авдемелех. Когда царь опять позвал его к себе, пророк предсказывает ему спасение, если он захочет добровольно выйти к врагам; а если не захочет, то погибнет весь город и его самого постигнут великие бедствия. Так как царь не согласился выйти, то неприятель пришел, и город был взят с Седекиею. Вельможи Навуходоносора отнеслись к Иеремии благосклонно. Авдемелеху пророк предсказывает спасение. Получив от архимагира позволение идти, куда угодно, Иеремия идет к Годолии, которого Навуходоносор поставил начальником над оставшимися в Иудее. К Годолии собрались рассеявшиеся по селам иудеи. Измаил убивает Годолию и некоторых других и взяв с собою народ, собравшийся к Годолии, уходит в страну аммонитскую. Когда же увидел его Иоаннан, один из начальников, преданных Годолии, то Измаил убежал только с восемью человеками, и начальство над народом принял Иоаннан. Иеремию просили, чтобы он помолился о них Богу; он советовал им не ходить в Египет, потому что Бог угрожает смертью, если они переселятся туда, но не убедил их. Когда они дошли до Тафнаса, Иеремия убеждает их не покланяться идолам. Так как они противоречили, то он предвозвещает им великую гибель и царю египетскому предсказывает погибель Египта;

говорит также о погибели и других иноплеменников, моавитян, аммонитян и идумеев, Дамаска и Елама, о погибели Вавилона и возвращении иудеев оттуда. Говорит, как взят был Иерусалим и как после бесчестия была оказана честь Иоакиму, который добровольно сдался Навуходоносору с своею матерью.

Обозрение книги пророка Иезекииля

Пророк созерцает видение херувимов и получает от Бога повеление говорить израильтянам. Переносится Духом к пленникам и побуждается Богом безбоязненно и усердно возвещать нечестивым и праведным путь к жизни и напоминать заповеди Божии. Получает повеление затвориться в доме и предвозвестить осаду Иерусалима под образом кирпича и сковороды. Также получает повеление проспать известное число дней на одном боку и тем возвестить предстоящие народу бедствия в плену. Предсказывает под образом хлебов, приготовленных на коровьем помете, и посредством разделения своих волос — смерть и рассеяние народа. К этому присоединяет предсказание об опустошении города и истреблении идо-лов. Созерцает беззакония и идолослужение народа. Затем говорит о доживших до погибели города. Опять видит херувимов и предсказывает бедствия городу. Говорит о верующих во Христа. Затем предсказывает пленение народа при Седекии и ослепление самого Седекии Навуходоносором. Говорит, что эти бедствия постигнут их не спустя долгое время, но скоро. Угрожает лжепророкам, и бедствия, каким подвергнется народ, называет неотвратимыми, так что ни Иов, ни Даниил, ни Ной не могут спасти сынов его. Возвещает окончательную погибель иудеев под образом виноградной лозы. Изображает первоначальное безобразие народа, пока Бог не сделал его Своим, и красоту народа после того, как Бог сделал его Своим; затем — его идолослужение и постигший его за то плен. Показывает глубину его беззаконий, чрез сравнение с Содомом и Самариею, хотя беззакония эти и сами по себе велики. Блага же, которые он предсказывает, в словах: **Я восстановлю союз Мой с тобою** (Иез.16:62), можно относить к верующим во Христа. Предсказывает нашествие Навуходоносора. Отвечает тем, которые говорили: **отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина** (Иез.18:2). О матери царя Седекии. Говорит старейшинам о беззакониях отцов их. Слова: **на Моей святой горе, на горе высокой Израилевой, — говорит Господь Бог, — там будет служить Мне весь дом Израилев, — весь, сколько ни есть его на земле; там Я с благоволением приму их, и там потребую приношений ваших и начатков ваших со всеми святынями вашими** (20:40). Эти слова можно относить к верующим во Христа. Пророчество о Фемане, об Израиле и сынах Аммона. Изображаются беззакония и грехи Израиля, и священников, и начальников, и лжепророков. **Искал Я у них человека, который поставил бы стену и стал бы предо Мною в проломе за сию землю, чтобы Я не погубил ее, но не нашел** (22:30). Об идолопоклонстве народа израильского в Египте и в последующее время и о бедствиях; о том, что им не позволено будет даже плакать о приключающихся бедствиях. Говорит против аммонитян, и идумеев, и других иноплеменников, и Сора, под именем которого разумеют Тир. Предсказывает великие бедствия властителю Тира и Сидона, Египту и царю египетскому. Угрожает стражу народному, если он не будет предвозвещать народу, для которого поставлен стражем, о насылаемых от Бога бедствиях. Говорит, что нечестивый не погибнет за прежние беззакония, если обратится и станет делать угодное Богу, а праведный не спасется за прежние праведные дела, если, изменившись, сделается нечестивым и неправедным. К пророку пришел некто с известием, что Иерусалим взят; при этом пророк обвиняет иудеев за то, что они не внимают предсказаниям пророков. Пророчествует и против пастырей израильтян и обещает, что им дан будет один пастырь, что и сбылось при Зоровавеле; между тем бес-стыдные иудеи утверждают, что и этого еще не было; но это сбылось, как я сказал, при Зоровавеле. Пророчествует про- тив идумеев и возвещает израильтянам благоприятные обстоятельства, которые Бог обещает иудеям не потому, чтобы они были

достойны, но чтобы имя Его не бесчестилось. Пророк приводится на поле и произносит пророчество над сухими костями. Пророчествует и о Зоровавеле, что он один будет начальником иудеев. Это можно разуметь и о Господе нашем Иисусе Христе. Пророчествует о Гоге и Магоге, которые нападут на иудеев, по возвращении их из Вавилона, но будут побеждены. Некоторые разумеют это в иносказательном смысле о Церкви, и о диаволе, и о гонениях, которые в разное время воздвигаемы были нечестивыми царями. Предсказывает о построении храма и восстановлении законного богослужения, чего также еще ожидают иудеи; но это сбылось при Ездре и Зоровавеле. Предсказывает о построении города и о воде, которая мало-помалу вытекает и прибывает; все это можно относить к обращающимся ко Христу, которые были мертвы, прежде нежели уверовали, и ожили, когда уверовали.

Обозрение книги пророка Даниила

Избираются Даниил и его друзья, поручаются начальнику евнухов, питаются семенами и, представленные царю, оказываются мудрейшими из всех. Навуходоносор видит сон и приказывает умертвить волхвов, которые не могли открыть и истолковать его. Даниила и его товарищей, подвергавшихся опасности, Бог спас, открыв самому Даниилу тайну сна. Приведенный к царю, Даниил рассказывает сон и объясняет его. Камень, отсеченный без содействия рук, есть Христос, а то, что он отсечен без содействия рук, означает, что Христос родился от Девы без мужа. Навуходоносор, поставив истукан, повелевает всем поклоняться ему, и трех отроков не поклонившихся ввергает в печь. Когда же люди, находившиеся у печи, были убиты, а отроки прославляли Бога, то царь, вызвав их и увидев невредимыми, удивился силе Божией, почтил отроков властью над иудеями, и дал повеление казнить всякого, кто будет хулить Бога. Навуходоносор видит сон, и когда мудрецы вавилонские опять не могли истолковать его, Даниил изъясняет его и советует царю искупить свои беззакония милостынею. Спустя немного времени, сон сбылся и Навуходоносор прославил Бога. Когда, по приказанию царя Валтасара, сына Навуходоносорова, принесены были священные сосуды, и пиршествовавшие пили из них, явилась кисть руки и начертала на стене письмена, которые мудрецы вавилонские не могли прочитать; а Даниил прочитал и объяснил, и за то облекли его в порфиру, надели на него золотую цепь и провозгласили его третьим начальником в царстве. Дарий Мидянин, приняв царство и поставив Даниила главным начальником, принужден был начальниками и сатрапами издать указ, что всякий, кто в течение тридцати дней станет просить чего-нибудь у какого-нибудь другого человека или у бога, а не у царя, будет ввержен в ров, наполненный львами. Когда это состоялось, то они, заметив, что Даниил молится Богу, обвиняют его и принуждают царя ввергнуть его в ров. Царь ввергнул его туда, но когда пришел и нашел его невредимым, то вывел его изо рва, а тех, которые ввергли его, погубил вместе с их женами, отдав их львам. В то же время он издал указ, чтобы все боялись Бога. Даниил видит видение о зверях, под образом львицы — царство ассирийское, под образом медведицы — мидийское и персидское, под образом рыси — македонское, под образом четвертого зверя — римское. Пророчествует о Христе и о нечестивом Антиохе, потому что он есть тот малый рог, который вытеснил три прежние рога. Предсказывает, как Александр Македонский разрушит царство персидское, разумея под овном царя персидского, а под козлом — Александра Македонского. Последнее видение, рассказанное в этой книге, видение о царице южной описывается, как говорят, в книге Маккавеев. Даниил сокрушает Вила и умерщвляет дракона; опять ввергается в ров и остается невредимым, а виновников того, что он был ввержен, самих бросают в ров, и львы пожирают их.

Книга пророка Осии

Пророк получает повеление взять себе женою блудницу и рождаемых от ней детей назвать: **нареки ему имя Изреель, потому что еще немного пройдет, и Я взыщу кровь Изрееля с дома Иуева, и положу конец царству дома Израилева** (Ос.1:1). Обличает народ в прелюбодеянии, предсказывает ему бедствия, а после бедствий некоторое благополучие. Слова: **заключу в то время для них союз с полевыми зверями и обручу тебя Мне в верности** (Ос.2:18,20) можно относить к верующим во Христа. Опять получает повеление взять жену прелюбодейную, в знак погибели иудеев, и обличает их, и народ и священников, во многих и тяжких грехах; обличает их и в пьянстве, и в прелюбодействе, и в гневливости. Осуждает их за то, что они, оставив надежду на Бога, надеялись на ассириян и полагались на египтян, и предсказывает им наказания. Говорит, что Ефрем, сделавшись сильным вследствие полученной им помощи, не надлежащим образом воспользовался своим благоденствием. Бог указывает на Свою заботливость об израильтянах и на их неблагодарность к Нему и предсказывает им несчастья.

Книга пророка Иоиля

Пророк говорит о погибели плодов земных и убеждает умилостивлять Бога. Предсказывает нашествие царя ассирийского, и затем возвещает некоторые блага. Предсказывает о ниспослании апостолам языков. Пророчествует о погибели язычников, случившейся после возвращения из Вавилона при Зоровавеле. Впрочем, это место имеет и иносказательное значение.

Книга пророка Амоса

Пророк предсказывает беззакония Дамаска, Газы, Тира, идумеев, аммонитян, моавитян, иудеев и израильтян, и наказания, которые постигнут их. Перечисляет благодеяния, которые Бог оказал иудеям и показывает их небрежность и невнимательность и ожидающие их бедствия. Пророчествует о женах Самарии, обвиняя их в пьянстве и хищничестве. Предсказывает голод и погибель за неисправимость, за то, что народ, не смотря на множество ударов, не сделался лучше. Обвиняет израильтян в том, что они ненавидели людей, которые обличали их, и убеждает обратиться к Богу. Угрожает неверующим, что их постигнут бедствия; о них именно он говорит: **горе желающим дня Господня** (Амос.5:18). Некоторые же относят это к будущему суду, так как и теперь неверующие говорят: не будет суда; если же он есть, то пусть придет. Описывается отвержение иудейских праздников, и жертв, и песнопений. Называет Сатурна звездою бога Ремфана, потому что язычники говорят, что у бога их Сатурна есть звезда на небе, которую они и называют Сатурном. Говорит: **приносили ли вы Мне жертвы и хлебные дары в пустыне в течение сорока лет, дом Израилев?** (Амос.5:25). Не народ приносил их, а одни начальники, когда стояла скиния; здесь же пророк говорит о всем народе. Осуждает их за неумеренность в пище и предсказывает им несчастья. Под образом саранчи, и завета, и адаманта Пророчествует об их погибели. Когда пророк объявил это царю Амасии, то царь совершает насилие и изгоняет пророка, а пророк предсказывает бедствия и ему и народу; потом видит сосуд птицелова и этим изображает пленение народа. Перечисляет их нечестия и насилия и говорит, что их постигнут бедствия. В словах: **произведу закат солнца в полдень и омрачу землю среди светлого дня** (Амос.8:9) пророчествует о времени страдания Христа.

Далее предсказывает о верующих во Христа.

Книга пророка Авдия

Пророк предсказывает наказание идумеянам, которому они подвергались за то, что вместе с другими врагами нападали на израильтян. Пророчество о Церкви.

Книга пророка Ионы

Пророк Иона описывает свое бегство в Фарсис, бурю, поглощение морским чудовищем и извержение из него, покаяние ниневитян, сохранение тыквы, ее возрастание и погибель.

Книга пророка Михея

Предсказывает будущее опустошение Самарии и Иерусалима и отмечает причину этого. Вместе с тем говорит о возвращении иудеев из Вавилона; укоряет и осуждает начальников народа и священников и лжепророков. Пророчествует о Церкви верующих в Господа нашего и о новом завете, — так как древний закон миновал, — и о мире. Далее опять предсказываются бедствия иудеям. О рождении Христа по плоти и о верующих в Него. Пророк говорит: **и будет остаток Иакова среди многих народов как роса от Господа** (Мих.5:7), так же, как говорит и апостол Павел: **только остаток спасется** (Рим.9:27). Изображается суд Господа над народом Его, благодеяния Его и отвержение жертвоприношений. Пророк плачет о том, что не стало праведных и добрых людей; и, наконец, после обличений и угроз великими бедствиями, предсказывает израильтянам благоприятные обстоятельства.

Книга пророка Наума

Говорит о силе Божией; предсказывает об апостолах; присовокупляет пророчество о нашествии вавилонян на ниневитян и о пленении этих последних. Говорит также о могуществе и богатстве, которые имели они до плена.

БЕСЕДА

о том, что один Законодатель Ветхого и Нового заветов, также об одежде священника, и о покаянии[1]

1. Пророки возвещают евангелие Христова царства, служители новой благодати изъясняют его, а божественного слова слушатели, почитатели и прославители принимают. Не жаждая слова учения, нельзя найти удовольствия в слове истины. И как нежаждущему и неалчующему невозможно с удовольствием наслаждаться пищею, так невозможно найти удовольствие и в слове истины тому, кто не жаждет учения Святого Духа. Поэтому Спаситель и говорит: **блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся** (Мф.5:6). Истинная пища душ, истинная роскошь благочестивых, истинное богатство набожных — слово Божие, говорящее устами Давида; именно он гордится то как богатый, а то как наслаждающийся и говорит: **как сладки гортани моей слова Твои! Слаще меда для уст моих** (Пс.118:103). Здесь — голос того, кто наслаждается; слово Божие было для Давида наслаждением. Об этом он часто говорил: **утешайся Господом, и Он для Тебя исполнит прошения сердца твоего** (Пс.36:4). А в другом месте он хвалится богатством закона, не как наслаждающийся только, но и как богатый, и говорит: **закон уст Твоих лучше для меня тысяч золота и серебра** (Пс.118:72). Видишь ли, каково наслаждение благочестия и богатство праведности? Поэтому нам должно жаждать божественного и алкать небесного, обильно наслаждаться с царской Христовой трапезы, твердо держаться евангелия спасения, не теперь только заявившего о себе, но основанного пророками и созданного апостолами. Не с тех пор, как явился Христос, началось евангелие; но оно было насаждено в пророческих книгах, а прозябло в апостольской проповеди. Поэтому

Павел, желая показать, что евангелие началось не с воплощения, а заблистало с пророков, и что чрез воплощение оно засияло, говорит: **Павел, раб Иисуса Христа, призванный Апостол, избранный к благовестию Божию, которое Бог прежде обещал через пророков Своих, в святых писаниях, о Сыне Своем, Который родился от семени Давидова по плоти** (Римл.1:1-3).

Павлу известно, что Ветхий и Новый заветы нераздельны; но для того иногда он называет этот Новым заветом, чтобы показать, как обновились концы вселенной (знаю, что это положение было изъяснено мною недавно, но повторяю о нем, чтобы напомнить вам); называет новым заветом, следовательно, для противопоставления устаревшему, — лучшим — для различения от худшего, — вечным — по сравнению с временным. Называет его и вторым заветом. Для чего вторым? А для того, чтобы соединить их в мысли. Что существует отдельно от чего-либо, то не называется вторым по отношению к последнему. Но так как Бог говорил и в первом, и во втором заветах, то тот же Павел и называет один — первым, а другой — вторым, выясняя при помощи числа их взаимное согласие. Поэтому Павел, возвещая, что царство Отца и Сына и Святого Духа нераздельно, называет евангелие то принадлежащим Богу Отцу, то Сыну, говоря: **Павел, раб Иисуса Христа, призванный Апостол, избранный к благовестию Божию** (Римл.1:1). А чтобы кто-либо, услышав об евангелии Бога, не подумал, что Сын не имеет власти для проповеди, Павел в том же самом послании немного ниже говорит: **свидетель мне Бог, Которому служу духом моим в благовествовании Сына Его** (1:9). Замечаешь ли изумительный ум этого проповедника и совершенный его разум? Чтобы не подумали, что в законе служили одному Богу, а в евангелии приступаем к другому, апостол говорит: **благодарю Бога, Которому служу от прародителей с чистою совестью** (2Тим.1:3). Не от одного, — говорит, — перебежал я к другому, но Того, Которого я чтил не зная, я воспринял, обладая знанием Его. И опять он же, желая, показать, что слова ветхого и нового заветов принадлежат одним устам и одному Владыке, привел одно свидетельство из Писания, соединив с евангельским словом ветхий завет, — и сказал: написано: **не заграждай рта у вола молотящего**, и: **трудящийся достоин награды своей** (1Тим.5:18). Слова: **не заграждай рта у вола молотящего** сказал Моисей, а выражение: **трудящийся достоин награды своей** — Христос в евангелиях. Но, чтоб показать, что одни уста сказали и то, и другое, он соединил разделенное временем, — соединил в виду согласия истины и сказал: написано: **не заграждай рта у вола молотящего**, и: **трудящийся достоин награды своей**. Образ этого евангельского согласия — мрежи Петра, сегодня закинутые в нашем присутствии. Петр не раз закидывал свои сети, по рассказу истории — однажды, в действительности же часто. Всякий раз, как проповедовалось евангелие, я не вижу ничего другого, кроме Петра и Андрея и сонма апостолов, развертывающих евангельскую мрежу.

2. И необыкновенно было зрелище — видеть Спасителя на море, а поучаемых стоящими подле морского берега. Странное дело — рыбы на земле, а рыбарь на море! Ввержение той мрежи было образом евангельского слова. Нашел, говорит Писание, рыбарей, которые **вымывали сети** (Лк.5:2), так как отчаялись в успехе рыбной ловли. Ведь рыбак, не потерявший надежды что-либо поймать, не моет сетей. Итак, Спаситель нашел их отчаявшимися в успехе рыбной ловли; стоит подле них Владыка ловли и что делает? Прежде всего учит слову истины; затем повелевает ввергнуть сеть. Так как слова без дел были бездоказательны, то надлежало, чтоб за словом последовало доказательство с помощью дел: по Божию повелению, поймаешь и то, чего никогда не попадалось, и возьмешь то, чего и нет. **Закиньте**, говорит Господь, **сети свои для лова**. Петр же говорит: **Наставник! мы трудились всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть** (ст. 4, 5). Удивляюсь вере Петра, отчаивающегося в прежнем и верующего в новое. **По слову Твоему закину сеть**. Почему он сказал: **по слову Твоему**?

Потому, что **по слову** Его и **небеса утверждены,** и основана земля, и разграничено море (Пс.32:6; 101:26), и человек увенчан собственными своими цветами, и все произошло по Твоему слову, как говорит Павел: **держа все словом силы Своей** (Евр.1:3). **По слову Твоему закину сеть**. Слово сошло в море прежде сети: рыб налицо не оказалось. Если они и были раньше, то, вследствие многолюдства ловивших, разбежались. Но сошло в море слово Того, Кто **называющим несуществующее, как существующее** (Римл.4:17), — прежде мрежи сошла сила Повелевшего, и собралось множество рыб. Это было образом вселенской Церкви. **Сделав это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась. И дали знак товарищам, находившимся на другой лодке, чтобы пришли помочь им** (Лк.5:6,7). Нужно было двум кораблям сойтись для той ловли. Ведь, если нет налицо сонма пророков, помогающего апостольской руке, и если за пророческим предсказанием не последует выступления на дело апостолов, тогда не поймать того, что ловится. Поэтому Спаситель, пожелав показать, что ловля рыб — образ Церкви, и восхотев еще научить Петра, этим примером возбудил в нем мужество и сказал ему: **не бойся; отныне будешь ловить человеков** (Лк.5:10). **Отныне**, — с тех пор, как ты, говорит Он, испытал Мое могущество и понял, что и неразумные существа повинуются Моему слову и все следует Моему мановению. Взяв этот достаточный пример, затем приложи старание к ловле людей. И не сказал Он: будешь ловить людей, как рыбу, но: будешь ловить людей живыми. Рыбы ловятся живые и затем умерщвляются, а люди ловятся так, что от смерти переходят к жизни. **Отныне**, говорит, **будешь ловить человеков**. Почему же Спаситель говорит ему: **не бойся**? Ведь обещание было для него заманчиво; почему же он слышит: **не бойся**? Так как он случайно вспомнил о своих прежних прегрешениях, то Господь и говорит ему: **не бойся** себя, как грешника, но впредь думай о себе, как об апостоле, повинуясь повелительному Господнему слову — уловить как бы в сеть вселенную. **Не бойся**; всякий грешник да слышит от Христа: **не бойся**; только отныне пусть он покается. Итак, сеть (чтобы нам следовать ранее предложенному порядку речи) — образ евангельского Спасителева учения. А это евангелие Павел называет то евангелием правды, то евангелием мира, то евангелием силы. Так как благодать проповеди может уничтожить войны, рассеять распри людей, несогласных по вопросу о благочестии, и призвать всех ко спасению, то она и называется евангелием правды; так как она полагает конец войне демонов, то и называется евангелием мира; а так как простыми словами возвещает боговедение, то и называется евангелием силы. Послушай, что говорит Павел: **не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению** (Рим.1:16). Могущество тогда кажется таковым, когда, помимо ряда человеческих рассуждений, проповедник овладеет концами земли, как говорит Спаситель Павлу: **довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи** (2Кор.12:9). Нисколько не было бы великим, если бы Господь просветил вселенную при помощи одного только Своего божества, но то удивительно, что чрез Свое тело Он показал безстрастную и безтелесную славу. Нисколько не было бы удивительно, если бы живой и блистающий животворящей славой оживотворил вселенную; но могущество Слова состоят в том, что Оно смертью уничтожает смерть и чрез (полученные Им) оскорбления воссиявает безсмертною славою. В другом месте Павел называет евангелие евангелием мира: приучите ваши ноги, говорит он, к готовности **благовествовать мир** (Ефес.6:15). А в ином называет его евангелием правды, говоря: **я не стыжусь благовествования Христова: в нем открывается правда Божия** (Рим.1:16,17). Что такое **правда Божия**? Так как первый закон был дан одним только иудеям, а евангелие всем, то он и называет последнее евангелием **правды**: Бог праведен: всех одинаково сотворив, всех одинаково и просветил. И то было бы праведно — одних не спасать, и других не спасать, — одних не призывать, и других не призывать. В ветхом завете не было праведного призвания, а было домостроительство, предуготовлявшее путь для правды. И я не называю одно неправедным, а другое праведным, но называю первое путем к последнему и его предуготовлением. Бог дал закон Израилю. И Давид говорит:

возвещает слово Свое Иакову, оправдания и суды Свои Израилю. Не сделал Он сего ни одному (еще) народу и судов Своих не явил им (Пс.147:8-9).

3. Итак, там открыв истину одному народу, здесь как бы положив на весы слово истины, равномерно распределил его между всеми. Прошу, обрати внимание: справедливость состоит в том, чтобы всех одинаково спасти и не делать различия между рабом и свободным, варваром или эллином, женщиною или мужчиной; вот что говорит Павел: во Христе Иисусе **нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного** (Кол.3:11). Видишь ли одинаковую честь для всех? Так как естество наше равноценно, хотя образом мыслей мы и различаемся, то он и возвращает естеству древнюю его красоту. Когда был создан Адам, не было ни одного иноплеменника, ни скифа, ни варвара, ни эллина, ни раба, ни свободного, ни мужского пола, ни женского, потому что он произвел двух из единого. Не природа родила рабство, но произвела свободная воля. Бывает рабство вынужденное, происходящее от несчастий голода или пленения. Есть и иной вид рабства — по собственному нашему побуждению, когда мы, вступая в брак с прислужницами, продаем свою свободу и идем под ярмо рабства. Но первое рабство произошло в силу дурного образа мыслей. А откуда возникает корень рабства, послушай. После потопа Ной пил вино и, не растворив его надлежащим образом (водою), по неопытности упился, обнаружив болезнь не воли своей, а неведения; и опьянел, а, опьяневши, обнажился. Один из сыновей его, войдя, увидел наготу своего отца и засмеялся. Что же говорит ему отец после того, как он пришел в чувство? **Проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих** (Быт.9:25) Видишь ли, как грех породил рабство? Поэтому Спаситель и говорит: **всякий, делающий грех, есть раб греха** (Ин.8:34). После того, как пришел Освободитель человеческого рода и дал прощение грехам, лучше же сказать: истребил их (потому что, срубив корень, Он вместе обрезал и плоды), Он называет евангелие евангелием правды вследствие того, что он всех одинаково просвещает. Итак, иудеи полагали, что возвещаемое Им евангелие дается только одним им. Но их ожидание имело непредвиденный ими исход. Поэтому Давид и говорит: **восприняли мы, Боже, милость Твою среди народа Твоего. Как имя Твое, Боже, так и хвала Тебе, - до концов земли: правдою наполнена десница Твоя** (Пс.47:10,11). И чтобы показать, что обнаружение милости к **концам земли** — дело справедливости, он присоединил: **правдою наполнена десница Твоя** (ст. 11). Когда поднять какой-либо глубокий и пророческий вопрос, то рассмотри его сущность, не рукоплеща, а обдумывая умом, не просто принимая звук слов, а исследуя смысл мыслей. Если ты будешь воспевать Божие согласно с истиной и в особенности станешь петь ту песнь, какую пел Давид: **восприняли мы, Боже, милость Твою среди народа Твоего**: **правдою наполнена десница Твоя**, — то окажешься и воспевающим Божие, и исполняющимся Святого Духа. Тот, кто искренно воспевает, обновляется душою и становится храмом Святого Духа. Не подумай, что псалмопение — нечто маловажное. Хотя, по-видимому, оно только чарует слух, но в действительности пробуждает душу. Так и блаженный пророк Елисей, которого некоторые цари убеждали предсказать будущее, говорит: дайте мне человека, умеющего петь (4Цар.3:15). Пришел сведущий в пении, и в то время, когда он пел, — говорит Писание, — сошел на Елисея Святой Дух. Что же? Разве Дух Святой очаровывается звуками и привлекается пением, если Он опочил в пророческой душе? Чтобы призвать к себе Святого Духа, для этого достаточно было чистоты пророка. Зачем же он в таком случае говорит: дайте человека, умеющего петь? Не для того, чтобы усладить Духа псалмопением, но для того, чтобы, в то время, как тот пел, ум пророка, обновившись, сделался достойным посещения его Святым Духом. Для того он призывает Духа, чтобы показать, что Он очарован не псалмопением, а душою, пробужденною псалмопением. Он сошел не на певца, а на слушателя. Итак, вообще должно исследовать силу псалмов, особенно же того святого псалма, который сегодня нами читан: **Господь воцарился, да радуется земля, да веселятся многочисленные**

острова (Пс.96:1). Как ты понимаешь слова: **Господь воцарился**? Ужели в том смысле, что Он лишь недавно получил царское достоинство? Ведь, если бы псалмопевец сказал: Господь царствует, то он изъяснил бы вечное Его достоинство; а теперь он говорит: **Господь воцарился**. И недавно нами было сказано, и теперь опять будет сказано. Прежде явления Христа, прежде евангельской проповеди, над нашим естеством царствовали диавол, грех, смерть. Откуда это видно? Павел говорит: как **царствует грех в смертном вашем теле**, так и благодать воцарится чрез Христа (Римл.6:12 и друг.). Вот — царство греха! Где же — диавола? Послушай, что говорит Спаситель: **если сатана сатану изгоняет, то он разделился сам с собою: как же устоит царство его** (Мф.12:26)? Вот — царство диавола! Где — царство смерти? Послушай слова Павла: **смерть царствовала от Адама до Моисея и над несогрешившими** (Римл.5:14). Так как диавольская троица, то есть, диавол, грех и смерть, возымела силу и властвовала над Святою и Пречистою Троицею, именно: диавол обольщал, грех умерщвлял, а смерть погребала, то поэтому Давид и благовествует находившимся под тою тираническою властью и говорит, чтобы они ушли из-под ярма рабства и приняли возвещаемое владычество Христа: **Господь воцарился**. Царство смерти прекратилось, сила греха упразднилась, власть диавола окончилась. **Господь воцарился, да радуется земля**. Радоваться должна некогда порабощенная, а теперь освобожденная, — некогда заблудшая, а ныне прославленная, — некогда бывшая во гробе, а теперь находящаяся на престоле, — некогда — в безчестии, а ныне — в чести. **Господь воцарился**. Так и в другом месте говорится (должно приводить сродные между собою мысли): **Господь воцарился, в благолепие облекся** (Пс.92:1). Мы одеваемся снаружи одеждою, чтобы прикрыть непристойные стороны нашего естества. А зачем Бог покрывает Свое безтелесное естество, исполненное света, лучше же сказать — блистающее светом? Но Он называет Своим одеянием самое тело Христово: **Господь воцарился, в благолепие облекся**. **Благолепием** называет плоть Христову. Она была прекрасна, не имея безобразия греха, потому что (Господь) никогда не совершил греха, и не нашлось коварства в устах его (Ис.53:9). **Облекся Господь силою и препоясался** (Пс.92:1). Так как пояс украшает царя, а пояс — отличительный знак царя и судьи, то Писание вводит Его и как царя, и как судию; Исаия говорит: **и произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его; и почиет на нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия; и будет препоясанием чресл Его правда, и препоясанием бедр Его — истина** (11:1,2,5).

4. Это одеяние Спасителя, т.е., одеяние плоти, сокровенно и образно имел архиерей в законе. Обрати тщательное внимание на то, как тени изъясняли истину, как образы евангелия сияли раньше Христа. Говорю помалу, снисходя по возможности к слуху простых и неопытных, чтобы их не водить кругом туда и сюда Архиерей, входя во святая святых, надевал подир, то есть, одежду, спускавшуюся с головы до ног, нарамник, пояс, набедренник, золотую дощечку, тиару, "изречение" на груди и все то, что исчисляет Писание и что доступно зрению. Но одно — образы, а другое — смысл их. Во всяком случае Бога не удовлетворяют ни гиацинт, ни порфира, ни червлень, ни виссон, потому что Бог требует чистоты душ; вещественными же цветами Писание рисует образ добродетелей. Если бы Бога поистине удовлетворяли те блестящие одежды, то почему Он не облачил ими Моисея прежде Аарона? Но, хотя Моисей был и лишен того одеяния, однако, он облекал в него священников. Моисей не был умыт водою, и, однако, умывал, — не был помазан елеем, и помазывал, — не носил священнической одежды, и одевал в нее иереев. Это для того, чтобы ты понял, что для совершенного мужа достаточно — для украшения его — добродетели. Возьми сначала священника. Самое уже название одеяния — двусмысленно и составляет предмет разыскания; оно передано греческою речью. Итак, начни с головы. Что, прежде всего было? Тиару или что Писание называет? Что после тиары, как бы посредницы? Поэтому тиара — образ одеяния. Так как архиерей был глава народа, то ему, как главе всех, надлежало иметь на голове символ власти. Ослабление

авторитета невыносимо; тот, которому присвоен символ его власти, стоит под законом. Закон же повелевает, чтобы голова архиерея не была обнажена, но была покрыта, чтобы голова народа поняла, что у ней есть голова. Поэтому и в Церкви во время рукоположения иереев на голову их возлагается Христово Евангелие, чтобы рукополагаемый понимал, что он принимает истинную тиару Евангелия, — и чтобы он знал, что хотя он и глава всех, но поступает, подчиняясь этим законам, — что, властвуя над всеми, он находится во власти закона, — что, требуя во всем отчета от других, он сам отдает отчет закону и получает от него предписания. Поэтому один славный муж из древних, — имя же ему было Игнатий, — этот, украшенный священством и мученичеством, в послании к некоторому иерею говорил: ничего да не будет без твоей воли, но и ты ничего не делай без воли Божией. Итак, то обстоятельство, что на архиерея полагается Евангелие, служит знаком того, что он находится под властью. Поэтому Павел и говорит о женщине, имеющей покрывало: женщина должна иметь на своей голове покрывало, которое было образом власти. Итак, тиара была образом власти. Была на тиаре золотая дощечка, на которой были начертаны письмена, обозначавшая имя Божие, что прежде всего показывает, что власть Божия — имя Божие. После тиары и дощечки были на раменах два изумрудных камня, на которых были обозначены имена шести колен — на каждом. Это — знак священнического поведения. Закон назначает священнику изумруд, имеющий двоякую красоту: и прекрасный цвет, и чистоту на подобие зеркала. Так как нужно, чтобы священник, бодрствуя, вел подвижническую жизнь и чтобы последняя была зеркалом для народа, то закон и желает, чтобы священник на раменах носил образ добродетели. Почему на раменах? Потому что имя Божие — на голове: член над членом. Но почему же на раменах? Потому что это — знак действий: деятельная сила зависит от плеч. Итак, закон желает, чтобы красота истины блистала в делах. Поэтому Бог некогда говорил Иерусалиму: положи сердце свое на рамена твои, **возвращайся, дева Израилева, умилосержусь над ним, говорит Господь** (Иер.31: 22,21). Руки и рамена Писание принимает за действие, когда говорит, напр., о Давиде: **и разумно руками своими путеводил их** (Пс.77:72). И ужели разум находится в руках? Но **разумно**, говорит, **путеводил**. На груди священник имел наперсник судный с двенадцатью врезанными камнями, каковы: сердолик, топаз, смарагд, рубин, сапфир, яспис, гиацинт, агат, аметист, хризолит, берилл, оникс. Этими двенадцатью камнями различались двенадцать колен. Трудное изречение! Выше — на раменах было одно естество камней, имевшее одно имя — изумруд; а на груди — ниже — камни различные. Что это значит? Так как одно естество родило нас, а различные мысли и мнения разделили нас, то одно усвояется мнению, а другое — естеству. Итак, имя Божие — это была деятельная добродетель, происходящая чрез слово и истину. На краях одежды священника, называемых бахромою, были цветы, гранатовые яблоки и золотые яблочки и позвонки. Что обозначало это в иерее? Ужели Бог услаждался этими цветами? Ужели Ему благоугодно было, чтобы иерей был окружен земными цветами? Но чрез одежду священника Он изображает добродетели. Вверху — на голове — имя Божие, на груди — наперсник судный, внизу — цветы и плоды, подвиги добродетели, каковы: милостыня, справедливость, человеколюбие.

5. Итак, нам надлежит иметь убранство блистающее и совершенное. Цветы иерея: общение, беседы, добрый прав, полезное слово, вера, снискание доброго мнения, истина, правда; а между ними позвонки — созвучие прекрасных дел. Всякая добродетель производит некоторый звук. Поэтому Павел говорит: **от вас пронеслось слово Господне** (1Фес.1:8). Откуда же начался звук? **И ходил Иисус**, говорит Писание, **по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелие Царствия** (Мф.9:35). И молва о Нем прошла по всей земле. Обрати тщательное внимание. Видел ты красоту добродетелей? Тот иерей был образом Христа. Мы здесь не говорили бы иносказательно, если бы нам не давал повод к тому Павел. Если бы Павел не истолковал силы правды, мы были бы не в состоянии понять этого. Поэтому Павел делает того иерея образом Христа и

говорит: **Христос вошел не в рукотворенное святилище, по образу истинного устроенное, но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие** (Евр.9:24). Итак, было между тогдашними иудеями разногласие и исследование странного вопроса. Так как апостолы проповедовали о Спасителе и царе, иерее и пророке, то иудеи спорили между собою и говорили то, что написано в их законе. Иное, говорили, колено царское и иное — священническое. Левиино колено — колено священства, а Иудово, говорили, колено царское. Следов., если Христос — царь, то Он уже не иерей, а если иерей, то уже не царь. Споря с ними и к их понятиям приспособляя свою речь, Павел говорит: разве не согласно с установлениями вашего священства Христос восстал из мертвых? У вас царство и священство разделилось, а во Христе соединилось. **Ты**, говорит Писание, **священник во век по чину Мелхиседека** (Пс.109:4). Поэтому Павел соображает и говорит: если бы первое священство было безупречно, то что за нужда была бы говорить, что восстанет **священник во век по чину Мелхиседека**, а не по чину Ааронову? **С переменою священства необходимо быть перемене и закона** (Евр.7:12). Итак, Спаситель наш — архиерей не соответственно Своему божеству, а по образу плоти: вверху сидящий с Богом на престоле ради нас и архиерей по чину Мелхиседекову. Об этом можно бы многое сказать, но не в настоящем месте. Прошу, будь внимателен. В законе были всесожжения, жертва за грех, приношение. Спаситель, придя, полагает конец имевшим значение образов приношениям и предлагает собственное Свое тело вместо всякой жертвы. Павел говорит о Спасителе: **посему Христос, входя в мир, говорит: жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне. Всесожжения и жертвы за грех неугодны Тебе. Тогда Я сказал: вот, иду, как в начале книги написано о Мне, исполнить волю Твою, Боже** (Евр.10:5-7; Псал.39: 7,8). Сказав о пророчестве и о том, что жертвы и приношения и **всесожжения и жертвы за грех неугодны Тебе. Тогда Я сказал: вот, иду**, — Павел упраздняет первое, чтобы утвердить второе. Но где жертва и приношение находятся в Христовом теле? Апостол Павел говорит: молю вас, братья, по милосердию Божию, **итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные, и живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное** (Ефес.5:1,2). Ради тебя Христос — архиерей, ради Себя — Бог. Не изменяй слов Бога живого. Ты крестился в Отца, Сына и Святого Духа; зачем упраздняешь живые имена и вводишь имена — порождение твоих мыслей, говоря: нерожденный и рожденный, сотворенный и несозданный, всегда сущий и не сущий всегда? Разве Бог может снисходительно относиться к таким пустым словам? Некогда пророк подвергался опасности погибнуть из-за изменения одного слова. Обрати внимание на точность в передаче даже маленького слова. Пророческие речи некоторые называли, по неопытности, бременем Господним. Бог говорит устами Иеремии: **если спросит у тебя народ сей, или пророк, или священник: "какое бремя от Господа?", то скажи им: "какое бремя? Я покину вас, говорит Господь"** (Иер.23:33). Бог угрожает, если изменяется и одно слово; а ты извращаешь всю правильность догматов, отвергая имя Отца, отрицая достоинство Сына, ниспровергая славу Святого Духа? Ужели ты можешь убежать от рук Божиих? Тяжело и страшно извращать слово Бога живого, Господа Бога нашего. Бог гневается, если извращаются какие-либо Его слова; а когда извращаются догматы, ужели Он не негодует? Ужели ты мудрее Спасителя? Ужели ты точнее Евангелия? Побойся Божия суда, побойся того страшного имени и оставь злобу, восприими покаяние, и вера твоя будет служить порукою за твое спасение, потому что покаяние доставляет спасение как тем, которые заражены ересью, так и тем, которые совершают вообще злые поступки.

6. Покаяние — корень благочестия. Покаемся же и своим покаянием склоним Бога к тому, чтобы Он и положил конец войнам, и укротил варваров, и прекратил вражеские мятежи, и дал нам наслаждение всеми благами. Сильно умилостивляет Бога покаяние, если кто, искренно раскаиваясь, обращается к Нему. Укажу на пример: народ некогда согрешил,

покаялся и пролил слезы; Бог говорит: **слышу Ефрема плачущего: Ты наказал меня, и я наказан, как телец неукротимый; обрати меня, и обращусь, ибо Ты Господь Бог мой** (Иерем.31:18). И что говорить ему Бог? **Не дорогой ли у Меня сын Ефрем? не любимое ли дитя? ибо, как только заговорю о нем, всегда с любовью воспоминаю о нем; внутренность Моя возмущается за него; умилосержусь над ним, говорит Господь** (ст. 20). Никто пусть не устрашает тебя: ни молва, ни тьма варварская, ни густая туча; хотя бы неприятели были и безчисленны по своему множеству, наш Защитник крепче. Если при виде множества ты робеешь, то пророк Елисей говорит тебе: **не бойся, потому что тех, которые с нами, больше, нежели тех, которые с ними** (4Цар.6:16). Там множество варваров, а здесь отряд ангелов. За благочестивых людей сражаются: ангельское войско, сонм пророков, сила апостолов, предстательство мучеников. Не подумай, что мученики только за нас предстательствуют; напротив, и ангелы, когда постигают нас бедствия, умоляют за нас Бога, — и не только умоляют, но и получают ответ от Благодетеля. Пророк Захария говорит: **и сказал мне Ангел, говоривший со мною**

(Зах.1:9,12). Вот молитва ангела: **Господи Вседержителю! Доколе Ты не умилосердишься над Иерусалимом и над городами Иуды, на которые Ты гневаешься вот уже семьдесят лет** (ст. 12)? Что же? Отверг ли Бог предстательство ангела? Совсем нет; но что же ему ответил? **Тогда в ответ Ангелу**, говорит Захария, **говорившему со мною, изрек Господь слова благие, слова утешительные** (ст. 13). Умолим Владыку ангелов, и Он пошлет одного ангела, который и рассеет все войско врагов. Мне понравилась и картина, сделанная из воска и исполненная благочестия. Я видел на изображении ангела, прогоняющего тьмы варваров, видел попираемые варварские племена и Давида, который истинно восклицал: **Господи, уничтожь образ их в городе Твоем** (Пс.72:20). Пусть и в отношении нас скажет теперь блаженный Давид: **да будет путь их темен и скользок, и Ангел Господень да преследует их** (Пс.34:6), т.е., наших врагов. Бог умеет доставлять разные случаи к истреблению врагов. Многочисленно было войско Сеннахирима, царя ассирийского, и, однако, один посланный ангел истребил 185 тысяч (4Цар. 19). Мы — люди — при помощи человеческих мыслей измеряем то, что случается, и говорим себе: что, если в наших областях не окажется ни одного воина? Что нам делать, если прежде, чем успеет явиться военачальник, всех нас истребят? В самом деле, ужели потому только, что ты придешь раньше, раньше придет и Бог (на помощь)? Ужели потому только, что ты не вездесущ, не вездесущ и Бог? Ужели Бог одно может сделать, а другого нет? Бездушное море покорилось и погрузило; неразумные рыбы покорились Петровой ловле; и ангел, если Бог повелит ему, разве не уничтожит всех врагов истины? Будем только бодрствовать, будем только просить, будем только умолять (Бога)! У древних повелевал один прекрасный полководец; или назову общеупотребительным именем, чтобы он стал всем понятен: повелевал один стратиг иноплеменников — Сисара; о нем вспоминает и Давид, говоря: **поступи с ними, как с Мадиамом и Сисарою, как с Иавимом при потоке Киссоне** (Пс.82:10). Иавим был царь иноплеменников, а Сисара полководец. У него было 800 железных колесниц и безчисленное множество войска. Народ иудейский устрашился, увидел полчище и пришел в ужас. Что же говорит человеколюбивый Бог устами пророчицы Деворы защитнику благочестия? Не бойся; вот Господь предает его тебе в руки твои (Суд.4:14), но подвиг этот будет делом не твоей руки, а рук женщины. Смотри, как Бог наказал высокомерие. Мужи не устояли и женщина вела войско. Сисара, убегая, вошел к женщине, по имени Иаили, и измученный зноем попросил у ней воды; она же напоила его молоком. Заметь мудрость женщины. Так как молоко — прохладительный напиток и располагает ко сну, то она напоила его молоком, так что Писание говорит истину, передавая: он попросил у ней воды, а она дала молока (ст. 19), чтобы и напоить его, и усыпить. Затем, когда иноплеменник заснул, та женщина, говорит Писание, взяла **кол и млат** (ст. 21) и напала

на врага. Смотри на мудрость женщины. Почему она не взяла меча или сабли, но **кол**? Убоялась, как женщина, того, чтобы проснувшись, он не застал ее держащею меч. Поэтому она не берет оружия мужа, а берет то, что было обычным для женщины. Было обычно, что женщины, препоясавшись, вбивали колья в стене (шатров) и таким образом исполняли свое дело (т.е:, постройки и починки шатров). Потому она устраивает иным путем, чтоб быть вне всякого подозрения. Так как Бог содействовал, то Божие было дело исполнить слова пророчества, потому что не ее был здесь подвиг, а Божие изречение: от руки женщины будет твоя, Сисара, смерть (ст. 9). Бог содействовал, связав сном злодея, и женщина, взяв **кол и млат**, поразила его так сильно в висок, что кол коснулся даже земли, и таким образом Сисара умер у ног женщины.

7. У Бога нет недостатка в случаях, и когда Он желает, то вовсе не важно для нас, если и не являются к нам союзники: Божие оружие, Божий воин, Божия сила, одно только Божие мановение — все могут. Скажем Христу: произнеси слово, и враги Твои рассеются; произнеси слово, и помилуешь Твой го-род; произнеси Слово, и пожалеешь Твой мир. Скажем Ему: **вот, враги Твои восшумели и ненавидящие Тебя подняли голову** (Пс.82:3). Хочешь узнать о подвиге и другой женщины, после того как восхотел этого (т.е., помочь ей) Бог? Был некто другой человек, по имени Авимелех: убив своих 70 братьев и, вследствие этого братоубийства, получив власть и имея в своем подчинении весь народ, он напал на один город и начал осаждать его стены (Суд. 9), и когда все при виде войны оцепенели от страха, опять Бог укрепил руку женщины; Он устроил так, что некоторая женщина, видимая со стены, взяв обломок жернова, бросила в голову тирана и разбила его череп. И обрати внимание на безмерную порочность этого высокомерного человека, вместе с ним умершую. Он говорит стоявшему подле него копьеносцу: **обнажи меч твой и умертви меня, чтобы не сказали обо мне: женщина убила его** (ст. 54). Тело его умирало, а высокомерие оставалось; он покидал жизнь, но не оставлял тщеславия. И теперь нет недостатка у Бога в Деворе, нет недостатка у Бога в Иаили. Имеем и мы святую Деву и Богородицу Марию, предстательствующую за нас. Если обыкновенная женщина победила, то во сколько раз более Христова Матерь посрамит врагов истины? Одевшись во всеоружие, тот враг думал, что это — женщина, достойная смеха, и, однако, нашел (в ней) состязавшегося военачальника. Он не подумал, что стоит уже вблизи гроба, и, однако, могила для него уже была найдена; он считал ту женщину, так сказать, мертвою, и, однако, ею был затем умерщвлен. Мы имеем Владычицу нашу — святую Марию Богородицу; но нуждаемся и в апостольских молитвах. Скажем Павлу, как говорили ему современники: **приди в Македонию и помоги нам** (Деян.16:9). Мы имеем апостолов, не будем же цепенеть от страха! Мы имеем Владычицу нашу — Богородицу, святую Приснодеву, Марию, не станем же бояться! Мы имеем сонм мучеников, не будем же нерадивы! Не только станем умолять, но, если признаем за нужное, то и — поститься. Лучше поститься постом пожелания, а не постом голода; лучше поститься постом любви, а не постом необходимости. Спаситель говорит о демонах: **сей же род изгоняется только молитвою и постом** (Мф.17:21). Молитва и пост прогоняют демонов, и ужели они не прогонят варваров? И я уже сказал, и снова говорю: станем умолять святую и славную Деву и Богородицу Марию; призовем святых и славных апостолов; призовем святых мучеников! Если кто-либо, поставленный в необходимость, прибежит за помощью к кому-нибудь из могущественных людей, то этот не обращает на него искреннего внимания. Раньше несчастья, говорит он, ты не оказывал мне почестей и не угождал, а делаешь это только в затруднительных обстоятельствах. Честь, оказываемая не по нужде, не возбуждает подозрений. Если до несчастья ты угодишь судье, то и в несчастье найдешь в нем помощника, так как он знает, что тебя привела не нужда, а любовь. Итак, будем друзьями мучеников не по нужде, а по любви. Будем скорбеть до наступления ненастного времени так, как если бы оно уже наступило, чтобы в то время, как зима наступит, нам найти весну. Говорим это, не приказывая, но увещевая, — не повелевая, а упрашивая;

просим всех жить трезво. Бог же может, свыше всякого вероятия, свыше всякого слова, и посрамить врагов, и помиловать вселенную, и почтить царей, и утвердить царство, и сделать светлою Свою славу, во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава во веки. Аминь.

---

[1] Принадлежность св. Иоанну Златоусту этой беседы, равно как и следующей за нею (на слова: "Какой властью Ты это делаешь?") некоторыми учеными заподозривается.

О ТВОРЕНИИ МИРА[1]

БЕСЕДА 1

О первом дне творения

1. Всякий предмет благочестия служит к исправлению наших душ; все уставы благочестия направляются к спасению наших душ. Ему служит слово Божие, его полагает в основании закон Моисеев, о нем проповедуют умственные языки пророков, о нем возвещают немолчными устами апостолы. Все для нас и ради нас, дабы мы, направляя себя на надлежащий путь, достигли благочестия. Итак, всякая священная книга имеет целью, как я сказал, наше спасение; а эта книга о творении есть начало, источник и основа всего, содержащегося в законе и пророках. Подобно тому, как дом не может стоять без фундамента, так точно не может блистать и красота творения, если бы творение не имело начала. Знаю, что многие святые отцы изъясняли повествование о творении и, насколько уделила им благодать Святого Духа, сказали много великого и славного. Но хотя уже и сказано много великого и чудного, ничто не мешает, однако и нам сказать свое, насколько дарует благодать Духа Святого. Подобно тому, как нашим предшественникам не служили помехою писания их предшественников, так точно и нам не служат препятствием писания живших раньше нас, потому что и последним, и их предшественникам, и нам дарует силу одна и та же благодать Святого Духа. **Все же сие**, говорится, **производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно** (1Кор.12:11). Сказанное отцами, следовательно, не отвергается; наше служит последнему только дополнением. Пусть их труды велики, а наши ничтожны; они все же служат, как и те, общему делу домостроительства. Подобно тому как большой, кубически отесанный камень, положенный в строение и немного колеблющийся укрепляет небольшой подложенный камень, так точно и сказанное отцами, принимая небольшие добавления, служит к лучшему созиданию Церкви. Прошу, однако, вашу любовь внимательно относиться к высказываемым мыслям и судить, — и истинны ли они, хотя они и новы. Как общепризнанное не всегда истинно, так и новое — не всегда ложно; но всегда нужно исследовать, представляем, ли утверждаемое истину или ложь. Прошу, чтобы никто ни как друг, по расположению, не принимал слов без исследования, ни как враг не отвергал слова за то, что оно новое, но чтобы всюду замечали, запечатлена ли речь достоинством истины.

2. **В начале**, говорится, **сотворил Бог небо и землю** (Быт. 1:1). Настоящая история написана Моисеем по откровению Святого Духа. Она повествует о создании мира, которое произошло силою Божиею и открыто Моисею по благодати пророчества. Моисей писал ее не как историк, а как пророк. Он говорил о том, чего не видел, и повествовал о том, очевидцем чего не был. Подобно тому как раньше мы сказали, что есть три вида

пророчества: первый вид — пророчество словом, второй — пророчество делом, третий — пророчество и словом и делом, так должно сказать и здесь, что пророчества бывают трех родов: пророчество о настоящем, пророчество о будущем, и пророчество о прошедшем. Напр., пророк Исаия не присутствовал при событиях, происходивших при Моисее, но так как в нем был дух Моисея, который открывал ему эти события, то он пророчествовал (о прошедшем). Равным образом, бывает пророчество и о настоящем, когда например кто-нибудь хочет скрыть свои мысли от пророка, а пророк изобличит его, — как например Елисей Гиезия, — предуказывая будущее и открывая сокрытое. Моисей говорил о прошедшем; другие пророки — о будущем. Итак, на настоящую историю следует смотреть не как на повествование, а как на истинное пророчество, изреченное Святым Духом. Какая же цель у пророка? Две цели имеет Моисей: предложить учение и утвердить закон. Будучи законодателем, он начал не с законодательства, а с творения. Почему же он хотел наперед показать, что Бог есть Творец и Владыка вселенной? Дабы показать, что Бог дает закон не чужим, а своим. Если бы он наперед не показал, что Бог есть Творец мира, то не достойным веры считался бы Законодатель мира. Давать закон чужим — дело насилия, а научать своих — дело естественное. Так и евангелист Иоанн не прежде изложил закон, данный Христом, чем сказал о Его владычестве в словах: **в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. Пришел к своим, и свои Его не приняли** (Ин.1:1-4,11). Сказав таким образом, что Христос есть Творец и Создатель, евангелист начинает затем говорить о Нем, как об Учителе и Законодателе вселенной. Была еще и другая цель у Моисея. Почему блаженный Моисей упомянул о небе, о земле, о море, о водах, и о том, что произошло из них, а об ангелах, архангелах, серафимах и херувимах не упомянул? Потому, что он приспособлял законодательство к тогдашнему времени. Он знал, с кем говорил, именно с людьми, вышедшими из Египта и познакомившимися с египетским заблуждением, с почитанием солнца, луны и звезд, рек, источников и вод. В виду этого, умолчав о творении невидимого, он и говорит только о видимых творениях, чтобы убедить поклоняющихся им признавать их не богами, а делами Бога. Тогда не было нужды говорить им об ангелах и архангелах, чтобы не дать опять пищи их болезни. Если они, и, не видя ангелов, говорили о них, то услышав, что ангелы и архангелы существуют, тем более сочли бы их за богов. [Вот почему Моисей и не упоминает о них], а говорить о небе и земле, горах и водах, равно как о всем, что из них произошло, чтобы чрез видимое дать мысль о невидимом и чрез дела указать на Зиждителя. Так сделали и три отрока в Вавилоне. Так как они жили среди народа боговраждебного, не имевшего знания о Боге и покланявшегося идолам, то, находясь в пещи, они говорили: **благословите, все дела Господни** (Дан.3:57). Почему они не сказали: ангелы, небеса, земля, огонь, вода, холод, зной и под., а перечисляют творения по очереди? Для того, чтобы очистить всю тварь, сделать чистым все создание, и не оставить и искры нечестия. Так и Моисей в данном случае, желая истребить у иудеев египетское заблуждение, упоминает и о небе и о земле, как происшедших, чтобы показать, что они сотворены, и напомнить о Творце. **В начале сотворил Бог небо и землю.**

3. Теперь будь внимательным. Я удивляюсь, каким образом Иоанн и Моисей имеют одинаковое начало. В самом деле, и Моисей говорит: **в начале сотворил**, и Иоанн говорит: **в начале было**. Однако и тот говорит справедливо, и этот законно. Где речь о творении, Моисей поставил: **сотворил** где речь о Творце, евангелист сказал: **было**. Между **сотворил** и **было** различие большое. Творение произошло, поскольку раньше не существовало; Творец же всегда был. **В начале сотворил** и **в начале было**. Богу свойственно быть, творению — происходить. Такое различие указывает и Евангелист. О Спасителе он говорит: **в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало**

быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков (Ин.1: 1-2, 4). Шесть раз он говорит: **было**, чтобы указать на существующее. Но когда он, сказав о Существующем, переходит к речи о рабе Иоанне, то говорит: **был человек** (ст. 6). Бог **бе[2]**, человек **бысть[3]**. Если же и о Спасителе дерзают говорить, что и Он произошел, то Спаситель ничем не отличается от земли. Прошу тебя, — будь внимателен. Если еретик скажет, что Христос произошел, и прежде чем произойти, не существовал, то что больше имеет Он сравнительно с землей? И о земле ведь Моисей сказал: **земля же бе.** Если, потому, слова: **в начале бе** еретики понимают в смысле сказанных о творении, а не о вечном естестве, то Спаситель не имеет ничего большего сравнительно с землею. И Бог Слово **бе**, и земля **бе**; но Тот был в начале, не как происшедший, а как всегда существующий; земля же была произведена. Потому и законодатель не сказал наперед: **земля же бе**, пока не сказал: **в начале сотвори Бог небо и землю**; сначала **сотворил** и тогда уже **бе**. Знаем, братие, что эти тонкие вопросы представляются для многих трудными. Но во дни поста, когда трезвеннее бывают души, следует и рассуждать о более глубоких предметах. **В начале бе** и **в начале сотворил**. Одинаковое начало: **в начале** и **в начале** употреблено для того, чтобы показать, что один корень благочестия научал и законодателя, и просвещал богослова. Два завета — это сестры, рожденные от одного отца, потому они и говорят согласно, потому у них почти один и тот же вид и полное сходство. Подобно тому как между сестрами, рожденными от одного отца, существуют черты сходства, так и два завета, как рожденные от одного Отца, имеют большое между собой сходство. Так в ветхом завете предшествует закон, а за ним следуют пророки; и в новом благодатном завете предшествует Евангелие, а за ним следуют апостолы. Там двенадцать пророков, и кроме двенадцати — четыре. Двенадцать — это Осия и другие; четыре — Исаия, Иеремия, Иезекииль, Даниил. В новом завете двенадцать апостолов и четыре евангелиста. Равным образом, божественное призвание там началось с братьев, потому что Бог избрал в первые проповедники Моисея и Аарона; и в Евангелии Господь прежде всего призывает Петра и Андрея; только там благодать простая, а здесь двойная: там были призваны братья Моисей и Аарон, а здесь дважды по два брата — Петр и Андрей, Иаков и Иоанн. Так как Спаситель хотел внушить нам любовь по Духу Святому, и сделать нас братьями по духу и расположению воли, то Он взял за основание природу и, присовокупив еще близость природы, на ней созидает основание церкви. Первое чудо в ветхом завете — река, превращенная в кровь; первое чудо в новом — вода, превращенная в вино. Впрочем, в настоящую минуту нет нужды указывать все частные черты сходства. Возвратимся к предмету речи. **В начале сотворил Бог небо и землю**. Бог сотворил все в шесть дней. Но первый день отличается от других следующих за ним. В первый день Бог сотворил из несущего; начиная же со второго дня Бог ничего уже не творил из несущего, а изменял только, как хотел, то, что сотворил в первый день. Если ты, по размышлении и обсуждении моих слов, признаешь их истинными, то соглашайся; если же не признаешь, возражай, и я приму возражение, так как оно даст мне лишь повод к большему оправданию моих слов.

4. Итак, в первый день Бог создал вещество творений, а в прочие дни — давал форму творениям и приводил в порядок. Именно, в первый день Он сотворил небо, раньше же существовало не это небо, а горнее, потому что то создано во второй день. Об этом горнем небе, созданном Богом, говорит и Давид: **превысшее небо - Господу** (Пс.113:24). Это — верхняя часть неба. Подобно тому как в двухэтажном доме второй этаж занимает средину между кровлей, так и Бог, создав мир в виде как бы одного дома, в качестве среднего этажа поставил это небо, а выше его — воды, почему Давид и говорит: **покрываешь водами высоты Свои** (Пс.103:3). Итак, Бог сотворил не существовавшее раньше небо, не существовавшую землю, не существовавшие бездны, ветер, воздух, огонь, воду, — словом, в первый день Он сотворил вещество всего существующего. Но кто-нибудь, несомненно, скажет: о небе и земле написано, что Бог сотворил их, а о воде, огне и

воздухе этого не написано. На это, братие, я отвечу прежде всего, что бытописатель, сказав о происхождении неба и земли, в содержащем разумел и содержимое. Подобно тому как, говоря: **создал Господь Бог человека из праха земного** (Быт.2:7), он назвал творение, а членов не перечислил, и не сказал: "создал Бог глаза, уши, ноздри", а обнял все члены в названии "человек", так точно, и говоря: **сотворил Бог небо и землю**, он обнял все, разумея и тьму и происшедшие бездны. **Тьма**, говорит он, была **над бездною** (ст. 2). Бездною называется множество вод. А что и бездны произошли, об этом свидетельствует Писание, когда говорит: **когда еще не существовали бездны**, **прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов** (Притч.8:24,25), — следовательно, и бездны произошли. Слушай, как произошел некогда и воздух. **И дух Божий носился над водою** (Быт.1:2). Под духом бытописатель разумеет не Святого Духа, — потому что несозданное бытие не причисляется к созданию, — а называет так движение воздуха. Подобно тому как в повествовании об Илии пророке написано: **небо сделалось мрачно от туч и от ветра** (3Цар. 18:45), так и здесь под духом разумеется воздух. Остается, наконец, показать, откуда произошел огонь. Бог сказал: **да будет свет** (Быт.1:3), и произошел огонь, потому что огонь существует не только здесь, но есть и небесные огненные силы, и небесный огонь сроден с нашим. Но вы спросите: почему же первый потухает, а второй не потухает? Бог сотворил и ангелов духами, и наши души духами, но наши души находятся в телах, а ангелы вне тел, — и что можно сказать относительно душ и ангелов, то же можно заметить и относительно огня. Огонь небесный не имеет вещества, огонь земной соединен с веществом. Но небесный огонь сроден с земным, как и душа наша сродна с ангелами, почему и эти последние духи, и те духи, как и три отрока говорят: **благословите, духи и души праведных** (Дан.3:86), и еще: **творишь Ангелов Своих духами** (Пс.103:4). Вот почему ни душа не является без тела, ни огонь нельзя видеть без пакли, или хвороста, или какого другого материала. А что этот (небесный) огонь не совершенно иной, показывает само творение. Многие заимствуют часто огонь от солнца и зажигают, а если бы он был совершенно иным, то каким образом получалось бы из него совершенно нечто другое? Следует заметить, что этот невещественный небесный огонь так велик, что явившийся на горе Синае огонь, в котором Бог дал зрелище этого самого невещественного огня, так как явил его без дров, называется великим; так что по сравнению с этим великим огнем земной огонь можно назвать малым. Потому-то и Моисей, желая показать, что земной огонь мал, говорит: **с неба дал Он слышать тебе глас Свой, дабы научить тебя, и на земле показал тебе великий огнь Свой** (Втор.4:36). Итак, и молния, и звезды, и солнце, и луна, все — огонь; с ними сроден и наш огонь. И Спаситель, желая показать, что молния и звезды сродны между, собою, говорит в Евангелии: **светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то всё тело твое будет светло** (Мф.6:22), и далее прибавляет: **как бы светильник освещал тебя сиянием** (Лк.11:36), называя блистанием светильника сияние светильника.

5. Итак, все произошло, — произошел огонь, произошли бездны, ветер, четыре стихии — земля, огонь, вода, воздух, все, что Моисей пропустил, он мимоходом восполняет в словах: **в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все, что в них** (Исх.20:11). Подобно тому как, говоря о создании человека, он не назвал всех членов, так точно и говоря о творении, не перечислил всех частей, хотя и все было создано с миром. Если бы, напр., в земле не было огня, то и теперь не получали бы его из камня или из дерева; между тем дерево через трение рождает огонь. Слушай дальше внимательно. **Тьма** была, говорится, **над бездною** (Быт.1:2). Следовательно, скажут, и тьму сотворил Бог? Сознаемся, что мысль глубока, но так как мы находимся часто среди слушателей, из которых одни слушают с любовью, а другие любят порицать, то нельзя оставить указанных слов без объяснения, дабы не оказалось, что обещаем мы много, а даем мало. Итак, откуда же тьма? Бог, говорят, ее не создал, потому что Бог не творит ни тьмы, ни мрака. Что же в таком случае мрак? Многие говорили, что это тень от неба. Когда,

говорят, произошло горнее небо, а небесных светил еще не существовало, то земля обнажилась и явился мрак. Но горнее небо светло, а не темно, потому что оно, хотя и не имеет солнца, луны и звезд, светло по самой своей природе. Если же, таким образом, небо находилось вблизи сверху, а земля была распростерта внизу, — светящий вверху, а освещаемое внизу, то откуда мрак? Мне думается, можно объяснить таким образом: так как вода покрывала поверхность земли, то над водами собирался густой туман, как это бывает и теперь над реками; производящий тьму туман образовал облака, облака же, бросая тень, произвели тьму. Что облако производит тьму, об этом говорится и в Писании: **небо сделалось мрачно от туч** (3Цар.18:45). Нужно, однако, заметить и об аллегорических толкованиях еретиков. Некоторые еретики осмеливались утверждать, что мрак есть диавол, а бездна — демоны; когда же Бог сказал: **да будет свет**, то этими словами повелел быть Сыну. Они не стыдятся таким образом называть диавола старшим, чем Сын, потому что если бездна — демон, а тьма — диавол, и затем Бог сказал: **да будет свет**, т.е. Сын, то диавол не только равночестен с Ним, но и старше Его. Подлинно, о таком нечестии не следует и вспоминать, — сказал же я, чтобы вы не оставались в незнании. Итак, тьма была тогда от облаков. Такова же тьма была и в Египте, — тьма не от того, что настала ночь, а от образовавшегося тумана (Исх.10:22 сл.). Точно также было и на горе Синае: мрак был не от наступившей ночи, а от осенявшего облака (Втор.4:11). Так же произошла тьма и при распятии Христа — не от наступившей ночи, а от происшедшего затмения. Итак, слова божественные следует понимать не в буквальном смысле. **И дух Божий носился над водою** (ст. 2). Под духом бытописатель разумеет ветер, как в другом месте и псалмопевец, когда говорит: **ветром бурным Ты сокрушишь корабли Фарсийские** (Пс.47:8), называя духом движение воздуха. Не подумай, что иное — воздух, а иное — ветер, потому что сам воздух, если его приводить в движение, производит ветер, как об этом свидетельствует опыт. Так, часто, приводя в движение спокойный воздух опахалом или веером, мы получаем от движения воздуха ветер. Чтобы показать самым словом "дух", что ветер есть движение воздуха, бытописатель для того и сказал: **носился**, поскольку ветру свойственно носиться над творением. **И сказал Бог: да будет свет** (ст. 3). Почему Моисей не сказал: "рече Бог: да будет небо, да будет море", а говорит там: **сотворил**, а здесь: **сказал**, между тем как у нас слово предшествует делу, — мы наперед говорим, а потом делаем? Чтобы показать, что Бог наперед творит, чтобы представить творение совершившимся быстрее всякого слова. Потому-то, когда Бог производить Своим могуществом вещество, Моисей говорит: **сотворил**; когда же Бог начинает устроение мира, а началом этого устроения был свет, то вводит соответствующее делу слово. Кроме того, так как первое дело Бога — свет, а последнее дело Бога — человек, то сначала Бог творить свет словом, впоследствии же — человека делом, наполняя свет светом.

6. Слушай, как и человек есть свет. Свет показывает существующее; свет мира — человек: явившись в мир, он показал свет искусства, свет знания. Свет показал жито, — разум изобрел хлеб; свет показал виноградную лозу, — свет разума показал вино, содержащееся в лозе; свет показал шерсть, — свет человека показал одежду; свет показал горы, — свет разума научил высеканию камней. Потому-то и Спаситель называет апостолов светом, говоря: **вы — свет мира** (Мф.5:14). Он называет их светом не ради того только, чтобы почтить их, но чтобы показать и надежду воскресения. Подобно тому как свет, угасая вечером, не погибает, а только скрывается, и, сокрывшись, является вновь, так и человек погруженный во гроб, как бы на западе, сберегается для востока воскресения. **Да будет свет**. Бытописатель сказал, что свет произошел, но как — этого не сказал, да и не знал. Что свет произошел, говорит, я знаю, а как произошел, этого не постигаю. Потому и Спаситель говорил апостолам: **не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти** (Деян.1:7). Итак, нам не дано разуметь времена и лета, и человеческою мыслью нельзя постичь Владыку времен и Творца веков. **И сказал Бог: да**

будет свет. И стал свет (ст. 3). О, святая и великая сила! О, великое чудо! **И стал свет, и назвал Бог свет днем, а тьму ночью** (Быт.1:5). Почему же называет свет днем? Потому, что все светлое и радостное называется покойным — кротким. Потому и человеколюбие мы называем кротостью и ручных животных называем кроткими. **И назвал Бог свет днем, а тьму ночью**. Почему (тьму) ночью? Потому, что спящему ночью человеку напоминается о смерти, как бы такими словами: познай, человек, кто ты; ты смертен, рабствуешь сну; зачем же чрезмерно гордишься? Ночь — время сокрушения, почему Давид и говорит: **о чем говорите в сердцах своих, (о том) сокрушайтесь на ложах ваших** (Пс.4:5). Подлинно, ночью человек лежит ни мертв, ни жив. Спроси еретика: "что же? Жив или мертв?" Если он ответит тебе: "жив", то скажи: "почему же он не замечает говорящих и ходящих около него?" Если же ответит: "мертв", — скажи: "как же он дышит? То, что дышит, не мертво; то, что не чувствуем, не есть живое. Себя самого не знаешь, а мечтаешь о том, что выше тебя". Но достаточно будет сказанного о первом дне. Наступающий вечер, как и там, прекращает то, что относится к первому дню; мы изъяснили по мере сил, и хотя мысли были и глубокие, все же изъясняли их. Долг же верующих обдумать сказанное и прилежно рассмотреть историю.

7. Мы же, питомцы святого поста, при воздержании телесном наслаждаясь пищей небесною, будем стараться свято соблюсти пост. **Назначьте**, говорится, пост (Иоил.1:14). Мы ли его освящаем, или он освящает нас? Очевидно, что пророк сказал это в том смысле, чтобы мы свято хранили пост. Смысл такой же, как и в словах нашей молитвы: **да святится имя Твое** (Мф.6:9); мы молимся не об имени Его, потому что имя Его освящает все, и говорим в смысле: "пусть имя Твое святится в нас", поскольку имя Его призвано на нас, так (христианами мы называемся от Христа). У святого все свято, потому что ничто, не будучи святым, не может приблизиться к Богу. Святый Бог почивает во святых. Свято небо Его: **услышал его с неба святого Своего** (Пс.19:7); святы ангелы: **в славе Отца Своего со святыми Ангелами** (Мк.8:38); свята земля с ее богослужением: и захочет, говорится, раззорить завет на земле святой Его; Давид называет святым двор храма: **поклонитесь Господу во дворе святом Его** (Пс.95:9); у Исаии называется святым храм: **дом освящения нашего и славы нашей** (Ис.64:11); овцы бессловесные, которых тогда приносили в жертву, назывались святыми: как **овцы святыя** (в русском переводе: **жертвенные**) в Иерусалиме (Иез.36:38); свят завет: **и утвердит** со многими **завет** святый свой (Дан.9:27); сам город назывался святым: **святой горы Твоей** отцов наших Иерусалиме (там же, ст. 16). Ни что не святое не может приближаться к Богу. Потому и Павел говорит: **старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа** (Евр.12:14). Мы воздерживаемся от хлеба; будем воздерживаться и от неправды. Ты не ешь хлеба? Не снедай плоти убогих, чтобы и о тебе не сказал Бог: **поедающие народ Мой, как едят хлеб** (Пс.13:4). Ты не пьешь вина? Пусть не опьяняет тебя гнев, чтобы тебе не услышать от Законодателя: **ярость их подобна змеиной** (Пс.57:5), и еще: **вино их яд драконов** (Втор.32:33). Если ты угнетаешь бедняка, так что он стенает, то пред Богом он окажется снедающим хлеб слез. Поэтому Бог и говорит: **вы заставляете обливать слезами жертвенник Господа** (Мал.2:13). Итак Бог, который говорит: **земледельцы, рыдайте** (Иоил.1:13), порицает тех, кто плачет перед алтарем? Да, порицает, но не за то, что они плакали, а за то, что там — пред алтарем плакали обиженные сироты и вдовы. А чтобы показать, что говорит о них (священниках), Он присовокупил: **обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании** (Иоил.2:12). Кроме того, нужно обратить внимание и на наши жертвы. Предлагается душевная трапеза — слово Божие. Тело чрез пост освящается; душа, если ее не питать, гибнет. Пусть же тело постится постом воздержания от грехов, а душа насыщается божественным учением. Нельзя тебе есть хлеб Христов и хлеб слез, как и Павел говорит: **не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской** (1Кор. 10:21). Итак, постящемуся нужно воздерживаться от пищи, но, прежде всего — от грехов.

Подлинно, и ангелы каждый день замечают, кто решил воздерживаться от корыстолюбия, или блуда, или неправды. Такие посты и ангелы записывают и Бог сокровиществует. Подобно тому, братие, как начальники, приняв просьбы на царское имя, все представляют царю, так и ангелы обо всем происходящем сообщают Богу, — не научая Его как бы неведущего, а исполняя служебный долг творения. Я назвал бы в тысячу раз блаженнейшим ядущего, чем постящегося и творящего неправду. Говорю это не для того, чтобы уничтожить пост, а чтобы призвать к благочестию. Не еда — зло, а грех — зло, почему Бог и говорит о некотором праведнике: "разве отец твой не ел, и сотворил волю Мою", и в другом месте: **пост четвертого месяца и пост пятого, и пост седьмого, и пост десятого соделается для дома Иудина радостью и веселым торжеством; только любите истину и мир** (Зах.8:19). Но воссиял чувственный свет, чтобы прославился Творец света. Настал вечер, завершающий течение дня. Начало прекрасно; пусть присоединится такой же конец. Не кончай худо, а слушай Давида: **в конец, не погуби** (Пс.74:1). Бог же света да просветит вас всех словом, разумом, верою, правдою, целомудрием во Христе Иисусе Господе нашем, чрез Которого и с Которым слава Отцу, со Святым Духом, во веки веков. Аминь.

---

[1] Эти шесть бесед в издании Миня приписываются Севериану, епископу гавальскому. Здесь они впервые появляются на русском языке.

[2] В ц.сл. слово бе - Сущий всегда.

[3] В ц.сл. слово бысть - временно, т.е. относиться к твари.

Его же беседа о втором дне творения,

а также против сказавшего, что нам, христианам, не следует говорить при освящении: "Господь Саваоф"

1. Слово Божие возбуждает страстное желание души и дает ей радость как бы некий светильник, чтобы и помыслы просветить, и грехи очистить, и мысли осветить. Таково слово Божие. Что для железа оселок, то для души слово Божие. Оселок оказываете железу пользу не в одном только отношении; во-первых, он служит для очищения с него ржавчины; затем, если оно толсто, делает тонким, если тупо, делает острым, если темно, делает блестящим, чистым, светлым, ярким. Так и слово Божие очищает душу от ржавчины греховной, делает ее энергичною, если она ослабела, делает нежною, если огрубела, делает светлою, если она омрачилась, и Слово Божие хочет, чтобы мы сияли согласно с апостольскою заповедью, гласящею: будьте **как светила в мире, содержа слово жизни** (Фил.2:15,16). Вот сияние! Оно хочет, чтобы мы были не вялыми, а бодрыми. **Живо**, говорится, **слово Божие и действенно и острее всякого меча обоюдоострого** (Евр.4:12). Оно хочет, чтобы мы не были грубыми, а утончали ум помыслами, потому что, когда ум огрубевает, он чужд бывает слову Божию, а когда утончается, приложит закону Божию. Потому-то Писание и говорит об огрубевших: **и ел Иаков, и утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога, создавшего его** (Втор.32:15). Пусть же слово Божие просветит и наш ум, и особенно в этот предлежащий святой пост, когда изнуряются тела и бодрствуют помыслы. Поистине пост-питатель всякой святости и мать благочестия. Требуется, чтобы мы не только постились, но постились благочестно. Многие постятся и ради занятий общественными делами, но это не зачисляется им в пост. Оценивается намерение, а не

необходимость увенчивается. С таким-то святым настроением блаженный Моисей поучался на горе закону и изучал творение. Вчерашний день мы сказали, что Бог, намереваясь дать чрез Моисея закон, сначала показал, что Он — Творец, а затем уже, что — Законодатель. Как могли иудеи поверить, что Бог сотворил небо и землю и все, что в них, если бы Бог наперед не сотворил чудес в Египте, показывавших, что Он — Творец вселенной? Мы научаем, чтобы убедить, Бог убеждает, чтобы научить. Так как Моисей должен был изложить учение, что Бог сотворил небо и землю, море и все, что в них, то, если бы он не сотворил предварительно в Египте чудес, и не показал, что Бог есть Творец всякого создания, то народ не поверил бы, что Он сотворил небо и землю. Сначала Моисей простер руки к небу, и низвел град и огонь, и народ познал чрез верного раба, что эта смертная десница, будучи движима словом Божиим, потрясла небо и смутила создание, и что тем более десница повелевшего Бога утвердила небо и основала землю, так как никто не движет творения, которого сам не создал. Итак, нужно было показать, что Бог сотворил землю, — простер Моисей руку на землю, и вышли мошки. Нужно было, опять, показать, что Бог сотворил огонь, — взял Моисей пепла из печи и рассыпал, и покрыл тела египтян нарывами, палящими подобно огню. Нужно было показать, что Бог сотворил воду, — превратилась вода в кровь. Нужно было показать, что Бог сотворил море, — окаменело и прошел народ. Итак, сначала он показал делами, что Бог — Владыка, а потом уже научил словом, что Он Творец.

2. Так и в Евангелии Спаситель начал учить не раньше, чем совершил чудеса. Первое чудо совершил Он, претворив воду в вино, и раньше этого чуда не выступает в качестве учителя, так как нужно было, чтобы дело предшествовало, а слово последовало. Поэтому и дееписатель говорит: **первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала** (Деян.1:1). Как мог научить Спаситель, что Он Творец мира? Если бы он не просветил очи слепому, то Ему не поверили бы, когда Он говорил: **Я свет миру** (Ин.9:5). Если бы Он не воздвиг Лазаря, слушатели не поверили бы, когда Он говорил: **Я есмь воскресение и жизнь** (Ин.11:25). Если бы Он, плюнув на землю, не сотворил брение и не помазал слепого, то не поверили бы, что Он есть Тот, кто взял персть от земли и создал Адама. Если бы Он не ходил по морю, то не явил бы Себя Владыкою моря. Если бы Он не запретил ветру, не показал бы Себя Владыкою ветров. Вот почему, являя Себя человеком, Он чрез чудеса давал познавать и прославлять Себя как Бога. Спаситель привел в изумление учеников, и они говорили: **кто же Сей, что и ветер и море повинуются Ему?** (Мк.4:41). Он предварительно показал, что Ему повинуются стихии, а потом уже изъяснил словом, что все произошло через Него. Если бы Он не показал наперед, что Ему повинуются твари, то не заслуживал бы веры Евангелист Иоанн, когда говорит: **все чрез Него начало быть** (Ин.1:3). Как могли бы оказаться достойными веры апостолы, говорившие простым языком, когда проповедовали о Боге Слове, Творце, Спасителе, всемудром Учителе? Но язык апостолов творил чудеса, устами апостолов воскрешался мертвый, ходил хромой. А что вера следует за чудесами, об этом свидетельствует Писание, говоря: **руками же Апостолов совершались в народе многие знамения и чудеса**, **и все изумлялись и дивились, верующих же более и более присоединялось к Господу, множество мужчин и женщин** (Деян.5:12,14 и 2:7,47). Наперед сияли чудеса, а за ними следовало учение. Так и во времена закона предшествовали чудеса, совершенные в Египте, которые доказывали, что Бог — Творец. Бог же, будучи благ, не восхотел прославлять только Себя одного, но разделил славу с Моисеем. Когда Бог явил Себя чрез дела Свои, явился и Моисей с дарованною ему славою (Исх. 34:29). Когда он сошел (с горы) с законом, то чтобы не смотрели на него, как на простого человека, Бог исполняет лице его славою, желая восполнить избытком благодати немощь природы, потому что видевшие уразумевали, что прославленное лицо не чуждо для Бога. Так и Спаситель исполнил сиянием лицо первомученика Стефана. Для чего именно Он сделал лицо Стефана сияющим? Так как его собирались побить камнями как

богохульника за слова: **вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога** (Деян.7:56), то Бог наперед увенчал его лицо ангельским образом, чтобы убедить неблагодарных, что побиваемый не был бы прославлен, если бы был богохульником. Итак, вчера мы сказали, что в первый день Бог сотворил мир из несущего. И что удивительно, дела показывают не только творения Божии, но обличают и нечестие еретиков. В самом деле, так как последние вопрошают о Сущем, как Он рожден, то спрошу я, как произошло то, что не существовало? Если не существовавшего не было, то пусть скажут, как произошло, если его не было? То, что не существует, по рассуждению человеческому, не происходит; но не так по силе Божией. Порою еретик говорит: сказал Бог, и произошло. Но в данном случае ты указываешь вещь, а не способ ее происхождения. **И сказал Бог: да будет свет**, произошло то, что раньше не существовало. Слово превратилось в дело, как будто сам произнесенный звук стал светом. Следовательно (свет) не из несуществующего, а из существующего. Кто в самом деле дерзнет сказать, что Слово не существует? Поэтому Бог ничего не сотворил из несуществующего; а все из Себя. Оказывается, таким образом, что творения единосущны с Богом, и то, чего еретики не допускают в отношении к Сыну, они усвояют тварям. Но опять, встретив возражение, они говорят: воля Божия произвела несуществовавшее; воля творит то, что не существовало, природа же не производит того, что существует. Удивительно! Объясню на примере. Предположи источник и скалу. Что легче: источнику родить воду, или скале? Если рождает источник, он производит из того, что имеет, скала же — из того, чего не имеет. Итак, несуществовавшее родила скала из того, чего не имела, а источник не родил источника, который имел в себе? Как же произошло то, чего не существовало? Самостоятельно? Или несуществующее есть одно имя? Когда я говорю: "из несущего", не подумай, что несуществующее есть что-либо. Итак, ты не умеешь сказать, как произошло сущее из несущего, а смеешь любопытствовать и рассуждать, как рожден Сущий от Сущего? Все твари произошли и от начала не существовали; Единородное Слово и Творец мира не произошел от начала, а был; тех не было, и произошли; этот был в начале, не произошел, а они произошли в начале, так как их не было.

3. **Земля же была**, говорится, **безвидна** (Быт.1:2). Что значит **безвидна**? Многие святые отцы, как я знаю, говорили, будто невидима была земля потому, что покрывалась водою. Но многие мнения хотя и благочестивы, однако не истинны. Например, три друга Иова, видя его в искушениях, полагали, что святой страдает справедливо, и говорили: если бы ты не огорчал вдов, если бы не угнетал сирот, то Бог не навел бы на тебя этих бедствий. Так как они не знали намерения Бога, то предпочитали скорее признать, что Иов страдает справедливо, чем утверждать, что Бог навел бедствия неправедно. Они ратовали за Бога, и, тем не менее, Бог обличает их: почему **вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов** (Иов.42:8)? Итак, что значит: **земля же была безвидна и пуста**? Толковники изъяснили это определенно. Акила говорит: земля же была пустота и ничто. Невидима была, следовательно, не в том смысле, что ее было не видно, а в том, что была, так сказать, не убрана. Она не была еще разукрашена растениями, не была еще увенчана плодами, не была еще опоясана реками и источниками, не была еще украшена остальными разнообразными видами благолепия, не была еще одарена способностью рождать — и потому была невидима. Писание говорит о некотором храбром и красивом муже: не он ли **убил одного Египтянина** видимого (2Цар.23:21). Есть, следовательно, муж невидимый? Нет, а говорится это очевидно в том смысле, что муж достоин того, чтобы его видели. Следовательно, как египтянин назван мужем видимым в том смысле, что он заслуживает того, чтобы его видели, так и земля названа невидимой в том смысле, что была не украшена. Во второй день Бог сказал: **да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды** (Быт.1:6). Так Бог сотворил небо, не то — горнее, а это — видимое, создав его на подобие льда из отвердевших вод. Хочу я представить это дело наглядно, потому

что многое можно легче понять чрез рассмотрение, чем изъяснить словом. Допустим, что вода поднималась над землею на тридцать локтей. Теперь, Бог сказал: **да будет твердь посреди воды**, и вот в середине вод образовалось сгущение на подобие льда, которое подняло половину воды вверх, а половину оставило внизу, как и написано: **да будет твердь посреди воды и** будет **да отделяет она воду от воды**. Почему же Бог называет его **твердью**? Потому, что сделал его твердым из неплотного и разреженного естества вод. Потому и Давид говорит: **хвалите Бога во святых Его, хвалите Его на тверди силы Его** (Пс.105:1). Воспользуемся еще другим сравнением. Подобно тому как дым, когда выходит от горящего дерева, бывает неплотен и разрежен, а когда устремится в высоту, превращается в густое облако, так точно и Бог, подняв разреженное естество вод, сплотил его наверху. Что это сравнение правильно, свидетельствует Исаия, когда говорит, что **небеса исчезнут, как дым** (Ис.51:6). Итак, будучи утверждено среди вод, небо подняло половину вод вверх. Но для чего вверху воды? Ради какой нужды? Чтобы кто-нибудь пил? Чтобы кто-нибудь плавал? А что вверху есть воды, свидетельствует Давид, говоря: **небеса небес и вода, которая превыше небес** (Пс.148:4). Заметь же мудрость Создателя. Небо, сгущенное из вод, было ледяное. Между тем оно должно было принять огонь солнца и луны и безконечное множество звезд, должно было все наполниться огнем. Чтобы от такого жара оно не сожглось и не уничтожилось, Бог и распростер на хребте его эти моря вод, для защиты последнего, дабы, таким образом, оно могло противостоять пламени и не сгорать. Пример имеешь пред глазами. Подобно тому, как теперь, если ты повисишь котел над огнем, он, если имеет воду, выдерживает огонь, а если не имеет, распадается, так точно и Бог противопоставил огню противодействующую воду, дабы небо, благодаря орошающим его сверху водам, имело достаточную устойчивость. И заметь дивное дело. Небесное тело обладает этою влагою в таком изобилии, что, не смотря на сопротивление такому огню, уделяет даже ее земле. В самом деле, откуда роса? Облака нет нигде, в воздухе воды нет; ясно, что источает ее из своих избытков небо. Потому-то и патриарх Исаак, благословляя Иакова, говорил: **да даст тебе Бог от росы небесной и от тука земли** (Быт.27:28).

4. Говорят, братие, что в день суда верхняя вода удалится, а небо, лишившись оплота вод, разрушится, и звезды, не имея ни пути, ни хода, упадут. Говорим это не без основания; так учит Писание. **И небеса свернутся**, говорится, **как свиток книжный** (вместо: "сгорая", потому что сгорающее свивается), **и все воинство их падет, как спадает лист с виноградной лозы** (Ис.34:4). Обрати внимание и на другую пользу. Воды над небесами не только сохраняют небо, но и направляют вниз свет солнца и луны. Если бы небо было прозрачно, то весь свет устремлялся бы вверх, — потому что огонь по природе стремится вверх, — и земля осталась бы без света. Поэтому Бог и покрыл небо сверху безмерною массою вод, чтобы свет отражался и устремлялся вниз. Заметь мудрость Создателя. Образ этой мудрости имеешь и в себе самом. Послушай внимательно. Представь себе, что наша голова — горнее небо, то, что над языком — другое небо, т.е. твердь, почему и называется маленьким небом. Наверху, в местах сокрытых, находится мозг, которого не видно; внизу — видимый язык. Подобно этому и горнее небо находится в местах незримых, а мир в местах, о которых мы можем говорить. Опять, подобно тому как в стихиях ты находишь, что земля тяжела, а вода легче земли, хотя тяжелее воздуха, равно как воздух легче воды и тяжелее огня, так точно и у нас чувства — вкус, обоняние, слух, зрение — не все равны. Вот тебе доказательство. Если ты хочешь испытать вкус чего-либо, то, не приблизив к языку, не определишь вкуса испытываемого, потому что вкус слеп и на отдаленном расстоянии воспринимать не может. Обоняние, между тем, воспринимает и издали; например, проходя по дому, ты обоняешь запах фимиама, которого не видишь. Зрение, в свою очередь, быстрее обоняния: с горы оно видит большие пространства. Быстрее зрения, опять, ум: он помышляет о небе, земле, море, словом находится везде.

Вот почему ум — и образ Божий. Ум помыслит, и тотчас же воображает пред собою площадь, рисует толпу, народы. Пусть устыдятся еретики. Ум так действует, а неужели Создатель ума, тончайше всякого обоняния, не обладает быстрейшею деятельностью, способностью творить мгновенно, непостижимой природой? Но, братия, хочу сказать вам нечто такое, что для нечестия кажется несообразным, но с учением веры вполне согласно, чтобы вы знали, что измышляет диавол, что он изобретает, что внушает еретикам, а вернее сказать — еретики ему. Сегодня, один еретик пришел к нам, и в присутствии святых мужей и отцов, говорил (говорю это, чтобы речь, иначе переданная, не произвела иного впечатления): Отец, сказано, Сын и Дух Святый — едино божество, едина сила, едино царство. Нужно, говорит, изъять из употребления при молитве (не говорю — из святилища) слова: **свят, свят, свят Господь Саваоф**, употребляющиеся в освящении. Если, говорит, вы не устраните этих слов, то вы не христиане. Видишь великую дерзость и безумие диавола? Видишь корень богоборства? Видишь крайнее богохульство? Он хочет обезглавить благочестие, обессилить таинство, уничтожить веру, разрушить ее основание. И заметь коварство диавола. Он внушил еретику сказать: Отец Сын и Святый Дух — едина вера, едина сила, едино царство. Он смешал яд с медом. Ложь, когда хочет, чтобы ей поверили, всегда основывается по-видимому на истине, и если такого основания не имеет, то отвергается. А почему так действует она, слушай: приведу пример, хотя он и не имеет ничего схожего с данным случаем. Раав блудницу, когда она приняла соглядатаев, спрашивали: вошли к тебе мужи? Она говорит: "да", — сначала истину; "но вышли" говорит, — последнее ложь (Иис. Нав.2:4,5). Если бы она сказала: "не вышли", то дом обыскали бы. Она сказала истину, чтобы возбудить доверие; прибавила ложь, чтобы обмануть. Так и диавол. Когда мы спрашивали еретика: почему мы должны изъять молитву освящения? он отвечал: вы говорите: **Господь Саваоф**; но это не имя Божие, не имя ни Христа, ни Отца. Видишь ли мерзкие и скверные уста? Он, по неразумию, не познал, что Саваоф не имя Бога, а имя войск, т.е. (Господь Саваоф значит) Господь сил. Укажу и причину. Но наперед сообщу вам приятную весть, что еретик покаялся, обратился, анафемствовал (заблуждение), дал обещание и принят в общение.

5. Итак, слушай. Так как встретилось указанное выражение, то мы должны объяснить причину, по которой блаженный Исаия услышал эту святую песнь, воссылаемую Богу. Исаия был муж дивный, исполненный ревности, дерзновенный, но дерзновенный не дерзостью, а ревностью. В то время был царь по имени Озия, который, вместе с другими принадлежностями царского достоинства захотел присвоить себе и священство. Священники знали, что должно от этого последовать, но противоречить царю много не хотели; они уважали достоинство, чтили престол, боялись войск. Исаия, и тот замолк, не противодействовал царю. Когда Бог увидел, что священники испугались, пророк изнемог, а царь покусился на дерзкий поступок, то поразил лицо его проказой за то, что осмелился коснуться священных предметов; в конце концов он лишен был не только священства, но и царства, и остался прокаженным (Парал.26:16). Бог сделал Свое дело; но Он разгневался на священников, а больше всего на пророка, за то, что он будучи при этом, предал благочестие. Поэтому Бог хранил в отношении к пророку молчание, не говорил с ним, пока не умер беззаконник. Когда, наконец, нечестивец умер, тогда Бог, отложив гнев, примиряется с пророком. Итак Исаия говорит: **в год смерти царя Озии видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном** (Ис.6:1). Почему Бог явился на высоком и превознесенном престоле? Так как Бог невидим, а видимый царь наводил страх, то Он показывает пророку небесную славу, чтобы дать ему понять, какой престол они пренебрегли и какой почитали, как, оказав непочтение к воинству небесному, ангельскому, и даже не помыслив о нем, они устрашились стражи человеческой. И исполнен был, говорит, дом славы Его, **и вокруг Него стояли Серафимы** (ст. 2). Серафимы суть стража, — херувимы — престол; херувим означает ничто иное, как полную мудрость. Подобно тому как вот этот престол или другой дает сидящему покой и

является местом чести и отдыха, так и у Бога престол — премудрость, на которой Он почивает. Так и Давид говорит: **Сидящий на херувимах** (Пс.98:1), вместо того, чтобы сказать: почивающий на исполненной премудрости. Вот почему херувимы полны глаз; спина, голова, крылья, ноги, грудь — все наполнено глаз, потому что премудрость смотрит всюду, имеет повсюду отверстое око. **У каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И взывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!** (Ис.6:2, 3), т.е. Господь воинств. **У каждого из них по шести крыл**. Восемь молчат, и четыре взывают. Чему же учит нас Писание? Тому, чтобы не всякую мысль о Боге мы высказывали, но одни мысли утверждали молчанием, другие прославляли верою и делали предметом богословствования. Почему херувимы закрывают ноги и голову? Потому, что в Боге нельзя постичь ни начала, ни конца. Если же они двумя закрывают главу, и двумя ноги, то, очевидно, средними крыльями летают, — не верхними и не нижними. Так и нам, когда говорим о Боге, следует говорить вещи средние, именно, что Он Бог, Творец, Владыка, Благодетель. Все это — вещи средние. Если ты спросишь, как Бог родил? — ты обнажишь голову, которую закрывают херувимы. Если спросишь: где конец Бога? — обнажишь ноги, которые закрывают херувимы. Закрывают они голову и ноги не для того, чтобы скрыть их, а чтобы научить, что эти вопросы неисследимы, непостижимы. Пойми и образ. Было шесть и шесть, — двенадцать крыльев; восемь спокойны и четыре движутся. Это — образ апостолов. Двенадцать апостолов, но взывают четыре евангелиста. Что же взывают? Ту самую песнь, которую старался извратить сатана. Будь, прошу, внимателен. Херувимы не просто, как мы, говорили: свят, свят, свят, а обращались один к другому, так как написано: **и взывали они друг ко другу**. "Свят", говорят, мы должны сказать зараз. Один говорит: "свят"; затем другой, и в третий раз — "свят". Но если мы насчитали три, не подумай, что три Бога. Что же значит: **свят, свят, свят Господь**? — Един Господь, едина вера, едино крещение. Подобно тому, как при псалмопении поют стихи попеременно, так и горние силы воспевают переменными хорами и воссылают славословие по способу антифонного пения. **Исполнь**, говорится, **дом славы его (в русском переводе этих слов нет)**. **И поколебались верхи врат от гласа восклицающих, и дом наполнился куреniями** (Ис.6:1,4).

6. Дивное дело! От славословия, вместо того, чтобы увеличиться славе, погибла и бывшая, и явился дым. Дым служит образом покинутости. Что же это значит? Дух Святый провидел, что "свят, свят, свят" будет достоянием мира, проповеди апостольской, а храм иудейский его не примет. Поэтому и говорит, что после евангельской проповеди синагога будет покинута и наполнится дыма. Взята, однако, не дверь, а наддверие. Будь внимателен. Всякая дверь имеет внизу порог и сверху лежащее на колоннах наддверие, и как без порога колонны не могут стоять, так и не имея наддверия не могут быть твердо-устойчивыми. У синагоги, следовательно, отнята верхняя часть; не вся синагога разорена; двери она имеет, а не имеет наддверия. Наддверие есть свыше держащая сила. Отнято наддверие — лишилась синагога благодати, а вследствие того, что отнято наддверие, естественно, что колонны может колебать всякая рука. Вот почему всякая рука и колеблет иудейские (учреждения). Потому и некий пророк говорил: и положу **Иерусалима яко преддверия движимая** (в русском переводе этих слов нет) (Зах.12:2). **И дом**, говорит, **наполнился куреniями**. Куда же ушла слава? Слушай, прошу, внимательно. Исаия говорит: **и исполнь дом славы** его; потом говорит: **наполнился куреniями**. Итак, когда вошел дым, слава необходимо должна была перейти в другое место. Куда же она перешла? Не в один дом, а наполнила собою церкви по всей вселенной. И херувимы, желая показать, куда ушла слава, бывшая в храме, говорят: **вся земля полна славы Его** (Ис.6:3). Лишен славы один народ, и просветились концы земли. Эти-то святые слова Господни, царское славословие, это-то божественное тайноводство, — говорили дьявольские уста, — выбрось из святилища. Что хула направляется против самого Христа,

этому есть очевидное доказательство. Кого видел Исаия на престоле? Он говорит: **и услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас?** (Ис.6:8). Господь примирился с рабом, но продолжал сохранять еще вид гнева. Подобно тому, как мы, когда примиримся со слугою, не тотчас же показываем ему довольное лицо, а некоторое время скрываем его, так и Бог, не желая показать предстоящему пророку всего лица, говорит: **кого Мне послать?** Подобно тому как господин, стоя перед рабами и желая упрекнуть их за леность, говорит: кого пошлю, не имею человека для нужного дела, — не потому, что нет у меня, а нет ревностного, так и Бог говорит: **кого Мне послать?** вместо того, чтобы сказать: пошлю ли того, кто молчал пред попиравшим священство? Что же Исаия? Как слуга, огорченный ссорою и старающийся загладить прошлое, он говорит: **вот я, пошли меня.** Чем же докажем мы, что то была слава Христа? Иоанн Евангелист говорит: **столько чудес сотворил Он пред ними, и они не веровали в Него, да сбудется слово Исаии пророка: Господи! кто поверил слышанному от нас? и кому открылась мышца Господня? Потому не могли они веровать, что, как еще сказал Исаия, народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их. Сие сказал Исаия, когда видел славу Его и говорил о Нем** (Иоан.12:37-41). Видишь ли главу нашего спасения, освящение? Если освящения не будет, не совершится и таинство. Здесь ты имеешь образ. Лишь только херувимы сказали: **свят, свят, свят Господь**,— освятилась жертва. **Тогда прилетел ко мне один из Серафимов**, говорится, **и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника** (Ис.6:6). Не взял, пока не освятился. **И коснулся**, говорится, **уст моих** (ст. 7). Почему к устам? Потому, что они преддверие для таинств. Что мы, верующие, говорим? Это таинство отпускает грехи. И херувим говорит: вот я отъял грехи твои. Видишь образ? Видишь, как сияет истина? Не престанем же и мы святить Сидящего на престоле высоком и превознесенном. Возблагодарим и о прельщенной душе, которую похитил волк, но отнял пастырь, похитил диавол, но спас Человеколюбец, чтобы всякие еретические уста и всякий безумный богохульный язык восхвалил Отца и Сына и Святого Духа во веки. Аминь.

Его же беседа о третьем дне творения и о воскресении

1. Создатель мира украсил небо солнцем, луною и звездами, одел землю в убор цветов и растений, и все создание наполнил разнообразными видами благолепия; нам же, когда говорим о творении, нужно дивиться делам создания и покланяться Творцу. История творения написана ведь не для того, чтобы мы узнали только о происхождении мира, но для того, чтобы мы прославляли Создавшего. Мы сказали, что в первый день Бог произвел вещество творений; сказали, как во второй день Он устроил твердь из разреженного естества вод, почему она и названа твердью. Так и Христос собрал всю вселенную, немощную и расслабленную, рассеянную ложью многобожия, и утвердил одну веру, почему апостол и называет ее твердью, говоря: **духом нахожусь с вами, радуясь и видя ваше благоустройство и твердость веры вашей во Христа** (Кол.2:5). Итак, бездна разделилась, и как оставшаяся внизу вода была бездной, так и поднятая вверх — бездной. Откуда это видно? Давид говорит: **бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих** (Пс.41:8). Итак, разделилась бездна, и явилась твердь. Но земля покрыта была еще водою. **И сказал Бог**, говорится, **да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. И собралась вода под небом в свои места, и явилась суша.** (Быт.1:9).

Так как несчастные еретики желают знать все и исследуют образ существования непостижимого естества, то пусть они скажут, как собралась вода и куда она собралась, или куда удалилась собранная. По вашему мнению, нужно ведь принимать слова не без рассуждения, а надо исследовать дело. **И сказал Бог: да соберется вода**. Куда она

собралась? В море? Но разве море тогда не было наполнено? Если земля была наполнена, то несомненно — и море. Куда же собралась? Люди, не могущие понять того, что видят под ногами, любопытствуют о глубине неисследимой, о бездне Божества непостижимой, и море непостижимое не страшит их пускаться в исследования о Создателе. Пусть же и еретикам скажет пророк: "да постыдятся еретики, сказало море", подобно тому, как он сказал: **устыдись, Сидон; ибо вот что говорит море** (Ис.23:4). Куда же, однако, собрались воды? Слушай. Когда Бог сотворил землю, углублений гор еще не было; одновременно же с тем, как Бог сказал: **да соберется вода**, расторглась и земля и образовались впадины. Доказательством того, что земля расторгнута, служат находящиеся по местам острова и горы. Бог для того и оставил эти острова и горы, чтобы ты знал, что сначала земля была соединена, а разделило ее Божие слово. **Да соберется вода**, — обнажилась земля. Надобно знать, что Бог ни земли, называемой так теперь, не создал землею, ни имени такого ей не дал, а первоначальным названием мироздания было "суша", как говорит Давид: **Его - море, и Он сотворил его, и сушу руки Его создали** (Пс.94:5). Произошла суша, а названа землею, подобно тому как произошла твердь, а названа небом. Итак, когда воды разделились, показалась суша, имея вид увлажненной земли, так как воды только что удалились. Когда, таким образом, земля обнажилась, Творец повелевает: **и сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя по роду и по подобию ее, и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так** (Быт.1:11). Даже и это не устыжает еретиков. Растение, деревья, трава рождают по подобию, а Бог родил неподобного? Равным образом, при происхождении четвероногих, пресмыкающихся и птиц Бог говорит: **да произведет вода пресмыкающихся, душу живую, и птицы да полетят над землею, по тверди небесной** (ст. 20). Звери, гады, птицы, рыбы, растения, травы, деревья рождают по роду и по подобию; и один только Бог родил неподобного? И нас создавая, Бог сказал: **сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему** (ст. 26): дело — по подобию; а Творец — не подобен?

2. Но заметь удивительную вещь. Нечестие еретиков часто находит такую лазейку. Если, говорят, ты называешь Сына подобным в том же смысле, что и нас, то мы согласны. Но иное дело — подобие по природе, иное — по благодати. Мы — по подобию, Тот — подобие. **Видевший Меня видел Отца** (Ин.14:9); а мы — по подобию. Рабам Божиим должно понять различие выражений. Бог говорит: **да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя по роду и по подобию ее, и дерево плодовитое**; потом говорит: **да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их** (Быт.1:11,24). Почему там: **да произрастит**, а здесь: **да произведет?** Растения, деревья и плоды произрастают каждый год, и так как семена их должны были оставаться в земле и происходить непременно из нее, то и говорится: **да произрастит**. Относительно же животных говорится: **да произведет** потому, что раз порожденные от земли они вновь рождаются уже не из земли, а по преемству друг от друга. **И стало так**, — слово перешло в дело, земля украсилась. Оставалось украсить и небо.

Почему же Бог творит украшение земли раньше украшения неба? По причине имевшего возникнуть многобожия и ложного почитания солнца, луны и звезд. **И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной** (Быт.1:14). Почему Бог не создал солнца и луны в первый день? Потому, что тогда не было еще тверди, на которой они должны были укрепиться. И не только по этой причине, а и потому, что не было еще плодов, которые должны были пользоваться теплотою, — плоды произросли на третий день. Чтобы ты, опять, не подумал, что они произросли действием солнца, Бог творит солнце, луну и звезды тогда уже, когда творение их совершилось. Из чего Бог сотворил их? Мы сказали, что в первый день Бог сотворил все из небытия, а в остальные дни творил из существовавшего. Итак, откуда же солнце? Из света, происшедшего в первый день;

Создатель изменил его, как хотел, и превратил его в различные виды; там создал Он вещество света, здесь — звезды. Подобно тому как из куска золота кто-нибудь чеканит монеты, так точно и Бог располагает свет, разделяя его на части. Подобно тому, как раньше Творец разделил бездну, бывшую одной сплошной водой, на моря, реки, источники, озера, пруды, так точно, рассекши и существовавший один и единообразный свет, Он разделил его на солнце, луну и звезды. Желательно, далее, определить, как создал Бог светила? По-видимому, Он создал их вне неба, и затем утвердил наверху. Подобно тому, как художник, когда окончит картину, прибивает ее на стене, также и Бог предварительно создал светила вне неба и затем уже, подобно художнику, утвердил их вверху, как и свидетельствует Писание: **и создал Бог два светила, и поставил их Бог на тверди небесной** (Быт.1:16,17). Как же Он утвердил их? Не были ли оба они соединены вместе? Это не согласно с разумом. А что же? Утверждение совершилось сообразно слову самого Бога: **и создал**, говорится, **Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды** (ст. 16). Солнце утвердилось на востоке, луна утвердилась на западе, поскольку последняя получила повеление начальствовать над ночью, а первое — над днем. Так произошла луна. И рождается она в первый день полнолунною, потому что не следовало творению в первый же момент являться в ущербленном виде, а нужно было показать светило таким, каким оно произошло. После же этого изменениями луны Творец показал сроки, времена и смену дней. Итак Бог творил ее полною, какой она бывает в пятнадцатый день. Солнце взошло утром, так что, когда утверждена была утром луна, она явилась на западе. Поэтому, когда солнце склонило свой бег к западу, тотчас же начала подниматься луна, чтобы исполнить повеление: **для управления днем** и **для управления ночью** (ст. 18).

Последний вопрос. Почему Бог создал луну полною? Слушай. Мысль трудная. Луне, явившейся на четвертый день, следовало светить как четырехдневной. Но если бы она была четырехдневной, она не захватила бы края запада. Таким образом она оказалась имеющею одиннадцать лишних дней, сотворена четырехдневной, а являлась как пятнадцатидневная. На одиннадцать дней луна, таким образом, предваряла солнце, — не по творению, а по свету. Вот почему эти лишние дни, которые имела тогда луна, она и отдает солнцу. Число дней, получающееся по обращению луны каждый месяц, двадцать девять с половиной, в двенадцать месяцев года дает триста пять-десять четыре дня, так как, если ты будешь считать месяц в двадцать девять с половиной дней, то дней в году будет триста пятьдесят четыре, так что след. те лишние дни, которые тогда имела луна, она отдает каждый год солнцу. Умеющий считать — пусть подсчитает.

3. **Да будут светила на тверди небесной, и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю** (Быт.1:14,15). Так как огонь по природе устремлялся вверх, то Бог возлагает на его природу узду, чтобы он посылал лучи не вверх, а вниз. Огню свойственно стремиться не вниз, а вверх. Когда ты держишь факел, оберни его вниз, и ты увидишь, что, хотя ты и повернул орудие, огонь все же устремляется вверх. Так как Бог знал такую природу огня, то и наложил на него оковы, чтобы он светил не сообразно с своей природой, а согласно повелению. Если кто из вас наблюдал, смотря на светильник, как поглощается огонь маслом, то замечал, что он, как терпящий насилие, — поскольку масло своей силой влечет огонь вниз, а он по своей природе стремится вверх, — шипит, — огонь, если вынуждается идти вопреки своим свойствам, как терпящий насилие, как идущий вопреки природе, производит шум. Стихия, когда с ней происходит что-нибудь вопреки природе, поднимает вопль. Но почему, когда ты льешь на огонь масло, он не шумит, а когда польешь воду, он трещит? И то — влага, и это — влага. Но так как масло рождается из дерева и питает его маслина, а огонь всегда друг дереву, то он охотно принимает то, что происходит от сродного ему; когда же ты польешь на огонь воду, то он трещит, потому что борется с противным его природе. Огонь дружен с воздухом, потому

что сроден ему. Подуй на светильник, и воздух превратит огонь в дым, его уже нигде не будет видно, так как сродное убежало. Замечай мудрость Творца, замечай силу. Бог положил светила на небе, чтобы они светили над землею. **И для знамений**, говорится, **и времен, и дней, и годов** (ст. 14). Что значит: **для знамений**? Астрологи своими гаданиями, не имеющими никакого основания в действительности, доказали тщетность своих надежд на астрологию. Что по звездам нельзя ничего определить относительно жизни человеческой, об этом свидетельствует Исаия, говоря: **пусть же выступят наблюдатели небес и звездочеты и предвещатели по новолуниям** и видящие знамения и скажут, **что должно приключиться тебе** (Ис.47:13). Относительно жизни человеческой небо не дает никаких указаний. Хочешь знать, какие знамения оно дает? Оно указывает на дожди, ветры, непогоду и ведро. Такие явления звезды показывают, — и это по человеколюбию Божию, чтобы мореплаватель, видя знамение, избегал опасности, чтобы земледелец, зная время наступления зимы, заблаговременно обрабатывал землю. Бывают знамения войны и мира. Эти простые и легко понятные знамения утвердил и Спаситель, когда говорил иудеям: лицемеры, когда вы видите облако, поднимающееся с запада, говорите: зима будет; и бывает так; и когда видите вечером багровое небо, говорите: ведро; и бывает ведро; и когда видите вечером небо покрытым облаками, говорите: будет ненастье, — и прибавляет далее: лицо неба и земли распознавать умеете, а времени сего не можете узнать (Лк.13:54-56; Мф.16:2-4)? Такие знамения лета, зимы, дождя, хорошей погоды, можно наблюдать без опасности; они и благочестию не чужды и Богу не противны. Много можно бы сказать относительно астрологии, но для этого нужно было бы иметь и более сильный голос, и неутомимый язык, потому что мысль идет вместе с словом и ум слабеет вместе с языком. Обратимся, поэтому, к вопросам более простым. **Для знамений, и времен, и дней, и годов**. Иное — время и иное — пора. Время есть продолжительность (срок), пора — благоприятное время, Никто не говорит: "срок жать", никто не говорит: "срок выдавать девицу за муж"; а говорят: "пора выдавать девицу, пора посева, пора жатвы". Так и Соломон говорит: **время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить** (Еккл.3:2,3), называя порою благоприятное время. На эти-то времена и указывают звезды; например, восход Плеяд указывает начало лета, заход Плеяд — начало жатвы (Плеяды — созвездие из семи звезд (в знаке тельца), восходящее (в Греции) в мае и заходящее в начале ноября). Для нечестия это чуждо, но с благочестием согласно. Временами называются также праздники Божии. **Три раза в году весь мужеский пол должен являться пред лице Господа, Бога твоего, на место, которое изберет Он: в праздник опресноков, в праздник седмиц и в праздник кущей** (Втор.16:16). Три времени. Вот знамения и времена. Равным образом, луна дает счет дням недели и месяца; солнце блюдет перемены года — весну, равноденствие, лето, осень. Законы пребывают незыблемо. Сказал Бог — и они утвердились; повелел — и основались. Обрати еще внимание на следующее. Кто зиждитель этого? Кто это создал? Отец? Никто не возражает. Сын? Соглашаются и еретики, хотя думают неправильно: они говорят именно, что Отец создал Сына, а Сын — все. Согласиться ли с нечестивой мыслью? Так как ум еретиков давят несокрушимые узы, то спросим пророков: есть ли кто-нибудь больше Создавшего все, или Он выше всего? Увидим, что еретиков поражает собственное же их положение.

4. Они говорят, что все сотворил Сын, а Его — Отец. Жалко нам еретиков за богохульство. Поистине трепещешь повторять слова еретиков. Но, подражая врачам, коснемся рукою ран, чтобы очистить гной. И апостол вынужден был упоминать о предметах постыдных, — не для того, чтобы осквернить язык, а чтобы очистить от грехов. Говорят, что все создал Сын, а Его — Отец. Вопрошу пророков, кто и каков Тот, кто сотворил небо. Исаия пророк говорит: **так говорит Господь Бог, сотворивший небеса и пространство их, распростерший землю с произведениями ее, дающий дыхание**

народу на ней и дух ходящим по ней (Ис.42:5). Прежде Меня нет Бога, и после Меня нет. Аз есмь, и нет иного (Ис.43:10,11). Это говорит Создавший небо и землю, Единородный, который, по мнению еретиков, сначала произошел и потом уже создал. Но в словах уст своих **увяз грешник** (Пс.9:17). Блаженный Иеремия говорит: **так говорите им**. Кому? Эллинам: **боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес** (Иерем.10:11). Господь, Который сотворил небо **разумно** (Пс.135:5), сей — Бог живый и истинный. Если же Тот, кто сотворил, небо, есть истинный Бог, а еретики соглашаются, что Сын есть Творец неба и земли, то может ли быть какой-либо спор, когда Христос говорит: **да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа** (Ин.17:3)? Когда Спаситель говорил так через пророков, или сам говорил эти слова: **да знают Тебя, единого истинного Бога**, то говорил это не для сравнения ложноименуемых богов с Отцом, а в противоположность им. Потому и Павел говорит: **вы обратились к Богу от идолов, чтобы служить Богу живому и истинному** (1Фес.1:9). Он называет Бога истинным, чтобы обличить ложных, — живым, чтобы выставить на позор мертвых идолов. Я думаю, даже более — верю, что и умершие негодуют на нас, если слышать, что мы называем идолов мертвыми. Вы оскорбляете, сказали бы они, наше со-стояние: мертвыми называемся мы, которые некогда жили; зачем же называются мертвыми никогда не жившие? **Боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес** (Иер.10:11). Господь, Который сотворил **небеса разумно** (Пс.135:5), тот Бог живой и истинный. Кто живой? Сотворивший небо. Состоятельны ли определения еретиков? Не падает ли их нечестие? Не изобличается ли их богопочтение? Не ниспровергается ли их невежество? Ты не в силах постичь дел Творца, а любопытствуешь и исследуешь Зиждителя. Что воспевает Давид? **Как величественны дела Твои, Господи! Все премудростью Ты сотворил** (Пс.103:24). Пророки величают дела, еретики уничижают Создателя. Бог — великий советом, сильный делами, утвердивший небо из вод. Не перестану говорить об этом чуде. Небо утверждено из вод, и носит воду; утверждено из вод, и носит бездну. Укажу тебе подобие этого необычайного чуда. Видел ты, как доски носятся водою и сверху носят снег? Зима сделала это, а Бог не может сделать? Бог сотворил небо не в виде шара, как философствуют суесловны; Он сотворил его не вращающимся шаром. Солнце, по словам пророка как ходит? **Он распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья** (Ис.40:22). Никто из нас не настолько нечестив, чтобы поверить суесловам. Пророки говорят, что небо имеет начало и конец. Потому и солнце не восходит, а идет. Писание говорит: **солнце взошло (в греческом: вышло, а не взошло) над землею, и Лот пришел в Сигор** (Быт.19:23). Ясно, что солнце, по Писанию, вышло, а не взошло. Говорится также: **от края неба исход его** (Пс.18:7), не восход. Если небо шаровидно, то не может иметь края, потому что круглое где имеет край? Но один ли только Давид говорит? Не говорит ли того же и Спаситель? Слушай Его слова: "когда придет Сын человеческий во славе своей, пошлет ангелов своих с трубою и гласом великим, и соберут и избранных Его от края неба до края неба" (Мф.24:31).

5. Но, спросим, куда погружается солнце и где оно бежит ночью? По мнению язычников — под землею; по нашему же мнению, — раз мы считаем небо шатром, — где? Внимай, прошу, ложна ли наша речь. Если ты имеешь твердо засвидетельствованный знак истины, то способ выражения должен указывать и место. Представь лежащий сверху свод. Восток, вообразим, находится там, север — здесь, юг — там, запад там. Когда взошедши солнце собирается зайти, оно погружается не под землю, а, выйдя за пределы неба, бежит в северные страны, и скрывается за ними как бы за стеной, потому что воды не позволяют видеть его течение. Пробежав северную сторону, оно достигает востока. Откуда это видно? В Екклесиасте, книге подлинной, не подложной, Соломон говорит: **восходит солнце, и заходит солнце**. Восходя, **спешит к месту своему, где оно восходит** (Екк.1:5). Да будет тебе известно, что солнце склонено бывает к югу и обходит север во время зимы.

Так как оно восходит не с середины востока, а начинает путь ближе к южной стороне и проходит небольшое пространство, то делает коротким день, а так как после захода опять пробегает круг, то делает длинною ночь. Мы знаем, братие, что солнце не всегда выходит из одного и того же пункта. Как, в самом деле, происходят короткие дни? Приближается место восхода солнца к стране юга; здесь оно, затем, поднимается на незначительную высоту, сокращает кривую линию пути, и делает таким образом день коротким. Погрузившись же в самый край запада, оно должно обойти в течение ночи весь запад, весь север и весь восток и придти к самому краю юга; естественно, ночь делается длинной. Когда длина пути становится равной, солнце производит равноденствие. Обратно, уклонившись к северу, подобно тому как зимой к югу, и восходя у самого края севера, солнце поднимается высоко и делает день длинным. Не эллины научили нас этому, они не хотят признавать этого, и говорят, что звезды и солнце бе-гут под землю. Наше Писание, божественный учитель, Писание учит и просвещает нас. Итак, Бог сотворил солнце — не прекращающееся светило, луну — то снимающую свой убор, то опять облекающуюся в него. Создание отображает Зиждителя. Неисчерпаем Зиждитель, вечно создание. Свет луны не уничтожается, а скрывается. В этом случае луна является и образом нас, смертных людей. Подумай, сколько веков восходит она. В первый день, как она появляется, мы говорим: "сегодня рождается луна". Почему? Потому, что она есть образ наших тел. Она родится, возрастает, становится полной, ущербляется, умаляется, исчезает; так и мы рождаемся, возрастаем, приходим в полный возраст, отцветаем, слабеем, стареем, умираем, исчезаем. Но луна снова рождается; так точно и мы имеем воскреснуть, и нас ждет другое рождение. Поэтому и Спаситель, желая показать, что мы родимся снова, подобно тому как родились здесь, говорит: "когда придет Сын человеческий в пакибытии" (Мф.19:28). Луна дает удостоверение воскресения. Вы видите, говорит она, как я скрываюсь и снова являюсь, и отчаиваетесь в своих надеждах? Не ради ли вас создано солнце? Не ради ли вас луна и все существующее? Что только не удостоверяет вам воскресения? Ночь не есть ли образ смерти? Когда тела покрыты мраком, ты не различаешь внешнего вида? Часто ты ощупываешь рукою лица спящих, и не знаешь, чье это, чье то, а спрашиваешь, чтобы голос указал тебе тех, которые скрыты во мраке. Подобно тому как ночь скрывает наш внешний вид, так что никто не узнает другого, хотя все мы находимся в одном месте, так точно приходит смерть и разрушает внешний вид, так что никто никого не может узнать. Если ты, проходя мимо могил, увидишь в гробу несколько черепов, то узнаешь ли, чьи они? Но создавший знает; Тот, кто разрушил, знает, откуда произошли эти формы. Не удивляешься ли творению Божию, что в стольких мириадах форм нет ни одной вполне сходной. Хотя бы ты прошел до концов земли, ты не найдешь ни одного лица вполне сходного с другими, а если и встретишь похожее, то все же оно будет отличаться или носом, или глазами, чтобы явно было дивное дело. Близнецы выходят из одной утробы и не похожи вполне один на другого.

6. Итак, тот, кто дал бытие стольким несуществовавшим формам, разве не может по разрушении восстановить их вновь? Не измеряй силы Божией по своим соображениям, как слабый человек. Не думай, что Бог может сделать только то, что ты можешь помыслить. Если Он может сделать только то, что я мыслю, то я смело могу сказать, что Бог гораздо меньше мысли, потому что моя мысль Его измерила. Но Он превосходит мысль и побеждает разум; неисследим Творец и непостижимы дела. Пусть спросят еретиков о видимом, чтобы они познали свое невежество. Бог сказал: **да будет твердь**, и слово тотчас же совершило дело, ставшее для нас удостоверением того, что Он именно сотворил. Сегодня с вечера мы оставляем небо чистым, а пробуждаясь утром, находим другую твердь, утвержденную из облаков. Когда ты видишь пасмурное небо и другую твердь из облаков, ты находишь в этом частичные подтверждения того, что было в начале. Собирающий теперь мгновенно облака показывает, как Он тогда создал мгновенно небо.

И что Он делает? Как дают облака дождь? Он создает облака на подобие мехов, черпает ими горькие воды моря, наполняет облака, изменяет воду и орошает землю. Пусть еретики скажут, как тяжесть уносится в высоту, как черпается вода, как опоражниваются облака? Они не тотчас же делаются пустыми, а долгое время бегут, пока не повелит Владыка; повеление Бога лежит подобно узам на облаках и не дозволяет им испускать дождь, пока не изволит Бог.

А что облака — мехи, свидетельствует Давид: **Он собирает**, говорит, **как мех, воды морские** (Пс.32:7). И заметь дивное дело. Бессмертная незримая рука собирает воды и связывает их, не дозволяя им излиться зараз, а — по частям. Подобно тому как женщина, соткав тонкую основу, разделяет шерсть на множество ниток, так и Бог разделяет безмерную глубину моря на капли, как бы на нити, и в таком виде посылает земле. Но что удивительно: если она свободна, каким образом не изливается мгновенно? Если связана, почему изливается? Итак, ты имеешь хоть и слабый пример, но достаточный, чтобы уверить тебя. Видишь похитителя вод? Видишь, как он просверлил снизу? Находясь наверху, он содержит обилие вод и снизу замыкается тем, что лежит выше. Так бессмертный перст Божий лежит на облаках, выпуская, сколько хочет, и сохраняя, сколько хочет, дабы распространить дар по всей земле. И особенно делает это во время поздних дождей, когда напаяет всю землю, когда орошает то одну сторону, то другую. Потому и пророк говорит: **проливал дождь на один город, а на другой город не проливал дождя; один участок напояем был дождем, а другой, не окропленный дождем, засыхал** (Амос.4:7). Лежит впрочем, не перст Божий, а повеление. Я употребил образное выражение, применяясь к нашему способу речи. Бог повелевает, и облака не дают дождя. И об этом говорит Писание: **и повелю облакам не проливать на него дождя** (Ис.5:6). **Как**

величественны дела Твои, Господи! Все премудростью Ты сотворил (Пс.103:24). Видишь дело творения Божия? Видишь, как оно замыкает уста еретиков, не знающих творения и любопытствующих о Творце? Все повинуется закону Бога. Небо стоит, носимое не собственною силою, а утвержденное божественными законами. Когда я недоумеваю, как утверждено небо из вод, мое недоумение разрушает блаженный Давид, говоря: **словом Господним небеса утверждены** (Пс.32:6). Почему **утверждены**? Потому что они из вод. О твердом никогда не говорится, что оно утвердилось; никто не скажет: "скала утвердилась". Иное — утвердиться, иное — быть твердым. Утвердившимся называется то, что из разреженного и размягченного стало твердым. Вот почему Петр, когда исцелил расслабленного, говорит: **мужи Израильские! что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит? Бог Авраама и Исаака и Иакова, Бог отцов наших, прославил Сына Своего Иисуса**; **и ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего** (Деян.3:12,13,16), — утвердило расслабленного. Вот почему **словом Господним небеса утверждены** (Пс.32:6). Из редких и разлученных вод словом Господним облака поднимаются в вышину. Обрати, прошу, внимание вот на что. Горькая вода изменяется; облака черпают воду из моря, и почерпнув из глубины горькую, делают сладкою и годною для питья. Из глубины бездны воздвиг нас Христос, и мы не отлагаем своей горечи.

Кто есть сотворивший небо и землю? Я говорю, что Христос. Откуда это видно? Если бы Он не был Владыкою всего, то Он не сотворил бы чудес над всеми творениями, о которых говорится в Евангелии. Христос совершил чудеса над всеми стихиями — над землею, над морем, над воздухом, над огнем, дабы показать, что Он Владыка всех творений. Присоединился к свету дня свет вечерний: сияет солнце и светит светильник. Конец дня и начало ночи. Ты же, когда видишь солнце и светильник, говори: **Твой - день и Твоя - ночь, Ты устроил зарю и солнце** (Пс.73:16). Но появление светильников не прерывает

слова. Солнце должно шествовать по своему повелению (потому что **солнце познало запад свой** (Пс.103:19), дабы было показано, что Христос есть Владыка всего творения. Об этом возвещает Иоанн, говоря: **все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть** (Ин.1:3). Но нужно было, чтобы Он сиял не только словом, но и делом. Он говорит морю: **умолкни, перестань** (Мк.4:39), и оно умолкло, и дело познало Зиждителя. Он сказал морю, и замолкло; сказал ветру, и перестал. Если бы они не послушались, это значило бы, что Он не сотворил их. Если бы Он не был Владыкой воды, не претворил бы воды в вино. Если бы не был Владыкою неба, не возвестила бы о Нем небесная звезда. Если бы не был Владыкою солнца, оно не погрузилось бы во мрак во время распятия. Христос на кресте, и солнце омрачилось. О, чудо! И тварь не вынесла поругания Владыки. Омрачилось солнце, дабы ты знал, что Христос и на самом кресте Владыка солнца. Потряслась земля, дабы ты знал, что о Христе говорил Давид: **посмотрит на землю, и заставит ее трястись** (Пс.103:32). Распались скалы, дабы ты знал, о ком сказал пророк: **скалы распадаются пред Ним** (Наум.1:6). Отверзлись гробы, дабы явлено было воскресение и чрез все воссиял воскрешающий мертвых Бог.

7. Однако пора нам сделать и нравственное применение. Светильник побуждает нас сказать: **светильник ногам моим - закон Твой и свет путям моим** (Пс.118:105). Настал вечер, чтобы мы говорили: **да возносится молитва моя, как фимиам, пред Тобою, поднятие рук моих - да будет (как) жертва вечерняя** (Пс.140:2). Почему не утренняя? Обрати на это внимание, так как мы должны знать, что поем. Давид говорит: **пойте разумно** (Пс.46:8). **Поднятие рук моих - да будет (как) жертва вечерняя**. Моисей, а лучше сказать, Бог повелел совершать две жертвы — одну утреннюю, другую — вечернею, Утренняя была благодарением за ночь, так как проведший благополучно ночь благодарит днем. Вечерняя жертва была благодарением за день. Так как Ты, говорит Давид, сохранил меня в течение дня, то я благодарю Тебя за весь день. Утренняя жертва не принимает согрешившего в течение ночи. Потому Давид и говорит: **поднятие рук моих - да будет (как) жертва вечерняя**. Когда наступает вечер, то воздеваешь руки. Если они имеют дерзновение, пусть воздеваются. Если они не написали неправды, если не ограбили бедных, если не обидели сирых, пусть они, как бы имея лицо, устремляются вверх. **Поднятие рук моих** — говорится вместо: "смотри, Господи, чисты руки". Как согрешивший не смеет поднять лица и вынуждается совестью склонять его, так и осквернённая рука не смеет обратиться к Богу. Смотри: если руки чисты от неправды, пусть воздеваются. Вот почему патриарх Авраам отказался от постыдной корысти, когда царь Содомский говорил ему: возьми все, только женщин отпусти (Быт.14:21). Чтобы иметь дерзновение, он ничего не взял, и, имея руки чистые, говорил: **поднимаю руку мою к Господу Богу Всевышнему, Владыке неба и земли** (ст. 22), и простер, так как они не были осквернены неправедною корыстью. **Поднятие рук моих**. Эти слова: **поднятие рук моих** изъясняет Павел: **желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения** (1Тим.2:8). Вечер требует от нас вечерних дел. Ты простираешь руки; испытывает Зиждитель. Наступает утреннее время; и если у тебя рука и ум не чисты, то ты на утреннее время не смеешь и взглянуть. Опыт — учитель. Подумай, с какою смелостью входит, как бы в свой собственный дом, тот, кто остается чистым. Смелость в ранний час дает ему целомудрие во время ночи. Вот почему Давид говорит: **вспоминал я о Тебе на постели моей, в утренние часы размышлял о Тебе** (Пс.62:7). Благодарю Бога; знаю, что слабый наш голос укрепило слово Божие не ради нашего достоинства, а ради вашего желания. Будем же в истине сердца молиться о том, чтобы иметь мир и дерзновение в утренний час, избегать безумия еретиков, хранить православную веру и воссылать славу Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Его же беседа о четвертом дне творения

1. Вчерашний день ради ваших молитв и вашего усердия благодать Божия укрепила наш слабый голос. Наученный этим опытом, что может сделать усердие и ревность по благочестию, опять обращаюсь к вам за помощью, опять прошу о даровании ради вас той же благодати. Если Павел, избранный сосуд, имевший в себе глаголавшего Христа, управляемый Духом Святым, просил у слушателей поддержки молитвой, говоря: братие, молитесь о мне, **дабы мне дано было слово** (Еф.6:19), то насколько более мы, смиренные и ничтожные, должны просить вашего содействия, чтобы разрешились узы языка и отверзлось свободное слово, чтобы сама божественная благодать охранила и голос от препятствий и даровала обилие мыслей, — не для того, чтобы только один проповедник получил пользу от божественных благ, а чтобы он черпал небесное сокровище вместе с вами. Теперь продолжим речь о творении. Как Моисей изложил историю творения в порядке и последовательности, так и нам, думаю, подобает, излагая в порядке одно за другим, присоединяя к предыдущему дальнейшее, ясно отделить одно от другого, чтобы дать вам изъяснение не спутанное. Утверждено было небо, водружена твердь, отделено море, обнажена была земля и покрыта разными плодами, растениями, деревьями, источниками, — словом, украсилась всем, чем подобало, так как то, что произрасло из нее, не было чем-нибудь однообразным, а было многовидно и разнообразно. Одни произведения украсили самую землю, другие явились на пищу людям и животным, третьи — чтобы служить на пользу тем же людям. Перечислять эти разнообразные произведения земли в настоящую минуту мы не будем, чтобы не утомить вашего слуха пространною речью. Получило и небо свое украшение. Наконец Бог приступает к водам и повелевает им произвести душу живую. Великий и всемудрый Творец все создал свободным повелением и святым Словом. Эту вещей истину вы знаете от самой истины Слова, когда слышите Его говорящим: да соберутся воды, — и тотчас же за словом следует дело, или — опять: **да произрастит земля, да произведет вода, да будут светила**. Но чтобы пересказать теперь все, что создано Словом, потребовалось бы много времени. Потому, оставив древнее творение, перейдем к тому, что создано Словом в Новом Завете. Оно, как говорит Иоанн, сотворило и все древнее и создало новое: **все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть** (Ин.1:3). Сможет ли какое слово поведать об этом подробно? Но будем держаться последовательности. Итак, этот всемудрый Творец, как мы раньше сказали, что сотворил первым, то прежде и украсил, что создал вторым, второму дал и украшение; подобным же образом и третьему и четвертому и всему дальнейшему по порядку творения давал и украшение. С какою же целью Он так делал? Может быть, Он хотел научить нас почитать пределы стихий и признавать порядок? Итак, Он сотворил, во-первых, горнее небо, во-вторых, землю, в-третьих, твердь, в-четвертых, отделил воды. Что прежде сотворил, то прежде и украсил. Как же, — скажет какой-нибудь более строгий слушатель, — Бог украсил первою землю, когда она создана второю? Если такой слушатель вздумает обличать меня в противоречии собственным словам, то нужно ему ответить, что в данном случае ничего противоречивого нами не сказано; напротив, речь наша вполне согласна сама с собою, потому что земля украшена была ранее этой тверди, созданной после горняго неба, и получившей свое бытие на второй день. Нужно было соблюсти порядок старшинства. Когда Бог украсил землю растениями и плодами, когда украсил небо солнцем, луною и хором звезд, тогда Он перешел к водам. Что же говорит бытописатель? **И сказал**, говорит, **Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной** (Быт.1:20). Смотри, как Слово Бога приводит изречения в действия и превращает изречения в дела. Смотри, как слоги и краткие слова исполнены божественной силы. **Да произведет вода**. Слово Божие есть дело. Я думаю, что дела предупреждали слово; могущество было быстрее изречений. Слово еще не было сказано, а дело получило уже свое устроение. И что удивительно, — каждую из стихий Бог устроял двояко. Тверди Он дал светила и влагу. Равным образом и польза светил, в свою очередь, разнообразна, как ясно видно и из самих слов Писания. Об этом мы сказали уже, по мере

сил, хотя и не сообразно с достоинством предмета, раньше, когда изъясняли вам те слова Писания. Говорить о том же опять в настоящее время было бы бесполезно.

2. Земле Бог дал семена и растения, водам — рыб и птиц. **Да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею**. Гадами Бог называет рыб. так как они скорее ползают, чем ходят. Потому и блаженный Давид вслед за Законодателем говорить: **это море великое и пространное: там гады, коим нет числа** (Пс.103:25). Чудное дело, чудное повеление, чудное слово обетования! Почему [дал Он такое повеление]? Как Творец всяческих Он имеет пред глазами и прошедшее, и настоящее, и будущее, и видит так, как мы не видим даже находящегося пред глазами. Итак, поелику Он имел даровать миру жизнь впервые чрез воды, то и повелевает прежде всего водам произвести живородную природу, чтобы ты знал, откуда корень жизни. Когда я вижу, как выходят из святых вод просвещенные, как они приступают к крещению со многими пороками подобно гадам, а выходят с жизнью вечной, — вижу Законодателя, который говорит: "да изведут воды тех, которые были некогда гадами, ныне — как душу живую". Откуда это может быть видно нам? Из того, что приступающие к купели называются за прежние грехи именем гадов. Многие пришли к крещению Иоаннову, и Иоанн говорит пришедшим: **порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева?** (Мф.3:7). Смотри, — когда душа, прожившая долгие годы в нечестии, приступает ко крещению, и выходит свободного от нечестия, то не сияет ли самым делом Владычний глас, говорящий: **да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею**? Подлинно, спасаемый получает двойную благодать: и оживотворяется душой, и окрыляется подобно птице, воспаряет в небесные своды, делается сожителем ангелов и занимает место на ряду с небесными чинами. **И птицы да полетят над землею, по тверди небесной**. **Над землею** — телом, на небесах — образом жизни. Изъясняем так не потому, что понимаем слова как аллегорию, а потому, что усмотрели это в самой истории. Иное дело насильно превращать историю в аллегорию, иное — сохранить и историю, и придумать высший смысл. Бытописатель, желая показать, что гадами называет пернатых птиц, бывших в море, прибавил: **и сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее** (Быт.1:21). Разве может быть не пернатая птица? Что за нужда была говорит: **всякую птицу пернатую**? Летать означает тоже, что простирать руки. Можно летать и руками, как говорит пророк: **восплещите руками, воскликните Богу гласом радости** (Пс.46::2), не потому, чтобы руки имели крылья, а потому, что летать — значит простираться. Поэтому и пресмыкающееся — птица, поскольку оно ползет и простирается, почему и Давид говорит: **гады и птицы пернатые** (Пс.148:10). Итак, **сотворил Бог рыб больших**, то есть великих морских драконов, — другие переводчики говорят: "сотворил Бог драконов великих", не "рыб больших", а "драконов". Прежде дракона не сотворено ни одного морского животного. Вот почему Давид говорит: **хвалите Господа от земли: змеи и все бездны** (Пс.148:7), и в другом месте: **это море великое и пространное: там гады, коим нет числа, животные малые с великими.Там плавают корабли, этот змей, которого Ты создал, чтобы унизить его** (Пс.103:25-26). В другом месте, желая показать, что существует не один, а много драконов, говорит: **Ты сокрушил головы змиев в воде** (Пс.73:13). Итак, **сотворил Бог рыб больших. И увидел Бог, что это хорошо** (Быт. 1:21). Почему Бог сказал: **хорошо**? Может быть, хорошо по причине множества? Но когда Бог сотворил звезды, солнце и луну, то говорится: **виде Бог яко добро**, хотя созданий было и много. Много звезд, бесчисленны их мириады, и, однако, не говорится: **виде Бог яко добра**, а сказано: **яко добро (в русском переводе везде: И увидел Бог, что это хорошо)**. Почему? Потому, что хотя звезд и много, но все они из одного света и все назначены на одно и тоже служение, именно — светить. Напротив, здесь великое разнообразие гадов, птиц и рыб (иное ведь дело — рыбы, иное — птицы, иное — гады), и в каждом роде существует много

различных видов; потому и говорится: **виде Бог, яко добра**. По разнообразию дел и похвала. **И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле** (Быт.1:22).

3. Почему Бог, когда создал звезды, не благословил их? Почему после создания не благословил растений и деревьев? Одно благословляет, другое не благословляет. Что было причиной такого превосходства? Слушай. Звезд, сколько произошло сначала, столько и остается; они не могут увеличиваться ни по числу, ни по объему; поскольку они должны были оставаться в одном и том же положении, они не нуждались в благословении, которое бы их умножало. Те же создания, которые умножаются путем преемственности, и иначе получать приращения не могут, необходимо должны были принять и благословение. Опять повторю тоже, чтобы еще лучше утвердить сказанное в мысли, так как, братие, и растение, посаженное в разрыхленную землю кое-как, небрежно, не имеет устойчивости, а стоит твердо, когда только зарыто глубоко и с полною тщательностью. Звезды в благословении не нуждались, потому что последнее не давало им способности умножаться. Птицы же, рыбы и человек в таком благословении нуждались в виду преемственности происхождения. Где немногое умножается и малое возрастает, и где иначе, как чрез преемственность, умножаться создание не может, там имеет место благословение. Теперь, когда мы узнали причину, почему указанные творения удостоились благословения, нужно, наконец, обратиться к остальным изречениям Писания. **Растится (этого слова в русском переводе нет)**, потому что были малы; **размножайтесь**, потому что не многочисленны; **наполняйте воды**, потому что были в одной их части. В другое время нужно будет разъяснить опять, почему Бог удостоил благословения только рыб, птиц и человека, а остальным животным не дал его; теперь же, как мы обещались, будем держаться последовательности. **И сказал Бог: да произведет земля душу живую** (Быт.1:24). Землю Бог наделяет двойною честью. Во-первых, она рождает семена и растения, во-вторых, животных. И это не без причины, а в силу того, что она должна была стать жилищем человека. Кроме того, так как от той же самой земли должен был питаться сам человек, то Бог наделяет ее честью, как питательницу и мать этого великого животного. Смотри и здесь, с какою последовательностью действовал Творец. Сначала он приготовляет пищу, а затем уже вводит тех, кто должен пользоваться этой пищей. Так Он сделал и в отношении к человеку: сначала изготовил дом, и затем ввел владыку дома. **Да произведет земля душу живую**. Откуда бездушная земля рождает живую душу? Откуда произошел ревущий лев, или бегущий конь, или трудолюбивый вол, или носящий тяжести осел? Откуда такое разнообразие животных? Откуда столько душ из бездушной земли? И еретикам не стыдно признавать, что бездушная земля производит душу, которой не имела, когда же слышат, что Бог родил из собственного существа, тотчас же сплетают хитрый ряд рассуждений и строят выводы: "следовательно Бог рассекся, следовательно разделился, следовательно потерпел страдание", и другие свойственные им подобного рода выводы. Теперь не время перебирать все, что говорят еретики против Единородного, вернее же сказать — против собственного спасения, потому что Бог ничего не приобретает, когда Его прославляют, равно как не терпит никакого вреда, когда Его хулят, если только кто-нибудь не назовет приобретением для Бога наше спасение. Сам он полон всякого блага и вседоволен; Сам всех богатит, но ни в чем не нуждается. Что мог бы дать кто-нибудь Тому, Кто есть источник всех благ, от единой только благости Коего зависит все? **Все ожидают от Тебя**, говорит Давид. **Открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее по благоволению** (Пс.103:27, 144:16). Но доведем до конца начатую речь. Это и нам приятно, и последовательностью требуется. Земля, повинуясь требованию, производит то, чего не имеет; божественная ли и чистейшая природа не в состоянии рождать то, что имеет. Но пусть опять не поймет кто-нибудь слова "имеет" слишком человекообразно, чтобы сказать: "видишь, как и сам учитель признал, что Отец существует раньше Сына"?

Отнесись лучше снисходительно к слову, так как это — люди, владеющие глиняным языком, и говорящие о божественной и превосходящей всякое слово природе с людьми же. Будучи людьми, мы и говорить умеем как люди. Не знают жалкие еретики, что, говоря о Боге, они употребляют слова, которые к Богу применимы быть не могут. Например: все рождаемое, говорят они, имеет начало бытия. Почему? Они тотчас же отвечают таким образом: "ты, рожденный, разве не имеешь начала? Твой отец равным образом? Твой дед?" Если ты из самых их же рассуждений представишь другое рассуждение, которое может опровергнуть их безумие, они тотчас же говорят: "речь о Боге, а ты представляешь мне рассуждения человеческие"? Так, корень нечестия берут из общих всем рассуждений, а опровержение нечестия брать из тех же самых рассуждений не хотят.

4. Часто еретики говорят: "может ли кто-нибудь быть и рождаться". Если я покажу, что Писание утверждает подобное не только относительно Бога, но и относительно людей, то что ты будешь делать? Про чад блаженного Авраама Писание говорит, что они рождаются, говорит не как о несуществовавших, а как о предсуществовавших. Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Левия, от которого произошло колено священников. Апостол Павел, изъясняя богословски историю встречи Авраама с Мелхиседеком, говорит: Мелхиседек встретил Авраама и благословил его (Евр.7:1), и тотчас же прибавляет: **и, так сказать, сам Левий, принимающий десятины, в лице Авраама дал десятину: ибо он был еще в чреслах отца** Авраама (ст. 9,10). И смертный, следовательно, был, прежде чем родился. Так как корень жил, то вместе с живым корнем апостол назвал (существующим) и плод. Здесь же, где нет ни страдания, ни образа преемственного происхождения, ни плодоношения, ни других человеческих страданий, еретик не хочет назвать Сущего рожденным из Сущего, хотя и пребывающим вечно. "Если Он рожден, говорят, то каким образом был всегда? Всякий рождаемый имеет начало". Имя отца у нас приобретается в известный срок. Предположи, напр., что юноша желает жениться; сначала он сватается, затем становится женихом, потом мужем, и когда, наконец, родит, называется отцом, и если рожденное дитя не даст ему этого имени, то хотя бы он прожил с женою тысячи лет, не называется отцом. Точно также и мать; сначала она девица, потом обручится и невеста, потом жена; зачинает и носит плод, и если этого не произойдет, то не называется матерью. Хотя бы даже корень и носил плод, но если происшедшее дитя не даст ему в воздаяние за труды названия матери, она не называется этим именем. И это сделал премудрый Бог для того, чтобы отцы не превозносились над детьми, чтобы отец не говорил сыну: "я тебе дал жизнь, мною ты рожден, чрез меня получил бытие", а если бы и сказал так, то услышал бы тотчас же в ответ: "я чрез тебя рожден, но чрез меня и ты отец"; равно как и матери сын мог бы сказать: "ты дала мне сыновство, я дал тебе материнство". Рождение у нас является взаимным даром. Подобно этому и сын не сразу же является сыном, а сначала — семенем, потом зародышем, и только когда уже родится, — сыном. Все это подлежит необходимым условиям времени, все это подвержено страданию, все это следствие телесного устройства. Но где бестелесна рождающая природа, где бестелесен рождаемый плод, есть ли какое осно- вание утверждать, что было время, когда и Рождаемого не было, что Он рожден впоследствии времени? Итак, мы говорили: если Бог всегда один и тот же, и никогда ничего не приобретает, то Он всегда и Отец; если же Он всегда Отец, то всегда имеет Сына; следовательно Сын совечен Отцу. Мы говорим, что Сын рожден бесстрастно, но способа рождения изъяснить не можем. Истинное ведение в том, чтобы исповедать свое незнание превосходящей нас природы. Итак, рождению мы поклоняемся, но природы исследовать не дерзаем. Если бы родивший был человек, то он произвел бы и рождение человеческое; если бы имел тело, то и родил бы как тело. Если же Он чужд тела, то не приписывай бестелесному телесных страданий. Но, говорят, Он родил из своего естества, родил, следовательно, со страданиями, через разделение, чрез излияние. Докажу противное земными явлениями. Рождает виноградная лоза, рождает маслина, рождает и

вода, но рождает не как наша природа, а сообразно с собственными устройствами. Всякая женщина, когда получит от Бога дар быть матерью, когда носит плод, полнеет, когда же родит плод, худеет. С деревьями же происходит наоборот. До рождения дерево не увеличивается в объеме; когда же родит, тогда становится тучнее, плод умножается, корни увеличиваются, и не бывает ни уменьшения рождающему корню, ни умаления рожденному плоду. Виноградная лоза рождает не по нашему; а Богу, превосходящему всякое естество человеческое, когда слышишь, что Он родил, приписываешь человеческие страдания?

5. **И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так** (Быт.1:24). Скотов — это домашние животные. Гады, звери — это змея, дракон. Домашним скотом называются не только подъяремные животные, а и носящие тяжести. Всякое травоядное, — вол ли, овца ли, — называется скотом, поскольку оно есть предмет обладания человека. А что домашним скотом называются и овцы и волы, свидетельствует Писание: и **у него были стада мелкого и стада крупного скота** (Быт.26:14). Наполнилась земля, украсилась плодами, произвела животных; не доставало только домовладыки. Небо было украшено; земля одета в пестрый убор, море наполнено, воздух украсился множеством птиц; все было готово, не доставало лишь человека. Впрочем, то, что он является последним, служит не к уничижению его, а к чести. Приготовляется дом, и вводится домовладыка. Бог ничего не делает ни безвременно, ни бесцельно, а все творит целесообразно. И заметь последовательность. Сначала Он сотворил траву и сено, и после того уже питающихся ими животных. Если бы не было того, что служит для питания, то безвременно было бы творение животных; они страдали бы от недостатка плодов. Сначала он сотворил пищу, и тогда уже создает питающихся; сначала производит необходимые средства жизни, а потом уже тех, кто пользуется этими средствами. Так сделал Он и в отношении к Писанию. О Христе предварительно возвестили Писания, и тогда уже пришел Тот, о Ком они возвещали. Предваряли свидетельства, дабы поверили Тому, о Ком давались свидетельства. Предварял закон, дабы возвестить о Законодателе. Предваряли пророки, дабы провозгласить Того, о Ком пророчествовали.

И заметь мудрость Бога. Он соизволил, чтобы писания пророков оставались не только в церкви, но и у иудеев; Он оставил их у недостойных богопротивных иудеев — врагов Христовых, чтобы обличить их. Почему Он так сделал, а не отнял у них Писаний? Причина ясна и не требует долгого рассуждения, — так что моя проповедь вне подозрений. Если бы я один только имел пророков, то неверующий мог бы возражать мне. Смел ли бы я сказать: "сказал Моисей", или: "сказал Исаия", или: "сказали другие пророки о Христе и о том, что произойдет во время Его пришествия?" Желающий мог бы возражать, говоря: "откуда известно, что Моисей был пророк и сказал или проповедовал об этом, как утверждаете вы, христиане, измышляя для подтверждения своих догматов пророков и выдумывая имена? Разве мы должны соглашаться с вашими предрассудками?" Теперь же у желающего возражать, хотя бы он обладал и большою способностью защищаться, отнять всякий повод к возражению, так как те самые свидетельства, которые приводили мы в подтверждение своих догматов, есть и у них. Отсюда ли нельзя изобличить их легкомыслие? Итак, чтобы иудеи не возражали, Бог соизволил оставаться у них книгам Писания, дабы, если не поверят мне, как измышляющему свидетельства в пользу своих догматов, в виду моего их признания, поверили тем, которые остаются чужды этим догматам. Если ты спросишь иудея, — разумеется, не простеца из народной толпы, а искусного в слове и сведущего в законе, — "есть ли Христос"? он не скажет: "нет", а скажет: "есть, но только не тот, о котором вы говорите, а другой". Факта, следовательно, он не отрицает, а сомневается лишь относительно лица. Но иное дело — отрицать факт, и иное — отрицать лицо. Например, если кто-нибудь требует с меня долг,

то иное будет сказать: "я не должен", и иное: "я должен не тебе, а другому". Долг, следовательно, признается. Так и иудеи признают, значит, что есть Христос, а сомневаются в том, есть ли Он тот, о котором мы проповедуем; они допускают Христа не существующего, так как отвергли существующего. Но заметь, как сам законодатель Моисей в самом рассказе о творении человека указывает на Сына и сообщает познание о Нем. У него сказано: **да будет твердь**; сказано: **да произрастит земля**, сказано: **да произведет вода**. Когда переходит к человеку, то говорит: **и сказал Бог: сотворим человека**. Спрошу иудея: если Бог один, и нет с Ним Сына, Которого мы проповедуем, нет Духа Святого, Которому мы поклоняемся, то кому сказал Бог: **сотворим человека**? Небо Он творит одним повелением; точно также и землю и все прочее. Когда создает человека, то, желая прикровенно дать познание божества Сына, говорит: **сотворим человека**, дабы показать, что Он имел Его сотрудником в самом начале творения. Поставляемые в стесненное положение и будучи не в состоянии извратить ясный смысл изречения, иудеи говорят, что Бог сказал это ангелам. Так, не имея возможности отрицать смысл изречения, проводят отрицание иным способом. Итак, кому же сказал Бог: **сотворим**? Говорят, — ангелам. Спрошу их, кто больше: ангелы или люди? Конечно, ангелы. Когда мы достигнем полной меры добродетели, мы и тогда не будем превосходить их, а будем лишь равны им; теперь же мы много уступаем природе ангелов и их бестелесному состоянию.

6. Слушай, как об этом свидетельствует Давид: **то что такое человек, что Ты помнишь его? Или сын человеческий, что посещаешь его? Ты умалил его малым чем пред Ангелами** (Пс.8:5,6). Следовательно, мы умалены пред ангелами; мы меньше, ангелы больше. Если же, создавая человека, меньшего, Бог нуждался в ангелах, как советниках и помощниках, то насколько более имел в этом нужду, когда творил больших — ангелов, не одного притом, а бесчисленное их множество? Подобно тому ведь, как все светила Бог сотворил зараз, так и ангелов с архангелами Он сотворил зараз, а их так много, что они превосходят всякое число, почему Даниил и восклицает: **тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним** (Дан.7:10). Тысячи тысяч ангелов, и тысячи архангелов сотворил Бог и не нуждался в советнике и помощнике, а творя одного человека из земли, совещается, рассуждает, делает совет? **Что такое человек**? Не земля ли, и не от земли ли? Не прах ли и пепел? Авраам, указывая на свое ничтожество, взывает: **я, прах и пепел** (Быт. 18:27). Слушай, как, с другой стороны, Давид говорит: **Ты творишь Ангелов Своих духами и слуг Своих пламенем огненным** (Пс.103:4). Создавая естество огненное, умных и бестелесных духов, Бог не имел нужды ни в советнике, ни в помощнике, ни в каком бы то ни было другом сообщнике, а творя жалкого ничтожного человека, от земли существо, которое немного времени спустя должно прекратить свое бытие, разрушиться во гробе, уничтожиться временем, Он советуется, размышляет? Да, говорят; Владыке, по великой Его благости, прилично было сказать предстоящим рабам: что должно быть? что сделаем? Соглашаюсь и с этим, и, не смотря на высказанное опровержение, допускаю, что **"сотворим"** сказано было ангелам. Но за словом "сотворим" разве ты не видишь: **по образу и подобию**? Этим словом я смело могу заградить уста и иудеям и еретикам. (Отожествлять образ Божий с ангельским образом не может) ни иудей, ни еретик, который поистине есть тот же иудей, а пожалуй и хуже еще, потому что иудеи распяли видимое тело, а еретики восстают против невидимого божества, вернее же — против собственного своего спасения. Впрочем, первые доказали, что они делали дело невозможное, почему и терпят отчасти в настоящее время казнь за свою дерзость, видя род свой рассеянным по всей вселенной, полное же наказание донесут впоследствии, когда совершится всеобщий суд, так и еретики в надлежащее время получат заслуженное наказание. Но зачем все это я сказал вам? Буду продолжать начатое. Ни еретик, ни иудей не смеет сказать, что у Бога и ангелов один образ и подобие. Разве ангелы, которые произошли, были помощниками Богу? Они были только слугами,

которые восхваляли, благодарили Его, зная, что они произошли, что раньше не существовали и явились по благоволению Его благости; они были зрителями, созерцавшими то, что произошло после них. Они видели, как произошло небо из небытия, и ужасались; видели, как отделено море, и удивлялись; созерцали украшаемую землю, и трепетали. А что ангелы не были помощниками, а были дивившимися зрителями, об этом говорит Бог Иову: когда я сотворил звезды, восхвалили меня все ангелы и прославили (Иов.38:7).

Сотворим человека. Изречение указывает на говорящего и слушающего. Смотри, как всегда сияет луч православной веры; и солнце, блистая, присоединило свой луч. **Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему**. Соблюден и чин ипостасей, и единообразие существа. **Сотворим человека по образу**, — не по образам, потому что иной образ Отца, а иной — Сына. **Сотворим**, — чтобы показать множественность ипостасей; **по образу нашему**,— чтобы указать на единосущие. Кто был участником этого великого слова и чудного творения? Иудеи возражают (против признания этим участником Сына) и устыжаются, когда им замыкают уста; еретики безумствуют, оспаривая истину; слово благочестия имеет необоримое удостоверение.

7. Итак, откуда мы узнаем, кому сказал Бог: **сотворим человека по образу**, или кто Его советник? **Сотворим** требует присутствия на лицо советника. Блаженный Исаия говорит о Единородном Сыне Божием, пришедшем ради нас в нашем образе: **младенец родился нам — Сын дан нам** (Ис.9:6). Отрок, раньше не существовавший, **родился**; сущий же Сын **дан**. **И нарекут имя Ему: Чудный, Советник**, имя отрока, — как Сына по Божеству, как отрока — по человечеству. Велика совета ангел, чуден советник. Но если ты, пророк, называешь того советника, которому Бог сказал: **сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему**, ангелом великого совета, то ты еще не указал на достоинство советника, о котором ты возвещал. И Моисей ведь был советником, по-видимому и он советовал, говоря: не погуби их, чтобы не сказали язычники: потому, что Он не мог умножить их, погубил их (вероятно приводится место Исх.32:12, Числ.14:15-16). Однако не останавливай с удивлением внимания на слове "советник"; не делай общим имени. Хотя и много советников, пусть не унижается советник единый. Ты еще, говорит, не знал достоинства того, о ком возвещалось. Слушай о чудном советнике Исаию, который изъясняет предыдущее последующим. **Чудный**, говорит, **Советник, Бог крепкий**. Хорошо приписал он Богу крепость. Почему? Подобно тому, как было много советников, но достоинство единого советника от этого не должно было страдать, так точно не должен был уничижаться этот проповедуемый Бог от того, что было много богов, — ведь говорится: **Я сказал: вы - боги и все - сыны Вышнего** (Пс.81:6); равно и Моисею говорил Бог: вот, Я положил тебя в Бога фараону (Исх.7:1). И чтобы ты не подумал, что этот советник есть Бог в том же смысле, как Моисей, или как апостолы, пророк присовокупил: **Бог крепкий**. Моисей Бог, но не крепкий, а укрепляемый. Иное — укрепляемый, иное — крепкий. Иное — дарующий благодать, иное — принимающий. **Бог крепкий**. Моисей — Бог, одаренный крепостию, и хотя является совершителем великих чудес, но получает благодать. Апостолы подвластны, Спаситель — властвующий и дает власть. **Бог крепкий**. И этим пророк не удовольствовался, а прибавил: **Отец вечности**, **Князь мира**, дабы и нас и еретиков научить не называть подвластным начальника власти. Иное — подвластный, иное — властитель. Желаешь знать различие между самовластным и подвластным? Апостолы подвластны, Спаситель — властвующий. Павел увидал в Македонии служанку, одержимую духом прорицания, которая при всех говорила: **сии человеки — рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения. Это она делала много дней. Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу** — не одержимой, а действовавшему в ней: **именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее** (Деян.16:17-18). Называется Господом, чтобы показать, что сам он — раб. Так как чудо,

повиновение демонов людям, было выше человеческих сил, то дабы зрение не сделало бессильными слова, и слуг Бога не сочли за богов, апостол говорит: **именем Иисуса Христа повелеваю тебе**. Рабу свойственно объявлять приказание, Владыке — властвовать. Видишь, как слуга объявляет; смотри, как Владыка повелевает. Принесли к Владыке некоего бесноватого, глухого и немого. Не сказал Владыка: "объявляю тебе, немой и глухой демон", а говорит: **Я повелеваю** (Мк.9:25). У Павла объявление приказания, у Властителя — повеление. **Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него**. Демон повиновался, потому что узнал власть. Пусть блаженный Иезекииль скажет еретиков сборищу: **живу Я, говорит Господь Бог:** оправдалась **Содома, сестра твоя правее тебя** (Иез.16:48,52). Что же значат эти слова? Если ты не будешь знать, о чем говорит пророк, то не в состоянии будешь дойти до уразумения высшего смысла изречения. Содомляне были отчаянные грешники, проводили жизнь в беззаконии, за что и были истреблены ниспосланным от Бога огнем. После истребления содомлян и сожжения их города, спустя много родов, и Иерусалим стал городом, который хотя снаружи и процветал, но творил еще больше нечестия. Когда, таким образом, его жители превзошли своим нечестием содомлян, Бог чрез Иезекииля клянется, говоря: "живу Я Адонаи, говорит Господь. Скажи вероломной дочери — Иерусалиму. Не согрешила сестра твоя — Содома в половину грехов твоих, и оправдалась Содома от тебя" (Иез. 16:48,52), т.е., по сравнению с тобой Содом праведен. Так можно бы сказать и еретикам: от чрезмерного безумия еретиков оправдались и иудеи; оправдались и демоны, так как они называют Спасителя Сыном, а те — творением. "Оправдалась Содома от тебя". Кстати, спросим о причине, почему делавшие грехи содомлян не погибли как содомляне, почему они не были истреблены, как эти последние, если они даже удвоили их грехи?

8. Бог взирал не только на крайнее нечестие иудеев, но и на последующее благочестие верующих. Он провидел, что из Иудеи произойдет святая Богородица Дева; предусматривал лик апостолов; прозревал сонмы исповедников и тысячи имевших уверовать иудеев. Когда Павел пришел в Иерусалим, то соапостолы говорят ему: **видишь, брат** Павел, **сколько тысяч уверовавших Иудеев** (Деян.21:20). Итак, провидя верующих, Он пощадил неверовавших, не ради их самих, а ради имевшего родиться от них плода. И Исаия свидетельствует: **если бы Господь Саваоф не оставил нам небольшого остатка, то мы были бы то же, что Содом, уподобились бы Гоморре** (Ис.1:9). Но не сказал ли Исаия о другом, а мы вложили насильственно такой смысл в изречение? Однако слушай, что говорит Павел, — брат и толковник пророков. Братие, **так и в нынешнее время, по избранию благодати, сохранился остаток**. **И, как предсказал Исаия: если бы Господь Саваоф не оставил нам семени, то мы сделались бы, как Содом, и были бы подобны Гоморре** (Римл.11:5; 9:29). Все провидел Бог; Бог не по опыту познает вещи, подобно тому, как мы с течением времени узнаем их. Опять скажу, как много раз уже говорил: Бог провидел концы веков. Он знал, что Адам согрешит, но провидел и имеющих произойти от него праведников; видел его изгоняемым из рая, но предвидел, что ему уготовано царство. Дивное дело, — прежде рая было царство. Ты дивишься, что Адам изгнан был из рая? Дивись тому, что прежде рая ему уготовано было небесное царство. **Приидите**, говорит Спаситель, **благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира** (Мф.25:34).

Пусть устыдятся еретики, когда слышат, что царство уготовано святым прежде сложения мира, и, тем не менее, говорят, что было время, когда не было Сына. По видимому они исповедуют Единородного, так как не могут уничтожить Писания; но допуская слово, они отрицают существо дела. Если мы назовем Сына Единородным, они тотчас же говорят: написано и: **рожденный прежде всякой твари** (Кол.1:15). Итак, по мнению еретиков, эти два изречения противоречат друг другу. Если, говорят, перворожден, то не единородный, потому что перворожденный называется первородным, когда имеет братьев, а

единородный, когда имеет братьев, не называется единородным. Единородный — тот, кто только один рожден от кого-нибудь, как свидетельствует и Писание, говоря Аврааму: **возьми сына твоего** единородного (в русском переводе: **единственного**) (Быт.22:2). Первородным называется тот, кто имеет братьев, потому что он первенствует по происхождению, а единородный называется единородным потому, что не имеет братьев. Но есть единородный и в ином смысле; единородный тот, кто один рожден от кого-нибудь, а не один только произошел, как легкомысленно говорят еретики. Единородным, говорят, называется Спаситель потому, что только один был такой, как Он. Но в таком случае и Илия единороден, потому что один только был такой, что и разумно. Писание обычно называет единородным того, кто один только рожден от кого-либо, согласно с вышеуказанным значением слова. Слушай. Первородный, говорят, если не имеет братьев, есть единородный. Я укажу не одного, не двух, не трех, а многих первородных. Странное дело! Как может быть много первородных? Должен бы быть один. Я затянул речь о первородном и единородном; но решим вопрос. Бог называет первого верующего первородным в своем роде, не как первого среди других верующих, а как бывшего первым в свое время. Например, когда народ Израильский был в Египте, Бог говорил чрез Моисея: **Израиль есть сын Мой, первенец Мой. Я говорю тебе: отпусти сына Моего** (Исх.4: 22,23). Вот первородный народ, потому что в то время он был первым народом, познавшим Бога. Позднее, после закона, после многих родов, явился Давид, и Бог возвещает ему, что от семени его явится Христос, и говорит так: **обрел Давида, раба Моего, елеем святым Моим помазал его**. **Он будет звать Меня: Ты - Отец мой**. **И Я первенцем поставлю его** (Пс.88: 21,27,28). Первенец Давид, первенец и народ. Первенец Адам в своем роде, первенцы Ной, Сим, первенец в своем роде Авраам, Моисей, Исаия, потому что они в свое время первенствовали благочестием. Из этого множества первородных собрана великая церковь, пребывающая на небе. **Но вы приступили**, свидетельствует Павел, **к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах** (Евр.12:22,23). Один из этих первородных есть Христос по плоти, по божеству Единородный. Так как Он принимает всех первенцев в благочестии, то вместе с ними и Сам называется первородным, почему Павел и говорит: **Он был первородным между многими братиями** (Римл.8:29). Однако, о человеке можно бы сказать многое; но отложим речь до дальнейшей беседы о шестом дне, в который чело-век и создан, чтобы, с помощью благодати Божией, совершеннее и яснее, по мере наших сил, было слово. Скажем тогда не от собственных домыслов, а на основании того, чему мы научены. Общедоступен источник, общедоступны все предлежащие дары, если только мы желаем с усердием прилежать к ним. Теперь же обратимся к наставлению нравственному.

9. Вчера мы сказали, каково должно быть воздеяние рук; сказали именно, что оно должно быть воздеянием рук, преданных благочестию. Дающий бедному пусть говорит: **поднятие рук моих**. Поднимающий падшего пусть говорит: **поднятие рук моих** (Пс.140:2). Изъясним начало псалма, так как мы должны во всяком случае знать то, что поем. Почему мы говорим: **да возносится молитва моя, как фимиам, пред Тобою**. Никакой фимиам не направляется, потому что Бог не услаждается благовонием духов. Что же значит: **да возносится молитва моя, как фимиам, пред Тобою**? Какое кадило (в ц.сл. вместо слова "**фимиам**" - "**кадило**")? Два жертвенника было в скинии: один во внешнем дворе, под открытым небом, другой — в святилище, под кровлей. Внутренний жертвенник предназначен был только для курения фимиама, а не для пролития крови, а внешний жертвенник для принесения в жертву животных, хлебов и всего прочего. Внешний алтарь Бог повелевает Моисею сделать из неотесанных камней, а внутренний, находящийся в скинии, из полированного золота. Надо изъяснить, на что указывает чрез это благодать Божия, указывает на два рода людей, служащих славе Божией: людей необразованных и образованных. У человека, говорящего неправильною или варварскою речью слова

подобны неотесанным камням; тем не менее, они пригодны для жертвенника. С другой стороны, шлифованным золотом называется драгоценный камень. И ни этот не отбрасывается, ни тот не отвергается, так как и там, — жертвенник Бога, и здесь — жертвенник Бога. Далее, благовоние составлялось из четырех веществ: стакти, оникса, халвана и ливана. Подобно тому как из четырех веществ составляется благовоние, так и добродетель состоит из различных частных добродетелей. Поэтому Давид и говорит: **да исправится молитва моя, яко кадило пред тобою**, — подобно тому, как это последнее, слагаясь из многих частей, делается одним благоуханием. Если, говорит, войдет с молитвою человек, соблюдающий пост, милостыню, веру, то пусть четырехвидная добродетель его будет подобна этому фимиаму, направляющемуся пред лицо Твое. Так говорит блаженный Давид и в другом месте. **Вот, что хорошо и что приятно, - это - жить братьям вместе! (Это) то же, что миро на голове, стекающее на бороду, на бороду Аарона** (Пс.132:1,2). Он сравнивает любовь с священным миром, молитву со священным фимиамом. Ты предаешься воздержанию? Ты — брат священнику. Священства, скажешь, я не имею; воздержание имею. Мое воздержание — сестра твоего священства. Откуда это видно? Из того, что и тот — священнодействующий должен быть святым, и я — служащий должен быть святым. Если я предан воздержанию, я получаю священство. Откуда это видно? Давид, убегая от Саула, пришел к первосвященнику Авиафару и говорит ему: **дай мне хлебов** (1Цар.21:3), так как я внезапно послан царем и не имею пищи на дорогу. Первосвященник, сведущий в законе, отвечает: "нет у нас другого хлеба, кроме священного, которого нельзя есть никому, кроме священника". Так как, однако, он видел нужду, но с другой стороны опасался попрать святыню хлебов предложения, то требует от лиц, которые не были священниками, чистоты и говорит: "если отроки, которые с тобою, чисты от жен, возьми". Так воздержание он почитал сестрой священства. И дабы кто-нибудь не стал порицать иерея за то, что он дал хлебы лицам, не имевшим священного звания, слушай, как одобрительно Спаситель упоминает об этом происшествии. Однажды, когда иудеи порицали апостолов за то, что они срывали колосья, растирали их руками и ели, Спаситель говорит им: **разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? Как он вошел в дом Божий, взял хлебы предложения, которых не должно было есть никому, кроме одних священников, и ел, и дал бывшим с ним?** (Лк.6:3,4). Видишь ли, что воздержание — сестра священства? Видишь, как Бог взирает не на лица, а испытывает истину?

10. Итак, расположим себя к доброделанию, к правде, чтобы окрылился пост. Как птица не может летать без помощи крыльев, так и пост не может течь без двух своих крыльев — молитвы и милостыни. Посмотри на Корнилия, как он вместе с постом обладал и этими крыльями. Потому он и услышал бывший ему голос с неба: **Корнилий, молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом** (Деян.10:3,4). Представь, возлюбленный, что пост — птица; крылья его — милостыня и молитва, без которых он не может лететь вверх. Такой человек, если и не говорит, громким голосом возглашает правду, так как добродетель — великая защитница правды. Потому и говорится: услыши, Господи, правду мою. Итак, первое и величайшее благо — молитва, милостыня и делание правды; непоколебимая же основа и корень всего — ведение о Боге, почитание Единородного, исповедание Святого Духа, — вера единая, нераздельная, непоколебимая, не рассекаемая на части. Уже я говорил о том, что хочу сказать; но, тем не менее, опять скажу. Премудрый Бог попустил ересям называться по именам своих начальников, дабы показать, что их мнения не учение Бога, а измышление человеческое. Македониане, например, называются так от Македония, ариане — от Ария, евномиане — от Евномия. Точно также и остаются ереси. Желая же сохранить неповрежденною веру апостольскую, Бог не попустил, чтобы она называлась по имени человеческому. Если верующих и зовут единосущниками, то этим указывают не на человека, а обозначают веру. А что называться по именам человеческим свойственно не верующим, а еретикам, об этом свидетельствует

Павел, когда, упрекая коринфян, говорит: слышу, что у вас есть разделение; один говорит: я Павлов, а я Аполлосов, я Кифин (1Кор.1:11,12). Видишь, что называться по людям свойственно расколам. Петр не был ли более достоин веры, чем Македоний? Имена апостолов отступают пред славой Христовой, а ты разделяешь веру, нераздельное царство, неделимую славу? Но довольно. Пред нами светильник и свет. **Светильник ногам моим - закон Твой и свет путям моим** (Пс.118:105). Почему светильник? Почему свет? Светильник для оглашенных, свет для совершенных. Убеждаю любовь вашу хранить ваш пост непорочным, не оскверненным неправдой, чистым от корысти. Посмотри на безумие тех, которые усердствуют в воздержании от яств и не заботятся о воздержания от грехов. Не пью, говорит, вина, ем без масла, не касаюсь мяса. Прекрасно, воистину, все это, когда соблюдается ради Бога. Но исследуем существо дела. Хлеб, вода, вино, мясо, масло, все это — создание Божие; корыстолюбие же, неправда и нечестие — дела диавола. Ты отстраняешься ради поста от дел Божиих, а от дел диавола ради поста не воздерживаешься? Хлеб, вино, масло и все прочее — дела Бога, все они прекрасны и весьма прекрасны. Павел говорит: **всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением, потому что освящается словом Божиим и молитвою** (1Тим.4:4,5). Если же благословляется, если освящается, то почему мы воздерживаемся? Неправда, корыстолюбие и подобное — дела диавола. От дел Божиих ты ради поста отстраняешься; а от дел диавола ради благочестия не удаляешься? И затем, братие, непостящиеся не подлежат осуждению, делающему же неправду угрожает наказание. Зачем же мы избегаем того, за что не требуется ответа, и не избегаем того, за что должны отвечать? Милостыня — прекрасное дело; по видимому, она расточает; на самом же деле — собирает. Подобно тому как земледелец бросает в землю семена, чтобы получить их от нее, так и милостыня по видимому дает другим, на самом же деле увеличивает сокровище давшему. **Он расточил**, говорит Давид, **дал нищим, правда его пребывает в век века** (Пс.111:9). Так будем поститься, так покланяться, так веровать, прославляя Отца, славословя Сына, поклоняясь Святому Духу, потому что Ему слава во веки. Аминь.

Его же беседа о пятом дне творения

1. Много великих даров дано человеколюбцем Богом людям, но первый и величайший из всех даров — учение Писания. Солнце и луна, весь хор звезд, реки, источники и озера созданы на служение телу; священное же Писание даровано для исправления души. Насколько душа выше тела, настолько выше других даров дар божественных Писаний. Потому и говорит Спаситель: **исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную** (Ин.5:39). Итак, исследуем сокровища Писаний, исполним свое обещание и по мере сил наших изъясним повествование о творении человека. Пусть никто не порицает нас за то, что мы исследуем со тщательностью. Пустословам свойственно порицать установления Божии и укорять за тщательное исследование. Я слышал, как некоторые укоряли нас, говоря: какая нужда была говорить об огне и воде, о том, что огонь трещит, если на него льют воду? Мы, говорят, желаем научиться не естественным наукам, а богословию. Следует знать, что это речи людей невежественных и нерадивых. После богословия наука о природе служит к утверждению благочестия. Если отвергать изучение природы, то должно упрекать пророков, должно порицать апостолов. Апостол поучает о природе: **не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц. Есть тела небесные и тела земные; но иная слава небесных, иная земных** (1Кор.15:39,40). Зачем Павел говорит о предметах природы и, указывая на музыкальные инструменты, делает упрек, говоря: **сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения. И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению? И бездушные вещи, издающие звук, свирель или гусли, если не производят раздельных**

тонов, как распознать то, что играют на свирели или на гуслях? (1Кор.14:10,8,7)? Что общего было между языком Павла и свирелью или гуслями? Но он говорит о видимых предметах, чтобы изъяснить духовные. Какая нужда была излагать столько сведений о природе в книге Иова: **рев льва и голос рыкающего умолкает, и зубы скимнов сокрушаются; могучий лев погибает без добычи, и дети львицы рассеиваются**. Птенцы же коршунов летают высоко (Иов.4:10,11). Зачем Исаия пророк говорил: **как лев, как скимен, ревущий над своею добычею, хотя бы множество пастухов кричало на него, от крика их не содрогнется и множеству их не уступит** (Ис.31:4)? И сам Спаситель говорит о предметах природы: **Царство Небесное подобно зерну горчичному**, выросши же, **бывает больше всех злаков** (Мф.13:31,32); и еще: подобно есть царствие небесное тому, как если **человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе. Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва** (Мк.4:26-28). И о природе неба говорит Спаситель. Если, говорит, **вечером вы говорите: будет вёдро, потому что небо красно; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово** (Мф.16:2-3). Итак, зачем все это? Говорю это ради тех, которые по неразумию хотят порицать нас. Речь идет о Боге, а ты отказываешься слушать точное изъяснение догматов? Итак, теперь нам, по благодати Божией, предстоит изъяснить, — не по достоинству предмета, а по мере наших сил, — повествование о творении человека. Перейдем к предмету.

2. Украсилось небо, увенчалась плодами земля, разделились воды моря, произрасли растения, явились бессловесные животные, наполнилась вселенная, украшен был дом; не доставало только домовладыки и господина всего происшедшего. **И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему** (Быт.1:26). В предшествующий раз мы показали, какой смысл имеет слово: **сотворим**, кому принадлежит это слово, и кому оно сказано, кто был советником и чей был общий совет. На основании священного Писания мы показали, что советником древнего совета был Сын, но умолчали о славе Святого Духа. Дабы от нас — здравых — люди недужные не взяли повода (к уничижению Св. Духа), необходимо сказать, что одна слава, одна воля, одно действенное слово Отца и Сына и Святого Духа. В одном месте назван советником Сын. В другом месте сказано, что никто не знает Бога кроме одного Духа Святого. **Кто из человеков знает**, говорит Павел, **что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия** (1Кор.2:11). Если находящийся в тебе дух чужд твоего существа, то и Дух, сущий в Боге, чужд существа Божия.

Хочет чего-либо Отец? Такова же воля и Сына и Святого Духа. Хочет чего-либо Сын? Такова же воля Отца и Духа. Хочет чего-либо Дух? Такова же воля Отца и Сына. Отец воскрешает мертвых? Воскрешает и Сын. **Ибо, как Отец**, говорит Спаситель, **воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет** (Ин.5:21). Вот совместная воля. Где же воля Духа? Слушай. **Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно** (1Кор.12:11). Едино царство Отца, Сына и Святого Духа. Бог порицает тех, которые пытаются что-либо делать без воли Божией. **Горе**, говорит Он чрез пророка, **непокорным сынам, говорит Господь, которые делают совещания, но без Меня, и заключают союзы, но не по духу Моему, чтобы прилагать грех ко греху** (Ис.30:1). Пророк Захария, ясно указывая на святую Троицу, говорил: "да укрепляются руки Зоровавеля, говорит Господь; и да укрепляются руки Иоседека священника, и руки народа, ибо Я с вами есмь, говорит Господь, и Слово мое благое, и Дух мой среди вас" (Агг.2:5-6). Затем, братие, наше возрождение свидетельствует об участии Духа Св. в творении. Если бы Дух в творении не имел участия вместе с Отцом и Сыном, то не был бы соучастником и в возрождении. Как мы крещаемся? **Во имя Отца и Сына и Святого**

Духа (Мф.28:19). Какое рождение больше: рождение ли через творение, или рождение через таинство? Там — начало жизни в смерть, здесь — начало смерти в жизнь. Как же, поэтому, можно допустить участие Духа Святого со Отцом и Сыном в большем деле, а в творении телесном отлучать Его от общей славы? Мы не были бы и созданы, если бы не были образованы Святым Духом. Как в первом творении Дух был сообщником Отца и Сына, так является сообщником и деятелем в крещении. Тоже опять следует сказать о воскресении: мы не можем воскреснуть иначе, как по воле Отца, действием Сына и силою Святого Духа. Слушай, что говорит Господь; хорошо я сказал: "Господь", потому что, хотя говорит и Павел, но это слова Господа, как можно слышать об этом от самого Павла: или **вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне** (2Кор. 13:3)? Итак Господь говорит в Павле: **но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его. А если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности. Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас** (Римл.8:9-11). Вне Отца и Сына и Святого Духа нет ни первого творения, ни второго рождения, ни последнего воскресения. **Сотворим человека**

3. Порицателям я уже сделал наставление раньше. Здесь (могу говорить свободно). Название "человек" в еврейском языке значит огонь. Прошу быть внимательным. Кто слушает с любовью, тот, как друг и питомец истины, спасается, кто же слушает с неприязнью, тот не ищет для себя пользы, а того, за что подвергается осуждению, не ищет себе приобретения, а того, за что достоин порицания. Человек на еврейском языке значит огонь. Такое имя дано Адаму не без основания. Четыре стихии в мире (опять говорю о природе, хоть этого и не желают): земля, вода, воздух, огонь. Каждая из трех первых стихии, как существует, так и остается (в том же объеме). Например, если ты возьмешь ком земли, то не можешь увеличить его из содержимого; взятый тобою ком земли остается таким, каков есть. Равным образом, если возьмешь какою-нибудь мерою воду, она остается той же самой водой, не увеличивается. Если наполнишь мех воздухом, то тем же воздухом не можешь наполнить другого меха. Между тем огонь не остается таким, каков он есть. Зажигается маленький светильник, и ты можешь от него зажечь множество лампад, целую печь, огромный пламень; он не остается в собственном своем виде, а увеличивается в той мере, в какой находит вещество. Так как Бог провидел, что от одного человеческого тела наполнятся концы вселенной (один светильник возжигает такое множество лампад — и запад, и восток, и север, и юг), то Он дал соответствующее делу и имя. Потому-то и имя Адам обозначало вселенную. Поскольку от него должны были наполниться четыре страны света, Бог дает ему имя Адам: альфа — восток, дельта — запад, альфа — север, ми — юг. И имя и буквы свидетельствовали, что человек должен был наполнить вселенную. Итак, на еврейском языке, человек значит: огонь. Поелику же человек называется огнем, Писание не находит препятствия называть людьми и ангелов. Так, когда Мария и другие жены пришли ко гробу, то говорится: **предстали перед ними два мужа** (Лк.24:4), а это были ангелы. И ангелы называются огнем: **творишь Ангелов Своих духами и слуг Своих пламенем огненным** (Пс.103:4). Писание называет их мужами, так как они имеют общее с человеком понятие. И что удивляешься? Сам Бог называется огнем, и потому называется человеком. Спаситель говорить о своем Отце: **был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник**. **Послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды; виноградари, схватив слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями**. Но сокращу: "и сказал человек тот: есть еще у меня один сын; пошлю его, — может быть обратятся" (Мф.21:33 дал.). Что имеется в виду обозначить названием "**хозяин дома**", употребленным вместо имени Божия? Спаситель сказал ведь не притчу; Он не сказал: "подобно есть", а говорит: **был некоторый хозяин дома**. Моисей говорит: **Господь, Бог твой, есть огнь поядающий** (Втор.4:24), и

Спаситель, пришедши, говорил: **огонь пришел Я низвести на землю** (Лк.12:49). Итак, Он прилагает имя, соответствующее делу. Так как огонь, как сказал я раньше, из малого становится большим, и человек от немногого наполнил всю вселенную, то и назван он огнем. Это видно из слов: **сотворим человека**, потому что по-еврейски: "сотворим огонь".

Сотворим человека по образу Нашему. Многие неразумные и невежественные полагали, что человек по образу Божию в том смысле, что Бог имеет нос, имеет такие же глаза, такие же уши, такие же уста. Мысль эта ложна и безумна. И до настоящего времени существует ересь, признающая Божество человекообразным. Слыша изречения Писания: **очи Господни**, **уши** Господни (Пс.33:16), **и обонял Господь** (Быт.8:21), **уста Господни говорят** (Ис.1:20), **рука Господа сотворила** (Иов.12:9), **стояли ноги Его** (Пс.131:7), еретики приписали Бестелесному члены, не постигая безумия мысли. Бог говорит это для того, дабы ты знал, что насколько дело касается телесного вида, человек не имеет никакого сходства с Богом. Я не отрицаю этим выражения: **сотворим человека по образу**, а хочу показать только, как говорит Бог: **по образу. Ты сотворил небо и землю** (Ис.37:38); еще: **небо — престол Мой, а земля — подножие ног Моих** (Ис.66:1). Должны ли мы следовать изречению буквально? Должны ли рабствовать букве выражения? Но буквальное следование обличит меня. Как я представлю небо престолом? Престол объемлет сидящего; но Бог неописуем. Бога ничто не объемлет; напротив — Он все объемлет и окружает. Если небо престол для Бога, то как Он может измерять небо пядью (Ис.40:12)? Как, опять, Он может сидеть на небе? **Небо — престол Мой, а земля — подножие ног Моих**. Где Он сидит? На видимом небе? Но внизу тверди звезды, наверху вода. Если Он сидит наверху, то не на небесах, а на горнем небе. Если Он, все-таки, сидит, то ноги Его спускаются до земли. Такой образ ты прилагаешь Тому, Кто не имеет никакого образа? Не нечестиво ли так думать? Наконец, если ноги Его опираются на землю, то как мы сеем, как сбираем жатву, как ходим по земле, не трогая ног Его? Как Он измеряет небо пядью? Какие огромные персты должен иметь Он соответственно Божеству? И как Он такими перстами мог написать малые скрижали, и притом — немногими? Мы пишем тремя пальцами; остальные только помогают. Бог написал скрижали одним перстом. Видел ли ты, чтобы кто-нибудь писал одним пальцем? Это скорее мысли, чем слова.

4. **Сотворим человека по образу Нашему**. Бог хочет, чтобы мы были подражателями Ему в добродетели. Что значит: по **образу**? Бог свят; если мы святы, то мы — по образу Божию. **Святы будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш** (Лев.19:2). Бог праведен; если мы поступаем по правде, то мы — образ Божий. **Праведен Господь и правду возлюбил** (Пс.10:7). Если мы человеколюбивы, милостивы, то мы — образ Божий. **Будьте милосерды**, говорит Спаситель, **как и Отец ваш милосерд** (Лк.6:36). Видишь, в чем образ? И Павел показывает, в чем состоит образ, когда говорит: "совлекитесь ветхого человека, и облекитесь в нового, созданного по Богу в познание истины, по образу создавшего его" (Кол.3:9,10). Видишь, что **по образу нашему** относится к добродетелям. Далее, в чем образ? Во власти. **И да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, и над всею землею** (Быт.1:26). Какая последовательность у Бога! Какая точность в словах! "Да обладают рыбами морскими". По порядку творения и порядок господства. Так как первоначально произошли из моря рыбы, а потом из земли четвероногие и другие животные, то Бог сначала говорит о том, что произошло прежде. Да обладают **рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом**. Вот почему и три отрока, в пещи славословя Бога, наблюдают тот же порядок: **благословите, иней и снег, Господа, пойте и превозносите Его во веки. Благословите, молнии и облака, Господа, пойте и превозносите Его во веки. Да благословит земля Господа, да поет и превозносит Его**

во веки. Благословите, горы и холмы, Господа, пойте и превозносите Его во веки. Благословите Господа, все произрастания на земле, пойте и превозносите Его во веки. Благословите, источники, Господа, пойте и превозносите Его во веки. Благословите, моря и реки, Господа, пойте и превозносите Его во веки. Благословите Господа, киты и все, движущееся в водах, пойте и превозносите Его во веки. Благословите, все птицы небесные, Господа, пойте и превозносите Его во веки. Благословите Господа, звери и весь скот, пойте и превозносите Его во веки. Благословите, сыны человеческие, Господа, пойте и превозносите Его во веки (Дан.3:72-82). Можно было бы и продолжить изъяснение, но перейдем к дальнейшему. **И создал (в русском переводе: сотворил) Бог человека** (Быт.1:27). Не просто сказано: "сотворил", а: "образовал". "Образование" употребляется, когда говорится о благовидности. Так, когда кто-нибудь видит красивое лицо, то говорит: прекрасный образ. Бог ничего не сотворил в теле без красоты, а все создал для красоты и для пользы. Например, глаз имеет две цели — пользу и красоту: он и видит, и красит лицо; украшает внешность, и все видит. Ухо служит на пользу и для красоты, так как оно, представляя как бы вазу, украшает человека. Равным образом, нос имеет необходимое обоняние; но у человека сравнительно с другими животными, он образует как бы разделяющую стенку и дополняет красоту. Это — у одного лишь человека; другие животные носа не имеют, а только простые места ноздревых отверстий. Вот почему Бог и образовал человека. Потому и Давид говорит: **устроивший ухо не слышит ли? Или Создавший глаз не видит ли** (Пс.93:9)? Точно также и землю Бог создал для красы и для пользы. Но чтобы не указывать тебе многочисленных красот, скажу только об одной. Бог дал человеку, разумею мужчину, вместе с другими и сосцы. Зачем мужчине сосцы? Для красоты. Пусть женщине нужны сосцы по необходимости природы, для образования молока. Для чего они мужчине? Для благовидности, для красоты. Как в домах одни вещи существуют ради нужды, другие ради красоты, так и Бог одно дал человеку для красоты, другое для пользы. Бог создал человека, взяв персть от земли. Блаженны надежды христиан, если мы уразумеем то, что слышим. Почему не сказано: "взял ком земли"? Создал Бог такое тело, и не нуждался даже в коме земли, а взял персть? Бог предвидел будущее как настоящее. Так как он предвидел, что человек должен умереть и превратиться в прах, то Он в самом творении наперед указал надежду воскресения. Он берет персть от земли, дабы ты, когда увидишь в гробу прах, знал, что Тот, Кто создал то, воскресит и это. **И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни** (Быт.2:7). Заметь различие между человеком и бессловесными. Творя всех других животных, Бог у всех зараз создал вместе с телом и душу. Внимай, прошу. Рыб Он сотворил зараз и с телом и с душою. **Да произведет земля** животных: вместе с телами зараз произошла и душа. У человека Бог творит сначала тело, потом душу. Ради какой надежды? Каково создание, таково и разрушение. Животные потому не имеют воскресения, что они, как произошли, так и умирают; вместе с телом прекращает бытие и душа. Тело человека Бог взял от земли, а душу создал и дал сам (сотворив ее, а не взяв из собственного существа), дабы бы, когда умрет тело, или человек, не отчаивались относительно души. Что в том, что тело погребено во гробе? Не думай, что там же душа. Она взята не от земли, и не возвращается в землю. Так Бог утвердил надежду. Потому и Иезекииль, пророчествуя о воскресении, говорит: "мертвым костям явилось тело" и затем продолжает: **от четырех ветров приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут** (Иез.37:9). Так и Давид восклицает: **когда Ты отвратишь лице, - смятутся, возьмешь дух их, и исчезнут, и в землю свою возвратятся.Пошлешь Духа Твоего, и будут созданы, и обновишь лице земли** (Пс.103:29-30). Видишь Духа — творца? Видишь сообщника — Бога?

5. Но возвратимся к нашему предмету. **Вдунул**. Словом **вдунул** бытописатель указал на простоту души, на ее несоставность. Слушай теперь. Так как творение обветшало, то Христос обновляет его Своим воплощением. Адам создан был из земли, Христос создал

очи слепому из брения, дабы ты знал, что Он есть тот, Который взял персть от земли и создал человека. Бог вдунул в лицо Адама дыхание жизни; дунул Христос в лице апостолов и сказал: **примите Духа Святаго** (Ин.20:22). Дуновение, которое погубил Адам, возвратил здесь Христос; и стал опять человек душой живою. Заметь здесь последовательность. Хотя мой голос и утомляется, но, устремляясь обычною надеждой и спеша удовлетворить желаниям братий, я верю, что мне дано будет слово, не ради моего достоинства, а ради усердия слушателей. Хотя мы и много уступаем в достоинстве святым, но и они испытывали тоже, и поставлялись в затруднение немощью тела. Об этом свидетельствует Давид, говоря: **ослабел от вопля, осипла гортань моя** (Пс.68:4). Лучше охрипшим голосом говорить право, чем, обладая громким голосом, иметь развращенную душу. **И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке** (Быт. 2:8). Что такое Едем? Едем значит: сладость (роскошь). Можно бы сказать: насадил рай в роскоши, т.е. в роскошном, прекрасном месте. Потому под конец и говорится: **и изрине Адама, и всели его прямо рая сладости** (в русском переводе слов: **и всели его прямо рая сладости**) (Быт.3:24). **И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке**. Почему рай не в другой стране, а на востоке? Откуда начало течения светил, оттуда и начало жизни людей. Бог предзнаменует будущее. На востоке в раю поселяет Он человека для того, чтобы показать, что как восходящие светила текут на запад, и заходят, так и человеку должно по образу светил идти от жизни к смерти, погрузиться в смерть и достичь опять иного востока в воскресении мертвых. Адам устремился к западу, погрузился в гроб; за ним последовали и дела земли и спогреблись с умершим. Пришел Христос и дал восстание умершему. Потому пророк и говорит о Нем: **се муж, восток имя ему, и под ним возсияет** (этих слов в русском переводе нет) (Зах.6:12), т.е. из мертвых. В Адаме человек умер, во Христе восстал. **Как в Адаме все умирают**, свидетельствует Павел, **так во Христе все оживут** (1Кор.15:22). **И взял Господь Бог человека, которого создал, и поселил его в саду Едемском** (Быт.2:15). Ввел его в готовый дом. Подобно тому как зовущий кого-нибудь на пир сначала приготовляет дом, и затем уже вводит званого, так точно и здесь: Бог приготовил человеку великолепную храмину — рай, и затем уже ввел званного. Где создан был человек? На земле, вне рая. Подобно тому как светила созданы были в другом месте, и помещены на небе, так и Адам создан был вне рая, на другой земле, и потом уже был введен в рай. Откуда это видно? Писание, под конец (повествования о творении), когда Адам был изгнан из рая, говорит: **и выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят** (Быт.3:23). Поселил его в раю **Едемском, чтобы возделывать его и хранить его** (Быт.2:15). **Возделывать**. Чего же не доставало в раю? Но если даже делатель и нужен был, то откуда плуг? Откуда другие орудия земледелия? Дело Божие состояло в том, чтобы делать и хранить заповедь Бога, оставаться верным заповеди. **Вот дело Божие**, говорит Спаситель, **чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал** (Ин.6:29). Следовательно, как веровать во Христа есть дело Божие, так делом было и верить заповеди, что если коснется (запрещенного дерева), умрет, а если не коснется, будет жить. Делом было соблюдение духовных слов. Какое дело было у Павла? Был ли Павел земледельцем? Имел ли он другое какое занятие? Не все ли его дело заключалось в слове, в проповеди? **Не мое ли дело**, говорит он ученикам, **вы в Господе?** (1Кор.9:1). **Возделывать**, говорится, **его и хранить его**. От кого хранить? Разбойника не было, прохожего не было, злоумышленника не было. От кого хранить? Хранить его для себя самого; не потерять его преступлением заповеди; хранить для себя рай, соблюдая заповедь. Вместе с голосом утомляется и мой ум; но изъясним мысль. **И поселил его в саду Едемском**. Событиями предшествовавшими Писание прикровенно указывает уже на будущее. **Из Едема выходила река для орошения рая** (Быт. 2:10). Отсюда узнай, что рай был не маленьким садом, имевшим незначительное пространство. Его орошает такая река, что от полноты ее выходят четыре реки. **Из Едема выходила река для орошения рая**. Оросивши рай, она разделяется затем на четыре реки: Тигр, Нил, Евфрат, и реку, называемую в Писании Фисон, которую теперь называют Данувий (Дунай).

6. Заметь величину реки, если она разделяется на четыре реки. И эта река одна только орошает рай. Для чего такая река? Был один только Адам. Что за нужда была в такой большой реке? Она была не для него одного только, а назначалась для всей вселенной. Она уготована была патриархам, пророкам, апостолам, евангелистам, мученикам, исповедникам, святым, верным православным, благочестиво живущим, всем праведникам. Спаситель разбойнику, во едином часе исповедавшему Его, обещал рай, говоря: **ныне же будешь со Мною в раю** (Лк.23:43); подвизавшиеся от юности Авраам, Исаак, Иаков, происшедшие от него патриархи (последовали за ним). Прежде всех их делается наследником рая разбойник. Итак Бог творит Свои дела не ради настоящего, а ради ожидаемого. Ради чего Он сотворил такое пространство земли? Ради Адама или ради обитающих на ней теперь? **Оттуду разлучается в четыре начала** (русский перевод: и потом разделялась на четыре реки) (Быт.2:10). Не сказано: "на четыре потока", а: начала, т.е. источника. Имя одному — Фисон, о котором мы уже сказали. Далее — Гион, это — Нил; Гион — древнее его название. Об этом свидетельствует Иеремия, говоря: **и ныне для чего тебе путь в Египет, чтобы пить воду из Нила** (Иер.2:18)? Слушай здесь внимательно. Представь, что вот это — рай. Наглядно можно это разъяснить лучше, чем словом. Проходит большая река, изобилующая водою, и орошает рай. Отсюда она несется в подземную бездну и проходит под землею беспредельный путь, который знает только положивший его Господь, долгое время поток скрывается, расходится по разным местам, и наконец одною частью является в Ефиопии, другою — на западе, третьей — на востоке. Так направляет Бог поток под землею и творит источники, чуждые первой реке. Для чего это? Для того, чтобы, идя по следам рек, люди не нашли рая, чтобы последний оставался для них недоступным. Если бы до рая можно было дойти, то никто не нашел бы его раньше богатых; теперь же Бог заключил его как для богатых, так и для бедных, чтобы все находили к нему путь только чрез одну добродетель. Сколько трудов подъяли патриархи, пророки, святые, ища рай, и не нашли его? Разбойник, который этим путем не шел, чрез веру воистину нашел путь, — Того, Кто говорит: **Я есмь путь** (Ин.14:6). Он нашел рай, который заключен был преслушанием для первого человека. Но почему, спросим, бытописатель, упомянув о первой реке, сказал: **ту, где золото, и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс** (Быт.2:11,12). Если уж он описывал страны вселенной, то должен был бы указать богатства, находящиеся в каждой стране, — указать, где находятся смарагды, гиацинты, где топаз, где другие различные драгоценности. Он упомянул о золоте и двух камнях как о начатках священства, так как первосвященник носил золотой плат, на котором было написано имя Божие. Двенадцать камней было на груди первосвященника: сардий, топаз, смарагд, анфракс, сапфир, иаспис, лигирий, агат, аметист, хризолит, берилл, оникс (Исх. 28:17-20). Из этих двенадцати камней зеленый (смарагд) был усвоен колену священников, анфракс — царскому. Почему? Потому, что как огню свойственно жечь и светить, так и царю свойственно благодетельствовать и наказывать. Рувиму, первому колену, усвояется сардий Симеону — топаз, Левию — зеленый камень, Иуде, от которого Христос, — огненный анфракс. Спустя долгое время Исаия говорит Иерусалиму: **вот, Я начертал тебя на дланях Моих; стены твои всегда предо Мною. Я положу камни твои на рубине и сделаю основание твое из сапфиров** (Ис.49:16, 54:11), — разумея, несомненно, Спасителя. **Вот, Я полагаю в основание на Сионе камень, — камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крепко утвержденный: верующий в него не постыдится** (Ис.28:16). Итак, анфракс усвоен царскому колену, зеленый (смарагд) — священному. От названной реки отделяются четыре источника рек. Почему же вода их не одинакова? Если они от одной реки, спрашивают любопытные, если из одного источника, то почему не одно у всех качество? Что за причина этого? Они изменяются от земли, от свойства тех мест, чрез которые проходят. Одна и та же вода, имеющая одну природу и качество, если насыщается полынью, получает одно качество, если анисом, — другое, если рутой — третье; природа одна, но ее изменяют другие вещества. Так точно и реки. Так как они проходят по новым

местам, одна чрез землю, имеющую одно свойство, другая чрез иную почву, то и получают новые свойства от местностей.

7. Итак, Бог сообщил качества рекам по положению местностей. Наконец, Он творит в раю **всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи** (Быт.2:9). Он заранее лишил преступника возможности оправдываться. Когда бытописатель сказал о жене: **и увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно** (Быт.3:6), то дабы кто-нибудь не подумал, что оно одно только было красиво по сравнению с другими деревьями, он сказал, что этим свойством отличались все деревья, что все были красивы на вид и прекрасны, дабы ты знал, что чело-век преступил заповедь не по причине недостатка, а пал при полном изобилии. **И дерево**, говорится, **жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла** (Быт.2:9). Троякого рода были деревья. Одни даны были человеку, чтобы он жил; другие — чтобы хорошо жил; третьи — чтобы всегда жил. Он мог жить от деревьев, от которых было позволено есть; мог жить хорошо, не касаясь деревьев запрещенных; мог жить хорошо, касаясь того, что было не запрещено ему, и не касаясь того, что запрещено. Жить хорошо — значило повиноваться Богу. Древо жизни находилось среди рая, как награда; древо познания — как предмет состязания, подвига. Сохранив заповедь относительно этого дерева, ты получаешь награду. И посмотри на дивное дело. Повсюду в раю цветут всякие деревья, повсюду изобилуют плодами; только в середине два дерева как предмет борьбы и упражнения. Кругом была пища. Впрочем, речь о преступлении и древе отложим до другого времени, а теперь обратимся к ближайшему. Бог приводит к Адаму всех животных. Пусть выслушают еретики. Не дивись, если по поводу каждого изречения, каждого слова, речь обращается против еретиков; те, кто восстают против славного царствия, обличаются по всякому поводу. **Камни из стен возопиют** (Авв.2:11), не говорю уже — слово от Писания; **ни одна иота или ни одна черта** (Мф.5:18) не оставляет без порицания еретиков. Все обвиняет тех, кто отрицает Владыку всех творений. Итак, слушай. Необычайное было зрелище: стоит Адам, и Бог, как слуга, приводит к нему животных. **И привел**, говорится, Бог животных (Быт.2:19). Здесь внимай не словам, а мысли. Представь стоящего Бога и судящего Адама. Привел Бог всех животных и говорит Адаму таким, например, образом: как, до твоему мнению, назвать это животное? — Пусть называется львом. Бог утверждает название. Далее: как это животное? — Пусть называется волком. — Прекрасно рассудил ты. Подобным образом Бог утвердил имена всех животных. **И привел**, говорит Писание, **к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей** (Быт.2:19). Смотри. Так как Бог сотворил человека по образу Своему, то Он пожелал явно представить и его достоинство и поистине показать, что он носит образ премудрости. И заметь дивное дело. Бог определил Сам имена заранее, но хотел показать чрез образ, что суждения Адама согласны с божественною волей. Несомненно, Писание, желая показать, что Бог предопределил имена, которые дал Адам, говорит: **чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей**, т.е. Бог так предопределил, Бог так решил.

Но возвратимся к предмету нашей речи. Стоит Адам, и Бог приводит к нему животных, и Владыке не служит к унижению то, что Он приводит к рабу. А еретики, если услышат, что Христос приводит нас к Отцу, тотчас говорят: видишь, что Он раб? **И привел их к человеку**. Раб судил, Владыка приводит. Бог не унижался тем, что приводил (животных) к Адаму. А Христа еретики, когда услышат, что он приводит к Отцу, низводят в ряд слуг. Если Спаситель говорит: **никто не приходит к Отцу, как только через Меня** (Ин.14:6), еретики тотчас же направляют, а вернее сказать — искривляют, уши. Бог, приводящий животных к Адаму, не является его слугою; а если человека приводит к Богу Бог, то становится в ряде слуг? Но пусть неведение слов Писания не дает пищи для твоей болезни. Я знаю, что и Сын приводит к Отцу, и Отец к Сыну. Сказав: **никто не приходит**

к Отцу, как только через Меня, сам же Спаситель говорит также: **никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец** (Ин.6:44). Хотя я знаю, что то, о чем я скажу теперь, я уже раньше сказал, но так как это имеет близкое отношение к настоящему предмету, а с другой стороны, может быть некоторые тогда не слышали, то и теперь повторю. Представь, сколько существует животных; именно, представь ручных, диких, живущих в горах, в долинах, животных в Галлии, Индии, во всех других странах вселенной; представь далее роды и виды гадов, всех птиц, всех рыб, обитающих к море, озерах, реках. Все они были приведены к Адаму, и каждому из них Он давал название, и Бог не возражал, а спокойно ожидал. Тысячи имен, — и Бог на все дает согласие. Одно имя называет Бог, свидетельствуя с неба: **Сей есть Сын Мой возлюбленный** (Мф.3:17), и еретики отвергают голос, свидетельствующий об одном имени, — тот самый святой голос, который признал тысячи имен и не отверг ни единого. Приведены были животные и названы именами. Теперь человек стоял как царь.

8. Подобно тому, как вступающие в войско отмечаются царским знаком, так и Бог, поскольку хотел даровать человеку господство, дает ему, как господину, власть наречь имена, потому что никто не назначает имен кроме одного только господина или отца. Слушай. Одни имена нарек Бог, другие — Адам. Бог назвал небо, землю, море, твердь, день, свет, ночь, плод, растение, траву, деревья; Адам нарек животных и птиц: павлина, орла, тельца, овцу; этот — виды, Тот — роды, чтобы не ложно было изречение Сказавшего: **сотворим человека по образу Нашему** (Быт.1:26). Бог нарекает имена светилам: медведице, ориону, плеядам, вечерней зари, деннице. Все это назвал Бог, как о том свидетельствует Давид, говоря: **исчисляет множество звезд и всем им имена нарекает** (Пс.146:4). Бог дает имена тому, что на небе, Адам — тому, что на земле. Бог называет небо, землю, все остальные творения, называет Адама, огонь, человека. Адам что называет? Имена животным, птицам, гадам, зверям.

Новые имена — кость, плоть — называет Адам, когда говорит о жене: **вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей** (Быт.2:23). Когда Бог создал человека, Он не сказал, что создал его из костей и плоти. Затем, Бог говорит: "мужчина", Адам говорит: "муж", Бог говорит: "женщина", а тот: "жена". Чудное дело. Так как человек исполнен был святого Духа и не был еще несчастным преступником, а полон был благодати, то в нем цел был дар пророчества, о котором я говорил вашей любви за несколько дней пред этим. Он знал прошедшее, знал настоящее и будущее. Как он знал настоящее? В теле костей снаружи не видно; но так как он имел Духа, то и говорит: **вот, это кость от костей моих**. Откуда бы он знал, если бы не открыл ему Дух Святый. Почему же сначала Адам назвал кость, а затем плоть? Потому, что Бог сначала взял из него ребро. **Она** говорит, **будет называться женою, ибо взята от мужа своего** (Быт.2:23). Адам пророчествует о прошедшем, указывает настоящее, говорит о будущем. **Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей** (Быт.2:24). Еще не было брака; откуда же отец и мать? Пусть выслушают опять еретики. Бог восхотел сотворить Адаму жену. **И навел Господь Бог на человека крепкий сон** (Быт.2:21). Всякое древнее слово Божие стало законом природы. На первом человеке Он показал,как должно происходить от человека новое поколение. "Навел Бог сон на Адама". Дивное дело. Бог указывает время, когда, устанавливается брак. Сон называется исступлением, потому что во время сна человек бывает как бы вне себя. Душа в нем, и в то же время не в нем. Она не чувствует, не понимает, слыша не слышит. Как теперь мы говорим: он был в отсутствии, когда он чужд занятий, так я душа, когда бывает чужда чувств, находится в отсутствии (экстазе). **И успе** (в русском переводе этого слова нет), говорится. **Взял одно из ребр его** (ст. 21). Пусть спросят у еретиков: как взял Бог? Как Адам не почувствовал боли? Как он не страдал? Один волос вырывается из тела, и мы испытываем боль, и хотя бы кто был погружен в глубокий сон, он просыпается от боли. Между тем вынимается такой большой

член, вырывается ребро, а спящий не просыпается? Бог извлек ребро не насильно, чтобы Адам проснулся, не вырвал. Писание, желая показать быстроту действия Зиждителя, говорит: **взял**. Связи разрешились, и человек не почувствовал.

9. Бог взял ребро, как взял персть. Если бы связавший был один, а разрешивший — другой, то была бы борьба; если же разрешил связавший, то разрешил как было угодно. **Взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию**. Откуда наполнил? Извлек из остального тела? Но всякое тело, если его тянуть, становится тоньше. Как наполнил? Так и о теле мы говорим, и не понимаем; а говоря о Боге, многоумствуем? **И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену** (Быт.2:22). Откуда из ребра образовались глаза? Откуда чувствующее сердце? Откуда говорящий язык? Как образовались из ребра внутренности? Как возникла из ребра печень? Ты не в силах понять, как произошло это, а любопытствуешь о Зиждителе? Заметь повсюду образ Христа. Бог взял у Адама ребро не прежде, чем навел на него сон. Почему? Потому, что от ребра имел произойти грех, который вошел через жену. Пришел Спаситель, источая из ребра воду и кровь, — воду, омывающую от грехов, кровь, дающую нам таинство. Смотри, на образ. Когда Адам уснул, было взято ребро; когда наступил сон для тела Христова, отверзлось ребро, чтобы новою историею разрешить древнее печальное событие, — говорю о сне на кресте. **И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку** (ст. 22). О, человеколюбие Господа! Сколько Он творит, создает, сколько благодетельствует! Приводит животных, приводит невесту. Так как и Адам был как сирота, и Ева девица не имела ни отца, ни матери, которые исполнили бы нужное, то Бог сам исполняет обязанности отца и матери. И заметь закон, — ведь всякое древнее слово Бога есть закон природы. **И привел** Бог жену **к человеку**, — и осталось законом до настоящего времени, что жена для мужа; не муж приводится к жене. **И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились** (Быт.2:25). Действует устав, возглашается закон. Всех стыдится мужчина, кроме своей жены; всех стыдится женщина, кроме своего мужа. Это, сказал я, по закону. Причина же, почему первые люди не стыдились наготы, заключалось в том, что они облечены были в бессмертие, одеты славою. Слава не дозволяла им видеть себя нагими; она прикрывала наготу. Где, опять, можешь ты видеть человека нагим и нестыдящимся? Ты находишь его во Христе. Петр, Иоанн и Иаков пришли ко гробу, ища тело, и не нашли его, а нашли свернутые одежды, дабы явно было, что после воскресения Христа в Нем восстановляется древний образ Адама, и Он пребывает без одежд, но не нагим, а одетым. Воскрес Христос, и слагает с Себя одежды, в которые облекся Адам; был наг и нагим не казался. По воскресении жены видят повергнутые одежды. Марфа и Мария видят Христа, узнают Его, припадают к Нему, и нагим Его не видят. Как Он облекся в одежды? Он бросил их в гробе. Прежние одежды разделили воины. Каким же образом Он оделся? Почему нагой не наг? Спрошу еще и о другом. Почему одежды и плащаницу видели в одном месте, а плат, которым была повязана глава Спасителя, в другом? Святая благодать хотела показать, что воскресение произошло без замешательства. Так как иудеи намеревались пустить слух, что тело украдено учениками, то Христос оставляет свои одежды в гробе. Тот, кто крадет мертвеца, крадет его вместе с одеждами. Спасителя можно было видеть выходящим из гроба, как Иосифа из Египта. И заметь различие: после воскресения явился Христос нагим, и Петр был нагим, но один обладал бессмертием, другой был еще смертен. Иисус, облеченный во славу, стал на берегу и говорит: **дети! есть ли у вас какая пища** (Ин.21:5). Нет, отвечают ученики, не имеем, — так как они не узнали Его. Затем говорит: **закиньте сеть по правую сторону лодки** (ст. 6); они забросили и поймали великое множество. Иоанн узнает Господа и говорит Петру: **это Господь** (ст. 7). О, чудо! По голосу не узнали, а узнали по делам. И взял, говорится, Петр одежду, **ибо он был наг** (там же). Смертное тело стыдится, бессмертное — не стыдится. Но к облекшему нас славою, к облекшему вселенную бессмертием, к Тому припадем, Того будем молить, да облечет нас верою, надеждою спасения, славою Христовою, так

как Отцу слава со Единородным Сыном и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О шестом дне творения, о первозданных людях, о змие, о древе познания, о жизни в раю и общении Бога с Адамом

1. Итак, приступим к исполнению обещания, и доведем до конца речь о рае. Хотя и великим злом было изгнание Адама из рая, но гораздо большее еще зло — утрата нами памяти о рае. Итак, приступим к предмету, изъясняя его не на основании общих обычных рассуждений, а заимствуя решение недоумений их самого Священного Писания. Кто думает и рассуждает по собственному изволению, тот обольщает себя, а кто научается решению недоумений от Писания, тот имеет своим учителем саму истину. Так как многие и из верных при чтении (Писания) встречают недоумения, и из неверных многие, по неразумию, хулят (Бога), то мы, дабы и святых утвердить, и неверных обличить, приступим к изъяснению, по мере наших сил, молитвенно прося вместе с вами Бога, чтобы Он даровал обильное познание истины. Насколько дозволяли наши силы, хотя и не так, как требовало бы достоинство предмета, мы достаточно сказали о том, как человек был создан, как образовано было тело, как сотворена Богом душа и вложена в тело, как человек имел своим жилищем рай. Обратимся теперь к дальнейшему. Адаму дана была вся земля, избранным же его жилищем был рай. Ему можно было ходить и вне рая, но находившаяся вне рая земля назначена была для обитания не человеку, а безсловесным животным, четвероногим, зверям, гадам. Царственным и владычным жилищем для человека был рай. Потому-то Бог и привел животных к Адаму, что они были отделены от него. Рабы не всегда предстоят господину, а когда только бывает в них нужда. Животные были названы и тотчас же удалены из рая; остался в раю один Адам. Здесь обратим внимание на точность Писания.

Повелено было животным придти к Адаму, повиноваться ему и служить. Подобно тому как было три рода деревьев, — были деревья, дававшие ему пищу для жизни, были деревья, способствовавшие благополучной его жизни, и было древо, охранявшее его для жизни вечной, — так точно даны ему были и три рода безсловесных животных, — одни в пищу, — назначены, впрочем, были не ему одному, а всему роду человеческому, — другие — для служения, третьи — для услаждения души. В пищу даны, напр., те, которых теперь колют; для служения — лошади, верблюды, ослы, волы и другие рабочие животные; для услаждения душевного — животные, обладающие способностью подражания, птицы небесные с их звонкими голосами, услаждающими слух. Подобно тому как тело, если не отдохнет после трудов от утомления, бывает не способно к новым трудам, так и душа, подвизавшаяся в трудах добродетели, если не усладится видом приятного, не имеет достаточной крепости для подвигов добродетели. Когда Бог видит, что душа утомляется, Он услаждает ее приятными вещами. Так бывает и с нами. Часто бывает, что человек, возвратившись от занятий отягченный тысячами огорчений, удрученный часто тяжелыми впечатлениями, измученный тяжкими бедствиями и лишениями, дома находит утешение в ребенке, и нежное чувство облегчает тягость трудов. Так как к нему, когда он не в духе, ни жена не может подойти с утешением, поскольку ее утешение является неуместным, ни слуга не осмеливается утешать, то Бог представляет невинное существо, заслуживающее снисхождения за свое неведение, и через него облегчает и успокаивает удрученную тягостями душу. Если засмеется слуга, то может показаться, что он смеется над огорчениями господина; если будет смеяться жена, то может показаться, что она не сочувствует горести; ласку ребенка нельзя заподозрить вследствие невинности его природы. И часто бывает, что то, чего не в силах сделать друзья своими советами, мудрецы своими наставлениями, может сделать ребенок одним своим смехом, — именно рассеять всякое чувство горести. И вот в самый высший момент

печали человек видит ребенка, сначала отстраняет и отвергает несвоевременное утешение, но уступает настойчивости и, обратив несколько раз свой взор, увлекается, берет, затем, ребенка, забывает печаль, и говорит: "вот кого только дарует мне Бог, и нет мне никакого дела до других"!

Видишь, как Бог и ничтожными вещами дает душе утешение? И вот, так как Адам в раю был одинок, не имел ни друга, ни близкого человека, ни родственника, то Бог привел к нему для развлечения животных. И теперь, например, есть животные, обладающие способностью подражания, — одни подражают действиям, другие — голосу, как например действиям человеческим подражает обезьяна и подобные ей животные, голосу — попугай и другие птицы. Итак, Адам получал развлечение от животных, из которых одни доставляли удовольствие голосом, другие служением. Между многими, доставлявшими ему развлечение, мудрейшими сравнительно со всеми зверями земли, как говорит Писание, был змей: **змей был хитрее (в ц.сл.: мудрейший) всех зверей полевых, которых создал Господь Бог** (Быт. 3:1).

2. Итак, и из обладающих способностями подражания змей был способнейшим, и из служивших — ближайшим. Не смотри на теперешнего змея, не смотри на то, что мы избегаем его и чувствуем к нему отвращение. Таким сначала он не был. Змей был другом человека и из служивших ему самым близким. Кто же сделал его врагом? Приговор Божий: **проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми: и вражду положу между тобою и между женою** (Быт.3:14,15). Эта-то вражда и разрушила дружбу. Дружбу разумею не разумную, а ту, к которой способно безсловесное животное. Подобно тому как теперь собака проявляет дружбу, не словом, а естественными движениями, так точно и змей служил человеку. Как животное, пользовавшееся большою близостью к человеку, змей показался диаволу удобным орудием (для обмана). Видя, что и Адам рад змею, и последний близок к нему и подражает многим человеческим действиям, злодей замыслил то же, что делают коварные люди, достигающие своих замыслов чрез близких, потому что никто не делает зла через чужих, а через своих близких, как сказал Спаситель: **враги человеку — домашние его** (Мф.10:36). Итак, диавол говорит чрез змея, обманывая Адама. Прошу вашу любовь слушать мои слова не кое-как. Вопрос не легкий. Многие спрашивают: как говорил змей, человеческим ли голосом, или змеиным шипением, и как поняла Ева? До преступления Адам был исполнен мудрости, разума и дара пророчества. Подумай, какою он обладал мудростью, если он один, не имея учителя, не обученный никем другим, смог дать имена всем птицам, животным, гадам, зверям, словом всему. Представь в своем воображении роды и виды. Но чтобы кратко сказать, он столько дал имен, сколько теперь, не смотря на опыт, мы не можем и повторить. Итак, когда Бог привел к человеку животных, он, как мудрый и обладающий духом Божиим, заметил свойство каждого животного. Так он обратил внимание и на змея, как на животное мудрейшее, имеющее смысл и понимающее по внешним действиям душевные движения. Когда так обстояло дело, диавол заметил и мудрость змея и мнение о нем Адама, — потому что последний считал змея мудрым. И вот он говорит чрез него, дабы Адам подумал, что змей, будучи мудрым, сумел перенять и человеческий голос. Итак, подходит змей. Писание нигде не сказало о том, что в змие говорил диавол; точно также и Моисей рассказал просто историю. Слушай, прошу, внимательно. Павел, второй человек, бывший в раю, и тот не отвергает изречения о змие, а говорит: **я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою. Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву** (2Кор.11:2-3), — не сказал, что диавол. Он был верным стражем Писания, слугою Писания, учителем Писания, толковником Писания. Он не хотел отвергнуть изречения, чтобы не уничтожить достоинство Писания, но разрешил затруднение мыслью. **Но боюсь**, говорит, **чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились**. **Так**, — как? Или Павел боялся, чтобы опять не

пришел змей и не обольстил кого-нибудь? Но я знаю, говорит он, что змей тот не является, а является тот, кто в нем действовал. Так Павел, как верный служитель и страж Священного Писания, не изменил выражения, а показал мысль, сам же Владыка и древнего, и нового, и будущего, окончательно разъяснил недоуменный вопрос, чтобы кто-нибудь не отнес грех к змею, а относил бы его к тому, кто действовал в змее. Христос, именно, говорит иудеям, которые сказали Ему: "мы от Бога": "если бы вы были от Бога, то творили бы дела и волю Бога; ныне же **ваш отец диавол**" (Ин.8:41,42,44). Он указал на диавола и тотчас же напоминает историю: **он**, говорит, **был человекоубийца от начала**. Так служитель истолковал как подобает служителю, а Владыка научил как Владыка, указав того, кто убил Адама. Христос не сказал просто: "убийца был", а: **человекоубийца**, поскольку диавол убил не одного Адама, а убил чрез него всех людей. **И не устоял**, говорит, **в истине, ибо он лжец**.

3. Смотри, как Христос изъяснил, что обольститель есть и диавол и лжец. Как же он лгал? **Подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю**? Видишь лжеца? Бог сказал: "от всякого дерева ешьте; не ешьте от одного". Лжец говорит: "почему Бог сказал, чтобы вы не ели от всякого дерева?" Не ложно слово Христово: **он лжец.** Он солгал, и притом тяжко солгал. Когда кто-нибудь хочет сделать злое дело, он притворно ссылается на необходимость, или на свое неведение, чтобы не дать заподозрить свое коварство; он как бы говорит: "я не знаю, у меня нет умысла, я пришел просто, ничего не знаю". Разве вы не знакомы по опыту с многими такими людьми? Разве мы не знаем дел коварных людей? Разве они не хитро обделывают дела и не притворяются неведующими? Так точно и диавол. **Подлинно ли**, говорит, **сказал Бог**? Он как бы говорит: "я слышал мельком, не совсем хорошо слышал, чтобы вы не ели от всякого дерева". Жена, считая это за неведение, исправляет речь. "Не так, говорит, сказал Бог; Он не сказал, чтобы мы не ели от всякого дерева; напротив, позволил есть от всякого дерева, а запретил только от одного; Он сказал нам: не ешьте, чтобы вам не умереть". По-видимому, диавол узнал, чего не ведал, и вот, как незаподозренный в коварном умысле, говорит жене: **нет, не умрете** (Быт.3:4). Вот другая ложь. Бог сказал: **не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть** (ст. 5, 4); диавол говорит: "не умрете". Это вторая ложь. **Но знает Бог, что в день**, говорит, **в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги**. Вот третья ложь. Заметь коварство и злобу диавола. Он уже старается бросить в мир семя заблуждения. Так как он старался, как я сказал, утвердить в мире многобожие, то предупредив жену как бы рассказом, он обольстил ее слух и заронил в нее мысль о многих богах. Но если виновник нечестия заронил мысль о богах, то Бог по своему предведению устроил так, что будущее заблуждение высказано было не человеческими устами; Он хотел, чтобы впервые заговорил о богах не голос разумного существа, а сказали впервые уста змия, и всякие уста, говорящие об идолах, уподоблялись устам последнего. Знаю, что вы и меня извиняете за голос, и уразумеваете мысль святого Писания. Никто пусть не обращает внимания на звучность голоса, а пусть постигает смысл рассуждений.

Но знает Бог, что в день, говорит, **в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло**. Многие, и особенно последователи нечестивого Порфирия, писавшего сочинения против христиан и отторгшего многих от божественного учения, говорят: зачем Бог запретил познание доброго и лукавого? Пусть бы Он запретил лукавое; зачем Он запретил и доброе? Сказав: **а от дерева познания добра и зла не ешь** (Быт.2:17), Бог, говорят, запрещает человеку знать злое; но для чего запрещает знать и доброе? Нечестие всегда попадает в собственные свои сети и дает само основания для его опровержения. Не знание доброго запретил Бог, — Адам имел его и прежде, чем съел от дерева. Если он не обладал знанием, то как он узнает жену? Как говорит о ее природе: **кость от костей моих и плоть от плоти моей** (Быт.2:23)? Как он

пророчествует о будущем: **потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей**, и так далее? Столько Он знал, и не знал доброго? Он знал Бога, хранил повеления Божии, имел знание, назвал столько имен; как же он не обладал знанием доброго? Итак, что же значит запрещение Божие? Не знание добра запрещает Бог, а хочет лишь, чтобы вместе с знанием добра не было знания зла. Разрешу нечестивое мудрование от Писания. Павел говорит: **не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую** (1Кор.10:21). Не обе чаши запретил он; нет, святую он признал святой, а отверг нечистую и непотребную. Так и Спаситель: **не можете служить Богу и мамоне** (Мф.6:24), — невозможно в одно и тоже время служить и Богу и демону. Так и Бог запретил знать злое, чтобы с добрым не смешивалось и знание злого.

4. Здесь остановим наше внимание. Почему же именно дерево названо было деревом познания добра и зла? Не потому, что оно имело такую природу, а потому, что носило такое значение. Это особенность Писания. Укажу пример: в пустыне один источник воды назван был водою пререкания: **испытал тебя при воде пререкания** (Пс.80:8). Следует ли, что вода обладала такой природой, что вызывала народ на препирательство? Почему же Моисей при питье ее не препирался с Богом? Следовательно, эта вода названа была водой пререкания не потому, что имела такую природу, а по случаю происшедшего при ней события; так как народ там пререкался с Богом, то она и названа была водою пререкания. Опять, Иаков видел Бога, — как возможно видеть для человека, — и называет имя тому месту: **вид Божий** (Быт.32:30). Место не имело вида Божия или образа Божия; но так как Иакову было там видение, он по событию и назвал место. Еще одно место названо было "мир Божий". Когда Гедеону явился ангел, он испугался и сказал: горе, горе, я умру, потому что видел ангела Божия. Ангел говорит ему: мир тебе, не бойся. **И устроил**, говорится, **там Гедеон жертвенник Господу и назвал его: Иегова Шалом** (Суд.6:22-24). Подобно тому, следовательно, как алтарь или жертвенник не сам по себе имел мир, а был символом бывшего, данного мира, и как вода не имела свойства противоречия, а названа так по происшедшему при ней событию, так точно и дерево названо не потому, что имело знание, а вследствие того, что всякий согрешающий приходит к познанию своего греха. Еще укажу пример. Случается, что мы при путешествиях проходим через места, где разбойничают, и у людей обычно говорится: такие-то места страшны. Место ли имеет страх? Или так говорят ради разбойников, занимающихся на том месте грабежами? Так и данное дерево не природой обладало, производившей смертоносное знание, а получило название от случившегося при нем печального события с Адамом. Разрешу вопрос кратко, так как в божественном Писании нет сомнительных вопросов. Теперь у нас есть святая трапеза, от которой причащаются верные. Самый ли дар по природе дает спасение, или ради призываемого величия ты имеешь залог в настоящем, чтобы не сомневаться о прошедшем? Там снедь смертоносная, здесь снедь животворящая. Если эта снедь спасает по природе, а не по благодати, то и та губит по природе, а не в силу преступления. Укажу тебе и на другую смертоносную снедь вне рая, — разумею идолослужение. Почему мученики отказывались есть идоложертвенное мясо? Почему они боялись есть? Умерли ли бы они, если бы сели? Нет! Но так как над ними совершалось призывание идолов, то они избегали их, удаляясь не пищи, а призывания непотребных идолов. Так и древо было познанием добра и зла, не потому, что доставляло человеку знание, а потому, что учило его чрез преступление. Опыт всегда учит неведущего, что преступление есть зло. Вопрос может быть разрешен еще другим путем, и это не то значит, что прежде сказанного недостаточно, а то, что богата благодать Божия. Пусть никто не думает, что новые доказательства приводятся в виду слабости предшествовавших; благодать Божия, будучи богата, дает нам от своих сокровищ, если мы того бываем достойны. Итак слушай. Мученики отказывались от идоложертвенных снедей; они избегали их есть так, как если бы Адам избегал дерева, спасся бы. Что несчастье состоит не в знании добра и зла, это — явная истина. Бог, когда

вопрошает о чем-либо, хотя и не делает этого, знает то, о чем вопрошает, или нет? Кто осмелится сказать, что не знает? Но ведение не делание. Разве Павел, когда говорил: **бегайте блуда** (1Кор.6:18), не знал, что такое блуд? Предохранявший от прелюбодеяния, разве не знал, что такое прелюбодеяние? Между тем знание не делало его виновным. Сам Бог знает все наши поступки, когда, исчисляя их, говорит: **из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления — это оскверняет человека** (Мф.15:19,20). Не зная ли, или зная, говорят это Бог и апостол? Следовательно, знание не служит в укор Адаму. Причинило вред не знание, а преступление. Желательно мне также спросить: какому он научился от дерева добру, или злу? После ли вкушения узнал он, что такое убийство? Того, кто показывал бы, тогда еще не было; не было известно прелюбодеяния, потому что не существовало еще браков; не было ни блуда, ни хищения, потому что не было еще богатого и бедного; не было ни клеветы, ни лжесвидетельства. Какое же зло узнал Адам, как не то только, что добро было повиноваться Богу, а зло — ослушаться Бога? Я говорю то, что всем и каждому известно, и пусть никто не обвиняет меня в излишней смелости. Мы имеем обыкновение говорить грешникам, угрожая им покаянием: я тебя научу покаянию. Разве в этом случае поучение называют познанием? Итак, знание происходит от испытания несчастий. Дерево научило Адама познанию того, какими бедствиями сопровождается преступление.

5. Слушай теперь внимательно. Хотя я и сказал уже об этом прежде, но настоящий предмет требует повторения сказанного. Даровавший все Бог был невидим; получивший все от Бога человек был видим; получивший был на виду, Давший не являлся. Человек был только один; около него были животные; над ним не было никого. Бог дал закон, дал дерево среди рая в напоминание, чтобы он, получив господство, не забывал, что сам под властью. Представим, что Адам обходит рай, собирая вместе с женою плоды. Подходит он к дереву и говорит: "не будем касаться этого дерева, потому что относительно его заповедал Бог". Так видимое дерево было напоминанием о невидимом. Так бывает и теперь. Представь, сколько начальников на всей земле. И так как царь не может присутствовать при всех, то по необходимости выставляют в судилищах, в местах общественных занятий, собраний, в театрах, изображение царя. Царское изображение должно быть во всяком месте, где действует начальник, чтобы его решения получали силу. Царь, как человек, не может присутствовать всюду; точно также и Бог, не может являться людям, как Бог. В качестве царского изображения Бог и дал дерево, которое напоминало Адаму, что он получил власть над всеми. Познай Давшего власть. И чтобы ты знал, как дерево напоминало людям о Боге (слушай, что скажу). Когда змей захотел обмануть жену, Он сказал ей: "почему Бог сказал, чтобы вы не ели от всякого дерева"? Жена не забыла заповеди; напротив, она даже исправляет ошибку и говорит: "не так сказал Бог; нет, Он сказал, чтобы мы ели от всякого дерева; а от этого дерева, сказал Бог, не ешьте, и даже не касайтесь его". Обрати внимание на тщательность. Бог не сказал: "не касайтесь". И прикосновение, действительно, не соединялось с опасностью. Первые люди сами, имея божественный разум и наслаждаясь всеми другими плодами, решили сами в себе: Бог сказал: не вкушайте от дерева; а мы даже и не коснемся его. Так старалась жена соблюсти заповедь Божию. Итак, среди рая было дерево, которым диавол прельстил людей. Слушай странную вещь. Диавол, в качестве орудия обмана, воспользовался тем, что врождено было человеку. Бог, создавая человека, вместе с прочими знаниями, вложил в него и страстное стремление к Богу. Вот почему диавол, видя в людях это желание, и говорит: **будете как боги**. Теперь вы, как люди, не можете постоянно быть с Богом. Если вы будете как боги, то будете с Ним постоянно. Он не сказал им: "если вкусите, будете врагами Богу". Следовательно, жену обольщает желание быть равною Богу; а она, с своей стороны, не обманывает мужа, а убеждает. Об этом свидетельствует Павел, говоря: **не Адам прельщен** (1Тим.2:14). За что же он осужден? Заметь тяжесть его преступления. Жена, обольстившись, вкусила; после вкушения убеждает и мужа, не желая быть одна

только преступницей; и убедила, а не обманула. Так бывает часто и теперь. Человек знает веру, любит закон, ревнует по православию, и слушается увещаний жены не показывать своей ревности, не потому, чтобы не знал истины, а потому, что подчиняется советам сожительницы. Многие полагали, что Адам по незнанию взял от жены плод, не ведая, откуда она принесла его. Но это не оправдание Адаму, так как Бог, обличая его, говорит: **за то, что ты послушал голоса жены твоей** (Быт.3:17). Бог не сказал: "так как ты взял от жены своей", — потому что Адам мог сказать: я не знал, не ведал, откуда жена принесла плод. Преступление мужа не в том, что он был обманут, а в том, что был прельщен плодом. Перейдем, наконец, к судилищу, посмотрим те первые памятники святого, неподкупного и милосердого суда, записанные в безсмертных писаниях, о которых ясную и светлую память не в состоянии уничтожить никакое время. Слушай же! Услышал, говорится, Адам **услышали голос Господа Бога, ходящего в раю** (Быт.3:8). Адам почувствовал присутствие Бога по шуму и по привычке. Но разве Бог мог являться шумом? Он являлся не так, как Он был, а как хотел. Благословен Бог святых, что в тогдашний вечер призрел на Адама, и ныне вечером на кресте. Подлинно, Спаситель потерпел страдания в те самые часы, которые провел Адам от вкушения до суда, — от шестого часа до девятого. В шестой час он вкусил, — потому что таково правило природы; после шестого — сокрылся от Бога. Вечером пришел к нему Бог. Адам захотел стать Богом, но захотел невозможного. Его желание исполнил Христос. Ты хотел сделаться тем, чем не мог быть; я хочу сделаться человеком и могу это сделать. Бог сделал дело прямо противоположное заблуждению Адама. Ты захотел того, что выше тебя; я принимаю то, что ниже Меня; ты хотел равенства с Богом, я становлюсь равным человеку. Потому и Павел говорит: **сделавшись подобным человекам и по виду став как человек** (Фил.2:7). Ты захотел стать Богом, и Я не гневаюсь на это, так как Я хочу, чтобы ты стремился к богоравенству, но Я негодую на то, что ты захотел восхитить достоинство вопреки воле Владыки. Ты захотел стать Богом, и не мог; Я делаюсь человеком, и невозможное делаю возможным. А что Господь пришел по желанию дать богоравенство, об этом Он сам свидетельствует. Когда питающий вместе с питаемыми ел пасху, когда Ему, питающему всю вселенную, предлежала трапеза, Он говорит апостол: **очень желал Я есть с вами сию пасху** (Лк.22:15). Завидовал ли Я твоему богоравенству? Ты хотел похитить Мое, но не мог; Я беру твое, потому что могу. Внимай: Бог пришел вечером и говорит: **Адам, где ты** (Быт.3:9)?

6. Бывшее тогда и настоящее близки одно другому, потому что и первое и последнее было делом единого Бога. Не иной пришел на страдания, а тот же, который снизошел в раю Адам скрылся, потому что после вкушения почувствовал (грех). **И открылись глаза у них обоих**, говорится, **и узнали они, что наги** (Быт.3:7). Так как диавол сказал: **в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши** (Быт.3:5), то вот, говорят, сатана сказал истину. Справедливо сказал Павел: **нам не безызвестны его умыслы** (2Кор.2:11). Святые знают козни диавола. Замечай его злобу. Откуда знал диавол, что после вкушения отверзутся очи людей? Разве они были слепы? Писание говорит, прежде чем они вкусили от дерева, что **увидела жена** древо. Следовательно, она была не слепа. **И увидела**, говорится, **жена, что дерево хорошо для пищи** (Быт.3:6). Сначала увидела, а потом вкусила. Как же отверзлись их очи? Слушай, прошу; здесь есть вопрос (который надо решить). Диавол был существо уже падшее, то есть, совершившее преступление, и знал, что он потерпел как преступник, и что терпят совершающие преступление. Все преступники терпят одно и тоже. И теперь, ведь, когда мы грешим, грешим как бы слепые, а когда согрешим, тогда видим, что мы сделали. Так, когда кого-нибудь упрекают, говоря: "зачем ты это сделал", обвиняемый ссылается на свою невменяемость, говоря: "поистине, я не видал, что делал", не потому, чтобы он был слеп, а потому, что во время греха потемняется ум, всецело уходит в дело и бывает во время совершения поступка слеп. Вслед затем он в своей совести видит, что сделал. Представлю это на примере.

Проникает кто-нибудь в дом с целью грабежа; он входит как бы слепой, не помышляет ни о том, что его кто-нибудь может встретить, поймать, ни о страхе пред судьями, ни об угрожающей опасности; он ослеплен недугом. Когда он войдет, когда похитит, когда уйдет с краденым, то, хоть и никого нет, исполняется страхом, чувствует, что сделал, и думает, что если начнут расследовать, узнают чье дело это преступление. О чем он не помышлял во время дела, о том думает после его совершения. Точно также, например, прелюбодей, пламенеющий страстью к чужой жене, входит, не помышляя ни о законах супружества, ни о судах, ни об обвинителях, ни об изощренных мечах; когда же совершит преступление, чувствует страх, смотрит с подозрением на слугу, на служанку, на соседа, на родственника, — и то, чего не видел во время преступления, видит после его совершения. Равным образом, когда кто-нибудь убеждает другого отстать от дурных дел, то, — если последний не поддается убеждениям, — обычно говорить: "я много раз говорил ему, но он не слушал"; говорит так не потому, что тот не слышал, а потому, что не внимал словам. Подвергнув, затем, такого человека наказанию, он говорит: "научу тебя слушать", говорит так не потому, что дает последнему слух, а потому, что наказание уничтожает упорство и приводит человека в разум. Так и пророк говорит: **наказание Господне отверзает уши мои** (в русском переводе: Господь Бог открыл Мне ухо) (Ис.50:5). Итак, поелику диавол пал (я не забыл о предмете речи), он знал, где очутился после падения, и тогда уразумел, что сделал. Он знал по собственному опыту, и потому сказал: **в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши**, то есть, как и мои; я по собственному преступлению знаю, что испытал; я узнал, что потерпел, я узнал, что потерял. Затем они съели, **и открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги**. Раньше они были наги и не стыдились. Они лишились покрова безсмертия, отнята была одежда славы, обнажилось тело и осталась уже одна земля. Тотчас же развивается изобретение искусств. Первым искусством Адама было искусство шить. Раньше всякого искусства он взял листья смоковницы и сшил их. Кто научил его, кто наставил? Адам раз навсегда получил от Бога разум, был образом Божиим, и ты сомневаешься в его знании? Подумай, как человек сделал первый плуг, кто научил его сделать древко, вставить в средину железо, скрепить, и надеть ярмо на волов? Откуда узнала жена искусство тканья, кто научил ее взять шерсть, вымыть ее, расчесать, спрясть, разделить нитки, и опять соединить разделенное? Откуда все это? Кто научил людей, занимающихся окраской материй, искусству окрашивания? Стоит станок, действуя сам собою; не рука действует, а разум действует, разум делает рисунки. Художник не касается своей рукой, и орудие искусства красить одежду, и в видимых рисунках воспроизводится замысл художника. Так, художник не движет рукой и производит рисунки. А ты, когда слышишь, что Бог действует, думаешь, что Он действует движением руки? Если ты спросишь о каждом искусстве, о каждом изобретении, и скажешь: как выдумали то или это? то вспомни первые слова: **сотворим человека по образу Нашему**, и ты получишь разрешение недоумения. Человек — образ Божий, и не мыслит? Образ Божий, и не подражает Владыке? Сшил **смоковные листья**.

7. Да постыдятся толкующие историю иносказательно, утверждающие, что рай был на небе, что он был духовным. Для чего на небе смоковница? Но пусть будет рай на небе. Откуда в таком случае, выходят реки? Не из земли? Если рай на небе, очевидно, что и реки текут на небе. Разве Писание сказало: река спускается из Едема? Видишь ложь. Пусть над нами смеются аллегористы. **И сделал**, говорится, **Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их** (Быт.3:21). Значит ли это, что Бог заколол волов или овец, сам первый указал выделку кож и занимался кожевенным искусством? Мы ответим на это: Бог произвел всех животных без соединения, без совокупления. Он сотворил то, что не существовало, а части существующего не мог сотворить? Но Бог, возражают далее, никогда не творил части животного, Бог не творил ничего несовершенного. Возражатель слышит о коже, и спрашивает: откуда она? Но и я и точно также слышу о крови в Египте,

и спрашиваю: каким образом Бог претворил Нильскую воду в кровь, каких заколол Он животных? Река стала кровью, и не было убито ни одного животного. Явились две кожи, и спрашивают: от каких животных они взяты? И здесь кожа явилась помимо животного. Слушай дальше, хотя и я, и мой голос уже утомились. Чтобы не оставить речь неоконченной, я кратко скажу еще кое о чем и прекращу слово. **И сшили смоковные листья**. О, если бы этому искусству научились еретики! Адам, совершив преступление, научился шить; еретики, отпавши от веры, научились разрывать. Адам, совершив преступление, сшил одежду, чтобы прикрыть срам свой, еретики, отступив от веры, разрывают, дабы обнажить святое. Часто мы слышим повествование о крестных страданиях, и удивляемся, что воины взяли одежды Христовы и разделили, и мы в тот момент мысленно говорим: велико долготерпение Божие, если оно не повелело снизойти молнии, спуститься мечу. Уничижался Святый, и непотребные руки не были отсечены? Ты дивишься, что эти воины осмелились разделить одежды? Дивись тому, как еретики разрывают одежду церкви. Воины видели нешвейнный хитон Христов, сверху до низу сотканный, и пожалели одежду (Ин. 19:23), а еретики рвут, делят и терзают одеяние Христово, одежду церковную. Но возвратимся к предмету. Сшил **смоковные листья. И услышали голос Господа Бога, ходящего**, как можно было им слышать, **и скрылся** (Быт.3:7,8). Природа благородна; хотя бы мы были величайшие грешники, но совесть наша свободна. Бывает, что человек по внешности не стыдится, но совесть его обличает. Язык может сказать: "чем я согрешил"? Но совесть внутри обличает. Адам был совсем чужд лукавства и искренен, и потому сам сознается в преступлении. Бог говорит: **где ты?** Многие благочестно изъясняли эти слова; но надо истолковать их со тщательностью. Я принимаю и прежние толкования, как благочестивые, но и свое говорю, поскольку нахожу истинным. **Адам, где ты?** Откуда и куда ты снизошел? От какой славы отпал? Воистину принимаю эту мысль, как благочестивую; она и справедлива и указывает на сострадание Божие. Но буду изъяснять далее. **Адам, где ты?** - спрашивает Бог. Как Создатель, Бог знал природу создания, знал, что всякий грешник боязлив, и что у согрешающих смыкаются уста. Он разумел, что Адам убежал потому, что не имел дерзновения. Раб особенно трепещет тогда, когда заметит, что господин узнал его проступок; покуда же господин не знает, он утешает себя тем, что может еще скрыть (преступление). Адам убежал, как уличенный. Бог показывает вид невидения, чтобы уничтожить его страх. Часто и с нами бывает тоже, так мы говорим про друга: "я притворился незнающим, чтобы не опечалить его". Если же у нас так бывает, то тем более у милосердого Бога. **Адам, где ты?** Это как если бы Бог сказал: "я не знаю". Когда таким образом Бог показал вид неведения, честная и свободная душа перестала скрываться. **Голос Твой я услышал в раю, и убоялся** (Быт.3:10). Почему убоялся? Почему скрылся? Убоялся я вследствие преступления; скрылся по причине наготы. Поистине слова преступника вызывают слезы. **Голос Твой я услышал**, — тот вожделенный голос, тот даровавший мне все голос, тот даровавший и уготовавший мне блага голос. **Голос Твой я услышал**. Я подумал, какой голос отверг я, какой голос презрел; **и убоялся**, преступив заповедь такого Владыки, **я наг, и скрылся**. Бог продолжает ободрять далее. **Кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?** (Быт.3:11). Бог как бы говорит: не сделал ли ты именно того, что Я запретил? Смотри, как Бог спрашивает, как будто не ведая. Не съел ли ты от того дерева, от которого Я заповедал тебе не есть? И смотри на человеколюбие Божие. **Кто сказал тебе?** Бог продолжает беседу для того, чтобы уничтожить страх и возбудить смелость, так как Адам замечал, что в словах Божиих нет ничего жестокого, ничего сурового, ни унижения, ни укоров. Учителем для тебя служит обыденный опыт. Когда провинившийся раб приходит к господину, то с первых же слов его или ободряется, или впадает в страх. Если господин начнет сердиться, обзывать его вором, подлецом, заслуживающим тысячи казней, он падает духом; если услышит от него такие укоры: "несчастный, как это с тобой случилось? Зачем ты согрешил"? он тотчас же приободряется, становится смелым, после того как видит, что господин, не как господин,

наказывает его, а наставляет, как учитель. Так и Бог. **Кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?** Много ли я запретил тебе? Одно единственное запретил только, и то не по зависти, а заботясь о тебе. **Кто сказал тебе, что ты наг?** Адам не сказал в ответ ничего постыдного; не ответил: не знаю. А что? **Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел** (Быт.3:12), то есть, жена, данная мне в помощницы, так как я, когда был создан, а она еще нет, слышал слова: **сотворим ему помощника** (Быт.2:18). **Ты мне дал, она дала мне от дерева**. Не сказал: обманула, солгала. **Она дала мне от дерева, и я ел**.

8. Тогда Бог говорит: и нужно было тебе поверить жене, а не Мне? Жена заслужила больше веры, чем Я? Я дал тебе блага, почтил тебя делами, а та прельстила тебя словами. И посмотри: подобно тому как судья, если примет оправдание, представляемое подсудимым, более уже не допрашивает его, а переходит к другому, почему тот ободряется и говорит тогда: "допрос мой кончен", так и Бог оставляет Адама, чтобы освободить его от страха, и обращается к жене: **что ты это сделала?** Жена отвечает: **змей обольстил меня, и я ела** (Быт.3:13). Так как она сказала совершенную правду, то Бог не порицает правдивого ее извинения и оставляет ее без дальнейшего допроса. Он не сказал ей: и тот змей именно заслужил веры больше, чем Я? Он обещал богоравенство, а причинил смерть. Однако Бог не судит ее тотчас же; нет, Он щадит ее, как слабый сосуд, и переходи т к змею, дабы показать Адаму и Еве, что переходит к виновнику (преступления). **За то**, говорит ему, **что ты сделал это** (Быт.3:14). Видишь ли дивный суд Божий? Обольщенным Он предлагает вопрос, обольстившего не спрашивает. Он не говорит ему: "что ты сделал?" а говорит: **за то, что ты сделал это**. Согласно с этим и Давид говорит: **не восстанут нечестивые на суд** (Пс.1:5), не в том смысле, что они не восстанут, а в том, что о них не будет произведено исследование. **За то, что ты сделал это**. Казнь змею облегчила наказание обольщенным. Если бы Бог не приписал ему всего, то не осудил бы его без разбора. **За то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоем** (Быт.3:14). **За то, что ты сделал это**: так как ты обольстил сердце и побудил чрево вкусить запретной пищи, то **ты будешь ходить на чреве твоем**. Это не значит, что змей раньше ходил на ногах; Бог осуждает его теперь ползать на чреве за то, что он говорил с женою стоя прямо. Иначе ему ведь и нельзя было беседовать с Евой. За самое положение во время беседы, когда змей обманул Еву, Бог наказывает его ползанием на груди и лишает способности ходить прямо. Хотя змей от начала создан был и безногим, но, поднимаясь быстрыми кольцеобразными движениями, он бегал с выпрямленною грудью. Потому-то часто и теперь змея, когда раздражается, подымается и бежит изгибаясь кольцеобразно; но пробежав немного, чтобы только напомнить о древнем способе хождения, опять повергается ниц божественным приговором. **И будешь есть прах во все дни жизни твоей; и вражду положу между тобою и между женою** (Быт.3: 14, 15). Что значит: **есть прах**? То, чем способствовал ты сделаться Адаму, ты и ешь, потому что Адам имел услышать слова: **прах ты и в прах возвратишься** (Быт.3:19). **Вражду положу между тобою и между женою**. Так как ты обманул ее как друга, то извергаешься как враг. Слово то стало законом. Слушай же. **И будешь есть прах во все дни жизни твоей**. Заметь, — Бог не говорит змею: "будет тебе пищею земля". Действительно, для змей не всегда питанием служит земля; они питаются и мясом, насыщаются и плодами, едят и семена, поедают и травы. Словами: **будешь есть прах** Бог выражает: ты будешь истощать землю своим пресмыканием на ней.

Но, говорят некоторые: если обольстил диавол, за что подвергся проклятию змий? Невидимого демона Бог казнит наказанием невидимым, видимое орудие подвергает казни видимой. Почему? Подобно тому как Бог, будучи невидим, дал в качестве видимого напоминания дерево, так и диавол, будучи невидим, говорит с людьми через змия. Для

того Бог подвергает змия проклятию, чтобы тот, кто потерпел бы что-нибудь через диавола, видя всегда ползающую змею, вспоминал, как она некогда стояла прямо, и помышлял, что если так казнится орудие нечестия, то какое наказание несет сам виновник? Слушай. Подобное этому ты можешь найти и в Евангелии. Подобно тому как в видимом змие Бог проклял вместе с видимым и того, кто говорил чрез него, так и в Евангелии, когда демоны просили Христа не посылать их в бездну, говорили: "повели нам войти в свиней" (Лк.8: 31,32), Он повелел им войти в них, чтобы вместе с видимыми телами потопить и их невидимых. **И будешь есть прах во все дни жизни твоей; и вражду положу между тобою и между женою** Дружбу Бог превратил во вражду, и слово стало законом. Других зверей люди стараются приручать, а если кто увидит змею, то трепещет, потому что пребывает в силе определение: **вражду положу между тобою**. Увидит ли ее человек в жилище, стремится умертвить ее; увидит ли на дороге, бросается убивать, побуждаемый к тому древним словом Божиим. Хотя бы человек нанес змее тысячи ударов, но если видит, что голова не ранена, слово это тотчас говорит ему: ты не сокрушил главы змеи, разбей голову, поелику Бог сказал: **будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту** (Быт.3:15). Что значит эти слова? Бог не говорить: "Я заставлю человека не сокрушать других членов твоего тела, а велю бить одну только голову. Человек наносит удары и всем членам змеи, потому что куда бы он ни ударил ее, причиняет боль всему ее телу. И сказанные Господом змию слова: **ты будешь жалить его в пяту** не то означают, что змеям дастся доступ к пяте, так как бывает, что змея заползает к спящему, часто попадает в желудок, впускает яд, наносит раны рукам и другим членам; словом ни один член человека не остается недоступен ее нападениям. Смысл указанного выражения таков. Впредь уже, говорит Боге, змея не осмелится открыто нападать на человека; но, таясь, ты будешь так бояться людей, что станешь скрываться в норах, едва выглядывая со страхом из расщелин, будешь стеречь прохода людей, чтобы иметь безопасный выход. Человек же, говорит, будет ходить безопасно, сторожа твою главу около нор, как скрывающегося врага, не говорившего с ним как (подобает говорить) с другом.

9. Однако пора и закончить речь. Спросив обольщенную жену, Бог переходит к обольстителю. Суд начался с виновника преступления, — с обольстителя. Затем Бог переходит к обольщенной и изрекает грозный приговор. Первым словом змию было: **проклят**. **Жене** Бог **сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей** (Быт.3:16). Бог не налагает проклятия на жену, чтобы она не рождала, потому что раньше благословил ее. Когда Он создал людей, то **и благословил их**, говорится, **Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю** (Быт.1:28). А Павел говорит: **дары и призвание Божие непреложны** (Римл.11:29). Итак, Бог не проклинает тех, кого благословил. Что же делает? Он прилагает к ране чудные врачества — печали и скорбь. Слова Божии по внешности кажутся поражающим приговором, на самом же деле обещают освобождение от греха. **Умножая**, говорит, **умножу скорбь твою**. Это — средства покаяния. Внимай. Подобно тому как врачи одним и тем же врачебным средством и причиняют боль и утишают ее, одним и тем же сечением, одним и тем ножом доставляют и страдание и исцеление, так и Бог дает согрешившей жене два средства покаяния — печаль и скорбь. Какую пользу приносит печаль? Слушай, что говорит Павел: **печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению** (2Кор.7:10). А что производит скорбь? Слушай Исаию: **егда возвратився воздохнеши, тогда спасешися** (Ис. 30:15). **Умножая умножу скорбь твою**. Печаль безобразит лицо, делает его унылым. **Веселое сердце делает лицо веселым, а при сердечной скорби дух унывает** (Притч.15:13). Так как жена глазом увидела дерево и сердцем помыслила о богоравенстве, то Бог дает скорбь сердцу и печаль лицу, дабы наказать то, чем она согрешила. Бог хочет также, чтобы самое наказание, — а лучше сказать, спасение, — убедило жену, что не ложно было древнее благословение. Сказав людям: **наполняйте землю**, Бог говорит

теперь: **в болезни будешь рождать детей**. Я не лишаю тебя способности рождения, так как раз навсегда дал благословение, но ты будешь рождать в болезнях, в страданиях. Скорбь рождающей весьма тяжка. **Женщина**, свидетельствует Спаситель, **когда рождает, терпит скорбь** (Ин.16:21). Жена скорбит, когда рождает, испытывает безпокойство, когда питает; когда дитя приходит в возраст, она безпокоится, чтобы оно не было глупым; если ее сын отправится в путь, она боится, как бы он не помер, как бы не заболел, как бы не случилось с ним несчастья. У мужа этого нет. Отец, хотя и заботится о сыне, но не так, как мать; он утешает себя, говоря: "он человек, умеет предохранить себя", — и не безпокоится. Почему? Потому, что он не слышал слов: **в болезни будешь рождать детей**. Чудный вид наказания. Когда наступят для жены страдания, она и тогда, как свидетельствует опыт, во время самых мучений не отвергает мужа. Она не говорит: "о, если бы не было брака, о, если бы не было деторождения"! Бог не дозволяет ей, не смотря и на испытание страданий, ненавидеть мужа; она знает, что перенесла, чему подверглась, и все-таки любит мужа. Вот почему **в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою** (Быт.3:16). Так как ты уже худо обладала, и муж стал рабом твоей воли, то Я делаю последовательный вывод: пусть владеет тот, кто не был обольщен. Потому и Павел говорит: **учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем** (1Тим.2:12). Не повелевает учить, потому что она раньше худо научила в раю; **ни властвовать над мужем**, потому что худо обладала. По такому именно соображению Павел дает увещание, чтобы жена не учила, в виду именно происшедшего в раю. Что это не наше мудрование, слушай самого Павла: **а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем**, потому что **Адам**, присовокупляет он, желая показать зависимость повеления от прежних событий, **и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление** (1Тим. 2:12,14).

10. Итак, что же? Подвергся род женский осуждению, пребывает в печалях, и не разрешаются узы? Пришел Христос и разрешает узы; встречает Его Богородица, ходатайствующая за род, святая Дева вместо девы, — потому что и Ева была дева, когда грешила, — и разрешила печаль и воз-дыхание осужденной. Подобно тому как призванный в царский дом старается облечь почестями своих близких и освободить их, хотя бы они были в узах, так и Святая Дева, призванная в царский чертог послужит божественному рождению, готовясь к необычайному рождеству, просит той первой благодати, лучше же сказать — получает. Так как осужденной жене не приличествовало родить Невинного, то сначала приходит разрешающий Евину печаль через радость. Приходит ангел, говорящий Деве: **радуйся, Благодатная** (Лк.1:28). Словом: **радуйся** он разрешает узы печали. **Радуйся**: пришел разрешающий скорбь. **Радуйся, Благодатная**, так как доселе была под клятвою. Замечай здесь благодать Божию. **Радуйся, Благодатная, Господь с тобою**. Между тем как с тою змий — в печали, ты радуйся, потому что с тобою Бог. И смотри, как слова ангела указывают все домостроительство Христово. **Радуйся, Благодатная**. Так как Ева подверглась двойной клятве, печали и скорби о страданиях, он указывает, на рождение, разрешающее те роды. **И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус** (ст. 31). **Он спасет людей Своих от грехов их** (Мф.1:21). Произрастающий от тебя плод разрешает грехи твоих отцов. Теперь положение вещей изменилось. И теперь еще слышащие об Еве с жалостью говорят: горе несчастной, — какой она лишилась славы! Горе несчастной, — что она потерпела! Мария ежедневно слышит от всех: блаженна, истинно исполненная Духа Святого. Слушай, что говорит уже и сама Дева, пророчествуя о себе: **благословен Господь Бог Израилев, что призрел Он на смирение Рабы Своей, ибо отныне будут ублажать Меня все роды** (Лк.1:68,48). Чтобы показать, что она представляет лицо Евы, она говорит: доныне уничижаемую отныне ублажат меня все роды. Но что, скажешь, что ей в том, когда она не слышит? Нет, она всячески слышит, потому что в месте светлом, в стране живых пребывает Матерь спасения, источник чувственного света, — чувственного

по плоти, мысленного по божеству. Итак, всячески она ублажается. Впрочем, она ублажаема была, когда еще жила во плоти; еще пребывая во плоти, она слышала, как называли ее блаженною. Ева сначала увидела, а потом вкусила от дерева; Дева сначала сказала, а потом услышала ублажение. Когда Спаситель однажды учил, **одна женщина, возвысив голос из народа** и сказала Ему во всеуслышание: **блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие** (Лк.11:27). Бог оканчивает свой суд, а лучше сказать, — врачество покаяния, Адамом, говоря: **за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя** (Быт.3:17). Опять благословленный не подвергается проклятию, а проклинается земля. Один согрешил, другая терпит казнь. Подобно тому как Евино проклятие, а лучше сказать — наказание (потому что это было не проклятие, а исправление), — итак, как Евино наказание: **в болезни будешь рождать детей** пребывает доселе (потому что всякая женщина рождает с болезнями), так точно и Адамово: **проклята земля за тебя**. Мы делаем беззакония, а земля несет казнь. Мы грешим, а земля подвергается проклятию. Бог щадит создание, как свободорожденного сына, и наказывает землю, как его воспитателя (раба). **Проклята земля за тебя**. Смотри не на природу, а на благодать Божию. Не сказал Бог: **проклята земля**, потому что, оставаясь проклятою, она не приносила бы плода. Подобно тому как Христос сказал смоковнице: **да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла** (Мф.21:19), так сталось бы и с землею. Потому Бог говорит: **за тебя**. Когда я грешу, земля подвергается казни; когда преуспеваю в добре, Бог благословляет ее. И заметь дивную вещь. Когда Бог сотворил землю, море, птиц, гадов, зверей, человека, то все благословил, но плодов не благословил, поскольку знал, что земле предстоит это самое наказание, именно, чтобы она оставалась безплодной, когда люди грешат, и получала плодородие, когда они делают правду. Бог не благословил плодов, потому что дар был бы непреложен. **Терния и волчцы произрастит она тебе** (Быт.3:18). Ты, говорит, презрел великое; казнись малым. Смотри, как умеренны наказания. Терние умертвить не может, окровенить может. И ест человек землю в печалях. Та (жена) рождает в печалях, ты ешь в печалях. И древний приговор пребывает в силе доселе. Посмотри на богача, на нищего, на начальника, на вельможу; безпечальна ли, беззаботна ли оказывается их жизнь? Почему? По приговору: **в поте лица твоего будешь есть хлеб** (ст. 19). Ты не хотел пользоваться безмятежно; снедай **в поте**. Бог не наказывает человека голодом, а подвергает лишениям и трудам. А ты, верный, помысли вот о чем. Если Адам не может есть хлеба без тяжких трудов, то как можем мы без усилий и трудов получить царство небесное? **Доколе**, говорит, **не возвратишься в землю, из которой ты взят**. О, приговор Божий! О, милосердие, исполненное страха! О, приговор, исполненный утешения! Еще не изгнал, и уже призвал! Еще не изверг, и уже принял! **Доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят**. Не сказал Бог: пока не исчезнешь, пока не уничтожишься, а: **доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят**, чтобы ты имел пред собою надежду воскресения. Я посылаю тебя туда, откуда взял тебя; как взял тебя тогда, могу и опять тебя взять. **Ибо прах ты и в прах возвратишься**. Не исчезнешь, а **возвратишься**. Слово: отъидеши некоторые перевели: "возвратишься". Итак, насколько хватило наших сил, с помощью благодати Святого Духа, прошли мы с вами рай, прочли царственные памятники, видели снисхождение к осужденным, милосердие Судии. Да удостоимся и мы по этому милосердию спасения Христова, чтобы насладиться небесных и вечных благ, во Христе Иисусе, Господе нашем, так как Ему слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово о змее, повешенном на кресте Моисеем в пустыне, и о божественной Троице

1. Вчера мы вели беседу против еретиков и в защиту славы Единородного, не с целью поведать что-нибудь тайное, а чтобы благодарственно прославить благодать. Подлинно,

не Христос возвеличивается нашими речами, а мы, возвеличенные его дарами, благодарственно возвещаем Его благодеяния. И было бы, поистине, безумием, получив от Него благодеяния, отплачивать за них молчанием, и тем более внимая призыву Давида, который, как вы только что слышали, говорит: **вся земля да поклонится Тебе и поет Тебе** (Пс.65:4). Восхваляя Бога, мы не Ему доставляем честь, а делаем честь самим себе. Прославляя Бога, не Ему даруем славу, а самих себя облекаем в бессмертную славу. **Прославляющих Меня,** говорит Бог, **прославлю**, и уничижающие меня уничижатся (1Цар.2:30). По мере наших сил мы научили, что пределов славы Божией невозможно превзойти ни людям, обитающим на земле, ни ангелам небесным, ни архангелам, ни началам, ни херувимам, ни серафимам. И я хорошо знаю, что вы, слушатели любознательные, помните, чем окончилась у нас беседа об этом. А так как сегодня, братие, сам Царь славы предвозвестил о своем кресте, и апостол, следуя царственному гласу Спасителя, любомудрствовал о кресте [Спаситель, именно говорил ученикам: **вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть** (Мф.20:18), а Павел, порицая Галатов, писал: **кто прельстил вас не покоряться истине, вас, у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, как бы у вас распятый?** (Гал.3:1), так как, говорю, и царский глас Господа (возвестил о кресте) и царским следам последовало учение верного раба, то и нам, полагаю, по мере наших сил, нужно сказать приличное слово о кресте Господнем, — не с целью изъяснить предмет по достоинству, а дабы, по мере сил, уплатить свой долг. Итак, что говорит Спаситель? **Вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет**. Победитель смерти предрекает страдания; разрушающий крестом смерть предвозвещает крест; предвозвещает борьбу, чтобы проповедать победу. Потрудись опять и здесь уразуметь слова Господа. Смотри, с какою властью говорит Он: **вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий** предается на распятие. Тот, кто так предвозвещает, во время самого подвига отлагает достоинство власти, отказывается от божественного своего достоинства, говоря: **Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия** (Мф.26:39). Не видишь разногласия? Имей в виду домостроительство. Но возвратимся к предмету. Спаситель говорит ученикам: **вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий** предается. Смотри, с какою осторожностью говорит Он. Где Он возвещает о страдании, указывает на человеческую природу. Предается Сын человеческий. Страдает видимое тело, животворит умопостигаемое достоинство Божества. Разрушается смертью, братие, образ телесный; воздвигает разрушаемое сила Обитающего в нем. Один и тот же был и разрушаемый по плоти, и воздвигающий разрушаемое по Духу. **Разрушьте**, говорит Он, **храм сей, и Я в три дня воздвигну его** (Ин.2:19). **Вот, мы восходим в Иерусалим**. Последователям Христа никогда нельзя нисходить, а всегда подобает восходить. Впрочем, — если и в чувственном смысле толковать, — дорога из Иерихона в Иерусалим была восходом. Если толковать в духовном смысле, то страдание было восходом к воскресению, так как воззвало на небо Адама, низвергшегося в ад, и возвело на высоту лежавший долу образ (человеческий). **Восходим во Иерусалим**. Где Бог, там восхождение добродетели; где нечестие, там снисхождение беззакония. Вот почему о подвизающихся в добродетели Давид говорит: **блаженны живущие в доме Твоем: во веки веков они восхвалят Тебя. Блажен муж, для которого есть защита у Тебя, который в сердце своем положил восхождение** (Пс.83:5,6). "Восхождения", то есть, благочестивые и возвышенные помыслы, которые возводят на высоту добре мыслящих о Боге. Есть путь целомудрия, возводящий на высоту; путь правды, ведущий на высоту; словом, всякий путь благочестия возводит любящего Бога на ту высоту, о которой говорили язычники: **придите, и взойдем на гору Господню и в дом Бога Иаковлева** (Мих.4:2). Где слово благочестия, там и восхождение (по Cod. Reg. 1668 место читается так. обр.: "где слово истины, там и восхождение благочестия"), а где нечестие, там очевидно снисхождение. И Давид пророк свидетельствует: **спас меня от нисходящих в могилу** (Пс.29:4), и еще: **Ты, Который возносишь меня от врат смерти** (Пс.9:14). Таким

образом и в**осходим** не напрасно сказано. **Вот, мы восходим**. Но Спаситель один только идет на страдание; почему же Он говорит во множественном числе: **восходим**? Хотя страдания, хочет сказать Он, мои, но спасение обще всем людям. Вот почему и божественный Павел изрек, как только что вы слышали, высокое и дивное то слово: **Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос** (Гал.2:19,20). Желая затем показать и плод креста, он тотчас же вслед за Ним присовокупил: **Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою ибо написано: проклят всяк, висящий на древе** (Гал.3:13; Втор.21:23).

2. Теперь внимай со тщанием, чтобы не ускользнуло от тебя уразумение истины. Иудеи, **враги креста Христова. Их конец — погибель** (Флп.3:18,19), как говорит о них Павел, сейчас же быть может возразят и скажут простецам: "если висящий проклят, то как ты надеешься, чтобы от проклятого дано было тебе благословение? Как от подвергшегося смерти ты дожидаешься жизни?" То, что представляется глазам, действительно есть проклятие, как то засвидетельствовал и сам наш учитель — Павел: **ибо написано: проклят всяк, висящий на древе** (Гал.3:13). Итак, если написано (в законе) и Павлом засвидетельствовано, то каким образом может быть дано от проклятого благословение почитающим крест? Такие вопросы всегда предлагает иудей, враг креста Христова. Итак, когда он скажет тебе: "каким образом проклятый может давать благословение?" ты ответь ему: "как же в пустыне, когда змеи кусали твоих предков, Моисей, сделав медное изображение змея, пригвоздил его ко кресту и сказал: **сделай себе медного змея и выставь его на знамя, и если ужалит змей какого-либо человека, ужаленный, взглянув на него, останется жив** (Числ.21:8)? Но, какое, скажет, отношение имеет это к настоящему предмету? И очень даже близкое. Разве ты не слышал, как Бог говорит (змию): **проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми** (Быт. 3:14)? Каким же образом изображение проклятого доставляло жизнь вашим предкам? Повторю еще, чтобы тверже запечатлеть мысль. Если ты недоумеваешь, как от проклятого может источаться благословение (а **проклят всяк, висящий на древе**), (то подумай), как изображение проклятого змия, который слышал: **проклят ты пред всеми скотами**, принесло народу, когда последний находился в тяжком положении, избавление? Не лучше ли было для возбуждения веры сказать: если кто из вас будет укушен, пусть взглянет на небо, обратит взор горе, к Богу, и спасен будет? Даже и умалчивая об обращении к небу, разве нельзя было сказать: если кто будет укушен, пусть взглянет на светильник света, и спасется? Или: пусть взглянет на стол предложения святых хлебов, и спасется? Или на жертвенник, или на завесу, или на кивот, или на изображение херувимов, или на очистилища? Тем не менее ни одного из этих предметов великий законодатель не указал, а воздвиг лишь изображение креста, да и то ради проклятого змия. Почему же, иудей, так поступил Моисей? Почему он, говорящий в законе: "не сотвори (образа) вырезанного, ни изваянного" (Лев.26:1), выливает змия? Но что говорить об этом с неблагодарным? Спрошу самого законодателя. Скажи мне, вернейший служитель Божий, зачем ты делаешь то, что запрещаешь, изготовляешь то, что порицаешь? Говоря: "не сотвори (образа) вырезанного, ни изваянного", ты делаешь изваяние змия? То, — отвечает он, — я узаконил, чтобы устранить повод к нечестию, и предохранить народ от всякого идолослужения; теперь же я отливаю змия, чтобы предначертать образ домостроительства крестного; предуравниваю путь апостолам, предуготовляю великий и дивный символ креста. Что наше толкование не насильственно, слушай, как утверждает этот древний образ Господь, относя его к Себе. Беседуя с Никодимом, одним из иудейских начальников, как с учителем народа, могущим понимать планы домостроительства, Он говорит: **и как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную** (Ин.3:14-15). Скажи же, бесчувственный иудей, разве то была не медь? Мертвое вещество, нося образ креста, было в силах победить смерть; а сама истина креста не достойна веры?

И это после обращения вселенной, после воссиявшего во всем мире благочестия, после веры язычников, после возникновения церквей, после таких подвигов, после проявления таких добродетелей, после такого распространения ангельского жития? Однако, достаточно сказано, чтобы враги креста перестали укорять нас образом проклятого. Против них довольно и этого. Мы же, верные, исследуем и с точностью изъясним слова Писания для себя самих. Итак, почему же Господь прообразил домостроительство спасения не через другое что-нибудь, а чрез змею? Для опровержения врагов достаточно указать на пример проклятого змия; сынам же благочестия нужно разъяснить, почему именно изображение проклятого змия было образом покланяемого Христа. Потрудимся же и мы старательно изъяснить, и вы внимательно послушать.

3. Изображение змия, братие, служило образом домостроительства крестного. Подобно тому как это изображение змеи имело вид и подобие змеи, а яда и злобы змеиных не имело, так и Спаситель, по словам божественного апостола, явившись в подобии плоти греха, был чужд всякого греха. Об этом и блаженный Исаия согласно с блаженным Петром говорит: **Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его** (1Петр.2:22; Ис.53:9). В словах Исаии указан тебе один образ. Перейдем к другому образу. Смотри, как истина сияет через образы. Сынов Израиля кусали змеи, народ подвергся гибели. Моисей молит Бога дать спасительное врачество. Бог указывает рабу Своему благодетельное врачество, говоря: **сделай себе медного змея** и водрузи ее пред скинией свидения (Числ.21:8). Что значит это знамение? Одни змеи кусают, другая за них пригвождается ко кресту? Что значит эта загадка? Что указывает эта тень таинства? Подобно тому как там, говорит, в прообразе, хотя кусают другие змеи, пригвождена была ко кресту змея, ни кусающая, ни поражающая, так и здесь, хотя грешат другие люди, должен пострадать за всех безгрешный Иисус. За кусающих змей распинается неповинная змея; за нас, подверженных смерти, пригвождается Тот, Кто не подлежит смерти. Об этом прекрасно предрек вместе с другими Исаия, говоря: "за грехи людей пришел Он на смерть", и: **Господь возложил на Него грехи всех нас, Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем** (Ис.53:12,6). Повторим опять, в чем смысл таинства. Как там одни змеи кусают, а другая вешается на кресте, так и здесь — все согрешили, а один за всех распинается. Вот тебе второй образ. Смотри еще и на третий. **При словах двух свидетелей, или при словах трех свидетелей состоится всякое дело** (Втор.19:15). Для чего вешается на кресте медная змея? Чтобы сделать безвредными укушения змей. Итак, одно распинается, а другое лишается действия. Не усматриваешь ли просвет истины? Не прозреваешь ли как бы чрез покров силу домостроительства? Пригвождена ко кресту змея, чтобы стали бездейственны укушения змей; пригвожден ко кресту Христос, чтобы упразднились действия демонов. Одна змея водружается, и другие змеи лишаются силы; один — Христос — пригвождается на кресте, и другие — демоны — упраздняются. И как там образ видимой змеи сделал безвредными укушения змей, так и здесь умерщвление Христа было умерщвлением смерти и упразднением демонов. Вот почему Спаситель справедливо прилагает этот образ к Себе, говоря: **и как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную** (Ин.14,15). Блаженный Моисей начертал тебе, брат мой, крест и в другом образе. Говоря о кресте, нужно уж указать и другие образы, где представляется зрелище таинства. Как же еще Моисей начертал крест? Слушай. Напали и некогда на израильтян в пустыне иноплеменники, по имени амаликитяне. Моисей снаряжает и посылает против них вождя своего народа и преемника своего Иисуса Навина, а сам остается на горе с воздетыми руками. Моисей, говорится, взошел на гору и воздвиг руки свои. **И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль, а когда опускал руки свои**, побеждаемый тяжестью телесною, **одолевал Амалик** (Исх.18:10,11). Что значит этот образ? Иудей, боясь, чтобы чрез образ не воссияла слава креста Христова, тотчас же скажет: "в этом образе нет ничего такого, что ты выдумываешь. Этот образ, был

знаком молитвы, а не прообразом, как ты предполагаешь". Но если так, если правда, что победа была плодом молитвы, то почему Писание приписало победу не молитве (ведь не сказало Писание: "когда молился Моисей", а это явно обозначает, что победа не была плодом молитвы), а образу и положению рук? В самом деле, когда Моисей опускал руки, терпели поражение израильтяне, когда же воздвигал, поражаемы были амаликитяне. Если бы это было делом молитвы, тогда следовало бы сказать: "и когда молился Моисей, побеждал"... Между тем Писание, как я уже сказал, умолчав о молитве, не потому, чтобы она была излишня, а потому, что она должна уступить место образу креста, приписывает победу образу и внешнему знаку. Когда Моисей простирал руки, побеждал Израиль. Что означает простертая рука? Вообрази простертые руки, и ты увидишь сияющий образ покланяемого креста. Но утомился, говорится, Моисей, и руки, побеждаемые телесною немощью, отказывались служить образу (креста). Что же? Чтобы с прекращением образа не пропала и победа, стали Аарон и Ор и поддерживали его руки, дабы рушившийся и преставший образ не уничтожил и победы. Почему Аарон и Ор поддерживают руки Моисея? Аарон, братие, имел священническое достоинство; Ор происходит из царского колена. Таким образом священство и царство охраняют образ креста. И подобно тому как во время преображения Господа на горе явились справа и слева Моисей и Илия, чтобы в качестве стражи предстоять царственному образу Христа, так и здесь охраняют крест Аарон, владеющий саном священства, и Ор, владеющий в зародыше царским достоинством. Об этом сказал я, желая показать, как древним отцам предложен был образ благочестия, и как почитаем был ими образ спасения. Если же предвозвещавшие о нем проповедовали с такою славою, предызображали с таким почтением, то какими же устами должны мы прославлять крест Господень и божественное домостроительство? Знаю, что вам весьма желательно слушать поучения догматические и проповеди о богословии; но и сказанное мною теперь одинаково по значению, так как одно и то же, что и крест прославлять, и Единородное Слово Божие восхвалять, так что восхвалишь ли ты божество Единородного, воздашь ли честь Его домостроительству, ты покажешь одно и то же благочестие.

4. Когда, однако, ты слышишь о кресте, когда слышишь о воплощении, то возводи свой ум к высоте власти Единородного. Пусть явившийся ради тебя образ не угнетает твоего ума, а пусть человеколюбие спасшего возводит твою мысль. Крест — ради тебя; величие Бога зависит только от Него самого. Величие Божие ни возвышается словами [человеческими], ни уничижается словами. Кто уничижает его, тот делает лишь унижение себе самому; кто его возвышает, тот возводит на высоту собственное свое ничтожество. Мы только что сказали, что одинаковое значение имеет, прославляет ли кто домостроительство или (похвально мудрствует) о богословии. Так как во вчерашней беседе у нас осталось кое-что недосказанным по поводу слов: **да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа** (Ин.17:3), — именно по поводу слов: **единого истинного Бога** были (только) приведены пророчества и свидетельства, показывающие, что Сын есть единый истинный Бог, — то я считаю нужным изъяснить и следующую мысль изречения (т.е. мысль о посольстве Сына Отцом). "Что же ты, скажет еретик, можешь сказать о посольстве (Сына Отцом)? Написано определенно: **и посланного Тобою Иисуса Христа**. Может ли пославший иметь одинаковое достоинство с посланным?" Конечно, если ты при чтении этих слов будешь рабски следовать букве, то ты несомненно, как мы часто раньше говорили, во многом будешь нам противоречить и признаешь несогласным с разумом то, что прекрасно написано, а (только) худо понято; если же ты усвоишь мысль правильным образом, то твое умственное око, будучи направляемо к точному уразумению самим Святым Духом, нигде не заметит противоречия. В самом деле, выражения: "послан" и "послал", будучи словами человеческими, выражают мысли божественные. Ни Пославший, ведь, не послал из одного места в другое место, ни Посланный не пришел из одного места в другое. Но Отец,

скажет еретик, послал Сына в мир, как не бывшего в мире, в который Он посылался. Как же Писание говорит: **в мире был, и мир чрез Него начал быть** (Ин.1:10)? Каким же образом, следовательно, пришел присутствующий, явился скрывающийся? Если ты вправду понимаешь выражение "послал" так, как слышишь, то всячески необходимо, чтобы и Посланный явился в таких местах, в которых еще не присутствовал, и Пославший послал туда, где он не присутствует!.. Как же евангелист говорил: **все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть, в мире был, и мир чрез Него начал быть** (Ин.1:3,10)? Если, следовательно, Он был в мире, то как посылается в мир? Разве ты не слышал, как Он говорит: **не наполняю ли Я небо и землю? говорит Господь** (Иер.23:24)? Что же значит: "послан"? Значит: явился, значит: воссиял по плоти. Посольство обозначает не переход с места на место, а переход из (состояния) невидимого Божества в видимое присутствие. Подлинно, Сын Божий, и когда пришел на землю, восприяв человеческую природу по домостроительству, не лишил небес Своего величия, и теперь, вознесшись плотию, не оставил землю чуждою Своего управления. Поясним вопрос еще другим способом. Если, братие, в буквальном смысле Отец послал Сына в мир, то ясно, что Пославший отделяется от Посланного по своему местопребыванию. Если Посланный находится с Отцом, тогда излишне "послал"; если же Отец послал, тогда, по смыслу выражения, Он отделен. Не нужно рабствовать букве; а нужно верою шествовать. Но кто же даст нам удостоверение, что Сын Божий, явившись на земле, был на небесах? Какое слово удостоверит, что посланный Отцом не отделился от Отца? Если Он послан в мир в смысле буквы изречения, если Пославший отделен от Посланного, то как Христос говорит: **Я в Отце и Отец во Мне** (Ин.14:11)? Как, опять, Он говорил: **Я не один, но Я и Отец, пославший Меня, Пославший Меня есть со Мною** (Ин.8:16,29)? Видишь ли, что естество не разделяется, а домостроительство (воплощения) являет лишь вид посольства? Что, опять, значит: **восхожу к Отцу Моему** (Ин.20:17)? Если Отец с Ним пребывает, то почему Он восходит? Восхождение означает домостроительство, вознесение тела, а не разлучение от Божества. Хочешь знать, что Сын Божий, и пришедши на землю, не оставил небес и не разлучился с Отцом, и вознесшись на небеса, не покинул землю? Сказав Своим ученикам: **восхожу** туда, откуда сошел, — **к Отцу Моему**, Сам же Он опять говорит им: **Я с вами во все дни до скончания века** (Мф.28:20). Итак, слова: **да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа** заключают двоякую мысль, представляют двойной меч; один — направленный против идолослужения, другой — против неверия иудейского. Они указывают на единого истинного Бога, чтобы выставить на позор мертвых идолов; указывают на посланного Иисуса Христа, чтобы замкнуть уста отрицающим воплощение. Итак, понимай слова эти в указанном смысле и не оскорбляй величия (Божия) ради буквы.

5. Дабы ты вполне знал, что посланничество от Бога означает не перемещение с места на место, а указывает на воплощение (я укажу тебе вот на что). Об Иоанне Крестителе, который был от земли и явился на земле, Евангелие говорит: **был человек, посланный от Бога** (Ин.1:6). С небес ли послан был Иоанн? С небесной ли высоты пришел он? Как же он пришел? Если, таким образом, посылаемый человек не перешел из одного места в другое, (если он послан в том смысле, что) ему вверено было некоторое служение, то Бог ли Слово, все наполняющий, уничижает Свое естество и указывает не на домостроительство, когда Он называет Себя посланным? Смотри, брат мой, как Он исполняет и домостроительство плоти, и не нарушает божественного Своего достоинства и силы. **Восхожу**, — говорит Он, указывая на первосвященническое Свое служение, — **к Отцу Моему, Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, Духа истины** (Ин.20:17, и 14:16,17). Если Ты восходишь на небеса, если умоляешь, если во время молитвы предстоишь смиренно, если после молитвы посылаешь Духа (умоляю, говоришь Ты, и посылаю), то для чего Ты до восхождения отвергаешь власть Отца? Если ты не действуешь со властью соответственно божественному достоинству, а ждешь, пока не

взойдешь на небо к Отцу, пока не принесешь просьбы и молитвы, и, получив таким образом благодать Духа, пошлешь ее во всю вселенную, то зачем Ты показываешь собственную свою власть прежде, чем взойдешь, прежде, чем умолишь? Почему Ты до вознесения, восстав из мертвых, дунул в лицо апостолов и сказал: **примите Духа Святаго** (Ин.20:22)? То, чего Ты просишь от Отца, Ты даешь прежде, чем умолишь Отца. Ты, следовательно, притворяешься, говоря о молитве? Не притворяюсь, говорит, так как у истины нет притворства; а одно соответствует (божественному) достоинству, а другое приличествует домостроительству. Итак, почему Ты дунул в лицо апостолов? Мне, говорит Спаситель, воскресши из мертвых, подобало даровать миру начаток жизни. Так как Адам при создании получил дыхание жизни (и вдунул, говорится, Бог **в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою** (Быт.2:7), то Я, говорит, находясь здесь, возвращаю то, что тот получил и погубил. Я воздвигаю падшего, обновляю растленного, оживляю мертвого. О моем домостроительстве свидетельствует и пророк, возвещая о моем дуновении. Какой же именно пророк предвозвестил об этом святом дуновении? Слушай, что говорит один из двенадцати пророков, по имени Наум: **празднуй, Иудея, праздники твои, исполняй обеты твои, ибо не будет более проходить по тебе нечестивый: он совсем уничтожен** (Наум.1:15). Пророк благовествует о новой благодати, говоря, что древнее престало, является новое. **Празднуй праздники твои**. Почему он говорит: "празднуй"? Потому, что в праздник Пасхи должно было совершиться воскресение. **Празднуй**, говорит, **Иудея, праздники твои, исполняй** Богу **обеты твои, ибо не будет более проходить по тебе нечестивый**: **он совсем уничтожен** (т.е. прежнему наступает конец). Почему же кончается прежнее? **Взыде**, говорит, из земли **вдыхаяй в лице твое** и **отъемляй** тебя **от оскорбления** (Наум.2:1) (этих слов в русском переводе нет). Но возвратимся опять к началу. **Празднуй, Иудея, праздники твои, исполняй обеты твои, ибо не будет более проходить по тебе нечестивый**. Какие праздники? Древние праздники, которые были образом новых. Первый день опресноков, — если кто будет тщательно исследовать, — был образом страдания. За ним день Пятидесятницы, бывший образом сошествия святого и достопокланяемого Духа. День кущей был образом кущей небесных. Потому-то и Господь, желая показать, что эти кущи, поскольку они были временны, суть образ будущих кущей, говорил богатым мира сего: **приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители** (Лк.16:9). Временные кущи, следовательно, были образом кущей вечных. Так как домостроительство Христово исполнило древние образы, дало начало новой благодати, то пророк хорошо предвозвещает, говоря: **празднуй, Иудея, праздники твои**, **исполняй обеты твои**; указывает, что **не будет более проходить по тебе нечестивый**. Древнее обновлено благодатью, — **он совсем уничтожен**, так как **взыде** от земли **вдыхаяй в лице твое**, и **отъемляй** тебя **от оскорбления**. Пророк Наум открыто представил тебе Господа, вдыхающего святую благодать. Исаия иным образом предвозвещает о восставшем из мертвых и даровавшем своим (ученикам) Святого Духа. **Вспомнил**, говорит он, **древние дни где Тот, Который вывел их из моря с пастырем овец Своих**, — и вместо: **вдунул в лицо его**, тотчас далее присовокупляет: **Который вложил в сердце его Святаго Духа Своего** (Ис.63:11). Божественное величие, божественное наименование, царственное достоинство, недосягаемая слава, непостижимая сила — спрославляемый Отцу (Дух), соцарствующий Сыну, действующий все и разделяющий божественные дары каждому, как хочет. Я хорошо знаю, что сказанное утверждает сынов церкви, но уязвляет и причиняет крайнюю досаду врагам, — особенно врагам благочестия, отказывающимся спрославлять Духа Святого со Отцом и Сыном. О, несчастные! Они не хотят удостоить Святого Духа даже того, что получили сами. Апостол говорил о себе и подобных ему: **если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться** (Римл.8:17). Павел спрославляется с Богом, а Дух Святый не спрославляется? Смертное естество возводится на такую высоту, что спрославляется со Христом, а покланяемый Дух не участвует даже в одинаковых с нами дарах? Тот же

апостол говорит о людях: **если терпим, то с Ним и царствовать будем** (2Тим.2:12), а Святый Дух не соцарствует Христу? О, великая неблагодарность! О, великое и нестерпимое безумие! О, нечестивая мысль, безмерное хуление и неисцельная язва! Мы надеемся соцарствовать Христу, и низводим Духа Святого в положение раба?

6. Говорим это, братие, не в том смысле, что Дух Святый должен спрославляться со Христом подобно нам, а изобличая нечестие тех, которые не хотят допустить даже и этого. Будь милостив к нам, Господи, за наши слова. Если мы повторяем речи нечестивых, не простираясь далее простой лишь буквы их, то пусть, братие, никто не думает, что такое повторение их хул есть оскорбление Святого Духа. Мы выставляем их на вид, повторяем их, не потому, что соглашаемся с нечестием, а затем, чтобы выставить заблуждение на позор, и оградить сынов благочестия от нечестивых учений. И апостолы, любившие Господа и знавшие Его божественное достоинство, не постеснялись внести в святые Евангелия хулы иудеев. Там написано именно, как последние осмеливались говорить о Христе, что Он и грешник, и что Он не от Бога, и то, как они не постеснялись в лицо говорить Ему: **Ты Самарянин и что бес в Тебе** (Ин.8:48). Однако написанное служит к порицанию не писавших, а тех, которые изрекали хулы.

Слушай о действии Духа, слушай о прославлении Его у апостолов; внимай их учениям, следуй по стопам святых, не блуждай по следам людей непотребных. Покланяйся Троице прославляй Троицу, исповедуй Троицу. Так мудрствуют пророки, так проповедуют апостолы, так веруют мученики. Слушай, как Павел проповедует Троицу: **дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех** (1Кор.12: 4-6). Почему он начинает не с Отца? Почему не говорит сначала о Нем, потом о Сыне, а за Ним о Святом Духе? Ты, Павел, нарушаешь порядок? Изменяешь последовательность? Если Спаситель предал: **во имя Отца и Сына и Святого Духа** (Мф.28:19), то ты ли нарушаешь устав богословия? Но да не будет, чтобы мы когда-нибудь подумали так о Павле. Этот святой и дивный проповедник в совершенстве знал, что, если он упомянет и сначала о Духе, он сохранит невредимым богословие, не уничижит неслиянное естество, не разделит нераздельного достоинства. Он упоминает сначала о Духе, дабы показать, что написание Духа последним не делает Его последним и стоящим в конце. Так как еретики худо истолковывают (порядок лиц), не счисляют (их), а подчисляют Отцу Сына, и Сыну Духа Святого (первый, говорят, Отец, второй — Сын, третий — Дух Святый, помышляя не о благопристойном порядке познания покланяемой Троицы, а стараясь развращенной своей душой запятнать чистоту богословия), то Павел справедливо ставит имена в обратном порядке, чтобы показать истину и ниспровергнуть мнение нечестивцев. Но, скажет еретик, я знаю, что апостол упомянул о Сыне и Духе только мимоходом, а высшее богословие представил, перейдя лишь к Отцу. Относительно Духа он сказал: **Дух один и тот же**, относительно Сына: **Господь один и тот же**; перейдя же к Отцу, сказал: **производящий все во всех**. Так что же? Это выражение: "**производящий все во всех**" указывает у него на власть? Да, — говорит. Указывает на превосходящее других преимущество? Да, — говорит. Принимаю и я твое исповедание, если ты точно соблюдаешь известные условия. Посмотрим же, что яснее говорит по этому вопросу сосуд избранный — Павел, который руководим был Духом святым. **каждому дается проявление Духа на пользу. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков** (1Кор.12:7-10). Внимай тщательно, замечай согласие выражений и мысли. Сказав прежде: **а Бог один и тот же, производящий все во всех**, апостол, дойдя до речи о Духе, свидетельствует, что та же самая сила принадлежит и Духу. **Все же сие**, говорит, **производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как**

Ему угодно (ст. 11). Таким образом, соотношение (единство) славословия не нарушается, ставится ли какое-либо из имен святой Троицы первым, или вторым, или третьим. Счисление: первый, второй, третий — показывает не различие естества, а чуждый слияния путь богословия. Опять, тот же самый апостол, желая показать, что он всюду употребляет безразлично тот или другой порядок имен, но благопристойно и верно приступает к божественной проповеди, говорит в послании к фессалоникийцам: **сам же Господь наш Иисус Христос и Бог и Отец наш** (2Фес.2:16). Ты, Павел, возвещаешь сначала о Сыне, а потом об Отце? Ты, говорит, низвел первого в (низший) ряд; я, если назову первого и второго, разумею нераздельное естество; лучше же сказать, — не разумею, а решительно утверждаю. Итак, не поноси божественных изречений, и не клевещи на небесные учения. Подобие этого ты находишь и в ветхом завете. Как здесь Павел, начав с Духа, переходит к Сыну, а от Сына, опять, к Отцу, и третье в порядке имен сделал первым, — не с целью извратить порядок проповеди, а дабы показать безразличность познания богословия, — так точно и в ветхом завете ты находишь такой же способ выражения, сияющий в качестве как бы прообраза. Кто из нас, братие, не знает, что Писание ставит на первом месте Авраама, на втором — Исаака, и на третьем — Иакова? **Я Бог отца твоего**, говорится, **Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова** (Исх.3:6). И Писание справедливо называет сначала родившего, затем рожденного, и, наконец, происшедшего от этого последнего. Но так как природа была нераздельна, хотя и разделялась временною последовательностью, то Бог не отказывается изменить порядок, чтобы показать их единство. В книге, именно, Левит Бог говорит (указываю и место, чтобы ты не поносил ложно моих слов): "если же согрешат сыны Израилевы, предам их народу чужому, и пойдут туда, и будут служить богом чуждым". Предсказывая вавилонское пленение, Бог говорит: и пойдут туда и будут служить богам чуждым. **Тогда покорится необрезанное сердце их, и тогда потерпят они за беззакония свои**, — и несколько далее: **и Я вспомню завет Мой с Иаковом и завет Мой с Исааком, и завет Мой с Авраамом вспомню** (Лев.26:40-42).

7. Повторю изречение, так как шум (рукоплесканий) заглушил сказанное. Там, говорит, **покорится необрезанное сердце их**, и обратятся ко Мне, и исцелю их. Еще не исполнил угрозы и возвещает уже примирение. И возвращу их в землю отцов их, **и Я вспомню завет Мой с Иаковом и завет Мой с Исааком, и завет Мой с Авраамом вспомню**. Видишь, как Бог изменяет порядок, чтобы показать равночестность? Не первым Он сделал Иакова, а хочет безразличным употреблением имен показать равночестность. Но у патриархов отделяет плоды от корня время, поскольку природа и рожденных и родивших смертна; естество же святой, бессмертной и поклоняемой Троицы и слово не рассекает, и время не разделяет, и века не разлучают; между Отцом и Сыном и Святым Духом нет ничего разделяющего. Единородный — творец веков. Слушай, что говорит об Отце божественный и славный проповедник: **Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил** (Евр.1:1-2). Итак, ничто не разделяет Отца и Сына и Святого Духа, — никакое время, ни протяжение времени. Прежде веков Отец, прежде веков Сын, — так как Он сотворил века; прежде веков Дух Святый. Никогда не разделяется природа, никогда не разделяется сила. Внимай тщательно: царствует Отец, царствует Сын, царствует Дух Святый. Знаю, что я уже доказывал это; но говорить одно и тоже **для меня не тягостно, а для вас назидательно** (Фил.3:1). Царствует Отец, — согласно словам: "Бог наш царь во век" (Пс.73:12). Царствует Сын, — так как **даст Ему**, говорится, **Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки** (Лк.1:32,33). Царствует Дух Святый, — так как Исаия сказал: и царя **Господа** Саваофа **видел я** очами своими, **сидящего на престоле высоком и превознесенном**. **И сказал Он: пойди и скажи этому народу:**

слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите и т. д. (Ис.6:1,9), а апостол толкует слова пророка в приложении к Святому Духу. Исаия сказал: **видел я** царя **Господа** Саваофа, **сказал Он** мне: **пойди и скажи этому народу**; Павел, прилагая слова: "царя Господа Саваофа" к Святому Духу, говорил беседуя в Риме с иудеями: **хорошо Дух Святый сказал отцам нашим через пророка Исаию: пойди к народу сему и скажи: слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите** и так далее (Деян.28:25,26). Исаия говорил: царя Саваофа **видел**, **и сказал Он: пойди и скажи этому народу**; а Павел в своих словах усвоил власть Святому Духу, и Царь и Господь Саваоф есть, следовательно, Дух Святый, сказавший Исаии: **пойди к народу сему и скажи: слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите** и т. д. И: **сказал Он: пойди и скажи этому народу: слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите**. Господь — Отец, Господь — Сын, потому что говорится: **сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих** (Пс.109:1); Господь Дух Святый, потому что **Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода** (2Кор.3:17). Да не подумает кто-нибудь, что первое и большее имя есть "Бог", а второе (меньшее) — "Господь". В отношении к естеству бессмертному и "Господь" и "Бог" указывают на одно и тоже достоинство, хотя эти слова имеют и не одинаковый смысл. В самом деле, если "Бог" — первое имя, а "Господь" — второе, то Моисей не употребил бы второго в качестве первого, говоря: **Господь, Бог наш, Господь един есть** (Втор.6:4). Если он хотел сказать о первом имени, то дол-жен был бы, упомянув сначала о первом, сказать: "Бог твой Господь один есть"; желая же показать безразличие имен, он сказал сначала "Господь", потом "Бог". Но возвратимся к своему предмету. **Господь есть Дух**. Итак Господь Отец, Сын — Господь, Господь Дух Святый. Но Павел говорит: **один Господь**. Если един Господь, то каким образом Господь и Господь? Ясно, что (разумеется) единое господство. Так и един Бог, говорит Павел: **но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им** (1Кор. 8:6). Итак, скажет еретик, Отца апостол назвал Богом, а Сына Господом. Посмотрим же, посмотрим, братие, посмотрим — прошу: название "Господь" второе ли имя божественного достоинства, а не есть ли воистину первое и вполне соответствующее (этому достоинству) и засвидетельствованное Священным Писанием? Подлинно необходимо и нам сказать об этом со тщанием, и вам выслушать с охотою, и еретикам научиться истине. Какое же слово удостоверит нас, что "Господь" есть имя и первое, и соответствующее великолепной славе? Слушай пророка Давида: **да постыдятся и смятутся в век века, и посрамятся и погибнут. И да познают, что имя Тебе - Господь: Ты един Вышний над всею землею** (Пс.82:18-19). Обычно враг говорит о Спасителе — Слове: имя Христа — Господь, имя Отца — Бог. Опять я требую определения данных понятий. Ты употребляешь выражения еретиков? Соблюдаешь ли известные условия? Я боюсь твоего коварства. Когда ты будешь уличен данной истиной, ты убежишь от нее под защиту другой выдумки; когда и тут будешь поражен, обратишься к новому основанию своего неразумия, тогда как следует не бегать от блистающей и просвещающей истины, потому что она, просвещая, не гонит (никого), а **нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним** (Притч.28:1).

8. Мы же возвратимся к намеченному. **И да познают, что имя Тебе - Господь**. Если Давид упоминает об Отце, то знай вот, что имя Отцу — Господь. Имя Отца Господь, а Павел говорит: **и один Господь Иисус Христос**. Следовательно, Господь Отец, Господь Сын. Как соучастник имени, Христос, следовательно, есть и соучастник достоинства. Но иудей отказывается признать, что Давид сказал это относительно Отца, чтобы, усвоив имя "Господь" Сыну, оставить имя "Бог "Отцу. Соглашаюсь с определением и принимаю

условия. Я не разделяю имен поклоняемой Троицы по достоинству, как многократно говорил раньше, потому что церковь проповедует нераздельную славу; но снисхожу к вашему трудному положению и говорю: допустим (что сказано о Сыне:) **и да познают, что имя Тебе - Господь**; что же ты сделаешь с дальнейшим выражением: **Ты един Вышний над всею землею Ты един Вышний над всею землею** (Пс.82:19)? По твоему нечестивому учению Отец, следовательно, еще не Вышний, потому что единый Вышний — Сын. Здесь, братие, не волны моря, готовые кого задушить, а волны любви, могущие освятить. Но, впрочем, когда говорится и проповедуется о Христе, пусть эта боголюбезная ладья плывет спокойно. Если море, узрев стопы Владыки и услышав: **умолкни, перестань** (Мк.4:39), покорилось Его велению, то неразумно, чтобы Церковь не повиновалась своему Жениху, возвещающему слова жизни и воистину имеющему во устах своих божественную благодать, — **излило сердце мое слово благое** (Пс.44:3). Но возвратимся к нашему предмету. **Да познают, что имя Тебе - Господь**. Выбирай, что желаешь; говорю не в том смысле, чтобы выбор лежал в твоей власти. И Иисус Навин, когда говорил народу: **изберите себе ныне, кому служить, богам**, которым служили отцы ваши, или Господу Богу нашему (Иис. Н.24:15), не предоставил, конечно, выбор во власть людей, а хотел показать, что воле любящих Бога сопутствует благочестие. И в другом месте он говорит: **вы свидетели о себе, что вы избрали себе Господа — служить Ему** (ст. 22). Подобно тому как там избрание не унизило достоинства Божия, а показало свободную волю благочестивых людей, так и я теперь, если предоставляю выбор свободной воле, не достоинство Божие оскорбляю, а испытываю свободу. Итак, **и да познают, что имя Тебе - Господь** — сказано об Отце, или о Сыне? Если об Отце, и имя Отца Господь, то имя и Сына Господь, потому что **и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им**; следовательно, и достоинство так же обще, как и имя. Но "Господь" имя Сына; следовательно, один только Сын Господь, потому что **Ты**, говорится, **един Вышний над всею землею**. Если же, таким образом, единый Господь только Сын, то Отец чужд ли господства? Да не будет! И Сын, когда Отец называется единым только Богом, не лишается божества. **В начале**, говорится, **было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог** (Ин.1:1). Следовательно, ни выражение: "Бог" Отец не отлучает Сына от божества, потому что и **Слово было Бог**, ни название Сына "единым Господом" не указывает на то, что Отец чужд господства, потому что **сказал**, говорится, **Господь Господу моему: сиди одесную Меня** (Пс.109:1). Итак, Господь Отец, Господь Сын, Господь Дух Святый, потому что **Господь Дух есть** (2Кор.3:17), Но опять, слыша, что Дух Святый — Господь, еретик приходит в раздражение и разрывается с досады. Как, говорит он, Дух — Господь, когда Он, говоря чрез пророка Давида, прославляет Сына в словах: **сказал Господь Господу моему**? Видишь, возражает он, как Дух, говорящий через пророка, признает своим Господом и Отца и Сына? Итак, что же, братие? Дабы приведенное выражение не было сомнительным для слушателей, обращусь к самому изъяснению этого изречения, раскрою вам смысл этих слов.

9. Спаситель, беседуя однажды с собравшимися иудеями и испытывая, какое суждение и мнение имеет о Нем большинство, говорил им: **что вы думаете о Христе? чей Он сын? Говорят Ему: Давидов** (Мф.13:42). Тогда Господь, опровергая их мнение, сказал далее: **как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих** (ст. 43, 44)? Выражение: **по вдохновению** Спаситель присовокупил не с целью показать, что Дух есть раб Христа, о котором возвещается здесь, а с целью ясно указать на то, что пророк, Духом Святым провидя будущее, исповедует сына своего по плоти воистину Господом. Вопрос, предлагаемый Господом, был не о Духе Святом, а о Нем Самом, именно: сын ли для Давида Господь, или владыка? Итак, сам Господь, предустраняя клеветы еретиков и охраняя нерушимым достоинство Святого Духа, разрешает спор приводимым возражением. Что же он говорить? **Итак, если Давид**

называет Его Господом, как же Он сын ему (ст. 45)? Он не сказал: итак, "если Дух Святый называет его Господом", а говорит: **если Давид называет Его Господом**. Почему же Он присовокупил: **по вдохновению, называет Его Господом**? До пришествия Христова о Христе можно было говорить не на основании телесного зрения, а по предуказанию Духа Святого. Давид сообщал не о том, что видел, а возвещал духовной своей лирой то, что внушал Святый Дух. Поэтому-то Господь и сказал: **как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом**? А чтобы еретик не перенес хулы на Святого Духа, Спаситель далее, как мы уже сказали, присовокупил: **если Давид называет Его Господом, как же Он сын ему**? Следовательно, Давид по вдохновению Духа Святого называет Христа Господом. Заметим предварительно, что всякий пророк говорит подобающее по вдохновению от Святого Духа. Все мы признаем, что пророки говорили Святым Духом, как о том и апостол свидетельствует, говоря: **хорошо Дух Святый сказал отцам нашим через пророка** (Деян.28:25); и сам Бог, когда говорит вообще: **излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать** (Иоил.2:28); равно и Моисей: **если бы все в народе Господнем были пророками, когда бы Господь послал Духа Своего на них** (Числ.11:29)? Здесь обратим тщательное внимание на то, как указывается божество Духа Святого, как оно не нами возвышается, а прославляется собственным достоинством. Мне же дозвольте раскрыть настоящий предмет путем вопросов и ответов, потому что чрез такие противопоставления легче становится разрешение недоумений. Итак, спросим: согласны еретики, что чрез пророков говорил Святый Дух, или еще не верят и сомневаются? Если сомневаются, то вспомним сказанное выше, именно — как сам Бог свидетельствует: **излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать**, потому что Дух есть возбудитель пророческой силы; вспомним, как и дивный Моисей, желая показать, что пророчество имеет свою основу в Святом Духе, изрек великие и чудные слова: **если бы все в народе Господнем были пророками, когда бы Господь послал Духа Своего на них если бы все в народе Господнем были пророками, когда бы Господь послал Духа Своего на них**? Если же они истинно признают то, что поистине и есть, именно, что Дух Святый говорил в пророках, то слушай, как блаженный и дивный Захария, отец Предтечи, называет Богом Святого Духа, говорившего через пророков. **Благословен Господь Бог Израилев, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему, и воздвиг рог спасения нам в дому Давида, отрока Своего, как возвестил устами бывших от века святых пророков Своих** (Лк.1:68-70). Итак, если, говоривший устами пророков — Бог, а говорил в пророках Дух Святый, как говорит Давид в книге Царств: **Дух Господень говорит во мне, и слово Его на языке у меня** (2Цар.23:2), то Дух Святый, глаголавший чрез пророков, есть, следовательно, Бог и Господь. И вот тебе ясное доказательство сказанного. Божественный апостол, желая в пророческой речи указать на Духа Святого, говорит в послании к Коринфянам: **но когда все пророчествуют, и войдет кто неверующий или незнающий, то он всеми обличается, всеми судится. И таким образом тайны сердца его обнаруживаются, и он падет ниц, поклонится Богу и скажет: истинно с вами Бог** (1Кор.14:24-25). Видишь, как определенно заявил учитель благочестия, что действующий в пророчествующих Дух есть Бог?

10. Итак, что ты, еретик, блазнишься о правой вере? Зачем поносишь достоинство Духа? Зачем преступаешь исповедание веры? Прочти свои обещания, данные при [совершении над тобою] таинства: "верую, говорил ты, в Отца и Сына и Святого Духа". То, во что ты уверовал, ты отверг? Что исповедал извратил? Что открыто заявил, то опять нечестиво ниспроверг? Ты нарушаешь мир? Преступаешь свой договор? Отрицаешься веры? Ставишь вопросы? Тебе за веру, за исповедание, дан был дар, и после этого дара вера изгоняется и вводятся споры? Не оскорбляй достоинства благодати, не оскверняй обетов, данных в тот страшный и великий час таинства! Ты исповедал веру во имя Отца и Сына и Святого Духа; точно также крестился ты в Отца, Сына и Святого Духа; равным образом

благословение [совершается] во имя Отца и Сына и Святого Духа. Нам благодатию даны дары, а с нашей стороны хула на благодать? Святым Духом дается нам свобода, а мы приписываем Духу рабство? О, безумие! О, неблагодарность! Или отвергни новую благодать, или устыдись ветхого завета, или признай равночестность всей Святой Троицы. Это мы многократно доказали многочисленными свидетельствами Писания. К сказанному хочу присоединить еще одно доказательство. Открытое в новом завете, как я уже многократно говорил, предвозвещено было в ветхом. Итак, что же? Дает Бог Моисею повеление, говоря: **скажи Аарону и сынам его: так благословляйте сынов Израилевых** (Числ.6:23). Обрати внимание. Дабы кто-нибудь по простоте своей не подумал, что и всяко хорошо, Бог присоединил: **так**; Он хочет, чтобы никто не преподавал благословений по собственной воле, а чтобы все делалось по уставу Писания**. Так,** говорит, **благословляйте**. Как **так**? "Благословит тебя Господь и сохранит тебя" (ст. 24). И заметь, как всюду Бог таинственно показывает Троицу; ради Нее и благословения утрояются. **Да благословит тебя Господь и сохранит тебя! да призрит на тебя Господь светлым лицем Своим и помилует тебя** (Числ.6:24-26). Заметь, как ясно прославляется святая Троица. Какая благодать не от Духа Святого? Какой дар не Им дается? Какое благо получается без Него? Какой премирный дар может снизойти к людям без Духа Святого? Исследуйте Писание и рассмотрите, как оно, когда хочет отметить или указать что-нибудь совершающееся сверхъестественным образом, все приписывает действию Духа. Например, когда Писание повествует о Сампсоне, этом знаменитом борце, и о великих и дивных подвигах его мужества, то наперед указывает, что эти подвиги совершены были Духом Святым. Пришло, говорит оно, бесчисленное множество иноплеменников, а Сампсон был один только, и, мало того, даже был связан. Какая надежда на освобождение связанному? Какое спасение плененному? Как одному победить многих? Дух Господень сошел на Сампсона и он бросился на иноплеменников, и, найдя ослиную челюсть, умертвил тысячу человек. И заметь мудрость божественного Писания. Так как для людей, не наблюдавших подобного, показалось бы невероятным, что связанный победил свободных и один поборол многих, то Писание хорошо наперед замечает: "и Дух Господень сошел на Сампсона, и взял он челюсть ослиную и убил тысячу" (Суд.15:14-15), — чтобы, если бы показалось это невероятным, как невозможное для человеческой природы, поверили этому, как действию силы Духа. Поэтому, хорошо сказал Моисей: **как бы мог один преследовать тысячу и двое прогонять тьму, если бы Заступник их не предал их, и Господь не отдал их** (Втор.32:30)? Прочти Писание, и ты увидишь, что при каждом подвиге указывается наперед на действие Духа. Пришли иноплеменники, и Дух Господень сошел на Сампсона. Бросился лев, и Он разорвал льва, как козленка (Суд.15:6). Связан был он железными узами; жена говорит ему: "иноплеменники на Самсона", — и опять говорит Писание: и Дух Господень сошел на Сампсона, и разорвались узы подобно нитке из пакли, коснувшейся огня (Суд.16:9). Писание нигде не указало ни одного славного дела, не предпослав указания на действие Духа. Обрати, затем, тщательное внимание, что говорит Писание, всегда замечающее о Сампсоне, когда он совершал свои подвиги и побеждал, что "сошел Дух Господень на Сампсона", когда он наконец лишился силы. Когда он остриг голову и предал залог благодати, Писание тотчас же замечает: "и Господь отступил от Сампсона" (Суд.16:20). Когда пришли иноплеменники, — **сошел на него Дух Господень**, когда же отступил, — и **Господь**, говорит, **отступил от него** (Суд.16:20); и справедливо, потому что **Господь Дух есть** (2Кор.3:17). И не только в ветхом завете ты можешь видеть это, а и на апостолах. Когда божественное Писание возвещает о какой-нибудь великой и необычайной силе, оно всюду указывает наперед действие Духа. Говорит оно, напр., как Павел на Кипре наказывает посредством слова злосчастного того волхва Елиму, противоборствовавшего истине, и так как повествует о деле необычайном, именно — ослеплении очей, совершенном словом, то говорит: **и ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени** (Деян.13:11). Такое действие, как ослепление глаз человеческим словом, превышало

природу и Павла и всех вообще людей. Человеческое слово не изменяет природы, и не ослепляет глаз. Поэтому, чтобы кто-нибудь, взирая на человеческие слова, не поразился необычайностью дела и не счел сказанного вымыслом, Писание опять предварительно указывает на силу Духа. Тогда, говорится, Павел, исполнившись Духа Святого, сказал ему (ст. 9, 10). Имеешь и еще указание на действие Духа; именно, когда простой человек говорит лучше, чем дозволяют собственные его силы, Писание также усвояет действие Духу. Например, Петр и Иоанн говорят в собрании иудеев. И **тогда Петр**, говорится, **исполнившись Духа Святаго, сказал им: судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?** (Деян.4:8,19). Почему же **исполнившись Духа Святаго**? Так как дерзновение превышало то, чего можно ожидать от человека простого, то, чтобы кто-нибудь, взирая на рыбаря, не усомнился в смелости его святой проповеди, Писание указало предварительно на мудрость Святого Духа, дабы ты не дивился дерзновению. Рассмотрим, если угодно, и еще пример, чтобы еще более подтвердить сказанное. Для святых отверзается небо; но без Святого Духа оно не отверзается; не телесными очами зрится отверзаемое небо, а действием Святого Духа. Стефан видел отверстые небеса; но, как говорит Писание, потому, что исполнен был Святого Духа (Деян.7:55,56). Итак, братие, никак нельзя видеть неба отверстым без Духа, равно как нельзя без святого и покланяемого Духа ни облечься властью учительства, ни проявить силу чудотворения. **Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно** (1Кор.12:11). Ему слава во веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том VII

Книга 1

ТОЛКОВАНИЕ НА СВЯТОГО МАТФЕЯ ЕВАНГЕЛИСТА

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. Для чего дано свящ. Писание. - Когда и как даны были ветхий закон и новый завет. - Почему Матфей назвал свой труд евангелием. - Почему евангелие было писано четверыми. - Незначительные разногласия в повествованиях евангелистов служат доказательством их истинности. - В главном и существенном евангелия вполне согласны. - Различие целей написания четырех евангелий. - Согласие евангелистов подтверждается сродством каждой части их писаний с целым, а равно и принятием их проповеди всею вселенной. - Истина еванг. проповеди доказывается превосходством ее над учением философов и ее удобоприемлемостью для людей всякого звания и возраста. - Ошибочное мнение о простоте и легкости изъяснения евангелия Матфея. - Указание недоумений, представляющихся в самом начале евангелия. - Увещание слушателям быть внимательными к изъяснению, с усердием посещать храм вместо зрелищ, изучать относящееся к жизни небесной и наблюдать в храме тишину и молчание.

БЕСЕДА ВТОРАЯ. Изъяснение 1:1. Повторение увещания, данного в конце предыдущей беседы. - Описание небесного града. - Неизъяснимость рождения Сына Божия, как небесного, так и земного. - Величие воплощения. - Сын Божий воплотился, чтобы человека сделать сыном Божиим. - Христос соединил ветхий завет с новым. - Значение имени "Иисус"; его ветхозаветный прообраз. - Почему Матфей назвал свое евангелие "книгою родства И. Христа". - Почему он ставит Давида раньше Авраама. - Доказательства происхождения Иосифа и Девы от Давида. - Почему дается родословие Иосифа, а не Марии. - Увещание заниматься духовным учением. - Чтение Свящ. Писания необходимо особенно для живущих в миру, как врачевство против пустословия и сквернословия. - Действие слова Божия на человека. - И одно только слушание Писания полезно.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ. Другая причина, почему дается родословие Иосифа, а не Марии. - Почему евангелист не упоминает об Исаве. - Упоминание о порочных предках служит к большему прославлению Воплотившегося, научает нас не стыдиться злонравия предков, если мы добродетельны, низлагает гордость иудеев, величавшихся происхождением от Авраама, и показывает необходимость пришествия Христова. - Фарес и Зара служат образом народа еврейского и церкви Христовой. - Образом последней служат также Раав и Руфь. - Не должно хвалиться не только предками, но и собственными заслугами. - Добродетель каждого человека ничтожна сравнительно с его грехами. - Забвение добрых дел есть самое безопасное их хранилище. - Исповедание грехов - лучший способ умилостивления и благодарения Бога. - Смирение есть начало всякого любомудрия и мать всех благ. - Образцом смиренномудрия может служить Давид.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ. Изъяснение 1:17-21. Почему родословие разделено на три части. - Почему родословие опускается у Марка, но есть у Луки - Для чего Матфей исчисляет количество родов до Христа? - Почему зачатие совершилось не прежде обручения - Непостижимость рождения. - Христос действительно родился от Девы и имеет плоть одинаковую с нами. - Добродетель и мудрость Иосифа. - Почему ангел возвещает ему о зачатии не с самого начала, как Деве. - Каким образом Ангел уверяет его в истине зачатия от Духа Св. - Величие дара отпущения грехов, принесенного Христом, побуждает верующих жить достойно этого дара. - Верующий должен отличаться от неверующего своею доброю жизнью, - равно и всем своим внешним поведением. - Безобразие души можно видеть как в зеркале, изучая жизнь святых мужей. - Человек, дающий волю своим страстям, хуже зверя. - Кто ищет внешней славы, тот бесчестит себя. - Истинную славу дает благочестие. - Пример трех отроков научает предпочитать нищету прелестям богатства. - Увещание творить милостыню.

БЕСЕДА ПЯТАЯ. Изъяснение 1:22-25. Слушание проповеди приносит пользу тогда, когда слышанное припоминается и обсуждается дома. - Смысл выражения: сие же все бысть. - Для чего ангел напоминает Иосифу пророчество Исаии. - Почему Христос называется Эммануилом. - Возражение иудеев против девства Марии опровергается переводом 70-ти, равно как не имеет опоры и в других переводах. - Мария пребыла девою и после рождения. - Пример братьев Христа по плоти показывает, что родство с праведником не приносит пользы, если нет собственной добродетели. - Молитвы праведников не могут спасти тех, которые нерадят сами о спасении. - Милостыня, подаваемая и от неправедно приобретенного имущества, умилостивляет Бога. - Преступность и вред ростовщичества.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ. Изъяснение 2:1-3. Звезда, явившаяся при рождении Христа, не служит оправданием учения астрологов. - Она была невидимой силой, принявшей вид звезды; - четыре доказательства этого. - Цель явления звезды и пришествия волхвов. - Бог в устроении домостроительства применяется к состоянию и обычным воззрениям людей. - Для чего евангелист указывает время и место рождения. - Кто побудил волхвов к путешествию. - Бог не нарушает свободного произволения. - Отчего смутились иудеи, услышав о рождении Христа. - Увещание слушателям воспитывать в себе любовь к духовному и сокрушение о грехах. - Слезы покаяния так же очищают душу, как и крещение. - Смех осуждается Писанием; он происходит от внушения дьявола, как и зрелища. - Великий вред, причиняемый зрелищами.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ. Изъяснение 2:4-10. По явлению волхвов и другим событиям, сопровождавшим рождение Христа, иудеи могли познать истину. - Почему достоинство Христа не так ясно открывается при Его рождении, как впоследствии. - Злоба и безумие Ирода. - Для чего звезда скрылась и вновь явилась. - Поклонение волхвов испровергает учение Маркиона и Павла Самосатского. - Оно знаменовало призвание язычников. - Увещание подражать волхвам чрез служение Христу. - Порицание тем, которые оставляют Христа ради позорных зрелищ. - Целомудрие - долг всякого христианина.

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ. Изъяснение 2:11-15. Что побуждало волхвов поклониться Младенцу. - Для чего они удаляются в Персию. - Бог для достижения своих целей попускает иногда врагам Своим впадать в заблуждение. - Для чего Христос посылается в Египет. - Пророчество Осии 11:1 получает надлежащее исполнение во Христе. - Перемена, совершившая с Египтом, показывает силу Христову. - Пустынножительство в Египте. - Слава великого Антония. - Жизнь в миру не может служить препятствием для подражания монашествующим.

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ. Изъяснение 2:16-23. Для чего Бог попустил избиение младенцев. - Страдания и бедствия, претерпеваемые несправедливо, или заглаждают наши грехи, или служат к получению больших наград на небе. - В жизни человека все совершается по действию бож. Промысла. - В доказательство Своей силы, Бог исполняет свои намерения средствами противоположными. - Почему Иосиф приходит в Назарет. - Пророческие писания не все сохранены евреями. - Не должно гордиться ни отечеством, ни предками, ни богатством, ни другими внешними преимуществами. - Богатство не доставляет безопасности и приводит к погибели души.

БЕСЕДА ДЕСЯТАЯ. Изъяснение 3:1-6. Какое время означается выражением "во дни оны". - Почему Христос крестился тридцати лет. - Отличие крещения Иоаннова от данного Христом. - Цель пришествия Иоанна. - Явление и деятельность Иоанна заранее предсказаны были пророками. - Образ жизни Иоанна. - Увещание подражать Иоанну. - Близость суда и необходимость покаяния. - Покаяние состоит не только в оставлении худых дел, но и в замене их делами добрыми. - Почему Бог не скоро исполняет наши прошения. - Польза искушений.

БЕСЕДА ОДИННАДЦАТАЯ. Изъяснение 3:7-12. Неверие фарисеев, приходивших к Иоанну. - Обличение фарисеев Иоанном не лишало их надежды спасения чрез покаяние. - Для покаяния не требуется продолжительного времени. - Превосходство крещения Христова над крещением Иоанновым. - Почему Иоанн говорит о даровании Духа Св., умалчивая о предшествующих делах Христа. - Одного крещения недостаточно для спасения; требуется еще и добродетельная жизнь. - Нужно извлекать пользу из проповеди. - Добродетели надо научаться постепенно, переходя от легчайшего к более трудному. - Польза эпитимий. - Приобретение навыка в добродетели.

БЕСЕДА ДВЕНАДЦАТАЯ. Изъяснение 3:13-17. Крещение от Иоанна не уничижало Христа. - Христос крестился, чтобы исполнить весь закон. - Для чего нисшел Дух Св. по крещении на Иисуса. - Почему иудеи, видевшие сошествие Духа, не верили во Христа. - На всякого крещающегося и теперь сходит Дух Св. - Почему Дух Св. сошел в виде голубя. - Дух Св. по достоинству не ниже Сына Божия. - Исполнив крещение иудейское, Христос отверз дверь крещению новозаветному. - Христианин должен вести жизнь, достойную дара крещения. - Верующий должен на деле оправдывать свое учение пред язычниками и служить для них примером.

БЕСЕДА ТРИНАДЦАТАЯ. Изъяснение 4:1-11. Для чего Христос терпел искушения в пустыне. - Польза искушений. - Не должно самому искать искушений. - Пост - оружие против дьявола. - Почему Христос постился 40 дней. - Смысл и значение трех искушений. - Своим примером Христос научает, как нужно побеждать дьявола. - Разнообразие средств, употребляемых дьяволом для обольщения. - Не следует усиленно искать спокойной жизни. - Благоденствующие грешники подвергнутся тягчайшему наказанию. - Несомненность будущего суда и воздаяния; доказательства этого.

БЕСЕДА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Изъяснение IV, 12-24. Для чего Христос удаляется в Галилею. - Что такое Галилея. - Почему Христос начинает проповедь после Иоанна. - Призвание Петра и Андрея. - Пример послушания Христу, показанный ими. - Почему Христос в начале проповеди творил чудеса. - Христос и ныне исцеляет болезни душевные - источник болезней телесных. - Чтобы просить отпущения грехов, нужно чувствовать свои грехи. - Нераскаянность больше всего прогневляет Бога. - По смерти нельзя грешнику получить прощение.

БЕСЕДА ПЯТНАДЦАТАЯ. Изъяснение 5:1-16. Своим примером Христос научает не делать ничего на показ. - Обращая речь к ученикам, Христос говорит чрез них ко всем людям. - Кто разумеется под нищими духом. Смирение - начало всякого благочестия. - Плач о грехах освобождает от пристрастия к земному. - Утешение, даруемое Богом, помогает побеждать все. - Под землею, обещанною кротким, разумеются и чувственные блага. - Кто разумеется под алчущими и жаждущими правды, под милостивыми, чистыми сердцем, миротворцами и изгнанными правды ради, и какова их награда. - Не всякие поношения делают людей блаженными. - Царство небесное обещается не одним нищим духом. - Почему последняя заповедь обращена прямо к ученикам. - Терпеть злословие - больший подвиг, чем переносить опасности. - Заповеди пролагают путь одна другой. - Что значат выражения: „вы соль земли" и „свет мира". - Сила проповеди показывает могущество Христово. - Добродетель не может укрыться. - Она одна делает счастливым. - Злословящие внутренно хвалят добродетель. - Жизнь христианина должна оправдывать учение. - Порицание гоняющимся за наживой, подающим милостыню из тщеславия, забавляющимся ссорами других, и увещание не заводить распрей и ссор и прощать обиды.

БЕСЕДА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Изъяснение 5:17-26. Для чего Христос говорит, что Он не разрушает закона. - Почему Он иное говорит и делает со властью, иное со смирением и с молитвою к Богу. - Как Христос исполнил закон и пророков. - Заповеди, восполнявшие ветхий закон, даны уже в предшествующих заповедях блаженства. - Почему свои заповеди Христос называет малыми. - Собственные дела должны предшествовать учению. - Ветхозаветная правда сродна с новозаветной. - Почему в новом завете требуются большие подвиги. - Заповеди Христовы утверждают и восполняют заповеди ветхозаветные. - Ветхозаветный закон свидетельствует о благости Законодателя. - Законодатель ветхого и нового завета один. - Не всякий гнев запрещается Христом. - Почему за оскорбления словом Христос угрожает геенной. - Примирение с братом есть истинная жертва Богу. - Почему повелевается мириться с соперником скоро. - Медлительность в совершении добрых дел бывает причиною больших зол. - Побуждением к добродетели должна служить мысль, что мы все делаем для Бога. - Помощь Божия все делает легким. - Добродетель кажется трудной для человека, пока только он пребывает в грехах.

БЕСЕДА СЕМНАДЦАТАЯ. Изъяснение 5:27-37. Почему Христос начинает Свое учение не с заповеди о единобожии. - Какое пожелание запрещает Христос. - Почему запрещается самое воззрение на женщину. - Обличение женщин, любящих наряды. - Должно удаляться от соблазняющих, хотя бы и близких людей. - Почему закон дозволял давать разводную. - Почему запрещается брак с отпущенной. - Ограничение свободы развода. - Запрещение клятвы. - Для исполняющего заповеди Христовы не может быть нужды в клятве. - Почему развод и клятва допущены были в ветхом завете. - Одно и то же, смотря по времени, может быть и хорошим и нехорошим. - От человека в новом завете требуется высшее совершенство, чем в ветхом. - Как можно отстать от привычки клясться.

БЕСЕДА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Изъяснение 5:38-48. Для чего дан был закон око за око. - Что значит не противиться злому. - Повеление подставлять ударившему другую щеку выражает общий закон о незлобии. - Зло побеждается терпением. - Заповеди о непротивлении легкоисполнимы. - Исполнение их приносит пользу и обижающим. - Должно терпеть без сопротивления даже страдания. - Девять степеней незлобия. - Высшая степень добродетели - молитва за врагов. - Образец незлобия, данный Христом. - Увещание обходиться с гневающимися как с больными, предупреждать друг друга приветствиями и быть готовыми на всякие обиды и презрение - для Бога.

БЕСЕДА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Изъявление 6:1-15. Тщеславие незаметно приражается к добродетели. - Бог смотрит на намерение творящего добрые дела. - Как должно творить милостыню и молитву. - Заповедь Спасителя не запрещает молитвы в церкви. - В церкви во время молитвы должно наблюдать благопристойность. - От молящегося требуется не громкий вопль, а сердечное сокрушение. - Постоянство в молитве. - Для чего нужно молиться, если Бог знает наши нужды. - Наименование Бога Отцом заключает в себе учение о всякой добродетели. - Изъяснение молитвы Господней. - Прощение обид преимущественно заповедуется Христом. - Оно более всего уподобляет человека Богу. - Молитва об отмщении врагам прогневляет Бога. - Памятование собственных грехов - лучший способ научиться прощению обид..

БЕСЕДА ДВАДЦАТАЯ. Изъяснение 6:16-23. Притворяющиеся постящимися заслуживают особенного осуждения. - Обман лицемера изобличается и в настоящей жизни, и в будущей. - Добродетель должно почитать ради нее самой. - Христос постепенно истребляет страсть корыстолюбия. - Двоякое побуждение к подаянию милостыни. - Богатство порабощает душу. - Что глаз для тела, то ум для души. - Богатство не доставляет того, чего человек от него ожидает. - Оно делает его неспособным ни на что истинно полезное. - Как можно истребить вожделение богатства. - Отдаленность воздаяния не должна служить препятствием к собиранию сокровищ на небе.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Изъяснение 6:24-27. Двоякий вред богатства. - Можно быть богатым, но не служить мамоне. - Почему богатство названо мамоной. - Христос запрещает заботу о житейских нуждах. - Удобоисполнимость заповеди. - Почему эта заповедь кажется невыполнимой. - Щедрая милостыня - путь к полному нестяжанию.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. Изъяснение 6:28-34. Почему, говоря о заботе касательно одежды, Христос приводит в пример лилию. - Промышление Божие о человеке. - Почему Христос усвояет промышление Богу Отцу. - Вера в Промысл освобождает от бесполезных забот и малодушия. - Искание благ небесных дает и блага земные. - Все, что мы ни делаем, делаем помощью Бога. -Что означает выражение довлест дневи злоба его. - Искреннее желание делает легкоисполнимою всякую заповедь. - Нет греха, который не изглаждался бы покаянием. - Бог не спасает человека против воли. - Усиленная молитва всегда бывает услышана. - Бог не может быть врагом человека. - Молитва всегда благовременна и угодна Богу.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Изъяснение 7:1-20. Заповедь о неосуждении не все грехи повелевает не судить и не всем запрещает судить. - Должно с любовью исправлять согрешающих. - Не исправивший себя, не должен осуждать другого. - Не должно открывать учение Христово людям, не способным его принять. - Евангельские заповеди легкоисполнимы при помощи Божией, подаваемой по молитве. - Не должно отчаиваться в получении просимого. - О чем следует молиться. - Вместе с молитвою необходима и добрая жизнь. - Что делает трудный путь, ведущий в жизнь, легким. - Нужно распознавать и избегать прикрывающихся личиной добродетели. - Лицемер может быть легко узнан по делам его. - Лишение небесной славы и любви Христовой тяжелее самой геенны. - Жизнь людей, преданных мирским заботам, подобна детской игре. - Расточающий имение в помощь нуждающимся достоин более уважения, чем собирающий; уничиженный - более, чем пользующийся славой.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Изъяснение 7:21-27. Ни правая вера, ни дар чудотворения не приносят пользы при отсутствии добродетели. - Благодать часто действует в недостойных для блага других. - Одна добродетель доставляет безопасность в настоящей жизни. - Праведнику никто не может причинить вред. - Многочисленные

труды не приносят никакой пользы порочным. - Пример апостолов и иудеев показывает силу добродетели и бессилие порока. - Порок бессилен против добродетели. - Жизнь порочного исполнена печалей и страха.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. Изъяснение 7:28 - 8:4. Сила учения Христова. - Почему за учением следует совершение чудес. - Почему Христос исцеляет прокаженного прикосновением руки. - Должно иметь в мыслях Бога не только во время болезни, но и при здравии. - Для чего Христос порою соблюдает закон, порою не соблюдает. - Христос делает с своей стороны все, чтобы привлечь к вере. - Благодарность Богу есть лучшее средство сохранить Его благоволение. - Должно благодарить Бога за блага, дарованные не только нам, но и другим. - Всякий дар Божий велик. - Бог благодетельствует часто против воли самого человека. - Смирение делает благодарным Богу.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ. Изъяснение 8:5-13. Христос похваляет тех, кто имел о Нем высокое мнение. - Матфей и Лука говорят об одном и том же чуде, взаимно восполняя друг друга. - Высота веры и добродетели сотника. - Христос возвещает учение об оправдании верою и призвании язычников. - Как для добродетельного возможно падение, так и для порочного исправление. - Пример Давида научает, как и для добродетельного нужно постоянное бодрствование, и как легко восстать после падения.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. Изъяснение 8:14-22. С какою быстротою совершались Христом исцеления. - Болезни телесные суть следствия грехов. - Христос ничего не делал из тщеславия. - Христос привлекал народ не только чудотворениями, но и приятностью своего вида. - Вопрошавшим Христос давал ответы сообразно их внутреннему расположению. - Заботы о духовном должно предпочитать всему остальному. - Живущие во грехах хуже мертвецов.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. Изъяснение 8:23-34. Почему Христос взял одних только учеников и попустил им обуреваться волнами. - Различие между чудом Христовым и чудом Моисея. - Бесы исповедуют божество Христа. - Согласие евангелистов в повествовании об исцелении бесноватых. - Почему бесноватые жили в гробах. - Душа, исшедшая из тела, не остается на земле. - Бог промышляет о каждом человеке. - Для чего Христос позволил бесам потопить свиней. - Сребролюбцы страдают более тяжким недугом, чем бесноватые. - Изображение сребролюбца. - Сребролюбие вредит самому приобретению богатства.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. Изъяснение 9:1-8. Матфей и Иоанн говорят о двух различных расслабленных. - Христос подтверждает свое божественное достоинство и разночестие с Отцом чрез отпущение грехов, обнаружение тайных мыслей врагов и исцеление расслабленного. - Врагов истины должно исправлять с кротостью.

БЕСЕДА ТРИДЦАТАЯ. Изъяснение 9:9-17. Почему Матфей призывается после других. - Могущество Христа и послушание Матфея. - Достоверность евангелий. - Для чего Христос разделял трапезу с Матфеем и другими грешниками. - Обращение с грешниками и их исправление предпочитается жертвам. - Не утвержденных не должно обременять тяжкими заповедями. - В исправлении других должно подражать Христу, начиная с легчайшего. - Наставления, как исправлять жен, любящих украшаться.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Изъяснение 9:18-26. Просьба начальника синагоги об исцелении дочери. - Почему кровоточивая тайно приступила ко Христу, и для чего Он обнаружил ее. - Превосходство кровоточивой пред начальником синагоги. - Христос научает не страшиться смерти. - Истинность воскрешений, совершенных Христом,

удостоверяется предшествующими и последующими обстоятельствами. - Вера в воскресение и будущую блаженную жизнь запрещает плач об умерших. - Плач об умерших происходит от превратной любви к ним. - Смерть освобождает от земных бедствий.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ. Изъяснение 9:27-10:15. Почему Христос требует от исцеляемых исповедания веры, - и запрещает рассказывать об исцелении. - Действия Христа противоположны действиям дьявола. - Благотворящий для Бога должен на злословие отвечать благодеяниями. - Образ и цель посольства учеников. - Мир, обещанный Христом, дается в церкви чрез предстоятелей. - Отвергающим этот мир угрожает тяжкое наказание. Увещание соблюдать благоговение в церкви и оказывать любовь и проповеднику и друг другу. - Не должно требовать от проповедника чудес. - Добродетель выше чудес и больше приносит пользы.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. Изъяснение 10:16-22. Новый закон брани, данный апостолам. - Кроткие побеждают силою благодати, хотя должны оказывать и свое содействие. - Что разумеется под мудростью змииной. - Удобоисполнимость заповеди Христовой подтверждается примером апостолов. - Послушание апостолов Христу. - Дело апостолов, как по условиям совершения, так и величием своим, безмерно превосходит дела языческих философов и знаменитых мужей. - Причина успеха их проповеди. - Пример апостолов лишает извинения падающих и изнемогающих в мирное время. - К подвигам должно приучаться прежде их наступления. - Пример Иова.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Изъяснение 10:23-33. Христос утешает учеников обещанием скорого своего пришествия, примером собственных страданий, надеждою будущих благ и успехом проповеди. - Презрение смерти избавляет от истинной смерти. - Для исповедания Христа нужна помощь благодати. - Почему кроме сердечной веры требуется и устное исповедание. - Не должно бояться смерти. - Должно радоваться, что тело истлевает - Сколько худых последствий имело бы неистление тел. - Красота души сообщает благообразие телу. - Должно любить и искать красоты душевной.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ. Изъяснение 10:34-42. Единомыслие не всегда полезно. - Причиной брани, произведенной Христом, служит злоба человеческая. - Единство и согласие ветхого и нового заветов. - Должно повиноваться родителям в том, что не противно благочестию. - Ради Христа должно быть готовым на всякую смерть. - Награда принимающим апостолов. - Должно принимать всякого нуждающегося в помощи. - Не должно упрекать просящего милостыни. - Нужда извиняет бесстыдство просящего. - Упрекающий нищего показывает большее бесстыдство. - Порицание отказывающим в милостыни по лености и гордости.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ. Изъяснение 11:1-6. Цель посольства Иоаннова ко Христу. - Ответ Христа ученикам Иоанна. - Опровержение ошибочных мнений о цели посольства: Иоанн, как и другие пророки, знал о страдании и смерти Христовой; проповедь предтечи о Христе не нужна была в аде. - Жившие добродетельно до пришествия Христа будут наслаждаться всеми благами. - Существование будущих наказаний не нарушает правды Божией.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ. Изъяснение 11:7-24. Как Христос защищает Иоанна против подозрений народа. - Почему Иоанн назван большим пророка. - Христос не может быть сравниваем с Иоанном. - Прекращение явления пророков доказывает, что Иисус есть Мессия. - Иоанн и Христос противоположными путями шли к одной цели. - Неверие иудеев Иоанну и Христу не может иметь оправдания. - Увещание к странноприимству. -

Против срамных песен и рассказов. - Вред, причиняемый семейной и общественной жизни зрелищами. - Где нужно искать чистых удовольствий.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ. Изъяснение 11:25-30. Многообразие средств, употребленных Христом для возбуждения веры в иудеях. - Смирение делает человека достойным откровения. - Единосущие Сына с Отцом. - Невозможность полного познания Отца и Сына. - Смирение - мать всякого любомудрия. - Иго порока тяжелее ига добродетели. - Подтверждение этой истины примером людей, возлюбивших нищету, и богатых, незлобных и гневливых.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ. Изъяснение 12:1-8. Христос не нарушал субботы без причины. - Как защищает Он учеников от обвинения их фарисеями в нарушении субботы. - Цель ветхозаветного закона о субботе. - Бесполезность его в новом завете. - Истинный праздник состоит в удалении от всякого зла. - Благодать делает легким исполнение заповедей, когда мы прилагаем и собственное старание.

БЕСЕДА СОРОКОВАЯ. Изъяснение 12:9-24. Милосердие Господа и бесчеловечие и злоба иудеев. - Благодеяния, оказываемые Христом, особенно возбуждали против Него ненависть иудеев. - Зависть - худшее из зол. - Средства освобождения от зависти: сознание великой греховности ее, причиняемого ею вреда самому завидующему и ничтожества внешних преимуществ, возбуждающих зависть.

БЕСЕДА СОРОК ПЕРВАЯ. Изъяснение 12:25-32. Опровержение клеветы фарисеев и цель его. - В каком смысле хула на Духа Св. не прощается. - Самоосуждение и сердечное сокрушение - путь к совершенству и избавлению от наказаний.

БЕСЕДА СОРОК ВТОРАЯ. Изъяснение 12:33-37. Цель обличения фарисеев. - Почему Христос называет их порождениями ехидн. - Выражаемое словами, - худое ли, доброе ли, - есть только избыток внутреннего. - Всякий будет судим по собственным словам. - Обижающий несчастнее обижаемого; подтверждающие это примеры. - Не должно оглашать чужих грехов, даже и явных. - Должно заниматься испытанием собственной совести. - Время и место для такого испытания. - Беспечность и леность - причина недоступности добродетелей.

БЕСЕДА СОРОК ТРЕТЬЯ. Изъяснение 12:38-45. Для чего фарисеи просили знамения. - Знамением силы Христовой служат бедствия, постигшие иудеев. - Действительность смерти Христовой. - Справедливость наказаний, понесенных иудеями после смерти Христа. - Освободившийся от зол, но не сделавшийся благоразумнее, подвергается более тяжкому наказанию. - Сильные страдания не облегчаются видом страданий других. - Польза напоминания о геенне. - Увещание к исправлению жизни. Условия общественной и семейной жизни не служат препятствием для добродетели.

БЕСЕДА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ. Изъяснение 12:46-13:9. Цель упрека, сделанного Христом матери и братьям. - Родство по плоти не приносит никакой пользы, если нет родства духовного. - Изъяснение притчи о сеятеле. - Семя погибает не во вине сеющего. - Погибель и плодоношение зависят от воли приемлющего. - Для спасения недостаточно одной какой-либо добродетели. - Вред, причиняемый телу и душе пресыщением.

БЕСЕДА 1

ПО НАСТОЯЩЕМУ, нам не следовало бы иметь и нужды в помощи Писания, а надлежало бы вести жизнь столь чистую, чтобы вместо книг служила нашим душам

благодать Духа, и чтобы, как те исписаны чернилами, так и наши сердца были исписаны Духом. Но так как мы отвергли такую благодать, то воспользуемся уж хотя бы вторым путем. А что первый путь был лучше, это Бог показал и словом и делом. В самом деле, с Ноем, Авраамом и его потомками, равно как с Иовом и Моисеем, Бог беседовал не чрез письмена, а непосредственно, потому что находил их ум чистым. Когда же весь еврейский народ пал в самую глубину нечестия, тогда уже явились письмена, скрижали и наставление чрез них. И так было не только со святыми в Ветхом Завете, но, как известно, и в Новом. Так и апостолам Бог не дал чего-либо писанного, а обещал вместо писаний даровать благодать Духа.

"**Утешитель же, Дух Святый**, - сказал Он им, - **напомнит вам все**" (Ин. 14:26). И чтобы ты знал, что такой путь (общения Бога со святыми) был гораздо лучше, послушай, что Он говорит чрез пророка: "**Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет … вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу … и будут все научены Богом его**" (Иер. 31:31-34; Ин. 6:45). И Павел, указывая на это превосходство, говорил, что он получил закон (написанный) "**не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца**" (2 Кор. 3:3). Но так как с течением времени одни уклонились от истинного учения, другие от чистоты жизни и нравственности, то явилась опять нужда в наставлении письменном. Размысли же, какое будет безрассудство, если мы, которые должны бы жить в такой чистоте, чтобы не иметь и нужды в Писании, а вместо книг представлять сердца Духу, - если мы, утратив такое достоинство и возымев нужду в Писании, не воспользуемся, как должно, даже и этим вторым врачевством. Если достойно укоризны уже то, что мы нуждаемся в Писании и не привлекаем к себе благодати Духа, то какова, подумай, будет наша вина, если мы не захотим воспользоваться и этим пособием, а будем презирать Писание, как излишнее и ненужное, и таким образом навлекать на себя еще большее наказание? Чтобы этого не случилось, вникнем тщательнее в то, что написано, и рассмотрим, как дан был Ветхий закон, и как - Новый Завет. Итак, каким образом, когда, и где дан был древний закон? После гибели египтян, в пустыне, на горе Синае, в огне и дыме, выходившем от горы, при звуке трубы, среди грома и молний, по вшествии Моисея в самый мрак. А в Новом Завете не так: не в пустыне, не на горе, не среди дыма и мрака, тьмы и бури, а при наступлении дня, в доме, когда все сидели вместе, - все происходило при глубокой тишине. Для людей грубых и необузданных нужны были чувственные поразительные явления, как пустыня, гора, дым, трубный звук и тому подобное; для людей же более возвышенных, более покорных и ставших выше чувственных понятий, ни в чем таком не было нужды. Если же и над апостолами был шум, то не ради них, а ради присутствовавших иудеев, ради которых явились и огненные языки. В самом деле, если последние несмотря и на это говорили [про апостолов], что они "**напились сладкого вина**" (Деян. 2:13), то тем более сказали бы так, если бы не видели ничего подобного. Далее, - в Ветхом Завете Бог сошел, когда Моисей взошел [на гору] (Исх. 19:3); здесь же Дух сошел, когда наше естество вознеслось на небо, а лучше сказать - на царский престол. Если бы Дух был меньше, то явления [сопровождавшие Его пришествие] не были бы более величественными и чудесными, а между тем новозаветные скрижали гораздо превосходнее ветхозаветных, равно как и события славнее. В самом деле, апостолы не с горы сошли с каменными досками в руках, подобно Моисею, а неся в душе своей Духа, и всюду ходили, источая сокровище и источник учений, даров духовных и всяких благ, став по благодати одушевленными книгами и законами. Так они привлекли [к вере] три тысячи, так - пять тысяч, так - все народы вселенной, потому что устами их говорил ко всем приходящим к ним Бог (Деян. 2:41 и 4:4). Так и Матфей, исполнившись Духа Божия, написал книгу, - Матфей мытарь; я не стыжусь называть по занятию ни его, ни других апостолов, потому что это больше всего и обнаруживает и благодать Духа, и их собственную добродетель.

2. Свое произведение Матфей справедливо назвал Евангелием. В самом деле, он всем, - врагам, невеждам, сидящим во тьме, - возвещает конец наказания, разрешение грехов, оправдание, освящение, искупление, всыновление, наследие небес и сродство с Сыном Божиим. Что же может сравниться с таким благовестием? Бог на земле, человек на небе; все в соединении: ангелы составили один лик с людьми, люди соединились с ангелами и прочими горними силами. Очевидно стало, что древняя брань прекратилась, что совершилось примирение Бога с нашим естеством, дьявол посрамлен, демоны изгнаны, смерть связана, рай отверст, клятва упразднена, грех истреблен, заблуждение удалено, возвратилась истина, повсюду сеется и растет слово благочестия, небесная жизнь насаждена на земле, горние силы пребывают в дружественном общении с нами, ангелы непрестанно сходят на землю, и великая явилась надежда на будущее. Вот почему Матфей и назвал свою историю Евангелием, как бы [давая разуметь, что] все другое, как, например, богатое имущество, величие власти, начальство, слава, почести, и все прочее, почитаемое людьми за благо, составляет одни лишь пустые слова, а обетования, данные через рыбарей, должны называться в собственном и преимущественном смысле благовестием. И это не потому только, что они - блага прочные и постоянные и превосходят наше достоинство, но и потому, что они даны нам без всякого труда с нашей стороны. Не трудами и потом, не усилиями и страданиями получили мы то, что имеем, а единственно по любви к нам Бога. Но почему, спросим, при столь великом числе учеников, пишут только двое из апостолов и двое из их спутников, - так как кроме Иоанна и Матфея написали Евангелия один ученик Павла, а другой ученик Петра. Потому, что они ничего не делали по честолюбию, но все для пользы. Что же? Разве один евангелист не мог написать всего? Конечно, мог; но когда писали четверо, писали не в одно и то же время, не в одном и том же месте, не сносясь и не сговариваясь между собою, и, однако, написали так, как будто все произнесено одними устами, то это служит величайшим доказательством истины.

И, однако, скажешь ты, случилось противное, так как они часто обличаются в разногласии. Но это-то самое и является вернейшим знаком истины. В самом деле, если бы они были до точности согласны во всем - и касательно времени, и касательно места, и самых слов, то из врагов никто бы не поверил, что они написали Евангелия не сошедшись между собой и не по обычному соглашению, и что такое согласие было следствием их искренности. Теперь же представляющееся в мелочах разногласие освобождает их от всякого подозрения и блистательно говорит в пользу писавших. Если они, относительно места и времени, кое-что написали различно, то это нисколько не вредит истине их повествований, что мы и попытаемся, с Божьею помощью, доказать впоследствии. Теперь же просим вас заметить, что в главном, заключающем основание нашей жизни и составляющем сущность проповеди, они нигде один с другим ничуть не разногласят. В чем же именно? В том, что Бог стал человеком, творил чудеса, был распят, погребен, воскрес, вознесся на небо и придет судить; что Он дал спасительные заповеди, ввел закон, не противный ветхозаветному; что Он - Сын, единородный, истинный, единосущный Отцу, и тому подобное. Во всем этом мы находим у евангелистов полное согласие. Если же относительно чудес не все всё сказали, а один описал одни, другой - другие, то тебя это не должно смущать. Если бы один евангелист сказал все, то были бы излишни остальные; если бы каждый написал различное и новое сравнительно с другими, то не очевидно было бы доказательство их согласия. Вот почему они сказали о многом и сообща, и каждый из них выбрал нечто особое, чтобы не оказаться, с одной стороны, излишним и писавшим без цели, а с другой - чтобы представить нам верное доказательство истины своих слов.

3. Так Лука указывает и причину, по которой он приступает к писанию Евангелия. Чтобы ты имел, говорит, “**твердое основание того учения, в котором был наставлен**” (Лк. 1:4), т. е. чтобы ты удостоверился в том, чему часто был поучаем, и пребывал в твердой

уверенности. Иоанн сам умолчал о причине (написания им Евангелия), но, как говорит дошедшее до нас от отцов предание, и он приступил к писанию не без причины. Так как первые три евангелиста по преимуществу старались изложить историю земной жизни Христа, и учению о божестве Его угрожала опасность остаться нераскрытым, то Иоанн, побуждаемый Христом, приступил наконец к написанию Евангелия. Это видно как из самой истории, так и из начала Евангелия. Он начинает не с земного, подобно прочим евангелистам, а с небесного, которое он по преимуществу имел в виду, и для того составил всю книгу. Впрочем, не только в начале, а и во всем Евангелии он возвышеннее прочих. Равным образом и Матфей, как говорят, по просьбе уверовавших иудеев, пришедших к нему, написал им то, что говорил устно, и составил Евангелие на еврейском языке. Тоже самое сделал, по просьбе учеников, и Марк в Египте. Вот почему Матфей, как писавший для евреев, не старался показать ничего более, как происхождение Христа от Авраама и Давида; между тем как Лука, писавший для всех вообще, возводит родословие выше, доходя до Адама. Затем, первый начинает с рождения Иисуса Христа, поскольку для иудея не могло быть ничего приятнее, как сказать ему, что Христос есть потомок Авраама и Давида, а второй не так начинает, а упоминает предварительно о многих других событиях и затем уже приступает к родословию. Что касается согласия евангелистов, то мы можем доказать его и свидетельством всей вселенной, принявшей их писания, и свидетельством самих даже врагов истины. После евангелистов родилось много ересей, учивших противно их писаниям; одни из них приняли все сказанное в последних, а другие принимают только часть, отделив ее от прочего. Если бы в писаниях евангелистов было несогласие, то ни ереси, утверждающие противное им, не приняли бы всего, а только ту часть, которая казалась бы им согласной, ни принявшие только часть, не были бы изобличаемы этой частью, так как и самые малые части в писаниях евангелистов ясно обнаруживают свое сродство с целым. Подобно тому, как если ты возьмешь, например, часть ребра, и в этой части найдешь все, из чего состоит целое животное - и нервы, и жилы, и кости, и артерии, и кровь, словом, все существенные части телесного состава, так точно и в Писании можно видеть то же самое: и здесь всякая часть написанного ясно показывает сродство с целым. Если бы евангелисты разногласили, то не оказывалось бы и такого сродства, и самое учение их давно бы рушилось, так как “**всякое царство, разделившееся само в себе**” не устоит (Мф. 12:25; Мк. 3:24). Теперь же, если и есть у них какие разногласия, этим только ясно обнаруживается сила Духа (Святого), убеждающая людей, чтобы они, держась необходимого и главного, нисколько не смущались ничтожными несогласиями.

4. Где писал каждый из евангелистов, - этим вопросом заниматься нам нет особенной нужды; но что они не противоречили друг другу, это мы постараемся доказать во всем нашем толковании. Если ты обвиняешь их за разногласие, то делаешь не что иное, как заставляешь их говорить одними и теми же словами и употреблять один и тот же способ выражения. Я не говорю уже о том, что и многие из величающихся знанием риторики и философии, написав много книг об одних и тех же предметах, не только разногласили, но и противоречили друг другу, - иное ведь дело - разногласить, другое дело - противоречить. Об этом я уже не говорю: я не имею нужды пользоваться их неразумием для защиты (евангелистов) и не хочу подтверждать истины ложью. Но вот о чем охотно спросил бы я: как заслужили веру разногласящие писания? Как они одержали победу? Как могли заслужить удивление, веру и славу по всей вселенной люди, противоречившие один другому? Свидетелями их проповеди были многие; многие притом были врагами и противниками. Написав Евангелия, они не скрыли их в одном уголке вселенной, а распространяли их всюду, на суше и море, в слух всех; как и теперь, они читаемы были и в присутствии врагов, и ничто из сказанного в них никого не соблазняло. И вполне естественно, потому что все во всех производила и совершала божественная сила. Иначе, каким образом мытарь, рыбарь неученый могли бы так мудрствовать? Чего некогда

языческие мудрецы не могли и во сне представить, о том они проповедуют с великой уверенностью и убедительностью, - и не только при жизни, но и по смерти, - не двум, не двадцати человекам, не сотням, не тысячам и десяткам тысяч, а (целым) городам, племенам и народам, суше и морю, Греции и странам варварским, земле обитаемой и пустыне, возвещая учение, много превышающее наше естество. Оставив земное, они говорят только о небесном, предлагают нам другую жизнь и новый образ жизни, иное богатство и иную бедность, иную свободу и иное рабство, иную жизнь и смерть, иной мир, иной устав жизни, - все иное. (Они преподают правила жизни) не так, как Платон, составивший пресловутую "Политию", или Зенон, и другие писавшие об общественном устройстве и составители законов. Все они самыми произведениями своими доказали, что их душе внушал злой дух, лютый демон, воюющий против нашего естества, враг чистоты, противник благонравия и низвратитель всякого порядка. В самом деле, что еще можно сказать про них, когда они предписывали всем иметь общими жен, выводить на показ мужчинам обнаженных девиц во время ристалищ, учинять украдкой браки, когда они ниспровергли и уничтожили всякий порядок и извратили уставы самой природы? Что все это - изобретения демонов и противно природе, об этом может свидетельствовать нам сама природа, которая не терпит ничего такого. И они писали об этом не среди гонений, не среди опасностей, не среди браней, а с полной безопасностью и свободой, часто пользуясь, кроме того, еще многими прикрасами. А между тем проповедь рыбарей, гонимых, бичуемых, проводивших жизнь среди опасностей, со всей охотой принимали и простецы и мудрецы, и рабы и свободные, и варвары и греки.

5. И ты не можешь сказать, что учение этих рыбарей было для всех удобоприемлемо потому, что оно маловажно и низко. Нет, оно даже гораздо возвышеннее учения философов. О девстве, например, даже об имени таком те не могли и во сне подумать, равно как ни о нестяжательности, ни о посте, ни о какой другой высшей добродетели. Между тем наши учителя не только похоть искореняют, не только действие (преступное) подвергают наказанию, но осуждают и бесстыдный взгляд, и оскорбительные слова, и непристойный смех, и одежду, и поступь, и крик, простирают строгость даже до самого малейшего. По всей вселенной они насадили семена девства. О Боге и вещах небесных они внушают такие понятия, какие никому из философов никогда не могли и на ум придти. Да и как могли иметь такие понятия люди, боготворившие изображения зверей, пресмыкающихся животных и других презренных тварей? И, однако, такое высокое учение (апостолов) было принято и заслужило веру, процветает доселе и возрастает с каждым днем, а учение философов отжило, погибло, исчезло легче паутины. И вполне правильно, так как его проповедовали демоны. Вот почему, кроме бесстыдства, оно представляет много темного и трудного для уразумения. Что может быть смешнее, например, того учения, в котором философ, потратив тысячи слов на то, чтобы показать, что такое справедливость, все еще старается разъяснить этот вопрос в длинной и крайне неясной речи? Если бы он указал что-нибудь и полезное, то для жизни человеческой и это осталось бы совершенно без пользы. В самом деле, если бы земледелец, или ваятель, или плотник, или кормчий, или другой кто-нибудь, питающийся трудами рук своих, вздумал отстать от своего занятия и честных трудов, чтобы потратить многие годы на изучение того, что такое справедливость, то прежде, чем узнать это, он ради этой самой справедливости изнурил бы себя постоянным голодом и погиб бы, окончил бы жизнь свою насильственною смертью, так и не научившись ничему полезному. А наше учение не таково. В кратких и ясных словах Христос научил нас, в чем состоит и справедливое, и честное, и полезное, и всякая вообще добродетель. Так Он говорил, например, что в двух заповедях "**утверждается весь закон и пророки**" (Мф. 22:40), то есть в любви к Богу и ближнему, или еще: "**Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки**" (Мф. 7:12). Все это удобопонятно и легкопостижимо и для земледельца, и для раба, и для вдовицы, и даже для отрока и самого

малосмыслящего. Такова истина! Доказательством служит опыт. Все, действительно, узнали, что нужно делать, и не только узнали, но старались и исполнить (то, что узнали), и не в городах, не на торжищах только, а и на вершинах гор. И там ты увидишь великое любомудрие, и там сияют лики ангелов в человеческой плоти и на земле является жизнь небесная. Образ этой жизни начертали нам рыбари, повелевая приниматься (за обучение ему) не с детского возраста, как делали то философы, и не узаконяя для изучения добродетели определенного числа лет, а наставляя всякий возраст без исключения. Учение философов - детская забава, а учение апостолов - сама истина. Местом для этой жизни они назначили небо, а руководителем и законодателем ее признали Бога, как и надлежало. Наградами за эту жизнь служат не лавровый венок, не масличная ветвь, не пиршество в Пританее [1], не медные изображения, не такие пустые и бесполезные вещи, а бесконечная жизнь, усыновление Богу, ликование с ангелами, предстояние царскому престолу и постоянное пребывание со Христом.

6. Руководителями в этой жизни являются мытари, рыбари и скинотворцы, которые жили не краткое время, но всегда живут, почему и по смерти своей могут оказывать величайшую помощь своим последователям. Подвизающимся в этой жизни предстоит брань не с людьми, а с демонами и бесплотными силами. Вот почему и вождем у них не какой-нибудь человек, не ангел, а сам Бог. И оружия этих воинов соответствуют характеру брани: они изготовлены не из кожи и железа, а из истины, правды, веры и всякого вида любомудрия. Об этой самой жизни написано и в Евангелии Матфея, о котором нам предстоит теперь говорить. Итак, будем со тщанием внимать ясным речам о ней евангелиста. Все, что он говорит, не его слова, а самого Христа, узаконившего эту жизнь. Будем же внимательны, чтобы и нам удостоиться быть вписанными в эту жизнь и сиять вместе с теми, которые прошли уже ее и получили неувядаемые венцы. Для многих, заметим, эта книга кажется легкопонятною сравнительно с пророками, которые представляют трудности для понимания. Но это говорят люди, которые не знают глубины сокрытых здесь мыслей. Поэтому прошу вас следовать за мною со всею ревностью, чтобы войти нам в самую глубь Писания; водителем же в этом пути будет нам сам Христос. А чтобы слово наше было удобопонятнее, просим и убеждаем вас (как делали мы это при изъяснении и других Писаний) наперед перечитывать тот отдел книги, который мы будем изъяснять; пусть уразумению предшествует чтение, как то было с евнухом (Деян. 8:28 и далее); это доставит нам большое облегчение. В самом деле, вопросы здесь во множестве возникают на каждом шагу. Вот смотри, сколько, например, недоумений рождается тотчас же в самом начале Евангелия. Во-первых, для чего излагается родословие Иосифа, который не был отцом Христа? Во-вторых, откуда нам может быть видно, что Христос происходит от Давида, когда мы не знаем предков Марии, от которой Он родился, - ведь родословной Девы не показано? В-третьих, почему дается родословие Иосифа, который нисколько не причастен был рождению, а от каких родителей, дедов и прадедов Дева, которая была матерью Христа, не сказано? Кроме того, заслуживает исследования и то, почему евангелист, ведя родословие по мужской линии, упомянул и о некоторых женах. Затем, если ему так рассудилось, то почему он не перечислил всех жен, а умолчав о достославных, как, например, Сарре, Ревекке и подобных им, выставил только известных по своим порокам, например, блудницу, или прелюбодеицу, иноплеменницу, или чужестранку? Так именно он упомянул о жене Уриевой, о Фамари, о Раави и Руфи, из которых последняя была иноплеменница, другая блудница, третья имела связь со свекром, и притом не по закону брака, а похитив ложе под видом блудницы; что же касается жены Урия, то о ней всякий знает по выходящему из ряда вон ее поступку. И, однако, евангелист, опустив всех других, поместил в родословии только одних этих жен. Если уж нужно было упоминать о женах, то следовало упомянуть о всех; если же не о всех, а только некоторых, то о прославившихся своими добродетелями, а не пороками. Видите, сколько нам нужно внимания уже при самом начале Евангелия, хотя для иных это начало

кажется яснее прочего, а для многих даже излишним, потому что представляет простое только перечисление имен. Далее, - заслуживает исследования и то, почему Матфей умолчал о трех царях. Если он умолчал о них, как о слишком нечестивых, то ему не нужно было бы упоминать и о других подобных. Вот и еще представляется вопрос: почему евангелист, разделив родословие на части по четырнадцати родов в каждой, в третьей части не соблюл этого числа? Затем: почему Лука упомянул о других именах, и не только не о всех тех, какие есть у Матфея, но и указал их гораздо больше, а Матфей привел и меньше и другие имена, хотя и он кончил на Иосифе, на котором прекратил родословие и Лука. Смотрите же, сколько нам нужно бдительности не только для того, чтобы разрешить недоумения, но и для того, чтобы узнать, что требует решения. Немаловажное ведь дело и суметь найти недоуменные вопросы. Вот и еще, например, недоуменный вопрос: каким образом Елизавета, происходя из колена Левиина, могла быть родственницею Марии?

7. Но, чтобы не обременить вашей памяти множеством вопросов, остановимся здесь. Для возбуждения вашего внимания достаточно и того, если вы узнаете только, какие представляются здесь вопросы. Если же вы желаете узнать и решение, то и это будет зависеть, прежде нашего наставления, от вас самих. Если я увижу у вас внимание и охоту научиться, то буду стараться предложить и решение, а если замечу леность и невнимательность, то не покажу ни самых вопросов, ни решения их, следуя божественной заповеди, гласящей: “**Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими**” (Мф. 7:6). Кто же этот попирающий? Тот, кто не почитает Писания драгоценным и важным. Но кто же, скажешь, столь несчастен, чтобы не считать его важным и всего драгоценнее? Тот, кто не уделяет ему и столько времени, сколько тратит для распутных женщин на сатанинских зрелищах. Многие проводят там целые дни, совсем запускают ради бесполезного такого времяпровождения домашние дела, и что услышат там, стараются с точностью запомнить и сохранить на пагубу души своей, а здесь, где говорит сам Бог, не хотят побыть и малого времени. Вот почему у нас нет ничего общего и с небом, и наша (небесная) жизнь только на словах. Однако ж за это Бог угрожает нам и геенною, - не с тем, чтобы ввергнуть нас в нее, а чтобы дать нам возможность избежать этого тяжкого наказания. А мы делаем напротив, и каждый день стремимся на путь, ведущий к геенне: Бог повелевает не только слушать, но и исполнять то, что нам говорится, а мы не хотим и выслушать. Когда же, скажи мне, начнем мы исполнять то, что нам повелевается, когда примемся за дела, если мы не хотим даже и слушать о них, если негодуем и досадуем даже на самое краткое пребывание в храме? Когда мы, разговаривая о предметах ничего не стоящих, замечаем в собеседниках невнимание, то считаем это себе за обиду. А о том не думаем, что оскорбляем Бога, когда Он говорит нам о столь важных предметах, а мы пренебрегаем Его словами и смотрим в сторону? Какой-нибудь старец, исходивший много земель, со всею точностью сообщает нам и о расстояниях и о положении городов, об их видах, пристанях, площадях (и мы с удовольствием слушаем его), а сами, между тем, не знаем и того, сколь далеко отстоим от небесного града. В противном случае, если бы мы знали это расстояние, мы постарались бы сократить путь. Если, ведь, мы нерадим, то расстояние этого града от нас не только такое, какое находится между небом и землей, а даже гораздо больше; напротив, если прилагаем старание, то можем дойти до врат его в одно мгновение, потому что это расстояние определяется не протяжением пространства, а состоянием нашей нравственности.

8. Ты отлично знаешь дела здешней жизни, - и новые и старые и древние, можешь перечислить начальников, у которых ты служил раньше в войсках, и распорядителей игр, и победителей на них, и вождей, от чего тебе нет никакой пользы. А кто начальник в небесном граде, кто первый, кто второй, кто третий, сколько времени каждый служил и

что сделал славного, об этом тебе никогда и во сне не грезилось. О законах, которыми управляется этот город, ты не хочешь внимательно послушать, когда говорят о них и другие. Как же, скажи мне, ты надеешься получить обещанные блага, если не хочешь и внимать, когда говорят о них? Но если мы не заботились об этом раньше, то постараемся по крайней мере сделать это теперь. Вот мы намереваемся вступить, если благоволит Бог, в златой град, и даже драгоценнейший всякого злата. Рассмотрим же его основания и врата, сделанные из сапфира и маргаритов. Лучший руководитель наш - Матфей. Его дверью входим мы ныне; только нужно большое старание с нашей стороны, потому что, в ком он не видит усердия, того он изгоняет из града. Это - град царственный и славный; в нем нет разделения торжища от царских дворцов, как в наших городах; в нем - все царский чертог. Итак, отверзем двери ума, отверзем слух наш, и с великим трепетом приступая к преддверию этого чертога, поклонимся живущему в нем Царю, потому что и первый шаг может поразить зрителя страхом. Врата теперь еще заключены для нас; когда же увидим их отверстыми (т. е. когда решатся недоуменные вопросы), тогда узрим внутри его великий свет. Просвещаемый духом, этот мытарь обещает показать тебе все: и где восседает Царь, и какие предстоят Ему воины, где ангелы и где архангелы; какое место назначено в этом граде для новых граждан, какой туда ведет путь; какой жребий получили вступившие в него первыми, какой - вторые, какой - вошедшие впоследствии; сколько чинов среди тамошних граждан, сколько советов и как различны достоинства. Итак, войдем в этот град не с шумом и смятением, а с благоговейным молчанием. Если царские грамоты прочитываются в театре, когда наступает полная тишина, то тем более в этом граде должны все утихнуть и стоять с напряженною душою и слухом, потому что здесь будут читаться повеления не земного царя, а Владыки ангелов. Если мы так себя расположим, то сама благодать Духа вернейшим образом укажет нам путь, и мы придем к самому Царскому престолу и получим все блага, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Пританей было здание, где давались торжественные обеды в честь заслуженных граждан.

БЕСЕДА 2

"Книга родства Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля" (Мф. 1:1).

1. Помните ли вы наставление, которое недавно мы сделали вам, прося слушать все, что будет говориться, с глубоким молчанием и с благоговейною тишиною? Сегодня мы должны вступить в священные преддверия; потому я и напоминаю об этом наставлении. Если иудеям, когда надлежало приступить им к горящей горе, к “огню, тьме, мраку и буре”, а лучше сказать, даже и не приступить, а видеть и слышать все издали, еще за три дня велено было воздерживаться от общения с женами и вымыть одежды, если и сами они, а равно и Моисей, находились в страхе и трепете, - то тем более должны показать высшее любомудрие мы, когда нам надлежит услышать такие великие слова и не издали предстать дымящейся горе, а взойти на самое небо; не одежды измыть должны мы, а очистить одеяние души и освободиться от всякой житейской примеси. Не мрак увидите вы, не дым, не бурю, а самого Царя, сидящего на престоле неизреченной Своей славы, предстоящих Ему ангелов и архангелов, и сонмы святых с бесчисленными тьмами воинств небесных. Таков град Божий, вмещающий в себе церковь первородных, духи праведных,

торжествующее собрание ангелов, кровь кропления, чрез которую все соединено, небо восприняло земное, земля - небесное, настал мир давно вожделенный для ангелов и святых. В этом граде водружено блистательное и славное знамя креста: там добыча Христа, начатки нашего естества, стяжания Царя нашего. Обо всем этом мы с точностью узнаем из Евангелий. И если ты будешь следовать за нами с подобающим спокойствием, мы сможем провести тебя повсюду и показать, где лежит пригвожденная (ко кресту) смерть, где повешен грех, где многочисленные и дивные памятники этой войны, этой битвы. Увидишь там и связанного мучителя, сопровождаемого толпою пленников, и ту твердыню, откуда этот гнусный демон в прежнее время производил всюду свои набеги; увидишь убежища и пещеры разбойника, уже разоренные и открытые, потому что и туда приходил Царь. Не утомляйся, возлюбленный! Ты не можешь вдоволь наслушаться, если тебе кто-нибудь рассказывает об обычной войне, о трофеях и победах, и ни пище, ни питью не предпочтешь такого рассказа. Если тебе так приятен такой рассказ, то гораздо более - мой. Представь, в самом деле, каково слышать, как Бог, восстав с небес и царских престолов, нисходил на землю и в самый ад, как Он ополчался на брань, как дьявол боролся с Богом, - не с неприкровенным, впрочем, Богом, а с Богом, скрывавшимся под покровом человеческой плоти. И, что удивительно, ты увидишь, как смерть разрушена смертью, как клятва упразднена клятвою, как мучительство дьявола ниспровержено тем самым, через что он приобрел силу. Итак, воспрянем, и не будем предаваться дремоте! Я вижу уже, как пред нами отверзаются врата. Войдем же с полным благочинием и трепетом. Сейчас мы вступаем в самые преддверия. Что же это за преддверие? “**Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова**” (Мф. 1:1). Что говоришь ты? Обещался сказать о единородном Сыне Божием, а упоминаешь о Давиде, о человеке, который существовал спустя тысячи родов, и его называешь отцом и прародителем? Погоди, не все сразу старайся узнать, а узнавай постепенно и мало-помалу. Ты ведь стоишь еще в преддверии, у самого порога: зачем же спешить во святилище? Ты еще не осмотрел хорошенько всего снаружи. И я пока еще не говорю тебе о первом - небесном рождении, а лучше сказать, не говорю даже и о втором - земном, потому что и оно неизъяснимо и неизреченно. Об этом раньше меня еще сказал тебе и пророк Исаия, когда именно, возвещая страдания Господа и великое Его попечение о вселенной, поражаемый зрением того, кто Он был и чем стал, и куда нисшел, он громко и ясно воскликнул: “**Род Его кто изъяснит**” (Ис. 53:8)?

2. Итак, у нас теперь речь не о том, небесном рождении, а об этом дольнем, земном рождении, имевшем тысячи свидетелей. Да и о нем мы будем говорить настолько, насколько то нам возможно по мере полученной благодати Духа. Со всею ясностью нельзя представить и этого рождения, так как и оно полно таинственности. Итак, слыша об этом рождении, не подумай, что слышишь о чем-то маловажном; но воспрянь умом своим и ужаснись, как скоро слышишь, что Бог пришел на землю. Оно было так дивно и чудно, что и ангелы, составив хвалебный лик, воздали за него славу за целый мир, и пророки задолго прежде изумлялись тому, что Бог “**явился на земле и обращался между людьми**” (Вар. 3:38). И подлинно, крайне дивно слышать, что неизреченный, неизъяснимый и непостижимый Бог, равный Отцу, пришел чрез девическую утробу, благоволил родиться от жены и иметь предками Давида и Авраама. И что говорю - Давида и Авраама? Что еще изумительнее, - тех жен, о которых я упомянул раньше. Слыша это, воспрянь, и не заподозри ничего унизительного; напротив, тому-то особенно и подивись, что Сын безначального Отца, Сын истинный, благоволил назваться сыном Давидовым, чтобы тебя сделать сыном Божиим, благоволил иметь раба Своим отцом, чтобы тебе, рабу, сделать отцом Владыку. Видишь, какое благовестие в самом же начале? Если же сомневаешься в своем богосыновстве, то уверься в нем, слыша, что было с Ним. По человеческому рассуждению гораздо ведь труднее Богу стать человеком, нежели человеку сделаться сыном Божиим. Итак, когда слышишь, что Сын Божий есть сын Давидов и

Авраамов, то не сомневайся уже, что и ты, сын Адамов, будешь сыном Божиим. Не уничижил бы Он Себя напрасно и без цели до такой степени, если бы не хотел возвысить нас. Они родился по плоти, чтобы ты родился по духу; родился от жены, чтобы ты перестал быть сыном жены. Вот почему Его рождение и было двоякое, - с одной стороны подобное нашему, с другой - превышающее наше. Тем, что родился от жены, Он уподобился нам; тем же, что родился не от крови, не от хотения мужа или плоти, но от Духа Святого, Он предвозвещает превышающее нас будущее рождение, которое Он имел даровать нам от Духа. Таково же было и все прочее. Таково было, например, крещение. И в нем было и нечто ветхое, было и нечто новое: крещение от пророка показывало ветхое, а снисхождение Духа знаменовало новое. Подобно тому как кто-нибудь, став между двоими, стоящими порознь, протянет обоим свои руки и соединит их, так точно сделал и Сын Божий, соединив Ветхий Завет с Новым, божеское естество с человеческим, Свое с нашим. Видишь блистание града Божия? Видишь, каким блеском осиял тебя при самом входе? Видишь, как тотчас же показал тебе Царя в твоем образе, как бы посреди стана? И здесь, на земле, царь не всегда является в своем величии, а часто, сложив порфиру и диадему, облекается в одежду простого воина. Но царь земной делает это для того, чтобы, став известным, не привлечь к себе неприятеля; Царь небесный, наоборот, для того, чтобы, став известным, не заставить врага бежать от ратоборства с Ним и не привести в смятение Своих, так как Он желал спасти, а не устрашить. Вот почему евангелист тотчас же назвал Его и соответствующим именем “Иисус”. Это имя “Иисус” не греческое; Иисусом Он называется по-еврейски, что на греческом языке означает Спаситель (Swthr); Спасителем же Он называется потому, что спас народ Свой.

3. Видишь ли, как евангелист воскрылил слушателя, как он, говоря обычными словами, открыл в них всем нам то, что выше всякого чаяния? Оба данных имени были хорошо известны у иудеев. Так как события, коим надлежало совершиться, были дивны, то и самим именам предшествовали образы, чтобы таким способом заранее был устранен всякий повод к ропоту на нововведение. Так преемник Моисея, введший народ в землю обетованную, называется Иисусом. Видишь образ? Рассмотри и истину. Тот ввел в землю обетованную, этот - на небо и ко благам небесным; тот по смерти Моисея, этот по прекращении закона; тот - как вождь, этот - как Царь. Но чтобы ты, слыша “Иисус”, не приведен был сходством имен в заблуждение, евангелист присовокупил: “**Иисуса Христа, Сына Давидова**”. Тот Иисус не был сыном Давидовым, а происходил из другого колена. Но почему Матфей называет свое Евангелие “родословием Иисуса Христа”, тогда как оно содержит не только одно родословие, но и все домостроительство? Потому, что рождение Христа составляет главное во всем домостроительстве, является началом и корнем всех дарованных нам благ. Подобно тому, как Моисей называет свой первый труд книгою бытия неба и земли, хотя повествует в ней не только о небе и земле, но и о том, что находится между ними, так и евангелист назвал свою книгу по главному из дел, совершенных (для нашего спасения). Всего изумительнее, выше всякой надежды и чаяния, действительно, есть то, что Бог стал человеком; а когда это совершилось, то все последующее и понятно, и естественно.

Но почему евангелист не сказал сначала: “**Сына Авраамова**”, и затем уже: “**Сына Давидова**”? Не потому, как думают некоторые, что хотел представить родословие по восходящей линии, - потому что тогда он сделал бы так же, как и Лука, а он делает наоборот. Итак, почему же он упомянул сначала о Давиде? Потому, что это был человек у всех на устах, как в силу знаменитости его деяний, так и по времени, потому что умер много позже Авраама. Хотя обетования Бог дал им обоим, но об обетовании, данном Аврааму, как древнем, мало говорили, а обетование, данное Давиду, как недавнее и новое, повторялось всеми. Иудеи сами говорят: не “**сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давидова и из Вифлеема, из того места, откуда был Давид**” (Ин. 7:42)? И

никто не называл Его сыном Авраамовым, а все звали сыном Давидовым, потому что и по времени жизни, как я уже сказал, и по знатности царствования, Давид у всех был больше в памяти. Вот почему и всех царей, живших после Давида, которых особенно уважали, называли его же именем не только иудеи, но и сам Бог. Так Иезекииль и другие пророки говорят, что к ним придет и воскреснет Давид; разумеют же не умершего Давида, а подражающих его добродетели. Так Езекии говорит Бог: "**Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего**" (4 Цар. 19:34); и Соломону говорил, что ради Давида не разделил царство при жизни его (3 Цар. 11:34). Слава этого мужа велика была и пред Богом и пред людьми. Вот почему евангелист непосредственно и начинает родословие с знатнейшего, а потом уже обращается к прародителю древнейшему - Аврааму, возводить же родословие далее находит для иудеев излишним. Эти два мужа возбуждали особенное удивление; один как пророк и царь, другой как патриарх и пророк. Но откуда видно, спросишь ты, что Христос происходит от Давида? Если Он родился не от мужа, а от одной только жены, а родословия Девы у евангелиста нет, то почему мы можем знать, что Христос был потомком Давида? Здесь два вопроса: почему не дается родословия Матери, и почему именно упоминается об Иосифе, который нисколько не был причастен к рождению? По-видимому, последнее излишне, а первое требовалось бы. Что же нужно решить сначала? Вопрос о происхождении Девы от Давида. Итак, откуда мы можем знать, что она происходит от Давида? Слушай: Бог повелевает Гавриилу идти "**к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома** и отечества **Давидова**" (Лк. 1:27). Чего же яснее этого хочешь ты, когда слышишь, что Дева была из дома и отечества Давидова?

4. Отсюда ясно, что и Иосиф происходил из того же рода, потому что был закон, повелевавший брать жену не иначе, как из своего колена. А патриарх Иаков предсказал, что Христос восстанет от колена Иудова, говоря так: "**Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель, и Ему покорность народов**" (Быт. 49:10). Пророчество это, скажешь ты, действительно показывает, что Христос был от колена Иудова; но что Он происходил и из рода Давидова, этого еще не показывает. Разве в колене Иудовом не было ни одного рода кроме Давидова? Нет, было много и других родов, и можно было принадлежать к колену Иудову, но не происходить еще из рода Давидова. Чтобы ты не сказал этого, евангелист разрешает твое сомнение, говоря, что Христос был из дома и отечества Давидова. Если хочешь убедиться в этом иным образом, то мы не затруднимся представить и другое доказательство. У иудеев не позволялось брать жену не только из другого колена, но и из другого рода или племени. Поэтому, приложим ли мы слова: "**из дома** и отечества **Давидова**" к Деве, сказанное остается несомненным; приложим ли к Иосифу, сказанное о нем будет относиться и к Деве. Если Иосиф был из дома и отечества Давидова, то взял жену не из иного рода, а из того же, из которого происходил и сам. Но что, скажешь ты, если он нарушил закон? Евангелист предупредил и это возражение, засвидетельствовав, что Иосиф был праведен, так что, зная его добродетель, ты можешь быть уверен и в том, что он не нарушил бы закона. Будучи столь кротким и чуждым страсти, что даже побуждаемый подозрением не захотел подвергать наказанию Деву, ужели бы он нарушил закон ради плотского удовольствия? Мудрствуя выше закона (так, как отпустить и отпустить тайно, свойственно было человеку, который мудрствовал выше закона), ужели бы он сделал что-нибудь вопреки закону, и притом без всякой побудительной причины? Итак, из сказанного ясно, что Дева происходила из рода Давидова. Теперь следует сказать, почему евангелист дал не Ее родословие, а Иосифа. Итак, почему же? У иудеев не было обычая вести родословие по женской линии; поэтому, чтобы соблюсти и обычай, и не оказаться при самом же начале его нарушителем, а с другой стороны - показать нам и происхождение Девы, евангелист, умолчав о Ее предках, и представил родословие Иосифа. Если бы он представил родословие Девы, это почли бы новшеством; если бы

умолчал об Иосифе, мы не знали бы предков Девы. Итак, чтобы мы знали, кто была Мария, откуда происходила, и вместе не был нарушен обычай, евангелист представил родословие Ее обручника и показал, что он происходит из дома Давидова. А раз это доказано, тем самым доказано и то, что и Дева была из того же рода, потому что этот праведник, как я сказал выше, не допустил бы себе взять жену из чужого рода. Можно, впрочем, указать и другую причину, более таинственную, по которой умолчано о предках Девы; но теперь не время открывать ее, потому что и так уже много сказано. Итак, окончив здесь разбор вопросов, постараемся пока с точностью запомнить то, что объяснилось для нас, а именно: почему сперва упомянуто о Давиде, почему евангелист назвал свою книгу книгою родства, почему прибавил: “Иисуса Христа”, в чем рождение Христа было сходно с нашим, и в чем не сходно, чем доказывается происхождение Марии от Давида, почему представлено родословие Иосифа и умолчано о предках Девы. Если вы сохраните все это, то возбудите и в нас большее усердие к дальнейшим изъяснениям; а если отнесетесь небрежно и забудете, то и у нас будет меньше охоты изъяснять прочее. Ведь и земледелец не захочет заботиться о семенах, если земля погубит у него посеянное прежде. Итак, прошу вас заняться сказанным. От таких занятий происходит великое и спасительное благо для души. Имея заботу о таких занятиях, мы можем угодить Богу, и уста наши, когда мы упражняем их беседами духовными, будут чисты от укоризн, срамословия и ругательств. Мы будем страшны и для демонов, когда вооружим язык свой такими беседами; в большей мере привлечем на себя и благодать Божию; проницательнее сделается и взор наш. Бог дал нам и очи, и уста, и слух, для того, чтобы все члены служили Ему, чтобы мы угодное Ему говорили, чтобы угодное Ему делали, чтобы воспевали Ему непрестанные песни хвалы, чтобы воссылали благодарения и таким образом очищали свою совесть. Как тело, наслаждаясь чистым воздухом, становится здоровее, так и душа, питаясь такими занятиями, делается мудрее.

5. Не замечал ли ты, что и из телесных очей, если они постоянно бывают в дыму, всегда текут слезы, а на свежем воздухе, на лугу, при источниках и в садах они становятся и здоровее и острее. То же бывает и с оком душевным. Если оно питается на лугу духовных учений, то бывает чистым, ясным и проницательным, а если погружается в дым житейских попечений, то непрестанно будет точить и проливать слезы и в этой, и в будущей жизни. Подлинно, дыму подобны дела человеческие. Потому-то некто и сказал: “**Исчезли, как дым, дни мои**” (Пс. 101:4). Но пророк хотел этими словами выразить только мысль о краткости и непостоянстве жизни человеческой, а я сказал бы, что их должно разуметь не в этом только смысле, но и как указание на мятежность жизни. Действительно, ничто так не угнетает и не возмущает душевного ока, как толпа житейских забот и рой пожеланий; это - дрова упомянутого дыма. Подобно тому, как обыкновенный огонь, охватывая вещество влажное и промокшее, разводит густой дым, так точно и сильная пламенная страсть, завладевая вялой и слабой душою, производит большой дым. Вот почему и необходима роса Духа и легкое Его веяние, чтобы угасить этот огонь, развеять этот дым, и окрылить наш разум. Невозможно, невозможно никак, обремененному таким злом воспарить к небу. Нет; нам надобно быть хорошо препоясанными, чтобы совершить этот путь, а вернее сказать - и при этом невозможно, если не возьмем крыльев Духа. Итак, если нам нужен и легкий ум и благодать Духа, чтобы взойти на эту высоту, а у нас ничего этого нет, если, напротив, мы влачим с собою только противное и сатанинскую тяжесть, то как мы можем воспарить, когда такая тяжесть влечет нас долу? Если бы кому-нибудь вздумалось на верных весах взвесить наши слова, то в тысяче талантов житейских разговоров он едва ли найдет и сто динариев духовных слов, а вернее сказать - не найдет и десяти оволов. Не стыдно ли, не смешно ли до последней степени, что мы, имея слугу, употребляем его обычно на дела нужные, а владея языком, с собственным нашим членом не обходимся даже так, как с слугою, а употребляем его, напротив, на дела бесполезные и напрасные? Да если бы только на

напрасные! А мы делаем из него противное и вредное употребление, от которого нам нет никакой пользы. Если бы для нас было полезно то, что мы говорим, то наши речи были бы, конечно, угодны и Богу.

А между тем, мы только и говорим, что внушит дьявол: то насмехаемся, то острословим; то проклинаем и обижаем, то клянемся, лжем и преступаем клятвы; то с досады не хотим вымолвить и слова, то пустословим и болтаем хуже старух, говоря о том, что до нас вовсе не касается. Кто из вас, здесь присутствующих, скажите мне, если спросить, может прочитать хотя один псалом или какое-нибудь другое место из Священного Писания? Ни один! И не это только удивительно, а и то, что вы, будучи так ленивы на дела духовные, на дела сатанинские оказываетесь быстрее огня. Если кто вздумает спросить вас о песнях дьявольских, о напевах распутных и сладострастных, то найдет, что многие знают их прекрасно и пропоют с полным удовольствием. И чем оправдываются, если станешь в том обвинять? Я, говорят, не монах, а имею жену и детей, хлопочу о доме. От этого-то именно и происходит весь вред, что вы думаете, будто чтение божественного Писания подобает одним только монахам, тогда как сами вы нуждаетесь в нем гораздо более их. Кто живет в мире и каждый день получает новые раны, для того особенно и нужно врачевство. Поэтому считать излишним чтение Писания гораздо хуже, чем не читать его. Такая мысль - сатанинское внушение.

6. Не слышите ли, как говорит Павел, что все это написано "**в наставление нам**" (1 Кор. 10:11)? А ты, который не осмеливаешься взяться за Евангелие неумытыми руками, ужели не думаешь, что заключающееся в нем чрезвычайно важно? Вот почему все и идет навыворот. Если тебе хочется узнать, как велика польза от Писания, понаблюдай за собой, что с тобою бывает, когда ты слушаешь псалмы, и что - когда слушаешь сатанинскую песню; в каком расположении ты проводишь время в церкви, и в каком сидишь в театре. Тогда ты увидишь разницу между тем и другим состоянием души, хотя душа одна и та же. Вот почему Павел и сказал: "**худые беседы[1] развращают добрые нравы**" (1 Кор. 15:53). Вот почему нам и нужны постоянно духовные песнопения. В этом-то и состоит наше превосходство над бессловесными животными, хотя в других отношениях мы им значительно и уступаем. Это - пища души, это - ее украшение, это - ее ограждение; наоборот, не слушать Писания - для души голод и пагуба. Дам им, говорит Господь, "**не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних**" (Ам. 8:11). Может ли быть что бедственнее, когда ты сам на собственную свою голову навлекаешь то зло, которым Бог угрожает как наказанием, томишь душу ужасным голодом и делаешь ее слабейшею всего на свете? Обыкновенно слово и портит душу, и исцеляет ее; слово и возбуждает в ней гнев, и оно же опять укрощает ее; срамное слово разжигает похоть, слово пристойное располагает к целомудрию. Если же слово вообще имеет такую силу, то как же ты, скажи мне, пренебрегаешь Писание? Если простое увещание так сильно действует, то гораздо более увещания, сопровождаемые действием Духа. Слово, произнесенное от Божественного Писания, сильнее огня умягчает ожесточенную душу и делает ее способною на все прекрасное. Таким средством и Павел, когда узнал о коринфянах, что они стали гордыми и надменными, смирил их и сделал их более скромными. Они превозносились тем, что должны были считать стыдом и позором. Но слушай, какая в них произошла перемена, когда они получили послание. О ней засвидетельствовал сам учитель, когда говорил им: "**Ибо то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие, какие извинения, какое негодование [на виновного], какой страх, какое желание, какую ревность, какое взыскание!**" (2 Кор. 7:11). Этим средством мы можем управлять и слугами, и детьми, и женами, и друзьями; можем и врагов делать друзьями. Этим путем и великие мужи, други Божии, достигали совершенства. Так Давид по совершении греха, как скоро внял слову, тотчас явил в себе прекраснейший образец покаяния (2 Цар. 12:13) и апостолы при

помощи слова стали тем, чем были впоследствии, и посредством слова обратили всю вселенную. Но что, скажешь, за польза, когда иной слушает, а не исполняет того, о чем говорят ему? Не малая польза будет и от одного слушания. По крайней мере, человек узнает себя, поскорбит, а когда-нибудь дойдет и до того, что будет исполнять слышанное. А кто не знает даже, что грешит, перестанет ли когда грешить? Может ли придти в познание самого себя? Итак, не будем пренебрегать слушанием Священного Писания. Это - умысел дьявола - не дозволить нам видеть сокровища, чтобы мы не обогатились. Он боится, чтобы слушание у нас не перешло в дело; потому и внушает нам, что одно слушание не имеет никакого значения. Итак, зная этот лукавый его умысел, оградимся со всех сторон, чтобы, защитившись оружием слова Божия, не только самим не попасться в плен, но и ему сокрушить голову, и, увенчавшись таким образом победными знаками, достигнуть будущих благ по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] В синодальном переводе "сообщества", но "беседы", или "общение" более соответствует пониманию Златоуста.

БЕСЕДА 3

“Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова” (Мф. 1:1).

1. Вот уже третья беседа, а мы еще не кончили предисловия. Итак, не напрасно говорил я, что размышления эти, по свойству своему, весьма глубоки. Постараемся же сегодня досказать о том, что остается. О чем же теперь у нас вопрос? О том, для чего евангелист представляет родословие Иосифа, который нимало не был причастен к рождению Христа. Одну причину мы уже указали; надобно открыть и другую, которая таинственнее и сокровеннее первой. Какая же это причина? Евангелист не хотел, чтобы при самом рождении известно было иудеям, что Христос родился от Девы. Но не смущайтесь, если сказанное мною для вас страшно; я говорю здесь не свои слова, но слова отцов наших, чудных и знаменитых мужей. Если Господь и многое первоначально скрывал во мраке, называя Себя сыном человеческим; если Он и не везде ясно открывал нам Свое равенство со Отцом, - то чему дивиться, если Он скрывал до времени и о Своем рождении от Девы, устрояя нечто чудное и великое? Что же здесь чудного, скажешь ты? То, что Дева сохранена и избавлена от худого подозрения. Иначе, если бы об этом с самого начала сделалось известным иудеям, они, перетолковав слова в худую сторону, побили бы Деву камнями и осудили как блудницу. Если уже и в таких случаях, коих примеры часто встречались им еще в Ветхом Завете, они обнаруживали свое бесстыдство (например, называли Христа беснующимся, когда Он изгонял бесов, почитали Его противником Богу, когда исцелял больных в субботу, несмотря на то, что суббота и прежде уже многократно была нарушаема), - то чего бы не сказали они, услышав об этом? Им благоприятствовало и то, что в прежнее время никогда не случалось ничего подобного. Если и после многочисленных Его чудес они называли Иисуса сыном Иосифовым, то как бы поверили, еще прежде чудес, что Он родился от Девы? Вот почему и пишется родословие Иосифа, и обручается ему Дева. Когда даже Иосиф, муж праведный и дивный, чтобы поверить такому событию, имел нужду во многих доказательствах, - в явлении ангела, сонном видении, свидетельстве пророков, - то как же бы приняли такую мысль иудеи, народ грубый и развращенный, и так враждебно расположенный ко Христу? Без сомнения, их крайне возмутило бы такое необыкновенное и новое событие, когда они и слухом не

слыхали, чтобы нечто подобное случилось у предков. Кто однажды уверовал, что Иисус есть Сын Божий, тот не стал бы уже и в этом сомневаться. Но кто почитает Его льстецом и противником Богу, как не соблазнился бы этим еще более и не возымел бы указанного подозрения? Вот почему и апостолы не с самого начала говорят о рождении от Девы. Напротив, они часто и много говорят о воскресении Христовом, потому что примеры воскресения были уже и в прежние времена, хотя и не такие; а о рождении Его от Девы говорят редко. Даже сама Матерь Его не смела объявлять о том. Посмотри, что говорит Дева самому Христу: "**Вот, отец Твой и Я … искали Тебя**" (Лк. 2: 48)! Почитая Его рожденным от Девы, не стали бы уже признавать сыном Давидовым; а отсюда произошло бы много и других зол. Потому и ангелы возвестили об этом одной только Марии и Иосифу; когда же благовествовали о рождении пастырям, не присовокупили уже об этом. Но для чего евангелист, упомянув о Аврааме и сказав, что он родил Исаака, а Исаак Иакова, не упоминает о брате последнего, между тем как после Иакова упоминает и о Иуде, и о братьях его?

2. Причиною этого некоторые поставляют злонравие Исава, то же говоря и о других некоторых предках. Но я этого не скажу: если бы это было так, то почему же немного после евангелист упоминает о порочных женах? Очевидно, здесь слава Иисуса Христа обнаруживается чрез противоположность, не чрез величие, а чрез ничтожество и низость Его предков. Для высокого в том-то и слава великая, если он может уничижить себя до крайней степени. Итак, почему же евангелист не упомянул об Исаве и других? Потому что сарацины и измаильтяне, арабы и все, которые произошли от тех предков, не имели ничего общего с народом израильским. Потому и умолчал он об них, а обращается прямо к предкам Иисуса и народа иудейского, говоря: "**Иаков родил Иуду и братьев его**". Здесь уже означается род Иудейский. "**Иуда родил Фареса и Зару от Фамари**".

Что делаешь ты, богодухновенный муж, напоминая нам историю беззаконного кровосмешения? Что же в том? отвечает он. Если бы мы стали перечислять род какого-либо обыкновенного человека, то прилично бы было умолчать о таком деле. Но в родословии воплотившегося Бога не только не должно умолчать, но еще велегласно надлежит возвестить об этом, для того, чтобы показать Его промышление и могущество. Он и пришел не для того, чтобы избегать позора нашего, но чтобы уничтожить его. Как особенно удивляемся не тому, что Христос умер, но тому, что и распят (хотя это и поносно, - но чем поноснее, тем большее показывает в Нем человеколюбие), так можно сказать и о рождении: Христу должно удивляться не только потому, что воспринял на Себя плоть и соделался человеком, но и потому еще, что порочных людей удостоил быть Своими сродниками, не стыдясь нимало наших пороков. Так, с самого начала рождения Он показал, что не гнушается ничем нашим, научая тем и нас не стыдиться злонравия предков, но искать только одного - добродетели. Человек добродетельный, хотя бы происходил от иноплеменника, хотя бы родился от блудницы или другой какой грешницы, не может получить от этого никакого вреда. Если и самого блудника, если он переменится, прежняя жизнь нисколько не позорит, то тем более человека добродетельного, если он произошел от блудницы или прелюбодеицы, нимало не может позорить порочность его родителей. Впрочем, Христос поступал так не только для нашего научения, но и для укрощения гордости иудеев. Так как они, нерадя о душевной добродетели, при всяком случае превозносились только Авраамом, и думали оправдаться добродетелью предков, то Господь с самого начала и показывает, что надлежит хвалиться не родом, но собственными своими заслугами. Притом Он хочет еще показать и то, что все, и самые праотцы, виновны во грехах. Так патриарх, от которого и самое имя получил народ иудейский, оказывается немалым грешником: Фамарь обличает его в блудодеянии. И Давид от жены прелюбодейной родил Соломона. Если же такие великие мужи не исполнили закона, то тем более те, которые ниже их. А если не исполнили, то все

согрешили, и пришествие Христа было необходимо. Для того евангелист упомянул и о двенадцати патриархах, чтобы унизить тем иудеев, превозносившихся знаменитыми предками. Ведь многие из патриархов рождены были от рабынь, и однако же различие родивших не произвело различия между рожденными. Все они равно были и патриархами и родоначальниками колен. В этом-то и состоит преимущество Церкви; в этом отличие нашего благородства, прообразованное еще в Ветхом Завете. Хотя бы ты был раб, хотя бы свободный, тебе нет от этого ни пользы, ни вреда; одно только потребно - воля и душевное расположение.

3. Кроме сказанных, есть еще причина, по которой евангелист упомянул об истории кровосмешения Иудина. Не без цели к Фаресу присоединен Зара. По-видимому, напрасно и излишне было бы после Фареса, от которого надлежало вести родословие Христа, упоминать еще о Заре. Для чего же упомянутое? Когда Фамари пришло время родить их и начались болезни, Зара первый показал руку. Повивальная бабка, увидев это, чтобы заметить первенца, перевязала ему руку красною нитью. Когда же рука была перевязана, младенец сокрыл ее, и тогда родился Фарес, а потом Зара. Видя это, повивальная бабка сказала: "**Как ты расторг себе преграду**"[1] (Быт. 38:29)? Примечаешь ли таинственное прообразование? Не без причины об этом для нас написано, - так как не стоило бы повествовать о том, что сказала когда-то повивальная бабка и рассказывать, что родившийся вторым первый выставил руку. Итак, что значит это прообразование? Во-первых, разрешает этот вопрос имя младенца: Фарес означает разделение и рассечение. Во-вторых, самое событие: не по естественному порядку происходило то, что показавшаяся рука, будучи перевязана, опять сокрылась. Тут не было ни разумного движения, ни естественного порядка. Родиться другому тогда, когда один показал руку, может быть, естественно; но сокрыть ее, чтобы дать путь другому, - это уже несогласно с законом рождаемых. Нет, здесь присутствовала благодать Божия, устроившая рождение младенцев, и предначертывавшая чрез них для нас некоторый образ будущих событий. Что же именно? Те, кто тщательно вникал в это происшествие, говорят, что эти младенцы прообразовали два народа. Потом, чтобы ты знал, что бытие второго народа предваряет происхождение первого, младенец не показывается весь, а только протягивает руку, но и ее опять скрывает, и уже после того, как брат его весь вышел на свет, и он весь является. Так и случилось с тем и другим народом. Сначала во времена Авраама явилась жизнь церковная, затем, когда она сокрылась, произошел иудейский народ с жизнью подзаконною, а после того явился уже целый новый народ со своими законами. Потому-то повивальная бабка и говорит: "**Как ты расторг себе преграду**"? Прившедший закон пресек свободу жизни. И Писание обыкновенно называет закон преграждением. Так пророк Давид говорит: "**Разрушил Ты ограды ее, так что обрывают ее все, проходящие по пути**" (Пс. 79:13). И Исаия: "**обнес его оградою**" (Ис. 5:2). И Павел: "**и разрушивший стоявшую посреди преграду**" (Еф. 2:14).

4. Другие утверждают, что слова: "**Как ты расторг себе преграду**"? сказаны о новом народе, поскольку он своим появлением упразднил закон. Видишь ли, что не по немногим и маловажным причинам евангелист упомянул о всей истории Иуды? Для того же упоминается о Руфи и Рааве, из которых одна была иноплеменница, а другая блудница, т. е., чтобы научить тебя, что Спаситель пришел уничтожить все наши грехи, пришел как врач, а не как судия. Подобно тому, как те взяли в замужество блудниц, так и Бог сочетал с Собою прелюбодейную природу. Пророки древле применяли это и к синагоге; но она оказалась неблагодарною к своему Супругу. Напротив Церковь, единожды освобожденная от отеческих пороков, осталась в объятиях Жениха. Посмотри и на то, что в приключениях Руфи сходно с нашими. Она была чужестранка и доведена до крайней бедности, - и, однако, увидевший ее Вооз, не презрел ее бедности, и не погнушался низким ее происхождением. Точно также и Христос, восприявший Церковь

иноплеменную и весьма обнищавшую, сделал ее участницею великих благ. И как та никогда не вступила бы в такое супружество, если бы не оставила наперед отца, и не презрела дома, рода, отечества и сродников, так и Церковь, когда оставила отеческие нравы, тогда соделалась любезною Жениху. Об этом и пророк, обращаясь к Церкви, говорит: "**Забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей**" (Пс. 44:11,12). Так поступила и Руфь, и чрез то соделалась матерью царей, равно как и Церковь, потому что от нее произошел Давид. Итак, евангелист составил родословие и поместил в нем этих жен для того, чтобы такими примерами пристыдить иудеев и научить их не превозноситься. Руфь была родоначальницею великого царя, и Давид не стыдится этого.

Невозможно, совершенно невозможно чрез добродетели или пороки предков быть честным или бесчестным, знаменитым или неизвестным. Напротив, я должен сказать, - хотя бы мои слова показались и странными, - что тот-то более и знаменит, кто, будучи рожден не от добрых родителей, сделался добрым. Итак, никто пусть не гордится предками; но, размышляя о прародителях Господа, пусть отложит всякое тщеславие, и хвалится своими заслугами, а лучше и ими не хвалится. От самохвальства фарисей стал хуже мытаря. Если хочешь показать великую добродетель, не высокомудрствуй, и тогда покажешь еще большую; не думай, что, совершив что-нибудь, ты уже и все сделал. Если мы становимся праведными тогда, когда, будучи грешниками, считаем себя тем, что мы в самом деле, как случилось с мытарем, то сколько более тогда, когда, будучи праведными, считаем себя грешниками? Если смиренномудрие из грешников делает праведными, хотя бы то и не было смиренномудрие, но искреннее сознание; и если искреннее сознание имеет такую силу в грешниках, то - смотри, чего не сделает смиренномудрие в праведниках? Итак, не губи трудов своих, не делай, чтобы твой пот был пролит напрасно, и ты, пробежавши тысячи поприщ, лишился всякой награды. Господь гораздо лучше тебя знает твои заслуги. Если ты дашь чашу холодной воды, - Он и этого не презрит. Если подашь один овол, если только воздохнешь, - Он все примет с великою благосклонностью, и вспомнит, и определит за это великие награды. Для чего же ты рассматриваешь свои добродетели, и постоянно выставляешь их нам на показ? Или ты не знаешь, что, если хвалишь самого себя, не будешь уже похвален Богом? Равным образом, если ты унижаешь самого себя, Он непрестанно будет прославлять тебя пред всеми? Он не хочет уменьшить награду за труды твои. Что я говорю: уменьшить? Он все делает и устрояет, чтобы и за малое увенчать тебя, и ищет всяких предлогов, за что бы избавить тебя от геенны.

5. Вот почему, хотя бы ты потрудился только одиннадцатый час дня, Господь даст тебе полную награду. "Хотя не за что спасти тебя, скажет Он, Я это делаю для Себя, чтобы не осквернялось имя Мое" (ср: "**Не для вас Я сделаю это, дом Израилев, а ради святаго имени Моего. Не ради вас Я сделаю это, говорит Господь Бог, да будет вам известно**" Иез. 36:22,32). Если только вздохнешь, только прослезишься, Он сам тотчас воспользуется всем этим, как случаем к твоему спасению. Итак, не будем превозноситься, будем называть себя непотребными, чтобы быть благопотребными. Если ты сам называешь себя достойным похвалы, то ты непотребен, хотя бы и в самом деле был достоин похвалы; напротив, если ты сам называешь себя непотребным, сделаешься благопотребным, хотя бы был недостоин похвалы. Вот почему должно забывать о своих добрых делах. Но ты скажешь: как можно не знать того, что нам совершенно известно? Что ты говоришь? Ты непрестанно оскорбляешь Господа, живешь в неге и веселии, и не знаешь того, что ты грешил, предавая все забвению, а не можешь позабыть о своих добрых делах? Хотя страх гораздо сильнее, но у нас бывает напротив: каждый день оскорбляя Бога, мы не обращаем на то и внимания, а если подадим бедному хотя малую монету, то носимся с этим постоянно. Это крайнее безумие, и величайший ущерб для того, кто собирает. Забвение

добрых своих дел есть самое безопасное их хранилище. И как одежда и золото, если мы раскладываем их на торгу, привлекают многих злоумышленников, а если убираем и скрываем их дома, то соблюдаются в полной безопасности, так если и добрые свои дела мы постоянно держим в памяти, то раздражаем Господа, вооружаем врага и возбуждаем его к похищению, а если никто не будет знать их кроме Того, Кому надлежит знать, то они пребудут в безопасности. Итак, не хвались постоянно своими добрыми делами, чтобы кто-нибудь не лишил тебя их, чтобы с тобою не случилось того же, что было с фарисеем, который носил их на языке своем, откуда и похитил их дьявол. Хотя он и с благодарением вспоминал о них, и все возносил к Богу, но и это не спасло его, потому что благодарящему Бога не прилично поносить других, показывать свое преимущество пред большинством и превозноситься пред грешниками. Если ты благодаришь Бога, то тем только и довольствуйся; не говори о том людям, и не осуждай ближнего, потому что это уже не есть дело благодарности. Хочешь знать, как нужно выражать благодарность? Послушай, что говорят три отрока: "**Согрешили мы, и поступили беззаконно**" (Дан. 3:29); "**ибо праведен Ты во всем, что соделал с нами**" (ст.27), "**и все, что Ты навел на нас … соделал по истинному суду**" (ст.31). Исповедывать свои согрешения и значит благодарить Бога; кто исповедует свои грехи, тот показывает этим, что он виновен в бесчисленных грехах, и только не получил достойного наказания. Он-то наиболее и благодарит Бога. Итак, будем остерегаться - хвалить себя за доброе, потому что это делает нас и пред людьми ненавистными, и пред Богом мерзкими. Потому, чем больше будем делать добра, тем меньше будем говорить о себе. Таким только образом можем приобрести величайшую славу и у Бога и у людей; вернее же сказать - у Бога не только славу, но и награду, и великое воздаяние. Итак, не требуй награды, чтобы получить награду; исповедуй, что ты спасаешься благодатью, чтобы Бог и сам признал Себя твоим должником не только за твои добрые дела, но и за твою благопризнательность. Когда мы делаем добро, то Он нам должен бывает только за наши дела; а когда вовсе и не думаем, что сделали какое-нибудь доброе дело, то Он нам остается должным и за такое наше расположение, и притом более, нежели за дела, - так что такое наше расположение равняется самым добродетелям, а без него и самые дела не важны. Так и мы оказываем благоволение нашим слугам особенно тогда, когда они, во всем услуживая нам с усердием, думают, что еще не сделали для нас ничего важного.

Итак, если и ты желаешь, чтобы твои добрые дела были велики, то не почитай их великими, и тогда они будут велики. Так и сотник говорил: "**Я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой**" (Мф. 8:8), и чрез это сделался достойным, и заслужил удивление более всех иудеев. Так и Павел говорил: "**Недостоин называться Апостолом**" (1 Кор. 15:9), и чрез это сделался первым из всех. Так и Иоанн говорил: "**У Которого я недостоин развязать ремень обуви**" (Лк. 3:16), и за то был другом Жениха, и ту руку, которую считал недостойною прикоснуться к сапогам, Христос возложил на Свою главу. Так и Петр говорил: "**Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный**" (Лк. 5:8), и за это стал основанием Церкви. Подлинно, ничто так не приятно Богу, как если кто считает себя в числе величайших грешников. Это есть начало всякого любомудрия: смиренный и сокрушенный никогда не будет ни тщеславиться, ни гневаться, ни завидовать ближнему, словом - не будет питать в себе ни одной страсти. Разбитую руку, сколько бы мы ни старались, никак не можем поднять вверх; если подобным образом сокрушим и душу, то хотя бы тысяча страстей надмевая воздымали ее, она нисколько не поднимется. Если тот, кто плачет о житейских делах, изгоняет все душевные болезни; то гораздо более оплакивающий свои грехи сделается любомудрым. Кто же, скажешь ты, может так сокрушить свое сердце? Послушай Давида, который особенно этим прославился, посмотри на сокрушение его души. Когда он, совершив уже множество подвигов, подвергся опасности лишиться отечества, дома и самой жизни, и в самую минуту несчастия увидел, что один низкий и презренный воин ругается над его бедствием

и поносит его, то не только сам он не отвечал ругательствами, но запретил и военачальнику, который хотел его убить, говоря: “**Оставьте его**”, потому что Господь повелел ему (2 Цар. 16:11). И в другой раз, когда священники просили у него позволения нести за ним кивот, то он не согласился, но что сказал? “**Возврати ковчег Божий в город. Если я обрету милость пред очами Господа, то Он возвратит меня и даст мне видеть его и жилище его. А если Он скажет так: "нет Моего благоволения к тебе", то вот я; пусть творит со мною, что Ему благоугодно**” (2 Цар. 15:25, 26) А то, что он делал в отношении к Саулу, не раз, не два, но многократно, какую показывает высоту мудрости? Такое поведение было выше ветхого закона, и приближалось к заповедям апостольским. Потому он все принимал от Господа с любовью, не исследуя того, что с ним происходит, но стараясь единственно о том, чтобы всегда повиноваться и следовать данным от Него законам. И по совершении столь великих подвигов, видя принадлежащее себе царство в руках мучителя, отцеубийцы, братоубийцы, притеснителя, беснующегося, он не только тем не соблазнялся, но говорил: если угодно так Богу, чтобы я был гоним, скитался и бегал, а враг мой был в чести, то я принимаю это с любовью, и еще благодарю за бесчисленные бедствия. Он не так поступал, как многие бесстыдные и дерзкие, которые, не совершив и малейшей части его подвигов, едва увидят кого-нибудь в благополучном состоянии, а себя хотя в малой скорби, бесчисленными хулениями губят душу свою. Не таков был Давид, но во всем показывал кротость. Потому и Бог сказал: “**Я обрел Давида**”, сына Иессеева, мужа по сердцу Моему (Пс. 88:21). Постараемся и мы иметь такую душу, и чтобы с нами ни случилось, будем переносить с кротостью, и здесь, до получения царства, соберем плоды смиренномудрия. “**Научитесь от Меня**, **-** говорит Господь, **- ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим**” (Мф. 11:29). Итак, чтобы нам наслаждаться покоем и здесь и там, со всем тщанием будем насаждать в душах наших матерь всех благ, т. е. смиренномудрие. С помощью этой добродетели мы сможем без волнений переплыть и море настоящей жизни, и достигнуть тихой пристани, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] В Септуагинте: "**ради тебя расторглась преграда**"

БЕСЕДА 4

“Итак всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов”(Мф. 1:17).

1. Евангелист разделил все родословие на три части, желая тем показать, что иудеи с переменою правления не делались лучшими; но и во время аристократии, и при царях, и во время олигархии предавались тем же порокам: под управлением судей, священников и царей не оказали никакого успеха в добродетели. Но для чего же евангелист в средней части родословия опустил трех царей, а в последней, поместив двенадцать родов, сказал, что их четырнадцать? Первое предоставляю собственному вашему исследованию, не почитая нужным решать для вас все, чтобы вы не обленились; о втором же скажем. Мне кажется, что он причисляет к родам время пленения, и самого Иисуса Христа, всюду совокупляя Его с нами. И кстати упоминает о пленении, показывая, что иудеи и в плену не сделались благоразумнее, так что из всего была видна необходимость пришествия Христова. Но скажут: Почему Марк не делает того же, и не излагает родословия

Иисусова, а говорит обо всем кратко? Думаю, что Матфей прежде других писал Евангелие, - почему и излагает с точностью родословие, и останавливается на важнейших обстоятельствах, а Марк писал после него, - почему наблюдал краткость как повествующий о том, что было уже пересказано, и сделалось известным. А почему Лука излагает также родословие, и притом еще полнее? Потому, что он, имея в виду Евангелие Матфея, хочет доставить нам больше сведений, чем Матфей. Притом каждый из них подражал учителю, - один Павлу, который разливается как река, а другой Петру, который любит краткость. А почему Матфей в начале Евангелия не сказал по примеру пророков: "**Видение, которое я видел**" (Иез.11:24), или: "**И было ко мне слово Господне**" (Иез.37:15, 38:1)? Потому, что писал к людям благомыслящим, и таким, которые были к нему весьма внимательны. И бывшие чудеса подтверждали им писанное, и читатели исполнены были веры. Во времена же пророков не было столько чудес, которые бы подтверждали их проповедь, напротив являлось множество лжепророков, которым охотнее внимал иудейский народ, - почему им и нужно было таким образом начинать свои пророчества. А если когда и бывали чудеса, то бывали для язычников, чтобы они в большем числе обращались к иудейству, и для явления силы Божией, когда враги, покорявшие себе иудеев, думали, что они победили их силою своих богов. Так случилось в Египте, откуда вышло за иудеями множество народа; таковы же после были в Вавилоне - чудо в пещи и сновидения. Впрочем, были чудеса и в пустыне, когда находились там иудеи одни, как было и у нас; и у нас явлено множество чудес, когда мы выходили из заблуждения. Но после, когда благочестие всюду насаждено, чудеса прекратились. Если же бывали чудеса у иудеев и после, то не в большом числе и изредка, как-то: когда остановилось солнце, и в другой раз, когда отступило назад. Опять и у нас можно видеть тоже: и в наше время с Иулианом, превзошедшим всех в нечестии, много совершилось чудесного. Когда иудеи предприняли восстановление иерусалимского храма, огонь вышел из-под основания и помешал работам; и когда Иулиан безумно посягнул поругаться над священными сосудами, хранитель сокровищ и дядя Иулианов, соименный ему, первый умер - изъеденный червями, а другой развалился пополам. И то было весьма важное чудо, что во время принесения там жертв иссякли источники, и что в царствование Иулианово города были постигнуты голодом.

2. Бог обыкновенно творит знамения, когда умножается зло. Когда видит, что Его рабы утеснены, а противники без меры упиваются мучительством над ними, тогда показывает собственное Свое владычество. Так поступил Он с иудеями в Персии. Итак, из сказанного видно, что евангелист не без причины и не случайно разделил предков Христовых на три части. Заметь же, кем начинает, и кем оканчивает. Начав с Авраама, ведет родословие до Давида; потом с Давида до переселения Вавилонского, а с последнего до самого Христа. Как в начале всего родословия обоих - Давида и Авраама - поставил рядом, так точно упомянул об обоих и в конце родословия, потому что, как я прежде сказал, им даны были обетования. Почему же, упомянув о переселении в Вавилон, не упомянул о переселении в Египет? Потому что египтян иудеи уже не боялись, а вавилонян еще трепетали, и потому что первое случилось давно, а последнее недавно; притом в Египет отведены были не за грехи, а в Вавилон за беззакония. Если же кто пожелает вникнуть в значение самих имен, то и здесь найдет много предметов для созерцания, много такого, что послужит к объяснению нового завета; таковы имена Авраама, Иакова, Соломона и Зоровавеля, так как имена эти даны им не без намерения. Но чтобы не наскучить вам продолжительностью, умолчим об этом и займемся необходимым. Итак, когда евангелист перечислил всех предков и окончил Иосифом, он не остановился на этом, но присовокупил: "**Иосифа, мужа Марии**", показывая, что для Марии упоминал в родословии об Иосифе. Потом, чтобы ты, услышав о муже Марии, не подумал, что Иисус родился по общему закону природы, смотри, как он устраняет эту мысль дальнейшими словами. Ты слышал, говорит он, о муже, слышал о матери, слышал об имени, данном

младенцу; теперь выслушай и то, как Он родился. “**Рождество Иисуса Христа было так**”. Скажи мне, о каком рождении говоришь ты? Ты уже сказал мне о предках. Хочу, говорит евангелист, сказать и об образе рождения. Видишь ли, как он возбудил внимание слушателя? Как бы намереваясь сказать нечто новое, обещает изъяснить образ рождения. И заметь, какой превосходный порядок в рассказе. Не вдруг стал говорить о рождении, но прежде напоминает нам, которым был Христос (в порядке родов) от Авраама, которым от Давида и от переселения в Вавилон; а этим побуждает слушателя тщательно исследовать время, желая показать, что Он есть тот самый Христос, Который предвозвещен пророками. В самом деле, когда исчислишь роды и по времени узнаешь, что Иисус есть точно Христос, тогда без затруднения поверишь и чуду, совершившемуся в рождении. Поелику же евангелисту нужно было говорить о великом деле, каково рождение от Девы, то сперва, не приступая к исчислению времени, он с намерением затемняет речь, упоминая о муже Марии, и даже прерывает повествование о рождении, а потом исчисляет уже лета, напоминая слушателю, что рожденный есть Тот самый, о Котором говорил патриарх Иаков, что Он явится при оскудении князей от Иуды, и о Котором пророк Даниил предвозвестил, что Он придет по истечении многих седмиц. И если кому угодно те годы, которые ангел определил Даниилу числом седмиц, от построения города вычислить до рождения Иисусова, тот увидит, что время рождения Его согласно с предсказанием. Итак, скажи, как Иисус родился? “**По обручении Матери Его Марии**”. Не сказал: Деве, но просто: Матери, чтобы речь была понятнее. Но приведя сперва слушателя в ожидание услышать нечто обыкновенное, и удержав его в этом ожидании, вдруг изумляет присовокуплением необыкновенного, говоря: “**Прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго"**. Не сказал: прежде, нежели приведена была в дом к жениху, она жила уже у него в доме, так как у древних было обыкновение держать обрученных по большей части в своем доме, чему и ныне еще можно видеть примеры. И зятья Лотовы жили в доме у Лота. И так и Мария жила в одном доме с Иосифом.

3. Но почему не прежде обручения Она зачала во чреве? Чтобы, как я сказал еще в начале, зачатие до некоторого времени оставалось тайною, и Дева избегла всякого худого подозрения. Тот, которому надлежало ревновать более всякого другого, не только не отсылает ее от себя и не бесчестит, но принимает, и оказывает ей услуги во время беременности. Но явно, что, не будучи твердо удостоверен в зачатии по действию Св. Духа, не стал бы держать ее у себя и во всем ей услуживать. Притом весьма выразительно сказал евангелист: “**Оказалось, что Она имеет во чреве**”, - как обыкновенно говорится о происшествиях особенных, случающихся сверх всякого чаяния и неожиданных. Итак, не простирайся далее, не требуй ничего больше сказанного, и не спрашивай: каким образом Дух образовал Младенца в Деве? Если при естественном действии невозможно объяснить способа зачатия, то как можно объяснить его, когда чудодействовал Дух? Чтобы ты не беспокоил евангелиста и не утруждал его частыми об этом вопросами, он освободил себя от всего, наименовав Совершившего чудо. Ничего больше не знаю, говорит он, а знаю только, что событие совершилось силою Духа Святого. Пусть стыдятся те, кто старается постигнуть сверхъестественное рождение! Если никто не может изъяснить того рождения, о котором есть тысячи свидетелей, которое за столько веков предвозвещено, которое было видимо и осязаемо, то до какой степени безумны те, которые с любопытством исследуют и тщательно стараются постигнуть рождение неизреченное? Ни Гавриил, ни Матфей не могли ничего более сказать, кроме того, что родившееся есть от Духа; но как, и каким образом родилось от Духа, этого никто из них не объяснил, потому что было невозможно. Не думай также, что ты все узнал, когда слышишь, что Христос родился от Духа. Узнав и об этом, мы еще многого не знаем, например: как невместимый вмещается в утробе? Как всесодержащий носится во чреве жены? Как дева рождает, и остается девою? Скажи мне, как Дух устроил этот храм? Каким образом не всю плоть принял от утробы, но только

часть ее, которую потом возрастил и образовал? А что точно произошел из плоти Девы, евангелист ясно показал это словами: “**От Которой родился**”; и Павел словами: “**Который родился от жены**” (Гал. 4:4). От жены, говорит он, - заграждая уста тем, которые утверждают, что Христос прошел чрез Марию, как бы сквозь некоторую трубу. Если это справедливо, то нужна ли была и девическая утроба? Если это справедливо, то Христос не имеет с нами ничего общего; напротив плоть Его различна с нашею, не одинакового с нею состава. И как же назвать Его тогда происшедшим от корня Иессеева? Жезлом? Сыном человеческим? Как и Марию назвать Матерью? Как сказать, что Христос произошел от семени Давидова? Воспринял зрак раба? Что “**Слово стало плотию**”? Почему же Павел сказал римлянам: “**От них Христос по плоти, сущий над всем Бог**” (Рим. 9:5)? Из этих слов и из многих других мест Писания видно, что Христос произошел от нас, из нашего состава, из девической утробы; а каким образом, того не видно. Итак, и ты не разыскивай, но верь тому, что открыто, и не старайся постигнуть того, что умолчано. “**Иосиф же муж Ее, будучи праведен**, **-** говорит евангелист, **- и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее**” (Мф. 1:19). Сказавши, что (родившееся от Девы) есть от Духа Святого и без плотского совокупления, он приводит на это еще новое доказательство. Иной мог бы спросить: откуда это известно? Кто видел, кто слышал, чтобы когда-либо случилось что-либо подобное? Но чтобы ты не подозревал ученика, что он по любви к Учителю выдумал это, евангелист вводит Иосифа, который тем самым, что в нем происходило, утверждает в тебе веру в сказанное. Евангелист как бы так говорит здесь: ежели ты не веришь мне и заподозриваешь мое свидетельство, то поверь мужу. “**Иосиф же, -** говорит, **- муж Ее, будучи праведен**”. Здесь он называет праведным того, кто имеет все добродетели. Хотя быть праведным - значит не присваивать себе чужого; но праведностью же называется и совокупность добродетелей. В этом-то особенном смысле Писание и употребляет слово “праведность”, когда, например, говорит: “**Человек этот непорочен, справедлив**” (Иов. 1:1), и еще: “**Оба они были праведны**” (Лк. 1:6).

4. Итак Иосиф, будучи праведным, т. е. добрым и кротким, “**хотел тайно отпустить Ее**”. Для того евангелист описывает случившееся еще во время незнания Иосифова, чтобы ты не сомневался в происшедшем по узнании. Хотя подозреваемая не только заслуживала быть опозоренною, но закон повелевал даже наказать Ее, однако Иосиф избавил Ее не только от большего, но и от меньшего, т. е., от стыда, - не только не хотел наказать, но и опозорить. Не признаешь ли в нем мужа мудрого, и свободного от мучительнейшей страсти? Вы сами знаете, что такое ревность. Потому-то, вполне знавший эту страсть, сказал: “**Ревность - ярость мужа, и не пощадит он в день мщения**” (Притч. 6:34). “**Люта, как преисподняя, ревность**” (Песн. 8:6). И мы знаем многих, которые готовы лучше лишиться жизни, нежели быть доведенными до подозрения и ревности. А здесь было уже не простое подозрение: Марию изобличили ясные признаки беременности; и однако, Иосиф столько был чужд страсти, что не захотел причинить Деве даже и малейшего огорчения. Так как оставить Ее у себя казалось противным закону, а обнаружить дело и представить Ее в суд значило предать Ее на смерть, то он не делает ни того, ни другого, но поступает уже выше закона. Подлинно, по пришествии благодати, надлежало явиться многим знамениям высокой мудрости. Как солнце, не показавши еще лучей, издали озаряет светом большую часть вселенной, так и Христос, восходя из девической утробы, прежде, нежели явился, просветил всю вселенную. Вот почему еще до рождения Его пророки ликовали, и жены предсказывали будущее, и Иоанн, не выйдя еще из утробы, взыгрался во чреве. И Иосиф показал здесь великую мудрость, не обвинял и не порицал Девы, а только намеревался отпустить Ее. Когда он находился в таком затруднительном положении, является ангел и разрешает все недоумения. Здесь достойно исследования то, почему ангел не пришел прежде, пока муж не имел еще таких мыслей, но приходит тогда, когда он уже помыслил. “**Но когда он помыслил это**”, говорит евангелист, ангел приходит; между тем Деве благовествует еще до зачатия, - что опять

приводит к новому недоумению. Если Иосифу не сказал ангел, то почему умолчала Дева, слышавшая от ангела, и видя жениха своего в смущении, не разрешила его недоумения? Итак, почему ангел не сказал Иосифу прежде его смущения? Прежде надобно разрешить первый вопрос. Почему же не сказал? Чтобы Иосиф не обнаружил неверия, и с ним не случилось того же, что с Захариею. Не трудно поверить делу, когда оно уже пред глазами; а когда нет и начала его, тогда слова не так легко могут быть приняты. Потому-то ангел и не сказал сначала; по той же причине молчала и Дева. Она думала, что не уверит жениха, сообщив о необыкновенном деле, а напротив огорчит его, подав мысль, что прикрывает сделанное преступление. Если сама Она, слыша о даруемой Ей такой благодати, судит по человечески: и говорит: "**Как будет это, когда Я мужа не знаю?**" (Лк. 1:34), - то гораздо более усомнился бы Иосиф, особенно слыша это от подозреваемой жены.

5. Вот почему Дева вовсе не говорит Иосифу, а ангел является, когда потребовали обстоятельства. Почему же, скажут, не также поступлено и с Девою, почему и Ей возвещено не после зачатия? Чтобы предохранить Ее от смущения и большего смятения. Не зная дела ясно, Она естественно могла бы решиться сделать с собою худое, и, не перенесши стыда, прибегнуть к петле или к мечу. Поистине, Дева была во всем достойна удивления; и евангелист Лука, изображая Ее добродетель, говорит, что, когда услышала приветствие, не вдруг предалась радости и поверила сказанному, но смутилась и размышляла: "**Что бы это было за приветствие**" (Лк. 1:29)? Будучи таких строгих правил, Дева могла бы от печали лишиться ума, представив стыд и не видя надежды, чтобы кто-нибудь поверил Ее словам, что Ее беременность не следствие прелюбодеяния. Итак, чтобы этого не случилось, ангел пришел к ней до зачатия. Надобно было, чтобы не знала смущения та, в чью утробу взошел Творец всяческих; чтобы свободна была от всякого смятения душа, удостоившаяся быть служительницею таких тайн. Вот почему ангел возвещает Деве до зачатия, а Иосифу во время беременности Ее. Многие по простоте и по недоразумению находили разногласие в том, что ев. Лука упоминает о благовествовании Марии, а св. Матфей о благовествовании Иосифу, не зная, что было то и другое. Тоже самое необходимо наблюдать и во всем повествовании; таким образом мы решим многие кажущиеся разногласия. Итак, ангел приходит к смущенному Иосифу. Доселе явления не было как по сказанной выше причине, так и для того, чтобы обнаружилось любомудрие Иосифа. А когда дело приблизилось к исполнению, ангел, наконец, является. "**Но когда он помыслил это, - се, Ангел Господень**" является Иосифу "**во сне**". Примечаешь ли кротость этого мужа? Не только не наказал, но и не сказал никому, даже самой подозреваемой, а размышлял только с собою, и от самой Девы старался скрыть причину смущения. Не сказал евангелист, что Иосиф хотел Ее выгнать, но - отпустить: так он был кроток и скромен! "**Но когда он помыслил это**", ангел является во сне. Почему же не наяву, как является пастырям, Захарии и Деве? Иосиф имел много веры; для него не нужно было такого явления. Для Девы нужно было необыкновенное явление прежде события, потому что благовествуемое было весьма важно, важнее, нежели благовествуемое Захарии; а для пастырей нужно было явление, потому что это были люди простые. Иосиф получает откровение по зачатии, когда душа его объята уже была худым подозрением, и вместе готова перейти к благим надеждам, если бы только явился кто-нибудь и указал удобный к тому путь. Для того благовествуется после зародившегося подозрения, чтобы это самое послужило доказательством сказанного ему. О чем никому не говорил, но только помыслил в уме, о том услышать от ангела служило несомненным признаком, что ангел пришел и говорит от Бога, потому что одному Богу свойственно знать сердечные тайны. Видишь, сколько достигается целей! Обнаруживается любомудрие Иосифа; благовременность сказанного помогает ему в вере; самое повествование делается несомненным, так как показывает, что Иосиф был точно в таком положении, в каком следовало быть.

6. Каким же образом ангел уверяет его? Послушай и подивись мудрости того, что сказано. Пришедши, ангел говорит ему: “**Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою**”. Тотчас приводит ему на память Давида, от которого должен был произойти Христос, и не дает оставаться ему в смущении, наименованием предков напомнив об обетовании, данном всему роду. Иначе, для чего бы его называть сыном Давидовым? “**Не бойся**”. В других случаях Бог поступает не так; и когда некто против супруги Авраамовой умышлял, чего не должно, Бог употребил сильнейшие выражения и угрозу, хотя и там причиною было неведение. Фараон взял к себе Сарру по незнанию, однако же, Бог привел его в страх. Но здесь Бог поступает снисходительнее потому, что совершалось дело весьма важное, и большая была разность между фараоном и Иосифом, почему и не нужно было угроз. Сказавши же: “**Не бойся**”, показывает, что Иосиф боялся оскорбить Бога, держа в доме подозреваемую в прелюбодействе, потому что, если бы этого не было, он и не подумал бы Ее отпускать. Итак, из всего открывается, что ангел пришел от Бога, обнаруживая и пересказывая все, о чем Иосиф размышлял, и чем был встревожен ум его. Изрекши же имя Девы, ангел не остановился на этом, но присовокупил: “**жену твою**”, каким именем не назвал бы, если бы Ее девство было растлено. Женою же называет здесь обрученную: так обыкновенно Писание обрученных еще до брака называет зятьями. Что же значит: “**принять**”? Удержать у себя в доме, потому что Иосиф мысленно уже отпустил Деву. Эту-то отпущенную, говорит ангел, удержи у себя; ее поручает тебе Бог, а не родители. Поручает же ее не для брака, но чтобы жить вместе; вручает, объявляя о том чрез меня. Как Христос после поручил Ее ученику, так ныне поручается Она Иосифу. Потом ангел, намекнув о причине своего явления, умолчал о худом Иосифовом подозрении; а между тем уничтожил его скромнее и благопристойнее, изъяснив причину зачатия и показав, что потому самому, почему Иосиф опасался и хотел Ее отпустить, он должен принять и удержать Ее у себя, и, таким образом, совершенно освободил его от беспокойства. Она не только чиста от беззаконного смешения, говорит ангел, но и зачала во чреве сверхъестественным образом. Потому не только отложи страх, но еще возрадуйся: “**Ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго**”. Странное дело, превосходящее человеческое разумение и превышающее законы природы! Чем уверится в сем Иосиф, не слыхавший о таковых событиях? Открытием прошедшего, говорит ангел. Для того он и обнаружил все, что происходило в уме Иосифовом, чем был он возмущен, чего боялся и на что решался, чтобы чрез это уверить и в том. Справедливее же сказать, ангел уверяет Иосифа не только прошедшим, но и будущим. “**Родит же**, **-** говорит он, **- Сына, и наречешь Ему имя Иисус**” (ст. 21). Хотя родившееся есть от Духа Святого, но не думай о себе, что ты устранен от служения при воплощении. Хотя ты не содействуешь к рождению, и Дева пребыла неприкосновенною, однако же, что принадлежит отцу, то, не вредя достоинству девства, предоставляю тебе, то есть, ты дашь имя рождаемому, - ты “**наречешь Ему имя**”. Хотя Он не твой сын, но ты будь Ему вместо отца. Итак, начиная с наречения имени, усвояю тебя рождаемому. Потом, чтобы кто-либо отсюда не заключил, что Иосиф есть отец, послушай, с какою осторожностью говорит ангел далее. “**Родит же**, **-** говорит он, **- Сына**”. Не сказал: родит тебе, но выразился неопределенно: родит, так как Мария родила не ему, но целой вселенной.

7. Для того и имя принесено ангелом с небес, чтобы показать, что чудно рождаемое, потому что сам Бог свыше посылает имя чрез ангела Иосифу. Поистине, это не просто было имя, но сокровище бесчисленных благ. Потому ангел и объясняет его, внушает благие надежды, и тем приводит Иосифа к вере. Мы обыкновенно склоннее к благим надеждам, а потому и охотнее им верим. Итак, всем утвердив Иосифа в вере, - и прошедшим, и будущим, и настоящим, и честью, ему оказанною, - ангел, кстати, приводит слова пророка, который все то подтверждает. Но, не приведя еще слов его, возвещает о благах, какие чрез рожденного дарованы будут миру. Какие же это блага? Освобождение от грехов, и уничтожение их. “**Он**, **-** говорит ангел, **- спасет людей Своих от грехов их**”.

И здесь возвещается нечто чудное; благовествуется освобождение не от чувственных браней, не от варваров, но - что гораздо важнее - освобождение от грехов, от которых прежде никто не мог освобождать. Для чего же, спросят, сказал: "**Людей Своих**", а не присовокупил - и язычников? Чтобы не изумить вдруг слушателя. Разумному слушателю он дал разуметь и о язычниках, потому что люди Его, суть не одни иудеи, но и все приходящие и приемлющие от Него познание. Смотри же, как открыл нам и достоинство Его, назвавши иудейский народ людьми Его. Этим ангел показывает то именно, что рождающийся есть Сын Божий, и что он говорит о горнем Царе, так как, кроме этого единого Существа, никакая другая сила не может отпускать грехи. Итак, получив таковой дар, примем все меры, чтобы не поругать столь великого благодеяния. Если наши грехи достойны были наказания и прежде такой чести, то тем более достойны после такого неизреченного благодеяния.

И это говорю теперь не без причины. Я вижу, что многие после крещения живут небрежнее некрестившихся, и даже не имеют никакого признака христианской жизни. Потому-то ни на торжище, ни в Церкви, не скоро различишь, кто верующий, и кто неверующий; разве только при совершении таинств можешь увидеть, что одни бывают высылаемы, а другие остаются в храме. Между тем следовало бы отличаться не по месту, а по нраву. Достоинства внешние обыкновенно познаются по внешним признакам, а наши достоинства надобно распознавать по душе. Верующий должен быть виден не только по дару, но и по новой жизни. Верующий должен быть светильником для мира и солью. А если ты самому себе не светишь, не предотвращаешь собственной гнилости, то почему нам узнать тебя? Потому ли, что ты погружался в священные воды? Но это может довести тебя до наказания. Величие почести для нежелающих жить сообразно этой почести увеличивает казнь. Верующий должен блистать не тем одним, что получил от Бога, но и тем, что ему собственно принадлежит; надобно, чтобы он по всему был виден - и по поступи, и по взору, и по виду, и по голосу. Говорю об этом для того, чтоб нам наблюдать благоприличие не для показа, а для пользы тех, кто смотрит на нас. А теперь, с которой стороны ни стараюсь распознать тебя, везде нахожу тебя в противоположном состоянии. Хочу ли заключить о тебе по месту, - вижу тебя на конских ристалищах, на зрелищах, вижу, что ты проводишь дни в беззакониях, в худых сходбищах, на рынке, в сообществе с людьми развратными. Хочу ли заключать о тебе по виду твоего лица, - вижу, что ты непрестанно смеешься и рассеян, подобно развратной блуднице, у которой никогда не закрывается рот. Стану ли судить о тебе по одежде, - вижу, что ты наряжен ничем не лучше комедианта. Стану ли судить о тебе по спутникам твоим, - вижу, что ты водишь за собою тунеядцев и льстецов. Стану ли судить о тебе по словам, - слышу, что ты не произносишь ничего здравого, дельного, полезного для нашей жизни. Буду ли судить о тебе по твоему столу, - здесь открывается еще более причин к осуждению.

8. Итак, скажи мне, почему могу узнать, что ты верный, когда все исчисленное мною уверяет в противном? И что говорю - верный? Даже человек ли ты, и того не могу узнать доподлинно. Когда лягаешься, как осел; скачешь как вол; ржешь на женщин, как конь; объедаешься, как медведь; утучняешь плоть, как лошак; злопамятен, как верблюд; хищен, как волк; сердит, как змея; язвителен, как скорпион; коварен, как лисица; хранишь в себе яд злобы, как аспид и ехидна; враждуешь на братьев, как лукавый демон, - как могу счесть тебя человеком, не видя в тебе признаков естества человеческого? Ища различия между оглашенным и верным, подвергаюсь опасности не найти различия даже между человеком и зверем. Как, в самом деле, назову тебя зверем? Ведь у каждого зверя какой-нибудь один из этих пороков. А ты, совокупив в себе все пороки, далеко превосходишь и их своим неразумием. Назову ли тебя бесом? Но бес не служит мучительству чрева, не любит денег. А когда в тебе больше пороков, нежели в зверях и бесах, скажи мне, как можно назвать тебя человеком? Если же нельзя назвать тебя человеком, то как наименуем тебя верным?

А что всего печальнее, находясь в столь худом состоянии, мы и не помышляем о безобразии души своей, не имеем и понятия об ее гнусности. Когда ты сидишь у брадобрея и стрижешь волосы, то, взявши зеркало, со всем вниманием рассматриваешь прическу волос, спрашиваешь близ стоящих, и того, кто стриг, хорошо ли они лежат у тебя на лбу? Будучи стариком, часто не стыдишься до неистовства предаваться юношеским мечтам. А того, что душа наша не только безобразна, но даже зверообразна, и стала сциллою или химерою, упоминаемыми в языческом баснословии, нимало не чувствуем, хотя и здесь есть духовное зеркало, которое гораздо лучше и полезнее вещественного, потому что не только показывает безобразие, но даже, если захотим, превращает его в несравненную красоту. Таким зеркалом служит память о добрых мужах, и повествование о их блаженной жизни, чтение Писания, законы от Бога данные. Если захочешь однажды посмотреть на изображения тех святых, увидишь гнусность своего сердца; а увидев, ни в чем другом не будешь иметь уже нужды, чтобы избавиться от своего безобразия. Вот для чего и полезно нам это зеркало; оно делает удобным превращение. Итак, никто не оставайся в образе бессловесных. Если раб не входит в дом отца, то, как ты можешь вступить в преддверия дома, будучи зверем? И что говорю - зверем? Такой человек хуже всякого зверя. Зверь, хотя по природе дик, но часто посредством человеческого искусства делается кротким. А ты, который природное их зверство превращаешь в несвойственную им по природе кротость, какое извинение будешь иметь, когда свою природную кротость превращаешь в неестественное зверство? Дикого по природе делаешь смирным; а себя, по природе смирного, против природы обращаешь в дикого? Льва укрощаешь и делаешь ручным; а своему гневу попускаешь быть неукротимее льва? В первом случае встречаются два затруднения: то, что зверь лишен разума, и то, что он всех сердитее; и однако, ты, по избытку мудрости, данной тебе от Бога, преодолеваешь и природу. Как же ты, в зверях препобеждающий природу, в себе самом изменяешь и природе и совершенству воли? Если бы я велел тебе сделать кротким другого человека, ты не счел бы моего приказа невозможным, хотя и мог бы мне возразить, что ты не господин чужой воли, и что не все от тебя зависит. Но теперь велю тебе укротить собственного твоего зверя, над которым ты полный господин.

9. Итак, чем оправдаешься в том, что не владеешь природою? Какое можешь представить благовидное извинение в том, что из льва делаешь человека, а о себе не заботишься, когда из человека делаешься львом; ему сообщаешь свойства выше его природы, а в себе не сохраняешь и естественных? Диких зверей стараешься довести до одинакового с нами благородства, а себя самого низвергаешь с царского престола, и доходишь до зверского неистовства? Представь себе, если хочешь, что и гнев есть зверь, и сколько другие стараются над обучением львов, столько покажи старания над собою, и необузданный ум свой соделай тихим и кротким; ведь гнев имеет столь страшные зубы и когти, что истребит все, если не укротишь его. Даже лев и ехидна не могут терзать внутренностей с такою жестокостью, как гнев непрестанно терзает железными когтями. Он не только вредит телу, но расстраивает самое здравие души, поедая, терзая, раздробляя всю силу ее, и делая ее ни к чему неспособною. У кого внутри завелись черви, тот не может дышать, потому что все внутренности его изъедены. Как же мы можем породить что-нибудь благородное, нося внутри себя такого змия, - разумею гнев, - снедающего внутренности наши? Каким образом избавимся от этой язвы? Если будем употреблять питие, которое может умертвить внутренних червей и змей. Но какое питие, спросишь, имеет такую силу? Честная кровь Христова, если с упованием приемлется. Она может уврачевать всякую болезнь. Затем, внимательное слушание божественных Писаний, и присоединяемая к тому милостыня. Всеми этими средствами могут быть умерщвлены страсти, расслабляющие нашу душу. И тогда только будем жить, а теперь мы ничем не лучше мертвых. Когда живы страсти, нам невозможно жить, но необходимо должно погибнуть. Если не успеем умертвить их здесь, то они умертвят нас там. Вернее же

сказать, еще здесь прежде той смерти подвергнут нас жесточайшему наказанию. Каждая из этих страстей жестока, мучительна, ненасытна, и каждый день поедая нас, ничем не удовлетворяется. Зубы их - зубы львиные, и даже страшнее львиных. Когда лев сыт, тотчас оставляет попавшееся ему тело. А страсти никогда не насыщаются и не отстают, доколе уловленного ими человека не увлекут к дьяволу. Такова сила страстей, что они требуют от пленников своих такого же рабства, в какое предался Христу Павел, презиравший для Него и геенну и царство. Тот, кто впадает в плотскую ли любовь, или сребролюбие, или честолюбие, начинает уже смеяться над геенною и презирать царство, только бы исполнить ему волю тех страстей. Итак, поверим Павлу в том, что он столько любил Христа. Когда есть люди в такой же степени раболепствующие страстям, что же невероятного в любви Павловой? Потому и слабее наша любовь ко Христу, что вся наша сила истощается на любовь порочную, и мы хищники, сребролюбцы, рабы суетной славы. А что может быть ничтожнее этой славы? Если сделаешься и в тысячу раз знатнее, ничем не лучше будешь людей неизвестных. Напротив, чрез это самое сделаешься даже бесчестнее. Когда те, которые тебя прославляют и выставляют знаменитым, смеются над тобою за то самое, что ты желаешь от них славы, то твое усердие не произведет ли противного твоему желанию?

10. Эти люди поступают как обличители. Кто хвалит преданного прелюбодеянию или блуду и льстит ему, тот этим самым более обличает, нежели хвалит похотника. Равным образом, если все мы хвалим пристрастного к славе, то более обличаем, нежели хвалим славолюбивого. Итак, для чего же ты много заботишься о таком деле, которого следствия всегда противны твоей цели? Если хочешь прославиться, презирай славу, и будешь славнее всех. Для чего тебе подвергаться тому же, что случилось с Навуходоносором? Он поставил статую, думая получить еще большую славу от дерева и бесчувственного изображения, имеющий жизнь хотел прославиться чрез то, что не имеет жизни. Видишь ли крайнее безумие? Думая почтить себя, он более обесчестил, показав, что более надеется на бездушную вещь, нежели на самого себя и на живую душу свою, - почему и воздал такое предпочтение дереву. Не достоин ли он посмеяния за то, что ищет себе похвалы не в нравах, а в досках? Это все равно, как если бы кто вздумал больше хвалиться полом в доме, или красивою лестницею, нежели тем, что он человек. Между тем и из нас многие подражают ныне Навуходоносору. Как он своим изображением, так из нас иные думают удивлять одеждами, другие домом, лошаками, колесницами, колоннами, находящимися в домах их. Погубивши в себе достоинство человека, они ходят и ищут себе совсем смешной славы в других предметах. Знаменитые и великие слуги Божии не этим просияли, но чем надлежало. Они были и пленники, и рабы, и юноши, и чужестранцы; не имели у себя ничего собственного, но оказались гораздо почтеннее того, кто всем изобилует. Ни огромная статуя, ни вельможи, ни вожди, ни бесчисленные войска, ни множество золота, ни вся пышность не могли удовлетворить страсти Навуходоносора показать себя великим. А для слуг Божиих, лишенных всего, довольно было одного любомудрия. Не имея у себя ничего, они оказались столько же блистательнее носящего диадему и порфиру и обладающего всем, сколько солнце блистательнее жемчужин. На позор целого мира приведены были юноши, пленные рабы, и едва появились, как глаза царевы засверкали огнем, окружили их вожди, правители, чиновники и все сонмище бесовское; отовсюду звук флейт, труб и всяких музыкальных орудий, несясь до небес, огласил слух их. Пещь пылала до безмерной высоты, и пламя ее касалось самых облаков; все было исполнено страха и ужаса. Но юношей ничто не устрашало. Напротив, посмеявшись, как над детскою игрою, они показали мужество и кротость, и громогласнее тех труб взывали: “**Да будет известно тебе, царь**” (Дан. 3:18)! Они и словом не хотели оскорбить мучителя, а желали только показать свое благочестие. Потому не стали распространяться и в словах, но все выразили кратко: “**Бог наш, -** говорят они, **- Которому мы служим, силен спасти нас от печи**” (ст. 17). Для чего выставляешь перед

нами множество народа? Что нам пещь? К чему острые мечи, страшные копьеносцы? Наш Владыка выше и сильнее всего этого. Потом, подумавши, что может быть Богу так угодно, и Он попустил им быть сожженными, - чтобы и в таком случае не назвали их лжецами, они в заключение присовокупили: "**Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем**".

11. Если бы они, предположив, что Бог действительно их не избавит, сказали, что Он не избавляет за грехи, то им не поверили бы. Поэтому они пред царем о грехах умалчивают, а говорят о том в пещи; там вспоминают все грехи свои. Пред царем же ничего подобного не произносят, а только то, что они не изменят благочестию, хотя бы им надлежало сгореть. Не для наград и воздаяний, но из одной любви делали они все, что ни делали; несмотря на то, что были в плену и рабстве, не пользовались никакими благами, лишились отечества, свободы и всего имущества. Не говори мне о почестях, какие даны им при царском дворе. Святые и праведные юноши в тысячу раз охотнее согласились бы собирать милостыню в своем отечестве, и наслаждаться красотою храма, как говорит Давид: "**Желаю лучше быть у порога в доме Божием, нежели жить в шатрах нечестия**"; и "**один день во дворах Твоих лучше тысячи**" (Пс. 83:11). В тысячу раз охотнее согласились бы они быть последними в своем отечестве, нежели царствовать в Вавилоне. Это видно из того, что говорят они в пещи о тягостях пребывания в Вавилоне. Хотя сами они и пользовались великими почестями, но, видя бедствия других, жестоко терзались. Таково преимущественное свойство святых - ни славы, ни чести и ничего другого не предпочитать спасению ближних. Смотри, как они в пещи молились за весь народ. А мы и при покойной жизни не помним о братиях. Равным образом, когда они старались объяснить и сны, они имели в виду не свою пользу, но пользу многих. Что они презирали смерть, это они доказали впоследствии многими опытами. Они на все готовы, только бы умилостивить Бога. Поелику же признают себя к тому неспособными, то прибегают к отцам, и говорят, что сами ничего не могут принести, кроме сокрушенного духа. Будем и мы подражать им. Ведь и пред нами стоит золотой образ, мучительская власть мамоны. Но не будем внимать тимпанам, трубам, арфам и другим прелестям богатства; и хотя бы надлежало впасть в пещь нищеты, предпочтем эту нищету, только бы не поклониться идолу, - и будет роса среди пещи шумящая. Итак, не убоимся, слыша о пещи нищеты. И тогда ввержены в пещь стали блистательны, а поклонившиеся идолу убиты. Но тогда все произошло в одно время, а теперь одно исполняется здесь, а другое в будущей жизни, иное же и здесь, и там. Избравшие нищету, чтобы не кланяться мамоне, будут сиять и здесь и там; а неправедно обогащающиеся здесь понесут там жесточайшее наказание. Из этой пещи вышел и Лазарь, блистая не менее трех отроков; а богач, принадлежа к числу покланявшихся идолу, осужден на мучение в геенне. Одно служит образом другого. Как здесь ввержены в пещь ничего не потерпели, а стоявшие вне, мгновенно были сожжены, так будет и тогда. Святые, переходя огненную реку, не почувствуют ничего неприятного, но будут казаться радующимися; а покланявшиеся идолу увидят, что огонь нападает на них свирепее всякого зверя и увлекает их в геенну. Если кто не верит, что есть геенна, тот, видя халдейскую пещь, пусть чрез настоящее уверится в будущем, и убоится не пещи нищеты, но пещи греха. Грех есть пламень и мучение, а нищета - роса и прохлада. В греховной пещи предстоит дьявол, а в пещи нищеты - ангелы, отражающие пламень.

12. Пусть внимают этому богачи, возжигающие пламень нищеты! Бедным не сделают они никакого вреда, потому что на них сходит роса; а самих себя сделают жертвою пламени, который зажгли собственными руками. Тогда ангел сошел к трем отрокам, а ныне мы сойдем к находящимся в пещи нищеты, и милостынею произведем росу, отразим пламень, - чтобы и нам вместе с ними получить венцы, чтобы и для нас рассеялся пламень геенский от гласа Христова: вы видели Меня жаждущего, и напоили (Мф. 25:37). Этот глас будет тогда для нас росою, шумящею посреди пламени. Итак, сойдем с милостынею в пещь

бедности, посмотрим на любомудрых, ходящих в ней и попирающих угли; посмотрим на чудо новое и странное, на человека в пещи поющего, на человека в огне благодарящего, связанного крайнею нищетою и воздающего великие хвалы Христу. Кто с благодарением переносит нищету, тот равен трем отрокам, потому что бедность страшнее огня, и обыкновенно сильнее опаляет. Однако, отроков не опалил пламень, и узы их разрешились мгновенно, лишь только они принесли благодарение Господу. Так и теперь: если ты, впав в бедность, будешь благодарить, то и узы разрешатся, и пламень угаснет. А если не угаснет, то совершится еще большее чудо - пламень сделается источником, как случилось и тогда. Посреди пещи они прохлаждались чистою росою, которая хотя не угасила пламени, но препятствовала огню жечь ввержeнных туда. То же можно приметить и в любомудрых: и они в нищете более свободны от страха, нежели богатые. Итак, не будем стоять вне пещи, то есть, не имея милосердия к нищим, - чтобы не потерпеть нам того же, что случилось тогда с бывшими около пещи. Если ты сойдешь к отрокам и станешь с ними, то огонь не причинит тебе никакого зла; а если станешь вверху, и будешь смотреть на тех, которые находятся в огне нищеты, то пламень сожжет тебя. Итак, сойди в огонь, чтобы не сгореть от огня. Не стой вне огня, чтобы не увлек тебя пламень. Если огонь застигает тебя вместе с бедными, то устранится от тебя; а если увидит тебя чуждающимся их, в ту же минуту нападет на тебя и увлечет тебя. Итак, не отходи от тех, которые ввержены, и когда дьявол непоклоняющихся злату велит ввергнуть в пещь нищеты, то будь в числе не ввергающих, а ввергаемых, чтобы быть тебе в числе спасаемых, а не сожигаемых. Не покоряться страсти сребролюбия и жить в сообществе с бедными - это самая обильная роса. Кто попрал страсть к богатству, тот всех богаче. Как отроки, презревшие тогда царя, сделались блистательнее царя, так и ты, если презришь все мирское, будешь драгоценнее целого мира, подобно тем святым, “**которых весь мир не был достоин**” (Евр. 11:38). Итак, чтобы тебе сделаться достойным небесного, презирай настоящее. Тогда и здесь получишь большую славу, и насладишься будущими благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 5

“А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил” (Мф. 1:22,23).

1. Многие, как я слышу, говорят: когда бываем здесь (в храме), и слышанное принимаем к сердцу, тогда приходим в себя, а лишь только удалимся отсюда, становимся опять другими, и огонь ревности в нас гаснет. Что же нам сделать, чтобы этого не было? Посмотрим, отчего это происходит. Итак, отчего бывает с нами такая перемена? Оттого, что занимаемся, чем не следует, и проводим время с худыми людьми. По выходе из церкви не надлежало бы нам приниматься за дела непристойные церкви; но, пришедши домой, надобно было бы сейчас же взять книгу, и вместе с женою и детьми привести на память, что было говорено; потом уже приступать к делам житейским. Если, вышедши из бани, ты предпочитаешь не ходить на рынок, чтобы там в хлопотах не лишиться пользы от бани, то тем более ты должен поступать так по выходе из церкви. А мы поступаем напротив, и от того теряем все. Еще не утвердится в нас совершенно то, что было полезного в сказанном, как сильный поток житейских дел, устремляясь на нас, все уносит с собой и оставляет пустоту. Итак, чтобы этого не было, по выходе из церкви почитай нужнейшим для себя делом привести на память, что было тебе сказано. Да и слишком было бы неразумно на дела житейские употреблять пять или шесть дней, а на дела духовные не уделить и одного дня, или даже малой части дня. Не видите ли, как наши дети целый день занимаются уроками, какие им заданы? То же самое будем делать и мы. Иначе не будет для нас никакой пользы ходить сюда, потому что, не прилагая такого же

попечения о соблюдении сказанного нам, какое показываем в сбережении золота и серебра, каждый день будем черпать в разбитый сосуд. Приобретший несколько динариев прячет их в мешок и накладывает печать; а мы, принявши учение, которое многоценнее и золота и дорогих камней, приобретши сокровища Духа, не скрываем их в хранилище души, и с крайнею небрежностью даем им вытекать из нашего сердца. Кто же после этого пожалеет об нас, когда сами себе причиняем вред и ввергаем себя в такую бедность? Итак, во избежание этого, и для самих себя, и для наших жен и детей, поставим непременным законом - этот один день в неделе посвящать весь слушанию и припоминанию того, что мы слышали. В таком случае будем сюда приходить с большею готовностью принимать, что будет говорено. И для нас меньше будет труда, и для вас больше пользы, когда станете слушать дальнейшее, содержа в памяти прежде сказанное. Это немало будет способствовать к уразумению того, что говорится, - если именно вы будете хорошо знать порядок мыслей, которые мы предлагаем вам в связи. Так как невозможно высказать всего в один день, то старайтесь сохранить в памяти, что вам предлагается в разные дни, составляйте из этого как бы одну цепь, и облагайте ею душу, чтобы таким образом вышло целое тело Писаний. Поэтому и теперь, припомнив недавно сказанное, приступим к тому, о чем следует говорить.

2. Но о чем же следует теперь говорить? “**А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит**”. Достойно чуда и достойно самого себя воскликнул ангел, говоря: “**А все сие произошло**”. Он видел море и бездну человеколюбия Божия; видел явленным на деле то, осуществления чего никогда нельзя было и ожидать; видел, как законы природы нарушились, примирение совершилось, - Превысший всех нисходит к тому, кто всех ничтожнее, средостение рушится, преграды упраздняются; видел еще и больше того - и в немногих словах выразил чудо: “**А все сие произошло, да сбудется реченное Господом**”. Не думай, говорит он, будто это ныне только определено; это в древности было предобразовано, - как то и Павел старался везде показать. Затем, (ангел) отсылает Иосифа к Исайи, чтобы, пробудившись, если и забудет его слова, как совершенно новые, будучи вскормлен Писанием, вспомнил слова пророческие, а вместе с ними привел на память и его слова. Он не сказал этого жене, потому что она, как отроковица, была еще неопытна; а предлагает пророчество мужу, как человеку праведному, который углублялся в писания пророков. И сперва говорит он Иосифу: “**Марию, жену твою**”; а теперь, приводя слова пророка, вверяет ему тайну, что она Дева. Иосиф не так скоро успокоился бы мыслями, слыша от ангела, что она Дева, если бы прежде не услышал того от Исайи; от пророка же он должен был выслушать это не как что-либо странное, но как нечто известное и долго его занимавшее. Потому-то ангел, чтобы слова его удобнее были приняты, приводит пророчество Исайи; и не останавливается на том, но возводит пророчество к Богу, говоря, что это слова не пророка, но Бога всяческих. Потому и не сказал он: да сбудется реченное Исайею, но говорит: “**Да сбудется реченное Господом**”. Уста были Исайи, но пророчество дано свыше. Какое же это пророчество? “**Се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил**” (Ис. 7:14). Почему же, скажешь, наречено Ему имя не Еммануил, а - Иисус Христос? Потому, что не сказано: “наречешь”, но: “**нарекут**”, т. е. народы и самое событие. Здесь заимствуется имя от происшествия, как и свойственно Писанию - происшествия употреблять вместо имен. Итак, слова: “нарекут Еммануил” означают не что иное, как то, что увидят Бога с человеками. Хотя Бог всегда был с человеками, но никогда не был так явно. Если же иудеи бесстыдно будут упорствовать, то спросим их, какой младенец назван: “Магер-шелал-хаш-баз” (скоро пленил, нагло расхитил) (Ис. 8:3)? На это они ничего не могут сказать. Как же пророк сказал: “**Нареки ему имя: Магер-шелал-хаш-баз**”? Так как после рождения Его случилось, что взяты и разделены добычи, то самое происшествие, при нем бывшее, дается ему вместо имени. Равным образом и о городе говорит пророк, что он наречется "**город правды, столица верная**" (град правды,

мать городов, верный Сион) (Ис. 1:26); и, однако, нигде не видно, чтобы город этот назывался правдою, он продолжал называться Иерусалимом. Но так как Иерусалим действительно таковым учинился, когда исправился, то и сказал пророк, что он так назовется. Таким образом, если какое-либо происшествие яснее самого имени показывает того, кто его совершил, или им воспользовался, то Писание действительность события вменяет ему в имя. Если же иудеи, будучи опровергнуты в этом, найдут другое возражение против сказанного о девстве, и представят нам других переводчиков, говоря: они перевели не: "дева", а: молодая женщина (νεανις), - то наперед скажем им, что семьдесят толковников, по справедливости, пред всеми прочими заслуживают большего вероятия. Те переводили после пришествия Христова, оставаясь иудеями; а потому справедливо можно подозревать, что они сказали так больше по вражде, и с намерением затемнили пророчество. Семьдесят же, которые за сто лет до пришествия Христова, или даже более, предприняли это дело, и притом таким большим обществом, свободны от всякого подобного подозрения; они и по времени, и по многочисленности, и по взаимному согласию, преимущественно заслуживают вероятия.

3. Но если иудеи приведут свидетельство и тех переводчиков, то и тогда победа на нашей стороне. В Писании часто имя юности (νεανιονητος) употребляется вместо девства не о женщинах только, но и о мужчинах. "**Юноши**, **-** говорит оно, **- и девицы, старцы и отроки**" (Пс. 148:12). И опять, рассуждая о деве, подвергшейся насилию, говорит: если возопит "отроковица" (neaniV), т. е. дева (Втор. 22:27). То же значение подтверждают и предыдущие слова пророка. В самом деле, пророк не просто говорит: "**Се, Дева во чреве приимет**"; но, сказавши наперед: "**Итак Сам Господь даст вам знамение**" (Ис. 7:14), потом присовокупил: "**Се, Дева во чреве приимет**". Если бы не деве надлежало родить, но произошло бы рождение по закону брака, то такое происшествие как могло быть знамением? Знамение должно выходить из обыкновенного порядка, быть чем-то странным и необычайным. Иначе, как оно будет знамением? "**Встав от сна, Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень**" (Мф. 1:24). Видишь ли послушание и покорный ум? Видишь ли человека решительного, и во всем прямодушного? Когда он подозревал Деву в чем-то неприятном и неприличном, то не хотел держать ее у себя. Когда же освободился от такого подозрения, не только не захотел выслать ее, но держит и делается служителем воплощения. "**И принял**, **-** говорит Писание, **- жену свою**". Видишь ли, как часто евангелист употребляет это имя, не желая до времени открыть тайну девства, чтобы устранить всякое худое подозрение?

Принявши же ее, "**и не знал Ее** (до тех пор пока или – пока, доколе)[1]**. Как наконец Она родила Сына Своего первенца**" (ст. 25). Здесь евангелист употребил слово "до тех пор пока"; но ты не подозревай из того, будто Иосиф после познал ее. Евангелист дает этим только знать, что Дева прежде рождения была совершенно неприкосновенною. Почему же, скажут, употребил он слово: "пока"? Потому, что в Писании часто так делается. Это слово не означает определенного времени. Так и о ковчеге сказано: "**Выпустил ворона, который, вылетев, отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды**" (Быт. 8:7,14), хотя он и после не возвратился. Также о Боге Писание говорит: "**Ты нам прибежище в род и род**" (Пс. 89:2), но тем не полагает пределов. И опять, когда благовествуя, говорит: "**Во дни его процветет праведник, и будет обилие мира, доколе не престанет луна**" (Пс. 71:7), тем не означает конца для этого прекрасного светила. Так и здесь евангелист употребил слово – "до тех пор пока", в удостоверение о том, что было прежде рождения. Что было после рождения, о том предоставляет судить тебе самому. Что тебе нужно было узнать от него, то он и сказал, то есть, что Дева была неприкосновенною до рождения. А что само собою видно из сказанного, как верное следствие, то предоставляет собственному твоему размышлению, то есть, что такой праведник (каков Иосиф) не захотел познать Деву после того, как она столь чудно соделалась матерью, и удостоилась

и родить неслыханным образом, и произвести необыкновенный плод. А если бы он познал ее, и действительно имел женою, то для чего бы Иисусу Христу поручать ее ученику как безмужнюю, никого у себя не имеющую, и приказывать ему взять ее к себе? Но скажут: как же Иаков и другие называются братьями Иисуса Христа? Так же, как и сам Иосиф был почитаем мужем Марии. Многими завесами до времени сокрываемо было рождение Христово. Потому и Иоанн назвал их также (братьями), говоря: "**Ибо и братья Его не веровали в Него**" (Ин. 7:5). Впрочем, прежде неверовавшие сделались после достойными удивления и славными. Так, когда Павел прибыл в Иерусалим для рассуждения о вере, тотчас явился к Иакову, который так был уважаем, что его первого поставили епископом. Рассказывают также, что он вел такую строго-подвижническую жизнь, что все члены его омертвели, что от непрерывной молитвы и беспрестанных земных поклонов лоб у него отвердел, до такой степени, что жесткостью не отличался от колен верблюда. Он и Павла, который после опять приходил в Иерусалим, вразумляет, говоря: "**Видишь, брат, сколько тысяч уверовавших**" собравшихся (Деян. 21:20)? Так велико было его благоразумие и ревность, а лучше сказать: так велика была сила Христова! В самом деле, те, которые поносили Христа во время земной Его жизни, по смерти Его так возревновали о Нем, что совершенно готовы были даже умереть за Него, - что и показывает особенно силу воскресения. Для того славнейшее и соблюдено к концу, чтобы доказательство было несомненно. Если тех, которым дивимся при жизни, забываем по смерти, то как же, хулившие Христа при жизни, признали Его после Богом, если Он был обыкновенный человек? Как бы решились идти за Него на смерть, если бы не имели ясного доказательства воскресения.

4. Говорю об этом не для того, чтобы вы только слышали, но чтобы и подражали мужеству, дерзновению и всякой добродетели; чтобы никто не отчаивался в самом себе, хотя прежде того был ленив, и чтобы, после милосердия Божия, ни на что другое не надеялся, как только на собственную добродетель. Если сродники Христовы, жившие со Христом в одном доме и отечестве, не получили от этого никакой пользы, пока не явили в себе добродетели, то как можем получить прощение мы, если, представляя за себя ходатаями праведных своих родственников и братьев, сами не будем добронравны и утверждены в добродетели? На это указывает пророк, когда говорит: "**брат не избавит, избавит ли человек**" (Пс. 48:8), хотя бы то был Моисей, или Самуил, или Иеремия? Послушай, что говорит Бог Иеремии: "**Не проси за этот народ и не возноси за них молитвы**", так как не послушаю тебя (Иер. 11:14). И что дивишься, если Я тебя не слушаю? Хотя бы предстал сам Моисей и Самуил, то Я не принял бы и их прошения об этих людях. Хотя Иезекииль станет молиться, - и он услышит, что если предстанет Ной, Иов и Даниил, то сынов и дщерей их не избавят (Иез. 14:14,18). Хотя патриарх Авраам будет ходатаем за неисцельно больных и нераскаянных, - Господь, оставив его, удалится, чтобы не слышать его моления о них (Быт. 18:33). Хотя и Самуил будет также предстательствовать, - Господь скажет ему: не плачь о Сауле (1 Цар. 16:1). Хотя и о сестре кто станет молиться безвременно, - услышит то же, что и Моисей: "**Если бы отец ее плюнул ей в лице**" (Числ. 12:14). Не станем же слишком уповать на других. Молитвы святых имеют очень великую силу, но только, когда мы сами раскаиваемся (во грехах), и исправляемся. И Моисей, избавивши некогда брата своего и шестьдесят тысяч от угрожавшего им гнева Божия, не мог избавить сестру, хотя и грех не равен был. Мариам оскорбила Моисея, Аарон же с народом отважились на явное нечестие. Но об этом предоставляю подумать вам самим, а я постараюсь решить еще более трудный вопрос. В самом деле, стоит ли говорить о том, что Моисей не мог умолить за сестру, когда этот предстатель многочисленного народа не в силах был пособить себе самому? После бесчисленных трудов и бедствий, после сорокалетних попечений о народе, ему возбранен был вход в ту землю, о которой было столько предсказаний и обетований. Какая же тому была причина? Та, что допущение Моисея в обетованную землю не только не принесло

бы пользы, но произвело бы большой вред, и для многих иудеев послужило бы соблазном. Если они за одно избавление из Египта, оставивши Бога, стали искать всего в Моисее, и ему все приписывать, то до какого бы нечестия не дошли они, когда бы увидели, что он ввел их в землю обетованную? Потому-то и место погребения его осталось неизвестным. И Самуил не мог избавить Саула от гнева Божия, хотя часто спасал израильтян. И Иеремия не помог иудеям (2 Макк. 15:16), хотя в другое время укрепил одного пророчеством. Даниил избавил варваров от поражения, но не спас иудеев от плена (Дан. 2). И в Евангелии мы видим, что не с разными людьми, но с одними и теми же случалось то и другое: один и тот же мог иногда спасти себя, а иногда нет. Задолжавший, например, тысячи талантов однажды усиленною просьбою избавил себя от опасности, а в другое время не мог. Другой же напротив: сперва подвергся опасности, а потом нашел вернейшее средство помочь себе. Кто же это такой? Расточивший отеческое имение. Итак, если мы сами о себе нерадим, то чрез других не спасемся. Если же будем неусыпны, то и сами собою достигнем спасения; даже сами собою спасемся вернее, нежели чрез других. Подлинно, Богу приятнее давать благодать непосредственно нам, а не другим для нас, чтобы, стараясь сами отвратить гнев Его, делались мы дерзновеннее и добродетельнее. Так Он помиловал хананеянку, так спас блудницу, так спас разбойника, хотя не было никакого за них предстателя и ходатая.

5. Впрочем, говорю это не для того, чтобы не призывать святых в молитвах, но для того, чтобы мы не ленились, и, предавшись беспечности и сну, не возлагали только на других того, что должны делать сами. И Христос, сказав: “**Приобретайте себе друзей**”, не остановился на этом, но присовокупил: “**богатством неправедным**”, требуя тем и твоего содействия (Лк. 16:9), - поскольку здесь Он разумел не что иное, как милостыню. И что удивительно, Он ничего уже не взыскивает с нас, если только мы отступим от неправды, потому что слова Его имеют такой смысл: ты приобрел худо - истрать хорошо. Собрал неправедно - расточи праведно. Что, кажется, за добродетель - раздавать из имения, неправедно приобретенного? И однако Бог, по человеколюбию Своему, снисходит до того, что обещает нам многие блага даже и за такие дела. Но мы до такого доходим бесчувствия, что ничего не уделяем и из приобретенного неправедно; напротив, грабя тысячами, думаем, что все уже сделали, подав малую долю. Разве не слыхал ты, что говорит Павел: “**Кто сеет скупо, тот скупо и пожнет**” (2 Кор. 9:6)? Итак, что ты скупишься? Сеяние ужели есть трата, ужели убыток? Нет! Это доход и прибыль. Где сеяние, там и жатва; где сеяние, там и приращение. Возделывая тучную и мягкую землю, которая может принять в себя много семян, ты засеваешь ее всеми своими семенами, и берешь еще взаймы у других, потому что скупость в этом случае считаешь убытком. А когда надобно возделывать небо, которое не подвержено никакой воздушной перемене и все, вверенное ему, несомненно, возрастит с большим приращением, ты ленишься, медлишь и не думаешь о том, что сберегая, теряешь, а расточая, приобретаешь. Итак, сей, чтобы не потерять; не береги, чтобы сберечь; рассыпай, чтобы сохранить; трать, чтобы приобрести. Хотя и нужно было бы что сберечь, ты не береги, потому что непременно это погубишь, а поручи Богу, у Которого никто не похитит. Сам не торгуй, потому что не умеешь получать прибыли; но большую часть капитала отдай взаймы Тому, Кто дает рост, отдай взаймы туда, где нет ни зависти, ни клеветы, ни обмана, ни страха. Отдай взаймы Тому, Кто сам ни в чем не нуждается, но терпит нужду для тебя; Кто всех питает, но алчет для того, чтобы ты не был голоден, обнищал для того, чтобы ты обогатился. Отдай взаймы туда, откуда ты получишь не смерть, но жизнь вместо смерти. За такой только рост можешь приобрести себе царство, а за всякий другой получишь геенну, потому что тот рост показывает сребролюбие, а этот - любомудрие; тот - дело жестокости, а этот - человеколюбия. И чем оправдаемся, когда, имея возможность получить большее, и притом с твердою уверенностью получить в надлежащее время, с полною свободою, без

укоризны, без страха, без опасностей, пренебрегаем этими благами, а гоняемся за тем, что постыдно, ничтожно, обманчиво, тленно, и уготовляет нам пещь огненную?

Ничего, ничего нет постыднее и жестокосерднее, как брать рост здесь на земле. В самом деле, ростовщик обогащается за счет чужих бедствий, несчастие другого обращает себе в прибыль, требует платы за свое человеколюбие, и как бы боясь показаться немилосердным, под видом человеколюбия роет яму глубже; помогая, теснит нищего; подавая руку, толкает его; по видимому вводит в пристань, а в то же время подвергает крушению, как бы направляя на скалы, утесы и подводные камни. Но чего требуешь ты, скажут? Того ли, чтобы, собранные мною и мне самому нужные деньги, отдать в распоряжение другому и не требовать за то никакой платы? Нет, я не говорю этого; напротив, весьма желаю, чтобы ты получил плату, - только не малую, и не ничтожную, но гораздо большую; желаю, чтобы ты в рост за золото приобрел небо. Итак, для чего ты сам себя подвергаешь нищете, прилепляясь к земле, и вместо большего ищешь малого? Это доказывает, что ты не умеешь обогатиться. Когда Бог за малое имущество обещает тебе небесные блага, ты говоришь: не давай мне неба, а дай мне, вместо неба, скоро гибнущее золото. Это значит, что ты произвольно хочешь остаться в нищете. Кто ревнует об истинном богатстве и обилии, тот вместо скорогибнущего изберет негибнущее, вместо изживаемого - неизживаемое, вместо немногого - многое, вместо тленного - нетленное, - а за такими благами последуют и те. Кто вместо неба ищет землю, тот и ее непременно потеряет; а кто предпочитает небесное земному, тот и тем и другим насладится с великим избытком. Чтобы и нам достичь этого, презревши все здешнее, изберем будущие блага, и таким образом получим и то и другое, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] В синодальном переводе опущено это слово.

БЕСЕДА 6

“Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему”(Мф. 2:1-2).

1. Много нужно нам бодрствовать, много молиться, чтобы суметь изъяснить настоящее место, и узнать, кто были эти волхвы, откуда и как пришли, кто их к тому побуждал, и что это была за звезда. Но если угодно, предложим лучше наперед то, что говорят противники истины. Дьявол так овладел ими, что они и здесь находят повод вооружаться против слова истины. Что же говорят они? Вот сказано, что и при рождении Христовом явилась звезда, - это значит, говорят они, что астрология есть наука несомненная. Но если Христос родился по астрологическим законам, то, как же Он истребил астрологию, отверг судьбу, заградил уста демонам, изгнал заблуждение, и ниспроверг всякого рода волхвование? Да и что узнают волхвы по звезде Его? Что Он был Царь иудейский? Но Он был Царем не земного царства, как и Пилату сказал: “**Царство Мое не отсюда**” (Ин. 18:36). Да Он и не показывал Себя Царем: не имел при Себе ни копьеносцев, ни щитоносцев, ни коней, ни парных мулов, - словом ничего тому подобного; а вел жизнь простую и бедную, водя за Собою двенадцать человек, ничем незнаменитых. Но если волхвы и знали, что Он Царь, то зачем приходят? Дело звездословия, как говорят, вовсе не в том состоит, чтобы по звездам узнавать, кто родится, но чтобы по времени рождения предсказывать о том, что

случится вперед. Между тем волхвы ни при родах Матери не были, ни времени, когда родила, не знали, а потому не имели и основания заключать о будущем по течению звезд. Напротив, задолго до рождения, увидевши звезду, явившуюся в их земле, они идут смотреть Родившегося; а это еще непонятнее прежнего. Какая же причина их побудила? В надежде каких наград из такой отдаленной стороны они идут поклониться Царю? Если б думали, что Он будет их Царем, и тогда не было бы им достаточной причины идти. Если бы еще Он родился в царских чертогах, если бы отец Его был царем и при Нем находился, то можно было бы сказать, что поклонением родившемуся Младенцу они хотели угодить отцу, и тем заслужить себе его благоволение. Но теперь они знают, что новорожденный будет Царем не у них, а у другого народа, в стране, от них отдаленной; знают, что Он еще не в совершенном возрасте: для чего же предпринимают такое путешествие, и несут дары, притом подвергаясь в этом деле великим опасностям? В самом деле, и Ирод, услышав, смутился, и весь народ, когда услыхал от них о том, взволновался. Разве этого они не предвидели? Но это невероятно. Даже при всей недальновидности они не могли бы не знать того, что, когда придут в город, имеющий царя, и станут всенародно объявлять, что есть другой царь, кроме теперь там царствующего, то подвергнут себя тысяче смертей. Для чего же они поклонялись лежащему в пеленах? Если бы Он был в совершенном возрасте, можно было бы сказать, что они ввергаются в явную опасность в надежде на Его помощь; но и то было бы признаком крайнего неразумия - персиянину, варвару, не имеющему ничего общего с народом иудейским, решиться выйти из своей земли, оставить отечество, родных и дом, и подвергнуться чужому владычеству!

2. Если это неразумно, то следующее еще неразумнее. Что же такое? Перейти такой дальний путь, только поклониться, всех взволновать и тотчас уйти. И какие они нашли признаки царского сана, когда увидели хижину, ясли, младенца в пеленах, и бедную мать? Кому принесли дары? И для чего? Разве было установлено и принято в обычай так изъявлять почтение всякому рождающемуся царю? Разве они обходили всю вселенную и о ком узнавали, что он из низкого и бедного состояния сделается царем, тому поклонялись прежде восшествия на царский престол? Но этого никто сказать не может. Для чего же они поклонялись? Если для настоящих выгод, то чего могли они ожидать от младенца и бедной матери? Если в надежде будущих, то, как они могли знать, что младенец, которому они поклонились, когда он был в пеленах, вспомнит о том впоследствии? Положим, что мать ему о том напомнила бы; но и в таком случае они стоят не похвалы, а порицания за то, что подвергли его явной опасности, так как Ирод, смущенный ими, расспрашивал, разыскивал и прилагал все меры умертвить его. Да и где бы то ни было, о младенце, который родился от частных людей, сказать, что он будет царем, - значит только предать его на смерть, навлечь на него множество бед. Видишь ли, сколько открывается несообразностей, если судить об этом событии по ходу дел человеческих, и по общему обыкновению? Да и, кроме того, можно было бы найти и много других, еще больших затруднений.

Но чтобы, присовокупляя недоумения к недоумениям, не привести вас в замешательство, приступим теперь к разрешению вопросов. Начнем со звезды Христовой. Если мы узнаем, что это была за звезда, и какая она - обыкновенная, или отличная от прочих, действительная ли была звезда, или только имела вид звезды, то легко будет понять все прочее. Откуда же узнать о том? Из самого Писания. Что она была не обыкновенная звезда, и даже не звезда, а, как мне кажется, какая-то невидимая сила, принявшая вид звезды, это доказывает, во-первых, самый путь ее. Нет, и не может быть звезды, которая бы имела такой путь. Видим, что и солнце и луна и все прочие звезды идут от востока к западу; а эта звезда текла от севера на полдень: именно в таком положении находится Палестина в отношении к Персии. Во-вторых, то же можно видеть из самого времени: она является не ночью, а среди дня, при сиянии солнца, что не свойственно не только звезде,

но и луне. Хотя луна больше всех звезд, но при появлении солнечного света тотчас скрывается и делается невидимою. Звезда же Христова превосходством своего блеска преодолела самый свет солнечный, была яснее солнца, и как оно ни блистательно, а она сияла больше. В-третьих, доказывается тем, что звезда то является, то опять скрывается. Когда волхвы шли в Палестину, она была видна и указывала им путь; а когда вошли в Иерусалим, она скрылась. Потом, когда они, сказавши Ироду, зачем пришли, оставили его и собрались в путь, звезда опять является. Это уже есть движение не звезды, а некоторой совершенно разумной силы. Она не имела своего определенного пути, но когда нужно было остановиться, и она стояла, во всем соображаясь с их нуждою, подобно столпу облачному, по которому полк иудеев и останавливался и поднимался с места, когда было нужно. В-четвертых, то же ясно можно видеть из самого способа, каким звезда указала место. Не с высоты неба она указала его, - в таком случае волхвы не могли бы различить места; но, чтобы указать его, опустилась вниз. Сами знаете, что обыкновенной звезде нельзя показать такого малого места, какое занимала хижина, особенно же в каком вмещалось тело Младенца. Так как высота ее неизмерима, то она не могла бы собою обозначить и определить такого тесного пространства для желавших узнать его. Об этом всякий может судить по луне; она, будучи гораздо больше звезд, кажется близкою для каждого из обитателей вселенной, рассеянных по всей земной широте. Так скажи же, как бы звезда указала такое тесное место яслей и хижины, если бы не оставила высоту, не сошла вниз, и не стала над самою главою Младенца? Это самое дает разуметь и евангелист, говоря: “**И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, [как] наконец пришла и остановилась над [местом], где был Младенец**” (Мф. 2:9). Видишь, сколько доказательств на то, что эта звезда была необыкновенная, и явилась не по законам внешней природы.

3. Но для чего она явилась? Для того, чтобы обличить нечувствительных иудеев, и лишить их - неблагодарных - всякого способа к оправданию. Так как цель пришествия Христова была та, чтобы отменить древние правила жизни, призвать всю вселенную на поклонение Себе, и принимать это поклонение на земле и на море, то Христос с самого начала отверзает дверь язычникам, желая чрез чужих научить своих. Так как иудеи, непрестанно слыша пророков, возвещавших о пришествии Христовом, не обращали на то особенного внимания, - Господь внушил варварам придти из отдаленной страны, расспрашивать о Царе, родившемся у иудеев; и они от персов первых узнают то, чему не хотели научиться у пророков. Бог сделал это для того, чтобы дать им вернейший способ убедиться, если будут благоразумны, или лишить всякого оправдания, если будут упорны. В самом деле, что могут сказать в свое оправдание иудеи, не принявшие Христа после столь многих пророческих доказательств, видя волхвов, которые по явлению только звезды приняли Его, и поклонились явившемуся? Итак, с волхвами Бог поступил так же, как с ниневитянами, к которым послал Иону, так же, как с самарянкою и хананеянкою. Потому и сказано: “**Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят**” и: “**Царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит**” род сей (Мф. 12:41,42), - потому что они поверили меньшему, а иудеи не поверили и большему. Ты спросишь, для чего Бог привел волхвов к Христу таким явлением? А как же бы надлежало? Послать пророков? Но волхвы пророков не приняли бы. Дать глас свыше? Но они гласу не вняли бы. Послать ангела? Но и того не послушали бы. Поэтому Бог, оставивши такие средства, по особенному Своему снисхождению употребляет для призвания их то, что было им больше знакомо: показывает большую и необычайную звезду, чтобы она поразила их и величиною, и прекрасным видом, и необыкновенным течением. Подражая этому, и апостол Павел, когда рассуждает с эллинами, начинает речь с жертвенника, и приводит свидетельства из их стихотворцев; а когда проповедует иудеям, говорит об обрезании, - уча живущих под законом, начинает с жертв. Так как всякий любит то, к чему привык, то к этому применяются и Бог и люди, посылаемые Им для спасения мира. Итак, не думай,

чтобы недостойно было Бога призывать волхвов посредством звезды; иначе должен будешь отвергнуть все иудейское - и жертвы, и очищения, и новомесячия, и ковчег, и самый храм, потому что все это допущено по языческой грубости иудеев. И Бог для спасения заблуждающихся с небольшим изменением допустил в служении Себе то, что наблюдали язычники при служении демонам, чтобы, понемногу отвлекая от языческих привычек, возвести к высокому любомудрию. Так поступил он и с волхвами, благоволив призвать их явлением звезды, чтобы потом удостоить высшего. Побудивший их идти и руководствовавший в пути, после того как поставил пред яслями, наставляет их уже не чрез звезду, а чрез ангела; таким образом, понемногу они восходили к высшему. Подобно этому Бог поступил и с жителями Аскалона и Газы. Когда пять филистимских городов, по прибытии к ним ковчега, поражены были смертною язвою и не находили никаких средств к избавлению от постигшего их бедствия, тогда, созвавши волхвов, в общем собрании советовались, как освободиться от этой язвы, ниспосылаемой от Бога; волхвы присоветовали взять коров, которые не были еще под ярмом и принесли первых телят, запрячь под кивот и пустить одних идти, куда хотят, чтобы чрез то увидеть, от Бога ли это ниспосланная язва, или какая случайная болезнь. Если коровы, - говорили они, - как не привыкшие к ярму, разобьют его, или воротятся к телятам, то будет значить, что язва произошла по случаю; если же пойдут прямо, мычание телят не произведет на них никакого действия и они не собьются с дороги, им незнакомой, то будет явно, что рука Божия коснулась этих городов (1 Цар. 5-6). Жители послушались волхвов, и поступили по их совету; и Бог, по Своему снисхождению, не почел для Себя недостойным, применяясь к мнению волхвов, привести в действие предсказанное ими, и оправдать слова их событием. Такое действие было тем важнее, что и сами противники засвидетельствовали силу Божию, а учителя их подтвердили то своим приговором. Много и других примеров видеть можно в божественном домостроительстве. Так, например, и то, что известно о чревовещательнице (1 Цар. 28), случилось по тому же божественному промыслу, о чем сами вы можете рассудить по сказанному выше. Все это сказано мною для объяснения написанного о звезде; вы же сами, может быть, в состоянии сказать и более, - сказано ведь: “**Дай [наставление] мудрому, и он будет еще мудрее**” (Притч. 9:9).

4. Пора, однако, обратиться к началу прочитанного. Какое же начало? “**Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода**”**,** приходят “**в Иерусалим волхвы с востока**”. Волхвы последовали за ведущею их звездою, а иудеи не поверили и проповедовавшим пророкам. Но для чего евангелист означает и время и место, говоря: “**В Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода**”? Для чего также упоминает о самом достоинстве? О достоинстве - для того, что был и другой Ирод, умертвивший Иоанна; но тот был четверовластник, а этот царь; на время же и место указывает для того, чтобы привести нам на память древние пророчества, из которых одно произнес Михей: “**И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными?**” (Мих. 5:2), другое - патриарх Иаков, который, с точностью означивши время, указал и важнейший признак пришествия Христова: “**Не отойдет**, **-** сказал он, **- скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель, и Ему покорность народов**” (Быт. 49:10). Достойно исследования и то, откуда волхвам пришла мысль идти, и кто их побудил к тому. Мне кажется, что это было делом не одной звезды; но сам Бог подвиг их сердце, подобно тому, как поступил Он с Киром, расположив его отпустить иудеев. Впрочем, Он сделал это не нарушая свободного произволения, подобно тому как и Павла призвав гласом свыше, вместе явил Свою благодать и открыл его послушание. Но, скажешь, почему не всем волхвам открыл это? Потому, что не все бы поверили, а эти были готовы более других. Тысячи народов гибли, а к одним только ниневитянам послан был пророк Иона; двое было разбойников на кресте, но один только спасся. И так знай, что волхвы оказали добродетель не тем одним, что пришли, но и тем, что поступили смело. Чтобы их не сочли людьми подозрительными, они по приходе рассказывают о своем путеводителе,

о дальнем пути, и при этом обнаруживают смелость: "**Пришли**, **-** говорят они, **- поклониться Ему**", и не страшатся ни ярости народной, ни жестокости царя. Из этого заключаю, что они и дома были учителями своих соотечественников; если здесь - в Иерусалиме - они не усомнились говорить об этом, то с большим дерзновением проповедовали о том в своем отечестве, после того, как получили откровение от ангела и свидетельство от пророка. "**Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним**". Ироду, как царю, естественно было опасаться и за себя, и за детей; но чего боялся Иерусалим, когда пророки задолго предсказали о Христе, как о Спасителе, благодетеле и освободителе? Что же смутило иудеев? То же легкомыслие, которое и прежде отвращало их от Бога - их благодетеля, так что, получивши полную свободу, вспоминали о египетских мясах. Смотри же, как пророки ничего не опускали: один из них задолго предсказал и об этом: "**Будут отданы на сожжение, в пищу огню. Ибо младенец родился нам - Сын дан нам**" (Ис. 9:5,6). Но несмотря на свое смущение, жители Иерусалима не заботятся сами проверить случившееся, не следуют за волхвами, не любопытствуют: столько-то они были всех упорнее и нерадивее! Им надлежало бы хвалиться, что у них родился Царь, и привлек к себе страну персидскую, и что все им покорятся, когда обстоятельства так переменились к лучшему, когда самое начало так блистательно; но они и от того не сделались лучшими, хотя только лишь освободились от плена персидского. Если бы им не открыто было никаких высоких тайн, то, судя по одним настоящим событиям, можно бы им было заключить так: если столько благоговеют к нашему Царю при самом его рождении, то гораздо более будут бояться его и покоряться ему в совершенном его возрасте, и мы сделаемся гораздо славнее варваров. Но ни одна подобная мысль не восхитила их: столь велика была их беспечность, а вместе с нею и ослепление! Потому тщательно надобно удалять от себя оба эти порока, и надобно быть сильнее огня тому, кто хочет против них вооружиться. Потому-то и Христос сказал: "**Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!**" (Лк. 12:49). Потому и Дух Святый является в виде огня.

5. Но мы холоднее праха и мертвее мертвецов, тогда как видим, что Павел возносится выше неба и неба небес, сильнее всякого пламени все преодолевает и возвышается над всем дольним и горним, настоящим и будущим, сущим и несущим. Положим, что этот пример не по твоим силам; впрочем, это отговорка одной твоей беспечности (что Павел имел пред тобою лишнего, почему бы тебе невозможно было подражать ему?). Но, чтобы нам не спорить, оставив Павла, возьмем в пример первенствующих христиан, которые оставили богатство, имения, заботы и все житейские дела, предали себя совершенно Богу, день и ночь прилежно внимая учению слова. Таков духовный огонь; он не оставляет в нас никакого пристрастия к земному, но воспламеняет нас иною любовью. Потому-то возлюбивший духовное, если нужно будет и все оставить, презреть удовольствия и славу, отдать самую душу, все это сделает без всякого затруднения. Теплота духовного огня, проникая душу, изгоняет из нее всякую беспечность, и объятого ею делает легче пера, и заставляет презирать все видимое. Такой человек пребывает уже в непрестанном сокрушении (сердца), проливая неиссякаемые источники слез, и получая от того великое удовольствие, потому что ничто столько не сближает и не соединяет с Богом, как такие слезы. Такой человек, хотя живет и в городе, проводит жизнь как в пустыне, в горах и в пещерах, не занимаясь окружающими его, и никогда не насыщаясь своими слезами, плачет ли о себе или о чужих грехах. Потому-то и Бог прежде других ублажил плачущих, сказав: "**Блаженны плачущие**" (Мф. 5:4). А как же Павел говорит: "**Радуйтесь всегда в Господе**" (Флп. 4:4)? Он говорит об удовольствии, проистекающем от этих слез. Как мирская радость бывает смешана с печалью, так слезы по Боге произращают всегдашнюю и неувядающую радость. Так блудница, объятая этим огнем, стала достойнее дев. Согретая покаянием, она воспылала такою любовью ко Христу, что распустила волосы, и святые ноги Его обливала слезами, отирая их своими волосами, и не жалела мира. Но все

это было только наружное; а что происходило у нее в сердце, и что видел один Бог, то было гораздо пламеннее. Оттого и каждый из нас, слыша об этом, радуется с нею, восхищается ее добрым делом, и прощает ей все проступки.

Если же мы, будучи злы, произносим о ней такой суд, то подумай, сколько она оправдана человеколюбивым Богом, и какие собрала плоды покаяния, еще до получения даров Божиих? Как после проливного дождя воздух делается чистым, так и по пролитии слез настает тишина и ясность, а мрак греховный исчезает. Как сперва очистились мы водою и духом, так после очищаемся слезами и покаянием, если только делаем это не по лицемерию и тщеславию. Плачущая притворно заслуживает даже более осуждения, нежели та, которая прикрашивается румянами и притираньями. Я требую слез, проливаемых не на показ, а из сокрушения, проливаемых тайно, в уединенной комнате, без свидетелей, в тишине и в безмолвии, слез из глубины сердца, от внутренней скорби и печали, проливаемых единственно для Бога, каковы были слезы Анны: "**Уста ее**, **-** сказано, **- только двигались, и не было слышно голоса ее**" (1 Цар. 1:13). Но одни только слезы вопияли громогласнее трубы; за такие слезы и отверз Бог утробу ее, и жесткий камень сделал мягкою нивою.

6. Если и ты плачешь так же, то подражаешь своему Господу. И Он ведь плакал о Лазаре (Ин. 11:31), об Иерусалиме (Лк. 19:41), и возмутился духом об Иуде (Ин. 13:21). Да и часто бывало, что Его видели плачущим, а чтобы Он смеялся, или хотя мало улыбался, этого никогда никто не видел, - почему и ни один из евангелистов не упомянул о том. Также и Павел, что он плакал, и плакал три года день и ночь, сам о том свидетельствует (Деян. 20:31), и другие о нем говорят то; а чтобы когда-либо смеялся, об этом нигде не говорит ни сам он, ни другой апостол, ни один из святых, ни о нем, ни о ком другом ему подобном. Об одной только Сарре говорит Писание (Быт. 18:12), за что она и получила упрек, также о сыне Ноевом, который за то из свободного сделался рабом. Впрочем, я говорю это, не запрещая смеяться, но удерживая от неумеренного смеха. Скажи мне, чему без меры радуешься и смеешься, когда подлежишь такой ответственности, должен некогда предстать на страшный суд и дать строгий отчет во всем, что сделано тобою в жизни? Мы должны дать отчет во всех произвольных и непроизвольных грехах своих: "**А кто**, **-** говорит Господь, **- отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным**" (Мф. 10:33). Хотя бы это отречение было невольное, однако же, и оно не избежит наказания, и за него отдадим отчет, и за то, что знаем, и чего не знаем: "**Ибо [хотя] я ничего не знаю за собою**, **-** говорит Павел (1 Кор. 4:4), **- но тем не оправдываюсь**", - и за то, что сделано по неведению и за то, что - сознательно. "**Ибо свидетельствую им, -** говорит апостол (Рим. 10:2), **- что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению**". Однако же, это не оправдывает их. И в послании к Коринфянам: "**Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, [уклонившись] от простоты во Христе**" (2 Кор. 11:3). Тебе нужно будет дать такой строгий отчет, а ты сидишь и смеешься, шутишь и думаешь о забавах? Но скажешь: какая польза, если вместо этого буду плакать? Громадная польза, - такая, что нельзя и выразить словом. На суде человеческом, сколько ни плачь, не избежишь наказания, когда определение сделано; а здесь, если только вздохнешь - и приговор уничтожен, и прощение получено. Вот почему Христос так часто и говорит нам о слезах и называет плачущих блаженными, а смеющихся бедными. Здесь не место смеху, и собрались мы сюда не смеяться, но стенать, и за эти стенания наследовать царствие. Стоя пред земным царем, ты и слегка улыбнуться не смеешь; а где обитает Владыка ангелов, стоишь без трепета и без благоговения, даже смеешься, когда Он много раз прогневан тобою? И не подумаешь, что этим раздражаешь Его больше, нежели грехами? Подлинно, Бог обыкновенно отвращается не столько от грешащих, сколько от тех, которые, учинив грех, не сокрушаются о нем. При всем том некоторые столь бесчувственны, что, несмотря

на сказанное, говорят: лучше мне никогда не плакать, но дай Бог всегда смеяться и играть. Что может быть безрассуднее такой мысли? Не Бог, а дьявол учит играть. Выслушай, что случилось с играющими: “**И сел народ**, **-** говорит Писание, **- есть и пить, а после встал играть**” (Исх. 32:6). Так вели себя содомляне, так вели себя жившие пред потопом. О первых говорит Писание, что они в гордости, и в изобилии, и “**пресыщении и праздности**” (слав. - в сытости хлеба сластолюбствовали) (Иез. 16:49). А жившие при Ное, столько времени видя созидаемый ковчег, беззаботно веселились, нимало не думая о будущем; за это самое всех их и погубил наступивший потоп, и всю вселенную подверг тогда кораблекрушению.

7. Итак, не проси у Бога того, что получается от дьявола. Богу свойственно давать сердце сокрушенное и смиренное, трезвенное, целомудренное и воздержное, кающееся и умиленное. Вот дары Божии, потому что в них мы имеем наибольшую нужду. В самом деле, нам предстоит трудный подвиг, борьба с невидимыми силами, брань с духами злобы, война с началами, со властями; и хорошо, если бы мы, при всем тщании, трезвенности и бдительности, могли устоять против этого свирепого полчища. Если же будем смеяться, играть и всегда предаваться лености, то еще прежде сражения падем от собственной беспечности. Не наше дело постоянно смеяться, забавляться и жить весело; это дело лицедеев, зазорных женщин, и людей на то предназначенных, тунеядцев, льстецов; не званным на небо, не написанным в горнем граде, не приявшим духовное оружие свойственно это, но тем, которые обрекли себя дьяволу. Это он, он самый изобрел такое искусство, чтобы привлекать к себе воинов Христовых, и ослаблять силы их духа. На то и построил он в городах театры и, обучив смехотворов, этою язвою поражает целый город. Чего Павел велел бегать (Еф. 5:4), - я разумею пустословие и шутки, - то дьявол убеждает любить; и что в этом есть самого худшего, то бывает поводом к смеху. Когда представляющие смешное в театре скажут что-либо богохульное и срамное, тогда многие, будучи еще безумнее их, смеются, забавляются этим; за что надлежало бы побить камнями, тому рукоплещут, и за такое удовольствие сами себе готовят огненную пещь. Ведь те, которые хвалят говорящих такие речи, тем самым поощряют их к ним; а потому и наказанию, которое назначено для смехотворцев, справедливее падать на смеющихся, потому что если бы не было ни одного зрителя, то не было бы и действующего. А когда видят, что вы оставляете свою мастерскую, и работу, и то, что могли бы выработать, словом все, только бы провести время в театре, тогда они становятся усерднее, с большим старанием отправляют свое дело. Впрочем, не в извинение их говорю это, но чтобы вас вразумить, что от вас собственно берется начало и корень этого беззакония, от вас, которые тратите на это целый день, подвергаете посмеянию честное супружество, посрамляете великое таинство. Поистине не столько грешит тот, который представляет в театре, сколько в сравнении с ним ты, который заставляешь это делать; и не только заставляешь, но и заботишься о том, радуешься и смеешься, хвалишь представление, всячески пособляешь демонской работе. Скажи мне, какими глазами после будешь смотреть дома на жену, видевши ее опозоренною в театре? Как, не покрасневши, представишь себе супругу, когда ты видел весь пол ее обесчещенным?

8. Не говори мне, что представляемое в театре есть одно лицедейство. Лицедейство это многих сделало прелюбодеями, и многие дома расстроило. О том-то особенно и скорблю, что в этом даже не подозревают худого, но такие развратные представления принимают с рукоплесканиями, с восклицаниями и громким смехом. Итак, скажешь, что все это лицедейство? Но за то самое лицедеи и стоили бы тысячи смертей, что они научились подражать запрещенному всеми законами. Если дело худо, то и подражание ему худо. Не говорю еще о том, сколь многих делают блудниками представляющие эти любодейные зрелища, к какой наглости и бесстыдству приучают они зрителей. Ведь одному только сладострастному и наглому глазу сносно смотреть на эти зрелища. На площади ты не

станешь смотреть на обнаженную женщину, а еще менее дома, - ты оскорбишься таким зрелищем; а в театр идешь, чтобы оскорбить честь и мужеского и женского пола, и осрамить глаза свои. Не говори, что обнажена блудница, потому что один пол и одно тело как у блудницы, так и у благородной женщины. Если в этом нет ничего непристойного, то почему, когда на площади увидишь то же, и сам бежишь прочь, и гонишь от себя бесстыдную? Или когда бываем порознь, тогда это непристойно, а когда соберемся и сидим вместе, тогда уже не позорно? Это смешно и постыдно и означает крайнее безумие. Лучше грязью, или навозом вымарать себе все лицо, чем смотреть на такое беззаконие, потому что для глаза не так вредна грязь, как любострастный взгляд и вид обнаженной женщины. Вспомни, что было причиною наготы в начале, и страшись того, что было виною этой срамоты. Что же произвело наготу? Преслушание и злоумышление дьявола. Таково давнее и первое его старание. Но прародители, по крайней мере, стыдились наготы своей, а вам это нравится, по апостольскому слову: “**Слава их - в сраме**” (Флп. 3:19). Как будет смотреть на тебя жена, когда ты возвратишься с такого беззаконного зрелища? Как примет тебя? Как будет говорить с тобою после того, как ты столь бесчестно посрамил весь женский пол, пленился таким зрелищем, и сделался рабом блудницы? Впрочем, если слово мое огорчит вас, то я много вам за то благодарен: “**Кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною**” (2 Кор. 2:2)? Никогда не переставайте рыдать об этом и терзаться; такая скорбь будет для нас началом исправления. Для того-то я и усилил мое слово, чтоб сделать рану глубже, избавить вас от гниения зараженных членов, и возвратить вам совершенное душевное здравие, которым да наслаждаемся все мы вполне, и да получим награды, определенные нам за такие добрые дела наши, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 7

"И, собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу? Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском" (Матф. 2:4-5).

1. Видишь ли, как все события служат к обличению иудеев? Пока они еще не видали Иисуса Христа, и не были объяты завистью, то свидетельствовали о Нем всю правду. Но как скоро увидали славу Его чудес, то, объятые завистью, изменили, наконец, истине. Но истине все содействовало, и сами враги только более споспешествовали ей. Смотри, насколько чудные и необычайные совершаются здесь дела. Варвары и иудеи взаимно учатся друг от друга, и наставляют друг друга чему-то великому. Иудеи слышат от волхвов, что и в персидской стране звезда проповедала Его (Христа); а волхвы узнают от иудеев, что о Том, Кого проповедала звезда, пророки задолго предвозвестили. Таким образом, вопрос, предложенный волхвами, как для них самих, так и для иудеев, послужил к яснейшему и точнейшему познанию истины. Враги истины невольно принуждены были прочесть слова Писания, и изъяснить пророчество. Впрочем, они изъяснили его не все, потому что, сказав о Вифлееме, что из него произойдет Пастырь Израиля, не присовокупили последующих слов из лести к царю. Какие же это слова? "**Которого происхождение из начала, от дней вечных**" (Мих. 5:2). Но если Ему надлежало произойти оттуда (из Вифлеема), то для чего жил Он, скажешь ты, после рождения в Назарете, и тем затемнил пророчество? Напротив, Он не затемнил, а еще более раскрыл его. Если Он родился в Вифлееме, несмотря на то, что мать Его постоянно жила в Назарете, то очевидно, что дело происходило по особенному устроению. Потому-то и после рождения Он не тотчас оставил Вифлеем, но пробыл там сорок дней, чтобы желающим дать время с точностью все исследовать. Если бы только захотели обратить внимание, то много было побуждений к такому исследованию. По прибытии волхвов, возмутился весь город, а с ним и царь; вызвали пророка, собралось великое судилище. К тому же много произошло и других событий, о которых подробно повествует евангелист

Лука; я разумею известное нам об Анне, Симеоне, Захарии, ангелах и пастырях; все это легко могло побудить внимательных к открытию истины. Если волхвы, пришедшие из Персии, узнали место, то тем более жившие в Иудее могли узнать обо всем случившемся. С самого начала Христос открыл Себя во многих чудесах. Но так как не хотели узнать Его, то Он, скрывшись на несколько времени, после явил Себя другим, славнейшим образом. Тогда уже не волхвы, не звезда, но сам Отец свыше свидетельствовал о Нем, когда Он крестился в струях иорданских, и Святый Дух нисходил вместе с тем гласом на главу крестящегося. Иоанн безбоязненно взывал во всей Иудее, наполняя проповедью о Христе и города и пустыню. И чудеса, и земля, и море, и вся тварь торжественно возвещали о Нем. Подлинно, и при рождении такие были знамения, которые могли показать, что он уже пришел. Иудеи не могут сказать: не знаем, когда и где родился Он! Вся история волхвов и другие упомянутые события так устроены, что иудеи не имеют никакого извинения, когда не хотели исследовать случившегося.

2. Но заметь еще точность в словах пророчества. Пророк не сказал: будет жить в Вифлееме, но: "**произойдет**" (из Вифлеема); пророчество, следовательно, и указывало на то, что Он только родится в Вифлееме. Некоторые же из иудеев с бесстыдством утверждают, будто бы это сказано о Зоровавеле. Но как это могло быть? Его "**происхождение**" не "**из начала, от дней вечных**". Да и можно ли к нему отнести сказанное в начале: "**из тебя произойдет**"? Он родился не в Иудее, а в Вавилоне, потому и Зоровавелем назван, что там родился. Знающие сирийский язык поймут мои слова. Кроме того, что мы сказали, и все последовавшие затем обстоятельства совершенно подтверждают, что это пророчество относится к Иисусу Христу. Что именно сказано? "**Мал ли ты между тысячами Иудиными**", и тут же присовокупляется причина знаменитости места: "**из тебя произойдет**". Это место сделалось известным и знаменитым только через Иисуса Христа. Именно, после Его рождения со всех концов земли приходят видеть ясли и вертеп, что именно предвозвестил и пророк, говоря: "**мал ли ты между тысячами Иудиными**", т. е. между главами племен. В этих словах он заключал и Иерусалим. Но иудеи не обратили на все это никакого внимания, хотя для них это было бы полезно. Потому-то и пророки первоначально говорят не столько о достоинстве Христа, сколько о благодеянии, которое Он оказал иудеям. Так, когда родила Дева, "**наречешь**", говорит ангел, "**имя Ему Иисус**"; и присовокупляет: "**ибо Он спасет людей Своих от грехов их**". И волхвы не говорили: где Сын Божий, но: "**(где есть) родившийся Царь Иудейский**"? Так и здесь не говорится: из тебя произойдет Сын Божий, но: "**должен быть Владыкой в Израиле**". Сначала надлежало говорить с ними сколько можно ближе к мыслям их, чтобы они не соблазнились, и говорить именно об их спасении, чтобы тем лучше привлечь их. Вот почему все, какие сначала и при самом Его рождении произнесены о Нем свидетельства, не раскрывают еще вполне Его величия, не так, как бывшие после явления знамений; последние яснее говорят о Его достоинстве. Так, когда после многих чудес воспели Ему дети, слушай, что говорит тогда пророк: "**из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу**" (Пс. 8:3); и еще: "**когда взираю я на небеса Твои - дело Твоих перстов**" (Пс. 8:4), - что показывает в Нем Творца вселенной. А относящееся к Его вознесению свидетельство показывает равенство Его с Отцом. "**Сказал**", сказано, "**Господь Господу моему: сиди одесную Меня**" (Псал. 109:1). Также Исаия говорит: "**восстающий владеть народами, на Того народы уповать будут**"[1] (Ис. 11:10). Но почему же сказано, что Вифлеем "**ничем не меньше между тысячами**" Иудиными, между тем как эта весь не только в Палестине, но и во всей вселенной сделалась известной? Здесь речь обращена еще к иудеям, потому и присовокупил: "**должен быть Владыкой в Израиле**". Хотя Он пасет всю вселенную, но, как я сказал, не желая оскорбить их, умалчивает о язычниках. Но отчего же, скажешь ты, Он не упас и народа иудейского? Неправда; и это действительно совершилось. Под Израилем здесь Он разумеет уверовавших в Него иудеев что, изъясняя, Павел говорит: "**не все те**

Израильтяне, которые от Израиля; но дети обетования признаются за семя" (Рим. 9:6,8). Если же не всех Он упас, то это их собственная вина. Им бы надлежало вместе с волхвами поклониться и прославить Бога за то, что наступило время оставления их прегрешений (ведь не о суде и не об ответственности их возвещалось им, но о кротком и тихом Пастыре); они же поступают совершенно напротив, возмущаются и возмущают, и устраивают потом бесчисленные козни. "**Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды**" (Матф. 2:7); умышляя убить рожденного; это доказывало не только его ярость, но и крайнее безумие. И то, что было говорено ему, и самые события могли отклонить его от всякого подобного покушения. События совершались не в порядке дел человеческих. Звезда призывает волхвов, иноплеменные мужи предпринимают столь далекое путешествие, чтобы поклониться лежащему в пеленах и в яслях, и пророки наперед еще о нем предвозвещают. Все эти события были более, нежели человеческие. Однако же ничто не удержало Ирода.

3. Такова уже злоба, что она сама себе вредит, и всегда предпринимает невозможное. Смотри, какое безумие! Если Ирод верил пророчеству и почитал его непреложным, то, очевидно, он замышляет дела невозможные. А если он не верил и не думал, чтобы сбылось предречение, то не нужно было ему бояться и страшиться, а потому и строить козни. Итак, в обоих случаях хитрость была излишней. И то уже крайнее безумие, что он думал, будто волхвы предпочтут его родившемуся, для которого они совершили столь дальнее путешествие. Если они, прежде чем увидели Младенца, горели к Нему столь сильной любовью, то, как Ирод мог надеяться, что они согласятся предать ему Младенца после того, как увидели Его, и утвердились в вере пророчеством? И, однако же, несмотря на все эти обстоятельства, которые должны были отвлечь от предпринятого намерения, Ирод не оставляет его: "**тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них**". Он думал, что иудеи дорожат Младенцем, и не предполагал, что они дойдут до такого неистовства, что согласятся предать врагам своего Ходатая и Спасителя, пришедшего для избавления их: потому и призывает волхвов тайно и выведывает не время рождения Младенца, но явления звезды, с хитростью уловляя добычу. Я думаю, что звезда явилась гораздо прежде (рождения), потому что волхвы должны были много времени наперед провести в путешествии, чтобы предстать только что Рожденному; а между тем Христу надлежало принять поклонение в самых пеленах еще, чтобы событие явилось чудесным и необычайным. Потому-то звезда и является гораздо раньше (рождения Христова). Если бы она явилась волхвам на востоке тогда, как уже Христос родился в Палестине, то, пробывши долго в пути, по своем прибытии, они уже не могли бы Его видеть в пеленах. Не нужно удивляться тому, что Ирод избивает младенцев от двух лет и ниже; здесь ярость и страх для вернейшего успеха прибавили и больше времени, чтобы никто не избежал (поражения). Итак, призвав волхвов, говорит: "**пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему**" (Матф. 2:8). Какое безумие! Если ты, Ирод, говоришь это по внушению истины, то для чего вопрошаешь тайно? А если с коварным намерением, то, как не понимаешь, что тайные расспросы твои заставят волхвов подозревать тебя в злом умысле? Но душа, объятая злобой, как я сказал уже, становится совершенно безумной. Он не сказал: пойдите, испытайте о царе, но: о Младенце. Для него несносно было произнести даже имя, означающее власть. А волхвы, по великому благочестию своему, нисколько того не замечали, потому что никак не предполагали, чтоб он дошел до такой злобы и вздумал противоборствовать столь чудному устроению. Ничего подобного не подозревая, но судя по себе и обо всех других, они уходят от него. "**И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними**" (Матф. 2:9). Она скрывалась для того, чтобы они, лишившись путеводителя, принуждены были прибегнуть с вопросами к иудеям, и, таким образом, событие сделалось для всех известным. Когда же они спросили и разведали о Младенце от самих врагов, то звезда им опять является. Смотри, какой здесь прекрасный порядок!

После того, как оставила волхвов звезда, принимают их иудейский народ и царь; приводят пророка, чтобы объяснить явление; а после того опять научает их всему ангел, и они идут из Иерусалима в Вифлеем вслед за звездой. Звезда опять им сопутствовала, - и отсюда ты опять можешь видеть, что звезда эта не была из числа обыкновенных звезд, - нет ни одной звезды, которая имела бы такое свойство. Она не просто шла, но предшествовала им, ведя их как бы за руку среди дня.

4. Но что за нужда, спросишь, была в звезде, когда место сделалось уже известным? Та, чтоб указать и самого Младенца, потому что иначе нельзя было узнать Его, поскольку и дом не был известен, и Мать Его не была славна и знаменита; а потому и нужна была звезда, которая бы привела их прямо к тому месту. Поэтому, по выходе их из Иерусалима, она является им и останавливается не прежде, как уже дошедши до яслей. Здесь чудо присоединяется к чуду. Дивны оба события: и то, что волхвы поклоняются, и то, что их приводит звезда; это должно тронуть и самые каменные сердца. Если бы волхвы сказали, что они слышали об этом предречение пророков, или что объявили им о том ангелы по особенному откровению, то можно было бы еще им и не поверить; но сиянием звезды, явившейся свыше, заграждаются теперь уста и самых бесстыднейших. Далее звезда, достигши Отрока, опять остановилась. И это опять доказывает, что здесь действует сила большая, нежели какая свойственна обыкновенным звездам, т. е., что она то скрывается, то является, и, явившись, останавливается. Отсюда и волхвы еще более утвердились в вере, и возрадовались, что нашли то, чего искали, что сделались провозвестниками истины, что не напрасно предпринимали столь дальний путь. Настолько-то сильна была любовь их к Христу! Звезда, приблизившись, стала над самой головой (Отрока), показывая этим божественное происхождение Его. И остановившись, приводит к поклонению не простых язычников, но самых мудрейших из них. Видишь ли, что звезда не даром явилась? Волхвы, и по выслушивании пророчества, и после того, как услышали изъяснение его от первосвященников и книжников, все еще были внимательны к ней.

Да посрамится Маркион, да посрамится Павел Самосатский, которые не хотели видеть того, что видели волхвы-первенцы Церкви (я не стыжусь так называть их). Да посрамится Маркион, видя, как поклоняются Богу во плоти. Да постыдится Павел, видя, как Христу поклоняются - не просто как человеку. Хотя пелены и ясли показывают, что поклоняются воплощенному, однако же, поклоняются не как простому человеку; это видно из того, что приносят Ему, еще младенцу, такие дары, которые прилично приносить одному только Богу. Да посрамятся вместе с ними и иудеи, которые, видя, что иноплеменники и волхвы предваряют их, не хотели идти даже и вслед за ними. Событие это служило знамением будущего, и с самого начала показывало, что язычники предварят иудеев. Но почему, ты спросишь, после уже, а не сначала, сказано: "**идите, научите все народы**" (Матф. 28:19)? Потому что, как я сказал уже, случившееся тогда было образом и предсказанием будущего. Иудеям следовало придти первым; но так как они добровольно отринули собственно им предложенное благодеяние, то дела получили другой ход. И здесь, ведь, при рождении, волхвам не следовало придти прежде иудеев; жившим в столь дальнем расстоянии не следовало предупредить живущих подле самого города; не слыхавшим ничего не следовало предварить воспитанных среди такого числа пророчеств. Но так как иудеи совершенно не понимали тех благ, которые им принадлежали, то пришедшие из Персии предваряют живущих в Иерусалиме. Так говорит об этом и апостол Павел: "**вам первым надлежало быть проповедану слову Божью, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам**" (Деян. 13:46). Если иудеи и не верили прежде, то, по крайней мере, им надлежало бы идти тогда, как услышали от волхвов; но и того они не хотели сделать. И потому-то во время такого их ослепления волхвы и предваряют их.

5. Последуем же и мы волхвам, и, оставив чуждые (христианству) обычаи, совершим великое путешествие, да и мы узрим Христа. Так как и волхвы не видали бы Его, если бы удалились из своей страны, то и мы будем удаляться земного. Волхвы, доколе были в земле персидской, видели одну звезду; как скоро оттуда удалились, узрели Солнце правды. Но не видать бы им и самой звезды, если бы не поспешили оттуда со всей охотой. Восстанем же и мы; пусть все приходят в смятение, - мы потечем к дому Младенца. Пусть цари, народы, пусть владыки земли преграждают этот путь, - не погасим ревности своей. Только таким образом и можем отстранить предстоящие опасности: ведь и волхвам не избежать бы бедствия со стороны угрожавшего царя, если бы они не увидели Младенца. Прежде, чем узреть Младенца, и страх и опасности и беспокойства отовсюду окружали волхвов; когда же поклонились Младенцу, они стали спокойны и безопасны. И вот уже не звезда, но ангел сопутствует им, так как через поклонение они сделались иереями, и дары принесли. Так и ты, оставив иудейский народ, возмущенный город, кровожадного мучителя, светскую пышность, спеши к Вифлеему, где находится дом хлеба духовного. Пастырь ли ты? Теки туда, и ты в вертепе узришь Младенца. Царь ли ты? Если не пойдешь в храмину, нет тебе никакой пользы от порфиры. Волхв ли ты? И это нисколько не воспрепятствует тебе, если только пойдешь воздать честь и поклониться Сыну Божьему, и не станешь попирать Его. Впрочем, делай это с трепетом и радостью: и то и другое может совместиться. Смотри, не будь Иродом, и подобно ему, сказав: "**чтобы и мне пойти поклониться Ему**" (Матф. 2:8), не замышляй, когда придешь, убить Младенца; ему уподобляются те, кто недостойно приобщается святых тайн. Такой, по слову апостола, "**виновен будет против Тела и Крови Господней**" (1 Кор. 11:27). Такие люди служат скрытому в них самих мамоне, который, будучи гораздо хуже Ирода, ненавидит царство Христово. Желая господствовать над людьми, он посылает своих поклонников, которые наружно поклоняются Христу, а во время поклонения убивают Его. Убоимся показывать себя по наружности покорными поклонниками, а на самом деле быть Его врагами. Кланяясь, повергнем все перед Ним из рук своих. Если есть у нас золото, принесем Ему, а не будем закапывать. Если тогда иноплеменники почтили Его своими дарами, то за кого надобно почесть тебя, когда ты отказываешь требующему твоей помощи? Если они совершили такой великий путь для того, чтоб узреть рожденного, то чем извинишься ты, который не хочешь пройти одной улицы для посещения страждущего и заключенного в узах? Мы милосердствуем о самих врагах наших, когда они в болезни или узах, а ты не чувствуешь сострадания к Благодетелю твоему и Господу. Те принесли золото, а ты едва подаешь хлеба. Те, увидев звезду, возрадовались, а ты не трогаешься, видя самого Христа и странствующего и нагого. Но найдется ли кто-нибудь между вами, хотя один из числа получивших тысячу благодеяний, кто бы предпринимал для Христа такое путешествие, какое совершили эти мудрейшие самых мудрецов варвары? Но что я говорю - такое путешествие? Многие женщины у нас так изнежены, что если не будут привезены на мулах, не хотят пройти и одной улицы для того, чтобы увидеть Христа в духовных яслях? Если же и есть такие, которые могут приходить к Христу, то одни из них предпочитают хлопоты по домашним делам, а другие даже посещение зрелищ хождению в это наше собрание. Варвары, не видав еще Христа, столь великий для Него протекли путь; а ты, и, видев Его, не подражаешь им, но, взглянув, оставляешь Его и спешишь смотреть на шута (я обращаюсь опять к тому же, о чем говорил и прежде) и, видя Христа, лежащего в яслях, бежишь от Него для того, чтобы видеть на сцене женщин. Каких громов и молний не достойны такие поступки!

6. Положим, что кто-нибудь обещался ввести тебя в царские чертоги и показать в них царя: скажи мне, захотел ли бы ты, вместо того смотреть на зрелище, хотя бы от первого и не мог ожидать никакой для себя выгоды? Но здесь - от этой трапезы истекает духовный огненный источник; а ты, оставляя его и убегая на зрелище видеть играющих и подвергающих всеобщему бесславию свой женский пол, не оставляешь ли самого Христа,

Который сидит при этом источнике? Да, Он и ныне сидит при источнике, беседуя не с одной самарянкой, но с целым городом. А быть может, что и теперь говорит одной самарянке, так как нет при Нем и теперь никого; некоторые только телом, а другие и телом не хотят быть при Нем. Но, при всем том, Он не отходит, а стоит, и у нас просит пить, но не воды, а святыни, так как и сам только святым дарует святое. Не воду подает Он нам из этого источника, а кровь живую, которая, будучи образом Его смерти, есть источник нашей жизни. А ты, оставив источник крови, эту страшную чашу, течешь на дьявольский источник смотреть плавающую в нем блудницу, и потопить там свою душу. В этой воде - море любострастия - не тела потопают, а души гибнут. Та плавает с обнаженным телом, а ты, смотря на нее, погружаешься в бездну любострастия. Таковы сети дьявола, что он губит не тех, которые уже погружены в самой воде, но тех, которые, сидя спокойно, смотрят на это, и подвергает потоплению, более ужасному, чем какому подвергся фараон, утонувший некогда с конями и колесницами. И если бы можно было видеть души, то я показал бы вам много утонувших в этих водах, как некогда тела египтян. Но что всего хуже, такую погибель называют увеселением, и бездну погибели источником наслаждения, - хотя безопаснее можно переплыть Эгейское и Тирское море, чем возвратиться с такого зрелища. Во-первых, дьявол всю ночь занимает души ожиданием; потом, показав ожидаемое, тотчас связывает их и делает своими пленниками. Не думай, что ты чист от греха, когда не совокупился с блудницей; ты пожеланием все уже сделал. Подлинно, если ты питаешь похоть, то этим больший возжигаешь пламень. Если же зрелище не производит на тебя никакого впечатления, то тем большего ты достоин осуждения за то, что служишь соблазном для других, поощряя такие зрелища, оскверняешь свой взор, а с взором и душу. Но не ограничимся одним воспрещением; а представим и способ исправления. Какой же это способ? Я хочу отдать вас для научения женам вашим. По закону Павлову, надлежало бы вам быть их учителями; но как грех извратил весь порядок, и туловище стало вверху, а глаза внизу, то и мы уж изберем этот путь. Если же стыдно для тебя иметь учителем жену, убегай от греха, и ты опять получишь вверенную тебе от Бога власть. Но до тех пор, пока будешь беззаконно вести себя, Писание посылает тебя не только к женам, но и к бессловесным самым низким; оно ведь не стыдится одаренного разумом посылать учиться к муравью. Впрочем, не Писание в том виновато, а те, кто сами теряют свое достоинство. То же сделаем и мы: теперь отдадим тебя учиться к жене, если же ты не будешь и ее слушать, то отошлем на поученье к бессловесным животным, и покажем, сколько на земле птиц, рыб, сколько четвероногих животных, сколько пресмыкающихся по земле, которые чище и воздержаннее тебя. Если же ты стыдишься и краснеешь при этом сравнении, возвратись к свойственному тебе благородству, и убегай моря геенского и огненной реки, т. е. купален в театре, потому что они влекут тебя в море похоти и возжигают эту пламенную бездну.

7. Если "**всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней**" (Матф. 5:28), то не гораздо ли чаще делается пленником тот, кто заставляет себя смотреть на нагую? Не столько потоп, бывший во время Ноя, пагубен был для рода человеческого, сколько эти плавающие женщины бесстыднейшим образом губят всех зрителей. Тот, хотя и причинил смерть телу, но зато очищал душу от грехов; а эти производят противное: оставляя тело, они губят душу. Когда речь идет о преимуществе, вы присваиваете себе первое место во всей вселенной, потому что наш город первый облекся христианским именем; а в подвиге целомудрия не стыдитесь уступать и самым последним по образованию городам. Хорошо, скажете вы, - что же нам прикажешь делать? Идти в горы и сделаться монахами? Сожалею, что вы скромность и целомудрие почитаете обязанностью одних монахов, тогда как Христос постановил общие для всех законы. Когда он говорит: "**всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней**", то говорит не к монашествующему, но и к женатому, потому что гора та (на которой Он говорил) покрыта была людьми всякого рода. Содержи же в

уме твоем это зрелище, и возненавидь зрелище дьявольское, и не укоряй меня в том, будто я предложил тебе слово тяжкое. Я не воспрещаю жениться, не препятствую веселиться; но хочу, чтобы это происходило не без целомудрия, не с бесстыдством и бесчисленными пороками. Я не предписываю идти в горы и пустыни, но чтобы ты вел себя честно, скромно, целомудренно, живя среди города. Все законы у нас с монахами общие, кроме брака. А Павел повелевает и брачным во всем уподобляться монахам: "**время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие**" (1 Кор. 7:29). Следовательно, как бы сказал так: я не повелеваю удаляться на верхи гор, хотя желал бы того, потому что города поступают подобно содомлянам, - впрочем, не понуждаю к тому. Пребывай дома с детьми и женой; только не бесчесть жены, не соблазняй детей, и не вноси заразы со зрелищ в дом твой. Слышишь ли, что говорит Павел: "**муж не властен над своим телом, но жена**" (1 Кор. 7:4)? Он обоим полагает общий закон. Но ты, когда жена твоя часто ходит в церковь, жестоко за то обвиняешь ее; а сам, проводя целые дни на зрелищах, не считаешь себя достойным обвинения. Ты о целомудрии жены печешься даже до излишества и чрезмерности, так что не позволяешь ей необходимых выходов, а для себя все почитаешь позволенным. Но этого не позволяет тебе Павел, который дал ту же власть и жене: "**жене**", говорит он, "**муж должное благорасположение оказывает**" (1 Кор. 7:3). Но что это за честь, когда ты обижаешь ее в главнейшем, когда отдаешь тело, принадлежащее ей, блудницам (ведь тело твое ей принадлежит)? Какая честь, когда вносишь в дом возмущения и ссоры, когда то на площади делаешь, о чем рассказывая дома, стыдишь слушающую жену, заставляешь краснеть предстоящую дочь, а прежде них себя самого? Лучше бы уже молчать, нежели бесстыдно говорить о том, за что и рабов надобно наказывать. Чем извинишься, - скажи мне, - в том, что смотришь с великим вниманием на то, о чем неприлично и говорить, - предпочитаешь всему то, чего нельзя терпеть в рассказе? Но довольно; чтобы не отяготить вас, я кончу здесь слово мое. Впрочем, если вы останетесь при прежнем, то изощрю меч мой, нанесу глубочайшую рану, - и не успокоюсь дотоле, пока, рассеяв дьявольское зрелище, очищу общество, составляющее Церковь. Таким только образом мы избавимся и от настоящего срама, и сподобимся жизни будущей, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Синодальный перевод значительно отличается.

БЕСЕДА 8

"И, войдя в дом, увидели Младенца с Марией, Матерью Его, и, пав, поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну" (Матф. 2:11).

1. Как же говорит Лука, что Младенец положен был в яслях? Потому что родившая тотчас положила Его там. По причине множества собравшихся для переписи, нельзя было найти дома, на что и указывает Лука, говоря: "**положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице**" (Лук. 2:7). Но после она взяла Его и держала на коленях. Она вскоре, по прибытии в Вифлеем, разрешилась от бремени. Итак, ты и отсюда можешь видеть все домостроительство, и что все это не просто и не по случаю происходило, но по божественному промышлению, и исполнялось вследствие пророчества. Но что заставило волхвов поклониться, когда ни Дева не была знаменита, ни дом не был великолепен, да и во всей наружности ничего не было такого, что бы могло поразить и привлечь их? А между тем, они не только поклоняются, но и, открывши сокровища свои, приносят дары, и

дары не как человеку, но как Богу, потому что ливан и смирна были символом такого поклонения. Итак, что их побудило и заставило выйти из дому и решиться на столь дальний путь? Звезда и божественное озарение их мысли, мало-помалу возводившее их к совершеннейшему ведению. Иначе они не оказали бы Ему такой чести, при столь маловажных по всему обстоятельствах. Для чувств не было ничего там великого, были только ясли, хижина и бедная матерь, чтобы ты открыто видел отсюда любомудрие волхвов, и познал, что они приступали не как к простому человеку, но как к Богу и благодетелю. Потому-то они и не соблазнялись ничем видимым и внешним, но покланялись и приносили дары, не похожие на грубые (приношения) иудейские; приносили (в жертву) не овец и тельцов, но, как бы были истинные христиане, принесли Ему познание, послушание и любовь. "**Получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою**" (Матф. 2:12). Смотри и отсюда, какова вера их, - как они не соблазнились, но были благопослушны, благоразумны! Не смущаются, не размышляют в самих себе, говоря: если этот младенец действительно велик, и имеет какую-либо силу, то для чего нам бежать и тайно удаляться, и для чего ангел высылает нас из города, как рабов и беглецов, тогда как мы пришли явно и с дерзновением предстали перед таким множеством народа и перед царем неистовым? Ничего подобного они и не говорили, и не думали, а это-то и есть особенное дело веры, - не изыскивать причин того, чего не велят делать, но только покоряться повелениям. "**Когда же они отошли, - се, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет**" (Матф. 2:13). Здесь можно иметь некоторое недоумение и касательно волхвов и младенца. Пусть сами они и не пришли в смущение, а все приняли с верой: однако, мы должны исследовать, почему и волхвы и Младенец не остаются в прежнем месте, но волхвы удаляются в Персию, а Младенец с матерью бежит в Египет? Что же? Неужели Младенцу должно было впасть в руки Ирода, и, впавши, не подвергнуться смерти? Но тогда могли бы усомниться в том, что Он принял плоть, и не поверить величию домостроительства. Если и после этих и многих других человеческих действий, некоторые осмелились назвать восприятие плоти басней, то до какой глубины нечестия не ниспали бы они, если бы Он везде действовал так, как прилично Богу и Его могуществу? Что же касается волхвов, то Бог вскоре высылает их, частью потому, что Он посылает их учителями в страну персидскую, а частью - предотвращает неистовство тирана, чтобы этим вразумить его, что он предпринимает невозможное, и чтобы угасить его ярость, и отвести его от этого тщетного труда. Могуществу Божьему свойственно не только открыто преодолевать врагов Своих, но и без затруднения попускать им впадать в заблуждение. Так именно Он попустил, например, иудеям ввести в заблуждение египтян, и, имея право открыто отдать богатство их в руки евреев, повелевает сделать это тайно и с лестью, - что не менее других знамений сделало Его страшным для врагов.

2. Так и жители Аскалона и прочих городов, когда взяли ковчег завета, и, будучи поражены, увещевали своих сограждан - не враждовать и не сопротивляться, то наряду с другими чудесами представляли и вышеуказанное, говоря: "**для чего вам ожесточать сердце ваше, как ожесточили сердце свое Египтяне и фараон? вот, когда Господь показал силу Свою над ними, то они отпустили**" народ Его "**и те пошли**" (1 Цар. 6:6)? Говорили же они так потому, что, по их мнению, и это дело Божье, не менее других, открыто совершившихся знамений, доказывало силу и величие Божье. Так и здесь, того, что случилось, довольно было, чтобы привести в ужас тирана. Представь, в самом деле, сколько должен был страдать и мучиться Ирод, обманутый и осмеянный от волхвов? Что же из того, если он не сделался лучшим? В том виновен не Тот, Кто устроил это, а чрезмерное ослепление того, кто не внимал данным ему достаточным внушениям - отстать от лукавства, а ожесточался еще более, чтобы за таковое безумие подвергнуться тягчайшему наказанию. Но для чего, скажешь, Младенец посылается в Египет? Главную причину показал сам евангелист, говоря: "**да сбудется предреченное: из Египта вызвал**

сына Моего" (Ос. 11:1); а вместе с тем и предвозвещались уже начатки благих надежд всей вселенной. Так как Вавилон и Египет более всей земли были разжигаемы огнем нечестия, то Господь, показывая в самом начале, что Он исправит и сделает лучшими жителей обеих стран, и через то уверяя, что следует ожидать благ и для всей вселенной, посылает волхвов в Вавилон, а сам с матерью приходит в Египет. Кроме того, мы узнаем отсюда и нечто другое, что немало споспешествует к нашему любомудрию. Что же именно? То, что мы с самого начала должны ожидать искушений и наветов. В самом деле, смотри, как все это начинается тотчас от самых пелен. Лишь только Христос родился, и тиран неистовствует, и приключается бегство в чужие земли, и вовсе невинная мать убегает в страну варваров. После этого и ты, удостоившись послужить какому-нибудь духовному делу, если будешь претерпевать жесточайшие напасти и подвергаться бесчисленным бедствиям, не должен смущаться и говорить: что это значит? Когда я исполняю волю Господню, то мне следовало бы быть увенчанным и прославленным, светлым и знаменитым. Но, имея пример Христа, переноси все мужественно, зная, что с духовными людьми так и должно особенно быть, и что их удел - отовсюду подвергаться искушениям. Смотри, что совершается не только над матерью и отроком, но и над волхвами: и они тайно удаляются, подобно беглецам, и сама мать, никогда не отходившая от своего дома, получает повеление отправиться в далекий и прискорбный путь, по причине этого чудного отрока и духовных мук рождения. Вот еще что удивительно: Палестина строит для Него ковы, а Египет Его принимает и спасает от наветов! Таким образом сбывались прообразования не только на детях патриарха, но и на самом Владыке: тогдашними Его делами предвозвещены были многие из последующих событий, каково, например, событие касательно осленка и жеребенка. Явившийся ангел беседует не с Марией, а с Иосифом. И что он говорит ему? "**Встань, возьми Младенца и Матерь Его**". Здесь он уже не говорит: "**жену свою**", но – "**матерь Его**". Так как рождение совершилось, сомнение кончилось, и муж был убежден, то ангел уже открыто беседует с ним, не называя ни Младенца, ни жену его, но: "**возьми**" говорит, "**Младенца и Матерь Его и беги в Египет**", и показывает причину бегства: "**ибо хочет**", говорит он, "**Ирод искать**" душу "**Младенца**".

3. Иосиф, услышав это, не соблазнился и не сказал: что это за странность? Ты прежде говорил, что Он спасет народ Свой, а теперь Он даже и Себя не спасает, и нам нужно бежать, удалиться и переселиться в отдаленную страну? Это противоречит тому, что обещано. Но он ничего такого не говорит, потому что он был муж верный; не любопытствует даже о времени возвращения, о котором и ангел не сказал определенно: "**будь там, доколе не скажу тебе**". Он и этим не огорчился, но, будучи готов терпеть все, с радостью оказал покорность и послушание. И человеколюбец Бог эти скорби его растворил радостью, как и обычно Он поступает со всеми святыми, не попуская им быть и в непрестанных опасностях, и не оставляя их в совершенном покое, но устраивая жизнь праведных из совокупления того и другого. Так и здесь Он устроил. Смотри: Иосиф видел, что Дева имела в чреве; это повергло его в смущение и крайнее беспокойство, потому что он подозревал Деву в прелюбодействе. Но тотчас предстал ангел, уничтожил подозрение, и рассеял страх, и Иосиф, видя родившегося Младенца, объят был величайшей радостью. Снова эту радость сменяет немалая скорбь. Город возмущается, царь беснуется и ищет родившегося. Но за этим беспокойством последовала новая радость - звезда и поклонение волхвов. После этой отрады опять страх и опасность, сказано, что Ирод ищет душу Младенца, - и опять ангел велит бежать и переселиться ему, как свойственно человеку, потому что не настало время творить чудеса. Если бы Господь с первого Своего возраста начал творить чудеса, то Его не стали бы признавать человеком. Потому и храм не просто зиждется, но происходит чревоношение в продолжение обыкновенного девятимесячного времени; потом болезни и рождение, и питание молоком, и продолжительный покой, и ожидание возраста, приличного мужам, - и все это для того,

чтобы сделать более удобовразумительным таинство домостроительства. Для чего же, скажешь, были сначала и эти знамения? Для матери, для Иосифа, для Симеона, близкого уже к кончине, для пастырей, для волхвов, для иудеев. Если бы и они захотели тщательнее вникнуть в тогдашние события, то немалую бы от этого приобрели пользу на будущее время. Если пророки не говорят о волхвах, то не смущайся; не все они предрекли, как и не обо всем умолчали. Если бы люди были свидетелями совершившихся происшествий, о которых вовсе прежде не слыхали, то это повергло бы их в большое смущение и недоумение; подобным образом, если бы они узнали все прежде, то ничто бы уже не возбуждало их к исследованию, не оставалось бы ничего делать евангелистам. Если же иудеи и недоумевают касательно пророчества: "**из Египта вызвал Сына Моего**", как будто бы это о них сказано, то мы им отвечаем, что пророчества, между прочим, имеют и такое свойство, что многое, сказанное об одних, исполняется и на других. Так, например, о Симеоне и Левии сказано: "**разделю их в Иакове и рассею их в Израиле**" (Быт. 49:7); между тем это сбылось не на них, а на их потомках, точно также и сказанное Ноем о Ханаане сбылось на гаваонитянах, внуках Ханаана. Тоже сбылось и на Иакове, как мы видим; данное ему благословение: "**будь господином над братьями твоими, и да поклонятся тебе сыны матери твоей**" (Быт. 27:29), исполнилось не над ним (даже и как могло это быть, когда сам Иаков страшился и ужасался брата своего, и многократно ему кланялся?), но над его потомками. Тоже должно сказать и в настоящем случае (о Христе). Кого вернее назвать можно Сыном Божьим? Того ли, кто покланяется тельцу, или служил Веельфегору и приносил детей в жертву бесам, или Того, кто по естеству Сын, и чтит Родившего? Итак, если бы Христос не пришел, то пророчество не получило бы надлежащего исполнения.

4. Смотри, как и евангелист намекает на то, говоря: "**да сбудется**", и, показывая, что это не исполнилось бы, если бы не пришел Сын Божий. Это и на Деву проливает немалый свет и славу. То, чем весь народ (иудейский) хвалился, уже и она могла себе усвоить. То, чем иудеи непомерно хвалились и величались, говоря о своем возвращении из Египта (на что намекает и пророк, говоря: не иноплеменников ли Я вывел из Каппадокии, и ассириян из рова[1] (Амос. 9:7), составляет также преимущество и Девы. Лучше же сказать, и народ и патриарх, своим приходом в Египет и возвращением оттуда, представляли образ возвращения Христова. И они шли в Египет, убегая от голодной смерти, и Христос - избегая смерти, приготовляемой коварством; но они, придя туда, избавились от голода, Христос же, придя туда, освятил всю страну Своим пришествием. Итак, смотри, как сила Божия открывается среди уничижений! Ангел, сказав: "**беги в Египет**", не обещался им сопутствовать, ни туда, ни оттуда, - чтобы тем вразумить, что они имеют великого спутника - рожденный Младенец, Который явлением Своим и все вещи изменяет, и самих врагов заставляет во многом послужить домостроительству спасения. В самом деле, волхвы и варвары, оставив злочестие отцов своих, приходят Ему поклониться. Августово определение о переписи оказывается случаем к рождению Христову в Вифлееме. Египет приемлет и блюдет Его в бегстве от наветов, и получает, таким образом, случай сделать Его близким себе, - чтобы, когда услышит апостольскую проповедь о Нем, мог похвалиться тем, что он первый принял Его.

Эта честь принадлежала одной Палестине; но Египет оказался ревностнее последней. И ныне, если ты придешь в Египетскую пустыню, увидишь, что пустыня, эта лучше всякого рая; увидишь там в образе человеческом бесчисленные лики ангелов, сонмы мучеников, собрания дев; увидишь, что все тиранство дьявольское ниспровергнуто, а царство Христово сияет; увидишь, что Египет, некогда отец и стихотворцев, и мудрецов, и волхвов, изобретший все виды волхвования и предавший их другим, теперь уже красуется рыбарями, и, презирая все прежнее, всюду славит мытаря и скинотворца, и хвалится крестом. И это совершается не только в городах, но даже гораздо более в пустынях,

нежели в городах. По всей этой стране можно видеть Христово воинство, и царственное стадо, и образ жизни, свойственный горним силам. И это ты найдешь там не только среди мужей, но и среди женщин: и они любомудрствуют не меньше мужей. Они не берут щитов, не садятся на коней, как повелевают славные греческие законодатели и философы, но вступают в иную, гораздо труднейшую брань. У них, как и у мужей, идет брань с дьяволом и властями тьмы, и в этой брани естественная слабость пола ничуть не служит им препятствием, потому что успех таких браней зависит не от естества тел, а от произволения души. Потому и жены часто превосходили своими подвигами мужей, и воздвигали славнейшие знамения победы. Не так светло небо, испещренное сонмом звезд, как Египетская пустыня, являющая там повсюду иноческие кущи.

5. Кто знает древний Египет, богоборный и беснующийся, раба кошек, страшившегося и трепетавшего перед огородным луком, тот вполне уверится в силе Христовой. Впрочем, нам не нужно особенно прибегать к древним сказаниям, потому что и доныне еще сохраняются остатки неразумия, свидетельствующие о прежде бывшем безумии. И, однако, все те, которые прежде доходили до такого безумия, ныне уже любомудрствуют о небе и о небесных вещах, смеются над отеческими обычаями, горюют о своих прародителях и ни во что ставят своих мудрецов. Они самым делом узнали, что учение их мудрецов представляет лишь болтовню безумных старух, и что, напротив, истинная и достойная небес премудрость есть та, которая им проповедана рыбарями. Вот почему они, со всей тщательностью сохраняя учение, особенно стараются оправдать его своей жизнью. Отрекшись от всех стяжаний и распявшись всему миру, они идут еще далее, употребляя свои телесные силы в пользу нищих. Несмотря на пост и бодрствование, они не хотят быть праздными даже и в продолжение дня; но, проводя ночи в священных песнях и бдениях, дни проводят в молитвах и вместе в рукоделии, подражая апостольской ревности. Если апостол, рассуждают они, когда устремляла на него взоры вся вселенная, трудился, работал, занимался ремеслом, и проводил без сна целые ночи в таковых подвигах для пропитания неимущих, - то тем более нам, живущим в пустыне и удалившимся от всякого городского шума, часы спокойного досуга должно употреблять на духовное делание. Итак, должно стыдиться всем нам, и богатым и бедным, когда они, решительно ничего не имея кроме рук, всеми силами стараются трудиться для того, чтобы неимущие обрели от их трудов прибыток, а мы и при бесчисленном нашем имении жалеем употребить в пособие неимущим даже наших избытков. Какой мы дадим ответ, скажи мне? Чем извинимся? Подумай, как эти аскеты были прежде любостяжательны и вместе с другими пороками угождали чреву? Там были котлы мяса, о которых вспоминали иудеи, там было великое чревонеистовство; и, однако, лишь только захотели, тотчас изменились, и, приняв огонь Христов, устремились к небу. Прежде они были всех невоздержаннее и склонны к гневу и сладострастию, а ныне уже кротостью, бесстрастием и прочими добродетелями подражают силам бестелесным. Кто был в этой стране, тот согласится с тем, что я говорю.

А если кто никогда не входил в те кущи, тот пусть вспомнит, что Египет произвел славнейшего после апостолов мужа, блаженного и великого Антония, о котором все доныне говорят непрестанно, и пусть поразмыслит, что и он был в той же стране, где и фараон. И, однако, эта страна нисколько не послужила ему во вред, а еще он сподобился и божественного созерцания, и вел такую жизнь, какой требуют Христовы законы. В этом уверится всякий, кто прочтет со вниманием книгу, содержащую повествование о его жизни, в которой найдет и многие пророчества. Так он предсказал и о зараженных Ариевым зловерием, и о вреде, который имел от них произойти. Тогда Бог все ему показал, и будущее представил перед его очами. И то обстоятельство, что ни одна из ересей не имеет подобного мужа, служит, наряду с прочим, величайшим доказательством истины нашего учения. Но чтобы не рассказывать вам об этом, прочитайте сами то, что

написано в его книге, узнайте все подробно, и научитесь из нее многому любомудрию. Только, прошу вас, чтобы вы не ограничивались одним чтением, а старались и самым делом подражать тому, что написано, не извиняясь ни местом, ни воспитанием, ни нечестием предков. Если мы решимся обратить на себя должное внимание, то ничто подобное не послужит нам препятствием. И Авраам имел нечестивого отца, но не наследовал его беззакония; и Езекия был сын Ахаза, но сделался другом Божьим; и Иосиф жил в Египте, и украсился венцом целомудрия; и три отрока, живя в Вавилоне, в царском доме, при роскошнейшей трапезе, показали величайшую мудрость. И Моисей был в Египте, и Павел в миру; но никому из них ничто не послужило препятствием в подвигах добродетели. Так и мы, помышляя обо всем этом, бросим неуместные отговорки и предлоги, и решимся на добродетельные подвиги. Тогда мы привлечем к себе и большую божественную любовь, и умолим Господа споспешествовать подвигам нашим, и сподобимся вечных благ, которые и да получим все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Синодальный перевод: "**Не Я ли вывел Израиля из земли Египетской и Филистимлян - из Кафтора**".

БЕСЕДА 9

"Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался, и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов" (Матф. 2:16).

1. Без сомнения, Ироду следовало не гневаться, но возыметь страх, смириться и познать, что он предпринимает дело невозможное; однако же, он не смиряется. Когда душа бесчувственна и неизлечима, она не принимает никакого врачевания, даруемого Богом. Смотри, как Ирод снова подвизается в прежних делах своих, прилагает убийство к убийству, и безумствует. Объятый гневом и завистью, как некоторым демоном, он ни на что не смотрит, неистовствует над самой природой, и гнев свой, возбужденный посмеявшимися над ним волхвами, изливает на неповинных младенцев, и, таким образом, совершает теперь в Палестине злодеяние, подобное бывшему некогда в Египте: "**послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов**" (Матф. 2:16). Будьте здесь внимательны к словам моим. Многие очень неразумно судят об этих детях, и возмущаются несправедливостью их избиения, причем одни выражают свои сомнения довольно скромно, а другие с большой дерзостью. Итак, чтобы остановить дерзость одних, и разрешить сомнение других, выслушайте с терпением краткое мое размышление об этом предмете. Если порицают то, что избиение детей попущено Промыслом, то пусть порицают его и за смерть воинов, которые стерегли Петра. Как здесь, после бегства Отрока, избиваются другие дети вместо искомого, так и там, когда ангел освободил Петра от темницы и уз, точно такой же - и по имени и по нравам - тиран, не найдя Павла, вместо него предал смерти стерегших его воинов. Но что это, скажешь ты? Это не решение, а только усложнение вопроса. Я и сам это знаю; но для того и предлагаю это, чтобы на все такого рода вопросы дать одно решение. Итак, в чем состоит это решение? Какое можно дать решение удовлетворительнее того, что не Христос был причиной смерти детей, но жестокость царя; равно и не Петр был причиной смерти воинов, но безумие Ирода? В самом деле, если бы этот последний нашел подрытую стену, или разломанные двери,

тогда он, пожалуй, имел бы право винить в беспечности воинов, стерегших апостола. Но раз все оставалось в надлежащем порядке, - и двери были заперты, и оковы остались на руках стражей (ведь они были связаны вместе с Петром), то он мог бы без сомнения заключить отсюда, если бы только здраво рассудить мог о происшедшем, что это не есть дело силы человеческой, или какого-либо обмана, а дело божественной и чудодейственной силы, и благоговеть перед Сделавшим это, а не восставать на стражей. Для того все это Бог и совершил таким образом, чтобы не только не подвергнуть наказанию стражей, но чтобы через них и самого царя привести к истине. Если ж он оказался нечувствительным, то разве небрежность больного падает на премудрого Врача душ, Который все употребил для его блага? То же самое можно сказать и здесь. Для чего ты, Ирод, будучи поруган волхвами, разгневался? Или ты не знал, что рождение было божественное? Не ты ли призвал архиереев? Не ты ли собирал книжников? Не приводили ли призванные с собой перед твое судилище и пророка, давно уже о том предсказавшего? Не видел ли ты, что древнее согласно с новым? Не слышал ли, что и звезда служила волхвам? Не устыдился ли ты ревности варваров? Не удивлялся ли их дерзновению? Не ужаснулся ли пророческой истины? Не мог ли заключить от прошедшего к последующему. После всего этого, почему же ты не размыслил, что это произведено не обманом волхвов, но силой Божьей, которая все устраивает надлежащим образом? Но если ты и обманут волхвами, то чем же виноваты дети, нимало тебя не оскорбившие?

2. Все это так, скажешь ты; но, показав ясно, сколь не извинителен и кровожаден был Ирод, ты не разрешил еще вопроса о несправедливости самого события. Пусть он действовал несправедливо, - но почему, скажешь ты, Бог попустил это? Что же нам ответить на этот вопрос? Укажу вам на то самое правило, о котором я непрестанно говорю и в церкви, и на торжище, и во всяком месте, - правило, которое, - желаю я, - чтобы и вы тщательно соблюдали, поскольку оно дает нам решение на все подобные недоумения. Что же это за правило? В чем оно заключается? То, что обижающих много, а обижаемого нет ни одного. Чтобы такой загадкой не смутить вас еще более, я сейчас же и разрешу ее. Обиды, несправедливо претерпеваемые нами от кого бы то ни было, Бог вменяет нам или в отпущение грехов, или в воздаяние награды. Чтобы мои слова были понятнее, я объясню их примером. Положим, что какой-нибудь раб должен своему господину большую сумму денег; допустим далее, что этот раб обижен бесчестными людьми, и какая-нибудь часть его имения отнята. Итак, если бы этот господин, имея возможность удержать похитителя и лихоимца, вместо того, чтобы возвратить рабу похищенные у него деньги, зачел их за долг свой, то обижен ли был бы раб? Никак. А что если бы господин отдал ему еще более похищенного? Не приобрел ли бы он еще более чем потерял. Это для всех очевидно. Точно также и мы должны думать и о своих страданиях: этими страданиями мы или заглаживаем наши грехи, или же, если не имеем грехов, получаем за них блистательнейшие венцы. Послушай, что говорит Павел о блуднике: "**предать сатане в изможднение плоти, чтобы дух был спасен**" (1 Кор. 5:5). Но к чему это, скажешь? Речь идет об обижаемых другими, а не о тех, которых исправляют учители. На самом деле, однако, здесь нет никакого различия, потому что у нас вопрос был о том, действительно ли в страданиях нет обиды страждущему? Но чтобы более приблизить слово к предмету нашего исследования, напомним о Давиде, который, видя Семея, нападавшего на него, издевавшегося над его несчастьем и осыпавшего его бесчисленными ругательствами, удержал военачальников, хотевших убить его, говоря: "**оставьте его, пусть злословит**", дабы видел "**Господь смирение мое, и**" возвратил "**благостью за теперешнее злословие**" (2 Цар. 16:11-12). И в Псалмах воспевая, сказал: "**посмотри на врагов моих, как много их, и какой лютой ненавистью они ненавидят меня, и прости все грехи мои**" (Псал. 24:18-18). И Лазарь достиг покоя потому, что в настоящей жизни претерпевал бесчисленные бедствия. Итак, те, которые кажутся обиженными, не обижены на самом деле, если только все несчастья переносят с мужеством; напротив, еще более

приобретают, получают ли удары от самого Бога, или от дьявола. Но какой грех имели младенцы, скажешь ты, который должны были смыть своей кровью? Вышесказанное справедливо ведь можно применять только к людям возрастным, которые много согрешили; но те, которые претерпели столь безвременную смерть, какие грехи загладили своими страданиями? Но разве ты не слышал сказанного мной, что если нет грехов, то за здешние страдания там воздается награда? Итак, какой урон понесли дети, умерщвленные по такой причине и скоро достигшие покойной пристани? Ты скажешь, что они совершили бы многие, а может быть, и великие дела, если бы продолжилась их жизнь. Но Бог не малую предлагает им награду за то, что они лишились жизни по такой причине; иначе Он и не попустил бы ранней их смерти, если бы они могли сделаться великими. Если уже Бог с таким долготерпением попускает жить и тем, которые всю жизнь проводят во зле, то тем более не попустил бы умереть так этим детям, если бы предвидел, что они совершат что-либо великое.

3. Таковы наши основания; впрочем, это не все, но есть и другие сокровеннейшие, которые совершенно знает только Сам устраивающий это. Итак, предоставив Ему совершеннейшее ведение об этом, обратим внимание на последующее, и из несчастий других научимся все переносить мужественно. Подлинно, немалые скорби постигли Вифлеем, когда детей отторгали от сосцов матерей, и предавали неправедной смерти. Если же ты еще малодушествуешь и не в силах возвыситься до такого любомудрия, то узнай конец того, кто дерзнул на такое злодеяние, и немного успокойся. В самом деле, суд весьма скоро постиг Ирода за его поступок, и он за свое злодейство был достойно наказан: он кончил жизнь тяжкой смертью, и даже более жалкой, чем та, на которую он осудил младенцев, потерпев при этом бесчисленное множество и других страданий. Об этом вы можете узнать из истории Иосифа, которую передавать здесь мы не считаем нужным - с одной стороны, чтобы не удлинить нашего слова, с другой - чтобы не прерывать порядка. "**Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет**" (Матф. 2:17-18). Так как евангелист повествованием об этом насильственном, несправедливом, лютом и беззаконном избиении исполнил ужасом слушателя, то он же и утешает его, говоря, что это не потому случилось, чтобы Бог не мог воспрепятствовать, или не предвидел этого, но что Он предвидел и предвозвестил об этом устами пророка. Итак, не смущайся и не падай духом, когда взираешь на Его неизреченный Промысел, который ясно можно усматривать как в Его действии, так и в попущении. Это самое и Христос дал разуметь ученикам, когда однажды, в беседе с ними, предвозвестив им о судилищах, узах, о вражде всей вселенной и о непримиримой брани, сказал для их воодушевления и утешения: "**не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего**" (Матф. 10:29). Этими словами Он хотел показать, что без Его ведома ничего не бывает, но что Он знает все, хотя и не делает всего. Поэтому, говорит, не смущайтесь и не бойтесь. Если Тот, Кто знает ваши страдания и может отвратить их, однако же, не отвращает, то без сомнения потому, что промышляет и печется о вас. Так должны мы рассуждать и в собственных искушениях, и мы отсюда получим немалое утешение. "**Рахиль**", сказано, "**плачет о детях своих**". Но, - скажет кто-нибудь, может быть, - что общего имеет Рахиль с Вифлеемом? Что так же Рама имеет общего с Рахилью? Рахиль была мать Вениаминова, и по смерти погребена на пути ипподрома (Быт. 35:19) близ Рамы. Итак, поскольку и гроб ее был близ Рамы, и это место досталось в удел Вениамину, сыну ее (Рама была в колене Вениамина), то и по родоначальнику, и по месту погребения евангелист справедливо называет избитых детей - детьми Рахили. Потом, показывая, что приключившееся горе было тяжко и неутешно, - говорит: "**не хочет утешиться, ибо их нет**". И отсюда мы научаемся опять тому же, о чем я выше говорил, именно - что не должно смущаться, когда обстоятельства кажутся несообразными с обетованием Божьим. Смотри вот, какое было

начало, когда пришел Господь для спасения Своего народа, или лучше - для спасения всей вселенной. Мать бежит, отец подвергается несносным страданиям, совершается убийство, всех убийств тягчайшее; всюду плач, рыдание и вопль многий. Но не смущайся! Господь, в яснейшее доказательство Своей силы, обыкновенно исполняет Свои намерения средствами, всегда противоположными. Так и учеников Своих Он воздвиг, научил и предуготовил ко всяким подвигам, совершая это ради большего чуда средствами противоположными. Потому и они, будучи истязаемы, гонимы и претерпевая бесчисленные бедствия, остались победителями над теми, которые истязали и гнали их. "**По смерти же Ирода, - се, Ангел Господень во сне является Иосифу в Египте и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву**" (Матф. 2:19-20). Теперь уже не говорит: беги, но – "**иди**".

4. Видишь ли, как за искушением опять следует покой, а за покоем опять опасность? Кончилось его изгнание; он возвратился в свою страну, и узнал о смерти избившего младенцев; но, вступив в отечественную землю, он еще находит остатки прежних опасностей, находит в живых - и на престоле - сына тирана. Но как мог царствовать в Иудее Архелай, когда Понтийский Пилат был игемоном? Ирод только что умер и царство еще не разделилось на части, а так как тотчас по смерти Ирода власть принял вместо отца сын его, а между тем брат Архелая звался также Иродом, то евангелист и присоединил: "**вместо Ирода отца своего**". Но, скажешь ты, если Иосиф убоялся идти в Иудею по причине Архелая, то ему следовало бояться и Галилеи по причине Ирода. Нет; с переменой места жительства дело уже было скрыто. Все нападение было на Вифлеем и его пределы, и раз уже совершено было избиение, то Архелай сын Иродов думал, что все уже кончилось, и что между многими убит и Тот, Кого искали. Притом же, может быть, видя такой конец жизни отца своего, он боялся простираться далее и еще упорствовать в беззаконии. Таким образом, Иосиф приходит в Назарет, как во избежание опасности, так и по желанию жить в отечестве. Для большого же ободрения получает об этом извещение и от ангела. Между тем святой Лука не говорит, чтобы Иосиф пошел в Назарет вследствие такого извещения; по его словам, Иосиф и Мария возвратились в Назарет, исполнивши все по закону очищения. Что ж на это сказать? То, что святой Лука говорит это, повествуя о времени до путешествия в Египет. Ангел, конечно, не повел бы их туда прежде очищения, чтобы не было никакого нарушения закона; он ожидал, пока совершится это очищение и они пойдут в Назарет, а тогда уже велел идти в Египет. Затем, когда они возвратились оттуда, - повелевает им идти в Назарет; в первый же раз они шли туда не по внушению ангела, а делали это сами собой, из любви к отчизне. Так как они ходили в Вифлеем только по причине переписи, и не имели даже места, где бы остановиться, то, кончивши дело, за которым приходили, возвратились в Назарет. Итак, ангел возвращает их в дом и успокаивает на будущее время. И это случилось не просто, а по пророчеству. "**Да сбудется**", говорит евангелист, "**реченное через пророков, что Он Назореем наречется**" (Матф. 2:23).

Какой пророк сказал это, не любопытствуй слишком и не исследуй. Как можно видеть из истории Паралипоменон, пророческих книг много пропало. Иудеи, будучи нерадивы и часто впадая в нечестие, иным попустили затеряться, иные и сами сожгли и изорвали. Об одном говорит Иеремия, о другом писатель четвертой книги Царств, сообщая, что после долгого времени едва нашли где-то закопанное и затерянное Второзаконие. Если же иудеи так нерадели о священных книгах, когда не было еще врагов, то тем более - при нашествии неприятелей. Впрочем, соответственно предречению пророков, и апостолы часто называют Христа Назореем. Но не затемняло ли это, скажешь, пророчества о Вифлееме? Нет. Напротив, это-то особенно и побуждало к тщательному исследованию того, что было сказано о Нем. Так и Нафанаил начинает свое исследование о Нем словами: "**из Назарета может ли быть что доброе**" (Иоан. 1:46)? Действительно, Назарет

был место не важное; да и не только он, но и вся область Галилейская. Потому и фарисеи говорили: "**рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк**" (Иоан. 7:52). И однако, Господь не стыдится называться по имени этого места, показывая тем, что Он не имеет нужды ни в чем человеческом; также и учеников Своих выбирает из Галилеи, уничтожая тем всякие отговорки людей ленивых и показывая, что для подвига добродетели нам нет нужды ни в чем внешнем. Потому же он не избирает Себе и дома: "**Сын человеческий**", говорит, "**не имеет, где приклонить голову**" (Лук. 9:58). Потому Он и бегает от козней Ирода, и при рождении полагается в яслях, и пребывает в гостинице, и избирает бедную Мать, - научая нас тем не почитать ничего такого постыдным, попирая с самого начала гордость человеческую и убеждая к одной добродетели.

5. И для чего ты гордишься отечеством, говорит Он, когда Я повелеваю тебе быть странником всей вселенной, когда ты можешь сделаться таким, что весь мир не будет тебя достоин? Откуда ты происходишь, - это так маловажно, что сами языческие философы не придают этому никакого значения, называют внешним и отводят последнее место. Однако же, Павел допускает это, скажешь ты, когда говорит: "**в отношении к избранию, возлюбленные Божьи ради отцов**" (Рим. 11:28). Но скажи, когда, о ком и кому он так говорит? Обратившимся язычникам, которые гордились своей верой, восставали против иудеев, и тем самым еще более отчуждали их от себя. Итак, он говорит это для того, чтобы в одних низложить кичливость, а других привлечь и возбудить к подобной ревности. Когда же он рассуждает о тех благородных и великих мужах, то слушай, что говорит: "**ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества. И если бы они в мыслях имели то отечество, из которого вышли, то имели бы время возвратиться; но они стремились к лучшему, то есть к небесному**" (Евр. 11:14-16). И опять: "**все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались**" (Евр. 11:13). Точно также говорил Иоанн приходившим к нему: "**не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам**" (Матф. 3:9); также Павел: "**не все те Израильтяне, которые от Израиля, не плотские дети суть дети Божьи**" (Рим. 9:6,8). В самом деле, скажи мне, что пользы было детям Самуила в благородстве отца их, когда сами они не наследовали его добродетели? Что пользы детям Моисея, не поревновавшим его строгой жизни? Они не наследовали его власти. Они писались его детьми, но управление народом перешло к другому, кто был сыном ему по добродетели. Напротив, повредило ли Тимофею то, что он имел отцом язычника? Что опять было пользы сыну Ноя от добродетели отца его, если он сделался из свободного рабом? Видишь ли, как мало защиты детям в благородстве отца их? Развращение воли преодолело законы природы, и лишило Хама не только благородства родительского, но и самой свободы. Также Исав не был ли сыном Исаака, который еще и ходатайствовал о нем? Хотя и отец старался и желал того, чтобы он был участником в благословении, и он сам для того исполнял все его повеления, но так как он был худ, то все это не помогло ему. Несмотря на то, что и по природе он был первенцем, и отец вместе с ним всячески старался о сохранении его преимущества, он лишился, однако, всего, потому что не имел Бога с собой. Но что я говорю об отдельных людях? Иудеи были сынами Божьими, и, однако, ничего не приобрели от этого достоинства. Итак, если кто, будучи даже сыном Божьим, за то, что не окажет добродетели достойной такого благородства, еще более наказывается, то, что уже выставлять благородство дедов и прадедов? Да и не только в ветхом, но и в новом завете можно найти то же самое. "**А тем, которые**", сказано, "**приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божьими**" (Иоан. 1:12); между тем, для многих из этих чад, по словам Павла, совсем бесполезно то, что они имеют такого Отца. "**Если вы обрезываетесь**", говорит он, "**не будет вам никакой пользы от Христа**" (Галат. 5:2). Если же и Христос совсем бесполезен для тех, которые не хотят внимать самим себе, то, что пользы в человеческом предстательстве? Итак, не будем гордиться ни благородством,

ни богатством, но будем презирать надмевающихся подобными преимуществами; не будем унывать по причине бедности, но будем искать того богатства, которое состоит в добрых делах, и убегать той бедности, которая вводит нас в грех. По этой последней причине и известный богач действительно был беден, почему и не мог, несмотря на усиленные просьбы, получить и одной капли воды. Между тем, есть ли между нами такой нищий, который бы не имел и воды для прохлады? Нет ни одного; и те, кто истаивает от крайнего голода, могут иметь каплю воды, и не только каплю воды, но и другое, гораздо большее утешение. А этот богач и того не имел, - так он был беден, и, что всего тягостнее, ниоткуда не мог иметь утешения в своей бедности. Итак, что мы алчем денег, когда они не возводят нас на небо? Скажи мне, если бы какой-либо земной царь сказал, что богатый не может блистать в его царских чертогах, или достигнуть какой-либо почести, то не все ли с презрением бросили бы имения? Итак, если мы готовы презреть имение, когда оно лишает нас чести у царя земного, то при голосе Царя небесного, который ежедневно взывает и говорит, что неудобно с богатством войти в священные те преддверия, не презрим ли все, и не отвергнем ли богатства, чтобы свободно войти в Его царство?

6. И достойны ли мы какого-либо прощения, когда с великим старанием обременяем себя тем, что заграждает нам туда вход, и скрываем свое богатство не только в сундуках, но и в земле, тогда как можно бы положить его в хранилище небесное? Ты поступаешь в этом случае подобно тому земледельцу, который, взяв пшеницу, вместо того, чтобы посеять ее на плодоносном поле, бросает в озеро, отчего и сам не получает никакой пользы, и пшеница, испортившись, пропадает. И чем обыкновенно оправдываются люди, когда мы так обличаем их? То не мало утешает нас, говорят они, что мы уверены в безопасности всего скрытого у нас. Но и не быть уверенным, что есть скрытые сокровища, также утешительно. Положим, что ты не боишься голода; но ради такого хранилища ты необходимо должен бояться других, тягчайших бедствий - смерти, вражды, наветов. Да и в случае голода народ, им понуждаемый, поднимет руку на дом твой. Вернее же сказать, поступая таким образом, ты сам же причиняешь и голод городам, и через то готовишь своему дому опасность страшнее голода. Я не знаю, умирал ли кто вдруг от голода, потому что против этого зла можно придумать много всякого рода средств; но за деньги, за богатство, и за подобные вещи много могу представить убитых и тайно, и явно. Множеством таких примеров наполнены дороги, судебные места и торжища. Да что я говорю о дорогах, судебных местах и торжищах? Посмотри, - самое море исполнено кровью. Тираническая власть любостяжания не только на земле распространила свою державу, но и на море свирепствует с великим неистовством. Один плывет за золотом, другого умерщвляют за него же; одного эта мучительная страсть делает купцом, другого человекоубийцей. Итак, на что всего менее можно полагаться, как не на богатство, когда из-за него нужно скитаться, подвергаться опасности и самой смерти? Но "**кто пожалеет об ужаленном заклинателе змей**" (Сирах. 12:13), по слову Писания? Зная жестокость тиранства, надлежало бы убегать рабства, и истреблять пагубную любовь. Но, скажешь, возможно ли это? Возможно, если только водворишь в себе другую любовь, любовь к небесам. Кто желает царства небесного, тот смеется над корыстолюбием. Раб Христов не будет рабом богатства, но его властелином. Богатство обыкновенно само ищет того, кто от него бегает, и убегает от того, кто его ищет; не столько чтит ищущего его, сколько презирающего; ни над кем так не издевается, как над своими искателями, - и не только издевается над ними, но и опутывает их бесчисленными узами. Итак, освободимся хотя бы теперь от этих пагубных цепей. Зачем порабощать разумную душу неразумному веществу, матери бесчисленных зол? Но не смешно ли? Мы спорим против него словами, а оно спорит против нас делами; водит нас повсюду и, к нашему бесславию, спорит с нами, как с невольниками и непотребными рабами. Что постыднее и бесчестнее этого. Если мы не преодолеваем вещества бесчувственного, то, как же будем преодолевать силы бестелесные? Если не презираем низкое вещество и презренные камни, то, как покорим

себе начала и власти? Как будем упражняться в целомудрии? Если и блеск серебра поражает нас, то, как сможем презреть красоту лица? Есть люди, которые до того преданы этой тиранической власти, что самый вид золота производит над ними особенное действие, и они для шутки говорят, что и для глаз полезно смотреть на золотую монету. Но не шути так, человек! Поистине ничто так не вредит и телесным, и душевным очам, как эта страсть. Пагубная любовь эта погасила светильники неразумных дев, и лишила их брачного чертога. Взгляд на золото, - по словам твоим, полезный для глаз, - не позволил несчастному Иуде внять гласу Господа, и еще довел до того, что он удавился, разверзся посередине и, наконец, низвергся в геенну. Итак, что может быть беззаконнее этого взгляда? Что ужаснее? Не о веществе денег говорю я, но о безмерной и необузданной к ним страсти. Она-то по каплям проливает кровь человеческую, имеет смертоубийственный вид, всякого зверя лютее, так как и падших терзает, и, что еще хуже, не дает и чувствовать этих терзаний. Одержимым этой страстью надлежало бы простирать руки к мимоходящим и взывать о помощи; а они еще благодарят за эти мучения. Что может быть злосчастнее? Итак, размышляя об этом, будем убегать от этой неисцелимой болезни, будем врачевать ее угрызения и подальше уклоняться от таковой язвы, чтобы и здешнюю жизнь провести безопасно и спокойно, и будущие наследовать сокровища, которых и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава и честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 10

“В те дни приходит Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской и говорит: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное” (Мф. 3:1-2).

1. В какие это дни? По свидетельству св. Луки, Иоанн пришел не в те дни, когда Иисус был еще отроком и возвратился в Назарет, но по прошествии тридцати лет. Как же сказано здесь: “**В те дни**”? В Писании весьма часто употребляется такой образ речи, когда говорится не только о таких происшествиях, которые непосредственно следовали друг за другом, но и о таких, которые были по истечении многих лет. Так, когда ученики приступили к Иисусу, сидевшему на горе Елеонской, и желали узнать от Него и об Его пришествии, и о разрушении Иерусалима (а вы знаете, какое расстояние времени между этими двумя событиями), тогда Он, кончивши речь о разорении иудейской столицы и переходя к концу мира, присовокупил: тогда и это будет. Словом - тогда - Он не смешивал времена, но означил только то время, в которое произойдет кончина мира. Точно так же употреблены и здесь слова: “**В те дни**”. Евангелист указывает этими словами не на те дни, которые непосредственно следовали, но на те, в которые должно было случиться то, о чем он намеревался говорить. Но почему, скажешь ты, Иисус пришел креститься спустя тридцать лет? Потому, что после этого крещения Ему надлежало уже упразднить закон. Чтобы не сказал кто-нибудь, что Он потому отменяет закон, что не мог исполнить его, Он во всей точности исполнял его во все продолжение того возраста, который обыкновенно способен ко всяким грехам. Не во всякое ведь время все страсти действуют в нас; но в раннем возрасте обыкновенно бывает больше неразумия и малодушия, в последующем сильнее действует похоть, а далее, в следующем возрасте - любостяжание. Потому-то Христос, прошедши чрез все эти возрасты и во всех них исполнив закон, тогда уже приходит к крещению, чем и заключил исполнение всех заповедей. А что крещение было последним из дел законных, выслушай Его слова: “**Ибо так надлежит нам исполнить всякую правду**” (Мф. 3:15). Смысл этих слов таков: мы все предписанное законом исполнили, не преступили ни одной заповеди; и так как остается только одно крещение, то и это нам должно присовокупить, и таким образом исполним всякую правду. Под правдой Он разумеет здесь исполнение всех заповедей. Отсюда видно, для чего Христос

приступил к крещению. Но почему вздумалось Иоанну крестить? По свидетельству ев. Луки, не сам собою сын Захарии приступил к крещению, но по возбуждению Божию: "**Был глагол Божий**" к нему (Лк. 3:2), т. е., повеление Божие ему. И сам Иоанн говорит: "**Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего**" как голубя, "**и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым**" (Ин. 1:33). Для чего же он послан совершать крещение? И это опять объясняет нам сам Креститель, говоря: "**Я не знал Его; но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю**" (Ин. 1:31). Но если одна эта причина, то как же еванг. Лука говорит: "**Он проходил по всей окрестной стране Иорданской, проповедуя крещение покаяния для прощения грехов**" (Лк. 3:3)? Крещение Иоанново не давало прощения грехов. Это последнее было даром крещения, после данного нам. В нем мы спогреблись со Христом; в нем ветхий наш человек сораспялся с Христом; а прежде креста Христова нигде не видно отпущения грехов: оно везде приписывается крови Его. И апостол Павел говорит: "**Но омылись, но освятились**" не крещением Иоанновым, но "**именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего**" (1 Кор. 6:11). И в другом месте: "**Иоанн крестил крещением покаяния**, **-** не сказано отпущения, **- чтобы веровали в Грядущего по нем**" (Деян. 19:4). Да и каким бы образом могло быть отпущение грехов, когда еще ни жертва не была принесена, ни Дух (Святый) не сходил, ни грехи не были заглаждены, ни вражда не пресеклась, ни проклятие не уничтожилось?

2. Итак, что же значит – "**для прощения грехов**"? Нераскаянны были иудеи и никогда не чувствовали грехов своих, но будучи подвержены крайним порокам, всегда считали себя праведными, а это-то особенно и губило их, и отдаляло от веры. Апостол Павел, укоряя их за это, сказал: "**Не разумея праведности Божией усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божией**" (Рим. 10:3). И еще: "**Что же скажем? Язычники, не искавшие праведности, получили праведность...[1] А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности. Почему? потому что [искали] не в вере, а в делах закона**" (Рим. 9:30-32). Так как это было причиною их зол, то приходит Иоанн, чтобы привести их к сознанию своих грехов. Это выражалось в самой наружности его; располагавшей их к покаянию и исповеданию грехов, то же показывала и его проповедь, потому что он только и говорил: "**Сотворите же достойные плоды покаяния**" (Лк. 3:8). Итак, поелику несознание грехов своих, как говорит и апостол Павел, удаляло их от Христа (тогда как, напротив, от помышления о своих грехах происходит желание искать Искупителя и прощения), - то и цель пришествия Иоанна состояла в том, чтобы расположить их к познанию своих грехов и склонить к покаянию; не для того, чтобы они были наказаны, а чтобы стали через покаяние более смиренными, осудили самих себя и прибегли к получению прощения. Смотри, с какою точностью евангелист указал на это. Сказав, что Иоанн "**приходит … и проповедует в пустыне Иудейской** … **крещение покаяния**", он присовокупил – "**для прощения**", как бы говоря тем: он убеждал их к сознанию и покаянию в грехах, не для наказания их, но чтобы они удобнее получили отпущение, имевшее быть после. Если бы они не осудили самих себя, то не стали бы искать и милости; а не ища ее, не удостоились бы и отпущения грехов. Итак, крещение Иоанново пролагало путь к другому. Потому-то и сказано: "**Чтобы веровали в Грядущего по нем**". Этими словами, кроме означенной нами, указывается еще и новая причина крещения. Неприлично было Иоанну обходить дома и, взявши Христа за руку, водить везде, говоря: веруйте в Него; неприлично также было перед всеми мимоходящими возносить этот блаженный глас, и совершать все прочее. Потому и пришел он крестить. И уважение к Крестителю, и цель самого действия привлекала и призывала к Иордану всех жителей, так что здесь было великое собрание народа. Вот почему приходящих к нему он смиряет и убеждает не думать о себе много, показывая, что они подвергнутся величайшим бедствиям, если не покаются, - убеждает перестать хвалиться своими предками и принять грядущего. В это время явление

Христово было еще прикровенно, и многие, по причине бывшего в Вифлееме избиения, почитали Его умершим. Правда, Он, будучи еще двенадцати лет, обнаружил Себя, но в скором времени опять сделался неизвестным. Вот почему Его явление в самом начале долженствовало быть особенно знаменитым и высоким. Потому-то Иоанн в первый раз громогласно и проповедует народу иудейскому то, чего они не слыхали ни от пророков и ни от кого другого, - напоминает им о небесах и о небесном царстве, и не говорит уже ни о чем земном. Под царством же разумел он пришествие Христово, как первое, так и последнее. Но для чего, скажешь ты, говорил он это иудеям, когда они не понимали слов его? Я для того говорю это, скажет он, чтобы они, будучи возбуждены таинственностью слов, стали искать проповедуемого. И действительно, Иоанн так воодушевил благими надеждами приходивших к нему, что даже многие мытари и воины спрашивали: что им делать, и как устроить жизнь свою? - а это было признаком, что они, оставивши житейские дела свои, начали обращать взор свой на другое важнейшее, и как бы во сне представлять будущее. Все, что они видели и слышали, порождало в них высокие мысли.

3. В самом деле, представь, каково было видеть человека, исходящего из пустыни, по прошествии тридцати лет, сына одного из первосвященников, того, который никогда не имел нужды в вещах человеческих, во всех отношениях достоин был уважения, и сверх того имел за собой пророка Исаию, поскольку этот последний возглашал о нем, говоря: “вот тот, о котором я предвещал, что он приидет вопиять в пустыне, и обо всем громогласно проповедовать”. И действительно, пророки так были заботливы в настоящем случае, что задолго предвозвестили не только о Владыке своем, но и о том, кто будет слугой Его; и предвозвестили не только о лице его, но предсказали и место, где он будет проповедовать, и образ проповеди, который он употребит для научения, и то, какие добрые последствия произойдут от его проповеди. Смотри, как оба они, т. е. пророк и креститель, соглашаются в одной мысли, хотя и не одними словами выражают ее. Исаия говорит, что такова будет проповедь Иоанна: “**Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте … стези**” Его (Ис. 40:3); сам же креститель, по пришествии своем, говорит: “**Сотворите же достойные плоды покаяния**”, - это означает то же самое, что и слова: “**Приготовьте путь Господу**”. Видишь ли, что и слова, изреченные пророком, и проповедь самого Иоанна означают только то, что он пришел предуготовить и предустроить путь ко Христу? Пришел не для того, чтобы подавать дар, т. е. отпущение грехов, но чтобы приуготовить души тех, которые имели принять Бога всяческих. Лука же еще нечто прибавляет; он приводит не начало только пророчества, но передает его полностью: “**Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими; и узрит всякая плоть спасение Божие**” (Лк. 3:5,6; Ис. 40:4). Видишь ли, как говорит? Пророк давно все предсказал: и стечение народа, и перемену вещей к лучшему, и успех проповеди, и причину всех этих событий, - хотя это все выражено иносказательно, так как это были слова пророческие. Когда пророк говорит: “**Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, … и неровные пути сделаются гладкими**”, - то он означает этим, что и смиренные вознесутся и гордые смирятся, и трудность закона переменится в легкость веры. Не будет уже более трудов и пота, говорит он, но настанет благодать и прощение грехов, облегчающие путь спасения. Потом указывает и причину этого, говоря: “**узрит всякая плоть спасение Божие**”, т. е. не одни уже только иудеи и принявшие их веру, но вся земля и море, и все естество человеческое. Через стропотное он означил всякую развращенную жизнь, разумел мытарей, любодеев, разбойников, волхвов и вообще всех тех, которые прежде жили развращенно, а после вступили на правый путь, о чем говорил и сам Христос: “**Мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие**” (Мф. 21:31), - так как они уверовали. То же самое выразил пророк еще и другими словами: “**Тогда волк будет жить вместе с ягненком**” (Ис. 11:6), “**Волк и ягненок будут пастись вместе**” (Ис. 65:25). Как там, под образом холмов и дебрей, указывает на соединение различных нравов

в один согласный образ мыслей, так и здесь, в свойствах различных животных изображая различные нравы людей, говорит, что они также соединятся и будут между собою согласны в благочестии; и здесь опять, представляет тому причину: "**И будет**, **-** говорит, **- в тот день: к корню Иессееву, который станет, как знамя для народов, обратятся язычники, - и покой его будет слава**" (Ис. 11:10). Эту же причину и там привел он, сказав: "**И узрит всякая плоть спасение Божие**" (Лк. 3:6). В обоих случаях он указывает на то, что сила и познание Евангелия разольются во все концы земли, и род человеческий от зверских нравов и от грубого образа мыслей перейдет к кротости и мягкости. "**Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих**" (Мф. 3:4). Видишь ли, как иное предвозвестили пророки, а иное предоставили евангелистам? Почему Матфей и пророчества приводит, и от себя присоединяет, не почитая излишним сказать и об одежде праведника.

4. В самом деле, странно и удивительно было видеть в человеческом теле такое терпение: это-то особенно и привлекало иудеев. Они видели в нем великого Илию; зрелище, которого они были свидетелями, напоминало им об этом святом муже, и даже еще более изумляло их. Действительно, тот питался и в городах и домах, а этот от самой колыбели постоянно жил в пустыне. Предтече Того, Кто имел упразднить все древнее, как-то: труд, проклятие, печаль и пот, надлежало и самому иметь некоторые знаки такого дара и быть выше древнего осуждения. Таковым он и был. Ни земли Он не обрабатывал, ни бразд не рассекал, ни хлеба не ел в поте лица; но стол имел готовый, одежду находил легче стола, а о жилище еще менее заботился, нежели об одежде. Он не имел нужды ни в доме, ни в постели, ни в столе, ни в чем другом подобном, но, нося плоть, вел какую-то ангельскую жизнь. Для того-то он и носил власяную одежду, чтобы и самою одеждою научить нас удаляться человеческого, и не иметь ничего общего с землею, но возвращаться к прежнему благородству, в каком был некогда Адам, прежде, нежели возымел нужду в платье и одежде. Таким образом, сама одежда Иоанна служила знаком и царского достоинства, и покаяния. Не спрашивай меня, откуда он, живя в пустыне, мог достать власяницу и пояс? Если ты будешь спрашивать об этом, то найдешь множество и других вопросов, например: как он во время зимы и во время зноя солнечного жил в пустыне, особенно же в незрелом возрасте и с слабым, еще не укрепившимся телом? Каким образом детское его тело могло перенести такие перемены погоды, при таком необыкновенном столе и прочих невыгодах пустынной жизни? Где ныне те греческие философы, которые суетно ревновали циническому бесстыдству? Какая была польза запираться в бочке, и потом предаваться такой гнусности? Где эти философы, которые, пренебрегая всеми приличиями, имели между тем множество колец, чаш, слуг и служанок, и окружали себя прочею пышностью, вдаваясь, таким образом, в две крайности? Но не таков был Иоанн; он обитал в пустыне, как на небе, строго исполняя все правила философии, и оттуда, подобно ангелу с неба, нисходил во грады, - подвижник благочестия, увенчанный всею вселенной, и философ философии, и достойной неба. Притом он был таковым тогда, когда еще не был разрешен грех, не прекратился еще закон, не была еще связана смерть, не были еще сокрушены медные врата, но когда еще имел силу ветхий завет. Такова-то мужественная и крепкая душа: она всюду проходит и побеждает все преграды. Таков был и Павел в новом завете. Но для чего, скажешь ты, Иоанн вместе с одеждою носил и пояс? Таков был обычай древних, прежде чем вошла в употребление одежда мягкая и раздувающаяся. Так опоясывался Петр, равно как и Павел: "**Мужа**, **-** говорится, **- чей этот пояс**" (Деян. 21:11). Так же одет был Илия; так же одевался и каждый из святых, потому что они непрестанно были в деле: или путешествовали, или чем-нибудь другим нужным занимались и трудились. Впрочем, не по одной только этой причине они одевались таким образом, но еще и потому, что пренебрегали всякими украшениями и любили жизнь строгую и суровую; а это и Христос поставляет в величайшую похвалу добродетели: "**Что же**, **-** говорит, **- смотреть ходили**

вы? человека ли, одетого в мягкие одежды? Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских" (Мф. 11:8).

5. Если же Иоанн, этот столь чистый муж, светлейший неба и высший всех пророков, более которого никого не было и который имел такое дерзновение, - если он вел такую суровую жизнь, совершенно пренебрегая всеми излишними удовольствиями, то какое же оправдание будем иметь мы, которые после явленных нам великих благодеяний, и при бесчисленных грехах, нас обременяющих, не оказываем даже и малейшей части его покаяния, но упиваемся, пресыщаемся, намащаемся благовониями, живем ничем не лучше театральных блудниц, всячески нежимся, и таким образом делаем себя легкою добычею дьяволу? "**Тогда Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к нему и крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои**" (Мф. 3:5,6). Видишь ли, как сильно подействовало явление пророка, как заставило весь народ встрепенуться, как привело его в чувство грехов своих? И подлинно, чудное было для иудеев зрелище, когда они видели, что Иоанн в человеческом образе проявляет такие дела, говорит с таким дерзновением, восстает на всех как на детей, блистает особенною благодатью в лице своем. Удивление их увеличивалось еще более от того, что явление пророка последовало спустя долгое время (ведь благодать пророческая оскудела у них, и возвратилась к ним спустя долгое время). Да и самый образ проповеди был какой-то странный и особенный. В самом деле, они не слыхали от Иоанна ничего обыкновенного: ни о земных войнах, битвах и победах, ни о бедствиях голода и мора, ни о вавилонянах и персах, ни о взятии города, ни о другом чем-либо обыкновенном, но о небесах, небесном царстве и о мучении в геенне. Вот почему иудеи, несмотря на то, что незадолго перед тем временем сообщники возмутителей Иуды и Февды все были побиты в пустыне Иорданской, нимало не страшились идти туда. Иоанн призывал их не с тем же намерением, как эти возмутители, т. е. чтобы склонять их к восстановлению царства, восстанию и нововведениям, но чтобы руководствовать к небесному царству. Потому он и не удерживал их в пустыне, чтобы вести за собою, но отпускал, преподав крещение и правила строгой жизни; он всеми мерами старался внушить им презирать все земное, а возноситься и устремляться постоянно к будущему. Будем и мы подражать Иоанну, и оставив сластолюбие и пьянство, начнем жизнь воздержную. Теперь время покаяния как для некрещеных, так и для крестившихся, чтобы одни, покаявшись, сделались причастниками святого таинства, а другие, омывши скверны, приобретенные после крещения, с чистою совестью приступили к трапезе. Оставим же эту сластолюбивую и развращенную жизнь. Нельзя, ведь, никак нельзя в одно и то же время и каяться, и предаваться сластолюбию. И в этом пусть уверит вас одежда, пища и жилище Иоанна. Что ж, скажете, - прикажешь и нам вести такую суровую жизнь? Не приказываю, но советую и прошу. Если же для вас это невозможно, то хоть оставаясь в городах, будем совершать покаяние. Суд уже у дверей. Да если бы он и не был так близок, все таки, нам не должно быть беспечными, потому что конец жизни каждого имеет такую же силу для отзываемого в будущую жизнь, как и кончина мира. А что суд уже у дверей, послушай, как говорит о нем Павел: "**Ночь прошла, а день приблизился**" (Рим. 13:12); и в другом месте: "**Грядущий придет и не умедлит**" (Евр. 10:37). Да и самые признаки, возвещающие день суда, уже открылись, потому что сказано: "**Проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец**" (Мф. 24:14).

6. Заметьте особенно эти слова. Не сказал Спаситель: когда уверуют все люди, но: когда будет всем проповедано. Потому-то Он и прибавил: "**во свидетельство всем народам**", давая чрез то знать, что Он не будет отлагать пришествия Своего дотоле, пока все уверуют. "**Во свидетельство**" здесь значит: в обвинение, в обличение, в осуждение неверовавших. А мы, слыша и видя это, спим и видим грезы, как бы погруженные в самый глубокий полночный сон. И действительно, происходящее теперь наяву, радостное ли то,

или прискорбное, ничем не лучше грез. Потому и умоляю вас, наконец, пробудиться, и воззреть к Солнцу правды. Сонный не может видеть солнца, и усладить взор свой красотою лучей его. Если же что и видит, то все как бы во сне. Итак, нам нужны теперь глубокое раскаяние и обильные слезы, как потому, что мы грешим и остаемся бесчувственными, так и потому, что грехи наши велики и превышают прощение. А что я не лгу, в том свидетелями большая часть слушателей. Впрочем, хотя грехи и превышают прощение, обратимся все же к покаянию, и мы удостоимся венцев. Покаянием же я называю не то, чтобы только отстать от прежних худых дел, но и то, чтобы показать большие добрые дела. "**Сотворите**, **-** сказано, **- же достойные плоды покаяния**" (Лк. 3:8). Как же нам сотворить их? Поступая напротив. Например, ты похищал чужое? Вперед давай и свое. Долгое время любодействовал? Теперь воздерживайся и от своей жены в известные дни; привыкай к воздержанию. Оскорблял и даже бил, кого ни встречал? Вперед благословляй обижающих тебя и благодетельствуй бьющим. Для исцеления нашего не достаточно только вынуть стрелу, но еще нужно приложить к ране лекарство. Ты предавался прежде сластолюбию и пьянству? Теперь постись и пей воду; старайся истребить зло, происшедшее от прежней жизни. Ты смотрел прежде сладострастными очами на чужую красоту? Вперед для большей безопасности совсем не смотри на женщин. "**Уклоняйся**, **-** сказано, **- от зла и делай добро**" (Пс. 33:15), и еще: "**Удерживай язык свой от зла и уста свои от коварных слов**" (ст. 14). А я требую, чтобы ты еще говорил доброе. "**Ищи мира и следуй за ним**" (ст. 15) не только с людьми, но и с Богом. Прекрасно сказано: "**следуй**". Подлинно мир отринут и изгнан, и, оставив землю, отошел на небо. Но мы можем возвратить его опять, если только, оставив гордость, наглость и все, что препятствует ему, захочем вести жизнь скромную и кроткую. В самом деле, нет ничего хуже наглой надменности. Она-то и делает нас и напыщенными и в то же время раболепными, а потому в первом случае смешными, во втором отвратительными, и таким образом производит зараз два противоположных порока: гордость и подлое ласкательство. Если же мы искореним эту ненасытную страсть, то будем и истинно-смиренными, и высокими без всякой для себя опасности. От излишества, ведь, и в телах наших происходит порча соков, и когда составные части нашего тела по чрезмерности выходят из своих границ, то рождаются бесчисленные болезни и страшные случаи смерти. То же самое бывает и с душою.

7. Итак, отсечем всякую безмерность и, принявши спасительное врачевство умеренности, будем жить добропорядочно, как следует, и станем усердно прилежать к молитвам. Если и не получим просимого, будем молиться, чтобы получить; если же получим, не престанем молиться и по получении просимого. Бог не для чего-нибудь иного откладывает исполнение наших прошений, но для того, чтобы замедлением возбуждать к неусыпным молитвам. Для того-то Он и отлагает исполнение наших прошений, и часто попускает нам впадать в искушения, чтобы мы непрестанно к Нему прибегали и не оставляли Его. Так поступают и любящие отцы и чадолюбивые матери: видя, что дети перестают ласкаться к ним, и оставляют их, чтобы играть с своими сверстниками, они часто приказывают слугам своим пугать их, чтобы страхом принудить их бежать к материнским объятиям. Так и Бог часто угрожает нам не потому, что Он готов исполнить над нами Свои угрозы, но для того, чтобы привлечь к Себе. Оттого-то, когда мы к Нему обращаемся, Он тотчас перестает быть грозным. Если бы мы были одинаковы как в благополучии, так и в искушениях, то не было бы и нужды в искушениях. И что нам говорить о себе? И сами святые мужи часто вразумляемы были искушениями. Потому-то и говорит пророк: "**Благо мне, что я пострадал**" (Пс. 118:71). И сам Христос говорит апостолам: "**В мире будете иметь скорбь**" (Ин. 16:33). То же самое разумеет и Павел, когда говорит: "**Дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня**" (2 Кор. 12:7). Вот почему, хотя и просил он избавиться от этого искушения, он не получил просимого, потому что ему от него была большая польза. Если пройдем всю жизнь Давида, то найдем, что и он был светлее во

время бедствий. И не только он, но и все другие ему подобные. Так Иов наиболее сиял во время бедствий; тогда же наиболее прославился Иосиф; также Иаков, и отец его и отец отца его, и все, которые когда-либо сияли и получили блистательнейшие венцы, увенчались и прославились от скорбей и искушений. Зная все это, не будем, по словам мудрого, “**смущаться во время посещения**” (Сир. 2:2), а научимся тому единственно, чтобы мужественно все переносить, и, что бы ни случилось с нами, ни о чем не любопытствовать и не беспокоиться. Знать, когда должны кончиться наши скорби, принадлежит Богу, Который их попускает, а переносить эти скорби со всею благодарностью - есть дело уже нашей благопризнательности. Если будет так, то все будет у нас хорошо. А чтобы это действительно было, чтобы нам быть славнее здесь - на земле и блистательнее на небесах, будем принимать все, постигающее нас, с благодарностью к Тому, Кто лучше нашего знает, что нам полезно, и Кто любит нас сильнее самих родителей. Эти две мысли припоминая себе при каждом постигающем нас бедствии, будем укрощать скорбь свою и прославлять Бога, Который во всех случаях все творит и устрояет в нашу пользу. Таким образом мы и легко отразим все наветы, и получим нетленные венцы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь ныне и присно и во веки веков. Аминь.

---

[1] Здесь у Златоуста пропущены слова "праведность от веры".

БЕСЕДА 11

“Увидев же Иоанн многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься, сказал им: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева” (Мф. 3:7)?

1. Почему же Христос говорит, что они не верили Иоанну? Потому что это была не вера, если они не приняли Того, о Ком Иоанн проповедовал. Они, по-видимому, внимали и учению пророков, и словам Законодателя, - и однако Христос обличал их в невнимании, потому что они не приняли Того, о Ком предрекали пророки. “**Ибо если бы вы верили Моисею, -** говорит Он, **- то поверили бы и Мне**” (Ин. 5:46). И впоследствии, когда Христос спрашивал их: “**Крещение Иоанново откуда было**”? - они так рассуждали между собою: “**Если сказать: от человеков, - боимся народа; если скажем: с небес, то Он скажет нам: почему же вы не поверили ему**” (Мф. 21:25,26)? Из всего этого, таким образом, видно, что они приходили к крещению, и крестились, но не пребыли в вере проповеданному. И евангелист Иоанн открывает нам их злобу, когда, говоря о посланных спросить Крестителя: "**Ты Илия?**" Христос ли ты? тотчас прибавляет: “**А посланные были из фарисеев**” (Ин. 1:21,24). Так что же? А простой народ разве не точно так же думал? Правда, говорит; но только простой народ думал так по простоте сердца, фарисеи же хотели уловить его. Так как, например, было известно, что Христос придет из веси Давидовой, а Иоанн был от колена Левиина, то они и предлагали ему коварный вопрос, чтобы в самом его ответе найти случай напасть на него. Это видно и из дальнейшего: не смотря на то, что он и не дал тех ответов, каких они ожидали, они все-таки нападают на него, говоря: “**Что же ты крестишь, если ты ни Христос**” (Ин. 1:25)? Но чтобы тебе еще более увериться в том, что фарисеи приходили креститься с одними мыслями, а простой народ с другими, послушай, как показал это евангелист. О простом народе он говорит, что он приходил и крестился от Иоанна, исповедуя свои грехи; а о фарисеях говорит уже не то, но вот что: “**Увидев же Иоанн многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему**

креститься, сказал им: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от будущего гнева”? Какая высота духа! Как сильно говорит он к людям, всегда жаждавшим крови пророков, - людям, ничем не лучшим змей! С какою свободою он обличает и их самих, и родивших их!

Так, скажешь: свобода велика; но вот что надобно спросить: имеет ли она какое-либо основание? Ведь он видел их не согрешающими, но кающимися; казалось бы, поэтому, он должен был не порицать их, а похвалить, и принять за то именно, что они, оставив город и свои дома, пришли слушать его проповедь. Что же мы на это скажем? То, что он обращал внимание не на настоящие обстоятельства, не на то, что происходило, но видел тайные их помышления, которые открыл ему Бог. Так как они величались своими предками, что и было причиною их погибели, и повергло их в беспечность, то он исторгает самый корень их гордости. Потому же и Исайя называет их начальниками содомскими и народом гоморрским, а другой пророк говорит: “**Не таковы ли** (вы)**, как сыны Ефиоплян**” (Ис. 1:10; Ам. 9:7)? Так все их предостерегают от этого предрассудка, смиряя их гордость, бывшую для них источником бесчисленных зол. Но ты скажешь: пророки справедливо так поступали, потому что они видели их согрешающими; здесь же почему и для чего делать это Иоанну, когда он видит их уже покорными? Для того, чтобы еще более смягчить их. Если же кто со вниманием рассмотрит его слова, то и в самом обличении откроет похвалу им, потому что эти слова были произнесены им от удивления, что они, хотя и поздно, но все же могли сделать то, что казалось некогда невозможным. Следовательно, и само обличение их Иоанном означает более желание привлечь их и расположить к покаянию. В то время, когда он, по-видимому, поражает их, он открывает и прежнее их великое нечестие, и вместе с тем их дивную и неожиданную настоящую перемену. Как это могло быть, говорит он, что они, будучи детьми таких родителей и так худо воспитаны, начали раскаиваться? Откуда такая перемена? Кто смягчил суровое их сердце? Кто исцелил неисцельное? Смотри, как он с самого начала поразил их, говоря им о геенне. Не о обыкновенных бедствиях сказал он им, как например: “кто внушил вам бежать от врагов, нашествия варваров, плена, голода и язвы?” Нет; он угрожает им другим наказанием, о котором они еще не имели ясного понятия, говоря таким образом: “**Кто внушил вам бежать от будущего гнева**”?

2. Справедливо назвал Иоанн фарисеев и порождением ехидны. Подобно тому, как это животное убивает мать, его рождающую, и является на свет, как говорят, разгрызая у нее чрево, так и они поступали, убивая своих отцов и матерей и раздирая своими руками учителей. Впрочем, Иоанн не останавливается на одном обличении, но предлагает и совет: сотворите, говорит, плоды достойные покаяния (Мф. 3:8), потому что не достаточно только удалиться от нечестия, но надобно показать и великую добродетель. Не делайте же, говорит он им, того, что для меня противно, а для вас обыкновенно, и не возвращайтесь к прежним порокам, только смирившись на малое время. Мы уже не в таком положении, как прежние пророки. Настоящие обстоятельства отличны от прежних и выше, потому что ныне грядет сам Судия и Господь царства, чтобы возвести нас к высшему любомудрию, воззвать на небо и привлечь в тамошние обители. Потому-то я и говорю о геенне, что теперь как награды, так и наказания вечны. Итак, не оставайтесь в прежних ваших пороках, не указывайте, по обычаю, в свою защиту на благородство ваших предков - Авраама, Исаака и Иакова. Впрочем, этими словами он не возбранял им называться потомками этих святых, но возбранял слишком полагаться на это, пренебрегая добродетельною жизнью. Говоря так, он раскрывал и настоящие их мысли, и предрекал будущее. Действительно, они и после того еще говорили: мы “**семя Авраамово и не были рабами никому никогда**” (Ин. 8:33). Так как это особенно побуждало их к гордости, и приводило к погибели, то Иоанн прежде всего и обличает этот порок. Смотри же, с каким уважением к патриарху приступает он к их исправлению! Сказавши: “**Не**

думайте говорить в себе: "отец у нас Авраам"", не сказал: патриарх не может принести вам никакой пользы, но с какою-то кротостью и ласковостью то же самое дал разуметь словами: "**Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму**" (Мф. 3:9). Некоторые говорят, что здесь Иоанн указывает на язычников, называя их иносказательно камнями. Но, по моему мнению, слова эти заключают в себе и другую мысль. Какую же? Не думайте, говорит, что если вы погибнете, то патриарх уже останется бездетен. Нет, нет! Богу возможно и от камней дать ему детей и продолжить род его, так как и с начала так было, потому что от камней быть людям все то же, что родиться младенцу от бесплодной матери. Так и пророк, указывая на это, говорит: "**Взгляните на скалу, из которой вы иссечены, в глубину рва, из которого вы извлечены. Посмотрите на Авраама, отца вашего, и на Сарру, родившую вас**" (Ис. 51:1,2). Итак, напоминая им об этом пророчестве, он показывает, что как с самого начала Бог чудесным образом соделал Авраама отцом, как бы из камня, так и ныне это возможно. Примечай, как он их и устрашает, и поражает. Не сказал, что уже воздвиг, чтобы они не пришли в отчаяние, но - что может воздвигнуть. Притом не сказал, что может людей воздвигнуть от камней, но гораздо более - родных чад Аврааму. Видишь ли, как он их отводит от плотских мыслей и надежды на предков, чтобы они в собственном покаянии и смиренномудрии имели надежду на спасение? Видишь ли, как он, истребляя в них мысль о родстве по плоти, вводит родство по вере?

3. Но примечай, как он и последующими словами умножает их страх и возбуждает в них беспокойство. Сказав, что "**Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму**", он тотчас присовокупил: "**Уже и секира при корне дерев лежит**" (ст. 10). Вся речь его вселяет ужас. И он, по самому образу своей жизни, мог говорить очень свободно; да и они требовали сильного обличения, потому что уже давно огрубели. Сказать ли вам, говорит он, что вы имеете лишиться родства с патриархом и увидите других воздвигнутых от камения, получающих ваши достоинства? Но наказание ваше этим не ограничится; оно простретсся далее. "**Уже, -** говорит, **- и секира при корне дерев лежит**". Ничто не может быть ужаснее этого выражения. Ты видишь уже не серп летящий, не ограду разрушенную, или виноградник потоптанный, но острейшую секиру, и что еще ужаснее, лежащую при дверях. Не веря пророкам, они часто говорили: "где есть день Господень?", и: "**пусть приблизится и придет в исполнение совет Святаго Израилева, чтобы мы узнали!**" (Ис. 5:19). Так как предсказания часто исполнялись по прошествии многих лет, то чтобы лишить их и такого утешения, он угрожает им близким бедствием, что и выразил словом: "**уже**", присоединив еще: "**при корне**". Нет уже, говорит, никакого расстояния, но при самом корени лежит. Не сказал: при ветвях, или: при плодах, но: "**при корне**", научая их, что, в случае их нерадения, они подвергнутся ничем неотвратимым бедствиям и без всякой надежды избавления. И это потому, говорит, что пришедший не есть уже раб, как приходившие прежде, но сам Господь всяческих, в руке Которого страшное и ужасное наказание. Впрочем, устрашив их таким образом, он не попускает им впасть в отчаяние. Как раньше он не Сказал, что Бог уже воздвиг, но что "**может … воздвигнуть детей Аврааму**", чтобы и устрашить их и в то же время утешить, - так точно и здесь не сказал, что секира уже прикоснулась к корню, но что "**при корне дерев лежит**", близ него, - чем исключает всякое замедление. Впрочем, хотя и полагает в такой близости, но само посечение ставит в зависимость от вашей воли. Если вы покаетесь и сделаетесь лучшими, то и секира эта будет отнята от корня, ничего ему не сделавши. Если же будете делать то же, что и прежде, то и секира не замедлит с корнем исторгнуть дерево. Для того именно она и не отнимается от корня и, лежа при нем, не посекает его, чтобы вы, с одной стороны, не предались беспечности, а с другой - убедились бы в том, что еще можете, хотя и в краткое время, спастись, если покаетесь. Таким образом, он всячески умножает их страх, чтобы пробудить их и привести к покаянию. Действительно, отпасть от предков, видеть других на своем месте, быть при дверях опасности и подвергнуться неизбежному

злу, что он означает чрез корень и секиру, - все это достаточно к тому, чтобы и самых беспечных людей возбудить и соделать деятельнейшими. На то же самое и Павел указывая, говорит: слово сокращено сотворит Господь на всей земли. Но не бойся; или лучше бойся, но не отчаивайся! Ты еще можешь надеяться на перемену; приговор еще не произнесен, и секира еще не начинает посекать (что в самом деле препятствовало бы ей посекать, когда она уже при корени?), а лежит для того, чтобы внушаемым страхом исправить тебя и сделать способным приносить плоды. Для того-то он и присоединяет: "**Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь**". Сказав: "**всякое**", этим он опять истребляет всякую надежду на благородство предков. Будь, говорит он, потомок самого Авраама, имей своими сродниками бесчисленных патриархов, но если сам ты не принесешь плода, то понесешь лишь двойное наказание. Этими словами он устрашает и мытарей, потрясает и сердца воинов; впрочем, не повергает их в отчаяние, а только отводит от всякой беспечности. Слова его, внушая страх, предлагают и великое утешение, потому что выражение: "**не приносящее доброго плода**" - показывает, что древо, приносящее плод, свободно от всякого наказания.

4. Но скажут: как мы можем принести плод, когда нам угрожают посечением, когда остается уже так мало времени и конец уже приближается? Можешь, отвечает он, потому что от тебя не требуется плода такого, какой приносит дерево. Плод древесный требует и много времени, и зависит от перемен погоды, и многого также требует попечения. Но тебе стоит только захотеть - и дерево тотчас прозябнет. К такому плодородию весьма много способствует не только свойство корня, но и искусство самого земледельца. Итак, чтобы не стали говорить, что ты нас смущаешь, стесняешь и делаешь нам насилие, полагая секиру и угрожая посечением, в самом наказании требуешь от нас плода, - Иоанн, в доказательство того, как легко приносить плоды, присоединяет: "**Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин**" разрешить ремень сапог: "**Он будет крестить вас Духом Святым и огнем**" (ст. 11). Этими словами он показывает, что нужны одно только желание и вера, а не труды и подвиги; и, как легко креститься, так легко и перемениться и сделаться лучшими. Потрясши, таким образом, их душу страхом суда, ожиданием наказания, напоминанием о секире, отчуждением их от предков, приведением новых чад, и двояким наказанием - посечением и сожжением, смягчив всеми способами их жестокосердие и возбудив в них желание избавления от этих зол, он, наконец, начинает беседу и о Христе, но не просто, а отдавая Ему великое преимущество, и потом, полагая различие между Ним и собою, чтобы не подумали, что он говорит это из одного угождения, сравнивает то, что дает каждый из них. В самом деле, он не тотчас сказал: "**Не достоин**" разрешить ремень сапог Его; но, показав прежде недостаточность своего крещения, которое ничего более не могло сделать, как только привести их к покаянию (потому и не сказал: водою оставления, но: покаяния), говорит и о крещении Христа, преисполненном неизреченных даров. Чтобы ты, говорит, слыша, что Он по мне грядет, не стал презирать Его, как уже после пришедшего, - познай силу Его дара, и ты ясно поймешь, что я не сказал ничего лишнего, ни даже надлежащего, сказав: "**Не достоин**" разрешить ремень сапог. Итак, когда ты слышишь, что Он "**сильнее меня**", не думай, чтобы я говорил это только по сравнению; я недостоин быть даже в числе рабов Его, и самых даже последних рабов, и в служении Ему воспринять даже самую низкую должность. Вот почему он не просто сказал - сапоги, но - ремень сапог, что считалось самым последним делом. Потом, чтобы ты не подумал, что это сказано по смирению, он приводит в доказательство самые дела: "**Он будет крестить вас Духом Святым и огнем**". Видишь, какова мудрость Крестителя! Когда сам проповедует, то говорит все страшное и ужасающее, когда же посылает ко Христу, то уже говорит кротко и утешительно. Не говорит уже ни о секире, ни о древе посекаемом и во огнь вметаемом, ни о будущем гневе, но указывает на отпущение грехов, отнятие наказания, оправдание, освящение, искупление, усыновление, братство, участие в наследии и обильное излияние

Святого Духа. Все это разумел он под словами: “**будет крестить вас Духом Святым**”, выражая этим иносказанием обильное излияние благодати. Не сказал: даст вам Духа Святого, но - “**будет крестить вас Духом Святым**”; присоединением же слов: “**и огнем**” еще более выражает силу и могущественное действие благодати.

5. Представь же, каково должно быть расположение слушателей при той мысли, что они скоро будут подобны пророкам, и притом величайшим из них. Для того-то, ведь, он и упомянул об огне, чтобы их привести на мысль об этих мужах, поскольку почти все являвшиеся им видения были открываемы огнем. Так Бог беседовал с Моисеем в купине, так беседовал со всем народом на горе Синайской, так говорил с Езекиилем среди херувимов. Смотри же, как он возбуждает слушателя, сказавши наперед о том, что имело быть после всего. В самом деле, сперва надлежало свершиться закланию Агнца, истреблению греха, разрушению вражды, потом погребению и воскресению, и наконец уже пришествию Святого Духа. Но обо всем этом он пока еще ничего не говорит и наперед поставляет последнее, - то, для чего совершилось и все прочее, и что особенным образом могло показать достоинство Христа. И это делает он для того, чтобы слушатель, после того как узнает, что он в такой силе получит Святого Духа, спросил самого себя: как и каким образом это возможно, при столь сильном владычестве греха? - и чтобы, заметив в нем такое смущение и готовность к слушанию, сказать тогда и о страдании, так как после того никто уже не мог этим соблазняться, в виду ожидания такого дара. Вот для чего он снова взывал: “**Вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира**” (Ин. 1:29)! Не сказал: оставивший, но: “**берет**”, что означает большее попечение, так как не все равно - просто оставить, и - воспринять грех: первое не сопряжено ни с какою опасностью, а последнее соединено со смертью. И еще говорил, что Христос “**есть Сын Божий**” (ст. 34). Впрочем, и эти слова не давали еще слушателям ясного понятия об Его достоинстве, потому что из них они не могли еще заключить, что Он есть истинный Сын; между тем из обильного подаяния Духа это становилось уже несомненным. Потому-то и Бог Отец, посылая Иоанна, первым признаком достоинства в лице, имевшем явиться, поставил следующее: “**На Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым**” (Ин. 1:33). Вот почему и сам Иоанн говорит: “**И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий**” (ст.34), так как через то делалось уже несомненным и это последнее. Далее, высказав приятное, и тем ободрив и успокоив слушателя, он снова начинает теснить его, чтобы тот не впал в беспечность. Таков уж был народ иудейский, что среди благ он скоро приходил в расслабление, и делался хуже. Потому Иоанн снова угрожает ему, говоря: “**Лопата Его в руке Его**” (Мф. 3:12). Раньше он сказал о наказании, а здесь показывает уже и Судию и представляет вечность казни: “**Солому**, **-** говорит Он, **- сожжет огнем неугасимым**”. Отсюда ты видишь, что Господь тварей есть вместе и делатель, хотя в другом месте и об Отце то же сказано: “**Отец Мой - виноградарь**” (Ин. 15:1). Так как прежде говорит он о секире, то чтобы ты не подумал, что это дело требует труда и неудобно в различении, он другим примером поясняет и его легкость, показывая, что весь мир в Его власти, потому что Он не стал бы наказывать тех, которые - не Его. Теперь все перемешано между собою, и хотя пшеница блистает, но лежит вместе с плевелами, как на гумне, а не как в житнице. Тогда же будет большое различие. Где же те, которые не верят геенне? Иоанн два действия приписывает Христу: крестить Духом Святым и предать неверующих огню. Итак, если должно верить первому, то и последнему также необходимо. Потому-то он и поставил два предсказания вместе, чтобы одно, уже исполнившееся, уверяло и в другом, еще не исполнившемся. Точно также и Сам Христос весьма часто делает, иногда в одних и тех же вещах, а иногда в противных заключая два пророчества; и одно из них исполняет здесь, а другое обещает исполнить в будущей жизни, чтобы исполнившееся пророчество самых упорнейших удостоверяло и в том, которое еще не исполнилось. Так, например, тем, кто для Него все оставил, Он сторицею обещает воздать в настоящем веке и даровать жизнь

вечную в будущем, и через настоящее воздаяние уверяет и в несомненном получении будущего. Точно также в настоящем случае поступил и Иоанн, сделав два предсказания, т. е., что Христос будет крестить Духом Святым, и что сожжет огнем неугасаемым.

6. Итак, если бы Христос не крестил каждодневно Духом Св. апостолов и всех того желающих, то ты мог бы сомневаться и в другом. Если же то, что, по-видимому было выше, труднее и непостижимо для ума, исполнилось и ежедневно исполняется, то почему же ты не почитаешь истинным того, что легко и понятно? Итак, сказав: "**Он будет крестить вас Духом Святым и огнем**", и обещав здесь множество благ, Иоанн тотчас, чтобы ты от этого не сделался беспечным, оставив все прежнее, указывает на лопату, означая этим будущий суд. Не думайте, говорит он, что достаточно одного крещения, хотя бы вы после жили нечестиво. Нет, нам нужно еще много добродетели и любомудрия. Таким образом, от секиры он ведет их к благодати и воде крещения, а вслед за этим угрожает лопатою и огнем неугасающим. Между теми, которые еще не приняли крещения, он не делает никакого различия и просто говорит: "**Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают**" (Лк. 3:9), указывая этим на казнь, ожидающую всех неверных; а по крещении делает некоторое разделение, так как многие из веровавших имели вести жизнь недостойную веры. Итак, никто не должен быть плевелами, никто не должен быть легким в веянии, или до того предаваться худым склонностям, чтобы они всюду легко увлекали его. Если ты пребудешь пшеницею, то хотя бы и постигло тебя искушение, не потерпишь никакого зла, так как и на гумне зубчатые колеса телеги не раздробляют пшеницы. Если же ты смешаешься с слабой соломой, то и здесь будешь претерпевать несносные бедствия, угнетаемый всеми, и там постигнет тебя вечное наказание. Действительно, все таковые, еще до будущей пещи, здесь бывают пищею безумных страстей, как солома для бессловесных животных, и там опять будут веществом и пищею огня. Если бы Иоанн прямо сказал, что Христос будет судить дела наши, то его слова не так бы легко приняли; но употребив притчу, в которой все выражалось, он внушил большее убеждение, и слушатель с большею охотою увлекался им. Потому и Христос большею частью беседовал с ними таким же образом, употребляя в речи Своей подобия гумна, жатвы, винограда, точила, поля, мрежи, рыбной ловли, и всяких других обыкновенных, окружающих их предметов. То же самое сделал здесь и Креститель; он представил сильнейшим доказательством своих слов дар Духа Святого. Кто столь могущественен, говорил он, что может отпускать грехи и даровать Святого Духа, Тот тем более может сделать и то. Замечаешь ли, как здесь уже предуказывалось и таинство воскресения и суда? Почему же, спросят, он не сказал о тех знамениях и чудесах, которые вскоре имели совершиться чрез Христа? Потому что дарование Духа было величайшим из всех чудес, и все остальные ради этого только и были устроены. Указав главное, он и все обнял: попрание смерти, истребление грехов, уничтожение проклятия, освобождение от продолжительной борьбы, вход в рай, восхождение на небо, общение с ангелами, участие в будущих благах: получение Духа служило залогом всего этого. Таким образом, сказавши об этом, он уже сказал и о воскресении тел, и о знамениях, имеющих быть при этом, и об участии в царстве, и о тех благах, "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**" (1 Кор. 2:9). Все это подано нам вместе с тем даром. Следовательно, излишне было и говорить о тех знамениях, которые вскоре имели последовать, и судить о которых предоставлялось по очевидности, а надобно было сказать о том, в чем они сомневались, именно, что Христос есть Сын Божий, что Он несравненно превосходит Иоанна, что Он вземлет грехи мира, что Он подвергнет суду дела наши, что наша жизнь не ограничивается только настоящим, но что каждый получит праведное наказание за гробом. Всего этого еще нельзя было представить наглядно.

7. Итак, зная это, будем рачительны, доколе находимся на гумне; здесь еще можно и из плевел обратиться в пшеницу, так как и из пшеницы многие сделались плевелами. Не

будем же ослабевать, не будем увлекаться всяким ветром, не будем отделяться от братий наших, как бы они ни казались малы и незнатны. Ведь и пшеница, хотя по величине менее плевел, но по свойству лучше их. Смотри не на внешнее величие, так как оно уготовано огню; но на то твердое и неразрушимое уничижение пред Богом, которое не может быть ни посечено, ни сожжено огнем. Ради этих уничиженных только и долготерпит Бог плевелам, чтобы от обращения с ними эти последние соделались лучшими. Для того еще и нет суда, чтобы мы все вообще получили венцы, чтобы многие от лукавства обратились к добродетели. Итак, убоимся, слушая эту притчу, так как огонь этот неугасаем. Ты скажешь: как он может быть неугасаемым? Но не видишь ли ты солнце, которое всегда горит и никогда не угасает? Не видишь ли также купину, горящую и несгораемую? Итак, если и ты хочешь избегнуть огня, то отложи жестокосердие, и ты не испытаешь его. Если ты здесь поверишь этим словам, то когда отойдешь в жизнь загробную, не увидишь огненной пещи; если же здесь не будешь верить, то там хорошо узнаешь ее на опыте, но тогда уже невозможно будет избежать ее. Мучение, определенное проведшим жизнь неправедно, неизбежно. Впрочем, и одной только веры недостаточно: и бесы трепещут пред Богом, но при всем том не избегнут мучения. Поэтому нам должно проводить жизнь с великим рачением. Потому-то и мы часто собираем вас сюда, не для того, чтобы вы только приходили сюда, но для того, чтобы вы получили и какие-нибудь плоды от пребывания здесь. Если же вы будете выходить отсюда без всякого плода, то, хотя бы вы всегда ходили сюда, ваше хождение и присутствие ничего не будет значить. Если и мы, когда посылаем детей к учителям, и видим, что они ничему не научаются, сильно негодуем на учителей, и часто посылаем их к другим, то чем мы будем извинять себя, если не будем прилагать хотя такого же старания к добродетели, какое оказываем в отношении к этим земным занятиям, и будем всегда носить домой пустые листы? Притом здесь учителя и лучше, и больше их. В каждом собрании мы представляем вам учителями и пророков, и апостолов, и патриархов, и всех праведных, и при всем том нет никакой пользы. Пропев два или три псалма, и кое-как совершив обычные молитвы, вы расходитесь, думая, что этого достаточно для вашего спасения. Слышали ли вы, что говорит пророк, или лучше, сам Бог чрез пророка: “**Этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня**” (Ис. 29:13). Пусть же не будет сказано то же и про нас. Поэтому изгладь буквы, или лучше: те начертания, которые дьявол напечатлел в душе твоей, и принеси мне сердце свободное от всех житейских смятений, чтобы я мог написать беспрепятственно на нем то, что хочу. Теперь ничего нельзя видеть в нем кроме дьявольских письмен: хищения, любостяжания, зависти и злобы. Потому-то я, когда беру ваши листы, не могу даже и читать их; я не нахожу тех букв, которые мы написываем вам в дни воскресные, и с которыми отпускаем вас, но нахожу вместо них другие - негодные и искривленные. Мы стираем эти буквы, и пишем буквы духовные, а вы, выйдя отсюда, предаете сердца ваши действиям дьявола, и опять доставляете ему случай написать в вас свое, вместо нашего. Какое же отсюда выйдет следствие? Если я и не буду говорить, об этом уже знает совесть каждого. Впрочем, я не перестану исполнять мою обязанность, и писать в вас правильные буквы. Если же вы будете разрушать наш труд, то нам предстоит несомненная награда, а вам немалая опасность. Впрочем, я не хочу говорить ничего тягостного.

8. Я опять только прошу и молю вас: подражайте в этом случае хотя прилежанию малых детей. Они прежде всего заучивают начертание букв, потом стараются узнать их в сложении, и наконец таким путем доходят и до чтения. Будем и мы поступать так же. Разделивши добродетель на части, прежде всего научимся не клясться, не преступать клятвы, не злословить; потом, переходя к другой букве, научимся не завидовать, не любить плоти, не угождать чреву, не упиваться, не быть жестокими и нерадивыми; от этих добродетелей опять перейдем к духовным, и будем стараться о воздержании и презрении чрева, о целомудрии, правде, презрении славы, о кротости и сердечном

сокрушении, - все это совокупим вместе и напишем в душе нашей. И во всем этом мы можем упражняться дома со своими друзьями, с женою, с детьми. Начнем же пока с первых и легчайших добродетелей, так, например, с воздержания от клятвы, и этим начальным уроком будем непременно заниматься дома. Ведь и дома много препятствий этому занятию: раздражает слуга, возбуждает гнев оскорбляющая жена, доводит до угроз и клятвы глупое и своевольное дитя. Итак, если ты дома, будучи постоянно раздражаем всем этим, удержишься от клятвы, то сможешь легко воздержаться от нее и в обществе. Точно также перестанешь и браниться, если не будешь бранить ни жены, ни раба, ни кого другого из своих домашних. Жена часто похваляя кого-нибудь и жалуясь на свою участь, побуждает злословить похваляемого; но ты не доходи до того, чтобы злословить его, но все переноси великодушно. Равным образом, если видишь, что слуги твои хвалят других господ, не смущайся, но будь великодушен. Пусть дом твой будет местом борьбы и подвижничества в добродетели, чтобы, обучившись хорошо здесь, ты мог с великим искусством обращаться и в обществе. Таким же образом поступай и с тщеславием. Если постараешься не тщеславиться пред женою и слугами, то легко преодолеешь эту страсть и в обращении с другими. Хотя везде болезнь эта тяжка и мучительна, но особенно в присутствии жены. Если, следовательно, мы здесь разрушим ее силу, то легко преодолеем ее и в других случаях. Таким же образом будем поступать и с прочими страстями, ежедневно подвизаясь и упражняясь против них дома. А чтобы для нас легче был этот подвиг, наложим на себя и эпитимию, если преступим какую-нибудь из предположенных обязанностей. Пусть служит нам и эпитимия; не вред причинит она нам, а приобретет награду и принесет величайшую пользу, когда мы, например, осудим себя на строгие посты, на земные поклоны, или на другое какое-нибудь трудное дело. Таким образом отовсюду мы приобретем великие выгоды: и здесь будем вкушать сладость добродетельной жизни, и будущие получим блага, и будем всегдашними друзьями Божиими. А чтобы опять не случилось того же, - чтобы вы, подивившись сказанному здесь, по выходе отсюда, не бросили беззаботно книгу ума вашего, и не подали бы дьяволу случая изгладить написанное в ней, для того пусть всякий, придя домой, призовет жену свою, расскажет ей то, что выслушал, возьмет ее в помощницу, и с этого же дня вступит на это прекрасное поприще, укрепляя себя елеем Духа Святого. Если во время этого подвига ты и упадешь не один раз, не отчаивайся, но опять вставай, и подвизайся, и не отступай до тех пор, пока не увенчаешься блистательным венцом победы над дьяволом, и стяжания добродетели не скроешь в безопасном хранилище. Когда же утвердишь себя в навыке такого благого любомудрия, то уже не будешь более преступать каких-либо заповедей по нерадению, потому что привычка по крепости подобна будет природе. Как легко спать, есть, пить, отдыхать, так же легко для нас будет и исполнение добродетели. В награду за это мы получим чистое удовольствие, достигнем тихой пристани, будем наслаждаться постоянным спокойствием, и, направив наш нагруженный сокровищами корабль в тот день к тому граду, удостоимся неувядаемых венцов, которые да сподобимся получить все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне, присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 12

“Тогда приходит Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну креститься от него” (Мф. 3:13).

1. С рабами Господь, с виновными Судия идет креститься. Но не возмущайся этим: в этом-то смирении и сияет особенно высота Его. Да и чему удивляться, если принял крещение и вместе с другими пришел к рабу Тот, Который благоволил столько времени быть в девической утробе, родиться с нашим естеством, принять заушения и крест, и претерпеть все, что претерпел Он? То чудно, что Он, будучи Богом, восхотел соделаться человеком; все же прочее было уже следствием этого. Потому-то и Иоанн говорил

предварительно, что он недостоин развязать ремень у сапога Его (Лк. 3:16); также, что Христос есть Судия, воздаст каждому достойное и всем ниспошлет в обилии Духа, - чтобы ты, видя Его идущего ко крещению, не судил о Нем низко. Вот почему и тогда, как Он пришел креститься, Иоанн удерживает Его, говоря: "**Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне**" (Мф. 3:14)? Так как крещение Иоанново было крещением покаяния, и приводило людей в сознание грехов, то, чтобы кто не подумал, что и Иисус приходит на Иордан с таким же намерением, в предупреждение этого Иоанн называет Его Агнцем и Искупителем мира от греха. Тот, Кто мог истребить грехи всего рода человеческого, сам уже без сомнения был безгрешен. Потому Иоанн и не сказал: вот безгрешный! но, что гораздо важнее: "**берет [на Себя] грех мира**" - чтобы вместе с этим ты уверился, и уверившись увидел, что он приходит ко крещению с иною какою-то целью. Потому-то Иоанн и говорил пришедшему к нему Христу: "**Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне**"? Не сказал: Ты ли хочешь креститься от меня? Он не дерзал сказать и этого. Но что сказал? "**И Ты ли приходишь ко мне**"? Что же Христос? Он и здесь поступил точно так же, как после с Петром. И этот не давал Ему умыть ног своих, но, когда услышал: "**Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после**"; также: "**не имеешь части со Мною**" (Ин. 13:7,8), - тотчас оставил упорство и оказал послушание. Подобным образом и Иоанн, услышав: "**Оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду**" (Мф. 3:15), - немедленно повиновался. Оба они - и Петр и Иоанн - не были упорны, но оказывали и любовь и послушание, и во всем старались повиноваться Господу. Смотри же, как Иисус, убеждает Иоанна тем самым, чем он особенно затруднялся: не сказал, что того требует справедливость, но: "**так надлежит**" (так прилично). Тогда как Иоанн почитал весьма неприличным для Него принять крещение от раба, Он напротив, указывает ему на полное приличие этого, как бы говоря: не потому ли ты уклоняешься и отрекаешься от этого, что находишь это неприличным? Напротив, это весьма прилично, и потому оставь это. И не просто сказал: "**оставь**", но присовокупил: "**теперь**". Не всегда будет это, говорит Он; напротив, ты увидишь Меня и в том состоянии, в каком желаешь видеть, а теперь пока ожидай его. Далее, Христос показывает и то, почему это прилично. Почему же это прилично? Потому, что нам надлежит исполнить весь закон, - что и означил Он словами: "**всякую правду**", - так как правда есть исполнение заповедей. Так как мы, говорится, исполнили уже все другие заповеди, и остается только одно это, то должно присовокупить и это. Я пришел разрешить клятву, лежащую на вас за преступление закона; потому должен прежде сам исполнить весь закон и освободить вас от осуждения, и таким образом прекратить действие закона. Итак, Мне надлежит исполнить весь закон, потому что Я должен разрешить проклятие, написанное против вас в законе. Для того-то Я и принял плоть, и пришел в мир. "**Тогда [Иоанн] допускает Его. И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, - и се, отверзлись Ему небеса, и увидел [Иоанн] Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него**" (Мф. 3:15,16).

2. Естественно, народ почитал Иоанна гораздо выше Христа. Тот всю жизнь свою проводил в пустыне, был сын архиерея, носил необычайную одежду, призывал всех ко крещению, и сверх того, родился от неплодной; Иисус же произошел от незнатной отроковицы (рождение от Девы не было еще всем известно), воспитывался в доме, обращался со всеми и носил обычную одежду. Так как никто еще не знал неизреченных тайн домостроительства, то и почитали Христа меньшим. Крещение от Иоанна еще более могло утверждать иудеев в этом мнении, если бы даже они и не имели других побуждений к тому. Они думали о Иисусе, что и Он из числа обыкновенных людей. Если бы Он был необыкновенный человек, рассуждали они, то не пришел бы креститься вместе с другими. Напротив, Иоанн был в глазах их гораздо более и удивительнее Его. Вот почему, чтобы такая мысль не утвердилась в народе, тотчас, по крещении Иисуса, отверзаются небеса, нисходит Дух, и вместе с Духом глас, возвещающий достоинство Иисуса, как

Единородного. А так как этот глас: “**Сей есть Сын Мой возлюбленный**” (Мф. 3:17) многим казался относящимся к Иоанну, потому что не было прибавлено: сей крещаемый, но сказано просто – сей; да и как по самому достоинству Крестителя, так и по всем вышесказанным обстоятельствам, каждый, слышавший эти слова, естественнее прилагал их к крестившему, чем к крестившемуся, - то Дух Святый сошел в виде голубя, чтобы обратить глас на Иисуса, и показать всем, что слово сей сказано не об Иоанне крестившем, но об Иисусе крестившемся. Почему же, - скажут, - не смотря на такое событие, иудеи не уверовали в Него? По жестокосердию своему. Точно также и при Моисее много было чудес, хотя и не столь великих; но народ, после всех этих чудес, после гласов и труб и молний, слил себе тельца и прилепился к Веельфегору. Да и те же самые, которые были при крещении, видели впоследствии воскресение Лазаря; и однако, не только не уверовали в Того, Кто сотворил это чудо, но еще многократно покушались и убить Его. Итак, если они, видя собственными глазами воскресение мертвых, до такой степени упорствовали во зле и неверии, то чему дивиться, если они не поверили гласу, нисшедшему свыше? Когда душа находится в состоянии бесчувственности и развращения, и одержима недугом зависти, тогда она не убеждается никаким чудом. Напротив, когда душа благопризнательна, тогда она принимает все с верою, даже и в чудесах не имеет особенной нужды. Итак, не спрашивай, почему они не поверили; но рассмотри лучше, не все ли было сделано, что было нужно для преклонения их к вере. Это показывает Сам Бог, когда устами пророка защищает все, что Он сделал для блага их. Когда иудеям угрожала погибель и последнее наказание, то, чтобы кто-нибудь за их развращение не стал обвинять Промысл, Он говорит: “**Что еще надлежало бы сделать для виноградника Моего, чего Я не сделал ему**”(Ис. 5:4)? Так и здесь, рассмотри, чему бы еще надлежало быть, и не было? Да и когда бы ни случились подобные рассуждения о промысле Божием, употребляй всегда этот образ защиты против дерзающих обвинять его за пороки людей. Смотри же, какие совершаются чудеса, и какие открываются начатки будущего: ведь не рай, а самое небо отверзается. Впрочем, речь против иудеев отложим до другого времени; а теперь, при содействии Божием, обратимся к дальнейшему. “**И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, - и се, отверзлись Ему небеса**”. Для чего же отверзлись небеса? Для того, чтобы ты познал, что и при твоем крещении бывает то же самое; тогда Бог призывает тебя к горнему отечеству, и убеждает ничего уже не иметь общего с землею. Ты не видишь этого, но, несмотря на то, не сомневайся. Чувственные видения дивных и духовных вещей и все подобные знамения являются только в начале, и то для людей грубых и таких, которые, не могут вместить никакой мысли о существе бестелесном, и поражаются только видимым, и потому имеют нужду в чувственных видениях; но и это бывает с тою целью, чтобы с верою принималось то, что однажды в начале было утверждено чудесами, хотя бы этих чудес потом уже и не было. Так на собрании апостолов был шум дыхания бурного, и явились видения огненных языков, - не для самих апостолов, но для иудеев, которые тогда находились с ними. Между тем и мы приемлем то, что единожды утверждено чудесами, хотя и нет более чувственных знамений. Так и при крещении, голубь явился для того, чтобы и присутствующим, и Иоанну указать, как бы перстом, Сына Божия, и вместе для того, чтобы и ты знал, что и на тебя, когда крещаешься, нисходит Дух Святой.

3. Но нам нет нужды уже в чувственном видении, потому что для нас вместо всех знамений довольно одной веры; знамения даются не для верующих, но для неверующих. Почему же Дух Святый явился в виде голубя? Потому что голубь есть животное кроткое и чистое. И как Дух Святый есть Дух кротости, то Он и явился в этом виде. Кроме того, такое явление напоминает нам и о древней истории. Когда всеобщий потоп объял всю вселенную, и род наш подвергался опасности совершенного истребления, тогда явилась эта птица и дала знать о прекращении потопа, и, принесши ветвь масличную, принесла благую весть о всеобщей тишине во вселенной. Все это было прообразованием будущего.

Тогда люди находились в худшем состоянии, и достойны были гораздо большего наказания. Поэтому, чтобы ты не отчаивался, Писание и приводит тебе на память эту историю. И в то время, несмотря на самое отчаянное положение дел, было некоторое избавление от бедствий и восстановление; тогда это произошло посредством наказания, а теперь посредством благодати и дара неизглаголанного. Поэтому и голубица не с масличною ветвью является, но указывает нам на Освободителя от всех зол и подает благие надежды. Не одного только человека выводит она из ковчега, но всю вселенную возводит на небо, и вместо масличной ветви приносит усыновление всему роду человеческому. Представляя величие этого дара, не уменьшай в мыслях твоих достоинства Святого Духа потому только, что Он явился в таком образе. Я слышал, как некоторые говорят, будто такое же различие между Христом и Святым Духом, какое между человеком и голубем, потому что Тот явился в человеческом естестве, а этот в виде голубя. Что на это должно сказать? То, что Сын Божий принял естество человеческое, а Дух Святой не принял естества голубя. Потому и евангелист не сказал: в естестве голубя, но - в виде голубя. Да кроме данного случая, после Он никогда не являлся в таком образе. Далее, если ты по этой только причине почитаешь Его меньшим по достоинству, то потому же самому и херувимы будут лучше Его, и притом во столько раз, во сколько орел превосходнее голубя, потому что они являлись в виде орлином. Также и ангелы будут лучше Его, потому что и они часто являлись в образе человеческом. Но да не будет этого, да не будет! Иное ведь дело истинным соделаться человеком, иное - на время являться в каком-либо виде. Итак, не будь неблагодарным пред своим Благодетелем, и не плати злом за добро даровавшему тебе источник блаженства. Где достоинство усыновления, там и отъятие всех зол и дарование всех благ. Вот почему отменяется крещение иудейское, а наше получает начало. Что было с пасхою, то же происходит и с крещением. Как там Христос, совершив ту и другую пасху, одну отменил, а другой дал начало, так и здесь, исполнив крещение иудейское, отверз двери и крещению Церкви новозаветной. Как там, в одной вечери, так здесь в одной реке и тень начертал, и истину представил. Только наше крещение имеет благодать Святого Духа; крещение же Иоанново не имело такого дара. Потому-то ничего подобного и не случалось при крещении других людей, а совершилось только с Тем, Кто имел преподать этот дар, чтобы ты кроме вышесказанного познал и то, что не чистота крещающего, но сила крестившегося произвела это. Тогда и небеса отверзлись, и Дух Святой снизошел. Так Христос от древнего образа жизни уже изводит нас к новому, отверзая нам врата небесные и ниспосылая оттуда Святого Духа, Который призывает нас к горнему отечеству; и не просто призывает, но и облекает высочайшим достоинством: соделывает нас не ангелами и архангелами, но возлюбленными сынами Божиими. Так Он влечет нас к тому горнему достоянию.

4. Представляя все это, яви жизнь достойную и любви призывающего, и сообщества небесного, и чести тебе дарованной. Распявшись миру и мир распявши себе, со всяким тщанием старайся жить так, как живут на небесах. Не думай, что ты имеешь нечто общее с землею, потому что тело твое еще не вознесено на небо; глава твоя там - на небесах. Для того-то Господь нисшел на землю и низвел с Собою ангелов, а потом, восприявши тебя, восшел на небо, чтобы ты, еще прежде восшествия твоего туда, уверился, что можешь жить и на земле, как на небе. Итак, будем постоянно сохранять то достоинство, которое мы получили в начале; будем ежедневно стремиться к небесным чертогам, и все земное почитать тенью и сновидением. В самом деле, если бы какой-нибудь земной царь неожиданно усыновил тебя, бедного и нищего, ты бы и не подумал о своей бедной хижине, хотя между тем и другим еще и не велико различие. Так и ты не думай ни о чем прежнем, потому что ты призван к благам гораздо важнейшим. Тот, кто тебя призывает, есть Владыка ангелов, а блага, даруемые тебе, превыше всякого слова и разумения. Он переселяет тебя не от земли на землю, подобно царю земному, но от земли на небо, и от смертного естества в славу бессмертную и неизглаголанную, которая тогда только

откроется нам в истинном своем виде, когда будем ею наслаждаться. Надеясь получить такие блага, неужели ты будешь еще вспоминать о деньгах, и прилепляться к мечтам земным? Ужели не уверишься, что все видимое малоценнее рубища нищего? Как же ты явишься достойным такой великой чести? Какое принесешь оправдание? Или лучше, какой не понесешь казни за то, что после такого дара опять бежишь к прежней блевотине? Ведь ты будешь наказан за грехи свои не просто как человек, но как сын Божий, и величие чести послужит тебе только к большему наказанию. И мы за одни и те же проступки не одинаково наказываем провинившихся рабов и детей, особенно если они много облагодетельствованы нами. И если тот, кому дан был в удел рай, за одно только преслушание после великой чести подвергся таким бедствиям, то мы, получившие небо и соделавшиеся сонаследниками Единородного, можем ли испросить прощение, когда, оставив голубя, поспешаем к змию? Нет, мы уже не услышим тогда: "**Прах ты и в прах возвратишься**" (Быт. 3:19), или: "**будешь возделывать землю**", и прочего, что некогда сказано было Адаму, но нам угрожают наказания гораздо тягчайшие - тьма кромешная, узы неразрешимые, червь ядовитый, скрежет зубов; и по делам. Тот, кто и после такого благодеяния не сделался лучшим, по всей справедливости должен подвергнуться последнему и тягчайшему наказанию. Илия некогда отверз и заключил небо для того, чтобы низвести и удержать дождь; а тебе отверзается небо для того, чтобы ты восшел туда, и не только сам восшел, но - что гораздо важнее - и других возвел с собою, если захочешь. Вот какое дерзновение и власть даровал тебе Господь во всех (благах) Своих! Итак, если там дом наш, то положим туда все свое имение, и не оставим ничего здесь, чтобы не лишиться его. Здесь - на земле - хотя бы ты запер свое имущество ключом, хотя бы приделал двери и запоры, хотя бы приставил тысячу стражей, и защитил его от всех злодеев, хотя бы укрыл его от взора завистников, хотя бы предохранил даже от моли и от порчи, причиняемой временем, что, впрочем, невозможно, - ты все же не избежишь, рано или поздно, смерти; и все это в одно мгновение будет у тебя отнято, и не только отнято, но и предано в руки врагов твоих. Если же ты перешлешь свое имение в дом небесный, то будешь совершенно безопасен. Не нужно тебе будет ни замков, ни дверей, ни запоров. Такова крепость того града; так неприступно то место для хищников; так неприкосновенно для тления, и ограждено от всякого злого умысла.

5. Не крайнее ли безумие - собирать все туда, где все полагаемое истлевает и погибает, а где все остается неприкосновенным, и даже еще возрастает, туда не отлагать ни малейшей части? И это делаем мы, которые там должны жить вечно. Потому-то и язычники не верят нашим словам. Они хотят не на словах, а в делах наших видеть доказательство нашего учения о жизни будущей. Видя, что мы строим пышные дома, заводим сады и бани, покупаем поля, они не хотят верить, чтобы мы готовились переселиться в другой небесный град. Если бы это было так, говорят они, тогда бы христиане все, что только здесь имеют, променявши на серебро, заблаговременно отправили туда. Так заключают они из того, что обыкновенно бывает в мире. В самом деле, мы видим, что богатые люди строят дома, покупают поля и все прочее в тех городах, в которых намереваются жить. Между тем мы делаем напротив. Мы всеми силами стараемся приобрести землю, и за несколько десятин земли и домов не только не жалеем денег, но даже проливаем кровь; а для приобретения неба не хотим пожертвовать и самими избытками, между тем как могли бы купить его за малую цену, и, купивши, обладать им вечно. Потому-то мы и подвергнемся крайнему наказанию, если придем туда наги и нищи; и не за свою только бедность будем терпеть несносные мучения, но и за то особенно, что и других вовлекли в подобное состояние. В самом деле, если язычники увидят, что и мы, сподобившись великих таинств, привязаны к земному, то тем более сами будут прилепляться к нему. Через это мы сами собираем сильнейший огонь на главу нашу. Нам надлежало бы учить их презирать все видимое, а мы, вместо того, больше всех возбуждаем в них пристрастие к нему. Как же мы можем спастись, когда должны будем подвергнуться истязанию за

погибель других? Неужели же ты не знаешь, что Христос повелел нам быть солью и светильниками в этом мире, чтобы мы и укрепляли расслабляемых сладострастием, и просвещали омраченных заботами о богатстве? Если же мы повергаем их еще в большую тьму, и только еще больше расслабляем, то какая останется нам надежда спасения? Совершенно никакой, но с воплем и скрежетом зубов, связанные по рукам и ногам, будем ввержены в огонь геенский, после того как уже здесь истомимся заботами о богатстве. Итак, размыслив о всем этом, расторгнем все узы обольщения сребролюбием, чтобы не впасть нам в те узы, которыми увлекут нас в огонь неугасаемый. Тот, кто рабствует богатству, и здесь и там всегда будет в узах; а не имеющий этой страсти и здесь и там будет свободен. Чтобы и нам достигнуть этой свободы, сокрушим тяжкое ярмо сребролюбия, и воскрылимся к небу, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 13

"Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от дьявола" (Матф. 4:1).

1. "**Тогда**": когда же это? После сошествия Святого Духа, после голоса, сошедшего свыше и возвестившего: "**Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение**"! И вот что удивительно: Иисус, как говорит евангелист, возведен был в пустыню Духом Святым. Так как Христос все делал и терпел для нашего научения, то и теперь попускает Он отвести Себя в пустыню и поставить в борьбу с дьяволом для того, чтобы никто из крестившихся, если бы ему случилось после крещения претерпевать еще больше прежних искушения, не смущался ими, как чем-то неожиданным, но мужественно переносил бы всякое искушение, как дело обыкновенное. Не для того, ведь, ты получил оружие, чтобы быть праздным, но чтобы сражаться. Вот почему и Бог не препятствует посещать тебя искушениям. Во-первых, Он попускает их для того, чтобы ты познал, что ты сделался гораздо сильнее; во-вторых, чтобы ты пребывал в смирении, и не превозносился величием даров, видя, что искушения могут смирять тебя; в-третьих, для того, чтобы лукавый дух, все еще сомневающийся в твоем от него отступлении, видя твое терпение в искушениях, уверился, что ты совершенно оставил его и отступил от него; в четвертых, чтобы ты через это сделался тверже и крепче всякого железа; в-пятых, чтобы получил ясное свидетельство о вверенных тебе сокровищах. В самом деле, дьявол не стал бы приступать к тебе, если бы не видел тебя на высшей степени чести. Потому самому и в начале он восстал против Адама, что видел его украшенным высоким достоинством. Потому же вооружился и против Иова, когда увидел его увенчанным и прославленным от Господа всяческих. Как же, возразишь ты, сказано: "**молитесь, чтобы не впасть в искушение**" (Матф. 26:41)? Но потому-то и говорит тебе евангелист, что Иисус не сам пришел, а был возведен в пустыню по божественному смотрению, чем показывается, что и мы не должны сами вдаваться в искушения, но когда будем вовлечены в них, то должны стоять мужественно. И смотри, куда привел Его Дух; не в город, не на площадь, но в пустыню. Он как бы хотел тем привлечь дьявола, давая ему случай искусить не только голодом, но и самым местом уединенным, потому что дьявол тогда особенно и нападает на нас, когда видит, что находимся в уединении - только сами с собой. Так и в начале он приступил к жене, нашедши ее одну, без мужа. Когда же видит нас в сообществе с другими, то не так бывает смел, и не отваживается нападать. И по этой, следовательно, причине нам всем нужно чаще собираться вместе, чтобы дьявол не мог удобно уловлять нас. Итак, дьявол нашел Христа в пустыне, - и в пустыне непроходимой (что такова была та пустыня, об этом свидетельствует Марк, говоря: "**был со зверями**" – (Марк. 1:13). Смотри, с какой хитростью, с каким лукавством приступает он, и какое выждал время. Он приступает не тогда, когда Иисус постился, но когда взалкал. Отсюда познай, сколь великое благо и сколь сильное оружие против дьявола - пост; познай и научись, что, омывшись водами

крещения, не должно предаваться удовольствиям, пьянству и обильным яствам, но наблюдать пост. Потому-то и сам Христос постился, - не потому, что Ему нужен был пост, но для нашего научения. Служение чреву было виной грехов, бывших до крещения. Поэтому, как врач, излечив больного, запрещает ему делать то, от чего произошла болезнь, так и здесь Христос после крещения установил пост. И Адама изгнало из рая чревоугодие; оно же во времена Ноя было причиной потопа; оно же и на содомлян низвело огонь. Хотя преступлением их было и сладострастие, но корень той и другой казни произошел от чревоугодия, на что и Иезекииль указывает, говоря: "**вот в чем было беззаконие**" содомлян, что они в гордости и "**пресыщении и праздности**" (Иезек. 16:49). Так и иудеи, начав пьянством и объедением, предались беззаконию и сделали величайшие преступления.

2. Вот почему и Христос постился сорок дней, показывая нам спасительное врачевство. Дальше этого Он не простирается, чтобы чрезмерным величием чуда не сделать сомнительной самую истину воплощения. Теперь этого быть не может, потому что и прежде Его еще Моисей и Илия, укрепляемые божественной силой, оказались в состоянии вынести такой же продолжительный пост. А если бы Христос постился долее, то многим и это могло бы служить поводом сомневаться в истине воплощения. Итак, пропостившись сорок дней и ночей, "**напоследок взалкал**" (Матф.4:2), давая, таким образом, случай дьяволу приступить к Нему, чтобы Своей борьбой с ним показать, как должно преодолевать и побеждать. Так поступают и борцы, желая научить своих учеников одолевать и побеждать борющихся с ними; они нарочно в палестрах [1] схватываются с другими, чтобы ученики замечали телодвижения борющихся, и учились искусству победы. То же сделано было и там. Восхотев привлечь дьявола на борьбу, Христос обнаружил перед ним Свой голод, и когда тот приблизился, Он взял его, и затем раз, другой раз, и третий низложил его со свойственной Ему легкостью. Но, чтобы слишком беглым взором на эти победы не уменьшить вашей пользы, рассмотрим подробно каждую борьбу, начав с первой. Когда, говорится, взалкал Иисус, "**приступил к Нему искуситель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами**" (Матф.4:3). После того как слышал уже голос, сошедший с неба и свидетельствующий: "**Сей есть Сын Мой возлюбленный**" (Матф. 3:17), слышал столь же славное о Нем свидетельство Иоанна, искуситель вдруг видит Его алчущим. Это приводит его в недоумение: припоминая сказанное об Иисусе, он не может поверить, чтобы это был простой человек; с другой стороны, видя Его алчущим, не может допустить, чтобы это был Сын Божий. Находясь в таком недоумении, он приступает к Нему со словами сомнения. И, как некогда, приступив к Адаму, выдумал то, чего совсем не было, чтобы узнать истину, так и теперь, не зная ясно неизреченного таинства воплощения, и того, кто перед ним, коварно сплетает новые сети, чтобы, таким образом, узнать сокровенное и остававшееся в неизвестности. Что же говорит он? "**Если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами**". Не сказал: если алчешь; но: "**если Ты Сын Божий**", думая обольстить Его похвалами. О голоде он умалчивает, чтобы не показалось, что он выставляет это Ему на вид и хочет уничижить Его. Не постигая величия действий, относящихся к домостроительству спасения, он почитал это за постыдное для Иисуса. Поэтому он льстит Ему и коварно напоминает только о Его достоинстве. Что же Христос? Низлагая кичливость дьявола и показывая, что случившееся ни мало не постыдно и не недостойно Его премудрости, Сам выражает и обнаруживает то, о чем искуситель умолчал из лести, и говорит: "**не хлебом одним будет жить человек**". Так искуситель начинает с потребности чрева. Посмотри на хитрость злого духа, с чего он начинает борьбу, и как остается верен своему коварству: чем он изринул из рая первого человека, и подверг его бесчисленным бедствиям, тем и здесь начинает свое обольщение, т. е. невоздержанием чрева. И ныне от многих безумцев ты услышишь, что чрево для них было причиной бесчисленных зол. Но Христос, желая показать, что добродетельного человека и

самое жестокое насилие не может принудить сделать что-либо неподобающее, алчет, и, однако же, не повинуется внушению дьявола, научая и нас ни в чем его не слушаться. Так как первый человек, послушав дьявола, и Бога прогневил, и закон преступил, то Господь всячески внушает тебе не слушать дьявола даже и тогда, когда требуемое им не будет преступлением закона. Но что я говорю - преступлением? Хотя бы что и полезное внушали демоны, и тогда Господь запрещает их слушать. Так он повелел молчать бесам и тогда, когда они возвещали, что Он Сын Божий. Так и Павел запретил им кричать, хотя то, что они говорили, было полезно; но чтобы совершенно посрамить их и преградить всякое их злоумышление против нас, несмотря на то, что они проповедовали спасительные истины, прогнал их, заградил им уста и повелел молчать (Деян. 16:18). Потому-то и теперь Христос не согласился на слова дьявола, но что сказал? Он отвечал ему словами ветхого завета: "**не хлебом одним будет жить человек**". Слова эти значат, что Бог может и словом напитать алчущего. Этим Христос научает нас, несмотря ни на голод, ни на какие другие страдания, никогда не отступать от Господа.

3. Если же кто-нибудь скажет, что Спасителю надлежало бы показать силу Свою, то я спрошу его: для чего и почему? Дьявол говорил это не для того, чтобы самому уверовать, но чтобы, как он думал, обличить Христа в неверии, так как и прародителей он обольстил таким же образом, и обнаружил, что они мало имели веры к Богу. Пообещав им совершенно противное тому, что говорил Бог, и, надмив их пустыми надеждами, он поверг их в неверие, а через это лишил и тех благ, которыми они обладали. Но Христос не изъявляет Своего согласия ему, точно так же, как впоследствии и иудеям, которые, водясь его духом, просили знамений, в том и другом случае научая нас, чтобы мы, если и можем что-либо сделать, не делали ничего напрасно и без причины, и даже в случае крайней нужды не слушались дьявола. Что ж теперь начинает делать этот гнусный обольститель? Побежденный Иисусом и оказавшись не в силах склонить Его, несмотря на сильный Его голод, к согласию на свое требование, дьявол приступает к другому средству и говорит; "**если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногой Твоей**" (Матф. 4:6). Почему к каждому искушению он прилагает: "**если Ты Сын Божий**"? Как поступил он с прародителями, так поступает и теперь. Подобно тому как тогда словами: "**в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши**" (Быт. 3:5) он клеветал на Бога, желая этим показать, что они обмануты, обольщены и нимало не облагодетельствованы, так и теперь старается внушить то же самое, и как бы говорит: напрасно Бог назвал Тебя Сыном Своим, Он ввел Тебя в обольщение этим даром, если же это не так, то покажи нам божественную Свою силу. А поскольку Господь говорил с ним словами Святого Писания, то и он приводит свидетельство пророка.

Что же Христос? Он не вознегодовал на это и не разгневался, но с великой кротостью отвечает ему опять словами Святого Писания: "**не искушай Господа Бога твоего**" (Матф. 4:7). Этим Христос научает нас, что дьявола должно побеждать не знамениями, но незлобием и долготерпением, и что ничего не надобно делать только по честолюбию, для того, чтобы показать себя. Далее: посмотри, как безумие искусителя видно и в самом приведении свидетельства. Оба приведенные Господом свидетельства, приведены как нельзя более кстати, а предложенные им взяты без разбора, как попалось, и совсем не относились к делу, потому что словами: "**Ангелам Своим заповедает о Тебе**" не предписывается нам бросаться в пропасть; притом же, это не о Господе и сказано. Но Господь не стал обличать его безумия, хотя дьявол и привел слова Писания с обидой для Него, и совершенно в превратном смысле. От Сына Божия никто не потребует такого дела; свойственно бросаться вниз только дьяволу и демонам, Богу же свойственно и лежащих восстанавливать. Если бы и нужно было Сыну Божьему явить силу Свою, то, конечно, не в том, чтобы самому безрассудно бросаться с высоты, но в том, чтобы спасать

других. А бросаться в пропасти и стремнины свойственно полчищу дьявольскому; так всегда и поступает обольститель, управляющий ими. Однако Христос и после этих слов не открывает Себя, но все еще говорит с ним как человек; слова: "**не хлебом одним будет жить человек**", и: "**не искушай Господа Бога твоего**" еще не обнаруживали ясно, кто Он, но показывали в Нем простого человека. Не удивляйся тому, что дьявол, говоря с Христом, бросается то в ту, то в другую сторону. Подобно тому, как бойцы, получив смертельную рану, и обливаясь кровью, в беспамятстве мечутся во все стороны, так и он, пораженный уже первым и вторым ударами, начинает говорить без разбора, что пришло на ум, и, таким образом, приступает в третий раз к борьбе. И возведя "**Его на весьма высокую гору, показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи**" (Матф. 4:8-10). Так как дьявол согрешил теперь уже против Бога Отца, называя вселенную, которая принадлежит Ему, своей, и осмелился выдавать себя за Бога, как будто бы он был зиждителем мира, то Христос, наконец, запретил ему, но и тут не с гневом, а просто: "**отойди, сатана**". Да и это было скорее повеление, нежели запрещение, потому, что лишь только Христос сказал ему: "**отойди**", дьявол, - он тотчас убежал и не смел уже более искушать Его.

4. Как же Лука говорит, что дьявол окончил "**все**" искушение (Лук. 4:13)? Мне кажется, что он, упомянув о главных искушениях, сказал: "**все**", потому что в этих искушениях заключаются и все другие. В самом деле, источниками всех бесчисленных зол являются следующие три порока: служение чреву, тщеславие, чрезмерное пристрастие к богатству. Зная это, и гнусный искуситель сильнейшее искушение, т. е. желание большего, сберег к концу. Мучительное желание высказать это искушение было у него с самого начала; но, как сильнейшее прочих, он сохранил его на конец. Таков закон его борьбы: употреблять после всего то, что, по его мнению, удобнее может низложить врага. Так поступил он и с Иовом; так и здесь. Начав с того, что почитал менее важным и слабейшим, доходит до сильнейшего. Как же нужно побеждать его? Так, как научил Христос: прибегать к Богу, не унывать и при самом голоде, веруя в Того, Кто может напитать нас и словом; и если получим какие блага, не искушать ими Даровавшего, но, довольствуясь славой небесной, нимало не заботиться о человеческой, и во всем удаляться излишеств. Поистине, ничто столько не подвергает нас власти дьявола, как желание большего и любостяжание. Это можно видеть даже и из того, что происходит ныне. И ныне есть такие, которые говорят: "все это дадим тебе, если, падши, поклонишься нам"; они хотя и люди по естеству, но сделались орудиями дьявола. Так и тогда он не сам только нападал на Христа, но употреблял в помощь и других, что показывает и евангелист Лука, говоря: "**отошел от Него до времени**" (Лук. 4:13); этими словами он дает разуметь, что дьявол и после нападал на Христа посредством своих орудий. "**И се, Ангелы приступили и служили Ему**" (Матф. 4:11). Пока совершалась брань, Христос не допускал являться ангелам, чтобы этим не отогнать того, кого надлежало уловить. Но когда Он изобличил дьявола во всем и заставил бежать, тогда являются и ангелы. Отсюда познай, что и тебя после побед над дьяволом примут с рукоплесканием ангелы и будут ограждать во всех случаях. Так они приняли и отнесли на лоно Авраама Лазаря, искушенного в печи бедности, голода и всяких скорбей. Христос, как я говорил и прежде, много явил здесь такого, что и с нами должно случиться. Итак, поскольку все это совершилось для тебя, то поревнуй и подражай победе Спасителя. Если кто-нибудь из служителей демона или из единомышленников его приступит к тебе, и, издеваясь над тобой, будет говорить: "переставь гору, если ты чудотворец и человек великий!" - ты не возмущайся этим, не выражай негодования, но с кротостью отвечай, как отвечал твой Владыка: "**не искушай Господа Бога твоего**". Если он будет предлагать тебе славу, власть и неисчислимые сокровища, и потребует за то поклонения, опять стой мужественно. Не с одним только

Владыкой всех нас так поступил дьявол, но и против каждого из рабов Его он ежедневно строит те же ковы, не только в горах и пустынях, но и в городах, на площадях и в судах, - не только сам собой, но и через людей, собратий наших. Итак, что же нам делать? Совершенно не верить ему, заграждать слух свой, ненавидеть его, когда льстит, и чем более обещает, тем более отвращаться от него. Ведь и Еву он низринул и подверг величайшим бедствиям тем, что надмил дух ее слишком высокими надеждами. Он - неумолимый враг наш, и ведет с нами непримиримую брань. Не столько мы стараемся о своем спасении, сколько он о нашей погибели. Итак, будем отвращаться от него не только на словах, но и на самом деле, не только мыслью, но и делами, и не будем делать ничего ему угодного. Так поступая, мы исполним все, что угодно Богу. Дьявол много обещает нам, но не с тем, чтобы дать, а чтобы у нас взять. Обещает доставить богатство посредством хищения, с тем, чтобы отнять у нас царствие и правду; расстилает по земле сокровища, как бы тенета и сети, для того, чтобы лишить и этих сокровищ, и небесных; хочет обогатить нас здесь, чтобы мы не имели богатства там. Когда же не может лишить нас небесного наследия посредством богатства, то избирает для того другой путь - путь бедности, как поступил он с Иовом. Когда он увидел, что богатство не причинило никакого вреда Иову, то связал сети из бедности, надеясь, таким образом, одержать над ним победу. Что может быть безумнее этого? Кто умел благоразумно пользоваться богатством, тот тем более будет мужественно переносить бедность. Кто не имел пристрастия к богатству, когда обладал им, тот не станет искать, когда его и не будет, как и действительно не искал его блаженный Иов, напротив, в бедности он сделался еще славнее. Злой демон хотя и мог лишить его богатства, но любви к Богу не только не лишил, но даже еще более усилил ее и, отняв у него все, сделал то, что Иов обогатился еще большими благами, так что дьявол не знал даже, что еще и предпринять. Чем более он поражал его, тем более видел в нем сил. А когда, испытав все средства, не получил никакого успеха, то прибег, наконец, к древнему оружию - к жене, и, надев на себя личину сострадания, весьма живо и трогательно изображает его несчастья и, как бы радея об избавлении его от бедствий, подает гибельный совет. Но этим он не победил Иова; этот удивительный муж приметил хитрость его, и с великим благоразумием заградил уста жене, которая по внушению дьявола предлагала совет.

5. Так и мы должны поступать. Хотя бы в лице брата, или искреннего друга, или жены, или кого-нибудь из самых близких к нам людей, дьявол внушал нам что-либо неподобающее, мы не по лицу должны судить о словах и принимать советы, но и по гибельному совету должны заключать о том, кто предлагает совет, и отвращаться от него. Дьявол ведь и ныне часто поступает подобным образом: принимает личину сострадания, и, притворяясь доброжелательным, подает нам советы пагубнее и вреднее всякого яда. Его дело - льстить нам, к вреду нашему; а дело Божье - наказывать нас, для нашего блага. Итак, не будем обманываться, не будем усиленно искать спокойной жизни: "**кого любит Господь, того наказывает**" (Притч. 3:12), говорит Писание. Если мы наслаждаемся благоденствием, живя порочно, то, тем более, должны сокрушаться. Служа греху, мы и всегда должны страшиться, но особенно тогда, когда не претерпеваем никакого несчастья. Когда Бог посылает нам наказания, так сказать, по частям, то облегчает этим казнь за грехи; напротив, когда долготерпит обо всех наших прегрешениях, то тем сохраняет нас для большей казни, если мы пребываем в грехах. Если и для праведников необходимо страдание, то тем более для грешников. Посмотри, сколь великое долготерпение Божье испытал на себе фараон и, наконец, какой жестокой подвергся казни за все свои злодеяния! Сколько преступлений учинил Навуходоносор, пока, наконец, не понес казни за все! Равным образом и евангельский богач, за то самое, что здесь не потерпел никакого бедствия, после сделался несчастнейшим. Насладившись удовольствиями в этой жизни, он перешел в тот мир, чтобы потерпеть казнь за все, и там не мог уже найти никакого утешения в своем страдании. Несмотря на это, есть такие холодные и безумные люди,

которые ищут всегда только настоящего и говорят такие достойные смеха слова: "наслажусь теперь всеми настоящими благами, а после подумаю о том, что неизвестно; буду угождать чреву, буду рабом удовольствий, не буду много дорожить и настоящей жизнью: дай мне нынешний день, и возьми себе завтрашний!" Какое непомерное безумие! Чем отличаются такие люди от козлов и свиней (Иерем. 5:8)? Если пророк не хочет почитать людьми неистовствующих против жены ближнего своего, то кто вас осудит, когда мы скажем, что те люди безумнее и козлов, и свиней, и ослов, - люди, которые неизвестным почитают то, что яснее очевидного? Если ты уже ничему другому не веришь, то посмотри на мучение демонов, которые стараются во всем вредить нам и словами и делами. Ты не будешь противоречить тому, что они употребляют все средства, чтобы увеличить нашу беспечность, истребить в нас страх геенны и сделать то, чтобы мы не верили будущему суду; но при всем том, они часто с криком и воплем возвещают о мучениях адских. Почему же они говорят противное тому, чего желают? Конечно, вынуждает их к этому жестокость мук, ими претерпеваемых. Добровольно они никогда не сознались бы ни в том, что их мучат люди умершие, ни в том вообще, что терпят какое-либо мучение. Для чего же это сказал я? Для того чтобы показать, что и демоны свидетельствуют о геенне, хотя и не желают, чтобы люди верили геенне; а ты, удостоившись столь высокой чести, и приобщившись неизреченных таинств, не подражаешь и бесам, но и их сделался безумнее. Ты скажешь: кто приходил из ада и возвестил о тамошних мучениях? Но я спрошу: кто приходил и с небес и возвестил, что есть Бог, все сотворивший? Равным образом, откуда известно, что мы имеем душу? Если ты хочешь верить только тому, что видишь, то усомнишься и о Боге, и об ангелах, и об уме, и о душе, и, таким образом, для тебя исчезнет все учение истины. Впрочем, если ты хочешь верить только тому, что ясно, то более должен верить невидимому, нежели видимому. Хотя это странно, однако же, истинно и признано за несомненное всеми людьми, имеющими ум. И действительно, глаза часто обманываются не только в невидимом (его они вовсе не знают), но даже и в тех вещах, которые, кажется, мы видим, потому что и расстояние, и воздух, и устремление мысли на другой предмет, и гнев, и забота, и тысячи других причин препятствуют им правильно видеть. Но размышление души, просвещенной светом божественного Писания, представляет вернейшее и не обманчивое суждение о вещах. Итак, не будем тщетно обманывать самих себя, чтобы при беспечности жизни, происходящей от такого учения, не собрать для самих себя лютейшего огня и за самое учение. Если нет суда, если мы не дадим отчета в делах своих, и не получим награды за труды, то посмотрите, куда увлекает вас ваше богохульство, когда вы говорите, что праведный человеколюбивый и милосердный Бог презрит такие труды и подвиги. И возможно ли это?

Если ничто другое не вразумляет тебя, то посмотри хотя на домашнюю твою жизнь, и ты увидишь всю нелепость твоих мыслей. В самом деле, - предположим, что ты был бы безмерно жесток и бесчеловечен, превосходил своей свирепостью и самых зверей; но, находясь при смерти, ты, конечно, не захотел бы оставить без награды усердного своего слугу, а и отпустил бы его на волю, и наградил бы деньгами; и если ты сам, умирая, уже ничего не можешь сделать в его пользу, то, по крайней мере, завещаешь о нем наследникам твоим, просишь их, убеждаешь, всячески стараешься, чтобы он не остался без награды. Если же, будучи злым, оказываешься столь добрым и человеколюбивым к слуге своему, то Бог, беспредельная благость, неизреченное человеколюбие и доброта, неужели презрит и оставит не увенчанными рабов Своих - Петра и Павла, Иакова и Иоанна, которые ежедневно ради Него томились голодом, были заключаемы в узы, мучимы, потопляемы, предаваемы зверям, каждый день умирали и претерпевали бесчисленные страдания? Председатель на Олимпийских играх провозглашает имя победителя и увенчивает его; господин награждает раба, царь воина; и вообще всякий, сколько может, платит добром слуге своему: Бог ли один, после скольких трудов и

подвигов, не даст им ни малой, ни великой награды? Неужели эти праведные и благочестивые мужи, подвизавшиеся во всякой добродетели, будут находиться там же, где и прелюбодеи, отцеубийцы, человекоубийцы и гроборасхитители? Мыслимо ли это? Если за гробом нет ничего, если бытие наше ограничивается только настоящей жизнью, то, действительно, участь тех и других одинакова. Впрочем, и в таком случае еще не одинакова. Допустим, как ты думаешь, что по смерти они будут и в одинаковом состоянии, а здесь одни из них провели все время в покое, а другие в страдании. Но какой же тиран, какой жестокий и свирепый человек захотел бы так поступить с рабами, ему послушными? Видишь ли, какая чрезмерная нелепость, и какой конец такого умствования? Итак, если ты не хочешь верить ничему другому, то вразумись хотя бы этим рассуждением, оставь свои нечестивые мысли, беги от порока, начни трудиться для добродетели, - и тогда увидишь ясно, что наша участь не ограничивается пределами настоящей жизни. А если кто спросит тебя: кто приходил с того мира и возвестил, что там делается? - отвечай ему так: из людей никто (да если бы кто и пришел оттуда, большая часть людей ему бы не поверили, думая, что он хвастает и преувеличивает то, о чем рассказывает); но Владыка ангелов все это возвестил нам с полным удостоверением. Итак, какая нам нужда в свидетельстве человеческом, когда сам Тот, Кто потребует от нас ответа, ежедневно проповедует, что Он уготовал и геенну и царствие, и на все это представляет нам ясные доказательства? В самом деле, если бы Он не имел судить нас, то не посылал бы наказаний и здесь. Далее, чем объяснить и то, что некоторые из злых людей здесь наказываются, а другие нет? Если Бог нелицеприятен, - каков Он и на самом деле, - то почему же Он одного наказывает, а другому попускает умирать без наказания? Это еще непонятнее того, что сказано прежде. Но если вы благосклонно желаете послушать меня, то я разрешу и это недоумение. Каким же образом? Бог не всех наказывает здесь для того, чтобы ты не отчаялся в воскресении, и не перестал ожидать суда, ввиду того, что все уже получили воздаяние здесь; не всех также оставляет и без наказания, чтобы ты опять не подумал, что вселенная не управляется провидением. Он и наказывает, и не наказывает. Когда наказывает, то этим дает разуметь, что от тех, которые не были наказаны здесь, Он потребует отчета там; когда же не наказывает, то этим заставляет тебя верить, что по отшествии из этой жизни будет страшный суд. Если бы Он вообще не хотел воздавать каждому свое, то и здесь никого бы ни наказывал, ни награждал. А теперь ты видишь. что Он для тебя и распростер небо, и возжег солнце, и основал землю, разлил море и воздух, установил течение луны, назначил не переменяемые законы временам года, и все прочее заставляет Своим мановением неуклонно совершать свое течение. И наша природа, и природа существ неразумных, пресмыкающихся, ходящих, летающих, плавающих, находящихся в озерах, источниках, реках, в горах, лесах, домах, в воздухе, на полях, - растения, семена, деревья лесные и растущие в садах, плодоносные и не плодоносные, словом, все, будучи движимо не устающей Его рукой, содействует к сохранению нашей жизни, и служит не только к удовлетворению наших нужд, но и к изобилию. Итак, видя столь прекрасный порядок в мире, - хотя мы не показали и малейшей его части, - дерзнешь ли ты сказать, что Тот, Кто столько благ устроил для тебя, при конце жизни презрит тебя, и по смерти оставит тебя поверженным вместе с ослами и свиньями? Удостоив тебя бесценного дара благочестия, и через него сделав тебя равным ангелам, неужели Он презрит тебя после бесчисленных твоих трудов и подвигов? Возможно ли это? Очевидно, нет. Это яснее самых лучей солнечных; и если мы умолчим, то камни возопиют об этом. Итак, сообразив все это, будем верить, что по отшествии из здешней жизни мы предстанем на страшный суд, отдадим отчет во всех делах своих и, если пребудем в грехах, то подвергнемся истязанию и казни, а если решимся хотя бы мало внимать себе, то удостоимся венцов и благ неизреченных; утвердившись же в этой вере, заставим молчать инакомыслящих, а сами вступим на путь добродетели, чтобы с подобающим дерзновением предстать на тот суд, и получить

обетованные нам блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] В школах гимнастики.

БЕСЕДА 14

"Услышав же Иисус, что Иоанн отдан под стражу, удалился в Галилею" (Мф.4:12.)

1. Для чего Он опять удаляется? Для того чтобы научить нас не идти самим навстречу искушениям, но отступать и уклоняться от них. Не тот виновен, кто не бросается в опасности, но тот, кто в опасностях не имеет мужества. Итак, чтобы научить этому и укротить ненависть иудеев, Христос удаляется в Капернаум, исполняя пророчество, и, вместе, поспешая, подобно рыбарю, уловить учителей вселенной, которые, занимаясь своим искусством, проживали в этом городе. Заметь здесь, как Христос всякий раз, намереваясь удалиться к язычникам, побуждения для этого берет от иудеев. Так и в настоящем случае иудеи, умыслив зло против Предтечи и посадив его в темницу, самого Иисуса прогоняют в языческую Галилею. А что под именем Галилеи разумеется ни какая-либо только часть народа иудейского, ни все колена вообще, это ты можешь видеть из слов, которыми пророк определяет эту страну: "**земля Неффалимова; возвеличит приморский путь, Заиорданскую страну, Галилею языческую. Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий**" (Иса. 9:1-2). Тьмой здесь называет он не чувственную тьму, но заблуждение и нечестие, почему и прибавил: "**на живущих в стране тени смертной свет воссияет**" (Иса. 9:2). А чтобы видно было, что он говорит не о чувственном свете и тьме, для этого, говоря о свете, пророк называет его не просто светом, но светом великим, который в другом месте именует "**светом истинным**" (Иоан. 1:9); а, говоря о тьме, называет ее тенью смертной. Желая, затем, показать, что жители этой страны не сами искали и нашли этот свет, но Бог явил им свыше, евангелист говорит: "**свет воссиял им**" (Матф. 4:16), т. е. сам свет воссиял и осветил их, а не сами они наперед пришли к свету. В самом деле, род человеческий перед пришествием Христовым находился в самом бедственном состоянии; люди уже не ходили, а сидели во тьме; а это значит, что они даже и не надеялись освободиться от этой тьмы. Они даже не знали, куда нужно идти, и объятые тьмой, сидели, не будучи уже в силах и стоять.

"**С того времени Иисус начал проповедовать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное**" (Матф. 4:17). "**С того времени**": когда же это? С того времени, как Иоанн был посажен в темницу. Почему же Христос не проповедовал им сначала? Для чего Ему нужен был Иоанн, когда самые дела ясно свидетельствовали о Нем? С одной стороны, для того, чтобы отсюда видно было Его достоинство, когда и Он так же, как Отец, имеет пророков, о чем и Захария сказал: "**и ты, младенец, наречешься пророком Всевышнего**" (Лук. 1:76); с другой - для того, чтобы не оставить бесстыдным иудеям никакого извинения. На это последнее сам Христос указал, когда говорил: "**пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес. Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. И оправдана премудрость чадами ее**" (Матф. 11:18-19). Притом и нужно было, чтобы о Христе наперед сказал кто-нибудь другой, а не сам Он. Если уж и после столь многих и столь сильных доказательств и свидетельств говорили: "**Ты Сам о Себе свидетельствуешь, свидетельство Твое не истинно**" (Иоан. 8:13), то чего бы не сказали,

если бы о Нем ничего не говорил Иоанн, а Он сам первый начал бы свидетельствовать о Себе народу? Вот почему Он и не проповедовал прежде Иоанна, и чудес не творил до тех пор, пока последний не был посажен в темницу. Он не хотел Своей проповедью и произвести разделения в народе. По этой же причине и Иоанн не сотворил ни одного чуда, чтобы и этим привести к Христу народ, привлекаемый к Нему силой Его чудес. И действительно, если уже, и после столь многих и великих чудес, ученики Иоанна и прежде и после его заточения с ревностью смотрели на Иисуса и если многие почитали Христом не Его, а Иоанна, то, что было бы, если бы дело обстояло иначе? Вот для чего евангелист Матфей и показывает, что Христос "**с того времени начал проповедовать**"; и в начале Своего проповедования Он учил тому же, что проповедовал и Иоанн, а о самом Себе еще не говорил ничего, но продолжал только проповедь Крестителя, потому что пока еще не имели о Нем надлежащего понятия, хорошо было бы, если бы и это учение было принято.

2. По той же самой причине в начале Своей проповеди Христос не предлагает и ничего тягостного и прискорбного, подобно Иоанну. Тот упоминал о секире, о дереве посекаемом, о лопате, о гумне, о неугасаемом огне (Матф. 3:10,12); напротив, Христос начинает Свою проповедь радостным благовестием о небесах и "**царствии небесном**", уготованном слушающим Его. "**Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы, и говорит им: идите за Мной, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним**" (Матф. 4:18-20). Евангелист Иоанн иначе описывает их призвание. Из его слов видно, что это призвание было уже второе, - о чем можно заключить из многих признаков. Именно, у Иоанна говорится, что они пришли к Иисусу, когда Иоанн еще не был посажен в темницу; а здесь - что они пришли после его заточения. Там Андрей призывает Петра (Иоан. 1:41-42), а здесь обоих сам Христос. Притом Иоанн говорит, что Иисус, увидев Симона, идущего к Нему, сказал: "**ты - Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень Петр**" (Иоан. 1:42). А Матфей утверждает, что Симон уже назывался этим именем; именно он говорит: "**видел Симона называемого Петром**". То же показывает и самое место, откуда они были призваны, и многие другие обстоятельства, - например, и то, что они легко послушались Его, и то, что оставили все: значит, они еще прежде были хорошо приготовлены к этому. И действительно, из Иоаннова повествования видно, что Андрей приходил в дом к Иисусу и слышал от Него многое (Иоан. 1:39); здесь же видим, что они, услышав одно только слово, тотчас за Ним последовали. Вероятно, что они, сначала последовав за Иисусом, потом оставили Его, и увидев, что Иоанн посажен в темницу, удалились и опять возвратились к своему занятию; потому Иисус и находит их ловящими рыбу. Он и не воспрепятствовал им сначала удалиться от Него, когда они того желали, и не оставил их совершенно, когда удалились; но, дав свободу отойти от Себя, опять идет возвратить их к Себе. Вот самый лучший образ ловли.

Посмотрите же, какова их вера и послушание. Они заняты были своим делом (а вы знаете, как приманчива рыбная ловля); но, как скоро услышали призыв Спасителя, не замедлили, не отложили до другого времени, не сказали: "сходим домой и посоветуемся с родственниками"; но, оставив все, последовали за Ним точно так же, как Елисей последовал за Илией (3 Царст. 19:20). Христос желает от нас такого послушания, чтобы мы ни на малейшее время не откладывали, хотя бы того требовала самая крайняя необходимость. Вот почему, когда некто другой пришел к Нему, и просил позволения "**похоронить отца своего**" (Матф. 8:21), Он и этого не позволил ему сделать, показывая тем, что следование за Ним должно предпочитать всему. Ты скажешь, что им много было обещано. Но потому-то я особенно и удивляюсь им, что они, не видев еще ни одного знамения, поверили столь великому обещанию, и всему предпочли следование за

Христом. Они поверили, что и они в состоянии будут уловлять теми же словами других, какими уловлены были сами. Да и это было обещано только Петру и Андрею; а Иакову и Иоанну и того не было сказано; только пример послушания первых проложил путь и им; впрочем, они и прежде много слышали об Иисусе. Далее - смотри, с какой подробностью евангелист указывает на их бедность: Иисус нашел их чинящими сети свои (Матф. 15:21). Они были бедны до такой степени, что не имели на что купить новых сетей, и потому чинили обветшавшие. Между тем не малым доказательством их добродетели служит и то, что они легко переносят свою бедность, питаются от праведных трудов, друг с другом связаны узами любви, живут вместе с отцом и служат ему. Когда, таким образом, Христос уловил их, Он начинает в их присутствии творить чудеса, подтверждая делами то, что сказал о Нем Иоанн. Он начинает часто посещать синагоги, научая этим учеников Своих, что Он не противник Богу и не обманщик какой-либо, но пришел согласно воле Отца; и при посещении синагог Он не только проповедовал, но и творил чудеса.

3. Всякий раз, когда происходит что-нибудь особенное и необыкновенное, или когда вводится какой-либо новый образ жизни, Бог обыкновенно дает знамения, как бы в залог Своего могущества для тех, кто должен принять Его законы. Так, намереваясь создать человека, Он прежде сотворил весь мир, и потом дал уже ему в раю известный закон. Так, когда хотел дать закон Ною, опять совершил великие чудеса, изменил всю тварь, в ее основаниях, повелел страшному наводнению целый год держать землю, и посреди столь великого обуревания сохранил невредимым праведника. Так и Авраама оградил многими знамениями; даровал ему победу на брани, поразил ударами фараона, и избавлял праотца от опасностей. Так и перед обнародованием закона иудеям Он явил дивные и великие чудеса, а потом дал уже закон. Так и здесь, намереваясь дать высшие правила жизни и предложить людям то, чего они никогда не слыхали, подтверждает слова Свои чудесами. Так как возвещаемое им царствие не было видимо, то видимыми знамениями Он и невидимое сделал видимым. И заметь, какую евангелист наблюдает краткость; он не говорит о каждом исцелившемся подробно, но в немногих словах упоминает о множестве знамений: "**приводили к Нему**", говорит он, "**всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их**" (Матф. 4:24). Но спрашивается: почему Христос ни от кого из этих исцеленных не требовал веры? Почему не сказал им того, что после говорил: "**веруете ли, что Я могу это сделать**" (Матф. 9:28)? Это потому, что Он еще тогда не явил доказательств Своего могущества. Впрочем, немалую их веру доказало и то, что они приступили к Нему и подводили больных. Они не приносили бы их издалека, если бы не имели к Нему великой веры. Последуем и мы за Христом. И мы имеем многие болезни душевные, а эти-то болезни он преимущественно и желает уврачевать. Для того ведь Он врачует и телесные болезни, чтобы истребить и душевные. Приступим же к Нему и будем просить не каких-либо житейских благ, но отпущения грехов; Он и ныне подает (все нужное), если только просим прилежно. Тогда разнесся о Нем слух по всей Сирии, ныне же по всей вселенной. Стекались к Нему тогда жители разных стран, слыша, что Он исцеляет бесноватых, а ты, имея перед очами гораздо многочисленнейшие и важнейшие опыты Его могущества, не хочешь восстать и устремиться к Нему? Те оставляли и отечество, и друзей, и сродников, а ты не хочешь выйти из дому, чтобы приступить к Нему и получить гораздо лучшее? Но мы и этого от тебя не требуем. Оставь только злые привычки, и ты можешь, оставаясь дома со своими, удобно спастись. Имея какую-нибудь телесную болезнь, мы всеми силами стараемся освободиться от нее, а, страдая тяжко от болезней душевных, мы медлим и отказываемся от врачевства. Потому мы не избавляемся и от телесных болезней, что необходимое для нас мы почитаем маловажным, а маловажное необходимым, и, оставив самый источник зла, хотим очистить потоки. А что испорченность души есть причина болезней телесных, тому доказательством служит и тот расслабленный, который был в болезни тридцать восемь лет, и тот, которого спустили на

одре, разобрав кровлю, а, прежде всего - Каин. Да и многие другие примеры показывают то же. Итак, истребим источник зла, и тогда все потоки болезней иссякнут сами собой. Не одно расслабление телесное есть болезнь, но и грех; и последний еще более первого, так как душа лучше тела. Итак, приступим и ныне к Христу, будем просить Его, чтобы Он уврачевал расслабленную нашу душу, и оставив все житейское, будем заботиться только о духовном. Стяжав это, ты можешь печься потом и об остальном. Не почитай себя безопасным, если не скорбишь о грехах своих; но о том-то особенно и стенай, что не чувствуешь сокрушения о своих беззакониях. Твое спокойствие происходит не оттого, чтобы грех не угрызал, но от бесчувствия души, преданной греху. Представь себе, как терзаются чувствующие тяжесть грехов своих, как горько вопиют они, - горестнее, нежели те, кого режут или жгут! Что делают они, как страдают, сколько проливают слез, сколько испускают стенаний, чтобы освободиться от мучений совести? Этого они не стали бы делать, если бы сильно не страдали душой.

4. Всего лучше совсем не грешить; а если кто согрешил, то нужно чувствовать свой грех и исправляться. Если же этого не будет, то, как мы станем умолять Бога и просить отпущения грехов, когда самим себе не даем в них никакого отчета? Когда сам ты, согрешивший, не хочешь знать и того, что согрешил, то о прощении каких грехов будешь просить Бога? О тех, которых не знаешь? И как ты можешь познать величие благодеяния? Итак, исповедуй все грехи твои подробно, чтобы узнать, сколь велик долг, который тебе прощается, и, таким образом, возбудишь в себе благодарность к своему Благодетелю. Оскорбив человека, ты упрашиваешь и друзей, и соседей, и самих привратников, тратишь деньги, теряешь много дней, ходя к нему и умоляя о прощении. И, хотя бы оскорбленный отогнал тебя однажды, и в другой раз, и тысячу раз, ты не отстаешь, но тем с большей ревностью усугубляешь свои моления. А, раздражив Бога всяческих, мы небрежем о том, остаемся холодными, роскошествуем, упиваемся и делаем все то, к чему привыкли: когда же мы Его умилостивим?... Напротив, продолжая так жить, не раздражаем ли Его еще более? И действительно, нераскаянность в грехах гораздо более возбуждает Его гнев и негодование, нежели самый грех. Нам надлежало бы скрыться под землей, не видеть солнца, и даже не пользоваться воздухом за то, что, имея столь милостивого Владыку, мы раздражаем Его и, раздражая, даже не раскаиваемся в том. Он и в гневе Своем не только не имеет к нам ненависти и отвращения, но и гневается для того, чтобы хотя бы таким образом привлечь нас к Себе; ведь если бы Он, будучи оскорбляем, воздавал тебе одними благодеяниями, то ты еще более стал бы презирать Его. Чтобы этого не случилось, Он на время отвращает от тебя лицо Свое, чтобы соединить тебя с Собой навеки. Итак, одушевимся надеждой на его человеколюбие, принесем усердное покаяние прежде, нежели настанет день, в который самое покаяние не принесет нам никакой пользы. Ныне все от нас зависит; а тогда приговор над нами будет во власти одного Судьи. Итак, "**предстанем лицу Его со славословием**" (Псал. 94:2), будем плакать и рыдать. Если мы прежде дня Господня умилостивим Судью, чтобы Он отпустил нам согрешения, то не будем подлежать суду. В противном случае, каждый из нас, перед лицом всей вселенной, приведен будет на суд, и мы не будем иметь никакой надежды получить прощение. Никто из живущих на земле, не получив разрешения в грехах, по переходе в будущую жизнь, не может избежать истязаний за них. Но как здесь преступники из темниц приводятся на суд в оковах, так и по отшествии из этой жизни, все души приведутся на страшный суд, обремененные различными узами грехов. Подлинно, жизнь настоящая ничем не лучше темницы. Подобно тому, как, входя в темничный дом, мы видим всех обремененных оковами, так и теперь, если, устранив весь внешний блеск, войдем в жизнь каждого, то увидим, что душа каждого обложена узами тяжелее железных, а особенно если взойдем в души богатых. Подлинно, чем большим они владеют богатством, тем более и уз на них. Подобно тому, как видя узника, у которого и шея, и руки, а часто и ноги в железе, ты почитаешь его крайне несчастным, так и видя богатого, владеющего несчетными

сокровищами, не называй его счастливым, но за то-то самое и считай его самым злополучным. В самом деле, кроме того, что он в узах, при нем находится еще жестокий страж темничный - злое любостяжание, которое не позволяет ему выйти из темницы, но приготовляет для него тысячи новых оков, темниц, дверей и затворов; и ввергнувши его во внутреннюю темницу, еще заставляет его услаждаться своими узами, так что он не может даже найти и надежды освободиться от зла, его угнетающих. И если ты проникнешь мыслью во внутренность души его, то увидишь ее не только связанной, но и крайне безобразной, осквернённой и наполненной червями. Удовольствия сластолюбивой жизни ничем не лучше, но еще отвратительнее, потому что растлевают и тело и душу, и поражают их бесчисленным множеством болезней. Представляя все это, будем молиться Искупителю душ наших, чтобы Он и разорвал оковы, и отогнал от нас того жестокого стража, и, освободив дух наш от тяжких железных уз, сделал бы его легче пера; а с молитвой к Нему соединим и собственное старание и усердие и благую готовность. Таким образом, мы сможем в короткое время освободиться от обладающего нами зла, и познать свое прежнее состояние, и воспринять дарованную нам прежде свободу, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 15

"Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря: блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное" (Матф. 5:1-3).

1. Смотри, как Христос далек был от честолюбия и гордости! Он не водил народа за Собой, но когда нужно было врачевать, Сам ходил всюду, посещая города и веси. А когда собралось великое множество, садится на одном месте, не в городе, не среди площади, но на горе, в пустыне, - научая тем нас ничего не делать напоказ, удаляться от шума, особенно когда нужно любомудрствовать и рассуждать о важных предметах. Когда взошел Он и сел, приступили ученики. Видишь ли, как они успевают в добродетели, и как скоро сделались лучшими? Народ смотрел на чудеса, а ученики хотели уже слышать что-нибудь высокое и великое. Это-то и побудило Христа предложить учение и начать проповедь. Он не только исцелял тела, но врачевал и души, и опять от попечения о душах переходил к попечению о телах, разнообразя пользу, и соединяя с учением словесным явление знамений. Этим попечением, как о душе, так и о теле, он заграждает бесстыдные уста еретиков, показывая тем, что Он есть виновник всецелой жизни. Потому-то Он и прилагал о теле и душе большое попечение, врачуя то первое, то последнее. Так поступил Он и теперь. "**Отверз**", говорит евангелист, "**уста Свои, учил их**". Для чего это прибавлено: "**отверз уста Свои**"? Чтобы ты познал, что Он учил даже и тогда, когда молчал, не только - когда говорил; учил, то отверзая уста Свои, то вещая делами Своими. Когда же ты слышишь слова: "**учил их**", не думай, что Он говорит только к ученикам Своим, но что через учеников говорит и ко всем. Но так как толпа была необразованна, состояла из людей, еще пресмыкавшихся долу, то Он, собрав перед Собой учеников, обращает к ним речь Свою, и в беседе с ними так говорит, что учение мудрости делается занимательным и для всех прочих, которые почти совершенно были неспособны Его слушать. Намекая на это, и Лука сказал; что Он обратил речь к ученикам. И Матфей, показывая это, написал: "**приступили к Нему ученики Его, и учил их**". Ввиду этого и прочие должны были слушать внимательнее, нежели тогда, когда бы Он обратил речь Свою ко всем. Итак, с чего Христос начинает, и какие полагает для нас основания новой жизни? Послушаем внимательно слова Его. Говорено было к ученикам, а написано для всех, которые будут после них. Потому-то и Христос, хотя обращается с проповедью к ученикам, но не к ним относит слова Свои, а говорит о всех блаженствах неопределенно.

Не сказал: блаженны вы, если будете нищими, но – "**блаженны нищие**". Даже, если бы говорил и к ним одним, и тогда Его проповедь относилась бы ко всем. В самом деле, когда, например, Он говорит: "**се, Я с вами во все дни до скончания века**" (Матф. 28:20), то говорит не к ним одним, но через них и ко всей вселенной. Равным образом, когда ублажает их за претерпение преследований, гонений, жестоких страданий, то сплетает венец не одним им, но и всем так живущим. Но чтобы это было яснее, и ты узнал, что слова Его имеют большое отношение и к тебе и ко всему роду человеческому, если кто внимателен, - послушай, как Он начинает дивное слово Свое: "**блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное**". Что значит: нищие духом? Смиренные и сокрушенные сердцем. Духом Он назвал душу и расположение человека. Так как есть много смиренных не по своему расположению, а по необходимости обстоятельств, то Он, умолчав о таких (потому что в том не велика слава), называет, прежде всего, блаженными тех, которые по своей воле смиряют себя и уничижают. Почему же не сказал Он: смиренные, а сказал: "**нищие**"? Потому, что последнее выразительнее первого; нищими Он называет здесь тех, которые боятся и трепещут заповедей Божьих, которых и через пророка Исаию Бог называет угодными Себе, говоря: "**на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего перед словом Моим**" (Иса. 66:2)?

2. Много степеней смирения: иной умеренно смирен, а иной с преизбытком. Последнего рода смирение восхваляет и блаженный пророк, когда он, описывая нам не просто смиренное, но весьма сокрушенное сердце, говорит: "**жертва Богу - дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже**" (Псал. 50:19). И три отрока, вместо великой жертвы, приносят Богу это смирение, говоря: "**но с сокрушенным сердцем и смиренным духом да будем приняты**" (Дан. 3:39). Такое смирение ублажает здесь и Христос. Все величайшие бедствия, удручающие всю вселенную, произошли от гордости. Так и дьявол, не бывший прежде таковым, сделался дьяволом от гордости, на что указывая, и Павел сказал: "**чтобы не возгордился и не подпал осуждению с дьяволом**" (1 Тим. 3:6). Так и первый человек, обольщенный от дьявола пагубной надеждой, пал и сделался смертным; он надеялся стать богом, но потерял и то, что имел. За то и Бог, порицая его и как бы смеясь над его неразумием, сказал: "**вот, Адам стал как один из Нас**" (Быт. 3:22). Так и каждый после Адама, мечтая о своем равенстве с Богом, впадал в нечестие. Так как, следовательно, гордость есть верх зла, корень и источник всякого нечестия, то Спаситель и приготовляет врачевство, соответствующее болезни, полагает этот первый закон, как крепкое и безопасное основание. На этом основании с безопасностью можно созидать и все прочее. Напротив, если этого основания не будет, то хотя бы кто до небес возвышался жизнью, все это легко разрушится и будет иметь худой конец. Хотя бы ты отличался постом, молитвой, милостыней, целомудрием или другой какой добродетелью, все это без смирения разрушится и погибнет. Так случилось с фарисеем. Взойдя на самый верх добродетели, он ниспал с него и потерял все потому, что не имел смирения - матери всех добродетелей. Как гордость есть источник всякого нечестия, так смирение есть начало всякого благочестия. Потому-то Христос и начинает со смирения, желая с корнем исторгнуть гордость из души слушателей. Какое же имеет это отношение к ученикам, которые всегда были смиренны? Они не имели никакого повода к гордости, будучи рыбаками, бедными, незнатными, не учеными. Но если это не относилось к ученикам, то относилось к тем, которые были там, и которые после должны были принимать учеников, чтобы последние не были в презрении по причине своей нищеты. Впрочем, слова Христа относились и к ученикам. Если в то время они и не имели нужды в этом полезном наставлении, то могли иметь впоследствии - по совершении знамений и чудес, после такой славы в целом мире и после такого дерзновения к Богу. Поистине, ни богатство, ни власть, ни самое царское достоинство не могли столько внушить гордости, сколько все то, что имели апостолы. Впрочем, еще и до совершения знамений они могли возгордиться, могли поддаться слабости человеческой, когда видели

многочисленное собрание народа, окружавшее их Учителя. Потому-то Христос наперед и смиряет их помыслы. Преподаваемое учение Христос излагает не в виде увещаний или повелений, а в виде блаженства, делая, таким образом, проповедь Свою занимательнее, и для всех открывая поприще учения. Не сказал: такой-то и такой блажен, а - все так поступающие блаженны, так что хотя бы ты был рабом, бедняком, нищим, бесприютным, необразованным, нет никакого препятствия к тому, чтобы быть тебе блаженным, если будешь иметь эту добродетель. Начав с того, с чего преимущественно и должно было начать, Христос переходит к другой заповеди, которая, по-видимому, противоречит мнению целой вселенной. В самом деле, тогда как все почитают блаженными радующихся, а сетующих, бедных и плачущих - несчастными, Он вместо первых называет блаженными последних, говоря так: "**блаженны плачущие**", хотя все почитают их несчастными (Матф. 5:4). Но Христос для того наперед и творил знамения, чтобы, предписывая подобные правила, более иметь доверенности к Себе. И здесь опять не просто разумеет плачущих, но плачущих о грехах своих, так как есть другой плач, вовсе непозволительный - плач о житейских предметах, на что указал и Павел, говоря: "**печаль ради Бога производит неизменное покаяние к спасению, а печаль мирская производит смерть**" (2 Коринф. 7:10).

3. Этих-то печалящихся Христос здесь и называет блаженными; и не просто печалящихся, но тех, которые предаются сильной печали. Потому и не сказал: печалящиеся, но: "**плачущие**". Действительно, и эта заповедь научает также всякому благочестию. В самом деле, если тот, кто оплакивает смерть детей, жены, или кого-нибудь из родственников, в это время скорби не увлекается ни любовью к богатству и плоти, ни честолюбием, не раздражается обидами, не снедается завистью, ни другой какой-либо предается страсти, а бывает всецело поглощен скорбью, то не гораздо ли более покажут свое бесстрастие относительно всего этого те, которые подобающим образом оплакивают грехи свои? Какая же будет им награда? "**Ибо они утешатся**", говорит Христос. Скажи мне, где они утешатся? И здесь, и там. Так как эта заповедь была слишком тяжка и трудна, то Он обещает то, что наиболее могло бы облегчить ее. Итак, если хочешь иметь утешение - плачь. И не почитай этих слов иносказательными. Подлинно, когда Бог утешает, то хотя бы тысячи горестей с тобой случились, все победишь, потому что Бог всегда награждает труды с преизбытком. То же сделал Он и здесь, когда сказал, что "**плачущие блаженны**", - не потому, чтобы самый плач стоил того, но по Его человеколюбию (то есть, награда обещана не по важности действия, но по любви Его к людям). В самом деле, плачущие оплакивают грехи свои, а для таких довольно только получить прощение и оправдание. Но как Христос весьма человеколюбив, то Он и не ограничивает награды отменой наказания и оставлением грехов, но еще делает таких людей блаженными, и подает великое утешение. А плакать нам повелевает не о своих только грехах, но и о грехах других. Так поступали святые, как-то: Моисей, Павел, Давид; все они часто оплакивали чужие грехи. "**Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю**" (Матф. 5:5). Скажи мне, какую наследуют землю? Некоторые говорят, что наследуют землю духовную. Но это несправедливо. В Писании нигде не упоминается о земле духовной. Что же значат эти слова? Христос разумеет здесь чувственную награду, как и Павел, когда он вслед за словами: "**чти отца твоего и мать**", присовокупляет: "**будешь долголетен на земле**" (Ефес. 6:2-3). Равным образом и сам Господь сказал разбойнику: "**ныне же будешь со Мной в раю**" (Лук. 23:43). Применяясь к тем слушателям, которые более предаются чувственному и прежде ищут настоящего, нежели будущего, Христос не поощряет их будущими только благами, но и настоящими. Потому-то и далее в Своей беседе, сказав: "**мирись с соперником твоим скорее**", за такое благоразумное дело определяет награду, говоря: "**чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге**" (Матф. 5:25). Видишь, откуда Он заимствовал угрозы! От предметов чувственных, от самых обычных явлений. И еще: "**кто скажет брату своему: "рака", подлежит синедриону**"

(Матф. 5:22). Также и Павел весьма часто указывает на чувственные награды, и заимствует побуждения от предметов настоящих, например, когда рассуждает о девстве: тут он совсем не упоминает о небесах, а побуждает настоящими благами, говоря: "**если же кто почитает неприличным**", и: "**мне вас жаль**", и: "**хочу, чтобы вы были без забот**" (1 Коринф. 7:36,28,32). Так и Христос с духовными наградами соединил чувственные. Так как кроткий человек может подумать, что он теряет все свое имущество, то Христос обещает противное, говоря, что он-то безопасно и владеет своим имуществом: он ни дерзок, ни тщеславен; кто же, напротив, будет таковым, тот может лишиться и наследственного имения, и даже погубит самую душу. Впрочем, так как и в ветхом уже завете часто пророк говорил: "**кроткие наследуют землю**" (Пс. 36:11), то Христос выражает, следовательно, Свою мысль словами уже им известными, чтобы не везде употреблять новые выражения. Однако, в Своих словах Он не ограничивает наград настоящими благами, но вместе предлагает и будущие. Когда Он говорит о чем-нибудь духовном, то не отвергает и выгод настоящей жизни; равным образом, когда обещает что-нибудь в здешней жизни, то этим еще не ограничивает Своего обещания. "**Ищите**", говорит Он, "**прежде Царства Божия, и это все приложится вам**" (Матф. 6:33). И еще: "**всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную**" (Матф. 19:29). "**Блаженны алчущие и жаждущие правды**" (Матф. 5:6). Какой правды? Говорит ли Он о добродетели вообще, или разумеет тот вид правды, который противоположен любостяжанию? Так как Он намеревался предложить заповедь о милосердии, то и научает, как должно оказывать его; именно, называет здесь блаженными тех, которые стараются о правде, воспрещающей хищение и любостяжание.

4. Вникни и в то, с какой силой Он выразил Свою заповедь! Он не сказал: блаженны те, которые ищут правды, но - "**блаженны алчущие и жаждущие правды**", внушая этим, чтобы мы не как-нибудь, но с полной любовью стремились к ней. А как полную любовь имеют сребролюбивые, то есть, они не столько заботятся об удовлетворении голода и жажды, сколько о том, чтобы более и более иметь и приобретать, то Христос повелевает обращать подобную любовь к нелюбостяжанию. Потом Он опять представляет чувственную награду, говоря: "**ибо они насытятся**". Так как многие думают, что сребролюбие делает богатыми, то Он говорит, что бывает напротив, то есть, что богатыми делает правда. Итак, поступая справедливо, не бойся бедности, и не страшись голода. Поистине, те-то особенно и лишаются всего, которые похищают чужое, а кто любит справедливость, тот владеет всем безопасно. Если же не похищающие чужого имения наслаждаются таким благоденствием, то гораздо больше те, которые свое раздают. "**Блаженны милостивые**" (Матф. 5:7). Здесь, мне кажется, говорит Он не столько о тех, которые оказывают свое милосердие деньгами, но и о тех, которые оказывают его делами. Есть много различных видов милосердия, и заповедь эта обширна. Какая же награда за милосердие? "**Ибо они помилованы будут**". Такое воздаяние, по-видимому, равносильно добродетели; но на самом деле оно много превосходит добродетель. В самом деле, милостивые милостивы, как люди; а сами получают милость от Бога всяческих. Милосердие же человеческое и Божье не равны между собой, а отличаются одно от другого так же, как зло - от добра. "**Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят**" (Матф. 5:8). Вот опять духовная награда! Чистыми здесь Он называет тех, которые приобрели всецелую добродетель, и не сознают за собой никакого лукавства, или тех, которые проводят жизнь в целомудрии, потому что для того, чтобы видеть Бога, мы ни в чем столько не имеем нужды, как в этой добродетели. Потому и Павел сказал: "**старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа**" (Евр. 12:14). Видение же здесь разумеет такое, какое только возможно для человека. Так как многие бывают милостивы, не похищают чужого, не сребролюбивы, а, между тем, любодействуют и предаются похоти, то Христос, показывая, что недостаточно первого,

присоединяет и эту заповедь. То же самое и Павел, в послании к Коринфянам, подтвердил примером македонян, которые богаты были не только милосердием, но и другими добродетелями: указывая там на щедрость их в раздаянии имуществ, он говорит, что они "**предали себя Господу и нам**" (2 Кор. 8:5). "**Блаженны миротворцы**" (Матф. 5:9). Здесь Христос не только осуждает взаимное несогласие и ненависть людей между собой, но требует еще более, - именно того, чтобы мы примиряли несогласия и других; и опять представляет также духовную награду. Какую же? "**Ибо они будут наречены сынами Божьими**", так как и дело Единородного Сына Божьего состояло в том, чтобы соединить разделенное и примирить враждующее. Потом, чтобы ты не подумал, что мир везде есть дело похвальное, Христос присоединил и эту заповедь: "**блаженны изгнанные за правду**" (Матф. 5:10), - то есть, гонимые за добродетель, за покровительство другим, за благочестие, так как правдой обыкновенно Он всегда называет полное любомудрие души. "**Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня**" (Матф. 5:11). "**Радуйтесь и веселитесь**" (Матф. 5:12). Христос как бы так сказал: хотя бы вас называли обманщиками, льстецами, злодеями или другим каким именем, - вы все же блаженны. Что, кажется, страннее таких наставлений, - называть вожделенным для человека то, чего, по мнению других, нужно избегать, то есть: нищету, слезы, гонения, поношения. И, однако, Он не только изрек эти заповеди, но внушил к ним и веру, и убедил не двух, не десять, не двадцать, не сто, или тысячу человек, а всю вселенную. И толпы народа, слушая столь тяжкие, трудные и противные общему понятию наставления, изумлялись. Такова была сила слов небесного Наставника!

5. Впрочем, чтобы ты не подумал, что одни поношения, какие бы то ни было, делают людей блаженными, Христос определяет эти поношения двумя видами, именно, когда мы терпим их ради Него, и когда они будут ложны. Если же не будет ни того, ни другого, то поносимый не только не блажен, но и несчастлив. Посмотри, какая опять награда: "**ибо велика ваша награда на небесах**". Если ты слышишь, что не при каждом роде блаженства даруется царство небесное, не унывай. Хотя Христос различно описывает награды, но всех вводит в царство. И когда Он говорит, что плачущие утешатся, и милостивые будут помилованы, и чистые сердцем узрят Бога, и миротворцы назовутся сынами Божьими, - всем этим Он означает не что иное, как царство небесное. Кто получит те блага, тот получит, конечно, и царство небесное. Итак, не думай, что этой награды удостоятся одни только нищие духом; ее получат и жаждущие правды, и кроткие, и все прочие. Он для того при каждой заповеди и упомянул о блаженстве, чтобы ты не ожидал ничего чувственного. Не может быть блаженным награждаемый тем, что в настоящей жизни разрушается и исчезает скорее тени. Сказав: "**велика ваша награда**", Христос присовокупил еще другое утешение: "**так гнали и пророков, бывших прежде вас**". Так как приближалось царствие, и было ожидаемо, то Он представляет им утешение в общении с теми, которые прежде них пострадали. Не думайте, говорит Он, будто вы страдаете потому, что говорите и предписываете вопреки справедливости, или что вас будут гнать, как проповедников нечестивых учений. Вы подвергнетесь наветам и опасностям не потому, будто вы неправо учите, а по злобе слушающих. Поэтому и клеветы падут не на вас - страдальцев, а на тех, которые так худо поступают. Об этом свидетельствует все прежнее время. И пророков не обвиняли в беззаконии, или безбожном учении, когда некоторых из них побивали камнями, других изгоняли, а иных подвергали другим бесчисленным бедствиям. Итак, да не устрашает это вас. По тем же соображениям и ныне все делают. Видишь ли, каким образом он ободряет их, ставя их наравне с Моисеем и Илией? Так и апостол Павел в послании к фессалоникийцам говорит: "**ибо вы, братья, сделались подражателями церквам Божьим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев, которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся**" (1 Фессал. 2:14-15). То же самое и здесь

Христос сделал. Хотя Он в других блаженствах говорил: "**блаженны нищие, блаженны милостивые**"; но здесь говорит Он уже определенно, и прямо обращает речь Свою к ученикам: "**блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня**", показывая, что это по преимуществу относится к ним, и свойственно перед всеми прочими учителям. Вместе с тем здесь Он показывает Свое достоинство и равночестие с Отцом. Он говорит: как пророки страдали ради Отца, так вы будете страдать ради Меня. Когда же Он говорит: "**пророков, бывших прежде вас**", то этим показывает, что и сами они уже были пророками. Потом, желая показать, что страдания особенно для них полезны и служат к их славе, не сказал, что вас будут поносить и преследовать, а Я этому воспрепятствую. Он хочет обезопасить их не от того, чтобы они ничего худого о себе не слыхали, но чтобы худые слухи переносили великодушно, и оправдывали себя делами, потому что последнее гораздо лучше первого, и не унывать во время страданий гораздо важнее, чем совсем не страдать. Потому Он здесь и говорит: "**велика ваша награда на небесах**". По повествованию евангелиста Луки, Христос изрек это еще сильнее и утешительнее. Он не только называет блаженными тех, которые терпят поношение за Господа, но и называет несчастными тех, о которых все говорят доброе. Он говорит: "**горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо**" (Лук. 6:26). И об апостолах говорили доброе, но не все. Поэтому Он и не сказал: когда доброе будут говорить о вас люди; но прибавляет слово – "**все**". Действительно, невозможно, чтобы добродетельные всеми были хвалимы. И опять говорит: "**пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого. Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь**" (Лук. 6:22-23). Он определил награду не только за опасности, которым они подвергались, но и за поношение. Поэтому Он не сказал: когда изгонят вас и убьют; но - когда будут поносить вас и всячески злословить. Поистине злословие уязвляет гораздо более, нежели самые дела. В опасностях есть много такого, что облегчает скорбь, например, когда все поощряют, многие одобряют, хвалят и прославляют. Но здесь, в злословии, отнимается и самое утешение. Переносить злословие не считается за великий подвиг, хотя на самом деле злословие уязвляет подвижника более чем самые опасности. Многие налагают на себя руки, не в силах будучи перенести худой о себе молвы. И что дивиться на других, когда эта-то именно причина более всего побудила удавиться того бесстыдного и гнусного предателя, который совершенно потерял стыд ко всему. И Иов - этот адамант, тверже самого камня, - когда потерял свое имущество, претерпел несносные мучения, лишился вдруг всех детей, когда увидел тело свое преисполненное червями, укоряющую жену, то все легко переносил. Когда же увидел друзей, которые его порицали, ругались над ним и, злословя его, говорили, что он терпит это за грехи свои, и несет наказание за пороки свои, тогда и этот мужественный и великий подвижник поколебался и пришел в смятение.

6. Подобным образом и Давид, забыв все, что он терпел, просил у Бога мздовоздаяния только за понесенное им злословие: оставь "**его**" (Семея) "**злословить**", говорит он, "**ибо Господь повелел ему**": да "**призрит на уничижение мое, и воздаст мне Господь благостью за теперешнее его злословие**" (2 Царст. 16:11-12). И Павел восхваляет не только подвергающихся опасностям, не только лишающихся имения, но и тех, которые терпят злословие, говоря: "**вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий**" (Евр. 10:32). Потому и Христос положил за это великую награду. Но чтобы кто не сказал: почему же Ты ныне не отмщаешь злословящих и не заграждаешь уст их, а обещаешь награду на небесах? - Христос представил для этого пророков, показывая, что Бог и в их время не отмщал врагам их. Но если и тогда, когда воздаяние было на виду, Бог поощрял их надеждой на будущее, то, гораздо более Он поощряет ныне, когда и самая надежда на будущее прояснилась и любомудрие стало выше. Заметь и то, после скольких заповедей предложил эту последнюю. Он сделал это не без намерения и желал показать, что тот, кто заранее не приготовлен и не утвержден

всеми теми заповедями, не может вступать и в эти подвиги. Потому-то Христос сплел нам из этих заповедей золотую цепь, всегда пролагая путь от предыдущей заповеди к последующей. В самом деле, человек смиренный будет оплакивать и грехи свои; оплакивающий свои грехи будет и кротким и праведным и милостивым; милостивый, праведный и сокрушенный будет непременно и чистым по сердцу, а такой будет и миротворцем; а кто всего этого достигнет, тот будет готов и к опасностям, не устрашится злоречия и бесчисленных бедствий. Дав ученикам приличное наставление, Господь снова подкрепляет их похвалами. Так как заповеди были высоки и труднее ветхозаветных, то чтобы ученики не поколебались, не пришли в смятение, и не сказали: как мы можем их исполнять? - слушай, что сказал Господь: "**вы есть соль**" земли (Матф. 5:13), показывая этими словами, что Он по необходимости дает такие заповеди. Учение, которое вам поручается, говорит Христос, должно относиться не к одной только вашей жизни, но и ко всей вселенной. Я посылаю вас не в два, не в десять, не в двадцать городов, посылаю не к одному народу, как некогда пророков, но на сушу и море, во всю вселенную, притом преисполненную зла. Словами: "**вы есть соль**" земли, Христос показал, что все человечество помрачилось и повредилось от грехов. Потому-то Он и требует от учеников таких добродетелей, которые были особенно необходимы и полезны к исправлению других. В самом деле, кто кроток, тих, милостив и праведен, тот не для себя только одного творит добрые дела, но старается эти благие источники добра излить и на пользу других. Также и чистый сердцем и миролюбивый и гонимый за истину живет для блага общего. Итак, не думайте, говорит Христос, что вам предстоят легкие подвиги; не думайте, что слова Мои: "**вы есть соль**" земли маловажны. Что же? Неужели они, в самом деле, исправили то, что уже испортилось? Нет, так как солью нельзя помочь тому, что уже испортилось. Они этого и не делали, а осоляли уже прежде исправленное, им переданное и освобожденное от зловония, содержа и сохраняя в том самом обновлении, в каком приняли от Господа. Освободить от зловония греховного - было дело Христа. Апостолы же должны были трудиться и заботиться о том, чтобы исправленное опять не пришло в первое свое состояние. Замечаешь ли, как Христос мало-помалу возвышает учеников перед самими пророками? Он называет их учителями не одной Палестины, но целой вселенной, и не просто учителями, но еще учителями страшными. И то удивительно, что ученики не лестью и не угождением, но сдерживающим, наподобие соли, действием, для всех сделались достолюбезными. Итак, не дивитесь, говорит Христос, если Я, оставив других, беседую с вами и подвергаю вас стольким опасностям. Рассудите только, скольким городам, народам и языкам Я хочу послать вас в наставники. Потому Я и хочу, чтобы вы не только сами были благоразумны, но и других делали такими. Быть благоразумными особенно нужно тем, от которых зависит спасение других, и столько нужно им иметь в себе добродетели, чтобы можно было уделять ее в пользу других. Если вы не будете такими, то и сами не спасетесь.

7. Итак, не огорчайтесь, если слова Мои кажутся вам тяжкими. Через вас и другие заблудившиеся могут образумиться, а если вы утратите свою силу, то погубите с собой и других. Поэтому, чем важнее возложены на вас обязанности, тем более вы должны иметь ревности. Потому и говорит Христос: "**если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленой? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям**". Другие, если и много раз согрешат, все-таки могут быть прощены; но учитель, если согрешит, не может ничем извинить себя, и должен понести тягчайшее наказание. Чтобы ученики, слыша слова: "**когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить**" не устрашились всенародно проповедовать, Христос говорит, что если вы не решаетесь на это дело, то напрасно и избраны. Не злословия надобно бояться, но того, чтобы не представить из себя лицемеров; в таком случае вы покажете себя неразумными и достойными презрения. Если же вы будете строги в обращении, и за это подвергнетесь злословию, радуйтесь. Таково именно свойство соли, что она едкостью

остроты своей неприятна на вкус людей сластолюбивых. Злословие, следовательно, необходимо будет преследовать вас, но нисколько не повредит вам; напротив, будет свидетельствовать о вашей твердости. Если же вы, устрашась злословия, оставите подобающую вам твердость, то подвергнетесь тягчайшим бедствиям; вас все будут и злословить, и презирать, а это-то самое и значит: "**попираема**". Вслед за тем Христос переходит к другому, высшему сравнению: "**вы есть**", говорит Он, "**свет мира**" (Матф. 5:14). Опять – "**мира**", не одного народа, не двадцати городов, но всей вселенной; свет духовный – подобно, как и соль духовная, - который превосходнее лучей видимого солнца. Сперва Он назвал их солью, а потом светом, чтобы ты знал, сколько выгод от строгих слов, и сколько пользы от чистого учения. Оно обуздывает и не позволяет рассеиваться, но, направляя к добродетели, делает внимательным. "**Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике**" (Матф. 5:14-15). Этими словами Христос опять побуждает учеников Своих к строгой жизни, научая их быть осторожными, так как им надлежало явиться перед лицом всех и подвизаться на поприще целого мира. Не смотрите, говорит, на то, что мы сидим теперь здесь, что мы находимся в самой малой частичке мира. Нет, - вы так будете приметны всем, как город, стоящий на верху горы, как светильник, поставленный на подсвечнике и светящий всем, находящимся в доме.

Где теперь неверующие в могущество Христово? Пусть услышат это и, подивившись силе пророчества, благоговейно поклонятся Его могуществу! Подумай, в самом деле, сколько обещано было тем, которые были неизвестны даже в своем городе! Земля и море узнает их, и слава о них распространится до пределов вселенной, или - лучше, - не слава, а самые их благодеяния, - потому что не громкая слава сделала их везде известными, но величие самых дел. Они, как птицы, пронеслись через всю вселенную быстрее солнечного луча, распространяя повсюду свет благочестия. Здесь Христос, по моему мнению, старается в учениках Своих поселить еще смелость, потому что словами: "**не может укрыться город, стоящий на верху горы**" ясно выражает Свое могущество. Как такой город не может укрыться, так и благовествованию невозможно утаиться и остаться в неизвестности. Так как прежде Христос говорил о гонениях, злословии, наветах и вражде, то, чтобы ученики не подумали, что все это может воспрепятствовать их проповеди, Он, ободряя их, говорит, что благовествование не только не останется в неизвестности, но и просветит всю вселенную, а через это и сами они станут славными и знаменитыми. Итак, здесь Христос показывает Свое могущество, а в последующих словах требует смелости от Своих учеников. "**Зажегши свечу**", говорит Он, "**не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Матф. 5:15-16). Я, говорит Он, возжег свет, а вы своим старанием должны поддерживать этот свет, - и это не для себя только самих, но и для других, которые должны воспользоваться его сиянием и руководствоваться им к истине. Злословие нимало не затмит вашего света, если вы должным образом станете проводить жизнь свою, если будете жить так, как подобает людям, которые должны обратить всю вселенную. Покажите жизнь вполне достойную благодати, чтобы благовествование ваше везде оправдывалось вашей доброй жизнью. Кроме спасения людей, Христос показывает затем и другую пользу, которая может побудить учеников к усерднейшему и ревностнейшему исполнению их обязанностей. Если хорошо будете жить, говорит Он, то не только обратите всю вселенную, но и будете способствовать к славе имени Божьего; напротив, худой жизнью и людей погубите, и дадите повод к хуле имени Божьего.

8. Каким же образом, скажешь ты, прославится через нас Бог, если люди будут злословить нас? Но не все; да и самые злословящие нас будут делать это по зависти, в сердце же своем они будут почитать и удивляться нам, подобно тому, как есть люди, которые явно

льстят нечестивым, а в сердце своем обвиняют их. Что же прикажешь? Жить нам для тщеславия и честолюбия? Нет, я не то говорю. Я не сказал: старайтесь выставлять на вид добрые дела ваши, показывайте их; но сказал только: "**да просветится свет ваш**", т. е. да будет добродетель ваша велика, огонь обилен, свет неизречен. Когда добродетель будет такова, то сокрыть ее невозможно, хотя бы тот, кто имеет ее, всячески старался укрывать. Итак, показывайте жизнь безукоризненную, и никто не будет иметь достаточной причины злословить вас. Пусть злословящих будет бесчисленное множество, никто, однако же, не сможет затмить славу вашу. Хорошо сказано слово: "**свет**". Действительно, ничто так не распространяет славы о человеке, как блеск добродетели, хотя бы этот человек и старался всеми мерами скрыть его. Он как бы окружен солнечным лучом, и светит яснее самого луча, простирая свое сияние не на землю только, но и на самое небо. Здесь Христос утешает учеников Своих еще более. Пусть прискорбно вам, говорит Он, когда вас поносят; но многие через вас сделаются истинными поклонниками Богу. И в том, и другом случае вам готовится награда: и когда вы будете терпеть злословие для Бога, и когда через вас прославляют Бога. Но чтобы мы не старались распространять худой молвы о себе, зная, что за это будет награда, Христос не просто сказал о злословии, но указал только на два вида его, именно: когда о нас говорят ложно, и когда злословят нас для Бога. Но в тоже время Христос показывает, что не только такое злословие приносит великую пользу, но и хорошая слава, когда через нее распространяется слава Божия. Здесь Христос подкрепляет учеников благими надеждами. Это злословие нечестивых, говорит Он, не так сильно, чтобы и другим могло воспрепятствовать видеть свет ваш. Тогда только будут попирать вас, когда вы помрачите себя, но не тогда, когда будете поступать хорошо. Напротив, тогда многие будут удивляться вам, и не только вам, но через вас и Отцу вашему. Далее, Христос не сказал: прославят Бога, но - Отца, чем самым полагает начатки достоинства, которое будет даровано им. Потом, чтобы показать Свое равночестие с Отцом, Христос сказал прежде: не скорбите, когда худое о себе услышите, потому что довольно с вас, что вы это ради Меня слышите, - а здесь указывает на Отца, везде обнаруживая равенство. Итак, если мы знаем, какая польза происходит от упражнения в добродетели, и какая опасность от беспечности (потому что поношение из-за нас Господа нашего гораздо хуже нашей погибели), то не будем подавать соблазна ни иудеям, ни язычникам, ни верным, а будем вести такую жизнь, которая бы сияла светлее солнца. Пусть кто-нибудь нас злословит; мы не тогда должны скорбеть, когда слышим это злословие, но тогда, когда оно справедливо. Если мы будем жить в нечестии, то хотя бы никто нас не злословил, мы всех несчастнее; напротив, если мы будем жить добродетельно, то хотя бы вся вселенная говорила о нас худое, и тогда мы будем счастливее всех, и привлечем к себе всех желающих спастись, потому что они будут обращать внимание не на злословия нечестивых, но на добродетельную жизнь. Подлинно, голос добродетели громче всякой трубы, и жизнь чистая светлее самого солнца, хотя бы злословящих было неисчислимое множество. Итак, если мы будем иметь все упомянутые добродетели: если будем кроткими, смиренными, милостивыми, чистыми, миротворцами, не будем отвечать на оскорбления оскорблением, а, напротив, принимать их даже с радостью, то мы всех взирающих на нас привлечем этим не менее, как и чудесами, и все охотно устремятся к нам, хотя бы кто был неукротим подобно зверю, хотя бы кто был лукав подобно злому духу, - словом, как бы кто ни был худ. Если же явятся и злословящие, не беспокойся этим; не смущайся, что тебя злословят перед людьми, но рассмотри совесть злословящих, и ты увидишь, что они рукоплещут тебе, удивляются и внутренне осыпают бесчисленными похвалами. Так, обрати внимание, с какой похвалой говорил Навуходоносор о тех отроках, которые были в печи, несмотря на то, что был их врагом и гонителем. Так как он увидел их мужество, то хвалит их, и прославляет, и за то именно, что они не покорились ему и остались верны закону Божьему (Дан. 3). Так-то дьявол, когда видит, что нисколько не успевает, уходит, наконец, боясь, чтобы не доставить нам своими кознями большей славы. А когда он удалится, и напускаемая им

тьма рассеивается, тогда всякий, как бы ни был развращен и нечестив, познает добродетель. Если же и люди не поймут тебя, то будешь иметь у Бога похвалу и большую славу.

9. Итак, не скорби, и не малодушествуй. И апостолы были "**для одних запахом смертоносным на смерть, а для других запахом живительным на жизнь**" (2 Кор. 2:16). Если ты не подал никакого повода к злословию, то ты свободен от всякого обвинения; напротив, ты сделался даже счастливейшим человеком. Пусть же сияет твоя жизнь, и не обращай никакого внимания на тех, кто злословит тебя; невозможно ведь, совершенно невозможно, чтобы добродетельные не имели у себя многих врагов. Но от них ничего не потерпит добродетельный человек; напротив, он через это еще более прославится. Итак, размышляя об этом, будем иметь ввиду одно - вести жизнь свою добродетельно. Ведя так жизнь, мы и сидящих во тьме будем руководить к небесной жизни. Такова сила этого света, что он не только здесь сияет, но и освещает путь идущим туда. Когда сидящие во тьме увидят, что мы презираем все настоящее и стремимся к будущему, тогда они и без слов, самыми делами нашими, убедятся в этом. Кто, в самом деле, настолько безумен, чтобы, видя человека, который три дня тому назад роскошествовал, был богат, а сегодня отказался от всего, ничего не имеет, готов терпеть нищету, голод, всякие лишения и опасности, готов пролить кровь свою, идти на заклание, терпеть все, что есть жестокого, - кто настолько безумен, говорю, чтобы, видя все это, не вывел для себя ясного доказательства о будущем? Если же мы будем прилепляться к настоящему, и совершенно к нему пристрастимся, то поверят ли нам, что мы стремимся в другое отечество? Какое, наконец, будет у нас извинение, когда для нас страх Божий будет иметь меньше значения, чем даже слава человеческая имела для языческих философов? Так, некоторые из них отвергали богатство, презирали смерть, надеясь приобрести славу от людей, почему и надежда их была суетна. Что нас защитит, когда при стольких благах, нам обещанных, при стольких путях, открытых нам для благочестивой жизни, мы не только не можем сравниться с ними, но губим и себя и других? Не столько вреда приносит язычник, поступающий нечестиво, сколько христианин, так поступающий. И это вполне понятно. Учение язычников нелепо, наше же, по благодати Божьей, досточтимо и славно у самих нечестивых. Вот почему, когда они хотят особенно упрекнуть нас, и усилить свое злословие, то говорят: "**христианин**"! Не сказали бы они этого, если бы не имели высокого мнения о нашем учении. Ужели ты не знаешь, что и как заповедал Христос? И как ты можешь исполнить, хотя бы одну из заповедей Его, когда, оставив все, ты стараешься только собрать барыши, пустить деньги в рост, завести торговые связи, купить множество рабов, заготовить драгоценные сосуды, закупить поля, дома, и разные домашние принадлежности? И пусть было бы только это одно; но, когда к этим бесполезным занятиям ты присоединяешь еще неправду, отнимая землю у соседей, грабя дома, разоряя бедных, увеличивая голод других, - то, когда ты приступишь к этим заповедям? Но ты иногда милуешь нищих? Знаю это. Однако же, и тут опять большая погибель для тебя, потому что ты делаешь это или с надменностью, или из тщеславия, так что и в добрых делах для тебя нет пользы. Что может быть бедственнее того, когда ты даже у самой пристани терпишь кораблекрушение? Итак, чтобы не случилось этого с тобой, для этого, сделав доброе дело, не ищи от меня благодарности, чтобы иметь тебе должником самого Бога, Который сказал: "взаймы давайте тем, от которых вы не надеетесь ничего получить" (Лук. 6:35). Имея такого должника, для чего же ты, оставив Его, требуешь от меня, человека бедного и скудного? Разве этот должник гневается, когда требуют с Него долг. Или Он беден? Или отказывается платить? Но разве ты не видишь Его неисчислимых сокровищ? Разве ты не видишь Его неизреченной щедрости? Итак, с Него проси и требуй; это Ему приятно. А если Он увидит, что ты с другого требуешь долг Его, то Он оскорбится этим, - и не только не отдаст тебе, но и по праву осудит тебя. В чем ты нашел Меня неблагодарным, скажет Он? Какую бедность у Меня нашел, что, оставив

Меня, идешь к другим? Одному дал взаймы, а с другого требуешь? Ведь, хотя и человек получил, но велел дать Бог. Итак, Бог сам хочет быть первым должником и порукой, доставляя тебе бесчисленные случаи всегда с Него требовать. Не оставляй же такое богатство и такое обилие, и не ищи получить с меня, - человека ничего не имеющего. И для чего ты подаешь милостыню на моих глазах? Разве я говорил тебе: "**дай**"? Разве от меня ты слышал, чтобы с меня требовать? Сам Бог сказал: "**благотворящий бедному дает взаймы Господу**" (Притч. 19:17). Ты дал взаймы Богу; с Него и требуй. Но Он не отдает теперь всего? И это Он делает для твоей пользы. Он не какой-нибудь обыкновенный должник, который спешит только отдать долг, но должник, который всячески старается еще о том, чтобы взятое взаймы сохранить в целости. Потому-то Он, что нужно отдать здесь, отдает, а что там, сберегает.

10. Итак, зная это, станем оказывать милосердие и большее человеколюбие как имуществом, так и делами. Если увидим, что кого-либо мучат и бьют на площади, и если можем избавить его деньгами, то избавим. А если можем освободить словами, не поленимся и это сделать. Есть ведь награда и за слова, даже и за самые вздохи: и об этом-то блаженный Иов говорил: "**не плакал ли я о том, кто был в горе? не скорбела ли душа моя о бедных?**" (Иов. 30:25). Если же есть награда за слезы и вздохи, то подумай, каково будет воздаяние, когда присоединятся к ним слова, усердие и другое подобное тому. И мы были некогда враги Богу, и Единородный примирил нас, сделавшись посредником, претерпев за нас раны и самую смерть. Постараемся же и мы избавлять от бесчисленных бедствий тех, которые подвергаются им и перестанем поступать так, как мы поступаем теперь, когда, например, видя, что другие ссорятся и дерутся между собой, останавливаемся и окружаем это дьявольское зрелище, чтобы позабавиться бесстыдством других. Может ли что быть бесчеловечнее этого? Видим, что бранятся, дерутся, раздирают друг у друга одежду, разбивают друг другу лицо, и спокойно продолжаем стоять. Неужели тот, кто дерется, медведь? Неужели зверь? Неужели змей? Это человек, всегдашний сообщник твой; он брат тебе, он сочлен твой. Итак, не делай для себя зрелища, но прекращай ссоры; не забавляйся, но укрощай; не побуждай других к такому бесстыдству, но разнимай и усмиряй дерущихся. Радоваться таким несчастным случаям свойственно только людям бесстыдным, подлым, непотребным и безумным. Ты смотришь на человека бесстыдно поступающего, и не замечаешь, что и сам то же делаешь? И ты не вступаешься, чтобы рассеять сборище дьявольское, и прекратить злобу человеческую! Чтобы мне и самому принять побои, скажешь ты, - и ты это велишь? Совсем нет! Ты не примешь их. А если и примешь, так это будет тебе вместо мученичества, потому что за Бога претерпишь это. Если же не хочешь принять побоев, то подумай. Сам Господь восхотел претерпеть за тебя крест. Как обижающий, так и обижаемый, от сильного гнева, ими обладающего, подобны пьяным и потерявшим рассудок, потому и имеют нужду в человеке здравомыслящем, который бы им помог: первому, чтобы перестал обижать, а второму, чтобы избавился от побоев. Итак, пойди и подай руку помощи - трезвый опьянелому. Подлинно, и гнев опьяняет, и это опьянение даже гораздо хуже опьянения от вина. Посмотри на корабельщиков: они как скоро видят где-либо кораблекрушение, тотчас, подняв паруса, спешат, чтобы спасти от волн своих товарищей по ремеслу. Итак, если имеющие одинаковое ремесло так друг другу помогают, то тем более надлежит помогать друг другу тем, которые имеют одинаковую природу. Ведь и ссора - кораблекрушение, притом и гораздо бедственнее того. В самом деле, кто ссорится, тот или изрыгает хулы, и, таким образом, теряет все прежние добрые дела, или в сильном гневе клянется ложно, и, таким образом, впадает в геенну, или наносит побои и совершает убийство, и опять подвергается такому же кораблекрушению. Итак, пойди, прекрати зло, спустись в это бурное море и спаси утопающих, и, разрушив зрелище дьявольское, уговаривай каждого порознь, погаси пламень и укроти волны. Если пожар распространится, огонь усилится, - не бойся: многие тебе подадут руку помощи, только

начни, - а прежде всех поможет Бог мира. И если ты первый начнешь гасить пламя, то многие и другие последуют за тобой, и ты получишь награду и за их доброе дело. Послушай, что говорит Христос иудеям, пресмыкающимся долу. Если увидишь, говорит Он, упавшего осла у врага своего, не проходи мимо, но подыми (Исх. 23:5). Но гораздо легче разнять ссорящихся между собой, нежели поднять упавшую скотину. Если же должно поднимать осла у врагов, то тем более души у друзей, особенно когда последнее падение гораздо бедственнее; ведь души от тяжести гнева падают не в грязь, а в огненную геенну. Между тем ты, жестокий и бесчеловечный, видя брата своего лежащего под тяжким бременем, и дьявола предстоящего и разжигающего пламя гнева, проходишь мимо! Так поступать даже и с животными не безопасно. Самарянин, когда увидел раненого, человека совсем ему неизвестного и не имевшего к нему никакого отношения, остановился, посадил его на своего осла, привез в гостиницу, нанял врача, и деньги хозяину гостиницы частью заплатил, частью обещал заплатить (Лук. 10:33 и далее) А ты, видя человека, который попался не разбойникам, но полчищу демонов, и подвергся ярости врага не в пустыне, но среди площади, - когда тебе не нужно ни денег платить, ни осла нанимать, ни идти далеко, а только сказать несколько слов, - ты, жестокий и бесчеловечный, не хочешь помочь, но бежишь мимо! Как же ты надеешься сам когда-нибудь получить милость у Бога? Вам говорю я, которые перед всеми поступаете бесстыдно, - вам, обидчикам и притеснителям! Скажи, пожалуй: ты наносишь побои, топчешь ногами, кусаешь? Разве ты кабан, или дикий осел? И ты не стыдишься, не краснеешь от своего зверства, забывая свое достоинство? Ты беден? Но ты свободен. Ремесленник ты? Но ты христианин. Потому-то самому тебе и должно жить смирно, что ты беден. Ссориться свойственно только богачам, а не бедным, - богачам, говорю, которые имеют многие причины к ссоре. Ты не пользуешься удовольствиями богатства, между тем ищешь неприятностей, с ним неразлучных - вражды, распрей, ссор, мучишь и душишь брата своего, и повергаешь его перед всеми. Неужели ты не понимаешь, что в своем бесстыдстве подражаешь необузданности бессловесных, или вернее, делаешь еще хуже их? У бессловесных все общее, они собираются и ходят вместе; а у нас, напротив, ничего нет общего, но все вверх дном: вражды, распри, ссоры, ненависть, обиды. Мы не стыдимся ни неба, куда мы все призываемся, ни земли, которая всем нам дана в общее жилище, ни самой природы своей; но все подавляют в нас гнев и любостяжание. Или не знаешь ты о том рабе, который должен был десять тысяч талантов, и после того, как долг прощен был ему, душил товарища своего за сто динариев, - или не знаешь, сколько претерпел он бедствий, и как предан был вечному мучению (Матф. 28:28 и далее)? И ты не боишься такого примера? Не страшишься подвергнуться тому же? Ведь и мы много, много должны Господу, однако, Он ждет и долготерпит; не истязает нас, как мы своих собратий, не душит нас, не мучит. Между тем если бы Он захотел потребовать от нас хотя бы малейшей части долга, мы давно бы погибли. Размышляя об этом, возлюбленные, смиримся, и будем снисходительны к должникам своим; через них имеем случай, если только мы благоразумны, получить прощение в великих долгах своих и за малое приобрести многое. Итак, зачем же ты насильно требуешь долг от ближнего своего? Тебе даже надлежало бы простить и тогда, когда бы он сам захотел тебе отдать, - простить для того, чтобы получить все от Бога. А ты между тем всеми силами стараешься получить долги, заводишь споры, чтобы не потерять ни малейшей части своего имущества. Ты думаешь причинить обиду ближнему, а, между тем, сам на себя поднимаешь меч, и умножаешь для себя мучение в геенне. Если ты хоть немного будешь здесь благоразумным, то облегчишь участь свою на суде. Ведь Бог для того только и требует от нас такого снисхождения к ближним нашим, чтобы самому иметь случай прощать нам великие согрешения наши. Итак, сколько бы ни было у тебя должников, деньгами ли то, или оскорблениями, всех прости, и за такое великодушие проси от Бога воздаяния. Доколе они будут оставаться твоими должниками, до тех пор и Бог не будет твоим должником; напротив, как скоро простишь их, тогда можешь приступить к Богу, и требовать от Него

воздаяния себе за такой добрый поступок. Если бы кто, проходя мимо тебя и видя, что ты держишь своего должника, велел тебе отпустить его, обещав заплатить за него; если, говорю, этот человек не откажется заплатить тебе всего долга вместо твоего должника, - то не более ли, не тысячекратно ли более воздаст нам Бог, когда мы, повинуясь Его заповеди, простим должников своих, не требуя от них ничего? Мы должны иметь в виду не временное удовольствие, происходящее от требования долгов, но тот вред, который потерпим за то в будущем, и который будет состоять в лишении бессмертных благ. Итак, возвысившись над всем этим, будем прощать и деньги, и оскорбления должникам своим, чтобы и самим нам можно было получить прощение в своих долгах; и чего мы не успели достигнуть через другую добродетель, этого мы достигнем, когда не будем помнить зла на ближних своих, и, таким образом, сподобимся благ вечных, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 16

“Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков” (Мф. 5:17).

1. Но кто и думал об этом? Или кто обвинял Его в этом и вызывал на такой ответ? Сказанные Им слова совсем не возбуждали такой мысли, Его заповеди - быть кроткими, тихими, милосердыми, чистыми сердцем и подвизаться за правду - ничего подобного не показывали, но даже совершенно противное. Итак, для чего же Он сказал это? Без сомнения, не без причины, не без цели. Так как Он намеревался дать заповеди выше древних (как видно из слов Его: “**Вы слышали, что сказано древним: не убивай. Я говорю вам**” не гневайтесь (ст.21,22) и проложить путь к некоему божественному небесному образу жизни, то, чтобы новость учения не смутила сердец слушателей и не заставила их сомневаться в Его наставлениях, Он и предупреждает их словами: “**Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков**”. Иудеи, хотя и не исполняли закона, имели, однако же, к нему великое уважение, и хотя каждодневно нарушали его своими делами, тем не менее желали, чтобы Писание оставалось неприкосновенным, и чтобы никто ничего не прибавлял к нему. Впрочем, они строго держались и некоторых прибавлений, сделанных их начальниками, хотя последние клонились не к лучшему, а к худшему. Так, например, этими прибавлениями нарушалось должное почтение к родителям; да и многие другие обязанности подрывались этими неуместными дополнениями. Итак, поелику Христос происходил не из священнического колена, а то, что он вознамерился ввести, было прибавлением, - которое, впрочем, не уменьшало добродетели, но возвышало ее, - то Он предвидел, что и то и другое могло бы смутить их, и потому прежде, чем начертать свои чудные законы, опровергает те сомнения, которые могли скрываться в уме их. В чем же могли заключаться их сомнения и возражения? Они думали, что Христос говорит это для уничтожения древних постановлений закона. Это-то подозрение Он и удаляет. Так Он делает не только здесь, но и в других случаях. Так, когда иудеи почитали Его противником Богу за нарушение субботы, то, чтобы опровергнуть такое их мнение и защитить Себя, в одном случае Он употребляет слова, приличные Ему как Сыну Божию, говоря: “**Отец Мой доныне делает, и Я делаю**” (Ин. 5:17), - а в другом - исполненные смирения, как, например, когда показывает, что для спасения овцы, погибшей в субботу, может быть нарушение закона, также, когда замечает, что и обрезание совершается в субботу (Мф. 12: 11,12). Для того Он часто и говорит так смиренно, чтобы истребить их мнение, будто Он поступает противно Богу. Для того-то, когда и Лазаря воззывал из гроба, обратился с молитвою к Богу, несмотря на то, что прежде единым словом воскрешал многих мертвых (Ин. 11:41). А чтобы отсюда не заключили, что Он менее Отца Своего, - предупреждая такое мнение, присовокупляет: “**Сказал [сие] для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня**”

(Ин. 11:42). Таким образом, Он не все (чудеса) производит, как полновластный Владыка, для того, чтобы исправить ошибочное о Нем мнение иудеев, но и не перед каждым обращается с молитвою к Богу, чтобы в последствии времени не подать случая к превратному мнению, будто Он был слаб и бессилен; но в иных случаях поступает так, а в других - иначе, и делает так не без разбора, но с свойственною Ему мудростью. Важнейшие чудеса Он совершает как полномочный Владыка, а в менее важных возводит очи к небу. Так, когда он отпускал грехи, открывал тайны, отверзал рай, изгонял бесов, очищал прокаженных, попирал смерть, воскрешал многих мертвых, - все это Он совершал одним велением, а умножая хлебы, что было менее важно, обращается к небу. Очевидно, что Он делает это не по слабости. В самом деле, если Он мог полновластно совершить большее, то какую имел надобность в молитве для совершения меньшего? Без сомнения, Он делал это, как я и прежде сказал, для обуздания бесстыдства иудеев. То же самое должен ты думать и в тех случаях, когда слышишь, что Он говорит со смирением. Много Он имел причин так говорить и действовать, как-то: чтобы не подумали, что Он действует не по воле Божией, чтобы подавать наставления и врачевание всем, чтобы научать смирению, чтобы показать, что Он облечен плотью, и что иудеи не могут принять всего вдруг, также, чтобы научить их не много о себе думать. По этим-то причинам часто и говорил сам о Себе со смирением, предоставляя говорить о Нем великое другим.

2. Так сам Он, беседуя с иудеями, говорил: “**Прежде нежели был Авраам, Я есмь**” (Ин. 8:58); а ученик Его сказал об этом так: “**В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог**” (Ин. 1:1). Опять, сам Он нигде прямо не говорит, что Он сотворил небо, и землю, и море, и все видимое и невидимое; а ученик Его смело и не обинуясь, не один, или два раза, но многократно говорит об этом: “**Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть**”; также: “**В мире был, и мир чрез Него начал быть**” (Ин 1:3,10). Да и чему удивляться, если другие о Нем сказали более, нежели Он сам, когда Он, многое, не выражая ясно словами, показывал делами? Что Он сотворил человека, то ясно доказал исцелениями слепого; между тем, говоря о сотворении человека в начале, не сказал: Я сотворил, но – “**Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их**” (Мф. 19:4). Равным образом, что Он создал мир, и все находящееся в нем, то доказал ловитвою рыб, претворением воды в вино, умножением хлебов, укрощением бури на море, лучезарным светом, которым воссиял Он на кресте, и многими другими чудесами; хотя на словах никогда ясно не выражал этого, но ученики Его: Иоанн, Павел и Петр говорят о том весьма часто. Если и эти ученики, которые и днем и ночью слышали Его беседы, видели чудотворения, которыми Он многое разрешал наедине, даровал силу даже воскрешать мертвых, и которых, наконец, соделал столь совершенными, что они для Него оставили все, - если и они, восшедши на такую степень добродетели и любомудрия, не могли еще сносить всего, прежде чем приняли дары Святого Духа; то каким образом иудейский народ, который не имел ни такого познания, ни такой добродетели, и только иногда был свидетелем того, что делал, или говорил Христос, уверился бы, что Он поступает согласно с волею Бога всяческих, если бы сам Иисус не оказывал во всем Своего снисхождения? Вот почему, и нарушая, например, субботу, Он не вдруг ввел такое законоположение, но наперед представил многие и различные причины. Если же, намереваясь отменить и одну заповедь, Он употребляет такую осторожность в словах, чтобы не устрашить слушающих, то, когда присоединял к целому прежнему закону целый новый, тем более имел нужду предуготовлять слушателей Своих и применяться к их состоянию, чтобы не возмутить их.

По той же причине Он и о Своем божестве не везде ясно говорит. В самом деле, если прибавление к закону так возмущало их, то не гораздо ли более возмутило бы их то, когда бы Он объявил Себя Богом? Потому Он и говорит много такого, что ниже Его божественного достоинства. Так точно и здесь, намереваясь восполнить закон, приступает к этому с великою осторожностью. Не довольствуясь тем, что сказал уже раз: Я не

разоряю закона, Он повторяет то же и в другой раз, и притом еще с большею выразительностью. Сказав: "**Не думайте, что Я пришел нарушить**", - присовокупляет: "**Не нарушить пришел Я, но исполнить**". Этими словами обуздывается не только бесстыдство иудеев, но и заграждаются уста еретиков, утверждающих, что древний закон произошел от дьявола. В самом деле, если Христос пришел разрушить власть дьявола, то как же Он не только не разрушает ее, но еще и исполняет? Он не только сказал: не разоряю, - хотя и того было бы довольно, - но еще прибавил: исполняю, а это показывает, что Он не только не противился закону, но еще и одобрял его. Но каким образом, спросишь ты, Он не нарушил закона? И как исполнил закон, или пророков? Пророков - тем, что подтвердил делами Своими все, что они говорили о Нем, почему и евангелист постоянно говорит: "**Да сбудется реченное через пророков**" (Мф. 2:23); например, когда Он родился, когда отроки воспели Ему чудную песнь, когда воссел на жребя. Да и во многих других случаях Он исполнял пророчества, которые все остались бы без исполнения, если бы Он не пришел в мир. А закон исполнил не в одном отношении, но в трояком. Во-первых, Он ни в чем не преступил его. Чтобы увериться, что Он исполнил весь закон, послушай, что Он говорит Иоанну: "**Ибо так надлежит нам исполнить всякую правду**" (Мф. 3:15). Равным образом и иудеям Он говорил: "**Кто из вас обличит Меня в неправде?**" (Ин. 8:46); также ученикам Своим: "**Идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего**" (Ин. 14:30). Издревле и пророк предсказал о Нем, что Он "**не сделал греха**" (Ис. 53:9). Итак, вот первый способ, которым Он исполнил закон. Во-вторых, Он исполнил закон за нас. Поистине достойно удивления, что Он не только сам исполнил закон, но и нам даровал его исполнение, как то изъясняет Павел, говоря, что "**конец закона - Христос, к праведности всякого верующего**" (Рим. 10:4), и что Он "**осудил грех во плоти, чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти**" (Рим. 8:3,4), и в другом месте: "**Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем**" (Рим. 3:31). Так как цель закона состояла в том, чтобы сделать человека праведным, чего, однако же, он не мог сделать, то этому назначению закона удовлетворил сам Господь, нисшед на землю и установив образ оправдания чрез веру. И чего закон не мог сделать посредством букв, то сам Христос совершил через веру, - почему и говорит: "**Не нарушить пришел Я**" закон.

3. Если же кто тщательно будет исследовать, то найдет еще и третий образ исполнения закона. В чем же состоял он? В учреждении того закона, который Христос имел дать. В самом деле, Его учение не уничтожало прежнего закона, но возвышало и восполняло его. Так, например, заповедь: "не убивай" не уничтожается заповедью: "не гневайся"; напротив, последняя служит дополнением и утверждением первой. То же самое должно сказать и о всех прочих. Бросая первые семена Своего нового учения, Христос не навлек на Себя никакого подозрения; но теперь, когда Он начал сравнивать ветхий закон с новым, тем более мог быть подозреваем в противоречии первому, почему предварительно и сказал: "**Не нарушить пришел Я, но исполнить**". Действительно, заповеди, предлагаемые теперь, уже основывались на прежде сказанном. Так, например, слова: "**Блаженны нищие духом**" означают то же, что и повеление не гневаться; "**Блаженны чистые сердцем**" - то же, что и запрещение взирать на жену с вожделением; заповедь - не скрывать себе сокровищ на земле соответствует словам: "**Блаженны милостивые**". Плакать, претерпевать гонения и поношения значит то же самое, что и входить узкими вратами; алкать и жаждать правды означает не что иное, как требование, выраженное в словах: "**Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними**" (Мф. 7:12). Когда Христос ублажает миротворца, то высказывает почти то же самое, что выражено в повелении оставить дар, и поспешить помириться с оскорбленным братом и согласиться с соперником. Различие лишь в том, что там Христос исполняющим заповеди обещает награды, а здесь преступающим их угрожает наказанием. Там говорит, что кроткие наследят землю; а здесь - что тот, кто назовет брата своего безумным, будет

повинен геенне огненной. Там говорит, что чистые сердцем узрят Бога; а здесь - что воззревший на жену нечистым оком является уже настоящим прелюбодеем. Там миротворцев называет сынами Божиими; а здесь - немиролюбивых устрашает словами: “**Чтобы соперник не отдал тебя судье**” (Мф. 5:25). Там плачущих и претерпевающих гонения называет блаженными; а здесь, подтверждая то же самое, угрожает гибелью тем, кто не идет этим путем, - так как, говорит, идущие широким путем погибают. Также и слова: “**Не можете служить Богу и маммоне**” (Мф. 6:24), кажется мне, сходны с изречением: “**Блаженны милостивые**” и: “**жаждущие правды**”. Но здесь, как я и выше заметил, Господь намеревается прежде сказанное изложить яснее, и не только яснее, но еще с дополнениями. Так, например, Он не только повелевает быть милостивым, но еще отдавать с себя и срачицу (сорочку); не только быть кротким, но хотящему ударить в ланиту подставить и другую. Потому-то, чтобы предотвратить мнимое противоречие, Он и говорит, что пришел не разрушить закон, и повторяет это, как и прежде я сказал, не однажды, но два раза, сказавши: “**Не думайте, что Я пришел нарушить**”, - присовокупляет: “**Не нарушить пришел Я, но исполнить**”. Далее говорит: “**Истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все**” (Мф. 5:18). Слова эти имеют такой смысл: невозможно, чтобы закон остался без исполнения, но и малейшая черта его должна быть выполнена, что и доказал Господь Своим примером, во всей точности исполнивши закон. Здесь также Он дает нам разуметь, что и весь мир должен принять иной вид. Не без причины Он сказал так, но с тою целью, чтобы возвысить дух слушателя и показать, что Он праведно поступает, учреждая новые правила жизни; если вся тварь должна принять новый вид, то и род человеческий должен быть призван к другому отечеству - к образу жизни высшей. “**Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном**” (ст. 19). Устранив от Себя всякое подозрение и заградив уста тех, кто вздумал бы противоречить, Господь начинает уже возбуждать страх и предлагать сильные угрозы для ограждения вводимого Им закона. А что приведенные слова Его относятся не к древним заповедям, но к тем, которые Он сам намеревался дать, это видно из дальнейшего. “**Ибо, говорю вам, -** говорит Он, **- если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**” (ст. 20). Если бы Его угрозы относились к нарушителям ветхого закона, то для чего бы говорить Ему: “если не превзойдет”? Те, кто делал то же, что и фарисеи, без сомнения, не могли перед ними иметь никакого преимущества в праведной жизни. В чем же состояло это преимущество? В том, чтобы не гневаться, не смотреть на жену любострастным оком.

4. Почему же Он называет эти новые заповеди малыми, когда они так важны и высоки? Потому, что Он сам хотел дать этот закон. Как Он смирит Себя самого, и во многих местах говорит о Себе скромно, - так говорит и о законе Своем, научая этим и нас всегда быть скромными. Притом же, так как Его могли подозревать в нововведении, то Он до времени и употребляет смиренный образ выражения. А когда ты слышишь слова: “**малейшим в Царстве Небесном**”, то разумей не иное что, как геенну, или мучение. Царствием Он называет не только наслаждение будущими благами, но и время воскресения, и страшное второе пришествие. В самом деле, возможно ли, чтобы тот, кто назовет брата своего глупым, и нарушит одну заповедь, был ввержен в геенну, а кто нарушит весь закон и других доведет до того же, будет находиться в царствии? Не это, следовательно, разумеется здесь, но то, что нарушитель закона в то время будет меньшим, т. е. отверженным, последним; а последний, без сомнения, ввержен будет тогда в геенну. Будучи Богом, Христос предвидел беспечность многих, предвидел, что некоторые примут слова Его за преувеличение, и будут умствовать о законе так: “неужели тот будет наказан, кто назовет брата своего глупым? Неужели тот прелюбодей, кто только посмотрит на жену?” Предотвращая такое небрежение к закону, Он и произносит страшную угрозу

против тех и других, т. е. и против нарушителей закона, и против тех, которые других доводят до этого. Зная такие угрозы, потщимся и сами не нарушать закона, и не будем ослаблять ревности других, желающих блюсти его. “**А кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном**” (ст. 19). Мы должны быть полезны не только для самих себя, но и для других; не одинаковую награду получает тот, кто только сам добродетелен, и тот, кто ведет с собою к тому же и другого. Как учение, не оправдываемое делами, осуждает учащего (“**уча другого, -** говорит апостол, **- не учишь себя самого?**” [Рим. 2:21]), так и добрые дела, если мы не будем в то же время руководить и других, получают меньшую награду. Итак, в том и другом надобно быть совершенным; исправив прежде самого себя, должно приложить старание и о других. Потому-то и сам Христос поставил прежде дела, а потом учение, показывая, что только таким образом можно учить с успехом; в противоположном же случае скажут: “**Врач! исцели Самого Себя**” (Лк. 4:23). В самом деле, если кто, будучи не в состоянии научить себя самого, вздумает исправлять других, тот сделается для многих предметом посмеяния; вернее же - он совсем не в состоянии будет учить, так как дела его будут противоречить его учению. А если он будет совершен в том и другом, то “**тот великим наречется в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**” (Мф. 5:19,20). Здесь под словом: “праведность” разумеет Он вообще добродетель, как и в повествовании об Иове сказано: “**И был человек этот непорочен, праведен**[1]” (Иов. 1:1). В таком же смысле и апостол Павел праведником называет того, для которого, по словам его, и закон не положен: “**Закон положен не для праведника**” (1 Тим. 1:9). Да и во многих других местах можно видеть, что слово это употребляется для означения вообще добродетели. Из слов Христа ты можешь, между прочим, видеть, как приумножилась благодать, если Христос желает, чтобы ученики Его, едва вступившие на путь правды, были лучше учителей ветхозаветных. Говоря о книжниках и фарисеях, Он не разумеет преступающих закон, но исполняющих его. Если бы это были люди, не исполняющие закона, то Он не сказал бы об их правде, и правду, которой нет, не стал бы сравнивать с правдою существующею. Заметь еще здесь и то, как Он подтверждает существование древней правды, сравнивая ее с новою; а это показывает, что та и другая - сродны между собою, так как больше ли, меньше ли правда, но все-таки правда. Итак, Христос не хулит древней правды, а хочет возвысить ее. В самом деле, если бы она была худа, то Он не стал бы требовать высшей, не стал бы усовершать ее, но просто отверг бы. Но, скажешь ты, если она в самом деле такова, отчего же ныне не вводит в царствие? Она не вводит тех, которые живут после пришествия Христова, так как они, получивши большую силу, должны оказать и более подвигов; питомцев же своих вводит всех. “**Многие придут с востока и запада**, **-** говорит Господь, **- и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом**” (Мф. 8:11). Так известно, что Лазарь, удостоившийся великих наград, находится в недрах Авраама. И вообще все, особенно просиявшие в Ветхом завете, просияли этою правдою. И сам Христос, пришедши в мир, не исполнил бы этой правды всецело, если бы она была худа и не сродна с новою. Если бы Он делал это только для того, чтобы привлечь иудеев, а не для того, чтобы показать ее сродство и согласие с новою, то почему не исполнил Он законов и обычаев эллинских, чтобы привлечь к Себе эллинов?

5. Все это показывает, что ветхозаветная правда не потому не вводит в царство, что она худа, но потому, что настало время заповедей высших. Если она и не совершеннее новой, то и отсюда не следует, чтобы она была худа; иначе на том же основании можно было бы сказать то же самое и о новой правде. Ведь и ее знание - в сравнении с будущим - есть знание отчасти, несовершенное, и когда наступит совершенное, упразднится: “**Когда же настанет**, **-** говорит Писание, **- совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится**” (1 Кор. 13:10). Это-то и случилось с древнею правдою по введении новой. Однако, из-за этого мы не будем охуждать настоящей правды. Хотя она и уступит место новой, когда

мы достигнем царствия, - так как тогда, по Писанию, “**то, что отчасти, прекратится**”, - но все же мы называем ее великою. Итак, когда Господь обещает нам и высшие награды, и большую силу от Духа (Святого), то по справедливости требует и больших подвигов. Здесь обещается уже не земля, текущая млеком и медом, не маститая старость, не многочадие, не хлеб и вино, не стада овец и волов; но - небо и блага небесные, усыновление и братство с Единородным, соучастие в наследии, в славе и царствовании, и другие бесчисленные награды. А что мы удостоились и большей помощи, это видно из следующих слов ап. Павла: “**Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу, потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти**” (Рим. 8:1-2). Таким образом, изрекши угрозы против преступающих закон, и обещав великие награды исполняющим его, показав затем, что по праву требует от нас более прежнего, Христос начинает наконец предлагать новый закон, - притом не просто, но сравнивая его с постановлениями древнего закона. Таким сравнением Он хотел показать, во-первых, что Его законоположение не противоречит прежнему, но весьма согласно с ним; во-вторых, что Он справедливо и весьма благовременно к древнему закону присоединяет новый. Чтобы это было для нас очевиднее, выслушаем сами слова Законодателя. Что же Он говорит? “**Вы слышали, что сказано древним: не убивай**” (Мф. 5:21). Хотя Он сам дал эту заповедь, но пока говорит об этом безлично. В самом деле, если бы Он сказал: вы слышали, что Я говорил древним, - то слушатели не приняли бы таких слов и оскорбились бы ими. Если бы сказал также: вы слышали, что сказано древним от Отца Моего, а потом присовокупил бы: “А Я говорю”, то слова Его показались бы им великою самонадеянностью. Поэтому Он просто говорит: “сказано”, имея Своею целью показать только то, что Он в надлежащее время говорит об этом. Из слов: “**сказано древним**” видно было, что уже много времени протекло с тех пор, как иудеи получили эту заповедь. А это Он делает для того, чтобы пристыдить слушателя, отказывающегося от исполнения высших заповедей; подобно, как бы учитель говорил ленивому ребенку: и ты не знаешь, сколько потерял времени учась складам? То же давал разуметь и Христос, когда упоминал о древних. Желая призвать слушателей уже к высшему учению, Он как бы так говорит: уже довольно времени вы занимались этим; пора, наконец, перейти и к высшему! Достойно замечания и то, что Господь не смешивает порядка заповедей, но начинает с первой, которою начинается и закон; и это показывает согласие Его учения с законом. “**А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду**” (Мф. 5:22). Видишь ли власть совершенную? Видишь ли образ действия, приличествующий Законодателю? Кто так говорил когда-нибудь из пророков? Кто из праведников? Кто из патриархов? Никто. “Сие говорит Господь”, говорили они. Но не так говорит Сын. Те возвещали слова Владыки, а Он слова Отца Своего; слова же Отца суть вместе слова и Сына: “**И все Мое Твое, и Твое Мое**” (Ин. 17:10), говорит Христос. Те давали закон подобным себе рабам, а Он - рабам Своим. Теперь спросим тех, которые отвергают закон: заповедь – “не гневайся” противоречит ли заповеди – “не убивай”? Или, напротив, она есть усовершенствование и подтверждение последней? Очевидно, что первая служит дополнением второй, а потому и важнее ее. Кто не предается гневу, тот, без сомнения, не решится на убийство; кто обуздывает гнев свой, тот, конечно, не даст воли рукам своим. Корень убийства есть гнев. Поэтому, кто исторгает корень, тот, без сомнения, будет отсекать и ветви, или - лучше - он не даст им и возникнуть.

6. Итак, не для нарушения древнего закона, но для большего сохранения его Христос дал закон новый. В самом деле, с какою целью древний закон предписывал эту заповедь? Не с тою ли, чтобы никто не убивал ближнего своего? Итак, восставшему против закона надлежало бы позволить убийство, потому что заповеди – “не убивай” противоположно позволение убивать. Когда же Христос запрещает даже и гневаться, то тем еще более утверждает то, чего требовал закон, потому что не так удобно воздержаться от убийства

человеку, имеющему в мыслях только то, чтобы не убивать, как тому, кто истребил и самый гнев. Этот последний гораздо более удален от такого поступка. Но чтобы и другим образом опровергнуть наших противников, рассмотрим все их возражения. Что же они говорят? Они говорят, что Бог, сотворивший мир, повелевающий солнцу сиять на злых и добрых, посылающий дождь на праведных и неправедных, есть какое-то существо злое. А умереннейшие из них, хотя этого не утверждают, но, называя Бога правосудным, не признают Его благим. Дают Христу другого какого-то отца, которого и нет, и который ничего не сотворил. Бог, которого они называют не благим, пребывает в своей области, и сохраняет принадлежащее ему; а Бог благий входит в чужую область, и без всякого основания хочет сделаться спасителем того, чего не был творцом. Видишь ли, как чада дьявола говорят по научению отца своего, признавая творение чуждым Богу, вопреки словам Иоанна: "**Пришел к своим**", и: "**И мир чрез Него начал быть**" (Ин. 1:10,11). Далее, рассматривая древний закон, который повелевает исторгать око за око и зуб за зуб, тотчас возражают: как может быть благим Тот, Который говорит это? Что же мы ответим им? То, что это, напротив, есть величайший знак человеколюбия Божия. Не для того Он постановил такой закон, чтобы мы исторгали глаза друг у друга, но чтобы не причиняли зла другим, опасаясь потерпеть то же самое и от них. Подобно тому, как, угрожая погибелью ниневитянам, Он не хотел их погубить (ведь если б Он хотел этого, то Ему надлежало бы умолчать), но хотел только, внушив страх, сделать их лучшими, дабы оставить гнев Свой, - так точно и тем, которые так дерзки, что готовы выколоть у других глаза, определил наказание с тою целью, чтобы по крайней мере страх препятствовал им отнимать зрение у ближних, если они по доброй воле не захотят удержаться от этой жестокости. Если бы это была жестокость, то жестокостью было бы и то, что запрещается убийство, возбраняется прелюбодеяние. Но так говорить могут только сумасшедшие, дошедшие до последней степени безумия. А я столько страшусь назвать эти постановления жестокими, что противное им почел бы делом беззаконным, судя по здравому человеческому смыслу. Ты говоришь, что Бог жесток потому, что повелел исторгать око за око; а я скажу, что когда бы Он не дал такого повеления, тогда бы справедливее многие могли почесть Его таким, каким ты Его называешь. Положим, что всякий закон утратил свое значение, и никто не страшится определенного им наказания, - что всем злодеям, и прелюбодеям, и убийцам, и ворам, и клятвопреступникам, и отцеубийцам - предоставлена свобода жить без всякого страха по своим склонностям: не низвратится ли тогда все, не наполнятся ли бесчисленными злодеяниями и убийствами города, торжища, дома, земля, море и вся вселенная? Это всякому очевидно. Если и при существовании законов, при страхе и угрозах, злые намерения едва удерживаются, то, когда бы отнята была и эта преграда, что тогда препятствовало бы людям решаться на зло? Какие бедствия не вторглись бы тогда в жизнь человеческую? Не то только жестокость, когда злым позволяют делать, что хотят, но и то, когда человека, не учинившего никакой несправедливости, и страдающего невинно, оставляют без всякой защиты. Скажи мне, если бы кто-нибудь, собрав отовсюду злых людей и вооруживши их мечами, приказал им ходить по всему городу и убивать всех встречных, - могло ли бы что-нибудь быть бесчеловечнее этого? Напротив, если бы кто-нибудь другой связал этих вооруженных людей и силою заключил их в темницу, а тех, которым угрожала смерть, исхитил бы из рук беззаконников, - может ли быть что-нибудь человеколюбивее этого? Теперь примени эти примеры и к закону. Повелевающий исторгать око за око налагает этот страх, как некие крепкие узы, на души порочных, и уподобляется человеку, связавшему вооруженных злодеев; а кто не определил бы никакого наказания преступникам, тот вооружил бы их бесстрашием, и был бы подобен человеку, который роздал злодеям мечи и разослал их по всему городу.

7. Видишь ли, что заповеди Божии не только не жестоки, но еще исполнены и великого человеколюбия? Если же ты за это называешь Законодателя жестоким и тяжким, то скажи

мне, что труднее и тягостнее - не убивать, или даже и не гневаться? Кто более строг, тот ли, кто определяет наказание за человекоубийство, или тот, кто налагает его даже и за гнев? Тот ли, кто карает прелюбодея по совершении греха, или тот, кто за само вожделение подвергает наказанию, и наказанию вечному? Видите, как мы дошли до заключения, совершенно противного лжеумствованиям еретиков! Бог древнего закона, называемый ими жестоким, оказывается кротким и милостивым; Бог же нового закона, признаваемый ими за благого, представляется, по их безумию, строгим и жестоким. Но мы исповедуем единого Законодателя в Ветхом и Новом завете, Который все устроил, как нужно было, и по различию самых времен постановил и два различные закона. Итак, ни ветхозаветные заповеди не были жестоки, ни новозаветные не обременительны и не тягостны; но и те и другие показывают одинаковую попечительность и любовь. А что и ветхий закон дал сам Бог, послушай, как говорит об этом пророк, или лучше сказать - что говорит сам Он в лице пророка: "**Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их**" (Иер. 31:31,32). Если же кто, зараженный нечестием Манихейским, не принимает этих слов, тот пусть послушает Павла, который говорит то же самое: "**Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной… Это два завета**"(Гал. 4:22,24). Как там две различные жены, но муж их один, так и здесь - два завета, но Законодатель один. А чтобы ты знал, что в том и другом открывается одно и то же человеколюбие, для этого там Он сказал: "**Око за око**", а здесь: "**Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую**" (Мф. 5:39). Как там Он отклоняет человека от обиды страхом наказания, так равно и здесь. Каким же это образом, скажешь ты, когда Он повелевает обратить и другую ланиту? Ну так что ж из этого? Давая такую заповедь, Он не освобождает от страха, а повелевает только дать ему свободу вполне удовлетворить свой гнев. Господь не говорит, что оскорбляющий останется без наказания, но только не велит тебе самому его наказывать, и таким образом, как на того, кто ударил, наводит больший страх, если он пребудет во гневе, так утешает и того, кто получил удар. Но все это я говорил, рассуждая, так сказать мимоходом, о всех вообще заповедях. Теперь надобно обратиться к нашему предмету, и изъяснить все вышесказанное по порядку. "**Всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду**", - говорит Христос. Этими словами Он не устраняет гнев совершенно: во-первых, потому, что человек не может быть свободен от страстей; он может сдерживать их, но совершенно не иметь их не властен; во-вторых, потому, что страсть гнева может быть и полезна, если только мы умеем пользоваться ею в надлежащее время. Посмотри, например, сколько добра произвел гнев Павла против коринфян. Он избавил их от великого вреда. Равным образом, посредством гнева же обратил он и отпадший народ галатийский, и многих других. Когда же бывает приличное время для гнева? Тогда, когда мы не за себя самих отмщаем, но обуздываем дерзких, и обращаем на прямой путь беспечных. А когда гнев неуместен? Тогда, когда мы гневаемся, чтобы отмстить за самих себя, что запрещает и апостол Павел, говоря: "**Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу [Божию]**" (Рим. 12:19); когда ссоримся из-за денег, чего тоже апостол не позволяет, говоря: "**Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения?**" (1 Кор. 6:7)? Как этот последний гнев излишен, так первый нужен и полезен. Но многие поступают наоборот. Они приходят в ярость, когда обижают их самих, но остаются холодны и малодушествуют, когда видят, как подвергается обиде другой. То и другое противно законам евангельским. Итак, не гнев собственно есть нарушение закона, но гнев неблаговременный, почему и пророк сказал: "**Гневаясь, не согрешайте**" (Пс. 4:5). "**Кто же скажет брату своему: "рака", подлежит синедриону** (сонмищу, судилищу – прим. и.Н.)". Сонмищем здесь Господь называет судилище еврейское. Он упоминает о нем теперь для того, чтобы не подумали, что Он во всем вводит новое и небывалое. Слово - "**рака**" не составляет большой обиды; оно выражает только некоторое презрение или неуважение со стороны того, кто его произносит. Подобно тому, как мы, приказывая что-нибудь слугам и другим низкого

состояния людям, говорим: пойди ты туда, скажи ты тому-то; так точно и говорящие сирским языком употребляют слово - "**рака**" вместо слова – "ты". Но человеколюбивый Бог, чтобы предотвратить большие обиды, хочет прекратить и самые малые, повелевая нам во взаимном обращении соблюдать приличие и надлежащее друг к другу уважение. "**А кто скажет: "безумный", подлежит геенне огненной**". Для многих эта заповедь кажется тяжкою и неудобоисполнимою, потому что кажется невозможным, чтобы мы за одно простое слово подверглись столь великому наказанию; и некоторые полагают, что это сказано скорее гиперболически. Но я страшусь, как бы нам за то, что будем обольщать себя такими словами здесь, не потерпеть жесточайшего наказания на самом деле там.

8. Почему, в самом деле, скажи мне, эта заповедь кажется тебе тяжкою? Разве ты, не знаешь, что большая часть грехов и наказаний происходят от слов? Через слова происходят хулы, через слова - отречение от Бога, ругательства, обиды, клятвопреступления, лжесвидетельства и убийства. Итак, не смотри на то, что тут только одно слово, но разбери, не влечет ли оно за собою великой опасности. Или не знаешь, что во время ссоры, когда возгорается гнев и душа воспламеняется, и самая ничтожная мелочь представляется чем-то великим, и не очень обидное слово кажется нестерпимым? Такие мелочи весьма часто порождают убийства и разрушают целые города. Как дружба и тяжкое делает легким, так, напротив, вражда и малое превращает в несносное, и хотя бы что сказано было просто, во вражде представляется, что это сказано с злым намерением. Доколе огонь заключается в малой искре, до тех пор, сколько бы ни прикладывали к ней дров, они не загорятся; но когда пламя разгорится и поднимается высоко, то пожирает с легкостью не только дрова, но даже камни и всякое другое вещество, какое только ни бросят в него, даже и то, чем обычно гасят огонь, теперь еще более воспламеняет его. (Тогда, как говорят некоторые, не только дрова, лен и другие удобосгораемые вещества, но и сама вода, которую льют на огонь, увеличивает его силу). Так и при гневе, всякое слово тотчас обращается в пищу этого злого огня. Чтобы предотвратить все это, Христос и подвергает гневающегося напрасно суду, говоря: "**гневающийся … подлежит суду**"; а того, кто скажет - "**рака**", предает суду сонмища. Но эти наказания еще не так велики, потому что они совершаются здесь. Но тому, кто назовет другого уродом, Он угрожает огнем геенским. Здесь в первый раз Христос употребляет слово: "**геенна**". Сначала Он беседовал о царстве, а потом упоминает и о геенне, показывая, что первого мы удостаиваемся по Его человеколюбию и воле, а в последнюю ввергаем себя по своей беспечности. Смотри, как постепенно Он переходит от малых наказаний к большим, и тем как бы защищает Себя пред тобою, показывая, что Он сам вовсе не хотел бы употреблять подобных угроз, но что мы сами заставляем Его произносить такие приговоры. Я сказал тебе, говорит Он, не гневайся напрасно; потому что повинен будешь суду. Ты пренебрег этим первым предостережением. Смотри же, что породил гнев твой! Он тотчас заставил тебя оскорбить другого. Ты сказал брату своему: "**рака**". За это Я подверг тебя еще другому наказанию - суду сонмища. Если ты, презревши и это, прострешь далее свою наглость, то Я не стану более налагать на тебя таких умеренных наказаний, но подвергну тебя вечному мучению гееннскому, чтобы ты наконец не покусился и на убийство. Подлинно ничто, ничто не бывает так несносно, как оскорбление, ничто столько не угрызает душу человеческую; а чем язвительнее слова обидные, тем сильнейший возгорается огонь. Итак, не почитай за маловажное называть другого уродом (безумным). Когда ты отнимаешь у брата своего то, чем мы отличаемся от бессловесных, и что преимущественно делает нас людьми, т. е., ум и рассудок, ты через это лишаешь его всякого благородства. Итак, не на слова только должны мы обращать внимание, но и на само дело и на страсть, представляя то, какой удар нанести может слово, и какое причинить зло. Вот почему и Павел извергает из царствия не только прелюбодеев и блудников, но и обидчиков. И весьма справедливо. В самом деле, обидчик разоряет благо, созидаемое любовью, подвергает ближнего бесчисленным бедствиям, производит

непрестанные вражды, разрывает члены Христовы, ежедневно изгоняет любезный Богу мир, и своими ругательствами уготовляет дьяволу просторное жилище, и способствует его усилению. Потому и Христос, чтобы ослабить крепость его, постановил этот закон. Он имеет великое попечение о любви, поскольку любовь есть мать всех благ, есть отличительный признак Его учеников; она одна содержит в себе все наши совершенства. Поэтому Христос справедливо с такою силою истребляет самые корни и источники вражды, разрушающей любовь. Итак, не думай, чтобы в словах Христовых было преувеличение; но, размыслив, какие от этих постановлений происходят блага, удивляйся их кротости. Ведь Бог ни о чем так не печется, как о том, чтобы мы жили в единении и союзе между собою. Потому-то Господь и сам, и через Своих учеников, как в Новом, так и Ветхом завете, много говорит об этой заповеди, и показывает Себя строгим мстителем и карателем за пренебрежение ею. Ничто столько не способствует ко введению и укоренению всякого зла, как истребление любви, почему и сказано: когда умножится беззаконие, "**во многих охладеет любовь**" (Мф. 24:12). Так Каин сделался братоубийцею; так предались жестокости Исав и братья Иосифовы; так бесчисленное множество зол вторглось в мир от разрыва любви. Потому-то Христос со всею заботливостью истребляет все то, что разрушает любовь.

9. Но, не останавливаясь на этом, Господь присовокупляет к сказанному еще новые наставления, из которых видно, сколько Он печется о любви. Прежде Он угрожал сонмищем, судом и геенною, а теперь предлагает новые правила, согласные с прежними, говоря так: "**Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой**" (Мф. 5:23,24). О, благость! О, неизглаголанное человеколюбие! Господь повелевает, чтобы поклонение Ему оставлено было ради любви к ближнему, и тем показывает, что и прежние Его угрозы происходили не от неприязненности или желания наказывать, но от избытка любви. Какая кротость может сравниться с тою, которая выражается в этих словах? Пусть, говорит Он, прервется служение Мне, только бы сохранилась твоя любовь, потому что и то жертва, когда кто примиряется с братом. Потому-то Он не говорит: примирись по принесении, или прежде принесения дара; но посылает примириться с братом, когда дар лежит пред алтарем, и жертвоприношение уже начато. Не велит взять с собою принесенный дар, не говорит: примирись прежде, нежели принесешь его; но повелевает бежать к брату, оставив дар пред алтарем. Для чего повелевает Он так поступить? Как мне кажется, Он имел двоякую цель: во-первых, как я уже сказал, Он хотел показать, что высоко ценит любовь, и почитает ее величайшею жертвою, и без нее не принимает и жертвы вещественной; во-вторых, хотел поставить в необходимую обязанность примирение с ближним. В самом деле, тот, кому велено принести дар не прежде, как примирившись, конечно поспешит придти к оскорбленному и прекратит вражду, если не по любви к ближнему, то по крайней мере для того, чтобы жертвоприношение не осталось напрасным. Для того Господь каждому слову и придает особенную выразительность, устрашая и побуждая приносящего. В самом деле, не сказал Он только: "**Оставь там дар твой**", - но присовокупил: "**пред жертвенником**", чтобы напоминанием о священном месте привести его в страх; не сказал только: "**и пойди**", но присовокупил: "**прежде …, и тогда приди и принеси дар твой**". Через все это Он показывает, что трапеза Господня не допускает к себе враждующих друг против друга. Да слышат это посвященные в таинства, но со враждою приступающие к алтарю; да слышат и непосвященные, потому что и к ним относится это слово! И они ведь приносят дар и жертву, т. е. молитву и милостыню; а что и это есть жертва, послушай, как говорит об этом пророк: "**Кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня**"; и еще: "**Принеси в жертву Богу хвалу**" (Пс. 49:23,14); и в другом месте: "**Воздеяние рук моих - как жертва вечерняя**" (Пс. 140:2). Итак, если ты принесешь и молитву с неприязненным

расположением, то лучше тебе оставить ее, и пойти примириться с братом, и тогда уже совершить молитву. Для того ведь все и устроено было, для того и Бог соделался человеком, и совершил все дело искупления, чтобы нас собрать воедино. Здесь Христос посылает обидевшего к обиженному, а научая молитве, ведет обиженного к обидевшему, и примиряет их; здесь говорит: (если) "**брат твой имеет что-нибудь против тебя, и пойди прежде примирись с братом твоим**", а там говорит: "**Будете прощать людям согрешения их**" (Мф. 6:14). Впрочем, и здесь, мне кажется, Он посылает обиженного, потому что не говорит: попроси брата твоего, чтобы он примирился с тобою, но просто – "**примирись**". И хотя, по-видимому, речь здесь обращена к оскорбившему, но все относится к оскорбленному. Если ты, говорит Он, примиришься с ним из любви к нему, то и Я буду к тебе милостив, и ты можешь приносить жертву с полным дерзновением. Если же гнев еще пылает к тебе, то представь, что Я сам охотно соглашаюсь на то, чтобы ты оставил на время жертву, только бы вам сделаться друзьями. Пусть же это укротит гнев твой. Притом Он не сказал: помирись, когда ты сильно обижен; но: сделай это и тогда, когда оскорбление будет маловажно, - (если) "**брат твой имеет что-нибудь против тебя**". И не сказал также: когда ты гневаешься справедливо, или несправедливо; но просто: (если) "**брат твой имеет что-нибудь против тебя**", - хотя бы даже гнев твой был справедлив, и тогда не должно питать вражды. Так и Христос, не взирая на то, что гнев Его против нас был праведен, предал Себя самого за нас на заклание, не вменяя нам грехов наших.

10. Потому и Павел, другим образом побуждая нас к примирению, сказал: "**Солнце да не зайдет во гневе вашем**" (Еф. 4:26). Как Христос побуждает нас к примирению, указывая время жертвы, так и Павел увещевает нас к тому же самому, указывая на время дня. Он страшится ночи, опасаясь, чтобы она, застигши в уединении человека, терзаемого гневом, еще более не растравила его раны. В продолжение дня многие могут и отвлекать и отторгать нас от гнева, а ночью, когда человек остается один и вдается в думы, волны вздымаются сильнее и буря свирепствует с большею яростью. Предупреждая это, Павел и хочет, чтобы мы примирившись встречали ночь, чтобы дьявол не воспользовался нашим уединением, и не разжег сильнее пещь гнева. Подобным образом и Христос не терпит ни малейшего отлагательства, чтобы, по совершении жертвы, принесший ее не сделался беспечнее, и не стал бы отлагать примирения со дня на день. Он знал, что эту страсть надобно погашать как можно скорее. Как мудрый врач предлагает не только предохраняющие от болезни средства, но и служащие к ее изменению, так поступает и Христос. Запрещение называть другого безумным есть врачевство, предохраняющее от вражды; а повеление примириться с ближним служит к удалению болезней, возникающих после вражды. Смотри, с какою строгостью Он предписывает исполнять то и другое. Там угрожает геенною; а здесь прежде примирения не хочет принять и дара, и тем показывает, как велик гнев Его против враждующих. Таким образом Он исторгает и корень и плод его. Сперва говорит: "не гневайся"; а потом - не произноси ругательных слов, поскольку одно усиливается другим - от вражды возрастает ругательство, от ругательства вражда. Потому-то Он сперва истребляет корень, а потом и плод, не дает возникнуть злу в самом начале; если оно уже возрастает и приносит пагубный плод, то сжигает его совершенно. С тою же целью, вслед за упоминанием о суде, сонмище, геенне, и наставлением касательно принесения жертвы, Христос присовокупляет еще следующее: "**Мирись** (в синод. – "мирись" – и.Н.) **с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним**" (Мф. 5:25). Не говори: что же мне делать, если меня обижают, если отнимают от меня имущество и влекут меня на суд? Христос и в таком случае запрещает питать вражду, отнимая всякий к тому повод и предлог. Так как это повеление было особенно важно, то Господь убеждает к исполнению его указанием не на будущие блага, а на настоящие выгоды, которые скорее могут обуздывать грубых людей, чем обещания будущего. Ты говоришь: он меня сильнее и причиняет мне обиду? Но не причинит ли он тебе еще больше вреда, если ты не

примиришься с ним, и принужден будешь идти в темницу? Примирившись, ты уступишь имение, но зато тело твое будет свободно; а когда подвергнешь себя приговору судии, то будешь связан и понесешь жесточайшее наказание. Если же ты избежишь этой распри, то приобретешь двоякую пользу: во-первых, ты не потерпишь никакой неприятности; во-вторых, это будет уже твоя добродетель, а не следствие принуждения. Если же ты не хочешь внять моим увещаниям, то не столько причинишь вреда сопернику, сколько себе. Смотри, как Христос и здесь убеждает тебя скорее примириться. Сказав: "**Будь благоразумен** (в синод. – "мирись" – и.Н.) **с соперником твоим, -** присовокупляет: **скорее**". Но не довольствуясь и этим, Он предлагает новое побуждение искать скорейшего примирения, говоря: "**пока ты еще на пути с ним**", чтобы через все это сильнее склонить тебя и понудить к прекращению ссоры. В самом деле, ничто столько не нарушает порядка в нашей жизни, как наша медлительность и постоянные отсрочки при совершении добрых дел. Такая медлительность часто бывает причиною того, что мы всего лишаемся. Потому-то, как Павел говорит: прежде нежели зайдет солнце, прекрати вражду, и выше сам Христос увещевает: прежде нежели принесешь дар, примирись, - так и здесь он побуждает к тому же, говоря: "**Скорее, пока ты еще на пути с ним**", - пока еще не дошел ты до дверей судилища, пока не предстал пред судию и не оказался в конце концов в его власти. До тех пор, пока ты не взошел в суд, ты полный господин над собою; но как скоро переступишь за его порог, ты уже подневольный другого, и сколько бы ни усиливался, не можешь уже располагать собою, как хочешь. Что же значит: "**будь благоразумен**" (мирись)? Это значит или то, чтобы ты согласился лучше потерпеть обиду, или то, чтобы ты смотрел на дело, поставив себя на месте твоего соперника, чтобы по самолюбию не нарушить справедливости, но рассуждая о своем деле, как о чужом, произнести беспристрастный приговор. Если тебе кажется это слишком великим, то не удивляйся. Христос для того ведь и предвозвестил все известные уже блаженства, чтобы, угладивши путь, и предуготовив душу слушателя, сделать ее способнейшею к принятию всех этих законов.

11. Некоторые говорят, что Господь под именем соперника разумеет дьявола, и не велит иметь с ним никакого дела; что и означают будто бы слова: "**будь благоразумен**" (мирись), поскольку от дьявола невозможно уже избавиться по отшествии из этой жизни, когда мы подвергнемся неизбежному наказанию. Но мне кажется, что Он говорит о судиях, о пути в суд и о темнице, какие мы видим здесь. Наряду с побуждениями, взятыми от высшего и будущего, Христос устрашает нас и тем, что бывает в настоящей жизни. Так поступает и Павел, убеждая слушателя представлением не только будущего, но и настоящего. Так, чтоб отвести от зла, он представляет делающему зло человеку начальника с мечом: "**Если же делаешь зло, -** говорит он, **- бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга**" (Рим. 13:4). Равным образом, предписывая повиноваться начальнику, он представляет побуждением не только страх Божий, но и угрозы начальника, и его о нас заботы: "**И потому**, **-** говорит он, **- надобно повиноваться не только из [страха] наказания, но и по совести**" (ст. 5). На людей грубых, как я уже сказал, обыкновенно больше действует то, что находится перед их глазами и под ногами. Потому и Христос упомянул не только о геенне, но и о суде, о заключении в темницу, и о всех бедствиях заключения, желая через все это истребить самый корень убийства. Кто не произносит ругательных слов, не хочет судиться и не усиливает вражды, тот может ли покуситься на убийство? Таким образом, и отсюда видно, что с пользою ближнего сопряжена и наша польза. Примиряющийся с своим соперником гораздо больше сам получит пользы, потому что избавится от судилища, темницы и всех бедствий заключения. Итак, примем к сердцу эти наставления, и не будем производить ни споров, ни ссор, и тем более, что данные повеления еще прежде будущих наград приносят с собою удовольствие и пользу. Ежели же для многих это кажется слишком тягостным и трудным, то пусть они помыслят, что делают это для Христа, и тогда тяжкое сделается приятным.

Если мы будем постоянно держаться этой мысли, то не почувствуем никакой тягости, но все будет приносить нам великое удовольствие: самый труд не покажется уже трудом, напротив - чем более станет умножаться, тем более сделается приятным и сладостным.

Итак, когда злой навык или страсть к любостяжанию будет сильно обольщать тебя, вооружись против них этою мыслию: презревши временное удовольствие, я получу великую награду. Скажи душе своей: ты скорбишь о том, что я лишаю тебя удовольствия; но радуйся, потому что я готовлю для тебя небо. Ты трудишься не для человека, но для Бога; потерпи же немного, и ты увидишь, какая произойдет отсюда польза; пребудь твердою в жизни настоящей, и ты получишь неизреченную свободу. Если таким образом будем беседовать с душою, и если будем представлять не одну тягость добродетели, но и венец ее, то скоро отвлечем ее от всякого зла. Дьявол обещает нам удовольствие временное, а скорбь уготовляет нескончаемую, и несмотря на то преодолевает нас и побеждает; а Бог, напротив, требует от нас труда временного, и обещает сладость и пользу вечную: чем же мы оправдаемся, если после такого утешения не последуем добродетели? Вместо всех иных побуждений и мысли о цели трудов, для нас довольно одной лишь твердой уверенности, что все это мы переносим для Бога. Если тот, кто имеет царя должником своим, почитает себя счастливым и безопасным на всю жизнь, то представь, как счастлив должен быть тот, кто своими добрыми делами, и малыми и великими, сделал должником своим человеколюбивого Бога, всегда живущего! Итак, не говори мне о тяжести трудов и подвигов. Бог облегчил для нас подвиг добродетели не одною только надеждою на будущие блага, но и другим способом, т. е. всегдашним Своим содействием и помощью. Тебе стоит только оказать хотя малое усердие, и все прочее последует само собою. Он для того требует от тебя хотя малых трудов, чтобы и тебе вменена была победа. Как царь повелевает сыну своему стоять в строю, и быть на виду - для того, чтобы ему приписать победу, а между тем сам управляет всем ходом сражения, так и Бог поступает в войне нашей против дьявола. Он требует от тебя только того, чтобы ты решительно объявил себя врагом дьявола, и если ты это сделаешь, то всю войну Он сам уже окончит. Воспламеняется ли в тебе гнев, или ненасытное желание богатства, появляется ли другая какая-либо мучительная страсть, - Он, как скоро увидит тебя ополчающимся и готовым на брань, тотчас делает все легким, и поставляет выше пламени страстей, подобно тому, как и отроков в пещи Вавилонской, которые точно также ничего не показали более, кроме готовности терпеть. Итак, чтобы и нам здесь утушить горящую пещь беспорядочного удовольствия, а там избежать геенны, будем ежедневно того только желать, о том стараться и пещись, чтоб усердием к добру и непрестанными молитвами привлечь к себе Божие благоволение. Тогда все то, что теперь кажется нам несносным, будет совершенно удобно, легко и вожделенно. Пока мы увлекаемся страстями, до тех пор добродетель почитаем трудною, неудобною и неприступною, а порок любезным и приятным. Но как скоро, хотя немного, станем избегать грехов, порок будет нам казаться гнусным и безобразным, а добродетель легкою, удобною и любезною. В этом могут нас уверить примеры тех, которые исправили жизнь свою. Послушай, как стыдились своих пороков (римляне), даже и тогда, когда от них избавились, как свидетельствует Павел: “**Какой же плод вы имели тогда? [Такие дела], каких ныне сами стыдитесь**” (Рим. 6:21); а добродетель, несмотря на понесенные труды, называет он приятною, скорбь мгновенною и труд легким, радуется в страданиях, веселится в скорбях и хвалится теми язвами, которые приемлет за Христа. Итак, чтобы и нам достигнуть такого состояния, будем ежедневно устроять жизнь свою согласно с наставлениями Господа, которые мы слышали, и, забывая задняя, будем простираться в передняя, и стремиться к почести вышнего звания, чего все мы да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

[1] В синодальном переводе – справедлив.

БЕСЕДА 17

“Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй. А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем” (Мф. 5:27-28).

1. Раскрыв во всей полноте первую заповедь и возведши ее к высшему началу духовной жизни, Спаситель, в порядке постепенности, переходит затем и ко второй заповеди, следуя и в этом случае порядку заповедей древнего закона. Но, быть может, кто скажет, что это не вторая, а третья заповедь. Да и самая заповедь – “**не убивай**” **-** не есть первая. Первая заповедь – “**Один у вас Отец, Который на небесах**”. В виду этого можно спросить: почему Спаситель начал Свое учение не с этой заповеди? Итак, почему же? Потому, что если бы начал с первой заповеди, Ему надлежало бы ее раскрыть с большею полнотою, а следовательно, пришлось бы говорить и о Себе самом. Между тем предлагать подробное учение о Себе самом было еще не время. Кроме того, до известного времени Он предлагал только нравственное учение, желая и Своими наставлениями, и Своими чудесами наперед убедить слушателей, что Он есть Сын Божий. В противном случае, если бы Он прежде, чем преподать нравственное учение и совершить чудеса, сказал: “вы слышали, что сказано было древним: Я Господь Бог твой, и кроме Меня нет другого Бога; а Я говорю вам, что и Мне должны воздавать такое же поклонение, как Ему”, то он всех бы заставил только смотреть на Себя, как на беснующегося. Если и после Его проповеди и многих знамений, называли Его беснующимся, когда Он говорил о Своем богоравенстве даже прикровенно, то чего бы не сказали, чего бы не выдумали, если бы Он в самом начале решился сказать что-либо о Себе самом, как о Боге? Между тем, сохранив учение о божестве Своем до удобного времени, Он тем самым для многих сделал это учение удобоприемлемым. Вот почему Спаситель теперь и умолчал о нем. Он сперва расположил к нему слушателей знамениями и высочайшим нравственным учением, а потом уже и на словах открыто выразил его. Итак, теперь Он открывает его мало-помалу - совершением знамений и самым образом учения. Предписывая заповеди и восполняя закон с божественною властью, он тем самым постепенно возводил внимательного и благоразумного слушателя и к уразумению догмата о божестве Своем. Евангелист говорит, что слушатели дивились Его учению, потому что Он учил не как их книжники (Мф. 7:29; Мк. 1:22). Итак, начав с главных наших страстей, т. е. гнева и пожелания (поскольку эти страсти сильнее в нас действуют и более других свойственны нам, Спаситель с великою властью, подобающею законодателю, исправил понятие о них, и со всею точностью определил их сущность. В самом деле, Он не сказал, что только любодей наказывается; но что Он сказал касательно “**убивающего**”, тоже говорит и здесь, назначая наказание и за любострастный взор, чтобы показать, в чем состоит превосходство Его пред книжниками. “**Всякий, кто смотрит на женщину**, **-** говорит Он, **- с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем**”, т. е. кто привык засматриваться на телесную красоту, уловлять прелестные взоры, услаждать таким зрелищем свою душу и не сводить глаз с миловидных лиц, тот уже любодействует. Христос пришел избавить от злых дел не только тело, но еще более душу. Так как благодать Духа Святого мы принимаем в сердце, то Спаситель прежде всего его и очищает. Но как, скажешь, возможно освободиться от пожелания? Если только пожелаем, то очень возможно и его умертвить и сделать недействительным. Впрочем, Христос запрещает здесь не всякое пожелание, но пожелание, рождающееся в нас от воззрения на жен. Кто любит смотреть на красивые лица, тот больше всего сам возжигает в себе пламя страсти, и делая душу

пленницею страсти, скоро затем приступает и к совершению пожелания. Потому-то Христос и не сказал: кто вожделеет, уже прелюбодействует, но – “**кто посмотрит на женщину с вожделением**”. Когда Он говорил о гневе, то делал некоторое ограничение словом: “всуе” и “напрасно”. А говоря о пожелании, не употребил подобного ограничения, но всецело воспретил пожелание, - хотя гнев и пожелание равно нам врожденны, и не без цели находятся в нас, именно - гнев для того, чтобы нам наказывать злых и исправлять беспорядочно ведущих себя, а пожелание для того, чтобы нам рождать детей, и таким образом преемственно сохранять род наш.

2. Итак, почему же Спаситель и здесь не употребил ограничения? Если углубим внимание, то и здесь найдем весьма большое ограничение. В самом деле, Он не просто сказал: кто пожелает, - потому что можно желать и сидя в горах, - но: “**кто посмотрит на женщину с вожделением**”, то есть, кто сам воспламеняет в себе пожелание, кто без всякого принуждения вводит этого зверя в спокойное свое сердце. Это уже происходит не от природы, но от нерадения. Такое пожелание возбраняется и в ветхом законе, когда говорится: “**Не засматривайся на чужую красоту**” (Сир. 10:8). Далее, чтобы кто не сказал: какая беда, если я посмотрю, но не буду увлечен страстью? - Христос угрожает наказанием и за само такое воззрение, чтобы ты, слишком надеясь на себя самого, не впал таким образом после в грех. Но великий ли грех, скажешь ты, если я посмотрю и пожелаю, но ничего худого не сделаю? Нет; и в этом случае ты равняешься с любодеями. Так определил Законодатель, и ты не должен более любопытствовать. Когда ты посмотришь так один, два, три раза, то, быть может, еще в состоянии будешь преодолеть страсть; но если постоянно будешь делать и возожжешь пламень страсти, то непременно будешь побежден ею, потому что ты не выше природы человеческой. Подобно тому, как мы, видя дитя, держащее нож, хотя и без вреда для себя, наказываем его за это и запрещаем впредь прикасаться к нему, так и Бог запрещает страстное воззрение еще прежде действительного преступления, чтобы нам когда-либо не впасть в само преступление. Кто однажды возжег в себе страстное пламя, тот и в отсутствие виденной им женщины беспрестанно строит в воображении образы постыдных дел, а от них часто переходит и к самому действию. Поэтому Христос запрещает и любодейное движение сердца. Итак, что скажут те, которые имеют у себя сожительницами девиц? Они, по определению закона, виновны в бесчисленном множестве прелюбодеяний, потому что ежедневно смотрят на них с вожделением. Потому-то и блаженный Иов положил себе главным законом никогда не позволять себе такого воззрения (Иов. 31:1). Действительно, когда посмотришь на женщину, то уже труднее воздержаться от наслаждения тою, которую любишь. Притом удовольствие, получаемое нами от воззрения, не так велико, как велик вред, претерпеваемый нами от усиливающегося пожелания; таким образом мы сами усиливаем нашего противника, даем больше свободы дьяволу, так что оказываемся уже не в состоянии отразить его, если впустим его внутрь себя и откроем для него свое сердце. Поэтому-то Спаситель и говорит: не прелюбодействуй глазами, - тогда не будешь прелюбодействовать и сердцем. Можно смотреть на женщин и иначе, - именно так, как смотрят целомудренные. Поэтому-то и Спаситель не вовсе запретил смотреть на жен, но только смотреть на них с вожделением. А если бы Он не имел такого намерения, то сказал бы просто: кто воззрит на жену; но Он сказал не так, а: “**кто посмотрит на женщину с вожделением**”, то есть, кто взглянет для того, чтобы усладить взор свой. Не для того Бог создал тебе глаза, чтобы ты делал их орудием прелюбодеяния, но для того, чтобы, взирая на Его творения, благоговел пред Творцом. Как можно гневаться всуе, так можно и смотреть всуе, - именно, когда смотришь с вожделением. Если хочешь смотреть и услаждаться взором, то смотри постоянно на свою жену и люби ее: этого не воспрещает никакой закон. Если же ты будешь назирать чужую красоту, то оскорбишь и жену свою, отвращая от нее глаза свои, и ту, на которую смотришь, так как касаешься ее вопреки закону. Пусть ты не коснулся ее рукою; но ты коснулся своими глазами. Вот почему и

такой поступок признается прелюбодеянием и прежде будущего мучения еще и в настоящей жизни повергает человека немалому наказанию. В самом деле, вся внутренность наполняется беспокойством и смущением, поднимается великая буря, возникает ужасная болезнь, и участь человека, претерпевающего все это, ничем не лучше участи пленных и заключенных в оковы. Притом нередко та, которая пускает смертоносную стрелу, удаляется от пораженного, а рана остается надолго; или справедливее, не она поражает тебя стрелою, но ты сам наносишь себе смертельную рану, смотря любострастными очами. Говорю это для того, чтобы оправдать целомудренных женщин. Но если кто из них украшает себя для того, чтобы привлечь на себя взоры встречных мужчин, такая женщина, хотя бы никого не уязвила своею красотою, подвергнется величайшему наказанию. Она уже приготовила отраву, растворила яд, но только никому не успела поднести отравленной чаши, или вернее, - она уже и подносила эту смертоносную чашу, но только не нашелся желающий выпить ее. Почему же, спросишь ты, Христос в словах Своих не касается и женщин? Потому, что везде Он полагает общие законы, хотя, по-видимому, направляет их к одним мужчинам; говоря в назидание главе, вместе с тем Он дает наставление и всему телу. Он знает, что муж и жена суть единое существо, почему нигде и не различает пола.

3. Если хочешь послушать обличение, касающееся одних только женщин, то послушай Исайю, который всячески их порицает, осмеивая и вид их, и взгляд, и походку, и стелющиеся хитоны, их игривую поступь и изгибающиеся шеи (Ис. 3:16). Послушай также и блаженного Павла, который предписывает им многие законы, и сильно обличает за одежды, за золотые украшения, за плетение волос, за изнеженность и тому подобное. Да и сам Христос в дальнейшей речи прикровенно высказал то же самое. Когда Он повелевает вырвать и отсечь то, что соблазняет нас, то этим показывает Свой гнев против жен. Для того и присоединил: “**Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя**” (Мф. 5:29). Такую заповедь Он дает для того, чтобы ты не сказал; почему же не посмотреть на женщину, если она моя родственница, или если заставляет смотреть на нее какая другая необходимость? Давая эту заповедь, Христос говорил не о членах - нет, - Он нигде не осуждает плоть, но везде обвиняет развращенную волю. Не глаз твой смотрит, а ум и сердце. Когда душа наша бывает обращена на другие какие-либо предметы, тогда глаз часто не видит того, что находится пред ним. Следовательно, не все надо приписывать действию глаза. Если бы Христос говорил о членах, то сказал бы не об одном глазе, и притом не о правом только, но об обоих. Ведь если кто соблазняется правым глазом, тот без сомнения соблазняется и левым. Итак, почему же Спаситель упомянул только о правом глазе и о правой руке. Чтобы ты знал, что речь идет не о членах, но о людях, имеющих с нами тесную связь. Если ты кого-либо столько любишь, что полагаешься на него как на правый свой глаз, или признаешь его настолько полезным для себя, что считаешь его вместо правой руки своей, и если он развращает твою душу, то ты и такого человека отсеки от себя. И заметь здесь силу выражения. Спаситель не сказал: отстань; а говорит: “**Вырви его и брось от себя**”, желая указать на полное удаление. Далее, так как Он предписал заповедь довольно строгую, то показывает и пользу ее в обоих отношениях, - в отношении добра и в отношении зла. “**Ибо лучше для тебя, -** говорит Он, продолжая свое иносказание, **- чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну**” (ст. 29). В самом деле, когда близкий тебе человек и себя самого не спасает, и тебя с собою губит, то какое было бы человеколюбие - обоим вам погрязать в бездне погибели, тогда как, разлучившись друг от друга, по крайней мере, один из вас может спастись? Как же, скажешь, Павел желал быть отлучен от Христа ради братий своих? Апостол желал этого не без пользы, но для того, чтобы другие спаслись; а здесь бывает вред для обоих. Потому Спаситель и не сказал только: “**вырви**”, но и: “**брось от себя**”, - так, чтобы уже никогда не восстановлять связи с другом, если он останется таким же, как и прежде. Таким образом ты и его освободишь от большого

осуждения, и самого себя избавишь от погибели. Чтобы тебе яснее видеть пользу такого закона, применим, если тебе угодно, сказанное для примера к телу. Если бы тебе предстояла необходимость избрать одно из двух: или, сохраняя глаз, быть ввержeнным в ров и там погибнуть, или, лишившись глаза, сохранить прочие члены тела, - не согласился ли бы ты на последнее условие? Это для всякого очевидно. Это не означало бы, что ты не жалеешь глаза, но что жалеешь все прочие члены. Так же точно рассуждай о мужчинах и женщинах. Если друг твой, который вредит тебе, будет совершенно неизлечим, то он, будучи от тебя отсечен, и тебя освободит от всякого вреда, и сам избавится от большого осуждения, поскольку он, помимо своих грехов, уже не будет подлежать ответственности и за твою погибель. Видишь ли, какою кротостью и попечительностью исполнен закон Христов, и какое великое оказывается человеколюбие в мнимой Его строгости? Да слышат это те, которые спешат на зрелища, и ежедневно делают себя любодеями! Если закон повелевает нам отсекать от себя вредного друга, то какое могут иметь извинение те, которые на зрелищах ежедневно привлекают к себе совершенно незнакомых им, и сами изобретают бесчисленные случаи к погибели? Итак, Спаситель не только не позволяет смотреть любострастными очами, но, показав происходящий от этого вред, еще более усиливает закон, повелевая нам соблазняющий член вырывать, или отсекать, и бросать от себя прочь. И это законополагает Тот, Кто тысячу раз говорил о любви, чтобы в том и другом случае ты узнал, как велико попечение Его о тебе, и как Он всюду ищет твоей пользы. “**Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует**” (ст.31-32).

4. К новому предмету Спаситель переходит лишь после того как раскроет во всей полноте предыдущий. Так и в данном случае Он показывает нам еще другой вид прелюбодеяния. Какой же это? Был в Ветхом завете закон, который всякому, кто не любит жену свою по какой бы то ни было причине, не воспрещал отвергать ее, и жениться вместо нее на другой. Впрочем, закон повелевал делать это не просто, а предписывал дать жене разводную, чтобы ей нельзя уже было опять возвращаться к мужу, чтобы сохранить таким образом, по крайней мере, вид брака. Если бы в законе такого повеления не было, и было бы позволено одну жену отпустить, и взять другую, а потом опять возвратить первую, то произошло бы великое смешение; тогда все беспрестанно брали бы жен друг у друга, и это было бы уже явным прелюбодеянием. Законодатель оказал немалое снисхождение, позволив давать разводную; но это было сделано для избежания другого, гораздо большего зла. В самом деле, если бы закон принуждал держать жену и ненавистную, то ненавидевший легко мог бы убить ее. А народ иудейский на это был способен. Если иудеи не щадили своих детей, умерщвляли пророков и кровь проливали как воду, тем более они не пощадили бы жен. Поэтому Законодатель и допустил меньшее зло, чтобы пресечь большее. А что закон этот был не из числа первоначальных, послушай, как об этом говорит Христос: “Моисей по жестокосердию вашему” написал это (Мф. 19:8), - то есть, чтобы вы, удерживая у себя жен, не убивали их, но изгоняли бы от себя. Но так как Спаситель воспретил всякий гнев, запрещая не только убийство, но и всякое негодование без причины, то Ему легко было теперь упомянуть и о законе касательно развода. А приводя всегда слова Ветхого завета, Он показывает тем, что учит не противному, а согласному с ними, и только усиливает, а не ниспровергает, исправляет, а не уничтожает древнее учение. Заметь, опять, как Он везде обращает речь к мужу. “**Кто разводится с женою своею, -** говорит Он, **- … тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует**”. Первый, хотя бы не взял другой жены, делается виновным через то, что заставляет жену свою прелюбодействовать, а другой становится прелюбодеем потому, что взял чужую. Не говори мне, что тот изгнал жену, потому что она и изгнанная, все-таки, остается женою изгнавшего. Далее, чтобы,

возложив всю вину на изгоняющего, не сделать чрез то жену более наглою, Христос заключил для нее двери ко вступлению в брак с другим, говоря: “**Кто женится на разведенной, тот прелюбодействует**”. Устраняя, таким образом, для отпущенной жены всякую возможность вступления в брак с другим мужем, Христос заставляет ее, хотя бы против желания, быть целомудренною, а тем самым лишает ее и возможности подавать мужу повод к малодушию. Зная, что ей безусловно необходимо или оставаться с мужем, который ей достался сначала, или, по выходе из его дома, лишиться всякого прибежища, она, хотя бы и против воли, но должна будет любить своего мужа. Если Спаситель прямо не говорит ей об этом, ты не должен дивиться. Жена существо слабое. Поэтому-то, не говоря к ней прямо, Христос в угрозе, относящейся к мужу, внушает и ей не быть легкомысленной. В этом случае Он поступил точно так же, как если бы кто-нибудь, вместо того, чтобы укорять своего распутного сына, стал бы обличать тех, которые делают его таковым, и запрещал бы им быть с ним и приближаться к нему. Если слова Христовы кажутся для тебя тягостными, то вспомни выше сказанное, где Спаситель назвал блаженными слушающих, и ты увидишь, что исполнение этих слов очень возможно и удобно. Кроткий, миротворец, нищий духом и милостивый изгонит ли жену? Тот, кто примиряет других, будет ли сам питать вражду к своей жене? Кроме того, Христос еще и другим образом закон Свой касательно развода соделал легким - именно, позволив его только по одной причине: “**кроме вины прелюбодеяния**”. Но и в этом случае Он имел целью то же целомудрие. В самом деле, если бы Он позволил мужу держать в своем доме и такую жену, которая жила со многими, то опять вышло бы прелюбодеяние. Видишь ли, как эти слова согласны с высказанными раньше. В самом деле, не взирающий на чужую жену любострастными глазами не учинит и блуда; а не учинивший блуда не подаст мужу случая удалить от себя свою жену. Вот почему Христос весьма строго ограничивает свободу мужа, и внушает ему страх, представляя для него великую опасность, если он удалит жену свою, поскольку в этом случае он становится виною ее прелюбодеяния. И чтобы ты, услышав слова: “вырви глаз”, не подумал, что это говорится о жене, Христос благовременно разрешил такое твое недоумение, позволяя разводиться с нею исключительно только по причине прелюбодеяния. “**Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои. А Я говорю вам: не клянись вовсе**” (ст. 33,34). Почему же Христос перешел дальше не к воровству, а к лжесвидетельству, пройдя молчанием заповедь касательно кражи? Потому, что вор иногда и клянется; а кто не клянется и не лжет, тот тем более не захочет воровать. Таким образом, данною заповедью Христос ниспровергает и воровство, потому что ложь рождается от воровства. Но что значит: “**исполняй пред Господом клятвы твои**”? Это значит, что в клятве ты должен говорить истину: “**А Я говорю вам: не клянись вовсе**”.

5. Потом, чтобы еще более отвратить слушателей от обыкновения клясться Богом, Спаситель говорит: не клянитесь “**ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя**” (ст. 34, 35). Говоря здесь словами пророков, Христос показывает, что Он не противоречит древним. Древние имели обыкновение клясться то небом, то землею, то Иерусалимом; и в конце Евангелия показан один из случаев такой обычной клятвы. Далее обрати внимание на то, почему Господь возвышает указанные предметы? Он возвышает их не по собственной их природе, но по особенному отношению к ним самого Бога, сообразно с нашим понятием. Так как тогда повсюду господствовало идолослужение, то, чтобы указанные предметы не показались сами по себе достойными уважения, Спаситель и представил ту причину, о которой мы сказали, т. е., выставил на вид славу Божию. Он не сказал: поелику хорошо и велико небо; не сказал: поелику полезна земля; но - поелику небо есть престол Божий, земля подножие, - и таким образом Своих слушателей повсюду побуждал к прославлению Господа. “**Ни головою твоею не клянись, потому что не**

можешь ни одного волоса сделать белым или черным” (ст. 36). Опять и здесь Христос запрещает клясться головою не по уважению к человеку, иначе бы и сам человек достоин был поклонения, усвояя славу Богу; Он показывает, что ты не властен над собою, а потому не имеешь власти и клясться головою. Если никто не согласится отдать сына своего другому, то тем более Бог не уступит Своего творения тебе. Хотя голова и твоя, но она есть собственность другого, и ты до такой степени не властен над ней, что не можешь сделать для нее и самомалейшего. Христос не сказал, что ты не можешь вырастить волоса, но что не можешь даже переменить его качества. Но как же быть, скажешь ты, если кто-нибудь требует клятвы, и даже принуждает к тому? Страх к Богу да будет сильнее всякого принуждения. Если ты станешь представлять такие предлоги, то не сохранишь ни одной заповеди. Тогда ты и об жене скажешь: что, если она буйна и расточительна? Скажешь и о правом глазе: а что, если я люблю его и стану разжигаться? Скажешь и о любострастном воззрении: ужели мне нельзя и смотреть? Равно можешь сказать и о гневе на брата: что, если я вспыльчив, и не могу удерживать своего языка? Таким образом тебе не трудно будет попрать все вышесказанные заповеди. Между тем, касательно законов человеческих ты никогда не смеешь представлять подобных предлогов, и говорить: что, если то-то, или то-то? - но волею или неволею, а непременно повинуешься предписанию. Притом, что касается рассматриваемой заповеди, то тебе может не представиться и необходимости когда-либо клясться. Кто внял учению о вышесказанных блаженствах, и устроил себя так, как повелел Христос, того всякий будет считать достойным почтения и уважения, и никто не станет принуждать к клятве. “**Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого**” (ст. 37). Итак, что означает лишнее против слов: “да” и “нет”? Это означает клятву, а не клятвопреступление. Всякому известно, и никому нет нужды доказывать, что клятвопреступление происходит от неприязни, и не только излишнее дело, но и богопротивное, а клятва есть дело излишнее и без нужды прибавляемое. Итак, скажешь, клятва была от лукавого? А если она от лукавого, то почему позволена была законом? То же самое ты можешь, однако, сказать и о жене: на каком основании ныне почитается любодеянием то, что прежде было позволительно? Что же на это можно сказать? То, что тогда многое сказано было из снисхождения к приемлющим закон. Ведь и чтить Бога туком жертв столь же недостойно Его, как недостойно и философа - пустословить. Ныне, когда добродетели возросли, отпущение жены вменяется в прелюбодеяние, и клятва признается от неприязни. А если бы законы касательно развода и клятвы с начала были законами дьявола, то они не были бы столько полезны и действительны. С другой стороны, если бы не предшествовали эти законы, то не так бы легко было принято и Христово учение о них. Итак, ныне, когда нужда в этих законах миновала, не ищи уже в них силы. Они нужны были при тогдашних обстоятельствах; впрочем, ежели угодно, нужны и ныне. И ныне показывается их сила, и особенно тем самым, что они лишаются у нас своего значения. То, что они ныне представляются таковыми, служит для них величайшею похвалою. Они, конечно, не показались бы нам таковыми, если бы не воспитали нас надлежащим образом, и не сделали способными к принятию высших законов. Сосцы, когда исполнят свое дело и младенец сделается способным вкушать более совершенную пищу, делаются уже бесполезными. И родители, которые прежде почитали сосцы необходимыми для своего младенца, делают их предметом шуток; а многие не только шутят, но и намазывают их каким-нибудь горьким веществом, чтобы, если словами не могут отучить от них младенца, то уже самым делом уничтожить в нем расположение к сосцам.

6. Так и Христос, когда сказал, что клятва происходит от неприязни, то сказал не потому, будто древний закон произошел от дьявола, но чтобы сильнее отвлечь слушателей от древнего несовершенства. Так Он говорил Своим ученикам. А что касается до бесчувственных иудеев, нераскаянно пребывающих в своем прежнем нечестии, то страхом пленения, как бы некоторою горечью, окружив их город (Иерусалим), Он сделал

его для них недоступным. Но так как и это не могло обуздать их, и они опять, подобно детям стремящимся к сосцам, желали видеть этот город, то Бог, наконец, сокрыл его от очей их, разрушив его, и большинство из них удалив от него, подобно как удаляют тельцов от матерей их, чтобы со временем заставить их отстать от прежней привычки к материнскому молоку. Если бы древний закон был от дьявола, он не отвлекал бы от идолослужения, но напротив приводил бы и повергал бы в него, потому что этого желал дьявол. Но мы видим, что древний закон производил противное. И самая клятва в Ветхом завете потому узаконена, чтобы не клялись идолами. Клянитесь, говорит пророк, истинным Богом (Иер. 4:2). Итак, древний закон о клятве доставил людям не малое, но весьма великое благо. Назначение его состояло в том, чтобы они перешли к твердой пище. Так значит, скажешь ты, клятва не от злого? - Нет! и весьма даже от злого; но только ныне, когда открыта нам самая высокая мудрость, а не тогда. Но как может быть, скажешь ты, одно и то же то хорошим, то не хорошим? А я наоборот скажу: как одно и то же не может быть хорошим и не хорошим, когда это неопровержимо доказывают все дела, искусства, плоды и все прочее? Смотри, как это возможно, прежде всего, в отношении к нам самим. Например: быть носиму на руках в первом возрасте хорошо, а после вредно. Питаться разжеванною пищею в младенчестве хорошо, а после - отвратительно. Питаться молоком и прибегать к сосцам в начале полезно и спасительно, а после вредно и опасно. Видишь ли, как одно и то же, смотря по времени, хорошо, а после представляется не таковым? Носить детскую одежду отроку хорошо, а мужу неприлично. Хочешь ли знать и с противной стороны, как то, что мужу прилично, отроку неприлично? Одень отрока в одежду человека возрастного, - будет и смешно, и опасно для него ходить, потому что он часто будет запутываться. Поручи ему производство гражданских дел, поручи торговлю, заставь сеять и жать, - опять будет очень смешно. И что я говорю об этом? Само убийство, всеми признаваемое за изобретение лукавого, будучи совершено в приличное время, сделало Финееса, учинившего его, достойным степени священнической (Числ. 25). А что убийство есть дело дьявола, то послушай, что говорит сам Спаситель: “**Вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала**” (Ин. 8:41,44). Но Финеес был человекоубийца, и – “**[это] вменено ему в праведность**”, говорит Писание (Пс. 105:31). А Авраам был не только человекоубийцею, но, что еще хуже, детоубийцею, - и тем самым больше всего благоугодил Богу. Равным образом и Петр учинил двойное убийство, и однако, это было делом духовным (Деян. 5:1 и след.). Итак, не станем просто судить о делах, но будем тщательно вникать во время, причину, намерение, в различие лиц и во все другие обстоятельства, - иначе нельзя дойти и до истины. И если хотим достигнуть царствия, то должны стараться доказать что-нибудь большее против ветхозаветных заповедей, а иначе нельзя получить небесных благ. Если мы достигнем только в меру возраста ветхозаветных, то будем стоять вне врат царствия: “**Если праведность ваша не превзойдет праведности**, **-** говорит Господь, **- книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**” (Мф. 5:20). И однако, есть люди, которые, и при такой угрозе, не только не превосходят древней правды, но даже и ее не имеют. Они не только не избегают клятв, но и преступают их; не только не остерегаются любострастного взгляда, но совершают и само гнусное действие и безумно попирают все прочие заповеди, дожидаясь только одного дня мучения, чтобы понести тогда жесточайшее наказание за свои преступления. Такова только и может быть участь тех, которые окончили жизнь свою в нечестии. Им нужно оставить всякие надежды на спасение и не ждать ничего, кроме наказания, потому что только находящиеся еще здесь удобно могут и вступить в борьбу, и победить, и увенчаться.

7. Итак, не ослабевай, человек, и не упраздняй доброго расположения! То, что повелевается тебе, не тягостно. Скажи мне, какой труд избегать клятвы? Разве нужна тут трата денег? Разве требуются великие усилия и изнурения? Стоит только захотеть - и все сделано. Если же кто-нибудь представит мне в оправдание привычку, то я скажу тому, что

по этому самому и легко исполнить заповедь. Если ты приобретешь себе другую привычку, этим все и кончишь. Вспомни, для примера, многих эллинов, как одни из них, будучи заиками, при усиленном старании, исправили недостаток в своем языке; а другие отстали от привычки постоянно поднимать и дергать беспорядочно плечами, приставляя к ним сверху меч. Если вы не убеждаетесь Писанием, то я вынужден, к стыду вашему, убеждать вас примером язычников. Так и Бог поступал с иудеями, говоря: "**Пойдите на острова Хиттимские и посмотрите, и пошлите в Кидар … и рассмотрите: … переменил ли какой народ богов [своих], хотя они и не боги?**" (Иер. 2:10,11). А часто посылает их даже к бессловесным тварям, напр. говоря: "**Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым**" и иди ко пчеле (Притч. 6:6). Так и я теперь скажу вам: представьте философов языческих, и тогда узнаете, какого достойны наказания те, которые преступают божественные законы. Те ради людского уважения употребляли бесчисленные труды; а вы даже о небесных благах не хотите приложить такого же тщания. Если же и после этого ты скажешь, что привычка сильна, она может обмануть и самых осторожных, то хотя я и согласен с этим, но вместе с тем скажу и то, что привычка так же легко может быть исправлена, как легко может вводить в обман. Если поставишь над собою дома многих стражей, например, жену, раба, друга, то всеми побуждаемый и поощряемый легко отстанешь от худой привычки. И если займешься этим хоть только десять дней, то тебе более будет и не нужно; все счастливо совершится и устроится у тебя, добрая привычка опять твердо укоренится в тебе. Итак, когда начнешь исправлять худую привычку, то хотя бы раз, хотя бы два, три раза, хотя бы двадцать раз преступил закон, не отчаивайся; вставай и принимайся опять за тот же труд - и непременно останешься победителем. Клятвопреступление есть немаловажное зло. Если и клятва происходит от злого, то какого наказания будет достойно клятвопреступление? Вы хвалите мною сказанное? Но мне не нужны ваши рукоплескания, громкие отзывы и похвалы. Я желаю одного только, чтобы вы, с безмолвием и разумением слушая, исполняли слова мои. Это заменяет для меня всякое ваше рукоплескание, и всякую вашу похвалу. Если же ты хвалишь сказанное, а не исполняешь того, что хвалишь, то тебе это служит к тягчайшему наказанию и большему осуждению, а нам к стыду и посмеянию. Здесь не театр, здесь вы смотрите не актеров, чтобы только рукоплескать. Здесь училище духовное. Потому об одном только и должно стараться, чтобы исполнить сказанное, и делами доказать повиновение. Тогда я все получу от вас; а теперь я почти принужден в вас отчаиваться. Я и частным образом приходящих ко мне не переставал увещевать в том, о чем говорю теперь, и в общем собрании непрестанно об этом беседовал с вами, и однако не вижу никакого плода: вы все еще держитесь только первых начал; а это может привести учащего в великое уныние. Посмотри, как и Павел скорбел от того, что его слушатели долгое время оставались на низшей степени учения. **"[Судя] по времени, вам надлежало быть учителями; -** говорит он, **- но вас снова нужно учить первым началам слова Божия**" (Евр. 5:12). Потому и я плачу, и сердечно болезную. И если еще увижу вас неуспевающими, то запрещу вам, наконец, и приступать к этим священным вратам и приобщаться бессмертных тайн, подобно блудникам, прелюбодеям и обвиняемым в убийствах. Лучше ведь с двумя или тремя хранящими закон Божий возносить обычные молитвы, нежели собирать множество беззаконников, которые развращают других. Пусть же не гордится, пусть не надмевается здесь ни один богач, ни один вельможа. Все это для меня басни, тень и сновидение. Там, за гробом, нынешний богач не защитит меня, когда я буду обвиняем и принуждаем давать отчет, почему не с надлежащею ревностью защищал законы Божии. Это-то именно погубило и знаменитого старца первосвященника Илия; хотя он сам вел жизнь безукоризненную, тем не менее, вместе с детьми своими потерпел страшное наказание за то, что небрег о попираемых законах Божиих. Если же и родственные узы не могли освободить от вины, если даже отец, который не с надлежащею строгостью поступал с своими детьми, подвергся столь тяжкой казни, то какое будем иметь извинение мы, которые, будучи свободны от таких уз, портим все своим

послаблением? Итак, чтобы не погубить вам и меня и себя, то прошу вас: послушайтесь моего наставления и, приставив к себе многих наблюдателей и советников, оставьте привычку к клятвам, - чтобы вы, начавши с этого, могли упражняться с полным успехом и в других добродетелях и насладились будущими благами, которые все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 18

“Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду”(Мф. 5:38-40).

1. Видишь ли, что Спаситель, предписывая выше заповедь вырывать соблазняющее око, разумел не самое око, но такого человека, который дружбою своею наносит нам вред и ввергает нас в ров погибели? В самом деле, если здесь Он предлагает столь высокое правило, что не позволяет вырвать око даже у того, кто вырвал бы его у нас, то мог ли Он повелеть кому-либо вырвать око у себя самого? Если же кто порицает ветхий закон за то, что в нем предписывается воздавать такую месть, тот, по моему мнению, вовсе не имеет понятия о свойственной Законодателю мудрости, не соображается с обстоятельствами времени, и не знает, как иногда полезно бывает снисхождение. В самом деле, если ты размыслишь, кто были слышавшие это повеление, каково было расположение их духа, и в какое время они приняли этот закон, то признаешь мудрость Законодателя и увидишь, что как закон о мщении, так и закон о незлобии даны одним и тем же Законодателем, и оба предписаны вполне своевременно и с величайшею пользою. Если б эти высокие и великие заповеди Законодатель предложил с самого начала, то люди не приняли бы ни этих заповедей, ни прежних. Теперь же, те и другие предложив в приличное время, Он исправил ими всю вселенную. С другой стороны, Законодатель предписал - око за око не для того, чтобы мы друг у друга вырывали глаза, но чтобы удерживали руки свои от обид; ведь угроза, заставляющая страшиться наказания, обуздывает стремление к делам преступным. Таким образом Законодатель мало-помалу посеивает в сердцах благочестие, когда повелевает, чтобы обиженный за причиненное ему зло платил равным, хотя, по требованию правосудия, зачинщик преступления достоин был бы большего наказания. Но так как Ему угодно было правосудие растворить человеколюбием, то учинившего большее преступление Он осуждает на наказание гораздо меньшее, нежели какого он достоин, желая тем самым научить нас и среди самого страдания показывать великую кротость. Итак, приведя постановление ветхого закона и прочитав его от слова до слова, Спаситель опять показывает, что не брат учиняет обиду, но лукавый. Поэтому и присовокупляет: “**А Я говорю вам: не противься злому**” (τω tw ponhrw). Не говорит: “**не противься брату**”, но: злому, показывая тем, что обидчик все делает по наущению дьявола, и таким образом, слагая вину на другого, весьма много ослабляет и пресекает гнев против обидевшего. Что же, скажешь ты: ужели нам не должно противиться лукавому? Должно, но не так, а как повелел сам Спаситель, то есть, готовностью терпеть зло. Таким образом ты действительно победишь лукавого. Не огнем ведь погашают огонь, а водою. А чтобы знать тебе, что и в Ветхом завете победа и венец остаются на стороне претерпевшего обиду, рассмотри, что происходит в этом случае, и увидишь, что преимущество остается на стороне обиженного. В самом деле, кто первый поднимает руку на совершение неправды, тот вырывает два глаза, - и у ближнего и у себя. Поэтому Он справедливо подвергается общей ненависти и бесчисленным обвинениям. Между тем обиженный, хотя и воздаст за причиненное ему зло равным, не сделает никакого зла, почему многие даже и сожалеют о нем, так как он чист от греха в этом деле, хотя и воздал равным за равное. И хотя несчастие у обоих одинаково, но суждение о них не одинаково,

как у Бога, так и у людей, а следовательно, уже и несчастие не одинаково. Итак, Спаситель сначала сказал: “**Гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду, …а кто скажет: "безумный", подлежит геенне огненной**”; здесь же требует еще высшего любомудрия, повелевая обиженному не только молчать, но и подставлять обижающему другую щеку, и таким образом еще сильнее побороть его своим великодушием. И это говорит Он не только для того, чтобы дать закон, повелевающий переносить обиды, но чтобы и во всех других случаях научить нас незлобию.

2. Подобно тому, как в том случае, когда Спаситель говорит, что “**кто скажет: "безумный", подлежит геенне огненной**”, разумеет не одно только это обидное слово, но и вообще всякое поношение, так и здесь Он не только предписывает, чтобы мы переносили великодушно одни заушения, но чтобы мы не смущались и всяким другим страданием. Вот почему, как и там Он избрал обиду самую чувствительную, так и здесь упомянул об ударе по щеке, который считается особенно позорным и составляющим великую обиду. Давая эту заповедь, Спаситель имеет в виду пользу и наносящего удары, и терпящего их. В самом деле, если обиженный вооружится тем любомудрием, которому научает Спаситель, то он не будет и думать, что потерпел обиду, он даже не будет и чувствовать обиды, почитая себя скорее ратоборцем, чем человеком, которого бьют. А обижающий, будучи пристыжен, не только не нанесет второго удара, хотя бы он был лютее всякого зверя, но и за первый будет крайне обвинять себя. Поистине, ничто так не удерживает обижающих, как кроткое терпение обижаемых. Оно не только удерживает их от дальнейших порывов, но еще заставляет раскаяться и в прежних, и делает то, что они отходят от обиженных, удивляясь их кротости, и наконец, из неприятелей и врагов делаются не только их друзьями, но даже самыми близкими людьми и рабами. Наоборот, мщение производит совершенно противные следствия. Оно обоим причиняет стыд, ожесточает их и еще больше воспламеняет гнев, и зло, простираясь далее, доводит нередко до смерти. Вот почему Спаситель заушаемому не только запретил гневаться, но и повелел насытить желание ударяющего так, чтобы вовсе и неприметно было, что ты первый удар претерпел невольно. Действительно, таким образом ты поразишь бесстыдного гораздо чувствительнее, чем в том случае, если бы ты ударил его рукою, и из бесстыдного сделаешь его кротким. “**Кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду**”. Спаситель хочет, чтобы мы показывали такое же незлобие не только, когда нас бьют, но и когда хотят отнять от нас имение. Потому опять предлагает столь же высокое правило. Как там Он повелевает побеждать терпением, так и здесь уступкою большего, чем ожидает любостяжатель. Впрочем, Он не просто предложил это последнее правило, а с оговорками, - он не сказал: “**Отдай ему и верхнюю одежду**”, но – “**и кто захочет судиться с тобою**”, т. е. если он влечет тебя в суд и хочет завести с тобою дело. И, подобно как после заповедей - не называть брата безумным и не гневаться на него напрасно, в последней Своей проповеди Он потребовал большего, повелев подставлять и правую щеку, так и теперь, после высказанного уже повеления - мириться с соперником, опять простирает Свое требование еще далее, предписывая не только отдать сопернику то, что он хочет взять, но и оказать большую щедрость. Что ж? Неужели скажешь, мне ходить нагим? Не были бы мы наги, если бы в точности исполняли эти повеления; напротив, еще были бы гораздо лучше всех одеты. Во-первых, потому, что никто не нападет на человека, имеющего такое расположение духа, а во-вторых, если бы и нашелся кто настолько жестокий и немилосердный, что дерзнул бы и на это, то без сомнения еще более бы нашлось таких, которые человека, восшедшего на такую степень любомудрия, покрыли бы не только одеждами, но, если бы было возможно, и самою плотью своею.

3. А если бы кому довелось и нагим ходить ради такого любомудрия, то и в этом не было бы стыда. Адам в раю был наг и не стыдился (Быт. 2:25). И Исайя, ходивший нагим и без

обуви, был знаменитее всех иудеев (Ис. 20:3). Иосиф тогда особенно просиял (добродетелью), когда оставил одежду. Нимало не худо так обнажаться, но постыдно и смешно так одеваться, как мы одеваемся ныне, т. е. в драгоценные одежды. Вот почему тех Бог прославил, а нас осуждает и через пророков, и через апостолов. Итак, не будем почитать невозможными повеления Господни. Они и полезны, и весьма удобны к исполнению, если только мы будем бодрствовать. Они так спасительны, что не только нам, но и обижающим нас приносят величайшую пользу. Особенное же достоинство их состоит в том, что они, убеждая нас терпеть обиды, тем самым научают любомудрствовать и причиняющих их. В самом деле, когда обижающий важным почитает отнимать собственность других, а ты на самом деле покажешь ему, что для тебя легко отдать и то, чего он не просит, и таким образом противопоставишь его нищенствованию и любостяжанию свою щедрость и любомудрие, то представь, сколь сильное получит он вразумление, не словами, но самыми делами научаясь презирать злые склонности и любить добродетель! Бог хочет, чтобы мы были полезны не только для самих себя, но и для всех ближних. Итак, если ты отдашь требуемое без всякого спора и суда, то приобретешь пользу только себе. Если же сверх требуемого отдашь и другое что-нибудь, то и соперника отпустишь от себя лучшим. Вот что значит та соль, каковою Спаситель желает быть ученикам Своим; она и саму себя сберегает, и сохраняет другие тела, ею осоленные. Вот что значит и тот свет; он светит и самому себе, и другим. Итак, поелику Господь и тебя поставил в число учеников Своих, то просвети сидящего во тьме; научи его, что он и то, чего от тебя требовал, взял у тебя не насильно; убеди его, что ты не считаешь себя обиженным. Таким образом, и сам заслужишь большее уважение и почтение, когда уверишь его, что он ничего у тебя не отнял, а ты сам подарил ему. Своею кротостью обрати грех его в повод к проявлению твоего благородства. Если это кажется тебе очень высоким, то подожди, - ты еще увидишь, что это не есть верх совершенства. Спаситель не останавливается еще здесь, предписывая тебе правила терпения обид, но простирается далее, говоря: “**И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два**” (Мф. 5:41). Видишь ли, на какую высоту любомудрия возводит тебя Спаситель? Он говорит, что и тогда, когда отдашь своему врагу и верхнюю и нижнюю одежду, ты не должен противиться ему, если бы он и обнаженное тело твое захотел подвергнуть страданиям и трудам. Он хочет, чтобы все было общим - и тела, и имущество, и чтобы мы служили ими как бедным, так и тем, кто обижает нас. Последнее - долг мужества, а первое - человеколюбия. Поэтому-то Он и сказал: “**И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два**”, возводя тебя еще выше, и повелевая оказывать новые опыты равного прежним великодушия. Если прежние Его предписания, которые требуют гораздо меньшего, доставляют исполняющим их столь великое блаженство, то подумай, какой жребий ожидает тех, кто исполняет эти последние, и каковыми еще прежде наград являются те, которые в человеческом и страстном теле показывают совершенное бесстрастие. Если они не только не оскорбляются обидами, ударами, отнятием имущества, не только не побеждаются ничем другим тому подобным, но еще жаждут больших страданий, то представь, какова у них делается душа. Потому-то Христос, как повелел поступать при нанесении ударов и при лишении имущества, так точно повелевает поступать и в этом случае. Что я говорю, - как бы так говорит он, - об обидах и отнятии имущества? Если бы кто захотел и само тело твое подвергнуть тяжким и изнурительным трудам, и притом несправедливо, то и тогда ты должен победить его несправедливое желание, и стать выше его. “**Принудить силой**” - значит влечь кого неправедно, без всякой причины и с обидою. Но ты и на это будь готов; будь готов потерпеть даже больше, нежели, сколько тот хочет причинить тебе. “**Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся**” (ст. 42). Этими словами Спаситель требует меньшего, нежели прежними, но не удивляйся этому. Спаситель обыкновенно так делает: Он всегда к великому присоединяет малое. Если же слова эти и малы в сравнении с первыми, пусть, однако, внимают им те, которые берут чужое, а собственное имущество

раздают блудницам, и таким образом возжигают для себя сугубый огонь чрез неправедный прибыток и пагубное расточение. Предписывая здесь давать в заем, Спаситель разумеет не отдачу денег в рост, но простое одолжение. А в другом месте требует еще большего, говоря, чтобы мы давали и тем, от кого не надеемся получить. “**Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**” (ст. 43-45). Вот высочайший верх добродетелей! Вот для чего учил Спаситель не только терпеливо сносить заушения, но и подставлять правую щеку, не только вместе с верхнею одеждою отдавать и нижнюю, но и две версты идти с тем, кто принуждает пройти одну! Все это предложил Он для того, чтобы ты с полною готовностью мог принять и то, что гораздо выше этих предписаний. Что же выше их, скажешь ты? Не почитать того врагом, кто причиняет тебе обиды, - даже нечто и того высшее, поскольку Господь не сказал: не возненавидь, но - возлюби; не сказал: не обижай, но - и благотвори.

4. Но если тщательнее рассмотрим слова Спасителя, то увидим, что в них заключается новое предписание, гораздо еще высшее. В самом деле, Он повелевает не только любить врагов, но и молиться за них. Видишь ли, на какие восшел Он степени, и как поставил нас на самый верх добродетели? Смотри и исчисляй их, начавши с первой: первая степень - не начинать обиды; вторая - когда она уже причинена, не воздавать равным злом обидевшему; третья - не только не делать обижающему того, что ты потерпел от него, но и оставаться спокойным; четвертая - предавать себя самого злостраданию; пятая - отдавать более, нежели, сколько хочет взять причиняющий обиду; шестая - не питать к нему ненависти; седьмая - даже любить его; восьмая - благодетельствовать ему; девятая - молиться о нем Богу. Видишь ли, какая высота любомудрия? Но за то блистательна и награда. Так как повеление велико и требует мужественной души и великого подвига, то и мзду за исполнение его Спаситель обещает такую, какой не соединял ни с одною из прежних заповедей. Он обещает здесь не землю, как кротким, не утешение и помилование, как плачущим и милостивым, но царствие небесное, но, что они будут подобны Богу, насколько то возможно для людей: “**Да будете сынами**, **-** говорит, **- Отца вашего Небесного**” (у Златоуста – "будете подобны Отцу Небесному" – прим. и.Н.).. Заметь, что Он ни здесь, ни прежде не называет Бога Отцом Своим; но там, когда говорил о клятвах, называл Его Богом и Царем великим, а здесь называет Отцом нашим. Он делает так потому, что беседу об этом хочет оставить до приличного времени. Объясняя, затем, в чем состоит богоподобие, Он говорит: “**Ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**”, то есть, Бог не только не ненавидит оскорбляющих Его, но даже благодетельствует им. Конечно, здесь нет равенства ни по чему, так как не только благодеяния Божии, но и величие Его достоинства превосходит все, что только вообразить можно. Тебя оскорбляет подобный тебе, а Его - раб, и притом такой, который получил от Него бесчисленные благодеяния. Ты, молясь за врага, благодетельствуешь ему словами, а Бог благодетельствует ему весьма великими и чудными делами, освещая его солнцем и ежегодно посылая дожди в определенное время. И при всем том я допускаю твое богоравенство, какое только возможно для человека. Итак, не питай ненависти к человеку, делающему тебе зло, когда ты через него приобретаешь такие блага и достигаешь столь великой чести. Не кляни обижающего тебя; иначе ты оскорбление претерпишь, а плода лишишься, - понесешь вред, а награды не получишь. А это крайне безумно - претерпевши труднейшее, не перенести легчайшего. Но как это возможно, скажешь ты? Ты видишь, что Бог для тебя сделался человеком, что Он так уничижил Себя и так много пострадал за тебя, и еще ли спрашиваешь и недоумеваешь, как можешь ты прощать обиды равным себе? Не слышишь

ли, что говорит Он на кресте: “**Прости им, ибо не знают, что делают**” (Лк. 23:34)? Не слышишь ли, что говорит Павел: восшедший на небо, и седящий “**одесную Бога, Он и ходатайствует за нас**” (Рим. 8:34)? Не видишь ли, что Он и после распятия и вознесения на небо послал к умертвившим Его иудеям апостолов, принесших им бесчисленные блага, и вместе потерпевших от них бесчисленное множество зол? Но ты весьма много обижен? Что же такое потерпел ты, что было бы подобно страданию твоего Владыки, Который после оказанных Им бесчисленных благодеяний был связан, претерпел заушения, бичевания, оплевания от рабов, и наконец претерпел смерть - и смерть поноснейшую из всех смертей? Если же ты и много обижен, то по тому-то самому и должен еще более благодетельствовать, чтобы и для себя самого получить блистательнейший венец, и брата избавить от крайне жестокой болезни. Когда больные, находящиеся в сумасшествии, наносят удары и обиды врачам своим, то последние в это-то время особенно и жалеют о них и стараются об их излечении, зная, что дерзость их происходит от чрезмерной болезни. Подобным образом и ты имей такое же расположение духа к злоумышляющим против тебя, и таким же образом поступай с обижающими тебя, потому что они совсем больные и делают все совершенно невольно. Итак, освободи врага своего от тяжкой его гордости, заставь его бросить гнев, и избавь от лютого демона - ярости. Видя беснующихся, мы проливаем слезы, а не думаем сами подобно им бесноваться. Будем поступать также и с гневающимися, потому что и они подобны бесноватым, или даже несчастнее их, потому что хотя они и беснуются, но еще не лишились ума. Потому-то и бешенство их непростительно.

5. Итак, не нападай на лежащего, но жалей о нем. Когда мы видим, как человек, страдающий желчью, мучится головокружением и силится изблевать эту вредную мокроту, то тотчас подаем руку, поддерживаем терзаемого, и не отвращаемся от него, хотя бы замарали и одежду, но о том только и стараемся, чтобы как-нибудь избавить его от такого тяжкого положения. Подобным образом станем поступать и с разгневанными, станем помогать им, как изрыгающим из себя желчь и терзаемым, и не будем оставлять их до тех пор, пока они не извергнут всей горечи. И когда такой человек успокоится, то воздаст тебе величайшую благодарность. Тогда он ясно узнает, от какого расстройства ты его избавил. Но что я говорю о его благодарности? Сам Бог тотчас же тебя увенчает и наградит бесчисленными благами за то, что ты освободил брата своего от жестокой болезни. Да и тот будет почитать тебя, как своего господина, будет всегда с благоговением взирать на твою кротость. Не видишь ли, как мучащиеся родами кусают стоящих около них женщин, и между тем последние не ощущают боли? Вернее же сказать: они ощущают ее, но только мужественно переносят, соболезнуя о мучащихся и терзающихся болезнями рождения. Поревнуй и ты их великодушию и не будь слабее женщин. Когда родят эти жены, - а гневающиеся малодушнее самих жен, - тогда они узнают в тебе мужа. Если же эти повеления кажутся тебе тяжкими, то помысли, что Христос для того и пришел, чтобы насадить их в наших сердцах, и чтобы сделать нас полезными как для врагов, так и для друзей. Поэтому Он и повелевает заботиться о тех и других; о братиях - когда говорит: “**Если ты принесешь дар твой**”; о врагах же - когда приказывает любить их и молиться за них. И побуждает к исполнению этого, не только указывая на пример благости Божией, но и на противное: “**Ибо если вы будете любить**, **-** говорит Он, **- любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари**”(ст. 46)? То же самое подтверждает и Павел: “**Вы еще не до крови сражались, -** говорит он, **- подвизаясь против греха**” (Евр. 12:4). Итак, если ты исполняешь заповедь любви ко врагам, то пребываешь с Богом; если же оставляешь ее, то с мытарями. Видишь ли, что эти заповеди еще не так велики, как велико различие между мытарями и Богом? Итак, не станем помышлять о трудности повеления, но представим награду, и подумаем, кому соделаемся подобными, когда исполним это повеление, и с кем сравнимся, когда не будем исполнять. Спаситель повелевает нам мириться с братом, и до тех пор не отходить от

него, пока совершенно не истребим вражды. Когда же говорит о всех вообще, то не налагает на нас такой обязанности, но только требует того, что от нас зависит, и таким образом облегчает трудность закона. Выше сказал Он: “**Так гнали [и] пророков, бывших прежде вас**” (Мф. 5:12); теперь, желая, чтобы ученики Его за то же самое не досадовали на своих гонителей, повелевает им не только терпеть так поступающих с ними, но и любить их. Видишь ли, как Он с самым корнем истребляет гнев, пристрастие к плоти, к богатству, к славе и к настоящей жизни? Это уже сделал Он и в начале Своей проповеди, но гораздо более теперь. Действительно, нищий духом, кроткий и плачущий изгоняет из себя гнев; праведный и милостивый истребляет в себе пристрастие к богатству; чистый сердцем свободен от злой похоти; гонимый, претерпевающий обиды и злословимый приучается к совершенному презрению вещей временных, и пребывает чист от надменности и тщеславия. Освободив, таким образом, слушателя от всех этих уз и приготовив к подвигам, Христос опять иным образом и с большим тщанием исторгает из его сердца указанные страсти, начиная с гнева, и уничтожая всю силу этой страсти, когда говорит, что гневающийся на брата своего, называющий его безумным и пустым человеком, заслуживает наказания; что принесший дар не должен приступать к трапезе, пока не прекратит вражды; что имеющий соперника, прежде нежели увидит судилище, должен сделать его из врага другом. Потом опять переходит к похоти и говорит, что воззревший любострастными очами заслуживает наказание как прелюбодей; соблазняющийся любострастною женою или мужем или другим кем-либо из близких к нему должен отсечь от себя всех таковых; имеющий законную жену не должен никогда удалять ее от себя и обращать взоров к другой. Этими внушениями Спаситель исторгает корни злой похоти. Вслед за тем Он обуздывает любовь к богатству, запрещая клясться, лгать и удерживать даже рубашку, какую кто имеет на теле; повелевает отдавать верхнюю одежду и не жалеть даже тела для услуг требующему. Так истребляет Он в конец пристрастие к богатству.

6. Наконец, все эти повеления Спаситель украшает прекраснейшим венцом, говоря: “**Молитесь за обижающих вас и гонящих вас**”, - и таким образом возводит учеников Своих на высочайший верх любомудрия. Как терпеть заушения есть высший подвиг, нежели быть кротким; отдавать рубашку и верхнюю одежду есть дело более важное, нежели быть милостивым; переносить обиды есть высшая добродетель, нежели быть праведным; сносить побои и не противиться, когда понуждают идти, значит больше, нежели быть миротворцем, - так, и среди гонений благословлять гонящего - гораздо важнее, нежели быть гонимым. Видишь ли, как Он мало-помалу возводит нас на самое небо? Итак, чего будем достойны мы, которые получили повеление ревностно стараться об уподоблении себя Богу, и между тем, может быть, еще не сравнялись и с мытарями? В самом деле, если и мытари, и грешники, и язычники любят любящих, а мы и этого не делаем (а не делаем мы этого, когда завидуем доброй славе наших братьев), то какому не подвергнемся наказанию, будучи ниже язычников, тогда как должны быть превосходнее книжников? Как же, скажи мне, мы можем узреть царство? Как взойдем в его священные преддверия, будучи ничем не лучше мытарей? На это и указывает Спаситель, говоря: “**Не то же ли делают и мытари**”? Что особенно удивительно в учении Христа, так это то, что награды за подвиги Он предлагает повсюду в великом множестве: обещает подвизающимся, что они и узрят Бога, и царствие небесное наследят, и будут сынами Божиими и подобными Богу, и помилованы будут, и утешатся, и получат многую мзду на небесах; а если где нужно было упомянуть о прискорбном, то упоминает об этом кратко, так что имя геенны, например, Он употребил в столь продолжительной беседе всего лишь один раз. В других случаях Он исправляет слушателя кроткими вразумлениями, убеждая его более увещаниями, нежели угрозами, например, когда говорит: “**Не то же ли делают и мытари**”? Или: “**Если же соль потеряет силу**”; Или: “**Малейшим наречется в Царстве Небесном**”. Иногда полагает Он вместо наказания грехи, предоставляя самому

слушателю заключать из тяжести последних о тяжести наказания, например, когда говорит: “**прелюбодействовал с нею в сердце своем**”; или: “**кто разводится с женою своею, …тот подает ей повод прелюбодействовать**” . Для вразумления имеющих ум не нужно упоминать о наказании, а довольно только представить тяжесть греха. Вот почему и в настоящем случае Он представляет в пример язычников и мытарей, чтобы ученики Его устыдились, видя, с какими людьми Он их сравнивает. Тоже делал и Павел, когда говорил: “**Дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды**” (1 Фес. 4:13), и “**как и язычники, не знающие Бога**” (ст. 5). Кроме того, слова эти: “**Не так же ли поступают и язычники?**” (Мф. 5:47) Спаситель сказал и для того, чтобы показать, что Он не требует ничего чрезмерного, но немного больше обыкновенного. Этим, однако, Он не заключает Своего слова, но оканчивает его указанием на награды и благими надеждами, говоря: “**Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный**” (ст. 48). Часто упоминает Он во всей беседе Своей о небе, чтобы представлением самого места возбудить сердца учеников Своих, так как в это время они были еще довольно слабы и грубы. Итак, представляя все доселе сказанное, будем оказывать всякую любовь ко врагам. Отвергнем то смешное обыкновение, которым страдают многие неразумные люди, дожидающиеся, чтобы встречные предупреждали их своим приветствием, и таким образом не ревнуют о том, что заключает великое блаженство, но гоняются за тем, что достойно смеха. Почему же ты не приветствуешь его прежде? Потому, скажешь ты, что он ожидает этого. Но потому-то самому и надлежало поспешить тебе, чтобы венец достался тебе. Нет, - скажешь, - я потому именно и не приветствую его, что ему сильно этого хочется. Что может быть хуже такого безумия? Так как, говоришь ты, он сильно желает доставить мне случай к награде, по тому самому я не хочу этим случаем воспользоваться. Если он тебя предупреждает своим приветствием, то ты не получишь никакой пользы, хотя после и ответишь ему тем же; если же ты поспешишь прежде выразить ему приветствие, то ты, как бы торгуясь с его гордостью, получишь себе большую выгоду и соберешь обильный плод с его надменности. Итак, не крайне ли мы будем безумны, когда, имея случай двумя словами приобрести столь великую пользу, выпустим ее из рук, и сами впадем в то же безрассудство, за которое осуждаем другого? Если ты обвиняешь его в том, что он прежде ожидает приветствия от другого, то зачем подражаешь тому, что охуждаешь сам, и стараешься как доброе перенимать то, что сам называешь злом? Видишь ли, что нет ничего безумнее человека, живущего в злобе? Поэтому умоляю вас, будем избегать этой злой и достойной посмеяния привычки. Болезнь эта расторгнула бесчисленное множество дружеских союзов и произвела многие раздоры. Будем же, поэтому, приветствиями предупреждать других. Если нам заповедано терпеть и тогда, когда враги нас заушают, насильно заставляют провожать себя и обнажают, то заслужим ли мы какого-нибудь прощения, если с таким упорством будем отказываться от простого приветствия? Ты скажешь: я подвергнусь презрению и буду как оплеванный, когда окажу ему такую честь. Итак, чтобы не презирал тебя человек, ты оскорбляешь Бога? Чтобы не презирал тебя беснующийся равный тебе раб, ты презираешь Владыку, Который столь много тебя облагодетельствовал? Ежели неразумно, что презирает тебя человек равный тебе, то еще более неразумно, что ты презираешь Бога, Который сотворил тебя. Сверх того, заметь и то, что презирающий тебя тем самым доставляет тебе случай к получению большей награды, поскольку ты терпишь это для Бога, повинуясь Его законам. А с этою наградою какая честь, какие венцы сравниться могут? Я готов лучше терпеть всякие обиды и презрение - для Бога, нежели у всех царей быть в почтении, так как ничто, ничто не может сравниться с этою славою. Будем же искать этой славы так, как повелел сам Спаситель, и нимало не заботясь о суждениях человеческих, но во всем показывая истинное любомудрие, по нему будем устроять жизнь свою. Таким образом, еще здесь мы будем предвкушать блага небесные и славу венцов райских; будем обращаться с людьми - как ангелы, и обитать на земле - как силы небесные, освободившись от всякой похоти и всех земных страстей; а вместе со всем этим восприимем и неизреченные блага, которых да

сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава, держава и поклонение со безначальным Отцом и Святым и благим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 19

"Смотрите, не творите милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас" (Матф. 6:1).

1. Наконец, Спаситель изгоняет самую пагубную страсть - тщеславие, это неистовство и бешенство, которым одержимы бывают даже люди добродетельные. Сначала Он ничего не говорил об этой страсти, потому что излишне было бы, не убедив наперед исполнять должного, учить тому, как надобно исполнять и доходить до совершенства. Но когда Он уже научил благочестию, тогда истребляет и ту язву, которая неприметным образом заражает его. Болезнь эта, действительно, не вдруг зарождается, но тогда, когда мы исполним уже многое из повеленного нам. Итак, нужно было прежде насадить добродетель, а потом уничтожать страсть, повреждающую плод ее. Чем же начинает Спаситель свою беседу? Словом о посте, молитве и милостыне, потому что тщеславие преимущественно присоединяется к этим добродетелям. Так, например, постом возгордился фарисей, когда говорил: "**пощусь два раза**" в неделю, "**даю десятую часть**" из имения (Лук. 18:12). И в самой молитве искал он суетной славы, творя ее на показ. Когда уже не было никого другого, то Он старался выказать себя перед мытарем. "**Я не таков, как прочие люди**", говорит он, "**или как этот мытарь**" (Лук. 18:11). Теперь посмотри, как начинает Спаситель слово Свое. Он как будто хочет говорить о каком-то звере, весьма хитром и страшном, который может внезапно схватить не совсем осторожного. "**Смотрите**", - внушает, - "**не творите милостыни вашей перед людьми**". Так и Павел говорит филиппийцам: "**берегитесь псов**" (Фил. 3:2). Зверь этот подходит тайно, и все доброе, внутри нас находящееся, тихо развевает и нечувствительно уносит. Итак, после того как Христос предложил довольно пространное слово о милостыне, представил в пример и Бога, посылающего лучи солнца Своего и на злых и на благих, и всячески побуждая слушателей к этой добродетели, убедил их к щедрому подаянию, Он исторгает, наконец, и все то, что может вредить этой доброй маслине. Потому говорит: "**смотрите, не творите милостыни вашей перед людьми**", так как милостыня, о которой прежде было сказано, есть милостыня Божья. И сказав: "**не творите перед людьми**", присовокупил: "**чтобы они видели вас**". Последние слова, по-видимому, означают то же, что и первые. Но если кто тщательно рассмотрит, то увидит, что последние слова означают нечто другое, и заключают в себе великую предусмотрительность, неизреченную попечительность и предохранение. В самом деле, и перед людьми делающий добро может делать не для того, чтобы его видели, равно, как и не делающий перед людьми может делать с тем, чтобы его видели. Вот почему Бог наказывает или увенчивает не самое дело наше, но намерение. Если бы не было сделано такого точного разделения, то настоящая заповедь многих привела бы в недоумение касательно раздачи милостыни, потому что не везде всем можно тайно творить милостыню. Поэтому, освобождая тебя от такой необходимости, Спаситель назначает наказание или награду не за совершение дела, но за намерение творящего. Чтобы ты не сказал: что пользы мне, если увидит другой? - Христос говорит тебе: Я не того требую, но мысли твоей и образа действия. Он желает исправить душу и освободить ее от всякой болезни. Итак, запретив творить милостыню для тщеславия и показав вред, происходящий от этого, тщету и бесполезность такой милостыни, Он опять возбуждает мысли своих слушателей воспоминанием об Отце и небе, чтобы не ограничиться одним только указанием на вред, но вразумить и напоминанием об Отце Своем. "**Не будет вам**", говорит Он, "**награды от Отца вашего Небесного**". Впрочем, и здесь не остановился, но идет еще дальше, внушая

и другим образом величайшее отвращение от суетной славы. Подобно тому, как выше Он указал на мытарей и язычников, чтобы качеством лица посрамить подражателей их, так и здесь упоминает о лицемерах. "**Когда**", говорит Он, "**творишь милостыню, не труби перед собой, как делают лицемеры**" (Матф. 6:2). Так говорит Спаситель не потому, что лицемеры имели трубы, но, желая показать их великое безумие, этим иносказанием осмеивая и осуждая их. И хорошо назвал их лицемерами. Милостыня их имела одну только личину милостыни, а сердце их было исполнено жестокости и бесчеловечия. Они творили ее не из милосердия к ближнему, но для получения славы. Крайняя жестокость - искать для себя чести, и не избавлять от несчастья другого, когда он погибает от голода. Итак, Спаситель требует не того только, чтобы мы подавали милостыню, но и того, чтобы подавали ее так, как должно подавать.

2. Обличив, таким образом, лицемеров и коснувшись их для того, чтобы пристыдить и слушателя, Христос опять врачует душу, страждущую недугом тщеславия, и, сказав, как не должно творить милостыню, показывает, как должно творить ее. Как же должно творить? "**Пусть не знает**", говорит Он, "**левая рука твоя, что делает правая**" (Матф. 6:3). Здесь Он опять не руки разумеет, но усиливает Свою мысль: если возможно, говорит, и себя самого не знать, и если возможно скрыться от самых служащих тебе рук, то постарайся об этом. Поэтому, те недостаточно объясняют данные слова, которые думают, будто Спаситель повелевает в них скрываться от худых людей. Здесь Он повелел от всех скрываться. Обрати далее внимание, какая обещается награда. Упомянув о наказании, ожидающем лицемеров, Спаситель показывает и ту славу, которая ожидает раздающих милостыню втайне, чтобы и тем и другим возбудить Своих слушателей, и возвести их к высокому учению. Он внушает, что Бог везде присутствует, и что наши дела не ограничиваются настоящей жизнью, но что после этой жизни мы предстанем на страшное судилище, дадим отчет во всех делах своих и получим или почести, или наказания, и что тогда ни малое, ни великое дело не может скрыться, хотя бы оно во время настоящей жизни, по-видимому, и было скрыто от людей. На все это Спаситель сделал намек, когда сказал: "**Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно**" (Матф. 6:4). Воздаст, когда представит тебе великое и священное зрелище, когда то, чего теперь желаешь, даст тебе в великом обилии. Чего желаешь ты, говорит Он? Не того ли, чтобы иметь кого-нибудь зрителем дел твоих? Так вот тебе зритель - Сам Бог всяческих, а даже не ангелы, не архангелы. Если же ты желаешь иметь своими зрителями и людей, то Он в надлежащее время исполнит и это твое желание, и даже в величайшем избытке удовлетворит его. Если ты ныне захочешь показать себя, то можешь показаться только десяти, двадцати, или ста человекам; а если стараешься скрываться ныне, то тогда сам Бог возвестит о тебе перед всей вселенной. Итак, если ты особенно желаешь того, чтобы люди видели твои добродетели, то скрой их ныне, чтобы все с большей честью увидели их тогда, когда Бог сделает их явными, откроет и возвестит перед всеми. Видящие ныне обвинят тебя, пожалуй, и в тщеславии; а когда увидят тебя венчаемого, тогда не только не обвинят тебя, но и все удивятся тебе. Таким образом, если ты можешь получить от Бога величайшую награду и всех привести в удивление, для этого только потерпев малое время, то подумай, какое бы было безумие лишиться того и другого, и, прося у Бога награду за свои добрые дела, стараться показать их людям, тогда как на них взирает Сам Бог? Если уж нужно показывать себя, то, прежде всего, нужно показывать Отцу, а особенно - когда Отец властен и увенчать, и наказать. Даже, если бы Бог и не наказывал за тщеславие, то и тогда ищущему славы неприлично было бы менять Бога на людей, заставляя их смотреть на свои дела. Кто бы был так жалок, чтобы, пренебрегши царем, спешащим видеть его блистательные подвиги, захотел быть видимым одними только бедными и нищими? Потому-то Спаситель повелевает нам не только не выказывать самих себя, но и стараться скрывать себя от других; а не иметь желания выказывать себя, и иметь желание скрываться - не одно и то же. "**И когда**" молитесь, продолжает Спаситель, "**не будь, как**

лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне" (Матф. 6:5-6). Вот и здесь молящихся с тщеславием Он называет лицемерами. И весьма справедливо, - потому что они, притворяясь, будто молятся Богу, только смотрят на людей, и, таким образом, представляют из себя не молящихся, но людей смешных. Тот, кто желает молиться, оставив всех, взирает только на Того одного, Который силен исполнить его прошение. Если же, оставив Его, будешь блуждать по различным предметам и всюду обращать взоры свои, то отойдешь с пустыми руками, - потому что ты сам захотел этого. Потому Спаситель не сказал, что таковые не получат мзды, но что получат мзду свою, т. е. примут мзду, но только от тех, от кого желают сами. Не Бог хочет этого, - напротив, Он сам желал бы от Себя даровать награду, - а сами они, ища награды от людей, уже недостойны получить ее от Того, для Кого ничего не сделали. Смотри, какое человеколюбие Божье, когда Он обещается даровать награду даже и за те блага, о которых мы просим Его. Итак, Иисус, и в рассуждении места и в расположении обличив творящих молитвы неподобающим образом, и показав, до какой степени они смешны, предлагает лучший образ молитвы, говоря: "**войди в комнату твою**", и молящимся таким образом обещает награду.

3. Что ж, спросишь ты, неужели не должно молиться в церкви? И очень даже, но только смотря потому, с каким намерением. Бог везде смотрит на цель дел. Если и в клеть войдешь и затворишь за собой двери, а сделаешь это на показ, то и затворенные двери не принесут тебе никакой пользы. Смотри, и здесь какое точное определение употребил Спаситель, когда сказал: "**чтобы показаться перед людьми**"! Итак, хотя бы ты затворил двери, Он желает, чтобы ты, прежде чем затворить их, изгнал из себя тщеславие, и заключил двери сердца твоего. Быть свободным от тщеславия - дело всегда доброе, а особенно во время молитвы. Если и без этого порока мы всюду блуждаем и носимся своими мыслями во время молитвы, то когда приступим к молитве с болезнью тщеславия, тогда и сами не услышим молитв своих. Если же и мы не слышим молитв и прошений своих, то, как можем умолить Бога, чтобы Он услышал нас? И, однако, есть люди, которые, несмотря на все такие наставления, так худо себя ведут во время молитвы, что хотя самих их и не видно было бы, они своими непристойными воплями всем дают знать о себе и как видом своим, так и криком делают самих себя смешными. Не знаешь ли, что если кто и на торжище будет так делать и просить с воплем, то отгонит от себя того, кого просит, а когда спокойно и приличным образом станет просить, тогда скорее привлечет к себе могущего оказать ему милость? Итак, будем творить молитвы не с движениями тела и не с воплем гласа, но с благим и искренним расположением; не с шумом и гамом, не для показа, способного отогнать ближних, но со всей кротостью, сокрушением сердца и непритворными слезами. Но ты скорбишь душой и не можешь не вопиять? Напротив, сильно скорбящему и свойственно именно молиться и просить, таким образом, как я сказал. Так и Моисей, когда скорбел, молился таким образом, и был услышан, почему и сказал ему Бог: "**что вопиешь ко мне**" (Исх. 14:15)? Подобным образом и Анна, хотя голос ее не был слышан, получила все, что просила, потому что сердце ее вопияло (1 Цар. 1). А Авель не только молча, но и умирая, молился, и кровь его издавала глас громче трубы. Восстенай же и ты так, как этот святой: я не запрещаю. Раздери, как повелел пророк, сердце твое, а не одежды; из глубины призови Бога. "**Из глубины**", говорит Давид, "**взываю к Тебе, Господи**" (Пс. 129:1). Из глубины сердца твоего извлеки глас, сделай молитву твою тайной. Не видишь ли, что и в царских чертогах возбраняется всякий шум, и бывает повсюду великое молчание? Так и ты, как бы входя в царский дом, не земной, но более страшный - небесный, покажи великую благопристойность. Ты находишься в сонме ангелов и в обществе архангелов, и поешь с серафимами. А все эти

лики небесные сохраняют великое благочиние, и свое таинственное сладкопение и священные песни со многим страхом воспевают Царю всех Богу. Итак, соединись с ними во время молитвы, и поревнуй их таинственному благочинию. Ты ведь не людям молишься, но Богу вездесущему, слышащему тебя еще прежде твоего голоса, и знающему тайны сердечные. Если ты так станешь молиться, то великую получишь награду. "**Отец Твой**", говорит Спаситель, "**видя тайное, воздаст тебе явно**"; не сказал: дарует тебе, но – "**воздаст тебе**". Таким образом, Бог сделал Себя должником твоим, и тем самым опять почтил тебя великой честью. Так как Он невидим, то желает, чтобы такова была и молитва твоя. Далее Христос предлагает и самые слова молитвы. "**Молясь**", говорит Он, "**не говорите лишнего, как язычники**" творят (Матф. 6:7). Когда Христос говорил о милостыне, то устранял только вред, происходящий от тщеславия, а ничего более не предложил, например, не сказал, что милостыню должно творить от праведных трудов, а не из похищенного и собранного любостяжанием, потому что это было отлично известно всем, да и раньше Спаситель уже указал на это, когда именно ублажил алчущих правды. Говоря же о молитве, Он присовокупляет еще и то, чтобы не говорить лишнего. И как там Он осмеивает лицемеров, так здесь язычников, чтобы примером низких людей устыдить слушателя. Так как сравнение с отверженными людьми особенно опечаливает и уязвляет человека, то Спаситель этим и предостерегает своих слушателей от тщеславия и многоглаголания во время молитвы. А под многоглаголанием разумеем здесь пустословие, например, когда мы просим у Бога неприличного, как-то: власти, славы, победы над врагами, множества богатства, словом - совсем для нас бесполезного. "**Ибо знает Отец ваш**", говорит, "**в чем имеете нужду**" (Матф. 6:8.).

4. Кроме того, здесь, как мне кажется, Спаситель запрещает продолжительные молитвы; впрочем, продолжительные не по времени, но по множеству и продолжительности слов, так как с терпением должно ожидать того, чего просим: "**в молитве постоянны**", говорит апостол (Рим. 12:12). Притом и сам Спаситель притчей о вдовице, которая немилосердного и жестокого судью преклонила неотступностью просьбы, и притчей о друге безвременно ночью пришедшем и поднявшем с одра спящего, не по дружбе, но по неотступному прошению, не иное что заповедал, как то, что все непрестанно должны молиться Ему. Впрочем, Он повелел не воссылать к Нему молитвы, составленной из многочисленных стихов, а просто открывать Ему наши прошения. На это Он и указал в словах: "**ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду**" (Матф. 6:7-8). А если Он знает, - скажет кто-либо, - в чем мы имеем нужду, то для чего нужно молиться? Не для того, чтобы указать Ему твои нужды, но для того, чтобы преклонить Его; чтобы через непрестанное моление соединиться с Ним, чтобы смириться перед Ним, чтобы вспомнить грехи свои. "**Молитесь же так**", продолжал Спаситель: "**Отче наш, сущий на небесах**" (Матф. 6:9). Смотри, каким образом Он тотчас ободрил слушателя, и в самом начале вспомнил обо всех благодеяниях Божьих. В самом деле, тот, кто называет Бога Отцом, одним этим наименованием исповедует уже и прощение грехов, и освобождение от наказания, и оправдание, и освящение, и искупление, и сыноположение, и наследие, и братство с Единородным, и дарование Духа, так как не получивший всех этих благ не может назвать Бога Отцом. Итак, Христос двояким образом воодушевляет Своих слушателей, - и достоинством называемого, и величием благодеяний, которые они получили. Когда же говорит – "**на небесах**", то этим словом не заключает Бога на небе, но отвлекает молящегося от земли, и поставляет его в превыспренних странах и в горних жилищах. Далее, этими словами Он научает нас молиться и за всех братьев. Он не говорит: Отче мой, сущий на небесах, но – "**Отче наш**", и тем самым повелевает возносить молитвы за весь род человеческий, и никогда не иметь ввиду собственных выгод, но всегда стараться о выгодах ближнего. А таким образом и вражду уничтожает, и гордость низлагает, и зависть истребляет, и вводит любовь - мать всего доброго; уничтожает неравенство дел

человеческих и показывает полное равночестие между царем и бедным, так как в делах высочайших и необходимейших мы все имеем равное участие. Действительно, какой вред от низкого родства, когда по небесному родству мы все соединены, и никто ничего не имеет более другого: ни богатый более бедного, ни господин более раба, ни начальник более подчиненного, ни царь более воина, ни философ более варвара, ни мудрый более невежды? Бог, удостоивший всех одинаково называть Себя Отцом, через это всем даровал одно благородство. Итак, упомянув об этом благородстве, о высшем даре, о единстве чести и о любви между братьями, отвлекши слушателей от земли и поставив их на небесах, - посмотрим, о чем, наконец, повелевает Иисус молиться. Конечно, и наименование Бога Отцом заключает в Себе достаточное учение о всякой добродетели: кто Бога назвал Отцом, и Отцом общим, тот необходимо должен так жить, чтобы не оказаться недостойным этого благородства и показывать ревность, равную дару. Однако Спаситель этим наименованием не удовлетворился, но присовокупил и другие изречения. "**Да святится имя Твое**", говорит Он. Ничего не просить прежде славы Отца небесного, но все почитать ниже хвалы Его - вот молитва, достойная того, кто называет Бога Отцом! "**Да святится**" значит - да прославится. Бог имеет собственную славу, исполненную всякого величия и никогда неизменяемую. Но Спаситель повелевает молящемуся просить, чтобы Бог славился и нашей жизнью. Об этом Он и прежде сказал: "**да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Матф. 5:16). И серафимы, славя Бога, так взывают: "**свят, свят, свят**" (Иса. 6:10)! Итак, "**да святится**" значит - да прославится. Сподоби нас, - как бы так учит нас молиться Спаситель, так чисто жить, чтобы через нас все Тебя славили. Перед всеми являть жизнь неукоризненную, чтобы каждый из видящих ее возносил хвалу Владыке, - это есть признак совершенной мудрости. "**Да приидет царствие Твое**" (Матф. 6:10). И эти слова приличны доброму сыну, который не привязывается к видимому, и не почитает настоящих благ чем-либо великим, но стремится к Отцу и желает будущих благ. Такая молитва происходит от доброй совести и души, свободной от всего земного.

5. Этого и Павел желал каждодневно, почему и говорил: "**имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего**" (Римл. 13:23). Кто имеет такую любовь, тот не может ни возгордиться среди благ этой жизни, ни отчаяться среди горестей; но, как живущий на небе, свободен от той и другой крайности. "**да будет воля Твоя и на земле, как на небе**". Видишь ли прекрасную связь? Он прежде повелел желать будущего и стремиться к своему отечеству; но доколе этого не будет, живущие здесь должны стараться вести такую жизнь, какая свойственна небожителям. Должно желать, говорит Он, неба и небесного. Впрочем, и прежде достижения неба Он повелел нам землю сделать небом и, живя на ней, так вести себя во всем, как бы мы находились на небе, и об этом молить Господа. Действительно, к достижению совершенства горних сил нам нимало не препятствует то, что мы живем на земле. Но можно, и здесь обитая, все делать так, как бы мы жили на небе. Итак, смысл слов Спасителя таков: как на небе совершается все беспрепятственно и не бывает того, чтобы ангелы в одном повиновались, а в другом не повиновались, но во всем повинуются и покоряются (потому что сказано: "**крепкие силой, исполняющие слово Его**" [Псал. 102:20]), - так и нас, людей, сподоби не в половину творить волю Твою, но все исполнять, как Тебе угодно. Видишь ли? Христос научил и смиряться, когда показал, что добродетель зависит не от одной только нашей ревности, но и от благодати небесной, и вместе заповедал каждому из нас во время молитвы принимать на себя попечение и о вселенной, - Он не сказал: да будет воля Твоя во мне, или в нас, но на всей "**земле**", - т. е., чтобы истребилось всякое заблуждение и насаждена была истина, чтобы изгнана была всякая злоба и возвратилась добродетель и чтобы, таким образом, ничем не различалось небо от земли. Если так будет, говорит Он, то дольнее ничем не будет различаться от горнего, хотя по свойству они и различны; тогда земля покажет нам других ангелов. "**Хлеб наш насущный дай нам на сей день**" (Матф.

6:11). Что такое "**хлеб насущный**"? Повседневный. Так как Христос сказал: "**да будет воля Твоя и на земле, как на небе**", а беседовал Он с людьми, облеченными плотью, которые подлежат необходимым законам природы, и не могут иметь ангельского бесстрастия, то, хотя и повелевает нам так исполнять заповеди, как и ангелы исполняют их, однако снисходит к немощи природы, и как бы так говорит: Я требую от вас равноангельской строгости жизни, впрочем, не требуя бесстрастия, поскольку того не допускает природа ваша, которая имеет необходимую нужду в пище. Смотри, однако, как и в телесном много духовного! Спаситель повелел молиться не о богатстве, не об удовольствиях, не о многоценных одеждах, не о другом чем-либо подобном, но только о хлебе, и притом о хлебе повседневном, так чтобы нам не заботиться о завтрашнем, почему и присовокупил: "**хлеб насущный**", т. е. повседневный. Даже и этим словом не удовлетворился, но присовокупил вслед затем и другое: "**дай нам на сей день**", чтобы нам не сокрушать себя заботой о наступающем дне. В самом деле, если ты не знаешь, увидишь ли завтрашний день, то для чего беспокоишь себя заботой о нем? Это Спаситель заповедал и далее затем в Своей проповеди: "**не заботьтесь**", говорит, "**о завтрашнем дне**" (Матф. 6:34). Он хочет, чтобы мы всегда были препоясаны и окрылены верой, и не более уступали природе, чем, сколько требует от нас необходимая нужда. Далее, - так как случается грешить и после купели возрождения, то Спаситель, желая и в этом случае показать Свое великое человеколюбие, повелевает нам приступать к человеколюбивому Богу с молением об оставлении грехов наших, и так говорить: "**и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим**" (Матф. 6:12). Видишь ли бездну милосердия Божьего? После отъятия стольких зол, и после неизреченно великого дара оправдания, Он опять согрешающих удостаивает прощения. А что эта молитва принадлежит верным, - показывают как уставы Церкви, так и начало самой молитвы Господней. Непросвещенный верой не может Бога называть Отцом. Если же молитва Господня принадлежит верным, и если она повелевает им молиться об отпущении грехов, то явно, что и после крещения не уничтожается благодетельное употребление покаяния. Если бы Христос не хотел показать этого, то не заповедал бы и молиться таким образом. Когда же Он упоминает и о грехах, и повелевает просить их прощения, и научает, каким образом мы можем получить это прощение, и тем самым делает для нас легким путь к получению его, то, без сомнения, дал этот закон молитвы потому, что и сам совершенно знал, и нам желал внушить, что и после крещения можно омыть грехи. Напоминанием о грехах Он внушает нам смирение; повелением отпускать другим уничтожает в нас злопамятство; а обещанием за это и нам прощения утверждает в нас благие надежды и научает нас размышлять о неизреченном человеколюбии Божьем.

6. Особенно же достойно замечания то, что Он в каждом вышесказанном прошении упомянул обо всех добродетелях, а этим последним прошением еще объемлет и злопамятство. И то, что через нас святится имя Божье, есть несомненное доказательство совершенной жизни; и то, что совершается воля Его, показывает то же самое; и то, что мы называем Бога Отцом, есть признак непорочной жизни. Во всем этом уже заключается, что должно оставлять гнев на оскорбляющих нас; однако, Спаситель этим не удовлетворился, но, желая показать, какое Он имеет попечение об искоренении между нами злопамятства, особо говорит об этом, и после молитвы припоминает не другую какую заповедь, а заповедь о прощении, говоря: "**если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный**" (Матф. 6:14). Таким образом, это отпущение первоначально зависит от нас, и в нашей власти состоит суд, произносимый о нас. Чтобы никто из неразумных, будучи осуждаем за великое или малое преступление, не имел права жаловаться на суд, Спаситель тебя, самого виновного, делает судьей над самим Собой, и как бы так говорит: какой ты сам произнесешь суд о себе, такой же суд и Я произнесу о тебе; если простишь своему собрату, то и от Меня получишь то же благодеяние, - хотя это последнее на самом деле гораздо важнее первого. Ты

прощаешь другого потому, что сам имеешь нужду в прощении, а Бог прощает, сам ни в чем не имея нужды; ты прощаешь со-рабу, а Бог рабу; ты виновен в бесчисленных грехах, а Бог безгрешен. С другой стороны, Господь показывает Свое человеколюбие тем, что хотя бы Он мог и без твоего дела простить тебе все грехи, но Он хочет и в этом благодетельствовать тебе, во всем доставляет тебе случаи и побуждения к кротости и человеколюбию; гонит из тебя зверство, угашает в тебе гнев и всячески хочет соединить тебя с твоими членами. Что ты скажешь на это? То ли, что ты несправедливо потерпел какое-нибудь от ближнего зло? Если так, то, конечно, ближний согрешил против тебя; а если ты претерпел по правде, то это не составляет греха в нем. Но и ты приступаешь к Богу с намерением получить прощение в подобных, и даже гораздо больших, грехах. Притом еще прежде прощения мало ли получил ты, когда ты уже научен хранить в себе человеческую душу и наставлен кротости? Сверх того и великая награда предстоит тебе в будущем веке, потому что тогда не потребуется от тебя отчет ни в одном грехе твоем. Итак, какого будем достойны мы наказания, если и по получении таких прав оставим без внимания спасение наше? Будет ли Господь внимать нашим прошениям, когда мы сами не жалеем себя там, где все в нашей власти? "**И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь**" (Матф. 6:13). Здесь Спаситель явно показывает наше ничтожество и низлагает гордость, научая нас не отказываться от подвигов и произвольно не спешить к ним; таким образом, и для нас победа будет блистательнее, и для дьявола поражение чувствительнее. Как скоро мы вовлечены в борьбу, то должны стоять мужественно; а если нет вызова к ней, то должны спокойно ожидать времени подвигов, чтобы показать себя и не тщеславными, и мужественными. Лукавым же здесь называет Христос дьявола, повелевая нам вести против него непримиримую брань, и показывая, что он таков не по природе. Зло зависит не от природы, но от свободы. А что преимущественно дьявол называется лукавым, то это по чрезвычайному множеству зла, в нем находящегося, и потому что он, не будучи ничем обижен от нас, ведет против нас непримиримую брань. Потому Спаситель и не сказал: "**избави нас**" от лукавых, но: от "**лукавого**", и тем самым научает нас никогда не гневаться на ближних за те оскорбления, какие мы иногда терпим от них, но всю вражду свою обращать против дьявола, как виновника всех зол. Напоминанием о враге сделавши нас более осторожными и пресекая всякую беспечность нашу, Он воодушевляет нас далее, представляя нам того Царя, под властью Которого мы воинствуем, и показывая, что Он могущественнее всех. "**Ибо Твое есть**", говорит Спаситель, "**царство и сила и слава**". Итак, если Его царство, то не должно никого бояться, так как никто Ему не сопротивляется и никто не разделяет с Ним власти. Когда Спаситель сказал: "**Твое есть царство**", то показывает, что и тот враг наш подчинен Богу, хотя, по-видимому, еще и сопротивляется, по попущению Божьему. И он из числа рабов, хотя и осужденных и отверженных, а потому и не дерзнет нападать ни на одного из рабов, не получив прежде власть свыше. И что я говорю: ни на одного из рабов? Даже на свиней не дерзнул он напасть до тех пор, пока сам Спаситель не повелел, ни на стада овец и волов, доколе не получил власти свыше. "**И сила**", - говорит Христос. Итак, хотя бы ты и весьма был немощен, однако, должен дерзать, имея такого Царя, Который и через тебя легко может совершать все славные дела. "**И слава во веки. Аминь**".

7. Этот Царь не только освобождает тебя от угрожающего тебе зла, но еще может делать тебя и славным и знаменитым; как сила Его велика, так и слава Его неизреченна, - словом, все у Него беспредельно и бесконечно. Видишь ли, как Спаситель отовсюду укрепляет и ободряет подвижника? Потом, - как прежде сказал я, - Спаситель, желая показать, что Он более всего отвращается и ненавидит злопамятство, и что более всего Ему любезна добродетель, противоположная этому пороку, опять и после молитвы вспомнил об этой великой добродетели, и к повиновению заповеди о незлобии побуждает слушателя как предстоящим наказанием, так и определенной наградой. "**Если вы будете**", говорит Он,

"**прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам**" (Матф. 6:14-15). Здесь Христос опять упомянул о небесах и об Отце для того, чтобы этим упоминанием пристыдить слушателя, если бы, т. е., он, будучи сыном такого Отца, продолжал бы оставаться жестоким и, будучи призван к небу, имел бы какое-нибудь земное и житейское мудрование. Чтобы быть сыном Божьим, для того нужна не благодать только, но и дела. А ничто так не уподобляет нас Богу, как то, когда мы прощаем людей злых, которые обижают нас. Это и прежде показал Спаситель, когда говорил, что Отец небесный "**посылает лучи солнца Своего на злых и на благих**". Потому-то и в каждом изречении Он повелевает совершать общие молитвы, когда говорит: "**Отче наш! да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам; прости нам долги наши; не введи нас в искушение; избавь нас**". Так, повелевая нам произносить все прошения от лица многих, Он тем самым заповедует не иметь и следа гнева против ближнего. Итак, какого будут достойны наказания те, которые, не взирая на все это, не только сами не прощают, но и Бога просят об отмщении врагам и, таким образом, совершенно нарушают закон о незлобии, тогда как Бог все делает и устраивает для того, чтобы нам не враждовать между собой? Корень всякого добра есть любовь; потому-то Он и уничтожает все, что может вредить любви, и всеми способами старается соединить нас между собой. Подлинно, совершенно никто - ни отец, ни мать, ни друг, ни другой кто-либо не любит нас столько, сколько сотворивший нас Бог. И это особенно видно как из Его ежедневных благодеяний, так и из повелений. Если же ты мне укажешь на болезни, печали и прочие бедствия жизни, то подумай, сколько ты оскорбляешь Его каждый день, - и тогда не станешь дивиться, если тебя постигнут и еще большие бедствия; напротив, ты станешь дивиться и изумляться тогда, когда тебе случится наслаждаться каким-либо благом. Теперь мы смотрим только на постигающие нас несчастья, а об оскорблениях, которыми ежедневно оскорбляем Бога, не помышляем. Поэтому и скорбим. Между тем если бы мы тщательно размыслили о грехах, и в один только день учиненных нами, то ясно бы увидели, насколько тяжким повинны мы наказаниям. И не говоря о других грехах, каждым из нас прежде сделанных, скажу только о грехах, совершенных сегодня. Хотя мне и неизвестно, в чем каждый из нас согрешил, однако, грехов так много, что и, не зная всего совершенно можно указать на многие из них. Кто из вас, например, не ленился на молитве? Кто не гордился? Кто не тщеславился? Кто не сказал оскорбительного слова брату? Кто не допустил злого пожелания? Кто не посмотрел бесстыдными глазами? Кто не вспомнил о враге с возмущением духа, и сердца своего не наполнил надменностью? Если же находясь даже в Церкви и в краткое время мы сделались преступными в стольких грехах, то каковы будем, когда выйдем отсюда? Если в пристани такие волны, то когда войдем в пучину зол, т. е. выйдем на торжище, приступим к гражданским делам и домашним заботам, - тогда будем ли в силах даже и узнать самих себя? И, однако, Бог, желая, чтобы мы освободились от столь многих и великих грехов, предложил нам путь краткий, легкий и удобный. Какой, в самом деле, труд - простить оскорбившему? Не прощение, но хранение вражды составляет труд. Напротив, освободиться от гнева и весьма легко тому, кто захочет, и это же доставляет спокойствие.

8. Не нужно переплывать море, совершать дальнее путешествие, восходить на вершины гор, тратить деньги, удручать тело; довольно только пожелать - и все грехи прощены. Если же не только сам ты не прощаешь оскорбившего тебя, но и Бога умоляешь против него, то какую будешь иметь надежду спасения, коль скоро в то время, когда должен умилостивлять Бога, оскорбляешь Его, принимая на себя вид молящегося, а между тем испуская зверские крики и бросая против себя самого стрелы лукавого? Потому и Павел, упоминая о молитве, ничего так не требует, как сохранения заповеди о незлобии: "**воздевая**", говорит он, "**чистые руки без гнева и сомнения**" (1 Тим. 2:8). Если ты даже и в то время, когда имеешь нужду в помиловании, не оставляешь гнева, но глубоко

сохраняешь в своей памяти, зная притом, что через это ты вонзаешь меч в себя самого, то когда же сможешь сделаться человеколюбивым и извергнуть из себя пагубный яд злобы? Если ты еще не видишь, как тяжко и безрассудно молиться об отмщении врагам, то подумай об отношении к тому же людей, и тогда увидишь, как тяжко оскорбляешь ты Бога. Так, если бы к тебе, человеку, пришел кто-нибудь с просьбой о помиловании, потом увидел бы врага, и, перестав просить тебя, стал бить его, то ужели б ты еще более не разгневался? Знай, что то же и у Бога бывает. Ты обращаешься с прошением к Богу и, между тем, оставив молитву, начинаешь поносить врага своего и бесчестить заповеди Божьи, вызывая Бога, повелевшего оставлять всякий гнев, против оскорбивших тебя, и прося Его сделать противнее собственным Его велениям. Неужели тебе недостаточно для наказания, что ты преступаешь закон Бога? А ты еще и Его самого умоляешь сделать то же? Разве Он забыл, что повелел? Разве Он как человек сказал это? Он - Бог, Который все знает и желает, чтобы законы Его сохраняемы были во всей точности, и не только того, о чем просишь Его, не сделает, но и тебя за то самое, что ты так говоришь, отвращается, ненавидит и подвергнет жесточайшей казни. Как ты хочешь получить от Него то, от чего сам Он повелевает тебе всеми силами удерживаться? Но есть люди, которые дошли до такого безумия, что не только молятся против врагов, но и детей их проклинают, и самые тела их готовы бы пожрать, если бы возможно было, или даже и пожирают. Не говори мне, что ты не вонзил зубов в тело оскорбившего. Ты гораздо хуже сделал, когда со всей ревностью молил, чтобы гнев свыше пришел на него, и чтобы он предан был вечному наказанию и погиб со всем домом своим. Разве это не больнее всяких угрызений? Не язвительнее всяких стрел? Не тому научил тебя Христос; Он не велел так окровавливать уст. Таковые языки лютее уст, окровавленных терзанием человеческих тел. Как же ты станешь лобызать брата? Как коснешься жертвы? Как вкусишь кровь Господню, имея столько яда в сердце? Ведь когда ты говоришь: растерзай его, разрушь дом, истреби все, и желаешь ему бесчисленных погибелей, то ты ничем не отличаешься от человекоубийцы, или даже от зверя, пожирающего людей.

Итак, перестанем страдать таким безумием; будем оказывать оскорбившим нас благорасположение, которое заповедано нам Господом, чтобы сделаться нам подобными небесному Отцу нашему. А освободимся мы от этой болезни, если будем помнить о своих грехах, если строго будем исследовать все беззакония наши - и внутренние и внешние, и те, которые делаем на торжище, и те, которые совершаем в церкви. Ведь и за одно только непристойное поведение в этом месте мы можем оказаться достойными крайнего наказания. В самом деле, в то время как поют псалмы пророки, славословят апостолы, и сам Бог говорит, мы рассеиваемся по предметам внешним, производим шум разговорами о житейских делах, и для слушания законов Божьих не хотим уделить и такого внимания, какое оказывают зрители на зрелищах, когда читаются царские указы. Там, когда читаются эти указы, все стоят в безмолвии и со вниманием слушают слова - и консулы, и префекты, и сенат и народ; а если кто среди глубочайшего этого безмолвия вдруг закричит, то такой, как оскорбитель царского величия, подвергается тяжкому наказанию. А здесь, когда читаются писания небесные, отовсюду слышен шум, хотя Тот, чьи эти писания, гораздо выше царя земного, и зрелище - священнее. Не одни только люди находятся здесь, но и ангелы; притом и победные награды, возвещаемые в этих писаниях, гораздо превосходнее земных, почему не только человекам, но и ангелам и архангелам, словом всем, как небожителям, так и обитающим на земле, повелевается славословить общего Царя. "**Благословите**", говорит пророк, "**Господа все дела Его**" (Псал. 102:22). Подлинно, и дела Его не маловажны, но превосходят всякое слово, и ум, и мысль человеческую. Об этих делах Его всякий день проповедуют пророки, и каждый из них различно возвещает Его славу. Один говорит: "**восшел на высоту, пленил плен, принял дары для человеков**" (Псал. 67:19; Ефес. 4:8). "**Господь крепкий и сильный в брани**" (Псал. 23:8). Другой же говорит: "**с сильными будет делить добычу**" (Иса. 53:12). Для

того Он и пришел, чтобы пленным проповедовать свободу и слепым прозрение. Иной, воспевая победу над смертью, говорил: "**смерть, где твое жало**" (1 Кор. 15:55)? "**Ад, где твоя победа**" (Ос. 13:14)? Иной, опять, благовествуя глубочайший мир, говорил: "**перекуют мечи свои на орала, и копья свои - на серпы**" (Иса. 2:4; Иоил. 3:10). А иной взывает к Иерусалиму: "**ликуй от радости, дщерь Сиона, торжествуй, дщерь Иерусалима: се, Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной**" (Зах. 9:9). Иной и второе пришествие Его проповедует, говоря: "**придет в храм Свой Господь, Которого вы ищете, И кто выдержит день пришествия Его**" (Малах. 3:1-2)? "**Взыграете, как тельцы упитанные**" (Малах. 4:2). А другой в изумлении опять говорит: "**Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним**" (Варух. 3:36). При этих и других весьма многих вещаниях нам надлежало бы трепетать и быть как бы не на земле; а мы, как на торжище, производим шум и смятение и проводим все время священного собрания в разговорах о совершенно бесполезных для нас вещах. Итак, когда мы так небрежны, и в малом и великом, и в слушании и в деле, и вне церкви и в церкви, и сверх того еще молимся об отмщении врагам, то, как мы можем надеяться получить спасение, мы, которые к бесчисленным грехам нашим прилагаем еще новое равное всем им преступление, то есть, эту беззаконную молитву? Итак, нужно ли после того удивляться, когда случится с нами какое-либо неожиданное несчастье? Не должно ли, напротив, удивляться, если ничего подобного не случается с нами? Первое является естественным следствием наших дел, а последнее будет непонятным и неожиданным случаем. Подлинно, нельзя понять, как враги и оскорбители Божьи наслаждаются и сиянием солнца, и дождями, и всеми другими благодеяниями Божьими. Наслаждаются те люди, которые после духовной трапезы, после великих благодеяний, после бесчисленных наставлений, своей жестокостью превосходят зверей, восстают друг на друга, и окровавливают язык свой, угрызая ближних. Итак, приняв все это в соображение, выбросим из сердец яд, разрушим вражду, станем возносить приличные нам молитвы; вместо демонского зверства воспримем ангельскую кротость, и как бы тяжко мы ни были оскорблены, представим себе собственные наши согрешения, вспомним о награде, какая ожидает нас за соблюдение этой заповеди, и умягчим гнев, укротим волны, чтобы нам и настоящую жизнь пройти безмятежно, и по отшествии туда, найти для себя Господа таковым, каковыми мы были к собратьям своим. Если это тяжко и страшно, то постараемся сделать легким и вожделенным, отверзем для себя светлые двери дерзновения к Богу, и чего не могли совершать воздержанием от грехов, будем достигать кротостью к оскорбившим нас (это не тяжко и не трудно), и, благодетельствуя врагам своим, будем предуготовлять себе самим великую милость. Таким образом и в настоящей жизни все нас возлюбят, и прежде всех Бог нас возлюбит и увенчает, и удостоит всех будущих благ, которые получить да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 20

"Когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися" (Матф. 6:16).

1. При этих словах прилично нам тяжко восстенать, и горько восплакать. Мы не только подражаем лицемерам, но и превзошли их. Я знаю многих, которые не только, когда постятся, обнаруживают это перед людьми, но и совсем не постясь, принимают на себя лица постящихся и в извинение представляют нечто худшее самого греха. Я делаю это, говорят они, для того, чтобы мне не соблазнить других. Но что ты говоришь? Поститься тебе повелевает закон Божий; а ты ссылаешься на соблазн. И неужели думаешь, что, исполняя этот закон, ты соблазняешь, а, нарушая его, не делаешь соблазна? Что может

быть хуже такого извинения? Ты хочешь быть хуже лицемеров, вдвойне лицемеришь и вымышляешь крайнее нечестие. Неужели не приводит тебя в стыд выразительность изречения Спасителя? Он не сказал, что они только лицемерят, но, желая сильнее их обличить, сказал: "**принимают на себя мрачные лица**", т. е. портят, искажают их. Если же и для суетной славы казаться бледным значит портить лицо, то, что сказать о белилах и румянах, которыми женщины портят лица свои на пагубу сладострастным юношам? В первом случае делают вред только себе самим; а в последнем и себе и тем, которые смотрят на них. Бегите от той и другой язвы с возможным усилием. Спаситель заповедал нам не только не выставлять на вид добрых дел своих, но и тщательно укрывать их, - как Он и сам еще прежде наставления поступил. Касательно милостыни не просто сказал Он: "**не творите милостыни вашей перед людьми**", но присовокупил: "**чтобы они видели вас**" (Матф. 6:1). О посте же и молитве этого не сказал. Почему? Потому что подавать милостыню совершенно тайно невозможно; а молиться и поститься - можно. Итак, когда говорил: "**пусть левая рука твоя не знает, что делает правая**" (Матф. 6:3), то говорил не о руках, но о том, что должно тщательно от всех скрываться; на то же самое указывал Он, когда повелел входить в клеть, а не на то, что в ней непременно или преимущественно должно совершать молитву. Подобным образом и здесь, повелев помазывать голову, не заповедал, чтобы мы непременно намащивали себя; иначе мы все были бы преступниками данной заповеди, и прежде всех общества пустынников, которые, удаляясь в горы, преимущественно стараются соблюдать заповедь о посте. Итак, не это заповедал Спаситель. У древних был обычай помазывать себя во время радости и веселья, как это видно из примера Давида и Даниила. И Христос заповедует помазывать голову не с тем, чтобы мы непременно делали это, но чтобы тщательно старались скрывать пост - это стяжание свое. А чтобы ты уверился, что это точно так, Он заповедь Свою исполнил самым делом, когда, постясь сорок дней и постясь втайне, не помазывал головы и не умывал лица, но, не делая этого, все совершал без всякого тщеславия. То же самое Он и нам заповедует: упомянув о лицемерах и представив слушателям две заповеди, Он наименованием этим, т. е. наименованием лицемеров, указывает еще на нечто другое. Именно: Он отвращает от лукавого желания не только тем, что дело лицемера достойно осмеяния и крайне вредно, но и тем, что обман лицемера может скрываться только на некоторое время. В самом деле, лицедей только дотоле кажется блистательным, пока продолжается зрелище, да и то не для всех: большая часть зрителей знает, кто он таков и за кого выдает себя. Но, когда кончится зрелище, тогда для всех открывается он в том виде, каков есть. Такой же точно участи необходимо подвергаются и тщеславные. И если уже здесь на земле многим известно, что они не таковы, каковыми кажутся, но только надевают на себя личину, то тем более они изобличатся после, когда "**все будут наги и обнажены**". С другой стороны, Спаситель отклоняет Своих слушателей от подражания лицемерам и указанием на легкость предписываемой Им заповеди. Он не заповедует долгого поста, не предписывает много поститься, но только предостерегает, чтобы нам не лишиться венца за него. Итак, то, что есть тяжкого в посте, лежит и на нас, и на лицемерах: ведь и они постятся. А самое легкое дело, т. е. трудиться с тем, чтобы не потерять награды, составляет Мою заповедь, говорит Спаситель. Таким образом, Он нимало не увеличивает для нас трудов, но только ограждает безопасностью награды, не желая, чтобы мы отходили не увенчанными подобно лицемерам. Эти последние не хотят поступать так, как поступают подвизающиеся на Олимпийских состязаниях, которые в присутствии огромного собрания простого народа и знаменитых лиц стараются угодить только тому, кто увенчивает их за победу, хотя бы это был человек и низкого состояния. Ты имеешь сугубое побуждение подвизаться и побеждать перед очами Господа; Он будет и увенчивать тебя, и Он же несравненно выше всех, находящихся на позорище мира сего; между тем, ты объявляешь о своей победе другим, которые не только не могут принести тебе никакой пользы, но весьма много могут еще и вредить.

2. Впрочем, Я и этого не запрещаю, говорит Он. Если желаешь показаться людям, то подожди; Я и это тебе доставлю во всей полноте и с пользой для тебя. Теперь это желание твое отлучит тебя от славы Моей, так как пренебрежение всем этим сочетает со Мной, - но тогда со всей безопасностью насладишься всем. Даже и прежде того, еще здесь, ты получишь немаловажный плод, презирая человеческую славу: ты освободишься от тяжкого раболепства людям, сделаешься искренним другом добродетели; а если, наоборот, будешь любить людскую славу, то, хотя бы удалился и в пустыню, ты не приобретешь добродетели, потому именно, что не будешь иметь зрителей. Подумай: ты обижаешь и самую добродетель, когда исполняешь ее не для нее самой, но для какого-нибудь веревочника, кузнеца и толпы торгашей; хочешь, чтобы дивились тебе и люди худые, для которых добродетель - стороннее дело; созываешь и самых врагов добродетели, чтобы показать им ее как бы на зрелище. Это подобно тому, как если бы кто захотел вести целомудренную жизнь не по уважению к чистоте целомудрия, но чтобы выказать себя перед блудниками: точно так же и ты не избрал бы добродетели, если бы не имел желания прославиться перед врагами добродетели, - между тем как надлежало бы почтить ее и потому, что ее хвалят и враги ее. Так мы должны почитать ее не ради других, но ради нее самой. И мы сами ставим себе в обиду, когда нас любят не ради нас самих, но ради других. Точно так же рассуждай и о добродетели: не ради других люби ее, не для людей повинуйся Богу, но для Бога людям. Если же поступаешь иначе, то, хотя, по-видимому, и любишь добродетель, раздражаешь Бога наравне с тем, кто совсем не следует ей. Как этот последний не повинуется Богу, потому что не исполняет добродетели, так и ты преступаешь закон Божий, потому что беззаконно исполняешь ее. "**Не собирайте себе сокровищ на земле**" (Матф. 6:19). После того, как Спаситель излечил болезнь тщеславия, по естественному порядку, предлагает слово о нелюбостяжании. Подлинно, ничто столько не заставляет любить богатство, как тщеславие. И толпы служителей и евнухов, и золотом одетые лошади, и серебряные столы, и тому подобные весьма смешные вещи придуманы людьми не для того, чтобы удовлетворить нужде, или чтобы получить удовольствие, но для того, чтобы выказать себя перед другими. Итак, выше Иисус Христос говорил только о том, что должно быть милосердным; а здесь, словами: "**не собирайте сокровищ**", показывает и то, в какой степени должно быть милосердным. Так как корыстолюбие с чрезвычайной силой господствует над людьми, и потому предложить учение о презрении богатства нельзя было вдруг, с самого начала, - то Спаситель искореняет эту страсть мало-помалу, освобождает от нее постепенно, и, таким образом, делает учение о нелюбостяжании, наконец, удобоприемлемым для сердец Своих слушателей. Вот почему, прежде всего, Он говорил: "**блаженны милостивые**" (Матф. 5:7); потом: "**мирись с соперником твоим**" (Матф. 5:25); затем: "**кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду**" (Матф. 5:40); а здесь требует гораздо большего. Там сказал: если видишь угрожающую тебе ссору, то поступи так, потому что лучше ничего не иметь и быть дальше от ссоры, нежели иметь что-либо и вести вражду; а здесь, не упомянув ни об истце, ни об ответчике, ни о другом ком-либо, поучает просто презрению имущества, независимо от чего бы то ни было. Он дает эту заповедь не столько для получающего, сколько для подающего милостыню, чтобы, то есть, и тогда, как никто нас не обижает и не влечет в судилище, мы презирали богатство и раздавали его бедным. Впрочем, и в настоящем случае Он еще не все открыл. Хотя в пустыне Он и показал чрезвычайные подвиги для добродетели нелюбостяжания, однако, не поставляет их на вид, так как еще не время было открыть это. Теперь Он хочет разобрать только (обыкновенные) помышления человеческие, и предлагает Свои слова более в качестве советующего, нежели законодателя. "**Не собирайте себе сокровищ на земле**", говорит и присовокупляет: "**где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут**". Таким образом, Он как самым местом, так и свойством предметов доказывает вред земных сокровищ и достоинство небесных. И здесь не останавливается, но представляет и другое соображение. Во-первых, Он побуждает слушателей к добродетели тем самым,

чего они больше всего страшатся. Чего страшишься ты, говорит Он? Ужели истощится твое богатство, если ты подашь милостыню? Нет: подавай милостыню - и тогда оно не истощится; и что удивительнее, оно не только тогда не истощится, но еще получит большое приращение, потому что к нему присовокупятся и блага небесные. Он здесь прямо еще не говорит об этом, но в дальнейшей речи утверждает это.

3. Теперь, предлагая то, что особенно могло убедить слушателей Его, т. е., что сокровище пребудет у них неистощимым, Он и с другой стороны склоняет их к милосердию; не говорит, что если подашь милостыню, то сокровище сохранится, но угрожает противным случаем, т. е., что если не подашь, то оно погибнет. Подивись неизреченной мудрости! Не сказал, что другим его по себе оставишь, что нередко бывает приятно людям; но, к их ужасу, показывает, что они и этого не в силах сделать, потому что, хотя бы люди богатству и не причинили ущерба, но всегда будут вредить моль и ржа. Хотя, казалось бы, и легко совладеть с этим вредом, но на самом деле трудно преодолеть или предотвратить его. Что бы ты не придумал, не можешь предотвратить этого вреда, Почему же? Неужели золото истребляется молью? - Если молью не истребляется, то воры крадут. - Но неужели всех обкрадывают? - Если и не всех, - по крайней мере, очень многих. Ввиду этого Спаситель рассматривает богатство и с другой стороны, как я выше упомянул: "**где сокровище**" человека, говорит Он, "**там и сердце**" его (Матф. 6:21). То есть, хотя и ничего подобного не случится, но немалый для тебя вред будет заключаться в том, что ты будешь прилеплен к земному, будешь рабом вместо свободного, отпадешь от небесного, не в состоянии будешь помыслить о горнем, а только о деньгах, о процентах, о долгах, о прибытках и гнусных корчемствах. Что может быть бедственнее этого? Такой человек впадает в рабство, более тяжкое, чем рабство всякого раба, и, что всего гибельнее, произвольно отвергает благородство и свободу, свойственные человеку. Сколько ни беседуй с тобой, имея ум, пригвожденный к богатству, ты не можешь услышать ничего полезного для себя. Но как пес в логовище, прикованный к заботам о деньгах крепче цепи, бросаешься ты на всех приходящих к тебе, - занимаешься только тем, чтобы для других сохранить лежащее у тебя сокровище. Что может быть бедственнее этого? Но так как мысль эта превышала понятие слушателей, и как вред, так и польза, проистекающие от богатства, для многих не были очевидны, и, чтобы понять это, нужен был ум довольно проницательный, то Спаситель, после предварительного объяснения, и сказал: "**где сокровище**" человека, "**там и сердце**" его. Поясняя то же самое далее, Он обращает речь от умственных предметов к чувственным, именно говорит: "**светильник для тела есть око**" (Матф. 6:22). Смысл слов Его таков: не закапывай в землю ни золота, ни чего-либо другого тому подобного, потому что сокровище ты собираешь для червя, тли и для воров. Хотя ты и сбережешь его от этих истребителей, но не сохранишь своего сердца от порабощения и прилепления ко всему земному, - потому что где будет сокровище твое, там будет и сердце твое. Напротив, если будет твое сокровище на небе, то не только имеешь ту выгоду, что сподобишься за это небесных почестей, но еще и здесь получишь награду, возносясь на небо, помышляя и заботясь о небесном, так как очевидно, что ты туда же перенесешь и ум свой, куда положишь свое сокровище; наоборот, когда ты положишь свое сокровище на земле, то будешь испытывать совершенно противное. Если же сказанное кажется тебе неясным, то выслушай следующее: "**светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма**" (Матф. 6:22-23). Таким образом, Спаситель обращает Свое слово к наглядным примерам. Так как Он упомянул о порабощении и пленении ума, а это для многих было неудобопонятно, то Он Свое учение прилагает к предметам внешним и перед очами находящимся, чтобы по ним могли уразуметь и то, чему подвергается ум. Как бы так говорил Спаситель: если не знаешь, что значит повреждение, случающееся с умом, то научись этому из рассмотрения вещей телесных. Что значит глаз для тела, то самое и

ум для души. Конечно, ты никогда бы не захотел носить золота, облекаться в шелковые одежды и, вместе, быть слепым, - но здравие очей предпочел бы всей такой пышности. Ведь если лишишься зрения, то никакой не будет для тебя приятности в жизни. Но как при слепоте очей и прочие члены, не пользуясь более светом, очень ослабевают в своей деятельности, так равно и по растлении ума жизнь твоя исполнится бесчисленных зол). Поэтому, как касательно тела мы наиболее заботимся о том, чтобы иметь здоровое зрение, так и касательно души преимущественно должны заботиться о здравии ума. Если ослепим ум, долженствующий доставлять свет и прочим способностям, то чем смотреть будем? Загради источник - иссушишь и реку; подобным образом кто помрачает ум, тот приводит в беспорядок все действия его в настоящей жизни. Потому Спаситель и говорит: "**если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма**". Когда кормчий сделается добычей волн, когда светильник угаснет, когда вождь будет пленен, тогда какая уже надежда останется для подчиненных?

4. Потому теперь уже не упоминая о наветах, ссорах и тяжбах, возникающих из-за богатства (на них Он указал выше, когда сказал: "**чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге**" - [Матф. 5:25]), поставляет здесь на вид неизбежное и более тяжелое, отклоняя, таким образом, от злой страсти корыстолюбия. Поработить ум этой болезни - гораздо тяжелее, нежели быть ввергнутым в темницу. Притом последнее не всегда случается, а то непременно следует за привязанностью к богатству. Потому-то Христос уже после того зла упомянул об этом зле, как тягчайшем и непременно случающемся. Бог, говорит Он, даровал нам ум для того, чтобы мы рассеивали мрак неведения, имели правильное понятие о вещах и, пользуясь им, как орудием и светом против всего скорбного и вредного, пребывали в безопасности. А мы этот драгоценный дар промениваем на лишние и бесполезные вещи. Что пользы в воине, украшенном золотом, когда военачальник пленен? Какая выгода в украшенном корабле, когда кормчий сделается добычей волн? Что пользы в стройном теле, когда глаза будут лишены зрения? Если бы кто врача, который должен быть здоровым, чтобы лечить болезни других, повергнув в болезнь, положил в позолоченной храмине на серебряную кровать, то из этого какая польза вышла бы для больных? Так и ты, если повредишь ум, могущий обуздывать страсти, и привяжешь его к сокровищу, то не только не получишь никакой пользы, но, напротив, много потеряешь, и нанесешь своей душе великий вред. Видишь ли, как Спаситель тем самым, чем люди больше всего побуждаются к пороку, отвлекает их от последнего, и приводит к добродетели? Для чего желаешь богатства, говорит Он? Не для того ли, чтобы веселиться и роскошествовать? Но этого-то ты и не получишь, а встретишь совсем противное. Если, лишенные глаз, мы по причине этого несчастья не наслаждаемся никакими удовольствиями, то тем более должны ощущать то же по развращении и ослеплении ума. Для чего ты закапываешь в землю свои сокровища? Для того ли, чтоб безопаснее сохранить их? Но и здесь испытаешь совершенно противное. Таким образом, как постящегося, подающего милостыню и молящегося из одного тщеславия, Он тем самым удержал от тщеславия, чем особенно они побуждаются к этому пороку (для чего ты так молишься и подаешь милостыню, говорит Он? Не для того ли, чтобы получить от людей славу? Но не молись с таким намерением - и тогда получишь ее в последний день, - так точно и сребролюбца Он отвлекает от привязанности к богатству тем самым, о чем он преимущественно заботится. Чего желаешь ты, говорит Он? Того ли, чтоб сохранить свое богатство и наслаждаться удовольствиями? Все это доставлю тебе с великим избытком, если положишь золото там, где Я тебе повелеваю. Хотя повреждение ума, происходящее от пристрастия к богатству, Спаситель яснейшим образом раскрыл уже впоследствии, именно тогда, когда упомянул о тернии, тем не менее, и здесь достаточно указал на него, когда объятого безумной страстью корыстолюбия назвал помраченным. И как находящиеся во тьме ничего не могут ясно разобрать, и когда увидят веревку, думают, что это змея, а когда увидят горы и дебри, умирают от страха, так и корыстолюбцы по своей

подозрительности страшатся того, что для других кажется не страшным. Они страшатся бедности, или справедливее, страшатся не только бедности, но и всякого маловажного убытка. Если потерпят какой-либо малый ущерб, то печалятся и сокрушаются гораздо более, нежели те, которые не имеют даже необходимой пищи. Многие из богачей, не снеся такого несчастья, даже удавились. Равным образом, обиды и насилия для них кажутся столь несносными, что и от них многие лишили себя жизни. Богатство, кроме служения себе самому, делает их ко всему прочему неспособными. Когда оно заставляет их служить себе, тогда они решаются и на смерть, и на раны, и на всякое постыдное дело. Это составляет самое крайнее несчастье. Где надобно иметь терпение, там они слабее всех. А где бы надлежало им быть осторожными, там они бывают чрезвычайно бесстыдны и наглы. Подлинно, с ними происходит то же самое, что и с тем, кто все свое имущество расточит на ненужные вещи. Таковой, неблагоразумно расточивши все свои стяжания, когда настает время для нужных издержек, ничего не имея, претерпевает тягчайшие бедствия.

5. Подобно тому, как актеры, изучив свои предосудительные искусства, когда показывают их, переносят много страшного и опасного, а в других, полезных и необходимых, делах оказываются всех смешнее, так точно и корыстолюбцы. Как те, ходя по протянутой веревке, показывают на ней большое присутствие духа, а когда какое-нибудь важное дело потребует от них отваги и мужества, то и придумать не могут, как на то решиться, так точно и богатые для денег на все решаются, а для любомудрия не могут отважиться решительно ни на что. И как те занимаются и опасным, и бесполезным делом, так и эти переносят множество опасностей и трудностей, но ничего полезного, в конце концов, не достигают и покрываются сугубой тьмой: и от развращения ума своего слепнут, и от несбыточности своих предприятий помрачаются великой тьмой, почему и не могут смотреть свободно. Находящийся только во мраке при появлении солнца освобождается от тьмы; лишенный же зрения даже и при появлении солнца не видит. То же самое претерпевают и богатые. Даже и тогда, когда Солнце правды сияет и наставляет их, они не чувствуют, потому что богатство ослепило их очи, - почему и страждут сугубой слепотой: и сами от себя, и от того, что не внимают Учителю. Итак, будем тщательно внимать Ему, чтобы, хотя и поздно, прозреть. А как можно прозреть? Ты прозришь, если познаешь, как ты стал слеп. Как ты стал слеп? От злого вожделения. Страсть к деньгам, подобно вредоносной мокроте, покрыв чистый зрачок глаза, навлекла на тебя густое облако. Но это облако можно удобно и разогнать и рассеять, если примем луч Христова учения, если будем внимать Его наставлению и словам: "**не собирайте себе сокровищ на земле**". Что мне пользы от слушания, скажешь ты, когда вожделение держит меня? Но непрестанным слушанием, наконец, может быть истреблено и самое вожделение. Если же будешь еще одержим им, то представь, что вожделение не вожделенно. В самом деле, какое тут вожделение, когда ты подвержен жесточайшему рабству и мучительству, отовсюду связан, пребываешь во тьме, исполнен всякого смятения, переносить бесполезные труды, бережешь богатства для других, а часто и для врагов? Вожделенно ли это насколько-нибудь? Не следует ли, наоборот, убегать и удаляться от этого? Что за вожделение полагать свое сокровище среди татей? Если ты непременно желаешь богатства, то перенеси его туда, где оно может оставаться в безопасности и целости. А как ты теперь поступаешь, - поступать так свойственно не богатства желающему, но рабства, напасти, убытка и непрестанной скорби. Если бы какой-нибудь человек указал тебе на земле безопасное место для сохранения твоего богатства, то, хотя бы он завел тебя и в самую пустыню, ты не поленился бы и не замедлил, но с полной доверенностью положил бы там свое имущество. Когда же вместо людей это обещает тебе Бог, и предлагает не пустыню, а небо, ты принимаешь совсем противное. И это не смотря на то, что, хотя бы и совершенно было в безопасности здесь твое имение, ты никогда не можешь быть свободен от беспокойства. Пусть ты его не потеряешь, но беспокоиться о нем никогда не перестанешь.

Напротив, полагая сокровище на небе, ты не испытаешь ничего такого; и, что всего важнее, тогда ты не закапываешь, а насаждаешь свое золото. Тогда оно вместе бывает тебе и сокровищем и семенем, или и того и другого лучше. Семя не остается навсегда, а то всегда пребывает. Опять, здешнее сокровище не прозябает, а то приносит тебе нетленные плоды. Если же ты будешь ссылаться на продолжительность времени и отдаленность воздаяния, то и я могу тебе показать, сколько и здесь ты получишь пользы; а сверх того, и самыми житейскими обстоятельствами постараюсь тебя убедить, что ты напрасно представляешь такие отговорки.

6. Ты и в настоящей жизни заготовляешь много такого, чем сам никогда не думаешь пользоваться; и если кто тебя в этом будет обвинять, ты, указывая на детей и внуков, думаешь найти достаточное утешение в излишних трудах своих. Когда ты, находясь в самой глубокой старости, строишь великолепные дома, прежде окончания которых ты, может быть, умрешь; когда насаждаешь деревья, которые принесут плод спустя много лет, (когда насаждаешь в поле даже такие деревья, от которых произойдет плод разве лет через сто); когда покупаешь имения и наследства, которыми будешь владеть спустя много времени; когда ты заботишься о многом таком, чем никогда не будешь пользоваться, - то все это для себя ли ты делаешь, или для потомков? Итак, не есть ли это признак крайнего безумия, когда ты касательно земных благ не смущаешься продолжительностью времени и даже, по причине этой продолжительности, подвергаешься опасности лишиться всей награды за труды; а касательно небесных благ унываешь по причине замедления, тогда как это замедление приносит тебе больше пользы, и не другим доставляет ожидаемые тобой блага, но все дары сохраняет для тебя? Да притом эта медленность и не продолжительна, - дело наше при вратах судилища; мы не знаем, - может быть, уже в наше время все окончится, и наступит этот страшный день, и Его грозное и нелицеприятное судилище. В самом деле, очень многие знамения уже совершались: и Евангелие проповедано по всей вселенной, и брани и землетрясения и голод сбылись, и не велик остающийся промежуток. Но ты не видишь знамений? Вот это самое есть величайшее знамение. Так и бывшие во времена Ноя не видели начала всегубительства, - и страшное наказание постигло их, в то время как они играли, ели, женились и делали все обычное. Подобным образом жители Содома среди увеселений нимало не предугадывая, что с ними имело случиться, пожраны ниспадшим пламенем. Итак, все это представляя, постараемся приготовить самих себя к отшествию отсюда. Пусть день всеобщей кончины еще не настал; но конец каждого, и старца и юноши, уже находится при дверях. И уже нельзя отсюда отошедшим купить елея, или получить прощение, хотя бы Авраам молился, хотя бы Ной, хотя бы Иов, хотя бы Даниил. Итак, пока имеем время предуготовить себе дерзновение перед Богом, запасем елея в изобилии, перенесем все на небо, чтобы нам в свое время, и когда особенно будем иметь нужду, всем этим насладиться, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 21

"Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть" (Матф. 6:24).

1. Видишь ли, как Христос мало-помалу удаляет пристрастие к настоящим благам, и, предлагая обширное слово о презрении богатств, ниспровергает владычество сребролюбия? Он не удовлетворился тем, что сказал прежде, хотя говорил много и сильно; но присоединяет и другие побуждения, более грозные. Что может быть поразительнее теперь произнесенных слов, если богатство, в самом деле, может отлучить нас от служения Христу? И что вместе вожделеннее, если, презирая богатство, можем

иметь истинное расположение и любовь к Христу? Что всегда говорил, то и ныне скажу: именно, подобно искусному врачу, показывающему, что от невнимания его советам происходит болезнь, а от повиновения здравие, Христос тем и другим, т. е., пользой и вредом, побуждает слушателей к повиновению словам Своим. Итак, смотри, как Христос, уничтожая препятствие, указывает и устраивает нашу пользу. Не потому только, говорит Он, вредно для вас богатство, что оно вооружает против вас разбойников и совершенно помрачает ум ваш; но преимущественно потому, что оно, делая вас пленниками бездушного богатства, удаляет вас от служения Богу, и, таким образом, вредит вам и тем, что делает вас рабами вещей, над которыми вы должны господствовать, и тем, что не позволяет служить Богу, которому всего более вы должны служить. Как прежде показал Он двоякий вред для собирающих богатство на земле - и тот, что собирают богатство там, где тля тлит, и тот, что не собирают его там, где стража самая безопасная, так и теперь показывает двоякий вред - и тот, что богатство удаляет нас от Бога, и тот, что оно порабощает маммоне. Впрочем, не тотчас выставляет это на вид, но наперед высказывает общие мысли, говоря таким образом: "**никто не может служить двум господам**". Здесь под двумя господами разумеет Он господ, приказывающих совсем противное один другому: иначе они не были бы и двоими. Ведь у множества веровавших "**было одно сердце и одна душа**" (Деян. 4:32). Хотя верные были разделены телом, но помыслом были одно. Потом, усиливая сказанное, Спаситель говорит: тот не только служить не будет, но еще возненавидит и отвратится. "**Или одного будет ненавидеть**", говорит Он, "**а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть**". В двух этих изречениях Спаситель, кажется, выражает одну и ту же мысль; но не без причины говорит Он так, а с тем намерением, чтобы показать, как удобно перемениться на лучшее. Чтобы ты не говорил: я однажды и навсегда порабощен богатством, угнетен им, Он показывает, что возможно и перемениться, возможно перейти как на ту, так и на другую сторону. Итак, высказав общую мысль, чтобы заставить самого слушателя быть беспристрастным судьей слов Его и произнести суд на основании самого дела, Христос как скоро увидел, что слушатель соглашается с Его словами, тотчас открывает Свою мысль: "**не можете**", говорит, "**служить Богу и маммоне**". Помыслим и ужаснемся, что заставили мы сказать Христа, - сравнить богатство с Богом! Если же и представить это ужасно, то не гораздо ли ужаснее на самом деле работать богатству, и его самовластное владычество предпочитать страху Божьему? Итак, что же - скажет кто-нибудь - ужели не могло быть этого у древних? Нисколько. Как же Авраам и Иов угодили Богу, спросишь ты? Не о богатых упоминай мне, но о тех, которые раболепствовали богатству. Иов был богат, но не служил маммоне; имел богатство и обладал им, был господином его, а не рабом. Он пользовался им как управитель чужого имения, не только не похищая чужого, но и собственное отдавая неимущим; и что всего более, он не услаждался тем, что имел у себя, как сам свидетельствовал об этом, говоря: "**радовался ли я, что богатство мое было велико**" (Иов. 31:25)? Потому-то, и когда лишился богатства, не скорбел. Но ныне не таковы богатые; они, будучи несчастнее всякого пленника, платят дань маммоне, как некоему жестокому тирану. Любовь к богатству, овладев их сердцем, как бы некоторой крепостью, непрестанно дает им оттуда свои повеления, дышащие беззаконием, и ни один из них не противится этим повелениям. Итак, не мудрствуй излишне! Бог однажды и навсегда сказал, что служение Богу и маммоне не может быть соединено вместе. А потому ты не говори, что может быть соединено. Когда маммона велит похищать чужое, а Бог повелевает отдавать и собственное имущество; когда Бог повелевает вести жизнь целомудренную, а маммона - жить блудно; когда маммона повелевает упиваться и пресыщаться, а Бог, напротив, - обуздывать чрево; когда Бог повелевает презирать настоящие мирские блага, а маммона - прилепляться к ним; когда маммона заставляет удивляться мраморам, стенам и крышам, а Бог - все это презирать и почитать истинную мудрость: как же ты говоришь, что служение Богу и маммоне может быть соединено вместе?

2. Далее, Христос назвал маммону госпожой, не потому, чтобы маммона по свойству своему была госпожой, но по причине жалкого состояния тех, кто раболепствует ей. Равным образом, и чрево называется богом не по достоинству, но по причине бедственного положения служащих ему, - что хуже всякого наказания и прежде муки может мучить плененного. В самом деле, каких осужденных не будут несчастнее те, которые, имея Господом Бога, свергают с себя Его кроткую власть, и добровольно покоряются жесточайшему мучительству, не смотря даже на то, что отсюда и в настоящей жизни происходит величайший вред? Отсюда вред несказанный, отсюда ссоры, обиды, распри, труды, слепота душевная; и, что всего несноснее, служение маммоне совершенно лишает небесных благ. Спаситель, доказав выше, что презрение богатств имеет свои выгоды, и именно, сохраняет самые богатства и доставляет душевную радость, способствует приобретению любомудрия и ограждает благочестие, - теперь доказывает, что заповедь Его и исполнить можно. Дело лучшего законодательства не в том только состоит, чтобы предписывать полезное, но особенно в том, чтобы сделать его удобоисполнимым. Поэтому Спаситель и присовокупляет: "**не заботьтесь для души вашей, что вам есть**" (Матф. 6:25). Но, может быть, сказали бы: что же, неужели все бросать? Тогда как же будем жить? На эти возражения Спаситель отвечает заранее. Если бы Он с самого начала сказал: "**не заботьтесь**", то Его заповедь показалась бы тяжкой; но как скоро Он показал вред от сребролюбия, то тем самым уже сделал настоящее увещание Свое удобоприемлемым. Потому теперь не просто сказал: "**не заботьтесь**", но присоединил к заповеди и причину. После того, как сказал: "**не можете служить Богу и маммоне**", - говорит: "**посему говорю вам: не заботьтесь**", - т. е. по причине великого вреда. Не только попечение о снискании богатства для вас вредно, но даже вредна излишняя заботливость о самонужнейших вещах, поскольку ею подрывается ваше спасение; она удаляет вас от сотворившего, промышляющего и любящего вас Бога. "**Посему говорю вам: не заботьтесь**"! Показав величайший вред от пристрастия к богатству, Христос простирает далее Свое повеление. Он не только повелевает презирать богатство, но запрещает печься и о нужной пище, говоря: "**не заботьтесь для души вашей, что вам есть**". Христос не потому сказал так, будто душа имеет нужду в пище, - она бестелесна, - а применительно к обычному способу выражения у людей. Ведь, хотя душа и не имеет нужды в пище, но не может пребывать в теле, если оно не питается. И это наставление Христос не оставляет так, а опять приводит и здесь[1] доказательства, заимствуя их из нашей природы и из других примеров. Из нашей природы: "**душа не больше ли пищи, и тело одежды**"? Т. е. Тот, Кто дал большее, не даст ли и меньшее? Тот, Кто образовал плоть, имеющую нужду в пище, не даст ли ей пищи? Потому не просто сказал: "**не заботьтесь, что есть и во что одеться**", но присоединил: "**телом и душой**", - так как отсюда хотел заимствовать Свои доказательства через сравнение. Далее, Бог однажды даровал душу, и она пребывает всегда одинаковой, а тело возрастает каждодневно. Это-то самое желая показать, т. е. бессмертие души и тленность тела, Спаситель присовокупил далее: "**кто из вас может прибавить себе росту хотя бы на один локоть**" (Матф. 6:27)? Умолчав о душе, как не получающей приращения, Он сказал только о теле, показывая тем, что и тело взращивает не пища, но Божий промысел. Павел, объясняя это другими словами, сказал: "**и насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог взращивающий**" (1 Кор. 3:7). Вот как Спаситель убеждал доказательствами, заимствованными из нашей природы! Другими же примерами Он так поучал: "**взгляните на птиц небесных**" (Матф. 6:26). Чтобы не сказал кто-либо, что заботы нам необходимы, Он отклоняет от этого сравнениями - как говорят - и от большего, и от меньшего, от большего - примером души и тела, от меньшего - примером птиц. То есть: если Бог так печется о самых низших тварях, то ужели вам не даст того, в чем вы имеете нужду? Так Он говорит к простому народу, но дьяволу не так отвечал. Как же? "**Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божьих**" (Матф. 4:4). Здесь говорит Он о птицах, и очень убедительно; пример их имеет великую силу. Впрочем,

некоторые нечестивцы дошли до такого безумия, что порицают и этот пример. Кто хочет действовать на свободную волю, говорят они, не должен для этого заимствовать примеры из природы физической, потому что здесь действует необходимость.

3. Что же нам сказать на это? Хотя здесь, точно, действует необходимость, но мы можем то же делать и по своей воле. Спаситель не сказал: смотрите на птиц - они летают; это человеку невозможно; но сказал: смотрите - они питаются без заботы. А это и нам, если захотим, легко исполнить. И это доказали те, которые самым делом то исполнили. Потому-то особенно и должно удивляться благоразумию Законодателя, что Он, хотя и мог представить в пример людей и указать на Илию, Моисея, Иоанна и других подобных, не заботившихся о пище, но чтобы сильнее поразить слушателей, упомянул о бессловесных. Если бы Он указал на тех праведников, то слушатели могли бы сказать Ему, что мы еще не сделались подобными им. А теперь, умолчав о них и приведши в пример птиц небесных, пресек всякий повод к извинению, подражая и в этом случае древнему закону. И ветхий завет посылает то к пчеле, то к муравью, то к горлице, то к ласточке. Немалую честь приносит нам, когда мы силой воли совершаем то, что они имеют от природы. Итак, если Бог имеет такое попечение о вещах сотворенных для нас, то тем более о нас; если печется о рабах, то тем более о господине. Вот почему Спаситель сказал: "**взгляните на птиц**"; и не прибавил, что они ни корчемствуют, ни торгуют (так как это относилось у иудеев к делам презренным), а прибавил: "**не сеют, ни жнут**". Итак, неужели не должно сеять, скажет кто-либо? Нет, Он не сказал, что не должно сеять, но что не должно заботиться; и не сказал, что не должно работать, но что не должно быть малодушным, и изнурять себя заботами. Он велел и кормиться, но не заботиться о пище. На эту мысль намекает и Давид, когда говорит: "**открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее по благоволению**" (Псал. 144:16); и в другом месте: "**дает скоту пищу его и птенцам ворона, взывающим к Нему**" (Псал. 146:9). Кто же, скажешь ты, не заботился? Неужели не слышал ты, скольких многих праведников я представил тебе в пример? Не видишь ли между ними и Иакова, который вышел из отеческого дома без всего? Не слышишь ли его молитвы? "**Даст мне хлеб есть и одежду одеться**" (Быт. 28:20), говорил он. Это означало, что он ни о чем не заботился, но просил всего от Бога. То же исполнили и апостолы, которые, отвергнув все, ни о чем не заботились; то же самое показали и те пять тысяч, и три тысячи уверовавших. Если же, слыша такие слова, не хочешь освободиться от тяжких житейских уз, то, по крайней мере, помыслив о бесполезности своей заботы, оставь ее. "**Кто из вас**", сказал Спаситель, "**заботясь, может прибавить себе росту хотя бы на один локоть**" (Матф. 6:27)? Смотри, как Он, представив уже очевидный пример, сделал ясным то, что могло показаться тебе непонятным. Как телу, говорит Он, при всем попечении твоем, нисколько не можешь прибавить роста, так точно не можешь снискать пищи, хотя считаешь это возможным. Из этого ясно, что не наше старание, но Божий промысел приводит все то в исполнение, что, по-видимому, совершаем мы сами, так что если Бог оставит нас, то ни попечение, ни заботливость, ни труд, словом - ничто не поможет нам, но все будет тщетно.

4 . Итак, не будем думать, что заповедей (Божьих) невозможно исполнить; и ныне многие исполняют их. Если же ты этого не знаешь, то ничего нет удивительного. И Илия думал, что остался только он один, но услышал от Господа, "**Я оставил между Израильтянами семь тысяч мужей**" (3 Царст. 19:18). Отсюда видно, что и ныне есть много таких, которые ведут жизнь апостольскую, подобно, как и тогда три тысячи и пять тысяч уверовавших. Если же мы не верим этому, то не оттого, что нет добродетельных, но оттого, что мы сами слишком мало делаем. Предавшийся пьянству не легко может поверить тому, что есть какой-либо человек, который не пьет даже воды, хотя и это многие из монахов исполняют на наших глазах. Похотливый не вдруг поверит, что легко можно сохранять девство; хищник не скоро поверит, что есть такие, которые охотно

отдают и свое; так и те люди, которые каждодневно изнуряют себя бесчисленными заботами, не скоро примут учение о том, что можно быть свободным от житейских забот. А что многие исполнили это учение, мы можем доказать примером тех, которые так любомудрствуют и в наше время. Но на первый раз для нас достаточно будет, если вы научитесь не лихоимствовать, почитать добром милостыню, и узнаете, что должно уделять от своих имуществ неимущим. Если, возлюбленный, ты исполнишь это, то скоро будешь в состоянии исполнить и то. Итак, прежде оставим ненужную пышность, станем держаться умеренности, и все, что думаем получать, научимся приобретать праведными трудами. Так и блаженный Иоанн, когда беседовал с собирающими пошлины и воинами, заповедовал довольствоваться жалованьем. Он, хотя желал возвести их к другой, гораздо высшей мудрости, но поскольку они к тому были еще неспособны, то предлагает низшую заповедь. Если бы он стал внушать высшие заповеди, то они не только не стали бы внимать им, но не исполнили бы и низших. Поэтому и мы занимаем вас истинами низшими; мы ведь знаем, что бремя нелюбостяжания превосходит силы ваши, и сколько отстоит небо от земли, столько от вас - такое любомудрие. Итак, по крайней мере, сохраним последние заповеди. Не малый и это урок. Правда, некоторые из эллинов исполнили и ту заповедь, о которой мы рассуждаем, и оставили всякое имущество, хотя и не с таким расположением, с каким должно; впрочем, для вас довольно будет и того, если вы станете щедрой рукой раздавать милостыню, потому что когда мы будем таким образом вести себя, то скоро станем исполнять и ту заповедь. Если же и этого не станем исполнять, то какого мы достойны будем прощения, - мы, которые обязаны превзойти ветхозаветных, а между тем оказываемся хуже и эллинских мудрецов? Что скажем мы, когда, обязанные быть ангелами и сынами Божьими, не соблюдем и человеческих обязанностей? Похищать и желать чужое свойственно свирепым зверям, а не кротким людям; даже похищающие чужое несравненно хуже и самых зверей. Зверям это свойственно от природы; а мы, будучи украшены разумом, но, унижаясь до неестественного неблагородства, какое получим прощение? Итак, представляя степени любомудрия, нам указываемого, по крайней мере, будем достигать середины, чтобы и от будущего наказания освободиться, и, преуспевая таким образом, достигнуть и высших благ, которых все мы да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Т. е. как и при учении о нестяжании. См. предыдущую беседу гл. 2, 3.

БЕСЕДА 22

"Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них" (Матф. 6:28-29).

1. Спаситель, сказав о необходимой пище, и показав, что и о ней не нужно заботиться, переходит далее к тому, о чем еще менее надобно заботиться, потому что одежда не так необходима, как пища. Почему же Он, говоря об одежде, не употребил того же самого сравнения, заимствованного от птиц и не упоминает нам о павлине, лебеде и овце? Ведь и отсюда можно было бы заимствовать много примеров? Это потому, что Христос хочет с двух сторон показать важность предложенной Им заповеди - и со стороны ничтожества того, что облечено в такую красоту, и со стороны самой красоты, данной лилиям. Вот почему, описав красоту лилий, Он уже после и не называет их лилиями, но "**травой полевой**" (Матф. 6:30). Даже не довольствуется и этим названием, но еще с другой

стороны представляет их ничтожность, говоря: "**сегодня есть**", и не говорит: этого сена на другой день уже нет, но еще более унижает, говоря: "**брошена в печь**". Также, Он сказал не просто: "**одевает**", но: "**так одевает**". Видишь ли, как Спаситель постепенно более и более усиливает Свою мысль? И это Он делает для того, чтобы сильнее подействовать на Своих слушателей. Для того же Он прибавил и слова: "**насколько больше вас**"? Это сказано с особенной выразительностью и силой. Словом: "**вас**" Он показывает не что иное, как то, что род человеческий удостоен от Бога великой чести и особенного попечения. Христос как бы так говорил: вас, которых Бог одарил душой, для которых образовал тело, для которых создал все видимое, для которых послал пророков, которым дал закон и сделал бесчисленные блага, для которых предал Единородного Сына (и через Него сообщил бесчисленные дары). После этого, Спаситель упрекает слушателей, говоря: "**маловеры**"! Таково свойство советующего. Он не только убеждает, но и обличает, чтобы еще более побудить к повиновению словам Своим. Так Христос запрещает нам не только заботиться о красивых одеждах, но и удивляться, когда видим их на других. Убранство цветов, красота трав и даже самое сено более достойно удивления, чем наши дорогие одежды. Итак, для чего ты гордишься тем, в чем тебя несравненно превосходит трава? Заметь, как Спаситель с самого начала показывает, что Его заповедь легка, удаляя (всякую мысль об излишних заботах, точно так же, как и прежде, когда говорил Он о пище, то есть, удаляя) от того, чего слушатели боялись. Сказав: "**посмотрите на полевые лилии**". Он присовокупил: "**не трудятся**". Значит, этой заповедью Он хочет освободить нас от трудов. Итак, не то составляет труд, когда мы не заботимся об одежде, но то, когда заботимся. И как тогда, когда Христос сказал: "**не сеют**", возбранил не сеяние, но излишнюю заботу о пище, так и этими словами: "**ни трудятся, ни прядут**", запрещает не самое занятие, но излишнее попечение об одежде. Соломон во всем величии своем не мог сравниться с красотой цветов, и притом не какой-нибудь один раз, но во все время своего царствования (никто не может сказать, что Соломон ныне так одевался, а в другое время иначе; нет, не было ни одного дня, когда бы он украшался так великолепно, как цветы, - на что Христос и указывает словами: "**во всей славе своей**"). Притом, Соломон красотой одежд своих не мог сравниться не только с одним, или с другим цветом, но со всеми без исключения (почему Спаситель и сказал: "**как всякая из них**", - а такое же различие находится между одеждами и цветами, какое между истиной и ложью). Итак, если и этот царь, знаменитейший из всех когда-либо бывших на земле, не мог сравняться с полевыми цветами, то можешь ли ты когда-либо превзойти красоту цветов, или хотя несколько приблизиться к ней? Отсюда Спаситель научает нас, чтобы мы совершенно и не помышляли о таком украшении. Смотри, какой конец его. Спаситель, после того как восхвалил так красоту лилий, говорит: "**брошена в печь**". Итак, если Бог столь промышляет о вещах, ничего не стоящих, и доставляющих самую малую пользу, то неужели Он не будет печься о тебе - существе лучшем из всех существ? Для чего же Бог, спросишь ты, сотворил цветы столь прекрасными? Для того, чтобы показать Свою премудрость и великое Свое могущество, чтобы мы отовсюду познали славу Его. Не одни "**небеса проповедуют славу Божью**" (Псал. 18:2), но и земля. И Давид, свидетельствуя об этом, сказал: "**хвалите Господа, дерева плодоносные и все кедры**" (Псал. 148:9). Одно прославляет Творца своего плодоносностью, другое величием, иное красотой. И это есть знак великой мудрости и могущества Божия, когда Он облекает в такую красоту самое последнее Свое творение. (В самом деле, что может быть еще ниже того, что сегодня существует, а завтра нет)? Итак, если Бог и сену дает то, что вовсе ему не нужно (нужна ли, например, его красота огню?), то, как Он тебе не даст того, в чем ты имеешь нужду? Если и самое последнее Свое творение Он украсил с избытком, и это не по нужде какой-либо, но ради великолепия, то тем более украсит всем нужным тебя - существо драгоценнейшее из всех.

2. Так как Спаситель доказал уже промысел Божий о человеке, то Ему оставалось только теперь обличить слушателей. И здесь обличение Его соединено с кротостью. Он обличает Своих слушателей не в неверии, но в маловерии: "**если же траву полевую Бог так одевает**", говорит Он, "**то намного более вас маловеры**". Хотя все это Он сам совершает, потому что "**все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть**" (Иоан. 1:3), однако, Он еще нигде не упомянул о самом Себе. Для доказательства Его власти пока достаточно было и того, что Он при каждой заповеди говорил: "**вы слышали, что сказано древним; а Я говорю вам**" (Матф. 5:21-22 и д.). Итак, не удивляйся, если и в последующих словах Христос или вовсе не говорит о Себе, или со смирением: прежде всего Он заботился только о том, чтобы слово его было принято слушателями охотно, и во всем показать, что Он не противник какой-либо Богу, но единомыслен и согласен с Отцом. Это самое и здесь делает. В продолжение всей беседы Он непрестанно упоминает об Отце, удивляясь Его премудрости, промышлению и попечению обо всем, о малом и о великом. Когда Он говорил об Иерусалиме, то назвал Его городом Царя великого; когда упоминал о небе, также наименовал Его престолом Божьим. Рассуждая о строительстве мира, Он опять все приписывает Богу, говоря: "**ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Матф. 5:45). И в молитве научил нас говорить: "**ибо Твое есть Царство и сила и слава**" (Матф. 6:13). Равным образом и здесь, рассуждая о промысле Божьем, показывая, как Бог даже и в малых вещах является превосходным художником, говорит, что Он траву полевую одевает. И притом нигде не называет Его Своим Отцом, но Отцом их (слушателей), чтобы лучше убедить представлением о такой их почести, и чтобы они уже не негодовали, когда Он назовет Его Отцом Своим. Но если о маловажных и необходимых вещах не должно заботиться, то какого прощения будут достойны те, которые заботятся о вещах многоценных? Особенно же какого прощения будут достойны те, которые даже лишают себя сна, чтобы похитить чужое? "**Не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники**" (Матф. 6:31-32). Видишь ли, как Он опять, и притом гораздо сильнее, нежели прежде, обличает слушателей, и показывает притом, что Он не заповедует ничего трудного и неудобоисполнимого? Подобно тому как тогда, когда Он говорил: если любите любящих вас, то ничего великого не делаете, - и язычники тоже творят (Матф. 5:46-47), - этим напоминанием о язычниках возбуждая Своих слушателей к большему, - так и теперь представляет язычников для того, чтобы обличить нас и показать, что Он от нас требует самого необходимого. Если нам должно превзойти книжников и фарисеев, то чего мы будем достойны, когда не только не превосходим их, но и пребываем в слабости язычников и ревнуем их малодушию? На этом обличении Христос однако не остановился, но после того, как тронул, пробудил, сильно укорил Своих слушателей, с другой стороны утешает их, говоря: "**Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом**" (Матф. 6:32). Не сказал: знает Бог, но – "**знает Отец**", чтобы, таким образом, возбудить в них большое упование. В самом деле, если Бог есть Отец, и притом Отец всеведущий и попечительный, то не может Он презреть сынов, находящихся в бедах, когда даже и люди, будучи отцами, не делают этого. Вместе с тем Христос приводит и другое доказательство. Какое же? "**Что вы имеете нужду во всем этом**". Смысл этих слов Его такой: излишне ли это, чтобы Бог мог пренебрегать этим? Он даже и излишним не пренебрегает, как, например, красотой в цветах; а тут - необходимое. Таким образом, что тебя побуждает заботиться, то, по-моему, должно отвлекать тебя от такой заботливости. Если ты скажешь: мне потому должно заботиться о пище и одежде, что они нужны, то я, напротив, скажу: по тому-то самому, что они необходимы, ты и не должен заботиться. Если бы они были и излишни, то и тогда надлежало бы не отчаиваться, но с твердым упованием ожидать подаяния их; а раз они необходимы, то и сомневаться об этом не следует. Какой отец не захочет доставить необходимого своим детям? Так и поэтому уже Бог непременно подаст нужное. Он сам и Творец природы, и совершенно знает нужды ее. Ты не можешь

сказать, что, хотя Бог есть Отец и требуемое нами необходимо, но Он не знает, что мы имеем нужду в том. Кто знает самую природу, Кто сотворил и так устроил ее, Тот, очевидно, знает и нужды ее лучше тебя, имеющего нужду в пище и одежде: Ему же ведь угодно было даровать природе твоей такую потребность. Он не будет противоречить Себе, лишая наше естество нужного и необходимого, тогда как Сам устроил его с такими потребностями.

3. Итак, не будем заботиться; от забот своих мы ничего не получим, кроме того только, что они развлекут нас. Если Бог подает нам все нужное, заботимся ли о том, или не заботимся, и притом подает скорее тогда, когда мы не заботимся, то какую пользу доставляет тебе твоя суетливость, кроме того, что ты казнишь самого себя? Заботится ли о пище тот, кто идет на пышный обед? Запасается ли питьем тот, кто идет к источнику? И мы, имея у себя блага лучше и обильнее, нежели, сколько воды в потоках и брашен на вечерях, то есть, промысел Божий, - не должны заботиться и малодушествовать. Сверх вышесказанного, Спаситель для возбуждения в нас несомненного упования во всех вещах на промысел Божий представляет еще доказательство, говоря: "**ищите же прежде Царства Божьего, и это все приложится вам**" (Матф. 6:33). Удалив от нас всякую мысль об излишних заботах, Христос упомянул и о небесах; Он для того и пришел, чтобы разрушить древнее, и призвать нас к лучшему отечеству; потому Он все делает, чтобы удалить нас от излишеств и от пристрастия к земным вещам. Для того и о язычниках упомянул, сказав, что "**этого ищут язычники**", которые весь труд свой ограничивают настоящей жизнью, которые нимало не рассуждают о будущности и не думают о небесах. А для вас должно быть не это важно, но другое. Мы не для того ведь сотворены, чтобы есть, пить и одеваться, но чтобы угодить Богу и получить будущие блага. Итак, усиленно и заботиться и молиться о земном не должно. Потому Спаситель и сказал: "**ищите же прежде Царства Божьего, и это все приложится вам**". И не сказал: даны будут, но - приложатся, чтобы ты знал, что настоящие блага ничего не значат в сравнении с величием будущих. Потому-то Он и не повелевает просить настоящих благ, но просить иных благ, и надеяться, что и те присоединятся к этим. Итак, ищи благ будущих - и получишь настоящие; не ищи видимых - и непременно получишь их. Да и неприлично тебе приступать к Владыке с молитвой о таковых благах. Будучи обязан прилагать все тщание и всю заботу свою о неизреченных благах, ты крайне бесчестишь себя, когда изнуряешь себя заботливыми помыслами о благах скоропреходящих. Но как же, - скажешь ты, - разве Христос не повелел просить хлеба? Но Он присовокупил: "**насущного**", и опять к этому прибавил: "**сегодня**". То же самое Он и здесь внушает; не просто сказал: "**не заботьтесь**", но: "**не заботьтесь о завтрашнем дне**" (Матф. 6:34). Таким образом, Он вместе дарует и свободу нам, и обращает душу нашу к предметам более необходимым. И если Он повелевает молиться, то не потому, будто бы Бог имеет нужду в нашем напоминании, но для того, чтобы нам знать, что мы только Его помощью совершаем все, что ни делаем, и чтобы нам непрестанным молением сделаться Ему более приятными. Видишь ли, как и здесь Он уверяет Своих слушателей, что они непременно получат настоящие блага? Тот, кто подает большее, тем скорее даст меньшее. Не для того, говорит Он, Я не велел заботиться и просить, чтобы вы бедствовали, ходили наги, но чтобы во всем был у вас достаток. А этим Он всего более мог привлечь слушателей к Себе. Потому, как при подаянии милостыни Он запрещает им показываться людям, убеждая преимущественно тем, что обещает через то большую честь (именно сказал: "**Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно**"), так и здесь, отклоняя их от искания благ настоящих, отклоняет особенно Своим обещанием - доставить им эти блага в большем изобилии, если не станут искать их. Я, говорит Он, запрещаю искать не для того, чтобы ты не получил, но чтобы получил в большем обилии, и получил, как тебе прилично получить, с истинной пользой для тебя; чтобы ты заботой и мучительным попечением об этих благах не сделался недостойным и их, и духовных благ, чтобы ты не навлек на себя излишнего бедствия и не

лишился желаемого тобой. "**Не заботьтесь о завтрашнем дне: довольно для каждого дня своей заботы**", т. е. скудость и печаль его. Не довольно ли для тебя есть хлеб твой в поте лица твоего? Для чего подвергаешь себя и другому злостраданию, происходящему от твоей заботы, тогда как ты должен быть свободен и от первых трудов?

4. Злобой Спаситель здесь называет не лукавство, - нет, - но злострадание, труд и несчастья; так и в другом месте говорится: "**бывает ли в городе бедствие, которое не Господь попустил бы**" (Амос. 3:6)? Здесь под злом разумеются не грабительства, не любостяжание, и не другое что-либо тому подобное, но наказания, посылаемые свыше. И еще говорится: "**Я делаю мир и произвожу бедствия**" (Иса. 45:7). И здесь говорится не о злобе, но о голоде и заразе, которые для многих кажутся злом; многие обыкновенно так и называют их. Так и жрецы, и волхвы пяти городов, когда, впрягши в колесницу под кивот коров без телят, пустили их идти, куда они захотят, называли злом и ниспосланные свыше наказания, и происшедшую от них скорбь и печаль (1 Цар. 6:9). Итак, то же самое Спаситель обозначает злобой и здесь, говоря: "**довольно для каждого дня своей заботы**", потому что ничто столько не мучит душу, как попечение и забота. Подобным образом и Павел, склоняя к девственности, предлагал следующий совет: "**я хочу, чтобы вы были без забот**" (1 Кор. 7:32). Когда же Христос говорит, что "**завтрашний день сам будет заботиться о своем**", то говорит это не потому, будто бы день заботится о себе, но так как Он говорил с простым народом, то, желая сделать слова Свои выразительнее, олицетворяет время, сообразно общему обыкновению. Здесь Он предлагает только совет, но, впоследствии времени, поставляет это уже в закон, говоря: "**не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои**" (Матф. 10:9). Сперва на деле, а потом и словом Он устанавливает новый, твердый закон, от чего и слово Его, будучи прежде утверждено самыми делами Его, легко было принимаемо. А что Он Свое учение о бесстрастии к земному доказал самыми делами Своими, то послушай, что Он говорит: "**Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову**" (Матф. 8:20). И не довольствуется одним только собственным примером, но и в учениках представляет нам тот же пример, когда и им внушил не заботиться о земном, и не допустил ни в чем нуждаться. Но смотри, - Его попечение превышает нежность всякого отца. Заповедую это, говорит Он, не для иного чего, как только для освобождения вас от излишних забот, потому что если ты сегодня будешь заботиться о завтрашнем, то опять и завтра тебе нужно будет заботиться. Итак, к чему излишнее? Для чего ты стараешься отяготить настоящий день больше, чем уделено ему тягот? Для чего возлагаешь на него бремя и наступающего дня? Таким прибавлением ты не можешь облегчить тяжести другого дня, но только покажешь жадность к излишним трудам. Чтобы сильнее тронуть Своих слушателей, Христос олицетворяет самое время и представляет его как бы обиженным и вопиющим против напрасной обиды, которую они учиняют ему. Ты получил день для того, чтобы заботиться о принадлежащем ему. Для чего же возлагаешь на него и попечение другого дня? Ужели забота о себе не составляет для него достаточного бремени? Для чего же более надлежащего отягощаешь его? Но когда это говорит Законодатель наш и будущий Судья, то подумай, какие утешительные Он подает нам надежды, когда сам представляет жизнь нашу столь бедственной и трудной, что и попечение одного дня может нас озлобить и сокрушить. И мы, все-таки, не взирая на множество таких свидетельств, заботимся о земном, а о благах небесных совсем не печемся. Противясь словам Его, мы совершенно извратили порядок. Смотри: Он говорит: не ищите настоящего совсем, - а мы непрестанно ищем. Ищите, говорит Он, небесных благ, - а мы даже минуты не посвящаем на искание их, но, насколько печемся о житейском, настолько же, или еще несравненно более, нерадим о духовном. Но это не всегда нам будет проходить даром, и не всегда будет удаваться. Вот мы нерадим десять дней, вот двадцать, вот сто. Но разве нам не надлежит рано или поздно умереть и впасть в руки Судьи? Но отлагательство приносит утешение? Какое же утешение - ежедневно

ожидать наказания и мучения? Если ты хочешь получить какое-либо утешение от этого отлагательства, то покажи исправление, которое есть плод покаяния. Если ты думаешь получить некоторую отраду из отлагательства наказания, то гораздо больше пользы не подвергнуться наказанию. Итак, воспользуемся этим отлагательством для совершенного избавления себя от предстоящих зол. Ни одна заповедь не тяжка и не прискорбна; напротив, каждая легка и удобоисполнима, так что, если бы мы имели искреннее желание, все могли бы совершить, хотя бы подвержены были бесчисленному множеству грехов. Манассия дерзнул на ужасные преступления, потому что руки свои простер на святыню, внес в храм мерзости, город наполнил убийствами, и другие непростительные совершил беззакония. И, однако, после таких великих преступлений, он все загладил. Каким же способом? Покаянием и добрым изволением.

5. Нет, подлинно нет ни одного греха, который бы не покорился и не был побежден силой покаяния, или справедливее, благодатью Христовой. Лишь только мы успеем обратиться, Он уже нам помогает. И если хочешь быть добрым, никто не препятствует, - или лучше, дьявол хотя и старается препятствовать, но не может, когда сам ты избираешь лучшее, и, таким образом, самого Бога делаешь своим защитником. Но если ты не захочешь и воспротивишься Богу, то, как Он будет твоим заступником? Он хочет, чтобы ты получил спасение не по принуждению и насилию, но по свободной воле. Если и ты, имея слугу, который тебя ненавидит, отвращается и часто от тебя бегает, не захотел бы держать его, несмотря на то, что ты имеешь нужду в его служении, то тем более Бог, Который все делает не по Своей какой-либо надобности, но для твоего спасения, не захочет тебя насильно удерживать. Напротив, лишь только изъявишь расположение, то никогда тебя не захочет оставить, что бы дьявол ни замышлял против тебя. Итак, мы сами бываем виновниками собственной своей погибели, потому что не приступаем к Богу, не молимся Ему, не призываем Его подобающим образом. А если и приступаем, то делаем это так, как бы не думали получить, - не с подобающей верой все делаем, не с усильным молением, а нерадиво и беспечно. Между тем Бог хочет, чтобы мы Его просили, и если ты просишь, являет тебе великую милость. Это единственный Должник, Который, когда мы просим Его, оказывает нам милость и дает то, чего мы не давали Ему в заем. Если Он усмотрит, что проситель неотступен, то дает и то, чего не получил от нас. Но если просят Его с нерадением, то и Он медлит - не потому, что не расположен дать, но потому что Ему угодно, чтобы мы Его умоляли. Потому Он и представил тебе в пример друга, ночью пришедшего и просящего хлеба, и судью, Бога не боящегося и людей не стыдящегося. И не ограничился этими примерами, но и засвидетельствовал то же самыми делами, когда финикийскую женщину отпустил с обильными даяниями. В ее примере показал, что усиленно просящим Он дает и то, чего бы не надлежало давать. "**Нехорошо**", говорил Он, "**взять хлеб у детей и бросить псам**" (Марк. 7:27), - и, однако, дал за ее неотступное прошение. А в примере иудеев показал, что беспечным не дает и их собственности. Потому они не только ничего не получили, но и лишились того, что им принадлежало. Они, потому что не просили, не получили и принадлежащего им, а финикиянка, за то, что просила усердно, присвоила себе и чужое, - и пес получил то, что принадлежало чадам. Настолько-то полезно неотступное прошение! Хотя бы ты был пес, но если станешь неотступно просить, то будешь предпочтен беспечному чаду. В чем не успевает дружба, того достигает усиленная просьба. Итак, не говори, что Бог - мой враг, потому и не выслушает меня. Он, если неотступно будешь умолять Его, тотчас ответит тебе, если не по близости твоей к Нему, по крайней мере, ради неотступной просьбы твоей. Ни вражда, ни безвременность, ни иное что не будет служить препятствием. Не говори: я недостоин, и потому не прошу. И сирофиникиянка была такова. Не говори: я многогрешен, и потому не могу просить разгневанного; Бог не на достоинство смотрит, но на расположение. Если вдова преклонила начальника, Бога не боявшегося и людей не стыдившегося, то тем более непрестанная молитва привлечет к себе Благого. Пусть ты не друг Богу, пусть просишь

недолжного, пусть ты расточил отеческое достояние и долгое время находился в отсутствии, пусть ты приходишь к Нему лишенным чести и как худший из всех, пусть являешься к разгневанному и негодующему; только возымей намерение молиться и возвратиться к Нему, - все получишь, и гнев и осуждение тотчас истребишь. Но вот, я молюсь, скажешь ты, - и нет никакого успеха! Это потому, что ты молишься не как сирофиникиянка, или друг, безвременно пришедший, - не как вдова, непрестанно просящая судью, и сын, расточивший отцовское имущество. Если бы ты так же молился, то скоро бы получил. Хотя и раздражен Бог, но Он - Отец; хотя и разгневан, но чадолюбив, и одного только ищет - не того, чтобы наказать тебя за обиду, но того, чтобы видеть тебя обратившимся и умоляющим Его.

6. О, если бы и мы так воспламенялись, как согрето благоутробие Божье любовью к нам! Огонь этой любви ожидает только случая, и если малую искру приложишь к нему, то возожжешь великий благодеющий тебе пламень. Господь болезнует не о том, что обижен, но о том, что ты дерзок и неистовствуешь подобно пьяному. Если мы, будучи злы, болезнуем о детях, несмотря на причиняемые нам от них обиды, то Бог ли, Которого нельзя обидеть, будет гневаться на тебя за то, что досаждаешь Ему? Если мы, любя любовью естественной, болезнуем о детях, то тем более и вполне естественно чадолюбивый болезнует о нас. "**Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя**" (Иса. 49:15). Итак, приступим к Нему и скажем: "**так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их**" (Матф. 15:27)! Будем приступать к Богу благовременно и безвременно; или вернее сказать, безвременно приступать к Нему никогда нельзя. Безвременно приступать - у Него значит не всегда приступать. Того, Который всегда желает давать, благовременно всегда просить. Как дыхание никогда не бывает безвременно, так и прошение; но, напротив, не прошение - безвременно. Как мы имеем нужду в дыхании, так и в Его помощи, и если захотим, то удобно привлечем Его к себе. И пророк, показывая и свидетельствуя, что Бог всегда готов благодетельствовать, говорил: "**как утренняя заря - явление Его**" (Ос. 6:3). Сколько бы раз ни приступали к Нему, увидим, что Он всегда ожидает прошений от нас. Если же из источника Его милостей мы ничего не почерпаем, то вся вина наша. Укоряя иудеев, Он говорил: "**благочестие ваше, как утренний туман и как роса, скоро исчезающая**" (Ос. 6:4). Слова эти имеют такой смысл: хотя Я, со своей стороны, все исполнил, - но как знойное солнце при самом восходе прогоняет и облако и росу, так и вы своей великой злобой останавливаете Мою неизреченную щедрость. Впрочем, и здесь вместе действует промысел: как скоро Бог усматривает нас недостойными благодеяний, удерживает их, чтобы они не сделали нас беспечными. Если же мы хотя несколько обратимся, т. е., настолько, насколько нужно для того, чтобы узнать, что мы согрешили, - тогда весьма богатые и обильные изливает на нас милости. И, чем больше ты приемлешь от Него, тем более Он радуется, и более обильные готовит нам новые благодеяния. Спасение наше и щедрые дары просящим Он считает Своим богатством. Так говорит об этом и Павел: "**богатый для всех, призывающих Его**" (Рим. 10:12). Но когда мы не молим, тогда гневается; когда не просим, тогда отвращается. Для того Он и обнищал, чтобы нас сделать богатыми; для того все претерпел, чтобы нас побудить к молитвам. Итак, не будем отчаиваться. Но, имея такие побуждения, такие добрые надежды, если и каждодневно согрешаем, будем приступать с прошением, молением и требованием отпущения грехов. Таким образом, и на грех будем уже более косны, и дьявола прогоним, и милосердие Божье призовем, и будущих благ достигнем благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 23

“Не судите, да не судимы будете” (Матф. 7:1).

1. Что ж? Ужели не должно обвинять согрешающих? Да; и Павел то же самое говорит, или - лучше - Христос через Павла: “**А ты что осуждаешь брата твоего**?” Или: “**И ты, что унижаешь брата твоего? Кто ты, осуждающий чужого раба?**” (Рим. 14:10,4)? И опять: “**Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь**” (1 Кор. 4:5). Каким же образом тот же апостол в другом месте говорит: “**Обличай, запрещай, увещевай**” (2 Тим. 4:2)? И еще: “**Согрешающих обличай перед всеми**” (1 Тим. 5:20)? Равным образом, и Христос говорит Петру: “**Пойди и обличи его между тобою и им одним. Если же не послушает, возьми с собою**” другого, если же и при этом не уступает, “**скажи церкви**” (Мф. 18:15-17). И для чего Он поставил столь многих обличителей, и не только обличителей, но и карателей, так что кто не послушается никого из этих последних, того велел почитать за язычника и мытаря? С какою также целью вверил им и ключи? Если, ведь, они не будут судить, то не будут иметь никакой важности и, следовательно, всуе получили власть вязать и решить. С другой стороны, если бы это было так, то все пришло бы в расстройство и в Церкви, и в гражданских обществах и в семьях. Если господин не будет судить своего слугу, а госпожа служанку, отец сына, и друг своего друга, то зло будет распространяться все более и более. И что я говорю: друг друга? Даже если врагов не будем судить, то никогда не будем в состоянии разрушить вражду, но все придет в совершенный беспорядок. Что же значит указанное изречение? Рассмотрим теперь внимательнее, чтобы врачевство спасения и законы мира не почел кто-нибудь законами ниспровержения и смятения. Для имеющих здравый ум Спаситель хорошо изъяснил уже силу данного закона в следующих дальнейших словах: “**И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь**” (Мф. 7:3)? Если же для многих, не так сообразительных, изречение Христово кажется все еще недовольно ясным, то я снова постараюсь изъяснить его. Именно - здесь, как мне кажется, Спаситель не все вообще грехи повелевает не судить и не всем без исключения запрещает это делать, но тем только, которые, сами будучи исполнены бесчисленных грехов, порицают других за маловажные какие-нибудь поступки. Мне кажется также, что Христос указывает здесь и на иудеев, которые, будучи злыми обвинителями своих ближних в каких-нибудь маловажных и ничтожных поступках, сами бессовестно творили великие грехи. За это Господь порицал их и под конец (Своего служения), говоря: связуете “**бремена тяжелые и … а сами не хотят и перстом двинуть их**”. И еще: “**Даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру**” (Мф. 23:4,23). Итак, можно думать, что Христос указывал и на них, желая предварительно упрекнуть их в том, в чем они, впоследствии времени, порицали учеников. Хотя последние ни в чем подобном не согрешили, но иудеям казалось грехом, например, что они не соблюдали субботы, ели неумытыми руками, возлежали с мытарями, о чем Спаситель и в другом месте говорит: “**Оцеживающие комара, а верблюда поглощающие**” (Мф. 23:24). Впрочем, Христос полагает здесь и общий закон о неосуждении. И Павел в послании к коринфянам запретил не вообще судить, но судить только высших, в виду неизвестности дела; равным образом, не вообще запрещает исправлять согрешающих. Он упрекал и тогда не всех без различия, а укорял, во-первых, учеников, которые так поступали в рассуждении своих учителей, и во-вторых, тех людей, которые, сами будучи виновны в бесчисленных согрешениях, клеветали на неповинных. То же самое дает разуметь и Христос в данном месте, и не просто дает разуметь, но еще внушает великий страх, и угрожает неизбежным наказанием: “**Ибо каким судом судите, -** говорит Он, **- [таким] будете судимы**” (Мф. 7:2). Ты осуждаешь, говорит Он, не ближнего, но себя самого, и себя самого подвергаешь страшному суду и строгому истязанию. Подобно тому, следовательно, как в отпущении грехов начало зависит от нас самих, так и в этом суде мы же полагаем известную меру нашего осуждения. Итак, должно не порицать, не поносить, но вразумлять; не обвинять, но советовать; не с

гордостью нападать, но с любовью исправлять, - потому что не ближнего, но себя самого предашь ты жесточайшему наказанию, когда не пощадишь его, произнося твой приговор о его прегрешениях.

2. Видишь ли, как эти две заповеди и легки, и доставляют великие блага покорным, и наоборот, причиняют великое зло непослушным? Тот, кто оставляет ближнему своему его прегрешения, освобождает от обвинения не столько его, сколько себя самого, и притом без всякого труда; и тот, кто с пощадою и снисходительно разбирает преступления в других, таковым судом своим полагает большой залог прощения для себя самого. Что же, - скажешь ты, - если кто прелюбодействует, неужели я не должен сказать, что прелюбодеяние есть зло, и неужели не должен исправить распутника? Исправь, но не как неприятель, не как враг, подвергая его наказанию, но как врач, прилагающий лекарство. Спаситель не сказал: не останавливай согрешающего, но: не суди, т. е., не будь жестоким судиею; притом же это сказано не о важных и явно запрещенных грехах, как уже мною было и прежде замечено, но о таких, которые и не почитаются грехами. Потому Он и сказал: "**Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего**" (ст. 3)? Многие и ныне так поступают: видя монаха, имеющего излишнюю одежду, обыкновенно представляют ему закон Господень, хотя сами постоянно только и занимаются хищениями и лихоимством; или видя, что он употребляет нескудную пищу, делаются жестокими обвинителями, хотя сами каждый день пьянствуют и упиваются, не зная того, что чрез это, при своих грехах, готовят для себя больший огонь, и лишают себя всякого оправдания. И в твоих, ведь, поступках должно потребовать строгого отчета, раз ты сам первый положил такой закон, строго осудив поступки ближнего. Итак, не считай для себя тягостью, когда и сам ты будешь подвергнут такому истязанию. "**Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза**" (ст. 5). Здесь Спаситель хочет показать великий Свой гнев к тем, которые осуждают ближних. Действительно, всякий раз, когда Он хочет показать тяжесть какого-либо греха, великость наказания за него и Свой гнев, Он обыкновенно начинает укором. Так, например, и требовавшему (от своего товарища) сто динариев Христос с негодованием говорит: "**Злой раб! весь долг тот я простил тебе**" (Мф. 18:32); так точно и здесь употребил слово: "**лицемер**". Строгий суд о ближнем показывает не доброжелательство, а ненависть к человеку; и хотя осуждающий носит личину человеколюбия, но на самом деле исполнен крайней злобы, поскольку подвергает ближнего напрасному поношению и обвинению, и восхищает место учителя, сам не будучи достоин быть даже учеником. Потому Христос и назвал его лицемером. Если ты так строг в отношении к другим, что видишь и малые проступки, то почему так невнимателен к себе, что не замечаешь и великих грехов? "**Вынь прежде бревно из твоего глаза**". Видишь ли, что Спаситель не запрещает судить, но прежде велит изъять бревно из собственного глаза, и тогда уже исправлять согрешения других? Всякий ведь свое знает лучше, нежели чужое, и лучше видит большее, нежели меньшее, и наконец, более себя самого любит, чем ближнего. Следовательно, если ты судишь других, желая им добра, то прежде пожелай его себе, имеющему грех и очевиднее, и более; если же нерадишь о самом себе, то ясно, что и брата своего судишь не из доброжелательства к нему, но из ненависти и желания опозорить его. Если же и должно быть ему судимым, то пусть его судит тот, кто ни в чем подобном не согрешил, а не ты. Так как Спаситель предложил великие и высокие правила жизни, то чтобы кто-нибудь не сказал, что легко так любомудрствовать на словах, Он и изрек эту притчу в доказательство всей свободы, с какою мог сказать о Себе, что Он не погрешил ни против одного из предложенных Им правил, но все исполнил. Хотя впоследствии времени Ему самому надлежало судить и говорить: "**Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры**" (Мф. 23:23), однако же, сам Он нимало не был виновен в том, в чем обвинял других. Ни сучка не изымал, ни бревна не имел в глазах Своих; Он был свободен от того и другого, и исправлял, таким образом, согрешения всех. Не должен, говорит Он, судить других тот, кто сам в том же виновен. И ты удивляешься, что Он положил этот закон, когда и

разбойник на кресте признал его, и выразил мысль Христа в словах своих, обращенных к другому разбойнику: “**Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же**” (Лк. 23:40)? А ты не только не изымаешь у себя бревна, но и не видишь; напротив того, сучок у другого не только видишь, но и осуждаешь, и стараешься изъять, - подобно как одержимый тяжкою водяною или другою какою-либо неизлечимою болезнью нерадит об ней, а между тем в другом обвиняет нерадение о малом недуге. Если уж худо не обращать внимания на свои грехи, то вдвое или втрое хуже судить других, имея в собственных своих глазах бревно, и не чувствуя от того никакой боли; ведь грех тягостнее и бревна.

3. Итак, сказанная Спасителем заповедь имеет такой смысл: кто сам подвержен многим порокам, тот не должен быть строгим судиею погрешностей других людей, и особенно когда они маловажны; следовательно, Он не запрещает обличать или исправлять, но возбраняет нерадеть о собственных грехах, и восставать против чужих. И это потому, что осуждение других много содействовало бы к увеличению зла, усугубляя порочность. В самом деле, кто привык нерадеть о своих великих преступлениях и строго судить о малых и незначительных погрешностях других, тот терпит двоякий вред, - как потому, что нерадит о своих грехах, так и потому, что питает ко всем вражду и ненависть, и каждый день возбуждается к крайней жестокости и немилосердию. Итак, уничтоживши все это через прекрасное то законоположение, Христос присоединил еще другое правило, говоря: “**Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями**” (Мф. 7:6). Хотя далее Он и говорит: “**Что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях**” (Мф. 10:27), но это последнее нимало не противоречит прежнему, так как и тут не всем вообще повелено говорить, но тем только говорить со всею свободою, которым должно говорить. Под именем же псов Он здесь разумел тех, которые живут в неисцельном нечестии, без всякой надежды исправления; а под именем свиней - всегда живущих невоздержно; все таковые, по слову Его, недостойны слушать высокое учение. То же самое и Павел выразил, сказав: “**Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием**” (1 Кор. 2:14). И во многих других местах Он развращение жизни поставляет причиною того, что не приемлется совершеннейшее учение. Потому и повелевает таким людям не отворять дверей, потому что, узнавши, они становятся еще более дерзкими. Когда это учение открывается людям признательным и благомыслящим, то они благоговеют пред ним; а люди безнравственные уважают более тогда, когда его не знают. Итак, поелику по природе своей такие люди не могут познать этого учения, то пусть будет оно от них скрыто, говорит Спаситель, чтобы, по крайней мере, почтили его по причине своего неведения. И свинья не знает, что такое бисер, а если не знает, то пусть и не видит, чтобы не попрала того, чего не знает. Ничего, кроме только еще большего вреда, не произойдет от слушания для людей с таким расположением. Они ругаются над святынею, не зная ее, и еще более возносятся и вооружаются на нас. Таков смысл слов Христовых: “**Чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас**”. Но скажешь: святыня должна быть так крепка, чтобы и по узнании осталась непобедимою, и другим не подавала случая вредит нам? Нет, не она подаст к тому случай, но то, что приемлющие ее - свиньи. Так и бисер попираемый - не потому попирается, что достоин пренебрежения, но потому, что попал к свиньям. И хорошо сказано: “**обратившись, не растерзали вас**”. В самом деле, сначала они принимают на себя личину кротости, чтобы узнать; потом, когда узнают, сделавшись совсем иными, ругаются, поносят, смеются над нами, как бы над обманутыми. Потому и Павел говорит Тимофею: “**Берегись его и ты, ибо он сильно противился нашим словам**” (2 Тим. 4:15). И в другом месте: “**Таковых удаляйся**” (2 Тим. 3:5). И еще: “**Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся**” (Тит. 3:10). Итак, врагов всего священного вооружает против нас не сама святыня, но их доводит до безумия то, что, познав ее, они исполняются гордостью. Вот почему немалая польза оставаться им в неведении: в таком случае они не будут пренебрегать; если узнают, то двойной вред: и сами не получат от

того никакой пользы, разве еще больший вред, и тебе причинят бесчисленные беспокойства. Пусть слышат это те, которые без всякого стыда сводятся со всяким без разбору и делают предметом пренебрежения то, что достойно всякого уважения. От того-то и мы, совершая таинства, затворяем двери и возбраняем вход непросвещенным - не потому, будто мы признаем недействительность совершаемых таинств, но потому, что еще многие не довольно к ним приготовлены. От того-то и сам Христос многое говорил иудеям в притчах, что они видя не видели (Мф. 13:13). Потому и Павел повелел "**дабы вы знали, как отвечать каждому**" (Кол. 4:6). "**Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам**" (Мф. 7:7). Выше Спаситель предложил великие и чудные заповеди, повелел возвышаться над всеми страстями, привел к самому небу, и заставил уподобляться не ангелам или архангелам, но, сколько возможно, самому Владыке всяческих; а ученикам повелел не самим только исполнять все это, но и других исправлять, и различать злых от не злых, и псов от не псов (много ведь в людях прикровенного), чтобы не говорили, что это трудно и неисполнимо, так как и действительно, впоследствии времени, Петр сказал нечто подобное: "**Кто же может спастись**"? И еще: "**Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться**" (Мф. 19:25,10).

4. Итак, чтобы и теперь не сказали подобного, Спаситель и прежде уже показал удобоисполнимость предписываемых Им заповедей, приведя ряд убедительных доказательств, и наконец представляет самый, так сказать, верх этой удобоисполнимости, именно - помощь от беспрерывных молитв, подающих немалое утешение в трудах. Он говорит, что не самим только должно стараться, но и свыше призывать помощь, которая непременно придет, и предстанет, и облегчит наши подвиги, и все сделает для нас легким. Потому и просить повелел, и обещал исполнение прошения. Впрочем, не просто повелел просить, но с великим тщанием и усилием, - что и выражается словом: "**ищите**". В самом деле, кто ищет, тот, выбросив все из своих мыслей, напрягает свое внимание только к тому, чего ищет, и ни о чем настоящем не помышляет. Мои слова понимают все те, которые, потерявши золото или рабов, после ищут. Это-то и означает Спаситель словом: "**ищите**". А сказав: "**стучите**", показывает, что должны приступать к Богу с силою и теплою мыслию. Итак, не унывай, человек, не прилагай старания о добродетели гораздо меньшего, нежели какое имеешь о богатстве. Богатства ты часто не находишь, хотя бы и много раз принимался искать его. И тем не менее, хотя и знаешь, что не всегда найдешь его, все-таки употребляешь все способы к его приобретению. А о добродетели, хотя и имеешь обещание, что непременно получишь помощь, не хочешь показать даже и частицы такого старания. Если же не тотчас получаешь, то и в таком случае не отчаивайся. Христос ведь для того и сказал: "**стучите**", чтобы показать, что, если и не скоро отверзет двери, должно ждать. Если не веришь моим словам, то, по крайней мере, поверь следующему примеру. "**Есть ли между вами такой человек, -** говорит Христос, **- который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень**" (Мф. 7:9)? Если бы ты часто делал так пред людьми, то показался бы им и тяжким и жестоким; но Бога раздражаешь более тогда, когда этого не делаешь. Если же ты постоянно будешь просить Его, то хотя и нескоро получишь просимое, однако же, непременно получишь. Для того-то и заперта дверь, чтобы побудить тебя к стучанию; для того-то и не тотчас внимает, чтобы ты просил. Итак, постоянно проси - и непременно получишь. И чтобы ты не сказал: что, если я буду просить и не получу? - в предотвращение этого Спаситель представляет тебе притчу, приводит опять доказательства, и от примеров человеческих возводит тебя к надежде получения, показывая через все это не только то, что должно просить, но и о чем должно просить. "**Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень**"? Так, если ты не получаешь, то не получаешь потому, что просишь камня. Хотя ты и сын, но этого еще не довольно к получению. Напротив это-то самое и препятствует тебе получить, что ты, будучи сыном,

просишь неполезного. Итак, не проси ничего мирского, но всего духовного, и непременно получишь. Так Соломон, когда просил должного, смотри, как скоро получил. Итак, молящемуся надлежит соблюдать два правила: первое то, чтобы просить усильно; второе то, чтобы просить должного. И вы, ведь, говорит Спаситель, будучи отцами, дожидаетесь просьбы от своих детей; и если они у вас станут просить бесполезного, то отказываете; когда же будут просить полезного, то соизволяете и даете. Потому и ты, представляя это, не отступай до тех пор, пока не получишь, не отходи, пока не найдешь, не отлагай своего тщания, пока не будет отверста дверь. Если ты приступишь с такою мыслию и скажешь: не отступлю до тех пор, пока не получу, - то непременно получишь, если только того просишь, что и Тому, от Кого просишь, прилично дать, и тебе, просящему, полезно. Что ж бы это такое было? То, чтобы просить всего духовного, приступать к испрашиванию оставления своих грехов, по оставлении согрешений другим, без гнева и сомнения воздевать чистые руки (1 Тим. 2:8). Если мы так будем просить, то получим. Но ныне наши прошения достойны смеха, и свойственны более людям пьяным, нежели трезвым. Отчего же, скажешь, я не получаю и тогда, когда прошу духовного? Конечно от того, что ты или не со тщанием ударяешь в двери, или сделал себя недостойным к принятию просимого, или скоро перестал просить. Но ты опять скажешь: для чего же Спаситель не сказал, чего должно просить? Но Он уже все сказал прежде, и показал, зачем должно приступать к Богу. Итак, не говори: я приходил и не получил. Никогда нельзя не получить от Бога, Который так любит, что Своею любовью превосходит самих отцов и превосходит настолько, насколько благость превосходит злобу. “**Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный**” (ст. 11). Это Христос сказал не в упрек человеческому естеству, или в охуждение человеческого рода, - нет, но здесь Он называет отеческую любовь злобою для различия от Своей благости. Столько-то велико Его человеколюбие.

5. Видишь ли неизреченную мысль, которая и в самом отчаянном сильна возбудить благие надежды? Здесь Спаситель в доказательство Своей благости указывает на пример отцов, а выше указал на величайшие Свои дары, - на душу и тело. Но Он нигде еще не упоминает о главнейшем из благ, нигде не указывает на Свое пришествие. Тот, Кто благоволил Сына Своего дать на жертву, не даст ли нам всего? Но тогда эта жертва еще не совершилась? Но Павел уже на это указывает, говоря так: “**Сына Своего не пощадил …, как с Ним не дарует нам и всего**” (Рим. 8:32)? А сам Христос в беседе с Своими слушателями предлагает еще доказательства обыкновенные. Потом показывая, что не должно надеяться и на молитву нерадящим о самих себе, равно как и тем, которые стараются о самих себе, не должно полагаться только на собственное старание, но должно свыше просить помощи, и употреблять собственные усилия, - Он беспрестанно внушает и то и другое. В самом деле, после многих наставлений, Он научает молиться; научивши молиться, снова научает тому, что должно делать; вслед затем Он опять научает, что непрестанно должно молиться, говоря: “**просите, ищите, стучите**”, а отсюда опять переходит к тому, что и самим нам должно быть тщательными. “**Итак во всем, -** говорит Он, **- как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними**” (Мф. 7:12). В этих кратких словах Спаситель заключил все и показал, что добродетель и кратка, и удобна, и всем известна. И не просто сказал: “**во всем, как хотите**”; но: “**Итак во всем, как хотите**”; слово: итак не без намерения употребил, но с особенною мыслию. Если хотите, говорит Он, быть услышаны, то кроме того, сказанного Мною, и это делайте. Что же именно? “**Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди**”. Видишь ли, как Он и отсюда вывел то, что вместе с молитвою необходима нам и добрая жизнь? Он не сказал: чего хочешь себе от Бога, то делай ближнему твоему, - чтобы ты не возразил: как это возможно? Он Бог, а я человек. Но произнес: если чего хочешь себе от равного тебе, то и сам то же оказывай ближнему. Что может быть этого легче? Что справедливее? Потом, предлагая величайшую похвалу, еще прежде самых наград получаемую за соблюдение этой

заповеди, говорит: “**Ибо в этом закон и пророки**”. Отсюда видно, что добродетель нам естественна, и мы все сами по себе знаем, что должно делать, так что никогда нельзя извиняться неведением.

“**Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими**” (ст. 13). Далее: “**Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их**” (ст. 14). Но после Он говорил: “**Иго Мое благо, и бремя Мое легко**”. И незадолго пред тем внушал то же самое. Как же здесь путь, ведущий в жизнь, называет узким и тесным? Если обратишь все свое внимание, то увидишь, что Спаситель и здесь называет путь этот весьма легким, удобным и незатруднительным. Скажешь: как же тесный и узкий путь может быть вместе и удобным? Тем этот путь и удобен, что Он есть путь и врата, - так как и другой путь, хотя широкий и пространный, все же есть путь и врата: на них ничто не останавливается, но все проходит, как горести, так и радости в жизни. И не потому только удобна добродетель: по концу своему она делается еще удобнейшею. Потому, что она своих подвижников может утешить не только тем, что все труды и подвиги оканчиваются, но еще более тем, что конец их добрый, так как оканчиваются жизнью. Потому и кратковременность трудов, и вечность венцов, и то, что труды предшествуют венцам, а венцы последуют за ними, - все это составляет величайшее утешение в трудах. Потому и Павел назвал скорбь легкою, не по свойству самой скорби, но по произволению подвижников и по надежде будущего: “**Ибо кратковременное легкое страдание наше производит, -** сказал он, **- в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое**” (2 Кор. 4:17,18). Если волны и пучины для мореходцев, поражения и раны для воинов, непогоды и морозы для земледельцев, сильные удары для бойцов, - если все это бывает легко и выполнимо по надежде наград временных и тленных, - то тем более могут быть нечувствительны настоящие скорби, когда предстоит небо, неизреченные блага и бессмертные награды.

6. Если же и при всем этом некоторые почитают ведущий в жизнь путь трудным, то мнение это происходит только от собственной их лености. Смотри, как Спаситель и иным способом делает этот путь удобным, когда запрещает вмешиваться между псами, предавать себя свиньям и повелевает остерегаться лжепророков, - всячески внушает быть осторожными. Самое даже наименование тесным путем весьма много способствует к тому, чтобы сделать его удобным, - потому что заставляет нас бодрствовать. Как Павел не с тем говорит: “**Наша брань не против крови и плоти**” (Еф. 6:12), чтобы привести в уныние, но чтобы возбудить сердца воинов, - так точно и Господь путь жизни назвал трудным для того, чтобы, так сказать, пробудить от сна путников. Мало того: Он побуждает к бодрствованию еще и дальнейшим указанием на то, что на пути этом есть много препинающих, и - что еще опаснее - последние нападают не явно, но скрытно. Таков именно род лжепророков. Но не на то смотри, говорит Христос, что этот путь труден и тесен, а на то, где он оканчивается; и не на то опять смотри, что противоположный путь широк и пространен, а на то, куда он ведет. Все же это Он говорит для того, чтобы возбудить в нас бодрость. С тою же целью Он и в другом месте сказал, что “**употребляющие усилие восхищают его**” (Мф. 11:12). Подвижник бывает ревностнее, когда ясно видит, что подвигоположник чтит трудные его подвиги. Итак, не будем скорбеть, если на пути жизни случатся с нами многие несчастья. Пусть путь прискорбен и врата тесны; но не таков тот град, к которому ведут они. Потому-то ни здесь не должно ожидать покоя, ни там не должно предполагать ничего печального. Когда же Спаситель говорит, что “**немногие находят их**”, то и здесь опять открывает леность многих, и внушает Своим слушателям обращать внимание не на благоденствие многих, но на труды немногих. Гораздо больше, говорит Он, таких людей, которые не только не идут прискорбным путем, но даже и не избирают его, - что показывает крайнее безумие. Но не

должно смотреть на многих, и от того смущаться; а должно ревновать немногим и, всячески укрепляя самих себя, таким образом идти тем путем. Кроме того, что путь этот тесен, многие еще препятствуют идти по нему. Потому Христос и присоединил: “**Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные**” (Мф. 7:15). Вот, кроме псов и свиней, другой род наветов и коварства, гораздо опаснее первого: те, по крайней мере, известны и явны, а эти - скрытны. Потому и Спаситель тех повелел только удаляться, а этих еще внимательно рассматривать, так как невозможно узнать их с первого взгляда. Потому и сказал: “**берегитесь**”, внушая тем большую тщательность в их распознавании. Потом, чтобы слышавшие, что должно идти тесным, прискорбным и для многих неприятным путем, притом, хранить себя от псов и свиней и от других (врагов) злейшего рода, т. е., от волков, - чтобы, говорю, слышавшие это не пришли в уныние от множества скорбей, так как надлежало идти путем для многих неприятным, и притом еще иметь в виду вышесказанные препятствия, - для этого Спаситель привел на память происшествия, бывшие при их отцах, упомянув именно о лжепророках. Все подобное и тогда случалось. Итак, говорит, не смущайтесь. Ничего не случится нового, или особенного. Дьявол всегда к истине присоединяет обман. Здесь под именем лжепророков, как мне кажется, Христос разумел не еретиков, но тех, которые, ведя развратную жизнь, прикрывают себя личиною добродетели, - каковых людей обыкновенно называют обманщиками. Потому Спаситель и присовокупил: “**По плодам их узнаете их**” (ст. 16). У еретиков часто можно найти жизнь добрую; но у тех, о которых я сказал, - никогда. Скажешь: что, если они и тут притворяются? Но они удобно могут быть пойманы. Тот путь, по которому Христос заповедал идти, по самому свойству труден и тягостен. Лицемер же никогда не захочет трудиться; его дело только притворяться. Потому он легко может быть и изобличен. Когда Господь говорит: “**немногие находят их**”, то опять отделяет этих немногих от тех, которые не обретают его, а только притворяются, внушая тем смотреть не на лицемеров, но на истинно шествующих по этому пути. Но для чего, скажешь, Спаситель не открыл таковых лицемеров, а нас самих заставил испытывать их? Для того, чтобы мы бодрствовали и всегда были на страже, охраняя себя не только от явных, но и скрытых врагов, на которых и Павел указывая, говорил, что “**красноречием обольщают сердца простодушных**” (Рим. 16:18). Итак, не будем смущаться, когда и ныне много таковых увидим. Христос заранее ведь и это предрек.

7. Заметь кротость Спасителя. Он не сказал: накажите их; но только: остерегайтесь, чтобы не получить себе вреда от них и чтобы по неосторожности не впасть в их сети. Потом, в предотвращение твоего возражения, что невозможно узнать таких людей, приводит еще доказательство, заимствуя его от примера человеческого: “**Собирают ли с терновника виноград, -** говорит Он, **- или с репейника смоквы**” (Мф. 7:16)? “**Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые**” (ст. 17). “**Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые**” (ст. 18). Слова эти заключают в себе такой смысл: люди, о которых идет речь, не имеют ничего кроткого, ничего сладкого, по одной только коже они овцы, - почему и легко узнать их. И чтобы ты нимало не колебался, для этого Христос то, что иначе быть не может, сравнивает с естественною необходимостью. Об этом и Павел говорит: “**Помышления плотские суть смерть … ; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут**” (Рим. 8:6,7). Хотя Спаситель и два раза говорит одно и то же, но тут нет тождесловия. Чтобы кто-нибудь не сказал, что злое дерево, хотя и приносит плоды злые, но может приносить и добрые, а при двояком плодоношении трудно уже делать различение, в опровержение этого Спаситель говорит, что этого быть не может, что оно приносит только злые плоды, но добрых никогда не принесет; равно как и наоборот. Что ж, неужели добрый человек не может сделаться худым, и наоборот? Жизнь человеческая наполнена многими такими примерами. Но Христос не то говорит, будто худому человеку

невозможно перемениться, или доброму невозможно пасть, но то, что человек не может принести доброго плода, доколе живет худо. Худой человек может перейти к добродетели; но доколе он остается худым, дотоле не может принести доброго плода. Как же Давид, будучи и добр, принес худой плод? Не в состоянии добродетели, но уже переменившись, он это сделал, так что он не принес бы такого плода, если бы всегда пребыл тем, чем был, потому что, оставаясь добродетельным, он не осмелился бы сделать того, на что дерзнул. Эти слова Спаситель сказал и для того, чтобы заградить уста безрассудно клевещущих, и обуздать язык злословящих. Этими словами Он хотел лишить всякого извинения тех злых людей, из-за которых подозревают и добрых. После того ты уже не можешь сказать: я обманулся, не догадался! - потому что тебе предложено Мною самое действительное средство к познанию порочных людей, т. е., повелено рассматривать их поступки, а не безрассудно смешивать все. Далее, хотя Спаситель не велел их наказывать, но только остерегаться, - однако же, чтобы с одной стороны утешить обижаемых ими, а с другой - устрашить обижающих и побудить их к исправлению, Он определяет им наказание, говоря: "**Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь**" (Мф. 7:19). Затем, несколько смягчая Свое слово, присоединил: "**Итак по плодам их узнаете их**" (ст. 20). Чтобы слушатели не подумали, что Он внушает им одни только угрозы, Он трогает их сердца, предлагая учение Свое в виде совета и увещания. Здесь, мне кажется, Он разумеет и иудеев, которые являли таковые плоды, - почему и напомнил им слова Иоанна, описывая казнь их теми же словами. И тот говорил то же, напоминая им секиру, и дерево посекаемое, и огонь неугасаемый. И кажется, здесь одно только наказание, именно сожжение; но если кто внимательнее рассмотрит, тот найдет два наказания. В самом деле, кто сожигается, тот без сомнения лишается и царствия; а это наказание лютее еще первого. Знаю, что многие ужасаются только одной геенны; но я думаю, что лишение небесной славы есть мучение более жестокое, нежели геенна. Если этого нельзя представить в слове, то нет ничего удивительного; мы ведь не знаем и блаженства вечных благ, чтобы ясно видеть несчастие, происходящее от их лишения. А Павел, который ясно знал это, видел, что отпасть от славы Христовой всего ужаснее. Это и мы узнаем, когда будем испытывать на себе.

8. О, если бы мы никогда не подвергались этому, Единородный Сыне Божий, - если бы никогда не испытали на себе этого нестерпимого наказания! Невозможно ясно выразить, как велико зло - лишиться небесных благ; впрочем, сколько могу, постараюсь и поспешу хотя несколько объяснить вам это на примере. Представим себе такого удивительного юношу, который бы с добродетелью соединял царствование над вселенною, и который бы во всем был так совершен, что мог бы во всех возбудить к себе отеческую любовь. Чего, думаете вы, не согласился бы с удовольствием претерпеть отец этого юноши, чтобы только не лишиться его общения? Или, на какое бы несчастье, великое ли то или малое, не решился бы он, чтобы только видеть и увеселяться им? Подобным образом мы должны размышлять и о небесной славе. Поистине, не столько любезно и вожделенно отцу его дитя, как бы оно ни было совершенно, сколько вожделенно получить те блага, разрешиться и быть со Христом (Флп. 1: 23). Нестерпима геенна и мучение в ней; но если представить и тысячи геенн, то все это ничего не будет значить в сравнении с несчастьем лишиться той блаженной славы, возненавиденым быть от Христа и слышать от Него: "**Не знаю вас**" (Мф. 25:12) и обвинение, что мы, видя Его алчущего, не напитали. Поистине лучше подвергнуться бесчисленным ударам молнии, нежели видеть, как кроткое лицо Господа отвращается от нас и ясное око Его не хочет взирать на нас. И действительно, если Он меня, врага Своего, при всей к Нему ненависти и отвращении от Него, так возлюбил, что даже не пощадил самого Себя, но предал Себя на смерть, и если, после всего этого, не подам Ему и хлеба, когда Он алчет, - то какими уже глазами буду взирать на Него? Но и здесь заметь Его кротость. Он не исчисляет Своих благодеяний, не жалуется на то, что ты презрел столь великого своего благодетеля, не говорит: Я тебя

привел из небытия в бытие, вдохнул в тебя душу, поставил тебя владыкою над всем, что находится на земле; для тебя Я сотворил землю и небо, море и воздух, и все сущее; от тебя я был презрен и казался тебе ниже дьявола, но при всем том не оставил тебя: бесчисленные открыл средства для твоего спасения, восхотел сделаться рабом, был бит по ланите, оплеван, заклан, умер поноснейшею смертью; даже на небе за тебя ходатайствую, даю тебе Духа, удостаиваю тебя царствия и предлагаю тебе такие благодеяния; восхотел быть твоим главою, женихом, ризою, домом, корнем, пищею, питием, пастырем, царем и братом; избрал тебя наследником и сонаследником Своим, из мрака привел тебя в область света. Хотя Господь мог сказать это и еще того более, но Он ничего такого не говорит, а упоминает только об одном грехе твоем. Являет и здесь Свою любовь и милосердие, которое имеет к тебе. Не сказал: "**Идите … в огонь вечный**", уготованный вам, но – "**уготованный диаволу**". И прежде говорит о том, чем Его обидели, но и тут упоминает не о всех обидах, а о немногих. Притом, прежде осуждения оскорбивших Его, Он призывает праведных, чтобы показать, что Он справедливо обвиняет. Какого же мучения не ужаснее эти слова Его? Никто, видя благодетеля своего истаивающим от голода, не презрит его; а если бы и презрел, то после того лучше бы согласился сам с поношением скрыться в землю, нежели при двух или трех друзьях слышать обвинение в этом. Что же будет с нами, когда пред всею вселенною услышим от Господа подобное обвинение, которого, впрочем, Он не произнес бы и тогда, если бы не хотел оправдать Своего суда? А что Он произнес это обвинение не в поношение грешников, но в оправдание самого Себя и для показания, что Он не вообще и не без причины говорил к ним: "**Идите от Меня**", - это очевидно из неизреченных Его благодеяний. Если бы Он хотел подвергнуть грешников поношению, то выставил бы все свои благодеяния; а Он говорит только о том, что претерпел.

9, Итак, возлюбленные, убоимся услышать эти слова. Жизнь наша - не игра, или лучше сказать, настоящая жизнь - игра, но будущая - не игра. А может быть, и не игра только, но и хуже того. Не смехом оканчивается, но и большой причиняет вред тем, которые не хотят тщательно благоустроять самих себя. Скажи мне: чем мы, созидающие великолепные дома, различаемся от детей, играющих и строящих домики? Какое различие между их обедом и нашею роскошью? Нет никакого - разве только то, что мы это делаем с мучением. Если же мы не примечаем ничтожности всего этого, нет в том ничего удивительного, потому что мы еще не сделались мужами. А когда сделаемся, то узнаем, что все это детские забавы. Приходя в зрелый возраст, мы смеемся над детскими занятиями, хотя в детском возрасте почитаем эти занятия весьма важными и, собирая черепки и грязь, тщеславимся не менее тех, которые строят высокие стены. И однако, состроенное нами скоро разрушается и падает; да если бы и стояло, на что нам годилось бы? Так и великолепные наши дома. Они ведь не могут принять гражданина небесного, и не захочет обитать в них тот, кто имеет высшее отечество; но как мы ногами разрушаем детские игрушки, так и он своим духом ниспровергает наши здания. И как мы смеемся над детьми, плачущими о разрушении построенного ими домика, так и он не только смеется, но и плачет, когда мы рыдаем о своих домах, потому что он имеет сострадательное сердце, и видит для нас великий от этого вред. Итак, будем мужами. Долго ли нам пресмыкаться по земле? Долго ли величаться камнями и деревьями? Долго ли играть? И если бы только играли! Нет, мы оставляем и самое спасение свое. И как дети, пренебрегающие учением, а занимающиеся играми только, подвергаются жестоким наказаниям, так и мы, истощив все старание свое на житейские занятия, и оказавшись не в состоянии дать на деле отчет в духовном учении, который после смерти потребуется от нас, понесем крайнее наказание. И никто не может избавить нас, хотя бы то был отец, хотя бы брат, или другой кто-либо. Но все, чему мы преданы ныне, погибнет, а мучение, происходящее от этого, будет бесконечное и непрестанное. Так это случается и с детьми, когда отец за их леность совершенно истребляет все их детские игрушки, и чрез то

заставляет их непрестанно плакать. А чтобы увериться тебе в истине слов моих, я представлю такую вещь, которую люди более всего почитают достойною уважения, именно, богатство, и противопоставлю ему душевную добродетель, какую тебе угодно: тогда ты ясно увидишь всю нищету его. Итак, представим двух людей (я уже не говорю о любостяжании, а о богатстве, правильно приобретенном), и один из них пусть умножает свое имение, пусть переплывает моря, обрабатывает землю и употребляет всякие другие способы к приобретению; хотя я и не знаю, может ли он, так поступая, делать законное приобретение, но положим, что он приобретает выгоды законным образом. Пусть будет так; пусть он покупает поля, рабов и прочее, пусть не будет в этом приобретении его ни одной неправды. Напротив, другой, столь же богатый, пусть продает свои поля, продает дома, золотые и серебряные сосуды, подает требующим; пусть облегчает участь бедных, врачует больных, помогает находящимся в нужде; пусть разрешает от уз, одних выводит из рудокопней, других освобождает от удавления, пленников освобождает от наказания... На чьей стороне хотели бы вы быть? Впрочем, я еще не сказал о будущем, но пока о настоящем. Итак, кому из них хотели бы вы последовать: тому ли, который собирает золото, или тому, который избавляет других от несчастья? Тому ли, который покупает поля, или тому, который определил себя на служение роду человеческому? Тому ли, который окружен множеством золота, или тому, который увенчан бесчисленными похвалами? Не уподобляется ли этот последний некоему ангелу, сшедшему с небес для исправления прочих людей? А другой не похож ли более на какое-то дитя, которое собирает все без цели и смысла, нежели на возрастного? Если же и законное приобретение богатств так достойно смеха, и есть знак крайнего безумия, то как не назвать того несчастнейшим из всех, кто еще и неправедно собирает его? Если же и теперь он достоин великого смеха, то каких слез достойна будет жизнь его по смерти, когда присоединится к тому геенна и лишение царствия?

10. Но рассмотрим, если хочешь, и другой вид добродетели. Для этого представим опять другого человека - могущественного, всеми повелевающего, облеченного великим саном, имеющего и блестящего глашатая, и пояс, и жезлоносцев, и большое число слуг. Не представляется ли тебе это все великим и вожделенным? Теперь и этому человеку противоположим другого: незлобивого, кроткого, смиренного и великодушного; пусть будут его оскорблять, бить, а он пусть будет сносить терпеливо и благословлять таким образом поступающих с ним. Итак, скажи мне: кто достоин удивления, - тот ли, надменный и напыщенный, или этот, уничиженный? Не уподобляется ли этот последний горним бесстрастным силам, а тот - надутому пузырю, или человеку, страждущему водяною болезнью и сильною опухолью? Не подобен ли тот духовному врачу, а этот смешному дитяти, надувающему щеки? Да и чем ты гордишься, человек? Тем ли, что ты носишься на высокой колеснице? Или тем, что тебя возят запряженные мулы? Так что ж? Это бывает и с каменьями. Или тем, что ты облечен в красивые одежды? Но посмотри на того, который вместо одежд облечен добродетелью, - и увидишь, что ты подобен гниющей траве, а он подобен дереву, приносящему чудный плод, и доставляющему большое удовольствие зрителям. Ты носишь на себе пищу червей и моли, которые, если нападут на тебя, скоро обнажат тебя от этого украшения (так как одежды - пряжа червей, а золото и серебро - земля и прах; да, земля - и более ничего). Украшенный же добродетелью такую имеет одежду, которой не только моль, но и самая смерть не может повредить. И это весьма справедливо: добродетели души не земное имеют начало, но суть плод духовный, и не подлежат съедению от червей. Эти одежды ткутся на небе, где нет ни моли, ни червей, ни чего-либо подобного. Итак, скажи мне, что лучше: богатым ли быть, или бедным? В славе ли быть, или в унижении? Иметь ли изобилие, или терпеть голод? Конечно, лучше быть в чести, иметь изобилие и богатство. Итак, если ты хочешь самих вещей, а не одних названий, то оставь землю и все, что находится на ней, и переселись на небо. Все здешнее есть одна тень, а тамошнее неподвижно, непоколебимо, и никем не

может быть похищено. Итак, будем искать небесного со всяким тщанием, чтобы нам и освободиться от здешних беспокойств, и, приплывши к тихому тому пристанищу, явиться с великим грузом и неизреченным богатством милостыни. О, если бы всем нам достичь этого пристанища и богатства благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 24

“Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного” (Матф. 7:21).

1. Почему Спаситель не сказал: но исполняющий волю Мою? Потому, что на первый раз довольно было, чтобы и первая мысль принята была слушателями; а последняя была слишком высока для их слабости. Впрочем, в первой мысли заключается и последняя. Притом и то должно сказать, что воля Сына не различна от воли Отца. Но здесь кажется мне, Спаситель главным образом касается иудеев, которые все полагали в догматах, а о жизни нимало не заботились. Потому и Павел обличает их, говоря: “**Вот, ты называешься Иудеем, и успокаиваешь себя законом, и хвалишься Богом, и знаешь волю [Его]**” (Рим. 2:17,18). Но пользы для тебя в том нет никакой, когда не видно того из жизни и дел твоих. Однако ж Христос не остановился на указанных словах, но сказал еще гораздо более: “**Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали**” (Мф. 7:22)? То есть: не только тот лишается царствия небесного, который имеет веру, а о жизни нерадит; но равно будет устранен от священных врат его и тот, кто при вере сотворил даже много знамений, а доброго ничего не сделал. “**Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали**”? Видишь ли, как неприметным образом Спаситель уже вводит и Свое собственное лицо и, кончивши всю беседу, объявляет Себя Судьею? Что наказание постигнет грешников, об этом Он объявил выше; а кто будет наказывать, это Он открывает уже здесь. Впрочем, не сказал прямо: Я буду наказывать; но - “**Многие скажут Мне**”, через что внушает то же самое. В самом деле, если бы не сам Он был Судиею, то как бы сказал слушателям: “**И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня**” (ст. 23), - то есть, не только во время суда, но даже и тогда, когда вы творили чудеса? Потому-то и ученикам Своим говорил: “**Не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах**” (Лк. 10:20). Да и везде Он повелевает иметь великое попечение о жизни. Невозможно, чтобы человек, ведущий добродетельную жизнь и свободный от всех страстей, когда-либо был презрен; хотя и случится ему впасть в заблуждение, Бог тотчас привлекает его к истине. Но некоторые говорят, что представляемые Спасителем люди потому не получат спасения, что они притворно исповедуют Господа. Если так, то Спаситель говорит против Своего намерения. В самом деле, Он хочет здесь показать, что вера без дел ничего не значит; распространяя далее эту мысль, Он присовокупил и чудеса, показывая тем, что не только вера, но даже и чудеса никакой не приносят пользы тому, кто производит их, если нет добродетели. А если бы люди, о которых идет речь, не творили чудес, то Христос никак бы здесь не упомянул о чудесах; с другой стороны - и те не дерзнули бы во время суда сказать Ему о чудесах. Да и самый ответ их, и то, что они говорят в виде вопроса, показывает, что они действительно творили чудеса. Так как они видят конец, совершенно противный их ожиданию, и после того как здесь по чудесам своим для всех были предметом удивления, а там видят себя определенными к наказанию, то как бы в изумлении и удивлении они и говорят: “**Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали**”? Как же теперь Ты отвращаешься от нас? Что значит странный и неожиданный этот конец? Но пусть они удивляются тому, что, сотворивши столько чудес, подверглись наказанию; ты же не удивляйся. Вся эта благодать была ничто иное, как дар

Подавшего ее, а те ничего от себя не привнесли, почему справедливо и наказываются, поскольку сделались неблагодарными и нечувствительными пред Тем, Который так их почтил, что дал им, хотя и недостойным, благодать чудотворения. Так неужели, скажешь, совершая дела нечестия, они вместе совершали чудеса? На это некоторые говорят, что они не в то время, когда чудодействовали, вели себя нечестиво, но уже после развратились и делали преступления. Но это также совершенно противно намерению Спасителя; Он хотел показать, что ни вера, ни чудеса ничего не значат без добродетельной жизни. То же и Павел говорит: "**Если имею [дар] пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что [могу] и горы переставлять, а не имею любви, - то я ничто**" (1 Кор. 13:2). Кто же, спросишь, те, которых Иисус Христос, несмотря на их чудотворения, представляет достойными мучения? Многие из веровавших получали дары: таков был тот, который изгонял демонов, не будучи последователем Иисуса Христа; таков был и Иуда, потому что и он, будучи злым, имел дар чудотворения. То же можно найти и в Ветхом Завете, то есть, что благодать часто действовала в недостойных, для блага других. Так как не все ко всему были способны, но иные вели жизнь непорочную, а не имели такой веры, другие же напротив, то Господь как первых через последних побуждал являть великую веру, так и последних через этот несказанный дар призывал к исправлению.

2. Вот почему Господь и давал благодать в великом обилии. "**Многие чудеса**, **-** говорят они, **- творили**". "**И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас**": то есть, ныне они почитают себя Моими друзьями, а тогда узнают, что Я даровал им благодать не как друзьям. И что дивиться тому, что Он дары благодати дал людям, уверовавшим в Него, но не имеющим жизни, согласной с верою, когда Он является действовавшим и в тех, которые не имели ни той, ни другой? Так Валаам был чужд и веры, и добродетельной жизни; и однако, благодать в нем действовала для устроения спасения других. Фараон был такой же; однако, и ему Бог показал будущее (Быт. 41). Навуходоносору, самому беззаконному человеку, также открыл то, что имело случиться по прошествии многих родов; также и сыну его, своим нечестием превзошедшему отца, открыл будущее, - и все для чудных и великих дел Своего промысла (Дан. 2). Итак, поелику и тогда, при начале евангельской проповеди, нужны были многие доказательства силы Христовой, то и из числа недостойных многие получали дары. Впрочем, от таких чудес они никакой не получили для себя пользы, а только навлекли на себя еще большее наказание. Потому Спаситель и произнес к ним страшное это слово: "**Никогда не знал вас**"! Так, многих Он и здесь уже ненавидит, и до суда уже отвращается. Итак, возлюбленные, устрашимся, и приложим великое старание о жизни своей, и не станем думать, что мы, не производя теперь чудес, потому самому имеем менее благодати. От чудес никогда ничего не прибудет нам, равно как ничего не убудет и от того, что мы не творим их, если только заботимся о всякой добродетели. За чудеса мы сами остаемся должниками перед Богом, а за жизнь и дела имеем Бога должником. Итак, когда Спаситель все уже окончил, и, со всею подробностью предложив беседу о добродетели, вместе с тем показал различие между принимающими на себя ее личину, из которых одни для выказывания себя постятся и молятся, другие приходят в овечьих кожах, третьи, которых назвал свиньями и псами, чернят ее, то, показывая наконец, как полезна добродетель и в здешней жизни, и как вреден порок, говорит: "**Всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному**" (Мф. 7:24). Вы слышали, какое понесут наказание те, которые не соблюдают слов Его, хотя бы и чудеса творили. Теперь вам должно знать и то, какими благами будут наслаждаться не только в грядущем веке, но и в настоящем те, которые повинуются всем словам Его: "**Всякого, -** сказал Он, **- кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному**". Видишь ли, как Он разнообразит Свою речь? Прежде говорит: "**Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!"**", и тем открывает Себя самого; потом говорит: "**Но исполняющий волю**

Отца Моего", и опять представляет Себя Судиею: "**Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали**"? - и скажу: "**не знал вас**". Наконец здесь опять показывает, что Он имеет власть над всеми, почему и говорит: "**Всякого, кто слушает слова Мои сии**". Так как Он все уже рассказал о будущем, упомянув и о царстве, и о неизреченной награде, и об утешении, и о всем прочем, тому подобном, то после этого, желая и здесь доставить Своим слушателям плоды, показывает, как сильна добродетель и в настоящей жизни. В чем же состоит эта сила добродетели? В том, что с нею живут безопасно, не колеблются ни от каких несчастий, стоят выше всех гонителей. Что может сравниться с этим? Этого не может приобрести себе даже украшенный диадемою, а добродетельный достигает. Он один со многим избытком стяжал такую безопасность, в пучине настоящей жизни наслаждаясь великою тишиною. И подлинно: удивительное дело, что он не в приятную погоду, но во время жестокой бури, при великом смятении и при постоянных искушениях, нимало не может колебаться. "**Пошел дождь, и разлились реки, -** говорит Спаситель, **- и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне**" (ст. 25). Здесь дождем, реками и ветрами Он иносказательно называет человеческие несчастья и злоключения, как-то: клевету, наветы, скорби, смерть, погибель ближних, оскорбления от других и всякое другое зло, какое только бывает в настоящей жизни. Но душа праведного, говорит Он, ничем не побеждается. Причина этого в том, что она основана на камне. Камнем здесь Христос называет твердость Своего учения. И поистине, заповеди Его гораздо тверже камня: помощью их праведник становится выше всех волн человеческих, так как кто тщательно соблюдает эти заповеди, тот побеждает не только гонения людей, но и козни дьявольские.

3. И что сказанное - не одни высокопарные слова, свидетель тому Иов, который при всех кознях дьявольских остался непоколебимым. В том же могут удостоверить и апостолы, которые при устремлении на них всех волн вселенной, и народов и тиранов, и своих (соплеменников) и чужих, демонов и дьявола, и при всех ухищрениях стояли тверже камня, и все это разрушили. Итак, что может быть блаженнее такой жизни? И этого ничто не может нам обещать - ни богатство, ни крепость телесная, ни слава, ни могущество, ни другое что-либо, но одно только стяжание добродетели. Кроме одной добродетельной жизни совершенно невозможно найти другой, которая бы была свободна от всех зол. Свидетели тому вы, - вы, которые видите и в царских чертогах наветы, и в домах богатых мятежи и возмущения. Но с апостолами не было ничего подобного этому. Как? Неужели с ними не случилось ничего такого? Неужели не было с ними никакого несчастия? Нет, - но то-то всего и удивительнее особенно, что они многим подвергались наветам, многие разражались над ними тучи - и однако, все это нимало не поколебало их мужества и не повергало их в уныние, но, сражаясь без всяких внешних пособий, они все победили и превозмогли. Подобным образом и ты всему посмеешься, если захочешь тщательно исполнять заповеди Христовы. Стоит только тебе оградиться любомудрыми этими наставлениями, - тогда ничто тебя не сможет опечалить. Какой вред может причинить тебе тот, кто захочет коварствовать против тебя? Отнимет у тебя имение? Но еще прежде его угрозы тебе повелено презирать богатство и столько отвращаться его, чтобы никогда ничего подобного и не просить у Господа. Ввергнет ли тебя в темницу? Но еще прежде темницы тебе заповедано так жить, чтобы уже распяться всему миру. Злословит ли тебя? Но Христос освободил тебя и тут от печали, когда и без труда твоего, за одно незлобие обещает тебе великую награду, и столько сделал тебя непричастным досаде и огорчению, что даже повелел молиться за врагов. Гонит ли тебя и окружает бесчисленным множеством зол? Но тем самым тебе сплетает он блистательный венец. Убивает ли тебя и закалает? И через это опять приносит тебе величайшую пользу, поскольку готовит для тебя мученические награды, ускоряет твой путь в безмятежное пристанище, доставляет тебе случай к получению большого воздаяния, и содействует тебе откупиться от общего

суда. Это-то всего и удивительнее, что наветующие люди не только нимало не вредят тем, которым стараются вредить, но еще делают их через то славнее. Что может сравняться с тем благом, когда мы изберем такую жизнь, - одну только добродетельную жизнь? Сказавши, что путь добродетели тесен и прискорбен, Спаситель тотчас, чтобы ободрить Своих слушателей к трудам, показывает на этом пути великую безопасность и великое услаждение, тогда как на противном пути - большую опасность и вред; указанными уподоблениями Он именно показал как награды за добродетель, так и воздаяния за порок. Что я всегда говорил, то и теперь скажу: Спаситель везде созидает спасение слушателей двояким образом - и ревностью к добродетели, и ненавистью к пороку. Так как имели быть такие, которые, хотя станут изъявлять уважение к словам Спасителя, но делами не будут этого доказывать, то Он предварительно устрашает их словами: хотя сказанное и хорошо, но одного слушания недостаточно для спасения; нужно еще и повиновение, выражаемое делами, и в этом-то преимущественно состоит сущность всего. И здесь оканчивает Свою речь, оставив слушателей в великом страхе. Как к добродетели Спаситель побуждал их не только будущими благами, упоминая о царствии, небесах, неизреченной награде, утешении и о других бесчисленных благах, но и настоящими, когда указал на твердость и непоколебимость камня, - так и от порока отклоняет не только страхом имеющих быть следствий, говоря о посекаемом дереве, огне неугасаемом, затворенном входе в царствие небесное, а равно и словами: “**не знал вас**”, но и настоящими бедствиями, представленными под образом падения храмины. Потому и речь употребил более выразительную, предложив ее в виде притчи. Если бы Спаситель сказал просто, что добродетельный непреодолим, а порочный скоро изнемогает, то Его речь не имела бы такой силы, какую она теперь имеет, когда для выражения Своей мысли Он употребил камень, дом, реки, дождь, ветры и тому подобное. “**А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке**” (ст. 26). Справедливо Спаситель назвал такого человека безрассудным. В самом деле, что может быть безрассуднее того, кто строит дом на песке, подъемлет труд, но плода и спокойствия не получает, а вместо того несет наказание? А что и преданные пороку трудятся, то всякому известно. И хищник, и прелюбодей, и клеветник переносят много трудов и беспокойств, чтобы свое нечестие привести в исполнение; но от этих трудов не только не получают никакой пользы, но еще терпят великий вред. Так и Павел, намекая на это, говорит: “**Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление**” (Гал. 6:8). Такому-то сеятелю подобны и те, которые на песке строят, как-то: на блуде, роскоши, на пьянстве, на гневе и на всем прочем.

4. Таков был Ахав, но не таков Илия. Противоположивши пороку добродетель, мы тем лучше увидим различие между ними. Илия построил дом свой на камне, а тот на песке, а потому и царем будучи боялся и трепетал пророка, который имел только одну милоть. Таковы были иудеи, но не таковы апостолы. Потому последние, несмотря на свою малочисленность и на пребывание в узах, показывали твердость камня; а те, при всем своем множестве и вооружении, являли слабость песка, и говорили: “**Что нам делать с этими людьми**” (Деян. 4:16)? Видишь ли, что в недоумении находятся не задержанные и связанные, но те, которые задержали и связали их? Что может быть страннее этого? Ты держишь - и недоумеваешь? Так и должно быть. Так как иудеи все построили на песке, потому они и были слабее всех. Это же было причиною и других слов их: что вы делаете, желая “**навести на нас кровь Того Человека**” (Деян. 5:28)? Что это говоришь ты? Ты мучишь, и ты же страшишься? Ты гонишь, и ты же ужасаешься? Ты судишь, и сам же трепещешь? Вот как бессилен порок! Но апостолы не так говорили: “**Мы не можем не говорить того, что видели и слышали**” (Деян. 4:20). Видишь ли высокий их дух? Видишь ли камень, посмевающийся волнам? Видишь ли дом неподвижный? И, что всего удивительнее, апостолы не только не страшились всех наветов вражеских, но делались еще гораздо дерзновеннее и своих врагов ввергали в большое беспокойство. Тот, кто

ударяет в адамант, сам поражается; тот, кто идет против рожна, сам прободается и получает жестокие раны. Подобным образом, и наветующий добродетельным сам подвергается опасностям. Порок бывает тем слабее, чем более вооружается против добродетели. И как тот, кто берет огонь в одежду, пламень не погашает, а одежду сожигает, так и тот, кто гонит добродетельных, притесняет и заключает в узы, их через то самое делает блистательнее, а себя самого губит. И подлинно: чем более потерпишь несчастий, ведя строгую жизнь, тем сделаешься крепче; чем более станешь держаться любомудрия, тем менее будешь иметь нужды, а чем менее будешь иметь нужды, тем более укрепляешься и всех превосходишь. Таков был Иоанн, почему его никто не мог опечалить; напротив, он опечалил Ирода. Тот, не имея ничего, восстал против властелина; а этот облеченный в диадему и багряницу и другие бесчисленные украшения, трепещет и страшится лишенного всего; и даже не мог взирать без ужаса на отсеченную голову его. А что Ирод и по смерти Иоанна имел сильный страх, то послушай, что он говорит: это есть Иоанн, которого я убил (Лк. 9:9). Слово “убил” показывает, что Ирод не превозносился этим, но укрощал свой страх и побуждал свою мятущуюся душу припомнить, что он убил Иоанна. Добродетель так сильна, что и по смерти могущественнее живых. Потому же и при жизни Иоанна приходили к нему обладавшие великим богатством, и вопрошали его: “**Что же нам делать**” (Лк. 3:10)? Столько вы имеете, и хотите узнать путь к вашему счастью от того, который ничего не имеет? Богатые - от нищего? Воители - от не имеющего даже и дома? Таков был и Илия, почему с таким же дерзновением говорил к народу. Иоанн говорил: “**порождения ехиднины**” (Мф. 3:7); а этот: “**Долго ли вам хромать на оба колена**” (3 Цар. 18:21)? Этот говорил: “**Убил, и еще вступаешь в наследство?**” (3 Цар. 21:19); а тот: “**Не должно тебе иметь ее**” (Мф. 14:4). Видишь ли камень, видишь ли, как легко храмина, построенная на песке, распадается? Как легко она уступает напастям? Как легко зыблется, хотя бы она принадлежала царю, хотя бы народу, хотя бы властелину? Порок последователей своих делает безрассуднейшими; и храмина, построенная на песке, распадается не просто, но с великим бедствием. “**И было падение его великое**”, - говорит Спаситель. И в самом деле, здесь опасность угрожает не маловажным вещам, но душе, и притом лишением неба и нетленных тех благ. Но и прежде того порочный будет проводить жизнь самую несчастную, сопряженную с непрерывными печалями, страхом, заботами и сильными беспокойствами, на что указывая, Премудрый говорит: “**Нечестивый бежит, когда никто не гонится [за ним]**” (Притч. 28:1). Действительно, таковые люди трепещут теней, подозревают друзей, врагов, рабов, знаемых и незнаемых, и таким образом, прежде вечных мучений еще здесь терпят жесточайшее мучение. Показывая все это, Христос и сказал: “**И было падение его великое**”. Таким образом, и настоящими бедствиями сильно убеждая самых упорных неверных избегать порока, Он сделал приличное заключение Своим благим заповедям. Хотя слово о будущем и важнее, но людей, слишком одебелевших, изображение настоящего более могло обуздать и отклонить от порока. Потому Спаситель и заключил Свою проповедь таким изображением, чтобы польза от исполнения Его заповедей для слушателей была ощутительнее. Итак, зная все это, как настоящее, так и будущее, будем убегать порока и поревнуем о добродетели, чтобы нам не вообще и не напрасно трудиться, но чтобы и в настоящей жизни насладиться безопасностью, и в будущей сделаться причастниками славы, которую все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 25

“И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его” (Матф. 7:28).

1. Следовало бы, судя по тяжести предложенных заповедей и по высокости повелений, народу болезновать и придти в уныние; но такова была сила Учителя, что Он многих пленил и привел в величайшее удивление, и сладостью Своих слов убедил не отступать от Него и тогда, когда перестал говорить. Даже и тогда, когда Он уже сошел с горы, слушатели все еще не отходили, но все следовали за Ним: вот сколь великую Он внушил любовь к Своим словам! Но они более всего удивлялись Его власти, так как Он Свою речь говорил не от лица другого, подобно пророку Моисею, но всюду показывал, что Сам имеет власть. Так, предписывая законы, Он постоянно прибавлял: "**А Я говорю вам**"; и, напоминая о последнем дне, представлял Себя Судиею, как по отношению к наказаниям, так и по отношению к наградам. Все это, кажется, должно бы было привести слушателей в смятение. В самом деле, если книжники бросали в Иисуса Христа камни, и изгоняли тогда, как Он уже самими делами доказывал Свою власть, то как бы, кажется, не соблазниться народу теперь, когда Он одними только словами доказывал эту власть и особенно когда слова эти сказаны были в самом начале, прежде нежели Он показал на опыте Свою силу? И однако, с народом ничего такого не случилось. Так, когда сердце и ум бывают доброго расположения, тогда легко убеждаются словами истины. Вот почему книжники соблазнялись и тогда, когда знамения возвещали о Его могуществе; а теперешние слушатели, и внимая только Его учению, повиновались и следовали за Ним. Это дает разуметь и евангелист в своих словах: "**За Ним последовало множество народа**"; то есть, последовал за Ним не кто-нибудь из начальников и книжников, но те только, которые чужды были лукавства и имели искреннее расположение. Во всем Евангелии видеть можно, что только эти последние прилеплялись к Нему. Так, и когда Он говорил, они безмолвно слушали и ничего не прибавляли к словам Его, не прерывали их, не искушали Его и не искали случая уловить Его, подобно фарисеям; и по окончании проповеди, с удивлением следовали за ним. Обрати внимание на мудрость Владыки, с каким разнообразием Он устрояет пользу предстоящих, когда переходит то от чудес к словам, то от слов к чудесам. Прежде чем взойти на гору, Он исцелил многих, пролагая чрез то путь проповеди; и после окончания этой продолжительной беседы, опять возвращается к чудесам, чтобы самым делом подтвердить сказанное Им. Так как Он учил "**как власть имеющий**" (Мф. 7:29), то, чтобы такой образ Его учения не сочли исполненным тщеславия и высокомерия, Он то же самое и делами подтверждает, и, как имеющий власть, исцеляет болезни, чтобы те, кто видел Его таким образом учащего, не смущались уже после того, как Он с такою же властью совершал и чудеса. "**Когда же сошел Он с горы, ... подошел прокаженный и, кланяясь Ему, сказал: Господи! если хочешь, можешь меня очистить**" (Мф. 8:1,2). Велико благоразумие и вера пришедшего! Он не прервал учения, не старался протесниться сквозь собрание, но дожидался удобного времени, и подходит уже тогда, когда Христос сошел с горы. И не просто, но с великою горячностью и, как говорит другой евангелист, "**падая пред Ним на колени**" (Мк. 1:40), просит Его, просит с искреннею верою и с надлежащими о Нем мыслями. В самом деле, прокаженный не сказал: если попросишь Бога; или: если помолишься Ему; но: "**если хочешь, можешь меня очистить**". Не сказал также: Господи, очисти; но все препоручает Ему, Его воле предоставляет исцеление, и свидетельствует о Его высочайшей власти. А что, если мнение прокаженного, скажут, было погрешительно? В таком случае Христу надлежало бы его опровергнуть, изобличить и исправить. Но сделал ли Он это? Нет, но напротив, все слова прокаженного Он подкрепляет и утверждает; потому-то и не сказал: очистися, но – "**хочу, очистись**", - так что это понятие о могуществе Христовом становится уже не мнением прокаженного, но мыслию самого Христа. Апостолы не так говорили; как же? Когда весь народ изумлялся, они говорили: "**Что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит**" (Деян. 3:12)? Господь же, хотя часто с скромностью говорил, и притом много такого, что ниже Его славы, но здесь, чтобы утвердить мысль о Своем могуществе, Он говорит пред

слушателями, изумляющимися Его власти: “**хочу, очистись**”! Хотя и прежде творил многие и великие чудеса, но, как известно, таким образом никогда не говорил.

2. Но здесь, чтобы подтвердить мнение о Своей власти как прокаженного, так и всего народа, Он прибавил: “**хочу**”, - и Своего слова не оставил без исполнения, а подтвердил его и последовавшим тотчас же делом. Если бы Он несправедливо сказал и произнес богохуление, то делу надлежало бы разрушиться. Но теперь природа, получив повеление, повинуется, и повинуется с надлежащею и даже с большею скоростью, нежели как говорит евангелист. Слово: “**тотчас**” не выражает той скорости, с какою совершилось дело. Далее, Спаситель не просто сказал: “**хочу, очистись**”, но и “**простерши руку, коснулся его**”, - что особенно достойно исследования. Для чего Спаситель, очищая его хотением и словом, еще прикоснулся рукою? Мне кажется, не для чего другого, как для того, чтобы и тем показать, что Он не подлежит закону, но выше его; и что для чистого нет ничего нечистого. Так Елисей даже не посмотрел на Неемана, - и даже тогда, когда узнал, что он, не вышедши к Нееману и не прикоснувшись к нему, тем самым привел его в соблазн, и тогда, строго соблюдая закон, сам остался дома, а его послал измыться в Иордане. Но Владыка, в доказательство, что Он исцеляет не как раб, а как Господь, - прикасается. Рука через прикосновение к проказе не сделалась нечистою; между тем, тело прокаженное от святой руки стало чисто. Христос пришел уврачевать не только тела, но и души возвести к истинной мудрости. Как, вводя высокий закон о безразличии пищи, не возбранял уже есть неумытыми руками, так и здесь научает, между прочим, что должно заботиться о душе и, оставив внешние очищения, надлежит ее очистить и страшиться проказы только душевной, которая есть грех. Телесная проказа нимало не препятствует добродетели. Он сам первый прикасается к прокаженному, и никто не обвиняет Его. Суд был беспристрастный, и зрители не были одержимы завистью. Потому они не только не унизили чуда, но и с удивлением признали его за истинное, будучи возбуждены к благоговению пред Его непобедимою силою - и Его учением и делами. Далее, излечив тело прокаженного, Христос повелевает об этом никому не сказывать, но показаться священнику и принести дар, “**какой повелел Моисей, во свидетельство им**” (ст. 4). Некоторые утверждают, что Спаситель по той причине повелел никому ничего не сказывать, чтобы с коварным намерением не стали исследовать, точно ли прокаженный очищен от проказы. Но думать таким образом весьма безрассудно. Прокаженный не с тем был очищен, чтобы очищение было сомнительно; нет, - Христос для того прокаженному повелел никому не сказывать, чтобы через это предотвратить от тщеславия и любочестия. Хотя Иисус и знал, что прокаженный не послушается, а возвестит о Благодетеле, но делает Свое. Как же Он, спросишь ты, в других местах повелевает исцеленным рассказывать о своем исцелении? Через это Он не противоречит Себе, но научает их быть благодарными, потому что и в таковых случаях Он не повелевал прославлять самого Себя, но дать славу Богу. Чрез прокаженного, о котором теперь говорится, Спаситель предохраняет нас от гордости и тщеславия, а через других внушает нам чувство признательности, и научает во всех делах возносить хвалу Господу. Так как люди обычно, находясь в сильной болезни, вспоминают о Боге, а получив исцеление от нее, предаются беспечности, - то Он, повелевая и во время болезни, и во время здравия непрестанно иметь в мыслях Господа, говорит: “**Воздай славу Богу**” (Ин. 9:24). Для чего упоминаемому прокаженному Спаситель приказал показаться священнику и принести дар? Для того, чтобы исполнить закон. Он как не везде нарушал, так и не везде сохранял его; но иногда поступал так, иногда иначе. Не соблюдал закона для того, чтобы проложить путь к будущей высшей мудрости; соблюдал же для того, чтобы до времени обуздать бесстыдный язык иудеев и снизойти к их слабости. И удивительно ли, что Христос таким образом поступал в самом начале Своего благовестия, когда и апостолы, получив повеление идти к язычникам, для всей вселенной отверзать двери евангельского учения, отменить закон, обновить заповеди и прекратить все древнее, - представляются иногда

соблюдающими закон, а иногда преступающими его? Но как, скажешь ты, слова: “**Покажи себя священнику**” относятся к соблюдению закона? И очень относятся. Древний закон требовал, чтобы очистившийся прокаженный не сам себе давал удостоверение очищения, но чтобы являлся пред священником, и представлял ему доказательство своего очищения, и чтобы по суду священника был принимаем в число чистых. Доколе священник не объявлял, что прокаженный очистился, до тех пор последний оставался еще с нечистыми, вне стана. Почему Спаситель и сказал: “**Покажи себя священнику и принеси дар, какой повелел Моисей**” (Мф. 8:4). Не сказал: принеси дар, который Я повелеваю; но до времени отсылает к закону, чтобы таким образом во всех случаях заграждать уста иудеев, - именно, чтобы не сказали, что Он предвосхитил у священников славу, для этого Он дело совершил сам, а испытание предоставил священникам, и их определил судиями Своих чудес. Таким образом, слова Христовы заключают в себе такую мысль: Я не только не хочу сопротивляться Моисею, или священникам, но еще заставляю облагодетельствованных Мною повиноваться им.

3. Но что значит: “**во свидетельство им**”? В обличение, в обвинение и в доказательство, если они не захотят вразумиться. Именно, когда они скажут: мы преследуем Его как соблазнителя и обманщика, как богопротивника и законопреступника, - тогда, говорит Христос, ты засвидетельствуй обо Мне, что Я не преступник закона, потому что, исцелив тебя, отсылаю к закону и на суд священников; а поступать таким образом свойственно тому, кто почитает закон, уважает Моисея и не противится древним постановлениям. Если же такое соблюдение закона не могло доставить им никакой пользы, то отсюда еще более должно заключать о Его уважении к закону, так как Он, хотя и предвидел, что они этим случаем нимало не воспользуются, однако ж, исполнил все то, что только зависело от Него. А что Он это предвидел, видно из Его слов; Он не сказал: для исправления их, или для научения, но: “**во свидетельство им**”, то есть, в обвинение, в обличение и в доказательство того, что Я все для тебя сделал; и хотя Я предвидел, что они не исправятся, но, не взирая и на это, Я не оставил без исполнения того, что надлежало Мне сделать, а они остались пребывать в своем нечестии. Подобным же образом и в другом месте Спаситель говорит: “**И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец**” (Мф. 24:14), - т. е., во свидетельство всем языкам, которые не послушают, не поверят. Для чего же, скажут Ему, всем и проповедовать, если не все уверуют? Для того, отвечает Он, чтобы видно было, что Я, с Своей стороны, исполнил все, что до Меня касается, и чтобы после этого никто не мог обвинять Меня в том, что он не слыхал. Самая проповедь будет свидетельствовать против таковых, и им нельзя уже будет сказать: мы не слышали, потому что слово благочестия пройдет во все концы вселенной.

Так и мы, представляя это, станем исполнять с своей стороны все в отношении к ближним, и всегда благодарить Бога. Преступно было бы, если бы мы на самом деле, наслаждаясь Его благодеяниями, не стали бы исповедывать Его благодати, когда притом это исповедывание приносит нам великую пользу. Не Ему, ведь, потребно что-либо от нас, но нам потребно все от Него. Благодарность ничего Ему не прибавляет, между тем нас приближает к Нему. Если мы, воспоминая о благодеянии людей, большею воспламеняемся к ним любовью, то тем более, непрестанно воспоминая о благодеяниях к нам Господа, будем усердны к заповедям Его. Потому и апостол Павел говорит: “**Будьте благодарны[1]**” (Кол. 3:15). Памятование о благодеянии и непрестанное благодарение есть самое лучшее средство сохранить благорасположение к себе. Вот почему и страшное и столь спасительное таинство, совершаемое во время наших собраний, называется евхаристиею (ευχαριστια, благодарение), - потому что оно служит воспоминанием многих благодеяний, и указывает на важнейшее действие промышления Божия, и чрез все это возбуждает нас к благодарности. В самом деле, если рождение Господа от Девы есть

великое чудо, и евангелист с изумлением говорит: “**А все сие произошло**” (Мф. 1:22), то куда, скажи мне, отнести Его заклание за нас? Если только рождение Его называется – “**все сие**”, то как назвать то, что Он распят и пролил кровь за нас, и самого Себя предложил нам в пищу и пиршество духовное? Итак, станем непрестанно благодарить Его, и да предшествует это благодарение нашим словам и делам. Станем же благодарить за благодеяния, не только нам оказанные, но и другим; таким образом мы в состоянии будем истребить и зависть, и утвердить любовь и соделать ее искреннейшею. Ты уже не в состоянии будешь завидовать тем, за кого благодаришь Господа. Потому-то и священник во время предложения той жертвы повелевает нам благодарить Бога за всю вселенную, за отсутствующих, за находящихся в храме, за тех, которые были прежде нас, и за тех, которые будут после нас. Такое благодарение освобождает нас от земли, переселяет на небо и делает из людей ангелами. И они, составив хор, благодарят Бога за благодеяния Его к нам: “**Слава в вышних Богу, -** воспевают они, **- и на земле мир, в человеках благоволение**” (Лк. 2:14)! А какое, скажешь, имеют отношение к нам те, которые не обитают на земле и не принадлежат к числу людей? Пример их особенно должен быть для нас поучителен. Мы научаемся так любить своих сорабов, чтобы и их блага почитать нашими.

4. Потому и Павел во всех посланиях своих благодарит за блага всей вселенной. Так и мы станем непрестанно благодарить Бога за свои и за чужие, за малые и за великие блага. Хотя бы дар был и мал, но он становится велик потому, что дарован Богом; или лучше, - нет малого ни одного из Его даров, не потому только, что они от Него сообщаются, но и по самому своему свойству, и, не говоря уже о всех прочих благодеяниях Божиих, которые своим множеством превосходят самый песок, - что может сравниться с домостроительством спасения нашего? За нас - врагов Своих - Бог предал Того, Который был для Него всего драгоценнее, единородного Сына Своего; и не только предал, но после предания предложил еще нам Его в пищу. Он все сам для нас сделал: и даровал нам Сына Своего, и соделал нас благодарными за то (чрез таинство евхаристии). Так как человек бывает большею частью неблагодарен, то Бог все относящееся до нас принимает на Себя и совершает. И как иудеям о Своих благодеяниях Он напоминал чрез места, времена и празднества, так точно сделал и здесь, посредством жертвы внушая нам непрестанное памятование о Своих благодеяниях. Таким образом, никто столько не старается сделать нас совершенными, великими и во всем благопризнательными, как сотворивший нас Бог. Потому-то Он благодетельствует часто и против воли, и еще чаще - без ведома нашего. Если же это тебе кажется удивительным, то я покажу тебе, как это сбылось не над кем-либо неизвестным, но над блаженным Павлом. Этот блаженный муж, премного бедствуя и страдая, часто просил Бога удалить от него искушения; однако же, Бог взирал не на прошения его, а на пользу, и показывая это, говорил: “**Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**” (2 Кор. 12:9). Господь, прежде, нежели открыл ему причину, благодетельствовал ему, несмотря на то, что апостол этого не хотел и не знал. Итак, велико ли его требование, когда Он повелевает нам быть благодарными за такое Его о нас попечение? Будем же Ему покорны, и всегда будем соблюдать это повеление. Иудеев ничто столько не губило, как их неблагодарность; и ничто другое, как эта именно неблагодарность, повергала их столь многим и частым казням; а что всего важнее, она же еще прежде этих казней растлила их душу: “**Надежда неблагодарного, -** говорит Премудрый, **- растает, как зимний иней**” (Прем. 16:29). Неблагодарность так же делает душу нечувственною и мертвенною, как холод тело. Это происходит от гордости и оттого, что почитают себя достойными благодеяния. Смиренный же будет благодарить Бога не за блага только, но и за то, что считается противным; и что бы он ни терпел, он не будет думать, что потерпел незаслуженно. Так и мы, чем более преуспеем в добродетели, тем более станем смирять самих себя, потому что и это составляет великую добродетель. Чем острее у нас зрение, тем более познаем, как далеко мы отстоим от неба. Подобным

образом, чем более преуспеваем в добродетели, тем больше научаемся познавать, как велико расстояние между Богом и нами. А немалая мудрость, когда можем сознавать, чего мы стоим. Тот наиболее знает самого себя, кто считает себя за ничто. Вот почему и Давид и Авраам, когда взошли на высшую степень добродетели, тогда особенно явили добродетель смирения: Авраам называл себя землею и пеплом (Быт. 18:27), а Давид - червем (Пс. 21:7). Подобно им, и все святые почитают себя ничтожными. Напротив, кто увлекается гордостью, тот всего менее знает себя. Потому и у нас вошло в привычку говорить о гордых: не ведает себя, не знает себя. А незнающий себя кого будет знать? Как познавший самого себя познает все, так незнающий себя не может узнать и ничего другого. Таков был тот, который говорит: "**Выше звезд Божиих вознесу престол**" (Ис. 14:13). Не познавши самого себя, он не знал и ничего другого. Но Павел не так рассуждал: он называл себя извергом и последним из людей, и после столь многих и столь великих подвигов, совершенных им, не почитал себя даже достойным наименования апостольского. Ему-то будем ревновать и подражать. Подражать же ему мы будем в состоянии тогда только, когда освободимся от земли и от земных забот. Подлинно ничто столько не препятствует человеку познать себя, как прилепление к житейскому; и наоборот, ничто столько не побуждает его прилепляться к житейским делам, как неведение самого себя. Это неведение и привязанность к мирскому зависят друг от друга. Как любящий внешнюю славу и много уважающий настоящие блага, сколько бы ни старался, не может познать себя самого, так, напротив, презирающий земное удобно познает самого себя. А познавший самого себя через то самое будет преуспевать и во всех других добродетелях. Итак, чтобы нам приобрести это благое знание, освободимся от всего временного, что столь сильно воспламеняет нас, и познавши свою бедность, станем оказывать всевозможное смирение и любомудрие, чтобы получить нам и настоящие и будущие блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, держава и честь, со святым и благим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] В синод. переводе "дружелюбны".

БЕСЕДА 26

"Когда же вошел Иисус в Капернаум, к Нему подошел сотник и просил Его: Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает" (Матф. 8:5-6).

1. Прокаженный приступил к Иисусу по сошествии Его с горы, а этот сотник по пришествии Его в Капернаум. Почему же ни тот, ни другой не взошли на гору? Не по нерадению, так как оба имели пламенную веру; но чтобы не прервать Его учения. Сотник, приступив, сказал: "**слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает**". Некоторые говорят, что он в оправдание свое представил и причину, почему не привел и его самого. Невозможно было, говорят, привести расслабленного, который мучился и находился при последнем издыхании. А что отрок находился при последнем издыхании, об этом свидетельствует Лука: "**при смерти**". Но, по моему мнению, это означает великую веру сотника, и гораздо большую, нежели какую имели свесившие (расслабленного) сквозь кровлю. Так как он ясно знал, что довольно и одного повеления, чтобы восстал лежащий, то почел излишним приводить его. Что же делает Иисус? То, чего прежде нигде не делал. Во всех других случаях Он сообразовался с желанием просителей; а здесь Сам предупреждает желание сотника и обещается не только исцелить, но и придти в его дом. А это делает для того, чтобы мы познали добродетель сотника. Если бы Он не обещал этого, а сказал только: иди, да исцелится отрок твой, - тогда бы мы

совершенно не знали о его добродетели. То же самое, хотя противоположным образом, сделал Он и с женой финикийской. Здесь, без приглашения, добровольно сам обещает придти в дом, чтобы ты познал веру сотника и великое смирение. Финикиянке же отказывает в даре, и ожиданию ее как бы не подает надежды. Как опытный и проницательный врач, Он умеет из противного производить противное. Так здесь веру сотника открывает через добровольно обещанное пришествие, а там веру женщины - через продолжительную отсрочку и отказ. Так поступил Он и с Авраамом, сказав: "**утаю ли Я от Авраама**" (Быт. 18:17), - чтобы ты познал Его любовь и попечение о содомлянах. Так и посланные к Лоту отказываются взойти к нему, чтобы ты познал величие страннолюбия этого праведника.

Итак, что же говорит сотник? "**Я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой**" (Матф. 8:8). Послушаем это мы, намеревающиеся принять Христа, - ведь и ныне можно Его принимать, - послушаем и поревнуем, и примем с таким же тщанием. В самом деле, когда ты принял бедного, алчущего и нагого, то принял и напитал Его самого. "**Но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой**". Смотри, как и сотник, подобно прокаженному, имеет надлежащее понятие о Христе. И он не сказал: призови Бога; не сказал: помолись и умилостиви Его; но только - повели. Потом, опасаясь, чтобы Он по смирению не отказался, говорит: "**ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойди, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает**" (Матф. 8:9). Что ж из того, скажет кто-нибудь, если сотник так думал? Дело в том, ведь, одобрил ли и подтвердил ли то Христос? Хорошо и весьма благоразумно ты говоришь. Итак, на это-то и посмотрим; и мы найдем здесь то же, что случилось с прокаженным. Прокаженный сказал: "**если хочешь**" - и мы удостоверяемся во власти Спасителя не только через прокаженного, но и через голос самого Христа, потому что Он не только не отверг такого мнения, но еще более подтвердил его, когда для утверждения его присовокупил излишнее слово, сказав: "**хочу, очистись**". Равно и здесь надобно посмотреть, не произошло ли чего-либо подобного. И действительно найдем, что и здесь случилось то же самое. В самом деле, когда сотник сказал такие слова и засвидетельствовал о такой власти Спасителя, тогда Он не только не осудил его, но и одобрил, и даже более, нежели одобрил. Евангелист не сказал, что Спаситель похвалил только слова сотника, но, показывая важность похвалы, говорит, что Он даже "**удивился**"; и не только удивился, но и в присутствии всего народа представил его другим в пример для подражания. Видишь ли, как каждый из засвидетельствовавших о Его власти восхваляется? "**И, слыша, народ дивился учению Его**" (Мф.7:28), поскольку Он учил "**как власть имеющий**"; и Христос не только не обвинил их, но еще сошел с ними с горы, и через очищение прокаженного утвердил их мнение. Опять прокаженный сказал: "**если хочешь, можешь меня очистить**"; и Христос не только не обличил, но, врачуя его так, как он сказал, очистил его. Также сотник говорит: "**скажи только слово, и выздоровеет слуга мой**". И Иисус, удивляясь ему, говорил: "**и в Израиле не нашел Я такой веры**" (Матф. 8:10).

2. То же можешь ты познать и из противного. Марфа, за то, что не сказала ничего такого, но противное: "**чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог**" (Иоан. 11:22) - не только не похвалена, хотя и знал ее Христос и любил, и хотя она весьма пеклась о Нем, но даже была Им обличена и вразумлена, потому что неблагоразумно сказала. "**Не сказал ли Я тебе**", так говорил ей Христос, "**если будешь веровать, увидишь славу Божью**" (Иоан. 11:40)? - обвиняя так ее, как еще не уверовавшую. И опять, когда она сказала: "**чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе**", Спаситель, отклоняя ее от такой мысли и научая, что Он не имеет нужды заимствовать что-либо от другого, но Сам есть источник благ, говорит: "**Я есть воскресение и жизнь**" (Иоан. 11:25), - то есть, Я не ожидаю получения силы, но Сам Собой все совершаю. Потому-то Он и удивляется сотнику, предпочитает его всему

народу, удостаивает дара царствия и прочих побуждает к соревнованию ему. А, чтобы ты знал, что Он для того сказал это, чтобы и других научить подобной вере, послушай, с какой точностью евангелист указал на это. "**Иисус удивился и сказал**", говорит, "**идущим за Ним: истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры**". Итак, высокая мысль о Нем наиболее всего служит залогом веры, царствия и прочих благ. Христос не только на словах похвалил сотника, но за веру его возвратил ему больного здоровым, и сплетает ему светлый венец, и обещает великие дары, говоря: "**многие придут с востока и запада и возлягут**" на лоне Авраама и Исаака и Иакова; "**сыны царства извержены будут во тьму внешнюю**" вон (Матф. 8:11-12). После того, как Спаситель совершил многие чудеса, Он беседует с народом с большей уже свободой. Потом, чтобы кто не почел Его слова за лесть, но чтобы все знали, что сотник точно такого был расположения, говорит: "**иди, и, как ты веровал, да будет тебе**" (Матф. 8:13). И дело, свидетельствующее о таком расположении его, тотчас последовало: "**и выздоровел слуга его в тот час**". То же случилось и с сирофиникиянкой, так как и ей Спаситель сказал: "**о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час**" (Матф. 15:28). Так как Лука в повествовании о данном чуде со слугой сотника включает много другого, что, по-видимому, показывает разногласие, то нужно и это изъяснить вам. Итак, что говорит Лука? Сотник "**послал к Нему Иудейских старейшин просить Его**" придти (Лук. 7:3). Матфей же говорит, что он сам, придя, говорил: "**недостоин**"! Некоторые говорят, что это - разные лица, хотя они и много имеют сходного. О том говорится: "**любит народ наш и построил нам синагогу**" (Лук. 7:5), а об этом сам Иисус говорит: "**и в Израиле не нашел Я такой веры**". О том не сказано: "**многие придут с востока**", - откуда вероятно, что он был иудей. Что же сказать нам на это? То, что такое решение легко; спрашивается только, истинно ли оно? Я думаю, что это одно и то же лицо. Но от чего же, скажет кто-либо, по свидетельству Матфея, он сказал: "**я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой**"; по свидетельству же Луки, послал за Христом, чтобы Он пришел? Мне кажется, что Лука указывает нам на лесть иудейскую, и на то, что люди, в несчастье будучи непостоянны, часто переменяют намерения. Весьма вероятно, что когда сотник хотел идти, иудеи воспрепятствовали, льстя ему и говоря: мы сходим и приведем Его. Смотри, и самая просьба их исполнена лести. "**Ибо любит**", говорят, "**народ наш и построил нам синагогу**"; и не знают даже, за что нужно похвалить этого мужа. Им надлежало бы сказать, что он сам хотел придти и попросить, а мы воспрепятствовали, зная его несчастье и видя лежащее в доме тело, и, таким образом, надлежало бы представить величие его веры; но об этом они не говорят. По зависти они не хотели обнаружить веру этого мужа; но чтобы призывающего не почли за какого-либо великого человека, они решились лучше помрачить добродетель того, за которого пришли просить, нежели, обнаружив его веру, исполнить то, за чем пришли. Зависть легко может ослепить ум. Но ведущий тайное прославил его против их воли. А что это так, послушай, как сам Лука опять, изъясняя это, говорит: "**когда Он недалеко уже был от дома, сотник прислал к Нему друзей сказать Ему: не трудись, Господи! ибо я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой**" (Лук. 7:6). Как скоро он освободился от докучливости иудеев, то посылает сказать: не подумай, что я не пришел по лености, но потому, что почел себя недостойным принять Тебя в дом.

3. Если же Матфей повествует, что сотник сказал это не через друзей, но сам лично, то это не показывает никакого противоречия. Дело в том, оба ли евангелиста показали благорасположенность этого мужа и то, что он имел достойное мнение о Христе. Вероятно, что и сам он, после того как послал друзей, пришел и сказал то же. Если же Лука не упомянул об этом, а Матфей не упомянул о том, то произошло это не от их разногласия, но более оттого, что один восполнял то, что другой опускал. Смотри, как Лука обнаружил его веру и с другой стороны, сказав: "**отрок был болен при смерти**". Это не повергло сотника в отчаяние и не лишило надежды; но он и в этом случае надеялся, что

отрок его останется в живых. Если же, по словам Матфея, Христос сказал: "**и в Израиле не нашел Я такой веры**", и тем показал, что он не был израильтянином, а Лука повествует, что он построил синагогу, то и здесь нет противоречия, поскольку можно было, и не будучи иудеем, построить синагогу и любить народ иудейский.

Но ты не просто исследуй слова сотника, а прими во внимание еще его положение как египетского начальника, и тогда увидишь добродетель этого мужа. В самом деле, начальствующие бывают весьма надменны и не унижаются в самых несчастьях. Так, упоминаемый у Иоанна (царедворец) влечет Иисуса в дом, и говорит: "**приди**", - отрок мой при смерти (Иоан. 4:49); напротив, сотник не так поступил, но гораздо лучше, нежели и этот царедворец, и те, которые спустили одр сквозь кровлю. Он не домогается телесного присутствия, и не принес страждущего к врачу; а это и показывает, что сотник не низко о Нем думал, но имел богоприличное мнение, когда говорит: "**скажи только слово**". И не с начала говорит: "**скажи слово**", но сперва рассказывает только о болезни, так как по великому смиренномудрию не ожидал, чтобы Христос тотчас его послушал и пошел к нему в дом. Вот почему, когда услышал уже слова Его: "**Я, придя, исцелю его**", тогда говорит: "**скажи слово**". И болезнь не смущала его, но он и в несчастье любомудрствует, имея ввиду не столько здоровье отрока, сколько то, чтобы не показать в действиях своих чего-либо неблагоговейного. Хотя он и не настаивал, но Христос обещал. А он и при этом опасался, чтобы каким-либо образом не выйти из пределов собственного достоинства, и не обременить себя каким-либо тяжким поступком. Видишь ли его благоразумие? Посмотри на безумие иудеев, которые говорят: он достоин, чтобы Ты оказал ему милость. Надлежало бы прибегнуть к человеколюбию Иисуса, а они выставляют достоинство человека, сами не зная, с какой стороны должно выставить его. Напротив, сотник иначе поступил: он сознавал себя весьма недостойным не только благодеяния, но и того, чтобы принять Господа в дом. Потому-то, сказав: "**отрок мой лежит**", не прибавил: "**скажи**", опасаясь сделаться недостойным принятия дара, но рассказал только о своем несчастье. Когда же увидел милосердие Христово, то и в этом случае не настаивал, но соблюл приличную себе меру. А если бы кто спросил: для чего Христос взаимно не почтил его? - мы ответили бы, что Он, напротив, много почтил его: во-первых, тем, что изъявил согласие, как видно это особенно из того, что не пошел в дом; а во-вторых, тем, что ввел его в царство и предпочел всему народу иудейскому. За то, что Он признал себя недостойным даже принять Христа в дом, удостоился получить царство и блага, которыми наслаждается Авраам. Почему же, скажет кто-либо, прокаженный, показавший больше того, не был похвален? Он не сказал: "**скажи слово**", но, - что гораздо более, - пожелай только, как то пророк говорит об Отце: "**творит все, что хочет**" (Псал. 113:11). Но и прокаженный был похвален. Когда Спаситель сказал: "**принеси дар, какой повелел Моисей, для свидетельства им**", то этими словами выразил не иное что, как то, что ты обвинишь их, потому что ты уверовал. С другой стороны, не все равно было - уверовать иудею, и - тем, кто вне народа иудейского. А что сотник не был иудеем, это видно как из того, что он сотник, так и из сказанного о нем: "**и в Израиле не нашел Я такой веры**".

4. Подлинно, весьма много значило, что человек, не из числа иудеев, имел столь высокую мысль о Христе. Мне кажется, он имел представление о воинствах небесных, или о том, что болезни, смерть и все прочее так же подчинено Христу, как ему самому воины. Потому Он и говорил: "**ибо я и подвластный человек**", - т. е., ты Бог, я человек; я под властью, Ты же не под властью. Итак, если я, будучи человеком и находясь под властью, столько могу, то гораздо более можешь Ты, будучи Богом и не находясь под властью. С особенной силой он хочет убедить Его в том, что он представляет это не как пример сходный, но как несравненно высший. Если я, говорит он, будучи равен подчиненным и находясь под властью, при малом преимуществе начальства имею такую силу, что никто мне не противоречит, но что я приказываю, то и делают, хотя бы и различны были

приказания ("**говорю одному: пойди, и идет; и другому: приди, и приходит**"), то гораздо большую силу имеешь Ты. Некоторые же читают это место и таким образом: "**ибо я человек**", и, отделив эти слова знаком, присоединяют: "**имея у себя в подчинении воинов**". Но ты обрати внимание на то, как ясно показал он, что Христос может управлять смертью как рабом, и повелевать как Владыка. Когда он говорит: "**пойди, и идет; приди, и приходит**", то выражает этими словами такую мысль: если Ты повелишь смерти не приходить к нему, она не придет. Видишь ли, какую он имел веру? Он уже ясно открыл то, что впоследствии всем должно было открыться, то есть, что Христос имеет власть над смертью и жизнью, и может низводить во врата ада и возводить. И не только упомянул о воинах, но и о рабах, - что служит знаком большего послушания. Но, несмотря на то, что он имел столь великую веру, он почитал себя еще недостойным. Христос же, показав, что он достоин того, чтобы придти в дом его, сделал гораздо более, когда удивлялся ему, хвалил его и даровал ему более, нежели, сколько он просил. Он пришел искать телесного здоровья отроку, а возвратился, получив царствие. Видишь ли исполнение сказанного: "**ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам**" (Матф. 6:33)? Как скоро сотник явил великую веру и смирение, Христос даровал ему небо и, сверх того, возвратил здоровье его отроку. И не этим только почтил его, но и засвидетельствованием, что он вводится в царствие, и какие люди из него изгоняются. Отсюда Христос для всех уже делает известным то, что спасение - от веры, а не от дел закона. Потому дар этот предложен будет не только иудеям, но и язычникам, и последним более, нежели первым. Не подумайте, говорит, что так случилось только с сотником; то же будет и со всей вселенной. Здесь пророчески говорит Он о язычниках, и им подает благую надежду. Между следовавшими за Ним были и жители Галилеи языческой. Говорил же Он это для того, чтобы не оставить и язычников в отчаянии, и смирить гордость иудеев. Но чтобы Своими словами не оскорбить слушателей, и не подать никакого им повода к сопротивлению, для этого Христос вводит речь о язычниках, не в самом начале, а когда случай к тому подал сотник; и не прямо выражает имя язычников. Не сказал: многие из язычников, но: "**многие от востока и запада**", - что означает язычников. А таким образом не оскорбил слушателей, поскольку сказанное было прикрыто. И не этим только смягчает кажущуюся новость учения, но и тем, что вместо царствия упомянул о лоне Авраама. И это имя для них было неизвестно; между тем, напоминание об Аврааме сильнее угрызало их. Потому и Иоанн сначала ничего не сказал о геенне, но, что особенно их оскорбляло, говорил: "**и не думайте говорить в себе**", что "**отец у нас Авраам**" (Матф. 3:9). Вместе с тем Христос имеет ввиду и другое, именно - чтобы не показаться противоречащим древним уставам. Действительно, кто удивляется патриархам, и недра их называет наследием добрых, тот совершенно уничтожает такое подозрение. Итак, никто не должен думать, что здесь одна только угроза. Иудеям возвещается сугубое наказание, язычникам сугубая радость: первым потому, что они не только отпали, но и отпали от своего; а последним потому, что они не только получили, но и получили то, чего не ожидали. К этому присоединяется третье то, что последние получили принадлежащее первым. Сынами же царствия Спаситель называет тех, кому было уготовано царствие. Это особенно сильно уязвляло иудеев, когда, показав, что по обетованию они пребывают в недрах Авраама, вслед затем тотчас же и исключает их. Далее, так как это изречение было приговором, то Христос утверждает его знамением, - как равно и знамение подтверждает предсказанием, впоследствии исполнившимся.

5. Итак, кто не верит исцелению отрока, тогда бывшему, тот пусть верит в него на основании предсказания, ныне исполнившегося. В самом деле, предсказание прежде события для всех объяснилось знамением, тогда бывшим. Потому-то Спаситель прежде изрек пророчество, а потом исцелил расслабленного, чтобы будущее подтвердилось настоящим, и меньшее - большим. Что добродетельные наслаждаются благами, а злые претерпевают несчастья, это не заключает в себе никакой несообразности, но согласно и с

разумом, и с силой законов. А укрепление расслабленного и воскрешение мертвого - превыше естественных сил. И, однако, этому великому и чудному делу немало содействовал сотник, что и Христос, показывая, сказал: "**иди, и, как ты веровал, да будет тебе**"! Видишь ли, как исцеление отрока обнаружило и силу Христову, и веру сотника, и утвердило будущее? Или лучше, все это возвещало силу Христову, потому что Он не только исцелил тело отрока, но посредством чудес привлек и душу сотника к вере. Но ты взирай не на то только, что один уверовал, а другой исцелился, но и подивись скорости, которую показывая, евангелист говорит: "**и выздоровел слуга его в тот час**", - как и о прокаженном сказал, что он тотчас очистился. Христос являл силу не только через исцеление, но и через то, что производил его нежданно и мгновенно. И не этим только приносил Он пользу, но и тем, что во время совершения чудес часто предлагал учение о царствии, и всех привлекал к нему. Даже и тем, которым Он угрожал извержением, угрожал не для того, чтобы извергнуть, но чтобы, устрашив словами, привлечь к царствию. Если же отсюда иудеи не получали никакой пользы, то во всем виновны сами они и все страждущие их болезнью неверия. Всякому известно, что то же случилось не только с иудеями, но и с уверовавшими. Иуда был сыном царствия, и вместе с прочими учениками слышал: "**сядете на двенадцати престолах**" (Матф. 19:28), однако, сделался сыном геенны. Ефиоплянин же, будучи варваром и одним из тех, которые пришли от востока и запада, удостоился венцов вместе с Авраамом, Исааком и Иаковом. То же и ныне между нами происходит. "**Ибо многие**", говорит Господь, "**будут первые последними, и последние первыми**" (Матф. 19:30). Это сказал Он для того, чтобы как последние не предавались беспечности, как не имеющие сил возвратиться, так и первые не надеялись бы на себя, как твердо стоящие. О том же предвещал раньше и Иоанн, говоря: "**Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму**" (Матф. 3:9). Так как этому надлежало совершиться, то заранее и предвозвещается, для того, чтобы никто не смутился странностью вещи. Но Иоанн, как предтеча, говорит о том как о возможном; а Христос - как о несомненно имеющем быть, и доказывает это делами.

Итак, если стоим, не будем надеяться на себя, но будем говорить себе: "**кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть**" (1 Кор. 10:12); а если лежим, то не будем отчаиваться, но будем говорить себе: "**разве, упав, не встают**" (Иерем. 8:4)? Действительно, многие, достигнув до самой высоты неба, показав всякое терпение, живя в пустынях и не видав женщины даже во сне, но несколько вознерадев, преткнулись и дошли до самой бездны зла. Другие, напротив, из этой бездны возвысились к небу, и от позорища и от места пляски обратились к жизни ангельской, и столь великую явили добродетель, что изгоняли демонов и совершали много других подобных знамений. Такими событиями исполнено Писание, такими примерами исполнена наша жизнь. Любострастные и изнеженные заграждают уста манихеев, которые злобу почитают неизменной, которые служат дьяволу, расслабляют руки желающих упражняться в добре и извращают все уставы жизни. Те, которые внушают такие убеждения, не только причиняют вред в будущем, но и здесь, по возможности, все извращают. Как кто-либо из порочных будет стараться о добродетели, когда он возвращение к добродетели и изменение на лучшее почитает невозможным? Если и теперь, когда и законы существуют и наказания угрожают, когда многих возбуждает слава, когда ожидается геенна и обещается царствие, когда злые осуждаются, а добрые восхваляются, - если и теперь некоторые едва решаются на подвиги добродетели, то, по уничтожении всего этого, что воспрепятствует всеобщему растлению и гибели?

6. Итак, познав коварство дьявольское и то, что как указанные люди, так и те, которые силятся утвердить учение о судьбе, мыслят противно и языческим законодателям, и божественным изречениям, и естественному разуму, и общему мнению всех людей, и варварам, и скифам, и фракиянам, и всем вообще, - будем, возлюбленные, бодрствовать и,

оставив всех этих противников истины, будем шествовать тесным путем с упованием и страхом: со страхом - по причине стремнин, отовсюду предстоящих; с упованием же - потому, что Иисус предходит перед нами. Пойдем с трезвостью и бодрствованием. Если кто хотя несколько задремлет, тотчас низринется. Мы не осмотрительнее Давида, который, несколько вознерадев, низвергнулся в самую бездну греха. Впрочем, он и восстал скоро. Взирай поэтому не на то только, что он согрешил, но и на то, что он очистил свой грех. Для того написана и история его падения, чтобы ты не на падение его взирал, но удивлялся его восстанию; чтобы ты знал, как после падения должно тебе восставать. Как врачи, выбирая самые трудные болезни, описывают их в книгах и учат других способу врачевания, чтобы последние, узнав труднейшие болезни, удобнее могли преодолеть слабейшие, так точно и Бог сделал явными самые великие грехи для того, чтобы те, которые впадают в малые грехи, могли через то удобно исправлять их. В самом деле, если могли быть очищены большие грехи, то тем более меньшие. Итак, рассмотрим, как тот блаженный муж изнемог, и как он восстал в скором времени. Какой же был образ изнеможения? Он учинил прелюбодеяние и убийство. Я не стыжусь громогласно возвещать об этом: если Дух Святый не почел постыдным изложить всю эту историю, то тем более нам не должно скрывать ее. Поэтому я не только возвещаю об этом, но нечто и еще присоединяю. Те, которые скрывают падение Давида, весьма помрачают добродетель этого мужа. И как умалчивающие о сражении его с Голиафом, лишают его немалых венцов, так точно поступают и те, кто оставляют без внимания настоящее повествование. Может быть, мои слова кажутся странными? Но подождите немного, и вы узнаете, что это сказано нами справедливо. Я для того увеличиваю грех, и представляю дело в более странном виде, чтобы в большем обилии приготовить врачевство. Итак, что же мне присоединить? Добродетель мужа. Это увеличивает и вину его: неодинаково ведь осуждается все во всех. "**Сильные**", говорит Писание, "**сильно будут истязаны**" (Прем. Сол. 6:6). И: "**тот, который знал волю господина своего**", и не исполняющий, "**бит будет много**" (Лук. 12:47). Следовательно, большее ведение служит причиной большего наказания. Поэтому иерей, впадающий в одинаковые грехи с подчиненными себе, не одинаковым с ними подвергается наказаниям, но гораздо тягчайшим. Может быть, вы, видя, что вина возрастает, трепещете и устрашаетесь, и удивляетесь мне, как будто бы я хожу по стремнинам; но я столько уверен в праведнике, что простираюсь еще далее. Чем более увеличу вину, тем более в состоянии буду восхвалять Давида. Но можно ли, спросят, сказать что-либо более этого? Можно. Именно: как Каин учинил не только убийство, но и худшее многих убийств, - поскольку он убил не чужого, но брата, и брата не обидевшего, но обиженного, не после многих убийц, но первый изобрел таковое злодеяние, - так и здесь преступление состояло не в одном только убийстве, потому что не простой человек учинил его, но пророк, убил не обидевшего, но обиженного, поскольку этот последний был уже обижен в то время, когда была похищена жена, и, таким образом, к этому преступлению Давид присоединил еще новое. Видите ли, как я не пощадил праведника, и как без всякого послабления рассказал его проступки? Не смотря, однако же, на это, я так надеюсь защитить его, что, не взирая на столь великую тяжесть греха, желал бы, чтобы здесь находились как манихеи, весьма издевающиеся над ним, так и зараженные учением Маркиона, чтобы мне совершенно заградить их уста. Они говорят, что Давид учинил убийство и прелюбодеяние. А я не только то же говорю, но и доказал, что убийство его было двойное, как потому, что убит был обиженный, так и потому, что высоко было достоинство согрешившего.

7. Не одно и то же значит, когда отваживается на такие преступления человек, удостоившийся Духа, столько облагодетельствованный, имеющий великое дерзновение, притом в таком возрасте, - и когда то же самое делает тот, кто лишен всего этого. И при всем том, доблестный этот муж достоин величайшего удивления, потому именно, что он, ниспадши в самую глубину зла, не упал духом, не отчаялся и не остался ниц лежащим,

получив от дьявола столь опасную рану, но скоро, даже тотчас, и с великой силой нанес ему более опасную рану, нежели какую получил. Случилось то же самое, как если бы во время сражения и в строю какой-либо варвар вонзил копье в сердце мужественного воина, или, оставив в груди его стрелу, присоединил к прежней другую опаснейшую рану, а получивший эти тяжкие раны, весь обливаясь потоками крови, проворно встал бы и, пустив копье в своего врага, тотчас бы поверг его замертво на землю. Так точно и здесь, чем большую представишь рану, тем более удивительной покажешь душу уязвленного, - поскольку он, не смотря на эту тяжкую рану, имел силу встать среди строя, и повергнуть того, кем был поражен. Как это важно, особенно знают те, которые впадают в тяжкие грехи. Подлинно, не столько тогда открывается мужественная и твердая душа, когда кто-либо без падений пробегает путь (потому что таковой имеет спутником своим благую надежду, возбуждающую, ободряющую, укрепляющую и делающую его ревностнейшим), сколько тогда, когда кто-либо, после бесчисленных венцов, многих трофеев и побед, претерпевая крайний урон, опять может вступить на прежние пути. Для большей ясности, я постараюсь предложить вам другой пример, не менее важный, в сравнении с первым. Вообрази, что какой-нибудь мореплаватель, бывший на бесчисленных морях, проплывший все море, после многих бурь, подводных камней и волн, имея много товара, стал бы утопать при самом входе в пристань, и едва с нагим телом избег бы этого опасного кораблекрушения: в каком он будет расположении к морю, к плаванию и к морским опасностям? Не обладая особенно сильным характером, захочет ли он когда-нибудь посмотреть на берег, на корабль, на пристань? Не думаю; он скроется, будет лежать, не различая дня от ночи и от всего отказываясь, - предпочтет лучше жить милостыней, чем приняться за прежние труды. Не таков был блаженный Давид; но, после бесчисленных трудов и подвигов, претерпев ужасное кораблекрушение, не скрылся, а извлек корабль и, распустив паруса и взявшись за кормило, принялся за прежние труды - и опять собрал богатство, большее прежнего. Если стоять и после падения не лечь навсегда - достойно удивления, то каких венцов достоин тот, кто тотчас же встает и совершает великие дела? Много было для Давида побуждений к отчаянию: и, во-первых, величие греха; во-вторых, то, что он потерпел это крушение не в начале жизни, когда больше надежд, а под конец, - ведь и купец, претерпевший кораблекрушение тотчас же по выходе из пристани не одинаково скорбит с тем, который после бесчисленных куплей попал на подводный камень; в-третьих, то, что он претерпел это уже после того, как собрал великое богатство. В самом деле, немало у него было тогда сокровищ: были, например, сокровища, которые приобрел он в первом возрасте, когда был пастухом, - в сражении с Голиафом, когда поставил блистательный трофей, - в мудром обращении с Саулом. Поистине, Давид показывал евангельское великодушие, когда, тысячекратно имея в руках врага, всегда щадил его и лучше решил лишиться отечества, свободы и самой жизни, нежели умертвить того, который несправедливо строил ему козни. Немало также он имел добродетелей после принятия царства. Кроме всего сказанного и худое мнение народа, а равно и лишение столь блистательной славы - производили не малое смущение. Не столько украшала его порфира, сколько покрывало стыдом пятно греха.

8. Вы, конечно, знаете, как тяжко бывает тому, чьи грехи разглашаются, и какое великое мужество требуется от такого человека, чтобы после всеобщего обвинения и после того, как много находится свидетелей его преступлений, не упасть духом. Но тот доблестный муж, извлекши из души своей все эти стрелы, столько после того просиял, так омыл пятно, так очистился, что и по смерти заглаживал грехи своих потомков. И что сказал Бог об Аврааме, то же говорит и о Давиде, - и о нем даже гораздо более. О патриархе Он говорит: я вспомнил "**завет Свой с Авраамом**" (Исход. 2:24); говоря же о Давиде, не о завете говорит, а о чем? "**Ради Давида, раба Моего буду охранять город сей**" (4 Цар. 19:34). И, по благоволению к нему, не попустил лишиться царства Соломону, столь тяжко согрешившему. И до того велика была слава Давида, что Петр, после столь многих лет

произнося к иудеям речь, так говорит: "**с дерзновением сказать вам о праотце Давиде, что он и умер и погребен**" (Деян. 2:29). И Христос, беседуя с иудеями, показывает, что он после греха удостоился такой благодати Духа, что и опять сподобился пророчествовать о Его божестве. Заграждая его пророчеством уста их, Он говорил: "**как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня**" (Матф. 22:43-44). И что совершилось над Моисеем, то и над Давидом. Подобно тому, как Бог, против воли Моисея, по великой Своей любви к этому праведнику, наказал Мариам за обиду брата, так скоро отомстил и за Давида, оскорбленного сыном, хотя Давид того и не желал. И этого достаточно. Чтобы доказать добродетель этого мужа, и это даже более чем что-либо другое может служить доказательством ее. Когда Бог утверждает, тогда не нужно более исследовать. Если же хотите подробно знать мудрость Давида, то, прочитав историю его после греха, можете увидеть его упование на Бога, любовь, возрастание в добродетели и тщание до последнего издыхания. Итак, имея такие примеры, будем бодрствовать и остерегаться от падения. Если же и случится нам пасть, то не будем лежать. Я не для того упомянул о преступлениях Давида, чтобы повергнуть вас в беспечность; но для того, чтобы большее произвести опасение. Если даже этот праведник, несколько вознерадев, подвергся таким страданиям и получил такие раны, то чего не потерпим мы, каждодневно предающиеся беспечности? Итак, познавши его падение, не предавайся нерадению, но представь, сколько совершил он и после него, сколько пролил слез, сколь великое являл раскаяние, день и ночь испуская источники слез и омывая ими постель, и сверх того, облекаясь во вретище. Если же для него потребно было такое поведение, то, как можем спастись мы, несмотря на множество преступлений, не имеющие сокрушения? Кто еще имеет великие добродетели, тот удобно может покрыть ими грехи; не имеющий добродетелей, откуда бы ни был поражен стрелой, получает смертельный удар. Итак, чтобы этого не случилось, вооружим себя добрыми делами, и, если учиним какое-либо преступление, будем очищать себя, чтобы, проведя настоящую жизнь во славу Божью, удостоиться нам наслаждения будущей жизнью, которую все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 27

"Придя в дом Петров, Иисус увидел тещу его, лежащую в горячке, и коснулся руки ее, и горячка оставила ее; и она встала и служила им" (Матф. 8:14-15).

1. Марк, желая показать и время, говорит: "**и тотчас**" (Марк. 1:30); а Матфей описал только чудо, не означив времени. Другие говорят, что больная даже просила Его; но Матфей и об этом умолчал. Впрочем, в этом нет разногласия: одно происходит от краткости, а другое от полноты повествования. Но для чего Христос вошел в дом Петров? Мне кажется, для принятия пищи; на это указал и евангелист, когда сказал: "**встала и служила им**". Христос останавливался у учеников, как например, и у Матфея, когда его призвал, чтобы через то почтить их и сделать усерднейшими. Но ты и здесь заметь Петрово почтение к Нему. Имея тещу, лежащую дома в сильной горячке, он не привел Его в дом свой, но ожидал, пока будет окончено учение и исцелятся все прочие; и тогда уже, когда Он вошел в дом, начал просить Его. Так он с самого начала научался предпочитать выгоды других своим. Итак, не Петр приводит Его в дом, но Он сам по собственной воле пришел, после того как сотник сказал: "**я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой**", показывая, сколько Он благоволил к ученику. Но представь, каковы были дома этих рыбаков; при всем том Христос не гнушался входить в их бедные хижины, научая тебя во всем попирать человеческую гордость. Иногда Он словами только исцеляет, иногда и руку простирает, а иногда делает и то и другое, чтобы видимо было врачевание Его. Он не хотел всегда чудодействовать необычайным образом. Но Ему надлежало еще скрываться,

и особенно при учениках, потому что они в великой радости все бы рассказали. И это видно из того, что, по восшествии на гору, Он почел нужным объявить им, чтобы они никому не сказывали. Итак, коснувшись тела, Он не только прекратил горячку, но и вполне возвратил здоровье. Так как болезнь была незначительна, то Он явил Свое могущество в способе лечения, чего не могло бы сделать врачебное искусство.

Вам известно, что и по освобождении от горячки больным требуется много времени для того, чтобы придти в прежнее здоровье. Но тогда все зараз последовало. И не здесь только случилось это, но и на море. И там Он не только укротил ветры и бурю, но тотчас остановил и самое движение волн, что было также странно. (Обычно) и после того, как буря прекратится, волны еще долго колеблются. Но у Христа не так; у Него все вместе прекращалось. Так именно случилось и с этой женой. Указывая на это, евангелист и говорит: "**встала и служила им**", - что было знаком и силы Христовой и расположения жены, которое она оказывала к Христу. Отсюда мы можем усматривать вместе и то, что Христос по вере одних дает исцеление другим (здесь именно просили Его другие, как то было и с отроком сотника). Впрочем, Он благодетельствует, если только желающий исцеления не упорствует в неверии, а только или по причине болезни не может придти к Нему, или по причине неведения и незрелого возраста не имеет о Нем высокого понятия. "**Когда же настал вечер, к Нему привели многих бесноватых, и Он изгнал духов словом и исцелил всех больных, да сбудется реченное через пророка Исаию, который говорит: Он взял на Себя наши немощи и понес болезни**" (Матф. 8:16-17). Видишь ли, как многие, наконец, уверовали? Они не хотели удалиться, хотя время и побуждало к тому, и не почитали неблаговременным приводить вечером больных своих. Заметь, о каком множестве исцеленных евангелисты умалчивают, когда не говорят нам и не повествуют о каждом порознь, но одним словом переходят неизреченное море чудес. Потом, чтобы величие чуда не повергло в недоверие, что Он такое множество и от столь различных болезней освободил и исцелил в одно мгновение времени, евангелист приводит пророка, свидетельствующего о случившемся, показывая тем, что доказательство, заимствованное из Писания, во всяком случае, важно и не ниже самых знамений. Исаия сказал, говорит он, что Христос "**взял на Себя наши немощи и понес болезни**". Пророк не сказал: освободил, но - взял и понес: это, мне кажется, сказано пророком более о грехах, согласно со словами Иоанна: "**вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира**" (Иоан. 1:29).

2. Итак, почему же здесь евангелист относит это пророчество к болезням? Или потому, что принимал это свидетельство буквально, или для того, чтобы показать, что большая часть болезней есть следствие грехов душевных. В самом деле, если самая смерть, утверждение болезней, имеет своим корнем и началом грех, то тем более многие болезни. Точно также и то, что мы можем подвергаться болезням, родилось от греха. "**Увидев же Иисус вокруг Себя множество народа, велел ученикам отплыть на другую сторону**" (Матф. 8:18). Видишь ли, опять как Он чужд тщеславия? Другие евангелисты говорят, что Он запрещал демонам сказывать, кто Он; а Матфей говорит, что Он удалял от Себя народ. Делал Он это с одной стороны для того, чтобы научить нас скромности, с другой - для того, чтобы укротить иудейскую зависть и убедить нас ничего не делать из тщеславия. Он не только исцелял тела, но и исправлял душу, научая благочестию; показывал Себя и в том, что исцелял болезни, и в том, что ничего не делал из тщеславия. Действительно, многие из любви и удивления к Нему, и желая всегда наслаждаться Его лицезрением, неотступно пребывали при Нем. Да и кто бы удалился от творившего такие чудеса? Кто бы и просто не захотел взирать на Его лицо и уста, изрекающие такие слова? Он достоин удивления не только по чудесам, но даже и один вид Его исполнен был великой приятности, как показывает то пророк, говоря: "**прекраснее сынов человеческих**" (Псал. 44:3). Когда же Исаия говорит: "**не было в Нем вида, который привлекал бы**" (Иса.

53:2), то говорит это или о непостижимой и неизреченной славе Божества, или о том, что случилось с Ним во время страдания, и именно - о бесчестии, которое претерпел Он во время распятия на кресте, или о смирении, которое являл во всем, в продолжение целой жизни. Далее Спаситель не прежде повелел ученикам переправиться на ту сторону, как по исцелении болезней. Иначе народ не мог бы перенести этого. Как на горе он не только пребывал с Христом тогда, как Он проповедовал, но и последовал за Ним, когда Он молчал, так и здесь прикреплялся к Нему, не только тогда, когда Он чудодействовал, но и когда перестал чудодействовать, и от самого лица Его получал великую пользу. В самом деле, если Моисей имел прославленное лицо, и Стефан лицо ангельское, то представь, каков тогда должен быть вид общего Владыки! Может быть, многие воспламенились желанием узреть Его образ; но если мы пожелаем, то узрим и гораздо лучший образ. Если мы с упованием проведем настоящую жизнь, то увидим Его на облаках, встретив в бессмертном и нетленном теле. Смотри, с каким благоразумием Спаситель отсылает народ, чтобы не устрашить. Он не сказал: удалитесь; но повелел переплыть на ту сторону, обнадеживая, что и Он непременно придет туда. Но тогда как народ показал столько любви к Христу и с таким усердием следовал за Ним, один раб богатства и весьма надменный человек подошел к Нему и сказал: "**Учитель! я пойду за Тобой, куда бы Ты ни пошел**" (Матф. 8:19). Видишь ли, какова гордость? Почитая недостойным считать себя между простым народом, но, показывая, что он гораздо выше черни, с такими мыслями приступает к Иисусу. Таковы уже иудейские нравы; они обычно исполнены неблаговременного дерзновения. Точно также впоследствии и некто другой, когда все молчали, сам, приступив, сказал: "какая первая заповедь" (Матф. 22: 36)? Впрочем, Господь не осудил его за неуместную дерзость, научая нас тому, что бы мы терпели и таковых. Потому-то Он не обличает явно тех, которые имели злые намерения, но Свои ответы направляет против их мысли, предоставляя им одним видеть обличение, и доставляя им двоякую пользу: во-первых, тем, что показывал в Себе знание сокровенного в совести; во-вторых, тем, что не смотря на такое сердцеведение, попускал скрывать свои намерения, и давал возможность исправиться, если только захотят. Таким точно образом поступил Он и с приступившим к Нему теперь. Последний, видя многие знамения, и то, что многие ими были привлекаемы к Иисусу, надеялся обогатиться от таковых чудес, почему и поспешил заявить о своем желании следовать за Ним. Но из чего это известно? Из ответа, который дает Христос, сообразуясь не со словами вопроса, но с мыслью. Что же, - говорит ему Христос, - ты надеешься, следуя за Мной, собирать деньги? Не видишь ли, что у Меня нет жилища даже и такого, какое имеют птицы? "**Лисицы**", говорит Он, "**имеют норы и птицы небесные - гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову**" (Матф. 8:20). Впрочем, это сказал Он не для того, чтобы отдалить его от Себя, но чтобы обличить его худое намерение и доставить случай следовать за Собой с таковой надеждой, если захочет. А чтобы узнать тебе его лукавство, смотри, что он делает. Услышав слова Христовы и будучи обличен, он не сказал: готов последовать.

3. Подобным образом часто поступал Христос и в других случаях. Хотя явно не обличал Он, но ответом показывал мысль к Нему приходивших. Так и тому, который говорил: "**Учитель благий**" (Матф. 19:16) и этой лестью думал расположить Его к себе, Он, имея ввиду его намерение, отвечал: "**что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог**" (Матф. 19:17). И когда говорили Ему: "**вот Матерь Твоя и братья Твои**" ищут Тебя (Матф. 12:47) (так как последние еще имели в себе нечто человеческое, и желали не услышать что-нибудь полезное, но показать, что они близки к Нему, и тем тщеславиться), послушай, что говорит: "**кто Матерь Моя? и кто братья Мои**" (Матф. 12:48)? И опять самим братьям Своим, которые говорили Ему: "**яви Себя миру**" (Иоанн. 7:4), и желали через то приобрести себе тщетную славу, сказал: "**Мое время еще не настало, а для вас всегда время**" (Иоан. 7:6). То же самое делает и с противной стороны. Так о Нафанаиле говорит: "**вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства**"

(Иоан. 1:47). И опять: "**пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите**" (Матф. 11:4). И здесь Он дал ответ не на слова, но на мысль пославшего. Подобным образом, и к народу говорит сообразно с его внутренним расположением: "**что смотреть ходили вы в пустыню**" (Лук. 7:24)? Так как народ, вероятно, думал об Иоанне, как о простом и обыкновенном человеке, то, исправляя такое его мнение, говорит: "**что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую? человека ли, одетого в мягкие одежды**" (Лук. 7:24-25)? - показывая через то и другое, что он и сам в себе тверд, и не может быть расслаблен никакими удовольствиями. Так точно и здесь Христос дает ответ, сообразный с мыслью говорившего. Приметь, какую кротость показывает Он и в настоящем случае. Он не сказал: хотя Я имею, однако презираю; но сказал: не имею. Видишь ли, сколь великую Он имел осмотрительность и вместе снисходительность? Ел ли Он когда, пил ли, или казался делающим что-либо несогласно с Иоанном, - Он делал и это для спасения иудеев, или лучше, для спасения целой вселенной, и, вместе, заграждая уста еретиков, и сильно желал привлечь к Себе бывших тогда при Нем. Другой же некто, продолжает евангелист, сказал Ему: "**Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего**" (Матф. 8:21).Видишь ли различие? Тот бесстыдно говорит: "**я пойду за Тобой, куда бы Ты ни пошел**"; а этот, даже испрашивая позволение на благочестивое дело, говорит: "**позволь мне**". Впрочем, Христос не позволил, а сказал: "**иди за Мной, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов**" (Матф. 8:22). Спаситель везде обращал внимание на намерение. Но почему, скажет кто-либо, не позволил? Потому что и без него было кому исполнить то дело, и умерший не остался бы без погребения; между тем ученику не должно было удаляться от дела более необходимого. Сказав же: "**своих мертвецов**", показывает, что мертвец не Его. Умерший, по моему мнению, был из неверующих. Если же ты удивляешься юноше в том, что он спрашивал Иисуса о столь необходимом деле и не удалился самовольно, то тем более подивись тому, что он остался при Иисусе и тогда, когда получил запрещение. Но скажет кто-либо: не быть при погребении отца не было ли знаком крайней неблагодарности? Если бы он сделал это по лености, то оказал бы неблагодарность; но если сделал это для того, чтобы не прервать необходимейшего дела, то в таком случае удалиться было бы знаком величайшего неразумия. Конечно, Иисус запретил ему не потому, чтобы повелевал не воздавать почтения родителям, но с целью показать, что ничто не должно быть для нас необходимее небесного, и что с великим тщанием должно стараться о небесных благах и не забывать о них даже на самый краткий срок, хотя бы отвлекали от того самые нужные и неминуемые дела. В самом деле, что может быть необходимее погребения отца и что легче? На это потребно было немного времени. Если же и настолько времени, сколько нужно для погребения отца, не безопасно оставлять духовные предметы, то представь, чего будем достойны мы, которые всегда оставляем дела христианские и самое маловажное предпочитаем необходимому, и без всякого побуждения предаемся нерадению. Далее, мудрости учения Спасителя должно удивляться и потому, что Он сильно привлек к Себе юношу словом и, вместе с тем, освободил его от бесчисленного множества зол, как-то: от рыданий, плача и всего отсюда происходящего. Действительно, после погребения нужно было рассматривать завещания, заниматься разделом наследства и всем прочим, что происходит в таких случаях, - и, таким образом, волна за волной, унося его все дальше, весьма далеко увлекли бы от пристанища истины. Потому-то Христос влечет и прикрепляет его к Себе. Если же ты еще удивляешься и смущаешься тем, что ему не было дозволено находиться при погребении отца, то вообрази, что многие не дают знать малодушным о смерти их ближних и не допускают быть при гробе, хотя бы умер отец, или мать, или сын, или другой кто-либо из родственников, и мы за это не обвиняем их в жестокости и бесчеловечии - и весьма справедливо. Напротив, допускать малодушных предаваться плачу - было бы делом жестокости.

4. Но если худо плакать и сокрушаться о сродниках, то гораздо хуже удаляться от духовных наставлений. Вот почему Спаситель в одном месте и говорит: "**никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия**" в царствии небесном (Лук. 9:62). Подлинно, гораздо лучше проповедовать царствие Божье и других избавлять от смерти, нежели погребать ни к чему не нужного умершего, и особенно тогда, когда есть люди, могущие исполнить это дело. Итак, отсюда научаемся мы тому, что не должно терять и малого времени, хотя бы было бесчисленное множество побуждений к тому, но всему, даже самому необходимому, должно предпочитать духовное, и знать, в чем состоит жизнь и в чем смерть. Многие ведь, из тех которые, по-видимому, живут, ничем не различаются от мертвых, когда живут во зле; вернее - они даже хуже мертвецов. "**Умерший освободился от греха**" (Рим. 6:7), говорит апостол. А тот, кто живет во зле, служит греху. Не говори мне, что он не съедается червями, не лежит в гробу, не закрыл глаз и не обвит пеленами. Он большие претерпевает мучения, нежели умерший, не потому, чтобы черви съедали его, но потому, что страсти душевные терзают его лютее зверей. А если у него открыты глаза, то и это опять гораздо хуже того, как если б они были закрыты. Глаза умершего ничего не видят худого; а этот, имея открытые глаза, подвергает себя бесчисленным болезням. Тот лежит в гробу ничего не чувствуя; а этот заключен в гробу бесчисленных болезней. Но ты не видишь гниения его тела? Что же? Душа его еще прежде тела растлилась, погибла и подвергается большему гниению. Тот смердит десять дней, а этот во всю жизнь дышит зловонием, имея уста хуже всяких нечистых мест, - так что они различаются между собой только тем, что один подвергается только естественному тлению, а другой к нему присоединяет еще гниение, происходящее от нечестивой жизни, ежедневно вымышляя для себя бесчисленные причины растления. Но этот ездит на коне? Что же? Умерший лежит на одре. Но что важнее, его никто не видит истлевающим и сгнивающим, потому что он имеет гроб своим покровом; а этот смердит повсюду, нося мертвую душу в теле, как в гробу. И если бы можно было увидеть душу человека, живущего в роскоши и нечестии, то ты увидел бы, что гораздо лучше лежать связанным в гробу, нежели быть окованным цепями греховными; лучше иметь на себе лежащий камень, нежели тяжкий покров бесчувственности. Вот почему сродникам этих мертвецов, когда они пребывают в такой бесчувственности, особенно должно приступать к Иисусу с молением о них, подобно тому, как Мария молила о Лазаре. Пусть будет он смердящим, пусть четвородневным, - не отчаивайся, но приступи и отвали прежде камень, - и тогда увидишь его лежащим как бы в гробу и обвитым пеленами. И, если вам угодно, я представлю кого-нибудь из великих и знатных мужей. Не бойтесь: я представлю пример, не указывая на имя; - впрочем, если бы я открыл и имя, то и тогда не надлежало бы бояться. Кто, в самом деле, когда-либо боялся мертвого? Что бы он ни стал делать, всегда остается мертвым. Мертвый живому не может сделать никакого оскорбления. Итак, посмотрим на связанную голову таковых мертвецов. В самом деле, так как они беспрестанно пьяны, то у них, на подобие того, как мертвые связываются многими покровами и пеленами, все чувства заключены и связаны. Если же хочешь посмотреть и на руки, то увидишь, что и они, так же как у мертвых, привязаны к чреву и обвязаны не пеленами, а что гораздо хуже, узами любостяжания. Оно не допускает им простираться к милостыне или к другому какому-либо доброму делу, но делает их гораздо бесполезнее рук умерших. Хочешь ли видеть и ноги связанные? Смотри - они также связаны заботами и оттого никогда не могут прибегать в храм Божий. Ты видел мертвого; теперь смотри и на погребающего. Итак, кто же погребает этих мертвецов? Дьявол, тщательно связывающий их и не дозволяющий уже человеку казаться человеком, но сухим деревом. Кто не имеет ни глаз, ни рук, ни ног, ни других членов, тот как может казаться человеком? Таким образом, можно видеть, что и душа их обвита пеленами, и есть скорее идол, нежели душа. Итак, поскольку они пребывают в бесчувственности, сделавшись некоторым образом мертвыми, то мы приступим к Иисусу, будем молить Его об их воскресении, отвалим камень, развяжем

пелены. Как скоро ты отвалишь камень, т. е. отнимешь ту бесчувственность, которую они показывают во зле, то тотчас изведешь их из гроба, а, выведя отсюда, гораздо удобнее освободишь их от оков. Когда ты воскреснешь, тогда познает тебя Христос; когда разрешишься от уз, тогда Он призовет тебя и к Своей вечери. Итак, вы, друзья Христовы, ученики Его, - вы, любящие умершего, приступите к Христу и помолитесь! Пусть умерший исполнен чрезмерного зловония; сродники не должны оставлять его и в этом случае, но тем более приступать к Богу (чем более умножается тление), подобно как сделали и сестры Лазаревы; должны до тех пор просить, молить и умилостивлять Бога, доколе мы не увидим его живым. Если мы будем так стараться о себе и о ближних, то скоро достигнем и будущей жизни, которую все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 28

"И когда вошел Он в лодку, за Ним последовали ученики Его. И вот, сделалось великое волнение на море, так что лодка покрывалась волнами; а Он спал" (Матф. 8:23-24).

1. Лука, не входя в исследование порядка времен, говорит так: "**в один день Он вошел с учениками Своими в лодку**" (Лук. 8:22). Точно так же говорит и Марк. Но Матфей поступает не так: он соблюдает здесь и самый порядок происшествий. Не все евангелисты обо всем писали одинаково, - о чем и прежде говорил я, чтобы кто-нибудь из опущения не заключил, что между евангелистами есть разногласие. Итак, Христос послал прежде народ, а учеников взял с Собой, как они свидетельствуют о том; взял же их не без цели и не без намерения, но для того, чтобы сделать их зрителями чуда, имеющего совершиться. Он, как некий наилучший наставник детей, поучал их тому, чтобы они с одной стороны были бесстрашны среди бедствий, а с другой - смирялись среди почестей. Чтобы они не превозносились тем, что Спаситель, отослав прочих, удержал их при Себе, - для достижения этой цели и вместе для приучения их к мужественному перенесению искушений, попустил им обуреваться волнами. Хотя, конечно, велики были и прежние чудеса, но настоящее чудо и заключало в себе немалое назидание, и было знамением, подобным древнему. Потому Спаситель и берет с Собой одних только учеников. Где совершались одни только чудеса, там дозволял Христос быть и народу; но где предстояли искушения и ужасы, там Он брал с Собой одних только подвижников вселенной, которых Он хотел обучить. Далее, Матфей говорит просто, что Иисус "**спал**"; а Лука говорит, что Он "**спал на возглавии**", показывая через то Свое смирение, и поучая нас великой мудрости. Итак, когда поднялась буря и море сильно волновалось, ученики будят Его, говоря: " **Господи! спаси нас, погибаем**" (Матф. 8:25). Спаситель, прежде чем усмирить море, обратился к ним с обличением. Буря, как сказал я, попущена была для научения учеников; это было образом имеющих постигнуть их искушений, так как и после того Спаситель часто попускал им впадать в жесточайшие бедствия, и через то укреплял дух их. Потому и Павел говорил: "**мы не хотим оставить вас, братья, в неведении, потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых**" (2 Кор. 1:8). И далее опять говорит: "**Который избавил нас от столь близкой смерти**" (2 Кор. 1:10). Итак, Иисус прежде всего укорил учеников Своих, показывая тем, что надобно быть мужественными и среди сильнейшего обуревания волн, что Он все устраивает во благое. Так и самое смущение их принесло им пользу, поскольку чудо представилось им гораздо важнейшим, и происшествие навсегда сохранилось в их памяти. Когда Бог имеет намерение совершить что-нибудь чудесное, то сначала предустраивает многое для утверждения его в памяти людей, чтобы они не забывали совершенного Им чуда. Так и Моисей сначала страшится змия, и страшится не просто, но и с великим смущением, и потом уже видит совершающееся чудо; так и ученики ожидали сначала себе погибели, а потом получили спасение, чтобы они, через уверенность в опасности, познали

величие чуда. Вот почему Спаситель и предается сну. В самом деле, если бы буря случилась во время Его бодрствования, то они или не устрашились бы, или не стали бы Его просить, а может быть даже не подумали бы, что Он может совершить подобного рода чудо. Потому-то Он и предался сну, чтобы дать им время испытать страх, и заставить их сильнее почувствовать происходящее. Человек иначе смотрит на то, что случается с другими людьми, и что случается с ним самим. Так как ученики видели всех других облагодетельствованными, а себя самих не получившими никакого благодеяния, и были беззаботны (они ведь ни хромы не были, и никакой другой подобной болезни не имели), и потому им надлежало собственным чувством испытать Его благодеяния, то Он попускает восстать буре, чтобы им через спасение от нее сильнее почувствовать Его благодеяние. Вот почему Спаситель совершает чудо и не в присутствии народа, чтобы не обвинили учеников в маловерии; но, взявши их с Собой одних, исправляет, и прежде укрощения волнения вод, укрощает волнение душ их, укоряя их такими словами: "**что вы так боязливы, маловерные**" (Матф. 8:25)? и вместе научая, что не нашествие искушений, но слабость духа производит страх. А если кто скажет, что ученики не по страху и не по маловерию приступили к Иисусу и разбудили Его, то я скажу, что это-то самое особенно и было доказательством ненадлежащего их о Нем мнения. Они были уверены в том, что Он, встав, может укротить бурю; но что может сделать это и во время сна - в этом не были уверены. И что удивляться несовершенству их в настоящем случае, когда они и после многих других чудес еще оставались весьма несовершенными? Потому-то Христос часто и укоряет их; так, например, когда говорит: "**неужели и вы еще не разумеете**" (Матф. 15:16)? Итак, не удивляйся, если народ не имел о Нем высокого понятия, когда и сами ученики пребывали несовершенными. "**Удивляясь**", говорит евангелист, "**говорили: кто это, что и ветры и море повинуются Ему**" (Матф. 8:27)? Впрочем, Христос не обличил их в том, что Его называли человеком; но ждал, до времени вразумляя их чудесами, что такое их мнение о Нем ошибочно. Отчего же почитали Его человеком? Оттого, что Он имел образ человеческий, спал и был на корабле. Поэтому-то они в недоумении и говорили: "**кто это**"? Тогда как сон и внешний вид показывали в Нем человека, - море и тишина являли в Нем Бога.

2. Хотя и Моисей сотворил некогда подобное же чудо, однако, и здесь открывается преимущество Христа, потому что Моисей чудодействовал как раб, а Христос - как Господь. Христос не простирал жезла, подобно Моисею, не воздевал рук к небу, не имел нужды в молитве; но, как Господь, повелевающий рабу и Творец твари, единым словом и повелением Он укротил и усмирил море, и буря тотчас совершенно утихла, так что не осталось никакого и следа волнения. Евангелист изобразил это так: "**и сделалась великая тишина**". И что было сказано о величии Отца Его, то Он опять явил в делах Своих. Что же было сказано об Отце? "**Скажет**", говорит пророк, "**и восстанет бурный ветер**" (Псал. 106:25). Так и здесь говорится: сказал - "**и сделалась великая тишина**". Потому-то особенно и удивлялись Ему люди; между тем они не удивились бы, когда бы Он поступил подобно Моисею. После того, как Христос удалился от моря, последовало другое, страшнейшее чудо. Беснующиеся, как злые беглецы, увидев Господа, говорили: "**что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? пришел Ты сюда прежде времени мучить нас**" (Матф. 8:29). Тогда как народ почитал Его человеком, бесы пришли исповедать божество Его, и те, которые оставались глухими при возмущении и укрощении моря, услышали демонов, взывавших о том, о чем возвещало море своей тишиной. Потом, чтобы слова их не показались лестью, они самым опытом доказывают их истину: "**пришел Ты сюда**", вопияли они, "**прежде времени мучить нас**". Потому-то, прежде всего, они и сознаются в своей вражде, чтобы их прошение не подверглось подозрению. Действительно, будучи пронзаемы, воспламеняемы и претерпевая нестерпимые мучения от одного только присутствия Христова, они невидимо подвергались истязаниям и обуревались сильнее моря. Тогда как никто не осмелился приблизиться к ним? Христос сам подходит к ним. По

свидетельству Матфея, они сказали: "**Ты сюда прежде времени мучить нас**". Другие же к этому присовокупили и то, что бесы умоляли Его и заклинали не ввергать их в бездну. Они думали, что уже настало время их наказания, и боялись, как бы уже имеющие подвергнуться мучению. То, что Лука упоминает об одном беснующемся, тогда как Матфей говорит о двух, не показывает между ними разногласия. Разногласие между ними оказывалось бы только тогда, когда бы Лука сказал, что один только был беснующийся, а другого не было. Когда же один говорит об одном, а другой о двух, то это не есть признак противоречия, а показывает только различный образ повествования. И мне кажется, что Лука упомянул о том только, который был лютейшим из них, почему и бедствие его представляет более плачевным, говоря, например, что он, расторгая узы и оковы, блуждал по пустыне; а Марк свидетельствует, что он еще бился о камни. Да и самые слова их достаточным образом обнаруживают их лютость и бесстыдство, потому что они говорили: "**Ты сюда прежде времени мучить нас**". Они не могли сказать, что не согрешили; но просят Его не подвергать их наказанию прежде времени. Так как Спаситель нашел их делающими нестерпимые лютости и злодеяния, и всяким образом обезображивающими и мучащими Его творение, то бесы и думали, что Он, по причине чрезмерных их злодеяний, не будет отлагать времени наказания. Потому-то они просили и умоляли Его. Таким образом, те, которых не могли удержать и узы железные, приходят связанные; те, которые бегали по горам, выходят на поле; те, которые другим преграждали путь, останавливаются, увидев преграждающего им самим путь. Но почему они любили жить в гробах? Потому, что им хотелось во многих посеять пагубное учение, то есть, что души умерших превращаются в бесов, чего никогда не должно даже и в уме представлять. Что же ты скажешь на то, - спросит кто-нибудь, - что многие из чародеев закалают детей с той целью, чтобы их души после того им содействовали? А откуда это известно? Что закалают детей, о том говорят многие. Но что души закланных находятся с заклавшими их, скажи мне, откуда ты узнал об этом? Ты скажешь, что сами бесноватые взывают: я душа такого-то человека! Но и это - хитрость и обман дьявола. Не душа какого-нибудь умершего вопиет, а притворяющийся так демон, для обольщения слушателей. Если бы душа могла войти в существо дьявольское, то тем более она могла бы войти в свое тело. Притом нельзя представить, чтобы душа обиженная стала содействовать обидевшему ее, или чтобы человек в состоянии был изменить свою бестелесную природу в другое существо. Если невозможно это в отношении к телам, так как никто не может превратить тела человеческого в тело ослиное, то тем более невозможно это в отношении к невидимой душе, которую никто не может превратить в существо демонское.

3. Итак, это - бредни пьяных старух и детские страхи. Душе, отделившейся от тела, уже невозможно блуждать здесь, потому что "**души праведных в руке Божьей**" (Премудр. Сол. 3:1). Если же души праведных в руке Божьей, то и души детей, так как они не сделались еще злыми. Да и души грешников тотчас удаляются отсюда. Это видно из притчи о Лазаре и богаче. И в другом месте Христос говорит: "**в эту ночь душу твою возьмут у тебя**" (Лук. 12:20). Да и быть не может, чтобы душа, вышедшая из тела, блуждала здесь. И это вполне сообразно с разумом. В самом деле, если мы, ходя по земле знакомой и известной нам, и будучи облечены телом, когда совершаем путь в странах чужих, не знаем без руководителя, какой надобно идти дорогой, то каким образом душа, отделившаяся от тела и отрешившаяся от всех земных связей, может знать без путеводителя, куда ей должно идти? Также и из многих других доказательств всякий может легко увидеть, что душа, вышедшая из тела, не может уже здесь оставаться. Так, Стефан сказал: "**прими дух мой**" (Деян. 7:59); и Павел говорит: "**разрешиться и быть с Христом, потому что это несравненно лучше**" (Филипп. 1:23). Также о патриархе Писание говорит: "**и приложился к народу своему, и умер в старости доброй**" (Быт. 25:8). А что и души грешников по смерти не могут здесь пребывать, послушай богача, который много о том просил, и не получил желаемого. Если бы это возможно было, то он

сам пришел бы и возвестил о происходящем там. Отсюда видно, что души, по отшествии отсюда, уводятся в некую страну и, уже не имея возможности возвратиться оттуда, ожидают страшного того дня.

Но, может быть, кто спросит: для чего Христос исполнил просьбу демонов, позволив им войти в стадо свиное? Я скажу на это то, что Он сделал так не потому, чтобы убежден был ими, но по многим премудрым целям. Во-первых, для того, чтобы освободившимся от этих злых мучителей показать величие вреда, причиняемого им этими злоумышленниками; во-вторых, для того, чтобы всех вразумить в том, что бесы без Его позволения не смеют даже прикасаться и к свиньям; в-третьих, для того, чтобы дать знать, что с людьми бесы поступили бы даже еще хуже, нежели со свиньями, если бы те в таком несчастии не удостаивались великого промышления Божьего. Что бесы ненавидят нас более, нежели бессловесных животных, это всякому известно. Следовательно, если они не пощадили свиней, но в одно мгновение всех их низвергли в бездну, то тем более сделали бы это с одержимыми ими людьми, которых они таскали и влачили по пустыням, если бы провидение Божье, и при самом жестоком мучении, не обуздывало и не удерживало дальнейшего их стремления. Отсюда ясно, что нет ни одного человека, о котором бы не промышлял Бог. Если же Он и не обо всех печется одинаковым образом, то и это есть величайший знак Его промысла. Бог являет промысел Свой сообразно с пользой каждого. Сверх же сказанного, мы научаемся отсюда еще и тому, что Бог промышляет не только о всех вообще, но и о каждом человеке в частности, - что показал Господь и в отношении к ученикам Своим, сказав: "**у вас же и волосы на голове все сочтены**" (Матф. 10:30). Тоже самое всякий ясно может видеть и из примера этих бесноватых, которые давно были бы уже задушены, если бы не были свыше сохраняемы великим попечением. По этим-то причинам Спаситель и позволил бесам войти в стадо свиное, чтобы и жители тех стран познали Его всемогущество. Где известно было имя Его, там Он не очень много показывал Себя; но где никто не знал Его и все пребывали в бесчувствии, там Он совершал славные чудеса, чтобы привлечь их к познанию Своего божества. А что жители того города находились в бесчувствии, это видно из конца происшествия. Им надлежало бы поклониться Христу и удивиться Его могуществу; а они отсылали Его и "**просили**" отойти "**от пределов их**" (Матф. 8:34). Но для чего демоны погубили свиней? Бесы постоянно стараются привести людей в отчаяние, и всегда радуются их гибели. Так дьявол поступил и с Иовом. Хотя и здесь позволил Бог, но позволил не потому, что был убежден дьяволом, а для того, чтобы еще более прославить раба Своего, отнять у дьявола всякий предлог к бесстыдству, и обратить на его же главу его поступки с праведником. Так и в настоящем случае случилось противное их желанию. И могущество Христа торжественно проповедано было, и злоба демонов, от которой освободил Он одержимых ими, яснее обнаружилась, и открылось то, что они без попущения Бога всяческих не могут прикасаться даже и к свиньям.

4. Никому нимало не возбраняется разуметь эту историю в таинственном смысле. Хотя это и история, но следует знать, что люди, уподобляющиеся свиньям, легко уловляются действием бесов, и страждущие от них часто могут побеждать их, если только они люди. Но когда совершенно уподобятся свиньям, тогда не только бывают одержимы бесами, но и низвергаются в бездну. Сверх того, чтобы кто-нибудь происшествия этого не назвал басней, но чтобы совершенно поверил исшествию бесов, для этого оно доказывается погибелью свиней. Заметь кротость Иисуса Христа, соединенную с могуществом! Когда жители той страны, столь облагодетельствованные Им, принуждали Его удалиться, то Он без сопротивления удалился и оставил показавших себя недостойными Его учения, дав им наставниками освобожденных от демонов и - пасших свиней, чтобы узнали от них обо всем случившемся, а сам, удалившись, оставил их в великом страхе. Действительно, великая потеря распространяла слух о случившемся, и событие это занимало их ум.

Отовсюду неслись слухи о необыкновенном чуде и от исцелившихся, и от хозяев потопленных свиней, и от пастухов их. И ныне можно видеть такие происшествия, и множество бесноватых, живущих в гробах, которых ничто не удерживает от неистовства: ни железа, ни оковы, ни множество народа, ни увещание, ни убеждение, ни страх, ни угрозы и ничто другое подобное. Так, когда сладострастный пленяется всякой красотой телесной, тогда он ничем не различается от беснующегося. Будучи облечен одеждой, но, не имея истинного одеяния и лишенный приличной ему славы, он всюду бегает обнаженным, подобно бесноватому, поражая себя не камнями, но беззакониями, которые гораздо тяжелее многих камней. Итак, кто сможет связать и укротить столь бесстыдного и неистового, никогда не бывающего в самом себе, но всегда ходящего при гробах. Подлинно таковы жилища блудников, исполненные великого зловония и гнилости. А что сказать о сребролюбце? Не таков ли и он? Кто может когда-либо связать его? Каждодневные страхи, угрозы, увещания и советы? Но он все эти узы расторгает, и если кто придет освободить его от уз, заклинает не освобождать его, почитая величайшим для себя мучением не быть в мучении. Что может быть бедственнее этого? Бес, хотя презирал людей, но повелению Христову покорился, и немедленно вышел из тела. А этот не повинуется и повелению Христову, хотя Он каждодневно слышит Его слова: "**не можете служить Богу и маммоне**" (Матф. 6:24), и угрозы геенной и нестерпимыми мучениями, и все-таки не повинуется - не потому, что он могущественнее Христа, но потому, что Христос против нашей воли не ведет нас к исправлению. Вот потому такие люди, и живя в городах, живут как бы в пустынях. В самом деле, какой благоразумный человек захочет обращаться с такими людьми? Я, по крайней мере, желал бы лучше жить со множеством беснующихся, нежели с одним из страждущих такой болезнью. А что я не заблуждаюсь, это видно из тех страданий, какие претерпевают сребролюбцы и беснующиеся. Сребролюбцы считают врагом своим человека, не причинившего им никакого вреда, желают сделать рабом свободного и ввергают его в бесчисленные бедствия; напротив, беснующиеся ничего другого не делают, как только в самих себе питают болезнь. Первые ниспровергают множество домов, заставляют хулить имя Божье, являются заразой городов и всей вселенной; а мучимые бесами более достойны сожаления и слез. Эти последние многое делают в бесчувствии; напротив первые, имея ум, безумствуют, среди городов неистовствуют и беснуются некоторым новым бешенством. В самом деле, все беснующиеся делают ли что-либо подобное тому, на что дерзнул Иуда, совершивший неслыханное преступление? И все ему подражающие, подобно диким зверям, убежавшим из ограды, возмущают города, никем не будучи удерживаемы. Хотя они отовсюду обложены узами, как то: страхом судей, угрозой законов, презрением от людей и многим еще другим, - но они, разрывая их, все извращают. И если бы кто совершенно отнял от них те узы, тогда ясно увидел бы в них беса гораздо лютейшего и жесточайшего, нежели каков вышедший из упомянутого ныне бесноватого.

5. Но так как это невозможно, то, по крайней мере, предположим это на словах, и снимем со сребролюбца те оковы, и тогда ясно познаем его крайнее неистовство. Впрочем, не бойтесь зверя, когда я открою его, - это только изображение на словах, а не истинная действительность. Итак, представим себе человека, извергающего из очей своих огонь, черного, вместо рук имеющего на обоих плечах своих висящих драконов; представим у него такие уста, в которых вместо зубов вонзены острые мечи, а вместо языка находится источник, изливающий яд и испускающий смертоносное питье; представим, что чрево его пожирает более всякой печи, истребляет все ввергаемое, а ноги как бы крылатые и быстрее всякого пламени. Пусть лицо его будет составлено из собачьего и волчьего; пусть он не будет произносить ничего человеческого, но будет издавать из себя звуки нестройные, отвратительные и страшные; пусть также и в руках у него будет пламень. Может быть, вам представляется страшным сказанное мной; но я еще не изобразил его надлежащим образом. К сказанному надобно присовокупить и еще нечто: пусть он

поражает встречающихся с ним, пожирает и терзает плоть их. Но сребролюбец гораздо хуже и такого чудовища. Он нападает на всех, все поглощает подобно аду, всюду ходит, как общий враг рода человеческого. Ему хочется, чтобы не было ни одного человека, чтобы ему одному обладать всем. Мало того, он и на этом не останавливается. Но когда всех истребит, по своему желанию, тогда желает истребить самое существо земли, и увидеть на месте ее золото; и не землю только, но и горы, и леса, и источники, словом все видимое. А чтобы вам знать, что мы еще не вполне изобразили его неистовство, - представьте, что никто не будет обвинять и устрашать его, уничтожьте, по крайней мере на словах, страх со стороны законов, - и вы увидите, как он, схватив меч, истребляет всех, не щадя никого, ни друга, ни родственника, ни брата, ни самого родителя. Вернее же, не нужно делать никакого и предположения, а спросим его самого: не строит ли он всегда таковые мечты в своем воображении, и не нападает ли на всех, умерщвляя мысленно и друзей, и родственников, и самих родителей? Но даже нет нужды и спрашивать его; всем известно, что одержимые недугом корыстолюбия тяготятся старостью отца, а приятное и вожделенное для всех чадородие почитают тяжким и несносным. Многие из-за этого находят удовольствие в бесплодии, делают естество свое бесплодным, не только умерщвляя родившихся детей, но и не давая им зародиться. Итак, не удивляйтесь, если я так изобразил вам сребролюбца (он гораздо даже хуже, нежели мы его представили), но посмотрим, как нам освободить его от беса. Как же мы освободим его? Если он ясно узнает, что сребролюбие вредно ему и для самого стяжания богатства. В самом деле, желающие приобрести малозначащее всегда претерпевают великий ущерб, - почему об этом даже сложилась и пословица. Так многие, желая давать взаймы с большими процентами, в надежде получить от того прибыток, но не испытав тех, которые берут взаймы, нередко вместе с прибытками лишались и всего собственного достояния. Другие, подвергшись каким-либо опасностям и не захотев лишиться малого, погубили с имуществом и самую душу; а иные, тогда как могли приобрести за деньги выгодные достоинства, или что-нибудь другое тому подобное, по чрезмерной скупости своей всего лишились. Так как они сеять не умеют, а всегда заботятся только о собирании плодов, то часто и не получают их. Невозможно ведь всегда собирать плоды; так точно невозможно постоянно и приобретать сокровища. Вот почему корыстолюбцы, не желая расточать, не умеют и приобретать. Когда им нужно бывает и жениться, то и тогда встречают те же самые невыгоды, потому что они или обманываются, когда берут за себя бедную вместо богатой, или, если берут и богатую, но с бесчисленными недостатками, и опять терпят величайший вред. Подлинно, не изобилие имущества, но добродетель производит богатство. Что пользы в богатстве, когда жена расточительница и мотовка и все имущество уносит быстрее ветра? Что пользы, когда она будет распутна и заведет себе бесчисленное множество любовников? Что пользы, когда будет предаваться пьянству? Не сделает ли она вскоре же мужа своего беднейшим из всех? Но не при женитьбе только обманываются сребролюбцы, а и при покупке рабов, когда они, по великой скупости, стараются купить не трудолюбивых, но дешевых. Итак, представив все это в уме своем (ведь не можете еще слушать слов о геенне и царствии), и размыслив о тех неудачах, какие вы, по своему корыстолюбию, часто претерпеваете и при отдаче денег в рост, и при покупке, и при женитьбе, и в начальственных отношениях, и во всем прочем, - оставьте пристрастие к богатству. Тогда вы безопасно будете проводить и настоящую жизнь, и, несколько преуспев, будете в состоянии слушать учение мудрости, и, несколько прояснив взор, узрите самое Солнце правды, и получите блага, обещанные Господом, которых все мы да сподобимся быть причастниками благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 29

“Тогда Он, войдя в лодку, переправился [обратно] и прибыл в Свой город. И вот, принесли к Нему расслабленного, положенного на постели. И, видя Иисус веру их, сказал расслабленному: дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои” (Мф. 9:1-2).

1. Собственным городом Иисуса евангелист называет здесь Капернаум. Город, в котором Христос родился - Вифлеем; в котором воспитан - Назарет; а в котором имел постоянное пребывание - Капернаум. Расслабленный, о котором здесь говорится, не тождествен с упоминаемым у Иоанна. Тот лежал при купели, а этот в Капернауме. Тот страдал тридцать восемь лет, а об этом ничего подобного не сказано. О том никто не заботился, а у этого были люди, заботившиеся о нем, которые и принесли его ко Христу. Этому Спаситель сказал: “**Чадо! прощаются тебе грехи твои**”, а тому: “**Хочешь ли быть здоров**” (Ин. 5:6)? Того исцелил в субботу, а этого не в субботу; иначе иудеи не опустили бы случая обвинить Его. При исцелении этого, они ничего не говорили, а за исцеление первого не переставали гнать Его. На эти различия я указал не напрасно, но для того, чтобы кто-либо, приняв обоих расслабленных за одно лицо, не подумал, что евангелисты разногласят между собою. Но обрати внимание на смирение и кротость Господа. Он и прежде отдалял от Себя народ, и когда жители страны Гадаринской не хотели принять Его к себе, Он не воспротивился им, но удалился от них, хотя и не далеко. И взошед опять на корабли, переправился на другую сторону, тогда как мог сделать это и без помощи корабля. Он не всегда хотел творить чудеса, чтобы не нарушить порядка Своего домостроительства. Матвей говорит только, что расслабленного принесли; а другие евангелисты прибавляют, что принесшие раскрыли и кровлю и, спустив больного, поставили его пред Христом, не говоря ничего, а все оставляя на волю Спасителя. Прежде Господь Сам обходил страны, и не требовал такой веры от приходящих к Нему; а теперь к Нему и пришли, и обнаружили пред Ним веру свою, - евангелист именно говорит: “**Видя Иисус веру их**”, то есть, тех, которые спустили расслабленного. Спаситель не всегда требовал веры от самих страждущих, например, когда они страдали сумасшествием или лишились ума по причине какой-нибудь другой болезни. Но здесь и больной обнаружил свою веру. Иначе, не имея веры, он не позволил бы и спустить себя. Итак, поскольку и расслабленный и принесшие его показали великую веру, то и Господь явил Свою силу, отпустил грехи больному, как имеющий на то полную власть. Он во всем показывал Свое одинаковое достоинство с Богом Отцом. Прежде Он показал это в Своем учении, когда учил народ, как имеющий власть; над прокаженным, когда сказал ему: “**хочу, очистись**” (Мф. 8:3); над сотником, когда за слова его: “**Скажи только слово, и выздоровеет слуга мой**” (ст. 8), удивился ему и превознес его пред всеми; над морем, когда укротил его одним словом; над демонами, когда они исповедали Его Судиею, и когда Он с великою властью изгнал их. А теперь опять иным, высшим образом принуждает врагов Своих признать Свое равночестие с Богом Отцом, и возвещает это их устами. Спаситель был чужд любочестия, несмотря на то, что пред Ним предстояло великое множество народа, который заграждал даже вход к Нему, почему и расслабленного спустили сверху; Он не тотчас приступает к исцелению тела явившегося пред Ним больного, но от самих врагов ожидает к тому повода, и сперва врачует невидимое, т. е. душу, отпустив грехи, - что само доставило расслабленному исцеление, а Исцелившему не принесло большой славы. Книжники, снедаемые злобою, и думая обвинить Его в богохульстве, против своей воли способствовали, однако, прославлению совершившегося чуда. Спаситель по Своей прозорливости воспользовался их хулою для показания знамения. Когда они возмущались и говорили: “**Он богохульствует. Кто может прощать грехи, кроме одного Бога?**” (Мф. 9:3, Мк. 2:7), - что тогда Господь сказал им в ответ? Опроверг ли их мнение? Если бы Он не был равен Отцу, то Ему надлежало бы сказать: для чего вы составляете обо Мне неправильное мнение? Я не имею такого могущества. Но Он не сказал ничего подобного, а подтвердил и доказал совершенно противное, как словами Своими, так и сотворенным чудом. Но, так как собственный отзыв Его о Себе мог казаться неприятным для

слушателей, то Он через других показывает, кто Он, и, что удивительно, не только через друзей, но и через врагов, в чем открывается Его высочайшая мудрость. Через друзей Господь показал это, когда сказал прокаженному: "**хочу, очистись**", и сотнику: "**В Израиле не нашел Я такой веры**" (Мф. 8:3,10); а через врагов - при настоящем случае. Так как книжники говорили, что никто не может оставлять грехов, кроме одного только Бога, то Спаситель, желая показать им, "**что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, - тогда говорит расслабленному: встань, возьми постель твою, и иди в дом твой**" (Мф. 9:6). И не только здесь, но и в другом случае, когда иудеи говорили: "**Не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом**" (Ин. 10:33), - Спаситель не опроверг такого их мнения о Нем, но опять подтвердил его, сказав: "**Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне; а если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим**" (Ин. 10:37,38).

2. Впрочем, при исцелении расслабленного Иисус Христос представляет и другое немаловажное доказательство Своей божественности и равночестия с Богом Отцом. Книжники говорили, что власть отпускать грехи принадлежит одному Богу, а Он не только отпускает грехи, но еще прежде обнаруживает в Себе другое свойство, приличное единому Богу, именно - открывает тайны сердечные. Книжники не обнаружили перед всеми своих мыслей: "**При сем**, **-** говорит евангелист, **- некоторые из книжников сказали сами в себе: Он богохульствует. Иисус же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите худое в сердцах ваших**" (Мф. 9:3-4)? А что ведение тайн сердечных принадлежит единому Богу, об этом, - послушай, - что говорит Соломон: "**Ты один знаешь сердце**" (2 Пар. 6:30), равно как Давид: "**испытуешь сердца и утробы**" (Пс. 7:10), и Иеремия: "**Лукаво сердце [человеческое] более всего и крайне испорчено; кто узнает его**" (Иер. 17:9)? И сам Бог говорит: "**Человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце**" (1 Цар. 16:7). И из других мест Писания можно видеть, что одному Богу свойственно знать тайны сердца. Итак, желая показать, что Он есть Бог, равный Богу Отцу, - то, о чем книжники помышляли в себе (а они, опасаясь народа, не смели обнаружить своих мыслей перед всеми), Он открыл и обнаружил, являя и здесь великую кротость. "**Для чего**, **-** говорит Он, **- вы мыслите худое в сердцах ваших**"? Если кто мог негодовать, то разве один больной, как обманувшийся в своей надежде. Он мог сказать: я пришел для того, чтобы Ты исцелил меня от расслабления, а Ты врачуешь другое; чем я могу увериться в том, что мне отпускаются грехи? Но он ничего подобного не говорит, но предает себя во власть Исцеляющего. Между тем книжники по своей гордости и зависти порицают сами благодеяния Его, оказанные другим. Потому-то Спаситель и обличает их, впрочем, с кротостью. Если вы не верите первому доказательству Моей божественности, и почитаете слова Мои тщеславием, то вот Я присовокупляю к нему и другое: открываю ваши тайны. Вслед затем Он представляет еще новое доказательство. Какое же это? Он укрепил тело расслабленного. Когда Он говорил расслабленному, то не ясно обнаружил власть Свою, так как не сказал: Я отпускаю тебе грехи, но – "**прощаются тебе грехи твои**"; а когда нужно было уверить в этом врагов, яснее показывает власть Свою, говоря: "**Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи**". Видишь ли, как Он желал, чтобы Его почитали равным Богу Отцу? Он не сказал, что Сын человеческий имеет нужду в помощи другого, или что Он получил власть от другого, но говорит: "**имеет власть**". И говорит это не по честолюбию, но для того, чтобы убедить врагов в том, что Он не богохульствует, делая Себя равным Богу Отцу. Господь везде желает представлять ясные и неопровержимые доказательства; так, например, очистившемуся от проказы говорит: "**Пойди, покажи себя священнику**" (Мф. 8:4). Теще Петровой дарует силы служить Ему, и свиньям попускает низринуться в море. Так точно и здесь, в доказательство отпущения грехов расслабленному, укрепляет его тело, а в доказательство укрепления тела заставляет его нести одр, чтобы сотворенного Им чуда не

почли за обман. И не прежде исцеляет расслабленного, как, предложив книжникам вопрос: “**Ибо что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать**”: возьми одр твой, и иди в дом твой (Мф. 9:5)? Эти слова имеют такой смысл: что вам кажется легче, тело ли исцелить от расслабления, или душу освободить от грехов? Очевидно, что исцелить тело. Насколько душа превосходнее тела, настолько и отпущение грехов - дело большее, чем исцеление тела. Но так как исцеления души нельзя видеть, а исцеление тела очевидно, то Я присоединяю к первому и последнее, которое хотя ниже, но очевиднее, чтобы посредством его уверить в высшем - невидимом. Таким образом Спаситель еще прежде самими делами показал на Себе то, что после сказал о Нем Иоанн: “**Вот Агнец Божий Который берет [на Себя] грех мира**” (Ин. 1:29).

3. Итак, восставив расслабленного, Господь посылает его в дом. Здесь Он опять показывает Свое смирение и снова подтверждает, что сотворенное Им чудо не есть мечта: тех, которые были свидетелями болезни расслабленного, делает свидетелями и его здравия. Как бы так говорил Он: Я желал бы чрез твою болезнь исцелить и тех, которые почитают себя здоровыми, а на самом деле больны душою; но поелику они не хотят того, то “**иди в дом твой**”, и исправляй тех, которые там находятся. Видишь ли, как Господь показывает, что Он есть Творец души и тела? Он исцеляет больного от расслабления и духовного и телесного, и невидимое открывает посредством видимого. И однако, свидетели все еще пресмыкаются долу. “**Народ же, видев это, -** говорит евангелист, **- удивился и прославил Бога, давшего такую власть человекам**” (Мф. 9:8). Плоть препятствовала им вознестись горе. Между тем Спаситель не укоряет их, но продолжает делами Своими возбуждать их от усыпления, и возносить ум их на высоту. И то уже немаловажно было, что они поставляли Его выше всех людей, и почитали пришедшим от Бога. Если бы эта мысль как следует утвердилась в их уме, то мало-помалу наконец они узнали бы и то, что Христос есть Сын Божий. Но они не познали этого ясно, почему не могли и придти к Нему. Впоследствии они опять говорили: “**Не от Бога Этот Человек**” (Ин. 9:16), и часто обращались к этой мысли, чтобы найти в ней защиту для своих страстей. Так многие поступают и ныне. Выдавая себя за строгих ревнителей славы Божией, они удовлетворяют собственным страстям, тогда как надлежало бы во всем поступать с кротостью. В самом деле, Бог всяческих, Который мог бы поразить молниею хулящих Его, повелевает восходить солнцу, ниспосылает дождь и все блага подает с щедростью. Подражая Ему, и мы должны просить, увещевать и внушать с кротостью, без гнева и ярости. Богохульство не унижает величия Божия, и потому не должно побуждать тебя к ярости. Кто богохульствует, тот наносит раны самому себе. Итак, тебе должно воздыхать и плакать, потому что эта болезнь достойна слез, и человека, зараженного ею, не иначе можно исцелить, как кротостью. Кротость сильнее всякого насилия. Посмотри, с какою кротостью сам Бог, как в Ветхом, так и в Новом Завете, взывает к оскорбившим Его. Там Он говорит: “**Народ Мой! что сделал Я тебе**” (Мих. 6:3)? А здесь: “**Савл, Савл! что ты гонишь Меня**” (Деян. 9:4)? Равно и Павел повелевает наставлять противников с кротостью. И сам Христос, когда приступали к Нему ученики, прося у Него позволения низвести огонь с неба, сделал им сильный упрек говоря: “**Не знаете, какого вы духа**” (Лк. 9:55)! Подобным образом и в настоящем случае Он не сказал книжникам: о, нечестивцы и обманщики, о, ненавистники и враги человеческого спасения! Но сказал только: “**Для чего вы мыслите худое в сердцах ваших**” (Мф. 9:4)? Итак, с кротостью должно избавлять от болезни. Кто из-за страха человеческого сделался лучшим, тот вскоре опять возвратится к прежнему несчастию. Потому Господь не велел исторгать и плевел, чтобы дать время для покаяния. Многие таким образом покаялись к добру, тогда как прежде были нечестивы, как-то: Павел, мытарь и разбойник. Будучи прежде плевелами, они потом соделались зрелою пшеницею. Хотя в семенах такой перемены быть не может, но в воле человеческой она легко и удобно произойти может, поскольку она не связана узами необходимости, но одарена свободою. Итак, когда ты увидишь врага

истины, исцели его, позаботься о нем, возврати к добродетели, подавай наилучший пример своею жизнью, наставляй неукоризненным словом, покровительствуй и имей попечение, и употребляй все средства к исправлению, подражая наилучшим врачам. Ведь и врачи не всегда одним только способом врачуют болезни; но когда видят, что рана не исцеляется одним лекарством, прилагают другое, а если нужно, третье; иногда рассекают, а иногда обвязывают. Так и ты, сделавшись врачом души, пользуйся всяким способом врачевания по заповедям Христовым, чтобы получить тебе награду и за свое спасение, и за то, что ты доставлял пользу другим. Все делай во славу Божию: таким образом и сам прославишься. "**Прославляющих Меня**", **-** говорит Господь, **-** "**прославлю**" и уничижающие Меня уничижены будут (1 Цар. 2:30). Итак, будем все делать во славу Божию, чтобы соделаться наследниками блаженной той участи, которой да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 30

"Проходя оттуда, Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфея, и говорит ему: следуй за Мною(Мф. 9:9).

1. Сотворив чудо над расслабленным, Христос не остался в Капернауме, чтобы Своим присутствием не возжечь в книжниках еще большей зависти; но в угождение им, и для укрощения этой их страсти, удаляется. Так и нам не должно раздражать врагов своих своим пребыванием с ними, но чтобы смягчить гнев их, надобно уступать и удаляться от них. Но почему Спаситель не в одно время с Петром, Иоанном и другими призвал Матфея? Потому, что как к тем Иисус пришел в то время, когда они способны были послушать Его, так и Матфея призвал тогда, когда он готов был идти за Ним. По той же причине и апостола Павла призвал по воскресении. Знавший сердца и ведавший сокровенные мысли каждого человека знал, когда кто из них будет готов последовать Ему. Потому и Матфея призвал не в начале, когда он был еще мало восприимчив, но после того, как сотворил великое множество чудес, и когда слава о Нем распространилась всюду, и Матфей сделался способнее к повиновению. Достойно также удивления и любомудрие евангелиста Матфея. Он не только не скрывает прежней своей жизни, но и называет себя по имени, тогда как другие скрывали свое имя под другим наименованием. Для чего же евангелист сказал: "**сидящего у сбора пошлин**"? Для того, чтобы показать могущество Господа, Который призвал его не после того как он оставил свой бесчестный торг и перестал заниматься им, но исхитил его из среды зол, так же как и блаженного Павла обратил тогда, когда он неистовствовал, дышал яростью и злобою на церковь. Об этом и сам Павел, желая показать могущество Призвавшего его, пишет к Галатам: "**Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию**" (Гал. 1:13). И рыбарей Господь призвал тогда, когда они занимались своим ремеслом. Но их ремесло не заключало в себе ничего бесчестного; оно было свойственно людям необразованным и простым. Напротив, ремесло мытарей было позорно и бесстыдно. Это - корысть ничем неизвиняемая, бесчестная нажива, хищение под видом закона. И, однако, ничего этого Призвавший не устыдился; и удивительно ли, что Он не устыдился мытаря, когда Он не только не устыдился призвать блудницу, но и не возбранил ей облобызать и омочить слезами ноги Его? Для того Он и пришел, чтобы уврачевать не только тело, но и душу исцелить от зла. Так поступил Он и с расслабленным. Ясно показав при совершении этого чуда, что Он может отпускать грехи, Спаситель вслед затем призывает и Матфея, чтобы другие, видя, что Он принимает в число учеников Своих мытаря, уже не смущались. Если Он имеет власть отпускать все грехи, то чему же удивляться, если Он и мытыря делает апостолом? Но познав могущество Призвавшего, познай теперь и послушание призванного. Он не

воспротивился, не усомнился и не сказал: что это значит, ужели Господь зовет меня, столь великого Грешника? - такое смирение было бы неуместно, - но тотчас повиновался, и даже не обнаружил желания идти в дом и посоветоваться об этом с родственниками, как поступили и рыбари. Как те оставили и сети, и лодку, и отца, так и Матфей оставил свое ремесло и прибыль, пошел вслед Иисуса, показывая полную готовность ко всему, и вдруг отрекшись от всего житейского, совершенным повиновением подтвердил благовременность своего призвания. Но почему же, спросишь, нигде не сказано о том, как призваны прочие апостолы, а говорится только о призвании Петра, Иакова, Иоанна и Филиппа? Потому что они имели презренные и низкие занятия: что в самом деле хуже звания мытаря, что маловажнее занятия рыбарей? А что и Филипп был незнатного происхождения, это показывает его отечество. Вот почему евангелисты преимущественно и повествуют о призвании этих учеников и их занятиях. Они хотели через это показать, что им должно верить и в повествованиях о делах важных. В самом деле, если они, повествуя о делах Учителя и учеников Его, не опускают ничего, что относилось, по-видимому, к их бесславию, а даже с особенною подробностью повествуют о том, то почему бы можно было подозревать их тогда, когда они говорят о делах славных? Если они умалчивают о многих знамениях и чудесах Иисуса, а между тем подробно повествуют о происшествиях, бывших при кресте, по видимому унизительных, и, не стыдясь, говорят о низких занятиях и бедном состоянии учеников, о предках Учителя, известных или по своим грехам, или по бедности, - то не очевидно ли, что они весьма уважали истину, и ничего не писали по пристрастию или из тщеславия?

2. Призвав Матфея, Христос удостоил его великой чести, тогда же приобщившись его трапезы. Чрез это Он подал ему благую надежду на будущее время, и породил в нем большее упование. Не долговременным врачеванием, но вдруг исцелил болезнь души его. Впрочем, не с одним Матфеем возлежал Христос за столом, но и со многими другими. По-видимому, и это служило порицанием для Иисуса, что Он не удалял от Себя грешников; но евангелисты и этого не скрывают, и говорят, что фарисеи осуждали Его за таковой поступок. К Матфею пришли многие мытари как к своему сотоварищу, потому что он, вменяя себе в честь посещение Христово, созвал всех их. Христос употреблял всякого рода и врачевания. Он избавлял многих от болезней душевных не только тогда, когда учил, или исцелял больных, или обличал врагов, но и тогда, когда возлежал за столом, научая нас чрез то, что всякое время и всякое дело может нам доставлять пользу. И хотя все, что предлагалось на этой трапезе, было собрано неправдою и хищением, тем не менее, Христос не отрекся быть ее участником; так как Его присутствие могло принести великую пользу, то Он согласился быть в одном доме и за одним столом с великими грешниками, хотя и навлек на Себя худую славу за то, что ел вместе с мытарем в доме мытаря и со многими мытарями. Такова ведь участь врача: если он не захочет переносить гнилого запаха от больных, то не может исцелить их от болезни. Смотри, как иудеи поносят Его за это: “**Вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам**” (Мф. 11:19). Да услышат это все, кто постом старается приобрести себе великую славу, и да помыслят, что Владыку нашего называли человеком, который “любит есть и пить вино”, и Он не стыдился этого, но все оставлял без внимания, чтобы исполнить Свое намерение, которое и совершил: мытарь переменился, и таким образом сделался лучшим. А чтобы тебе увериться, сколь великое значение имело для грешников соучастие Христа в их трапезе, послушай, что говорит Закхей, другой мытарь. Услышав от Христа слова: “**Сегодня надобно Мне быть у тебя в доме**” (Лк. 19:5), он в восторге сказал: “**Половину имения моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо**” (ст. 8). Тогда Иисус сказал ему: “**Ныне пришло спасение дому сему**” (ст. 9). Таким образом, всеми способами можно наставлять других. Как же, скажешь ты, Павел повелевает: “**Кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем …; с таким даже и не есть вместе**” (1 Кор. 5:11)? Но, во-первых, из этих слов еще не видно, дает ли

апостол такое наставление учителям, или одним братьям. Затем, мытари не принадлежали ни к числу совершенных, ни к числу братьев. Сверх того, Павел повелевает удаляться таких братьев, которые не хотят отстать от своих пороков, а мытари перестали делать зло и переменились. Но фарисеев ничто не вразумило; они укоряют учеников Иисусовых, говоря: "**Для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками**" (Мф. 9:11)? В другом случае, когда им показалось, что ученики согрешали, фарисеи обращаются с укоризнами к самому Учителю, говоря: "**Вот, ученики Твои делают, чего не должно делать в субботу**" (Мф. 12:2). Здесь же перед учениками клевещут на учителя. Все это они делали с худыми намерениями, желая отвлечь учеников от Учителя. Что же отвечает бесконечная Премудрость? "**Не здоровые**, **-** говорит она, **- имеют нужду во враче, но больные**" (Мф. 9:12). Смотри, как Господь из слов фарисеев выводит совершенно противное заключение. Они поставляли Ему в вину общение Его с мытарями; а Он, напротив, говорит, что не иметь общения с ними - дело недостойное Его и несообразное с Его человеколюбием, и что исправлять таких людей есть дело не только не заслуживающее никакой укоризны, напротив весьма важное, необходимое и достойное бесчисленных похвал. Потом, чтобы не подумали, что Господь порицает призываемых, называя их болящими, смотри, как Он опять смягчает слова Свои, когда в обличение фарисеев говорит: "**Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы**" (ст. 13). Он сказал это для того, чтобы укорить их в незнании Писания, и употребил строгое слово не потому, будто бы Сам гневался на фарисеев, но чтобы вывести мытарей из сомнения. Он мог бы сказать: или вы не знаете, как Я отпустил грехи расслабленному? Как укрепил его тело? Но ничего такого Он не говорит, а сначала употребляет доказательство общее, а потом приводит слова Писания. Сказавши: "**Не здоровые имеют нужду во враче, но больные**" , и таким образом, скрытно назвавши Себя врачом, присовокупил: "**Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы**" (Ос. 6:6- "Ибо Я милости хочу, а не жертвы"). Так поступает и апостол Павел. Употребив сперва общие доказательства в подтверждение своей мысли, и сказав: "**Кто, пася стадо, не ест молока от стада**" (1 Кор. 9:7), он приводит потом и слова Писания, говоря: "**Не заграждай рта волу, когда он молотит**" (Втор. 25:4); и еще: "**Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования**" (1 Кор. 9:14). Но учеников Своих Спаситель убеждает не так; Он напоминает им о Своих знамениях, говоря: "**Не понимаете и не помните о пяти хлебах на пять тысяч [человек], и сколько коробов вы набрали**" (Мф. 16:9)?

3. А с фарисеями Христос поступает иначе; им напоминает Он об общей немощи, показывает, что и они сами немощны, потому что не знают Писания и, пренебрегая прочими добродетелями, все свое служение Богу ограничивают одними жертвами. На это-то преимущественно указывая, Спаситель в кратких словах заключает то, что говорили все пророки. "**Научитесь, -** говорит Он, **- что значит: милости хочу, а не жертвы**".. Этими словами Он вразумляет их, что не Он поступает несправедливо, но они; как бы так говорил: за что вы обвиняете Меня? За то ли, что я исправляю грешников? Но в таком случае вы обвиняете в том же и Отца Моего. Итак, словами: "**Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы**", Он выражает ту же самую мысль, которая заключается и в других словах Его: "**Отец Мой доныне делает, и Я делаю**" (Ин. 5:17). Как Отец, говорит Он, хочет этого, так и Я. Видишь ли, как Он одно представляет излишним, а другое необходимым? Он не сказал: милости хочу и жертвы, но – "**милости хочу, а не жертвы**": одно одобрил, а другое отверг, и тем показал, что обращение с грешниками, за которое Его обвиняли, не только не воспрещено, но еще предписано законом, и даже предпочитается жертвам; и в доказательство этого приводит само место из Ветхого Завета, в котором предписывается делать то же, что делал Иисус. Итак, опровергши фарисеев и общими доказательствами и свидетельством Писания, Он присовокупляет далее: "**Я пришел призвать не праведников, но грешников к**

покаянию". Эти слова Спаситель сказал в посмеяние фарисеев, подобно тому, как сказано: "**Вот, Адам стал как один из Нас**" (Быт. 3:22); и в другом месте: "**Если бы Я взалкал, то не сказал бы тебе**" (Пс. 49:12). А что на земле не было ни одного праведного, о том ясно свидетельствует Павел, говоря: "**Потому что все согрешили и лишены славы Божией**" (Рим. 3:23). С другой стороны, слова Христовы служили утешением и для призванных, - Он как бы так говорил: Я не только не гнушаюсь грешников, но для них одних и пришел. А чтобы не сделать их беспечными, для этого, сказав: "**Я пришел призвать не праведников, но грешников**", не остановился на этих словах, но присовокупил: "**к покаянию**", - т. е., Я пришел не для того, чтобы грешники остались грешниками, но чтобы они переменились и сделались лучшими.

Итак, когда Христос совершенно заградил уста фарисеев доказательствами, заимствованными как из Писания, так и из обыкновенного порядка вещей, и они ничего не могли сказать Ему вопреки, - потому что, обвиняя Его, сами оказались виновными и противниками ветхозаветного закона, - то, оставив Его, они опять начинают обвинять учеников. Евангелист Лука говорит, что их обвиняли фарисеи (Лк. 5:17), а Матфей приписывает это ученикам Иоанна. Но вероятно, что и те и другие обвиняли учеников Христовых. Можно думать, что фарисеи, не зная, что им делать, взяли с собою и учеников Иоанна, как после брали иродиан. Действительно, ученики Иоанна всегда завидовали Христу и противоречили Ему, и тогда только смирились, когда Иоанн ввержен был в темницу; тогда они пришли возвестить об этом Иисусу, но после опять возвратились к прежней зависти. Что ж они говорят? "**Почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся**" (Мф. 9:14)? Вот та болезнь, которую Христос, предвидя могущее произойти от нее зло, врачевал прежде, говоря: "**Когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое**" (Мф. 6:17). Однако Он не укоряет учеников Иоанна, и не называет их тщеславными и кичливыми, но со всею кротостью отвечает им, говоря: не могут "**сыны чертога брачного**" поститься, "**пока с ними жених**" (Мф. 9:15). Когда Христос защищал других, именно мытарей, то для утешения сокрушенного духа их сильно обличал поносителей; а когда укоряли Его и учеников Его, Он отвечает со всею кротостью. Смысл же слов, сказанных учениками Иоанна, следующий: пусть Ты, как врач, поступаешь так; но для чего ученики Твои, оставив пост, участвуют в таких трапезах? И чтобы более придать силы обвинению, выставляют в пример, во-первых, себя, затем фарисеев, желая через сравнение увеличить вину учеников Иисуса. И мы, и фарисеи, говорят они, постимся много. Действительно, и те и другие постились, первые - научившись от Иоанна, вторые - из закона, как и фарисей говорил: "**Пощусь два раза в неделю**" (Лк. 18:12). Что ж отвечает Иисус? "**Могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених**"? Прежде Он наименовал Себя врачом, а теперь называет женихом, открывая этими наименованиями неизреченные тайны. Он мог бы сильнее обличить их такими словами: вы не имеете права постановлять законы касательно поста! Какая польза в посте, когда душа исполнена лукавства, когда обвиняете других, когда осуждаете их, сами имея бревна в глазах своих, и все делаете для того, чтобы показать себя? Прежде всего, должно изгонять тщеславие и исполнять все добродетели, как-то: любовь, кротость, братолюбие. Но Христос не говорит ничего такого, а со всею кротостью отвечает им: "**Могут ли печалиться сыны чертога брачного, пока с ними жених**", - напоминая им чрез то слова Иоанна: "**Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха**" (Ин. 3:29). Смысл же слов Христовых следующий: настоящее время есть время радости и веселья; итак, не делай его временем печали. А пост действительно имеет в себе нечто печальное, не по своему свойству, но потому, что ученики еще слабы, хотя, напротив, для желающих любомудрствовать, он составляет приятное и вожделенное занятие. Как здравие тела доставляет великую радость, так и благосостояние души приносит еще большее удовольствие. Таким образом

Спаситель приспособлял Свой ответ к их мыслям. Так и Исайя, говоря о посте, называет его смирением души (Ис. 58:3), равно как и Моисей (Числ. ?30:14).

4. Впрочем, не этим только Спаситель заграждает уста учеников Иоанна, но и другим способом, когда говорит: "**Придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься**". Этими словами Господь показывает, что это было не ради угождения чрева, но некоторого дивного смотрения; отвечая на слова противников, Он вместе с тем начинает предсказывать и о Своем страдании, заранее приучая учеников Своих помышлять о происшествиях, по видимому скорбных. Если бы Спаситель сказал об этом им самим, это было бы для них тяжко и прискорбно, - потому что и впоследствии речь о страдании приводила их в смущение. Но когда это говорилось другим, то для учеников слышать было менее тягостно. А так как и страдание Иоанна, как я думаю, надмевало учеников его, то настоящими словами Спаситель низлагает и это их высокомерие. Но о воскресении Своем Он не говорит еще ничего, потому что не пришло время. Умереть Ему, как человеку, каким обыкновенно почитали Его, было естественно, но воскреснуть - это выше естества. Далее, Спаситель и здесь поступает так же, как поступил прежде. Как прежде тем, которые старались обвинить Его за то, что Он ест с грешниками, доказал противное, то есть, что Его поступок не только не заслуживает обвинения, а напротив, еще достоин похвалы, - так и теперь хотевшим обличать Его в том, что не умеет наставлять учеников Своих, показывает, что говорить так свойственно тем, которые без всякой причины поносят других, и не умеют обращаться с своими последователями. "**И никто**, **-** говорит Он, **- к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленой ткани**" (ст. 16). Спаситель опять подтверждает слова Свои общими доказательствами. Смысл слов Его таков: ученики еще не утвердились, и требуют большего снисхождения; они еще не обновились духом; а при таком их состоянии не должно налагать на них тяжких заповедей. Говоря это, Он дал ученикам Своим закон и правило, чтоб и они, когда будут принимать в число учеников своих всех живущих во вселенной, обращались с ними с великою кротостью. "**Не вливают также вина молодого в мехи ветхие**" (ст. 17). Видишь ли, как эти примеры, - одежды и мехов, - сходны с употребленными и в Ветхом Завете? Так Иеремия называет народ чреслением, и упоминает о вине и мехах (Иер. 13:11,12). От этих вещей Спаситель заимствует примеры потому, что речь была о чревоугодии и трапезе. Евангелист Лука прибавляет еще, что и новое раздирается, если приложить его к старому. Видишь ли, что отсюда не только не происходит никакой пользы, а только еще больший вред? Говоря о настоящем, Христос вместе предвещает и будущее, - именно то, что ученики Его впоследствии времени обновятся; но доколе этого не будет, дотоле не должно возлагать на них никаких строгих и тяжких заповедей. Кто прежде надлежащего времени, говорит Христос, предлагает людям высокое учение, тот и в свое время уже не найдет их способными следовать ему, навсегда сделав их бесполезными. Это зависит не от вина и не от мехов, в которые оно вливается, но от неблаговременной поспешности вливающих. Употребив эти сравнения, Спаситель открыл нам и причину того, почему Он, беседуя с учениками Своими, часто употреблял о Себе скромные выражения. Сообразуясь с их немощью, Он много говорил такого, что было гораздо ниже Его достоинства. Об этом свидетельствует и евангелист Иоанн, приводя слова Христовы: "**Многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить**" (Ин. 16:12). Чтобы они не думали, что Он только то и может сказать им, что сказал, но представляли бы, что Он может сказать много и другого, гораздо важнейшего, - для этого Христос указал на их слабость, обещая сказать и остальное, когда они будут крепки. То же самое Спаситель выражает и здесь, говоря: "**Придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься**". Поэтому и мы в самом начале не должны от всех требовать всего, но только того, что возможно, и тогда скорее достигнем и остального. Если ты спешишь и стараешься скорее окончить дело, то потому самому и не должен спешить, что стараешься скорее окончить его. Если слова мои кажутся тебе загадочными, то познай это из самого свойства вещей, и тогда

легко увидишь всю силу их. Не смущайся, если кто неблаговременно будет обвинять тебя, - и здесь ведь фарисеи обвиняли и поносили учеников.

5. И однако ничто не побудило Христа переменить Свое мнение, и Он не сказал: стыдно одним поститься, а другим не поститься. Но как искусный кормчий не смотрит на разъяренные волны, а на свое искусство, - так и Христос поступил тогда: не того надлежало стыдиться, что они не постились, но что за пост получали смертельные раны, были биты и терзаемы. Представляя это, и мы должны поступать с домашними своими подобным образом, например, с женою, любящею украшаться и намащать себя различными благовонными веществами, преданною излишней роскоши, болтливою и беспечною. Хотя нельзя думать, чтобы все пороки соединились в одной какой-либо женщине, но мы вообразим себе такую женщину. Для чего ж, скажут, жену, а не мужа представляешь ты? То правда, что есть и мужчины хуже такой женщины; но так как мужу дано право управлять женою, то мы и представим женщину, а не потому, будто женщины более развращенны. Действительно, и между мужчинами можно найти много таких пороков, каких нет у женщин, как, например, человекоубийство, расхищение гробниц, звероборство и многое тому подобное. Итак, не подумайте, что я делаю это из презрения к полу: совсем нет! Делаю я это потому только, что теперь полезно представить такой пример. Итак, положим, что существует такая жена, и пусть муж всячески старается исправить ее. Как же он исправит ее? Он достигнет цели, если не вдруг все станет запрещать ей, но начнет с легчайшего, к чему она не особенно привязана. Если ты вдруг захочешь исправить ее, то ни мало не успеешь. Итак, не отнимай у нее тотчас же драгоценных уборов, но позволь ей некоторое время пользоваться ими. Эти украшения можно считать меньшим злом в сравнении с разными притираниями и намащениями. Итак, сперва уничтожь притиранья; да и это делай не страхом и угрозами, но убеждениями и ласками: говори, что за это осуждают, и произноси свой собственный суд и мнение, и чаще напоминай ей, что тебе не только не нравится такое украшение лица, но и весьма неприятно; уверяй ее, что это очень огорчает тебя; потом, произнесши свой собственный суд, присоединяй к этому мнения других; говори, что это безобразит и красивых женщин, чтобы таким образом истребить страсть ее. Не говори ей ничего ни о геенне, ни о царствии, потому что напрасно будешь говорить об этом; но уверь, что она более тебе нравится в таком виде, в каком Бог сотворил ее; а когда она разглаживает, натирает и намащает лицо свое, то и другим не кажется красивою и благовидною. Итак, сперва убеждай ее общими доказательствами, и врачуй болезнь, ссылаясь на общий суд. А когда смягчишь ее такими убеждениями, тогда уже говори ей и о геенне и о царствии. И если много раз ты будешь говорить ей, и она не послушает тебя, и тогда не переставай повторять слов своих, впрочем, не со враждой, но с любовью; и иногда показывай как бы недовольный вид, а иногда ласкай и угождай ей. Не видишь ли, как живописцы, желая начертать красивое лицо, то наводят, то стирают краски? Не поступай же хуже их. Если они, желая изобразить какое-либо тело, прилагают такое старание, то тем более нам при изображении души надлежит употребить все искусство. Если ты украсишь душу жены своей, то не увидишь более на теле ее ни безобразного лица, ни окровавленных губ, ни уст подобных устам медведицы, обагренных кровью, ни бровей очерненных сажею, как бы от прикосновения к очагу, ни ланит подобных стенам гробов повапленных: все это сажа, прах, пепел и знак крайнего безобразия.

6. Но я не приметил, как увлекся этими обличениями и, советуя другим учить кротко, сам уклонился к гневу. Итак, возвратимся опять к кроткому увещанию, будем переносить все слабости жен, чтобы только исправить в них то, что хотим. Не видишь ли, как мы переносим плач младенцев, когда желаем отнять их от сосцов, и все терпим для того только, чтоб отучить их от прежней пищи. Так будем поступать и с женщинами: все прочее будем сносить терпеливо, только бы отучить их от указанного порока. Когда ты

исправишь этот порок, то и другие легко тебе будет исправлять; тогда ты можешь перейти к золотым украшениям, и рассуждать о них таким же образом. И таким образом, мало-помалу вразумляя жену свою, ты будешь превосходным живописцем, верным рабом и добрым делателем. При этом напоминай и о древних женах: Сарре, Ревекке, о благобразных и неблагообразных, и доказывай, что все они были целомудренны. Так Лия, жена патриарха Иакова, не будучи красивой, не помышляла ни о каких прикрасах, и несмотря на то, что была неблаговидна и не слишком любима своим мужем, совсем не думала о таких вещах, и не портила лица своего, а всегда сохраняла неизменными его черты, хотя была воспитана язычниками. А ты, верная, имея главою Христа, употребляешь для нас сатанинское ухищрение! Вспомни о воде, омывавшей лицо твое, о жертве, украшающей уста твои, о крови, обагряющей язык твой! Если все это представишь, то как ни велика была бы твоя привязанность к украшениям, не дерзнешь, и не захочешь этот прах и пепел возложить на себя. Знай, что ты сочеталась со Христом, и удаляйся такого безобразия; Ему неприятны такие украшения; Он требует иной красоты - красоты душевной, которую весьма любит. Приобретать такую красоту и пророк повелевает тебе, говоря: “**И возжелает Царь красоты твоей**” (Пс. 44:12). Итак, не будем безобразить себя ненужными украшениями; все творения Божии совершенны, и ни одно не имеет нужды в твоем поправлении. Если бы кто по своему произволу решился что-нибудь прибавить к выставленной картине, представляющей царя, тот за такую дерзость подвергся бы великому наказанию. Для чего же ты поправляешь творение рук Божиих, когда ничего не прибавляешь и к тому, что сделал человек? Верно ты не представляешь геенского огня, верно не чувствуешь пустоты в душе своей! Точно ты совершенно оставила в небрежении душу, потому что все попечение свое истощаешь на плоть свою. И что я говорю о душе? И самому телу вашему вы не доставляете того, о чем стараетесь. Смотри: ты желаешь казаться красивою, но твои украшения делают тебя безобразною; ты хочешь нравиться мужу, но это больше печалит его, и как ему, так и другим подает случай осуждать тебя. Ты хочешь казаться молодою, но это скорее приведет тебя к старости. Ты желаешь похвалы, но это наносит тебе бесславие, потому что такая жена стыдится не только равных себе, но и рабов и рабынь, знающих ее, а прежде всех стыдится себя самой. Но что говорить об этом? Я опустил здесь самое тягчайшее зло: то, что ты оскорбляешь Бога, нарушаешь целомудрие, возжигаешь пламень ревности, подражаешь блудницам непотребного дома. Итак, представив все это, посмейтесь над сатанинскою пышностью и дьявольским ухищрением, и, оставив эти украшения, или лучше - безобразие, уготовьте красоту в душе своей, которая и ангелам вожделенна, и Богу любезна, и вашим мужьям приятна, чтобы вам и в настоящем и в будущем веке приобрести славу, которую все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 31

“Когда Он говорил им сие, подошел к Нему некоторый начальник и, кланяясь Ему, говорил: дочь моя теперь умирает; но приди, возложи на нее руку Твою, и она будет жива” (Мф. 9:18).

1. За словами последовало и дело, чтобы тем более заградить уста фарисеев. Пришедший ко Христу был начальником синагоги, и его скорбь была самая тяжкая: у него одна только и была дочь, имевшая двенадцать лет, и находившаяся в самом цвете возраста. Потому-то особенно Христос тотчас же воскресил ее. Если евангелист Лука говорит, что некоторые из дома начальника синагоги придя говорили ему: “**Дочь твоя умерла; не утруждай Учителя**” (Лк. 8:49), то мы должны сказать, что начальник синагоги называл дочь свою умершею, или судя по продолжительности путешествия, или желая увеличить свое несчастье. Действительно, люди, которые просят помощи, имеют обыкновение

увеличивать и представлять в большем виде свои действия, чтобы тем удобнее склонить на милость тех, кого они просят. Обратите внимание на грубость начальника синагоги. Он предлагает Христу две просьбы, - чтобы пришел, и чтобы возложил руку. Это показывало, что он оставил дочь свою еще дышащею. Того же требовал от пророка и Нееман Сириянин: "**Сказал, -** говорит последний, **- … что он выйдет … и возложит руку свою**" (4 Цар. 5:11). Так люди грубые имеют нужду в видении и в вещах чувственных. Евангелист Марк (Мк. 5:37) говорит, что Христос взял с Собою троих учеников, также и Лука (Лк. 8:51), но Матфей не определяет числа их. Почему же Господь не взял с собою Матфея, который только что присоединился к Нему? Для того, чтобы возбудить в нем сильнейшее желание, и потому, что он был еще несовершен. Христос одних предпочитает другим для того, чтобы последние старались уподобляться первым. Для Матфея довольно было и того, что он видел исцеление жены кровоточивой, и удостоился быть за одною со Христом трапезою и иметь общение в пище. Когда же Иисус встал, многие последовали за Ним, как для того, чтобы посмотреть на великое чудо, так и по причине личного достоинства того, кто пришел к Иисусу, а равно и потому, что они по своей грубости не столько искали исправления душ, сколько исцеления тела. Таким образом, стеклось множество людей – одни, будучи понуждаемы своими недугами, другие - желанием посмотреть на исцеление других; но для слушания словес и учения пришли очень немногие. Впрочем, Господь не позволил им взойти к дом, но взял только учеников, да и то не всех, всюду научая нас избегать славы человеческой.

"**И вот, женщина, двенадцать лет страдавшая кровотечением, подойдя сзади, прикоснулась к краю одежды Его, ибо она говорила сама в себе: если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею**" (Мф. 9:20,21). Почему же она не приступила к нему с дерзновением? Потому что стыдилась болезни своей, и почитала себя нечистою. Если женщина во время месячного очищения почиталась нечистою, то тем более могла почитать себя таковою страждущая такою болезнью. Болезнь эта, по закону почиталась весьма нечистою. Вот почему кровоточивая скрывается и таится. Притом она не имела еще надлежащего и совершенного понятия об Иисусе; иначе она не думала бы, что может укрыться от Него. Эта жена первая приходит к Иисусу Христу при народе, так как слышала, что Он и жен исцеляет, и теперь идет к умершей отроковице. Призвать Христа в свой дом она не осмелилась, хотя была и богата; она даже не дерзнула явно и приступить к Нему, но тайно с верою прикоснулась к одежде Его; она не сомневалась и не говорила сама в себе: исцелюсь ли я от болезни, или нет? но приступила с твердою уверенностью, что получит исцеление. "**Ибо она говорила**, **-** говорит евангелист, **- сама в себе: если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею**". Она видела, из какого дома Он вышел - из дома мытаря, и кто за Ним следовал - грешники и мытари; и все это произвело в ней благую надежду. Что же Христос? Он не захотел, чтобы она оставалась в неизвестности, но открыл и обнаружил ее по многим причинам. Некоторые безумные говорят, что Иисус Христос сделал это из любви к славе. Для чего, говорят они, Христос не оставил ее в неизвестности? Что ты говоришь, нечестивый и беззаконный? Неужели, Тот любит славу, Кто и другим запрещает говорить, и Сам не упоминает о бесчисленных чудесах Своих? Итак, для чего же Он обнаруживает кровоточивую? Во-первых, Он освобождает ее от страха, чтобы она, угрызаемая совестью, как похитительница дара, не проводила жизнь в мучении. Во-вторых, исправляет ее, потому что она думала утаиться. В-третьих, открывает всем веру ее, чтобы и другие соревновали ей. Да и показать, что Он знает все, есть столь же великое чудо, как и остановить течение крови. Наконец и начальника синагоги, который легко мог потерять веру, а с нею и все, исправляет примером жены. Действительно, пришедшие говорили: "**Дочь твоя умерла; не утруждай Учителя**", и находившиеся в дому смеялись над Иисусом, когда Он сказал, что девица спит; естественно, что и сам отец мог поколебаться в вере.

2. Чтобы предостеречь отца девицы от такой слабости, Христос и обнаруживает жену. А что отец отроковицы принадлежал к числу самых грубых людей, послушай, что Христос говорит ему: “**Не бойся, только веруй, и спасена будет**” (Лк. 8:50). Спаситель с намерением медлит, и приходит в дом тогда, когда девица уже умерла, чтобы ясно показать, что Он воскресил ее. Для того Он и медленно идет и много разговаривает с женщиною, чтобы дать время умереть отроковице, и придти тем, которые возвестили о ее смерти и говорили: “**Не утруждай Учителя**”. На это указывает и евангелист, говоря: “**Когда Он еще говорил это**”, пришли некоторые из дома (начальника синагоги), говоря: “**Дочь твоя умерла; не утруждай Учителя**” (Лк. 8:49). Христос хотел, чтобы они уверились в смерти отроковицы, дабы после не могли сомневаться в ее воскресении. Так поступает Он и во всех случаях. Так и к Лазарю приходит по прошествии трех дней после его смерти. Вот по каким причинам обнаруживает Он жену и говорит ей: “**Дерзай, дщерь!”**; также как и расслабленному сказал: “**Дерзай, чадо!”** (Мф. 9:2). Женщина была объята страхом; поэтому Он и говорит: “**дерзай**”, и называет ее дщерию, - потому что вера сделала ее дщерию. Потом в похвалу ее говорит: “**Вера твоя спасла тебя**” (ст. 22). Евангелист Лука много и другого говорит нам об этой женщине. Когда она подошла, говорит он, и получила исцеление, Христос не тотчас после этого призвал ее, но прежде сказал: “**Кто прикоснулся ко Мне**” (Лк. 8:45)? Потом, когда Петр и бывшие с ним говорили: “**Наставник! народ окружает Тебя и теснит, - и Ты говоришь: кто прикоснулся ко Мне?**” - (что служило несомненным доказательством того, что Иисус облечен был истинною плотью и попирал всякую гордость: народ не в отдалении следовал за Ним, но отовсюду окружал Его), - Господь снова настойчиво повторил: “**Прикоснулся ко Мне некто, ибо Я чувствовал силу, исшедшую из Меня**” (ст. 46), - приспособляя ответ Свой к грубым понятиям Своих слушателей. Он сказал это для того, чтобы заставить женщину добровольно сознаться в своем поступке. С намерением Он не тотчас изобличил ее, чтобы, показав, что он все знает, убедить ее добровольно рассказать все, и заставить возвестить о случившемся, и чтобы не показаться подозрительным, если бы Сам стал говорить о том.

Видишь ли превосходство жены пред начальником синагоги? Она не удержала, не остановила Христа, но краями перст прикоснулась только к одежде Его; и, придя последнею, первая ушла с исцелением. Начальник синагоги самого Врача ввел в дом свой; а для этой довольно было и одного прикосновения. Хотя она связана была узами болезни, но вера окрыляла ее. Смотри же, как Спаситель утешает ее: “**Вера твоя, -** говорит Он, **- спасла тебя**”. Если бы он обнаружил ее из честолюбия, то не присовокупил бы этих слов. Но Он говорит так для того, чтобы научить вере и начальника синагоги, и похвалить жену, а равно доставить ей радость и пользу не меньшую телесного здравия. А что Христос поступил таким образом не для того, чтобы прославиться Самому, но чтобы прославить жену и исправить других, это видно и из того, что Он равно мог быть славным и без этого чуда (потому что чудеса Его превосходили своим множеством и самые капли дождевые, а также и потому что Он и сотворил и намерен был сотворить чудеса гораздо более славные, чем настоящее), между тем жена, если бы Христос не обнаружил ее, осталась бы в неизвестности и лишилась великих похвал. Вот почему Господь обнаружил ее, похвалил, освободил от страха (она, говорится, приступила с трепетом), ободрил ее и, даровав ей телесное здравие, напутствовал желанием и других благ, сказав: “**Иди с миром**”.

“**И когда пришел Иисус в дом начальника и увидел свирельщиков и народ в смятении, сказал им: выйдите вон, ибо не умерла девица, но спит. И смеялись над Ним**” (Мф. 9:23,24). Хорошо отличали себя начальники синагоги: свирели и кимвалы возбуждают у них плач по умершем! Что же Христос? Он всех изгнал, кроме родителей, да и этих оставил только для того, чтобы не сказали, что не Он, а другой кто воскресил

девицу. И прежде, нежели воскрешает ее, возбуждает словом, говоря: “**Не умерла девица, но спит**”. Он и во многих других случаях поступал подобным образом. И как на море сперва укоряет учеников Своих, так точно и здесь прежде освобождает предстоящих от мыслей, смущавших их, и вместе показывает, что для Него легко воскрешать умерших (как поступил Он и при воскрешении Лазаря, говоря: “**Лазарь, друг наш, уснул**” (Ин. 11:11), - и вместе научает не страшиться смерти, потому что смерть уже не есть более смерть, но стала сном. Так как Ему и самому надлежало умереть, то, воскрешая других, заранее приготовляет учеников Своих к мужеству и спокойному перенесению смерти, так как, после Его пришествия, смерть сделалась сном. Находившиеся в доме смеялись над Ним; но Он не оскорблялся тем, что они не верили чуду, которое Он намерен был вскоре сотворить, и не укорил смеющихся, чтобы и самый смех, и свирели, и кимвалы, и все прочее свидетельствовало о смерти девицы.

3. Так как люди часто не верят чудесам, которые уже совершились, то Господь наперед предохраняет их от такого неверия их же собственными ответами. Так было при воскресении Лазаря; так было и с Моисеем. Моисею Бог говорит: “**Что это в руке у тебя**” (Исх. 4:2)? - чтобы он, узревши змия, сделавшегося из жезла, не забыл, что прежде в руке его был жезл, но, вспомнив о своем ответе, удивился чуду. И при воскресении Лазаря Господь спрашивает: “**Где вы положили его**” (Ин. 11:34)? - чтобы те, которые отвечали: “**Пойди и посмотри**”, также: “**Уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе**” (ст.39), - не могли уже не верить, что Он воскресил мертвого. Итак, увидев кимвалы и множество народа, Христос выслал всех из дома, и в присутствии родителей творит чудо, не другую душу влагая в умершую, но возвращая ту самую, которая вышла из нее, и как бы от сна пробуждая отроковицу. Для большего же удостоверения зрителей берет ее за руку, чтобы тем проложить путь к вере в воскресение. Отец говорил Ему: возложи руку; а Он делает больше: не возлагает Своей руки, но, взяв умершую за руку, воскрешает ее, показывая тем, что Ему все легко сделать, и не только воскрешает, но и приказывает дать ей пищу, чтобы сотворенного Им чуда не почли за обман. И не Сам дает ей пищу, но повелевает родителям; как и о Лазаре говорит: “**Развяжите его, пусть идет**” (Ин. 11:44) и после того делает его сообщником трапезы. Так (Христос) всегда имел обыкновение представлять несомненные доказательства и смерти и воскресения. Но ты обрати внимание не только на воскресение, но и на то, что Христос повелел никому о том не говорить, и отсюда прежде всего научись быть смиренным и не тщеславиться, а потом заметь и то, что Он всех плакавших выслал из дома, и признал их как бы недостойными видеть столь великое чудо. И не будь подобен свирельщикам, которых Господь изгнал из дома; но уподобляйся Петру, Иоанну и Иакову. Если тогда Спаситель выслал скорбевших вон, то тем более ныне, поскольку тогда еще неизвестно было, что смерть есть сон, ныне же эта истина яснее самого солнца. Но Господь не воскрешает ныне твоей дочери? Но Он несомненно воскресит ее и притом с большею славою. В самом деле, та, восставши От мертвых, опять умерла; а твоя дочь, когда восстанет, пребудет уже бессмертною. Итак, никто уже не должен плакать, никто не должен скорбеть и порицать дело Христово. Подлинно Он победил смерть. Что же ты напрасно плачешь? Смерть уже есть не что иное, как сон. Для чего же ты сетуешь и рыдаешь? Если эллины так поступают, то и они достойны посмеяния. Когда же верующий малодушествует в подобных случаях, то чем он может оправдать себя? Как могут получить прощение те, которые столь безрассудно поступают, несмотря на то, что уже так много прошло времени от пришествия Христова, и воскресение мертвых сделалось несомненным? Но ты, как бы стараясь увеличить свое осуждение, представляешь нам плачущих эллинских жен, усиливая плач и воспламеняя пещь, а не внимаешь словам апостола Павла: “**Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным**” (2 Кор. 6:15)? Даже и эллинские мудрецы, хотя не знают ничего о воскресении, однако же, находят для себя утешение, говоря: переноси мужественно, случившегося нельзя переменить и исправить плачем. А

ты, слушая высочайшие и назидательнейшие истины, не стыдишься малодушествовать больше их? Мы не говорим тебе: переноси мужественно, потому что случившегося нельзя переменить; но говорим: переноси мужественно, потому что несомненно, что умерший воскреснет. Спит отроча твое, а не умерло; покоится, а не погибло; оно воскреснет и получит жизнь вечную, бессмертие и жребий ангельский. Или ты не слышишь, что говорит Псалмопевец: "**Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо Господь облагодетельствовал тебя**" (Пс. 114:7)? Бог называет смерть благодеянием, а ты сетуешь. Что бы ты больше этого сделал, если бы был противником и врагом умершего? Если кому должно плакать, то пусть плачет дьявол; пусть он скорбит и рыдает о том, что мы идем получить высочайшие блага. Такое рыдание достойно его злобы, а тебе, долженствующему увенчаться и успокоиться, не прилично. Поистине, - смерть есть тихое пристанище. Смотри, сколь многих бедствий исполнена настоящая жизнь; размысли, сколько раз сам ты проклинал ее. Жизнь наша, чем долее продолжается, тем становится тягостнее. Ты уже в самом начале осужден на великие скорби, потому что сказано: "**В болезни будешь рождать детей**"; и еще: "**В поте лица твоего будешь есть хлеб**" (Быт. 3:16,19); также: "**В мире будете иметь скорбь**" (Ин. 16:33). Но о будущей жизни не сказано ничего подобного; совершенно напротив, о ней говорится: "**Печаль и воздыхание удалятся**" (Ис. 35:10); и еще: "**Придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом**" (Мф. 8:11). Там чертог духовный, светлые светильники и жизнь небесная.

4. Итак, для чего же ты срамишь умершего? Для чего других заставляешь бояться и трепетать смерти? Для чего побуждаешь многих обвинять Бога, как будто бы Он уготовал для нас великие бедствия? Или, еще более, для чего ты, по смерти кого-либо из присных, созываешь нищих, просишь священников, чтобы они молились об нем? Для того, скажешь ты, чтобы умерший получил успокоение, чтобы Судия был милостив к нему. Итак, об этом-то ты плачешь и рыдаешь? Но ты противоречишь себе самому. Оттого, что он удалился в пристань, ты подвергаешь себя буре. Но что же делать? - скажешь ты: такова природа наша. Нет, не вини природу, и не почитай слез своих необходимыми. Мы сами все превращаем, сами предаемся слабостям, сами унижаем себя и неверных делаем худшими. В самом деле, как станем мы говорить другому о бессмертии, как можем уверить в этом язычника, когда сами более его боимся и трепещем смерти? Многие из эллинов, не смотря на то, что не имели никакого понятия о бессмертии, по смерти детей своих украшали себя венцами, облекались в белые одежды, чтобы приобрести настоящую славу; а ты и для будущей славы не перестаешь уподобляться женам и плакать. Но у тебя нет наследника, тебе некому отказать свое имение? Но чего бы ты пожелал лучше: того ли, чтоб сын твой был наследником твоего имения, или - наследником благ небесных? Чего бы ты захотел более: того ли, чтобы он получил в наследие сокровища тленные, которые вскоре он должен будет оставить, или того, чтоб стяжал блага вечные и нетленные? Тебе нельзя иметь его своим наследником, но вместо тебя Бог сделал его Своим наследником. Он не имеет участия в наследии своих братьев; но он стал сонаследником Христу. Кому ж, скажешь, мы оставим одежды, дома, рабов и поля? Ему же, и притом с большею безопасностью, нежели при жизни его; для этого нет никаких препятствий. В самом деле, если варвары сжигают вместе с умершими их имущество, то тем более ты должен отослать вместе с умершим принадлежащее ему имущество, только не для того, чтобы оно сделалось прахом, как у тех, но чтобы умершего облекло в большую славу, чтобы, если он отшел отселе грешным, разрешило его от грехов, если праведным - увеличило его награду и воздаяние. Но ты желаешь видеть его? Живи подобно ему, - и ты вскоре достигнешь священного того видения. Кроме того, ты должен помыслить и о том, что если нам не поверишь, то самое время непременно уверит тебя в этом; но тогда уже не будет для тебя никакой награды, потому что утешение получится от изобилия времени. Если же теперь станешь любомудрствовать, то получишь два

величайшие блага: освободишь себя из среды зол, и увенчаешься светлейшим венцом от Бога, поскольку великодушное перенесение несчастий гораздо важнее и милостыни и других добродетелей. Представь, что и сам Сын Божий умер, и притом для тебя, - а ты умираешь за себя самого. Он, хотя и сказал: "**Если возможно, да минует Меня чаша сия**" (Мф. 26:39), хотя скорбел и ужасался, - однако не хотел избегнуть смерти, но подъял ее со многим страданием и подвигом. Он не просто только претерпел смерть, но претерпел поноснейшую смерть; да еще и прежде смерти подвергся бичеванию, и прежде бичевания - поношению, поруганию и злословию, научая тебя все переносить мужественно. Впрочем, умерши и отложив тело, Он опять восприял его с большею славою, подавая чрез то и тебе благие надежды. Если все это не басня, то не плачь; если все это признаешь истинным, то не проливай слез; если же ты сам плачешь, то как можешь уверить эллинов, что ты этому веришь?

5. Но, несмотря на эти убеждения, ты все еще не можешь переносить своей скорби? Но потому-то ты и не должен плакать об умершем, что он освободился от многих таких несчастий. Итак, не завидуй ему. Действительно, просить смерти самому себе, по причине преждевременной его кончины, и плакать о том, что он не жил долее, чтобы претерпевать множество таких скорбей, - свойственно более завидующему. Помышляй не о том, что он уже никогда не возвратится в дом твой, но что и ты сам скоро переселишься к нему; не о том думай, что умерший не возвратится сюда, но - и что все видимое нами не пребудет всегда одинаковым, а примет другой вид. И небо, и земля, и море, все изменится; и тогда-то ты получишь сына своего с большею славою! И если он отошел отсюда грешником, то через смерть у него отнята возможность продолжать зло; ведь если бы Бог видел, что он переменит образ своей жизни, то не восхитил бы его прежде покаяния. Если же он скончался праведником, то приобрел блага, которых никогда не потеряет. Отсюда ясно, что слезы твои происходят не от сильной любви, но от безрассудной страсти. Если ты любишь умершего, то тебе надлежит радоваться и веселиться, что он освободился от настоящих зол. Скажи мне: что случилось в мире особенного, необыкновенного и нового, чего прежде не было? Не видишь ли ты каждый день повторение одних и тех же перемен? За днем следует ночь, за ночью день; после зимы наступает лето, за летом следует зима, - и более ничего; перемены эти всегда одни и те же, - одни бедствия увеличиваются и возникают вновь. Итак, ужели ты желаешь, чтобы твой сын постоянно испытывал эти бедствия, - чтобы он, пребывая здесь, подвергался болезням, скорбям, страшился, трепетал и - одни бедствия претерпевал, а других опасался? Ты, ведь, не можешь сказать того, чтобы, плавая по этому пространному морю, он мог быть свободным от скорбей, забот и других подобных бедствий. Кроме того, помысли и о том, что ты его родила не бессмертным, и что если бы он не теперь умер, то подвергся бы этой участи несколько позже. Но ты еще не успела насладиться им? Насладишься вполне в будущей жизни. Но ты желаешь и здесь видеть его? Что же препятствует? Ты можешь видеть его и здесь, если находишься в бодрственном состоянии, потому что надежда будущих благ светлее самого зрения. Если бы сын твой находился в царских чертогах, ты не стала бы его требовать оттуда, чтобы посмотреть на него, слыша, что он находится там в чести; а теперь, видя, что он отошел для получения гораздо лучших благ, не можешь равнодушно перенести кратковременной разлуки, и притом имея вместо него мужа. Но у тебя нет мужа? Но ты имеешь утешение в Отце сирых и Судии вдовиц. Послушай, как и Павел уважает такое вдовство, говоря: "**Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога**" (1 Тим. 5:5). Подлинно, чем более таковая вдовица показывает терпения, тем более прославляется. Итак, не плачь о том, за что ты можешь получить венец, за что ты можешь требовать награды; ты отдала залог, но возвратила то, что тебе было вверено. Не заботься более, отдав стяжание свое в сокровищницу, из которой не могут его похитить. Если познаешь, какова жизнь настоящая и какова будущая, и что блага жизни настоящей - паутина и тень, а блага будущей непреходящи и бесконечны, то уже не потребуешь других убеждений.

Теперь сын твой освободился от всякой перемены; а пребывая здесь, он, может быть, был бы добр, а может быть - и нет. Не видишь ли, сколько людей отрекаются от детей своих? Сколь многие принуждены бывают держать у себя в доме таких детей, которые хуже самых отверженных? Итак, представляя все это в уме своем, будем любомудрствовать; поступая таким образом, мы и умершему благоугодим, и от людей заслужим многие похвалы, и от Бога получим великие награды за терпение, и достигнем вечных благ, которых все мы да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 32

"Когда Иисус шел оттуда, за Ним следовали двое слепых и кричали: помилуй нас, Иисус, сын Давидов! Когда же Он пришел в дом, слепые приступили к Нему. И говорит им Иисус: веруете ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: ей, Господи! Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам. И открылись глаза их" (Матф. 9:27-30).

1. Для чего Христос заставляет идти слепых за собой и просить о помиловании? Для того чтобы и в этом случае научить нас убегать людской славы. Так как дом находился по близости, то Он ведет их туда в намерении исцелить наедине. Это видно из того, что Христос не велел никому сказывать об исцелении. Не мало также обличает это и иудеев, когда слепые, будучи лишены зрения, приемлют веру по одному слуху; между тем как иудеи, видя чудеса и уверяясь в действительности их собственными глазами, поступают совершенно иначе. Заметь и усердие слепых, о котором можно судить по их крику и молению; они не просто приступили, но взывали громким голосом, - ничего больше не говоря, кроме: "**помилуй нас**"! Сыном же Давидовым называли потому, что это казалось им почетным наименованием. Часто и пророки так называли царей, которых хотели почтить и возвеличить (Иезек. 34:23; Зах. 12:8). Приведя слепых в дом, Христос еще спрашивает. Он большей частью исцелял только по просьбе - чтобы не подумали, что Он из честолюбия Сам ищет случаев творить такие чудеса, а равно, чтобы показать, что исцеляемые Им были достойны исцеления, и чтобы не сказали, что если Он исцелял по одному милосердию, то надлежало бы всем исцелиться. Ведь и самое человеколюбие соразмеряется несколько с верой исцеляемых. Но не по этим только причинам Христос требует от них веры. Так как они называли Его сыном Давида, то, возводя их к высшему понятию и научая, как должны разуметь о Нем, Он и спрашивает: "**веруете ли, что Я могу это сделать**" (Матф. 9:28)? Не сказал: веруете ли, что Я могу умолить Отца Моего, могу испросить у Него; но сказал: веруете ли, что Я могу это сделать? Что же они? "**Ей Господи**"! Уже называют Его не сыном Давида, но парят мыслью выше, и исповедуют Его владычество. А тогда уже и Сам Он, возлагая руку, говорит: "**по вере вашей да будет вам**". Делает это, чтобы укрепить их веру и показать, что сами они участвовали в своем исцелении, а равно и засвидетельствовать, что в словах их не было лести. Он не сказал: да отверзнутся очи ваши, но говорит: "**по вере вашей да будет вам**". То же самое Он говорит и многим другим из приходящих к нему, чтобы прежде исцеления телесных недугов обнаружить сердечную их веру, а через то и исцеленных сделать более опытными, и в других возбудить большую ревность к добру. Так Он поступает и с расслабленным; прежде, нежели возвратил крепость телу, восставляет расслабленную его душу, говоря: "**дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои**" (Матф. 9:2)! Также, воскресив девицу, взял ее за руку, и, повелев ей есть (Марк. 5:41,43; Лук. 8:54-55), научил ее познать своего Благодетеля; подобным образом поступил и с сотником, все приписав вере его (Матф. 8:13). Равно и при избавлении учеников от бури морской, сперва избавил их от маловерия (Матф. 8:26). Так и здесь: хотя Он знал тайные их мысли прежде, чем они их

высказали, но, чтобы и в других возбудить такую же ревность, открывает их и другим, совершением исцеления обнаруживая сокровенную их веру.

Потом, по исцелении, Христос повелевает им никому об этом не сказывать, и не просто повелевает, но со всей строгостью: "**запретил им**", говорится, Иисус, "**сказал: смотрите, чтобы никто не узнал. А они, выйдя, разгласили о Нем по всей земле той**" (Матф. 9:30-31). Впрочем, они не удержались, но стали проповедовать и благовествовать, - не удержались, несмотря на повеление молчать о происшедшем. Если Христос в другом случае говорит: иди и проповедуй славу Божью, то это не противоречит сказанному в настоящем случае, но вполне с ним согласно. Христос научает нас не только ничего не говорить о себе, но удерживать и тех, которые захотят хвалить нас; но если слава воздается Богу, то мы должны не только не препятствовать, но даже побуждать к тому. "**Когда же те выходили, то привели к Нему человека немого бесноватого**" (Матф. 9:32). Эта болезнь была не естественная, но происходила от дьявольского злоумышления. Потому и нужно было, чтобы бесноватого привели другие. Так как этот бесноватый, будучи не в состоянии говорить, не мог просить ни сам, ни через других, так как бес связал его язык, а с языком и душу, - то Господь не спрашивает его о вере, но немедленно исцеляет от болезни. "**Когда бес был изгнан**", говорит евангелист, "**немой стал говорить. И народ, удивляясь, говорил: никогда не бывало такого явления в Израиле**" (Матф. 9:33). Это-то особенно и причиняло досаду фарисеям, что Христа предпочитали не только всем современникам Его, но и предшественникам; предпочитали не за то, что исцелял, но за то, что исцелял легко, скоро, притом бесчисленные и неизлечимые болезни. Так об Иисусе судил народ.

2. Но фарисеи судили совсем иначе. Они не только перетолковывают Его поступки, но не стыдятся говорить и против самих себя. Такова-то злоба! В самом деле, что говорят они? "**Он изгоняет бесов силой князя бесовского**" (Матф. 9:34). Может ли быть что безрассуднее этого? Совершенно ведь невозможно, - как и Сам Христос говорит после, - чтобы бес изгонял беса, так как и бес обыкновенно свое утверждает, а не разоряет. А Христос не только изгонял бесов, но и очищал прокаженных, воскрешал мертвых, укрощал море, отпускал грехи, проповедовал царствие, приводил к Отцу, чего бес никогда и не захочет, и не сможет сделать. Бесы приводят к идолам, отвращают от Бога и научают не верить будущей жизни. Бес, будучи оскорблен, не станет делать добро, когда он и, не будучи оскорблен, причиняет вред даже тем, которые служат и угождают ему. Но Христос поступает совсем иначе. Он и после стольких укоризн и поношений, "**ходил**", говорит евангелист, "**по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях**" (Матф. 9:35). Он не только не наказывал их за бесчувственность, но даже и не укорял, показывая тем и Свою кротость и опровергая возводимую на Него клевету, и вместе желая последующими чудесами еще более удостоверить, и потом уже обличать словами. Итак, Он ходил и по городам, и по селам, и по синагогам их, научая тем нас воздавать за злословие не злословием, но большими благодеяниями. Если ты оказываешь благодеяния своим сорабам не для людей, но для Бога, то как бы они ни поступали, не переставай благодетельствовать, чтобы получить большую мзду. А кто перестает благодетельствовать потому, что его злословят, тот показывает, что он благотворил не ради Бога, но ради похвалы от людей. Вот почему Христос, научая нас, что Он по одной благости пришел благодетельствовать, не дожидался того, чтобы приходили к Нему страждущие, а Сам поспешал к ним, принося им два величайших блага: во-первых, евангелие царствия, во-вторых, исцеление от всех болезней. Он ни города не проходил мимо, ни селения не пропускал, но посещал всякое место. Даже и тем не довольствуется, но показывает и еще большую заботливость. "**Видя толпы народа**", говорит евангелист, "**Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие**

пастыря. Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало; итак, молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою" (Матф. 9:36-38). Смотри опять, как Он далек от тщеславия. Чтобы не водить всех за Собой, Он посылает учеников. Впрочем, не для того только посылает, но и для собственного их обучения, чтобы, образовавшись в Палестине, как бы в некотором училище ратоборства, они приготовили себя к подвигам в целом мире. Потому-то, как юных птенцов приучая к летанию, Он открывает обширнейшее поприще для их действования, сколько было то соразмерно с их силами, чтобы они удобнее могли приступить к последующим подвигам; и сначала делает их только врачами тел, чтобы после вверить им важнейшее - врачевание душ. И смотри, как показывает легкость и необходимость этого дела. "**Жатвы**", говорит Он, "**много, а делателей мало**". Я, говорит, посылаю вас не сеять, но жать. Подобным образом сказал Он и у Иоанна: "**другие трудились, а вы вошли в труд их**" (Иоан. 4:38). Этими словами Он удерживал их от самомнения, возбуждал к бодрости и показывал, что предшествовавший труд был больше. Смотри же: Он и здесь начинает милостью, а не судом. "**Сжалился над ними**", сказано, "**что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря**". Этим Он укорял начальников иудейских за то, что они, будучи пастырями, показывали в себе свойства волков, потому что не только не исправляли народа, но и препятствовали ему быть лучшим. Народ удивлялся и говорил: "**никогда не бывало такого явления в Израиле**" (Матф. 9:33)! А они, напротив, говорили: "**Он изгоняет бесов силой князя бесовского**" (Матф. 9:34)! Но о каких делателях говорит здесь Господь? О двенадцати учениках. Что же? Сказав: "**делателей мало**", увеличил ли их число? Нет, но послал двенадцать только. Так почему же Он сказал: "**молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою**", - а никого к ним не присоединил? Потому, что впоследствии Он и двенадцатью заменил многих, не увеличив их числом, но даровав им силу.

3. Далее, желая показать, как велик дар, говорит им: "**молите Господина жатвы**" - и, хотя не прямо, дает разуметь, что Он есть этот Господин. Сказав: "**молите Господина жатвы**", без просьбы и без моления их, Сам немедленно рукополагает их в это звание и приводит им на память то, что говорил Иоанн о гумне, о лопате, о плевелах и о пшенице. Отсюда видно, что Он есть Делатель, Он есть Господин жатвы, Он есть Владыка пророков. Если Он послал жать, то конечно не чужое, но то, что Он сеял через пророков. И не тем только ободрил их, что назвал служение их жатвой; но особенно тем, что даровал им и силу к этому служению. "**И призвав**", говорит евангелист, "**двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь**" (Матф. 10:1). Впрочем, Дух еще не был ниспослан: "**ибо еще не было на них Духа Святого, потому что Иисус еще не был прославлен**" (Иоан. 7:39). Как же они изгоняли духов? Повелением и властью Христа. Смотри же, как благовременно это посольство. Он не с самого начала послал их, но когда они уже довольно времени были Его последователями, и видели; как Он воскресил мертвого, запретил морю, изгонял бесов, исцелил расслабленного, отпускал грехи, очистил прокаженного. Когда достаточно, и делом и словом, удостоверились в могуществе Его, тогда уже и посылает их; посылает не на опасные подвиги, - в Палестине не было еще никакой опасности, - приходилось только подвергаться злословиям. Впрочем, предсказывает им и об опасностях, чтобы заранее приготовить и частым напоминанием приучить их к ним. Далее, так как евангелист сказал уже о двух двоицах апостолов, - о Петре и Иоанне с братьями их (Матф. 4:18,21), - и после них упомянул о призвании Матфея (Матф. 9:9), о призвании же и именах других апостолов ничего не говорил нам, то теперь находит нужным перечислить их по порядку, и называет их по именам, говоря так: "**Двенадцати же Апостолов имена суть сии: первый Симон, называемый Петром**" (Матф. 10:2). Был и другой Симон, называвшийся Кананитом; равно как был Иуда Искариот и Иуда Иаковлев, и Иаков Алфеев и Иаков Заведеев. Марк перечисляет

апостолов по достоинству, после двух верховных поставляя Андрея; но Матфей перечисляет не так, а иначе: он ставит выше себя Фому, который был гораздо ниже. Рассмотрим же их по порядку, начиная с первого. "**Первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его**". И это уже немалая похвала. Одного похвалил за добродетель, а другого за благородство нрава. Далее – "**Иаков Зеведеев и Иоанн брат его**". Видишь, что евангелист не по достоинству ставит их. Мне думается, что Иоанн был не только выше других, но и брата своего. После того, сказав: "**Филипп и Варфоломей**", присовокупил: "**Фома и Матфей мытарь**" (Матф. 10:3); а Лука, напротив, ставит его выше Фомы. Далее: "**Иаков Алфеев**" - потому что был, как я выше сказал, Иаков Зеведеев. Затем, сказавши о Леввее, который иначе назывался Фаддеем, и о Симоне Зилоте, которого называет также Кананитом, доходит до предателя, и говорит о нем не как враг и противник, но как историк. Не сказал: скверный и беззаконный Иуда, - но по имени города назвал его Искариотом. Был и другой Иуда - Леввей, прозванный Фаддеем, которого Лука называет Иаковлевым, говоря; Иуда Иаковлев (Лук. 6:16), а потому Матфей, отличая одного от другого, говорит: "**Иуда Искариот, который и предал Его**" (Матф. 10:4). И не стыдится говорить: "**который и предал Его**". Так евангелисты никогда ничего не скрывают, - даже и того, что казалось предосудительным. Впрочем, самый первый и верховный из апостолов был человек неученый и простой. Но посмотрим, куда и к кому Христос посылает их? "**Сих двенадцать**", говорит, "**послал Иисус**" (Матф. 10:5). Кто же они таковы? Рыбари, мытари. Четверо из них были рыбари, двое мытари - Матфей и Иаков, а один и предатель. Что же говорит им? Тотчас заповедует им, говоря: "**на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева**" (Матф. 10:5-6). Не подумайте, говорит Он, будто за то, что они Меня поносят и называют беснующимся, Я питаю к ним ненависть и отвращение; напротив, Я стараюсь исправить их прежде других, и запрещаю вам ходить к другим народам; к ним посылаю вас учителями, врачами. И не только запрещаю вам проповедовать кому-либо прежде их, но не позволяю даже и ступать на путь, который ведет к язычникам, и входить в город самарянский.

4. И самаряне были противниками иудеев, хотя их обращать было удобнее, потому что они гораздо более расположены были к вере, а обращать иудеев было труднее. И, однако, Иисус посылает апостолов к упорным иудеям, показывая тем Свое о них попечение, заграждая их уста, и пролагая путь проповеди апостольской, чтобы после не стали жаловаться, что апостолы пошли к необрезанным, и чтобы не имели никакой благовидной причины убегать и отвращаться их. Называя же их овцами погибшими, а не заблудившимися, всячески внушает им мысль о прощении, и привлекает сердца их. "**Ходя же**", говорит Он, "**проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное**" (Матф. 10:7). Видишь величие служения? Видишь достоинство апостолов? Им не велено говорить ни о чем чувственном, о чем говорили Моисей и прежде бывшие пророки; но повелевается говорить о предметах новых и необычайных. Те проповедовали не о небесном царствии, но о земле и о земных благах; а эти проповедуют о царстве небесном, и обо всем, что там. Но не этим только апостолы превосходят пророков, но и послушанием. Они не отказываются, не уклоняются от повелений, как поступали древние; но, слыша и об опасностях, и о войнах, и о несносных бедствиях, с совершенной покорностью принимают повеления, как проповедники царствия. Но чему тут дивиться, скажешь, ежели они охотно повиновались, когда должны были проповедовать без скорби и тягости? Что ты говоришь? Им не заповедано ничего тягостного? Разве не слышишь о темницах, о смертных приговорах, о гонениях от единоплеменников, о всеобщей ненависти? Все это, по словам Христа, вскоре должны они были испытать на себе. Он посылает их проповедниками и раздаятелями бесчисленных благ другим; а самим возвещает и предрекает несносные бедствия. Затем, чтобы их проповедь удобнее могла расположить к вере, говорит: "**больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте,**

бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте" (Матф. 10:8). Заметь, как Он заботится о правах их: не меньше, чем о чудесах, показывая им, что чудеса без доброй нравственности ничего не значат; говоря: "**даром получили, даром давайте**", - Он смиряет их высокоумие и предостерегает от сребролюбия. И чтобы не подумали, что производимые ими чудеса плод их добродетелей, и не возгордились тем, говорит: "**даром получили, даром давайте**". Вы ничего своего не даете тем, которые принимают вас; получили вы эти дары не в награду и не за труды: это Моя благодать. Так и другим давайте, потому что нельзя найти цены, достойной этих даров. Потом, исторгая тотчас же и самый корень зла, говорит: "**не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха**" (Матф. 10:9-10). Не сказал: не берите с собой; но хотя бы ты и в другом месте мог взять, избегай этого пагубного недуга. Через это достигал Он многого. Во-первых, удалял от учеников всякое подозрение; во-вторых, освобождал их от всякой заботы, чтобы они занимались одной проповедью; в-третьих, показывал им Свое могущество. Для того-то и говорит им после: имели ли вы в чем недостаток, когда Я посылал вас без одеяния и без обуви? И не вдруг говорит им: "**не берите**"; но сперва сказал: "**больных исцеляйте, прокаженных очищайте**", а потом уже заповедал: ничего "**не берите; даром получили, даром давайте**" (Матф. 10:9,8), повелевая им то, что и на деле полезно, что и прилично, и возможно. Но, может быть, скажут: другие требования справедливы; но почему Он и в дороге не велел им иметь ни сумы, ни двух одежд, ни жезла, ни сапог? Потому что хотел приучить их к строгой жизни, так как и выше не позволил им заботиться даже и о следующем дне. Он готовил их быть учителями вселенной; потому и делает их, так сказать, из людей ангелами, освобождая их от всякого житейского попечения, чтобы они заботились об одной только проповеди, - или, лучше сказать, Он освобождает их и от этой заботы, говоря: "**не заботьтесь, как или что сказать**" (Матф. 10:19), и таким образом, что казалось весьма трудным и тягостным, представляет им весьма легким и удобным. Подлинно, ничто столько не служит к душевному спокойствию, как свобода от забот и попечений, особенно если, освободившись от этих забот и попечений, можно не иметь ни в чем недостатка, имея помощником Бога, Который заменяет Собой все. Потом, в предупреждение вопроса: откуда же будем получать необходимое пропитание? - не говорит им: вы слышали, что Я говорил вам прежде: "**взгляните на птиц небесных**" (Матф. 6:26), - каковой заповеди они еще не в состоянии были выполнить, - но выразился легче, сказав: "**ибо трудящийся достоин пропитания**" (Матф. 10:10), желая показать этими словами, что им должно получать себе пропитание от учеников, чтобы они не гордились перед учениками своими тем, что, доставляя им все, сами ничем от них не заимствуются, а ученики, в свою очередь, будучи презираемы ими, не отделились от них.

5. Далее, чтобы ученики не сказали: итак, велишь жить милостыней? и не вменили бы того себе в стыд, - Христос, называя их делателями, а даваемое им - мздой, показывает, что это так должно и быть. Хотя дело ваше, говорит Он, состоит только в учении, но не думайте, чтобы оказываемое вами благодеяние было маловажно; ваше занятие сопряжено с великими трудами, и что дают вам поучаемые, дают не даром, но в вознаграждение: "**ибо трудящийся достоин пропитания**". Это Он сказал не потому, чтобы труды апостолов того только и стоили, - совсем нет! Здесь Он давал только ученикам правило не требовать большего, а доставляющих им нужное вразумлял, что они делают это не по щедрости, но по долгу. "**В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете**" (Матф. 10:11). Когда Я сказал, - говорит Он, - "**трудящийся достоин пропитания**", то этим не отворил дверей для вас ко всем; напротив, и в этом повелеваю вам поступать с большой осмотрительностью, что послужит вам к приобретению и чести, и самого пропитания. В самом деле, если принимающий вас человек будет достоин, то он непременно даст вам пропитание, особенно, если вы кроме необходимого ничего более не потребуете. Но Христос не только

повелевает искать достойных, но и не переходить из дома в дом, чтобы ни принимающего не оскорбить, ни самим не подвергнуться нареканию в чревоугодии и легкомыслии. Это-то и внушал Он словами: "**там оставайтесь, пока не выйдете**". То же самое можно видеть и у других евангелистов. Видишь ли, как Он этим делает учеников достойными уважения, а приемлющих их ревностными к принятию, показав, что от этого несравненно более для них самих будет и славы, и пользы? Продолжая то же наставление, говорит: "**а, входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится**" (Матф. 10:12-13). Смотри, до каких подробностей Он доходит в Своих наставлениях, - и не без причины. Он готовил их быть подвижниками благочестия и проповедниками вселенной; а потому, приучая к умеренности и делая достойными любви, говорит: "**а если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому**" (Матф. 10:14-15). Не ожидайте, говорит, приветствия себе от других, потому что вы учители, но сами прежде отдавайте честь другим. Кроме того, показывая, что их приветствие не простое слово, но благословение, говорит: если будет дом достоин, придет мир ваш на него, а если оскорбят вас, то первым наказанием будет то, что дом лишится мира, а вторым то, что подвергнется одинаковой участи с Содомом. Но скажут: какая нам польза в их казнях? Такая, что для вас найдутся дома достойных. Что же значит выражение: "**отрясите прах от ног ваших**"? Этим показывается или то, что апостолы ничего у них не заимствовали, или это служит свидетельством дальнего путешествия, которое апостолы предпринимали для них. Но заметь, что Господь еще не все дарования дает апостолам. Так не дает еще им предведения, чтобы могли узнавать, кто достоин и кто недостоин, а велит узнавать и дожидаться, что покажет опыт. Почему же Сам Он пребывал у мытаря? Потому что мытарь, переменившись, сделался достойным. Заметь еще, что Он, лишив апостолов всего, все им дал, когда позволил жить в тех домах, где принимали их наставления, ничего при себе не имея, входить в эти дома. Таким образом, и сами они освобождались от забот, и принимавших удостоверяли, что пришли к ним единственно для спасения их, как тем, что ничего с собой не приносили, так и тем, что кроме необходимого ничего от них не требовали, наконец, и тем, что входили не ко всем без разбора. Господь хотел, чтобы апостолы славились не одними чудесами, но более чудес - своими добродетелями. Подлинно, ничто столько не отличает любомудрия, как то, чтобы не иметь ничего излишнего и довольствоваться как можно меньшим. Это знали и лжеапостолы. Потому Павел и говорит; "**дабы они, чем хвалятся, в том оказались такими же, как и мы**" (2 Кор. 11:12). Если же и на чужой стороне, отправляясь к людям незнакомым, не должно ничего более домогаться, кроме ежедневной пищи, то не гораздо ли более, находясь дома?

6. Не выслушать только должны мы сказанное, но и исполнять на деле. Не об одних ведь апостолах сказано это, но и о последующих святых. Итак, постараемся сделаться достойными принять их к себе. Смотря по расположению принимающих, мир может и приходить к ним и опять удаляться; это зависит не от власти только учителей, но и от достоинства приемлющих. Не станем же считать для себя маловажной потерей, если не насладимся этим миром, о котором еще издревле провозгласил пророк, говоря: "**как прекрасны ноги благовестника, возвещающего мир**" (Иса. 52:7), причем, изъясняя достоинство мира, присовокупил: " **благовествующего радость** ". И сам Христос показал важность этого мира, говоря: "**мир оставляю вам, мир Мой даю вам**" (Иоан, 14:27). Поэтому должно употреблять все старание, чтобы наслаждаться им как дома, так и в церкви. И в церкви предстоятель дает мир, и это служит образом мира, даруемого Христом; и потому предстоятеля должно принимать со всяким усердием, предоставляя ему не столько трапезу, сколько свое расположение. Если худо не уделять от трапезы, то не гораздо ли хуже отвергать благословляющего? Для тебя сидит пресвитер, для тебя

стоит учитель, трудится и изнуряется. Какое же ты будешь иметь извинение, когда и слов его не принимаешь? Церковь есть общий для всех дом, куда мы входим за вами, по примеру апостолов, почему и, входя, тотчас же, по заповеди Христовой, всех вообще приветствуем миром. Итак, никто не будь нерадив, никто не будь рассеян, когда священники входят и преподают поучение: за это угрожает немалое наказание. Лучше для меня тысячекратно подвергнуться презрению, входя к кому-нибудь из вас в дом, чем не быть выслушанным, когда здесь приветствуют вас миром. Последнее для меня гораздо несноснее первого, так как и дом этот несравненно важнее; здесь хранятся великие наши сокровища, здесь все наши надежды. И что здесь не велико, что не досточтимо? И трапеза эта несравненно почтеннее и сладостнее твоей домашней трапезы, и светильник этот - твоего светильника; это знают те, которые, с верой и благовременно помазавшись елеем, получили исцеление. И эта сокровищница несравненно превосходнее и необходимее твоей сокровищницы, потому что в ней положены не одежды, но милостыня, хотя и немногие владеют этой сокровищницей [1]. Здесь и ложе лучше твоего: успокоение, доставляемое Священным Писанием, приятнее всякого ложа. И если бы мы соблюдали совершенное согласие, то кроме этого мы не имели бы другого дома. А что это не трудно, свидетельствуют те три тысячи и пять тысяч верующих, которые имели и дом, и трапезу, и душу одну. У множества веровавших, говорится, "**было одно сердце и одна душа**" (Деян. 4:32). Но так как в этой добродетели мы далеко отстали от них, и живем по разным домам, то, по крайней мере, когда собираемся сюда, будем ревностно исполнять ее. Если мы недостаточны и бедны в чем другом, по крайней мере, будем богаты хотя бы в этом. Поэтому хотя здесь, когда входим к вам, принимайте нас с любовью. И когда я скажу: "**мир вам**", вы скажите: и духови твоему; скажите не голосом только, но и сердцем, не устами только, но и духом. Иначе, ежели ты здесь скажешь: и духови твоему мир, а выйдя, будешь восставать против меня, будешь меня презирать, злословить и втайне поносить бесчисленными ругательствами, - то что это за мир? Впрочем, хотя ты и будешь меня всячески злословить, я даю тебе мир от чистого сердца, с искренним расположением, и ничего худого никогда не могу сказать о тебе: у меня отеческое сердце, и хотя иногда я и осуждаю тебя, но делаю это, заботясь о тебе же. А если ты втайне язвишь меня, и не принимаешь в доме Господнем, то страшусь, чтоб ты еще не увеличил моей скорби - не тем, что оскорбил меня, ни тем, что выгнал меня, но тем, что отверг мир, и навлек на себя столь жестокое наказание. Хотя я и не оттрясу праха, хотя не пойду от тебя прочь, - но угроза остается во всей своей силе. Я часто приветствую вас миром, и никогда не перестану приветствовать. Хотя вы и с презрением меня будете принимать, я все-таки и тогда не оттрясу праха, - не потому, чтобы я не хотел повиноваться Господу, но потому, что весьма горячо люблю вас. Притом, я ничего и не терпел для вас, не предпринимал дальнего путешествия; пришел к вам не так, как приходили апостолы, ничего при себе не имея (за что и виним наперед себя), пришел не без сапог, не без другой одежды, - почему, может быть, и вы упускаете со своей стороны должное. Только этого недостаточно для вашего оправдания. Пусть мы подвергнемся большему осуждению; но это нимало не служит к вашему извинению.

7. Тогда дома были церквами, а ныне церковь сделалась домом. Тогда и в домах не говорили о житейском, а ныне и в церкви не говорят о духовном. Вы и здесь поступаете, как на торжище; и когда говорит сам Бог, не только не слушаете слов Его в молчании, а занимаетесь разговорами совсем о других предметах. И пусть бы вы занимались тем, что касается вас самих; нет - вы говорите и слушаете то, до чего вам и дела нет. Вот о чем я плачу, и не перестану плакать! Я не властен оставить этого дома; нам необходимо оставаться здесь, доколе не отойдем из настоящей жизни. Итак, "**вместите нас**" (2 Кор. 7:2), - как увещевал Павел. Это сказано у него не о трапезе, но о сердце и расположении. Того же и мы от вас требуем: любви, приязни сердечной и искренней. Если же и это тяжело для вас, то, по крайней мере, оставив теперешнюю беспечность, возлюбите самих

себя. Для нашего утешения довольно и того, если увидим, что вы успеваете в добре и делаетесь лучшими. В таком случае и я покажу больше любви, "если и слишком любя вас, вами буду любим менее". Многое ведь побуждает нас к взаимному общению: всем нам предлагается одна трапеза; один Отец породил нас; все мы произошли от одной утробы; всем подается одно питье, и не только одно, но из одной чаши. Отец, между прочими средствами расположить нас к взаимной любви, употребил и то, чтобы мы пили из одной чаши: это служит знаком крепкой любви. Но скажешь, что мы не можем равняться с апостолами. И я в том согласен, и ни мало не спорю; мы не стоим не только их, но даже и тени их. Но при всем том вы должны исполнять свое дело. Это не только не сделает вам стыда, но еще более послужит к вашей пользе. Когда будете оказывать должную любовь и послушание к недостойным, получите большее воздаяние. Мы говорим не от себя, так как у нас и нет учителя на земле; что мы приняли, то и даем, и когда даем, ничего не требуем от вас, кроме одной любви. Если мы на самом деле недостойны любви, то, по крайней мере, достойны ее за любовь нашу к вам. Кроме того, нам заповедано любить не только любящих нас, но и врагов наших. Кто же будет столь жестокосерд, столь груб, что, получив такую заповедь, станет отвращаться и ненавидеть даже любящих его, хотя сам исполнен бесчисленных пороков? Мы имели общение в духовной трапезе; будем иметь общение и в духовной любви. Если разбойники, сидя за общим столом, забывают свои злые нравы, то, какое будем иметь оправдание мы, которые, всегда приобщаясь тела Господня, не подражаем даже и им в кротости? Для многих служит достаточным побуждением к дружбе не только то, что имеют общий стол, но и то, что они из одного города; а мы, у которых и город, и дом, и стол, и путь, и дверь, и корень, и жизнь, и глава, и Пастырь, и Царь, и Учитель, и Судья, и Творец, и Отец, и все общее, - какое будем иметь извинение, удаляясь от общения друг с другом? Не требуете ли и от нас чудес, какие творили апостолы, приходя проповедовать: чтобы и мы очищали прокаженных, изгоняли бесов, воскрешали мертвых? Но то и будет самым сильным доказательством вашего благородства и любви, если будете веровать в Бога, не требуя залогов. Бог, как по этой причине, так и по другим, прекратил чудеса. Если без чудес, обладающие теми или другими совершенствами, как-то: даром слова, или благочестием, тщеславятся, превозносятся, друг от друга отделяются, то где не было бы разделений, если бы были еще и чудеса? А что это говорю не по догадке, - представляю в доказательство коринфян, которые от этого самого разделились на многие толки. Ищи не чудес, но спасения души. Не ищи того, чтоб видеть одного мертвеца воскресшим, когда знаешь, что все мертвые воскреснут; не ищи, чтобы видеть слепца прозревшим, но смотри, как ныне все начинают получать лучшее и полезнейшее зрение. Научись и сам смотреть целомудренно, и исправь твое око. Подлинно, если бы мы жили все, как должно, то язычники дивились бы нам больше, нежели чудотворцам. Чудеса часто считают обманом, и находят в них много подозрительного, хотя чудеса христианские совсем не таковы. Но жизнь непорочная не может подвергнуться никакому подобному подозрению, - напротив, добродетель заграждает уста всем.

8. Итак, будем упражняться в добродетели; она составляет великое богатство и великое чудо. Она доставляет истинную свободу, являет ее и в самом рабстве, не освобождая от рабства, но самих рабов делая почтеннее свободных; а это гораздо важнее, чем дать самую свободу. Она не делает бедного богатым, но и в самой бедности делает его достаточнее богатого. Если ты хочешь и чудеса совершать, то освободись от грехов - и все тобой будет сделано. Возлюбленные, грех есть самый злой бес. И если его из себя выгонишь, то сделаешь более, нежели те, которые изгоняют тысячи бесов. Послушай, как Павел добродетель ставит выше чудес: "**ревнуйте**", говорит он, "**о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший**" (1 Кор. 12:31); и далее, показывая этот путь, не упомянул ни о воскресении мертвых, ни об очищении прокаженных, ни о чем другом тому подобном, но вместо всего того сказал о любви. Послушай, что говорит и Христос:

"**тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах**" (Лук. 10:20). И прежде, в другом месте: "**многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им**" не знаю вас (Матф. 7:22-23). Также перед крестным страданием, призвав учеников, сказал им: "**по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собой**" (Иоан. 13:35), - а не потому, что будете изгонять бесов. И опять: по этому узнают все, что Ты Меня послал (Иоан. 17:23) - не из того, что они будут воскрешать мертвых, но из того, что будут едино. Чудеса часто другому приносят пользу, а тому, кто творит их, вредят, или, доводя его до гордости и тщеславия, или другим каким образом; а от добрых дел ничего такого ожидать нельзя: они приносят пользу и тем, которые творят их, и другим многим. Итак, будем совершать их со всем тщанием. Если ты из жестокосердого сделался милостивым, то исцелил сухую руку; если, оставив зрелище, пошел в церковь, то исправил хромую ногу; если отвратил глаза свои от блудницы и от красоты чужой жены, то отверз слепые очи; если вместо сатанинских песней выучил ты духовные псалмы, то, будучи прежде немым, стал говорить. Вот самые великие чудеса! Вот дивные знамения! Если мы непрестанно будем совершать такие чудеса, то посредством их и сами сделаемся великими и удивительными, и всех порочных привлечем к добродетели, и достигнем будущей жизни, - которой да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Вероятно, Златоуст хотел выразить здесь ту мысль, что немногие обогащают церковную сокровищницу подаянием милостыни, поскольку владетелями этой сокровищницы могут быть названы только те, кто полагает в ней свою милостыню.

БЕСЕДА 33

"Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби" (Матф. 10:16).

1. После того, как Господь обеспечил апостолов относительно пропитания, и отверз им все дома, Он и самый вход их сделал достойным уважения, повелевая им входить не как скитающимся и нищим, но как таким людям, которые гораздо почтеннее самих принимающих их. (Это именно дал Он разуметь как словами: "**трудящийся достоин пропитания**" (Матф. 10:10), так и повелением осведомляться о достойных и у них оставаться, а равно повелением приветствовать приемлющих и угрозой жестоких казней не приемлющим). Когда, таким образом, Он освободил их от заботы о пропитании, вооружил знамениями, сделал их как бы железными и адамантовыми, отрешив от всего житейского и освободив от всех временных забот, - тогда-то Он начинает говорить уже и о тех бедствиях, которые имели их постигнуть, и не только о тех, которые должны были наступить вскоре, но и о тех, которые имели последовать по прошествии многого времени, и таким образом заранее, приготавливает их к брани против дьявола. Этим достигалось многое: во-первых, апостолы узнали силу предведения Его; во-вторых, никто уже не мог думать, что эти бедствия происходят от бессилия Учителя; в-третьих, те, которые должны были терпеть эти бедствия, не могли ужасаться их, как непредвиденных и неожиданных; в-четвертых, слыша это, апостолы не должны были смущаться и при наступлении времени крестных страданий, - как они смутились в то время, когда Он,

обличая их, говорил: "**от того, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше; и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь**" (Иоан. 16:6,5)? Впрочем, Он о Себе еще ничего не говорит; не говорит, например, что Он будет связан, мучим и умерщвлен, чтобы этим не возмутить сердец их; а только предсказывает им то, что имело с ними случиться. Далее: чтобы они поняли, что им предлежит новый закон брани и чудный образ ополчения, Он, посылая их почти нагими, с одной одеждой, без обуви, без жезла, без меди при поясе, без сумы, и повелевая самое пропитание получать от тех, которые их принимают, и тем не кончил Своего слова, но, показывая, несказанную силу Свою, говорит: вот как вам должно идти (на проповедь): показывайте овечью кротость, хотя вы должны идти против волков, и не просто против волков, но и посреди волков. И не только кротость овечью Он повелевает иметь им, но и голубиное незлобие. Я покажу Мою крепость в особенности в том, что овцы преодолеют волков и, находясь среди них и подвергаясь бесчисленным угрызениям, не только не истребятся, но преобразят и их самих. А гораздо удивительнее и более значит - изменить расположение воли и преобразовать ум, нежели умертвить, в особенности, когда овец только двенадцать, а волков полна вся вселенная.

Итак, устыдимся поступать вопреки заповеди Христовой и нападать на врагов как волки. Доколе мы будем овцами, дотоле будем побеждать; хотя бы и бесчисленное множество волков нас окружало, но мы их преодолеем и победим. Если же будем волками, - будем побеждены, потому что отступит от нас помощь Пастыря (Он пасет не волков, а овец); Он оставит и удалится от тебя, потому что ты не дашь открыться Его силе. Когда ты показываешь в злостраданиях кротость, то вся победа Ему принадлежит; а когда сам нападаешь и сражаешься, помрачаешь победу. Смотри же: кто те, которым даются столь тяжкие и неудобоисполнимые повеления? Это люди боязливые и простые, некнижные и неученые, вовсе не знатные, вовсе не образованные по внешним законам, не занимавшиеся судебными делами, рыбари, мытари, исполненные только бесчисленных недостатков. Если эти последние могли привести в замешательство и людей важных и великих, то, как же не могли они привести в отчаяние и ужас людей вовсе неискусных и никогда не помышлявших ни о чем достохвальном? Но они не привели их в отчаяние. Но, может быть, иной скажет: так тому и быть надлежало, потому что Он дал им власть очищать прокаженных и изгонять бесов. А я на это скажу, что это-то самое и должно было привести их еще в большее смущение, когда, несмотря на данную им власть воскрешать мертвых, им следовало терпеть такие ужасные бедствия на судилищах, заключение в темницы, нападение от всех, общую ненависть вселенной, и подвергаться таковым бедствиям, имея власть творить чудеса. И какое было для них утешение во всех этих бедствиях? Сила Посылающего. Потому-то Он прежде всего и сказал: "**вот, Я посылаю вас**". Этого довольно для вашего утешения; этого довольно для того, чтобы вас ободрить и чтобы вам не бояться никого из противников ваших.

2. Видишь ли ты могущество? Видишь ли власть? Видишь ли непреодолимую силу? Слова Его имеют такой смысл: не смущайтесь, говорит Он, что Я вас посылаю как овец среди волков, и повелеваю, чтобы вы были как голуби. Я мог поступить иначе: Я мог не попустить претерпевать вам какое-либо зло и не предавать вас как овец волкам; Я мог сделать вас страшнее львов. Но лучше этому быть так: это и вам приносит более славы, и Мою возвещает силу. Так же Он говорил и Павлу: "**довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**" (2 Кор. 12:9). Такова Моя воля относительно вас. Итак, когда Господь говорил: "**вот, Я посылаю вас, как овец**", - давал им разуметь: не унывайте, Я знаю, Мне совершенно известно, что вы в особенности, поступая таким образом, не будете никем побеждены. Далее, чтобы они сколько-нибудь и сами содействовали, чтобы не все казалось делом одной благодати, и чтобы не подумали, что они получают венцы ни за что, - говорит: "**будьте мудры, как змии, и просты, как**

голуби". Но поможет ли нам сколько-нибудь, скажут, наша мудрость в таких опасностях? И можно ли иметь какую-либо мудрость, когда нас обуревают такие волны? Сколько бы овца мудра ни была, но что она может сделать среди волков, и притом среди такого множества волков? Сколько бы ни был незлобив голубь, но что ему делать при нападении такого множества ястребов? Для бессловесных тут нет никакой пользы, а для вас - польза величайшая. Но посмотрим, какая здесь требуется мудрость. Мудрость змеиная. Как змей ничего не бережет и, когда самое тело его рассекают на части, не сильно защищается, чтобы только соблюсти голову, так и ты, говорит Христос, все отдай: и имение, и тело, и самую душу - кроме веры. Вера есть глава и корень; если ты сохранишь ее, то хотя бы и все потерял, опять все приобретешь с большей славой. Вот почему Господь и повелел быть им не простыми только и незлобивыми, и не мудрыми только, но совокупил то и другое, чтобы из того и другого составилась добродетель: Он требовал змеиной мудрости для предостережения от опаснейших поражений, а голубиного незлобия - для предотвращения мстительности за обиды и отплаты за наветы, потому что нет никакой пользы и в мудрости, когда она не соединена с незлобием. Что может быть строже этих повелений? Не достаточно только претерпевать бедствия: нет, - говорит, - Я не позволяю тебе за то даже и гневаться (это и значит быть голубем). Походит на то, как если бы кто-нибудь, бросив трость в огонь, повелевал ей не только не сгорать в огне, но и погасить огонь. Но не будем смущаться: эти повеления сбылись, исполнились, и самым делом совершились. Люди одного и того же, а не другого с нами естества, бывали и мудры как змеи, и незлобивы как голуби. Итак, да не почитает кто-либо этих повелений вовсе неудобоисполнимыми. Господь лучше всех знает естество вещей; Он знает, что дерзость погашается не дерзостью, но кротостью. И если хочешь видеть, как это совершается на самом деле, то прочитай книгу Деяний Апостолов, и увидишь, сколько раз, когда восставал против них народ иудейский и скрежетал зубами, они, подражая голубю и отвечая иудеям с надлежащей кротостью, угашали их ярость, прекращали неистовство, утишали страсти. Так, когда иудеи говорили им: "**не запретили ли мы вам накрепко учить о имени сем**" (Деян. 5:28)? - то апостолы, имея власть творить бесчисленные чудеса, не сказали и не сделали ничего грубого, но со всей кротостью защищались, говоря: "**судите, справедливо ли перед Богом слушать вас более, нежели Бога**" (Деян. 4:19). Видишь ли голубиное незлобие? Но вот и мудрость змеиная: "**мы не можем не говорить того, что видели и слышали**" (Матф. 10:20). Видишь, какая потребна во всем твердость, чтобы и в бедах не ослабеть, и не раздражиться в гневе? Потому-то Христос и сказал: "**остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас, и поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками**" (Матф. 10:17-18). Опять Он располагает их к бодрствованию, обрекая и здесь их на злострадания, а злодействовать попуская другим; и это для того, дабы ты знал, что победа и славные трофеи даются претерпеванием бедствий. Он не сказал: сражайтесь и вы, и противостойте тем, которые будут причинять вам насилие, но только: вы будете терпеть крайние бедствия.

3. Как велика сила Того, Кто так говорил! Как велико любомудрие тех, которые слушали! Нужно крайне удивляться, каким образом апостолы, эти боязливые люди, никогда не бывавшие далее озера, в котором ловили рыбу, слыша такие речи, тотчас же не удалились. Как они не подумали и не сказали сами в себе: куда же нам бежать? Против нас судилища, против нас цари и правители, иудейские синагоги, народы эллинские, начальники и подчиненные, - потому что Христос им предсказал не только о бедствиях, ожидающих их в одной Палестине, но предвозвестил и о брани против них всей вселенной, говоря: "**поведут вас к правителям и царям за Меня**", - показывая тем, что Он впоследствии пошлет их проповедниками и к язычникам. Ты против нас воздвиг всю вселенную, вооружил против нас всех живущих на земле - народы, властителей, царей. А то, что затем следует, еще ужаснее: когда люди сделаются из-за нас и братоубийцами, и детоубийцами,

и отцеубийцами. "**Предаст**", сказано, "**брат брата на смерть, и отец - сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их**" (Матф. 10:21). Как же будут верить нам прочие, когда увидят, что из-за нас родители убивают детей, братья братьев, и все наполнится убийством: не будут ли нас отовсюду изгонять, как злых демонов, как развратников и губителей вселенной, когда увидят землю, исполненную крови родственников и подобными убийствами? Хорош же будет мир, который мы преподадим, входя в дома, наполнив их такими убийствами! Если бы нас было и много, а не двенадцать человек; если бы мы были не простецами и не некнижными, а мудрецами, риторами и сильными в слове, или лучше, если бы мы были даже царями, имели войска и множество богатства, то и тогда как могли бы мы убедить кого-либо, возжигая междоусобные брани и даже хуже междоусобных. Если мы будем нерадеть и о собственном нашем спасении, то послушает ли нас кто-нибудь? Но апостолы ничего такого не подумали, не сказали; они не требовали объяснений и оснований таких повелений, а только соглашались и покорялись. И это означало не их одну добродетель, но и премудрость Учителя. В самом деле, смотри, как Он с каждой печалью сопрягает и приличное утешение! О тех, которые не будут принимать, говорит: "**отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому**" (Матф. 10:15); равно и здесь, сказав: "**поведут вас к правителям и царям**", присовокупил: "**за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками**". А страдать за Христа, и страдать в обличение язычников, - это не малое утешение. Бог везде Свое совершает, хотя бы и никто и не обращал на то внимания. Это служило для них утешением не потому однако, чтобы они желали отмщения другим, а потому, что могли быть уверены, что Тот, Кто предвидел и предсказал им эти злоключения, будет всюду с ними присутствовать, и что они будут терпеть эти бедствия не как преступники и злодеи. Кроме того, Он и другое присовокупляет немалое для них утешение, говоря: "**когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас**" (Матф. 10:19-20). Чтобы они не сказали: как можно нам убеждать при таких обстоятельствах? - Он повелевает им быть твердо уверенными и относительно защиты. И в другом месте Он говорит: "**Я дам вам уста и премудрость**" (Лук. 21:15); а здесь, говоря: "**Дух Отца вашего будет говорить в вас**", Он возводит их в достоинство пророческое. Потому-то, когда сказал о данной им силе, Он говорит вместе и о бедствиях, об убийствах и закланиях. "**Предаст**", говорит, "**брат брата на смерть, и отец - сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их**", - и даже на этом не остановился, но присовокупил еще более ужасное, что могло потрясти и самый камень: "**и будете ненавидимы всеми**"; но тотчас же дал здесь и утешение: вы подвергнетесь, говорит, этим страданиям "**за имя Мое**"; а далее еще и другое утешение: "**претерпевший же до конца спасется**" (Матф. 10:22). Впрочем, слова Христовы могли возбудить в апостолах мужество еще и иным образом, - именно, внушив им мысль, что проповедь их будет пламенеть такой силой, которая победит самое естество, отвергнет родство, и что слово их, будучи предпочтено всему, могущественно преодолеет все. Если уже сила родственных уз не сможет противостать проповеди, но будет разрушена и низложена, то, что другое в состоянии будет преодолеть вас? Впрочем, хотя это и будет так, однако же, вы не будете жить в безопасности; напротив, все живущие во вселенной будут вашими врагами и неприятелями.

4. Где ныне Платон? Где Пифагор? Где толпа стоиков? Первый, при всем том, что пользовался великим уважением, до такой степени был унижен, что был даже продан и ни у одного государя не мог привести в исполнение ни одного из своих желаний. Другой, предав своих учеников, жалким образом кончил жизнь. И цинические пошлости исчезли как сон и тень. И это несмотря на то, что с ними никогда ничего такого не случалось, что было с апостолами. Напротив, они прославляемы были за мирское любомудрие, и афиняне, например, всенародно читали письма Платоновы, присланные от Диона. Они все

время проводили в покое и владели не малым достатком. Так Аристипп за дорогую цену нанимал блудниц, а один из философов написал завещание и оставил после себя немалое наследство; другой ходил по ученикам своим, как по мосту; а о Диогене Синопском говорят, что он всенародно делал бесчинства на торжище. Вот славные дела их! Но у апостолов нет ничего такого; а напротив, постоянное целомудрие, полнейшая пристойность, притом брань с целой вселенной за истину и благочестие, ежедневное подвергание смерти, и затем - блистательные победы. Скажут: есть и у них искусные военачальники, как-то: Фемистокл, Перикл. Но деяния их в сравнении с действиями рыбарей - детские забавы. Что бы ты сказал мне о Фемистокле? То ли, что он убедил афинян взойти на корабли, когда Ксеркс напал на Грецию? Но здесь не Ксеркс делает нападение, а дьявол, со всей вселенной и с бесчисленным множеством бесов, устремляется на двенадцать человек; и эти двенадцать побеждают и одолевают его, не раз какой-нибудь, а в течение всей своей жизни, и - что удивительно - побеждают, не истребляя противников своих, но переменяя и исправляя их. Это-то особенно и достойно всякого внимания, что они не убивали и не истребляли тех, которые злоумышляли против них, но, найдя их подобными дьяволам, сделали равными ангелам, и таким образом освободили человеческое естество от лютого владычества, а злобных тех и все возмущающих бесов изгнали с торжищ, из домов и даже из самой пустыни. Доказательство этому - лики монахов, которых они всюду насадили, очистив через них не только места обитаемые, но и необитаемые. И что всего удивительнее, совершили все это, не отражая силу силой, но достигли всего через злострадания. В самом деле, этих двенадцать беззащитных простолюдинов заключили в узы, подвергали бичеванию, водили с места на место, - и, однако же, не могли заградить им уст. Как невозможно связать лучей солнечных, так невозможно было связать и языка их. А причина этому та, что не они сами говорили, но сила Духа. Этой-то силой и Павел победил Агриппу и Нерона, превосходившего своим нечестием всех людей: "**Господь же предстал мне**", говорит он, "**и укрепил меня и**" избавил "**из львиных челюстей**" (2 Тим. 4:17). А впрочем, подивись и им самим, как они, услышав слова: "**не заботьтесь**", поверили, послушались, и никакие ужасы не могли их поколебать. Но скажешь: Господь дал им достаточное утешение, сказав: "**Дух Отца вашего будет говорить в вас**". Но потому-то особенно я и удивляюсь им, что они не поколебались и не стали просить освобождения от опасностей, несмотря на то, что им предстояло претерпевать их не два, не три года, но целую жизнь, как то давал им разуметь Господь словами: "**претерпевший же до конца спасется**". Он хочет, чтобы не только являлась Его сила, но чтобы и с их стороны были подвиги. В самом деле, с самого начала заметь, как одно совершается Им, а другое - учениками. Творить чудеса - Его дело; не стяжать ничего - дело учеников. Опять: отворить все дома - это дело высшей благодати; а не требовать ничего, кроме необходимого - это дело их любомудрия: "**трудящийся достоин пропитания**" (Матф. 10:10). Даровать мир - это дар Божий; находить достойных и не ко всем без разбору входить - это дело их воздержания. И опять: наказывать не приемлющих их - это дело Божье; а удаляться от таковых без препирательств, без укоров и досаждения - это дело апостольской кротости. Давать Духа и освобождать от попечения как или что говорить - это дело Посылающего их; а быть подобными овцам и голубям и все переносить великодушно - это дело их твердости и благоразумия. Быть ненавидимыми и не унывать, а терпеть - это их дело; а спасать претерпевающих - это дело Посылающего их. Поэтому Он и сказал: "**претерпевший же до конца спасется**".

5. Так как обыкновенно бывает, что многие начинают дела с ревностью, а впоследствии ослабевают, то Спаситель и говорит, что - Я смотрю на конец. Что пользы в тех семенах, которые сначала цветут, а после скоро увядают? Потому Он и требует от учеников своих постоянного терпения. И чтобы кто не сказал, что Господь сам все сотворил и потому нет ничего удивительного, что они были таковыми, раз не терпели тяжких страданий, то Он

говорит им, что вам нужно и терпеть. Хотя Я избавлю вас от первых опасностей, но Я вас соблюдаю для тягчайших, за которыми опять последуют новые, так что вы не перестанете подвергаться наветам даже до последнего издыхания. Это именно Он и давал разуметь словами: "**претерпевший же до конца спасется**". Вот почему, сказав: "**не заботьтесь, как или что сказать**", в другом месте Он же говорит: "**будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением**" (1 Петр. 3:15). Когда борьба происходит между друзьями, Он повелевает и нам иметь попечение; но когда открывается страшное судилище, неистовствуют народы и отовсюду ужас, тогда Он Сам подает нам силу дерзновенно вещать, не ужасаться и не изменять правде. Подлинно, великое дело, когда человек, занимавшийся рыболовством, или выделкой кож, или сбором податей, явившись перед лицом владык, которым предстоят сатрапы и телохранители с обнаженными мечами и, вместе с ними, всякий народ, - один, связанный, с поникшей головой, в состоянии был открыть уста. Им даже не дозволили защищать свое учение, а прямо присуждали на избиение, как всеобщих развратителей вселенной. "**Эти всесветные возмутители**", говорили про них, "**пришли и сюда**" (Деян. 17:6); и далее: они проповедуют против "**повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса**" (Деян. 17:7). Повсюду судилища уже наперед были заняты такими мыслями, и требовалась великая свыше помощь, чтобы доказать, что и учение, которое они преподавали, есть истинно, и что общих законов они не ниспровергают; нужна была помощь с одной стороны для того, чтобы при ревностной проповеди учения не подать случая думать, что они ниспровергают законы, с другой стороны - для того, чтобы не повредить истине учения, когда они старались доказать, что не ниспровергают общественных уставов. Ты увидишь, что все это совершено с надлежащей мудростью Петром, Павлом и всеми другими. Хотя их порицали по всей вселенной как возмутителей, мятежников и нововводителей, но они не только опровергли такое мнение, но заставили всех о себе думать совсем напротив - как о спасителях, попечителях и благодетелях. И все это они совершили великим терпением. Потому Павел и говорил: "**каждый день умираю**" (1 Кор. 15:31), и пребывал в опасностях до конца жизни. Итак, достойны ли будем какого-нибудь извинения мы, когда, видя такие примеры, даже и наслаждаясь миром, ослабеваем и падаем? Никто против нас не воюет, а мы закалаемся; никто нас не гонит, а мы изнемогаем. Нам определено спасаться среди мира - и того мы не можем сделать! Апостолы и тогда, как вся вселенная горела и вся земля пылала огнем, шли в середину пламени и исторгали оттуда горящих; а мы и себя не можем сберечь. Какое после этого мы будем иметь оправдание, какое прощение? Нам не угрожают ни бичевания, ни темницы, ни власти, ни синагоги, и ничто тому подобное, - напротив, мы сами начальствуем и владычествуем. И цари теперь благочестивы, и христиане пользуются всякими почестями, властью, славой, наслаждаются спокойствием; и при всем том мы не побеждаем. Те, будучи каждодневно уводимы на казни, и учители и ученики претерпевая бесчисленные раны и непрестанные уязвления, веселились более, нежели пребывающие в раю; а мы, даже и во сне не потерпев ничего такого, слабее всякого воска. Скажешь: они творили чудеса. А разве за то их не бичевали? Разве за то не изгнали? То-то и удивительно, что они часто терпели такие страдания даже от облагодетельствованных ими, и все-таки, воспринимая зло вместо благ, не приходили в смущение; а ты, оказав какое-нибудь ничтожное благодеяние другому, а потом, получив от него какое-либо огорчение, ропщешь, негодуешь, и раскаиваешься в том, что ты сделал.

6. Теперь, если бы случились (чего не дай Бог никогда) брань и гонение на церкви, подумай, сколько бы было уничижения, какое бы было поношение! И вполне естественно. Раз никто не упражняется в искусстве борьбы, то, каким образом окажется кто-нибудь славным победителем во время состязаний? Какой же ратоборец, раз он не учился приемам борьбы, будет в состоянии с успехом и достоинством бороться с противником на Олимпийских играх? Не должно ли и нам каждодневно упражняться в борьбе, бое и беге?

Не видите ли, что так называемые пятиборцы, когда им не с кем бывает бороться, повесив туго набитый песком мешок упражняют на нем все свои силы, а более молодые приучают себя к сражению с противниками в борьбе со своими товарищами? И ты подражай им, и занимайся подвигами любомудрия. В самом деле, многие тебя возбуждают к гневу, влекут к похоти и воспаляют великий пламень. Стой же против страстей, переноси мужественно душевные болезни, чтобы мог ты переносить и телесные страдания. И блаженный Иов, если бы не был хорошо приготовлен к подвигам прежде их наступления, не просиял бы так блистательно во время подвигов; если бы не приучился быть совершенно беспечальным, то по смерти детей сказал бы, может быть, что-нибудь строптивое. А теперь устоял против всех нападений, против лишения богатства и потери такого изобилия, против утраты детей, против сострадания жены, против телесных ран, против упреков друзей, против укоризны рабов. Если же ты хочешь видеть, как он приготовлял себя к подвигам, то послушай его, как он презирал богатства: "**радовался ли я**", говорит он, "**что богатство мое было велико**"; разве не считал я золото за прах; "**говорил ли сокровищу: ты - надежда моя**" (Иов. 31:25,24). Потому-то он и не пришел в смущение тогда, когда отнято было у него имение, что он не питал пристрастия к нему, когда и обладал им. Послушай, как он относился и к детям: он не был к ним слишком снисходителен, как мы, а требовал от них полного благонравия. Если он и о неведомых поступках их приносил жертву, то подумай, каким был он строгим судьей их явных поступков. Если ты хочешь слышать и о подвигах его целомудрия, то послушай, что он говорит: "**завет положил я с глазами моими, чтобы не помышлять мне о девице**" (Иов. 31:1). Вот почему не поколебала его твердости и жена; он любил ее и прежде, но не чрезмерно, а так, как надлежит любить жену. После этого для меня даже удивительно, откуда пришла мысль дьяволу воздвигнуть против него брань, раз он знал о предварительных подвигах его. Откуда же, однако? О, это зверь лукавый, и никогда не приходит в отчаяние; и это, конечно, служит к величайшему нашему осуждению, что он никогда не отчаивается в нашей погибели, а мы отчаиваемся в своем спасении. Смотри далее, как Иов заранее приучал себя относиться к тяжким поражениям и болезням телесным. Так как сам он никогда ничему подобному не подвергался, но постоянно жил в богатстве, неге и роскоши, то он каждый день представлял себе чужие бедствия. "**Ужасное, чего я ужасался**", - говорил он, свидетельствуя об этом, - "**то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне**" (Иов. 3:25). И еще: "**не плакал ли я о том, кто был в горе? не скорбела ли душа моя о бедных**" (Иов. 30:25). Вот почему ни одно из приключившихся с ним великих и тяжких бедствий и не смутило его. Но не смотри на потерю только имения, на лишение детей, на неисцелимую язву, на наветы жены, а обрати внимание на то, что гораздо тягостнее всего этого. Но, скажешь, что же еще тягостнее этого претерпел Иов? Действительно, из истории мы ничего более не знаем. Но мы не знаем потому, что спим, а кто с большим прилежанием и тщанием станет рассматривать этот перл добродетели, тот несравненно более увидит. Было действительно нечто другое, более тяжкое, что могло привести Иова еще в большее смущение. И, во-первых, он ничего еще не знал ясно о царствии небесном и воскресении, почему со скорбью и говорил: "**опротивела мне жизнь, не вечно жить мне**" (Иов. 7:16). Во-вторых, он много сознавал в себе доброго. В-третьих, ничего не сознавал за собой худого. В-четвертых, он думал, что терпит все от Бога; а если и от дьявола, то и это могло его привести в соблазн. В-пятых, он слышал, как друзья несправедливо обвиняли его в нечестии: не недостойно, говорили они, за грехи страдаешь (15:11). В-шестых, он видел, что порочные жили благополучно и насмехались над ним. В-седьмых, он не мог видеть, чтобы кто другой когда-нибудь пострадал так много.

7. И если ты хочешь знать, как это было тяжко, суди по настоящему. Если некоторые даже теперь, - при несомненном ожидании царствия, при чаянии воскресения и несказанных благ, несмотря притом же на множество сознаваемых за собой пороков, несмотря на то,

что имеют перед собой такие примеры и обучены такому любомудрию, - когда лишатся малость золота, да и то часто приобретенного хищением, почитают для себя жизнь не в жизнь, хотя не восстает против них жена, не отняты дети, не поносят их друзья, не насмехаются рабы, а напротив многие утешают, одни словом, другие делом, - то каких же достоин венцов Иов, который, видя, как случайно и внезапно похищено было у него собранное праведными трудами имущество, и после принужденный терпеть бесчисленное множество искушений, среди всех напастей остается непоколебимым и за все это приносит Господу подобающее благодарение? И тут, если бы и никто ему ничего не говорил, то и одних слов жены достаточно было бы к тому, чтобы поколебать даже скалу. Посмотри, в самом деле, на ее злодейство. Она не упоминает ни об имении, ни о верблюдах, ни о стадах овец и волов (потому что она знала, как любомудрствовал об этом муж ее), а напоминает о том, что было всего тяжелее - о детях: она говорит о печальной судьбе их с особенной выразительностью, указывая притом и на свое горе (Иов. 2:9). Если жены многократно преклоняли ко многому мужей и во время благополучия, когда они никакой не терпели неприятности, то помысли, как мужественна была душа этого праведника, если она отразила жену, напавшую на нее с такими оружиями и попрала две сильнейшие страсти: вожделение и жалость. Подлинно, многие победили вожделение, но побеждены были жалостью. Так мужественный Иосиф обуздал сильнейшую похоть и отразил варварскую ту жену, употреблявшую против него многочисленные ухищрения, но не удержался от слез, - напротив, как скоро увидел братьев, причинивших ему обиду, объят был жалостью и тотчас же, оставив притворство, открыл все дело. Но когда приступает жена и обращается с речью, способной возбудить сожаление, причем ей благоприятствуют и время, и раны, и язвы, и бесчисленные несчастия, то не должно ли по справедливости сказать, что душа, которая нимало не поколебалась от такой бури, тверже всякого адаманта? Да, позвольте мне смело сказать, что тот блаженный муж, если не более, то, по крайней мере, не менее был самих апостолов. Их утешало то, что они страдали за Христа; и это было для них врачевством, которое могло на всякий день укреплять их вновь. Господь везде прибавлял, говоря: "**за Меня**", "**за имя Мое**"; и: "**если**" Меня "**Хозяина дома назвали веельзевулом**" (Матф. 10:25). Между тем Иов не имел такого утешения, - равно как и утешения, даруемого совершением знамений, или благодатью, потому что он не имел такой силы духа. И что особенно важно, - он потерпел все свои страдания будучи воспитан в великой неге, будучи не рыбарем каким-нибудь, не мытарем, не бедняком, а человеком, пользовавшимся великим почетом. И что казалось для апостолов самым тяжким, то же самое перенес и Иов, будучи ненавидим от друзей, рабов, врагов и облагодетельствованных им; а священного якоря и не обуреваемого пристанища, каковым были для апостолов слова - "**за имя Мое**", он не имел. Удивляюсь я и трем отрокам, что они не устрашились пещи, что воспротивились царю. Но послушай, что они говорят: "**мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся**" (Дан. 3:18). Уверенность, что все, что они ни переносят, переносят за Бога, была для них величайшим утешением. А Иов не знал, что это было для него и борьба и подвиг. А если бы знал, то он и не почувствовал бы происходившего с ним. Когда он услышал: "**думаешь ли я иначе тебя сотворил, чтобы ты не был правдив?**"[1] (Иов. 40:3) - то представь, как он тотчас же ободрился от одного слова; как уничижил себя, как не счел даже и страданием того, что он перестрадал, говоря: "**зачем еще спорю, наказуем и обличаем от Господа, слыша такое, ибо я ничтожен**" (Иов.39:34)? И еще: "**я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле**" (Иов. 42:5-6). Поревнуем такому мужеству, такой кротости праведника, жившего до закона и благодати, и мы, живущие после закона и по благодати, - чтобы вместе с ним сподобиться вечных обителей, которых и да сподобимся все мы получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

[1] Этот перевод отличается от синодального.

БЕСЕДА 34

"Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий" (Матф. 10:23).

1. После страшных, способных привести в трепет и сокрушить самый адамант, предсказаний о будущей участи апостолов по распятии, воскресении и вознесении Его, - Спаситель опять переходит к речи более успокоительного свойства, чтобы дать этим подвижникам возможность вздохнуть и доставить им великое ободрение. Именно - Он не повелевает гонимым вступать в борьбу с гонителями, но убегать от них. И так как это было только еще началом для них и предначатием, то Спаситель и говорит к ним гораздо снисходительнее. Господь говорит не о тех гонениях, которые имели быть после, но о тех, которые долженствовали быть прежде распятия и страдания Его, что и показал словами: "**не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий**". Итак, чтобы ученики не говорили: а что, если мы убежим от гонителей куда-нибудь, а они и там найдут нас и опять будут преследовать, - Спаситель, уничтожая такой страх, говорит: вы не успеете обойти Палестины, как Я тотчас приду к вам. Смотри опять, как и в данном случае, Он не уничтожает бедствий, а только является помощником во время опасностей. Он не сказал: Я избавлю вас и прекращу гонения; но что? – "**не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий**". И подлинно, для утешения их довольно было того, чтобы только увидеть Его. Итак, смотри, как Он не все и не везде предоставляет благодати, но повелевает им нечто присовокуплять и от себя. Если, говорит Он, вы боитесь, то бегайте; на что Он и указал словами: "**бегите**", и: "не бойтесь". И, однако же, Он не прежде повелевает им бежать, чем начнут их гнать; равным образом, и место назначает им не большое, а повелевает только обойти города израильские. После этого Он опять приготовляет их к другому роду любомудрия. Сперва Он освободил их от попечения о пище, потом от страха опасностей; а теперь освобождает от страха поношения. Освободил их от попечения о пище, когда сказал: "**трудящийся достоин пропитания**" (Матф. 10:10) и открыл, что многие будут принимать их; освободил от страха опасностей, когда сказал: "**не заботьтесь, как или что сказать**" (Матф. 10:19), и: "**претерпевший же до конца спасется**" (Матф. 10:22).

Но так как апостолы, кроме того, должны были подвергнуться еще и худому о себе мнению других, что для многих кажется тягчайшим злом, то смотри, как Христос и здесь их утешает: Он дает им утешение, с которым ничто не могло сравняться, именно указывает на свой собственный пример, - на то, что говорили о Нем самом. Подобно тому, как раньше, сказав: "**будете ненавидимы всеми**", Он присовокупил: "**за имя Мое**" (Матф. 10:22), так точно и здесь, причем присоединяет еще и другое утешение. Какое же? "**Ученик**", говорит, "**не выше учителя, и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его. Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его? Итак, не бойтесь их**" (Матф. 10:24-26). Смотри, как Он открывает о Себе, что Он есть Владыка вселенной, Бог и Творец. Что же? "**Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего**". Доколе кто ученик или раб, дотоле он не имеет равной чести с учителем и с господином. Не указывай мне на редкие примеры противоположного рода, а принимай сказанное применительно к тому, как обыкновенно бывает. Далее, - чтобы

показать свою особенную близость к ученикам, Он не говорит: "**не тем ли более**" раб, но: "**домашние**" его. Так и в другом месте Он говорил: "**Я уже не называю вас рабами; вы друзья Мои**" (Иоан. 15:15,14). И не просто сказал: если Господина дома поносили и злословили, но указывает и самый образ поношения, говоря, что Его назвали Веельзевулом. Вслед за тем он дает еще и другое, не меньшее утешение. Конечно, то утешение было величайшее, но так как апостолы еще не готовы были к любомудрию, и нужно было такое утешение, которое могло бы особенно их укрепить, то Он присовокупляет и его. Что же говорит Он? "**Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано**" (Матф. 10:26). Хотя образ речи выражает, по-видимому, положение самое общее, однако, сказано не обо всех вообще случаях, но о данных только. Речь Спасителя имеет такой смысл: довольно для вашего утешения и того, что и Я, Учитель и Господь ваш, подвергаюсь одинаковой с вами укоризне. Если же вы, слыша это, не перестаете все же смущаться, то имейте ввиду и то, что спустя немного времени вы избавитесь и от позорных нареканий. И о чем вы скорбите? О том ли, что вас называют обманщиками и льстецами? Но подождите немного, и все будут называть вас спасителями и благодетелями вселенной. Время все сокровенное открывает; оно изобличит и клевету врагов, и откроет вашу добродетель. Если вы самым делом окажетесь спасителями и благодетелями, и явите всякую добродетель, то люди не станут внимать их словам, а будут смотреть на истину дел. Тогда они сами окажутся клеветниками, лжецами и злодеями, а вы воссияете светлее солнца, - потому что время впоследствии откроет и возвестит, кто вы таковы, прозвучит громче трубы, и сделает всех свидетелями вашей добродетели. Итак, мои слова, которые Я теперь говорю, не должны приводить вас в уныние, но должны одушевлять вас надеждой будущих благ; невозможно, чтобы дела ваши остались в неизвестности.

2. После того, как спаситель освободил апостолов от всякого беспокойства, страха и заботы и поставил их превыше поношений, Он благовременно, наконец, говорит и о дерзновении, которое они должны были иметь в проповеди учения. "**Что говорю вам в темноте**", говорит, "**говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях**" (Матф. 10:27). Конечно, тьмы не было, когда Христос говорил это, и говорил Он ученикам не на ухо; здесь употреблен лишь усиленный оборот речи. Так как Он беседовал с ними наедине и в маленьком уголке Палестины, то и сказал – "**во тьме**" и "**на ухо**", желая противопоставить образ настоящей беседы с тем дерзновением в проповедании, которое Он имел даровать им. Не одному, не двум и не трем городам, но всей вселенной проповедуйте, говорит Он, и, проходя землю, море, места обитаемые и необитаемые, с открытой головой и со всякой смелостью говорите все царям и народам, философам и риторам. Потому Он сказал: "**на кровлях и при свете**", т. е. без всякой робости и со всей свободой. Но для чего Он не сказал только: "**проповедуйте на кровлях**", и: "**говорите при свете**", а присовокупил еще: "**что говорю вам в темноте**", и: "**что на ухо слышите**"? Для того чтобы ободрить их в духе. Подобно тому как в другом месте Он говорил: "**верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит**" (Иоан. 14:12), так и здесь присовокупил эти слова для того, чтобы показать, что Он все совершит через них, и совершит более, нежели сколько совершил Сам. Я, говорит Он, положил начало и предначинание, и через вас хочу совершить гораздо более. Говоря это, Он не только дает им повеление, но и предсказывает будущее с совершенной уверенностью в истине слов Своих, и показывает, что они все преодолеют, причем опять прикровенно искореняет в них страх злословия. Подобно тому, как проповедь эта, неприметная теперь, распространится всюду, так и худое мнение иудеев скоро исчезнет. Потом, ободрив и возвысив их, Он опять предсказывает опасности, воскрыляя дух их и вознося превыше всего. Что говорит Он? "**Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить**" (Матф. 10:28). Видишь ли, как Он ставит их превыше всего? Не только превыше забот, злословий, опасностей и наветов, но убеждает их

презирать то, что всего страшнее - самую смерть, и не просто смерть, но смерть насильственную. Он не сказал, что вы будете умерщвлены, но со свойственным Ему величием открыл все, говоря: "**не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне**" (Матф. 10:28), что Он и всегда делает, употребляя в речи противоположность. Что, в самом деле, Он говорит? Вы боитесь смерти, и потому не смеете проповедовать? Но потому-то самому вы и проповедуйте, что боитесь смерти. Это вас избавит от истинной смерти. Хотя вас будут умерщвлять, но не погубят того, что в вас есть самое лучшее, хотя бы о том и всемерно старались. Потому-то не сказал Он: "**души**" же не убивающих, но: "**не могущих убить**". Хотя бы они и хотели это сделать, но не смогут. Итак, если ты боишься муки, то бойся муки гораздо ужаснейшей. Видишь ли, что Он опять не обещает им избавления от смерти, но, попуская умереть, дарует большее благо, нежели когда бы Он не попустил им пострадать таким образом? И подлинно, заставить презирать смерть - гораздо важнее, нежели освободить от смерти. Итак, Он не ввергает их в опасности, но возвышает над опасностями, в кратких словах утверждает в них учение о бессмертии души, двумя-тремя словами насаждает спасительное учение и утешает их другими рассуждениями. И чтобы тогда, когда будут их умерщвлять и закалать, они не подумали, что терпят все потому, что оставлены Богом, опять начинает речь о Божьем промысле, говоря: "**не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего**" (Матф. 10:29). "**У вас же и волосы на голове все сочтены**" (Матф. 10:30). Что, говорит, малозначительнее их? Однако же, и их нельзя уловить без ведения Божия. Он не то говорит, что падают по содействию Божьему (это недостойно Бога); а только то, что ничего не происходит такого, что бы Ему было неизвестно. Если же Он знает все, что ни происходит, а вас любит сильнее, нежели отец, - любит так, что и волосы ваши у Него исчислены, то вам не должно бояться. Впрочем, сказал это не потому, будто Бог исчисляет волосы, но чтобы показать совершенство ведения Божия и великое попечение о них. Итак, если Бог и знает все происходящее, и может сохранить вас, и хочет, то каким бы вы ни подвергались страданиям, не думайте, что страдаете потому, что Бог оставил вас. Он не хочет избавить вас от бед, но хочет заставить вас презирать беды, потому что в этом-то и состоит настоящее избавление от бед. Итак – "**не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц**" (Матф. 10:31). Видишь ли, что тогда страх уже овладевал ими? Он знал тайные помышления. Потому и присовокупил: "**не бойтесь**" их. Если они и одолеют, то одолеют только худшее, т. е. тело, которое хотя бы они и не убивали, все равно природа разрушит.

3. Таким образом, они не властны и над телом, но оно зависит от природы. А если ты боишься этого, то тебе должно трепетать, должно бояться гораздо большего - Того, Который может и душу и тело погубить в геенне. Он хотя и не говорит прямо, что есть Тот самый, Который может погубить душу и тело, но из вышесказанного уже показал, что Он есть Судья. А ныне у нас бывает напротив: Того, Кто может погубить душу, т. е. наказать нас, мы не боимся, а убивающих тело - трепещем; Бог может погубить и душу и тело, а люди не только не могут погубить души, но и тела; хотя они и бесчисленным казням подвергают тело, но через то делают его только более славным. Видишь ли, как Он представляет подвиги легкими? Смерть сильно потрясла их душу, объемля их страхом потому в особенности, что не была еще удобопреодолима, и те, которые должны были презирать ее, еще не сподобились благодати Святого Духа. Итак, рассеяв боязнь и страх, колебавшие их души, последующими словами опять вселяет в них бодрость: именно - страхом изгоняет из них страх, и не только страхом, но и надеждой великих наград, притом еще, угрожая с великой властью, Он отовсюду побуждает их к безбоязненному исповеданию истины, так продолжая речь: "**всякого, кто исповедает Меня перед людьми, того исповедаю и Я перед Отцом Моим Небесным; а кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь от того и Я перед Отцом Моим Небесным**" (Матф. 10:32-33).

Так не только наградами, но и казнями побуждает, и оканчивает речь угрозой. И смотри, какая точность! Он не сказал: "**Меня**", но – "**обо Мне**", показывая, что исповедающий исповедует не собственной силой, но, будучи вспомоществуем свыше благодатью. Об отвергающемся же не сказал: "**обо Мне**", но: "**от Меня**", так как он отвергается потому, что бывает чужд благодати. За что же, скажешь, винить его, если он отвергается потому только, что лишен благодати? За то, что причина этого лишения заключается в том, кто лишается. Для чего же Он не довольствуется только сердечной верой, но еще требует и устного исповедания? Для того чтобы побудить нас к дерзновению, к большей любви и усердию, и возвысить, почему и говорит ко всем вообще, а не разумеет здесь одних только учеников; не их только, но и учеников их старается Он сделать мужественными. Кто будет знать это, тот не только будет учить других с дерзновением, но и претерпевать все легко и охотно. Это многих, которые поверили этому слову, привлекло к апостолам; и отвергшиеся в муках подвергнутся большему томлению, и исповедавшие в блаженном состоянии получат большее воздаяние. Когда праведник продолжительностью времени усугубляет свои приобретения, и грешник в отсрочке наказания думает находить для себя выгоду, то Он равносильное, или еще несравненно большее предлагает воздаяние. Ты приобрел более для себя, говорит Он, за то, что ты первый Меня здесь исповедал, и Я, говорит Он, обогащу тебя более, когда дам тебе более, и несказанно более, так как Я тебя "**исповедую**" там. Видишь ли, что там предуготовлены и награды, и наказания? Что же ты заботишься и беспокоишься? Что ищешь здесь воздаяния, когда ты можешь быть спасен только надеждой? Поэтому, если ты сделаешь что-нибудь доброе, и не получишь здесь за то воздаяния, не смущайся; в будущем веке ожидает тебя за это сугубая награда. Если же сделаешь что-нибудь худое и останешься без наказания, - не ленись. Там постигнет тебя наказание, если только не переменишься и не сделаешься лучше. А когда не веришь этому, то из настоящего заключай о будущем. Если еще во время подвигов исповедники бывают так славны, то подумай, каковы они будут во время раздаяния венцов? Если даже враги прославляют их здесь, то не возвеличит ли и не прославит ли тебя Чадолюбивейший из всех отцов? Тогда будут возданы и награды за добрые дела, и наказания за злые; потому отвергающиеся и здесь и там будут мучиться. Здесь - тем, что будут жить со злой совестью, так как если они еще и не умерли, то умрут непременно; а там - подвергнутся уже конечному наказанию. Другие, напротив, и здесь и там приобретут пользу; здесь - побеждая смерть, делаясь славнее живущих, а там - наслаждаясь неизреченными благами. Бог готов не наказывать только, но и благодетельствовать, и готов несравненно более благодетельствовать, нежели наказывать. Но почему о награде упоминает однажды, а о наказании дважды? Конечно потому, что слушающие лучше вразумляются страхом наказания. Вот почему, сказав, "**бойтесь Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне**" (Матф. 10:28), еще присовокупил: "**отрекусь от того и Я**" (Матф. 10:33). С этой целью и Павел часто напоминает о геенне.

4. Итак, предложив слушателю всевозможные поощрения (Он отверз перед ними и небеса, поставил и страшное то судилище, показал и зрелище ангелов и, посредством их: проповедание о венцах, так как это много способствует успеху благочестия), - наконец, чтобы боязливость их не была препятствием проповеди благочестия, Он повелевает им быть готовыми и на заклание, чтобы они знали, что остающиеся в заблуждении понесут наказания и за самые против них наветы. Итак, не будем бояться смерти, хотя и не пришло время смерти: мы воскреснем для жизни гораздо лучшей. Но, скажешь, истлеет тело? Потому-то особенно и должно радоваться, что смерть тлит, и погибает смертное, а не сущность тела. Когда ты видишь, что выливают истукан, то не говоришь, что вещество его пропадает, но что оно получает лучший образ. Так же рассуждай и о теле, и не плачь. Тогда надлежало бы плакать, когда бы оно навсегда осталось в муках. Но ты скажешь: это могло бы быть и без истления тел, так чтобы они оставались в целости. А какую бы это принесло пользу живым, или умершим? Доколе будете привязаны к телу? Доколе,

пригвождая себя к земле, будете прилепляться к тени? Какая бы из того была польза? Или лучше, какого бы не произошло вреда? Если бы не истлевали тела, то, во-первых, овладела бы многими гордость, - зло из всех зол самое большее. Если и ныне, когда тело подвержено тлению и преисполнено червей, многие хотели быть почитаемы за богов, то чего бы не было, когда бы тело пребывало нетленным? Во-вторых, не стали бы верить, что тело взято из земли. Если и теперь, не смотря на то, что самый конец ясно свидетельствует, некоторые сомневаются в этом, то чего бы не подумали, если бы не видели этого конца? В-третьих, тогда чрезмерно любили бы тела, и большая часть людей сделалась бы еще более плотскими и грубыми. Если и ныне, когда тела совершенно уже истлеют, некоторые обнимают гробы и раки, то чего не стали бы делать тогда, когда бы могли сберегать и самый образ их в целости? В-четвертых, не очень бы привержены были к будущему. В-пятых, те, которые утверждают, что мир вечен, еще более утвердились бы в этой мысли, и не стали бы признавать Бога Творцом мира. В-шестых, не были бы уверены в достоинстве души, ни в том, как тесно связана душа с телом. В-седьмых, многие, лишившиеся своих родственников, оставив города, стали бы жить в гробницах и, подобно безумным, непрестанно стали бы разговаривать со своими умершими. Если и ныне люди, поскольку самого тела удержать не в состоянии (да и невозможно, потому что оно против их воли тлеет и исчезает), снимая портреты, прилепляются к доскам, то каких нелепостей не вымыслили бы тогда? Мне кажется, что тогда многие в честь любимых тел воздвигли бы храмы, а занимающиеся волхвованиями постарались бы уверить, что посредством их демоны дают ответы, тем более что и теперь имеющие дерзость заниматься вызыванием мертвых (некромантией) делают много нелепостей (несмотря даже на то, что тело обращается в прах и пепел). Каких же бесчисленных видов идолопоклонства не произошло бы отсюда? Итак, Бог, отъемля все могущее служить поводом к таким нелепостям и научая нас отрешаться от всего земного, поражает тела тлением перед нашими глазами. Таким образом, любитель телесной красоты, до безумия пристрастившийся к благовидной девице, если умом не захочет узнать безобразие телесного существа, то увидит это собственными глазами. Много было девиц столь же цветущих красотой, или еще несравненно прекраснее, нежели любимая им, которые после смерти своей через один или два дня представляли из себя зловоние, гной и гнилость червей. Подумай же, какую ты любишь красоту, и каким прельщаешься пригожеством? Но если бы тела подвержены были тлению, нельзя бы было хорошо знать этого; как бесы стекаются к гробам, так многие из объятых любовной страстью, непрестанно сидя при гробах, сделали бы душу свою обиталищем бесов, и от жестокой страсти скоро бы и сами умерли. А теперь, кроме всего другого, облегчает душевную скорбь и то, что невозможность видеть образ любимого предмета способствует забвению и самой страсти.

5. Если бы тела не истлевали, то не было бы даже и гробов, и ты увидел бы города, вместо статуй, полными мертвых, потому что каждый пожелал бы тогда видеть подле себя своего умершего. Отсюда произошел бы великий беспорядок: никто бы из простолюдинов не стал печься о душе своей, не стали бы принимать учения о бессмертии. Много бы и других еще худших произошло нелепостей, о которых и говорить даже неприлично. Для того-то тотчас и истлевает тело, чтобы ты мог видеть в наготе красоту души. В самом деле, если она такую красоту и такую живость дает телу, то, как она прекрасна должна быть сама в себе? Если она поддерживает столь безобразное и отвратительное тело, то тем более может поддержать саму себя. Не в теле красота, но красота тела зависит от того образования и цвета, который запечатлевает душа в существе его. Итак, люби душу, которая сообщает телу такое благообразие. Но что я говорю о смерти? Я тебе докажу и самой жизнью, что все прекрасное зависит от души. Если душа радуется, то розы рассыпает по ланитам; если печалится, то, отъемля всю красоту у тела, все облекает в черную одежду. И если постоянно находится в радостном состоянии, то и тело бывает в безболезненном состоянии; если же находится в печали, то и тело становится слабее и

бессильнее паутины. Если рассердится, то и телу дает отвратительный и безобразный вид; если покажет ясный взор, то и телу дает приятный вид. Если бывает объята завистью, то и на тело разливает бледность и томность. Если исполнена бывает любовью, то и телу сообщает особенное пригожество. Таким-то образом многие жены, не будучи пригожи лицом, особенную приятность получают от души; напротив другие, блистая внешней красотой, всю ее портят тем, что не имеют привлекательности душевной. Представь, как румянится белое лицо и какую производит приятность разнообразием цвета, когда краска стыдливости разливается по нему. Вот потому, в ком бесстыдна душа, у того и самый вид отвратительнее вида всякого зверя; напротив, стыдливая душа и самый вид делает кротким и любезным. Подлинно, нет ничего прекраснее и любезнее доброй души. Любовь к телесной красоте смешана с огорчением; напротив, любовь к красоте душевной соединена с чистым, не возмущаемым удовольствием. Итак, для чего ты, минуя царя, дивишься глашатаю. Для чего, оставив самого мудреца, с изумлением смотришь на истолкователя его? Видишь привлекательный внешний взор, - постарайся узнать внутренний; и, если последний некрасив, презри и внешний. Если ты увидишь безобразную женщину в прекрасной маске, конечно, не пленишься ей; наоборот, не захочешь, чтобы благовидная и красивая прикрывала себя маской, но пожелаешь, чтобы маска была снята, чтобы ты мог ее видеть в естественной красоте ее. Так поступай и по отношению к душе: ее наперед старайся узнать. Тело как маска прикрывает ее, и каково есть, таким всегда и остается; а душа, хотя бы была и безобразна, скоро может сделаться прекрасной; хотя бы имела око безобразное, свирепое, суровое, - оно может сделаться красивым, миловидным, ясным, ласковым, привлекательным. Этого-то благообразия, этой красоты лица будем искать, чтобы и Бог, возжелавши нашей красоты, даровал нам вечные блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 35

“Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч” (Мф. 10:34).

1. Опять Спаситель предсказывает великие скорби, притом гораздо многочисленнейшие, - и что ученики могли бы Ему возразить, о том Сам говорит им наперед. Именно, чтобы слыша слова его, они не сказали: “Итак, Ты пришел для того, чтобы погубить нас и наших последователей, и возжечь на земле всеобщую брань?” - Он Сам предупреждает их, говоря: “**Не мир пришел Я принести**” на землю (Мф. 10:34). Как же Сам Он заповедовал им, входя в каждый дом, приветствовать миром? Почему же, равным образом, ангелы воспевали: “**Слава в вышних Богу, и на земле мир**” (Лк. 2:14)? Почему также и все пророки благовествовали о том же? Потому что тогда особенно и водворяется мир, когда зараженное болезнью отсекается, когда враждебное отделяется. Только таким образом возможно небу соединиться с землею. Ведь и врач тогда спасает прочие части тела, когда отсекает от них неизлечимый член; равно и военачальник восстановляет спокойствие, когда разрушает согласие между заговорщиками. Так было и при столпотворении. Худой мир разрушен добрым несогласием, - и водворен мир. Так и Павел поселил раздор между согласившимися против него (Деян. 23:6). А согласие против Навуфея было хуже всякой войны (3 Цар. 21). Единомыслие не всегда бывает хорошо: и разбойники бывают согласны. Итак, брань была следствием не Христова определения, а делом воли самих людей. Сам Христос хотел, чтобы все были единомысленны в деле благочестия; но как люди разделились между собою, то и произошла брань. Впрочем, Он не так сказал. А что же говорит? “**Не мир пришел Я принести**”, - чем самым утешает их. Не думайте, говорит, что вы виноваты в этом: Я это делаю, потому что люди имеют такие расположения. Итак, не смущайтесь, как будто эта брань возникла сверх чаяния. Для того

Я и пришел, чтобы произвести брань; такова именно Моя воля. Итак, не смущайтесь тем, что на земле будут брани и злоумышления. Когда худшее будет отсечено, тогда с лучшим соединится небо. Так Христос говорит для того, чтобы укрепить учеников против худого мнения о них в народе. Притом, не сказал: войну, но, что гораздо ужаснее - меч. Если сказанное слишком тяжко и грозно, то не дивитесь. Он хотел приучить слух их к жестоким словам, чтобы они в трудных обстоятельствах не колебались. Поэтому и употребил такой образ речи, чтобы кто не сказал, что Он убеждал их лестью, скрывая от них трудности. По этой причине даже и то, что можно было бы выразить мягче, Христос представлял более страшным и грозным. И действительно, лучше видеть легкость на самом деле, нежели на словах. Потому-то Он не удовольствовался и этим выражением, но, изъясняя самый образ брани, показывает, что она будет гораздо ужаснее даже междоусобной брани, и говорит: "**Пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее**" (ст. 35). Не только, говорит, друзья и сограждане, но и сами сродники восстанут друг против друга, и между единокровными произойдет раздор. "**Ибо Я пришел**, **-** говорит, **- разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее**"; то есть, брань будет не просто между домашними, но даже между теми, которые соединены искреннею любовью и теснейшими узами. Это-то особенно и доказывает силу Христову, что ученики, слыша такие слова, и сами принимали их, и других убеждали. И хотя не Христос был причиною этого, но злоба человеческая, тем не менее говорит, что Сам Он делает это. Такой образ выражения свойствен Писанию. Так и в другом месте говорится: дал им Бог очи, чтоб они не видели (Ис. 11:9; Иез. 12:2). Так говорит Христос и здесь, чтобы ученики, как выше сказал я, предварительно привыкнув к такому образу речи, не смущались и среди самих поношений и обид. Если же некоторые сочтут это тягостным, то пусть припомнят древнюю историю. И в древние времена было то же самое, чем и показывается особенно единство Ветхого Завета с Новым, и то, что здесь говорит Тот же, Который тогда давал заповеди. И у иудеев, именно, когда слили тельца, и когда приобщились Веельфегору (Исх. 32:28; Числ. 25:3), как скоро каждый умертвил ближнего своего, Бог прекратил гнев на них. Итак, где же утверждающие, что тот Бог был зол, а этот благ? Вот и этот Бог наполнил вселенную кровью родственников. Впрочем, мы говорим, что и это есть дело великого милосердия. Потому, показывая, что Он же Сам одобрял и бывшее в Ветхом Завете, вспоминает и о пророчестве, которое хотя не на этот случай сказано, однако объясняет то же самое. Какое же это пророчество? "**Враги человеку - домашние его**" (ст. 36). И у иудеев случилось нечто подобное. И у них были пророки и лжепророки; бывали также в народе разногласия, и дома разделялись. Одни верили тем, другие другим. Поэтому пророк, увещевая, говорит: "**Не верьте другу, не полагайтесь на приятеля; от лежащей на лоне твоем стереги двери уст твоих. … враги человеку - домашние его**" (Мих. 7:5,6). А говорил это для того, чтобы тех, которые примут учение, поставить выше всего. Не смерть, ведь, зло, а худая смерть - зло. Потому и сказал: "**Огонь пришел Я низвести на землю**" (Лк. 12:49). Говоря это, Он показывал силу и горячность той любви, какой требовал. Так как сам Он много нас возлюбил, то хочет, чтоб и мы любили Его столько же. А такие слова и апостолов укрепляли и возвышали в духе. Если и ученики ваши, говорил Он, будут оставлять сродников, детей и родителей, то каковы, подумай, должны быть вы, учителя! Бедствия эти не кончатся на вас, но перейдут и на других. Так как Я пришел даровать великие блага, то и требую великого послушания и усердия. "**Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня**" (Мф. 10:37). "**И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня**" (ст. 38). Видишь ли достоинство Учителя? Видишь ли, как Он, повелевая все оставить долу и любовь к Нему предпочесть всему, показывает тем, что Он есть единородный Сын Отца? И что говорить, сказал Он, о друзьях и сродниках? Если даже душу свою будешь предпочитать любви ко Мне, ты еще далек от того, чтобы быть Моим учеником. Что же? Не противно ли это древнему закону? Нет, - напротив, весьма с

ним согласно. И там Бог повелевает не только ненавидеть идолослужителей, но и побивать их камнями; а во Второзаконии, похваляя таковых ревнителей, говорит: ?“**Который говорит об отце своем и матери своей: "я на них не смотрю", и братьев своих не признает, и сыновей своих не знает; ибо они, [левиты], слова Твои хранят**” (Втор. 33:9). Если же Павел многое заповедует о родителях, и велит во всем им повиноваться, не дивись. Он велит повиноваться им только в том, что не противно благочестию. Святое дело - воздавать им всякое иное почтение. Когда же они потребуют более надлежащего, не должно им повиноваться. Потому и у евангелиста Луки говорится: “**Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником**” (Лк. 14:26). Повелевает не просто возненавидеть, потому что это совершенно противозаконно; но если кто из них захочет, чтобы ты любил его более, нежели Меня, в таком случае возненавидь его за это. Такая любовь и любимого, и любящего губит.

2. Так говорил Он для того, чтобы и детей сделать мужественнее, и родителей, которые бы стали препятствовать благочестию, уступчивее. Действительно, родители, видя, что Христос имеет могущество и силу отторгать от них даже детей, должны были отступиться от своих требований, как невозможных. Вот почему, миновав родителей, Он обращает речь к детям, научая чрез то первых не употреблять бесполезных усилий. Потом, чтобы они на это не досадовали и не скорбели, смотри, до чего простирает речь. Сказавши: “**Кто … не возненавидит отца своего и матери**”, присовокупил: “**и самой жизни своей**”. И что, говорит, думаешь ты о родителях, о братьях, о сестрах и жене? Для всякого ничего нет ближе души своей; но если не возненавидишь и ее, то поступишь совсем не так, как любящий. Притом повелел не просто возненавидеть душу, но даже подвергаться и войне и битвам, не страшиться смерти и кровопролития. “**И кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником**” (Лк. 14:27). Не просто сказал, что должно быть готовым на смерть; но готовым на смерть насильственную, и не только насильственную, но и поносную. При этом ни слова не говорит о Своих страданиях, чтобы после таковых уроков удобнее могли выслушать, что скажет о Своих страданиях. Не должно ли удивляться тому, как у них, при таких словах, душа удержалась в теле, когда беды отовсюду были перед глазами, а награды только в ожидании? Как же удержалась? Велика была сила Говорящего, велика и любовь слушающих; потому-то, слыша гораздо тягостнейшее и прискорбнейшее, нежели что слышали те великие мужи - Моисей и Иеремия, пребыли послушными и нисколько не противоречили. “**Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее**” (Мф. 10:39). Видишь ли, как вредно любить душу более надлежащего, и как полезно ненавидеть ее? Так как требования Христа были тяжки, поскольку Он повелевал им восставать и против родителей и детей против природы и сродства, против вселенной и даже против собственной души, - то обещает за это и награду самую великую. Это, говорит, не только не причинит вреда, но даже принесет величайшую пользу; противное же тому будет пагубно. Так Он и везде делает: что для людей вожделенно, тем и убеждает. Почему ты не хочешь возненавидеть душу свою? Потому ли, что любишь ее? По этому самому и возненавидь, и тогда всего более принесешь ей пользы, и докажешь, что ты любишь. И заметь, какая здесь неизреченная премудрость! Он говорит о пренебрежении не родителей только и детей, но и души, которая всего ближе, - чтобы необходимость первого очевиднее открылась из необходимости другого, и чтобы они узнали, что они и своим ближним доставят величайшую выгоду и пользу, когда то же самое приобретается для души, которая всего ближе.

Итак, достаточно было и этого для убеждения людей принимать тех, которые послужат к их спасению. В самом деле, кто бы не принял со всем усердием мужей столь доблестных и неустрашимых, которые как львы обтекали вселенную, и небрегли о всем, только бы

спаслись другие? И однако, Господь предлагает и другую награду, показывая, что Он в этом случае более печется о принимающих, нежели о принимаемых. Хотя Он и отдает последним первую честь, говоря: "**Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня**" (ст. 40), - что может сравниться с честью принять Отца и Сына? - но вместе с тем обещает Он и другое еще воздаяние: "**Кто принимает**, - говорит, **- пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника**" (ст. 41). Выше угрожал наказанием не принимающим, а здесь назначает награду принимающим. И чтобы ты знал, что об этих последних Господь более печется, не просто сказал: приемлющий пророка, или: приемлющий праведника; но присовокупил: "**во имя пророка**" и "**во имя праведника**". То есть, если примет кого не по мирскому гостеприимству, или не по другим каким-либо мирским расчетам, но потому, что он пророк, или праведник, мзду пророка, мзду праведника приимет, - или какую достоин получить принявший пророка, или праведника, или какую получит сам пророк, или праведник, как и Павел говорит: "**Ваш избыток в [восполнение] их недостатка; а после их избыток в [восполнение] вашего недостатка**" (2 Кор. 8:14). Далее, чтобы никто не стал отговариваться бедностью, говорит: "**И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей**" (Мф. 10:42). И если ты подашь только чашу холодной воды, что не потребует никакой издержки, то и за нее положена тебе награда; для вас, которые принимаете, Я все сделаю.

3. Видишь ли, какие Он употребил убеждения, и как отверз им вход в дома по всей вселенной? Во всей беседе Своей Он показал, что люди их должники. Во-первых, сказал: "**Трудящийся достоин пропитания**" (Мф. 10:10); во-вторых, посылал их ни с чем; в-третьих, подверг их вражде и браням за принимающих их; в-четвертых, дал им власть творить знамения; в-пятых, даровал силу словом Своим на дома принимающих низводить мир - источник всех благ; в-шестых, не принимающим их угрожал наказанием жесточе содомского; в-седьмых, показал, что принимающие их принимают Его и Отца; в-восьмых, за принятие обещал награду пророка и праведника; в-девятых, и за чашу студеной воды назначил великую награду. Каждая из этих причин сама по себе достаточна была к убеждению людей. В самом деле, скажи мне, кто со всею готовностью не отворил бы всех дверей своего дома для военачальника, после многих побед возвращающегося с брани и сражения, видя его покрытого бесчисленными ранами и обагренного кровью? И кого же должно принимать, скажешь? Чтобы показать это, Он присовокупил: во имя пророка, ученика и праведника, - давая тем знать, что Он назначает награду не только по достоинству приемлемого, но и по расположению приемлющего. Так здесь Он говорит о пророках, праведниках и учениках; а в другом месте повелевает принимать даже самых презренных, и тем, кто не принимает таковых, определяет наказание: "**Так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне**" (Мф. 25:45); и о тех же меньших опять говорит, что принимающий их принимает Его самого. Пусть принимаемый тобою ни ученик, ни пророк, ни праведник; но он - человек, который с тобою в одном живет мире, одно и то же видит солнце, имеет такую же душу, одного и того же Владыку, приобщается одних и тех же с тобою таинств, к тому же призывается небу и совершенно в праве требовать от тебя призрения, будучи беден и нуждаясь в необходимой пище. Между тем теперь, когда приходят к тебе в дурную погоду люди с флейтами и свирелями, будят тебя от сна, напрасно и без дела беспокоят, то отходят от тебя с немалыми подарками; равно и те, которые носят ласточек, натираются сажею и всех пересмеивают, получают от тебя награду за свои проказы. А если придет к тебе бедный и станет просить хлеба, то ты наговоришь ему множество ругательств, будешь злословить, укорять в праздности, осыпать упреками, обидными словами и насмешками, и не подумаешь о себе, что и ты живешь в праздности, однако же Бог дает тебе Свои блага.

Не говори мне, что ты и сам делаешь что-нибудь, но покажи мне то, чем занимаешься ты дельным и нужным. Если скажешь мне, что ты занимаешься торговлею, корчемничеством, стараешься о сбережении и приумножении своего имения, то и я скажу тебе, что это - не дело; настоящие дела - милостыня, молитвы, защищение обиженных и другие добродетели, которыми мы совершенно в жизни пренебрегаем. И однако же Бог никогда нам не говорил: так как ты живешь в праздности, Я не буду освещать тебя солнцем; так как ты не занимаешься необходимым, и Я погашу луну, заключу недра земли, остановлю озера, источники, реки, отыму воздух, не дам дождей во время. Напротив, Бог все это доставляет нам в изобилии, всем этим позволяет пользоваться не только живущим в праздности, но и делающим зло. Итак, если увидишь бедного и скажешь: мне досадно, что этот молодой, здоровый человек ничего не имеет, хочет прокормиться живя в праздности, а может быть он еще беглый слуга, оставивший своего господина, то все, мною сказанное, примени к себе, или лучше - ему позволь сказать тебе со всею смелостью. И он может сказать тебе с большим правом: и мне досадно, что ты, будучи здоров, живешь в праздности и ничего не делаешь из того, что повелел тебе Бог, а как раб, бежавший от повелений своего господина, бродишь будто по чужой стороне, проводя жизнь свою в пороках, в пьянстве, в невоздержности, в воровстве, в хищничестве и в разорении чужих домов. Ты укоряешь за праздность, а я укоряю тебя за худые дела, когда ты злоумышляешь, когда божишься, лжешь, похищаешь, когда делаешь тысячу подобных дел.

4. Впрочем, говорю это не для того, чтобы защитить праздность. Совсем нет, - напротив, очень желаю, чтобы все занимались делами, потому что праздность научила всем порокам; а только увещеваю вас не быть немилосердными и жестокими. Так и Павел, выразив сильное порицание праздности и сказав: “**Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь**” (2 Фес. 3:10), - не остановился на этих словах, но присовокупил: “**Вы же, братия, не унывайте, делая добро**” (ст. 13). Но здесь, по-видимому, есть противоречие: если ты не позволяешь праздным даже и есть, то как же увещеваешь нас подавать им? Я не противоречу себе, говорит апостол: хотя я и повелел удаляться от живущих праздно и не сообщаться с ними, но я же опять сказал: не считайте их врагами, но вразумляйте (ст. 15). Следовательно, нет противоречия в моих наставлениях, но они совершенно между собою согласны. Будь только готов оказывать милосердие, - тогда бедный тотчас оставит праздность, а ты перестанешь быть жестоким. Но скажешь: нищий много лжет и притворяется. И в этом случае он достоин сожаления, потому что дошел до такой крайности, что даже не стыдится так лгать. А мы не только не имеем жалости, но еще присовокупляем такие жестокие слова: не получал ли ты и раз и два? Так что ж? Ужели ему не нужно опять есть, потому что однажды ел? Почему же ты не положишь такого же правила и для своего чрева, и не говоришь ему: ты сыто было вчера и третьего дня, так не проси ныне? Напротив, чрево свое пресыщаешь чрезмерно, а нищему, когда он просит у тебя и немногого, отказываешь, хотя должен бы дать ему милостыню за то, что он каждый день принужден ходить к тебе. Если не чувствуешь других побуждений, то за это одно должен подать ему милостыню. Ведь крайняя бедность заставляет его делать это. Ты не имеешь к нему жалости, потому что он, слыша такие слова твои, не стыдится; но нужда сильнее стыда. Но ты не только не имеешь к нему жалости, а еще издеваешься над ним, и тогда как Бог повелел давать милостыню тайно, всенародно поносишь пришедшего, между тем как надлежало бы оказать ему сострадание. Если не хочешь подать, то для чего еще укоряешь бедного и сокрушаешь его огорченное сердце? Он пришел к тебе, как в пристань, и просит руки помощи; для чего же ты воздвигаешь волны, и бурю делаешь свирепее? Для чего гнушаешься нищетою его? Пришел ли бы он к тебе, если бы знал, что услышит от тебя такие слова? Если же и наперед зная это пришел к тебе, то потому-то и надобно тебе сжалиться над ним и ужаснуться своей жестокости, по которой ты, при виде самой крайней нужды, не делаешься сострадательнее, не представишь себе, что один

страх голода служит для него достаточным оправданием в бесстыдстве, но укоряешь его за бесстыдство, хотя сам ты часто бывал несравненно бесстыднее и в важнейших делах. В нужде и бесстыдство простительно. Между тем мы часто, делая то, за что бы надлежало нас наказать, не стыдимся, - и тогда как нам, помышляя о таких делах, следовало бы смириться, мы нападаем на бедных: они просят у нас врачевства, а мы прибавляем им ран. Если не хочешь дать, то для чего и бьешь? Если не хочешь оказать милость, то для чего и обижаешь? Но он без того не отойдет? Так поступи, как повелел мудрый: "**Отвечай ему ласково, с кротостью**" (Сир. 5:8). Он не по своей воле поступает так бесстыдно. Поистине, нет человека, который бы без всякой нужды захотел сделаться бесстыдным; и хотя бы представляли тысячи доказательств, никогда не поверю, чтобы человек, живущий в изобилии, решился просить милостыни. Итак, никто не уверяй нас в противном. Если и Павел говорит: "**Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь**", - то говорит это нищим, а не нам; нам он говорит напротив: "**Не унывайте, делая добро**". Так мы поступаем и в домашних делах; когда двое ссорятся между собою, отведя каждого в сторону, даем им противоположные советы. Так поступил и Бог, так поступил и Моисей, который так говорил Богу: "**Прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня**" (Исх. 32:?31,32). А израильтянам повелел убивать друг друга, не щадя даже и родственников. Хотя эти действия одно другому противоположны, однако же, то и другое клонилось к одной цели. Так же Бог говорил Моисею: "**Оставь Меня, … и истреблю их**" (Исх. 32:10), - что и иудеи слышали (хотя в то время, когда Бог говорил это, их тут не было, но они должны были услышать об этом после), а тайно внушает тому противное, что после Моисей вынужден был обнаружить, говоря так: "**Разве я носил во чреве весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка**" (Числ. 11:12)? То же бывает и в семейной жизни. Часто отец учителю за суровые поступки с сыном наедине делает такой выговор: не будь суров и жесток; а сыну между тем говорит другое: хотя бы тебя и несправедливо наказали, терпи; и такими двумя противными советами достигает одной полезной цели. Так и Павел тем, которые здоровы и просят милостыни, говорит: "**Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь**", - чтобы заставить их трудиться; а тем, которые в состоянии благотворить, так говорит: "**Не унывайте, делая добро**", - чтобы побудить их к милосердию. Так и в послании к Римлянам (Рим. 11:17), когда уверовавших из язычников убеждает не гордиться перед иудеями и представляет в пример дикую маслину, по видимому говорит одним то, другим другое. Итак, не будем жестокосердны, но исполним сказанное Павлом: "**Не унывайте, делая добро**" (2 Фес. 3:13); исполним сказанное самим Спасителем: всякому "**просящему у тебя дай**" (Мф. 5:42), и: "**будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд**" (Лк. 6:36). Давая многие другие заповеди, Господь не присовокупил таких слов, а употребил их, говоря только о милостыне. Ничто столько не уподобляет нас Богу, как благотворительность.

5. Но нет бесстыднее бедного, говоришь ты. Почему же, скажи? Потому ли, что он, подбегая к тебе, кричит? Но хочешь ли, докажу, что мы гораздо бесстыднее и наглее нищих? Вспомни, сколько раз случалось и в нынешний пост, когда вечером стол был уже накрыт и позванный тобою слуга приходил не скоро, ты все опрокидывал, толкая, браня и ругая его за малое промедление, хотя верно знал, что если не тотчас, то немного спустя, утолишь свой голод. Однако ты не называешь себя бесстыдным, когда от малости приходишь в бешенство; а нищего, который страшится и трепещет большего зла (потому что страшится не медленности, а голода), называешь дерзким, наглым и бесстыдным, и даешь ему всякие поносные имена. Не крайнее ли это бесстыдство? Но мы о том не рассуждаем; потому и считаем нищих для себя несносными. Но если бы мы разбирали свои поступки и сравнивали бы себя с нищими, то не стали бы говорить, что они нам в тягость. Не будь же жестоким судиею. Хотя бы ты был чист от всех грехов, то и в таком случае законом Божиим запрещено тебе строго судить о чужих проступках. Если фарисей

чрез это погиб, то какое извинение будем иметь мы? Если людям неукоризненной жизни запрещено строго судить проступки других, то тем более грешникам. Итак, не будем жестоки, бесчеловечны, неумолимы, бесчувственны; не будем злее зверей. Я знаю многих, которые дошли до такого зверства, что из одной лености оставляют голодных без помощи, отговариваясь так: теперь нет у меня слуги; домой идти далеко, а разменять не у кого. Какая жестокость! Большее ты обещал, а меньшего не делаешь. Ужели ему истаивать голодом, потому что тебе не хочется пройти несколько шагов? Какая гордость! Какая спесь! Если бы тебе надлежало пройти и десять стадий, то зачем лениться? А не подумаешь, что за то было бы тебе больше награды? Когда подашь, то получишь награду только за подаяние; а когда сам пойдешь, то за это тебе будет другая награда. Так и патриарху дивимся потому, что он, имея триста восемнадцать домочадцев, сам побежал в стадо и взял тельца (Быт. 14:14; 18:7). А ныне некоторые до такой степени надуты спесью, что без стыда употребляют на то слуг. Но скажет иной: ты велишь самому мне делать это? Не сочтут ли меня тщеславным? Да и теперь ты также водишься тщеславием, только иным, - когда стыдишься разговаривать при других с нищим. Но спорить о том не буду, - сам ли, через других ли, как хочешь, - только подавай милостыню, а не укоряй, не бей, не бранись; нищий, приходя к тебе, надеется получить врачевство, а не раны, милостыню, а не побои. Скажи мне: если в кого бросят камнем и он, с раною на голове, весь в крови, мимо всех других пробежит под твою защиту: ужели ты кинешь в него другим камнем, и нанесешь ему другую рану? Не думаю, чтобы ты так поступил; напротив, верно постараешься и нанесенную ему рану излечить. Для чего же ты с бедными поступаешь не так? Ужели ты не знаешь того, сколько и одно слово может или ободрить, или привести в уныние? “**Слово**, **-** говорится, **- лучше, нежели даяние**” (Сир. 19:16). Ужели не рассудишь, что ты сам на себя подъемлешь меч и наносишь себе жесточайшую рану, когда обруганный тобою нищий пойдет от тебя безмолвно, вздыхая и обливаясь слезами? Нищего посылает к тебе Бог. Итак, обижая его, подумай, кому делаешь обиду, когда сам Бог его посылает к тебе, и тебе велит подавать, а ты не только не подаешь, но еще и ругаешь пришедшего. Если же не понимаешь, как это худо, то посмотри на других, и тогда хорошо узнаешь всю важность своего преступления. Если бы твой слуга, по твоему приказанию, пошел к другому слуге взять у него твои деньги, и возвратился к тебе не только с пустыми руками, но еще жалуясь на обиду, то чего бы ты не сделал обидевшему? Какому бы не подверг его наказанию, будучи как бы сам лично им обижен? Так точно суди и о Боге: Он сам посылает к нам нищих, и когда мы даем, даем Божие. Если же, ничего не подавши, гоним еще от себя с бранью, то подумай, скольких громов и молний достойны мы за такое дело? Помышляя о всем этом, обуздаем язык, перестанем быть жестокосердными, прострем руки для подаяния милостыни и будем не только снабжать бедных имуществом, но и утешать словами, чтобы избегнуть нам и наказания за злословие, и наследовать царство за благословение и милостыню, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков Аминь.

БЕСЕДА 36

“И когда окончил Иисус наставления двенадцати ученикам Своим, перешел оттуда учить и проповедывать в городах их” (Мф. 11:1).

1. Пославши учеников, Господь сам уклонился от них, чтобы дать им место и время делать, что велел. Если б сам Он находился с ними и исцелял, то никто не захотел бы идти к ученикам. “**Иоанн же, услышав в темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников своих сказать Ему: Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого**” (Мф. 11:2,3)? А Лука говорит, что ученики сами возвестили Иоанну о чудесах Христовых, и тогда уже Он послал их (Лк. 7:17). Впрочем, это никакого не заключает в

себе затруднения, а стоит только замечания: в этом обнаруживается зависть учеников Иоанна к Иисусу. Но что говорится далее, должно быть тщательно исследовано. Что же именно? То, что сказал Иоанн: "**Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого**"? Тот, который знал Иисуса еще до чудес, извещен был о Нем от Духа, слышал от Отца, проповедовал о Нем перед всеми, посылает теперь узнать от Самого: Он ли это или нет? Но если сам не знаешь, точно ли это Он, то как же считаешь себя достойным вероятия, сказав свое мнение о неизвестном? Свидетельствующий о других, наперед сам должен быть достоин вероятия. Не ты ли говорил: "**Недостоин развязать ремень обуви**" (Лк. 3:16)? Не ты ли говорил: "**Я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым**" (Ин. 1:33)? Разве ты не видал Духа в виде голубя? Разве не слыхал гласа? Разве не ты удерживал Его, говоря: "**Мне надобно креститься от Тебя**" (Мф. 3:14)? Разве не ты говорил ученикам: "**Ему должно расти, а мне умаляться**" (Ин. 3:30)? Разве не ты учил весь народ, что Он будет крестить их Духом Святым и огнем (Лк. 3:16) и что Он есть "**Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира**" (Ин. 1:29)? Не проповедовал ли ты всего этого о Нем прежде знамений и чудес? Как же теперь, когда Он всем стал известен и слух о Нем прошел всюду, и мертвые воскресли, и бесы изгнаны, и столько произведено знамений, - тогда уже посылаешь ты спрашивать у Него? Что это значило? Ужели все слова Иоанна были какой-нибудь обман, подлог, басня? И какой разумный человек сказал бы это? Не говорю уже об Иоанне, который взыграл во чреве матернем, проповедовал Христа прежде своего рождения, был гражданином пустыни, показал образец ангельской жизни. Напротив, если бы он был даже одним из людей обыкновенных и самых ничтожных, то не мог бы сомневаться после многочисленных свидетельств, данных как им самим, так и другими. Отсюда видно, что Иоанн посылал не по сомнению, и спрашивал не по неведению. Никто также не может сказать и того, чтобы он, хотя верно знал Иисуса, будучи в темнице, стал боязливее. Он не ожидал себе освобождения из темницы; а если бы и ожидал, то не изменил бы благочестию, твердо решившись принять всякую смерть. В самом деле, будучи к тому готовым, не показал бы он такого мужества перед целым народом, привыкшим проливать кровь пророков. Не осмелился бы обличить такого жестокого тирана, с таким дерзновением, среди города и торжища, во всеуслышание делая ему сильные выговоры, как малому ребенку. Если же он стал и боязливее, то как не постыдился учеников своих, перед которыми столько раз свидетельствовал о Христе, но через них стал спрашивать, когда надлежало через других, и хотя верно знал, что ученики его завидовали Иисусу и желали найти какой-либо случай? Как не постыдился народа иудейского, перед которым столько раз проповедовал о Христе? Да и как могло это служить ему к освобождению от уз? Не за Христа он ввержен был в темницу, не за то, что проповедовал Его силу; но за то, что обличал беззаконный брак. Не навлекал ли он этим на себя нарекания, что он подобен бессмысленному ребенку, или совершеннолетнему безумцу? Итак, что же значит такой поступок? Из сказанного видно, что сомневаться об Иисусе было несвойственно не только Иоанну, но и всякому, даже человеку совершенно несмысленному и безумному. Нужно, однако, наконец, дать решение. Итак, для чего Иоанн посылал спрашивать? Для того, что ученики Иоанна, как всякий приметить может, не расположены были к Иисусу и всегда Ему завидовали, что явствует из сказанного ими своему учителю. "**Тот, Который был с тобою**, **-** говорят они, **- при Иордане и о Котором ты свидетельствовал, вот Он крестит, и все идут к Нему**" (Ин. 3:26). И еще был спор у иудеев с Иоанновыми учениками об очищении. А в другом случае Иоанновы ученики, пришедши к самому Иисусу, говорили: "**Почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся**" (Мф. 9:14)?

2. Они еще не знали, кто был Христос; но почитая Иисуса простым человеком, а Иоанна более, нежели человеком, с досадою смотрели на то, что слава Иисусова возрастала, а Иоанн, как сам о себе говорил, приближался уже к концу. Все это препятствовало им

придти к Иисусу, так как зависть преграждала доступ. Пока Иоанн находился с ними, он часто их вразумлял и учил, однако не убедил. Когда же приближался уже к смерти, еще больше о том заботился. Он опасался, чтобы не оставить им повода к превратному толкованию, и чтобы они не были навсегда отлученными от Христа. Он и с самого начала старался всех своих учеников обратить ко Христу; но так как не убедил в том, перед смертью оказывает уже большее усердие. Если бы, поэтому, он стал говорить: пойдите к Нему, Он лучше меня, - то этим не убедил бы людей, которые были привязаны к нему самому; напротив, они подумали бы, что говорит так из скромности и прилепились бы к нему еще более. А если бы стал молчать, опять ничего бы не вышло. Что же он делает? Выжидает случая от самих услышать, что Иисус творит чудеса; и тут сам не дает им советов, и не всех посылает, но только двоих, о которых может быть знал, что они способнее прочих уверовать, - чтобы вопрос не был подозрителен, и чтобы они из самих дел увидели разность между ним и Иисусом. И потому говорит: подойдите и скажите: "**Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого**"? Христос же, проникая в мысль Иоаннову, не сказал: точно, Я, потому что хотя и следовало так сказать, но это было бы опять неприятно для слушателей. Напротив, предоставляет самим заключить из дел. Евангелист говорит, что в то время, когда они пришли к Иисусу, Он исцелил многих. И какая тут была бы сообразность, когда спрашивают: "**Ты ли Тот**"? - ничего не сказать на это, а тотчас начать исцелять больных, если бы Христос не хотел этим внушить того, о чем я сказал? Свидетельство делами почиталось более убедительным и несомненным, чем свидетельство словами. Поэтому, как Бог, зная намерение, с каким Иоанн послал учеников, Христос в тот же час исцелил слепых, хромых и других многих - не с тем, чтобы, уверить Иоанна (на что было уверять уверенного?), но чтобы уверить сомневающихся учеников. И исцеливши, говорит: "**Пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят, прокаженные очищаются и глухие слышат, мертвые воскресают и нищие благовествуют**". И потом присовокупил: "**И блажен, кто не соблазнится о Мне**" (Мф. 11:4-6), показав тем, что знает и тайные помышления их. Если бы Он сказал: точно, Я Христос, - то, как заметил я, это могло быть для них неприятно и могло навести на мысль, хотя бы они и не высказали ее, подобно иудеям: "**Ты Сам о Себе свидетельствуешь**" (Ин. 8:13). Вот потому сам Он и не говорит этого, а предоставляет им заключать обо всем из чудес, делая через то учение Свое неподозрительным и очевиднейшим. А вместе и их обличил тайным образом. Так как они соблазнялись о Нем, то обнаруживши их болезнь и предоставив все дело одной их совести, и никого не сделав свидетелем этого обличения кроме их самих, которые одни понимали это - тем больше привлек их к Себе, говоря: "**Блажен, кто не соблазнится о Мне**", - говоря это, Он разумел собственно их. Но не ограничимся только высказанными нами мыслями. Чтобы сделать для вас истину более ясною, путем сопоставления с другими мнениями, нам нужно сказать и об этих последних. Что же говорят иные? Утверждают, что не та причина, какая нами указана; а та, что Иоанн действительно не знал. Не все было ему неизвестно. Что Иисус есть Христос, это он знал, а что хочет и умереть за людей, - того не знал, потому и сказал: "**Ты ли Тот, Который должен придти**"? - то есть: Ты ли Тот, Которому должно сойти во ад? Но такое мнение не имеет основания; Иоанн знал и это. Об этом он прежде всего проповедовал, это первое засвидетельствовал, говоря: "**Вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира**" (Ин. 1:29)! Назвал же Агнцем, провозвещая крест; равно и словами – "**который берет [на Себя] грех мира**" показал то же самое. Ведь не иначе, как только крестом совершено отъятие греха, о чем и Павел сказал: "**Рукописание, которое было против нас, и Он взял его от среды и пригвоздил ко кресту**" (Кол. 2:14). Также когда сказал: "**Он будет крестить вас Духом Святым**" (Лк. 3:16), пророчествовал о том, что имело последовать по воскресении. Но говорят: Иоанн знал, что Христос воскреснет и даст Святого Духа; а что будет распят, того не знал. Но как же бы Он воскрес, не

пострадавши и не будучи распят? Чем же бы Иоанн был более пророка, если бы не знал того, что знали пророки?

3. Что Иоанн был больше пророка, засвидетельствовал сам Христос (Лк. 7:28), а что пророки знали о страдании Христовом, известно всякому. Исайя говорит: "**Как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен**" (Ис. 53:7); а прежде этого свидетельства говорит: "**Будет в тот день: к корню Иессееву, который станет, как знамя для народов, обратятся язычники**" (Ис. 11:10,11). Потом, говоря о страдании и о славе, за ним следующей, присовокупил: "**И покой его будет слава**". Этот пророк предсказал не только о том, что Христос будет распят, но и с кем: "**И к злодеям причтен**", - говорит он (Ис. 53:12). Мало того, он предсказал даже и то, что Христос не будет оправдываться, когда говорит: ?("Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих"- это в начале ст.) "**Он не отверзал уст Своих**" (ст. 7); и что будет осужден несправедливо, когда продолжает: во смирении Его суд Его взятся (ст. 8). А прежде Исайи то же говорит Давид, и описывает самое судилище такими словами: "**Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное? Восстают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против Помазанника Его**" (Пс. 2:1-2). В другом месте говорит даже и об образе распятия: "**Пронзили руки мои и ноги мои**" (Пс. 21:17), и со всею точностью изображает наглость воинов: "**Делят**, **-** говорит, **- ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий**" (ст. 19). И еще в другом месте даже говорит, что поднесли Ему уксус: "**Дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом**" (Пс. 68:22). Итак, пророки за столько лет описывают и судилище, и осуждение, и распятых с Ним, и разделение одежд, и метание о них жребия, и весьма многое другое, что все перечислять теперь нет нужды, чтобы не продлить слова, а Иоанн, больший всех пророков, не знал всего этого? Возможно ли это? Почему же он не сказал: "**Ты ли Тот, Который должен придти**" во ад, но говорит просто: "**Ты ли Тот, Который должен придти**"? Но это было бы еще смешнее прежнего. Говорят: Иоанн для того спрашивал об этом Иисуса, чтобы сошедши в ад проповедовать о Нем. Утверждающим это прилично сказать: "**Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы**" (1 Кор. 14:20). Только настоящая жизнь есть время для подвигов, а после смерти - суд и наказание. "**Во гробе**, **-** сказано, **- кто будет славить Тебя**" (Пс. 6:6)? Чем же сокрушены врата медные, и стерты вереи железные? Телом Христовым. Тогда именно в первый раз явилось тело бессмертным, и разрушило владычество смерти. Впрочем это показывает только, что Им сила смерти разрушена, а не истреблены грехи умерших прежде пришествия Его. В противном случае, если Он освободил от геенны всех прежде умерших, то почему же сказал: "**Земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе**" (Мф. 11:24)? Этим дано разуметь, что и они, хотя легче, однако же будут наказаны. И хотя они здесь уже понесли крайнее наказание, однако и это их не избавит. А если не избавит их, то не гораздо ли больше тех, которые здесь ни мало не пострадали? Итак, неправосудно, скажешь, поступлено с жившими прежде пришествия Христова? Нимало. Тогда можно было спастись и не исповедуя Христа. Не это от них требовалось, а то, чтоб они не служили идолам и знали истинного Бога. "**Господь, Бог наш, -** сказано, **- Господь един есть**" (Втор. 6:4). Потому и Маккавеи заслужили удивление, так как все, что они ни претерпели, претерпели за соблюдение закона (1 Макк. 1:63); также три отрока и многие другие из иудеев, проводившие добродетельную жизнь и соблюдшие меру данного им познания, ни к чему более обязаны не были. И так тогда, как я уже сказал, для спасения довольно было знать одного Бога; ныне же того не довольно, а нужно еще знать Христа. Потому Христос и говорил: "**Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем**" (Ин. 15:22). То же надлежит сказать и о делах. Тогда убийство губило совершившего его, а ныне губит и один гнев. Тогда прелюбодей и посягавший на чужую жену подвергался наказанию, а ныне наказываются и за воззрение похотливыми глазами. Как знание, так и добродетель ныне

возведены на высшую степень. Итак, (в аде) не было нужды в предтече. В противном же случае, если неверные по смерти могут, обратившись к вере, спастись, то никто никогда не погибнет: тогда все покаются и поклонятся Христу. А что это истинно, послушай Павла, который говорит, что "**всякий язык исповедал**" и "**преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних**" (Флп. 2:11,10), и что: "**Последний же враг истребится - смерть**" (1 Кор. 15:26). Но от этой покорности никакой не будет пользы, потому что она произойдет не от доброго произволения, но уже, так сказать, от самой необходимости обстоятельств.

4. Не станем же вводить таких бабьих учений и иудейских басен. Послушай, что говорит Павел о живших до Христа: "**Которые, не [имея] закона, согрешили, вне закона и погибнут**", - рассуждает он о живших до закона; "**а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся**" (Рим. 2:12), - говорит о всех, живших после Моисея. И еще: "**Открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков**" (Рим. 1:18); и – "**ярость и гнев, скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое, во-первых, Иудея, [потом] и Еллина**" (Рим. 2:8,9). И подлинно, бесчисленное множество зол терпели тогда язычники; это доказывают как языческие истории, так и наши христианские писания. Кто, например, исчислит плачевные события с вавилонянами или египтянами? А что те, которые хотя и не знали Христа, как жившие до пришествия Его во плоти, но удалялись идолопоклонства, поклонялись единому Богу и проводили добродетельную жизнь, будут наслаждаться всеми благами, послушай, что об этом говорит Павел: "**Слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, [потом] и Еллину**" (Рим. 2:10). Видишь ли, что таким людям за добрые дела уготованы великие награды, а делающим противное - казни и мучения? Итак, где неверующие геенне? Если жившие до пришествия Христова и не слышавшие ни об имени геенны, ни о воскресении, и здесь понесли наказание, и там еще будут наказаны, - то насколько более постигнет казнь нас, вскормленных обильным словом мудрости. Но согласно ли, скажешь, с разумом, чтобы люди, которые не слыхали даже о геенне, ввержены были в геенну? Они могут, ведь, сказать: если бы Ты угрожал нам геенною, то мы больше боялись бы, жили бы воздержно. Несомненно (разве нет?) они стали бы жить так, как живем теперь мы, которые ежедневно слышим, что говорят о геенне, и нисколько не внимаем тому. Да и то нужно сказать, что кого не удерживают наказания, которые под ногами, того еще менее удержат наказания будущие. Людей нерассудительных и грубого нрава то, что происходит у них на глазах и немедленно, обыкновенно вразумляет более, нежели то, что случится по прошествии долгого времени. Но, скажешь, мы живем в большем страхе, и в этом отношении с язычниками не поступлено ли несправедливо? Нимало. Во-первых, не те же подвиги предстоят нам, какие им; напротив, нам гораздо большие. А кто подъемлет большие труды, тому нужно иметь и большую помощь. А умножение страха - помощь не малая. Если же мы преимуществуем пред ними в том, что знаем будущее, то они преимуществуют пред нами тем, что на них тотчас налагаются жестокие наказания.

Но многие и об этом рассуждают иначе. Именно, говорят: где же правда Божия, когда согрешающий в чем-либо здесь, наказывается и здесь, и там? Угодно ли, напомню вам собственные ваши слова, чтобы вы более не делали труда нам, но сами себе дали решение? Многие у нас, - слыхал я, - как скоро узнают, что убийце отрубили голову в суде, негодуют на то и говорят так: этот злодей и изверг совершил до тридцати или еще более убийств, а сам потерпел одну только смерть: какая тут правда? Итак, вы сами признаетесь, что одной смерти недостаточно для наказания: почему же теперь держитесь противного мнения? Потому что произносите суд не о других, но о себе. Вот как самолюбие препятствует нам вникнуть в справедливость! Когда судим о других, разбираем все до точности: а когда произносим суд о себе, ослепляемся. Если бы и о себе самих разобрали дело так же, как о других, то произнесли бы нелицеприятный приговор.

И у нас есть грехи, заслуживающие не две и три, но тысячу смертей. И не говоря о прочих грехах, вспомним, сколько нас недостойно приобщается тайн? А причащающиеся недостойно повинны “будет **против Тела и Крови Господней**” (1 Кор. 11:27). Итак, когда говоришь об убийце, примени это и к себе. Он убил человека, а ты повинен в убиении Владыки. Он совершил убийство, не приобщаясь тайн, а мы стали убийцами, вкушая от священной трапезы. Что же сказать о тех, которые угрызают, снедают, отравляют ядом многим братий? И что сказать о том, кто отнимает кусок у бедного? Если и не подающий милостыни есть уже отнимающий, то тем более похищающий чужое. Сколь многих разбойников хуже корыстолюбцы? Сколь многих человекоубийц, сколь многих расхитителей гробниц хуже лихоимцы? Сколько таких, которые, ограбив, жаждут еще крови? Нет, избави от этого Бог! говоришь ты. Теперь говоришь - нет! Скажи это тогда, когда будешь иметь врага: тогда вспомни эти слова, тогда покажи всю исправность жизни, чтобы и нас не постигла участь содомлян, и нам не подпасть казни гоморрян, и нам не потерпеть зол постигших тирян и сидонян, и более всего - чтобы не оскорбить Христа, что всего тяжелее и ужаснее. Хотя многим геенна и кажется ужасною, но я никогда не перестану вопиять, что оскорбить Христа - мучительнее и ужаснее самой геенны, и вам советую придти в то же чувство. Тогда мы и геенны избавимся, и будем наслаждаться славою Христовой, которую и да и сподобимся все мы получить, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Ему и слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 37

“Когда же они пошли, Иисус начал говорить народу об Иоанне: что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую? Что же смотреть ходили вы? человека ли, одетого в мягкие одежды? Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских. Что же смотреть ходили вы? пророка? Да, говорю вам, и больше пророка” (Мф. 11:7-9).

1. Для учеников Иоанна Спаситель сделал, что нужно было сделать, и они возвратились, уверившись (в том, что Он есть Мессия) посредством чудес, совершенных пред ними. Теперь надлежало подать нужное врачевство и народу. Ученики Иоанна не подозревали ни в чем своего учителя; между тем в народе, которому неизвестна была цель посольства учеников Иоанна, вопрос их мог породить много неуместных сомнений. Многие могли рассуждать и говорить так: тот, который с такою силою свидетельствовал о Иисусе, ныне переменил мысли свои и сомневается - этот ли, или другой есть Грядущий? Не с тем ли намерением он говорит это, чтобы восстать против Иисуса? Или темница научила его быть осторожнее? Ужели он напрасно прежде свидетельствовал о Иисусе? И так, поелику народ мог предаваться многим подобным сомнениям, то смотри, как Господь врачует его немощь и уничтожает эти сомнения. “**Когда же они пошли, -** говорит евангелист, **- Иисус начал говорить народу об Иоанне**”. Для чего Он начал говорить уже по отшествии учеников Иоанна? Чтобы не подумали, что Он льстит Иоанну. Но исправляя сомневающихся, Он не обнаруживает их сомнения, а только разрешает смущающие их помыслы, показывая тем, что Он знает тайные мысли всех. Он не говорит им, как иудеям: “**Для чего вы мыслите худое**” (Мф. 9:4)? - потому что, если они и думали так, то думали не по злобе, но потому, что не понимали сказанного. Вот почему Спаситель и не укоряет их, а только исправляет их мысли, и защищает Иоанна, показывая, что он не оставил и не переменил прежнего своего мнения, что он человек не легкомысленный и переменчивый, но твердый и постоянный, и не может во вверенном ему быть неверен. Впрочем Спаситель не произносит о нем прямо Своего приговора, но наперед подтверждает это их собственным свидетельством, показывая, что они не только словами, но и делами своими засвидетельствовали его постоянство, почему и говорит: “**Что смотреть ходили вы в пустыню**”? Как бы так сказал: для чего вы, оставив города и дома, собирались все в

пустыню? Для того ли, чтобы увидеть какого-нибудь жалкого и непостоянного человека? Но это невозможно. Не то показывает ваше великое усердие и всеобщее стечение в пустыню. Такое множество народа, жители столь многих городов, не устремились бы с таким усердием в пустыню на реку Иордан, если бы не надеялись увидеть там великого, удивительного и твердого как камень мужа. Вы ходили смотреть не трость ветром колеблемую, - люди легкомысленные и переменчивые, которые говорят сегодня одно, а завтра другое, и ни на чем не останавливаются, те именно весьма подобны трости колеблемой ветром. Но смотри, как Господь, оставив всякое другое зло, обращает внимание на то, которое особенно в это время возмущало их, и отнимает самый предлог к легкомыслию. "**Что же смотреть ходили вы? человека ли, одетого в мягкие одежды? Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских**". Эти слова означают то, что Иоанн не был по природе непостоянен, и это вы доказали своим усердием. Но и того никто не может сказать, что он хотя и был по природе тверд, но впоследствии, предавшись роскоши, сделался слаб. Одни из людей от природы бывают слабы, а другие впоследствии времени делаются таковыми. Например, один гневлив по природе, а другой от долговременной болезни приобретает эту страсть. Равным образом одни бывают непостоянны и легкомысленны по природе, а другие от того, что предаются роскоши и неге. Но Иоанн не был таков и по природе, - вы ходили смотреть, говорит Спаситель, не трость, колеблемую ветром, - равно как не потерял он сокровища, которым обладал, предавшись роскоши. Что он не был рабом роскоши, это показывает его одежда, пустыня и темница. Если бы он хотел носить дорогие одежды, то жил бы не в пустыне и не в темнице, а в царских чертогах. Он одним молчанием мог бы достигнуть величайших почестей. В самом деле, если Ирод так уважал его, несмотря даже на то, что он обличал его и находился в узах, то тем более стал бы льстить ему, если бы он молчал. Итак, могут ли падать такие подозрения на того, кто самым делом доказал свою твердость и постоянство?

2. Изобразив таким образом Иоанна посредством указания на место его жительства, на его одежду и на стечение к нему народа, Спаситель называет его наконец и пророком, говоря: "**Что же смотреть ходили вы? пророка? Да, говорю вам, и больше пророка. Ибо он тот, о котором написано: се, Я посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою**" (Мал. 3:1- "**Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною**"). Приведя наперед свидетельство иудеев, Он присоединяет потом свидетельство пророка. Или - лучше, - во-первых, представляет мнение иудеев, которое, как свидетельство врагов, должно составлять сильнейшее доказательство; во-вторых, указывает на жизнь этого мужа; в-третьих, представляет свой суд; в-четвертых, называет его пророком, чтобы совершенно заградить уста их. Потом, чтобы не сказали они: что же, если он прежде был таков, а ныне переменился? - Спаситель приводит дальнейшие доказательства, - указывает на его одежду, темницу, и наряду с этим приводит и пророчество. Сказав, что он больше пророка, показывает далее и причину, почему больше. Итак, почему же? По причине близости своей к Пришедшему. "**Я посылаю, -** говорится, **- Ангела Моего пред лицем Твоим**", т. е., близ тебя. Как во время путешествия царей, те, кто славнее других, идут близ их колесниц, так и Иоанн является пред самым пришествием Христовым. Смотри, как и этим, Господь показал преимущество его! Но и здесь не останавливается, а приводит и Свое мнение, говоря: "**Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя**" (ст. 11), т. е., ни одна жена не родила человека, который бы был больше Иоанна. Чтобы увериться в достоинстве Иоанна, достаточно и одного приведенного изречения; но если ты хочешь познать его из самих дел его, то представь его трапезу, образ жизни и высоту духа. Подлинно, он жил как бы на небе, и, возвысившись над всеми нуждами природы, шел путем необыкновенным, проводя все время в песнях и молитвах, и удалившись от общества людей, непрестанно беседовал с одним Богом. Он никого не

видел из подобных себе, и никому из них не являлся; не питался молоком, не имел ни постели, ни крова, ни съестных припасов, ни других вещей, которыми пользуются люди, и однако же, был кроток и вместе строг. Например, послушай, с какою кротостью беседует он с своими учениками, с каким мужеством - с народом иудейским, и с какою смелостью - с царем. Вот почему и сказал о нем Спаситель: "**Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя**". Но чтобы опять и великие похвалы не породили неприличного мнения о Иоанне в иудеях, которые предпочитали его Христу, смотри, как Господь предотвращает и это зло. Как то, что служило к утверждению учеников Иоанна, причиняло вред народу, который почитал его легкомысленным, так и от того, что служило к исправлению народа, больший бы произошел вред, если бы слова Христовы подали повод иудеям предпочитать Ему Иоанна. Потому Христос и это не обинуясь исправляет, говоря: "**Но меньший в Царстве Небесном больше его**" (Мф. 11:11), т. е., меньший по возрасту и по мнению многих. Действительно, о Нем говорили, что Он "**ест и пьет**" (Мф. 11:19); также: "**Не плотников ли Он сын**" (Мф. 13:55)? и везде уничижали Его. И так Христос был больший по сравнению с Иоанном, скажешь ты? Нет; когда Иоанн говорит: "**сильнее меня**" (Мф. 3:11), - не сравнительно говорит это; также и Павел, когда вспоминая о Моисее пишет: "**Ибо Он достоин тем большей славы пред Моисеем**" (Евр. 3:3), - не сравнительно пишет; и Сам Спаситель, говоря: "**И вот, здесь больше Соломона**" (Мф. 12:42), - не сравнивает Себя с ним. А если и допустить, что Он сравнивает Себя с Иоанном, то делает это для пользы слушателей, по причине их немощи. Люди и прежде весьма уважали Иоанна, а теперь его еще более прославили темница и дерзновение пред царем, и со стороны многих слова Христа легко могли быть приняты за сравнение. И в Ветхом Завете таким же образом исправляемы были души заблудших, - о несравнимом говорилось сравнительно; так, например, когда говорится: "**Нет между богами, как Ты, Господи**" (Пс. 85:8); и еще: "**Кто Бог так великий, как Бог [наш]**" (Пс. 76:14). Некоторые говорят, что Христос сказал это об апостолах, а другие - об ангелах; но это несправедливо. Люди, удалившиеся от истины, обыкновенно во многом заблуждаются. В самом деле, к чему говорить здесь об ангелах, или об апостолах? Притом, если Он сказал это об апостолах, то что препятствовало Ему назвать их по имени? Но говоря о Себе, Он справедливо скрывает лицо Свое, как по причине господствовавшего о Нем мнения, так и для того, чтобы не подумали, что слишком превозносит Себя. Спаситель и во многих случаях так поступает. Что же значат слова: "**в Царстве Небесном**"? - Т. е., во всем духовном и небесном. Сказав: "**Из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя**", - Спаситель отличил Себя от Иоанна, и таким образом показал, что Его не должно сравнивать с Иоанном.

3. Хотя Христос был рожден и от жены, но не так, как Иоанн, потому что был не простой человек, и родился не так, как обыкновенно рождаются люди, но необыкновенным и чудным рождением. "**От дней же Иоанна Крестителя доныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его**" (Мф. 11:12). Какую связь имеют эти слова с тем, что сказано было прежде? Великую, и весьма тесную. Спаситель заставляет и понуждает ими слушателей Своих к вере в Него, и вместе подтверждает то, что сказал прежде о Иоанне. В самом деле, если до Иоанна все исполнилось, то значит - Я грядущий. "**Ибо все**, **-** говорит, **- пророки и закон пророкли до Иоанна**" (ст. 13). Пророки, следовательно, не перестали бы являться, если бы не пришел Я. Итак, не простирайте своих надежд вдаль и не ожидайте другого (Мессии). Что Я - грядущий, это видно как из того, что перестали являться пророки, так и из того, что с каждым днем возрастает вера в Меня; она сделалась столь ясною и очевидною, что многие восхищают ее. Но кто же, скажешь ты, восхитил ее? Все те, кто приходит ко Мне с усердием. Далее Спаситель приводит и другое доказательство, говоря: "**И если хотите принять, он есть Илия, которому должно придти**" (ст. 14). "**Вот, Я пошлю к вам**, **-** говорит Писание, **- Илию пророка …. И он обратит сердца отцов к детям**" (Мал. 4:5,6). Итак, если вы будете

внимать со тщанием, то познаете, что он и Илия, так как говорит Писание: “**Я посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим**” (Мф. 11:10) (Мал. 3:1- “**Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною**”). Спаситель не напрасно сказал: “**И если хотите принять**”, но чтобы показать, что Он не принуждает их. Я не принуждаю вас, говорит Он. Этими словами Он требует от них самих внимательного размышления и показывает, что Иоанн есть Илия, и Илия - Иоанн: оба они приняли на себя одинаковое служение, оба были предтечами. Потому и сказал не просто: сей есть Илия, но: “**И если хотите принять**”, “**он есть**”, то есть, если будете смотреть со вниманием на события. Впрочем, и на этом Спаситель не остановился, но желая показать, что нужно быть внимательными к словам: “**Он есть Илия, которому должно придти**”, - присовокупил: “**Кто имеет уши слышать, да слышит**” (Мф. 11:15)! Столь много трудных для уразумения мыслей предложил Он для того, чтобы возбудить в иудеях желание предлагать свои вопросы. Если же и это не пробудило их от усыпления, то тем более не могли бы пробудить ясные и удобопонятные слова Спасителя. Никто, ведь, не может сказать того, что они не смели спрашивать Его и боялись приступить к Нему. Если они искушали Его, спрашивая о делах маловажных, и несмотря на то, что Спаситель тысячекратно заграждал им уста, не отставали от Него, то почему бы не могли спросить о делах нужных, если бы желали узнать о них. Если спрашивали о делах касающихся закона, какая, например, первая заповедь, и тому подобном, хотя не было никакой и нужды спрашивать о таких вещах, то как бы не потребовали объяснения на слова Его, когда Он должен был отвечать на их вопросы, а особенно, когда сам располагал и побуждал их к тому? В самом деле, словами: “**употребляющие усилие восхищают его**”, Спаситель возбуждает в них желание предлагать Ему вопросы. Равным образом и словами: “**Кто имеет уши слышать, да слышит!**”, - делает то же самое. “**Кому уподоблю род сей**”? - говорит Он. “**Он подобен детям, которые сидят на улице и, обращаясь к своим товарищам, говорят: мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали**” (ст. 16, 17).

По-видимому, и эти слова не имеют никакой связи с предыдущими, на самом же деле они весьма тесно связаны с ними. Христос направляет их все к той же еще главной цели и желает показать, что Иоанн поступал согласно с Ним, хотя происходившее, как, например, вопрос учеников Иоанна, и казалось противоречием. Вместе с тем Он показывает и то, что для спасения иудеев не было оставлено ни одного нужного средства, как и о винограднике говорит пророк: “**Что еще надлежало бы сделать для винограднika Моего, чего Я не сделал ему**” (Ис. 5:4)? “**Кому уподоблю род сей**? – говорит Спаситель. **- Он подобен детям, которые сидят на улице и, обращаясь к своим товарищам, говорят: мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали. Ибо пришел Иоанн, ни ест, ни пьет; и говорят: в нем бес. Пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам**” (Мф. 11:16-19). Смысл этих слов следующий: Я и Иоанн пришли противоположными путями, и поступили подобно ловцам, которые, желая поймать неудоболовимого зверя с двух противоположных сторон, становятся друг против друга, каждый на своем пути, и гонят его от себя, чтобы таким образом он непременно попал в руки того или другого. Посмотри, в самом деле, с каким изумлением весь род человеческий смотрит на чудный пост и на эту суровую и посвященную любомудрию жизнь. Для того-то и устроено было, что Иоанн от самого младенчества приучен был к столь суровой жизни, чтобы и чрез это сделать проповедь его достойною веры. Но почему же, скажешь ты, сам Иисус не избрал этого пути? Напротив, и Он шел этим путем, когда постился сорок дней, и обходил страны, уча, и не имея (?где главы преклонить). Впрочем, Он и другим путем шел к той же цели, и получал пользу от того, которым шел Иоанн, потому что получить свидетельство от человека, идущего путем жизни строгой, значило то же, что и самому идти этим путем, или даже и более. Притом, Иоанн ничего более не

показал, кроме строгого образа жизни, так как Иоанн не совершил ни одного знамения, а Спаситель свидетельствовал о Себе и знамениями и чудесами. Таким образом, предоставив Иоанну блистать постом, сам избрал путь противный: участвовал в трапезах мытарей, вместе с ними ел и пил.

4. Теперь спросим иудеев: что скажете вы о посте? Хорош он и похвален? Если так, то вам надлежало повиноваться Иоанну, принимать его и верить словам его. Тогда слова его привели бы вас к Иисусу. Или пост тяжек и обременителен? Тогда вам надлежало повиноваться Иисусу и верить Ему, как идущему путем противным. Тот и другой путь мог привести вас к царствию. Но они, подобно дикому зверю, восставали против того и другого. Итак, не должно обвинять тех, которым не верили. Но вся вина падает на тех, которые хотели не верить им. Никто не станет в одно и то же время порицать, также как и хвалить, вещей противных: так, например, кто любит человека веселого и роскошного, тому не может нравиться печальный и суровый; равным образом не будет хвалить человека веселого тот, кто хвалит печального; невозможно об одном и том же предмете в одно и то же время думать и так и иначе. Потому-то Иисус и сказал: “**Мы играли вам на свирели, и вы не плясали**”, - т. е., Я вел жизнь нестрогую, и вы не покорились Мне, - **мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали**”, - т. е., Иоанн проводил жизнь строгую и суровую, и вы не внимали ему. Впрочем, Иисус не говорит, что Иоанн вел тот, а Я - другой образ жизни. Но так как оба они имели одну цель, хотя дела их были различны, то как о Своих, так и о его делах говорит как об общих. И то, что они шли противными путями, происходило от их великого согласия, направленного к одной цели. Итак, какое же вы можете иметь оправдание? Потому-то Спаситель и присоединил: “**И оправдана премудрость чадами ее**”. То есть: хотя вы и остались неубежденными, но уже не можете обвинять Меня, - как и о Боге Отце говорит пророк: “**Так что Ты праведен в приговоре Твоем**” (Пс. 50:6). Хотя Бог и не видит никакого плода от Своего о нас попечения, однако же, с Своей стороны исполняет все, чтобы людям бесстыдным не оставить ни малейшего повода к безрассудным сомнениям. А что Господь употребляет простые и неблагородные сравнения, ты не удивляйся этому: Он говорил так, приспособляясь к немощи слушателей. Так и Иезекииль часто употребляет сравнения, приличные иудеям, но несообразные с величием Божиим. Но и это есть дело особенного попечения Божия о нас. Но смотри, как иудеи и иным образом запутали себя в противоречивых мнениях. Сказав об Иоанне, что он (беса имеет), они не удовольствовались этим, - напротив, и об Иисусе, Который избрал путь противный, утверждали то же самое. Так всегда они вдавались в противоречивые мнения! Евангелист Лука кроме этих обвинений приводит еще и другое, сильнейшее, говоря: “**Мытари воздали славу Богу**”, принявши крещение Иоанново (Лк. 7:29). Иисус тогда уже начал порицать города, когда оправдана была премудрость, - когда Он показал, что все исполнено. Так как Он не убедил иудеев, то начинает оплакивать, что еще важнее угроз. Он обнаружил пред ними Свое учение и Свою чудодейственную силу; но так как они не оставили своего упорства, то начинает порицать их. “**Тогда**, **-** говорит евангелист, **- начал Он укорять города, в которых наиболее явлено было сил Его, за то, что они не покаялись, -** говоря**: горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида!**” (ст. 20, 21)! А чтобы тебе увериться, что жители этих городов были злы не по природе, Он упоминает о таком городе, из которого произошли пять апостолов; именно из Вифсаиды произошли Филипп и четыре первоверховных апостола. “**Ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретище и пепле покаялись, но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня; но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе**” (ст. 21-24). Спаситель присоединяет к этим городам Содом не без причины, но чтобы увеличить осуждение. Подлинно, сильнейшим доказательством злобы иудеев служит то, что они являются

худшими не только современных им, но и всех когда-либо бывших злых людей. Подобным образом Спаситель и в другом месте обличает их, сравнивая с ниневитянами и с южною царицею (Мф. 12:41,42). Но там Он осуждает их, сравнивая с праведниками, а здесь - с грешниками, что гораздо тяжелее. Такой способ осуждения употреблял и Иезекииль. Он говорит к Иерусалиму: “**Через твои мерзости, какие делала ты, сестры твои оказались правее тебя**” (Иез. 16:51). Так Иисус везде сообразовался с Ветхим Заветом! Впрочем Он и этим не оканчивает Своего обличения, но наводит на них страх, говоря, что они потерпят гораздо тягчайшие бедствия, нежели жители Содома и Тира, чтобы всеми способами преклонить их к вере - и сожалением, и страхом.

5. Будем внимать этому и мы. Не неверующим ведь только, но и нам определил Спаситель наказание более жестокое, чем содомлянам, если мы не будем принимать приходящих к нам странников, когда повелел им отрясать прах от ног своих; и весьма справедливо. Неверные, хотя и тяжко согрешали, но - прежде закона и благодати; напротив мы, согрешая после столь великого попечения о нас, как можем надеяться получить прощение, когда оказываем столь великую ненависть к странникам, заключаем двери для бедных, и еще прежде заграждаем слух от их воплей, или лучше - не только для бедных, но и для самих апостолов? По тому самому ведь мы и поступаем так с бедными, что не внимаем словам апостолов. Когда читают писание Павла, и ты не внимаешь; когда проповедуется учение Иоанна, и ты не слушаешь, - то как можешь принять к себе бедного, не принимая апостола? Итак, чтобы наши двери непрестанно отверсты были для бедных и слух - для учения апостолов, очистим слух души от нечистоты. Как нечистота и грязь заграждают слух телесный, так любострастные песни, рассказы о делах житейских, о долгах, о ростах и процентах - более всякой нечистоты заграждают слух душевный, и не только заграждают, но еще делают его нечистым. Рассказывающие о таковых делах наполняют нечистотою слух ваш, и чем некогда угрожал варвар, когда говорил: "будете есть кал свой" и проч. (Ис. 32:12), тому же или еще и худшему подвергают вас и эти люди, и не на словах, а на самом деле. Подлинно, срамные песни отвратительнее всякой внешней нечистоты и, что всего вреднее, вы не только не скучаете, слушая их, но и восхищаетесь, тогда, как надлежало бы гнушаться ими и бежать. Если же они не отвратительны, то ступай к плясунам и подражай тому, что хвалишь; или лучше - пляши с тем, который производит этот смех. Но ты не согласен на это. Итак, для чего же воздаешь ему такую честь? И языческие законы признают людей этого рода бесчестными; а ты вместе с целым городом принимаешь их как послов и вождей, и всех созываешь слушать то, что оскверняет слух. Если раб скажет тебе вслух что-либо гнусное, ты подвергаешь его жестокому наказанию; если сын твой, или жена, или другой кто сделает то же, ты почитаешь такой поступок обидою; но если пригласят тебя слушать постыдные слова люди презренные и негодные, то ты не только не досадуешь, но даже радуешься и хвалишь это. И что может сравниться с таким безрассудством? Но ты не говоришь сам постыдных слов? Что же от этого пользы? Притом, откуда это видно? Ведь если бы ты не говорил таких слов, то не смеялся бы, и слыша их от других, и не стремился бы с таким усердием на посрамляющий тебя голос. Скажи мне, с удовольствием ли ты слушаешь богохульствующих, или трепещешь и заграждаешь от них слух свой? Я думаю, что так. Почему же это? Потому, что ты сам не богохульствуешь. Так же поступай и с теми, которые говорят постыдные слова. А если ты хочешь ясно доказать нам, что тебе неприятны постыдные слова, то и не слушай их. В самом деле, как можешь ты быть человеком добрым, обращаясь среди людей, от которых слышишь столь постыдные речи? Захочешь ли ты когда-либо подъять труды, которых требует целомудрие, расслабевая мало-помалу от смеха, песен и этих срамных слов? И не осквернённая слушанием таких песен и слов душа едва может быть чистою и целомудренною; тем более невозможно это для той, которая непрестанно слышит их. Или вы не знаете, что мы более склонны ко злу? Итак, когда это сделается нашим ремеслом и главным занятием, то каким образом

избежим вечного огня? Или ты не слышишь, что говорит Павел: “**Радуйтесь всегда в Господе**” (Флп. 4:4)? Он не сказал - радуйтесь о дьяволе.

6. Итак, можешь ли ты слышать Павла, можешь ли чувствовать свои беззакония, всегда и непрестанно упиваясь позорным зрелищем? Что ты сюда пришел, это не удивительно и не важно. Вернее, впрочем, удивительно, потому что сюда ты идешь без всякого участия, только для вида; напротив, туда - с усердием, поспешностью и с большею охотою. И это видно из того, что ты приносишь в дом свой, возвращаясь оттуда. В самом деле, всю нечистоту, приставшую к вам там от слов, от песен и смеха, каждый из вас несет в дом свой, и не только в дом, но и в свое сердце. От того, что недостойно презрения, ты отвращаешься, а что достойно его, того не только не ненавидишь, но и любишь. Многие, возвращаясь от гробов умерших, омывают себя, а возвращаясь с зрелищ, не воздыхают, не проливают слез, хотя мертвый и не оскверняет, между тем как грех полагает такое пятно, которого нельзя смыть тысячью источников, а только одними слезами и раскаянием. Между тем никто не чувствует этой скверны. Так как мы не боимся того, чего должно бояться, то страшимся того, чего не должно. Что значит этот шум, это смятение, эти сатанинские крики и дьявольские подобия? Иной юноша имеет сзади косу и, принимая вид женщины, и во взорах, и в поступи, и в одежде, словом - во всем старается изобразить молодую девицу. А другой, напротив, достигши уже старческого возраста, стрижет волосы, опоясывается по чреслам и, потеряв прежде волос весь стыд, готов принимать удары, готов все говорить и делать. А женщины, без всякого стыда, с обнаженною головою обращаются в речах своих к народу, с великою старательностью выказывая свое бесстыдство, и поселяя в душах слушателей всякую наглость и разврат. У них одна только забота - искоренить всякое целомудрие, посрамить природу, исполнить волю злого духа. Здесь и слова постыдны, и лица смешны, и стриженые волосы таковы же, и походка, и одежда, и голос, и телодвижения, и взгляды, и трубы, и свирели, и действия, и их содержание, и все вообще исполнено крайнего разврата. Итак, скажи мне, когда ты отрезвишься от блудного пития, которое дьявол предлагает тебе, - когда перестанешь пить из чаши невоздержания, которую он растворяет для тебя? Там и прелюбодеяния, и измены супружеской верности; там и жены блудницы, и мужья прелюбодеи, и юноши изнежены; там все исполнено беззакония, все чудовищно, все постыдно. Итак, тем, кто присутствует на таких зрелищах, надлежало бы не смеяться, а горько плакать и скорбеть. Что же? Или нам закрыть театр, скажешь ты, и по твоему приказанию ниспровергнуть все? Напротив, теперь именно все ниспровергнуто. В самом деле, скажи мне, отчего нарушается супружеская. верность? Не от театра ли? Отчего оскверняются брачные ложа? Не от этих ли зрелищ? Не по их ли вине жены не терпят мужей? Не от них ли мужья презирают жен своих? Не отсюда ли множество прелюбодеев? И если кто ниспровергает все и вводит жестокую тиранию, то это тот, кто посещает театр. Нет, скажешь ты: зрелища - хорошее учреждение законов! Увлекать жен от мужей, развращать молодых детей, ниспровергать дома свойственно тем, кто владеет укреплениями. Кто, например, скажешь ты, от этих зрелищ сделался прелюбодеем? Но кто же не прелюбодей? Если бы мне можно было перечислить теперь всех поименно, то я показал бы, как многих мужей разлучили с женами эти зрелища; как многих пленили эти блудницы, которые одних отвлекли от супружеского ложа, а другим не дают и подумать о браке. Итак, что же, - скажи мне, - ужели нам ниспровергнуть все законы? Напротив, - уничтожая эти зрелища, мы истребим нарушение законов. Вредные для общества люди бывают именно из числа тех, что действуют на театрах. От них происходят возмущения и мятежи. Люди, воспитывающиеся у этих плясунов и из угождения чреву продающие свой голос, которых занятие состоит в том, чтоб кричать и делать все неприличное, они-то именно более всех и возмущают народ, они-то и производят мятежи в городах, - потому что преданное праздности и воспитываемое в таких пороках юношество делается свирепее всякого зверя.

7. Например, скажи мне: откуда чародеи? Не из театров ли они выходят, чтобы возмущать праздный народ и доставлять случай пляшущим пользоваться выгодами многих смятений, и блудных жен поставлять преградою для целомудренных? Их чародейство доходит до такой дерзости, что они не стесняются даже тревожить кости умерших. Не они ли заставляют тратить тысячи на это лукавое дьявольское сонмище? А распутство и другие бесчисленные пороки откуда? Теперь видишь ли, что ты разрушаешь жизнь, привлекая на эти зрелища, а я скрепляю ее, уничтожая их? Итак, нам должно уничтожить театр? О, если бы это было возможно! Если вы хотите, то я согласен уничтожить и истребить его. Впрочем, я не требую этого. Сделайте то, чтобы он, и существуя, как бы не существовал; это доставит вам большую похвалу, нежели разрушение его. Если не другому кому, то по крайней мере, старайтесь подражать варварам: у них вовсе нет таких зрелищ. Чем же мы оправдаем себя, если, будучи гражданами неба, приобщившись к лику херувимов, и имея общение с ангелами, окажемся в данном случае хуже варваров, тогда как мы можем иметь тысячу других удовольствий, гораздо лучших? Если ты хочешь получить удовольствие, иди в сады, к текущей реке и озерам; рассматривай цветы и слушай пение кузнечиков; посещай гробницы мучеников, - здесь найдешь ты и здравие для тела, и пользу для души, а вреда никакого; и не будешь раскаиваться после такого удовольствия, как то бывает после тех зрелищ. Ты имеешь жену, имеешь детей: что может сравниться с этим удовольствием? У тебя есть дом, есть друзья: эти удовольствия вместе с целомудрием доставляют и великую пользу. В самом деле, скажи мне: что может быть приятнее детей и жены для того, кто хочет жить целомудренно? Говорят, что варвары, услышав об этих беззаконных зрелищах и непристойных удовольствиях, произнесли весьма мудрое изречение, сказав: римляне выдумали эти удовольствия, потому что не имели жен и детей. Они показали этим изречением, что для того, кто хочет жить честно, нет ничего приятнее жены и детей. Но что, скажешь ты, если я укажу тебе людей, которые не получили никакого вреда от того, что проводили время в театре? Но и то уже составляет великий вред, что они тратят напрасно время и служат соблазном для других. Положим, что ты сам не терпишь никакого вреда от зрелищ; но ты возбуждаешь к ним охоту в другом. Да и возможно ли, чтобы ты сам не получал вреда, когда подаешь повод ко вреду другим? Ведь и чародей, и блудник, и блудница, и все эти дьявольские скопища вину своих действий возлагают на главу твою. Если бы не было зрителей, то не было бы и тех, которые действуют на зрелищах; наоборот, раз есть зрители, то являются и действующие лица. Итак, хотя бы ты нимало не вредил своему целомудрию, - что впрочем, невозможно, - но ты жестоко будешь наказан за погибель других - как зрителей, так и тех, которые их увлекали на зрелища. Притом, ты еще более приобрел бы целомудрия, если бы не ходил туда. Если ты и ныне целомудрен, то был бы еще целомудреннее, если бы убегал этих зрелищ. Итак, оставим бесполезные споры, и не будем вымышлять безрассудных оправданий. Единственное оправдание состоит в том, чтобы избегать пещи вавилонской и удаляться египетской блудницы, хотя бы пришлось и нагим вырваться из рук ее. Поступая таким образом, мы будем наслаждаться великим удовольствием без всякого угрызения совести, и настоящую жизнь будем вести целомудренно, и сподобимся будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 38

“В то время, продолжая речь, Иисус сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам; ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение”(Мф. 11:25-26).

1. Смотри, сколько употребляет Он средств для того, чтобы возбудить в иудеях веру. Он, во-первых, побуждает их к ней похвалами Иоанну; изобразив его великим и достойным

удивления, представляет достоверным и все то, чем он привлекал своих учеников к познанию Господа. Во-вторых, словами, что "**Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его**" (Мф. 11:12); так свойственно говорить понуждающему, и возбуждающему. В-третьих, уверением, что все предсказания пророков исполнились; отсюда становилось ясным, что пророки предвозвещали о Нем. В-четвертых, уверением, что все то совершилось, чему совершиться от Него надлежало, для чего предложил им и притчу о детях. В-пятых, тем, что порицал неверующих, поражал их страхом и великими угрозами. В шестых, тем, что благодарил за веровавших; слово: "**славлю Тебя**" здесь значит: благодарю. Благодарю, - говорил Он, - "**что Ты утаил сие от мудрых и разумных**". Что же? Ужели Он радуется о погибели и о том, что они этого не узнали? Никак. Но наилучший путь спасения состоит в том, чтобы презирающих предлагаемое учение и не хотящих принимать его не принуждать, чтобы, если они чрез призывание не оказались лучшими, но отпали и презрели его, самым их отвержением возбудить в них большее расположение к слову. Чрез это и внимающие должны были сделаться тщательнее. Откровение истин одним должно производить в них радость; напротив сокрытие их от других должно произвести в последних не радость, но плач. Так Он и поступает, когда плачет о граде. Итак, не беде чьей бы то ни было радуется, но тому, что утаенное от премудрых и разумных познали младенцы. Подобным образом и Павел, когда говорил: "**Благодарение Богу, что вы, быв прежде рабами греха, от сердца стали послушны тому образу учения**" (Рим. 6:17), не тому радуется, что они были рабами греху, но тому, что они, будучи таковыми, сподобились таких благ. Премудрыми же Господь именует здесь книжников и фарисеев, и говорит это для того, чтобы учеников Своих сделать более усердными и вместе показать этим премудрым, сколь великих рыбари удостоились благ, которых все они лишились. Называя же их мудрыми, говорит не о мудрости истинной и достохвальной, но о той, которую они приписывали своим силам. Потому и не говорит: открыл безумным, но: младенцам, то есть, непритворным, простым, и показывает, что фарисеи не получили этих благ не потому только, что не были того достойны, но и лишились их по самой справедливости. А всем этим научает Он нас убегать гордости и ревновать о простоте. Потому и Павел, говоря о том же, пишет подробнее так: "**Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым**" (1 Кор. 3:18). Так раскрывается благодать Божия! Но почему же Он благодарит Отца, когда Он сам это сотворил? Как Он молится и ходатайствует за нас пред Богом, показывая тем многую любовь к нам в ином месте, так поступает и здесь, и это исповедание исполнено великой Его любви. Этим показывает Он и то, что (фарисеи) не от Него только отпали, но и от Отца. Так Он сам наперед исполнил самым делом то, что сказал ученикам: "**Не давайте святыни псам**" (Мф. 7:6). Далее Он показывает вышесказанными словами и Свою первоначальную волю, и волю Отца; Свою - когда благодарит и радуется о совершившемся; волю Отца - когда показывает, что Отец это сделал не потому, что был умолен, но потому, что Сам по Себе восхотел. "**Ибо таково**, **-** говорит, **- было Твое благоволение**" , - то есть, так Тебе угодно было. А почему от них утаил? Послушай, что говорит на это Павел: "**Усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божией**" (Рим. 10:3). Итак, подумай, каковым надлежало быть ученикам, слышащим это, когда они узнали то, чего не знали мудрые, и узнали по откровению Божию, будучи еще младенцами. Лука повествует, что Иисус возрадовался и сказал означенные слова в тот самый час, когда семьдесят учеников, пришедши, возвещали о повиновении им бесов; а это самое делало их не только ревностнейшими, но и располагало к большему смирению. Так как они могли удобно впасть в высокомудрие из-за того, что изгоняют бесов, то Он тут же их и располагает к смирению, указывая на то, что победы их над бесами были следствием не собственного их тщания, а действием откровения.

2. Так и книжники, и премудрые, сами себя почитающие разумными, отпали по причине своей гордости. Итак, если по этой причине сокрыто от них то (что открыто младенцам), то и вы, - говорит, - бойтесь, и пребудьте младенцами, потому что как младенческое состояние соделало вас достойными откровения, так противное состояние лишило их последнего. Слова: "**утаил еси**" не означают того, чтобы Бог был причиною всего; но подобно тому как Павел, когда говорит: "**Предал их Бог превратному уму**" (Рим. 1:28), и ослепил помышления их, - не в том смысле говорит это, будто Бог производит такие действия, а относит это к людям, подающим к тому причину, в таком же точно смысле и здесь Христос говорит: "**утаил еси**". Далее, чтобы ты не подумал, что, когда Господь говорил: "**Славлю Тебя …, что Ты утаил сие … и открыл то младенцам**", сам по Себе не имел той же силы и не мог совершить того же, - так благодарит, говоря: "**Все предано Мне Отцем Моим**" (Мф. 11:27). И тем, которые радуются, что им повинуются бесы, говорит: чему вы удивляетесь, что бесы вам повинуются? Моя суть вся: "**Все предано Мне**". Когда же слышишь – "**предано**", не предполагай тут ничего человеческого. Это выражение не должно вести тебя к той мысли, будто два Бога нерожденных. А что Он родился и вместе есть Владыка всего, это видно из других многих мест.

Далее Он предлагает нечто еще более важное, и тем направляет твое разумение: "**И никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына**". Незнающим кажется, что эти слова не зависят от предыдущих, между тем как они стоят с ними в тесной связи. Сказавши: "**Все предано Мне Отцем Моим**", Господь дает разуметь эти слова, говоря: чему тут дивиться, что Я Владыка всего, когда Я имею и нечто большее? Я знаю Отца, и единосущен Ему. И на это последнее указывает Он прикровенно, говоря, что Он один так Его знает, потому что слова: "**Отца не знает никто, кроме Сына**" - это и означают. И заметь, когда Он говорит это апостолам: тогда, когда они получили доказательства силы Его из самых дел, когда не чудодействующим Его только видели, но и сами во имя Его могли производит такие чудеса. Далее, так как он сказал раньше – "**открыл то младенцам**", (разумея Отца), то показывает, что и это Его же дело. "**Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть**". Не сказано: кому заповедует, или кому повелевает, но: "**кому Сын хочет открыть**". Сын же, открывая Отца, открывает и Себя. Но это последнее, как известное всем, оставляет, а первое предлагает подробнее; и везде так же поступает, когда например говорит: "**Никто не приходит к Отцу, как только через Меня**" (Ин. 14:6). Этими словами Он научает и другому, именно объясняет, что Он во всем согласен и единомыслен со Отцем. Не только Я, говорит Он, не противлюсь и не враждую против Него, но никому невозможно и придти к Нему, как только чрез Меня. Так как фарисеев вводило в соблазн в особенности то, что Он казался им противником Бога, то Он всеми мерами и опровергает эту мысль, и старается об этом не менее, чем и о знамениях, или еще и гораздо более. Когда же говорит: "**Отца не знает никто, кроме Сына**", не то разумеет, что все Его не познали, но что никто не имеет об Отце такого знания, какое имеет о Нем Сын. То же можно сказать и о Сыне. Равным образом Он не разумеет здесь и какого-то неведомого Бога, который никому не открыл Себя, как утверждает Маркион, но прикровенным образом показывает невозможность полного о Нем познания, потому что мы и Сына не знаем так, как должно знать. Тоже самое показывает и Павел, говоря: "**Отчасти знаем, и отчасти пророчествуем**" (1 Кор. 13:9). Потом, возбудив в них проповедью Своею расположение к Себе и показав им неизреченную Свою силу, призывает к Себе, говоря: "**Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас**" (Мф. 11:28). Не тот или другой приходи, но "**придите**" все, находящиеся в заботах, скорбях и грехах; "**придите**" не для того, чтобы Я подвергнул вас истязанию, но чтобы Я разрешил грехи ваши; "**придите**" не потому, что Я нуждаюсь в славе от вас, но потому, что мне нужно ваше спасение. Я, говорит, - "**успокою вас**". Он не сказал: спасу только; но, что еще гораздо важнее, поставлю вас в совершенной безопасности. "**Возьмите иго Мое на себя и научитесь от**

Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко" (ст. 29-30). Не бойтесь, говорит Он, услышав об иге: оно благо. Не страшитесь, услышав о бремени: оно легко. Как же Он прежде сказал: "**Тесны врата и узок путь**" (Мф. 7:14)? Когда будешь предаваться беспечности, когда будешь унывать. Если же исполнишь заповеданное, бремя будет легким; вот почему Он ныне таковым назвал его. И нам это можно исполнить? Если будешь смирен, кроток, скромен. Смирение есть мать всякого любомудрия. Вот почему, как при первоначальном изложении своих божественных законов начал Он со смирения, так и здесь то же делает, и притом обещает великое воздаяние. Не другим только полезен будешь, говорит Он, но прежде всех и себя успокоишь: "**Найдете**, **-** говорит, **- покой душам вашим**". Прежде будущего воздаяния Он дарует тебе воздаяние еще здесь, и награду предлагает, а тем самым, равно как и тем, что представляет в пример Себя самого, делает слово Свое весьма удобоприемлемым.

3. Чего ты боишься? говорит Он. Ужели ты, возлюбив смирение, будешь умален? Взирай на Меня и учись от Меня всему тому, что Я делаю: и тогда ясно узнаешь, какое великое благо смирение. Видишь ли, как всеми средствами Он побуждает их к смиренномудрию: то своими делами – "**научитесь от Меня, ибо Я кроток**"; то обещаемою им пользою – "**найдете покой душам вашим**"; то щедротами своими – "**Я успокою вас**"; то облегчением их ига – "**иго Мое благо, и бремя Мое легко**". . Подобным образом и Павел убеждает, говоря: "**Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу**" (2 Кор. 4:17). Но какое же это легкое бремя, скажешь ты, когда Господь говорит: "**Кто … не возненавидит отца своего и матери**" (Лк. 14:26), и - "**кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня**" (Мф. 10:38), и кто не отречется всего имения своего, "**не может быть Моим учеником**" (Лк. 14:27), и когда повелевает возненавидеть и самую душу? Пусть научит тебя Павел. "**Кто отлучит нас от любви**" Христовой? - говорит он: "**Скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч**" (Рим. 8:35)? И: "**Ибо … нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас**" (ст. 18). Пусть научат тебя и те, которые по получении многочисленных ран, возвращались из синедриона иудейского "**радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие**" (Деян. 5:41). Если же ты еще боишься и содрогаешься, слыша об иге и бремени, то этот страх не от свойства самой вещи, но от твоей лености. Если ты будешь иметь желание и решительность, то все будет для тебя удобно и легко. Потому и Христос, показывая, что и самим нам должно трудиться, не об одном приятном сказал, умолчав о прочем, - и не об одном также тяжком; но и то и другое поставил на вид. Именно, сказав об иге, назвал его благим; упомянув о бремени, присовокупил, что оно легко, - чтобы ты не бегал того, что кажется тяжким, и не пренебрегал тем, что кажется очень легким. Если же и после всего того добродетель представляется тебе тяжкою, то знай, что порок еще тягостнее. Это-то самое давая разуметь, Господь не прямо сказал: "**Возьмите иго Мое**", но наперед - "**Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные**", показывая тем, что и грех тяжек, и бремя его не легко и не удобоносимо. Не сказал только: "**труждающиеся**", но: "**обремененные**". То же говорил и пророк, описывая свойство греха: "**как тяжелое бремя отяготели на мне**" (Пс. 37:5). И Захария, изображая грех, называет его талантом олова (Зах. 5:7). То же доказывает сам опыт. Ничто так не обременяет душу, ничто так не ослепляет мысль и не преклоняет долу, как сознание греха; напротив, ничто так не воскрыляет и не возносит горе душу, как приобретение правды и добродетели. Смотри, может ли что быть труднее того, как не иметь ничего? Или подставлять щеку? Не бить бьющего и умереть насильственною смертью? Но если мы исполнены любомудрием, то все это и легко, и удобно, и радостно. Но чтобы рассеять ваше недоумение, рассмотрим и тщательно исследуем каждую из только что указанных трудностей. Возьмем, если вам угодно, первую. Не иметь ничего для многих кажется

тяжким. Но скажи мне, что более трудно, и тягостно: об одном ли чреве заботиться, или обременяться бесчисленными заботами? Одной ли одеждой одеваться и не искать ничего более, или, обладая великим богатством, и день и ночь беспокоиться о его охране, бояться, трепетать, болезновать, и тщетно мучиться о том, чтобы моль не изъела имения, или раб не похитил его и не ушел? Впрочем, сколько бы я ни говорил, мое слово не изобразит того, что бывает на самом деле. Я поэтому желал бы, чтобы кто-нибудь из тех, которые достигли высоты любомудрия, предстал здесь пред нами, и тогда бы ты ясно уразумел, какое блаженство дает добродетель нестяжания, и как ни один бы из тех, которые возлюбили нестяжание, не восхотел богатеть, хотя бы представлялись к тому бесчисленные случаи. Но богатые, скажешь ты, решатся ли когда сделаться бедными и отречься от свойственных им забот? Что же в том? Это только признак их безумия и тяжкой болезни, а не доказательство того, что вещь сама по себе приятна.

4. А что это так, об этом нам могут засвидетельствовать сами богачи, которые ежедневно с плачем жалуются на свои заботы и жизнь свою считают не в жизнь. Не так напротив поступают возлюбившие нищету: они утешаются, торжествуют и хвалятся бедностью больше, нежели те, которые увенчаны диадемою. Равным образом и подставить щеку, если ты рассудителен, легче, нежели ударить другого, потому что здесь начинается брань, а там - оканчивается. Ударом ты в другом воспаляешь огонь, а терпением и свой пламень потушаешь. Но всякому известно, что лучше не быть палиму пламенем, нежели быть палиму. И если так бывает в рассуждении тела, то тем более - души. И что легче: подвизаться, или получать венец? Сражаться, или достигать почести? Обуреваться волнами, или войти в пристань? Вот почему даже и смерть бывает лучше жизни: та избавляет тебя от бурь и опасностей, а эта поставляет тебя среди них и подвергает бесчисленным наветам и нуждам, из-за которых ты почтешь и жизнь не жизнью. Если же ты не веришь словам моим, послушай тех, которые видели лица мучеников, во время их подвигов, как они, будучи бичуемы и строгаемы, радовались и веселились; радовались даже лежа на сковородах, и веселились более, чем возлежащие на ложах, убранных цветами. Вот почему и Павел, пред тем как надлежало ему отойти отсюда и кончить жизнь насильственною смертью, говорил: “**Радуюсь и сорадуюсь всем вам. О сем самом и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне**” (Флп. 2:17,18). Видишь ли, с каким преизбытком веселия призывает всю вселенную в общение своей радости? Вот каким великим благом почитал он отшествие отсюда! Вот как вожделенною, любезною и благоутешною почитал он и самую страшную смерть! Впрочем, что иго добродетели и сладостно и легко, нужно в том увериться и из многого другого. Наконец, если угодно, рассмотрим и тяжесть греха. Для этого представим лихоимцев, корчемников, бесстыдных торжников и заимодавцев. Может ли что быть обременительнее такой торговли? Сколько печали, сколько забот, сколько оскорблений, сколько опасностей, сколько наветов и неприязней происходит всякий день от таких приобретений! Сколько волнений и смятений! Как никогда нельзя видеть море без волн, так и такую душу без попечения, без скорби, без страха, без смущения; за первыми следуют другие, их в свою очередь сменяют третьи - и не успеют еще утихнуть последние, как вздымаются новые.

Хочешь ли знать души бранливых и гневливых? Что может быть хуже того мучения, тех язв, которые они носят внутри себя, той печи, которая всегда горит, и того пламени, который никогда не угасает? Хочешь ли знать плотоугодников и привязанных к настоящей жизни? Что может быть тягостнее этого рабства? Ведут они жизнь Каинову, находясь в непрестанном трепете и страхе; и, по кончине кого-либо из своих сродников, более о своей кончине, нежели о них плачут. Также, что беспокойнее и безумнее гордых? “**Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим**”. Незлобие есть мать всякого добра. Итак, не устрашайся и не убегай от ига, которое облегчает тебя от всех этих зол; но со всею готовностью покорись ему, и тогда

ясно уразумеешь его сладость. Оно не отягчит твоей выи и возлагается на тебя для одного благоприличия, чтобы научить тебя шествовать правой стезею, поставить тебя на царском пути, избавить от стремнин, там и здесь находящихся, и таким образом приучить тебя с легкостью совершать тесный путь. Итак, если это иго доставляет нам столь великие блага, такую безопасность, такое веселье, то будем носить его от всей души, со всем тщанием, чтобы и здесь обрести покой душам своим, и сподобиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 39

"В то время проходил Иисус в субботу засеянными полями; ученики же Его взалкали и начали срывать колосья и есть" (Мф. 12:1).

1. А Лука говорит: "**В субботу, первую по втором дне Пасхи**" (Лк. 6:1). Что же значит "В субботу, первую по втором дне Пасхи" (в оригинале - суббота второпервая)? То, когда случалось двойное празднование - и субботы Господней, и другого, последующего праздника; иудеи каждый праздник называют субботою. И почему Он, все предвидя, привел их туда, как не потому, что хотел разрешить субботу? Он того хотел, но не просто. Вот почему Он никогда не нарушает субботы без причины, а только представляет благовидные к тому случаи, чтобы и закону положить конец и иудеев не оскорбить. Бывают, впрочем, случаи, при которых Он нарушает субботу независимо от обстоятельств; так, когда помазывает брением очи слепому, и когда говорит: "**Отец Мой доныне делает, и Я делаю**" (Ин. 5:17). А поступает Он таким образом для того, чтобы в последнем случае прославить Отца Своего, а в первом - вразумить слабых иудеев. Так Он и здесь поступает, применяясь к потребностям природы. Явных грехов ни в каком случае нельзя защищать. Так, ни убийца не может представить в оправдание свое обладавшей им ярости, ни любодей - похоти или другой какой-либо причины. Здесь же, представляя в оправдание голод, Спаситель освободил учеников от всякого обвинения. Но ты лучше подивись ученикам, которые столько были воздержны, что вовсе не имели попечения о вещах телесных, но мимоходом приобщались телесной трапезы, и несмотря на то, что истаивали всегдашним голодом, не отступали от Христа. Если бы, ведь, не сильный голод вынуждал их, они бы так не поступили. Что же фарисеи? "**Фарисеи, увидев это, -** сказано, **- сказали Ему: вот, ученики Твои делают, чего не должно делать в субботу**" (Мф. 12:2). Здесь они не очень жестоки. Хотя и можно им быть таковыми, но они не сильно раздражаются, а обвиняют просто. Когда же Господь велел протянуть сухую руку и исцелил ее, тогда они так рассвирепели, что приняли даже намерение погубить и умертвить Его. Там, где ничего не происходит великого и достославного, они молчат; но где видят спасение кого-нибудь, ожесточаются, возмущаются и приходят в крайнее неистовство. Так для них ненавистно спасение человеческое! Как же защищает учеников Своих Иисус? "**Разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? как он вошел в дом Божий и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам**" (ст. 3,4)? Так, когда Он защищает учеников, то приводит в пример Давида; а когда говорит о Себе, представляет Отца. И смотри как сильно: "**Разве вы не читали, что сделал Давид**"? Пророк этот в великой был славе. Потому-то и Петр впоследствии, защищаясь пред иудеями, так говорил: "**Да будет позволено с дерзновением сказать вам о праотце Давиде, что он и умер и погребен**" (Деян. 2:29). Почему же Христос, именуя его, не упоминает о его достоинстве ни в настоящем случае, ни после? Вероятно потому, что Он от него происходил. Если бы фарисеи были добрых чувствований, то Он указал бы им на голод, которым ученики томились; но так как они были нечестивы и бесчеловечны, то Он приводит им на память историческое событие. Марк, говоря, что это случилось при

первосвященнике Авиафаре (Мк. 2:26), не противоречит истории, но показывает только, что он имел два названия, причем присовокупляет, что он дал Давиду хлебы предложения, показывая и этим, какое великое оправдание имел последний, если и сам священник позволил, и не только позволил, но и действовал в этом случае. Не говори мне, что Давид был пророк. И это не давало ему права есть, потому что такое преимущество имели только священники; потому и сказано: "**только одним священникам**". Пусть Давид был и преславный пророк, но он не был священник. Если же он был и пророк, то не были таковыми бывшие с ним. А между тем архиерей дал хлебы и им. Итак, что же? Апостолы равны ли Давиду? Но что ты мне говоришь о достоинстве там, где дело идет по видимому о нарушении закона, хотя бы к тому и вынуждала необходимость природы? И этим-то Господь особенно и защитил Своих учеников от порицаний фарисейских, когда представил в пример большего, нежели они, пророка, который сделал то же самое.

2. Но как это, скажете, можно приложить к нашему предмету? Ведь Давид не нарушил субботы. Ты мне предлагаешь нечто важнейшее, что особенно показывает премудрость Христову; именно то, что Он, перестав говорить о субботе, указывает на предмет важнейший, нежели суббота. В самом деле, нарушить день и приобщиться той священной трапезе, которой никому нельзя было приобщаться, - не одинаково важно. Суббота часто была нарушаема, да и всегда нарушается, и при совершении обрезания, и во многих других случаях; то же можно видеть и при взятии Иерихона (Нав. 6:4); между тем указанное приобщение священной трапезе произошло только при Давиде. Таким образом Христос побеждает, приводя важнейшие примеры. Почему же никто не обвинял Давида, тогда как к обвинению его был и другой еще повод, более важный, нежели этот, - тот именно, что избиение священников произошло по данному случаю. Но Христос не упоминает об этом, а останавливается только в данном предмете. Далее Он объясняет празднование субботы и иным образом. Сперва Он привел в пример Давида, чтобы уничтожить гордость их достоинством самого лица. Когда же посрамил и унизил их высокомерие, тогда разрешает спор о субботе решительнее. Как же? Или не знаете, яко во храме "**священники в храме нарушают субботу, однако невиновны**" (Мф. 12:5)? Там, говорит Он, известное обстоятельство послужило случаем к нарушению субботы, а здесь она нарушается независимо от обстоятельств. Не непосредственно так Он разрешил вопрос, но сначала представляет нарушение субботы, как нечто допустимое, а потом уже настоятельно показывает справедливость его. Сильнейшее доказательство нужно было поставить после, хотя и первое имело свою силу. Не говори мне, что привести в пример кого-либо впадшего в грех не значит быть свободным от обвинения в подобном грехе. Когда учинившего какой-либо проступок не обличают, то такой поступок уже служит к оправданию по закону. Впрочем, Господь, не удовольствовавшись и этим, возражает сильнее, говоря, что поступок учеников Его совсем не грех. В особенности же Он победил фарисеев тем, что показывая Себя упразднителем закона, оправдывал учеников двояким образом - указывая и на место и на субботу, и даже трояким, поскольку действие заключало два обстоятельства и, сверх того, иное по отношению к священникам, и, что еще важнее, не вменялось им то даже в грех, - сказано: "**однако невиновны**". Видишь ли, сколько обстоятельств Он привел? Место, - потому что это происходило, говорит Он, во храме; лицо, - потому что то были священники; время, - потому что то было в субботу; самое дело, - потому что они сквернят. Не сказал - нарушают; но сказал сильнее: сквернят. Наконец Господь присовокупил и то, что они не только не подвергаются за то казни, но свободны и от осуждения. "**Однако невиновны**", говорит Он. Но не думайте, чтобы поступок Давида равнялся действиям священников: то учинено однажды и не священником и не по нужде, почему Давид и бывшие с ним и были достойны прощения; это, напротив, совершается и каждую субботу, и священниками, и во храме, и по закону. Потому они не только по снисхождению, но и по закону не подлежат обвинению. И не в обвинение их так говорю, говорит Господь, и не по снисхождению, освобождая их от

вины; но по закону правды. По-видимому, Он оправдывает священников, но вместе с этим освобождает от обвинений и Своих учеников. Когда говорит Он: неповинны священники, то не более ли ученики? Они не священники? Но они и священников больше. Здесь находится сам Господь святилища - Истина, а не образ. Потому и говорил Он: "**Но говорю вам, что здесь Тот, Кто больше храма**" (ст. 6). И фарисеи, несмотря на то, что слышали такие важные слова, ничего не отвечали, так как предлагаемое учение не касалось спасения человека. Затем, так как учение это слушателям казалось тяжким, тотчас Господь прикрыл его, опять оправдывая учеников словом Своим, а фарисеев обличая, говоря так: "**Если бы вы знали, что значит: милости хочу, а не жертвы, то не осудили бы невиновных**" (ст. 7). Видишь ли, как Он опять защищает учеников словом Своим и вместе с тем показывает, что для них вовсе не нужно оправдание? "**То не осудили бы, -** говорит Он, **- невиновных**"; а теперь то же самое прилагает к ученикам Своим. Впрочем, и это говорит не столько от Себя, сколько заимствует от закона, - Он привел пророческое слово.

3. Далее указывает и другую причину: "**Ибо Сын Человеческий есть господин и субботы**" (ст. 8), - говоря это о Себе Самом. Марк же говорит, что Он сказал это, применяясь и вообще к природе человеческой. Он говорил: "**Суббота для человека, а не человек для субботы**" (Мк. 2:27). Но почему же наказан был собиравший дрова в субботу (Числ. 15:33 и далее)? Потому что законы, пренебреженные в самом начале, едва ли бы впоследствии времени были соблюдаемы. Многую и великую пользу вначале приносила суббота; например, делала людей кроткими, человеколюбивыми к ближним; приводила их к познанию Промысла и управления Божия и, мало-помалу, как говорит Иезекииль, научала их удаляться от зла и располагала к предметам духовным (Иез. 20). Если бы положивший закон о субботе сказал им: делайте доброе в субботу, а злого не делайте, они не удержались бы и от зла. Поэтому и предписан общий закон: не делайте ничего. Впрочем, они не удержались, не смотря и на это. Таким образом, сам Законодатель, предписывая закон о субботе, прикровенным образом указывал на то, чтобы они сообразно с Его волею удалялись (в этот день) от худых только дел. Не делайте, сказано, ничего, "**только что есть каждому**" (Исх. 12:16). Между тем во святилище было совершаемо все, и даже с большим тщанием и с двойным старанием. Так Господь открывал им истину и самою сению. Итак, столь великое благо, скажешь, Христос разрушил? Никак; но еще более умножил. Настало для них время научиться всему посредством возвышеннейших предметов, и уже не было нужды связывать руки того, кто, освободившись от злобы, стремится ко всему доброму; уже не было нужды научаться из закона, что Бог сотворил все; уже не было нужды быть кроткими по силе закона тем, которые призываются к подражанию благости Божией. "**Будьте**, **-** говорит Он, **- милосерды, как и Отец ваш милосерд**" (Лк. 6:36). Уже не было надобности один день праздновать тем, которым всю жизнь повелено праздновать. "**Посему станем праздновать**, **-** сказано, **- не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины**" (1 Кор. 5:8). Уже нет нужды стоять у ковчега и золотого жертвенника тем, которые имеют в себе самого Владыку всяческих и вступают в общение с Ним всеми способами - и молитвою, и приношениями, и писаниями, и милостынею, и ношением Его внутри себя. Итак, какая надобность в субботе тому, кто всегда празднует и живет на небе? Будем же праздновать непрестанно, удалясь от всякого зла. В этом-то и состоит истинный праздник. Будем устремляться к предметам духовным, оставя земные, и праздновать празднованием духовным, руки удерживая от любостяжания, тело освобождая от излишних и бесполезных трудов, каковыми обременяем был некогда народ еврейский в Египте. Мы, приобретая золото, ничем не различаемся от тех, которые копали глину, делали кирпичи, собирали солому и были мучимы. И ныне дьявол принуждает делать кирпичи, как некогда фараон. В самом деле, что такое золото, как не брение? И что такое серебро, как не солома? Наподобие соломы

воспламеняет огонь вожделения, и золото подобно глине оскверняет обладающего им. Вот почему Господь послал нам не Моисея из пустыни Египетской, но Сына Своего с небес. Итак, если ты и по пришествии Его пребудешь в Египте, то пострадаешь так же, как египтяне; если же, оставивши Египет, выйдешь вместе с духовным Израилем, то узришь все чудеса.

4. Впрочем, и этого еще недовольно ко спасению: нужно не только выйти из Египта, но и войти в землю обетованную. И иудеи, хотя, как говорит Павел, и море Чермное перешли, и манну ели, и пиво духовное пили, однако все погибли (1 Кор. 10:1,3,4). Итак, чтобы и нам тому же не подвергнуться, не станем медлить и назад обращаться. Но если услышишь и ныне лукавых соглядатаев, злословящих тесный и прискорбный путь, и говорящих то же, что некогда говорили те соглядатаи, подражай не толпе народа, но Иисусу и Халеву, сыну Иефониеву, и не отступай, доколе не получишь обетования и взойдешь на небо. Не почитай путешествия трудным. "**Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом …, то тем более, примирившись, спасемся**" (Рим. 5:10). Тесен и прискорбен, скажешь, путь этот? Но прежний путь, которым ты шел, не только тесен и прискорбен, но и непроходим и исполнен лютых зверей. И как не было бы возможности пройти Чермное море, если бы не произошло там чуда, так не было бы возможности и проводившим плотскую жизнь взойти на небо, если бы не дано было в посредство к этому крещение. Если же невозможное сделалось возможным, то тем более трудное будет легким.

Но то, скажешь, было действием одной благодати. Но потому-то особенно тебе и следует подвизаться. Если там, где была одна только благодать, она совершила действие, то не совершит ли она тем более в том случае, когда присоединишь к ней еще и свои труды? Если она спасла недействующего, то не поможет ли тем более действующему? Выше я говорил, что ты, смотря на невозможное (и однако, совершившееся), должен дерзать против всех препятствий; а теперь говорю, что если мы станем бодрствовать, то и препятствия не затруднят нас. Смотри: смерть попрана, дьявол низложен, закон греха упразднен, благодать Духа дарована, жизнь сокращена, бремена ослаблены. Познай это и из самого опыта; смотри, сколько таких людей, которые сделали больше, нежели сколько Христос повелел, а ты боишься не выполнить и меры повеленного. Итак, какое ты будешь иметь оправдание, когда ленишься совершить и законное, тогда как другие устремляются далее цели? Тебе мы советуем подавать милостыню от имений своих, а другой отвергся всего ему принадлежавшего. Тебя мы умоляем целомудренно жить с женою, а иной не вступал и в брак. Тебя мы просим не быть завистливым, а иной самую душу полагает из любви к ближним. Тебя мы просим быть снисходительным и кротким к согрешающим против тебя, а иной, будучи ударяем по ланите, подставляет и другую. Что мы скажем, скажи мне? Как станем отвечать, не делая и того, в чем нас другие столько превосходят? Но они не превосходили бы, если бы дело не было весьма легким. Кто сохнет: завидующий ли счастью других, или веселящийся и радующийся о нем? Кто всего опасается и непрестанно страшится: целомудренный, или прелюбодей? Кто с доброю надеждою веселится: похищающий, или милующий и подающий от своего имущества нуждающемуся? Итак, помышляя об этом, не станем ослабевать на пути добродетели, но со всяким рвением приступим к достохвальным подвигам, потрудимся здесь краткое время, чтобы получить вечные и неувядаемые венцы, которых и да сподобимся все мы получить, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 40

"И, отойдя оттуда, вошел Он в синагогу их. И вот, там был человек, имеющий сухую руку" (Мф. 12:9,10).

1. Опять Христос в субботу исцеляет, и тем оправдывает поступки учеников Своих. Другие евангелисты говорят, что Он вызвал человека на средину и вопрошал иудеев, можно ли в субботу делать добро (Мк. 3:4; Лк. 6:9)? Заметь милосердие Господа. Он вызвал человека на средину, чтобы смягчить их видом его; чтобы они, тронувшись этим зрелищем, оставили злобу свою и, устыдившись человека, перестали свирепствовать. Но неукротимые и бесчеловечные лучше хотят помрачить славу Христову, нежели видеть больного исцеленным, сугубо показывают злобу свою, т. е. враждою и сопротивлением Христу и таким упорством против Него, что хулили даже Его благодеяния, оказываемые другим. Другие евангелисты говорят, что Христос сам вопросил; а Матфей, говорит, что Его вопрошали. "**И спросили Иисуса, -** говорит он, **- чтобы обвинить Его: можно ли исцелять в субботы?**". Вероятно, и то и другое было. Иудеи, будучи нечестивы, и зная, что Он непременно приступит к исцелению, спешили предупредить Его вопросом, надеясь тем воспрепятствовать Ему. Потому и вопрошали: "**Можно ли исцелять в субботы?**", с намерением не научиться от Него, но обвинить Его. Хотя довольно было самого дела для обвинения, но они старались уловить Его и в словах, чтобы иметь больше предлогов к обвинению. Но Человеколюбец и исцеление совершает, и ответствует, научая нас скромности и кротости, и обращает все против них, показывая их бесчеловечие. Он вызывает человека на средину не потому, чтобы их боялся, но желая принести пользу и расположить к состраданию. А когда и этим не мог смягчить их, тогда опечалился, говорит евангелист (Мк. 3:5), и разгневался на них за ожесточение сердца их, и сказал: "**кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадет в яму, не возьмет ее и не вытащит? Сколько же лучше человек овцы! Итак можно в субботы делать добро**" (Мф. 12:11-12). Вразумляет их этим примером, чтоб они оставили свое бесстыдство, и не обвиняли Его опять в преступлении. Но смотри, как различно и пристойно везде Христос защищает нарушение субботы. Когда Он сделал брение для слепого, то не защищался пред ними, хотя и тогда обвиняли Его, потому что самый образ чудотворения достаточно показывал в Нем Владыку закона. Когда ж обвинили Его за исцеление расслабленного, понесшего одр, то Он оправдывается и как Бог, и как человек. Оправдывается как человек, когда говорит: "**Если в субботу принимает человек обрезание, чтобы не был нарушен закон Моисеев**", - (не сказал - да получит пользу человек), то для чего "**на Меня … негодуете за то, что Я всего человека исцелил в субботу?**" (Ин. 7:23)? Оправдывается как Бог, говоря: "**Отец Мой доныне делает, и Я делаю**" (Ин. 5:17). Будучи же обвиняем за учеников, отвечает: "**Разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? как он вошел в дом Божий и ел хлебы предложения**" (Мф. 12:3,4)? И представляет в пример священников. Так и здесь говорит: "**Должно ли в субботу добро делать, или зло делать? душу спасти, или погубить? кто из вас, имея одну овцу**" (Мк. 3:4,5)? Он знал, что они больше корыстолюбивы, нежели человеколюбивы. А другой евангелист говорит, что Христос, предлагая этот вопрос, взглянул на них, чтобы и самым взором смягчить их; но и от того они не сделались лучшими. Здесь Он совершает чудо одним словом, а во многих других случаях исцеляет и возложением рук. Впрочем, ни то, ни другое не сделало их кроткими; но тогда как человек получал здравие, они от исцеления его делались только худшими. Он прежде сухорукого хотел уврачевать их, и употребил бесчисленные средства врачевания - и прежние дела, и слова; но так как болезнь их была неизлечима, то Он приступил к самому делу. "**Тогда говорит человеку тому: протяни руку твою. И он протянул, и стала она здорова, как другая**" (Мф. 12:13). Что ж делают иудеи? Выходят, говорит евангелист, и советуются, как бы убить Его. "**Фарисеи же, выйдя, имели совещание против Него, как бы погубить Его**" (ст. 14). Не будучи ничем обижены, они хотели убить Его.

2. Вот какое зло - зависть! Не только против чужих, но и против своих - всегда враждует. Марк говорит, что они умыслили это с иродианами (Мк. 3:6). Что ж делает тихий и кроткий Иисус? Узнавши об этом, Он удаляется: "**Иисус, узнав**" помышления их,

“**удалился оттуда**” (Мф. 12:14). Итак, где говорящие, что надлежало быть знамениям? Он показал чрез это, что ожесточенный человек не убеждается и знамениями, а вместе дал разуметь, что напрасно обвиняли и учеников Его. Но достойно замечания то, что иудеи особенно ожесточались благодеяниями, оказываемыми ближнему, и более обвиняли Христа и разъярялись против Него, когда видели кого-либо избавленным от болезни или от греха. Так они клеветали на Него, когда Он хотел спасти блудницу, когда ел с мытарями, и в настоящем также случае, когда увидели исцеленную руку. Но смотри, как Он и не перестает пещись о немощных, и вместе укрощает зависть иудеев. “**И последовало за Ним множество народа, и Он исцелил их всех и запретил им объявлять о Нем**” (ст. 15-16). Народ везде удивляется Ему, и следует за Ним; а фарисеи не оставляют своей злобы. Потом, чтобы ты не изумился, слыша о происшедшем и о чрезвычайном их неистовстве, евангелист, приводит пророка, предсказавшего об этом. Пророки с такого подробностью предсказали все о Христе, что и этого не опустили, но описали все Его пути и переходы, даже самое намерение, с каким Он делал это, чтобы ты знал, что они все говорили по внушении Духа. Если нельзя знать тайны человеческие, то тем более невозможно было постигнуть целей Христовых без откровений от Духа. Итак, евангелист присоединяет здесь сказанное пророком, говоря: “**Да сбудется реченное через пророка Исаию, который говорит: Се, Отрок Мой, Которого Я избрал, Возлюбленный Мой, Которому благоволит душа Моя. Положу дух Мой на Него, и возвестит народам суд; не воспрекословит, не возопиет, и никто не услышит на улицах голоса Его; трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит, доколе не доставит суду победы; и на имя Его будут уповать народы**” (ст. 17-21). Пророк прославляет кротость и неизреченное могущество Христово, отверзает великую и широкую дверь язычникам, предрекает несчастия, имеющие постигнуть иудеев, и показывает единомыслие Христа с Отцом. “**Се, -** говорит, **- Отрок Мой, Которого Я избрал, Возлюбленный Мой, Которому благоволит душа Моя**”. Если Христос избран Богом, то Он нарушает закон не как противник, или враг Законодателя, но как согласно с Ним мыслящий и поступающий. Далее, возвещая о кротости Его, говорит: “**не воспрекословит, не возопиет**”. Христос желал исцелить их больных; но когда они отвергли Его, то Он и в этом не противодействовал им. Далее, показывая Его силу, а их слабость, говорит: “**трости надломленной не переломит**”, - а Христу легко было сокрушить их всех, как трость, и притом уже надломленную. “**И льна курящегося не угасит**”. Здесь пророк изображает воспламенившийся гнев иудеев и силу Христову, могущую укротить этот их гнев и весьма легко погасить его. А это показывает великую Его кротость. Что же? Всегда так будет? И Он до конца будет терпеть злоумышляющих и неистовствующих против Него? Нет! Когда Он совершит Свое дело, тогда и начнет наказывать. Это-то и выражается словами: “**доколе не доставит суду победы; и на имя Его будут уповать народы**”. Подобным образом и Павел говорит: будучи готовы “**наказать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится**” (2 Кор. 10:6). Что же значат слова: “**доколе не доставит суду победы**”? Когда совершит все Свои дела, тогда совершит месть, и месть полную; тогда они подвергнутся несчастиям, когда Он воздвигнет блистательный трофей; когда Его правда восторжествует над ними и не оставит им даже предлога к бесстыдному противоречию. Писание обыкновенно правду называет судом. Но дела божественного домостроительства не ограничатся только наказанием неверных; напротив, Господь еще привлечет к Себе весь мир, почему и присовокуплено: “**и на имя Его будут уповать народы**”. Но чтобы ты знал, что и это согласно с волею Отца, пророк в самом начале и это вместе с предыдущим подтвердил словами: “**Возлюбленный Мой, Которому благоволит душа Моя**”. Возлюбленный, очевидно, делает и это по воле Возлюбившего. “**Тогда привели к Нему бесноватого слепого и немого; и исцелил его, так что слепой и немой стал и говорить и видеть**” (ст. 22).

3. О, злость дьявольская! Заградила оба входа, чрез которые этот человек мог получить веру, - зрение и слух. Но Христос отверз тот и другой. “**И дивился весь народ и говорил: не это ли Христос, сын Давидов? Фарисеи же, услышав [сие], сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как [силою] веельзевула, князя бесовского**” (ст. 23-24). Казалось бы, что важного сказал народ? Однако фарисеи и того не перенесли. Так они, как заметил я выше, всегда мучатся благодеяниями, оказанными ближним, и ничто их так не огорчает, как спасение людей. Хотя Христос удалился и дал успокоиться их гневу, но зло опять воспламенилось, как скоро новое оказано благодеяние, и фарисеи досадовали более дьявола. Тот вышел из тела, пошел и убежал, ничего не говоря; а они то покушаются умертвить Его, то стараются оклеветать; когда не удалось им сделать первого, то хотят помрачить Его славу. Такова-то зависть! Нет зла хуже ее. Блудник, например, по крайней мере получает некоторое удовольствие, и в короткое время совершает свой грех; а завистливый мучит и терзает себя прежде того, кому завидует, и никогда не оставляет своего греха, но всегда остается в нем. Свинья любит валяться в грязи, демоны - вредить нам; так и завистливый радуется несчастию ближнего. Когда случится с ближним что-либо неприятное, тогда он покоен и весел, почитая чужие несчастия своим счастьем, а благополучие других своим злополучием и ищет не того, что ему могло бы быть приятно, но того, что ближнего может опечалить. Такие люди недостойны ли того, чтобы побить их камнями и замучить, как бешеных собак, как злобных демонов, как самих фурий? Как жуки питаются навозом, так и они, будучи некоторым образом общими врагами и противниками природы, находят для себя пищу в несчастиях других. Другие жалеют и бессловесное животное, когда его убивают, а ты неистовствуешь, дрожишь и бледнеешь, видя человека благополучным. Может ли быть что хуже такого бешенства? Вот почему блудники и мытари могли войти в царствие Божие, а завистники, находившиеся внутри его, выгнаны, по словам Спасителя: “**А сыны царства извержены будут**” (Мф. 8:12). Первые, освободившись от своих пороков, получили то, чего никогда и не ожидали; последние лишились и тех благ, какие имели. Да и совершенно справедливо. Зависть превращает человека в дьявола, и делает его лютым демоном. От нее произошло первое убийство, от нее презрена природа, от нее осквернена земля, от нее впоследствии разверзшеюся землею поглощены живые Дафан, Корей и Авирон и погиб весь тот народ. Но, может быть, кто-нибудь скажет: порицать зависть легко; а надобно позаботиться о том, как избавиться от этой болезни. Как же можем мы освободиться от этого порока? Когда помыслим, что входить в Церковь не позволено как блуднику, так и завистнику, и притом гораздо более последнему, нежели первому. А ныне зависть не считают и пороком, почему и не заботятся избавиться от нее; но если откроется, что она зло, то легко оставим ее. Итак, плачь и стенай, рыдай и моли Бога; научись относиться к ней, как к тяжкому греху, и каяться в нем. Если так поступишь, то вскоре исцелишься от этого недуга. Но кто ж не знает, скажешь, что зависть есть порок? Правда, всякий знает это, но не всякий страсть эту ставит наряду с блудом и прелюбодеянием. Осуждал ли кто себя когда-нибудь за то, что предавался жестокой зависти, умолял ли когда Бога, чтобы помиловал его за этот недуг? Никто никогда. Напротив, обладаемый гнуснейшею из всех страстью, если постился и дал нищему мелкую монету, то думает, что он ничего худого не сделал, хотя бы тысячекратно завидовал. Отчего сделался таким преступником Каин, отчего Исав, отчего дети Лавановы, отчего сыны Иакова, отчего Корей, Дафан и Авирон с соумышленниками, отчего Мариам, отчего Аарон, отчего сам дьявол?

4. Вместе с тем представь и то, что ты не тому наносишь вред, кому завидуешь, а поражаешь мечем себя самого. В самом деле, какое зло причинил Авелю Каин? Ему против воли ускорил вход в царствие, а себя подверг бесчисленным бедствиям. Какой вред нанес Иакову Исав? Тот не обогатился ли и не наслаждался ли бесчисленными благами, а этот, после злоумышления своего, не принужден ли был выйти из дома родительского и скитаться в стране чужой? Что худого сделали Иосифу сыновья

Иаковлевы, хотя едва не пролили крови? Не претерпели ли они голода и не были ли в крайнем бедствии, тогда как тот сделался царем всего Египта? Чем больше завидуешь, тем большие блага доставляешь тому, кому завидуешь. Бог за всем смотрит, и когда видит обиженным не обижающего, то его еще более возвышает и прославляет, а тебя наказывает. Если Он не оставляет без наказания тех, которые радуются несчастию своих врагов, как-то сказано: "**Не радуйся, когда упадет враг твой … увидит Господь, и неугодно будет это в очах Его**" (Притч. 24:17,18), то тем более не оставит без наказания завидующих не причинившим им никакого вреда. Итак, отсечем от себя зверя многоглавого: много ведь видов зависти. Если любящий любящего его не имеет никакого преимущества пред мытарем, то где станет ненавидящий ничем не обидевшего его? Как избежит геенны, сделавшись хуже язычников? Жестоко болезную о том, что мы, обязанные подражать ангелам и даже Владыке ангелов, ревнуем дьяволу. Много зависти есть ведь и в церкви, и более в нас, нежели в управляемых нами, - почему и мы сами имеем нужду в увещании. За что, скажи мне, завидуешь ты ближнему? За то ли, что его уважают и хорошо говорят об нем? Но ты не представляешь себе, сколько зла приносят почести беспечным? Таких людей они доводят до тщеславия, до гордости, до надменности, до высокоумия, делают нерадивейшими, а сверх этих зол еще и скоро они увядают, и, что всего хуже, - происходящее от них зло навсегда остается, а удовольствие, лишь только появится, как и отлетает. Итак, из-за этого ты завидуешь, скажи мне? Но тот, кому ты завидуешь, в большей доверенности у начальника, делает все, что хочет, мстит оскорбляющим его, благодетельствует льстецам и имеет великую силу. Так говорить свойственно людям мирским, прикованным к земле. Духовного человека ничто огорчить не может. Какое в самом деле тот ему сделает зло? Лишит ли его сана? Что же? Если справедливо, то еще доставит ему пользу. Ничто, ведь, так не раздражает Бога, как священнослужение недостойное. Если же несправедливо, то осуждение опять падает не на него, а на самого обидчика. Кто страдает несправедливо и переносит великодушно, тот приобретает чрез это большее дерзновение у Бога. Итак, будем заботиться не о том, чтобы достигнуть могущества, почестей и власти, но о том, чтобы отличиться добродетелью и любомудрием. Власть побуждает делать многое, Богу неугодное, и надобно иметь очень мужественную душу, чтобы пользоваться властью, как следует. Тот, кто лишен власти, волею и неволею любомудрствует; а облеченный ею терпит то же, что и человек, который, живя с хорошею и красивою девицею, обязался никогда не посмотреть на нее с вожделением. Такова власть! Вот почему она даже против воли делает многих обидчиками, у многих возбуждает гнев, снимает узду с языка и отворяет двери уст, как бы ветром раздувая душу, и как ладью погружая ее в самую глубину зол. Итак, что же ты дивишься человеку, находящемуся в такой опасности, и называешь его счастливым? Какое безумие! Кроме того, подумай еще и о том, сколько врагов и клеветников, сколько ласкателей как бы держат его в осаде. Такое ли состояние, скажи мне, можно назвать блаженным? И кто назовет? Но такой человек в славе у народа, скажешь ты? Что ж? Народ - не Бог, Которому он должен дать отчет. Поэтому, указывая на народ, ты говоришь только о новых отмелях, подводных камнях, скалах и утесах. Уважение народное, чем более оно делает знаменитым, тем с большими соединено опасностями, заботами и печалями. Такой человек, имея столь жестокого господина, совсем не может отдохнуть или приостановиться. Что я говорю - приостановиться или отдохнуть? Такой, имея и тысячи заслуг, с трудом входит в царство. Поистине, ничто столько не унижает людей, как слава народная, делающая их боязливыми, подлыми, льстецами и лицемерами. Почему, например, фарисеи называли Христа беснующимся? Не потому ли, что желали народной славы? Почему народ произносил правильное об Нем мнение? Не потому ли, что Он не страдал этой болезнью? Ничто, истинно ничто так не делает людей законопреступными и несмысленными, как желание славы народной. Равным образом ничто так не делает славными и мужественными, как презрение ее. Потому и надобно иметь чрезвычайно мужественную душу тому, кто хочет противостоять такой буре, силе ветра. Любящий

славу, когда он находится в счастливых обстоятельствах, ставит себя превыше всех, а когда в несчастных, то готов сам себя зарыть в землю. Это для него и геенна и царство, когда он поглощен этой страстью.

5. Итак, скажи мне, достойно ли это зависти? Напротив, не достойно ли рыданий и слез? Это для всякого очевидно. Завидуя имеющему такую славу, ты поступаешь подобно тому, кто, увидев связанного, наказываемого бичами и влекомого бесчисленными зверями, завидует его ранам и язвам. Поистине, сколько людей в народе, столько и для честолюбца уз, столько владык, и что всего хуже, каждый из них имеет свое особое мнение и всякий дает о служащем приговор, какой случится, ничего не разбирая; а что вздумает один или двое, то и все утверждают. Не ужаснее ли это всякого волнения, всякой бури? Ищущий славы то вдруг от радости поднимается вверх, то снова легко погружается, бывает всегда в тревоге, и никогда в покое. Еще не выходя на зрелище, и готовясь произнести речь, он беспокоится и трепещет, а после зрелища или умирает от уныния, или, опять, предается безмерной радости, - что хуже самой печали. А что радость не менее пагубна, чем печаль, это очевидно из ее действия на душу. Радость делает душу легкомысленною, надменною и непостоянною. Это можно видеть и на древних мужах. Когда, например, Давид был добр: тогда ли, когда радовался, или когда был в тесных обстоятельствах? Иудейский народ, когда был добродетелен: тогда ли, когда стенал и призывал Бога, или когда в пустыне радовался и покланялся тельцу? Потому-то и Соломон, знавший лучше всех, что такое радость, говорит: “**Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира**” (Еккл. 7:3). Потому и Христос ублажает скорбящих, говоря: “**Блаженны плачущие**” (Мф. 5:4); а радующихся почитает несчастными: “**Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете**” (Лк. 6:25)! И весьма справедливо. Во время забав душа бывает слабее и изнеженнее; а во время скорби укрепляется, делается целомудренною, освобождается от всех страстей, становится возвышеннее и мужественнее. Итак, зная все это, будем убегать славы народной и удовольствия, происходящего от нее, чтобы достигнуть истинной и вечной славы, которой все мы и да сподобимся благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 41

"Иисус, зная помышления их, сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. И если сатана сатану изгоняет, то он разделился сам с собой: как же устоит царство его? (Матф. 12: 25-26).

1. Фарисеи и прежде обвиняли Иисуса в том, что Он изгоняет бесов силой Веельзевула. Но Он тогда не обличал их, чтобы дать им время еще из больших чудес познать Его силу, и из учения Его величие. Но так как они не переставали говорить о Нем то же, то Он, наконец, обличает их. И, во-первых, доказывает Свою божественность тем, что открывает их тайные помышления; а во-вторых, тем, что легко изгоняет бесов. И как ни бесстыдно было их обвинение (а зависть, как я сказал, не заботится о том, что сказать, только бы сказать что-нибудь), Христос все же не пренебрегает им, но защищается со свойственной Ему кротостью, научая нас поступать кротко с врагами; и хотя бы они обвиняли нас в том, в чем мы по собственному сознанию невиновны, хотя бы их обвинения не имели никакого основания, - не смущаться и не терять спокойствия духа, но со всяким долготерпением защищать себя перед ними. Так поступил Спаситель и с фарисеями, яснейшим образом показывая, что они говорят ложь. Имеющему беса несвойственно было показывать столь великую кротость и знать тайные помышления. Фарисеи, частью потому, что их мнение было слишком бесстыдно, а частью по опасению народа, не смели обнаружить своих

обвинений, держали их в уме. Но Спаситель, желая показать им, что Он знает и самые мысли их, не упоминает о том, в чем они обвиняли Его, и не обнаруживает их злобы, но опровергает их возражения, предоставляя собственной их совести уличить их во лжи. У Него было только одно попечение - доставлять пользу согрешающим, а не обнаруживать их согрешений. Если бы Он захотел продолжать Свою защиту и посрамить фарисеев, и потом подвергнуть их жесточайшему наказанию, Он весьма легко мог бы сделать это. Но Спаситель, оставив все это, старался только о том, чтобы истребить в них любовь к прениям, научить кротости, и через то сделать способнее к исправлению. Как же Он защищается перед ними? Он не приводит им слов Писаний (потому что они не внимали Писанию и извратили бы его смысл), но употребляет общие доказательства. "**Всякое царство**", говорит Он, "**разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом**", если разделится, скоро разрушится. Поистине, не столько гибельны внешние войны, сколько внутренние; то же бывает в обществах, то же и во всех делах. Но Спаситель берет пример с того, что известнее. Что на земле сильнее царства? Нет ничего; но и оно погибает от возмущений. Если же кто признает, что и царство, разделившись, при всем своем величии, сокрушается, то, что скажет он о городе и доме? Будет ли что мало или велико, если оно восстает само против себя, то погибает. Итак, если Я, имея в себе беса, посредством его изгоняю других бесов, то значит между бесами несогласие и распря, и они восстают один на другого; если же они восстают друг на друга, то их сила погибла и разрушилась. "**И если**", говорит Спаситель, "**сатана сатану изгоняет**" (Он не сказал - бесов, показывая, что между ними находится великое согласие), "**то он разделился сам с собой**". Если же он разделился, то лишился силы и погиб; а если погиб, то, как может изгнать другого? Видишь ли, как смешно их обвинение, как оно безрассудно, какое в нем противоречие! Один и тот же человек не может сказать, что он и силен, и изгоняет бесов, и притом силен оттого, от чего бы ему должно было потерять силу. Вот первое опровержение. Второе, следующее за ним, касалось учеников. Спаситель, опровергая противящихся Ему фарисеев, всегда приводит не одно, но два и три доказательства, желая совершенно обуздать их бесстыдство. Так поступил Он и в споре о субботе, указывая на Давида, на священников, и на свидетельство Писания: "**милости хочу, а не жертвы**" (Ос. 6:6), и на причину установления субботы: "**для человека**", говорит Он, "**суббота**" (Мрк. 2:27). Так поступает и здесь. После первого опровержения Он приводит другое, яснейшее. "**И если Я силой веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чьей силой изгоняют**" (Матф. 12:27)?

2. Смотри, с какой кротостью и здесь Он говорит им. Он не сказал: ученики Мои, или апостолы; но: "**сыновья ваши**", - чтобы, если фарисеи захотят мыслить столь же благородно, как Его ученики, подать им к тому случай; а если они пребудут в прежней неблагодарности и не оставят своего бесстыдства, лишить их всякого оправдания. Смысл же слов Его следующий: апостолы чьей силой изгоняют бесов? Апостолы уже изгоняли бесов, получив на то власть от Спасителя; но фарисеи не обвиняли их. Они вооружались не против дел, но против лица. Поэтому Христос, желая показать, что одна зависть причиной их обвинения, указывает и на апостолов. Если Я, как вы говорите, изгоняю бесов силой Веельзевула, то тем более они, как получившие на то власть от Меня. Однако же вы ничего подобного об них не говорите. Почему же вы Меня, даровавшего им такую власть, обвиняете, а их освобождаете от обвинений? Впрочем, это не избавит вас от наказания, но подвергнет даже еще большему. Потому-то Спаситель и присовокупил: "**они будут вам судьями**". Если ученики Мои, будучи одного с вами рода и получив одинаковое образование, веруют в Меня и повинуются Мне, то, очевидно, что они осудят тех, которые делают и говорят противное. "**Если же Я Духом Божьим изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царствие Божье**" (Матф. 12:28). Что значит – "**царствие**"? Мое пришествие. Смотри, как Он опять привлекает их к Себе, врачует и старается привести к познанию Себя, и показывает им, что они вооружаются против собственных

благ и восстают против своего спасения. Вам, говорит Он, должно бы радоваться и ликовать, что Я пришел даровать те великие и неизреченные блага, о которых издревле возвещали пророки, и что настало время вашего благоденствия; а вы поступаете напротив, и не только не принимаете благ, но еще клевещете и выдумываете ложные обвинения на Того, Кто предлагает вам их. Святой Матфей говорит: "**если же Я Духом Божьим изгоняю бесов**"; а Лука: "**если же Я перстом Божьим изгоняю бесов**" (Лук. 11:20), - показывая этим, что изгнание бесов есть дело высочайшей силы и особенной благодати. Из этих слов можно было бы сделать такое заключение: если это справедливо, то значит, что Сын Божий пришел. Но Христос не говорит этого прямо; чтобы не возбудить их ненависти, Он только намекает на это словами: "**то, конечно, достигло до вас Царствие Божье**". Какая мудрость! За что фарисеи обвиняли Спасителя, тем Он ясно доказал им Свое пришествие. Далее, чтобы привлечь их к Себе, Он не сказал просто: "**достигло Царствие**", но прибавил – "**до вас**"; как бы так говорил Он: настало время вашего блаженства. Итак, что же вы не радуетесь своим благам? Для чего вооружаетесь против своего спасения? Вот теперь настало время, о котором издревле предсказывали пророки. Вот признак проповеданного ими пришествия: бесы изгоняются силой божественной. Что они изгоняются, это вы сами знаете; а что изгоняются силой божественной, это свидетельствуют дела. Сатана не может ныне быть сильным; он по необходимости сделался слабым. Но слабый не может, подобно сильному, изгонять сильного беса. Так говорил Спаситель для того, чтобы показать силу, происходящую от любви, и бессилие от несогласия и раздора. Потому-то Он беспрестанно всюду побуждает и учеников Своих к любви, и особенно еще потому, что дьявол всячески старается истребить ее. После второго опровержения, Он приводит и третье, говоря: "**как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильного? и тогда расхитит дом его**" (Матф. 12:29)? Что сатана не может изгонять сатану, это ясно из предыдущего, а что иначе и невозможно изгнать сатану, как победив его сначала - и с этим все согласны. Что же означают слова Христа? Ничего более, как только усиливают то, что Он сказал прежде. Я не только не хочу иметь сообщником дьявола, - как бы так говорит Он, - но даже веду с ним брань и связываю его; доказательством служит то, что Я расхитил сосуды его. Заметь, как Христос опровергает клевету, которую фарисеи старались возвести на Него. Они хотели доказать, что Он не Своей властью изгоняет бесов; а Он, напротив, доказывает, что не только бесов, но самого их начальника прежде всего Он связал по Своей власти, и победил его собственной Своей силой. Это подтверждается самым делом. Если дьявол есть начальник, а бесы его подчиненные, то, как можно пленить этих последних, когда он сам не будет побежден и покорен? В этих словах, мне кажется, можно усматривать еще и пророчество. Не только бесы суть сосуды дьявола, но и люди, творящие его дела. Итак, очевидно, здесь говорится не только о том, что Он изгоняет бесов, но и о том, что Он рассеет весь мрак заблуждений во вселенной, разрушит все козни дьявольские и сделает их недействительными. Он не сказал: похитит, но – "**расхитит**", показывая тем, что у Него есть власть на это.

3. Христос называет сатану сильным не потому, что он таков по природе, - нет! - но указывая на его прежнюю большую власть, какую он имел над нами по нашей беспечности. "**Кто не со Мной, тот против Меня; и кто не собирает со Мной, тот расточает**" (Матф. 12:30). Вот и четвертое опровержение. Какое Мое намерение? говорит Христос. Привести людей к Богу, научить их добродетели, возвестить им царствие. А чего хотят дьявол и бесы? Противного этому. Итак, каким образом тот, кто не собирает со Мной и кто не за Меня, будет помогать Мне? И что Я говорю - помогать? Напротив, он еще старается расточать Мое. Как же поэтому не только не помогающий Мне, но еще расточающий Мое, может иметь со Мной такое согласие, чтобы стал со Мной вместе изгонять бесов? Это говорил Он, кажется, не о дьяволе только, но и о самом Себе, так как Он сам противодействует дьяволу и расточает ему принадлежащее. Почему же Он

говорит: кто не со Мной, тот против Меня? Потому что он не собирает вместе с Ним. Если же это справедливо, то таков именно должен быть тот, кто против Него? Если не содействующий Христу называется врагом, то тем более враг тот, кто вооружается на Него. Все же это, говорит Он, для того, чтобы показать великую и непримиримую вражду Свою с дьяволом. Скажи мне, не против ли тебя тот, кто не хочет помогать, когда тебе нужно воевать с кем-нибудь? Если же говорит Он в другом месте: "**кто не против вас, тот за вас**" (Лук. 9:50), то это не противоречит сказанному здесь. Здесь Он указал, кто их противник, а там показывает, кто их соучастник, потому что сказано: "**Твоим именем**" изгоняют "**бесов**" (Матф. 7:22)? Мне кажется, что здесь Христос намекает и на иудеев, поставляя их вместе с дьяволом. И они были против Него, и расточали то, что Он собирал. А что Он здесь намекает и на них, это доказывается следующими словами Спасителя: "**посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам**" (Матф. 12:31). Таким образом, уничтожив клевету их, решив их возражение и показав их безрассудное упорство, Он напоследок устрашает их, поскольку в деле совета и исправления не маловажно и то, чтобы не только отвечать на все вопросы и убеждать, но и угрожать, что часто и делает тот, кто дает законы и советы.

Хотя слова Иисуса Христа и кажутся очень неясными, но если вникнем, то легко поймем их. Итак, сначала внимательно выслушаем эти слова: "**Всякий грех и хула**", говорит Он, "**простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам**. **Если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем**" (Матф. 12:31-32). Что же значат эти слова? Вы много обо мне говорили, что Я обманщик, что Я противник Божий. Я вам это прощу и не потребую вашего наказания, если вы раскаетесь; но хула на Духа не отпустится и кающимся. Как же это? Ведь и эта вина была отпущена раскаявшимся. Многие из тех, которые изрыгали хулу на Духа, впоследствии уверовали, и все им было отпущено. Что же значат эти слова? То, что грех против Духа Святого преимущественно непростителен. Почему же? Потому, что Христа не знали, кто Он был; а о Духе получили уже достаточное познание. Так, что ни говорили пророки, говорили по внушению Духа, и в ветхом завете все имели о Нем очень ясное понятие. Итак, слова Христа имеют такое значение: пусть вы соблазняетесь Мной по плоти, в которую Я облекся; но можете ли вы сказать и о Духе, что Его не знаем? Потому-то хула ваша и будет непростительна, и здесь и там понесете за нее наказание. Многие хотя здесь только были наказаны, как, например, блудник, недостойно приобщившийся тайнам у коринфян, но вы - и здесь, и там. Итак, Я вам отпускаю все то, чем вы Меня злословили прежде креста, даже и то, что вы хотите распять Меня на кресте, и самое неверие ваше не будет поставлено вам в вину. Веровавшие прежде креста не имели полной веры, - потому Он везде запрещает объявлять о Себе кому-либо прежде страдания, и на самом кресте молился, чтобы отпущен был иудеям грех их. Но что вы говорили о Духе, то не будет прощено вам. А что Христос указывает на хулу, которую говорили против Него иудеи прежде креста, то это видно из следующего: "**если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святого, не простится ему**". Почему? Потому, что Дух Святой вам известен, а вы не стыдитесь отвергать очевидную истину. Если уж вы говорите, что Меня не знаете, то, несомненно, знаете, что изгонять бесов и совершать исцеления есть дело Духа Святого. Итак, не Меня только поносите, но и Духа Святого. Потому и наказание ваше, как здесь, так и там, неизбежно. Одни наказываются и здесь, и там; другие только здесь; иные только там; а иные ни здесь, ни там. И здесь и там, - как, например, эти самые хулители Духа Святого. Они и здесь понесли наказание, когда подвержены были ужасным бедствиям, по взятии их города, и там понесут жесточайшее, как жители Содома, и многие другие. Там только, - как, например, палимый пламенем богач, не имевший даже одной капли воды. Здесь, - как, например, блудник коринфский. Ни здесь, ни там, - как

апостолы, как пророки, как блаженный Иов: а их страдания были не следствием наказания, а подвигами и борьбой.

4. Итак, постараемся иметь одинаковую с ними участь; если же не с ними, то, по крайней мере, с теми, которые здесь очистились от грехов. Поистине, страшен тот суд, неизбежно наказание, нестерпимы мучения. Если же ты и здесь не хочешь понести наказания, то сам себя осуждай, и требуй сам у себя отчета. Послушай, что говорит Павел: "**ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы**" (1 Кор. 11:31). Если будешь поступать так, постепенно простираясь на пути к совершенству, то достигнешь и венца. Но спросишь: как требовать от самого себя отчета? Восплачь, восстенай горько, смиряй, изнуряй себя и вспоминай о каждом твоем прегрешении; это немалое мучение для души. Кто испытал сердечное сокрушение, тот знает, что душа больше всего этим мучится; кто вспоминал о грехах своих, тот знает скорбь, происходящую отсюда. Вот почему и Бог за такое раскаяние в награду полагает оправдание, говоря: "**говори ты, чтоб оправдаться**" (Иса. 43:26). Немалым, истинно немалым средством к исправлению служит то, чтобы, сознавши все грехи свои, непрестанно представлять и размышлять о них. Кто это делает, тот в такое придет сокрушение, что признает себя недостойным и жить. А кто так рассуждает, тот будет мягче всякого воска. И не только осуждай себя за блуд, прелюбодеяние и другие грехи, которые всеми признаются за тяжкие; но собери в уме своем и тайные наветы, клеветы, злословие, тщеславие, зависть и все тому подобное. И эти пороки немалое понесут наказание. И клеветник ввергнется в геенну; и упивающийся вином не будет иметь места в царстве небесном; и не любящий ближнего так оскорбляет Бога, что и мученичеством своим не бывает угоден Ему. И тот, кто не радит о домашних своих, отвергся веры; и тот, кто бедных презирает, в огонь ввергается. Итак, не считай эти пороки маловажными, но все собери в уме своем, и напиши их как в книге. Если ты напишешь, то Бог сотрет их. Если же ты не напишешь, то Бог впишет их и потребует твоего наказания. Лучше же нам самим вписать их и видеть изглаженными Богом, нежели, забывая о них, заставлять самого Бога представить их перед глазами нашими в день судный. Итак, чтобы этого не случилось, внимательно все разберем, и мы найдем тогда, что во многом виновны. Кто, например, чист от любостяжания? Не указывай мне на то, что ты не слишком был любостяжателен; и за малое понесешь то же самое наказание. Помышляй об этом и раскаивайся. Кто не оскорбляет другого? А это ввергает в геенну. Кто тайно не злословил ближнего? А это лишает царствия. Кто не надмевался? А этот более всех нечист. Кто не смотрел похотливыми очами? А этот считается наравне с блудником. Кто без причины не гневался на брата своего? А такой повинен суду. Кто не клялся? А это от лукавого. Кто не преступал клятвы? А это более, нежели от лукавого. Кто не служил мамоне? А такой отпал от законного служения Христу. Я мог бы исчислить вам много и других пороков; но и этих довольно, чтобы привести к сокрушению не окаменевшего сердцем и не дошедшего еще до бесчувственности. И если каждое из этих преступлений повергает в геенну, то чего не сделают они, когда совокупятся вместе? Каким же образом, скажешь, можно спастись? Употребляя против недугов равносильные врачевства - милосердие, молитвы, скорбь, раскаяние, смирение, сердце сокрушенное, презрение к земным благам. Бесчисленные пути Бог предложил к спасению, если только мы захотим быть внимательными. Будем же внимательны, будем всячески стараться об исцелении ран наших, творя милостыню, удерживая гнев к оскорбившим нас, благодаря за все Бога, постясь по силам, молясь с искренним сердцем, приобретая друзей себе "**от богатства неправедного**" (Лук. 16:9). Таким образом, мы можем получить прощение в грехах наших, и удостоиться обещанных благ, - чего да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 42

"Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым, ибо дерево познается по плоду" (Матф. 12:33).

1. Опять, иным образом, Господь стыдит фарисеев, не довольствуясь прежними обличениями. И делает это не с тем намерением, чтобы Себя освободить от обвинения, - для этого довольно было и прежних доказательств, - но с тем, чтобы противящихся Ему исправить. Сказанное же Им имеет такой смысл: никто из вас не обвинял исцеленных в том, что они не исцелились, и не говорил, что освободить от беса дело злое. В самом деле, хотя они и крайне были бесстыдны, но не могли того сказать. И потому, не охуждая дел, возносили клевету на творящего их. Но Христос показывает, что такое обвинение несообразно ни с общим смыслом, ни с самым положением дел. А это уже признак крайнего бесстыдства - не только поступать злонамеренно, но и сплетать нечто такое, что даже с общими понятиями несообразно. И посмотри, как Спаситель устраняет Своими словами всякое возражение. Не сказал Он: согласитесь, что дерево хорошо, потому что плод хорош; но, чтобы с большей силой заградить им уста и показать Свою уступчивость и их бесстыдство, говорит: если вы хотите порицать дела Мои, пусть будет так; только бы не было в обвинениях ваших несообразности и противоречия. Таким образом, яснее могло обнаружиться бесстыдство их в деле совершенно очевидном, и Он мог сказать им: напрасно вы лукавите, когда в словах ваших заключается противоречие. В самом деле, о дереве судят по плоду, а не о плоде по дереву, а вы поступаете наоборот. Правда, что плод родится от дерева; но узнавать дерево надобно по плоду. Поэтому следовало бы и вам или доказать, что дела Мои худы, когда хотите обвинять Меня, или, раз хвалите дела Мои, то вместе и Меня, совершающего их, освободить от ваших обвинений. А вы напротив поступаете. Не находя ничего предосудительного в делах Моих, которые представляют плод, вы осуждаете дерево, - называете Меня беснующимся. Это уже верх безумия. Дерево доброе не может приносить плодов худых, равно как и на оборот, как сказал это Спаситель еще прежде, и подтвердил теперь. Следовательно, обвинения фарисеев заключали в себе противоречие, и были совершенно несообразны с действительностью. Далее, так как не о Себе самом говорит Спаситель, а о Духе Святом, то и произносит обличения Свои с большей строгостью: "**порождения ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы**" (Матф. 12:34)? В этих словах заключается и обвинение фарисеев, и доказательство вышесказанного. Вот вы, говорит Спаситель, будучи худыми деревами, не можете приносить и доброго плода. Потому Я и не удивляюсь, что вы произносите такие слова; происходя от злого рода, вы и воспитаны худо, и усвоили себе мысли худые. И заметь, с какой осторожностью, предотвращающей всякое ухищрение противников, Он выражает Свои обвинения. Он не сказал: как вы можете говорить доброе, будучи порождениями ехидн, - потому что одно с другим не имеет соотношения, но говорит: "**как вы можете говорить доброе, будучи злы**"? А порождениями ехидн назвал их потому, что они хвастались своими предками. Итак, чтобы показать, что нет им от того никакой пользы, Он отсекает их от родства с Авраамом и дает им других предков, имеющих такой же нрав, как и они, и, таким образом, лишает их того благородства, которым они гордились. "**От избытка сердца**", говорит Он, "**говорят уста**". Здесь вновь дает Он видеть божество Свое, ведающее сокровенные помышления, а также показывает, что фарисеи понесут наказание не только за дела, но и за злые мысли; показывает и то, что Он, как Бог, знает эти мысли. А впрочем, возможно и людям знать их. Естественно, чтобы слова изливались наружу через уста, когда внутренность переполнена злом. Поэтому, когда ты слышишь человека, произносящего худые слова, то не думай, что в нем лежит лишь столько зла, сколько показывается в словах, а заключай, что источник его гораздо еще обильнее, потому что выражаемое наружно есть только избыток внутреннего. Видишь ли, какой крепкий удар наносит Христос фарисеям? Если слова их так исполнены зла, и происходят от духа дьявольского, то подумай, каков должен быть корень и источник этих слов. Обыкновенно так бывает, что язык, удерживаемый стыдом, еще не

все худое изливает в словах; напротив, сердце, не имея никого из людей свидетелем своих движений, бесстрашно порождает в себе всякое зло, какое только захочет, потому что оно не много думает о Боге. Слова предлагаются в слух всех и взвешиваются всеми, а сердце укрывается в тени, и потому меньше зла бывает на языке, больше в сердце. Но когда уже слишком много скопится его внутри, тогда с большим стремлением выходит наружу то, что доселе было скрываемо. И как мучащиеся рвотой сначала силятся удерживать в себе рвущиеся из них мокроты, а потом, когда уже не в силах владеть собой, выбрасывают нечистоту в большом количестве, так и наполненные злыми помышлениями, наконец, изливают их в злоречивом осуждении ближнего. "**Добрый человек**", говорит Спаситель, "**из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое**" (Матф. 12:35).

2. Не думай, говорит Спаситель, чтоб так было только с людьми злыми; напротив, и с добрыми то же происходит. И у них больше скрывается добродетели внутри, нежели, сколько является наружно в словах. Через это Господь показал, что как фарисеев должно почитать более злыми, нежели каковыми они представлялись в словах своих, так напротив Он более был благ, нежели, сколько открывалось из речей Его. А под словом: "**сокровище**" Он разумеет множество. Далее Он опять наводит на них великий страх. Не думайте, говорит Он, чтобы этим только все и ограничилось, - чтобы злоречие подверглось только осуждению людей. Нет; все злоречивые понесут еще крайнее наказание на последнем суде. Он не сказал здесь – "**вы**", частью для того, чтоб сообщить наставление всем людям, частью для того, чтоб не произнести слишком жестокого и огорчительного слова. "**Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда**" (Матф. 12:36). Праздное слово есть слово несообразное с делом, ложное, дышащее клеветой, а также, по изъяснению некоторых, и пустое слово, например: возбуждающее неприличный смех, срамное, бесстыдное, неблагопристойное. "**Ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься**" (Матф. 12:37). Видишь ли, как безобиден суд? Как кротки требования ответа? Не по речам другого, но по твоим собственным словам Судья произнесет приговор. Что может быть справедливее этого? В твоей ведь власти и говорить и не говорить. Поэтому не злословимым надобно страшиться и трепетать, а злословящим, потому что не злословимые должны будут оправдываться в том, что о них разносимы были недобрые слухи, но злословящие дадут ответ в том, что они говорили о других худо. На них-то падет вся беда. Итак, терпящим от злых слухов не о чем заботиться, потому что не потребуется от них ответа в том, что другие говорили о них худо, но говорившим худо надобно страшиться и трепетать, потому что они за свое злоязычие потребованы будут к суду. Поистине, это дьявольская сеть, это такой грех, который никакого не приносит удовольствия, а только один вред. Поистине, злое сокровище копит в душе своей злоязычник. Если одержимый дурными мокротами сам больше всех терпит от них, и впадает в болезнь, то тем более скапливающий внутри себя злобу, которая горче всякой желчи, потерпит жесточайший вред и причинит себе лютую болезнь. Если изрыгаемые им слова так много огорчают других, то еще гораздо большую скорбь причинят они душе, породившей их. Умышляющий зло прежде всех убивает самого себя, точно так же, как раздувающий огонь нередко сам сгорает, и бьющий по алмазу причиняет вред самому себе, и наступающий на острые гвозди наносит сам себе кровавую рану. Таков умеющий великодушно принимать и переносить обиды: он подобен алмазу, острым гвоздям и огню, а думавший обидеть его оказывается ничтожнее грязи! Итак, не то худо, когда обижают тебя; а то худо, когда ты обижаешь других, или когда не умеешь переносить обид. Как много обижаем был Давид! Как много обижал его Саул! Но кто же вышел сильнее и счастливее? И кто оказался несчастнее и достойнее жалости? Не тот ли, кто обижал? Рассмотрим это ближе. Саул обещался, если Давид убьет иноплеменника, принять Давида к себе в родство, выдать за него с великой охотой дочь свою. Давид убил иноплеменника;

что же Саул? Нарушил данное слово, и не только не выдал за него (старшей дочери), но и старался умертвить его. Кто же заслужил большую честь? Саул мучился тоской и давим был злым духом; а Давид своей победой и благоволением Божьим стяжал славу, и воссиял светлее солнца. Саул, слыша песнопения жен, снедался завистью; а Давид, перенося все молчаливо, привлек и привязал к себе всех. И потом, когда он имел в руках своих Саула и пощадил его, кто был тогда счастлив и кто несчастен? Кто был слабее и кто сильнее? Не Давид ли явился сильнейшим, когда он, имея возможность по праву отомстить врагу своему, не захотел того? Без сомнения. У Саула было вооруженное войско; а Давид имел сподручницей и помощницей правду, которая сильнее тысячи войск. А потому, и после столь многих неправедных злоумышлений, претерпленных им, он не захотел умертвить Саула, хотя был и вправе сделать это. Он знал из прежних опытов, что не причинение зла другому, а претерпение зла делает людей сильнейшими. Так бывает и с телами, так и с деревьями. А Иаков не терпел ли обид, не терпел ли зла от Лавана? Но кто ж оказался сильнее: Лаван ли, который уже имел его в своих руках, и, однако же, не смел прикоснуться к нему, будучи объят страхом и трепетом, или Иаков, который, не имея у себя ни оружия, ни множества воинов, был для него страшнее тысячи царей?

3. Но чтобы представить вам другое, еще сильнейшее доказательство вышесказанного, я опять обращу слово к Давиду - с противоположной стороны. Он силен был, когда терпел обиды; но как скоро сам, впоследствии времени, обидел другого, тотчас сделался немощным. Он обидел Урию, и тотчас порядок превратился: немощь перешла к обидевшему, а сила к обиженному, который, будучи уже мертвым, опустошил дом Давидов. Давид, оставшись жив и будучи царем, ничем не мог от него защититься; а Урия, простой воин и к тому же убитый, все поставил вверх дном в доме царя. Хотите ли, я представлю вам еще в яснейшем виде предлагаемую мной истину, с другой стороны? Посмотрим на тех людей, которые мстят за себя по праву. Что обижающие ближних воюют против собственной души своей и оказываются ниже и презреннее всех, это всякий видит. Но кто же, спросишь ты, мстил за себя по праву, и тем возжег много зла и навлек на себя много бед и скорбей? Посмотри на военачальника Давида. Он был виновником жестокой войны и потерпел тысячу зол, из которых ни одно не случилось бы с ним, если бы он умел рассуждать и действовать по правилам истинного любомудрия. Итак, будем убегать этого греха и не станем обижать ближних ни словами, ни делами. Господь не сказал: если ты при народе будешь поносить ближнего, и повлечешь его перед судилище, виновен будешь; но просто - если будешь говорить худо, хотя бы и наедине, и тогда навлечешь на себя величайшее осуждение. Если бы даже было истинно то, что ты пересказываешь о ближнем, если бы ты был совершенно в этом уверен, и тогда подвергнешься наказанию. Не за то, что делал другой, Бог будет судить тебя, а за то, что ты говорил. "**От слов своих осудишься**". Не слышишь ли, что и фарисей говорил правду (о мытаре): высказал то, что было всем известно, и объявил то, что не было тайной, и, однако же, подвергся жестокому осуждению? Если же и явных грехов оглашать не должно, то тем более неизвестных и недоказанных. Согрешивший имеет над собой Судью. Итак, ты не предвосхищай себе чести, принадлежащей Единородному, Которому предназначен престол суда. Но ты хочешь быть судьей? Есть такое судилище, которое и тебе предоставлено, и может принести великую пользу, не подвергая тебя ни малейшему осуждению. Посади в совести своей судьей разум, и поставь перед его судилищем все твои беззакония, исследуй все грехи души твоей, потребуй от нее со всей строгостью подробного отчета и скажи ей: зачем ты отваживалась делать то и то? А если она будет уклоняться, и разбирать дела других, скажи ей: не за чужие грехи я сужу тебя, не за них должна ты отвечать, - что тебе до того, что худ такой-то? Ты зачем согрешила в том-то и в том-то? Отвечай; не показывай на других, смотри на свои дела, а не на чужие. Таким образом, вводи ее, как можно чаще, в этот подвиг. Потом, когда уже ей нечего будет сказать и она начнет укрываться от суда, уязвляй ее, поражай ее, как рабу кичливую и

любодейную. Каждый день открывай для нее это судилище, представляй ей реку огненную, червя ядоносного и другие мучения; не попускай ей продолжать связь с дьяволом и не принимай от нее таких бесстыдных оправданий: он приходит ко мне, он устраивает мне ковы, он искушает меня! Но скажи ей: если ты сама не захочешь, все это будет тщетно. А если она заговорит: но я сплетена с телом, облечена плотью, живу в мире, пришельствую на земле, - скажи ей: все это один лицемерный предлог и пустые отговорки! Вот и этот святой облечен был плотью, и этот жил в мире и пришельствовал на земле, и, однако же, они вели жизнь достославную; да и ты сама, когда делаешь добро, делаешь это, будучи обложена плотью. Пусть ей и больно это слышать, ты не переставай ее наказывать: не бойся, не умрет она от твоих ударов; напротив, ты еще избавишь ее от смерти. А если бы она сказала: вот такой-то раздражил меня, ты отвечай ей: можно тебе и не раздражаться, потому что нередко ты удерживала себя от гнева. Также, если бы она сказала: красота такой-то женщины воспламенила меня, ты представь ей: но ведь ты могла воздержать себя. Приведи ей примеры победивших похоть; укажи на пример первой жены, которая хотя и говорила: "**змей прельстил меня**" (Быт. 3:13), но этим не избавилась от обвинения.

4. Когда ты будешь производить такое испытание совести, в это время не допускай к себе никого, пусть никто не тревожит тебя; но, как судьи обыкновенно сидят за завесами, когда судят о делах, так и ты, вместо завес, огради себя безмолвием и избери благоприятное тому время и место. Займись этим судом, когда, поужинав, встанешь из-за стола, и пойдешь спать: вот время для тебя самое удобное; а местом твоим будут - постель и спальня. Так повелевает и пророк, говоря: "**размыслите в сердцах ваших на ложах ваших**" (Псал. 4:5). Требуй от себя и за малые погрешности строгого отчета, чтобы когда-либо не приблизиться к великим грехам. Если ты будешь каждодневно это делать, то с дерзновением предстанешь перед страшным судилищем. Таким способом и Павел сделался чистым, потому и сказал: "**если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы**" (1 Кор. 11:31). Так и праведный Иов очищал детей своих: если он приносил жертвы за тайные грехи, то тем более требовал отчета в явных. А мы не так поступаем, но совершенно напротив. Как скоро ляжем на постель, тотчас начинаем размышлять о всякого рода житейских делах: одни вводят в душу свою нечистые помыслы, другие думают о деньгах, отданных под залог, о торговых условиях и о различных временных заботах. Имея на руках девицу дочь, мы бережем ее со всей бдительностью; а душе своей, которая гораздо дороже дочери, позволяем любодействовать и осквернятся, впуская в нее тысячи нечистых мыслей. Хочет ли к ней войти любостяжание, или сластолюбие, или пристрастие к пригожим телам, или расположение к гневу, или иной какой недобрый гость, мы тотчас же отворяем двери, зовем и тащим его, и позволяем ей без всякого стыда и страха любодействовать с ним. Что может быть грубее этого и бесчеловечнее - смотреть с пренебрежением, как столь многие прелюбодеи надругаются над душой, которая для нас всего дороже, и давать ей сообщаться с ними до тех пор, пока они насытятся? Но этого никогда не дождешься. Разве тогда только отступят они, когда она предастся сну. Но, нет! И в это время они не отходят от нее, потому что и в сонных мечтаниях и видениях носятся перед ней те же образы. А от того часто случается, что и с наступлением дня душа, упоенная такими мечтами, тотчас устремляется к действиям, с ними сообразным. Ты не даешь малейшей пылинке войти в зеницу ока твоего; а душу свою оставляешь в небрежении и попускаешь ей влачить за собой такую грязную кучу столь многих зол. Когда же мы успеем выбросить из себя этот помет, который с каждым днем накопляем в себе? Когда успеем вырвать терние? Когда успеем посеять семена? Не знаешь ли, что уже наступает время жатвы? А мы еще и не начинали вспахивать свое поле. Что же скажем, когда придет Хозяин поля и будет требовать должного? Что станем отвечать Ему? То ли, что нам никто не дал семян? Но они посылаются свыше каждый день. То ли, что никто не срезал терния? Но мы (служители Слова) каждый день острим для вас серп. Или, что

житейские нужды отвлекают вас? Зачем же ты не распялся миру? Если тот, кто отдал вверенный ему талант, назван рабом лукавым за то, что не приобрел другого таланта, то, что ж услышит тот, кто погубил и вверенное ему? Если он был связан и брошен туда, где скрежет зубов, то каким страданиям подвергнемся мы, - мы, которые, имея бесчисленное множество побуждений, влекущих нас к добродетели, отвращаемся от нее и предаемся лености? Еще ли мало убеждений, достаточных к тому, чтоб возбудить тебя? Не видишь ли, как малоценна жизнь эта, как неизвестно ее продолжение? Сколько потребно труда и пота в делах здешнего мира? Разве одна добродетель приобретается с трудом, а порок достается без трудов? Если же и там и здесь труд, то почему не изберешь ты добродетели, приносящей с собой великую пользу? Да еще и такие есть добродетели, которые и труда никакого не требуют. В самом деле, что за труд - не злословить, не лгать, не клясться, простить ближнего, подавшего повод к гневу? Вот труд и большая забота - поступать противно этому. Итак, какого ждать нам оправдания, какого прощения, когда мы и этих легких добродетелей не соблюдаем? Отсюда ясно видно, что и другие, труднейшие добродетели недоступны нам, по причине нашей беспечности и лености. Размыслив обо всем этом, будем убегать порока и возлюбим добродетель, чтобы сподобиться нам и настоящих и грядущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 43

"Тогда некоторые из книжников и фарисеев сказали: Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение. Но Он сказал им в ответ: род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка" (Матф. 12:38-39).

1. Может ли быть что-нибудь, - не говорю, нечестивее, а безумнее этого? После стольких знамений, фарисеи говорят так, как будто бы ни одного из них не бывало: "**хотелось бы нам видеть от Тебя знамение**"! Для чего же так они говорят? Для того чтобы опять уловить Иисуса. Так как Он уже много раз словами Своими заграждал им уста и обуздывал бесстыдный их язык, то вот они снова обращаются к делам. Дивясь этому, евангелист опять повторяет слово – "**тогда**". "**Тогда некоторые из книжников и фарисеев сказали: Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение**". Тогда: когда же это? Когда следовало бы преклонить голову, когда надлежало исполниться удивлением, когда не оставалось ничего более, как придти в изумление и уступить. А они и тогда не отстают от своего лукавства. И смотри, как слова их исполнены ласкательства и притворства. Они надеялись этим заманить Его в свои сети. Только что перед тем они поносили Его, а теперь льстят; только что называли Его беснующимся, а теперь величают Учителем, - но и то и другое говорят со злым намерением, хотя слова их совершенно несходны одни с другими. Вот почему и Спаситель обличает их теперь весьма строго. Когда они грубо предлагали Ему вопросы и поносили Его, Он отвечал им кротко; а когда стали льстить ему, Он обращается к ним со всей строгостью и изрекает против них слова поносные, показывая тем, что Он выше и той, и другой страсти, и что как тогда не могли они рассердить Его, так теперь своей лестью не могут смягчить Его. После этого вникни в свойство Его поношений: в них ты увидишь не ругательство, а обнаружение злонравия фарисеев. Что говорит Он? "**Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения**". Смысл этих слов таков: чему дивиться, что вы так поступаете со Мной, Которого доселе еще не знаете, когда вы так же точно поступали и с Отцом Моим, Которого могущество видели из столь многих опытов? Сколько раз вы оставляли Его и отбегали к демонам, привлекая к себе этих злых друзей, в чем многократно упрекал вас и пророк Иезекииль! Спаситель, говоря это, давал разуметь, что Он единомыслен с Отцом, и что они действуют так же, как и прежде; а вместе с тем обнаруживал сокровенные их мысли и уличал их, что они лицемерно и как враги просят от Него знамения.

Он потому и называет их "**родом лукавым**", что они всегда были неблагодарны к своим благодетелям и, принимая благодеяния, делались еще худшими, - что служит признаком крайнего злонравия. А "**прелюбодейным родом**" назвал Он их, указывая и на их прежнее и на настоящее неверие, и в этом предложил новое подтверждение того, что Он равен Отцу, - поскольку именно и неверие в Него делает человека прелюбодеем. Потом, укорив их, что говорит далее? "**И знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка**". Здесь уже начинает Он слово о Своем воскресении и в подтверждение его, указывает на прообразование. Что же, скажешь ты, разве не дано фарисеям другого знамения? Не дано, когда они того просили. Спаситель знал их ослепление, и потому творил чудеса не для их убеждения, а для того, чтобы других людей исправить. Можно и в этом смысле понимать данные слова; или можно видеть в них тот смысл, что фарисеи не получат уже знамения, подобного упомянутому. Знамение дано было им, когда именно в собственном наказании они познали силу Господа. Итак, здесь Он указывает прикровенно на это будущее наказание, и, угрожая им, как бы так говорит: Я оказал вам тысячу благодеяний; но ни одно из них не привлекло вас ко Мне, и вы не захотели почтить с благоговением Мое могущество. Итак, вы узнаете Мою силу из дел противных, когда увидите ваш город разоренным до основания, когда увидите разрушенными стены и храм обращенным в развалины, когда лишитесь прежней свободы и гражданского устройства, и вновь будете скитаться повсюду, как беглецы и бездомные. Все это исполнилось после крестных страданий. Так вот что будет послано вам вместо великих знамений! И в самом деле, не величайшее ли это знамение, что бедствия, претерпеваемые иудеями, доселе одинаковы и неизменны, и при всех попытках никто не мог облегчить наказания, однажды на них наложенного? Впрочем, здесь не говорит еще Спаситель об этом прямо, предоставляя яснейшее раскрытие последующему времени. А теперь открывает слово о Своем воскресении, в истине которого они удостоверятся теми самыми бедствиями, которые впоследствии времени должны будут претерпевать. "**Ибо как**", говорит, "**Иона был в чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи**" (Матф. 12:40). Не сказал ясно, что Он воскреснет, потому что они стали бы смеяться над тем; а предвозвестил это прикровенно, впрочем, так, чтобы они могли поверить, что он знал это еще прежде. И они точно поняли смысл Его предречения, как это видно из их слов к Пилату: "**обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну**" (Матф. 27:63): между тем ученики Христовы, будучи менее их сведущи, не разумели этого; потому-то фарисеи сами на себя и навлекли осуждение.

2. Заметь, с какой точностью выражает Спаситель даже и прикровенное Свое пророчество. Не говорит Он: в земле, но: "**в сердце земли**", чтобы ясно означить Свое пребывание во гробе, и чтобы никто не подумал, будто смерть Его была только одно призрачное явление. Для того же предназначает Он и три дня, чтобы никто не сомневался на счет Его смерти, так что не только крест и очевидность для всех, но и самое количество дней должно служить доказательством ее. О воскресении должно было свидетельствовать все последующее время; между тем кресту многие не стали бы и верить, если бы не было тогда многих знамений, свидетельствовавших о Нем; а если бы не поверили кресту, не поверили бы и воскресению. Потому-то и называет Спаситель крестную смерть знамением. Если бы Он не был распят на кресте, не было бы дано и знамение. Вот почему представляет Он и прообразование, для большего удостоверения в истине. Скажи мне, в самом деле, разве пребывание Ионы в чреве кита было одна мечта? Нет, ты не можешь этого сказать. А, следовательно, и пребывание Христа в сердце земли не могло быть мечтой. Не может быть, чтобы прообразование совершилось истинно, а сама истина осталась мечтой. Потому мы во всем и возвещаем смерть Христову: и в святых тайнах, и в крещении, и во всех других священных действиях. Потому и апостол Павел громко взывает: "**я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа**" (Гал. 6:14). Отсюда видно, что зараженные лжеучением Маркионовым суть чада

дьявола, потому что они изглаживают ту истину, для утверждения которой все сделал Христос и для уничтожения которой все усилия употреблял дьявол, - я разумею крест и страдание. Для того и в другом месте предвозвещал Господь: "**разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его**" (Иоан. 2:19), и еще: "**придут дни, когда отнимется у них жених**" (Лук. 5:35); а здесь сказал: "**знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка**", показывая этим, что Он пострадает и за них, но они не приобретут от того никакой пользы, что Он и выразил явственно в последующих словах. И, несмотря на то, что Он знал об этом, Он все же благоволил умереть за них. Столь велика была Его любовь! А чтобы кто не подумал, что и с иудеями произойдет то же, что и с ниневитянами, и что, подобно этим иноплеменникам, которых обратил Господь, представив перед их взорами близкое разрушение их города, и они после воскресения Христова раскаются и обратятся, - послушаем, что далее говорит Спаситель. Он возвещает совершенно тому противное: что иудеи не только не извлекут никаких благотворных плодов из Его воскресения, но и будут терпеть неисцелимые бедствия. Это дает Он разуметь, представляя пример одержимого духом нечистым. Но прежде того Он оправдывает самого Себя, доказывая, что не Он виновен в тех несчастиях, которым они подвергнутся, и что они будут терпеть справедливое наказание. В примере бесноватого Он предначертывает имеющие постигнуть их злоключения и запустение. А теперь показывает, что все эти злоключения они понесут справедливо. Так делал Он и в ветхом завете. Так, вознамерившись истребить Содом, наперед оправдал Себя в беседе с Авраамом, показав ему совершенное запустение и оскудение добродетели в тех городах, если уж там не нашлось и десяти мужей, живущих целомудренно (Быт. 18:). Подобным образом и Лоту дал видеть злобу против странников и неистовую похоть содомлян, и потом уже низвел огонь на их город (Быт. 19:). Так поступил Он и во время потопа, оправдав Себя самыми делами перед Ноем. Так показал Он Свою правду и Иезекиилю, когда представил перед взором его в Вавилоне все зло, какое происходило в Иерусалиме (Иез. 5). Так благоволил оправдать Себя и перед Иеремией, когда, сказав ему: "**не молись**", присовокупил: "**не видишь ли, что они делают**" (Иер. 7:16-17)? То же самое делает Он и во всех подобных случаях. Так делает и здесь. Что же именно говорит Он? "**Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Ониной; и вот, здесь больше Ионы**" (Матф. 12:41)! Иона - раб, а Я - Владыка; он вышел из чрева кита, а Я воскрес от смерти; Он проповедовал разрушение, а Я пришел благовествовать царствие. И жители Ниневии поверили ему без всякого знамения, а Я представил много знамений; они не слыхали ничего, кроме грозных слов пророка, а Я показал вам все сокровища высшего любомудрия. Иона явился в Нивевии, как служитель Божий; а Я - сам Владыка и Господь всяческих, и пришел не с угрозами, не с требованием отчета, но с прощением. Жители Ниневии были язычники, а с вами обращались столь многие пророки. Об Ионе никто не пророчествовал, а обо Мне - все, и дела Мои совершенно согласны с пророчествами. Он убежал от лица Господня, думал устраниться от осмеяния; а Я, наперед зная, что буду распят и поруган, пришел в мир. Он не хотел перенести и унижения, чтоб видеть спасенными ниневитян; а Я претерпел смерть, и смерть позорнейшую, и после этого еще посылаю других проповедовать. Он был среди ниневитян пришелец и чужестранец, никому незнакомый; а Я ваш сродник по плоти, происходящий от тех же прародителей, от которых происходите и вы. Но кроме этих непререкаемых преимуществ, еще много и других откроет всякий, кто размыслит об этом прилежнее.

3. Не ограничиваясь указанием на ниневитян, Спаситель представляет и другой пример, говоря: и "**царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона**" (Матф. 12:42)! Этот пример еще убедительнее прежнего. Иона отошел к ниневитянам; а южная царица не хотела дожидаться того, чтоб Соломон посетил ее, но сама пришла к нему, и решилась на это, не удерживаясь ни тем, что она была женщина, ни

тем, что происходила от иного племени, ни дальностью расстояния; решилась не понуждаемая ни угрозами, ни страхом смерти, а единственно по любви к мудрым наставлениям. "**И вот, здесь больше Соломона**"! Соломон, не выходя из чертогов, принял пришедшую к нему жену; а Я сам пришел к неимущим Меня. Соломон принял царицу, пришедшую от концов земли; а Я сам прохожу города и веси. Соломон беседовал с ней о деревах и растениях, и от этих бесед не могла она получить большой пользы; а Я предлагаю беседы о неизреченных вещах, о страшнейших таинствах. Таким образом, осудив фарисеев и неоспоримо доказав, что они грешат непростительно, что их непокорство происходит не от слабости Учителя, но от собственного их злонравия, доказав это и примером ниневитян, и царицы южной, и другими различными доводами, - Спаситель говорит, наконец, и о наказании, имеющем постигнуть их, и говорит прикровенно, впрочем, так что притча Его должна была возбудить в них великий страх. "**Когда**", говорит, "**нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит его незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берет с собой семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого. Так будет и с этим злым родом**" (Матф. 12:43-45). Этими словами Христос показывает, что не только в будущем веке, но еще и здесь фарисеи подвергнутся тягостнейшим наказаниям. Перед тем Он говорил: "**ниневитяне восстанут на суд с родом сим**". Фарисеи, слыша это, могли подумать, что еще не скоро наступит время суда, и оттого могли стать еще беспечнее. А потому, чтобы пресечь им всякий повод к нерадению, Спаситель представляет им теперь страшные бедствия, предстоящие им еще в этой жизни. Подобными бедствиями угрожал им и пророк Осия, говоря: "будут, как пророк безумный, человек духом носимый"[1] (Ос. 9:7), то есть: они будут как лжепророки, приводимые в неистовство и бешенство злыми духами. Под именем пророка изумленного здесь разумеется лжепророк, каковы были гадатели. На это ужасное состояние указывает и Спаситель, и потому говорит, что они потерпят величайшие наказания. Видишь ли, как Он всеми способами побуждает их к внимательному слушанию слов Его, представляя перед взорами их и настоящее, и грядущее, и достохвальные примеры ниневитян и царицы, и страшные примеры погибели тирян и содомлян? Так поступали и пророки, когда приводили в пример сынов Рихавовых, или невесту, не забывающую о своем украшении и поясе, или когда говорили, что вол знает своего хозяина, и осел ясли. Подобным образом и Спаситель, показав через сравнение с другими всю тяжесть злонравия фарисеев, наконец, говорит здесь и об их наказании.

Что ж значат слова Его? Если бесноватые, говорит Он, избавятся от своего недуга и потом будут нерадеть о себе, то этим они привлекают сами на себя привидения, которые еще лютее прежних: в таком же состоянии находитесь и вы. И прежде вы одержимы были бесом, когда поклонялись идолам, когда закалали ваших сыновей в жертву демонам и тем показывали в себе сильное бешенство; но, не взирая на это, Я все не оставлял вас: Я изгонял из вас того беса через пророков, а потом пришел и сам, желая еще более вас очистить. Если же после всего этого вы не хотите внимать Мне, если вы решились еще на большее злодейство (потому что заклать самого Господа - гораздо большее и тягчайшее преступление, чем убивать пророков), то и потерпите за то несравненно более, нежели отцы ваши, бедствовавшие в Вавилоне и в Египте и при Антиохе I. И в самом деле, бедствия, постигшие иудеев при Веспасиане и Тите, были несравненно ужаснее прежних. Потому и сказал Господь: "**тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет**" (Матф. 24:21). Но не только это одно открывается из примера бесноватого, а еще и то, что они совершенно будут чужды всякой добродетели и еще более подвержены действию демонов, нежели прежде. Тогда, хотя они и согрешали, но еще были среди них и праведники, еще присущ был Промысел Божий и благодать Святого Духа, заботившаяся, исправлявшая их и совершавшая все, что ей свойственно; а теперь

они совершенно лишатся попечения Божьего, так что и крайнее оскудение добродетели, и необыкновенное усиление бед, и необузданное владычество демонов над ними будут их уделом. Вы сами знаете, как и в наше время, когда неистовствовал Иулиан, превзошедший своим нечестием всех нечестивцев, иудеи сблизились с греками, и как ревностно перенимали все их обычаи. Теперь они ведут себя, по-видимому, несколько умереннее и тише, но это только оттого, что боятся царей: не будь этого страха - и они пустятся на большие неистовства, чем прежде, потому что в других злых делах они далеко превосходят своих предков, с величайшей ревностью занимаются чародейством и магией и не знают меры в удовлетворении похоти. А в жизни общественной, несмотря на то, что они стянуты крепкой уздой, сколько раз они бунтовали и восставали против царей! Этим и навлекли на себя тяжкие бедствия.

4. Где теперь ищущие знамений? Пусть услышат они, что более всего нужно сердце, чувствительное к добру. А если его не будет, то от знамений нет никакой пользы. Вот ниневитяне уверовали и без знамений; а иудеи, видевшие столько чудес, сделались только худшими, обратили себя в жилище бесчисленного множества бесов и навлекли на себя тысячи бед. Так и должно быть по суду правды. Кто, однажды освободившись от зла, не сделается благоразумнее, тот подвергнется наказаниям, которые гораздо тягостнее прежних. Спаситель для того и сказал: не обретает покоя, - чтобы показать, что наветы бесовские непременно и необходимо обрушатся на тех, которые не воспользовались своим избавлением. В самом деле, надлежало бы таким людям сделаться благоразумнее по двум причинам: первая из них, - мысль о тяжести прежнего страдания; вторая - ощущение драгоценности избавления. К этим причинам можно присовокупить и третью - угрозы, заставляющие опасаться, чтоб не случилось чего хуже. Но иудеи ни одним из этих побуждений не тронулись, и не сделались лучшими. Впрочем, сказанное теперь об иудеях относится не к ним одним, а и к нам, если мы, просветившись и избавившись от прежнего зла, опять прилепляемся к прежним порокам. За грехи, совершенные нами после просвещения, мы понесем более тяжкое наказание. Потому-то Христос и расслабленному сказал: "**вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже**" (Иоан. 5:14). И это сказано человеку, тридцать восемь лет лежавшему в болезни. Ты спросишь: что ж еще хуже этого могло с ним случиться? Могло постигнуть его наказание, гораздо более жестокое и несносное. Не дай Бог нам на самом деле испытать все те страдания, каким мы можем подвергнуться! У Бога наказаний много: "**Как велика милость Его, так велико и обличение Его**" (Иис. Сир. 16:13). Потому-то особенно и обвиняет Он помилованный им Иерусалим, говоря через пророка Иезекииля: "**увидел тебя в кровях твоих, омыл Я тебя и помазал елеем, и пронеслась по народам слава твоя ради красоты твоей; блудила с соседями твоими**" (Иезек. 16:6,9,14,26). А потому и угрожает согрешившему городу тягчайшими наказаниями. Мы же, внимая этому, помыслим не только о наказании, но и о беспредельном долготерпении Божьем. В самом деле, сколько раз мы впадали в те же грехи, а Он все еще терпит нас! Но не будем беспечны, а напротив исполнимся страхом. Если б и фараон вразумился первой казнью, то не испытал бы последующих и не потонул бы вместе со всем своим войском в пучине морской. Я упоминаю об этом потому, что знаю многих людей, которые и ныне, подобно фараону, говорят: не знаю Бога, - и не дают подвластным своим отойти от глины и кирпичей. Бог повелевает смягчить даже угрозы; а между нами сколько есть таких, которые не хотят даже облегчить и тяжелых работ! Но за то им уже не через Черное море предназначено переходить. Им уготовано море огненное, с которым Черное ни по величине, ни по качеству сравниться не может, - море, несравненно обширнейшее и яростнейшее, которого волны все из огня, и огня необыкновенного и ужасного. Там зияет великая пропасть, пышущая лютейшим пламенем. Там повсюду увидишь пробегающий огонь, подобный какому-то свирепому зверю. Если же и здешний чувственный, вещественный огонь, выскочив, как зверь, из печи халдейской, напал на тех, которые

сидели вне ее, то чего не сделает адский огонь с теми, которые впадут в него? Послушай, что говорят о дне суда пророки: "**день Господа лютый, с гневом и пылающей яростью**" (Иса. 13:9). Не найдешь тогда ни заступника, ни избавителя; не увидишь тогда кроткого и тихого лица Христова. Но как сосланные в рудники отдаются под власть людей немилостивых, и не могут видеть никого из своих домашних и друзей, а только видят своих надзирателей, - так будет и тогда, и еще не так, а несравненно хуже. Здесь еще можно прибегнуть к царю и умолить его, и таким образом снять с осужденного оковы; а там это уже невозможно. Из ада никого ни выпускают, и заключенные там вечно горят в огне и претерпевают такое мучение, которого и описать невозможно. Если никакое слово не может выразить и тех лютых страданий, какие терпят люди, сжигаемые здесь, то тем более неизобразимы страдания мучимых там. Здесь, по крайней мере, все страдание оканчивается в несколько минут, а там палимый грешник вечно горит, но не сгорает. Что же нам делать, если попадем туда? Я это говорю к самому себе. Но если ты, учитель, - скажет мне кто-нибудь, - так говоришь о себе; то мне уже нечего и заботиться. Чему дивиться, что меня будут наказывать? Ах, нет! Молю вас, пусть никто не думает искать подобного утешения. В этом нет ни малейшей отрады. Скажи мне: не бестелесной ли силой был дьявол? Не превосходнее ли людей был он? И, однако, он пал. Что ж, разве может кто-нибудь почерпнуть для себя утешение в том, что он будет мучиться вместе с дьяволом? Никак. Что было некогда со всеми египтянами? Не видели ли они, что и начальники их терпят казнь, и в каждом доме слышен плач? Могли ли они, видя это, утешиться и отдохнуть от горести? Совсем нет, как это и видно из их действий впоследствии, когда они, как будто гонимые каким огненным бичом, все предстали перед царем, и заставили его отпустить народ еврейский. Как нелегко это считать утешением, что наказываются вместе со всеми, и говорить: как все, так и я! Что уже говорить о геенне? Представь себе только одержимых болезнью в ногах, и укажи им, в то время как они терзаются чувством жестокой боли, на тысячу других людей, страждущих еще более чем они. Они и не поймут тебя, потому что сильная боль не дает ни малейшей свободы размышлению, чтобы можно было подумать о других и найти в этом утешение. Итак, не будем питать себя такими пустыми надеждами. Извлекать себе утешение из бедствий, претерпеваемых ближним, можно разве только тогда, когда собственные страдания довольно сносны; но когда мучение выходит из границ, когда вся внутренность кипит, когда душа и себя самой уже узнать не может, - тогда откуда почерпнет она утешение?

5. Итак, все эти слова - один только смех и басни несмышленых детей. Утешение, о котором говоришь ты, имеет место только в легкой скорби, только в сносной печали, когда услышим, что и другой то же терпит; да и то не всегда. Если же и в сносной печали оно остается иногда вовсе бессильным, то тем более в той невыразимой болезни и тоске, которая обнаруживается скрежетом зубов. Знаю, что тяжело и неприятно вам слышать от меня такие слова; но что мне делать? Я не желал бы говорить об этом, я рад бы был и в самом себе, и во всех вас сознавать добродетель. Но когда почти все мы живем в грехах, то даруй Боже, чтобы я мог породить в вас истинную печаль, и коснуться самого сердца моих слушателей! Тогда я был бы спокоен и перестал бы говорить об этом. А теперь я страшусь, чтоб некоторые из вас не пренебрегли словами моими, и за пренебрежение и невнимательность не подверглись бы большему наказанию. Если бы какой-нибудь раб, слыша угрозы господина, пренебрег ими, то, конечно, разгневанный господин не оставил бы его ненаказанным, а наложил бы на него за это тягчайшее наказание. Итак, умоляю вас, сокрушимся сердцем, слыша слово о геенне. Поистине нет ничего сладостнее этой беседы, по тому самому, что нет ничего горче самой геенны. Но как же, спросишь ты, может быть сладостна беседа о геенне? Потому именно, что не сладко низринуться в геенну; а напоминания о ней, кажущиеся несносными, предохраняют нас от этого бедствия. Кроме того, они доставляют нам и другую еще усладу, приучают наш дух к сосредоточенности, делают нас более благоговейными, возносят ум наш горе, воскрыляют

наши мысли, прогоняют злое ополчение похотей, осаждающих нас, и, таким образом, врачуют нашу душу. Теперь, после напоминания о наказании, позвольте мне сказать нечто и о стыде, ожидающем нас, потому что как иудеев осудят ниневитяне в день суда, так и нас осудят тогда многие, презираемые нами ныне. Итак, размыслим, какому мы подвергнемся осмеянию, какому осуждению; размыслим - и положим теперь же начало, и войдем в дверь покаяния. Я это говорю самому себе, прежде всех увещеваю к этому самого себя; не гневайся никто, как будто бы я хотел осуждать кого. Вступим на узкий путь. Доколе нам предаваться изнеженности? Доколе лениться? Еще ли не довольно жили мы в беспечности, в смехе, откладывая обращение со дня на день? Или опять все останется по-прежнему: и богатый стол, и пресыщение, и роскошь, и жадность к деньгам, и любостяжание, и охота строиться? Но какой же будет конец? Смерть. Какой конец? Пыль и прах, гроб и черви. Итак, начнем новую жизнь, сделаем землю небом; покажем язычникам, каких лишены они благ. Взирая на благоустроенную жизнь нашу, они будут видеть образ царствия небесного. Когда они увидят, как мы скромны, как свободны от гнева, от злых вожделений, от зависти, от любостяжания, как верно выполняем все обязанности, то скажут: если здесь христиане делаются ангелами, то каковы они будут по переселении отсюда? Если здесь, будучи странниками, они разливают такой свет, то какими они явятся, когда достигнут своего отечества? Таким образом, и язычники, смотря на нас, сделаются лучшими, и слово благочестия распространится столь же обширно, как во время апостолов. В самом деле, если двенадцать апостолов обратили целые города и страны, то подумай, каким успехом увенчаются наши труды, когда мы все, ревностно стараясь о доброй жизни, через это самое сделаемся учителями? Язычника не столько привлекает воскресший мертвец, сколько любомудрый человек. От первого он придет в изумление, а от последнего получит пользу. То было, и прошло; а жизнь любомудрая пребывает постоянно, и всегда споспешествует к доброму возделыванию души его. Итак, позаботимся о себе самих, чтобы приобрести и неверных.

Я не предлагаю вам ничего неудобоисполнимого; не говорю: не женись; не говорю: оставь город и устранись от дел общественных; но увещеваю, чтобы ты, оставаясь при них, украшался добродетелью. Я желал бы даже, чтобы живущие в городах больше отличались доброй жизнью, нежели удалившиеся в горы. Почему? Потому что из этого произошла бы весьма великая польза. Никто не зажигает светильника, и ставит его под спудом (Матф. 5:15). Поэтому-то желал бы я, чтобы все светильники поставлены были на подсвечниках, чтобы разливался от них великий свет. Возожжем же огонь этого света и сделаем то, чтобы сидящие во тьме избавились от заблуждения. Не говори мне: я имею жену и детей, управляю домом, и не могу этого исполнить. Если б ты ничего этого не имел, но оставался беспечным, то никакой не получил бы от этого пользы; а если и при всем этом будешь тщателен, то обогатишься добродетелью. Требуется лишь одно - утверждение духа в добрых расположениях: тогда ни возраст, ни бедность, ни богатство, ни множество дел и ничто другое не может быть нам препятствием. Ведь и старики, и юноши, и женатые, и обязанные воспитывать детей, и ремесленники, и воины успевали исполнять все повеленное. Даниил был юноша, Иосиф был рабом, Акила был ремесленником, порфиропродательница управляла целым заведением; иной был стражем темничным, иной сотником, как Корнилий, иной имел слабое здоровье, как Тимофей, иной даже бежал от господина, как Онисим: и, однако же, никто из них не был удержан никаким препятствием, но все они вели достославную жизнь, и мужи, и жены, и юноши, и старцы, и рабы, и свободные, и воины, и простолюдины. Итак, не будем прикрываться бесполезными и пустыми извинениями, но утвердим в себе доброе намерение. Тогда, какое бы ни было наше звание, мы, без сомнения, сохраним добродетель, и сподобимся грядущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава и честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

[1] Перевод с Септуагинты.

БЕСЕДА 44

"Когда же Он еще говорил к народу, Матерь и братья Его стояли вне дома, желая говорить с Ним. И некто сказал Ему: вот Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобой. Он же сказал в ответ говорившему: кто Матерь Моя? и кто братья Мои? И, указав рукой Своей на учеников Своих, сказал: вот матерь Моя и братья Мои" (Матф. 12:46-49).

1. То самое, о чем я говорил прежде, т. е. что без добродетели все бесполезно, весьма ясно открывается и теперь. Я говорил, что и возраст, и пол, и пустынножительство, и тому подобное бесполезны, когда нет доброго расположения. А теперь мы узнаем еще более: без добродетели нет никакой пользы и Христа носить в чреве и родить этот дивный плод. Это особенно видно из приведенных слов. "**Когда же Он еще говорил к народу**", говорит евангелист, "**некто сказал Ему: вот Матерь Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобой**". А Христос отвечает: "**кто Матерь Моя? и кто братья Мои**"? Это говорит Он не потому, чтобы стыдился Матери Своей, или отвергал родившую Его (если бы Он стыдился, то и не прошел бы сквозь утробу ее); но желал этим показать, что от того нет ей никакой пользы, если она не исполнит всего должного. В самом деле, поступок ее происходил от излишней ревности к правам своим. Ей хотелось показать народу свою власть над Сыном, о Котором она еще не думала высоко; а потому и приступила не во время. Итак, смотри, какая неосмотрительность со стороны ее и братьев! Им надлежало бы войти и слушать вместе с народом, или, если не хотели этого сделать, дожидаться окончания беседы, и потом уже подойти. Но они зовут его вон, и притом при всех, обнаруживая через это излишнюю ревность к правам своим и желание показать, что они с большой властью повелевают Им. Об этом самом и евангелист с укоризной говорит. **Когда же Он еще говорил к народу**", говорит он, намекая на это. Неужели не было другого времени? - как бы так говорит он. Неужели нельзя было поговорить наедине? Да о чем и говорить хотели? Если об истинном учении, то им надлежало предложить об этом явно и говорить при всех, чтобы и другие получили пользу; если же о своих делах, то не должны были так настаивать. Если Христос не позволил ученику Своему пойти и похоронить отца, чтобы последование его за Христом не пресекалось, то тем более не должно было прерывать беседы Его с народом для дел неважных. Отсюда ясно, что они делали это по одному тщеславию, на что и Иоанн указывая, говорил, что "**и братья Его не веровали в Него**" (Иоан. 7:5). Он же передает и неблагоразумные слова их, говоря, как они звали Его в Иерусалим для того единственно, чтобы Его знамениями самим прославиться: "**если такие дела творишь**", говорят они, "**яви Себя миру: никто не делает чего-либо втайне, и ищет сам быть известным**" (Иоан. 7:4). И сам Христос тогда упрекал их в этом, осуждая плотские их помышления. Когда они, ввиду худого мнения о Христе иудеев, говоривших: "**не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли, между нами, Его сестры**" (Матф. 13:55-56; Марк. 6:3)? - желая скрыть низость Его рода, вызывали Его явить знамения, - тогда Он противится им, и тем хочет исцелить болезнь их. Итак, если бы он захотел отречься от Матери Своей, то отрекся бы от нее тогда, когда поносили Его иудеи. Напротив, Он так заботится о ней, что и на самом кресте препоручает ее возлюбленнейшему ученику и проявляет о ней великую заботливость. Но теперь Он не делает того из предусмотрительной любви к ней и братьям. Так как они думали о Нем как о простом человеке, и тщеславились, то Он исторгает этот недуг, не оскорбляя, впрочем, их, но исправляя. Но ты обращай внимание не на одни

только слова, заключающие в себе легкий упрек, но и на неуместную смелость братьев, на которую они отважились, и на того, кто упрекал (это был не простой человек, но Единородный Сын Божий), и с каким намерением упрекал. Он не хотел оскорбить их, но избавить их от мучительной страсти, мало-помалу привести их к правильному о Себе понятию и убедить, что Он не Сын только Матери Своей, но и Господь. И ты увидишь, что этот упрек и Ему весьма приличен, и полезен Матери, и вместе с тем весьма кроток. Он не сказал напомнившему о Матери: пойди, скажи Матери, что она не мать Моя; но возражает ему: "**кто есть мать Моя**"? Говоря это, Он имел в виду еще нечто другое. Что же именно? То, что ни они, и никто другой не должны полагаться на родство и оставлять добродетель. В самом деле, если для Матери Его не будет никакой пользы в том, что она мать, раз она не будет добродетельна, то родство тем менее спасет кого-нибудь другого. Есть одно только благородство - исполнение воли Божьей, и это благородство лучше и превосходнее того (плотского) родства.

2. Итак, зная это, мы не должны гордиться ни достославными детьми, если не имеем сами добродетелей их, ни благородными родителями, если не подобны им по жизни. Можно ведь и родив не быть отцом, и не родив быть им. Вот почему, когда одна жена сказала: "**блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие**" (Лук. 11:27), Христос не сказал на это: не носило Меня чрево, и не сосал Я сосцов, но: истинно, блаженны исполняющие волю Отца Моего (Лук. 11:28)! Видишь, как Он и прежде, и здесь не отвергает естественного родства, но присовокупляет к нему родство по добродетели. Равным образом и Предтеча, говоря: "по**рождения ехиднины! не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам**" (Матф. 3:7,9), не на то указывает, что они (фарисеи и саддукеи) не происходили от Авраама по естеству, но что нисколько не полезно им это происхождение от Авраама, если они не будут иметь с ним родства нравственного. Это самое и Христос показывая, говорил: "**если бы вы были дети Авраама, то дела Авраама делали бы**" (Иоан. 8:39). Этими словами Он не отнимает у них родства по плоти, но научает искать родства лучшего и превосходнейшего. То же самое и здесь Он хочет внушить, но только внушает с большим снисхождением и нежностью; речь шла о Матери и Он не сказал: она не мать Моя, они не братья Мои, потому что не творят воли Моей, не произнес осуждения на них, но, говоря со свойственной Ему кротостью, оставлял на волю их желать другого родства. Творящий, говорит Он, кто "**будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и матерь**" (Матф. 12:50). Потому, если они хотят быть сродниками Его, пусть идут этим путем. Также, когда воскликнула жена: "**блаженно чрево, носившее Тебя**", Христос не сказал: у Меня нет матери, но если мать Моя хочет быть блаженной, пусть творит волю Отца Моего. Таковой для Меня и брат, и сестра и мать. Какая честь! Как велика добродетель! На какую высоту возводит она идущего путем ее! Сколько жен ублажали эту святую Деву и чрево ее, и желали быть такими матерями, и все отдать за такую честь! Что ж препятствует? Вот Христос показал нам пространный путь, и не только женам, но и мужам можно достигнуть столь великой чести, и даже еще гораздо большей. Идя этим путем, скорее можно сделаться матерью, нежели претерпевая болезни рождения. Потому, если родство плотское есть уже счастье, то родство духовное настолько более, насколько оно превосходнее первого. Итак, не просто желай родства, но и с большим тщанием иди путем, ведущим тебя к этому желанию. Сказав это, Спаситель вышел из дому. Видишь ли, как Он и упрек сделал, и исполнил их желание? То же самое делает Он и на браке. И там Он сделал упрек матери Своей, которая безвременно просила Его, и, однако же, не отказал ей, - упреком врачуя немощь ее, исполнением просьбы показывая любовь Свою к Матери. Так точно и здесь, с одной стороны, Он врачевал недуг тщеславия, с другой - воздал должную честь Матери, хотя требование ее было и неуместно. "**В день тот**", говорится, "**выйдя из дома, Иисус сел у моря**" (Матф. 13:1). Если хотите видеть и слышать Меня, - говорит Он, - то вот Я выхожу и беседую. Сотворив много знамений, Он хочет опять доставить пользу учением

Своим, и садится у моря, чтобы ловить и привлекать к Себе людей, находящихся на земле. Сел же Он у моря не без намерения (на что и евангелист намекает, отмечая это обстоятельство), но, желая поставить Себя в таком положении, чтобы никого не было позади Него, а все перед глазами. "**И собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сел; а весь народ стоял на берегу**" (Матф. 13:2). Когда Он сел тут, начал поучать притчами. "**И поучал их много притчами**" (Матф. 13:3). Не так Он поступил на горе: там слово Свое не предложил Он в столь многих притчах. И это потому, что там был только простой и необразованный народ, а здесь находились и книжники и фарисеи. Но заметь, какую прежде говорит Он притчу, и как по порядку предлагает их Матфей. Итак, какую же прежде говорит Он? Ту, которую должно было, прежде всего, сказать, и которая более способна возбудить внимание в слушателе. Намереваясь говорить прикровенно, Он прежде возбуждает ум слушателей притчей. Потому и другой евангелист говорит, что Христос сделал им упрек за то, что они не разумеют: "**не понимаете этой притчи**" (Мрк. 4:13)? Впрочем, не для того только говорит Он притчами, но и для того, чтобы сделать слово Свое более выразительным, глубже запечатлеть его в памяти, и представить предмет нагляднее. Так поступают и пророки.

3. Итак, какая ж это притча? "**Вышел сеятель сеять**". Откуда вышел вездесущий и все исполняющий? Или, как вышел? Не местом стал Он ближе к нам, но расположением и промышлением о нас, когда облекся плотью. Так как грехи заграждали нам доступ к Нему и не позволяли взойти, то Он сам выходит к нам. И для чего вышел? Погубить ли землю, исполненную терний? Наказать ли земледельцев? Нет. Он вышел для того, чтобы тщательно возделать землю и посеять на ней слово благочестия. Здесь под семенем Христос разумеет Свое учение, а под нивой души человеческие, под сеятелем же Себя самого. Какой же плод этого семени? Три части его погибают и одна только остается. "**И когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то**" (Матф. 13:4). Христос не сказал, что Он сам бросил, но что семя упало. "**Иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать. Кто имеет уши слышать, да слышит**" (Матф. 13:5-9). Четвертая часть уцелела, да и та не одинаковый принесла плод, но большое и здесь различие. Из этих слов видно, что Христос предлагал учение Свое всем без различия. Как сеятель не различает находящейся перед ним нивы, но просто и без всякого различия бросает семена, так и Он не различает ни богатого, ни бедного, ни мудрого, ни невежду, ни беспечного, ни заботливого, ни мужественного, ни робкого; но всем проповедал, исполняя Свое дело, хотя и наперед знал, какие от этого будут плоды, чтобы можно было Ему сказать: что Мне еще нужно было сделать, и не сделал (Иса. 5:4)? Пророки говорят о народе, как о винограде: "**у Возлюбленного моего был виноградник**"; и: "**из Египта перенес Ты виноградную лозу**" (Ис. 5:1, Псал. 79:9). А Христос говорит о народе, как о семени. Что же Он показывает этим? То, что теперь народ будет скоро и легко повиноваться, и тотчас даст плод. Когда же ты слышишь, что "**вышел сеятель сеять**", то не почитай этого тождеством. Сеятель выходит часто и для другого дела, например: вспахать землю, или истребить негодную траву, или исторгнуть терние, или сделать другое что-нибудь подобное; но Христос вышел для сеяния.

Отчего же, скажи мне, погибла большая часть семени? Это произошло не от сеявшего, но от земли приемлющей, т. е. от души не внимавшей. Но почему не говорит Он, что иное семя приняли беспечные, и погубили его; другое приняли богатые, и подавили его; иное слабые, и пренебрегли его? Он не хочет сделать им сильного упрека, чтобы не ввергнуть их в отчаяние, но предоставляет обличение собственной совести слушателей. Впрочем,

это случилось не только с семенем, но и с неводом. И в нем было много бесполезного. Настоящую притчу Христос предлагает для укрепления и наставления учеников Своих, чтобы они не унывали, хотя и большинство приемлющих слово их погибнут. То же было и с самим Господом; и хотя Он наперед знал, что так именно будет, не переставал, однако же, сеять. Но благоразумно ли, скажешь, сеять в тернии, на каменистом месте, при дороге? Конечно, в отношении к семенам и земле это было бы не благоразумно; но в отношении к душам и учению это весьма похвально. Если бы земледелец стал так делать, то справедливо заслуживал бы порицания, потому что камню нельзя сделаться землей, и дороге не быть дорогой, и тернию не быть тернием; но не то бывает с существами разумными. И камню можно измениться и стать плодородной землей; и дорога может быть не открытой для всякого проходящего и не попираться его ногами, а может сделаться тучной нивой; и терние может быть истреблено, и семена могут расти беспрепятственно. Если бы это было невозможно, то Христос и не сеял бы. Если же такое изменение происходило не во всех, то причиной этого не сеятель, но те, которые не хотели измениться. Христос исполнил Свое дело; если же они пренебрегли Его учением, то явивший столь великое человеколюбие не виновен в том. Заметь еще и то, что не один путь погибели, но различные, и один от другого далеко отстоящие. Те, которые подобны дороге, это - нерадивые, беспечные и ленивые, а камень изображает только слабейших. "**Посеянное на каменистых местах**", говорит Христос, "**означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его; но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняется**. **Ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его - вот кого означает посеянное при дороге**" (Матф. 13:20-21,19). Не одно и то же, когда учение теряет силу свою без всяких козней и притеснений, и - когда оно бывает недействительно при искушениях. Те же, которые подобны тернию, виновнее всех прочих.

4. Итак, чтобы не случилось с нами чего-нибудь подобного, будем усердно внимать учению и беспрестанно иметь его в памяти. Пусть дьявол и хищничает; но от нас зависит не давать ему расхищать. Если семена и засыхают, то не зной бывает причиной этого, - не сказано, ведь, что посохли от зноя, но: "**как не имели корня**". Если и подавляется слово, то не от терния это происходит, но от тех, которые допустили взойти ему. Можно, если захочешь, не допустить этого негодного растения и богатство употребить, как должно. Потому Христос не сказал: век, но: "**забота века**"; не сказал: богатство, но: "**обольщение богатства**" (Матф. 13:22). Итак, будем обвинять не самые вещи, но испорченную волю. Можно и богатство иметь, и не обольщаться им, - и в веке этом жить, и не подавляться заботами. Богатство соединяет в себе два противоположные зла: одно сокрушает и омрачает - это есть забота; другое расслабляет - это есть роскошь. И хорошо сказал Спаситель - "**обольщение богатства**", потому что все в богатстве лесть, - имена только, а не действительность. Подлинно, и удовольствие, и слава, и пышность и все тому подобное - один только призрак, а не действительная истина. Итак, сказав о различных родах погибели, Он, наконец, говорит и о доброй земле, чтобы не привести в отчаяние, но подать надежду на раскаяние и показать, что возможно из камня и терния обратиться в добрую землю. Но если и земля хороша, и сеятель один, и семена одни и те же, то почему одно семя принесло плод во сто крат, другое в шестьдесят, третье в тридцать? Здесь опять различие зависит от свойства земли, потому что и в хорошей земле можно найти много различия. Теперь видишь, что виной этому не земледелец, и не семена, но приемлющая земля. Различие это зависит не от природы людей, но от их воли. И здесь открывается великое человеколюбие Божье в том, что Господь требует не одинаковой степени добродетели, но и первых приемлет, и вторых не отвергает, и третьим дает место. Это говорит Он для того, чтобы последователи Его не подумали, что для спасения достаточно одного слушания. Почему же, скажешь ты, Он не сказал о других пороках, - например, о

плотском вожделении, тщеславии? Сказав: "**забота века сего и обольщение богатства**", Он все сказал, потому что и тщеславие, и все другие пороки дело века сего и лести богатства, как, например, удовольствие, жадность, зависть, тщеславие и все прочее, подобное этому. О пути же и камне Он упомянул, желая показать, что недостаточно освободиться от любви к богатству, но нужно позаботиться и о другой добродетели. Что пользы в том, если ты не пристрастен к богатству, но женоподобен и изнежен? Что пользы в том, если не изнежен, но беспечно и нерадиво слушаешь слово? Недостаточно одной добродетели для спасения нашего, но нужно, во-первых, тщательное слушание слова и всегдашнее памятование о нем; потом нужно мужество; далее - презрение богатства, и, наконец, - бесстрастие ко всему житейскому. Слушание слова потому ставит Он, прежде всего прочего, что оно, прежде всего, нужно. "**Как уверуют**", если не услышат (Рим. 10:14)? Так и мы (если не будем внимать слову, не будем иметь возможности узнать то, что должно делать). Потом уже говорит Он о мужестве и о презрении настоящих благ. Итак, зная это, оградим себя отовсюду, будем внимать слову, глубоко насаждать его в себе и очищать себя от всего житейского. Если будем одно делать, а о другом нерадеть, то не будет нам никакой пользы: так или иначе, все равно погибнем. Какое различие, если погибнем не от богатства, а от беспечности, или не от беспечности, а от изнеженности? Земледелец все равно скорбит, как бы он ни погубил семени. Итак, не будем утешаться тем, что мы погибаем не во всех отношениях, но будем плакать, каким бы образом мы ни погибали и будем сжигать терние, потому что оно подавляет слово. Это знают богатые, которые не способны не только к этому, но и ни к чему другому. Будучи рабами и пленниками страстей, они не способны и к гражданским делам. Если ж они не способны и к этому, то тем более к небесному. Двоякая язва заражает помышления их: роскошь и забота. Каждая из них сама по себе достаточна для потопления челнока. Представьте же, какое произойдет волнение, когда обе соединятся!

5. Не удивляйся тому, что Христос назвал роскошь тернием. Ты, упоенный страстью, не знаешь этого; но не зараженные этой страстью знают, что роскошь уязвляет более, нежели терние, и изнуряет душу сильнее, нежели забота, и причиняет самые мучительные болезни, как телу, так и душе. Не столько мучит забота, сколько пресыщение. Когда бессонница, боль в висках, тяжесть в голове и болезни в желудке мучат пресыщенного, то представь, скольких терний несноснее это! Как терние, с какой бы стороны ни брали его, окровавливает руки, так и роскошь вносит язву и в ноги, и в руки, и в голову, и в глаза, - словом, во все члены; она безжизненна и бесплодна как терние, и гораздо больше его вредна, и вредна для существеннейших частей. В самом деле, она преждевременно приближает к старости, притупляет чувства, омрачает мысль, ослепляет проницательный ум, наполняет тело влагами, скопляет гной, причиняет множество болезней и производит большую тяжесть и непомерную тучность, от чего и бывают постоянные падения, частые крушения. Для чего, скажи мне, утучняешь ты тело? Разве мы собираемся принести тебя в жертву? Или предложить на трапезу? Хорошо откармливать птиц, - или лучше сказать, и их не хорошо, потому что, когда они утучнеют, употребление их в пищу уже не бывает для нас здоровым. Так-то велико зло - пресыщение: оно вредно и бессловесным. Откармливая, делаем их бесполезными и для них самих, и для нас, потому что от этой тучности и пища неудобно варится, и соки гниют. Но те животные, которых не много кормят и которые, так сказать, постятся, употребляют пищу в умеренном количестве и находятся в трудных работах, бывают весьма полезны и для себя и для других, годны для пищи и для всего прочего. Те, которые питаются ими, бывают более здоровы; те же, которые употребляют в пищу жирных животных, уподобляются им, становятся ленивыми, больными и сами на себя налагают тягчайшие узы. Ничто столько не противно и не вредно телу, как пресыщение; ничто столько не разрушает, не обременяет и не губит его, как неумеренное употребление пищи. Поэтому можно только удивляться безумно пресыщающимся, что они не хотят даже и настолько поберечь себя самих, сколько другие

берегут мехи. Продавцы вин не наполняют и мехи более надлежащего, чтобы не прорвать их; а они и такой заботы не хотят иметь о бедном своем чреве, но до чрезмерности обременяют его пищей, наполняют себя вином до ушей, ноздрей и самого горла, и таким образом сугубо стесняют дух и ту силу, которая устраивает животную жизнь. Для того ли дана тебе гортань, чтоб ты до самых уст наполнял ее вином и другими вредными веществами? Не для того, человек, но чтоб, во-первых, славословить Бога, воссылать к Нему священные молитвы, читать божественные законы; во-вторых, подавать советы полезные ближним. А ты, как будто для обжорства только получив гортань, не даешь ей ни малейшего времени для священного занятия, а всю жизнь употребляешь ее на постыдную работу. Таковые люди поступают подобно тому, кто, взяв арфу, имеющую струны золотые и хорошо настроенную, вместо того, чтоб ударять в нее и извлекать гармоничные звуки, завалит ее навозом, всякой дрянью. Навозом я называю не пищу, но пресыщение и всякую неумеренность, так как то, что сверх меры, не питает уже, а только вредит. Одно чрево дано только для принятия пищи, а уста, гортань и язык даны и для других, более необходимых занятий; или лучше, и чрево дано не просто для принятия пищи, но для принятия пищи умеренной. Оно само показывает нам это, так как всегда вопиет против нас, когда мы повредим ему таким излишеством; и не только вопиет, но, в отмщение за несправедливость, налагает на нас и величайшее наказание. И, во-первых, оно наказывает ноги, которые носят нас и водят на роскошные пиршества; потом связывает служащие ему руки за то, что они доставляли ему столь многие и столь хорошие яства. А многим оно повредило и самые уста, глаза и голову. Как раб, когда возложат на него что-либо свыше сил, в сильном негодовании оскорбляет своего господина, так и чрево, которому сделали насилие, часто губит и портит, вместе с прочими членами, и самый мозг. Потому хорошо устроил Бог, соединив с неумеренностью такие вредные следствия, чтобы ты, если по доброй воле не хочешь поступать благоразумно, хотя невольно, из-за страха и великого вреда, научился умеренности. Итак, зная это, будем убегать от роскоши, будем заботиться об умеренности, чтобы и здоровьем телесным наслаждаться и, избавив душу от всякой болезни, сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том VII

Книга 2

ТОЛКОВАНИЕ НА СВЯТОГО МАТФЕЯ ЕВАНГЕЛИСТА

БЕСЕДА СОРОК ПЯТАЯ. Изъяснение 13:10-23. Благоразумие учеников. - Благодать не уничтожает свободы. - Иудеи сами были причиною того, что не понимали учения Христова. - Христос хотел их обращения и спасения. - Грех не есть дело природы или необходимости. - Многообразие путей спасения. - Увещание к милостыне и сострадательности к бедным.

БЕСЕДА СОРОК ШЕСТАЯ. Изъяснение 13:24-33. Отличие притчи от предыдущей. - Дьявол придает заблуждению подобие истины. - Необходимость постоянного бодрствования. - Не должно убивать еретиков; не запрещается их обуздывать. Действие и сила апостольской проповеди. - Не чудотворения, а добродетели соделали великими апостолов и других святых. - Благодать чудотворений и привлекается добродетельною жизнью, и дается для исправления других. - В чем состоит истинно добрая жизнь.

БЕСЕДА СОРОК СЕДЬМАЯ. Изъяснение 13:34-52. Для чего Христос учил в притчах. - Не должно понимать притчей буквально. - Важность и многоценность проповеди. - Отречение от всего житейского есть не потеря, а приобретение. - Одной веры не довольно для спасения. -Вред нерадения о чтении Писания. - Глава и члены добродетели. - Ев. Матфей, как пример добродетели. - Без милостыни невозможно спасение. - Превосходство души произвольно-убогого над душою богатого.

БЕСЕДА СОРОК ВОСЬМАЯ. Изъяснение 13:53 - 14:11. Незнатность происхождения Христа должна была вызывать большее удивление к Его учению. - Почему в отечестве своем Христос сотворил немногие чудеса. Мнение Ирода о Христе. - Преступление Иродиады и Ирода. - В чем состоял закон, нарушенный Иродом. - Вред пляски и пиршеств. - Страдания, причиняемые праведнику, увеличивают его награду. - Распутство бывает причиною многих преступлений. - Грех покрывается не присовокуплением греха, а покаянием. - Должно не осмеивать, а прикрывать грехи ближних. - Преступность пиршеств, устрояемых для тунеядцев. - Должно исправлять тунеядцев, употребляя их на служение добрым делам.

БЕСЕДА СОРОК ДЕВЯТАЯ. Изъяснение 14:13-32. Почему Христос после известия о смерти Иоанна удаляется в пустыню. - Привязанность народа ко Христу. - Несовершенство веры учеников. - Почему одни чудеса Христос совершал собственною властью, другие именем Отца. - Умножение хлебов свидетельствует, что Христос есть Творец всего видимого. - Способ совершения чуда и цель его. - Не должно искать людской славы. - Духовные блага должно предпочитать чувственным. - Милосердие превосходнее всех искусств. - Всякое искусство достойно своего имени, доколе служит к удовлетворению необходимого. - Против роскоши в обуви и одежде.

БЕСЕДА ПЯТИДЕСЯТАЯ. Изъяснение 14:23-36. Для чего Христос попускает ученикам обуреваться волнами и страхом. - Бог посылает сильнейшее испытание, когда хочет избавить от опасностей. - Сила любви Петра ко Христу; его маловерие. - Действие чуда на учеников и народ. - Христос и ныне предлагает Себя всем в евхаристии. - Евхаристия ничем не отличается от вечери, совершенной Самим Христом. - Евхаристия требует совершенной чистоты от приступающего к ней. - Милостыня угоднее Богу, чем богатые приношения во храм.

БЕСЕДА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. Изъяснение 15:1-20. Иудейские священники виновны были во введении новых постановлений и в предпочтении их заповедям Божиим. - Почему ученики Христа ели неумытыми руками. - Фарисеи учили под видом благочестия презирать заповеди закона. - Христос отвергает постановления о пище и - прикровенно - все другие обрядовые предписания. - Христос не порицает закона. - Человека оскверняет нечистота сердца. - Должно приступать к молитве с чистыми устами и сердцем, свободным от гнева. - Не должно молиться против врагов. - Обижающий причиняет вред только самому себе.

БЕСЕДА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ. Изъяснение 15:21-31. Христос отверзает дверь язычникам. - Сила веры и смирения хананеянки. - Почему Христос медлил исполнением ее просьбы. - Милостыня ценится не по количеству подаваемого, а по силе расположения. - Превосходство милостыни пред всеми другими искусствами. - Наклонность к милосердию положена в самой природе. - Милосердие - отличительный признак человека. - Хищник не может получить плода милостыни.

БЕСЕДА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. Изъяснение 15:32 - 16:12. Несомненность чудесного насыщения. - Несовершенство веры учеников. - Их любомудрие. - Почему Христос не дал знамения просившим иудеям. - Малые по видимости чудеса Христовы по своей силе превосходили великие. - Строгость бывает так же полезна, как и снисходительность. - Настоящая жизнь есть смена радостей и печалей. - Ничто не доставляет большей радости, как добродетель. - Память добрых дел служит великим утешением в час смерти.

БЕСЕДА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. Изъяснение 16:13-23. Для чего Христос спрашивает учеников предварительно о мнении народа о Нем. - В каком смысле Петр исповедал Христа Сыном Божиим. - Единосущие Христа с Отцом. - Почему до страданий Спаситель запрещал разглашать, что Он есть Христос. - Тайна креста и воскресения неизвестна была и апостолам. - Не должно стыдиться креста Христова. - С какими мыслями и расположениями должно совершать знамение креста. - Сила креста. - Христианин не должен иметь ничего общего с землею. - Легкоисполнимость заповедей.

БЕСЕДА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. Изъяснение 16:24-27. По примеру Христа должно всегда быть готовым на смерть. - Почему Христос не принуждает, а приглашает к последованию за Собою. - Что значит отвергнуться самого себя. - До чего должно простираться самоотвержение. - Не всякое страдание является последованием Христу. - В чем истинное спасение и истинная погибель души. - Равночестие и единосущие Сына с Отцом. - Похвала жизни иноков. - Изъяснение употребляемой ими молитвы после принятия пищи. - Увещание подражать образу жизни иноков.

БЕСЕДА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ. Изъяснение 16:28 - 17:9. Почему Христос более говорит о наградах, чем угрожает наказаниями. - Почему являются при преображении Моисей и Илия. - От учеников Христовых требуется большее совершенство, чем показали Моисей и Илия. - Любовь Петра ко Христу. - Равенство Сына с Отцом. - Почему Христос

запрещал разглашать о Своем преображении до страданий. - Слава будущего пришествия Христова. - Добродетель легка, порок тягостен. - Против ростовщичества.

БЕСЕДА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ. Изъяснение 17:10-21. Двоякое пришествие Христа. - Илия - предтеча второго пришествия. - Почему Иоанн называется Илиею. - Чудо может совершаться как по вере посредника, так и одною силою чудотворца. - Маловерие отца бесноватого отрока. - Почему бесноватые называются лунатиками. - Апостолы не всегда были одинаково совершенны. - Для изгнания демонов необходим пост, соединенный с молитвою. - Роскошь и пьянство источник всех зол. - Должно осуждать не вино, а пьянство. - Пагубные следствия пьянства.

БЕСЕДА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ. Изъяснение 17:22 - 18:6. Значение смерти Христовой и воскресение непонятны были ученикам. - Что такое дидрахма, которую спрашивали со Христа. - Христос - истинный Сын Божий и владыка вселенной. - Страсть тщеславия не чужда была ученикам. - Примером отрока Христос научает смирению и простосердечию. - Великость награды и наказания презирающим людей смиренных. - Высокомерие делает человека безумным. - Знатность происхождения не дает никакого действительного преимущества. - Богатство лишает благородства и свободы. - Почести не приносят пользы телу и вредят душе.

БЕСЕДА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ. Изъяснение 18:7-14. Для чего говорит Христос о пришествии соблазнов. - Непреложность пророчества не уничтожает свободы воли. - Погибель не зависит от соблазнов. - Польза соблазнов. - Всякий бывает добродетелен или порочен по своей воле. - Зло не совечное Богу начало. - Зло есть неповинение Богу, происходящее от беспечности. - Путь для избежания соблазнов, указанный Христом. - Должно заботиться о спасении ближних. - Одно благочестие должно утверждать узы дружества. - В заботе о спасении ближних должно быть терпеливым. - Для спасения не достаточно одной собственной добродетели. - Увещание заботиться о надлежащем воспитании юношей.

БЕСЕДА ШЕСТИДЕСЯТАЯ. Изъяснение 18:15-20. Как должно обличать согрешающих. - Почему Спаситель посылает оскорбленного к оскорбившему и повелевает обличать ему, а не кому другому. - Цель обличения. - Почему молитва живущих согласно не всегда бывает услышана. - Любовь к ближним должна иметь основанием Христа. - Непостоянство любви, проистекающей из житейских выгод, и твердость любви ради Христа.

БЕСЕДА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. Изъяснение 18:21-35. Прощение обид - всегдашняя наша обязанность. - Сколь велико различие между грехами против Бога и против человека. - Величие благодеяний Божиих усугубляет тяжесть грехов против Бога. - Обличение пороков воинов, ремесленников, землевладельцев. - Изъяснение притчи о прощенном и оказавшемся неблагодарным должнике. - Польза безропотного перенесения обид. - Должно скорбеть о причиняющих нам зло.

БЕСЕДА ШЕСТДЕСЯТ ВТОРАЯ. Изъяснение 19:1-15. Злоба и коварство фарисеев. - Нерасторжимость брака. - Христос научает предпочитать девство браку. - Отсечение членов- дело дьявольское. - Необходимость благодатной помощи для избирающих девство. - Должно уподобляться по душевным свойствам детям. - Незлобивый сильнее злого. - Примеры Давида и Саула. - Страсти причиняют вред обладаемым ими в настоящей жизни.

БЕСЕДА ШЕСТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. Изъяснение 19:16-26. Намерение вопрошавшего юноши. - Смысл и цель ответа Христа. - Приращение богатства усиливает страсть к нему. - Нужна особая помощь благодати, чтобы при богатстве жить благочестиво. - Христос не усвояет дела спасения одному Богу. - Как должно ослаблять страсть к богатству. - Богатство бывает причиною бедствий в здешней жизни. - Размышление о бедствиях и опасностях, соединенных с богатством, предохраняет от обольщения им.

БЕСЕДА ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. Изъяснение 19:27 - 20:16. Бедность не препятствует быть совершенным. - Обетования Божии условны. - В каком смысле апостолам обещается суд над двенадцатью коленами. - Смысл и цель притчи о виноградаре и делателях. - Призвание зависит от готовности человека повиноваться Богу. - Для спасения нужны правая вера и добродетельная жизнь. - Пренебрежение одной какой-либо добродетели приводит к погибели. - Милосердие делает душу непобедимою для дьявола. - Не должно соблазняться примером ленивых.

БЕСЕДА ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. Изъяснение 20:17-28. Почему Христос о своих страданиях говорит ученикам наедине. - Апостолы не имели ясного знания о тайне страдания и воскресении. - Чего и с каким намерением просили сыновья Зеведеевы. - Как Христос исправляет их просьбу. - Степень прославления обусловливается достоинством дел. - Степень совершенства апостолов до и после сошествия Св. Духа. - Смирение умножает славу. - Нет ничего выше смирения и ниже гордости. - Доказательство превосходства смиренного над гордым.

БЕСЕДА ШЕСТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ. Изъяснение 20:29 - 21:11. Настойчивая молитва преклоняет Бога. - Милосердие Христа простиралось только на достойных. - Чему научает событие беспрекословного отдания ослицы. - Жизнь Христа должна быть примером для нас. - Прообразовательное значение входа Христа на осляти. - Увещание к милостыне. - Недостаточность подаваемой милостыни сравнительно с богатством города (Антиохии). - Неизвинительность предлогов для отказа в милостыни. - Милостыня есть лучшее приобретение.

БЕСЕДА ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ. Изъяснение 21:12-32. Ожесточение иудеев. - Значение хвалы отроков. - Для чего проклята смоковница. - Почему Христос не говорит иудеям о праве Своей власти. - Христос заставляет их осудить самих себя. - Для чего представляет им в пример блудниц и мытарей. - Никакой грешник не должен отчаиваться в исправлении, равно как добродетельный не должен предаваться беспечности. - Превосходство труда для добродетели пред мирскими трудами.

БЕСЕДА ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ. Изъяснение 21:33-46. Толкование притчи о винограднике. - Христос предрекает отвержение иудеев и принятие язычников. - Иудеи сами виновны в своей погибели. - Блага будущие должно предпочитать настоящим. - Жизнь монашеская вожделеннее мирской жизни. - Описание образа жизни монахов. - Сравнение удовольствий, даваемых театром и монастырем. - Увещание поучаться жизни среди монахов.

БЕСЕДА ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ. Изъяснение 22:1-14. Сходство и различие притчей о винограднике и о брачном пире. - Почему царство небесное называется браком. - Три вины иудеев. - Попечение Божие об иудеях и их непризнательность. - Отвержение иудеев и призвание язычников. - Призвание бывает по благодати; должно соответствовать благодати послушанием. - Должно заботиться об одеянии души, не тела. - Указание на пример пустынников. - Простота жилища и трапезы монахов. - Безмятежность их жизни. - Презрение земных достоинств и отличий.

БЕСЕДА СЕМИДЕСЯТАЯ. Изъяснение 22:15-33. Намерение иудеев уличить Христа в возмутительстве против власти. - Как обличает их Христос. - Кто были саддукеи. - Вымышленность их рассказа о жене, имевшей семь мужей. - Свойства и действительность будущего воскресения. - Изображение брани, подвигов и побед пустынников над пьянством и чревоугодием. - Сравнение трапезы сластолюбцев и пустынников.

БЕСЕДА СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. Изъяснение 22:34-46. Связь заповедей о любви к Богу и ближнему. - За что Христос похвалял вопрошавшего законника. - Христос утверждает учение о Своем Божестве. - Тщеславие обращает в свою пищу и добрые и худые дела. - Против тщеславящихся раздаянием милостыни. - Милостыня должна быть тайной. - Ищущий славы чрез милостыню навлекает на себя осуждение и бесславие.

БЕСЕДА СЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ. Изъяснение 23:1-13. Согласие Христа с Отцом. - Должно слушать учителей, хотя бы развращенных. - Учитель, преступающий закон, заслуживает особенного осуждения. - Жестокость и тщеславие фарисеев. - Что такое хранилища и воскрылия. - Учитель во всем должен являться образцом. - Христос предохраняет от любоначалия и внушает смирение. - Пример смиренномудрия показывают отшельники. - Образ жизни пустынников удаляет их от гордости. - Общественная жизнь не может служить извинением гордости.

БЕСЕДА СЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. Изъяснение 23:14-28. Прикрывающий злые дела личиной благочестия заслуживает сугубого наказания. - Фарисеи были губителями желавших спасения. - Цель ветхоз. предписаний о внешних очищениях. - Добродетели, очищающие душу: правда, человеколюбие, истина. - Против не заботящихся о душевной чистоте. - Против высматривающих в храме красивых женщин. - Сравнение нравов апостольского времени с современными. - Против женских нарядов, женитьбы из-за денег, развращающих поговорок.

БЕСЕДА СЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. Изъяснение 23:29 -39. Почему Христос осуждает фарисеев за устроение гробниц пророков. - Фарисеи притворно осуждали своих отцов и превосходили их нечестием. - Невразумляющиеся наказанием других несут тягчайшее наказание. - Любовь Христа к иудеям и казнь за отвержение ее. - Позднее раскаяние иудеев не принесет им пользы. - Увещание заботиться о душе и лечить душевные недуги - в частности сребролюбие - у врачей духовных.

БЕСЕДА СЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. Изъяснение 24:1-15. Исполнение пророчества о разрушении храма. - Пророчество о бедствиях иудеев и искушениях апостолов. - Христос исправляет мнение учеников о времени конца мира. - Почему разрушение Иерусалима совершилось после распространения проповеди Евангелия. - Доказательством силы Христовой служит то, при каких тяжких условиях совершилась победа проповеди. - Против учения о круговращении времен и влиянии звезд на судьбу человека. - Доброе неведение лучше худого знания. - Тяжесть греха уменьшается или увеличивается в зависимости от обстоятельств и лица согрешающего.

БЕСЕДА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ. Изъяснение 24:16-31. Тяжесть бедствий иудеев по пророчеству Христа и по свидетельству Иосифа (Флавия). - Причина бедствий. - О каких избранных говорит Христос. - Время и образ второго пришествия. - Для чего явится крест. - Должно добровольно ради Христа делать то, что бывает с нами по необходимости. - Во Христе удовлетворение всех наших желаний и нужд. - Суетность и гибельность житейских попечений. - Необходимость будущего суда и наказаний.

БЕСЕДА СЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ. Изъяснение 24:32-51. Для чего Христос приводит пример смоковницы. - В каком смысле употреблено выражение род сей. - Истинность пророчеств Христа. - Христос знал день кончины мира. - Внезапность второго пришествия. - Почему оставлен в неизвестности день суда и смерти каждого человека. - Примеры выражений Христа и Бога Отца, показывающих Их неведение. - Для чего Бог говорит таким образом. - Для надлежащего пользования даром потребны благоразумие и верность. - Польза неизвестности дня суда. - О надлежащем употреблении богатства. - Должно преимущественно заботиться о добродетелях, приносящих пользу ближним. - Молитва, пост и девство заимствуют силу от милостыни. - Забота о спасении ближних неразлучна от заботы о собственном спасении.

БЕСЕДА СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ. Изъяснение 25:1-30. Отличие притчи о девах от других подобных притч. - Девство, лишенное дел милосердия, осуждается наравне с прелюбодейством. - Кроме собственных дел ничто не может спасти нас. - Исправление по смерти не приносит пользы. - Отличие притчи о талантах, излагаемой у Матфея, от излагаемой у Луки. - Изъяснение притчи. - Все дары Божии должно употреблять на пользу ближним. - О надлежащем употреблении языка. - Увещание подражать в пользовании языком примеру Христа.

БЕСЕДА СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ. Изъяснение 25:31 - 26:5. Описание страшного суда. - Смерть Христа есть торжество и избавление вселенной от зол. - Сколько было первосвященников. - Человеколюбие Христа. - Увещание подражать Его примеру. - О прощении обид. - Памятозлобие запрещается в ветхом завете. - Человек добрый не может потерпеть никакого вреда от обид.

БЕСЕДА ВОСЬМИДЕСЯТАЯ. Изъяснение 26:6-16. Три евангелиста говорят об иной жене, чем Иоанн. - Для чего упоминается о проказе Симона и называется имя города. - Чего искала жена. - Почему Христос допустил помазание миром. - От людей немощных не должно требовать высоких дел с самого начала. - Истиннолюбие евангелистов. - Злоба Иуды. - Сребролюбие - ужаснейшая из страстей. - Изображение сребролюбца. - Добродетельному никто не может причинить зла. - Бедность обогащает душу, богатство делает бедною.

БЕСЕДА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ. Изъяснение 26:17-25. Что разумеется под первым днем опресночным. - Для чего Христос посылает к неизвестному человеку. - Образ и дело обличения Иуды. - Иуда не был служителем домостроительства спасения. - Для чего Бог попускает родиться злым. - Не рождение, а беспечность делает злым. - Сколь велико зло сребролюбия. - Иудино бегство. - Сребролюбцы причиняют себе и другим более вреда, чем бесноватые. - Не освободившийся от сребролюбия не может победить и других страстей. - В каждом возрасте должно подавлять соответствующие страсти.

БЕСЕДА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВТОРАЯ. Изъяснение 26:26-35. Ослепление предателя. - Для чего Христос совершил таинство Евхаристии во время пасхи. - Значение таинства. - Для чего Христос ел и пил по воскресении. - Своим примером Христос научает начинать и кончать трапезу молитвой. - Страх и бегство учеников служат доказательством смерти Спасителя. - Почему Христос попустил падение Петра. - Для спасения необходимы как благодатная помощь, так и собственное старание. - Как должно смотреть на таинство. - В Евхаристии дается вкушение Христа. - Величие благодеяний таинства требует соответствующего расположения от приступающих. - Увещание служителям таинства испытывать достоинство причащающихся.

БЕСЕДА ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ. Изъяснение 26:36 -50. Образ и цель молитвы Спасителя. - Страдание Христа не следствие Его вины или необходимости, а дело божественного промышления. - Снисхождение и кротость Христа усиливает вину предателя. - Сребролюбие подвергает опасностям и скорбям, лишает удовольствий и усиливает недуги телесные и душевные. - В чем состоит истинное украшение и истинное безобразие дома.

БЕСЕДА ВОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ. Изъяснение 26:51-66. Для чего Христос повелел ученикам иметь мечи и мех. - Почему Он воспретил ученикам защищаться. - Доказательства добровольного предания. - Беззаконность суда над Христом. - Почему хотели предать Христа публичной смерти. - Коварство само себя обличает. - Не всегда должно искать победы. - Истинная победа дается терпением. - Пример Иосифа.

БЕСЕДА ВОСЕМЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. Изъяснение 26:67 - 27:10. Безмерность преступления ругавшихся над Христом. - Страдания Спасителя - наша похвала. - Причина отречения Петра. - Согласие повествований Матфея и Марка об этом событии. - Бесполезность раскаяния Иуды. - Сознание преступления лишает оправдания осудивших Христа. - Преступление осудивших обличается их собственными действиями. - Против милости, приносимой от прибытков любостяжания. - Скорбь проповедника о необходимости заниматься служителям церкви мирскими попечениями ради дел милосердия.

БЕСЕДА ВОСЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ. Изъяснение 27:11-26. В каком смысле Христос исповедует Себя царем. - Почему Он не отвечал на клеветы обвинителей. - Виновность Пилата и народа. - Пороки нужно искоренять в самом начале. - Малые грехи требуют больше труда и тщания, чем большие. - Отчаяние губит более греха. - Грех прикрывает себя иногда личиной благочестия. - Знание Писания - средство для ограждения от путей погибели.

БЕСЕДА ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ. Изъяснение 27:27-44. Тяжесть оскорблений, понесенных Христом. - Польза всенародного и частного чтения истории страданий Христа. - Старание иудеев опорочить славу Христа и его безуспешность. - Примером своих страданий Христос научает долготерпению. - Польза, получаемая от оскорблений. - Как можно научиться спокойному перенесению обид. - Должно не гневаться на обижающих, а скорбеть о них. - Уважающий самого себя никем не может быть обесчещен.

БЕСЕДА ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ. Изъяснение 27:45-61. Величие небесного знамения, явленного при кресте. - Мрак при распятии не был следствием обычного затмения. - Почему это чудо не оказало действия на язычников. - Знамения власти и силы, показанные Христом при смерти. - Мужество жен и Иосифа. - Милостыня, подаваемая бедному, дается Христу. - Почему проповедник часто беседует о милостыне. - Почему не говорит о борьбе против врагов веры. - Добродетели христиан - лучше оружия против неверующих. - Против производящих шум и разговор в церкви.

БЕСЕДА ВОСЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ. Изъяснение 27:62 - 28:10. Запечатание гроба служит непререкаемым доказательством воскресения. - Ученики не могли ни украсть тела, ни вымыслить воскресения. - Почему воскресение должно было совершиться в пределах трех дней. - Обстоятельства, сопровождавшие воскресение. - Явление Воскресшего женам. - Увещания подражать мироносицам. - Против пристрастия к дорогим одеждам и украшениям. - Украшения - повод к бесчестию и скорбям. - Должно избегать ношения украшений особенно в церкви. - Любовь к украшениям отвращает от милостыни и бывает причиной распутства мужей.

БЕСЕДА ДЕВЯНОСТАЯ. Изъяснение 28:11-20. Невероятность похищения тела Христа доказывается присутствием стражи при гробе, боязливостью учеников и оставшимся в гробе платом. - Истина воскресения подтверждается свидетельством врагов о пустом гробе. - Явление Воскресшего в Галилее. - Смысл данного Христом обетования. - Легкоисполнимость заповедей Христовых. - Распространенность и тяжесть недуга сребролюбия. - Богатство не дает безопасности. - Бедность не есть зло. - Превосходство бедности над богатством. - Не чудеса, а презрение богатства доставляют славу.

Отрывок из беседы IV. Решается вопрос, почему св. Матфей считает от Давида до плена вавилонского и от плена до Христа по четырнадцати родов, тогда как их было в первом случае семнадцать, во втором - двенадцать.

БЕСЕДА 45

“И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано” (Мф. 13:10,11).

ДОСТОЙНО удивления, что ученики, несмотря на сильное желание узнать, почему Иисус Христос говорит народу в притчах, разбирают время, когда предложить этот вопрос. Они делают это не при всех, как показал Матфей, говоря: “**И, приступив**”. А что объяснение мое не есть догадка, это открывает яснее Марк, когда говорит, что ученики приступили к Нему, когда Он был один (Мк. 47:10). Так надлежало поступить и братьям, и Матери Его: не вызывать Его из дома и не выставлять себя. Заметь также и великую любовь учеников, - как много они заботятся о других, и сперва ищут их пользы, а потом уже своей. “**Для чего, -** говорят они, **- притчами говоришь им**”? Они не сказали: для чего Ты нам в притчах говоришь? И в других случаях они часто обнаруживают любовь свою ко всем, - например, когда говорят: “**отпусти народ**” (Лк. 9:12), и также: “**Знаешь ли, что фарисеи, услышав слово сие, соблазнились**” (Мф. 15:12)? Что же отвечает им Христос? “**Вам, -** говорит Он, **- дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано**”. Он это сказал, не указывая на какую-либо необходимость, или на простое и случайное некоторых избрание, но показывая, что слушающие сами причиною всех зол, и вместе желая открыть, что разумение тайн царствия есть дар благодати, ниспосылаемой свыше. Впрочем, хотя это и дар, однако этим не уничтожается свобода, как видно из последующих слов. А чтобы одни не предались отчаянию, а другие беспечности, слыша, что им дано разуметь тайны царствия, смотри, как Он показывает и тем и другим, что это первоначально зависит от нас: “**Ибо кто имеет, -** говорит Он, **- тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет**” (Мф. 13:12; 25:29). Хотя эти слова довольно неясны, но они заключают в себе непререкаемую правду. Они означают то, что кто сам желает и старается приобрести дары благодати, тому и Бог дарует все; а в ком нет этого желания и старания, тому не принесет пользы и то, что он имеет, и Бог не сообщит ему даров Своих. “**У того отнимется, -** говорит, **- и то, что имеет**”. Это не то значит, что Бог отнимает у него, но что не удостаивает его даров Своих. Так поступаем и мы. Когда видим, что кто-нибудь слушает нас рассеянно, и при всех убеждениях наших остается невнимательным, - наконец перестаем говорить, потому что, если мы будем настаивать, то беспечность его еще более усилится. Напротив, кто с ревностью слушает учение наше, того мы завлекаем в разговор и многое ему сообщаем. И справедливо сказано: “**и то, что имеет**”, - потому что такой человек и этого не имеет. Далее Он объясняет слова Свои, показывая, что значит: “**имеющему дастся**”, **-** говоря таким образом: “**а у неимеющего отнимется и то, что имеет**”. “**Потому, -** продолжает Он, **- говорю им притчами, что они видя не видят**” (ст. 13). Но если они не видали, - скажешь, - то надлежало им открыть глаза. Да, если бы ослепление это было от природы, то надлежало открыть; но так как ослепление это было

произвольное и зависело от свободы, то Он не сказал просто: “не видят”, но: “**видя не видят**”, то есть, что слепота их происходит от собственного их развращения. Они видели, что Он изгонял бесов, и говорили: “**Изгоняет бесов силою веельзевула, князя бесовского**” (Лк. 11:15). Слышали, что Он приводит их к Богу и поступает во всем согласно с волею божественною, - и говорили: “**Не от Бога Этот Человек**” (Ин. 9:16). Таким образом, сами они поступали вопреки тому, что видели и что слышали. За это-то, говорит Христос, Я и зрение и слух отниму у них. Они не только не получают от этого никакой пользы, но напротив, подвергаются еще большему осуждению, - потому что они не только не веровали в Него, но и поносили, и обвиняли, и злоумышляли против Него. Об этом последнем Он, впрочем, умалчивает, потому что не хочет быть строгим в обвинении. Сначала Он не притчами говорил им, но просто и ясно. Но так как они стали неохотно слушать Его, то Он, наконец, стал говорить им притчами. Далее: чтобы кто-либо слова Его не почел одним только упреком и не сказал, что Он укоряет и клевещет на них по вражде, Христос приводит слова пророка, подтверждающие тоже самое: “**Сбывается над ними, -** говорит Он, **- пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите - и не уразумеете, и глазами смотреть будете - и не увидите**” (ст. 14). Замечаешь ли, что и пророк обличает их с такою же точностью в выражениях? И он не сказал: “не увидите”, но – “**глазами смотреть будете - и не увидите**”; не сказал: “не услышите”, но: “**слухом услышите - и не уразумеете**”. Итак, они сами были причиною того, что не понимали, заградив слух, закрыв глаза и ожесточив сердце. Они не только не слышали, но и “**с трудом слышат**” (ст. 15). И делали это, говорит Господь, “**и да не обратятся, чтобы Я исцелил их**”, - показывая тем их закоснение во зле и намеренное отвращение от Него.

2. Он говорит это с тем, чтобы привлечь их, возбудить и показать им, что, если они обратятся, Он исцелит их. Подобно тому, как у нас говорят: он не хотел видеть меня, и отлично; а если бы он удостоил меня своим посещением, я тотчас оказал бы ему милость, показывая этим средство к примирению, - так точно и здесь говорит Господь: “**и да не обратятся, чтобы Я исцелил их**”, показывая, что они могут и обратиться, и спастись, если раскаются, и что Он делает все не для собственной славы, но для их спасения. Если бы Он не желал, чтобы они слушали Его и спасались, то надлежало бы Ему молчать, а не поучать их в притчах. Но теперь тем самым, что говорит им притчами, возбуждает их. “**Разве Я хочу смерти беззаконника? говорит Господь Бог. Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив?**”(– это цитата из Иез. 18:23) Бог, - говорится, - не желает смерти грешника, но “**чтобы он обратился от путей своих и был жив**” (Иез. 18:23). Что грех происходит не от природы, не по необходимости и принуждению, послушай, что говорит Христос апостолам: “**Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат**” (Мф. 13:16), - разумея под этим зрение и слух не чувственные, но умственные. И апостолы были иудеи, и воспитаны в том же законе, и однако, пророчество ни мало не повредило им, потому что хорошо был укреплен в них корень добра, т. е. разум и воля. Теперь, видишь ли, что слова: “**вам дано знать**” не означают необходимости? Иначе за что бы называть их блаженными, если бы это доброе дело не зависело от них самих? Не говори того, будто Он учил невразумительно. И иудеи ведь, подобно ученикам, могли приходить и спрашивать Его. Но они не хотели делать этого по своему нерадению и беспечности. И что я говорю: не хотели? Они даже поступали вопреки Ему: не только не веровали, не только не слушали, но и враждовали против Него, и отвращались от Его учения, в чем Господь и обвиняет их словами пророка: “**с трудом слышат**”. Но не таковы были ученики; потому-то и удостоились названия блаженных. Христос и другим образом укрепляет учеников Своих, говоря: “**Истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали**” (ст. 17), - то есть, Мое явление, чудеса, глас и учение. Здесь Он ставит учеников своих выше не только развращенных иудеев, но и самих праведников, - они и этих последних, говорит, блаженнее. Почему же? Потому, что

ученики видят не только то, чего не видали иудеи, но и то, что желали видеть праведники. Последние созерцали только верою, а ученики лицом к лицу, и гораздо яснее. Видишь ли, как Христос опять соединяет Ветхий Завет с Новым, показывая, что ветхозаветные праведники не только знали будущее, но и сильно его желали? А они не могли бы желать, если бы почитали какого-либо бога чуждого и противного истинному. "**Вы же выслушайте**, **-** говорит Он, **- [значение] притчи о сеятеле**"; и говорит затем то, что мы сказали раньше, о беспечности и тщании, о боязни и мужестве, о богатстве и нелюбостяжании, показывая, какой проистекает вред от первых и какая польза от последних. Потом показывает различные роды добродетели. По милосердию Своему, Он не один только указал путь и не сказал, что тот будет отчужден, кто не принесет сторичного плода; спасется, говорит Он, и тот, кто принесет плод в шестьдесят крат, и даже кто в тридцать. Это для того Он сказал, чтобы облегчить нам путь к спасению. Итак, не можешь переносить трудного состояния девства? Вступи в брак и живи целомудренно. Не можешь совершенно расстаться с богатством? Уделяй часть от имения твоего. Для тебя трудно и это бремя? Разделяй с Христом имение твое. Не хочешь отдать Ему всего? Отдай, по крайней мере, половину, или третью часть. Если Он твой брат и сонаследник на небесах, то сделай его сонаследником и здесь. Ему давать - значит себе давать. Не слышишь ли, что говорит пророк: "**От единокровного твоего не укрывайся**" (Ис. 58:7)? Если же не должно презирать сродников, то тем более не должно презирать Господа, Который вместе с правом власти имеет еще право родства с тобою и многие другие права. Он соделал тебя участником Своих благ, не только не получив ничего Сам от тебя, но еще предупредив тебя этим неизреченным благодеянием. Итак, не великое ли безумие получать такие дары и, между тем, самому быть нечувствительным и не воздавать взаимно за благодеяние, и притом меньшим за большее? Он соделал тебя наследником неба, а ты не хочешь пожертвовать для Него и земным. Он примирил тебя с Богом, несмотря на то, что ты не только не сделал ничего доброго, но даже был врагом, а ты не хочешь воздать другу и благодетелю, тогда как, не говоря о царствии и о всем прочем, ты обязан воздать Ему благодарность за то самое, что можешь дать. Когда рабы приглашают господ на пир, делают это не с тем, чтобы доставить им удовольствие, но чтобы самим получить от них. Между тем, здесь напротив, не слуга пригласил своего господина, но Господь призвал слугу к трапезе Своей. А ты не хочешь пригласить Его и после этого? Он Сам первый ввел тебя в дом Свой, а ты не хочешь сделать этого и теперь? Он прикрыл твою наготу, а ты и после этого не хочешь дать Ему приюта, как страннику? Он прежде утолил жажду твою из Своего сосуда, а ты не хочешь дать Ему и капли холодной воды? Он тебя напоил дарами Духа Святого, а ты не хочешь утолить и телесной Его жажды? Он тебя напоил Духом тогда, как ты был достоин наказания, а ты презираешь Его, когда Он жаждет, и это несмотря на то, что ты должен употребить Его же дары?

3. Ужели ты почитаешь маловажным держать ту чашу, которую будет подносить к устам, и из которой будет пить Христос? Ужели ты не знаешь, что один только священник имеет право предлагать чашу крови? Но я на это не смотрю строго, - говорит Христос, - а принимаю и у тебя. Хотя бы ты был мирянин, Я не отвергну тебя и не требую того, что Я сам тебе дал. Я требую не крови, но студеной воды. Представь, кому ты предлагаешь питие; представь - и трепещи. Помысли, что ты сам делаешься священником Христа, когда руками своими подаешь не тело, не хлеб, не кровь, но чашу холодной воды. Он облек тебя одеждою спасения, и облек сам; и ты сделай то же, хотя чрез раба. Он прославил тебя на небесах; а ты, по крайней мере, защити Его от страха, наготы и бесславия. Он удостоил тебя сожительства с ангелами; а ты прими Его только под кров твой, - по крайней мере, дай Ему приют, как бы рабу своему. Я не пренебрегаю приютом этим, - говорит Христос, - хотя сам Я отверз для тебя целое небо. Я освободил тебя от тягчайшего плена, но не требую того же от тебя и не говорю: освободи Меня; для Моего утешения довольно, если ты только обратишь на Меня внимание, когда Я нахожусь в

узах. Я воскресил тебя из мертвых, - и не требую, чтоб и ты сделал то же; но говорю: посети Меня только во время Моей болезни. Итак, каких адских мучений не достойны мы, ежели при столь великих благодеяниях, изливаемых на нас, и при столь легких требованиях от нас, не исполняем и последних? Будучи бесчувственнее камня, мы по всей справедливости пойдем в огонь, уготованный дьяволу и ангелам его. Скажи мне: какая бесчувственность с нашей стороны, когда мы, получая столь великие дары и столь великие имея в виду, остаемся рабами богатства, с которым скоро, может быть, против воли своей должны будем расстаться? Тогда как другие пожертвовали жизнью и пролили кровь свою, ты для небесного царствия и столь великой славы не хочешь пожертвовать даже своими избытками. Какое ты заслужишь прощение, какое получишь оправдание, если ты при засеве поля охотно вверяешь земле все семена и, давая в заем людям, ничего не жалеешь, а к бедным остаешься так жесток и бесчеловечен, к бедным, в лице коих ты питаешь Самого Господа? Итак, зная, что мы получили, что надеемся получить, и то, что требуется с нашей стороны, и размышляя о всем этом, покажем всякое рвение к делам духовным. Будем снисходительны и милосерды, чтобы нам не подвергнуться тяжкому наказанию. Если мы пользуемся столь многими и великими дарами, если так немного требуется с нашей стороны, и притом если требуется то, с чем мы должны расстаться здесь невольно, если так сильно привязаны к вещам временным, - то не послужит ли все это к нашему обвинению? Каждое из этих обстоятельств уже само по себе может осудить нас. Где же надежда спасения, если все это соединится вместе? Итак, чтобы не подпасть совершенному осуждению, будем сострадательны к бедным. Чрез это мы сделаемся достойными благ как здесь, так и там, коих и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 46

“Другую притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел; когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Придя же, рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоем? откуда же на нем плевелы? Он же сказал им: враг человека сделал это. А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но он сказал: нет, - чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы” (Мф. 13:24-30).

1. Какая разность между этой притчею и предыдущею? Там Спаситель говорил о людях, которые без внимания Его слушали, а отойдя, и самое семя бросили; здесь же разумеет еретические сонмища. Чтобы ученики не смущались и этим, Христос, после того как объяснил им, для чего говорит притчами, предсказывает и об еретиках. Первая притча показывала, что слово Его не принято; а второю дается знать, что вместе с словом приняты и вредящие слову. Таково одно из ухищрений дьявола, что он к самой истине всегда примешивает заблуждение, прикрашивая его разными подобиями истины, чтобы тем легче обмануть легковерных. Вот почему и Господь называет посеянное врагом не другим каким семенем, а плевелами, которые с виду походят несколько на пшеницу. Далее объясняет способ злоумышления: “**когда же**, **-** говорит, **- люди спали**”. Не малою опасностью угрожает Он здесь начальникам, которым преимущественно вверено хранение нивы, - впрочем, не одним начальникам, но и подначальным. Данными словами Он показывает и то, что заблуждение приходит после истины, как о том свидетельствует и действительный опыт. В самом деле, после пророков - лжепророки, после апостолов - лжеапостолы, после Христа - антихрист. Да и дьявол, пока не видит, к чему можно подделаться, или над кем ухитриться, ничего не начинает, даже не знает, как приступить к

делу. Так и теперь, приметив уже, что "**одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать**", он избирает для себя новый путь. Так как он не мог ни похитить укоренившегося, ни заглушить, ни пожечь, то вымышляет другого рода обман, именно - всевает собственные семена. Но чем же, скажешь, спящие отличаются от уподобленных пути? Тем, что там дьявол похитил посеянное мгновенно, не дал ему даже и укорениться; а здесь ему потребовалось для обольщения больше хитрости. Указывая на это, Христос научает нас непрестанно бодрствовать. Пусть, говорит Он, ты избег прежних бед; но тебе предстоит новая. Как там бывает гибель от пути, камней и терний, так здесь - от сна. Нужно, следовательно, постоянно быть на страже. Потому-то и сказал Он: "**Претерпевший же до конца спасется**" (Мф. 10:22). Нечто подобное случилось в начале христианства. Многие предстоятели церквей, введя в них людей лукавых, скрытных ересеначальников, тем самым открыли дьяволу легкий путь для совершения своих козней. После того, как он всеял такие плевелы, ему нечего было уже и трудиться. Но как, скажешь, возможно пробыть без сна? Без сна естественного - невозможно, а без сна произвольного - возможно. Потому и Павел сказал: "**Бодрствуйте, стойте в вере**" (1 Кор. 16:13). Далее Господь показывает, что дело дьявола есть не только вредное, но и излишнее, потому что он сеет после того, как нива уже возделана и все работы кончены. Так поступают и еретики, которые единственно только по тщеславию впускают свой яд. И не в этих только, но и в последующих словах Господь продолжает с точностью описывать поведение еретиков. "**Когда взошла зелень, -** говорит Он, **- и показался плод, тогда явились и плевелы**". Так действуют и еретики. Сначала они себя прикрывают; когда же приобретут смелость и получат полную свободу слова, тогда и изливают яд. А для чего Господь вводит рабов, рассказывающих о случившемся? Чтобы иметь случай сказать, что не должно убивать еретиков. Дьявола же именует врагом человекам потому, что он вредит людям. Он желает вредить нам, хотя это желание произошло не от вражды на нас, а от вражды на Бога. Отсюда ясно, что Бог любит нас больше, нежели мы сами себя. Посмотри и с другой стороны, какова злоба дьявола. Он не сеял прежде, потому что нечего было погубить. Но когда уже все засеяно, сеет и он, чтобы испортить стоившее многих трудов земледельцу. Столь сильную вражду обнаружил во всем против Него дьявол! Заметь также усердие слуг: они сейчас же готовы выдергать плевелы, хотя поступают не совсем осмотрительно. Это показывает их заботливость о посеянном; они имеют в виду не то, чтобы был наказан всеявший плевелы, а единственно то, чтобы не погибло посеянное господином; в первом не было нужды, а потому и придумывают средство, как бы только истребить болезнь. Впрочем, избравши средство, они не осмеливаются сами собою привести его в исполнение; но ожидают приговора от господина, спрашивая его: "**хочешь ли**"? Что же отвечает им господин? Запрещает, говоря: "**Нет, - чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы**". Этими словами Христос запрещает войны, кровопролития и убийства. И еретика убивать не должно, иначе это даст повод к непримиримой войне во вселенной.

2. Итак, Он останавливает их в исполнении предпринятого намерения, по следующим двум причинам: во-первых, для того, чтобы не повредить пшеницу; а во вторых, потому что все неисцельно зараженные сами по себе подвергнутся наказанию. Поэтому, если хочешь, чтоб они были наказаны, и притом без повреждения пшеницы, то ожидай определенного к тому времени. Но что разумел Господь, сказав: "**Чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы**"? Или то, что принявшись за оружие и убивая еретиков, неминуемо истребите с ними многих святых; или то, что многие из этих самых плевел могут перемениться и сделаться пшеницею. Следовательно, если вы, - говорит Он, - искорените их преждевременно, то, лишив жизни людей, которым было еще время перемениться и исправиться, истребите то, что могло бы стать пшеницею. Итак, Господь не запрещает обуздывать еретиков, заграждать им уста, сдерживать их дерзость, нарушать их сходбища и заговоры; но запрещает их истреблять и убивать. И

заметь, какова кротость Господа: Он не просто объявляет приговор Свой, не просто повелевает, но излагает вместе и причины. Что же будет, если плевелы соблюдутся до конца? Тогда "**скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их**". Опять приводит на память ученикам слова Иоанна, в которых Он изображен Судиею, и вразумляет, что должно щадить плевелы, доколе они растут подле пшеницы, потому что для них возможно еще стать пшеницею. Если же еретику случится умереть без всякого плода, то необходимо постигнет его неизбежное наказание. "**Скажу**, **-** говорит Господь, **- жнецам: соберите прежде плевелы**". Для чего же "**прежде**"? Чтобы ученикам не подать случая к опасению, что вместе с плевелами выдергана будет пшеница. "**И свяжите их в связки, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою. Иную притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно зерну горчичному**" (ст. 31). Так как Господь сказал, что три части посеянного погибает, а одна спасается, да и в самой спасаемой бывает великое повреждение, то, предупреждая вопрос учеников: кто же и в каком числе будут верные? уничтожает их страх, обращая их к вере притчею о зерне горчичном, в которой показывает, что проповедь распространится повсюду. Поэтому-то и предлагает весьма подходящий к предмету речи образ горчичного зерна. "**Которое, хотя меньше всех семян, -** говорит Он, **- но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его**" (ст.32). Этим Господь хотел показать образ распространения проповеди. Точно то же самое, говорит Он, будет и с проповедью. Хотя ученики Его были всех бессильнее, всех уничиженнее, но так как сила, в них сокровенная, была велика, то она распростерлась по всей вселенной. Далее к этому образу Господь присовокупил еще подобие закваски, говоря: "**Подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все**" (ст. 33). Как закваска над большим количеством муки производит то, что муке усваивается сила закваски, так и вы преобразуете целый мир. Обрати внимание на смысл: Господь избирает для образа то, что бывает в природе, чтобы показать, что слово Его так же непреложно, как и видимое в природе происходит по необходимым законам. Не говори мне: что сможем сделать мы, двенадцать человек, вступив в среду такого множества людей? В том самом и обнаружится яснее ваша сила, что вы, вмешанные во множество, не предадитесь бегству. Как закваска тогда только заквашивает тесто, когда бывает в соприкосновении с мукою, и не только прикасается, но даже смешивается с нею (потому и не сказано - положи, но - ?скры), так и вы, когда вступите в неразрывную связь и единение со врагами своими, тогда их и преодолеете. И как закваска, будучи засыпана мукою, в ней не теряется, но в скором времени всему смешению сообщает собственное свойство, так точно произойдет и с проповедью. Итак, не страшитесь, что Я сказал о многих напастях: и при них вы просияете и всех преодолеете. Под тремя же сатами (мерами) Господь разумеет здесь многие саты (меры?), так как число это обыкновенно употребляет для обозначения множества. Не дивись также и тому, что, беседуя о царстве, Он упоминает о зерне и закваске. Он беседовал с людьми неискусными и малоучеными, которых к высокому надлежало возводить посредством низких предметов, и которые были так просты, что при всем том имели еще нужду во многих пояснениях. Итак, где сыны эллинские? Да уразумеют силу Христову, имея пред очами истину событий! Да поклонятся Господу и как предрекшему такое дело, и как совершившему его! Он один вложил силу в закваску. Для того Он и верующих в Него вмешал во множество, чтобы мы передавали другим свое разумение. Итак, пусть никто не жалуется на скудость: велика сила проповеди; однажды вскиснувшее само делается закваскою для прочего. Как искра, когда коснется дров, зажженное ею делает новым источником огня, и таким образом простирается дальше и дальше, - так и проповедь. Но Господь сказал не об огне, а о закваске. Почему же? Потому что там не все зависит от огня, но многое и от зажженных дров; здесь же закваска все производит сама собою. Если же двенадцать человек заквасили целую вселенную, то размысли, как мы худы, когда,

несмотря на всю свою многочисленность, не можем исправить оставшихся, мы, которых по надлежащему было бы довольно стать закваскою для тысячи миров!

3. Но то, скажешь, были апостолы. Что же из того? Не находились ли они в одинаковых с тобою обстоятельствах? Не в обществах ли жили? Не ту же ли несли участь, не занимались ли ремеслами? Разве ангелы они были? Разве с неба сошли? Но, скажешь, они имели дар чудотворения. Но не по чудотворениям они сделались сами чудными. И долго ли эти чудеса будут служить для нас прикрытием нашего нерадения? Посмотри на целый сонм святых, просиявших не чудесами. Многие изгоняли даже бесов, но потому, что творили беззаконие, не только не сделались чудными, но еще подверглись и наказанию. Что же такое, спросишь, соделало апостолов великими? Пренебрежение богатства, презрение славы, свобода от житейских попечений. Если бы не имели они этого, но оставались рабами страстей, то хотя бы и тьмы мертвецов воскресили, не только бы не принесли никакой пользы, но сочтены были бы еще и обманщиками. Итак, одна жизнь блистает всюду; ею только привлекается и благодать Духа. Какое знамение сотворил Иоанн, привлекший к себе многие города? Что он не чудодействовал, о том послушай евангелиста, говорящего: “**Что Иоанн не сотворил никакого чуда**” (Ин. 10:41). Отчего и Илия соделался чудным? Не от дерзновения ли пред царем? Не от ревности ли по Боге? Не от нищеты ли, не от милости ли, пещеры и гор? Чудеса сотворены им уже после всех этих подвигов. Чудом ли каким Иов изумил дьявола? Никаких чудес не творил он, а показал блистательную жизнь и терпение, тверже адаманта. Какое знамение сотворил Давид, находясь еще в юности, когда Бог сказал о нем: “**Нашел Я мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иессеева**” (Деян. 13:22)? И Авраам, Исаак, Иаков воскресили ли кого из мертвых? Очистили ли кого от проказы? Знаешь ли, что дар чудотворения, при нашей беспечности, может часто даже вредить? Так многие из коринфян впали в расколы; многие из римлян возгордились; Симон извержен, и пожелавший идти за Христом оказался недостойным, услышав, что “**лисицы имеют норы, и птицы небесные - гнезда**” (Лк. 9:58). Все они, желая себе от чудотворения или денег или славы, отпали и погибли. Но ревностная жизнь и любовь к добродетели не только не рождают такого желания, но, если бы оно и было, истребляют его. И что говорил Христос, когда изрекал законы ученикам Своим? Сказал ли: творите чудеса, чтобы видели человеки? Совсем нет! Так что же? “**Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**” (Мф. 5:16). И Петру не сказал: если любишь Меня, то твори чудеса; но – “**паси овец Моих**” (Ин. 21:17). И если его с Иаковом и Иоанном Господь всегда предпочитал прочим апостолам, то скажи мне, за что такое предпочтение? За чудеса ли? Но все они одинаково очищали прокаженных, воскрешали мертвых; всем равно Господь дал всякую власть. В чем же было их преимущество? В душевной доблести. Итак, видишь, везде потребна жизнь и явление дел. “**По плодам их**, **-** говорит Господь, **- узнаете их**” (Мф. 7:16).

4. Что же составляет жизнь нашу? Явление ли чудес, или заботливость о благоустройстве поведения? Очевидно, что последнее. Чудотворения же и начало отсюда заимствуют, и конец свой здесь же имеют. Кто ведет превосходную жизнь, тот привлекает к себе и благодать чудотворения. А приемлющий благодать приемлет для того, чтобы исправлять жизнь других. И Христос творил чудеса Свои для того, чтобы чрез них явясь достойным веры и привлекши к Себе людей, ввести в мир добродетель. Об этом-то преимущественно Он и заботится. Вот почему Он и не довольствуется одними чудесами, но то угрожает геенною, то обещает царствие, то предписывает чудные Свои законы и употребляет все способы к тому, чтобы соделать нас равными ангелам. Но что говорить о Христе? Он ли один все творит с такою целью? Скажи мне сам ты: если бы дали тебе на выбор - или воскрешать мертвых во имя Его, или умереть за имя Его, что бы ты охотнее избрал? Не последнее ли без всякого сомнения? Но первое было бы чудо, а последнее есть дело. И

если бы предложили тебе - или траву превращать в золото, или иметь такую силу воли, чтобы всякое богатство попирать, как траву, не избрал ли бы ты скорее последнее? И весьма справедливо. Таким выбором ты больше привлечешь к себе людей. Увидев траву, превращаемую в золото, они сами пожелают иметь такую же силу, подобно Симону; а через то увеличится их любостяжательность. Напротив, если бы видели, что все попирают и презирают золото, как траву, то давно бы избавились от этой болезни.

Итак, видишь ли, что жизнь может приносить больше пользы? Жизнью же называю не то, когда ты постишься, когда подстилаешь вретище и пепел, но то, когда ты пренебрегаешь богатством, как пренебрегать им должно, когда избыточествуешь в любви, даешь хлеб свой алчущему, сдерживаешь гнев, отвергаешь тщеславие, истребляешь в себе зависть. Такой урок преподан нам от Христа. "**Научитесь**, **-** говорит Он, **- от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем**" (Мф. 11:29). Не говорит: Я постился, - хотя бы мог упомянуть о сорокадневном посте; но, умалчивая об этом, указывает только, "**ибо Я кроток и смирен сердцем**". И опять, посылая учеников, не сказал: поститесь; но – "**ешьте, что вам предложат**" (Лк. 10:8). Между тем требует, чтобы они всячески береглись любостяжания, говоря: "**Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои**" (Мф. 10:9). Говорю это не в охуждение поста: да не будет того! Напротив, весьма одобряю пост. Скорблю только, когда вы, презрев все прочие добродетели, достаточною для вашего спасения почитаете ту, которая занимает последнее место в лике добродетелей. Важнейшие же из них: любовь, кротость и милостыня, превосходящая даже девство. Итак, если хочешь сделаться равным апостолам, - ничто не препятствует. Довольно для тебя выполнить одну только добродетель милостыни, чтобы ни в чем не быть скуднее апостолов. Никто поэтому не должен откладывать подвигов в добродетели до получения дара чудотворения. Если демон мучится, когда его изгонят из тела, то гораздо больше мучится, когда видит душу освобожденную от греха. Подлинно, грех есть главная сила демонская; по причине греха умер Христос, чтобы разрушить его; грехом введена смерть; чрез грех все превращено. Если ты истребил в себе грех, ты подрезал жилы дьяволу, стер главу его, разрушил всю его силу, рассыпал воинство, сотворил чудо, всех чудес большее. Не мое это слово, но блаженного Павла, который, сказав: "**Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший**" (1 Кор. 12:31), представляет не дар чудотворений, но любовь - корень всякого добра. Итак, если мы будем упражняться в любви и в прочем любомудрии, на ней основанном, то не будем иметь никакой нужды в чудотворениях; напротив, если не будем упражняться в любви, то не получим никакой пользы от чудотворений. Помышляя о всем этом, поревнуем тому, через что апостолы соделались великими. А хочешь ли знать, через что они соделались великими? Послушай Петра, говорящего: "**Вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам**" (Мф. 19:27)? Послушай также и Христа, отвещающего ученикам: "**Сядете и вы на двенадцати престолах. И всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную**" (ст. 28,29). Итак, удалив от себя все житейские попечения, посвятим себя Христу, чтобы нам и соделаться равными апостолам по определению Его, и сподобиться вечной жизни, которую да получим все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 47

"Все сие Иисус говорил народу притчами, и без притчи не говорил им, да сбудется реченное через пророка, который говорит: отверзу в притчах уста Мои; изреку сокровенное от создания мира" (Мф. 13:34,35).

1. Евангелист Марк говорит, что Христос проповедовал им слово в притчах, “**сколько они могли слышать**” (Мк. 4:33). Но евангелист Матфей, чтобы показать, что проповедовать в притчах не есть что-либо новое, приводит пророка, которым предсказан этот способ учения, и вместе, чтобы открыть нам намерение Христово, с каким Он беседовал в притчах, именно - не то, чтобы оставить слушателей в неведении, но то, чтобы возбудить их к вопросам, - присовокупляет: “**без притчи же не говорил им**” . Хотя Христос о многом говорил без притчи, но в настоящем случае без притчи Он ничего не говорил. И однако же, никто не вопрошал Его, - хотя часто вопрошали пророков, как-то, Иезекииля и многих других. Теперь не предложили ему ни одного вопроса, хотя сказанного достаточно было к тому, чтобы озаботить слушателей и побудить к вопросам. Даже угроза величайшим наказанием, высказанная в притчах, не произвела на слушателей никакого впечатления. Вот почему Господь оставил их и ушел. “**Тогда**, **-** говорит евангелист, **- Иисус, отпустив народ, вошел в дом**” (Мф. 13:36). И ни один из книжников не следует за Ним. Отсюда видно, что они следовали за Христом единственно с намерением уловить Его в слове. Но так как теперь они не понимали того, что было говорено, то Господь оставил их. И приступают ученики Его с вопросом о притче плевел (ст.36). Доселе хотя они и желали узнать, но боялись спрашивать. Откуда же теперь явилась у них смелость? Они слышали: “**Что вам дано знать тайны Царствия Небесного**” (Мф. 13:11), и осмелились. Потому и спрашивают наедине, не из зависти к народу, но исполняя закон Владыки, Который сказал: “**А им не дано**”. Но почему, оставив притчу о закваске и о горчичном семени, они спрашивают именно о притче плевел? Те притчи оставлены ими, как вразумительнейшие. Изъяснение же этой притчи желают слышать потому, что она имеет близкое отношение к сказанной перед нею, причем намекает на нечто большее, чем прежняя (Христос не сказал бы одной и той же притчи дважды). Они видели уже, что в последней притче заключается великая угроза. Потому и Господь не только не укоряет их, но и пополняет сказанное прежде. И о чем неоднократно замечал я, что притчей не должно принимать буквально, - иначе можно придти ко многим несообразностям, - тому же самому и Господь научает теперь нас, в изъяснении притчи отступая от буквы. Он не говорит, кто таковы пришедшие к господину рабы. Но давая разуметь, что они введены только для сообразности и полноты изображения, опускает эту часть притчи, и изъясняет только нужнейшее и самое существенное - то самое, для чего притча произнесена, - дабы показать, именно, что Он есть Судия и Господь вселенной. “**Сказал им**, **-** говорит евангелист, **- в ответ: сеющий доброе семя есть Сын Человеческий; поле есть мир; доброе семя, это сыны Царствия, а плевелы - сыны лукавого; враг, посеявший их, есть диавол; жатва есть кончина века, а жнецы суть Ангелы. Посему как собирают плевелы и огнем сжигают, так будет при кончине века сего: пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих, и соберут из Царства Его все соблазны и делающих беззаконие, и ввергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов; тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их. Кто имеет уши слышать, да слышит!**” (ст. 37-43). Итак, если сам Он есть Сеятель, сеет на собственном поле и с Своего царства собирает, то ясно, что настоящий мир Ему принадлежит. Размысли же, как неизреченно Его человеколюбие, как Он готов благотворить, и как далек от того, чтобы наказывать! Когда сеет, то сеет сам; когда же наказывает, то наказывает через других, именно через ангелов. “**Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их**”. Это не значит, что они будут светиться, точно как солнце. Но так как мы не знаем другого светила, которое было бы блистательнее солнца, то Господь употребляет образы для нас известные. В других местах Христос говорит, что жатва уже наступила; так, например, когда говорит о самарянах: “**Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве**” (Ин. 4:35). И еще: “**жатвы много, а делателей мало**” (Лк. 10:2). Итак, почему же сказал Он там, что жатва уже наступила, а здесь говорит, что жатва еще будет? Потому, что слово жатва берет в разных значениях. Почему также, сказавши в другом месте: “**один сеет, а другой жнет**” (Ин. 4:37), здесь говорит, что сеющий есть сам

Он? Потому что там, говоря пред иудеями и самарянами, противополагает апостолов не Себе, но пророкам, так как Он сеял и чрез пророков. Точно также иногда одно и то же Он называет и жатвою и сеянием, принимая эти слова в разных отношениях.

2. Когда Он разумеет благопокорность и послушливость слушателей, тогда, как окончивший свое дело, называет это жатвою. Когда же ожидает еще только плода от слышания, тогда именует это сеянием, а кончину - жатвою. А как в другом месте сказано, что праведники восхищены будут первые (1 Фес. 4:16)? Точно, они первые восхищены будут в пришествие Христово. Но сперва грешные преданы будут наказанию, а потом уже праведные внидут в царство небесное. Праведникам точно надлежит быть на небе, и Господь придет на землю, будет судить всех людей, произнесет над ними приговор; потом, подобно некоему царю, восставши с Своими друзьями, поведет их в блаженное наследие. Видишь ли, что наказание будет сугубое: должны будут гореть - и видеть себя отчужденными от славы? Но для чего же, наконец, когда народ разошелся, и с апостолами Христос беседует в притчах? Для того, что они, будучи вразумлены сказанным прежде, могли уже понимать притчи. Потому-то, когда по произнесении притчей Он спрашивает их: "**Поняли ли вы все это? Они говорят Ему: так, Господи!**" (Мф. 13:51)! Таким образом, притча, кроме прочего, произвела и то, что апостолов соделала проницательными. Что же Господь говорит далее? "**Еще подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то. Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее**" (ст. 44-46). Как выше - горчичное зерно и закваска имеют малую разность между собою, так и здесь сходны две притчи о сокровище и о бисере. Обеими этими притчами показывается то, что проповедь должно всему предпочитать. В притчах о закваске и о горчичном зерне говорится о могуществе проповеди и о том, что она совершенно победит вселенную. Настоящие же притчи показывают важность и многоценность проповеди. Подлинно она расширяется подобно горчичному дереву, превозмогает, подобно закваске, многоценна как бисер и доставляет бесчисленные удобства, подобно сокровищу.

Отсюда мы научаемся тому, что надобно не только прилежать к проповеди, отрешившись от всего прочего, но что даже должно это делать с радостью. И отрекающийся от своего имения должен знать, что это есть приобретение, а не потеря. Видишь ли, и как проповедь сокрыта в мире, и сколько в проповеди сокрыто благ? Если не продашь всего, то не купишь; и если не имеешь ищущей и заботливой души, то не найдешь. Итак, для тебя необходимо, во-первых, отказаться от житейских попечений, и во-вторых, быть весьма бдительным. Сказано: "**Ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее**". Одна есть истина, - и она не многосложна. Как обладающий бисером сам знает, что он богат, но для других часто бывает неизвестно, что у него в руках бисер, потому что он не велик, - так можно сказать и о проповеди: обладающие ею знают, что они богаты, но неверующие, не понимая цены этого сокровища, не знают о нашем богатстве. Но чтобы мы не слишком полагались на одну проповедь, и чтобы не подумали, что одной веры достаточно нам ко спасению, Господь произносит новую грозную притчу. Какую же именно? Притчу о неводе. "**Еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон**" (ст. 47-48). Чем различается эта притча от притчи о плевелах? И там одни спасаются, а другие погибают. Но там одни погибают от принятия вредных учений, а другие, о которых сказано выше, от невнимания к слову (Божию); здесь же причиною погибели бывает порочная жизнь. Так погибающие всех несчастнее: они и познание приобрели, и уловлены были, но при всем том не могли

спастись. В других местах говорится, что отделяет сам Пастырь; здесь же приписывается это ангелам, как и в притче о плевелах. Что же это значит? То, что Господь беседует с учениками иногда менее, а иногда более возвышенно. И эту притчу изъясняет Он не по просьбе учеников, а по собственному изволению; притом истолковал одну часть ее, и тем увеличил страх. Чтобы ты, слыша, что злых извергли только вон, не почел такой гибели еще не опасною, Христос в изъяснении указывает образ наказания, говоря, что "**ввергнут их в печь огненную**", где будет скрежет зубов и несказанное мучение. Видишь ли, сколько путей к погибели? Камень, терния, путь, плевелы, невод. Итак, не напрасно сказано, что "**широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими**" (Мф. 7:13). После того Господь, заключив речь Свою угрозою и присовокупив многое тому подобное (потому что Он особенно занялся этим предметом), спрашивает апостолов: "**Поняли ли вы все это? Они говорят Ему: так, Господи!**" (Мф. 13:51)! И за такую понятливость снова восхваляет их, говоря: "**Поэтому всякий книжник, наученный Царству Небесному, подобен хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое**" (ст. 52). Подобно этому сказал Он и в другом месте: "**Посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников**" (Мф. 23:34).

3. Видишь ли, что Христос не исключает Ветхий Завет, но хвалит и превозносит, называя его сокровищем? Итак, несведующие в божественных писаниях не могут быть названы людьми домовитыми: они и сами у себя ничего не имеют, и от других не заимствуются, но, томясь голодом, нерадят о себе. Впрочем, не они только, но и еретики лишены этого блаженства, потому что из сокровища своего не выносят ни старого, ни нового. У них даже нет старого, а потому нет и нового. Равно, не имеющие нового, не имеют и старого, но лишены и того и другого, потому что новое и старое соединено и связано между собою. Итак, все мы, нерадящие о чтении писаний, послушаем, какой терпим от этого вред и какую скудность. В самом деле, когда мы приведем в благоустройство дела свои, если не знаем тех самых законов, по которым должно приводить их в благоустройство? Богачи, влюбленные до безумия в богатство, часто выколачивают свои одежды, чтобы их не подъела моль. А ты, видя в себе забвение, губительнее моли, повреждающее твою душу, не прибегаешь к Писанию, не истребляешь в себе язвы, не украшаешь своей души, не вглядываешься пристально в образ добродетели, не рассматриваешь членов и ее главы. И действительно, добродетель имеет и главу и члены, благолепнейшие всякого стройного и красивого тела. Что такое, спросишь, глава добродетели? Смиренномудрие. Потому и Христос начинает с смиренномудрия, говоря: "**Блаженны нищие**" (Мф. 5:3). Вот глава добродетели! Она не имеет ни волос, ни кудрей, но так прекрасна, что привлекает самого Бога. "**На кого**, **-** говорит Он, **- Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим**" (Ис. 66:2)? И еще: "**Глаза мои**" на кротких "**(верных) земли**" ?(оригинальная цитата: "**Глаза мои на верных земли**") (Пс. 75:10; 100:6). И еще: "**Близок Господь к сокрушенным сердцем**" (Пс. 33:19). Глава эта, вместо волос и косы, приносит жертвы благоприятные Богу: Она - золотой жертвенник и духовный алтарь. "**Жертва Богу - дух сокрушенный**" (Пс. 50:19). Она - матерь премудрости. Кто ее имеет, тот и все прочее иметь будет. Итак, видишь ли главу, какой ты никогда еще не видывал? Хочешь ли видеть, или лучше, узнать и лицо добродетели? Всмотрись же сперва в его румяный, красивый и весьма приятный цвет, а потом узнай, от чего последний происходит. Отчего же именно? От того, что добродетель стыдлива и всегда краснеет. Потому и сказал некто: "**Стыдливого предваряет благорасположение**" (Сир. 33:12). Это сообщает большую красоту и всем прочим членам. И хотя бы ты смешал тысячи цветов, все не произведешь такой лепоты. Если хочешь видеть и глаза добродетели, то посмотри: они тщательно очертаны скромностью и целомудрием. Оттого-то они так прекрасны и проницательны, что видят самого Господа. "**Блаженны чистые сердцем**, **-** говорит Он, **- ибо они Бога узрят**" (Мф. 5:8). Уста же добродетели суть премудрость, и разум, и знание духовных песнопений. Сердце ее есть глубокое ведение Писаний, соблюдение истинных

догматов, человеколюбие и добродушие. И как без сердца невозможно жить, так без исчисленного теперь невозможно спастись. Отсюда рождается все доброе. У добродетели есть также свои руки и ноги - явление добрых дел. Есть у нее и душа - благочестие. Есть у нее золотая и тверже адаманта грудь мужество. Легче все одолеть, чем сокрушить эту грудь. Наконец дух, пребывающий в мозгу и в сердце, - любовь.

4. Хочешь ли, покажу тебе образ добродетели и в самых делах? Представь этого самого евангелиста (Матфея). Хотя мы и не имеем полного описания жизни его, однако и в немногом можно видеть блистательное его изображение. Что он был смирен и сокрушен сердцем, о том слышишь от него самого, когда он в Евангелии называет себя мытарем. Что он был милостив, заключай из того, что отвергся всего и последовал за Иисусом. Что он был благочестив, это явно из учений его. И по написанному им Евангелию не трудно также судить о разуме его и о любви, потому что трудился для целого мира. Доказательством добрых дел его служит престол, на котором он имеет воссесть. Мужество же видно из того, что от лица синедриона он возвратился радуясь. Итак, поревнуем такой добродетели, особенно же смиренномудрию и милостыне, без которых невозможно спастись. Доказательство тому - пять дев, равно как и фарисей. Без девства можно видеть царствие; а без милостыни никакой нет к тому возможности. Милостыня всего нужнее, в ней все заключается. Потому-то мы не без причины назвали ее сердцем добродетели. Но и самое сердце скоро умирает, если не сообщает всему духа; - подобно как загнивает источник, если нет из него постоянного стока. То же случается и с богатыми, когда они удерживают у себя свое имущество. Потому-то вошло и в общую поговорку: много добра гниет у такого-то; напротив не говорим, что у него большее изобилие, несметное сокровище. И обладающие богатством, и самое богатство подвержены гниению. Одежды лежа ветшают, золото ржавеет, пшеницу изъедают черви. Душа же обладающего всем этим больше всего ржавеет и сгнивает от забот. И если хочешь вывести на позор еще душу сребролюбца, то найдешь, что она, подобно одежде, которая изъедена тысячами червей, и на которой не осталось целого места, вся также источена заботами, сгнила и проржавела от грехов. Не такова душа убогого, убогого произвольно. Она сияет как золото, блестит как жемчужина, цветет как роза. К ней не прикасается ни моль, ни вор, ни попечение житейское. Точно как ангелы живут убогие. Хочешь ли видеть красоту такой души? Хочешь ли узнать богатство нищеты? Душа убогого не повелевает мужами, но повелевает демонами; не предстоит царю, но предстала Богу; не воинствует с человеками, но воинствует с ангелами; не имеет одного, двух, трех, двадцати сундуков, но имеет такое изобилие, что целый мир вменяет ни во что. Она не имеет сокровища, но имеет небо; не нуждается в рабах, - напротив, ей раболепствуют помыслы, обладающие царями. Помысл, владеющий облеченным в багряницу, до такой степени боится бедняка, что не смеет поднять и глаз своих. Произвольно убогий и над царским венцем, и над золотом, и над всем тому подобным смеется, как над детскими игрушками. Все это кажется ему столь же презренным, как и колесца, и кости, и камешки, и мячи. Он имеет такое украшение, которого не могут даже видеть забавляющиеся этими игрушками. Итак, что же лучше этого убогого? Ему подножием служит небо; а если таково подножие, то сам рассуди, что ему служит покровом. Скажешь, что нет у него коней и колесниц? Но ему какая в том нужда, когда он имеет шествовать на облаках и быть со Христом? Итак, размысливши об этом, и мужи и жены, взыщем этого богатства, этого неиждиваемого имущества, да сподобимся получить царствие небесное по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 48

"И, когда окончил Иисус притчи сии, пошел оттуда" (Матф. 13:53).

1. Для чего присовокуплено: "**сии**"? Для того, что Господь намеревался сказать еще другие притчи. А для чего переходит Он на другое место? Для того, что хочет сеять слово повсюду. "**И, придя в отечество Свое, учил их в синагоге их**" (Матф. 13:54). Какое же отечество Христа разумеет здесь евангелист? Думаю, что Назарет, - потому что сказано: "**не совершил там многих чудес**" (Матф. 13:58). В Капернауме же Господь творил чудеса, почему и сказал: "**и ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня**" (Матф. 11:23). Но, придя в Назарет, Христос оставляет чудеса, чтобы не возжечь в иудеях большей зависти, и чтобы не осудить строже за умножившееся неверие, и взамен того предлагает учение, не менее чудес чудное. Но люди до крайности бессмысленные, когда надлежало дивиться и изумляться силе слов Христовых, вместо того, унижают Христа по мнимому отцу Его, - хотя в прежние времена много имели тому примеров, что у незнатных родителей бывали знаменитые дети. Так Давид был сын одного незначительного земледельца - Иесея; а Амос, родившись от пастуха коз, и сам был также пастухом коз; и у Моисея, законодателя, отец был гораздо его ниже. Следовательно, и перед Христом должно было благоговеть и придти в изумление потому наиболее, что, имея таких родителей, говорил необычайное. Это ясно показывало в Нем не человеческое обучение, но божественную благодать. Но за что надлежало удивляться, за то презирают. Между тем Господь постоянно ходит в синагоги, чтобы за всегдашнее пребывание в пустыне не стали еще бесславить Его, как раскольника и врага общества. Итак, дивясь и недоумевая, иудеи говорили: "**откуда у Него такая премудрость и силы**" (Матф. 13:54)? - называя силами или чудеса, или самую премудрость. "**Не плотников ли Он сын**" (Матф. 13:55)? В этом-то и величие чуда; это-то особенно и изумительно. "**Не Его ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон, и Иуда? и сестры Его не все ли между нами? откуда же у Него все это? И соблазнялись о Нем**" (Матф. 13:55-57).

Примечаешь ли, что Господь беседовал в Назарете? Не братья ли Ему тот и тот? говорили там. Так что же? Это-то самое и должно было особенно обратить вас к вере. Но зависть лукава и часто противоречит сама себе. Что было и странно, и чудно, и достаточно к тому, чтобы привлечь их, - то самое их соблазняло. Что же сказал им Христос? "**Не бывает**", говорит Он, "**пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем**" (Матф. 13:57). "**И не совершил**", - присовокупляет евангелист, - "**там многих чудес по неверию их**" (Матф. 13:58). Евангелист же Лука сказал: и не сотворил там многих знамений, хотя следовало сотворить. В самом деле, если удивление к Нему возрастало (даже и тогда дивились уже), то почему бы не сотворить чудес? Но целью Его было не Себя показать, а им доставить пользу. А так как в последнем не было успеха, то Спаситель пренебрег и то, что касалось до Него самого, чтобы не увеличить их наказания. Смотри же: хотя Он пришел к ним после долговременного отсутствия и показал множество знамений, но они и теперь не потерпели Его, а снова распалились ненавистью. Но для чего же Он сотворил немногие чудеса? Для того чтобы не сказали: "**врач! исцели Самого Себя**" (Лук. 4:23); не сказали: Он наш противник и враг, презирает Своих; не сказали: если бы чудеса были, и мы бы уверовали. Вот почему Он и сотворил чудеса, и удержался от чудес: сотворил, чтоб исполнить Свое дело; удержался, чтоб не подвергнуть их большему осуждению. Вникни же в силу сказанного: обладаемые ненавистью вместе и дивились. Но как, судя о делах Христовых, не охуждают самых дел, но вымышляют небывалые вины, говоря: "**изгоняет бесов силой веельзевула**" (Матф. 12:24; Лук. 11:15), так и здесь, судя об учении, не осуждают его, но прибегают к низости рода. А ты заметь снисходительность Учителя, как Он не упрекает их, но с большой кротостью сказал: "**не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем**"; и даже на этом не остановился, но присовокупил: "**и в доме своем**". Присовокупил же это, как думаю, разумея братьев Своих.

2. У евангелиста Луки Господь представляет тому и примеры, говоря, что Илия приходил не к своим, но к иноземной вдовице, и что Елиссеем исцелен от проказы не другой кто, а иноземец Нееман (Лук. 4:25,27). Израильтяне и благодеяний не получили, и сами добра не делали; а облагодетельствованы и благодетельствовали чужие. Говорит же это Христос, чтобы показать злой их нрав, и то, что обращение с Ним не есть что-либо новое. "**В то время Ирод четвертовластник услышал молву об Иисусе**" (Матф. 14:1). Царь Ирод, отец упоминаемого, а избивший младенцев тогда уже умер. Евангелист не без намерения означает время, но чтобы ты увидел суетность и небрежность государя, который о делах Христовых узнает не вначале, но по прошествии немалого времени. Так-то люди, облеченные властью и величием, мало уважая такие вещи, поздно узнают о них. Но ты познай могущество добродетели: Ирод боится и умершего Иоанна; даже от страха любомудрствует о воскресении. "**И сказал**", говорит евангелист, "**это Иоанн Креститель**", которого я умертвил; он воскрес из мертвых, "**и потому чудеса делаются им**" (Матф. 14:2). Видишь ли, как силен у него страх? Он не смеет и теперь сказать это всенародно, а говорит только своим придворным. Впрочем, самая догадка груба и нелепа. Хотя многие воскресали из мертвых, но ни один не творил таких чудес. Мне кажется, что сказанное Иродом внушено и честолюбием, и страхом. Действительно, душа, не управляемая разумом, часто вмещает в себя смесь противоположных страстей. Так, по сказанию евангелиста Луки, в народе о Христе говорили: это Илия, или: Иеремия, или: один из древних пророков (Лук. 9:8); а Ирод, как бы говоря рассудительнее прочих, называл Его Иоанном. Вероятно же, когда прежде другие признавали Его Иоанном, - так как и это говорили многие, - тогда с самохвальством и кичливостью Ирод отвергал такую молву, говоря: я умертвил Иоанна. Марк и Лука приписывают Ироду слова: "**Иоанн, которого я обезглавил**" (Марк. 6:16; Лук. 9:9). Но когда слухи усилились, то Ирод уже начинает говорить одно с народом. Далее евангелист рассказывает нам самое происшествие. Почему же не описал его прежде? Потому что единственным намерением евангелистов было говорить о делах Христовых, и они ничего не говорили лишнего и постороннего, кроме того, что могло содействовать их главной цели. Потому и теперь они не упомянули бы о происшествии, если бы оно не касалось Христа, и Ирод не сказал, что Иоанн воскрес. Евангелист Марк замечает, что Ирод весьма уважал Иоанна, хотя и был им обличаем (Марк. 6:20). Таково могущество добродетели! Евангелист же Матфей так продолжает повествование: "**ибо Ирод, взяв Иоанна, связал его и посадил в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего, потому что Иоанн говорил ему: не должно тебе иметь ее. И хотел убить его, но боялся народа, потому что его почитали за пророка**" (Матф. 14:3-5). Почему же Иоанн говорит не с Иродиадой, а с Иродом? Потому что Ирод имел больше власти. Заметь же, как легко евангелист обвиняет Ирода, пересказывая дело, как простой повествователь, а не как обвинитель. "**Во время же празднования дня рождения Ирода дочь Иродиады плясала перед собранием и угодила Ироду**" (Матф. 14:6). О, дьявольское пиршество! О, сатанинское позорище! О, беззаконная пляска, и награда самой пляски беззаконнейшая! Дерзнули на убийство, все убийства злодеянием превосходящее! Достойный венца и величаний перед глазами всех заклан, и победное знамение бесов на трапезе поставлено! Самый образ победы достоин события. "**Плясала**", говорит евангелист, "**перед собранием и угодила Ироду, посему он с клятвой обещал ей дать, чего она ни попросит. Она же, по наущению матери своей, сказала: дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя**" (Матф. 14:6-8). Двойное преступление, - и потому что плясала, и потому что угодила, и угодила так, что в награду совершается убийство. Видишь ли, как бесчеловечен, как нечувствителен, как бессмыслен Ирод? Себя связывает клятвой, и девице дает полную власть просить. Когда же увидел зло, какое из того вышло, "**опечалился**" (Матф. 14:9), говорит евангелист, - хотя сначала сам связал Иоанна. Почему же печалится? Такова добродетель! И у порочных людей она достойна удивления и похвал. Каково же неистовство Иродиады! Ей надлежало удивляться Иоанну, надлежало благоговеть перед ним, потому что защищал ее от позора;

а она замышляет о смерти его, расставляет сети, просит сатанинского дара. Ирод же убоялся, говорит евангелист, "**ради клятвы и возлежащих с ним**" (Матф. 14:9). Но как же ты не убоялся поступка бесчеловечного? Если ты боялся иметь свидетелей клятвопреступления, то гораздо больше надлежало тебе страшиться иметь стольких свидетелей такого беззаконного убийства.

3. Но так как, думаю, многие не знают силы того обвинения, из-за которого произошло убийство, то считаю нужным объяснить это, чтобы вы ясно увидели мудрость Законодателя. Какой же это был древний закон, нарушенный Иродом и сильно поддерживаемый Иоанном? Тот, что жена умирающего бездетным должна была выходить за брата его (Второз. 25:5). Так как смерть была неотвратимое зло, а Законодатель во всем промышлял о жизни, то поставлено законом остающемуся в живых брату вступать в брак с женой умершего, и по имени его называть родившегося младенца, чтобы род умершего не прекращался. Если кто умирает без надежды оставить после себя детей, - без этого величайшего утешения в смерти, - то скорбь о кончине его ничем не может быть утолена. Вот почему для тех, кого природа лишила детей, Законодатель придумал средство к утешению и повелел, чтобы младенец, рожденный после покойника, считался его собственным. Когда же после умершего оставались дети, указанный брак не был допускаем. Но почему же? спросишь: если постороннему он был позволителен, то не гораздо ли больше брату? Нимало. Законодатель желал, чтобы родство распространялось, и больше было поводов к установлению близких отношений между людьми. Почему и с женой умирающего бездетным не вступал в брак посторонний? Потому, что в таком случае младенец не считался бы принадлежащим покойнику. А теперь, так как младенец рождался от брата, самый подлог делался неприметным. Притом посторонний вовсе не имел и нужды восстанавливать дом умершего; а брат своим родством приобретал на то право. Но поскольку Ирод вступил в брак с женой брата, у которой была дочь, то Иоанн обличает его за это, и обличает со всей пристойностью, при дерзновении показывая и снисхождение. Но смотри, каким сатанинским делом было все это позорище. Во-первых, оно состоялось через пьянство и сластолюбие, откуда ничего не происходит доброго. Во-вторых, зрители были люди развратные; а дающий пиршество всех беззаконнее. В-третьих, забава была безумная. В-четвертых, девица, через которую брак делался противозаконным, и которой надлежало скрываться от света по причине позора своей матери, пышно является в собрании и, отложив девический стыд, затмевает собой всех блудниц. И самое время не мало служит к осуждению этого беззакония. Тогда как Ироду надлежало благодарить Бога за то, что в этот день произвел его на свет, он отваживается в это время на такие беззакония. Когда надлежало освободить связанного, тогда он к узам присоединяет убийство. Да обратят на это внимание те из девиц, а еще более - из замужних женщин, которые на чужих браках не отказываются вести себя неприлично, скакать, плясать и срамить свой пол. Да обратят также внимание те из мужчин, которые любят роскошные и сопровождаемые пьянством пиршества. Да убоятся они бездны, изрытой дьяволом. И несчастным Иродом так сильно овладел тогда дьявол, что он клянется отдать даже половину царства. Об этом так говорит евангелист Марк: "**клялся ей: чего ни попросишь у меня, дам тебе, даже до половины моего царства**" (Марк. 6:23). Так высоко ценил Ирод свою царскую власть, так отдался в плен страсти, что уступает царство за пляску. И чему дивиться, если так случилось с Иродом, когда и ныне, при высоте любомудрия, много таких изнеженных юношей, которые за пляску отдают свои души, даже и, не обязываясь к тому клятвой? Предавшись в плен удовольствиям, они, подобно бессловесным, ведутся, куда влечет их волк. Тому же самому подвергся тогда и безумец Ирод, безрассудно совершивший два постыднейших дела: то, что дал волю женщине столь неистовой, упоенной страстью и ни в чем себе не отказывающей; и то, что связал себя клятвой. Но как ни беззаконно поступил он, жена была всех беззаконнее - и девицы и царя. Она-то была изобретательницей всех зол, она устроила все

дело, хотя ей больше всего надлежало благодарить пророка. И дочь из повиновения ей бесчинствовала, плясала, просила об убийстве, и Ирод ей же уловлен был в сети. Видишь ли, как справедливо сказал Христос: "**кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня**" (Матф. 10:37)? Если бы дочь Иродиады соблюла этот закон, то не преступила бы многих законов, не совершила бы этого гнусного убийства. В самом деле, что может быть хуже такого зверства - просить в знак благодарности убийства, просить убийства беззаконного, просить убийства среди пиршества, просить убийства бесстыдно и при народе? Не наедине приходит она и предлагает просьбу. Нет, она говорит ее при собрании, сбросив с себя личину, совершенно откровенно, взяв дьявола в помощники. И конечно, дьявол сделал то, что она и угодила тогда пляской и пленила Ирода. Подлинно, где пляска, там и дьявол. Не для того Бог дал нам ноги, чтобы бесчинствовать, но для того, чтобы ходить чинно; не для того, чтобы прыгать, подобно верблюдам (и они, а не только женщины, отвратительны, когда пляшут), но для того, чтобы ликовать с ангелами. Если тело делается безобразным при таких бесчинствах, то не гораздо ли больше душа? Так пляшут бесы, так обольщают служители бесов!

4. Вникни же в самую просьбу: "**дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя**". Видишь ли, как она потеряла весь стыд, как вся предалась дьяволу? И о достоинстве помнит, и того, однако же, не стыдится; но, будто говоря о каком-нибудь кушанье, просит принести на блюде эту священную и блаженную главу! Даже не указывает и причину (почему просит), - так как никакой не имела; но просто изъявляет желание, чтобы в уважение ей было сделано зло другому. Не сказала: приведи его сюда и умертви, потому что не вынесла бы дерзновения готовящегося к смерти Иоанна: она боялась услышать грозный голос умерщвляемого, - ведь Иоанн не умолчал бы и перед усечением. Потому и говорит: "**дай мне здесь на блюде**". Хочу видеть этот язык молчащим. Она не только желала освободиться от обличений, но наступить на лежащего и насмеяться над ним. И Бог потерпел это, не послал молнии свыше и не попалил бесстыдного лица; не повелел расступиться земле и поглотить злое это сонмище, чтобы и праведника увенчать больше, и тем, которые впредь будут терпеть неправду, доставить обильное утешение. Итак, пусть выслушают это те из нас, которые, живя добродетельно, терпят насилие от злых людей. И тогда Бог потерпел, чтобы живший в пустыне, ходивший в кожаном поясе, в волосяной одежде, пророк, - даже больше пророка, - тот, перед кем нет большего из рожденных женами, был умерщвлен, умерщвлен бесстыдной девой и развратной блудницей, умерщвлен за то, что защищал божественные законы. Помышляя об этом, будем мужественно переносить все, что ни случится нам терпеть. Вот и тогда эта гнусная убийца и преступница, как только хотела отомстить огорчившему ее, так и могла сделать; излила весь свой гнев, - и Бог попускал то. Хотя Иоанн ничего не говорил ей самой, ни в чем не обличал ее, а винил одного мужа, однако совесть была строгим обличителем. Мучимая и угрызаемая ей Иродиада неистово порывалась на большее зло, всех вместе влекла к позору: и себя, и дочь, и умершего мужа, и живого прелюбодея, - стараясь превзойти прежние свои преступления. Если для тебя прискорбно, говорила она, что Ирод прелюбодействует, то я сделаю его и убийцей: заставлю умертвить обвинителя.

Выслушайте это вы, которые через меру пристращаетесь к женщинам! Выслушайте вы, которые клянетесь, не зная в чем, - делаете других властелинами вашей гибели, и сами себе роете яму! И Ирод погиб так же. Конечно, он думал, что дочь Иродиады попросит себе чего-нибудь приличного пиршеству, и именно, как девица, в торжественный день среди общего веселья при собрании, станет просить какого-нибудь блестящего и изящного подарка, а не попросит головы. Но обманулся. И, однако, все это не извиняет его. Пусть Иродиада имела сердце, свойственное только борцу со зверями; но ему не следовало даваться в обман и рабски служить тиранским повелениям. И, во-первых, кто бы не ужаснулся, видя священную главу Крестителя, лежащую в крови среди пира? Но не

ужаснулся беззаконный Ирод, не ужаснулась и женщина, преступнее Ирода. Таковы распутные женщины: они всех бывают бесстыднее и свирепее! Если мы, слыша о том, приходим в ужас, то, какое зрелище должны были тогда вынести взоры? Что должны были чувствовать присутствовавшие на пире, когда среди общего веселья увидели кровь, капающую с головы только что усеченной? Но эта кровопийца, самих фурий лютейшая, нимало не смутилась при таком зрелище, а еще и услаждалась им. Если уже не могло подействовать ничто другое, то при одном взгляде надлежало ей придти в оцепенение. Но и это не подействовало на гнусную убийцу, жаждущую крови пророческой. Таков блуд: не только делает наглецами, но и гнусными убийцами! Предавшаяся распутству близка к тому, чтобы покуситься на жизнь оскорбленного ею супруга, готова даже отважиться не на одно или два, но на тысячи убийств. Много есть примеров таких злодеяний. Конечно, и Иродиада так поступила тогда в надежде, наконец, предать забвению и свое преступление. Но вышло совершенно наоборот: после этого Иоанн начал вопиять еще громче.

5. Но человек в злобе смотрит только на настоящее, и подобен одержимому горячкой, который безвременно просит холодного. Если бы Иродиада не умертвила обличителя, то не обнаружилось бы в такой мере преступление. Ученики Христовы ничего не говорили о том, что Ирод вверг Иоанна в темницу. Но когда убил его, тогда принуждены были объявить и причину. Они хотели прикрыть блудницу, и не желали обнаруживать худых дел ближнего; но когда доведены были до необходимости изложить происшествие, тогда рассказывают все преступление. И чтобы не стал кто подозревать, что причиной умерщвления было нечто худое, как в истории Февды и Иуды (Деян. 5:36-37), оказались вынужденными объявить и повод к убийству. Итак, чем более хочешь утаить грех, по примеру Иродиады, тем более обнаруживаешь его. Грех покрывается не присовокуплением греха, но покаянием и исповедью. Смотри же, с каким беспристрастием евангелист повествует обо всем, и даже, что только мог, приводит в оправдание. Относительно Ирода говорит, что он совершил преступление "**ради клятвы и возлежащих с ним**", и что "**опечалился**"; а о девице замечает, что она подучена была матерью и что отнесла голову матери, как бы желая тем сказать, что дочь исполняла приказ матери. Так все праведники болезнуют не о терпящих, но о делающих зло, - потому что делающие зло в большей мере и терпят его. И теперь не Иоанну сделано зло; а подверглись ему те, которые довели его до смерти. Будем и мы подражать праведникам, и не только остережемся осмеивать грехи ближних, но постараемся по мере возможности даже прикрывать их. Научимся быть любомудрыми. Вот и евангелист, говоря о распутной женщине и гнусной убийце, выразился, насколько лишь было возможно, безобидно. Не сказал он: "**по наущению**" кровожадной и преступной матери, но просто: "**матери**", - употребляя самое почтительное имя. А ты оскорбляешь и укоряешь ближнего, и когда бываешь в досаде, не хочешь так помянуть о брате как евангелист о блуднице, но со всей лютостью, в несносных укоризнах называешь его злодеем, негодяем, лукавцем, безумцем и другими еще более оскорбительными именами. Мы еще более ожесточаемся, и, злословя, укоряя, оскорбляя брата, говорим о нем как о чужеземце. Но не так поступают святые. Они больше плачут о согрешающих, чем проклинают их. Будем и мы поступать так же; будем плакать об Иродиаде и о подражающих ей! И ныне, ведь, бывают подобные пиршества; и если не умерщвляется Иоанн, то умерщвляются члены Христовы, и еще с большей жестокостью. Пляшущие ныне не голову просят на блюде, но душу пирующих с ними. Порабощая их, вовлекая в беззаконные пожелания, и соблазняя блудницами, не голову усекают, но умерщвляют душу, потому что делают развратными, изнеженными блудниками. Не говори мне, что ты, когда, разгорячившись вином и упившись, смотришь на пляску и слушаешь бесстыдные речи женщины, ничего к ней не чувствуешь и не влечешься к разврату, одолеваемый сладострастием. Напротив, ты терпишь ужасный вред, потому что члены Христовы делаешь членами блудницы. Если и нет перед тобой Иродиадиной дочери, то дьявол, плясавший тогда в ней, и ныне управляет пляшущими, и

ныне, похищая души пирующих, увлекает в плен. Если вы и без пьянства пробыть можете, то участвуете в другом грехе, жесточайшем. Таковые пиршества соединены с множеством грабительств. Не смотри, прошу тебя, на предложенные мясо и пироги, но рассуди, как все это собрано, и увидишь, что собрано обидами, лихоимством, насилием, грабительством. Но скажешь, что на ином пиршестве нет ничего такого. Пусть не будет, я и не желаю того. И все-таки роскошные ужины, если и не заслуживают таких упреков, не свободны от осуждения. Послушай, как, и помимо указанной причины, порицает их пророк, говоря следующее: горе вам, "**пьющим вино, мажущимся наилучшими мастями**" (Амос. 6:6)! Видишь ли, как осуждает и самую роскошь? Не лихоимство порицает он здесь, а одно только сластолюбие.

6. Ты насыщаешься без меры, а Христу не достает и нужного. Для тебя ничего не значат пироги, а у Него нет и черствого хлеба. Ты пьешь фазское вино, а Ему жаждущему не подашь и чаши студеной воды. Ты на мягком и убранном ложе, а Он цепенеет от холода. Вот почему твои ужины, хотя и чисты от лихоимства, все-таки нечисты от преступления, так как ты все делаешь сверх нужды, а Христу не даешь и нужного, - и это несмотря на то, что роскошествуешь из Его же имущества. Если, сделавшись опекуном у сироты и взяв к себе его имущество, ты не поможешь ему в крайнем положении, то найдутся против тебя тысячи обвинителей, и будешь наказан по законам. А, взяв имущество Христа и расточая так безрассудно, неужели думаешь не дать отчета? И это я говорю не о тех, которые приводят к себе за стол блудниц (о таких, как о псах, нет и слова), и не о тех, которые преданы лихоимству и поедают чужое (и с такими, как со свиньями и волками, у меня ничего нет общего), а говорю о тех, которые пользуются собственным имением и не уделяют из него другим, о тех, которые нерасчетливо проживают отцовское наследие. И такой не свободен от порицания. И скажи мне, как избежишь ты порицания и осуждения, когда шут и комнатный пес у тебя пресыщаются, а Христос кажется тебе и их менее стоящим? Когда иной и за смехотворство берет много, а Христос за царствие небесное не получает и малой доли? Иной за то, что молвил острое слово, пошел от тебя с полными руками, а Христос, научивший нас тому, чего не зная не различались бы мы от псов, не удостаивается такого дара. Не приходишь ли в ужас, слыша это? Так ужаснись самого дела. Прогони тунеядцев и сделай, чтобы Христос разделял с тобой трапезу. Если Он вкусит твоего хлеба и соли, то снисходителен будет к тебе на суде, потому что Он умеет помнить твой хлеб и соль. Если разбойники не забывают гостеприимства, то гораздо больше Владыка. Вспомни о той блуднице, которую Господь оправдал за трапезой, а Симона укоряет, говоря: "**ты целования Мне не дал**" (Лук. 7:45). Если Господь питает тебя, когда ты и не исполняешь этого, то без сравнения вознаградит, когда исполнишь. Не смотри в нищем на то, что он неопрятен и гнусен видом, но представляй себе, что через него Христос входит к тебе в дом; удержись от жестокосердия и злоязычия, с каким всегда укоряешь приходящих, называя их притворщиками, ленивцами и другими еще обиднейшими именами. Рассуди, - когда произносишь такие слова, - какими делами занимаются твои тунеядцы? Какую пользу приносят они твоему дому? Верно, обед делают для тебя приятным? А чем это? Не тем ли, что ты бьешь их по щекам, а они говорят тебе всякий вздор? Но может ли быть что постыднее, как бить созданного по образу Божьему, и в обиде ему находить для себя забаву, и тебе, человеку благородному и свободному, обращать дом свой в театр, наполнять беседу свою скоморохами, подражать тому, что бывает в народных игрищах? Там тоже смех и побои. Итак, скажи мне: то ли называешь увеселением, что достойно многих слез, многого плача и сетования? Тебе следовало бы обратить их к порядочной жизни, следовало бы внушить им обязанности их, а ты вовлекаешь их в напрасные клятвы и в бесчинные речи, и даже называешь это забавой! За что ты должен ждать себе геенны, то считаешь предлогом к веселью. Ведь как скоро у них недостает острых слов, тогда все они вознаграждают божбой и напрасными

клятвами. Смеха ли это достойно? Не плача ли и слез? И кто назовет это смешным, будучи в здравом уме?

7. Но, говоря это, не запрещаю и таким людям давать пропитание: напитай, но по другому побуждению. Дай кусок, но из человеколюбия, а не по жестокосердию; с милостью, а не с обидой. Накорми потому, что он нищий; а не за то, что он говорит сатанинские речи и позорит свою жизнь. Накорми потому, что питаешь в нем Христа. Не смотри, что этот человек наружно смеется; но испытай совесть: тогда увидишь, что он тысячекратно клянет себя самого, стенает и скорбит. А если не показывает этого, то для тебя единственно. Итак, пусть лучше окружают тебя люди нищие и благородно мыслящие; пусть они разделяют твою трапезу, а не клятвопреступники, не скоморохи. Если же хочешь потребовать у них и вознаграждения за пищу, прикажи им, когда увидят какой беспорядок, вразумлять тебя, подавать советы, помогать тебе в хлопотах о доме, в управлении слугами. Если имеешь детей, пусть и они будут отцами твоих детей, разделяют с тобой присмотр за ними; пусть приносят тебе прибыль, приятную Богу. Доставляй им случай к духовной купле. Если видишь нуждающихся в помощи, вели помочь, прикажи услужить; посредством их отыскивай странных, через них одевай нагих, через них посылай в темницу и разведывай чужие нужды. Вот какое вознаграждение пусть они дадут тебе за пищу, полезное и для тебя и для них, не заслуживающее никакой укоризны. Через это и дружба связывается крепче. Теперь призренные тобой хотя и думают, что ты любишь их, но вместе стыдятся, как живущие у тебя даром. Исправляя же такие поручения, станут усерднее служить тебе, и для тебя будет приятнее кормить их, потому что истратишься не даром. Они начнут обходиться с тобой смело и с надлежащей свободой, и дом твой вместо театра сделается церковью; дьявол убежит, вселится же Христос и лик ангелов. Где Христос, там и ангелы; а где Христос и ангелы, там небо, там свет, светлейший этого солнечного света. Если хочешь приобрести от них иное утешение, то в досужее время вели им, взяв Писание, читать божественный закон. Они охотнее будут тебе служить этим, нежели, забавляя иначе, потому что это и тебя и их делает более почтенными, а другие забавы всех вместе позорят: тебя - как обидчика и упивающегося до забывчивости, а их - как бедняков и готовых на все из-за куска. Если кормишь, чтобы обидеть, то это жестокосерднее, чем, если бы ты умертвил их. А если кормишь для одолжения и для их выгоды, то поступок твой полезнее, чем если бы ты избавил ведомых на смерть. В первом случае унижаешь их перед самими слугами, так что слуги больше, чем они, имеют смелости и чисты совестью. В другом же случае, делаешь их равными ангелам. Итак, освободи и их, и себя; истреби имя тунеядцев, переименуй их в собеседников и, перестав звать льстецами, приветствуй как друзей. Для того дружба и установлена Богом - не к вреду, но к благу и пользе любимых и любящих. Но бесчестная дружба хуже всякой вражды. От врагов, если мы захотим, можем получить и пользу; а от таких друзей ничего не бывает, кроме одного лишь вреда. Не имей же друзьями учителей вреда, не имей таких друзей, которые больше любят (сытный) стол, нежели дружбу. Все такие друзья, как скоро прекратишь пиры, прекратят и дружбу. Кто соединен с тобой добродетелью, тот неотлучно при тебе пребывает, перенося всякий недостаток. А эти тунеядцы - такого свойства, что часто тебе мстят и навлекают на тебя худую славу. И я знаю многих людей благородных, которые через связи с ними заслужили о себе худое мнение. Одни оклеветаны в волшебстве, другие в прелюбодействе, а иные в деторастлении. Так как люди эти не имеют никакого занятия, а проводят жизнь в праздности, то многие подозревают, что они оказывают позорные услуги такого же рода. Итак, избавляя себя от худой славы, а особенно от будущей геенны, и делая угодное Богу, бросим этот дьявольский обычай, чтобы, когда едим и пьем, творить все во славу Божью (1 Кор. 10:31), и сподобиться от Господа славы, которую да получим все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 49

"И, услышав, Иисус удалился оттуда на лодке в пустынное место один; а народ, услышав о том, пошел за Ним из городов пешком" (Матф. 14:13).

1. Заметь, что Господь всякий раз удалялся, когда Иоанн был предан, когда он умерщвлен, и когда иудеи услышали, что Иисус приобретает многих учеников. Ему угодно было чаще поступать по-человечески, пока не пришло время вполне обнаружить божество Свое. Потому и ученикам он приказывал никому не говорить, что Он Христос; Он хотел, чтобы это сделалось известным по воскресении Его. По этой причине и с иудеев, которые дотоле не веровали в Него, не строго взыскивал, а, напротив, извинял их. Удаляется же не в город, но в пустыню, и притом на корабле, чтобы никто не следовал за Ним. Не оставь без замечания и того, что ученики Иоанна теперь уже ближе стали к Иисусу. Они именно уведомили Его о случившимся (с Иоанном) и, оставив все, делаются уже Его учениками. Так, кроме несчастья, немало исправило их и то, что Иисус внушил уже им о Себе Своим ответом. Но почему Господь не удалился до получения от них известия, хотя знал о случившемся и без уведомления? Для того чтобы во всем показать действительность воплощения. Не видом только, но и самыми делами Он хотел уверить в истинности его, потому что знал злобную хитрость дьявола, который готов все сделать, только бы истребить в людях мысль о Его воплощении. Вот по каким причинам удаляется Христос. Но привязанный к Нему народ не оставляет Его, а следует за Ним; и происшествие с Иоанном не устрашало Его. Такова привязанность! Такова любовь! Так она все побеждает и устраняет трудности. За это-то народ и получил вскоре награду. "**И, выйдя, Иисус**", продолжает евангелист, "**увидел множество людей и сжалился над ними, и исцелил больных их**" (Матф. 14:14). Хотя ревность их была велика, но благодеяния Христовы превышали цену всякого усердия. Потому евангелист и причиной исцелений в данном случае поставляет особенную милость; Христос всех исцеляет, и не спрашивает здесь о вере, потому что исцеленные показывают свою веру уже тем самым, что пришли к Иисусу, оставили города, тщательно искали Его и не оставляли, когда даже принуждал их к тому голод. Христос намеревается дать им пищу. Но сам не начинает этого, а ожидает, пока обратятся к нему с просьбой, всюду, как я уже говорил, наблюдая правило: не прежде приступать к совершению чудес, как по просьбе. Но почему же никто из народа не подошел и не попросил Его об этом? Они безмерно Его уважали, и желанием быть при нем подавляли в себе чувство голода. Но и ученики Его не подошли и не сказали: накорми их, потому что еще были несовершенны. Но что они говорят? "**Когда же настал вечер**", говорит евангелист, "**приступили к Нему ученики Его и сказали: место здесь пустынное и время уже позднее; отпусти народ, чтобы они пошли в селения и купили себе пищи**" (Матф. 14:15). Если ученики и по совершении этого чуда забыли о нем, и после коробов думали, что Христос говорит о хлебах, когда Он учение фарисейское назвал квасом, то тем более, не видев еще на опыте такого чуда, не могли ожидать чего-нибудь подобного (Матф. 14:16). И хотя Христос исцелил сперва многих недужных, однако, ученики, и, видя то, не ожидали чуда над хлебами. Столько еще были они несовершенны! Ты же заметь мудрость Учителя, как прямо Он ведет их к вере. Не сказал вдруг: Я напитаю их; этому они не скоро бы поверили. "**Но Иисус**", говорит евангелист, "**сказал им**", - что же именно? "**Не нужно им идти, вы дайте им есть**" (Матф. 14:16). Не сказал: Я дам; но - вы дадите, - так как они еще считали Его простым человеком. Даже и после этого не возвысились они в понятиях, напротив, отвечают как простому человеку, говоря: "**у нас здесь только пять хлебов и две рыбы**" (Матф. 14:17). Потому и евангелист Марк говорит, что они не разумели сказанного: "**потому что сердце их было окаменено**" (Марк. 6:52; 8:17). Итак, поскольку они еще пресмыкались по земле, то Господь сам начинает уже действовать, и говорит: "**принесите их Мне сюда**" (Матф. 14:18). Хотя "**место пустынное**", но здесь Тот, Кто питает вселенную; хотя "**время**

позднее", но с вами беседует Тот, Кто не подлежит времени. Иоанн упоминает и о том, что хлебы были ячменные, и не без цели говорит об этом, а с намерением научить, чтобы мы не тщеславились дорогими яствами. Такова была трапеза и у пророков. "**Взяв пять хлебов и две рыбы**", продолжает евангелист, "**и велел народу возлечь на траву, и воззрел на небо, благословил и, преломив, дал хлебы ученикам, а ученики народу. И ели все и насытились; и набрали оставшихся кусков двенадцать коробов полных; а евших было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей**" (Матф. 14:19-21).

2. Для чего Христос воззрел на небо и благословил? Ему надлежало уверить о Себе, что послан от Отца, и что равен Ему. Доказательства же этих истин, по-видимому, противоречили одно другому. Равенство Свое с Отцом Он доказывал тем, что делал все с властью; а тому, что послан от Отца, не поверили бы, если бы не поступал во всем с великим смирением, не стал приписывать всего Отцу, и во всяком деле призывать Его. Вот почему Господь, в подтверждение того и другого, не делает ни того, ни другого исключительно, но творит чудеса иногда с властью, а иногда по молитве. Потом, чтобы в этих действиях Его не представлялось опять противоречия, в делах менее важных взирает на небо, а в важнейших все творит с властью, из чего ты должен заключить, что и в менее важных делах Он поступает так не по нужде в содействии, но воздавая честь Родившему Его. Так, когда отпускал грехи, отверз рай и ввел в него разбойника, когда полновластно отменял ветхий закон, воскрешал многих мертвых, укрощал море, обнаруживал тайны сердечные, отверзал очи, - каковые дела свойственны одному Богу, а не другому кому, - ни при одном из этих действий не видим Его молящимся. А когда намеревался умножить хлебы, что было гораздо маловажнее всех прежде исчисленных действий, тогда взирает на небо, как в подтверждение Своего посольства от Отца, по замеченному мной выше, так и в научение наше, не прежде приступать к трапезе, как воздав благодарение Подающему нам пищу. Но почему не творит хлебов вновь? Чтобы заградить уста Маркиону и Манихею, которые не признают Его Творцом, чтобы самыми делами научить, что все видимое произведено и сотворено Им, и чтобы доказать, что Он есть дающий плоды и изрекший в начале: "**да произрастит земля зелень, траву**"; также: "**да произведет вода пресмыкающихся, душу живую**" (Быт. 1:11,20). И настоящее чудо не менее важно творения былья или гадов. В самом деле, пресмыкающиеся, хотя и сотворены вновь, однако, сотворены из воды. А из пяти хлебов и двух рыб сделать так много - не менее важно, чем произвести из земли плод и из воды пресмыкающихся животных; это значило, что Иисус имеет власть над землей и над морем. Доселе творил Он чудеса над одними больными; а теперь оказывает всеобщее благодеяние, чтобы народ не оставался простым зрителем того, что происходило с другими, но сам получил дар. И что иудеям, во время странствования по пустыне, казалось чудным (так как они говорили: "**но сможет ли Он дать и хлеб? или приготовить трапезу**" в пустыне? (Пс.77:20), то самое Господь показал на деле. Для того и ведет их в пустыню, чтобы чудо не подлежало решительно никакому сомнению, и никто не подумал, что для пропитания принесено что-нибудь из ближнего селения. Для того евангелист упоминает и о времени, а не только о месте. Отсюда научаемся и другому, именно: познаем умеренность учеников в удовлетворении необходимых потребностей, и то, как мало заботились они о пище. Их было двенадцать человек; а они имели при себе только пять хлебов и две рыбы. Столь мало радели они о плотском, а занимались только духовным! Да и этих немногих хлебов не стали удерживать, а и их отдали, как скоро попросили у них. Отсюда должны мы научиться, что хотя имеем у себя и малость, и то обязаны отдавать нуждающимся. Когда им велено принести пять хлебов, они не говорят: что же будем есть сами? Чем утолим свой голод? - но тотчас повинуются. Кроме сказанного, по моему мнению, Христос и для того не творит вновь хлебов, чтобы привести учеников к вере: они были еще весьма слабы. Потому взирает и на небо. Они видели неоднократно примеры других чудес, а такого чуда еще не видели. Итак, взяв, преломил и раздавал через учеников, делая им через это честь.

Впрочем, Он сделал это не столько для чести их, сколько для того, чтобы, когда совершится чудо, они не остались в неверии и не забыли о бывшем, когда собственные их руки будут свидетельствовать о том. Для той же цели и народу дает сперва испытать чувство голода; для той же цели выжидает, чтобы ученики пришли и просили, через них же рассаживает народ, через них же раздает хлеб, желая, чтобы каждый предрасположен был к чуду собственным сознанием и опытом. По той же причине берет и хлебы от учеников, чтобы много было свидетельств о случившемся, и памятнее сделалось для них чудо. Если и при всем том забыли они, то что бы вышло, когда бы не приняты были такие меры? Господь повелевает возлечь на траве, научая тем народ простоте жизни; хотел не тело только напитать, но и душу научить.

3. Итак, Господь для того избрал такое место, дал не более, как хлебы и рыбу, предложил всем одну общую пищу и никому не уделил больше другого, чтобы научить смиренномудрию, воздержанию, любви, - тому, чтобы мы все равно были расположены друг к другу и все считали общим. "**И, преломив, дал хлебы ученикам, а ученики народу**". Пять хлебов преломил и роздал, и эти пять хлебов в руках учеников не истощались. Но и тем чудо еще не ограничилось. Господь сделал, что оказался избыток, и избыток не в цельных хлебах, а в кусках, чтобы показать, что это точно остатки от тех хлебов, и чтобы не находившиеся при совершении чуда могли узнать, что оно было. Для того Христос попустил народу почувствовать и голод, чтобы не принял кто чуда за мечту; для того сделал остатков двенадцать коробов, чтобы и Иуде было что нести. Господь и без хлебов мог утолить голод, но тогда ученики не познали бы Его могущества, потому что это было и при Илие. А за это чудо иудеи так удивились Ему, что хотели сделать даже царем, хотя при других чудесах никогда не покушались на это. Какое же слово изобразит то, как источались хлебы, как они растекались по пустыне? Как их достало для такого множества? Евших было пять тысяч, кроме жен и детей; и это служит большой похвалой для народа, что и жены и мужи следовали за Христом. Как могли быть остатки? Это тоже не маловажнее первого. Притом остатков вышло столько, что число корзин равнялось числу учеников, - ни больше, ни меньше. Господь отдал куски не народу, а ученикам, потому что народ не столько был совершен, как ученики.

По совершении же чуда, "**тотчас понудил Иисус учеников Своих войти в лодку и отправиться прежде Его на другую сторону, пока Он отпустит народ**" (Матф. 14:22). Если в Его присутствии могли думать, что произведено нечто мечтательное, а не действительное, то не могли уже так думать в Его отсутствие. Поэтому-то, предоставляя ученикам строго исследовать случившееся, велел им взять с собой памятники и доказательства бывших чудес, и удалиться от Него. И в других случаях, совершив что-нибудь великое, Христос отсылает от Себя народ и учеников, внушая нам через это никогда не гоняться за людской славой и не привлекать к себе толпу. А словом: "**понудил**" евангелист выражает, что ученики не охотно разлучались с Ним. Христос отослал их под предлогом отпустить народ, а на самом деле - намереваясь взойти на гору. Сделал же это опять для нашего научения, чтобы мы и не всегда старались быть с народом, и не всегда избегали его, а, напротив, из того и другого извлекали пользу, и попеременно были то в уединении, то в обществе, смотря по нужде. Научимся же и мы быть с Иисусом, но не для чувственных даров, чтобы не заслужить упрека подобно иудеям. Он говорит: "**вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились**" (Иоан. 6:26). Потому-то Он и не часто творит такое чудо, а только два раза, чтобы научить их не чреву служить, но непрестанно прилепляться к духовным благам. К ним-то и мы будем прилепляться, станем искать хлеба небесного и, приняв его, отложим всякое житейское попечение. Если иудеи, оставив дома, города, сродников и все, пребывали в пустыне и, несмотря на голод, не отходили от Иисуса, то тем более нам, которые приступаем к такой трапезе, должно показать большее любомудрие, и возлюбить

духовные блага, а потом уже искать чувственных. И иудеи не за то были порицаемы, что искали Его для хлебов, но за то, что главным образом и только из-за этого искали Его. Кто пренебрегает великими дарами, а желает малых и таких, которыми он должен пренебрегать по воле дающего, тот лишается и первых; наоборот, если любим первые, то он прилагает и последние, потому что они служат добавкой к первым. Так они малоценны и маловажны в сравнении с первыми, сколько бы ни казались сами по себе великими. Итак, не будем заботиться о благах чувственных, будем считать и приобретение, и потерю их для себя делом безразличным, подобно Иову, который, и, обладая благами, не прилеплялся к ним, и, лишившись, не искал их. Потому они называются и благами (crhmata), что мы должны употреблять (crhswmeqa) их на нужды, а не потому, что должны зарывать их в землю. Как всякий художник знает свое только художество, так и богатый не умеет ни ковать, ни строить кораблей или домов, ни ткать, ни другого чего-либо подобного; а потому пусть учится употреблять свое богатство как должно, быть милосердным к неимущим, и тогда он будет знать искусство, лучше всех исчисленных.

4. И подлинно, это искусство выше всех других. Для него мастерская устроена на небесах. Орудия его - не железо и медь, а благость и добрая воля. Наставник в этом искусстве - Христос и Отец Его. Потому сказано: "**будьте милосердны, как и Отец ваш милосерд**" (Лук. 6:36). И что удивительно, это искусство, будучи настолько всех других лучше, не требует ни труда, ни времени для занятия им. Стоит только захотеть, и все сделано. Посмотрим же, каков и конец этого искусства. Итак, что бывает концом его? Небо и небесные блага, неизреченная слава, духовные чертоги, светлые светильники, обитание с Женихом и все то, чего никакое слово, никакой ум не могут представить, так что и в этом оно много отличается от других искусств. Большая часть искусств полезны нам только в настоящей жизни, а это полезно и в будущем веке. Если же оно столько превосходит искусства, необходимые для нас, как, например, врачебное искусство, зодчество и прочие, им подобные, то еще более превосходит те, которые, по тщательном исследовании, нельзя даже назвать и искусствами. Почему я все таковые излишние искусства и не почитаю искусствами. На что, например, нужны нам искусства стряпать и приправлять кушанья? Ни на что. Напротив, они даже бесполезны, крайне вредны, потому что повреждают душу и тело, легко приучая к сластолюбию, которое есть мать всех болезней и страданий. Кроме этих искусств я не назвал бы также искусствами живопись и уменье выводить узоры, потому что они вводят только в лишние издержки; а искусства необходимые, служащие к поддержанию нашей жизни, должны доставлять и приготовлять нам нужное. Бог на то и дал нам мудрость, чтобы изобретать способы, как поддерживать бытие свое; а изображать животных на стенах, или на одеждах, скажи мне, полезно ли к чему-нибудь? Потому-то многое надобно бы выкинуть в ремесле сапожников и ткачей. Они многое ввели для щегольства; что было нужного, то испортили, и к искусству примешали ухищрение. Тоже случилось и с зодчествами. Доколе оно строит дома, а не театры, занимается необходимым, а не излишним, - я называю его искусством. Точно также и искусство ткать, доколе оно готовит нужное для одежды, а не подражает паутинам, не тратит трудов на произведения смешные и пышные без меры, - называю искусством же. Не отниму этого названия и у сапожного ремесла, доколе оно занимается приготовлением обуви. Но когда оно мужчин преображает в женщин, и посредством обуви дает им вид изнеженных и слабых тогда, - причисляю его к ремеслам вредным и излишним и не могу назвать уже искусством. Знаю, что, занимаясь такими предметами, для многих покажусь мелочным; но это не остановит меня. Причина всех зол именно в том и заключается, что многие считают такие грехи маловажными, а потому не обращают на них внимания. Иной скажет: какой грех может быть маловажнее того, что человек носит красивые, светлые и обтягивающие ногу сапоги, если только можно назвать это грехом? Хотите ли, я изощрю на него язык свой, и покажу всю его гнусность? Выслушаете ли меня без гнева? Впрочем, если и погневаетесь, мало о том забочусь. Вы ведь виновны в этом безрассудстве, - вы,

которые не почитаете этого греха и за грех, и тем заставляете нас вооружиться обличением против такой роскоши.

5. Так исследуем и рассмотрим, как велико это зло. Когда ты вышиваешь сапоги свои шелковыми нитями, которыми неприлично испещрять даже одежду, - каких укоризн, какого смеха достойно это? Если же ты пренебрегаешь нашим мнением, то выслушай сказанное Павлом, который со всей строгостью запрещает это, и тогда почувствуешь, как это смешно. Что же говорит Павел? "**Не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценной одеждой**" (1 Тим. 2:9). Стоишь ли ты какого извинения, когда Павел и жене не позволяет носить драгоценные одеяния, а ты допускаешь такую пышность в сапогах, и выдумываешь тысячи нарядов, достойных осмеяний и порицания? Для этих нитей строят корабли, набирают гребцов, кормчего и корабельщика, распускают паруса, переплывают море; для них купец, оставив жену, детей и отечество, вверяет жизнь свою волнам, отправляется в страну варваров, подвергается бесчисленным опасностям, а ты, после всего этого, взяв эти нити, нашиваешь себе на сапоги, украшаешь кожу. Что может быть хуже такого бессмыслия? Не таково было одеяние древних; напротив, оно прилично было мужам. Из этого заключаю, что со временем наши юноши без всякого стыда будут употреблять женскую обувь. И, что всего несноснее, отцы, смотря на это, не негодуют, а считают это ничего незначащим. Хотите ли, скажу нечто и того еще несноснее? То именно, что делается это тогда, как у нас много бедных. Хотите ли, представлю вам Христа, томимого голодом, нагого, преследуемого, связанного? Скольких молний достойны вы, которые не хотите обратить внимания на Христа, не имеющего нужной пищи, и между тем с такой заботливостью украшаете кожи! Христос, когда давал наставления ученикам Своим, не позволил им даже иметь сапог, а мы не только не умеем ходить босыми ногами, но и обуваться, как должно. Что же может быть беспорядочнее, смешнее этого? Все это показывает человека изнеженного, грубого, жестокого и суетного. Достанет ли досуга заняться чем-либо нужным тому, кто тратит время на такие излишества? Достанет ли досуга такому юноше позаботиться о душе, или даже подумать, что есть у него душа? Тот мелочен, кто принужден удивляться пышной обуви; тот жесток, кто для нее презирает нищих; тот чужд всякой добродетели, кто все свое старание употребляет на такие наряды. С любопытством рассматривая доброту нитей, живость красок, вытканные из них узоры, найдет ли он время воззреть на небо? Есть ли время подивиться красоте небес тому, кто пристрастился к красоте кож и поник в землю? Бог простер небо и возжег солнце для того, чтобы привлечь взор твой горе; а ты принуждаешь себя потупляться в землю, подобно свиньям, и повинуешься дьяволу. Подлинно злой этот дух изобрел такие гнусные вещи, чтобы, отвлекая тебя от небесной красоты, привлечь ими к земле. И Богу, указывающему небо, предпочитается дьявол, показывающий кожи, или даже и не кожи (потому что и они - произведение Божье), а напыщенность и ухищрение. Поникши к земле, идет юноша, которому надлежало бы мудрствовать о небесном; тщеславится своими сапогами более, чем какой-нибудь важной заслугой; едва ступает по торжищу, сам себе причиняя напрасные печали и огорчения, - боясь, как бы в ненастье не замарать сапоги грязью, а в летнее время не запылить. Что скажешь на это, человек? Такой роскошью ты всю душу свою поверг в прах, и беспечно смотря на то, что она пресмыкается по земле, так много заботишься о сапогах! Подумай, для чего они употребляются, и устыдись того мнения, какое о них имеешь. Сапоги сделаны для того, чтобы попирать ими грязь, навоз и всякую нечистоту на полу. Если это для тебя несносно, возьми повесь их на шею, или положи на голову.

6. Вы смеетесь, слушая это; а мне приходится плакать, видя безумие таких людей и их заботливость о сапогах. Они скорее согласятся замарать в грязи тело, нежели эти кожи. Такие люди, насколько бывают мелочны, настолько, с другой стороны, сребролюбивы. Кто привык до безумия заботиться о таких украшениях, тому надобно много тратить на

одежду и на все прочее, а потому и большие иметь доходы. Если отец у него щедр, то такой человек более и более предается этому пороку, и дает усиливаться безрассудной прихоти; а если скуп, то принужден прибегать к другим бесчестным средствам, чтобы иметь деньги на такие издержки. Вот отчего многие из молодых людей продали красоту свою, сделались шутами у богатых и унизились до других рабских услуг, чтобы за это приобрести только возможность исполнять такие свои прихоти. Отсюда видно, что такой человек будет сребролюбив и суетен, нерадивее всякого в делах нужных, и неминуемо впадет во многие проступки. Неоспоримо также и то, что он должен быть жестокосерд и тщеславен. Жестокосерд, когда, видя бедного, по страсти к нарядам, не удостаивает его и взора, и хотя сапоги украшает золотом, но на нищего, тающего от голода, не обращает и внимания. Тщеславен же, когда ничтожными вещами старается уловить внимание зрителей. Не столько ведь, думаю, военачальник гордится победами, сколько распутный юноша нарядностью сапог своих, длинными одеждами, прической волос, хотя всем тем обязан искусству других. А если тщеславятся чужим, то, как не тщеславиться своим? Сказать ли еще и того худшее, или для вас довольно и этого? Итак, окончим наше слово. Да и это говорил я для тех, которые упорны и не находят в таких нарядах ничего неприличного. Знаю, правда, что многие юноши не обратят и внимания на слова мои, потому что упились уже страстью. Однако же, из-за этого не должно молчать. Если у отцов есть ум и они еще в силе, то они могут и по неволе обратить их к должной благопристойности. Итак, не говори: и то не важно, и другое не беда. Это-то именно все и губит. Следует учить их и относительно таких предметов и в самых, по-видимому, малостях делать степенными, великодушными, пренебрегающими наряды. Таким образом, они успевают и в важнейшем. Что маловажнее изучения азбуки? Однако же, начавшие с нее делаются риторами, софистами, философами. А не знающие азбуки и этих наук никогда не узнают. Все же это говорим не для одних только юношей, но и для жен и девиц. И они ведь подлежат тем же упрекам и, тем более что девице особенно нужна скромность. Итак, все сказанное юношам, приложите и к себе, чтобы нам опять не повторять того же. Но время уже заключить слово наше молитвой. Помолитесь же вместе со мной, чтобы юноши, особенно христианские, могли жить скромно и достигнуть приличной им старости; ведь тем, которые не так живут, не хорошо дожить и до старости. Но кто в молодости живет как старик, тому желаю дожить до глубоких седин, сделаться отцом добрых детей, возвеселить своих родителей, а, прежде всего - Бога, его сотворившего; совершенно освободиться не только от недуга щеголять обувью и одеждами, но и от всех душевных болезней. Какова невозделанная земля, такова и юность, оставленная в небрежении: она произращает много терний. Итак, пустим огонь Духа, попалим злые вожделения, обработаем нивы, приготовим их к принятию семян; потщимся, чтобы наши юноши были целомудреннее иных стариков. То и достойно удивления, когда целомудрие блистает в юноше. Кто целомудрен в старости, тот заслуживает небольшую награду; его самый возраст делает уже целомудренным. Чудно то, чтобы среди волнения наслаждаться тишиной, в печи не сгорать, в юности не предаваться распутству. Помышляя об этом, поревнуем блаженному Иосифу, просиявшему всеми этими добродетелями, чтобы удостоиться тех же венцов, которых и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 50

"И, отпустив народ, Он взошел на гору помолиться наедине; и вечером оставался там один. А лодка была уже на средине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный" (Матф. 14:23-24).

1. Для чего Господь восходит на гору? Чтобы научить нас, насколько удобны пустыня и уединение, когда нужно молиться Богу. Для того Он часто уходит в пустыни, и неоднократно проводит там ночи в молитве, уча нас избирать такое время и место, которые бы нас располагали к спокойной молитве. Пустыня есть матерь безмолвия, покой и пристань, укрывающая нас от всякой тревоги. Итак, Христос для молитвы взошел на гору; а ученики опять борются с волнами и претерпевают бурю, как и прежде. Но тогда во время бури Христос был с ними на корабле, а теперь они одни. Господь постепенно и мало-помалу ведет их к большему, и приучает переносить все мужественно. Поэтому-то, когда они в первый раз подвергались опасности, был с ними, хотя и спал, чтобы тем самым успокоить их; теперь же, ведя их к большему терпению, поступает иначе: уходит от них, попускает буре застигнуть их среди моря, так что им не оставалось никакой надежды к спасению, и на всю ночь оставляет их бороться с волнами, - чем, думаю, хотел тронуть жестокое их сердце. Таковое действие должен был произвести страх, возбужденный как бурей, так и ночным временем. Сверх сердечного умиления, Господь располагает их к сильнейшему желанию быть с Ним и непрестанному памятованию о Нем. Вот почему Он не тотчас явился к ним, но, как говорит евангелист, "**в четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю**" (Матф. 14:25), - чем научал их не искать скорого избавления от окружающих бедствий, но мужественно переносить все, что ни случится. Но когда они ожидали избавления, страх еще более увеличился. "**И ученики, увидев Его идущего по морю**", говорит евангелист, "**встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали**" (Матф. 14:26). Господь и всегда так поступает: когда хочет прекратить бедствия, насылает другие, тягчайшие и ужаснейшие. Так было и в настоящем случае: кроме бури, и явление Христово устрашило их не менее бури. Христос не рассеял тьмы и не вдруг открыл Себя ученикам, чтобы продолжительностью страха укрепить их, как сказал я, и приучить к терпению. Так поступлено было и с Иовом. Когда Богу угодно было прекратить его страх и искушение, попустил, чтобы последнее страдание было тягчайшим. Я разумею здесь не смерть детей и слова жены, но укоризны рабов и друзей. Равным образом, когда Бог хотел Иакова избавить от бедствования на чужой стороне, попустил, чтоб открылись новые беспокойства и непрестанно увеличивались. Тесть настиг его на пути и угрожал смертью, а потом брат, хотевший перехватить на дороге, поверг его в крайнюю опасность. Так как человеку не возможно вынести искушений продолжительных и сильных, то Господь, желая, чтобы праведники приобрели больше, перед окончанием их подвигов увеличивает испытания. Так поступил Он и с Авраамом, назначив ему последним искушением заклание сына. И несносное делается сносным, когда налагается на человека при дверях, незадолго до освобождения. Так поступил Христос и в настоящем случае: не прежде открыл Себя апостолам, чем они возопили. Чем более увеличивалось беспокойство, тем приятнее для них было пришествие Христово. Потом, когда возопили, "**тотчас**", говорит евангелист, "**заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь**" (Матф. 14:27). Эти слова рассеяли страх и внушили смелость. Апостолы не узнавали Его по виду, как по причине чудесного хождения, так и по причине ночного времени; поэтому Он открывает Себя посредством голоса. Что же делает Петр, везде пламенный, всегда предупреждающий других учеников? "**Господи**", - говорит он, - "**если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде**" (Матф. 14:28). Не сказал: помолись и призови на помощь Бога; но: "**повели**". Видишь ли, сколько жара, сколько веры - хотя Петр от того и подвергается часто опасностям, что домогается чрезмерного? Так и здесь он просил слишком многого: впрочем, из одной любви, а не из хвастовства. Не сказал: вели мне идти по волнам; но что говорит? "**Повели мне придти к Тебе**". Никто не любил столько Иисуса. Это доказал Петр и по воскресении Христовом. И тогда он не стал ждать, чтобы идти вместе с другими, но побежал вперед. Впрочем, он обнаруживает в себе не одну любовь, но и веру. Петр был уверен, что Иисус может не только Сам ходить по морю, но вести и других, и желает скорее быть близ Него. "**Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде**", - и шел к Иисусу. "**Но,**

видя сильный ветер, испугался и, начав утопать, закричал: Господи! спаси меня. Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился" (Матф. 14:29-31)? Это происшествие чудеснее прежнего, потому и случилось после. Когда Христос показал, что он Владыка моря, Он производит перед учениками другое удивительнейшее знамение. Прежде Он запретил только ветрам, а теперь и Сам ходит по водам, и другому дозволяет сделать то же. Но если бы повелел то вначале, Петр не принял бы с таким расположением, потому что не имел еще такой веры.

2. Итак, для чего Христос позволил Петру? Для того, что, если бы сказал ему: не можешь, - Петр, по своей горячности, и здесь стал бы противоречить. Поэтому Христос и убеждает его самым делом впредь быть осторожнее. Но Петра и это не удерживает. Итак, сошедши с корабля, обуревается волнами, потому что убоялся; вот что произвело волнение, а страх произошел от ветра. Иоанн говорит, что "**они хотели принять Его в лодку; и тотчас лодка пристала к берегу, куда плыли**" (Иоан. 6:21). Эти слова показывают то же самое, то есть: что Иисус взошел на корабль тогда уже, как ученики приблизились к берегу. Итак, Петр, сошедши с корабля, шел к Нему, радуясь не столько тому, что ходит по водам, сколько тому, что идет к Иисусу. Но, победив трудное, он едва не потерпел вреда от легчайшего; я разумею стремительность ветра, а не моря. Такова природа человеческая: часто, успев в великом, затрудняется малостью!

Как Илия пострадал от Иезавели, Моисей от египтянина, Давид от Вирсавии, так и Петр. Сначала, объятый еще страхом, он осмелился идти по водам; а против усилия ветра и притом находясь уже близ Христа устоять не мог. Так бесполезно быть близ Христа тому, кто не близок к Нему верой. Это обнаружило также разность между учеником и Учителем и утешило прочих. Если они негодовали на двух братьев, то тем более вознегодовали бы на Петра, потому что еще не удостоились принять Святого Духа. После принятия Духа они стали иными, и во всем уже уступают первенство Петру; ему предоставляют право говорить в собраниях, хотя он менее других был искусен в слове. Но почему Господь не велел уняться ветрам, а Сам простер руку и поддержал Петра? Потому что нужна была Петрова вера. Когда с нашей стороны есть недостаток, то и божественное действие останавливается. Итак, желая показать, что не стремление ветра, но Петрово маловерие произвело такую перемену, Господь говорит: "**маловерный! зачем ты усомнился**"? Следовательно, он легко устоял бы против ветра, если бы в нем не ослабла вера. Потому-то Господь, поддержав Петра, и не остановил дуновения ветра, желая показать, что ветер не вредит, когда крепка вера. Как птенца, который прежде времени вылетел из гнезда и готов упасть наземь, мать сажает к себе на крылья и опять уносит в гнездо, - так сделал и Христос. "**И, когда вошли они в лодку, ветер утих**" (Матф. 14:32). Раньше при подобном случае говорили: "**кто это, что и ветры и море повинуются Ему**"? А теперь говорят иначе. "**Бывшие же в лодке**", говорит евангелист, "**подошли, поклонились Ему и сказали: истинно Ты Сын Божий**" (Матф. 14:33)! Видишь ли, как Господь мало-помалу вел всех выше и выше? Оттого, что Сам ходил по морю, велел другому сделать то же, и спас его от опасности, вера в учениках весьма уже возросла. Тогда запретил Он морю, а теперь не запрещает; но иначе, в высшей мере, показывает Свое могущество. Потому и говорили: "**истинно Ты Сын Божий**". Что ж? Запретил ли Он говорить так? Совершенно напротив, даже подтвердил сказанное тем, что с большей властью и не по прежнему стал исцелять приходящих к Нему. "**И, переправившись**", говорит евангелист, "**прибыли в землю Геннисаретскую**" (Матф. 14:34). "**Жители того места, узнав Его, послали во всю окрестность ту и принесли к Нему всех больных**" (Матф. 14:35). "**И просили Его, чтобы только прикоснуться к краю одежды Его; и которые прикасались, исцелялись**" (Матф. 14:36). Теперь приступили к Нему не с такими уже просьбами, как прежде: не зовут Его в дом, не домогаются, чтобы прикоснулся рукой, или приказал словом; напротив, с возвышеннейшим любомудрием и с обильнейшей верой просят об

исцелении. Кровоточивая жена всех научила любомудрию. Между тем евангелист, желая показать, что Иисус Христос давно уже не был в этой стране, говорит: "**жители того места, узнав Его, послали во всю окрестность ту и принесли к Нему всех больных**". Однако время не только не истребило веры (в народе), но еще увеличило ее и сохранило во всей силе. Итак, прикоснемся и мы к краю одежды Христовой, вернее же сказать, - если хотим, мы можем иметь всего Христа. Нам предложено ныне и тело Его, - не только одежда, но самое тело, чтобы мы не только прикасались, но и ели и насытились. Приступим же с верой, приступим все немощные. Если прикасающиеся к краю одежды Его привлекали на себя чудодейственную силу, то не гораздо ли в большей мере привлекут ее приемлющие в себя всего Христа? Приступить же с верой значит не только принять предложенное, но прикоснуться к нему с чистым сердцем, с таким расположением, как бы приступали к самому Христу. Что в том, что ты не слышишь гласа Его? За то ты видишь Его тебе предлагаемого; или лучше сказать, и голос Его слышишь, потому что Он говорит через евангелистов.

3. Итак, веруйте, что и ныне совершается та же вечеря, на которой сам Он возлежал. Одна от другой ничем не отличается. Нельзя сказать, что эту совершает человек, а ту совершал Христос; напротив, ту и другую совершал и совершает сам Он. Когда видишь, что священник преподает тебе дары, представляй, что не священник делает это, но Христос простирает к тебе руку. Как при крещении не священник крестит тебя, но Бог невидимой силой держит голову твою, и ни ангел, ни архангел, ни другой кто не смеет приступить и коснуться, так и в причащении. Если один Бог возрождает, то Ему одному принадлежит дар. Не видишь ли, что и у нас желающие кого-либо усыновить, не рабам вверяют это дело, а сами являются в суд? Так и Бог не ангелам вверил дар, но сам присутствует, повелевает и говорит: "**отцом себе не называйте никого на земле**" (Матф. 23:9). Говорит это не для того, чтобы ты не почитал родителей, а чтобы предпочитал им создавшего тебя и принявшего в число детей Своих. А кто дал тебе большее, т. е. предложил самого Себя, тот тем более не почтет недостойным Своего величия и преподать тебе Свое тело. Итак, послушаем, иереи и миряне, чего мы удостоились, послушаем и ужаснемся! Христос дал нам в пищу святую плоть Свою, самого Себя предложил в жертву: какое же будем иметь оправдание, когда, принимая такую пищу, так грешим? Вкушая Агнца, делаемся волками! Съедая овцу, бываем хищны как львы! Таинство это требует, чтобы мы были совершенно чисты, не только от хищения, но и от малой вражды. Это таинство есть таинство мира; оно не позволяет гоняться за богатством. Если Господь не пощадил для нас самого Себя, то чего будем достойны мы, когда, дорожа богатством, не щадим души своей, за которую Он не пощадил Себя? Для иудеев учредил Бог праздники, чтобы они ежегодно вспоминали о Его благодеяниях; а тебе, так сказать, каждый день напоминает о них через это таинство. Итак, не стыдись креста. В нем заключены наша слава, наши таинства; этим даром мы украшаемся, им хвалимся. Если я скажу, что Бог простер небо и землю, расширил море, послал пророков и ангелов, я не выражу в такой мере Его благости. Верх благодеяний Его состоит в том, что Он не пощадил Сына Своего для спасения отошедших от Него рабов. Итак, ни Иуда, ни Симон не должны приступать к этой трапезе, потому что оба они погибли от сребролюбия. Будем же избегать этой пропасти, и не почтем достаточным для спасения, если, ограбив вдов и сирот, принесем золотой и украшенный драгоценными камнями сосуд для святой трапезы. Если ты хочешь почтить жертву, то принеси душу свою, за Которую принесена жертва; душу свою сделай золотой. Если же она хуже свинца и глины, а ты приносишь золотой сосуд, какая из того польза? Итак, будем заботиться не о том одном, чтобы принести в дар золотые сосуды, но о том, чтобы принести от праведных трудов. Такие приношения, добытые тобой без любостяжания, дороже всяких золотых. Церковь - не на то, чтоб в ней плавить золото, ковать серебро; она есть торжественное собрание ангелов. Поэтому мы требуем в дар ваши души, - ведь ради душ принимает Бог и прочие дары. Не серебряная была тогда трапеза, и не из золотого

сосуда Христос давал пить кровь Свою ученикам. Однако же там все было драгоценно, все возбуждало благоговение, потому что все исполнено было Духа. Хочешь почтить тело Христово? Не презирай, когда видишь Христа нагим. И что пользы, если здесь почтишь Его шелковыми покровами, а вне храма оставишь терпеть и холод и наготу? Изрекший: "**сие есть тело Мое**" (Матф. 26:26), и утвердивший словом дело, сказал также: вы видели Меня алчущего, и не напитали; и далее: "**так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне**" (Матф. 25:42-45). Для этого таинственного тела нужны не покровы, а чистая душа; уды же Христовы, то есть, нищие, имеют великую нужду в нашем попечении. Научимся же быть любомудрыми и почитать Христа, как сам Он того хочет. Почитаемому приятнее всего та честь, которой он сам желает, а не та, которую мы признаем лучшей. И Петр думал почтить Господа, не допуская Его умыть ноги; однако же, это было не почтение, а нечто тому противное. Так и ты почитай Его той честью, какую сам Он заповедал, то есть, истощай богатство свое на бедных. Богу нужны не золотые сосуды, а золотые души.

4. Говоря это, не запрещаю делать богатые вклады: требую только, чтобы вы, вместе с вкладами и даже прежде них, творили милостыню. Хотя Бог приемлет и вклады, но гораздо лучше милостыню. Там один только приносящий получает пользу; а здесь и приемлющий. Там дар бывает иногда поводом к тщеславию; а здесь все делается по одному милосердию и человеколюбию. Что пользы, если трапеза Христова полна золотых сосудов, а сам Христос томится голодом? Сперва напитай Его алчущего, и тогда уже употреби остальное на украшение трапезы Его. Ты делаешь золотую чашу, и не даешь чаши студеной воды. Что в том пользы? Делаешь для трапезы златотканые покровы, а Христу не даешь и нужного для прикрытия. Какой плод от того? Скажи, мне: если ты увидишь человека, не имеющего у себя необходимой пищи, и вместо того, чтоб утолить его голод, обложишь только стол серебром, поблагодарит ли он тебя за это, или, скорее, огорчится? Еще: ты видишь человека, покрытого рубищем и окостеневшего от холода, и вместо того, чтобы дать ему одежду, ставишь золотые столбы, говоря, что делаешь это в честь его: не скажет ли он, что ты над ним насмехаешься, и не почтет ли это крайней обидой? То же представь и о Христе, когда Он, как бесприютный странник, ходит и просит крова, а ты, вместо того, чтобы принять Его, украшаешь пол, стены, верхи столбов, привязываешь к лампадам серебряные цепи, а на Христа, связанного в темнице, и взглянуть не хочешь. Говоря это, не запрещаю и в том быть щедрым, но советую также не оставлять другого, или даже и предпочитать последнее. За неисполнение первого никто никогда не был осужден, а за неисполнение последнего угрожает геенна и огонь неугасимый и мучение вместе с демонами. Итак, украшая дом Божий, не презирай скорбящего брата; этот храм превосходнее первого. Те утвари могут похитить и неверные цари, и тираны, и разбойники; а что сделаешь для брата алчущего и странного и нагого, того и сам дьявол не может похитить: оно сбережется в неприступном хранилище. Почему же сам Христос говорит: "**нищих всегда имеете с собой, а Меня не всегда имеете**" (Марк. 14:7)? Потому-то особенно и нужно быть милосердными, что не всегда имеем Его алчущего, а только в настоящей жизни. Если же хочешь вполне постигнуть смысл этих слов, слушай: Христос говорит здесь не ученикам, как представляется с первого взгляда, а слабой жене. Так как она была еще несовершенна, а ученики приводили ее в сомнение, то Господь сказал это в ее ободрение. А чтобы показать, что действительно сказал это в ее утешение, присовокупил: "**что смущаете**" жену? Мы всегда имеем Его с собой, как сам Он говорит: "**Я с вами во все дни до скончания века**" (Матф. 28:20). Из всего этого видно, что Христос сказал те слова единственно для того, чтобы запрещение учеников не иссушило в жене прозябшей тогда веры. Поэтому не будем ссылаться теперь на то, что сказано было с особенным намерением; но, прочитав все законы о милостыне, данные и в новом, и в ветхом завете, употребим все старание, чтобы приложить их на деле. Милостыня и грехи очищает. Как сказано: "**подавайте милостыню, тогда все будет у вас**

чисто" (Лук. 11:41). Она важнее жертв: "**милости хочу, а не жертвы**" (Ос. 6:6). Она отверзает небеса: "**молитвы твои и милостыни твои пришли на память перед Богом**" (Деян. 10:4). Она нужнее девства. Так одни девы были изгнаны из брачного чертога; так другие введены были в него. Зная все это, будем сеять щедро, чтобы с большим изобилием пожать, и получить будущие блага по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки. Аминь.

БЕСЕДА 51

"Тогда приходят к Иисусу Иерусалимские книжники и фарисеи и говорят: зачем ученики Твои" и пр.(Мф. 15:1).

1. Тогда - когда же это? После того, как Он сотворил бесчисленные знамения, после того, как исцелил недужных прикосновением к краю риз Его. Для того-то евангелист и означает время, чтобы показать крайнюю, ничем непреодолимую злобу книжников и фарисеев. Но что значат слова: "**Иерусалимские книжники и фарисеи**"? Книжники и фарисеи были рассеяны по всем коленам, и разделены на двенадцать частей; но те из них, которые жили в главном городе, были гораздо злее прочих, так как большею пользовались честью и более надмевались. Смотри же, как они и самым вопросом своим уловляются. Они не говорят: почему ученики Твои преступают закон Моисеев, но - почему нарушают "**предание старцев**"? Отсюда видно, что священники много вводили нового, хотя Моисей под страхом великого наказания и со многими угрозами запрещал им что-либо прилагать к закону, или отнимать от него, говоря: "**Не прибавляйте к тому, что я заповедую вам, и не убавляйте от того**" (Втор. 4:2). И тем не менее, они вводили новые постановления, каково было и то, что не должно есть неумытыми руками, что чаши и котлы надобно омывать и самим омываться. Тогда как иудейскому народу надлежало уже оставить прежние постановления, они навязывали ему еще более, опасаясь лишиться власти и желая, чтобы их тем более страшились, что они и сами законодатели. От этого дело дошло до такого нечестия, что их заповеди сохраняли, а Божии нарушали; и столь велика была власть их, что это не почиталось уже и преступлением. Потому на них и лежала двойная вина: и за то, что вводили новые постановления, и за то, что, оставляя без внимания Божии заповеди, тем более вступались за свои. Умалчивая о других постановлениях, достойных только смеха, - как-то, об омовении кувшинов и котлов, - они выставляют на вид то, что по видимому более заслуживало внимания, желая, как мне кажется, привести чрез это Господа в гнев. Потому упоминали и о старцах, чтобы, в случае неуважения к ним, иметь предлог к обвинению Господа. Но сперва следует рассмотреть, почему ученики ели неумытыми руками? Итак, почему же они так поступали? Это они делали не с намерением, но потому, что презирали уже излишнее, и заботились об исполнении необходимого. Они не считали законом умываться, ни оставаться неумытыми, но поступали так, или иначе, как случалось. И могли ли они заботиться об этом, когда не заботились даже о самой пище, необходимой для них? И тогда как им часто случайно приходилось есть неумытыми руками, - как, например, когда в пустыне принимали пищу, или когда рвали колосья, - пренебрегающие всегда великим и заботящиеся много об излишнем поставляют им это в вину. Что же Христос? Он не стал ни порицать, ни защищать поведения учеников, но на обвинение фарисеев и сам отвечал обвинением, унимая дерзость их и показывая, что согрешающий в великих делах не должен с такою заботливостью подмечать в других маловажные проступки. Вас бы надлежало подвергнуть обвинению, - говорит Он, - а вы сами обвиняете других. Заметь, что когда Он хочет какое-либо постановление отменить, то делает это в виде отповеди; так и теперь поступил. Он не тотчас обращается к учиненному проступку, и не говорит, что он ничего не значит, - иначе Он увеличил бы их дерзость; но сперва сражает дерзость их, поставляя на вид преступление гораздо важнейшее, и возлагая его на главу их. Он не говорит и того,

что нарушающие постановление хорошо поступают, чтобы не подать им случая к обвинению Себя; но и не охуждает поступок учеников, чтобы не подтвердить постановления. Равно не обвиняет и старцев, как людей законопреступных и порочных (иначе фарисеи отвратились бы от Него, как от ругателя и оскорбителя); но, все это оставив, избирает другой путь и, порицая, по-видимому, подошедших к Нему, касается между тем сделавших сами постановления. Он не упоминает вовсе о старцах, но в обличении, направленном против одних, низлагает и других, и показывает, что они вдвойне грешат, не покоряясь Богу и угождая людям. Он как бы так говорит: обыкновение повиноваться старцам, оно-то и погубило вас. Правда, Он не говорит этого, но то же самое дает разуметь в следующем ответе: "**Зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего? Ибо Бог заповедал: почитай отца и мать; и: злословящий отца или мать смертью да умрет. А вы говорите: если кто скажет отцу или матери: дар [Богу] то, чем бы ты от меня пользовался, тот может и не почтить отца своего или мать свою; таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим**" (Мф. 15:3-6).

2. Господь не сказал: за предание старцев, но – "**преданием вашим**"; также не сказал: старцы же глаголют, но – "**вы говорите**", смягчая тем Свою речь. Книжникам и фарисеям хотелось показать, что ученики Его нарушают закон; Христос, напротив, показывает, что они сами делают это, а ученики не подлежат обвинению. Постановление человеческое не есть закон (потому Он и называет его преданием), а особенно постановление людей беззаконных. Но так как предание, повелевающее умывать руки, не было противно закону, то Христос приводит другое, противное закону, именно следующее: фарисеи учили юношей, под видом благочестия, презирать отцов. Каким образом? Если кто из родителей говорил сыну: дай мне эту овцу, которую ты имеешь, или тельца, или иное что, то им отвечали: то, чем ты желаешь от меня пользоваться, я отдаю в дар Богу, и ты не можешь получить этого. Отсюда происходило двоякое зло: и Богу не приносили, и родителей, под предлогом приношения Богу, лишали дара; и оскорбляли родителей под предлогом обязанности к Богу, и Бога - под предлогом обязанности к родителям. Впрочем, Господь не прямо указывает на это, но сначала читает им закон, в котором показывает, что Бог строго требует почтения к родителям. "**Почитай, -** говорит Он, **- отца и мать**", и будешь долголетен на земле И еще: "**Злословящий отца или мать смертью да умрет**". Но, умолчав о награде, которая принадлежит почитающим родителей, Христос упоминает только о том, чего надобно страшиться, т. е. о наказании, которое угрожает непочитающим родителей, желая таковых устрашить, равно как и благонамеренных ободрить, указывая таким образом на настоящих виновников, достойных смерти. Если, говорит Он, непочтительные на словах наказываются, то тем более будете наказаны вы, непочтительные на деле, и не только сами так поступающие, но и других научающие тому же. Как же вы, которым и жить не подобало бы, обвиняете учеников? Что удивительного, если вы Меня, доселе неизвестного вам, так много оскорбляете, когда являетесь так дерзкими и пред Отцом? Так Христос везде говорит и показывает, что из неуважения к Отцу и происходит такое безумное высокомерие их. Некоторые изъясняют иначе это выражение: "**дар [Богу] то, чем бы ты от меня пользовался**", именно: я не обязан почитать тебя, и это мой дар тебе, если я стану тебя почитать [1]. Но Христос не о таком оскорблении упоминал здесь. Евангелист Марк выражает это яснее, говоря: "**корван, то есть дар [Богу] то, чем бы ты от меня пользовался**" (Мк. 7:11), что не означает ни дара, ни одолжения, но собственно выражает приношение. Итак, показав, что пренебрегающие законом Божиим не должны обвинять тех, кто нарушает предание старцев, Он то же самое показывает и из слов пророка. По строгом обличении, Он простирает речь Свою далее, что и всегда делает, представляя в доказательство Писания, и тем показывая Свое согласие с Богом. Что же говорит пророк? "**Этот народ приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня, и**

благоговение их предо Мною есть изучение заповедей человеческих" (Ис. 29:13). Видишь ли, как пророчество совершенно согласно со словами Иисуса Христа и как оно еще прежде возвещало злобу иудеев? Что Христос осудил ныне, о том еще прежде говорил Исаия, т. е., что иудеи заповеди Божии презирают. "**Языком, -** говорит, **- своим чтит Меня**", а о Своих постановлениях прилагают великое старание: "**учат учениям, заповедям человеческим**" (ср. Мф.15:9). Потому справедливо ученики и не соблюдают этих постановлений. Итак, нанесши иудеям смертельный удар и усилив обличение и делом, и собственным суждением, и словами пророка, Господь перестает говорить с ними, так как они не могли уже исправиться, но обращает речь Свою к народу, чтобы преподать ему высокое, великое и исполненное многого любомудрия учение. Пользуясь этим случаем, Он присовокупляет большее, и совсем уже отвергает постановления о пище. Но заметь, когда это? Когда прокаженного очистил, когда нарушил покой субботний, когда показал Себя царем земли и моря, когда установил закон, когда грехи отпустил, когда мертвых воскресил, когда представил многие доказательства Своей божественности: тогда начинает рассуждать и о пище.

3. Все иудейство заключается в преданиях о подобных предметах. И если ты отвергнешь эти предания, то отвергнешь и все его. Таким образом Христос показывает, что и обрезание должно уничтожить. Впрочем, сам Он не внушает оставить этот обряд предпочтительно пред прочими, потому что заповедь об обрезании всех древнее прочих и более уважалась, но через учеников утверждает закон об его отмене. Обрезание так было важно, что и ученики, по прошествии уже многого времени желая отменить его, делают это после предварительного рассуждения. Но смотри, как Господь вводит закон: "**И, призвав народ, -** говорит евангелист, **- сказал им: слушайте и разумейте**" (Мф. 15:10)! Не просто объявляет им этот закон, но почтительностью и снисходительностью располагает народ к принятию слов Своих (что показал евангелист в слове: призвав). Далее Он пользуется благоприятностью времени: начинает изрекать закон после того, как обличил фарисеев, одержал над ними победу и осудил их словами пророка, следовательно, когда народ удобнее мог принимать слова Его; и притом Он не просто призывает их, но и возбуждает их внимание. Разумейте, - говорит Он, - т. е., размыслите, обратите внимание ваше. Закон, который Я теперь намерен дать вам, достоин этого. Если фарисеи несвоевременно нарушили закон для сохранения своих преданий, и вы их слушали, то гораздо более должны слушать Меня, в надлежащее время поучающего вас высшему любомудрию. Впрочем, Он не сказал, что разборчивость в пище ничего не значит, и что Моисей предписал ее напрасно, или из снисхождения; а говорит в виде увещания и совета, заимствуя доказательство из самого свойства вещи. "**Не то, что входит в уста, -** говорит Он, **- оскверняет человека, но то, что выходит из уст**" (Мф. 15:11). Основываясь на самой природе, Он и изрекает и утверждает закон. Слыша это, фарисеи ничего не сказали вопреки. Не сказали: что Ты говоришь? Тогда как сам Бог дал столько повелений о соблюдении различия в пище, Ты ли даешь такой закон? Но так как Христос совсем заставил молчать их не только тем, что обличил, но и тем, что вывел наружу их коварство, обнаружив тайные дела их и сокровенные помышления, то они молча удалились. Но смотри, как Господь нигде не решается восстать явно против пищи; потому и не сказал - пища, но: "**Не то, что входит в уста оскверняет человека**", - что можно было относить и к неумовению рук. Хотя Он говорил о пище, но можно было думать, что Он говорил и об умовении рук. Разборчивость в пище так строго была наблюдаема, что и после воскресения Петр говорил: "**Нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого**" (Деян. 10:14). Хотя он говорил это и для других, и для того, чтобы иметь самому оправдание против обвинителей, и вместе показать, что Он сколько ни препирался, но не имел успеха, тем не менее показывает, как много думали об этом предмете. Потому-то и сам Христос первоначально не прямо сказал о пище, а употребил выражение: "**что входит в уста**"; и после, когда, по-видимому, говорил об этом

яснее, опять прикровенно заключил речь Свою, сказав: “**А есть неумытыми руками - не оскверняет человека**” (Мф. 15:20), чтобы слышавшие думали, что Он с этого начал, и об этом рассуждал доселе. Потому не сказал прямо: пища не сквернит человека; - но говорил так, как бы рассуждал об умовении рук, чтобы фарисеи ничего не могли сказать вопреки. Услышав такие речи, “**соблазнились**” говорится, фарисеи, но не народ. “**Ученики Его, приступив, -** говорит евангелист, **- сказали Ему: знаешь ли, что фарисеи, услышав слово сие, соблазнились**” (ст. 12)? - хотя Господь и не к ним говорил. Что же Христос? Он не стал выводить их из соблазна, но укорил их, говоря: “**Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится**” (ст. 13). Он знал, когда должно оставлять без внимания соблазны, и когда не должно. Так, в другом случае Он говорит: “**Чтобы нам не соблазнить их, пойди на море, брось уду** (Мф. 17:27); а здесь: “**Оставьте их: они - слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму**” (Мф. 15:14). Ученики говорили это не столько потому, что заботились о фарисеях, сколько потому, что сами несколько смущались. Но так как сказать это от своего лица не смели, то желали узнать через повествование о других. А что они действительно и сами соблазнялись, это видно из того, что ревностный и всегда других предупреждающий Петр подходит и говорит Иисусу: “**Изъясни нам притчу сию**” (ст. 15); открывая свое душевное смущение, но не осмеливаясь явно сказать: я соблазняюсь, он просит изъяснения, дабы избавиться от этого смущения, за что и подвергся укоризне. Что же говорит Христос? “**Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится**”. Зараженные учением манихеев говорят, что это сказано о законе; но им заграждает уста то, что сказано выше. Если Господь говорил это о законе, то как же Он выше защищает его, и отстаивает, говоря: “**Зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего**”? К чему приводит и слова пророка? Нет, это говорит Он о фарисеях и о их преданиях. Если Бог сказал: “**Почитай отца и мать**”, то, как же сказанное Богом не есть насаждение Божие?

4. Равным образом и из последующего видно, что изъясняемые слова сказаны о фарисеях, и о их преданиях, потому что Господь присовокупил: “**слепые вожди слепых**”. Если бы эти слова говорил Он о законе, то сказал бы: слепой вождь слепых; но Он не говорит так, а говорит: “**слепые вожди слепых**”, отклоняя этим порицание от закона и обращая на них самих. Потом, отделяя от них народ, как уже близкий к тому, чтобы пасть в яму чрез их водительство, говорит: “**А если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму**”. Большое зло и слепым быть; но при слепоте не иметь руководителя и занимать должность вождя - двойное и даже тройное преступление. Если при слепоте не иметь вождя, то гораздо пагубнее браться водить другого. Что же Петр? Он не говорит: почему и для чего Ты сказал это; но спрашивает, как бы сказанное было не ясно; не говорит: для чего Ты утверждаешь противное закону, потому что опасается, чтобы Христос не почел его соблазнившимся; но как бы говорит, что сказанное не ясно. А что он в самом деле спрашивал не по причине неясности, но потому что соблазнялся, это очевидно из того, что в словах Господа не было ничего неясного. Поэтому Христос и укоряет его, говоря: “**Неужели и вы еще не разумеете**” (ст. 16)? Народ, может быть, еще не понимал слов Его, а ученики соблазнились ими. Вот почему сначала они желали узнать о том, спрашивая как бы для фарисеев; когда же услышали произнесенную им тяжкую угрозу: “**Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится**”, и: “**слепые вожди слепых**”, - замолчали. Но Петр, во всех случаях ревностный, и этим не удерживается в молчании, а говорит: “**Изъясни нам притчу сию**”. Что же отвечает Христос? Он отвечает с великою укоризною: “**Неужели и вы еще не разумеете? еще ли не понимаете**”? Так говорил Он и укорял их, чтобы уничтожить предрассудок, и не довольствуясь этим, присовокупил еще: “**Что все, входящее в уста, проходит в чрево и извергается вон? а исходящее из уст - из сердца исходит - сие оскверняет человека, ибо из сердца исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления - это оскверняет человека; а есть неумытыми руками - не**

оскверняет человека" (ст. 17-20). Видишь ли, как сильно Он укоряет их? Потом подтверждает сказанное общим законом природы, для исправления их. Говоря: "**проходит в чрево и извергается вон**", Он дает ответ, приноравливаясь к брезгливости иудеев. Он говорит, что пища не остается во чреве, но исходит, между тем как если бы она и оставалась, и тогда не оскверняла бы человека; но они еще не могли вместить этого. Потому и законодатель позволяет оставаться без умовения в то время, пока пища находится внутри, но когда выходит вон, не позволяет. Он повелевает омываться и быть чистым вечером, расчисляя время переваривания и извержения пищи. А нечистота сердца, говорит Он, внутри пребывает и оскверняет человека не только тогда, когда остается там, но и когда исходит оттоле. Сначала Он исчисляет злые помышления, свойственные иудеям, и уже не заимствует доказательства из природы вещей, но из того, что одни из них порождаются во утробе, а другие в сердце, одни остаются в человеке, а другие не остаются. То, что входит в человека извне, опять и исходит из него; но что зарождается внутри его, то оскверняет его и по нисшествии, и тогда еще более. Такое доказательство употребил Он потому, что ученики, как я уже сказал, еще не могли слушать этого с должною мудростью. Марк (7:19) говорит, что Господь этими словами указывал на то, что пища очищается от нечистоты. Но Он не показал вида и не сказал, что есть такую-то пищу не сквернит человека, потому что книжники не стали бы и слушать, если бы Он стал явно говорить это. Потому Он и присовокупил: "**а есть неумытыми руками - не оскверняет человека**". Итак познаем, что оскверняет человека, познаем - и будем избегать того! Мы видим, что многие в церкви строго соблюдают обыкновение - приходить в чистых одеждах и с обмытыми руками; а о том, чтобы с чистою душою предстать Богу, нимало не заботятся. Говоря это, я не запрещаю умывать руки или лицо, но желаю, чтобы умывали их так, как должно - не водою только, но вместо воды убеляли добродетелями. Нечистоту уст составляют: злословие, хула, ругательство, гневные слова, срамословие, смех, насмешки. Поэтому, если ты сознаешь, что ничего подобного не говорил и не осквернил себя такою нечистотою, то приходи смело. Если же ты тысячекратно допускал себя осквернять этим нечистотам, то, что трудишься напрасно омывать язык водою, осквернив его пагубною и вредоносною нечистотою?

5. Скажи мне: осмелился ли бы ты молиться, если бы замарал руки в навозе или в грязи? Никак. Между тем это не причинило бы тебе никакого вреда, а то осквернение пагубно. Итак, для чего ты в делах безразличных опаслив, а в том, что запрещено, нерадив? Что же, - скажешь ты, - или не должно молиться? Должно, только надобно быть чистым и не оскверненным. Но что, - скажешь, - если я прежде осквернил себя? Очистись. Каким же образом? Плачь, стенай, раздавай милостыню; извинись перед обиженным, и через то примирись с ним; очисти язык, чтобы более не раздражать Бога. Если бы кто измаранными в грязи руками держал тебя за ноги, умоляя о прощении, ты не только не стал бы слушать его, но и оттолкнул бы ногою. Как же ты сам дерзаешь в такой нечистоте приступать к Богу? Язык молящихся есть рука, которою мы обнимаем колена Божии. Итак, не оскверняй его, чтобы и тебе не сказал Господь: "**И когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу**". И еще говорится: "**Смерть и жизнь - во власти языка**", и еще: "**От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься**" (Ис. 1:15; 18:22; Мф. 12:37) Итак, сохраняй язык более зеницы ока! Язык есть царский конь. Если ты наложишь на него узду и научишь его ходить прямо, то царь спокойно будет сидеть на нем; если же пустишь его бежать и скакать без узды, то на нем будет ездить дьявол и бесы. Ты после сообщения с твоею женою, хотя это и не преступление, не смеешь молиться; а после ругательств и обид, которые ведут к геенне, прежде, нежели очистишь себя совершенно, воздеваешь руки к Богу: как же ты не страшишься, скажи мне? Или ты не знаешь, что сказал Павел: "**Брак у всех [да будет] честен и ложе непорочно**" (Евр. 13:4)? Если же ты, востав от непорочного ложа, не смеешь приступить к молитве, то как, лежа на ложе дьявола, призываешь ужасное и страшное имя Божие? Поистине осквернять себя обидами

и ругательствами - значит лежать на ложе дьявола. Гнев, как злой прелюбодей, совокупляясь с нами с сильною похотью, переливает в нас губительные семена и порождает дьявольскую вражду, и делает все противное браку. Брак производит то, что два бывают плоть одна, а гнев и соединенных разобщает и самую душу разделяет и рассекает. Итак, чтобы тебе с дерзновением приступать к Богу, не допускай гнева, когда он хочет войти в твою душу и совокупиться с нею, но отгоняй, как бешеного пса. Такое и Павел дал повеление, когда сказал: "**Воздевая чистые руки без гнева и сомнения**" (1 Тим. 2:8). Итак, не оскверняй языка! Иначе, как он будет за тебя молиться, когда не будет иметь дерзновения? Укрась его кротостью и смирением, сделай его достойным призываемого тобою Бога, наполни благословением и многою милостынею, - можно ведь и словами творить милостыню. "**Слово - лучше, -** сказано, **- нежели даяние**" (Сир. 19:16), и еще: "**отвечай ему** (нищему) **ласково, с кротостью**" (Сир. 5:8). Все остальное время украшай возвещением божественных законов: "**Да будет … всякая беседа твоя - в законе Вышнего**" (Сир. 10:20). Украсив себя таким образом, приступим к Царю, и падем на колена не только телом, но и мыслию. Помыслим, к кому мы приступаем и зачем, что желаем получить? Приступаем к Богу, Которого созерцая, серафимы отвращают лицо, не имея сил сносить сияния, от лица Которого трепещет земля; приступаем к Богу, Который живет во свете неприступном; и приступаем для того, чтобы Он избавил нас от геенны, отпустил нам грехи наши, освободил нас от нестерпимых наказаний и даровал нам небо и его блага.

6. Итак, припадем к Нему и телом и мыслию, чтобы Он сам воздвиг нас лежащих; будем беседовать с Ним с кротостью и со всяким смирением. Но кто из людей, скажешь ты, так несчастен и жалок, что и во время молитвы не бывает кроток? Тот, кто молясь проклинает, исполнен гнева и вопиет против врагов своих. Если ты хочешь обвинять, то обвиняй себя самого. Если хочешь изощрить язык свой, изощряй его против грехов своих; говори не о том, какое зло причинил тебе другой, но какое ты сам себе нанес; оно-то и есть величайшее зло. Другой не может обидеть тебя, если ты сам себя не обижаешь. Итак, если ты хочешь восставать против обижающих тебя, то восстань прежде против самого себя, - в этом никто тебе не препятствует; а если ты восстанешь против другого, то будешь в большой обиде. Да и какую ты, говоря по правде, можешь представить обиду? Ту ли, что кто-нибудь оскорбил, обобрал тебя и подверг опасностям? Но это не значит быть обиженным; напротив, если мы будем внимательны, то такие обиды принесут нам даже величайшую пользу. Здесь обиженный есть тот, кто учинил такое зло, а не тот, кто потерпел его. И в этом-то заключается главная причина всех зол, что мы не знаем даже и того, кто когда получает, и кто наносит обиду. Если бы мы хорошо знали это, то никогда не обижались бы и не жаловались бы в молитвах своих на другого, зная, что другой не может причинить нам зла. Не лишаться, а лишать кого имущества есть зло. И потому, если ты похитил что-нибудь, то осуждай самого себя; если же у тебя похитили имущество, молись за похитителя, потому что он доставил тебе весьма великую пользу. Пусть его намерение было и не таково; но ты сам собою приобретешь величайшую пользу, если великодушно перенесешь обиду. Его карают и божественные и человеческие законы, а тебя, обиженного, увенчивают и прославляют. Если бы страждущий горячкою похитил у кого-нибудь сосуд с водою и утолил ею опасную жажду, мы назвали бы обиженным не того, у кого похищен сосуд, но того, кто похитил, потому что через это он усилил бы жар, и ухудшил свою болезнь. Так думай и о любостяжателе и о сребролюбце: и он, ведь, в жару любостяжения, который сильней самой горячки, похищением еще более усиливает свой пламень. Также, если бы кто в бешенстве, похитивши у кого-нибудь меч, заколол им себя, кто тогда потерпел бы зло: тот ли, у кого похищен меч, или тот, кто похитил? Очевидно тот, кто похитил. Так должны мы судить и о похищении имущества. Поистине богатство для сребролюбца то же, что и для безумного меч, и даже еще гораздо вреднее. Безумный, взявши меч и нанесши себе смертный удар, освобождается от

безумия, и не получает другого удара; а сребролюбец каждый день получает бесчисленные, жесточайшие раны. Он не освобождается от своего безумия, но еще более увеличивает его; и чем больше получает ран, тем более подает случай раскрываться другим, жесточайшим. Помышляя об этом, будем избегать такого меча, будем избегать безумия - и, хотя и поздно, научимся воздержанию. Поистине и эту добродетель не менее должно называть целомудрием, как и ту, которую все называют этим именем. Там бывает борьба с одною лютою плотью, а здесь нужно побеждать многие и различные похоти. Нет безумнее человека, раболепствующего богатству. Одолеваемый он представляет себя повелителем; будучи рабом, почитает себя господином; связав себя узами, радуется; усиливая лютость зверя, веселится; находясь в плену, торжествует и скачет; и видя пса, бесящегося и нападающего на его душу, вместо того, чтобы связать и изнурить его голодом, он доставляет ему обильнейшую пищу, чтобы он еще более нападал на него и был еще ужаснее. Итак, представляя все это, расторгнем узы, умертвим зверя, отринем болезнь, отринем это безумие, чтобы нам насладиться спокойствием и совершенным здоровьем и, достигнув с великою радостью тихого пристанища, получить вечные блага, которых и да сподобимся мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и во веки веков. Аминь.

---

[1] Смысл толкования таков: если я приношу тебе дар, то это зависит только от моей воли, это - дело моей милости, потому что этот самый дар я мог бы посвятить Богу.

БЕСЕДА 52

“И, выйдя оттуда, Иисус удалился в страны Тирские и Сидонские. И вот, женщина Хананеянка, выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется” (Мф. 15:21,22).

1. Евангелист Марк говорит, что Христос, и “**войдя в дом, … не мог утаиться**” (Мк. 7:24). Но для чего Христос отправился в эти именно страны? Он, отменив для иудеев закон о разборчивости в пище, теперь, простираясь далее, отверзает дверь уже и язычникам. Так и Петр сперва получил повеление отступить от закона (о пище), а потом был послан к Корнилию. Если же кто спросит, как же Христос, говоря ученикам: “**На путь к язычникам не ходите**” (Мф. 10:5), сам вступает на этот путь? - то мы скажем на это: во-первых, Он не обязан был сам исполнять того, что заповедал Своим ученикам; во-вторых, Он шел в эти страны не проповедовать: на это указывает и Марк, говоря, что Господь скрылся, но не мог утаиться. Как не следовало Христу идти к язычникам первым, так напротив не сообразно было с Его человеколюбием удалять их от себя, когда они сами приходили. Если Ему не надлежало оставлять убегавших от Него, тем более не должно было убегать тех, которые сами Его искали. Смотри, например, как вполне достойна была жена благодеяний! Она не смела придти в Иерусалим, потому что опасалась и считала себя недостойною; если бы было не так, то она пришла бы и туда, как это видно из настоящего ее великого усердия и из того, что она вышла за пределы своей земли. Некоторые, толкуя эти слова иносказательно, говорят, что по отшествии Христа из Иудеи к Нему дерзнула приступить Церковь, также вышедшая за пределы свои, потому что Писание говорит: “**Забудь народ твой и дом отца твоего**” (Пс. 44:11). Христос вышел из пределов Своей страны, а жена из пределов своей, и таким образом они могут встретиться. “**И вот, женщина Хананеянка**, **-** говорит евангелист, **- выйдя из тех мест**” . Так он называет жену для того, чтобы указать здесь чудо и ее еще более прославить. В

самом деле, слыша название хананеянки, представь себе тот беззаконный народ, который извратил в самих основаниях законы природы; а представив это, уразумей силу пришествия Христова. Те, которые были изгнаны для того, чтобы не развратили иудеев, теперь больше иудеев оказывают усердия. Они выходят из пределов страны своей и сами идут ко Христу, а иудеи и пришедшего к Ним Христа гонят от себя. Итак, пришед ко Иисусу, жена одно только говорит: "**Помилуй меня**", и своим воплем привлекает к себе народ. Подлинно трогательное было зрелище - видеть жену, вопиющую с таким состраданием, видеть мать, умоляющую о своей дочери, о дочери так жестоко страждущей. Она не осмелилась привести беснующуюся к Учителю, но, оставив ее дома на одре, сама умоляет Его и объявляет только болезнь, ничего более не прибавляя. И не зовет Врача в дом свой, подобно тому князю, который говорил: "**Приди, возложи на нее руку Твою**" (Мф. 9:18), - или тому цареву мужу, который сказал: "**Приди, пока не умер сын мой**" (Ин. 4:49); но, поведав о своем горе и тяжкой болезни дочери, обращается к милосердию Владыки и громким голосом вопиет, прося помилования не дочери своей, но себе самой: "**Помилуй меня!**" Как бы так говорила она: дочь моя не чувствует болезни своей, а я терплю тысячи различных мучений; я больна, я чувствую болезнь, я беснуюсь, и сознаю это. "**Но Он не отвечал ей ни слова**" (Мф. 15:23). Что значит этот новый и необыкновенный поступок Иисуса? Иудеев и неблагодарных вводит, и злословящих призывает, и искушающих не оставляет, а ту, которая сама приходит к Нему, просит Его и молит, которая не знала ни закона, ни пророков, и между тем показывает такое благочестие, Он не удостаивает даже и ответа. Кто бы не соблазнился о Иисусе, видя поступок так несогласный с молвою о нем? Слышно было, что Он сам обходил селения для того, чтобы исцелять больных; но вот Он отвергает и ту, которая сама пришла к Нему. Кого бы не преклонили такое страдание и такая покорность, с какою умоляла жена о своей злостраждущей дочери? Она не почитала себя достойною благодеяния, и пришла не с тем, чтобы требовать должного; но просила оказать милость и изъявляла только свое несчастие, - и при всем этом не удостоена ответа. Может быть, многие из слышавших это соблазнились; но она не соблазнилась. И что я говорю - из слышавших? Я думаю, что и сами ученики тронулись несчастием жены, смутились и опечалились. Однако, и смутившись, они не смели сказать Ему: окажи ей милость; "**ученики Его, приступив, просили Его: отпусти ее, потому что кричит за нами**". Так и мы, когда желаем склонить к чему-либо другого, часто говорим не то, что бы хотели. Христос же отвечает: "**Я послан только к погибшим овцам дома Израилева**" (ст. 24).

2. Как же поступила жена? Умолкла ли она, услышав это? Отошла ли? Потеряла ли бодрость? Нет! Она еще более усилила свои моления. Не так поступаем мы. Если не получаем просимого, то перестаем и просить, тогда как надлежало бы просить еще усерднее. Кого бы не привели в недоумение слова Спасителя? Довольно было и одного молчания, чтобы привести хананеянку в отчаяние; тем более мог повергнуть в него ответ Христов. Видя вместе с собою в недоумении своих ходатаев и слыша, что просьба ее не может быть исполнена, можно было потерять всякую надежду. И однако, жена не потеряла ее, но, видя бессилие своих ходатаев, вооружилась похвальною смелостью. Прежде она не смела и явиться пред лице Господа, - сказано: "**кричит за нами**"; а теперь, когда по причине безнадежности надлежало бы вовсе удалиться, она приступает ближе и кланяется, говоря: "**Господи! помоги мне**" (ст. 25). О, жена! Неужели ты имеешь более дерзновения, более мужества, нежели апостолы? Нет, - говорит она, - я не имею ни дерзновения, ни мужества; напротив, я стыжусь, но употребляю дерзость вместо мольбы. Может быть, Он почтит мое дерзновение. Но что это? Или ты не слыхала, что Он сказал: "**Я послан только к погибшим овцам дома Израилева**"? Слышала, говорит она; но Он - Господь. Потому-то она и не сказала: попроси и помолися, но – "**помоги мне**". Что же Христос? Он и тем не удовольствовался, но еще более умножает ее недоумение, говоря: "**Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам**" (ст. 26). Удостоив ответа, Господь

своими словами еще более поразил ее, нежели молчанием. Он уже не ссылается на другого в Свое оправдание, и не говорит: "**Я послан**" но чем более усиливает она свою просьбу, тем и Он решительнее отказывает. Он уже не овцами называет иудеев, но чадами, а ее псом. Как же поступает жена? Она в самих Его словах находит себе защиту. Если я пес, говорит она, то значит не чужая. Справедливо сказал Христос: "**На суд пришел Я**" (Ин. 9:39). Жена любомудрствует, показывает великое терпение и веру, несмотря на свое уничижение; а иудеи, получая исцеления и почести, воздают противным. Я знаю, - говорит она, - что чадам необходимо давать пищу; но и мне она не совсем возбранена, несмотря на то, что я подобна псу. Если мне вовсе нельзя пользоваться пищею, то нельзя участвовать и в крохах. Если же я могу иметь хотя малое участие в ней, то мне она не совсем возбранена, несмотря на то, что я подобна псу; или лучше, потому особенно я и имею в ней участие, что подобна псу. Христос знал, что она скажет это. Потому-то и медлил (оказать ей помощь); для того и отказывался даровать ей просимое, чтобы показать ее любомудрие. Если бы Он вовсе не хотел оказать ей помощи, то не оказал бы ее и после этого, и не стал бы снова заграждать ей уста. Но как поступил Он с сотником, сказав: "**Я приду и исцелю его**" (Мф. 8:7), чтобы мы узнали о благочестии этого мужа и услышали от него слова: "**Недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой**" (ст.8); как поступил Он с кровоточивою, сказав: "**Я чувствовал силу, исшедшую из Меня**" (Лк. 8:46), чтобы чрез то сделать известною веру ее; как поступил с самарянкою, чтобы показать, что она не отошла от Него и после обличения, - так поступает и теперь. Он не хотел скрыть столь великой добродетели жены, и то, что говорил ей, говорил не для того, чтобы укорить ее, но чтобы призвать к Себе и открыть скрытое сокровище.

Но ты, вместе с верою, познай и смиренномудрие ее. Господь назвал иудеев чадами; а она не удовольствовалась этим, но назвала их и господами. Так далека она была от того, чтобы завидовать славе других! "**И псы**, **-** говорит она, **- едят крохи, которые падают со стола господ их**" (Мф. 15:27). Видишь ли благоразумие жены? Она не стала противоречить, не завидовала похвалам других и не оскорбилась собственною обидою. Какая твердость духа! Христос говорит: "**Нехорошо**", - она ответствует: "**Так, Господи"**! Он называет иудеев чадами, - а она господами. Он называет ее псом, - а она приписывает себе и действие свойственное псу. Видишь ли ее смирение? Теперь посмотри на высокомерие иудеев. "**Мы семя Авраамово**, **-** говорят они, **- и не были рабами никому никогда**"; мы рождены от Бога (Ин. 8:33,41). Не так поступает жена. Она называет себя псом, а их господами; и за это-то сделалась чадом. Что же Христос? "**О, женщина! –** восклицает Он, **- велика вера твоя**" (Мф. 15:28)! Для того, и медлил Он доселе оказать помощь, чтобы сказать эти слова и увенчать жену. "**Да будет тебе по желанию твоему**", - т. е., вера твоя может сделать и больше этого, но "**да будет тебе по желанию твоему**"! Это восклицание подобно повелению: да будет небо - и бысть. "**И исцелилась дочь ее в тот час**". Видишь ли, как много она способствовала к исцелению своей дочери? Потому-то и Христос не сказал: да исцелеет дщерь твоя, но: "**Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему**", - чтобы ты знал, что сказанное ею были не пустые или льстивые слова, а выражали великую силу веры. Наилучшее доказательство и свидетельство последней заключается в самом событии, - именно дочь ее тотчас же исцелилась.

3. Заметь, что она совершила то, в чем побеждены были и чего не могли сделать апостолы. Такова сила неотступной молитвы! Бог хочет, чтобы мы в нуждах своих сами более просили Его, нежели другие ходатайствовали за нас. Хотя апостолы и более имели дерзновения, но жена показала великое терпение. Исполнив прошение жены, Христос оправдал Себя в медленности пред учениками и показал, что Он справедливо не согласился на их просьбу. "**Перейдя оттуда, пришел Иисус к морю Галилейскому и, взойдя на гору, сел там. И приступило к Нему множество народа, имея с собою хромых, слепых, немых, увечных и иных многих, и повергли их к ногам Иисусовым;**

и Он исцелил их; так что народ дивился, видя немых говорящими, увечных здоровыми, хромых ходящими и слепых видящими; и прославлял Бога Израилева" (ст. 29-31). Господь иногда сам ищет больных, а иногда выжидает, чтоб они сами приходили к Нему, и хромых возводит на гору. Теперь они уже не прикасаются и к одежде Его, но начинают рассуждать правильнее: повергаются к ногам Его и обнаруживают сугубую веру; несмотря на хромоту свою, всходят на гору, и ничего другого не требуют, кроме того, чтобы повергнуться к ногам Его. Весьма удивительно и странно было видеть, что те, которых прежде носили, теперь ходят сами, слепые не имеют нужды в руководителях. Но и самое множество исцеляющихся и легкость исцеления приводили в удивление народ. Знаешь ли, почему жену исцелил Он после такого промедления, а этих тотчас? Не потому, что они были достойнее ее, но потому, что она более их имела веры. Для того Он и отлагает и медлит исцелить ее, чтобы показать ее твердость, а этим тотчас подает дар для того, чтобы заградить уста неверных иудеев и лишить их всякого оправдания. Подлинно, кто более получает благодеяний, тот большему подвергается и наказанию, когда бывает неблагодарен, когда и самая честь не делает его лучше. И богатые потому наказываются сильнее бедных за свою жестокость, что они и в изобилии не были сострадательны.

Не говори мне, что они подавали милостыню. Если они подавали менее, нежели сколько могли давать, то и тогда не избегнут наказания. Милостыня ценится не по количеству подаваемого, но по обилию расположения. Если и мало подающие будут наказаны, то тем более те, кто стяжал много благ, кто созидает дома в три и четыре кровли, а алчущих презирает, кто о любостяжании заботится, а о милостыне нерадит. Но если уж зашла речь о милостыне, то продолжим теперь ту беседу, которую я за три дня перед тем, рассуждая о человеколюбии, оставил недоконченною. Вы помните, что тогда я, рассуждая о чрезмерной и суетной заботливости об обуви и о изнеженности юношей, перешел к обличению этих пороков от размышления о милостыне. Что же тогда было поводом к этому? Мы сказали, что милостыня есть искусство, которого училище находится на небесах, а учитель не человек, но Бог. Потом, исследуя, что можно назвать искусством и чего нельзя, перешли к занятиям суетным и искусствам вредным, между которыми упомянули и об искусстве делать обувь. Вспомнили ли? Итак, займемтесь и теперь тем, о чем говорили тогда, и покажем, почему милостыня есть искусство, и притом лучшее всех искусств. Если дело искусства состоит в том, чтобы доставлять какую-либо пользу, а полезнее милостыни нет ничего, то очевидно, что она есть искусство, - и притом лучшее всех искусств. Она не обувь нам делает, не одежду доставляет, не дома бренные созидает, но жизнь вечную уготовляет, из рук смерти исхищает, и в той, и в другой жизни прославляет, и созидает нам жилище и вечные чертоги на небесах. Она не дает погасать нашим светильникам, ни являться нам на брак в нечистых одеждах, но омывает их и делает чище снега: "**Если будут грехи ваши, как багряное, - как снег убелю**" аще бо будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю (Ис. 1:18); она не попускает нам впасть туда, где находится (евангельский) богач и слышать страшные глаголы, но ведет нас на лоно Авраама. Каждое из искусств житейских доставляет одну какую-нибудь пользу, - так земледелие питает, искусство ткать одевает; а вернее сказать и такой пользы ни одно из них само по себе, без помощи другого, не может нам доставить.

4. Если хотите, то рассмотрим, во-первых, земледелие. Земледелец никак не мог бы заниматься своим искусством, если бы кузнец не доставлял ему заступа, сошника, серпа, топора и много других орудий, нужных для земледелия; если бы плотник не сделал для него плуга, не приготовил ярма и молотильной телеги, кожевник - ремней, и опять плотник не построил стойл для пашущих волов и жилищ для самих пахарей; если бы дровосек не рубил дров и, наконец, если бы не было людей, умеющих печь хлеб. Равным образом занимающиеся искусством тканья, при отправлении работ своих, призывают к

себе на помощь многие искусства, и если не получат ее, то не могут производить работ своих. И вообще, каждое искусство имеет нужду в другом. Одна только благотворительность ничего другого не требует, кроме одного расположения. Если ты скажешь: она требует имущества, домов, обуви, то прочти слова Христа, сказанные Им о вдовице, и отложи такого рода заботу. Хотя бы ты был весьма беден, беднее даже тех, которые у тебя просят, - все же, если ты ввергнешь две лепты, то ты все совершил; хотя бы ты дал кусок хлеба, не имея у себя ничего, кроме него, - ты все исполнил. Итак, посвятим себя этой науке и искусству, и будем упражняться в нем. Знать его - лучше, нежели быть царем и украшаться диадемою. Преимущество его состоит не в том только, что оно не имеет нужды ни в какой посторонней помощи, но и в том, что оно совершает многие и самые различные дела. Оно созидает вечные жилища на небесах, научает почитателей своих избегать вечной смерти; оно дарует тебе сокровища неистощимые, которые не могут потерпеть вреда ни от воров, ни от червей, ни от тления, ни от времени. Если бы кто-нибудь научил тебя сберегать только хлеб, то чего бы ты не дал, чтобы научиться сохранять его без вреда в продолжение нескольких лет? Но вот благотворительность научает тебя безвредно сберегать не только хлеб, но и все: и имущество, и душу, и тело. Но что подробно перечислять все выгоды, доставляемые этим искусством? Оно научает тебя тому, как можешь ты уподобиться Богу, а это есть первое из всех благ. Теперь видишь ли, что милосердие совершает не одно только действие, но многие? Не требуя помощи от других искусств, оно созидает дома, приготовляет одежды, доставляет неиждиваемые сокровища, делает победителями смерти, одолевает дьявола, уподобляет Богу. Итак, что может быть полезнее этого искусства? Кроме того, другие искусства оканчиваются вместе с настоящею жизнью, не действуют во время болезни художников и имеют действия преходящие, требуют труда и многого времени и других бесчисленных принадлежностей. А милостыня по скончании мира еще яснее открывается, по смерти человека наиболее просиявает и обнаруживает свои действия, и не требует ни времени, ни труда, ни чего-либо другого трудного. Она действует и во время болезни твоей, и в старости, сопутствует тебе в жизнь будущую и никогда тебя не оставляет. Она делает тебя сильнее мудрецов и ораторов; люди знаменитые по своей мудрости и ораторству имеют у себя многих завистников, а за тех, которые прославили себя милосердием, бесчисленное множество людей приносят молитвы. Те предстоят пред судом человеческим, защищая обиженных, а часто и обижающих; а милостыня предстоит пред судом Христа, и не только защищает, но и самого Судию преклоняет защищать подсудимого и произнести милостивый приговор о нем. Хотя бы он был виновен в бесчисленных согрешениях, - она венчает его и провозглашает победителем; “**Подавайте лучше милостыню**, … **-** сказано, **- тогда все будет у вас чисто**” (Лк. 11:41). И что я говорю о будущей жизни? И в настоящей, - спросите кого угодно из людей, - чего они желают более: того ли, чтобы между ними было много мудрецов и ораторов, или людей милосердых и человеколюбивых? И вы услышите, что они изберут последнее. И весьма справедливо. От уничтожения красноречия жизнь нисколько не потерпит вреда; она и до него долгое время существовала. Но если уничтожится милосердие, то все погибнет и истребится. Как на море нельзя плыть далее берегов, так и земная жизнь не может стоять без милосердия, снисхождения и человеколюбия.

5. Вот почему Бог не только разуму предоставил побуждать нас к милосердию, но во многих случаях самой природе нашей даровал власть преклонять нас к последнему. Так отцы и матери оказывают милосердие детям, а дети родителям; и то бывает не только у людей, но и у всех бессловесных. Так брат оказывает милосердие брату, родственник - родственнику, ближний - ближнему, человек - человеку. Мы по самой природе имеем некоторую наклонность к милосердию. Потому-то мы и скорбим об обиженных, болезнуем, смотря на убиваемых, плачем при взгляде на плачущих. Бог весьма желает, чтобы мы исполняли дела милосердия, потому и повелел природе сильнее побуждать нас

к ним, показывая тем, что Ему весьма любезно милосердие. Итак, помышляя об этом, пойдем сами и поведем детей и ближних наших в училище милосердия. Человек всего более должен учиться милосердию, потому что оно-то и делает его человеком. “**Великое – человек и драгоценное – человек милосердный**” (Притч. 20:6). Кто не имеет милосердия, тот перестает быть и человеком. Оно делает мудрыми. И чему дивишься ты, что милосердие служит отличительным признаком человечества? Оно есть признак божества. “**Будьте милосерды, -** говорится, **- как и Отец ваш милосерд**” (Лк. 6:36). Итак, по всем этим причинам научимся быть милосердными, а особенно потому, что мы и сами имеем великую нужду в милосердии. И не будем почитать даже жизнью время, проведенное без милосердия. Я говорю о милосердии, чуждом всякого любостяжания. Если человек, довольствующийся своим состоянием и не дающий ничего другому, не есть милосерд, то может ли назваться милосердным тот, кто похищает чужое, хотя бы он делал бесчисленные подаяния? Если наслаждаться одному своими благами бесчеловечно, то еще более отнимать их у других. Если люди, не причинившие никакой обиды другим подвергаются наказанию только за то, что не разделяли с ними своего имущества, то еще более подвергнутся те, которые похищали чужое. Не оправдывай себя тем, что, причиняя вред одному, ты оказываешь милость другому. Так поступать несправедливо. Тебе должно оказывать милость тому, кого ты обидел; а ты, нанося раны одним, врачуешь тех, которым не причинил никаких ран, тогда как должно бы врачевать их, или лучше, не должно бы совсем и наносить. Человеколюбив не тот, кто сам поражает и исцеляет пораженных им, но тот, кто врачует раны, нанесенные другими. Итак, врачуй те раны, которые ты сам понес, а не те, которые другими причинены; или лучше, не поражай и не низлагай другого, - это значило бы издеваться над другими, - но восставляй пораженных. Уврачевать милостыней в соответствующей мере то зло, которое нанесено любостяжанием, невозможно. Если ты отнял у кого обол, то тебе мало уже обола, чтобы посредством милостыни залечить рану, нанесенную любостяжанием, но потребен талант. Вот почему пойманный вор возвращает вчетверо больше похищенного им. Но хищник хуже вора. Если же вор должен возвращать вчетверо более украденного им, то хищник вдесятеро, или еще более; хорошо, если и при этом условии сможет он получить отпущение в своей неправде: плода же милостыни он и тогда не получит. Потому-то Закхей и сказал: “**Если кого чем обидел, воздам вчетверо**”, и: “**Половину имения моего я отдам нищим**” (Лк. 19:8). Если же во время закона должно было вознаграждать вчетверо, то тем более в царстве благодати. Если вор обязан это сделать, то тем более хищник; этот последний, кроме убытка, причиняет еще обиду, так что, хотя бы ты дал во сто крат больше, и тогда не вознаградишь всего. Видишь ли, что я не напрасно сказал, что если ты похитишь обол, а отдашь талант, то и тогда едва вознаградишь? Если же, и поступая таким образом, ты едва можешь вознаградить вред другого, то когда ты поступишь наоборот, т. е., похитив все имущество у ближнего, раздашь только малую часть его, и притом не тем, у кого похитил, а другим, - какое ты будешь иметь тогда оправдание? Какое прощение? Какую надежду спасения? Хочешь ли знать, сколь великое зло делает тот, кто оказывает такое милосердие? Послушай, что говорит Писание: “**Что заколающий на жертву сына пред отцем его, то приносящий жертву из имения** нищих (Сир. 35:20). Итак, прежде, нежели выйдем из храма этого, начертаем эту угрозу в уме нашем; напишем ее на стенах, на руках, в совести и везде, чтобы, по крайней мере, страх, усилившись в уме нашем, удерживал руки наши от ежедневных убийств. Хищение хуже убийства, поскольку оно медленно убивает бедного. Чтобы нам освободиться от этой болезни, будем размышлять о большем, и сами с собою, и с другими. Таким образом мы и к милосердию будем более склонны, и получим славные награды, даруемые за него, и удостоимся вечных благ благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 53

“Иисус же, призвав учеников Своих, сказал им: жаль Мне народа, что уже три дня находятся при Мне, и нечего им есть; отпустить же их неевшими не хочу, чтобы не ослабели в дороге” (Мф. 15:32).

1. И прежде Христос, намереваясь сотворить подобное чудо, сперва исцелил страждущих телесными болезнями; и теперь делает то же самое: приступает к чудодействию после исцеления слепых и хромых. Почему же тогда ученики сказали: “**Отпусти народ**”, а теперь этого не сказали, хотя прошло уже три дня? Или сами стали уже лучшими, или видели, что народ не слишком чувствовал голод, славя Бога за оказанные ему благодеяния? Но смотри, как Христос и теперь не просто приступает к чудодействию, но вызывает на него учеников. Народ, пришедши для исцеления болезней, не осмеливался просить хлеба; но Христос, будучи человеколюбив и попечителен, дает и не требующим, и говорит ученикам: “**Жаль Мне народа, …отпустить же их неевшими не хочу**”. Но чтобы кто-нибудь не сказал: они пришли с запасом хлеба, - Христос говорит: “**Уже три дня находятся при Мне**”; следовательно, если бы пришли и с запасом, то запас истощился бы. Потому-то и чудо сотворил Он не в первый и не во второй день, но когда вышло у них все, - чтобы, наперед восчувствовав нужду, тем с большим восторгом приняли чудо. Для того и говорит: “**чтобы не ослабели в дороге**”, показывая тем, что далеко было до селения и что у них ничего не осталось. Но если ты не хочешь отпустить их голодными, почему не творишь знамения? Чтобы своим вопросом и ответом учеников возбудить в них большее внимание, и дать им случай показать веру свою, подойти к Нему и сказать: сотвори хлебы. Но и тут они не поняли цели вопроса. Вот почему после, как повествует Марк, Христос и говорит им: так ли окаменели сердца ваши? “**Имея очи, не видите? имея уши, не слышите**” (Мк. 8:17,18)? Если бы этого не было, то для чего говорить ученикам, и давать знать, что народ достоин благодеяния, и прибавлять, что Он милосердует о нем? Матфей говорит, что после Он еще укорял их, говоря: “**Что помышляете в себе, маловерные, что хлебов не взяли? Еще ли не понимаете и не помните о пяти хлебах на пять тысяч [человек], и сколько коробов вы набрали? ни о семи хлебах на четыре тысячи, и сколько корзин вы набрали**” (Мф. 16:8-10)? Так согласны между собою евангелисты. Итак, что ж ученики? Они еще пресмыкаются долу и, хотя Христос всячески старался запечатлеть в их памяти это чудо, и вопросом, и ответом, и тем, что сделал их раздаятелями (хлеба), и что короба остались, - но они все еще оставались несовершенными, почему и говорят Ему: “**Откуда нам взять в пустыне столько хлебов**” (Мф. 15:33)? И раньше, и теперь они все поминают о пустыне; и хотя говорят это, не рассудив надлежащим образом, но само чудо и здесь не подвергают никакому сомнению. Но чтобы кто-нибудь не сказал, - как я уже и прежде заметил, - что Он хлебы получил из какого-нибудь ближайшего селения, то указывается на самое место, чтобы чудо было вне сомнения. Потому-то как первое, так и это чудо Он творит в пустыне, далеко отстоящей от селений. Но ученики, ничего этого не понимая, говорили: “**Откуда нам взять в пустыне столько хлебов**”? Они весьма неразумно думали, что Он говорит им это в намерении поручить им самим напитать народ. И прежде Он для того говорил: “**Вы дайте им есть**” (Мф. 14:16), чтобы дать им случай просить Его об этом. Теперь же и того не говорит - “**вы дайте им есть**”; но что? “**Жаль Мне народа, …отпустить же их неевшими не хочу**”. Этими словами Он еще ближе наводит их на мысль, еще сильнее побуждает и дает разуметь, чтобы они просили Его напитать народ. Эти слова показывали, что Он может не отпустить их голодными, и свидетельствовали о Его могуществе. Это именно и означало слово: “**не хочу**”. Но так как они, несмотря и на это, не поняли сказанного Христом и упомянули о народе, и о месте, и о пустыне (сказали именно: “**Откуда нам взять в пустыне столько хлебов, чтобы накормить столько народа?**”), то Он уже сам прямо вразумляет их, и говорит им: “**Сколько у вас хлебов?**

Они же сказали: семь, и немного рыбок" (Мф. 15:34). Не говорят уже: "**Но что это для такого множества?"** (Ин. 6:9), как прежде говорили. Так, хотя они и не все вдруг понимали, но все же мало-помалу приобретали более высокое познание. И сам Он, возбуждая этим их мысли, спрашивает так же, как и прежде, чтобы самим образом вопроса напомнить им о прежде совершенном чуде. Ты же, приметив из этого их несовершенство, познай вместе и любомудрый их разум, и подивись их любви к истине, как сами они в своих писаниях не скрывают собственных недостатков, и притом великих. В самом деле, не малая вина - так скоро забыть чудо недавно бывшее; за это Господь их и укоряет.

2. Кроме того, познай их любомудрие и в другом отношении, именно: как мало заботились они о чреве, как привыкли немного думать о пище. Находясь в пустыне и пребывая в ней три дня, имели только семь хлебов. Во всем прочем Господь поступает подобно прежнему: рассаживает их на земле и делает так, что в руках учеников не убывают хлебы. "**Велел**, - сказано, **- народу возлечь на землю. И, взяв семь хлебов и рыбы, воздал благодарение, преломил и дал ученикам Своим, а ученики народу**" (Мф. 15:35-36). Но что за этим следовало, не походило на прежнее. "**Ели**, - сказано, **- все и насытились; и набрали оставшихся кусков семь корзин полных, а евших было четыре тысячи человек, кроме женщин и детей**" (ст. 37-38). Но почему тогда от пяти тысяч осталось двенадцать коробов, а здесь от четырех тысяч осталось семь корзин? Итак, для чего и почему остаток был меньше, хотя и евших было меньше? Можно сказать, что или корзины были больше коробов, или если не то, надобно думать, что Господь опять, чтобы сходство чуда не довело их до забвения, таким различием пособляет их памяти, чтобы, помня сделанное иначе, помнили то и другое чудо. Поэтому-то в первом случае число коробов с остатками делает равным числу учеников, а теперь число корзин равным числу хлебов. И в этом Он обнаруживает неизреченную силу и свободу могущества, показывая, что и так и иначе может творить чудеса. Подлинно, делом не малого могущества было то, что Он соблюл число как тогда, так и теперь: тогда было пять тысяч, а теперь четыре тысячи, остатков же было ни больше, ни меньше, в первом случае - числа коробов, а во втором - корзин, хотя число евших было различно. И что далее следует, подобно прежнему. Как тогда, оставив народ, Христос вошел в корабль, так и теперь. И Иоанн тоже говорит (Ин. 6:17). Так как никакое чудо не располагало столько народ следовать за Ним, как чудо хлебов, - даже хотели не только за Ним следовать, но и сделать Его за это царем, - то Христос, избегая даже и вида властолюбия, удаляется после этого чудотворения; и не пеший уходит, но, чтобы не мог следовать народ, входит в корабль. "**И, отпустив**, - говорит евангелист, **- народ, Он вошел в лодку и прибыл в пределы Магдалинские**" (Мф. 15:39). "**И приступили фарисеи и саддукеи и, искушая Его, просили показать им знамение с неба. Он же сказал им в ответ: вечером вы говорите: будет ведро, потому что небо красно; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете. Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка. И, оставив их, отошел**" (Мф. 16:1-4). А Марк говорит, что когда они пришли к Нему и спрашивали, "**глубоко вздохнув, сказал: для чего род сей требует знамения**" (Мк. 8:12)? Хотя такой вопрос должен был возбудить гнев и негодование, однако человеколюбивый и милосердный Господь не гневается, но сожалеет и болезнует о них, как о неисцельно больных, которые после стольких доказательств Его могущества все еще искушали Его. Они спрашивали Его не для того, чтобы уверовать, но чтобы уловить. Если бы пришли с тем, чтобы уверовать, Он дал бы им знамение. Тот, Кто сказал жене: "**Нехорошо**" (Мф. 15:26) и потом дал, тем более дал бы им. Но так как они просили знамения не для того, чтобы, уверовать, то Спаситель называет их в другом месте и лицемерами, за то, что они одно говорили, а другое думали. Если бы они веровали, то не просили бы и знамения. А что они не веровали, это видно и из того, что после укора и

обличения, уже не настаивали на своей просьбе, и не сказали: мы не знаем, и хотим научиться. Какого же знамения с неба просили? Остановить солнце, или удержать луну, или низвести молнию, или произвести перемену в воздухе, или сделать что-нибудь подобное. Что же на это отвечает Христос? "**Различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете**". Видите ли кротость и снисходительность? Он не просто отказал, как прежде, не сказал: "**не дастся ему**" (Мф. 12:39), - но указывает и причину, по которой не дает, хотя они и не для того спрашивали, чтобы научиться. Какая же причина? Как на небе, говорит Он, иной признак ненастья, иной - ведра, и никто, видя признак ненастья, не будет ожидать хорошей погоды, а в хорошую погоду ненастья, так и обо Мне должно рассуждать. Иное время настоящего пришествия и иное будущего. Ныне нужны знамения на земли, а знамения на небе отложены до будущего времени. Ныне Я пришел как врач, тогда явлюсь как судия; ныне пришел взыскать заблудшее, тогда приду потребовать отчета. Потому ныне пришел скрытно, тогда приду со всею торжественностью: совью небо, сокрою солнце, лишу света луну; тогда и силы небесные подвигнутся, и явление Моего пришествия будет подобно молнии, которая вдруг всем является. Но не ныне время этих знамений: Я пришел умереть и претерпеть поноснейшие страдания. Не слыхали ли, что пророк говорит: "**Не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах**" (Ис. 42:2)? И еще другой: "**Он сойдет, как дождь на скошенный луг** (или на руно – слав.)" (Пс. 71:6)?

3. Если укажете на знамения, бывшие при фараоне, то те знамения тогда были кстати, потому что нужно было избавиться от врага. А кто пришел к друзьям, тому нет нужды в таких знамениях. И что Мне производить великие знамения, когда малым нет веры? Малыми их я называю по видимости, потому что по (внутренней) силе последние гораздо более первых. В самом деле, что может сравниться с отпущением грехов, воскрешением мертвого, изгнанием бесов, исцелением тела, словом - с восстановлением всего? Ты же заметь, как ожесточено сердце иудеев. Слыша, что не дастся им знамения, кроме знамения Ионы пророка, они не расспрашивают Его, хотя, зная пророка и все с ним случившееся, и вновь слыша об этом от Христа, они должны были спросить и узнать, что значило сказанное? Но я сказал, что они просят знамения не с желанием научиться. Вот почему и Христос, оставив их, отошел. "**Переправившись**, **-** говорит евангелист, **- на другую сторону, ученики Его забыли взять хлебов. Иисус сказал им: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской**" (Мф. 16:5-6). Почему не сказал: берегитесь учения? Очевидно, что хочет напомнить им о бывшем: знал, что они то забыли. Прямо обличать их не было видимого основания; но, от них же самих взяв повод укорить их, делает обличение не так для них чувствительным. Почему же не тогда укорил их, когда говорили: "**Откуда нам взять в пустыне столько хлебов**"? Казалось, что тогда кстати было сказать; но не сказал, чтобы не дать знать, что Он хочет сделать чудо. Притом, не хотел и их обличать, и сам хвалиться пред народом. Теперь же приличнее было обвинять их, так как и после двукратного чуда они не вразумились. Вот почему уже после второго чуда укоряет их, и выводит наружу то, о чем они думали. О чем же они думали? "**Что хлебов**, **-** говорит евангелист, **- мы не взяли**" (ст. 7). Они еще заботились об иудейских очищениях, и наблюдали разборчивость в пище. За все это Христос и укоряет их с большею строгостью, говоря: "**Что помышляете в себе, маловерные, что хлебов не взяли? Еще ли не понимаете и не разумеете? Еще ли окаменено у вас сердце? Имея очи, не видите? имея уши, не слышите? Еще ли не понимаете и не помните о пяти хлебах на пять тысяч [человек], и сколько коробов вы набрали? ни о семи хлебах на четыре тысячи, и сколько корзин вы набрали?**"(Мф. 16:8; 8:17,18; 16:9,10.

Видишь ли сильное негодование? Нигде еще Он так не укорял их. Для чего же делает это? Чтобы опять отвергнуть предрассудок их касательно пищи. Почему-то тогда Он сказал только: "**Еще ли не понимаете и не помните**"? Здесь же с сильною укоризною говорит:

“**маловеры**”! И кротость не везде уместна. Как давал им полную свободу говорить, так и укоряет их; а то и другое делал для их спасения. Смотри же, как Он был строг и снисходителен. Он едва не извиняется пред ними, что их укорил с такою силою, когда говорит: “**Не помните о пяти хлебах …, и сколько коробов вы набрали? ни о семи хлебах …, и сколько корзин вы набрали**”? Для того означает число как евших, так и остаток, чтобы, напомнив им о прошедшем, сделать более внимательными к будущему. Но чтобы тебе узнать, что произвела укоризна, и как пробудила их усыпленный ум, послушай, что говорит евангелист. Хотя Господь ничего более не сказал, а укоривши, присовокупил только: “**Как не разумеете, что не о хлебе сказал Я вам: берегитесь закваски фарисейской и саддукейской? -** но они, говорит далее евангелист, **- тогда … поняли, что Он говорил им беречься не закваски хлебной, но учения фарисейского и саддукейского**”, - чего сам Он не объяснял. Смотри, сколько доброго произвела укоризна! Она заставила их отстать от иудейской разборчивости, и из беспечных сделала внимательными, и освободила их от честолюбия и маловерия, так что они перестали приходить в страх и трепет, когда случалось им иметь мало хлебов, и не заботились, чем утолить голод, но все это презирали. Так и мы не должны всегда поблажать подчиненным, равно не должны искать того, чтобы начальники наши нам поблажали. Для души человеческой необходимы оба эти врачевства (и строгость, и снисходительность). Вот почему и Бог в целой вселенной так распоряжается, что иногда употребляет строгость, а иногда - снисходительность, и не попускает быть ни благополучию без скорбей, ни бедствий без радостей. Как в природе бывает то ночь, то день, то лето, то зима, так и у нас - то печаль, то радость, то болезнь, то здоровье. Итак, не дивись, когда ты болен, - иначе должен будешь дивиться, когда ты и здоров; не смущайся, когда ты печален, - иначе должен будешь беспокоиться, когда и весел. Все совершается по естественному порядку.

4. И что дивишься, если с тобою это случилось? Кто не знает, что то же случалось и со святыми? А чтобы тебе понять это, изобразим ту жизнь, о которой ты думаешь, что она вся исполнена удовольствиями и свободна от забот. Хочешь ли, рассмотрим жизнь Авраама с самого ее начала? Что же он прежде всего услышал? “**Пойди из земли твоей, от родства твоего**” (Быт. 12:1). Видишь ли, что требование очень неприятно? Но смотри, сколько следует затем радостного! И иди “**в землю, которую Я укажу тебе; и Я произведу от тебя великий народ**” (ст. 1,2). А что, когда пришел в землю, достиг пристани, кончились ли скорби? - Отнюдь нет: опять следуют новые скорби, тягостнее прежних - голод, странствование, похищение жены; а затем ожидали его другие радости - поражение фараона, отпуск с честью, со многими дарами, и возвращение в дом. И вся остальная жизнь представляет такую же цепь радостей и печалей. То же самое случилось и с апостолами. Потому Павел и говорит: “**Утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби**” (2 Кор. 1:4). Но ты скажешь: как это идет ко мне, который всегда нахожусь в скорбях? Не будь нечувствителен и неблагодарен; никому не возможно быть всегда в скорбях; этого не перенесет природа (человеческая). Но так как мы всегда желаем быть в радости, то и думаем, что всегда находимся в печали. Кроме того, так как радостное и приятное мы скоро забываем, а печальное всегда помним, то и говорим, что всегда находимся в печалях. Человеку по природе его невозможно быть всегда в печали. Если угодно, рассмотрим жизнь, проводимую в неге, забавах и роскоши, - и жизнь в нужде, в бедствиях и горестях. Мы покажем вам, что как та имеет свои горести, так и эта имеет свои радости. Но будьте спокойны. Вообразите себе человека, заключенного в оковы, и еще юного осиротевшего царя, который получил великое богатство; вообразите также работника, который трудится целый день, и человека, который все время проводит в неге. Хочешь ли, мы опишем прежде скуку преданного неге человека? Представь, как должны волноваться его мысли, когда ищет он славы не по силам своим, когда слуги его презирают, когда низшие оскорбляют, когда тысячи его винят и осуждают его расточительность; а того и

пересказать нельзя, что еще обыкновенно случается с такими богачами, как-то: вражда, оскорбления, обвинения, убытки, злоумышления завистников, которые, когда не могут себе присвоить его богатства, завлекают молодого человека в разные дела, всячески расстраивают и причиняют ему тысячи беспокойств. Хочешь ли, опишу тебе приятности в жизни работника? Он свободен от всего исчисленного; если кто и обидит его, - не оскорбит, потому что никому себя не предпочитает; потери имения не страшится; ест с удовольствием, спит беззаботно. Не с таким удовольствием пьет иной и фазское вино, с каким он приходит к источнику и пьет ключевую воду. Но не такова жизнь богача. А если и этого тебе мало, то чтобы одержать над тобою еще большую победу, сравним царя с узником, и ты не раз увидишь, что узник наслаждается удовольствием, веселится и скачет, а царь, напротив, в диадеме и порфире скучает, имеет тысячи забот и обмирает от страха. Никому, никому нельзя жить без печали, равно как и без всякого удовольствия. Этого не вынесла бы и природа наша, как я сказал прежде. Если же один более радуется, а другой более скорбит, то происходит это от самого человека, который скорбит по малодушию, а не от природы вещей. Если же хотим всегда радоваться, то много имеем к тому случаев. Если утвердимся в добродетели, то ничто уже нас не будет печалить: добрые надежды внушает она тем, кто приобрел ее, делает их угодными Богу и почтенными пред людьми, и дает им неизреченную отраду. Правда, многого труда стоит утвердиться в добродетели; но за то она много радует совесть, и столько производит внутреннего удовольствия, что никаким словом и выразить нельзя. В самом деле, что тебе кажется приятным в настоящей жизни? Стол ли роскошный, здравие ли телесное, слава ли и богатство? Но все эти удовольствия покажутся весьма горькими, если сравнить их с удовольствием внутренним. Поистине нет ничего приятнее неукоризненной совести и доброй надежды.

5. И если хотите увериться в этом, испытаем человека, близкого к смерти или престарелого и, припомнив ему о роскошных столах, которыми он услаждался, о славе и чести, равно и о добрых делах, какие он когда-либо делал и совершал, - спросим его: что больше его радует? И увидим, что, вспоминая первые, он стыдится и закрывает лицо, а вспоминая последние, восхищается и ликует. Так Езекия, когда изнемог, вспомнил не о славе, не о царстве, не о столах роскошных, но о правде. “**О, Господи!**, **-** говорит он, **- вспомни, что я ходил пред лицем Твоим верно**” (4 Цар. 20:3). Посмотри, как и Павел восхищается добрыми делами, и говорит: “**Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил**” (2 Тим. 4:7). Скажешь: о чем ему было и говорить? О многом, и большем этого: о почестях, ему возданных, об охранителях, которые имелись у него, и о многократных услугах. Не слышишь ли, что он говорит: “**Приняли меня, как Ангела Божия, как Христа Иисуса**”, что “**если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне**” (Гал. 4:14,15), и что “**голову свою полагали**” за его душу (Рим. 16:4)? Однако он говорит не об этих почестях, но о трудах, об опасностях и соответствующих им венцах. И весьма справедливо. То остается здесь, а это за нами последует; за то дадим отчет, а за это получим награду. Или не знаете, как возмущают душу грехи в день кончины, как волнуют сердце? В эти-то минуты воспоминание о добрых делах, подобно ведру во время бури, успокаивает смущенную душу. Если будем бодрствовать, то страх этот неразлучен будет с нами еще и в жизни; когда же остаемся бесчувственными, то он, без сомнения, предстанет тогда, когда будем разлучаться с этой жизнью. Так и узник тогда особенно скорбит, когда выводят его на суд; тогда особенно трепещет, когда приближается к судилищу, когда должен дать отчет. Вот почему много ходит и рассказов об ужасах при последнем конце и страшных явлениях, которых сам вид нестерпим для умирающих, так что лежащие на одре с великою силою потрясают его и страшно взирают на предстоящих, тогда как душа силится удержаться в теле и не хочет разлучиться с ним, ужасаясь видения приближающихся ангелов. Если мы, смотря на страшных людей, трепещем, то каково будет наше мучение, когда увидим приближающихся грозных ангелов и неумолимые силы, когда они душу нашу повлекут и будут отторгать от тела,

когда много будет она рыдать, но вотще и без пользы? И богач, упоминаемый в Евангелии, много плакал по смерти; но это не принесло ему никакой пользы. Все это напечатлевая в уме и всегда представляя, чтобы и нам не потерпеть того же, удержим в свежей памяти страх смерти, чтобы избежать наказания за наши грехи и получить вечные блага, которых и да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому и животворящему Духу слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 54

"Придя же в страны Кесарии Филипповой, Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого" (Матф. 16:13)?

1. Для чего евангелист упомянул об основателе города? Для того, что была другая Кесария, именно Стратонова; а Иисус Христос спрашивал учеников не в Стратоновой, а в Филипповой, отведя далеко от иудеев, чтобы они, освободившись от всякого опасения, смело высказали все, что у них было в мыслях. Для чего же Он спросил сначала не об их мнении, а о мнении народа? Для того чтобы они, сказав народное мнение, потом, будучи спрошены: "**а вы за кого почитаете Меня**"? - самым порядком вопросов были возведены к высшему разумению, и не стали о Нем так же низко думать, как и народ. По той же причине спрашивает их не в начале проповеди, но когда сотворил много чудес, беседовал с ними о многих и высоких истинах и многократно доказал Свою божественность и единство с Отцом, тогда уже предлагает им этот вопрос. И не говорит: за кого Меня почитают книжники и фарисеи? - хотя они часто приходили к Нему и беседовали; но желает знать непритворное мнение народа: "**за кого люди почитают Меня**"? Мнение народа было хотя и гораздо ниже надлежащего, но без всякого лукавства; мнение же книжников и фарисеев внушено было сильной злобой. И показывая, как сильно желает, чтобы исповедовали Его воплощение, говорит: "**Сына человеческого**", - разумея под этим и божество, как нередко и в других местах Он делает. Так говорит: "**никто не восходил на небо, как только сошедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах**" (Иоан. 3:13); и в другом месте: "**если увидите Сына Человеческого восходящего туда, где был прежде**" (Иоан. 6:62). Потом, когда ученики сказали Ему: "**одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков**" (Матф. 16:14), и объявили Ему ложное мнение народа, - тогда присовокупил: "**а вы за кого почитаете Меня**" (Матф. 16:15)? Этим вторым вопросом Он побуждает их думать о Нем выше, и дает разуметь, что первое мнение весьма мало соответствует Его достоинству. Для того Он требует от них другого мнения, и предлагает другой вопрос, чтобы они не думали о Нем одинаково с народом, который видел чудеса, превышающие силы человека, и почитал Его человеком, хотя таким, который воскрес из мертвых, как говорил и Ирод. Но Он, отклоняя от таких догадок, говорит: "**а вы за кого почитаете Меня**", - вы, которые всегда со Мной были, видели Мои чудеса и сами творили через Меня многие чудеса? Что же на это отвечает Петр, уста апостолов, всегда пламенный, глава в лике апостольском? На вопрос, предложенный всем, отвечает от себя. Когда Христос спрашивал о мнении народа, тогда все отвечали на Его вопрос; когда же об их собственном, то Петр не терпит, предупреждает и говорит: "**Ты - Христос, Сын Бога Живого**" (Матф. 16:16)! Что же сказал Христос? "**Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это**" (Матф. 16:17). Конечно, если бы Петр исповедал Его сыном не в собственном смысле и не от самого Отца рожденным, то это не было бы делом откровения; если бы он почел Его сыном, подобным многим, то его слова не заслуживали бы блаженства. И прежде еще бывшие на корабле, после бури, говорили: "**истинно Ты Сын Божий**" (Матф. 14:33), однако не были названы блаженными, хотя и истину сказали. Они исповедали Его не таким сыном, как Петр, но признавали воистину

сыном подобным многим, даже превосходнейшим многих, только не из самой сущности Отца рожденным.

2. И Нафанаил также говорил: "**Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израиля**" (Иоан. 1:49), однако же, не только не называется блаженным, но еще обличается Господом за то, что много еще не досказал истины. Потому Христос и прибавил: "**ты веришь, потому что Я тебе сказал: Я видел тебя под смоковницею; увидишь больше сего**" (Иоан. 1:50). За что же Петр называется блаженным? За то, что он исповедал Его истинным Сыном. По этой-то причине Христос других не назвал блаженными, но, говоря с Петром, показал, кто и открыл ему. Чтобы исповедание Петрово не показалось многим сказанным из дружбы и лести, и в знак особенного к Нему расположения, - потому что он весьма любил Христа, - и указывает Того, Кто внушил ему, чтобы ты разумел, что Петр только произносил, а научал его Отец, и чтобы ты верил, что слова эти не выражают человеческое мнение, но божественное учение. Но почему Христос не открывает Себя сам, - не говорит: Я Христос, - но достигает этого вопросом Своим и заставляет произнести исповедание учеников. Потому что это и Ему тогда было приличнее и нужнее, и их более побуждало верить сказанному. Видишь ли, как Отец открывает Сына? Как Сын открывает Отца? "**Отца не знает никто**", сказано, "**кроме Сына, и кому Сын хочет открыть**" (Матф. 11:27; Лук. 10:22). Таким образом, не через другого кого можно познать Сына, как только через самого Отца; и не через другого кого можно познать Отца, как только через Сына, так что и из этого видно, что Они равночестны и единосущны. Что же говорит Христос? "**ты - Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа**" (Иоан. 1:42). Так как ты проповедал Моего Отца, то и Я именую родившего тебя, и как бы так говорит: как ты сын Ионин, так и Я Сын Моего Отца. Иначе излишне было бы говорить: "**ты - сын Ионин**". Но когда Петр назвал Его Сыном Божьим, тогда Христос, чтобы показать, что Он так же есть Сын Божий, как Петр сын Ионин, т. е. одной сущности с родившим, присовокупил: "**и Я говорю тебе: ты - Петр, и на сем камне**" - т. е. на вероисповедании – "**Я создам Церковь Мою**" (Матф. 16:18). Этими словами Господь показывает, что отселе многие будут веровать, ободряет дух Петра и делает его пастырем: "**и врата ада не одолеют ее**". Если же не преодолеют ее, то тем более Меня. Поэтому не смущайся, когда услышишь, что Я буду предан и распят. Далее обещает и другую почесть: "**и дам тебе ключи Царства Небесного**" (Матф. 16:19). Что значит: "**и Я дам тебе**"? Как Отец дал тебе познание обо Мне, так и Я дам тебе; не сказал - умолю Отца, хотя и это было бы важным доказательством Его могущества и неизреченно великим даром; но: "**Я дам тебе**". Что же даешь Ты, скажи мне? Ключи неба, чтобы "**что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах**". Как же не может дать того, чтобы сесть одесную и ошуюю - Тот, Который говорит: Я дам тебе? Видишь ли, как Христос этими двумя обещаниями возводит Петра к высокому о Нем мнению, как открывает Себя и показывает истинным Сыном Божьим? Он обещает даровать ему то, что собственно принадлежит одному Богу, именно: разрешать грехи, сделать Церковь непоколебимой среди всех волнений, и простого рыбаря явить крепчайшим всякого камня, когда восстанет на него вся вселенная. Подобным образом и Бог Отец сказал, беседуя с Иеремией, что полагает его, как столп медный и как стену (Иерем. 1:18); но Иеремия поставлен был для одного народа, а Петр для целой вселенной. Хотелось бы мне спросить тех, которые унижают Сына: какие больше дары - те ли, которые Отец дал Петру, или те, которые дал Сын? Отец даровал Петру откровение о Сыне; Сын же откровенное познание об Отце и о самом Себе посеял во всей вселенной, и простому смертному вручил, дав ему ключи, власть над всем небесным; и он распространил Церковь по всей вселенной, и явил ее сильнейшей самого неба. "**Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут**" (Матф. 24:35). Как же меньше Тот, Кто дал такую власть и совершил такие дела? Говоря это, я не отделяю дел Отца от дел Сына: "**все через Него**

начало быть, и без Него ничто не начало быть" (Иоан. 1:3); но хочу обуздать бесстыдный язык дерзающих унижать Сына.

3. Из всего этого познай власть Христа. "**И Я говорю тебе: ты - Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного. Тогда**", - сказав это, - "**Иисус запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос**" (Матф. 16:18-20). Для чего Он запретил? Для того чтобы, по удалении соблазнителей, по совершении крестного подвига и по окончании всех Его страданий, когда уже некому было препятствовать и вредить вере в Него многих, тогда чисто и твердо напечатлелось в уме слушающих верное о Нем понятие. Могущество Его не так еще очевидно обнаруживалось. Поэтому Он хотел, чтобы апостолы тогда уже начали проповедовать о Нем, когда очевидная истина проповедуемого и сила событий будут подтверждать слова их. Действительно, иное было дело видеть, что Он то чудодействует в Палестине, то подвергается поношениям и гонениям (особенно, когда за чудесами должен был последовать крест), и иное дело видеть, что вся вселенная Ему покланяется и верует в Него, и что Он уже не терпит ни одного из тех страданий, которые претерпел. Поэтому-то Он и повелел никому не сказывать. Раз укоренившееся, а потом исторгнутое, трудно уже насадить и удержать во многих; напротив, что однажды принялось и остается на своем месте и ничем не бывает повреждаемо, то легко прозябает и возрастает. Если те, которые видели многие чудеса и слышали столько неизреченных тайн, соблазнились при одном слухе о страданиях, притом не только прочие апостолы, но и верховный из них Петр, то представь, какому бы соблазну подвергся народ, если бы он знал, что Христос есть Сын Божий, и потом увидел, что Его распинают и оплевывают, между тем не разумел бы сокровенного в этих тайнах, не приняв еще Святого Духа? Если и ученикам Христос говорил: "**еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить**" (Иоан. 16:12), то тем более смутился бы прочий народ, если бы прежде надлежащего времени открыта ему была высочайшая из тайн. Вот почему Он и запретил сказывать! И действительно, как важно было познать полное учение не прежде, чем после этих событий, когда миновали соблазны, познай то из примера верховного апостола. Тот же самый Петр, который после стольких чудес оказался таким слабым, что даже отрекся Иисуса и убоялся простой служанки, - когда совершились уже крестные страдания, когда он увидел ясные доказательства воскресения и когда ничто уже его не соблазняло и не устрашало, тот же Петр с такой непоколебимостью защищал учение Духа, что, не смотря на все угрожавшие ему опасности и тысячи смертей, сильнее льва устремлялся на народ иудейский. Итак, справедливо запретил Он сказывать прежде креста народу, когда прежде креста опасался все открыть и тем, которые должны быть наставниками. "**Еще многое имею сказать вам**", - говорит Христос, - "**но вы теперь не можете вместить**". И действительно, многого они еще не разумели в Его словах, чего прежде креста Он ясно не открыл им; после же воскресения они поняли некоторые из Его слов. "**С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать**" (Матф. 16:21). "**С того времени**": с которого времени? С того, когда насадил в них учение о Своей божественности, - когда положил начало обращения языков. Но и тогда они не поняли еще слов Его, - сказано: "**но они ничего из этого не поняли**" (Лук. 18:34); они все еще оставались как бы в некоем мраке, не зная, что должно Ему воскреснуть. Вот почему Христос и останавливается на этом трудном для них предмете, распространяет Свое слово, чтобы отверзть их ум и дать уразуметь, что значат слова Его. Но они "**не разумели**", но "**слова сии были для них сокровенны**"; они даже боялись спрашивать Его, впрочем, не о том, точно ли умрет Он, но о том, как и каким образом, и что значит эта тайна? Они не знали, что такое значит воскреснуть, и считали важнейшим никогда не умирать. Вот почему, при общем смущении и недоумении учеников, пылкий Петр опять один осмеливается продолжить об этом разговор, но и то не при всех, а наедине, т. е. устранившись от других учеников; И говорит: "**будь милостив к Себе,**

Господи! да не будет этого с Тобой" (Матф. 16:22)! Что это значит? Тот, который удостоился откровения, назван блаженным, так скоро споткнулся и упал так, что побоялся страдания? Но что удивительного, если это случилось с человеком, который не получил о том откровение? Чтобы знать тебе, что он не сам от себя произнес слова ("**Ты - Христос, Сын Бога Живого**"), - смотри, как он смущается и недоумевает о том, что ему еще не открыто, и, тысячу раз слыша, не понимает, что говорят ему. Он познал, что Иисус есть Сын Божий; а что такое тайна креста и воскресения, - то ему еще не было известно. Сказано: "**слова сии были для них сокровенны**". Видишь ли, что Христос справедливо запретил сказывать о том другим? Если сказанное так смутило и тех, кому нужно было это знать, то чего не случилось бы с другими? Но Христос, желая показать, что Он ни мало не против собственной воли идет на страдание, даже обличил Петра и назвал сатаной.

4. Да слышат это все те, которые стыдятся крестных страданий Христовых. Если и верховный апостол, и притом, когда не понимал еще всего ясно, назван сатаной за то, что устыдился креста, то какое извинение найдут те, которые при всей очевидности отвергают это таинство? Если слышит такой упрек названный блаженным и исповедавший божество Христово, то подумай, чему подвергнутся те, которые и ныне отвергают таинство креста? Христос не сказал: сатана говорит твоими устами; но: "**отойди от Меня, сатана**"! потому что противник именно желал того, чтобы Христос не страдал. Вот причина, почему Он с такой силой обличил Петра; Он видел, что и Петр, и другие всего более того боялись, и не могли спокойно слышать. По той причине Он обнаруживает и тайные его мысли, говоря: "**думаешь не о том, что Божье, но что человеческое**". Что значит: "**думаешь не о том, что Божье, но что человеческое**" (Матф. 16:23)? Петр, заключая о деле по человеческому и плотскому рассуждению, думал, что страдание для Христа позорно и несвойственно. Итак, проникая в его мысли, Христос говорит: ни мало не несвойственны Мне страдания, но ты так судишь по плотскому разуму; напротив, если бы ты в божественном Духе, освободившись от плотских помыслов, высказал сказанное Мной, то понял бы, что это Мне весьма прилично. Ты думаешь, что страдать для Меня низко, а Я тебе говорю, что эта мысль - не страдать Мне - от дьявола. Так Он страхом противного рассеивает боязнь Петра. Как и Иоанна, когда тот почитал низким для Христа креститься от него, Он убедил крестить, сказав: "**так надлежит нам исполнить всякую правду**" (Матф. 3:15); как и самому Петру, когда не давал Ему умыть ног своих, сказал: "**если не умою тебя, не имеешь части со Мной**" (Иоан. 13:8), так и здесь Он вразумил Петра страхом противного и силой обличения, уничтожил страх, возбужденный мыслью о страдании. Итак, никто не стыдись достопокланяемых знаков нашего спасения, которыми мы живем, и начала всех благ, которыми существуем. Но как венец будем носить крест Христов. Через него совершается все, что для нас нужно. Нужно ли родиться - предлагается нам крест; хотим ли напитаться таинственной пищей, нужно ли принять рукоположение, или другое что сделать - везде предстоит нам этот знак победы. Потому-то мы со всяким тщанием начертываем его и на домах, и на стенах, и на дверях, и на челе, и на сердце. Крест есть знамение нашего спасения, общей свободы и милосердия нашего Владыки, который "**как овца, веден был на заклание**" (Иса. 53:7). Потому, когда знаменуешься крестом, то представляй все значение креста, погашай гнев и все прочие страсти. Когда знаменуешься крестом, пусть на челе твоем выражается живое упование, а душа твоя делается свободной. Без сомнения вам известно, что доставляет нам свободу. Потому и Павел, склоняя нас к этому, - я разумею свободу нам приличную, - упомянув о кресте и крови Господней, убеждает такими словами: "**вы куплены дорогой ценой; не делайтесь рабами человеков**" (1 Кор. 7:23). Помышляй, говорит, о дорогой цене, какая заплачена за тебя, и не будешь рабом ни одного человека; а под дорогой ценой он разумеет крест. Не просто перстом должно его изображать, но должны этому предшествовать сердечное расположение и полная вера. Если так изобразишь его на лице твоем, то ни один из нечистых духов не сможет приблизиться к тебе, видя тот меч, которым он уязвлен, видя

то оружие, от которого получил смертельную рану. Если и мы с трепетом взираем на те места, где казнят преступников, то представь, как ужасается дьявол, видя оружие, которым Христос разрушил всю его силу и отсек голову змея. Итак, не стыдись столь великого блага, да не постыдит и тебя Христос, когда придет в славе Своей, и когда это знамение явится перед Ним, сияя светлее самых лучей солнечных. Тогда крест этот самым явлением своим как бы скажет в оправдание Господа перед целой вселенной и в свидетельство, что с Его стороны все сделано, что только было нужно. Это знамение и в прежние, и в нынешние времена отверзало заключенные двери; оно отнимало силу у вредоносных веществ, делало недействительным яд; оно врачевало смертоносные угрызения зверей. Если оно отверзло врата адовы, отворило твердь небесную, вновь открыло вход в рай и сокрушило крепость дьявола, то, что удивительного, если оно побеждает силу ядовитых веществ, зверей и всего тому подобного?

5. Итак, запечатлей крест в уме твоем и обними спасительное знамение душ наших. Этот самый крест спас и преобразовал вселенную, изгнал заблуждение, ввел истину, землю обратил в небо, людей сделал ангелами. Когда при нас крест, тогда демоны уже не страшны и не опасны; смерть уже не смерть, а сон. Крестом все враждебное нам низложено и попрано. Итак, если кто скажет тебе: ты покланяешься Распятому, отвечай ему радостным голосом и с веселым лицом: покланяюсь и не перестану покланяться. Если он засмеется, ты оплачь его безумие и благодари Господа, что Он оказал нам такие благодеяния, которых без откровения свыше и познать никто не может. Такой человек смеется, ведь, потому только, что "**душевный человек не принимает того, что от Духа Божия**" (1 Кор. 2:14). То же бывает и с детьми, когда они видят что-нибудь великое и удивительное; если ты станешь объяснять ребенку тайну, он засмеется. И язычники подобны таким детям, а лучше сказать и их безрассуднее, почему и более достойны сожаления, как поступающие по-детски не в детском, а в совершенном возрасте. Поэтому-то они и не заслуживают никакого извинения. Но мы громким, сильным и высоким голосом взываем и говорим, а когда предстанут все язычники, еще с большим дерзновением возопием, что крест есть наша похвала, начало всех благ, дерзновение и все наше украшение. О, если бы я мог сказать с Павлом: "**которым для меня мир распят, и я для мира**" (Галат. 6:14)! Но не могу, будучи одержим различными страстями. Поэтому увещаю вас, а прежде вас себя самого - распяться миру и не иметь ничего общего с землей, но возлюбить горнее отечество, славу и блага небесные. Мы - воины Царя небесного, мы облеклись в оружие духовное. Зачем же мы живем подобно корчемникам, бродягам и даже подобно червям? Где царь, там должен быть и воин. Мы воины не отдаленного какого-либо царя, но близкого к нам. Земной царь не допустит всех в свой дворец и к своей особе; но Царь небесный хочет, чтобы все были близ царского Его престола. Но как возможно, - скажешь, - чтобы мы, находясь здесь, предстояли Его престолу? Так же, как и Павел, будучи на земле, был там, где серафимы и херувимы, и даже ближе был к Христу, нежели щитоносцы к царю: эти последние обращают свои взоры на многие предметы, Павла же ничто не занимало, ничто не развлекало, но вся мысль его была устремлена к Царю Христу. Если, следовательно, мы захотим, и нам это будет возможно. Если бы Господь отдален был местом, то ты имел бы причину сомневаться; если же Он везде присутствует, то и близок ко всякому, кто все внимание устремил к Нему. Вот почему и пророк сказал: "**не убоюсь зла, потому что Ты со мной**" (Псал. 22:4). И сам Бог говорит: "**разве Я - Бог только вблизи, а не Бог и вдали?**" (Иерем. 23:23). Потому как грехи удаляют нас от Него, так добрые дела приближают к Нему: когда еще будешь говорить[1], сказано, "**скажет: вот Я!**" (Иса. 58:9). Какой отец когда-либо бывал так внимателен к детям? Какая мать так бывает заботлива и всегда ждет, не позовут ли ее дети? Не найдешь ни одного такого отца, ни одной такой матери; только один Бог непрестанно ждет, не воззовет ли к Нему кто из слуг Его, и никогда не оставляет наших прошений, когда просим Его должным образом. Потому-то Он и говорит: когда

еще будешь говорить, - ты еще не кончишь своих прошений, а Я уже выслушаю. Итак, будем призывать Его, как Он того хочет. Но как Он хочет? "**Разреши**", - говорит, - "**оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся. Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет перед тобой, и слава Господня будет сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопишь, и Он скажет: вот Я!**" (Иса. 58:6-9)! Но кто же в состоянии все это сделать, скажешь ты? А я спрошу тебя: кто не в состоянии? В самом деле, что здесь трудного? Что тягостного? Что неудобного? Напротив, это не только возможно, но и так легко, что многие даже сделали более: не только раздирали неправедное писание, но и отдавали все свое; не только укрывали и питали у себя бедных, но трудились до пота, чтобы их прокормить; благодетельствовали не только сродникам, но и врагам.

6. И в самом деле, что трудного в сказанном выше? Не говорят тебе: взойди на гору, переплыви море, возделай столько-то десятин земли, долго постись, надень вретище; но (сказано): подай ближним, подай хлеба, разорви неправедно составленные писания. Что легче этого, скажи мне? Если же тебе и кажется это трудным, то посмотри на награды - и будет для тебя легко. Подобно тому, как цари подвизающимся на ристалищах конских предлагают венцы, награды и одежды, так и Христос среди поприща полагает награды, показывая их в каждом слове пророка, как бы в особой руке. Земные цари, - пусть они будут тысячу раз цари, все же люди: и богатство у них тратится, и щедрость истощается, а потому они и стараются малое показать великим, отчего каждую вещь вручают особому прислужнику, и, таким образом, выставляют на показ. Не так поступает наш Царь: так как Он весьма богат и ничего не делает напоказ, то Он выставляет дары, сложивши все вместе, и если бы эти дары разложить порознь, они были бы неисчислимы и много требовалось бы рук держать их. Чтобы увериться в этом, рассмотри внимательно каждую из наград. "**Тогда откроется**", сказано, "**как заря, свет твой**". Не думаешь ли, что тут один дар? Нет, не один; он заключает в себе много почестей, венцов и других наград. Если угодно, разложим и покажем по возможности все богатство; только не поскучайте. И, во-первых, посмотрим, что значит: "**откроется**"? Не сказано: явится, но: "**откроется**". Это показывает нам скорость и обилие, и то, как много желает Он нашего спасения, как усиливается и спешит породить эти блага, - показывает, что ничто не удержит этого неизреченного усилия; все это выражает обилие даров и бесчисленное богатство. Что значит: "**как заря**"? Это значит, что награды даются не после искушений, или испытанных бедствий, но еще прежде. Как плоды, которые показались прежде времени, мы называем ранними, так и здесь, опять выражая скорость, Он также говорит, как и выше сказал: "**тогда ты возопишь, и Он скажет: вот Я!**" А о каком свете говорит Он? Что это за свет? Не этот чувственный, но другой, гораздо лучший, при котором мы видим небо, ангелов, архангелов, херувимов, серафимов, престолы, господства, начала, власти, все воинство, чертоги и дворы царские. Если ты удостоишься этого света, то и это все УВИДИШЬ; избавишься геенны, ядовитого червя, скрежета зубов, неразрешимых уз, стенания и скорби, непроницаемой тьмы, рассечения надвое, реки огненной, проклятия и места мучения, и пойдешь туда, где нет ни болезни, ни печали, где великая радость, и мир, и любовь, и веселье, и услаждение; где жизнь вечная, слава несказанная и красота неизреченная; где вечные обители, слава Царя недоведомая[2] и такие блага, "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**" (1 Кор. 2:9); где духовный чертог и небесные ложи; где девы с ясными светильниками и облеченные в брачные одежды; где бесчисленное богатство Господа и царские сокровищницы. Видишь ли, сколько наград, и как все они выражены одним словом, и как все совокуплены вместе? Точно также, если станем разбирать и прочие слова, откроем бесчисленнейшее богатство -

море неизмеримое! Итак, скажи, будем ли еще медлить и не радеть о вспомоществовании бедным? Нет, умоляю вас; но хотя бы нужно было всем пожертвовать, хотя бы нужно было броситься в огонь и идти против мечей и секир, или другое что потерпеть, - все будем переносить охотно, чтобы получить одеяние царства небесного и неизреченную славу, каковой славы все мы и да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Это слова из Септуагинты, в синодальном переводе они отсутствуют.

[2] Слав. – труднопонимаемая.

БЕСЕДА 55

"Тогда Иисус сказал ученикам Своим: если кто хочет идти за Мной, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мной" (Матф. 16:24).

1. "**Тогда**" - когда же? После того, как Петр сказал: "**будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобой**", и получил в ответ: "**отойди от Меня, сатана**"! Господь не удовольствовался одним воспрещением, но, желая вполне показать неуместность слов Петра и пользу страданий, сказал: ты Мне говоришь: "**будь милостив! да не будет этого с Тобой**"; а Я тебе говорю, что не только вредно и пагубно для тебя препятствовать Мне и сокрушаться о Моем страдании, но и ты сам не можешь спастись, если не будешь всегда готов умереть. А чтобы ученики не думали, что страдать для Него бесчестно, то о пользе страдания вразумляет их не одними вышеприведенными словами, но и следующими. Так, у Иоанна говорит Он: "**если пшеничное зерно, упав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода**" (Иоан. 12:24). Итак, здесь, вполне раскрывая пользу страдания, сказанное о необходимости умереть, распространяет не на себя только, но и на них. Такова польза этого подвига, что и для вас не желать умереть - пагубно, а быть готовыми к тому - благо. Впрочем, вполне объясняет это Христос после, а теперь раскрывает только отчасти. И заметь, как Он, говоря это, не принуждает; не сказал, что вам волей или неволей должно пострадать, а что сказал? "**Если кто хочет идти за Мной**". Я не заставляю, не принуждаю; но предоставляю это собственной воле каждого. Потому и говорю: "**если кто хочет**". Я приглашаю на доброе дело, а не на злое и тягостное, не на казнь и мучение, к чему Мне нужно было бы принуждать. Дело само по себе таково, что может вас привлечь. Говоря таким образом, Христос только сильнее привлекал к последованию за Ним. Тот, кто принуждает, часто отвращает; а кто предоставляет слушателю свободу, скорее привлекает. Кроткое обращение действеннее принуждения. Потому и Христос сказал: "**если кто хочет**". Велики те блага, говорит Он, которые Я вам даю, - таковы, что к ним вы охотно будете стремиться. Кто дает золото и предлагает сокровище, тот не станет употреблять насилие. Если же при этих благах не нужно насилия, то тем менее оно нужно при благах небесных. Если свойство самого блага не побуждает тебя стремиться к нему, то ты недостоин и получить его; если же и получишь, то не будешь знать цены полученного. Потому-то и Христос не принуждает, но снисходительно увещевает нас. Так как ученики, смущаясь словами Иисуса, по-видимому, наедине много роптали, то Он говорит: не должно роптать и смущаться. Если вы не верите, что то, о чем Я сказал, будет причиной бесчисленных благ и с вами сбудется, - Я не заставляю, не принуждаю; но кто желает последовать, того призываю. Не считайте последованием Мне то, что теперь делаете, ходя за Мной. Если хотите за Мной идти, то

вам надобно будет перенести много трудов, много опасностей. Не думай, Петр, что, поскольку ты исповедал Меня Сыном Божьим, за это одно и можешь ждать венцов; не считай этого достаточным для твоего спасения и не успокаивайся на этом, как будто бы все тобой сделано. Я, как Сын Божий, могу сделать, что ты не подвергнешься бедствиям, но не хочу того для тебя, чтобы было нечто и твое собственное, и чтобы ты заслужил больше похвалы. Какой распорядитель игр на поприще, будучи другом борцу, захочет его увенчать только по милости, без всякой его заслуги и единственно потому, что любит его? Так и Христос тем, которых особенно любит, желает, чтобы они приобретали славу и сами по себе, а не при Его только помощи. Смотри же, как не трудна предлагаемая Им заповедь. Не их одних обрекает Он на бедствия, но дает общую заповедь для всех, говоря: "**если кто хочет**", жена ли, муж ли, начальник ли, подчиненный ли, - всякий должен следовать по этому пути. И хотя, по-видимому, говорит об одном, а разумеет три действия: отвержение самого себя, взятие креста своего и последование Ему. Два соединены между собой, а одно поставлено особо. Итак, посмотрим, во-первых, что значит отвергнуться самого себя. Наперед исследуем, что значит отвергнуться другого, тогда узнаем и то, что значит отвергнуться самого себя. Итак, что значит отвергнуться другого? Отрекающийся другого, например, брата, или раба, или кого иного, хотя бы и видел, что его бьют, или вяжут, или ведут на казнь, или как иначе мучают, не заступается, не защищает, не соболезнует, не принимает в нем никакого участия, как бы он был совершенно ему чужой. Так точно и Христос желает, чтобы мы не жалели своего тела: бьют ли, гонят ли, жгут ли, или другое что делают, - не жалей себя. Это-то самое и значит жалеть себя. И отцы тогда жалеют детей своих, когда, перепоручая их учителям, приказывают не щадить их. Так и Христос. Он не сказал: пусть не жалеет самого себя, но, что гораздо сильнее, - "**пусть отвергается себя**", т. е. пусть не имеет ничего общего с самим собой, а пусть обрекает себя на опасности, на подвиги, и их переносит, так, как бы то терпел другой кто-либо. Христос не сказал: да отречется (arnhsasqw), но: "**пусть отвергается**" (aparnhsasqw), небольшим этим прибавлением придавая большую силу словам Своим, так как последнее гораздо выразительнее первого.

2. "**И возьми крест свой**". Это следует из первого. Чтобы ты не подумал, что, отвергаясь самого себя, должен переносить словесные только оскорбления и укоризны, Он назначает предел, до которого должно простираться самоотвержение, именно - смерть, и смерть поносную. Поэтому не сказал Он: да "**пусть отвергается себя**" даже до смерти, но: "**возьмет крест свой**", разумея поносную смерть, и действие не раз или два раза, но целую жизнь совершаемое. Беспрестанно, говорит Он, имей перед глазами смерть, и каждый день будь готов на заклание. Многие, хотя пренебрегали богатство, удовольствия и славу, но не презирали смерть, а страшились опасностей; поэтому Я, говорит Он, хочу, чтобы Мой подвижник ратовал до крови, и подвиги его продолжались до самого заклания. Итак, если нужно будет претерпеть смерть, и смерть поносную, смерть под проклятием и по подозрению в худых делах, то все должно перенести с мужеством, и еще тому радоваться. "**И следуй за Мной**". Так как иной, и страдая, не последует Ему, когда страдает не за Него (и разбойники, например, и расхитители гробниц и чародеи терпят много тяжких мучений), то, чтобы ты не подумал, что довольно самых бедствий, от чего бы они ни происходили, Он присовокупляет, какая должна быть причина бедствий. Какая же? Что ни делаешь, ни терпишь, последуй Христу, все за Него претерпевай и соблюдай прочие добродетели. В словах: "**и следуй за Мной**" заключается и то, чтобы ты оказывал не только мужество в бедствиях, но и целомудрие, и кротость, - и всякую добродетель. То и значит последовать Ему, как должно, чтобы стараться о всякой другой добродетели, и все за Него терпеть. Есть люди, которые, последуя дьяволу, терпят то же и предают за него свои души; но мы терпим за Христа, или лучше сказать, за самих себя. Они терпением вредят себе и здесь, и там; а мы приобретаем пользу и в этой, и будущей жизни. Итак, не крайнее ли это нерадение - не оказывать и такого мужества, какое

оказывают погибающие, и это не смотря на то, что нам уготовано столько наград? Притом нам помогает Христос, а им никто. Еще прежде, когда посылал учеников Своих, Господь заповедал им, говоря: "**на путь к язычникам не ходите; посылаю вас, как овец среди волков**"; и: "**поведут вас к правителям и царям**" (Матф. 10:5,16,18). А теперь заповедует гораздо сильнее и строже. Тогда говорил о смерти только, а теперь упомянул и о кресте, и кресте всегдашнем: "**и возьми**", говорит Он, "**крест свой**", - т. е. да держит и носит его непрестанно. Так и всегда обыкновенно Христос поступал: не сначала, не при первых наставлениях, но постепенно и мало-помалу предлагал труднейшие заповеди, чтобы не встревожить слушателей. Далее, так как заповедь казалась тяжкой, смотри, как Он смягчает ее последующими словами, как предлагает награды, превышающие труды, и не награды только, но и наказания за грехи; о наказаниях распространяется даже более, нежели о наградах, потому что обыкновенно не столько даяния благ, сколько строгая угроза умудряет многих. Смотри же, как Он и здесь начинает, и тем же самым оканчивает. "**ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее; какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою**" (Матф. 16:25-26)? Слова эти значат: не думайте, чтобы Я вас не щадил; напротив, очень щажу, когда заповедую вам это. Так и тот, кто щадит своего сына, губит его, а кто не щадит, тот сохраняет его. Тоже самое сказал и один мудрый: "**если накажешь розгой**" сына твоего, "**не умрет, спасешь душу его от преисподней**" (Притч. 23:13-14); и еще: "**ублажающий сына будет перевязывать раны его**" (Сирах. 30:7). Тоже бывает и с воинами: если военачальник, щадя воинов, позволяет им всегда сидеть дома, то погубит и тех, кто остается с ними вместе. Итак, чтобы не случилось того же и с вами, говорит Он, вам беспрестанно должно быть готовыми на смерть. Ведь и ныне уже возгорается ужасная брань. Потому не сиди дома, но пойди и сражайся; если и падешь на брани, в ту же минуту оживешь. Если и в видимых сражениях идущий на смерть славнее других и считается непобедимым, и для врагов особенно страшен, хотя царь, за которого он поднимает оружие, и не силен воскресить его по смерти, то тем более в этих бранях, - когда столько надежд воскреснуть, - предающий душу свой на смерть обретет ее - во-первых, потому что не скоро побежден будет, во-вторых, потому что если и падет, приобретет для нее лучшую жизнь.

3. Потом, так как, говоря: "**ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее**", в том и другом случае употребляет слова: "**спасет и погубит**", - то чтобы не подумал кто-нибудь, что погубить и спасти в обоих случаях значит одно и то же, но ясно видел, что между тем и другим спасением такое же различие, какое между погибелью и спасением, - Он объясняет это от противного: "**какая польза человеку**", говорит Он, "**если он приобретет весь мир, а душе своей повредит**"? Видишь ли, что спасать душу, не как следует, значит губить ее, и хуже чем губить, - губить невозвратно, так что не остается уже средств искупить ее? Не говори мне, - как бы так сказал Он, - что избежавший величайших опасностей спас душу свою, но представь, что душе его покорена вся вселенная: что ему будет пользы от того, когда душа его гибнет? Скажи мне: если ты видишь, что рабы твои живут в полном довольстве, а сам ты в крайней беде, какая тебе польза оттого, что ты господин? Никакой. Так же суди и о душе: когда плоть наслаждается и богатеет, душа ожидает будущей гибели. "**Какой выкуп даст человек за душу свою**"? Опять подтверждает то же. Ты не можешь, говорит Он, вместо души дать другой души. Если ты потеряешь деньги, можешь дать другие; то же можно сказать о доме, о рабах и о всяком другом имуществе; а, потеряв душу, не сможешь дать другой души. Хотя бы ты владел и целым миром, хотя бы был царем вселенной, - однако, и всю вселенную отдав, и на всю вселенную не купишь ни одной души. Да и что удивительного, если так случается с душой? Так же, как всякий может видеть, бывает и с телом. Хотя бы ты надел на себя тысячи венцов, но если у тебя

тело по природе больное и неизлечимо страдает, то не можешь пособить тому, хотя бы ты отдал целое царство и присовокупил тысячи тел, города, имущества. Так же суди и о душе, да о душе еще больше, и, оставив все прочее, приложи о ней все старание.

4. Заботясь о чужом, не забывай себя и своего, как ныне все делают, подражая рудокопам. Для них нет никакой пользы от такой работы и от самых драгоценностей; напротив: бывает еще больший вред, потому что они подвергаются опасностям напрасно и подвергаются для других, не получая для себя никакого плода от своих трудов и изнурений. Им-то ныне и подражают многие, собирая богатство для других. Да о нас больше, чем о них, жалеть надобно, потому что нас после таких трудов ожидает геена. Рудокопа от его трудов освобождает смерть; а для нас смерть бывает началом бесчисленных зол. Ты говоришь, что тебе приятно трудиться, когда обогащаешься; но покажи, что душа твоя радуется: тогда поверю. Всего главнее в нас душа. Если же тело тучнеет, а душа истаевает, то в этом тебе нет ни малой пользы. Так, если раба веселится, а госпожа гибнет, то для госпожи нет пользы от благоденствия служанки; так и для больного тела нет пользы от нарядной одежды. "**Какой выкуп даст человек за душу свою**"? - говорит тебе опять Христос, повелевая тебе всячески стараться о душе, и о ней одной заботиться. Устрашив указанием на погибель души, Христос утешает и обетованием благ: "**ибо придет**", говорит Он, "**Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его**" (Матф. 16:27). Видишь ли, что Отцу и Сыну принадлежит одна слава? Если же слава одна, то очевидно и сущность одна. Если, при единстве сущности, бывает разница во славе ("**иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится во славе**" (1 Кор. 15:41), хотя они и одинаковой сущности), то, как можно почитать не единосущными тех, которым принадлежит одна слава? И Он не сказал: во славе такой, которая свойственна Отцу, - чтобы ты опять не подумал, что здесь есть какая-нибудь разность, - но со всей точностью показывает, что слава одна и та же, говоря, что во славе Отца придет. Итак, - говорит, - чего ты страшишься, Петр, слыша о смерти? Ты увидишь тогда Меня во славе Отца. А если Я во славе, то и вы. Ваша награда не в настоящей жизни; нет, вы наследуете другой, лучший жребий. Сказав о благах, Он, однако, не остановился на том, но присоединил и угрозы, упоминая о последнем суде, о строгом истязании, о беспристрастном приговоре, о праведном решении. Впрочем, Он не хотел только опечалить их словом, но растворил его приятными надеждами. Не сказал: тогда накажет грешников, но – "**воздаст каждому по делам его**". Говоря это, разумел Он не наказание только грешников, но и награды и венцы праведников. Он сказал это для того, чтобы ободрить и людей добродетельных. А я всегда трепещу, слыша о суде, так как я не из числа венчаемых. Думаю, что и другие также страшатся и ужасаются, так как кого не устрашит, кого не заставит трепетать это слово, если слушающий придет только в сознание самого себя? Кого не заставит убедиться, что вретище и самый строгий пост нужнее для нас, чем для народа ниневийского? Нам говорят не о разрушении града, не об общей погибели, но о муке вечной, об огне негасимом.

5. Вот почему я отдаю честь и удивляюсь инокам, которые удалились в пустыни, будучи побуждены как другими причинами, так и этим словом Христовым. Они после обеда, или лучше сказать, после ужина (у них обеда иногда и не бывает, так как настоящую жизнь считают они временем плача и поста), - после ужина, вознося благодарственные песни Богу, вспоминают об этом слове. Если хотите слышать и самую песнь их, чтобы и вам всегда произносить ее, то я повторю вам всю эту священную песнь. Вот собственные слова ее: "Благословен Бог, питающий меня от юности моей, подающий пищу всякой плоти! Исполни радостью и весельем сердца наши, чтобы мы, имея всякое довольство, всегда избыточествовали во всяком деле благом, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Тебе слава, честь и держава, со Святым Духом во веки. Аминь. Слава Тебе

Господи, Слава Тебе Святый, Слава Тебе Царю, что Ты дал нам брашна и веселье! Исполни нас Духом Святым, да обретемся перед Тобой благоугодными, да не будем постыжены, когда Ты воздашь всякому по делам его". Вся песнь эта достойна удивления, особенно же конец ее. Так как за столом от пищи человек несколько забывается и тяжелеет, то они, вспоминая о времени суда, во время веселья словом Христовым, как бы некоторой уздой, укрощают душу. Они знают, что случилось с Израилем от роскошной пищи: "**утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога**" (Второзак. 32:15). Так и Моисей сказал: **будешь есть и насыщаться, тогда берегись, чтобы не забыл ты Господа**" (Второзак. 6:12,11), потому что после пресыщения израильтяне отваживались на великие беззакония. Итак, берегись, чтобы и с тобой не случилось чего-либо подобного. Хотя бы ты и не приносил в жертву камню или золоту овец и тельцов, но берегись, чтобы не принести своей души в жертву гневу, своего спасения - в жертву любодеянию или другим подобным страстям. Потому-то и иноки, опасаясь таковых падений, после стола, или лучше сказать после поста (так как они и за столом соблюдают пост) приводят себе на память страшный суд и последний день. Если же те, которые уцеломудривают себя постом, преклонением долу, бдением, вретищем и бесчисленными подвигами, имеют еще нужду в таком воспоминании, то, как можем безбедно прожить мы, когда наши столы приводят в волнение страсти, а мы и садимся за стол, и встаем из-за него без молитвы? Для отвращения таких бед объясним всю песнь, которую мы привели, чтобы, узнав пользу ее, всегда петь ее при столе, - укрощать тем неистовство чрева, и ввести у себя в домах обычаи и уставы земных ангелов. Самим бы вам надлежало сходить к ним, чтобы получить такую пользу; а если не хотите, по крайней мере, из моих уст выслушайте это духовное сладкопение, и пусть каждый после стола произносит слова песни, начиная так: "**Благословен Бог**"! Так, в самом же начале они исполняют апостольскую заповедь, которой предписывается: "**все, что вы делаете, словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца**" (Колос. 3:17). Итак, благодарить должно не за один настоящий день, но за целую жизнь, почему и сказано: "**питающий меня от юности моей**". И здесь-то заключается учение любомудрия. Если Бог питает, то самому не нужно заботиться. Если бы царь обещал тебе давать на ежедневное пропитание из своей казны, то ты остался бы спокойным; тем более должен быть ты свободен от всякой заботы, когда сам Бог дает и все тебе от Него рекой течет. Для того-то они и произносят такие слова, чтобы убедить себя и поучаемых ими отрешиться от всякого житейского попечения. Далее, чтобы ты не подумал, что они воздают такую благодарность только за самих себя, присовокупляют: "**подающий пищу всякой плоти**", - благодаря тем за весь мир. Как отцы всей вселенной, они за всех благословляют Бога, возбуждая себя к искреннему братолюбию; они не могут ненавидеть тех, за которых благодарят Бога, питающего их. Видишь ли из сказанного теперь и прежде, как благодарение ведет к любви, и удаляет житейские попечения? Если Господь питает всякую плоть, то тем более уповающих на Него. Если питает связанных житейскими заботами, то тем более тех, которые свободны от них, как то и Христос подтвердил, сказав: "**вы дороже многих малых птиц**" (Лук. 12:7). Этими словами Он научал не надеяться на богатство и плодоношение семян. Не это питает, а слово Божье. Таким образом, иноки своей песнью посрамляют манихеян и валентиниан, и всех их единомышленников. В самом деле, нельзя почитать злым того, кто свои блага предлагает всем, даже и тем, которые хулят его. Далее следует прошение: "**исполни радостью и весельем сердца наши**". Какой радостью: не житейской ли? Нет. Если бы иноки желали такой радости, то не стали бы жить на высотах гор и в пустынях, не стали бы облекаться во вретище. Напротив, они говорят о той радости, которая не имеет ничего общего с настоящей жизнью, - о радости ангельской, о радости горней. И не просто испрашивают они радости, но просят ее в великом избытке. Не говорят: дай; но: "**исполни**"; не говорят: исполни нас, но: "**сердца наши**". Такая-то радость и есть преимущественно радость сердца. "**Плод же духа**", говорится, "**любовь, радость, мир**" (Галат. 5:22). Так как грех

породил печаль, то они просят водворить в них вместе с радостью правоту; иначе и быть не может радости. "**Чтобы мы, имея всякое довольство, всегда избыточествовали во всяком благом деле**". Вот исполнение евангельского слова: "**хлеб наш насущный подавай нам на каждый день**" (Лук. 11:3). Смотри, как они ищут и самого довольства только для души: "**чтобы мы избыточествовали во всяком деле благом**". Не сказали, чтобы мы исполнили только должное, но - даже и более заповеданного. Это-то и значат слова: "**чтобы мы избыточествовали**". И хотя просят у Бога довольства только в необходимом для жизни, но сами готовы повиноваться не столько, сколько от них требуется, но с великим преизбытком во всем. Так всегда и во всем избыточествовать свойственно рабам благонамеренным, мужам любомудрым. Потом, опять напоминая себе о своей немощи и о том, что без вышней помощи ничего доброго не могут сделать, они к словам: "**чтобы мы избыточествовали во благом деле**", присоединяют еще: "**во Христе Иисусе Христе нашем, с Которым Тебе слава, честь и держава во веки, аминь**". Таким образом, они и начинают, и оканчивают песнь благодарением.

6. После этого они опять начинают как бы снова, но, на самом деле, продолжают то же. Подобным образом и Павел, начало послания окончив славословием и сказав: "**по воле Бога и Отца нашего; Ему слава во веки веков. Аминь**" (Галат. 1:4- 5), вслед затем начинает раскрывать содержание своего послания. Равным образом и в другом месте, сказав: "**поклонялись, и служили твари вместо Творца, Который благословен во веки, аминь**" (Римл. 1:25), не окончил речи, а продолжает ее и далее. Итак, не будем винить и этих ангелов за то, что они не соблюдают порядка, когда, заключив речь славословием, опять продолжают священные песни. Они следуют примеру апостолов, когда начинают славословием и оканчивают тем же и, по таком окончании, начинают снова. Итак, говорят: "**слава Тебе Господи, слава Тебе Святый, слава Тебе Царь, что Ты дал нам брашна в веселье**"! Благодарить должно не за великие только благодеяния, но и за малые. Благодаря же и за малые, они обличают ересь манихеев и всех тех, кто говорит, что настоящая жизнь есть зло. Чтобы ты, судя по высокому их любомудрию и по тому, что небрегут о чреве, не заключил, что они гнушаются брашен подобно самоубийцам, они своей молитвой научают тебя, что воздерживаются от многого, не по отвращению от созданий Божий, но по любви к подвижничеству. И смотри, как они, возблагодарив за ниспосланные уже блага, просят других больших, и не останавливаются на житейских, но возносятся превыше небес, и говорят: "**исполни нас Духом Святым**"! Не исполнившись благодати Духа, ни в чем нельзя иметь надлежащего успеха, равно как нельзя совершить ничего доблестного и великого без помощи Христовой. И как они к словам: "**чтобы избыточествовали во всяком деле благом**" присоединяют: "**во Христе Иисусе**", так и здесь говорят: "**исполни нас Духом Святым, да окажемся благоугодными перед Тобой**". Видишь ли, что они о житейском не молятся, а только благодарят, о духовном же и благодарят, и молятся? "**Ищите**", сказал Христос, "**прежде Царства Божьего, и это все приложится вам**" (Матф. 6:33). Примечай и дальше их любомудрие. "**Да окажемся**", говорят они, "**перед Тобой благоугодными, да не будем постыжены**". Мы не боимся, говорят они, посрамления людского; что бы люди ни говорили о нас в насмешку и поношение, мы не обращаем на то никакого внимания. Мы о том только заботимся, чтобы тогда не постыдиться. А когда говорят это, помышляют об огненной реке, о награде, о почестях. Не сказали: чтобы нам не потерпеть наказания; но: чтобы не постыдиться. Явиться оскорбителями Господа для нас страшнее геенны. Но так как многих беспечных это не устрашает, то они присоединяют: "**тогда воздашь каждому по делам его**". Видишь, сколько приносят нам пользы эти странники и пришельцы, пустынножители, или лучше - небожители. Мы странники небесные, а жители земные; а они - наоборот. После такой песни, исполнившись умиления, с горячими и обильными слезами, они отходят ко сну и спят столько, сколько потребно для малого успокоения. И опять ночь превращают в день, проводя время в благодарениях и псалмопениях. И не одни

только мужи, но и жены упражняются в таком любомудрии, побеждая немощь естества избытком усердия. Итак, мы, мужи, устыдимся крепости жен и перестанем заботиться о настоящем - о тени, о мечте, о дыме. Большая часть жизни нашей проходит в бесчувствии. В юности мы почти вовсе неразумны; когда наступает старость, то притупляется в нас всякое чувство. Остается небольшой промежуток, в который мы с полным чувством можем наслаждаться удовольствием; да и в это время мы не наслаждаемся вполне, по причине бесчисленных забот и трудов. Потому-то и убеждаю искать благ неизменных, нетленных, и жизни никогда нестареющей. Можно, ведь, живя и в городе подражать любомудрию пустынножителей; и женатый и семейный может и молиться, и поститься, и приходить в умиление. Так первые христиане, наученные апостолами, жили в городах, а являли благочестие свойственное пустынножителям; иные занимались и рукоделием, как-то: Прискилла и Акила. Да и все пророки имели и жен, и дома, как например: Исаия, Иезекииль, великий Моисей; однако это не препятствовало им быть добродетельными. Им и мы, подражая, будем всегда благодарить Бога и всегда воспевать Его; будем стараться о целомудрии и прочих добродетелях, и введем любомудрие пустынников в городах, чтобы нам явиться и перед Богом благоугодными, и перед людьми - почтенными, и чтобы нам удостоиться будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу слава, честь, держава, со Святым и животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 56

"Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем" (Матф. 16:28).

1. Так как Христос много беседовал об опасностях, о смерти и страданиях Своих, об избиении учеников, и завещал им тяжкие подвиги, которым они должны были подвергнуться в настоящей жизни, и притом весьма скоро, между тем как блага, - спасение, например, души для тех, кто губит ее, пришествие Христа во славе Отца Своего, воздаяние наград за подвиги, - оставались для них в надежде и ожидании, то теперь, желая просветить взор их и показать, сколько то возможно для них, в чем будет состоять та слава, с которой Он придет, открывает им эту славу еще в настоящей жизни, чтобы они, а особенно скорбевший Петр, не печалились о своей смерти, равно как и о смерти Господа своего. И заметь, как Он поступает. Сказав о геенне и царствии [именно словами: "**кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее**", и если кто погубит "**ее ради Меня, тот обретет ее**", и: "**воздаст каждому по делам его**" (Иоан. 12:25; Матф. 16:27) Он означил и то, и другое], сказав о том и другом, Он царствие поставляет перед самыми глазами, а геенну удаляет от взора. Почему же так? Потому, что для людей более грубых нужно было говорить и о геенне; а так как ученики Его были опытны и сведущи, то Он убеждает их тем, что могло доставить им большое утешение. Притом же так говорить было и приличнее Иисусу Христу. Впрочем, Он не оставляет совершенно и геенны, но иногда и ее представляет перед глазами, когда, например, приводит образ Лазаря (Лук. 16), или заимодавца, или человека, требовавшего сто динариев (Матф. 18), облеченного в грязные одежды, и многих других (Матф. 22). "**По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна**" (Матф. 17:1). Если другой евангелист говорит: "**спустя восемь дней**" (Лук. 9:28), то здесь нет противоречия, напротив - согласие. Один разумел и тот день, в который говорил Иисус, и тот, в который возвел Он учеников Своих на гору; а другой считает только те дни, которые протекли между этими днями. Посмотри же, как беспристрастен Матфей: он не скрывает тех, которые были предпочтены ему. То же самое часто делает и Иоанн, с полной точностью описывая отменные похвалы, воздаваемые Петру. Так, всегда были чужды зависти и тщеславия все эти святые мужи.

Итак, взяв верховных апостолов, "**возвел их на гору высокую одних, и преобразился перед ними: и просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет. И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие**" (Матф. 17:1-3). Почему Христос берет только этих учеников? Потому, что они превосходили прочих: Петр сильной любовью к Иисусу, Иоанн - особенной любовью к нему Иисуса, а Иаков - ответом, который он дал вместе с братом своим: можем испить чашу (Матф. 20:22), и не одним ответом, но и делами - как другими, так и теми, которыми он оправдал свои слова. И действительно, он был так неприязнен и ненавистен для иудеев, что и Ирод умерщвлением его думал сделать великий подарок иудеям. Для чего же Иисус не тотчас возводит их? Для того чтобы прочие ученики не пришли в смущение. Потому же Он не говорит даже и об именах тех, которые взойдут с Ним на гору. В противном случае прочие ученики сильно пожелали бы следовать за Ним, чтобы видеть образ будущей славы, и восскорбели бы, как будто презренные. Хотя Христос намеревался показать славу Свою и чувственным образом, однако же, и это было для них вожделенно. Но для чего же Он прежде сказал об этом? Для того чтобы они, услышав об этом ранее, сделались способнее к созерцанию, и чтобы число дней, воспламенив в них сильнейшее желание, заставило их приступить с мыслью бодрствующей и озабоченной. Для чего же тут являются Моисей и Илия? На это можно много представить причин. И, во-первых, так как одни из народа почитали Христа за Илию, другие за Иеремию, иные за какого-либо из древних пророков, то и являются главные пророки, чтобы видно было различие рабов от Господа, и то, что Петр справедливо похвален, за исповедание Христа Сыном Божьим. Можно указать, далее, и вторую причину. Иудеи часто обвиняли Христа в преступлении закона и в богохульстве, - будто бы Он похищал славу Отца, Ему не принадлежащую, и говорили: "**не от Бога Этот Человек, потому что не хранит субботы**" (Иоан. 9:16); и еще: "**не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом**" (Иоан. 10:33); поэтому, чтобы показать, что оба обвинения произошли от зависти, а Он свободен и от того и от другого, - то есть, что Он ни закона не преступил, ни славы, не принадлежащей Ему, не присвоил, называя Себя равным Отцу, - Он представляет мужей, прославившихся и исполнением закона, и ревностью к славе Божьей. Если Моисей дал закон, то иудеи могли заключить, что он не потерпел бы презрения этого закона, как они думали, и не стал бы служить нарушителю его, для него неприязненному. Также и Илия из ревности к славе Божьей не предстал бы и не повиновался бы Христу, если бы Он был противником Божьим, и назвал Себя Богом и равным Отцу, не будучи таковым на самом деле.

2. Наряду с указанными можно привести и еще причину. Какую же? Этим явлением Иисус Христос хотел научить учеников тому, что Он имеет власть над жизнью и смертью, и владычествует над небом и землей. Для того-то и являются здесь и умерший, и еще не испытавший смерти. Пятую же причину (а это, действительно, пятая) представил сам евангелист. Она состоит в том, чтобы показать славу креста, утешить Петра и других учеников, боявшихся страдания, и ободрить их сердца. В самом деле, явившиеся два мужа не молчали, но говорили о славе, которую он намерен был явить в Иерусалиме, т. е. о страдании и о кресте, потому что страдание и крест всегда называются славой. Далее - причиной избрания этих мужей была самая их добродетель, которой Он преимущественно требовал от учеников. Так как Христос всегда учил: "**если кто хочет идти за Мной, возьми крест свой, и следуй за Мной**", то Он теперь и выводит на середину тех, которые тысячу раз умирали за славу Божью и за вверенный им народ. Подлинно, каждый из них, погубив душу, обрел ее; каждый смело говорил против тиранов, один - против фараона, другой против Ахаава, и притом за людей неблагодарных и непослушных, которые за свое спасение платили им неблагодарностью, ввергая их в крайние опасности; каждый хотел отвлечь народ от идолослужения. Оба были люди простые, и притом один был косноязычен и худогласен, а другой вел жизнь суровую. Оба отличались

нестяжательностью, потому что ни у Моисея ничего не было, ни Илия ничего не имел, кроме милоти. И притом все это было в ветхом завете, когда еще не было столь обильного дара чудес. Правда и Моисей разделил море, но Петр ходил по водам, мог переставлять горы, врачевал различные телесные болезни, изгонял жестоких демонов, самой тенью своей совершал великие чудеса, и обратил всю вселенную. Также и Илия, хотя воскресил мертвеца, но ученики Христовы воскресили тысячи, и притом тогда, когда еще не удостоились принять в себя Духа. Христос беседует с Моисеем и Илией и для того, чтобы побудить учеников Своих подражать их любви к своему народу, их постоянству и твердости, чтобы они были кротки как Моисей, ревностны как Илия, и равно попечительны. В самом деле, один из них три года сносил голод для иудейского народа, а другой говорит: "**прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал**" (Исход. 32:32). Обо всем этом Христос и напоминал ученикам явлением Моисея и Илии. И во славе Он вывел их не только для того, чтобы ученики были таковыми, но и превосходили их. Вот почему, когда однажды они сказали: "**скажем, чтобы огонь сошел с неба**" (Лук. 9:54), и упомянули об Илии, сделавшем подобное, то Он сказал им: "**не знаете, какого вы духа**", превосходством дара убеждая их к перенесению обид. Но да не подумает кто-либо, что мы осуждаем Илию, как несовершенного; мы этого не говорим. Он очень совершен был, но только в свое время, когда ум людей находился еще в младенчестве, и когда они имели нужду в таком руководстве. Равно и Моисей совершен был; но от учеников Христовых требуется более совершенства: "**если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**" (Матф. 5:20). И это потому, что ученики были посланы не в Египет, но во всю вселенную, которая находилась в худшем состоянии, нежели Египет, и не с фараоном имели разговаривать, но сражаться с самым начальником зла - дьяволом. Их подвиг состоял в том, чтобы связать его и расхитить все его сосуды; и это они совершили не море разделяя, но рассекая жезлом Иессеевым бездну нечестия, воздымаемую бурными волнами. Представь, что только не устрашало этих мужей: смерть, бедность, бесславие, бесчисленные страдания. Все это для них было страшнее, нежели тогда море для иудеев. И, тем не менее, Христос убедил их все это презреть и идти с совершенной безопасностью, как бы сухим путем. Приготовляя их ко всему этому, Он и поставил перед ними мужей, прославившихся в ветхом завете. Что ж при этом пламенный Петр? "**Хорошо нам здесь быть**" (Матф. 17:4), говорит он. Так как он слышал, что Христу должно идти в Иерусалим и пострадать, то, боясь и трепеща за Него, он после сделанного ему упрека не смеет приступить и повторить то же: "**милостив будь к Себе**" (Матф. 16:22), но от страха ту же самую мысль выражает в других, но уже не столько ясных словах. Теперь, видя гору и уединенную пустыню, он подумал, что самое место доставляет безопасность, и не только надеялся на безопасность места, но и думал, что Иисус не пойдет уже в Иерусалим. Петр хочет, чтобы Христос здесь остался навсегда, потому и напоминает о шатрах. Если, думал он, станется это, то мы не пойдем в Иерусалим; а если не пойдем, то и Христос не умрет, потому что там, говорил Иисус, нападут на Него книжники. Но не осмелившись сказать таким образом, а желая, чтобы это было, Петр без всякого опасения сказал: "**хорошо нам здесь быть**"! Здесь находятся Моисей и Илия, Илия - низведший огонь с неба на гору, Моисей - вошедший в мрак и беседовавший с Богом; и никто не узнает, что мы здесь.

3. Видишь ли, как пламенно Петр любит Христа? Не думай о том, что предлагаемое им убеждение не было обдумано; но рассуждай о том, как он пламенен был и как любовь к Христу сжигала его. А что Петр говорил это не из боязни за себя, то видно из слов его, которые он произнес, когда Христос предсказывал будущую смерть и исход Свой, - из слов: "**душу мою отдам за Тебя; хотя бы мне надлежало и умереть с Тобой, не отрекусь от Тебя**" (Марк. 14:31). Заметь, как ради Христа он подвергался опасностям, когда именно не только не убежал от напавшей на Христа толпы народа, но, извлекши

еще меч, отсек ухо у раба архиерейского. Таким образом, он не о себе заботился, но трепетал за Учителя своего. Далее, - так как слова его были решительны, то теперь он одумывается, и чтобы снова не навлечь на себя упрека, продолжает: "**если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии**"? Что ты говоришь, Петр? Не ты ли незадолго перед этим отличал Его от рабов, а теперь опять смешиваешь с рабами? Вот как ученики были несовершенны до креста! Хотя Петр и имел откровение от Отца, но он не удерживал его постоянно, а смущался страхом, - не только тем, о котором я сказал, но и страхом, родившимся в нем при самом видении. Потому другие евангелисты, говоря об этом и показывая, что причиной смущения, с которым он произносил эти слова, был именно страх тот, сказали: Марк – "**не знал, что сказать; потому что они были в страхе**" (Марк. 9:6); а Лука, сказав: "**сделаем три кущи**", присоединил: "**не зная, что говорил**" (Лук. 9:33). Притом показывая, что как Петр, так и прочие ученики были поражены большим страхом, Лука говорит о них: "**отягчены были сном; но, пробудившись, увидели славу Его**" (Лук. 9:32). Под сном здесь евангелист разумеет большое отягчение, происшедшее в них от видения. Как чрезмерный блеск ослепляет глаза, так и они поражены были тогдашним светом. Этот свет явился не ночью, а днем, и слабое их зрение отягчалось величием блеска. Что ж далее? Ни сам Христос не говорит ничего, ни Моисей, ни Илия; но больший всех и более всех достойный веры Отец глаголет из облака. Почему же из облака? Так всегда является Бог. "**Облако и мрак окрест Его**" (Псал. 96:2); еще: "**восседит на облаке легком**" (Иса. 19:1); еще: "**делаешь облака Твоей колесницей**" (Псал. 103:3); также: "**облако взяло Его из вида их**" (Деян. 1:9); еще: "**с облаками небесными шел как бы Сын человеческий**" (Дан. 7:13). Потому, чтобы ученики проверили, что голос этот есть голос самого Бога, является облако, и притом светлое. "**Когда он еще говорил, вот, облако светлое осенило их; и вот, голос из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте**" (Матф. 17:5)! Когда Бог изрекает угрозы, тогда показывает мрачное облако, как например, на горе Синайской: "**Моисей вступил в середину облака и взошел на гору**" (Исх 24:18), "**восходил от нее дым, как дым из печи**" (Исх. 19:18). Равным образом и пророк, говоря об угрозах, сказал: "**мрак вод, облаков воздушных**" (Псал. 17:12). Здесь же, поскольку Он имел намерение не устрашить, а научить, является светлое облако. И в то время как Петр сказал: "**сделаем три кущи**", сам Он показал сень нерукотворную. Вот почему там курение и дым печной, здесь - свет неизреченный и голос. Потом, чтобы показать, что не просто говорит об одном из трех, но именно о Христе, прочие двое, когда раздался голос, удалились, потому что если бы сказано было просто о ком-нибудь из них, то по удалении двоих не остался бы один Иисус. Почему же облако осенило не одного только Христа, но всех? Если бы оно осенило одного Христа, то можно было бы подумать, что голос происходил от самого Христа. Потому и евангелист, предотвращая это самое, говорит, что голос был из облака, то есть от Бога. Что ж говорит голос этот? "**Сей есть Сын Мой возлюбленный**"! Если же Иисус есть Сын возлюбленный, то не бойся, Петр! Тебе уж нужно было знать и могущество Его, и увериться в Его воскресении. Если же ты не знаешь, то, по крайней мере, ободрись голосом Отца. Если Бог всемогущ, - как Он и действительно таков, - то и Сын всемогущ. Потому не бойся угрожающих опасностей. Если же ты все еще не соглашаешься, то, по крайней мере, рассуди, что Он есть Сын, и Сын любимый: "**сей есть Сын Мой возлюбленный**"! Если же Он любимый, то не бойся. Кто погубит того, кого любит? Итак, не смущайся; хотя бы любовь твоя к Нему была безмерна, но ты не любишь Его так, как любит Родивший Его, Который о Нем благоволит. Он не потому только любит Его, что родил Его, но и потому, что Он равен Ему во всем, и одну имеет с Ним волю. Следовательно, причина любви Его двоякая, или даже троякая, то есть: что Он Ему Сын, что возлюбленный, что в Нем все Его благоволение. Что ж значит: "**в Котором Мое благоволение**"? Отец как бы так говорит: в Нем покой Мой и услаждение; и это потому, что Он во всем совершенно равен Отцу; воля у Него одна с волей Отца, и, будучи Сыном,

Он во всем составляет одно с Родившим. "**Его слушайте**", - так что, если бы Он захотел быть распятым на кресте, ты тому не противься. "**И, услышав, ученики пали на лица свои и очень испугались. Но Иисус, приступив, коснулся их и сказал: встаньте и не бойтесь. Возведя же очи свои, они никого не увидели, кроме одного Иисуса**" (Матф. 17:6-8).

4. Отчего же они были так поражены, когда услышали эти слова? И прежде такой глас был на Иордане, в присутствии народа, но никто не испытал ничего подобного; и после опять, когда и гром был, как говорили, никто не испытал подобного. Отчего же они поверглись ниц на горе? Причины тому: уединенность и высота места, глубокое молчание, преображение соединенное с ужасом, свет чрезвычайный и облако простертое, - все это повергло их в сильный трепет. Отовсюду окружали их поразительные вещи, и они, в ужасе, пали и поклонились. Но чтобы страх, слишком долго действуя, не лишил их памяти, Христос тотчас рассеивает их ужас и предстает очам их один; и заповедует им не говорить о событии никому до тех пор, пока Он восстанет из мертвых. "**И когда сходили они с горы, Иисус запретил им, говоря: никому не сказывайте об этом видении, пока Сын Человеческий не воскреснет из мертвых**" (Матф. 17:9). Действительно, чем более стали бы рассказывать о Нем чудесного, тем труднее для многих было бы тогда верить этому. Притом, соблазн о кресте от того еще более увеличивался. Потому-то Он велит им молчать, и не просто велит, но снова напоминает им о Своих страданиях, как будто бы приводя причину, по которой Он повелевал им молчать, - запретив именно не всегда открывать это, но только до тех пор, пока Он восстанет из мертвых. Умолчав о том, что было весьма неприятно, Он говорит только одно утешительное. Что ж после этого? Не могли ли они соблазниться? Никак. Нужно было только пройти времени до креста; а после они исполнились Духа, и в знамениях находили голос, споспешествующий им. Все, что они говорили после, достойно было вероятия: дела, громче всякой трубы, провозвещали Его могущество, и события не возбуждали уже никакого соблазна. Подлинно, ничего не может быть блаженнее апостолов, и особенно троих из них, удостоившихся быть с Господом под покровом одного облака. Впрочем, и мы, если захотим, можем увидеть Христа, - не в таком виде, в каком они видели Его на горе, но в виде гораздо лучшем, потому что впоследствии Он придет не в прежнем виде. Тогда Он , щадя учеников, явил им столько славы, сколько они могли снести; после же Он придет во славе Отца Своего, не с Моисеем только и Илией, но с бесчисленными воинствами ангелов, с архангелами, с херувимами, со всеми их несметными полчищами; не одно облако будет над головой Его, но все небо будет сосредоточено над Ним. Как судьи, когда совершают всенародно суд свой, отнимают занавеси и показываются всем, так точно и тогда все увидят Христа восседающего, и все люди предстанут Ему, и Он сам Своими устами будет отвечать им. Иным скажет: "**придите, благословенные Отца Моего: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть**" (Матф. 25:34-35); некоторым же скажет "**добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю**" (Матф. 25:21). А другим, определяя иное, скажет: "**идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его**" (Матф. 25:41); некоторым же: "**лукавый раб и ленивый**" (Матф. 25:26). Иных рассечет и предаст мучителям; других же велит, связав руки и ноги, ввергнуть во тьму кромешную. И после секиры примет их печь, в которую будет ввергнуто все, что выброшено из сети. "**тогда праведники воссияют, как солнце**" (Матф. 13:43), и даже еще более, нежели солнце; если же сказано так, то не потому, чтобы светлость их была точно такова, как солнечная, но потому, что мы не знаем другого светила, блистательнее солнца. Христос посредством известного нам предмета хотел только изобразить будущую славу святых. Так точно евангелист, когда говорит, что Иисус на горе просиял как солнце, говорит так по той же самой причине; а что свет был более приводимого в сравнение (солнечного света), это доказали ученики тем, что пали ниц. Если бы свет этот не был чрезвычайный, а был бы подобный солнечному, то они не пали бы, а легко снесли его. Итак, праведники в

то время просветятся как солнце, и еще более; грешники же испытают крайние бедствия. Тогда не нужно будет доказательств, обличений, свидетелей. Тот, Кто судит, есть вместе и свидетель, и обличитель, и судья. Он все знает ясно: "**все обнажено и открыто перед очами Его**" (Евр. 4:13). Туда никто не явится богатым или бедным, сильным или слабым, мудрым или глупым, рабом или свободным; все эти отличия исчезнут, и разбираться будут одни дела. Если в судах осужденный за худое управление или убийство, кто бы он ни был - префект или консул, или подобный им, лишается всех достоинств и приемлет достойную казнь, то тем более так будет там.

5. Итак, чтобы этого не случилось с нами, снимем с себя нечистые одежды, облечемся в оружие света, - и слава Божья осенит нас. Какая, в самом деле, из заповедей неудобоисполнима, какая трудна? Выслушай, что говорит пророк, и тогда узнаешь, что они легки. "**Томит человек душу свою, когда гнет голову свою, как тростник, и подстилает под себя рубище и пепел? Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма**" (Иса. 58:5-6). Заметь мудрость пророка! Предложив сперва и потом, отвергнув средства трудные, он представляет легкий путь спасения, показывая, что Бог требует не трудов, а послушания. Потом, доказывая, что добродетель легка, а порок тягостен, он изображает это самыми простыми словами. Порок, говорит он, есть узы и рабство, а добродетель - освобождение и разрешение от всего этого. "**Расторгни всякое ярмо**", - разумея под этим расписки в долгах и займах. "**Угнетенных отпусти на свободу**", - т. е. бедных, потому что должник, как скоро увидит заимодавца, смущается духом и страшится его больше зверя. "**Скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся**" (Иса. 58:7). В прежней беседе, рассуждая о наградах, мы назвали их источником богатства. Теперь посмотрим, есть ли в заповедях что-нибудь трудное, превышающее нашу природу? Нет, мы не найдем в них ничего такого; даже еще найдем противное. Они настолько же легки, насколько порок труден. В самом деле, что может быть труднее - давать в займы, заботиться о прибыли, заключать сделки, требовать поручительства, страшиться и трепетать за заклады, за отданные в рост деньги, за расписки, за барыши, за выполнение обещаний? Таково-то все житейское! Самая, по-видимому, изысканная предусмотрительность во всем ненадежна и непрочна. Напротив того, быть милостивым легко, и освобождает от всех забот. Итак, не будем наживаться на счет чужих несчастий, и торговать милосердием. Знаю, что для многих неприятно слушать эти слова; но что за выгода и молчать? Если я буду молчать и не докучать своими словами, то не только не могу этим молчанием избавить вас от наказания, - напротив, наказание от этого еще увеличится, и не для вас только увеличится, - даже и мне самому это молчание навлечет наказание. Итак, что пользы в льстивых словах, когда они не помогают на деле, но еще вредят? Какая прибыль веселить словами и печалить на самом деле, нежить слух и подвергать душу наказанию? Итак, надобно печалиться здесь, чтобы не подвергнуться наказанию там. Ужасная, любезные мои, ужасная, и большого требующая врачевства болезнь вкралась в церковь! Те, которым даже не велено копить богатства и праведными трудами, но повелено отверзать дома свои неимущим, те самые извлекают свою выгоду из бедности других, выдумывая благовидный образ хищения, искусно прикрывая любостяжание. Не говори мне о внешних законах. И мытарь исполняет закон внешний, но, несмотря на то повинен наказанию. То же придется испытать и нам, если не перестанем притеснять бедных в нужде и в несчастиях, и пользоваться этим случаем для постыдного прибытка. Ты для того имеешь деньги, чтобы облегчать бедность, а не для того, чтобы утеснять ее; а ты, под видом великодушия, только увеличиваешь бедность, и продаешь милосердие за деньги. Продавай, я не запрещаю; но только ради царства небесного. За это дело ты получишь немалую награду - но воздаяние сторичное, жизнь бессмертную. Для чего ты беден и нищ? Для чего ты, малодушный, продаешь великое за малую цену - за деньги погибающие, между тем как это должно было бы делать ради

царства, вечно пребывающего? Для чего, оставив Бога, стараешься о выгодах человеческих? Зачем, обегая Богатящего, докучаешь неимущему, и, оставляя щедрого Подателя, вступаешь в сношение с неблагодарным? Тот сам желает дать, а этот с трудом дает. Этот дает едва ли сотую часть, а Тот более, нежели стократ - жизнь вечную. Этот с обидой и ругательством, Тот - с любовью и благосклонностью. Один возбуждает в тебе ненависть, другой и венцы тебе сплетает. Один с тобой только что здесь, другой - и здесь, и там. Итак, не крайнее ли это безумие - не знать даже своей пользы? Сколько людей потеряло в погоне за барышами свои деньги! Сколько людей, ради корыстей, подверглись опасностям! Сколько людей и себя, и других повергли в крайнюю бедность от неслыханного любостяжания!

6. Не говори мне, что тот, кто берет в долг, радуется и благодарит за то, что ему дали; это происходит от твоей жестокости. И Авраам, отдав варварам жену свою, сам показывал вид, будто дурное их намерение для него приятно; однако, он это делал не из доброй воли, но опасаясь фараона. Так точно и бедный: раз ты не считаешь его достойным и того, чтобы дать ему в долг, принужден благодарить тебя и за твою жестокость. Мне кажется, что ты даже освободив кого-нибудь от опасности, потребуешь награды за это. Нет, скажешь ты, этого не будет! Что ты говоришь? Избавляя от большого несчастья, ты не хочешь брать за то денег, между тем как при малой услуге ты оказываешь такое бесчеловечие? Разве ты не видишь, какого наказания достоин такой поступок? Разве не знаешь, что это запрещено было и в ветхом завете (Второз. 15)? Но что еще говорят многие: "я возьму проценты, и подам бедным?" Хорошо говоришь ты, друг, - только Богу не угодны такие приношения. Не хитри с законом. Лучше совсем не подавать нищему, чем подавать приобретенное такими средствами. Неправедным мздоимством ты нередко делаешь противозаконным и то богатство, которое собрал честными трудами, - точно так же, как если бы кто заставлял здоровое чрево рождать скорпионов. И что я говорю о законе Божьем? Не сами ли вы называете это нечистым? Если же вы, корыстолюбцы, так думаете об этом, то представьте, какой суд произнесет над вами Бог? Если ты хочешь знать, как думали об этом земные законодатели, то и на их взгляд такие поступки были знаком крайнего бесстыдства. Тем, которые в чести и принадлежат к великому совету, называемому сенатом, запрещалось бесчестить себя такими прибытками. У них был закон, возбранявший подобные прибытки. Как же не почувствовать ужаса, когда ты не отдаешь такой чести небесному государству, какую воздают законодатели римскому сенату, даже почитаешь небо ниже земли? И ты не стыдишься такого безумия? Ведь это так же бессмысленно, как если бы кто вздумал сеять без земли, дождя и плуга. Те, которые выдумали бы такой нелепый образ земледелия, не должны бы ничего ожидать от этого, кроме плевел, обреченных огню.

Разве нет многих честных способов к приобретению, например: лугов, паств, полей, рогатого скота, рукоделий, попечения об имении? Для чего же ты безумствуешь и, сея на удачу, получаешь терния? Плоды земные, скажешь ты, много терпят вреда, например: от града, засухи, проливных дождей. Но все не такой, какой проценты. В самом деле, от тех несчастных случаев терпят только плоды, а капитал, то есть, поле остается. Здесь же, напротив, многие часто губят и самый капитал, и еще прежде этого несчастья испытывают постоянно беспокойство. Заимодавец никогда не наслаждается тем, что имеет, никогда не радуется об этом, да и тогда, как нарастают проценты, не веселится о прибытке, напротив, печалится о том, что рост еще не сравнился с капиталом; и прежде, нежели этот неправедный рост сравнится совершенно, он старается пустить его в оборот, обращая в капитал и самые проценты, и насильно заставляя производить преждевременные порождения ехиднины. Таковы проценты! Они более этих ядовитых животных терзают и снедают души несчастных. Вот – "**союз неправды**"! Вот – "**узы ярма**"! Человек говорит: я даю не для того, чтобы ты что-нибудь имел, но чтобы возвратил с лихвой. А Бог,

напротив, не велит и отданное получать обратно. "**Взаймы давайте**", говорит Он, тем, от кого не ожидаете получить (Лук. 6:35); ты же требуешь даже более того, сколько дал, и принуждаешь должника своего почитать долгом и то, чего ты не дал. Ты думаешь через это умножить свое имение; но вместо того уготовляешь для себя огонь неугасимый. Чтобы с нами не случилось этого, отсечем неправедные порождения прибытков, истребим беззаконные желания, иссушим пагубное это чрево, и будем стремиться к одним истинным и великим выгодам. А какие это выгоды? Послушай, что говорит Павел: "**великое приобретение - быть благочестивым и довольным**" (1 Тим. 6:6). Этим-то единственным богатством будем обогащаться, чтобы и здесь насладиться спокойствием, и достигнуть будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, с Отцом и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 57

"И спросили Его ученики Его: как же книжники говорят, что Илии надлежит придти прежде" (Мф. 17:10)?

Итак, ученики узнали об этом не из Писаний, но им открыли книжники, - и молва об этом носилась в простом народе, как и о Христе. Потому и самарянка сказала: "**Придет Мессия …; когда Он придет, то возвестит нам все**" (Ин. 4:25); и книжники вопрошали Иоанна: "**Ты Илия? … Пророк**" (Ин. 1:21)? Итак, среди иудеев, как я сказал, была молва о пришествии Христа и Илии, но они неправильно толковали ее. Писание говорит о двух пришествиях Христа, о бывшем и будущем. И Павел, указывая на оба пришествия, сказал: "**Явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке**". Вот одно пришествие; послушай, как и о другом говорит. Сказавши эти слова, он присовокупил: "**Ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа**" (Тит. 2:11-13). Также и пророки о том и другом упоминают; они говорят, что предтечею одного из них, именно второго, будет Илия, а первого был Иоанн, которого Христос называет Илиею - не потому, чтобы он был Илия, но потому, что он совершал служение Его. Как Илия будет предтечею второго пришествия, так Иоанн был предтечею первого. Но книжники, сливая то и другое и развращая народ, упоминали пред народом об одном только втором пришествии и говорили, что если этот - Христос, то Илия должен предварить Его своим приходом. Потому и ученики говорят: "**Как же книжники говорят, что Илии надлежит придти прежде**"? По той же причине фарисеи посылали к Иоанну и спрашивали: "**Что же? ты Илия**"? вовсе не упоминая о первом пришествии. Какой же ответ дал Христос? Илия точно придет тогда, пред вторым Моим пришествием; но и ныне пришел Илия, - называя этим именем Иоанна. Этот Илия пришел. А если ты спрашиваешь о фесвитянине, то он придет; потому и сказал: "**Илия должен придти прежде и устроить все**". Что такое - все? То, о чем сказал пророк Малахия: "**Пошлю к вам Илию пророка …. И он обратит сердца отцов к детям …, чтобы Я, придя, не поразил земли проклятием**" (Мал. 4:5,6). Видишь точность пророческого изречения! Когда Иоанна назвал Илиею Христос, то назвал по причине сходства служения. А чтобы ты не подумал, что то же самое говорится и у пророка, последний присовокупил и родину его, называя фесвитянином; а Иоанн фесвитянином не был. Вместе с тем он указывает и другой признак, говоря: "**Чтобы Я, придя, не поразил земли проклятием**", - означая этим второе страшное Его пришествие. В первом Он не пришел поразить землю: "**Пришел**, **-** говорит, **- не судить мир, но спасти мир**" (Ин. 12:47). Итак, означенные слова пророка показывают, что фесвитянин придет пред тем пришествием, когда будет суд. Он вместе показывает и причину пришествия его. Что же это за причина? Чтобы он, пришедши, убедил иудеев уверовать во Христа и чтобы,

когда Христос придет, не все они совершенно погибли. Потому-то и Христос, приводя им это на память, сказал: "**должен придти прежде и устроить все**", т. е. исправит неверие иудеев тогдашнего времени. Вот почему и пророк весьма точно сказал; он не сказал: "**обратит …сердца детей к отцам их**", но: "**отцов к детям**". Так как отцы апостолов были иудеи, то сказано: обратит к учению сынов, т. е. апостолов, сердца отцов, т. е. расположение народа иудейского.

"**Говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели; так и Сын Человеческий пострадает от них. Тогда ученики поняли, что Он говорил им об Иоанне Крестителе**" (Мф. 17:12,13). Хотя об этом не говорили ни книжники, ни писания, но так как апостолы стали уже проницательнее и внимательнее к словам, то скоро поняли. Откуда же узнали об этом ученики? Прежде им было сказано: "**Он есть Илия, которому должно придти**" (Мф. 11:14), а здесь говорится, что уже пришел; и опять: "**Илия должен придти прежде и устроить все**". Но не смущайся и не считай за ошибку, когда в одном месте говорится, "должен придти", а в другом: "пришел". Все это справедливо. Когда Христос говорит: "**Илия должен придти прежде и устроить все**", разумеет самого Илию и будущее обращение иудеев; а когда говорит: "**Он есть Илия, которому должно придти**", то по образу служения называет Иоанна Илиею. Подобно этому пророки каждого благочестивого царя называли Давидом, а иудеев князьями содомскими и сынами ефиопов, и именно по образу жизни их. Как Илия будет предтечею второго пришествия, так Иоанн был предтечею первого.

2. Но не по одной только указанной причине Христос везде именует его Илиею, но и для того, чтобы показать, что Он говорит совершенно согласно с Ветхим Заветом, что пришествие это совершилось по пророчеству. Потому и присоединяет: "**пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели**". Что такое значит, вся "**как хотели**"? Ввергли в темницу, поругались, умертвили, принесли главу его на блюде. "**Так и Сын Человеческий пострадает от них**". Видишь, как благовременно Он опять напоминает им о страдании? Он уже утешил их страданиями Иоанна; и не этим только, но и тем, что вскоре начинает совершать великие чудеса. Когда говорит Он о страданиях, то тотчас же творит чудеса; и, как можно заметить, Он и прежде слов этих и после, и вообще при всяком случае поступал так. Тогда "**начал открывать …, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать …и быть убиту**" (Мф. 16:21). Когда же? Тогда, как исповедывали, что Он Христос и Сын Божий. И еще на горе напоминал им о страданиях, когда показал им чудное видение, и когда о славе Его разговаривали пророки. Окончивши историю об Иоанне, Он присовокупил: "**Так и Сын Человеческий пострадает от них**"; и немного спустя, когда изгнал беса, которого ученики не могли изгнать, "**Во время пребывания их в Галилее, -** рассказывает евангелист, **- Иисус сказал им: Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его, и в третий день воскреснет**" (Мф. 17:22,23). Так поступал Он для того, чтобы величием чудес уменьшить чрезмерность печали, и чтобы как-нибудь их утешить. Так и здесь, напомнивши о смерти Иоанна, доставил им великое утешение. Если же кто спросит: почему Он и теперь не послал Илию, когда столько благодеяний свидетельствуют о Его пришествии? - отвечаем: потому, что и теперь признающие Христа за Илию не уверовали в Него; и ясно говорится: одни Тебя почитают Илиею, другие Иеремиею (Мф. 16:14). Но между Иоанном и Илиею не было иного различия, как только по времени. Как же, спросишь ты, тогда уверуют? Он устроит все не славою только имени своего, но и тем, что слава Христа до того времени успеет весьма распространиться и будет для всех яснее солнца. Потому, когда он придет после того, как уже распространится высокое мнение о Нем и ожидания, и станет проповедовать Иисуса, то его благовестие примут с охотою. Когда Христос говорит: "**не узнали его**", то этим и извиняет, по-видимому, врагов Своих, и утешает учеников. Кроме того, утешает этих последних еще и тем, что указывает на неповинное Свое страдание, и

прикрывает скорби двумя знамениями: бывшим на горе и тем, которое имеет быть. Услышав это, они не спрашивают Его, когда Илия придет - или потому, что угнетены были скорбью о страдании, или потому, что боялись. Часто случалось, что как скоро замечали, что Он не хотел говорить о чем-нибудь ясно, переставали любопытствовать. Когда, находясь в Галилее, Он сказал: "**Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его**", то они, присовокупляет евангелист, "**весьма опечалились**", что два евангелиста поясняют таким образом: Марк – "**они не разумели сих слов, а спросить Его боялись**" (Мк. 9:32); Лука – "**оно было закрыто от них, так что они не постигли его, а спросить Его о сем слове боялись**" (Лк. 9:45). "**Когда они пришли к народу, то подошел к Нему человек и, преклоняя пред Ним колени, сказал: Господи! помилуй сына моего; он в новолуния [беснуется] и тяжко страдает, ибо часто бросается в огонь и часто в воду, я приводил его к ученикам Твоим, и они не могли исцелить его**" (Мф. 17:14-16). Писание свидетельствует, что этот человек был весьма слаб в вере. Это видно из многого: из того, что Христос сказал: "**все возможно верующему**" (Мк. 9:23); из того, что сам пришедший к Нему говорил: "**Помоги моему неверию**"; даже и из того, что Христос запретил злому духу когда-либо войти в него, и, наконец, из того, что человек этот сказал еще Христу: "**если что можешь**". Но если неверие, скажешь ты, было причиною того, что злой дух не выходил, то за что же Христос обвиняет учеников? Он показал этим, что они верою могут исцелять больных и без посредников. Часто и вера посредника достаточна бывает для того, чтобы даже от меньших собратий получить желаемое; равно и сила чудотворца часто бывает достаточна к произведению чуда, хотя бы приходящие не имели веры. Оба эти случая подтверждает Писание. Домашние Корнилия своею верою привлекли благодать Духа, и Елиссей воскресил мертвого тогда, как никто не веровал, потому что бросившие мертвеца бросили не по вере, но по робости, бросили как попало и, убоявшись опасности, убежали, и сам брошенный был мертв, но от одной силы святого тела этот мертвец восстал. Отсюда очевидно, что и ученики были слабы, но не все; столпы не были при этом.

3. Но ты можешь видеть неразумие этого человека и из другого обстоятельства. Вот он пред народом жалуется Иисусу на учеников: "**Приводил его**, **-** говорит, **- к ученикам Твоим, и они не могли исцелить его**" (Мф. 17:16). Впрочем Христос, отклоняя от них обвинение в глазах народа, более обвиняет его самого: "**О, род неверный и развращенный! доколе буду с вами**" (ст. 17)? Чтобы не смутить его, Он обращается не к нему одному, но и ко всем иудеям. Вероятно, многие из предстоящих соблазнились и стали думать худо об учениках. Когда же говорит: "**доколе буду с вами**", показывает опять, что для Него смерть вожделенна и переселение отсюда составляет предмет желания, и что Ему не распинаться тяжело, а жить с ними. Однако Он не ограничивается обвинениями, но что говорит? "**Приведите его ко Мне сюда**", - и Сам вопрошает отца, сколько лет страдает сын его, защищая тем и учеников, и в нем возбуждая благую надежду и уверенность в том, что сын его будет избавлен от недуга. Если же попускает ему терзаться, то это не на показ: когда стал сбегаться народ, Он запретил духу; но делает это для самого отца, чтобы он, когда увидит смятение беса от одного только слова Иисусова, по крайней мере, после этого поверил имеющему совершиться чуду. Когда же он сказал: "**с детства**", и: "**если что можешь, … помоги нам**", - то Спаситель говорит, - "**все возможно верующему**" (Мк. 9:20-22), - опять делая ему укоризну. Когда прокаженный говорил: "**Если хочешь, можешь меня очистить**", свидетельствуя о Его власти, тогда Господь, похваляя его и подтверждая сказанное, отвечает: "**Хочу, очистись**" (Лк. 5:12,13). Напротив, когда этот ничего не сказал, чтобы достойно было Его могущества, а говорил только: "**Если что можешь, … помоги нам**", то смотри, как Христос исправляет его погрешность. Что говорит? "**Если сколько-нибудь можешь веровать, все возможно верующему**", то есть: Я имею столько могущества, что и других могу сделать чудотворцами; а потому, когда ты уверуешь как должно, сам можешь

излечить и сына, и многих других. Сказавши это, Христос исцелил одержимого духом. Ты же не только из этого должен видеть благотворительное промышление Его, но и из самого времени, с которого Он попустил демону вселиться в отрока, - потому что если бы не особенный Промысл и в это время, то больной давно погиб бы. Писание говорит, что дух повергал его и в огонь, и в воду; если же он дерзал на такие дела, то и вовсе бы его убил, если бы среди такого бешенства Бог не укрощал духа. То же было и с теми нагими, что блуждали по пустым местам, и бились о камни. Если этот бесноватый называется лунатиком, то не смущайся; так называл его отец.

Почему же говорит евангелист, что Христос многих исцелил лунатиков? Он называет их так сообразно с мнением народа. Бес клевещет на стихию, и мучит одержимых, и послабляет им по течению луны; но это не значит, чтобы луна действовала, - нет, сам дух прибегает к такой хитрости, клевеща на стихию. Отсюда-то утвердилось ошибочное мнение между неразумными, и вдаваясь в обман они называют этим именем демонов. Но это несправедливо. “**Тогда ученики, приступив к Иисусу наедине, сказали: почему мы не могли изгнать его**” (Мф. 17:19)? Мне кажется, они боялись, не потеряли ли благодати, сообщенной им; они получили власть над духами нечистыми: потому и спрашивают Христа, пришедши к Нему тайно, не потому, что стыдились (раз дело уже совершилось, и они были обличены, то не для чего им было стыдиться словесного признания), а потому, что они намерены были вопрошать Его о предмете важном и тайном. Что же Христос? “**По неверию, -** говорит, **- вашему; …если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: "перейди отсюда туда", и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас**” (Мф. 17:20). Скажешь: где они сдвинули с места гору? Я скажу, что они сделали гораздо более, воскресивши тысячи мертвых. Поистине, не столько потребно силы передвинуть гору, сколько выгнать из тела смерть. Говорят, впрочем, что святые, после них жившие и их гораздо меньшие, передвигали и горы, когда требовала того нужда. Отсюда очевидно, что и апостолы могли бы сдвинуть, если бы только нужно было, но так как тогда не было нужды, то не следует и обвинять их. Да и Господь не сказал: передвинете непременно, но: можете передвинуть. А если они не переставляли гор, то не потому, что не могли (иначе, как же могли они совершать более важные чудеса), но потому, что не хотели; а не хотели потому, что не было нужды; а может быть, это и случалось, но нигде не упоминается, так как не все чудеса описаны. К тому же они тогда еще были не столько совершенны. Почему? Ужели не имели такой веры? Не имели; они не всегда были одинаково совершенны. Так Петр то называется блаженным, то укоряется; так и прочие получают от Христа упрек в неведении, когда не разумели слова о квасе. Может быть, и в настоящем случае апостолы обнаружили слабость веры, так как прежде креста они были не совсем совершенны. Говоря здесь о вере, Христос разумеет веру чудодействующую, и желая показать неизреченную силу ее, указывает на горчицу, которая хотя по виду весьма невелика, но имеет весьма великую силу. Итак, в доказательство того, что и самая малая искренняя вера имеет великую силу, указывает на горчицу; не останавливаясь на этом, упоминает затем еще и о горах и, восходя далее, прибавляет: “**ничего не будет невозможного для вас**”.

4, Подивись же и здесь их любомудрию и силе духа: любомудрию, потому что не скрыли своей слабости; силе Духа, потому что тех, которые не имели веры и с зерно горчичное, Он в короткое время так возвысил, что протекли в них реки и источники веры. “**Сей же род изгоняется только молитвою и постом**” (ст. 21), присовокупляет Он. Здесь Он разумеет вообще демонов, а не одних только лунатиков. Видишь ли, как и апостолам говорит уже о посте? Не говори мне о редких случаях, что некоторые и без поста изгоняли бесов. Хотя и рассказывают про некоторых, что они и без поста изгоняли бесов, однако быть не может, чтобы человек, живущий среди утех, избавился от такого недуга: нет, страждущий таким недугом имеет особенную нужду в посте. Ты скажешь: если нужна

вера, для чего же еще нужен пост? Для того, что кроме веры и пост много придает крепости; он научает великому любомудрию, человека делает ангелом, и укрепляет противу сил бестелесных. Впрочем, не сам по себе; - нужна еще молитва, и она должна предшествовать. И смотри, какие блага происходят от этих двух добродетелей. Тот, кто молится, как должно, и притом постится, немногого требует; а кто требует немногого, тот не будет сребролюбив; а кто не сребролюбив, тот любит подавать и милостыню. Кто постится, тот становится легким и окрыляется, и с бодрым духом молится, угашает злые похоти, умилостивляет Бога и смиряет надменный свой дух. Потому-то и апостолы всегда почти постились. Кто молится с постом, тот имеет два крыла, легче самого ветра. Таковой не дремлет, не говорит много, не зевает и не расслабевает на молитве, как то со многими бывает, но он быстрее огня и выше земли; потому-то таковой особенно является врагом и ратоборцем против демонов, так как нет сильнее человека, искренно молящегося. Если жена могла преклонить жестокого начальника, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, - то тем более может преклонить Бога тот, кто непрестанно предстоит пред Ним, укрощает чрево и отвергает утехи.

Если слабо у тебя тело, чтобы поститься беспрестанно, то оно не слабо для молитвы и для пренебрежения удовольствиями чрева. Если ты не можешь поститься, то по крайней мере, можешь не роскошествовать, - а и это не маловажно и не далеко от пощения, и может укротить неистовство дьявола. Подлинно, ничто так не любезно демону, как роскошь и пьянство - источник и мать всех зол. Этим путем дьявол ввергнул некогда израильтян в идолопоклонство, этим возжег содомлян на беззаконные похоти. “**Вот в чем, -** говорит Писание, **- было беззаконие Содомы, сестры твоей и дочерей ее: в гордости, пресыщении и праздности**” (Иез. 16:49). Тем же путем он и многих других погубил и предал геенне. В самом деле, какого зла не производит роскошь? Она делает людей свиньями, и хуже свиней. Свинья валяется в грязи и питается калом, а сластолюбивый человек приготовляет себе стол отвратительнейший, придумывая непозволенные связи и беззаконную любовь. Такой нимало не различается от бесноватого: он так же бесстыдствует и неистовствует. О бесноватом мы, по крайней мере, жалеем, а этого отвращаемся и ненавидим. А почему? Потому что он произвольно неистовствует, и обращает и рот свой, и глаза, и ноздри, и все вообще в проводники смрада и нечистоты. Если же заглянуть внутрь такого человека, то увидим, что душа в нем застыла и оцепенела, как бы среди зимы и мороза, и уже не может подать никакой помощи ладье, по причине чрезмерной непогоды. Стыдно мне говорить, как много страждут от сластолюбия и мужчины, и женщины. Это я оставляю на их совесть, которая точнее знает все. Что отвратительнее пьяной женщины, качающейся туда и сюда? Чем немощнее сосуд, тем жесточе крушение. Свободная ли то будет жена, или раба, - свободная бесчестит себя среди рабов, а раба то же делает среди рабов, и таким образом делают то, что дары Божии хулятся несмысленными. Я слышу, как многие, когда встречаются такие случаи, говорят: будь проклято вино! О, глупость; о, безумие! Другие грешат, а ты порицаешь дар Божий. Что за сумасбродство? Ужели вино, - о, человек, - причиною такого зла? Нет, - не вино, а невоздержание тех, которые злоупотребляют вином. Итак, лучше скажи: исчезни пьянство, погибни роскошь! А если скажешь: пропади вино, то можешь вслед затем сказать: пропади железо, - потому что есть человекоубийцы; пропади ночь, - потому что есть воры; пропади свет, - потому что есть клеветники; да погибнут жены, - потому что есть блудницы. Таким образом ты все наконец захочешь истребить.

5. Но ты не поступай так, - это сатанинский дух. Не презирай вина, но презирай пьянство. Когда пьяный придет в чувство, опиши ему все его безобразие. Скажи ему: вино дано для увеселения, а не для того, чтобы безобразить себя; дано для того, чтобы быть веселым, а не для того, чтобы быть посмешищем; дано для укрепления здоровья, а не для расстройства; для уврачевания немощей телесных, а не для ослабления духа. Бог тебя

почтил этим даром: для чего же ты неумеренным употреблением этого дара бесчестишь себя? Послушай, что говорит апостол Павел: “**Употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов**” (1 Тим. 5:23). Если этот святой, даже одержимый болезнью и частыми недугами, не употреблял вина, доколе не повелел ему учитель, то какого же достойны будем осуждения мы, когда и здоровые упиваемся? Ему сказано: “**Употребляй немного вина, ради желудка твоего**”; а из вас каждому упивающемуся скажет апостол: употребляй меньше вина, потому что от пьянства рождается блудодеяние, сквернословие, и прочие дурные похоти. Если же не хотите воздерживаться от пьянства по этой причине, то воздерживайтесь хоть потому, что оно возбуждает гнусные похоти. Вино дано для веселья, - сказано: “**вино, которое веселит сердце человека**” (Пс. 103:15); а вы и это доброе его свойство порочите. В самом деле, что за радость - быть не в себе, мучиться множеством болезней, видеть все кружащимся, все во мраке, и подобно находящимся в горячке, иметь нужду в том, чтобы кто-нибудь намазал голову елеем? Я говорю не о всех, вернее - впрочем - о всех; не потому, что все пьют; нет, но потому, что не пьющие не заботятся о пьющих. Потому я и к вам особенно обращаюсь, - к вам, находящимся в здоровом состоянии. Так и врач, оставляя больных, беседует с теми, которые сидят около них. Итак, к вам я обращаю слово: умоляю вас, не заражайтесь этой болезнью; а тех, которые заразились, исхищайте из беды, чтобы они не оказались хуже бессловесных. В самом деле, скоты не требуют ничего более того, что им нужно; а предающиеся пьянству становятся бессмысленнее и их, преступая границы умеренности. И подлинно, не гораздо ли лучше таких людей осел? Не гораздо ли лучше пес? Каждое из этих животных, как и все вообще животные, едят ли, пьют ли, знают пределы довольства и не простираются далее потребного. И хотя бы тысячи человек принуждали их, никогда не дадут себе дойти до неумеренности. Итак, вы хуже бессловесных и в этом отношении, и не только в глазах здоровых людей, но и в собственных ваших глазах. И что вы сами о себе думаете хуже, чем о свиньях и ослах, это видно из того, что этих животных вы не заставляете есть сверх меры. Почему ж это так, спросят? Ты скажешь: чтобы не нанести им вреда; а о себе ты и этой предусмотрительности не употребляешь. Следовательно, ты думаешь о себе хуже, нежели о скотах и, всегда обуреваемый, нерадишь о себе. Ты страдаешь от пьянства, не только в тот день, когда пьян, но и после того дня. Подобно, как и по прошествии горячки, остаются еще следы пагубного влияния ее, так и у тебя, и по прошествии хмеля, и в душе и в теле свирепствует буря. Бедное тело лежит расслаблено, как корабль, разбитый бурею, а того беднее душа, потому что и в расслабленном теле воздымает бурю и возжигает похоть. Когда же, по видимому, приходит в здравый смысл, тогда-то особенно безумствует, воображая вино, бутылки, стаканы, чаши. Как при укрощении волнения после бури остаются следы разрушительного действия ее, так и здесь. Как там товары, так здесь почти все доброе выбрасывается. Целомудрие ли стяжал кто-либо, стыдливость ли, пристойность ли, кротость ли, смирение ли, - все это пьянство повергает в море нечестия. А что еще после этого делает пьянство, того нельзя ни с чем и сравнить. Там, по выгружении, корабль делается легче; а здесь, напротив, новое отягощение: вместо богатства корабль нагружается песком, соленою водою и всякою дрянью, отчего корабль и с пловцами, и с кормчим тотчас погибает. Итак, чтобы не потерпеть нам того же, устранимся от этой бури. Нельзя пьянице видеть царствия небесного. “**Не обманывайтесь**, **-** говорит апостол: **… ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют**” (1 Кор. 6:9,10). И что я говорю: царствия небесного? Пьяный не видит и настоящих предметов; пьянство дни превращает для нас в ночи, свет в тьму; пьяный, смотря во все глаза, не видит и того, что у него под ногами. И не это только зло рождается от пьянства, но и потом пьяницы подвергаются другой, жесточайшей казни: безумному унынию, неистовству, расслаблению, насмешкам, поношениям. Какого же помилования ждать тем, которые убивают себя такими бедствиями? Совершенно никакого. Итак потщимся избегнуть этого недуга, чтобы получить нам и настоящие и будущие блага, благодатию и человеколюбием Господа

нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 58

“Во время пребывания их в Галилее, Иисус сказал им: Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его, и в третий день воскреснет. И они весьма опечалились” (Мф. 17:22,23).

1. Чтобы ученики не говорили: для чего мы здесь остаемся столько времени? - Христос опять говорит им о страдании, а слыша об этом, они не хотели даже и видеть Иерусалима. Смотри же, как апостолы и после того даже, как Петру уже сделано было порицание, после того, как Моисей и Илия, беседуя о страдании, называли это дело славою, после того, как и Отец свыше подал глас, и столько было чудес, и воскресение уже было при дверях (потому что Христос сказал, что Он не долго будет оставаться в объятиях смерти, но в третий день воскреснет), - все же не перенесли слов Христовых, но опечалились, и опечалились сильно. Это произошло оттого, что они еще не разумели силы слов Христовых, как то показывают Марк и Лука. Один говорит: “**Не разумели сих слов, а спросить Его боялись**” (Мк. 9:32); а другой: Слово “**было закрыто от них, так что они не постигли его, а спросить Его о сем слове боялись**” (Лк. 9:45). Но если они не понимали, то как же могли печалиться? Нельзя сказать, чтобы они ничего не понимали; напротив, знали они, что Он умрет, потому что непрестанно слышали о том. Но чтобы могла когда-либо случиться с Ним такая смерть, и что вскоре она должна разрушиться и произвести бесчисленные благодеяния, - этого они ясно еще не понимали; не знали и того, что это за воскресение. Потому-то они и скорбели, что весьма любили Учителя.

“**Когда же пришли они в Капернаум, то подошли к Петру собиратели дидрахм и сказали: Учитель ваш не даст ли дидрахмы**” (Мф. 17:24)? Что это за дидрахмы? Когда Бог избил первенцев египетских, то вместо них взял колено левитов. Но, так как число левитов было меньше числа первородных у иудеев, то Он за тех, которых недоставало в число, повелел вносить сикль. С этого времени вошло в обыкновение платить такую пошлину за первенцев. А так как Христос был первенец, и из учеников Петр казался первым, то собиратели пошлины и приступили к нему. Они, как мне кажется, собирали пошлину со всякого города; поэтому и пришли к нему в отечество, которым считался Капернаум. К самому Христу они не осмелились приступить, а пришли к Петру; впрочем, и к последнему приступили не с насильственным требованием, а скромно. Они не настоятельно требовали, а только спрашивали: “**Учитель ваш не даст ли дидрахмы**”? Надлежащего о Нем мнения они еще не имели, но считали Его за простого человека; впрочем, воздавали Ему некоторое уважение и честь за предшествовавшие знамения. Что ж им отвечает Петр? “**Он говорит: да**”! Собирателям пошлины сказал Петр, что Христос даст дидрахму; но самому Христу не объявил об этом, может быть, стыдясь говорить с Ним о таких вещах. Потому кроткий и все ясно ведущий Иисус, предупреждая его, говорит: “**Как тебе кажется, Симон? цари земные с кого берут пошлины или подати? с сынов ли своих, или с посторонних?**” Когда Петр ответил: от чужих, - Христос сказал: “**итак сыны свободны**” (ст. 25,26). Чтобы не подумал Петр, что Он услышал что-либо от них, предваряет его, обнаруживая Свои мысли о том же самом предмете, и давая ему смелость, так как прежде последний не смел говорить об этом. Смысл же слов Его такой: Я свободен от платежа пошлины. Если цари земные не берут подати с сыновей своих, но с чужих, то тем более Я должен быть свободен от требования их, Царь и Сын Царя не земного, а небесного. Видишь ли, как Он различил сынов от тех, которые - не сыны? Если бы Он не был Сын, то напрасно привел в пример царей. Точно, говорят, Он Сын, но не истинный. Следовательно, не Сын. А если не Сын, и не истинный Сын, то не Сын Божий,

а чужой. Если же чужой, то пример царей не имеет своей силы. Он говорит не просто о сынах, каких бы то ни было, но о сынах законных, собственных, участвующих в царстве с родившими их. Потому-то для различия и противопоставил сынов чужих, так называя тех, которые рождены не от них (от царей). Сынами же своими называет тех, которых родили сами цари. Но обрати здесь внимание и на то, как подкрепляет Он своими словами открытое Петру ведение. Впрочем Он не останавливается и на этом, но и снисхождением Своим внушает то же: новый опыт великой мудрости! Сказавши это, Он присовокупляет: "**Но, чтобы нам не соблазнить их, пойди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми, и, открыв у ней рот, найдешь статир; возьми его и отдай им за Меня и за себя**" (ст. 27). Видишь ли, как Он и от подати не отказывается и, между тем, не просто повелевает отдать ее? Показав наперед, что Он не подлежит подати, потом дает ее; первое делает для того, чтобы не соблазнились ученики; последнее - чтобы не соблазнились сборщики податей. Дает пошлину не как обязанный к тому, но из снисхождения к их слабости.

2. В другом месте, рассуждая о пище, Христос пренебрегает соблазном; этим Он поучает нас различать время, когда надобно заботиться о соблазняющихся, а когда можно и оставить без внимания. Да и самый образ, как Он дает подать, открывает, кто Он таков. Для чего не велит Он заплатить из хранившихся у них денег? Для того, как я выше сказал, чтобы и в этом случае показать, что Он есть Бог над всем, и что море в Его власти. Эту власть Он показал и тогда уже, когда запретил морю, и тому же самому Петру позволил ходить по волнам. Эту же самую власть и теперь показывает, хотя другим образом, но также приводит в великое изумление. В самом деле, не мало значило сказать о бездне, что первая же рыба попадется, с требуемою пошлиною, и что повеление Его, подобно закинувшему сеть в бездну, поймает рыбу с статиром. Но дело власти прямо божественной и неизреченной - повелеть морю, чтобы оно принесло дар, и показать, как во всем оно Ему покорно, и тогда, когда, взволновавшись, вдруг утихло и среди неистовства волн подъяло сослужителя своего, и теперь также, когда платит за Него требующим подати. "**Отдай им**, **-** говорит, **- за Меня и за себя**". Видишь ли великое предпочтение? Познай же и глубокую мудрость Петрову. Об этом важном обстоятельстве не упомянул Марк, ученик его, как о великой чести, оказанной Петру Христом, но об отвержении его и он написал, а о том, что могло бы прославить Петра, умолчал, - может быть, потому что Учитель запретил говорить о нем то, что относилось к его славе. "**За Меня и за себя**", - так как и Петр был первенец. Ты дивишься силе Христовой? Подивись и вере ученика, который так послушен был в случае столь затруднительном. Действительно, для человеческого разума дело представлялось слишком трудным. В награду за такую-то веру Христос и присоединил его к Себе при плате пошлины: "**За Меня и за себя**". "**В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном**" (Мф. 18:1)? Нечто человеческое действовало в учениках. На это указывает и евангелист, говоря: "**В то время**", то есть, когда Христос предпочел Петра всем прочим. И Иаков был первородный, но Иисус ничего подобного не оказал ему. Стыдясь обнаружить страсть, которою недуговали, они не говорят прямо: почему Ты отдал Петру предпочтение пред нами? Разве он больше нас? Они стыдились сказать так, а спрашивают неопределенно: "**Кто больше в Царстве Небесном**"? Когда Иисус оказывал предпочтение троим из них, в них не обнаруживалось ничего подобного. А когда честь предоставлена была одному только, они опечалились. И не это только, но и другие обстоятельства приняв в соображение, они воспламенились страстью. Так Христос сказал некогда Петру: "**Дам тебе ключи Царства Небесного. Блажен ты, Симон, сын Ионин**" (Мф. 16:19,17); и здесь говорит: "**Отдай им за Меня и за себя**"; к тому ж и большее дерзновение, какое они неоднократно видели в Петре, раздражало их. Если же Марк и не говорит, что они вопрошали, а в себе самих помышляли, то это нимало не противоречит первому: вероятно, и то и другое было с ними; еще и прежде неоднократно они приходили

в такое состояние, а теперь выразили на словах, и в себе самих помышляли. Но ты смотри не на одно лишь то, что достойно было бы порицания, а размысли и о том, во-первых, что они и теперь ничего земного не ищут; во-вторых, что они после оставили и эту слабость и взаимно друг другу уступали первенство. Что ж касается до нас, то мы не можем возвыситься и до погрешностей их; не спрашиваем о том, кто больше в царствии небесном, но кто больше в царстве земном, кто богаче, кто сильнее. Что же говорит им Христос? Он раскрывает их совесть, и отвечает на их чувствования, а не просто на слова. "**Призвав дитя, … сказал: … если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное**" (Мф. 18:2,3). Вы доискиваетесь, говорит, кто больше, и спорите о первенстве. Я же говорю: кто не будет ниже всех, тот недостоин царствия небесного. И прекрасный представляет пример. Но и не представляет только, а на самом деле поставляет посреди их отрока, пристыжая самим тем, что видят они пред собой; убеждает быть столько же смиренными и простосердечными, как и младенец, который не имеет ни зависти, ни тщеславия, ни желания первенства, но обладает высокою добродетелью простоты, беззлобия и смирения. Итак, нужно иметь не одно только мужество и благоразумие, но и добродетель смиренномудрия и простоты. Когда мы не имеем этих добродетелей, то сколь бы ни велики были наши дела, спасение наше сомнительно. Младенца хотя бы поносили, хотя бы наказывали, хотя бы хвалили, хотя бы честили, он ни в первом случае не досадует и не укоряет, и в последнем не гордится.

3. Видишь ли, как Он опять призывает нас к добрым естественным делам, показывая, что их можно совершать по свободному произволению? Этим искореняет Он и нечестивое учение манихеев. В самом деле, если природа есть зло, то почему же Он почерпает из нее примеры любомудрия? Что ж касается до дитяти, которое было поставлено пред учениками, то, по моему мнению, это было дитя в полном смысле свободное от всех указанных страстей - дитя чуждое и гордости, и тщеславия, и зависти, и сварливости, и всех подобных страстей; - дитя украшенное многими добродетелями, как-то: простосердечием, смирением, спокойствием, и которое ни одною из этих добродетелей не гордится; а это, т. е., обладать качествами и, между тем, не надмеваться ими, свойство высокой мудрости. Потому-то Христос привел его и поставил посреди. Но и этим не ограничил Он Своего наставления, а простер его еще далее: "**И кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает**" (Мф. 18:5). Не только, говорит Он, если сами вы таковыми будете, получите великую награду, но даже если ради Меня будете почитать таковых, то в награду за почтение к ним назначаю вам царство. Даже выражает более того: "**Меня**, **-** говорит, **- принимает**" - так Мне любезно смирение и простосердечие! Под именем младенца здесь Он разумеет людей столько же простодушных, смиренных, отвергаемых и презираемых людьми обыкновенными. Чтобы сделать речь более убедительною, Он усиливает ее далее не только обещанием чести, но и угрозою казни. "**А кто соблазнит**, **-** продолжает Он, **- одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской**" (ст. 6). Как те, говорит Он, кто почитает таковых ради Меня, получат небо и даже честь большую самого царства, так понесут жесточайшее наказание и пренебрегающие их (это означается словом - соблазнит). Не удивляйся, что Он обиду называет соблазном: многие малодушные нередко соблазнялись тем, что их презирали и бесчестили. Таким образом, увеличивая преступление, Он представляет проистекающий из него вред. Наказание же Он изображает уже иначе, чем награды, объясняя - именно - тяжесть его вещами нам известными. Так, когда Он особенно хочет тронуть людей нечувствительных, то приводит чувственные примеры. Поэтому и здесь, желая показать то, что они подвергнутся великому наказанию, и обличить гордость тех, которые презирают таких людей, представляет чувственное наказание - мельничный жернов и потопление. Сообразно с предыдущим надлежало бы сказать: тот, кто не приемлет одного из малых сих, Меня не приемлет, - что тяжелее всякого наказания. Но так как на людей

бесчувственных и грубых это страшное наказание мало бы подействовало, то Он говорит о жернове мельничном и потоплении. Не сказал, что жерновный камень повешен будет на шею его, но что лучше бы было потерпеть такое наказание, показывая этим, что несчастного ожидает другое, тягчайшее зло; если то несносно, тем более это последнее. Видишь ли, какая ужасная угроза? Сравнивая ее с известною для нас угрозою, Он представляет ее в большей ясности; а указывая на большую тягость, заставляет страшиться большего наказания, нежели каково чувственное. Видишь ли, как Он с корнем исторгает высокомерие? Как врачует недуг тщеславия? Как научает нигде не искать первенства? Как внушает домогающимся первенства везде искать последнего места? Подлинно, нет ничего хуже высокомерия. Оно лишает нас самого обыкновенного благоразумия, выставляет глупцами, или, вернее, и совсем делает безумными. Если бы кто-нибудь, будучи не выше трех локтей, усиливался быть выше гор, и считал бы себя таковым; если бы он стал вытягиваться, как будто бы был выше горных вершин, - то мы не стали бы искать другого доказательства его безумия. Так точно, когда ты увидишь надменного человека, который считает себя лучше всех и за бесчестие ставит жить вместе с простыми людьми, то не ищи уже другого доказательства его безумия. Такой человек гораздо более достоин посмеяния, нежели глупые от природы, потому что сам добровольно навлек на себя эту болезнь. И не потому только он достоин сожаления, но и потому, что впадает в бездну зла, не чувствуя того. В самом деле, может ли он когда-нибудь сознать грехи свои должным образом? Может ли почувствовать свои преступления? Дьявол, взяв его, как непотребного раба и пленника, влечет его, куда хочет, всячески мучая его и подвергая бесчисленным поруганиям; наконец, он доводит таких людей до такого безумия, что, следуя его внушениям, они начинают гордиться пред детьми и женами своими, даже пред предками, - или же, напротив, надмеваться знаменитостью этих последних. А что может быть того безумнее, когда гордятся совсем противоположными вещами: одни тем, что имели бедных отцов, дедов и прадедов, а другие - тем, что имели славных и знаменитых предков? Итак, чем смирить гордость и тех, и других? Одним надлежит сказать: поднимись подальше своих дедов и прадедов: может быть, много среди них найдешь поваров, погонщиков, харчевников; а тем, которые гордятся собою, смотря на низость предков, надлежит сказать противное: и ты тоже посмотри на предков своих, живших пораньше: найдешь многих, гораздо тебя знаменитейших.

4. Что таков порядок природы, это я докажу вам от Писания. Соломон был сын царя, и царя знаменитого; но отец этого последнего был из числа людей бедных и незнатных; таков же был и дед его по матери, иначе он не выдал бы своей дочери за простого воина. Но если ты будешь восходить выше, то после этих бедных предков снова увидишь знаменитейший царственный род. То же можно наблюдать и относительно Саула, и многих других. Итак, не будем же гордиться предками. Скажи мне в самом деле, - что такое род? Не что иное, как одно пустое имя. И это вы узнаете в последний день. Но поелику он еще не наступил, то мы постараемся убедить вас известными нам ныне обстоятельствами в том, что знаменитость происхождения не дает никакого преимущества. Когда наступает война, голод или какое-нибудь другое бедствие, тогда ничтожество всех мнимых преимуществ знатного происхождения обнаруживается ясно. Приключится ли болезнь или моровая язва, она не знает различия между богатым и бедным, между славным и бесславным, между знатным и низким; так точно и смерть и другие перевороты: одинаково они постигают всех и, что всего чуднее, особенно богатых. Чем беспечнее последние ведут себя в таковых обстоятельствах, тем легче погибают. Даже страх сильнее действует на богатых. Трепеща больше других перед начальниками, они в такой же мере, и даже гораздо еще сильнее, боятся и народа, поскольку часто дома богачей становятся жертвою и неистовства черни, и неудовольствия начальников. Напротив, бедный остается безопасным от этих волнений. Итак, если желаешь показать,

что ты благородного происхождения, то, презрев благородство рода, яви такое же благородство духа, какое имел тот блаженный, хотя и бедный, который сказал Ироду: “**Не должно тебе иметь жену брата твоего**” (Мк. 6:18); какое имел тот, который был до него, и который будет после него, так обличавший Ахаава: “**Не я смущаю Израиля, а ты и дом отца твоего**” (3 Цар. 18:18); какое имели пророки и все апостолы. Но не таковы души преданных богатству: подобно тем, которые находятся под властью бесчисленных приставников и палачей, они не смеют даже возвести очей своих, не смеют свободно действовать для добродетели. Жадность к деньгам, славе и другим предметам, бросая на них суровый взор, делает их рабами своими и невольниками. Подлинно, ничто не лишает столько свободы, как прилепление к вещам житейским и пристрастие ко всему блестящему. Таковой служит не одному, не двум, не трем, а бесчисленным господам. И если хотите исчислить их, то приведем для примера одного какого-нибудь знаменитого царедворца. Пусть он обладает бесчисленным богатством, пусть облечен он великою властью, пусть будет у него славная родина, знатные предки и пусть обращает он на себя взоры всех. Посмотрим же, не презреннее ли этот вельможа всех рабов? Противопоставим ему не просто раба, но раба, принадлежащего рабу; ведь многие и слуги имеют рабов. Этот раб раба имеет одного господина, - что нужды, если и не свободного? Зато одного, которому только и старается угодить. И пусть он знает, что господин его также подвластен; но все же он повинуется только одному, и если хорошо управляет его имением, то проводит жизнь спокойно. Напротив, тот имеет не одного, не двоих господ, но многих, и гораздо более взыскательных. И прежде всего его тревожит мысль о царе. Большая разница иметь владыкою над собою какого-либо человека незнатного, или царя: этот последний, слушая наветы многих, оказывает свое благоволение сегодня одним, а завтра другим. И хотя он ничего не знает за собою, несмотря на то, всех подозревает, и своих сподвижников, и подчиненных, и друзей, и врагов. Но и тот, скажут, боится господина своего. Но разве одно и то же - иметь одного господина и бояться его, или иметь многих и страшиться их? Мало того; если кто тщательно рассмотрит дело, то найдет, что тот ни одного не имеет над собою господина. Как и каким образом? Он не имеет никого, кто бы пожелал лишить его такой службы и поставить себя на его место, а потому не имеет себе соперника. Напротив, вельможи о том только и заботятся, чтобы очернить пред царем того, кому он оказывает благоволение и любовь свою. Потому-то все они и принуждены льстить высшим, равным, друзьям, потому что где господствует зависть и жадность к славе, там нет искренней дружбы. Как люди, занимающиеся одним и тем же художеством, не могут чисто и искренно любить друг друга, так точно и те, которые обладают равным достоинством, и в вещах житейских домогаются одного и того же. От того-то происходит между ними сильная борьба. Итак, видишь ли целый ряд владык и владык жестоких? Хочешь ли, укажу и нечто другое, еще более тягостное, в их положении? Находясь ниже другого, каждый старается возвыситься пред ним; а те, которые возвышены, стараются воспрепятствовать другим сравниться с ними, или превзойти их.

5. Но, о чудо! Я намерен был указать владык; а мое слово увлекло меня до того, что я сказал более, нежели сколько был намерен: представил господ недругами, или - вернее - одних и тех же представил и господами и недругами, потому что они пользуются уважением как господа, страшны как недруги и злокозненны как враги. Если же кому кто и господин, и вместе недруг, то что можно представить хуже этого несчастия? Раб, хотя находится в зависимости от своего господина, все же пользуется от него покровительством и благосклонностью. Напротив, ими и повелевают, и против них же враждуют; они вооружены друг против друга и больше, чем на войне, подвержены опасностям, поскольку хотят скрыть свою вражду, под личиною дружбы питают чувства враждебные, и на развалинах счастья других стараются часто созидать свое собственное. Между нами не так бывает: если кто несчастлив, то многие страдают с ним; а если кто

счастлив, то многие с ним радуются, как говорит апостол: “**Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены**” (1 Кор. 12:26). Предлагая такие увещания, в одном случае он говорил: “**Кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли**” (1 Фес. 2:19)? В другом: “**Ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе**” (1 Фес. 3:8). В третьем: “**От великой скорби и стесненного сердца я писал вам**” (2 Кор. 2:4); или: “**Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся**” (2 Кор. 11:29)? Итак, для чего же доселе мы кружимся в вихрях и обуреваемся волнами житейских забот, а не спешим к тихому пристанищу: почему не стремимся к самим вещам, оставив пустые имена? Слава и власть, богатство и знатность и тому подобное у них только имена, а у нас сама вещь; равно как и наоборот, печаль, смерть и бесчестие, бедность и тому подобное для нас только имена, а для них само дело. Если угодно, приведем прежде всего в пример славу, столь для них любезную и вожделенную. Я не говорю уже, что она кратковременна и что скоро исчезает. Нет, представь ее в то время, когда она находится в полном блеске; не скрывай нарядов и прикрас любодейцы, но выставь ее во всем ее украшении, и я укажу ее безобразие. Итак, ты конечно укажешь на одежду, на множество ликторов, голос герольда, покорность толпы, безмолвие черни, удары встречающимся на пути, и наконец всеобщее внимание. Разве, скажешь, все это не составляет блеска? Рассмотрим, однако, не лишнее ли все это, и не одно ли пустое тщеславие? В самом деле, чем лучше становится человек от этого: по душе ли, или по телу (ведь из таковых частей и состоит только человек)? Разве он от этого делается выше, или сильнее, или здоровее, или быстрее? Или он приобретает чувства острейшие и проницательнейшие? Но этого никто не скажет. Равным образом, если обратимся к душе, то найдем, что и здесь не приобретается никакой выгоды. Что же? Ужели тот, пред кем так раболепствуют, чрез то делается умереннейшим, скромнейшим, благоразумнейшим? Нимало! Даже совершенно напротив. Здесь бывает не то, что с телом. Тело только что ничего не приобретает от почестей в свою пользу; а здесь, напротив, не одно только то несчастие, что душа никакой не получает пользы, но и что она же становится более злою. Она предается от этого гордости, тщеславию, безумию, гневу и другим бесчисленным порокам. Но, - ты скажешь, - она радуется здесь, ликует, восхищается. Но это-то и верх зла, болезнь неисцельная. В самом деле, кто утешается таким положением, тот нескоро и захочет освободиться от уз зла; его довольство заграждает собою путь к исцелению. Это-то и есть крайнее несчастие, что он, видя умножение своих болезней, не только не печалится, а даже радуется. Не всегда ведь радость составляет добрый признак. Радуется и вор, когда украдет что-либо; и прелюбодей, оскверняющий брачное ложе ближнего своего; и любостяжатель, похищающий чужое; и человекоубийца, губящий людей. Итак, мы не на то должны обращать внимание, радуется ли человек, а на то, о добром ли радуется, и должны опасаться, чтобы не найти такой радости, какова у прелюбодея или вора. Почему радуется он, скажи мне? Потому ли, что, снискав славу, он в состоянии гордиться пред другими и обращать на себя их внимание? Но что может быть преступнее такого расположения и такой безумной любви. Если это не зло, то не обвиняйте тщеславных, и не осыпайте их бесчисленными укоризнами. Перестаньте проклинать гордых и высокомерных. Но вы находите это невозможным. Следовательно, и те заслуживают бесчисленных порицаний, хотя и окружены бесчисленною свитою. Вот что я намерен был сказать о беззаконных вельможах! И действительно, многих из них мы найдем таких, которые, по причине злоупотребления своей властью, несравненно преступнее разбойников, убийц, прелюбодеев, гроборасхитителей. В самом деле, они и похищают бесстыднее, нежели те, и умерщвляют с большею жестокостью, и предаются наслаждениям несравненно постыднейшим, и, по силе власти своей, разоряют не стены, но имущество и бесчисленные дома других; они, предаваясь беспечно страстям, страдают под игом жесточайшего рабства; терзая нещадно подобных себе рабов, трепещут всякого, кто знает их ближе. Подлинно, тот только свободен, тот только владыка и могущественнее царей,

кто не порабощен страстям. Итак, зная это, постараемся снискать истинную свободу и удаляться от постыдного рабства; не будем ничего, кроме одной добродетели, почитать за блаженство: ни ложного блеска власти, ни богатства поработительного, - и тогда мы будем наслаждаться спокойствием в здешней жизни, и в будущей получим блага благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава с Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 59

“Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит” (Мф. 18:7)!

1. Если надобно придти соблазнам, - скажет, может быть, кто-либо из противников, - то для чего же Христос сожалеет о мире, тогда как должен бы избавить его от соблазнов и подать руку помощи? В этом ведь состоит долг врача и ходатая; а сожалеть и всякий может. Что отвечать нам на столь бесстыдные слова? Можешь ли ты найти что-либо такому равное врачеванию? Будучи Богом, Христос соделался для тебя человеком, принял образ раба, подвергся всем поношениям и не оставил с Своей стороны ничего, что нужно было сделать. Но так как все это людям неблагодарным не принесло никакой пользы, то Он сожалеет о них, - сожалеет о том, что и после такого врачевания они не избавились от своей болезни, подобно тому, как если бы кто-нибудь, сожалея о больном, о котором прилагали великое старание, но который не захотел повиноваться предписаниям врача, сказал: горе этому человеку от болезни, которую он усилил собственным своим нерадением! Но там нет никакой пользы от сожаления; а здесь и то служит врачевством, что Христос предсказывает будущее и сожалеет о мире. В самом деле, часто от советов многие не получали никакой пользы, а от сожаления исправлялись. Потому-то особенно Спаситель и сказал: горе миру! - чтоб возбудить людей, приготовить их к подвигам и заставить бодрствовать. Вместе с тем, Он обнаруживает любовь Свою к ним и кротость - тем, что и о противящихся сожалеет, не негодуя только, но и исправляя их Своим сожалением и предсказанием, чтобы обратить их к Себе. Но как это возможно? - скажешь ты. Если надобно придти соблазнам, то как можно избежать их? Придти соблазнам надобно, но погибать от них нет необходимости. Если бы, например, какой-нибудь врач сказал (ничто не препятствует опять представить тот же пример): надобно придти такой-то болезни, - из этого еще не следует, что эта болезнь необходимо должна причинить вред человеку осторожному. Эти слова Спаситель сказал, как я выше заметил, для того, чтобы вместе с прочими пробудить от усыпления и учеников Своих. Чтобы они не предавались усыплению, как будто бы им назначено было вести жизнь покойную и безмятежную, Он предсказывает о множестве предстоящих им внутренних и внешних браней. И Павел, указывая на это, сказал: “**Отвне - нападения, внутри – страхи …в опасностях между лжебратиями**” (2 Кор. 7:5; 11:26). Также рассуждая с ефесскими пастырями в Милете, говорил: “**Из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно**” (Деян. 20:30). И сам Христос сказал: “**Враги человеку - домашние его**” (Мф. 10:36).

Когда Христос говорит о необходимости соблазнов, то не уничтожает этим ни свободного произволения, ни свободы воли, и не подчиняет жизнь нашу какой-либо необходимости действий, но предсказывает только то, что непременно должно случиться. То же самое и евангелист Лука выражает, говоря: “**Невозможно не придти соблазнам**” (Лк. 17:1). Что же такое соблазны? Препятствия на прямом пути. Так и в театре называют тех, которые искусно ставят препятствия и ловко перевертывают тела. Итак, не предсказание Спасителя причиною соблазнов; нет; и не потому соблазны существуют, что Спаситель предсказал о них; но потому предсказал, что они непременно должны были произойти. Если бы люди, от которых происходят соблазны, решились не делать зла, то соблазны и

не пришли бы; а если бы они не имели придти, то не были бы и предсказаны. Но так как люди предались злу и впали в болезнь неисцельную, то соблазны пришли, и Спаситель и предсказывает лишь то, что должно было случиться. А если б они исправились, - скажешь ты, - и никто не стал бы вводить соблазнов, то не оказалось ли бы ложным это предсказание? Нимало; его тогда и не было бы. Если бы все люди могли исправиться, то Спаситель и не сказал бы: "**надобно придти соблазнам**". Но поелику Он предвидел, что некоторые не захотят исправиться, потому и сказал, что соблазны непременно придут. Но для чего же, спросишь ты, Господь не уничтожил их? Для чего же уничтожать их? Для тех ли, кто получает от них вред? Но они получают вред не от соблазнов, а от своего нерадения. Это видно из примера людей добродетельных, которые не только не терпят от соблазнов никакого вреда, но еще получают величайшую пользу. Таков был Иов, таков Иосиф, таковы все праведники и апостолы. Если же многие и погибли, то погибли от своей беспечности. Если бы было не так, и погибель зависела от соблазнов, то надлежало бы всем погибнуть, Если же есть люди, которые избегают соблазнов, то не избегающий их должен винить себя самого. Соблазны, как я сказал, пробуждают людей от усыпления, делают их осмотрительными и проницательными, и не только того, кто хранит себя от них, но и падшего скоро восстановляют; они научают его осторожности и делают неуловимым. Итак, если мы бываем внимательны, то немалую получаем пользу от соблазнов: мы научаемся непрестанно бодрствовать. Если и при таком множестве врагов и искушений мы предаемся усыплению, - то что было бы с нами, когда бы мы жили в безопасности? Посмотри, например, на первого человека. Если он краткое время, может быть, менее одного дня, живя в раю и наслаждаясь удовольствиями, дошел до такого повреждения, что возмечтал быть равным Богу, обольстителя счел за благодетеля и не мог сохранить одной заповеди, то чего не сделал бы он, если бы и после вел жизнь безбедственную?

2. Но, слыша от нас такие слова, противники снова возражают нам, говоря: для чего же Бог сотворил его таковым? Нет, не Бог сотворил его таковым; иначе Он и не наказал бы его. Если и мы не обвиняем рабов своих за то, в чем сами бываем виновны, тем более не может делать этого Бог всяческих. Отчего же человек сделался таковым? - спрашиваешь ты. От самого себя и своей беспечности. Как это: от самого себя? Спроси себя. Если злые злы не от самих себя, то не наказывай раба своего, не порицай жены, если она погрешит в чем, не бей сына, не обвиняй друга, не питай ненависти к врагу, обижающему тебя: ведь все они достойны сожаления, а не наказания, если их погрешности непроизвольны. Но, скажешь, я не могу так рассуждать. Нет, когда ты сознаешь, что они не произвольно, а по необходимости сделались виновными, то можешь рассуждать. Так, если раб, по причине болезни, не исполнит твоих приказаний, ты не только не обвиняешь его, но и охотно прощаешь. Таким образом ты сам свидетельствуешь, что иное зависит от него, а иное не от него. Подобным образом и здесь: если бы первый человек был столько порочен потому, что сотворен таковым, то ты не только не стал бы обвинять, но охотно простил бы его. Если ты прощаешь раба по причине болезни, то конечно не откажешь в прощении тому, кто сотворен от Бога наклонным ко злу, если только он действительно сотворен был таковым. Тем, которые делают подобные возражения, легко заградить уста и другим образом: истина обильна доказательствами. Почему, например, ты никогда не обвиняешь раба своего за то, что он некрасив лицом, невысок ростом, не умеет летать? Потому, что это зависит от природы. Итак, что человека нельзя обвинять в том, что зависит от природы, тому никто не будет противоречить. Следовательно, когда ты обвиняешь кого, то показываешь этим, что его преступление зависит не от природы, а от собственной воли. Если мы тем, что не обвиняем других в преступлениях, показываем, что их преступления зависят от природы, то очевидно, что если в чем порицаем других, этим даем знать, что их преступление зависит от свободы. Итак, не представляй превратных умствований и хитросплетений, которые слабее паутинной тенеты, а отвечай мне опять на вопрос: всех

ли людей Бог сотворил? Конечно. Почему же не все равно добродетельны и порочны? Откуда добрые, хорошие, смиренные? Откуда порочные и нечестивые? Если это зависит не от воли, а от природы, то почему одни добродетельны, а другие порочны? Если все от природы злы, то никому нельзя было бы быть добрым; если ж от природы все добры, то никто не может быть злым. Если у всех людей одинакова природа, то все они, в силу этого, должны быть одинаковы, - или все добры, или все злы. Если же мы скажем, что одни добры от природы, а другие злы (что несправедливо, как мы показали), то эти свойства их должны бы быть неизменными, так как природные свойства не изменяются. Например, посмотри: все мы смертны, подвержены страстям, и никто не может освободиться от них, хотя бы употреблял тысячу усилий. Между тем мы видим, что многие из добрых делаются злыми и из злых - добрыми: одни по нерадению, другие по великому тщанию; из чего особенно и видно, что быть добрым или злым - не зависит от природы. Что дано природою, то ни изменяется, ни приобретается посредством старания. Как для того, чтоб видеть или слышать, нам не нужно трудиться, так и для приобретения добродетели нам не было бы нужды употреблять усилия, если бы она дана была в самой природе. Да для чего и Бог сотворил бы злых, когда мог всех сотворить добрыми? Итак, откуда же зло? Спроси самого себя; мое дело только показать, что оно ни от природы, ни от Бога. Итак, скажешь, само собою явилось? Ни в каком случае. Что же, или оно нерожденно? Замолчи, о, человек! Беги от такого безумия, и не воздавай злу одинаковой чести с Богом, и притом высочайшей. Ведь, если зло нерожденно, то значит оно могущественно, и нельзя ни отвратить, ни уничтожить его: всякому известно, что нерожденное не может погибнуть.

3. Отчего же так много добрых, когда зло имеет такую силу? Как рожденные могут быть сильнее нерожденного? Ты скажешь: Бог некогда уничтожит зло. Но каким образом Он уничтожит зло, если оно, подобно Ему, безначально, могущественно и вечно? - скажет кто-либо? О, злоба дьявольская! Сколько она изобрела зла! До какого богохульства довела человека! Под каким благочестивым предлогом измыслила новое нечестивое учение! Желая показать, что зло не от Бога происходит, люди ввели новое нечестивое учение, признав зло нерожденным. Итак, откуда же происходит зло? От хотения и нехотения. Но откуда происходит самое хотение и нехотение? От нас самих. Предлагать такой вопрос - значит то же, что спрашивать: отчего человек видит, и не видит? Если бы я отвечал тебе: оттого, что он открывает и закрывает глаза свои, ты бы снова спросил меня: а отчего он открывает и закрывает глаза свои? И потом, когда бы я сказал тебе, что это зависит от нас самих и от нашего хотения, ты бы опять стал искать новой причины. Зло не иное что есть, как неповиновение Богу. Откуда же, скажешь ты, это неповиновение произошло в человеке? Но скажи мне: трудно ли было произойти ему? Я не говорю того, что трудно; спрашиваю только, отчего человек захотел не повиноваться Богу? От беспечности. Имея власть повиноваться и не повиноваться Богу, он избрал последнее. Если ты и после этого сомневаешься и недоумеваешь, то я предложу тебе вопрос не трудный и не запутанный, но простой и ясный: не случалось ли с тобою, что иногда ты поступал худо, а иногда хорошо? Например, побеждал какую-либо страсть и снова подвергался ей, предавался пьянству и удерживался от него, гневался и укрощал гнев, презирал бедного и не презирал его, прелюбодействовал и снова делался целомудренным? Итак, скажи мне: откуда все это? Отчего? Если ты мне не скажешь, то я скажу тебе: это оттого, что сперва ты старался (о добродетели) и был ревностен, а потом ослабел и сделался беспечен. Людям отчаянным и совершенно предавшимся злу, бесчувственным и безумным, которые не хотят даже и слышать о том, что может исправить их, я не буду и говорить о любомудрии; а тем, которые поступают то так, то иначе, скажу с удовольствием. Ты похитил как-нибудь имущество тебе не принадлежащее, а после, побуждаемый милосердием, уделил бедному и от собственных твоих благ: откуда произошла в тебе такая перемена? Не очевидно ли, что от твоей воли и расположения? Это так очевидно, что всякий легко согласится с этим.

Поэтому прошу вас быть тщательными и держаться добродетели, и тогда вы не будете предлагать подобных вопросов. Если мы захотим, то зло будет существовать только по одному имени. Итак, не спрашивай, откуда происходит зло, и не предавайся сомнению; но узнав, что оно происходит от одной беспечности, удаляйся его. Если же кто скажет тебе, что зло не от нас самих происходит, то когда ты увидишь, что он гневается на раба, сердится на жену, обвиняет сына и осуждает тех, которые причиняют другим обиды, скажи ему: как же ты говорил, что зло происходит не от нас самих? Если оно не от нас, то для чего же ты обвиняешь других? Спроси также его: добровольно ли ты порицаешь и поносишь других? Если не добровольно, то никто не должен на тебя гневаться; если же добровольно, то значит, зло происходит от тебя и от твоей беспечности. Далее: веришь ли ты, что есть люди добрые? Если нет добрых, то откуда ты взял самое это название? Откуда твои похвалы? Если же есть добрые, то очевидно, что они могут порицать злых. Если же злой делается злым не добровольно, и не сам по себе, то несправедливо поступят добрые, упрекая злых, и сами сделаются чрез то злыми. В самом деле, что может быть хуже, как обвинять невинного? Если же добрые, и упрекая злых, остаются добрыми, и это служит сильнейшим доказательством их доброты даже для людей безрассудных, то и отсюда очевидно, что никто никогда не был злым по необходимости. Если ты и после этого будешь спрашивать, откуда происходит зло, то я скажу тебе: от беспечности, от праздности, от обращения с злыми и от презрения к добродетели. Отсюда происходит и зло, и то, что некоторые спрашивают, откуда происходит зло. Из людей добродетельных, возлюбивших жизнь смиренную и целомудренную, никто не спрашивает об этом; одни только дерзающие делать зло и желающие посредством этого учения ввести некоторую пагубную беспечность сплетают паутинные тенета. Но мы разорвем эти паутины не словами только, но и самими делами. Зло существует не по необходимости. Если бы оно было необходимо, то Христос не сказал бы: “**Горе тому человеку, через которого соблазн приходит**”. Он называет несчастными тех только, которые делают зло по своей воле. А что говорит: “**через которого соблазн приходит**”, - то не удивляйся. Эти слова Его означают не то, будто бы посредством этого человека другой кто вводит соблазн, но что он сам все производит. В Писании часто, вместо предлога от, употребляется предлог чрез, например: “**Приобрела я человека от Господа** (δια του Θεου)” (Быт. 4:1), т. е. первая причина полагается вместо второй. Также: “**не от Бога** (δια του Θεου) **ли истолкования**” (40:8)? И еще: “**Верен Бог, Которым** (δι ου) **вы призваны в общение Сына Его**” (1 Кор. 1:9).

4. А чтобы тебе увериться, что зло не зависит от необходимости, послушай, что далее говорит Господь. Изъявив сожаление о тех, которые вводят соблазны, Он продолжает: “**Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный; и если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную**” (Мф. 18:8-9). Спаситель говорит здесь не о членах тела, но о друзьях и о сродниках наших, которые составляют как бы необходимые для нас члены. Об этом Он говорил и прежде, и теперь говорит. Действительно, ничто столько не вредно, как общение с людьми порочными и развратными. Чего не может произвести необходимость, то часто производит дружество - и ко вреду, и к пользе. Вот почему Спаситель с особенною силою и повелевает нам удаляться людей вредных, разумея под ними тех, которые вводят соблазны. Видишь ли, как Христос предотвратил вред, могущий произойти от соблазнов? Во-первых, Он предсказал, что соблазны непременно произойдут, чтобы никто не предавался беспечности, но все, ожидая их, бодрствовали; во-вторых, показал, что соблазны великое зло (он не без причины сказал: “**Горе миру от соблазнов**”, но чтобы показать великий вред, от них происходящий); в-третьих, - и еще более, - показал это тем, что назвал несчастным того, кто вводит соблазны (словами: “**горе**

тому человеку” Спаситель означает то, что этот человек подвергнется тяжкому наказанию). И не только этими словами, но и присоединенным к ним сравнением увеличивает страх. Но не довольствуясь этим, Он показывает и путь, которым можно избежать соблазнов. Какой же это путь? Прекрати, говорит Он, дружество с людьми нечестивыми, хотя бы они были для тебя весьма любезны, и представляет тебе на это неопровержимое доказательство. Если, говорит, они пребудут твоими друзьями, то ты и им не принесешь пользы и себя погубишь. Если же прекратишь с ними дружество, то по крайней мере, сам приобретешь спасение. Итак, если дружество с кем-либо для тебя вредно, удались от него. Если мы часто отсекаем члены тела своего, когда они бывают больны неизлечимо и вредны для прочих членов, то тем более должно поступать так с друзьями. Если бы зло зависело от природы, то излишне было бы все это увещание и всякий совет, излишне было бы и предостережение, заключающееся в вышесказанном; если же оно не излишне, - каково и действительно, - то очевидно, что зло зависит от воли. “**Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного**” (ст.10). Малыми Господь называет здесь не тех, которые в самом деле малы; но тех, которых многие почитают таковыми, то есть бедных, презираемых и незнатных. Как, в самом деле, можно назвать малым того, кто дороже целого мира? Того, кто друг Богу? Спаситель называет малыми тех, которые были таковы во мнении людей. Он не говорит - многих, но – “**одного**”, предотвращая и через это вред от многих соблазнов. Как удаление от злых, так и почитание добрых доставляет великую пользу; и человек внимательный двояким образом предохраняет себя от зла, - удаляясь от содружества с людьми соблазняющими, и отдавая уважение и честь мужам святым. Потом еще и другие побуждения представляет нам почитать этих мужей, говоря: “**что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного**”. Отсюда очевидно, что все святые имеют на небесах ангелов. И апостол говорит о жене, что она “**должна иметь на голове своей [знак] власти [над] [нею], для Ангелов**” (1 Кор. 11:10); и Моисей говорит: “**Поставил пределы народов по числу ангелов Божиих**[1]” (Втор. 32:8). Здесь не об ангелах только говорится, но и о высших чинах ангельских. А говоря, что они “**видят лице Отца Моего Небесного**”, не иное что означает, как великое их дерзновение и великую честь. “**Ибо Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее**” (Мф. 18:11). Вслед за этим представляет новое доказательство, сильнейшее первого, и присовокупляет притчу, в которой показывает, что и сам Отец желает, чтобы мы не презирали меньших братий своих. “**Как вам кажется? –** говорит Он **- Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? и если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся. Так, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих**” (ст. 12-14). Видишь ли, как много побуждений представляет нам Господь, заставляя пещись о низких по состоянию братьях наших? Итак, не говори, что такой-то кузнец, сапожник, земледелец - человек глупый и потому достоин презрения. Чтобы тебе не подвергнуться этому злу, посмотри, как многими доказательствами убеждает тебя Христос умерять самого себя, и прилагать попечение о тех людях. Он поставил дитя посреди и сказал: “**будете как дети**”, и: “**и кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает**” (ст. 3,5). А кто соблазнит, тот подвергнется жесточайшему наказанию; и сказав: “**Тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской**” (ст. 6), не удовольствовался этим, но присовокупил еще: “**горе тому человеку, через которого соблазн приходит**” (ст. 7), и повелел удаляться таковых, хотя бы они были для нас вместо рук и глаз. Потом и ради ангелов, которым вверены эти меньшие братия, заставляет нас почитать их, и собственною волею и страданием побуждает нас к тому (потому что когда говорит: “**Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее**”, то указывает этим на крест, как и Павел говорит о брате: “Не губи твоею пищею того, **за кого Христос умер**”, - Рим. 14:15), и волею Отца, потому что и Ему не

угодно, чтобы кто-либо от малых погиб. И наконец употребляет общее доказательство, что и пастырь, оставив сохраненных им овец, ищет погибшей, и когда найдет ее, весьма радуется о обретении и о спасении ее.

5. Итак, если Бог столько радуется о обретении меньшего брата, то как же ты презираешь тех, о которых столько печется Бог, тогда как тебе должно полагать душу за единого о от малых сих? "Но он немощен и беден!" Потому-то особенно ты и должен делать все, чтобы спасти его. И сам Господь, оставивши девяносто девять овец, пошел за одною, и спасение такого множества овец не могло сокрыть от него погибели одной. Евангелист Лука говорит, что Он взял ее даже на плечи Свои, и что на небе более бывает радости о едином грешнике кающемся, нежели о девяносто девяти праведниках. Оставив незаблудившихся овец для одной заблудившейся, и возрадовавшись о ее обретении более, нежели о сохранении тех, Он показал чрез то великое попечение о ней. Итак, не будем презирать таковых душ. Для того ведь все это нам и сказано. Угрожая тем, которые не будут подобны детям, совершенным отлучением от царствия небесного и упоминая о жернове, Спаситель низлагает этим гордость людей высокомерных, так как ничто столько не противно любви, как гордость. Говоря: “**надобно придти соблазнам**”, возбуждает нас к бодрствованию; присовокупляя к этим словам: “**горе тому человеку, через которого соблазн приходит**”, каждого из нас предостерегает от того, чтобы не делать соблазна; повелевая удаляться от соблазняющих, делает для нас удобнейшим путь ко спасению; а запрещая презирать меньших братий, - и не просто запрещая, но с особенною силою, говоря: “**Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих**”, и еще: “**что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного**”, также: для того и Я пришел, и Отец Мой хочет того, - соделывает ревностнейшими тех, которые должны пещись о них.

Видишь ли, каким оплотом Он оградил их, и какое прилагает попечение о людях презираемых и погибающих, угрожая тяжкими бедствиями соблазняющим их, и обещая великие блага тем, которые служат им и пекутся о них? Это подтверждает и собственным примером, и примером Отца. Будем и мы подражать Ему, и не будем отказываться для братьев наших ни от каких, по-видимому, унизительных и трудных дел. Но хотя бы нам надлежало послужить человеку незнатному и бедному, хотя бы это сопряжено было с великими трудами, хотя бы надлежало перейти для этого горы и стремнины, - все это мы должны переносить для спасения брата. Бог столько печется о душе, что не пощадил и Сына Своего. Потому умоляю вас, будем с самого утра, как скоро выйдем из дома своего, стремиться к одной этой цели, и прежде всего, будем заботиться о том, чтобы избавить от опасности брата. Я говорю здесь не столько об опасности телесной, - это почти нельзя и назвать опасностью, - сколько о душевной, которой подвергает людей дьявол. Купец для умножения богатства переплывает море, и художник для увеличения своего имущества делает все. Так и мы должны заботиться не только о своем спасении (но и о спасении ближних); иначе и сами не получим спасения. Воин, который во время сражения старается только о том, чтобы спасти себя самого бегством, вместе с собою губит и других; напротив, мужественный, сражаясь для защиты других, вместе с другими спасает и самого себя. А так как и наша жизнь есть также война, и притом жесточайшая из всех войн, - время сражения и битвы, - то будем вступать в сражение так, как повелел Царь наш, с готовностью поражать, убивать и проливать кровь врагов наших, заботясь о спасении всех, укрепляя стоящих и поднимая падших. Многие из собратий наших в этом сражении лежат в ранах, истекают кровью, и нет человека, который бы помог им; ни народ, ни священники, ни другой кто, ни покровитель, ни друг, ни брат не заботятся о них, но каждый печется только о себе самом. Через это-то мы и унижаем достоинство своих подвигов, - потому что величайшее дерзновение (к Богу) и похвала принадлежит тому, кто печется не о своей пользе. Оттого-то мы бываем слабы и удобно побеждаемся как от людей, так и от дьявола, что ищем только своего, и не укрепляем друг друга, не

ограждаем любовью о Боге, но отыскиваем иные случаи для дружества: одни в родстве, другие в товариществе, третьи в знакомстве, иные в соседстве, - и всякие другие узы гораздо более утверждают нас в дружестве, нежели благочестие, тогда как оно одно должно связывать нас узами дружества. Но с нами происходит противное. Порой мы охотнее вступаем в дружбу с иудеями и эллинами, нежели с сынами Церкви.

6. Но один, говоришь ты, зол, а другой добр и кроток. Что ты говоришь? Ты называешь злым брата своего - того, которому тебе запрещено говорить: “рака”? И ты не стыдишься, не краснеешь, понося брата, который есть член твой, который участвует в одном с тобою рождении, и приобщается одной трапезы? Если брат твой по плоти учинит бесчисленное множество зол, ты стараешься прикрыть его, и его бесчестие почитаешь собственным бесчестием; а брата духовного, которого бы надлежало тебе защищать от клеветы, ты всячески поносишь? Он зол и несносен, говоришь ты. Но потому-то ты и должен сделаться его другом, чтобы он перестал быть таковым, переменился и обратился к добродетели. Но ты говоришь: он не повинуется и не принимает советов. Откуда ты знаешь это? Увещевал ли ты его, и старался ли исправить? Ты скажешь: я много раз увещевал его. А сколько? Два раза? И это значит много! Если бы ты всю жизнь делал это, и тогда не должен ослабевать и отказываться от этого дела. Не видишь ли ты, как Бог непрестанно увещевает нас чрез пророков, апостолов, евангелистов? Что ж, мы все исполняем, всему повинуемся? Нет. Но перестал ли Он увещевать нас? Умолк ли? Не говорит ли напротив каждый день: “**Не можете служить Богу и маммоне**” (Лк. 16:13), - и, между тем, страсть к богатству и жестокость возрастает у многих? Не каждый ли день Он взывает к нам: "отпустите - и отпустится вам" (Мф. 6:14), и мы еще более ожесточаемся? Не увещевает ли Он нас непрестанно господствовать над похотью и побеждать порочные удовольствия, и между тем многие, хуже свиней, валяются в этом грехе? И все же Он не перестает увещевать нас. Итак, почему же мы не размышляем и не говорим самим себе, что и нас Бог увещевает и не перестает увещевать, хотя мы часто не повинуемся Его увещаниям? Потому-то Он говорил, что мало спасаемых (Лк. 13:23). Если нам для спасения недостаточно одной собственной добродетели, но должно оставить эту жизнь, обратив к добродетели и других, то что мы должны будем претерпеть, когда ни самих себя, ни других не приведем ко спасению? За что можем надеяться получить спасение? Но что я обвиняю за нерадение о спасении ближних, когда мы нимало не печемся и о тех, которые живут вместе с нами, т. е., о жене, детях и рабах, но, подобно пьяным, делаем не то, что должно, - заботимся о том, чтобы у нас было больше рабов и чтобы они служили нам с великою ревностью, чтобы оставить детям своим богатое наследство, чтобы жена носила золотые украшения и драгоценные одежды, - и никогда не печемся о них самих, но только об их имуществе. В самом деле, мы не о жене печемся, а о вещах, ее украшающих, и не о детях, а об их имении, и поступаем подобно человеку, который, видя, что дом его обветшал, и стены готовы разрушиться, вместо того чтоб поддержать их, обносит кругом его большую ограду; или подобно тому, кто, не заботясь о исцелении своего больного тела, готовит для него дорогие одежды; или, во время болезни госпожи, заботится о рабынях, об их занятии, о сосудах и о прочих домашних принадлежностях, оставив ее страдать и плакать. Так и мы поступаем. Тогда как душа наша страдает от жестокой болезни, предается гневу, злословию, безрассудным желаниям, тщеславию, возмущению, прилеплена к земле и терзается столь многими зверями, мы, не заботясь об избавлении нее от страстей, печемся о доме и о рабах. Если откуда тайно убежит медведица, то мы запираем дома, прячемся, чтобы не встретиться с нею; а тут, несмотря на то, что не один зверь, но множество их, т. е. нечистые помыслы, терзают душу нашу, мы даже и не чувствуем их. Живя в городе, мы весьма строго смотрим за зверями, заключаем их в местах безлюдных и в пещерах, и держим их на цепи не на городской площади, или около судилища и царских чертогов, но где-нибудь в отдалении. А в душу - это место совета, эти царские чертоги, это судилище - вторгаются звери и

производят крик и шум около самого ума и престола царского. От того-то все и приходит в беспорядок, повсюду возмущение, и внутри, и вне нас, и каждый из нас весьма похож на город, который привели в возмущение нашедшие на него варвары. С нами бывает то же, что с птичками, когда змей займет гнездо их. Издавая жалобный писк, они всюду летают в страхе и смятении, не зная, как освободиться от опасности.

7. Потому, умоляю вас, истребим змия, заключим зверей, умертвим их и отсечем лукавые помыслы мечом духовным, чтобы и нам не угрожал пророк тем же, чем угрожал земле иудейской: "**Но будут обитать в нем звери пустыни, домы наполнятся филинами; страусы поселятся, и косматые будут скакать там. Шакалы будут выть в чертогах их, и гиены - в увеселительных дома**х" (онокентавры тамо вселятся, и ежеве и змии) (Ис. 13:22, 21 Ис.14:23 – "И сделаю его владением ежей и болотом, и вымету его метлою истребительною"). Подлинно, и люди бывают хуже шакалов (онокентавров). Они необузданны как звери, живущие в пустыне. Таковы бывают по большей части юноши. Преданные свирепым страстям, они скачут и прыгают, необузданно носясь всюду и нимало не заботясь о должном. А виноваты в этом их отцы. Своих конюхов они заставляют укрощать лошадей с великим тщанием, и не позволяют долгое время молодым коням оставаться неукрощенными, но в самом начале обуздывают их и все другие средства употребляют для их укрощения, а на детей своих долгое время смотрят равнодушно, когда они живут необузданно, не имея целомудрия, бесчестят себя, предаваясь любодеянию, играм, посещая бесчестные зрелища, - тогда как для предупреждения любодеяния надлежало бы соединить сына брачным союзом с женою целомудренною и мудрою; она удержит мужа от безрассудного образа жизни и обуздает его. Блуд и прелюбодеяние от того и происходят, что юношам дают свободу. Если бы он имел разумную жену, то стал бы заботиться о доме, о славе и чести. Но ты скажешь: он еще молод. И я знаю это. Но если Исаак на сороковом году от рождения вступил в супружество, и до того времени хранил девство (Быт. 25:20), то тем более в благодатном состоянии юноши должны иметь эту добродетель. Но что мне делать? Вы не только не хотите позаботиться о их целомудрии, но смотрите равнодушно, когда они бесчестят, оскверняют себя и предаются различным порокам, не зная того, что польза брака зависит от сохранения чистоты тела, без которой нет никакой пользы от брака. А у вас бывает противное. Когда дети ваши уже осквернят себя бесчисленными пороками, тогда соединяете их узами брака; но уже тщетно и напрасно. Но вы говорите: надобно подождать времени, когда сын станет знаменитым и прославит себя делами государственными, а о душе нимало не печетесь, но равнодушно смотрите на ее падение; от того-то у нас во всем такое смешение, расстройство и беспорядок, что мы не заботимся о душе, пренебрегаем необходимым, и все попечение обращаем на дела маловажные. Неужели ты не знаешь, что ты ничем лучше не можешь облагодетельствовать сына своего, как сохранив его от нечистоты блуда? Ведь ничего нет драгоценнее души: "**Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит**" (Мф. 16:26)? Но любовь к богатству превратила и ниспровергла все, и истребила истинный страх Божий. Как тиран разрушает крепость, так и она ниспровергла души людей. Потому-то мы и не печемся ни о спасении детей, ни о своем собственном, заботясь только о том, чтобы сделаться богатыми и оставить богатство своим наследникам, а те своим, и так далее; и таким образом мы только передаем свое имущество другим, а не обладаем им сами. Вот откуда происходит безумие; вот отчего люди свободные делаются хуже рабов. В самом деле, мы наказываем рабов, если не для них, то по крайней мере, для самих себя; а свободные не пользуются и таким попечением, и оказываются у нас хуже даже рабов. И что я говорю о рабах? Участь детей наших хуже даже скотов; об ослах и лошадях мы более заботимся, нежели о детях. Если кто имеет лошака, то всячески старается найти лучшего конюха, который бы был честен, не вор, не пьяница, и знал свое дело. Если же нам нужно дать наставника сыну, то мы просто, без всякого выбора, берем, кого случится.

А между тем нет ничего труднее искусства воспитывать. В самом деле, какое искусство сравнится с искусством образования души и просвещения ума юноши? Человек знающий это искусство должен быть внимательнее всякого живописца и ваятеля. Но мы об этом нимало не заботимся, а обращаем внимание только на то, чтобы ученик выучился говорить. Да и об этом заботимся только для богатства. Он учится говорить не для того, чтобы уметь хорошо говорить, но чтобы обогащаться, так что если бы, и не умея говорить, можно было приобретать богатство, то мы не стали бы заботиться и об этом. Видишь ли, какую силу имеет над нами страсть к деньгам? Как она все покорила под власть свою и связала нас, точно невольников и скотов, и влечет куда хочет? Но что нам пользы от таковых обличений? Мы вооружаемся против этой страсти словами, а она побеждает нас делами. Впрочем, не перестанем хоть и так - словами уст наших - поражать ее. Если от этого будет какая польза, то она будет простираться и на нас, и на вас. Если же вы не оставите прежних пороков, по крайней мере, мы с своей стороны сделали все. Бог же и вас да освободит от этой болезни, и нам да подаст случай приобрести похвалу чрез вас. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] В синодальном переводе – "сынов Израилевых".

БЕСЕДА 60

“Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего” (Мф. 18:15).

1. Так как Спаситель произнес строгое обличение против соблазнителей и поразил их страхом, то чтобы, в виду этого обличения, в свою очередь и соблазняемые не впали в беспечность и, все, почитая не до них касающимся, по ложной надежде, что все им должно служить, не впали в безумную гордость, - смотри, как Он и их воздерживает. Он повелевает их обличать, но обличать только наедине, чтобы обличение в присутствии многих свидетелей не показалось слишком тяжким и обличаемый, вместо того, чтобы исправиться, не сделался еще наглее. Потому и говорит: “**Обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего**”. Что же это значит: “**если послушает**”? Если осудит самого себя, если сознается в своем грехе. “**То приобрел ты брата твоего**”. Не сказал: ты достаточно отмстил ему, но: “**приобрел ты брата твоего**”, - показывая, что от вражды происходит вред тому и другому. Не сказал: он получил пользу только для себя; но: и ты с своей стороны приобрел его. А этим показал, что и тот, и другой прежде того много теряли, - один терял брата, а другой - собственное спасение. Тому же учил Он и тогда, когда сидел на горе; то оскорбившего Он посылал к оскорбленному, и говорил: если ты, предстоя алтарю, “**там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, … пойди прежде примирись с братом твоим**” (Мф. 5:23,24); то оскорбленному повелевал простить ближнего: “**Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим**” (Мф. 6:12), - так Он учил говорить в молитве. Здесь же употребляет и другой способ: не оскорбившего посылает Он к оскорбленному, а последнего к первому. Так как оскорбивший, от стыда, неохотно бы пошел просить прощения, то он посылает к нему оскорбленного, и посылает его с тем именно намерением, чтобы исправить происшедшее между ними расстройство, и не говорит: обвини, или укори, или потребуй на него суда и наказания; но только - обличи. Оскорбивший тебя, от гнева и стыда, находится как бы в усыплении; а ты, здоровый, и должен придти к больному, и для того, чтобы врачевство твое скорее могло быть принято,

ты должен производить суд не публично. Слово: “обличи” не другое что значит здесь, как: напомни ему о грехе, и скажи ему о том, что ты от него претерпел. Если это будет сделано как должно, то ты сделаешь два дела: и себя будешь оправдывать, и другого склонять к примирению. Но что, если он не послушает и будет упорствовать? “**Возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово**” (Мф. 18:16). Чем он будет бесстыднее и дерзновеннее, тем более нам должно прибегать к врачевству, а не к гневу и негодованию. И врач, видя, что болезнь не прекращается, не оставляет больного и не гневается на него, но тем более прилагает попечение. То же самое и здесь повелевает делать Спаситель. Ты был слаб, когда был один; будь сильнее при помощи других. Двое могут обличить согрешившего. Видишь ли, как Спаситель ищет пользы не оскорбленного только, но и оскорбившего? Обижен собственно тот, кто объят страстью; он и болен, и слаб, и немощен. Потому-то Спаситель и посылает к нему оскорбленного, то одного, то с другими. Если же и тогда он будет упорствовать, то посылает вместе с Церковью: “**Скажи**, **-** говорит, **- церкви**” (ст. 17). Если бы Он искал только пользы оскорбленного, то не повелел бы кающегося прощать до седмижды седмидесяти раз и не указал бы столько врачей для его болезни, но раз он остается упорным после первого обличения, и приказал бы его оставить; напротив, Он повелевает врачевать его однажды, и дважды, и трижды, и то одному, то с двоими, то, наконец, со многими. Когда дело касалось одних внешних, то Он там ничего такого не заповедовал, а говорил: “**Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую**” (Мф. 5:39), а здесь не так. Тому же самому и Павел научает, говоря: “**Что мне судить и внешних**” (1 Кор. 5:12)? И тот же Павел повелевает и обличать, и обращать братьев, а непокорных отсекать, дабы устыдились. И Спаситель здесь то же делает, когда предписывает такое правило касательно братьев; троих дает оскорбившему учителей и судей, которые бы вразумили его в том, что сделал он во время Своего опьянения. Хотя он и сам говорил и делал все непристойности, но имеет нужду в постороннем вразумлении, как и пьяный. Гнев и грех приводят человека в сильнейшее исступление, нежели всякое пьянство. Кто был мудрее Давида? Но и он, когда согрешил, ничего не чувствовал, похоть овладела всем его рассудком и, подобно дыму, наполнила его душу. Потому-то он и имел нужду в светильнике пророческом и в тех словах, которые бы привели ему на память то, что он сделал. Потому-то и здесь Спаситель приводит к согрешившему таких людей, которые бы рассказали ему о его поступке.

2. А почему повелевает обличать оскорбленному, а не кому-либо другому? Потому что оскорбивший может удобнее перенести обличение от него, как от обиженного, оскорбленного и потерпевшего вред. Не все равно слышать обличение от других, которые вступаются за обиженного, и от самого обиженного, - особенно когда обличителем бывает только он один. В самом деле, если тот, кто имел бы право требовать от него удовлетворения за обиду, появляется перед оскорбившим с заботами о спасении его, - тогда скорее всех может привести его в стыд. Видишь ли, что обличение здесь делается не с тем, чтобы обидеть, но чтобы исправить. С тою же целью и двоих повелевает Спаситель брать для обличения не вдруг, а когда сам обиженный уже не будет иметь успеха; да и тогда не повелевает обличать вдруг многим, но повелевает взять только двоих, или одного; а когда обличаемый презрит и этих, тогда предоставляет его суду Церкви. Таким образом Спаситель великое прилагает попечение о том, чтобы о грехах ближнего не было разглашаемо. Хотя право поведать Церкви Он мог бы предоставить обиженному в самом начале, но чтобы грех не разглашался, Он повелевает делать это уже после одного и двух обличений. А что значит: “**устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово**”? Это значит, что ты с своей стороны сделал все, и не опустил ничего, что тебе надлежало сделать. “**Если же не послушает их, скажи церкви**”, то есть, ее представителям; “**а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь**”. Таковой неизлечимо болен. Вспомни, что Он везде мытаря представляет в

пример самого тяжкого грешника. И выше сказал Он: “**Не то же ли делают и мытари**” (Мф. 5:46)? И еще в другом месте: “**Мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие**” (Мф. 21:31), - т. е. люди самые презренные. (Пусть слушают те, которые ищут неправедных ростов, и требуют процентов на проценты!). Почему же Он поставил человека, преслушавшего Церковь, в ряду с мытарями? В намерении утешить обиженного и устрашить того. Но в этом ли только наказание? Нет; но послушай далее: “**Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе**” (Мф. 18:18). Он не говорит предстоятелю Церкви: свяжи его; но: если и ты свяжешь (все дело предоставляется оскорбленному), - то узы будут также неразрешимы. Итак, он подвергнется крайнему несчастию; но не тот виноват, кто связывает, а тот, кто не хочет покоряться. Смотри, каким бедам он подвергает упорного: и здешнему наказанию, и будущему мучению! А этим он угрожает не для того, чтобы так и случилось, но чтобы устрашенный угрозою, т. е. и отсечением от Церкви, и опасностью быть связанным на небесах, стал кротче и, зная то, если не в начале, то по крайней мере после многих осуждений, оставил гнев. Так Спаситель установил первый и второй и третий суд, а не вдруг отверг грешника, чтобы, если он не послушает первого суда, то покорился бы второму, а если презрит и этот, то устрашился бы третьего, если же не уважит и последнего, ужаснулся бы будущего наказания, - определения и суда Божия.

“**Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного**” (ст. 19). “**Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них**” (ст. 20). Смотри, как еще Он разрушает вражду, истребляет мелкие расчеты и мирит враждующих, - не возвещением только казни, но и представлением благ, от любви проистекающих. После вышесказанных угроз против вражды, Он возвещает великие награды за согласие. Единодушные преклоняют Отца на то, чего просят, и Христос пребывает среди их. Но что же? Ужели нет нигде и двух, между собою согласно живущих? Есть, конечно, во многих местах, а может быть, и везде. Почему же они не все получают? Потому, что есть много причин других, которые препятствуют получать. Не получают например потому, что часто просят бесполезного. И чему же дивиться, если так бывает с другими, когда то же самое испытал и Павел: “**Довольно для тебя, -** сказано ему, **- благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**” (2 Кор. 12:9)? Не получают потому, что недостойны того, чтобы слушали их, не делая с своей стороны того, что от них требуется; а Спаситель ищет таких молящихся, которые бы уподоблялись апостолам, почему и говорит: (два) от вас, т. е. добродетельные и ведущие жизнь ангельскую. Или потому, что приносят молитвы против оскорбивших, требуя им отмщения и наказания, что запрещено, именно говорится: ?“**Любите врагов ваших**, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас **… и молитесь за обижающих вас**” (Мф. 5:44). Или потому, что просят милости грешники нераскаянные, а им получить невозможно, хотя бы не только они сами просили, но и даже другой, имеющий дерзновение к Богу, ходатайствовал за них. И Иеремия, молившийся за иудеев, услышал в ответ: “**Ты же не проси за этот народ и не возноси за них молитвы и прошений; ибо Я не услышу**” (Иер. 11:14). Если же все эти требования исполнены, то есть: если ты и полезного просишь, и делаешь все, что от тебя требуется, и жизнь ведешь апостольскую, и с ближними находишься в согласии и любви, - то получишь по своей молитве, потому что Господь человеколюбив.

3. Далее, так как Спаситель сказал: “**от Отца Моего**”, то, чтобы показать, что и Он сам есть податель, а не один Отец, присовокупил: “**Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них**” (Мф. 18:19). Итак, что же? Неужели не случается, чтобы двое или трое собрались во имя Его? Случается, но редко. Христос не просто говорит о собрании, и не его только требует, но главным образом, как я и выше сказал, вместе с тем другой добродетели; а потом уже и этого также непременно требует. Слова Его имеют

такой смысл: если кто поставляет Меня за первое основание любви к ближнему, и если притом имеет другие добродетели, с тем Я буду находиться вместе. Но мы видим, что многие имеют другие побуждения к любви: один любит потому, что его самого любят; другой потому, что его уважают; иной потому, что ближний в некотором житейском деле был для него полезен; а четвертый почему-нибудь другому. Но трудно найти такого, который бы любил ближнего искренно и как должно - для Христа. Большинство соединены друг с другом только житейскими делами. Павел не так любил: он любил для Христа; потому-то, хотя и не был любим так, как сам любил, однако не ослаблял любви своей, а дал ей укорениться в себе. Не такова нынешняя любовь. Если мы исследуем все причины любви, то найдем, что у большинства они отличаются от указанной. И если бы кто позволил мне в этом многолюдном собрании учинить такое исследование, то я показал бы, что весьма многие соединены между собою житейскими видами. Это открывается из причин, производящих вражду. Так как они соединены между собою преходящими выгодами, то поэтому любовь их не имеет ни пламенности, ни постоянства; напротив, каждая обида, или потеря денег, или зависть, или любовь к тщеславию, или другое что подобное легко разрушает их любовь, не имеющую духовного корня. Если бы был такой корень, то ничто бы житейское не могло разрушить духовного. Любовь, имеющая основанием Христа, тверда, постоянна, непобедима; расторгнуть ее не может ничто, - ни клевета, ни опасности, ни смерть, ни другое что-либо подобное. Кто таким образом любит, хотя бы претерпевал тысячу поражений за свою любовь, не оставит ее. Кто любит за то, что его любят, тот, случись с ним неприятность, прервет любовь свою; а кто соединен тою любовью, никогда не оставит ее. Потому и Павел сказал: “**Любовь никогда не перестает**” (1 Кор. 13:8). Что ты скажешь мне в защиту свою? Что тебя обидел тот, который был почтен тобою? Или что облагодетельствованный тобою хотел убить тебя? Но если ты любишь для Христа, то и это самое располагает тебя к большей любви. Что у других служит к разрушению любви, здесь то же самое служит к утверждению ее. Почему же? Во-первых, потому, что таковой бывает для тебя виновником наград; во-вторых, потому, что он имеет нужду в большей помощи и заботливости о нем. Вот почему, кто так любит, тот не разбирает ни рода, ни отечества, ни богатства, ни взаимной любви к себе, ни другого чего-либо подобного. Но хотя бы его ненавидели, обижали, умерщвляли, не перестает любить, имея достаточную причину к любви - Христа. На Него неуклонно взирая, он пребывает тверд и неизменен. И Христос таким же образом любил врагов, неблагодарных, обидчиков, поносителей, ненавистников, не хотевших и смотреть на Него, предпочитавших Ему даже дерево и камни, - любил их высочайшею любовью, которой нельзя найти подобной. Он говорит: “**Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих**” (Ин. 15:13). Смотри, как он заботится и о тех, которые распяли Его, и которые столько оказали неистовства над Ним! Так говорил Он об них к Отцу: “**Прости им, ибо не знают, что делают**” (Лк. 23:34)! И впоследствии послал еще к ним учеников. Итак, поревнуем и мы этой любви, и будем взирать на нее, чтобы, сделавшись подражателями Христу, удостоиться и здешних, и будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 61

“Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз”(Мф. 18:21-22).

1. Петр думал, что говорит нечто великое, почему, как бы желая похвалиться любовью к ближнему, заключил вопрос свой словами: “**До семи ли раз**”? Ты повелел, - говорит он Иисусу, - прощать обиды ближнему; сколько же раз я должен делать это? Если, например,

ближний часто будет погрешать и, по обличении всегда будет раскаиваться, - то сколько раз Ты повелишь нам прощать его? Того, кто не раскаивается и не осуждает себя за грех, Ты повелел по троекратном обличении оставить, сказав: "**Да будет он тебе, как язычник и мытарь**", а для раскаивающегося не положил никакого предела, но велел принимать его. Итак, сколько же раз должно прощать его, когда он по обличении раскаивается? Довольно ли семи раз? Что ж отвечает Христос, человеколюбивый и благий Бог? "**Не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз**". Число семьдесят крат седмерицею берется здесь неопределенно, и означает непрерывную или всегдашнюю обязанность. Как выражение: "тысячу раз" употребляется для означения множества, так и настоящее выражение. Например, и в словах: "**бесплодная рождает семь раз**" (1 Цар. 2:5), под словом "семь" Священное Писание разумеет множество. Таким образом, Христос не определил числа, сколько раз мы должны прощать ближнему, но показал, что это постоянная и всегдашняя наша обязанность. То же самое объяснил Он и в следующей далее притче. Чтобы повеление, заключающееся в словах: "**до седмижды семидесяти раз**" не показалось кому-либо великим и трудным, Он присоединил эту притчу, в которой разъясняет смысл предыдущих слов, посрамляет того, кто бы стал гордиться прощением обид, и вместе показывает, что таковое повеление не трудно, а напротив весьма легко. Потому-то Он представил в ней человеколюбие Свое, чтобы ты отсюда познал, что, хотя бы седмижды семьдесят раз прощал ближнему, хотя бы все вообще его прегрешения всегда оставлял, - и тогда твое человеколюбие будет столь же далеко от бесконечной божественной благости, которая для тебя нужна на будущем суде при требовании от тебя отчета, сколько капля воды от беспредельного моря, даже еще более. Вот слова Христа: "**Посему Царство Небесное подобно царю, который захотел сосчитаться с рабами своими; когда начал он считаться, приведен был к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов; а как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и все, что он имел, и заплатить**" (Мф. 18:23-25). Потом, когда этот должник, помилованный господином, вышедши, стал душить своего товарища, должного ему сто динариев, и тем разгневал господина, то последний приказал снова ввергнуть его в темницу, пока не отдаст всего. Вот как велико различие между грехами против Бога и грехами против человека! Так же велико, как между десятью тысячами талантов и сотнею динариев, и даже еще более. Причина этого заключается как в различии лиц, так и в непрерывном повторении грехов. На глазах человека мы удерживаемся и опасаемся грешить; а Бога, хотя Он каждодневно на нас смотрит, не стыдимся, - напротив, и делаем все, и говорим обо всем безбоязненно. И не от этого только зависит важность грехов, но еще и от благодеяний и той чести, которою мы почтены от Бога. И если вы желаете знать, что значит "**десять тысяч**", - и даже гораздо более – "**талантов**", т. е. грехов к Богу, то я постараюсь показать это вкратце. Но я опасаюсь, чтобы чрез это или не подать большего повода ко греху тем, которые склонны к беззаконию и любят непрестанно грешить, или не ввергнуть в отчаяние малодушных, которые, подобно апостолам, может быть, спросят: "**Кто же может спастись**" (Лк. 18:26)? Однако же скажу, чтобы внимательных сделать более твердыми и благодушными. Страждущие неизлечимою болезнью и не чувствующие ее, и без моих слов не оставят своего нечестия и нерадения. Если же мои слова подадут им больший повод к беспечности, причина будет заключаться не в них, а в самой их бесчувственности. По крайней мере, поучение мое внимательных может обуздать и довести до сердечного сокрушения, а мягких сердцем, показав им тяжесть грехов их и открыв силу покаяния, более расположить к нему. Потому почитаю нужным говорить. Таким образом в слове своем я изложу грехи как по отношению к Богу, так и по отношению к людям, - и притом не частные, но общие, так как частные каждый может присовокупить, советуясь с своею совестью. А для того предварительно изображу божественные благодеяния. Итак, какие же благодеяния Божии? Он даровал нам бытие и сотворил для нас все видимое: небо, море, землю, воздух и все в них содержащееся: животных, растения, семена; но

невозможно исчислить всех Божиих дел по причине беспредельного их множества! Из всех тварей, населяющих землю, в нас только одних вдохнул душу живую; насадил рай, дал помощницу, поставил владыками над всеми бессловесными, увенчал славою и честью. Потом, когда человек оказался неблагодарным к своему Благодетелю, Он удостоил его еще большего благодеяния.

2. В самом деле, смотри не на то только, что Бог изгнал человека из рая, но обрати внимание и на ту пользу, которая произошла отсюда. По изгнании из рая, Он оказывал людям бесчисленные благодеяния, совершил различные строения спасения, и наконец послал единородного Сына Своего к облагодетельствованным Им и ненавидящим Его, отверз нам небо, отпер двери рая, и нас, врагов Своих неблагодарных, соделал сынами. Потому прилично теперь сказать: "**О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия**" (Рим. 11:33)! Он дал нам крещение во оставление грехов, освободил от наказания, сделал наследниками царствия, обещал бесчисленные блага добродетельно живущим, простер к нам Свою руку, и излил Духа в сердца наши. Итак, что же, после таких бесчисленных Божиих благодеяний? Какое мы должны иметь расположение к Нему? Воздали ли бы мы не только достойную, но даже самомалейшую часть долга и тогда, когда бы каждый день умирали за Того, Который столько возлюбил нас? Нимало. И это самое обращалось бы в нашу пользу. Но такие ли мы имеем к Нему расположения, какие должно иметь? Мы каждодневно нарушаем Его законы. Не оскорбляйтесь, если я обращу свое слово против грешников: я буду обвинять не вас только, но и самого себя. Итак, с кого бы мне начать, по вашему желанию? С рабов или с свободных? С воинов или простолюдинов? С начальников или подчиненных? С жен или мужей? С старцев или юношей? С какого возраста? С какого рода? С какого чина? С какого звания? Угодно ли вам, чтобы я начал свое слово с воинов? И что же? Не грешат ли они каждодневно, оскорбляя, понося других, неистовствуя, и всячески стараясь сделать их несчастными? Будучи подобны волкам, они никогда не чужды злодеяний. Да и может ли море быть без волн? Какая страсть не возмущает их! Какая болезнь не обдержит их души! По отношению к равным они водятся ненавистью, завистью и тщеславием; по отношению к подчиненным - корыстолюбием; по отношению к тяжущимся и прибегающим к ним как к пристани - коварством и клятвопреступлением. Сколько производят они хищений! Сколько у них обманов! Каких нет между ними клевет и непозволенных торгов! Сколько между ними раболепных ласкательств! Теперь противопоставим каждому пороку закон Христов. "**Кто скажет: "безумный", подлежит геенне огненной**" (Мф. 5:22). "**Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею**" (ст.28). "**Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное**" (Мф. 18:3). Воины же надмеваются пред подчиненными и вверенными их власти, которые трепещут пред ними и страшатся их, так как они жестокостью своею превосходят зверей. Ничего не делают ради Христа, а все для чрева, для корыстолюбия и тщеславия. И можно ли исчислить в слове все беззаконные их поступки? Кто в состоянии описать их насмешки, неумеренный смех, неприличные разговоры, постыдные слова? А о корыстолюбии и говорить нечего. Как монахи, живущие в горах, не знают, что такое корыстолюбие, так и воины, - только по противоположным причинам. Первые не знают этой страсти потому, что слишком далеки от этой болезни: а последние не чувствуют того, какое великое зло эта страсть, по той причине, что чрезмерно упиваются ею. Эта страсть до того искоренила в них добрые расположения и так возобладала над ними, что не почитается даже у этих неистовых людей и тяжким преступлением. Но не угодно ли вам, оставивши воинов, посмотреть на других, более кротких? Обратимся, например, к художникам и ремесленникам. Кажется, эти люди преимущественно пред другими снискивают пропитание справедливыми трудами и собственным потом; но и они, при всех трудах своих, подвергаются многим порокам, когда бывают невнимательны к себе самим. К праведным трудам своим они часто присовокупляют неправедную продажу и куплю; из

корыстолюбия лгут, клянутся и нарушают клятву. Они заботятся только о настоящей жизни, прикованы к земле: все делают из корыстных видов и, желая умножить свое имение, мало пекутся о подании помощи нуждающимся. Кто может изобразить употребляемые при этом злословия, обиды, барыши, проценты, договоры, коварно заключаемые бесчестные торговые дела?

3. Впрочем, если вам угодно, оставим и этих, и перейдем к другим, - более, по-видимому, справедливым. Кто же это? Это те, которые владеют поместьями и собирают богатство от плодов земли. Но можно ли найти кого несправедливее их? Если посмотрите, как они поступают с бедными, несчастными земледельцами, то увидите, что свирепость их превышает жестокосердие варваров. Тогда как земледельцы истаивают от голода, изнуряют себя всю жизнь трудами, - они непрестанно налагают на них новые тяжкие оброки, определяют их к самым трудным работам и употребляют их вместо ослов и лошаков, и даже вместо камней. Не давая им ни малейшего отдыха, и во время плодородия, и во время бесплодия равно угнетают их и никакой пощады им не оказывают. Есть ли кто-нибудь несчастнее этих бедняков, которые трудясь всю зиму, проводя ночи на холоде, под дождем, без сна, и за все это не получая никакой платы, но еще задолжавши, принуждены бывают убегать от своих господ, не столько спасаясь и боясь голода и домашнего расстройства, сколько мучений, насилия, истязаний, тюрьмы и неизбежных работ - от управителей? Что сказать о торгах, чрез них производимых, и о неправедных прибытках, отсюда получаемых? Господа, их притесняющие, наполняя свои точила и подточилия от трудов и пота их, не позволяют этим беднякам брать в свои дома ни малейшей части; но весь плод от винограда вливая в свои неправедные сосуды, бросают им за это самую малую плату. Они выдумывают новые роды процентов, недозволенные законами даже у язычников; составляют самые бесчестные долговые акты, в которых требуют не сотой части, но половины всего имения от должника; и хотя бы последний имел жену, воспитывал детей, хотя бы был человек бедный и собственными трудами собирал в свое гумно и точило, - они об этом не размышляют. Потому уместно здесь привести слова пророка: ”**ужаснися небо, и убойся земля!**" (Иер.2:12) До какого неистовства дошел род человеческий! Говоря обо всем этом, я не осуждаю искусств, земледелия, воинского звания, поместьев, - но нас самих. И Корнилий был сотником, и Павел был скинотворцем, и после проповеди занимался своим ремеслом, и Давид был царем, и Иов был господином большого имения и получал великие доходы; но все это никому из них не послужило препятствием к добродетели. Итак, рассмотревши все это и вспомнивши о тьме талантов, потщимся хоть поэтому прощать ближнему малочисленные и неважные оскорбления. Мы должны дать отчет в исполнении предписанных нам заповедей; но мы не в состоянии исполнить всего, что бы мы ни делали. Поэтому Бог и дал нам легкое и удобное средство к уплате совершенно всех наших долгов, - то есть, забвение обид. А чтобы лучше уразуметь это, выслушаем всю притчу по порядку. “**Приведен был**, **-** говорит Спаситель, **- к нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов; а как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей**”. Почему же велел и жену продать? Не по жестокости или бесчеловечию (в таком случае раб его потерпел бы новый урон, так как тогда и жена сделалась бы рабою), но по особенному намерению. Таким строгим повелением хотел устрашить раба своего, и тем побудить его к покорности, без всякого намерения продать. Если бы он имел это в виду, то не внял бы его просьбе и не оказал бы ему своего милосердия. Но почему же он не сделал этого, и не простил ему долга прежде такого повеления? Чтобы вразумить его, сколько долгов он прощает ему, и чрез это заставить его быть снисходительнее к своему товарищу, который был должен ему. В самом деле, если он и тогда, как узнал и тяжесть своего долга, и великость прощения, стал душить своего товарища, то до какой бы жестокости не дошел он, если бы наперед не был вразумлен этим средством? Как же на него подействовало это средство? “**Потерпи на мне**, **-** говорит

он, **- и все тебе заплачу**" (Мф. 18:26). Господин же его, "**умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему**" (ст. 27). Не открывается ли и здесь опять его чрезмерное человеколюбие? Раб просил только отсрочки времени, а он дал ему более просимого: он отпустил ему весь долг и простил его. Господин и прежде хотел простить долг рабу своему, но не хотел, чтоб это было одним только даром его, - но и следствием покорности раба, чтобы и со стороны его что-нибудь было сделано для получения награды. Впрочем причина прощения показывает, что все это зависело от самого господина, хотя раб припадал к нему с своим прошением. "**Умилосердившись над рабом тем, -** сказано, **- отпустил его**". Однако же господин так поступил, чтобы и со стороны раба была причина прощения ему долга (иначе он был бы совершенно посрамлен), и чтобы, научившись собственным несчастием, был снисходительнее к своему товарищу.

4. И действительно, в это время раб был добр и чувствителен: он ни от чего не отрекся, - дал обещание заплатить долг свой, припал к господину с прошением, возгнушался грехами своими и познал великость своего долга. Но последующие его поступки совершенно не соответствуют прежним. Выйдя же тотчас, - не чрез несколько времени, но тотчас, еще живо ощущая благодеяние, ему оказанное, - он во зло употребил и дар, и свободу, ему данную. "**Нашел**, **-** говорится, **- одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен**" (ст. 28). Не очевидно ли человеколюбие господина, не очевидна ли и жестокость раба? Заметьте это, поступающие так из-за прибытков! Если не должно так поступать во внимание к греху, то тем более из-за прибытков. Итак, что же сказал должник? "**Потерпи на мне, и все отдам тебе**" (ст. 29). Но тот не тронулся этими словами, которые спасли его самого: ведь и он, сказав то же самое, прощен был в десяти тысячах талантов; он не вспомнил о пристани, спасении его от потопления; та же самая просьба не напомнила ему о человеколюбии господина. Но по любостяжанию, жестокосердию и злобе, пренебрегши всем этим, душил своего товарища с жестокостью, несвойственною даже диким зверям. Что ты делаешь, человек? Или не чувствуешь собственного обольщения? Не вонзаешь ли меч в самого себя, вооружая против себя милость господина и отпущение им долга? Но он нимало об этом не размышлял, подобного случая, бывшего с ним, не припомнил, а потому и не сделал должнику своему никакого снисхождения, хотя последний просил о долге и не так важном. Сам он просил господина о прощении десяти тысяч талантов, а этот только о сотне динариев; последний просил у равного себе, а тот у господина. Сам он получил совершенное прощение, а товарищ просил только отсрочки времени, но он и в этом отказал ему, - потому что сказано: "**посадил его в темницу …Товарищи его, видев происшедшее**" (ст. 30,31), обвинили его пред господином. Даже и людям это было неприятно: что сказать о Боге? Так негодовали на него не имеющие на себе долга! Что же сказал господин? "**Злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя**" (ст. 32,33)? Примечай опять кротость господина! Он судится с рабом своим и как бы защищается, намереваясь уничтожить свой дар (или лучше, не он уничтожил, но сам получивший), а потому и говорит: "**Весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня; не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего**"? Хотя и тяжким для тебя кажется простить долг ближнему своему, но ты должен обратить внимание и на ту пользу, которую ты уже получил и имеешь получить; хотя и тяжко повеление, но надлежало помыслить о награде за исполнение его. Притом товарищ не оскорблял тебя, напротив ты оскорбил Бога, простившего тебя за одно только прошение твое. Если бы даже он и оскорбил тебя, и для тебя несносно быть ему другом, то еще несноснее попасть в геенну. Если бы ты то и другое сравнил между собою, то увидел бы, что первое гораздо легче последнего. Когда он был должен десять тысяч талантов, господин не называл его лукавым, и не укорял его, но помиловал его. Как же скоро он поступил жестоко с своим товарищем, то господин сказал: "**Злой раб!**" Слушайте, лихоимцы (к вам слово)!

Слушайте, безжалостные и жестокие! Вы жестоки не для других, но для самих себя. Когда ты питаешь злобу, то знай, что ты питаешь ее к самому себе, а не к другому, обременяешь самого себя грехами, а не ближнего. Что бы ты ни делал последнему, все это сделаешь как человек, и притом в настоящей только жизни; но Бог не так поступит: Он подвергнет тебя большему и вечному мучению в жизни будущей. "**Отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга**" (ст. 34), - т. е. навсегда, потому что он никогда не будет в состоянии заплатить своего долга. Если благодеяние тебя не сделало лучшим, то остается исправлять тебя наказанием. Хотя благодеяния и дары Божии непреложны, но злоба так усилилась, что нарушила и этот закон. Итак, что хуже памятозлобия, когда оно может лишить нас столь великого дара Божия? Господин не только предал раба своего мучителям, но и прогневался на него. Когда он приказывал его продать, то приказание дано было без гнева; Потому-то он не исполнил последнего, и это служит яснейшим доказательством его человеколюбия. Но теперь делается определение с великим негодованием, определение мести и наказания. Итак, что означает эта притча? "**Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его**" (ст. 35). Не говорит: Отец ваш, но: "**Отец Мой**", - потому что недостойно называться Богу Отцом столь лукавого и столь человеконенавистного раба.

5. Итак, требование Спасителя двоякое: чтобы мы чувствовали свои грехи, и чтобы прощали другим. Чувствовать свои грехи нужно для того, чтобы удобнее было прощать их другим (так как размышляющий о собственных грехах снисходительнее бывает к ближнему). Прощать же другим мы должны не словами только, но от чистого сердца. Итак, не будем же обращать против самих себя меча своим памятозлобием. Чем и в такой ли мере причинит тебе зло оскорбивший тебя, сколько ты сам себе причинишь, питая в себе гнев и подвергаясь за то осуждению от Бога? Если ты будешь рассудителен и любомудр, то зло обратится на главу оскорбившего, и он жестоко пострадает. Если же ты будешь оскорбляться и негодовать, то сам пострадаешь, - не от него, а от самого себя. Итак, не говори, что другой оскорбил тебя и оклеветал, и причинил большое зло: чем больше будешь говорить, тем более покажешь, что он твой благодетель. Он доставляет тебе случай освободиться от грехов, так что, чем больше наносит тебе обид, тем больше становится причиною очищения грехов твоих. Действительно, если мы захотим, нас никто не может обидеть; самые даже враги величайшую доставят нам пользу. Но что говорить о людях? Может ли кто быть лукавее дьявола? Но и он может доставить нам удобнейший случай к нашей славе, как это показывает пример Иова. Если же дьявол доставляет случай получать венцы, то для чего бояться врага - человека? Смотри, сколько получаешь ты пользы, перенося безропотно обиды от врагов: первая и важнейшая - отпущение грехов; вторая - терпение и великодушие; третья - кротость и человеколюбие, так как тот, кто не способен гневаться на оскорбляющих его, тем более будет кроток в отношении к любящим его; четвертая - совершенное истребление гнева, с чем никакое благо не может сравняться, так как свободный от гнева без сомнения свободен и от неприятностей, с ним соединенных, и не проводит жизни в напрасных огорчениях и муках. Не умеющий враждовать не знает и печали, но наслаждается радостью и другими бесчисленными благами. Итак, ненавидя других, мы сами себя наказываем, равно как любя других, благодетельствуем сами себе. Притом тебя будут уважать все, даже и сами враги, хотя бы они были демоны; вернее же сказать, поступая таким образом, ты уже не будешь иметь и врага. Но что всего важнее, ты приобретешь милосердие Божие. Если ты согрешил, получишь прощение грехов своих; если прав, получишь большее дерзновение к Богу. Итак, не будем питать ненависти ни к кому, чтобы и самим заслужить любовь от Бога, - и тогда, хотя бы мы десятью тысячами талантов были должны, Он умилосердится над нами и помилует нас. Но ты обижен ближним? Потому-то и будь снисходителен к нему; не питай ненависти; плачь и рыдай, а не презирай его: ведь не ты прогневал Бога, но он; а ты,

перенесши обиду, поступил достохвально. Припомни, что и Христос, идя на крестную смерть, о Себе радовался, а о распинателях Своих плакал: подобным образом и нам надлежит поступать. Чем более нас обижают, тем более мы должны оплакивать обидевших нас; для нас отсюда происходит великое благо, для них же, напротив, великое зло. Но ближний тебя обидел при всех, и даже ударил? Это значит лишь, что он при всех обесчестил и посрамил самого же себя, и тысячу обвинителей вооружил против себя, тебе же, напротив, приготовил многие венцы и дал многих глашатаев твоего великодушия. Но он оклеветал тебя пред другими? Что тебе и до этого, когда Сам Бог будет рассматривать твое дело, а не те, которые слышали клевету? Он только прибавил лишний повод для своего наказания, так как должен будет дать ответ не только за свои поступки, но и за то, что осудил тебя[1] . Тебя он оклеветал пред людьми, а сам сделался виновным пред Богом. Если же для тебя этого недостаточно, то вспомни, что и Сам Владыка был оклеветан и от сатаны, и от людей, и притом пред теми, которых Он наиболее любил. То же самое испытал и единородный Сын Его, Который потому и сказал: “**Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его**” (Мф. 10:25)? И не только оклеветал Его злой тот демон, но даже успел клевету свою выдать за истину, и оклеветал не в маловажном чем-нибудь, но в величайших и позорных преступлениях: называл Его и беснующимся, и льстецом, и противником Богу. Но ты, оказав благодеяния ближнему, терпишь от него обиду? Поэтому-то особенно плачь и болезнуй о причинившем тебе зло, а о себе радуйся: ты уподобился Богу, “**Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми**” (Мф. 5:45). Но если подражание Богу превосходит твои силы (хотя для ревностного и это не трудно, но пусть тебе кажется это сверх твоих сил), то мы укажем тебе пример для подражания в подобных тебе рабах. Посмотри на Иосифа: он хотя претерпел бесчисленные бедствия от своих братьев, однако же, облагодетельствовал их; посмотри на Моисея, который, после бесчисленных против него злоумышлений иудеев, молился за них; посмотри на блаженного Павла, который, не мог даже исчислить страданий, какие потерпел он от иудеев, и при всем том желал еще быть за них под анафемою; посмотри на Стефана, который, будучи побиваем камнями, молился об отпущении греха этим убийцам. Припомнив все это, оставь всякий гнев, чтобы и тебе Бог оставил все прегрешения твои, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] ινα μη μονον υπερ των οικειων, αλλα και υπερ ων περι σου διελεχθη, παρασχη η λογον По-видимому, Златоуст выражает ту мысль, что клеветник должен дать ответ и за те поступки, которые он возвел на другого.

БЕСЕДА 62

“Когда Иисус окончил слова сии, то вышел из Галилеи и пришел в пределы Иудейские, за Иорданскою стороною”(Мф. 19:1).

1. Иисус Христос, часто оставляя Иудею по причине ненависти к Нему жителей, ныне опять приходит туда, так как приближалось время Его страдания. Впрочем в самый Иерусалим не входит еще, но посещает только пределы иудейские. За Ним “**последовало много людей, и Он исцелил их там**” (ст. 2). Он не занимается исключительно ни одною только проповедью, ни одним только чудотворением, но то тем, то другим попеременно, представляя различные средства ко спасению неотлучным Своим последователям, чтобы

посредством знамений приобрести доверие к Себе как учителю и веру к Своей проповеди, а посредством учения умножить пользу знамений. А это сделано Им было с тою целью, чтобы привести Своих слушателей к богопознанию. Заметь и то, что ученики вообще говорят о людях, следовавших за Иисусом, не называя по имени каждого из тех, которые исцелились. Они не говорят: такой-то или другой, но: "много", - чтобы научить смирению. Христос благодетельствовал и многим другим: исцеление немощи первых представляло случай к богопознанию последним. Только не фарисеям. Напротив, последние от этого еще более ожесточаются, и приходят к Нему с искушением. Так как они не могли уловить Иисуса Христа в делах, то предлагают Ему для разрешения вопросы. Приступив, говорится, "**к Нему … и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею**" (ст. 3)? Какое безумие! Они хотели заградить уста Его своими вопросами, хотя уже видели доказательство такой Его силы! Когда фарисеи с Иисусом Христом много рассуждали о субботе (Мф. 12), когда говорили, что Он богохульствует (Мф. 9:3), беса имеет (Ин. 10:20), когда укоряли учеников Его, по случаю прохождения их по насеянным полям, когда рассуждали о неумытых руках (Мф. 12:2), - везде, заградив им уста и связав бесстыдный язык, Он таким образом отпускал их. И все-таки они Его не оставляют. Такова злость и такова зависть, - бесстыдна и дерзостна; хотя тысячу раз отразишь ее, она опять столько же раз будет нападать!

Но заметь злость в самом вопросе. Не говорят Ему: Ты велел не оставлять жену, - потому что об этом законе уже говорено было; они не вспомнили этих слов, а с намерением удалились от них, и с коварным умыслом, желая более уловить Его и поставить в необходимость противоречить закону, - не говорят: для чего Ты установил тот, или другой закон? а как будто бы не было говорено ни о каком законе, - спрашивают: "**позволительно**"? думая, что Он забыл Свои слова, и готовясь, если Он скажет, что следует отпускать, обратить против Него собственные Его слова и сказать: для чего же Ты говорил прежде не так? - а если повторит прежние свои слова, то противоположить ему закон Моисеев. Что же Он им отвечает? Он не сказал: "**Что искушаете Меня, лицемеры**" (Мф. 22:18)? Хотя после так говорит, но здесь этого не сказал. Почему же? Для того, чтобы вместе с Своим могуществом показать кротость. Он не во всяком случае молчит, чтобы не подумали, что Ему неизвестно; не всегда и обличает, чтобы научить нас, что все должно переносить с кротостью. Как же Он отвечает им? "**Не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает**" (Мф. 19:4-6). Подивись мудрости учителя! На вопрос: "**позволительно**" аще достоит? Он не тотчас отвечал: не должно! чтобы они не возмутились и не наделали шуму; но прежде решительного ответа Он предварительно сделал его уже очевидным, объяснив, что и Его повеление есть заповедь Отца Его, и что Он установил ее, не противореча Моисею, а в полном согласии. Заметь, что Он утверждает Свои слова не только тем, что Бог сотворил мужа и жену, но и заповедью, которую Он произнес после их сотворения; Он не сказал, что Бог только сотворил одного мужчину и одну женщину, но и то, что велел им - одному и одной - между собою соединиться. А если бы Бог хотел, чтоб жену оставляли и брали другую, то сотворил бы одного мужчину, и многих женщин. Итак, как образом творения, так и определением закона Иисус Христос показал, что муж с женою должны соединиться навсегда, и никогда не разлучаться. И смотри, как говорит: "**Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их**", то есть: так как они произошли от одного корня, то и должны соединиться в одно тело: "**Будут**, **-** говорит, **- два одною плотью**". Потом, представляя, как страшно нарушать это повеление, и утверждая закон, не сказал: итак не расторгайте, не разделяйте, но: "**что Бог сочетал, того человек да не разлучает**". Если ты ссылаешься на Моисея, то я указываю на Господа Моисеева, и притом утверждаю

древностью установления. Бог "**Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их**". И этот закон есть самый древний (хотя и вводится, по-видимому, теперь только Мною), и установлен с особенным тщанием. Не просто Бог привел мужа к жене, но велел оставить и матерь, и отца; и не просто приказал придти к жене, а прилепиться, - самими словами показывая нерасторжимость. Но и этим не удовольствовался; Он еще потребовал другого соединения, теснейшего: "**Будут**, **-** говорит, **- два одною плотью**".

2. Таким образом, изложив древний закон, делом и словом установленный, и доказав его достоверность тем, Кто дал его, Он со властью далее изъясняет его, и усиливает словами: "**Так что они уже не двое, но одна плоть**". Следовательно, как рассекать плоть есть дело преступное, так и разлучаться с женою - дело беззаконное. И на этом еще не остановился, но в подтверждение указал на Бога, говоря: "**Что Бог сочетал, того человек да не разлучает**". Этими словами Он показывает, что разводиться - дело противное как природе, так и закону: природе, поскольку рассекается одна и та же плоть; закону, поскольку вы покушаетесь разделить то, что Бог соединил и не велел разделять. Что же после этого должно было делать? Не замолчать ли, и не похвалить ли сказанного? Не подивишься ли мудрости? Не изумишься ли такому согласию с Отцом? Но фарисеи ничего этого не делают, а опять продолжают спорить, и говорят: "**Как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею**" (ст. 8)? Хотя не они Ему должны были сделать такое возражение, а Он им, но он не нападает на них, не говорит им и того, что не Я виновен в этом, но разрешает и это возражение. И если бы Он не был согласен с древним законом, то не вошел бы в спор за Моисея; не утверждался бы на том, что вначале однажды установлено; но старался бы доказать, что Его слова согласны с древним законом. Но Моисей заповедал много и другого, например, о пище и о субботе. Почему же они не указывают Ему на эти предписания, подобно тому, как делают это в настоящем случае? Потому что желают вооружить против Него народ. У иудеев развод был обычным явлением, и все им пользовались. Поэтому-то из всех заповедей, о которых было говорено на горе, они теперь и вспомнили только об этой. Но неизреченная Мудрость и эту заповедь защищает, и говорит: "**Моисей по жестокосердию вашему**" (ст. 8) положил такой закон. Спаситель не допускает порицать и Моисея, поелику Он сам дал ему этот закон; но освобождает его от осуждения, и все обращает против фарисеев, как и везде Он это делает. Так, когда они обвиняли учеников в том, что они срывают травы, Он показал, что и они не чужды обвинения; и когда они называли преступлением, - есть неумытыми руками, Он показал, что они сами преступники. Так поступил Он говоря о субботе, так поступал везде, так и здесь. Затем, - так как слова Его были для них несносны и весьма укоризненны, то Он тотчас обращает Свою речь к древнему закону, говоря то же, что и прежде сказал: "**А сначала не было так**", то есть, вначале самым делом Бог дал нам закон противоположный, чтобы они не сказали: откуда известно, что Моисей сказал это по жестокосердию нашему? Христос опять заставляет их этим молчать. В самом деле, если бы этот закон дан был раньше и был полезен, то тот не был бы дан вначале, и Бог, сотворивший человека, не сотворил бы его таким образом (т. е. в лице только мужа и жены), и Христос не сказал бы: "**Но Я говорю вам: кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, [тот] прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует**" (ст. 9). После того, как заставил их молчать, Он, как Господь, поставляет закон, подобно тому, как Он сделал это, когда рассуждал о пище и о субботе. Как тогда, опровергнув их по отношению к закону о пище, начал говорить народу, что "**не то, что входит в уста, оскверняет человека**" (Мф. 15:11), равно, посрамив их по отношению к закону о субботе, сказал: "**Итак можно в субботы делать добро**", - так и здесь. Но что там случилось, то и здесь. Как там, после посрамления иудеев, ученики смутились и, подошедши к Нему с Петром, говорили: "**Изъясни нам притчу**" (Мф. 13:36), - так и здесь, смутившись, говорили: "**Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться**" (Мф. 19:10). Но теперь они лучше поняли

сказанное, нежели прежде. Поэтому-то тогда они замолчали, а теперь, поелику возражение было опровергнуто, вопрос решен и закон сделался яснее, вопрошают Его. Явно противоречить они не осмеливаются, а предлагают лишь то, что из сказанного им кажется важным и трудным. “**Если такова**, **-** говорят они, **- обязанность человека к жене, то лучше не жениться**”. Им казалось, что слишком несносно иметь жену, исполненную всякого зла, и терпеть при себе постоянно неукротимого зверя.

3. Что точно ученики смутились, это показал Марк, говоря, что они наедине спрашивали об этом Иисуса. Что же значат их слова: “**Если такова обязанность человека к жене**”? То значат: если муж с женою для того соединились, чтобы составлять одно; если муж так этим обязан, что он всякий раз, как скоро оставляет жену, поступает против закона, - то легче сражаться с пожеланием природы и с самим собою, нежели с злою женою. Что же сказал Христос на это? Не сказал: "да, точно, легче", - и это для того, чтобы не подумали, что это дело законное, - но произнес: “**Не все вмещают слово сие, но кому дано**” (ст. 11). Этим самым Он возвышает предмет, представляет его великим и, таким образом, привлекает и побуждает к нему. Но обрати здесь внимание на противоречие: Он называет это великим, а они легким. В самом деле, то и другое нужно было. Ему надобно было назвать это великим для того, чтобы сделать их усерднейшими, а они должны были своими словами показать легкость этого, чтобы и по этой причине преимущественно избрать девство и целомудрие. Так как речь о девстве могла показаться им очень тяжкою, то Он непременяемостью брачного закона возбудил в них желание девства. Далее, доказывая возможность безбрачной жизни, говорит: “**Есть скопцы, которые из чрева матернего родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного**” (Мф. 19:12). Неприметно возбуждая в них этими словами желание к избранию девства, и убеждая в возможности этой добродетели, Он как бы так говорит: представь себе, что ты таков от природы, или сделался таковым чрез насилие других: что бы ты стал делать, лишившись наслаждения и не получая за то награды? Итак, благодари Бога, что для награды и венцов терпишь то, что терпят другие, не имея их в виду. Притом это еще облегчается, когда ты подкрепляешь себя надеждою, и сознанием добродетели, и не увлекаешься пожеланием, сильно волнующим тебя. Подлинно не столько отсечение члена, сколько сила ума может укрощать подобные волны и водворять тишину. Итак, чтобы научить учеников, Христос перечислил роды скопцов. Если бы Он не имел этой цели, то для чего бы Ему было перечислять других скопцов? Когда же Он говорит: “**сделали сами себя скопцами**”, то разумеет не отсечение членов, - да не будет этого! - но истребление злых помыслов, потому что отсекший член подвергается проклятию, как говорит Павел: “**О, если бы удалены были возмущающие вас**” (Гал. 5:12)! И весьма справедливо. Таковой поступает подобно человекоубийцам; содействует тем, которые унижают творение Божие; отверзает уста манихеев и преступает закон, подобно тем из язычников, которые отрезывают члены. Отсекать члены искони было дело дьявольское и злоухищрение сатаны, чтобы чрез это исказить создание Божие, чтобы нанести вред человеку, созданному Богом, и чтобы многие, приписывая все не свободе, а самим членам, безбоязненно грешили, сознавая себя как бы невинными; отсечение членов измышлено было, таким образом, для того, чтобы причинить человеку сугубый вред: как отсечением членов, так и поставлением препятствий воле делать добро. Все это измыслил дьявол, который, желая расположить людей к принятию этого заблуждения, ввел еще и другое ложное учение - о судьбе и необходимости, и таким образом всячески старался уничтожить свободу, дарованную нам Богом, уверяя, что зло есть следствие физической природы, и чрез это рассеивая многие другие ложные учения, хотя и скрытно. Таковы стрелы дьявольские! Поэтому, молю, убегайте такого преступления. К сказанному следует прибавить, что пожелания наши отсечением членов не только не укрощаются, но еще более раздражаются, - так как семя, находящееся в нас, другие имеет источники и другим образом возбуждается. Одни

говорят, что пожелание происходит от мозга, другие - от чресл; а я говорю, что оно происходит не из иных источников, как от развращенной воли и невнимания к помыслам. Если воля целомудренна, то никакого не будет вреда от естественных движений. Итак, сказав о скопцах, как о тех, которые напрасно скопят себя, не будучи целомудренными в помыслах, так и о тех, которые ради царствия небесного сохраняют девство, Христос прибавляет: "**могущий вместить, да вместит**". И таким образом по неизреченной Своей кротости показывая, сколь важно соблюдение девства, и не заключая его в необходимых предписаниях закона, Он еще более воспламеняет в них любовь к нему. И этим самым Он показал совершенную возможность добродетели, чтобы тем сильнее возбудить в воле желание ее.

4. Но если это зависит от воли, то спросит кто-либо: для чего Он вначале сказал: "**Не все вмещают слово сие, но кому дано**"? Для того, чтобы ты с одной стороны познал, как велик подвиг, с другой - не представлял его для себя необходимым. Дано тем, которые хотят. А говорил Он таким образом для того, чтобы показать, сколь великую имеет нужду в божественной помощи тот, кто вступает на этот подвиг, - помощи, которую без сомнения получит желающий. Спаситель обычно употребляет это выражение, когда идет речь о чем-либо важном, как, например, говорит: "**Вам дано знать тайны**" (Лк. 8:10). А что это истинно, видно и из настоящего места. В самом деле, если бы эта добродетель была только даянием свыше, и сами девственники от себя ничего не приносили бы, то напрасно бы Он обещал им царствие небесное и отличал их от других скопцов. Но обрати внимание на то, каким образом одни этим пренебрегают, а другие отсюда получают пользу: иудеи удалились, ничему не научившись, и не вопрошали, чтобы научиться чему-либо; ученики же отсюда получили пользу. "**Тогда приведены были к Нему дети, чтобы Он возложил на них руки и помолился; ученики же возбраняли им. Но Иисус сказал: пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное. И, возложив на них руки, пошел оттуда**" (Мф. 19:13-15). Почему же ученики не допускали детей? Из уважения к Иисусу Христу. Что же Он? Чтобы научить их смирению и истребить гордость мирскую, берет детей, обнимает их, и таковым обещает царствие, - о чем и прежде Он говорил. Так и мы, если хотим наследовать небеса, всеми силами должны стараться стяжать добродетель смирения. Цель любомудрия в том и состоит, чтобы с мудростью соединять простоту. Это есть жизнь ангельская. Душа дитяти чиста от всех страстей; дитя не помнит обид и к обидевшим подбегает как к друзьям, как бы ничего не бывало; сколько бы мать ни наказывала свое дитя, оно всегда, однако же, ищет ее, и более всех любит ее. Представь ему царицу в диадеме: оно не предпочтет ее матери, облеченной в рубище, но еще более будет желать видеть последнюю в рубище, нежели царицу в богатой одежде. Свое оно различает от чужого не по бедности или богатству, но по любви. Дитя ничего более не требует, кроме необходимого, и коль скоро насытится молоком, оставляет сосцы. Дитя не печалится, как мы, о потере денег и тому подобном; равно как не радуется подобно нам о таких скоропреходящих вещах; дитя не пристрастно к красоте телесной. Вот почему Христос и сказал: "**Таковых есть Царство Небесное**", чтобы мы по свободной воле делали то, что дети делают по природе. Так как фарисеи руководились в исполнении своих дел не иным чем, как хитростью и гордостью, то Он, обличая их и научая Своих учеников, повелевает последним везде быть простыми - как на высших, так и на низших степенях достоинства. Подлинно, ничто так не надмевает человека, как власть и преимущества. Между тем ученикам Христовым предстояли большие почести во всей вселенной; поэтому Спаситель и предупреждает их, не попуская им потерпеть что-либо человеческое и запрещая требовать почестей от народа, или гордиться пред ним. Хотя это и кажется маловажным, однако служит причиною многих зол. Так фарисеи, привыкши к гордости в отрочестве, впоследствии низринулись в бездну зол, требуя приветствий, председания, посредничества. Эти пороки ввергли их в безумное славолюбие, а последнее повергло их в нечестие. Вот почему они навлекли на себя

проклятие за искушение Господа; дети же, как чистые от всех этих пороков, получили благословение. Уподобимся же и мы детям, и да будет злоба наша подобна злобе младенцев. Невозможно, невозможно, говорю, иначе увидеть небо; всякому нечестивому и лукавому непременно должно низринуться в геенну. Но еще прежде геенны, здесь мы потерпим крайнее зло. "**Если буен**, **-** говорит Писание, **- то один потерпишь**", если же добр, то будешь таковым для себя и для ближнего (Притч. 9:12). Вспомни, что и прежде так было. Кто был злее Саула, и кто проще и незлобивее Давида? Но кто из них был сильнее? Не два ли раза Давид имел Саула в руках своих, и не оставлял ли он ему жизнь, когда мог отнять ее? Не пощадил ли его, когда имел его в своей власти, и как бы связанного в сетях и темнице? Хотя и другие подстрекали Давида, и сам он имел причину наказать Саула за его бесчисленные преступления, однако он отпустил его от себя, не причинив ему вреда. Саул со всем войском преследовал Давида, а последний блуждал с малым числом беглецов, лишенных всякой надежды, и перебегал с места на место; между тем беглец победил царя. И это оттого, что Давид вооружался простотою, а Саул злобою. В самом деле, можно ли представить кого злее Саула, искавшего убить вождя своего войска, который счастливо совершал все войны, одерживал победы, получал трофеи, сам переносил труды, а его украшал победными венцами?

5. Такова зависть! Она всегда строит козни добрым ближним, и страждущего ею терзает и окружает бесчисленными бедствиями. Жалкий Саул, пока Давид не ушел от него, не произносил в слезах таких жалостных слов: "**Тяжело мне очень; Филистимляне воюют против меня, а Бог отступил от меня**" (1 Цар. 28:15). Пока Давид не удалился от него, дотоле не падал он на брани, но был в безопасности и славе, так как слава военачальника переходила на царя. Давид не был честолюбив, не искал свергнуть его с престола, но все исполнял для него и неусыпно заботился о нем. Это видно и из последующего. Может быть, не совсем знающие дело станут приписывать закону подчиненности то, что Давид воевал за Саула. Но после того, как Саул изгнал Давида из своего царства, что уже удерживало последнего в пределах повиновения, и заставляло удерживаться от войны с царем? Не все ли, напротив, располагало убить Саула? Не строил ли Саул несколько раз козней против Давида? Не был ли он облагодетельствован этим? Не имел ли Давид права обвинить его? Не подвергалось ли опасности обещанное Давиду царствование, и даже самая жизнь его? Не принужден ли был Давид беспрестанно блуждать, бегать и трепетать за свою участь, доколе Саул был жив и царствовал? И однако, ничто не могло заставить Давида обагрить кровью свой меч. Видя Саула спящим, в полной своей власти, одного, среди своих воинов, касаясь главы его, подстрекаемый многими, которые говорили, что такой благоприятный случай есть определение Божие, Давид, замкнув уста подстрекавшим его, удержался от убийства и отпустил Саула живым и невредимым и, как бы телохранитель его и щитоносец, а не враг, обвинял воинов в предательстве царя. Что может сравниться с такою душою? Что - с такою кротостью? Об этом можно судить по вышесказанному; но еще более можно убедиться, если обратить внимание на то, что ныне бывает. Когда мы увидим нашу злость, тогда лучше познаем добродетель святых. Поэтому, умоляю вас, подражайте их ревности к добродетели. Если желаешь ты славы, и потому строишь козни ближнему, то тогда вполне приобретешь ее, когда, презрев эту славу, будешь удерживаться от коварства. Как для сребролюбивого приобретение богатства соединено с потерею, так и для славолюбивого домогательство славы соединено с бесславием. И если хотите, то и другое рассмотрим порознь. Так как мы нимало не страшимся геенны и нисколько не заботимся о царствии небесном, то по крайней мере, посмотрим на следствия того и другого в настоящей жизни. Скажи мне, кто достоин посмеяния: не тот ли, кто слишком домогается славы у людей? Кто достоин похвалы: не тот ли, кто совершенно пренебрегает человеческой похвалой? Следовательно, если любовь к пустой славе соединена с поношением, и если тщеславный, гоняющийся за славою, не может скрыться, то и будет он непременно подвергаться поношению, и

домогательство славы сделается для него причиною бесславия. И не за это только потерпит он бесчестие, но и за то, что бывает принужден делать много позорного и свойственного только самому последнему рабу. Равным образом и все те, которые до безумия пристращаются к корысти, обыкновенно получают вред, главным образом от своего недуга (они подвергаются многим обманам: малейшие выгоды причиняют большой вред, как говорит пословица). Так точно и сладострастному служит препятствием к наслаждению необузданная его страсть. С сладострастными и женоподобными мужьями жены обходятся как с рабами, и никогда не хотят обращаться с ними как с мужьями, но бьют их по щекам, плюют в лицо, во всем их проводят и обманывают, издеваются над ними и приказывают исполнять все свои желания. Точно также нет ничего презреннее и бесчестнее и человека надменного, славолюбивого и очень много о себе думающего. Люди, не привыкшие уступать свои права другим, ничему столько не сопротивляются, как человеку спесивому, надменному и славолюбивому. Притом гордый, чтобы удовлетворить своей страсти, надевая на себя личину, рабски пресмыкается пред высшими, ласкает и угождает им и несет рабство хуже всякого покупного раба. Итак, представляя все это, отвергнем эти страсти, чтобы и здесь не подвергнуться наказанию, и там не мучиться вечно. Будем любить добродетель. Тогда мы и здесь прежде еще царствия небесного приобретем великие блага, и по смерти насладимся благами вечными, коих все мы и да сподобимся, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 63

"Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную" (Матф. 19:16)?

1. Некоторые обвиняют этого юношу в том, будто он подошел к Иисусу с хитростью и лукавством, и притом с намерением искусить Его; но я скорее согласен назвать его сребролюбцем и невольником богатства, так как в этом же самом и Христос изобличил его. Укорять же юношу в лукавстве я отнюдь не намерен: не безопасно быть судьей того, чего мы не знаем, и особенно судьей - обличителем. Да и Марк отдалил такое подозрение, когда сказал о нем: "**подбежал некто, пал перед Ним на колени и спросил Его**"; и еще: "**Иисус, взглянув на него, полюбил его**" (Марк. 10:17,21). Отсюда видно, как велика власть богатства. Хотя бы мы в остальных отношениях и были добродетельны, богатство истребляет все эти добродетели. Вот почему и Павел справедливо назвал его корнем всех зол: "**корень всех зол есть сребролюбие**", говорит он (1 Тим. 6:10). Но почему Христос отвечает юноше такими словами: "**никто не благ**"? Юноша подошел к Нему как к простому обычному человеку и считал Его просто учителем иудейским; Иисус и беседует с ним как человек. И часто говорит Он приспособительно к мнениям обращавшихся к Нему; так, например: "**мы знаем, чему кланяемся**" (Иоан. 4:22); или: "**если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно**" (Иоан. 5:31). Итак, когда Он сказал: "**никто не благ**", то этим не хотел показать, что Он не благ. Да не будет этого! Ведь Он не сказал: почему ты называешь Меня благим? Я не благ; но: "**никто не благ**", т. е. никто из людей. Впрочем, Он этими словами не лишает благости и людей, но только отличает последнюю от благости Божьей, - почему и присовокупил: "**только один Бог**". Не сказал: только Отец Мой, чтобы мы знали, что Он не открылся юноше. Точно в таком же смысле назвал Он выше людей злыми, когда сказал: "**если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим**" (Матф. 7:11). И здесь назвал Он их злыми не с тем, чтобы изобличить во зле всю природу человеческую, - сказал: "**вы**", а не все люди, - а с тем, чтобы только сравнить благость Божью с благостью человеческой, почему и присовокупил: "**тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него**". Но говорят: что заставило Иисуса Христа, и какую Он имел цель так отвечать юноше? Без

сомнения, ту, чтобы постепенно вести юношу к совершенству, отучить его от лести, отдалить от пристрастия ко всему земному и приблизить к Богу, возбудить в нем желание благ будущих и, наконец, научить его познанию истинного блага - источника и корня всех благ, и ему-то одному воздавать честь. Подобно этому же, когда Христос говорит: не называйте учителя на земле (Матф. 23:8), говорит так по отношению к Себе, и чтобы научить, каково первое начало всего. Юноша показал немалое усердие, когда задал Иисусу Христу такой вопрос. В самом деле, тогда как одни приближались к Иисусу с намерением искусить Его, а другие по причине своих собственных или чужих болезней, он подходит к Нему и беседует о жизни вечной. Тучна была земля и способна к плодородию, но множество терния заглушало посеянное. Смотри, как он доселе готов был к выполнению того, что бы ни повелел Христос. Что мне делать, говорит юноша, чтобы наследовать жизнь вечную? Вот готовность его исполнить повеление Учителя! Если же юноша подошел бы к Иисусу Христу с намерением искусить Его, то это показал бы нам и евангелист, как он делает это в других случаях, например, в истории о законнике. Но если бы и сам юноша утаил свое намерение, то Христос не попустил бы ему утаиться: Он или явно, или намеками обличил бы его, чтобы мы не заключили, что юноша, обманув Его, утаился, и, таким образом, поругался над Ним. Сверх того, если бы юноша подошел к Иисусу с намерением искусить Его, то не отошел бы с печалью о том, что услышал. Никто из фарисеев никогда не испытал в себе такого состояния; напротив, все они, будучи опровергаемы Иисусом, еще более ожесточались против Него. Не так поступает юноша: он уходит с печалью. А это служит признаком того, что он подходил не с коварным намерением, хотя и не с совершенно чистым; желал наследовать жизнь вечную, а обладаем был страстью гораздо сильнейшей. Итак, когда Христос сказал: "**если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди**" (Матф. 19:17), - он, не медля, спрашивает: "**какие**"? И спрашивает не для того, чтобы искушать Иисуса, - нет, - а думал, что, кроме заповедей закона, есть еще другие, которые будут его путеводителями в жизнь вечную. Так сильно было его желание спастись! Но когда Иисус пересказал ему заповеди закона, - "**все это сохранил я от юности моей**", говорит он; и на этом не останавливается, но снова спрашивает: "**чего еще недостает мне**" (Матф. 19:20)? И это тоже было знаком сильного желания им вечного спасения. Не маловажно то, что он не почитал себя докончившим дело своего спасения, а думал, что сказанного им еще недостаточно к получению желаемого. Что же Христос? Намереваясь предписать заповедь трудную, Он сначала предлагает награду за исполнение ее, и говорит: "**если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мной**" (Матф. 19:21).

2. Видишь ли, какую награду и какие венцы обещает Христос за этот подвиг? Если бы юноша искушал Его, то Он не сказал бы ему этого. А теперь и говорит, и, чтобы привлечь юношу к Себе, обещает ему великую награду, предоставляет все собственной его воле, прикрывая всем этим трудную сторону Своего повеления. Потому-то прежде, нежели говорит о подвигах и труде, предлагает юноше награду: "**если хочешь быть совершенным**", - и потом уже говорит: "**продай имение твое и раздай нищим**". Далее - опять награда: "**и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мной**", - так как следовать за Иисусом - великая награда. "**И будешь иметь сокровище на небесах**". Так как речь была о богатстве, то Спаситель повелевает юноше оставить все, показывая, впрочем, что Он не только не отнимает у него богатства, но еще и присовокупляет к нему новое, превышающее то, которое повелевает раздать, - настолько превышающее, насколько небо превышает землю, и даже еще более. Под сокровищем же Он разумеет обильную награду, сокровище единственное, которого никто похитить не может, представляя его юноше насколько возможно по-человечески. Итак, не довольно презирать богатство; а надобно еще напитать нищих, и - главное - последовать за Христом, т. е. делать все то, что ни повелит Он, быть готовым на страдания и даже на

смерть. "**Если**", говорит Он, "**кто хочет идти за Мной, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мной**" (Лук. 9:23). Конечно, заповедь проливать собственную кровь гораздо труднее заповеди оставить свое богатство; однако же, и исполнение последней немало способствует исполнению первой. "**Услышав слово сие, юноша отошел с печалью**" (Матф. 19:22). Вслед за тем, евангелист, желая показать, что он не без причины опечалился, прибавляет: "**потому что у него было большое имение**".

Действительно, не столько имеют препятствий на пути к спасению те, которые владеют немногим, сколько те, которые погружены в бездну богатства, - потому что страсть к богатству тогда бывает сильнее. И я никогда не перестану повторять, что приращение богатства более и более возжигает пламя страсти и делает богачей беднее прежнего: возбуждая в них беспрестанно новые пожелания, заставляет через то сознавать всю свою нищету. Смотри вот, какую силу и здесь показала эта страсть. Того, кто с радостью и усердием подошел к Иисусу, так помрачила она и так отяготила, что, когда Христос повелел ему раздать имение свое, он не мог даже дать Ему никакого ответа, но отошел от Него молча, с поникшим лицом и с печалью. Что же Христос? "**Трудно**" богатому войти в "**Царство Небесное**" (Матф. 19:23). Христос этими словами не богатство порицает, но тех, которые пристрастились к нему. Но если трудно войти в Царство Небесное богатому, то, что сказать о любостяжателе? Если не давать от своего имения другому есть уже препятствие на пути к царствию, то представь, какой собирает огонь тот, кто захватывает чужое! Но для чего же Христос сказал ученикам Своим, что трудно богачу войти в царствие небесное, когда они были бедны и даже ничего не имели? Для того чтобы научить их не стыдиться бедности и как бы оправдаться перед ними в том, почему Он прежде советовал им ничего не иметь. Сказав здесь, что неудобно богатому войти в Царство Небесное, далее показывает, что и невозможно, не просто невозможно, но и в высшей степени невозможно, что и объясняет примером верблюда и игольных ушей. "**Удобнее**", говорит, "**верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божье**". А отсюда видно, что немалая и награда ожидает тех, кто при богатстве умеет жить благоразумно. Потому Христос называет такой образ жизни делом Божьим, чтобы показать, что много нужно благодати тому, кто хочет так жить. Когда же ученики смутились, слыша Его слова, Он далее сказал: "**человекам это невозможно, Богу же все возможно**" (Матф. 19:26). Но отчего смущаются ученики, будучи бедны, и даже слишком бедны? Что их беспокоит? Оттого, что имели слишком сильную любовь ко всему человечеству, и уже принимая на себя должность его учителей, страшились за других, за спасение всех людей. Эта-то мысль очень много и смущала их, так что они великую имели нужду в утешении. Потому Иисус, посмотрев сначала на них, сказал: "**невозможное человекам возможно Богу**" (Лук. 18:27). Кротким и тихим взором Он успокоил волнующие их мысли, и разрешил недоумение (на это самое указывает и евангелист словами: "**воззрев**"), а потом ободряет их и словами, указывая на силу Божью, и, таким образом, возбуждая в них надежду. А если хочешь знать, каким образом и невозможное может быть возможным, то слушай. Не для того ведь сказал Христос: "**невозможное человекам возможно Богу**", чтобы ты ослабевал в духе и удалялся от дела спасения, как невозможного; нет, Он сказал это для того, чтобы ты, сознавая величие предмета, тем скорее принялся за дело спасения и, с помощью Божьей ступив на путь этих прекрасных подвигов, получил жизнь вечную.

3. Итак, каким же образом невозможное сделается возможным? Если ты откажешься от своего имения, раздашь его нищим и оставишь злые вожделения. Что Христос не приписывает дела спасения исключительно одному Богу, а сказал так для того, чтобы показать трудность этого подвига, это видно из следующего. Когда Петр сказал Христу: "**вот, мы оставили все и последовали за Тобой**", и потом спросил Его: "**что же будет нам**" (Матф. 19:27)? - то Христос, определив им награду, присовокупил: "**и всякий, кто**

оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную" (Матф. 19:29). Так невозможное делается возможным. Но как, скажут, все это привести в исполнение? Как может восстать тот, кем уже овладела ненасытная страсть к богатству? Если он начнет раздавать имение и разделять свои избытки, - через это он мало-помалу будет удаляться от своей страсти, и впоследствии поприще для него облегчится.

Итак, если вдруг всего достигнуть для тебя трудно, то не домогайся получить все в один раз, но постепенно и мало-помалу восходи по этой лестнице, ведущей тебя на небо. Как страждущие горячкой, при умножающейся внутри их острой желчи, если принимают какую-либо пищу и питье, не только не утоляют жажды, но еще сильнее разжигают пламя, так точно и любостяжатели, по мере удовлетворения своей ненасытной страсти, которая острее самой желчи, еще более воспламеняют ее. Ничто не прекращает этой страсти так легко, как постепенное ослабление желания корысти, подобно тому, как малое употребление пищи и питья уничтожает действие желчи. А это, спросишь ты, как может быть? Не иначе, как если ты будешь представлять, что, непрестанно обогащаясь, ты никогда не перестанешь жаждать нового богатства и истаивать от желания большего, а, не прилепляясь к богатству, легко можешь остановить и самую страсть. Итак, не озабочивайся многим, чтобы не погнаться за тем, чего нельзя достигнуть, не заразиться неизлечимой болезнью и от того не сделаться несчастнее всех. Скажи мне, кто более мучится и терзается: тот ли, кто желает дорогих кушаний и напитков и не в состоянии удовлетворить своего желания, или тот, кто не имеет такого желания? Очевидно, тот, который сильно желает и не может получить желаемого. Состояние желающего и не получающего, жаждущего и не утоляющего своей жажды так мучительно, что и Христос, желая дать нам понятие о геенне, изображает ее точно так же, представляя в ней богатого среди пламени; последний, желая капли воды и не получая ее, жестоко мучился. Итак, кто презирает богатство, тот только подавляет в себе страсть к нему; напротив, кто желает обогатиться и умножить свое имение, тот еще более воспламеняет ее, и никогда не в силах подавить. Последний, хотя бы собрал бесчисленное богатство, желает получить еще столько же; хотя бы удалось ему и это получить, и тогда он пожелает иметь еще вдвое более; и таким образом, более и более желая, он впадает в некоторый новый, ужасный и никогда неизлечимый род сумасшествия, которое заставляет его желать, чтобы и горы, и земля, и море, и вообще все претворилось для него в золото. Итак, знай, что не умножением богатства, но истреблением в себе страсти к нему прекращается зло. В самом деле: если бы тебе пришла когда-нибудь глупая страсть летать по воздуху, то, как бы ты истребил ее? Устройством ли крыльев и других, потребных к тому орудий, или путем рассуждения, что желание это невыполнимо, и что не следует даже и пытаться его исполнить. Очевидно, последним способом. Но летать, скажешь, невозможно. Но еще более невозможно положить предел страсти любостяжания; легче для людей летать, нежели умножением богатства прекратить страсть к нему. Если ты желаешь возможного, то можешь утешаться надеждой, что некогда это получишь; если же невозможного, то ты об одном только должен стараться, т. е. об истреблении такого желания, потому что иным образом нельзя доставить душе спокойствия. Итак, чтобы не напрасно нам беспокоиться, для этого, отвергнув постоянно терзающую нас и никогда не успокаивающуюся любовь к богатству, устремимся к другой, которая и гораздо легче может сделать нас блаженными, и возжелаем небесных сокровищ. Здесь труд не велик, а польза бесчисленная: никогда не может лишиться благ небесных тот, кто всегда бодрствует, трезвится и презирает земные блага, напротив, тот, кто порабощен и совершенно предан этим последним, необходимо лишится первых.

4. Итак, размыслив обо всем этом, истреби в себе злую страсть к богатству. Ты не можешь даже сказать и того, что она доставляет блага настоящие, а лишает только будущих; да

хотя бы это было и так, и это есть уже крайнее наказание и мучение. На самом деле, однако, нельзя сказать и этого. Страсть к богатству подвергает тебя жестокому наказанию не только в геенне, но еще и прежде ее, в настоящей жизни. Страсть эта разоряла многие дома, воздвигала жестокие войны и заставляла прекращать жизнь насильственной смертью. Да еще и прежде этих бедствий, она помрачает добрые качества души и часто делает человека малодушным, слабым, дерзким, обманщиком, клеветником, хищником, лихоимцем, и вообще имеющим в себе все низкие качества. Но, может быть, ты, смотря на блеск серебра, на множество слуг, на великолепие зданий и на уважение к богатству в собраниях, обольщаешься всем этим? Какое же средство против этой гибельной болезни? Собственное твое размышление о том, как это уязвляет твою душу, как помрачает ее и делает гнусной, безобразной и порочной; собственное твое размышление, с какими бедствиями соединено собирание богатства, с какими трудами и опасностями должно его беречь, вернее же - что его и нельзя уберечь до конца, а если и удастся сохранить от всяких хищений, то приходит смерть и передает твое богатство часто в руки врагов, а тебя самого похищает ничего не имеющего, кроме ран и язв, полученных от богатства, с которыми душа твоя переселяется в тот мир. Итак, если ты увидишь кого-нибудь облеченного блестящей одеждой и окруженного толпой телохранителей, то раскрой его совесть, - и ты найдешь внутри его много паутины и увидишь много нечистоты. Представь Павла и Петра, представь Иоанна и Илию, и в особенности самого Сына Божьего, Который не имел, "**где голову приклонить**" (Лук. 9:58). Подражай Ему и его рабам и помышляй о неизреченном богатстве. Если же ты, несколько прозрев, опять помрачишься земными благами, подобно погибающим во время кораблекрушения, то припомни изречение Христа о том, что невозможно богатому войти в царство небесное. Вместе с этим изречением представь и то, что и горы, и земля, и море, словом все, если хочешь, превратились в золото, и ты увидишь, что ничто не может сравниться с тем вредом, который отсюда для тебя проистек бы. Ты укажешь на множество десятин земли, на десять, двадцать или, пожалуй, и более домов, на столько же бань, на тысячу или вдвое больше слуг, на посеребренные и позолоченные колесницы, а я скажу вот что. Если бы каждый из обогащающихся между вами, презрев эту нищету (ведь в сравнении с тем, о чем я намерен говорить, это есть нищета), приобрел весь мир, если бы каждый из них столько же имел у себя рабов, сколько теперь находится людей на земле, море и во всем мире, если бы каждый из них имел в своем владении и землю, и море, все здания, города и народы, и если бы для них из всех источников, вместо воды, текло золото, то и этих богачей я не счел бы стоящими даже трех оболов, - так как они лишаются Царства Небесного. Если они, желая тленных благ, мучатся, когда не получают их, то что может утешить их, когда они узнают цену будущих неизреченных благ? Совершенно ничто. Итак, помышляй не о множестве богатства, но о том вреде, которому подвергаются слишком пристрастившиеся к нему; они из-за него теряют небесные блага, и уподобляются тем, которые, лишившись великой чести при царском дворе, остаются с кучей навоза, и даже еще гордятся этим. И подлинно, куча богатства ничем не лучше кучи навоза, даже еще хуже. Навоз годен и для земледелия, и для топления бань, и для других подобных нужд; золото же, закопанное в землю, совершенно бесполезно: да и дай Бог, чтобы оно было только бесполезно. Но оно в душе обладающего им воспламеняет как бы огненную печь, если не употребляется как должно. Каких зол оно не причиняет? Потому-то светские писатели и называли любостяжание верхом зла, а блаженный Павел гораздо лучше и с большей выразительностью назвал корнем всех зол. Итак, размышляя обо всем этом, поревнуем тому, что достойно ревности: не желая величественных зданий или дорогих поместий, поревнуем мужам, имеющим великое дерзновение к Богу, которые приготовили себе сокровище на небесах и наслаждаются им, мужам, которые поистине богаты, так как сделались бедными для Христа; поревнуем им, чтобы получить нам вечные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 64

"Тогда Петр, отвечая, сказал Ему: вот, мы оставили все и последовали за Тобой; что же будет нам" (Матф. 19:27)?

1. Что это значит, блаженный Петр: "**оставили все**"? Уду, сети, корабль, ремесло? Это ли разумеешь ты под словом: "**все**"? Да, отвечает он. Но не честолюбие заставляет меня говорить так. Я хочу этим вопросом обратить людей бедных (к Господу). Так как Господь сказал: "**если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах**" (Матф. 19:21), то, чтобы кто из бедных не спросил: что же, если у меня нет имения, значит, я и не могу быть совершенным? - для того Петр предлагает вопрос свой Иисусу, чтобы ты, бедный, знал, что бедность твоя нимало не вредит тебе. Петр спрашивает для того, чтобы не от Петра узнал ты истину, и сомневался (он и сам тогда был еще не совершен и не имел Духа), но чтобы, получив ответ от Учителя Петрова, был твердо уверен в ней. Как поступаем мы, когда, предлагая мнения других, часто усваиваем их себе, так поступил и апостол: он вместо всей вселенной предложил Иисусу этот вопрос. Свою участь он знал ясно, как это видно из того, что о нем было прежде сказано. Получив еще на земле ключи Царства Небесного, он тем более мог быть уверен в наследии благ. Но смотри, с какой точностью отвечает он на требования Христовы. Христос требовал от богатого двух вещей: чтобы он отдал имение свое нищим, и чтобы последовал за Ним. Поэтому и апостол указывает на эти же два действия: на оставление имения и последование за Иисусом. "**Вот мы**", говорит он, "**все и последовали за Тобой**". Оставление всего было нужно для последования: последование через оставление сделалось удобнее, и за то, что они оставили все, были исполнены надежды и радости. Что же отвечает Христос? "**Истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мной, - в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых**" (Матф. 19:28). Итак, что же? И Иуда будет сидеть на престоле? Нет. Как же Христос говорит: "**сядете и вы на двенадцати престолах**"? Как обещание это исполнится? Внимай, как и каким образом. Бог дал закон, через Иеремию пророка возвещенный иудеям, и гласящий: "**иногда Я скажу о каком-либо народе и царстве, что искореню, сокрушу и погублю его. Но если народ этот, на который Я это изрек, обратится от своих злых дел, Я отлагаю то зло, которое помыслил сделать ему. А иногда скажу о каком-либо народе и царстве, что устрою и утвержу его; но если он будет делать злое перед очами Моими и не слушаться голоса Моего, Я отменю то добро, которым хотел облагодетельствовать его**" (Иерем. 18:7-10). По тому же закону поступаю Я, говорит Он, и с добродетельными. Хотя Я и обещаю воссоздать их, но если они окажутся недостойными этого обещания, то Я не исполню его. Так случилось с человеком первозданным. "**Да страшатся и да трепещут**", сказал Господь, "**вас все звери земные**" (Быт. 9:2); но этого не исполнилось, так как человек сам себя показал недостойным такой власти. Так точно и Иуда. Но чтобы одни, устрашенные приговором наказания, не предались отчаянию и еще более не ожесточились, а другие, надеясь на обещание благ, не сделались совершенно беспечными, ту и другую болезнь Он врачует вышеупомянутым образом, как бы так говоря: буду ли Я угрожать тебе казнью, не отчаивайся, потому что ты можешь покаяться и уничтожить Мое определение, как сделали ниневитяне; буду ли обещать какое-либо благо, не ослабевай, надеясь на обещание, потому что если ты окажешься недостойным, то Мое обещание не только не принесет тебе никакой пользы, но еще и увеличит твое наказание. Я обещаю награду только достойному. Вот почему и тогда, беседуя с учениками Своими, Он не без условия дал обещание; не сказал просто: "**вы**", но присовокупил еще: "**последовавшие за Мной**", чтобы и Иуду отвергнуть, и тех, которые после имели обратиться к Нему, привлечь, - эти Его слова относились не к ученикам одним, и не к Иуде, который впоследствии времени

сделался недостойным Его обещания. Итак, ученикам Господь обещал дать награду в будущей жизни, говоря: "**сядете и вы на двенадцати престолах**" (потому что они уже находились на высшей степени совершенства, и никаких земных благ не искали); а другим обещает и настоящие блага: и "**всякий**", говорит, "**кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную**". Чтобы некоторые, слыша слово: "**вы**", не подумали, что сподобиться в будущей жизни величайших и первых почестей предоставлено одним ученикам, Он продолжил речь и распространил Свое обещание на всю землю, и обещая настоящие блага, уверяет в будущих. Господь и с учениками, вначале, когда они еще были несовершенны, начал беседу Свою представлением настоящих благ. Когда именно Он призывал их к Себе, от моря, и отвлекал от их ремесла, и повелевал оставить корабль, Он упоминал не о небесах, не о престолах, но о настоящих вещах, говоря: "**Я сделаю вас ловцами человеков**" (Матф. 4:19). Но когда возвел их на высшую степень совершенства, тогда говорит уже и о небесных благах.

2. Но что значат слова: "**судить двенадцать колен Израилевых**"? То, что они осудят их; апостолы не будут сидеть, как судьи; но в каком смысле сказал Господь о царице Южной, что она осудит род тот, и о ниневитянах, что они осудят их, в том же говорит и об апостолах. Потому и не сказал: "**судить народы и вселенную**", но: "**колена Израилевы**". Иудеи были воспитаны в тех же самых законах, и по тем же обычаям, и вели такой же образ жизни, как и апостолы. Поэтому, когда они в свое оправдание скажут, что мы не могли уверовать во Христа потому, что закон воспрещал нам принимать заповеди Его, то Господь, указав им на апостолов, имевших один с ними закон и, однако же, уверовавших, всех их осудит, как о том и раньше сказал: "**посему они будут вам судьями**" (Матф. 12:27). Что же, скажешь ты, великого в Его обещаниях, если апостолы будут иметь то же, что имеют ниневитяне и царица Южная? Но Он еще прежде обещал им много других наград и после обещает. Не в этом одном только их награда. Впрочем, и в этом обещании заключается нечто большее перед тем, что сказано о ниневитянах и царице Южной. О последних Господь сказал просто: "**Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, и Царица южная осудит**" (Матф. 12:41,42). А об апостолах не говорит так просто. Но как говорит? "**Когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах**", - показывая этим, что и они вместе с Ним будут царствовать и участвовать в той славе. "**Если терпим**", говорит апостол, "**с Ним и царствовать будем**" (2 Тим. 2:12). Престолы не означают седалища (так как Он один есть сидящий и судящий), но ими означается неизреченная слава и честь. Итак, апостолам обещал Господь эту награду, а всем прочим - живот вечный и сторичную мзду здесь. Но если все прочие, то тем более апостолы должны получить возмездие и там, и в здешнем веке. Так и сбылось. Оставив уду и сети, они имели во власти своей имущества всех людей, их дома, поля и даже самые тела верующих; многие готовы были даже умереть за них, как свидетельствует о том Павел, говоря: "**если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне**" (Галат. 4:15). Далее, словами: "**всякий, кто оставит жену**", Господь не внушает того, чтобы без причины были расторгаемы браки; но, как говоря о душе, что "**потерявший душу свою ради Меня сбережет ее**" (Матф. 10:39), говорил это не для того, чтобы мы убивали самих себя и тотчас разлучали душу с телом, но для того, чтобы предпочитали всему благочестие, - так и здесь того же требует Он, повелевая оставить жену и братьев. Мне кажется также, что Он говорит здесь еще и о гонениях. В то время многие отцы детей своих и жены мужей своих привлекали к нечестию. Итак, когда они от вас требуют этого, говорит Господь, оставьте и жену, и отца, о чем и Павел говорит: "**если же неверующий хочет развестись, пусть разводится**" (1 Кор. 7:15). Возвысив, таким образом, апостолов и утвердив их в надежде награды, определенной и им самим и всей вселенной, Господь присоединил: "**многие же будут первые последними, и последние первыми**" (Матф. 19:30). Слов этих нельзя ограничивать некоторыми только лицами. Они

относятся ко многим и другим; впрочем, в них говорится и о верующих, и о непокорных фарисеях, как и прежде о них же говорил Господь, что "**многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю**" (Матф. 8:11-12). Потом Господь предлагает и притчу, чтобы побудить к большей ревности тех, которые обратились к Нему после других. "**Ибо Царство Небесное**", говорит Он, "**подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой и, договорившись с работниками по динарию на день, послал их в виноградник свой; выйдя около третьего часа, он увидел других, стоящих на торжище праздно, и им сказал: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, дам вам. Они пошли. Опять выйдя около шестого и девятого часа, сделал то же. Наконец, выйдя около одиннадцатого часа, он нашел других, стоящих праздно, и говорит им: что вы стоите здесь целый день праздно? Они говорят ему: никто нас не нанял. Он говорит им: идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите. Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых. И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию. Пришедшие же первыми думали, что они получат больше, но получили и они по динарию; и, получив, стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал одному из них: друг! я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мной? возьми свое и пойди; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе; разве я не властен в своем делать, что хочу? или глаз твой завистлив от того, что я добр? Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных**" (Матф. 20:1-16).

3. Что значит эта притча? Сказанное в начале не согласно с тем, что говорится в конце ее, но открывает совершенно противное. В ней Господь показывает, что все люди получают равные награды; а не говорит того, что одни изгоняются, а другие вводятся. Но прежде этой притчи и после нее Он говорил противное: "**будут первыми последние и последними первые**", то есть, последние будут выше и самых первых, которые уже не будут первыми, но сделаются последними. А что таков действительно смысл этого изречения, это видно из присоединенных к нему слов: "**ибо много званых, а мало избранных**", - которыми Господь вместе и первых укоряет, и последних утешает и ободряет. Но притча не то говорит, в ней говорится только, что последние равны будут мужам уже испытанным и много трудившимся. "**Сравнял их с нами**", говорится в ней, "**перенесшими тягость дня и зной**". Итак, что же значит эта притча? Нужно прежде объяснить ее, и тогда мы разрешим указанное противоречие. Виноградом называются в ней повеления и заповеди Божьи, временем делания - настоящая жизнь, а делателями - те, которые различным образом призываются к исполнению заповедей Божьих; утро же, третий, шестой, девятый и одиннадцатый час - означают различные возрасты пришедших и получивших одобрение за труды свои. Но главное дело состоит в том: те первые, которые столько прославились и угодили Богу и весь день с особенной ревностью провели в трудах, не заражены ли сильнейшей страстью злобы, завистью и недоброжелательством? Видя, что и пришедшие после них получили такую же награду, они говорили: "**эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной**". Так они, не потерпев никакого убытка и получив сполна свою награду, досадовали и негодовали на то, что другие пользуются благами, - а это происходило от зависти и недоброжелательства. Но что всего важнее, сам Домовладыка, защищая тех и оправдывая свой поступок перед человеком, говорившим ему, обвиняет его в злобе и крайней зависти, говоря: "**не за динарий ли ты договорился со мной? возьми свое и пойди; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе; или глаз твой завистлив от того, что я добр?**" Итак, чему учат нас такие притчи? Не в этой

только, но и в других притчах то же можно видеть. Так, например, и добрый сын впал в такую же душевную болезнь, когда увидел, что блудный брат его удостоился великой чести, и даже большей, нежели он. Как последним делателям винограда большая честь была оказана тем, что они первые получили награду, так и блудному сыну обилием даров сделано было предпочтение, о чем свидетельствует сам добрый сын. Что же следует сказать? То, что в Царстве Небесном нет ни одного человека, который бы производил такие споры и жалобы, и быть не может, потому что там нет места ни зависти, ни недоброжелательству. Если святые и в настоящей жизни полагают души свои за грешников, то, видя их там наслаждающимися уготованными благами, они тем более радуются, и почитают это собственным блаженством. Итак, для чего Господь в таком образе предложил слово Свое? Это притча; а в притчах не нужно изъяснять все по буквальному смыслу, но, узнав цель, для которой она сказана, обращать это в свою пользу, и более ничего не испытывать. Для чего же так изображена эта притча, и какая цель ее? Такая, чтобы сделать ревностнейшими людей, которые в глубокой старости переменяют образ жизни и становятся лучшими, и чтобы освободить их от того мнения, будто они ниже других (в Царстве Небесном). Потому-то Господь и представляет, что другие с огорчением смотрят на их блага, не для того, чтобы показать, будто они истаивают от зависти и терзаются, - нет, - но чтобы уверить, что и поздно обратившиеся удостоятся такой чести, которая может породить в других зависть. Так часто делаем и мы сами, говоря: он меня обвиняет за то, что я тебя удостоил такой чести, - и говорим так не потому, чтобы, в самом деле, кто-либо обвинял нас, или чтобы нам хотелось оклеветать кого, но чтобы показать этим величие дара, коего другой удостоился. Но почему Он не всех вдруг нанял? Насколько мог, всех, а что не все вдруг Его послушались, это зависело от воли званных. Поэтому Он одних утром, других в третьем, иных в шестом, иных в девятом часу призывает, а некоторых даже в одиннадцатом, смотря по тому, когда кто готов был повиноваться Ему. Это объясняет и Павел, говоря: "**избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своей, благоволил**" (Гал. 1:15). Но когда благоволил? Тогда, когда он готов был повиноваться. Сам Бог хотел этого от начала; но так как Павел не послушал бы Его, то Он тогда благоволил призвать его, когда последний и сам готов был покориться Ему. Так призвал Он и разбойника. Мог и прежде призвать его; но тогда он не послушал бы Его. Если Павел не послушал бы Его сначала, то тем более разбойник. Что же касается до слов делателей: "**никто нас не нанял**", то уже я сказал общую мысль, что не на все в притчах должно обращать внимание. А здесь это не нужно и потому, что говорящим представляется не сам Домовладыка, но трудившиеся. Он же не обличает их для того, чтобы не привести их в сомнение, но привлечь к Себе. А что Он звал всех, кого мог, в первом часу, это видно и из самой притчи, где сказано, что Он с утра вышел нанять.

4. Итак, из всего видно, что притча эта сказана как для тех, которые в первом возрасте жизни своей, так и для тех, которые в старости и позже начали жить добродетельно: для первых, чтобы они не возносились и не упрекали тех, кто пришел в одиннадцатый час; для последних, чтобы они познали, что и в короткое время можно все приобрести. Так как раньше Господь говорил о великой ревности, об оставлении имений и о пренебрежении всего находящегося на земле, а для этого потребно великое мужество и юношеская ревность, то чтобы возжечь в слушателях пламя любви и волю сделать твердой, Он показывает, что и после пришедшие могут получить награду за целый день. Этого, впрочем, Он не говорит, чтобы они опять не возгордились; но показывает, что все зависит от Его человеколюбия, по которому и они не будут отвергнуты, но будут удостоены вместе с другими неизреченных благ. И это-то составляет главную цель настоящей притчи. Если далее Он присовокупляет: "**так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных**", - то не удивляйся этому. Это Он высказывает не как заключение, выведенное из притчи, а утверждает лишь то, что как

сбылось одно, так сбудется и другое. Здесь первые не сделались последними, но все получили одну награду, сверх всякой надежды и ожидания. Но как здесь, сверх чаяния и надежды, сбылось то, что последние сравнялись с первыми, так сбудется и еще большее и удивительнейшее, т. е., что последние окажутся впереди первых, а первые останутся за ними. Итак, одно выражает притча, другое - послесловие. Кажется мне, что Он указывает здесь на иудеев и на тех из верных, которые, просияв сначала добродетелью, после ней вознерадели и опять обратились к пороку; равно как и на тех, которые, удалившись от беззакония, многих превзошли добродетелями. И, действительно, мы видим, что такие перемены случаются и в вере, и в образе жизни.

Потому умоляю вас, будем прилагать великое старание о том, чтобы нам пребывать и в правой вере и вести жизнь добродетельную. Если мы с верой не соединим достойной жизни, то подвергнемся жесточайшему наказанию. Это подтвердил блаженный Павел опытом древних времен, когда он, говоря об израильтянах, что "**все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питье**" (1 Кор. 10:3-4), присоединяет далее, что они не спаслись: "**ибо они поражены были в пустыне**" (1 Кор. 10:5). И сам Христос в евангелии подтвердил то же, когда сказал, что некоторые люди, изгонявшие бесов и пророчествовавшие, осуждены будут на казнь. Да и все притчи Его, как-то: притча о девах, о неводе, о тернии, о дереве, не приносящем плода, требуют, чтобы мы были добродетельны на деле. О догматах Господь редко рассуждает (так как верить им не трудно), но о жизни добродетельной - очень часто, или лучше сказать, всегда, так как на поприще ее предстоит всегдашняя брань, а потому и труд. И что я говорю о совершенном пренебрежении добродетели? Даже нерадение о малейшей части ее подвергает великим бедствиям. Так небрежение о подаянии милостыни ввергает небрегущего о том в геенну, хотя это не вся добродетель, а только часть ее. И, однако, девы за то, что не имели этой добродетели, были наказаны, и богач за то же страдал в пламени, и все те, которые не напитали алчущего, осуждаются с дьяволом. Равным образом, и не укорять других есть малейшая часть добродетели, - однако же, кто ее не исполняет, тот изгнан будет из Царства. "**Кто же скажет брату своему**", говорит Писание, "**безумный, подлежит геенне огненной**" (Матф. 5:22). И целомудрие, опять, есть часть добродетели; но без нее никто не увидит Господа: Писание говорит: мир имейте и святыню со всеми, их же кроме никто же узрит Господа (Евр. XII, 4). Смиренномудрие есть также часть добродетели; но если бы кто другие добродетели исполнил, а этой не соблюл, тот не чист перед Богом. Это показывает пример фарисея, который был украшен многими добродетелями, но гордостью погубил все. Я еще гораздо более скажу: не только пренебрежение одной какой-либо добродетели заключает для нас небо; но хотя бы мы и исполнили ее, но не с должным тщанием и ревностью, и это производит такие же следствия. "**Если праведность ваша не превзойдет**", говорит Христос, "**праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**" (Матф. 5:20). Потому если ты и милостыню подаешь, но не более той, какую они подавали, то не войдешь в царствие. Как же великую милостыню, спросит кто-либо, они подавали? Я и сам хочу говорить теперь об этом для того, чтобы не дающих милостыни побудить к подаянию ее, а дающих предохранить от высокомерия и заставить подавать еще более. Итак, что фарисеи давали? Они давали десятину от всего имущества, и еще другую десятину, и сверх того еще третью, так что отдавали почти третью часть своего имения, - ведь три десятины и составляют почти третью часть всего имения. Сверх того они приносили еще начатки первородных животных, и много других жертв, каковы, например, жертвы о грехе, об очищении, - жертвы, совершаемые при праздниках, во время юбилея, при оставлении долгов, при отпущении рабов и при займах без роста. Если же дающий третью часть имений своих, или лучше - половину (эти приношения, взятые вместе с десятинами, и составляют половину), если, говорю, дающий половину не делает ничего великого, то

чего будет достоин тот, кто не подает и десятины? Справедливо поэтому сказал Господь, что не многие спасутся.

5. Итак, приложим попечение о добродетельной жизни. Если нерадение об одной какой-либо добродетели влечет за собой такую погибель, то, как избежим мы наказания, когда будем подлежать осуждению за нерадение обо всех? Каких не потерпим мучений? Какая же после этого, скажут, остается нам надежда спасения, когда все вышесказанное, каждое в отдельности, угрожает нам геенной? И я говорю то же. Впрочем, если мы будем внимательны, то можем спастись, приготовляя врачевство милостыни и исцеляя (им) раны. Подлинно, не столько елей укрепляет тело, сколько человеколюбие укрепляет душу и делает ее ничем непобедимой и неуловимой для дьявола. За что бы он ни взял ее, она тотчас ускользает от него, - милосердие, как елей, не попускает держаться руке его на хребте нашем. Итак, будем чаще намащивать себя этим елеем: он основание здоровья, источник света и причина веселья. Но иной, скажешь ты, столько-то и столько имеет талантов золота, и ничего не подает. А что тебе до этого? Тем более будешь иметь похвалы ты, когда при своей бедности будешь щедрее него. Так хвалил македонян Павел не за то, что они подали помощь, но за то, что подали ее, находясь в бедности. Итак, не на других взирай, но на общего всех Учителя, Который не имел, где головы приклонить. Но почему же, скажешь ты, такой-то и такой-то этого не делают? Не суди другого, а себя самого избавь от осуждения. Ты еще большему подвергнешься наказанию, когда и других будешь порицать, и сам не будешь делать, - когда, осуждая других, и сам будешь повинен тому же суду. Если и тем, которые сами исполняют свои обязанности, не дано права судить других, то тем более нарушающим их. Итак, не будем осуждать других, и не будем смотреть на ленивых, но посмотрим лучше на Господа Иисуса и возьмем пример с Него. Я ли тебя облагодетельствовал? Я ли искупил тебя, чтобы ты взирал на меня? Нет! Есть другой, все это тебе Даровавший. Для чего же ты, оставив Владыку, смотришь на подобного тебе раба? Или ты не слыхал, что Он говорил: "**научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем**" (Матф. 11:29)? И еще: "**кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугой**"; и еще: "**так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить**" (Матф. 20:26,28)? Кроме того, чтобы ты, соблазняясь примером ленивых рабов, подобных тебе, не проводил жизнь в праздности, Он, отклоняя тебя от этого, говорит: "**Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам**" (Иоан. 13:15). Ты не имеешь никакого учителя добродетели между людьми, живущими с тобой, который бы мог тебя в этом деле руководствовать? Но тем более тебе будет похвалы, более славы, что ты и без учителей сделался достойным славы. А достигнуть этого мы можем весьма легко, если захотим. В том удостоверяют нас достигшие такого совершенства праотцы наши, как-то: Ной, Авраам, Мелхиседек, Иов и другие, подобные им; на них-то и должны мы всякий день взирать, а не на тех, кому вы не перестаете завидовать и о ком говорите в ваших собраниях. Я только и слышу повсюду такие разговоры, что такой-то получил во владение столько-то и столько десятин земли, такой-то богатеет, тот строит дом. Для чего ты занимаешься внешним, о, человек? Для чего смотришь на других? Если хочешь смотреть на других, то смотри на тех, которые живут добродетельно и честно, которые ревностно исполняют весь закон, а не на тех, которые претыкаются и живут бесчестно. Если ты будешь смотреть на последних, то получишь от этого много зла, - впадешь в леность, в гордость, и станешь осуждать других; а если будешь исчислять живущих добродетельно, то приобретешь смиренномудрие, тщание, сокрушение сердца, и другие бесчисленные блага. Внемли, как пострадал фарисей за то, что, оставив добрых, смотрел на грешного; внемли и бойся. Смотри, как прославился Давид потому, что взирал на предков своих, добродетельно живших. "**Странник**", говорит он, "**я у Тебя и пришелец, как и все отцы мои**" (Пс. 38:13). И он, и все подобные ему, оставив грешных, помышляли о мужах прославившихся добродетелью. Поступай и ты так. Тебя никто не поставил судьей чужих проступков, или исследователем

чужих грехов. Ты должен судить себя самого, а не других: "**если бы мы**", говорит апостол, "**судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа**" (1 Кор. 11:31-32). А ты извратил этот порядок. От себя ни в великих, ни в малых согрешениях не требуешь никакого отчета, а в других всякое прегрешение тщательно замечаешь. Итак, не будем же более делать так, но, оставив такой беспорядок, поставим судилище в нас самих для суждения о своих грехах, сами будем и обвинителями, и судьями, и наказывающими свои проступки. Если же хочешь испытывать и дела других, то рассматривай добрые дела их, а не грехи, - чтобы, побуждаясь и воспоминанием о своих согрешениях, и ревностью к подвигам других, и представлением нелицеприятного суда, нам ежедневно наказываться совестью, как неким бичом, и, таким образом, преуспевая в смиренномудрии и рвении, достигнуть будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 65

"И, восходя в Иерусалим, Иисус дорогой отозвал двенадцать учеников одних, и сказал им: вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть; и предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие; и в третий день воскреснет" (Матф. 20:17-19).

1. Не тотчас по выходе из Галилеи Иисус пришел в Иерусалим. Во время пути Своего Он произвел много чудес, посрамил фарисеев и рассуждал с учениками - о нестяжательности: "**если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое**" (Матф. 19:21); о девстве: "**кто может вместить, да вместит**" (Матф. 19:12); о смиренномудрии: "**если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное**" (Матф. 18:3); о воздаянии в настоящей жизни: "**всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, получит во сто крат**" (Матф. 19:29) в настоящем веке, и о наградах в будущей: "**и наследует жизнь вечную**" (Матф. 19:29); тогда уже приближается к этому городу, и перед вступлением в него опять беседует с ними о страдании Своем. Не желая, чтобы страдание это совершилось, ученики легко могли забывать о нем. Поэтому Христос непрестанно напоминает им, чтобы частым напоминанием приучить их ум помышлять об этом и смягчить их скорбь. Не без причины Он рассуждает с ними об этом и наедине. Не нужно было распространять об этом молву в народе и говорить открыто, потому что отсюда не произошло бы никакой пользы. Если ученики, слыша о страданиях, возмутились, то гораздо более возмутился бы простой народ. Но что же, - скажешь ты, - разве это не было открываемо народу? Было открываемо и народу, но не так ясно. "**Разрушьте**", говорил Он народу, "**храм сей, и Я в три дня воздвигну его**" (Иоан. 2:19); или еще: "**род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка**" (Матф. 12:39); и еще следующими словами: "**еще недолго быть Мне с вами; будете искать Меня, и не найдете**" (Иоан. 7:33-34). А к ученикам говорил не так, но открыл им и эту истину, равно как и другие, гораздо яснее. Для чего же Господь и говорил, если народ не понимал силы слов Его? Для того чтобы он узнал впоследствии, что Иисус Христос предвидел Свое страдание, и добровольно шел на него, а не так, как бы не знал этого, или против воли. Ученикам же предсказывал не только с этой целью, но, как я сказал выше, и для того, чтоб они, укрепленные ожиданием, тем удобнее перенесли Его страдание, и чтобы нечаянное приближение последнего не привело их в крайнее смущение. Вот почему Он сначала говорил им только о смерти Своей; а когда они начали помышлять об этом и приготавливать себя к ней, тогда раскрывает им и все прочие обстоятельства, как-то: что Его предадут язычникам, надругаются над Ним и будут бить, - для того, чтобы они, видя исполнение печальных предсказаний, ожидали в силу этого и воскресения. Если Христос не скрыл обстоятельств

печальных и, по-видимому, унизительных для Его чести, то естественно нужно было верить Ему и касательно благоприятных предсказаний. Но смотри и на то, как Он мудро избирает и самое время для такой беседы. Не с самого начала Он объявил им о страданиях, чтобы не смутить их, но и не в самое время события, чтобы и этим не привести в смятение. Но когда они уже довольно видели опытов Его всемогущества, когда Он дал им великие обетования о жизни вечной, - тогда, и притом не однажды или два раза, но часто среди чудес и наставлений говорит им и о страданиях. Один евангелист говорит, что он приводил в свидетельство и пророков; а другой утверждает, что ученики не разумели сказанного: "**слова сии были для них сокровенны**" (Лук. 18:34), и что они в ужасе следовали за Ним. Итак, скажут, от предсказаний не произошло никакой пользы: если ученики не разумели слышанного, то не могли и ожидать; а если не ожидали, то и не укреплялись надеждой. А я со своей стороны представлю и другое, гораздо труднейшее сомнение, именно - что если они не разумели, то почему же скорбели? Другой евангелист говорит ведь, что они скорбели. Итак, если они не разумели, то, как же скорбели? Как Петр говорил: "**будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобой**" (Матф. 16:22)? Что ж на это должно сказать? То, что хотя они и не знали ясно тайны домостроительства, не имели ясного знания ни о Его воскресении, ни о тех действиях, которые Он намерен был совершить после того, - это было скрыто от них, - но что Он умрет, это они знали, и потому скорбели. Что иные других воскрешают, это они видели; а чтобы кто-нибудь сам себя воскресил, и так бы воскрес, чтобы никогда после того не умирать, - такого чуда никогда не видали. Этого-то именно они и не понимали, хотя Он и часто говорил о том. Равно и о самой смерти, какая она будет и как случится, ясно не знали, а потому и боялись, когда шли за Ним. И не это только приводило их в страх, но, как мне кажется, Господь навел на них ужас и Своей беседой о страдании.

2. Впрочем, все это не имело над ними такого действия, чтобы сделать их мужественными, хотя они и часто слышали о воскресении Его. Кроме Его смерти их устрашало особенно то, что над Ним будут ругаться, Его будут бить, и делать тому подобное. Представляя себе чудеса Его, исцеления бесноватых, воскрешение мертвых и все другие чудеса Его, а потом, слыша такие предсказания, они изумлялись, и недоумевали: неужели сотворивший все это должен подвергнуться таким мучениям? Потому-то они и недоумевали, и то верили, то не верили словам Его, и не могли понять их. Эта темнота разумения их была так велика, что сыны Зеведеевы приступили к Нему в то же самое время, и разговаривали с Ним о председании. "**Желаем**", - говорили они, - "**сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую в славе Твоей**" (Марк. 10:35-36). Как же, скажешь ты, евангелист говорит, что приступила мать? И то, и другое справедливо. Они взяли с собой и мать, чтобы придать более силы своей просьбе и преклонить через нее Христа. А что сказанное мной справедливо, т. е., что эта просьба больше принадлежала им, и что они от стыда взяли с собой мать, - это видно из того, что Христос к ним простирает Свое слово.

Но прежде узнаем, чего они просят, с каким намерением и по какому побуждению. Итак, откуда им пришла такая мысль? Они видели себя в большей чести перед другими, и потому надеялись, что Господь исполнит и эту их просьбу. Но чего они просят - послушай другого евангелиста, подробно повествующего об этом. Они находились близ Иерусалима, говорит он, и представляли, что царство Божье уже открывается; потому и предложили свою просьбу. Они думали, что оно близко, что оно чувственно и что, если они получат то, чего просят, то не подвергнутся никаким неприятностям. Они искали царства Божьего не только для того, чтобы получить его, но и для того, чтоб избежать скорбей. Потому и Христос, прежде всего, отклоняет их от таких помышлений, повелевая ожидать смерти, опасностей и жесточайших бедствий. "**Можете ли**", говорит Он, "**пить чашу, которую Я буду пить**" (Матф. 20:22)? Впрочем, никто не должен смущаться, видя

апостолов такими несовершенными: ведь крест еще не совершился, благодать Духа им еще не была дана. Если же хочешь познать добродетель их, то смотри на их последующую жизнь и увидишь, что они были выше всех страстей. Господь для того и открывает недостатки их, чтобы ты узнал впоследствии, насколько великими они сделались по получении благодати. Итак, отсюда видно, что они не просили ничего духовного, даже не имели и понятия о высшем царстве. Теперь посмотрим, как они приходят и что говорят. "**Желаем**", говорят они, "**чтобы Ты сделал нам, о чем попросим**" (Марк. 10:35). И, в ответ на это, Христос спрашивает их: "**что хотите**"? - не потому, чтобы не знал, но чтобы вынудить их самих к ответу, открыть рану, и затем дать соответствующее лекарство. Они же, стыдясь и краснея, так как побуждены были страстью человеческой, отозвав Его от прочих учеников, начали предлагать свою просьбу. Евангелист говорит, что они зашли вперед, чтобы, т. е., не обнаружить себя перед прочими, и тут открыли свое желание. Желание же их, как я думаю, состояло в том, чтобы занять первые престолы, так как Христос говорил им: "**сядете и вы на двенадцати престолах**" (Матф. 19:28). Они сознавали свое преимущество перед другими; опасались только Петра, и потому говорят Ему: "**скажи, чтобы сел у Тебя один по правую сторону, а другой по левую**" (Матф. 20:21); и словом – "**скажи**" (Марк. 10:37) понуждают Его. Что же Он отвечает? Показывая, что они просят не чего-либо духовного, и что если бы знали, о чем просят, то не дерзнули бы и просить этого, Он отвечает: "**не знаете, чего просите**" (Марк. 10:38), - т. е. не знаете, как велик, как чуден, как недостижим для самих горних сил предмет ваших требований. Потом присовокупляет: "**можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь**" (Марк. 10:38)? Смотри, как тотчас же удаляет Он их от той мысли, начиная рассуждать с ними о противном. Вы напоминаете Мне о чести и венцах, говорил Он, а Я говорю о подвигах и трудах, вам предлежащих. Еще не наступило время наград, и не теперь откроется та слава Моя; настоящее время есть время смерти, браней и опасностей. И смотри, как самым вопросом Он и увещевает их, и привлекает. Не сказал: можете ли идти на смерть? Можете ли пролить кровь свою? Но что говорит? "**Можете ли пить чашу**"? Потом, чтобы привлечь их, присоединяет: "**которую Я пью**", - чтобы через это общение с Собой возбудить в них более усердия. Он называет это еще "**крещением**", показывая тем, что долженствующее теперь совершиться послужит для вселенной великим очищением. Потом ученики отвечают Ему: "**можем**" (Марк. 10:39). В пылу усердия, они тотчас изъявили согласие, не зная того, что сказали, но, надеясь услышать согласие на свою просьбу. Что же Господь говорит им? "**Чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься**" (Марк. 10:39). Он предсказал им великие блага, то есть: вы удостоитесь мученичества, пострадаете так же, как и Я, закончите жизнь насильственной смертью, и в этом будете Моими участниками. "**Дать сесть у Меня по правую сторону и по левую - не от Меня зависит, но кому уготовано Отцом Моим**" (Матф. 20:23).

3. Возвысив души просивших, устремив их к горнему и сделав непреодолимыми для печали, Господь исправляет потом и их просьбу. Но что значат эти слова? Многие предлагают здесь два вопроса: во-первых, в самом ли деле некоторым уготовано сесть одесную Его? Во-вторых, неужели Господь всего не имеет власти дать это тем, которым уготовано? Итак, что же значит сказанное? Если мы разрешим первый вопрос, то и второй будет ясен для вопрошающих. Что же значит сказанное? То, что никто, ни с правой, ни с левой стороны Его, не будет сидеть. Престол этот недоступен ни для кого, не только для людей, как-то: святых и апостолов, но и для ангелов, и для архангелов, и для всех высших сил. Павел поставляет это отличительным преимуществом Единородного, говоря: "**кому когда из Ангелов сказал Бог: сиди одесную Меня? Об Ангелах сказано: Ты творишь Ангелами Своими духов. А о Сыне: престол Твой, Боже**" (Евр. 1:13,7,8). Как же Он говорит: "**Дать сесть у Меня по правую сторону и по левую - не от Меня зависит**" (Матф. 20:23)? Не показывает ли это, что некоторые будут сидеть? Нет. Он только дает

ответ сообразно разумению вопрошавших, снисходя к их слабости. Они не понимали, что это за высокий престол, что это за сидение одесную Отца; они не знали, даже и того, что было гораздо ниже того, - что каждодневно было им внушаемо; они искали только первенства, чтобы стать выше прочих и никого не иметь выше себя при Нем. Об этом я и прежде упоминал уже, говоря, что поскольку они слышали о двенадцати престолах, то, не понимая, что значат эти слова, искали председания. Итак, смысл слов Христовых следующий: хотя вы умрете за Меня, и закланы будете за проповедь, и сделаетесь Моими участниками в страдании, однако же, этого вам недостаточно будет для получения председания и первого достоинства. И если бы пришел кто-нибудь, претерпевший мученическую смерть и украшенный всеми родами добродетели в высшей степени перед вами, то, несмотря на то, что Я люблю вас теперь и предпочитаю другим, Я не соглашусь отвергнуть последнего свидетельствуемого делами своими, и дать вам первенство. Правда, Господь не сказал им так прямо, чтобы не опечалить их; но прикровенно Он высказывает то же самое, говоря: "**чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься, но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую - не от Меня зависит, но кому уготовано Отцом Моим**" (Матф. 20:23). Кому же уготовано? Тем, которые прославятся своими делами. Потому-то Он и не сказал: не в Моей власти дать, но во власти Отца, - чтобы не почел кто-нибудь Его слабым и не имеющим власти делать воздаяние. Но как сказал? "**Не от Меня зависит, но кому уготовано**". Чтобы представить сказанное мной в большей ясности, объясним это примером. Вообразим себе председателя ристалища; представим, что из многих отличных подвижников, вышедших на это ристалище, двое весьма близкие к нему, надеясь на его расположение к себе и любовь, подходят к нему и говорят: сделай, чтобы мы были увенчаны и объявлены победителями! - а он бы сказал им: не в моей власти сделать это; награда принадлежит тем, которым она приготовлена за труды и подвиги. Неужели мы назовем его за это бессильным? Никак. Напротив, мы похвалим его за справедливость и беспристрастие. Итак, подобно тому как сказали бы о начальнике ристалища, что он не дал венца не потому, что не мог, но потому, что не хотел нарушить закона ратоборства и извратить порядка справедливости, так и я могу сказать о Христе, что Он сказал это, желая всячески побудить Своих учеников к тому, чтобы они надежду спасения и прославления, после благодати Божьей, полагали в собственных добрых делах. Потому-то Он и говорит: "**кому уготовано**" (Матф. 20:23). Что если, - как бы говорит Он, - другие окажутся лучше вас? Если они более вас потрудятся? Неужели вы за то только, что были Моими учениками, должны получить первенство, хотя бы сами и не оказались достойными такого преимущества? А что Он имеет власть над всем, это видно из того, что в руках Его весь суд. И Петру Он говорит так: "**дам тебе ключи Царства Небесного**" (Матф. 16:19). И Павел, то же самое подтверждая, сказал: "**теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судья, в день оный**" (2 Тим. 4:8); явлением Христовым называется здесь бывшее пришествие Его. А что Павла никто не превзойдет, это известно всякому. Если же Господь и не ясно сказал об этом, то не удивляйся тому. Удаляя их искусным образом от того, чтобы они безрассудно и напрасно не наскучивали Ему исканием первенства, - так как они побуждены были к тому страстью человеческой, - и вместе не желая опечалить их, Он достигает такой неясностью и того, и другого. "**Тогда услышав сие, прочие десять вознегодовали на двух**" (Матф. 20:24, Марк. 10:41). Когда же – "**тогда**"? Когда Господь укорил искавших первенства. Пока Христос произносил Свой суд над ними, прочие не негодовали, но и видя, что тех предпочитают, оставались в покое и молчали, из стыда и почтения к Учителю; если же внутренне и скорбели, то не смели, однако же, этого обнаружить. Подобным образом и на Петра, когда он отдал две дидрахмы, хотя и смотрели по-человечески, не негодовали, а только спросили: "**кто больше в Царстве Небесном**" (Матф. 18:1)? Но здесь, так как просили сами ученики, они негодуют на них. Впрочем, и здесь не тотчас обнаружили свое негодование. Когда те

начали просить; но тогда уже, когда Христос укорил их и сказал, что они не получат первенства, если не окажут себя достойными его.

4. Видишь ли, как все они были несовершенны, - как эти двое, желавшие возвысится над десятью, так и те, завидовавшие двоим? Но я сказал уже: посмотри на их последующую жизнь, и ты увидишь их свободными от всех этих страстей. Послушай, как тот же Иоанн, который подходит теперь к Иисусу для испрашивания первенства, всегда уступает его потом Петру и в проповеди, и в творении чудес, как то видно из Деяний Апостольских, и не скрывает его знаменитых дел, но упоминает и о его исповедании, которое он произнес тогда, когда все молчали, и о входе во гроб, и ставит этого апостола выше себя самого. Тогда как оба они были при Распинаемом, Иоанн, презирая собственную славу, говорит: "**ученик же сей был знаком первосвященнику**" (Иоан. 18:15). Что же касается Иакова, то он, хотя не долго жил, но и в самом начале так воспламенился ревностью, что презрел все человеческое, достиг высоты неизреченной и тотчас удостоился заклания мученического. Так после сделались все они совершенными во всех добродетелях; но тогда негодовали. Как же поступает Христос? "**Подозвав их**", говорится, "**сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними**" (Матф. 20:25). Так как они смутились, то Господь прежде словесного убеждения успокаивает их самым призыванием и повелением подойти к Нему ближе. Так как те два ученика, отделившись от десяти, стояли ближе к Иисусу, разговаривая с Ним наедине, то Он подзывает и прочих, чтобы и этим самым, равно и тем, что желает открыть всем сказанное наедине, умерить страсть и тех и других. Впрочем, теперь Господь вразумляет учеников не так, как прежде. Прежде Он выводил на середину детей и повелевал ученикам подражать их простоте и смирению, а теперь в обличение их выставляет более резкое противоположение, говоря: "**князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугой; и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом**" (Матф. 20:25-27). Этими словами Он показывает, что желать первенства свойственно только язычникам. Действительно страсть эта слишком насильственна; она постоянно удручает и великих людей, - потому требовала и сильнейшего отражения. Потому-то и Он поражает их в самой глубине сердечной, стыдя надмевающийся дух их сравнением с язычниками. В одних уничтожает зависть, а в других гордость, как бы так говоря им: не негодуйте на них, как обиженные: те, которые так ищут первенства, более посрамляют самих себя: они находятся в числе последних. У нас не то, что у язычников. "**Князья народов господствуют над ними**": а у Меня последний есть первый. А что Я говорю это не просто, смотри доказательство тому в Моей жизни: я сделал более, нежели сколько сказал. Будучи Царем высших сил, я восхотел быть человеком и подвергнуться презрению и поруганию; но и этим не удовольствовался, а пришел и на самую смерть. Потому далее и говорит: "**так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих**" (Матф. 20:29). Как бы так сказал: Я не остановился на том только, чтобы послужить, но и душу Свою отдал в искупление; и за кого же? За врагов. Ты, если смиряешься, смиряешься для себя самого, а Я смиряюсь для тебя. Итак, не опасайся потерять честь свою через это. Сколько бы ты ни смирялся, никогда не можешь смириться настолько, насколько смирился Владыка твой. Однако это уничижение Его сделалось возвышением для всех, и открыло славу Его. Прежде, нежели Он сделался человеком, известен был одним ангелам; а когда стал человеком и был распят, тогда не уменьшил ту славу, которую имел, но и приобрел новую, будучи познан вселенной. Не бойся же потерять честь свою оттого, что ты смиряешься; смирением более возвысится и распространится слава твоя. Оно есть дверь к Царству. Зачем же идти в противоположную дверь? Зачем вооружаться против самих себя? Если мы захотим казаться великими, не сделаемся великими, но будем бесчестнее всех. Видишь ли, как Господь всегда старается на них подействовать примерами противными, но дает и то, чего они желают? Мы уже и

прежде много раз замечали это. Так поступил Он с любостяжателями и с искателями суетной славы. Для чего, говорил Он, ты творишь милостыню перед человеками? Для того чтобы наслаждаться славой? Не поступай таким образом, и ты насладишься этой славой вполне. Для чего ты собираешь сокровища? Для того чтобы обогатиться? Не собирай сокровищ, и ты непременно обогатишься. Так поступает Он и здесь. Для чего ты, говорит Он, желаешь первенства? Для того ли, чтобы быть выше других? Избери же последнюю степень, и тогда получишь первенство; если желаешь быть великим, не ищи величия, - и тогда будешь велик. Унижение-то и составляет величие.

5. Видишь ли, как Он исцеляет их от их болезни, показывая им, что они на своем пути только теряют, а на этом приобретают, и, побуждая, таким образом, одного удаляться, а другим идти? И о язычниках напоминает им для того, чтоб показать через это низость и гнусность честолюбия. Гордый необходимо унизится, а смиренный, напротив, возвысится; величие смиренного есть величие истинное и подлинное, а не то, которое состоит в одних словах и наименованиях. Внешнее величие есть плод принуждения и страха, а это подобно величию Божьему. Снискавший это последнее, хотя бы никто ему и не удивлялся, остается велик; напротив, приобретший только первое, хотя бы все раболепствовали перед ним, всех ниже. Честь, воздаваемая последними, воздается по принуждению, и потому легко теряется; а честь, которую воздают первому, зависит от доброго произволения, а потому и сохраняется постоянно. Так и святых мы почитаем за то, что они, будучи выше всех, перед всеми смиряли себя; потому-то они и доселе остаются высоки, и величия их не потребила и самая смерть. Если вы хотите, то мы подтвердим сказанное и доказательствами разума. Высоким называют кого-нибудь или тогда, когда он имеет высокий телесный рост, или когда стоит на высоком месте, а низким в противных случаях. Теперь рассмотрим, кто действительно высок: гордый ли, или смиренный, - чтобы тебе удостовериться в том, что нет ничего выше смиренномудрия, и нет ничего ниже гордости. Гордый обыкновенно почитает себя выше всех и не признает никого равным себе, и какой бы он ни пользовался честью, всегда желает и домогается большей; думает, что он еще ничего не получал; презирает людей и ищет от них почтения. Что может быть безрассуднее этого? Это что-то загадочное: человек ищет себе почтения от тех, которых почитает за ничто. Видишь ли, как желающий вознестись ниспадает и пресмыкается долу. А что он всех людей почитает за ничто в сравнении с собой, он сам это ясно обнаруживает: таково именно свойство надменности. Итак, для чего же ты прибегаешь к тому, который ничего не стоит? Для чего ищешь от него чести? Для чего имеешь при себе такое множество людей? Вот низкий, который и стоит на низком месте! Обратим же теперь внимание и на истинно высокого. Он знает, что значит человек; знает и то, что человек велик, и то, что сам он всех ниже. Потому, если пользуется и уважением, то почитает это за великое; он верен самому себе, постоянно высок, и никогда не переменяет своего мнения. Кого он признает великими, от тех и честь принимает за великое, хотя бы она была и не велика, потому только, что он их самих признает великими. Напротив гордый тех, которые почитают его, почитает за ничто, а честь, которую они ему воздают, дорого ценит. Еще: смиренный не уловляется никакой страстью; его не может возмутить ни гнев, ни любовь к славе, ни зависть, ни ревность. А что может быть выше души, чуждой этих страстей? Напротив гордый одержим всеми этими страстями, и пресмыкается как червь в грязи. И зависть, и ненависть, и гнев постоянно волнуют его душу. Итак, кто же истинно высок: тот ли, кто господствует над страстями, или тот, кто раболепствует им? Тот ли, кто трепещет и страшится их, или тот, кто недоступен для них и никак ими не уловляется? Какая птица летает выше, скажем мы: та ли, которая носится выше стрел ловца, или та, которая и без стрелы поддается ловцу, потому что летает по земле и не может подняться на высоту? Таков точно и гордый: его каждый силок удобно ловит, потому что он пресмыкается по земле.

6. Если же ты хочешь, то можешь видеть то же и из примера злого духа. Что ниже дьявола гордого, и что выше человека смиряющего себя? Тот пресмыкается по земле, находясь под нашей пятой ("**даю вам власть наступать**", говорится, "**на змей и скорпионов**" - Лук. 10:19; Псал. 90:13), а этот находится с ангелами на небесах. Если же ты хочешь знать то же из примера людей гордых, то представь себе того варвара, который имел великое войско и не знал даже того, что всем известно, как например: что камень есть камень и идолы - идолы, а потому был ниже этих самых вещей. Напротив благочестивые и верные возносятся выше солнца; а потому, что может быть выше их? Они перелетают самые своды небесные и, оставив за собой ангелов, предстоят самому престолу Царя. Наконец, чтобы тебе еще более увериться в низости гордых, я спрошу тебя: кто унижается, - тот ли, кому вспомоществует Бог, или тот, кому Он противится. Итак, слушай, что говорит Писание о том и другом: "**Бог гордым противится, а смиренным дает благодать**" (1 Петр. 5:5). Еще спрошу тебя о другом: кто выше, - священнодействующий ли и приносящий жертву перед Богом, или тот, кто не имеет дерзновения приступить к Нему? Но ты скажешь: какую жертву приносит смиренный? Послушай Давида, который говорит: "**жертва Богу - дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже**" (Псал. 50:19). Видишь ли чистоту смиренного? Обрати же внимание и на нечистоту гордого. О нем говорит Писание: "**нечист пред Богом всякий надменный сердцем**" (Прем. Солом. 16:5). Притом в первом обитает сам Бог: "**на кого Я призрю**", говорит Он, "**на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего перед словом Моим**" (Иса. 66:2), а последний мучится вместе с дьяволом, - надменный потерпит то же, что и дьявол. Потому и Павел говорит: "**чтобы не возгордился и не подпал осуждению с дьяволом**" (1 Тим. 3:6). Таким образом, с ним случится противное тому, чего он желает. Он хочет гордиться для того, чтобы его почитали; а между тем, если кто более всех подвергается презрению, то это он. Если кто подвергается насмешкам, вражде и ненависти у всех, если нападают на кого враги, если кто подвергается гневу, является нечистым перед Богом, - так это больше всего гордецы. Что же может быть хуже этого? Это - верх зла. Напротив, что любезнее смиренных? Что блаженнее их, когда они любезны и приятны Богу, да и у людей они же более наслаждаются славой: все почитают их как отцов, любят как братьев, принимают их как своих? Итак, будем смиряться, чтобы нам вознестись. От великой гордости происходит унижение и безумие. Так унижен был фараон. "**Не знаю Господа**", сказал он (Исход. 5:2; 14:24), и за это сделался презреннее мышей, лягушек и мух, и вскоре после того потонул с оружием своим и конями. Не то было с Авраамом: "**я, прах и пепел**", говорил он (Быт. 18:27), и потому одержал победу над бесчисленными неприятелями; будучи у египтян, возвратился от них с победой, славнейшей прежней, и, снискав столь великую добродетель, навсегда остался великим. Потому-то его везде воспевают, ублажают и прославляют. А фараон - земля, пепел, и даже хуже того. Подлинно Бог ничего так не отвращается, как гордости. Потому-то он еще изначала так все устроил, чтобы истребить в нас эту страсть. Для этого мы сделались смертными, живем в печали и сетовании; для этого жизнь наша проходит в труде и изнурении, обременена непрерывной работой. Первый человек впал в грех от гордости, возжелав быть равным Богу, и за то не удержал и того, что имел, но лишился и того. Таковы плоды гордости! Она не только не доставляет нам никакой пользы, но лишает и того, что имеем. Напротив, смиренномудрие не только не отнимает у нас того, что имеем, но еще доставляет и то, чего не имеем. Итак, возревнуем об этой добродетели, потщимся стяжать ее, чтобы нам насладиться и в этой жизни честью, и приобрести будущую славу, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с. Которым Отцу слава, держава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 66

“И когда выходили они из Иерихона, за Ним следовало множество народа. И вот, двое слепых, сидевшие у дороги, услышав, что Иисус идет мимо, начали кричать: помилуй нас, Господи, Сын Давидов” (Мф. 20:29,30)!

1. Смотри, откуда идет Спаситель в Иерусалим, и где прежде этого находился: это, по моему мнению, стоит особенного внимания. В самом деле, почему оттуда прежде не пошел Он прямо в Галилею, но через Самарию? Но оставим это любопытным; кто захочет тщательно испытать, тот увидит, что евангелист Иоанн делает на это достаточный намек и приводит причину. Что же касается до нас, мы будем говорить, что следует, и послушаем вышеупомянутых слепцов, которые были лучше многих зрячих. Они, не имея вожатая и не могши видеть приближающегося Господа, имели однако сильное желание дойти до Него, и начали кричать; и тогда как посторонние запрещали им это, они еще более усиливали свой вопль. Вот что значит душа сильная! Самые препятствия доводят ее до цели. И Христос не запрещал заграждать им уста, чтобы чрез это еще более обнаружилось их усердие, и чтобы ты знал, что они достойны были получить исцеление. Оттого Он и не спросил у них: “веруете ли”? - как обыкновенно поступал с другими. Самый крик и усердное желание подойти к Нему уже очень ясно всем показывали их веру. Отсюда-то научись, возлюбленный, что сколько бы мы ни были ничтожны, отвержены, но, с истинным усердием приходя к Богу, сами собою можем испросить у Него все, что ни потребуется. Посмотри, как и эти слепцы, не имея даже ни одного из апостолов на своей стороне, и еще от многих слыша запрещение, победили все препятствия, пришли к самому Иисусу; и хотя евангелист не свидетельствует, чтобы их жизнь сколько-нибудь ручалась за их дерзновение, но вместо всего для них достаточно было одного усердия. Поревнуем и мы этим слепцам. Пусть Бог медлит ниспослать нам дары Свои, пусть многие отклоняют нас с пути молитвенного, - будем продолжать свою молитву: этим самым мы особенно и умилостивим Бога. Посмотри и здесь, как ни нищета, ни слепота, ни мысль слепцов, что они не будут услышаны, ни запрещение народа, - ничто не остановило их. Такова-то душа пламенная и терпеливая! Что же Христос? “**Подозвал их и сказал: чего вы хотите от Меня? Они говорят Ему: Господи! чтобы открылись глаза наши**” (ст. 32,33)! Для чего Он сделал такой вопрос слепцам? Для того, чтобы кто не подумал, что Он дает совсем не то, чего они хотят. Он везде наперед обыкновенно обнаруживал пред всеми доброе расположение просящих исцеления, и потом уже подавал исцеления, - с одной стороны для того, чтобы в других возбудить подобную ревность, с другой - для того, чтобы показать достоинство получающих дарование: так поступил он с женою хананейскою, так поступил с сотником, так поступил и с женою кровоточивою; вернее, впрочем, будет сказать, что эта чудная жена даже предупредила вопрос Господа, и однако Он и тут не оставил ее без внимания, но, исцелив, открыл другим сердце ее. Таким образом Он везде старался сперва обнаружить совершенства приходящих к Нему, и представить их гораздо даже большими, чем они были на самом деле. Так сделал и здесь с слепцами. Затем, когда они высказали свое желание, Он, умилосердившись над ними, прикоснулся к ним. Это милосердие было единственною причиною всех врачеваний; по нему-то Он и в мир пришел. Тем не менее, хотя Христос был и воплощенная милость и благодать, Он искал достойных. А что слепые были достойны, это видно как из их усиленного вопля, так и из того, что они, получив исцеление, не отстали от Христа, как делали многие не признательные к благодеяниям Его. Нет, эти слепцы не таковы: они и прежде дара постоянны, и после благодарны, - пошли вслед за Ним. “**И когда приблизились к Иерусалиму и пришли[1] в Виффагию к горе Елеонской, тогда Иисус послал двух учеников, сказав им: пойдите в селение, которое прямо перед вами; и тотчас найдете ослицу привязанную и молодого осла с нею; отвязав, приведите ко Мне; и если кто скажет вам что-нибудь, отвечайте, что они надобны Господу; и тотчас пошлет их. Все же сие было, да сбудется реченное через пророка, который говорит: Скажите дщери Сионовой: се, Царь твой грядет к тебе кроткий, сидя на ослице и молодом**

осле, сыне подъяремной” (Мф. 21:1-5). Часто и прежде Христос ходил во Иерусалим; но никогда не ходил с такою славою. Почему же так? Потому что тогда было еще начало строительства Его и сам Он не был столько известен; притом и время страданий еще не было близко. Поэтому он и жил, не отличаясь ничем от прочих, и по большей части скрывал Себя; иначе Его явление не было бы столь удивительно, а только бы возбудило в иудеях больший гнев. Когда же Он показал уже много опытов Своей силы, и крест был уже при дверях, тогда прославляет Себя решительнее и с большею торжественностью делает все, что могло воспламенить их. Конечно, это возможно было сделать и с самого начала, но было бы не нужно и бесполезно. А ты размысли со мною, сколько здесь чудес, и сколько исполнилось пророчеств? Христос сказал: “**найдете ослицу**”; и тут же предрек, что никто не будет препятствовать, но лишь услышат - замолчат. Это служило немалым обвинением против иудеев: если Христос и незнакомых Ему и не видавших Его заставляет отдавать свою собственность без всякого противоречия, и притом (не сам даже лично, а) чрез учеников, то насколько же виноваты оказываются иудеи, которые, будучи свидетелями стольких чудес, Им совершенных, не верили Ему.

2. И не считай этого события маловажным. В самом деле, что заставило этих бедных людей, может быть, земледельцев, без всякого противоречия отдать свою собственность? И что я говорю, - без противоречия? Даже и не спрашивая, или спросив, замолчать и уступить? Если они ничего не сказали, когда уводили их скот, или, если и сказали что-либо, но услышав, что Господь его требует, уступили без всякого противоречия, то и другое равно удивительно, тем более, что они не видели Его самого, а только учеников. Чрез это Господь дает разуметь, что Он всячески мог воспрепятствовать и жестоковыйным иудеям, когда они пришли схватить Его, и сделать их безгласными; но только не захотел этого. С другой стороны, Он научает учеников жертвовать всем, чего бы Он ни потребовал; если бы Он повелел отдать самую душу, и ею они должны пожертвовать без всякого противоречия. В самом деле, если незнакомые Ему повиновались Его требованию, то тем более они должны жертвовать Ему всем. Далее: Христос исполнил здесь еще двоякое пророчество - пророчество дел, и пророчество словес: пророчество дел, когда воссел на осла; пророчество словес - Захарии пророка, который сказал, что Царь будет сидеть на осляти. Воссев на осля, Он исполнил это последнее пророчество и, в то же время прообразуя Своими действиями будущее, дал другое пророчество. Каким же образом? Он предвозвестил призвание нечистых язычников, - что Он в них почиет, что они приидут к Нему и за Ним последуют. Таким образом, пророчество следовало за пророчеством. Впрочем, Христос, по моему мнению, не по этой только причине благоволил воссесть на осля, но и для того, чтобы подать нам правило жизни. Он не только исполнял пророчества и насаждал учение истины, но чрез это самое исправлял и нашу жизнь, везде поставляя нам за правило удовлетворять только крайним нуждам. Такое исправление нашей жизни Он везде имел в виду; так, когда благоволил родиться на земле, то не искал богато убранного дома, ни матери богатой и знаменитой, но избрал бедную, которая обручена была древоделателю; рождается в вертепе и полагается в яслях; избирая также учеников, избрал не ораторов и мудрецов, не богатых и славных, но и между бедными самых бедных, и нимало не знаменитых; равным образом, когда предлагал трапезу, то иногда предлагал хлеб ячменный, иногда пред самой только уже трапезой повелевал ученикам купить на рынке; вместо ложа употреблял траву; одеяние носил бедное, не отличающееся даже от одеяния самых простых людей; а дома даже и не имел; если Ему нужно было переходить с одного места в другое, то ходил пеший, и притом так, что иногда даже утомлялся; когда садился, не искал стула, ни мягкого возглавия, но сидел на голой земле, иногда на горе, иногда при источнике, и даже один; разговаривал и с самарянкой; также полагал меру и для самой печали: когда надлежало плакать, плакал тихо, повсюду, как я сказал, поставляя правила и границы, до которых позволительно доходить, но далее которых не должно идти. Так и теперь, если

бы случилось, что кто-нибудь, по немощи, имел нужду в животном, то Христос и в этом случае сделал ограничение, показывая, что не на конях, не на мулах надобно мчаться, но должно довольствоваться ослом, и никогда не простираться далее необходимого. Но посмотрим, как сбываются пророчества - и словами, и самым делом. Какое же это пророчество? "**Се, Царь твой грядет к тебе кроткий, сидя на ослице и молодом осле**". Не на колеснице едет, как обыкновенно поступают другие цари, не требует дани, не наводит Собою страха, не имеет копьеносцев, но и здесь показывает величайшую кротость. Спроси у иудея: был ли какой-нибудь царь, который бы на осляти въезжал в Иерусалим? Он не может указать тебе никого, кроме только Христа. Но Он, как я выше сказал, делал это в предзнаменование будущего. Здесь чрез осленка означается Церковь и народ новый, который был некогда нечист, но после того, как воссел на нем Иисус, соделался чистым. Заметь же, какая точность во всем прообразовании. Ученики отвязывают подъяремников: и иудеи, и мы призваны в новоблагодатную Церковь чрез апостолов, введены в нее тоже чрез апостолов. Наша блаженная и славная участь и в иудеях возбудила ревность: осел идет позади осленка. И действительно, после того, как Христос воссядет на язычников, тогда и иудеи, по чувству соревнования, придут к Нему, что ясно показывает Павел, говоря, "**что ожесточение произошло в Израиле отчасти, [до времени], пока войдет полное [число] язычников; и так весь Израиль спасется**" (Рим. 11:25,26). Итак, из сказанного видно, что это было пророчество. В противном случае не нужно бы было говорить пророку так подробно о возрасте осла. И не это только видно из сказанного, но и то, что апостолы приведут их без труда. И действительно, как здесь никто не препятствовал апостолам, когда они повели животных, так никто не мог воспрепятствовать им и в призвании язычников, когда они их уловляли. Далее: Христос садится не на нагого осленка, но на покрытого одеждою апостолов: это потому, что апостолы, взяв осленка, и свое все уже отдают, как и Павел говорит: "**Я охотно буду издерживать [свое] и истощать себя за души ваши**" (2 Кор. 12:15). Но обрати внимание и на послушание осленка, на то, как он, вовсе не обученный и не знавший еще узды, не помчался быстро, но шел тихо и спокойно. И это служило предзнаменованием будущего, выражая покорность язычников и скорую их перемену к благоустроенной жизни. Все это совершилось словом: "**отвязав, приведите ко Мне**"; и беспорядочное пришло в благоустройство, и нечистое сделалось чистым.

3. Но смотри на низость иудеев! Прежде, когда Христос так много делал чудес, они никогда столько Ему не удивлялись; теперь же, видя стекающийся народ, удивляются. "**И когда вошел Он в Иерусалим, -** говорится, **- весь город пришел в движение и говорил: кто Сей?**" (Мф. 21:10,11). И здесь, когда по видимому они говорили нечто высокое, их мысль была земная, самая низкая, пресмыкающаяся. Впрочем, Христос делал это не из тщеславия, но для того, чтобы, как я сказал, и пророчество исполнить, и преподать назидательное наставление, а вместе с тем и утешить учеников, сетующих о Его смерти, давая и то знать, что Он все это терпит добровольно. Ты же подивись тому, с какою точностью все предсказано пророками: иное Давидом, а иное Захариею. Будем и мы поступать так же, будем воспевать Его и подавать одежду тем, которые носят Его. В противном случае чего мы будем достойны? Если тогда, при входе Христа во Иерусалим, одни покрывали одеждою своею ослицу, на которой Он сидел, а другие постилали одежды ей под ноги, то неужели мы, которым повелено не только снимать одежды с себя, но и истощать все свое ради других, не окажем никакой щедрости, видя Его обнаженным? Там народ впереди и позади сопровождал Его: зачем же мы отсылаем Его, даже прогоняем с оскорблением, когда Он сам приходит к нам? Какого это достойно наказания, какого отмщения! Приходит к тебе нуждающийся Владыка, а ты не хочешь и выслушать Его просьбы, но еще осуждаешь и поносишь Его, слыша такие слова Его! Но если ты и на один хлеб и на несколько денег так бережлив, неподатлив и скуп, то что бы было с тобой, если бы потребовали от тебя всего? Не видишь ли ты, как наделяют распутных женщин

тщеславные люди в театре? А ты и половины этого, а часто и десятой доли, не подаешь. Когда дьявол повелевает давать кому попало, и за это между тем готовит геенну, ты даешь; а когда Христос повелевает давать нищим, обещая за это царствие, ты не только не подаешь, но еще обижаешь. Ужели ты согласишься лучше слушать дьявола, чтобы подвергнуться мучению, нежели повиноваться Христу, чтобы получить спасение? Что может быть хуже такого безумия? Один готовит геенну, другой - царствие: и вы, оставив этого, бежите к тому. Когда Христос приходит к вам, вы Его отсылаете, а дьявола сами приглашаете издалека. Это похоже на то, как если бы царь, предлагая порфиру и диадему, не склонил бы нас на свою сторону; а разбойник, потрясая мечом и угрожая смертью, успел бы то сделать. Итак, размышляя об этом, возлюбленные, откроем глаза свои хотя теперь, и начнем бодрствовать. Признаюсь, мне уже стыдно говорить о милостыне, так часто повторяя о ней и не видя плодов проповеди. Правда, против прежнего вижу больше плодов, но не столько, однако же, сколько бы желал. Вижу, что вы сеете, но не щедрою рукою; потому я опасаюсь, чтобы вы скудно и не пожали. А что мы сеем скудно, для того исследуем, если угодно, кого больше в городе: бедных или богатых, и много ли таких, которые ни бедны, ни богаты, но занимают средину между ними? Я полагаю, что десятая часть богатых и десятая бедных, вовсе ничего не имеющих; а прочие - посредственного состояния. Итак, разделим число всех жителей города на число бедняков, и вы увидите, какой будет стыд. Весьма богатых мало, но достаточных много; бедных же гораздо меньше в сравнении с ними. Между тем при таком числе богатых, которые могли бы питать алчущих, многие засыпают голодными, - не потому, чтобы достаточные люди не могли легко удовлетворить нуждам их, но потому, что жестоки и бесчеловечны. В самом деле, если бы богатые и следующие после них разделили между собою нуждающихся в хлебе и одежде, то едва ли бы на пятьдесят или на сто человек достался один бедный. И однако, бедняки, несмотря на столь великое количество людей, которые в состоянии помогать им, всякий день плачут. Чтобы видеть бесчеловечие богатых, стоит тебе только обратить внимание на то, как многим вдовицам и девам доставляет нужное содержание Церковь, которая получает доходу не более, чем сколько получает один самый богатый и один не так богатый. В самом деле, число содержимых Церковью простирается до трех тысяч. Кроме того, она содержит заключенных в темнице, находящихся в гостинице, как больных, так и здоровых, чужестранцев, калек, сидящих при храме ради пищи и одежды, и других, просто приходящих каждодневно, и между тем она не оскудевает. Итак, если бы только десять человек захотели столько же на них издержать, то ни одного не было бы нищего.

4. Вы скажете: что же останется в наследство нашим детям? Главный капитал останется, и дохода прибавится, потому что для них соберется сокровище на небеси. Но если вы не хотите таким образом употреблять свое имение для бедных, то хотя половину отделяйте им от него, или третью часть, или четвертую, или пятую, или даже десятую. При помощи благодати Божией и в таком случае наш город в состоянии был бы пропитывать бедных из десяти городов. И это я мог бы доказать, если б было ваше на то желание; впрочем, нет нужды и доказывать, потому что до очевидности ясно, как легко это сделать. Смотрите, как много издерживает часто один дом на городские повинности, и между тем нимало даже и не примечает ущерба. Если бы каждый из богатых пожелал совершать подобное служение по отношению к бедным, то вскоре бы восхитил небо. Итак, какое мы можем иметь прощение, какой предлог к извинению, когда мы того, что необходимо должны оставить при переселении отсюда, не раздаем нуждающимся и с такою щедростью, с какою другие расточают для лицедеев, между тем как мы могли бы собрать от этого великие плоды? Если б мы и навсегда здесь оставались, то и тогда не надлежало бы нам жалеть об этой прекрасной трате; но если чрез несколько времени должны будем переселиться отсюда и притом без всего - нагими, то какое можем иметь оправдание в том, что не уделяем от своих доходов голодным и утесненным? Я не заставлю тебя

уменьшить имение, не потому, чтоб я этого не желал, но потому, что мало вижу в тебе к этому расположения. Итак, не об этом уже говорю тебе; но уделяй хотя из прибытков и не скрывай из них ничего. Довольно с тебя, что у тебя есть как бы источник, из которого текут денежные доходы; сделай же участниками в них нищих, и будь добрым распорядителем в данном тебе от Бога. Скажешь: я плачу подати. Итак, ты потому пренебрегаешь бедняков, что никто от тебя не требует этого настоятельно? Почему требующему у тебя дани и, может быть, с насилием принуждающему ты не смеешь отказать, принесет ли земля тебе плоды, или нет, а нищему, который с кротостью у тебя просит, и то только во время плодородия, ты не отвечаешь и словом? Кто же тебя избавит некогда от нестерпимых мучений? Никто. Если ты потому только заботишься об уплате подати, что не платящего ее здесь строго наказывают, то знай, что там готовятся наказания еще жесточе: не узы, не темница, но вечный огонь. Итак, прежде всего заплатим эти подати. Это и сделать весьма легко, и награда за это больше, и пользы больше; а если останемся к этому нечувствительны, то нас ожидает и наказание несравненно тягостнейшее, наказание вечное. Если ты скажешь, что тебе надобно давать на содержание воинов, сражающихся за тебя с неприятелями, то и здесь есть воинство - нищие, и здесь сражение, которое они за тебя совершают. Приняв милостыню, они умилостивляют Бога своими молитвами, а умилостивляя Бога, они разрушают наветы не варваров, а демонов, - и не допускают лукавому духу усиливаться и делать на тебя непрестанные нападения, но ослабляют его силу.

5. Итак, видя этих воинов, прошениями и молитвами каждодневно за тебя сражающихся с дьяволом, вытребуй с себя прекрасную эту дань - пропитание их. Царь небесный, по Своей кротости, не приставил к тебе истязателей, а хочет, чтобы ты сам добровольно подавал. Подаешь ли ты немного, - Он примет; если по бедности отложишь ненадолго, - Он неимущего не принуждает. Однако же, не будем пренебрегать долготерпением Его; будем сокровиществовать себе не гнев, а спасение, не смерть, а жизнь, не наказание и мучение, а честь и венцы. Здесь нет нужды платить за переправу вносимого нами; не нужно менять деньги. Твое дело - подать: сам Владыка перенесет это на небо; Он сам сделает для тебя выгоднейший оборот. Здесь не надобно искать человека, который бы перевез вносимые деньги: только подай, и тотчас твое подаяние восходит не на содержание других воинов, а для сбережения и приращения в твою же пользу. Здесь, на земле, если ты что-нибудь дашь, то взять назад уже не можешь; там, напротив, получишь свое с великою честью и приобретешь большие и духовнейшие выгоды. Здесь даваемое есть нечто вытребованное, там - прибыль, заем и долг. Сам Бог дал тебе расписку, сказав: “**Благотворящий бедному дает взаймы Господу**” (Притч. 19:17). Дал тебе также и залог, и поруку, несмотря на то, что Он Бог. Какой же залог? Все блага настоящей жизни, и чувственные и духовные, как начатки благ будущих. Итак, почему находишься в нерешимости и медлишь, тогда, как ты уже столько получил и столько еще ожидаешь? Полученные тобою блага суть следующие: Он образовал тебе тело, Он вложил в тебя душу, почтил тебя одного на земле умом, дал тебе право на обладание всем видимым, сообщил тебе познание о Себе, предал за тебя Сына, даровал тебе крещение, в котором одном источается столько благ, предложил тебе священную трапезу, обещал тебе царствие и блага неизреченные. Итак, и получив и еще ожидая столько благодеяний, (опять скажу то же), зачем ты столько дорожишь непрочным имением? И какое будешь иметь оправдание? Неужели надеешься извиниться тем, что у тебя есть дети? Но ты и их научи приобретать таковые выгоды. Если бы твои деньги, отдаваемые кому-либо взаймы, приносили прибыль, и должник был бы человек честный, то без сомнения во сто раз лучше сделаешь, если вместо золота вручишь сыну расписку, потому что таким образом деньги будут приращаться и он не принужден будет снова искать таких людей, которые бы могли у него взять их в долг. Так и теперь дай эту расписку детям и оставь им должником Бога. Ты и сам не продаешь деревни, а оставляешь детям, и это делаешь с тем

намерением, чтобы сохранялись доходы, а чрез это увеличилось бы для них имение: отчего же опасаешься оставить им такое рукописание, которое выгоднее всяких деревень и всяких доходов, и которое столько приносит пользы? Какая глупость и какое неразумие! Тем более, когда ты совершенно знаешь, что хотя и оставляешь эту расписку детям, но и сам в свою очередь по ней получишь. Таковы духовные блага, - они весьма обильны. Не будем же так убоги, так безжалостны и жестоки к самим себе, но будем заниматься этою прекрасною куплею для того, чтобы и самим по отшествии своем получить, и детям своим оставить, и сподобиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

---

[1] У Златоуста оба глагола стоят в форме единств. числа: и когда приблизился... и пришел...

БЕСЕДА 67

“И вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано, - дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников”(Мф. 21:12-13).

1. Об этом говорит и Иоанн, только говорит в начале Евангелия, а Матфей в конце. Поэтому вероятно, что так случилось два раза, и притом в разное время. Это видно и из обстоятельств времени, и из ответа иудеев Иисусу. У Иоанна говорится, что это случилось в самый праздник Пасхи, а у Матфея - задолго до Пасхи. Там говорят иудеи: “**Каким знамением докажешь Ты нам**” (Ин. 2:18)? а здесь молчат, хотя Христос и укорил их, - молчат потому, что все уже дивились Ему. Тем большего достойны обвинения иудеи, что Христос не один раз делал это, а они все еще не переставали торговать в храме, и называли Христа противником Божиим, тогда, как и отсюда должны были видеть честь, воздаваемую Им Отцу, и собственное Его могущество. Они видели, как Он и чудеса творил, и как слова Его согласны с делами Его. Но они не убеждались и этим, а негодовали, несмотря и на то, что слышали пророка, говорящего об этом, и отроков, не по летам своим прославлявших Иисуса. Потому Он, обличая их, приводит слова пророка Исаии: “**Дом Мой домом молитвы наречется**”. И не этим только показывает Христос Свою власть, но и тем, что исцеляет различные болезни. “**И приступили, -** говорится, **- к Нему в храме слепые и хромые, и Он исцелил их**” (Мф. 21:14). И здесь Он являет Свою силу и могущество. Но иудеи не трогались и этим, но, видя и последние чудеса Его и слыша отроков, прославляющих Его, сильно негодовали и говорили Ему: “**слышишь ли, что они говорят**” (ст. 16)? Христу лучше бы надлежало сказать им: “слышите ли, что они говорят”? Ведь отроки воспевали Его, как Бога. Что же Христос? Так как иудеи противоречили столь очевидным знамениям, то Христос, чтобы сильнее обличить их и вместе исправить, говорит: “**Разве вы никогда не читали: из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу**” (ст. 16)? И хорошо Он сказал – “из уст”, так как слова их происходили не от разума их, но Его же сила двигала несовершенным еще языком их. Это изображало также и язычников, которые прежде немотствовали, но потом вдруг начинали вещать великие истины убедительно и с верою, - и вместе немало утешало и апостолов. Именно, чтобы апостолы не сомневались, как они, будучи людьми простыми и необразованными, могут проповедовать народам, отроки наперед истребили в них всякое

беспокойство и внушили им твердую надежду, что Тот, кто научил отроков прославить Господа, сделает и их красноречивыми. Это чудо показывало также, что Он есть Господь природы. Дети, еще не достигшие зрелого возраста, вещали великое и достойное неба; а мужи говорили слова, исполненные всякого безумия. Такова-то злоба! Итак, поелику много было причин, от которых раздражались иудеи, например, толпы народа, изгнание из храма торгующих, чудеса, пение отроков, то Христос опять оставляет их, чтобы утишить их гнев, и не хочет предлагать им Своего учения, чтобы они, снедаемые завистью, не пришли еще в большее негодование от Его слов.

"**Поутру же, возвращаясь в город, взалкал**" (ст. 18). Почему же Он алчет утром? Уступая требованиям плоти, Он этим показывал немощь ее. "**И увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней и, ничего не найдя на ней, кроме одних листьев**" (ст. 19). Другой евангелист говорит: "**Ибо еще не время было**" (Мк. 11:13). Если же не пришло еще время собирания смокв, то, как же этот другой евангелист говорит: "**Пошел, не найдет ли чего на ней**"? Очевидно, это сказано евангелистом потому, что так думали ученики, которые еще не были совершенными. Евангелисты часто излагают мысли учеников. И не только это думали ученики, но и то, что смоковница проклята потому, что на ней нет плодов. Итак, для чего же смоковница проклята? Ради учеников, - именно, чтобы их ободрить. Так как Христос всегда благодетельствовал и никого не наказывал, между тем надлежало Ему показать и опыт Своего правосудия и отмщения, чтобы и ученики, и иудеи узнали, что Он, хотя и мог иссушить, подобно смоковнице своих распинателей, однако же, добровольно предает Себя на распятие, и не иссушает их, то Он и не захотел показать этого над людьми, но явил опыт Своего правосудия над растением. Итак, когда подобное случается или с какими-либо местами, или с растениями, или с бессловесными животными, то не любопытствуй. Не говори: если еще не наступило время собирания плодов со смоковницы, то правосудно ли она иссушена? Такие слова крайне безрассудны. Лучше взирай на чудо, и дивись и прославляй чудодействующего. Так многие и судят о потоплении свиней, - отыскивая здесь причину правосудия. Но и в этом случае не должно их слушать. Как растения бездушны, так и животные без разума. Итак, почему дан такой вид делу и почему эта именно причина проклятия? Это, как я уже и прежде сказал, описано евангелистом так, как думали ученики. Если же не настало еще время собирания плодов, то напрасно некоторые говорят, будто под смоковницею изображается закон. Плодом закона была вера; и этот плод закон уже принес, и время собирать этот плод, тогда уже наступило. "**Нивы**, **-** сказано, **- поспели к жатве**" (Ин.4:35); и: "**Я послал вас жать то, над чем вы не трудились**" (Ин.4:38) (ст. 2).

2. Итак, здесь не указывается на закон, но, как я уже сказал, Христос, проклиная смоковницу, представляет этим доказательство Своей силы и власти к отмщению; и это видно именно из слов: "**ибо еще не время было**". Слова эти показывают, что Христос подошел к смоковнице с особым намерением, не для того, чтобы утолить голод, но ради учеников, которые весьма удивились тому, что смоковница засохла, хотя много было чудес и важнее этого. Но для учеников, как я сказал, такое чудо было новым и неожиданным, потому что Христос в первый еще раз показал Свое правосудие и отмщение. Поэтому Господь сотворил чудо не над другим каким-либо деревом, но над смоковницею, - деревом, которое сочнее всех, так что чудо показалось от этого еще более необыкновенным. Но, чтобы ты знал, что это сделано ради учеников, именно для ободрения их, - выслушай следующие слова. Что Христос говорит? Вы и большие чудеса сделаете, если будете иметь веру, соединенную с молитвою и упованием. Видишь ли, что все для учеников было сделано, чтобы они не страшились и не трепетали вражеских козней? Потому и в другой раз повторяет то же, чтобы утвердить их в вере и молитве. Не только это сделаете, говорит Он, но силою веры и молитвы и горы будете переставлять, и творить другие, еще большие чудеса. Между тем гордые и надменные иудеи, желая

прервать беседу с учениками, подошли к Нему с вопросом: “**Какой властью Ты это делаешь**” (Мф. 21:23)? Так как иудеи не могли унизить Его чудес, то выставляют Ему поступок Его в храме с торжниками. Подобный вопрос предложили они и у евангелиста Иоанна, хотя не теми же словами, но в том же смысле. Они там говорят: “**Каким знамением докажешь Ты нам, что [имеешь] [власть] так поступать**” (Ин. 2:18)? Там Христос отвечает им: “**Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его**” (ст. 19), а здесь Он приводит их в крайнее затруднение. Отсюда очевидно, что случай, описываемый Иоанном, был в начале служения Иисуса, когда Он только что начал творить чудеса, а описываемый Матфеем был при конце его служения. Смысл же вопроса иудеев был такой: получил ли Ты кафедру учительскую, или рукоположен во священника, что выказываешь такую власть? Хотя Христос ничего не сделал, что бы показывало гордость, а только проявил заботу о благочинии церковном, однако иудеи, не имея совершенно ничего сказать против Иисуса, ставят Ему в вину и это. Впрочем, по причине чудес они не смели ничего сказать Ему в то время, когда Он изгнал торжников из храма; но укоряют Его уже после, когда увидели Его. Что же Христос? Он не прямо отвечает на их вопрос, показывая тем, что они могли знать о Его власти, если бы захотели, - но Сам спрашивает их, говоря: “**Крещение Иоанново откуда было: с небес, или от человеков**” (Мф. 21:25)? Но как это относится к делу? спросишь ты. И очень. Если бы они сказали: “с небес”, Он отвечал бы им: “**Почему же вы не поверили ему**”? - потому что, если бы верили, то и не спросили бы об этом, так как о Нем говорил Иоанн: “**Недостоин развязать ремень обуви**” Его (Лк. 3:16); и еще: “**Вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира**” (Ин 1:29); и также: “**Сей есть Сын Божий**” (ст. 34); и еще: “**Приходящий с небес есть выше всех**” (Ин. 3:31); и опять; “**лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое**” (Мф. 3:12). Поэтому, если бы иудеи поверили Иоанну, то не было бы никакого затруднения для них знать, какою властью Христос делает это. Далее, так как иудеи с лукавством отвечали Ему: “**не знаем**”, то Христос не сказал им: и Я не знаю; но что же? “**И Я вам не скажу**” (Мф. 21:27). Если бы они в самом деле не знали, то надлежало бы научить их; но так как они поступали лукаво, то Христос справедливо ничего не отвечает им. Почему же иудеи не сказали, что крещение Иоанново было “**от человеков**” о? Боялись народа, сказано. Видишь ли развращенное сердце? Богом всюду пренебрегают, а для людей все делают. И Иоанна боялись ради людей, уважая святого мужа не ради него самого, но ради народа; ради народа они не хотели веровать и в Иисуса Христа, - и вот где источник всех зол для них! Далее, Иисус Христос говорит им: “**А как вам кажется? У одного человека было два сына; и он, подойдя к первому, сказал: сын! пойди сегодня работай в винограднике моем. Но он сказал в ответ: не хочу; а после, раскаявшись, пошел. И подойдя к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: иду, государь, и не пошел. Который из двух исполнил волю отца? Говорят Ему: первый**” (ст. 28-30,31). Христос опять притчами обличает иудеев, намекая как на неповиновение их, так и на покорность отверженных прежде язычников. Здесь под двумя сыновьями разумеется то, что случилось с язычниками и иудеями. Первые, не давая обещания в послушании и не слышав закона, самым делом оказывали повиновение; а последние, хотя говорили: “**Все, что сказал Господь, исполним**” (Исх. 19:8), на деле не оказывали покорности закону. Поэтому, чтобы иудеи не подумали, что закон приносит им пользу, Христос показывает, что это-то самое и осуждает их. Согласно с этим говорит и Павел: “**Не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут**” (Рим. 2:13). Поэтому, для того, чтобы иудеи осудили сами себя, Спаситель заставляет их самих произнести приговор. Так же точно Он делает и в следующей притче о винограде.

3. Здесь Христос заставляет иудеев также осудить самих себя в другом лице. Так как они не хотели прямо сознаться в своей вине, то Христос притчею доводит их до предположенной цели. Когда же они, не понимая цели притчи, произнесли приговор, тогда Он уже открывает им сам смысл притчи, и говорит: “**Мытари и блудницы вперед**

вас идут в Царство Божие, ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему" (ст. 31, 32). Если бы Он просто сказал: блудницы прежде вас войдут в царство Божие, то Его слова показались бы им тяжкими; но теперь, когда сами они объявили свое мнение, то слова Его для них кажутся не так тяжкими. Для этого же Он приводит и причину. Какую же? "**Пришел к вам Иоанн, -** говорит Он, а не к ним, и притом **- путем праведности**". Вы не можете обвинять его, как человека нерадивого и бесполезного. Он вел и жизнь безукоризненную, и имел большую попечительность; и однако, вы не послушали его. После этого следует другое осуждение, т. е., что мытари уверовали; затем еще обвинение, именно: вы даже и после них не поверили ему, а это вам надлежало сделать прежде мытарей; то же, что вы не сделали этого даже и после них, не заслуживает никакого прощения, и потому мытарям большая похвала, а вам - осуждение. Иоанн пришел к вам - и вы не приняли его; он не приходил к мытарям - и они приняли его, а вы не вразумились их примером. Заметь, как много доказательств является к похвале мытарей и осуждению иудеев. К вам пришел Иоанн, говорит Он, а не к ним; вы не поверили - это их не соблазнило; они поверили - это вам не принесло пользы. Слово же: "**вперед вас**" (или предварит) не потому сказано, что иудеи последуют мытарям, но что и они, если захотят, могут войти в царствие Божие. Подлинно, ничто так не возбуждает грубых людей, как ревность. Поэтому Христос всегда говорит: последние будут первыми, и первые последними. Для того и представляет Он в пример блудниц и мытарей, чтобы иудеи возревновали. Грех блудниц и грех мытарей - два величайшие греха, происходящие от грубой любви, в первом случае к телу, в последнем - к деньгам. Притом Христос научает, что верить Иоанну значит истинно повиноваться закону Божию. Итак, блудницы входят в царствие Божие не по одной благодати, но и по правде, потому что входят они не как уже блудницы, но как послушные и верующие, чистые и переменившиеся. Видишь ли, как Христос сперва притчею, а потом указанием на блудниц делает слово Свое не столь тяжким для иудеев, а между тем весьма сильным? Он не вдруг сказал им: почему вы не поверили Иоанну? но - что было гораздо поразительнее - сперва указывает на мытарей и блудниц, а потом уже говорит это, самими делами доказывая, что иудеи были недостойны прощения, и показывая, что они делают все из боязни к людям и ради суетной славы. Действительно, они и во Христа не веровали из-за страха, чтобы не быть отлученными от синагоги; равно и Иоанна не осмеливались охуждать, не по благочестию, но также по страху. Обличив иудеев во всем этом, Христос, наконец, наносит им самый тяжкий удар, говоря: "**Вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему**". Худо не делать доброго в самом начале; но еще большего осуждения достоин тот, кто и после не исправляется. Это особенно делает многих нечестивыми. Я даже и теперь вижу, как тоже самое случается с некоторыми по причине крайнего их жестокосердия. Но пусть никто не будет таким бесчувственным, и если бы даже кто впал в величайшее нечестие, пусть и тогда не отчаивается в своем исправлении; легко выйти из самой глубокой бездны нечестия. Или вы не слыхали, как одна блудница, превосходившая всех своим распутством, после превзошла всех благочестием? Не о евангельской блуднице я говорю, но о той, которая на нашем веку была в финикийском городе, самом беззаконном. Эта блудница была некогда и у нас, считалась первою актрисою в театре, и имя ее повсюду было известно, и не в нашем только городе, но даже у киликийцев и каппадокиян. Она многих разорила; многих пустила сиротами; многие даже подозревали ее в чародействе, будто она завлекала в свои сети не только красотою телесною, но и колдовством. Эта блудница прельстила даже брата царицы: так велика была ее сила! Но вдруг, - не знаю каким образом, только знаю верно, - она добровольно переменилась, привлекла на себя благодать Божию, презрела все прежнее и, бросив дьявольское очарование, прибегла к небу. И хотя не было никого бесстыднее ее, когда она была на сцене, однако после она многих превзошла своим великим целомудрием, - и одетая во вретище, она подвизалась так всю свою жизнь. И когда начальник города, по

наущению некоторых людей, хотел возвратить ее на сцену, то посланные им воины с оружием не могли привести ее назад и взять от дев, которые приняли ее к себе. Удостоенная неизреченных тайн, явив ревность достойную благодати, она кончила жизнь, омытая от всех грехов, и после крещения являла уже великое благочестие. Она даже не хотела взглянуть на прежних своих приятелей, приходивших к ней, и, заключившись в уединении, многие годы провела как бы в темнице. Так первые будут последними, и последние первыми! Так нам нужно быть всегда ревностными, - и тогда ничто не воспрепятствует сделаться нам великими и дивными.

4. Итак, никакой грешник не должен отчаиваться, равно как и добродетельный человек не должен предаваться беспечности. И пусть последний не надеется на себя, так как может случиться, и очень часто случается, что блудница предварит его. Равно и грешник пусть не отчаивается, и ему еще возможно превзойти даже первых. Послушай, что говорит Бог Иерусалиму: “**Я говорил: "возвратись ко Мне"; но она не возвратилась**” (Иер. 3:7). Когда мы с пламенною любовью обращаемся к Богу, то Он не поминает прежних наших грехов. Бог - не как человек: Он не укоряет уже в том, что прошло, и, когда мы раскаиваемся, не говорит нам: для чего вы столько времени удалялись от Меня? но уже любит нас, когда мы приходим к Нему, если только приходим к Нему как должно. Итак, соединимся с Господом пламенною любовью; сердца наши. Примеры подобного рода можно видеть не только в Новом, но и в Ветхом Завете. Кто был хуже Манассии? Но он, смог умилостивить Бога. Кто был счастливее Соломона? Но он, предавшись беспечности, пал. Я могу даже показать и то и другое в одном лице, именно в лице Соломона: он был и добродетелен, и грешен. Кто был блаженнее Иуды? Но он сделался предателем. Кто был хуже Матфея? Но он сделался евангелистом. Кто был более достоин сожаления, как не Павел? Но он, сделался апостолом. Кто был ревностнее Симона? Но и он сделался несчастнее всех. Сколько можно видеть и других примеров, подобных перемен, бывших и в древние времена, и ныне случающихся каждый день! Поэтому-то я говорю, что ни тот, кто играет на сцене, не должен отчаиваться, ни тот, кто остается верным сыном Церкви, не должен быть самонадеянным. Господь говорит последнему: “**Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть**” (1 Кор. 10:12); а первому: “**Разве, упав, не встают**” (Иер. 8:4)? И еще: “**Укрепите ослабевшие руки и утвердите колени дрожащие**” (Ис. 35:3). Бодрствуйте, говорит Он опять благочестивым; а нечестивым: “**Встань, спящий, и воскресни из мертвых**” (Еф. 5:14). Одни должны хранить то, что имеют; другие должны приобретать то, чего не имеют. Одни должны сберечь свое здоровье, другие - излечиться от болезни, так как много страждут. Но многие и больные возвращают себе здоровье, и здоровые, при беспечности, впадают в болезнь. Поэтому Господь говорит одним: “**Вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже**” (Ин. 5:14); а другим: “**Хочешь ли быть здоров? … встань, возьми постель твою и ходи**” (ст. 6,8; Мф. 9:6). И подлинно, грех есть тяжкий, очень тяжкий недуг расслабления, или лучше - не такой только этот недуг, но нечто еще и более тяжелое. Такой человек не только не делает ничего доброго, но делает еще злое. Впрочем, хотя бы находился ты и в этом состоянии, если захочешь несколько восстать, весь недуг твой пройдет. Хотя бы тридцать восемь лет ты страдал, если только пожелаешь быть здоровым, ничто не воспрепятствует. И ныне предстоит Христос и говорит: “**Возьми постель твою**”! Только пожелай восстать, не отчаивайся. Ты не имеешь человека? Но имеешь Бога. Ты не имеешь, кто бы опустил тебя в купальню? За то имеешь Того, Кто и не допустит тебя иметь нужду в купальне. Ты не имеешь, кто бы помог тебе? Но за то имеешь Того, Кто повелевает тебе взять одр. А потому ты и не можешь теперь сказать: “**Когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня**” (Ин. 5:7). Если захочешь только сойти на источник, никто не воспрепятствует. Благодать не истощается, и не оскудевает. Этот источник струится беспрестанно, и от полноты его мы можем исцелить и души, и тела наши. Итак, приступим же теперь. И Раав была блудницею, однако же, она спаслась; и разбойник был человекоубийцей, но и он

поселился в обителях райских. Иуда, будучи с учителем, погиб, а разбойник, будучи и на кресте, сделался учеником. Так непостижимы пути Божии! Волхвы угодили Богу, мытарь сделался евангелистом, гонитель Бога - апостолом.

5. Представляй это и никогда не отчаивайся, но всегда надейся и ободряй самого себя. Спеши только скорее вступить на путь, ведущий на небеса, чтобы не заключены были для тебя двери и не загражден вход. Коротко настоящее время, и труд не велик, но если бы даже он был и велик, то и в таком случае не нужно от него отрекаться. Хотя бы ты не трудился на этом лучшем поприще, поприще покаяния и добродетели, все-таки ты должен трудиться и бедствовать в мире иным образом. Если же и здесь и там нужно трудиться, то почему же не избрать для себя того труда, который приносит и плоды обильные и награду великую? Впрочем, никак нельзя сравнивать труд для добродетели и труд для мира. В трудах житейских беспрерывные опасности, беспрестанные потери, обманчивая надежда, великое раболепство, изнеможение души и тела, трата денег, - а между тем плоды наших трудов, даже и в том случае, если они действительно бывают, далеко не соответствуют нашим ожиданиям. Не всегда труды наши в делах житейских приносят плоды. Но положим, что труды наши и не останутся без успеха, но принесут великие плоды; все же плоды эти будут на короткое время. Труды твои вознаграждены будут под старость твою, когда ты совершенно не в силах будешь наслаждаться плодами их. Ты трудишься в цветущих летах; а плоды собираешь и наслаждаешься ими в старости, когда сделаешься дряхлым, когда время притупит чувства твои, а если и не притупит, то мысль о смерти воспрепятствует наслаждению. Напротив, труды добродетели не таковы. Здесь труды подъемлются в слабом и смертном теле, а награда воздается в теле нетленном, бессмертном, бесконечно пребывающем. Труд предшествует и непродолжителен; а награда после следует и беспредельна, чтобы ты спокойно мог наслаждаться плодами трудов твоих, не опасаясь ничего неприятного. Там не должно страшиться никакой перемены, никакого несчастия, как это бывает здесь. Что это за блага, которые непостоянны, но скоропреходящи, ничтожны, которые исчезают при первом своем появлении, а между тем приобретаются с большим трудом? И как они могут сравниться с теми благами, которые неизменяемы, не стареют, не требуют никакого труда и украшают тебя венцами еще во время подвигов твоих? Тот, кто презирает земные блага, уже в том самом находит для себя награду, что он свободен от беспокойства, ненависти, клеветы, коварства, зависти. Тот, кто ведет жизнь непорочную и честную, еще прежде отшествия из настоящей жизни увенчивается и утешается, освобождаясь от всякого бесчестия, посмеяния, опасностей, обвинения и от всех других зол. Точно также и все другие виды добродетели здесь еще доставляют нам награду. Итак, чтобы достигнуть настоящих и будущих благ, будем убегать порока и стремиться к добродетели. Таким образом мы и здесь будем утешаться и будущих удостоимся благ, которых все мы да сподобимся получить благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 68

“Выслушайте другую притчу: был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградою, выкопал в нем точило, построил башню и, отдав его виноградарям, отлучился. Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды; виноградари, схватив слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послал он других слуг, больше прежнего; и с ними поступили так же. Наконец, послал он к ним своего сына, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградари, увидев сына, сказали друг другу: это наследник; пойдем, убьем его и завладеем наследством его (Лк. 20:13,15). И, схватив его, вывели вон из виноградника и убили. Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями?

Говорят Ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои. Иисус говорит им: неужели вы никогда не читали в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла?”(Мф. 21:33-42)?

1. Настоящею притчею Христос научает многому: что Бог с давних времен промышлял об иудеях; что они с самого начала склонны были к убийству; что приняты были всевозможные меры для их исправления; что даже по избиении ими пророков, Бог не отвратился от них, но еще послал к ним Сына; что и один и тот же есть Бог Нового и Ветхого Завета; что чрез смерть Христову совершено великое дело; что иудеи за крест Христов и за злодеяние свое понесут крайнее наказание; что будут призваны язычники, иудеи же отвержены. Притчу эту Христос предлагает после предыдущей для того чтоб тем показать всю тяжесть и совершенную непростительность греха их. Как же и чем именно? Тем, что иудеи, при всем об них попечении, дали блудницам и мытарям опередить себя, и притом так много. Рассуди же, как велико было Божие попечение о них, и как непомерна их беспечность. Он сам сделал все, что надлежало делать земледельцам: обнес оградою, насадил виноградник, и все прочее, а им оставил немногое: заботиться о том, что уже есть, и сберегать порученное. Ничто не было забыто, все приготовлено, но и при всем том они ничем не воспользовались, хотя многое и в большей мере получили от Бога. Так, когда иудеи вышли из Египта, Бог дал им закон, дал им город, устроил жертвенник и храм воздвигнул. И отыде, - то есть, долго терпел, не всегда наказывал тотчас по преступлении. Под отшествием разумеется великое Божие долготерпение. “**Послал своих слуг** (то есть, пророков) … **взять свои плоды**”, - т. е., повиновение, доказываемое делами. Но они и в этом случае показали свою злобу: не только после таких попечений о них не дали плода, что обнаруживало их недеятельность, но даже вознегодовали на пришедших. Если нечего было отдать, хотя были к тому обязаны, то им надлежало не досадовать и не негодовать, а умолять. Они же не только вознегодовали, но еще обагрили руки свои кровью и, сами заслуживая казни, предали казни посланных. Поэтому Бог послал в другой и в третий раз, чтобы обнаружилась и их злоба и человеколюбие Пославшего. Но почему Бог не тотчас послал Сына? Для того, чтобы они почувствовали, как несправедливо поступили с посланными рабами, и отложивши гнев, устыдились Его пришествия. Есть и другие причины; но пока займемся дальнейшим. Что значат слова: “может быть, постыдятся”? Ими показывается не неведение в Боге, а только намерение обнаружить великость греха и его совершенную непростительность. Бог знал, что убьют и Сына; и однако, послал. Словами же: “**постыдятся сына моего**” указывает, что должны они были сделать, - потому что им должно было устыдиться. Так, если и в другом месте говорит: “**Будут ли они слушать**” (Иез. 2:5), то не по неведению; но чтобы не сказал кто-нибудь из людей безрассудных, что самое предсказание Божие невольно влечет к неповиновению, для того и употребляет такой образ выражения: “будут ли, может быть”. Если они уже были непризнательны к рабам, то по крайней мере должны были почтить достоинство Сына. Но как же поступили они? В то время, как им должно было придти и просить помилования в своих преступлениях, - они ведут себя по-прежнему, даже предпринимают новые злодеяния, ужаснее прежних. На это и сам Христос указывает, говоря: “**Дополняйте же меру отцов ваших**” (Мф. 23:32). В том же обвиняли их прежде пророки, говоря: “**Ваши руки полны крови**” (Ис. 1:15), и: “**кровопролитие следует за кровопролитием**” (Ос. 4:2), также: “**созидающие Сион кровью**” (Мих. 3:10). Но они не сделались благоразумнее, хотя и дана им была эта великая заповедь: “не убий”, а чрез нее велено было воздерживаться от многого другого, и много употреблено было других различных побуждений к исполнению ими этой заповеди. Но, несмотря и на все это, они не оставили своего злого навыка. Но что говорят они, увидев Сына? “**Пойдем, убьем его**”. Для чего и за что? Можно ли им было обвинять Его в чем-нибудь, великом или малом? Разве в том, что Он почтил вас, и будучи Богом,

соделался для вас человеком и совершил бесчисленные чудеса? Или в том, что прощал грехи? Или в том, что призывал в царствие? Смотри, как они при своем нечестии крайне безумны, и как безрассудно их побуждение к убийству: "**убьем его**" (Лк. 20:14), говорят они, и "**и наследство его будет наше**"! И где намерены убить? Вне винограда.

2. Видишь, как Христос предсказывает о самом месте, где будет убит? "**И, выведя его вон из виноградника, убили**" (Лк. 20:15). По свидетельству ев. Луки, Христос сам объявил, что надлежало им за это претерпеть, а они сказали: "**Да не будет!"**, но Он привел свидетельство. "**Взглянув, -** говорится, **- на них, сказал: что значит сие написанное: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла**"? И: "**Всякий, кто упадет на тот камень, разобьется**" (ст. 16-18). Матфей же говорит, что иудеи сами произнесли приговор. Но в этом нет противоречия; и то, и другое было. Они произнесли на себя этот приговор, а потом, уразумев смысл притчи, сказали: "**Да не будет!"** и Он возразил им словами пророка, уверяя, что это непременно сбудется. Впрочем, и в этом случае не указал им прямо на язычников, чтобы не раздражить их против Себя, но намекнул только, сказав: "**Отдаст виноградник другим**" (Лк. 20:16). Без сомнения, Он и притчу сказал для того, чтобы иудеи сами произнесли приговор, что случилось и с Давидом, когда он произнес осуждение себе, уразумев притчу Нафана. Суди же по этому, как справедлив приговор, когда подвергаемые наказанию сами себя обвиняют. Потом, для того, чтобы они видели, что не только самая справедливость требует этого, но что давно уже предрекла это благодать Святого Духа, и Бог так определил, Христос приводит пророчество и обличает их, говоря: "**Неужели вы никогда не читали в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла? Это от Господа, и есть дивно в очах наших?**" Он всячески уверяет иудеев, что они, как неверующие, будут изгнаны, а язычники приняты. Это дал Он разуметь и обращением с хананеянкою, и избранием осла при входе во Иерусалим, и примером сотника, и многими притчами; на это же указывает и теперь. Поэтому Он и присовокупил: "**Это от Господа, и есть дивно в очах наших**", давая тем знать, что верующие язычники и те, которые из самих иудеев уверуют, составят одно, несмотря на все их прежнее между собою различие. Затем, чтобы они знали, что все это нисколько не противно Божию совершенству, а напротив весьма сообразно с ним, и даже чудно и поразительно для всякого (а и действительно это было несказанное чудо), - Христос присовокупил: "**Это от Господа**" . Камнем называет Себя, а зиждущими - учителей иудейских; то же сказано и Иезекиилем: "**Когда он строит стену, они обмазывают ее грязью**" (Иез. 13:10). Как же "**отвергли**"? Когда говорили: "**Не от Бога Этот Человек**" (Ин. 9:16); "**обольщает народ**" (Ин. 7:12); также: "**Ты Самарянин и … бес в Тебе**" (Ин. 8:48). Наконец, чтобы они знали, что им угрожает не одно отвержение, указывает на самые казни: всякий "**кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит**" (Мф. 21:44). Здесь Христос представляет двоякую гибель: одну от преткновения и соблазна, - это означают слова: "**упадет на этот камень**"; а другую, когда подвергнутся пленению, бедствиям и совершенной погибели, - что ясно выразил словами: "**того раздавит**". Этим же Он указал и на Свое воскресение. Пророк Исаия говорит, что Он обвиняет виноградник (т. е., народ); здесь же порицает и начальников народа. У Исаии говорит Он: "**Что еще надлежало бы сделать для винограднika Моего, чего Я не сделал ему**" (Ис. 5:4)? А у другого пророка: "**Какую неправду нашли во Мне отцы ваши**" (Иер. 2:5)? также: "**Народ Мой! что сделал Я тебе и чем отягощал тебя**" (Мих. 6:3)? Так Он изображал неблагодарность иудейского народа, что они за все Его благодеяния воздали Ему противным! Здесь то же самое говорит с большею силою. Не Сам Он является говорящим: "**Что еще надлежало бы сделать … , чего Я не сделал**"? Но представляет, что они сами произносят приговор, что все для них было сделано, и тем сами себя осуждают. Слова их: "**Злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям**" - то и означают, что они сами на себя произносят самый строгий приговор. И Стефан укоряет их в этом, особенно

нападая на них за то, что они, пользуясь постоянно великим Божиим промышлением о них, воздавали Благодетелю совсем противным; и это самое было ясным доказательством того, что не наказывающий, но сами наказываемые были виновниками ниспосылаемой на них казни. То же доказывается и здесь, как притчею, так и пророчеством. Христос не удовольствовался одною притчею, но привел еще два пророчества: одно Давидово, другое - собственное Свое. Итак, что же должны были сделать иудеи, выслушав это? Не поклониться ли Господу? Не удивляться ли Божией о них попечительности, явленной как в древние времена, так и после этого? Если никакое благодеяние не могло их сделать лучшими, то по крайней мере не надлежало ли им вразумиться хотя страхом наказания? Но они не вразумились. Что же сделали они после этого? "**И слышав, -** говорит евангелист, **- притчи Его, первосвященники и фарисеи поняли, что Он о них говорит, и старались схватить Его, но побоялись народа, потому что Его почитали за Пророка**" (Мф. 21:45-46). Иудеи, наконец, поняли, что Христос разумел их. Когда однажды они хотели схватить Его, Он прошел посреди их, и сделался невидим; в другой раз явился и остановил решительное их намерение убить Его, которым они мучились. И они, удивляясь этому, говорили: "**Что Он подлинно Христос? Вот, Он говорит явно, и ничего не говорят Ему**" (Ин. 7:25,26). Но теперь, так как их удерживал страх пред народом, Христос довольствуется этим, и не производит чуда, как прежде, не проходит посреди их, не делается невидимым. Он не хотел везде действовать сверхчеловеческою силою, чтобы верили истине Его вочеловечения. Но ни народ, ни слова Христа не вразумили иудеев; они не устыдились ни свидетельства пророков, ни собственного своего приговора, ни мнения народного. Так совершенно ослепило их любоначалие, тщеславие и привязанность к временному!

3. И действительно, ничто так не доводит нас до опасного падения и не влечет по стремнинам, ничто так не лишает нас будущих благ, как пристрастие к вещам скоропреходящим; напротив, ничто так не приводит нас к обладанию настоящими и будущими благами, как предпочтение всему будущих. "**Ищите же**, **-** говорит Христос, **- прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам**" (Мф. 6:33). Но если бы даже не прилагались временные блага, и тогда не надлежало бы так много заботиться о их приобретении. Теперь же, получить будущие блага значит получить и настоящие. Но некоторые не убеждаются и этим и, уподобляясь бесчувственным камням, гоняются за тенью удовольствий. В самом деле, что сладостного в благах настоящей жизни? Что приятного? Я намерен свободнее поговорить с вами ныне. Но будьте внимательны и знайте, что жизнь, представляющаяся вам трудною и несносною (я говорю о жизни монахов и распявшихся миру), гораздо сладостнее и вожделеннее той, которая кажется вам приятною и удобною. И свидетели этому вы сами, которые часто, во время постигнувших вас несчастий и скорбей, просите себе смерти и называете блаженными живущих в горах и вертепах и ведущих жизнь безбрачную и беззаботную, вы, которые занимаетесь искусствами, служите в войсках, или живете без дела и праздно, и проводите дни в театре и местах пляски. И там, где по видимому тысячами текут удовольствия, и реками - увеселения, рождается бесчисленное множество горьких скорбей. Если кто воспылает любовью к одной из плясавших там девиц, тот вытерпит страдания, каким не подвергнешься ни в многочисленных сражениях, ни в многократных странствованиях, и состояние такого человека будет более тягостно, чем всякого осажденного города. Но не станем описывать подробно этих мучений, и - предоставив это на суд совести плененных любовью - рассмотрим жизнь обыкновенную; и мы найдем между монашескою и мирскою жизнью такое же различие, как между пристанью и морем, непрестанно рассекаемым ветрами. Смотри, самые убежища монахов уже дают начало их благоденствию. Избегая рынков и городов и народного шума, они предпочли жизнь в горах, которая не имеет ничего общего с настоящею жизнью, не подвержена никаким человеческим превратностям, ни печали житейской, ни горести, ни большим заботам, ни

опасностям, ни коварству, ни ненависти, ни зависти, ни порочной любви, ни всему тому подобному. Здесь они размышляют уже только о царствии небесном, беседуя в безмолвии и глубокой тишине с лесами, горами, источниками, а наиболее всего - с Богом. Жилища их чужды всякого шума, а душа, свободная от всех страстей и болезней, тонка, легка и гораздо чище самого тонкого воздуха. Занятия у них те же, какие были вначале и до падения Адама, когда он, облеченный славою, дерзновенно беседовал с Богом и обитал в преисполненном блаженства рае. И в самом деле: жизнь монахов, чем хуже жизни Адама, когда он до преслушания введен был в рай возделывать его? Адам не имел никаких житейских забот: нет их и у монахов. Адам чистою совестью беседовал с Богом: так и монахи; более того, они имеют гораздо больше дерзновения, нежели Адам, так как больше имеют в себе благодати, по дару Духа Святого. Надлежало бы вам собственными глазами видеть это; но так как вы не хотите, и проводите жизнь в шуме и на торжищах, то по крайней мере, на словах опишу вам хотя одну часть их образа жизни, - всей же их жизни описать невозможно. Эти светильники мира, едва начинает восходить солнце, или еще до рассвета, встают с ложа здоровые, бодрые и свежие (потому что их не возмущает никакая печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни труд, ни множество дел, ни что-нибудь другое тому подобное, но они живут, как ангелы на небе). Итак, поспешно встав с ложа, бодрые и веселые, они все вместе с светлым лицом и совестью составляют один лик и как бы едиными устами поют гимны Богу всяческих, прославляя и благодаря Его за все благодеяния, как частные, так и общие. Поэтому, если угодно, оставив Адама, спрошу вас: чем отличается от ангелов этот лик поющих и восклицающих на земле: “**Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение**” (Лк. 2:14)? И одежда у них соответственна их мужеству. Он и облечены не в длинные одежды, как люди изнеженные и расслабленные, но одежды их приготовлены, как у тех блаженных ангелов: Илии, Елисея, Иоанна и прочих апостолов, у одних из козьей, у других из верблюжьей шерсти, а некоторым довольно одной кожи, и то совсем обветшавшей. Потом, пропевши свои песни, с коленопреклонением, призывают прославленного ими Бога на помощь в таких делах, которые другим не скоро бы пришли на ум. Они не просят ни о чем настоящем, у них не бывает об этом слова; но просят о том, чтобы им с дерзновением стать пред страшным престолом, когда Единородный Сын Божий придет судить живых и мертвых, - чтобы никому из них не услышать того страшного голоса: “**не знаю вас**” (Мф. 25:12)! и чтобы в чистоте совести и обилии добрых дел совершить настоящую трудную жизнь и благополучно переплыть это бурное море. Молитвы же их начинает отец и настоятель. Потом, как вставши, окончат эти священные и непрестанные молитвы, с восходом солнечным каждый идет к своему делу, и трудами многое приобретают для бедных.

4. Где теперь те, которые предаются дьявольским пляскам, непотребным песням и сидят в театре? Стыжусь вспоминать об них; но, по вашей немощи, необходимо сделать и это. И Павел говорит: “**Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на [дела] беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на [дела] святые**” (Рим. 6:19). Итак, посмотрим и мы на это сонмище блудных жен и непотребных юношей, собравшихся в театре, и их забавы, которыми весьма многие из беспечных юношей завлекаются в их сети, сравним с жизнью блаженных. Здесь мы найдем различия столько же, сколько между ангелами, если бы ты услышал их поющими на небе стройную песнь, и между собаками и свиньями, которые визжат, роясь в навозе. Устами одних говорит Христос, а языком других - дьявол. Там сами трубы издают звук, соответственный их нескладному голосу и уродливому виду, когда они надувают щеки и натягивают жилы. А здесь издает звук благодать Духа Святого, которая вместо труб, гуслей и флейт употребляет уста святых. Впрочем, что бы я ни говорил, невозможно вполне представить того удовольствия людям, привязанным к персти и плинфоделанию. Поэтому желал бы я взять кого-нибудь из пристрастившихся к театру, отвести в монастырь и показать ему собрание святых мужей; тогда мне уже не нужны были бы

слова. Однако - несмотря на то, что беседую с людьми бренными, попытаюсь и словом хотя бы несколько извлечь их из грязи и тины. Там слушатель тотчас воспламеняется огнем нечистой любви: если мало взора блудницы зажечь сердце, то голос ее влечет в гибель; а здесь, если бы даже душа и имела что-нибудь нечистое, она тотчас оставляет это. И не только голос и взор, но и самые одежды блудниц еще более приводят в смущение зрителей. Бедняк, человек низкий и презренный, посмотрев на это зрелище, будет досадовать и скажет сам себе: эта блудница и этот блудник - дети поваров и сапожников, а часто и рабов - живут в такой роскоши; а я, свободный, происходя от свободных, живя честными трудами, и во сне не могу представить себе этого, - и оставляет, таким образом, зрелище, съедаемый печалью. У монахов же не случится ничего такого, но все бывает совершенно напротив. В самом деле, когда увидит, что дети богатых и знатных родителей облечены в такие одежды, каких не носят и самые последние из нищих, и что даже еще радуются этому, то представьте, с каким утешением для своей бедности пойдет он из монастыря! А если посетит монахов и богатый, то возвратится от них лучшим и с здравыми понятиями о вещах. Опять, в театре, когда посмотрят на блудницу в золотом уборе, бедный станет плакать и рыдать, видя, что жена его не имеет ни одного такого украшения, а богатые после такого зрелища будут презирать и отвращаться своих супруг. Как скоро блудница представит зрителям и одежду, и взор, и голос, и поступь, и все, что может возбудить любострастие, - они выходят из театра воспламененные страстью, и возвращаются к себе домой уже пленниками. Отсюда происходят обиды, бесчестия, отсюда вражда, брани и каждодневные случаи смертные; и жизнь становится несносной такому пленнику, и жена ему уже не мила, и дети не по прежнему любезны, и весь дом приходит в беспорядок, и самый свет солнечный, наконец, кажется для него несносным. Напротив, из монашеских собраний не происходит ни одной такой неприятности Жена встречает мужа ласковым, кротким, непристрастившимся ни к какому гнусному удовольствию, и в обращении его находит больше непринужденности, нежели прежде. Столько-то зла производит театр, и столько добра монастырь: один овец делает волками, а другой и волков обращает в агнцев. Правда, мы пока ничего еще не сказали об удовольствиях монашеской жизни. Но что может быть приятнее того, когда душа наша ничем не возмущается, не мучится, не унывает, не стенает? Однако же, продолжим наше сравнение и рассмотрим, какое удовольствие доставляет нам то и другое пение, то и другое зрелище, - и мы увидим, что в первом случае оно продолжается только до вечера, пока зритель сидит в театре, а после язвит его больнее всякого жала; полученное же в монастыре удовольствие непрестанно сохраняет свою силу в душах зрителей, - навсегда остается в их мыслях и образ виденных ими мужей, и приятность места, и простота жизни, и чистота общества, и сладость прекрасного духовного пения. Вот почему те, которые всегда наслаждаются этим тихим пристанищем, бегают уже людского шума, как бы какой-нибудь бури. И не только во время своих песнопений и молитв, но и когда сидят за книгами, монахи доставляют зрителям приятное зрелище. После того, как кончится пение, один берет Исаию, и с ним беседует; другой беседует с апостолами; третий читает книги других писателей и любомудрствует о Боге, о мире, о предметах видимых и невидимых, чувственных и духовных, о ничтожности жизни настоящей и о величии жизни будущей.

5. Пища у них самая лучшая: они питаются не вареными мясами бессловесных животных, но словом Божиим, “**слаще меда и капель сота**” (Пс. 18:11). Это чудный мед и гораздо лучше того, которым некогда в пустыне питался Иоанн. Не дикие пчелы, садясь на цветы, собирают этот мед, и не росу, переваривши в себе, кладут в ульи; но приготовляет его благодать Духа Святого и, вместо сотов, ульев и дупла, полагает в души святых, так что желающий всегда безопасно может вкушать его. Подражая этим пчелам, и они облетают соты священных книг, почерпая в них великое удовольствие. Но если хочешь знать трапезу их, то подойди поближе, и ты увидишь, что отрыгаемое ими все сладко, приятно,

исполнено духовным благоуханием. Уста их не могут произнести ни одного дурного слова и ни одного шуточного или грубого, но каждое достойно неба. Тот не погрешит, кто сравнит уста людей, бегающих по рынкам и жадно гоняющихся за житейским, со стоками нечистот, а уста монахов с источниками, текущими медом и бьющими чистыми ключами. Но если кому обидно, что я сравниваю уста людей со стоками нечистот, тот пусть знает, что я выразился еще весьма снисходительно. А священное писание не наблюдает и этой меры, но употребляет другое, гораздо сильнейшее сравнение, говоря: "**Нет в устах их истины: сердце их - пагуба, гортань их - открытый гроб**" (Пс. 5:10). Не таковы уста монахов: они исполнены благоухания. Таково настоящее их состояние! А будущее их - какое слово может выразить? Какой ум - постигнуть? Их жребий ангельский: неизреченное блаженство, несказанные блага! Может быть, теперь многие из вас воспламенились и чувствуют в себе желание вести такую прекрасную жизнь; но что пользы, ежели, пока вы здесь, этот огонь горит в вас, а как скоро выйдете, пламя погасло, и это желание пропало? Как же сделать, чтобы этого не случилось? Пока горячо в тебе это желание, пойди к этим ангелам и воспламенись еще более. Не столько могут воспламенить мои слова, сколько взгляд на самое дело. Не говори: вот я переговорю с женою, кончу прежде дела свои; такая отсрочка есть начало беспечности. Послушай: некто хотел устроить домашние дела, и пророк не позволил ему (3 Цар. 19:20). Что говорю: устроить? Ученик хотел погребсти отца, и Христос не согласился даже на то (Лк. 9:60). Какое же дело кажется тебе столько необходимо, как погребение отца? Но Христос и того не позволил. Почему же? Потому что дьявол всеми мерами старается вкрасться, и если заметит в человеке, что он мало занят или откладывает дело, производит в нем большую леность. Поэтому-то некто и советует: "**Не откладывай со дня на день**" (Сир. 6:8). Таким образом ты можешь в большем успеть, да и домашние дела твои будут в хорошем состоянии. "**Ищите же**, **-** сказано, **- прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам**" (Мф. 6:33). Если и мы обеспечиваем состояние тех, которые, пренебрегая собственными своими выгодами, заботятся о наших выгодах, то тем более Бог, Который и без того печется и промышляет о нас. Итак, не заботься о своих делах, но предоставь это Богу. Если ты заботишься, то заботишься как человек; если же Бог промышляет, то Он промышляет как Бог. Итак, не заботься о своих делах, оставляя важнейшее; иначе Бог менее будет промышлять о них. Но чтобы Бог более промышлял о твоих делах, предоставь все Ему одному. Когда ты, оставляя дела духовные, сам занимаешься делами житейскими, тогда уже Бог не много печется о них. Итак, чтобы все у тебя шло хорошо, и тебе освободиться от всех забот, прилепись к духовному и презирай житейское: тогда ты с небом получишь и землю, и сподобишься будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 69

"Иисус, продолжая говорить им притчами, сказал: Царство Небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего и послал рабов своих звать званых на брачный пир; и не хотели придти. Опять послал других рабов, сказав: скажите званым: вот, я приготовил обед мой, тельцы мои и что откормлено, заколото, и все готово; приходите на брачный пир. Но они, пренебрегши то, пошли, кто на поле свое, а кто на торговлю свою; прочие же, схватив рабов его, оскорбили и убили их" (Матф. 22:1-6).

1. Видишь ли, какое различие между сыном и рабами представляется как в предыдущей притче, так и в этой? Видишь ли великое сходство и вместе великое различие той и другой притчи? И эта притча показывает долготерпение Божье и великое Его попечение, а также и нечестие, и неблагодарность иудеев. Впрочем, эта притча заключает в себе больше первой: она предвозвещает отпадение иудеев и призвание язычников и, кроме того,

показывает правильный образ жизни, и то, какая казнь ожидает беспечных. Справедливо эта притча предлагается после предыдущей притчи. Сказав в предыдущей беседе: "**дано будет народу, приносящему плоды его**" (Матф. 21:43), Христос показывает здесь, какому дастся языку; и не только это, но еще и то, что Он имел особенное попечение об иудеях. Там Он изображается призывающим прежде распятия Своего, а здесь - настоятельно привлекающим их к Себе и после распятия; и в то время как надлежало их наказать тягчайшим образом, Он влечет их на брачный пир и удостаивает высочайшей чести. И заметь, как там прежде призывает не язычников, а иудеев, так и здесь. Но как там, когда иудеи не хотели принять Его, и даже пришедшего к ним убили, Он отдал другим виноградник, так и здесь, когда они не хотели придти на брачный пир, Он позвал других. Может ли что быть хуже такой непризнательности - быть званными на брачный пир, и не придти? Кто не захочет пойти на брак, на брак царя, царя уготовляющего брак для сына? Ты спросишь: почему царствие небесное называется браком? Чтобы ты познал попечение Божье, любовь Его к нам, великолепие во всем, - познал то, что там ничего нет печального и прискорбного, но все исполнено духовной радости. Поэтому и Иоанн называет Его "**женихом**" (Иоан. 3:29); поэтому и Павел говорит: "**потому что я обручил вас единому мужу**" (2 Кор. 11:2); и еще: "**тайна сия велика; я говорю по отношению к Христу и к Церкви**" (Ефес. 5:32). Почему же невеста обручается не Отцу, но Сыну? Потому что если она обручается Сыну, то обручается и Отцу. В Писании то или другое полагается безразлично, по тождеству существа. Здесь Христос предвозвещает и о воскресении. Так как прежде Он говорил о смерти, то теперь показывает, что и после смерти будет брак, будет жених. Но и это не сделало иудеев лучшими, не смягчило их жестокого сердца. Что может быть хуже этого? Это третья их вина. Первая вина та, что они побили пророков; вторая, что они убили Сына; наконец, третья, что по совершении этого убийства, призываемые самим убиенным ими на брачный пир, не идут на него, но представляют причины - супруг, волов, поля, жен. Хотя эти причины кажутся благовидными, но из этого мы научаемся, что хотя бы удерживала нас и необходимость, духовное должно предпочитать всему. И не теперь только зовет Он, но уже давно. Он говорит: "**скажите званным**"; и еще: "**позовите званных**" - что еще более делает иудеев виновными. Когда же они были званы? Они были званы всеми пророками; потом Иоанном, который всех посылал к Христу, говоря: "**Ему должно расти, а мне умаляться**" (Иоан. 3:30); потом самим Сыном, который говорит: "**придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас**" (Матф. 11:28); и еще: "**кто жаждет, иди ко Мне и пей**" (Иоан. 7:37). Он их звал не одними только словами, но и делами; звал, по вознесении Своем, через Петра и прочих апостолов. Именно сказано: "**Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников**" (Гал. 2:8). Так как иудеи, увидев Сына, вознегодовали и убили Его, то Он зовет их опять через рабов. И к чему Он их призывает? К трудам, подвигам, бедствиям? Нет, Он их призывает к веселью. Говорит Он: "**тельцы мои и что откормлено, заколото, и все готово**". Какой пышный пир, какое великолепие! Но и это их не обратило; напротив, чем Он больше долготерпел им, тем более они ожесточались. Они не пришли на брачный пир по лености, а не потому, что заняты были делами. Но как же одни из них представляют в извинение свое брак, а другие - волов? Разве это занятие? Ни в коем случае. Для духовных дел должно оставлять все другие занятия, даже необходимые. Мне же кажется, что они представляли такие причины только для того, чтобы прикрыть свою беспечность. И не только то одно худо, что они не пришли, но всего безрассуднее и ужаснее то, что они и пришедших приняли весьма дурно, надругались над ними и убили; это гораздо хуже прежнего. Прежде приходили к ним требовать плодов, и приходившие были убиты; теперь приходят от Убиенного ими звать на брачный пир, и также они убивают их. Что может сравниться с такой жестокостью? За это и Павел, укоряя их, сказал: "**убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали**" (1 Фессал. 2:15). Потом, чтобы они не сказали: "Он противник Божий, поэтому мы не пришли", - послушай,

что говорят призывающие: Отец делает брачный пир и призывает. Что же после? Так как они не захотели придти, но убили пришедших к ним, то Он сжег города их и, послав войско, истребил их. Этим Он предсказывает события, случившиеся при Веспасиане и Тите, и так как иудеи оскорбили и Отца, не поверив Ему, то Он сам принимает на Себя отмщение их. Потому не тотчас по смерти Христа случилось истребление города, но спустя сорок лет, - после того, как они убили Стефана, умертвили Иакова и надругались над апостолами, - чтобы видно было Его долготерпение. Видишь ли, как точно и скоро исполнились самые события? Это случилось еще при жизни Иоанна и многих других, бывших с Христом, и свидетелями этих событий были те, которые слышали это предсказание. Заметь особенное попечение Божье. Он насадил виноградник, - все сделал и выполнил: по убиении одних рабов, послал других; по убиении этих, послал Сына, и по убиении Сына, призывает их на брак; они же не захотели придти. После посылает других рабов, - они и этих убили. Тогда, наконец, Он истребляет их, как зараженных неисцелимой болезнью. А что они заражены были неисцелимой болезнью, это доказывают не только прежние поступки их, но и то, что они совершали подобные дела и после того, как уверовали блудницы и мытари. Таким образом, они осуждаются не только за свои злодеяния, но и за то, что другие делали доброе. Если же кто скажет, что язычники призывались не тогда, когда апостолы подвергались бичеваниям и терпели бесчисленные бедствия, но тотчас после воскресения (тогда именно им сказал Иисус Христос: "**идите, научите все народы**" - Матф. 28:19), то мы на это ответим, что ученики говорили иудеям первым, и прежде, и после креста. И прежде креста Иисус говорил ученикам: "**идите прежде к погибшим овцам дома Израилева**", и после креста Он не запретил, но повелел ученикам проповедовать иудеям. Хотя Он и сказал: "**научите все народы**", но перед вознесением Своим на небо ясно показал ученикам, что они должны проповедовать иудеям прежде. Он сказал: "**вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли**" (Деян. 1:8). И Павел также говорит: "**Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников**" (Гал. 2:8). Поэтому и апостолы прежде проповедовали иудеям, и, пробыв долгое время в Иерусалиме, когда уже были изгнаны иудеями, рассеялись между язычниками.

2. Заметь и здесь великую любовь Господа. "**Всех, кого найдете, зовите на брачный пир**", говорит Он. Прежде, как сказал я, апостолы благовествовали и иудеям, и язычникам, находясь, впрочем, более в Иудее; но так как иудеи не прекращали коварства против апостолов, то послушай, как Павел, изъясняя эту притчу, говорит: "**вам первым надлежало быть проповедать слово Божье, но как вы отвергаете его, то вот, мы обращаемся к язычникам**" (Деян. 13:46). Поэтому и сам Господь говорит: "**брачный пир готов, а званые не были достойны**" (Матф. 22:8). Он без сомнения и прежде знал об этом, но чтобы не оставить иудеям никакого предлога к бесстыдному извинению, не смотря и на это пришел к ним первым, и послал Своих апостолов, чтобы им заградить уста, а нас научить исполнять все, что относится к нам, хотя бы никто не получил от этого никакой пользы. Итак, говорит Он, так как они "**не были достойны, пойдите на распутья и всех, кого найдете, зовите на брачный пир**" (Матф. 22:9), даже низких и презренных. Так как Он часто говорил, что блудницы и мытари наследуют небо, и первые будут последними, а последние первыми (Матф. 21:31; 19:30), то теперь показывает, что все это делается справедливо. Видеть, что язычники на их место вводятся в царство - особенно сильно оскорбляло иудеев и смущало их гораздо более, нежели разорение их города. Потом, чтобы первые не полагались на одну веру, Он рассуждает с ними о суде и наказании за худые дела; старается неверующих привести к вере, а верующих наставляет в правилах жизни. Под "**одеждой**" разумеются дела жизни. Но ведь призвание - дело благодати: почему же Он о нем так обстоятельно рассуждает? Потому что хотя призвание и очищение есть дело благодати, но то, чтобы призванный и облеченный в чистую одежду

постоянно ее сохранял такой, зависит от старания призванных. Призвание бывает не по достоинству, но по благодати. Поэтому должно соответствовать благодати послушанием, и получив честь, не показывать такого нечестия. Но ты скажешь: я не получил столько благ, сколько иудеи. Нет, ты получил гораздо большие блага. То, что в продолжение всего времени было приготовляемо для них, всецело получил ты, не будучи того достойным. Поэтому и Павел говорит, что язычники за милость прославят Бога (Римл. 15:9). Ты получил то, что должны были они получить. Поэтому великое наказание ожидает нерадивых. Ты, уклоняясь к развратной жизни, так же оскорбляешь Бога, как и они оскорбили Его тем, что не пришли к Нему. "**Войти в нечистой одежде**" - означает, имея нечистую жизнь, лишиться благодати. Потому и сказано: "**он же молчал**". Не видишь ли, как, при всей ясности дела, Господь не прежде наказывает, как тогда уже, когда согрешивший сам осудил себя? Не имея чем защитить себя, он осудил самого себя, и, таким образом, подвергает себя чрезвычайному наказанию. Слыша "**о мраке**", не подумай, что он тем только и наказывается, что отсылается в темное место; нет, здесь еще "**будет плач и скрежет зубов**". А эти слова указывают на нестерпимые муки. Обратите внимание на это все вы, которые, приняв участие в таинствах и будучи призваны на брак, облекаете душу нечистыми делами! Послушайте, откуда вы призваны: с распутья! Что вы были? Хромые и слепые по душе, - что гораздо хуже слепоты телесной. Почтите человеколюбие Призвавшего; и пусть никто да не остается в нечистой одежде, но каждый из нас пусть позаботится об одеянии души своей. Послушайте жены, послушайте мужья! Нам нужна не эта златотканая одежда, украшающая наше тело, но одежда, которая бы украшала душу. Но нам трудно облечься в эту одежду, пока мы будем носить первую. Нельзя украшать вместе и душу, и тело. Нельзя вместе работать мамоне и служить, как должно Христу. Итак, оставим эту худую привычку, которая господствует над нами. Ты, конечно, не снес бы великодушно, если бы кто украсил дом золотыми занавесами, а тебя заставил сидеть в рубище, почти нагим. Но вот ты теперь сам это делаешь с собой, украшая жилище души твоей, т. е. тело, бесчисленными дорогими одеждами, а душу оставляя в рубище. Неужели ты не знаешь, что царю надобно более украшаться, нежели городу? Поэтому-то для города приготавливают одежду изо льна, а для царя - порфиру и диадему. Так и ты должен прикрывать тело наиболее дешевой одеждой, а ум одевать в порфиру, украшать венцом, и сажать на высоком и блистательном троне. А теперь делаешь совсем наоборот: разнообразно украшаешь свой город, а царя - ум оставляешь влачиться в узах за необузданными страстями. Неужели ты не понимаешь, что ты зван на брак, и на брак Божий? Неужели не представляешь, что званную в этот торжественный чертог душу твою надобно будет ввести облеченной и украшенной золотыми одеждами?

3. Хочешь ли, я покажу тебе одетых в брачную одежду? Припомни тех святых, о которых я недавно говорил вам, - святых, облеченных во власяницы, живущих в пустынях. Они-то особенно носят эти брачные одежды. А отсюда очевидно, что какие бы ты ни давал им порфирные одежды, они не согласятся взять их; но как царь, если бы кто велел ему надеть худую одежду бедняка, отвергнул бы ее с презрением, так отвергнут и они его багряницу. И это они делают не по чему-либо другому, а потому, что знают красоту своей одежды. Потому же презирают они и пышное одеяние, как паутину. Вретище научило их этому. Действительно, они гораздо выше и славнее самого царя. Если бы ты мог отворить двери сердца их и увидеть душу их и всю красоту внутреннюю, - ты упал бы на землю, будучи не в состоянии вынести сияния красоты, светлости тех одежд и блеска их совести. Мы можем указать на великих и чудных мужей древности; но так как на людей простых видимые примеры действуют сильнее, то я посылаю вас, поэтому, в самые обители этих святых. У них нет никакой печали; но как бы на небесах устроив себе хижины, они так же далеко обитают от бедствий настоящей жизни и, ополчившись против дьявола, борются с ним так легко, как будто играют. Устроив, таким образом, жилища себе, они избегают городов, общественных собраний и домов, потому что воюющему не годится сидеть в

доме, но, как намеревающемуся тотчас переселиться, должно жить в таком жилище, которое легко оставит. Таковы все те, которые живут не так, как мы. Мы живем не как в воинских лагерях, а как в мирном городе. Кто, в самом деле, живя в стане воинском, полагает основание и строит дом, который спустя немного времени намеревается оставить? Никто. А если бы кто и решился на это, того убьют, как изменника. Кто, в лагере, закупает десятины земли и замышляет о торговле? Никто, конечно. И совершенно справедливо, - говорят же: ты пришел воевать, а не торговать. Итак, что ты так заботишься о месте, которое скоро должен оставить? Делай это, когда возвратишься в отечество. Это же самое и тебе скажу теперь я: поступай так тогда, когда возвратишься в вышний град. Еще более: там тебе вовсе не нужно будет трудиться, потому что Царь все для тебя устроит. Здесь же довольно выкопать яму и воткнуть кол, а строить ничего не нужно. Послушай, какая жизнь у кочующих скифов, какой образ жизни ведут номады? Так надобно жить и христианам: обходить вселенную, воюя с дьяволом и освобождая плененных им, и забывать все житейское. Человек! Для чего ты готовишь дом? Для того ли, чтобы больше связать себя? Для чего закапываешь сокровище и вызываешь против себя врага? Для чего строишь стены и готовишь себе тюрьму? Если это кажется тебе трудным, пойдем в обители святых, и узнаем легкость труда на деле. Устроив хижины, они, если нужно будет оставить их, так же оставляют, как воины во время мира оставляют лагерь. Поистине они живут как в лагере, или еще гораздо приятнее. Приятнее видеть пустыню, усеянную хижинами монашескими, нежели видеть стан воинов, которые раскидывают в поле шатры, втыкают копья и на концы их вешают красные плащи, видеть множество людей с медными шлемами на головах, выпуклость ярко блещущих щитов, людей, с головы до ног покрытых железными латами, наскоро устроенные царские палатки, обширное ровное поле, и пирующих и играющих на трубах воинов. Это зрелище не столько увеселяет, как то, о котором я теперь говорю. Если мы пойдем в пустыню посмотреть палатки воинов Христовых, то не увидим ни растянутых покровов, ни острых копий, ни золотых тканей, покрывающих палатку царскую; но как если бы кто, распростерши на земле, более обширной и неизмеримой, чем наша, многие небеса, представил бы зрелище новое и изумляющее, так и там можно видеть то же самое. Их обитель ничем не хуже небес, потому что к ним сходят ангелы, и даже сам Господь ангелов. Если Господь и ангелы приходили к Аврааму, человеку женатому и озабоченному воспитанием детей, приходили потому, что знали его странноприимство, то - когда обретают большую добродетель и находят человека отрешившегося от тела и в плоти плоть презирающего, - гораздо более пребывают здесь и веселятся радостью им свойственной. Трапеза святых свободна от всякого излишества и исполнена благочестия. Нет у них потоков крови, они не рассекают мяса; нет головных болей; нет приправ в кушаньях; нет ни тяжелого запаха и неприятного курева, ни беспрестанного беганья и шума, ни суматохи и криков несносных, а только хлеб и вода, вода из чистого источника, хлеб от трудов праведных. Если же они захотят лучше приготовить пищу, то ягоды составляют их лакомство; и здесь более удовольствия, чем на царских обедах. Нет здесь никакого страха и трепета; не обвиняет начальник, не раздражает жена, не печалит сын, не утомляет чрезмерный смех, не делает напыщенными толпа льстецов; но трапеза их - трапеза ангелов, свободная от всякого подобного смятения. Постелью служит им просто трава, как сделал Христос, напитав народ в пустыне; а многие спят и, не имея крова, но вместо кровли им служит небо и луна вместо светильника, который не имеет нужды ни в масле, ни в том, кто бы поправлял его; и для них-то одних недаром светит луна.

4. Смотря на такую трапезу с неба, и ангелы веселятся и радуются. В самом деле, если они радуются и об одном грешнике кающемся (Лук. 15:7), то чего не сделают для стольких праведников, подражающих им самим? Там нет господина и раба: все рабы, и все свободные. Не думай, что я говорю иносказательно. Они и рабы друг другу, и владыки друг над другом. С наступлением вечера им не о чем сокрушаться, как это бывает со

многими из людей, когда они размышляют о дневных неприятностях. После ужина им не нужно бояться разбойников, запирать двери, налагать засовы, или опасаться чего-либо другого, чего обыкновенно боятся многие, гася осторожно светильники, чтобы искра не зажгла дом. И разговор их исполнен такого же спокойствия. Они не говорят о том, о чем, совершенно и не касающемся нас, разговариваем мы, например: тот-то сделан начальником, тот лишен начальства, тот умер, а другой получил наследство, и тому подобное; но всегда разговаривают и любомудрствуют о будущем, и как бы обитающие в другом мире, как бы переселившиеся на самое небо и живущие там, всегда рассуждают о небесном: о лоне Авраама, о венцах святых, о ликовании со Христом; а о настоящем нет у них ни помина, ни слова. И как мы не считаем достойным нашего разговора то, что делают муравьи в своих муравейниках, так и они не говорят о том, что делаем мы, а говорят о небесном царстве, о настоящей брани, о кознях дьявола, о великих подвигах, совершенных святыми. Итак, если мы сравним себя с ними, чем лучше будем муравьев? Как муравьи заботятся о вещественном, так и мы. И пусть бы заботились мы только об этом, а то еще гораздо о худшем, - потому что заботимся не о необходимом только, как муравьи, но и об излишнем. Муравьи трудятся и труд их безукоризнен, а мы всегда трудимся из любостяжания, и подражаем труду не муравьев, а волков и леопардов, даже являемся еще и их хуже. Им так судила природа добывать пищу; нас же Бог почтил и разумом и справедливостью, а мы стали хуже зверей. Мы сделались хуже бессловесных животных, а праведные равны ангелам, будучи странниками и пришельцами на этой земле. У них все отлично от нашего: и одежда, и пища, и жилище, и обувь, и речь. И если бы кто послушал разговор праведных и наш, тот хорошо узнал бы, что они граждане небесные, а мы недостойны даже и земли. Поэтому, когда кто облеченный достоинством приходит к ним, то здесь совершенно пропадает вся надменность. Этот самый земледелец, неопытный ни в чем житейском, сидит на траве, на грязной подстилке, рядом с полководцем, который много мечтает о власти своей, - потому что здесь некому величать его и поселять в нем гордость. Здесь бывает то же самое, как если бы кто пришел к золотых дел мастеру, или в розовый цветник: как здесь пришедший получает некоторый блеск и от золота, и от роз, так и приходящие к праведным, получая некоторую пользу от блеска их, освобождаются несколько от прежней своей гордости. Или, как тот, кто взойдет на высокое место, хотя бы был и очень мал, кажется большим, так и те, восходя в беседе к высоким помыслам праведников, и сами кажутся такими же, пока остаются с ними, а когда уходят, то, спустившись с этой высоты, опять становятся низкими. Ничто у святых царь, ничто начальник; но как мы смеемся над детьми, в игре представляющими царя или начальника, так и они презирают гордость тех, которые внушают страх собой. Отсюда очевидно, что если бы кто стал давать им царство для охранения, они не согласились бы принять; взяли бы, может быть, если бы не заботились о большем царстве и не почитали первого делом временным. Итак, почему мы не спешим к столь великому блаженству, не идем к этим ангелам? Почему не надеваем чистых одежд и не торжествуем этих браков, но остаемся бедными, нисколько не лучшими нищих, сидящих на распутьях и даже еще хуже и беднее их? Действительно, неправедно обогащающиеся гораздо хуже нищих, и лучше просить, нежели похищать, так как первое простительно, а последнее влечет за собой наказание. Тот, кто просит, нисколько не оскорбляет Бога; а кто похищает, оскорбляет и Бога, и людей, и часто только тратит труды при хищении, а всеми плодами пользуются другие. Итак, зная это, оставим всякое любостяжание и будем приобретать сокровище нетленное, восхищая со всяким тщанием царство небесное, - потому что невозможно, невозможно ленивому войти в это царство. О, если бы мы все, сделавшись прилежными и бдительными, получили его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 70

"Тогда фарисеи пошли и совещались, как бы уловить Его в словах" (Матф. 22:15).

1. "**Тогда**": когда же это? Когда бы всего более надлежало сокрушиться сердцем, придти в изумление от человеколюбия Божьего, устрашиться будущего (суда) и, смотря на то, что уже совершилось, поверить тому, что должно совершиться. Слова Спасителя ясно подтверждались самыми событиями. В самом деле, мытари и блудницы обращались к вере, пророки и праведники были преданы смерти: зная это, фарисеи должны были не сомневаться в том, что слышали о своей погибели, а должны были уверовать и вразумиться. Но и это не прекращает злобы их; она не перестает мучить их и усиливаться еще более. А так как они не могли схватить Иисуса (потому что боялись народа), то избрали другой путь и, чтобы подвергнуть Его опасности, вознамерились обвинить Его в нарушении постановлений общественных. "**Посылают**", сказано, "**к Нему учеников своих с иродианами, говоря: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божьему учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лицо; итак, скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет**" (Матф. 22:16-17)? Они платили уже дань с того времени, как управление общественными делами их перешло во власть римлян. Итак, зная, что не задолго перед тем Февда и Иуда, вознамерившись произвести возмущение, были за это убиты, они хотели и Иисуса вопросом своим подвергнуть подобному подозрению. С этой целью они и послали не только своих учеников, но и воинов Иродовых, думая через это с той и другой стороны выкопать для Него ров и расставить сети, чтобы в том и другом случае уловить Его. Стал ли бы Спаситель говорить согласно с мнением иродиан, - в таком случае фарисеи могли бы укорять Его; стал ли бы Он говорить согласно с ними, - приверженцы Ирода обвинили бы Его. Правда, Он заплатил уже дидрахму; но они не знали этого, и потому в том или другом случае надеялись уловить Его. Впрочем, им более хотелось того, чтобы Он дал ответ, противный мнению иродиан. С этим намерением они послали и учеников своих, чтобы их присутствием побудить Его к такому ответу и на этом основании предать Его игемону, как похитителя законной власти. На это указывает и евангелист Лука, говоря, что они и перед народом вопрошали Его для того, чтобы больше иметь свидетелей. Но вышло совсем противное их намерению, и они только перед большим числом зрителей обнаружили свое безумие. И смотри, с какой лестью они приступают к Нему, и как хитро прикрывают свое намерение. "**Знаем**", говорят, "**что Ты справедлив**". Как же вы прежде говорили, что "**Он обольщает народ**", и "**одержим бесом**" (Иоан. 7:12; 10:20), и "**не от Бога**"? Как не задолго перед этим совещались убить Его? Но чего не делают люди, когда хотят причинить зло другим! Так как незадолго перед тем они с наглостью спрашивали Его; "**какой властью Ты это делаешь**" (Матф. 21:23)? и не могли получить ответа, то теперь надеются лестью надмить Его, и склонить к тому, чтобы Он сказал что-нибудь противное установленным законам и верховной власти. Поэтому они и заявляют Ему о Его справедливости, и, таким образом, признают Его тем, что Он есть на самом деле, только не от чистого сердца и не охотно, - и присовокупляют: "**не заботишься об угождении кому-либо**". Смотри, как ясно обнаруживается в этих словах намерение их заставить Его сказать что-нибудь такое, что могло бы оскорбить Ирода и навлечь на Спасителя подозрение в похищении власти, как на человека восстающего против закона, чтобы потом могли они подвергнуть Его наказанию, как возмутителя и похитителя верховной власти. Говоря к Нему: "**не заботишься об угождении кому-либо**", и: "**не смотришь ни на какое лицо**", они намекали тем на Ирода и кесаря. "**Скажи нам: как Тебе кажется**"? Теперь вы уважаете и называете учителем того, которого столько раз презирали и оскорбляли, когда Он беседовал с вами о вашем спасении! Впрочем, они и теперь думают о Нем так же, как и прежде. И посмотри, как они коварно действуют; не говорят: скажи нам, что хорошо, что полезно, что согласно с законом, - но: "**как Тебе кажется**"? Они только за тем и смотрят, как бы предать Его и уличить в противлении верховной власти. Это показывает и евангелист Марк, который,

яснее открывая их дерзость и убийственное намерение, говорит, что они так спрашивали Спасителя: давать ли нам подать кесарю, или не давать (Марк. 12:14)? Так они дышали яростью и мучились желанием погубить Его, хотя притворно показывали вид, будто хотят угодить Ему. Что же Он? "**Что искушаете Меня, лицемеры**" (Матф. 22:18)? Не видите ли, что теперь Он уже с большей строгостью начинает говорить к ним? Так как злоба их уже созрела и открыто обнаруживалась, то Спаситель глубже рассекает их рану, открывает их тайные мысли, обнаруживает перед всеми, с каким намерением они пришли к Нему, - и, таким образом, в самом начале приводит их в замешательство и заставляет молчать. А сделал Он это, желая усмирить их злобу, чтобы они и впредь подобными начинаниями не причиняли себе вреда. Хотя они на словах и оказывали Ему великое уважение, называли Его учителем, свидетельствовали, что Он справедлив и не смотрит на лица, - но Он, как Бог, не мог быть этим обманут. Итак, и из слов Его они должны были заключить, что Он не по догадке обличает их, но знает и сокровенные их мысли.

2. Но Спаситель не остановился на одном обличении. Хотя и довольно было того, чтобы, обличив их намерение и открыв лукавство, привести их в стыд, но Он не довольствуется этим, а еще и иным образом заграждает уста их. "**Покажите Мне**", говорит Он, "**монету, которой платится подать**" (Матф. 22:19). Когда же они показали Ему, то Он и теперь, как и в других случаях, и их собственными устами произносит приговор, и заставляет их самих сознаться, что должно платить дань кесарю, - в чем и состояла главная и торжественная Его победа над ними. Итак, Он спрашивает их не потому, чтобы не знал, какой должно дать ответ, но потому, что желает их же собственными словами обличить их. Когда они на вопрос Его: "**чье это изображение**"? отвечали: "**кесарево**", то Он сказал им: "**отдавайте кесарево кесарю**" (Матф. 22:20). Платить дань не значит давать, но отдавать должное; и в подтверждение этого Он указывает на изображение и надпись. А чтобы они не сказали: Ты подчиняешь нас людям? прибавляет: а "**Божие Богу**". И людям надобно воздавать должное, и Богу - то, чем мы в отношении к Нему обязаны. Поэтому и Павел говорит: "**отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь**" (Рим. 13:7). Впрочем, когда ты слышишь: "**отдавайте кесарево кесарю**", разумей под этим только то, что нисколько не вредит благочестию; все противное благочестию не есть уже дань кесарю, но дань и оброк дьяволу. Услышав такой ответ, фарисеи замолчали и дивились Его мудрости. После этого надлежало бы им уверовать и признать себя пораженными. В самом деле, Он представил им очевидное доказательство Своей божественности, открыв их тайные мысли, и кротким образом заставил их молчать. Что же? Поверили ли они? Нет; но "**оставив Его, ушли**" (Матф. 22:22). После них к Спасителю приступили саддукеи. Какое безумие! Едва успел Он заградить уста фарисеям, как уже к Нему приступают эти, тогда, как им следовало бы воздержаться от этого. Но дерзость так бесстыдна и безрассудна, что покушается даже и на невозможное. Потому и евангелист, удивляясь их безумию, указывает на него, говоря: "**в тот день приступили**" (Матф. 22:23). "**В тот день**": когда же это? В тот самый день, в который Спаситель изобличил лукавство фарисеев, и посрамил их. Кто ж такие саддукеи? Это люди, составлявшие особенную секту между иудеями, отличную от фарисейской и гораздо худшую той, - утверждавшие, что нет ни воскресения, ни ангела, ни духа. Они были грубее фарисеев, и совершенно преданы вещам телесным. У иудеев много было различных сект. Поэтому и Павел говорит: "**я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению**" (Деян. 26:5). Впрочем, саддукеи, приступив к Спасителю, не прямо начинают говорить о воскресении, но вымышляют какую-то басню и рассказывают о происшествии, по моему мнению, небывалом, думая привести Его в затруднение опровергнуть и то, и другое: и то, что будет воскресение, и то, что оно будет такое, какое разумел Спаситель. И они, подобно фарисеям, приступают как будто с кротостью, говоря: "**Учитель! Моисей сказал: если кто умрет, не имея детей, то брат его пусть возьмет за себя жену его и восстановит семя брату своему; было у нас семь братьев; первый,**

женившись, умер и, не имея детей, оставил жену свою брату своему; подобно и второй, и третий, даже до седьмого; после же всех умерла и жена; итак, в воскресении, которого из семи будет она женой" (Матф. 22:24-28)? Смотри, с какой мудростью, приличной истинному учителю, Спаситель отвечает им. Хотя они приступили к Нему и с коварным намерением, но вопрос их происходил более от неведения. Поэтому Спаситель и не называет их лицемерами. А чтобы Он не спросил: почему семеро имели одну жену? саддукеи ссылаются на Моисея, хотя весь их рассказ, как я уже сказал, по мнению моему, был вымышлен. Действительно, третий не взял бы ее за себя, видя, что уже два ее мужа умерли; а если бы взял ее за себя третий, то не взял бы четвертый и пятый; если же бы и эти согласились, то верно уже не решились бы на это шестой и седьмой, но отвратились бы от нее, опасаясь той же участи, так как к таковым опасениям склонны были иудеи. Если и ныне многие имеют подобные опасения, то тем более тогда имели их иудеи, которые и без того избегали подобных супружеств, несмотря на то, что были обязываемы к тому законом. Вот почему и Руфь, моавитянка, вышла за дальнего родственника, тогда как был ближайший, а Фамарь по той же причине принуждена была обмануть свекра своего, чтобы не остаться бездетной. Для чего же саддукеи выдумали, что не двух или трех, но семь мужей имела одна жена? Через это они надеялись еще более осмеять учение о воскресении. Потому-то и говорят: "**все имели ее**", думая, что уже после этого Ему нечего сказать. Что же Христос? Он отвечает на то и другое, имея в виду не слова их, но намерение, и так же, как и прежде, открывает сокровенные их помышления, частью обнаруживая перед всеми, а частью предоставляя обличение их совести вопрошающих. Теперь смотри, как Он показывает и то и другое, то есть, что будет и воскресение, и что оно будет не такое, каким они представляют его себе. Что же Он говорит им? "**заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божьей**" (Матф. 22:29). Так как они ссылаются на Моисея и на закон, как знающие его, то Спаситель показывает, что самый этот вопрос и обличает их в неведении Писания. Потому-то они и искушали Его, что не разумели Писания надлежащим образом, и не знали силы Божьей. Удивительно ли, говорит Он, что вы искушаете Меня, Которого еще не знаете, когда не ведаете даже силы Божьей, столько доказательств которой вам представлено, и между тем вы не познали ее ни из Писания, ни из общих начал разума? Ведь и из общих начал разума можно знать, что Богу все возможно.

3. И, во-первых, Спаситель отвечает на вопрос. Так как причиной того, что они не верили в воскресение, было мнение их, что порядок вещей всегда останется неизменен, то Он прежде всего устраняет причину болезни, а потом врачует и самую болезнь (так как последняя происходила от первой), и показывает свойства воскресения: "**ибо в воскресение**", говорит, "**ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божьи на небесах**" (Матф. 22:30), - или, как говорит евангелист Лука, "**сыны Божьи**" (Лук. 20:36). Итак, если в воскресение не женятся, то неуместен и вопрос саддукеев. Впрочем, не потому сыны воскресения называются ангелами, что не женятся, а потому не женятся, что будут подобны ангелам. Этими словами Спаситель уничтожил многие и другие попечения (о мирских удовольствиях), которые все Павел заключил в одном слове, сказав: "**ибо проходит образ мира сего**" (1 Кор. 7:31). Объяснив, каково будет воскресение, Спаситель далее показывает, что оно действительно будет. Конечно, и эта истина вытекала из вышесказанного; но Он, не довольствуясь прежними словами, присоединяет к ним новое доказательство. Он имел в виду не только один вопрос, но и самые мысли вопрошающих. Так, когда спрашивают Его не со злым намерением, но по неведению, то Он в ответе своем сообщает более, нежели сколько требовалось на вопрос; а когда вопросы внушает одна злоба, то не отвечает и на то, о чем спрашивают. Итак, Он вновь заграждает уста саддукеев словами Моисея, так как и они сами ссылались на Моисея: "**а о воскресении мертвых**", говорит Он, "**не читали ли вы сказанного вам Богом: Я Бог Авраама, и Бог Исаака, и Бог Иакова? Бог не есть Бог мертвых, но**

живых" (Матф. 22:31-32). Бог не есть Бог не существующих и совершенно уничтожившихся, которые никогда уже не воскреснут; не сказал о Себе: Я был; но сказал: Я Бог сущих и живых. Как Адам, хотя и жив был в тот день, когда вкусил от дерева, но тотчас после изречения суда Божьего подвергся смерти, так и праотцы, хотя и умерли, но остались живыми по обетованию воскресения. Как же в другом месте сказано: "**владычествовать и над мертвыми и над живыми**" (Римл. 14:9)? Изречение это не противоречит предыдущему, потому что здесь говорится о мертвых, которые некогда оживут. Впрочем, есть и различие между словами: "**Я Бог Авраама**", и изречением: "**владычествует и над мертвыми и над живыми**". Надобно знать, что есть иная смерть, о которой сказано: "**предоставь мертвым погребать своих мертвецов**" (Лук. 9:60). "**И, слыша, народ дивился учению Его**" (Матф. 22:33). Но эту пользу получили не саддукеи, которые, будучи побеждены удалились, а народ, слушавший Его в простоте сердца. Итак, если таково будет воскресение, то употребим все усилия, чтобы удостоиться первенства в будущей жизни. Если же угодно, то мы покажем вам таких подвижников, которые еще здесь, прежде воскресения, проводят равноангельское житье и преуспевают в нем, а для этого опять удалимся с вами в пустыни. Я опять буду беседовать с вами о подвизающихся там, так как вижу, что вы с великим удовольствием слушаете о них. Итак, посмотрим теперь на эти духовные воинства, посмотрим на удовольствия, не возмущаемые никаким страхом. Эти подвижники, как воины живут в шатрах, но не с копьями, не со щитами и бронями (на этом я остановился в прежнем слове). Ты увидишь, что у них нет ничего подобного, и, однако же, они совершают такие подвиги, каких те не могут совершить и с оружием. Итак, если ты способен видеть эти подвиги, то дай мне руку, и мы оба пойдем и посмотрим на эту войну и на стройные ряды тех воинов. И они каждый день сражаются, умерщвляют врагов, и побеждают все те похоти, которые обыкновенно обуревают нас. Ты увидишь врагов их поверженными на землю и не имеющими никакого движения, - увидишь на самом деле исполнение апостольского слова: "**те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями**" (Галат. 5:24). Видишь ли множество лежащих мертвецов, убитых мечом духовным? Поэтому-то нет там ни пьянства, ни пресыщения. Это показывает и самая их трапеза, и знамение победы, воздвигнутое на ней. Пьянство и пресыщение побеждено у них питьем воды, и лежит повержено и мертво. А это многообразный и многоглавый зверь. Как у баснословной Сциллы и Гидры, так и у пьянства много голов: здесь вырастает у него блуд, там гнев; здесь тупость ума и сердца, а там постыдная любовь. У воинов же духовных все эти враги умерщвлены. Обыкновенные воины, хотя бы одержали тысячу побед, бывают побеждаемы этими врагами, и ни щиты, ни копья, ни другие оружия не могут устоять против нападения этих полчищ. Напротив, ты увидишь, что эти гиганты, эти храбрые ратоборцы, показавшие бесчисленные опыты своего мужества, без всяких уз связаны сном и пьянством, без всяких смертоносных ударов и ран лежат как израненные, или даже найдешь их еще в худшем состоянии. Ведь раненые, по крайней мере, еще имеют движение; а у них нет и этого, но они вдруг после поражения делаются неподвижными. Теперь видишь, что духовные воины гораздо сильнее обыкновенных, и более заслуживают удивления, так как одним хотением умерщвляют врагов, которыми те побеждаются. Они так обессиливают страсть к пьянству - эту мать всех зол, - что она уже не причиняет им более никаких беспокойств; а как скоро военачальник низложен и голова отсечена, то и все тело лежит без действия. Притом, в воинстве духовном каждый воин одерживает такую победу. И здесь бывает не так, как на бранях с врагами внешними, что как скоро кто от одного получил рану и пал, другому уже не может причинить вреда; но все должны поражать этого зверя, и кто сам не нанес ему смертоносного удара и не низложил его, того он не перестает беспокоить всячески.

4. Видишь ли славную победу этих воинов? Каждый из них воздвигает такие трофеи, каких не могут воздвигнуть воинства, собранные от всех концов вселенной. Они отринули от себя все беспорядочное и безрассудное: безумные слова, неистовые помышления,

нестерпимую гордость и все, чем вооружается против человека пьянство. Они подражают своему Владыке, о Котором Писание с удивлением говорит: "**из потока на пути будет пить, и потому вознесет главу**" (Псал. 109:7). Хотите ли еще видеть множество мертвых другого рода? Посмотрим на вожделения, происходящие от сластолюбия, которым служат искусные повара, приготавливающие различные лакомые кушанья. Я стыжусь подробно перечислять их; упомяну только о птицах, доставляемых с берегов Фазиса, о соусах богато приправленных, о жидких и сухих кушаньях, и о правилах, установленных для пиршеств. Как правители городов и военачальники, устанавливающие воинов в строй, так и законодатели пиршеств полагают правила, и назначают, что должно подавать прежде, и что после. Иные сначала предлагают птиц, изжаренных на угольях и начиненных рыбой; а другие начинают с других кушаний эти противные закону пиршества, и много спорят о качестве, о порядке и о количестве их, и хвалятся тем, чего бы надлежало стыдиться, - одни, что провели в пиршестве половину дня, другие целый день, а иные еще и ночь. Посмотри, бедный человек, как мало нужно пищи для желудка, - и постыдись неумеренности твоих забот о его насыщении! Ничего подобного нет у тех ангелов, - у них мертвы как эти, так и все другие вожделения. Они употребляют пищу не для пресыщения и наслаждения, но для удовлетворения естественной потребности. Нет между ними ни птицеловов, ни рыболовов. Они довольствуются хлебом и водой. Смятение, шум и беспокойства, все это совершенно изгнано оттуда, и как в жилищах их, так и в теле великая тишина; напротив, у сластолюбцев во всем беспорядок. Представь себе внутренность желудка их, и ты увидишь множество сору, поток нечистот, гроб повапленный (окрашенный); а что бывает после, о том стыжусь и говорить - отвратительная отрыжка, блевание, извержения низом и верхом!.. Но не одни эти вожделения ты усмотришь там умерщвленными, а и другие, еще сильнейшие, происходящие от них, то есть, сладострастные. Ты увидишь, что все они повержены вместе с конями и со всем обозом. А обоз, оружие и кони срамных дел - это срамные слова. Но вот и конь, и этот всадник, и оружия лежат в прахе. Напротив, у рабов сладострастия ты усмотришь совсем иное, а души их - мертвыми и поверженными. И не только над чревоугодием одержали блистательную победу те святые мужи, но и над другими страстями: любостяжанием, славолюбием, завистью и вообще над всеми болезнями (душевными). Теперь не видишь ли, что эти воины сильнее воинов царя земного, и что трапеза их - лучше трапезы тех? Кто станет противоречить этому? Никто, даже и из самих чревоугодников, как бы кто из них ни был безумен. Подлинно, трапеза мужей святых возводит на небо, а трапеза сластолюбцев влечет в геенну. Эту приготовляет дьявол, а ту - Христос. Для этой дает правила сластолюбие и необузданная роскошь, а для той - любомудрие и целомудрие. Здесь пребывает Христос, а там - дьявол. Где пьянство, там и дьявол; где срамословие и пресыщение, там ликуют демоны. Такую трапезу имел богач, упоминаемый в Евангелии; но за то (по смерти) ему не было дано и одной капли воды.

Напротив, пустынножители заботятся не о такой трапезе, но о житье ангельском. Они не женятся, не посягают, не едят много, не предаются изнеженности; но кроме самых немногих нужд, неизбежных для существа телесного, живут как бестелесные. Кто же так легко может одолевать врагов, как не тот, кто, принимая пищу, в то же время одерживает победу? Поэтому и пророк говорит: "**Ты приготовил передо мной трапезу в виду врагов моих**" (Псал. 22:5). Мы не погрешим, если применим эти слова и к этой трапезе. Действительно, ничто так не стесняет духа, как безумное вожделение, сластолюбие, пьянство и всякое зло, происходящее отсюда. Это хорошо знают испытавшие. Если же рассмотришь и то, какими средствами приготавливается эта трапеза и трапеза сластолюбцев, то ясно увидишь различие той и другой. Какими же средствами приготавливается трапеза сластолюбцев? Пролитием множества слез, расхищением имущества вдов, разграблением сирот. Напротив, трапеза пустынножителей - праведными

трудами. Последняя подобна красивой и благообразной жене, которая не нуждается ни в каких внешних украшениях, но имеет природную красоту; напротив, та - подобна гнусной и отвратительной блуднице, которая хотя и употребляет различные притиранья, но не может закрыть своего безобразия, и чем ближе к кому подходит, тем более обнаруживает его. Такова и трапеза сластолюбцев: чем ближе подойдешь к ней, тем более увидишь ее гнусность. Для этого посмотри на пиршествующих не тогда, когда они сходятся, но когда встают из-за стола, и тут-то ты увидишь всю их отвратительность. Та, будучи свободна, не позволяет собеседникам говорить ничего срамного; а эта, как бесчестная блудница, не дает сказать ничего целомудренного. Та ищет пользы своих соучастников, а эта - погибели. Та не позволяет оскорбить Бога, а эта заставляет оскорблять Его. Итак, пойдем к тем (любителям воздержания). Там узнаем, как многими узами мы связаны; там научимся устраивать трапезу, исполненную бесчисленных благ, сладостнейшую, не требующую издержек, чуждую всяких забот, зависти и злословия, свободную от всякой болезни, исполненную благих надежд, доставляющую множество побед. Нет там никаких возмущений душевных, нет ни болезней, ни гнева; все тихо, все мирно. Не указывай мне на молчание слуг в домах богачей, но представь себе шум пирующих, - не тот, который происходит от их разговоров (хотя и этот уже достоин посмеяния), но шум внутренний, происходящий в душе и отдающий их в плен многим врагам; представь мятеж, волнение, мрак и бурю их мыслей, от которой все приходит в смешение и беспорядок, подобно тому, что бывает в ночном сражении. Напротив, в обителях монашеских нет ничего подобного; там великая тишина, великое безмолвие. За той трапезой следует сон подобный смерти, а за этой - трезвость и бодрствование; та подвергает мучению, а эта приводит к царству небесному и бессмертным наградам. Итак, будем стремиться к этой трапезе, чтобы нам насладиться и ее плодами, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 71

"Фарисеи, услышав, что Он привел саддукеев в молчание, собрались вместе. И один из них, законник, искушая Его, спросил, говоря: Учитель! какая наибольшая заповедь в законе" (Матф. 22:34-36)?

1. Опять евангелист представляет новую причину, по которой фарисеям надлежало бы умолкнуть, и, таким образом, еще более обнаруживает дерзость их. Как же это? Спаситель уже заградил уста саддукеев, и фарисеям после этого надлежало бы замолчать; но вот они опять приступают к нему, опять с прежним злобным намерением заводят с Ним спор, и подсылают к нему законника, не с тем, чтобы научиться, но чтобы искусить Его, и спрашивают: какая первая заповедь? Они знали, что первая заповедь: "**возлюби Господа Бога твоего**"; но ожидали, что Спаситель поправит ее, назвав Себя самого Богом, и через то подаст им случай обвинить Его, а потому и предложили такой вопрос. Что же отвечает Христос? Желая показать, что они предлагают этот вопрос потому, что вовсе не имеют любви, но истаивают от злобы и снедаются завистью, Он говорит: "**возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всей душой твоей и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя**" (Матф. 22:37-39). Почему же подобна ей? Потому что вторая пролагает путь к первой, и взаимно поддерживается ею. "**Ибо всякий**", сказано, "**делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету**" (Иоан. 3:20); и в другом месте: "**сказал безумец в сердце своем: нет Бога**" (Псал. 13:1). А что отсюда происходит? "**развратились, совершили гнусные дела**" (там же). И еще: "**корень всех зол есть сребролюбие, которому, предавшись, некоторые уклонились от веры**" (1 Тим. 6:10); и: "**если любите Меня, соблюдите Мои заповеди**" (Иоан. 14:15). А из всех заповедей Его главная заповедь: "**возлюби Господа Бога твоего, и ближнего твоего как самого себя**".

Итак, если любить Бога - значит любить ближнего, так как Спаситель сказал Петру: если ты любишь Меня, паси овец Моих (Иоан. 21:16), а любовь к ближнему имеет плодом своим хранение заповедей, то истинно сказано: "**на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки**". Потому как прежде поступил Спаситель, так поступает и теперь. Там, на вопрос саддукеев о том, каково будет воскресение, Он сказал больше, нежели, сколько содержалось в вопросе, для того, чтобы научить их; так и здесь, будучи спрошен о первой заповеди, приводит и вторую, почти настолько же важную, как и первая (она хотя и называется второй, но подобна первой). Этим Он давал им заметить, из какого источника происходил их вопрос, то есть, от злобы: "**любовь не завидует**" (1 Кор. 13:4). Таким образом Спаситель доказал, что Он повинуется и закону, и пророкам. Но почему евангелист Матфей говорит о законнике, что Он, искушая, предложил вопрос, тогда как Марк говорит обратное: "**видя**", говорит он, "**что он разумно отвечал, сказал ему: недалеко ты от Царствия Божия**" (Марк. 12:34)? Тут нет никакого противоречия; напротив, евангелисты совершенно согласны между собой. Сначала законник спросил Его искушая, но потом воспользовался ответом Спасителя, - и получил от Него похвалу. Спаситель не с самого начала похвалил его; но когда законник отвечал, что любить ближнего - больше всех всесожжений, тогда уже Господь сказал ему: "**недалеко ты от Царствия Божия**", - потому что он, презрев низшие обязанности, постиг, в чем состоит начало добродетели. Все ведь прочие обязанности, как-то: хранение субботы и другие, имеют целью любовь. Впрочем, Спаситель не присваивает ему совершенной похвалы, а показывает, что ему еще многого недостает. Слова: "**недалеко от Царствия Божия**" означают то, что он еще не достиг его, и сказаны с тем намерением, чтобы он искал, чего ему недостает. А что Спаситель похвалил его, когда он сказал: "**один есть Бог и нет иного, кроме Него**" (Марк. 12:32), не удивляйся тому, но познай отсюда, как Он применяется к понятиям приходящих к Нему. Пусть они говорят о Христе весьма много такого, что недостойно славы Его, только бы не дерзали совсем отвергать бытия Божьего. Итак, за что же он хвалит законника, когда он сказал, что кроме Отца нет иного Бога? Это не значит того, чтобы Иисус Христос не признавал Себя Богом, - да не будет! - но так как не пришло еще время открыть Ему Свое божество, то Он и оставляет законника при прежнем учении и хвалит его за то, что он хорошо знает древний закон, чтобы таким образом сделать его способным к принятию учения и новозаветного, когда оно открыто будет в приличное время. Кроме того, слова: "**один есть Бог и нет другого кроме Него**", как в ветхом завете, так и в новом, приводятся не в опровержение божества Сына Божия, а для того, чтобы отличить идолов от истинного Бога. С этою мыслию и Спаситель хвалит законника, произнесшего данные слова. Потом, дав ответ на его вопрос, Иисус и сам спросил (фарисеев): "**что вы думаете о Христе? чей Он сын? Говорят Ему: Давидов**" (Матф. 22:42). Итак, смотри, сколько Он сотворил чудес и знамений, сколько предложил других вопросов, сколько представил доказательств Своего единомыслия с Отцом и в словах и в делах, какую приписал похвалу законнику, сказавшему: "**один есть Бог**", прежде нежели предложил этот вопрос, чтобы фарисеи не могли сказать, что хотя Он и творит чудеса, но оказывается противником закона и врагом Божьим. Вот почему этот вопрос Он и предлагает после столь многих доказательств, неприметным для них образом приводя их к признанию и Его Богом. И прежде Он предлагал подобный вопрос ученикам Своим, но сперва спросил их: "**за кого почитают Меня другие**", а потом уже – "**за кого они сами**"? Но фарисеев спрашивает иным образом. В противном случае они, привыкнув все говорить без всякого страха, тотчас назвали бы Его обманщиком и злым человеком. Поэтому Он и требует их собственного суда.

2. Так как Спаситель хотел идти на страдание, то и приводит теперь такое пророчество, в котором Он ясно назван Господом; и делает это не просто и не без причины, но имея для того достаточное основание. Так как они на первый вопрос Его не дали правильного ответа (назвав Его простым человеком), то, в опровержение их ложного мнения о Нем, Он

приводит слова Давида, возвещающего Его божество. Они почитали Его простым человеком, почему и сказали: "**Давидов**", Спаситель же, исправляя это их мнение, приводит пророка, утверждающего, что Он Господь и истинный Сын Божий, и что Ему принадлежит одинаковая честь с Отцом. Впрочем, Он и на этом не останавливается, но чтобы возбудить в них чувство страха, приводит и следующие слова пророка: "**доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**", - для того, чтобы по крайней мере этим средством обратить их к Себе. А для того, чтобы они не сказали, что в этих словах Давида есть преувеличение, похожее на ложь, и что это просто лишь сказано по суждению человеческому, смотри, что говорит Он: "**как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом**"? Смотри, с какой скромностью Он указывает на мнение и суд о Нем пророка. Сперва Он сказал: "**что вы думаете о Христе? чей Он сын?**" чтобы этим вопросом побудить их к ответу. Потом, когда они сказали: "**Давидов**", не сказал: Давид говорит, однако же, следующее, но опять в виде вопроса: "**как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом**"? - чтобы им не показалось противным Его учение о божестве. По этой же причине Он не сказал: как вы думаете обо Мне, но: "**о Христе**". Поэтому-то и апостолы со всей скромностью говорили о патриархе Давиде; "**да будет позволено с дерзновением сказать вам о праотце Давиде, что он и умер и погребен**" (Деян. 2:29). Подобным образом и сам Спаситель предлагает учение о Себе в виде вопроса и рассуждения, говоря: "**как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**"? И потом: "**если Давид называет Его Господом, как же Он сын ему**" (Матф. 22:43-45)? Этим Он не отвергает того, что Он есть сын Давидов, - нет; Он и Петра не укорил бы за это, - но только исправляя мнение фарисеев. Поэтому слова Его: "**как же Он сын ему**"? имеют такое значение: Он - сын Давидов, но не в том смысле, как вы разумеете. Они говорили, что Христос есть только сын Давидов, а не Господь. Итак, Он сперва приводит свидетельство пророка, а потом уже исправляет их мнение со всей кротостью, говоря: "**если Давид называет Его Господом, как же Он сын ему**"? Но, выслушав эти слова, фарисеи ничего не отвечали; они совсем не хотели знать истины. Поэтому Он сам наводит их на ту мысль, что Он есть Господь Давиду. Но и это Он говорит не прямо от Своего лица, а приводя слова пророка, потому что они вовсе не верили Ему, и думали о Нем худо. Смотря на это их расположение, ни в каком случае, конечно, не должно соблазняться тем, что Спаситель иногда говорит о Себе уничиженно и смиренно, так как главной причиной этого, кроме многих других, было то, что Он в беседах с ними приноровлялся к их понятиям. Вследствие этого и теперь Он предлагает им Свое учение посредством вопросов и ответов; но и таким образом Он все же прикровенно указывает им на Свое достоинство, потому что не одинаково важно было называться Господом иудеев, и Господом Давида. Далее посмотри, как благовременно предлагает Он это учение. Сказав наперед, что Господь один, говорит потом и о самом Себе, что Он Господь, и доказывает это не только делами Своими, но и свидетельством пророка; и вместе с этим возвещает, что сам Отец отомстит им за Него, говоря: "**доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**", и, таким образом, доказывая Свое согласие и равное достоинство с Отцом. Этими словами Спаситель заключает беседу Свою с фарисеями, представив им учение высокое, величественное и могущее заградить уста их. И они действительно с того времени замолчали, не по собственному желанию, но потому что не могли ничего возразить; и, таким образом, получили столь решительный удар, что уже не отваживались более так нападать на Него, - сказано: "**с того дня никто уже не смел спрашивать Его**" (Матф. 22:46). И это принесло народу немалую пользу. Потому-то Спаситель, прогнав этих волков и разрушив их злые умыслы, и обращает, наконец, Свое слово к народу.

Фарисеи, будучи заражены тщеславием и преданы этой ужасной страсти, не получили от Его беседы никакой пользы. И в самом деле, страсть эта ужасная и многоглавая.

Увлеченные ею, одни стремятся к богатству, другие к власти, иные к могуществу. Распростирая власть свою далее, она обращает себе в пищу и милостыню, и пост, и молитвы, и дар учения, да много еще и других голов у этого зверя. Впрочем, нисколько не удивительно, когда люди гордятся богатством и властью; но то странно и достойно оплакивания, когда они самый пост и молитву обращают в предмет своего тщеславия. Но чтобы, в свою очередь, не останавливаться здесь только на одних упреках, мы укажем и способ, как избегать этой страсти. С кого же, прежде всего, начать нам? С тех ли, кто тщеславится богатством, или одеждой, или властью, или даром учения, или крепостью телесной, или искусством, или красотой, или нарядами, или жестокостью, или человеколюбием и милостыней, или пороками, или смертью, или распоряжениями, долженствующими совершиться после их смерти? Страсть эта, как я сказал, многоразличным образом опутывает нас, и простирается даже за пределы нашей жизни. Потому и говорят; такой-то умер и, чтобы удивлялись ему, завещал сделать то и то. Поэтому же один хочет быть бедным, а другой богатым. Это-то особенно и ужасно, что страсть тщеславия находит себе пищу в предметах противоположных.

3. Итак, против кого же нам вооружиться и ополчиться? А одного и того же слова обличения против всех этих видов тщеславия недостаточно. Хотите ли, чтоб я вооружился против тех, которые тщеславятся раздаянием милостыни? Я охотно желал бы этого. Я весьма люблю милостыню, и скорблю, видя, как тщеславие портит ее и развращает, подобно какой-нибудь кормилице, которая, служа царской дочери, завлекает ее в постыдные связи, и которая хотя и ходит за ней, но в то же время, к ее стыду и вреду, приучает ее к непотребным делам, убеждая презирать наставления отца, и наряжаться, чтобы понравиться развратным и много раз осрамившим себя мужчинам, и для этого заставляет ее носить такие срамные и позорные наряды, которые могут нравиться сторонним людям, а не отцу. Итак, обратимся к тщеславным людям подобного рода и представим себе, что кто-нибудь подает милостыню щедрой рукой только на показ перед людьми. Таким образом, подающий милостыню выводит ее из чертога отеческого. В самом деле, Отец небесный повелевает, чтобы даже левая рука не знала о ней; а подобного рода милостыня выставляет себя на показ и рабам, и всем встречным, хотя бы они совсем и не знали ее. Не видишь ли ты здесь и блудницу, и соблазнительницу, которая возбуждает к себе любовь в людях непотребных и с этой целью украшается так, как нравится им? Далее, хочешь ли видеть, как тщеславие делает преданную ему душу не только блудницей, но и доводит до безумия? Посмотри ближе на ее чувствования. Вот она, оставив небо, бегает по распутьям и переулкам, гоняясь за рабами беглыми и невольниками, гнусными и безобразными, которые ненавидят ее и не хотят даже взглянуть на нее, а она горит к ним любовью. Что же может быть безумнее этого? В самом деле, люди никого столько не ненавидят, как домогающихся от них себе чести. Они сплетают на них множество клевет, и здесь бывает то же, как если бы кто царскую дочь, девицу, низведя с царского престола, заставил отдаться на поругание гладиаторам, презирающим ее. Так поступают и люди: чем более ты гоняешься за ними, тем более они от тебя отвращаются. Напротив, Бог, когда ты будешь искать чести у него, по мере твоего усердия будет и привлекать тебя, и утешать тебя похвалами, и воздаст тебе великую награду. Но если ты хочешь и с другой стороны видеть, насколько бесполезна милостыня, когда подаешь ее на показ и из тщеславия, то размысли, какая постигнет тебя печаль, и какая нескончаемая скорбь будет одолевать тебя, когда возгремит перед тобой голос Христов: ты погубил всю мзду свою! Тщеславие и везде пагубно, но особенно в делах человеколюбия, так как здесь оно является крайней жестокостью, извлекая себе хвалу из чужих бедствий и почти ругаясь над живущими в нищете. Если указывать на свои благодеяния значит укорять облагодетельствованного, то не гораздо ли хуже выставлять их на показ перед многими? Как же нам избежать этого зла? Мы избежим его, когда научимся быть истинно милосердными, и рассмотрим, у кого мы ищем славы. Скажи мне,

кто первый учитель милостыни? Конечно, Тот, Кто примером Своим научил нас ей, т. е. Бог, Который всех лучше знает и бесконечно оказывает ее. Что же? Если бы ты учился искусству борьбы, на кого бы стал ты смотреть, или кому стал бы показывать свои успехи в нем, - тому ли, кто продает овощи и рыбу, или учителю этого искусства, хотя бы тех было и много, а этот один? И если бы все прочие стали смеяться над тобой, а он хвалил бы тебя, то не стал ли бы и ты сам вместе с ним смеяться над ними? Или: если бы ты учился искусству бойцов, то не стал ли бы точно также смотреть на того, кто умеет обучать этому искусству? Равным образом, если бы ты занимался красноречием, то не стал ли бы дорожить похвалами учителя красноречия, и пренебрегать суждением других? Итак, не безрассудно ли в других искусствах обращать внимание только на одобрение учителя, а в делах милосердия поступать наоборот, - и, тем более что вред в том и другом случае не одинаков? В самом деле, если ты борешься только для того, чтобы нравиться народу, а не учителю, то и вся беда имеет значение только по отношению к этой борьбе, здесь же дело касается жизни вечной. Если ты через милостыню уподобляешься Богу, то будь же подобен Ему и в том, чтобы не делать ее напоказ. Когда Он исцелял кого, то говорил, чтобы никому о том не сказывали. Но ты хочешь слыть между людьми милостивым? Что за прибыль? Прибыли никакой нет, а вред бесконечный, так как те самые, кого ты призываешь в свидетели, отнимают у тебя, как разбойники, сокровища небесные, или лучше сказать, не они, а мы сами разграбляем свое стяжание и расточаем свое богатство, хранящееся в горних обителях. Вот новое бедствие, новое, необыкновенное зло! Чего не истребляет моль, чего не похищает тать, то разграбляет тщеславие. Вот моль, истребляющая вечные сокровища! Вот тать, разграбляющий небесные блага! Вот похититель некрадомого богатства! Вот что разрушает и развращает все доброе! Итак, когда дьявол видит, что страна эта недоступна ни для разбойников, ни для других злоумышленников, и что ее сокровищ не истребляет моль, - расхищает их тщеславием.

4. Но ты желаешь славы? Неужели для тебя не довольно славы от человеколюбца Бога, Который сам принимает от тебя милостыню, что ты ищешь еще славы и от людей? Берегись, чтобы не испытать противного: чтобы люди не стали смотреть с презрением на тебя, как на человека, не милость являющего, но хвастливого и честолюбивого и только выставляющего на позор чужие бедствия. Милостыня есть тайна. Итак, запри двери, чтобы кто не увидел того, чего показывать не должно. Главные тайны наши - это милосердие и человеколюбие Божье. Он по многой милости Своей помиловал нас непокорных. И в первой молитве, которую приносим за бесноватых, мы испрашиваем милости; потом во второй - за кающихся - просим для них великой милости; наконец, и в третьей - за самих себя, в ней же из среды народа указываем на невинных детей, - умоляем Бога о милости. Так как мы сами сознаем свои прегрешения, то за тех, которые много погрешили и достойны осуждения, молимся сами, а за себя самих представляем молящимися детей, подражающих простоте которых ожидает царство небесное. Этот образ молитвы показывает то, что люди смиренные и бесхитростные, подобно детям, могут преимущественно молиться за виновных. А какой великой милости, какого человеколюбия исполнено это таинство, это знают посвященные. Так и ты, когда по возможности своей оказываешь человеку милость, запри дверь: пусть это видит один тот, кто получает милость; а если можно, то пусть даже и он не видит. Если же ты отворишь дверь, то обнаружишь свою тайну. Подумай, что и тот, у кого ты ищешь славы, осудит тебя. Если это будет друг твой, то он сам про себя подумает о тебе худо; а если враг, то он осмеет тебя и перед другими, и ты испытаешь противное тому, чего желал. Тебе хочется, чтобы он сказал о тебе, что ты человек милостивый; но он не скажет этого, а назовет тебя тщеславным и человекоугодником, и еще как-нибудь гораздо хуже. Если же ты скроешь от него свое доброе дело, то он будет говорить о тебе совершенно противное этому, - будет называть тебя человеколюбивым и милостивым. Бог не допускает оставаться в неизвестности доброму делу, и если ты сам скроешь его, Он обнаружит; и тогда будет

больше удивления и больше пользы. Таким образом, выказывая себя, мы сами полагаем себе препятствие к приобретению славы; к чему мы сильно стремимся и чего нетерпеливо желаем, к тому не допускает нас самая наша нетерпеливость, так что мы не только не получаем славы людей милостивых, но еще возбуждаем противное о себе мнение, а сверх того терпим великий вред. Ради всего этого и будем убегать тщеславия, и возлюбим одну славу Божью. Таким образом, мы и здесь достигнем славы, и сподобимся вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 72

“Тогда Иисус начал говорить народу и ученикам Своим и сказал: на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте” (Мф. 23:1-3).

1. “**Тогда**”: когда же это? Когда Спаситель окончил беседу Свою с фарисеями, когда заградил им уста, когда довел их до того, что они не осмеливались более искушать Его, когда показал, что они страждут неисцельным недугом. И так как выше упомянул о Господе, глаголавшем к Господу, то теперь опять обращается к закону. Может быть, ты скажешь: закон не говорит ничего подобного, а говорит только: “**Господь, Бог наш, Господь един есть**” (Втор. 6:4). Но в Писании называется законом весь Ветхий Завет. А что теперь говорит Спаситель, говорит для того, чтобы всячески показать Свое совершенное согласие с Отцом. Если бы Он был противен Отцу, то противное говорил бы и о законе. Ныне же Он предписывает оказывать такое уважение к закону, что велит наблюдать его, несмотря даже и на развращение учителей закона. При этом Он беседует и о жизни, и о должном образе поведения, так как главнейшею причиною неверия фарисеев была развращенная жизнь и любовь к славе. Итак, чтобы исправить слушателей, Спаситель особенно повелевает им соблюдать то, что наиболее споспешествует спасению, именно: не презирать учителей и не восставать против священников; и не только повелевает другим, но и Сам исполняет это. Он и у развращенных учителей не отнимает должного уважения, подвергая их чрез это тем большему осуждению, а у слушающих Его учение отнимая всякий предлог к непослушанию; чтобы кто не сказал: я потому стал ленив, что учитель мой худ, Он и отнимает самый повод. Итак, несмотря на развращение книжников, Спаситель так твердо ограждает права их власти, что и после столь сильного обличения сказал народу: “**Все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте**”, - потому что они предлагают не свои заповеди, но Божии, которые Бог открыл в законе чрез Моисея. И заметь, какое Он оказывает уважение к Моисею, снова доказывая согласие Своего учения с Ветхим Заветом, когда и самих книжников считает заслуживающими уважения из почтения к Моисею: “**На Моисеевом седалище сели**”, говорит Он. Так как Он не мог представить их достойными доверия по их жизни, то предлагает к тому законные побуждения, упоминая о кафедре и учении Моисея. Когда же слышишь слово: “все”, не разумей здесь всего закона, как, например, постановлений о пище, о жертвах и тому подобном. Как Он мог говорить теперь о том, что отменил еще прежде? Под словом: “все” разумеет Он предписания, служащие к исправлению нравов, улучшению образа жизни, согласные с правилами Нового Завета и освобождающие от ига закона. Почему же Он повелевает делать это не на основании закона благодати, а закона Моисеева? Потому что еще не время было ясно говорить об этом прежде креста. Кроме того, мне кажется, что Он, говоря это, имел в виду и нечто еще другое. Так как Он хотел обличить фарисеев, то, чтобы не подумали люди неразумные, что Он сам ищет власти, принадлежащей им, или что делает это по ненависти, прежде всего Он уничтожает такое подозрение и, сделав это, уже приступает к обличению. Для чего же Он обличает их и так много говорит против них? Для того, чтобы предохранить народ, чтобы и он не впал в такие же пороки. В самом

деле, не одно и то же - просто запрещать зло и указывать на людей, делающих зло, подобно тому, как не одно и то же - хвалить добрые дела и представлять примеры людей добродетельных. Вот почему Спаситель, еще прежде обличения фарисеев, говорит: “**По делам же их не поступайте**”. Чтобы народ не подумал, что, слушая их, он должен и подражать им, Спаситель прибавляет эти слова, мнимую их честь обращает им в осуждение. И действительно, что может быть несчастнее того учителя, ученики которого тем только и спасаются, что не смотрят на его жизнь? Таким образом, мнимая честь этих учителей обращается в величайшее для них осуждение, когда жизнь их такова, что ученики их, подражая ей, совершенно развращаются. Потому Господь и обращается теперь к обличению их. Впрочем Он делает это не по одной только этой причине, но и для того, чтобы показать, что и прежнее их неверие, и пригвождение Его ко кресту, на которое они осмелились после, не может быть обращено в вину Распятому, в Которого они не уверовали, но их самих обличает в нечестии и неблагодарности. Смотри же, с чего начинает и чем усиливает Он Свои обличения. “**Говорят, и не делают**”, говорит Он. И всякий преступник закона достоин обвинения, а тем более тот, кто имеет власть учить. Таковой заслуживает вдвое и втрое больше осуждения: во-первых, потому, что преступает закон; во-вторых, потому, что, имея обязанность исправлять других, но сам хромая, достоин большего наказания, по высоте своего положения; а в-третьих, потому, что он сильнее увлекает других к пороку, так как нарушает закон, сам будучи учителем закона. Сверх всего этого, Спаситель обвиняет их еще и в том, что они жестоко поступают с людьми, вверенными их попечению. “**Связывают бремена тяжелые и неудобоносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их**” (ст. 4). Этими словами Он обнаруживает двоякое зло в их действиях: именно то, что они от подчиненных без всякого снисхождения требуют полной и совершенной исправности в жизни, а сами себе предоставляют полную свободу действия, между тем как доброму начальнику надлежало бы поступать иначе, т. е., к самому себе быть судьею строгим и взыскательным, а к подчиненным - кротким и снисходительным. Фарисеи же поступали наоборот.

2. Таковы и все любомудрствующие на словах. Они без милости строги и взыскательны, потому что не испытали, как трудно учить делами. Немаловажно и это зло, и придает много силы прежним обличениям. Но посмотри, как Спаситель еще более усиливает это обвинение против книжников. Он не сказал: не могут, но – “**не хотят**”; и не сказал: нести, но – “**перстом двинуть их**”, т. е., не хотят даже и приблизиться, даже и прикоснуться. Но о чем же они заботятся и к чему устремлены их усилия? К тому, что возбранено законом. “**Все же дела свои делают с тем, -** говорит Спаситель, **- чтобы видели их люди**” (ст. 5). Этими словами Он обличает их в тщеславии, которое и погубило их. Вышеупомянутые поступки показывали их жестокость и нерадение; а те, о которых говорится теперь, обнаруживают в них неумеренное желание славы. Оно-то и удалило их от Бога, оно заставило их подвизаться на ином позорище, и довело до погибели. Действительно, каких кто имеет зрителей, такие являет и подвиги, стараясь им понравиться. Так, кто подвизается пред людьми, исполненными мужества, тот и сам старается отличиться мужеством; а кто борется пред людьми слабыми и малодушными, и сам становится небрежен. Так, если кто имеет пред собою зрителей, любящих смеяться, то и сам старается быть смешным, чтобы доставить им удовольствие. Другой же, имея пред собою зрителей серьезных и расположенных к любомудрию, и сам старается быть таким же, так как это согласно с расположением тех, от которых он ожидает себе похвалы. Но смотри, как и здесь Спаситель увеличивает вину фарисеев. Он не говорит, что в одних случаях они поступают так, а в других - иначе; но что во всех своих делах одинаково. Таким образом обличив их тщеславие, показывает далее, что они тщеславятся не важными какими-либо и нужными делами (никаких истинно добрых дел они не имели), но пустыми и

ничтожными, которые обнаруживали только их развращение. “**Расширяют**, **-** говорит Он, **- хранилища свои и увеличивают воскрилия одежд своих**”.

Какие же это хранилища и воскрылия? Так как они часто забывали благодеяния Божии, то Бог повелел им написать на особенных листочках чудеса Его, и привязывать эти листочки к рукам своим (потому и сказано: “**Да будут они повязкою над глазами твоими**” (Втор. 6:8), что и называлось хранилищами, подобно тому, как ныне многие женщины носят Евангелия на шее. А чтобы и другим образом заставить их помнить о Его благодеяниях, Бог повелел им, как малым детям, делать то же, что многие делают во избежание забывчивости, обвязывая палец льном или нитью, то есть: пришивать по краям верхней одежды снурки гиацинтового цвета до самых ног, чтобы, взирая на них, они вспоминали о заповедях, - и это называлось воскрылиями. А они особенно заботились о том, чтобы делать широкие повязки для этих листочков и увеличивать воскрылия одежд, что показывало их крайнее тщеславие. Для чего ты гордишься и расширяешь их? Ужели в этом состоит твоя добродетель? Принесут ли они тебе какое-нибудь добро, если ты не воспользуешься тем, о чем они тебе напоминают? Бог не того требует, чтобы ты увеличивал и расширял их, но чтобы помнил Его благодеяния. Если не должно хвалиться и милостынею и постом, которые требуют от нас труда и суть наши дела добрые, то, как же ты, иудей, превозносишься тем, что особенно обличает твое нерадение? Впрочем, иудеи не только в этих мелочах обнаруживали свое тщеславие, но и во многих других. “**Также любят**, **-** говорит Он, **- предвозлежания на пиршествах и председания в синагогах и приветствия в народных собраниях, и чтобы люди звали их: учитель! учитель!**” (ст. 6-7). Может быть, все это сочтет кто-либо и за мелочи; но мелочи эти бывают причиною великих зол. Они разрушали и государство и церкви. Я не могу удержаться от слез, когда и ныне слышу о председаниях и приветствиях, и представлю, как много зол произошло отсюда для церквей Божиих. Но об этом не нужно теперь говорить вам подробно, и особенно старшие из вас не имеют нужды слышать от меня об этом. Лучше обратим внимание на то: где учителями закона овладевало тщеславие? Там, где им заповедано было предохранять себя от тщеславия - в синагогах, куда они ходили учить других. На пиршествах это могло бы показаться еще не так предосудительным, хотя и там учителю надлежало быть образцом, - он должен показывать пример не только в церкви, но и везде. Как человек, где бы он ни был, везде очевидным образом отличается от бессловесных, так и учитель, говорит ли, молчит ли, обедает ли, или что другое делает, должен являться образцом - и в походке, и во взоре, и в одежде, и вообще во всем. Напротив фарисеи во всем являлись достойными осмеяния и стыда, стараясь гоняться за тем, чего следовало избегать. Любят же, говорит Он. Если и любить предосудительно, то каково делать? И насколько большее еще зло - гоняться за этим, и домогаться получить это?

3. До сих пор, обличая пороки фарисеев, Спаситель обращался только к ним одним, так как пороки эти были не велики и не важны, и не было нужды предостерегать от них учеников; но когда дело дошло до причины всех зол - любоначалия и восхищения учительских кафедр, то Спаситель, выставляя на вид этот порок, обличает его со всею строгостью, восстает против него со всею ревностью и силою, обращаясь и к ученикам Своим. Что именно говорит Он? “**А вы не называйтесь учителями**” (ст. 8). А вслед затем указывает и причину этого: “**ибо один у вас Учитель - Христос, все же вы - братья**”; и один другого ничем не превосходит, потому что ничего не имеет своего. Поэтому-то и Павел говорит: “**Кто Павел? кто Аполлос? Они только служители**”(1 Кор. 3:5) А не сказал: учители. И еще: “**И отцом себе не называйте никого**” (Мф. 23:9). Это не то значит, чтобы они никого не называли отцом, но чтобы знали, кого собственно должно называть отцом. Как учитель не есть учитель в собственном смысле, так и отец. Один Бог есть виновник всех - и учителей, и отцов. И еще присовокупляет: “**И не**

называйтесь наставниками, ибо один у вас Наставник - Христос" (ст. 10). Он не сказал: Я наставник. Подобно тому, как прежде Он сказал: "**Что вы думаете о Христе**"? - а не сказал: обо Мне, - так и здесь. Но желал бы я здесь спросить: что на это скажут те, которые слова: "Один" и "один" часто относят только к одному Отцу, отвергая Единородного? Скажут ли они, что Отец есть наставник? Это подтвердят все, и никто не будет противоречить. И однако же, один, говорит Спаситель, "**у вас Наставник – Христос**". Как говоря: един есть наставник Христос, Спаситель не отвергает того, что и Отец есть наставник, так и называя Отца единым учителем, не отвергает того, чтобы вместе и Сын был учителем. Слова "Один" и "один" сказаны для отличения от людей и от прочих тварей. Итак, предохранив учеников от этого жестокого недуга и обличив его, Спаситель показывает и способы избегать его - посредством смиренномудрия. Поэтому и присовокупляет: "**Больший из вас да будет вам слуга: ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится**" (ст. 11-12). Подлинно ничто не может сравниться с смирением, почему и Спаситель напоминает им часто об этой добродетели: и когда малых детей поставил пред ними, и в настоящей беседе; и когда, беседуя на горе о блаженствах, с этой добродетели начал Свое слово, и теперь, когда с корнем исторгает гордость, говоря: "**кто унижает себя, тот возвысится**". Видишь ли, как Он здесь ведет слушателя к делам, совершенно противоположным гордости? Он не только запрещает искать первенства, но и предписывает избирать последнее место. Чрез это, говорит Он, ты получишь желаемое. Итак, желающему первенства надлежит избрать себе место ниже всех: "**кто унижает себя, тот возвысится**". Но где мы найдем такое смиренномудрие? Хотите ли опять пойти во град добродетели, в селения святых, т. е., в горы и ущелья? Там-то мы и увидим эту высоту смиренномудрия. Там люди, блиставшие прежде мирскими почестями, или славившиеся богатством, теперь стесняют себя во всем: не имеют ни хороших одежд, ни удобных жилищ, ни прислуги, и, как бы письменами, явственно изображают во всем смирение. Все, что способствует к возбуждению гордости, как-то: пышные одежды, великолепные дома, множество слуг, что иных и поневоле располагает к гордости, - все это удалено оттуда. Сами они разводят огонь, сами колют дрова, сами варят пищу, сами служат приходящим. Там не услышишь, чтобы кто оскорблял другого, не увидишь оскорбляемых; нет там ни принимающих приказания, ни приказывающих; там все слуги, и каждый омывает ноги странников и один перед другим старается оказать им эту услугу. И делают они это, не разбирая, кто к ним пришел, раб или свободный, но служат так всем одинаково. Нет там ни больших, ни малых. Что же? Значит, там нет никакой подчиненности? Напротив, там господствует отличный порядок. Хотя и есть там низшие, но высший не смотрит на это, а почитает себя ниже их, и чрез то делается большим. У всех один стол, у пользующихся услугами, и у служащих им; у всех одинаковая пища, одинаковая одежда, одинаковое жилище, одинаковый образ жизни. Больший там тот, кто предупреждает другого в отправлении самых низких работ. Там нет различия между моим и твоим, и оттуда изгнаны самые слова эти, служащие причиною бесчисленного множества распрей.

4. И чему дивишься, что у пустынников один образ жизни, одинаковая пища и одежда, когда и душа у всех их одна, не по природе только (по природе она у всех людей одинакова), но и по любви? А в таком случае как может он когда-либо возгордиться сам перед собою? Там нет ни бедности, ни богатства, нет ни славы, ни бесчестия. Как же могут вкрасться туда гордость и высокомерие? Есть там низшие и высшие по добродетели; но, как я уже сказал, там никто не смотрит на свое превосходство. Низших там не оскорбляют презрением; там никто не уничижает других. А если бы их кто и унижал, они тем более научаются чрез это переносить презрение, поругание, уничижение и в словах, и в делах. Они обращаются с нищими и увечными, и столы их бывают переполнены такими гостями; а потому-то они и достойны неба. Один врачует раны недужного, другой водит слепого, иной носит безногого. Нет там толпы льстецов и

тунеядцев, - более того, там даже и не знают, что такое лесть. Итак, от чего бы могла у них родиться гордость? У них во всем великое равенство, а потому они весьма удобно преуспевают и в добродетели. Действительно, такое равенство гораздо более способствует к научению низших, нежели когда бы их невольно заставляли уступать первенство высшим. Подобно тому, как человека дерзкого вразумляет тот, кто, получив от него обиду, уступает ему, так и честолюбивого научает смирению тот, кто не гонится за славою, но презирает ее. Подобного же рода примеров там множество и сколько между нами бывает распрей из-за того, чтобы достигнуть первенства, столько они употребляют усилий, чтобы не иметь его, но быть в унижении, и всячески стараются превзойти друг друга в том, чтобы не самим пользоваться честью, а воздавать ее другим.

Впрочем и самые их упражнения приводят их к смирению, и не дают им надмеваться. В самом деле, скажи мне, кто, занимаясь копанием земли, поливанием и насаждением растений, плетением корзин и вязанием власяниц, или другою какою-либо подобною работою, будет высоко думать о себе? Кто, живя в бедности и борясь с голодом, подвергнется этому недугу? Никто. Поэтому-то для них легко быть смиренными. Как здесь трудно соблюсти скромность по причине множества рукоплещущих и удивляющихся, так там это весьма удобно. Отшельника занимает собою только пустыня: он видит летающих птиц, колеблемые ветром деревья, веяние зефира, потоки, быстро текущие по долинам. Итак, чем может возгордиться человек, живущий среди такой пустыни? Впрочем, жизнь общественная не послужит для нас извинением, если мы, обращаясь с людьми, будем предаваться гордости. И Авраам, живя среди хананеев, говорил: “**Я, прах и пепел**” (Быт. 18:27); и Давид, находясь среди войска, сказал о себе: “**Я же червь, а не человек**” (Пс. 21:7); и апостол, вращаясь в мире, свидетельствовал о себе: “**Недостоин называться Апостолом**” (1 Кор. 15:9). Какое же мы будем иметь извинение, какое оправдание, когда, имея пред глазами столь высокие образцы, не смиряемся? Как они достойны бесчисленных венцов, потому что первые вступили на путь добродетели, так мы заслуживаем бесчисленных наказаний, за то, что ни примерами этих мужей, отшедших из жизни настоящей и прославляемых в Писании, ни примерами последующих им и возбуждающих удивление делами своими, не привлекаемся к равному соревнованию им в этой добродетели. В самом деле, что скажешь в свое оправдание ты, который не исправляешься? Что не знаешь грамоты, не читал Писания, чтобы научиться добродетелям древних? Но это служит к большему твоему осуждению, что ты не ходишь в Церковь, которая всегда открыта, и не пользуешься этими чистыми источниками. Впрочем, хотя бы ты и не знал об отшедших святых мужах, потому что не читал Писания, тебе надлежало бы посмотреть на подвижников, живущих ныне. Но тебя некому проводить к ним? Приди ко мне, и я тебе покажу обители этих святых. Приди, и научись от них чему-нибудь полезному. Это светильники, сияющие по всей земле; стены, ограждающие города. Они для того удалились в пустыни, чтобы научить и тебя презирать суету мирскую. Они, как мужи крепкие, могут наслаждаться тишиною и посреди бури; а тебе, обуреваемому со всех сторон, нужно успокоиться и хотя немного отдохнуть от непрестанного прилива волн. Итак, ходи к ним чаще, чтобы, очистившись их молитвами и наставлениями от непрестанно приражающихся к тебе скверн, ты мог и настоящую жизнь провести возможно лучше, и сподобиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу слава, держава, честь, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 73

“Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете домы вдов и лицемерно долго молитесь: за то примете тем большее осуждение” (Мф. 23:14).

1. Этими словами Спаситель начинает обличать книжников и фарисеев в том, что они пресыщались и, что еще ужаснее, наполняли чрево свое не от имущества богатых, но от стяжания вдов, и таким образом еще более увеличивали их бедность вместо того, чтоб облегчить ее. Они не просто ели, но поедали. И это корчемство еще прикрывали самым низким лукавством: "**лицемерно долго молитесь**". Всякий, делающий зло, заслуживает наказания; кто же, принявши на себя образ благочестия, употребляет его для прикрытия своих злых дел, тот подлежит гораздо жесточайшему наказанию. Почему же Спаситель совсем не лишал сана книжников и фарисеев? Потому, что не пришло еще время. Вот почему Он и оставил их до времени. А обличая их, Он предохраняет народ от обольщения, чтобы он, смотря на высокий сан книжников, не увлекся к подражанию им. Так как прежде Он сказал: "**Все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте**", то теперь, чтобы неразумные, основываясь на этих словах, не подумали, что им позволяется все, показывает, в чем книжники извращают закон. "**Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете**" (ст. 13). Если виновен тот, кто не приносит пользы, то как может ожидать прощения тот, кто причиняет ближним вред, и заграждает им вход? Что же значит слово: "**хотящих войти**"[1]? Оно означает способных. Когда надлежало что-нибудь предписывать другим, тогда книжники возлагали бремена неудобоносимые; а когда самим им должно было исполнять что-нибудь из предписываемого законом, тогда они поступали совершенно иначе: не только ничего ни делали сами, но, что гораздо пагубнее, развращали еще и других. Это люди, которых должно назвать язвою, люди поставляющие делом своим погибель других, совершенно противоположные истинным учителям. Если дело учителя - спасать погибающего, то губить желающего спастись - дело губителя. Затем следует другое обличение: "**Обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас**" (ст. 15), - то есть: хотя вам стоит чрезвычайно великих трудов и усилий обратить кого-либо, но и после всего этого вы не умеете сберечь его. Мы всего более стараемся сберегать то, что приобретено с великим трудом; а вас и это не делает более заботливыми. Здесь Христос предъявляет к книжникам и фарисеям два обвинения: во-первых, в том, что они ничего не могут сделать для спасения многих, и что им великого стоит труда привлечь к себе хотя одного человека; во вторых, в том, что они совершенно нерадят о сохранении того, кого приобрели; и не только нерадят, но еще становятся его предателями, когда порочною своею жизнью развращают его и делают еще хуже. Действительно, когда ученик видит порочных учителей, то делается хуже, их, потому что он не останавливается на степени развращения своего учителя. Когда учитель добродушен, ученик подражает ему; а когда он худ, то еще и превосходит его в том, потому что нет ничего легче, как делаться худшим. Он называет его сыном геенны, т. е. точно таким, какова сама геенна. А слова: "**худшим вас**" - сказал для того, чтобы и порочных учеников устрашить, и книжников поразить сильнее за то, что они были учителями беззакония. И не только за это, но еще и за то, что они старались вложить в учеников своих больше зла, вовлекая их в большую порочность, нежели какой подвержены были сами, что служит признаком в высшей степени развращенной души. Далее Христос укоряет книжников и фарисеев и за безумие их, - за то, что они внушали неуважение к важнейшим заповедям. Правда, прежде Он говорил, по-видимому, противное, то есть, что они "**связывают бремена тяжелые и неудобоносимые**" (ст. 4); но они и это в свою очередь делали, и, с другой стороны, употребляли все средства к развращению своих последователей, требуя от них исправности в маловажных делах и, вместе, оказывая пренебрежение к важнейшим обязанностям. "**Даете десятину**, **-** говорит Спаситель, **- с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать, и того не оставлять**" (ст. 23). Здесь совершенно справедливо можно было сказать: где десятина, там и милостыня; какой же вред в том, чтобы подавать милостыню? Но Спаситель не порицает книжников и фарисеев за то, что они в этом соблюдали закон: нет, Он не

говорит так. Вот причина, почему именно здесь Он говорит: “**сие надлежало делать**”. Но Он не делает этого прибавления там, где начинает говорить о вещах чистых и нечистых, а вместо того, различает внутреннюю чистоту от внешней, и показывает, что за внутреннею чистотою необходимо следует и внешняя, но не наоборот. Рассуждая о человеколюбии, Он не делает такого различения, как по вышепоказанной причине, так и потому, что еще не пришло время прямо и явно отменить предписания закона. Но, начавши говорить о соблюдении телесных очищений, Он яснее опровергает эти обряды. И потому о милостыне говорит: “**Сие надлежало делать, и того не оставлять**”; а об очищениях не так. Как же? “**Очищаете**, **-** говорит, **- внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды. … очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их** (ст. 25,26). Здесь Христос, говоря о стклянице и блюде, объясняет мысль Свою указанием на вещь, всем известную и очевидную.

2. Далее, чтобы показать, что нет никакого вреда от несоблюдения очищений телесных, а напротив величайшее наказание бывает следствием небрежения об очищении души, то есть о добродетели, Спаситель назвал телесные очищения комаром, так как они были маловажны и ничтожны, а действия, очищающие душу - верблюдом, так как последние были невыносимы. Потому и говорит: “**Оцеживающие комара, а верблюда поглощающие**” (ст. 24). Наружные очищения были предписаны законом только ради внутренних, ради милости и суда; а потому даже и в Ветхом Завете не приносили никакой пользы, как скоро оставались одни. Так как маловажное учреждено было ради важнейшего, а между тем последнее было оставлено и предметом служило только первое, то от этого и не выходило, еще и в то время, никакого добра: внутреннее очищение не следовало за внешним, тогда как напротив внешнее необходимо уже следует за внутренним. Итак, из слов Спасителя видно, что и прежде пришествия благодати, очищения телесные не были в числе дел важных и достойных особенного попечения, а требовалось нечто другое. Если же таковы были эти обязанности еще прежде благодати, то тем более оказались они бесполезными после возвещения высоких заповедей новозаветных и уже вовсе не надлежало оставлять их в силе. Итак, жизнь порочная, во всяком случае, есть тяжкое зло; но особенно она вредна тогда, когда порочный совсем не думает о том, что он имеет нужду в исправлении; а еще пагубнее бывает она тогда, когда такой человек почитает себя способным к тому, чтобы и других исправлять: указывая на это Христос и называет книжников слепыми вождями слепых. В самом деле, если уже величайшее несчастие и бедствие, когда слепец не находит нужным иметь путеводителя, то в какую пропасть низвергнет то, когда он захочет еще руководить других? Все эти обличения Спаситель направляет к тому, чтобы указать на чрезмерное, до неистовства доходившее славолюбие книжников и фарисеев, на этот жестокий недуг, от которого они сходили с ума. Действительно, для них причиною всех зол было то, что они все делали напоказ. Это и от веры отвело их, и расположило к нерадению об истиной добродетели, и побудило заботиться об одних только телесных очищениях, не стараясь об очищении души. Поэтому-то Христос, желая привести их к истинной добродетели и к очищению души, и напоминает о милости, и о суде, и о вере. Вот силы, которыми держится жизнь наша! Вот добродетели, очищающие душу: правда, человеколюбие, истина! Человеколюбие побуждает нас прощать другим, и не дает нам быть чрезмерно жестокими к согрешающим и непреклонными к прощению (а таким образом мы приобретаем двоякую пользу: и делаемся человеколюбивы, и сами за то снискиваем великое человеколюбие Бога всяческих), и располагает нас соболезновать страждущим и оказывать им помощь. А истина не допускает нас обманывать и лукавить. Но как в том случае, когда Христос говорит: “**Сие надлежало делать, и того не оставлять**”, Он говорит это не с тем намерением, чтобы ввести наблюдение ветхозаветных правил, - это мы показали выше, - так и тогда, когда говорит о блюде и чаше: “**Очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их**”, не предписывает

прежней мелочной разборчивости, напротив всеми словами хочет показать, что она совершенно излишня. Он не сказал: очистите и внешнее, но – “**внутренность**”: за этим, без сомнения, последует и то. А впрочем, Христос говорит не о чаше и блюде, но рассуждает о душе и теле, под словом: “**внешность**” разумея тело, а под словом: “**внутренность**” - душу. Если же в блюде важно внутреннее, то тем более в тебе. Но вы, говорит Он, поступаете напротив: соблюдая маловажное и внешнее, нерадите о важном и внутреннем; отсюда происходит тот величайший вред, что вы, считая себя исполнившими все, прочее пренебрегаете; а пренебрегая, и не заботитесь; или не принимаетесь за его исполнение. Далее Христос опять поносит книжников и фарисеев за тщеславие, называя их гробами окрашенными, и везде прибавляя слово: лицемеры, так как в этом заключается причина всех беззаконий, а, вместе, и погибели их. И не просто назвал их гробами окрашенными, но и сказал еще, что они полны нечистоты и лицемерия. Этими словами Он показал причину, почему книжники и фарисеи не верили: именно ту, что они исполнены были лицемерия и беззакония. И не только Христос, но и пророки постоянно обвиняют их в хищничестве, в том, что начальники их не судят по правде. И везде найдешь, что жертвы отвергаются, а требуются милость и правда. Итак, нет ничего необычайного и нового ни в данных Христом заповедях, ни в обличении, ни даже в уподоблении гробам. Это подобие употребляет и пророк, и он также называет не просто гробом, но “**гортань их - открытый гроб**” (Пс. 5:10). И ныне много подобных людей, которые снаружи украшены, а внутри исполнены всякого беззакония. И ныне о внешней чистоте прилагают много труда, много заботы, а о душевной нисколько. Но если бы кто раскрыл совесть каждого, то нашел бы множество червей, множество гноя и нестерпимое зловоние, - я разумею гнусные и злые пожелания, которые отвратительнее червей.

3. Но что эти люди таковы, это конечно ужасно, однако же, еще не так. А когда мы, удостоенные быть храмом Бога, вдруг делаемся гробами, вмещающими в себе такое зловоние, это уже крайнее бедствие. Быть гробом тому, в ком жил Христос и действовал Дух Святый, в ком совершилось столько тайн, - какое в самом деле бедствие! Какого плача и рыдания достойно то, когда члены Христовы делаются гробом, исполненным нечистоты! Размысли, как родился ты, чего удостоился, какую получил одежду, как соделался храмом нетленным, прекрасным, украшенным не златом или перлами, но Духом, что несравненно драгоценнее. Подумай, что в городе не держат ни одного гроба с покойником; поэтому и тебе нельзя явиться во град горний. Если это воспрещено здесь, то тем более там. Или лучше, и здесь над тобою стали бы все смеяться, если бы ты стал носить мертвого человека, и не только стали бы смеяться, но и убегать тебя. Скажи мне: если бы кто везде носил с собою мертвое тело, разве все не отступили бы и не убежали от него? Так рассуждай и в настоящем случае. Ты представляешь гораздо ужаснейшее зрелище: ты носишь всюду душу умершую от грехов, душу преданную гниению. Кто пожалеет о таком человеке? Если ты не жалеешь о своей душе, то будет ли жалеть кто-либо другой о таком жестоком и пагубном враге самому себе? Если бы кто в твоей спальной или столовой комнате зарыл мертвое тело, то чего бы ты не сделал? А ты зарываешь мертвую душу не в столовой и не в спальной, но между членами Христовыми, - и ты не боишься, чтоб не поразили с неба твою голову тысячи громов и молний? Как же ты осмеливаешься ходить в церковь Божию и в святые храмы, будучи исполнен внутри такого отвратительного зловония? Если бы кто внес мертвеца в царские чертоги и положил его там, тот понес бы жесточайшее наказание. А ты входишь в священную ограду, и наполняешь дом Божий таким зловонием: подумай, какому подвергнешься наказанию! Подражай той блуднице, которая миром помазала ноги Христовы, и весь дом наполнила благовонием; ты делаешь совсем напротив относительно дома Божия. Что нужды, если ты и не чувствуешь зловония? Это только крайняя степень болезни. Это значит, что болезнь твоя неисцелима; что она гораздо более жестока, чем болезнь тех, у кого тело гниет и издает дурной запах. Эта последняя болезнь и дает чувствовать себя

страждущим, и не заслуживает никакого обвинения, но даже достойна сожаления; первая же достойна отвращения и мучения. Так как болезнь эта, и по этой причине, является более тяжкой и не позволяет больному чувствовать себя, как бы надлежало, то послушай внимательно, - я покажу тебе ясно ее пагубу. Прежде выслушай, что ты произносишь, когда поешь: "**Да направится молитва моя, как фимиам, пред лице Твое**" (Пс. 140:2). Но если не фимиам, а смрадный дым восходит от тебя и от твоих дел, то какому не достоин ты подвергнуться наказанию? Что же это за смрадный дым? Это знают многие, именно те, которые заглядываются на красивых женщин и высматривают привлекательных девиц. Не удивительно ли еще, как не разразятся удары грома, и не разрушится все до основания? Действительно, стоит громов и геенны то, что здесь бывает. Но Бог, по Своему долготерпению и великой милости, удерживает до времени гнев Свой, призывая тебя к покаянию и исправлению. Что ты делаешь, человек? Высматриваешь красивых женщин и не трепещешь, нанося такое оскорбление храму Божию! Ужели ты считаешь церковь непотребным домом и ставишь хуже площади? На площади ты боишься и стыдишься быть примеченным, что высматриваешь женщин; а во храме Божием, когда сам Бог беседует с тобою и угрожает за такие поступки наказанием, ты блудодействуешь и прелюбодействуешь в то самое время, когда слышишь, что не должно этого делать. И ты не трепещешь, не ужасаешься? Этому научают вас соблазнительные зрелища, - эта неистребимая язва, вредоносный яд, сети, из которых трудно избавиться попавшимся в них, удовольствие и вместе погибель для сладострастных. Вот почему и пророк в своем обличении говорит: "**Но твои глаза и твое сердце обращены только к твоей корысти**" (Иер. 22:17). Лучше таким людям быть слепыми, лучше быть больными, чем так злоупотреблять зрением. Надлежало бы иметь внутри храма стену, которая отделяла бы вас от женщин. Но как вы не хотите этого, то отцы признали необходимым отделить вас, по крайней мере, этими деревянными досками; в древнее же время, я слыхал от старцев, не было и таких стен, - "**нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе**" (Гал. 3:28), - да и во времена апостолов вместе находились мужчины и женщины. Тогда и мужчины были мужчинами, и женщины женщинами, а ныне все напротив: женщины усвоили себе нравы блудниц, а мужчины ничем не лучше коней неистовых. Не слыхали ли вы, что мужи и жены пребывали вместе в горнице, и такое собрание достойно было небес? И вполне справедливо, потому что и женщины в то время вели жизнь благочестивую, подвижническую, и мужчины хранили чистоту и целомудрие. Послушайте, что говорит женщина, торговавшая багряницею: "**Если вы признали меня верною Господу, то войдите в дом мой и живите [у] [меня]**" (Деян. 16:15). Послушайте о женщинах, которые, руководясь мыслями мужескими, везде ходили с апостолами: о Прискилле, Персиде и о других, от которых нынешние женщины так же далеко отстоят, как мужчины от тех мужчин.

4. Тогда женщины хотя и ходили по чужим странам, но не навлекали на себя худой славы; а ныне и воспитывающиеся во внутренних комнатах едва избегают такого подозрения. И это происходит от излишних нарядов и изнеженности. У тех женщин было занятием распространение проповеди, а нынешние женщины заботятся о том, чтоб показаться благообразными, красивыми и приятными по наружности. Вот их слава, вот их спасение! А о каких-нибудь возвышенных и важных предприятиях они и во сне не помышляют. Какая жена употребила старание на то, чтоб сделать мужа лучшим? Какой муж имел попечение об исправлении жены? Нет ни одного. Напротив, у жены только и заботы, что о золотых украшениях, одежде и других нарядах, и также об умножении имущества; а муж занят, кроме этих, еще многими и другими попечениями, и все житейскими. Кто, намереваясь вступить в брак, старался узнать нрав и поведение девицы? Никто. Напротив, всякий тотчас расспрашивает о деньгах, об имении, о том, сколько всякого рода домашних вещей, - все равно, как бы хотел купить что-нибудь, или заключить какой-нибудь обыкновенный торговый договор. По этой причине и брак называют этим именем. Слыхал

я, как многие говорят: такой-то сделал договор с такою-то, т. е., женился. Так ругаются над дарами Божиими: женятся и выходят замуж, как будто продают и покупают что-нибудь. А письменные условия по бракам заключаются с гораздо большею осторожностью, чем по делам купли и продажи. Посмотрите, как древние вступали в брак, и подражайте им. Как же они вступали? Они искали в невесте доброго поведения и нравов, и совершенства душевного; а потому не имели нужды в письменных договорах, в обеспечении посредством бумаги и чернил. Вместо всего им достаточно было душевных свойств невесты. Итак, умоляю и вас искать не денег и богатства, но доброго поведения и кротости. Ищи девицу богобоязненную и благоразумную, и это будет для тебя лучше бесчисленных сокровищ. Если ты будешь искать угодного Богу, то и это получишь; но если, оставив первое, погонишься за последним, не получишь и того. Но такой-то, скажешь ты, от жены разбогател. Не стыдно ли тебе приводить такие примеры? Слыхал я от многих вот какие слова: лучше желал бы я терпеть крайнюю бедность, нежели получить богатство от жены. И действительно, что может быть неприятнее такого богатства? Что может быть тягостнее такого изобилия? Что постыднее - сделаться таким образом знаменитым и подать повод всем говорить о себе: такой-то от жены разбогател? Я не говорю уже о домашних неприятностях, которые необходимо должны произойти отсюда; не говорю о надменности жены, раболепстве мужа, о ссорах, о поношениях со стороны слуг, когда они будут говорить: нищий, лоскутник, низкий и из низкого состояния; с чем пришел? не все ли принадлежит госпоже? Но ты не беспокоишься о том, что так говорят о тебе, - так как ты уже не свободен. Привыкшие есть чужой хлеб, слышат о себе отзывы и хуже и не печалятся; равным образом и эти, - да еще и в похвалу себе вменяют подобный позор; и когда мы говорим это им, они отвечают: было бы приятно да сладко, а то пусть хоть умру. О, дьявол! Какие поговорки ввел он в мире, - они способны совершенно развратить жизнь таких людей! Рассмотри эти самые пагубные, дьявольские слова, какой преисполнены они погибели. Ведь они не говорят ничего другого, кроме следующего: не думай о честности, о справедливости; отбрось все это, ищи только одного - удовольствия, чего бы это тебе ни стоило, добывай его; хотя бы все встречающиеся с тобою плевали на тебя, хотя бы грязью бросали тебе в лицо, хотя бы гнали тебя как пса, - переноси все. Если бы свиньи и нечистые псы могли говорить, сказали бы они что-нибудь хуже этого? Конечно, и они не сказали бы того, что людям внушает дьявол говорить, как бы в бешенстве. Теперь вы узнали бессмыслие этих слов. Потому умоляю вас удаляться таких поговорок, и выбирать из Писаний противные этим изречения. Какие же это изречения? “**Не ходи**, **-** сказано, **- вслед похотей твоих и воздерживайся от пожеланий твоих**” (Сир. 19:30). А относительно блудницы есть также противное изречение в притчах: **“[Не внимай льстивой женщине], ибо мед источают уста чужой жены, и мягче елея речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый**” (Притч. 5:3,4). Этим изречениям будем внимать, а не тем. От тех-то изречений и рождаются помыслы низкие, свойственные рабам; от них люди делаются бессмысленными животными, потому что везде ищут только удовольствия, следуя той поговорке, которая и без наших слов, сама по себе, достойна посмеяния. После смерти какая у тебя останется прибыль от наслаждений? Итак перестаньте подвергать себя посмеянию и разжигать неугасимый огонь геенны, и смыв с глаз гной, хотя и поздно, посмотрим надлежащим образом на будущее, чтобы и настоящую жизнь провести благочинно, во всякой чистоте и благочестии, и сподобиться будущих благ благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Буквальный перевод: "входящих".

БЕСЕДА 74

“Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в [пролитии] крови пророков” (Мф. 23:29,30).

1. Христос говорит: горе книжникам и фарисеям - не потому, что они строят гробницы и осуждают отцов своих, но потому, что, как в первом случае, так и в притворном осуждении отцов своих, они поступают хуже их. А что осуждение их было притворное, об этом говорится у Луки, где они называются сообщниками отцов, потому что они строят гробницы. “**Горе вам, что строите гробницы пророкам, которых избили отцы ваши: сим вы свидетельствуете о делах отцов ваших и соглашаетесь с ними, ибо они избили пророков, а вы строите им гробницы**” (Лк. 11:47,48). Здесь Христос осуждает их намерение, с каким они строили; именно они строили гробницы не в честь убитых, но как бы хвалясь убийством, и из опасения, чтобы свидетельство и память о такой их дерзости, с течением времени, не погибли вместе с разрушившимися памятниками; строили гробницы, воздвигая великолепные здания, как бы трофеи, и тем показывали, что они поставляли для себя славу в преступлении отцов своих. Действительно, - как бы говорит Христос, - настоящие дерзкие ваши поступки показывают, что и это вы делаете с таким же намерением. Хотя вы, говорит Он, под предлогом обвинения отцов ваших, и говорите противное, - то есть, что мы не были бы сообщниками их, если бы жили в те дни, - но явно, с какою мыслию вы говорите это. Потому-то Христос, обнаруживая это намерение, так объясняет его. Сказав: “**Говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в [пролитии] крови пророков**”, - присовокупил: “**таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков**” (ст. 30, 31). Но какое преступление - быть сыном убийцы, если этот сын не участвует в намерении отца? Никакого. Отсюда очевидно, что Христос говорит им это для того, чтобы дать знать об участии их в злодеянии отцов их. Это доказывают и следующие слова, которые Он присовокупил: “**Змии, порождения ехиднины!**” (ст. 33). Как ехидны, по смертоносному яду, уподобляются родившим их, так и вы уподобляетесь отцам вашим по убийству. Далее, обнаружив их намерение, неизвестное для многих, Он подтверждает слова Свои будущими дерзкими их поступками, о которых все будут знать. Сказав: “**Таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков**”, и тем самым дав знать, что Он говорит об участии их в злодеянии и что они притворно говорили: “**то не были бы сообщниками их**”, - присовокупил: “**дополняйте же меру отцов ваших**” (ст. 32), не давая этим повеления, но только предвещая будущее, именно убиение Его самого. Таким образом обличив их и показав лживость слов, которые они говорили в защиту себя, - именно, что мы не были бы их сообщниками (в самом деле, те, которые не удержались от убиения Господа, как бы пощадили рабов?) - усиливает после этого речь Свою, называя их змиями и порождениями ехидниными, и продолжает: “**Как убежите вы от осуждения в геенну?**”, отваживаясь на такие дерзкие поступки, и отрекаясь от них и скрывая свое намерение? Далее, обличая их еще с большею силою иначе, Он говорит: “**Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших**” (ст. 34). А для того, чтобы они не сказали, что хотя мы и распяли Господа, однако удержались бы от убийства рабов, если бы жили в то время, - говорит: вот, Я посылаю к вам рабов, и самих пророков, но вы и их не пощадите. Это говорит Христос для того, чтобы показать, что нет ничего странного, если Его убьют сыны, в убийстве, обманах, коварстве и дерзких поступках превышающие отцов своих. Кроме того, Он показывает, что они и чрезмерно тщеславны; когда они говорят, что если бы мы жили во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их, говорят это по тщеславию, и мудрствуют только на словах, а на деле поступают

совершенно наоборот. “**Змии, порождения ехиднины!**”, - то есть: злые дети злых отцов, и еще злее их. Христос показывает, что они отваживаются на гораздо большие злодеяния, и в жестокости превосходят даже отцов своих, хотя и хвалятся, что они не поступили бы так в подобном случае. И действительно, они оканчивают и довершают злодеяния. Те умертвили пришедших в виноградник, а эти убили и самого Сына и тех, которые звали на брак. Это еще говорит Христос и для того, чтобы отдалить их от родства с Авраамом и показать, что от этого нет никакой пользы для них, если они не будут подражать делам его. Потому и присовокупляет: “**Как убежите вы от осуждения в геенну?**”, подражая отцам своим в таких дерзких поступках? Здесь Он привел им на память и обличительную проповедь Иоанна, потому что и он так называл их, и напоминал им о будущем суде. Далее, так как ни суд, ни геенна нисколько не страшили их, частью потому, что они не верили, а частью потому, что это представлялось в отдаленном будущем, то Он обличает их настоящими случаями, и говорит: “**Посему, вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников; и вы иных убьете и распнете, а иных будете бить в синагогах ваших …; да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле, от крови Авеля праведного до крови Захарии, сына Варахиина, которого вы убили между храмом и жертвенником. Истинно говорю вам, что все сие придет на род сей**” (ст. 34-36).

2. Смотри, сколько Христос предостерегал их! Он говорил: вы осуждаете отцов ваших, говоря, что не были бы сообщниками их; и этим не мало пристыжал их. Далее говорил: вы, осуждая их, поступаете еще хуже их, и это также достаточно было, чтобы посрамить их. Наконец говорит: это не останется без наказания, - и тем самым наводит на них величайший страх, напоминая им о геенне. Но так как до геенны было далеко, то Христос представляет им настоящие бедствия, и говорит: “**что все сие придет на род сей**” (ст. 36). С наказанием соединил Христос и величайшие бедствия, сказав, что они понесут наказание тяжелее всех; но ни от чего не сделались они лучшими. Но если кто спросит: за что же они терпят наказание тяжелее всех, я сказал бы: за то, что более жестоко и хуже всех поступают, и ничем из прежде бывшего не вразумились. Ужели ты не слыхал слов Ламеха: “Если за Каина **отмстится** всемеро, то **за Ламеха в семьдесят раз всемеро**” (Быт. 4:24), то есть: я достоин больших наказаний, чем Каин. За что же? Ведь он не убил брата? За то, что не вразумился тем примером. То же самое говорит Бог в другом месте: “**Не оставит без наказания …** наказывающий **детей за вину отцов до третьего и четвертого [рода], ненавидящих Меня**” (Исх. 20:7,5), - не потому, чтобы кто-нибудь из них нес наказание за чужие проступки, но потому, что после многих грешников, и притом наказанных, они не сделались лучшими, но подобно им предавались греху, а потому и достойны того, чтобы им терпеть одинаковые наказания. Но смотри, как кстати Христос напомнил им об Авеле, показывая, что и это убийство было сделано по зависти. Итак, что вы теперь можете сказать? Или вы не знаете, что потерпел Каин? Разве Бог оставил без внимания случившееся? Не подверг ли Он его жесточайшему наказанию? Ужели вы не слыхали, что потерпели отцы ваши, избившие пророков? Не преданы ли они были бесчисленным мучениям и наказаниям? Как же вы не сделались лучшими? Но для чего мне говорить о наказаниях отцов ваших, и о том, что они потерпели? Ты, который произносишь осуждение на отцов твоих, почему хуже их поступаешь? Вы сами произнесли приговор, что “**злодеев сих предаст злой смерти**” (Мф. 21:41). Какое же извинение будете иметь, отваживаясь на такие дерзновенные проступки после такого приговора? Но кто этот Захария? Одни считают его за отца Иоанна, другие за пророка, а иные за другого какого-то священника, имеющего два имени, которого Писание называет и Иоддаем. Обрати внимание и на то, что это было сугубое злодеяние. Они не только убивали святых, но еще и в священных местах. И произнося эти слова, Христос не только устрашал их, но и утешал учеников, показывая, что и праведники еще прежде их то же терпели. Устрашал же их предсказанием, что как те были наказаны, так и они понесут жестокое наказание. Потому и учеников Своих называет пророками, мудрыми и

книжниками, снова отнимая этим у иудеев всякий предлог к оправданию. Теперь, говорит Он, вы не можете сказать, что Я посылал из язычников, и оттого вы впали в соблазн; вас довело до этого то, что вы убийцы и жаждете крови. Поэтому Он и сказал прежде, что Я пошлю пророков и книжников. И все пророки обличали их в том же, говоря, что они кровь с кровью мешают, и что они - мужи кровей (Ос. 4:2). Вот почему Бог и требовал принесения крови в жертву Себе, показывая, что если в бессловесном так дорога кровь, то тем более в человеке. Поэтому Он и говорит Ною: "**Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека**" (У Златоуста: "Я отмщу за всякую кровь пролитую") (Быт. 9:6). Можно найти бесчисленное множество и других доказательств на то, что Бог запрещает убивать. Потому Бог не повелел есть и чего-нибудь удушенного. О, как велико милосердие Бога, Который хотя и знал, что иудеи никакой не получат пользы, однако исполнял Свое дело! Посылаю, - говорит Он, - хотя и знаю, что они будут убиты. Таким образом, иудеи и здесь были обличены в том, что напрасно говорили: мы не были бы сообщниками отцов наших. И эти умерщвляли пророков в синагогах, и не почитали ни самого места, ни достоинства лиц. Они умерщвляли не простых людей, но пророков и мудрых, чтобы не быть обличаемыми от них. Под именем же пророков Христос разумеет апостолов и их преемников, потому что многие пророчествовали. Потом, желая увеличить страх, говорит: "**Истинно говорю вам, что все сие придет на род сей**", то есть, все это Я обращу на ваши головы и отмщу жестоким образом, потому что тот, кто видел многих согрешающих, и не вразумился, но сам поступал так же, и не только так же, но и гораздо хуже, должен подвергнуться гораздо более тяжкому наказанию, чем те. Подобно тому, как если бы он захотел, то получил бы для себя громадную пользу и сделался бы лучшим, благодаря множеству примеров в других, - точно также, не исправившись, становится достоин большего наказания за то, что имел много случаев к вразумлению себя от людей прежде согрешивших и уже наказанных, но без всякой для себя пользы.

3. Вслед за этим Христос обращает речь к городу, желая таким образом вразумить слушателей, и говорит: "**Иерусалим, Иерусалим**" (ст. 37)! Что значит это сугубое воззвание? Это голос милосердия, сострадания и великой любви. Как будто пред любимою женщиною, которую постоянно любили, но которая презрела любившего ее, и чрез то заслужила наказание, Он оправдывается, когда намерен уже был поразить казнью. То же делает Он и чрез пророков, когда говорит: "**Я говорил: "возвратись ко Мне"; но она не возвратилась**" (Иер. 3:7). Сделав такое воззвание к Иерусалиму, Христос исчисляет совершенные им убийства: "**Избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, … и вы не захотели!**" (ст. 37)? Защищая от преступлений против Него, Он говорит, что и всем этим ты не отвратил Меня от себя, и не отклонил великого благоволения Моего к тебе; напротив, Я хотел, и не однажды или два раза, но многократно, привлечь тебя. "**Сколько раз**, - говорит Он, **- хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели**"? Этими словами Он хочет показать, что они всегда отдалялись от Него, по причине грехов; сравнением же изъявляет Свою любовь, потому что эта птица горячо любит своих птенцов. Такое сравнение пророков с крыльями везде, и в песни Моисея, и в псалмах, означает особенное смотрение и попечение. "**Вы не захотели**", продолжает Он. "**Се, оставляется вам дом ваш пуст**" (ст. 38), то есть, чужд Моего покровительства. Итак, сам Он прежде покровительствовал им, поддерживал, хранил их, сам Он и наказывает их всегда. И теперь угрожает Он наказанием, которого они всегда чрезвычайно страшились, так как оно указывало на полное нарушение их гражданского быта. "**Ибо сказываю вам: не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен Грядый во имя Господне!**" (ст. 39). И это - голос любви пламенной, сильно влекущей их не прошедшими только, но и будущими событиями, так как здесь Он говорит о будущем дне Своего второго пришествия. Но что? Неужели они с этого времени не видали Его? Говоря: "**отныне**", Он указывает не на этот самый час, но

на все время, которое протекло до Его страдания. А так как они всегда обвиняли Его в том, что Он богопротивник и враг Богу, то Он и убеждает их любить Себя тем, что показывает Свое единомыслие с Отцом и Свое присутствие в пророках, а потому и употребляет те же самые слова, какие и пророк. Этими же самыми словами Он предвещал и воскресение, и второе пришествие Свое, давая разуметь даже и самим неверующим, что тогда они несомненно поклонятся Ему. Но как Он указал на это? Предсказывая многое будущее, именно: что пошлет пророков; что их будут убивать, и даже в самих синагогах; что сами они потерпят крайние бедствия; что дом останется пустым; что они подвергнутся ужасным несчастиям, каких прежде никогда и не было. Все это для самых бессмысленных и упорных могло быть ясным указанием на Его второе пришествие. Спросим их: не посылал ли Он к ним пророков и мудрых? Не убивали ли они их в синагогах? Не оставлен ли дом их пустым? Не постигли ли род этот все наказания? Все это очевидно, и никто не будет спорить. И подобно тому, как сбылось все это, так сбудется и последнее Его предсказание, и тогда, без сомнения, они покорятся Ему; но это нисколько не послужит им в оправдание, так же как и всем, которые будут раскаиваться тогда в виду разрушения их государства. Поэтому, пока есть время, будем делать добро. Как для иудеев не будет тогда никакой пользы от прозрения, так и нам не принесет тогда пользы наше раскаяние в нечестии. Так и кормчему ничего не остается более делать, когда от его нерадения корабль погрузится в море, и врачу после смерти больного, но каждому из них надобно прежде все обдумать и сделать, чтобы не подвергнуться никакой опасности или стыду; после же - все бесполезно. Итак, и мы, когда больны, призовем врачей, издержим деньги и приложим все старание, чтобы, освободившись от болезни, быть потом здоровыми. И какое мы обнаруживаем попечение о рабах наших, когда они бывают больны телесно, такое же обнаружим и о себе самих, во время болезни души нашей. Мы к самим себе ближе рабов, и души наши лучше тела их; но, несмотря на это, мы едва ли прилагаем и такую же заботу о душе. Если же мы ныне не будем этого делать, то после смерти не будем в состоянии ничем оправдать себя самих.

4. И кто же будет так жалок, скажешь ты, чтобы не приложил такого же попечения о душе? Это-то и удивительно, что мы так невнимательны к самим себе, что пренебрегаем собою более, нежели рабами. Когда рабы больны горячкою, мы призываем врачей, отделяем особую комнату и заставляем повиноваться предписаниям врачебной науки; и если они нерадят о себе, мы принимаем меры более строгие, и приставляем стражей, которые не позволяли бы им делать то, чего бы хотелось, и если ухаживающие за ними скажут, что нужно приготовить дорогое лекарство, мы соглашаемся; если приказывают что-нибудь, мы слушаемся, и платим деньги им за их предписания. Когда же мы сами бываем больны, - а мы больны всегда, - то не призываем ни врача, ни денег не издерживаем, но так нерадим о душе, как бы о враге каком и неприятеле. Это я говорю не в укоризну заботливости о рабах, но желая показать, что, по крайней мере, такое же старание мы должны прилагать и о нашей душе. Но как же это делать, скажет кто-нибудь. Покажи свою больную ? Павлу, призови Матфея, пошли за Иоанном. Узнай от них, что должно делать с таким больным: без всякого сомнения, они скажут и не утаят ничего; ведь они не умерли, но живы и могут говорить. Но душа твоя не чувствует того, что она одержима горячкой? Ты принудь ее и пробуди в ней рассудок. Призови к ней пророков. Этим врачам не нужно платить денег, они не требуют награды ни за свои труды, ни за лекарства, ими приготовляемые; кроме дел милосердия, не принуждают тебя ни к каким издержкам; во многом даже сами помогают тебе; так, когда заставляют соблюдать воздержание - избавляют тебя от излишних и неуместных издержек; когда научают трезвости - обогащают тебя. Видишь ли искусство врачей, вместе с здоровьем доставляющих и деньги? Прибегни же к ним, и узнай от них свойство своей болезни. Так, ты любишь деньги, жаждешь богатства, как больные горячкою - воды холодной? Послушай, что они советуют. Как врач говорит тебе: если удовлетворишь свое желание,

погубишь себя, и то, и то случится с тобою, так и Павел: “**Желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу**” (1 Тим. 6:9). Но ты нетерпелив? Слушай же, что говорит он: “**Ибо еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит**” (Евр. 10:37); “**Господь близко. Не заботьтесь ни о чем**” (Флп. 4:5,6); и опять: “**Проходит образ мира сего**” (1 Кор. 7:31). Этим он не приказывает только, но и утешает, подобно врачу. И как эти последние вместо холодной воды придумывают дать что-нибудь другое, так и Павел дает другое направление желанию. Ты, говорит он, хочешь обогащаться? Обогащайся добрыми делами. Стремишься собирать сокровища? Не запрещаю; только собирай их на небесах. И подобно тому, как врач говорит, что холодная вода вредна для зубов, нервов, костей, так и Павел более кратко, - он любит краткость, - но за то гораздо яснее и сильнее сказал: “**Корень всех зол есть сребролюбие**” (1 Тим. 6:10). Чем же должно пользоваться? Он говорит и об этом: довольством вместо любостяжания. “**Великое приобретение**, **-** говорит он, **- быть благочестивым и довольным**” (1 Тим. 6:6). Если же ты нетерпелив и жаждешь большего, и не решаешься оставить все излишества, то и такому больному сказывает он, как нужно ими пользоваться: чтобы “**радующиеся**” о стяжании были, “**как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся**” (1 Кор. 7:30,31). Видишь ли, что он предписывает? Хочешь ли, представлю тебе еще и другого врача? Я готов. Эти врачи не похожи на врачей телесных, которые взаимными своими спорами часто губят больного. Они не таковы. Они заботятся о здоровье больных, а не о собственной славе. Итак, не бойся, что их много; один во всех вещает Учитель Христос.

5. Смотри, вот приходит еще другой, и резко говорит о твоей болезни, или лучше, его устами говорит сам Учитель: “**Не можете служить Богу и маммоне**” (Мф. 6:24). Скажут: пусть так; но как же это может быть? Как нам отказаться от своего желания? И этому здесь можно научиться. Каким же образом? Слушай, что говорит Он: “**Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут**” (Мф. 6:19). Видишь ли, как Он указанием на место и истребителей отклоняет от этой земной страсти и устремляет тебя к небу, где ничто не истребляется? Если, - как бы так говорит Он, - будете собирать богатство там, где ни моль, ни ржа не истребляют, где воры не подкапывают и не крадут, то и болезнь эту отразите, и душе доставите величайшее богатство. Сказав это, Он представляет и пример для вразумления тебя. И как врач, устрашая больного, говорит: "такой-то, напившись холодной воды, погубил себя", так и Он приводит богатого, который, будучи болен и желая жизни и здоровья, не мог получить этого по страсти к любостяжанию, но отошел ни с чем. Затем другой евангелист указывает еще на другого богача, горящего в пламени и не имеющего даже и капли воды (Лк. 16:24). Потом, показав, что эти заповеди легки, Христос сказал: “**Взгляните на птиц небесных**” (Мф. 6:26). Но будучи снисходителен, Он не дозволяет и богатым отчаиваться. “**Невозможное человекам**, **-** говорит Он, **- возможно Богу**” (Лк. 18:27). Хотя и богат ты, но все еще может исцелить тебя этот Врач. Впрочем, Он не запрещает обогащаться, но не велит быть рабом денег и предаваться любостяжанию. Как же можно спастись богатому? - Все стяжание свое делая общим для нуждающихся, как поступал Иов, изгоняя из души пристрастие к большему, и ни в каком случае не преступая пределов необходимого. После того представляет тебе и мытаря, который, несмотря на то, что был одержим сильною горячкою любостяжания, скоро избавился от этого недуга (Лк. 5:27). Кто корыстолюбивее мытаря? Но и он сделался человеком нелюбостяжательным, повинуясь предписаниям Врача. Таковы были у Него ученики, которые, будучи одержимы такими же, как и мы, болезнями, скоро выздоравливали. И каждого из них Он нам представляет в пример, чтобы мы не приходили в отчаяние. Посмотри на этого мытаря. Обрати еще внимание на другого, начальника мытарей: он обещался раздать вчетверо более против всего насильственно им приобретенного имения, и половину из своего собственного, чтобы

принять Иисуса (Лк. 19:8). Но ты слишком распален страстью к деньгам? Считай принадлежащее всем как бы за свое. Больше, нежели ты ищешь, говорит Он, даю тебе, отворяя для тебя дома богатых по вселенной: “**Всякий, кто оставит домы, … или отца, или мать, … или земли, ради имени Моего, получит во сто крат**” (Мф. 19:29). Таким образом, не только получишь весьма много, но и совершенно утолишь эту сильную жажду, и будешь переносить все легко, не только не заботясь об излишнем, но часто отказывая себе в необходимом. Так Павел алкал, и был доволен этим более, нежели когда ел (Флп. 4:11). И подвижник, получив венец за свои подвиги, не решится предаться бездействию и праздности, равно как и купец, получивший прибыль от торговли на море, не захочет уже оставаться в бездействии. Так и мы, если вкусим должным образом от духовных плодов, будем почитать уже за ничто все настоящее, увлекаясь как бы некоторым сладким упоением - желанием будущего. Итак вкусим, чтобы освободиться от суеты настоящих благ, и достигнуть будущих, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 75

"И выйдя, Иисус шел от храма; и приступили ученики Его, чтобы показать Ему здания храма. Иисус же сказал им: видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено" (Матф. 24:1-2).

1. Так как Христос сказал: "**се, оставляется вам дом ваш пуст**" (Матф. 23:38), и еще прежде этого предвозвестил бесчисленные бедствия, то ученики, услышав это, с удивлением приступили к Нему, указывая на красоту храма и недоумевая, неужели будет уничтожена такая красота, драгоценное вещество и невыразимое разнообразие искусства? Христос не просто уже говорит им о запустении, но предсказывает совершенное уничтожение. "**Видите ли все это**", говорит Он, и не удивляетесь и не ужасаетесь ли? "**Не останется здесь камня на камне**"? Как же, однако, остался, скажешь? И что бы это значило? И это изречение в этом случае не осталось без исполнения. Спаситель говорил это, указывая или на всеобщее запустение, или на запустение того только места, где Он был, так как части храма до основания разрушены. Притом можно сказать и то, что случившиеся происшествия даже самых упорнейших должны уверить в совершенном уничтожении и остатков. "**Когда же сидел Он на горе Елеонской, то приступили к Нему ученики наедине и спросили: скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века**" (Матф. 24:3)? Они потому приступили наедине, что имели намерение спросить о столь важных предметах. Они нетерпеливо желали узнать о дне Его пришествия, так как сильно желали видеть ту славу, которая будет причиной бесчисленных благ. И двое из них спрашивают Его об этих двух предметах: "**когда это будет**", то есть разрушение храма, "**и какой признак Твоего пришествия**"? Лука свидетельствует, что вопрос был один, и именно о разрушении Иерусалима, так как ученики думали, что тогда будет и пришествие Его. А Марк говорит, что не все они спрашивали о разорении Иерусалима, но только Петр и Иоанн, как имевшие более дерзновения. Что же сказал Господь? "**Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: Я Христос, и многих прельстят. Также услышите о войнах и о военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец**" (Матф. 24:4-6). Так как ученики слышали о наказании, посылаемом на Иерусалим, как о чуждом для них, и, думая, что сами они будут спокойны, мечтали об одних только благах и надеялись получить их очень скоро, то Спаситель опять предвозвещает им несчастья, побуждая тем к заботливости и сугубой бдительности, - чтобы они не увлеклись обманом обольстителей, и не были побеждены силой бедствий, имеющих постигнуть их. Война, говорит Он, будет двоякого рода: со стороны обольстителей и со стороны врагов; но первая будет гораздо более

жестока, потому что откроется при обстоятельствах смутных и ужасных, когда люди будут находиться в страхе и смущении. И в самом деле, великое тогда было смятение, когда римляне начинали процветать, города были пленяемы, войска и оружие находились в движении, и когда многие всему легко верили. О войнах же говорит Он тех, которые имели быть в Иерусалиме, а не вне его, во всех местах вселенной. Какая нужда была ученикам до этих последних? Притом, Он ничего бы не сказал нового, если бы говорил о бедствиях всей вселенной, которые всегда случаются, потому что и прежде того бывали войны, возмущения и сражения. Но Он говорит здесь о войнах иудейских, которые вскоре имели последовать, так как иудеев беспокоили уже успехи римлян. А так как и этого уже довольно было для того, чтобы встревожить их, то Христос и предсказывает все это. Потом в удостоверение того, что и сам Он восстанет против иудеев, и будет воевать против них, Он говорит не об одних только битвах, но и о поражениях, голоде, язвах, и землетрясениях, которые Бог пошлет на них, показывая, что Он сам попустит быть войнам, и что все это случится не просто, как прежде обыкновенно бывало у людей, но по гневу Божьему. Поэтому Он и говорит, что произойдет это не случайно или внезапно, но со знамениями. А чтобы иудеи не говорили, что виновники этих зол уверовавшие тогда, - Он открыл им и причину наведения их. "**Истинно говорю вам**", сказал Он выше, "**что все сие придет на род сей**" (Матф. 23:36), вспомнив о гнусном их убийстве. Потом, для того, чтобы они, слыша о таком множестве бедствий, не подумали, что предсказание не совсем исполнится, присовокупил: "**смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть**", то есть, всему, что я предсказал, и наступление искушений нимало не воспрепятствует исполнению слов Моих. Хотя будут возмущения и смятения, но они нимало не поколеблют Моих предсказаний. Далее, так как Христос сказал иудеям: "**не увидите Меня отныне, доколе не воскликнете: благословен Грядущий во имя Господне**" (Матф. 23:39), а ученики думали, что вместе с разрушением Иерусалима будет и скончание мира, то чтобы исправить и это их мнение, сказал: "**но это еще не конец**". А что они думали точно так, как я сказал, убедись из их вопроса. В самом деле, о чем они спрашивали? "**Когда это будет**"? То есть, когда будет разрушен Иерусалим? "**И какой признак Твоего пришествия и кончины века**"? Но Христос ничего не отвечал тотчас на этот вопрос, а прежде говорит о необходимейшем, и о том, что надлежало узнать прежде. Он не сказал тотчас ни о Иерусалиме, ни о втором пришествии Своем; но о тех несчастьях, которые были при дверях. Поэтому и побуждает учеников к осторожности, говоря: "**Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим, и будут говорить: Я Христос**". Таким образом, прежде возбудив их внимание к слушанию этого ("**берегитесь**", говорит Он, "**чтобы кто не прельстил вас**"), сделав их заботливыми и бдительными и упомянув о лжехристах, затем говорит и о бедствиях Иерусалима, удостоверяя на основании того, что уже случилось, и в непреложности будущего людей безумных и упорных.

2. Войнами и слухами о войнах, как я и прежде сказал, Он называет смятения, имеющие быть у них. Далее, так как - о чем я и прежде сказал, - ученики думали, что за этой войной последует конец, то смотри, как Спаситель успокаивает их, говоря: "**но это еще не конец: ибо восстанет**", говорит, "**народ на народ, и царство на царство**" (Матф. 24:7). Он разумеет начало бедствий иудеев. "**Все же это - начало болезней**" (Матф. 24:8), то есть, тем, которые с ними случатся. "**Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас**" (Матф. 24:9). Благовременно упомянул Христос ученикам об их собственных бедствиях, которые облегчаются общими несчастиями, и не этим только, но и тем, что присовокупил: "**за имя Мое. Будете**", говорит Он, "**ненавидимы всеми народами за имя Мое; и тогда соблазнятся многие, и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь; претерпевший же до конца спасется**" (Матф. 24:10-13). Бедствие это становится тем больше, когда присоединяется к нему и

междоусобная война: а тогда много было лжебратий. Видишь ли троякую войну, - именно с обольстителями, врагами и лжебратьями? Смотри, как и Павел, то же самое оплакивая, говорит: "**извне - нападения, внутри – страхи**"; и: "**опасности от лжебратий**" (2 Кор. 11:26); и опять: "**ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых**" (2 Кор. 11:13). Потом, что всего хуже, ученики и от любви не будут получать утешения. Далее, показывая, что это нисколько не повредит мужественному и терпеливому, Христос говорит: не бойтесь и не смущайтесь. Если вы покажете надлежащее терпение, то несчастья не победят вас. Ясным доказательством этому служит проповедание евангелия по всей вселенной, не смотря ни на какие препятствия: таким образом, вы будете выше несчастий. А чтобы ученики не сказали: как же мы будем жить? присовокупил еще более: будете и жить, и учить всюду. Поэтому-то и сказал: "**и проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, в свидетельство всем народам; и тогда придет конец**" (Матф. 24:14) - не мира, а Иерусалима. А что Христос говорил об этом конце, и что евангелие было проповедано прежде взятия Иерусалима, послушай, что говорит Павел: "**по всей земле прошел голос их**" (Рим, 10:18); и опять: "**благовествование, которое возвещено всей твари поднебесной**" (Кол. 1:23). И ты видишь, как скоро он перешел из Иерусалима в Испанию. Если же один овладел столь великой частью (вселенной), то размысли, сколько сделали и другие. И в другом послании Павел говорит о евангелии, что оно "**приносит плод, и возрастает**" (Кол. 1:6) во всей твари поднебесной. Но что значит: "**в свидетельство всем народам**"? Так как евангелие всюду было проповедано, но не всюду уверовали в него, Христос говорит: "**в свидетельство**" будет не уверовавшим, то есть, в обличение, в осуждение; в свидетельство: уверовавшие будут свидетельствовать против не уверовавших, и осудят их. Вот почему уже после проповедания евангелия по всей вселенной разрушается Иерусалим, чтобы неблагодарные не могли иметь и тени извинения. В самом деле, какое могут иметь извинение люди, видевшие могущество Его, всюду воссиявшее и в мгновение протекшее вселенную, если они остались в той же самой неблагодарности? А что евангелие всюду было тогда проповедано, послушай, что говорит Павел: "**благовествование, которое возвещено всей твари поднебесной**" (Кол. 1:23). Это и служит величайшим знамением силы Христовой, что слово Его достигло пределов вселенной в течение двадцати или тридцати лет. Итак, после этого, говорит Христос, придет конец Иерусалима. А что Он указывает именно на это, видно из следующего. В удостоверение разрушения Иерусалима Он привел и пророчество, говоря: "**когда увидите мерзость запустения, реченную через пророка Даниила, стоящую на святом месте, - читающий да разумеет**" (Матф. 24:15). Он указал им на Даниила. А мерзостью называет статую завоевавшего тогда город, которую он, по опустошении города и храма, поставил внутри храма, почему и называет мерзостью запустения. Потом, для того, чтобы они знали, что это случится еще при жизни некоторых из них, сказал: "**когда увидите мерзость запустения**".

3. Здесь каждый особенно должен подивиться силе Христовой и мужеству апостолов, потому что они проповедовали в такие времена, в которые особенно иудеи были угнетаемы войной, когда на иудеев обращали особенное внимание, как на возмутителей, когда кесарь дал повеление всех их изгонять. Это подобно тому, как если бы кто в то время, когда море со всех сторон взволновалось, когда мраком покрывается весь воздух, кораблекрушения следуют за кораблекрушениями, все плывущие на корабле возмущаются, чудовища выплывают на поверхность моря и, вместе с волнами, пожирают плавающих, когда блистают молнии, нападают разбойники, и находящиеся на корабле друг против друга злоумышляют, - повелел людям неискусным в плавании, и даже не видевшим моря, сесть на корме, управлять кораблем, производить морское сражение и с одним малым судном, при таком, как я сказал, всеобщем беспорядке, брать в плен и истреблять бесчисленный флот, идущий против них с великой силой. И действительно,

апостолы и у язычников находились в ненависти, как иудеи, и от иудеев побиваемы были камнями, как противящиеся их законам, и нигде не имели пристанища. Таким образом, всюду для них были стремнины, скалы и подводные камни: и в городах, и в селах, и в домах, и каждый восставал против них: и вождь, и начальник, и простолюдин, и все языки, и все народы, и было такое смятение, которого невозможно выразить словами. Народ иудейский был весьма ненавистен римскому правительству, потому что причинял ему бесчисленные беспокойства. Но это нисколько не повредило проповеди: город был взят, сожжен и жителей постигли тысячи зол: а апостолы, происшедшие из этого города, вводили новые законы и обладали римлянами. О, новые и чудные дела! Римляне взяли тогда в плен бесчисленные тысячи иудеев, но не победили двенадцати мужей, которые просто сражались с ними безо всякого оружия. Какое слово будет в состоянии изобразить такое чудо? Два условия нужно иметь им: пользоваться доверенностью и быть любимыми со стороны учеников, а, кроме того, и самое учение должно быть удобоприемлемо, и время свободно от смятения и возмущения. В то же время все было напротив. Апостолы, по-видимому, не заслуживали доверия, а между тем обольщенных отвлекали от таких людей, которые почитались достойными доверия; они не были любимы, даже были ненавидимы, и между тем отклоняли от любимых вещей, от обычаев, от отечества, от законов. Их требования были неудобоисполнимы; а то, от чего они отвращали, было весьма приятно. Как сами они, так и последователи их подвергались многим опасностям, многим смертям; а сверх всего этого, и самое время было весьма трудное, исполнено было войн, смятений, возмущения; так что если бы и ничего из сказанного не было, то оно могло бы все привести в смятение. Прилично здесь сказать: "**кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его**" (Псал. 105:2)? Если единоплеменники, при всех знамениях, не послушали Моисея потому только, что были угнетаемы деланием глины и кирпичей, то тех, которые ежедневно были поражаемы и убиваемы, и которые претерпевали несносные бедствия, кто убедил оставить жизнь спокойную и предпочесть ей жизнь, исполненную опасностей, крови и смертей, тогда как проповедующие это были иноплеменники, и во всем были им весьма враждебны? Не говоря уже о племенах, городах, но если даже кто-нибудь и в небольшой дом введет такого человека, которого ненавидят все живущие в нем, и если через него будет стараться отклонять от любимых предметов, от отца, матери, жены и детей, то не растерзают ли его еще прежде, чем он откроет уста? А если в доме будет еще ссора и брань между женой и мужем, то не побьют ли его камнями прежде, нежели он ступит на порог? Если же он будет еще и достоин презрения и станет предписывать что-либо трудное, требовать умеренной жизни от людей, преданных удовольствиям, и притом будет действовать против людей, которые гораздо многочисленнее и сильнее его, то не очевидна ли его совершенная погибель? Но при всем том, чего не могло быть в одном доме, то Христос совершил во всей вселенной, проведя врачей ее через стремнины, печи, утесы, скалы, через землю и море, обуреваемое войной. Если ты хочешь яснее узнать все это, то есть, голод, язвы, землетрясения и другие плачевные события, то прочти об этом историю Иосифа, и ты все узнаешь подробно. Поэтому сам Христос сказал: "**не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть**"; и: "**претерпевший же до конца спасется**"; и: "**проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной**". Так как ученики, устрашившись Его слов, пришли в изнеможение и уныние, то Он и укрепляет их, говоря, что хотя и бесчисленные будут препятствия, однако, евангелие должно быть проповедано по всей вселенной, и "**тогда придет конец**".

4. Видишь ли, в каком состоянии находились тогда дела, и как многоразлична была война? И это вначале, когда во всяком деле особенно требуется великое спокойствие. В каком же состоянии они находились? Ничто не препятствует опять повторить то же самое. Первая брань была со стороны обольстителей: "**придут**", сказано, "**лжехристы и лжепророки**"; вторая - со стороны римлян: "**услышите о войнах**"; третья производила

"**голод**"; четвертая – "**моры и землетрясения**"; пятая – "**предадут вы на смерть**"; шестая – "**будете ненавидимы всеми**"; седьмая - друг друга "**предадут и возненавидят**": здесь означается междоусобная брань. Потом лжехристы и лжебратья; наконец, "**охладеет любовь**", что и будет причиной всех зол. Видишь ли бесчисленные роды браней, новые и необычайные? Но даже и при этих и других гораздо больших бранях (к междоусобной брани присоединялась еще брань между родными) проповедь евангельская возобладала над всей вселенной: "**проповедано будет**", говорит Он, "**евангелие**" во всем мире. Итак, где те, которые владычество природы и круговращение времен противопоставляют учению Церкви? Помнит ли кто-нибудь из них, чтобы явился когда-нибудь другой Христос, чтобы случилось подобное происшествие? И хотя они и рассказывают о других баснях, что, например, будто бы прошло уже сто тысяч лет, но здесь ничего подобного выдумать не могут. Итак, о каком вы скажете круговращении? Ни Содома, ни Гоморры, ни потопа в другой раз не было. До каких пор вам издеваться и говорить о превращении и возникновении? Как же, скажешь ты, сбывается многое из того, что предсказывают? Так как ты сам себя лишил помощи Божьей, пренебрег ее и поставил себя вне промысла, то дьявол, по своей воле, управляет и располагает твоими делами. Но он не делает этого со святыми, ни даже с нами грешными, которые весьма презираем эти предсказания. Хотя жизнь наша и худа, но так как мы по благодати Божьей весьма твердо держимся догматов истины, то и возвышаемся над кознями дьявольскими. Что же, в самом деле, значит гадание по светилам? Не что иное, как ложь и запутанность, по которым все происходит наудачу, и не только наудачу, но и безрассудно. Но ты скажешь: если светила не имеют влияния на судьбу человека, то почему тот богат, а другой беден? Не знаю; до времени я так буду рассуждать с тобой, чтобы научить тебя, чтобы ты не слишком все испытывал, и потому не думал, что все происходит наудачу и случайно. Потому, что ты не понимаешь этого, ты не должен измышлять того, чего нет. Доброе неведение лучше худого знания. Кто не знает причины, тот скоро может дойти до истинной причины; а кто, не познав истинной причины, вымышляет ложную, тот не легко может принять истинную; но много требуется от него труда и пота для того, чтобы уничтожить прежнее. На чистом пергаменте всякий удобно может писать, что ему угодно, а на исписанном не так: прежде надобно стереть то, что худо написано. И между врачами тот, который ничего не делает, гораздо лучше того, который делает вред; и тот, кто непрочно строит, хуже того, который совершенно ничего не строит, равно как и земля, на которой нет ничего, гораздо лучше той, которая имеет терние. Итак, не будем спешить узнать все, но будем терпеть, если чего и не знаем, чтобы, когда найдем учителя, не причинить ему сугубого труда. Напротив, многие часто оставались даже в неисцелимой болезни, после того как по простоте своей приняли худое учение. Действительно, не одинаково трудно исторгать то, что прежде пустило худые корни, и - сеять и насаждать на чистом поле. Там надобно исторгнуть прежнее, и потом уже посеять другое, а здесь - открытые только уши. Отчего же, однако, иной богат? Теперь уже я скажу. Одни приобрели богатство по Божьему благодеянию; другие же по попущению Божьему. Вот краткая и простая причина. Почему же, скажешь ты, Он делает богатым блудника, прелюбодея, сладострастника, и того, который злоупотребляет своим имением? Он не делает богатым, но только попускает быть богатым; а между деланием и попущением великое, даже бесконечное, различие. Почему же, однако, Он попускает? Потому, что не пришло еще время суда, чтобы каждый получил достойное. Что хуже того богача, который не давал даже и крох Лазарю? Но он сделался всех несчастнее, не мог иметь и капли воды, особенно за то, что при своем богатстве был бесчеловечен. Если два нечестивца имели здесь не одинаковую участь, но один из них был богат, а другой беден, то они и там не равно будут наказаны, но который более богат, будет наказан более жестоко.

5. Итак, видишь ли, что и этот богач претерпевает жесточайшие мучения, потому что благоденствовал в этой жизни? Поэтому и ты, если увидишь, что неправедно

приобретающий богатство благоденствует, вздохни и пролей слезы: богатство это увеличит его наказание. Как те, которые много грешат и не хотят покаяться, собирают себе сокровище гнева (Рим. 2:5), так и те, которые здесь не наказываются, а наслаждаются счастьем, подвергнутся большему наказанию. И это, если угодно, я докажу тебе примером не только из будущей, но и из настоящей жизни. Так блаженный Давид, когда сделал известный грех с Вирсавией и был обличаем пророком, за то особенно весьма жестоко был обвиняем, что совершил такое преступление, несмотря на то, что пользовался полной безопасностью. Послушай, как Бог за это особенно укоряет его: "не Я ли помазал тебя в царя, и освободил из руки Саула, и дал тебе все имение господина твоего, и весь дом Израиля и Иудин? И если мало было тебе этого, Я еще к этому приложил бы тебе. И для чего ты сотворил лукавое передо Мной" (2 Цар. 12:7-9)? Не все грехи одинаково наказываются, но есть многие и различные наказания, смотря по времени, по лицам, по достоинствам, по степени разумения, и по многим другим обстоятельствам. Чтобы яснее были слова мои, укажем здесь на один грех - блуд; и смотри, насколько многоразличные наказания представлю я, не от себя самого, но из божественных Писаний. Кто любодействовал прежде закона, - иначе наказывается. Это показывает Павел: "**те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут**" (Римлян. 2:12). Кто любодействовал после закона, тот потерпит более жестокое наказание: "**а те, которые под законом согрешили**", говорит Он, "**по закону осудятся**". Кто сделал блуд, будучи священником, тот соответственно своему сану получает величайшее и усиленное наказание. Вот почему другие девы за любодеяние были убиваемы, а дочери священников сжигались, чем законодатель весьма ясно показывает, какая казнь угрожает самому священнику за подобный грех. В самом деле, если дочь подвергается большему наказанию потому, что она дочь священника, то гораздо более сам священник. Если какая-либо женщина сделала блуд по принуждению, то она свободна от наказания. Если сделала блуд женщина богатая и женщина бедная, то и здесь опять различие. Это открывается из того, что мы выше сказали о Давиде. Любодействовал ли кто по пришествии Христовом и умрет, не приняв крещения, - подвергнется более жестокому наказанию, чем все прежде упомянутые. Сделал ли кто блуд после омытия божественным крещением, - здесь уже не остается никакого утешения в грехе. И показывая именно это, Павел сказал: "**Если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которой освящен, и Духа благодати оскорбляет**" (Евр. 10:28-29)? Если сделал блуд какой-либо священник ныне, это особенно уже верх всех зол. Видишь ли, сколько различий у одного и того же греха? Иное - грех совершенный прежде закона, иное - после закона, иное - сделанный священником, иное - богатой и бедной женщиной, иное - грех учиненный оглашенной и верной, иное - женщиной из рода священнического. Также великое различие происходит и от разумения: "**который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много**" (Лк. 12:47). И грех, сделанный после таких и столь многих примеров, получает большее наказание. Поэтому Христос сказал: "**видев это, не раскаялись после**" (Матф. 21:32), хотя и много были врачуемы. В том же укоряет Он и Иерусалим, говоря: "**сколько раз хотел Я собрать чад твоих, и вы не захотели**" (Лук. 13:34)? Относительно тех, которые грешат, живя в роскоши, ты имеешь пример в истории о богаче и Лазаре. Увеличивается еще тяжесть греха и от места, на что сам Христос указывает, говоря: "**между храмом и жертвенником**" (Матф. 23:35); и от качества самых преступлений: "**не спускают**", сказано, "**вору, если он крадет, когда он голоден**" (Притч. 6:30); и опять: "**сыновей твоих и дочерей твоих приносила в жертву… при всех твоих мерзостях и блудодеяниях твоих**" (Иезек. 16:20, 22). Также и от лиц: "**если согрешит человек против человека, то помолятся о нем Богу; если же человек согрешит против Господа, то кто будет ходатаем о нем**" (1 Цар. 2:25)? Подобным образом, если кто превосходит своей беспечностью самых худших людей, что Бог порицает и у

Иезекииля таким образом: "**даже не поступаете и по постановлениям язычников**" (Иезек. 5:7); и когда кто-либо не направляется даже примерами других: видела, сказано, сестру свою и оправдала ее (Иезек. 16:57); когда кто пользуется особенным промышлением: "**если бы в Тире**", говорит Он, "**и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретище и пепле покаялись, но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам**" (Матф. 11:21-22). Видишь ли совершенную точность и то, что не все за одни и те же грехи получают равное наказание? И мы, если не воспользуемся долготерпением Божьим, подвергнемся большему наказанию. Это показывает и Павел, говоря: "**по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев**" (Рим. 2:5). Итак, зная это, не будем соблазняться и смущаться никакими случаями жизни, не будем обуреваться помыслами; но, предаваясь непостижимому божественному промыслу, будем стараться о добродетели и избегать греха, чтобы получить будущие блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 76

"Тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы; и кто на кровле, тот да не сходит взять что-нибудь из дома своего; и кто на поле, тот да не обращается назад взять одежды свои" (Матф. 24:16-18).

1. Сказав о бедствиях, имеющих постигнуть город, об искушениях апостолов и о том, что они будут непобедимы, и пройдут всю вселенную, Спаситель опять говорит о бедствиях иудеев, показывает, что когда апостолы, научив всю вселенную, прославятся, тогда иудеи подвергнутся бедствиям. Но смотри, как Он говорит о войне, представляя жестокость ее в словах, по-видимому, маловажных. "**Тогда**", говорит Он, "**находящиеся в Иудее да бегут в горы**". "**Тогда**": когда же? "**Когда случится все это, когда увидите мерзость запустения на святом месте**". Из этого я заключаю, что Он говорит о войсках. Тогда бегите, говорит: вам не будет уже никакой надежды на спасение. А так как часто случалось, что иудеи, во время жестоких войн, опять укреплялись, как, например, при Сеннахириме и Антиохе (когда, хотя войска напали на город и храм был взят, но Маккавеи, устремившись против врагов, дали обратное направление делам), то, чтобы и теперь не ожидали какой-либо подобной перемены, Он отнимает у них всякую надежду. Хорошо, говорит, если кто спасется хотя бы нагим. Поэтому и находящимся на кровле не позволяет войти в дом, чтобы взять одежды, - показывая неизбежность зла и чрезмерно великое несчастье, и то, что впадший в него необходимо должен погибнуть. По этой же причине прибавляет, что и находящийся на поле да не возвратится взять риз своих. Если и находящиеся в доме бегут из него, то тем более не должно возвращаться тем, которые вне его. "**Горе же беременным и питающим сосцами**" (Матф. 24:19), - первым потому, что они, будучи отягощаемы беременностью, по причине слабости, не смогут удобно бежать; а последним потому, что они, будучи связаны узами сострадания к детям, не смогут спасти с собой питающихся грудью. Деньги легко и пренебречь, и сохранить, равно как и одежду; но того, с чем связывает человека природа, как может кто-либо избежать? Как может быть легкой беременная женщина? Как может кормящая грудью презреть дитя свое? Далее, опять показывая величину бедствия, говорит: "**молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимой или в субботу, ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет**" (Матф. 24:20-21). Видишь ли, что Он говорит иудеям, и рассуждает о бедствиях, имеющих постигнуть их? Апостолы не соблюдали субботы, и не были в Иерусалиме в то время, когда Веспасиан сделал это, так как большинство из них еще прежде этого скончались, если же кто оставался в живых, тот жил тогда в других частях вселенной. Но почему ни "**зимой, ни в субботу**"? Зимой, - по

причине трудности времени; в субботу, - по требованию закона. Бегство было необходимо, и бегство скорейшее; а иудеи в то время не смели бежать в субботу из уважения к закону, зимой же бежать было неудобно: поэтому Христос и говорит: "**молитесь**. **Ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет**". Да не подумает кто-либо, что это сказано преувеличенно; пусть прочитает сочинения Иосифа, и узнает истину этих слов. Никто не может сказать того, что Иосиф, как верующий, увеличил изображение этих бедствий для того, чтобы подтвердить сказанное; он был иудей, и иудей весьма строгий, ревнитель и из числа тех, которые жили по пришествии Христовом. Что же он говорит? То, что эти бедствия превзошли всякое описание бедствий, и подобной войны никогда не случалось с каким-нибудь народом. Такой, по словам его, был голод, что сами матери с жадностью ели детей и возникала из-за этого между ними ожесточенная борьба, а у многих даже мертвых растерзываемы были чрева. Я охотно спросил бы теперь иудеев: за что излился на них столь великий и нестерпимый гнев Божий, который превышает все бедствия, доселе бывшие не только в Иудее, но и во всей вселенной? Не очевидно ли - за то, что дерзнули распять Христа, и вследствие Его предсказания? Все могут подтвердить это, а вместе со всеми и прежде всех - истина событий. Заметь же чрезвычайность бедствий, когда они, по сравнению с бедствиями, не только бывшими доселе, но и имеющими быть во все последующее время, являются лютейшими из всех. Действительно никто не может указать подобных бедствий ни во всей вселенной, ни во все время, как прошедшее, так и будущее. И это справедливо. Никто из людей, бывших прежде или после этого, не дерзал на злодеяние столь беззаконное и ужасное. Поэтому Христос и говорит: "**будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет. И если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных сократятся те дни**" (Матф. 24:22). Этим Он показывает, что иудеи заслужили еще большее наказание, чем это, а под днями разумеет дни войны и осады. Итак, смысл слов Его следующий: если бы долее продолжалась война римлян против города, то погибли бы все иудеи (под всякой плотью Он разумеет здесь иудеев), находящиеся как вне, так и внутри города. Не только воевали против тех, которые были в Иудее, но и изгоняли и преследовали рассеянных всюду по причине ненависти к ним.

2. О каких же избранных говорит здесь Христос? О верующих, находившихся среди иудеев. Чтобы иудеи не сказали, что бедствия эти случились по причине проповеди евангельской и поклонения Христу, Он показывает, что верующие не только не будут причиной этих зол для них, но, напротив, если бы их не было, то все они совершенно бы погибли. Если бы Бог попустил продолжиться войне, то не сохранился бы остаток иудеев; но чтобы вместе с неверующими иудеями не погибли верующие из них, Он скоро прекратил брань и положил конец войне. Поэтому-то Христос говорит: "**но ради избранных сократятся те дни**". Это сказал Он и для того, чтобы утешить верующих, находившихся среди иудеев, и успокоить их, чтоб они не боялись, как имеющие погибнуть вместе с ними. Если же здесь столь велико промышление Божье о верующих, что ради них и другие спасаются, и остатки неверующих иудеев сохраняются ради христиан, то какая честь ожидает их во время раздаяния венцов? Этими словами Христос и утешал верующих, чтобы они не скорбели в собственных опасностях, так как и неверующие претерпевают такие же бедствия, и притом без всякой пользы, даже с потерей своей жизни. И не только утешал их, но еще тайным и неприметным образом отвлекал от иудейских обычаев. В самом деле, если перемены на лучшее уже не будет и храм не будет существовать, то очевидно, что и закон упразднится. Впрочем, ясно Он не сказал этого, но намекнул на это, говоря о совершенной погибели иудеев. Ясно же не сказал для того, чтобы не поразить учеников прежде времени. Поэтому не сказал Он об этом и с самого начала; но, наперед оплакав город, заставил их показать Себе камни и предложить вопрос, чтобы в виде ответа на вопрос предвозвестить им все будущее. Заметь

премудрое распоряжение Духа в том, что Иоанн ничего не писал об этом, чтобы не показалось, что он пишет на основании самого повествования о происшествиях (а он долгое время жил еще после разрушения Иерусалима); но пишут об этом те, которые умерли прежде этого разрушения, и не видали ни одного из этих событий, так что отовсюду сияет сила пророчества.

"**Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, - не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных. Вот, Я наперед сказал вам. Итак, если скажут вам: вот, Он в пустыне, - не выходите; вот, Он в потаенных комнатах, - не верьте; ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого; ибо, где будет труп, там соберутся орлы**" (Матф. 24:23-28). Кончив предсказание о Иерусалиме, Христос переходит уже к Своему пришествию и говорит ученикам о знамениях, полезных не только для них, но и для нас, и для всех, которые будут после нас. "Тогда": когда же? Здесь слово: "тогда", как я часто говорил, не означает последовательного порядка времени в вышеупомянутых событиях. Когда Христос хотел показать порядок времени, то сказал: "**вдруг, после скорби дней тех**" (Матф. 24:29). Здесь же не так, но употребляет слово: "**тогда**", указывая этим не на то, что будет тотчас после этого, а на то, что будет в то время, когда должны совершиться события, о которых Он хотел сказать. Так, когда и евангелист говорит: "**в те дни приходит Иоанн Креститель**" (Матф. 3:1), то говорит не о том времени, которое тотчас последовало, но о том, которое было спустя много лет, и в которое происходило то, о чем он намерен был сказать. Сказав о рождестве Иисуса, пришествии волхвов и смерти Ирода, он тотчас говорит: "**в те дни приходит Иоанн Креститель**", хотя тридцать лет протекло между этими событиями. В Писании обыкновенно употребляется этот образ повествования. Так и здесь, опустив весь промежуток времени от разрушения Иерусалима до начала кончины мира, Христос говорит о времени, имеющем быть не задолго перед кончиной мира. "**Тогда**", говорит, "**если кто скажет вам: вот, здесь Христос, или там, - не верьте**". Говоря о признаках второго Своего пришествия и чудесах обольстителей, Он в то же время предостерегает учеников касательно места. Не так Он явится тогда, как в первое Свое пришествие явился в Вифлееме, в малом углу вселенной, и когда сначала никто не знал о том; но открыто и со всей славой, так что не нужно будет кому-нибудь возвещать об этом. Это служит немалым признаком того, что Он придет не тайно. Заметь же, что Он здесь ничего не говорит о войне, - Он отличает предсказание о пришествии Своем от предыдущего, - но говорит о тех, которые будут стараться прельщать. Одни из них, бывшие при апостолах, многих прельстили: "**восстанут лжехристы и лжепророки**", говорит, "**и многих прельстят**"; а другие, которые явятся перед вторым пришествием Его, еще хуже будут первых: "**и дадут**", говорит, "**великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных**". Здесь Он разумеет и антихриста, и тех, которые будут служить ему. О нем и Павел говорит таким же образом. Назвав его "**человеком греха, сыном погибели**", присовокупил: "**того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякой силой и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих**" (2 Фессал. 2:3,9-10). Смотри же, как Христос предостерегает. "**Не выходите**", говорит, в пустыню, не входите во внутренние комнаты. Не сказал: отойдите и не веруйте; но: "**не выходите и не входите**". Великий будет тогда обман, по причине обольстительных знамений.

3. Сказав, каким образом придет антихрист, то есть, в известном месте, Христос говорит, каким образом и Сам придет. Каким же образом Он придет? "**Как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого; ибо, где будет труп, там соберутся орлы**" (Матф. 24:27-28). А как блистает молния? Она не требует вестника, не требует проповедника, но в одно мановение является во всей

вселенной, и тем, которые сидят в домах, и тем, которые находятся во внутренних комнатах дома. Таково же будет и пришествие Христово, которое вдруг явится везде по причине сияния славы. Далее Христос говорит о другом знамении: "**где будет труп, там соберутся орлы**", показывая этим на множество ангелов, мучеников и всех святых. Потом говорит о страшных чудесах. Какие же это чудеса? "**Вдруг, после скорби дней тех**", говорит, "**солнце померкнет**" (Матф. 24:29). О какой скорби дней говорит Он? О скорби дней антихриста и лжепророков. Подлинно, великая тогда будет скорбь, когда столь много будет обольстителей. Впрочем, она не долго продолжится. Если и иудейская война ради избранных была сокращена, то тем более сократится это искушение ради них же. Поэтому-то Христос не сказал: после скорби, но – "**вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет**", - потому что все это случится почти одновременно. Лжепророки и лжехристы, явившись, произведут возмущение, и тотчас придет сам Христос. Немалое смятение будет тогда обладать вселенной. Как же придет Он? Так, что преобразится уже эта тварь. "**Солнце померкнет**", будучи не уничтожаемо, но побеждаемо светом пришествия Его; "**и звезды спадут**", потому что какая в них будет уже нужда, когда не будет ночи? "**И силы небесные поколеблются**": и очень справедливо, - видя столь великую перемену. Если они столь ужаснулись и удивились, когда сотворены были звезды ("**Когда сотворены были звезды**", от радости, говорит Господь, "**восхвалили Меня громким голосом все Ангелы Мои (и преклонились)**". (Иов. XXXVIII, 7), то, как им не ужаснуться и не поколебаться гораздо более, когда увидят, что все преобразуется, сослужители их подвергаются наказанию, вся вселенная предстоит страшному судилищу, и все, от Адама до пришествия Христова существовавшие, должны дать отчет во всех своих действиях?

"**Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе**" (Матф. 24:30), - то есть, крест, который светлее солнца, - так как солнце помрачается и скрывается, а крест является; он не явился бы, если бы не был гораздо светлее солнечных лучей. Но для чего является это знамение? Для того чтобы совершенно посрамить бесстыдство иудеев. Христос придет на этот суд, имея величайшее оправдание - крест, показывая не только раны, но и постыдную смерть. "**Тогда восплачут все племена земные**": не будет нужды в обличении после того, как они увидят крест; и они восплачут, так как не получили никакой пользы от смерти Его, и распяли Того, Которому должны были поклоняться. Видишь ли, сколь страшным представил Христос Свое пришествие? Как ободрил сердца учеников? Для того Он сперва и представляет печальные знамения, а потом радостные, чтобы таким образом утешить и успокоить их. Снова напоминая им о страдании и воскресении, Он представляет крест в блистательнейшем образе, чтобы они не стыдились и не скорбели, так как Он придет полагая его вместо знамения. В другом же месте Писания говорится: "**воззрят на Него, Которого пронзили**" (Зах. 12:10). Поэтому-то восплачут племена, увидев Того самого, Которого они пронзили. Напомнив о кресте, Христос присовокупил: "**увидят Сына Человеческого, грядущего**" не на кресте, но "**на облаках небесных с силой и славой великой**" (Матф. 24:30). Услышав о кресте, ты опять не представляй чего-либо печального: Христос придет с силой и славой многой. Крест же приносит для того, чтобы грех иудеев сам собой осудился, подобно тому, как если бы кто-нибудь, будучи поражен камнем, стал показывать самый камень, или окровавленные одежды. Придет на облаке, подобно тому, как и вознесся: и, видя это, "**восплачут**" племена. Впрочем, бедствия их не ограничатся одним плачем, но плач этот будет для того, чтобы они сами над собой произнесли приговор и осудили самих себя. В то же время еще "**и пошлет Ангелов Своих с трубой громогласной, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их**" (Матф. 24:31). Когда ты услышишь это, представь себе мучение тех, которые останутся. Они понесут не только то наказание, но и это. И, как выше говорил Христос, что воскликнут: "**благословен грядый во имя Господне**" (Матф. 23:39), так и здесь говорит, что "**восплачут**". Раньше Христос сказал Им о жестоких бранях; но чтобы

они знали, что за бедствиями настоящей жизни ожидают их мучения и в будущей, то представляет их и плачущими, и отлучаемыми от избранных, и предаваемыми геенне; и этим опять ободряет учеников Своих, и показывает, от каких зол они освободятся, и какими будут наслаждаться благами.

4. Но для чего Христос через ангелов будет призывать избранных, если Он придет так явно? Для того чтобы и этим почтить их. Павел говорит, что они будут восхищены на облаках. Рассуждая о воскресении, он сказал и это. "**Потому что Сам Господь**", говорит он, "**при возвещении, при голосе Архангела и трубе Божьей, сойдет с неба**" (1 Фессал. 4:16). Итак, ангелы соберут воскресших, а облака восхитят собранных, и все это произойдет в кратчайшее время, в мгновение. Господь будет призывать их не пребывая на высоте, но сам придет с трубным голосом. Для чего же будут трубы и голос? Для возбуждения, для радости, для представления ужасных событий, для мучения тех, которые оставляются. Горе нам от этого страшного дня! Надлежало бы нам радоваться, когда мы слышим это, но мы скорбим, сетуем и печалимся. Или я один испытываю такое чувство, а вы радуетесь, слыша это? На меня находит некоторый ужас, когда говорят об этом, и я горько плачу и воздыхаю из глубины сердца. Впрочем, не это смущает меня, но то, что вслед за тем сказано о девах, о скрывшем в земле полученный талант, о лукавом рабе. Поэтому-то я плачу, представляя, какой мы лишимся славы, какой надежды благ, и притом совершенно и навсегда, если хотя бы немного не позаботимся. Если бы и велик был труд и тяжек закон, то и в таком случае надлежало бы все исполнять. Хотя многие из нерадивых и думали иметь некоторое извинение, - извинение, правда, бесполезное, впрочем, думали иметь, - указывая на чрезмерную тяжесть заповедей, на великий труд, на бесконечное время и невыносимое бремя, но теперь ничего подобного мы не можем представить в оправдание; и это особенно будет терзать нас в то время не менее геенны, когда мы за краткое мгновение, за пренебрежение ничтожного усилия, потеряем небо и неизреченные блага. Поистине и время кратко, и труд мал; а между тем мы расслаблены и унылы. На земле подвизаешься, а на небесах венец; от людей принимаешь мучения, а от Бога получаешь честь; два дня бежишь, а на бесконечные века награда; в тленном теле борьба, а в нетленном честь. А сверх этого, должно еще представлять и то, что хотя бы мы и не решились потерпеть для Христа некоторые скорби, все же совершенно необходимо будет потерпеть их, только иным образом. Если ты и не умрешь за Христа, то не будешь же бессмертен; если и не отвергнешь для Христа богатство, то не возьмешь его с собой по смерти. Он требует от тебя того, что и без требования ты отдашь, потому что ты смертен. Он желает, чтобы ты добровольно сделал то, что должен будешь сделать и по необходимости; требует только одного того, чтобы для Него делано было то, что случается и приходит и по естественной необходимости. Видишь ли, как легок подвиг? То, что совершенно необходимо тебе претерпеть, говорит Он, претерпи для Меня; присовокупи только это, и Я доволен твоим послушанием! Золото, которое ты намерен давать взаймы другому, отдай Мне, с большей и выгодой и безопасностью; телом, которым ты хочешь воевать за другого, воюй за Меня: твои труды Я вознагражу с великим избытком. В других случаях ты предпочитаешь того, кто платит более, - и в даянии взаймы, и в торговле, и в военной службе; а Христа, Который один воздает более всех и бесконечно более, не принимаешь. Что это за брань, столь великая? Что за вражда, столь сильная? Откуда же, наконец, получишь ты прощение и защиту, когда не хочешь предпочесть Бога людям за то, за что одних людей предпочитаешь другим? Для чего предаешь сокровище земле? Отдай в Мои руки, говорит Он. Ужели не думаешь, что Господь земли вернее земли? Земля возвращает только вверенное ей, а часто не возвращает и того; Господь же дает тебе и награду за сохранение, потому что весьма любит нас. Поэтому, если ты хочешь отдать взаймы, Он готов принять; если хочешь сеять, Он принимает это на Себя; если хочешь строить, Он влечет тебя к Себе, говоря: строй на Моем основании. Для чего ты прибегаешь к бедным, просящим милостыни, людям?

Прибегай к Богу, Который и за малое воздает тебе великое. Но мы об этом и слышать не хотим, а спешим туда, где брани, войны, борьба всякого рода, распри, клеветы.

5. Итак, не по праву ли Господь отвращается и наказывает нас, когда Он во всем предоставляет нам Себя, а мы противимся Ему? Для всякого это совершенно очевидно. Хочешь ли ты, говорит Он, украшаться, - украшайся Моей красотой, или вооружаться, - Моим оружием, или облечься, - в Мою одежду, или питаться, - вот тебе Моя трапеза, или идти, - иди Моим путем, или наследовать, - получи Мое наследие, или войти в отечество, - войди в город, которого Я Художник и Строитель, или построить дом, - построй его в селениях Моих. Я не требую от тебя награды за то, что даю, но еще и должен наградить тебя за то самое, что ты пожелаешь воспользоваться всеми Моими благами. Что может сравняться с этой щедростью? Я отец, Я брат, Я жених, Я дом, Я питание, Я одежда, Я корень, Я основание, Я все, чего бы ты ни захотел: ни в чем ты не будешь иметь нужды. Я и служить буду, - потому что Я пришел для того, чтобы служить, а не для того, чтобы Мне служили (Матф. 20:28). Я и друг, и член, и глава, и брат, сестра, и мать, - Я все; только ты будь Мне другом. Для тебя Я беден, для тебя Я нищий, для тебя Я на кресте, для тебя в гробе, за тебя ходатайствую перед Отцом, на небесах, для тебя Я явился на земле посланником от Отца. Ты Мне все: и брат, и сонаследник, и друг, и член. Чего еще желаешь? Для чего отвращаешься от Того, Который любит тебя? Для чего работаешь миру? Для чего вливаешь в сосуд разбитый? А этому и подобны труды для настоящей жизни. Для чего сечешь огонь? Для чего бьешь воздух? Для чего бежишь напрасно? Не каждое ли искусство имеет цель? Это всякому известно. Покажи мне и ты цель житейского попечения. Но ты не можешь показать: "**суета сует - все суета**" (Еккл. 1:2). Пойдем к гробам: покажи мне отца, покажи мне жену. Где тот, который облекался в золотые одежды, кто сидел на колеснице, кто имел войска, царский пояс, провозвестников; который одних предавал смерти, а других ввергал в темницу; который по своей воле и умерщвлял, и освобождал? Я ничего не вижу, кроме костей, червей и паутины. Все это земля, все это вымысел; все это сон и тень, пустой рассказ и образ, или лучше сказать, менее, нежели образ: образ мы видим, по крайней мере, на картине, здесь же не видим и картины. О, если бы этим оканчивались бедствия! Но теперь честь, удовольствие, знаменитость, - одна тень, одни слова; а то, что от них происходит, - уже не тень и слова, но пребывает и перейдет с нами туда, и всем будет известно; хищения, любостяжание, блудодеяния, прелюбодеяния и бесчисленные подобного рода преступления, состоят ли они в словах, или делах, написаны не на картине и не на прахе, но на небесах. Итак, какими очами будем мы взирать на Христа? Если человек не может смотреть на отца, когда сознает себя виновным перед ним, то как мы будем взирать тогда на Того, Кто бесконечно более кроток, чем отец? Как снесем Его присутствие? Предстанем перед судилищем Христовым, и всем будет строгое испытание. Если же кто не верит будущему суду, тот пусть посмотрит на то, что здесь происходит, - на тех, которые находятся в темницах, в рудниках, в нечистых местах, на беснующихся, на сумасшедших, на пораженных неизлечимыми болезнями, на борющихся со всегдашней нищетой, на терпящих голод, на удрученных сильными скорбями, на пленных. Они не терпели бы этого теперь, если бы и всех других, подобно им согрешивших, не ожидало наказание и мучение. Если же другие нисколько здесь не пострадали, то это самое должно служить тебе признаком, что непременно ожидает их нечто по отшествии из настоящей жизни. Один и тот же Бог всех не стал бы одних наказывать, а других, совершивших такие же, или еще большие преступления, оставлять без наказания, если бы Он не намерен был подвергнуть их некоторому наказанию в будущей жизни. Итак, в виду этих размышлений и доказательств, и сами смирим себя, и отвергающие суд пусть уверуют и исправятся, чтобы мы, проведя здешнюю жизнь достойно царствия небесного, получили вечные блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 77

"От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето; так, когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях" (Матф. 24:32-33).

1. Так как Христос сказал: "**вдруг после скорби дней тех**", ученики же его спросили, когда это будет, и желали точно знать самый день, то Он представил им в пример смоковницу, показывая, что немного осталось времени, и что скоро будет Его пришествие. И это подтвердил Он не одной только притчей, но и следующими затем словами: "**знайте, что близко, при дверях**". Вместе с этим Христос пророчествует и о духовном лете, и о той тишине, которая в тот день настанет для праведных после обуревающей их теперь зимы: грешникам же, напротив, предсказывает зиму по прошествии лета, что подтвердил впоследствии, сказав, что день тот застанет их посреди роскоши и удовольствий. Впрочем, Он привел в пример смоковницу не только для обозначения времени, - мог бы означить его и другим образом, - но и для подтверждения того, что Его предсказание непременно исполнится. Подобно тому, как необходимо быть первому, так точно и последнему. Да и вообще, Христос, равно как и подражающий ему блаженный апостол Павел, когда говорит о том, что непременно должно случиться, всегда приводит в пример необходимые естественные явления. Вот почему, и беседуя о воскресении мертвых, Он говорит: "**если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода**" (Иоан. 12:24). И блаженный апостол Павел, подражая Христу, употребляет тот же пример, рассуждая с коринфянами о воскресении: "**безрассудный**", говорит он, "**то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет**" (1 Кор. 15:36). Затем, чтобы ученики вскоре опять не приступили с вопросом: когда это случится? Спаситель напоминает им о приближении этого времени, говоря: "**истинно говорю вам: не прейдет род сей, как все это будет**" (Матф. 24:34). Что же Он разумеет под словом: "**все это**"? То, что случилось с Иерусалимом: войны, голод, мор, землетрясения, лжехристов, лжепророков, повсеместное распространение евангелия, мятежи, раздоры и все, что, как мы сказали, должно случиться до Его пришествия. Как же Он сказал: "**род сей**"? Здесь Он говорит не о поколении, тогда жившем, но о верных. Род обозначается не только по времени, но и образу религии и жизни, как, например, когда говорится: "**род ищущих Господа**" (Псал. 23:6). Что Христос сказал прежде: "**ибо надлежит всему тому быть**", и еще: "**проповедано будет сие Евангелие**", то же выражает и здесь, говоря, что все это непременно сбудется, а род верных пребудет и не прервется ни от одного из вышеозначенных бедствий. Разрушится и Иерусалим, и погибнет большая часть иудеев; но рода этого ничто не преодолеет, ни голод, ни мор, ни землетрясения, ни ужасы браней, ни лжехристы, ни лжепророки, ни обольстители, ни предатели, ни соблазнители, ни лжебратья, ни другие подобные искушения. Затем для большего их удостоверения Он говорит: "**небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут**" (Матф. 24:35), - то есть, скорее, разрушатся небо и земля, столь твердые и неподвижные, нежели прейдет какое-либо из слов Моих. Кто сомневается в этом, пусть исследует все сказанное, и тогда, найдя все истинным (а найдет непременно), - на основании того, что было, поверит и тому, что имеет быть; пусть во все вникнет с тщанием - и увидит, что последующие события совершенно оправдали истину пророчества. О стихиях же Христос упомянул для того, чтобы показать как то, что Церковь превосходнее неба и земли, так и то, что Он есть творец всего существующего. А так как Он сказал о кончине мира, чему многие не верят, то и упомянул о небе и земле, показывая тем неизреченное Свое могущество, и со всей силой объявляя Себя владыкой вселенной, и, таким образом, тем, которые сомневаются в словах Его, представляет их совершенно достоверными. "**О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, а только Отец Мой один**" (Матф. 24:36). Словами: "**ни Ангелы**" Христос

удерживает учеников Своих, чтобы они не старались узнать того, чего не знают и сами ангелы; словами же: "**ни Сын**" - возбраняет им не только знать, но и спрашивать об этом. А что слова эти сказаны Им с этим именно намерением, узнай из того, как Он по воскресении с большей силой воспретил им любопытство, когда заметил, что они излишне предаются ему. Теперь указал на многие и бесчисленные признаки, а тогда сказал просто: "**не ваше дело знать времена или сроки**" (Деян. 1:7). Потом, чтобы ученики не сказали: "мы недоумеваем, нас презирают, но мы не достойны этого", - Он говорит: "**которые Отец положил в Своей власти**". Он очень заботился о том, чтобы учеников уважали, и чтобы не было скрыто от них ничего; но в этом случае предоставляет самому Отцу знать времена и сроки, дабы внушить страх к делу и воспретить им даже спрашивать о нем. Если бы это было не так, если бы в самом деле Сын Божий не знал этого, то когда же бы Он узнал? Вместе с нами? Но кто станет утверждать это? Он знал Отца совершенно, - так же, как и Отец Сына, - а не знал об этом дне? Кроме того, "**Дух все проницает, и глубины Божьи**" (1 Кор. 2:10), - а Сын будто бы не знал и времени суда? Он знал, каким образом должно судить, знал тайны каждого, - и мог не знать того, что гораздо менее важно? Если "**все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть**" (Иоан. 1:3), то, как может быть, чтобы Он не знал этого дня? Тот, кто сотворил веки, сотворил без сомнения и времена; если же сотворил и времена, то сотворил и день: как же Ему не знать того дня, который Он сотворил?

2. Вы говорите, что знаете даже сущность Божью: Сын ли Божий не знает последнего дня, Сын, который беспрестанно пребывает в недрах Отца, - несмотря на то, что познание сущности гораздо важнее, нежели познание дней, бесконечно важнее? Каким же образом вы, присваивая себе большее, не уступаете меньшего Сыну, "**в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения**" (Кол. 2:3)? Но как ни вы не знаете того, в чем заключается сущность Божья, хотя весьма часто безумно утверждаете это, так и Сын не остается в неведении относительно этого дня, а напротив, совершенно знает его. Вот почему Он, сказав обо всем, означив времена, лета и приведя учеников Своих к самым дверям (именно сказал: "**близко, при дверях**"), умолчал о дне. Если о дне и часе ты спрашиваешь, не услышишь от меня ничего, говорит Он; если же вообще о времени и предварительных признаках, то, не скрывая ничего, скажу тебе все подробно. Что мне известен этот день, - на это Я представил много доказательств: сказал о расстоянии времени, обо всех будущих событиях, и даже о том, сколько от настоящего времени осталось до того дня (это объясняет тебе причта о смоковнице), и, таким образом, довел тебя до самого преддверия. Если ж Я не отворил тебе дверей, то и это для твоей же пользы. Для большего же удостоверения в том, что Христос умолчал о дне кончины не по незнанию, обрати еще внимание на то, что Он к вышеуказанному знамению Своего пришествия присоединяет еще и другое: "**ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, - так будет и пришествие Сына Человеческого**" (Матф. 24:38-39). Христос сказал это в доказательство того, что Он придет вдруг и неожиданно, когда большинство будет наслаждаться удовольствиями. То же самое говорит Павел в следующих словах: "**когда будут говорить: мир и безопасность, тогда внезапно постигнет их пагуба**" (1 Фессал. 5:3), и в объяснение этой нечаянности сказал: "**подобно, как мука родами постигает имеющую в чреве**". Как же Христос говорит: "**после скорби дней тех**"? Если тогда будут удовольствия, "**мир и безопасность**", как сказал Павел, то, как же Христос говорит: "**после скорби дней тех**"? При радостях, какая может быть скорбь? Здесь разумеются удовольствия и мир, которые могут быть только у людей бесчувственных. Поэтому-то апостол и не сказал: когда будет мир, но: "**когда будут говорить: мир и безопасность**", изображая тем их бесчувственность, подобную той, какая была у людей и в дни Ноя, когда они, несмотря на величайшие бедствия, проводили жизнь, полную удовольствий, праведные же, напротив, проводили жизнь в

скорби и печали. Отсюда видно, что с пришествием антихриста, между нечестивыми и отчаивавшимися в спасении своем, умножатся постыдные наслаждения, - тогда будет чревоугодие, объедение и пьянство. Таким образом, Христос приводит пример совершенно подходящий к обстоятельствам дела. Как в то время, говорит Он, когда приготовлялся ковчег, люди не верили, и даже тогда, когда был готов и предвещал им близкое несчастье, они спокойно смотрели на него и предавались удовольствиям, как будто не предстояло им никакого бедствия, так и теперь: явится антихрист, за которым будет кончина, после кончины последуют наказания и неизреченные мучения; а люди, опьяневши от разврата, не почувствуют никакого страха и перед этими будущими бедствиями. Поэтому-то "**подобно как мука родами постигает имеющую в чреве**", по слову апостола, так и их постигнут эти ужасные и неотвратимые бедствия. Почему же не упомянул Христос о бедствии, постигшем содомлян? Он хотел представить в пример происшествие всемирное, которому также не верили, когда оно было предсказано. А так как многие не верили будущему, то Он удостоверяет их в этом прошедшими событиями, и этим потрясает сердца их. Вместе с тем Он указывает и на то, что и в прежних случаях действовал Он же. Далее Спаситель представляет новое знамение Своего пришествия, так что из соображения всех этих знамений становится очевидно, что Он знал этот день. Какое же знамение? "**Тогда будут двое на поле: один берется, а другой оставляется; две мелющие в жерновах: одна берется, а другая оставляется. Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет**" (Матф. 24:40-42). Все это служит доказательством тому, что Он знал этот день, но только ученикам запрещал спрашивать о нем. Поэтому же Он напоминал им и о днях Ноевых, поэтому же сказал, что тогда "**будут двое на поле**", показывая тем, что Он придет совершенно неожиданно, когда они совсем не будут и думать об этом. "**И две мелющие**" - это также служит признаком, что они нисколько не будут ожидать его. Притом берутся и оставляются и слуги, и рабы, и те, которые будут упражняться в труде, и те, которые будут находиться в праздности, словом из всех состояний, подобно тому как и в ветхом завете говорится: "**от фараона, который сидит на престоле своем, до рабыни, которая при жерновах**" (Исх. 11:5). Хотя Христос и сказал, что трудно спастись богатым, но здесь уверяет, что они не все погибнут, равно и бедные не все спасутся; но как из тех, так и из этих некоторые спасутся, а некоторые погибнут. Я даже думаю, здесь указывается и то, что пришествие Его будет в ночи. То же подтверждает и евангелист (Лук. 17:34). Вот видишь, как точно Христос знает все обстоятельства? Потом, чтобы не обратились к Нему с вопросом ученики, опять присоединяет: "**итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет**". Объявив им почти самый час, опять предупреждает их вопросы об этом, желая, чтобы они были постоянно бдительны. Поэтому Он и говорит им: "**бодрствуйте**", показывая тем причину, по которой не объявляет им о последнем дне. "**Но это вы знаете, что, если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы и не дал бы подкопать дома своего. Потому и вы будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий**" (Матф. 24:43-44). Не говорит им о том часе, когда Он придет, для того, чтобы они бодрствовали и всегда были готовы. Желая же, чтобы они всегда были озабочены встречей с Ним и всегда добродетельны, сказал им, что придет тогда, когда не ожидают Его. Смысл слов Его таков: если бы люди знали, когда они умрут, то без сомнения позаботились бы об этом часе.

3. Итак, для того, чтобы не заботились об одном только дне смерти, Христос не означает ни дня общей кончины, ни дня смерти каждого, желая чтобы люди всегда ожидали этого дня, - чтобы он был предметом непрестанной заботы. Поэтому и конец жизни каждого оставил в неизвестности. Потом открыто называет Себя Господом, тогда как ранее никогда так ясно не говорил этого. Здесь, я думаю, содержится еще укоризна беспечных, за то, что они о душе своей не проявляют и той заботы, какую обнаруживают о своих деньгах люди, ожидающие вора. Эти последние, когда ожидают вора, бодрствуют и

ничего не позволяют унести из своих кладовых; а вы, говорит Он, хотя и знаете, что Господь придет, и придет непременно, однако же, нисколько не бодрствуете, не готовитесь, чтобы смерть не постигла вас неожиданно; от того-то день этот и приходит на погибель беспечных. Как богатый, если бы знал время, в которое обворован будет, избежал бы того, так и вы предохранили бы себя, если бы были готовы. Далее, так как Он упомянул о суде, то и обращает, наконец, речь Свою к учителям, и говорит о наказаниях и наградах. И, сперва сказав об участи людей добродетельных, останавливается на участи грешников, чтобы заключением речи возбудить страх в слушателях.

Для этого Он сперва говорит: "**кто же верный и благоразумный раб, которого господин его поставил над слугами своими, чтобы давать им пищу во время? Блажен тот раб, которого господин его, придя, найдет поступающим так; истинно говорю вам, что над всем имением своим поставит его**" (Матф. 24:45-47). Скажи мне: означают ли и эти слова Его неведение? Если ты, основываясь на Его словах: "**ни Сын не знает**" (Марк. 13:32), говоришь, что Он не знает дня кончины мира, то, что скажешь о словах: кто же? Неужели скажешь, что Он и этого не знает? Ни в каком случае. Да и ни один безумный не скажет этого: в первом случае можно хотя бы представить некоторую причину, здесь же и этого нет. Что значит вопрос Его: "**Симон Ионин! любишь ли ты Меня**" (Иоан. 21:15)? Неужели он не знал и этого? Или когда говорит: "**где вы положили его**" (Иоан. 11:34)? Подобный вопрос можно слышать и от Бога Отца; так и Он говорит: "**Адам, где ты**" (Быт. 3:9)? и: "**вопль Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма; сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю**" (Быт. 18:20-21). И в другом месте: "**будут ли они слушать, или не будут**" (Иез. 2:5)? И в евангелии: "**пошлю сына моего возлюбленного; может быть, увидев его, постыдятся**" (Лук. 20:13). Все эти выражения показывают неведение. Но не по неведению Бог говорил это, а с тем намерением, чтобы удобнее достигнуть Своей цели. Так с Адамом Он говорил подобным образом с тем намерением, чтобы побудить его искать прощения в грехе; с содомлянами - для того, чтобы научить нас никогда не произносить приговора, не зная самого дела; у пророка сказано в предотвращение той безумной мысли, будто бы предсказание уже невольно влечет к неповиновению; в притче евангельской для того, чтобы показать, что они должны были то исполнить - почтить Сына; здесь же - для того, чтобы чрезмерно не любопытствовали; а вместе и для указания особенной важности этого вопроса. Притом смотри, какое неведение выражается в этих словах, если Он не знает даже и того, кого поставляет! Он называет раба блаженным, - "**блажен**", говорит, "**раб тот**", - но не говорит, кто это такой; а только: "**которого господин его поставил над слугами своими**"? и: "**блажен тот раб, которого господин его, придя, найдет поступающим так**". Следует заметить, что это сказано не об одном имении, но и о слове, и силе, и дарованиях, и обо всех обязанностях, на каждого возложенных. Эта притча может относиться и к гражданским начальникам: каждый должен употреблять дары свои на общую пользу. Одарен ли ты премудростью, или вручена тебе власть, богат ли ты, или имеешь что-либо другое, - ты не должен употреблять даров своих во вред собратий своих, или для собственной погибели. От упомянутого в притче раба Спаситель требует двух качеств: благоразумия и верности, потому что грех бывает от неразумия. "**Верным**" же называет Он его за то, что из достояния господина своего ничего не утаил себе, и ничего не расточил напрасно и без цели; а "**мудрым**" потому, что умел употребить вверенное ему достояние надлежащим образом. И нам нужны также оба указанные качества, как для того, чтобы не присваивать себе того, что принадлежит Господу, так и для того, чтобы сделать надлежащее употребление из дарованного. Если одного качества нет в нас, то и другое несовершенно. Если раб и верен, и не крадет, но губит имение, расточая его на предметы бесполезные, то и это большая вина. Если же он умеет хорошо управлять имением, но вместе с тем крадет, то и это опять немаловажное преступление. Пусть заметят это и те из нас, которые имеют

деньги, потому что слова Христовы относятся не только к учителям, но и к богатым. И тем, и другим вверено богатство, - учащим более необходимое, а вам, богатым, менее необходимое. Если учители щедро расточают блага более важные, а вы не хотите оказать щедрости даже и в маловажном, и не только щедрости, но и благодарности (потому что даете чужое), то какое будете иметь оправдание? Впрочем, прежде чем говорить о наказаниях, ожидающих неправедных, послушаем, как будет награжден тот, кто поступает надлежащим образом. "**Истинно говорю вам, что над всем имением своим поставит его**". Что может сравняться с подобной честью? Какое слово достаточно выразить то достоинство, то блаженство, когда Царь небесный, Которому принадлежит все, поставит человека над всем своим имением? Потому и называет его "**мудрым**", что умеет не расточать великого ради малого, но, благоразумно поступая здесь, получает небо.

4. Далее Христос, как Он всегда поступает, исправляет слушателя не только представлением награды, предназначенной добрым, но и наказания, угрожающего злым. Поэтому и присовокупил: "**если же раб тот, будучи зол, скажет в сердце своем: не скоро придет господин мой, и начнет бить товарищей своих и есть и пить с пьяницами, - то придет господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, и рассечет его, и подвергнет его одной участи с лицемерами; там будет плач и скрежет зубов**" (Матф. 24:48-51). Если кто-нибудь скажет: видишь ли, какая мысль пришла рабу по причине неизвестности дня, - он именно сказал: "**не скоро придет господин мой**", - то в ответ на это мы скажем, что мысль эта пришла ему не потому, что день не был известен, но потому, что он был худой раб. Почему, в самом деле, такая же мысль не пришла на ум рабу мудрому и верному? Несчастный! Хотя и медлит господин, но почему ты все же ожидаешь Его пришествия? Зачем же, поэтому, не заботишься? Итак, отсюда мы узнаем, что Господь и не медлит. Такая мысль принадлежит не Господу, но рабу лукавому, а потому он и осуждается. Что Господь не медлит, послушай Павла, который говорит: "**Господь близко. Не заботьтесь ни о чем**" (Фил. 4:5-6); и; "**Грядущий придет и не умедлит**" (Евр. 10:37). Но внимай дальнейшим словам и примечай, как часто Христос напоминает о неизвестности дня, показывая тем, насколько эта неизвестность полезна для рабов, и способствует их пробуждению ото сна. Что ж, если некоторые не извлекли из этого никакой пользы для себя? И другие спасительнейшие средства иным не принесли пользы. Господь не оставляет, однако, Своего дела. Что же далее говорит Он? "**Придет в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает**", - и постигнет его участь самая жалкая. Видишь, как часто Он повторяет это, показывая, как спасительна неизвестность дня, - и заставляя тем нас быть в непрестанной заботливости? Предмет Его попечения составляет то, чтобы мы непрестанно бодрствовали; и так как мы ослабеваем всегда во время счастливой и покойной жизни, а от несчастий наиболее укрепляемся, то Он непрестанно и внушает нам, что когда мы бываем покойны и беззаботны, тогда и являются бедствия. И как выше показал это через Ноя, так и здесь говорит: когда раб тот упивается, когда буйствует, тогда и наказание ему готовится ужасное. Но будем внимательны не только к наказанию, ему определенному, но рассмотрим еще и то, не так же ли и мы поступаем, хотя и не замечаем того?

И действительно, такому неверному рабу подобны имеющие деньги и не помогающие бедным. Ведь и ты только распорядитель своего имущества, точно так же, как и служитель церкви, распоряжающийся ее стяжанием. Как последний не имеет власти расточать сокровищ, даруемых вами в пользу бедных, по своей воле и без разбора, потому что они даны на пропитание бедных, так и ты не можешь расточать своих сокровищ по Своей воле. Хотя ты получил родительское наследство, и таким образом все имущество составляет твою собственность, - однако, все оно принадлежит Богу. Если и ты требуешь, чтоб имуществом, данным тобой, распоряжались соответственно твоему назначению, то

неужели думаешь, что Бог Своей собственности не востребует от нас с большей строгостью, но оставит без внимания, когда она расточается без всякой пользы? Нет, не может этого быть, не может. Он для того и вверил тебе богатство, чтобы ты давал другим пищу в надлежащее "**время**". Что значит давать в надлежащее "**время**"? Давать бедным, алчущим. Как ты поручаешь распоряжаться имением подобному себе рабу, так и Богу угодно, чтобы ты употреблял это имение должным образом. Поэтому хотя Он и может лишить тебя, но оставляет у тебя для того, чтобы ты имел случай обнаружить свою добродетель. Он поставил всех во взаимной нужде для того, чтобы любовь одного к другому тем сделать более пламенной. Но ты, получив от Бога, не только не даешь, но еще бьешь тех, кому следует давать. А если уже и не давать - преступление, то, какое будет помилование тому, кто бьет?

5. Мне кажется, Христос говорит это на счет обидчиков и лихоимцев, объявляя им жестокое осуждение за то, что они "**бьют**" тех, которых должны питать. Думаю также, что Он здесь намекает и на сластолюбцев: и сластолюбию также предстоит тяжкое наказание. "**Ест и пьет**", говорит, "**с пьяницами**", - выражая тем пресыщение чрева. В самом деле, ты не для того получил имущество, чтобы роскошествовать, но чтобы творить милостыню. Это имение твое ли собственное? Оно принадлежит бедным, а тебе только вверено, хотя бы это было наследство отцовское, хотя бы было приобретено честными трудами. Неужели Бог не мог его отнять у тебя? Но Он не делает этого, доставляя тебе возможность быть щедрым по отношению к бедным. И заметь, как Христос во всех притчах обличает тех, которые не употребили богатств своих на пропитание бедных. Так и девы не за то осуждаются, что они похищали чужое, но за то, что не уделяли от своего; и зарывший талант свой не был также лихоимцем, но только не удвоил его; и те, которые презрели алчущих, не за то наказываются, что они завладели чужим, но за то, что не расточили своего, подобно как и упомянутый раб. Пусть же заметят это те из нас, которые угождают чреву и расточают на пиршества богатство, нисколько не принадлежащее им, но бедным. Не думай, чтобы то, что по человеколюбию Божьему велено тебе раздавать как бы свою собственность, было и действительно твое. Тебе Бог дал заимообразно для того, чтобы ты мог употреблять с пользой. Итак, не почитай своим, когда даешь Ему то, что Ему же принадлежит. Ты когда кому-нибудь даешь заимообразно денег с тем, чтобы он воспользовался ими для приобретения какой-либо выгоды, никогда не скажешь, чтобы эти деньги были его. Так и Бог дал тебе богатство с тем, чтобы ты им купил небо. Не делай поэтому Его бесконечного человеколюбия основанием к проявлению твоей неблагодарности. Размысли о том, как желательно иметь средство, которое бы после крещения разрешило грехи наши. Если бы Господь не сказал: сотвори милостыню, то, сколько бы людей сказало: о, если бы пожертвованием имения можно было избавиться от угрожающих нам бедствий! Когда же это сделалось возможным, то, наоборот, остаются в нерадении. Но ты говоришь: я даю. И что же даешь? Ты не дал и столько, сколько та жена, которая подала только две лепты; не дал и половины того, даже и малейшей части в сравнении с ней; ты больше расточаешь на бесполезные вещи, на пиршества, на пьянство, на крайнее распутство; то приглашаешь к себе других, то тебя приглашают, то сам проживаешь, то других заставляешь проживать; и, таким образом, готовишь себе сугубое наказание: во-первых, за то, что сам делаешь, во-вторых, за то, что других заставляешь делать. Вспомни же об этом рабе, осужденном за то же самое: он ел и пил, сказано, с пьяницами. Не одних пьяниц постигнет наказание, но вместе с ними и соучастников их, - и весьма справедливо, потому что они самих себя губят, и о спасении ближних нерадят. Бога же ничто столько не раздражает, как небрежение о спасении ближних. Поэтому-то, чтобы выразить гнев Свой, Он приказал рассечь раба пополам. Вот почему и признаком учеников Своих Он поставил любовь, потому что тот, кто любит, необходимо печется о благосостоянии любимого лица. Итак, будем держаться этого пути; он - тот самый путь, который ведет нас на небо, делает подражателями Христу и, по возможности, подобными

Богу. Заметь же, как преимущественно перед другими нужны те добродетели, которые избрали себе жилище на этом пути. И если угодно, рассмотрим их, и будем судить о них по суду Божьему. Пусть будут два пути жизни добродетельной, и из них один пусть делает добрым только того, кто шествует по ней, а другой - вместе и ближнего. Посмотрим, какой из них совершеннее и лучше нас возводит на высшую степень добродетели. Апостол Павел весьма часто осуждает того, кто печется только о собственном своем благе, - когда же я говорю: Павел, то разумею здесь самого Христа, - а того, кто старается о благе ближнего, превозносит похвалами и почестями. Откуда это видно? Послушай, что он говорит одному, и что другому: "**никто не ищи своего, но каждый пользы другого**" (1 Кор. 10:24). Видишь ли, как он одно отвергает, а другое предписывает? И опять: "**каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию**" (Рим. 15:2). Далее следует неизреченная похвала, соединенная с увещанием: и "**Христос не Себе угождал**" (Рим. 15:3). Довольно уже было бы и этих рассуждений к тому, чтобы показать, на которой стороне победа. Впрочем, чтобы это было с большей пользой, посмотрим, какие добрые дела относятся исключительно к нам, и какие вместе распространяются и на ближних. Пост, распростертие на земле, хранение девства и целомудрие полезны для тех самих, которые подвизаются в этих добродетелях; а что от нас распространяется и на ближних, это - милостыня, наставление и любовь. Послушай же и в этом случае Павла, который говорит: "**если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы**" (1 Кор. 13:3).

6. Видишь ли, как любовь, сама по себе прославляется и увенчивается? Если угодно, предложим и третье сравнение. Положим, что иной постится, соблюдает чистоту, предается мученичеству и сжигается; а другой пусть, для назидания ближнего, отлагает мученичество, и не только отлагает, но и умирает без мученичества. Кто из них, по переходе из настоящей жизни, удостоится большей славы? Нам нет нужды здесь говорить много и распространять речь свою: вопрос решает блаженный Павел, говоря: "**имею желание разрешиться и быть с Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться в плоти нужнее для вас**" (Фил. 1:23), и таким образом назидание ближнего предпочитает отшествию к Христу. Исполнять волю Христа, это-то и значит, в особенности быть с Христом; воля же Его заключается не в ином чем, как в попечении о пользе ближнего. Хочешь ли я представлю тебе и четвертое доказательство? Петр! "**Любишь ли Меня**", говорит Христос: "**паси агнцев Моих**" (Иоан. 21:15); и, спросив его в третий раз, сказал, что это пасение и есть знак любви. И это сказано не к одним только священникам, но и к каждому из нас, кому вверено хотя бы малое стадо. Не презирай его только за то, что оно мало, так как Отец Мой, говорит Он, благоволил о нем (Лук. 12:32). Каждый из нас имеет овцу, которую и должен водить на добрую пажить. Муж, вставая с постели, о том только и должен стараться, чтобы и делами, и словами насаждать в своем доме и семействе большее благочестие; равным образом и жена пусть наблюдает за домом, но кроме этого занятия, она должна иметь другую, более настоятельную заботу о том, чтобы все семейство трудилось для царства небесного. В самом деле, если и в делах житейских, прежде занятия делами домашними, мы стараемся исполнить общественные обязанности, чтобы за небрежное отношение к ним не подвергнуться заключению в узы, судебным истязаниям и всякого рода бесчестиям, то тем более в делах духовных должны стараться, прежде всего, исполнить дела Царя всяческих, Бога, чтобы не быть отосланными туда, где скрежет зубов. Будем же искать тех добродетелей, которые и для нас самих спасительны, и для ближнего наиболее полезны. Таковы - милостыня и молитва; впрочем, молитва сама заимствует свою силу и воскрыляется от милостыни. "**Молитвы твои**", сказано, "**и милостыни твои пришли на память перед Богом**" (Деян. 10:4). И не только молитва, но и пост также от милостыни заимствует свою твердость. Если ты постишься без милостыни, то пост твой не есть пост, и такой человек хуже обжоры и пьяницы, и притом настолько, насколько жестокость хуже роскошества. Но что

я говорю - пост? Хотя бы ты был непорочен, хотя бы соблюдал девственность, но если не творишь милостыни, будешь вне брачного чертога. Что может равняться девственности, которая, по своему превосходству, и в новом завете не была поставлена необходимым законом? Но и она отвергается, если не соединена с милостыней. Если девы отвергаются за то, что не творили милостыни с надлежащей щедростью, то кто может без нее получить прощение? Без сомнения никто, и тот, кто не творит милостыни, непременно должен погибнуть. Если и в делах житейских никто для себя одного не живет, но всякий, и художник, и воин, и земледелец, и купец, посвящают себя занятиям для пользы и выгоды общественной, то, тем более, должно быть это исполняемо в делах духовных. В этом преимущественно и состоит жизнь; напротив, кто живет только для самого себя, а обо всех прочих не радит, тот лишний, тот не человек, а изверг рода человеческого. Что же будет, - скажешь, - если я свое оставлю, а о чужом буду заботиться? Нет; не может быть, чтобы тот, кто заботится о делах других, в то же время не заботился о своих. Действительно, кто заботится о благосостоянии других, тот никогда не оскорбит, обо всех станет болезновать, всем по силе своей будет помогать; ни у кого ничего не станет отнимать, не будет лихоимствовать, никого не будет обманывать, ни лжесвидетельствовать; воздержится от всякого порока, будет хранить всякую добродетель, молиться за врагов, благодетельствовать злоумышляющим против него, ни с кем не будет ссориться, никого не будет злословить, хотя бы сам слышал бесчисленные хулы, но скажет вместе с апостолом: "**кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся**" (2 Кор. 11:29)? Если же будешь искать только своего, то о чужом совершенно не будешь стараться. Убедившись таким образом в том, что невозможно спастись тому, кто не заботится о пользе общей, и взирая на раба, рассеченного пополам, и на того, который зарыл талант свой, изберем лучше этот путь (служения ближним), чтобы получить и жизнь вечную, которой все мы да сподобимся по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 78

“Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них пять было мудрых и пять неразумных. Неразумные, взяв светильники свои, не взяли с собою масла. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих. И как жених замедлил…” (Мф. 25:1-5 и след.).

1. Эти притчи сходны с прежнею притчею о рабе неверном, расточившем имение господина своего. Их четыре, и все они различным образом убеждают нас в одном: именно, чтобы мы старались подавать милостыню и помогать ближнему во всем, в чем только можем, так как иначе нельзя спастись. Но в тех притчах говорится вообще о всяком благодеянии, которое мы должны оказывать ближнему. А в притче о девах говорится в частности о денежном подаянии, и говорится сильнее, нежели в притче предшествующей. Тою притчею осуждается на мучение раб, который бьет товарищей своих, пьет с пьяницами, расточает и губит имение господина своего; а этою и тот, кто не старается о пользе ближнего, и не делает щедрого подаяния бедным от имущества своего. Девы имели масло, но не много, а потому и подвергаются наказанию. Но почему Христос в этой притче представляет не просто какое-либо лицо, а дев? Он превознес девство, когда сказал: “**Есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного**”; и: “**Кто может вместить, да вместит**” (Мф. 19:12). Кроме того, Ему известно было и высокое мнение многих о девстве. Оно и по природе своей - великое дело, что видно из того, что как в Ветхом Завете оно не было хранимо даже святыми и великими мужами, так и в Новом не поставлено в необходимый закон. Христос не дал о нем заповеди, а предоставил его произволению слушающих. Поэтому и Павел говорит: “**Относительно**

девства я не имею повеления Господня" (1 Кор. 7:25). Я хвалю того, кто хранит девство, но не принуждаю того, кто не хочет быть девственником, и совета не делаю законом. И вот, так как девство - дело великое, и многие имели о нем высокое понятие, то, чтобы кто-либо, храня его, не предался беспечности, как бы уже исполнивший все, и не стал нерадеть о прочем, Христос приводит эту притчу, которая может убедить в том, что девство, хотя бы оно было соединено со всеми другими добродетелями, будучи чуждо дел милосердия, осуждается вместе с людьми прелюбодейными; и бесчеловечный, и немилосердный поставляется наравне с ними. И весьма справедливо: теми обладает плотская страсть, неразумными же девами - сребролюбие. Плотская же страсть и сребролюбие не равны между собою в силе; первая сильнее и мучительнее. Потому, чем слабее противник, тем менее заслуживают прощения побежденные девы. Потому-то Христос и называет их юродивыми, что они, совершивши больший подвиг, за несовершение меньшего лишились всего. Светильниками называет Он здесь самый дар девства, чистоту святости, а елеем - человеколюбие, милосердие и помощь бедным. "**И как жених замедлил, то задремали все и уснули**" (Мф. 25:5). Он показывает, что будет немалый промежуток времени, отстраняя тем от учеников мысль о скором пришествии Его царствия. Они надеялись на такое пришествие; поэтому Он беспрестанно подавляет в них эту надежду. Притом Он дает понять и то, что смерть есть сон. "**И уснули**", сказано. "**Но в полночь раздался крик**" (ст. 6). Это говорит Он, или сообразуясь с притчею, или показывая, что воскресение случится ночью. О вопле упоминает и Павел, говоря: "**При возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба**" (1 Фес. 4:16). Что же означают трубы? И что значит вопль? "**Жених идет. Тогда встали все девы те и поправили светильники свои. Неразумные же сказали мудрым: дайте нам вашего масла**" (Мф. 25:7,8). Спаситель опять называет их юродивыми, чтобы показать, что нет ничего глупее тех, которые собирают здесь деньги, и отходят без всего туда, где особенно нужно человеколюбие и много елея. Юродивы они не только по этой причине, но и потому, что надеялись достать елея у мудрых дев, и искали его не вовремя, хотя эти девы и были в высшей степени человеколюбивы, чем они особенно и прославились. Да и просят юродивые у них не всего, - "**Дайте нам**, **-** говорят они, **- вашего масла,** - и указывают на крайнюю необходимость, говоря: **потому что светильники наши гаснут**". Но несмотря и на все это, получили отказ, и ни человеколюбие тех, у которых они просили, ни удобоисполнимость просьбы, ни необходимость и нужда просимого не помогли им получить просимое. Чему это научает нас? Тому, что если изменят нам собственные наши дела, то никто не будет в состоянии помочь нам, и не потому, что не хочет, но потому, что не может. И девы ссылаются на невозможность. Это объяснил и блаженный Авраам, когда сказал: "**Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут**" (Лк. 16:26). "**Пойдите лучше к продающим и купите себе**" (Мф. 25:9). Кто эти продающие? Бедные. Где же они? Они здесь, и теперь только надлежит находить их, а не в то время.

2. Видишь ли, какую пользу приносят нам бедные? Ежели ты устранишь их, то лишишься великой надежды на спасение. Итак, здесь надлежит запастись елеем, чтобы там, когда потребует время, воспользоваться им: настоящее, а не будущее время, есть время заготовления. Поэтому не трать напрасно своего имущества на роскошь и для пустой славы, потому что там много для тебя нужно будет елея. Услышав ответ мудрых дев, юродивые пошли купить елея, но ничего не приобрели. Это Христос говорит или для хода и связи притчи, или, показывая тем, что хотя бы мы сделались и человеколюбивейшими по смерти, мы не извлечем из того никакой пользы и не избежим наказания. Так и девам не принесло пользы их усердие, потому что они не здесь, но там уже ходили к продающим, равно как и богачу не принесло пользы, когда Он сделался так человеколюбив, что стал заботиться даже о сродниках своих. Тот, кто проходил мимо лежащего при вратах, спешит исхитить от опасности и из геенны тех, которых он уже не

видит, и просит послать к ним кого-либо известить их о том. И все же он не получил никакой пользы, подобно тому как и девы. После того, как они, получив такой ответ, ушли, - "**пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир**" (ст. 10); а для юродивых двери были затворены. После многих усилий, после великих трудов, после этой жестокой брани и побед над сильными влечениями природы, они, пристыженные, потупив взоры, отошли с угасшими светильниками. Нет ничего мрачнее девства, которое лишено милосердия, почему немилосердых многие обыкновенно и называют помраченными. Итак, где же польза девства, когда те девы не видали и жениха и, после того, как стучались в двери, ничего не добились, но услышали этот страшный голос: отойдите, "**не знаю вас**"? Когда сам Христос сказал это, то не остается ожидать ничего другого, кроме геенны и несносного мучения; даже более того - эти слова страшнее и самой геенны. Они сказаны также и делающим беззаконие. "**Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа**" (ст. 13). Видишь, как часто Христос прибавляет эти слова, показывая, что неведение смертного часа полезно для нас? Где же теперь те, которые ведут жизнь беспечную и на обвинения наши говорят, что при кончине все оставят бедным? Пусть услышат они эти слова и исправятся. И в самом деле, многие, будучи похищены внезапною смертью, не могли сделать этого в то время, и не успели объявить о своей воле родственникам. Итак, эта притча говорит о денежной милостыне; а следующая за нею говорит против тех, которые не хотят помогать ближним ни деньгами, ни словом, ни покровительством, ни другим чем, но все скрывают. Но почему в этой притче представлено лицо царя, а в той - жениха? Чтобы научить нас тому, как близок Христос к тем девам, которые раздают бедным свое имение; в этом именно и состоит девство. Потому и Павел так определяет эту добродетель: "**Незамужняя, -** говорит Он, **- заботится о Господнем, как угодить Господу, … благочинно и непрестанно … без развлечения**" (1 Кор. 7:34,35). Это я советую, говорит он. Если же у евангелиста Луки в притче о талантах говорится другое, то я скажу на это, что об одном говорит одна притча, о другом другая. В притче у Луки от одинаковой суммы проистекли различные выгоды, потому что от одной мины иной приобрел пять, иной - десять, каждый потому различную получил и награду; здесь же, напротив, и потому награда одинакова. Кто получил два таланта, тот и приобрел два; равно и тот, кто получил пять, пять и приобрел; а там, так как от одинаковой суммы один приобрел более, другой менее, то по всей справедливости они не удостаиваются и одинаковой награды. Но заметь, что везде не вскоре требуется отчет. Так, отдавши виноградник земледельцам, хозяин удалился, равно и здесь, раздав деньги, ушел; и все это для того, чтобы показать нам Свое долготерпение. Мне же кажется еще, что Христос этим делает намек на воскресение. Но здесь не земледельцев только и виноградник имеет Он в виду, а всех вообще делателей, потому что Он рассуждает не с начальниками только и иудеями, но со всеми вообще. Возвращающие деньги чистосердечно признаются, что они приобрели и что взяли у господина. Один говорит: "**Господин! пять талантов ты дал мне**" (Мф. 25:20); а другой – "**два**"; и показывают этим, что он доставил им случай получить выгоду, и благодарят его, все ему приписывая. Что же говорит на это господин? "**Хорошо, добрый и верный раб!** (так как заботиться о пользе ближнего свойственно доброму), **в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего**" (ст. 21). Этими словами Он показывает полное блаженство. Но один из них не так говорит; а как же? - "**Я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое**" (ст. 24-25). Что же сказал ему господин его? "**Посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим**" (ст. 27), то есть, нужно тебе было с ними посоветоваться и уговориться. "Но они не слушают меня?" Это не твое дело. Какие слова могут быть снисходительнее?

3. Люди не так поступают, но самого заимодавца заставляют требовать. Царь же иначе; он говорит: "**Надлежало тебе отдать**", а истребование предоставить мне. "**Я, придя,**

получил бы мое с прибылью", - разумея лихву проповеди - явление дел. Тебе надлежало сделать более легкое, а мне оставить более трудное. Но так как раб этого не исполнил, то господин и говорит: "**Возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет**" (ст. 28-29). Что же это показывает? Кто получил дар слова и учения для пользы других и не пользуется им, тот погубит самый дар. Напротив, кто радит о нем, получит еще больший, между тем, как тот теряет и то, что получил. Впрочем, празднолюбца кроме этой потери ожидает еще невыносимое мучение, и вместе с мучением приговор страшного осуждения. "**Негодного раба**, **-** говорит он, **- выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов**" (ст. 30). Видишь ли, что не только хищник, любостяжатель и делающий зло подвергается ужаснейшему мучению, но и тот, кто не делает добра? Итак, будем внимать словам этим. Пока есть время, будем стараться о нашем спасении; запасем елей для светильников; будем приобретать на талант. Если здесь будем ленивы и станем жить беспечно, то там никто не окажет нам сострадания, хотя бы мы пролили реки слез. Одетый в нечистое платье, обвинил самого себя, - и однако же не получил никакой пользы. Имевший один талант возвратил вверенное ему серебро, - и однако, был осужден. Умоляли также и девы, приступали и стучались, - и все тщетно и напрасно. Итак, зная это, употребим и деньги, и старание и покровительство, и все на пользу ближнего. Под талантами здесь разумеется то, что находится во власти каждого, - или покровительство, или имение, или научение, или что-нибудь подобное. Поэтому никто не должен говорить: я имею один талант, и ничего не могу сделать. Можешь и с одним заслужить одобрение. Ты не беднее той вдовицы, не ниже по званию Петра и Иоанна, которые были из простого народа и необразованные, и однако, за то, что были усердны и делали все для общего блага, получили небесное наследие. Подлинно, ничто так не любезно Богу, как полезная для всех жизнь. Потому-то Бог дал нам и дар слова, и руки, и ноги, и крепость телесную, и ум, и разумение, чтобы все это употребляли мы для собственного нашего спасения и для пользы ближнего. Слово нужно нам не для одних только песнопений и благодарения, но полезно и для научения и утешения. Если таким образом пользуемся им, то соревнуем Господу; если же напротив, то дьяволу. Так и Петр, когда исповедал Христа, назван был блаженным, как сказавший по внушению Отца; когда же он устрашился креста и отрекся, то был жестоко укорен, как поступивший по наставлению дьявольскому. Итак, если за слова, сказанные по неведению, такое осуждение, то какое заслужим прощение мы, когда во многом погрешаем произвольно? Будем же говорить так, чтобы само собою видно было, что мы говорим слова Христовы. Я не тогда только произношу слова Христовы, когда говорю: "**Встань и ходи**" (Мф. 9:5), и когда скажу: "**Тавифа! встань**" (Деян. 9:40); но и преимущественно тогда, когда, будучи злословим, благословляю, и когда, будучи оскорблен, молюсь за оскорбившего. Прежде я сказал, что язык наш есть рука, касающаяся ног Божиих; теперь же еще более скажу: язык наш подражает языку Христову, если прилагает надлежащее старание о том, чтобы произносить угодное Ему. Какие же слова по Его воле мы должны произносить? Слова, преисполненные милосердия и кротости, подобные тем, какие Он произносил к своим оскорбителям: "**Во Мне беса нет**" (Ин. 8:49); и еще: "**Если Я сказал худо, покажи, что худо**" (Ин. 18:23). Если и ты так говоришь, если говоришь для исправления ближнего, то имеешь язык, подобный языку Его. Это подтверждает и сам Бог: "**Если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста**" (Иер. 15:19). Итак, когда язык твой будет подобен языку Христову, и уста твои будет как уста Отца, и когда ты соделаешься храмом Духа Святого, то какая честь может сравняться с этою? Не так бы блистали уста твои, если бы они были из золота и драгоценных камней, как они блистают, будучи украшены скромностью. В самом деле, что может быть приятнее уст, не знающих обиды, а ревнующих о благословении? Если же ты не можешь благословлять проклинающего, по крайней мере, молчи, и поступай так до тех пор, пока, при должном старании и постепенных успехах, не достигнешь этого и не приобретешь уста, о которых мы сказали.

4. Не почитай этих слов дерзкими. Господь человеколюбив, и дар этот есть дар благости Его. А вот что дерзко: иметь уста, подобные дьявольским, и обладать языком подобным языку злого духа, особенно тому, кто участвует в столь высоких таинствах и приобщается самой плоти Господней. Итак, размышляя об этом, подражай Господу по мере сил своих. Когда сделаешься таковым, то и сам дьявол не будет уже в состоянии противостать тебе, потому что он знает дарственное знамя, знает оружие Христово, которым был поражен. Какое же это оружие? Смирение и кротость. И Христос, когда победил и сокрушил приступавшего к Нему на горе дьявола, то не давал о Себе знать, что Он Христос; но опутал его словами, как сетями, победил смирением, прогнал от Себя кротостью. Так и ты поступай, когда увидишь человека, приступающего к тебе с злобою дьявола, так побеждай! Христос дал тебе власть уподобляться Ему по мере сил твоих. Не страшись, слыша это. Страшно не быть подобным Ему. Итак, говори так, как и Он, - и тогда сделаешься подобным Ему, насколько это возможно человеку. Вот почему тот, кто говорит таким образом, выше того, кто пророчествует; то исключительно дар, а здесь и труд твой, и подвиг. Научи свою душу образовать тебе уста, подобные устам Христовым. Она может сделать это, если только захочет; ей известно это искусство, если только она не беспечна. Но как, спросишь, образовать такие уста? Из каких красок, из какой материи? Никаких красок, ни материи для этого не нужно, а нужны только добродетель, скромность и смирение. Посмотрим теперь, как образуются уста дьявольские, - чтобы никогда не иметь их. Как же они образуются? Проклятием, ругательствами, клеветою, клятвопреступлением. Когда человек говорит как дьявол, то приобретает и язык его. Итак, какое будем иметь извинение, или вернее сказать, какому не подвергнемся наказанию за то, что позволяем себе произносить дьявольские слова тем самым языком, которым удостаиваемся вкушать плоть Господню? Не будем же позволять себе этого, но приложим все старание к тому, чтобы научить язык наш подражать своему Господу. И если мы научим его этому, то с большим дерзновением предстанем на суд Христов. Если же кто не умеет говорить таким образом, того Судия не будет и слушать. Как римский судия не поймет ответчика, который не умеет говорить по-римски, так и Христос не поймет тебя, и не будет внимать тебе, если ты не будешь говорить, как Он. Будем же учиться говорить так, как привык слушать наш Царь; постараемся подражать Его языку. Постигнет ли тебя печаль, смотри, чтобы чрезмерное уныние не изменило твоих уст; но говори, как Христос. Ведь и он был в печали о Лазаре, и об Иуде. Нападет ли на тебя страх, - старайся опять так говорить, как Он. Ведь и Он был в страхе за тебя, когда устроял твое спасение. Говори и ты: “**Впрочем не как Я хочу, но как Ты**” (Мф. 26:39). Плачешь ли ты, - плачь умеренно, как и Он. Терпишь ли клевету и скорбь, - принимай все это подобно Христу. Ведь и Он был оклеветан, и Он скорбел, и говорил: “**Душа Моя скорбит смертельно**” (Мф. 26:38). И во всем вообще Христос показал тебе пример, чтобы ты соблюдал ту же умеренность, и не нарушал данных тебе правил. Таким образом, можешь иметь уста, подобные устам Христовым. Таким образом, находясь еще на земле, ты будешь иметь язык, подобный языку Седящего на небесах, - когда будешь наблюдать умеренность в унынии, в гневе, в печали, в скорби. Сколько из вас желали бы видеть Христа! И вот, если будем стараться, не только можем увидеть Его, но и быть подобными Ему. Не будем же медлить. Не столько приятны для Господа уста пророков, сколько уста людей кротких и смиренных. “**Многие скажут Мне**, - говорит Господь, **- … не от Твоего ли имени мы пророчествовали? …И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас**” (Мф. 7:22-23). А уста Моисея, который был весьма смирен и кроток (“**Моисей же**, - сказано, **- был человек кротчайший из всех людей на земле**”, - Числ. 12:3), так были приятны и любезны Господу, что Он говорил с Моисеем, так сказать, лицом к лицу, устами к устам, как друг с своим другом. Теперь ты не имеешь власти над демонами; когда будешь иметь уста, подобные устам Христовым, то будешь иметь власть над огнем геенским. Будешь иметь власть над бездною огненною и скажешь ей: “**Умолкни, перестань**” (Мк. 4:39), и с дерзновением взойдешь на небеса и получишь царствие, которого да сподобимся все

благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 79

“Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей (Мф. 25:31), и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов”. Одних восхвалит за то, что они Его алчущаго накормили, жаждущаго напоили, когда был Он странником, ввели в дом, когда был наг, одели, когда был болен, призрели, когда был в темнице, посетили, - и даст им царство; а других, обвинив в противоположных поступках, пошлет в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его[1] (Мф. 25:32-36,41).

1. Сладчайшие слова эти, которые никогда не оставляем в уме, должны мы выслушать теперь со всем тщанием и умилением, так как этими словами заключается и самая беседа Христа. Он придает великое значение человеколюбию и милостыне. Поэтому и в предшествующих словах говорил о том различным образом, и здесь говорит, но уже гораздо явственнее и сильнее, представляя не два или три, ни даже пять лиц, но целую вселенную. Правда, и прежде, говоря о двух лицах, Он разумел не два лица, а две стороны: одну послушных, а другую непослушных. Но здесь Он предлагает нам о том слово и более страшное, и более торжественное. Вот почему и не говорит уже: “**Подобно будет Царство Небесное**” (Мф. 25:1); но прямо указывает на самого Себя, говоря: “**Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей**”. Ныне Он явился в бесславии, поношении и поругании; а тогда сядет на престоле славы Своей. И часто упоминает о славе. Так как приближалось время крестной Его смерти, которая считалась позорною казнью, то Он возводит ум слушателя к высшему, представляя взору его судилище и всю вселенную. И не от этого только слово Его становится страшным; но и от того, что небеса представляются опустевшими. Ведь, говорит Он, ангелы будут при Нем, и будут свидетельствовать, сколько они служили, будучи посылаемы от Господа для спасения людей. И во всех отношениях день тот будет ужасен. “**Соберутся**, - говорит Он далее, **- … все народы** (то есть, весь род человеческий)**; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец**” (ст. 32). Ныне не разделены, но смешаны все; а тогда будет разделение, и самое точное. Сперва Он разделяет их местами, и обнаруживает каждого; а потом и самыми наименованиями показывает внутреннее расположение каждого, называя одних козлищами, а других овцами, и показывая, что первые не приносят никакого плода, - так как от козлов не может быть ни малого плода, - а последние - обильный плод, - так как овцы приносят большую пользу тем, что дают волну, молоко, ягнят, чего вовсе не доставляет козел. Впрочем, бессловесные животные не приносят плода, или приносят его, по своей природе, а люди - по произволу. Потому те из них, которые не приносят плодов, подвергаются мукам, а приносящие плод получают венцы.

Господь не прежде подвергает грешников мукам, чем рассудится с ними, почему, разместив их, и произносит обвинения. Они отвечают ему с кротостью, но уже без всякой для себя пользы; и это вполне справедливо, так как они пренебрегли то, чего всего более Он желал. Ведь и пророки везде говорили: “**Милости хочу, а не жертвы**” (Ос. 6:6), и Законодатель возбуждал к тому всеми мерами, и словом, и делом, да и самая природа учила тому. Заметь при этом, что у осуждаемых не было не одной или двух только добродетелей, но всех. Они не только не напитали алчущего, не одели нагого, но даже, что гораздо легче было исполнить, и больного не посетили. Смотри также, как легки Его заповеди. Он не сказал: Я был в темнице, и вы освободили Меня; Я был болен, и вы воздвигли Меня с одра болезни; но сказал: “**Посетили Меня; … пришли ко Мне**”. Но и тогда, как Он алкал, не трудно было исполнить Его требование. Он просил не пышной

трапезы, но только самого нужного, пищи необходимой, и притом просил с мольбою. Таким образом все делало их достойными наказания: и удобоисполнимость просьбы, так как Он просил хлеба; и жалобный вид просящего, так как Он был нищ; и естественное сострадание, так как Он был человек; и привлекательность обещания, так как обещано царство; и страх наказания, так как угрожала геенна; и достоинство получающего, так как сам Бог принимал в лице нищих; и величие чести, так как удостоил снизойти; и законность подаяния, так как Он принимал Свое. Но при всем том сребролюбие совершенно ослепило плененных им, даже и при столь великих угрозах. И как выше сказал Он, что не принимающие бедных будут наказаны более, нежели содомляне, так и здесь говорит: "**Так как вы не сделали этого одному из сих меньших**" братий Моих, "**то не сделали Мне**" (Мф. 25:45). Что ты говоришь? Они твои братья? И почему их называешь меньшими братиями? Потому они братья, что уничижены, что нищи, что отвержены. Таковых Он в особенности призывает в Свое братство, то есть, незнаемых, презираемых, разумея не одних только монахов и живущих в горах, но и всякого верующего. Он хочет, чтоб и мирской человек, когда жаждет, алчет, наг или странствует, получал от нас всякое пособие. Крещение и общение в божественных тайнах соделывает нас братьями.

2. Затем, чтобы ты и с другой стороны видел справедливость приговора, Он еще прежде восхваляет тех, которые надлежащим образом исполнили свое дело, и говорит: "**Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть**", и проч. (ст. 34-35); чтобы осуждаемые не сказали, что они ничего не имели, Он осуждает их, указывая на товарищей, подобно тому как осуждает и дев, указывая на дев, раба упивающегося и объедающегося - указывая на раба верного, раба скрывшего свой талант - указывая на раба представившего два таланта; и вообще, осуждает каждого грешника, указывая на исполнивших свои обязанности. И это сравнение берется иногда от равного, как, например, здесь и в притче о девах; иногда от большего, как, например, когда говорится: "**Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Ионины; и вот, здесь больше Ионы. Царица южная восстанет на суд с родом сим и осудит его, ибо она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой; и вот, здесь больше Соломона**" (Мф. 12:41,42). И опять от равного: "**Они будут вам судьями**" (ст. 27); и опять от большего: "**Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более [дела] житейские?**" (1 Кор. 6:3)? Что касается до настоящего места, то Христос берет здесь сравнение от равного; богатых сравнивает с богатыми и нищих с нищими. Но справедливость Своего приговора над осуждаемыми Он объясняет не только тем, что подобные им рабы, при тех же обстоятельствах, исполнили свои обязанности; но и тем, что осуждаемые оказались непослушными даже и в том, в чем бедность нисколько не служила препятствием, как, например, когда нужно им было напоить жаждущего, придти к находящемуся в темнице, посетить больного. Восхвалив тех, которые исполнили свои обязанности, Спаситель открывает, какую любовь Он имел к ним от века: "**Приидите, -** говорит Он, **- благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**". С какими благами может сравняться это наименование - благословенные, и притом благословенные от Отца? И за что удостоились они такой чести? Какая тому причина? "**Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня**", и проч. Сколько чести, сколько блаженства в этих словах! Он не сказал: приимите, но - наследуйте, как свое собственное, как отеческое, как ваше, как от века вам принадлежащее. Прежде чем вы стали существовать, говорит Он, это уже было для вас уготовано и устроено, так как Я знал, что вы будете таковыми. И за что они получают такую награду? За кров, за одежду, за хлеб, за холодную воду, за посещение, за приход в темницу. Всюду требует Он необходимого; а иногда, впрочем, и не необходимого, потому что, как я сказал, больной и находящийся в темнице требуют без

сомнения не только посещения, но один - освобождения еще от уз, а другой - от болезни. Однако Господь, будучи снисходителен, требует от нас того, что нам по силам, и даже гораздо менее этого, предоставляя самим нам ревновать о большем. А осуждаемым говорит: "**Идите от Меня, проклятые, -** не от Отца, так как не Он проклял их, но собственные их дела, **- в огонь вечный, уготованный"** не вам, а **"диаволу и ангелам его**". Когда говорил Он о царствии, то, сказав: "**Приидите благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, -** присовокупил: **уготованное вам от создания мира**"; а говоря об огне, сказал не так, а присовокупил: "**уготованный диаволу**". Я царство готовил вам, говорит Он, огонь же не вам, но **"диаволу и ангелам его**"; но так как вы сами ввергли себя в огонь, то и вините сами себя. И не только в этих, но и в следующих словах Он, как бы в оправдание пред ними Себя, представляет и причины их осуждения: "**Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть**" (ст. 42). Если бы даже пришел враг, то не сильны ли бы были страдания его тронуть и преклонить самого немилосердого? Голод, холод, узы, нагота, болезнь, бесприютное блуждание всюду - и этого довольно к прекращению вражды. Но вы не поступили так и с другом - с другом-благодетелем и Владыкою. Мы часто трогаемся, видя и пса алчущим, преклоняемся, видя и зверей в нужде; а ты, видя своего Владыку, не преклоняешься? Чем можно извинить это. Да если бы это только и было, не достаточно ли бы было и этого к вознаграждению? Я не говорю о том, что (оказав благодеяние) ты услышишь пред лицом вселенной столь радостный глас от Седящего на престоле Отца и получишь царство; но и то, что ты оказал благодеяние, не довольно ли вознаграждает тебя? А теперь пред лицом вселенной, при явлении этой неизреченной славы, сам Господь провозглашает и увенчивает тебя, признает тебя питателем и странноприимцем, и не стыдится говорить это, чтобы венец твой сделать более блистательным. Поэтому-то те праведно наказываются, а эти увенчиваются по благодати, хотя бы они оказали и бесчисленные благодеяния, все же дарование им за столь маловажное и ничтожное - неба, царства, и столь великой чести - есть дар щедрот благодати. "**Когда Иисус окончил все слова сии, то сказал ученикам Своим: вы знаете, что через два дня будет Пасха, и Сын Человеческий предан будет на распятие**" (Мф. 26:1,2). Опять благовременно Христос упоминает о страдании, после того как сказал о царстве, о будущем воздаянии и о вечном мучении; Он как бы так сказал: для чего бояться вам зол кратковременных, когда ожидают вас такие блага?

3. Здесь обрати внимание на то, каким новым способом Христос скрывает в первых из упомянутых слов то, что могло особенно опечалить учеников Его. Он не сказал: вы знаете, что чрез два дня Я предан буду; но что? "**Вы знаете, что через два дня будет Пасха**", и после этого уже прибавил, что Он "**предан будет на распятие**", - показывая, что имеющее совершиться есть таинство, праздник и торжество о спасении вселенной, и что Он идет на страдание, все предвидя. Поэтому, так как уже достаточно было одного этого для утешения их, Он ничего не говорит теперь о Своем воскресении, потому что излишне было снова говорить о нем, после того как уже было сказано о том так много. Кроме того, упоминая о древних благодеяниях, доставленных Пасхою иудеям в Египте, Он, как я сказал, показывает тем, что и это самое страдание избавляет от бесчисленных зол. "**Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы, и положили в совете взять Иисуса хитростью и убить; но говорили: только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе**" (ст. 3-5). Видишь ли необыкновенное расстройство в делах иудейских? Предпринимая дела беззаконные, они идут к первосвященнику, надеясь получить дозволение там, где надлежало бы ожидать препятствий. И сколько же было первосвященников? По закону, должен быть один; но тогда было их много. Отсюда очевидно, что дела иудеев в это время начинали приходить в упадок. Моисей, как я сказал, повелел быть одному первосвященнику, и когда этот умрет, тогда быть другому, и временем жизни первого определял время изгнания ненамеренных убийц. Почему же тогда много было

первосвященников? Потому что в последнее время они были избираемы каждогодно. Это показывает евангелист, когда, говоря о Захарии, сказал, что он был "**священник из Авиевой чреды**" (Лк. 1:5). Итак, здесь говорится о тех первосвященниках, которые были прежде первосвященниками. О чем же они совещались? О том ли, чтобы Иисуса тайно взять, или о том, чтобы убить Его? О том и другом вместе. Они боялись народа, почему и ждали, пока пройдет праздник: "**Но говорили: только не в праздник**". Дьявол не хотел, чтобы Христос пострадал в Пасху, для того, чтобы страдание Его не сделалось известным; а они - чтобы не сделалось возмущения. Заметь: они боятся не гнева Божия и не того, что время праздника может увеличить их злодеяние, но везде - опасностей со стороны людей. Впрочем, кипя гневом, они снова переменили свое намерение. Сказав: "**Только не в праздник**", потом, найдя предателя, они не ждали времени, но совершили убийство в праздник. Почему же они взяли Его в это время? Потому что и гневом кипели, как я сказал, и надеялись Его найти в то время, и во всем действовали, как ослепленные. Правда, сам Он воспользовался злобою их для совершения Своего служения; но они поэтому не безвинны, а достойны бесчисленных мучений за то, что действовали по собственному намерению. Притом в то самое время, когда надлежало бы дать свободу всем, даже и виновным, они убили Праведника, Который оказал им бесчисленные благодеяния, и Который для них оставил до времени и язычников. Но какое человеколюбие! Таким преступным (упорным) и исполненным всяких неправд людям Он опять предлагает спасение, посылает апостолов на смерть за спасение их, и чрез апостолов молит их. "**От имени Христова просим**" (2 Кор. 5:20). Имея такие примеры, я не говорю: умрем за врагов, - хотя требовалось бы и это; но так как мы крайне немощны, то я говорю пока: не будем, по крайней мере, завидовать друзьям, не будем ненавидеть благодетелей; не говорю пока: станем благотворить злодеям, - хотя сильно желал бы и этого; но так как сердце ваше грубо, по крайней мере, не будем мстить. Ужели мы здесь как на зрелище, ужели наша жизнь - игра? Почему же вы действуете иногда совершенно противно заповедям? Не без цели изображены как все другие, так и те, достаточные для вразумления иудеев, действия, какие совершил Христос в самых страданиях; но для того, чтобы ты подражал благости и последовал Его человеколюбию. Он и пришедших против Него поверг ниц, и ухо раба исцелил, и кротко говорил с ними, и будучи на кресте совершил великие чудеса: помрачил лучи солнца, разверз камни, воздвиг умерших; устрашил жену судии сновидениями, на самом суде явил совершенную кротость, которая не менее чудес могла привлечь их; многое предсказал на судилище, и на самом кресте воскликнул: Отче! отпусти им грех (Лк. 23:34)! Да и после погребения сколько сделал для их спасения? А по воскресении, не тотчас ли Он призвал иудеев? Не даровал ли им отпущения грехов? Не оказал ли им бесчисленных благодеяний? Что неожиданнее этого? Те, которые распинали Его, которые дышали убийством, после того, как распяли Его, соделались сынами Божиими. Что может сравниться с такой заботливостью? Слыша это, устыдимся, что мы так далеки от Того, Кому заповедано нам подражать. Познаем хоть то, как велико это расстояние, чтобы по крайней мере могли мы обвинять самих себя за то, что находимся во вражде с теми, за которых Христос положил душу Свою, и не желаем примириться с теми, для примирения с кем сам Он не отказался вкусить смерть. Или и здесь издержки, и трата денег, чем вы отговариваетесь от подаяния милостыни?

4. Подумай, как много ты виновен и не только не отказывай в прощении обидевшим тебя, но сам спеши к огорчившим тебя, чтобы и у тебя было основание получить прощение, чтобы найти извинение собственных твоих неправд. Язычники, не ожидая никаких великих благ, часто поступали в таких случаях благоразумно; а ты, имея в виду такие надежды, отказываешь в прощении и медлишь, и не решаешься заблаговременно из повиновения закону Божию совершить того, что со временем само собою сделается, но лучше хочешь, чтобы страсть погасла в тебе без всякой для тебя награды, чем с наградою? Если страсть твоя от времени и погаснет, то тебе никакой не будет из того пользы;

напротив тебя ожидает великое наказание, потому что ты не сделал по внушению закона Божия того, что сделало время. Если ты скажешь, что воспоминание об оскорблении воспламеняет тебя гневом, то вспомни, не сделал ли тебе какого-нибудь добра оскорбивший тебя; а вместе подумай, сколько зла замышлял ты сам против других? Он тебя злословил и бесчестил? Представь, что и ты иных злословил. Как же получишь ты прощение, когда сам другим в нем отказываешь? Но ты никого не злословил? За то ты слушал, как другого злословили, и соглашался. А и это не безгрешно. Хочешь ли знать, как хорошо прощать обиды, и как много это приятно Богу? Он наказывает тех, которые радуются, когда видят справедливо наказываемых Им, - потому что хотя они и праведно наказываются, но тебе не должно радоваться. И пророк, обличив многие неправды, присовокупил: "**Не болезнуете о бедствии Иосифа**" (Ам. 6:6); и еще: "**Не убежит и живущая в Цаане; плач в селении Ецель не даст вам остановиться в нем**" (Мих. 1:11). Хотя Иосиф, то есть, колена от него происшедшие, и другие соседние с ними, были наказаны по определению Божию, но Он хочет, чтобы мы сострадали и им. Если мы, будучи злы, когда наказываем раба и видим, что кто-либо из товарищей его смеется, еще более раздражаемся и обращаем гнев свой против последнего, то тем более Бог накажет тех, которые радуются, видя наказываемых Им. А если должно жалеть, а не нападать на тех, которые наказываются от Бога, то тем более должно жалеть тех, которые согрешают против нас. Это - знак любви, а любовь Бог всему предпочитает. Как в царской багрянице почитаются драгоценными те цвета и краски, которые украшают хламиду, так точно и здесь драгоценны те добродетели, в которых содержится любовь. А ничем так не сохраняется любовь, как прощением обид виновным пред нами. Разве Бог не имеет попечения и об обиженных? Не посылает ли Он обидевшего к обиженному? Не отсылает ли его к нему от самого алтаря, и не призывает ли его к трапезе после примирения (Мф. 5:23)? Впрочем, поэтому тебе еще не надобно дожидаться, пока он к тебе придет; иначе ты все потерял. Для того особенно Бог и назначает тебе великую награду, чтобы ты предварил его; так что если ты примиришься по его прошению, то любовь будет плодом уже не повеления Божия, но усердия обидевшего, - почему ты и остаешься неувенчанным, тогда как тот получает награду. Что ты говоришь? Ты имеешь врага, и не стыдишься? Не довольно ли нам и дьявола, чтобы еще приобретать себе врагов из среды подобных нам? О, если бы и он перестал враждовать против нас! О, если бы и он Не был дьяволом! Ты не знаешь, как велико удовольствие после примирения? Что нужды, если не обнаруживается оно ясно, во время самой вражды? Только по прекращении вражды можно хорошо узнать, что гораздо приятнее любить оскорбившего, чем ненавидеть.

5. Для чего же нам подражать людям неистовым, пожирающим друг друга и враждующим против собственной плоти? Послушай, как сильно сказано о том и в ветхом завете: ?"**На пути правды - жизнь, и на стезе ее нет смерти**" путие злопомнящих в смерть (Притч. 12:28). "**Человек питает гнев к человеку, а у Господа просит прощения**" (Сир. 29:3). Но Бог позволил мстить: "**глаз за глаз, зуб за зуб**" (Исх. 21:24): почему же в таком случае Он ставит это в вину? Потому, что Он позволил это не для того, чтобы мы в самом деле так поступали по отношению друг к другу, а чтобы из страха наказания и не осмеливались на обиды. Притом же такое мщение свойственно гневу кратковременному, а злопамятность свойственна душе объятой злостью. Тебе причинили зло? Но оно отнюдь не так велико, как то, которое ты сам себе причиняешь злопамятством. Кроме того, человеку доброму и невозможно нанести никакого вреда. Представим себе, что кто-нибудь, имея детей и жену, ведет жизнь совершенную; пусть будет у него много и случаев получить вред; пусть обладает он громадными богатствами, властью, множеством друзей, наслаждается почестями, и однако, ведет жизнь совершенную (это должно прибавить), - и представим, что его постигают бедствия. Пусть например, какой-нибудь злой человек причинил ущерб его имуществу: но что это значит для того, кто ни во что вменяет имение? Пусть убил детей его: но что значит это для того, кто уверен в воскресении

мертвых? Пусть умертвил жену его: но что значит это для того, кто научился не плакать об умерших? Пусть обесчестил его: но что значит это для того, кто все настоящее представляет цветом травным? Пусть изранил он, если хочешь, даже тело его, и ввергнул его в темницу: но что и это значит для того, кто знает, что "**если внешний наш человек и тлеет, то внутренний … обновляется**" (2 Кор. 4:16), и что "**от скорби происходит терпение**" (Рим. 5:3)? Я уверен, что такой человек не потерпит никакого вреда, а напротив, как пред этим объяснено, получит пользу: он обновится и сделается искусным. Итак, не будем мучить себя обидами других, причиняя тем сами себе вред, и расслабляя свои душевные силы. Мучение происходит не столько от злобы ближних наших, сколько от нашего малодушия. Поэтому-то, если кто обидит нас, мы плачем и предаемся унынию; если похитит у нас что-нибудь, мы испытываем тоже самое, подобно малым детям, которых сверстники их, более резвые, раздражают, смущая не чем-нибудь важным, а пустяками, и если увидят, что те на них гневаются, то не перестают им досаждать, а если увидят, что смеются, то от них отступают. Но мы бессмысленнее и детей, - плачем о том, чему бы должны смеяться. Поэтому умоляю вас, оставим такие детские чувства; будем стремиться к небесному. Христос хочет, чтобы мы были мужами, и мужами совершенными. То же заповедал и Павел, говоря: "**Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы**" (1 Кор. 14:20). Итак, будем младенцами на злое, и избегая греха, будем держаться добродетели, чтобы сподобиться вечных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Здесь Св. Златоуст излагает сокращенно содержание 32-41 ст. XXV гл. Евангелия от Матфея.

БЕСЕДА 80

"Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного, приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову" (Мф. 26:6-7).

1. Жена эта, по-видимому, есть одна и та же у всех евангелистов; в действительности же не так, но у трех евангелистов, мне кажется, говорится об одной и той же; у Иоанна же - о другой некоторой чудной жене, сестре Лазаря. Не без цели евангелист упомянул и о проказе Симона, но для того, чтобы показать, почему жена с дерзновением приступила к Иисусу. Так как проказа считалась болезнью крайне нечистою и гнусною, а между тем она видела, что Иисус исцелил человека (иначе Он не захотел бы остаться у прокаженного), и возлежал у него, то она возымела надежду, что Иисус легко очистит и душевную ее нечистоту. Не без причины также евангелист упомянул и о городе Вифании, но для того, дабы ты знал, что Христос добровольно идет на страдание. Прежде Он удалялся от иудеев; теперь же, когда особенно воспламенилась их ненависть, Он проходит близ их, на расстоянии стадий пятнадцати. Таким образом, и прежнее удаление Его было делом домостроительства. Итак, жена, увидев Его и получив вследствие этого дерзновение, приступила к Нему. И если жена кровоточивая и не сознававшая ничего подобного, так как нечистота ее была от природы, со страхом и трепетом приступила, то тем больший страх и стыд надлежало иметь этой жене, по причине нечистоты ее совести. Поэтому и приступает она после жены самарянской, хананейской, кровоточивой и других весьма многих жен, так как сознавала в себе великую нечистоту; и приступает не всенародно, но

в доме. И в то время, как все прочие жены приходили только за получением исцеления телесного, она пришла исключительно за тем, чтобы воздать честь Иисусу, и получить душевное исцеление. Она не имела никакого повреждения в теле, и потому особенно всякий должен ей удивляться. И не как к простому человеку подходит она к Иисусу, - иначе не отерла бы своими власами ног Его, - но как к такому лицу, которое выше человека. Поэтому и принесла к ногам Христовым главу свою, - часть тела, которая драгоценнее всего тела. "**Увидев это, ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата? Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим. Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня: ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете; возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению; истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала**" (Мф. 8-13). Откуда родилась в учениках эта мысль? Они слышали, как Учитель говорил: "**Милости хочу, а не жертвы**" (Ос. 6:6), и порицал иудеев за то, что они оставляли важнейшее – "**суд, милость и веру**" (Мф. 23:23- поставлена мною для справки), как на горе рассуждал с ними о милостыне, и из всего этого выводили заключение и рассуждали друг с другом: если он не допускает всесожжений и древнего богослужения, то тем менее допустит помазание елеем. Но так думали ученики, Иисус же, видя мысли жены, попускает ей приблизиться. И, так как благоговение ее было велико и усердие невыразимо, то Он, по величайшему снисхождению Своему, позволил ей излить миро и на главу Свою. Если Он не отказался соделаться человеком, быть носимым во чреве, питаться млеком, то чему удивляться, если и этого не отвергает? Как Отец Его принимал курение и дым, так и Он принял блудницу, одобряя, как я прежде сказал, ее расположение. Елеем Иаков помазал столп в жертву Богу (Быт. 28:18); елей приносим был в жертвах (Лев. 2:4); елеем помазуемы были и священники (8:10). Но ученики, не зная мыслей жены, неуместно укоряли ее, и в самом обвинении указали на щедрость жены. Сказав, что его можно было бы продать за триста динариев (Мк. 14:5; Ин. 12:5), они показали, сколько она истратила на миро, и какую обнаружила щедрость. Поэтому Христос и упрекает их, говоря: "**Что смущаете женщину**"**?** И указывает далее причину, желая снова напомнить им о Своем страдании: "**Она приготовила**, **-** говорит, **- Меня к погребению**". Приводит также и другую причину: "**Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете**"; и: "**Где ни будет проповедано Евангелие сие …, сказано будет … что она сделала**" (Мф. 26:11,13). Видишь ли, как Христос предвозвещает ученикам исшествие их к народам, и таким образом утешает их при мысли о смерти, указывая на то, что после крестной смерти откроется такая сила, что проповедь распространится повсюду. Итак, какой несчастный будет противоречить столь очевидной истине? Вот исполнилось то, что Христос предсказал, и куда ни пойдешь во вселенной, везде увидишь, что возвещают и об этой жене, хотя она не знаменита, не имела многих свидетелей, была не на зрелище, но в доме, и притом в доме некоего прокаженного, в присутствии одних только учеников Христовых.

2. Кто ж это возвестил и проповедал? Сила Того, Кто предсказал это. Умолчано о подвигах бесчисленных царей и полководцев, которых памятники еще сохраняются; неизвестны ни по слуху, ни по имени те, которые построили города, соорудили стены, одержали победы на войнах, воздвигли трофеи, покорили многие народы, хотя они и поставили статуи и издали законы; но то, что жена блудница излила елей в доме некоторого прокаженного в присутствии десяти мужей, все воспевают во вселенной. Прошло столько времени, а память об этом происшествии не истребилась; и персы, и индийцы, и скифы, и фракияне, сарматы, и племя мавров, и жители Британских островов повествуют о том, что сделала жена блудница в Иудее - тайно, в доме. Велико человеколюбие Господа! Он принимает блудницу, блудницу, лобызающую ноги, возливающую елей и отирающую власами, принимает и упрекает тех, которые обвиняют

ее. В самом деле, не надлежало приводить в смущение жену за такое ее усердие. Обрати внимание и на то, как высоки были ученики и усердны к подаянию милостыни. Но для чего Христос не просто сказал: доброе дело сделала; а сказал прежде: "**Что смущаете женщину**"**?** Для того, дабы они знали, что не надобно требовать с самого начала высоких дел от немощных людей. Поэтому-то Он и рассматривает дело не просто, каково оно само в себе, но по отношению к лицу жены. Если бы Он давал закон, то не упомянул бы о жене; но чтобы ты знал, что для нее это сказано с тою целью, чтобы ученики не истребили возникающей ее веры, а еще более возбудили; для этого Он говорит вышеупомянутые слова, научая нас тому, чтобы мы принимали, одобряли и возводили к большему совершенству доброе дело, кем бы оно ни было сделано, и каково бы оно ни было, и не требовали полного совершенства в самом его начале. Что Христос и сам особенно желал этого, видно из того, что Он, не имевший где главу приклонить, повелел носить денежный ящик. Но теперь время не требовало исправления поступка, а только принятия его. Как прежде этого поступка жены Он не произнес бы такого мнения, если бы кто спросил Его, так и после того, как жена совершила его, Он имеет в виду только то, чтобы она не приведена была в смущение порицанием учеников, но удалилась от Него, сделавшись усерднее и лучше чрез служение Ему. После возлияния елея порицание их было уже неуместно. Так и ты, если увидишь, что кто-нибудь сделал и приносит священные сосуды, или заботится о другом каком-нибудь украшении церковном, касающемся стен и пола, - не позволяй продавать или истреблять то, что сделано, чтобы не ослабить его усердия. Если же кто прежде, чем сделать, скажет тебе о своем намерении, то вели раздать нищим, так как и сам Иисус сделал это для того, чтобы не ослабить усердия жены, и все, что ни говорит, говорит в утешение ее. Далее - когда сказал: "**Она приготовила Меня к погребению**", то чтобы не показалось, что Он приводит в смущение жену, упомянув о таком предмете, то есть, гробе и смерти, смотри как опять укрепляет ее, говоря: во всем мире "**сказано будет …, что она сделала**". Это служило и для учеников увещанием, и для жены утешением и похвалою. Все, говорит Он, прославят ее впоследствии, и теперь она предвозвестила страдание, принесши необходимое для погребения. Поэтому никто пусть не порицает ее. Я настолько далек от того, чтобы осуждать ее, как бы за худой поступок, или укорять, как бы за неправое дело, что даже не попущу остаться в неизвестности случившемуся, и сделаю то, что мир узнает о поступке, совершенном в доме и втайне, так как этот поступок происходил от благоговейной мысли, теплой веры и сокрушенного сердца. Но для чего Христос обещал жене не духовное что-нибудь, а всегдашнюю о ней память? Для того, чтобы чрез это вселить в ней надежду на получение духовных благ. Если она сделала доброе дело, то, очевидно, и получит достойную награду. "**Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его?**" (ст. 14-15). "**Тогда**". Когда же? Когда Христос говорил это, когда сказал: "**к погребению**". Иуда не тронулся этим и не убоялся, когда услышал, что Евангелие будет проповедано повсюду (а сказанное заключало в себе невыразимую силу); тогда как жены, и жены блудницы, оказывали такую честь Иисусу, он совершал дьявольское дело. Почему же евангелисты говорят о его именовании? Потому что был другой Иуда. Без опасения они говорят и то, что Иуда был из числа двенадцати. Таким образом, они не скрывают ничего, что кажется постыдным. Можно было бы сказать просто: был некто из учеников Христовых, - потому что были и другие. Теперь же они прибавляют: от обоюнадесяте, и как бы говорят: из первого лика, из числа лучших, избранных учеников, которые были с Петром и Иоанном. Они старались об одной только истине, о том, чтобы не утаить событий. Поэтому умалчивают о многих знамениях, но не скрывают ничего такого, что кажется постыдным, и смело возвещают о том, хотя бы это было слово или дело, или что другое.

3. И не только первые три евангелиста повествуют об этом, но и сам Иоанн, возвещающий высочайшие тайны. Он более всех говорит о поношениях и поруганиях, претерпенных

Иисусом. И смотри, как велика злоба Иуды, когда Он произвольно приступает к предательству, когда делает это из-за денег, и притом денег столь незначительных. Лука говорит, что он имел совещание с военачальниками (Лк. 22:4). По причине возмущений иудеев, римляне поставляли над ними своих начальников, которые наблюдали за порядком, - потому что власть уже была отнята у иудеев, по пророчеству. Пришедши к этим военачальникам, Иуда сказал: "**Что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребренников; и с того времени он искал удобного случая предать Его**" (Мф. 15-16), так как он боялся народа, и хотел взять Иисуса наедине. О, безумие! Как ослепило его совершенно сребролюбие! Несмотря на то, что часто видел, как Иисус проходил среди толпы и не был удерживаем, как являл многие доказательства Своего божества и силы, Иуда думал удержать Его, и несмотря на то, что Иисус столько раз повторял ему и страшные и кроткие слова, чтобы разрушить злой его умысел. Даже и на вечери не переставал заботиться о нем, но до последнего дня беседовал с ним об этом. Но Иуда не получил никакой пользы: несмотря однако на все это Господь не переставал совершать Свое дело. Зная это, и мы неопустительно должны делать все для заблуждающих и беспечных: увещевать их, учить, утешать, умолять, подавать им советы, хотя бы от этого не получили мы никакой пользы. И Христос предвидел, что предатель не исправится, - однако не переставал с Своей стороны заботиться о нем, увещевать его, угрожать ему, соболезновать о нем, не открыто и явно, но сокровенно. В самое же время предания даже попустил облобызать Себя, - но все это для Иуды было бесполезно. Вот какое великое зло сребролюбие! Оно именно сделало Иуду и святотатцем, и предателем. Услышьте все сребролюбцы, страждущие болезнью Иуды, - услышьте и берегитесь этой страсти. Если тот, кто находился со Христом, творил чудеса, пользовался таким учением, низвергся в такую бездну от того, что не был свободен от этой болезни, то тем более вы, не слышавшие даже Писания и всегда прилепляющиеся к настоящему, удобно можете быть уловлены этою страстью, если не будете прилагать непрестанного попечения. Иуда ежедневно находился с Тем, Кто не имел, где главы преклонить, ежедневно был научаем делами и словами тому, что не должно иметь ни золота, ни серебра, ни двух одежд, - и при всем том не вразумился. Как же ты надеешься избежать этой болезни, когда не употребляешь сильного врачевания и не прилагаешь сильного старания? Ужасен, поистине ужасен этот зверь. Впрочем, если захочешь, легко победишь его. Это не есть похоть врожденная, как то доказывают освободившиеся от нее. Естественные влечения всем общи; а эта похоть происходит от одного нерадения; от него рождается, от него возрастает, и когда уловит пристрастных к ней, заставляет их жить противоестественно. В самом деле, когда они не признают единоплеменников, друзей, братьев, сродников, словом - всех, а с ними вместе не знают и самих себя, то не значит ли это жить противоестественно? Отсюда ясно, что противоестественна и злоба, и болезнь сребролюбия, подвергшись которой, Иуда сделался предателем. Как же он сделался предателем, спросишь ты, когда призван Христом? Бог, призывая к Себе людей, не налагает необходимости, и не делает насилия воле тех, которые не желают избрать добродетели; но увещевает, подает советы, - все делает и всячески старается, чтобы побудить их сделаться добрыми; если же некоторые противятся этому, Он не принуждает. Если ты хочешь узнать, отчего Иуда сделался таким, то найдешь, что он погиб от сребролюбия. Отчего же, спросишь, он уловлен этою страстью? Оттого, что был беспечен. От беспечности происходят такие перемены, тогда как от ревности происходят перемены противоположные. Сколько, в самом деле, таких, которые были жестокими, а теперь кротче овец? Сколько таких, которые сперва были сладострастными, а после сделались целомудренными? Сколько таких, которые прежде были сребролюбцами, а теперь отвергли и свое собственное имущество? Совершенно противное случалось от беспечности. Так Гиезий жил со святым мужем, и сделался нечестивым от болезни сребролюбия (4 Цар. гл. 5). Поистине сребролюбие ужаснейшая из всех страстей. Отсюда расхитители гробниц, отсюда убийцы, отсюда войны и битвы, отсюда всякое зло, какое бы

ты ни назвал. И подобный человек везде бывает бесполезен, случится ли ему начальствовать над войском, или управлять народом. И он бывает таким не только в делах общественных, но даже и в частных. Вознамерится ли жениться, - не возьмет добродетельной жены, а возьмет ту, которая всех хуже. Вздумает ли купить дом, - покупает не такой, какой приличен благородному, но такой, который может принести ему большой доход. Захочет ли купить рабов, или что другое, - купит самое худое. Но что я говорю о его начальстве над войском и народом, о его хозяйстве? Если даже он будет царем, то будет несчастнейшим из всех, погибелью для вселенной, беднейшим из всех. Его состояние будет подобно состоянию какого-нибудь простолюдина; он не будет блага всех почитать своими, но будет считать себя отдельным от всех и, похищая блага у всех, станет думать, что он имеет менее всех. Измеряя настоящие блага желанием будущих, еще не приобретенных благ, он будет считать первые ничтожными в сравнении с последними.

4. Поэтому-то некто сказал: нет ничего беззаконнее сребролюбивого. Действительно, такой человек и сам себя продает, и делается общим врагом вселенной, когда скорбит, что земля не приносит золота вместо колосьев, и что вместо рудников существуют источники, вместо драгоценных камней - горы; с негодованием смотрит он на плодородие, печалится при виде общего блага, отвращается от всякого дела, чрез которое нельзя приобрести денег; все терпит, когда можно ему получить хотя две малые монеты; ненавидит всех, бедных и богатых: бедных из-за того, как бы они не пришли к нему когда-нибудь просить милостыню; богатых за то, что он не имеет их богатства. Он думает, что все завладели его имуществом, и как бы всеми обижаемый, негодует на всех. Он не знает довольства и насыщения, он самый несчастнейший из всех. Наоборот, свободный от всего этого, и любящий истинную мудрость, счастливее всех. Добродетельный, будет ли он рабом или пленником, блаженнее всех. Никто не сделает ему зла, хотя бы со всей вселенной стеклись все с оружием и войсками и стали воевать против него. Негодный же и злой человек, и такой, какого мы описали, хотя бы был царем и украшен бесчисленными венцами, может потерпеть от всякого величайшие несчастия. Так бессильна злоба! Так сильна добродетель! Что же ты печалишься, находясь в бедности? Для чего рыдаешь в праздник? Это время - время празднества. Для чего проливаешь слезы? Бедность составляет для тебя торжество, если только ты благоразумен. Для чего горько плачешь, дитя? Подлинно, такого должно назвать дитятею. Бил ли кто тебя? Что ж? Он сделал тебя чрез это терпеливее. Отнял ли кто у тебя деньги? Отнял излишнее бремя. Лишил ли славы? Опять ты говоришь мне о другом виде свободы. Послушай, как об этом рассуждают язычники; они говорят: ты не претерпел никакого несчастия, если только не присваиваешь его себе. Отнял ли кто у тебя большой и укрепленный оградами дом? Но вот пред тобою вся земля, общественные здания, - употребляй их, как хочешь, - на увеселение или на пользу. Что приятнее и прекраснее тверди небесной? До каких пор вам быть нищими и бедными? Нельзя быть богатым тому, кто не обогащает душу; равно как нельзя быть нищим тому, кто не беден душою. Если душа могущественнее тела, то ее не может привлечь слабейшее. Но она, будучи могущественна, привлекает к себе не столь могущественное и изменяет его. И сердце, когда получит какую-либо болезнь, то сообщает ее всему телу, и если бывает повреждено, то разрушает все тело, а если бывает здорово, то сообщает здоровье всему телу. Когда же поврежден какой-либо из прочих членов тела, а сердце бывает здорово, то оно легко истребляет повреждение и в прочих членах. Но чтобы сделать яснее то, что я говорю, скажи мне: какая польза в зеленых ветвях, когда засыхает корень? И какой вред от того, когда верхние листья засыхают, а корень здоров? Так и здесь. Нет никакой пользы в деньгах, когда бедна душа, и нет никакого вреда, когда душа богата. Как же, скажешь ты, душа может быть богата, будучи бедна деньгами? Тогда-то особенно и может быть богата, - потому что она в это время обыкновенно и богатеет. Если, как мы часто говорили, признаком богатого служит то, что он презирает деньги и ни

в чем не нуждается, а бедного, напротив, то, что он нуждается, и если легче презирать деньги в бедности, нежели в богатстве, то очевидно, что бедность особенно делает богатым. Всякому известно, что богатый более желает богатства, нежели бедный, подобно тому, как человек упившийся вином чувствует сильнейшую жажду, чем тот, кто пил с умеренностью. Похоть не такова, чтобы могла быть погашена большим удовлетворением ее, но напротив, от этого она еще более воспламеняется. Как огонь, чем более получает пищи, тем более свирепствует, так и пристрастие к богатству, чем более получает золота, тем более усиливается. Итак, если желание большего есть признак бедности, а богатый желает большего, то богатый весьма беден. Видишь ли, что душа тогда особенно бывает бедна, когда обогащается, и тогда бывает богата, когда бедна? Если хочешь, чтоб я объяснил это примером, то представь двух человек, из которых один имеет десять тысяч талантов, а другой десять, и отнимем у обоих эти таланты: который из них будет более сожалеть? Тот, который лишился десяти тысяч. Но он не стал бы более сожалеть, если бы не любил их более; если же он любит более, то более и желает; если же более желает, то более и беден. Мы более всего желаем того, в чем наиболее имеем нужду, так как от нужды происходит желание. Где же довольство, там не может быть желания. Мы тогда особенно томимся жаждою, когда ощущаем нужду в питье. Все это сказано мною для того, чтобы показать, что если мы будем бодрствовать, то никто не может сделать нам вреда, и что не от бедности, а от нас самих бывает нам вред. Поэтому умоляю вас всеми силами истреблять болезнь сребролюбия, чтобы нам и здесь сделаться богатыми, и насладиться вечными благами, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 81

“В первый же день опресночный приступили ученики к Иисусу и сказали Ему: где велишь нам приготовить Тебе пасху? Он сказал: пойдите в город к такому-то и скажите ему: Учитель говорит: время Мое близко; у тебя совершу пасху с учениками Моими” (Мф. 26:17,18).

1. Первым днем опресночным евангелист называет день, предшествовавший празднику опресноков, так как иудеи всегда имели обыкновение считать день с вечера. Евангелист упоминает о том дне, в который вечером должно было закалать пасхального агнца, так как ученики приступили к Иисусу в пятый день недели. Этот-то день евангелист Матфей и называет днем, предшествовавшим празднику опресноков, когда говорит о времени, в которое ученики приступили к Иисусу. А другой евангелист говорит так: “**Настал же день опресноков, в который надлежало заколать пасхального [агнца]**” (Лк. 22:7). “**Настал**”, то есть, приближался, был при дверях. Очевидно, евангелист упоминает об этом именно вечере, так как с вечера начинали совершать пасху. Потому каждый евангелист присовокупляет: когда закалали пасхального агнца. Приступив к Иисусу, ученики говорят Ему: “**Где велишь нам приготовить Тебе пасху**”? И отсюда, между прочим, видно, что у Иисуса не было дома, не было постоянного местопребывания. А я думаю, что и ученики не имели его; иначе они попросили бы Иисуса придти туда. Но и у них, отрекшихся от всего, не было дома. Для чего же Христос совершил пасху? Для того, чтобы во всем, что Он совершал даже до последнего дня, показать, что Он не противится закону. Но для чего именно посылает к неизвестному человеку? Чтобы и этим показать, что Он мог не пострадать. В самом деле, если Он одними только словами расположил сердце этого человека к тому, чтобы принять учеников, то чего не произвел бы в распинающих Его, если бы не хотел пострадать? И что Он сделал прежде, когда послал за ослом, то же делает и теперь. Там Он сказал: “**Если кто скажет вам что-нибудь, отвечайте, что они надобны Господу**” (Мф. 21:3); так и здесь говорит: “**Учитель говорит: …у тебя совершу пасху**”. Впрочем, я удивляюсь не тому только, что принял

Его человек незнакомый, но и тому, что Он, зная, что навлечет на Себя великую вражду и непримиримую брань, презрел ненависть многих. Далее, так как ученики не знали этого человека, то Христос дает им и знамение, какое пророк дал Саулу, говоря: "**Встретят тебя там три человека, идущих к Богу … третий несет мех с вином**" (1 Цар. 10:3); а здесь: "**несущий кувшин воды**" (Лк. 22:10). И заметь еще доказательство силы Его. Он не только сказал: "**Совершу пасху**"; но прибавляет еще другие слова: "**Время Мое близко**". Это делал Он для того, чтобы с одной стороны чрез непрестанное напоминание и частое предсказание ученикам о страдании приучить их к бестрепетному размышлению о будущем, с другой - чтобы показать как самим ученикам, так и принимающему их, и всем иудеям, как я часто говорил, что Он не непроизвольно идет на страдание. Прибавляет же слова: "**с учениками Моими**" - для того, чтобы и приготовление было достаточно, и принимающий не подумал, что Он укрывается. "**Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками**" (Мф. 26:20). О, бесстыдство Иудино! И Он там присутствовал, и он пришел для того, чтобы причаститься таинств и яств, и обличаем был при самой трапезе, тогда, как и зверь, мог бы сделаться кротчайшим. Поэтому-то и евангелист замечает, что когда они ели, Христос беседовал с ними о предательстве, чтобы и самым временем, и трапезою обличить лукавство предателя. Когда ученики совершили, как повелел им Иисус, "**Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками; и когда они ели, сказал: истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня**" (ст. 21). Прежде же вечери Христос умыл и ноги Иуды. Смотри, как Он щадит предателя: Он не сказал: этот предаст Меня; но: "**один из вас**" - для того, чтобы сокрытием его опять дать ему возможность раскаяться, и предпочитает устрашить всех, чтобы спасти его. Один из вас двенадцати, говорит Он, которые всюду находитесь со Мною, которым Я умыл ноги, и которым Я обещал столь великие блага. Тогда нестерпимая скорбь объяла это святое собрание. Иоанн говорит, что ученики недоумевали, и озирались друг на друга (Ин. 13:22), и каждый из них с боязнью спрашивал о себе самом, хотя они и не сознавали за собою ничего такого. Матфей же говорит: "**Они весьма опечалились, и начали говорить Ему, каждый из них: не я ли, Господи? Он же сказал в ответ: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам**" (Мф. 26:22; Ин. 13:26). Смотри, когда Христос открыл предателя! Тогда, как восхотел вывести из смущения прочих, которые омертвели от страха, а потому и спрашивали настоятельно. Впрочем, Он делал это не только с тем намерением, чтобы освободить их от страха, но и для того, чтобы исправить предателя. Так как последний, часто слышавший неясные обличения, по жестокосердию своему, оставался без исправления, то Христос, желая сильнее возбудить его, срывает с него личину. Когда же ученики опечалились, и начали говорить: "**Не я ли, Господи?**", то, "**Он же сказал в ответ: опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня; впрочем Сын Человеческий идет, как писано о Нем, но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться**" (Мф. 26:23-24). Некоторые говорят, что Иуда так был дерзок, что не почитал Учителя, и вместе с Ним обмакивал руку. А по моему мнению, Христос сделал и это для того, чтобы привести его в больший стыд, и возбудить в нем доброе расположение; ведь и это имеет некоторую пользу.

2. Не должно совершенно оставлять этого без внимания, но мы должны напечатлеть это в наших мыслях, и ярость никогда не будет иметь в нас места. Кто, в самом деле, размышляя об этой вечери, о предателе, возлежащем со Спасителем всех, и о том, сколь кротко беседует имеющий быть предан, - не отвергнет всего яда гнева и ярости? Смотри же, с какою кротостью Христос обращает речь Свою к Иуде: "**Сын Человеческий идет, как писано о Нем**"! Это говорил Он как для утверждения учеников Своих, чтобы они поступок Его не приписали слабости, так и для того, чтобы исправить предателя. "**Горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться**". Заметь опять в обличении неизреченную кротость. Даже и теперь

не грозно, но весьма милостиво беседует с предателем, и притом прикровенно, несмотря на то, что не только прежняя его бесчувственность, но и после этого обнаружившееся в нем бесстыдство достойны были крайнего негодования. Ведь и после этого обличения Иуда говорит: “**Не я ли, Равви**” (ст. 25)? О, бесчувственность! Спрашивает тогда, как сам это сознает! И евангелист, удивляясь его дерзости, говорит об этом. Что же сказал в ответ кротчайший и незлобивый Иисус? “**Ты сказал**”. Хотя он и мог бы сказать: о, скверный и прескверный, гнусный и нечистый человек! Столько времени готовясь совершить зло, удалившись и заключив сатанинский договор, согласившись взять сребро и будучи обличен Мною, ты осмеливаешься еще спрашивать? Но Христос не сказал ничего такого. Что же сказал? “**Ты сказал**”, - и тем самым начертывает для нас образ и правило терпения. Но иной скажет: если написано, что Христос так пострадает, то за что же осуждается Иуда? Он исполнил то, что написано. Но он делал не с тою мыслию, а по злобе. Если же ты не будешь обращать внимания на намерения, то и дьявола освободишь от вины. Но нет, нет! И тот, и другой достойны бесчисленных мучений, хотя и спаслась вселенная. Не предательство Иуды соделало нам спасение, но мудрость Христа, дивно обращавшая злодеяния других в нашу пользу. Что же, - спросишь ты, - если бы Иуда Его не предал, то не предал ли бы другой? Какое же отношение имеет это к настоящему предмету? Такое, скажешь, что если Христу надлежало быть распятым, то нужно было, чтобы это совершено было кем-либо; если кем-либо, то, конечно, таким человеком. Если бы все были добры, то не исполнено бы было строительство нашего спасения. Да не будет! Сам Всемудрый знал, как устроить наше спасение, хотя бы и так было, потому что премудрость Его велика и непостижима. Поэтому-то, чтобы кто не подумал, что Иуда был служителем домостроительства, Христос и называет его несчастнейшим человеком.

Но кто-нибудь опять скажет: если лучше было бы не родиться ему, то для чего Бог попустил произойти на свет как ему, так и всем злым? Тебе бы надлежало порицать злых за то, что они, имея возможность не быть такими, сделались злыми; а ты, оставив это, слишком много испытываешь и исследуешь судьбы Божии, хотя и знаешь, что никто не бывает злым по необходимости. Ты скажешь: надлежало бы рождаться одним только добрым, и не было бы нужды ни в геенне, ни в наказании, ни в мучении, и не было бы даже зла; злым же надлежало бы или не рождаться, или, если родились, тотчас умирать. Прежде всего, должно указать тебе на следующее апостольское изречение: “**А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: "зачем ты меня так сделал?"**” (Рим. 9:20)? Если же ты требуешь доказательств разума, я скажу, что добрые заслуживают большего удивления, когда находятся среди злых, потому что тогда-то особенно открывается в них терпение и великое любомудрие. Ты же, говоря вышеупомянутые слова, уничтожаешь случай для борьбы и подвигов. Что ж, скажешь ты; для того, чтобы одни сделались добрыми, наказываются другие? Нет, не для этого, а за свои злодеяния. Они сделались злыми не потому, что родились, но вследствие своего нерадения; поэтому и подвергаются наказанию. Как не быть достойными наказания тем, которые имеют таких учителей добродетели, и не получают от них никакой пользы? Как благие и добрые вдвойне достойны чести за то, что и были добры, и нисколько не заразились от злых, так и злые достойны двойного наказания - и за то, что были злы, имея возможность стать добрыми (что и доказывают те, которые сделались добрыми), и за то, что не получили никакой пользы от добрых. Но посмотрим, что говорит этот несчастный ученик, будучи обличаем Учителем. Что же он говорит? “**Не я ли, Равви**”? Почему же не сначала спросил он об этом? Он думал, что он не узнан, когда было сказано: “**один из вас**”; когда же Христос открыл его, тогда он опять осмелился спросить, надеясь на кротость Учителя, что не обличит его. Вот почему он и назвал Его Равви.

3. О, ослепление! Куда оно увлекло Иуду? Таково сребролюбие! Оно делает людей безумными и безрассудными, бесстыдными и псами, вернее же сказать, злее и самых псов,

и из псов делает демонами. Когда Иуда присоединился к дьяволу и клеветнику, и предал Иисуса и благодетеля, то по намерению сделался уже дьяволом. Таковыми-то делает людей ненасытная жадность к деньгам, - безумными, сумасшедшими, совершенно предавшимися корыстолюбию, каким сделался и Иуда. Как же Матфей и другие евангелисты говорят, что дьявол овладел Иудою тогда, когда он условился относительно предания Христа, а Иоанн говорит, что "**после сего куска вошел в него сатана**" (Ин. 13:27)? Он и сам знал это; выше Он говорит: "**Во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искариоту предать Его**" (ст. 2). Как же в таком случае говорит: "**после сего куска вошел в него сатана**"? Сатана не вдруг входит, и не в одно время, но сначала делает многие покушения; что и здесь случилось. Сначала он испытывал Иуду, и приступал к нему мало-помалу; когда же увидел в нем готовность к принятию его, тогда весь вселился в него и совершенно овладел им. Но если Христос и ученики Его ели пасху, то как ели противозаконно? Ведь не должно было возлежать, когда они ели. Что на это сказать? То, что они возлежали уже во время совершения вечери, после того как ели пасху. А другой евангелист говорит, что Христос в этот вечер не только ел пасху, но еще говорил: "**Очень желал Я есть с вами сию пасху**" (Лк. 22:15), - то есть, в этот год. Почему? Потому, что тогда имело совершиться спасение вселенной, имели быть установлены таинства, прекратиться печали смертью Иисуса. Таким образом, Он претерпел крест по своему произволению. Но неукротимого зверя ничто не усмирило, не преклонило, не привело в стыд. Христос назвал его несчастнейшим, сказав: "**Горе тому человеку**"! Потом устрашил его словами: "**Лучше было бы этому человеку не родиться**"! Пристыдил его, сказав: "**Тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам**". Но все это нисколько не удержало Иуду; он был объят сребролюбием, как бы некоторым бешенством, или лучше, как самою лютою болезнью: сребролюбие именно и есть самое свирепое бешенство. Делал ли что-либо подобное беснующийся? Иуда не испускал пены из уст, но испускал убийство на Владыку; не ломал рук, но простирал их для того, чтобы продать драгоценную кровь. Поэтому бешенство его было гораздо сильнее, - он бесновался здоровый. Но, скажешь ты, он не говорил бессмысленно? А что же может быть бессмысленнее этих слов: "**Что вы дадите мне, и я вам предам Его**"? Предам: дьявол говорил его устами. Но он не бил ногами землю и не трепетал? А не гораздо ли лучше было бы ему трепетать, чем стоять прямо, с такими замыслами? Он не поражал себя камнями? А не гораздо ли лучше было бы это делать, чем покушаться на такое злодеяние?

Хотите ли, чтоб я представил вам беснующихся и сребролюбивых, и сравнил тех и других? Впрочем, никто не должен думать, что его оскорбляют лично; я не природу человеческую оскорбляю, но порицаю поступки. Бесноватый никогда не одевался в платье, бил себя камнями, бегал по непроходимым путям и каменистым местам, будучи сильно гоним бесом. Не представляется ли тебе это страшным? Что же, если я докажу тебе, что сребролюбивые причиняют душе своей больший вред, и настолько больший, что поступки бесноватого кажутся детскою игрою в сравнении с поступками сребролюбивого? Будете ли избегать болезни сребролюбивого? Итак, посмотрим, чья болезнь сноснее. Они ничем не различаются один от другого, потому что оба отвратительнее многих нагих. Гораздо лучше быть нагим, нежели ходить, одевшись в корыстолюбие, подобно приносящим жертвы Бахусу. Как те носят маски и платье беснующихся, так и эти. И подобно тому, как наготу беснующихся производит бешенство, так и одежду сребролюбивых производит бешенство, - и эта одежда более достойна сожаления, нежели нагота. И это я постараюсь доказать вот чем. Кого из самих беснующихся мы назовем более беснующимся: того ли, кто себя самого терзает, или того, кто и себя, и всех с ними встречающихся? Очевидно, последнего. Итак, беснующиеся обнажали только самих себя, а сребролюбивые обнажают всех с ними встречающихся. Беснующиеся, скажешь, раздирают одежду? Но как желал бы каждый из обиженных сребролюбцами, чтобы лучше разодрали у него одежду, чем лишили его всего имущества!

Корыстолюбивые не терзают лица? Напротив, они и это делают; если же и не все делают это, то все чрез голод и нищету производят во чреве жесточайшие болезни. Они не уязвляют зубами? Но - о, если бы они уязвляли зубами, а не стрелами корыстолюбия, которые острее зубов! "**Зубы** (их) **- копья и стрелы**" (Пс. 56:5). Кто чувствует сильнейшую боль: тот ли, кто однажды уязвлен и тотчас исцелен, или тот, кто всегда уязвляется зубами бедности? Невольная бедность хуже разжженной печи и зверей. Сребролюбцы не бегают по пустыням, подобно бесноватым? О, если бы они бегали по пустыням, а не по городам! Тогда все живущие в городах наслаждались бы безопасностью. А теперь они несноснее всех бесноватых, потому что в городах делают то, что те в пустынях, обращая города в пустыни, и похищая у всех имущество, как в пустыне, где никто этому не препятствует. Но они не бросают камнями на проходящих? Что ж? От камней легко можно предохранить себя; а кто может предохранить себя от тех ран, которые сребролюбцы наносят несчастным бедным посредством бумаги и чернил, составляя записки, наполненные бесчисленными язвами?

4. Посмотрим также, сколько зла делают сребролюбцы и самим себе. Они ходят по городу обнаженные, так как нет у них одежды добродетели. И если это не кажется им постыдным, то зависит от чрезмерного их бешенства, в силу которого они даже не чувствуют своего безобразия. Они стыдятся, если бывают обнажены телом; и напротив хвалятся, когда имеют обнаженную душу. Если хотите, я покажу и причину такой бесчувственности. Какая же причина этого? Та, что они обнажаются между многими столь же нагими; поэтому и не стыдятся, подобно тому, как и мы не стыдимся в банях. Если бы многие были облечены добродетелью, тогда более обнаружился бы их позор. Ныне же особенно достойно горьких слез то, что по причине существования многих злых злые дела не почитаются постыдными. Дьявол, между прочими бедствиями, произвел и то, что не попускает ощущать зло, но множеством злых прикрывает гнусность зла, так как если бы злому случилось жить между многими добродетельными, то он лучше увидел бы свою наготу. Из этого видно, что сребролюбцы более обнажают себя, нежели беснующиеся. А что они ходят по пустыням, то и в этом никто не будет противоречить. Широкий и просторный путь пустее всякой пустыни, и хотя имеет многих путешественников, но не имеет ни одного человека, а только змей, скорпионов, волков, ехидн, аспидов, таковы те, которые следуют нечестию. И этот путь нечестия не только пустыня, но еще и ужаснее пустыни. Это видно из того, что не столько камни, утесы и вершины гор поражают восходящих на них, сколько грабительство и корыстолюбие поражают душу тех, которые им предаются. А что сребролюбцы живут во гробах, подобно бесноватым, или лучше, сами суть гробы, видно из следующего. Что такое гроб? Это камень, в котором положено мертвое тело. Итак, чем различаются от этих камней тела сребролюбцев? Они несчастнее даже и камней. Это не камень, вмещающий тело мертвое, но тело, которое бесчувственнее камней, и носит в себе мертвую душу. Поэтому никто не согрешит, если сребролюбцев назовет гробами. И сам Господь наш назвал таким образом иудеев, преимущественно за это; и потому присовокупил следующие слова: "**Внутри они полны хищения и**" (Мф. 23:25) корыстолюбия. Хотите ли, наконец, чтобы я показал вам, как сребролюбцы поражают камнями свои головы? Скажи мне, откуда прежде ты хочешь узнать это - из настоящего или будущего их состояния? Но о будущем они мало размышляют. Следовательно, должно говорить о настоящем их состоянии. Не хуже ли всяких камней заботы, которые поражают не головы, но изнуряют души? Сребролюбцы боятся, чтобы когда-нибудь законным образом не вышло из дому их то, что вошло неправедно. Они трепещут за всякую малость, гневаются, раздражаются против домашних и против чужих. Попеременно овладевает ими то малодушие, то страх, то ярость, и они, как бы переходя с утеса на утес, каждодневно ожидают того, чего еще не получили. Вследствие этого они не наслаждаются и тем, что имеют, как потому, что не уверены в своей безопасности, так и потому, что всею мыслию устремляются к тому, чего еще не

получили. И как непрестанно томящийся жаждою, хотя бы выпил бесчисленные источники, не чувствует удовольствия, потому что не насыщается, так сребролюбцы не только не ощущают удовольствия, но еще тем более мучатся, чем более получают богатства, так как их похоть не имеет никаких пределов. Таково настоящее состояние сребролюбцев! Скажем теперь и о последнем дне. Хотя они и не внимают, но нам нужно сказать. Всякий может видеть во всех местах Писания, что сребролюбцы осуждены будут на мучение в последний день. Когда Христос говорит: "**Алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня**" (Мф. 25:42), Он осуждает на мучение сребролюбцев; и когда говорит: "**Идите … в огонь вечный, уготованный диаволу**" (ст. 41), то посылает в огнь вечный тех, которые неправедно обогащаются. Такой же участи подвергаются и злой раб, не уделявший своим товарищам от имения господина своего (Мф. 24:46-49), и раб, закопавший в землю талант, и пять дев (Мф. 25:18); и где ни посмотришь в Писании, везде увидишь, что сребролюбивые осуждаются на мучение. То они услышат: "**Между нами и вами утверждена великая пропасть**" (Лк. 16:26); то: "**Идите от Меня … в огонь вечный, уготованный диаволу**"; то угрозу, что, будучи рассечены, пойдут они туда, где скрежет зубов; и всякий может видеть, что они отовсюду изгоняются, нигде не имеют места, кроме одной только геенны.

5. Итак, что нам пользы от правоверия для нашего спасения, когда мы услышим эти слова? Там - скрежет зубов, тьма кромешная, огонь, уготованный дьяволу, рассечение, изгнание; а здесь - вражда, злословия, клеветы, опасности, заботы, коварства, всеобщая ненависть, всеобщее презрение даже от тех, которые, по-видимому, льстят. Как добрым удивляются не только добрые, но и злые, так злых ненавидят не только добрые, но и злые. В подтверждение этой истины я желал бы спросить самих сребролюбцев: не имеют ли они ненависти друг к другу? Не почитают ли друг друга врагами более лютыми, нежели те, которые жестоко их обидели? Не осуждают ли самих себя? Не считают ли для себя обидой, когда кто-либо упрекает их в корыстолюбии? И это служит для них крайним поношением и доказательством великой их злобы. Если ты не можешь презреть богатство, то что же в таком случае будешь в состоянии победить? Похоть, чрезмерное славолюбие, ярость, гнев? И как можно кого-либо побудить к этому? Похоть телесную, гнев и ярость многие врачи приписывают телосложению и излишествам тела. Так человека более горячего и сырого называют они похотливым, а человека имеющего сухое телосложение - раздражительным, вспыльчивым и яростным. Но никто никогда не слыхал, чтобы врачи говорили что-нибудь подобное о сребролюбии. Таким образом, болезнь сребролюбия происходит от одного нерадения и бесчувственности души. Поэтому умоляю вас, постараемся исправлять все такие недостатки, и подавлять страсти, возрастающие у нас соответственно каждому возрасту. Если же в каждую часть жизни нашей мы будем проплывать мимо трудов добродетели, везде претерпевая кораблекрушения; то, достигнув пристанища без духовных сокровищ, подвергнемся крайнему бедствию. Настоящая жизнь есть обширное море. И как в море различные заливы имеют различные бури, например, Эгейское море опасно по причине ветров, Этрурский пролив - по причине узкого места, Харибда, близ Ливии - по причине мелей, Пропонтида, у Эвксинского понта - по причине быстроты и стремительности вод, часть моря близ Гадир - по причине пустых, непроходимых и неизвестных мест, и другие части моря опасны по другим причинам, так бывает и в нашей жизни. Первым морем можно назвать детский возраст, который подвержен многим волнениям по причине неразумия, легкомыслия и непостоянства. Поэтому и приставляем мы к детям воспитателей и учителей, и попечением восполняем недостатки природы, подобно тому, как на море они восполняются искусством кормчего. За этим возрастом следует море юности, где дуют сильные ветры, как на Эгейском море, - потому что тогда усиливается в нас похоть. Этот возраст особенно неспособен для исправления, не только потому, что подвержен сильнейшим волнениям, но и потому, что проступки не изобличаются, тогда не бывает уже учителя и воспитателя. Когда же ветры

дуют сильнее, а между тем кормчий слаб, и никто не подает помощи, то представь, как опасна буря! Далее наступает возраст мужеский, в котором предстоят человеку дела хозяйственные, жена, брак, деторождение, управление домом и великое множество забот. Тогда же особенно усиливается сребролюбие и зависть. Итак, если мы в каждом возрасте будем терпеть кораблекрушение, то как же пройдем мы настоящую жизнь? Как избежим будущего наказания? Если в первом возрасте не научимся ничему разумному, в юности не будем жить воздержно, сделавшись мужами не победим сребролюбия, то придя в старость, как бы на некоторое дно корабля, и ослабив ладью души всеми этими язвами, по разрушении досок ладьи, достигнем пристани с множеством сора вместо духовных сокровищ, и возбудим в дьяволе смех, а себе причиним плач и доставим нестерпимые мучения. Итак, чтобы этого не случилось с нами, оградивши себя отовсюду и противоставши всем страстям, отвергнем пристрастие к богатству, чтобы достигнуть и будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 82

“И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: приимите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов” (Мф. 26:26-28).

1. О, как велико ослепление предателя! Приобщаясь тайн, он оставался таким же, и наслаждаясь страшною трапезою, не изменялся. Это показывает Лука (Ин. 13:27), когда говорит, что после этого вошел в него сатана, не потому, что пренебрегал телом Господним, но издеваясь над бесстыдством предателя. Грех его велик был в двояком отношении: и потому, что он с таким расположением приступил к тайнам, и потому, что, приступивши, не вразумился ни страхом, ни благодеянием, ни честью. Христос не препятствовал ему, хотя и знал все, чтобы ты познал, что Он не оставляет ничего, что служит к исправлению. Поэтому и прежде, и после этого непрестанно вразумлял и удерживал предателя и словами, и делами, и страхом, и угрозами, и честью, и услугами. Но ничто не предохранило его от жестокого недуга. Вот почему Христос, оставив, наконец, его, чрез тайны опять напоминает ученикам о Своей смерти, и на вечери беседует о кресте, чтобы чрез частое предсказание сделать для них Свое страдание удобоприемлемым. Действительно, если они после стольких событий и предсказаний смутились, то чего не потерпели бы, если бы ничего такого не услышали? “**И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил**”. Для чего Христос совершил это таинство во время пасхи? Для того, чтобы ты из всего познавал, что Он есть законодатель Ветхого Завета, и что написанное в этом Завете служит прообразованием новозаветных событий. Поэтому-то Христос вместе с образом полагает и самую истину. Вечер же служил знаком полноты времен и того, что дела приходили уже к концу. И “**благодарит**”, - научая нас, как должно совершать это таинство; показывая, что Он добровольно идет на страдание; наставляя нас переносить страдания с благодарностью, и возбуждая в нас благие надежды. Если образ был освобождением от столь великого рабства, то тем более Истина освободит вселенную и предаст Себя для спасения нашего естества. Вот почему Христос не прежде установил таинство, но когда надлежало уже упразднить предписанному законом. Он упраздняет самый главный праздник иудеев, призывая их к другой, страшной вечери, и говорит: “**Приимите, ядите: сие есть Тело Мое, за вас ломимое**” (1 Кор. 11:24). Каким образом ученики, услышав это, не смутились? Оттого, что Христос и прежде много важного говорил им об этом таинстве. Поэтому теперь он и не дает более наставлений относительно этого, так как они довольно уже слышали, а показывает только причину страдания, то есть, отпущение грехов. И называет кровью

Нового Завета, то есть, обетования, возвещения нового закона. Это обещано было издревле, и составляет Новый Завет. И как Ветхий Завет имел овнов и тельцов, так и новый имеет кровь Господню. Этим самым Христос показывает и то, что Он претерпит смерть; потому упоминает и о завете, и вспоминает вместе о первом, так как и этот завет обновлен был кровью. Далее, опять говорит о причине Своей смерти: "**Ибо сие … за многих изливаемая во оставление грехов**", и прибавляет: "**сие творите в Мое воспоминание**". Видишь ли, как Христос отклоняет и отвращает от иудейских обычаев? Как пасху вы совершали, говорит Он, в воспоминание чудес, бывших в Египте, так и это таинство совершайте в Мое воспоминание. Кровь Ветхого Завета была изливаема во спасение первородных, а эта кровь изливается во оставление грехов всего мира: "**Сие есть Кровь Моя**, **-** говорит Он, **- … изливаемая во оставление грехов**". Это сказал он также и для того, чтобы показать, что страдание и крест суть таинство, и этим опять утешить учеников. И как Моисей сказал: это да будет памятно для вас вечно (Исх. 3:15), так и Христос говорит: "**В Мое воспоминание**", до того времени, как Я приду. Потому говорит еще: "**Очень желал Я есть с вами сию пасху**" (Лк. 22:15), то есть, предать вам новые установления, и даровать пасху, чтобы чрез нее сделать вас духовными. И сам пил из чаши, для того, чтобы ученики, услыша это, не сказали: что такое, мы пьем кровь и едим плоть? - и от того не смутились. (Ведь когда Христос говорил об этом, то и самыми словами многие соблазнялись). Итак, чтобы ученики и тогда не смутились, Он сам первый совершил это, побуждая их приступить к приобщению тайн без смущения. С этою-то целью Он и пил сам собственную кровь. Что же? Не должно ли, скажешь ты, совершать и древнее, и новое таинство? Ни в каком случае. Христос для того и сказал: "**сие творите**", чтобы отклонить от древнего. Если новое таинство дарует оставление грехов, - а оно действительно дарует, - то древнее уже излишне. Поэтому как было у иудеев, так и здесь с таинством Христос соединил воспоминание благодеяния, и этим заграждает уста еретиков. Когда они говорят: откуда известно, что Христос принес Себя в жертву? - то мы, кроме других свидетельств, заграждаем уста их и самими таинствами. Если Иисус не умер, то символом чего же служат таинства?

2. Видишь ли, как много Христос заботился о том, чтобы мы всегда вспоминали, что Он умер за нас? Так как имели явиться последователи Маркиона, Валентина и Манеса, отвергающие это строительство спасения, то Он непрестанно напоминает о страдании и чрез самые таинства, чтобы никто не был обольщен, и таким образом этою священною трапезою и спасает и, вместе, наставляет, потому что это таинство есть основание благ. Вот почему и Павел часто упоминает об этом. Затем, после установления таинства, Христос говорит: "**Не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое [вино] в Царстве Отца Моего**" (Мф. 26:29). Так как Он беседовал с учениками о страдании и кресте, то опять говорит и о воскресении, упоминает о царстве, называя таким образом Свое воскресение. Но для чего Он пил по воскресении? Для того, чтобы люди грубые не сочли воскресение призрачным: многие ведь поставляли это признаком воскресения. Поэтому-то апостолы для уверения в воскресении говорили: "**Нам, которые с Ним ели и пили**" (Деян. 10:41). Итак, желая показать ученикам, что они ясно увидят Его по воскресении, что Он опять будет с ними и что они сами будут свидетелями события и посредством видения, и посредством дел, Он говорит: "**Когда буду пить с вами новое [вино]**", при вашем свидетельстве; вы увидите Меня после того, как Я воскресну. А что значит: "**Новое [вино]**"? Новым, то есть, необыкновенным образом, не в теле подверженном страданию, но уже бессмертном, нетленном и не имеющем нужды в пище. Итак, по воскресении, Христос ел и пил не в силу необходимости, - тогда тело Его уже не нуждалось в этом, - а для удостоверения в воскресении. Но для чего по воскресении Он пил не воду, а вино? Для того, чтобы совершенно исторгнуть другую злую ересь. Так как некоторые в тайнах употребляют воду, то чтобы показать, что и при установлении таинства употреблял вино, и по

воскресении, когда без таинства предлагал обыкновенную трапезу, также употреблял вино, говорит: "**от плода сего виноградного**". Виноградная же лоза производит вино, а не воду. "**И, воспев, пошли на гору Елеонскую**" (Мф. 26:30). Да слышат все те, которые, подобно свиньям, принимая пищу без молитвы, попирают чувственную трапезу и встают от нее опьянелыми, тогда как должно оканчивать ее с благодарностью и пением. Слушайте и вы, которые не дожидаетесь окончательной молитвы при совершении тайн: эта молитва есть образ Христовой молитвы. Христос возблагодарил прежде, нежели предложил трапезу ученикам, чтобы и мы благодарили. Возблагодарил, и воспел, и после трапезы, чтобы и мы делали то же самое. Но для чего Он пошел на гору? Для того, чтобы явить Себя тем, которые хотели взять Его, чтобы не подумали, что Он скрывается; поэтому спешил идти на место, известное и Иуде. "**Тогда говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне**". Потом приводит пророчество: "**Ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы стада**" (ст. 31), - чтобы с одной стороны убедить учеников всегда внимать Писанию, а с другой - показать, что Он распинается по воле Божией, и чтобы из всего видно было, что Он не противник Ветхому Завету и Богу, в нем возвещаемому, что совершающееся есть дело смотрения Божия, и что все настоящие события издревле предвозвестили пророки, чтобы ученики несомненно надеялись на лучшее. Вместе с этим дает знать, каковы были ученики пред крестною смертью, и каковы после крестной смерти. Те, которые во время распятия Его не могли даже устоять, после смерти Его сделались сильны и крепче адаманта. А это самое, то есть, бегство и страх учеников, служит доказательством смерти Спасителя. В самом деле, если после столь великих событий и свидетельств некоторые бесстыдно говорят, будто Христос не распят, то в какое бы нечестие они не впали, если бы ничего такого не случилось? Поэтому не только Своими страданиями, но и состоянием учеников, а также и тайнами Христос подтверждает истину смерти Своей, посрамляя всем этим зараженных ересью Маркиона. Поэтому же и верховному апостолу попускает отречься. В самом деле, если Он не был связан и распят, то отчего объял такой страх и этого апостола, и прочих? Впрочем, Христос не попустил им оставаться в печали, но что говорит? "**По воскресении же Моем предварю вас в Галилее**" (ст. 32). Он не является с неба тотчас же и не удаляется в какую-либо дальнюю страну, но остается среди того самого народа, среди которого был распят, и почти в тех самых местах, - чтобы и этим уверить учеников, что Он сам и распят был, и воскрес, - и тем более утешить их в печали. Потому и сказал: "**В Галилее**", чтобы, освободившись от страха иудеев, они поверили Его словам. Потому же Он и явился там. "**Петр сказал Ему в ответ: если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь**" (ст. 33).

3. Что ты говоришь, Петр? Пророк сказал: "**Рассеются овцы**"; Христос подтвердил сказанное; а ты говоришь, нет? Разве тебе не довольно того, что случилось прежде, когда ты говорил: "**Будь милостив к Себе, Господи**" (Мф. 16:22) - и был обличен? Христос попускает пасть Петру для того, чтобы научить его во всем повиноваться Ему, и определение Его почитать вернейшим собственного суждения. Да и прочие получили немало пользы от его отвержения, познавши немощь человеческую и истину Божию. Когда сам Бог предсказал что-нибудь, то не должно уже оспаривать этого, и восставать против многих. "**Похвалу**"**, -** говорит апостол, ты будешь иметь "**только в себе, а не в другом**" (Гал. 6:4). Надлежало бы молиться и говорить: помоги нам не разлучаться; а он надеется на самого себя и говорит: "**Если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь**", - т. е. хотя бы все потерпели это, но я не потерплю, - что мало-помалу приводило его к гордости. Желая удержать его от этого, Христос и попустил отвержение. Так как Петр не внимал словам ни Христа, ни пророка (хотя Христос для того и привел свидетельство пророка, чтобы ученики не противоречили), то он научается самыми делами. А что Христос попустил Петру отвергнуться для того, чтобы исправить в нем этот порок, - послушай, что Он говорит: "**Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя**"

(Лк. 22:32). Это сказал Он для того, чтобы сильно тронуть его и показать, что его падение опаснее падения прочих, и требует большей помощи. В самом деле, здесь было два преступления: во-первых, то, что он противоречил, во-вторых, то, что ставил себя выше других; или лучше сказать, было и третье преступление - то, что он все приписывал самому себе. Итак, для уврачевания этого Христос и попустил падение; и потому, оставивши прочих, обращается к Петру: "**Симон!**, - говорит Он, **- Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу**" (Лк. 22:31), - то есть, возмущал, колебал, искушал; "**Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя**". Но почему же, если сатана просил всех, Христос не сказал: "молился за всех"? Не очевидно ли, что и это имеет ту же цель, о которой я говорил выше, то есть, что Христос обращает слово Свое к Петру, чтобы тронуть его и показать, что его падение опаснее падения прочих? Почему тоже не сказал Он: Я не попустил, но – "**молился**"? Идя на страдание, Он говорил смиренно, чтобы показать Свое человечество. Тот, который создал Церковь на исповедании Петра и так оградил ее, что бесчисленные опасности и смерти не одолеют ее, Который дал ему ключи царствия небесного, вручил столь великую власть и, для совершения этого, не имел нужды в молитве (не сказал тогда: "**молился**", но со властью сказал: "**Создам Церковь Мою**" и: "**и дам тебе ключи Царства Небесного**" (Мф. 18:18,19), каким образом нуждался в молитве для утверждения колеблющейся души одного человека? Почему же сказал так? По той причине, о которой я говорил, и по причине немощи учеников Своих, так как они еще не имели надлежащего о Нем понятия. Как же Петр отрекся? Христос не сказал: чтобы ты не отрекся, но - чтобы не оскудела вера, чтобы он не погиб совершенно. И это было делом попечения Христова. Действительно, безмерный страх, объявший Петра, все рассеял; а безмерным этот страх был потому, что Бог совершенно лишил его Своей помощи; а лишил помощи потому, что в нем была сильна страсть гордости и противоречия. Итак, для совершенного истребления этой страсти, Бог допустил столь сильному страху объять Петра. А что эта страсть была в нем сильна, видно из того, что он не удовольствовался тем, что прежде противоречил и пророку, и Христу, но и после того, когда Христос сказал ему: "**Истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня**", – говорил: "**Хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя**" (Мф. 26:34-35). Лука же (Лк. 22:33-34) прибавляет, что чем более Христос опровергал, тем более Петр противоречил. Что значит это, Петр: когда Христос говорил: "**Один из вас предаст Меня**", ты боялся, чтобы не быть предателем, и побуждал ученика спросить, хотя ничего подобного не сознавал в себе; а теперь, когда Он ясно провозглашает и говорит: "**Все вы соблазнитесь**", ты противоречишь, и не однажды только, а дважды и много раз? Так именно говорит Лука. Отчего же это случилось с ним? От великой любви, от великой радости. Когда он освободился от того страха относительно предательства, и узнал предателя, то говорил уже с дерзновением и, возвышая себя над другими, заявлял: "**Если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь**". Зависело это отчасти и от честолюбия, так как на вечери ученики рассуждали о том, кто из них больше: так мучила их эта страсть. Вот почему Христос уничижил Петра, не с тем, чтобы побудить его к отвержению, - да не будет, - но чтобы, оставив его лишенным помощи, показать слабость человеческой природы. Смотри, как после этого он сделался кроток: когда, по воскресении, сказал: "**А он что**" (Ин. 21:21)? - и был остановлен, то не осмелился уже противоречить, как здесь, но умолчал. Также и при вознесении, когда услышал: "**Не ваше дело знать времена или сроки**" (Деян. 1:7), опять молчал и не противоречил. И после этого, когда на горнице, и при видении плащаницы, услышал голос, говорящий ему: "**Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым**" (Деян. 10:15), - и еще не знал ясно, что значат эти слова, - молчал и не спросил.

4. Все это было следствием падения. Прежде этого Петр все приписывал себе, говоря: "**Если и все соблазнятся о Тебе, я никогда не соблазнюсь … хотя бы надлежало мне и**

умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя", тогда как надлежало бы сказать: если получу от Тебя помощь. Но после падения он говорит совершенно противное: "**Что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит**" (Деян. 3:12)? Отсюда мы научаемся той великой истине, что недостаточно бывает собственного старания человека, если он не получит высшей помощи; и наоборот, что мы не получим никакой пользы от высшей помощи, если не будет у нас собственного старания. То и другое доказывают Иуда и Петр. Первый, получивши много помощи, не получил никакой пользы, потому что не захотел, и не приложил собственного старания; а последний и при собственном старании пал, потому что не получил никакой помощи. Добродетель слагается из этих двух принадлежностей. Поэтому я умоляю, чтобы вы, предоставляя все на волю Божию, не предавались усыплению, и чтобы при собственном старании не думали, что вы все совершаете собственными трудами. Богу не угодно, чтобы мы были нерадивы, а потому Он не все сам совершает; равно не угодно Ему и то, чтоб мы были самонадеянны, вследствие чего не все нам дал, но, из того и другого, отнявши вредное, оставил нам полезное. Поэтому же попустил пасть и верховному апостолу, чтобы сделать его кротким и возбудить к большей любви. Кому больше, сказано, оставится, больше возлюбит (Лк. 7:47). Итак, будем во всем повиноваться Богу, и ни в чем не будем противоречить, хотя бы слова Его казались противными нашим мыслям и взглядам; но пусть управляет слово Его нашими мыслями и взглядами. Таким же образом будем поступать и в таинствах, обращая внимание не на внешность только, но содержа в уме своем слова Христовы. Слово Его непреложно, а наше чувство легко обольщается. Первое никогда не погрешает, а последнее часто обманывается. Поэтому когда Христос говорит: "**Сие есть Тело Мое**", то убедимся, будем верить и смотреть на это духовными очами. Христос не передал нам ничего чувственного, но все духовное, только в чувственных вещах. Так и в крещении: чрез чувственную вещь, воду, сообщается дар, а духовное действие состоит в рождении и обновлении. Если бы ты был бестелесен, то Христос сообщил бы тебе эти дары бестелесно; но так как душа твоя соединена с телом, то духовное сообщает тебе через чувственное. Как многие ныне говорят: желал бы я видеть лицо Христа, образ, одежду, обувь! Вот, ты видишь Его, прикасаешься к Нему, вкушаешь Его. Ты желаешь видеть одежды Его, а Он дает тебе самого Себя, и не только видеть, но и касаться, и внушать, и принимать внутрь. Итак, никто не должен приступать с небрежением, никто с малодушием, но все с пламенною любовью, все с горячим усердием и бодростью. Если иудеи ели агнца с поспешностью, стоя и имея сапоги на ногах и жезлы в руках, то гораздо более тебе должно бодрствовать. Они готовились идти в Палестину, а потому и имели вид путешественников; ты же готовишься идти на небо.

5. Поэтому должно всегда бодрствовать, - немалое предстоит наказание тем, которые недостойно приобщаются. Подумай, как ты негодуешь на предателя и на тех, которые распяли Христа. Итак, берегись, чтоб и тебе не сделаться виновным против тела и крови Христовой. Они умертвили всесвятое тело; и ты принимаешь его нечистою душою после столь великих благодеяний. В самом деле, Он не удовольствовался лишь тем, что сделался человеком, был заушен и умерщвлен; но Он еще сообщает Себя нам, и не только верою, но и самым делом делает нас Своим телом. Насколько же чист должен быть тот, кто наслаждается этою жертвою? Насколько чище лучей солнечных должны быть - рука, раздробляющая эту плоть, уста, наполняемые духовным огнем, язык, обагряемый страшною кровью? Помысли, какой чести ты удостоен, какою наслаждаешься трапезою! При виде чего трепещут ангелы, и на что не смеют взглянуть без страха, по причине сияния, отсюда исходящего, тем мы питаемся, с тем сообщаемся и делаемся одним телом и одною плотью со Христом. "**Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его**" (Пс. 105:2)? Какой пастырь питает овец собственными членами? Но что я говорю - пастырь? Часто бывают такие матери, которые новорожденных младенцев отдают другим кормилицам. Но Христос не потерпел этого, но Сам питает нас собственною кровью, и

через все соединяет нас с Собою. Размысли же, что Он родился от вашего естества. Но ты скажешь: это не ко всем относится. Напротив, ко всем. Если Он пришел к нашему естеству, то очевидно, что пришел ко всем; а если ко всем, то и к каждому в отдельности. Почему же, ты скажешь, не все получили от этого пользу? Это зависит не от Того, Который благоволил совершить это для всех, но от тех, которые не восхотели. С каждым верующим Он соединяется посредством тайн, и сам питает тех, которых родил, а не поручает кому-либо другому; и этим опять уверяет тебя в том, что Он принял твою плоть. Итак, удостоившись такой любви и чести, не будем предаваться беспечности. Не видите ли, с какою готовностью младенцы берут сосцы, с каким стремлением прижимают к ним уста свои? С таким же расположением и мы должны приступать к этой трапезе и к сосцу духовной чаши, - или лучше сказать, мы с большим еще желанием должны привлекать к себе, подобно грудным младенцам, благодать Духа; и одна только у нас должна быть скорбь - та, что мы не приобщаемся этой пищи. Действия этого таинства совершаются не человеческою силою. Тот, Кто совершил их тогда, на той вечери, и ныне совершает их. Мы занимаем место служителей, а освящает и претворяет дары сам Христос. Да не будет здесь ни одного Иуды, ни одного сребролюбца. Если кто не ученик Христов, то пусть удалится; трапеза не допускает тех, которые не таковы. “**С учениками Моими**”, - говорит Христос, - “**совершу пасху**” (Мф. 26:18). Это та же самая трапеза, которую предлагал Христос, и ничем не менее той. Нельзя сказать, что ту совершает Христос, а эту человек; ту и другую совершает сам Христос. Это место есть та самая горница, где Он был с учениками; отсюда они вышли на гору Елеонскую. Выйдем и мы туда, где простерты руки нищих; это именно место есть гора Елеонская; множество же нищих - это маслины, насажденные в доме Божием, источающие елей, который будет полезен для нас там, который имели пять дев, и которого не взявши, другие пять погибли. Взявши этот елей, войдем, чтобы нам с горящими светильниками выйти на встречу Жениха. Взявши этот елей, выйдем отсюда. Не должен приступать сюда ни один бесчеловечный, ни один жестокий и немилосердый, словом ни один нечистый.

6. Это говорю вам, которые приобщаетесь, и вам, которые служите. Нужно побеседовать и с вами, чтобы вы со многим тщанием разделяли эти дары. Не малое наказание ожидает вас, если вы, признавши кого-либо нечестивым, позволите причаститься этой трапезы. Кровь Его взыщется от рук ваших. Хотя бы кто был полководец, хотя бы высший начальник, хотя бы сам царь, носящий диадему, но если приступает недостойно, то запрети ему: ты имеешь больше власти, нежели он. Если бы тебе поручено было сохранять в чистоте источник воды для стада, и ты увидел овцу, имеющую на устах много грязи, то не позволил бы ей наклониться и возмутить источник. Но теперь вручен тебе источник не воды, а крови и Духа, - и ты, видя некоторых имеющих грех, который хуже земли и грязи, и приступающих к этому источнику, не вознегодуешь, не воспрепятствуешь? Какое ты можешь получить прощение? Для того Бог удостоил вас этой чести, чтобы вы разбирали такие дела. В этом состоит ваше достоинство, ваша важность, ваш венец, а не в том, чтобы вы облекались в белую и блистательную одежду. Но как, скажешь, я могу знать того и другого? Я говорю не о неизвестных, но о известных людях. Скажу нечто более страшное: не столько опасно приступать к этому таинству бесноватым, сколько тем, которые, как говорит Павел, попирают Христа, кровь завета не почитают за святыню, и ругаются над благодатию Духа (Евр. 10:29). Приступающий во грехах хуже бесноватого. Последний не наказывается, потому что он беснуется; а приступающий недостойно предается вечному мучению. Итак, будем удалять не только бесноватых, но и всех, которых увидели бы недостойно приступающими. Никто не должен приобщаться, если он не из числа учеников Христовых. Никто не должен принимать дары, подобно Иуде, чтобы не потерпеть участь Иуды. Это собрание верующих есть также тело Христово. Поэтому ты, служитель таинств, смотри, чтобы тебе не раздражить Владыку, если не будешь очищать это тело, смотри, чтобы не дать меча,

вместо пищи. Но хотя бы кто и по неразумию пришел для причащения, воспрети ему, - не бойся. Бойся Бога, а не человека. Если будешь бояться человека, то от Бога будешь уничижен; а если будешь бояться Бога, то и от людей почитаем. Если ты сам не смеешь, то приведи ко мне: я не позволю этой дерзости. Скорее предам душу свою, нежели причащу крови Господней недостойного; скорее пролью собственную кровь, нежели причащу столь страшной крови того, кого не должно. Если же кто после многих испытаний не найдет недостойного, то не будет виновен. Это сказано мною об известных людях. Если мы исправим этих, то Бог и неизвестных скоро соделает нам известными. Если же мы оставим без внимания известных нам, то для чего Ему делать других нам известными? Это говорю я не для того, чтобы мы только удаляли и отсекали, но для того, чтобы мы исправляли и возвращали их, чтобы имели попечение о них. Таким образом мы и Бога умилостивим, и найдем много достойных причастников, и получим за свое старание и попечение о других великую награду, которой да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 83

“Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там. И, взяв с Собою Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать. Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною” (Мф. 26:36-38).

1. Так как ученики неразлучно были со Христом, то Он и говорит им: “**Посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там**”. Он имел обыкновение молиться без них. Делал же это Он для того, чтобы и нас научить доставлять себе во время молитвы безмолвие и совершенный покой. С Собою берет только троих, и говорит им: “**Душа Моя скорбит смертельно**”. Для чего Он не взял всех? Для того, чтобы они не подверглись падению, и взял только тех, которые были зрителями Его славы. Но и этих он оставляет. “**И, отойдя немного**”, молится, говоря: “**Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты. И приходит к ученикам и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною? бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна**” (ст. 39-41). Не без причины Он обращается особенно к Петру, тогда, как и другие ученики также спали; но и здесь укоряет его по той же причине, которую я указал раньше. Потом, так как и прочие то же самое говорили, - когда Петр сказал: “**Хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя**”, свидетельствует евангелист: “**Подобное говорили и все ученики**”, - то обращается ко всем и обличает их слабость. Те, которые прежде решались умереть с Ним, теперь не могли бодрствовать и сострадать Ему в Его скорби, но побеждены были сном. Он же прилежно молится, чтобы это действие не показалось притворством. По той же причине истекает из Него и пот, чтобы еретики не сказали, что Его скорбь была лицемерною. Поэтому и пот истекает из Него в виде каплей крови, и для подкрепления Его явился ангел; и было много других признаков страха, чтобы кто не сказал, что это слова ложные. По этой же причине Он и молится. А когда говорит: “**Если возможно, да минует Меня**”, то показывает этим Свое человеческое естество; словами же: “**Впрочем не как Я хочу, но как Ты**”, показывает Свое мужество и твердость, научая нас повиноваться Богу, несмотря на противодействие природы. А так как для неразумных не довольно выражать скорбь на одном лице, то Он прибавляет и слова. Опять, так как недостаточно было одних слов, а требовались сами действия, то Он со словами соединяет и само дело, чтобы самые притязательные противники поверили, что Он и вочеловечился, и умер. Если и при всех этих знамениях находятся такие люди, которые не верят этому, то тем более не поверили бы, если бы ничего такого не было. Смотри, какими знамениями

Он доказывает истину благодатного строительства? И словами, и страданиями. Затем, придя к ученикам, говорит Петру: "**Не мог ты бодрствовать один час**" со Мною (Мк. 14:37)? Все спали, между тем Он обличает Петра, напоминая ему прежние его слова. Слово: "**со Мною**" Он употребил здесь не без причины, и как бы так сказал: ты не можешь со Мною бодрствовать; как же положишь за меня душу? То же самое выражается и в следующих словах: "**Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение**". Смотри, как и здесь Он учит их не гордиться, но смирить мысль свою и сердце, и предать все Богу! То обращается к Петру, то ко всем вместе. Именно говорит одному ему: "**Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас …, но Я молился о тебе**" (Лк. 22:31,32). А всем: молитесь, "**чтобы не впасть в искушение**", - везде сокрушая их гордость, и заставляя заботиться о себе. Далее, чтобы обличение Его не показалось жестоким, прибавляет: "**дух бодр, плоть же немощна**". Хотя ты, говорит Он, и желаешь презреть смерть, однако не можешь, пока Бог не поможет тебе, потому что все плотское унижает дух. И снова молился о том же, говоря: "**Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя**" (Мф. 26:42), - показывая тем, что Он совершенно согласуется с волею Божиею, и что во всем должно сообразоваться с нею и искать ее. "**И, придя, находит их опять спящими**" (ст. 43). Кроме того, что тогда была глубокая ночь, очи их были еще отягчены печалью. И отойдя от них, в третий раз помолился, сказав то же самое, чтобы подтвердить, что Он был совершенный человек. Слова: во второй раз и в третий раз, в Писании употребляются для означения несомненной достоверности чего-либо. Так Иосиф говорит фараону: во второй раз тебе явился сон ради истины и чтобы уверить тебя, что это действительно исполнится (Быт. 41:32). Поэтому и Христос говорит то же самое и в первый, и во второй и в третий раз, для того, чтобы уверить в Своем домостроительстве. Для чего Он приходит во второй раз? Для того, чтобы обличить их в том, что так погрузились в печаль, что не чувствовали даже Его присутствия. Впрочем, Он не стал обличать более, но несколько удалился от них, обнаруживая этим их великую слабость, когда они несмотря и на обличение не могли бодрствовать. А не разбудил их и не обличает снова для того, чтобы не поразить еще более уже пораженных, но отошедши от них, помолился еще, и возвратившись, сказал: "**Вы все еще спите и почиваете**" (Мф. 26:45)? Хотя это время надлежало бодрствовать, но Христос, желая показать, что они не перенесут зрелища бедствий и рассеются от ужаса, что Он не имеет нужды в их помощи, и что Он необходимо должен быть предан, говорит: "**Вы все еще спите и почиваете? вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников**". Этим Он снова показывает, что все происходившее с Ним было делом домостроительства.

2. Не только первые слова, но и следующие – "**в руки грешников**", - служат к ободрению их духа, показывая, что совершающееся над Ним есть дело злобы грешников, а не Его вины в каком-либо грехе. "**Встаньте, пойдем: вот, приблизился предающий Меня**" (ст. 46). Всем этим Он научает их, что происходившее есть дело не необходимости, и не немощи, но некоторого высочайшего промышления. Он предвидел, что придет Его предатель, и не только не бежал, но пошел даже навстречу. "**И, когда еще говорил Он, вот Иуда, один из двенадцати, пришел, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и старейшин народных**" (ст. 47). Хороши же орудия у священников! Они идут с мечами и дреколием. И Иуда, сказано, с ними, один из двенадцати учеников. Евангелист опять называет его одним из двенадцати, и не стыдится. "**Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его**" (ст. 48). О, какое злодеяние взял на душу свою Иуда! Какими глазами он смотрел тогда на Учителя? Какими устами лобызал Его? О, преступная душа! Что он умыслил, на что отважился? Какое дал знамение предательства? "**Кого я поцелую**", сказал он; он надеялся на кротость Учителя; а между тем более всего и должно было посрамить его и лишить всякого извинения то, что он предал столь кроткого Учителя. Но для чего же, ты скажешь, он дал знак? Для того, что Иисус часто, когда Его брали, удалялся от них невидимо. И в

этом случае могло быть то же самое, если бы Он сам не восхотел предаться. Желая вразумить Иуду, Он ослепил пришедших взять Его и сам спросил их: "**Кого ищете**" (Ин. 18:4)? Но они не узнали Его, хотя были с факелами и светильниками и имели с собою Иуду. Потом, когда отвечали: "**Иисуса**", тогда Он сказал им: "**Это Я**", его же ищете; и, обращаясь к Иуде, говорит ему: "**Друг, для чего ты пришел**" (Мф. 26:50)? Таким образом позволил взять Себя тогда уже, когда показал Свое могущество. А евангелист Иоанн повествует, что и в этот самый час Христос старался вразумить Иуду, говоря: "**Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого**" (Лк. 22:48)? Не стыдно ли тебе предавать таким образом? Впрочем, так как Он ему не воспрещал и этого, то и допустил лобзание, и сам Себя добровольно предал. И враги возложили на Него руки и взяли в ту самую ночь, в которую совершали пасху. Так они раздражены были, так неистовствовали. Впрочем, они ничего бы не могли сделать, если бы Он сам не попустил этого. Но это не освобождает Иуду от ужасного наказания, а подвергает его гораздо большему осуждению, потому что он, видя столь великое доказательство и могущества, и снисхождения, и смирения, и кротости своего Учителя, оказался лютее всякого зверя. Итак, зная это, будем избегать любостяжания. Оно именно тогда довело Иуду до неистовства; оно научает крайней жестокости и бесчеловечию тех, которыми обладает. В самом деле, если оно заставляет отказываться от собственного спасения, то тем более располагает к пренебрежению спасением других. И страсть эта настолько сильна, что иногда превозмогает над самым сильнейшим плотским вожделением. Поэтому с большим стыдом упоминаю, что многие удерживались от распутства потому только, что жалели денег, а между тем не хотели жить целомудренно и честно по страху Христову. Будем же бегать любостяжания, - я не перестану никогда говорить об этом. Для чего ты, человек, собираешь золото? Зачем налагаешь на себя столь тяжкое рабство, столь трудное попечение, столь сильную заботу? Положим, что тебе принадлежало бы все золото, скрытое и в рудниках, и в царских чертогах. Обладая таким множеством золота, ты стал бы только беречь его, а не пользоваться им; если ты и теперь не пользуешься тем, что имеешь, но бережешь как чужое, то тем более стал бы поступать так, если бы имел больше. Обыкновенно сребролюбцы, чем более имеют, тем более берегут свое имение. Но, я знаю, - скажешь ты, - что это мое. Следовательно, твое приобретание состоит только в одной мысли, а не в употреблении. Но при богатстве, - ты скажешь, - меня будут бояться другие. Напротив, чрез это ты станешь более доступным и для богатых и для нищих, для разбойников, клеветников, рабов и вообще всех коварных людей. Если хочешь быть страшным, то уничтожай причины, по которым могут уловить и оскорблять тебя все, которые стремятся к этому. Ужели ты не слыхал пословицы: нищего и неимущего не могут ограбить и сто человек? Бедность служит ему сильным защитником, которого не может взять и покорить даже сам царь.

3. Между тем сребролюбцу все причиняют скорбь: не люди, но и моль, и черви против него вооружаются. И что говорю - моль? Одно только время, без других причин, может нанести величайший вред сребролюбцу. Итак, какое же удовольствие в богатстве? Я вижу одни горести; покажи ты мне от него удовольствие! Но какие горести, ты скажешь? Заботы, наветы, вражда, ненависть, страх, ненасытная жадность и печаль. Если бы кто имел вожделение к какой-либо любезной ему девице, и между тем не мог бы удовлетворить своему вожделению, то терпел бы от этого жестокое мучение; так бывает и с богатым: хотя он имеет бесчисленные сокровища и живет только ими, однако, не может удовлетворить всего своего желания; с ним бывает то же самое, что говорит Премудрый: "**пожелание евнуха растлить девицу**" (Сир. 21:4), и "**подобен евнуху, который обнимает девицу и вздыхает**" (Сир. 31:21), - так и все богатые. Но кто может исчислить и другие неприятности, соединенные с богатством? Как всем несносен сребролюбец: слугам, земледельцам, соседям, правителям, обижаемым, необижаемым, особенно жене, а более всех - детям? Он воспитывает их не как свободнорожденных, но хуже, чем рабов и

невольников. Он имеет бесчисленные случаи навлекать на себя гнев, оскорбления, ярость, смех других, служа для всех предметом посмеяния. Вот сколько у него неприятностей! И может быть еще более, потому что нельзя всех исчислить, но один только опыт может показать их. Скажи же теперь ты: какое удовольствие получаешь от богатства? Ты скажешь: меня считают богатым. Но какое удовольствие считаться богатым? Ведь имя богатого составляет предмет зависти; а богатство - одно имя, не имеющее ничего существенного. Но богатый таким мнением о себе услаждается? Услаждается тем, о чем бы надлежало скорбеть. Почему же, ты скажешь, скорбеть? Потому что это делает его ни к чему негодным, малодушным, немужественным в путешествиях и в смерти. Предпочитая богатство всему, он любит более деньги, нежели свет солнечный. Его не веселит ни небо, потому что оно не приносит ему золота, ни солнце, потому что оно не испускает золотых лучей. Но есть такие, ты скажешь, которые наслаждаются имуществом, удовлетворяя прихотям и чреву, предаваясь пьянству и употребляя на это огромные издержки. Ты указываешь мне на богачей, которые еще хуже тех, так как они-то более всего и не наслаждаются своим богатством. Богач, о котором я говорил, будучи предан одной страсти, по крайней мере, свободен от других пороков; а эти хуже его, потому что, кроме той страсти, порабощаются еще множеству других: служат каждый день, как лютым владыкам, чреву, сладострастию, пьянству и другим видам невоздержания; содержат блудниц, делают великолепные пиры, покупают себе тунеядцев, льстецов, унижаются до противоестественного вожделения, и этим причиняют душе и телу бесчисленные болезни. Они тратят свое богатство не на нужное, но на то, что вредит телу, а вместе с ним развращает и душу, и поступают точно так же, как если бы кто, украшая тело свое, думал, что он тратит имущество для своей пользы. Таким образом, только тот один получает удовольствие от своего богатства и бывает господином его, кто пользуется им надлежащим образом. А те, о которых мы говорили, суть рабы его и невольники, так как усиливают недуги телесные и болезни душевные. Что за наслаждение там, где стеснение, вражда и возмущение свирепее всякой морской бури? Если богатство достается глупым, то оно делает их еще глупее; если распутному, то - распутнее. Но какая, ты скажешь, польза бедному от благоразумия? Тебе естественно не знать: ведь и слепой не знает, какую пользу доставляет свет. Послушай, что говорит Соломон: “**Преимущество мудрости перед глупостью такое же, как преимущество света перед тьмою**” (Еккл. 2:13). Но как нам вразумить человека, пребывающего во тьме? А сребролюбие есть истинная тьма, так как оно препятствует видеть вещи, каковы они сами в себе, и представляет их в другом виде. Как находящийся во тьме, хотя бы и имел пред собою золотой сосуд, или драгоценный камень, или пурпуровую одежду, счел бы все это за ничто, потому что он не видит их красоты, так и сребролюбец не видит, как должно, красоты вожделенных благ. Рассей мрак, происходящий от этого недуга, и тогда увидишь вещи в их существе: они никогда так не открываются, как в бедности; никогда так не обнаруживается ничтожность того, что кажется чем-то существующим, но, в самом деле, есть ничто, как при жизни строгой и умеренной.

4. Но, о, бессмысленные! - вы, которые клянете нищих и говорите, что стыдно взглянуть на их дома, на их образ жизни, что от нищеты все делается гнусным, скажите мне, что составляет посрамление для дома? Ужели то, что нет в нем ложа из слоновой кости, или серебряных сосудов, а все сделано из глины и дерева? Но это-то и составляет величайшую славу и знатность дома. Когда не заботятся о вещах житейских, тогда часто всю заботу и попечение обращают на пользу души. Поэтому когда замечаешь большую заботливость о внешности, тогда стыдись этого, как великого безобразия. Дома богатых особенно безобразны. В самом деле, когда ты видишь дом, в котором столы накрыты коврами, ложи украшены серебром, как в театре, как на сцене, что может сравниться с таким безобразием? Какой дом более уподобляется части театра, назначенной для плясок, или тому, что здесь происходит: дом ли богатого, или дом бедного? Не очевидно ли, что дом

богатого? Таким образом этот дом преисполнен безобразия. А какой дом подобен дому Павла, или Авраама? Без сомнения, дом бедного. Поэтому-то он особенно красив и знатен. А чтобы тебе увериться в том, что бедность служит особенно украшением дома, войди в дом Закхея и узнай, как он украшал его, когда хотел посетить его Христос: он не побежал к соседям просить у них ковров, седалищ из слоновой кости, не вынимал из кладовых драгоценных покрывал, но украсил весь дом украшением, приличным Христу. Какое же это украшение? “**Господи! половину имения моего я отдам нищим**, **-** говорит он, **- и, если кого чем обидел, воздам вчетверо**” (Лк. 19:8). Так и мы должны украшать дома, чтобы и нас посетил Христос. Это-то и есть ковры драгоценные; они приготовляются на небе, там ткутся. Где есть это, там присутствует и Царь небесный. Если же ты украшаешь чем-либо иным, то призываешь к себе дьявола и его служителей. Христос был и в доме мытаря Матфея (Мф. 9:10). Что же этот сделал? Прежде всего, украсил себя усердием, потом тем, что оставил все и последовал за Иисусом. Так и Корнилий украшал дом свой молитвами и милостынями; а потому и доныне блистает он более, нежели царские чертоги. Подлинно, безобразие дома состоит не в том, что в нем сосуды лежат в беспорядке, ложе не убрано, стены закопчены дымом, - а в грехах живущих в нем. Это ясно показывает Христос: Он не постыдился войти в подобный дом, когда в нем жил человек честный; напротив, в другой дом, хотя бы в нем был золотой потолок, никогда не войдет. Поэтому тот дом, который принимает Владыку всех, блистательнее царских палат; а этот, с золотым потолком и с золотыми столбами, подобен нечистым стокам и водопроводам, потому что украшен сосудами дьявольскими. Впрочем, сказанное мною относится не вообще к богачам, пользующимся богатством по надлежащему, но к скупым и сребролюбивым людям, которые заботятся не о нужном, но о пресыщении чрева, о вине и других подобных мерзостях, тогда как в доме бедном заботятся только о строгой жизни. Вот почему Христос никогда не входил в блистательный дом, но был в доме мытаря, начальника мытарей и рыбаря, оставив царские палаты и тех, которые облекались в дорогие одежды. Итак, если и ты желаешь призвать Его в свой дом, то укрась последний милостынями, молитвами, всенощными бдениями и усердным молением. Это и составляет украшение для Царя Христа, а внешняя пышность есть украшение для мамоны, врага Христова. Итак, никто пусть не стыдится иметь бедный дом, если в нем есть такие украшения; равно никто из богатых пусть не гордится великолепным домом, напротив, пусть стыдится, и, оставив его, пусть поревнует о первом, чтобы и на земле принять Христа, и на небе удостоиться вечных селений благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 84

"И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященника, отсек ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? как же сбудутся Писания, что так должно быть" (Матф. 26:51-54)?

1. Кто этот один, урезавший ухо? Евангелист Иоанн говорит, что это Петр (Иоан. 18:10). Такой поступок был делом его пылкости. Но нужно исследовать, для чего ученики Иисуса носили ножи? А что они носили их с собой, это видно не только из настоящего обстоятельства, но еще из их ответа, что у них есть два меча. Для чего же позволил им Христос иметь мечи? Евангелист Лука повествует, что когда Христос спросил их: "**когда Я посылал вас без мешка и без сумы и без обуви, имели ли вы в чем недостаток**"? и когда они отвечали: "**ни в чем**", тогда Он сам сказал им: "**но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч**"; и когда

они на это отвечали: "**вот, здесь два меча**", тогда Он сказал им: "**довольно**" (Лук. 22:35-36,38). Итак, для чего же Он позволил им иметь мечи? Чтобы уверить их, что он будет предан. Поэтому и говорит им: "**купи нож**", не для того, чтобы вооружились; нет, но чтобы этим указать на предательство. Для чего, опять ты спросишь, Он повелел иметь мех? Он учил их тем трезвиться, бодрствовать и иметь самим о себе великую заботу. Вначале Он держал их, как неопытных, под охранением Своего могущества, а теперь, выпустив их как птенцов из гнезда, велит им самим летать. Далее, для того, чтобы они не подумали, будто Он оставляет их по слабости Своей, повелевая и им действовать самостоятельно, Он напоминает им о прошедшем, говоря: "**когда Я посылал вас без мешка, имели ли вы в чем недостаток**"? Он хочет уверить их в Своей силе и тем, что Он прежде поддерживал их, и тем, что ныне не вдруг оставляет. Но откуда были у них мечи? Они шли прямо с вечери после трапезы; вероятно, поэтому, там для агнца были и ножи; когда же они услышали, что на Иисуса будет сделано нападение, то и взяли с собой эти ножи для защиты своего Учителя; но это они сделали только по своей воле. Поэтому-то Христос и упрекает Петра, и притом со страшной угрозой, за то, что он употребил меч в отмщение пришедшему рабу, хотя он поступил так горячо в защиту не самого себя, а своего Учителя. Но Христос не допустил, чтобы от этого произошел какой-либо вред. Он исцелил раба, и сделал великое чудо, которое могло открыть и Его кротость, и могущество, а равно и нежность любви, и покорность ученика, потому что тот поступок был свидетельством его любви, а этот послушания. Когда он услышал: "**вложи меч в ножны**" (Иоан. 18:11), то тотчас повиновался и впоследствии никогда не делал этого. Другой же евангелист повествует, что ученики спрашивали Его: "**не ударить ли нам мечом**" (Лук. 22:49)? Но Христос воспретил это, и исцелил раба, а ученику возбранил еще с угрозой, для того, чтобы более вразумить его: "**ибо все**", говорит Он, "**взявшие меч, мечом погибнут**". И приводит основание, говоря: "**или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов**"? Но "**как же сбудутся писания**"? Этими словами Он остановил их горячность, показывая, что случившееся с ним соответствует и Писанию. Поэтому Он и там молился, чтобы они с покорностью перенесли случившееся с Ним, зная, что это совершается по воле Божьей. Итак, двумя причинами Он хотел успокоить учеников: во-первых, угрозой наказания тем, которые начинают нападение: "**ибо все**", сказал Он, "**взявшие меч, мечом погибнут**"; во-вторых, тем, что Он терпит это добровольно: могу, говорит Он, "**умолить Отца Моего**". Но почему Он не сказал: неужели вы думаете, что Я не могу погубить их? Потому что первые Его слова были гораздо убедительнее; а ученики Его не имели еще о Нем надлежащего понятия. Некоторое время назад Он говорил: "**душа Моя скорбит смертельно**", и еще: "**Отче, да минует Меня чаша**", и был в скорби и поте, и укрепляем от ангела. Итак, вследствие того, что Он показывал в Себе много человеческого, Ему не поверили бы, если бы Он сказал: неужели вы думаете, что Я не могу погубить их? Поэтому и говорит: "**или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего**"? Но и здесь опять показывает смирение, когда говорит: "**представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов**". Если один ангел поразил сто восемьдесят пять тысяч вооруженных (4 Царств. 19:35), то неужели нужно было Христу двенадцать легионов ангелов против тысячи человек? Нет! Он так сказал по причине страха и слабости учеников Своих, так как они от страха омертвели. Поэтому же Он ссылается и на Священное Писание: "**как же сбудутся писания**"? и этим устрашая их. Если происходящее со Мной подтверждается Священным Писанием, то для чего вы сопротивляетесь?

2. Так говорил Христос ученикам Своим, а врагам, напавшим на Него, сказал: "**как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня; каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня**" (Матф. 26:55). Смотри, сколько Он делает такого, что могло вразумить их: то повергает их на землю, то исцеляет ухо рабу, то

угрожает им убийством. "**Мечом погибнут**", говорит Он, "**взявшие меч**", - что самое и подтвердил исцелением уха; везде, и в настоящем и в будущем, являет Свое могущество и показывает, что иудеи не своей силой взяли Его. Поэтому Он и прибавляет: "**каждый день с вами сидел Я, уча в храме, и вы не брали Меня**", показывая и этим, что они взяли Его по Его соизволению. Не упоминая о чудесах, Он говорит только об учении, для того, чтобы не показаться тщеславным. Когда Я учил вас, тогда вы Меня не брали; а когда замолчал, тогда напали на Меня. Я был в храме, и никто не удерживал Меня; а теперь неблаговременно, среди ночи, вы приступили ко Мне с оружием и кольями. Какая нужда в этом оружии против Того, Кто был всегда с вами в храме? Этим научает, что они никогда бы не могли взять Его, если бы Он не предал Себя добровольно, потому что если и прежде, имея Его в своих руках, всегда посреди себя, они не могли взять Его, то и ныне также не могли бы сделать этого, если бы Он не захотел. Далее разрешает недоумение, для чего Он восхотел предать Себя. "**Это же все было**", говорит Он, "**да сбудутся писания пророков**" (Матф. 26:56). Смотри, как Он до последнего часа, и в самое время предания, все делает для исправления врагов Своих: вразумляет их, пророчествует, угрожает им: "**мечом**", говорит Он, "**погибнут**", а когда говорит: "**каждый день с вами сидел Я, уча**", то этим показывает добровольное Свое страдание; словами же: "**да сбудутся писания пророков**" доказывает Свою покорность воле Отца. Почему же они не взяли Его в храме? Потому что не осмелились на это в храме в виду народа. Поэтому Он и вышел вон из города, предоставляя им в отношении и места и времени полную свободу и, даже до последнего часа лишая их оправдания. Тот, Кто в исполнение божественных пророчеств предал самого Себя, мог ли учить противному воле божественной? "**Тогда все ученики**", говорит евангелист, "**оставив Его, бежали**". Когда взяли Иисуса Христа, ученики оставались еще при Нем; но когда Он сказал толпе, напавшей на Него, упомянутые слова, разбежались. Они, наконец, увидели, что уже нельзя будет более Ему уйти после того, как Он добровольно предал Себя, и объявил, что это совершается сообразно писаниям пророческим. По рассеянии учеников, Иисуса Христа приводят к Каиафе: "**Петр же следовал за Ним издали, чтобы видеть конец**" (Матф. 26:58). Велика была любовь этого ученика: увидав, как убежали другие ученики, он все-таки не убежал, но остался и вошел с Христом во двор Каиафы. Без сомнения, и Иоанн сделал то же (Иоан. 18:15), но он был известен первосвященнику. Для чего же привели Христа в такое место, где все были собраны? Для того чтобы все сделать по воле архиереев. Каиафа был тогда первосвященником, и у него там были все собраны: так они бодрствовали и не спали целую ночь ради этого. Не пасху они тогда совершали, как пишет евангелист, но не спали по этому самому делу. Евангелист Иоанн, сказав, что было утро, присовокупляет: "**они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху**" (Иоан. 18:28). Это что значит? То, что они ели пасху в другой день, и стремясь погубить Христа, нарушили закон. Христос не пропустил бы времени пасхи, но Его убийцы осмеливались на все, и нарушали многие законы. Так как они терзаемы были жестокой яростью против Него, и, часто покушаясь убить Его, не могли этого сделать, то теперь, взяв Его неожиданно, решились оставить даже пасху, чтобы исполнить свое кровожадное намерение. Вот почему и собрались все, и, составив сонм губителей, искали лжесвидетельства, чтобы своим коварным замыслам дать вид законного суда. Они не имели даже истинных свидетельств (Марк. 14: 56): так беззаконен был их суд, так все было извращено и перепутано! "**Пришли лжесвидетели и сказали: Он говорил: могу разрушить храм Божий и в три дня создать его**" (Матф. 26:60-61; Мрк. 14:58; Иоан. 2:19). И Он действительно говорил, что в три дня воздвигнет Церковь, но не говорил: "**разрушу**", а: "**разрушьте**"; и притом говорил не о Церкви, а о собственном теле. Что же сказал на это первосвященник? Желая побудить к защите самого обвиняемого, чтобы через это уловить Его, он говорит: "**не слышишь ли, что они против Тебя свидетельствуют? Иисус молчал**" (Матф. 26:62-63). Ответ был бесполезен, когда никто не слушал, да и суд их имел только наружный вид суда, на самом же деле был не что иное,

как нападение разбойников, которые бросаются на проходящих из своего вертепа. Поэтому Христос и молчал. Между тем первосвященник продолжал говорить: "**заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын**" Бога живого? Он же сказал: "**ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Тогда первосвященник разодрал одежды свои и сказал: Он богохульствует**" (Матф. 26:63-65). Это Он сделал для того, чтобы усилить обвинение, и свои слова подтвердить самым делом. И так как слова его привели в страх слушателей, то они точно так же, как и во время осуждения Стефана, затыкали уши свои.

3. Но в чем состоит эта хула? Ведь и прежде Христос говорил собравшимся к Нему: "**сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня**" (Матф. 22:44; Псал. 109:1), и изъяснил эти слова; и они тогда не смели говорить, а молчали, и с того времени ни в чем уже Ему не противоречили. Как же теперь слова Его они назвали хулой? Для чего и Христос дал такой ответ? Для того чтобы отнять у них всякое извинение, так как Он учил их до последнего дня, что Он есть Христос, сидит одесную Отца, и имеет прийти опять судить вселенную, - что самое свидетельствовало о совершенном Его согласии с Отцом. Итак, первосвященник, растерзав ризы свои, сказал: "**как вам кажется**"? Не объявляет своего мнения, но требует его от своих советников, как будто об очевидных преступлениях и явном богохульстве. Но так как первосвященники знали, что если дело будет исследовано и тщательно рассмотрено, то Христос окажется совершенно невинным, то и осуждают Его сами и, предупреждая слушателей, говорят: "**вы слышали богохульство**", едва не вынуждая тем, едва не насильно исторгая приговор. Что же отвечали эти слушатели? "**Повинен смерти**", - чтобы, как будто уже обвиненного, только оставалось представить Его на суд Пилата. Сознавая это, они и говорят: "**повинен смерти**"! Сами обвиняют Его, сами судят, сами произносят приговор, - сами все делают. Почему же они не выставили в обвинение Христа Его дело в субботу? Потому, что Он прежде часто заграждал им уста, когда они начинали говорить об этом, и притом они хотели уловить Его и осудить на основании настоящих Его слов. Итак, первосвященник, предварительно исторгнув у них это осуждение на Иисуса, и раздиранием риз своих, склонив всех на свою сторону, ведет Его как злодея к Пилату. Так он доселе действовал. Но у Пилата они ничего подобного не говорят, но что же? "**Если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе**" (Иоан. 18:30), - желая умертвить Его как виновного в преступлении против общественного блага. Но почему они не умертвили Его тайно? Потому что хотели уничтожить и самую славу Его. Так как много было таких, которые слышали Его беседы и сильно удивлялись Ему, то враги Его стараются предать Его смерти публично, перед всеми. А Христос со своей стороны не препятствовал этому, но злобу их употребил к утверждению истины, так как через это смерть Его стала всем известной. Таким образом, случилось совсем не то, чего хотели. Враги хотели предать Его публичному позору, чтобы таким образом посрамить Его, а Он через это самое еще более прославил Себя. И подобно тому, как они говорили прежде: убьем Его, "**придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом**" (Иоан. 11:48); а когда убили Его, то это с ними и случилось, - так и здесь они хотели публичным распятием повредить Его славе, но вышло напротив. А что они имели власть сами по себе предать Его смерти, это видно из слов Пилата: "**возьмите Его вы, и по закону вашему судите Его**" (Иоан. 18:31). Но они не хотели этого, чтобы показать, что Он предан смерти как законопреступник, как самозванец, как возмутитель. Вот почему и распяли вместе с Ним разбойников; потому же и говорили: "**не пиши: Царь Иудейский, но что Он говорил: Я Царь Иудейский**" (Иоан. 19:21). Все это делалось для утверждения истины, чтобы врагам не осталось даже и тени бесстыдного оправдания. Точно так же печать и стража при гробе только способствовали яснейшему обнаружению истины; то же самое должно сказать о посмеянии, злословии, поношении. Таково обыкновенно коварство: что оно злоумышляет,

тем самым и разрушается. Так случилось и здесь: те, которые думали одержать верх, остались наиболее посрамленными, побежденными и низложенными; а кто казался побежденным, тот особенно прославился и одержал верх. Итак, не всегда будем искать победы, и не всегда будем избегать поражения. Иногда и победа приносит вред, а поражение пользу. Так между людьми раздраженными обыкновенно считают победившим того, кто более нанес обид; но этот-то, в самом деле, и остался побежденным жесточайшей страстью и обиженным; а кто равнодушно перенес обиду, тот победил и одержал верх. Тот не мог уврачевать даже и собственного недуга, а этот перенес чужой; тот побежден от себя, а этот восторжествовал над другим, и не только сам не сгорел, но и погасил высоко вздымавшееся пламя другого. А если бы он пожелал одержать мнимую победу, то и сам был бы побежден, и, возжегши другого, доставил бы ему тем жесточайшее страдание и таким образом оба, подобно женщинам, подверглись бы постыдному и жалкому посрамлению. Но, поступив как прилично мужу мудрому, он избежал стыда и, допустив благодушно победить себя в самом себе и в ближнем, воздвиг себе блистательный трофей победы над гневом.

4. Итак, не всегда будем искать победы. Конечно, оскорбивший обыкновенно одерживает победу над оскорбленным; но это худая победа, так как она причиняет погибель победителю. Между тем, обиженный и мнимо побежденный, когда переносит обиду великодушно, без сомнения получает блистательный венец. Во многих случаях лучше претерпеть поражение; и это даже есть самый лучший способ победы. Если бы кто ограбил кого, или нанес кому удары, или завидовал кому, то претерпевший это и не оказавший сопротивления остался бы победителем. Но что говорить о грабительстве и зависти? Влекомый на мучение также бывает победителем, когда терпит узы, биение, сечение и мучительную смерть. Как в обыкновенном сражении падение считается поражением, так у нас - победой. Мы никогда не бываем победителями, когда делаем зло; напротив, всегда побеждаем, когда терпим зло. Точно также и блистательная победа бывает тогда, когда мы терпением побеждаем обижающих нас. Отсюда видно, что эта победа от Бога, потому что она имеет свойство противное обыкновенной победе, что и служит доказательством могущества. Так и морские камни рассекают ударяющиеся о них волны; так и все святые тогда прославились и получили венцы и воздвигли себе блистательные трофеи, когда одержали такую, чуждую сопротивления победу. Не тревожься, не беспокойся; Бог дал тебе силу побеждать не сражаясь, но через одно только терпение. Не ополчайся, не выходи сам, - и ты одержишь победу; не сражайся, - и ты получишь венец. Ты гораздо сильнее самого могущественного из твоих противников. Что ты стыдишь сам себя? Не давай ему сказать, что ты победил через сражение; но пусть он изумляется твоей непобедимой силе и всем говорит, что ты победил его без сражения. Так и блаженный Иосиф прославляется за то, что терпением победил сделавших ему зло. И братья и египтянка злоумышляли против него, но он их всех победил. Не говори мне ни о темнице, где он был заключен, ни о царских палатах, где жила эта жена; но покажи, кто был поражен, и кто остался победителем, кто в скорби, и кто в радости. Египтянка не могла победить не только этого праведника, но даже собственной страсти, а он победил и ее и жестокую болезнь. Если хочешь, то выслушай самые ее слова, и ты увидишь победу: "**привел к нам Еврея ругаться над нами**" (Быт. 39:14,17). Не отрок наругался над тобой, несчастная и жалкая женщина, а дьявол, который внушил тебе, будто ты можешь сокрушить адамант. Не муж твой привел к тебе отрока еврея, злоумышляющего против тебя, но злой демон, который вложил в тебя нечистую похоть; он надругался над тобой. Что же делает Иосиф? Он молчит и так же осуждается, как и Христос, потому что все, случившееся с Иосифом, служит образом того, что произошло с Христом. Иосиф был в узах, а эта женщина в царских чертогах. Но что из того? Он был славнее всякого венценосца, хотя томился в узах; а она была несчастнее всякого узника, хотя жила в царских чертогах. Впрочем, победы и поражения должно искать не только здесь, но и в

самом окончании дела. В самом деле, кто достиг желаемого? Узник, а не царица. Тот старался соблюсти целомудрие, а эта хотела его лишить такового. Кто же теперь получил желаемое: тот ли, кто потерпел зло, или та, которая сделала зло? Очевидно, тот, кто потерпел зло. Таким образом, он остался и победителем. Итак, зная это, будем искать той победы, которая получается через претерпение зла, и избегать той, которая достигается через нанесение зла. Тогда мы и настоящую жизнь проведем безмятежно и совершенно спокойно, достигнем и будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 85

"Тогда плевали Ему в лице и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам и говорили: прореки нам, Христос, кто ударил Тебя" (Матф. 26:67-68).

1. Для чего они это делали, если хотели умертвить Его? Что была за нужда в таком издевательстве? Разве та, чтобы видел ты наглый нрав их? Подлинно, как будто найдя добычу, они обнаруживали свое исступление: порывались бешенством, совершая это торжество, со злобной радостью бросались на Него, выказывая убийственный свой нрав. Подивись же любомудрию учеников: с какой тщательностью они повествуют об этом! Здесь ясно обнаруживается их любовь к истине; то, что кажется бесчестным, они пересказывают со всей точностью, ничего не утаивают, ничего не стыдятся, но еще и за великую честь считают, - и справедливо, - что Владыка вселенной благоволил понести за нас такие страдания. Это показывало неизреченную Его попечительность и непростительную злобу тех, которые со столь кротким и тихим поступали так, как только может поступать лев с агнцем. Ничего, ничего здесь не опущено, ни с Его стороны - в кротости, ни с их - в злобе и жестокости на словах и на деле. Все это предвозвестил и пророк Исаия, так, в кратких словах, выражая это поношение: "**как**", говорит, "**многие изумлялись, смотря на Тебя, - столько был обезображен паче всякого человека лик Его, и вид Его - паче сынов человеческих**" (Ис. 52:14). Что может сравниться с этим оскорблением? На то самое лицо, увидев которое устыдилось море, от которого солнце, узрев на кресте, скрыло лучи свои, - на то самое лицо плевали, то самое лицо заушали, били по голове, безмерно увлекаемые своим неистовством. Наносили удары самые жесточайшие, били по щекам, заушали, и к этим язвам присоединяли позор оплевания. Мало того, - громко повторяли едкие насмешки, говоря: "**прореки нам, Христос, кто ударил Тебя**", так как многие называли Его пророком. Другой евангелист (Лук. 22:64) говорит, что они закрывали при этом лицо Его одеждой, то есть, как будто имели перед собой человека самого бесчестного и ничего не стоящего. И не только свободные, но и рабы ругались над Ним с таким безумием. Об этих-то событиях должны мы читать Писание как можно чаще; о них слушать со всем вниманием; начертывать их на сердце нашем: все это для нас истинно честь. Этим я хвалюсь: хвалюсь не тысячей только мертвецов, которых воскресил Он, но и теми страданиями, которые Он претерпел. Об этом и Павел непрестанно повторяет, то есть, о кресте, о смерти, о страданиях, о поруганиях, о поношениях, о насмешках. Он то говорит: "**выйдем к Нему за стан, нося Его поругание**" (Евр. 13:13), то проповедует: "**вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление**" (Евр. 12:2). "**Петр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином. Но он отрекся перед всеми, сказав: не знаю, что ты говоришь. Когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем. И он опять отрекся с клятвой, что не знает Сего Человека. Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя. Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде, нежели пропоет**

петух, трижды отречешься от Меня. И выйдя вон, плакал горько" (Матф. 26:69-75). Странное и неожиданное дело! Когда Петр видел, как только задерживали Учителя, он до такой степени воспламенился, что схватил меч и отрезал ухо; а когда надлежало большее обнаружить негодование, более воспламениться, слыша такие поругания, - тогда он отрекается! Кого, в самом деле, не привело бы в ярость то, что происходило тогда? И, однако, ученик, побежденный страхом, не только не показывает никакого негодования, но и отрекается, не сносит угрозы бедной, бессильной служанки. И не однажды, но и в другой и третий раз отрекается, и в короткое время, и не перед судьями, так как он был во дворе, и служанка спрашивала его тогда, когда он выходил за ворота. Не тотчас почувствовал он и свое падение. Лука говорит, что Иисус воззрел на него (Лук. 22:10), т. е. он не только отрекся, но и тогда, как пел петух, не вспомнил сам по себе, а надобно было, чтоб напомнил ему опять Учитель: взор служил ему вместо голоса. Так он был поражен страхом! Марк же повествует, что петух запел, когда Петр отрекся в первый раз; потом вторично запел, когда тот отрекся в третий раз (Марк. 14:68-72), - то есть, точнее, пересказывает о слабости ученика и об его оцепенении от ужаса; а Марк узнал об этом от учителя своего, так как был спутником Петра. Поэтому тем более надлежит удивляться ему, что он не только не скрыл падения учителя своего, но напротив. Потому-то яснее прочих и рассказал об этом, что был учеником.

2. Но как же могут быть справедливы слова Матфея, когда он повествует, что Иисус сказал: "**истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде, нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня**" (Матф. 26:34), тогда как Марк, сказав о троекратном отвержении, упоминает, что "**петух запел во второй раз**" (Марк. 14:72)? Справедливы вполне и здесь нет никакого противоречия. Так как петух в каждый прием обыкновенно кричит по три и четыре раза, то Марк и говорит об этом, желая показать, что и крик петуха не удержал Петра от падения, и не привел ему на память обещания его. Таким образом, и то и другое справедливо. Прежде, нежели петух успел кончить первый прием, Петр отрекся трижды. И когда Христос привел ему на память грех, он не осмелился плакать явно, чтобы по слезам не быть обвиненным, но "**выйдя вон, плакал горько**". Когда наступил день, "**отвели**" Иисуса от Каиафы "**к Пилату**" (Матф. 27:2). Так как они решились умертвить Его, но сами не могли, по причине праздника, то и ведут к игемону. Размысли же теперь, как они спешили, если даже в праздник совершили такое дело? Так было предуставлено свыше! "**Тогда Иуда, предавший Его, увидев, что Он осужден, и, раскаявшись, возвратил тридцать сребреников**" (Матф. 27:3). Это увеличивает вину и его, и их: его - не потому, что он раскаялся, а потому, что раскаялся слишком поздно и сам над собой произнес осуждение, так как сам исповедал, что предал Его; их же вину увеличивает потому, что они, имея возможность переменить свои мысли, не раскаялись. Смотри, когда Иуда раскаивается? Когда уже совершено и приведено к концу преступление. Таков дьявол: он не дает беспечным взглянуть на грех свой прежде, чем они совершат его, чтобы пойманный не раскаялся. Предатель не трогался тогда, как Иисус столько раз обличал его, но когда уже совершено преступление, пришло ему на мысль покаяние, - пришло, но уже без пользы. Конечно, заслуживает одобрения то, что он сознался, повергнул сребреники, и не устрашился иудеев; но что сам на себя надел петлю, - это грех непростительный, это дело злого демона. Дьявол отвлек его от покаяния, чтобы оно осталось для него совершенно бесполезным; он же и умертвил смертью позорной и для всех открытой, внушив ему погубить самого себя. Но ты можешь видеть, как истина сияет всюду, даже и в том, что делают, или чему подвергаются враги. В самом деле, такая смерть предателя не заграждает ли уста осудивших Иисуса и не лишает ли их всякого предлога к бесстыдному самооправданию? Что они могут сказать, когда предатель сам против себя подал такой голос? Но посмотрим и на слова, какие они говорили. "**Возвратил тридцать сребреников первосвященникам**", и сказал: "**согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? смотри сам. И, бросив сребреники в храме, он вышел, пошел и**

удавился" (Матф. 27:3-5). Не вынес мучений совести. Но смотри: и с иудеями происходит то же самое, и они, долженствуя очувствоваться после всего, что испытали над собой, останавливаются не прежде как уже совершив преступление. Грех Иуды, то есть, предательство, уже совершен, - а их грех еще не совершен. Но вот, когда и они кончили свое дело, и распяли Иисуса, то и сами приходят в смятение. То говорят: "**не пиши: сей есть царь Иудейский**" (Иоан. 19:2) (хотя чего ж бояться вам, отчего смущаться, когда мертвое тело уже пригвождено к кресту?), то берегут Его, говоря: "**чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний обман хуже первого**" (Мат. 27:64). Но если ученики и скажут так, то дело можно обнаружить, если оно несправедливо. Да и как похитят те, которые после того, как он был схвачен, не имели смелости остаться с Ним, а самый верховный еще трижды, и отрекся Его, не снеся угрозы служанки? Но дело в том, что они, как я сказал, уже смущались. А что они признавали дело это законопреступным, - это показывают их слова: "**смотри сам**". Заметьте это вы, сребролюбцы, и подумайте, что стало с предателем? Как он и денег лишился, и согрешил, и душу погубил свою? Таково тиранство сребролюбия! Ни серебром не воспользовался, ни жизнью настоящей, ни жизнью будущей, но вдруг лишился всего и, от них же самих, получив худой отзыв, удавился. Но, как я сказал, некоторые осматриваются, сделав уже дело. Смотри же, как и эти не хотят теперь вполне почувствовать злодейской решимости, а говорят: "**смотри сам**", - что особенно увеличивает их вину. Это слова людей, которые сами свидетельствуют о своем злодействе и беззаконии, а между тем, будучи упоены страстью, не хотят отстать от сатанинского предприятия, и безумно прикрывают себя бессмысленной личиной притворного неведения. Если бы это сказано было после распятия, и уже после смерти Его, то и тогда даже слова эти не имели бы смысла, хотя и не столько бы обвиняли их; а теперь, когда Он еще у вас, и вы властны отпустить Его, как вы можете говорить это? Это оправдание всего более и служит к вашему осуждению. Почему так? Потому, что слагаете всю вину на предателя (говорите: "**смотри сам**"), тогда как можете отстать от христоубийства и отпустить Его. Но нет, они еще состязаются с Иудой в злодействе, присоединяя к предательству крест. В самом деле, что препятствовало тем, которые сказали: "**смотри сам**", отстать от злодеяния? Но они теперь поступают напротив, - присовокупляют убийство, и во всем, что ни делают, что ни говорят, сами себя опутывают нерасторжимыми узами зла. И после, когда Пилат предоставил им выбор, они предпочли освободить разбойника, а не Иисуса; Того же, Который ничем никого не оскорбил, а напротив, оказал столько благодеяний, убили!

3. Что делает Иуда? Когда он увидел, что трудился бесполезно, и что они не хотят принять сребреников его, бросил их в храме, и "**пошел и удавился**. **Первосвященники, взяв сребреники, сказали: непозволительно положить их в сокровищницу церковную, потому что это цена крови. Сделав же совещание, купили на них землю горшечника, для погребения странников; посему и называется земля та "землей крови" до сего дня. Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит: и взяли тридцать сребреников, цену Оцененного, Которого оценили сыны Израиля, и дали их за землю горшечника, как сказал мне Господь**" (Матф. 27:6-10). Видишь ли опять, как они осуждаются совестью? Он и видели, что купили убийство, а потому не положили в сокровищницу, а купили землю горшечника для погребения странников. Вот свидетельство против них и обличение предательства! Название места громче трубы возвещает всем о гнусном их убийстве. И это делают они непросто, но – "**сделав совещание**", и поступают так во всем, чтобы никто не остался неповинным в этом беззаконии, но чтобы все были виновны. Это предсказано и в пророчестве. Видишь ли, как не только апостолы, но и пророки со всей тщательностью повествуют о поношениях, проповедуют всюду о страданиях и наперед предсказывают им? А иудеи не поняли этого. Если бы они положили в сокровищницу, дело не обнаружилось бы так ясно, купив же

землю, они сделали все гласным и для будущих родов. Внимайте вы, которые убийствами думаете благотворить ближним, и берете цену душ человеческих. Это милостыни иудейские, или лучше сказать, сатанинские! Есть, подлинно есть и ныне такие, которые, ограбив весьма многих, считают себя совершенно правыми, если бросят десять или сто златниц. О них-то пророк говорит: "**заставляете обливать слезами жертвенник**" (Малах. 2:13). Не хочет Христос питаться плодами любостяжания, не принимает Он такой пищи. Зачем ты оскорбляешь Владыку, принося Ему нечистое? Лучше презреть томимого голодом, нежели кормить такой пищей. То - дело человека жестокосердого, а это и жестокосердого, и обидчика. Лучше ничего не давать, чем давать чужое. Скажи мне, если б ты увидел двух людей - одного нагого, а другого в одежде, и, раздев последнего, одел первого, то разве не неправо поступил бы ты? Всякий с этим согласится. Если же ты, и отдавая все взятое другому, обижаешь только, а не милуешь, то тогда, когда даешь только малейшую часть из похищенного, и называешь это милостыней, - какого не достоин ты наказания? Если приносившие хромое животное подвергались суду, то ты, который делаешь хуже, какого можешь ожидать прощения? В самом деле, если в ветхом завете хищник, возвращавший самому владельцу похищенное, все еще оставался неправ и притом до такой степени, что даже и тогда, как уплачивал вчетверо против похищенного, едва смывал вину свою, то подумай, какой огонь собирает на голову свою тот, кто не только похищает, но делает еще насилие, и притом возвращает не самому ограбленному, а вместо него отдает другому, и не только вчетверо, но и половины не возвращает, живя притом не в ветхом, а в новом завете? Если такой хищник остается не наказанным, то рыдай о нем по тому самому, что он собирает себе тягчайший гнев, если он не покается. Думаете ли вы, говорил Спаситель, что только те одни были грешны, на которых упал столп? "**Ни, глаголю вам: но если не покаетесь**", то и вы потерпите то же самое (Лук. 13:5). Итак, покаемся, и дадим милостыню не из прибытков любостяжания, дадим милостыню щедрую. Представьте себе, как иудеи питали восемь тысяч левитов, кроме них - вдов, сирот, притом исполняли многие и другие должности, а также бывали и на войне. Ныне же Церковь сама содержит поля, дома, дает поземельную за дома, содержит колесницы, конюхов, мулов и другое многое, для вас же, и по причине вашего жестокосердия. Надлежало бы этим сокровищам церковным находиться в руках ваших, а доходом церкви должно бы служить ваше усердие. Теперь же проистекают из этого две следующие несообразности: и вы остаетесь без плода, и священники Божьи не занимаются надлежащим делом. Ужели за апостолами не могли оставаться дома и поля? Почему же они продавали их и раздавали все? Потому что так лучше было.

4. Но ныне, когда вы до безумия заняты житейскими попечениями, когда вы только собираете, а не расточаете, - страх объял отцов ваших на счет участи вдов, сирот и дев, как бы не сгибли толпы этих несчастных от голода, а потому они принуждены были установить такой порядок. Они совсем не хотели заниматься сами такими неподобающими делами; они желали, чтобы только ваше усердие было их собственностью, чтобы от него получить все плоды, а самим бы пребывать в молитвах. Теперь же вы принудили их подражать людям мирским, живущим хозяйством: отсюда все извратилось. В самом деле, когда и вы, и мы занимаемся одним и тем же, то кому умилостивлять Бога? Мы не смеем отверзть уст, так как церковь является уже ничем не лучше людей мирских. Разве вы не знаете, как апостолы не хотели разделять имений, даже и без труда собранных? А ныне наши епископы в подобных заботах превзошли самих приставников, экономов и корчемников, и в то время как им надлежало бы печься о ваших душах, они каждый день озабочены тем, чем обыкновенно занимаются сборщики, приемщики, счетчики и казначеи. Не напрасно я говорю об этом и изливаю скорбь мою. Я желал бы видеть какое-нибудь исправление и перемену; желал бы, чтобы над нами, удрученными столь тяжким рабством, сжалились, наконец, чтоб вы сделались опять для Церкви и доходом, и сокровищем. Если же не хотите, то вот нищие перед глазами

вашими. Скольких можем, не перестанем питать мы; а тех, кого не будем в состоянии призреть, предоставляем вам, - чтобы не услышали вы в страшный день этих слов, относящихся к немилостивым и жестоким: вы Меня видели алчущего, и не напитали. Ваше бесчеловечие и нас вместе делает смешными, когда мы, оставив молитву и учение, и другие святые занятия, толкаемся и день и ночь, одни с виноторговцами, другие с хлеботорговцами, третьи с торговцами иного рода. Отсюда ссоры и споры, ежедневная брань, упреки и насмешки; отсюда священнику дают имена, приличные более в мирском хозяйстве, между тем как надлежало бы заменить их совсем другими, и заимствовать наименования от тех действий, от которых заповедали заимствовать и апостолы: от питания нищих, от защиты обижаемых, от попечения о странных, от вспомоществования бедствующим, от смотрения за сиротами, от заступления вдов, от покровительства дев. Эти-то служения и следовало бы выделить себе, вместо попечения об имениях и жилищах. Они-то составляют дорогие редкости и приличные сокровища Церкви, они-то доставляют нам великое удобство, а вам пользу, или лучше, вам же - и удобство, и пользу. Думаю, что благодатью Божьей число собирающихся сюда простирается до ста тысяч; и если бы каждый хотя по одному хлебу подавал нищей братии, то все были бы в изобилии; или если бы каждый уделял по одному оболу (полушке), тогда и бедных не было бы, и мы не стали бы претерпевать столько поношений и осмеяний за заботливость о стяжаниях. Ведь слова: "продай имение твое и дай нищим, и потом иди за Мной" (Матф. 19:21) прилично могут быть сказаны и первостоятелям Церкви, на счет церковных имуществ. Никому нельзя следовать за Христом надлежащим образом иначе, как оставив всякую грубую и низкую заботливость. Ныне же священники Божьи хлопочут и о собирании винограда, и о жатве, и о продаже, и о покупке вещей. Служившие сени были совершенно свободны от всего этого, хотя им и вручено было служение телесное; а мы, призываемые в самое святилище небес, входящие в истинное святое святых, принимаем опять на себя заботы, свойственные купцам и корчемникам. Отсюда и большое небрежение о Писании, и леность в молитвах, и нерадение обо всем прочем. Нельзя же ведь с одинаковым старанием делить себя на то и другое. Поэтому я прошу и умоляю открыть для нас источники обилия, да сделается ваше усердие и гумном, и точилом нашим. Таким образом и нищие удобно будут питаемы, и Бог будет неумолчно прославляем, и вы, оказывая более успехов в человеколюбии, насладитесь некогда вечных благ, коих все да удостоимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 86

"Иисус же стал перед правителем. И спросил Его правитель: Ты Царь Иудейский? Иисус сказал ему: ты говоришь. И когда обвиняли Его первосвященники и старейшины, Он ничего не отвечал" (Матф. 27:11-12).

1. Видишь ли, как, прежде всего, подвергают исследованию то, что особенно всегда смущало иудеев? Так как они видели, что Пилат не обращает никакого внимания на дела закона, то обращаются к обвинению в гражданском преступлении. Так поступали они и с апостолами; то же всегда выставляли на вид и говорили, что галилеяне ходят повсюду и проповедуют некоего царя Иисуса: как бы о простом каком человеке упоминали они об Иисусе, и старались возбудить против Него подозрение в замыслах властолюбия. Отсюда видно, что и раздирание риз, и ужас первосвященника - были одно притворство. Все вели они и направляли к тому, чтобы подвергнуть Его смерти. Итак, вот о чем вопросил Пилат! Что же отвечает Христос? "**Ты говоришь**". Он исповедует Себя царем, но царем небесным; так Он и в другом месте яснее сказал, когда отвечал Пилату: "**Царство Мое не от мира сего**" (Иоан. 18:36), - и это для того, чтобы ни иудеи, ни Пилат, обвинявшие Его за объявление Себя царем, не имели оправдания. И приводит непререкаемую причину

этому, говоря: "**если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан**". Вот почему, чтобы отклонить от Себя такое подозрение, Он платил и сам дань, и другим повелел платить, и когда хотели Его сделать царем, Он удалился. Почему же, - скажешь, - не обнаружил Он этого, когда обвиняли Его в замыслах властолюбия? Потому что они, имея в делах Его бесчисленные доказательства Его силы, кротости, смирения, сами себя ослепляли, замышляли злое, и учиняли беззаконный суд. Поэтому Он ни на что не отвечает, но молчит; а для того, чтобы постоянным молчанием не навлечь на Себя укоризны в гордости, отвечает кратко, - как, например, когда заклинал архиерей, когда вопрошал игемон. На клеветы же их не отвечал ничего, так как не намерен был убеждать их. Об этом и пророк, предсказывая, говорил: "**во смирении Его суд Его взятся**" (Ис. 53:8 – слав.). Игемон дивился этому. Да и надобно было удивляться, видя такую кротость и молчаливость в Том, Кто мог сказать весьма многое. Сами они обвиняли Его не потому, что сознавали в Нем что-нибудь худое, но по одной зависти и ненависти. В самом деле, когда и выставленные ими лжесвидетели не нашлись что сказать, - зачем было еще настаивать? Для чего, видя, как Иуда погиб, и Пилат умыл руки, не сокрушились они сердцем? Так много и тогда Он сделал для того, чтобы привести их к раскаянию, но они не сделались от того лучшими. Что же Пилат? "**Не слышишь, сколько свидетельствуют против Тебя**" они (Матф. 27:13)? Пилат хотел освободить Его, если бы Он стал защищать Себя, а потому и сказал это; когда же Иисус ничего не отвечал, он вымышляет другое средство. Какое же? У них был обычай - отпускать одного из виновных. Этим-то средством Пилат и попытался освободить Его. Если вы не хотите, сказал он, отпустить Его, как невинного, то отпустите хотя как виновного - для праздника. Видишь ли извращение порядка? Обычай был такой, чтобы народ просил об осужденных, а игемон должен был отпускать. Теперь же происходит наоборот: игемон просит об этом народ, и, однако, они не укрощаются, а еще более свирепеют и подымают крик, неистовствуя от зависти. Они ничего не могли сказать в обвинение Его, несмотря даже на то, что Он молчал; так много было доказательств правоты Христа, что они изобличались и при молчании Его. Молчавший побеждал без умолку говоривших и неистовствовавших. "**Между тем, как сидел он на судейском месте, жена его послала ему сказать: не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него**" (Матф. 27:19). Смотри, вот и еще обстоятельство, которое могло всех их отвлечь от их намерения. После доказательств, заключавшихся в делах, не маловажная вещь была и сон. Но почему же не сам Пилат видит его? Или потому, что жена была более достойна его, или потому, что если бы видел он, то не поверил бы ему, и даже, быть может, не сказал бы о нем. Поэтому так и устраивается, что видит этот сон жена, чтобы это сделалось известным для всех. И не просто видит она сон; но и страдает много, чтобы муж, хотя бы из сострадания к жене, помедлил совершать убийство. Тому же содействовало и самое время: она видела в ту же ночь сон. Но для него, скажут, не безопасно было отпустить Иисуса, так как говорили, что Он творит Себя царем. Поэтому следовало потребовать и рассмотреть доказательства, улики, все признаки властолюбия, какие только могли быть, - например, не набирал ли Он войска, не собирал ли денег, не заготовил ли оружия, или не замышлял ли что-нибудь подобное. Но Пилат просто склоняется на их сторону, а потому Христос не оставляет безвинным и его: "**предавший Меня**" тебе, говорит, "**более греха на нем**" (Иоан. 19:11). Итак, слабость была причиной того, что он уступил и, бив бичами, предал. Он не имел мужества, был слаб; архиереи же были злобны и лукавы. После того, как он нашел некоторый предлог, именно закон о празднике, повелевающий отпускать осужденного, что предпринимают против этого они? Убедили народ, сказано, "**просить Варавву**" (Матф.27:20).

2. Видишь ли, с какой предусмотрительностью заботится Он о том, чтобы избавить их от греха, и с какой тщательностью стараются они не оставить для себя и тени к своему

оправданию? Что надлежало делать: уличенного ли отпустить преступника, или сомнительного? Если позволено было отпускать одного из уличенных преступников, то тем более сомнительного. И, конечно, Иисус не казался для них худшим явных человекоубийц. Евангелист не просто сказал: имели разбойника, но: разбойника известного, знаменитого по своим злодеяниям, совершившего бесчисленные убийства. И, все-таки, они предпочли его Спасителю вселенной, и не посовестились ни святого времени, ни законов человеколюбия, ни другого чего-либо подобного. Зависть совершенно ослепила их. Будучи сами злы, они развращали и народ, чтобы и за обольщение его понести тягчайшую казнь. Итак, когда просили они Варавву, то Пилат сказал: "**что же я сделаю Иисусу**" (Матф. 27:22)? Вопросом этим он опять хотел образумить их; предоставляя им свободу в выборе, он хочет, чтобы они, хотя бы по чувству стыда испросили Иисуса, и, таким образом, все стало бы делом их великодушия. Если бы сказал он, что Иисус ни в чем не согрешил, то вызвал бы в них только большее упорство; когда же просил спасти Его по чувству человеколюбия, то против этой просьбы и убеждения нечего было прекословить им. Но они, не смотря и на это, говорили: "**да будет распят. Правитель сказал: какое же зло сделал Он? Но они еще сильнее кричали: да будет распят. Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего**" (Матф. 27:22-24). Зачем же предаешь? Почему не исхитил Его, как Павла сотник? И этот знал также, что он угодил бы иудеям; и из-за Павла было возмущение и смятение; и, однако, он мужественно стал против всего. Но Пилат действует весьма малодушно, слабо. Все провинились: ни Пилат не восстал против черни, ни чернь против иудеев; и никому из них нет ни откуда оправдания: они "**еще сильнее кричали**", то есть, еще более кричали: "**да будет распят**". Хотели не только убить, но и убить, как за худое, и когда судья противился, они только упорствовали, крича одно и то же. Видишь ли, сколько сделал Христос для того, чтобы приобрести их? Как Иуду часто отклонял Он от его намерения, так удерживал и этих, и во все время благовествования Своего и во время самого суда. В самом деле, когда они видели, что игемон-судья умывает руки и говорит: "**невиновен я в крови Праведника Сего**", то и слова и дела убеждали их к раскаянию, равно как и тогда, когда Иуда удавился, и сам Пилат увещевал их взять на казнь другого вместо Иисуса. Когда обвинявший и предавший Его осуждает сам себя, и тот, который должен произносить решение, снимает с себя ответственность, и видение является в ту же ночь, и Пилат просит у них Его, как осужденного, то, как могут они оправдаться? Если они и не хотели объявить Его невинным, то не надлежало, по крайней мере, предпочесть Ему разбойника, разбойника отъявленного и весьма известного. Что же они? Когда увидели, что судья умывает руки и говорит: "**невиновен я, кричали: кровь Его на нас и на детях наших**" (Матф.27:25). И тогда уже, как они сами произнесли на себя определение, он дозволил им все. Смотри же, сколь велико и здесь их безумие! Такова ярость, такова злая страсть: она не позволяет видеть то, что должно видеть. Пусть так, что вы самих себя прокляли; для чего навлекаете проклятие и на детей? Впрочем, человеколюбивый Господь, хотя они и неистовствовали так безумно против себя и детей, не подтвердил согласием этого приговора не только по отношению к детям, но и по отношению к ним самим; но даже и из них самих принял покаявшихся и удостоил бесчисленных благ. И Павел был из числа их, и многие тысячи уверовавших в Иерусалиме ("**видишь, брат**", говорил Иаков, "**сколько тысяч уверовавших Иудеев**" - Деян. 21:20) были также из этих. Если же некоторые остались, то себе самим должны вменить мучение их ожидающее. "**Тогда отпустил им Варавву, а Иисуса, бив, предал на распятие**" (Матф. 27:26). Для чего же бил? Или как осужденного, или - чтобы дать вид суда, или - чтобы угодить иудеям. Во всяком случае, надлежало сопротивляться. И прежде этого он сказал: "**возьмите Его вы, и по закону вашему судите Его**" (Иоан. 18:31). Да и много было такого, что могло остановить и его, и иудеев, именно: и знамения, и чудеса, и великое незлобие Страдальца, и особенно - неизреченное Его молчание. Если Он и

защитой Себя и молитвой показывал, что Он человек, то с другой стороны Своим молчанием и презрением к их словам обнаруживал Свое величие и высокое достоинство - всем этим заставляя их удивляться Себе. Но ничто не подействовало на них.

3. Так-то, когда как бы опьянением разум бывает объят какой-нибудь безумной страстью, то трудно уже придти в настоящее свое положение, разве только падающая душа имеет особенное мужество. Худое, очень худое дело поддаваться подобным худым страстям, а потому надлежит всячески отражать их и возбранять им вход. Они, как скоро займут душу и станут обладать ей, то, как огонь, падающий на сухие дрова, возжигают в ней страшный пламень. Поэтому молю вас, употребляйте все, чтобы заградить им вход, и не давайте места какому бы то ни было злу, успокаивая себя душепагубным рассуждением: что за важность в том или в этом? Отсюда-то рождаются бесчисленные виды зла. Коварный дьявол употребляет большие (хитрости и насилие и) послабление к погибели человека, и начинает действия свои с малого. Смотри: хотел он довести Саула до того, чтобы тот пошел слушать болтовню чревовещательницы. Если бы он в начале стал внушать это Саулу, то Саул, конечно, не послушал бы его. Как, в самом деле, послушал бы тот, кто сам преследовал волхвования? Поэтому он неприметно и мало-помалу приводит его к тому. И, во-первых, когда не послушал Саул Самуила, и в отсутствие его дерзнул принести всесожжение, то, будучи обвиняем, говорит, что большая нужда настояла со стороны врагов; и в то время, как должен был рыдать, оставался спокоен, как бы ничего не сделал. Потом Бог повелел истребить амаликитян, - но он и этого не исполнил. Далее следовали злые умыслы его против Давида, - и, таким образом, неприметно и мало-помалу поскальзываясь, он не мог уже остановиться, пока, наконец, не вверг себя в самую бездну погибели. Так случилось и с Каином. Дьявол не тотчас увлек его на убийство брата, так как он и не успел бы убедить его; но, во-первых, склоняет его принести в жертву худшее, внушая ему, что в этом нет греха; во-вторых, возжег в нем ненависть и зависть, уверяя, что ничего и в этом нет; в-третьих, убедил умертвить брата и запираться перед Богом в гнусном смертоубийстве; и не прежде отступил от него, пока не довел до крайнего зла. Итак, надобно отражать зло в начале; даже и в том случае, если бы первые преступления и не влекли за собой дальнейших, и тогда нельзя пренебрегать ими; между тем они доходят и до большего, когда душа вознерадит. Поэтому нужно употреблять все средства, чтобы истреблять пороки в самом начале. Не смотри на то, что грех сам по себе мал, но помни, что он бывает корнем великого зла, когда вознерадят о нем. Сказать ли тебе достойное удивления? Не столько требуют тщания и трудов большие грехи, сколько, напротив, малые и незначительные. Отвращаться первых заставляет самое свойство греха; а малые, по тому самому, что малы, располагают нас к лености и не позволяют мужественно восстать на истребление их. А потому они скоро и делаются великими, если мы спим. Так обычно бывает и с телом. Так и в Иуде родилось это великое зло. Если бы он не думал, что будто бы неважное дело - красть имущество бедных, то, конечно, не впал бы и в грех предательства. Также если бы иудеям не представлялось маловажным то, что они пленены тщеславием, то, конечно, не дошли бы до христоубийства. Да и всякое зло обыкновенно совершается так. Ведь никто не впадает в нечестие скоро и вдруг. В душе нашей, несомненно, есть некоторый прирожденный стыд греха и уважение к добру, и невозможно ей вдруг дойти до такого бесстыдства, чтобы отринуть все зараз, напротив, она нисходит до крайней погибели неприметно, мало-помалу, когда вознерадит. Так вошло в мир и идолопоклонство, когда стали выше меры чтить людей, как живых, так и умерших. Так же стали покланяться изваянным. Так, наконец, усилилось блудодейство и другие пороки. Смотри также: один безвременно посмеялся, другой укорил; иной отринул страх, говоря: это ничего. Что за важность - посмеяться? Что от этого может произойти? От этого происходят пустые разговоры, отсюда срамословие, а потом позорные поступки. Еще иной, когда его упрекают, что он поносит ближнего, насмехается и злословит, презирает это, и говорит, что злословить другого ничего еще не значит. На самом же деле отсюда

рождается безмерная ненависть, непримиримая вражда, бесконечные укоризны; а от укоризн - драки; а от драк часто и убийство.

4. Итак, этот лукавый демон от малого доводит до большего, а от большего доводит до отчаяния, изобретая, таким образом, другой способ, не менее пагубный. Подлинно, не столько губит грех, сколько отчаяние. Согрешивший, если будет бодрствовать, покаянием скоро исправляет свой проступок; а кто отчаивается и не кается, тот потому и остается без исправления, что не употребил врачевства покаяния. Есть еще и третья, самая опасная, хитрость у дьявола, именно: когда он облекает грех личиной благочестия. Но где же, скажешь, можно видеть, чтобы дьявол настолько усиливался, чтобы и до этого доходил в своих обманах? Слушай - и остерегайся его замыслов. Христос повелел через Павла (1 Кор. гл. 7), чтобы жена не отлучалась мужа, и чтобы не лишали друг друга, разве по согласию; но некоторые, по любви к воздержанию оставив мужей своих, как будто бы в самом деле это было дело благочестия, ввергли их в прелюбодеяние. Итак, подумай, какое это несчастье, что понесшие столько труда обвиняются, как будто учинившие великое зло, и как сами подвергаются крайнему наказанию, так и сожительствовавших с ними повергают в бездну погибели. Еще: иные, воздерживаясь, по заповеди поста, от пищи, мало-помалу дошли до того, что гнушаются пищей; а это приносит им величайшее наказание. То же бывает, когда свои предвзятые мнения оправдывают вопреки смыслу Писания. Некоторые из коринфян думали, что вкушать все без различия, даже и запрещенное, означает совершенство (1 Кор, гл. 8); но это было делом не совершенства, а крайнего заблуждения. Поэтому и Павел сильно запрещает им это и говорит, что они подлежат за это крайнему наказанию. Другие еще думают, что убирать волосы на голове означает благочестие. Напротив, и это запрещено, и есть дело очень постыдное. Иным, опять-таки, кажется, что они получат великую пользу, если безмерно станут скорбеть о грехах; но и это относится к умыслам дьявольским, как показал на себе Иуда, который от того и удавился. Поэтому и Павел боялся, как бы не потерпел чего подобного соблудивший, и увещевал коринфян скорее простить его, "**дабы он не был поглощен чрезмерной печалью**" (2 Кор. 2:7). Потом, показывая, что это есть одна из сетей дьявола, говорит: "**чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы**" (2 Кор. 2:11), - то есть, что он приступает к нам с великой хитростью. В самом деле, если бы он ратовал явно, то легко и удобно было бы побеждать его. Но нам легко будет и ныне победить его, если будем бодрствовать; против всех этих коварств Бог снабдил нас оружием. Слушай, что говорит Он, желая убедить нас, чтобы мы не пренебрегали ничем малым: "**кто скажет брату своему: безумный, подлежит геенне огненной**" (Матф. 5:22); и тот, кто смотрит похотливыми глазами, совершенный есть прелюбодей. Также и смеющихся называет несчастными; и везде истребляет начатки и семена зла и говорит, что и за праздное слово отдадим ответ. Вот почему и Иов очищал даже и помышления детей своих (Иов. 1:5). А о том, что не надобно отчаиваться, так говорит Писание: "**разве, упав, не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются**" (Иер. 8:4)? И еще: "**разве Я хочу смерти беззаконника? Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив**" (Иез. 18:23). Также: "**если бы вы ныне послушали голоса Его**" (Пс. 94:7). И много других подобных слов и примеров находится в Писании. А о том, чтобы нам не погибнуть под видом благочестия, послушай, что говорит Павел: "**дабы он не был поглощен чрезмерной печалью**" (2 Кор. 2:7). Зная же это, оградим себя от всех путей, гибельных для беззаботных, знанием Писания. Не говори: что в том, если я пристально посмотрю на красивую женщину? Если ты в сердце учинишь прелюбодеяние, то скоро осмелишься сделать это и плотью. Не говори: что в том, если я пройду мимо этого нищего? Если ты пройдешь мимо него, то пройдешь и мимо другого, а после этого - и третьего. И опять, не говори: что и в том, если пожелаю собственности ближнего? Это-то именно и погубило Ахаава, хотя он и цену давал, но брал против желания владевшего (3 Царст. 21). Покупающий не должен делать насилия, а должен убеждать. Если же тот, кто давал

надлежащую цену, так осужден был за то только, что взял против согласия другого, то какого наказания достоин тот, кто не только делает это, но похищает насильственно, и при том, живя под благодатью? Итак, чтобы не понести нам наказания, будем блюсти себя чистыми от всякого насилия и хищничества, будем оберегать себя не только от грехов, но и от их начатков, и со всем тщанием возревнуем о добродетели. Таким образом, мы насладимся и вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 87

"Тогда воины правителя, взяв Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк и, раздев Его, надели на Него багряницу; и, сплетя венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь перед Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский" (Матф. 27:27-29)!

1. Как будто по какому уговору ликовал тогда со всеми дьявол. Пусть, в самом деле, ругались над Христом иудеи, истаивая от зависти и ненависти; но каким образом и почему воины делали это? Не явно ли, что дьявол тогда со всеми пиршествовал? До того они были жестоки и неукротимы, что из оскорблений, наносимых Христу, делали себе удовольствие. Им надлежало удержаться от этого, надлежало плакать по примеру народа; но они не делали этого, а напротив, оскорбляли Его, нападали на Него нагло, может быть, желая тем угодить иудеям, или делая это только по своему злонравию. И оскорбления были различные и многообразные. Эту божественную голову то заушали, то уязвляли терновым венцом, то били тростью люди скверные и нечистые. Какой после этого мы дадим ответ, - мы, которые гневаемся за каждую обиду нам наносимую, тогда как Христос претерпел такие страдания? А то, что совершали с Ним, было крайней степенью поругания. Не часть одна, а все тело терпело страдания: голова - от венца, трости и ударов, лицо - от плеваний, ланиты - от заушений, все тело - от бичевания, одеяния хламидой и притворного поклонения, рука - от трости, которую дали держать Ему вместо скипетра, уста - от поднесения уксуса. Что может быть тяжелее этого? Что обиднее? Поистине, происходившее превосходит всякое описание. Как бы боясь, чтобы не опустить какой-либо наглости, они, убивавшие пророков своими руками, Христа умерщвляют по определению судьи. Они все делают: и убивают своими руками, и судят, и осуждают, и на своем суде, и перед Пилатом, говоря: "**кровь Его на нас и на детях наших**"; нападают с неистовством, издеваются, связывают, отводят, делаются виновниками оскорблений, нанесенных воинами, пригвождают к кресту, поносят, оплевывают, насмехаются. Пилат здесь ничего не присоединял со своей стороны: они сами все делали, сами были и доносчиками, и судьями, и палачами, и всем. И это у нас прочитывается при всеобщем собрании. Чтобы не сказали нам язычники: вы показываете народу только блистательное и славное, например - знамения и чудеса, а позорное скрываете, благодать святого Духа так устроила, что все это прочитывается у нас во всенародный праздник, именно в великий вечер Пасхи, когда мужи и жены предстоят в большом множестве; когда стекается целая вселенная, тогда и проповедуется это громким голосом. И, несмотря на то, что это читается и сообщается всем, мы веруем, что Христос есть Бог; и как по другим причинам, так и потому покланяемся Ему, что Он благоволил до того снизойти для нас, что претерпел такие страдания и научил нас всякой добродетели. Но и всегда должны мы читать это, потому что великая отсюда происходит прибыль, великая польза. В самом деле, когда ты видишь, как и на словах, и на деле насмехаются над Ним, с каким издевательством склоняются перед Ним, как тяжко заушают Его и заставляют терпеть крайние страдания, - то хотя бы ты был бесчувственным камнем, сделаешься мягче воска, и изринешь из сердца твоего всю надменность. Слушай же, что следует далее. После того, как насмеялись над Ним, "**повели Его на распятие**" (Матф. 27:31), и, обнажив Его, взяли

себе одежды Его и, сев, выжидали, когда Он испустит дух. И разделили одежды Его, как это обыкновенно бывает с осужденными самого низкого рода, с отверженными, с беззащитными и беспомощными; разделили те ризы, которые произвели столько чудес, и которые, однако же, не оказывали тогда никакого действия, так как Христос удерживал Свою неизреченную силу. И этот поступок составляет немаловажное прибавление к их сумасбродству: они, как я сказал, во всем поступали с Ним, как с бесчестным и презренным, как самым последним человеком. С разбойниками ничего подобного они не делали, а против Христа достало у них дерзости на все это. Его и распяли посреди их, чтобы Он разделил с ними их худую славу. "**Дали Ему пить уксуса**" (Матф. 27:34), - и это с целью надругаться: "**Он же не хотел пить**". Другой же повествует, что, отведав, Он сказал: "**совершилось**" (Иоан. 19:30)! Что же значит это слово: "**совершилось**"? Совершилось о Нем пророчество: "**и дали**", говорит, "**мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом**" (Псал. 68:22). Впрочем, и этот не показывает, что Он пил. Нет различия - отведать что-нибудь только и не пить: это означает одно и то же. Но и здесь еще не конец их неистовству. После того, как обнажили Его, распяли, подносили уксус, они идут еще далее: смотря на пригвожденного к кресту, поносят и они сами, и мимо проходящие; и что было всего тяжелее, Он терпел страдания как бы льстец и обманщик, как гордый и пустой самохвал. Для того они и распяли Его всенародно, чтобы в глазах всех ругаться над Ним; для того распяли и руками воинов, чтобы под предлогом, что приговор произнесен в народном судилище, тем свободнее предаваться неистовству.

2. И кого бы не смягчил народ, последующий за Ним и рыдающий? Но только не этих зверей. Вот почему Он тех и удостоил ответа, а этих не удостоил. После того, как сделали все, что хотели, стараются опорочить и славу Его, страшась Его воскресения. С этой целью они всенародно говорят об этом, распинают с Ним разбойников, и, желая огласить Его льстецом, говорят: "**Разрушающий храм и в три дня Созидающий! спаси Себя Самого**" (Матф. 27:40). Когда, тщетно просив Пилата снять вину (а вина была написана такая: "**царь Иудейский**" - Иоан. 19:21-22), они не успели в намерении (он воспротивился им, сказав: "**что я написал, то написал**"), - тогда они уже ругательствами своими старались показать, что Он не царь. Поэтому они, кроме тех слов, говорили и следующие: "**если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста**" (Матф. 27:42); и еще: "**других спасал, а Себя Самого не может спасти**", - и покушались, таким образом, омрачить и прежние знамения Его. Также: "**уповал на Бога; пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему**". О, скверные и пребеззаконные! Что же: пророки разве не были пророками, или праведные - праведными, оттого, что их Бог не исхитил от напастей? Они оставались таковыми, хотя и претерпевали страдания. Что может сравниться с вашим безумием? Если их слава не омрачилась бедствиями, наведенными вами на них, но они остались пророками и при всех страданиях, которые терпели, то тем более не надлежало вам соблазняться о Христе, Который и делами, и словами искоренял в вас эту мысль. Впрочем, говоря и делая это, они ничего не успели даже в самое это время. Тот, который погибал в крайнем нечестии, который все время жизни своей провел в убийствах и грабежах, в то время, как сказано было это, исповедал Его и вспомнил о царствии; равно и народ плакал о Нем. Хотя несведущим строения тайны казалось, что все происходившее свидетельствовало о противном, - именно, что Он слаб и бессилен, - но истина и самыми противными обстоятельствами усилилась. Итак, слыша это, вооружимся против всякого возмущения сердечного, против всякого гнева. Если увидишь, что сердце твое возгорается, огради грудь твою крестным знамением: вспомни что-нибудь из случившегося тогда, - и этим воспоминанием ты рассеешь всякое возмущение духа, как прах. Помысли о словах, делах; помысли, что Он Владыка, а ты - раб. Он пострадал для тебя, а ты для себя; Он за облагодетельствованных Им и вместе распявших Его, а ты за себя самого; Он за причинявших Ему оскорбления, а ты часто за обиженных тобой; Он - в глазах целого города, даже всего народа иудейского, в глазах пришельцев и

соотечественников, которым Он изрекал человеколюбивые глаголы, а ты - в присутствии нескольких. А что всего обиднее, Он оставлен был и самими учениками. Те, которые прежде услуживали Ему, убежали от Него; а враги и противники - иудеи, воины, с обеих сторон разбойники, окружая Распятого, досаждали, укоряли, поносили, насмехались, хулили: и разбойники оба поносили и хулили Его. Но как же Лука говорит (Лук. 23:40), что один из разбойников поносил Его? И то, и другое было; сперва хулили оба, а после не так уже. Чтобы ты не подумал, будто бы это произошло по какому-то согласию, или что разбойник не был разбойником, - евангелист его ругательством доказывает тебе, что сперва на кресте был разбойник и враг, но внезапно изменился. Итак, обо всем этом размышляя, подумай: что потерпел ты подобное тому, что понес Господь твой? Ты посрамлен публично? Но, конечно, не так. Ты наказан? Но, конечно, не по всему телу, и не столько обнажен и замучен. Если и заушали тебя, то опять не так.

3. Прибавь к этому: от кого, за что, когда? И что всего тяжелее, - на происходившее тогда никто не жаловался, никто не обнаруживал негодования; напротив все хвалили, все вместе смеялись и посрамляли, поносили Его как обманщика, самохвала и льстеца, который не может оправдать делами слов своих. Но Он совершенно молчал, подавая нам неоцененное врачевание - долготерпение. А мы, слушая это, не умеем быть терпеливыми даже и перед рабами своими, но пуще диких ослов скачем и бьем ногами; люты и бесчеловечны бываем против обижающих нас, а о том, что касается до Бога, заботимся мало. Таковы же остаемся и в отношении к друзьям: если кто обидит нас, никак не стерпим; если досадит кто, мы свирепствуем более зверей, мы, которые читаем это ежедневно. Один ученик предал, прочие, оставив Его, убежали; те, которые облагодетельствованы, плевали на Него; слуга архиереев заушал; воины били по ланитам; мимо проходящие насмехались и поносили; разбойники также укоряли; и Он никому не отвечал ни слова, но всех победил молчанием, самым делом научая тебя тому, что чем более ты будешь переносить все с кротостью, тем легче победишь несправедливо поступающих с тобой, и всех заставишь удивляться тебе. Кто, в самом деле, не подивится тому, кто с кротостью переносит обиды, наносимые со стороны дерзких поносителей. Подобно тому, как тот, кто хотя и законно страдает, но переносит бедствия с кротостью, многими считается за невинного страдальца, так, напротив, тот, кто страдает и невинно, но от нетерпения неистовствует, навлекает подозрение, будто он терпит достойное, и становится предметом смеха, как пленник, увлекаемый гневом, потерявший свое благородство. Такой человек недостоин называться и свободным; хотя бы управлял тысячами слуг. Но тебя кто-нибудь сильно раздражил? И что же в том? Теперь-то и надлежит показать свое любомудрие. Мы и зверей видим кроткими, когда их никто не раздражает; не всегда и они свирепствуют, а когда только кто раздразнит их. Итак, если и мы только тогда остаемся спокойными, когда никто нас не раздражает, то чем мы превышаем зверей? Они не без причины часто мечутся, и могут быть извинены, так как ярятся оттого, что их раздражают и бьют; сверх того, у них нет рассудка и они от природы получили зверство. Но когда ты свирепствуешь и зверствуешь, скажи мне, в чем можешь найти себе извинение? Какое зло потерпел ты? Ограблен ли? Потому-то ты и должен перенести это, что тем самым приобретаешь большее. Обесславлен ли? Что же в этом? Ты сам от того не меньше стал, если ты рассудителен. Если же ты ничего не потерпел худого, то почему гневаешься на того, кто не только не причинил тебе зла, но принес еще и пользу? Те, которые уважают нас, усыпляют и разнеживают нас; напротив, обижающие и презирающие делают более терпеливыми тех, которые внимательны к себе. Ленивые более терпят вреда, когда их уважают, нежели тогда, когда оскорбляют их. Оскорбляющие заставляют нас умудряться, когда мы бодрствуем над собой; а те, которые хвалят нас, умножают в нас надменность, возбуждают гордость, тщеславие, беспечность, и делают душу изнеженной и слабой. Это доказывают те отцы, которые не столько ласкают своих детей, сколько бранят, боясь, как бы они не потерпели вреда от снисхождения; то же средство употребляют и учители.

Поэтому, если кого следует отвращаться, то именно льстецов, а не оскорбляющих нас: больше приносит вреда лесть, нежели обида. Ласкательство есть приманка для неосторожных, и от нее труднее предостеречься, нежели от той; да и больше за то награды, более славы. И подлинно, более достойно удивления видеть человека, которого оскорбляют и он не возмущается, чем такого, которого бьют, поражают, и он не падает. Но как возможно, скажешь ты, не возмущаться. Обидел ли кто тебя? Огради крестным знамением грудь; вспомни все, что происходило на кресте - и все погаснет. Не думай об одних обидах, но вспомни вместе и о добре, какое ты когда-нибудь получил от обидевшего; и тотчас станешь кротким. Особенно же и, прежде всего, приведи на мысль страх Божий, и вскоре сделаешься умерен и покоен.

4. Кроме того, возьми пример в этом случае и с рабов своих. Когда видишь, что ты бранишься с кем-нибудь из них, а тот молчит, то представь, что можно быть благоразумнее, и укори себя за свое раздражение. Во время самых обид приучайся не оскорблять другого, и тогда, будучи оскорбляем, не будешь чувствовать скорби. Представь, что обижающий тебя в исступлении и не в своем уме, и тогда не будешь досадовать на обиду. Случается, что беснующиеся бьют нас, однако мы не только не гневаемся на них, но и жалеем их. Поступай и ты так, - пожалей об обижающем; он ведь одержим лютым зверем - яростью, демоном неистовым - гневом. Поспеши освободить того, которого мучит злой демон, и который так скоро погибает. Поистине, гнев такая болезнь, что немного надобно времени для того, чтобы погиб одержимый ею. Поэтому и сказал некто: "**самое движение гнева есть падение для человека**" (Сирах. 2:22), показывая ее жестокость особенно в том, что она в короткое время причиняет великое зло и не имеет нужды в продолжительности времени; а если бы, при ее силе, она была еще и продолжительна, то с ней нельзя было бы и бороться. Желал бы я показать тебе, кто таков обидчик, и кто - любомудрствующий; желал бы представить тебе в обнаженном виде душу того и другого. Ты увидел бы, что сердце первого подобно волнующемуся морю, а последнего - как тихое, безмятежное пристанище; он не возмущается этими бурными ветрами, напротив, легко укрощает их. Обидчики все делают, чтобы уязвить другого; но когда теряют всякую надежду успеть в этом, сами, наконец, укрощаются и отходят уже исправившимися. И не может быть, чтобы разгневанный человек, наконец, сильно не укорил себя, подобно тому, как невозможно, чтобы человек не разгневанный укорял себя. Если нужно против кого-нибудь восстать, то это можно сделать и без гнева, и даже удобнее и благоразумнее, нежели как с гневом: тогда ничего не потерпишь неприятного. Если захотим, все счастье наше и все доброе будет зависеть от нас, и мы будем в состоянии, при помощи благодати Божьей, устроить свою безопасность и сохранить честь. Для чего ищешь ты себе у другого почести? Уважай сам себя, и никто не нанесет тебе бесчестия; но когда ты сам себя бесчестишь, то хотя все будут чтить тебя, ты останешься бесчестным. Подобно тому как, если мы сами себя не расстроим, то никто другой нас не расстроит, точно также, если мы сами не будем бесчестить себя, то никто другой нас не осрамит. Представим себе человека великого и достойного славы; и пусть все стали бы называть его прелюбодеем, вором, гроборасхитителем, человекоубийцей, разбойником; но если он ничем этим не раздражается, ни на что не досадует и ничего такого не сознает в себе, то какое он от того терпит бесчестие? Никакого. Что же, - скажешь, - если многие имеют о нем такое мнение? И в таком случае он не обесчещен, а обесчестили себя те, потому что не считают его таковым, каков он есть. Скажи мне: если бы кто стал считать солнце темным, то солнце ли, или себя он обесчестил бы? Конечно себя самого, навлекая на себя подозрение, что он или слеп, или не в уме. Так и те, которые считают добрых худыми, - срамят себя самих. Поэтому надлежит прилагать большое старание о том, чтобы сохранить совесть свою чистой, и не подать никакого случая к подозрению на нас. Если же и при таком нашем поведении другие хотят неистовствовать, то не нужно заботиться или скорбеть об этом. Если кто добр в себе, а его считают худым, то он ничего

от того не теряет, оставаясь таким, каким он есть; напротив, кто питает безрассудные, пустые подозрения, подпадает крайней гибели. Точно также и худой, если считают его не таковым, не получает от того никакой выгоды, а подвергнется большему осуждению, впадет только в большую беспечность. Худой, когда таким и считается, по крайней мере, смиряется и сознает грехи свои; напротив, когда укрывается, впадает в бесчувственность. В самом деле, если и тогда, как все укоряют, грешники едва возбуждаются к сокрушению, то может ли открыть глаза свои живущий в нечестии тогда, когда не только не осуждают его, но и хвалят? Не слышишь ли, как и Павел порицает за то, что коринфяне, ублажая и уважая соблудившего, не только не допустили его осознать грех свой, но и утвердили его в его нечестии? Поэтому умоляю вас - оставим мнения о нас других, обиды и почести, и будем стараться только об одном, - чтобы соблюдать совесть незазорной и не осрамить самих себя. Таким образом мы и здесь, и в будущем веке будем наслаждаться великой славой, которую все да сподобимся получить по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 88

"От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого; а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил" (Матф. 27:45-46).

1. Вот то знамение, которое Он прежде обещал просившим! "**Род лукавый и прелюбодейный**", - так говорил Он, - "**знамения ищет, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка**" (Матф. 12:39; Лук. 11:26), - то есть крест, смерть, гроб и воскресение. И опять, иным образом указывая на силу креста, говорил: "**когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я**" (Иоан. 8:28), - то есть, когда распнете Меня, и подумаете, что уже победили Меня, тогда-то особенно узнаете Мою силу. Действительно, после того как Он был распят, их город истреблен, иудейство кончилось, гражданское бытие и свобода их исчезли; напротив, евангельская проповедь процвела и простерлась до пределов вселенной: земля и море, обитаемые и необитаемые страны, повсюду возвещают силу слова Христова. Итак, вот что говорит Он, и вот что случилось во время распятия на кресте! И это тем более удивительно, что случилось в то время как Он пригвожден был к кресту, а не тогда, когда ходил по земле. Но не это одно дивно; дивно то, что знамение, которого они искали, было и с неба, и явилось во всей вселенной, чего прежде никогда не случалось, разве только в Египте, когда надлежало совершить пасху, поскольку то было образом настоящих событий. Заметь и то, когда это происходит: в полдень, когда по всей вселенной был день, дабы знали все обитатели земли. Этого достаточно было, чтобы обратить их к истине, не только в виду величия чуда, но и в силу его благовременности. В самом деле, оно совершается уже после всех дел безумия их, после беззаконного издевательства, когда они уже оставили свое неистовство, когда перестали насмехаться, когда насытились бесстыдными ругательствами, и высказали все, что хотели: только после всего этого показал Он тьму, чтобы, по крайней мере, теперь они укротили гнев свой, и извлекли себе пользу из чуда. Совершать такие знамения на кресте было гораздо удивительнее, нежели сойти с креста. Если они думали, что эти чудеса совершал Он, то необходимо надлежало верить и трепетать; а если думали, что не Он, но Отец, - и тогда им надлежало придти в сокрушение, так как мрак этот свидетельствовал о том, что Отец прогневан был их преступлением. А что это не было затмение, а гнев и негодование, это видно, кроме того, и из самого времени: тьма продолжалась три часа. Затмение совершается в несколько минут, как это известно тем, кто наблюдал это явление; таково и в наше время случилось затмение. Отчего же, скажешь, не пришли в изумление все, и не признали Христа Богом? Оттого, что тогда род человеческий погружен был в беспечность и нечестие; чудо, это было одно, и едва явилось, вскоре

окончилось; а ни у кого не было ревности изыскать причины его; явные беззакония находили себе извинение и в обычаях. Не хотели и знать, что за причина этого явления, а думали, что оно было следствием или затмения, или другой какой естественной причины. И что дивиться внешним, которые ничего не знали, и по своей великой беспечности не старались узнать причины события, когда жившие в самой Иудее, после стольких чудес, продолжали поносить Иисуса, хотя им явно было, что Он это сделал? Для того Он и говорит после этого чуда: "**Или, Или, лама савахфани**", чтобы они знали, что Он еще жив, и что Он совершил его, и, таким образом, укротили бы свою ярость. Из этого они могли видеть, как Он даже до последнего издыхания чтит Отца, и не есть богопротивник. Он взывает пророческим голосом, свидетельствуя до последнего часа об истине ветхого завета, и не только пророческим, но и еврейским, чтобы им было понятно и внятно. Во всем этом показывал Он Свое единомыслие с Отцом Своим. Но заметь и здесь их дерзость, необузданность и безумие. Они подумали, говорит евангелист, что Он зовет Илию, - и тотчас напоили Его уксусом. А другой, подойдя, пронзил копьем бок Его. Что может быть нечестивее этого, что звероподобнее? До того простерли свое неистовство, что и над бездыханными останками ругаются. Но смотри, как Он и их нечестие обращает к нашему спасению. За ударом истекли источники спасения нашего. "**Иисус же, опять возопив громким голосом, испустил дух**" (Матф. 27:50). Вот то, о чем Он говорил: "**имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее. Я Сам отдаю ее**" (Иоан. 10:18). Для того Он и возопил, чтобы показать, что дело совершается по Его воле. Марк говорит: "**и удивился, что Он уже умер**" (ст. 14, 15), и что сотник особенно потому уверовал, что Иисус умер со знамениями власти. Голос этот разодрал завесу, отверз гробы и сделал храм пустым. И это учинил Он не для того, чтобы обесчестить храм (мог ли сделать это Тот, Кто говорил: "**дома Отца Моего не делайте домом торговли**" - Иоан. 2:16), но показывал этим, что они недостойны пребывания в нем; подобно тому как когда Он предал его и вавилонянам. Кроме того, настоящее событие было еще и предречением будущего запустения и перемены на лучшее и высшее и знамением Его могущества.

2. Вместе с тем и в последовавших за тем событиях Христос показал Свою силу, именно в воскресении мертвых, в помрачении света, в перемене стихий. Во время Елисея один мертвец, коснувшись мертвеца, воскрес. Теперь голос воздвиг мертвецов, тогда как тело пригвождено было к кресту. Впрочем, первое было прообразом настоящих событий; для того оно и происходило, чтобы верили настоящему. И не только возбуждаются мертвые, но и камни расседаются, и земля трясется, чтобы познали, что Он мог и их и омрачить, и расторгнуть. Тот, Кто расторгнул камни и омрачил вселенную, тем более мог сделать то же над ними, если бы захотел. Но Он не восхотел этого; излив гнев Свой на стихии, Он желал спасти их кротостью. Но они не оставили своего неистовства. Такова зависть, такова ненависть: не легко укротить ее! И при всех таковых явлениях бесстыдство их было одинаково. Впоследствии же, когда, несмотря на то, что положена была печать на гробе, приставлена воинская стража, Он воскрес, и они услышали об этом от самих стражей, обольстили и других деньгами, и хотели скрыть свидетельство о воскресении. Итак, не удивляйся тому, что они и тогда так бесчестно поступали: так они раз навсегда расположились во всем поступать бесстыдно! Смотри только, сколько знамений Он сотворил, то на небе, то на земле, то в самом храме. Этим Он частью показывал Свое негодование, частью то, что и недоступное сделается теперь доступным, и что небо отверзнется и откроется истинное святое святых. Они говорили: "**если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста**"; а Он показывает им, что Он есть Царь всей вселенной. Они говорили: "**Разрушающий храм и в три дня Созидающий**"; а Он указывает, что их храм совершенно запустеет. Далее, они говорили: "**других спасал, а Себя Самого не может спасти**"? Он же, пребывая на кресте, с избытком показывает им Свою силу над телами рабов Своих. Подлинно, если великое дело выйти из гроба четвородневному Лазарю, то гораздо важнее всем давно усопшим внезапно явиться

живыми, что было знамением будущего воскресения. "**Многие**", говорится, "**тела усопших святых воскресли и, вошли в святой город и явились многим**" (Матф. 27:52-53). Чтобы это событие не сочли призрачным, воскресшие являются многим в городе. Тогда и сотник прославил Бога, говоря: "**воистину Он был Сын Божий**. **Весь народ, сшедшийся на сие зрелище, видя происходившее, возвращался, бия себя в грудь** (Матф. 27:54; Лк.23:48). Такова сила Распятого, что после таких насмешек и ругательств, и сотник, и народ пришли в устрашение! Некоторые говорят, что этот сотник, укрепившись после того в вере, совершил мученический подвиг. "**Там были также и смотрели издали многие женщины, которые следовали за Иисусом из Галилеи, служа Ему; между ними были Мария Магдалина и Мария, мать Иакова и Иосии, и мать сыновей Зеведеевых**" (Матф. 27:55-56). На эти события взирают жены, особенно сострадательные и сетующие. Смотри, каково их усердие! Они следовали за Ним, чтобы прислуживать Ему, и не отлучались от Него даже среди опасностей. Потому они и видели все: видели, как Он возопил, как испустил дух, как камни расселись, и все прочее. И они первые видят Иисуса, этот, столь презираемый, пол первый наслаждается созерцанием благ. В этом особенно видно их и мужество. Ученики убежали, а эти жены присутствовали. Кто же они были? Матерь Его, которую евангелист называет Иаковлевой, и прочие. Другой евангелист говорит, что и многие плакали об этом и били грудь свою. Это показывает, какова была жестокость иудеев. О чем другие воздыхали и плакали, над тем они смеялись, ни жалостью не трогались, ни страхом не укрощались. Все происходившее тогда было знамением великого гнева Божьего; не просто знамением, но знамением ярости; все означало гнев чрезмерный, и тьма, и рассевшиеся камни, и разодранная пополам завеса, и землетрясение. "**Иосиф, придя к Пилату, просил тела Иисуса**" (Матф. 27:58). Этот Иосиф - тот самый, который доселе скрывался; теперь, по смерти Христовой, он одушевился великим дерзновением. Он был не незаметный человек, но знаменитый и знатный, именно почтенный член синедриона. Отсюда особенно можно видеть его мужество. Он отваживался теперь на явную смерть, потому что возбуждал всеобщую против себя ненависть, когда обнаруживал свою любовь к Иисусу и дерзнул просить тело Его, и не прежде отступил, пока не получил его; дерзнул даже не только принять тело и похоронить честно, но и положить в своем новом гробе, чем показал и свою любовь, и мужество. И это случилось не без причины, но именно потому, чтобы не имели подозрения, будто вместо одного восстал другой. "**Была же там Мария Магдалина и другая Мария, которые сидели против гроба**" (Матф. 27:61). Для чего они сидят здесь? Они ничего еще не знали о Нем должным образом, ничего не представляли великого и высокого. Потому принесли они и миро, и при гробе бодрствовали, чтобы, когда утишится неистовство иудеев, приступить и намастить Его.

3. Видишь ли мужество жен? Видишь ли пламенную любовь их? Видишь ли щедрость в издержках и решимость на самую смерть? Будем и мы, мужи, подражать женам, чтобы не оставить Иисуса в искушениях. Они столько издержали для умершего, и предавали даже души свои, а мы (опять скажу то же) ни алчущего не питаем, ни нагого не оденем, но, видя, что просит он, спешим пройти мимо. Конечно, если бы вы увидели Его самого, то каждый истощил бы все свое. Но и ныне Он тот же, потому что Сам сказал: "**Я есмь**". Итак, почему же ты не все иждиваешь? И ныне слышишь, как говорит Он: Мне творишь. Никакого нет различия, Ему ли, или другому ты подашь. И ты сделаешь не менее тех жен, которые тогда Его питали; напротив, даже еще более. Не смущайтесь. Не одно и то же - питать Его самого, когда Он являлся во всей славе, которая могла расположить к Нему и каменную душу, и - служить, в исполнение только Его заповеди, бедному, убогому, согбенному. Там в любви твоей участвует уважение к лицу и достоинству присутствующего; здесь вся честь принадлежит твоему человеколюбию: здесь ты большее показываешь уважение к Нему, когда только по заповеди Его служишь подобному тебе рабу Его, и угождаешь ему во всем. Итак, угождай, веруя приемлющему и говорящему:

Мне дал. Если бы ты не Ему давал, Он не удостоил бы тебя Своего царствия. Если бы не Его ты отвращался, Он не послал бы тебя в геенну; не осудил бы на мучения, если бы ты презрел просто человека. Нет; пренебрегаемым является сам Он; потому-то и составляет это великое прегрешение. Так и Павел Его гнал, когда преследовал верующих, почему и сказал Он: "**что ты гонишь Меня**" (Деян. 9:4)? Итак, будем же настолько усердны, как если бы мы самому Христу подавали, когда подаем ближним. Подлинные слова Его достовернее, нежели глаза наши. Поэтому когда видишь бедного, вспомни слова Его, которыми Он сказал тебе, что Он есть самый тот, кого ты питаешь. Хотя являющийся тебе и не Христос, но под образом этого бедняка Он сам просит и принимает. Но ты стыдишься слышать, что Христос просит? Напротив, стыдись, когда не дашь просящему; это точно есть срам, наказание, мучение. Когда Он просит, это происходит от Его благости, и потому нам нужно даже хвалиться этим; но когда ты не подаешь, это показывает твою жестокость. Если ты теперь не веришь мне, что, проходя мимо нищего - верующего, проходишь мимо самого Христа, то поверишь этому тогда, когда Он выведет тебя на суд и скажет: "**так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне**" (Матф. 25:45). Но да не будет, чтоб мы узнали это таким образом. Поверим же этому ныне и принесем плод, чтобы нам услышать блаженный голос, вводящий нас в царство! Но, может быть, кто-нибудь скажет: каждый день говоришь ты нам о милосердии и человеколюбии. Я и не перестану говорить об этом. Если бы вы и преуспевали даже в этих добродетелях, и тогда бы мне не надлежало прекращать о них речь, чтобы не сделать вас беспечными. Конечно, если бы вы преуспевали, я говорил бы меньше. Но когда вы и в половину надлежащего не успели в этом, то не мне, а себе говорите такие слова. Подлинно, жалуясь на меня, ты делаешь то же самое, что и дитя, когда оно, много раз слыша альфу и не заучивая ее, стало бы жаловаться на учителя, что он часто и даже беспрестанно повторяет одно и то же. В самом деле, кто от слов моих склонился к подаче милостыни? Кто расточил имение? Кто половину, кто третью часть роздал? Никто! Итак, прилично ли вам запрещать учить вас, когда вы еще не научились? Вам надлежало бы поступать напротив, - надлежало бы, если бы мы даже и захотели прекратить учение, удержать нас и сказать: мы еще не заучили этого, - для чего перестаете учить нас? Если бы случилось, что у кого-нибудь болел глаз, а я был бы врачом, обвязал бы глаз, дал бы мази, применил бы другие средства, но, ничего не сделав действительно полезного, ушел бы, то не пришел ли бы он к дверям моего дома и не стал бы упрекать меня в крайней беспечности, что я оставил его тогда, как не прошла болезнь? И если бы я в ответ на обвинение сказал: я дал примочки, мази, - снес ли бы больной такое оправдание? Нет! Он тотчас сказал бы: какая мне в том польза, когда я еще страдаю? То же самое помышляй и о душе. Что, если бы я, и много леча ослабевшую, оцепенелую, скорченную руку, не излечил бы ее: не то же ли услышал бы я? Но мы и теперь врачуем точно скорченную и иссохшую руку. Потому, пока не увидим ее совершенно прямой, не перестанем ухаживать за ней. О, если бы и вы ни о чем другом не говорили, и дома, и на площади, и за столом, и ночью, и во сне! Если бы днем мы беспрестанно заботились об этом, то и во сне занимались бы тем же.

4. Что ты говоришь? Что о милосердии всегда я рассуждаю? Я и сам желал бы, чтобы не было большой нужды в таких беседах с вами: я желал бы рассуждать о борьбе против иудеев, эллинов и еретиков; но нездоровых можно ли вооружать? Как выводить на сражение тех, которые покрыты язвами и ранами? Если бы я видел вас здоровыми, то, конечно, вывел бы на это сражение, и тогда вы увидели бы благодатью Христовой целые тысячи падающих врагов ваших, и их головы валяющиеся перед вами. Много было уже сказано нами об этом в различных книгах; и, однако, по нерадению многих, мы и теперь не можем еще торжествовать совершенную победу. Мы многократно побеждаем их в догматах; но они порицают нас за жизнь многих у нас числящихся, гнушаются их ранами и недугами сердечными. Итак, можно ли благонадежно выводить вас на сражение, когда

вы и нам служите во вред, и при первом же появлении поражаетесь и осмеиваетесь врагами? У одного больна рука, скорчена, не может подавать. Как же он может держать щит и защищаться им, не уязвляясь от жестоких нападений? Другие хромают ногами: это те, которые ходят в театры и в дома блудниц. Как же они могут стоять на сражении и не уязвиться стрелами похоти? Иной болен глазами, совсем ослеп, или неправо смотрит, будучи исполнен блудодеяниями и занимаясь только злодейскими наветами против целомудрия жен, и подкопами против браков. Как же может такой смотреть на врагов, управлять копьем, бросать стрелы, когда отовсюду поражается насмешками? Иных видишь страждущих чревом, как бы одержимых водяной болезнью; они удручены чревонеистовством и пьянством. Итак, как могу я вести этих пьяниц на сражение? У иного гнилые уста: таковы вздорные, ругатели, хульники. Как же они подадут своим голосом знак на сражении, и могут ли сделать что-нибудь важное и благородное, будучи объяты другого рода пьянством и составляя предмет смеха для врагов? Вот почему я каждый день обхожу свое войско, врачуя раны и исцеляя струпы. Если вы когда-нибудь протрезвитесь и будете способны поражать других, тогда научу вас и этому воинскому искусству и покажу, как действовать оружием, или лучше, тогда самые дела ваши будут для вас оружием: тогда все будут падать перед вами, - если, то есть, вы будете милосердны, кротки, тихи, незлопамятны и все прочие добродетели будут сиять в вас. Если же кто станет противоречить нам, тогда мы приложим и свой труд, представляя в пример вас. Между тем ныне вы даже служите препятствием в нашем течении. Смотри: мы говорим, что Христос сотворил великие чудеса, людей изменил в ангелов. Но когда спрашивают от нас доказательств на это, и заставляют представить пример из этого стада, - мы немы, и я боюсь, как бы вместо ангелов не выгнать свиней из хлева, или коней женонеистовых. Знаю, что это для вас больно; но не против всех это сказано, а только против виновных, вернее же и не против них, если они трезвы, а за них. Ныне все извращено и испорчено: церковь ничем не отличается от стойла быков, ослов и верблюдов; и я всюду хожу, ищу овцы - и не могу усмотреть. Так все топают и бьют ногами, как будто какие лошади или дикие ослы; наполняют место это только кучами навоза, - таковы именно их разговоры. Если бы можно было видеть, о чем говорят за всяким священным собранием мужи, жены, - то ты увидел бы, что слова их гаже всякого навоза. Потому умоляю, оставьте этот худой обычай, чтобы церковь могла благоухать миром. Мы наполняем ее ныне только чувственным фимиамом, а о том, чтобы изгнать и истребить духовную нечистоту, и не заботимся. Что же в том пользы? Поистине, не столько бесчестим мы церковь, когда заносим в нее навоз, сколько оскверняем ее тогда, когда разговариваем в ней друг с другом о барышах, о торговле, о корчемстве, о том, что совсем не прилично нам, тогда как нужно было бы здесь присутствовать ликам ангелов, церковь делать небом, и ничего другого не знать, кроме сердечных молитв, молчания и внимания. Исправимся же, по крайней мере хоть с настоящего времени, чтобы очистить жизнь нашу и наследовать обещанные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 89

"На другой день, который следует за пятницей, собрались первосвященники и фарисеи к Пилату и говорили: господин! Мы вспомнили, что обманщик тот, еще, будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну; итак, прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его и не сказали народу: воскрес из мертвых; и будет последний обман хуже первого" (Матф. 27:62-64).

1. Ложь везде обличает себя, и как бы невольно защищает истину. Смотри: надлежало верить тому, что Он умер и погребен и воскрес, - и все это через самих врагов становится достойным всякого вероятия. Вникни в эти слова, которые вполне подтверждают все это.

"**Мы вспомнили**", говорят, "**что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал**", - следовательно Он скончался; "**после трех дней воскресну; итак, прикажи охранять гроб**", - следовательно погребен Он; "**чтобы ученики Его, придя ночью, не украли Его**", - следовательно, если гроб запечатан, то обмана уже не будет. Невозможное дело! Итак, в самой вашей же просьбе дано непререкаемое доказательство Его воскресения. Если гроб был запечатан, то не было никакого и обмана; если не было обмана, а гроб найден пустым, то явно, что Он воскрес, - нельзя и прекословить этому. Видишь ли, как и против воли подвизаются в пользу истины? Рассмотри также, как дорожат истиной и ученики, - как ничего не скрывают из того, что сказано врагами, хотя бы то было и позорное. Вот они называют Его обманщиком; и ученики не умалчивают об этом. Это показывает и жестокость врагов, доходивших до того, что даже и по смерти не оставляли своего гнева, и вместе простоту и правдолюбие учеников. Надлежит при этом исследовать и то, где сказал Он: "**после трех дней воскресну**". Более ясных слов об этом нигде не найдешь, кроме примера Ионы. Беззаконные иудеи знали, следовательно, и понимали слова Его, и сознательно злодействовали. Что же отвечает им Пилат? "**Имеете**", говорит, "**стражу; пойдите, охраняйте, как знаете. Они пошли и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать**" (Матф. 27:65-66). Он не позволяет воинам одним печатать. Как бы узнав о его делах, он не хочет более действовать с ними за одно; а чтобы освободиться от них, позволяет им оградить гроб, и говорит: вы, как хотите, печатайте, чтобы после не винить других. Подлинно, если бы одни воины запечатали, то иудеи могли бы сказать (хотя это и была бы невероятная ложь; но все же они как в других случаях бесстыдно клеветали, так и теперь могли бы сказать), что воины позволили унести тело, и дали ученикам возможность измыслить весть о воскресении. Теперь же, когда они сами утвердили гроб, не могут сказать и этого.

Видишь ли, как они против своей воли стараются об истине? Сами пришли, сами просили, сами запечатали вместе со стражей, чтобы, таким образом, быть обвинителями и обличителями самих себя. В самом деле, когда ученики могли бы украсть? В субботу? И притом, как? В субботу не позволялось и выходить. Если же преступили и закон, то, как эти столь робкие люди осмелились бы пойти? Как притом могли убедить народ? Что они могли говорить, что делать? Что за ревность побуждала их стоять за мертвеца? Какой ожидали награды? Какой почести? И от живого, когда только Он задержан был, они убежали; а после смерти могли ли бы дерзать за Него, если бы Он не воскрес? Как это сообразить? Что они не хотели и не могли вымыслить небывалого воскресения, видно из следующего. Много раз сказано было Им о воскресении, даже беспрестанно повторял Он, что, как сказали и сами враги, "**после трех дней воскресну**". Поэтому, если бы Он не воскрес, очевидно, они, как обманутые и преследуемые всем народом, изгоняемые из домов и городов, должны были бы отстать от Него; не захотели бы разносить такую о Нем молву, как обманутые Им и подпавшие за Него крайним бедствиям. А что они не могли вымыслить воскресения, если бы не было его на самом деле, об этом не нужно и говорить. В самом деле, на что они могли при этом надеяться? На силу ли своего слова? Но они были самые неученые люди. На богатство ли? Но они не имели даже ни посоха, ни обуви. На знатность ли рода? Но они были бедны и от бедных рождены. На знатность ли отечества? Но они происходили из весей незнатных. На многочисленность ли свою? Но их было не более одиннадцати, и те рассеяны. На обещания ли Учителя? Но на какие? Если бы Он не восстал, то и остальные обещания Его не были бы для них достоверны. Итак, как могли бы они укротить неистовство народа? Если верховный из них не снес слова жены привратницы, а все прочие, увидев Его связанным, рассеялись, то, как они вздумали бы идти в концы вселенной, и там насаждать вымышленное слово о воскресении? Если один из них не устоял против угроз жены, а другие даже при виде уз, то, как могли они стать против царей, князей и народов, где мечи, сковороды, печи, бесчисленные роды ежедневной смерти, если бы не были укреплены силой и помощью Воскресшего?

Совершено было множество великих чудес, и ни одного из них не устыдились иудеи, но распяли Сотворившего их; а простым словам учеников могли бы поверить о воскресении? Нет, нет! Все это сотворила сила Воскресшего.

2. И посмотри, как смешны их замыслы! "**Мы вспомнили**", говорят, "**что обманщик тот, еще, будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну**". Но если Он был обманщик и хвалился попусту, то чего вы боитесь, мечетесь и так суетитесь? Боимся, говорят, как бы ученики не украли и не обманули чернь. Но доказано уже, что этого никак не могло быть. И, однако, злоба упорна и бесстыдна, - покушается и на безумное дело. Велят до трех дней оберегать гроб, как бы стараясь защитить свое учение и желая показать, что Он и прежде был льстец, и даже в гробе можно подозревать Его в злобе. Поэтому-то Он и восстал скоро, чтобы не говорили, что Он оказался лжецом и что тело украдено. Обвинять за то, что Он скоро восстал, было нельзя; замедление было бы подозрительно. Если бы Он не тогда воскрес, когда они сидели и оберегали гроб, но тогда, как спустя три дня они удалились бы, то могли бы еще что-нибудь говорить против, хотя бы и безрассудно. Для того Он предварил воскресением. Надлежало совершиться воскресению именно тогда, когда они сидели там и стерегли; следовательно, надлежало быть ему в пределах трех дней; а если бы оно произошло по истечении их, когда стража удалилась бы, дело могло бы быть подозрительным. Поэтому Господь попустил и запечатать гроб по их желанию, допустил быть при нем и воинам. Они не заботились и о том, что трудятся в субботу; но имели ввиду только то одно, как бы им преуспеть в своей злобе. Вот высшая степень безумия и ужаса, потрясавшего их! Те, которые захватили Его в свою власть живого, боятся теперь умершего. Если это был простой человек, то следовало оставаться спокойными. Но дабы они познали, что и будучи живым Он добровольно претерпел все, что только претерпел, - вот и печать, и камень, и стража, - и все это не могло удержать мертвеца! Они успевают в том только, что и погребение становится известным, и воскресение Его получает большую достоверность, потому что и воины неотступно были при гробе, и иудеи надзирали. "**По прошествии же субботы, на рассвете первого дня недели, пришла Мария Магдалина и другая Мария посмотреть гроб. И вот, сделалось великое землетрясение, ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем; вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег**" (Матф. 28:1-3). По воскресении приходит ангел. Для чего же приходит он и отваливает камень? Для жен, которые увидели его тогда в гробе. Они видят, что в гробе нет тела, и потому должны были поверить воскресению Его. Вот для чего снят камень; для того было и землетрясение, чтобы они воспрянули и пробудились от сна. Жены приходили для того, чтобы намастить елеем тело, и это было ночью: естественно, что некоторые из них и спали. Но зачем и почему сказал им ангел: "**не бойтесь вы**"? Прежде всего, он освобождает их от страха, и потом говорит о воскресении. И это слово – "**вы**", с одной стороны, выражает большую честь, а с другой - указывает на то, что ужасные ожидают бедствия тех, которые дерзнули на это злодеяние, если не покаются. Не вам, говорит, надлежит страшиться, а распявшим Его. Итак, освободив их от страха и словами, и взором, потому что показался в светлом виде, как принесший радостную весть, ангел присоединяет: "**ибо знаю, что вы ищете Иисуса распятого**" (Матф. 28:5). Не стыдится назвать распятым, потому что это высочайшее наше благо. "**Воскрес**". Откуда это видно? "**Как сказал**". Если мне, говорит, не верите, вспомните слова Его; тогда и мне не будете не доверять. Далее и другое доказательство: "**подойдите, посмотрите место, где лежал Господь**". Для того отвален камень, чтобы и отсюда они получили новое уверение. "**Скажите ученикам Его, что предваряет вас в Галилее**" (Матф. 28:7). Повелевает и другим благовествовать о воскресении, что особенно заставляет их верить. И хорошо сказал: "**в Галилее**"; избавляет их от забот и опасностей, чтобы страх не колебал веры. "**И, выйдя поспешно из гроба, они со страхом и радостью великой побежали**" (Матф. 28?8). Почему так? Потому, что видели поразительное и

странное дело - гроб пустой, в котором прежде при их глазах положено было тело. Для того ангел и привел их к гробу, чтобы они могли быть свидетельницами того и другого - и гроба, и воскресения. Действительно, они могли понять, что никто не мог бы унести Его в присутствии стольких воинов, если бы Он не восстал сам. Потому и радуются, и дивятся, и получают награду за такое постоянство: первые видят и благовествуют, - благовествуют то, о чем не только слышали, но и что видели.

3. Итак, когда они вышли со страхом и радостью, - "**Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его**" (Матф. 28:9). С великим весельем притекли к Нему, прикосновением твердо уверились в Его воскресении и поклонились Ему. Что же Он? "**Не бойтесь**"! Опять и сам прогоняет страх, уготовляя удобнейший путь вере. "**Пойдите, возвестите братьям Моим, чтобы шли в Галилею, и там они увидят Меня**" (Матф. 28:10). Смотри, как и сам Он через жен благовествует ученикам, - и, как часто говорил я, униженному полу возвращает честь и добрые надежды, и врачует немощное. Может быть, кто-нибудь из вас захочет, по примеру достохвальных жен, обнять ноги Иисуса? Можете и ныне, если хотите, не только руки и ноги обнять, но и священную Его голову, если будете приобщаться с чистой совестью страшных тайн. И не только здесь, но и в тот день узрите Его, грядущего в неизреченной славе с сонмом ангелов, если только захотите быть человеколюбивыми; услышите не только эти слова: "**радуйтесь**"; но и те: "**придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**" (Матф. 25:34). Итак, будьте человеколюбивы, дабы вам услышать эти слова. И вы, украшающиеся золотом жены, видевшие течение тех жен, оставьте, по крайней мере, теперь этот недуг златовожделения. Если ревнуете блаженным тем женам, перемените украшения ваши, облекитесь милосердием. Что за польза, скажи мне, в этих драгоценных камнях и в златотканых одеждах? Скажешь: в них находит радость и отраду душа. Но я спрашиваю тебя о пользе, а ты говоришь о вреде. Нет ничего хуже, как заниматься такими вещами, радоваться им и прилепляться. Тем плачевнее тяжкое это рабство, что человек и, рабствуя, утешается. К какому духовному делу такой человек приложит надлежащее тщание? Будет ли так же осмеивать, как бы надлежало, житейские занятия, когда считает утешением связывать душу золотом? Кто живет в темнице, и с удовольствием, тот конечно никогда не захочет освободиться из нее. Так и душа златолюбивая: она как бы пленница злой своей страсти, - не захочет выслушать даже одного слова духовного с надлежащей охотой и ревностью; тем менее исполнить дело. Итак, скажи мне, что за выгода в этом украшении, в этой неге? Услаждаюсь, говоришь. Но опять повторяешь о вреде и гибели. Но я пользуюсь, говоришь ты, большим почетом у зрителей. И что ж в этом? Это только повод к гибели другого рода, когда ты надмеваешься, кичишься. Теперь, раз ты не могла показать пользы, выслушай, как я покажу тебе вред. Какой же вред? Тот, что забот гораздо более, нежели удовольствия. Потому-то многие из зрителей, и притом очень необразованные, ощущают более удовольствия, нежели ты, которая так украшена. Ты украшаешься с заботливостью, а они и без заботы услаждают свои взоры. С другой стороны, вред в том состоит, что ты унижаешь свою душу, возбуждаешь везде и повсюду зависть. Соседки твои раздражаются этим, восстают против своих мужей и поднимают против тебя жестокую брань. Сверх того, потратив на это все свое старание и заботу, ты пренебрегаешь духовными упражнениями, исполняешься высокомерием, гордостью и тщеславием, прилепляешься к земле, теряешь крылья духовные и, вместо орла, становишься псом и свиньей. Перестав обращать взор свой и парить к небу, подобно свинье, смотришь только долу, заботишься о металлах и кладовых, и лишаешь душу твою твердости и свободы. Но ты еще выходишь на зрелище, чтобы показать себя? Тем более тебе не должно украшаться золотом, и чтобы не быть предметом общего внимания, и не отверзать уст толпы злословящих. Не думай, чтобы кто-либо из зрителей тебе удивлялся; напротив, они все смеются над тобой, как над щеголихой, как над женщиной гордой и заботящейся только о теле. Если ты приходишь в

церковь, то, выходя из нее, ты ничего не понесешь с собой, кроме насмешек, ругательств и поношений, и не только от зрителей, но и от пророка. Велегласный Исаия, увидев тебя, тотчас возопит: так говорит Господь на владетельных дочерей Сиона: "**ходят, подняв шею и обольщая взорами, и выступают величавой поступью и гремят цепочками на ногах, - оголит Господь темя дочерей Сиона и обнажит Господь срамоту их. И будет вместо благовония зловоние, и вместо пояса будет веревка**" (Иса. 3:16-17,23). Вот что дадут тебе вместо украшения! Это сказано не о тех только, но и о всякой женщине, которая им подражает. Вместе с ним и Павел обличает, написав к Тимофею, чтоб он запретил женам украшать себя плетениями, золотом, или бисером, или ризами многоценными. Итак, украшаться золотом всегда пагубно, а особенно когда ты приходишь в церковь, когда проходишь мимо бедных; посмотри тогда на себя: ты увидишь, что одежда твоя не более, как личина жестокости и бесчеловечия.

4. Размысли, сколько в таком одеянии обходишь ты алчущих, сколько нагих в сатанинском украшении твоем! Насколько лучше было бы тебе накормить души алчущих, нежели проколоть уши и привесить к ним для пустой цели то, что могло бы доставить насущную пищу столь многим беднякам! Неужели быть богатой составляет, по твоему мнению, славу? Неужели украшаться золотом Ты считаешь делом важным? Если бы даже все это снискано было и праведными трудами, и тогда твое поведение достойно величайшего осуждения. Когда же и приобретено еще неправедным путем, то представь, как безмерно преступление. Но ты любишь похвалу и славу? Сними с себя позорную эту одежду, и тогда все тебе удивятся; тогда будешь наслаждаться и славой, и чистым удовольствием; ныне же ты осыпана ругательствами, и этим сама себе создаешь множество поводов к скорби. Представь, если что-нибудь пропадет. Сколько отсюда бед! Сколько рабынь должны будут терпеть наказание! Сколько мужчин приведено будет в тревогу! Сколько будет посажено, сколько будет жить в темницах! Затем пойдут суды, тяжбы, тысяча ругательств и поношений жене от мужа, мужу - от друзей, и душе - от себя самой. Но положим, что ничего и не пропадет, - хотя трудно без этого обойтись, - положим, что все всегда будет в целости: и в таком случае опять ты подвержена будешь только беспокойству, заботам, скорби, не получая пользы. Какая отсюда прибыль дому? Какая польза самой украшающейся? Пользы никакой, а бесчестия много и укоризны отовсюду. И как в таком украшении ты можешь лобзать и обнимать ноги Христа? Он отвращается от такого украшения. Потому-то Он благоволил родиться в доме плотника, а лучше сказать, даже и не в самом доме, но в пещере и яслях. Итак, как же ты можешь видеть Его, когда не имеешь красоты для Него вожделенной, когда ты облечена не любезным для Него украшением, а ненавистным? Приходящий к Нему должен быть украшен не такими одеждами, а облечен добродетелью. Рассуди: что такое золото? Земля и прах. Брось в воду, - и будет грязь. Рассуди и устыдись, как ты прах делаешь своим владыкой; как ты, оставив все, сидишь с ним или всюду носишься с ним, даже когда приходишь в церковь, - где особенно надлежало бы удалять его, потому что церковь не для того создана, чтоб ты показывала в ней это богатство, а для того, чтобы ты показывала богатство духовное. А ты, как бы на зрелище, приходишь сюда в таком украшении и, подражая играющим на сцене женам, одеваешься с такой величавостью в смешной их сор. Вот почему ты приходишь сюда во вред для многих. По окончании собрания, в домах за трапезой вы услышите многих, беседующих об этом. Не говоря о том, что то и то сказал пророк и апостол, - заводят разговор о великолепии одежд, о драгоценности камней и о прочем безобразии украшающихся таким образом жен. Это-то самое и вас и мужей ваших делает скупыми на милостыню. Подлинно, никто из вас не захочет уделить из этого золота сколько-нибудь, чтобы накормить алчущего. Если ты соглашаешься скорее сама терпеть нужду, нежели допустить малейшую порчу в дорогой твоей вещи, то, как можешь уделить что-либо для того, чтобы накормить другого? Поистине, многие пристрастились к этим украшениям, как бы к одушевленным каким существам, и любят их не меньше, чем

детей. Как это можно, скажете вы? Докажите же мне противное; докажите делами; теперь же я совсем не то вижу. Какая женщина из страдающих этим недугом, приобретя довольное число многоценных украшений, исхитила от смерти душу дитяти? Но что я говорю: дитяти? Искупила ли она этими драгоценностями свою собственную погибающую душу? Напротив, из-за них многие продают ее ежедневно. Если случится болезнь телесная, они все делают; а если видят порчу душевную, ничего подобного не делают, но как о своей, так и о душе своих детей совсем нерадят, чтобы оставались их драгоценности, пока не заржавеют от времени. Ты осыпана несчетными талантами золота, а член Христов не имеет даже и необходимой пищи. Общий всех Владыка, Владыка неба и всех живущих на нем, всем равно предложил духовную Свою трапезу; а ты и из тленных вещей ничего не хочешь Ему дать, и хочешь оставаться всегда окованной тяжкими этими узами. Отсюда несчетные беды. Отсюда ревнование, отсюда блудодейство мужей, - когда вы не к любомудрию их побуждаете, а заставляете их находить удовольствие в том, чем украшаются блудницы. Потому-то они очень скоро и уловляются. Если бы ты научила его питать к этим украшениям презрение и утешаться непорочностью, благочестием, смирением, то он не так легко бы мог быть уловляем любодеянием. Украшаться таким образом, и даже лучше, может и блудница; а облекаться добродетелями - нет. Итак, приучи его находить удовольствие в таком украшении, которого он не может видеть на блуднице. Как же ты его к этому приучишь? Если снимешь с себя украшение твое и облечешься в духовное. Тогда муж твой будет огражден, и ты будешь в почтении, и Бог будет вам милостив; все люди будут вам дивиться, и вы достигнете будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 90

“Когда же они шли, то некоторые из стражи, войдя в город, объявили первосвященникам о всем бывшем. И сии, собравшись со старейшинами и сделав совещание, довольно денег дали воинам, и сказали: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали; и, если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим”(Мф. 28:11-14).

1. Для воинов произошло землетрясение, чтобы их устрашить, и чтобы они могли быть свидетелями. Это и случилось. Рассказ стражей об этом происшествии нимало не был подозрителен, потому что одни из знамений были видны во всей вселенной, другие частно были показаны находящимся при гробе. Знамением для всей вселенной была тьма, а частным знамением было явление ангела и землетрясение. Итак, когда они пришли и возвестили о воскресении (а истина и в устах врагов ее светит), “**денег дали воинам**”, чтобы сказали, “**что ученики Его, придя ночью, украли Его**”. Как украли? О, безумные! Так истина ясна и очевидна, что они не умеют и солгать! Их слова совершенно невероятны, и ложь не имела никакого правдоподобия. Скажите, каким образом ученики украли Его, эти бедные и простые люди, которые не смели даже показаться? Да и не была ли на гробе положена печать? Не охранялся ли гроб со всех сторон стражей воинов и иудеев? Не подозревали ли и они того же самого, не беспокоились ли, не бдели ли, не заботились ли? Да и для чего украсть им? Для того ли, чтобы выдумать учение о воскресении? Но как бы пришло на мысль выдумать что-нибудь подобное людям, которые любили жить в неизвестности? Да и как они отвалили камень утвержденный? Как укрылись от такого множества? Пусть они презирали смерть; но напрасно и без цели, конечно, не отважились бы на такую опасность, когда столько было стражей. А что они боязливы были, это показывают прежние их поступки. Так, когда Христос был взят при них, то они все разбежались. Если же они не смели противостоять и в то время, когда видели Его живым, то как они могли не устрашиться множества воинов по смерти Его? Не

нужно ли было разломать дверь? Можно ли было это сделать тайно даже и одному? Камень был привален большой; для отваления его нужно было много рук. Итак, они справедливо говорили: “**И будет последний обман хуже первого**”, - это сказали они сами против себя; им бы нужно было принести раскаяние в своем безумии, а они к прежним приплетают новые смешные вымыслы. Они купили кровь Его, когда Он был жив; а по Его распятии и воскресении опять деньгами же стараются подорвать истину воскресения. Смотри же, как они уловляются со всех сторон своими собственными поступками! Если бы они не приходили к Пилату, если бы не просили стражи, то еще могли бы таким образом бесстыдствовать; теперь же, напротив: они все так делали, как будто старались заградить свои уста. И если ученики не могли бодрствовать с Иисусом, несмотря и на то, что Он даже укорял их в том, то откуда теперь получили такую бодрость? Да и почему они не украли раньше, но тогда, когда пришли вы? Если бы они хотели это сделать, то сделали бы в первую ночь, когда при гробе еще не было стражи; тогда это было нисколько не затруднительно и совершенно безопасно. Только в субботу ведь иудеи пришли к Пилату просить стражу и начали стеречь; в первую же ночь никого из стражи при гробе не было.

2. Далее, что значит и плат со смирною? Петр видел, что он там лежал. Если бы ученики хотели украсть, то не нагое бы украли тело, не потому только, чтобы тем не нанести бесчестия, но и потому, чтоб, занимаясь раздеванием, не разбудить тех, которые могли встать и схватить их. А снять одежду с тела было трудно, и требовалось на это много времени, потому что смирна прилипает к телу и одежде, как клейное вещество. Таким образом, и отсюда очевидна невероятность похищения. Ужели они не знали неистовства иудеев, и того, что этим они обратят на себя гнев их? Да и какая бы была им польза, если бы Христос не воскрес? Иудеи сами сознались, что они все это выдумали, когда дали серебро, и сказали: “**Скажите, …и, если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его**”. Напрасно борясь против истины, они хотели везде распространить эту молву; но тем самым, чем старались помрачить ее, против воли способствовали ее воссиянию. Самые слова их: “**что ученики Его … украли**” подтверждают воскресение. Они согласны, что тела там не было. Если же они сознаются, что тела там не было, а лживость и невероятность похищения доказывается присутствием стражи при гробе, знамениями и боязливостью учеников, то отсюда открывается непреложное доказательство воскресения. И однако же, они с бесстыдством дерзают на все; тогда как все заграждает им уста, говорят: “**Скажите, …и, если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятности избавим**”. Видишь ли, как все сговорены на их сторону: и Пилат (его хотели убедить), и воины, и народ иудейский. Но не удивляйся, что деньги победили воинов. Когда они показали такую силу над учеником, то тем более над ними. “**И пронеслось слово сие …до сего дня**”. Смотри опять, какую любовь к истине показывают ученики! Как они не стыдятся сказать и того, что о них разнесся такой слух! “**Одиннадцать же учеников пошли в Галилею, … и, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились**” (ст. 16,17). Это, мне кажется, было то последнее Его явление в Галилее, когда Он послал их с повелением крестить. Если же некоторые усомнились, то и в этом случае подивись их любви к истине, как они не скрывали своих погрешностей, даже в последние дни с ними случившихся. Впрочем и эти некоторые были утверждены явлением. Что же Он сказал, явившись им? “**Дана Мне всякая власть на небе и на земле**” (ст. 18). Опять говорит с ними по-человечески, так как они не прияли еще Духа Святого, Который бы сделал их возвышеннее. “**Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам**” (ст. 19,20). Здесь Он говорит об учении и заповедях. Он ничего не упоминает о иудеях, молчит о прежних происшествиях, не укоряет и Петра за его отвержение, и никого из прочих за бегство. Он только повелевает возвестить по всей вселенной Его учение, которое сокращенно вручил им вместе с заповедью о крещении. Но так как Он заповедал им дело

великое, то, ободряя их сердца, сказал: “**Се, Я с вами во все дни до скончания века**”. Не видишь ли опять силы Его? И не видишь ли притом, с каким снисхождением Он говорит это? Не с ними только будет находиться, говорит Он, но и со всеми теми, которые после них будут веровать. Апостолы не могли пребыть “**до скончания века**”; но Он говорит ко всем верным, как бы к одному телу. Не говорите Мне, сказал он, о препятствиях и трудностях: с вами Я, который делаю все легким! Это и в Ветхом Завете говорил Он часто пророкам: Иеремии, когда тот указывал на юность свою; Моисею и Иезекиилю, отказывающимся, Он говорил: “Я с вами”. То же самое и здесь говорит ученикам Своим. Но заметь и здесь, какое различие между теми и другими. Те часто отказывались, будучи посылаемы к одному народу; эти, посылаемые во всю вселенную, ничего подобного не говорили. О скончании же века Он напоминает им для того, чтобы более привлечь их, и чтобы они не на настоящие скорби только смотрели, но и на будущие бесконечные блага. Скорби, говорит Он, которым вы подвергнетесь, оканчиваются с настоящею жизнью, поскольку и самый этот настоящий век придет к скончанию; блага же, которые вы получите, вечны, как Я вам и прежде часто говорил. Укрепив таким образом, и ободрив их дух этим напоминанием о последнем дне, Он послал их в мир. Подлинно, этот день для тех, которые провели жизнь в делах благих, столь же вожделенный, сколько страшен для проведших ее в грехах, как для имеющих понести наказание. Но не будем только страшиться и ужасаться, принесем и покаяние, пока есть время, и отстанем от нечестия. Для нас это возможно, стоит только захотеть. Если и прежде благодати многие совершили такой подвиг, то тем более можно сделать это под благодатию.

3. В самом деле, что тягостного нам заповедано? Горы ли рассекать? Или летать по воздуху? Или переплыть Тирренское море? Совсем нет. Нам заповедан столь легкий образ жизни, что не нужно никаких к тому орудий, - нужна только душа и расположение. Какие орудия имели апостолы, совершившие такие дела? Не в одной ли одежде и без обуви они ходили, - а между тем все преодолевали? Что же трудного в заповедях Христовых? Ни к кому не питай ненависти; никого не злословь: противное гораздо тяжелее. Но ты скажешь, что Он говорит: откажись от имения. Так в этом трудность? Но этого Он решительно и не заповедовал, а только дал совет. Да если бы это была и заповедь, - что тягостного может быть в том, чтобы не брать себе тяжестей и беспокойных забот? О, сребролюбие! Все свелось к деньгам, - потому все и перепуталось! Ублажает ли кто кого, помнит деньги; называют ли несчастным, причина опять в них же. Вот, о том только и говорят, кто богат, кто беден. В военную ли службу кто имеет намерение поступить, в брак ли кто вступить желает, за искусство ли какое-нибудь хочет приняться, или другое что предпринимает, - не прежде приступает к исполнению своего намерения, пока не уверится, что это принесет ему великую прибыль. Так общими силами не посоветоваться ли нам, как бы уничтожить эту болезнь? Не стыдно ли нам добродетелей отцов наших? Тех трех тысяч, тех пяти тысяч человек, которые имели все общее? Что пользы в настоящей жизни, если мы не можем купить ею жизни будущей? Доколе не поработите себе поработившего вас мамону? Доколе будете рабами денег? Доколе не возлюбите свободы и не расторгнете уз сребролюбия? Когда вы находитесь в рабстве, тогда решаетесь на все, лишь только бы кто-нибудь обещал вам свободу. А будучи пленниками сребролюбия, вы и не думаете освободиться от этого горького рабства. То рабство еще не так тяжко; а это самое несносное иго. Подумайте, сколь великую цену положил за нас Христос! Он пролил собственную кровь Свою, самого Себя предал. А вы и после всего этого ниспали, и, что всего ужаснее, вы еще и утешаетесь своим рабством, услаждаетесь своим бесславием, и желаете того, чего должно избегать.

Нужно, однако, не оплакивать только и осуждать, но и исправлять. Поэтому рассмотрим, отчего эта пагубная страсть сделалась нам любезною? Итак, отчего? Отчего она нам стала любезна? От того, говоришь ты, что она доставляет славу и безопасность. Но, скажи мне,

какую безопасность? Конечно, ту, что мы надеемся при деньгах не терпеть ни голода, ни стужи, ни вреда, ни презрения. Итак, если я обещаю тебе такую безопасность, - перестанешь ли ты желать богатства? Если богатство только потому тебе любезно, то, когда и без него можно быть безопасным, какая еще тебе в нем нужда? Но как возможно, говоришь ты, без богатства достигнуть этого? Напротив, как это возможно для богатого? В самом деле, он должен по необходимости многим льстить, как начальникам, так и подчиненным, иметь нужду во многом, до низости раболепствовать, бояться, трепетать, предполагать завистников, страшиться клеветников и алчности других корыстолюбцев. А в бедности не бывает подобного, но совершенно тому противное. Это убежище безмятежное и безопасное, тихая пристань, училище любомудрия, образ жизни ангельской. Услышьте это вы, бедные, а еще более вы, желающие быть богатыми! Не бедным быть худо, но худо не хотеть быть бедным. Не считай бедность злом, и для тебя она не будет злом. Не в существе самой вещи, а только во мнении изнеженных людей лежит причина страха. Впрочем, мне было бы даже стыдно, если бы я о бедности сказал только то, что она не есть зло. Если ты внимательнее размыслишь, то найдешь ее даже источником бесчисленных благ; и когда кто-нибудь стал бы предлагать тебе начальство, какую-нибудь гражданскую власть, богатство, удовольствия, потом предложил бы и бедность, и дал свободу выбрать что тебе угодно, - ты бы тотчас избрал бедность; если бы знал цену ее.

4. Я знаю, что многие смеются над этими словами; но мы не смущаемся, вас же просим потерпеть, и вы скоро с нами согласитесь. Бедность, по моему мнению, подобна скромной, невинной, прекрасной девице, корыстолюбие же подобно жене зверонравной, чудовищной Скилле[1]**,** Гидре и другим подобным же чудовищам, вымышленным баснотворцами. Не представляй мне осуждающих бедность, но представь тех, которые чрез бедность прославились. В бедности воспитанный Илия восхищен был тем блаженным восхищением; ею Елиссей прославился; в бедности были Иоанн, в бедности и все другие апостолы. С богатством же Ахаав, Иезавель, Гиезий, Иуда, Нерон и Каиафа погибли. Если угодно, посмотрим не на тех только, которые в бедности прославлялись; но рассмотрим и самую красоту этой девы. Взор ее чист, светел и покоен; тогда как глаза корыстолюбия то исполнены злобы, то выражают пресыщение удовольствием, то делаются мутными от невоздержания. Не таков взор бедности: он кроток, ясен, приветлив, ласков, приятен, ни к кому не выражает ни ненависти, ни отвращения. Где деньги, там случай к вражде и бесчисленным распрям; равным образом уста корыстолюбия исполнены обид, тщеславия, чрезмерной гордости, проклятий и лести. А у бедности и уста, и язык здравы, исполнены всегда благодарности, благоговения, слов кротких, ласковых, покорных, одобрений и похвал. Хочешь ли ты узнать и стройность ее стана? Она несравненно выше и величественнее богатства. А если многие бегают ее, то не удивляйся: безумные бегают и других добродетелей. Но скажешь: бедного обижает богатый? Опять говоришь в похвалу бедности. Кто блажен, скажи мне, - тот ли, который обижает, или тот, которого обижают? Очевидно, блажен обижаемый. Но обижать заставляет сребролюбие, сносить же обиды - бедность. Бедный, говоришь ты, томится голодом? И Павел алкал, и не имел, чем утолить голода. Бедный не имеет спокойного пристанища? И Сын человеческий не имел, где главу приклонить. Видишь ли ты, как далеко простирается достоинство бедности, где она поставляет тебя, каким уподобляет мужам, и как делает тебя подражателям самого Господа? Если бы иметь золото было благо, то Христос, Который дал ученикам Своим неизреченные блага, дал бы им и его. Он не только не дал им его, но запретил и иметь. Вот почему и Петр не только не стыдится бедности, но даже и хвалится ею, говоря: “**Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе**” (Деян. 3:6). Кто из нас не хотел бы сказать таких слов? Конечно, все бы, - может быть, скажет кто-нибудь. Так пренебреги же серебром, пренебреги золотом. Но получу ли я силу Петра, говоришь ты, когда пренебрегу богатством? Скажи, что сделало

Петра блаженным: то ли, что он исцелил хромого? Совсем нет, а то, что он не имел богатства, и чрез то достиг неба. Многие из творивших чудеса, низвергнуты в геенну, напротив, презревшие богатство, получили царство небесное. Об этом и сам Петр говорит; вот два его изречения: “**Серебра и золота нет у меня**”; и: “**Во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи**”. Итак, что его сделало славным и блаженным? Исцеление хромого, или презрение богатства? Узнай это из слов самого Подвигоположника. Что Он говорит богатому, ищущему вечной жизни? Он не сказал ему: исцеляй хромых, но говорит: “**Все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною**” (Лк. 18:22, Мк. 10:21). И Петр опять не сказал: се, во имя Твое изгоняем бесов, хотя и изгонял; но говорит: “**Вот, мы оставили все и последовали за Тобою; что же будет нам**” (Мф. 19:27)? И Христос, опять, отвечая ему, не сказал: если кто исцелит хромого, но говорит: “**Кто оставит домы, … или земли … получит во сто крат и наследует жизнь вечную**” (ст. 29). Так и мы поревнуем этому, чтобы нам не постыдиться, но с дерзновением предстать на суд Христов, и иметь Его с собою, как был Он с учениками Своими. Будет и с нами Он, как был и с учениками, если мы хотим следовать им, и подражать правилам и образу их жизни. За это-то Бог венчает и прославляет; а не требует того, чтобы ты воскресил мертвого, или исцелил хромого. Не такие чудеса делают подобным Петру, а презрение богатства, - в этом и состояло совершенство апостола. Но нельзя, по твоему мнению, презреть богатство? Очень возможно. Впрочем, если не хочешь сам, я не принуждаю и не настаиваю; но умоляю только уделять хотя некоторую часть неимущим, и не искать ничего, кроме необходимого. Таким образом мы и здесь будем наслаждаться жизнью спокойною и безмятежною, и удостоимся жизни вечной, которой все мы и да сподобимся благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Дочь Форка, по баснословию греческому, превращенная в чудовище.

Отрывок из беседы IV

Нижеследующий отрывок представляет более подробный ответ на поставленный Златоустом в самом начале IV беседы вопрос: "для чего евангелист в средней части родословия опустил трех царей, а в последней, поместив двенадцать родов, сказал, что их четырнадцать?" и следует непосредственно после слов, читаемых далее: "первое предоставляю собственному вашему исследованию,... о втором же скажем". Так как отрывок этот, находящийся только в трех манускриптах, был неизвестен Аниану современнику и переводчику Златоуста, и значительно отличается по стилю от подлинных его произведений, и кроме того, решение вопроса, данное в нем, не согласно с златоустовским, то принадлежность его Златоусту справедливо признается сомнительной.

А лучше решим вам и первый вопрос, чтобы исследование его не затруднило вас, потому что в решении его есть некоторые трудности. Итак, почему евангелист говорит, что от Давида до Иехонии и пленения вавилонского четырнадцать родов, тогда как царствовавших было семнадцать? Если евангелист имел в виду показать преемство царей, то его справедливо можно было бы упрекнуть за то, что он в этом преемстве некоторых пропустил. В книгах Царств и Паралипеменон одинаково говорится, что после Иорама, сына Иоасафатова, царствовали преемственно три царя: Охозий, Иоас и Амасия, а за ними далее: Озия, Иоафам и Ахаз. Между тем евангелист, опустив трех первых царей, после Иорама сына Иоасафатова прямо ставит Озию, Иоафама и Ахаза, а упомянутых их

предшественников опускает. Очевидно, он сделал это потому, что не имел целью указать преемственный порядок царей, - в противном случае данную у него родословную следовало бы признать ошибочною. Он имел в виду указать не число преемств, а только количество родов. Это-то именно он и хочет выразить в словах: “**Всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов**”, и далее: “**от Давида до**” Иехонии и “**от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов**” (Мф. 1:17), а не преемств четырнадцать, и таким образом освобождается от всякого обвинения в ошибочности.

Некоторые, впрочем, думают, что он мог назвать преемство, сказав таким образом: "всех же родов от Авраама до Давида четырнадцать преемств, и от переселения вавилонского четырнадцать родов"; если, говорят, он сказал так, то слова его не возбуждают никакого недоумения. Однако, в этом случае он отступал бы от истории. Между тем, если он, как я сказал, имел в виду показать роды, а не преемство, а книги Царств и Паралипоменон говорят о преемствах, а не родах, то, при сличении их друг с другом, противоречия не оказывается. Под родом нельзя разуметь время жизни человека, потому что продолжительность последней бывает различна: одни живут очень недолго и умирают в младенческом возрасте, другие достигают отроческого возраста, иные - юношеского, иные доходят до зрелого возраста мужа, а жизнь некоторых простирается до глубокой старости. Итак, что же нужно считать за род, если один доживает, например, до десяти лет, или до двадцати, другой до пятидесяти, третий до семидесяти, а иной переживает и за сто лет, как бывало не только у древних, а и у нас наблюдается. Итак, каким же образом можно называть родом человеческую жизнь? Нельзя принять и время до рождения детей, потому что одни женятся и производят детей раньше двадцати лет, а другие начинают лишь после тридцати. Да и при одинаковом возрасте одни видят только первое поколение сыновей, другие доживают до четвертого поколения, так что видят своих потомков в продолжение лет пятидесяти, а иные и в течение семидесяти лет остаются без всякого потомства. Как же нужно считать роды? По тем ли, которые долго живут, или тем, которые недолго? По тем ли, у кого дети рождаются раньше, или тем, у которых позже? По тем ли, которые видят только первое поколение, или тем, которые видят их много? Из этого исследования можно видеть, что божественный евангелист, имевший в виду указать не преемства, а роды, и считавший их известным самому ему образом, мало заботился о точной передаче преемств, показанных в исторических книгах, и принял в генеалогию столько лишь лиц, сколько нужно было ему, чтобы вышло полных четырнадцать родов. Генеалогия, таким образом, остается правильной и нисколько не противоречит историческим книгам. Итак, первое затруднение решено. Теперь нужно сказать о втором. Почему евангелист говорит, что от Иехонии до Иосифа четырнадцать родов, тогда как в родословии их только двенадцать? По той же самой причине: он хотел, как я сказал, указать не преемства, а роды, а часто случается, что у людей долголетних преемств бывает немного, а число родов получается полное. Подобно тому, как в период времени от Давида до плена при большем числе преемственно следовавших лиц количество родов указано меньшее, именно из семнадцати преемств названо только четырнадцать родов, так точно и здесь из двенадцати родов составляется четырнадцать полных родов, так как этих двенадцати мужей, при их вероятном долголетии, было достаточно, чтобы составилось четырнадцать родов. Таков один способ решения вопроса. По другому же решению окажется, что в этом (последнем) ряду преемств указано четырнадцать родов вполне согласно с историей, если именно к двенадцати присоединишь самого Иисуса Христа, считавшегося сыном Иосифа, и кроме того, Иехонию, бывшего в Вавилоне, отличного от того, который раньше переселения царствовал в Иерусалиме. После Иосии было двое царей с именем Иоакима: один - сын самого Иосии, который после него царствовал в Иерусалиме, другой Иоаким - сын этого последнего. Они же назывались и Иехониями - по греческому произношению имени. Итак, первый Иоаким, он же и Иехония, сын Иосии, должен быть причислен к родам до первого пленения; второй же Иоаким, он же и Иехония, сын первого Иехонии и

внук Иосии, должен быть относим к родам, считаемым от пленения до Христа, и тогда получается полное число четырнадцати родов. А что Иоакимов было двое, об этом свидетельствует книга Царств, в которой говорится об этом так: “**И воцарил фараон Нехао**” над Израилем “**Елиакима, сына Иосиина, вместо Иосии, отца его, и переменил имя его на Иоакима**” (4 Цар. 23:34). Вслед за тем говорится, как он умер и почил с отцами своими, и как, затем, царствовал вместо него Иоаким, сын его. В самом начале царствования этого последнего пришел Навуходоносор, царь вавилонский, и, осадив Иерусалим, взял его, а самого Иоакима и всех людей его отвел в Вавилон. Этот второй Иоаким, которого назвал Иехонией пророк Иеремия, был внуком Иосии, а не сыном. Поэтому справедливо он причисляется к третьей части генеалогии, от Иехонии до Христа, состоящей из четырнадцати родов, тогда как отец его, бывший сыном Иосии, относится к предшествующим родам. Таким образом, и число последних четырнадцати родов становится у нас полным.

Далее в означенных трех манускриптах следуют слова: "Мне кажется, что Он причисляет к родам время пленения" и т. д.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том VIII

Книга 1

"Толкование на Евангелие от Иоанна"

БЕСЕДА 1 (вступительная). 1. Похвала Евангелию от Иоанна. Его превосходство и польза. - Кто могут понимать его. - 2. Возвышенность Иоанна. - Как нужно слушать Евангелие. - Необходимость известного расположения к Слову Божию. - 3. Не нужно бросать святыни псам. - 4. Описание настроений, которые требуются для слушания Евангелия. - Нужно избегать театральных зрелищ и твердо стоять в единении с Богом и церковью. - Должно иметь внимательный слух.

БЕСЕДА 2 на Иоан.1:1. 1. Внешние философы в сравнении с ев. Иоанном. - Бедность и неученость его и в то же время несравненное превосходство его на первыми. - 2. Варварские народы, восприяв христианство, научились любомудрствовать. - 3. Против учений философов и особенно против учения о переселении душ. - 4. Почему Иоанн говорит о Боге-Сыне, не касаясь Бога-Отца. - В чем истинное любомудрие? - 5. Ум не может одновременно размышлять о нескольких предметах. - С каким вниманием следует читать Евангелие св. Иоанна.

БЕСЕДА 3 на Иоан.1:1. 1. О посвящении Господу одного из семи дней недели. - Какое воспитание должно давать юношеству. - 2. Мнение еретиков аномеев о Боге-Слове. - 3 и 4. Доказательства вечности Слова. - 5 и 6. Против тщеславия. - Производимое им зло. - Ему приносят в жертву свои богатства. - Ради него делают все в угоду народу. - Слава народа есть истинная слава. - Как нужно поступать с толпой. - Пусть один Бог будет зрителем и хвалителем добрых дел.

БЕСЕДА 4 на Иоан.1:1. 1. Почему св. Иоанн ограничивается единым словом о воплощении Сына Божия в то время, как другие евангелисты подробно излагают его. - Павел Самосатский и его заблуждение. - 2. Что такое Слово. - 3. Опровержение возражения еретиков против Божества Сына, основывающегося на том, что Сын называется Богом - "Феос" - без члена (артикля). - 4 и 5. Иисус Христос пострадал и умер для избавления нас от идолослужения. - Воздавать твари богопочтение, долженствующее Творцу, крайне несправедливо. - Вера и учение бесполезны для спасения, если жизнь и нравы испорчены. - Немедленно должно угашать гнев. - Люди хвалят и порицают по мере того, любят они, или ненавидят. - Изображение человека в гневе. - Против тех, которые тщательно соблюдают часы и времена.

БЕСЕДА 5 на Иоан.1:3. 1. Как некоторые еретики изменили смысл третьего стиха первой главы Евангелия от Иоанна через изменение пунктуации. - 2. Нелепые выводы, к которым приводит мнение, допускаемое еретиками о том, что Дух Святой сотворен. - 3. Сын Божий равен своему Отцу. - Неистощимая плодотворность Творца. - Бог не есть существо

сложное. - 4. О том, что грешники похожи на пьяных и яростных людей. - Лучше ходить и показываться нагим на улицах, чем покрытым и обремененным грехами.

БЕСЕДА 6 на Иоан.1:6. 1. Посланничество Иоанна Крестителя. - Объяснение изречения: "был человек послан от Бога". - Зачем и каким образом Христос принимает свидетельство Иоанна. Учение без добрых дел не приносит пользы.

БЕСЕДА 7 на Иоан.1:9. 1. Не следует стараться постигнуть то, что непостижимо в Боге. - Истинное учение об Отце и Сыне. - Неразумие савеллиан и маркеллиан. Как омываются грехи.

БЕСЕДА 8 на Иоан.1:9. 1. Почему Иисус Христос, будучи светом истины, не освящает всех людей. - 2. Неразумие Павла Самосатского. - Ответы на вопросы язычников: что делал Иисус Христос до своего пришествия и проч.? - Нельзя надлежащим образом стремиться к небесному, привязываясь к земному. Большое различие между служителями Иисуса Христа и служителями мамоны.

БЕСЕДА 9 на Иоан.1:11. 1. Кто такие "свои", которые не приняли Христа: во-первых, иудеи, бывшие его избранным народом. - Затем другие люди, которые не веровали в него, будучи Его тварями. - 2. Неверие как причина ослепления иудеев; гордость, как причина их неверия. - Благодать милосердия, распространенная Богом на язычников, не причинила никакой несправедливости иудеям. - Апостол Павел справедливо укоряет их и обуздывает их гордость и заносчивость. - Они завидуют спасению язычников. - Гордость делает бесполезными все добродетели.

БЕСЕДА 10 на Иоан.1:11. 1. Бог не насилует и не стесняет нашей свободной воли. - 2. Что значит: "пришел к своим"? - О том, что те, кто не восхотели принять Иисуса Христа, достаточно наказаны самым этим поступком и последствиями этого отказа. - Благодатное действие крещения. - 3. О том, что сохранять чистоту нашего крещения вполне зависит от нас. - Наказание тем, кто оскверняет одежду, полученную при крещении. Вера и чистота жизни необходимы для спасения. - В какую одежду должны облачаться те, кто призваны на царский брачный пир.

БЕСЕДА 11 на Иоан.1:14. 1. Прежде чем идти на беседу, следует прочитать те места из Священного Писания, которые подлежат объяснению. - Положение служителя не умаляет достоинства Сына Божия. - 2. О еретиках, утверждающих, что Слово воплотилось лишь повидимости - Состояние природы человеческой до пришествия Иисуса Христа. - Она была подобна разрушенному дому, который мог восстановить лишь один Всемогущий. - Воплощение как непостижимая тайна. - Бог-Слово принял нашу плоть, чтобы никогда не оставлять ее. - Вот почему она восседает на царственном престоле и боготворится всем небесным воинством.

БЕСЕДА 12 на Иоан.1:14. 1. Что означает изречение: "славу, как Единородного от Отца". - 2 и 3. Предзнаменования и чудеса перед пришествием Иисуса Христа. - Предвестники и проповедники. - Свободная воля человека. - Добродетель, как произведение свободной воли. - Чудеса возвещали об Иисусе Христе и показывали, что он есть Единородный Сын Божий. - Чудеса, совершенные невидимо и видимо во время Его смерти. - Какова слава Христа на небесах.

БЕСЕДА 13 на Иоан.1:15. 1. Невнимательность слушателей не лишает проповедника награды. - Почему ев. Иоанн часто ссылается на свидетельство св. Иоанна Крестителя? - 2

и 3. Значение свидетельства св. Иоанна Крестителя. - 4. Нет ничего прекраснее правильной жизни. - Отвержение даров, приносимых от злоприобретенных имений.

БЕСЕДА 14 на Иоан.1:16. 1. О том, что мы получили от полноты Иисуса Христа. - 2. Различие между ветхим и новым законом. - Значение слов: "благодать на благодать". - Бог всегда предваряет нас своими благодеяниями. - 3 и 4. Прообразы ветхого завета получили свое исполнение в новом. - Объяснение некоторых из этих прообразов. - В публичных состязаниях поощряют к состязанию не тех, которые потерпели поражение, а только мужественных бойцов. - Напротив, в подвигах духовных поощряют и одушевляют одинаково и тех и других, потому что те, кто потерпели поражение, могут оправиться и еще одержать победу. - Горечь лекарств никого не должна приводить в уныние: польза их обнаружится впоследствии. - Как грешники, так и праведники - все нуждаются в лекарствах, исправлениях и добрых назиданиях.

БЕСЕДА 15 на Иоан.1:18. 1. Бога никто никогда не видел в Его сущности. - 2 и 3. Иисус Христос вполне знает Отца, потому что пребывает в Его лоне. - Опровержение ариан и других еретиков, отвергавших Божество Иисуса Христа. - Иисус Христос открыл нам больше, чем пророки и Моисей. - Все христиане составляют одно тело. - Что служит величайшею связью их взаимной любви.

БЕСЕДА 16 на Иоан.1:19. 1. Как злоба иудеев проявляется в вопросах, с которыми они обращались к св. Иоанну Крестителю. - 2. Как этот верный Предтеча отдает Иисусу Христу славу, которую даже иудеи хотели воздавать ему самому. - Высокое мнение, которое иудеи имели о св. Иоанне Крестителе. - Их неверие в Иисуса Христа неизвинительно и не заслуживало прощения. - Смирение св. Иоанна Крестителя. - Против аномеев. - Гордость ниспровергает всякую добродетель души и извращает все добрые дела. - Она есть мать диавола, начало, источник и причина всех грехов. - О милостыне. - Бедные переносят на небо блага мира сего. - Непрочность земных владений и потому нужно заблаговременно переносить их в высший град.

БЕСЕДА 17 на Иоан.28-29. 1. Слова св. Иоанна Крестителя как свидетельство его величайшего благоговения к Иисусу Христу. - 2. Иисус Христос не имел нужды в крещении. - 3 и 4. Ложность предположения, что Иисус Христос творил в детстве чудеса. - Почему иудеи не веровали в Иисуса Христа, хотя слышали проповедь св. Иоанна Крестителя и видели столько знамений и чудес. - Достоверность евангелистов. - Против язычников. - Встречаются защитники зрелищ, но не обретается истины и веры. - Сочинения философов того времени против христиан.

БЕСЕДА 18 на Иоан.1:35-37. 1. Почему св. Иоанн Креститель часто повторял одно и то же? - Некоторые оглашенные отлагали принятие крещения до последнего момента. - 2. Пророки и апостолы проповедовали Иисуса Христа отсутствующего, а св. Иоанн Креститель проповедовал Христа присутствующего. - 3 и 4. Следует предпочитать учение Иисуса Христа всякому другому. - Чем больше дают пищи телу, тем более его расслабляют; чем более дают пищи душе, тем более ее укрепляют. - Отвращение к мясу есть признак болезни тела; отвращение к Слову Божию есть признак болезни души. - Какова ее пища? - Против театра и зрелищ.

БЕСЕДА 19 на Иоан.1:41:42. 1. Блага единения людей. - Андрей, найдя Мессию, немедленно приглашает своего брата принять участие в обретенном счастье. - 2. Пророчество доказывает божественное всемогущество не менее, чем и чудо. - 3. Древние имели много названий, христиане - одно только имя - христианин. - Почетность и слава этого имени. - Мы носим имя Иисуса Христа и столь же близки к нему, как тело к голове.

- Как делать надлежащее употребление из богатства? - Раздавать свое имение бедным значит обогащать себя.

БЕСЕДА 20 на Иоан.1:43-44. 1. Призвание Филиппа. - Иисус Христос одним словом увлекает его за собою. - Филипп с своей стороны приводит Нафанаила ко Христу. - 2. Характер Нафанаила, его мудрость. - Как он приведен к Вере. - 3. Верные обязаны делать все, что желает и требует от них Иисус Христос. - Должно во всем повиноваться Христу, питать Его, когда Он голоден, поить, когда Он жаждет. - Он не отвергнет наших даров, каковы бы они ни были. - Друг с удовольствием принимает все, что дает ему его друг. - Любовь обнаруживается не в словах, а в делах.

БЕСЕДА 21 на Иоан.1:49-50. 1. Исповедание Нафанаила было менее совершенным, чем исповедание, сделанное впоследствии ап. Петром. - 2. Иисус Христос совершил свое первое чудо по просьбе своей Матери. - 3. Иисус Христос желает, чтобы все обращались к Нему с своими нуждами. - Пример знаменитых врачей. - Почему Он дал жесткий ответ своей Матери. - Родственники Спасителя, известные под именем Деспосин. - Наши предки и отцы были добрые христиане, что должно устыжать нас и подвергать тем большему общению.

БЕСЕДА 22 на Иоан.2:4. 1. Иисус Христос все совершает благовременно не потому, чтобы Он подчинялся времени, так как Он Творец лет и Господь веков, но по любви к порядку. - 2. Иисус Христос своим чудом в Кане Галилейской доказал, что Он Творец воды и вина. - 3. Чудеса Иисуса Христа превосходят все силы природы. - Он усовершает наши мятежные души. - Непрочность благ мира сего: они мгновенно исчезают и утекают с быстротою потока. - Скудость есть мать здоровья. - Сладости трапезы очень вредны для тела и души и производят множество болезней.

БЕСЕДА 23 на Иоан.2:11. 1. Претворение воды в вино есть первое чудо Иисуса Христа. - На каких свидетельствах покоится достоверность этого чуда, приведшего учеников к вере. - 2. Иисус Христос изгоняет продавцов из храма. - То же было и еще раз в конце Его проповеди. - 3. Почему Иисус Христос делал неясные предсказания. - Апостолы не знали о воскресении. - Почему Иисус Христос не открыл им этого? - Люди больше верят самым фактам, чем словам. - Св. Дух напомнил апостолам обо всем, что говорил им Иисус Христос. - Величие добродетели апостолов. - Похвала им. - Увещание к милостыне, без которой нельзя войти во врата небесные.

БЕСЕДА 24 на Иоан.2:23. 1. Те, которых привлекало к Иисусу Христу Его учение, были более тверды и устойчивы в вере, чем привлеченные знамениями. - Почему Он не совершал более чудес. - 2. Никодим, слабость и несовершенство его веры. - Снисходительность Иисуса Христа. - 3. Не должно с чрезмерною любознательностью проникать в священные тайны. - Не подчиняя свой разум вере, люди впадают во множество нелепостей. - Разум человеческий, не озаренный свыше, производит лишь тьму. - Богатства суть шипы, которые царапают и ранят нас.

БЕСЕДА 25 на Иоан.3:5. 1. Никодим не понял слов Спасителя потому, что хотел рассуждать о духовных предметах по-человечески. - Если человек не рождается от воды и Духа, он не может войти в Царство Небесное. - 2 и 3. Вера в невидимое. - Различие между первым и вторым творением. - В первом творении Творец воспользовался землей для создания человека; во втором Св. Дух пользуется водою. - Первый человек был создан с душою живою, второй исполнен Духа животворящего. - Первый человек нуждался в помощи, второй, получая благодать Духа Святого, не нуждается ни в какой иной помощи. - Почему вода нужна для крещения? - Обряд крещения. - Великие тайны, совершенные

для нас Иисусам Христом, как побуждения для нас вести добрую жизнь. Оглашенные и их положение в отношении к верным. - Польза милостыни и даров, приносимых Иисусу Христу и малым сим.

БЕСЕДА 26 на Иоан.3:6. 1. Духовное возрождение и его сущность. - 2. Прообраз духовного возрождения. - 3. Характер христианского увещания. - Нужно действовать с кротостью, без гнева и крика. - Человек, приносящий другим обиды, совершает позорное дело; терпящий обиды есть истинный философ. - Рабы имеют ту же природу, как и господа, и потому последние не должны оскорблять первых. То, что рабы делают из страха господ, последние должны делать из страха Божия.

БЕСЕДА 27 на Иоан.3:12-13. 1. Не должно стараться постигнуть разумом происхождение Сына Единородного. - 2. Медный змей как прообраз Иисуса Христа. - Как Бог возлюбил мир. - 3. Любовь Божия: чрезмерность Его благости к грешникам и неблагодарным. - Бог, чтобы спасти нас, не пощадил даже Сына своего Единородного, а мы щадим свои деньги. - Дурное употребление, делаемое из богатства. - Наша неблагодарность Иисусу Христу в лице бедных за все Его благодеяния нам. - Против тех, которые расточая все на роскошь, презирают бедных и не заботятся о их нуждах.

БЕСЕДА 28 на Иоан.3:17. 1. Чем больше милосердие Господа, тем строже будут Его наказания жестоковыйным. - Бог открыл двери щедрот всем людям. - Два пришествия Иисуса Христа. - 2. Неверующие подлежат осуждению - Кто удаляется от Иисуса Христа. - Великие грешники - люди, закоснелые в своем упорстве, преданные обуявшим их порокам. - Чтобы быть христианином, нужно вести добрую жизнь с соблюдением чистоты учения. - Причина уклонения язычников от принятия веры Христовой. - Языческие философы делали добродетель из пустого тщеславия. Любовь к тщеславию губит людей. - Тщеславие пагубнее всех других пороков. - Чтобы приобресть славу пред людьми и славу, исходящую от Бога, нужно стремиться к достижению только последней.

БЕСЕДА 29 на Иоан.3:22. 1. Возвышенность истины и низость лжи. - Почему Иисус Христос сам не совершал крещения, а только Его ученики. - 2. Ученики Иоанна Крестителя завидовали ученикам Иисуса Христа. - 3. Как церковь становится невестой Иисуса Христа. - Бедствия и потери, причиненные тщеславием. - Как освободиться от этого порока.

БЕСЕДА 30 на Иоан.3:31. 1. Старания св. Иоанна Крестителя привесть своих учеников к Иисусу Христу. - 2. Отвержение Иисуса Христа равносильно обличению во лжи пославшего Его Бога. - 3. Не должно читать Слово Божие легкомысленно: нужно вникать во всякое слово. - Слово Божие есть оружие, которым нужно уметь владеть. - Делах мира сего все ловки и бойки, а в деле спасения мы ленивы и трусливы. - Священные книги написаны не для древних только, но и для нас.

БЕСЕДА 31 на Иоан.3:35:-36. 1. Вера без доброй жизни бесполезна для спасения. - 2. Почему Иисус Христос удаляется. - Происхождение самарянки. - 4. Продолжение о том же. - Отмена обрядностей иудейских. - 5. Добрый пример, преподанный самарянке в отношении любви и ревности, с которыми должно относиться к слову Иисуса Христа. - Она призывает других к Иисусу Христу, между тем как иудеи отвращали от него. Делать неблагоугодное Богу значит жить бесполезно и к собственной гибели. - Душа бессмертна. - Тело также будет бессмертно, чтобы мы могли наслаждаться небесными благами. - Бог предлагает нам небо, а мы привязываемся к земле, нанося оскорбление Господу.

БЕСЕДА 32 на Иоан.4:13-14. 1. Священное Писание называет Святого Духа то водой, то огнем, обозначая этим не сущность, а деятельность. - Продолжение истории самарянки. - 2. Послушность самарянки. - 3. Мудрость Иисуса Христа в деле обращения людей ко спасению. - Увещание к чтению Священного Писания. - Диавол не смеет войти в дом, где есть Евангелие. - Чтение духовных книг освящает человека.

БЕСЕДА 33 на Иоан.4:21-22. 1. Человек всегда нуждается в вере. - Вера подобно кораблю перевозит нас чрез житейское море. - 2. Об истинном богопочтении. - Почтение учеников к своему Учителю. - Нет ничего выше любви Христовой. - Смирение и нежность привлекли особенную любовь Иисуса Христа к Иоанну. - Апостол Петр. - Смирение как основа добродетели. - Суетность богатств. - Увещание к милостыне.

БЕСЕДА 34 на Иоан.4:22-29. 1. Продолжение истории самарянки: смирение этой женщины. - 2. Почему Иисус Христос, как и пророки, часто выражал свою мысль посредством сравнений, иносказаний и аллегорий. - Пророки сеяли, апостолы пожинали. - 3. Должно следовать примеру самарянки в исповедании своих грехов. - Люди обычно боятся людей, и не боятся Бога. - Скрывая свои грехи пред людьми, чтобы не быть опозоренными, они не боятся позора пред Богом. - Возвращаться к греху, это значит уподобляться псу, возвращающемуся на свою блевотину. Лучшее средство к исправлению своих пороков - это исследовать каждый из них отдельно, не пропуская ни одного. Необходимость постоянно быть готовым к пришествию Господа.

БЕСЕДА 35 на Иоан.4:40-42. 1. Самаряне, будучи более восприимчивы к благодати, чем иудеи, увидев и услышав Иисуса Христа, признают, что Он есть Спаситель мира. - 2. Исцеление сына царедворца Иродова. - 3. Не должно требовать от Бога чудес, или доказательств Его всемогущества. - Должно славить и любить Бога при всяких обстоятельствах: в радости и скорбях, в здоровье и болезни и терпеть все из любви к Нему.

БЕСЕДА 36 на Иоан.4:54-5:1. 1. Овчая купель, как прообраз крещения. - 2. Расслабленный, страдавший 38 лет, прекрасный образец терпения. Настойчивость в молитве. - Качество молитвы. - Почему жизнь человека трудна и тяжела. - Необходимость труда. - В чем состоит целомудрие. - Нет труда, нет и умеренности. - Удовольствие, доставляемое пороком, кратковременно; радость, даваемая добродетелью, вечна. - Нет истинной радости в этом мире; истинная радость на небе.

БЕСЕДА 37 на Иоан.5:6-7. 1. Великая польза, почерпаемая из Священного Писания. - Отличие самоотвержения расслабленного от самоотвержения св. Матфея. - 2. Вера расслабленного. - 3. Величие зла, производимого пороком. - Изображение зависти: завистливые не имеют извинения; их грех не заслуживает прощения.

БЕСЕДА 38 на Иоан.5:14. 1. Бог наказывает тело за грехи души. - Большая часть болезней происходит от греха. - 2 и 3. Признание расслабленного. - Иисус Христос сравнивает себя с Богом Отцом и объявляет Себя равным Ему. - 4. Совершенное равенство и совершенное единство Отца и Сына. - Против честолюбия и страсти превозноситься над другими. - Нужно избегать тщеславия и производимых им зол и искать славы, исходящей от Бога. - Различие славы человеческой от лавы Божией.

БЕСЕДА 39 на Иоан.5:22-23. 1. Должно бояться Страшного Суда. - 2. Почему Иисус Христос употребляет простые слова. - 3. Иисус Христос часто говорит о суде и воскресении. - 4. Две воли во Иисусе Христе. - 5. В исследовании Священного Писания нужно тщательно исследовать все подробности. - Должно прощать другим, как Иисус

Христос простил нам. - Что нужно делать, чтобы получить жизнь вечную. - Увещание к милостыне.

БЕСЕДА 40 на Иоан.5:31-32. 1. Простое и удовлетворительное объяснение текста казавшегося сначала трудным. - 2. Свидетельство Иоанна в пользу Иисуса Христа и свидетельство дела Иисуса Христа. - 3. Свидетельство Бога Отца. - Нужно бороться с еретиками с помощью Священного Писания. Любостяжание есть корень всех зол. - Нельзя служить двум господам - Богу и мамоне. - Как нужно творить милостыню. - Суровость будущего суда над теми, кто были бесчеловечны и жестоки к бедным.

БЕСЕДА 41 на Иоан.5:39-40. 1. Не должно читать Священного Писания урывками и легкомысленно. - 2. Иудеи будут иметь своим обвинителем самого Моисея. - 3. Опровержение предлогов и пустых извинений иудеев. - Их злоба и жестоковыйность. - Добродетель мать благоразумия. - Грех рождается от глупости. - Мудрость того кто боится Бога, и неразумность того, кто не боится Его.

БЕСЕДА 42 на Иоан.6:1-4. 1. Полезно иногда удаляться от гонительства. - 2. Чудо умножения хлебов. - Заблуждение маркионитов. - 3. С каким тщанием Иисус Христос назидает своих учеников совершением чудес. - 4. Должно презирать славу человеческую и богатства земли. - Почести и богатства мира сего несравнимы с почестями и благами, обещанными нам Богом. - Нужно любить не эту преходящую славу, а славу бессмертную. - Различие между служением иру и служением Иисусу Христу. - Против зрелищ. - Преступность тратить деньги на женщин худой жизни, вместо того, чтобы раздавать их бедным.

БЕСЕДА 43 на Иоан.6:16-18. 1. Иисус Христос утишает бурю. - Некоторые чудеса Он совершает при одних только учениках. - 2. Непостоянство и легкомыслие народа. - Чудо перехода через Чермное море и отличие его от чуда хождения Иисуса Христа по морю. - От Бога нужно просить только духовных благ. - Почему злодеи и грешники часто бывают богатыми? - Должно любить истинное богатство.

БЕСЕДА 44 на Иоан.6:26-27. 1. Должно заботиться не о пище тела, а о пище души. - 2. Нужно просить у Бога того, что пристойно просить у Него. - Удовольствия и скорби, блага и бедствия мира сего не имеют в себе ничего действительного. - Не нужно поэтому желать одних и бояться других. - В другом мире все вечно - наказания и награды. - Изображение благ жизни настоящей и жизни будущей.

БЕСЕДА 45 на Иоан.6:29-30. 1. Сластолюбие есть погибель для души. - 2. Что такое хлеб жизни? - 3. Необходимость веры и благодати для спасения. - Иисус Христос часто говорил о воскресении, и причина этого. - 3. Частое напоминание о воскресении побуждает избегать зла и делать добро. - Воскресение и суд разрушают рок. - Ничто не совершается по необходимости или случайно. - Несомненность воскресения и суда: людей без веры постигнет то же, что и неверующих во времена потопа и Лота. - Кончина мира внезапно постигнет людей. - Доказательства несомненности воскресения и Страшного Суда.

БЕСЕДА 46 на Иоан.6:41-42. 1. Бог привлекает к себе людей, не подавляя им свободы воли. - Опровержение манихеев по этому предмету. - 2. Различие между манной и истинным хлебом жизни. - 3 и 4. Величие и преизбыточность любви Иисуса Христа в божественной евхаристии. - Сущность и значение евхаристии для нашего спасения. - Кто недостойно причащаются тела и крови Господней, будут наказаны как распинавшие Его.

БЕСЕДА 47 на Иоан.6:53-54. 1. Продолжение рассуждения о значении св. евхаристии. - 2. Ученики находят жестоким слово Учителя. - 3. Укоры и порицания нужно делать с простотою. - 4. Предсказание о предательстве Иуды. - Наше спасение, как и наша погибель зависят от нашей свободы воли. - 5. Пример Иуды должен служить предостережением для тех, кто занимают высшее положение. - Алчность, бывшая причиной предательства Иуды, может служить причиной погибели и для каждого из нас. - Презирать бедных, значит предавать Иисуса Христа. - Бесполезность богатств и злоупотребление ими. - Нужно презирать всем временным и искать только вечного.

БЕСЕДА 48 на Иоан.7:1-2. 1. Ревнивость иудеев и неверие родственников Иисуса Христа. - 2. Иаков, брат Господень, первый епископ иерусалимский. - 3. Нужно подражать кротости и благости Иисуса Христа. - Нужно терпеливо сносить насмешки, неправды и оскорбления. - Гнев и его последствия. - Средства против него.

БЕСЕДА 49 на Иоан.7:9-10. 1. Иисус Христос поступал иногда по человечески, чтобы дать нам наглядный пример. - 2. Объявление Им о своем равенстве Богу-Отцу и ярость иудеев. - 3. Обвинение Его в нарушении субботы. - Значение добродетели в этой и будущей жизни.

БЕСЕДА 50 на Иоан.7:25-26. 1. Споры иудеев касательно Иисуса Христа. - 2. Иисус Христос изобличает их и доказывает, что они намеренно отвергают Его, зная, что Он есть Мессия. - 3. Он предсказывает о своей смерти. - Благотворительность к бедным и наказание тем, кто не совершают ее.

БЕСЕДА 51 на Иоан. 7:37-38. 1. Слушатели Слова Божия должны иметь горячую жажду к нему. - 2. Дух Святой был уже дан людям Ветхого Завета, но апостолы получили его с наибольшею полностью. - 3. Последствия злобы. - Желая делать зло другим, люди причиняют погибель самим себе. - Зло исцеляется не злом, а добром.

БЕСЕДА 52.на Иоан. 7:45-46. 1. Истина открывается искренним и добрым душам, и скрывается от душ злых. - 2. Никодим защищает Иисуса Христа против наветов фарисеев. - 3. Возражение еретиков и ответ на него. - Иисус Христос объявляет о своем единосущии с Отцом. - 4. Злословить на Сына значит богохульствовать на Отца. - Должно славословить Сына словами и делами. - Чего Бог требует от христианина. - Нужно избегать алчности и хищничества, как постыдных для христианина.

БЕСЕДА 53 на Иоан.8:20. 1. Глупость и ожесточение иудеев. - 2. Беседуя с иудеями, Иисус Христос показывает им свое единство с Богом Отцом. - 3. Чтобы получить спасение, нужно усердно читать св. Писание. - Должно посещать церковь, чтобы слушать Слово Божие. - Надлежит тщательно изучать св. Писание; польза его и получаемые от него плоды.

БЕСЕДА 54 на Иоан.8:31-32. 1. Иисус Христос обещает иудеям, что если они будут соблюдать Его учение, то оно избавит их от рабства греху. - 2. Если бы они были истинными сынами Авраама, то не искали бы Его смерти. - 3. Не будучи сынами Авраама, они еще меньше сыны Божии: диавол их отец. - 4. Чтобы постигнуть и познать истину, нужно вести добрую и праведную жизнь. - Нужно всеми силами стремиться к достижению царства Божия. - Как его достигнуть.

БЕСЕДА 55 на Иоан.8:48-49. 1. Сильно поборать нужно то, что говорят против Бога, и терпеть то, что говорят против нас. - 2. Опровержение аномеев и ариан. - 3. Должно

пользоваться временем, не отлагая своего обращения. - Изображение завистливых и зависти.

БЕСЕДА 56 на Иоан.9:1-2. 1. Исцеление слепорожденного. - 2. Давая зрение слепорожденному, Иисус Христос доказал иудеям, что Он Творец. - 3. Опровержение мнимого противоречия между ап. Павлом и Иисусом Христом. - Блаженство вечного отечества и что необходимо для его достижения. Бедные создают нам жилища на небе. - Увещание к милостыни.

БЕСЕДА 57 на Иоан.9:6-7. 1 Вера слепорожденного. - Благость Божия ко всем без различия людям. - 2. Необходимость веры. - Есть худой мир и есть добрая война. - Должно избегать злых людей и держаться добрых. - Общество злых людей пагубнее язвы.

БЕСЕДА 58 на Иоан.9:17-18. 1. Иудеи, желая опровергнуть чудо исцеления слепорожденного, еще блистательнее подтверждают его. - 2. Расспрашиваемый фарисеями, слепорожденный отвечает им смело и славословит Бога. 3. Ярость и разочарование фарисеев. - 4 и 5. Что написано в св. Писании, должно служить поучительным для нас примером. - Исцеленный слепорожденный как образец христианских добродетелей. - Нерадение и беспечность в делах религии. - Не должно терять времени и с жаждою нужно стремиться к познанию истины.

БЕСЕДА 59 на Иоан.9:34 и след. 1. Похвала Иисуса Христа слепорожденному за его смелость и твердость в вере. - 2. По каким признакам можно различать хищника и пастыря. - 3. Иисус истинный пастырь и истинный Христос. - 4. Мы должны послушно следовать а Иисусом Христом как нашим истинным пастырем и слушаться Его голоса. - Нельзя служить богу и мамоне. - Об истинном употреблении богатств. - Увещание к милостыне.

БЕСЕДА 60 на Иоан.10:14-15. 1. Худые пастыри. - Новое подтверждение равенства Сына с Отцом. - 2. Намек на призвание язычников. - Как Иисус Христос имеет власть оставить свою жизнь и опять принять ее. - 3. Спор среди иудеев касательно Иисуса Христа. 4 и 5. Нужно подражать Иисусу Христу как нашему образцу. - Обязанности Его учеников и последователей. - Великая награда тем, которые утешают узников.

БЕСЕДА 61 на Иоан.10:22-24. 1. Двуличность и упорное неверие иудеев. - 2. Всемогущество Отца есть в то же время и всемогущество Сына. - Подтверждение божества Иисуса Христа. - 3 и 4. Удаление Иисуса Христа, отвергнутого иудеями, в то место, где свидетельствовал о нем Иоанн Креститель. - Польза удаления от мира и его треволнений. - Изображение христианской женщины. - Против роскоши женщин.

БЕСЕДА 62 на Иоан.11:1-2. 1. Трудность вопроса о Марии, сестре Лазаря. - Иисус Христос еще раз заявляет о равенстве Своем с Богом Отцом. - 2. Смысл изречения ап. Фомы. - Иисус Христос отправляется в Вифанию для воскрешения Лазаря. - 3. Я есмь воскресение и жизнь. - Почему Иисус Христос отлагал воскрешение Лазаря, пока он не стал смердеть? - 4 и 5. Против обычая женщин чрезмерно оплакивать умерших. - Соблазн для язычников. - Скорбь об умерших должна быть умеренна. - Милостыня и молитвы за умерших. - Оплакивать умерших позволительно, но не чрезмерно.

БЕСЕДА 63 на Иоан.11:30-31. 1. Прибытие Иисуса Христа в Вифанию. - Иисус Христос прослезился о Лазаре. - 2. Иисус Христос пред открытым гробом, в котором тело начало разлагаться. - 3 и 4. Вера есть великое благо и источник многих благ. - Неоспоримое доказательство воскресения Иисуса Христа. - Против прелюбодеев.

БЕСЕДА 64 на Иоан.11:41-42. 1. Из снисхождения к слабости слушателей Иисус Христос не всегда говорил как Бог. - 2. О равенстве Сына с Отцом. - 3. Смущение фарисеев по случаю воскресения Лазаря. - Они замышляют убить Виновника жизни. - 4. Против зависти. - Кого собственно нужно оплакивать.

БЕСЕДА 65 на Иоан. 11:48-50. 1. Невольное пророчество первосвященника Каиафы. - 2. Удаление Иисуса Христа и пребывание Его у Лазаря. - 3. Грех любостяжания. - Изображение тех, кто заражены этим злом. - Алчность есть своего рода идолопоклонство. - Сила ее власти.

БЕСЕДА 66 на Иоан. 12:9. 1. Замысел фарисеев убить Лазаря. - Вступая в Иерусалим на осляти, Иисус Христос исполнил пророчество и преобразил обращение язычников. - Неведение учеников до смерти Иисуса Христа. - 2. Язычники, пришедшие на праздник, желают видеть Иисуса Христа. - 3. Неизвиняемость тех, кто не верят в воскресение тела. - Смысл и значение воскресения. - Нравы и обычаи языческих философов. - Книга, написанная языческим философом против христиан.

БЕСЕДА 67 на Иоан.12:24-26. 1. О том, кто любя свою жизнь, губит ее. - 2. Крест как путь к славе. - Изгнание диавола из мира смертию как путь к славе. - Изгнание диавола из мира смертию Иисуса Христа. - 3. Предсказание Иисуса Христа о своем воскресении и обеде. - Против алчности, стремящейся к разорению других.

БЕСЕДА 68 на Иоан.12:34. 1. Смерть не препятствует Иисусу Христу пребывать вечно. - 2. Пророчества не принуждают буквально понимать различные способы выражения Св. Писания. 3. Нужно всячески стараться о том, чтобы не отчуждаться от Бога. - О человеколюбии к ближним.

БЕСЕДА 69 на Иоан.12:42-43. 1. Любостяжание очень опасная болезнь. - 2. О единосущии Отца и Сына. - 3. Должно избегать тщеславия, яд которого распространяется повсюду. - Против роскоши женщин. - Увещание к милостыне. - Женщины должны оставить роскошь, чтобы можно было располагать своих мужей к подаянию милостыни.

БЕСЕДА 1

1. Зрители подвигов телесной борьбы, как скоро узнают, что пришел откуда-нибудь мужественный и уже увенчанный борец, все стекаются, чтобы видеть его ратоборство, искусство, силу. Тогда видишь, как на зрелище, наполненном бесчисленным множеством народа, все направляют чувственные и мысленные взоры, чтобы ничего тут не оставить без внимания.

Если потом прибудет какой-нибудь замечательный музыкант, то опять те же самые люди наполняют зрелище, и, оставив все, что было у них в руках, иногда даже нужное какое-нибудь и настоятельное дело, сидят на возвышении, и с большим вниманием слушают пение и музыку, испытывая их благозвучие.

Так обыкновенно делает простой народ. А сведущие в словесных науках то же самое делают в отношении к софистам. И у тех есть свои зрелища и слушатели, рукоплескания и приговоры, и строгие испытания речей.

Если же зрители борцов, зрители и вместе слушатели риторов и музыкантов сидят на зрелище с таким вниманием. То сколько усердия и внимания по справедливости должны

вы оказывать, когда не певец какой-нибудь и не софист выходит на подвиг, но когда вещает муж с небес, и издает глас сильнее грома?

Своим гласом Он объял и наполнил всю вселенную, не потому, чтобы вопиял слишком громко, но потому, что двигал язык силою божественной благодати. И то удивительно, что такой сильный голос нисколько не груб или неприятен, но приятнее и вожделеннее всякого музыкального созвучия, способен даже увлекать, и, сверх всего этого, он совершенно свят, достоин трепетного благоговения, преисполнен столь великими тайнами и доставляет столько благ, что принимающие и сохраняющие их со тщанием и ревностью уже как бы перестают быть людьми и не остаются на земле, но, становясь выше всего житейского и присоединяясь к лику ангельскому, живут на земле, как бы на небе.

Сын грома. Возлюбленный (ученик) Христов, столп церквей, сущих по вселенной, тот, кто имеет ключи неба, кто испил чашу Христову и крещением Его крестился, кто с дерзновением возлег на перси Господни, - вот он ныне приходит к нам не с тем, чтобы представить какое-нибудь вымышленное зрелище или прикрывать себя личиною (не в таком роде он и говорить будет); не всходит он на возвышенное место, не ударяет ногою под музыку, не украшается позлащенною одеждою.

Он входит в одежде, имеющей красоту безыскусственную; он является нам облеченный во Христа, обув красные ноги свои в уготование благовествования мира; пояс – не на персях, но на чреслах, не из кожи пурпурного цвета, не золотом покрытый сверху, но сотканный и составленный из самой истины.

Таков он ныне является нам, без всякого лицеприятия; нет у него ни притворства, ни вымыслов, ни басней, но с открытою главою он возвещает открытую истину. Будучи сам по себе таким, он не иное внушает и слушателям своим видом, взорами, голосом. Он не имеет нужды в каких-нибудь орудиях для вещания. Как, например, в цитре, или лире, или в чем-нибудь подобном; он все совершает своим языком, издавая голос приятнее и гораздо полезнее всякой игры на цитре и (всякой) музыки.

Местом действия служит для него все небо; зрелищем – вселенная; зрителями и слушателями – все ангелы и из людей те, которые подобны ангелам, или желают такими сделаться. Только такие могут отчетливо постигать это благозвучие, обнаруживать его и в делах (своих) и быть такими слушателями, какими надобно быть. Все другие, как малые дети, хотя и слушают, но не разумеют того, что слушают, а увлекаются только удовольствиями и детскими играми.

Так все люди веселые, роскошные, живущие для богатства, для почести и чрева, хотя и слушают иногда, что (им) говорят, но на деле не показывают ничего великого и возвышенного, потому что однажды навсегда прилепились к брению и праху.

Апостола этого окружают горние силы, дивясь благообразию души его, разуму и красоте его добродетели, которую он привлек (к себе) и самого Христа и получил благодать духовную. Настроив свою душу подобно благозвучной, украшенной драгоценными камнями и имеющей златые струны лире, он достиг того, что через нее Духом возгласил нечто великое и возвышенное.

2. Итак, будем внимать не рыбарю, не сыну Заведееву, но тому, кто ведает глубины Божии, то есть Духу, движущему эту лиру. Он ничего человеческого не будет говорить нам, но все, что ни скажет, будет из глубины Духа, из тех тайн, которые даже и ангелы не знали прежде, нежели они совершились. И ангелы вместе с нами через глас Иоанна и

через нас научились тому, что мы познали: "**дабы ныне соделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божия**" (Еф. 3:10)**.**

Итак, если и начала, и власти, и херувимы, и серафимы познали это через Церковь, то очевидно, что и они с великим тщанием занимались этим поучением. Таким образом мы и тем уже не мало почтены, что ангелы вместе с нами научились тому, чего прежде не знали. А что (они узнали) и через нас, об этом пока не буду говорить.

Итак, окажем и мы со своей стороны безмолвное благоговение, не ныне только и не на тот только день, когда слушаем, но в продолжение всей (своей) жизни, потому что слушать его всегда хорошо. Если нам желательно знать, что делается в чертогах царских, как напр., что делает или предпринимает царь касательно своих подданных, хотя часто это нисколько не относится к нам, то не гораздо ли более вожделенно слышать, что изрек Бог, и особенно, когда всё это нас касается?

А всё это (Иоанн) с точностью скажет нам, как друг самого (небесного Царя), или, лучше, как такой муж, который имеет в себе Его Самого говорящего, и от Него слышал всё, что Он – от Своего Отца. "**Я назвал вас друзьями**", - говорил Он, - "**потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего**" (Иоан. 15:15). Итак, подобно тому, как если бы мы вдруг увидели кого-нибудь сходящего свыше, с высоты неба, и обещающего сказать нам в точности, что там (происходит), и конечно все стеклись бы к нему, подобно тому поступим и ныне. Именно с неба собеседует с нами этот муж.

Он не от мира, как говорит и сам Христос: "**вы не от мира сего**" (Иоан. 15:15). В нем вещает Утешитель вездесущий и с такою же точностью ведущий *Божие,* с какой душа человеческая знает в себе *свое*, - Дух святости, Дух правый, владычественный, руководящий на небеса, дающий другие очи, способные видеть будущее, как настоящее, и сподобляющий нас еще во плоти созерцать то, что есть на небесах.

Итак, будем оказывать ему безмолвное внимание в продолжение всей нашей жизни. Никто пусть не остается здесь ленивым, сонливым, нечистым. Переселимся к небесам, потому что он вещает только там, и только тем, которые там обитают. А если будем оставаться на земле, то не получим отсюда никакой важной пользы. Слова Иоанна не относятся к тем, которые не хотят отстать от жизни скотской, точно так же, как и его не касаются здешние дела. Гром поражает наши души, имея и незначительный звук, а его голос не устрашает никого из верных; напротив, еще освобождает от страха и смущения душевного, и поражает только демонов и тех, которые им работают.

Итак, чтобы нам видеть, как он их поражает, сохраним безмолвие, как внешнее, так и внутреннее, особенно внутреннее. Какая, в самом деле, польза, когда уста безмолвствуют, а душа возмущается и имеет в себе сильную бурю? Я ищу безмолвия в душе, в помыслах, так как и внимательного требую слуха. Да не увлекает же нас страсть к богатству, ни любовь к славе, ни сила гнева, ни волнение других страстей.

Невозможно слуху неочищенному уразуметь как должно высоту изреченных глаголов, уразуметь, или познать, как следует, силу этих страшных и неизреченных таин и всякое добро, заключающееся в этих божественных изречениях. Если нельзя хорошо изучить игры на свирели и цитре, не устремив к тому всего ума, то как можно уразуметь таинственный глас слушателю, сидящему с безпечною душою?

3. Так и Христос научает: - "**Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями**" (Матф. 7:6). Бисером Он называет эти самые речения, хотя они гораздо драгоценнее бисера, и называл только потому, что у нас нет ничего ценнее этой вещи. Потому и сладость слова Писания часто имеет обычай сравнивать с медом, не потому, что такова только была её мера, но потому, что у нас нет ничего другого слаще меда.

А что оно несравненно превосходит и драгоценность камней и сладость всякого меда, послушай, как пророк говорит о нем, показывая его превосходство. "**Вожделеннее**" , - говорит он, - "**золота и многоценного камня, слаще сотового меда**". Но это только для здоровых, - почему и присовокупляет пророк: "**ибо раб Твой хранит их**" (Пс. 18:11-12). И опять в другом месте, назвав их сладкими, присовокупил: "**гортани моей**". "**Как сладки**", - говорит он, - "**гортани моей слова Твои!**" (Пс. 118:103). И еще, выражая их превосходство, говорит: "слаще меда и капель сота устам моим", - потому что он имел крепкое здравие душевное.

Так и мы не будем приступать к ним в болезни, но, уврачевав сперва душу, примем эту пищу. Для того я так много и говорю предварительно, еще не касаясь самих изречений Евангелия, чтобы каждый освободился от всякого вида болезни, и таким образом как бы взошел на самое небо, взошел чистым, отложив гнев, заботы, житейские тревоги и все иные страсти. Не очистив таким образом предварительно души, невозможно получить отсюда никакой важной пользы. И никто не говори мне, что мало времени для будущего собрания. Не только в пять дней, но и в одну минуту можно переменить всю свою жизнь.

Скажи мне, есть ли что хуже разбойника и человекоубийцы? Не крайняя ли это степень зла? И однакож разбойник вдруг взошел на высоту добродетели и перешел в самый рай, не имея для этого нужды ни во многих днях. Ни даже в половине одного дня; довольно было для этого одной минуты. Следовательно, можно вдруг перемениться и сделаться златым, вместо бренного. Так как добродетель и порок происходят не от природы, то и перемена легка и не подвержена никакому насилию. "**Если захотите и послушаетесь**", - говорит Бог, - "**то будете вкушать блага земли**" (Ис. 1:19);

Видишь ли, что нужно одно только хотение? Но хотение – не обыкновенное, общее многим, а тщательное. Я знаю, что ныне все желают воспарить на небо; но надобно доказать это желание в самых делах. И купец, желая обогатиться, не останавливает своего желания только на одной мысли, но снаряжает корабль, собирает корабельщиков, приглашает кормчего, снабжает судно всем, что нужно, берет в заём золото, переплывает море, отправляется в чужую землю, претерпевает множество опасностей и все прочее делает, что известно мореплавателям.

Так и мы должны доказывать свое желание. И мы ведь совершаем плавание, не из (одной) земли в (другую) землю, но от земли к небу. Соделаем же ум наш способным к управлению, так, чтобы он возносил нас горе, а корабельщиков сделаем послушными ему; снарядим крепкий корабль, которого не могли бы потопить злоключения и скорби житейские, который не воздымался бы духом надмения, но был легок и скор в плавании.

Если мы устроим таким образом корабль, кормчего и корабельщиков, то будем плавать благополучно, и преклоним к себе истинного кормчего – Сына Божия, Который не допустит наше судно погрузиться в бездну, но, хотя бы дули тысячи ветров, Он и ветрам запретит и морю, и вместо бури сотворит великую тишину.

4. Приготовив себя таким образом, приходите в следующее собрание, если только вам желательно услышать что-нибудь полезное и сохранить слово в душе своей. Никто да не

будет подобен проходной стезе (Лук. 8:5,12), никто да не будет камнем, никто – полным терний. Соделаем себя как бы невозделанными нивами. Тогда и мы, если увидим в вас землю чистую, будем с ревностью бросать семена; если же – грубую и каменистую, то простите нам, если не захотим напрасно трудиться.

А если, оставив сеяние, начнем исторгать терния, то опять будет неблагоразумно бросать семена в невозделанную землю. Наслаждающемуся таким слушанием не должно приобщаться трапезы бесовской: "**ибо какое общение праведности с беззаконием?**" Ты стоял здесь, слушая Иоанна и через него внимая учению Духа, и после этого идешь слушать блудных женщин, произносящих речи постыдные, а еще постыднейшие дела представляющих на зрелище, также изнеженных юношей, которые взаимно друг друга бьют и бьются. Как же ты можешь вполне очиститься, оскверняемый такой грязью? Но для чего изображать по частям весь срам, какой там бывает. Всё там – смех, всё – стыд; там – ругательство, насмешки, выходки; всё – разврат, всё пагуба.

Вот я наперед об этом говорю и объявляю всем вам. Никто из наслаждающихся здешнею трапезою да не растлевает души своей теми пагубными зрелищами. Всё, что там ни говорится и ни делается, есть сатанинская гордыня. Знаете вы, сподобившиеся таинства (крещения), какие между нами положены обеты, или лучше сказать, в какой завет мы вступили со Христом, когда Он сподоблял вас Своих Таинств? Что вы пред Ним говорили? Что вы сказали Ему о гордыне сатанинской? Как вы, с отречением от сатаны и ангелов его, отреклись и от всей гордыни его, и обещали более уже не уклоняться к ней?

Итак, не мало нужно заботиться, чтобы не забывать столь великих обетов, и не делать себя недостойным таких таинств. Не видишь ли, как при царском дворе призываются к участию в совете царском и включаются в число друзей царевых только люди, ни в чем не преткнувшиеся и достоуважаемые? К нам пришел посланник с неба, посланный от самого Бога для того, чтобы сказать нам о некоторых необходимых предметах. А вы, оставив слушать то, что он хочет нам передать и для чего уполномочен к нам, сидите, слушая лицедеев. Каких достойно это молний, каких громов!

Но как не должно приобщаться трапезе бесовской, так не должно принимать участия в слушании бесовском, в нечистой одежде приходить к светлой трапезе , обильной столь многими благами, - трапезе, которую уготовал Сам Бог. Такова ее сила, что она вдруг может вознести на самое небо, если только мы будем внимать с чистым сердцем.

Итак, неприлично тому, кто часто оглашается божественными словами, оставаться в настоящем низком состоянии, но необходимо тотчас воспарить, взлететь в самую горнюю страну, и насладиться сокровищами бесчисленных благ, которые да сподобимся получить все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцем и со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков, Аминь.

БЕСЕДА 2

В начале было Слово (1:1)

1. Если бы Иоанн хотел сам с нами беседовать, или говорить нам что-либо свое, от себя, то нужно было бы сказать о роде его, об отечестве, о воспитании. Но так как не он, а сам Бог через него вещает роду человеческому, то наследовать это представляется мне излишним и неуместным. Впрочем, может быть, это и неизлишне и даже весьма нужно. Когда узнаешь, кто он был, откуда и от кого происходил, и каков был сам по себе, потом услышишь его глас и все его любомудрие, - тогда ясно увидишь и то, что Евангелие было

не собственным его произведением, но делом божественной силы, которая действовала в душе его. Итак - какое же было его отечество? Отечества у него не было почти никакого; он происходил из бедного селения, из страны самой в то время презренной, которая не имела в себе ничего хорошего.

Книжники в унижение Галилеи говорили: "…**рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк**" (Иоан.7:52. Унижает ее и истинный израильтянин, говоря: "… **из Назарета может ли быть что доброе?**" (Иоан.1:46). Будучи из такой страны, Иоанн не происходил и из какого-нибудь замечательного в ней места, и не был там известен по своему имени. Отец его был бедный рыбарь, до того бедный, что и детей своих приготовлял к тому же ремеслу. А вы знаете, что ни один ремесленник не захочет добровольно сделать своего сына наследником собственного ремесла, если только не будет принужден к тому крайнею бедностью, особенно, если ремесло его низко. Но нет беднее, нет презреннее, невежественнее рыбарей; впрочем и между ними одни выше, а другие ниже. Апостол и в этом отношении занимал самую последнюю степень. Он и не в море ловил рыбу, а трудился в одном небольшом озере.

И вот, когда он там находился вместе с отцом и Иаковом братом своим, и чинил с ними прорванные сети, что также показывало крайнюю бедность, - призвал его Христос. А что касается до внешнего образования, то и отсюда уже можно заключать, что он был вовсе необразован. Притом свидетельствует (об этом) и Лука, когда пишет, что он был человек не только простой, но и безграмотный. И это должно быть так; кто был так беден, не являлся среди народа, никогда не обращался с значительными людьми, но был занят только рыболовством, а если иногда и встречался с кем-нибудь, то беседовал разве с покупщиками рыбы и поварами, тот мог ли сделаться чем-нибудь лучше неразумных животных? Как было ему не подражать безгласию самих рыб?

И вот этот-то рыбарь, вращавшийся около озер, сетей и рыб, родом из Вифсаиды галилейской, сын бедного рыбаря, и бедного до крайнего убожества, человек простой и притом на последней степени простоты, не изучавший наук ни прежде, ни после соединения со Христом, - вещает к нам. Узнаем же, о чем он с нами беседует. Не о том ли, что на полях? Или — что в реках? Не о торговле ли рыбою? Иной, может быть, и ожидал бы услышать это от рыбаря.

Но не бойтесь; ничего подобного мы не услышим. А услышим о том, что на небесах и чего прежде его еще никто не знал. Он приносить к нам столь возвышенные догматы, столь превосходные правила жизни и такую мудрость, какая возможны только для вещающего из самых глубин Духа, и вещает так, как только что пришедший с самых небес. Еще более, и из живущих на небе, как я и прежде говорил, не все могли бы это знать. Скажи же мне, свойственно ли это рыбарю? Или хотя бы ритору, или софисту, или философу, или вообще всякому, изучившему внешнюю мудрость?

Нет; обыкновенному человеческому духу не возможно любомудрствовать так о вышнем бессмертном и блаженном Существе, о ближайших к нему силах, о бессмертном и бесконечной жизни, о естестве тел смертных, но впоследствии имеющих соделаться бессмертными, о будущем суде и наказании, о предстоящих отчетах в словах и делах, в мыслях и чувствах, также - знать, что такое человек, и что - мир, что такое человек по существу, и что такое - кажущийся человеком, но не таковой на самом деле, что такое порок, и что - добродетель.

2. Некоторые из этих предметов были наследуемы учениками Платона и Пифагора; а о прочих философах не стоить даже и упоминать нам, — до такой степени все они стали

смешны. Именно они более других пользовались у эллинов уважением и считались главами этой науки. Они же, между прочим, написали нечто и относительно жизни гражданской и законов. Однакож и они к стыду своему оказались во всем смешнее детей. Они вводили общих для всех жен; извращали самую жизнь; повреждали честность брака; узаконивали и многое другое, столько же достойное смеха, и таким образом провели всю свою жизнь.

Что же касается до души, то они оставили учение о ней самое постыдное; говорили, что души человеческие делаются мухами, комарами, деревьями; утверждали, что сам Бог есть душа, и вымышляли многие другие нелепости. И не это одно достойно порицания, а также обширное у них море умозаключений. Как бы в море носимые туда и сюда, они никогда не останавливались на одном предмете, потому что обо всем говорили на основании неверных и нетвердых умствований. Но не таков этот рыбарь; он все изрекает с точностью, и, как бы стоя на камне, никуда не совращается. Он удостоился проникнуть самые недоступные тайны и, имея в себе глаголющего самого Господа, не подвергся никаким человеческим слабостям.

А те философы, как люди, которые даже во сне не удостоились войти в царские чертоги, но вне их на площади оставались в толпе народа, и только по собственным соображениям гадали о невидимых предметах, - те впадали в великие заблуждения, когда хотели рассуждать о неизреченных предметах, и, как слепые и пьяные, даже в самых заблуждениях препирались друг с другом, и не только противоречили друг другу, но нередко и сами себе, непрестанно переменяя свои мнения об одних и тех же предметах. А этот неученый, простой житель Вифсаиды, сын Заведея (хотя бы тысячу раз эллины насмехались над грубостью этих названий, я тем не менее и даже тем с большею смелостью буду произносить их, так как чем более этот народ представляется им грубым и чуждым эллинского образования, тем более славным является наше учение.

Когда человек необразованный и некнижный возвещает то, чего никогда и никто из людей на земли не знал, и не только возвещает, но и убеждает, тогда, если бы только и вещал он, то и это уже было бы великим чудом; а если ныне, сверх того, представляется еще другое, - важнейшее доказательство богодухновенности его глаголов, - именно, что он всех своих слушателей во всякое время убеждает, - то кто не подивится обитающей в нем силе? И это, как я уже сказал, служить величайшим свидетельством того, что он не сам от себя учит), - итак этот-то необразованный человек, написанным от него Евангелием объял всю вселенную, а телом пребывал в Азии, где в древности любомудрствовали все, принадлежавшие к эллинским школам. Там он был страшен для демонов, сияя среди врагов, уничтожая их мрак и разрушая твердыни демонские. Душою же своею он переселился в иную страну, достойную совершившего такие дела. Произведения эллинов все истребились и исчезли; а его деяния с каждым днем становятся более и более славными.

С того времени, как явился он и с ним прочие рыбари, с того времени учение Платона и Пифагора, которое прежде почиталось господствующим, умолкло, так что (ныне) многие даже и по имени их не знают, хотя Платон, как говорят, и с царями беседовал, по их приглашению, имел много единомышленников, и плавал в Сицилию. А Пифагор, по прибытии в великую Элладу, показал здесь много разных родов чародейства. Ведь разговаривать с волами (говорят, что он и это делал) было не иное что, как дело волшебства. И это в особенности очевидно из того, что, беседуя, таким образом, с неразумными, он не только не приносил никакой пользы человечеству, но еще весьма много вредил ему.

Природа человеческая конечно способнее к изучению философии; но он, как говорят, при помощи волхования беседовал с орлами и волами, Он не делал природы неразумной разумною (это и невозможно для человека), а волхованием только обманывал неразумных. Оставив учить людей чему-нибудь полезному, он внушал им, что все равно - есть бобы или головы своих родителей, а своих последователей уверял, что душа учителя их иногда бывала деревом, иногда - девицею, иногда - рыбою. Итак, не по справедливости ли все это уничтожено и исчезло совершенно? По справедливости, - вполне основательно. Но не таково учение этого простого и некнижного человека. Напротив и сирияне, и египтяне, и индийцы, и персы, и эфиопы, и множество других народов, будучи людьми невежественными, научились любомудрствовать, когда переложили на свой собственный язык преподанное им учение.

3. Итак, не напрасно я сказал, что для него вся вселенная была местом зрелища. Он не оставлял подобных себе по естеству, и не трудился напрасно над природою бессловесных, что было делом излишнего честолюбия ж крайнего безумия. Он, будучи чистым и от этой страсти, как и от других, только о том одном старался, чтобы вся вселенная научилась чему-нибудь полезному, могущему возвести ее от земли на небо. Поэтому он и не прикрывал своего учения, каким-нибудь мраком и тьмою, как те философы делали, закрывая неясности учения, как бы некоторою завесою, зло, заключавшееся в сущности его.

Его догматы яснее солнечных лучей, и потому доступны для всех людей по вселенной. Приходившим к нему он не повелевал, подобно тому (Пифагору), молчать в продолжение пяти лет; не так учил, как бы сидели пред ним бесчувственные камни, не баснословил, все определяя числами. Но, отвергши всю эту сатанинскую мерзость и гибель, сообщил такую удобопонятность своим словам, что всё, сказанное им, ясно не только для мужей и людей разумных, но и для женщин и юношей. Он был уверен, что учение его истинно и полезно для всех, кто будет слушать, - и это свидетельствуют все последующие времена. Он привлек к себе всю вселенную, освободил жизнь нашу от всякого чуждого вымысла, после того, как мы услышали его проповедь.

Поэтому-то мы, слушающие его, пожелали бы лучше лишиться жизни, нежели догматов, которые он преподал нам. А отсюда, как и отовсюду, очевидно, что в учении его нет ничего человеческого, но что наставления; дошедшие до нас чрез эту божественную душу, божественны и небесны. Мы не найдем у него ни шума слов, ни напыщенности в речи, ни излишнего и бесполезного украшения и сочетания имен и слов (да это чуждо и всякого любомудрия); но увидим непреоборимую, божественную силу, правых догматов непобедимую крепость, сочетание безчисленных благ.

Искусственность была бы излишня в проповеди Евангелия; она свойственна софистам, лучше же сказать - и не софистам, а неразумным детям, так что и сам их философ (Платон) представляет своего учителя весьма стыдящимся этого искусства, и говорящим своим судьям, что они услышать от него речи, произносимые просто и как случится, не изукрашенные словами и не испещренные именами и выражениями, - потому что, говорил он, неприлично мне было бы, достопочтенные мужи, в таком возрасти составлять детские речи, и с ними приходить к вам. Но посмотри, какой смех! Чего, по описанию этого философа, учитель его избегал, как дела детского, того сам он более всего домогался. Так-то во всех случаях водились они одним честолюбием!

А в Платоне ничего нет удивительного, кроме этого одного. Подобно тому, как, открыв гробы, отвне окрашенные, ты увидишь, что они наполнены тлением и зловонием и сгнившими костями, подобно этому и в мнениях этого философа, если обнажишь их от прикрас в выражении, увидишь много мерзости, особенно когда он философствует о

душе, без меры и превознося ее и унижая. Диавольская это хитрость - ни в чем не соблюдать умеренности, но, увлекая в противоположные крайности, вводить в заблуждение. Иногда он говорить, что душа причастна божескому существу; а иногда, возвысив ее так неумеренно и так нечестиво, оскорбляет ее другою крайностью, вводя ее в свиней и ослов, и в других животных, еще хуже.

Но об этом довольно, или лучше сказать - и то уже через меру. Если бы можно было научиться от них чему-нибудь полезному, то следовало бы и более ими заняться. А так как нужно было только обнаружить их постыдные и смешные стороны, то и это сказано нами более надлежащего. Итак, оставив их басни, приступим к нашим догматам, свыше принесенным к нам в устах этого рыбаря; и ничего человеческого не имеющим. Станем же рассматривать его изречения, и, к чему призывали мы вас вначале, то есть, чтобы вы тщательно внимали словам нашим, тоже самое напоминаем вам и теперь.

Итак, чем же начинает евангелист свое сказание? "**В начале было Слово, и Слово было у Бога** …" (Иоан.1:1). (*Въ начале бе Слово, и Слово бе къ Богу*.) Видишь ли ты в этом изречении всё его дерзновение и силу? Как он вещает, нисколько не колеблясь, не ограничиваясь догадками, но все говоря положительно? Свойство учителя - не колебаться в том, что сам он говорить. А если бы кто, желая наставлять других, нуждался в человеке, который бы мог поддерживать его самого, то по справедливости ему следовало бы занимать место не учителя, а учеников.

Если же скажет кто-нибудь: почему евангелист, оставив первую Причину, тотчас начал беседовать с нами о второй? то говорить о *первом* и *втором* мы отказываемся. Божество выше числа и последовательности времен: поэтому и отрекаемся говорить так, но исповедуем Отца самосущего, и Сына от Отца рожденного.

4. Так, скажешь ты; но почему же (евангелист), оставив Отца, говорит о Сыне? Потому, что Отец был всеми признаваем, хотя и не как Отец, а как Бог; но Единородного не знали. Поэтому-то и справедливо евангелист поспешил тотчас, в самом начале, предложить познание о Нем для тех, которые не ведали Его. Впрочем и об Отце он не умолчал в этих же словах. Обрати внимание на духовный смысл их. Знал он, что люди *искони* и прежде всего признавали и чтили Бога. Поэтому сперва и говорить (о бытии Сына): в начале, а потом далее называет Его и Богом, но не так, как Платон, который одного называл умом, а другого душою. Это чуждо божественного и бессмертного естества. Оно не имеет ничего общего с нами, но весьма далеко от общения с тварью, - разумею по существу, а не по действиям. Поэтому-то евангелист и называл Его Словом.

Имея намерение вразумить (людей), что это Слово есть Единородный Сын Божий, евангелист, чтобы кто-нибудь не предположил здесь страстного рождения, предварительно наименованием Сына Словом уничтожает всякое злое подозрение, показывая и то, что Он есть от Отца Сын, и то, что Он (рожден) безстрастно. Видишь ли, как я сказал, что в словах о Сыне он не умолчал и об Отце? Если же этих объяснений недостаточно для совершенного уразумения этого предмета, не удивляйся: у нас теперь речь о Бог, о Котором невозможно достойным образом ни говорить, ни мыслить. Поэтому и евангелист нигде не употребляет выражения: существо, - так как и невозможно сказать, что есть Бог по Своему существу, - но везде показывает нам Его только из Его действий. Так видим, что это Слово немного после называется у него светом, и опять свет этот именуется жизнью.

Впрочем, не по этой одной причине он так называл Его; но, во-первых, по этой причин, а во-вторых, потому, что Слово имело возвестить нам об Отце. "… **Сказал вам все**, -

сказано, - **что слышал от Отца Моего**".Называет же Его вместе и светом и жизнью потому, что Он даровал нам свет ведения, а отсюда - жизнь. Вообще же нет ни одного такого имени, нет таких ни двух, ни трех и более имен, которые были бы достаточны для выражения того, что касается Божества. По крайней мере, желательно, чтобы хотя многими (именами), хотя и не вполне ясно, можно было изобразить Его свойства. Не просто же евангелист назвал Его Словом, а с прибавлением члена (о), отличая Его и этим от всех других (существ). Видишь ли, как не напрасно я сказал, что этот евангелист вещает нам с небес? Смотри, куда он тотчас, в самом начале, воспарив, возвел душу и ум своих слушателей. Поставив ее выше всего чувственного, выше земли, выше моря, выше неба, он возводить ее превыше самих ангелов, горних херувимов и серафимов, выше престолов, начал, властей и вообще убеждает ее вознестись выше всего сотворенного.

Что же? Ужели, возведши на. такую высоту, он мог остановить нас здесь? Никак. Но подобно тому, как если бы человека, стоящего на берегу моря, и обозревающего города, берега и пристани, привел кто-нибудь на самую середину моря и тем, конечно, удалил бы его от прежних предметов, однакож ни на чем не мог бы остановить взора его, а только ввел бы его в неизмеримое пространство зрения, так и евангелист, возведши нас выше всякой твари, устремив нас к вечности, ей предшествовавшей, оставляет взор наш носиться, не давая ему достигнуть в высоте какого-либо конца,— так как там и нет конца: Разум, восходя к началу, испытывает, какое это начало. Потом, встречая: "**было**", всегда предваряющее его мысль, не находит, где бы ему остановить свой помысел, но, напрягая взор и не имея возможности ничем его ограничить, утруждается и опять возвращается долу. Выражение: "**В начале было…**" означает не что иное, как бытие присносущное и беспредельное. Видишь ли истинное любомудрие и догматы божественные, - не такие, как у эллинов, предполагающих времена и признающих одних богов старшими, других младшими?

Ничего подобного нет у нас. Если Бог есть, как и действительно есть, то ничего нет прежде Его. Если Он - Творец всего, то Он - первее всего. Если он - Владыка и Господь всего, то все - после Него, и твари и века. Хотел я дойти и до других рассуждений, но, может быть, утомилась (ваша) мысль. Поэтому, предложив еще некоторые наставления, которые могут быть полезны вам для разумения как уже предложенных бесед, так и будущих впоследствии, я замолкну. Какие же это наставления? Знаю, что многие утомляются от продолжительности бесед. Но это бывает тогда, когда душа обременена многими житейскими попечениями. Как зрение, когда оно чисто и ясно, бывает остро и не утомляется, легко рассматривая мельчайшие предметы, но как скоро какая-нибудь дурная влага стекает с головы (на лицо), или снизу поднимается дым или пар, то пред зрачком образуется как будто густое облако, которое не позволяет ясно видеть и самых больших предметов, так обыкновенно бывает и в души. Когда она очищена и не имеет в себе никакой возмутительной страсти, тогда она зорко видит то, на что ей взирать должно. Когда же она, будучи помрачена страстями, погубит свою доблесть, тогда неспособна делается ни к чему высокому, скоро утомляется и падает, склоняется ко сну и лености, опускает из виду то, что могло бы способствовать ей к добродетели и жизни добродетельной, и не обращается к ней с ревностью.

5. Итак, чтобы и с вами этого не случилось (я же не перестану внушать вам это), укрепите дух ваш, чтобы не услышать вам тех же слов, какие сказаны были Павлом верующим евреям. И для них, говорил он, "**многое** было **слово и труднопередаваемое**", - не потому, чтобы таково оно было по существу своему, но "**потому,** - говорит он, - **что вы сделались неспособны слышать**" (Евр. 5:11). Больной и немощный обыкновенно утруждается так же кратким, как и продолжительным словом, и предметы ясные и удобопонятные считает трудно постигаемыми.

Но здесь да не будет ничего такого; но пусть каждый внимает учению, отложив всякое житейское попечение. Когда слушателем овладевает пристрастие к богатству, то невозможно, чтобы его занимало подобным образом и желание слушать поучения, потому что душа, сама в себе единая, не может вмещать в себе многих желаний, но одно желание подавляется другим, и душа, таким образом, как бы разрываемая, делается еще слабее. Между тем, если какое-либо желание преобладает, то уже все обращает в свою пользу. Так обыкновенно случается и с детьми. Когда кто имеете у себя только одно дитя, то крайне любит этого одного; когда же сделается отцом многих детей, то и расположенность его к ним, разделившись, становится слабее. Если же так бывает там, где господствует естественное влечение и сила, и где любимые предметы сродни между собою, то что сказать о произвольном расположении и увлечении, и особенно, когда виды любви прямо противоположны один другому? А любовь к богатству противна любви к поучениям. Входя сюда, мы входим на небо, не по месту, разумею, но (по душевному) расположению. Ведь можно и находясь на земле стоять на небе, созерцать тамошние предметы и слушать исходящее оттуда глаголы.

Итак, никто не приноси на небо ничего земного. Никто, стоя здесь, не озабочивайся делами домашними. Отсюда бы надлежало переносить в дом и на торжище пользу, здесь приобретенную, и сохранять ее там, а не это место наполнять попечениями, свойственными дому и торжищу. Для того-то мы и приступаем к учительской кафедре, чтобы здесь очищать скверны, отвне к нам привходящие. Если же и среди этого малого поучения мы хотим растлеваться посторонними речами или делами, то лучше бы и не начинать. Пусть же никто в церкви не печется о делах домашних; напротив, пусть и в доме размышляет о предметах церковного учения. Пусть они будут для нас предпочтительнее всего, так как они относятся к душе, а те (домашние дела) к телу; лучше же сказать – и душе и телу полезны здешние поучения. Поэтому пусть будут они делом главным, а все прочее делом мимоходным. Они принадлежать и настоящей жизни и будущей, а дела внешние - ни той, ни другой, если не располагаются по правилам, основанным на первых. Здесь единственно можно научиться не только тому, чем будем мы после этой жизни и как тогда будем жить, но и тому, как управить жизнь настоящую. Этот дом есть духовная лечебница, устроенная для того, чтобы в ней врачевали мы те раны, которые получаем отвне (в мире), а не для того, чтобы выходить отсюда с новыми ранами.

Если же мы не станем внимать тому, что глаголет нам Дух Святой, то не только не очистим прежних ран, но еще и другие получим. Будем же со всем тщанием внимать этой книги, теперь пред нами раскрываемой. Впоследствии не много потребно будет труда (для её изучения), если тщательно мы узнаем её начальные и основные изречения, но, потрудившись немного вначале, будем потом в состоянии, по слову Павла, "**и других научить**". Апостол Иоанн весьма возвышен, обилен многими догматами, и о них беседует более, нежели о чем-нибудь другом. Будем при том слушать не мимоходом. Для того-то мы и изъясняем (евангелие) понемногу, чтобы для вас все было удобопонятно, и чтобы ничто не выходило из памяти. Убоимся же сделаться виновными пред тем голосом, который сказал: "**Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; ...** " (Иоан.15:22). Какое мы будем иметь преимущество пред теми, которые вовсе не слышали (евангелия), если и после слушания уйдем домой, ничего не имея, а только удивляясь произнесенным словам? Дайте нам сеять на добрую землю; дайте для того, чтобы еще более побудить нас (к сеянию). Если кто имеет в себе терние, пусть воспламенить огонь Духа; кто имеет сердце грубое и упорное, пусть сделает его мягким и удобопреклонным, пользуясь тем же огнем. Если кто, находясь при пути, попирается всякими помыслами, пусть входить во внутреннейшие чувства и не сообщается с теми, которые хотят войти туда на расхищение, и тогда мы увидим нивы ваши тучными.

Если таким образом мы будем о себе заботиться, и с трудолюбием прилежать к этому духовному собеседованию, то хотя и не вдруг, по крайней мере мало-помалу, отрешимся от всего житейского. Будем внимательны, чтобы не было и о нас сказано: "**как у глухого аспида уши их**" (Пс.57:5). Скажи мне, чем различается от зверя такой слушатель? Напротив, не безсловеснее ли всякого безсловесного тот, кто остается невнимательным, когда говорит Бог? Если быть человеком - в том состоит, чтобы благоугождать Богу, - то не хотящий даже слышать о том, как это исполнить, что есть иное, как не зверь? Подумай же, как велико это зло, если тогда, как Христос желает сделать нас из людей равноангельными, мы сами себя превращаем из людей в зверей! Быть рабом чрева, быть одержимым страстью к богатству, гневаться, терзать, попирать ногами других, - свойственно не людям, а зверям. Впрочем, каждый зверь имеет, так сказать, свою особенную страсть, и притом по природе, а человек, свергший с себя власть разума, отторгшийся от жизни по Богу, предает себя всем страстям, и делается уже не зверем только, но каким-то чудовищем разновидным и разнохарактерным, и в самой природе своей уже не находит для себя извинения.

Всякое зло происходить от произволения и свободных намерений. Но да не будет, чтобы когда либо помыслить это о церкви Христовой! О вас мы думаем лучше, и имеем надежду спасения. Но чем боле мы уверены в этом, тем более не оставим предохранительных внушений, чтобы, взошедши на самый верх добродетелей, достигнуть нам с вами обетованных благ, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу и Св. Духу слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 3

В начале было Слово (1:1)

1. Излишне было бы теперь убеждать вас к внимательному слушанию. Вы уже поспешили показать это на самом деле. Это стечение, это стояние с напряженным вниманием, эта поспешность - оттесняя друг друга, занять ближайшее место, откуда внятнее для вас был бы слышен наш голос, нежелание выйти отсюда, несмотря на тесноту, пока не окончится это духовное зрелище, рукоплескания и возгласы одобрения, - все свидетельствует о вашей душевной теплоте и усердии к слушанию. Потому-то и излишне увещевать вас к слушанию, а нужно только внушить вам, чтобы вы и всегда сохраняли в себе такое усердие, и не только бы здесь его показывали, но чтобы, и дома находясь, муж с женою, отец с детьми беседовали об этом; пусть одни передают другим и спрашивают друг друга, и пусть все оказывают взаимно такую добрую помощь.

Никто не говори мне, что нам не нужно заниматься этим с детьми. Не только этим должно заниматься, но об этом только одном и надобно бы вам заботиться. Однакож, ради немощи вашей, я уже не говорю этого; я и не отвожу детей от посторонних занятий, так же как и вас не отвлекаю от общественных дел. Я считаю только справедливым, чтобы из семи дней один посвящен был общему нашему Господу. В самом деле, как это несообразно - рабам своим приказывать, чтобы они все время служили нам, а нам самим не уделить и малейшего времени для Господа, и притом тогда, как наше служение не приносит Ему ничего (потому что Бог ни в чем не нуждается) и только нам же самим обращается в пользу! Когда вы водите детей на зрелища, то не находите препятствия к этому ни в науках, ни в другом чем-нибудь. А когда надобно собрать и получить какую-нибудь духовную пользу, вы это дело называете бездельем. Как же вы не прогневаете Бога, когда во всем другом упражняете своих детей и на то находите время, а занимать их делом Божиим считаете тягостным и неблаговременным для детей?

Нет, не так, братья! Этот-то возраст преимущественно и нуждается в таких уроках. Возраст нежный, - он скоро усваивает себе то, что ему говорят, и как печать на воске, в души детей отпечатлевается то, что они слышат. А между тем и жизнь их тогда уже начинает склоняться или к пороку или к добродетели. Потому, если в самом начале, и, так сказать, в преддверии отклонить их от порока, и направить их на лучший путь, то на будущее время это уже обратится им в навык и как бы в природу, и они уже не так удобно по своей воле будут уклоняться к худшему, потому что навык будет привлекать их к делам добрым. Тогда и для нас они будут достопочтеннее самих стариков, и для гражданских дел они будут полезнее, обнаруживая в юности свойства старцев. Невозможно, как я и прежде говорил, чтобы наслаждающиеся таким слушанием (Евангелия) и внимающие такому апостолу отходили отсюда, не получив какого-либо истинного, великого блага, будет ли участником в этой трапезе муж, или жена, или юноша. Если мы, приучая зверей к нашим словам, таким образом укрощаем их, то не гораздо ли более чрез это духовное учение мы можем исправлять людей, когда там и здесь есть великое различие и между врачевствами и между врачуемыми? Ведь и грубость в нас не такова, как в зверях: у них она зависит от природы, а у нас от воли; да и сила слов не одинакова: там она происходить от человеческой мысли, а здесь - от силы и благодати Духа.

Итак, кто отчаивается в себе самом, тот пусть помыслит об укрощенных зверях - и он никогда не впадет в отчаяние. Пусть всегда приходит он в эту лечебницу; пусть постоянно слушает законы Духа и, возвращаясь домой, слышанное записывает в своем уме. Таким образом, он будет в доброй надежде и в безопасности, на самом деле чувствуя успех. И диавол, как скоро увидит, что в душе написан закон Божий, а сердце сделалось скрижалями этого закона, уже не будет боле приступать. Где будут царские письмена, не на столе медном начертанные, но в боголюбивом сердце Духом Святым запечатленные, и благодатью блистающие, - туда он не сможет даже и заглянуть, а далеко отбежит. Для него и для помыслов, от него влагаемых, ничто так не страшно, как мысль, занятая предметами божественными, душа, постоянно прилежащая к этому источнику. Такую-то не может ни опечалить что-либо в настоящем, хотя бы то было и неприятное, ни надмить что-либо благоприятное; но, среди бурь и волнений, она будет наслаждаться тишиною.

2. Да и не от природы вещей происходит наше смущение, а от немощи нашего духа. Если бы мы подвергались этому страданию вследствие обстоятельств, то все люди должны были бы испытывать его, потому что все мы плывем по одному и тому же морю, на котором невозможно миновать волн и бурь. Если же есть люди, которые остаются вне бури и волнения моря, то очевидно, что бурю производят не обстоятельства, но состояние нашего духа. Следовательно, если мы настроим душу так, чтобы она все легко переносила, то не будет для нас ни бури, ни потопления, а будет всегда благоприятная тишина. Но я не знаю, как, предположив себе ничего такого не говорить, я так увлекся этим поучением. Простите мне это многословие. Я боюсь, и очень боюсь, чтобы не ослабело в вас теперешнее усердие. Если бы я уверен был в этом, то не стал бы теперь говорить вам ничего такого. Усердие может облегчить для вас всякое дело.

Время однакож заняться предстоящим сегодня, чтобы вы не утомленные выступили на поприще. Предстоят же нам подвиги против врагов истины, против таких, которые все придумывают к тому, чтобы уничтожить славу Сына Божия, лучше же сказать - свою собственную. Слава Сына Божия всегда пребывает такою, какова она есть, нисколько не уменьшаясь от злохульного языка; но те, которые стараются уничтожить Того, Кому, по словам их, они поклоняются[1], покрывают лица свои бесчестием, а душу подвергают казни.

Итак, что же они говорят, когда мы так рассуждаем? Говорят, что изречение: - "**в начале было Слово**", - еще не доказывает прямо вечности (Сына), потому что тоже сказано и о небе и о земли (Быт.1:l). О, бесстыдство и нечестие! Я беседую с тобой о Боге, а ты мне указываешь на землю и людей, происшедших от земли. Таким образом, если Христос называется Сыном Божиим и Богом, также и человек называется Сыном Божиим и Богом (как например: "**Я сказал: вы - боги, и сыны Всевышнего - все вы**" - Пс.81:6), ужели поэтому ты будешь состязаться с Единородным о сыновстве, и скажешь, что в этом отношении Он не имеет никакого преимущества пред тобой? Никак, говоришь ты. Однакож ты это делаешь, хотя и не выражаешь на словах. Каким образом? Ты утверждаешь, что и ты участвуешь в усыновлении по благодати, и Он - тоже. Если ты говоришь, что Он есть Сын не по естеству, то этим выражаешь не иное, а именно то, что Он - Сын по благодати.

Впрочем, рассмотрим и свидетельства, какие приводят нам. Сказано: "**В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста**, ..." (Быт.1:1). Также: "**Был один человек из Рамафаим-Цофима**, ..." (1 Цар.1:1). Вот свидетельства, которые они считают сильными! И действительно это сильно, но для доказательства утверждаемой нами правоты догматов; а для поддержания хулы (еретиков) ничего не может быть слабее этих доказательств. Скажи, что общего имеют слова – "**сотворил**" и "**была**"? Или что общего у Бога с человеком? Для чего ты смешиваешь то, что не терпит смешивания, сливаешь раздельное, и горнее делаешь дольним? Здесь слово: "**была**" не одно, само по себе, означает вечность, а в соединении с другими выражениями: "**в начале было**" и: "**Слово было**". Подобно тому, как выражение: "**сущий**", когда говорится о человеке, показывает только настоящее время, а когда о Боге, то означает вечность, так и выражение: "**было**", когда говорится о нашем естестве, означает прошедшее для нас время, и именно известный предел времени, а когда - о Боге, то выражает вечность. Итак, слыша ***о земле*** и ***человеке***, не следует предполагать о них ничего более того, что свойственно природе сотворенной. Все сотворенное, что бы то ни было, произошло во времени, или в известном пределе его. А Сын Божий выше не только всякого времени, но и всех веков, Он есть Творец их и Создатель. "**чрез Которого**, - сказано, - **и веки сотворил**" (Евр.1:2). Творец же, конечно, существует прежде своих творений. Но так как некоторые до такой степени бесчувственны, что и после этого думают нечто высокое о своем достоинстве, то слово Божие выражениями: ***сотворил*** и ***человек был*** предваряет такую мысль слушателей и уничтожает всякое бесстыдство. Все сотворенное, как земля, так и небо, сотворено во времени, имеет временное начало и безначального в них нет ничего, потому что все (в известное время) получило бытие.

Итак, когда ты услышишь выражения – ***сотворил землю*** и ***человек был***, то излишне будешь суесловить, сплетая только бесполезную болтовню. Но я скажу еще нечто большее. Что же это? То, что если бы и о земле сказано было – ***в начале была земля***, и о человеке – ***в начале был человек***, то и в таком случай мы не должны были бы предполагать о них ничего более того, что нам известно о них ныне. Уже одно наперед стоящее имя ***земли*** и ***человека***, что бы потом об них ни говорилось, не позволяет уму воображать о них что-нибудь больше того, что ныне мы знаем; так же как и наоборот выражение: ***Слово***, хотя бы что-нибудь маловажное сказано было о Нем, само по себе не позволяет думать при этом ничего низкого и ничтожного. А о земли далее говорится: ***Земля же была безвидна и пуста,*** Таким образом, сказав, что Бог сотворил землю и положил ей свойственный предел, бытописатель безопасно уже повествует о ней дальнейшее, зная, что никто не будет столько бессмыслен, чтобы почитать землю безначальною и несотворенною. Имя ***земля*** и выражение - ***сотворил*** достаточны для того, чтобы убедить самого несмысленного человека, что земля не вечна и не безначальна, но принадлежит к числу вещей, происшедших во времени.

3. Кроме того, выражение: ***было***, когда употребляется о земле и человеке, означает не просто бытие, но в отношении к человеку - происхождение его из известной страны, а в отношении к земле - качество её бытия. Так Моисей не сказал просто: ***земля же была***, и потом умолк, но показал, в каком состоянии она была и после своего происхождения, т. е., она была ***безвидна и пуста***, еще покрыта водами и смешана с ними. И об Елкане не сказано только, что был человек, но в пояснение присовокуплено; откуда он был: ***из Рамафаим-Цофима***. Но о Слове (говорится) не так. Стыжусь я и сличать между собою такие предметы! Если мы запрещаем делать сравнение между людьми, как скоро сравниваемые весьма различны между собою по достоинствам, хотя существо их одно, то там, где столь беспредельное расстояние и по существу, и по всему прочему, не крайнее ли безумие - делать такие сличения? Но да будет милостив к нам Тот, Кто хулится ими! Не мы открыли надобность в таких рассуждениях, но нам подают к ним повод те, которые вооружаются против собственного спасения.

Итак, что же я говорю? То, что выражение: ***было***, в отношении к Слову, означает, во-первых, вечность Его бытия: ***в начале***, - сказано, - ***было Слово***. А во-вторых, то же ***было*** показывает, что Слово было у кого-либо. Так как Богу по преимуществу свойственно бытие вечное и безначальное, то, прежде всего, это и выражено. Потом, чтобы кто-нибудь, слыша – ***в начале было Слово***, - не признал Его и нерожденным, такая мысль предупреждается тем, что прежде замечания, что было Слово, сказано, что оно ***было у Бога***. А чтобы кто-либо не почел Его словом только произносимым или только мысленным, для этого прибавлением члена (**ó**), как я уже прежде сказал, и другим выражением (***у Бога*** *к Богу*) устранена и такая мысль. Не сказано: ***было*** *в Боге* **…** , но: ***было у Бога***, чем означается вечность Его по ипостаси. Далее, еще яснее открывается это в присовокуплении, что ***Слово было Бог***. Но это Слово не сотворенное ли? - скажет кто-либо. Если так, то что же препятствовало сказать, что в начале сотворил Бог Слово?

Так Моисей, повествуя о земле, не сказал: ***в начале была земля***, но сказал, что (Бог) сотворил ее, и тогда уже она ***была***. Что же, говорю, препятствовало и Иоанну подобным образом сказать, что в начале сотворил Бог Слово? Ведь если в рассуждении земли Моисей опасался, как бы не назвал ее кто-нибудь несотворенною, то гораздо более Иоанну следовало бы страшиться этого относительно Сына (Божия), если бы Он был сотворен. Мир, будучи видим, сам по себе проповедует Творца: “**небеса**, - сказано, - **проповедуют славу Божию**” (Пс.18:1). Но Сын невидим и притом несравненно и безпредельно выше твари. Итак, если здесь, где не нужно было для нас ни слова, ни учения, чтобы признать мир сотворенным, пророк однакож ясно и прежде всего дает нам это видеть, - то гораздо боле Иоанну нужно было бы сказать это о Сыне, если, бы Он был сотворен.

Так, скажут: однакож Петр высказал это ясно и определенно! Где же и когда? Тогда, когда, беседуя с Иудеями, говорил: “**что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса...** “ (Деян.2:36). А почему же ты не присовокупляешь и дальнейших слов, именно: “ ... **Сего Иисуса, Которого вы распяли**”! Или не знаешь, что одни изречения относятся к нетленному естеству, а другие к воплощению? В противном случае, если все вообще будешь так разуметь о Божеств, то придешь к заключению, что Божество и страданиям подвержено. Если же оно не причастно страданиям, то и не сотворено. Если бы кровь истекла из самого божеского и неизреченного естества, и оно, вместо плоти, было пронзено и рассечено гвоздями на кресте, то хитрословие твое в этом случае имело бы основание.

Но как и сам диавол не стал бы таким образом богохульствовать, то для чего же ты притворно принимаешь на себя такое непростительное неведение, которым и демоны не

прикрывали себя? Притом же слова: *Господь и Христос* относятся не к существу, но к достоинству. Первое означает власть, а второе - помазание. Итак, что же ты скажешь о Сыне Божием? Если бы Он и был сотворен, по вашему мудрованию, - эти изречения не имели бы места. Нельзя представить себе, что Он сперва был сотворен, а потом Бог поставил Его (Господом и Христом). Он неотъемлемое имеет начальство, и имеет его по самому естеству и существу Своему. Будучи спрошен, Царь ли Он есть, отвечал: "**Я на то родился**" (Иоан.18:37). А Петр говорит здесь о Нем, как о поставленном (в Господа и Христа), и - это относится у него только к воплощению.

4. Что удивляешься, если Петр говорит это? И Павел, беседуя с афинянами, называет Его только мужем, говоря так: "**... посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых**" (Дян.17:31). Ничего не говорит он здесь ни об *образе Божием*, ни о *равенстве*, Его (со Отцем), ни о том, что Он есть *сияние славы Его*. Так и следовало. Тогда еще не время было для такого учения, а желательно было, чтобы они прежде приняли, что Он - человек и что воскрес. Так делал и сам Христос; а от Него и Павел, научившись, таким же образом устраивал дела своей проповеди. Не вдруг Христос открыл нам Свое божество, но сперва был почитаем только за пророка и Христа, - как бы простого человека; уже впоследствии из дел и слов Своих явился тем, чем был. Потому-то и Петр вначале употребляет такой же образ речи. Это была первая всенародная проповедь его к Иудеям. И так как они еще не в состоянии были ясно познать божество Его, то апостол обращает к ним слово о воплощении, чтобы слух их, прежде обученный этим словом, предрасположен был и к прочему учению. Если захочет кто прочитать всю проповедь апостола от начала, для того весьма ясно будет то, что я говорю.

Апостол Петр также и мужем называет Его, и пространно рассуждает о Его страдании, воскресении и рождении по плоти. И Павел, когда говорит: "... **родился от семени Давидова по плоти**" (Рим.I:3), не иное что внушает нам, а именно то, что слово: ***сотворил*** употреблено в отношении к воплощению, как и мы исповедуем. Напротив, сын громов говорит нам ныне о бытии неизреченном и предвечном; потому, оставив слово – "**сотворил**", Он поставил: "**было**"; тогда как, если бы Сын Божий был создан, это-то особенно и нужно было бы с точностью показать. Если Павел опасался, как бы кто-нибудь из неразумных не предположил, что Сын больше Отца, и что Родивший некогда покорится Ему, почему и говорил в послании к Коринфянам: "... **Когда же сказано, что Ему все покорено, то ясно, что кроме Того, Который покорил Ему все**" (1 Кор.15:27), - хотя кто мог бы подумать, что Отец когда-нибудь подчинится Сыну, наравне со всеми тварями? - если же Павел опасался таких безрассудных мнений, потому и сказал: "**кроме покорившего Ему вся**", то гораздо более надлежало Иоанну, если бы Сын Божий был сотворен, опасаться, чтобы кто-нибудь не признал Его несотворенным, и это-то, прежде всего, надлежало ему изъяснить. Но теперь, так как Сын рожден, то и справедливо ни Иоанн, ни другой какой-либо апостол, или пророк, не сказали, что Он сотворен. Да и сам Единородный не преминул бы сказать об этом, если бы это было так.

Тот, кто по снисхождению так смиренно говорил о Себе, тем боле не умолчал бы об этом. Я считаю не невероятным, что Он скорее умолчал бы о Своем величии, которое имел, нежели, не имея его, оставил бы без замечания, что Он не имеет этого величия. То было благовидное побуждение к умолчанию - желание научить людей смиренномудрию, и поэтому Он умалчивал о том, что великого принадлежит Ему. А здесь ты не можешь указать никакого справедливого предлога к умолчанию. Если бы Он был создан, для чего было бы Ему умалчивать о Своем происхождении, когда Он не упоминал о многом таком, что действительно принадлежало Ему? Тот, кто для научения смиренномудрию часто говорил о Себе уничиженно, и приписывал Себе то, что на самом деле не свойственно

Ему, Тот, говорю, если бы был создан, гораздо боле не преминул бы сказать об этом. Или ты не видишь, как Он сам все с тою целью, чтобы никто не признавал Его нерожденным, и говорит и делает, даже говорить о Себе по-видимому несообразно со Своим достоинством и существом, и нисходит до смирения пророка? Изречение: "**Как слышу, так и сужу**", также: "... **Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить**". (Иоанн.5:30; 12:49) и тому подобные свойственны только пророкам.

Итак, если, желая отстранить такое предположение, Он не обинуясь говорил о Себе столь смиренные слова, то тем более Он говорил бы подобным образом, если бы был создан, чтобы кто-нибудь не признал Его несозданным, - напр.: „не думайте» что Я рожден от Отца; Я сотворен, а не рожден, и - не одного с Ним существа". Но Он делает все напротив. Он употребляет такие выражения, которые невольно, даже не желающих того, заставляют принять противное мнение. Так, Он говорит: - "… **что Я в Отце и Отец во Мне**" (Иоан.14:10, 11); также: " ... **столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца;** …" (ст. 9); или: **- дабы все чтили Сына, как чтут Отца**. ... (Иоан.5:23); "... **как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет**". (ст.21); "**Отец Мой доныне делает, и Я делаю**". (ст.17); "**Как Отец знает Меня, так и Я знаю Отца; ... Я и Отец – одно**". (Иоан.10:15, 30). Везде употребляя выражение: "**как**" и: "**так и**", показывает, что Он едино с Отцем и что имеет нераздельное с Ним существо. А силу власти Своей Он обнаруживает как в этих же изречениях, так и во многих других, - так, напр., когда говорит: "**умолкни, перестань; хочу, очистись; повелеваю тебе, дух немой и глухой, выйди из него**" также: "... **слышали, что сказано древним: не убивай, … А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду** ..." (Мар.4:39; Матф,8:3; Мар.9:25; Матф.5:21). И все другое подобное, что Он законополагает и чудотворит, достаточно доказывает власть Его; а лучше сказать, и самая малейшая часть того может вразумить и убедить людей, не совсем бесчувственных.

5. Но таков дух тщеславия, что оно ослепляет разум увлекаемых им людей, даже в отношении к самым очевидным предметам, побуждает противоречить даже признанным истинам; а других, и очень хорошо разумеющих истину и уверенных в ней, заставляет лицемерно противостоять ей.

Так было и с иудеями. Не по неведению отвергали они Сына Божия, а для того, чтобы получить честь от народа. "**Уверовали**, - сказано, - **в Него, но ради фарисеев не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги,** ... " (Иоан.12:42), и из угождения другим жертвовали собственным спасением. Да и невозможно, невозможно тому, кто так раболепствует временной славе, получить славу от Бога. Поэтому-то Христос и укорял иудеев, говоря: "**Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете?**" (Иоан.5:44)? Это какое-то сильное упоение; объятый этою страстью, человек делается неисправим. Она, отторгая от небес душу своих пленников, пригвождает ее к земли, не позволяет ей воззреть к свету истинному, побуждает постоянно вращаться в тине, приставляя к ним владык, столь сильных, что они владеют ими, даже ничего не приказывая.

Тот, кто болеет этой болезнью, хотя бы никто не приказывал ему, добровольно делает все, чем только думает угодить своим владыкам. Для них он одевается и в одежды нарядные, и украшает лице, заботясь в этом случае не о себе, но об угождении другим, и выводит с собой на площадь провожатых, чтобы заслужить от других удивление, и все, что ни делает, предпринимает единственно для угождения другим.

Итак, есть ли болезнь душевная тягостнее этой? Человек нередко бросается в бездну, чтобы только другие удивлялись ему. Приведенные слова Христовы достаточно показывают всю мучительную силу этой страсти; но можно еще познать ее и из следующего. Если ты захочешь спросить кого-нибудь из граждан, делающих большие издержки, для чего они тратят столько золота, и что значат такие расходы, то ни о чем другом от них не услышишь, так только об угождении толпе. Если же ты опять спросишь их: что же такое толпа? - они ответят: это есть нечто шумное, многомятежное, большею частью глупое, без цели носящееся туда и сюда, подобно волнам моря, составляемое часто из разнообразных и противоположных мнений. Кто имеет у себя такого владыку, не будет ли тот жалок боле всякого другого?

Впрочем, когда мирские люди прилепляются к нему, это еще не так опасно, хотя действительно опасно. Но когда те, которые говорят, что отреклись от мира, страдают тою же или еще тягчайшею болезнью, то это крайне опасно. У мирских только трата денег, а здесь опасность касается души. Когда правую веру меняют на славу и, чтобы прославиться самим, уничижают Бога, - скажи мне, не составляет ли это высшей степени бессмыслия и безумия?

Другие страсти, хотя заключают в себе большой вред, но по крайней мере, приносят и некоторое удовольствие, хотя и временное и короткое. Так корыстолюбец, винолюбец, женолюбец, имеют некоторое удовольствие, хотя и непродолжительное; но обладаемые страстью тщеславия всегда живут жизнью горькою, лишенной всякого удовольствия. Они не достигают того, что так любят, разумею - славы народной; а хотя, по-видимому, и пользуются ею, на самом же дел не наслаждаются, потому что это вовсе и не слава. Потому «и самая страсть эта называется не славою, а тщеславием. И справедливо все древние называли это тщеславием. Она тщетна и не имеет в себе ничего блистательного и славного. Как личины [статуй] кажутся (снаружи) светлыми и приятными, а внутри пусты, поэтому, хотя и представляются благообразнее телесных (естественных) лиц, однакож никогда еще и ни в ком ни возбуждали любви к себе, точно так, или еще более, слава у толпы прикрывает собою эту неудобоизлечимую и мучительную страсть. Она имеет только снаружи вид светлый, а внутри не только пуста, но и полна бесчестия и жестокого мучения.

Откуда же, скажешь, рождается эта безумная и не приносящая никакого удовольствия страсть? Ни откуда более, как только от души низкой и ничтожной. Человек, увлекаемый славою, неспособен мыслить что-либо великое и благородное; он необходимо становится постыдным, низким, бесчестным, ничтожным. Кто ничего не делает для добродетели, а только одно имеет в виду - чтобы понравиться людям, не стоящим никакого внимания, во всяком случае, следует погрешительному, блуждающему их мнению, тот может ли стоить чего-нибудь? Заметь же: если бы кто спросил его: как ты сам думаешь о толпе? - без сомнения, он сказал бы, что считает толпу невежественной и бездельной. Что же? Захотел ли бы ты сделаться подобным этой толпе? Если бы и об этом опять кто-нибудь спросил его, то я не думаю, чтобы он пожелал сделаться таким же. Итак, не крайне ли смешно искать славы у тех, кому сам никогда не захотел бы сделаться подобным?

6. Если же ты скажешь, что в толпе много людей, и что они составляют одно, то поэтому-то особенно и надобно ее презирать. Если каждый из толпы сам по себе достоин презрения, то, когда таких много, они заслуживают еще большего презрения. Глупость каждого из них, когда они собраны вместе, становится еще большею, увеличиваясь от многочисленности. Поэтому каждого из них порознь конечно можно бы исправить, если бы кто взял на себя это дело, но не легко было бы исправить всех их вместе, - оттого, что безумие их в таком случае увеличивается; они водятся обычаями животных, во всяком

случае, следуя один за другим во мнениях. Итак, скажите мне: в такой ли толпе будете вы искать славы? Нет, прошу и молю. Эта страсть все извратила; она породила любостяжание, зависть, клеветы, наветы. Она вооружает и ожесточает людей, не потерпевших никакой обиды, против тех, которые никакой обиды не сделали.

Подверженный этой болезни не знает дружбы, не помнить приязни, нисколько не хочет никого уважить; напротив, все доброе извергши из души, непостоянный, неспособный к любви, против всех вооружается. Сила гнева, хотя и она мучительна и несносна, не постоянно однакож возмущаешь дух, а только в то время, когда его раздражают другие. Напротив, страсть тщеславия - всегда, и нить, так сказать, времени, в которое она могла бы оставить, потому что разум не препятствует ей и не укрощает её; она всегда остается, и не только побуждает ко грехам, но, если бы мы успели сделать что-нибудь и доброе, она похищает добро из рук. А бывает так, что она не допускает и начать доброго дела. И если Павел лихоимание называет *идолослужением* (Еф.5:5), то как, по справедливости, назвать матерь его (лихоимания), корень и источник, то есть тщеславие? Нельзя найти и названия, достойного этого зла!

Итак, воспрянем, возлюбленные, отложим эту порочную одежду, разорвем, рассечем ее, сделаемся когда-нибудь свободны истинною свободою, и усвоим себе чувства достоинства, данного нам от Бога. Пренебрежем славой у толпы. Нет ничего столь смешного и унизительного, как эта страсть; ничто столько не преисполнено стыда и бесславия. Всякий может видеть, что желание славы во многих отношениях есть бесславие, и что истинная слава состоит в том, чтобы презирать славу, считать ее за ничто, а все делать и говорить только в угождение Богу. Таким образом сможем мы и награду получить от Того, Кто видит все наши дела в точности, если только будем довольствоваться этим одним зрителем их. Да и какая нужда нам в других глазах, когда видит наши дела именно Тот, Кто будет и судить их?

Как это несообразно: раб, что ни делает, все делает в угождение господину, не ищет ничего более, как только его внимания, не хочет привлекать на свои дела ничьих чужих взоров, хотя бы зрителями тут были и важные люди, но только то одно имеет в виду, чтобы видел его господин; а мы, имея столь великого над собою Господа, ищем других зрителей, которые не могут принести нам никакой пользы, а могут только, своими взглядами, повредить нам и сделать всякий труд наш напрасным. Да не будет этого, умоляю вас! Но от кого мы имеем получить награды, Того будем признавать и зрителем и прославителем наших дел. Не будем ни в чем полагаться па глаза человеческие.

А если бы мы захотели достигнуть славы и между людьми, то получим ее тогда, когда будем искать единой славы от Бога. Сказано: "... **прославлю прославляющих Меня** ..." (1 Цар.2:30). И как богатством мы тогда особенно обилуем, когда презираем его и ищем богатства только от Бога (потому что сказано: "**Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам**", - Матф.6:33), так - и в отношении к славе. Когда уже безопасны будут для нас и богатство и слава, тогда Бог и подает нам их в изобилии. Но этот дар бывает безопасен тогда, когда не овладевает нами, не покоряет нас себе, не обладает нами, как рабами, но остается в нашей власти, как у господ и свободных. Для того-то Бог и не позволяете нам любить богатство и славу, чтобы они не овладевали нами. А когда мы достигнем такого совершенства, то Он и подает нам их с великою щедростью. Кто, скажи мне, славнее Павла, который говорит: "... **Не ищем славы человеческой ни от вас, ни от других** ..." (1Фес.2:6)? Кто счастливее ничего не имеющего и всем владеющего? Когда мы, как я выше сказал, не будем покоряться владычеству их (богатства и славы), тогда и будем ими обладать, тогда их и получим. Итак, если мы желаем получить славу, будем бегать славы. Таким образом, исполнив законы Божии,

сможем мы получить и здешние и обетованные блага, благодатью Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Св. Златоуст разумеет ариан, которые признавали Сына Божия существом достопоклоняемым, только не совечным и не единосущным Отцу.

БЕСЕДА 4

"В начале было Слово, и Слово было у Бога" (Ин. 1:1).

1. Детей, только еще начинающих учиться, учителя не подвергают сразу многим трудам, да и в один раз немного занимают их науками, а понемногу, и притом, одно и то же часто повторяют им, чтобы удобнее вложить свои уроки в их ум, и чтобы дети, наскучив в самом начале множеством (уроков) и трудностью их для своей памяти, не сделались оттого неспособнее к усвоению преподаваемого, потому что от трудности может произойти в них и некоторое расслабление. Таким же образом желая устроить и свои поучения и облегчить труд для вас, я понемногу беру с этой божественной трапезы и передаю душам вашим. Поэтому я снова коснусь тех же слов Евангелия, не так, чтобы опять говорить одно и то же, а чтобы только присовокупить к сказанному остальное. Итак, возведем же слово к началу. "**В начале было Слово, и Слово было у Бога**". Когда все прочие Евангелисты начинали с воплощения (Матфей говорит: "**родословие Иисуса Христа, Сына Давидова**"; Лука вначале повествует нам о Марии; и Марк подобным же образом излагает сначала повествование о Крестителе), для чего Иоанн только вкратце коснулся этого предмета, притом уже после тех первых слов, сказав: "**и Слово стало плотию**" (ст. 14), а все прочее, - Его зачатие, рождение, воспитание, возрастание, - минуя, вдруг возвещает нам о Его вечном рождении? Какая тому причина, я и скажу вам теперь. Так как прочие Евангелисты большею частью повествовали о человеческом естестве Сына Божия, то должно было опасаться, чтобы, поэтому самому, кто-нибудь из людей, пресмыкающихся по земле, не остановился только на этих одних догматах, что и случилось с Павлом Самосатским[1]). Итак, возводя склонных к падению людей от такого пресмыкания по земле и привлекая к небу, Иоанн справедливо начинает свое повествование свыше, от бытия предвечного. Тогда как Матфей приступил к повествованию, начав от Ирода царя, Лука – от Тиверия Кесаря, Марк – от крещения Иоаннова, Евангелист Иоанн, оставив все это, восходит выше всякого времени и века, и там устремляет ум своих слушателей к одному: "**в начале было**", и, не позволяя уму нигде остановиться, не полагает ему предела, как те (Евангелисты) – Ирода, Тиверия и Иоанна. Но вместе с этим достойно удивления и то, что как Иоанн, устремившись к возвышенному слову, не оставил, однако же, без внимания и воплощения, так и они, с особенным тщанием повествуя о воплощении, не умолчали также и о предвечном бытии. И этому так быть должно, потому что один Дух двигал души всех их; а потому они показали совершенное единомыслие в своем повествовании. Ты же, возлюбленный, когда слышишь "**о Слове**", никогда не терпи тех, которые называют Его творением, равно как и тех, которые почитают Его простым словом. Много есть слов божественных, которыми действуют и ангелы, но ни одно из этих слов не есть само Божество, а все это только пророчество и Божие повеление. Так обыкновенно называет Писание законы Божии, повеления и пророчества. Поэтому, и говоря об ангелах, оно присовокупляет: "**служители Его, исполняющие волю Его**" (Пс. 102:21). Напротив это Слово (о котором говорит Евангелист Иоанн) есть ипостасное Существо, бесстрастно происшедшее от самого Отца.

Это именно, как я и прежде сказал, (Евангелист) изобразил самым наименованием "**Слова**". Потому как изречение: "**в начале было Слово**" означает вечность, так и выражение: "**Оно было в начале у Бога**" показывает Его совечность (с Отцом). А чтобы ты, услышав: "**в начале было Слово**", и, признав его вечным, не подумал, однако же, что жизнь Отца на некоторое расстояние, то есть на большое число веков, предшествует (жизни Сына), и таким образом, чтобы ты не положил начала Единородному, (Евангелист) присовокупляет: " **Оно было в начале у Бога**", т.е., Он также вечен, как сам Отец. Отец никогда не был без Слова; но всегда был "**Бог**" (Слово) "**у Бога**" (Отца), в собственной, однако же, ипостаси. Но как же, скажешь ты, Евангелист говорит, что Слово "**в мире было**", если Оно было действительно у Бога? Подлинно, оно и у Бога было, и в мире было: никаким местом не ограничивается как Отец, так и Сын. Если "**велика крепость [Его], и разум Его неизмерим**" (Пс. 146:5), то ясно, что существо Его не имеет никакого временного начала. Ты слышал, что "**в начале сотворил Бог небо и землю**"? Что ты думаешь об этом начале? Без сомнения то, что небо и земля произошли прежде всех видимых творений. Так, когда слышишь о Единородном, что Он "**в начале был**", разумей бытие Его, прежде всего мыслимого и прежде веков. Если же кто скажет: как возможно Сыну не быть по времени после Отца? происшедший от кого-либо необходимо должен быть после того, от кого произошел, - отвечаем, что таковы только человеческие рассуждения, и тот, кто предлагает такой вопрос, будет, пожалуй, давать еще более нелепые вопросы. Но этого не должно бы допускать даже до слуха. У нас ныне слово о Боге, а не о естестве человеческом, подчиненном порядку и необходимости подобных умствований. Впрочем, для совершенного удовлетворения людей более слабых, будем и на это отвечать.

2. Скажи мне: сияние солнца из самого ли естества солнечного истекает, или из чего иного? Всякий, имеющий неповрежденные чувства, необходимо признает, что сияние происходит от самого естества солнца. Но, хотя сияние исходит от самого солнца, однако же, мы никогда не можем сказать, что оно существует после солнечного естества, потому что и солнце никогда не является без сияния. Итак, если и в видимых и чувственных телах то, что происходит от чего-нибудь другого, не всегда после того существует, от чего происходит, то почему ты не веришь этому в рассуждении невидимого и неизреченного естества? И здесь то же самое, только так, как сообразно это вечному существу. Поэтому и Павел назвал Сына сиянием славы Отчей (Евр.1:3), изображая этим и то, что Он рождается от Отца, и то, что Сын совечен Отцу. Скажи же мне: все века и всякое пространство времени - не через Сына ли произошли? И это необходимо должен признать всякий, кто не потерял еще ума. Итак, нет никакого расстояния (времени) между Отцом и Сыном; а если нет, то Сын не после Отца существует, но совечен Ему. Выражения: "**прежде**" и: "**после**" обозначают понятия времени. Без века или времени никто не мог бы и представить себе таких понятий. А Бог выше времен и веков. Если же, несмотря на то, ты будешь утверждать, что Сын получил начало, то смотри, как бы через такие умозаключения не дошел ты до необходимости и самого Отца подвести под какое-либо начало, под начало, хотя первейшее, но все же – начало. Скажи мне: приписывая Сыну какой бы то ни было предел или начало, и от этого начала восходя еще выше, не говоришь ли ты, что Отец существует прежде Сына? Очевидно так. Скажи же далее: насколько прежде Отец существует? Малое или великое расстояние здесь ты укажешь, во всяком случае, ты подведешь Отца под начало. Очевидно, что, назвав это расстояние великим или малым, ты будешь таким образом измерять его, но измерять нельзя, если с той и другой стороны нет начала. Итак, для этого, сколько от тебя зависит, ты даешь начало и Отцу; и, следовательно, по вашему рассуждению, не будет уже безначальным и Отец. Видишь ли, как истинно сказанное Спасителем, и как слово Его везде являет свою силу? Какое это слово? "**Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца**" (Ин. 5:23). Знаю, что для многих сказанное непонятно; потому мы во многих случаях и остерегаемся вдаваться в подобные

умозаключения, так как простой народ не может следить за ними, а если бы и стал следить, - не удерживает из них ничего с твердостью и точностью. "**Помышления смертных нетверды, и мысли наши ошибочны**" (Прем. 9:14). Между тем я охотно спросил бы противников наших и о том, что значит сказанное у пророка: "**прежде Меня не было Бога и после Меня не будет**" (Ис. 43:10). Если Сын после Отца существует, то, как же сказано: "**и после Меня не будет**"? Или уже вы будете отвергать и самое существо Единородного? А необходимо – или, наконец, на это дерзнуть, или допустить единое Божество в собственной ипостаси Отца и Сына. Также, каким образом истинно то, что "**все чрез Него начало быть**"? Если был век прежде Его, то каким образом существовавшее прежде Него могло бы произойти через Него? Видите ли, до какой дерзости доводит их умствование, после того, как однажды поколебали они истину? Почему же не сказал Евангелист, что Сын произошел "**из несуществующего**"[2]) как изъясняет это Павел о всех тварях, говоря: "**называющим несуществующее, как существующее**" (Рим. 4:17), а говорит: "**в начале было**"? Последнее же выражение противоположно первому. Но оно весьма справедливо: Бог не происходит ни от чего и не имеет ничего первее Себя. Скажи же мне еще: не признаешь ли ты, что Творец несравненно превосходнее своих тварей? Но, если бы Он был подобен им – тем, что происходил бы из несущего, то где же было бы Его несравненное превосходство? А что значит изречение: "**Я - Господь первый, и в последних - Я тот же**" (Ис.41:4) "**прежде Меня не было Бога и после Меня не будет**" (Ис.43:10)? Если Сын не одного и того же существа с Отцом, то Он есть иной Бог; если Он не совечен (Отцу), то после Него; и если произошел не из существа Его, то очевидно – сотворен. Если же возразят, что это сказано для отличия (Бога) от идолов, то не должны ли согласиться, что здесь для отличия от идолов говорится о едином истинном Боге? А если это, в самом деле, сказано для отличия от идолов, то, как же ты изъяснишь все это изречение: "**после Меня не будет**" иного Бога? Не Сына отвергая, говорит так слово Божие, а выражая только то, что кроме Бога (истинного) нет бога – идольского; но не то, что нет Сына. Хорошо, скажет кто-либо, но не должно ли поэтому и слова: "**прежде Меня не было Бога**" понимать так, что не было бога идольского, что, следовательно, Сын был прежде Отца? Но какой демон мог бы сказать это? Я думаю, что и сам дьявол не скажет этого. С другой стороны, если Сын не совечен Отцу, то почему ты называешь бытие Его беспредельным? Если Он имеет начало и, сперва, то хотя бы Он был бессмертен, Он не может еще быть беспредельным. Беспредельное должно быть без пределов с той и другой стороны. Изъясняя это, и Павел говорит: "**не имеющий ни начала дней, ни конца жизни**" (Евр.7:3), и таким образом выражает и беспопечительность и бесконечность, т.е., как в том, так и в другом отношении Он не имеет предела; как нет конца, так нет и начала.

3. Далее: каким образом, если Сын есть "**жизнь**", могло быть когда-нибудь время, в которое Он не был[3]? Если Он есть "**жизнь**", как Он и действительно есть, то все согласятся, что жизнь должна существовать всегда, быть безначальною и бесконечною. Если же было время, когда Его не было, то каким бы образом Он был жизнью других существ, не будучи никогда сам жизнью? Но как же, скажет кто-либо, Евангелист Иоанн сам полагает Ему начало, когда говорит: "**в начале было**". А для чего, я скажу, ты обратил внимание на выражения: "**в начале**", и: "**было**", а не помыслишь об изречении - "**Слово было**"? Что же? Когда пророк говорит об Отце: "**от века и до века Ты - Бог**" (Пс.89:3), то ужели Он таким выражением полагает Ему пределы? Никак: он выражает вечность. Так рассуждай и здесь. Евангелист, говоря так о Сыне, не полагает Ему предела. Он и не сказал о Сыне: имел начало, но - "**в начале было**", через это "**было**" внушая мысль о безначальном бытии Сына. Но вот, скажет еще кто-либо, об Отце сказано с приложением члена (артикля – "о") а о Сыне – без члена[4]. Что же? Когда апостол говорит: "**великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа**", и также: "**Бог, Который над всеми**", то вот здесь он упоминает о Сыне без члена. Но он делает это и в отношении

к Отцу. В послании к Филиппийцам он так говорит: "**Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу**"[5] (2:6). Также в послании к Римлянам: "**благодать вам и мир от Бога отца нашего и Господа Иисуса Христа**" (Рим. 1:7). А с другой стороны и излишне было прибавлять здесь член, потому что выше он был, часто прилагаем к слову: "**Бог**". Как об Отце говоря, Евангелист выражает: "**Бог есть дух**" (Ин.4:24), и мы не отвергаем бестелесности в Боге потому, что к слову "**Дух**" не приложено члена, так и здесь, хотя при выражении о Сыне не употреблено члена, однако же, Сын поэтому, не есть меньший. Почему так? Потому что, повторяя слова: "**Бог**" и: "**Бог**", Евангелист не показывает нам никакого разделения в Божестве; а даже напротив, сказав прежде - "**Слово было Бог**", он, чтобы кто-нибудь не почел божество Сына меньшим, тотчас присовокупляет и доказательство истинного Его божества, приписывает Ему вечность: "**Оно было", -** говорит, **-** "**в начале у Бога**", и – творческую силу: "**все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть**". Это самое и Отец везде через пророков поставляет преимущественным доказательством своего (божеского) существа. И пророки часто употребляют этот вид доказательства, и не просто только, но и вооружаясь против чествования идолов. "**Боги**", - сказано, - "**которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес**" (Иер. 10:11). И в другом месте: "**Я - Мои руки распростерли небеса**" (Ис. 45:12); и во всяком случае Он представляет это, как признак божественности. Но Евангелист не довольствуется и этими изречениями, а называет еще Его "**жизнью**" и "**светом**". Итак, если Он всегда был с Отцом, если сам все произвел, устроил и содержит (это выражается словом - "**жизнь**"), если Он все просвещает, то кто столько безумен, что скажет, будто Евангелист хотел в этих изречениях показать меньшую степень божества Его, тогда как ими-то особенно и можно доказать равенство и нераздельность Его (с Отцом)? Не будем же смешивать твари с Творцом, чтобы и нам не услышать слов: "**и поклонялись, и служили твари вместо Творца**" (Рим. 1:25). Хотя и говорят некоторые, что это сказано о небесах, но, говоря о них, слово Божие совершенно запрещает служение всякой вообще твари, как дело языческое.

4. Да не подвергнем же себя этой клятве! Для того и пришел (на землю) Сын Божий, чтобы освободить нас от этого служения. Для того Он принял зрак раба, чтобы избавить нас от этого рабства. Для того и подверг Себя оплеванию, заушению, для того претерпел поносную смерть. Не сделаем же всего этого бесплодным (для нас), не будем возвращаться на прежнее, лучше же сказать – еще гораздо тягчайшее нечестие. Не все равно – твари служить, и самого Творца низводить до ничтожества твари, сколько, по крайней мере, это зависит от нас, так как сам Он пребывает всегда таким, каков есть, по сказанному: "**но Ты - тот же, и лета Твои не кончатся**" (Пс. 101:28). Будем же прославлять Его, по преданию Отцов; будем прославлять Его и верою и делами. Нет никакой пользы для нашего спасения от правых догматов, когда наша жизнь развращена. Потому направим ее к благоугождению Богу, удаляя себя от всякой нечистоты, несправедливости, любостяжания, как странники и пришельцы, и чуждые (всему) здешнему. А если кто имеет много денег и стяжания, пусть пользуется ими, как странник, который, спустя немного времени, волею или неволею должен оставить их. Если кто терпит обиду от кого-нибудь, пусть не вечно гневается, а лучше пусть не гневается и временно. Апостол не позволяет нам продолжать гнева более одного дня. "**Солнце**", - говорит он, - "**да не зайдет во гневе вашем**" (Еф. 4:26). И справедливо: надобно желать, чтобы и в такое короткое время не случилось ничего неприятного. А если еще и ночь застигнет нас (во гневе), то дело будет для нас еще хуже, потому что от одного воспоминания о нем возродится в нас безмерный огонь, и мы на свободе с большим огорчением для себя будем размышлять о нем. Поэтому-то прежде, нежели к погибели нашей настанет покой ночи и мы возжем к себе сильнейший огонь, апостол и повелевает предупреждать и отвращать опасность. Страсть гнева сильна, сильнее всякого пламени; потому и нужно с большою поспешностью предупреждать силу огня и не допускать его

до воспламенения. А болезнь эта бывает причиною многих зол. Она ниспровергает целые дома, разрывает давнее содружество, в короткое и скорое время производит самые неутешительные случаи. "**Самое движение гнева**", - сказано, - "**есть падение для человека**" (Сир. 1:22). Итак не оставим этого зверя без обуздания, но набросим на него со всех сторон крепкую узду – страх будущего суда. Если тебя оскорбит друг, или огорчит кто-нибудь из ближних – помысли тогда о согрешениях своих против Бога и о том, что своею кротостью в отношении к ним ты умилостивишь для себя более и тот (будущий) суд, - сказано: "**прощайте, и прощены будете**" (Лк. 6:37), - и гнев тотчас отбежит (от тебя). При этом обрати внимание также и на то, когда ты, будучи приведен в ярость, удерживал себя, и когда был увлечен страстью; сравни то и другое время, - получишь и отсюда значительное исправление. Скажи мне: когда ты хвалишь себя, тогда ли, когда был побежден (гневом), или тогда, когда победил? Не тогда ли именно (когда увлекаемся гневом) мы наиболее обвиняем себя и стыдимся, хотя бы и никто нас не обличал, и приходим к раскаянию в своих словах и делах? А когда преодолеваем гнев, не торжествуем ли тогда и не хвалимся ли, как победители? Победа над гневом состоит не в том, чтобы воздавать за обиду тем же (это не победа, а совершенное поражение), но – в том, чтобы с кротостью переносить оскорбления и поношения. Не делать, а терпеть зло, - вот истинное преимущество. Поэтому не говори во гневе: "вот и я восстану, вот и я нападу на него". Не сопротивляйся и тем, которые убеждают тебя укротить гнев, не говори: "не потерплю, чтобы такой-то смеялся надо мной". Да он никогда и не смеется над тобой, разве – когда ты сам на него вооружишься. А если он и тогда посмеется над тобой, то разве только в безумии сделает это. Ты же, побеждая, не ищи славы у безумных, но признавай достаточным для себя иметь славу у людей разумных. Но для чего я вывожу тебя на малое и ничтожное зрелище, составленное из людей? Воззри тотчас к Богу, и Он тебя восхвалит. А тому, кто от Него прославляется, не должно искать чести от людей. Честь людская нередко находится в зависимости и от неприязни людей, и от вражды, и, во всяком случае, не приносит никакой пользы. Напротив, суд Божий чужд такого настроения и приносит прославляемому от Бога великую пользу. Итак, к этой-то славе и будем стремиться.

5. Хочешь ли узнать, какое великое зло – гнев? Стань на площади, когда там ссорятся другие. В себе самом тебе нельзя так видеть это безобразие, потому что разум во гневе помрачается и сознание теряется, как у пьяных. Но когда ты очистишься от этой страсти, тогда наблюдай в других себя самого, так как в это время у тебя рассудок не поврежден. Итак, смотри вот на окружающую толпу, а среди нее на бесчинствующих в раздражении людей, подобно беснующимся. Когда ярость, возгоревшись в груди, восстанет и ожесточится, тогда огнем дышат уста, огонь испускают глаза, все лицо вздувается, руки беспорядочно протягиваются, смешно прыгают ноги и наскакивают на удерживающих. Ничем не отличаются раздраженные от сумасшедших, все делая без сознания, и даже не отличаются от диких ослов, когда те бьют и кусают друг друга. Поистине, безобразен человек раздраженный. Потом, когда после этого столь смешного зрелища, они возвратятся домой и придут в себя самих, то возымеют еще большую скорбь и страх, представляя себе, кто присутствовал при их ссоре. Как безумные, прежде не видя присутствующих, потом, когда приходят в сознание, рассуждают, друзья ли были зрителями их, или враги и неприятели. Равно боятся они тех и других: первых – потому, что они будут укорять их и увеличивать стыд; а вторых – потому, что они будут радоваться об их посрамлении. А если им случилось еще нанести друг другу раны, тогда тягчайший бывает страх, чтобы не случилось чего-нибудь еще хуже с раненым, чтобы, например, болезнь от ран не принесла ему смерти, или, чтобы поднявшаяся неисцелимая опухоль не подвергла его жизнь опасности. "И что мне была за надобность ссориться? Что за брань и ссоры? Пропадай они совсем". И вот они проклинают все те случайные обстоятельства, которые послужили поводом к ссоре. А глупейшие из них обвиняют в

происшествии и лукавых демонов и злой час. Но не от злого часа это происходит, потому что и не бывает никогда злого часа, и не от злого демона это происходит, а от злобы увлеченных гневом. Они-то сами и демонов привлекают, и всякое зло на себя наводят. Но сердце, скажет кто-нибудь, от оскорблений возмущается и терзается. Знаю это и я. Поэтому-то и превозношу тех, которые укрощают этого ужасного зверя. Если желаем, то можем отразить от себя эту страсть. Почему мы не подвергаемся этой страсти, когда укоряют нас начальствующие? Не потому ли, что в нас (при этом случае) возникает страх, равносильный этой страсти, который поражает нас и не допускает даже зародиться в нас гневу? Почему и рабы, получая от нас тысячи укоризн, все это переносят в молчании? Не потому ли, что и на них наложены те же узы? Так и ты помысли о страхе Божием, о том, что сам Бог тогда уничижает тебя, повелевая тебе молчать, и ты все будешь переносить кротко. Скажи нападающему на тебя: что я могу тебе сделать? Некто иной удерживает мою руку и язык мой. И эта мысль побудит и тебя и его к благоразумию. Иногда из-за людей мы терпим даже несносные обиды, и говорим оскорбителям нашим: не ты, а такой-то оскорбил меня. К Богу ли не будем иметь даже и такого благоговения? Какое же будет для нас оправдание? Итак, скажем нашей душе: Бог нас уничижает ныне, - Бог, удерживающий наши руки; не будем же храбриться, и да не будет для нас Бог менее людей досточтим. Вы ужасаетесь этих слов? Но я желаю, чтобы вы страшились не слов только, но и дел. Бог повелел нам не только терпеть, когда нас заушают, но и быть готовыми переносить что-нибудь и хуже того. А мы, напротив, с таким усилием сопротивляемся, что не только не бываем готовы на злострадания, но и стараемся мстить за себя, а часто даже первые поднимаем неправедные руки; считаем себя униженными, если не воздадим тем же. Странно, что мы считаем себя победителями, тогда как терпим крайнее поражение и бываем повержены долу; получая бесчисленные удары от дьявола, думаем, что мы его преодолеваем. Итак, познаем, прошу вас, этот род победы, и будем побеждать таким образом. Злострадать - значит быть увенчанным. Если мы хотим быть прославлены от Бога, будем соблюдать не обычаи мирских подвигов, а закон, данный от Бога для подвигов духовных; будем все переносить с долготерпением. Таким образом мы победим и препирающихся с нами, и все, что есть в мире этом, и обетованные блага получим, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Св. Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Павел Самосатский, епископ антиохийский, еретик Ш-го века.

[2] Так говорили ариане о Сыне Божием.

[3] Здесь св.Златоуст имеет в виду выражение ариан о Сыне Божием: "было, когда Его не было".

[4] В подлинном тексте Евангелия: "ο λογος ην προς τον θεον και θεος ην ο λογος". Первое: "τον θεον" относится к Отцу; а последнее: "θεος" - к Сыну. Ариане и аномеи отсюда делали возражение, что Сын не имеет единого божеского естества с Отцом.

[5] Здесь имя Бога двукратно повторяется без члена.

БЕСЕДА 5

"Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть" (Ин. 1:3).

1. Моисей, в начале бытописания Ветхого Завета, повествует нам о предметах чувственных и подробно исчисляет их. Сказав: "**в начале сотворил Бог небо и землю**", он потом присовокупляет, что произошел свет, твердь[1], естество звезд, всякого рода животные и все прочее; не будем останавливаться на каждом творении, чтобы не медлить. А Евангелист Иоанн, все заключив в одном изречении, обнимает им и все видимое, и то, что выше видимого. Оставляя то, что известно его слушателям, и, возводя мысль к предметам более возвышенным и обнимая все творчество – вообще, он говорит не о творениях, но о Создателе, Который и произвел все из небытия в бытие. Таким образом, Моисей касается только меньшей части создания (так как ничего не сказал нам о силах невидимых), и тем ограничился. А Евангелист, поспешая взойти к самому Творцу, справедливо все прочее минует, и сказанное, равно и умолчанное, Моисеем заключает в одно краткое изречение: "**все чрез Него начало быть**". Но чтобы ты не подумал, что он говорит только о том, что сказано и Моисеем, присовокупляет: "**и без Него ничто не начало быть, что начало быть**", т.е., ничто сотворенное, видимое или умом созерцаемое, не получило бытия иначе, как силою Сына. После слова: "**ничто**" мы не будем ставить точки, как делают еретики. Они, желая доказать, что Дух Св. есть тварь, читают так: "**что начало быть, в нем была жизнь**" (ст.4). Но в таком чтении нет смысла. И, во-первых, здесь некстати было упоминать о Духе; а если Евангелист и хотел упомянуть, то для чего употребил такое неясное выражение о Нем? Да и откуда видно, что сказано о Духе? А иначе мы, на основании такого изложения слов, можем заключить, что не Дух, а Сын произошел через себя самого. Но остановитесь на этом изречении, чтобы оно не миновало вас. Станем читать так, как они; таким образом, нелепость для нас будет еще очевиднее: "**что начало быть, в нем была жизнь**". Они говорят, что здесь "**жизнью**" назван Дух. Но, как видно, эта самая "**жизнь**" есть вместе и "**свет**", потому что Евангелист присовокупляет: "**и жизнь была свет человеков**" (ст.4). Итак, по их мнению, "**и свет человеков**" у Евангелиста означает Духа. Что же? Когда Евангелист продолжает: "**был человек, посланный от Бога; чтобы свидетельствовать о Свете**" (ст. 6,7), - они уже необходимо должны допустить, что и здесь говорится о Духе. Кто выше назван Словом, тот после именуется и Богом, жизнью и светом. Жизнь, говорит Евангелист, была Слово и эта же самая жизнь была светом. Итак, если Слово было "**жизнь**" и Слово же "**стало плотию**", то и жизнь "**стала плотию**", - и мы видели славу его, славу, как единородного от Отца. Следовательно, как скоро они говорят, что здесь "**жизнью**" назван Дух, смотри, какие выходят отсюда нелепости: выходит, что не Сын воплотился, а Дух, и что Дух есть единородный Сын. А если не так, то, избегая этой нелепости, они при своем чтении могут впасть в нелепость еще большую. Если они согласятся, что здесь сказано о Сыне, между тем не поставят наших знаков препинания и не станут читать так, как мы, то должны будут говорить, что Сын произошел сам от себя, - потому что если Слово есть "**жизнь**", а "**что начало быть, в нем была жизнь**", то, вследствие их чтения, Слово произошло от себя и через себя. Далее Евангелист между прочим прибавляет: "**и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца**". Вот, по их чтению, и Дух Святой становится единородным Сыном, потому что все это повествование относится к одному и тому же лицу. Видите ли, как извращается мысль, когда уклоняется от истины, и сколько происходит отсюда нелепостей? Итак, что же? Разве Дух не есть свет, скажешь ты? Конечно, – свет; но здесь сказано не о Нем. Так Бог называется духом, т.е., бестелесным; но ведь не везде же, где говорится о духе, разумеется, Бог. И что удивляешься, если мы это говорим об Отце? Мы и об Утешителе не станем утверждать, что, где только говорится о духе, там непременно, разумеется Утешитель. Хотя это и есть наиболее отличительное Его имя, но не везде, где встречается слово: "**дух**", надобно разуметь Утешителя. Также и Христос называется "**Божия сила**" и "**Божия премудрость**"; но не везде, где говорится о силе и премудрости Божией, разумеется Христос. Так и здесь: хотя

и Дух просвещает, но теперь Евангелист говорит не о Духе. Впрочем, когда мы и доводим их до таких нелепостей, они, снова усиливаясь противостоять истине, и все еще держась своего чтения: " **что начало быть, в нем была жизнь**", объясняют это так, что все сотворенное было – жизнь. Что же? И казнь содомлян, и потоп, и геенна, и тому подобное все это – жизнь? Но мы, говорят они, разумеем создание. Но и то, что нами теперь указано, конечно, относится к созданию. Однако же, чтобы вполне изобличить их, спросим их: скажи мне, дерево – жизнь? Камень – жизнь? Эти бездушные и неподвижные предметы – жизнь? Да и человек - жизнь совершенная? Кто это скажет? Человек – не самобытная жизнь, а только существо, причастное жизни.

2. Но посмотри и здесь, какие опять нелепости. Станем выводить заключения тем же порядком, чтобы дознать все бессмыслие. Таким образом, они приписывают Духу то, что никогда нисколько Ему не приличествует. А начав с этого, они уже людям приписывают то, что, по их мнению, действительно сказано о Духе. Рассмотрим еще это чтение. Тварь тут называется жизнью; следовательно, она есть и свет, и о ней-то свидетельствовать приходил Иоанн. Отчего же и сам он – не свет? Сказано: "**он не был свет**". Но ведь он принадлежал к числу тварей? Почему же он – не свет? Каким образом "**в мире был, и мир чрез Него начал быть**"? Тварь ли была в твари, и тварь произошла через тварь? Как же "**и мир Его не познал**"? Тварь не познала твари? "**А тем, которые приняли Его, дал власть быть чадами Божиими**" (ст.12). Но довольно уже смеха; я предоставляю вам самим проследовать все эти чудовищные мысли, чтобы не подумали, будто я говорил это просто для забавы, и чтобы не тратить по-пустому времени. Если те слова сказаны не о Духе (как и действительно не сказаны и как я уже показал), не сказаны и о твари, а несмотря на то, они все еще держатся своего чтения, то, наконец, отсюда должно выйти еще нелепейшее следствие, - что, как мы уже прежде сказали, Сын произошел сам через Себя. Если "**Свет истинный**" есть Сын, а свет этот есть и "**жизнь**" и жизнь была в Нем самом, то по их чтению такое заключение необходимо. Итак, оставим его и обратимся к надлежащему чтению и изъяснению. Какое же правильное чтение? Словами: "**что начало быть**" надобно закончить предыдущую мысль, а затем начать следующие слова: "**В Нем была жизнь**". Слова эти значат тоже, что и предыдущие: "**без Него ничто не начало быть, что начало быть**". Из всего, говорит, что только существует, ничто не произошло без Него. Видишь ли, как этим кратким прибавлением Евангелист устраняет все могущие предоставиться несообразности? Сказав: "**без Него ничто не начало быть**" и присовокупив: "**что начало быть**", он таким образом обнял все твари, даже и умопостигаемые, и исключил из них Св. Духа. Такое прибавление и нужно было, чтобы на его слова: "**все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть**" кто-либо не сказал: "если все произошло через Него, то через Него же произошел и Дух". Я, говорит он, сказал, что все, что ни сотворено, через Него произошло, невидимое ли то, или бестелесное, или небесное. Поэтому-то не просто я сказал: "**все**", а - "**все, что начало быть**", то есть все сотворенное. Но Дух не сотворен. Видишь ли, как точно учение? Евангелист только упомянул о сотворении видимых тварей, так, как об этом уже прежде учил Моисей; Евангелист, уже наставленных в этом предмете, людей возводит к высшим созданиям, т.е., бестелесным и невидимым, и вовсе исключает из числа их Святого Духа. Подобным образом говорил и Павел, вдохновенный благодатью: "**ибо Им создано все**" (Кол. 1:16). Вот и здесь опять такая же точность, потому что тот же Дух управлял и душою Павла. И вот, чтобы кто не исключил чего-либо сотворенного из создания Божия, - так как есть твари невидимые, - а с другой стороны, чтобы не включил кто в их число Утешителя, Павел, минуя твари чувственные и всем известные, исчисляет создания небесные и говорит: "**престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли**" (Кол.1:16). Частица "**ли**" выражает не другое что, как и те слова: "**все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть**". А если тебе кажется, что выражение: "**чрез Него**" как бы уменьшает Его достоинство, то послушай, что говорит

Павел: "**в начале Ты, Господи, основал землю, и небеса - дело рук Твоих**" (Евр. 1:10). Таким образом, что сказано у пророка (Пс. 101:26) об Отце, как Создателе, то Павел говорит о Сыне, изображая Его не иначе, как Творца, а не так, как бы Он имел значение существа только служебного. А если здесь сказано: "**чрез Него**", то это так выражено для того только, чтобы кто-нибудь не стал почитать Сына нерожденным. Но что в отношении к созданию Ему принадлежит достоинство, нисколько не меньшее Отца, об этом послушай Его самого: "**как Отец**", - говорит Он, - "**воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет**" (Ин. 5:21). Итак, если и в Ветхом Завете сказано о Сыне: "**в начале Ты, Господи, основал землю**", то Его достоинство, как Создателя, очевидно. Если же ты скажешь, что пророк говорил эти слова собственно об Отце, а Павел только приписал Сыну сказанное об Отце, то и таким образом выходит то же самое. Да Павел и не решился бы приписать этого Сыну, если бы не был совершенно уверен в равночестности (Отца и Сына). Было бы крайне дерзновенно принадлежащее естеству, ни с чем несравнимому, относить к естеству меньшему и подчиненному.

3. Но Сын не меньше и не ниже Отца по существу. Поэтому Павел дерзнул сказать о Нем не только вышеуказанные слова, но еще и нечто другое. Выражение: "**из него**", которое ты признаешь исключительно достойным одного Отца, Павел употребляет и о Сыне, говоря так: "**и не держась главы, от которой все тело, составами и связями будучи соединяемо и скрепляемо, растет возрастом Божиим**" (Кол. 2:19). Но не довольствуется он и этим; а и с другой стороны заключают вам уста, прилагая выражение: "**которым**" к Отцу, - выражение, которое по твоим словам означает меньшее достоинство: "**верен Бог**", - говорит он, - "**Которым вы призваны в общение Сына Его**" (1Кор. 1:9). Также: "**волею его**". И еще: "**ибо все из Него, Им и к Нему**" (Рим. 11:36). Но не только о Сыне говорится: "**из того**", но и о Духе. Так ангел сказал Иосифу: "**не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся[2] в Ней есть от Духа Святаго**". Равным образом и выражение: "**о нем**", относящееся к Духу, пророк не отказывается приложить и к Богу (Отцу), говоря так: "**в Боге сотворим силу, и Тот уничижит угнетающих нас**" (Пс. 59:14). И Павел говорил: "**всегда прося в молитвах моих, чтобы воля Божия когда-нибудь благопоспешила мне придти к вам**" (Рим. 1:10); и ко Христу относит тоже выражение: "**О Христе Иисусе**". Таких выражений, безразлично употребляемых, мы можем много и часто находить в Писании; чего не могло бы быть, если бы повсюду не предполагалось одно и тоже существо. Не думай также, что в словах: "**все чрез Него начало быть**" говорится здесь о чудесах: о них повествовали прочие Евангелисты. А Иоанн после этих слов присовокупляет: "**в мире был, и мир чрез Него начал быть**" (ст. 10), - мир, а не Дух, потому что Он не есть творение, а выше всякой твари. Но поспешим далее. Сказав о создании: "**все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть**", Иоанн прилагает к тому и учение о промысле в следующих словах: "**в Нем была жизнь**". А присовокупил эти слова: "**в Нем была жизнь**" – для того, чтобы никто не сомневался, каким образом все через Него произошло. Как в бездонном источнике - сколько ни черпай воды, не уменьшишь источника, так и творческая сила Единородного, сколько бы ни было создано или произведено ею, нисколько от того не уменьшается. Или лучше я употреблю более свойственное этой силе сравнение, именно назову ее светом, как и сам Евангелист, говорит далее: "**и жизнь была свет человеков**". Как свет, хотя бы освещал неисчислимое множество предметов, нисколько оттого не уменьшается в своей светлости, так в Боге, и прежде и после сотворения: сила нисколько не оскудевает, ни мало не умаляется и не ослабевает от многочисленности творения; но, хотя бы надлежало произойти еще тысяче таких миров, хотя бы и бесконечному множеству их, Его сила довлеет на всех, чтобы не только произвести их, но и сохранить после создания. Наименование **жизни**, употребленное здесь, относится не только к созданию, но и к промышлению о сохранении созданного. Кроме того, говоря о жизни, Евангелист полагает основание учению о воскресении и предначинает то дивное

благовестие, что, с пришествием к нам жизни, разрушена держава смерти, что, по озарении нас светом, уже нет тьмы, а всегда пребывает в нас жизнь, и смерть уже не может преодолевать ее. Итак, вполне можно сказать и о Сыне то, что сказано об Отце: "**ибо мы Им живем и движемся и существуем**" (Деян. 17:25). Это и Павел выражает в следующих словах: "**ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое; и Он есть прежде всего, и все Им стоит**" (Кол. 1:16,17). Поэтому Сын называется и корнем и основанием.

Но когда слышишь, что "**в Нем была жизнь**", не представляй Его себе сложным, потому что впоследствии Он говорит и об Отце: "**ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе**" (Ин. 5:26). Ты не скажешь по этому поводу об Отце, что Он сложен; не говори же и о Сыне. В другом месте сказано, что "**Бог есть свет**" (1Ин. 1:5), также – что Он "**обитает в неприступном свете**" (1Тим. 6:16). Но все это говорится не для того, чтобы дать нам понятие о сложности, а чтобы мало-помалу возвести нас на высоту догматов. В самом деле, так как для народа нелегко было понять, каким образом Он имеет жизнь сам в Себе, то он и говорил сначала о том, что не так высоко, а потом, научив их, уже возводит к более возвышенным истинам. Тот, кто сказал, что Ему (Отец) "**дал иметь жизнь**", сам потом говорит: "**Я есмь жизнь**", и еще: "**Бог есть свет**". А какой это свет? Свет не чувственный, а духовный, просвещающий душу. Так как Христос говорил: "**никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец**" (Ин. 6:44), то Евангелист, предваряя эти слова, и сказал, что Он есть тот, который просвещает, чтобы ты, услышав что-либо подобное об Отце, не приписал того только одному Отцу, но и Сыну, - "**все**", - говорит Он, - "**что имеет Отец, есть Мое**" (Ин.16:15). Итак, Евангелист сперва поучает нас о создании, потом говорит и о духовных благах, дарованных нам с пришествием Спасителя, и означает их одним словом: "**жизнь была свет человеков**". Не сказал: "**была свет**" иудеям, но – всем людям, потому что не иудеи только, а и язычники получили познание о Нем, и свет этот прилагается в общение всем. Но почему Евангелист не присоединил сюда и ангелов, а сказал только о людях? Потому что у Евангелиста теперь слово о роде человеческом, и потому, что Спаситель к нему пришел благовествовать благая. "**И свет во тьме светит**" (ст.5). Тьмою здесь называется и смерть и заблуждение. Свет чувственный сияет не во тьме, а когда нет тьмы; но проповедь Евангельская светила среди мрака заблуждения, все облегавшего, и рассеивала его. Свет этот проник и в самую смерть и победил ее, так что уже одержимых смертью избавил от нее. Итак, поелику ни смерть, ни заблуждение не преодолели этого света, но он всюду блистает и светит собственною силою, то Евангелист и говорит: "**и тьма не объяла его**". Да он и неодолим и не любит обитать в душах, не желающих просвещения.

4. Но, если он не всех объемлет, ты не должен этим смущаться. Бог приближается к нам не с принуждением, не против нашей воли, но по нашему желанию и благорасположению. Не заключай дверей для этого света – и получишь много наслаждения. А приходит к нам этот свет посредством веры и, пришедши, в обилии просвещает того, кто приемлет его. И если ты представишь ему чистую жизнь, он постоянно будет обитать в тебе. "**Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое**", - говорит Спаситель, - "**и Мы придем к нему** (Я и Отец мой) **и обитель у него сотворим**" (Ин.14:23). Как никто не может пользоваться светом солнечным, не открывая глаз, так никто не может участвовать в этом просвещении, не отверзая вполне очей души и не изощрив их во всех отношениях. А как это можно сделать? Очищая душу от всякой страсти. Грех есть тьма и тьма глубокая; и это видно из того, что он совершается безрассудно и тайно. "**Всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету**" (Ин. 3:20). "**Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить**" (Еф. 5:12). Как во тьме мы не распознаем ни друга, ни врага и вовсе не узнаем свойства вещей, так – и в грехе. Человек любостяжательный не отличает друга от врага; завистник и на человека самого благорасположенного к нему смотрит, как на врага; наветник

одинаково вооружен против всех, - словом: всяк, делающий грех, ничем не отличается от людей, упивающихся и беснующихся, в том отношении, что не распознает свойства предметов. И как ночью на наши глаза – все равно: дерево ли, или свинец, железо, серебро, или золото, или драгоценный камень, потому что для различения этих предметов недостает света, так человек, ведущий нечистую жизнь, не постигает ни доблести целомудрия, ни красоты любомудрия. Ведь во тьме, как я сказал, и драгоценные камни не обнаруживают своей красоты, не сами по себе, но по незнанию тех, кто смотрит. Но не эта одна беда постигает нас, когда мы живем в грехах; мы живем тогда еще и в постоянном страхе. Как находящиеся в пути в безлунную ночь чувствуют страх, хотя бы и ничего страшного не было, так и грешники не могут иметь дерзновения, хотя бы и никто не обличал их; но, чувствуя угрызения совести, они всего боятся, все подозревают, все на них наводит страх и ужас, на все озираются с боязнью, всего трепещут. Будем же убегать такой мучительной жизни. А за такою мукою еще последует смерть, смерть бессмертная; тогда не будет и конца наказанию. Здесь же ничем не отличаются от умышленных те, которые, как бы во сне, представляют себе вещи небывалые. Так воображают себя богатыми, не будучи богатыми; думают роскошествовать, не имея никакого удовольствия; и не прежде они узнают, как должно, такое заблуждение, пока не освободятся от умопомешательства, или пока не отрясут с себя сна. Поэтому-то Павел заповедует всем трезвиться и бодрствовать; тоже повелевает и Христос. Кто трезвится и бодрствует, тот, хотя бы увлекся грехом, немедленно отражает его; а кто спит или безумствует, тот и не чувствует, какую власть имеет над ним грех. Не будем же спать. Теперь не ночь, а день; потому "**как днем, будем вести себя благочинно**" (Рим. 13:13). Ничего нет постыднее греха. В этом отношении не так худо в наготе ходить, как во грехах и преступлениях. Нагота еще не такое преступление, - нередко она происходит и от нищеты; но ничего нет постыднее и презреннее греха. Представим себе тех, которых ведут в судилище за кражу и подлог: какой срам и смех покрывает их, как людей бесстыдных, лживых и наглых! Нам неприятно и тяжко терпеть, чтобы верхняя одежда была надета на нас небрежно или навыворот; даже когда и на других увидим это, то исправляем; а когда все мы и ближние наши ходим на головах, то не замечаем этого. Скажи мне, что может быть постыднее, когда мужчина входит к распутной женщине? Кто заслуживает более осмеяния, чем человек сварливый, склонный к злословию и завистливый? Отчего же все это кажется не так стыдно, как ходить в наготе? Только от привычки. Этого никто никогда не дозволял себе по доброй воле; а на грехи осмеливаются всегда все, без всякого страха. Конечно, если бы кто вошел в сонм ангелов, в котором никогда ничего такого не бывало, то увидел бы, как это достойно посмеяния. Но что я говорю о сонме ангелов? Если бы кто в царских чертогах, введши блудницу, воспользовался ею, или упился вином, или дозволил себе другой какой-либо бесчестный поступок, такой подвергся бы самому строгому наказанию. Если же в царских чертогах не терпимы подобные дерзости, тем более мы должны подвергнуться крайнему наказанию, если осмеливаемся на такие дела в присутствии Царя вездесущего и всевидящего. Поэтому, умоляю, покажем в образе жизни нашей скромность и чистоту. Мы имеем Царя, Который непрестанно зрит все дела наши. А чтобы нас озарял всегда в обилии высший свет, будем привлекать к себе его луч. Тогда мы будем наслаждаться и настоящими и будущими благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу и Святому Духу слава во веки веков. Аминь.

---

[1]) В подлинном у св. Златоуста: второе небо.

[2] Точнее: "то, что в ней родилось".

БЕСЕДА 6

"Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн" (Ин. 1:6).

Евангелист, вначале сказав нам о Боге Слове то, что было особенно нужно, далее последовательно и по порядку переходит к соименному с ним проповеднику Слова, Иоанну. А ты, слыша, что он послан был от Бога, не принимай его слов за человеческие. Все он вещал не от себя, но от Пославшего его. Поэтому называется он и ангелом (вестником), так как дело вестника – ничего не говорить от себя. Слово: "**был**" означает здесь не происхождение его, а именно его послание, - "**был посланный от Бога**", то есть, его Бог послал. Как же говорят, что слова: "**будучи образом Божиим**" (Флп. 2:6), не выражают равенства Сына с Отцом, потому что (к слову: **Бог**) не приложен член? Вот и здесь[1] совсем нет члена. Между тем, разве здесь речь не об Отце? А что сказать о словах пророка: "**вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною**" (Мал.3:1)? Слова: "**Я посылаю**" и "**он приготовит**" указывают на два лица. "**Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете**" (Ин. 1:7). Что же, скажет кто-нибудь, раб свидетельствует о Господе? Но не будешь ли ты еще более изумляться и недоумевать, когда увидишь, что Господь не только получает свидетельство от раба, но и приходит к нему и вместе с иудеями принимает крещение от него? Однако же, не смущаться и не колебаться мыслью, а изумляться должно Его неизглаголанной благости. Если же кто остается в недоумении и смущении, то Господь и ему скажет то же, что сказал Иоанну: "**оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду**" (Мф. 3:15). А кто и после этого стал бы смущаться, тому Он скажет то же, что сказал иудеям: "**не от человека принимаю свидетельство**" (Ин. 5:34). Но если Он не имеет нужды в таком свидетельстве, для чего же послан был от Бога Иоанн? Не для того, что он имел нужду в его свидетельстве (говорить это было бы крайним богохульством). А для чего? Это изъясняет нам Евангелист, когда говорит: "**дабы все уверовали чрез него**" (Ин. 1:7). А если сам Христос говорит: "**не от человека принимаю свидетельство**", то да не подумают несмысленные, что Он сам Себе противоречит, говоря здесь так, а в другом месте – так: "**есть другой, свидетельствующий о Мне; и Я знаю, что истинно то свидетельство, которым он свидетельствует о Мне**" (Ин. 5:32). В последнем случае он разумел Иоанна, а сказав: "**не от человека принимаю свидетельство**", он тотчас присовокупляет и объяснение своим словам, именно: "**говорю это для того, чтобы вы спаслись**" (5:34). Как бы так он говорил: «Я Бог и истинный Сын Божий, единого (с Отцом) бессмертного и блаженного существа, и потому не имею нужды ни в каком свидетеле. Хотя бы и никто не хотел свидетельствовать о Мне, Я оттого в своем естестве нисколько не унижаюсь. А так как спасение людей есть предмет Моего попечения, то Я снизошел до такого самоуничижения, что и человеку предоставляю свидетельствовать о Мне» А от этого, по немощи иудеев, тем легче и доступнее для них могла быть вера в Него. Потому Он, как облекся плотью, чтобы, явившись людям в Своем божестве без покрова, не погубить всех их, так и проповедником о Себе послал человека, чтобы слушатели того времени, слыша сродный себе голос, тем легче последовали Ему. А что Сын Божий не имел никакой нужды в свидетельстве Иоанна, для доказательства довольно было бы Ему только явить Себя таким, какой Он есть по Своему существу, и поразить всех ужасом. Но Он этого не сделал, потому что, как я уже сказал, Он всех таким образом уничтожил бы, так как никто не был бы в состоянии вынести приражения этого неприступного света. Поэтому-то, говорю, Он и плотью облекается и свидетельство о Себе поручает одному из сорабов наших, все устрояя ко спасению людей и имея ввиду не Свое только достоинство, но и благоприемлемость и пользу Своих слушателей. Это Он выразил и сам, когда сказал: "**говорю это для того, чтобы вы спаслись**". И Евангелист,

повторяя изречение Господа, после слов: "**чтобы свидетельствовать о Свете**", присовокупляет: "**дабы все уверовали чрез него**". Как бы так он говорил: не думай, что Иоанн Креститель пришел свидетельствовать для того, чтобы придать достоверность учению Господа; нет; а для того, чтобы единоплеменники его уверовали через него. Что Евангелист именно спешил предотвратить такую мысль, это видно из последующих слов, которые он присовокупляет: "**он не был свет**" (ст.8). А если бы он прибавил это не для устранения такой мысли, тогда это было бы только излишним распространением слов и скорее было бы тождесловие, чем изъяснение учения. В самом деле, сказав, что Иоанн послан был, "**чтобы свидетельствовать о Свете**", для чего еще он говорит: "**он не был свет**"? Не без цели и не напрасно. У нас обыкновенно свидетельствующий бывает больше того, о ком свидетельствует, и нередко признается более достойным доверия. Поэтому-то, чтобы кто не подумал того же и об Иоанне, Евангелист тотчас, с самого же начала, уничтожает эту мысль и, исторгая ее с корнем, показывает, кто этот свидетельствующий, и кто Тот, о Ком он свидетельствует, и какое различие находится между тем и другим. Сделав это и показав несравнимое превосходство последнего перед первым, Евангелист уже без опасения переходит к последующему сказанию; и если что нелепого было в мыслях людей неразумных, все то, тщательно устранив, он уже без всякого затруднения и беспрепятственно приступает к продолжению слова. Итак, будем молиться, чтобы при откровении таких высоких истин, при учении правом, и жизнь наша была чиста и поведение безукоризненно, так как не приносит нам пользы учение, когда у нас нет добрых дел. Если бы мы имели и всецелую веру, и разумение Писаний, но если мы не будем иметь доброго направления в жизни, то ничто не спасет нас от геенского огня и пламени неугасимого в вечности. Как люди, делающие добрые дела, воскреснут в жизнь вечную, так люди, дерзающие на дела злые, воскреснут для наказания вечного и бесконечного. Поэтому все попечение приложим к тому, чтобы в худых делах не погубить плодов правой веры, но по доброй жизни с дерзновением созерцать Христа, - а выше этого блаженства ничего не может быть, - чего и да сможем достигнуть, делая все во славу Бога, Которому слава, со Единородным Сыном и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

---

[1]) В словах: **был человек, посланный от Бога.**

БЕСЕДА 7

"Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир" (Ин. 1:9).

1. Мы питаем вас, чада возлюбленные, учением Писаний только по частям, и не все вдруг излагаем, для того, чтобы вы легче могли сохранить предлагаемое вам. Кто, при построении дома, прежде чем скреплены первые камни, кладет на них другие, тот возводит стену некрепкую и удоборазрушимую. А кто выжидает, пока одни камни скрепятся известью, и потом уже мало-помалу прибавляет к ним другие, тот строит здание прочное, немаловременное, неразрушимое, крепкое. Таким строителям будем подражать и мы, и подобным образом станем созидать ваши души. Я опасаюсь, чтобы, пока первые основания еще не утверждены, приложение дальнейшего учения не повредило и начаткам, так как разум еще не довольно силен, чтобы удержать все. Что же сегодня прочитано нам? "**Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир**". Евангелист, говоря выше об Иоанне, заметил, что он пришел, "**чтобы свидетельствовать о Свете**", и что именно в то время он для этого был послан. А чтобы, слыша это, кто-

нибудь, по поводу недавнего явления свидетеля, не возымел подобного подозрения и касательно самого свидетельствуемого лица, Евангелист возводит мысль выше и устремляет ее к бытию безначальному, никогда нескончаемому и непрестающему. Но как может, скажешь ты, иметь такое бытие Тот, Кто есть **Сын**? Мы говорим о Боге, а ты спрашиваешь, как это возможно? И ты не страшишься и не ужасаешься? Если бы кто спросил тебя, каким образом наши души, а потом и тела будут жить вечно, ты, конечно, посмеялся бы над таким вопросом, потому что не уму человеческому изведывать такие предметы, а его долг только верить, да и испытывать то, что сказано, так как достаточным доказательством сказанного служит для него могущество Того, Кто изрек это. И ты спрашиваешь у нас, как это возможно, когда мы говорим, что безначален Тот, Кто создал души и тела, и бесконечно превосходит всякое создание? Кто в полном рассудке и в здравом уме станет говорить это? Ты слышал, что "**был Свет истинный**". Зачем же понапрасну усиливаешься обнять своим умом эту жизнь бесконечную? Это невозможно. Для чего исследуешь неисследимое? Для чего испытываешь непостижимое? Для чего изведываешь недоведомое? Рассмотри сам источник солнечных лучей. Ты не можешь этого сделать, однако же, ты в этом случае не досадуешь и не скорбишь о своем бессилии. Отчего же ты так смел и опрометчив в предметах гораздо важнейших? Сын громов, Иоанн, возглашающий через духовную трубу, услышав от Духа, что "**был свет**", ничего больше и не испытывал. А ты, не имея его благодати, рассуждая только по своим слабым умозаключениям, - ты усиливаешься переступить даже за черту его ведения? За это ты не сможешь достигнуть и меры его ведения. Таково-то коварство дьявола: доверившихся ему он выводит за пределы, положенные для нас Богом, как будто бы мы могли иметь гораздо более (знания). А, обольстив нас такими надеждами и лишив благодати Божией, он не только ничего более не сообщает нам (да и как он, дьявол, может это?), но и не допускает возвратиться в прежние пределы, в которых мы были безопасны, а всюду заставляет нас блуждать и нигде не дает остановиться. Таким образом он и первозданного человека довел до изгнания из рая. Наделив его надеждою большего ведения и почести, дьявол лишил его и того, чем он прежде спокойно пользовался. Человек не только не соделался равным Богу, как обещал ему дьявол, но и подпал под иго смерти; не только через вкушение от древа не получил ничего более, но в надежде большого ведения утратил немало и прежнего знания. Он стал стыдиться свой наготы и скрывать ее, тогда как до обольщения он был выше подобного стыда. Даже то, что он стал видеть свою наготу и почувствовал нужду в прикрытии себя одеждою, - эти и другие еще большие скорби были следствиями обольщения. Чтобы не потерпеть и нам того же, будем повиноваться Богу и пребывать в Его заповедях, ничего более не испытывая; иначе мы лишимся уже и дарованных нам благ, как наказаны и эти (еретики). Они, как скоро стали изыскивать начало жизни безначальной, лишились и того, что могли иметь. Не нашли они и того, чего искали; да это и невозможно. А между тем от правой веры в Единородного они отпали. Но мы не будем преступать пределов вечных, которые положили отцы наши, а во всем будем следовать законам Духа и, слыша, что "**был Свет истинный**", ничего больше не будем исследовать; да и невозможно никому простираться далее этого изречения. Если бы Бог рождал подобно человеку, то необходимо было бы какое-либо разделение между рождающим и рождаемым. Но как это рождение неизреченное и только Богу свойственное, то оставь обыкновенные понятия: **прежде** и **после**. Это – выражение времени, а Сын есть творец и всех веков.

2. Следовательно, говорят иные, Бог не отец (Сыну), а брат. Но, скажи мне, какая нужда (в подобном заключении)? Если бы мы говорили, что Отец и Сын имеют бытие, разделенное в своем начале, то, может быть, ты имел бы право говорить так. Но мы избегаем такого нечестия и говорим, что Отец и безначален, и нерожден, а Сын безначален, но рожден от Отца. Какая же надобность из такого учения выводить такое нечестивое заключение? Никакой нет надобности. Сын есть отблеск. А отблеск представляется нераздельно с тем

естеством, которого есть отблеск. Поэтому-то и Павел так назвал (Сына) (Евр. 1:3), чтобы мы не предполагали никакого разделения между Отцом и Сыном. Вот что выражается этим наименованием. Таким подобием апостол исправляет нелепые мысли, приходящие в голову людям бессмысленным. Слыша об отблеске, говорит апостол, не думай, что Сын не имеет собственной ипостаси. Мысль такая нечестива и свойственна безумию савеллиан и маркеллиан. Мы учим не так; а говорим, что Он имеет Свою собственную ипостась. Поэтому, назвав Его отблеском, апостол присовокупляет, что Он есть и "**образ ипостаси Его**" (Отца) (Евр.1:3), чтобы тем выразить и собственную Его ипостась и единосущие с Тем, Которого есть образ. Нет, как я уже говорил, одного какого-либо достаточного выражения, чтобы передать людям все это учение о Боге. Желательно, по крайней мере, совокупив несколько выражений, из каждого извлечь то, что приличествует. Таким образом мы можем воздать достойное славословие Богу, - достойное, говорю, - то есть, по нашим силам. А если бы кто думал, что может говорить достойно о самом существе божеском, и усиливался доказать, что знает Бога, как Бог знает самого себя, тот-то именно и не имел бы никакого познания о Боге. Зная это, будем твердо держаться того, что предали нам "**бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова**" (Лк.1.2), и больше ничего не будем испытывать. Две опасности угрожают страждущим этою болезнью: одна та, что они напрасно трудятся, отыскивая то, чего нельзя найти; другая – что прогневляют Бога, усиливаясь преступить пределы, Им положенные. А какой это возбуждает гнев в Боге, нет нужды говорить вам, потому что вам всем это известно. Итак, удаляясь от сумасбродства еретиков, будем с трепетом внимать Его словам, чтобы Он всегда охранял нас. "**На кого Я призрю**", - говорит Он, - "**на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим**" (Ис. 66:2)? Итак, оставив это гибельное любопытство, станем лучше сокрушаться сердцем, будем оплакивать грехи свои, как заповедал нам Христос. Станем скорбеть о своих преступлениях, возобновим тщательно в памяти все, на что мы отваживались в прошедшее время, и все то постараемся совершенно загладить. К этому Бог открыл нам много путей. "**Говори ты, чтоб оправдаться**" (Ис. 43:26). И в другом месте: "**я сказал: "исповедаю Господу преступления мои", и Ты снял с меня вину греха моего**" (Пс.31:5). Так, частое воспоминание грехов и обвинение себя в них немало способствует к уменьшению великости их. Есть и другой путь, еще более верный, когда мы не помним зла ни на ком, кто согрешил против нас, когда прощаем всякому сделанные против нас проступки. Хочешь ли знать еще третий путь? Послушай, что говорит Даниил: "**искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным**" (Дан. 4:24). Есть и еще, кроме этого, путь – частое упражнение в молитвах, постоянное прилежание в молениях к Богу. Приносит нам немало утешения и оставления грехов также и пост, когда соединяется с любовью к ближним; он угашает и силу гнева Божия. "**Вода угасит пламень огня, и милостыня очистит грехи**" (Сир. 3:30). Итак, будем ходить по всем этим путям. Если будем всегда держаться их и на них обращать свое внимание, то не только очистим прошедшие преступления, но и на будущее время весьма много приобретем для себя пользы, - не дадим дьяволу возможности нападать на нас, да и сами не впадем в беспечность житейскую, в это гибельное любопытство. Дьявол, между прочим, и до этого доводит, и потом до этих безрассудных изысканий и вредных словопрений, как скоро замечает, что люди предаются праздности и недеятельности, вовсе не заботясь о добродетельной жизни. Но мы заградим ему этот проход, будем бодрствовать, трезвиться, чтобы, после краткого времени небольших трудов, достигнуть в бесконечные веки бессмертных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 8

"Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир" (Иоан. 1:9).

1. Ничто не препятствует нам и сегодня снова коснуться этих слов, потому что в прошлый раз изложение догматов не дозволило нам проследить вполне все прочитанное. Где же те, которые говорят, что Сын не есть истинный Бог? Здесь Он называется "**Свет истинный**", а в другом месте самой "**истиной**" и самой "**жизнью**". Впрочем, эти последние слова мы яснее исследуем, когда дойдем до них; а теперь надобно вашей любви сказать о свете. Если он "**просвещает всякого человека, приходящего в мир**", то отчего столько людей остаются не просвещенными? Оттого, конечно, что не все познали веру Христову. Как же он "**просвещает всякого человека**"? Смотря по приемлемости каждого. Если некоторые, по своей воле смежив очи ума, не хотят принять лучей этого света, то омрачение их происходит не от естества самого света, а от злобы этих людей, добровольно лишающих себя дара. Благодать изливается на всех; она не чужда ни иудея, ни эллина, ни варвара, ни скифа, ни свободного, ни раба, ни мужа, ни жены, ни старца, ни юноши; ко всем одинаково близка и всех равночестно призывает. Но те, которые не хотят воспользоваться этим даром, те по справедливости самим себе должны приписывать такое ослепление. Если тогда, как вход открыт для всех, и никто не преграждает его, некоторые по произвольному ожесточению остаются вне, то они гибнут не от чего-либо другого, а от собственной порочности. "**В мире был**" (ст.10), - но не как современный миру; нет. Поэтому (евангелист) и присовокупляет: "**и мир чрез Него начал быть**" (ст.10). Через это он опять возводит тебя к предвечному бытию Единородного. Кто слышит, что все есть создание Его, то хотя бы был вовсе бесчувствен, хотя бы был враг и противник славы Божьей, во всяком случае, волей или неволей принужден будет признать, что творец существует прежде творений. Потому-то я всегда и дивлюсь безумию Павла Самосатского, - как он дерзал противоречить столь очевидной истине и сам себя добровольно низринул в бездну. Он заблуждался не по неведению, а, очень хорошо понимая дело, подвергся одной участи с иудеями. Как иудеи, имея ввиду суд людей, оставили здравую веру и, хотя знали, что Иисус есть Единородный Сын Божий, но, ради своих начальников, не исповедовали, чтобы не быть изгнанными из синагоги, так и Павел Самосатский, как говорят, из угождения какой-то женщине, отрекся от своего спасения. Подлинно, страшно, страшно преобладание тщеславия; оно может ослепить очи и мудрых людей, если они не станут бодрствовать. Если это может сделать мздоимство, тем больше страсть тщеславия, гораздо сильнейшая. Поэтому-то и говорил Христос иудеям: "**как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете**" (Иоан. 5:44)? "**И мир Его не познал**". Евангелист называет здесь миром множество людей растленных, преданных земным делам, толпу, мятежный и бессмысленный народ. Но друзья Божьи и все дивные мужи познавали Христа еще прежде Его явления во плоти. Именно о праотце сам Христос сказал: "**Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался**" (Иоан. 8:56). И о Давиде в обличение иудеев Он говорил: "**как же Давид, по вдохновению, называет Его Господом, когда говорит: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**" (Матф. 22:43,44). Много раз, препираясь с ними, Он упоминает и о Моисее; а о прочих пророках – апостол. А что все пророки, начиная от Самуила, познавали Христа и задолго предвозвещали пришествие Его, об этом говорит апостол Петр: "**и все пророки, от Самуила и после него, сколько их ни говорили, также предвозвестили дни сии**" (Деян. 3:24). Иакову и отцу его, как и деду его, являлся сам Бог, беседовал с ними, обещая даровать им многие и великие блага, что и исполнил, на самом деле. Как же, скажешь ты, Он сам говорил: "**многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали**" (Лук. 10:24)? Как же они знали Его? Конечно, знали; и я попытаюсь доказать это из тех же самых слов, из которых некоторые заключают, будто бы пророки не имели

познания об Иисусе Христе. Он говорит: "**многие желали видеть, что вы видите**"; значит, они знали, что Он придет к людям и совершит дела, которые и действительно совершил. А если бы не знали этого, то и не восхотели бы видеть, потому что никто не может желать того, чего совсем не знает. Следовательно, они знали Сына Божьего, знали и то, что Он придет к людям. Но что же это такое, чего они не видели и не слышали? То, что ныне вы видите и слышите. Пророки, хотя слышали голос Его и самого Его видели, однако же – не во плоти, не в том виде, в каком Он обращался с людьми и открыто беседовал с ними. На это и сам Он ясно указывает, - говорит не просто: они желали "**Меня видеть**", а как? Желали "**видеть, что вы видите**"; не сказал также: желали **Меня слышать**, но: "**что вы слышите**". Таким образом, хотя они и не видели Его явления во плоти, однако знали, что оно будет, и его желали. Они веровали во Христа, хотя и не видели Его во плоти. Если же язычники, думая укорить нас, спросят: что же делал Христос прежде, когда еще не промышлял о роде человеческом? Почему Он, оставив нас на столь долгое время без попечения, уже в последнее время пришел устроить наше спасение? – мы скажем, что Он еще и прежде того времени был в мире, предустраивал дела и ведом был всем достойным. А если вы скажете, что Он был неведом, потому что не все тогда знали Его, а только люди избранные и добродетельные, то на таком основании вы, пожалуй, допустите, что Он и в настоящее время не имеет поклонения от людей, потому что и ныне еще не все знают Его. Но как в настоящее время никто не может отрицать, что есть люди знающие Его, - потому только, что есть люди не знающие Его, - так нельзя сомневаться в том и по отношению к прежним временам, потому что многие, или лучше сказать, все избранные и дивные мужи знали Его.

2. Но если бы кто спросил: почему тогда не все веровали в Него и не все почитали Его, а только одни праведные? – то спрошу и я: отчего и в настоящее время не все знают Его? Да что говорить о Христе? Отчего, как прежде, так и ныне не все знают и Отца Его? Некоторые говорят, что все (в мире) носится самодвижно; другие попечение обо всем приписывают демонам; а есть и такие, которые, кроме истинного Бога, измыслили для себя какого-то другого; из них иные богохульствуют, утверждая, будто есть какая-то противная Богу сила, и еще думают, что законы Божьи принадлежат какому-то злому духу. Что же? Неужели потому, что некоторые отвергают Бога, и мы будем говорить тоже, или согласимся, что Он зол, так как некоторые высказывают и это богохульство? Прочь это безрассудство и это крайнее безумие! Если бы мы стали поверять догматы судом этих безумных людей, то и нас самих ничто не удержало бы от крайнего безумия. Конечно, никто не скажет, что солнце вредно для глаз, потому что есть больные глазами; напротив, оно светоносно по суду людей здоровых. Никто также не скажет, что мед горек, потому что он кажется таким на вкус больных. Итак, не по примеру ли больных некоторые утверждают, что или нет Бога, или что Он зол, что иногда Он промышляет, а иногда вовсе не делает этого? И кто скажет, что они люди здоровые? Напротив, - это люди не исступленные ли, безумные и крайне помешанные? "**Мир Его не познал**", сказано; однако же, те, которых недостоин был мир, познали Его. Сказав же о не познавших Его, евангелист вкратце излагает и причину этого неведения; говорит не просто: никто не познал Его, но: "**мир Его не познал**", т.е. люди, преданные одному миру и только о мирском помышляющие. Так обыкновенно называл их и Христос, как например, когда говорил: "**Отче праведный! и мир Тебя не познал**" (Иоан. 17:25). Но мир, как мы сказали, не познал не только Сына, но и Отца, потому что ничто не приводит в такое расстройство рассудок, как привязанность к предметам временным. Зная это, удаляйтесь, сколько возможно, от мира и воздерживайтесь от дел плотских; от них происходит потеря не в случайных, а в самых высших благах. Человек, слишком занятый делами настоящей жизни, не может надлежащим образом усвоить предметов небесных; но по необходимости, заботясь о тех, лишается этих. "**Не можете**", сказано, "**служить Богу и маммоне**" (Лк. 16:13). Последуя одному, по необходимости надобно оставить другого. И

об этом гласит самый опыт. Те, которые смеются над страстью к богатству, те-то наиболее и любят Бога, как должно. Напротив те, которые высоко ценят богатство, как первое благо, слабейшую имеют любовь к Богу. Душа, будучи однажды пленена любостяжанием, уже не может легко и удобно удерживаться, чтобы не сделать, или не сказать чего-либо такого, что прогневляет Бога, так как она делается уже рабой другого господина, и притом такого, который повелевает ей все противное Богу.

Итак, воспряньте и пробудитесь и, размыслив о том, какого господина мы рабы, возлюбим только Его власть; возрыдаем и оплачем прежнее время, в которое мы работали мамоне; свергнем однажды и навсегда ее тяжкое, несносное иго и будем постоянно носить иго Христово, легкое и отрадное; Христос же не повелевает ничего такого, что внушает мамона. Она повелевает быть врагами всем; а Христос – напротив: миловать и любить. Она, привязав нас к праху и пыли (таково – золото), не дает нисколько, даже ночью, вздохнуть свободно; а Христос освобождает нас от этой излишней и неразумной заботы, повелевает собрать сокровища на небесах, не неправдой в отношении к другим, а собственной правдой. Мамона, после стольких трудов и скорбей, не может даже остаться с нами, когда мы "**там**" будем терпеть наказания и злострадать за исполнение ее внушений; она даже увеличит для нас пламя; а Христос, даже когда повелевает дать ближнему чашу холодной воды, не попустит нас и за то лишиться награды и возмездия, но воздаст с великой щедростью. Итак, не крайне ли безрассудно – пренебрегать столь кроткое и столь великими благами изобилующее владычество, и работать властителю неблагодарному и непризнательному, который ни здесь, ни там не может никакой пользы принести последующим и повинующимся ему? Но не то одно худо, и не то одно вредно, что он не может избавить преданных казни; а и то еще, что он, как я сказал, подвергает бесчисленному множеству зол людей, покоряющихся ему. Весьма многие из тех, которые будут наказаны, будут терпеть наказание именно за то, что служили деньгам, любили золото и не помогали нуждающимся. Чтобы не терпеть и нам того же, будем расточать (свои сокровища), отдавая их бедным; освобождать свою душу и от здешних зловредных попечений и от будущих, за то уготованных, мучений. Приготовим себе оправдание на небесах; вместо стяжаний земных, соберем сокровища неистощимые, сокровища, которые могут сопутствовать нам на небо, могут защитить нас в опасности и умилостивить тогда Судью. Да будет же ко всем нам Его благоволение и ныне и в тот день, и да насладимся с великим дерзновением благ, какие уготованы на небесах любящим Его, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 9

"Пришел к своим, и свои Его не приняли" (Иоан. 1:11).

1. Если вы помните прежние наши размышления, то мы с большей охотой будем продолжать назидание, получая отсюда и для себя много пользы. Как скоро вы запомнили прочитанное, то и для вас вразумительнее будет слово наше, и от нас не много потребуется труда, - потому что вы, при своей любознательности, можете уже глубже вникать в дальнейшее учение. Кто всегда теряет (из памяти) то, что ему преподано, тот всегда будет нуждаться в учителе и никогда не узнает ничего. А кто все принятое хранит и к тому прилагает дальнейшие (наставления), тот скоро из ученика может сделаться учителем и будет полезен не для себя только, но и для других. Я надеюсь, что именно таково будет предстоящее собрание, и заключаю это из такой великой его ревности к слушанию. Потому в душах ваших, как в надежном хранилище, мы положим серебро Господа и, сколько поможет благодать Духа, изъясним предложенное нам сегодня чтение. Евангелист, говоря о прежних временах, сказал: "**мир Его не познал**"; далее, обращая

речь ко времени самой проповеди, он говорит: "**пришел к своим, и свои Его не приняли**". "**Своими"** он здесь называет иудеев, как народ особый, или всех людей, как происшедших от этого народа. И как выше, болезнуя о неразумии многих людей и пристыжая общий дух (времени), он говорил, что не познал Создателя мир, через Него происшедший, так и здесь, негодуя на неблагодарность иудеев и многих других, он произносит еще более тяжкое осуждение, говоря: "**свои Его не приняли**", тогда как Он к ним-то и приходил. Но не один евангелист, а и пророки с удивлением говорили тоже самое, наконец, и Павел, изумленный тем же. Так взывали пророки, говоря от лица Иисуса Христа: "**народ, которого я не знал, служит мне; по одному слуху о мне повинуются мне; иноплеменники ласкательствуют предо мною; иноплеменники бледнеют и трепещут в укреплениях своих**" (Пс.17:44-46). И в другом месте: "**так многие народы приведет Он в изумление; ибо они увидят то, о чем не было говорено им, и узнают то, чего не слыхали**" (Ис. 52:15). Также: "**Я открылся не вопрошавшим обо Мне; Меня нашли не искавшие Меня**" (65:1). А Павел в послании к Римлянам говорил: "**Что же? Израиль, чего искал, того не получил; избранные же получили**" (Рим. 11:7). И в другом месте: "**Что же скажем? Язычники, не искавшие праведности, получили праведность. А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности**" (Рим. 9:30,31). Поистине, достойно удивления то, как иудеи, воспитанные на книгах пророческих, каждый день слушавшие Моисея, который весьма многое говорит о пришествии Христовом, равно и других, после него бывших пророков, наконец, видевшие и самого Христа, Который каждый день творил для них чудеса, с ними только и беседовал, и как ученикам еще не дозволял "**на путь к язычникам не ходите**", или входить в какой-либо город самарянский, так и сам этого не делал и часто говорил, что Он послан к овцам погибшим дома Израилева, - как, говорю, иудеи, получив столько знамений, слыша каждый день пророков и самого Христа с Его постоянными внушениями, до того ослепили и оглушили сами себя, что уже ничто не могло привести их к вере во Христа.

Между тем язычники, не имея у себя ничего такого, никогда не слышав божественных вещаний, даже, так сказать, и во сне всегда занимались только бреднями людей умопомешанных (такова языческая философия), перечитывали пустословия поэтов, привязаны были к деревам и камням и не знали ничего здравого и полезного ни в верованиях, ни в правилах жизни; а жизнь их была еще более нечиста и преступна, чем учение. Да и могло ли быть иначе, когда они видели, что их боги находят удовольствие во всяком пороке, что они чествуются срамными словами и еще более срамными делами и это принимают, как празднество и почесть; кроме того, чествуются и гнусными убийствами и умерщвлением детей, - и в этом люди подражали богам же. Но, несмотря на то, что они ниспали до такой глубины зла, вдруг, как бы какой машиной, поднялись на высоту и явились нам, блистая с самого верха небес. Как же это и отчего произошло? Послушай, что говорит об этом Павел. Блаженный апостол, тщательно исследуя эти обстоятельства, не оставил их до тех пор, пока не нашел причины и не изъяснил ее всем. Какая же это причина? И отчего была у иудеев такая слепота? Послушай, что говорит об этом он сам, тот, которому вверено было это домостроительство. Что же он говорит в разрешение такого недоразумения многих? "**Не разумея**", говорит он, "**праведности Божией и, усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божией**" (Рим. 10:3). Вот за что они подверглись такому несчастью. И в другом месте, тоже самое излагая иначе, апостол говорит: "**что же скажем? Язычники, не искавшие праведности, получили праведность, праведность от веры. А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности. Почему? потому что [искали] не в вере, а в делах закона. Ибо преткнулись о камень преткновения**" (Рим. 9:30-32). Это значит, что неверие иудеев было для них причиной зла, а неверие происходило от надменности. Сначала они имели больше, нежели язычники, именно:

получили закон, имели познание о Боге и прочее, о чем говорит Павел. Но по пришествии Христа, как скоро увидели, что как они, так и язычники по вере равночестно призываются к спасению и что в деле веры обрезанный не имеет никакого преимущества перед обращенным из язычников, - тогда от гордости они перешли к зависти и не стерпели великого и неизреченного человеколюбия Господа. А это произошло в них не от чего-либо другого, как от высокомерия, злости и человеконенавистничества.

2. Какой же вред вам, бессмысленнейшие из людей, принесло это попечение (Господа), оказанное другим? Разве уменьшились ваши блага оттого, что другие получили участие в них? Но поистине злость слепа и ничего справедливого не может скоро понять. Терзаясь мыслью, что и другие будут иметь участие в тех же правах, они обратили меч на самих себя и лишили сами себя человеколюбия Божьего. Но так требовала справедливость. Сказано: "**друг! я не обижаю тебя, я же хочу дать этому последнему [то же], что и тебе**" (Мф. 20:13,14). Но они не стоят и этих слов. Наемник (упоминаемый в евангелии), хотя и досадовал, по крайней мере, мог указать на свои труды в продолжение целого дня, на тяготу, зной и пот; они же что могли бы сказать? Ничего такого; в них была только беспечность, невоздержанность и множество пороков, в которых постоянно обличали их все пророки и которыми они, так же как и язычники, оскорбляли Бога. На это указывая, Павел и говорил: "**здесь нет различия**" между Иудеем и Еллином. "**Все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его**" (Рим. 3:23,24). Но этот предмет с пользой и весьма мудро излагает апостол в целой главе послания. А перед тем он еще показывает, что иудеи даже большего достойны наказания: "**те, которые под законом согрешили**", говорит он, "**по закону осудятся**" (Рим. 2:12), т.е. суд более строгий, так как, кроме природы, они имеют обвинителем и закон. Да и не поэтому только, а и потому, что они были причиной хуления Бога между язычниками. "**Ради вас**", сказано, "**имя Божие хулится у язычников**" (Ис. 52:5; Рим.2:22). Это особенно раздражало их, так что и уверовавшим от обрезания казалось странным это обстоятельство; потому-то они и обвиняли Петра, когда он возвратился к ним из Кесарии, за то, что он входил в общение с людьми необрезанными и ел вместе с ними; да и после того, как поняли предопределение Божье, они еще дивились как дары Духа Святого излились и на язычников, этим изумлением выражая то, что они никогда не ожидали такой странности. Итак, зная, что это особенно уязвляло их, апостол все направляет к тому, чтобы уничтожить их гордость и подавить их слишком надменное высокомерие. И смотри, как это он делает: после рассуждения о язычниках, показав, что они не имеют никакого ни в чем оправдания, ни надежды на спасение, тщательно обличив также и превратное их учение и нечистоту их жизни, он переносит свое слово на иудеев. Повторив все, сказанное о них пророком, - что они и преступны, и коварны, и лукавы, и что все вообще непотребны, и ни один из них не взыскует Бога, но все уклонились, и тому подобное, - апостол присовокупляет: "**мы знаем, что закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом, так что заграждаются всякие уста, и весь мир становится виновен пред Богом. Потому что все согрешили и лишены славы Божией**" (Рим.3:19,23). Что же ты превозносишься, иудей? Что о себе много думаешь? Твои уста заграждены, твоя самоуверенность уничтожена, и ты вместе со всем миром подлежишь суду и, подобно другим, имеешь нужду в оправдании туне. Итак, хотя бы ты был прав по закону и имел много дерзновения перед Богом, тебе не надлежало завидовать тем, которые могли быть помилованы и спасены человеколюбием Божьим. Крайне худо огорчаться благополучием других, и особенно, когда оно не соединено с ущербом для тебя. Если бы спасение других вредило твоему благополучию, - ты имел бы основание огорчаться, - хотя и это несвойственно человеку, научившемуся любомудрствовать. Но если ни казни других не умножают для тебя наград, ни благополучие не уменьшает их, то для чего ты сам себя терзаешь, потому только, что другой спасается туне? Не надлежало тебе, как я сказал, раздражаться тем, что и язычникам благодатью даровано спасение, хотя

бы ты сам был из людей достойных одобрения. Но когда ты, будучи в том же повинен (как и язычник) перед Господом, и навлекши на себя гнев Его, еще досадуешь на чужое благополучие и думаешь о себе так много, как будто ты один имеешь право на общение благодати, то ты подлежишь более чем все другие, тяжким мучениям, не за зависть только и надменность, а и за крайнее безрассудство. Ты возрастил в себе корень всех зол – высокомерие. Поэтому и один мудрый сказал: "**начало греха — гордость**" (Сир. 10:15), т.е. корень, источник, мать. Так через нее и первозданный человек лишился блаженного состояния; через нее и обольстивший его дьявол ниспал с высоты своего достоинства. Это гнусное существо, узнав, что грех этот может низвергнуть и с самих небес, избрало этот путь, чтобы лишить Адама столь великой чести. Надмив его обещанием равенства с Богом, он, таким образом, ниспроверг и низринул его в самую глубину ада. Подлинно, ничто так не отчуждает от человеколюбия Божьего и не подвергает огню геенны, как преобладание высокомерия. Когда оно в нас есть, то вся наша жизнь делается нечистой, хотя бы мы подвизались в целомудрии, девстве, постничестве, молитвах, милостыне и других добродетелях. "**Мерзость**", сказано, "**пред Господом всякий надменный сердцем**" (Прит. 16:5). Итак, если хотим быть чистыми и свободными от наказания, уготованного дьяволу, обуздаем в себе надменность духа, отсечем высокомерие. А что гордым необходимо подвергнуться одному наказанию (с дьяволом), - послушай, что говорит об этом Павел: "**не [должен быть] из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом**" (1Тим.3:6). Как же избежать этой беды? Избежим, если будем размышлять о своей природе, о множестве согрешений, о великости будущих мучений, о том, что все, кажущееся здесь блистательным, временно, ничем не лучше травы и увядает скорее весенних цветов. Если часто будем возбуждать в себе такие мысли и приводить себе на память людей совершивших великие подвиги, то дьявол не сможет легко надмить нас, сколько бы ни усиливался, не сможет даже запнуть нас на первых шагах. Бог же, Бог смиренных, благий и милосердный, сам да даст вам и нам сердце сокрушенное и смиренное. Таким образом, мы будем в состоянии легко совершить и все прочее во славу Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу и Святому Духу во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 10

"Пришел к своим, и свои Его не приняли" (Иоан. 1:11).

1. Бог, Человеколюбец и Благодетель, все творит и все устраивает так, возлюбленные, чтобы мы блистали добродетелью. И желая, чтобы мы были благочестивы, Он без всякого насилия и принуждения, а только убеждением и благотворениями, всех желающих того призывает и привлекает к Себе. Потому, когда пришел Он, одни приняли Его, а другие не приняли. Он никого не хочет иметь Своим рабом против воли или по принуждению; а хочет, чтобы все свободно и добровольно служили Ему и познавали сладость служения Ему. Люди, имея нужду в услужении работ, связывают их законом рабства и против воли их; а Бог, не имея нужды ни в чем, никаких, подобных нашим, потребностей, все творит только ради нашего спасения и в этом делает нас самим себе господами. Потому и не желающих Он не подвергает никакому насилию, или принуждению; Он имеет в виду только нашу пользу. А против воли быть увлеченным на служение – все равно, что и совсем не служить. Почему же, скажешь ты, Он наказывает не желающих повиноваться Ему? Зачем угрожает геенной не слушающим повелений Его? Это потому, что, будучи премного благ, Он имеет великое попечение о нас даже и тогда, как мы не повинуемся Ему, не отступает и тогда, как мы удаляемся и бегаем от Него. И как мы уклонились от первоначального пути благотворения, то есть не восхотели идти путем убеждения и благополучия, то Он повел нас другим путем – наказаний и мук, - путем, конечно, весьма тяжким, но неизбежным. Когда первый путь пренебрегается, тогда по необходимости

надобно идти другим. И законодатели полагают многие и жестокие наказания преступникам; однако же, за то мы не осуждаем их, а напротив, еще и более уважаем их за постановления о наказаниях, так как, не имея ни в чем никакой надобности с нашей стороны, часто даже не зная, кто впоследствии будет пользоваться помощью их постановлений, заботятся о благоустройстве нашей жизни тем, что добродетельным людям воздают честь, а людей порочных, нарушающих спокойствие, укрощают наказаниями. Если же мы таких законодателей почитаем и любим, то не гораздо ли более должны благоговеть перед Богом и любить Его за столь великое попечение о нас? И различие между попечительностью тех и промыслом Божьим о нас – беспредельно. Подлинно, богатство благости Его неизреченно и превышает всякое разумение. Заметь же: Он "**пришел к своим**", не по собственной какой-либо нужде (потому что, как я сказал, Божество ни в чем не нуждается), а для благотворения своим. Несмотря на то, "**свои**" не приняли, но отвергли Того, Кто пришел к ним для их же пользы; мало того: изгнав Его из виноградника, убили (Лук. 20:15). И при всем том Он не преградил для них покаяния, но дал им возможность, только бы сами захотели, и после того беззакония, очистить все согрешения свои верой в Него и сравняться с теми, которые ничего такого не сделали и более других Ему любезны. А что я говорю это не без основания и не в шутку, ясное также свидетельство дают все обстоятельства блаженного Павла. Он гнал Христа, уже после распятия Его, и свидетеля Его Стефана убил руками других многих; но, когда раскаялся, осудил в себе прежние грехи, прибег к Тому, Кого гнал, Тот тотчас сопричислил его к Своим друзьям и притом первейшим, поставил его – гонителя, хулителя и оскорбителя – проповедником и учителем всей вселенной. Он и сам не стыдился проповедовать об этом, восхищенный человеколюбием Божьим, и в писаниях своих, как бы на столпе, изобразил прежние свои дерзости, обнаружил их перед всеми, считая за лучшее выставить на позор перед всеми прежнюю свою жизнь, чтобы тем яснее показать величие дара Божьего, нежели скрыть неизреченное и неисповедимое человеколюбие Господа, не желая обнаружить перед всеми собственное заблуждение. С этой целью он то там, то здесь упоминает о гонениях, наветах и ополчениях своих против Церкви; в одном месте говорит: "**я недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию**" (1 Кор. 15:9); в другом: "**Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый**" (1 Тим. 1:15); в третьем: "**вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее**" (Галат. 1:13).

2. Таким образом, Павел, как бы в некоторое воздаяние Христу за долготерпение к нему, показывая, кого, какого враждебного и неприязненного человека (Господь) спас, с великим дерзновением возвещает о той брани, которую он вначале со всей ревностью воздвигал против Христа. Вместе с тем он внушает благие надежды и тем, которые отчаиваются в себе самих. Христос, говорит он, для того и помиловал его, чтобы в нем первом показать все долготерпение и преизобильное богатство благости Своей, в пример тем, которые после того могли уверовать в Него для жизни вечной, хотя бы и их грехи превышали всякую надежду прощения. На это именно указывая, и евангелист говорит: "**пришел к своим, и свои Его не приняли**". Откуда пришел все наполняющий и везде сущий? Какое место лишил Своего присутствия Тот, Кто в руке Своей держит все и над всем владычествует? Никакого места Он не оставил (как это возможно?). А совершилось это по Его снисхождению к нам. Так как Он, будучи в мире, не казался находящимся в мире, потому что неведом был, напоследок же явил Себя, благоволив облечься в нашу плоть, то это самое явление и снисхождение Его евангелист и называет пришествием. Достойно удивления, что ученик не стыдится унижения своего Учителя, но смело описывает нанесенное Ему оскорбление: и это – не маловажное доказательство его правдолюбивого духа. Впрочем, если стыдится, то надобно стыдиться за тех, которые нанесли, а не за Того, Кто претерпел оскорбление. Он тем еще более прославился, что и

после такого оскорбления так промышляет о Своих оскорбителях; а они перед всеми оказались неблагодарными и презренными, потому что отвергли, как врага и неприятеля, Того, Кто пришел к ним с такими благами. Да и не тем только они повредили себе, но и тем, что не получили того, чего достигли принявшие Его. А что получили последние? "**А тем, которые приняли Его, дал власть быть чадами Божиими**" (ст. 12). Но для чего же ты, блаженный, не сказываешь нам и о наказании тех, которые не приняли Его, а говоришь только, что они "**свои**" были и "**к своим**" Пришедшего не приняли? А что они за это потерпят, какому наказанию подвергнутся, того ты не присовокупил. Может быть, через это ты более устрашил бы их и угрозой смягчил бы грубость их надменности. Для чего же ты умолчал об этом? Но какое же другое, говорит евангелист, наказание могло бы быть более того, что они, имея возможность сделаться чадами Божьими, не делаются таковыми, но добровольно лишают сами себя такого благородства и чести? Впрочем, наказание их не ограничится тем только, что они не получат никакого блага; их постигнет еще огонь неугасающий, что впоследствии яснее открывает евангелист. Теперь же он говорит о неизреченных благах, дарованных принявшим Господа, и вкратце изображает эти блага следующими словами: "**а тем, которые приняли Его, дал власть быть чадами Божиими**". Хотя бы то были рабы или свободные, эллины или варвары, или скифы, хотя бы немудрые или мудрые, жены или мужи, дети или старцы, незнатные или знатные, богатые или бедные, начальники или простолюдины, все, говорит евангелист, удостоены одной почести. Вера и благодать Духа, устранив неравенство мирских достоинств, всем им сообщила один вид, на всех запечатлела один образ – царский. Что может сравниться с таким человеколюбием? Единородный Сын Божий не возгнушался сопричислить к лику чад – и мытарей, и волхвов, и рабов, и самых неважных людей, многих еще с поврежденными членами тела и со множеством недостатков. Такова сила веры в Него, таково величие благодати! Как огонь, проникши в землю, в которой есть металл, тотчас из нее производит золото, так и еще лучшее крещение делает омываемых им из бренных золотыми, когда Дух, на подобие огня, проникает в наши души и, попаляя в них "**образ перстного**", износит, как бы из горнила, "**образ небесного**", образ новый, светлый, блестящий. Но для чего евангелист не сказал: **сотворил** их чадами Божьими, а говорит: "**дал власть быть чадами Божиими**"? Чтобы показать, как много нужно заботливости для сохранения во всю жизнь в чистоте и неповреждении того образа усыновления, который запечатлен в нас при крещении; а вместе – чтобы показать и то, что такой власти никто не может отнять у нас, если наперед сами себя не лишим ее. Если получающие от людей в каких-либо домах полномочие имеют почти такую же силу, какую и те, которые им дали его, то тем более мы, получив от Бога такую почесть, если только не сделаем ничего недостойного этой власти, будем всех сильнее, потому что всех выше и совершеннее Тот, Кто сообщил нам такое достоинство. Еще и то хочет показать (евангелист), что благодать не иначе приходит, как только к тем, которые сами желают и заботятся о приобретении ее. Таким-то людям принадлежит область – соделываться чадами. А если сами люди предварительно не возымеют желания, то и дар не приходит, а благодать в них ничего не производит.

3. Итак, евангелист, повсюду отвергая принуждение и показывая свободу воли и самостоятельность человека, тоже самое высказал и теперь. И в этих самых тайнах одно принадлежит Богу – даровать благодать, а другое человеку – показать веру. Но затем требуется от человека еще много заботливости: для сохранения чистоты, для нас недовольно только креститься и уверовать; но, если мы желаем приобрести совершенную светлость, то должны вести достойную того жизнь. А это Бог предоставил нам самим. Таинственное возрождение и очищение наше от всех прежних грехов совершается в крещении; но пребыть в последующее время чистыми и не допускать к себе снова никакой скверны – это зависть от нашей воли и заботливости. Потому-то (евангелист) напоминает нам и о самом способе (духовного) рождения и, через сравнение его с

рождением плотским, показывает его превосходство, говоря: "**которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились**" (ст.13). И это он сказал для того, чтобы мы, познав ничтожество и уничижение нашего первого рождения от крови и похоти плотской, постигнув напротив важность и достоинство второго рождения по благодати, возымели высокое о нем понятие, понятие, достойное этого дара от Того, Кто рождает нас таким образом, и затем со своей стороны показывали великое о нем попечение. Мы должны не мало опасаться, чтобы последующим нерадением и пороками осквернив это прекрасное одеяние, не быть нам изверженными из брачного чертога, подобно пяти юродивым девам, или подобно тому, кто не имел брачной одежды. И этот человек был также в числе гостей, и был приглашен; но, как и после приглашения и такой почести, оказал неуважение к пригласившему его, то – послушай, какой подвергается участи, бедственной и многих слез достойной. Придя для того, чтобы участвовать в светлом пире, он не только изгоняется с пира, но связанный по рукам и ногам, отводится во тьму кромешную, где предается вечному и непрестанному плачу и скрежету зубов. Итак, возлюбленные, не будем считать одну веру достаточной для спасения. Если мы не представим чистой жизни, но явимся в одеждах, неприличных блаженному нашему призванию, то ничто не спасет и нас от таких же страданий, какими подвергся тот несчастный. В самом деле, не странно ли, что когда сам Бог и Царь не гнушается простыми, незнатными и ничего нестоящими людьми, но с распутий приводит их за Свою трапезу, мы показываем в себе такую бесчувственность, что и в такой чести не делаемся лучшими, но и по призвании остаемся в том же зле, и таким образом попираем неизреченное человеколюбие Призвавшего? Он не для того призвал нас к этому духовному и страшному общению таинств, чтобы мы приступали к ним с прежним злодеянием, а для того, чтобы, совлекшись постыдных одежд, облеклись в такие, какие приличны угощаемым в царских чертогах. Если же мы не хотим поступать достойно такого призвания, то это зависит от нас, а не от Того, Кто так почтил нас. Не Он изгоняет нас из дивного сонма званных, но мы сами себя изгоняем. Он все со Своей стороны сделал: устроил брачный пир, приготовил трапезу, послал пригласителей, принял пришедших и всякую другую честь оказал; но мы своими нечистыми одеждами, то есть греховными делами, нанесли оскорбление Ему и присутствующим на брачном пире и всему браку, и потому справедливо мы изгоняемся. Таким образом, уважая брачный пир и званных, Царь изгоняет отсюда дерзких и бесстыдных. А если бы Он оставил одетых в такие одежды, то через это сам оказал бы неуважение и к другим званным. Но не дай Бог никому, ни нам, ни кому-либо из других людей испытать такой гнев Призвавшего. Для того и написано это, прежде чем сбудется, чтобы вразумленные угрозами Писания, мы не довели себя на деле до такого бесчестия и наказания, но, довольствуясь уже только такими словами (Писания), все явились на тот зов в светлой одежде, которую и да получим все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 11

"И Слово стало плотию, и обитало с нами" (Иоан. 1:14).

1. Одного у всех вас хочу просить утешения, прежде, нежели приступлю к изъяснению изречений евангельских; но только не отвергните просьбы. Не тяжкого чего-нибудь и трудного прошу от вас; да и не мне только приемлющему полезно будет это одолжение, но и вам оказывающим его, и может быть для вас еще гораздо полезнее? Что же это такое, о чем хочу просить вас? Пусть каждый из вас тот отдел из евангелия, который будет читаем в первый день по субботе, или в самую субботу, среди вас (в церкви), возьмет перед этими днями в руки и дома внимательно прочитывает, многократно, со тщанием

просматривает содержание его и хорошо вникает в него; пусть отмечает, что там ясно и что неясно, что есть, по-видимому, противоречащего, хотя на самом деле не таково; и все обсудив, таким образом, собирайтесь сюда к слушанию (бесед). Не малая будет польза от такого усердия и вам и нам: нам немного потребно будет труда – объяснять вам силу изречений, когда ваш ум уже предварительно усвоит себе понятие о них; а вы таким способом более изощритесь и будете понятливее в слушании, не только к собственному вашему назиданию, но и к научению других. Теперь же, так как многие из приходящих сюда слушать по необходимости должны вникать одновременно во все и в самые изречения и в наши на них объяснения, то хотя бы мы употребили на это целый год, не получат они большой пользы. Да и возможно ли это, когда они мимоходом и только здесь, на краткое время, занимаются поучениями? А если кто будет ссылаться на дела и заботы, на недосуг при множестве занятий общественных и частных, то, во-первых, это-то самое и служит к немалому их осуждению, что они заняты таким множеством дел, и так совершенно связаны житейскими попечениями, что не имеют даже немного свободного времени для занятий более чем всякие другие, необходимых; во-вторых, это только отговорка и предлог, в чем обличают их и приятельские сходбища, и провождение времени на зрелищах, и стечение на конные состязания, на которых часто проводят целые дни, и, однако, никто в таких случаях не жалуется на множество дел. Итак, в делах маловажных вы никогда не отказываетесь никакими предлогами и можете найти много свободного времени; а когда надобно внимать слову Божьему, то это кажется вам столь излишним и незначительным делом, что будто бы не стоит употреблять на это и малого свободного времени. Достойны ли так думающие люди даже дышать, или смотреть на это солнце? Есть у таких нерадивых людей и другой предлог, еще более неосновательный, будто бы они не приобрели и не имеют книг Святого Писания. Но в отношении к богатым смешно было бы распространяться нам о таком предлоге; а бедных, которые, я думаю, по большей части пользуются им, желал бы я спросить, не все ли орудия ремесла, каким каждый из них занимается, есть у них, сколько нужно, и в исправности, хотя бы угнетала их крайняя бедность? Как же не нелепо – там не отговариваться бедностью, но употреблять все усилия, чтобы ни в чем не нуждаться; а где можно приобрести столь великую пользу, здесь жаловаться на недосуг и убожество? Впрочем, хотя бы действительно некоторые были так бедны, все же из непрерывно здесь бывающего чтения могли бы узнать сколько-нибудь содержание божественных Писаний. Если же это кажется вам невозможным, то не без причины так кажется. Многие не с большим усердием приходят слушать чтение Писаний, но, исполнив это только как долг урочного времени, тотчас возвращаются домой; а если некоторые и остаются, то бывают несколько не лучше удалившихся, присутствуя здесь с нами только телом. Но, чтобы нам не слишком обременить вас обличениями и не потерять всего времени в упреках, приступим к изречениям евангельским: время, наконец, обратить слово на предлежащие предметы. Только будьте внимательны, чтобы ничто сказанное не было потеряно для вас. "**И Слово стало плотию**", говорит евангелист, "**и обитало с нами**" (Иоан.1:14). Сказав, что принявшие Слово родились от Бога и сделались чадами Божьими, предлагает причину и основание такой неизреченной почести. Причина та, что само Слово сделалось плотью и Господь воспринял на Себя образ раба. Будучи истинным Сыном Божьим, Он сделался сыном человеческим, чтобы сынов человеческих сделать чадами Божьими. Высокое в общении с уничиженным нисколько не теряет собственного достоинства, а уничиженное возвышается через то из своего уничижения. Так это совершилось и во Христе. Он через такое снисхождение нисколько не унизил собственного естества, а нас, сидящих всегда во мраке и уничижении, возвел к неизреченной славе. Так царь, когда внимательно и благосклонно беседует с бедным и нищим, то нисколько не стыдится себя самого, а бедного делает через то для всех лицом заметным и почетным. Если же в отношении к преходящему достоинству человеческому общение с низшим нисколько не вредит высшему, то тем более по отношению к тому нетленному и блаженному Существу,

которое не имеет в себе ничего преходящего, ни прибывающего, ни убывающего, но обладает всеми совершенствами неизменно и вечно. Итак, когда ты слышишь, что "**Слово стало плотию**", то не смущайся и не колеблись. Не самое существо Его изменилось в плоть (это и помыслить нечестиво); а, пребывая тем, что есть, оно, таким образом, приняло образ раба.

2. Для чего же (евангелист) употребил слово: "**стало**"? Для того чтобы заградить уста еретиков. Есть такие, которые говорят, будто все, что касается воплощения, есть только воображение, обман чувств, предположение; поэтому евангелист, желая совершенно уничтожить их хулу, и употребил выражение: "**стало**", намереваясь этим показать не изменение существа, нет, а восприятие истинной плоти. Как в словах: "**Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою**" (Галат.3:13). Писание не то говорит, будто существо Его, оставив собственную славу, превратилось в клятву (этого не подумали бы и демоны, и совершенно безумные и лишенные естественного смысла люди: так нечестива и вместе безумна эта мысль!), - как не это говорит Писание, а то, что Он, приняв на Себя изреченную против нас клятву, не оставил нас более быть под клятвой, - так и здесь сказано, что Слово плоть "**стало**", - не изменив своего существа в плоть, но, только приняв ее, так что существо осталось неприкосновенным. Если же скажут, что Бог, как всемогущий, мог перемениться и в плоть, на это мы ответим, что Бог не иначе все может, как, пребывая Богом; а если бы Он допустил в Себе изменение; и притом изменение на худшее, то, как же был бы Он и Богом? Измениться совершенно несвойственно нетленному Существу. Потому и пророк сказал: "**все они, как риза, обветшают, и, как одежду, Ты переменишь их, и изменятся; но Ты - тот же, и лета Твои не кончатся**" (Пс. 101:27,28). Существо это выше всякого изменения. Нет ничего превосходнее Его, чего бы оно могло достигать преуспеванием. Что я говорю: превосходнее? Нет ничего равного, или сколько-нибудь близкого. Следовательно, если бы Бог изменялся, то претерпевал бы изменение к худшему. Но тогда он не был бы и Богом. Но да обратится хула на голову говорящих ее. А что слово: "**стало**" сказано для того, чтобы ты не принял воплощения за вымысел, заметь это из последующего, как (евангелист) объясняет свое выражение и опровергает нечестивую мысль. Он присовокупляет: "**и обитало с нами**", - как бы говоря: ничего несообразного не подозревай в слове: "**стало**". Я говорю не об изменении этого неизменяемого Существа, а о вселении и обитании Его (среди нас). Обитающее не одно и то же с обиталищем, а есть нечто другой; одно вселяется в другом; иначе не было бы и вселения, - потому что ничто не вселяется в самом себе. Иное я говорю в отношении к естеству. Через соединение и общение Бог Слово и плоть суть одно, не в том смысле, что произошло какое-либо смешение или уничтожение естеств, а в том, что образовалось некоторое неизреченное и невыразимое их единение. А как это сделалось, не спрашивай; это произошло, как Он сам знает. Но какое же это обиталище, в котором Он вселился? Послушай, что пророк говорит: "**восстановлю скинию Давидову падшую**" (Амос. 9:11). Пало, подлинно пало неисцелимым падением естество наше и имело нужду в этой единой державной деснице. Да и не могло оно восстать, если бы Создавший его вначале не простер к нему десницы и не обновил его свыше через возрождение водой и духом. И заметь то, что есть страшного и неизреченного в этом таинстве: Он навсегда обитает в этой скинии[1]. Он облекся нашей плотью не с тем, чтобы опять оставить ее, но чтобы всегда иметь ее с Собой. А если бы не так, то Он не удостоил бы ее царского престола и, нося ее, не был бы поклоняем от всего горнего воинства ангелов, архангелов, престолов, господств, начал и властей. Какое слово, какой ум может представить столь великую почесть, оказанную роду нашему, поистине сверхъестественную и дивную? Какой ангел? Какой архангел? Никто никогда, ни из небесных, ни из земных. Таковы дела Божьи, так велики и вышеестественны Его благодеяния, что не только язык человеческий, но и ангельская сила не может вполне высказать их. Потому и мы заключим слово молчанием, напомнив

только вам – воздавать столь великому Благодетелю нашему воздаянием, от которого вся польза опять к нам же обратится. Это воздаяние в том состоит, чтобы мы имели ревностное попечение о душе нашей. И то есть дело Его человеколюбия, что Он, не нуждаясь сам ни в ком из нас, принимает за воздаяние Себе, когда мы печемся о собственной своей душе. Потому крайне безумно и достойно бесчисленных наказаний – удостоившись столь великой почести, не воздавать со своей стороны по силам, и притом когда польза от того переходит опять к нам же и когда уготованы нас за то бесчисленные блага. Воздадим же за все это славу человеколюбцу Богу, не словами только, но гораздо более делами, чтобы получить нам и будущие блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слова во веки веков. Аминь.

---

[1] Т.е. в плоти человеческой.

БЕСЕДА 12

"И Слово стало плотию, полное благодати и истины. И мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца" (Иоан. 1:14).

1. Сказанное нами вчера, может быть, показалось вам более чем следует стеснительным и тяжким, так как мы произнесли слово укорительное и далеко простерли обличение многих в нерадении. Но если бы делали это только с намерением оскорбить вас, то, может быть, справедливо каждый из вас негодовал бы. А как мы пренебрегли приятность в словах, имея ввиду пользу вашу, то, хотя бы вы и не хотели принять нашего попечения о вас, вы должны, по крайней мере, простить такой любви нашей. Мы и очень опасались, чтобы при нашем старании, вы со своей стороны, не желая показать такого же усердия к слушанию, не подверглись тем более тяжкому ответу за последствия. Поэтому мы и вынуждаемся непрестанно возбуждать вас и воздвигать ото сна, чтобы ничто из сказанного не было для вас потеряно. Только таким образом можете вы в настоящем веке жить с дерзновением и в будущий день предстать престолу Христову. Но так как мы вчера уже довольно тронули вас, то приступим теперь прямо к самым изречениям евангелия. "**И мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца**" (ст.14). Евангелист, сказав, что мы сделались чадами Божьими, и, показав, что это произошло не иначе, как через воплощение Слова, теперь представляет и другую от этого пользу. Что же это такое? "**И мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца**". Мы не могли бы видеть, если бы Он не явился нам в воспринятой Им плоти. Если у Моисея, имевшего одинаковое с нами естество, люди тогдашнего времени не могли видеть лица, потому только, что оно было прославлено, и праведник даже имел нужду в покрывале, чтобы прикрыть величие славы и чтобы вид пророка казался им тихим и спокойным, то, как мы, бренные и земнородные, могли бы созерцать чистое Божество, которое неприступно и для самих горних сил? Для того-то Он и вселился среди нас, чтобы мы могли безопасно приступать к Нему, беседовать и обращаться с Ним.

Что же значит: "**славу, как Единородного от Отца**"? Так как многие и из пророков прославились, например, тот же Моисей, Илия и Елисей, из которых один был вознесен на огненной колеснице, а другой обыкновенным образом взят отсюда; после их прославились: Даниил, три отрока, и многие другие, которые и чудеса творили; да и ангелы, являвшиеся людям, открывали взиравшим на них лучезарный свет собственного

естества; и не ангелы только, но и херувимы являлись пророку с великой славой, - также и серафимы; поэтому-то евангелист, отводя нас от всех этих существ, отвлекая мысль нашу от твари и славы подобных нам работ, возводит нас к самому верху совершенств. Не пророка, говорит он, ни ангела, ни архангела, не других высших сил и не иного какого-либо сотворенного существа, если еще есть какое-либо иное, но самого Владыки, самого Царя, самого истинного Единородного Сына, самого общего всех нас Господа мы видели славу. Выражение: **как** – означает здесь не уподобление и не сравнение, а подтверждение и неподлежащее сомнению определение; как бы так сказал евангелист: мы видели славу, какую подобает и свойственно иметь единородному и истинному Сыну Царя всех Бога. Так и обыкновенно бывает, и я не откажусь подтвердить слова свои общим обычаем, - потому что не для красоты речи и не для стройности слова нам теперь нужно говорить, но единственно для вашей пользы. Поэтому ничто не препятствует нам подтвердить свои мысли и обычаем многих? Какой же этот обычай многих? Многие, увидев царя приукрашенного, блистающего со всех сторон драгоценными камнями, потом, когда рассказывают другим об этой красоте, великолепии, славе, описывают, сколько могут, цвет багряницы, величину камней, белизну коней, золотую упряжь, блистающие покрывала; но как, пересказав это и прочее, все еще не могут изобразить словом всего блеска, и прибавляют тотчас такие слова: да что много говорить? словом сказать: **как царь** – и этим выражением: **как** хотят показать не то, что только подобен царю тот, о ком они говорят, но то, что это истинный царь, - так и евангелист употребил выражение: **как**, желая изобразить высочайшее и несравненное превосходство славы (Сына Божия). Все другие, и ангелы, и архангелы, и пророки, делали все только по повелению (Божьему), а Он с властью, свойственной Царю и Господу. Потому-то и народ дивился, что Он учил, как власть имеющий.

2. Итак, являлись, как я сказал, и ангелы на земле с великой славой, например – Даниилу, Давиду, Моисею, но они делали все как слуги, повинующиеся своему Господу; а Христос явился, как Владыка и Вседержитель, хотя и в смиренном и уничиженном виде. Впрочем, и в этом виде тварь познала своего Господа. Каким образом? Звезда, явившаяся на небе, привела волхвов поклониться Ему; многочисленный лик ангелов, отовсюду собравшихся, окружал и воспевал Его; явились внезапно и другие проповедники; все, встречая друг друга, возвещали это неизреченное таинство, ангелы – пастырям, пастыри – жителям города, Гавриил – Марии и Елизавете, Симеон и Анна приходившим в храм. Да и не только мужи и жены окрылялись радостью, но и младенец, еще не исшедший на свет из утробы матери, - я разумею жителя пустыни, соименного этому евангелисту, - взыграл во чреве матери, и все оживлялись надеждами на будущее. Так было тотчас при Его рождении; а когда Он более открыл Себя, тогда опять произошли другие чудеса, еще больше прежних. Уже не звезда и небо, но ангелы и архангелы, не Гавриил и Михаил, но сам Отец свыше с небес возвестил о Нем, и вместе с голосом Отца Утешитель явился над Ним и пребыл на Нем. Поэтому справедливо сказал евангелист: "**мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца**". Впрочем, и не поэтому только сказал так, а и потому, что за этим последовало. Уже не пастыри только, не вдовствующие жены, не престарелые мужи возвестили нам, но и самое существо дел громче всякой трубы провозглашало о Нем, и таким образом произошло то, что молва о делах Его скоро была и здесь услышана. "**И прошел**", говорит Писание, "**о Нем слух по всей Сирии**" (Матф.4:24) и всем открыл Его; все отовсюду возвещало, что сам Царь сошел с небес. Бесы отовсюду убегали и удалялись, дьявол посрамленный отступал, самая смерть сначала понемногу устрашалась, а потом и совершенно упразднялась, всякого рода болезни были исцеляемы, мертвые оставляли гробы, демоны – бесновавшихся, болезни – немощных. Виделись дела чудные и дивные, которые поистине пророки желали видеть, но не видели. Зрение восстановлялось; и то вожделенное зрелище, которое все желали бы видеть, - как Бог сотворил Адама из земли, - и это зрелище Христос показал всем, хотя в малом виде, но по

отношению к лучшим частям тела. Расслабленные и распавшиеся члены укреплялись и соединялись один с другим, омертвевшие руки получали движение, расслабленные ноги внезапно вскакивали, загражденные глухотой уши отверзались, и громким голосом восклицал язык, связанные дотоле немотой. Как искусный художник восстанавливает здание, развалившееся от времени, так Он – общее естество человеческое: отторгнутые части восполнял, распавшиеся и расторгнутые – соединял, а совершенно отпавшие – восстанавливал. Что же сказать о восстановлении души, которое гораздо удивительнее исцеления телесного? Важно здоровье телесное, но гораздо важнее здоровье душевное, и тем важнее, чем душа превосходнее тела; да и не потому только, но и потому, что телесная природа следует направлению, каким хочет вести ее Создатель, и нисколько не противится, а душа, будучи властна сама в себе и имея свободу в действиях, не всегда повинуется Богу, и именно в том, чего не хочет. Он не желает против воли ее и насильно делать ее непорочной и добродетельной; да это не было бы и добродетелью; ее надобно убеждать – свободно и добровольно сделаться такой; а это гораздо труднее врачевания телесного. Но Он совершил и это и отогнал всякий род зла. И, как врачуя тела, Он восстанавливал их не только к здоровью, но и к совершеннейшему благосостоянию, так и души не только освобождал от крайней греховности, но и возводил на самый верх добродетели. Так мытарь делался апостолом; гонитель, хулитель и досадитель являлся проповедником вселенной; волхвы становились учителями иудеев; разбойник оказывался жителем рая; блудница славилась великой верой; жена хананеянка и жена самарянка – одна, будучи также блудницей, принимала на себя проповедь между соплеменниками и, увлекши целый город, привела его ко Христу, и другая верой и терпением достигла изгнания злого беса из души своей дочери. Еще другие, гораздо худшие этих, скоро присоединились к числу учеников. Все внезапно изменялось в своем виде: недуги телесные, болезни душевные прелагались в здоровье и совершеннейшую добродетель; и притом не два или три человека, не пять или десять, не двадцать или только сто, но целые города и народы обращались с великой быстротой. А кто может изобразить мудрость правил, совершенство небесных законов, благоустройство равноангельской жизни? Он ввел между нами такой образ жизни, такие положил для нас законы, такие установил нравы, что усваивающие их скоро соделываются ангелами и подобными Богу, сколько это возможно по силам нашим, хотя бы сами по себе они были хуже всех людей.

3. Приводя все эти чудеса, - чудеса в телах, чудеса в душах, чудеса в стихиях, - заповеди, неизреченные, высшие самих небес дары, законы, благоустройство, силу убеждения, обетования в будущем, наконец, страдания Его, - евангелист изрек эти чудные и исполненные высокого учения слова: "**и Слово стало плотию, полное благодати и истины. И мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца**". Мы не чудесам Его только дивимся, но и страданиям, - тому, как Он был пригвожден к кресту, бичуем, заушаем, подвергаем оплеванию; как терпел удары по голове от тех самых, которые были Им облагодетельствованы. Так, и об этом обо всем, что кажется унизительным, достойно сказать то же изречение, как и сам евангелист называет все это славой. Действительно, все это было не только делом промышления и любви, но и неизреченной силы. Тогда-то и смерть упразднялась, и клятва разрушалась, и бесы были посрамлены, и торжество над ними открывалось, и рукописание грехов наших было пригвождаемо к кресту. Но тогда как эти чудеса совершались невидимо, были и другие – видимые, которые показывали, что Он есть истинно единородный Сын Божий и Господь всей твари. Когда блаженное тело Его еще висело на кресте, солнце сокрыло лучи свои, земля поколебалась и вся покрылась мраком, гробы отверзлись, недра земли сотряслись и великий сонм умерших восстал и пришел в город (Иерусалим). Потом, когда камни приставлены были к дверям гроба Его, еще и печати приложены, Он, умерший, распятый, пригвожденный, восстал и, исполнив одиннадцать учеников Своих некоторой непобедимой и божественной силы, послал их ко всем людям, по всей вселенной – врачевать их общее естество, исправлять

образ жизни, распространять по всей земле познание небесного учения, разрушать силу бесовскую, открывать великие и неизреченные блага, благовестить нам бессмертие души и вечную жизнь тела, награды, превышающие всякий ум и никогда не могущие окончиться. Итак, блаженный евангелист, представляя себе все это и большее чем это, что он сам знал, но не решался написать (потому что и мир не вместил бы того, как он сам говорит: "**если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг**" (Иоан. 21:25), - все это, говорю, представляя, он воскликнул: "**и Слово стало плотию, полное благодати и истины. И мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца**". А тем, которые удостоились видеть и слышать столь великие чудеса и получили столь великий дар, надлежит показать и жизнь, достойную учения, чтобы сподобиться и будущих благ. Для того и пришел Господь наш Иисус Христос, чтобы не только здесь мы видели славу Его, но и в будущем веке. Потому Он и говорил: "**хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою**" (Иоан. 17:24). Если же здешняя слава Его была столь блистательна и величественна, то, что сказать о той Его славе? Она откроется уже не на тленной земле, не перед существами, облеченными в смертные тела, каковы мы теперь, но в творении нетленном и бессмертном, и с таким величием, какого невозможно изобразить никаким словом. О, блаженны, трижды блаженны и беспредельно блаженны те, которые удостоятся созерцать эту славу! О ней говорит пророк: "**да исчезнет нечестивый, да не видит славы Господни**" (Ис. 26:10). Но да не будет того, чтобы кто-либо из нас был отвержен и не удостоился никогда видеть ее! А если мы не будем наслаждаться ею, то и о нас справедливо будет сказать: лучше было бы, если бы мы и не родились. Для чего же мы живем? Для чего дышим? Для чего существуем, если не достигнем такого созерцания, если никому из нас не дозволено будет зреть тогда нашего Господа? Если не видящие света солнечного проводят жизнь горше всякой смерти, то, как должны страдать те, которые лишатся того света? Здесь в этом лишении только и состоит несчастье, а там – не в этом только; впрочем, если бы и эта только была беда, то и в таком случае наказание было бы не равно, но будущее тем тяжелее настоящего, чем то Солнце несравненно превосходнее здешнего; а, кроме того, надобно ожидать еще и другой казни. Кто не удостоится видеть того света, тот не только ввержен будет во тьму, но и гореть будет в огне непрерывном, истаевать в нем, скрежетать зубами и терпеть другие бесчисленные страдания. Итак, не будем нерадивы о себе самих, и за кратковременное нерадение и беспечность не подвергнем себя вечному наказанию; но будем бодрствовать и трезвиться, будем все делать и устраивать так, чтобы удостоиться того (вечного) наслаждения и избавиться от реки огненной, протекающей с великим шумом перед страшным судилищем. А кто однажды впадет в нее, тот должен будет остаться там навсегда, и уже никто не избавит его от мучения – ни отец, ни мать, ни брат. Об этом вопиют и пророки; один говорит: "**человек никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него**" (Пс. 48:8). А Иезекииль говорит еще более: "**и если бы нашлись три мужа: Ной, Даниил и Иов, то сии три мужа не спасли бы ни сыновей, ни дочерей**" (Иез. 14:14-16). Одна только там защита – защита делами; а кто не имеет ее, тому никаким другим средством спастись невозможно. Итак, все это непрестанно имея в виду и размышляя, очистим жизнь нашу и сделаем ее светлой, чтобы с дерзновением узреть Господа и достигнуть обетованных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 13

"Иоанн свидетельствует о Нем и, восклицая, говорит: Сей был Тот, о Котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня" (Иоан. 1:15).

1. Не напрасно ли мы трудимся? Не на камнях ли сеем, или не при пути ли и в терниях, сверх чаяния нашего, падают семена? Я сильно беспокоюсь и боюсь, чтобы земледелие не осталось для нас бесплодным, - не потому впрочем, чтобы я сам мог потерпеть ущерб в награде за этот труд. Дело учителей не таково, как земледельцев. Земледелец, часто после годичных работ, после такого изнурения и пота, если земля не принесет ничего, стоящего трудов, - не может ни у кого другого найти какого-либо утешения за свои труды, а со стыдом и скорбью возвращается с поля домой, к жене и детям, не имея права ни от кого требовать воздаяния за продолжительные труды. Но с нами ничего такого не может случиться. Пусть возделываемая земля не приносит никакого плода; если только мы со своей стороны приложим весь труд, Господь земли и наш Господь не допустит нас остаться с пустыми надеждами, но дарует возмездие. "**Каждый**", сказано, "**получит свою награду по своему труду**" (1 Кор. 3:8), а не по исходу дел. А что это так, послушай: "**а ты**", сказано, "**сын человеческий, говори им слова Мои, будут ли они слушать, или не будут**" (Иезек. 2:6). И через того же Иезекеиля можно узнать вот что: если страж предвозвестил, чего должно убегать и что избирать, то он избавил душу свою, хотя бы и никто не слушал его[1]. Тем не менее, имея это сильное утешение, уверенные в воздаянии за труды наши, мы, когда в деле вашего спасения не видим успеха, чувствуем себя ничем не лучше тех земледельцев, которые стенают, проливают слезы и от стыда скрываются. Здесь – соучастие учителя, здесь – попечительность отца. Так Моисей, хотя мог избавиться от неблагодарных к нему иудеев и сделаться еще более славным родоначальником другого и гораздо более многочисленного народа ("**оставь Меня**", сказал ему Бог, "**и истреблю их, и произведу многочисленный народ от тебя**", - Исх. 32:10, - так как Моисей был муж святой, раб Божий, друг, близкий и верный Богу), но он и слышать не мог таких слов, а желал лучше погибнуть с людьми, однажды ему вверенными, нежели быть спасенным без них и получить достоинство более важное. Таков должен быть водитель душ. Странно было бы, если бы кто, имея худых детей, желал лучше назваться отцом других, а не тех, которые от него родились; так странно было бы, если бы и мы стали постоянно переменять врученных нам учеников одних на других, присваивать себе начальство то над теми, то над другими, и не иметь ни к кому искреннего расположения. Впрочем, относительно вас да не будет никогда таких подозрений. Мы убеждены, что вы преизбыточествуете в вере в Господа нашего Иисуса Христа, в любви друг ко другу и ко всем. А это мы говорим с тем намерением, чтобы возбудить вас к усилению вашей ревности и к приумножению, более и более, добродетели в вашей жизни. Таким образом вы сможете проникнуть умом до самой глубины предложенного у нас учения, если т.е. нечистота греховная не будет помрачать очей разума и не повредит его зоркости и остроты. Итак, что же предложено у нас сегодня? "**Иоанн свидетельствует о Нем и, восклицая, говорит: Сей был Тот, о Котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня**". Многократно евангелист, и выше и ниже, обращается к Иоанну и во многих местах представляет его свидетельство. Но это он делает не напрасно, а очень разумно. Так как все иудеи имели великое уважение к этому мужу (Иосиф приписывает даже его смерти войну и доказывает, что из-за него столичный некогда город перестал быть городом, и вообще много говорит в похвалу ему), то евангелист, желая именем его пристыдить иудеев, часто припоминает им свидетельство Предтечи. Другие евангелисты упоминают о древнейших пророках, и при каждом обстоятельстве в жизни Его (Христа) отсылают к ним слушателя. Так, когда Он рождается, евангелист говорит: "**все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка**" (Исайю), "**который говорит: се, Дева во чреве приимет и родит Сына**" (Матф. 1:22,23). Когда Он подвергается злым умыслам и повсюду отыскивается с такою тщательностью, что и незрелый возраст избивается Иродом, - они приводят Иеремию, который говорит: "**глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих**" (Матф. 2:18; Иер. 31:15). Когда Он опять возвращается из Египта, - они припоминают Осию, который также

говорит: "**из Египта воззвал Я Сына Моего**" (Матф. 2:15; Ос. 11:1). Так другие евангелисты делают и во всех случаях. А этот евангелист (Иоанн), более возвышенным, чем другие, гласом проповедающий, представляет яснейшие и ближайшие свидетельства, и приводит не только отшедших и умерших, но и современного свидетеля, который указывал уже на пришедшего (Господа) и крестил Его, - не с тем приводит, чтобы свидетельством раба придать более достоверности словам Владыки, но снисходя к немощи слушателей, потому что подобно тому как, если бы Господь не принял вид раба, то не был бы легко принят, так, если бы гласом раба не предрасположил к себе слуха сорабов, то многие из иудеев не приняли бы Его слова.

2. Притом здесь устроялось и нечто другое, достойное удивления. Кто говорит о себе самом что-либо великое, тот делает собственное свидетельство подозрительным и нередко таким образом восстановляет против себя многих из слушателей; поэтому-то приходит свидетельствовать о нем другой. С другой стороны, большинство обыкновенно стекается на голос более привычный и сродный, так как знает его более, чем какой-либо другой. Потому-то глас с неба и был только однажды или дважды, а голос Иоанна – часто и много. Те, которые стояли выше немощей народа, отрешились от всего чувственного, только они и могли слышать голос свыше и не слишком нуждались в голосе человеческом, так как во всем повиновались вышнему гласу и им водились. Но которые еще обращались долу, были покрыты многими завесами, - те имели нужду в голосе низшем. Так сам Иоанн, уже вполне отрешившись от всего чувственного, не нуждался в наставлении от людей, а получал научение с небес. "**Пославший меня крестить в воде**", говорит он, "**сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым**" (Иоан. 1:33). Между тем иудеи, будучи еще детьми и не в силах подняться до такой высоты, имели учителем человека, который однакож не свое им говорил, а возвещал вышние откровения. Итак, что же говорит (евангелист)? "**Иоанн свидетельствует о Нем и, восклицая, говорит**". Что значит: "**восклицая**"? Значит: проповедует смело, свободно, без всякой боязни. А что проповедует? О чем свидетельствует и взывает? "**Сей был Тот, о Котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня**". Свидетельство несколько прикровенное и еще не очень возвышенное. Он не говорит: сей есть Сын Божий единородный; а что? "**Сей был Тот, о Котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня**". Как птицы выучивают птенцов своих летать не вдруг и не в один день вполне, а сперва выводят их только из гнезда, потом, дав им отдых, продолжают далее полет их, на другой день прибавляют еще больше, и таким образом неприметно, мало-по-малу поднимают их на надлежащую высоту, - подобным образом и блаженный Иоанн не вдруг возводит иудеев к горнему, но мало-по-малу учит их воспарять от земли, говоря, что Христос был выше его (Предтечи). И то уже было не мало, чтобы слушатели могли поверить, что муж, еще не явившийся к ним и еще не сотворивший чудес, превосходит Иоанна, мужа столь дивного и славного, к которому стекались все и которого почитали ангелом. А между тем Иоанн-то и старался утвердить в мыслях слушателей, что свидетельствуемый больше свидетельствующего, пришедший после больше пришедшего прежде, еще не виденный больше известного и прославившегося. И посмотри, как разумно он произносит свидетельство. Он указывает не только явившегося, но еще прежде Его явления проповедует о Нем. Такой именно смысл имеют его слова: "**сей был Тот, о Котором я сказал**", - как и Матфей повествует, что всем, приходившим к нему (Иоанну) он говорил: "**я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его**" (Матф. 3:11). Но для чего он так делал еще прежде явления (Господа)? Чтобы свидетельство самого явившегося тем удобнее могло быть принято, когда мысль слушателей уже приготовлена была к тому словами Иоанна, и чтобы не повредил этому свидетельству вид Его уничиженный. Ведь если бы иудеи увидели самого Христа, не слыхав предварительно ничего о Христе и

не получив этого чудного и великого свидетельства о Нем в словах Иоанна, то убогий вид Христа тотчас бы стал в противоречие с величием Его слов. А Он облекся в такой смиренный и для всех обычный вид, что и самарянские жены, и блудницы, и мытари с большою свободою осмеливались подходить к Нему и вступали в беседу с Ним.

3. Итак, сказал я, если бы иудеи в одно время и услышали беседу и увидели самого (Христа), то может быть посмеялись бы свидетельству Иоанна. Но как они уже много слышали о Христе, прежде Его явления, и тем, что было говорено о Нем, было возбуждено их внимание, то с ними случилось противное: они уже не отвергли учение, судя по виду Того, о Ком свидетельствовал Иоанн, но, веря уже сказанному, признали Его славным еще более Иоанна. Выражение: "**Идущий за мною**" значит: имеющий проповедать после меня, а не имеющий быть после меня. Это обозначается и у Матфея словами: "**Идущий за мною**" (Матф. 3:11), относящимися не к рождению Его от Марии, но к пришествию на проповедь. Если бы говорено было о рождении, то сказано было бы не: "**грядущий**", а: **пришел**, - потому что Христос уже родился в то время, как Иоанн говорил это. А что значит: "**стал впереди меня**"? Что он славнее, досточтимее меня. "Не думайте, что я больше Его, потому только что я прежде Его пришел проповедать; я гораздо меньше Его и так меньше, что не достоин быть в числе рабов Его". Таким образом слова: "**стал впереди меня**" означают то же, что выражает иначе Матфей, говоря: "**я не достоин понести обувь Его**". А что слова: "**стал впереди меня**" сказаны не о происхождении Его, очевидно из прибавления. Если бы Иоанн хотел сказать о происхождении, то прибавление: "**стал впереди меня**" – было бы излишним. Да и кто столько глуп и бессмыслен, что не поймет, что прежде его бывший есть первее его? Если же в этом изречении разумеется предвечное бытие, то оно значит не другое что-либо, как и слова: "**Идущий за мною стал впереди меня**". Но в таком случае это было бы сказано нерассудительно и напрасно была бы приложена такая причина. Если бы он это хотел показать, то ему надлежало бы сказать: **по мне грядый первее мене бе, яко предо мною бысть.** Кто произошел прежде, о том, по этой причине, справедливо можно сказать, что он первее другого; а если одни только первее другого, это еще не причина, что тот произошел прежде этого. А что мы теперь говорим, то имеет свое твердое основание. Вы все, конечно, знаете, что мысли неясные имеют всегда нужду в доказательствах, а не мысли ясные. Если бы речь шла о существовании, то не было бы непонятно, что прежде происшедший и должен быть первым; но так как Иоанн говорит о достоинстве, то справедливо и занимается решением представляющегося недоумения. И вероятно многие недоумевали, отчего и на каком основании пришедший после столь напереди, т.е. оказался более досточтимым? На такой вопрос он немедленно представляет причину; а причина та, что Христос по бытию первее его (Иоанна). "Не по какому-либо преуспеянию, говорит он, Христос меня, прежде его пришедшего, оставил позади себя и сам стал напреди: Он первее меня, хотя и после меня приходит".

Но, скажешь ты, если это говорено было о явлении (Христа) людям и о последующем прославлении Его между ними, то каким образом о том, что еще не пришло к концу, он говорит как уже о бывшем? Он не сказал: **будет**, но: **был**. Но это у древних пророков было в обычае, чтобы т.е. о будущих событиях говорить так, как бы уже о совершившихся. Так Исайя, говоря об умерщвлении Его, не сказал, что Он как овча на заколение веден будет, - в будущем времени, - но: "**как овца, веден был Он на заклание**" (Ис. 53:7). Он в то время еще не воплотился; а пророк говорит о будущем событии, как уже сбывшемся. И Давид, назнаменуя крест, не сказал: "**пронзят руки мои и ноги мои**", но: "**пронзили руки мои и ноги мои**". И: "**делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий**" (Пс. 21:17,19). Говоря и о предателе, который еще не родился, он так выражается: "**который ел хлеб мой, поднял на меня пяту**" (Пс. 40:10). Подобным образом он говорит

и о том, что произошло на кресте: "**и дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом**" (Пс. 68:22).

4. Хотите ли, чтобы мы продолжали дальше, или довольно и этого? Я так думаю. Правда, мы этого участка не разработали по всей ширине его, зато проникли в глубину его; а в этом труда не меньше; притом же мы и опасаемся, чтобы, задержав вас свыше меры, не ослабить в вас ревности. Итак окончим слово надлежащим образом. А каким надлежащим образом? Славословием, подобающим Богу. Но Богу подобает славословие не на словах только, а гораздо более на самых делах. "**Так да светит**", сказано, "**свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Матф. 5:16). И подлинно, возлюбленный, нет ничего светоноснее доброго образа жизни. Выражая это, и говорит один из мудрых: "**стезя праведных - как светило лучезарное**" (Прит. 4:18). Они не только светят самим тем, которые возжигают свет в делах своих, но и руководят на правый путь ближних их. Возлием же елей в эти светильники, чтобы огонь поднялся выше и чтобы свет явился в изобилии. Елей этот имеет не только ныне много силы, но, когда еще жертвы были в употреблении, он много превосходил силу их. "**Милости**", сказано, "**хочу, а не жертвы**" (Ос. 6:6; Матф. 9:13): и совершенно справедливо. Тот жертвенник – бездушный; а этот - одушевленный[2]. Там все, положенное на жертвеннике, делается добычею огня, обращается в пепел, разрешается в золу и пыль, и дым рассеивается в воздухе; здесь нет ничего такого, и плоды здесь другие. Это показывает и Павел. Говоря о богатстве любви к бедным у коринфян, он писал: "**ибо дело служения сего не только восполняет скудость святых, но и производит во многих обильные благодарения Богу**". И потом: "**они прославляют Бога за покорность исповедуемому вами Евангелию Христову и за искреннее общение с ними и со всеми, молясь за вас, по расположению к вам**" (2Кор.9:12-14). Видишь ли, какая любовь к бедным разрешается в благодарение и хвалу Богу, в усердные молитвы и в пламеннейшую любовь получивших благодеяние? Будем же, возлюбленные, приносить жертвы, будем приносить на этих жертвенниках каждый день. Жертвы эти важнее и молитв и постов и многих других дел, только бы были (приносимы) от прибытка праведного и таких же трудов, и чисты от всякого любостяжания, хищения и насилия. Такие-то приношения приемлет Бог, а другие – противоположные – отвергает и ненавидит. Он не хочет, чтобы мы Его чтили жертвами чужих несчастий. Такие жертвы нечисты и непотребны и скорее прогневали бы, чем умилостивили Бога. Поэтому должно прилагать все старание к тому, чтобы под видом служения не оскорбить Того, кого мы хотим почтить. Если Каин, принесши Богу худшее, что у него было, и в этом не оказав неправды никому другому, подвергся крайнему наказанию, то не понесем ли мы наказания еще более тяжкого, когда принесем что-либо от хищения и любостяжания? Поэтому Бог и явил нам этот вид заповеди[3], чтобы мы миловали, а не истязали сорабов. А кто берет принадлежащее другим и передает еще другому, тот не милует, а обижает и оказывает крайнюю несправедливость. Как камень не производит из себя елея, так и жестокосердие – человеколюбия. Милостыня, имеющая такой корень, еще не есть милосердие. Поэтому я убеждаю вас – обращать внимание не на то только, чтобы подавать нуждающимся, а и на то, чтобы это подаяние не было хищением у других, так как "**когда один молится, а другой проклинает, чей голос услышит Владыка**" (Сирах. 34:24)? Если мы так тщательно будем вести себя, то, по благодати Божией, сможем сподобиться и от Бога великого человеколюбия, помилования и прощения во всем, в чем согрешили в продолжении этого долгого времени, - и избежать реки огненной, от которой да будем исхищены все мы и достигнем царства небесного, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

[1] Здесь св.Златоуст излагает только мысль, содержащуюся в книге прор. Иезекеиля (3,12) не приводя буквально слов его.

[2] То есть сердце доброе, милостивое.

[3] Разумеется изречение: милости хочу, а не жертвы.

БЕСЕДА 14

"И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать" (Иоан. 1:16).

1. Недавно мы говорили, что Иоанн, - разрешая недоумение тех, которые стали бы сами с собою рассуждать, почему Христос, пришедши на проповедь после Иоанна, стал первее и славнее его, - присовокупляет: "**потому что был прежде меня**". Это – одна причина. Но евангелист представляет и другую, которая ныне высказана (в евангелии). Какую же? "**И от полноты Его**", говорит он, "**мы приняли и благодать на благодать**". Затем приводит еще иную причину. Какую? "**Ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа**" (ст.17). Но что же значат, скажешь ты, слова: "**и от полноты Его все мы приняли**"? К этому и надобно теперь обратить слово. У Него, говорит евангелист, не заимствованный дар; но Он есть самый источник, самый корень всех благ, - самосущная жизнь, самобытный свет, самосовершенная истина. Он не удерживает обилия благ в Себе самом, но изливает его на всех других, и изливая, с лихвой Сам пребывает всегда полным; ущедряя других, Сам ни в чем не умаляется; всегда источая и всем сообщая эти блага, остается в том же совершенстве. А что имею я в себе (говорит Иоанн), это заимствованное, так как я получил от другого, - это нечто малое из всего и как бы скудная капля перед невыразимой пучиной и безбрежным морем. Лучше же сказать, - и это подобие не может изобразить того, что мы усиливаемся высказать. Отдели от моря каплю, - и море тем самым уменьшится, хотя уменьшение и не заметно. Но о том источнике нельзя этого сказать: сколько бы ни исчерпывали его, он нисколько не уменьшается. Итак, нужно перейти к некоторому другому подобию: и оно, конечно, будет слабо и не может изъяснить нам того, чего мы доискиваемся, но по крайней мере ближе первого приведет нас к предположенной мысли. Представим себе источник огня, - и вот от него возжигается тысяча, две, три и больше светильников. Не остается ли огонь в одной и тоже же полноте и после того, как сообщит свою силу столь многим светильникам? Это известно каждому. Если же в телах делимых и через отнятие (частиц) уменьшаемых находится нечто такое, что, и после сообщения своих сил другим телам, нисколько не уменьшается, то гораздо в высшей степени это должно быть в силе бестелесной и бессмертной. Если воспринимаемое здесь[1] есть и сущность и тело, и делится и не делится, то когда речь идет о силе, и притом силе, исходящей от бестелесной сущности, гораздо более несомненно то, что она не подвержена ничему такому.

Потому-то и говорит Иоанн: "**и от полноты Его все мы приняли**", - и свое свидетельство соединяет со свидетельством Крестителя. Слова: "**и от полноты Его все мы приняли**" принадлежат не Предтече, а ученику (Христову). Слова же эти значат вот что: не думайте, что мы, как люди, много времени обращавшиеся с Ним и разделявшие с Ним трапезу, свидетельствуем только из благодарности. Вот и Иоанн, человек, даже не видевший Его прежде и не обращавшийся с Ним, а видевший его вместе с другими только в то время, когда крестил, - и он воззвал: "**был прежде меня**", сказав этим все. Между тем все мы – двенадцать, триста, пятьсот, три, пять тысяч и десятки тысяч иудеев, все вообще множество верующих и тогдашнего, и настоящего, и будущего времени от исполнения

Его получили. Что же получили: "**благодать на благодать**". Какую же благодать вместо какой благодати? Новую вместо древней. Подобно тому, как была правда и правда ("**по правде законной**", сказано, "**непорочный**", - Фил.3:6), - вера и вера ("**от веры в веру**", - Рим.1:17), - усыновление и усыновление ("**которым принадлежат усыновление**", сказано – Рим.9:4), - слава и слава ("**если преходящее славно, тем более славно пребывающее**", - 2 Кор. 3:11), закон и закон ("**закон**", сказано, "**духа жизни освободил меня**" – Рим. 8:2), - служение и служение ("**если же служение**", сказано, - 2Кор.3:7,8 – и в другом месте: "**служащие Богу духом**" – Фил.3:3), - завет и завет ("**заключу новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их**", - Иер. 31:31), - освящение и освящение, крещение и крещение, жертва и жертва, храм и храм, обрезание и обрезание, - так есть благодать и благодать. Но здесь одно – образцы, а другое – истина; и то и другое есть только нечто соименное, а не однозначащее. И на снимках и на изображениях называется человеком написанный и черными красками и белыми, точно также, как и имеющий свой естественный цвет. И статуи, будет ли статуя золотая или глиняная, равно называются статуями. Но иное – образ, а иное – истина.

2. Итак, по сходству имен не заключай о тождестве вещей, так же как и о разности их. Если был образ, то он не был чужд истины, только если он заключал в себе тень, то был ниже истины. Какое же различие между всеми указанными понятиями? Хотите ли, мы займемся истолкованием одного или двух высказанных понятий? Таким образом будут понятны для вас и прочие, - и все мы увидим, что одни из них были уроками для детей, а другие для людей возмужавших и крепких; что одни были законоположены только для людей, другие как бы для ангелов. С чего же нам начать? Хотите ли, с самого усыновления? Итак, какое различие между усыновлением ветхозаветным и новозаветным? То было честью на словах, а это на самом деле. О том сказано: "**Я сказал: вы - боги, и сыны Всевышнего - все вы**" (Пс.81:6:; об этом: "**от Бога родились**" (ст.13). Как и каким образом? "**Банею возрождения и обновления Святым Духом**". Те, и с именем сынов, имели в себе духа рабства, - почтены были этим названием, оставаясь рабами; мы, соделавшись свободными, получили эту почесть не по имени только, а на самом деле. На это указывая, Павел говорил: "**не приняли духа рабства, [чтобы] опять [жить] в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: "Авва, Отче!**"" (Рим.8:15). Как рожденные свыше и, так сказать, воссозданные, мы потому и названы сынами. А если бы кто хотел дознать образ освящения ветхозаветный и новозаветный, то опять и здесь увидит много разности. Древние назывались этим именем (святых), когда не служили идолам, не творили блуда, не прелюбодействовали; а мы делаемся святыми не только через воздержание от тех (пороков), но и через приобретение высших совершенств. И сначала мы получаем этот дар от самого наития С.Духа; а потом и через собственную жизнь, которая гораздо выше иудейской. А что эти слова – не самохвальство, послушай, что сказано тем: не волхвуйте, не очищайте чад своих, так как вы народ святой (Втор. 18:10,13). Таким образом у них святость состояла в удалении от обычаев языческих; а у нас не так, но "**чтобы быть святою**", сказано, "**и телом и духом**" (1Кор. 7:34). "**Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа**" (Евр. 12:14). И: " **совершая святыню в страхе Божием**" (2Кор. 7:1). Слово: **святой** не о всех, к кому прилагается, выражает одну и ту же мысль. Называется святым и Бог, но не так, как мы. Смотри, что говорит пророк, услышав глас, исходящий от серафимов: "**горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами**" (Ис. 6:5), - а пророк был свят и чист. Но если судить о святости нашей по образцу горней, то мы оказываемся нечистыми. Святы и ангелы и архангелы, святы также серафимы и херувимы; но есть опять разность в святости между нами и высшими силами. Я мог бы проследить и все прочие понятия, но вижу, что слово становится слишком продолжительным. Поэтому, оставив дальнейшее исследование, мы предоставляем вам самим рассудить об остальных предметах: вы можете дома, сличив их,

понять различие между ними, и подобным образом проследить все прочее. "**Дай [наставление]**", сказано, "**мудрому, и он будет еще мудрее**" (Прит.9:9). Таким образом начатое нами окончите вы. А нам нужно возвратиться к прежнему порядку слова.

Сказав: "**и от полноты Его все мы приняли**", евангелист присовокупляет: "**благодать на благодать**", и тем показывает, что и иудеи спасаются благодатью. «Не ради умножения вашего, говорит (Бог), но ради отцов ваших Я избрал вас». А если они избраны Богом не за свои заслуги, то явно, что получили эту почесть по благодати. Да и мы все спасены благодатью, - только не так, как они, не в той же, а гораздо важнейшей и возвышеннейшей степени. Таким образом и благодать у нас не такова. Нам даровано не только оставление грехов (это у нас обще с ними: "**все согрешили**", - Рим. 3:23), но и оправдание, и освящение, и усыновление, и благодать Духа, несравненно более светоносная и изобильная. Через эту благодать мы соделались любезными Богу уже не как рабы, но как сыны и други. Потому и сказано: "**благодать на благодать**". И подзаконное домостроительство было делом благодати, да и самое происхождение наше из небытия; не за какие-либо предшествующие заслуги мы получили это воздаяние, - как это могло быть, когда нас совсем и не было? – но так было потому, что Бог во всяком случае предваряет нас Своими благодеяниями. И не только наше происхождение из небытия, но и немедленное, после происхождения, научение тому, что должно делать и чего не делать, вложение закона этого в саму природу нашу, внедрение в нас неподкупного судилища совести – все это есть дело величайшей благодати и неизреченного человеколюбия. Дело благодати также – после повреждения этого закона возобновление его через закон писанный. Преступившим заповедь, однажды данную, следовало бы подвергнуться наказаниям и мучениям. Но этого не сделано; а (последовало) снова исправление и даровано прощение не по праву, но по милости и благодати. А что – по милости и благодати, об этом послушай, как говорит Давид: "**Господь творит правду и суд всем обиженным. Он показал пути Свои Моисею, сынам Израилевым - дела Свои**" (Пс.102:6,7). И в другом месте: "**благ и праведен Господь, посему наставляет грешников на путь**" (Пс. 24:8).

3. Итак получение закона есть дело милости, сострадания и благодати. Поэтому евангелист, сказав: "**благодать на благодать**", еще сильнее доказывает величие даров, когда присовокупляет следующие слова: "**ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа**". Видите ли, как Иоанн Креститель и ученик (Христов) мало-по-малу и незаметно возводят слушателей к самому возвышенному разумению, приготовив их к тому сначала более простыми мыслями. Креститель, сравнив в собою Того, Кто без сравнения превосходит всех, таким образом показывает Его превосходство, и для того говорит: "**Идущий за мною**", и потом присовокупляет: "**стал впереди меня**". А евангелист выражает гораздо больше того (Крестителя), впрочем все еще ниже достоинства Сына единородного; евангелист делает сравнение не с Иоанном, но с тем, кто был в большем уважении у иудеев, разумею Моисея. "**Ибо закон**", говорит, "**дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа**". Но заметь благоразумие. Он сличает не лица, а дела. А как скоро показано превосходство дел одного перед другим, то и неблагодарные по необходимости должны были принять такое учение и внушение о Христе. Когда свидетельствуют сами дела – такие, в которых нимало нельзя подозревать ни пристрастия, ни вражды к кому бы то ни было, то представляется доказательство неопровержимое и для людей неблагомыслящих. Дела эти оказываются такими, как расположили их сами виновники. Поэтому-то свидетельство таких дел есть самое несомненное. Посмотри также, какое, доступное даже для людей слабых, евангелист делает сравнение. Он не изображает на словах превосходства (благодати перед законом), а только в самых наименованиях показывает различие их, противопоставляя закону – **благодать и истину**, и слову: "**дан**" – слово: "**произошли**". А различие большое

между тем и другим. "**Дан**" – это выражение относится к служителю, принявшему закон от другого и предавшему тем, кому повелено было дать; а: "**произошли**" благодать и истина – это изображает Царя, властью своею отпускающего все согрешения и раздающего Свои дары. Поэтому (Господь) говорил: "**прощаются тебе грехи твои**". Также: "**но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, - говорит расслабленному: тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой**" (Мк. 2:10,11). Видишь ли, как благодать через Него происходила? Заметь тоже и касательно истины. Но благодать указывает и то обстоятельство, и события с разбойником, и дар крещения, и благодать Духа, через Него подаваемая, и многое другое. А истину мы уразумеем яснее, если изучим образы. Домостроительство, имевшее совершиться в новом завете, предварительно предначертали образы, как прообразования; а Христос, с пришествием Своим, совершил его. Итак, рассмотрим вкратце некоторые образы, - проследить все образы в настоящее время и не возможно. Вы же, изучив некоторые, которые я представлю, по ним уразумеете и прочие. Итак, хотите ли начнем с самих страданий? Что говорит прообразование? "**Возьмите себе агнцев по семействам вашим и принести в жертву, как повелел и законоположил Господь**" (Исх.12). Но Христос не так сделал; Он не повелевает этого, а сам становится как овча, принося Отцу Себя самого в жертву и приношение.

4. Посмотри еще, как образ дан был через Моисея, а истина совершилась через Иисуса Христа. Во время нападения амаликитян на евреев на горе Синайской были распростерты руки Моисея, и поддерживаемы Ааароном и Ором, которые стояли по ту и по другую сторону; а Христос сам собою держал свои руки распростертые на кресте. Видишь ли, как дан был образ и как совершилась истина? Также закон говорил: "**проклят, кто не исполнит слов закона сего**" (Втор. 27:26). А что говорит благодать? "**Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас**" (Матф. 11:28). И Павел: "**Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою**" (Галл. 3:13). Итак, получив столь великую благодать и истину, не сделаемся, вследствие самой великости дара, беспечны. Чем большей мы удостоены почести, тем более должны быть и добродетельны. Кто, будучи немного облагодетельствован, немного оказывает и ревности в себе, тот не столь великого заслуживает и осуждения; но кто, будучи возведен на самую высшую степень почести, обнаруживает в себе свойства низкие и дела унизительные, тот заслужит гораздо большее наказание. Но не дай Бог – когда-либо предполагать это в вас. Мы уповаем о Господе, что вы воспарили душами вашими к небесам, отрешились от земли и, будучи в мире, не преданы страстям мира. Однакож и при такой уверенности, мы не перестаем почасту внушать вам одно и тоже. В телесной борьбе все зрители также убеждают (бойцов) не падать, не лежать простертыми ниц, но быть бодрыми и держаться на ногах; но тех, которые, несмотря на увещания, не могут встать, однажды навсегда лишаются победы, и, как неспособных к подвигам, с презрением оставляют в таком положении. Но здесь можно ожидать чего-нибудь хорошего не только от вас, бодрствующих, но и от падших, если только они захотят исправиться. Для того-то мы и делаем все, и умоляем, и докучаем, и укоряем, и хвалим, чтобы устроить ваше спасение. И вы потому не досадуйте на наши частые увещания к жизни добропорядочной. Мы говорим, не как осуждающие ваше нерадение, но как имеющие самые добрые о вас надежды. Притом, что доселе было сказано и впредь будет сказано, то касается не вас только, а и нас говорящих. И мы сами имеем нужду в таком же назидании, и хотя сами говорим, но ничто не препятствует обратить те же речи и к нам. Слово, встретив виновного в грехах, исправляет его; не причастного греху и свободного от него отводит от него еще далее. Ведь и мы не чисты от согрешений. Итак врачевание одно для всех, и пособия врачебные предлагаются всем. Но излечение не одно у всех, а соразмеряется с произволением пользующихся им. Потому кто пользуется врачеством. как должно, тот получает облегчение от врачевания; а кто врачества не прилагает к ране, тот усиливает в

себе зло и обращает его к самым несчастным последствиям. Итак, не будем досадовать, когда нас врачуют, но лучше будем радоваться, хотя бы способ учения причинял нам горькие скорби, - потому что впоследствии он принесет самый сладкий плод. Все будем делать так, чтобы чистыми от ран и язв, нанесенных душе уязвлением греха, перейти нам в век будущий, чтобы сподобиться лицезрения Христа и быть преданными не жестоким и мстительным силам, а тем, которые могут ввести нас в наследие небесное, уготованное любящим Его, - что и да получим все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Т.е. в огне.

БЕСЕДА 15

"Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил" (Иоан. 1:18).

1. Бог хочет, чтобы мы не просто слушали имена и слова, находящиеся в Писании, но – с разумением. Поэтому блаженный Давид написал так: "**открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего**" (Пс. 118:18). После него сын его, заступивший на его место, учит, что мудрости должно искать, как серебра, приобретать ее больше, чем золота. А Господь внушал иудеям испытывать Писания и тем нас еще более побуждает к исследованию. Он не в том смысле говорил это, чтобы только прочитав, можно было с первого раза понять Писание. Никто, конечно, не станет испытывать того, что находится вблизи и под рукою, а испытывают то, что остается в тени и может открыться только после долгого изыскания. Для того-то Писание называется и сокровищем сокровенным, чтобы побудить нас к испытанию его. А это внушается нам для того, чтобы приступали к словам Писания не просто, как случилось, но с большою осмотрительностью, потому что кто станет слушать, что читается в нем, без рассуждения и все принимать буквально так, как сказано, тот может предполагать много нелепого о Боге. Он пожалуй допустит, что Бог есть и человек и что Он состоит из меди, что он и гневлив и яростен, и много других еще более худых мыслей. Если же кто будет вникать в глубину смысла, то избежит всякой такой нелепости. Вот и в чтении, ныне нам предложенном, говорится, что Бог имел лоно, а это свойственно телам; но никто не будет столько глуп, чтобы бестелесного почитать телом. Чтобы все это понять в смысле духовном, как должно, исследуем это место подробнее. "**Бога не видел никто никогда**". Каким путем евангелист пришел к этому? Показав великое преимущество даров Христовых – такое, что неизмеримое расстояние находится между этими дарами и сообщенными через Моисея, он хочет потом высказать и достаточную причину такой между ними разности. Моисей, как раб, был служителем дел низших; а Христос, как Владыка и Царь и Сын Царя, принес нам несравненно высшие дары, сосуществуя всегда с Отцом и видя Его непрестанно. Потому-то евангелист и присовокупил: "**Бога не видел никто никогда**". Что же мы скажем на слова велегласнейшего Исайи: "**видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном**" (Ис.6:1)? Что скажем на свидетельство самого Иоанна о том, что Исайя сказал это тогда, когда видел славу Его (Иоан. 12:41)? Что скажем на слова Иезекииля? И он ведь видел Бога, сидящего на херувимах. Что – на слова Даниила? И он говорит: "**и воссел Ветхий днями**" (Дан. 7:9). Что также – на слова Моисея: "**покажи мне славу Твою, дабы я познал Тебя**" (Исх. 33:18,13)? А Иаков и прозвание получил от этого, т.е. был назван Израилем, а Израиль значит: **видящий Бога**. Видели Его и другие. Итак,

почему же Иоанн сказал: "**Бога не видел никто никогда**"? Он показывает, что все то было делом снисхождения, а не видением самого существа божественного. Если бы они видели самое существо, то видели бы его не различным образом. Оно просто, необразно, несложно, неописано; не сидит, не стоит, не ходит. Все это свойственно только телам. Но как Бог существует, это знает Он один и это возвестил сам Бог Отец через одного пророка: "**Я**", говорит, "**умножал видения, и чрез пророков употреблял притчи**" (Ос. 12:10), то есть, Я снизшел, явился, но не тем, что Я есмь. А как Сын Его имел явиться нам в действительной плоти, то Он изначала приготовлял людей к созерцанию существа Божия, сколько им возможно было видеть. Но что Бог есть сам в себе, того не видели не только пророки, но и ангелы и архангелы; и если бы ты спросил их об этом, то в ответ не слышал бы ничего о существе, а только пение: "**слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение**" (Лк. 2:14). Если бы ты пожелал узнать о том что-либо от херувимов, или серафимов, то услышал бы таинственную трисвятую песнь и что "**вся земля полна славы Его**" (Ис. 6:2). А если бы ты обратился с вопросом к силам еще высшим, то ничего не узнал бы, кроме того, что у них одно дело – хвалить Бога. "**хвалите Его, все Ангелы Его, хвалите Его, все воинства Его**" (Пс. 148:2). Итак, самого (Бога Отца) видит только Сын и Дух Святой. Да и как созданное существо, каково бы оно ни было, может видеть Несозданного! Если мы не можем ясно видеть какую бы то ни было бестелесную силу, даже сотворенную, - а этому много оказалось примеров по отношению к ангелам, - то тем более мы не можем видеть существа бестелесного и не созданного. Поэтому и Павел говорит: "**Которого никто из человеков не видел и видеть не может**" (1Тим. 6:16). Но не принадлежит ли это преимущество только одному Отцу, а не Сыну? Нет – и Сыну также. А что принадлежит это и Сыну, послушай Павла, который показывает это и говорит: "**Который есть образ Бога невидимого**" (Колос. 1:15). А как образ невидимого, Он и сам невидим; иначе не был бы и образом. Если же (Павел) в другом месте говорит: "**Бог явился во плоти**" (1Тим. 3:16), - ты не удивляйся; это явление совершилось во плоти, а не по существу. Но что и Он невидим, не только для людей, а и для высших сил, показывает также Павел. Сказав: "**явился во плоти**", он присовокупляет: "**показал Себя Ангелам**".

2. Таким образом Он показался ангелам тогда, когда облекся плотью; а прежде того они также не видели Его, потому что и для них существо было не видимо. Как же, скажете, сам Христос сказал: "**смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного**" (Мф. 18:10)? Что же? Неужели Бог и лицо имеет и небесами ограничивается? Но никто не будет до такой степени лишен ума, чтобы утверждать это. В каком же смысле это сказано? В том же, в каком сказано: "**блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят**" (Мф. 5:8). Говорится здесь о видении, нам возможном, о видении умом и мыслию о Боге. Таким образом и об ангелах можно сказать, что они по своему чистому и бодрственному естеству всегда не что другое созерцают, а только Бога. Потому-то и сам (Господь) также говорит: "**Отца не знает никто, кроме Сына**" (Мф. 11:27). Что же? Неужели все мы находимся в неведении о Нем? Нет; только никто не знает (Отца) так, как Сын. А как и прежде многие видели Его, в доступной для них мере видения, существа же божеского не видел никто, так и ныне все мы знаем Бога, но какой Он в существе своем, того не знает никто, - только один Рожденный от Него. Знанием Он здесь называет точное созерцание и постижение, и притом такое, какое имеет Отец о Сыне. "**Как Отец знает Меня**", говорит Он, "**[так] и Я знаю Отца**" (Иоан. 10:15).

Смотри же, с какою полнотою выражает это евангелист. Сказав: "**Бога не видел никто никогда**", он не говорит потом, что **Сын,** *видящий Его***, явил**, но представляет нечто другое, что еще полнее видения, именно: "**сущий в недре Отчем**", - так как пребывание в лоне гораздо более означает, нежели видение. Кто просто – видит, тот имеет еще не

совсем точное познание о видимом предмете; а кто пребывает в лоне, тот имеет полное ведение. Итак, если Отца никто не знает, кроме Сына, то ты, слыша это, не подумай, что, хотя Сын знает Отца совершеннее, чем все другие, но не знает, каков Он есть в себе; и вот для этого-то евангелист и говорит, что Сын пребывает в лоне Отца; а сам Христос вещает, что знает Отца столько же, сколько Отец Сына. Итак, кто стал бы противоречить, того спроси: знает ли Отец Сына? И он, если только не сошел с ума, конечно, ответит: да. Затем опять мы спросим: имеет ли Отец ведение о Сыне полное и видит ли ясно, что есть Сын? Конечно противник согласится и на это. А отсюда ты выведи и полное знание Сына об Отце. Сам (Сын) сказал: "**как Отец знает Меня, [так] и Я знаю Отца**" (Иоан. 10:15); и в другом месте: "**это не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть от Бога**". Поэтому, как я сказал, евангелист и упомянул о лоне, одним этим словом изъясняя нам все: Сродство и единство существа, нераздельное ведение и равенство власти. А иначе и Отец не мог бы иметь в лоне Своем какое-либо иное существо, да и Сын, если бы был рабом и одним из многих, не дерзнул бы пребывать в лоне Владыки; это свойственно только истинному Сыну, обладающему великим дерзновением перед Родителем и имеющему в себе нисколько не меньше (Его). Хочешь ли дознать вечность Сына? Послушай, что говорит Моисей об Отце. Спросив о том, что сказать в ответ египтянам, если они спросят, кто послал его, он получил повеление сказать: "**Сущий послал меня**" (Исх. 3:14). Слово: "**Сущий**" означает бытие постоянное, бытие безначальное, бытие в истинном и собственном смысле. То же означает и выражение: "**в начале было**", изображая бытие постоянное. И это выражение употребляет здесь Иоанн именно для того, чтобы показать, что Сын существует в лоне Отца безначально и вечно. А чтобы ты, по общности наименования, не заключил, что Он один из тех, которые соделались сынами по благодати, для того здесь приложен член (о᾽), который и отличает Его от сынов по благодати. Если же для тебя этого не достаточно, и ты все еще склоняешься долу, то выслушай наименование, более свойственное Сыну: "**единородный**". А если ты и после этого смотришь книзу, то я не откажусь употребить о Боге и человеческое выражение, - разумею лоно, только бы ты не представлял себе ничего уничиженного. Видишь ли человеколюбие и промышление Владыки? Бог допускает о Себе слова недостойные, чтобы по крайней мере таким образом ты открыл глаза и помыслить что-либо великое и высокое, - и ты все еще остаешься долу? В самом деле, скажи мне, для чего здесь упоминается лоно, понятие грубое и плотское? Для того ли, чтобы мы представляли себе Бога телом? Нет, вовсе нет, говоришь ты; для чего же? Если оно не изображает ни истинности Сына, ни того, что Бог не есть тело, то конечно изречение это брошено напрасно и без всякой нужды. Так для чего же? Я не перестану спрашивать тебя об этом. Не явно ли – для того, чтобы посредством его мы поняли именно то, что Он есть истинно Сын единородный и совечен Отцу? "**Он явил**", - сказано. Что Он явил? Что "**Бога не видел никто никогда**"? Что Бог един? Но это (говорили) и пророки, часто взывал и Моисей: "**Господь, Бог наш, Господь един есть**" (Втор. 6:4); и Исайя: "**прежде Меня не было Бога и после Меня не будет**" (Ис. 43:10).

3. А что же еще мы узнаем от Сына, как сущего в недрах отчих? Что узнаем от Единородного? Во-первых, что это самое составляет Его действенную силу. Потом, мы получили более ясное учение и познание о том, что Бог есть Дух и что поклоняющиеся Ему должны поклоняться духом и истиною; еще же и то, что Бога видеть невозможно, что Его не знает никто, кроме Сына, и что Он есть Отец истинного Единородного; также и все прочее, что об Нем повествуется. Само же слово: "**явил**" выражает учение яснейшее и очевиднейшее, которое Он передал не одним иудеям, а и всей вселенной, и которое сам исполнил. Пророкам внимали не все иудеи, а Единородному Сыну Божию покорилась и и уверовала вся вселенная. Итак, исповедание означает здесь особенную ясность учения. Потому-то называется и Словом и Ангелом великого совета. Если же мы удостоены высшего и совершеннейшего учения, после того как Бог в последние дни возглаголал нам

уже не только через пророков, но и через Единородного Сына, то и мы должны показать жизнь более возвышенную и достойную такой почести. Как Он снизошел к нам до того, что восхотел беседовать с нами не через рабов, а сам непосредственно, то несообразно было бы с нашей стороны не показать в себе ничего лучше прежних времен. Иудеи имели учителем Моисея, а мы самого Владыку Моисея. Итак покажем любомудрие, достойное этой почести, и не будем иметь ничего общего с землею. Он для того и принес нам учение свыше, с небес, чтобы вознести туда нашу мысль, чтобы мы сделались, по мере сил своих, подражателями своего Учителя. А как нам, скажешь, сделаться подражателями Христу? Делая все для общего блага и не ища своего. "**Ибо и Христос**", сказано, "**не Себе угождал, но, как написано: злословия злословящих Тебя пали на Меня**" (Рим. 15:3). Никто пусть не ищет своего. А пусть, ища своего, всякий имеет в виду ближних; что – наше, то – и их. Мы одно тело и члены и части друг друга. (Рим.12:5). Не будем же в отношении друг ко другу, как разделенные. Пусть никто не говорит такой-то мне не друг, не родственник, не сосед; у меня нет ничего общего с ним: как мне приступить к нему? Как начать разговор? Если он и не родственник, не друг тебе, - все же он человек, одного с тобою естества, имеет одного Владыку, сораб, сожитель, - так как живет в одном с тобою мире. А если еще содержит одну веру, то вот он и член твой. Какая дружба может произвести такое единение, как сродство веры? Мы должны показывать не такую близость, не такое иметь общение между собою, как друзья с друзьями, а как члены с членами. Другого высшего дружества и общения, чем это, не найдет никто никогда. Ты так же не можешь говорить: откуда у меня близость и связь с таким-то, как не можешь сказать этого о своем брате, потому что это было бы смешно. "**Все мы крестились в одно тело**", - сказано (1Кор. 12:13). Для чего "**в одно тело**"? Для того, чтобы не разделяться, но взаимным согласием и дружеством сохранять связь всего тела. Итак, не будем презирать друг друга, чтобы не пренебречь самих себя, - потому что сказано: "**никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее**" (Еф. 5:29). Для этого Бог дал нам один дом – мир этот; разделил все поровну: одно для всех возжег солнце, распростер один кров – небо; устроил одну трапезу – землю; дал и другую трапезу, которая гораздо важнее этой, но также одну: соучастники таинства знают, что я говорю; даровал всем один духовный образ рождения; у всех нас одно отечество на небесах; все пьем из одной и той же чаши. Ни богатому Он не дал ничего больше и драгоценнее, ни бедному ничего меньше и малоценнее; но всех равно призвал, и как плотские, так и духовные (блага) равно сообщил. Отчего же такое неравенство в жизни? От любостяжания и высокомерия богатых. Но, братья, да не будет впредь этого. Так как у нас есть нечто общее и необходимейшее, что соединяет нас во едино, то не будем разделяться из-за дел земных и ничтожных, - разумею богатство, бедность, плотское родство, вражду, дружество. Все это тень, еще ничтожнее и тени для тех, которые соединяются узами высшей любви. Будем же сохранять эти узы неразрывными, и никакой хулой дух не сможет проникнуть в нас, чтобы разрушить такое единение. Итак, да будет оно во всех нас, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 16

"И вот свидетельство Иоанна, когда Иудеи прислали из Иерусалима священников и левитов спросить его: кто ты" (Иоан. 1:19).

1. Опасная страсть, возлюбленный, - зависть; опасная и гибельная для самих завидующих, а не для тех, которым завидуют. Она прежде всего им самим причиняет вред и гибель, как какая-нибудь смертоносная отрава, внедрившаяся в души их. А если она когда-либо вредит и тем, которым завидуют, то это вред малый и незначительный, и еще доставляет им пользу, гораздо более важную, чем потеря. И так бывает не с завистью

только, а и со всеми другими страстями: не тот, кто терпит зло, а тот, кто делает зло, получает вред. Иначе, если бы это было не так, Павел не внушал бы своим ученикам – лучше терпеть несправедливость, чем делать ее, говоря: "**для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения**" (1Кор. 6:7)? Он хорошо знал, что гибель всюду следует не за тем, кто терпит зло, а за тем, кто делает зло. Все это я говорю по поводу зависти иудеев. Люди стекавшиеся из городов к Иоанну и, в покаянии о своих грехах, получившие крещение, - те самые, после крещения, как бы передумав снова, посылают спросить его: "**кто ты**"? Подлинно порождения ехиднины, змеи, если еще не хуже их. Род лукавый, прелюбодейный и развращенный, ты уже после крещения изведываешь и любопытствуешь узнать о Крестителе? Может ли быть что-нибудь глупее это глупости? Как же вы приходили к нему? Как исповедывали свои грехи? Как спешили креститься от него? Как вопрошали его о том, что должно делать? Итак, все это делалось у вас безрассудно, без сознания причины и основания на то? Впрочем ничего такого не сказал блаженный Иоанн, не возопил, не стал их укорять; но отвечал со всею снисходительностью. А для чего он так поступил, - стоит узнать, чтобы всем было явно и очевидно злодейство иудеев. Иоанн часто свидетельствовал перед иудеями о Христе и, когда крестил, нередко напоминал о Нем приходящим и говорил: "**я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем**" (Мф. 3:11). Но они в отношении к Иоанну показали человеческую слабость: имея ввиду славу мирскую и взирая на внешность, они думали, что недостойно Иоанна подчинять себя Христу. Иоанна возвышало многое в их глазах: во-первых, именитое и знатное происхождение, потому что он был сын первосвященника; во-вторых, строгость жизни и презрение всего человеческого, потому что он, пренебрегая и одеждою, и домом, и самою пищею, проводил перед тем все время в пустыне. Во Христе все было напротив, происхождение уничиженное, что иудеи часто и выставляли на вид, говоря: "**не плотников ли Он сын? не Его ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий**" (Мф. 13:55)? А мнимое Его отечество было в таком бесславии, что и Нафанаил говорил: "**из Назарета может ли быть что доброе**" (Иоан. 1:46)? Образ жизни был у Него обыкновенный, одежды ничем не отличавшиеся от других; кожаного пояса Он не носил, власяницы не имел, меда и акридов не ел; он жил, как и все, присутствовал в собраниях людей порочных и мытарей, только чтобы привлечь их. Иудеи, не понимая этого, поносили Его, как и сам Он говорит: "**пришел Сын Человеческий, ест и пьет; и говорят: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам**" (Мф. 11:19). И вот как Иоанн часто отсылал их от себя к Тому, кто, по их мнению, был ниже его, то они, стыдясь и досадуя на это и желая лучше иметь учителем Иоанна, открыто не осмеливаясь этого высказать; а отправляют к нему посольство, надеясь лестью расположить его к тому, чтобы он объявил себя Христом. И не каких-либо презренных людей они посылают к нему, как ко Христу, когда, желая схватить Его, послали слуг, потом иродиан и им подобных людей; но священников и левитов, да и священников именно из Иерусалима, т.е. почетнейших (евангелист не без причины заметил это). Посылают же затем, чтобы спросить Иоанна: "**кто ты**"? А между тем и рождение его было известно всем, так что все говорили: "**что будет младенец сей**" (Лк. 1:66)? – и молва о нем пронеслась по всей нагорной стране. Опять, когда он пришел на Иордан, жители всех городов спешили к нему, и из Иерусалима и со всей Иудеи шли креститься у него. Итак это-то люди теперь спрашивают, - не потому, чтобы не знали его (как могли они не знать человека, сделавшегося столько известным?); но они хотели привести его к тому, что я высказал.

2. Послушай же, как этот блаженный муж отвечает именно на ту мысль их, с которою они спрашивали его, а не на сам вопрос. Когда они спросили: "**кто ты**"? – он не вдруг сказал то, что следовало сказать: "**глас вопиющего в пустыне**" (Мк. 1:3). А что? Он уничтожает их предположение, - на вопрос: "**кто ты**"? – он "**объявил, и не отрекся, и**

объявил, что я не Христос" (ст.20). Заметь мудрость евангелиста. Три раза он говорит одно и тоже, чтобы показать и добродетель Крестителя и все лукавство и бессмыслие иудеев. Также и Лука говорит, что, когда народ предполагал, не он ли Христос, - он уничтожил это предположение. Таково свойство благомыслящего служителя – не только не похищать чести, принадлежащей господину, но и отвергать ее даже в таком случае, когда бы предлагали ее другие. Впрочем, простой народ пришел к такому предположению по простоте и неведению; а те спрашивали его, как я сказал, со злым умыслом, надеясь лестью увлечь его к тому, чего хотели. А если бы они не это именно имели в виду, то не перешли бы тотчас к другому вопросу, а стали бы досадовать на то, что он говорит совсем другое и отвечает не на вопрос; они бы сказали ему: разве мы это предполагаем? Разве об этом пришли спрашивать? Но, как бы будучи пойманы и уличены, они переходят к другому предмету и говорят: "**что же? ты Илия? Он сказал: нет. Пророк? Он отвечал: нет**" (ст.21). Они ожидали, что и Илия придет, как и Христос сказал. На вопрос учеников: "**как же книжники говорят, что Илии надлежит придти прежде**"? – Он сказал: "**Илия должен придти прежде и устроить все**" (Мф. 17:10,11). Потом спросили: "**пророк**"? И он отвечал: "**нет**". Однако он был пророк. Почему же он отрекся? Опять потому, что смотрел на цель спрашивавших. Они ожидали, что придет некоторый избранный пророк, так как Моисей говорил: "**пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, - Его слушайте**" (Втор. 18:15). А это был Христос. Поэтому они не вообще говорят: "**пророк**"? разумея одного из многих пророков, но с присовокуплением: "не тот ли ты пророк, о котором предвозвестил Моисей"? Поэтому-то он и отрекся – не от того, что он – **пророк**, а от того, что он – именно **тот** (предвозвещенный) пророк. "**Сказали ему: кто же ты? чтобы нам дать ответ пославшим нас: что ты скажешь о себе самом**" (ст.22). Видишь ли, как они еще сильнее приступают и настаивают, повторяют вопросы и не отстают? Но Иоанн с кротостью сперва отвергает их ложные предположения, и потом дает действительное понятие о себе: "**я**", говорит, "**глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу, как сказал пророк Исаия**" (ст.23). Так как он уже высказал о Христе нечто великое и высокое, то, как бы в ответ на их мысль, тотчас спешит обратиться к пророку и таким образом подтверждает свои слова. "**А посланные были из фарисеев; И они спросили его: что же ты крестишь, если ты ни Христос, ни Илия, ни пророк**" (ст.24,25)? Видишь ли, как не напрасно я говорю, что они именно до этого хотели довести его? А сначала этого они не говорили, чтобы не подвергнуться общей от всех укоризне. Потом, когда он сказал: "**я не Христос**", они желая скрыть то, что затевали в душе, переходят к Илии и к (обещанному) пророку. Когда же Иоанн сказал, что он ни тот, ни другой, они наконец, приведенные в недоумение, сбросив с себя личину, уже открыто выставляют свой лукавый замысел и говорят: "**что же ты крестишь, если ты ни Христос**"? Потом, опять желая прикрыться, присоединяют и других лиц, Илию и пророка. Так как не могли поколебать его честью, то думают обвинением вынудить у него признание в том, чего не было. Но и этого не могли сделать. О, безумие! О, надменность и безвременная суетливость! Вы посланы узнать от него, кто и откуда он: не хотите ли предписывать ему и законов? И этого именно хотели они, принуждая его объявить себя самого Христом. Однако он и теперь не негодует и не высказывает ничего такого, хотя и справедливо было бы, как например: "вы ли хотите мне приказывать и давать законы"? Но опять показывает большую кротость. "**Я крещу в воде; но стоит среди вас [Некто], Которого вы не знаете. Он-то Идущий за мною, но Который стал впереди меня. Я недостоин развязать ремень у обуви Его**" (ст. 26,27).

3. Что на это могли бы сказать иудеи? Здесь обвинение на них неопровержимое, осуждение нещадное; они сами на себя произнесли суд. Каким образом? Они почитали Иоанна достойным всякой веры и столько правдивым, что верили ему не только тогда, когда он свидетельствовал о других, но и когда говорил о себе самом. Если бы они не были такого мнения о нем, то не послали бы узнать от него о нем же самом. Известно, что

мы верим только тем людям, когда они говорят о самих себе, которых признаем людьми самыми правдивыми. Но не это только заграждает их уста, а и самое расположение духа, с которым они приступили к нему; они пришли к нему с особенным усердием, хотя потом и переменились. указывая на то и на другое, Христос говорил: "**он был светильник, горящий и светящий; а вы хотели малое время порадоваться при свете его**" (Иоан. 5:35). А сам ответ Иоанна еще более показал в нем человека, достойного веры. Кто не ищет славы своей, сказано, тот "**истинен, и нет неправды в Нем**" (Иоан. 7:18). И он не искал; но отослал их к другому. Между тем посланные были из людей доверенных, почетных, так что им не оставалось никакого убежища, или оправдания в своем неверии Христу. Почему вы не приняли того, что говорил о Нем Иоанн? Вы послали своих старшин, через них вы спрашивали его, вы слышали, что отвечал Креститель; они, со своей стороны, показали всю ревность, все любопытство, указывали на всех лиц, которых вы предполагали в нем. И однако он с полною свободою исповедал, что он – ни Христос, ни Илия, ни пророк. Не ограничиваясь этим, он сказал и то, кто он сам, беседовал о сущности своего крещения, - именно, что оно маловажно и несовершенно, и не имеет в себе ничего, кроме воды, - показывая тем превосходство крещения, дарованного Христом. Присовокупил и свидетельство Исайи пророка за долгое до того время, и одного наименовал Господом, а другого – Его служителем и рабом. Что же после этого оставалось делать? Не уверовать ли в Того, о ком (Иоанн) свидетельствовал, - поклониться Ему и исповедать Его Богом? А что свидетельство это было делом не лести, а истины, это показал нрав и любомудрие свидетеля. Понятно это и потому, что никто не предпочитает себе ближнего и, когда можно получить самому честь, никто не захотел бы уступить ее другому, особенно когда честь так велика. Таким образом и Иоанн не представил бы такого свидетельства о Христе, если бы Он не был Богом. Если бы и от себя отклонил эту честь, как такую, которая выше его природы, то конечно не приписал бы ее и другому, низшему существу. "**Стоит среди вас [Некто], Которого вы не знаете**". Это он сказал потому, что (Христос) обыкновенно вмешивался в толпу народа, как человек простой, и учил всегда противу гордости и тщеславия. **Ведением** же здесь Иоанн называет знание точное, именно о том, кто Он таков и откуда. А выражение: "**Идущий за мною**" Иоанн часто употребляет, говоря как бы так: "не думайте, что все заключается в моем крещении. Если бы оно было совершенно, то не пришел бы после меня другой с установлением другого крещения. А мое крещение только приготовление и указание пути к тому крещению. Наше дело – тень и образ. Должно придти другому лицу, которое покажет истину". Таким образом слова: "**Идущий за мною**" наиболее указывают на Его достоинство. Если бы (крещение Иоанново) было совершенно, то не было бы нужды искать второго. "**Стал впереди меня**", то есть, Он досточтимее, славнее меня. А чтобы не подумали, что это превосходство есть только сравнительное, то, желая показать Его несравненное достоинство, Иоанн присовокупляет: "**я недостоин развязать ремень у обуви Его**", т.е., Он не просто "**стал впереди меня**", но так, что я недостоин быть в числе даже последних служителей Его: развязывать обувь и есть дело самого низкого служения. Если же Иоанн недостоин развязать ремень, - Иоанн, "**из рожденных женами нет ни одного пророка больше**", то где же нам поместить себя? Если достойный целого мира, или лучше, больший его (так как сказано: "**которых весь мир не был достоин**"), если он признает себя недостойным быть в числе Его последних служителей, то что же скажем мы, обремененные тысячи пороков, - мы, настолько отстоящие от добродетели Иоанна, насколько отстоит земля от неба?

4. Итак, Иоанн говорит о себе, что "**я недостоин развязать ремень у обуви Его**"; а враги истины доходят до такого безумия, что считают себя достойными знать Его также, как Он знает Себя самого. Что может быть хуже такого безумия? Что сумасброднее такого самохвальства? Хорошо сказал некто мудрый: "**начало гордости — удаление человека от Господа и отступление сердца его от Творца его**" (Сир. 10:14). Дьявол, не бывший

прежде дьяволом, не был бы низвержен и не стал бы дьяволом, если бы не заболел этою самою болезнью. Она лишила его прежнего достоинства, они низвела его в геенну, она послужила для него причиною всех зол. Порок этот может сам по себе повредить всякую добродетель души – милостыню ли, молитву ли, пост, или что-либо другое. Сказано, что высокое у людей не чисто перед Господом.

Не блуд только и не прелюбодеяние оскверняет тех, которые предаются ему, но и гордость, и даже гораздо больше. Почему? Потому что хотя блуд и непростительное зло, но по крайней мере иной человек может сослаться на пожелание; а высокомерие не имеет никакой причины, никакого предлога, под которым заслуживало бы хотя тень извинения; оно есть не что иное, как развращение души и самая тяжкая болезнь, происходящая не от чего другого, как только от безрассудства. Подлинно, нет человека безрассуднее высокомерного, хотя бы он обладал большим богатством, хотя бы получил обширное внешнее образование, хотя бы поставлен был на высшей степени власти, хотя бы имел у себя все, что для людей кажется завидным. Если гордящийся действительными преимуществами жалок и несчастен и теряет награду за все свои совершенства, то не смешнее ли всех надмевающийся ничтожными благами, тенью и цветом травы (такова слава этого века), - так как он поступает подобно тому, как если бы бедняк, нищий, постоянно удручаемый голодом, случайно в одну ночь увидел приятный сон и тем стал бы тщеславиться? Жалки и несчастный! Душу твою снедает жесточайшая болезнь, и ты, убогий крайним убожеством, мечтаешь, что у тебя столько и столько-то талантов золота и множество прислуги? Да это – не твое. А если не веришь моим словам, то убедись опытами бывших прежде богачей. Если же ты так упоен, что не вразумляешься приключениями других, то подожди немного и ты дознаешь собственным опытом, что нет для тебя никакой пользы от этих благ, когда, при последнем издыхании, ни будучи властен ни в одном часе, ни в одной минуте, ты невольно оставишь их окружающим тебя людям и, что нередко случается, таким людям, которым ты и не хотел бы оставить. Многие даже не имели возможности распорядиться о них, а отходили нечаянно, еще желая наслаждаться ими, но им уже не было это позволено, и будучи увлекаемы, отходя из мира невольно, по необходимости, оставляли свои блага тем, кому бы и не хотели. Чтобы и с нами того не случилось, мы, пока живы и здоровы, отошлем их в свой (грядущий) град. Только таким образом мы будем иметь возможность насладиться ими, а не иначе; таким только образом мы положим их в надежном и безопасном месте. Ничто, ничто не может их оттуда исхитить: ни смерть, ни доверительные свидетельства, ни наследники, ни клеветы и наветы; но кто сколько принес с собою, отходя отсюда, тем всем и будет наслаждаться непрерывно. А кто так несчастен, что не захотел бы вечно утешаться своим стяжанием? Перенес же свое богатство и положим его там. Для этого перенесения нам не нужно ни ослов, ни верблюдов, ни колесниц, ни кораблей, - и от этих хлопот избавил нас Бог, - нужды нам будут только бедные, хромые, слепые, недужные. Им-то поручен этот перевоз, они-то пересылают богатство на небо, они-то вводят владетелей богатства в наследие вечных благ, которого да достигнем и все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слав ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 17

"Это происходило в Вифаваре при Иордане, где крестил Иоанн. На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира" (Иоан. 1: 28,29).

1. Великая добродетель – дерзновенное, открытое исповедание Христа и предпочтение этого исповедания всему другому; так велика и дивна, что Сын Божий Единородный

исповедует такого человека перед Отцом Своим, хотя это воздаяние и несоразмерно. Ты исповедуешь на земле, а Он исповедует на небесах; ты – перед людьми, Он – перед Отцом и всеми ангелами. Таков был Иоанн. Он не смотрел ни на народ, ни на славу, ни на что человеческое, но, презрев все это, с должною свободою проповедовал всем о Христе. Поэтому евангелист означает и самое место (его проповеди), чтобы показать дерзновение велегласного проповедника. Не в доме, не за углом, не в пустыне, но на Иордане, среди множества народа, в присутствии всех, крестившихся от него (а Иоанну крещающему предстояли иудеи), он возгласил это дивное исповедание о Христе, исполненное великих, возвышенных и неизреченных догматов, а о себе говорил, что недостоин был развязать ремень сапог Его. Как же это выражает евангелист? Присовокупляя слова: "**это происходило в Вифании**". А в исправленных списках сказано: "**в Вифаваре**". Фифания была не по ту сторону Иордана и не в пустыне, а близ Иерусалима. Но эти места означает (евангелист) и по другой причине. Он хотел рассказать события не древние, а случившиеся не за долгое перед тем время, и потому призывает в свидетели своих слов людей, которые находились в тех местах и были очевидцами, и таким образом от самых мест представляет доказательства. Уверенный, что в своем повествовании он ничего не прибавляет от себя, а говорит все просто, как было, он заимствует свидетельство от самых мест, которое, как я сказал, может быть не маловажным доказательством истины. "**На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира**". Евангелисты как бы разделили между собою времена. Матфей, вкратце обозрев время до заключения в темницу Иоанна Крестителя, поспешает к обстоятельствам последующим; а евангелист Иоанн не только не вкратце представляет то время, но на нем-то в особенности и останавливается. Мафей, после пришествия Иисуса из пустыни, умолчав о промежуточных обстоятельствах, как например о том, что проповедовал Иоанн, что говорили посланные (к нему) иудеи, и сократив все прочее, немедленно переходит к темнице. "**Услышав же Иисус**", говорит он, "**что Иоанн отдан [под стражу], удалился**" оттуда (Матф. 4:12). Но Иоанн сделал не так; а умолчав об отшествии в пустыню, о котором сказал Матфей, он повествует об обстоятельствах после сошествия Иисуса с горы и, рассказав о многом, затем присовокупляет: "**ибо Иоанн еще не был заключен в темницу**" (Иоан 3:24). Но для чего, скажешь, Иисус теперь приходит к Иоанну, делает это не однажды, а и в другой раз? Матфей говорит, что Ему нужно было придти для крещения. Указывая на это, и сам Иисус присовокупляет: "**ибо так надлежит нам исполнить всякую правду**" (Мф. 3:15). А Иоанн показывает, что Он и в другой раз приходил, уже после крещения, и это замечает словами Крестителя: "**я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем**" (ст.32). Итак, для чего он приходит к Иоанну? Ведь Он не просто пришел туда, а приходил именно к нему. "**Видит Иоанн**", сказано, "**идущего к нему Иисуса**". Так как Иоанн крестил Его вместе с другими многими, и многие могли предполагать, что он приходил к Иоанну по той же причине, как и другие, то есть затем, чтобы исповедать согрешения и омыться в реке с покаянием, то Иисус и приходит снова, чтобы и самому Иоанну дать возможность исправить такое положение. И действительно Иоанн, сказав: "**вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира**" (ст.29), совершенно уничтожил такое подозрение. Если Он так чист, что может даже разрешать чужие грехи, то ясно, что Он приходит не затем, чтобы исповедать свои согрешения, а чтобы чудесному проповеднику дать случай – повторением прежде сказанного еще точнее внушить слушателям прежде о Нем сказанное и присовокупить к тому еще нечто другое. Частица: **вот** употреблена потому, что многие уже давно, вследствие слов Иоанна, хотели видеть Его. Поэтому Иоанн и указывает Его, когда Он явился, и говорит: **вот**, выражая этим, что Он есть Тот, кого издавна ожидали. "**вот Агнец**". Агнцем называет Его, припоминая иудеям пророчество Исайи и прообразование из времен Моисея, чтобы через прообраз ближе привести их к истине. Но агнец ветхозаветный не принимал на себя никогда ничьих грехов, а этот принял грехи всего мира, избавил его от гнева Божия, когда ему угрожала

погибель. "**Сей есть, о Котором я сказал: за мною идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня**" (ст. 30).

2. Видишь ли, как и здесь изъясняет евангелист выражение: "**впереди меня**"? Называя Его агнцем и сказав, что Он вземлет грех мира, затем говорит: "**стал впереди меня**", и таким образом показывает, что "**впереди меня**" – означает принятие грехов мира, крещение Духом Святым. «Мое пришествие ничего более не имело целью, кроме проповедания общего вселенной Благодетеля и кроме сообщения крещения водою; а Его пришествие имеет целью – очищение всех людей и дарование благодатных сил Утешителя». "**Стал впереди меня**", то есть, явился славнее меня, "**потому что был прежде меня**". Да постыдятся же последователи безумия Павла Самосатского, противящиеся столь очевидной истине. "**Я не знал Его**" (ст.31). Смотри, как он отклоняет всякое подозрение от своего свидетельства, показывая, что оно дано им не по пристрастию человеческому, а по откровению Божию. "**Я не знал Его**", - говорит Иоанн. Как же ты можешь быть достоверным свидетелем? Как ты станешь учить других, если сам не знаешь? Как он мог быть пристрастным к тому, которого не знал? "**Для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю**" (ст. 31). Итак, Он сам не имел нужды в крещении, и омовение то не другую какую-либо имело цель, а именно проложение другим пути к вере во Христа. Иоанн не сказал: я пришел крестить, чтобы очистить крещаемых, или чтобы отпускать согрешения, но - "**чтобы Он явлен был Израилю**". Что же, скажи мне, неужели без крещения нельзя было проповедовать и привлекать народ? Это было не так удобно. Если бы проповедь была без крещения, то не стали бы все так стекаться; не узнали бы превосходства одного крещения перед другим без сравнения их. Народ выходил к Иоанну не слушать только то, что он говорил, а для чего? Креститься с исповеданием своих грехов. Между тем, приходя креститься, узнавали и о Христе, и о различии крещения. А хотя крещение Иоанна было и важнее иудейского и потому все спешили к нему, однакож и оно было не совершенно. Но как ты узнал Его? Через сошествие Духа, - говорит Иоанн. А чтобы не подумал кто, будто Христос, как мы, имел нужду в Духе, послушай, как Иоанн уничтожает и это подозрение, показывая, что сошествие Духа произошло единственно для возвещения о Христе. Сказав: "**я не знал Его**", Иоанн присовокупляет: "**но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым**" (ст. 33). Видишь ли, что целью сошествия Святого Духа было только указать Христа? Конечно, свидетельство Иоанна было несомненно; но желая сделать его еще более достоверным, он возводит его к Богу и Духу Святому. Как Иоанн свидетельствовал о предмете столь великом и дивном, который мог привести в изумление всех слушателей, - то есть, что (Иисус) один берет на себя грехи мира и что величие дара (Его) служит достаточным для того искуплением, - то и приготовляет к такой мысли. А приготовлением и служит учение, что Он – Сын Божий, что Он не имеет нужды в крещении и что Дух сошел для того только, чтобы указать Его. Сам же Иоанн не имел сил сообщать Духа. Это показывают сами крещенные им, когда говорят: "**приняли ли вы Святаго Духа, уверовав**" (Деян. 19:2).

Христос не нуждался в крещении, ни в этом, ни в каком-либо другом, а лучше сказать, крещение имело нужду в силе Христовой. Ведь главнейшим из всех благ оставалось то, чтобы крещаемый удостаивался Духа. Потому Христос, когда пришел, приложил это дарование Духа. "**И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нем. Я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым. И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий**" (ст. 32-34). Иоанн часто употребляет слова: "**я не знал Его**", - не без причины и не без цели, а потому, что был сродником Его по плоти. "**Вот и Елисавета, родственница Твоя, и она зачала сына**" (Лк. 1:36). Итак, чтобы не подать мысли, будто он имеет

пристрастие ради родства, он часто говорит: "**я не знал Его**". Да и в самом деле так было. Все время он жил в пустыне, вне отеческого дома. Но как же он удерживал Христа от крещения, говоря: "**мне надобно креститься от Тебя**" (Мф. 3:14), если не знал Его до сошествия Духа и узнал тогда только в первый раз? Это было свидетельством, что он хорошо знал Его. Однакож справедливо, что он узнал не прежде или не задолго до того времени. Чудеса, совершившиеся в детстве Иисуса, как-то: происшествия с волхвами и прочие, случились гораздо прежде, когда и сам Иоанн был еще в младенчестве. А в продолжение столь долгого времени конечно Иисус не всем был известен. А если бы Он был известен, то Иоанн не сказал бы: "**для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю**".

3. Отсюда явно для нас и то, что знамения, которые, как говорят, были совершены Христом в детстве, ложны и вымышлены какими-либо лживыми людьми. Если бы Он начал совершать чудеса от первого возраста, то Иоанн не мог бы не знать Его, да и народ не имел бы нужды в учителе, который указал бы Его. Между тем Иоанн сам о себе говорит, что пришел для того, "**чтобы Он явлен был Израилю**", и также в другой раз говорил: "**мне надобно креститься от Тебя**"; впоследствии же, узнав Его ближе, он проповедовал о Нем народу, говоря: "**за мною идет Муж, Который стал впереди меня**", и: "**Пославший меня крестить в воде**", послал для того, " **чтобы Он явлен был Израилю**", - таким образом пославший открыл Иоанну Христа еще до сошествия Духа. Поэтому еще прежде пришествия Его Иоанн говорил: "**за мною идет Муж, Который стал впереди меня**". Итак Иоанн не знал (Иисуса) прежде пришествия на Иордан и крещения всех, но узнал Его тогда, как Он восхотел креститься, и при том узнал по откровению при крещении, по указанию Отца и Духа иудеям, для которых и было сошествие Духа. Чтобы не было пренебреженно свидетельство Иоанна, когда он говорил, что "**Он был прежде меня**", что Он крестит Духом и что будет судить вселенную, для этого Отец подал глас, возвестив о Сыне, и Дух сошел, низводя этот глас на главу Христа. Так как один крестил, другой принимал крещение, то, чтобы кто-либо из присутствовавших не подумал, что слова Отца изречены об Иоанне, для этого нисходит Дух, устраняя такое предположение. Итак, когда Иоанн говорит: "**я не знал Его**", то говорит о времени прошедшем, не близком к крещению. Иначе как же он удерживал Иисуса, говоря: "**мне надобно креститься от Тебя**"? Как он говорил о Нем такие слова? Почему же иудеи не уверовали, скажешь ты, когда не один Иоанн видел Духа в виде голубя? Если они и видели, то для таких предметов потребны не одни телесные очи, но преимущественно очи ума, чтобы действительного предмета не признать за пустой призрак. Они видели и то, как Христос совершал чудеса и как, касаясь своими руками больных и умерших, возвращал им жизнь и здравие, однакож до того были упоены ненавистью, что представляли себе противное тому, что видели. Как же могли они оставить свое неверие только по одному сошествию Духа? Некоторые же говорят, что и не все видели Его, а только Иоанн и другие некоторые, более благомыслящие. Хотя и чувственными очами можно было видеть Духа, нисходившего в виде голубя, - при всем том не было никакой необходимости, чтобы это явление было для всех очевидно. И Захария видел многое в чувственном образе, и Даниил и Иезекееиль; но участником в видении они не имели никого. Видел многое и Моисей, чего никто другой не видел. Не все также ученики Христовы были удостоены видеть преображение Его на горе, не все участвовали и в видении воскресения, что ясно показывает Лука, когда говорит, что Воскресший явил себя "**свидетелям, предъизбранным от Бога**" (Деян. 10:41). "**И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий**". Когда же он свидетельствовал, что есть Сын Божий? Он называл Его Агнцем, говорил и то, что Он будет крестить Духом, а что Он – Сын Божий, этого не говорил. Прочие евангелисты не пишут, что после крещения Он говорил что-либо, а умолчав о событиях этого времени, они говорят о чудесах Христовых, бывших уже после заключения Иоанна. Из этого можно догадываться, что и это, и еще многое другое они

прошли молчанием, что и показал этот самый евангелист в конце своего писания. Они столько были далеки от намерения - выдумать что-либо великое об Нем, что все единогласно, со всею точностью изложили обстоятельства по видимому неблагоприятные для Него, - и ты не найдешь, чтобы кто-либо из них умолчал о чем-нибудь подобном. Что же касается до чудес, то иные чудеса один из них предоставлял другому описывать, а о некоторых умолчали все. Это говорю я не без цели, но имея в виду бесстыдство язычников; это служит достаточным доказательством правдивости евангелистов и того, что они ничего не говорили по пристрастию. Этим доказательством, вместе с другими, вы можете ратовать против язычников. Но послушайте, - нелепо будет, если врач со всем усердием ратовать будет за свое искусство, также и сапожник и ткач и все другие ремесленники за свое ремесло, а тот, кто исповедует себя христианином, не в состоянии будет слова сказать в защиту своей веры. Небрежение о тех искусствах приносит ущерб в имуществах, а нерадение о вере губит у нас саму душу. И мы находимся в таком жалком состоянии, что на те дела употребляем все свое старание, а самое необходимое, то, от чего зависит наше спасение, пренебрегаем, как ничего не стоящее.

4. Это не располагает и язычников к осуждению своих собственных заблуждений. Если они, упорные во лжи, все делают так, чтобы прикрывать срам своих лжеучений, а мы, служители истины, не можем ради ее и уст раскрыть, то как же им не осуждать нас в слабости нашего исповедания, как не подозревать в нас обмана и заблуждения, как не хулить Христа, будто лицемера и обманщика, который для обмана воспользовался неразумием простых людей? А в такой хуле виновны мы, как скоро не хотим потрудиться в изучении своей веры, но, считая это дело лишним, заботимся только о земном. Какой-нибудь любитель плясуна, или бегуна, или бойца со зверьми всячески старается о том, чтобы не уступить состязаясь о них, расточает им похвалы, защищает против порицателей их и тысячью ругательств поражает противников. Но когда предстоит речь в защиту христианства, все потупляют глаза в землю, почесываются, зевают и осмеянные отступают. Какого негодования заслуживает это, когда у вас Христос представляется ниже плясуна, когда вы собираете тысячи доводов в защиту того, что делают для плясуна, не смотрят на то, что они люди самые презренные, а в защиту Христовых чудес, привлекших всю вселенную, не хотите даже ничего подумать, или сколько-нибудь позаботиться? Мы веруем в Отца и Сына и Святого Духа, в воскресение тел, в жизнь вечную. Теперь, если кто-нибудь из язычников спросит: кто этот Отец, кто Сын, кто Дух Святой? или: как-де вы сами, признавая трех богов, обвиняете нас в многобожии? – что вы скажете, что будете отвечать? Как отразите такое возражение? А что, если вы будете молчать, а вам предложат другой вопрос: какое это воскресение? В этом ли теле мы снова восстанем, или в другом? Если в этом, то зачем же оно должно разрушиться? Что вы на это скажете? А если еще спросят: для чего Христос пришел ныне, а не прежде? Или Он ныне только восхотел промышлять о людях, а во все прочее время не имел попечения о нас? Если станут допытываться, кроме этого, и еще о многом другом? Но нам нет нужды предлагать дальнейшие вопросы и оставлять из не решенными, чтобы не повредить через то более простым людям. А сказанного нами достаточно, чтобы отогнать от вас сон. В самом деле, что, если вас станут испытывать в этих предметах, а вы не в состоянии будете даже выслушивать таких речей? Малому ли, скажи мне, наказанию мы подвергнемся, делаясь причиною таких заблуждений для людей, сидящих во тьме? Я хотел бы, если у вас довольно досуга, показать всем вам написанную против нас одним безбожным языческим философом книгу, и еще другим, старее его, чтобы возбудить вас и отвлечь от такой недеятельности. Если они так неусыпны в своих нареканиях на нас, то можем ли мы заслуживать какое-нибудь прощение, когда не будем уметь отражать их нападения? Для чего же мы и приведены (в Церковь)? Не слышишь ли, что говорит апостол: "**[будьте] всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением**" (1Петр. 3:15)? И Павел тоже внушает, говоря: "**слово**

Христово да вселяется в вас обильно" (Колос. 3:16). Что скажут на это люди, которые бессмысленнее трутней? «Благословенна всякая душа простая»; также: "**кто ходит в непорочности, тот ходит безопасно**" (Прит.10:9). Не все зло – оттого, что многие не умеют даже кстати приводить свидетельств Писания. Премудрый в этом месте говорит не о глупом человеке, не о том, который ничего не знает, но о человеке незлобивом, не лукавом, благоразумном. А если бы было иначе, то напрасно было бы сказано: "**будьте мудры, как змии, и просты, как голуби**" (Матф. 10:16). Но для чего нам распространяться об этом, когда это слово ни к чему не ведет? Кроме того, что теперь сказано, мы не делаем и ничего другого, что относится к жизни и деятельности, но во всех отношениях мы – люди жалкие и достойные осмеяния. Обвинять друг друга мы всегда готовы, а исправлять то, в чем сами виновны и подлежим обличению, на это мы всегда медленны. Итак, умоляю вас – не ограничиваться только взаимным обвинением. Этого не достаточно для умилостивления Бога. Но постараемся показать во всем перемену на лучшее, чтобы пожить во славу Божию, насладиться и самим будущею славой, которой и да сможем достигнуть все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 18

"На другой день опять стоял Иоанн и двое из учеников его. И, увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий. Услышав от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом" (Иоан. 1:35-37).

1. Беспечна природа человеческая и легко увлекается к погибели не от того, что она так создана, а от произвольного нерадения. Поэтому-то надобно много увещевать ее. И Павел, пишущий филиппийцам, по этому побуждению говорит: "**писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно**" (Фил. 3:1). Земля, приняв однажды семена, скоро воздает плоды и не требует вторичного сеяния; но душа наша не такова. Желательно, по крайней мере, чтобы сеющий часто и прилагающий к тому много попечения хотя однажды получил плод. И прежде всего, предлагаемое учение не легко напечатлевается в душе, потому что в ней много окаменелости, она объята бесчисленным тернием, а кроме того много наветников, которые похищают эти семена. Затем, когда семя внедрится и укоренится, оно требует опять такой же заботы, чтобы могло взойти в рост, а взошедши, оставалось бы в целости и не потерпело от чего-либо вреда. Впрочем в земных семенах, когда колос достигнет зрелости и получит надлежащую силу, он уже не боится ни зловредной росы, ни зноя и ничего другого; но в деле учения не так. Здесь и после того, как все вполне бывает устроено, часто одна непогода и буря повреждает все, при обстоятельствах неблагоприятных, при наветах коварных людей, или при стечении других различных искушений. Это мы говорим не без цели, а для того, чтобы ты, услышав повторение Иоанном одних и тех же слов, не обвинил его в суесловии и не счел его человеком пустым и скучным. Он конечно желал, чтобы и однажды сказанное им было услышано, но как вначале не многие вняли сказанному, по причине глубокого усыпления, то вот повторением одного и того же он снова пробуждает их. Смотри: он говорил: "**Он-то Идущий за мною, но Который стал впереди меня**", и: "**я недостоин развязать ремень у обуви Его**", также: "**Он будет крестить вас Духом Святым и огнем**", и: "**на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым. И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий**" (Иоан.1:27-34). Но между тем никто не внимал ему, никто не спрашивал: что это ты говоришь, и о ком, и для чего? Потом он сказал еще: "**вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира**", - однакож и этим не вывел их из бесчувственности. Таким образом он принужден был повторять одно и тоже, как бы грубую и затверделую землю смягчая новою запашкой и словом, точно плугом, поднимая подавленную душу, чтобы бросить семена в глубину

ее. Потому-то Креститель и не распространяет своего слова, заботясь только об одном – чтобы их привести и присоединить ко Христу. Он знал, что, если только они примут Его и уверуют, то уже не будут иметь нужды в другом свидетеле о Нем. Так и случилось. Если самаряне, послушав Христа, говорят жене самарянской: "**уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира, Христос**" (Иоан.4:42), то гораздо скорее могли быть обращены ко Христу ученики (Иоанна), как действительно и было. Они, пришедши (ко Христу) и послушав Его один вечер, уже не возвращались к Иоанну, но так предались Христу, что приняли на себя и служение Иоанна и сами стали проповедовать о Христе. "**Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: Христос**" (Иоан. 1:41). Обрати внимание и на следующее: когда Иоанн говорил: "**Он-то Идущий за мною, но Который стал впереди меня**", и: "**я недостоин развязать ремень у обуви Его**", то не уловил никого; как же скоро стал беседовать об устроении нашего спасения и беседовать словом более простым, то ученики его последовали за Христом. Но не это одно надлежит взять во внимание, а и то, что не столь многие приводятся (ко Христу) тогда, когда говорят им о Боге что-нибудь великое и возвышенное, как тогда, когда говорят о благости, человеколюбии Его и о том, что относится ко спасению слушающих. Вот услышали, что Он берет грехи мира, - и тотчас поспешили к Нему. Если можно, говорят они, омыть свои грехи, - для чего же медлить? Вот предстоит Тот, кто освободит нас от них без труда. Не крайне ли безрассудно отлагать до другого времени такой дар? Да слышат это оглашенные, отлагающие свое спасение до последнего издыхания. "**Опять стоял Иоанн и сказал: вот Агнец Божий**". Христос ничего не говорит, а все Креститель. Так бывает с женихом. Не сам он тотчас начинает говорить с невестою, но стоит в молчании, и другие указывают его и вручают ему невесту; и когда она является, он не сам по себе принимает ее и уводит, но другой ему передает ее. Когда же примет из рук других, то уже так располагает ее к себе, что она не вспоминает и сочетавших ее с ним. Так было и со Христом. Пришел Он обручить себе Церковь, - и вначале ничего не говорил сам, а только предстоял; друг же Его Иоанн подал Ему десницу этой невесты, вручив Ему через свое слово души людей. Но, приняв их, Христос так расположил их к себе, что они уже не возвращались к тому, кто вручил их.

2. Не это только, но и другое нечто надлежит здесь заметить. Как, при заключении браков, не девица приходит к жениху, а он спешит к ней, хотя бы это был сын царя и хотя бы он хотел взять за себя из бедного и низшего сословия, хотя бы рабу, - так было и здесь. Не естество человеческое восходило на небо; но сам (Бог) снизшел к нему – презренному и убогому. По совершении же брака, Он уже не дозволил ему оставаться здесь, но, восприняв его на Себя, ввел в дом отчий. Но для чего Иоанн не отдельно берет своих учеников и не особо говорит с ними о Христе, чтобы таким образом передать их Христу, а в присутствии всего народа говорит им: "**вот Агнец Божий**"? Для того, чтобы это не казалось делом его умысла. Если бы они пошли ко Христу, будучи особо убеждены Иоанном и как бы из угождения ему самому, то они также скоро могли бы и отступить от Христа; но теперь, решившись последовать Христу по силе учения, обращенного ко всем вообще, ученики Иоанна пребыли твердыми в этом, так как последовали не из угождения учителю, а по собственному усердию и ради своей пользы. Все пророки и апостолы проповедовали Христа в Его отсутствии: одни – до Его пришествия во плоти, другие – по Его вознесении; один Иоанн проповедовал о Нем в Его присутствии. Потому он и называется другом жениха, - так как он один присутствовал на браке; он все это устроил и совершил; он положил начало этому делу. "**И, увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий**". Он говорил это, показывая, что не голосом только, но и очами свидетельствует. Он удивлялся Христу, в радости и восторге; и не тотчас обращает слово убеждения к ученикам, но сперва только удивляется и предается изумлению, при явлении Христа; показывает всем и дар, с которым Он пришел, и образ искупления. Слово «агнец» выражает то и другое. И не сказал Иоанн: "**возьмет**", или: "**взявший**", но "**берет**" грехи

мира, как бы Христос всегда это делал. В самом деле, Он не тогда только принял на себя грех, когда пострадал, но с того времени и доселе вземлет грехи, не так, как бы всегда был распинаем (Он однажды принес жертву за грехи), а так, как этою одною жертвою Он всегда очищает грехи. Таким образом как наименование Его **Словом** показывает превосходство Его естества, а имя **Сына** выражает отличие Его от других существ, так и слова: **агнец**, **Христос**, **пророк**, **свет истинный**, **пастырь добрый** и другие, употребляемые о Нем, выражения с прибавлением члена (**о**) показывают большое различие их от обыкновенных выражений. Много было агнцев, пророков, христов[1]), сынов; но Иоанн представляет большое различие между Ним и всеми теми. И это он утвердил не прибавлением только члена, но и приложением слова: **единородный**, - так как Христос не имеет ничего общего с тварью. Если же кому кажется неблаговременным то, что слова эти сказаны были в десятом часу (таково было время дня: "**было около**", сказано, "**десятого часа**", - ст.39), то, по моему мнению, такой очень погрешает. Для многих людей, раболепствующих плоти, конечно, время после насыщения не совсем удобно к делам важным, потому что душа отягощена пищею. Но то был муж, не употреблявший даже обыкновенной пищи, который и вечер проводил с такою же трезвенностью, с какою мы – утро, или лучше сказать, гораздо большею (потому что у нас нередко остатки вечерней пищи наполняют грезами душу, а он ничем таким не обременял этого судна); поэтому и не удивительно, что Иоанн и в вечернее время беседовал о таких предметах. Притом же он и жил в пустыне близ Иордана, куда все с большим страхом приходили для крещения, мало заботясь в то время о делах житейских, как и со Христом народ пробыл три дня, оставаясь без пищи. Долг усердного проповедника, как и заботливого земледельца – не оставлять своего дела, пока не увидит, что всажденное слово укоренилось. Но почему Иоанн не прошел всей Иудеи с проповедью о Христе, а оставался при реке, ожидая Его пришествия, чтобы потом, когда Он придет, указать Его народу? Иоанн хотел, чтобы сами дела свидетельствовали о Христе, а особенная цель Иоанна была та, чтобы только огласить Его пришествие и убедить хотя некоторых – послушать Живота вечного. Большее же свидетельство Иоанн оставляет самому Христу, именно свидетельство дел, как и сам Христос говорит: "**Я же имею свидетельство больше Иоаннова: ибо дела, которые Отец дал Мне совершить, самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют о Мне**" (Иоан. 5:36). Смотри же, как такое свидетельство было сильно. Иоанн бросил только малую искру – и вдруг пламя поднялось в высоту. Те, которые дотоле даже не внимали словам Иоанна, наконец говорят: "**все, что сказал Иоанн о Нем, было истинно**" (Иоан. 10:41).

3. В противном случае, если бы т.е. Иоанн проповедовал, обходя всю Иудею, могло бы казаться, что это делается по видам человеческим, и проповедь была бы подозрительною. "**услышав от него сии слова, оба ученика пошли за Иисусом**" (ст. 37). Были у Иоанна и другие ученики; но они не только не последовали за Христом, а еще и с завистью смотрели на Него. "**Равви**", говорили они Иоанну, "**Тот, Который был с тобою при Иордане и о Котором ты свидетельствовал, вот Он крестит, и все идут к Нему**" (Иоан. 3:26); и в другой раз они являются с обвинением: "**почему мы и фарисеи постимся много, а Твои ученики не постятся**" (Матф. 9:14)? Но лучшие из них так не делали, а как скоро услышали о Христе, последовали за Ним. Да и последовали они не из презрения к своему учителю, но наиболее из послушания ему, и представили величайшее доказательство того, что они так поступили по здравому убеждению. Они сделали это, не будучи побуждаемы к тому, что было бы подозрительно, а последовали за Христом потому только, что Иоанн предрекал о Нем, что Он будет крестить Духом Святым. Итак, они не оставили своего учителя, но захотели узнать, дарует ли Христос что-либо больше, чем Иоанн. И заметь, как их заботливость соединялась со скромностью. Не вдруг они пришли и стали спрашивать Иисуса о предметах важных и необходимых; и не открыто в присутствии всех, и не мимоходом и как случилось они хотели беседовать с Ним, но –

наедине. Они знали, что слова их учителя выражали не одно смирение, а чистую истину. "**Один из двух, слышавших от Иоанна [об Иисусе] и последовавших за Ним, был Андрей, брат Симона Петра**" (ст. 40). Почему евангелист не означил имени и другого ученика? Некоторые объясняют тем, что этот ученик, последовавший за Христом, был тот же, который и написал об этом; другие же думают не так, а что он не был из числа избранных учеников, евангелист же говорил только о лицах, более замечательных. Но что пользы узнавать имя этого ученика, когда не сказаны имена и семидесяти двух учеников? Тоже можно видеть и у Павла. "**С ним послали мы**", говорит он, "**также брата, во всех церквах похваляемого за благовествование**" (2Кор.8:18). А об Андрее упомянуто еще и по другой причине. Какая же это причина? Та, чтобы ты, зная, как Симон с Андреем, лишь услышали: "**идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков**" (Мф. 4:19), не усомнились об этом необычайном обетовании, - чтобы, говорю, ты знал и то, что начатки веры еще прежде Симона положены братом его. "**Иисус же, обратившись и увидев их идущих, говорит им: что вам надобно**" (ст.38)? Отсюда мы учимся, что Бог Своими дарами не предваряет наших желаний, но когда мы начнем, когда обнаружим желание, тогда и Он подает нам многие способы к спасению. "**Что вам надобно**"? Что это значит? Ему ли ведущему сердца людей, проникающих в наши помышления, - спрашивать? Но Он спрашивает не для того, чтобы узнать (как это возможно?), а чтобы вопросом еще более приблизить их к себе, сообщить им более дерзновения и показать, что они достойны беседовать с Ним. Они, вероятно, стыдились и страшились, как люди незнакомые с Ним и только от своего учителя слышавшие свидетельство о Нем. Чтобы уничтожить в них все это – стыд, страх, Он сам спрашивает их и не оставляет их в молчании идти до Его жилища. Впрочем, может быть, тоже было бы, если бы Он и не предложил вопроса, потому что они не перестали бы идти за Ним и по Его следам пришли бы к Его жилищу. Для чего же Он спрашивает их? Для того, как я сказал, чтобы успокоить их смущенное и неспокойное сердце и внушить им дерзновение. Между тем они выразили свою преданность Христу не в следовании только за Ним, а и в самом вопросе. Не будучи еще учениками Его и ничего не слыша от Него, они уже называют Его учителем, причисляют себя к Его ученикам и показывают причину, по которой они последовали за Ним, именно, - что желали услышать от Него что-либо полезное. Заметь же и благоразумие их. Они не говорили: научи нас догматам или чему-либо другому нужному, а – что? "**Где живешь**"? Они, как я выше сказал, хотели в уединении беседовать с Ним о чем-либо, послушать Его, научиться от Него; поэтому они и не отлагают своего намерения, не говорят: придем на другой день и послушаем Тебя, когда Ты будешь говорить в собрании народа, - но показывают все свое усердие к слушанию, так что не удерживаются от того и самым временем. Солнце уже склонялось к западу: "**было около десятого часа**", сказано. Поэтому и Христос не сказывает им примет своего жилища, не назначает места для беседы, а только более и более привлекает их к следованию за Ним, показывая, что принимает их к Себе. Поэтому также Он не сказал и ничего в роде того: теперь не время вам идти в мое жилище, завтра, если хотите услышать что-нибудь, а теперь ступайте домой; но беседует с ними как с друзьями и людьми, уже долгое время бывшими с Ним. Отчего же Он в другом месте говорит: "**Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову**" (Лк. 9:58), а здесь: "**пойдите и увидите**" (ст.39) где живу? Но слова: "**не имеет, где приклонить голову**", показывают, что Он не имел собственного пристанища, а не то, чтобы Он не жил ни в каком доме. На это и указывает приточное выражение. Далее евангелист говорит, что они пробыли у Него тот день, а – для чего, об этом он не замечает, потому что цель сама по себе ясна. Не для чего другого и они последовали за Христом, и Христос их привлекал к Себе, как для назидания; и они в одну ночь насладились Его учением в таком обилии и с такою охотою, что немедленно оба пошли привлекать и других ко Христу.

4. Отсюда научимся и мы предпочитать всему слушание божественного учения, и никакого времени не будем считать для того неудобным; но, хотя бы нужно было войти в чужой дом, хотя бы тебе незнакомому надлежало знакомиться со знатными людьми, хотя бы и несвоевременно или – в какое бы то ни было время, никогда не будем упускать такого приобретения. Пища, вечери, бани и прочие житейские дела пусть имеют определенное для себя время, изучение же горнего любомудрия не должно иметь никаких определенных часов: ему должно принадлежать всякое время. "**Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием**" (2Тим.4:2). И пророк говорит: "**о законе Его размышляет он день и ночь**" (Пс.1:2). И Моисей повелел иудеям делать то во всякое время. Дела житейские, - разумею бани,- если и нужны, то, бывая часто, расслабляют тело; но назидание души, чем более умножается, тем более крепкою делает душу, принимающую его. Ныне все время мы проводим в пустом и вздорном суесловии, сходимся для того и на рассвете, и поутру, и в полдень, и в вечер, даже назначаем для этого особые места; а божественные догматы слушая однажды или дважды в седмицу, мы тяготимся и устаем. Отчего? Оттого, что худо располагаем свою душу: мы вовсе уничтожаем в ней охоту и ревность к таким предметам. Поэтому в нас нет и стремления к духовной пище. Кроме других признаков болезни, - сильно доказывает ее и то, когда не хочется ни есть, ни пить, а к тому и другому чувствуем отвращение. Если же это, когда случается в теле, служит признаком тяжкого недуга и производит ослабление, то тем более, когда случается в душе. Как же нам укрепить ее, падшую, изнемогшую? Какими делами, какими словами? Обратимся к словам божественным, пророческим, апостольским и всем другим. Тогда мы узнаем, что гораздо лучше питаться этими словами, чем нечистыми снедями, - так надобно назвать безвременные сходбища и разглагольствования. Что лучше, скажи мне: о делах ли народных, судебных, военных беседовать, или о предметах небесных и о том, что имеет быть по отшествии нашем отсюда? Что лучше: говорить ли о соседе и его делах и вообще заниматься чужими делами, или беседовать об ангелах и предметах, касающихся нашей собственной пользы? Дела соседа тебя вовсе не касаются; а предметы небесные относятся и к тебе. Да об этом, говорят, можно за один раз все высказать. Но почему же вы не думаете так о том, о чем ведете пустые и напрасные беседы между собою, но, употребляя на это всю жизнь, никогда не истощаете предметов для таких бесед? Я еще не говорю о том, что гораздо хуже этого. О тех предметах говорят между собою люди еще скромные; а более праздные и беспечные в своих разговорах кружатся около шутов, плясунов, бегунов, оскверняя свой слух, растлевая душу в таких разговорах, упояя сладострастием свое естество и внося в свое воображение такою беседою всякие порочные образы. Как только язык выговорил имя плясуна, душа тотчас представляет себе его лицо, волосы, тонкую одежду и его самого, которые изнеженнее всего этого. Другой еще иначе возбуждает в душе пламень, вводя в разговор блудную женщину, ее слова, одежду, распутные глаза, сладострастные взгляды, плетения волос, натирание лица, подкрашивание ресниц. Да не чувствуете ли вы чего-нибудь страшного уже при моем рассказе об этом? Но не стыдитесь и не краснейте: это уже неизбежное, естественное дело, что сила рассказа имеет такое влияние на душу. Если же только при моем рассказе, ежели, стоя в церкви и вдали от таких предметов, вы уже чувствуете нечто от одного слушания, то подумай, что должно происходить с теми, которые сидят на самом зрелище, с полною свободою, вне этого почтенного и важного собрания, и с большим бесстыдством смотрят и слушают, что там делается. Да за что же, скажет кто-либо из невнимательных, за что ты нас обвиняешь, упуская из виду, что это дело естественное и уже необходимо, как ты говоришь, имеет такое влияние на душу? Но что слушающий это изнеживается, - вот дело естественное; а слушать это – не природы дело, а воли грех. Что приближающийся к огню должен потерпеть вред, это необходимо и это есть следствие немощи естества, но не самое же естество влечет нас к огню и вреду, от него происходящему: это зависит единственно от извращенной воли. Вот и я хочу, чтобы

этого не было, чтобы это было исправлено, чтобы вам ни произвольно не пасть в пропасть, ни низвергнуться в пучину зла, ни против воли не набежать на огонь, и таким образом не сделать себе повинными пламени, уготованному для дьявола. Итак, да сподобимся все мы, освободившись от него, перейти в недра Авраама, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

---

[1]) в общем значении: *помазанные*, каковые были первосвященники, цари, и пр.

БЕСЕДА 19

"Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: Христос; и привел его к Иисусу" (Иоан. 1:41,42)

1. Бог вначале, создав человека, не оставил его одного, но дал ему в помощь жену и повелел им жить вместе, так как знал, что от этого сожительства может произойти много пользы. Что же, если жена воспользовалась этим благодеянием не так, как следовало? Если кто вникнет в сущность этого дела, то увидит, что от сожительства бывает много пользы для людей благоразумных. Впрочем не только от сожительства мужа с женой, но если и братья живут вместе, то и они получают отсюда пользу. Потому и пророк говорил: "**как хорошо и как приятно жить братьям вместе**" (Пс. 132:1)? И Павел увещевал не оставлять взаимного общения. Этим-то мы и отличаемся от зверей. Мы строим и города и торжища и дома для того, чтобы быть вместе друг с другом не в жилище только, но и в союзе любви. Наша природа создана Творцом так, что имеет разные нужды, а сама для себя недостаточна; поэтому Бог и устроил так, чтобы нужды, происходящие отсюда, исправляемы были пользою, проистекающею из общежития. Потому установлен и брак так, что, чего недостает у одного, то восполняет другой, и таким образом удовлетворяются потребности природы, и хотя она создана смертною, сохраняет однакож на долгое время бессмертие по преемству. Мог бы я остановиться далее на этом предмете и показать, сколько пользы для людей происходит от взаимной, близкой и искренней связи между собою Но нам предстоит теперь другое нечто, для чего собственно и заговорил я об этом. Андрей, пробыв у Иисуса и научившись от Него, сколько успел, не удерживает у себя этого сокровища, но поспешает, тотчас бежит к брату, чтобы поделить с ним приобретенные блага. Но для чего Иоанн не сказал, о чем беседовал с ними Христос? И откуда видно, что они именно для того и были у Него? Это уже и прежде показали мы; но это можно узнать и из нынешнего чтения. Заметь, что Андрей говорит своему брату. "**Мы нашли Мессию, что значит: Христос**". Видишь ли, - он здесь показывает, сколько узнал в краткое время? Он выражает этим и силу Учителя, убедившего их в том, и собственную свою ревность, с какою они издавна с самого начала заботились о том. Само выражение: "**нашли**" показывает душу, томившуюся желанием видеть Христа, ожидавшую сошествия Его свыше, и исполненную радости, когда предмет ее ожиданий явился, и наконец поспешившую радостную весть об этом сообщить другим. В делах духовных подавать друг другу руку – признак братской любви, родственной дружбы, искреннего благорасположения. Обрати внимание и на то, что и он говорит о Мессии с прибавлением члена. Не сказал просто: **Мессию**, но Мессию **ожидаемого**. Таким образом они ожидали одного Христа, не имеющего ничего общего с другими[1]. Смотри же, и как Петр с самого начала обнаруживает в себе душу благопокорливую и благопослушную. Он тотчас спешит к Иисусу, нимало не медля. "**Привел его**", сказано,"**к Иисусу**". Но никто не обвиняй его в легкомыслии, если он принял слова брата, без дальних исследований. Вероятно, и брат говорил ему об этом много и обстоятельно, но евангелисты обыкновенно многое

представляют вкратце, заботясь о краткости. Притом и не сказано, что Петр просто поверил, а только – что Андрей "**привел его к Иисусу**", желая представить Ему брата, чтобы тот все узнал от Него самого. Притом с ними был еще и другой ученик и содействовал тому. Если же сам Иоанн Креститель, сказав о Христе, что – Агнец и что Он крестит Духом, яснейшее учение о Нем предоставил своим ученикам узнать от Него самого, тем более должен был сделать это Андрей, чувствуя себя не в состоянии объяснить все. Поэтому он и повлек своего брата к самому источнику света, с таким тщанием и радостью, что тот нисколько не колебался и не медлил. "**Иисус же, взглянув на него, сказал: ты - Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень Петр**" (ст. 42). Здесь (Христос) уже начинает обнаруживать Свое божество и мало-помалу открывать его в Своих изречениях. Так Он это сделал в беседах с Нафанаилом и с женою самарянкою.

2. Пророчества не менее чудес убеждают, и притом не заключают в себе тщеславия. Чудеса еще подвергались превратным толкам, по крайней мере от людей неразумных: о "**веельзевуле**", говорили они, "**изгоняет бесов**" (Мф. 12:24); но о пророчествах ничего подобного не было никогда говорено. Таким образом для Симона и Нафанаила Христос употребил этот способ учения, а с Андреем и Филиппом Он не так поступил. Почему же? Потому что они уже в свидетельстве Иоанна получили не малую подготовку; а Филипп, кроме того, увидел предстоящих Христу, принял это за прямое доказательство для веры в Него. "**Ты - Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень Петр**". От настоящего достоверным делается и будущее. Назвавший отца Петрова, конечно, провидел и будущее. Предречение соединено здесь и с похвалою; но это не было лестью, а предсказанием будущего, что видно из следующего. Припомни, с каким сильным обличением Он в беседе с самарянкою дает видеть ей свое прозрение. "**У тебя было пять мужей**", говорит Он, "**и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе**" (Иоан. 4:18). Так и Отец Его, восставая против почитания идолов, много говорит о пророчествовании. "**Пусть же выступят и спасут тебя от того, что должно приключиться тебе**" (Да возвестят вам, что имать на вас приити.). И в другом месте: "**Я предрек и спас, и возвестил; а иного нет у вас**" (восвестих и спасох, и не бе в вас чужд) (Ис. 47:13; 43:12). И это ставит на вид во всем пророчестве. Пророчество есть по преимуществу дело Божие, которому демоны даже подражать не могут, сколько бы ни усиливались. В чудесах еще может быть и некоторое обольщение; но предсказывать будущее с точностью свойственно только одному вечному существу. Если же когда-либо и демоны это делали, то только для обольщения неразумных; потому и провещание их всегда легко изобличить во лжи. Между тем Петр ничего не отвечает на слова Христовы, - потому что еще ничего ясно не понимал, а только поучался. Притом же и самое предсказание было еще не вполне изречено. Христос не сказал: Я тебя переименую Петром, и на этом камне создам Церковь мою, а сказал только: "**ты наречешься Кифа, что значит: камень Петр**". То переименование означало бы высшее достоинство и большую власть. Но Христос не вдруг и не с самого начала выказал Свою власть, а до времени более смиренно беседовал. Когда же Он дал полное доказательство Своего божества, то уже с большею властью говорит тоже: "**блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах**". И в другом месте: "**Я говорю тебе: ты - Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою**" (Матф. 16:17,18). Так Христос наименовал Симона, а Иакова и брата его – сынами грома. Для чего же Он это делает? Он этим показывает, что Он Тот самый, кто и ветхий завет дал и тогда имена переменял, назвав Авраама Авраамом, Сару Сарою, Иакова Израилем, а многим еще от рождения их дал имена, как-то: Исааку, Сампсону и лицам, о которых упоминают Исайя и Осия; некоторым же переменил имена, данные от родителей, как-то: лицам, выше упомянутым, и Иисусу Навину. У древних также было в обычае давать имена по обстоятельствам, как и Илия сделал. И это было не без цели, а для того, чтобы самое наименование людей было для них напоминанием

благодеяний Божиих, чтобы, через выражение пророчества в именах, оно тем лучше сохранялось в уме слушающих. Так и Иоанну дано имя прежде его рождения. Так люди, которые имели просиять добродетелью с первого возраста, получали имена и прежде рождения; а тем, которые прославлялись впоследствии, и прозвание после прилагалось.

3. Но тогда каждый получал особое имя; а ныне все мы имеем одно имя, которое важнее всех тех, - имя христиан, сынов и друзей Божиих, тела (Христова). Такое наименование больше всех тех может возбуждать в нас усиленную ревность к преспеянию в добродетели. Не будем же делать ничего недостойного этого почетного наименования, помышляя о высоте достоинства, по которому мы называемся Христовыми. Так назвал нас Павел. Будем держать это в мысли, будем уважать это великое имя. Если некоторые, нося имя какого-либо знаменитого полководца или другого какого-либо славного человека, высоко думают о себе, слыша, что их называют именем такого-то или такого-то, считают это имя великим для себя достоинством и всячески стараются о том, чтобы своим нерадением не обесславить того, с кем они тезоимениты, то мы, называющиеся по имени не полководца, не какого-либо начальника земного, не ангела, не архангела, не серафима, а самого Царя их, не должны ли полагать и саму душу, только бы не оскорбить Удостоившего нас такой почести? Разве вам не известно, какою почестью пользуются отряды царских щитоносцев и копьеносцев, окружающих царя? Так и мя, удостоенные быть близ самого Царя и даже гораздо ближе к Нему, чем упомянутые нами – к своему царю, ближе настолько, насколько близко тело к голове, во всем должны поступать не иначе, как подражая Христу. А что говорит Христос? "**Лисицы имеют норы, и птицы небесные - гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову**" (Лк. 9:58). Если бы мы стали этого требовать от вас, то это, может быть, многим показалось бы делом трудным и тягостным. Итак, ради вашей немощи, я оставляю эту строгость: а требую только, чтобы вы не имели пристрастия к богатству, - и как, ради немощи многих, я не требую от вас такой высокой добродетели, так убеждаю вас, и тем более, удаляться пороков. Я не осуждаю тех, которые имеют дома, поля, деньги, слуг; а только хочу, чтобы они владели всем этим осмотрительно и надлежащим образом. Каким надлежащим образом? Как следует господам, а не рабам, т.е. владеть богатством, а не так, чтобы оно обладало вами, употребляя его, а не злоупотреблять. Деньги для того и существуют, чтобы мы употребляли их на необходимые потребности, а не берегли их: это свойственно работ, а то – господину. Стеречь – дело раба, а издерживать – дело господина, имеющего на то полную власть. Ты не для того получаешь деньги, чтобы закапывать их в землю, а чтобы раздавать их. Если бы Бог хотел, чтобы они были сбережены, то не давал бы их людям, а оставил бы их навсегда лежать в земле. Но как Он хочет, чтобы они были издерживаемы, то и дозволил нам иметь их – для передали друг другу. Если же мы удерживаем их у себя, то мы уже не господа их. А если ты для того удерживаешь их, чтобы умножить, то для этого самое лучшее средство расточать их и всюду раздавать. Да и не может быть прихода без расхода, или богатства без издержек. Это можно видеть в делах житейских. Так делает купец, так делает земледелец: один тратит семена, другой деньги. Один плавает по морю, расточая свои деньги, другой целый год трудится, бросая семена и работая. Между тем здесь не нужно ничего такого: не нужно ни корабля готовить, ни волов впрягать и пахать землю, ни беспокоиться о воздушных непогодах, ни бояться града. Нет здесь ни волн, ни (подводных) скал. Это плавание, это сеяние требует только одного – бросать то, что у тебя есть; а все прочее совершит тот Земледелец, о котором Христос сказал: "**Отец Мой - виноградарь**" (Иоан. 15:1). Итак, не безрассудно ли предаваться лености и нерадению там, где можно получить все без труда, а показывать всю деятельность там, где много трудов, забот и пота, и после всего этого – еще неверная надежда? Не будем, умоляя вас, так неразумны в деле собственного спасения, но, оставив дела тягостнейшие, поспешим на дела более легкие и полезные, чтобы достигнуть и

будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Т.е. с теми лицами, которые в Св. Писании называются помазанниками в общем значении этого слова.

БЕСЕДА 20

"На другой день [Иисус] восхотел идти в Галилею, и находит Филиппа и говорит ему: иди за Мною. Филипп же был из Вифсаиды, из [одного] города с Андреем и Петром" (Иоан. 1:43,44)

1. "**От всякого труда есть прибыль**" (Прит. 14:23) – говорит книга Притчей. Но Христос еще нечто более внушает нам, когда говорит: "**ищущий находит**" (Мф. 7:8). Поэтому мне и кажется удивительно, как Филипп последовал Христу. Андрей последовал, услышав о Христе от Иоанна, Петр – от Андрея; а Филипп ни от кого и ничего не знал о Нем, но, как только Христос сказал ему: "**иди за Мною**", Филипп немедленно повиновался Ему, и не только не оставил Его, а еще сделался проповедником о Нем для других. Поспешив к Нафанаилу, Филипп говорит ему: "**мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки**" (ст. 45). Видишь ли, какую озабоченную имел он душу, как часто размышлял он о том, что писал Моисей, и как ожидал пришествия Христова? Слово: **нашли** показывает людей, которые постоянно ищут. "**На другой день [Иисус] восхотел идти в Галилею**". Он никого не призывает к себе прежде, чем кто сам присоединится к Нему. И это делает не просто, но по свойственной Ему мудрости и разуму. Если бы никто не приходил к Нему добровольно, а сам Он привлекал к Себе каждого, то, быть может, после они и оставили бы Его. Но как они сами решились на это, то и оставались уже тверды в своем намерении. Но Филиппа Он призывает, как человека более других известного Ему. Рожденный и воспитанный в Галилее, Филипп, конечно, знал Христа более других. Итак, приобретя одних учеников, Христос идет на ловлю других и привлекает к себе Филиппа и Нафанаила. Обращение ко Христу Нафанаила не так удивительно, потому что слух об Иисусе проносился по всей Сирии, как удивительно обращение Петра, Иакова и Филиппа, не потому только, кто они уверовали прежде, нежели видели чудеса Иисуса Христа, но и потому, что они были из Галилеи, откуда ни один пророк не приходил и не могло быть ничего доброго (ст.46), так как галилеяне были народ необразованный, дикий и грубый. Между тем Христос явил Свою силу и здесь, избрав от земли, не приносившей никакого плода, достойнейших учеников. Итак, вероятно, Филипп последовал за Христом увидев и спутников Петра и услышав (о Христе) от Иоанна. Вероятно также и глас Христов произвел в нем свое действие. Христос знал, кто будет для Него благопотребен. Но евангелист все это опускает. Филипп знал, что Христос имел придти; а что Христос есть Иисус, этого не знал; я же думаю, что он слышал это или от Петра, или от Иоанна. Евангелист называет и селение Филиппа, чтобы показать, как "**немощное мира избрал Бог**" (1Кор.1:27). "**Филипп находит Нафанаила и говорит ему: мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Назарета**" (ст. 45). Это он говорит для того, чтобы сообщить своей проповеди достоверность, ссылаясь на Моисея и пророков, и тем побудить слушателя к вниманию. Нафанаил был человек точный и во всем дознавал истину, как это и Христос засвидетельствовал и самое дело показало. Поэтому Филипп хорошо сделал, что отослал его к Моисею и пророкам, чтобы таким образом расположить Нафанаила к принятию Того, о ком он проповедовал ему. Если же Филипп называет Христа сыном Иосифа, то не смущайся. В то время еще считали Его сыном Иосифа. Но откуда видно, Филипп, что Он Тот самый, о ком писал

Моисей и пророки? Какое ты дашь нам доказательство? Одного словесного свидетельства недостаточно. Какое же видел ты знамение? Какое чудо? Ведь в таких делах не безопасно верить просто без доказательств? Какое же у тебя доказательство? Тоже, что и у Андрея, отвечает нам Филипп. Как Андрей, не имея сил изобразить богатство, которое нашел, не находя слов описав это сокровище, ведет брата к Тому, кого нашел, так и Филипп: не говоря Нафанаилу, почему Иисус есть Христос и как предвозвестили о Нем пророки; но влечет его к Иисусу, зная, что он не отступит от Иисуса, лишь только вкусит Его словес и Его учения. "**Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойди и посмотри. Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства**" (ст. 46, 47). Христос похваляет и превозносит Нафанаила за то, что тот сказал: "**из Назарета может ли быть что доброе**"? А не следовало ли бы осудить его за это? Нет, это не были слова неверующего, и не обвинений заслуживали, а похвал. Как и почему? Потому, что он был более Филиппа сведущ в пророчествах. Он знал из Писаний, что Христу надлежит придти из Вифлиеема и из селения, в котором был Давид. Это мнение господствовало между иудеями, да и пророк издавна предвозвестил, сказав: "**и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, Который упасет народ Мой, Израиля**" (Мих. 5:2; Мф. 2:6; Иоан. 7:42). Поэтому Нафанаил, когда услышал, что (Христос явился) из Назарета, то смутился и пришел в недоумение, находя весть Филиппа не согласною с предсказанием пророческим. Но посмотри, как Нафанаил, и при недоумении своем, благоразумен и умерен. Он не сказал тотчас же: ты обманываешь меня, Филипп, и лжешь. Я не верю, не пойду; я знаю из пророчеств, что Христу надлежит придти из Вифлеема. А ты говоришь – из Назарета. Это не Христос. Нет, ничего такого Нафанаил не сказал. Что же? И он идет ко Христу и, с одной стороны, не соглашаясь, что Христос пришел из Назарета, показывает таким образом и основательное знание Писаний и осмотрительность в поступках, с другой же стороны, не отвергает совершенно и вести Филиппа и тем обнаруживает свое сильное желание пришествия Христова. Он только думал, что Филипп ошибочно указал место пришествия. Обрати внимание и на то, с какою осторожностью он выражает свое сомнение – в виде вопроса. Он не говорит: Галилея не производит ничего доброго, - а как? "**из Назарета может ли быть что доброе**"? Но и Филипп был очень благоразумен. Встретив возражение, он не досадует, не оскорбляется, а только стоит на своем, желая привести этого человека к самому Христу и с самого начала показывая в себе твердость духа, свойственную апостолу. Потому и Христос говорил: "**вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства**". Может конечно быть лжив и израильтянин. Но этот не таков, - говорит: его суд беспристрастен; он не высказывает в своих словах ни приязни, ни неприязни. Правда, и иудеи, на вопрос: "**где должно родиться Христу**", отвечали: "**в Вифлееме**", привели и свидетельство: "**и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных**"; но они свидетельствовали об этом еще прежде, чем увидели Христа; а когда увидели, то по зависти скрыли это свидетельство и говорили: "**мы знаем Его, откуда Он; Христос же когда придет, никто не будет знать, откуда Он**" (Иоан. 7:27). А Нафанаил поступил не так, но какое мнение о Христе имел сначала, при том и остался, именно, что Он не из Назарета. Почему же пророки называют его Назореем? Потому, что там было место Его воспитания и жительства. Но и Христос не хочет сказать Нафанаилу: Я не из Назарета, как возвестил тебе Филипп, а из Вифлеема, - для того, чтобы с самого начала не навести сомнения на Свои слова. Кроме того, если бы он убедил Нафанаила в этом, это еще не было бы достаточным доказательством, что Он именно есть Христос. Почему бы Он, и не будучи Христом, не мог произойти из Вифлиема, подобно другим людям, там родившимся? Итак, это Христос оставляет, а делает то, что наиболее могло привлечь к Нему Нафанаила, именно: показывает, что Он присутствовал при беседе Нафанаила с Филиппом. Когда Нафанаил спросил Его: "**почему Ты знаешь меня**"? Он говорит: "**прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я**

видел тебя" (ст.48). Вот человек твердый и постоянный! Когда Христос сказал: "**вот подлинно Израильтянин**", - он не надмился от этих похвал, не увлекся одобрениями; но стоит на своем, еще с большим старанием отыскивая и испытывая истину, чтобы узнать что-нибудь верное. Итак, он еще испытывает, как человек, а Иисус ответствует, как Бог. "**Прежде**", - говорит, - "**Я видел тебя**". Знал Он и прежде благонравие Нафанаила, не как человек, следивший за ним, а как Бог. И ныне "**Я видел тебя под смоковницею**", когда никого там не было, а был только Филипп и Нафанаил и между собою об этом говорили. Поэтому и сказано: "**увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нем: вот подлинно Израильтянин**", и так сказано – с целью показать, что Христос высказал эти слова еще прежде, чем приблизился Филипп, чтобы такое свидетельство было несомнительно. Для этого Он назвал и время, и место, и само дерево. Еслиб Он сказал только: прежде, чем Филипп пришел к тебе, Я видел тебя, - то Его могли бы подозревать, не сам ли Он подослал Филиппа, и таким образом в Его словах не нашли бы ничего важного. Но когда Он указал и место, где был Нафанаил, когда приглашал его Филипп, и название самого дерева, и время разговора, - тем Он показал в Себе несомненную прозорливость. Но Христос не только обнаружил Свою прозорливость, но еще и иным образом вразумил Нафанаила, именно привел ему на память сказанные им тогда слова: "**из Назарета может ли быть что доброе**", и тем еще более благорасположил его к Себе, равно и тем, что за такие слова его не только не осудил, но еще похвалил и превознес. Потому Нафанаил и отсюда уразумел, что воистину Христос, т.е., как из Его прозрения, так и из того, что Христос в точности узнал его мнение, и тем показал, что Он знал и сокровенное в душе его, - притом не только не осудил его за высказанное им свое мнение, но и похвалил. Что Нафанаила пригласил Филипп, о том Христос сказал; а что он говорил Филиппу и Филипп ему, о том умолчал, предоставив то его совести и не желая более изобличать его.

3. Что же? Неужели Христос увидел Нафанаила только перед тем, как пригласил его Филипп, а до того времени не видел его оком неусыпным? Видел, - и этому никто не станет противоречить. Но в то время надлежало сказать только то, что нужно было. Что же Нафанаил? Получив несомненное доказательство предведения Христа, он исповедал Его, и как прежде в своей медлительности показал осмотрительность, так теперь в своей уступчивости показал благомыслие. Он так отвечал Христу: "**Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев**" (ст. 49). Видишь ли душу, внезапно пришедшую в восторг и своими словами объемлющую Иисуса? Ты, говорит, желаемый, ожидаемый. Видишь ли, как он изумляется, дивится, прыгает и скачет от радости? Так должно радоваться и нам, сподобившимся познать Сына Божия, - не только радоваться в душе, но и в самых делах своих выражать радость. А что свойственно радующимся? Веровать Тому, кого познали; а верующим – делать то, что Ему угодно. Если будем делать то, что прогневляет Его, - откуда будет видно, что мы радуемся? Не видите ли и в домах, когда кто принимает желанного гостя, с какою радостью он все делает, всюду бегает, ничего не щадит, хотя бы нужно было издержать все, что у него есть, лишь бы угодить гостю? А если бы кто, пригласив к себе гостя, не стал угождать ему, не старался успокоить его, то, хотя бы тысячу раз говорил, что радуется его посещению, никогда гость ему не поверил бы, - и справедливо, так как радость надобно показать на деле. Итак, когда и Христос пришел к нам, покажем, что мы Ему радуемся, и не будем делать ничего, что может оскорбить Его. Украсим дом, в который Он пришел: это свойственно радующимся. Предложим ему трапезу, какую Он сам хочет: так свойственно веселящимся. Какая же это трапеза? Он сам говорит: "**Моя пища есть творить волю Пославшего Меня**" (Иоан. 4:34). Напитаем Его алчущего, напоим Его жаждущего. Подай Ему только чашу холодной воды, - Он и это примет, потому что любит тебя; приношения лиц любимых, как бы малы ни были, велики кажутся любящему. Только не покажи нерадения. Повергни перед Ним две лепты, - Он не отвергнет и их, но примет, как большое богатство. Он не имеет недостатки ни в чем и принимает это не по какой-либо нужде; поэтому и справедливо измеряет все не мерою

даваемого, но расположением дающего. Только покажи, что ты любишь этого Гостя, что стараешься все для Него сделать, что ты рад Его посещению. Посмотри, какую любовь Он имеет к тебе. Он пришел ради тебя, душу свою положил за тебя, и после всех этих благодеяний не отказывается еще и упрашивать тебя. "**От имени Христова просим**", говорит апостол, "**примиритесь с Богом**" (2Кор. 5:20). Но кто же, скажешь ты, столько безумен, чтобы не любить Господа своего? Это и я говорю и знаю, что никто из нас не отречется от этого на словах и в мыслях. Но тот, кто любим, хочет, чтобы любовь к нему обнаруживалась не на словах только, а и в делах. Говорит, что мы любим, но не делает того, что свойственно любящим, - это смешно не только в отношении к Богу, но и к людям. Итак, если исповедовать на словах только, а в делах показывать противное – не только бесполезно, но и вредно для нас, то я умоляю – будем выражать свое исповедание в делах, да удостоимся исповедания и от самого Господа, в тот день, когда Он исповесть достойных перед Отцом Своим, - умоляю о Христе Иисусе Господе нашем, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 21

"Нафанаил отвечал Ему: Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев. Иисус сказал ему в ответ: ты веришь, потому что Я тебе сказал: Я видел тебя под смоковницею; увидишь больше сего" (Иоан. 1:49,50)

1. Много нужно нам, возлюбленные, попечения, много бодрствования для того, чтобы иметь возможность проникать в глубину божественных Писаний. Иначе, предаваясь сну, нельзя постигнуть смысла их; а нужно тщательное исследование, нужна кроме того и постоянная молитва, чтобы хотя немного прозреть в святилище слова Божия. Вот и сегодня нам представляется вопрос немаловажный, требующий много внимания. Когда Нафанаил сказал: "**Ты Сын Божий**", Христос сказал ему: "**Я тебе сказал: Я видел тебя под смоковницею; увидишь больше сего**". Что же в этих словах требует исследования? То, что Петр, исповедавший: "**Ты - Христос, Сын Бога Живаго**" (Матф. 16:16) уже после столь многих чудес и после такого учения, ублажается, как получивший откровение от Отца; а Нафанаил, сказавший тоже самое еще прежде чудес и прежде учения, ничего подобного не услышал от Христа, но и, как бы еще не столько сказавший, сколько надлежало сказать, возбуждается к ожиданию больших откровений. Какая же этому причина? Та, что, хотя Петр и Нафанаил высказали одни и техе слова, но не с одною и тою же мыслью. Петр исповедал Иисуса Сыном Божиим, как истинного Бога; а Нафанаил – как простого человека. Из чего же это видно? Из последующих слов Нафанаила. Сказав: "**Ты Сын Божий**", он присовокупил: "**Ты Царь Израилев**". Но Сын Божий есть царь не только Израиля, а и всей вселенной. Впрочем это видно не отсюда только, а и из следующего. К словам Петра Христос ничего не прибавил, но, как бы вера Петрова была уже совершенна, сказал, что на этом исповедании Он созиждет Церковь Свою. Но в отношении к Нафанаилу Он сделал не так, а совсем напротив. В исповедании Нафанаила как бы не доставало еще многого и чего-то лучшего, - и вот Христос восполняет недостающее. Что Он говорит? "**Истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому**" (ст. 51). Видишь ли, как Христос мало-по-малу возводит его т земли и внушает не представлять себе Его простым человеком? Может ли в самом деле быть человеком тот, кому ангелы служат и для кого ангелы восходят и нисходят? Поэтому-то Он и сказал: "**увидишь больше сего**", и, изъясняя это, присовокупил об ангельском служении. Смысл Его слов такой: тебе, Нафанаил, показалось это важным[1], и за это ты признаешь Меня царем Израиля. Что же скажешь, когда увидишь ангелов восходящих и нисходящих для Меня? Такими словами Христос внушал признать Его владыкою и

ангелов. Как к истинному Сыну Царя, ко Христу восходили и нисходили эти царские служители, как то: во время страданий, во время воскресения и вознесения; и еще прежде того они приходили и служили Ему – когда благовествовали о Его рождении, когда восклицали: "**слава в вышних Богу, и на земле мир**" (Лк. 2:14), когда приходили к Марии, к Иосифу. Но Христос делает и теперь так же, как во многих других случаях. Он изрекает два предсказания, и верность одного уже тотчас обнаруживает, а другое, относящееся к будущему, подтверждает через настоящее. Из них одно, уже доказанное, есть следующее: "**прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя**". Другое должно было исполняться в будущем, а отчасти уже и в то время исполнялось, - именно восхождение и нисхождение ангелов, как-то: при страданиях Его, при воскресении и вознесении; и в этом, еще прежде событий, Он уверял уже тем, что сказал о настоящем. Кто из прошедшего познал могущество Его, тот, слыша и о будущем, удобнее может принять и предсказание о будущем. Что же Нафанаил? Ничего на это не отвечает. Поэтому и Христос заключил тем Свою беседу в ним, предоставляя ему самому размыслить о сказанном и не желая высказать всего в один раз. Бросив семена в землю плодоносную, Он дает ей самой произрастить в свое время плоды. Это Он в другом месте изобразил в следующих словах: "**Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел**" (Мф. 13: 24,25). "**На третий день был брак в Кане Галилейской, и Матерь Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его на брак**" (Иоан. 2: 1,2). Я уже говорил, что Он наиболее известен был в Галилее. Потому и зовут Его на брак, и Он приходит. Он взирал не на собственное достоинство Свое, но на пользу нашу. Не отрекшийся принять зрак раба тем более не мог отречься придти на брак рабов. Совозлежащий с мытарями и грешниками тем более не мог отречься от соприсутствия с бывшими на браке. Звавшие Его на брак конечно не имели об Нем надлежащего понятия, они звали Его даже не как великого человека, а просто как человека обыкновенного и знакомого. На это и намекает евангелист, говоря: "**Матерь Иисуса была там. Был также зван Иисус и ученики Его на брак**", т.е., Иисуса звали так же, как и ее и учеников. "**И как недоставало вина, то Матерь Иисуса говорит Ему: вина нет у них**" (ст. 3). Здесь стоит обратить внимание на то, откуда Матери Его пришло на мысль вообразить что-то великое о своем Сыне? До того времени Он еще не сотворил никакого чуда. "**Так**", сказано, "**положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской**" (ст. 11).

2. Если же кто скажет, что тут еще нет достаточного доказательства тому, что чудо в Канне было началом чудес, так как прибавление: "**в Канне Галилейской**" показывает только, что это чудо было **в Канне** первое, а не вообще и не первое было из всех Его чудес; вероятно же Христос и прежде в других местах другие чудеса творил, - то на это мы скажем тоже, что и прежде сказали. Что именно? То, что говорит Иоанн: "**Я не знал Его; но для того пришел крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю**" (Иоан. 1:31). Если бы Христос в отроческом возрасте творил чудеса, то израильтяне не нуждались бы в другом человеке, который **явил бы** Его. Если Христос, пришедши в мужеский возраст, так сделался известен Своими чудесами не только в Иудее, но и в Сирии и далее, притом совершил их в продолжение только трех лет, а лучше сказать – Он не нуждался и в этом числе лет, чтобы явить себя миру, потому что слух о Нем с самого начала разнесся немедленно повсюду, - если, говорю, Он в краткое время так прославился множеством чудес, что имя Его стало всем известно, то тем более Он не мог бы так долго оставаться в неизвестности, когда бы с первого возраста начал творить чудеса; чудеса, совершенные отроком, возбудили бы еще более удивления, да и времени у Него для чудес было бы в таком случае вдвое и втрое и еще больше. Но в отрочестве Он не творил никаких чудес, кроме того только, о чем повествует Лука, как Он, будучи двенадцати лет, восседал среди учителей, слушал их, и своими вопросами приводил их в удивление. Впрочем не без

причины, а намеренно не начинал Он творить чудес с самого первого возраста: иначе могли бы почесть Его чудеса за призраки. Если уже в совершенном возрасте Его многие за это подозревали, - тем более, когда бы Он стал чудодействовать в юности. Кроме того иудеи, снедаемые завистью, еще скорее и прежде надлежащего времени вознесли бы Его на крест, и таким образом все дело нашего спасения не было бы принято верою. Откуда же, скажешь, Его Матери пришло на мысль предполагать в Нем что-то великое? Он начал уже открывать Себя, чем был – и через свидетельство Иоанново, и через то, что сам говорил ученикам. А прежде всего этого само зачатие Его и все, по рождении Его последовавшие, события внушали Матери Его высокое понятие о Нем. "**И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем**" (Лк. 2:52). Отчего же, скажешь, она не выражала этого прежде? Оттого, как я сказал, что Он сам только тогда начал открывать Себя. А дотоле Он жил, как обыкновенный человек. Потому-то они не говорила Ему этого прежде. Как скоро услышала, что ради Его пришел Иоанн и дал о Нем такое свидетельство, и что Он имеет уже учеников, то уже смело просит Его и, при недостатке вина, говорит: "**вина нет у них**". Она хотела и гостям угодить и себя прославить через Сына. Может быть, она при этом имела в мыслях что-либо человеческое, подобно Его братьям, которые говорили: "**яви Себя миру**" (Иоан. 7:4), желая приобрести и себе славу Его чудесами. Поэтому-то и Христос так сильно отвечал ей: "**что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой**" (ст. 4). Но что Он весьма почитал родительницу Свою, об этом послушай повествования Луки, как Христос был послушен родителям; да и этот самый евангелист (Иоанн) показывает, как Он заботился о Матери в самое время крестных страданий. Когда родители ни мало не запрещают дел богоугодных и не препятствуют им, то родителям нужно и должно повиноваться; неповиновение в таком случае весьма опасно. Когда же они чего-либо требуют безвременно и запрещают какое-нибудь дело духовное, то не безопасно им повиноваться. Потому и в настоящем случае Христос так отвечал, и в другом случае также: "**кто матерь Моя и братья Мои**" (Мк. 3:33)? Они в то время еще не имели о Нем надлежащего понятия; а Его Мать, по той причине, что родила Его, хотела приказывать Ему во всем, по обычаю всех матерей, тогда как должна была чтить Его, как Господа, и поклоняться Ему. Потому-то Он так и отвечал ей тогда. В самом деле, подумай, каково это было, когда при всем народе, окружавшем Его, при многочисленном собрании внимательных слушателей, во время преподавания учения, Мать Его вошла в собрание, стала отвлекать Его от проповеди, чтобы наедине поговорить с Ним, притом и не осталась с Ним в доме, а увлекла Его одного вон оттуда к себе. Вот почему Он и сказал: "**кто матерь Моя и братья Мои**"? И Он не оскорблял тем Матери; нет, а приносил ей величайшую, не давая ей думать о себе уничижено. Если Он имел попечение о других и все направлялось к тому, чтобы внушить им надлежащее понятие о Себе, тем более заботился в этом отношении о Матери. Но как она, вероятно, даже услышав это от Сына, не хотела и после повиноваться Ему, а хотела, как мать, во всяком случае первенствовать, то Он так и отвечал. Да иначе Он и не мог бы возвести ее от такого уничижительного понятия о Нем к более возвышенному, если бы, т.е., она всегда ожидала от Него почитания, как от сына, но не признала Его Господом. Вот по этой-то причине Он здесь и сказал: "**что Мне и Тебе, Жено**"? Впрочем и другая была причина, не менее важная. Какая же? Он хотел, чтобы не заподозревали совершаемых Им чудес. Его должны были просить те, кто имел нужду, а не Мать. Почему? Что делается по просьбе родственников, то, хотя было бы важно, часто для посторонних представляется неблаговидным. Когда же просят сами нуждающиеся, тогда чудо становится выше всякого подозрения, тогда и похвала безпристрастна и польза велика.

3. Если бы врач, даже отличный, вошедши в дом, где много больных, не слышал ничего ни от самих болящих, ни от окружающих их, а только его одна мать стала бы упрашивать его, то для больных он сделался бы подозрительным и неприятным, и ни лежащие в болезни, ни находящиеся при них не стали бы ожидать от него чего-либо важного и

хорошего. Вот почему и Христос тогда сделал упрек Матери, сказав: "**что Мне и Тебе, Жено**", внушая ей на будущее время не делать ничего подобного. Имел Он попечение и о чести Матери, но гораздо более об ее душевном спасении и о благе людей, для чего и плотью облекся. Итак эти слова были сказаны Христом Матери Его не по какой-либо надменности, но с особенною целью – чтобы и ее саму поставить в надлежащие к Нему отношения, чтобы и чудеса делались с подобающим достоинством. А что Христос весьма почитал свою Мать, это, кроме других случаев, достаточно видно и из того самого, что сказано по видимому в обличение ее. В самом неудовольствии Он показал, что весьма почитал ее. А каким образом, об этом скажем в последующей беседе. Размышляя об этом, если услышишь, как одна жена говорила: "**блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие**", а Он ей отвечал: еще более блаженны творящие волю Отца моего (Лк. 11:28), то разумей и эти слова в том смысле. Ответ Спасителя Матери выражал не отвержение Матери, а то, что ей нимало не принесло бы пользы и самое рождение Его, если бы она сама не имела великой добродетели и веры. Если же без добродетели душевной и для самой Марии не было бы пользы в том, что от нее родился Христос, тем более не может быть никакой пользы нам, если мы будем иметь добродетельного и доблестного отца, брата, или сына, а сами будем далеки от его добродетелей. "**Человек**", говорит Давид, "**никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него**" (Пс. 48:8)? Надежду спасения, после благодати Божией, должно полагать не в чем другом, а только в собственных совершенствах. Если бы рождение Христа само по себе могло принести пользу Деве, то оно было бы также полезно и иудеям, (так как Христос был сродником их по плоти), принесло бы пользу и городу, в котором Он родился, полезно было бы и братьям. Между тем Его братья, доколе не заботились о себе самих, не получили никакой пользы от высокого сродства, а еще и подверглись осуждению наряду с прочими людьми; когда же просияли собственными добродетелями, тогда и прославлены. А город разрушен и сожжен, не получив никакой пользы от того, что был местом Его рождения. Сродники Его по плоти истреблены и погибли самым жалким образом, не приобретя от сродства с Ним ничего для своего спасения, потому именно, что не имели защиты в собственной добродетели. Но более всех прославились апостолы, потому что они истинным и достойным нашего соревнования образом достигли сродства со Христом, - через послушание Ему. Отсюда и мы познаем, что во всяком случае нам нужна вера и жизнь чистая и светлая. Только это может спасти нас. Сродники Христа долгое время повсюду пользовались уважением, так что и назывались «владычными», однакож мы ныне не знаем даже имен их. А жизнь и имена апостолов всюду прославляются. Не будем же надмеваться благородством по плоти, но, хотя бы имели тысячи знаменитых предков, будем сами стараться превзойти их в добродетелях, зная, что заслуги других не принесут нам никакой пользы на будущем суде, а еще и увеличат для нас строгость осуждения, именно потому, что, происходя от добродетельных отцов и имея столь близкие примеры, при всем том не последовали таким наставникам. Это я говорю теперь, имея ввиду многих язычников, которые, когда мы обращаем их к вере во Христа и убеждаем быть христианами, указывают на своих родственников, предков и домашних, и говорят: все мои родственники, близкие и домашние сделались уже верными христианами. Но что тебе в этом, несчастный? То именно тебя и погубит, что ты, не уважив такого множества близких к тебе, не поспешил обратиться к истине. Другие, будучи уже верующими, но проведя жизнь беспечную, когда станешь увещевать их к добродетели, представляют тоже самое и говорят: мой отец, дед и прадед были очень благочестивые и добродетельные люди. Но то особенно и послужило к твоему осуждению, что ты, происходя от таких людей, делаешь дела, недостойные своего рода. Послушай, что говорит пророк иудеям: "**и служил Израиль за жену, и за жену стерег [овец]**" (работа Израиль о жене, и о жене спасеся) (Ос. 12:12); и Христос: "**Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался**" (Иоан. 8:56). Да и всегда доблести предков обращаются не в похвалу только иудеям, но и в большее обвинение. Зная это, будем все

делать так, чтобы спастись собственными делами, чтобы иначе надеждами на других не обмануть себя самих и не узнать о своем обмане тогда уже, когда от этого познания нам никакой пользы не будет. "**Во гробе**", сказано, "**кто будет славить Тебя**" (Пс. 6:6)? Итак, исправимся здесь, чтобы там достигнуть вечных благ, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Т.е., что Христос видел его под смоковницею еще прежде, чем пришел к нему Филипп.

БЕСЕДА 22

"Что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой" (Иоан. 2:4).

1. В поучении есть некоторый труд, что показывает и Павел, когда говорит: "**достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении**" (1Тим. 5:17). Но от вас зависит сделать этот труд и легким и тяжким. Если вы будете отвергать наши слова, или, не отвергая, не будете исполнять их в делах своих, то этот труд будет для нас тягостен, как труд напрасный и тщетный. Если же вы будете внимательны к нашим словам и покажете то в самих делах своих, то мы и чувствовать не будем трудности в поучениях; плод, происходящий от этих трудов, не даст и заметить тяжести их. Поэтому если хотите возбудить в нас ревность, не угасить и не ослабить ее, покажите нам, прошу вас, плод, видя цветущие нивы, питаясь надеждою изобилия и надеясь на будущее свое богатство, не изнемогали в этих благих занятиях. Вот и сегодня нам представляется не маловажный предмет. Когда Мать Иисуса сказала: "**вина нет у них**", Христос отвечал: "**что Мне и Тебе, Жено? еще не пришел час Мой**". Между тем, после таких слов, Он сделал то, о чем говорила Мать. Предмет этот не менее прежнего требует исследования. Итак, призвав Того, Кто сотворил это чудо, приступим к решению вопроса. Не здесь только сказано: "**не пришел час**"; евангелист и далее замечает: "**но никто не наложил на Него руки, потому что еще не пришел час Его**" (Иоан. 7:30); и в другом месте: "**и никто не взял Его, потому что еще не пришел час Его**" (Иоан. 8:20). Также: "**пришел час, прославь Сына Твоего**" (Иоан. 17:1). Я собрал здесь все эти изречения из всего Евангелия, чтобы на все дать одно решение. Какое же? Христос говорил: "**не пришел час**" не потому, что подлежал закону времени, и не потому, чтобы в самом деле наблюдал известные часы. Нужно ли это было Творцу времен и Создателю веков? Но этими словами Он хочет показать, что все делает в свое время, а не вдруг, так как отсюда могло бы произойти смешение и беспорядок, если бы, т.е. каждое дело Свое Он совершал не в надлежащее время и смешивал все вместе, как-то: и рождение, и воскресение, и суд. Так замечай: надлежало произойти твари, но не всей вместе; человеку с женою, но не обоим вместе; надлежало роду человеческому быть осужденным на смерть и быть воскресению, но между тем и другим расстояние времени большое; надлежало дать закон, но не вместе с благодатью, а то и другое устроить в свое определенное время. Итак, условиям времени сам Христос не подлежал, потому что Он и установил сам порядок времен, Он и Творец их. Но Иоанн, приводя здесь слова Христа: "**не пришел час Мой**", показывает, что в то время Он был еще не всем известен и не имел полного сонма учеников; Ему последовал только Андрей, а с ним Филипп, а кроме их никто другой. Да и они не знали Его, как должно, ни даже Мать Его, ни братья. Уже по совершении многих чудес евангелист заметил о братьях Его: "**ибо и братья Его не веровали в Него**" (Иоан. 7:5). Не знали Его и присутствовавшие на браке. Иначе они, в нужде, сами обратились бы к Нему с просьбою. Потому он и говорит: "**не пришел час Мой**". Меня еще не знают присутствующие; они не знают и того, что не достало вина. Дай

им сперва почувствовать это. Да об этом и не от тебя Мне надлежало бы слышать. Ты Моя Мать и потому ты само чудо делаешь подозрительным. А надлежало бы самим нуждающимся обратиться ко Мне с просьбою; не потому, чтобы Я в этом нуждался, но чтобы они с большим доверием приняли этот случай. Видящий себя в нужде, когда получит то, что ему нужно, остается после того много благодарным; а кто еще не чувствует нужды, тот не почувствует вполне и живо и самого благодеяния. Для чего же, сказав: "**не пришел час Мой**", и таким образом отказав, Он однако сделал то, о чем говорила Ему Мать? Для того особенно, чтобы людям прекословящим и считающим Его под условиями времени, достаточно показать, что Он не подлежит времени. Если бы Он подлежал, то как бы Он сделал то, что сделал, когда еще не пришло надлежащее для того время? Он сделал это также и из почтения к Матери, чтобы не показаться во всем ей противоречащим или не могущим этого сделать, и чтобы тем не постыдить свою Мать в присутствии такого множества людей, - а она привела к Нему и слуг. Подобным образом Он говорил и хананеянке: "**нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам**" (Мф. 15:26); однакож после таких слов даровал ей просимое, преклоненный ее неотступностью. Сказал также: "**Я послан только к погибшим овцам дома Израилева**" (Мф. 15:24), но и после этих слов исцелил дочь этой женщины.

2. Отсюда научаемся, что, хотя бы мы были недостойны, однако неотступными молениями можем сделать себя достойными получить (просимое). Потому и Мать надеялась и слуг привела с тою целью, чтобы просьба была от большого числа людей. Потому она присовокупила: "**что скажет Он вам, то сделайте**" (ст. 5). Она знала, что Он отказывал не по немощи, но по смирению и для того, чтобы не подать мысли, будто Он сам слишком спешит к совершению чуда; потому и слуг привела. "**Было же тут шесть каменных водоносов, стоявших [по обычаю] очищения Иудейского, вмещавших по две или по три меры. Иисус говорит им: наполните сосуды водою. И наполнили их до верха**" (ст. 6,7). Евангелист не без цели заметил: "**[по обычаю] очищения Иудейского**", а для того, чтобы кто-либо из неверующих не подозревал, что в сосудах были остатки вина, и поэтому, когда была влита и смешана с ними вода, то составилось некоторое, самое слабое, вино. Потому евангелист и говорит: "**[по обычаю] очищения Иудейского**", показывая тем, что в сосудах тех никогда не хранилось вино. Палестина земля безводная, и там не во всяком месте можно находить источники и колодези; поэтому евреи всегда наполняли сосуды водою, чтобы не бегать на реки, когда они делались нечистыми, но иметь под рукою средство для очищения. Но почему Он не сотворил чуда прежде, чем сосуды были наполнены водою – что было бы гораздо удивительнее? Иное ведь дело – изменить готовое вещество только по качеству, иное – произвести само вещество из ничего. Конечно, это удивительнее; но для многих показалось бы не столь вероятным. Потому-то Христос нередко добровольно уменьшает величие чудес, чтобы только удобнее они могли быть приемлемы. А почему, скажешь, Он не сам произвел воду и потом обратил ее в вино, а приказал влить ее слугам? Опять по той же причине и для того, чтобы сами черпавшие воду были свидетелями чуда и чтобы оно нисколько не показалось призраком. Если бы кто-либо стал бесстыдно отвергать это, то слуги могли бы сказать: мы сами черпали воду. Кроме того Он ниспровергает этим чудом и возродившееся, противное Церкви, учение. Есть такие, которые говорят, что существует некоторый иной создатель мира и что видимое не Им сотворено, а каким-то другим враждебным Ему богом[1]. Обуздывая такое безумство, Христос большую часть чудес Своих творил из готовых веществ. Если бы Создатель мира был враждебен Ему, то Он не стал бы пользоваться чужими делами для доказательства собственного могущества. Так и теперь, чтобы показать, что Он сам Тот, кто прелагает воду в виноград и обращает в вино дождь, через корень винограда, - что в растении совершается через долгое время, - в одно мгновение Он делает это на браке. Затем, как скоро слуги наполнили сосуды водою, Он говорит им: "**теперь почерпните и несите к распорядителю пира. И понесли. Когда же**

распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, - а он не знал, откуда [это вино], знали только служители, почерпавшие воду, - тогда распорядитель зовет жениха и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе" (ст. 8-10). Опять и здесь некоторые посмеиваются, говоря: там было собрание людей пьяных, вкус у ценителей уже был испорчен, и они неспособны были ни понимать, ни судить о том, что тут делалось, - таким образом они не могли распознать, вино ли то было, или вода, а что они были пьяны, это высказал сам архитриклин. Правда, это очень смешно. Но евангелист уничтожает и такое подозрение. Он говорит, что не гости высказывали свое мнение о случившемся, но архитриклин, который был трезв и еще не пил ничего. Ведь вы знаете, что те, которым поручается распоряжение на таких пиршествах, более всех бывают трезвы, потому что имеют только одно дело – все устроить чинно и в порядке. Поэтому для засвидетельствования чуда Христос и употребил трезвое чувство архитриклина. Он не сказал: наливайте вино возлежащим, а сказал: несите к архитриклину. "**Когда же распорядитель отведал воды, сделавшейся вином, - а он не знал, откуда [это вино], знали только служители, почерпавшие воду, - тогда распорядитель зовет жениха**". Почему же он не пригласил слуг? Таким образом открылось бы и чудо. Причина та, что и сам Иисус не открыл совершившегося чуда, а хотел, чтобы сила Его знамений была познаваема не вдруг, но - помалу. А если бы оно в то же время было обнаружено, то рассказу слуг о Нем не поверили бы, но подумали бы, может быть, что они не в своем уме, так как приписывают это дело тому, которого тогда многие считали (человеком) обыкновенным. Сами слуги, конечно, знали это дело хорошо по собственному опыту, и не могли не верить своим рукам; но уверить в том других не имели возможности. Поэтому и сам Христос не всем открыл случившееся, а только тому, кто лучше других мог понять это, - представляя точнейшее познание о чуде будущего времени. По совершении других чудес, и это должно было сделаться достоверным. Так впоследствии, когда Он исцелил сына царедворца, евангелист в повествовании об этом дает разуметь и то, что и это чудо тогда уже сделалось более гласным. Царедворец потому особенно и призвал Иисуса, что узнал, как я говорю, об этом чуде. Это и объясняет Иоанн, когда говорит: "**Иисус опять пришел в Кану Галилейскую, где претворил воду в вино**" (Иоан. 4:46), да и не просто в вино, а вино самое лучшее.

3. Таковы-то чудеса Христовы, что их произведения оказываются гораздо лучше и превосходные тех, которые совершаются природою. Так и в других случаях, когда Христос исправлял какой-либо поврежденный член тела, то делал его лучше членов здоровых. А что произведенного из воды было действительно вино и притом самое лучшее, об этом могли засвидетельствовать не только слуги, но и архитриклин и жених; а что оно произведено было Христом, это могли подтвердить слуги, черпавшие воду. Таким образом, если бы и не открылось чудо в то время, то не могли молчать о нем впоследствии времени. Итак, Христос много необходимых свидетельств оставлял на будущее время. Что Он претворил воду в вино, на это Он имел свидетелями слуг; а что это было вино хорошее, на то – свидетели архитриклин и жених. Вероятно, жених отвечал что-нибудь на слова архитриклина; но евангелист, поспешая к делам важнейшим, коснулся только самого чуда, а прочее миновал. Нужно было, конечно, знать, что Христос претворил воду в вино; но что сказал жених архитриклину, присовокуплять это евангелист не почитал нужным. Между тем многие чудеса, будучи сперва мало известны в подробностях, с течением времени стали более известны, потому что были рассказаны во всех своих подробностях людьми, бывшими вначале очевидцами их. Но как в то время Иисус претворил воду в вино, так и тогда и ныне не перестает прелагать нравы людей слабых и рассеянных. Есть, есть, говорю, люди, ничем не отличающиеся от воды, - так они холодны, жидки, ни в чем не тверды. Находящихся в таком состоянии людей наш долг

приводить к Господу, чтобы Он благоволил нравам их, сообщить качество вина, чтобы они не рассеивались, но приобрели постоянство, на радость себе и другим.

Кто же это такие холодные люди, как не те, которые много занимаются делами настоящей жизни, которые не презирают наслаждений этого мира, любители славы и власти? Все это потоки, никогда не останавливающиеся, но постоянно с большою стремительностью несущиеся в бездну. Сегодня богатый, завтра нищ; сегодня является с глашатаем, на колеснице, в сопровождении множества жезлоносцев, а на другой день нередко поселяется в темнице, уступая, и против воли, другому это самопрельщение. Таким же образом преданный роскоши и пресыщению, как бы ни наполнял своего чрева, даже на один день не может удержать в себе этого запаса, но, с испражнением его, принуждается собирать новые запасы, не различаясь таким образом ничем от потока. Как в потоке, едва минует одна струя, за ней выступает другая, так и здесь, истлевает одна пища – и нам нужна другая. Таково свойство житейских вещей: они никогда не останавливаются, но всегда текут и одна за другою увлекаются. Что же касается до удовольствий сластолюбия, то они не только текут и проходят, но еще приносят нам много тревог. Когда им предаются с увлечением, то они и крепость тела ослабляют и душу лишают мужества. И не так сильное течение рек размывает берега и обрушивает их, как сластолюбие и пресыщение подрывает все опоры нашего здоровья. Пойди в больницу и спроси об этом, - там узнаешь, что отсюда происходят почти все болезни. Умеренная и простая трапеза – мать здоровья. Так называют ее и врачи, признавая здоровым – не наедаться досыта. Умеренность в пище, говорят они, и есть здоровье; а пища скудная – мать здоровья. Если же умеренность в пище источник здоровья, то явно, что пресыщение источник болезней и недугов и рождает такие страдания, которые превышают и само искусство врачей. И действительно, боли в ногах, боли в голове, в глазах, в руках, дрожание всего тела, удары, желтуха, продолжительные острые горячки и многие другие болезни (теперь не время перечислять все) обыкновенно рождаются не от воздержания и благоразумного образа жизни, а от объедения и пресыщения. Если же хочешь знать и болезни души, отсюда рождающиеся, то увидишь, что любостяжание, разврат, уныние, леность, любострастие и все непотребства отсюда ведут свое начало. Души людей, питающихся такими трапезами, ничем не лучше ослов: так терзают их эти звери. Говорить ли еще о том, сколько скорбей и неприятностей получают преданные пресыщению? Всех их исчислить невозможно. Покажу все в одном и самом главном. Они никогда с удовольствием не наслаждаются своим столом, даже самым роскошным. Воздержность – мать как здоровья, так и удовольствия; а пресыщение – источник и корень как болезней, так и неудовольствия. Где пресыщение, там не может уже быть охоты (к пище); а где нет охоты, там может ли быть удовольствие? Поэтому между людьми бедными мы находим таких, которые не только благоразумнее и здоровее богатых, но и больше их имеют веселья. Обо всем этом размышляя, будем убегать пресыщения и пьянства не только за трапезой, но и при всех житейских обстоятельствах. Вместо того будем лучше искать наслаждений духовных и, по выражению пророка, "**утешайся Господом**" ("**утешайся**", говорит он,"**Господом, и Он исполнит желания сердца твоего**" – Пс. 36:4), чтобы нас вкусить и здешних и будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Это лжеучение манихеев.

БЕСЕДА 23

"Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской" (Иоан. 2:11)

1. Часто и сильно нападает дьявол, осаждая со всех сторон наше спасение. Потому надобно бодрствовать и трезвиться и отовсюду преграждать ему приступ. Как скоро он встретит хотя малый какой-либо случай, то уже приготовляет себе свободный доступ, и мало-помалу вводит всю свою силу. Итак, если мы сколько-нибудь дорожим нашим спасением, то не попустим ему и малых нападений на нас, чтобы через то предотвратить большие. Да и крайне безумно было бы – когда он показывает такое старание погубить нашу душу, нам со своей стороны не постоять даже и в равной мере за наше собственное спасение. Это не спроста сказано мною; а я боюсь, чтобы и ныне, незаметно для нас, не вторгся внутрь нашего двора этот волк, и не похитил какой-нибудь овцы, по нерадению или по злому навету уклоняющейся от стада и от настоящих наших бесед. Если бы раны были чувственные и только тело получало удары, то не трудно было бы распознавать его злоумышления. Но как душа незрима и она-то именно получает раны, то и нужно нам много бодрствовать, чтобы каждый испытывал сам себя: "**ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем**" (1Кор. 2:11)? Слово простирается ко всем и врачевание предлагается общее для всех нуждающихся, но дело каждого из слушающих самому принимать то, что нужно в его болезни. Я не знаю больных, не знаю и здоровых; потому предлагаю всякого рода поучения, потребные в болезнях всякого рода: обличаю то корыстолюбие, то объедение; иногда осуждаю любострастие; иной раз восхваляю милосердие и убеждаю к нему; иной раз - другие добродетели. Я опасаюсь, чтобы, рассуждая в поучении об одной болезни, не забыть уврачевать других, тогда как вы страдаете ими. Если бы здесь при моей беседе присутствовал только один слушатель, я не считал бы слишком нужным разнообразить свои поучения; но как в таком множестве людей конечно есть и много болезней, то не излишне нам разнообразить назидание: слово, обращенное ко всем, без сомнения принесет свою пользу. Поэтому-то и содержание Писания разнообразно, и говорит нам о бесчисленном множестве предметов, так как обращает слово свое к общему естеству всех людей. А в таком множестве людей, без сомнения, есть всякого рода болезни душевные, хотя и не все во всех. Потому, очищая себя от них, будем же внимать слову Божию, и, сосредоточив в нем наши мысли, выслушаем нынешнее его чтение. Что же это такое? "**Так положил**", говорит Писание, "**Иисус начало чудесам в Кане Галилейской**". Некоторые, как я и прежде говорил, утверждают, что это не было началом вообще. Как же иначе, говорят, если тут прибавлено именно: "**в Канне Галилейской**"? "**Так положил**", сказано, "**начало в Кане**". Но я не стану входить в дальнейшее исследование об этом; мы уже прежде доказали, что Он начал творить знамения после крещения, и прежде крещения не совершал никаких чудес. А это ли именно, или другое знамение было первым из совершенных Им после крещения, об этом, мне кажется, нет надобности слишком много рассуждать. "**И явил славу Свою**". Каким образом? Ведь свидетелями события были не многие, а только служители, архитриклин и жених? Как же Он явил славу Свою? Он явил ее со Своей стороны. А если и не тогда, то впоследствии должны были все услышать об этом чуде, так как оно доныне прославляется и не забыто. Но что в тот день не все узнали об этом, видно из последующего. Евангелист, сказав: "**явил славу Свою**", присовокупляет: "**и уверовали в Него ученики Его**" (ст. 11), т.е. те, которые и прежде того уже дивились Ему. Видишь ли, что нужно было тогда в особенности творить знамения, когда присутствовали люди добросовестные и внимательные к событиям? Такие и скорее могли веровать и более внимания обращать на события. Да и как Он мог бы быть познан без знамений. Учение же и пророчество, соединенные с чудотворениями, могут расположить души слушателей к тому, чтобы они с усердием внимали событиям, как скоро душа уже наперед к тому приготовлена. Поэтому-то евангелисты не редко говорят, что в иных местах Он не сотворил знамений по причине превратного направления людей, живущих там. "**После сего пришел Он в Капернаум, Сам и Матерь Его, и братья его, и ученики Его; и там пробыли немного дней**" (ст. 12). Для чего Он приходит в Капернаум с Матерью? Там Он не сотворил никакого чуда, и жители того

города не были из числа благорасположенных к Нему, а притом были еще и самые развращенные: это и сам Христос заметил, сказав: "**и ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься**" (Лк. 10:15). Итак, для чего же Он приходит туда? Мне кажется, что, намереваясь спустя немного времени отправиться в Иерусалим, Он для того тогда пошел в Капернаум, чтобы не всюду водить с собою братьев и Мать. Таким образом, отправившись туда и пробыв немного времени из уважения к Матери, Он оставил там свою Родительницу, и потом опять начинает творить чудеса. Потому и сказано, что Он "**пришел в Иерусалим**" (ст. 13). Следовательно, Он крестился не задолго до Пасхи. Но что Он делает, прибывши в Иерусалим? Дело, выражающее Его великую власть. Меновщиков денег, торжников, которые продавали голубей, волов и овец, затем и пребывали там, Он изгоняет вон.

2. Другой евангелист повествует, что, изгоняя их, Он говорил: "**дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников**" (Мф. 21:13); а св. Иоанн выражает это так: "**дома Отца Моего не делайте домом торговли**" (Иоан. 2:16). Но евангелисты не противоречат друг другу; а дают видеть, что Он сделал это в два раза, и что оба случая были не в одно и тоже время: в первый раз Он совершил это в начале (своей проповеди), а во второй – когда уже шел на страдания. Потому в последний-то раз употребил Он и сильнейшие выражения, назвав то место вертепом разбойников; а в начале знамений не так, но употребил более кроткое обличение. Итак вероятно, что Он сделал это в два раза. Для чего же, скажешь ты, Христос сделал это, и притом употребил такую строгость, как Он нигде – кажется – не делал, даже и в тех случаях, когда Его оскорбляли, поносили, называли самарянином и даже одержимым бесами? А здесь Он даже не удовольствовался одними только словами; но и взял бич, и таким образом изгнал их. Между тем иудеи, когда Он другим благодетельствовал, обвиняют Его и ожесточаются; а когда им, по-видимому, надлежало бы от Его прещения придти в гнев, не поступают с Ним таким образом; они не порицают или не оскорбляют Его; а что говорят? "**Каким знамением докажешь Ты нам, что [имеешь] [власть] так поступать**" (ст. 18)? Видишь ли крайнюю завистливость их, - как благодеяния, другим оказанные, более всего раздражали их? Итак, в один раз Он говорил, что храм сделался от них вертепом разбойников, показывая тем, что продаваемое было приобретено воровством, грабительством и лихоимством, и что они обогащались несчастьями других; а в другой раз – домом купли, изобличая бесстыдство их в торговле. Но для чего Он сделал это? Так как, впоследствии времени, Он стал исцелять в субботу и делать многое такое, что казалось им преступлением закона, то чтобы не считали Его богопротивником и делающим это вопреки воли Отца, Он этим случаем и предупреждает такую мысль их. Тот, кто показал столь великую ревность о доме, конечно, не имел намерения противиться Владыке дома, в нем чтимому. Правда, и предшествовавшие годы, в которые Он жил согласно с законом, могли достаточно показать Его уважение к Законодателю и то, что Он не пришел узаконить что-либо противное Ему. Но как эти годы, вероятно, с течением времени преданы забвению, да и не всем были известны (потому что Он воспитывался в доме бедном и незнатном), то Он и делает это в присутствии всего народа, собравшегося по случаю приближения праздника, и притом с опасностью для Себя самого. Он не просто выгнал их; но и столы низверг, и деньги рассыпал, давая им из этого понять, что подвергающий Себя опасности за благочиние в доме не станет презирать Владыку дома. Если бы Он делал это притворно, то мог бы употребить только убеждение; а подвергать Себя опасностям – это слишком смело. Ведь не маловажное дело предать Себя такой ярости торжников, ожесточать против Себя невежественную толпу людей корчемных, посрамляя их и вводя в убытки: это свойственно не лицемеру, а человеку готовому потерпеть все за благополепие дома. Потому Он не делами только, но и самими словами своими выражает единение свое с Домовладыкою; не говорит: дом святой, а дом **Отца моего**. Вот, называет Его и Отцом своим, и они не негодуют на это: думали, что Он говорит так вообще. Но когда

впоследствии стал Он выражать это яснее, так что внушал мысль о своем равенстве с Отцом, тогда они приходили в ярость. Что же они теперь? "**Каким знамением**", говорят, "докажешь Ты нам, что [имеешь] [власть] так поступать"? О, крайнее безумие! Им нужно знамение, чтобы отстать от худых дел, и освободить дом Божий от такого уничижения! А возъиметь столь великую ревность о доме Божьем разве не есть величайшее знамение добродетели? Благонамеренные люди оказались и здесь: "**при сем ученики Его вспомнили, что написано: ревность по доме Твоем снедает Меня**" (Иоан. 2:17; Пс. 68:10). Но иудеи не вспомнили о пророчестве, а говорили: "**каким знамением докажешь Ты нам**", с одной стороны жалея о потере своей постыдной прибыли, и надеясь воспрепятствовать Ему в том, с другой желая вызвать Его к совершению чуда, чтобы унизить поступок Его. Потому Он и не дает им знамения. Так и прежде, когда они приступали и требовали чуда, Он отвечал им: "**Род лукавый и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка**" (Мф. 16:4). Впрочем, тогда Он отвечал им яснее, а теперь более загадочным образом. А делает Он это по причине крайней их бесчувственности. Тот, кто предупреждал не просивших и давал им знамения, Тот – конечно – не отказал бы требовавшим, если бы не видел в них мыслей злых и лукавых и коварного их намерения. Заметь, какой злобы исполнен и самый вопрос их. Им следовало бы похвалить Его усердие и ревность; следовало бы изумляться тому, какую заботливость Он оказывает о доме Божьем; а они обвиняют Его, утверждая, что здесь корчемствовать позволительно, а прекращать корчемство не позволительно, если не будет показано какое-либо знамение. Что же Христос? "**Разрушьте**", говорит, "**храм сей, и Я в три дня воздвигну его**" (Иоан.2:19). Он и много такого говорил, что тогдашним слушателям не было понятно, а только впоследствии могло быть ясно. Для чего же Он делал это? Чтобы доказалось Его предвидение будущих событий, когда исполнится предсказанное, - как действительно случилось и относительно этого пророчества. "**Когда же воскрес**", сказано, "**Он из мертвых, то ученики Его вспомнили, что Он говорил это, и поверили Писанию и слову, которое сказал Иисус**" (ст. 22). А в то время, когда Он говорил, они недоумевали, каким образом может исполниться сказанное; другие же возражали так: "**сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его**" (ст. 20)? Они говорят: **сорок шесть лет**, разумея построение последнего храма, потому что первый был окончен в двадцать лет.

3. Почему же Он не объяснил этой притчи, и не сказал: Я говорю не об этом храме, но о плоти Моей? Уже впоследствии евангелист, когда писал евангелие, то истолковал это изречение; а сам Он в то время умолчал? Почему же умолчал? Потому что они не приняли был слов Его: если даже ученики Его не были тогда способны разуметь сказанное, то тем более – народ. "**Когда же**", говорит евангелист, "**воскрес Он из мертвых, то ученики Его вспомнили, что Он говорил это, и поверили Писанию**". Два предмета здесь представлялись им: Его воскресение, и вопрос еще более важный: Бог ли был Тот, кто обитал в этом храме? То и другое Он давал разуметь в словах: "**разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его**". Это и Павел представляет, как не малое знамение божественности Его, говоря так: "**и открылся Сыном Божиим в силе, по духу святыни, через воскресение из мертвых, о Иисусе Христе**" (Рим. 1:4). Почему же Он именно это знамение дает и там и здесь и везде, говоря или так: "**когда Я вознесен буду от земли**" (Иоан. 12:32), или: "**когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я**" (8:28); также: "**знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы**" (Мф. 16:4), и здесь опять: "**в три дня воздвигну его**"? Да то в особенности и показывало в Нем не простого человека, что Он мог одержать победу над смертью и так скоро разрушить долговременное ее владычество и прекратить тяжкую брань. Потому и говорит: "**тогда узнаете**". Когда это? Когда воскресши **привлеку** к себе вселенную (Иоан. 12:32), - тогда-то уразумеете, что и это сделал Я, как Бог и истинный Сын Божий, наказывая за оскорбление Отца. Почему же Он не сказал, какие нужны были знамения для

прекращения бывшего зла, а только обещал дать знамение? Потому что таким образом Он еще более ожесточил бы их, а теперь более поразил. Впрочем, они ничего не сказали на это; им казалось, что Он говорит нечто невероятное, и потому они не продолжали еще спрашивать Его; они оставили это без внимания, как дело несбыточное. Но если бы они имели смысл, то, хотя бы это и казалось им тогда невероятным, - по крайней мере, впоследствии времени, когда Он сотворил уже множество знамений, они могли бы придти и спросить Его о том, чтобы разрешить свое недоумение. Но как они были несмысленны, то на одни слова Его вовсе не обращали внимания, а другие выслушивали со злым умыслом. Потому и Христос говорил им в притчах.

Но представляется еще такой вопрос: каким образом ученики не знали, что ему надлежало воскреснуть из мертвых? Это потому, что они тогда еще не были удостоены благодати Святого Духа. Поэтому, хотя часто слышали слово о воскресении, но нисколько не разумели, а только рассуждали между собою, что бы это значило. В самом деле, весьма странно и дивно было слышать, чтобы кто-нибудь мог воскресить самого себя и воскресить таким образом. Потому и Петр подвергся упреку, когда, не разумея ничего о воскресении, сказал: "**будь милостив к Себе, Господи**" (Мф. 16:22). Да и Христос ясно не открывал им этого прежде самого события, чтобы они не соблазнялись, - так как вначале еще не верили словам Его, по причине великой их странности, и потому, что еще не знали ясно, кто Он. Тому, о чем громко вопияли сами события, никто не мог не верить; а что говорилось только на словах, тому конечно не все хотели верить. Поэтому сначала Он оставил это учение прикровенным; когда же самим делом доказал истину слов Своих, тогда наконец сообщил и разумение их и такую благодать Духа, что ученики Его все вдруг постигли. "**Дух Святый напомнит вам все**" (Иоан. 14:26). Если они, потеряв все уважение к Нему в один вечер, разбежались и даже говорили, что и не знают Его, не получив особенной благодати Духа, то едва ли бы они припомнили все сделанное и сказанное Христом во все время (жизни Его). Если же, скажешь ты, они должны были услышать все от Духа, а сами не могли удержать в памяти всего учения Христова, то какая была им нужда пребывать со Христом? Но это было нужно потому, что Дух собственно не учил их, а только приводил на память то, что прежде говорил Христос; но и послание Духа для напоминания им сказанного не мало содействовало славе Христовой. Итак, сначала это было милостью Божьею, что на них ниспослана благодать Духа столь великая и обильная; а после было уже их добродетелью то, что они усвоили себе этот дар. Они показали жизнь светлую, великую мудрость и великие подвиги, и презирали жизнь настоящую, ни во что вменяли все человеческое, но были выше всего, и, как легкие орлы, парящие на высоту, делами своими достигали самого неба, чем и приобрели неизреченную благодать Духа. Будем же подражать им и мы, и не угасим светильников наших, но соблюдем в них свет милосердием. Таким именно образом поддерживается пламень этого огня. Будем же собирать елей в сосуды, пока мы находимся здесь, потому что по отшествии туда уже нельзя купить его; приобрести его можно не иначе, как только через руки бедных. Будем собирать его здесь в обилии, если хотим войти (в чертог) с Женихом; иначе должны будем остаться вне чертога. Невозможно, совершенно невозможно войти в преддверие царства без милосердия, хотя бы мы совершили множество других добрых дел. Потому будем оказывать милосердие с полным усердием, чтобы насладиться неизреченных благ, которых и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, которому вечная слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 24

"И когда Он был в Иерусалиме на празднике Пасхи, то многие уверовали во имя Его" (Иоан. 2:23)

1. Между людьми того времени[1] одни увлекались заблуждениями, другие держались истины; но и из этих последних некоторые принимали истину только на краткое время, а потом отпадали от нее. Таких-то людей Христос разумел в притче, уподобляя семенам, лежащим не глубоко, но имеющим корни на поверхности земли, которые оттого, говорил Он, скоро и гибнут. На них же и евангелист указывает здесь, когда говорит: "**И когда Он был в Иерусалиме на празднике Пасхи, то многие, видя чудеса, которые Он творил, уверовали во имя Его. Но Сам Иисус не вверял Себя им,**" (Иоан. 2:23,24). Гораздо вернее были те ученики, которые не знамениями только были привлекаемы ко Христу, но и учением Его; знамения увлекали более грубых, а более разумных – пророчества и учение. Потому те, которые были пленены учением, были тверже привлеченных знамениями; их-то и Христос ублажал, когда говорил: "**блаженны невидевшие и уверовавшие**" (Иоан. 20:29). А что последние были не из истинных учеников, это показывает и присовокупление следующих слов: "**Но Сам Иисус не вверял Себя им**". Почему? "**Потому что знал всех и не имел нужды, чтобы кто засвидетельствовал о человеке, ибо Сам знал, что в человеке**" (ст. 24,25). Смысл этих слов такой: Он не обращал внимания на одни слова, проникал в сами сердца и входил в мысли; ясно видя только временную их горячность, Он не доверял им, как уже решительным ученикам, не проповедовал им всего учения, как бы уже сделавшимся твердыми в вере. А знать, что есть в сердце людей, свойственно Тому, кто "**создал сердца всех их**" (Пс. 32:15), т.е. одному Богу, так как сказано: "**Ты один знаешь сердце**" (3Цар.8:39). Он не имел нужды в свидетелях, чтобы знать мысли собственных своих созданий: потому и не доверял им в их временной вере. Люди, не знающие ни настоящего, ни будущего, часто без всякого разбора и говорят, и сообщают все даже таким, которые с хитростью подступают к ним и потом скоро оставляют их. Но Христос не так; Он знал все в них сокровенное. И ныне много таких, которые носят имя верующих, но непостоянны и легко всем увлекаются; потому и ныне Христос не вверяет Себя им, а весьма многое скрывает от них. Как мы вверяемся не всяким друзьям, а только искренним, так и Бог. Вот послушай, что говорит Христос ученикам: "**Я уже не называю вас рабами, но Я назвал вас друзьями**". Как и почему? "**Потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего**" (Иоан. 15:15). Таким образом, иудеям, просившим знамений, Он не дал, потому что они просили, желая только искусить Его. Да и ныне, как тогда, просить знамений не значит ли искушать? Между тем и ныне есть люди, которые ищут знамений, и говорят: почему ныне знамений нет? Но если ты верующий, каким должен быть, если любишь Христа, как следует любить, то ты не имеешь нужды в знамениях: они даются неверным. Почему же они не были даны иудеям? – спросишь ты. Нет, им-то наиболее и даны были. Если же в некоторых случаях иудеи, и требуя знамений, не получали их, то это потому, что требовали их не с тем, чтобы оставить свое неверие, а чтобы еще больше утвердиться в злобе своей. "**Между фарисеями был некто, именем Никодим, [один] из начальников Иудейских. Он пришел к Иисусу ночью**" (Иоан. 3:1,2). Этот Никодим, как видно из евангелия, и после возвышал голос свой за Христа; он говорил: "**судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его**" (Иоан. 7:51). Но иудеи с негодованием сказали ему: "**рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк**" (ст.52). Да и после распятия на кресте, он также показал много заботливости при погребении тела Господня. "**Пришел также и Никодим, - приходивший прежде к Иисусу ночью, - и принес состав из смирны и алоя, литр около ста**" (Иоан. 19:39). Так и теперь он был благорасположен ко Христу, но не столько, сколько следовало, и не с надлежащею мыслью о Нем: он был еще подвержен иудейским слабостям. Потому он и приходил ночью, боясь сделать это днем. Впрочем человеколюбец Бог и при этом не отверг его, не укорил и не лишил Своего учения, а с великою кротостью беседует с ним, открывает ему весьма высокие предметы веры, хотя и гадательно, но все же открывает. Человек этот был гораздо более достоин снисхождения, нежели те, которые делали это из лукавства. Последние не заслуживали никакого прощения; а тот, хотя и достоин был обличения, но

не в такой степени. Почему же евангелист ничего этого не сказал о нем? Он говорит в другом месте, что "**из начальников многие уверовали в Него; но ради фарисеев не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги**" (Иоан. 12:42). Здесь же все это он выразил одним замечанием о приходе его в ночное время. Что же Никодим говорит? "**Равви! мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог**" (Иоан.3:2).

2. Никодим еще долу вращается; еще человеческое понятие имеет о Христе и говорит о Нем, как о пророке, не предполагая в Нем ничего особенного по знамениям. "**Мы знаем**", говорят, "**что Ты учитель, пришедший от Бога**". Для чего же ты приходишь ночью и тайно к Тому, кто говорит божественное и пришел от Бога? Почему не беседуешь с Ним открыто? Но Иисус и этого не сказал ему и не обличил его: Он "**трости надломленной не переломит**", говорит Писание, "**и льна курящегося не угасит; будет производить суд по истине**" (Ис. 42:3); да и сам Он говорит: "**Я пришел не судить мир, но спасти мир**"(Иоан. 12:47). "**Таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог**". Итак, Никодим выражает еще мысль еретическую, когда говорит, что Иисус совершает дела Свои при постороннем содействии, и имеет нужду в помощи других. Что же Христос? Смотри, какое крайнее снисхождение! Он не сказал: Я нисколько не имею нужды в помощи других, но творю все Своею властью, потому что Я истинный Сын Божий и имею одинаковую силу с Родившим Меня. Он не говорил этого, потому что это было еще недоступно для слушателя. Я всегда говорю, и теперь скажу, что Христос имел намерение в то время не столько открывать собственное достоинство, сколько убеждать, что Он ничего ни делал против воли Отца. Поэтому в словах Он постоянно является кротким, а в делах – не так; но когда творит чудеса, то делает все со властью. Так Он говорит: "**хочу, очистись**" (Мк.1:41); "**девица, тебе говорю, встань**" (5:41); "**протяни руку твою**" (Мф. 12:13); "**прощаются тебе грехи твои**" (Лк. 5:20); "**умолкни, перестань**" (Мк. 4:39); "**встань, возьми постель твою и иди в дом твой**" (2:11); "**замолчи и выйди из него**" (Лк. 4:35: 8:29); "**да будет тебе по желанию твоему**" (Мф. 15:28); "**если кто скажет вам что-нибудь, отвечайте, что они надобны Господу**" (Мф. 21:3); "**ныне же будешь со Мною в раю**" (Лк. 23:43); "**слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду**" (Мф. 5:21,22); "**идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков**" (4:19). И во всех случаях мы видим великую власть Его. В делах никто не мог осудить Его за то, что происходило. Да и как это было возможно? Если бы слова Его не сбывались и не исполнялись сообразно Его повелению, то мог бы кто-нибудь из иудеев сказать, что повеления Его происходили от тщеславия; а так как все они исполнялись, то совершение событий невольно заграждало уста их. Что же касается до слов, то иудеи могли бы, по бесстыдству своему, обвинять Его в тщеславии.

Так и теперь, в беседе с Никодимом, Он ясно не высказывает ничего высокого, но загадочным образом возводит его от унизительных мыслей, научая, что Он сам по себе силен творить чудеса, так как Отец родил Его совершенным, всесильным в самом Себе и не имеющим ничего несовершенного. Но посмотрим, как именно Он это доказывает. Никодим говорит: "**Равви! мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог**" (Иоан. 3:2). Он думал, что, говоря о Христе, он сказал нечто великое. Что же Христос? Показывает ему, что он еще не достиг и преддверия истинного ведения, не стоит даже и перед вратами его, но еще блуждает где-то вне царствия – и он сам, и всякий, кто стал бы говорить таким образом; что еще не проник в истинное ведение тот, кто имеет такое понятие о Единородном. Что же именно говорит Христос? "**истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия**" (ст.3). Т.е., если ты не родишься свыше и не получишь точного познания о предметах веры, то будешь

блуждать и останешься далеко вне царствия небесного. Впрочем Он не говорит так ясно, но чтобы не сделать слов Своих слишком тягостными, не прямо к нему обращается, а говорит неопределенно: "**если кто не родится**", как бы так говоря: если ты или другой кто-либо думает обо Мне таким образом, то вы находитесь вне царствия. Если бы не такой именно смысл заключался в словах Его, то ответ не соответствовал бы словам Никодима. Если бы услышали это иудеи, то они ушли бы со смехом; но Никодим и в этом случае показывает свою любознательность. Для того-то Христос часто и говорил не ясно, чтобы побудить слушателей к вопросам и сделать их более внимательными. Ясно сказанное нередко проходит мимо слуха, а неясное делает слушателя внимательнее и усерднее. Итак, слова Христовы имеют такой смысл: если ты не родишься свыше, если не приобщишься Духа посредством бани пакибытия, то не сможешь получить надлежащего обо Мне понятия; а это (твое) понятие не духовное, но душевное. Впрочем он говорит таким образом не с тем, чтобы поразить Никодима, излагавшего собственное мнение, сколько он мог вместить, но чтобы незаметным образом возвести его к высшему разумению: " **если**", говорит Он,"**кто не родится свыше**". Под словом – **свыше** здесь одни разумеют: **с неба**, другие: **снова**. Тому, говорит Он, кто не родился таким образом, невозможно увидеть царствия Божия, разумея здесь Себя самого и показывая, что Он был не тем только, что видели в Нем, и что нужны еще другие глаза, чтобы видеть в Нем Христа. Никодим, услышав это, говорит: "**как может человек родиться, будучи стар**" (Иоан.3:4)? Как? Ты называешь Его **учителем** и говоришь, что Он пришел от Бога, а слов Его не принимаешь и высказываешь учителю мысль, выражающую странное недоумение? Это **как** – есть выражение людей не очень верующих, есть недоумение мыслящих земное. Так и Сара смеялась, когда говорила: **как?** Так и многие другие, с подобными вопросами, отпали от веры.

3. Так и еретики упорствуют в ереси, предлагая такие же вопросы. Одни из них говорят: **как** воплотился? Другие: **как** родился? И таким образом слабым своим умом подчиняют Существо беспредельное. Зная это, нам должно избегать такого неуместного любопытства. Возбуждающие такие вопросы и не узнают того: **как**, и отпадут от православия. Так и Никодим с недоумением спрашивает о способе. Он понял, что сказанное относится и к нему; оттого смущается, колеблется, приходит в затруднение – потому, что пришедши (к И.Христу), как к человеку, он слышит нечто вышечеловеческое, чего еще никто никогда не слышал; он с одной стороны возвышается до высоты предлагаемого учения, с другой окружается мраком и не знает, на чем остановиться, увлекаясь туда и сюда и отпадая от веры. Потому и продолжает представлять это, как дело невозможное, чтобы вызвать Его к яснейшему изложению учения: "**неужели**", говорит, "**может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться**" (ст.4)? Видите, как говорит смешно человек, подчиняющий духовное собственным понятиям; он находится как бы в бреду и опьянении, как скоро начинает сказанное исследовать более, нежели сколько угодно Богу, а не принимает в простоте веры. Он слышит о духовном рождении, но не думает о духовном, а низводит сказанное до уничижения плоти, и столь великое и высокое учение подводит под естественный порядок вещей. Вот почему он выдумывает вопросы и смешные недоумения. Потому-то и Павел говорит, что "**душевный человек не принимает того, что от Духа Божия**" (1Кор. 2:14). Впрочем Никодим и после этого соблюдает уважение ко Христу: не стал смеяться над словами Его, а только, считая дело невозможным, молчал. Два предмета были ему постижимы: такое рождение и царствие. У иудеев никогда не было слышно даже названия такого рождения и такого царствия. Впрочем Никодим пока останавливается на первом, так как этот предмет наиболее поразил его ум.

Зная это, не будем же испытывать своим умом Таин божественных, не станем подводить их под порядок обыкновенных у нас вещей, и подчинять законам естества; но будем

разуметь все благочестиво, веруя тому, что сказано в Писаниях. Слишком любопытствующий исследователь не приобретает никакой пользы, и кроме того, что не находит искомого, подвергается еще крайнему осуждению. Ты слышишь, что (Отец) родил? Веруй тому, что слышишь: но **как** (родил), этого не испытывай, чтобы через то не отвергнуть и самого рождения, - что было бы крайне безрассудно. Если Никодим, услышав о рождении, не об этом неизреченном, а о рождении по благодати, впал во мрак и недоумение, оттого, что не предполагал в нем ничего высокого, а мыслил только человеческое и земное, то испытывающие и изведывающие рождение страшное и превосходящее всякое слово и разумение – какого достойны могут быть наказания? Ничто не производит столько мрака, сколько ум человеческий, рассуждающий обо всем по земному и не принимающий озарения свыше. Земные помыслы заключают в себе много нечистоты. Потому и нужны нам струи небесные, чтобы, по уничтожении тины, дух наш, по мере своей чистоты, возносился горе и приобщался небесного учения. А это может быть тогда, когда мы покажем в себе и душу благомыслящую и жизнь правую: может ведь, истинно может помрачиться наш ум не только от неуместного любопытства, но и от развращенного образа жизни. Потому и Павел говорил коринфянам: "**Я питал вас молоком, а не [твердою] пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские. Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы**" (1Кор. 3:2,3)? Также в послании к евреям и во многих других местах, как всякий может видеть, Павел полагает это самое причиною неправых учений, потому что преданная страстям душа не может постигать ничего великого и благородного; но, как бы помраченная гноетечением из очей, страдает самою тяжкою слепотою. Итак, очистим самих себя, просветимся светом ведения и не будем сеять в тернии. А что значит это терние, вы знаете, хотя мы и не будем говорить об этом: вы часто слышали, что Христос именем терния называет попечения житейские и обольщения богатства; да и справедливо. Как первое (терние) бесплодно, так и последнее; как то уязвляет прикасающихся к нему, так и эти страсти; как терние легко потребляется огнем, и ненавистно для земледельца, так и мирские дела; как в тернии скрываются дикие звери, ехидны и скорпионы, так и в обольщениях богатства. Но воспримем огонь Духа, чтобы и терние потребить, и зверей изгнать, и ниву очистить для Земледельца; а после очищения оросим ее духовными струями; насадим плодоносную маслину, растение самое нежное, всегда цветущее, светоносное, питательное и укрепляющее здоровье. Все это заключает в себе милосердие, которое есть как бы печать для приобретших его. Это растение не увядает даже и от приближения смерти, но всегда стоит, просвещая ум, питая душу и делает ее силы крепчайшими. Если мы будем постоянно иметь его, то сможем с дерзновением узреть и Жениха и войти в брачный чертог, - чего да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Т.е. между современниками Иисуса Христа.

БЕСЕДА 25

"Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие" (Иоан. 3:5).

1. Малые дети каждый день ходят к учителям, берут уроки и дают в них отчет, и не прерывают этого занятия; бывает и то, что они к дням присоединяют и ночи; и вы заставляете их делать это из-за предметов тленных и временных. Но от вас, людей возрастных, мы не требуем такого труда, какого вы от своих детей. Не каждый день, а

только два дня в седмицу мы приглашаем вас к слушанию поучений и притом только на малую часть дня, чтобы облегчить для вас этот труд. Для того и содержание Писания мы разделяем на малые части, чтобы вы удобнее могли усвоять их, влагать в сокровищницу разума и так запечатлевать в памяти, чтобы вы и сами могли передаваь все (другим) в точности, если только не будет кто слишком сонлив и нерадив или ленивее малого отрока. Итак, приступим опять к продолжению прежде сказанного и посмотрим, как Никодиму, ниспавшему долу, прилагающему слова Христовы к земному рождению и говорящему, что невозможно устаревшему человеку снова родиться, Христос открывает яснее образ этого рождения. Хотя и это изъяснение еще представляет некоторые затруднения для рассуждающего по-человечески, но с тем вместе уже достаточно для того, чтобы слущающего возвести от уничиженного образа мыслей. Что же Христос говорит? "**Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие**". Вот что этим Он дает разуметь: ты считаешь это невозможным; а Я говорю, что это очень возможно, даже и необходимо, и иначе спастись невозможно. А Необходимое Бог соделал для нас и удобным. Рождение земное есть рождение по плоти, от персти, а потому для него и заграждено все небесное, потому что что общего между земле и небом? Но другое рождение, как рождение от Духа, удобно отверзает нам небесные врата. Слышите вы все, чуждые просвещения[1]: ужаснитесь, возрыдайте! Страшна эта угроза, страшно определение! Невозможно, говорит Христос, тому, кто не родится водою и духом, войти в царствие небесное, потому что он еще носит одежду смерти, одежду проклятия, одежду тления, - еще не получил знамения Господнего, он еще не свой, а чужой; не имеет условленного в царстве знака. "**Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие**". Но Никодим и этого не понял. Нет ничего хуже, как подвергать духовные предметы умствованиям. Это и недопустило Никодима представить себе что-либо великое и возвышенное. Но для того мы и называемся верными, чтобы, оставляя немощь дольних помыслов, восходили на высоту веры, и в ее учении полагали свое высшее благо. Если бы так поступил Никодим, то дело не представилось бы ему невозможным. Итак, чтоже Христос? Отклоняя его от такого пресмыкающегося долу образа мыслей, показывая, что не о плотском рождении Он беседует, Христос говорит: "**если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие**". Он говорил это, желая угрозою привлечь Никодима к вере, - убедить, чтобы он не признавал этого дела невозможным, и стараясь отвлечь его от предположения в этом деле плотского рождения. Никодим, говорит Он, Я говорю о другом рождении. Для чего же ты склоняешь речь к земле? Для чего это дело подчиняешь естественным законам? Рождение это выше естественного рождения, и не имеет ничего общего с вашим. Хотя называется рождением и то и другое, однако, при общем наименовании, они различаются на деле. Отстань от общепринятых понятий; Я ввожу в мир иное рождение; Я хочу, чтобы люди рождались иным образом; Я пришел с необычайным способом создания. Вначале Я создал человека из земли и воды, но это создание оказалось негодным, этот сосуд разбился; затем Я уже не хочу творить из земли и воды, а от воды и духа. А если кто спросит: как от воды? – спрошу и я: как от земли? Как брение преобразовалось в различные виды? Каким образом из вещества однородного (земля ведь одна) произошли творения различные и разнообразные? Откуда кости, нервы, кровеносные и сухие жилы? Откуда перепонки, кровяные сосуды, хрящи, оболочки, печень, селезенка, сердце? Откуда кожа, кровь, слизь, желчь? Откуда столько отправлений? Откуда разнообразие цветов? Это – не из земли и не из брения. Каким образом земля, принимая семена, произращает их; а плоть, та же земля, принимая семена, подвергает их гниению? Как земля бросаемые в нее семена питает; а плоть питается ими, но не питает их? Например: земля, принимая воду, производит вино, а плоть, часто принимая вино, обращает его в воду. Итак, откуда видно, что тело происходит из земли, тогда как земля, как я сказал, имеет свойства, противоположные телу? Умом я постигнуть этого не могу, принимаю только верою. Если же ежедневно бывающие и осязаемые дела

требуют веры, тем более – дела неизреченные и духовные. Как бездушная неподвижная земля, по воле Божьей, приняла такую силу, и в ней происходят такие дивные дела, таким же образом, и при действии Духа на воду, легко совершаются те изумительные и превышающие разум дела.

2. Итак, не оставайся в неверии потому только, что ты не видишь этого. Ты не видишь и души, однакож веришь, что у тебя есть душа и что она нечто другое, а не тело. Но Христос вразумляет Никодима не этим, а другим примером. Хотя душа и бестелесна, однакож Он не указал на нее потому, что Никодим имел еще слишком грубые о ней понятия. Но Христос приводит в пример нечто другое, что не имеет ничего общего с грубостью тел, но и не возвышается до природы существ бестелесных. Это – движение ветра. Прежде всего Он начинает с воды, которая, тоньше земли, но грубее ветра. Как в начале в основание (творения) положена была земля, все же дело принадлежало Создателю, так теперь в основание полагается вода, а все дело (возрождения) принадлежит благодати Духа. И тогда - "**человек стал душею живущею**", ныне же "**есть дух животворящий**" (1Кор. 15:45). Но различие между тем и другим велико. Душа не сообщает жизни другому существу; а Дух не только живет сам по себе, но сообщает жизнь и другим существам. Так апостолы и мертвых воскрешали. Тогда, уже по совершении творения, наконец был создан человек; а ныне, напротив, новый человек творится прежде новой твари: сперва он рождается, а потом уже мир преобразуется. И как в начале (Бог) создал человека всецелым, так и ныне всецело образует его. Но тогда он говорил: "**сотворим ему помощника**" (Быт. 2:18), а здесь – ничего подобного. Принявший благодать Духа может ли нуждаться в другом каком-либо помощнике? Принадлежащий к телу Христову какую имеет нужду в чьем-либо содействии? Тогда сотворен человек по образу Божию; а ныне соединен с самим Богом. Тогда Бог повелел ему обладать рыбами и зверями; а теперь вознес начаток наш превыше небес. Тогда дал для жительства рай; а ныне отверз для нас небо. Тогда человек создан был в шестой день, так как этим временем должно было окончиться и творение; а ныне – в первый день, и в самом начале, как и свет. Из всего этого ясно, что совершающееся ныне принадлежит к другой, лучшей жизни и состоянию, не имеющему конца. Первое творение Адама было творение из земли, а после него создание жены из ребра, потом происхождение Авеля от семени. Но мы не можем ни постигнуть, ни изобразить словом этих творений, хотя все они самые вещественные. Как же мы можем дать отчет относительно духовного рождения через крещение, - рождение, которое гораздо выше тех? И каких можно требовать от нас соображений об этом рождении – чудном и необычайном? При совершении его предстоят и ангелы; но изъяснить способ этого дивного рождения через крещение не может ни один из них. Но и предстоят они, сами ничего не совершая, а только взирая на то, что совершается. Все же делает Отец, Сын и Святой Дух. Поверим же слову Божию: оно вернее нашего зрения; зрение часто и обманывается, а это слово погрешать не может. Поверим же Ему. Произведши сущее из несущего, оно, конечно, несомненно и тогда, когда говорит о естестве его. А что оно говорит? Что в крещении совершается рождение. Но если бы кто сказал тебе: как это – загради тому уста словом Христовым, которое есть величайшее и самое ясное доказательство. Если же кто спросит: для чего употребляется вода, то спросим и мы взаимно: для чего в начале в сознание человека входила земля? Что Богу и без земли возможно было сотворить человека, это очевидно для каждого. Поэтому не допытывайся. А что вода потребна и необходима, это можешь узнать вот из чего: однажды, когда Дух сошел, прежде употребления воды (Деян. 10:44), апостол не остановился на этом; но смотри, что сказал он о воде, как о веществе необходимом и не излишнем: "**кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы, получили Святаго Духа**" (Деян. 10:47). Почему же нужна вода? Скажу, наконец, и об этом и открою вам сокровенное таинство. Есть несколько сокровенных причин для этого, но из многих я скажу вам пока одну. Какая же это причина? Та, что в воде символически изображается

гроб и смерть, воскресение и жизнь, и все это происходит совместно. Когда мы погружаем свои головы в воду, как бы в гроб, вместе с тем погребается ветхий человек и, погрузившись долу, весь совершенно скрывается. Потом, когда мы восклоняемся, - выходит человек новый. Как легко для нас погрузиться и подняться, так для Бога легко погребсти ветхого человека и явить нового. Но это совершается трижды, чтобы ты знал, что все это совершается силою Отца и Сына и Святого Духа. А что сказанное мною не гадание, послушай только, что говорит Павел: "**мы погреблись с Ним крещением в смерть**" (Рим. 6:4); также: "**ветхий наш человек распят с Ним**" (ст.6); или: "**мы соединены с Ним подобием смерти Его**" (ст. 5). Но не только крещение называется крестом, а и крест крещением. "**Крещением**", говорит Христос, "**которым Я крещусь, будете креститься**" (Марк. 10:39). И в другом месте: "**крещением должен Я креститься**" (Лук. 12:50). Как легко мы погружаемся и поднимаемся, так легко и Он, по смерти, когда восхотел – воскрес, или лучше сказать: гораздо легче, хотя ради устроения некоего таинства и пробыл (в гробе) три дня.

3. Итак мы, сподобившиеся столь великих таинств, покажем достоянную этого дара жизнь, самое лучшее поведение. А вы, еще не сподобившиеся их, поступайте во всем так, чтобы вам сподобиться, да будем все едино тело, да будем все братья. Доколе это разделяет нас, дотоле и отец, и сын, и брат, и кто бы то ни был – для нас еще не истинный сродник наш, так как он отдален от сродства горнего. Да и какая польза быть соединенными родством бренным, когда мы не соединены сродством духовным? Какая прибыль от близости на земле, когда мы чужды друг для друга на небесах? Оглашенный чужд верному. Он не имеет ни одной и той же с ним главы, ни одного и того же отца, ни того же города, ни пищи, ни одежды, ни дома; но все у них разделено. У одного все на земле; у другого – на небесах. У этого царь – Христос; у того – грех и дьявол. У этого пища – Христос; у того – гниль и тление. Да и одежда у этого – Владыка ангелов; у того – дело червей. У этого город – небо; у того – земля. А если у нас нет с неверными ничего общего, то скажи мне, в чем же нам иметь общение (с ними)? Прошли и мы через те же муки рождения и произошли из одного чрева? Но и этого недостаточно для ближайшего родства. Итак постараемся сделаться гражданами горнего града. Доколе нам оставаться в чужой земле, тогда как следует нам получить снова древнее отечество? Здесь опасность касается не маловажных дел. Если случится, чего не дай Бог, что постигнет нас нечаянная смерть, и мы отойдем отсюда без просвещения[2], то, хотя бы мы имели здесь тысячи благ, нас ожидает не что другое, как геенна, червь ядовитый, огонь неугасимый и узы неразрешимые. Но не дай Бог кому-либо из слушающих испытать это наказание! А не постигнет оно нас, если мы, сподобившись святых таин, будем полагать в основание своего здания золото, серебро и драгоценные камни (Кор. 3:12). Таким образом мы будем иметь возможность, отошедши туда, явиться богатыми, когда, т.е., не здесь будем оставлять деньги, а будем переносить их в безопасные сокровищницы руками бедных, когда будем давать взаймы Христу. Там у нас много долгов – не деньгами, а грехами. Будем же отдавать Ему деньги, чтобы получить оставление грехов. Он – Судия наш. Не презрим здесь Его алчущего, чтобы и Он там напитал нас. Оденем Его здесь, чтобы и Он не оставил нас обнаженными без своего покрова. Если мы напоим Его здесь, то не скажем подобно богатым: "**пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил**" наш "**язык**" (Лк. 16:24). Если и мы примем Его здесь в свои дома, то Он уготовит для нас там много обителей. Если придем к Нему в темницу, то и он освободил нас от уз. Если введем Его к себе, как странника, - и Он не оставит нас странствовать вне царствия небесного, но воздаст за то горний град. Если посетим Его в болезни, - скоро и Он освободит нас от немощей наших. Итак, получая много, даже тогда, когда даем немного, будем давать по крайней мере немного, чтобы приобрести много. Пока есть еще время, будем сеять, чтобы пожать. Когда наступит зима, когда по морю нельзя уже будет плавать, тогда и купля эта уже не будет в нашей власти. А когда настанет зима? Тогда,

когда наступит тот великий и славный день. Тогда мы уже не станем плавать по этому великому и пространному морю, которому подобна настоящая жизнь. Теперь – время сеяния; а тогда – время жатвы и собирания. Если бы кто во время сеяния не бросал семян, а стал сеять во время жатвы, - тот, кроме того, что не получил бы ничего, еще был бы смешон. Если же настоящее время есть время сеяния, то теперь-то и должно не собирать, а расточать. Станем же расточать, чтобы собрать; не будем собирать теперь, чтобы не потерять жатвы. Это время, как я сказал, вызывает на сеяние, на иждивение и расточение, а не на собирание и сбережение. Итак, не упустим удобного времени, а сделаем обильный посев и не пощадим ничего своего, чтобы получить обратно с большим воздаянием, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Т.е. таинства св.крещения

[2] Разумеется крещение.

БЕСЕДА 26

"Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух" (Иоан. 3:6)

1. Великих таин сподобил нас Единородный Сын Божий, - великих и таких, которых мы не были достойны, но которые сообщить нам Ему угодно было. Если рассуждать о нашем достоинстве, то мы не только были недостойны этого дара, но повинны наказанию и муке. Но Он, несмотря на это, не только освободил нас от наказания, но и даровал жизнь, которая гораздо светлее прежней; Он ввел в другой мир; создал новую тварь. "**Кто**", сказано, "**во Христе, [тот] новая тварь**" (2Кор. 5:17). Какая это новая тварь? Послушай, что говорит сам Христос: "**если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие**" (Иоан. 3:5). Нам был вверен рай; но тогда, как мы оказались недостойными обитать в нем, Он возводит нас на самые небеса. Мы не остались верными в первоначальных дарах; но Он сообщает нам еще большие. Мы не могли воздержаться от одного древа – и Он подает нам пищу горнюю. Мы не устояли в раю – Он отверзает нам небеса. Справедливо говорит Павел: "**о, бездна богатства и премудрости и ведения Божия**" (Рим. 11:33)! Уже не нужны ни мать, ни муки рождения, ни сон, ни сожительство и соединение плотское; строение естества нашего совершается уже свыше, - Духом Святым и водою. А вода употребляется, как бы место рождения рождающегося. Что утроба для младенца, то – вода для верного: он в воде зачинается и образуется. Прежде было сказано: "**да произведет вода пресмыкающихся, душу живую**" (Быт. 1:20). А с того времени, как Владыка снизшел в струи Иордана, вода производит уже не "**пресмыкающихся, душу живую**", а души разумные и духоносные. И что сказано о солнце: "**выходит, как жених из брачного чертога своего**" (Пс. 18:6), теперь более благовременно сказать о верных: они испускают лучи гораздо блистательнее солнечных. Но младенец, зачинающийся в утробе, требует времени; а в воде – не так: здесь все совершается в одно мгновение. Где жизнь временна и получает свое начало от телесного тления, там и рождение медленно происходит: таково естество тел; они только с течением времени получают совершенство. Но в делах духовных не так. Почему же? Здесь что делается, то делается с самого начала совершенно. Но как Никодим, слыша это, непрестанно приходил в смущение, то – посмотри, как Христос открывает ему непостижимость этого таинства и неясное для него делает ясным. Христос говорит: "**рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух**". От отвлекает Никодима от всего чувственного и не дозволяет ему телесными очами рассматривать это

таинство. Мы не о плоти беседуем, Никодим, а о духе этими словами обращая его к горнему. Не ищи (здесь) ничего чувственного. Дух этими очами не может быть видим. Не думай также, что Дух рождает плоть.

А как же, - может быть, спросит кто-нибудь, - родилась плоть Господня? Она родилась не от Духа только, но и от плоти. Потому Павел, показывая это, и говорит: "**родился от жены, подчинился закону**" (Галл. 4:4). Дух образовал ее так: не из ничего (для чего в таком случае нужна была бы утроба матерняя?), но из девственной плоти; а каким образом – я объяснить не могу. Так было для того, чтобы кто-либо не подумал, будто Рожденный чужд нашего естества. Если и после этого есть люди, которые не веруют в такое рождение, то до какого бы нечестия ниспали они, если бы Христос не воспринял плоти от Девы? "**Рожденное от Духа есть дух**". Видишь ли достоинство Духа? Он творит дело Божие. Выше (евангелист) говорил: "**от Бога родились**" (Иоан. 1:13); а здесь говорится, что их рождает Дух. "**Рожденное от Духа есть дух**", рожденный от Духа духовен. Рождение здесь разумеется не по существу, а по достоинству и благодати. А если и Сын рожден таким же образом, то какое преимущество Он будет иметь перед людьми, так рожденными? Каким образом Он тогда есть Сын Единородный? От Бога рожден и я, но – не от существа Его. Если же и Он не рожден от существа, то чем Он отличается от нас? В таком случае Он будет меньше даже и Духа, потому что такое рождение происходит от благодати Духа. Ужели поэтому, чтобы быть Сыном, Он имеет нужду в содействии Духа? Да и чем такая мысль различается от учений иудейских? Но, сказав: "**рожденное от Духа есть дух**", Христос опять видел, что Никодим смущается, и потому обращает речь к примеру чувственному. "**Не удивляйся**", говорит Он, "**что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше. Дух дышит, где хочет**" (ст. 7-8). Словом: "**не удивляйся**" обнаруживает смущение души его и затем обращает его к тончайшему из тел. Сказав: "**рожденное от Духа есть дух**", Христос уже отвлекал Никодима от представлений плотских; но, как тот все еще не понимал, что значат Его слова: "**рожденное от Духа есть дух**", то Он и переносит его мысль к другому изображению, не останавливая его на грубых телах и не говоря о существах совершенно бестелесных (так как Никодим, и слыша о таких предметах, не мог постигать их), но находя нечто среднее между существом телесным и бестелесным, - движение ветра, - и через то вразумляет его. Именно о ветре Он говорит: "**голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит**". Но если говорит: "**дух дышит, где хочет**"[1], то этим не выражает того, будто ветер имеет какой-либо произвол, а только указывает на его естественное движение, движение беспрепятственное и сильное. Писание обыкновенно говорит так и о предметах неодушевленных, например: "**тварь покорилась суете не добровольно**" (Рим. 8:20). Итак, слова: "**дышит, где хочет**" означают то, что ветер не удержим, что он распространяется всюду, что никто не может препятствовать ему носиться туда и сюда, но что он с великою силою рассеивается, и никто не может задержать его стремления.

2. "**И голос его слышишь**", то есть – гул, шум, "**а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа**". В этом все и заключается. Если, говорит, ты не умеешь объяснить ни исхода, ни направления ветра, который однакож ты ощущаешь и слухом и осязанием, то для чего усиливаешься понять действие Духа Божия, - ты, который не понимаешь действия ветра, хотя и слышишь его звуки? Таким образом слова: "**дышит, где хочет**" сказаны для означения власти Утешителя, и значат вот что: если никто не может сдержать ветра, но он несется, куда хочет, то тем более не могут задержать действия Духа ни законы природы, ни условия телесного рождения, и ничто другое подобное. А что слова: "**голос его слышишь**" сказаны именно о ветре, видно из того, что Христос, беседуя с неверующим и незнающим действия Духа, не сказал бы: "**голос его слышишь**". Потому, как не видим ветра, хотя он и издает шум, так незримо для телесных очей и духовное рождение. Но ветер еще есть тело, хотя и тончайшее,

потому что все, подлежащее чувству, есть тело. Если же ты не досадуешь на то, что не видишь этого тела, и поэтому не отвергаешь его существования, то почему смущаешься, слыша о Духе, и требуешь при этом такой отчетливости, не делая того в отношении тела?

Что же Никодим? Несмотря на представленный ему, столь ясный пример, он еще остается с иудейскою немощью. И вот, когда он снова с недоумением спрашивает: "**как это может быть**", - Христос говорит ему слова еще более поразительные: "**ты - учитель Израилев, и этого ли не знаешь**" (ст. 10)? Заметь, что он обличает этого человека отнюдь не в злонамеренности, а в недальновидности и простоте. Но что общего, скажет кто-либо, имеет это рождение с делами иудейскими? Что же не общего, скажи мне? Происхождение первого человека, создание жены из ребра, неплодство, чудеса, совершенные через воды, именно: в источнике, из которого Елисей извлек железо, в Черном море, которое перешли иудеи, в купели, которую возмущал ангел, в Иордан, в котором очистился Нееман Сирианин, - все это как бы в образах предвозвещало имевшее быть рождение и очищение. И вещания пророков назнаменуют этот образ рождения; так сказано: "**Потомство [мое] будет служить Ему, и будет называться Господним вовек: придут и будут возвещать правду Его людям, которые родятся, что сотворил Господь**" (Пс. 21:31,32); еще: "**обновляется, подобно орлу, юность твоя**" (Пс. 102:5); также: "**светись, [Иерусалим]**" (Ис. 60:1); "**се Царь твой грядет**" (Зах. 9:9); или: "**блажен, кому отпущены беззакония**" (Пс. 31:1). Но и Исаак был образом этого рождения. В самом деле, скажи, Никодим, как родился Исаак? По закону ли природы? Нет! Но образ его рождения был средний между тем и другим рождением (плотским и духовным): в нем было рождение и плотское, потому что он родился от сожительства, и духовное, потому что он родился не от кровей. Я докажу, что эти образы предвозвещали не только это рождение, но и рождение от Девы. Так как не легко было бы поверить, что рождает Дева, то сначала рождали неплодные, и не только неплодные, но и престарелые жены. Конечно, происхождение жены из ребра гораздо удивительнее рождения от неплодной; но, так как это было в начале, давно, то последовал иной, новый и недавний способ рождения, - именно от неплодных, - чтобы проложить путь к вере в рождение от Девы. Припоминая это Никодиму, Христос говорит: "**ты - учитель Израилев, и этого ли не знаешь? Истинно, истинно говорю тебе: мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели, а вы свидетельства Нашего не принимаете**" (ст.10-11). Последние слова Он присовокупил, снова удостоверяя, с иной стороны, в истине слов своих и вместе снисходя к немощи Никодима.

3. Что же значит: "**мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели**"? И у нас зрение достовернее других чувств: поэтому, когда хотим уверить кого-либо, говорим, что мы видели своими глазами, а не по слуху знаем. Так и Христос беседует с Никодимом по человечески, заимствуя и отсюда подтверждение Своих слов. А что это именно так, и что Христос не другое что хочет показать Никодиму и не разумеет здесь зрения чувственного, это видно из следующего. Сказав: "**рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух**", Он присовокупляет: "**мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели**". Но в то время этого еще не было. Как же Он говорит: "**что видели**"? Не явно ли, что Он говорит о знании самом точном и безошибочном? "**А вы свидетельства Нашего не принимаете**". Итак слова: "**что знаем**" Он говорит или о Себе и вместе об Отце, или только о Себе. А слова: "**а вы не принимаете**" не выражают в настоящем случае негодования, а высказывают то, что было. Он не сказал: можно ли быть бесчувственнее вас, не принимающих того, что мы возвещаем с такою точностью? Нет, Он ничего подобного не сказал, показывая и в словах и в делах совершенную кротость. Он кротко и тихо предвозвещает имеющее совершиться; так и нас побуждает к кротости научает, чтобы мы, беседуя с кем-либо и не убеждая, не досадовали и не раздражались. Человек раздраженный не только ни в чем не может успеть, но и делает других еще более недоверчивыми. Поэтому надобно удерживаться от

гнева, а в своих словах убеждать других не только не гневом, но и не криком, так как крик – пища гнева. Будем же обуздывать этого коня, чтобы ниспровергнуть всадника; обрежем крылья гневу и зло не поднимется высоко. Гнев – болезнь жестокая и опасная тем, что можем погубить наши души. Поэтому надлежит отовсюду заграждать ему вход. Несообразно, если мы можем укрощать зверей, а свои свирепствующие помыслы оставляем без внимания. Гнев есть сильный, все пожирающий огонь; он и телу вредит, и душу растлевает, и делает человека на вид неприятным и постыдным. Если бы человек разгневанный мог видеть себя, во время своего гнева, то он уже не имел бы нужды ни в каком другом увещании, - потому что нет ничего неприятнее лица раздраженного. Гнев есть какое-то опьянение, или, лучше сказать, хуже опьянения и несчастнее беса. Но только постараемся не кричать, - и мы найдем сами лучший путь любомудрия. Потому Павел внушает подавлять не только гнев, но и крик, говоря: "**Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, да будут удалены от вас**" (Ефес. 4:31). Будем же повиноваться этому учителю любомудрия и, когда гневаемся на слуг, помыслим о собственных своих согрешениях и устыдимся их кротости. Когда ты бранишь его, он молча переносит брань; таким образом ты бесчинствуешь, а он любомудрствует. Прими же это вместо всякого увещания. Хотя он и слуга, но он человек, который имеет и душу бессмертную, и таким же, как и мы, дарами украшен от общего всех Господа. Если же он, будучи равночестен нам в высших, духовных преимуществах, с такою кротостью переносит от нас огорчения, потому только, что мы имеет некоторое незначительное и маловажное преимущество перед ним, то какого прощения или извинения достойны будем мы, которые не можем, или лучше, ни хотим любомудрствовать ради страха Божия, как любомудрствует он их страха к нам? Итак, вообразая все это, помышляя о своих грехах и общем для всех человеческом естестве, будем стараться всегда говорить кротко, чтобы, соделавшись смиренными сердцем, обрести своим душам покой и в настоящей и в будущей жизни, - которого да сможем достигнуть и все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Один из переводов: "Ветер дует где хочет".

БЕСЕДА 27

"Если Я сказал вам о земном, и вы не верите, - как поверите, если буду говорить вам о небесном? Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах" (Иоан. 3:12,13)

1. Что я многократно говорил, то и теперь скажу, и не перестану говорить. Что же такое? Что Иисус, намереваясь коснуться высоких догматов, нередко приспособляется к немощи слушателей и употребляет образ учения, не всегда соответствующий Его величию, но более приспособительный к ним. Учение высокое и важное, и однажды будучи высказано, достаточно может показать свое достоинство, сколько мы в состоянии слышать его, но, если о предметах более простых и близких к понятию слушателей говорит не часто, то и предметы высокие не скоро могут овладеть умом преклоненного долу слушателя. Потому-то Христос гораздо больше говорил о предметах простых, чем высоких. Но чтобы и это не причинило вреда в другом отношении, т.е., чтобы не удерживало ученика долу, Он не иначе обращается к предметам простым, как предварительно высказав причину, по которой говорит о них. Так Он сделал и в настоящем случае. Сказав о крещении и рождении, совершающемся на земле по благодати, потом намереваясь приступить к слову и о собственном рождении, неизреченном и непостижимом, Он между тем еще медлит и

не приступает. Потом высказывает и причину, по которой не приступает. Какая же это причина? Грубость и немощь слушателей. На нее Он и делал намек, говоря: "**если Я сказал вам о земном, и вы не верите, - как поверите, если буду говорить вам о небесном**"? Таким образом, где Он говорит о чем-либо простом и маловажном, там это надобно относить к немощи слушателей. Некоторые говорят, что выражение: **земном** здесь надобно разуметь о ветре, - как бы так Он сказал: Я показал вам пример из земных вещей, но вы и тем не убеждаетесь: как же вы можете понимать предметы более возвышенные? Но если Он здесь называет земным и крещение, не удивляйся. Он называет его так или потому, что оно совершается на земле, или сравнительно со Своим страшным рождением. Наше (в крещении) рождение, хотя и есть небесное, но, в сравнении с Его истинным от существа Отчего рождением, оно – земное. И справедливо, что не сказал: **вы не разумеете**, но: вы **не верите**. Кто затрудняется и не легко принимает то, что понятно для ума, тот справедливо может подвергнуться обвинению в неразумии; но кто не принимает того, чего нельзя постигнуть разумом, а только верою, тот заслуживает обвинения уже не в неразумии, а в неверии. Таким образом, не позволяя Никодиму испытывать своим умом сказанное, Христос еще сильнее продолжает обличение его в неверии. Если же наше (духовное) рождение надлежит принимать верою, то чего заслуживают люди, испытывающие умом рождение Единородного? Но, может быть, кто-либо скажет: для чего было и говорить это, если слушатели не хотели верить? Для того, что хотя они не хотели верить, но могли принять это и получить отсюда пользу люди последующих времен. Так, со всею силою поражая Никодима, Христос показывает наконец, что Он знает не только это, но и гораздо больше и выше этого, - что высказывает в последующих словах: "**никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах**" (ст. 13). Какая же, скажешь ты, здесь связь мыслей? Весьма великая и тесная связь с предыдущим. Никодим сказал: "**Ты учитель, пришедший от Бога**" (ст. 2); это самое теперь Христос и исправляет, как бы так говоря: не думай, что Я – такой же учитель, каковы были многие пророки, бывшие от земли; Я с неба пришел. Из пророков ни один не восходил туда, а Я там всегда пребываю. Видишь ли, как и самое, по видимому, высокое еще слишком недостойно Его величия. Он не на небе только существует, а и везде, и все исполняет. Но Он беседует, еще снисходя к немощи слушателя, чтобы мало-помалу возвести его к вышему. Сыном же человеческим Он здесь называет не плоть Свою, а, так сказать, всего Себя по низшему естеству[1]. И обыкновенно Он называл всего Себя иногда по божеству, иногда – по человечеству. "**И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесену быть Сыну Человеческому**". Опять и это, по видимому, не имеет связи с предыдущим; но (на самом деле) вполне соответствует ему. Сказав, что через крещение людям оказано величайшее благодеяние, Он приводит и причину этого, не меньшую самого благодеяния, - крест; как и Павел, беседуя с коринфянами, соединяет вместе эти благодеяния в следующих словах: "**разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились**" (1 Кор. 1:13)? Два эти благодеяния больше всех других показывают неизреченную любовь Господа: Он и пострадал за врагов, и, умерши за врагов, даровал в крещении всецелое прощение грехов.

2. Но почему Он не сказал прямо: **я буду распят**, а отослал слушателей к древнему прообразу? Этим Он научает их, во-первых, что события древние имеют соотношение с новыми, что те не чужды для этих; во-вторых, что Он шел на страдание не против воли Своей, и кроме того, что и сам Он не потерпел от того никакого вреда, и многим даровано через то спасение. Действительно, чтобы кто не сказал: как могут верующие в Распятого спастись, когда и Он сам был одержим смертью? – вот Он приводит нас к древней истории. Если иудеи спасались от смерти, взирая на медное изображение змия, то, конечно, тем большее благодеяние могут получить верующие в Распятого. Распятие совершилось не по немощи Распятого и не потому, что восторжествовали над ним иудеи, а потому, что "**возлюбил Бог мир**". Вот почему одушевленный Его храм подвергся

распятию: "**дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную**" (ст. 15). Видишь ли причину креста и спасение, от него происшедшее? Видишь ли соответствие между прообразом и истиною? Там иудеи спасаются от смерти только временной; а здесь верующие – от смерти вечной. Там повешенный змий исцеляет от укусов змей; здесь распятый Иисус врачует уязвления духовного змия. Там взирающий телесными очами получает уврачевание; здесь взирающий очами душевными освобождается от всех грехов. Там повешена медь, изображавшая подобие змия; здесь – тело Владыки, образованное Духом. Там змий кусал, змий и врачевал; так и здесь: смерть погубила, смерть и спасла. Но змий, который погублял, имел яд, а который спасал, не имел яда; то же опять и здесь: смерть погубившая имела грех, как змий – яд, а смерть Владыки была свободна от всякого греха, как медный змий – от яда. "**Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его**" (1 Петр. 2:22). Это тоже, что говорит и Павел: "**отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою**" (Колос. 2:15). Как мужественный борец, подняв противника на воздух и бросив назем, одерживает блистательную победу, так и Христос низложил супротивные силы, в виду всей вселенной, и, уврачевавши уязвляемых в пустыне, быв повешен на кресте, освободил их от всех зверей. Но Он не сказал: подобает быть **повешенным**, а – **вознесенным**. Он употребил такое выражение, которое для слушателя могло быть более благоприятно и которое ближе подходило к прообразу.

"**Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную**". Слова эти означают следующее: не удивляйся, что Я должен быть вознесен ради спасения вашего. Так угодно и Отцу, - и Он так возлюбил вас, что за рабов и рабов неблагодарных дал Сына Своего, чего никто не сделал бы и за друга. Это и Павел выражает в словах: "**едва ли кто умрет за праведника**" (Рим. 5:7). Но апостол говорил об этом пространнее, потому что беседовал с верующими; а Христос – кратко, так как слово Его было к Никодиму; но слово Его выразительнее. Каждое изречение Его имеет в себе много выразительности. В словах: "**так возлюбил Бог мир**" Он показывает великую силу любви, - так как великое, беспредельное расстояние находится между Богом и миром. Бессмертный, безначальный, величество беспредельное, Он возлюбил сущих от земли и праха, полных бесчисленным множеством грехов, оскорбляющих Его во всякое время, неблагодарных. Выразительны и присовокупленные вслед затем слова: "**что отдал Сына Своего Единородного**", - не раба, говорит, дал, не ангела, не архангела, а и о сыне никто не показал бы такой заботливости, какую Бог о рабах неблагодарных. Итак, Свое страдание Он изображает не вполне ясно, а прикровенно; но благотворные следствия страдания выражает ясно и открыто, говоря так: "**дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную**". Так как Он сказал, что Ему надлежит быть вознесенным, и тем назначеновал Свою смерть, то чтобы слушатель от этих слов не пришел в смущение, не стал предполагать о Нем чего-либо человеческого и не почел Его смерти прекращением существования, - вот смотри, как Он исправляет это: Он говорит, что Тот, которого дает Отец, есть Сын Божий, виновник жизни, притом жизни вечной. А кто мог через свою смерть сообщить жизнь другим, тот не мог навсегда остаться во (власти) смерти. Если не погибают верующие в Распятого, то тем более не может погибнуть сам Распятый. Кто избавляет от погибели других, тот тем более сам свободен от нее. Кто сообщает жизнь другим, тот тем более источает жизнь для себя самого. Видишь ли, что везде нужна вера? Он говорит, что крест есть источник жизни; но разум не легко мог бы принять это: свидетели тому язычники, еще и доныне осмеивающие это; а вера, превосходящая немощь умствований, тоже самое легко и принимает и содержит. Почему же Бог так возлюбил мир? Не почему-либо другому, как по одной только благости.

3. Устыдимся же Его любви, устыдимся Его безмерного человеколюбия. Он для нас не пощадил даже Единородного Сына, а мы бережем и деньги, себе же на зло. Он предал за нас истинного Сына Своего; а мы ни ради Его, ни даже ради себя не хотим дать и серебра. Как можем за это получить прощение? Если мы видим человека, подвергающегося за нас опасностям и смерти, то предпочитаем его всем другим, причисляем к первым своим друзьям, отдаем ему все свое, - говорим, что это принадлежит ему более, чем нам, и при всем том не думаем, что мы воздали ему достойным образом. А ко Христу мы не имеем благодарности даже и в этой мере. Он положил за нас душу Свою, Он пролил за нас драгоценную кровь Свою, - за нам, неблагодарных, недобрых; а мы не расточаем и денег для своей же пользы, но презираем Его в наготе и странничестве, Его, который умер за нас. Кто же исхитит нас от будущей казни? Если бы не Бог, а мы сами наказывали себя, то не произнесли ли бы мы приговор на себя самих? Не осудили ли бы себя на геенский огонь за то, что презираем Положившего за нас душу Свою, тогда как Он истаевает от голода? И что говорит о деньгах? Если бы мы имели в себе по тысяче душ, не должны ли были бы положить все души за Него? Впрочем и таким образом мы не сделали бы еще ничего, достойного Его благодеяний. Кто прежде благодетельствует, тот обнаруживает в себе явную доброту, а кто получил благодеяние, тот, чем бы ни воздавал за него, воздает только должное и не заслуживает благодарности, - особенно, когда начавший благодетельствовать оказывает благодеяние врагам; а кто воздает ему, тот воздает благодетелю тем, что от него же получил, и сам же опять тем пользуется. Но и это нас не трогает; нет, мы до такой степени неблагодарны, что рабов и мулов и коней облекаем в золотые уборы, а Господа, скитающегося в наготе, переходящего от дверей к дверям, стоящего на распутьях и простирающего к нам руки, мы презираем, а часто смотрим на Него суровыми глазами; но и это самое Он терпит нас ради. Он охотно алчет, чтобы напитать тебя; странствует в наготе, чтобы доставить тебе возможность получить одежду нетления. Но вы, несмотря и на это, не уделяете ничего из своего имения. Ваши одежды или снедаются молью, или составляют тяжесть для сундуков и лишнюю заботу для владетелей; а Кто даровал и это и все прочее, Тот скитается нагим. Но вы говорите, что не складываете свои одежды в сундуки, а сами одеваетесь в них и украшаетесь? Скажите же мне, какая вам от того польза? Та ли, что вас увидит на площади толпа? Что же? Там будут удивляться не тому, кто облечен в такие одежды, а тому, кто подает нуждающимся. Итак, если хочешь, чтобы тебе удивлялись, одевай других, - и ты получишь тысячи похвал. А вместе с людьми тогда восхвалит тебя и Бог. Теперь же никто не похвалит тебя; а только все ненавидят, видя, что тело ты украшаешь, а о душе нерадишь. Украшение тела есть и у блудниц, и они нередко одеваются в самые многоценные и блестящие одежды; но украшение души есть только у людей добродетельных. Я об этом часто говорю и не перестану говорить, заботясь не столько о бедных сколько о ваших душах. У них будет утешение, если и не от нас, то с другой какой-либо стороны; если бы даже для них и не было утешения, а погибли бы они от голода, и в таком случае для них большего вреда не было бы. Повредило ли сколько-нибудь Лазарю убожество и изнурение от голода? Но вас никто не исхитит из геенны, если вы не получите помощи от бедных; нет, мы будем говорить тоже, что и богач, преданный вечным мукам и лишенный всякого утешения. Но не дай Бог никому из нас услышать когда-либо такие слова; да отойдем мы в недра Авраама, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Т.е. по человечеству.

БЕСЕДА 28

"Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него" (Иоан. 3:17)

1. Многие из людей беспечных, злоупотребляя человеколюбием Божиим к умножению грехов и к большему нерадению, говорят такие слова: нет геенны, нет мучений; Бог отпускает нам все грехи. Заграждая уста таким людям, один мудрый муж говорит: "**и не говори: "милосердие Его велико, Он простит множество грехов моих"; ибо милосердие и гнев у Него, и на грешниках пребывает ярость Его**" (Сирах 5:6,7). И в другом месте: "**как велика милость Его, так велико и обличение Его**" (Сирах 16:13). Где же, скажет кто-нибудь, человеколюбие Его, если мы получим то, что следует за грехи наши? Но мы получим заслуженное, послушай и пророка и Павла. Один говорит: "**Ты воздаешь каждому по делам его**" (Псал. 61:13); а другой: "**Который воздаст каждому по делам его**" (Рим. 2:6). Тем не менее однакож велико человеколюбие Божие, и это видно вот откуда: Бог разделил судьбы наши на два века жизни, настоящий и будущий, и, определив первую для подвигов, а последнюю для получения венцов, показал таким образом великое человеколюбие. Каким образом? Тем, что, хотя бы мы совершили множество тяжких грехов и не переставили от юности до глубокой старости осквернять свою душу несчетными пороками, Он не истязует нас ни за один из этих грехов, а в бане пакибытия подает отпущение их и дарует оправдание и освящение. Но что скажешь ты, если сподобившийся таинств с самого детства после того впадет во множество грехов? Такой заслуживает уже тем большего наказания. За одни и те же грехи мы подвергаемся не одному и тому же осуждению, но гораздо строжайшему, когда согрешаем после освящения таинствами. Это и показывает Павел в следующих словах: "**[Если] отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия [наказывается] смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет**" (Евр. 10:28,29)? Такой, следовательно, достоин большего наказания.

Однакож и такому Бог еще отверзает двери покаяния и подает много средств омыть свои согрешения, только бы он сам захотел. Подумай же, как велики доказательства Его человеколюбия, - в том, что Он и отпускает (грехи) Своею благодатью, и согрешившего после благодати и заслужившего наказание не наказывает, но дает время и средства к оправданию. Поэтому-то Христос говорил Никодиму: "**не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него**". Два Христова пришествия: одно уже было, другое будет. Но то и другое имеет цель не одну: первое было не для истязания наших дел, а для отпущения; второе пришествие будет не для отпущения, а для истязания. Поэтому о первом пришествии Он говорит: "**Я пришел не судить мир, но спасти мир**" (Иоан. 12:47); о втором же: "**когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов - по левую**" (Мф. 25:31-33). Впрочем и первое пришествие могло быть для суда, по требованию правосудия. Почему? Потому, что до пришествия Христова были уже: и естественный закон, и пророки, и закон писанный, и учение, и бесчисленные обетования, и явление чудес, и наказания, и мучения, и многое другое, что могло исправлять (людей) – и во всем этом следовало требовать отчета. Но так как (Бог) человеколюбив, то и не делал истязания, а даровал прощение. А если бы Он стал судить, все немедленно погибли бы. "**Потому что все**", сказано, "**согрешили и лишены славы Божией**" (Рим. 3:23). Видишь ли, какое неизреченное человеколюбие? "**Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден**" (ст.18). Но если Он пришел не для того, чтобы судить мир, то каким образом неверующий "**уже осужден**", когда еще не настоит время суда? Он говорит это

или потому, что неверие без раскаяния само по себе есть величайшее мучение, или же Он предвозвещает будущее. Как убийца, хотя бы и не был осужден приговором судии, уже осужден по самому свойству своего дела, так и неверующий. И Адам умер в тот самый день, в который вкусил от древа: таково было определение: "**в который ты вкусишь от него, смертью умрешь**" (Быт. 2:17). Но он еще жил и после того: каким же образом он **умер**? И по определению Божию, и по свойству своего поступка. Как сделал себя повинным наказанию, тот находится под наказанием, хотя еще и не на самом деле, а по определению. И чтобы кто-нибудь, услышав: "**пришел не судить мир**", не подумал, что можно грешить безнаказанно, и не сделался оттого еще более беспечным, Христос предотвращает такое нерадение, сказав: "**уже осужден**". Так как будет суд, но еще не настал, то Он ближайшим образом возбуждает страх мучения и уже показывает наказание. Но и то служит доказательством великого человеколюбия Божия, что Бог не только дал Сына, но и отложил время суда, чтобы согрешившие и неверующие имели возможность очистить свои согрешения. "**Верующий в Него не судится**", - **верующий в Сына**, а не испытующий; **верующий**, а не любопытствующий. А если и верующий имеет жизнь нечистую, дела недобрые? Таких Павел называет не истинно верующими: "**они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются**" (Тит. 1:16). Впрочем Христос здесь высказывает то, что они подлежат осуждению не за неверие, а подвергнутся жесточайшему наказанию за дела; за неверие же не наказываются, - потому что уже уверовали.

2. Видишь ли, как, начав с (истин) страшных, Христос опять ими же закончил? В начале Он говорил: "**если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие**". А здесь опять: "**неверующий уже осужден**". То есть: не думай, что отложение (наказания) может принести какую-либо пользу тому, кто уже заслужил наказание, если не раскается. Состояние неверующего ничем не лучше состояния людей, уже осужденных и преданных наказанию. "**Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет**" (ст. 19). Смысл этих слов такой: люди наказываются за то, что не хотят оставить тьму и поспешить к свету. Таким образом Христос лишает их всякого оправдания. Если бы, говорит Он, Я пришел только наказывать и требовать у них отчета в делах, то они могли бы сказать: мы поэтому-то и удалились от Тебя. Но Я пришел освободить их от тьмы и привести к свету. Кто же помиловал бы человека, не хотящего из тьмы выйти к свету? Таким образом они, говорит, удаляются от нас, не имея возможности ни в чем обвинить нас, но еще получив от нас бесчисленные благодеяния. Осуждая их за это и в другом месте, Он говорит: "**возненавидели Меня напрасно**"; и еще: "**если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха**" (Иоан. 15:22), Кто сидит во тьме по недостатку света, тот, быть может, и получил бы прощение; а остающийся во тьме после явления света, тот сам на себя свидетельствует, что его воля развращена и непокорна. Но так как сказанное казалось многим невероятным (никто ведь не может предпочесть тьмы свету), то Он показывает и причину, по которой люди подвергались такому злосчастью. Какая же это причина? "**Потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его**" (ст.19-20). Ведь Он пришел не судить и не истязать, а простить и отпустить согрешения их, подать им спасение через веру: почему же они убегали Его? Если бы Он, пришедши, воссел на судилище, то они могли бы иметь на это некоторое основание. Кто сознает в себе что-либо худое, тот обыкновенно избегает судьи; но к тому, кто прощает, преступники даже спешат. Итак, если Он пришел с прощением, им следовало поспешить к Нему, и особенно тем, которые сознавали в себе много грехов; так многие и сделали. Мытари и грешники, приходя к Иисусу, возлежали с Ним. Что же значат слова Его? Он говорит о тех, которые решились навсегда оставаться во зле. Сам Он пришел для того, чтобы оставить прежние согрешения и предостеречь от будущих. Но так как некоторые до такой степени изменились и ослабели к подвигам добродетели, что до последнего издыхания хотят оставаться во зле и не думают никогда отстать от него, то Христос, имея в виду таких

людей, и обличает их. Христианство требует и православного учения и жизни доброй, но они, говорит Христос, боятся обратиться к нам, потому самому, что не хотят показать доброй жизни. Живущего в язычестве никто не станет обличать, потому что имеющий таких богов и празднества, подобно богам постыдным и достойным осмеяния, показывает и дела, достойные своего учения, а чтители Бога, живя беспечно, всех имеют для себя обвинителями и обличителями, - так досточтима истина и для врагов ее! Замечай же, с какою точностью Христос выражает то, о чем говорит. Он не сказал: **сделавший злое** не приходит к свету, но: **делающий**, то есть, делающий всегда; кто хочет всегда валяться к тине греха, тот и не хочет подчинять себя Моим законам и, вне их, безбоязненно блудодействует и делает все другое запрещенное. Приходя же ко Мне, он становится виден, как вор при свете. Поэтому-то он и избегает Моей власти. Действительно, можно и ныне слышать от многих язычников, что они потому не могут обратиться к нашей вере, что не могут оставить пьянства, блудодеяния и подобных пороков. Что же, скажешь ты, разве нет и христиан, худо поступающих, и язычников, проводящих жизнь в любомудрии? Что есть христиане, живущие худо, это и я знаю; а есть ли язычники, живущие добродетельно, этого я доподлинно еще не знаю. Ты не указывай мне на людей смиренных и честных от природы: это не добродетель! Укажи человека, который бы, испытывая сильное увлечение страстей, оставался любомудрым, а такого ты не найдешь (в язычестве). Если и обетование царства, угроза геенною и тому подобное едва удерживает людей в добродетели, тем менее люди, ни в чем этом не убежденные, могут преуспевать в добродетели. Если же некоторые из них и показывают вид добродетели, то делают это для славы. А кто это делает для славы, тот, когда только можно утаиться, не откажется удовлетворить своим злым пожеланиям. Но чтобы не показаться кому-нибудь любителями спора, согласимся, что между язычниками есть люди, хорошо живущие; это нисколько не противоречит нашим словам. Я говорю о том, что многократно бывает, а не о том, что изредка случается.

3. Но смотри, как Христос лишает их, и с другой стороны, всякого оправдания. Он говорит, что "**свет пришел в мир**". Искали ли, говорит, они его, трудились ли, заботились ли найти? Свет сам к ним пришел; однакож они и тогда не поспешили к нему. Если же и между христианами некоторые живут худо, то касательно этого заметим, что Христос говорит не о тех, которые стали христианами от рождения и приняли веру от предков (хотя нередко и они порочною жизнью уклонялись от правого учения); не об них, кажется, здесь говорится, но о тех, которые из иудейства или язычества должны были обратиться к правой вере. (Христос) показывает, что никто, находясь в заблуждении, не захочет обратиться к вере, если предварительно не предпишет самому себе доброй жизни, и никто не останется в неверии, если предварительно не решится навсегда оставаться злым. Не говори ты мне, что такой-то целомудрен и не верь; не в этом только состоит добродетель. Какая польза, имея эти качества, быть рабом суетной молвы, и, опасаясь стыда от своих друзей, оставаться в заблуждении? Это не значит жить добродетельно. Раб тщеславия не лучше блудника; даже делает гораздо большие и тягчайшие грехи, чем тот. Но укажи мне кого-нибудь между язычниками, который был бы свободен от всех страстей и не был причастен ни одному пороку: ты указать не можешь. И те, которые прославились у них великими делами и презирали, как говорят, богатство и роскошь, те-то наиболее раболепствовали славе человеческой; а это – причина всех зол. В таком состоянии оставались и иудеи. Поэтому, обвиняя их, Христос и говорил: "**как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу**" (Иоан. 5:44)? Но почему Христос не беседовал и не распространил об этом слова с Нафанаилом, которому засвидетельствовал истину? Потому, что он приходил ко Христу не с таким усердием (с каким Никодим). Никодим считал это для себя долгом и употребил на слушание беседы такое время, в которое другие отдыхали. Но Нафанаил приходил по убеждению другого. Впрочем Христос не оставил без внимание и его; Он сказал ему; "**отныне будете видеть небо отверстым и**

Ангелов Божиих восходящих и нисходящих" (Иоан. 1:51). Никодиму же ничего подобного Он не говорил, а беседовал с ним об устроении нашего спасения и о жизни вечной, употребляя различную речь сообразно с душевным расположением каждого. Для Нафанаила, который и пророчества знал и был не так боязлись, довольно было услышать и это одно. А Никодиму, так как он был еще боязлив, Христос не открывал всего ясно, но потрясал его душу, чтобы страх истребить страхом, говоря, что неверующий осужден и что неверие происходит от порочной совести. Никодим много дорожил славою человеческою и думал о ней больше, чем о наказании. "**И из начальников многие**", сказано, "**уверовали в Него; но ради фарисеев не исповедывали**" (Иоан. 12:42): в этом-то Христос и упрекает его и показывает притом, что неверующий в Него не почему-либо другому не верует, как потому, что ведет нечистую жизнь. Далее Он говорит: "**Я свет миру**" (Иоан. 8:12); а здесь: "**свет пришел в мир**" (ст. 19). Таким образом вначале Он говорил более прикровенно, а впоследствии яснее. Между тем Никодим был удерживаем славою народною; потому и не мог иметь столько смелости, сколько бы следовало. Будем же убегать тщеславия; эта страсть сильнее всех страстей. Отсюда любостяжание и сребролюбие; отсюда ненависть, вражда, распри. Желающий большего ни на чем остановиться не может; а желает он большего потому, что любит суетную славу. Скажи мне, для чего многие окружают себя множеством евнухов, толпою слуг и таким блеском? Не по нужде, а для того, чтобы люди, встречающиеся с ними, были свидетелями этого неуместного блеска. Итак, если мы отсечем эту страсть, то вместе с головою истребим и остальные члены этого зла, и тогда уже ничто не воспрепятствует нам жить на земле, как на небе. Тщеславие не только влечет ко злу своих пленников, но вкрадывается и в добродетели; и если не может лишить нас их; то делает нам большой вред в самой добродетели, принуждая переносить труды, а лишая плодов. Зараженный тщеславием, - постится ли, молится ли, творит ли милостыню, - лишается своей награды. Какое же несчастье может быть больше того, как, изнуряя себя вотще и понапрасну, подвергнуться осмеянию и лишиться горней славы? А желающему той и другой славы невозможно получить той и другой вместе. Правда, можно достигнуть и той и другой славы, но только в том случае, если будем желать не обеих, а одной – славы небесной. А кто жаждет и той и другой, тот не может получить той и другой вместе. Итак, если хотим достигнуть славы, будем убегать славы человеческой, а желать той одной славы – от Бога. Таким образом можем приобрести и ту и другую славу, чего и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 29

"После сего пришел Иисус с учениками Своими в землю Иудейскую и там жил с ними и крестил" (Иоан. 3:22)

1. Нет ничего светлее и сильнее истины, равно как нет ничего бессильнее лжи, хотя бы она прикрывалась бесчисленными покровами. Ложь легко уловить и опровергнуть; а истина открыто предлагает себя всем, желающим видеть красоту ее. Она не любит скрываться, не боится опасности, не трепещет наветов, не домогается славы народной, не подвержена ничему другому человеческому; она стоит выше всего, подвергаясь, конечно, тысячам наветов, но оставаясь необоримою; прибегающих к ней она охраняет, как крепкою стеною, величием своей силы; не терпит скрытных убежищ, но предлагает открыто всем все, что есть в ней. Это показал и Христос, когда сказал Пилату: "**Я всегда учил в синагоге и в храме, где всегда Иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего**" (Иоан. 8:20). Это Он тогда сказал, а теперь сделал. "**После сего**", сказано, "**пришел Иисус с учениками Своими в землю Иудейскую и там жил с ними и крестил**". В праздники Он приходил в город, чтобы там предлагать учение среди народа, и чудесами

благотворить ему; по окончании же праздников, часто отходил на Иоардан, потому что и туда стекалось множество народа. Он всегда посещал места многолюдные, не из желания показать Себя, или из любочестия, а с тою целью, чтобы большему числу людей доставить пользу. Так как далее евангелист говорит, что не Иисус крестил, а Его ученики, то ясно, что и здесь он говорит тоже, то есть, крестили только ученики Его. Почему же, скажешь ты, не крестил Он сам? Еще прежде Иоанн сказал: "**Он будет крестить вас Духом Святым и огнем**" (Иоан. 3:11); но Духа Святого Он тогда еще не подавал, потому, конечно, и не крестил. Но ученики делали это, желая многих привести ко спасительному чению. Для чего же, когда стали крестить ученики Иисуса, Иоанн не переставал делать это, а и он продолжал крестить и делать это до самого своего заключения в темницу? Слова: "**Ибо Иоанн также крестил в Еноне**", и следующие: "**Ибо Иоанн еще не был заключен в темницу**" (Иоан. 3:23,24) именно показывают, что он тогда еще не переставал крестить. Для чего же, скажешь, он крестил до сих пор? Ведь он, перестав крестить вместе с тем, как начали ученики Иисуса, конечно, показал бы этим преимущество их? Итак, для чего он продолжал крестить? Для того, чтобы не возбудить в своих учениках большей зависти и соперничества. Если Иоанн не убедил их последовать Христу, несмотря на то, что вопиял тысячу раз, всегда уступал Ему первенство и признавал себя меньшим Его, то, если бы еще он перестал крестить, тем более возбудил бы в них соперничество. Поэтому и Христос тогда особенно стал проповедовать, когда Иоанн был умерщвлен. И я думаю, что смерть Иоанна и была допущена и последовала так скоро для того, чтобы внимание всего народа обратилось на Христа и мнения уже не разделялись между тем и другим. Впрочем и крестя, Иоанн не переставал увещевать и показывать великое и высокое достоинство Иисуса. Он крестил не для чего-либо другого, а только - "**чтобы веровали в Грядущего по нем**" (Деян. 19:4). Итак, проповедуя это, как бы он показал достоинство учеников Христовых, если бы перестал крестить? Тогда подумали бы, что он это сделал по зависти или досаде. А продолжая проповедовать, он доказывал еще сильнее их досточтимость. Не себе приобретал славу, но отсылал слушателей ко Христу, и не меньше учеников Его содействовал Ему, даже еще больше, потому что его свидетельство было неподозрительно, и он имел у всех больше славы, чем они. На это указывал и евангелист, сказав: "**тогда Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к нему**" (Мф. 3:5). Да и в то время, когда крестили ученики, народ не переставал приходить к нему. А если бы кто захотел узнать, имело ли какое-нибудь преимущество крещение учеников (Иисуса) перед крещением Иоанна, - мы скажем, что никакого. То и другое крещение равно не имело благодати Духа, и целью того и другого было только приведение крещаемых ко Христу. Ученики Иисусовы, не желая постоянно ходить (по разным местам), чтобы собирать желавших веровать, как это сделал с Симоном брат его и с Нафанаилом Филипп, установили крещение, чтобы через него без труда приводить всех ко Христу и пролагать путь к вере в Него. А что ни то, ни другое крещение не имело одно перед другим никакого преимущества, это видно из следующих обстоятельств. Каких? "**Тогда у Иоанновых учеников произошел спор с Иудеями об очищении**" (ст. 25). Ученики Иоанновы всегда завидовали ученикам Христовым, даже самому Христу; когда же увидели, что они крестят, то начали говорить крещаемым, что их крещение заключает в себе нечто большее, чем крещение учеников Христовых, и, взяв одного из крещенных, усиливались убедить его в том, но не убедили. А что они сами пришли к нему, а не он искал их, послушай, как намекает на это евангелист. Он не говорит, что один иудей стал состязаться с ними, а: "**тогда у Иоанновых учеников произошел спор с Иудеями об очищении**".

2. Но заметь и скромность евангелиста. Он не употребляет слов укорительных, а, сколько можно было, смягчает вину (учеников Иоанновых), говоря просто: "**произошел спор**". А что состязание это происходило от зависти, видно из последующих обстоятельств, изложенных евангелистом также без укоризны. "**И пришли**", говорит, "**к Иоанну и**

сказали ему: равви! Тот, Который был с тобою при Иордане и о Котором ты свидетельствовал, вот Он крестит, и все идут к Нему" (ст. 26), т.е. к Тому, которого ты крестил; это они выражают словами: "**о Котором ты свидетельствовал**". Они ак бы так говорили: Тот, которого ты сделал известным и славным, Тот осмеливается на тоже, что и ты делаешь. Но они не сказали: которого ты крестил, - в таком случае они были бы принуждены вспомнить и о гласе, бывшем свыше, и о сошествии Духа, - а что они говорят? "**Тот, Который был с тобою при Иордане и о Котором ты свидетельствовал**", то есть, который был в числе учеников твоих, который не имел в себе ничего больше нашего, Тот, отделившись от тебя, крестит. Но не этим только они думали возбудить Иоанна, а и тем, что их слава стала наконец затмеваться: все, говорят они, идут к Нему. Отсюда видно, что они не одолели и того иудея, с которым имели состязание. А говорили это потому, что были еще несовершенны и еще нечисты от любочестия. Что же Иоанн? Опасаясь, чтобы они, отделившись и от него самого, не сделали еще чего-либо более худого, он не сильно упрекает их; а что говорит? "**не может человек ничего принимать [на] [себя], если не будет дано ему с неба**" (ст. 27). Если здесь он еще не очень высоко отзывается о Христе, ты не удивляйся этому; учеников, проникнутых такими чувствами, он не мог вдруг и с первого раза научить всему. Он хочет сперва поразить их страхом и показать, что они, враждуя против Него, враждуют не против кого-либо другого, а против самого Бога. Таким образом, что говорил и Гамалиил: "**вы не можете разрушить его; [берегитесь], чтобы вам не оказаться и богопротивниками**" (Деян. 5: 39), то прикровенно выражает здесь и Иоанн. Говоря: никто не может взять, "**если не будет дано ему с неба**", он показывает, что они домогаются невозможного и оказываются поэтому богоборцами. Что же? Сообщники Февды разве не от себя самих взяли? Но они взяли, и тотчас были рассеяны и погибли. Дела же Христовы не таковы. Таким образом Иоанн незаметно и успокаивает их, показывая, что затмевающий славу их – не человек, а Бог. Поэтому, если и дела Его славны и все идут к Нему, удивляться не должно: таковы дела божественные, и совершающий их есть Бог; иначе Он никогда не смог бы совершить столь великих дел. Дела человеческие удобопостижимы и непрочны, скоро разрушаются и погибают. А эти дела не таковы; следовательно, они дела не человеческие. И смотри, как слова: "**о Котором ты свидетельствовал**", которые ученики Иоанна думали обратить к унижению Христа, Иоанн обращает против них же самих. Показав сперва, что Христос прославился не от его свидетельства, он потом заграждает им уста таким образом: "**не может**", говорит, "**человек ничего принимать [на] [себя], если не будет дано ему с неба**". Что это значит? Если, т.е. вы вполне держитесь моего свидетельства и признаете его истинным, то знайте, что по этому самому свидетельству надлежит предпочитать не меня Ему, а Его мне. А что я свидетельствовал? Об этом я вас призываю в свидетели. Поэтому он и присовокупляет: "**вы сами мне свидетели в том, что я сказал: не я Христос, но я послан пред Ним**" (ст. 28). Итак, если вы, держась моего свидетельства, ставите это мне на вид и говорите: "**о Котором ты свидетельствовал**", то знайте, что Он не только не уничижается принятием от меня свидетельства, но еще более возвышается от этого. Иначе говоря, то свидетельство было не мое, а Божие. Таким образом, если вы меня считаете человеком достойным вероятия, то ведь я между прочим сказал также, что "**я послан пред Ним**". Видишь ли, как он мало-помалу показывает им, что то свидетельство есть божественное? Смысл его слов таков: я служитель, и говорю слова Пославшего меня, не льстя Ему по человеческому пристрастию, но служа Его Отцу, пославшему меня. Я не угождал Ему свидетельством своим, а говорил то, что послан сказать. Итак не считайте меня поэтому великим; в этом открывается Его величие. Он сам есть Господь всех этих дел. Объясняя это, Иоанн присовокупляет: "**имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха**" (ст. 29). Но почему он, говоривший прежде: "**я недостоин развязать ремень у обуви Его**" (Иоан. 1:27), теперь называет себя другом Его? Он говорит это, не превознося себя и не величаясь, но желая показать, что он к этому-то и стремится, что это происходит не

против его воли и не к огорчению его, а согласно с его желанием и старанием, и что к этому-то он и направлял все свои действия. Это он весьма разумно и выразил названием **друга**, потому что слуги жениха в подобных обстоятельствах не так радуются и веселятся, как его друзья. Итак он, называя себя другом, этим означает не равенство свое со Христом, - нет, - но желает выразить свою радость, а вместе и снисходит к немощи своих учеников. Он указал и на служение свое, сказав: "**я послан пред Ним**". Но так как они думали, что он огорчается этим, то он и назвал себя другом Жениха, показывая таким образом, что он не только тем не огорчается, но и весьма радуется. Я, говорит он, и пришел на это дело, и потому я так далек от того, чтобы огорчаться этими обстоятельствами, что тогда-то наиболее стал бы огорчаться, когда бы этого не было. Я тогда бы скорбел, когда бы невеста не пришла к Жениху; а не теперь, когда наши желания исполнились. Если дела Жениха преуспевают, то и мы счастливы. Чего желали мы, то сбылось, и невеста признала Жениха. И вы сами свидетельствуете, что все идут к Нему. Об этом-то я и старался, к этому-то и направлял все свои действия. Таким образом, видя ныне исполнение этого, я радуюсь, веселюсь и торжествую.

3. Но что значат далее слова: "**стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха**"? Здесь от притчи он переходит к настоящему предмету; упомянув о Женихе и невесте, он показывает, как происходит введение невесты: именно – гласом и учением. Так Церковь сочетавается Богу. Поэтому и Павел говорит: "**вера от слышания, а слышание от слова Божия**" (Рим. 10:17). Итак, этот-то глас меня радует. Но и выражение: **стоящий** он употребил не без цели, но с целью – показать, что его дело кончено, что ему, после вручения Жениху невесты, остается только стоять и слушать, что он – служитель и исполнитель и что его благая надежда и радость совершилась. Показывая это, он и присовокупляет: "**сия-то радость моя исполнилась**" (ст. 29), т.е. дело, которое должно было совершиться, мною сделано, и мы уже ничего больше не можем сделать. Затем, чтобы пресечь усиление скорбных чувств (в своих учениках) не на настоящее только время, а и на будущее, он открывает им и будущие события и удостоверяет в них как тем, что уже сказано, так и тем, что уже сделано. Для этого он присовокупляет такие слова: "**Ему должно расти, а мне умаляться**" (ст. 30), т.е. наши дела остановились и уже кончились, а дела Его начинают расти. Чего вы боитесь, то не на нынешнее только время предстоит, но еще увеличится в будущем; это именно покажет наши дела в полном свете. Для того я и пришел и радуюсь, что Его дела получили такое преуспеяние, и совершилось то, ради чего было все, сделанное нами. Видишь ли, как спокойно и с какою мудростью он укротил их страсть, погасил зависть и доказал невозможность их предприятия, - от чего в особенности и ослабевает зло? Но это устроилось еще во время жизни и крещения Иоаннова для того, чтобы они, имея в нем столь высокого свидетеля, не могли уже ничем оправдаться, если бы не поверили. Он не сам собою пришел высказать это, и не потому только говорил, что его спрашивали люди посторонние: его ученики сами и спрашивали его и слушали его. Если бы он говорил сам от себя, то они могли бы еще не верить; но, слыша его ответы на собственные свои вопросы, они уже имели приговор сами против себя. Так и иудеи потому именно, что отправляли от себя нарочитое посольство к нему, слышали его ответы и однакож не поверили ему, - поэтому-то и лишили сами себя всякого оправдания. Чему же мы научаемся отсюда? Тому, что причина всех зол – тщеславие. Оно довело учеников Иоанна до зависти; оно же возбудило их зависть и опять, когда они немного уже успокоились. Потому, пришедши к Иисусу, они говорят Ему: "**почему Твои ученики не постятся**" (Мф. 9:14)? Будем же, возлюбленные, убегать этой страсти. А если будем избегать ее, мы избавимся от геенны. Она-то наиболее возжигает огонь; она всюду простирает власть свою и мучительски обладает всяким возрастом и всяким званием; она ниспровергла целые церкви; она вредит делам гражданским; она разоряет целые дома, города, народы, племена. И что удивляешься этому? Она проникает и в пустыни и там показывает

великую силу. Часто и те, которые оставляли большие стяжания и все обольщение мира, ни с кем не имели общения, овладевали самыми сильными плотскими пожеланиями, и те, будучи пленены пустою славою, теряли все. За эту страсть фарисей, трудившийся много, поставлен ниже мытаря, который нисколько не трудился, но много совершил грехов. Осуждать эту страсть не трудно (все во мнении о ней согласны). А надобно постараться, как бы одолеть ее. Как же одолеть? Будем противопоставлять славе славу. Как мы презираем богатство земное, когда взираем на богатство небесное, и не дорожим настоящею жизнью, когда помышляем о жизни гораздо лучшей, так мы сможем презреть и славу настоящего мира, когда будем помышлять о славе гораздо высшей, о славе истинной. Здешняя слава – слава пустая и суетная, имеющая только имя, без дела, а та слава, небесная, есть слава истинная, в которой прославляются не люди, но ангелы и архангелы и сам Владыка архангелов, а лучше сказать, вместе с Ним и люди. Если будешь смотреть на то зрелище, если узнаешь тамошние венцы, если обратишься к тому прославлению, то земное никогда не овладеет тобою; ты не будешь считать великим настоящее и не станешь искать преходящего. И в царских палатах ни один из оруженосцев, предстоящих царю, не оставить службы тому, кто облечен диадемою и восседает на престоле, чтобы заниматься криком ворон и жужжанием летающих мух и комаров. А похвалы людей ничем не лучше этого. Итак, зная малоценность человеческих вещей, будем все собирать в безопасные сокровищницы и искать славы постоянной и неизменной, которой и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 30

"Приходящий свыше и есть выше всех; а сущий от земли земной и есть и говорит, как сущий от земли" (Иоан. 3:31)

1. Страшно славолюбие, страшно и исполнено многих зол. Это терние, с трудом исторгаемое, зверь неукротимый, многоглавый, восстающий на тех самых, которые питают его. Как червь поядает дерева, в которых зарождается, ржа снедает железо, в котором появляется, и моль – ткань, так и тщеславие губит душу, воспитавшую его в себе. Поэтому много нам нужно старания, чтобы истребить в себе эту страсть. Вот и здесь, сколько Иоанн ни внушал ученикам своим, страдавшим этим недугом, однако едва укрощает их. После сказанных раньше слов, он обращается к ним и еще с другою речью; с какою же? "**Приходящий свыше**", говорит он, "**и есть выше всех; а сущий от земли земной и есть и говорит, как сущий от земли**" (Иоан. 3:31). Так как вы, говорит он, всюду разносите мое свидетельство и говорите, что в нем я вполне достоин веры, то надобно вам знать, что Грядущий с небес не может делаться достойным веры через того, кто живет на земле. Что же значат и что показывают слова: "**есть выше всех**"? Они показывают, что Христос ни в ком не нуждается, но сам в Себе доволен, и что Он выше всех без всякого сравнения. А сущим "**от земли земной и есть**" глаголющим Иоанн называет себя, и говорит так не от своего ума; но, как Христос сказал: "**Я сказал вам о земном, и вы не верите**" (Иоан. 3:12), разумея здесь крещение, не потому, чтобы оно было что-либо земное, а по сравнению с ним Своего неизреченного рождения, так и Иоанн здесь называет себя глаголющим **от земли**, сравнивая свое учение с учением Христовым. Не другое что означают слова - "**говорит, как сущий от земли**", как то, что мои слова, в сравнении с Христовыми, маловажны, скудны, ничтожны, таковы, каковыми и свойственно быть словам, получившим земное происхождение. Но в Нем "**сокрыты все сокровища премудрости и ведения**" (Кол. 2:3). А что Иоанн говорит здесь не об умствованиях человеческих, это очевидно из его же слов: "**сущий от земли земной и есть**". Но ведь в Иоанне не все было **от земли**, а главнейшее было небесное; он имел и

душу и общение Духа не от земли. Как же Иоанн говорит о себе, что он **от земли**? Ничего иного это не означает, как то, что я мал и ничего не стою, как приходящий от земли и на земле родившийся; а Христос пришел к нам свыше. Когда же всеми этими словами Иоанн укротил страсть своих учеников, тогда уже с большим дерзновением вещает о Христе. Прежде этого излишне было бы говорить о Нем какие-либо слова, так как они не могли иметь для себя места в уме слушающих. Но когда Иоанн исторг терние, тогда уже безбоязненно начинает бросать семена, говоря: "**Приходящий свыше и есть выше всех; и что Он видел и слышал, о том и свидетельствует; и никто не принимает свидетельства Его**" (ст. 31,32). Но, сказав о Христе эти великие и возвышенные слова, Иоанн опять переходит к слову смиренному. Выражение: "**что Он видел и слышал**" употреблено человекообразно; ведь не по зрению и слуху знает Он, что знает, но в природе своей все имеет, как исшедший совершенным из недр Отца и не нуждающийся в наставнике, как и сам говорит: "**как Отец знает Меня, [так] и Я знаю Отца**" (Иоан.10:15). Что же значит: "**что Он видел и слышал, о том и свидетельствует**"? Так как посредством этих чувств мы все познаем с точностью, и считаем себя достоверными учителями в том, что воспринимаем через зрение и слух, потому что не выдумываем и не говорим лжи, то, желая и здесь это выразить, Иоанн сказал: "**что Он видел и слышал**", - то есть: в Нем нет ничего ложного, а все истинно. Как и мы часто с любопытством спрашиваем: сам ли ты слышал? да видел ли? и когда это подтвердится, тогда свидетельство становится несомненным, - так и когда сам Христос говорит: "**как слышу, так и сужу**" (Иоан. 5:30), и: "**что Я слышал от Него, то и говорю**" (8:26), и: "**мы говорим о том, что знаем**" (3:11), и тому подобные слова, то мы не должны думать, что Он говорит по научению от других (так думать было бы крайне безумно), но что Он говорит так для того, чтобы ничто из сказанного Им не было заподозрено бесстыдными иудеями. Так как они еще не имели о Нем надлежащего понятия, то Он часто и обращается к Отцу, и таким образом делает для них достойными веры слова Свои.

2. Чему ты удивляешься, что Христос обращается к Отцу, когда Он часто обращается и к пророкам и к Писаниям, как например, когда говорит: "**они свидетельствуют о Мне**" (5:39)? Но неужели мы будем почитать Его меньшим даже пророков, потому только, что Он заимствует от них свидетельства? Да не будет. Так он только приспособляет Свое слово к немощи Своих слушателей, и если говорит, что сказанное Им слышал от Отца, то говорит не как имеющий нужду в наставнике, но чтобы они верили, что в Его словах нет ничего ложного. А слова Иоанна означают следующее: я должен слушать Его, потому что он пришел свыше и возвещает небесное, то, что Он один верно знает. Это именно и означают слова: "**что Он видел и слышал, о том и свидетельствует; и никто не принимает свидетельства Его**".

Но Он имел и учеников, и словам Его многие внимали: как же Иоанн говорит: "**никто не принимает? Никто**" – сказано здесь вместо: **немногие**, потому что, если бы Иоанн в строгом смысле сказал: **никто**, то как мог бы потом присовокупить: "**принявший Его свидетельство сим запечатлел, что Бог истинен**" (ст. 33). Здесь Иоанн касается и своих учеников, так как они не совсем были расположены веровать во Христа. А что они и после этих слов не веровали в Него, это очевидно из последующих сказаний. Будучи в темнице, Иоанн для того и посылал их ко Христу, чтобы более соединить их с Ним. Но они и тогда едва веровали в Него, на что и намекал Христос, сказав: "**и блажен, кто не соблазнится о Мне**" (Мф. 11:6). Итак, не с иною целью сказал Иоанн: "**и никто не принимает свидетельства Его**", как для того, чтобы предостеречь своих учеников, как бы так сказал: если не многие будут в Него веровать, то не думайте поэтому, что учение Его ложно; Он, "**видел, и свидетельствует**". Вместе с этим Иоанн говорит это в укоризну бесчувственности иудеев, как и в начале евангелия евангелист Иоанн обличает их, говоря: "**пришел к своим, и свои Его не приняли**" (Иоан. 1:11); это не Христу самому упрек, а

осуждение непринявшим Его. "**Принявший Его свидетельство сим запечатлел, что Бог истинен**" (3:33). Этим он устрашает их, показывает, что неверующий во Христа не только в Него не верует, но и в самого Отца; потому и присовокупляет: "**Тот, Которого послал Бог, говорит слова Божии**" (ст. 34). Так как Он говорит **Божии**, то верующий или неверующий в Него в Бога верует или не верует. Слово: **запечатлел** значит: доказал. Говоря таким образом и усиливая страх их, Иоанн прибавляет: "**Бог истинен**", показывая этим, что не веровать во Христа значит не иное, как осуждать во лжи пославшего Его Бога. Итак, если Он ничего не говорит чуждого Отцу, а все – Отчее, то не слушающий Христа не слушает Пославшего Его. Видишь, как этими словами он поражает их? Доселе они не считали важным делом не слушать Христа. Поэтому Иоанн и угрожает неверующим столь великою опасностью, чтобы знали они, что неповинующиеся Христу не повинуются самому Богу. Но затем, продолжая свою беседу, Иоанн снисходит к слабости их ума, и говорит: "**не мерою дает Бог Духа**" (ст. 34). Как я сказал, Иоанн опять употребляет уничиженный образ выражения, разнообразя свое слово и делая его, таким образом, удоприемлемым для своих слушателей. Иначе и невозможно было возбудить и усилить в них страх. Если бы он сказал о Христе что-нибудь величественное, высокое, то они не поверили бы, а еще стали бы пренебрегать словами его. Поэтому Иоанн все относит к Отцу, а о Христе говорит, как о человеке. Что же значат слова: "**не мерою дает Бог Духа**"? Иоанн хочет показать, что все мы в известной мере получаем силу Духа. Духом он называет здесь силу Его, а она-то и разделяется по мере. А Христос имеет неизмеримую всецелую силу. Если же сила Его неизмерима, то тем более существо. Но видишь ли, что и Дух беспределен? Итак, принявший всю силу Духа, ведущий все Божие, сказавший: "**что Он видел и слышал, о том и свидетельствует**", может ли быть в чем-либо подозреваем? Он не говорит ничего, что не есть Божие, что не от Духа. И между тем Иоанн еще ничего не говорит о Боге Слове, а только именем Отца и Духа удостоверяет в своем учении, так как что есть Бог, они это знали, что есть Дух, веровали, хотя и не имели о Нем надлежащего понятия, но что есть Сын, того не знали. Потому-то он всегда обращается к Отцу и Духу и тем удостоверяет в истине Своих слов. А если бы кто, упустив из виду эту причину, стал рассматривать учение само по себе, то слишком отдалился бы от достойного понятия о Христе, так как Христос не потому достоин был их веры, что имел силу Духа; Он не нуждался в Его помощи, а сам в Себе имеет все; но Иоанн говорит так приспособительно к несовершенному разумению учеников, желая мало-помалу возвысить их понятия. Это я говорю для того, чтобы не поверхностно пробегать сказанное в Писании, но дознавать и цель говорящего, и немощь слушающих, и другие обстоятельства. Наставники не все говорят так, как бы хотели сами, но как требует состояние немощных. Потому и Павел говорит: "**я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими. Я питал вас молоком, а не [твердою] пищею**" (1Кор.3:1,2). Я желал бы, говорит он, беседовать с вами, как с духовными, но не мог. Почему же? Не потому, чтобы сам он не имел к тому сил, но потому, что они не могли слушать такого учения. Так и Иоанн хотел многому научить своих учеников, но они еще не могли вместить; потому он и ограничивается понятиями более простыми.

3. Итак, надобно испытывать все со тщанием. Изречения Писания – это духовные оружия. А если мы не умеем пользоваться оружием и хорошо вооружить им учеников, то само по себе оно будет иметь силу, но взявшим его не может принести никакой пользы. Положим, что броня, шлем, щит, копье крепки. Но пусть кто-нибудь, взяв это вооружение, броню наденет на ноги, шлем не на голову, а на лицо, щит станет держать не перед грудью, а постарается привесить к ногам: будет ли тогда польза от этого оружия? Не будет ли еще вреда? Это всякому очевидно. Но произойдет это не от слабости оружия, а от неопытности того, кто не умеет хорошо пользоваться им. Так и относительно Писания: если мы будем смешивать порядок его изречений, то хотя и в таком случае оно само по себе будет иметь свою силу, но нам не принесет никакой пользы. Я, говоря это вам всегда

и наедине и в общественных собраниях, не имею никакого успеха потому, что вижу, что вы во всякое время привязаны к житейским делам, а духовных и тени нет у вас. Поэтому-то и в жизни мы нерадивы и, подвизаясь за истину, не много имеем силы, а становимся смешными и для язычников и для иудеев и еретиков. Если бы вы и в других делах показывали такую же беспечность, как здесь, то и в таком случае это не заслуживало бы извинения. Но в житейских делах каждый из вас острее меча, как занимающиеся ремеслами, так и исполняющие гражданские дела. А в делах необходимых, духовных, мы совершенно нерадивы; бездельем занимаемся, как делом, а что следовало бы считать самым необходимым, того мы не ставим наряду даже с бездельем. Или вы не знаете, что не для прежних только людей, а и для нас написано Писание? Не слышим ли, что говорит Павел: "**все, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду**" (Рим. 15:4)? Знаю, что напрасно говорю; но не перестану говорить, потому что, делая так, оправдаю себя перед Богом, хотя бы никто меня не слушал. Проповедующий внимательным слушателям имеет утешение в их покорности; а кто часто проповедует, а ему не внимают, и однакож он не перестает говорить, тот достоин большей чести, потому что ради угождения Богу исполняет со своей стороны все, что следует, хотя бы и никто не слушал. Впрочем, хотя бы нам и больше было награды, по причине вашего невнимания, мы лучше желаем, чтобы она для нас уменьшилась, а увеличилась для вас надежда спасения, так как великою для себя наградою считаем самое преуспеяние ваше. И это говорим теперь не для того, чтобы сделать слово наше тяжким для вас, но чтобы выказать вам скорбь о вашем нерадении, от которого дай Бог всем нам отстать, и усвоить себе ревность духовную, да сподобимся и небесных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 31

"Отец любит Сына и все дал в руку Его. Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем" (Иоан. 3: 35,36).

1. Великая польза постепенности открывается во всех делах. Так мы успеваем в науках, не вдруг всему научаясь от наставников. Так мы построили города, воздвигая их понемногу и постепенно; так сохраняем и нашу жизнь. Не удивляйся, если этот порядок в делах житейских имеет такую силу; и в духовных делах можно усматривать великую силу этой мудрости. Только таким образом и иудеи могли освободиться от идолослужения, будучи удаляемы от него незаметно, мало-помалу, сначала не слыша ничего возвышенного ни в догматах, ни в правилах жизни. Так и после пришествия Христова, когда настало время для открытия высочайших догматов, апостолы всех приводили ко Христу, на первый раз ничего не изрекая возвышенного. Так и Христос с большею частью слушателей беседовал с начала. Так поступает и Иоанн (Креститель), говоря о Христе, как бы только о необыкновенном человеке, и только прикровенно изображая возвышенные Его свойства. Вначале он говорит: "**не может человек ничего принимать [на] [себя], если не будет дано ему с неба**" (Иоан. 3:27); потом касается чего-то возвышенного, говоря: "**приходящий свыше и есть выше всех**" (ст. 31). Далее опять низводит слово к чему-то смиренному, между прочим говоря: "**не мерою дает Бог Духа**" (ст. 34); потом опять возвышает (слово): "**Отец любит Сына и все дал в руку Его**" (ст. 35); затем, зная, какую пользу приносит угроза наказания, и как многие водятся не столько обетованиями благ, сколько угрозами мук, заключает свою речь так: "**верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем**" (Иоан. 3:36). И здесь опять, говоря о наказании, возводит слово к Отцу. Не сказал: гнев **Сына**, хотя и Он есть судия, а представил им Отца, желая тем более устрашить. Но неужели, скажешь, достаточно веровать в Сына, чтобы иметь живот вечный? Никак.

Послушай, как сам Христос объясняет это, говоря: "**не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное**" (Мф. 7:21). И одной хулы на Духа достаточно, чтобы быть ввержену в геенну.

Но что говорить об одних догматах? Хотя бы кто право веровал и в Отца и в Сына и в Духа Святого, но если не живет, как должно, вера не принесет ему никакой пользы ко спасению. Поэтому также, когда Христос говорит: "**сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога**" (Иоан. 17:3), не подумаем, что этого и довольно для нашего спасения. Необходима еще добрая жизнь и благоповедение. И хотя Иоанн сказал: "**верующий в Сына имеет жизнь вечную**", но затем присовокупляет еще нечто более сильное (так как он слагает речь свою не только из утешительных, но и из противоположных слов, и смотри, каким образом); он прибавляет: "**а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем**" Однакож и отсюда мы не должны заключать, что довольно одной веры для спасения. Это доказывают многочисленные места в евангелии, где говорится о жизни. Поэтому-то Иоанн и не сказал: в этом одном состоит **жизнь вечная**, или: только верующий в Сына "**имеет жизнь вечную**"; но о том и другом он говорит только вообще, что в них есть жизнь вечная. А если затем не последуют дела жизни, то наступит великое наказание. И не сказал Иоанн: гнев ожидает его, но: "**пребывает на нем**", показывая этим, что гнев никогда не отступит от него. Чтобы слов: **не увидит жизни** ты не относил к смерти временной, а веровал, что наказание будет бесконечное, он употребил такое выражение, которое означает непрестанное мучение. Делал же это Иоанн для того, чтобы такими словами привлечь учеников своих ко Христу. Поэтому не лично им делал увещание, а говорил вообще, чтобы тем более привлечь их. Не сказал он: если **вы** уверуете, или: если **вы** не уверуете; а употребляет общие выражения, чтобы слова его не были для них подозрительны. Но он говорит с большею строгостью, чем сам Христос. Христос сказал: "**неверующий уже осужден**" (Иоан. 3:17); а Иоанн: "**не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем**". И это весьма справедливо, - потому что не одно и тоже говорит самому о себе и о другом. О Христе могли бы думать, что Он часто так говорит по самолюбию и тщеславию; но Иоанн был безопасен от такого подозрения. Если же впоследствии и Христос употреблял более сильное слово, то уже тогда, когда иудеи имели о Нем высокое понятие. "**Когда же узнал Иисус о [дошедшем до] фарисеев слухе, что Он более приобретает учеников и крестит, нежели Иоанн, - хотя Сам Иисус не крестил, а ученики Его, - то оставил Иудею и пошел опять в Галилею**" (Иоан. 4: 1-3). Итак, сам Он не крестил; но это разглашали вестовщики, желая возбудить в слышащих о том ненависть к Нему. Почему же Он оставил Иудею? Не по боязни, а для того, чтобы пресечь клевету и утишить ненависть. Силен был Он и сам удержать их, если бы они восстали на Него, но не хотел этого делать часто, чтобы не оставить их в неверии о действительности Его воплощения. Если бы Он часто, при нападениях, избегал их, то это для многих могло бы быть подозрительно. Поэтому-то во многих случаях Он действовал более по человечески. Он желал, чтобы веровали как тому, что Он Бог, так равно и тому, что Он, будучи Богом, носил плоть. Поэтому и после воскресения Своего Он говорил ученикам: "**осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет**" (Лк. 24:39). Поэтому же и Петра порицает, когда тот говорит Ему: "**будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою**" (Мф. 16:22). Так много Он заботился об этом деле.

2. Притом же это есть не маловажный догмат в Церкви, а самое главное в деле нашего спасения, и через это именно все для нас сделано и совершено: и смерть разрушена, и грех отъят, и клятва уничтожена, и бесчисленные блага дарованы нам в жизни. Поэтому Христос и желал так сильно, чтобы веровали в Его воплощение – этот корень и источник бесчисленных для нас благ. Действуя же по-человечески, Он не допускал сокрываться и Своим божеским делам. Так, удалившись в Галилею, Он продолжал тоже самое, что и

прежде делал. Не напрасно удалялся в Галилею, но для того, чтобы совершать великие дела у самарян, и устрояет это не просто, а с свойственною Ему мудростью, чтобы не оставить иудеям никакого предлога даже к бесстыдному извинению. Выражая это, евангелист присовокупляет: "**надлежало же Ему проходить через Самарию**" (Иоан. 4:4), и тем показывает, что Он это сделал как бы ненамеренно. Так делали и апостолы. Как они, преследуемые иудеями, шли к язычникам, так и Христос, когда иудеи изгоняли Его, обратился и к язычникам, например сделал это ради жены сирофиникийской. Цель была та, чтобы отнять у иудеев всякое извинение и чтобы они не могли сказать: Он, оставив нас, пошел к необрезанным. Таким образом и ученики Его, защищая себя, говорили: "**вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам**" (Деян. 13:46). И сам Христос: "**Я послан только к погибшим овцам дома Израилева**" (Мф. 15:24), или: "**нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам**" (ст. 26). Когда же они отвергли Его, то этим самым отверзли дверь язычникам. Однако и тогда Он не преднамеренно идет к язычникам, а как бы мимоходом. Итак, проходя мимо, "**приходит Он в город Самарийский, называемый Сихарь, близ участка земли, данного Иаковом сыну своему Иосифу. Там был колодезь Иаковлев**" (Иоан. 4:5,6). Для чего евангелист так обстоятельно говорит об этом месте? Для того, чтобы ты, слыша, как говорит жена: "**неужели ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодезь**" (ст. 12), - не находил этого странным. Это было то место, где Симеон и Левий, в отмщение за Дину, произвели жестокое убийство (Быт.34:25).

Не лишне сказать, откуда произошли самаряне, потому что вся эта страна называется Самариею. Откуда же самаряне получили свое название? Сомором называлась гора по имени ее владельца, как и Исайя говорит: "**глава Ефрема - Самария**" (Ис. 7:9). Впрочем, обитавшие там назывались не самарянами, а израильтянами. С течением времени, когда они оскорбили Бога, то, в царствование Факея, Феглаффеласар, пришедши, взял многие города, напал на Илу, умертвил его и царство его отдал Осии. На Осию напал Салманассар, взял другие города, сделал их себе подвластными и обложил данью. Осия сначала уступил, потом отложился от его власти и прибегнул к помощи ефиоплян. Ассирийский царь, узнав об этом, пришел с войском, победил израильтян и, для отвращения новых восстаний, уже не позволил им оставаться в стране той, а отвел их в Вавилон и Мидию; а оттуда из разных мест вывел другие племена и поселился в Самарии, чтобы на будущее время обезопасить свою власть в этой стране, занятой уже верными ему жителями. Тогда Бог, желая показать Свою силу и то, что Он предал израильтян не потому, чтобы они были бессильны, но за грехи их, - насылает на варваров львов, которые делали зло всему народу. Извещенный об этом царь посылает некоего священника[1]) преподать им закон Божий. Но и тогда они не оставили совершенно своего нечестия, а только отчасти, и уже впоследствии времени, отвергнув идолов, начали чтить истинного Бога. Между тем иудеи, возвратившиеся наконец из плена, возъимели ненависть к ним, как иноплеменникам и своим врагам, и по имени горы стали называть их самарянами. Не малая вражда с ними у иудеев происходила и оттого, что самаряне принимали не все книги Св. Писания, а только книги Моисеевы, и не много придавали важности пророкам. Они же со своей стороны старались уравнять себя в благородстве происхождения с иудеями, хвалились своим родом от Авраама и считали его своим предком, так как он происходил из Халдеи, а Иакова, как его потомка, называли своим отцом. Но иудеи гнушались ими, как и всеми иными народами; потому-то и Христа они поносили именем самарянина, когда говорили: "**что Ты Самарянин и что бес в Тебе**" (Иоан. 8:48). По той же причине и Христос в притче о шедшем из Иерусалима в Иерихон вводит самарянина, "**оказавший ему милость**" (Лк. 10:37), - человека, по мнению иудеев, низкого, презренного, гнусного; также и в числе десяти прокаженных называет одного

иноплеменником (а это был самарянин); да и Сам заповедал ученикам своим: "**на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите**" (Мф. 10:5).

3. Но евангелист напомнил нам об Иакове не для того только, чтобы отметить историю страны, но чтобы вместе показать потерю этого места для иудеев, уже давно сбывшуюся, так как уже во времена праотцев их язычники владели, вместо них, этим местом. Чем праотцы их владели, хотя то и не было их собственностью, то они по нерадению и беззаконию потеряли, хотя это уже было их собственностью. Так, нет никакой пользы происходить от хороших предков, когда потомки не похожи на них. Варвары, чтобы только избежать большей беды, тотчас обратились к иудейскому богопочтению; а иудеи, и потерпев столько наказаний, не вразумились. Итак, в эту страну пришел Христос, который всегда отвергал жизнь изнеженную и прихотливую, а проводил жизнь многотрудную и стеснительную. Он не употреблял подъяремных животных, но Сам путешествовал так спешно, что и утомлялся от пути. Да и при всяком случае Он внушает нам делать все самим, не иметь ни в чем излишества и не требовать многого. Он желает нам быть до того чуждыми всякого излишества, чтобы и в самом необходимом многое сокращать, потому и говорил: "**лисицы имеют норы и птицы небесные - гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову**" (Мф. 8:20). Таким образом Он очень часто проводил время в горах и в пустынях, не только днем, но и ночью. Провозвещая это, и Давид сказал: "**из потока на пути будет пить**" (Пс. 109:7), показывая простоту Его образа жизни. Тоже показывает здесь и Иоанн: "**там был колодезь Иаковлев. Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя. Было около шестого часа. Приходит женщина из Самарии почерпнуть воды. Иисус говорит ей: дай Мне пить. Ибо ученики Его отлучились в город купить пищи**" (Иоан. 4:6-8). Из этого мы узнаем, как усиленны были Его путешествия, как Он не заботился о Своем пропитании и только мимоходом занимался этим делом. Так научились и ученики Его удовлетворять свои потребности: они не носили с собою дорожных припасов. На это указывает и другой евангелист, говоря, что, когда Христос сказал о квасе фарисейском, то ученики думали, что не принесли с собою хлебов. Когда Христос водил с Собою учеников алчущих, срывающих и едящих колосья, также когда говорится, что сам Он, чувствуя голод, пришел к смоковнице, то этим всем Он не чему-нибудь другому научает нас, как презирать чрево и служения ему не считает достойным заботы. Посмотри и здесь: они не принесли с собою ничего, и однакож, не имея с собою пищи, не заботились о ней заранее, или с начала дня, но пошли купить ее в то время, в которое обыкновенно все уже обедают. А мы, как только встаем с одра, заботимся об этом прежде всех других дел, призываем поваров и служителей трапезы и с большою заботливостью отдаем им приказания; а после того уже приступаем к другим делам, всегда однакож заботясь о житейском, преимущественно перед духовным, и то, что нужно бы считать излишним, признавая необходимым. Так-то все делается у нас превратно. Между тем, следовало бы обращать все внимание на духовные дела и, уже исполнив их, приниматься за житейские.

Далее, из этого видно не только терпение Христа в трудах, но и удаление от пышности. Он не только утомился и сел на пути, но и остался один, а ученики Его ушли. Конечно, если бы Он пожелал, то мог бы или не всех учеников посылать, или, по удалении их, иметь при себе других служителей; но Он не хотел этого; а таким образом и учеников приучал презирать всякую пышность. Что же важного, скажет кто-нибудь, что они жили скромно, будучи рыбарями и скинотворцами? Правда, они были рыбари и скинотворцы, но они внезапно воспарили в высоту небес, и сделались важнее всех царей, удостоившись быть собеседниками Владыки вселенной и следовать повсюду за этим дивным Учителем. Вы знаете и то, что люди из низкого состояния, достигающие почестей, легче увлекаются высокомерием, неблагородно пользуясь почестями. Итак Христос, желая утвердить учеников Своих в неизменном смиренномудрии, учил их во всем умерять себя и ни в

каком случае не требовать прислужников. Сам Он, как говорит евангелист, "**утрудившись от пути, сел у колодезя**". Видишь, Он сел от усталости и жары и для того, чтобы дождаться учеников? Знал Он, что должно было случится у самарян; но не для того, главным образом, пришел сюда. А хотя и не для этого пришел, однако не имел нужды отгонять пришедшую жену, показавшую так много усердия к Его учению. Иудеи Его гнали, тогда как Он именно к ним пришел, а язычники привлекали к себе и тогда, когда Он шел в иные места. Те ненавидели Его, а эти веровали в Него; те негодовали, а эти удивлялись и поклонялись Ему. Что же? Ужели надобно было пренебречь спасением стольких людей и такую искреннюю ревность оставить без внимания? Это недостойно было Его человеколюбия. Поэтому Он и устрояет все в настоящем случае со свойственною Ему мудростью. Он садится, для отдохновения тела и прохлады, при источнике. Был самый полдень, что и означает евангелист словами: "**сел у колодезя, было около шестого часа**". Что значит **сел**? То есть сел не на престоле, не с возглавием, но просто, как случилось на земле. "**Приходит женщина из Самарии почерпнуть воды**".

4. Смотри, как показывает евангелист, что и жена вышла из города для другой цели, - прегражда всякий повод к бесстыдному прекословию иудеев, чтобы кто не сказал, что Он противоречит собственной заповеди, повелев ученикам "**в город Самарянский не входите**", а между тем сам беседуя с самарянами. Для этого также присовокупляет, что "**ученики Его отлучились в город купить пищи**", представляя таким образом многие причины беседы Его с женою. Что же жена? Услышав Его слова: "**дай Мне пить**", она очень разумно обращает слова Христовы в повод к вопросу: "**как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? ибо Иудеи с Самарянами не сообщаются**" (Иоан.4:9). Почему она думала, что Он иудей? Может быть узнала по одежде или по наречию. Но заметь, как осторожна жена. Если надлежало остерегаться, то Иисусу, а не ей; по ее словам, не самаряне чуждаются иудеев, а иудеи не сближаются с самарянами; однако жена, будучи сама свободна от этого упрека, и думая, что другой ему подвергается, не умолчала, но исправляет дело, по ее мнению, не согласное с законом. Может быть, кто-нибудь станет недоумевать, как Иисус просил у нее пить, когда этого не дозволял закон? А если Он еще предвидел, что она не даст Ему пить, то и поэтому не следовало просить. Что сказать на это? То, что для Него самого нарушение подобных обычаев было делом безразличным. Кто других вел к нарушению иудейских правил, Тот тем более сам мог нарушать их. "**Не то, что входит в уста**", говорил Он, "**оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека**" (Матф. 15:11). Между тем беседа Его с женою могла быть не малым осуждением для иудеев, потому что Он многократно привлекал их к Себе и словами и делами, но они не последовали Ему. А посмотри, как жена увлекается простым вопросом. Сам Он не вступал на это дело, на этот путь[2]), но не препятствовал, если к Нему кто обращался. Хотя Он и говорил ученикам: "**в город Самарянский не входите**", но не повелевал отгонять приходящих. Это слишком было бы недостойно Его человеколюбия. Поэтому Он и отвечает жене и говорит: "**если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую**" (Иоан. 4:10). Прежде всего показывает, что она достойна Его слушать, а не должна быть отвергнута, потом уже открывает Себя; она же, как только узнала, кто Он, тотчас готова была и повиноваться и внимать Ему, чего нельзя сказать об иудеях. Они, даже и узнал Его, ни о чем не спрашивали Его, не имели желание научиться от Него чему-либо полезному; напротив поносили Его и отгоняли от себя. Но вот жена, услышав Его слова, смотри, с какою кротостью отвечает Ему: "**господин! тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок; откуда же у тебя вода живая**" (ст. 11)? Сейчас видно, что Христос отклонил уже ее от низкого о Нем понятия, от мысли, что Он один из обыкновенных людей. Она здесь не просто называет Его Господом, но в знак особенного уважения к Нему. А что она по уважению это сказала, видно из последующей беседы. Она не шутит, не насмехается, а только недоумевает. А что она не скоро все поняла, не

удивляйся. Ведь не понял и Никодим. Что он говорил? "**Как это может быть**"? "**Как может человек родиться, будучи стар**" (ст.4)? И еще: "**неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться**"? Но жена говорит с большею скромностью. "**господин! тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок; откуда же у тебя вода живая**" (Иоан.4:11)? Иное говорит ей Христос, а иное она разумела. Не слыша от Него ничего более сказанных слов, она и не могла помыслить ничего возвышенного, хотя и могла сказать Ему смело: если бы Ты имел воду живую, то не стал бы просить у меня воды, а сам бы прежде Себе дал ее; а теперь Ты только тщеславишься. Но ничего подобного она не сказала, а как сначала, так и после отвечала Ему с великою скромностью. Сначала она говорит: "**как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня**"? А не говорит так, как бы разговаривала с иноплеменником и врагом: не быть тому, чтобы я дала воды такому человеку – врагу и чуждому нашего рода! И потом, слушая Его возвышенные слова о Себе самом, что особенно раздражает врагов, она не смеется, не поносит Его, но что говорит? "**Неужели ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодезь и сам из него пил, и дети его, и скот его**" (ст.12)? Видишь, как она вводит сама себя в именитый род иудеев? Слова ее значат вот что: Иаков пользовался этою водою и никакой другой лучшей и сам не имел, и нам не дал. Таким образом она показала, что уже с первого ответа она возъимела мысль о Нем высокую, возвышенную, потому что слова: " **и сам из него пил, и дети его, и скот его**" не иное дают разуметь, как то что она имела мысль о лучшей воде, только еще не находила ее и не знала хорошо. Если же выразить яснее то, что она хотела сказать, то будет так: Ты не можешь сказать, что Иаков, давший нам этот источник, сам пользовался другим, потому что и сам он и дети его пили из этого; а они не пили бы отсюда, если бы имели другую воду, лучшу. Ты и этой воды не можешь достать; а другой лучшей Тебе не возможно иметь; разве признаешь Себя самого большим Иакова. Откуда же Ты имеешь ту воду, которую обещаешь дать нам (Иоан.7:38)? Иудеи не так скромно говорили с Ним, - хотя и с ними Он беседовал об этом же самом предмете и напоминал о такой воде. Но они не приобрели для себя от того никакой пользы. А когда Он упомянул об Аврааме, то они замышляли даже побить Его камнями (8:56,59). Но не так обращается с Ним жена, а с великою кротостью, среди полуденного зноя, говорит и слушает все с терпением и не думает подобно иудеям сказать: "**Он одержим бесом и безумствует**" (10: 20), держит меня у источника, ничего не давая, а только величаясь на словах. Она терпеливо внимает, в ожидании найти желаемое.

5. Если жена самарянская показывает такое усердие, чтобы научиться чему-нибудь полезному, и пребывает со Христом, хотя еще и не знает Его, то какое помилование можем получить мы, знающие Его, и притом находясь не на источнике, не в пустины, не среди дня под палящими лучами солнца, но в устреннее время, наслаждаясь под этим кровом тенью и прохладою, и при всем том не имея терпения выслушать что-либо из слова Божия, а тяготясь этим? Не такова жена самарянская: она так увлекалась словами Спасителя, что и других призывала к Нему. Иудеи же не только не призывали других, но и желавшим придти к Нему препятствовали и не дозволяли. Поэтому и говорили: "**Уверовал ли в Него кто из начальников, или из фарисеев? Но этот народ невежда в законе, проклят он**" (Иоан. 7:48). Итак, будем подражать самарянской жене; будем беседовать со Христом. Он и теперь среди нас предстоит и говорит к нам через пророков и через учеников Своих. Будем слушать и повиноваться. Доколе мы будем жить напрасно, без пользы? Не делать угодное Богу действительно значит жить напрасно, или лучше, не только напрасно, но и во вред себе. Если данное нам время мы не употребим ни на какое полезное дело, то, отошедши отсюда, подвергнемся величайшему наказанию за потерю времени. Если получивший деньги для торговых оборотов и потом истративший их подвергнется ответственности перед вверившими их ему, то ужели не понесет наказания истощивший эту жизнь напрасно? Не для того Бог ввел нас в настоящую жизнь и вдунул душу, чтобы мы пользовались только настоящим, но для того, чтобы все делали для

жизни будущей; только бессловесные созданы для одной настоящей жизни. А мы для того и имеем бессмертную душу, чтобы вполне приготовиться к той жизни. Если кто спросит, какое назначение коней, ослов, быков и других животных, то мы скажем, что не другое назначение, как только – служить нам в настоящей жизни. А о нас нельзя этого сказать; для нас есть лучшее состояние, после отшествия отсюда; и нам все надобно делать так, чтобы там просиять, ликовать с ангелами, предстоять Царю, - всегда, в бесконечные веки. Для того и душа наша создана бессмертною, да и тело будет бессмертно, чтобы мы наслаждались бесконечными благами. Если же ты пригвождаешь себя к земле, тогда как тебе предложены блага небесные, то подумай, какое в этом оскорбление для Дарующего их. Он предлагает тебе горняя, а ты, не слишком этим дорожа, предпочитаешь землю. Поэтому, как оскорбленный, Он угрожает геенною, чтобы ты из этого познал, каких благ лишаешь сам себя. Но да не будет, чтобы мы подверглись этому наказанию, но, благоугодив Христу, да сподобимся вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

---

[1] иудейского

[2] Разумеется обращение язычников.

БЕСЕДА 32

"Иисус сказал ей в ответ: всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную" (Иоан.4:13,14).

1. Благодать Святого Духа в Писании называется иногда огнем, иногда водою, и это показывает, что такие наименования выражают не существо Его, а только действие, потому что Дух как существо невидимое однородное, не состоит из различных сущностей. Так огнем называет Его Иоанн, говоря: "**Он будет крестить вас Духом Святым и огнем**" (Матф.3:11), а водою именует Христос: "**у того из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять**" (Иоан.7:38,39). Так и беседуя с женою, водою называет Духа: "**кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек**". Называется же Дух огнем – для означения теплоты благодати, которую Он возбуждает, и истребления грехов; а водою – для выражения чистоты и обновления, сообщаемого от Него душам, приемлющим Его. И справедливо. Как некий сад, цветущий различными, плодоносными и вечно зеленеющими деревьями, Он уготовляет ревностную душу, не допуская в ней ощущений ни печали, ни наветов сатаны, но легко угашая разженные стрелы лукавого. Но заметь мудрость Христа, как Он мало-помалу возводит жену. Он не сказал ей с самого начала: "**если бы ты знала Кто говорит тебе: дай Мне пить**"; но когда подал ей повод назвать Его иудеем и вызвал на упрек, тогда, отражая укоризну, сказа это. Сказав еще: "**если бы ты знала Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него**", и обещанием чего-то великого заставив вспомнить о праотце, Он таким образом дает жене прозреть. Потом, когда она возразила: "**неужели ты больше отца нашего Иакова**", – Он не сказал: да, Я больше его, потому что это могло бы показаться ей одним тщеславием, когда еще не видно было на то доказательства; но Он приготовляет ее к этому именно тем, что говорит. Он не просто говорит: Я дам тебе воду; но сперва показывает недостаточность воды Иакова, а потом уже возвышает значение Своей воды, желая из свойства самых даров показать расстояние и разность между лицами дарующими и Свое превосходство пред Иаковом. Если ты удивляешься, как бы так говорил Христос, Иакову, что он дал эту воду, то что скажешь, если Я дам тебе еще

лучшую? Ты уже предварила Меня исповеданием, что больше Иакова, когда возразила Мне: неужели Ты больше отца нашего Иакова, что обещаешь дать лучшую воду; а кода получишь эту воду то уже вполне признаешь Меня большим его. Видишь ли безпристрастное суждение жены, которая произносит суд о праотце и о Христе по делам их? Но не так поступали иудеи. Даже видя, что Он бесов изгоняет, они не только не считали Его выше праотца, но еще называли беснующимся. А жена именно на том основывает свое суждение, на чем хочет Христос, т.е. на доказательстве из Его дел, потому что и сам Он на этом основывал приговор о Себе, говоря так: "**если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне; а если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим**" (Иоан.10:37,38). Таким точно путем и жена приходит к вере. Поэтому Христос, услышав слова ее: "**неужели ты больше отца нашего Иакова**", и оставив речь об Иакове, беседует о воде: "**всякий, пьющий воду сию**", говорит Он, "**возжаждет опять**" (Иоан.4:13), и делает такое сравнение той и другой воды, не охуждая одну, а только показывая превосходство другой. Не говорит, что та вода ничтожна, ничего не значит и достойна презрения; а утверждает то, о чем свидетельствует и самое существо той воды: "**всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек**"(Иоан.4:13,14). О воде живой жена слышала еще прежде того, но не понимала; а так как "живою" водою обыкновенно называется непрерывно текущая и бьющая ключом из неизсякающих родников, то жена думала, что и здесь говорится об этой воде. Поэтому, еще яснее представляя ей то, о чем говорит, и из сравнения показывая превосходство одной воды перед другой, Христос присовокупляет: "**а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек**". Этими, равно и последующими словами, как я говорю, Он доказывает превосходство воды духовной, потому что вода чувственная не имеет в себе ничего подобного. Какие же последующие слова? "**Вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную**" (ст.14). Как имеющий внутри себя сокровенный источник никогда не стал бы томиться жаждой, так и имеющий эту воду. И жена тотчас уверовала, показав себя разумнее Никодима, и не только разумнее, но и мужественнее. Он, услышав много подобного, никого не призвал ко Христу, да и сам оставался в нерешимости, а она совершает дело апостольское, всем благовествуя, призывая к Иисусу, и целый город увлекает к Нему. Никодим, услышав слова Спасителя, сказал: "**как это может быть**" (Иоан.3:9)? Даже когда Христос показал ему ясный пример от ветра, и тогда Никодим не принял слова Его. А жена не так; сначала она недоумевает, но потом, принимая слово Христово без предубеждения, а как прямую истину, тотчас склоняется к вере. Как только сказал Христос: "**вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную**", жена тотчас говорит: "**господин! дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходить сюда черпать**" (ст.15).

2. Видишь ли, как она мало-помалу восходит на высоту догматов? Сначала она почитала Христа за иудея, преступающего свой закон; потом, когда Он опроверг это обвинение (потому что лицу. Имевшему сообщить ей такое учение, не следовало оставаться в подозрении), она, услышав о воде живой, подумала, что Он говорит о чувственной воде. Далее, узнав, что слова Его имеют духовный смысл, она верит, что эта вода может уничтожить чувство жажды, а только не знала, что это за вода, и еще недоумевала, считая ее конечно выше воды чувственной, но не имея о ней ясного понятия. Наконец, прозрев точнее в этот предмет, однако еще не все выразумев, "**господин**, говорит, "**дай мне этой воды, чтобы мне не иметь жажды и не приходить сюда черпать**" (ст.15), – она уже предпочитает Христа Иакову. Не буду, говорит, иметь нужды в этом источнике, если получу от Тебя ту воду. Видишь, как она отдает Ему преимущество перед праотцем? Вот душа благомыслящая. Она показала, какое высокое мнение имеет о Иакове; но увидела высшего, и уже не удерживается прежним мнением. Итак, это была жена не легкомысленная (потому что не просто принимает слова; да и как это можно сказать,

когда она с таким тщанием испытывала их?), неупорная и неспорливая: это она показала самою своею просьбою. Некогда и иудеям говорил Христос: "**Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда**" (Иоан.6:35); но они не только не верили, но и соблазнялись. Жена напротив не впадает в этот недуг, а настаивает и просит. Иудеям Он говорил: "**верующий в Меня не будет жаждать никогда**", жене же говорит более чувственным образом: "**кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек**". Обетование относилось к духовным предметам, а не к видимым, поэтому, возвышая ее ум обетованиями, останавливается еще на чувственных изображениях, потому что она не могла еще в точности постигать духовных предметов. Если бы Он сказал: уверуй в Меня – и ты не вжаждешь, то она не поняла бы сказанного, еще не зная, кто беседует с нею и о какой жажде говорит Он. Почему же Он не поступал так с иудеями? Потому что они уже видели много чудес; а жена еще не видела ни одного знамения и только в первый раз слышала такие слова. Поэтому-то Он открывает ей силу через свое прозрение; впрочем не тотчас и обличает ее, а что говорит? "**Пойди, позови мужа твоего и приди сюда. Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала. Женщина говорит Ему: Господи! вижу, что Ты пророк**" (Иоан.4:16-19).

Какое однако любомудрие в этой жене! С какою кротостью она принимает обличение! Почему же ей и не принять, – скажешь ты? Но скажи мне: не часто ли и еще сильнее обличал Он и иудеев? Не одно ведь и тоже – открывать сокровенные мысли и обнаруживать тайные дела. Первое свойственно одному Богу: мыслей никто не знает кроме Того, кто их имеет; а дела бывают известны всем соучастникам в них. Но иудеи не переносили с кротостью обличений, а когда Христос сказал: "**за что ищете убить Меня**" (Иоан.7:19), – они не только не удивлялись подобно жене, но еще хулят Его и злословят; они имели доказательства и в других знамениях, а жена только это одно услышала; но они не только не дивились, а и поносили Его, говоря: "**не бес ли в Тебе? кто ищет убить Тебя**". Она же не только не укоряет Его, но удивляется, приходит в изумление и заключает, что Он пророк, хотя обличение жены было сильнее обличения их. Обличенный в ней грех был грех ее одной, а в них обличаемы были общие грехи; но мы не так терзаемся обличением грехов общих, как наших частных. Притом иудеи думали, что сделают великое дело, если убьют Христа; а дело жены все признавали худым. Не смотря на все это, она не досадует, а изумляется и удивляется. Точно также Христос сделал с Нафанаилом; не вдруг показал свое прозрение, не тотчас сказал: "**когда ты был под смоковницею, Я видел тебя**", но тогда уже, кода тот спросил: "**почему Ты знаешь меня**" (Иоан.1:48)? Христос желал, чтобы и пророчения Его и чудеса получали свое начало от тех, которые приходят к Нему, и для того, чтобы таким образом более их сблизить с Собою, и для того, чтобы самому избежать подозрения в тщеславии. Так Он делает и здесь. Предупреждать жену обличением, что она не имеет мужа, – это могло показаться тягостным и неуместным; но сделать обличение, получив от ее самой к тому повод, это и весьма уместно было, и побуждало ее саму с большей кротостью выслушать обличение. Но какая, скажешь ты, последовательность в словах: "**пойди, позови мужа твоего**"? Речь была о даре благодати, превышающей человеческое естество, жена настоятельно желала получить этот дар; вот Он и говорит: "**пойди, позови мужа твоего**", как бы показывая этим, что и муж должен иметь участие в даре. Жена, спеша получить и скрывая постыдные свои дела, притом же думая, что беседует с простым человеком, говорит: "**у меня нет мужа**". Услышав это, Христос уже благовременно теперь вводит в Свою беседу обличение, с точностью высказывая то и другое: Он и всех прежних мужей перечисляет и обнаруживает того, которого она в то время скрывала. Что же жена? Не досадует, не бежит от Него, и не считает этого обстоятельства причиною к негодованию на Него, но еще более удивляется Ему, еще более оказывает твердости. "**Вижу**", говорит,

"**что Ты пророк**". Заметь ее благоразумие. И после того она не тотчас покоряется Ему; но еще размышляет и удивляется. Слово ее – "**вижу**" значит: мне кажется, что Ты пророк. Но как только возымела о Нем такое понятие, уже ни о чем житейском не спрашивает Его: ни о телесном здравии, ни об имении или богатстве, но тотчас – о догматах. Что она говорит? "**Отцы наши поклонялись на этой горе**", разумея Авраама и его детей; здесь, как сказывают, он приносил в жертву сына своего; "**а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме**" (Иоан.4:20).

3. Видишь ли, как она стала возвышеннее в своих мыслях? Та, которая заботилась только об утолении жажды, уже вопрошает о догматах. Что же Христос? Не разрешает вопроса (не о том Он заботился, чтобы только отвечать на ее вопросы, – это завлекло бы слишком далеко); но снова возводит жену еще на большую высоту, и однако не прежде ей об этом говорит, как уже исповедала она, что Он пророк, чтобы она с большим убеждением выслушивала слова Его. Убедившись в том, что Он пророк, она уже не могла сомневаться в том, что Он после мог ей сказать. Итак устыдимся же мы и будем краснеть. Жена, имевшая пять мужей и притом самарянка, показывает такое тщание относительно догматов, и ни время дня, ни то, что она пришла за другим делом, и ничто иное не отвлекает ее от желания познать их: мы же не только не спрашивает о догматах, но во всем поступаем без внимания и как случится. Поэтому и все у нас в пренебрежении. Кто из вас, скажите мне, находясь дома, берет в руки христианскую книгу, вникает в ее содержание и испытывает Писание? Никто не может этого сказать о себе. Шашки и игральные кости можно найти у весьма многих, а книги ни у кого, или у немногих, да и те занимаются ими не более таких, которые вовсе их не имеют, связывая и навсегда отлагая их в шкафы; вся забота у них только о тонкости кожи (на которой писаны книги), о красоте письма, а не о чтении. Да и приобретаются книги не для пользы, а для того, чтобы выказать этим свое богатство и похвастать. До такой крайности доходит тщеславие! Я не слышу, чтобы кто-нибудь похвалился тем, что знает содержащееся в книгах, а слышу, как хвалятся тем, что книги их написаны золотыми буквами. Скажи мне, какая от этого польза? Не для того дано Писание, чтобы мы имели его в книгах, но чтобы начертывали его в сердцах наших. Заключать заповеди только в письменах, – такого рода стяжание их свойственно только иудейскому тщеславию; а нам и вначале дан закон не так, но – на плотяных скрижалях сердца (2Кор.3:3). Говоря это, я не препятствую приобретать книги; напротив, хвалю это и даже прошу об этом; желаю только, чтобы из книг слова и мысли переходили в нашу душу и она, усвояя разум письмен, таким образом очищалась. Если диавол не дерзает проникнуть в том доме, где есть Евангелие, тем более души, усвоившей себе мысли Писания, не коснется и не нападет ни бес, ни грех. Итак освяти твою душу, освяти и тело, имея всегда Св. Писание и на устах и в сердце. Если срамословие оскверняет нас и вызывает бесов, то очевидно, что духовное чтение освящает и привлекает благодать Духа. Писания суть божественные песнопения. Стане же воспевать их в себе и и з них приготовим врачевство против недугов душевных. Если бы мы знали важность читаемого, то и слушали бы с большей ревностью. Это я всегда говорю и не перестану говорить. Не странно ли, что бывающие на зрелищах пересказывают друг другу о именах возниц и плясунов, их происхождении, отчизне, роде занятий, тщательно также рассказывают о достоинстве и недостатках коней; а собирающиеся здесь не знают ничего, что здесь происходит, даже не знают и числа книг священных? Если ты гоняешься за тем для удовольствия, то я покажу тебе, что здесь удовольствия гораздо больше. Что приятнее, скажи мне, что удивительнее: видеть ли, как человек борется с человеком, или – как человек сражается с диаволом, как плотское существо состязается с безплотной силой и одолевает ее? Вот на эти-то борьбы надобно смотреть; им и подражать похвально и полезно, и подражая, можно быть увенчанным, а не на те борьбы смотреть, в которых соревнование наносит стыд подражателю. На ту борьбу ты смотришь вместе с бесами, а на эту – с ангелами и с самим Господом ангелов. Скажи мне, если бы тебе дозволено было

сидеть с владыками и царями, смотреть, и вместе с ними наслаждаться зрелищем, не почел ли бы ты этого величайшею для себя честью? А здесь, вместе с Царем ангелов созерцая и видя, как диавол, схваченный за хребет, все усилия употребляет, чтобы одолеть, но нисколько не осиливает, ты не спешишь на такое зрелище? Да как это сделать, – скажешь ты? Имей в руках книгу (Св. Писания). В ней ты увидишь и место борьбы, и длинноту бега, и нападение диавола, и искусство праведника. Смотря на эту брань, и сам научишься бороться и освободишь себя от бесов. А то, что совершается на мирских представлениях, есть торжество бесов, а не зрелище подвигов человеческих. Если не позволительно входить в капище идольское, тем более – ходить на праздник сатанинский. Говорить и наскучать вам об это я не перестану, пока не увижу исправления, – говорить это мне "**не тягостно, а для вас назидательно**" (Фил.3:1). Не оскорбляйтесь моим увещанием; если кому надобно оскорбляться, то мне, часто говорящему и не видящему послушания, а не вам, всегда об этом слышащим и никогда не слушающимся. Но да не будет, чтобы вы постоянно были обвиняемы в этом; да избавитесь от этого стыда, и удостоившись духовного зрелища, да сподобитесь будущей славы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 33

"Иисус говорит ей: поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. Вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев" (Иоан.4:22)

1. Везде нужна нам, возлюбленные, вера; вера – мать всех благ, врачевство ко спасению; без нее невозможно усвоить ничего из высоких догматов. Подобно тому как люди, усиливающиеся переплыть море без корабля, хотя и могут немного проплыть, действуя руками и ногам, но, простираясь далее, скоро поглощаются волнами, так и те, которые руководятся только собственным разумом, прежде нежели чему-нибудь научиться, претерпевают кораблекрушение, как и Павел говорит, что некоторые относительно веры подверглись кораблекрушению (1Тим.1:19) Чтобы и нам того же не потерпеть, будем держаться этого священного якоря, которым и Христос ныне ведет жену. Когда она сказала: "**отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме**", – Христос отвечал ей: "**поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу**". здесь Он открывает ей важный догмат, которого не сказал ни Никодиму, ни Нафанаилу. Она старалась доказать превосходство своих обрядов пред иудейскими и подтверждала это примером своих отцов; но Христос не отвечал ей на этот запрос, потому что излишне было бы тогда говорить об этом и объяснять, почему отцы ее в горе той покланялись, а иудеи в Иерусалиме. Итак Он умолчал об этом. Но отвергая важность равно того и другого места, Он возвышает душу жены внушением, что ни иудеи, ни самаряне не имеют ничего великого в сравнении с тем, что имеет быть даровано в будущем, – и затем уже изъясняет различие между ними. Но при этом отдает предпочтение иудеям, не место предпочитая месту, но в самом духе давая преимущество иудеям. Христос как бы так сказал: о месте нет нужды спорить, но в образе богопочитания иудеи имеют преимущество пред самарянами, – потому что, говорит, "**вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся**". Как же самаряне не ведали, кому поклонялись? Они думали, что Бог ограничивается местом и существует в одной какой-либо стране; сообразно с таким понятием они служили Ему. Так, отправив посольство к персам, извещали, что бог этого места негодует на нас, представляя его таким образом нисколько не выше идолов. Поэтому они продолжали служить и бесам и Богу, смешивая то, что не может быть смешано. Но иудеи были свободны от этого заблуждения,

признавали Бога, хотя и не все, Богом вселенной. Поэтому Христос и говорит: "**вы не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся**". Не удивляйся, что Христос причисляет Себя к иудеям. Он говорит применительно к понятию жены, как иудейский пророк. Потому и употребил выражение: "**мы кланяемся**". Что Он сам есть лицо покланяемое, это теперь всякому известно: покланяться – дело твари, а Господу твари свойственно принимать поклонение. Пока же Он беседует как иудей, потому и говорит: "**мы**", то есть иудеи. А и возвышая таким образом иудейский закон, Он снова внушает к Себе самому доверие и убеждает жену еще более внимать Его словам, потому что ставит учение Свое вне подозрения и дает видеть, что возвышает веру иудеев не по единству рода, как их единоплеменник. Тот, кто отзывается так о таком месте, которым иудеи наиболее хвалились и приписывали себе преимущество пред всеми народами, – кто уничтожает столь важное для них преимущество, тот, очевидно, не в угоду кому-либо говорит об этом, а поистине и по силе пророческой. Итак, отдалив жену от подобных помыслов словами: "**поверь Мне**" и проч., Христос затем присовокупляет: "**ибо спасение от Иудеев**". Слова эти означают или то, что из иудеи произошли блага для вселенной (так как здесь получило начало познание Бога, отвержение идолов и все другие догматы; да и ваше поклонение, хотя и неправильное, от иудеев ведет свое начало); итак или это, или же свое пришествие в мир Он называет спасением; а лучше, не погрешит тот, кто и то и другое назовет спасением, которое, по словам Христовым, "**от Иудеев**". На то указывая, и Павел сказал: "**от них Христос по плоти, сущий над всем Бог**" (Рим.9:5). Видишь, как Христос восхваляет ветхий завет и показывает, что этот завет корень благ и что сам Он ни в чем не противоречит закону. Но хотя Он и говорит, что начало всех благ от иудей, однако "**настанет время и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине**" (ст.23). Мы, говорит, превосходим вас, жена, образом нашего поклонения; но и оно наконец прекратится; изменится не только место, но и самый образ служения Богу, и это уже близко: "**настанет время и настало уже**".

2. Так как пророки за долгое время изрекали свои предвещания, то Христос, отклоняя здесь подобное предположение, говорит: "**и настало уже**". Не думай, говорит, что это предсказание исполнится только спустя долгое время. Это событие уже наступает; уже скоро "**истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине**". Словами: "**истинные поклонники**" Он исключает иудеев вместе с самарянами. Хотя первые лучше последних, но гораздо хуже будущих поклонников, – настолько, насколько прообраз ниже истины. Говорит же Он здесь о Церкви, потому что ей свойственно истинное и достойное Бога поклонение Богу. И "**таких поклонников Отец ищет Себе**" (ст.23). Если же Он издревле таковых искал, то дозволил иудейский образ поклонения не потому, чтобы Сам этого желал, а по снисхождению и для того, чтобы и иудеев привести к истине. Кто же это истинные поклонники? Это – те, которые не ограничивают служения Богу каким-либо местом, а покланяются Ему духом, как и Павел говорит: "**умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, [для] разумного служения вашего**" (Рим.12:1). Когда же Христос говорит: "**Бог есть дух**", то этим выражает, что Он безтелесен. А безтелесному и служение подобает такое же и должно быть приносимо в том, что в нас есть безтелесного, т.е. в душе и чистом уме. Потому и говорит: "**поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине**" (ст.24). Так как и самаряне, и иудеи не радели о душе, а много имели попечения о теле, очищая его всевозможным образом, то Он и говорит, что не чистотою тела, но тем, что в нас есть безтелесного, т.е. умом, должно служить Безтелесному. Итак не овец и тельцов, но себя самого принести Богу во всесожжение; это и значит: представить "**жертву живую**" и "**поклоняться в духе и истине**". Прежние установления, как то: обрезание, всесожжения, жертвы, курения – были только прообразы; ныне же все истина. Не плоть надобно нам обрезывать, а лукавые помыслы, распинать себя, потреблять и умерщвлять неразумные пожелания. Изумляется жена таким словам Его, и

не будучи в состоянии возвыситься до этой высоты учения, в недоумении, послушай, что говорит: "**знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то возвестит нам все. Иисус говорит ей: это Я, Который говорю с тобою**" (Иоан.4:25,26). Откуда у самарян было ожидание пришествия Христова, когда они принимали только Моисея? Из самых Писаний Моисея. В самом начале он уже сообщает откровение о Сыне – слова: "**сотворим человека по образу Нашему по подобию**" (Быт.1:26) сказаны к Сыну. И беседовавший с Авраамом в куще был Сын (Быт.13:1). И Иаков о Нем пророчествовал, говоря: "**не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель, и Ему покорность народов**" (Быт.49:10). И сам Моисей говорит: "**пророка из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, – Его слушайте**" (Втор.18:15). Также повествования о змие, о жезле Моисея, об Исааке, об агнце и многие другие могли возвещать Его пришествие желающим понять. Почему же, скажешь, Христос не указывал жене на эти прообразования, тогда как Никодиму указал на змия, а Нафанаилу напомнил пророчества; ей же ничего такого не сказал? Почему это, по какой причине? Потому, что те были мужи и занимались этими предметами, а она – жена убогая, неученая, несведущая в Писаниях. Потому Он и не беседует с нею от Писаний, а привлекает ее к Себе обещанием воды и своей прозорливостью, приводит ей таким образом на память Христа и наконец открывает Себя. Если бы Он ей сказал это с самого начала, когда она еще не спрашивала Его, то ей показалось бы, что Он говорит пустое и несбыточное. А теперь, мало-помалу приведши ей на память, благовременно открывает и Себя. Иудеям, хотя они и часто говорили: "**долго ли Тебе держать нас в недоумении? если Ты Христос, скажи нам прямо**" (Иоан.10:24), – Он не давал ответа ясного; а жене самарянской прямо сказал о Себе, что Он – Христос. Это потому, что жена была благонамереннее иудеев; они спрашивали не для того, чтобы научиться от Него, а чтобы постоянно насмехаться над Ним; а если бы они желали научиться, то для этого достаточное было поучение им и в беседах Его, и в Писаниях, и в чудесах Его. Но жена, что говорила, говорила от искреннего сердца, с чистым намерением, и это очевидно из ее последующих действий. Она и сама слушала Его и веровала, и других привлекала к вере; да и во всем видны усердие и вера жены. "**В это время пришли ученики Его**" (Иоан.4:27). Весьма благовременно пришли они, потому что поучение уже было окончено. "**И удивились, что Он разговаривал с женщиною; однакож ни один не сказал: чего Ты требуешь? или: о чем говоришь с нею**"?

3. Чему они удивлялись? Кротости Его и крайнему смирению, – в том, что Он, будучи столь велик, с таким смиренномудрием благоволил беседовать с женою бедною и притом самарянкой. А хотя и удивлялись, однако не спрашивали о причине беседы. Так они были научены соблюдать обязанность учеников, так Его боялись и уважали. Хотя не имели еще тогда об Нем надлежащего понятия, смотрели однако же на Него, как на дивного человека, и питали к нему великое уважение. Правда, во многих случаях они показывали и много смелости, как например Иоанн припадал на перси Его, или, приступив к Нему, говорили: "**кто больше в Царстве Небесном**" (Матф.18:1)? Также сыны Зеведеевы просили Его, чтобы одному сидеть одесную Его, а другому ошуюю (Марк.10:37). Почему же в настоящем случае они не спрашивали Его? Потому, что те все случаи касались их самих, и потому они имели нужду спрашивать; а настоящее обстоятельство нисколько их не касалось. Да и Иоанн делал так[1], спустя долгое время, уже под конец, когда пользовался особенной близостью к Нему и был совершенно уверен в любви Христа: он, как сказано, был тот ученик, "**которого любил Иисус**" (Иоан.13:23). Что может сравниться с таким блаженством? Но мы, возлюбленные, не будем ограничиваться только тем, чтобы ублажать апостола, а будем все делать так, чтобы быть самим в числе ублажаемых; будем подражать евангелисту, и для того посмотри, чем он приобрел столь великую любовь. Чем же? Он оставил отца, лодку и сети и последовал за Христом. Но это было в нем общее с братом его, с Петром, Андреем и с другими апостолами. Что же было

особенного, от чего происходила великая любовь Христова? Сам евангелист ничего такого не говорит о себе, кроме того, что был любим Спасителем; а о доблестях, за которые был любим, по скромности умалчивает. Что Христос любил его особенною какою-то любовью, это всем очевидно; однако не видно, чтобы он беседовал с Христом или вопрошал Его о чем-либо отдельно от прочих, как это делали часто Петр, Филипп, Иуда и Фома; только тогда это видим, когда Иоанн хотел угодить и оказать послушание соапостолу (13:24,25). Когда первоверховный апостол побуждал его к тому знаком, тогда он и вопросил Иисуса, – потому что оба эти апостолы имели великую любовь между собою. Так видим, что они вместе и в храм входили и вместе говорили к народу. Правда, Петр всегда с большею горячностью и действует и говорит, а под конец и от самого Христа слышал: "**любишь ли ты Меня больше, нежели они**" (Иоан.21:15)? А любящий "**больше, нежели они**" конечно был и сам любим. Но это очевидно происходило от любви к Иисусу, а то от любви самого Иисуса. Итак, что же возбуждало особенную любовь к Иоанну? Мне кажется, то, что этот муж показывал особенную скромность и кротость; потому-то он не обнаруживал ни в каком случае смелости. А как велика эта добродетель, видно из примера Моисея, которого это именно и сделало столь великим и славным.

С смиренномудрием ничто не может сравниться. Потому и Христос начал с него учение о блаженствах: намереваясь положить как бы основание величайшего здания, Он поставил прежде всего смирение. Без него невозможно, невозможно спастись; хотя бы кто постился, молился, подавал милостыню, но если делает с гордостью, и не имеет смирения, – все это мерзко; а если делается со смирением, то вожделенно, достолюбезно и благонадежно. Итак, смирим себя, возлюбленные, смирим; и если будем бодрствовать над собою, то эта добродетель будет для нас очень легка. Да и что в самом деле может возбуждать тебя к гордости, человек? Не видишь ли ты ничтожества твоего естества, – удобопреклонности (ко злу) твоей воли? Подумай о своей кончине, помысли о множестве грехов. Но, может быть, ты совершил много великих дел, – и потому высокомудрствуешь о себе? Но этим-то и теряешь все. Не столько грешнику, сколько добродетельному нужно заботиться о смирении. Почему так? Потому что грешник понуждается к смирению совестью, а добродетельный, если не очень бодрствует над собою, как будто подъятый ветром, превозносится и тотчас омрачается подобно известному фарисею. Ты помогаешь бедным, но ты подаешь им не свое, а Господне, общее для всех подобных тебе рабов Его. Поэтому-то, в несчастьи ближнего провидя и свое собственное и в других изучая свою природу, тем более надобно смиряться. Может быть, и мы произошли от таких же предков; а если нам досталось богатство, то оно снова может и уйти от нас. Да что такое и богатство? Тень пустая, дым исчезающий, цвет травы, или лучше сказать, и цвета ничтожнее. Что же ты надмеваешься травою? Не достается ли богатство и ворам, и любодеям, и блудникам, и расхитителям гробов? То ли надмевает тебя, что имеешь таких сообщников в стяжании? Или ты любишь честь? Но для чести не средства вернее милостыни: почести, приобретаемые богатством и преобладанием власти, бывают вынужденны и ненавистны для других; а почести из-за милостыни воздаются по доброй воле и по совести людей почитающих. Потому-то сами почитающие никогда не могут и отнять этих почестей. Но если люди питают такое уважение к милостивым и желают им всех благ, то подумай, какую награду, какое воздаяние получат они от человеколюбца Бога. Будем же искать этого богатства, вечно пребывающего, никогда не исчезающего, чтобы, сделавшись великими здесь и прославившись там, достигнуть вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

[1] Т.е. возлежал на персях Христа.

БЕСЕДА 34

"Тогда женщина оставила водонос свой и пошла в город, и говорит людям: пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала: не Он ли Христос?" (Иоан.4:28,29)

1. Много нужно нам возбуждать в себе ревности и старания; без того невозможно получить обещанные нам блага. И Христос, показывая это, говорит: "**кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня**" (Матф.10:38); или : "**огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся**" (Лук.12:49). В обоих случаях Он хочет представить нам ученика горящего, пламенного, готового на всякую опасность. Такова была и жена самарянская. Она так воспламенилась от всего сказанного ей Христом, что оставила и водонос и дело, для которого приходила, и поспешив в город, весь народ увлекла к Иисусу. "**Пойдите**", говорит, "**посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала**". Смотри, какое усердие и вместе благоразумие. Она пришла почерпать воду; но как скоро нашла истинный источник, то уже пренебрегла чувственным, научая нас этим, хотя и малым примером, что, при слушании о духовных предметах, надобно презирать все житейское и нисколько не думать о том. Жена в этом случае, по своим силам, тоже делала, что и апостолы, и еще больше. Они оставляли свои сети, когда были призваны, а она добровольно, без всякого увещания к тому, оставляет водонос и, окрыленная радостью, совершает дело благовестия. Да и не одного или другого призывает, как Андрей и Филипп, но приводит в движение весь город и ведет к Иисусу множество народа. И смотри, как она благоразумно говорит. Не говорит: «пойдите и посмотрите Христа», а привлекает к нему людей, так же приспособляясь к ним, как и сам Христос привлек ее. "**Пойдите**", говорит, "**посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала**". Да и не стыдится сказать: "**сказал мне все, что я сделала**", хотя можно было бы сказать иначе, например: придите и видите прозорливца. Так, когда душа воспламенится огнем божественным, то уже ни на что земное не обращает внимания, ни на молву, ни на стыд; одним только занята бывает – объявшим ее пламенем. "**Не Он ли Христос?**". Смотри и здесь, какая мудрость в жене. Она не утверждает о Нем прямо, но и не умалчивает, – потому что не хотела увлекать их только собственным своим мнением, а желала, чтобы они, послушав Его, сами разделили ее мнение; а это делало слова ее еще более для них удобоприемлемыми. Хотя Христос обнаружил и не всю ее жизнь, но из сказанного она уверилась, что – и все прочее. Не сказала также: придите, уверуйте: а – "**пойдите, посмотрите**", что было гораздо легче и более их привлекало. Видишь ли мудрость жены? Знала она, несомненно знала, что они, лишь только вкусят от этого источника, то испытывают тоже, что и она. Если бы (на ее месте) был человек более чувственный, то прикрыл бы сделанное ему обличение, а она открывает свою жизнь и обнаруживает перед всеми, чтобы только привлечь их и обратить ко Христу. "**Между тем ученики просили Его, говоря: Равви! ешь**" (ст.31). "**Просили**" – на отечественном их языке значит: убеждали. Видя, что Он утомился от пути и тяготившего зноя, они убеждали Его. Но это происходило не от торопливости их в принятии пищи, а от любви к Учителю. Что же Христос? "**У Меня**", говорит, "**есть пища, которой вы не знаете. Посему ученики говорили между собою: разве кто принес Ему есть**" (ст.32,33)? Удивительно ли, что жена, услышав о воде, и воображала воду, когда вот и ученики тоже самое испытывают и, не помышляя ничего духовного, еще недоумевают? Впрочем они, сохраняя обычное уважение и почтение к Учителю, только между собою говорят, а Ему самому не осмеливаются предложить вопроса. Так они поступают и в других случаях, желают спросить Христа, но не спрашивают. Что же Христос? "**Моя пища есть**", говорит, "**творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его**" (ст.34). Брашном Он называет

здесь спасение людей, показывая тем, с какою любовью Он промышляет о нас. Как мы алчем пищи, так Он желает нашего спасения. Но послушай, как Он при всяком случае не вдруг все открывает, а сперва вводит слушателя в недоумение, чтобы он, начав исследовать сказанное и при этом недоумевая и затрудняясь, тем с большей готовностью принял искомое, когда оно уяснится для него, и тем более был возбужден к слушанию. Почему Он не тотчас сказал: "**моя пища есть творить волю**" Отца Моего? Хотя и это было не ясно, все же яснее прежде сказанного. Но что Он говорит? "**У Меня есть пища, которой вы не знаете**". Сначала, как я сказал, Он хочет сделать их чрез самое недоумение более внимательными и приучить их к тому, чтобы они выслушивали и иносказательные Его слова. В чем же состоит воля Отца? Это Он высказывает и изъясняет впоследствии. "**Не говорите ли вы, что еще четыре месяца, и наступит жатва? А Я говорю вам: возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве**" (ст.35).

2. Вот опять близкими к ним указаниями Он возводит их к созерцанию высочайших предметов. Говоря о пище, Он разумеет не что другое, как спасение людей, намеревавшихся придти к Нему. То же самое означают нива и жатва, то есть, множество душ, готовых к принятию Его проповеди. Очи же здесь разумеет и мысленные и телесные, потому что ученики уже видели множество идущих к нему самарян; а готовность их и предрасположение к слушанию уподобляет нивам белеющимся, – потому что как колосья, когда побелеют, готовы бывают к жатве, так и они теперь, говорит Он, к спасению приготовлены и благорасположены. Почему же не сказал Он прямо, что эти люди идут уверовать в Него и уже готовы принять Его учение, будучи оглашены пророками и принося теперь плоды, а назвал их нивою и жатвою? Что значат такие иносказания? Да и не здесь только. но и во всем Евангелии Он так делает, и пророки употребляли такой же способ, о многом говоря иносказательно. Но какая же тому причина? Ведь не напрасно же благодать Духа установила это; почему же и для чего? С двоякой целью: во-первых, чтобы слово сделать более выразительным и очевиднее представить то, о чем говорится. Ум, занятый образами из обыкновенных предметов, больше возбуждается и, видя как бы на картине изображения, более увлекается ими. Это первая причина. Во-вторых, для того, чтобы усладить речь и чтобы сказанное лучше утвердилось в памяти. Простые изречения не так усвояются и не так привлекают внимание большинства слушателей, как изложение их при помощи предметов и предметное изображение их. Это, как можно видеть, с великой мудростью сделано в настоящей притче. "**Жнущий получает награду и собирает плод в жизнь вечную**" (ст.36). Плод земной жатвы служит не для вечной, а для временной жизни; духовный плод напротив – к жизни не стареющейся, безсмертной. Видишь ли, – слова чувственные, а смысл духовный, и самым образом выражений отделяется земное от небесного. Как, беседуя о воде и изображая свойства ее, Он говорил, что "**кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек**", так и здесь говорит, что этот плод собирается для жизни вечной. "**Так что и сеющий и жнущий вместе радоваться будут**". Кто это "**сеющий**" и кто "**жнущий**"? Сеятелями были пророки, но они сами не жали, а апостолы; однако не лишены за это радости и награды за труды, а вместе с нами радуются и веселятся, хотя и не жнут с нами, – так как жатва и сеяние не одно и тоже. Поэтому, где труд меньше, а утешения больше, на то Я и соблюл вас, а не для сеяния. В сеянии много тяжкой работы и труда: а в жатве много прибытка, но труд не такой, это легче. Этим Он хочет показать, что и желанием пророков было – чтобы люди обращались к Нему. К этому и закон приготовлял. Для того они и сеяли, чтобы произвести этот плод. Он показывает также, что Он и пророков посылал, и что новый и ветхий заветы имеют великое сродство между собою. Все это Он дает видеть вместе посредством настоящей притчи. При этом припоминает и употребляемое многими присловие: "**ибо в этом случае**", говорит, "**справедливо изречение: один сеет, а другой жнет**" (ст.37). Так говорят многие, когда одни подвергались трудам, а другие пожинают

плоды; Он и говорит, что это присловие в настоящем случае очень справедливо. Трудились пророк, а вы собираете плоды трудов их. Не сказал: получаете их награды, а : "плоды", – потому что и великий труд пророков не остается без награды. Так и Даниил сделал: и он припомнил притчу, которая говорит: "**от беззаконных исходит беззаконие**" (1Цар.24:14). Давид также во время плача вспомнил ее. Поэтому Христос и сказал прежде: "**так что и сеющий и жнущий вместе радоваться будут**". Так как Он намеревался сказать, что "**один сеет, а другой жнет**", то, чтобы кто-нибудь, как я сказал, не подумал, будто пророки лишены награды, Он и говорит нечто странное и неожиданное, не бывающее в делах чувственных, но – в духовных составляющее особенность их. В делах чувственных, если бы случилось, что один посеял, а другой пожал, то оба они вместе не стали бы радоваться; но сеявший скорбел бы, что трудился для других, а радовался бы только жнущий. Здесь же не так; но и не жнущие того, что посеяли, радуются вместе с жнущими. Отсюда ясно, что и они участвуют в награде. "**Я послал вас жать то, над чем вы не трудились: другие трудились, а вы вошли в труд их**" (ст.38). Этим-то особенно Он ободряет учеников. Им казалось трудным делом пройти вселенную с проповедью, а Он дает видеть, что это весьма легко. Бросать семена и приводить не освященные души к богопознанию – вот что было трудно и требовало много усилий. Для чего же Он говорит об этом? Для того, чтобы, когда пошлет их на проповедь, они не страшились, как посылаемые на дело трудное. Поприще пророков, говорит Он, было гораздо труднее, а вы, как самое дело показывает, идете на труд более легкий. Как в жатве легко собирается плод, в короткое время житница наполняется снопами и уже не опасаются перемены времен, зимы, весны и дождя, так и теперь самые дела говорят за себя. Между тем, когда Он говорил это, приходят самаряне, и тотчас собран плод: поэтому-то Христос и сказал: "**возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели**". Сказал – и это оказалось на деле, и слова Его подтвердились событиями, потому что "**многие Самаряне из города того уверовали в Него по слову женщины, свидетельствовавшей, что Он сказал ей все, что она сделала**" (ст.39). Они видели, что жена не могла по угодливости превозносить похвалами того, кто обличил ее грехи, или в угодность кому-либо другому обнаруживать свою жизнь.

3. Будем подражать и мы этой жене, и в собственных грехах не людей будем стыдиться, но убоимся, как должно, Бога, который и ныне видит дела наши, и в будущем веке накажет непокаявшихся. А мы делаем противное. Того, который будет нас судить, не боимся, а перед теми, которые не могут сделать нам никакого вреда, мы трепещем и боимся от них безчестия. Поэтому чего мы боимся, тем и будем наказаны. Кто ныне опасается стыда от людей только, а не стыдится делать что-либо непотребное перед всевидящим Богом, притом не хочет и покаяться и исправиться, тот в будущий день не перед одним или двумя человеками, а в виду всей вселенной будет выставлен на позор. А что и добрые и худые дела тогда будут выставлены на великое зрелище, пусть научит тебя притча об овцах и козлищах и блаженный Павел, который говорит: "**ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить [соответственно тому], что он делал, живя в теле, доброе или худое**" (2Кор.5:10); также: "**Господь осветит скрытое во мраке**" (1Кор.4:5). Ты сделал что-нибудь худое, или только подумал о том, и скрываешь от людей? А от Бога не скроешь. Но ты нисколько об этом не заботишься, а глаза людей- вот что страшно тебе. Подумай же, что и от людей ты ничего в тот день не сможешь утаить. Тогда все, как на картине, представлено будет глазам нашим, так что каждый станет судьей самому себе. Это видно и из притчи о богатом. Богатый видит перед глазами своими презренного им нищего, – говорю о Лазаре, – и того, кем так часто гнушался, теперь просит дать ему перст свой в утешение. Итак умоляю, – хотя бы и никто не видел наших дел, пусть каждый из нас обратится к своей совести, поставит самому себе судьей свой разум и раскроет пред ним свои согрешения. И если не желаем быть посрамленными в тот страшный день, уврачуем наши язвы, приложим к ним

врачевство покаяния. Можно ведь, истинно можно выйти здоровым, хотя бы кто покрыт был тысячами ран: "**если вы**", сказано, "**будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших**" (Матф.6:14,15).

Как в крещении погружаемые грехи исчезают, так и эти уничтожатся, если захотим покаяться. Покаяние же состоит в том, чтобы уже не делать впредь того же, а кто принимается за прежние дела, тот уподобится псу, возвращающемуся на свою блевотину (2Петр.2:22) и тому, который, по пословице, бьет шерсть над огнем и черпает воду решетом. Итак надобно и делом и мыслью отставать от поползновений греховных; а, отстав, прилагать к ранам противоположные грехам врачевства. Укажу некоторые примеры. Ты – хищник и лихоимец? Отстань от хищения и приложи к ране милостыню. Ты блудодействовал? Отстань от блуда и приложи к этой язве целомудрие. Сказал что-нибудь худое о ближнем и повредил ему? Оставь злословие, приложи дружелюбие. Станем так делать и с каждым из наших согрешений, и ни одного из них не будем оставлять без внимания. Настает уже, настает время отчета. Потому и Павел говорит: "**Господь близко. Не заботьтесь ни о чем**" (Фил.4:5,6). Но нам, может быть, следует сказать противное: "**Господь близко**"; позаботьтесь. Филиппийцам кстати было слышать : "**не заботьтесь ни о чем**", потому что они были в скорби, трудах и подвигах. А тем, которые живут в хищении, сластолюбии, которые должны дать тяжкий за это отчет, – тем справедливее вот что услышать: "**Господь близко**"; позаботьтесь. Немного уже остается времени до конца; мир уже устремится к концу. Это показывают брани, скорби, землетрясения, охлаждение любви. Как тело при последнем издыхании, близ смерти, подвергается безчисленным недугам; как в доме, когда он близок к разрушению, обыкновенно многое падает и с кровли и со стен, так близок, при дверях конец вселенной, и поэтому-то распространяются повсюду безчисленные злополучия. И если тогда Господь уже "**близко**" был, то гораздо более ныне. Если за четыреста лет, когда это было сказано, Павел назвал то время "полнотой времен" (Еф.1:10), то тем более следует назвать так настоящее время. Хотя может быть поэтому самому некоторые не верят, но, напротив, поэтому-то наиболее и надобно веровать. Откуда в самом деле ты знаешь, человек, что конец мира еще не близок и что сказанное еще не скоро сбудется? Концом года мы называем не последний только день его, а и последний месяц, хотя он имеет тридцать дней; так я не погрешу, если в таком числе годов назову концом и четырехсотый год. Таким образом апостол уже в свое время предвозвещал о кончине. Смиримся же, и будем жить в страхе Божием. А если мы живем в безпечности, в нерадении, и не ожидаем ничего, то настанет внезапно пришествие. Объясняя это, Христос сказал: "**как было во дни Ноя, так будет и в пришествие Сына Человеческого**" (Матф.24:37). Это и Павел замечает, говоря: "**когда будут говорить: "мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами [постигает] имеющую во чреве**" (1Фесс.5:3). Что это значит: "**как мука родами [постигает] имеющую во чреве**"? Часто беременные женщины, во время забав, или обеда, или в бане, или на площади, ничего не ожидая впереди, внезапно бывают застигнуты болезнями рождения. А как и наше состояние таково, то будем всегда готовы. Не всегда же мы будем слышать об этом, не всегда будем иметь к тому возможность: "**во гробе**", говорит Писание, "**кто будет славить Тебя**" (Пс.6:6)? Покаемся же здесь, чтобы таким образом умилостивить Бога в грядущий день и получить от Него прощение, которого и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 35

"И потому, когда пришли к Нему Самаряне, то просили Его побыть у них; и Он пробыл там два дня. И еще большее число уверовали по Его слову. А женщине той говорили: уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира, Христос. По прошествии же двух дней Он вышел оттуда и пошел в Галилею" (Иоан.4:40-43)

1. Нет ничего хуже зависти и ненависти: нет ничего бедственнее тщеславия. Они обыкновенно губят безчисленные блага. Иудеи, имевшие и большее, чем самаряне, знание и воспитанные пророками, здесь оказались ниже самарян. Самаряне по одному свидетельству жены уверовали и, не видя никакого чуда, пришли просить Христа, чтобы Он остался у них. А иудеи, видевшие и чудеса, не только не удерживали Его у себя, но даже отгоняли и все делали так, чтобы совершенно удалить Его из страны своей. Хотя и пришествие Его совершилось собственно для них, но они гнали, тогда как самаряне просили, чтобы Он пребыл у них. Итак, скажи мне: ужели не следовало идти к ним, когда они просили и требовали того, и, оставаясь у тех, которые злоумышляли и отвергали Его, не отдавать себя людям, возлюбившим Его и желавшим удержать Его при себе? Нет, это было бы недостойно Его промышления. Поэтому-то и принял Христос их просьбу и пребыл у них два дня. Они хотели бы и навсегда удержать Его (как видно из слов евангелиста: "**просили Его побыть у них**"); однако Он не допустил этого, а только два дня оставался у них. И в эти дни еще многие уверовали в Него. Хотя и не легко, казалось бы, им было уверовать, потому что и чуда никакого не видели и были во вражде с иудеями, но, как правильно судили о Его учении, то это и не препятствовало им, но напротив они возымели такое о Нем понятие, которое было выше этих препятствий, и наперерыв боле и более показывали Ему свое удивление. Жене они говорили: "**уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира, Христос**". Ученики превзошли учительницу. Они и иудеев могли бы по справедливости осудить, и потому, что уверовали, и потому, что приняли Христа. Иудеи, о которых Он прилагал всевозможное попечение, часто бросали в Него камни, напротив самаряне привлекали Его к себе, хотя Он и не к ним шел. Те и после чудес остаются неисправимы, а эти и без чудес показали великую веру в Него; и то именно составляет их честь, что без чудес уверовали, иудеи же не переставали требовать чудес и искушать Его. Так во всем нужна благонамеренность души; если коснется такой души истина, то удобно овладевает ею; а если не овладевает, то это происходит не от слабости самой истины, а от неразумия души. Так и солнце, когда касается чистых глаз, то легко освещает; если же не доставляет света, то это знак не безсилия солнечного света, а болезни глаз. Но послушай, что говорят самаряне: "**узнали, что Он истинно Спаситель мира, Христос**". Видишь ли, как скоро они поняли, что намерение Христа было привлечь к Себе вселенную, что Он пришел совершить общее спасение и хотел не одними иудеями ограничивать Свое промышление, но всюду посеять свое слово? Не так поступали иудеи, но "**усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божией**" (Рим.10:3). Самаряне исповедуют, что все люди виновны, как бы выражая учение апостольское, что "**все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его**" (Рим.3:23,24). Говоря: "**Спаситель мира**", самаряне конечно разумели мир погибший, и не просто Спасителя, но в делах весьма великих, потому что многие приходили спасать – и пророки и ангелы; но истинный Спас "**Он истинно**", говорят самаряне, – Тот, кто подает истинное спасение, а не временное только. Таков дух искренней веры! Поэтому и в том и другом отношении самаряне достойны удивления: во-первых, что уверовали, во-вторых, что уверовали без чудес. Таких и Христос ублажает, говоря: "**блаженны невидевшие и уверовавшие**" (Иоан.20:29). Притом они уверовали искренно, хотя жена говорила им еще с сомнением: "**не Он ли Христос**"? Но они не говорят подобно ей: и мы предполагаем это, или: и мы так думаем, но говорят: "**узнали**", и не просто, а – "**что Он истинно Спаситель мира**". Не как обыкновенного человека

исповедали они Христа, но как истинного Спасителя. Кого же они видели спасенного Христом? Они слышали только слова Его, а говорят так, как будто видели многие и великие чудеса. Но почему евангелисты не говорят нам, о чем беседовал с ними Христос и что так было дивно для них? Знай, что евангелисты многие из великих изречений Его опускают, но все объясняют самым исходом дел: и здесь Христос Своим словом обратил к Себе весь народ и целый город. А где люди не убеждались Его словами, там (евангелисты) вынуждены были излагать Его учение, чтобы из-за нерадения слушающих не подверг кто-нибудь осуждению Проповедующего. "**По прошествии же двух дней Он вышел оттуда и пошел в Галилею, ибо Сам Иисус свидетельствовал, что пророк не имеет чести в своем отечестве**" (Иоан.4:43,44). Почему это прибавлено? Потому, что Он не пошел в Капернаум, но в Галилею, а оттуда в Кану. А чтобы ты ни изыскивал, почему Он у своих не остался, а у самарян, евангелист представляет ту причину, что Его там не слушали. Поэтому и не пошел туда, чтобы не было им за то тем большего осуждения.

2. А отечеством Его, я думаю, здесь называется Капернаум. Что действительно там не было Ему чести, послушай, как Он сам говорит: "**и ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься**" (Лук.10:15). Отечеством же Своим называет Он Капернаум или по отношению к Своему воплощению, или потому, что большею частью там пребывал. Что же? – скажешь ты, – не видим ли мы, что многие и у своих пользуются честью? Видим, конечно; но по редким случаям не должно судить. Если некоторые люди были почитаемы в своем отечестве, то в чужом гораздо более, – потому что привычка заставляет относиться пренебрежительно. "**Когда пришел Он в Галилею, то Галилеяне приняли Его, видев все, что Он сделал в Иерусалиме в праздник, – ибо и они ходили на праздник**" (ст.45). Видишь ли, что люди, наиболее охуждаемые, оказываются тем более усердными к Нему? Один говорил: "**из Назарета может ли быть что доброе**" (Иоан.1:46)? Другой: "**рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк**" (Иоан.7:52). И это говорили в упрек Ему, потому что многие думали, что Он из Назарета; поносили Его также именем самарянина, – говорили: "**Ты Самарянин и бес в Тебе**" (Иоан.8:48). Но вот, к стыду иудеев, и самаряне и галилеяне веруют в Него. Самаряне однако оказываются еще лучше галилеян. Самаряне приняли Его по одному свидетельству жены, а галилеяне тогда уже, когда увидели совершенные Им чудеса. "**Иисус опять пришел в Кану Галилейскую, где претворил воду в вино**" (Иоан.4:46). Евангелист приводит здесь слушателю на память чудо, возвышая этим славу самарян. Галилеяне приняли Его после чудес, совершенных Им у них и в Иерусалиме, а самаряне – только за учение. Итак, евангелист сказал только, что Иисус пришел в Кану, но не присовокупил причины, по которой пришел. В Галилею Он удалялся по причине ненависти иудеев; но почему в Кану? В первый раз Он был зван туда на брак; но почему и для чего пришел теперь? Мне кажется, для того, чтобы веру, произведенную чудом, еще более укрепить Своим пребыванием и еще более привлечь тем, что Сам добровольно пришел к ним, оставил Свое отечество и предпочел их. "**В Капернауме был некоторый царедворец, у которого сын был болен. Он, услышав, что Иисус пришел из Иудеи в Галилею, пришел к Нему и просил Его придти и исцелить сына его**" (Иоан.4:46,47). Этот муж или был от рода царского, или имел какое-либо достоинство власти, так (царским) называемое. Некоторые думают, что это – тот самый, о котором сказано у Матфея. Но что это – другое лицо, видно не только по достоинству, но и по вере. Тот, когда Христос Сам хотел придти к нему, просил Его не ходить, а этот, хотя Христос и не обещал ему ничего такого, увлекает Его в дом свой. Тот говорит: "**я недостоин, чтобы Ты вошел под кров мой**" (Матф.8:8); а этот даже понуждает, говоря: "**приди, пока не умер сын мой**" (Иоан.4:49). Также у Матфея Иисус, сошедши с горы, приходит в Капернаум, а здесь муж царев приступает к Нему, когда Он пришел из Самарии, и не в Капернаум, а в Кану. У того отрок лежал в расслаблении, а у этого – в горячке. "**Пришел к Нему и просил исцелить сына его, который был при смерти**" (ст.47). Что же Христос? "**Вы не**

уверуете", говорит, "**если не увидите знамений и чудес**" (ст.48). Однако и то уже показывало веру, что он пришел и просил; да и после свидетельствует об этом евангелист, говоря, что, когда Иисус сказал: "**пойди, сын твой здоров. Он поверил слову, которое сказал ему Иисус, и пошел**" (ст.50). Что же значат слова (Христовы)? Он сказа их или в похвалу самарян, так как они уверовали в Него без чудес, или в упрек мнимому своему городу Капернауму, откуда был тот человек. Так и другой некто, упоминаемый у Марка, говорил: "**верую, Господи! помоги моему неверию**" (Мар.9:24). Таким образом, хотя он и веровал, но не совершенно и не твердо. И это видно из его любопытства о том, в котором часу болезнь оставила его сына. Он хотел дознать, случилось ли это само собою, или по повелению Христову. Когда же узнал, что это случилось накануне в час седьмой, то уверовали сам и весь дом его. Видишь ли, что он тогда уверовал, когда слуги ему сказали, а не тогда, когда сказал Христос? Итак, Христос обличает мысль его, с которою он пришел и говори такие слова; а таким образом еще больше привлек его к вере, потому что прежде чуда он не очень расположен был к вере. Но что он приходил и просил Христа, в этом нет ничего удивительного, потому что родители, по великой любви (к детям), обыкновенно обращаются не только к таким врачам, которым совершенно доверяют, но совещаются и с теми, на которых не много надеются, не желая ничего упустить. Притом этот человек только случайно приходил ко Христу, когда Христос пришел в Галилею, тогда только узнал Его. А если бы он крепко веровал, то не поленился бы, как скоро сын был при смерти, придти в Иудею; если же боялся, то и это не извинительно. Но заметь, как и самые слова обнаруживают слабость этого человека. Следовало бы, если не прежде, то по крайней мере после обличения его мысли, получить высокое понятие о Христе, – между тем, смотри, как он еще пресмыкается долу. "**Приди**", говорит, "**пока не умер сын мой**", как будто Христос не мог бы воскресить его, если бы отрок и умер, и как будто бы Христос не знал, каково состояние отрока. Поэтому-то Иисус и обличает его и касается самой совести, показывая, что чудеса делаются главным образом ради души. Здесь Он исцеляет и отца, немощствующего душою не меньше сына, научая нас внимать Ему не ради чудес его, а ради учения Его, – потому что чудеса совершаются не для верных, а для неверующих и грубых людей.

3. Тогда этот человек, от скорби, не очень внимал словам Спасителя, разве тем только, которые касались его сына; после же он должен был усвоить себе сказанное и получить от этого величайшую пользу. Так и случилось. Но почему Христос к сотнику сам добровольно обещал придти, а здесь и на зов не идет? Потому, что у сотника вера была совершенна; и Христос обещал придти к нему, чтобы мы знали благонамеренность этого человека, к этому же не пошел, потому что он был еще не совершен. А так как он всячески понуждал Иисуса, говоря: "**приди**", и еще не понимал ясно, что Он и отсутствуя может исцелить, то Христос показывает, что и это Ему возможно, чтобы тот из самого непосещения Иисусова узнал о Нем то, что сотник знал сам собою. Когда же сказал: "**вы не уверуете, если не увидите знамений и чудес**", то этим выразил следующее: вы еще не имеете надлежащей веры, но еще относитесь ко Мне, как какому-либо пророку. Итак, открывая Себя самого, и показывая, что в Него должно веровать и без чудес, Он сказал здесь тоже, что говорил Филиппу: "**разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне; а если не так, то верьте Мне по самым делам**" (Иоан.14:10,11). "**На дороге встретили его слуги его и сказали: сын твой здоров. Он спросил у них: в котором часу стало ему легче? Ему сказали: вчера в седьмом часу горячка оставила его. Из этого отец узнал, что это был тот час, в который Иисус сказал ему: сын твой здоров, и уверовал сам и весь дом его**" (Иоан.4:51-53). Видишь ли, как открылось чудо? Не просто, не обыкновенным образом отрок избавился от опасности, но вдруг, так что, очевидно, это произошло не естественным порядком, а силою Христовою. Отрок, находясь при самых дверях смерти, как выражал это и сам отец, сказав: "**приди, пока не умер сын мой**", – вдруг освободился от болезни, что возбудило внимание и домашних слуг. Вероятно они

вышли на встречу не для того только, чтобы возвестить но и потому, что пришествие Иисуса считали уже излишним: они ведь знали, что господин их пошел к Иисусу, почему и встретились с господином на том же пути. Тогда-то человек этот, освободившись от страха, преклоняется наконец к вере; но желая показать, что это было следствием его путешествия, он заботится и о том, как бы не сочли его труда излишним; поэтому-то все тщательно хочет разузнать. "**И уверовал сам и весь дом его**". Доказательства (чуда) не подлежали уже никакому сомнению. Хотя слуги его не присутствовали там, не слышали беседы Христовой, не знали даже времени (когда она была), однако, узнав от господина своего, что это было в то самое время, (когда исцелен отрок), имели уже несомненное доказательство силы Христовой: поэтому и они уверовали.

Чему же из этого мы научаемся? Не ожидать чудес, не искать залогов Божией силы. Я вижу, что и ныне многие тогда только делаются более благочестивыми, когда или в страданиях сына, или в болезни жены получат некоторое утешение. А надобно, и не получая утешения, всегда равно благодарить и славить Бога. Таково свойство рабов благомыслящих; рабам верным и любящим, как должно, своего Господа, свойственно прибегать к Нему не только тогда, когда Он милует их, но и когда наказывает. И последнее есть дело божественного промышления. "**Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает**" (Евр.12:6). Кто служит Ему только тогда, когда находится в безопасности, тот показывает этим еще не большой знак любви и не чисто любит Христа. Но что я говорю о здравии, изобилии благ, бедности или болезни? Если бы ты даже о геенне услышал, или о другом каком-либо бедствии, и тогда не преставай славословить Господа: все надобно терпеть и переносить по любви к Нему. Это долг рабов верных и души непоколебимой. Поступающий таким образом и настоящие скорби легко перенесет, и будущие получит блага, и великое дерзновение будет иметь пред Богом, чего и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 36

"Это второе чудо сотворил Иисус, возвратившись из Иудеи в Галилею. После сего был праздник Иудейский, и пришел Иисус в Иерусалим" (Иоан.4:54;5:1)

1. Как в золотых рудниках опытный в этом деле не оставит без внимания ни малейшей жилы, потому что она может доставить великое богатство, так и в божественных Писаниях не безвредно опускать даже одну черту или йоту, а надобно исследовать все. Все в них сказано Духом Святым и ничего нет лишнего. Обрати же внимание и здесь на то, что говорит евангелист: "**это второе чудо сотворил Иисус, возвратившись из Иудеи в Галилею**". Не напрасно прибавил: "**второе**", а еще превозносит дивный поступок самарян, показывая, что жители Галилеи, даже после второго знамения, которое они видели, не достигли высоты тех (самарян), которые ничего не видели. "**После сего был праздник Иудейский**". Какой праздник? Мне кажется, праздник Пятидесятницы. "**И пришел Иисус в Иерусалим**". Он часто приходил на праздники в этот город, частью для того, чтобы казаться празднующим вместе с иудеями, а частью для того, чтобы привлекать к Себе незлобивый народ. Эти простосердечные люди наиболее сходились в эти праздники. "**Есть же в Иерусалиме у Овечьих [ворот] купальня, называемая по-еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов. В них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих движения воды**" (Иоан.5:2,3). Что это за способ врачевания? Какое здесь таинство нам указывается? Не напрасно же и не без причины написано это; здесь как бы в образе и подобии представляется нам будущее, чтобы, когда случится нечто весьма необычайное и неожиданное, не поколебалась у многих сила веры. Что же здесь изображается?

Намерение было даровать нам крещение, имеющее в себе великую силу и величайшие блага, крещение, очищающее от всех грехов и людей из мертвых делающее живыми. Вот это-то, как бы в образе, и предызображается здесь в купели, как и во многих других установлениях. Так предварительно Бог даровал воду, очищающую нечистоты тела, скверны не существенные, а только кажущиеся такими, – каковы, например, от прикосновения к умершим, от проказы и от других подобных причин. Да и многое в ветхом завете, как видим, совершалось с этой целью посредством воды. Но возвратимся к своему предмету. Итак, Бог, как я сказал, установил сначала очищение посредством воды нечистот телесных, а потом и различных болезней. Желая привести нас ближе и ближе к благодати крещения, Он врачует уже не одни нечистоты, но и болезни. Действительно образы ближайшие к истине[1], как относительно крещения, так и страданий и других предметов, были вообще явственнее прообразов древнейших. Как ближайшие к царю, оруженосцы блистают светлее тех, которые от него стоят в отдалении, так было и в прообразованиях. Ангел сходил и возмущал воду, и сообщал ей целебную силу, чтобы внушить иудеям, что тем более Господь ангелов может исцелять все болезни душевные. Но как здесь врачевала не просто естественная сила воды (иначе это бывало бы всегда), но действием ангела, так и над нами вода не сама по себе действует, но когда воспримет благодать Духа, тогда и очищает все грехи. Около этой купели лежало великое множество больных, слепых, хромых, сухих, ожидавших движения воды. Но тогда слабость была препятствием для желающего получить исцеление, а ныне всякий свободно может приступать. Не ангел воду возмущает, а Господь ангелов совершает все это. И уже не может болящий сказать: "**не имею человека; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня**" (ст.7). Но хотя бы стекалась вся вселенная, благодать не оскудевает и сила ее не истощается, а остается всегда одинакова, как и прежде. Как солнечные лучи светят каждый день и не истощаются, так и еще более сила Духа нисколько не уменьшается от множества приемлющих ее. А так было для того, чтобы видевшие, как водой могут быть исцеляемы болезни телесные, и испытавшие это в течение долгого времени, легче поверили, что могут быть исцеляемы и болезни душевные. Но для чего Иисус, оставив всех, подошел к тому, который болел тридцать восемь лет? И для чего спрашивает: "**хочешь ли быть здоров**" (ст.6)? Не для того, чтобы узнать об этом (это было бы излишне), а чтобы обнаружить его терпение и нас вразумить, что поэтому-то именно Он, оставив других, подошел к нему. Что же больной? "**Отвечал Ему: так, Господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня**" (ст.7). Для того Христос и спросил: "**хочешь ли быть здоров**", чтобы мы узнали все это. Не сказал, однако же, ему: хочешь ли, Я исцелю тебя? – потому что тогда еще не имели о Нем столь высокого мнения; а говорит: "**хочешь ли быть здоров**"? Но изумительно терпение расслабленного. Находясь в болезни тридцать восемь лет и каждый год ожидая исцеления, он оставался тут и не отходил. Ведь если не продолжительность прошедшего времени, то неверность будущего могла бы отвлечь его от этого места, когда бы он не был так терпелив. Представь себе, как без сомнения и другие страждущие там были бдительны; да и время, в которое возмущалась вода, не было известно. Впрочем, хромые и увечные могли наблюдать; как же видели слепые? Они, может быть, узнавали о движении воды из происходившего при этом шума.

2. Итак, устыдимся, возлюбленные, устыдимся и будем оплакивать великое наше нерадение. Тот тридцать восемь лет ожидал и не получал, чего желал, однако не отходил; и не получал не по собственному нерадению, а потому, что находил препятствия со стороны других и терпел насилие: но при всем том не ослабевал духом. А мы, если только десять дней проведем в ожидании того, чего усиленно просим и если не получим, то уже не расположены бываем употребить снова то же старание. Ради людей мы усердствуем столь долгое время, и, служа в войсках и тяжкие работы исправляя, и исполняя

раболепные услуги, хотя, наконец, часто теряем и самую надежду (на награду); а ради Господа нашего, от которого, без сомнения, можем получить награды гораздо больше самых трудов ("**надежда не постыжает**", говорит Писание [Рим.5:5]), мы не стараемся показать надлежащее усердие – мы не терпим. Какого же наказания заслуживает это? Хотя бы мы и ничего не получили от Него, одно продолжительное собеседование с Ним не следует ли считать стоящим бесчисленных благ? Но постоянная молитва, говоришь ты, трудное дело. А какое из добрых дел, скажи мне, не трудно? Да в том-то, скажешь ты, и затруднение большое, что с пороком сопряжено удовольствие, а с добродетелью труд. Я думаю, многие на это ищут объяснения. Какая же тому причина? Вначале Бог даровал нам жизнь, свободную от заботы и чуждую трудов; но мы не воспользовались, как должно этим даром, а развратились по нерадению и лишились рая. Тогда-то Бог соделал уже жизнь нашу многотрудной, и, в оправдание свое перед родом человеческим, как бы так говорит: Я даровал вам сначала наслаждения; но вы от своеволия сделались худшими; поэтому Я определил наложить на вас труды и пот. Когда же и труды не обуздали нас, Он дал закон, содержащий в себе заповеди, наложив на нас, как на коней неукротимых, узды и путы, чтобы удержать порывы, как делают укротители коней. Вот почему жизнь наша сопряжена с трудами, так как без трудов мы обыкновенно развращаемся. Природа наша не может бездействовать, а иначе легко преклоняется к злу. Положим, например, что человеку целомудренному, или отличающемуся какою-либо другой добродетелью, не нужны были бы никакие подвиги, а он бы и спал и, однако же, во всем успевал: к чему бы привело такое ослабление? Не к гордости ли и высокомерию? Да для чего же, говоришь ты, со злом сопряжено великое удовольствие, а с добродетелью великий труд и тягость? Но какая же была бы тебе и благодать, или за что же бы ты получил награду, если бы это было дело не трудное? Я и теперь могу указать многих таких, которые по природе отвращаются от общения с женщинами и убегают, как чего-нибудь скверного, самой беседы с ними; но скажи мне, называть ли их за то целомудренными и будем ли мы их увенчивать и прославлять? Никак. Целомудрие есть воздержание и преодоление похотей борьбой. Так и на войне, чем сильнее битва, тем блистательнее тогда бывает и торжество, а не тогда, когда никто и рук не поднимает. Есть много и смирных по природе людей: можем ли называть их кроткими? Никак. Так и Христос, говоря о трех родах скопцов, два из них оставляет без венцов, а один вводит в царствие (Матф.19:12). Да для чего, скажут, нужно зло? И я тоже говорю: но кто же виновник зла? Кто другой, как не наше произвольное нерадение? Но надлежало бы быть, говоришь, одним добрым. А какое свойство добра? Трезвиться ли и бодрствовать, или спать и предаваться беспечности? А почему, скажешь, не признано за лучшее, чтобы добро делалось без труда? Такие слова свойственны животным и чревоугодникам, которые почитают богом свое чрево. Что это слова лености, вот – суди: если бы где-нибудь были властитель и военачальник, и властитель бы спал или пиршествовал, а военачальник с великими трудами одерживал бы победы: кому из них ты вменил бы славу? Кому принадлежал бы плод радостных событий? Видишь, что душа более расположена бывает к тому, в чем более утруждается. Потому и Бог соединил с добродетелью труды, желая прилепить к ней душу. Потому-то мы удивляемся добродетели, хотя сами ее и не исполняем; а порок порицаем, хотя он, кажется и весьма приятен. Ты спросишь: почему мы не удивляемся людям добрым по природе, а более тем, которые таковы по свободному произволению? Это потому, что справедливость требует предпочитать трудящегося нетрудящемуся. А почему, скажешь, мы ныне трудимся? Потому, что ты не хотел вести благоразумно жизнь без трудов. Если исследовать внимательно, то ведь бездействие и без того обыкновенно развращает нас и причиняет много трудов. Например, оставим в заключении какого-нибудь человека и станем только кормить его и наполнять его чрево, не позволяя ему ни ходить, ни заниматься каким-либо делом; пусть он наслаждается трапезой и ложем и постоянно пресыщается: может ли что быть несчастнее такой жизни? Но иное дело, скажешь, заниматься чем-нибудь, а иное – трудиться; ведь можно же было тогда [2] делать без

трудов? Не так ли? Конечно так; этого и Бог хотел, да ты сам не стерпел. Бог повелел тебе возделывать рай, назначив в этом тебе занятие, но, не присоединив к этому никакого труда; а если бы и вначале у человека был труд, то после Бог не возложил бы на него труда в виде наказания. Можно делать и не утруждаться, как то свойственно ангелам. А что они занимаются делом, послушай, как говорит о том Писание: "**крепкие силою, исполняющие слово Его**" (Пс.102:20). Теперь недостаток силы делает нам много труда, а тогда этого не было, так как "**кто вошел в покой Его**", говорит Писание, "**тот и сам успокоился от дел своих, как и Бог от Своих**" (Евр.4:10), – разумея здесь не бездействие, а нетрудность дела. Бог еще и ныне действует, как говорит Христос: "**Отец Мой доныне делает, и Я делаю**" (Иоан.5:17). Итак, убеждаю вас, отложив всякое нерадение, поревновать о добродетели. Удовольствия порока кратковременны, а скорбь постоянна; от добродетели же напротив радость нескончаемая, а труд – только временный. Добродетель, еще прежде получения венцов, утешает своего труженика, питая его надеждами, а порок, еще прежде наказания, казнит своего последователя, терзая и устрашая его совесть и заставляя на все смотреть с подозрением. А это не хуже ли самых великих трудов, всякого изнурения? А если бы даже этого не было, а было бы одно удовольствие, может ли что быть ничтожнее такого удовольствия? Оно, как скоро является, так и исчезает, увядая и убегая прежде, нежели успеем возобладать им, разуметь ли здесь удовольствия плоти, или роскоши, или богатство; ведь все это каждодневно не перестает стареть. А когда последует еще и наказание и мучение, – что может быть несчастнее людей, предающихся пороку? Итак, зная это, будем терпеть все ради добродетели; таким образом мы сподобимся и истинной радости, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Т.е. по времени ближайшее к новому завету.

[2] То есть в первобытном состоянии.

БЕСЕДА 37

"Иисус, говорит ему: хочешь ли быть здоров? Больной отвечал Ему: так, Господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода" (Иоан.5:6,7).

1. Велик плод от божественных Писаний, значительна от них польза. Павел, показывая это, говорит: "**что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду**" (Рим.15:4). Слово божественное есть сокровищница всякого рода врачевств; так, нужно ли смирить надменность, или обуздать похоть, или подавить пристрастие к деньгам, или преодолеть скорбь, или внушить благодушие и расположить к терпению, для этого всякий может найти там великую помощь. Кто из тех, которые борются с продолжительным убожеством, были одержимы тяжкой болезнью, прочитав предложенное теперь место, не получит великого утешения? Вот расслабленный, оставаясь в таком положении тридцать восемь лет, видя каждый год, как другие исцелялись, а он сам все еще одержим болезнью, однако же, не падал духом и не отчаивался, хотя не только безотрадное прошедшее, но и безнадежность в будущем довольно могли поколебать его. Вот послушай, что он говорит, и пойми великость его страдания. Когда Христос сказал: "**хочешь ли быть здоров**", он отвечал: "**так, Господи; но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода**". Что может быть жалостнее этих слов? Что горестнее такого

положения? Видишь ли сердце сокрушенное от продолжительной немощи? Видишь ли, как обуздано было в нем всякое нетерпение? Он не высказывает никакой хулы, как слышим от многих в подобных обстоятельствах; не проклинает дня своего рождения; не оскорбляется таким вопросом; не сказал: «Ты, верно, пришел смеяться и шутить над нами, когда спрашиваешь, хочу ли я быть здоровым», – но кротко и с великой покорностью говорит: "**так, Господи**". Хотя он и не знал, кто был вопрошающий и намерен ли был исцелить его, несмотря на то рассказывает все с кротостью и ничего не требует, как будто говорил с врачом и хотел только рассказать о своей болезни. Может быть, надеялся он получить от Христа только ту помощь, что он ввергнет его в воду, и для того хочет расположить его к себе такими словами. Что же Христос? Показывая, что Он может все сделать одним словом Своим, Он говорит: "**встань, возьми постель твою и ходи**" (Иоан.5:8). Некоторые думают, что этот расслабленный есть тот самый, о котором упоминается в Евангелии Матфея (9;2-7); но это не так, что ясно из многих обстоятельств. И, во-первых, из того, что при этом расслабленном не было никого из прислуживающих людей. Тот имел при себе многих людей, заботившихся о нем и носивших его, а этот никого; потому и говорил: "**не имею человека**". Во-вторых, из самого ответа: тот ничего не говорит, а этот рассказывает все, что его касается. В-третьих, из времени этого случая: этот исцелен в праздник и в субботу, а тот в другой день. Также место того и другого различно: тот исцелен в доме, а этот при купели; да и способ исцеления различен: там (Христос) сказал: "**чадо, прощаются тебе грехи твои**" (Матф.9:2), а здесь сначала укрепляет тело, потом уже прилагает попечение о душе; там прощение: "**прощаются**", говорит, "**тебе грехи твои**", а здесь увещание и угроза, для предостережения его на будущее время: "**не греши больше**", говорит, "**не греши больше**". Притом и обвинения от иудеев различны: здесь они осуждают делание в субботу, а там обвиняют Его в богохульстве. Но посмотри, как велика премудрость Божья. Христос не тотчас исцеляет его, а сперва предрасполагает его к себе вопросом, пролагая в нем готовый путь вере, и не только исцеляет, но и повелевает взять свой одр, чтобы и совершившееся чудо имело тем более достоверности, и чтобы никто не считал этого события призраком или обманом. Ведь если бы члены (тела) не укрепились твердо и вполне, он не мог бы понести одра. Так Христос и часто делал, чтобы совершенно заградить уста бесстыдных. Так при чуде над хлебами, чтобы никто не мог сказать, что народ обыкновенным образом насытился, и что чудо было только кажущееся, по устроению Его оказалось еще много останков хлеба. И прокаженному очистившемуся, Он говорит: "**пойди, покажи себя священнику**" (Матф.8:4), чтобы через это дать более точное доказательство очищения, и вместе заградить бесстыдные уста тех, которые называли Его противником закону Божьему. Подобным образом Он поступил и при обращении воды в вино: Он не просто показал вино, но и приказал отнести его к распорядителю пира, так что тот, признавшись в своем неведении о случившемся, представил, таким образом, несомненное свидетельство о чуде. Потому евангелист и сказал: "**распорядитель не знал, откуда [это вино]**" (Иоан.2:9), выражая тем неподкупность его свидетельства. И в другом случае, воскресив мертвую, Христос "**велел дать ей есть**" (Лук.8:55), и в этом дает видеть признак истинного воскресения. Всем этим Он убеждал бессмысленных, что Он был не обманщик какой-нибудь и не кудесник, но пришел для спасения общего естества человеческого.

2. Но почему Христос не требует от расслабленного веры, как это сделал в отношении к слепым, которым сказал: "**веруете ли, что Я могу это сделать**" (Матф.9:28)? Потому, что расслабленный еще точно не знал, кто Он. Христос не прежде чудес, а после них обыкновенно делал это. Те, которые видели силу Его на других, справедливо слышали от Него такой вопрос, а те, которые еще не знали Его, а должны были узнать по знамениям, уже после чудес вопрошаются о вере. Потому-то Матфей представляет Христа спрашивающим это у людей, не в начале его чудотворений, а когда Он уже многих исцелил, тогда и спрашивает об этом, и именно только двух слепцов. Но ты и так можешь

видеть веру расслабленного. Услышав слово: "**возьми постель твою и ходи**", Он не посмеялся и не сказал: что это значит? Ангел нисходит и возмущает воду, и только одного исцеляет, а ты, человек, неужели надеешься сделать больше ангелов одним повеление и словом? Это – гордость, тщеславие, насмешка. Но он ничего такого не сказал, даже не подумал, а, лишь только услышал, тотчас встал, и, получив здоровье, не ослушался данного ему повеления: "**встань, возьми постель твою и ходи**" (Иоан.5:8). Удивительно и то; но последующие обстоятельства еще гораздо удивительнее; или лучше сказать: что он уверовал во Христа с самого начала, когда никто ему в том не препятствовал, это не так удивительно; а что после того, когда иудеи бесновались, со всех сторон наступали, осаждали и осуждали его и говорили: "**не должно тебе брать постели**" (ст.10), он не только презирает их бешенство, но и с великим дерзновением, среди собрания народа, провозгласил о Благодетеле своем и заставил молчать их бесстыдный язык – то я признаю великим мужеством. Когда иудеи, окружив его, с укоризной и наглостью говорили ему: "**сегодня суббота; не должно тебе брать постели**", – послушай, что он говорит: "**Кто меня исцелил, Тот мне сказал: возьми постель твою и ходи**" (ст.11); как бы так он говорил: вы говорите вздор и с ума сходите, запрещая мне считать учителем Того, Кто исцелил меня от столь продолжительной и тяжкой болезни, и повиноваться Ему во всем, что Он ни повелит мне. А если бы он хотел поступить коварно, то мог бы и иначе сказать, – например, что я это делаю не по своей воле, а по приказанию другого; если это грех, то обвиняйте приказавшего мне, а я оставлю свой одр. Он мог бы и скрыть чудо исцеления. Он ясно видел, что они досадуют не столько за нарушение субботы, сколько за исцеление болезни. Но он и не скрыл чуда, и не сказал таких слов, и не просил у них прощения; он громким голосом признавал и провозглашал оказанное ему благодеяние. Так поступил расслабленный; но посмотри, как злобно они действовали, они не спрашивают: кто Он, исцеливший тебя? Они молчали об этом, а всячески выставляют на вид кажущееся преступление: "**кто Тот Человек, Который сказал тебе: возьми постель твою и ходи? Исцеленный же не знал, кто Он, ибо Иисус скрылся в народе, бывшем на том месте**" (ст.12,13). Для чего же Христос скрылся? Во-первых, для того, чтобы в отсутствие Его свидетельство было свободно от всякого подозрения: получивший чувство здоровья был, конечно, достоверным свидетелем благодеяния. Во-вторых, для того, чтобы еще более не возжечь гнева их: Он знал, что и один вид человека ненавистного не мало воспламеняет ненавидящих. Поэтому, уклонившись, Он оставляет дело само за себя действовать перед ними, так что уже не Он сам говорит что-либо о Себе, а исцеленные Им, вместе же с ними и сами обвинители. И они также со своей стороны дают свидетельство о чуде, потому что не говорили: почему Ты повелеваешь делать это в субботу? а: почему Ты делаешь это в субботу? Они негодуют не за преступление, а завидуют исцелению расслабленного. Между тем, если тут было человеческое дело, оно было в том, что делал расслабленный; а со стороны Христа было только слово и повеление. Таким образом, здесь Христос повелевает другому нарушить субботу, а в иных случаях Он сам делает это, например, когда брением от плюновения помазывает очи. Но Он делает это, не преступая закон, а поступая выше закона. Впрочем, об этом после. Не во всех случаях одинаковым образом Он оправдывается, когда обвиняют Его в нарушении субботы, и это надобно заметить тщательно.

3. Между тем посмотрим, насколько великое зло – зависть, и как она ослепляет душевные очи вопреки собственной пользе самого одержимого ею. Как беснующиеся часто обращают мечи на самих себя, так и завистливые, имея в виду только одно – вред тому, кому завидуют, теряют собственное спасение. Они хуже диких зверей; звери нападают на нас, или, имея недостаток в пище, или будучи наперед нами самими раздражены; а те, и будучи облагодетельствованы, часто поступают с благодетелями, как с врагами. Так они хуже диких зверей и подобны бесам, а может быть и их хуже. Бесы имеют непримиримую вражду только против нас, а не делают козней против подобных себе по естеству; этим-то

и Христос заградил уста иудеям, когда они говорили, что Он изгоняет бесов силой Вельзевула. Но завистливые не уважают и единства природы, да не щадят и самих себя: еще прежде, чем повредят тому, кому завидуют, они мучат собственные свои души, наполняя их напрасно и без нужды всяким беспокойством и недовольством. В самом деле, для чего ты скорбишь, видя благополучие ближнего? Скорбеть, конечно, следует нам, когда мы сами терпим зло, а не тогда, когда видим благополучие других. Потому грех этот не может иметь никакого извинения. Блудник еще может указывать на похоть, вор на бедность, человекоубийца на раздражение: хотя и эти извинения пусты и неосновательны, но все же могут иметь вид оправдания. А ты, какую представишь причину, – скажи мне? Совершенно никакой, кроме одной крайней злобы. Если нам повелено любить врагов, а мы ненавидим и любящих нас, то какому подвергнемся наказанию? Если любящий любящих его ничем не лучше язычников, то злобствующий против людей, ничем не оскорбивших его, какое может получить прощение, какое помилование? Послушай, что говорит Павел: "**если я отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы**" (1Кор.13:3). А что там, где зависть и ненависть, уже вовсе нет любви, это всякому ясно. Зависть хуже и блуда и прелюбодеяния; эти пороки ограничиваются теми, которые делают их, а преобладание зависти ниспровергало целые церкви и делало зло всей вселенной; она мать убийства. Так Каин убил брата; так Исав хотел убить Иакова; так Иосифа – братья; так всех людей – дьявол. Ты не убиваешь: да ты делаешь многое хуже убийства, когда, например, желаешь, чтобы брат твой потерпел бесчестие, когда со всех сторон расставляешь ему сети, расстраиваешь его труды, подъятые им ради добродетели, досадуешь, что он угоден Господу вселенной. Таким образом ты уже враждуешь не против него, а против Того, кому он служит; Его оскорбляешь, когда собственную свою честь поставляешь выше Его чести; а что всего ужаснее, – грех этот ты считаешь безразличным, тогда как он тяжелее всех других. Хотя бы ты подавал милостыни, хотя бы вел трезвую жизнь, хотя бы постился, но ты преступнее всех, если завидуешь брату своему. Это очевидно из следующего: у коринфян некто впал в любодеяние, но, будучи обличен, скоро исправился; Каин позавидовал Авелю и не исправился, но даже, когда Бог непрестанно напоминал ему о его болезни, он еще более мучился завистью, раздражался и устремлялся на убийство. Так нет ничего упорнее этой страсти, и не легко она уступает врачеванию, если мы не будем внимательны. Потому исторгнем ее из себя с корнем, представляя себе то, что как мы оскорбляем Бога, завидуя чужому добру, так благоугождаем Ему, сорадуясь другим, и себя делаем участниками благ, уготованных людям добродетельным. Потому и Павел увещевает радоваться с радующимися и плакать с плачущими, чтобы от того и другого получить нам великую пользу (Рим.12:15). Итак, помня, что, хотя бы мы сами и не трудились, а только сочувствовали трудящемуся, мы можем разделять с ним венцы его, оставим всякую зависть и насадим в душах наших любовь, чтобы, сорадуясь благополучию братьев наших , мы могли сподобиться благ настоящих и будущих, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 38

"Потом Иисус встретил его в храме и сказал ему: вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже" (Ин.5:14)

1. Тяжкое зло – грех, зло и пагуба для души; а слишком усиливаясь, это зло часто касается и тела. Мы остаемся бесчувственными, когда в нас сильно страждет душа, а когда тело получает хотя малое повреждение, то употребляем все усилия, чтобы излечить его от недуга, потому что чувствуем боль. Поэтому-то Бог часто наказывает тело за грехи души, чтобы от наказания низшей части и высшая получила какое-нибудь врачевание. Так у

коринфян Павел исправил блудника, удержав болезнь души казнью тела; он прекратил зло, поразив тело, – подобно тому, как хороший врач, если водяная болезнь или боль в печени не уступает внутренним лекарствам, делает прижигания снаружи. Так и Христос поступил с расслабленным. Вот как Он сам выражает это, когда говорит: "**вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже**". Чему же мы отсюда научаемся? Во-первых, что болезнь произошла у него от грехов; во-вторых, что учение о геенне справедливо; и в-третьих, что наказание в ней будет продолжительно, бесконечно. Где же те, которые говорят: я в один час совершил убийство, я краткое время любодействовал, и неужели буду наказываться вечно? Вот и расслабленный не столько лет грешил, сколько терпел наказание, и почти целую жизнь человеческую провел в непрерывном мучении. Грехи судятся не по времени, а по самому существу преступлений. При этом надобно принять во внимание и то, что, хотя бы мы претерпевали тяжкое наказание за прежние свои грехи, но, если снова впадем в те же пороки, то подвергнемся снова и еще тягчайшему наказанию; и это совершенно справедливо. Кто даже от наказания не делается лучшим, тот, как бесчувственный и презритель, предается еще большей казни. И одно наказание само по себе достаточно должно быть для удержания и вразумления падшего однажды; но если он, не вразумившись от понесенного наказания, снова дерзает на то же самое, то по справедливости снова подвергается наказанию, которое сам на себя навлекает. Если же мы, и здесь, после наказания за грехи впадая снова в те же грехи, подвергаемся уже тягчайшему наказанию, то не должны ли мы тем более страшиться и трепетать в ожидании будущих нестерпимых мук, когда, и согрешая, мы здесь не терпим никакого наказания? Почему же, ты скажешь, не все таким образом наказываются? Ведь мы видим многих порочных людей, которые хорошее имеют здоровье и в крепости сил наслаждаются благоденствием. Но мы не должны полагаться на это, а поэтому-то больше и надобно оплакивать таких людей. Что они здесь ничего не терпят, это и есть залог тягчайшего там наказания. Изъясняя это, Павел говорит: "**будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром**" (1Кор.11:32). Здесь – только вразумление, там – наказание. Что же, скажешь ты, неужели все болезни от грехов? Не все, но большая часть. Некоторые бывают и от беспечности. Чревоугодие, пьянство и бездействие также производят болезни. Одно только надобно всегда соблюдать, чтобы всякий удар переносить с благодарностью. Бывают болезни и за грехи; так видим в книгах Царств, что некто страдал болезнью ног именно по этой причине. Случаются болезни и для испытания нашего в добре, как Бог говорит Иову: "**ты хочешь обвинить Меня, чтобы оправдать себя**" (Иов.40:3)? Но почему этим расслабленным Христос выставляет на вид их грехи? И тому, о котором упоминает Матфей, Он говорит: "**дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои**" (Мф.9:2), и этому: "**вот, ты выздоровел; не греши больше**". Знаю, что некоторые говорит в осуждение этого расслабленного, будто он был после в числе обвинителей Иисуса Христа, и потому-то услышал от Него такие слова, но что сказать о том, который, по свидетельству Матфея, услышал почти те же самые слова? И ему сказано: "**прощаются тебе грехи твои**"; но услышал он это не по той же причине, как можно яснее видеть из последующего. Евангелист говорит, что после исцеления "**Иисус встретил его в храме**" (Ин.5:14), – а это знак великого благочестия: он не ходил на торжище и гульбища, не предавался объедению и беспечности, а проводил время в храме; хотя должен был терпеть там насилие и гонение от всех, но это нисколько не побудило его удалиться от храма. Итак, Христос, встретив его после разговора с иудеями, не сделал никакого намека на что-либо подобное; если бы Он хотел обличить его, то сказал бы ему: ты опять принимаешься за прежнее, и после исцеления не сделался лучшим? Но ничего такого Он не сказал, а только предостерегает его на будущее время.

2. Почему же, исцеляя хромых и увечных, Он не напоминал им об этом? Мне кажется, что болезни у расслабленных происходили от грехов, а у прочих – от естественной немощи.

Если же это не так, то через них и то, что сказано им, сказано было и другим. Так как эта болезнь тяжелее всех других, то через большую врачуются и меньшие. Как, исцелив некоего другого, Христос повелел ему воздать славу Богу, внушая это не ему одному, а через него и всем другим, так и здесь через расслабленных увещевает и всех прочих, и внушает то же, что им сказал. К этому надобно и то сказать, что Он видел в душе расслабленного великое терпение, и потому дает ему наставление, как человеку, могущему принять увещание, ограждая его здоровье и благодеянием и страхом будущих зол. И посмотри, как Христос был чужд тщеславия. Он не сказал: вот, Я сделал тебя здоровым. А сказал: вот, ты теперь здоров; впредь не греши. Не говорит также: не греши, чтобы Я не наказал тебя; а только: "**чтобы не случилось с тобою чего хуже**". То и другое выражает безлично; и притом показывает, что здоровье возвращено ему более по благодати, нежели по заслугам. Не подает вида, что он освобожден от наказания по достоинству, а выражает, что он спасен по человеколюбию. В противном случае сказал бы: вот, ты понес уже достаточное наказание за свои грехи: будь же вперед осторожен. Но Он не так сказал, а как? "**Вот, ты выздоровел; не греши больше**". Это должны мы повторять чаще и самим себе, и когда будем наказаны и освободимся от наказания, то каждый пусть говорит самому себе: "**вот, ты выздоровел; не греши больше**". А если, и продолжая грешить, мы не подвергаемся наказанию, то станем повторять следующее апостольское изречение: "**благость Божия ведет тебя к покаянию. Но, по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев**" (Рим.2:4,5). Но Христос не только укреплением тела, а еще и другим способом явил расслабленному важное доказательство Своего божества. Словами: "**не греши больше**" Он показал, что знает все прежде бывшие согрешения его, а потому следует веровать Ему и относительно будущего. "**Человек сей пошел и объявил Иудеям, что исцеливший его есть Иисус**" (Ин.5:15). Посмотри, как он и в этом случае сохраняет то же чувство признательности. Он не говорит, что Иисус есть тот муж, который сказал ему: "**возьми постель твою**", потому что иудеи постоянно выставляли это на вид, как преступление, а он продолжает свое оправдание, объявляя своего Исцелителя, стараясь и других привлечь и приблизить к Нему. Он не был так бесчувствен, чтобы, после столь великого благодеяния и увещания, предать своего Благодетеля и говорить это с злым намерением. Если бы он был даже диким зверем, если бы был бесчеловечным и каменным, то это благодеяние и страх достаточны были бы удержать его. В ушах его еще звучала угроза, и потому он боялся, чтобы не потерпеть чего-либо худшего, имея столь великие доказательства силы Врача. Иначе, если бы он захотел клеветать, то, умолчав об исцелении, сказал бы только о преступлении закона и стал бы обвинять. Но этого нет; напротив, он с великим дерзновением и благодарностью прославляет своего Благодетеля нисколько не меньше слепого. Что говорил слепой? "**Сделал брение, и помазал глаза мои**". И расслабленный также: "**исцеливший**" меня "**есть Иисус. И стали Иудеи гнать Иисуса и искали убить Его за то, что Он делал такие [дела] в субботу**" (Ин.5:15,16). Что же Христос? "**Отец Мой**, - говорит Он, - **доныне делает, и Я делаю**" (ст.17). Когда ему нужно было защищать Своих учеников, тогда Он указывал на Давида, как на подобного им раба: "**разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним**" (Мф.12:3)? А когда дело касается Его самого, Он обращается к Отцу, двояким образом показывая Свое равенство с Ним, – и тем, что называет Его в собственном смысле Своим "**Отцом**", и тем, что представляет Себя делающим заодно с Ним. Почему же Он не упомянул о случившемся в Иерихоне? Потому, что хотел возвести их от земли, чтобы они внимали Ему уже не как человеку, а как Богу и Законодателю. Но если бы Он не был истинным Сыном и Единосущным, то оправдание было бы еще хуже обвинения, похоже на то, как если бы какой-нибудь начальник, преступив царский закон и потом, будучи обвиняем, стал в оправдание свое говорить, что и сам царь нарушает его; этим он не только не избежал бы осуждения, а еще увеличил бы свою вину. Но здесь достоинство равное, потому и оправдание представлено совершенно твердое. Чего, говорит Он, вы не

поставляете в вину Богу, в том не можете обвинять и Меня. Потому-то, предупреждая их, Он и сказал: "**Отец Мой**", чтобы заставить их, и против их воли, допустить для Него то же самое (что и для Бога-Отца), по уважению к Его совершенному единению с Отцом. Если же кто скажет: как делает Отец, когда Он в день седьмой почил от всех дел Своих, – тот пусть узнает образ Его делание. Каким же образом Он делает? Промышлением, сохранением всего сотворенного. Когда ты видишь восходящее солнце, бегущую луну, озера, источники, реки, дожди и движение природы – в семенах, в телах наших и в бессловесных животных, и все прочее, чем держится вселенная, то и познавай в этом непрестающее делание Отца; Он, говорит Христос, "**повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф.5:45); и еще: "**если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает**" (Мф.6:30); также, и о птицах беседуя, говорит: "**Отец ваш Небесный питает их**" (Мф.6:26).

3. Итак, в этом случае все дело Его в субботу заключалось только в одних словах, и Он ничего более не присовокупил, а тем самым, что совершается в храме, и что сами они делают, Он опроверг обвинения. А если Он повелел и дело сделать, именно взять одр, что впрочем само по себе не заключает никакого важного дела, а казалось только явным нарушением субботы, то Он при этом обращает слово к высшему предмету, желая сильнее поразить их достоинством Отца Своего и возвести к высшим понятиям. Потому-то, когда была речь о субботе, Он защищал Себя, не как только человек и не как Бог только, но иногда как Бог, иногда как человек: хотел уверить их в том и другом, – и в уничижении Своего вочеловечения, и в достоинстве божеском. В настоящем случае Он защищает Себя, как Бог; если бы Он стал постоянно говорить с ними только как человек, то они и остались бы навсегда с мыслью об одном уничижении Его. Но, чтобы это не было, Он указывает им Своего Отца. Хотя и самое творение действует в субботу, – так солнце совершает свой бег, реки текут, источники изливаются, жены рождают, – но, чтобы ты знал, что Он не принадлежит к твари, Он не сказал: Я делаю, как и тварь делает; а как? "**Я делаю**", потому что и "**Отец Мой делает**". "**И еще более**, - говорит Евангелист, - **искали убить Его Иудеи за то, что Он не только нарушал субботу, но и Отцем Своим называл Бога, делая Себя равным Богу**" (Ин.5:18). Но это равенство было не кажущееся только, – не словами одними Он доказывает это, а преимущественно делами. Почему так? Потому, что слова одни могли опровергать и обвинять Его в тщеславии, а видя истину, открывающуюся в событиях, и силу Его, являемую делами, они уже ничего не могли сказать вопреки Ему. Но не хотящие допустить это по неблагомыслию, говорят, что Христос не сам делал Себя равным Богу, а только иудеи подозревали Его в этом. Но пересмотрим все вышесказанное. Скажи же мне: гнали Его иудеи, или не гнали? Всякому ясно, что гнали. А за это ли гнали, или за что другое? Все также согласны, что за это. Нарушал ли Он субботу, или не нарушал? И этого, конечно, никто не станет отвергать. Называл Бога Отцом Своим, или не называл? И это верно. Подобным образом можно вывести заключение и о последующем. Как то, что Он называл Бога Отцом Своим, нарушал субботу и был гоним иудеями за последнее, а преимущественно за первое, не есть одно ложное подозрение, а действительная истина, так и то, что Он делал Себя равным Богу, в таком же высказано было смысле. А еще яснее это можно видеть из сказанных пред этим слов. Слова: "**Отец Мой делает, и Я делаю**" выражают именно равенство с Богом; Он при этом не показывает никакого различия, не говорит: Отец делает, а Я служу Ему в делах; Он говорит: как Отец делает, так и Я, – и таким образом выражает совершенное равенство. Если бы Он не сам хотел выразить это, а только иудеи так напрасно думали, то Он не оставил бы их в таком погрешительном мнении, а исправил бы его; да и Евангелист не умолчал бы, а сказал бы ясно, что иудеи так думали, - сам же Христос не делал Себя равным Богу, – как это находим в других местах, когда Евангелист видел, что иначе было сказано, а иначе понято сказанное; например: "**разрушьте храм**

сей, и Я в три дня воздвигну его", - говорил Христос, разумея собственное тело; а иудеи, не поняв этого и думая, что Он говорит об иудейском храме, сказали: "**сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его**" (Ин.2:19,20)? Он говорил то, а они предполагали другое; Он говорил о теле Своем, а они думали, что это сказано о храме их. Евангелист, замечая это, или лучше, исправляя мнение их, присовокупил: "**А Он говорил о храме тела Своего**" (ст.21). Так и здесь, если бы Христос не делал Себя равным Богу и не хотел доказывать этого, а только иудеи так думали, то Евангелист исправил бы и здесь их мысль и сказал бы: иудеи думали, что Он делает Себя равным Богу, а Он говорил не о равенстве. Да и не один только этот Евангелист в данном месте, но и другой, при другом случае, делает то же самое. Когда Иисус Христос заповедовал ученикам: "**смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской**. **Они же помышляли в себе и говорили: [это значит], что хлебов мы не взяли**" (Мф.16:6,7). Он говорил одно, называя закваской учение, а ученики подразумевали другое, думая, что Он говорит о хлебах. И это исправляет уже не Евангелист, а сам Христос, говоря так: "**как не разумеете, что не о хлебе сказал Я вам**" (ст.11)? Здесь же нет ничего подобного. Но сам Христос, скажут, опровергает это, когда присовокупляет: "**Сын ничего не может творить Сам от Себя**" (Ин.5:19). Нет, возлюбленный, Он делает совершенно противное; Он не опровергает, а подтверждает этими словами равенство. Слушайте внимательнее, – это предмет немаловажный. Выражение: "**от Себя**" часто встречается в Писании и о Сыне и о Святом Духе, и потому надобно понять силу этого изречения, чтобы не впасть в величайшие погрешности. Если принимать его так, как оно есть и как с первого раза представляется, то смотри, какая выйдет отсюда нелепость. Да Он и не сказал, что Сын иное может делать сам по себе, а иное не может; но сказал вообще: "**Сын ничего не может творить Сам от Себя**".

4. Спросим же возражающего: итак, скажи мне, уже ли Сын ничего не может делать сам по себе? Если скажешь, что "**ничего**", тогда мы заметим, что величайшее благое дело Он и совершил сам по себе, как и Павел восклицает, говоря: "**Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба**" (Флп.2:6,7). И опять сам Христос в другом месте говорит: "**имею власть отдать**" жизнь Мою "**и власть имею опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее**" (Ин.10:18). Видишь ли, что Он имеет власть над смертью и жизнью, и сам совершил такое великое домостроительство? Да что я говорю о Христе? И мы, люди, которых ничего не может быть немощнее, делаем многое сами по себе, зло избираем сами по себе, добродетели следуем сами по себе. А если не сами по себе, и не имеем в том власти, то, значит, мы и за грехи уже не будем ввержены в геенну, и за добродетели не наследуем царствия. Итак слова: "**ничего не может творить Сам от Себя**" означают только то, что Он не делает ничего противного Отцу, ничего чуждого Ему, ничего несообразного, а это еще более показывает между Ними равенство и совершенное согласие. Почему же Он не сказал, что ничего противного не делает, а сказал: "**не может**" делать? Чтобы и этим опять показать неизменность и совершенство равенства. Это выражение означает не бессилие Его, а напротив, свидетельствует о великой Его силе, подобно тому, как и об Отце Павел в другом месте говорит: "**дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу солгать, твердое утешение имели мы**" (Евр.6:18); также: "**если мы неверны, Он пребывает верен, ибо Себя отречься не может**" (2Тим.2:13). Здесь выражение – "**не может**" отнюдь не означает бессилия, а означает силу, и силу неизреченную. Именно слова апостола имеют такой смысл, что существо божественное недоступно никаким подобным слабостям. Когда и мы говорим, что Бог не может грешить, то не слабость Ему приписываем, а свидетельствуем о некоторой неизреченной Его силе; так, когда и Он сам говорит: "**ничего не могу творить Сам от Себя**", выражает то, что Ему невозможно и несвойственно делать что-нибудь противное Отцу. А чтобы убедиться в точности этого смысла слов Его, обратимся к последующим

словам и посмотрим, чье мнение подтверждает сам Христос, наше ли, или ваше. Ты говоришь, что это выражение исключает власть и свойственную Ему самостоятельность, и показывает слабость силы; а я говорю, что оно означает равенство, неизменность и как бы действие одной воли, власти и силы. Итак, вопросим самого Христа и посмотрим из последующих слов Его, по твоим ли мыслям, или по нашим Он изъясняет сказанное. Что же Он говорит? "**что творит**" Отец, "**то и Сын творит также**" (Ин.5:19). Видишь ли, как Он до основания ниспровергает ваше мнение и подтверждает сказанное нами? Если Он сам от Себя не делает ничего, то, значит, и Отец также сам от Себя ничего не делает, потому что Сын делает все так, как Отец. А если это не так, то выйдет и другая нелепость. Он не говорит: что Он только то делает, что видит творящим Отца, но: "**если не увидит Отца творящего**", не творит, простирая силу слова на всякое время, – и таким образом по вашему будет, что Он постоянно только учится делать то, что Отец делает. Видишь, как мысль Его высока, а смирение в слове заставляет и самых бесстыдных невольно оставить уничиженные и совершенно несообразные с Его достоинством понятия о Нем? Кто же будет столь жалок и злосчастен, чтобы утверждать, что Сын ежедневно учится тому, что Ему надобно делать? Как в таком случае будет истинно изречение: "**но Ты – тот же, и лета Твои не кончатся**" (Пс.101:28); или: "**все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть**" (Ин.1:3), – если Отец делает, а Сын, видя то, только подражает Ему? Видишь ли, как и вышесказанное и послесказанное подтверждает Его самостоятельность. Если же Он произносит некоторые слова о Себе в виде самоуничижения, – не удивляйся. Так как иудеи, слыша высокое учение Его о Себе самом, гнали Его, называли противником Божиим, то Он несколько снисходит только в образе выражения, потом снова возводит учение к высшим понятиям, затем опять обращается к уничиженным выражениям, и таким образом разнообразит Свое учение, чтобы сделать его и для неразумных удобоприемлемым. Вот смотри. Сказав: "**Отец Мой делает, и Я делаю**", и этим показав Свое равенство с Богом, Он говорит потом: "**Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего**". Далее опять возвышает слово: "**ибо, что творит Он, то и Сын творит также**"; и затем смиреннее: "**Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит Сам; и покажет Ему дела больше сих**" (ст.20). Видишь ли, сколько здесь смирения? Так и обычно Ему. Что я прежде говорил, то не перестану говорить, и теперь скажу, именно, что когда Сын говорит что-нибудь о Себе уничиженное и смиренное, тогда выражает это с некоторым преувеличением, чтобы и самая уничиженность выражений убеждала неразумных принимать в благочестивом духе заключающиеся в них мысли. А если это не так, то представь себе, как было бы нелепо сказанное, судя по одним выражениям. Из слов: "**покажет Ему дела больше сих**" будет следовать, что Он многого еще не знает, – чего нельзя сказать и об апостолах. Они, однажды получив благодать Духа, вдруг узнали и смогли делать все, что надобно было им знать и делать; а Он окажется еще незнающим многого, что Ему нужно знать! Может ли быть что-нибудь нелепее этого? Что же значит это изречение? Он исцелил расслабленного и намеревался еще воскресить умершего, потому так и сказал, говоря как бы вот что: вы удивляетесь, что Я исцелил расслабленного; больше этого увидите. Но так Он не сказал, а выразился несколько смиреннее, чтобы укротить их неистовство. А чтобы тебе убедиться, что слово: "**покажет**" сказано не в собственном смысле, послушай, что еще далее Он присовокупляет: "**ибо, как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет**" (ст.21). А ведь слова: "**ничего не может творить Сам от Себя**" противоположны словам: "**кого хочет**"; если Он живит "**кого хочет**", то без сомнения, "**может творить Сам от Себя**". Хотеть – означает власть. Если же Он не может "**творить Сам от Себя**", то и не живит, "**кого хочет**". Но слова: "**как Отец воскрешает**" показывают равенство силы; а слова: "**кого хочет**" – равенство власти. Видишь ли, что словами: "**не может творить Сам от Себя**" не уничтожается власть, а напротив, показывается равенство силы и воли? Так же разумей и слова: "**покажет Ему**". И в другом месте Он говорит: "**Я воскрешу его в последний день**" (Ин.6:40), и опять, показывая, что

Он действует, не заимствуя силу от другого, говорит: "**Я есмь воскресение и жизнь**" (Ин.11:25). Но чтобы ты не сказал, что Он только мертвых воскрешает и оживляет кого хочет, все же прочее делает не так, то, предупреждая и опровергая всякое подобное возражение, Он и сказал: "**ибо, что творит Он, то и Сын творит также**", и тем выразил, что Он делает и все то, что Отец, и так, как Отец, разуметь ли здесь воскрешение мертвых, или устроение тел, или отпущение грехов, или что-либо другое; все Он совершает так, как и Отец Его.

5. Но ничему этому не внемлют нерадящие о собственном спасении. Таково зло – страсть к первенству перед другими. Она-то произвела ереси; она усилила нечестие эллинов. Бог благоволил, чтобы невидимые свойства Его были познаваемы из создания этого мира (Рим.1:20), а они, оставив это и не восхотев идти путем этого учения, проложили себе иной путь, а потому и уклонились от истинного. Равно и иудеи потому не веровали, что, домогаясь славы друг перед другом, не искали славы от Бога.

Но мы, возлюбленные, будем избегать этого недуга всеми силами и со всею ревностью. Хотя бы мы имели бесчисленные совершенства, зараза тщеславия может погубить все. Итак, если мы желаем похвал, то будем искать похвал от Бога. Похвала от людей, какова бы она ни была, как скоро является, тотчас и исчезает, а если и не исчезает, то не приносит нам никакой пользы, а часто происходит и от превратного суждения. Что важного в славе от людей, которой пользуются и пляшущие юноши[1], и развратные женщины, и лихоимцы, и грабители? А прославляемый от Бога прославляется не с такими людьми, но со святыми, т.е., с пророками, апостолами, показавшими в себе жизнь ангельскую. Если же мы желаем, чтобы окружала нас толпа народа, чтобы взоры ее были на нас обращены, то вникнем в сущность этого, и мы найдем, что это не имеет никакой цены. Словом, если ты любишь быть в обществе, то привлекай к себе сонм ангелов, будь страшен бесам, тогда и не будешь нисколько заботиться о молве человеческой; всякий блеск будешь попирать, как грязь и прах; тогда-то и увидишь ясно, что ничто так не делает душу бесславной, как славолюбие. Да и невозможно, никак невозможно любящему славу не жить жизнью страдательной; а напротив, подавляющий в себе славолюбие не может не подавить вместе с тем и множество других страстей: побеждающий эту страсть преодолеет и зависть, и сребролюбие, и прочие тяжкие недуги. Но как, скажут, нам преодолеть эту страсть? Преодолеем, если будем иметь в виду иную славу, славу небесную, которую земная силится лишить нас. Та слава еще и здесь прославит нас, и будет сопутствовать нам в будущей жизни, и освободит нас от всякого рабства плоти, которой мы ныне так бедственно служим, всецело предавшись земле и делам ее. Пойдем ли на торжище, войдем ли в дом какой-нибудь, будем ли в дороге, или на пристани, в гостинице, или в странноприимном доме, на корабле, на острове, в царских чертогах, в судилищах, или в гражданских советах, – везде увидишь заботы о делах временных и житейских; все и каждый об них только пекутся, и отходящие и приходящие, в путь отправляющиеся и дома остающиеся, плавающие и землю возделывающие, находящиеся на полях и в городах, – все вообще. Какая же будет у нас надежда спасения, если, живя на земле Божией, мы не печемся о предметах божественных? Тогда как нам повелено быть здесь странниками, мы – скорее странники для небес, а для здешних мест – жители. Что может быть хуже такой бесчувственности? Слыша каждый день о суде и царствии, мы подражаем современникам Ноя и жителям Содома и ожидаем, чтобы нас вразумили такие же опыты. А ведь о них все и написано для того, чтобы, кто не верует в будущее, тот из событий прошедших получил ясные доказательства относительно будущих. Итак, помышляя о всем этом, прошедшем и будущем, отдохнем хотя немного от этого тяжкого рабства и сколько-нибудь позаботимся о душе своей, чтобы достигнуть и настоящих и будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

[1] На публичных играх.

БЕСЕДА 39

"Отец не судит никого, но весь суд отдал Сыну, дабы все чтили Сына, как чтут Отца" (Ин.5:22,23)

1. Много тщательности надобно нам, возлюбленные, иметь во всем. Ведь самый строгий отчет мы дадим и в словах и в делах наших. Дела наши не оканчиваются настоящею жизнью, а еще другая жизнь встретит нас, и мы предстанем страшному судилищу. "**Всем нам должно явиться пред судилище Христово**, - говорит Павел, - **чтобы каждому получить [соответственно тому], что он делал, живя в теле, доброе или худое**" (2Кор.5:10). Будем же всегда помышлять об этом судилище, и таким образом мы сможем постоянно пребывать в добродетели. Как отвергающий от души своей мысль об этом дне, несется в пропасть, подобно коню, сбросившему удила, – "**во всякое время**, - говорит Писание, - **пути его гибельны**", и указывая причину этого, прибавляет: "**суды Твои далеки для него**" (Пс.9:26), – так постоянно имеющий в себе этот страх проводит жизнь целомудренно: "**помни**, - говорит Писание, - **о конце твоем, и вовек не согрешишь**" (Сир.8:39). Тот, кто прощает нам грехи ныне, тогда воссядет на судилище. Умерший ради нас снова явится – судить весь род человеческий: "**во второй раз**, - говорит Писание, - **явится не [для очищения] греха, а для ожидающих Его во спасение**" (Евр.9:28). Потому-то и здесь Он сказал: "**Отец не судит никого, но весь суд отдал Сыну, дабы все чтили Сына, как чтут Отца**". Итак, не следует ли, скажут, назвать Его и Отцом? Никак. Он для того и сказал: "**Сына**", чтобы мы чтили Его остающегося Сыном, так же как Отец; а кто называет Его Отцом, тот уже не чтит Сына, как Отца, но смешивает их. Так как люди побуждаются не столько благодеяниями, сколько наказаниями, то Он и говорит здесь так грозно, чтобы, по крайней мере, страх понудил их чтить Его. А когда говорит: "**весь суд**" - выражает этим то, что Он властен и наказывать и награждать, делать то и другое, как Ему угодно. Выражение же: "**отдал**" употреблено для того, чтобы ты не почитал Его нерожденным и не думал, будто есть два Отца. Все, что есть в Отце, это же есть и в Сыне, только Он рожден и остается Сыном. А чтобы убедиться, что выражение: "**отдал**" здесь равносильно выражению "**родил**", выслушай изъяснение этого из другого места: "**как**, - говорит Он, - **Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе**" (Ин.5:26). Что же? Неужели Отец прежде родил Его, а потом уже дал ему жизнь? Ведь дающий дает что-либо тому, кто уже существует. Так уже не был ли рожден Он без жизни? Но этого и бесы не могут подумать, потому что, то не только нечестиво, но и безумно. Потому, как выражение: "**дал жизнь**" означает, что Он родил Его “Жизнью”, так и слова: "**суд отдал**" значат, что Он родил Его “Судией”. Чтобы ты, слыша, что Сын имеет виновником Отца, не подумал, будто Сын имеет различествующее от Отца существо и достоинством ниже Его, вот Он сам грядет судить тебя, доказывая и этим Свое равенство. Тот, кто имеет власть наказывать и награждать, кого хочет, Тот конечно обладает такою же силою, как и Отец. А иначе, если бы Сын уже по рождении Своем, впоследствии, получил эту честь, то можно бы спросить, по какому же поводу Он почтен так впоследствии? Каким преуспеянием Он достиг того, что получил такое достоинство и возведен в такой сан? Не стыдно ли вам – так дерзко приписывать эти человеческие и унизительные свойства Существу бессмертному, не имеющему ничего превзошедшего во времени? Для чего же, скажете вы, Он так говорит о Себе? Для того, чтобы сказанное было удобоприемлемо и проложило путь к высшим понятиям. Для того

Он и смешивает в Своих словах и то и другое (и возвышенное и уничиженное), и смотри – как; кстати, рассмотрим это сначала. Он сказал: "**Отец Мой делает, и Я делаю**", - показывая этим свое равенство и равночестность с Отцом; но иудеи "**искали убить Его**". Что же Он после этого делает? Он смягчает выражения, но мысли удерживает те же самые, и говорит: "**Сын ничего не может творить Сам от Себя**". Затем опять возвышает слово: "**ибо, что творит Он, то и Сын творит также**"; опять говорит смиренно: "**ибо Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит Сам; и покажет Ему дела больше сих**"; снова возвышенно: "**ибо, как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет**"; и опять смиренно и вместе возвышенно: "**ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну**"; и еще возвышеннее: "**дабы все чтили Сына, как чтут Отца**". Видишь ли, как Он разнообразит Свое слово, употребляя в нем наименования и выражения, то возвышенные, то уничиженные, так, чтобы и для тогдашних людей оно могло быть удобоприемлемо, и будущие ничего не теряли, от возвышенных выражений получая надлежащее понятие и о прочих? А иначе, если слова Его сказаны не по снисхождению к людям, для чего прибавлены такие возвышенные выражения? Кто имеет право сказать о Себе нечто высокое, а между тем говорит что-либо уничиженное и смиренное, тот, конечно, имеет на то благовидную причину и некоторое особенное намерение; а кто должен говорить о себе смиренно, и между тем, скажет что-нибудь великое, тот для чего станет употреблять выражения, превосходящие его природу? Это уже не особое какое-либо благонамерение, а крайнее нечестие.

2. Поэтому мы можем сказать, что смиренные выражения Христа о Себе имеют справедливую и достойную Бога причину, именно: снисхождение к нам, намерение – научить нас смирению, и чрез это – устроение нашего спасения, что Он и сам изъясняет в другом месте, когда говорит: "**говорю это для того, чтобы вы спаслись**" (Ин.5:34). Именно, когда Он прибегнул свидетельству Иоанна, оставив собственное, что могло казаться недостойным Его величия, – то, приводя причину такого уничижения в словах, Он и сказал: "**говорю это для того, чтобы вы спаслись**". А вы, утверждающие, будто Он не имеет одинаковой с Родившим Его власти и силы, что скажете, когда услышите собственные Его слова, которыми Он выражает равенство силы, власти и славы с Отцом? Почему Он требует Себе равной с Ним чести, если Он, как вы говорите, гораздо ниже Отца? А Он еще, не останавливаясь на этих словах, присовокупляет: "**кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его**" (ст.23). Видишь, как честь Сына соединена с честью Отца? Что же из этого, скажете вы? Это относится и к апостолам: "**кто принимает вас**, - говорит Он, - **принимает Меня**" (Мф.10:40). Но там Он говорит так потому, что все, касающееся рабов Его, усваивает Себе самому; а здесь потому, что Ему принадлежит одно существо и одна слава с Отцом. Да притом об апостолах Он не говорит: “да чтут их”. И хорошо Он говорит: "**кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца**". Если где два царя, и бесчестят одного из них, то этим и другому наносится бесчестие, особенно, если оскорбляемый есть сын царский; оскорбляется царь и тогда, когда оскорблен его оруженосец, но не так и не непосредственно; а здесь он оскорбляется сам по себе. Потому Христос и предупреждает словами: "**дабы все чтили Сына, как чтут Отца**", чтобы затем, когда скажет: "**кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца**", ты разумел одну и ту же честь. Не просто говорит: "**кто не чтит**", но: "**кто не чтит**" так, как я сказал, "**не чтит Отца**". Но каким образом, скажешь, посылающий и посылаемый могут быть одного и того же существа? Опять ты переносишь слово на человеческие отношения и не разумеешь, что все это говорится только для того, чтобы мы и Виновника познали, и не впали в недуг Савеллия, чтобы и немощь иудеев уврачевалась таким образом, и они уже не почитали Его противником Богу; ведь они говорили: Он не от Бога, Он не пришел от Бога. А к уничтожению такой мысли способствовали не столько возвышенные, сколько уничиженные слова Его: вот поэтому Он часто в разных местах и говорил, что Он “послан”, – не с тем, чтобы ты принимал такое слово за выражение умаления Его (перед

Отцом), но чтобы заградить уста иудеев. Поэтому Он и обращается часто к Отцу, выражая между тем и собственную власть. А если бы Он все говорил о Себе сообразно с собственным божественным достоинством, то они не принимали бы слов Его, так как и за немногие подобные выражения гнали Его и часто хотели побить камнями. С другой стороны, если бы, применяясь к ним, Он говорил о Себе только смиренно, то впоследствии это послужило бы многим во вред. Таким образом Он перемешивает и разнообразит Свое учение о Себе, и смиренными выражениями, как я сказал, заграждает уста их, а словами сообразными с достоинством Его удаляет здравомыслящих от уничиженного понимания выражений Его и показывает, что такое понимание вовсе не приличествует Ему. Быть посланным – это выражает перемену места, а Бог вездесущ. Для чего же Он говорит о себе: “послан”? Он употребляет чувственное выражение, чтобы показать Свое единомыслие с Отцом. К той же цели направляет Он и последующие слова: "**Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную**" (Ин.5:24). Видишь, как часто Он повторяет одно и тоже, чтобы исправить мнение иудеев, чтобы и этими и последующими словами, и страхом и обетованием благ победить упорство против Него, – как много и здесь опять нисходит в выражениях о Себе? Не говорит: “слушающий слова Мои и верующий в Меня”; они почли бы это гордостью и крайним тщеславием в словах, потому что если, спустя уже долгое время, после бесчисленных чудес, они приписывали Ему надменность, когда Он говорил, таким образом, то тем более в настоящем случае. Так они говорили Ему впоследствии: "**Авраам умер и пророки, а Ты говоришь: кто соблюдет слово Мое, тот не вкусит смерти вовек**" (Ин.8:52). Итак, чтобы и теперь они не пришли в ярость, Он вот что говорит: "**слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную**". От этого слово Его немало делалось удобоприемлемым для них, то есть – от вразумления, что слушающие Его веруют Отцу. Охотно приняв это, они уже удобнее могли принять и прочее. Таким образом, употребляя уничиженные слова о Себе, Он приготовляет и пролагает путь к понятиям высшим. Затем, сказав: "**имеет жизнь вечную”**, - Он присовокупляет: “**и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь**". Так двумя замечаниями Он располагает к принятию Своего учения – тем, что чрез Него веруют Отцу, и тем, что верующий сподобится великих благ. А слова: "**на суд не приходит**" означают: не подлежит наказанию. И “смерть” разумеется здесь не временная, но вечная. Равно как и жизнь – бессмертная. "**Истинно, истинно говорю вам: наступает время, и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут**" (Ин. 5:25). Слова Свои Он подтверждает доказательством от дел. Когда Он говорил: "**как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет**", – то, чтобы это не показалось тщеславием и надменностью, Он представляет и от дел доказательства Своих слов и говорит: "**наступает время**"; потом, чтобы не предполагал ты здесь отдаленного времени, присовокупляет: "**и настало уже, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут**". Видишь ли здесь самостоятельность и власть неизреченную? Как будет во время воскресения, говорит, так и ныне. Тогда, услышав повелевающих глас, мы восстанем, потому что сказано: "**при возвещении**" Божием "**мертвые воскреснут**" (1Фес.4:16). А откуда видно, может быть спросит кто-нибудь, что сказанное не есть одно тщеславие? Из прибавленных Им слов: "**и настало уже**". Если бы Он возвещал только о будущем времени, то учение Его могло бы быть для иудеев подозрительно; но Он представляет на то и доказательство. Еще во время Моего пребывания с вами, говорит Он, это сбудется. Если бы Он не мог сделать этого, то и не обещал бы на такое время, чтобы, в противном случае, обещание не подвергло Его еще большему посмеянию. Потом прилагает и объяснительный довод к словам Своим, говоря: "**ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе**" (Ин.5:26).

3. Видишь ли, какое здесь равенство открывается, с тем только различием, что один – Отец, а другой – Сын? Слово: "**дал**" одно только и выражает различие, а во всем прочем показывается равенство и единение. А отсюда ясно, что Он делает все с такою же властью и силою, с какою Отец, и ни от кого иного не заимствует Своей силы. Он так же имеет жизнь в Себе, как и Отец. Потому и далее тотчас присовокупляет такие слова, из которых можем уразуметь и предыдущие. Какие же именно? "**И дал Ему власть производить и суд**" (Ин.5:27). Но для чего Он так часто повторяет о воскресении и суде? "**Как**, - говорит, - **Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет**". Опять: "**Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну**". И еще: "**как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе**". Также: "**услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут**". И здесь опять: "**и дал Ему власть производить и суд**". Для чего же Он так часто касается этих предметов, т.е., суда, жизни и воскресения? Потому, что это больше всего может подействовать и на самого несговорчивого слушателя. Кто убежден, что воскреснет и даст тогда отчет во грехах своих, тот, хотя бы и не видел никакого другого знамения, по одном этому убеждению скоро обратится и постарается умилостивить Судию своего, "**потому что Он есть Сын Человеческий, не дивитесь сему**" (Ин.5:27,28). Павел Самосатский не так читает это место, а – как? "**Дал Ему власть производить суд, потому что Он есть Сын Человеческий**". Но такое чтение не имеет никакой последовательности. Он не потому получил суд, что Он человек; иначе, что препятствовало бы и всем людям быть судьями? Но потому Он есть судия, что Он – Сын неизреченного Существа. Поэтому и надобно читать так: "**потому что Он есть Сын Человеческий, не дивитесь сему**". Так как слушателям могли казаться слова Его не совместными, потому что они почитали Его не более, как простым человеком, а между тем, слова Его были выше человека, даже выше ангела, и только одному Богу могли быть свойственны, то, разрешая такое недоумение, Он и присовокупляет: "**не дивитесь, что Он есть Сын Человеческий: ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас**" Его, "**и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения**" (Ин.5:28,29). Но почему Он не сказал так: "не дивитеся, яко Сын человеческий есть; Он есть вместе и Сын Божий", – а упомянул о воскресении? Он уже высказал это выше: "**услышат глас Сына Божия**". А что здесь умолчал об этом, не удивляйся. Говоря о таком деле, которое свойственно Богу, этим самым дает слушателям основание заключать, что Он есть и Бог, и Сын Божий. Если бы Он часто повторял это, то слушателям это надоело бы, а доказывая тоже самое чудными делами, он делал учение Свое не столь ненавистным. Так и те, которые составляют умозаключения, положив известные основания, твердо доказывающие искомую истину, часто не выводят из них заключения, а чтобы более убедить в том слушателя и одержать более блистательную победу, предоставляют самому противнику вывести надлежащее заключение, так что присутствующие при этом тем более соглашаются с ними, когда противники произносят суд против самих себя. Далее Христос, упоминая о воскресении, присовокупил и то, что "**творившие добро изыдут в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения**". Подобным образом Иоанн убеждал слушателей напоминанием о суде и тем, что "**не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем**" (Ин.3:36). Так и сам Христос говорил Никодиму: "**верующий в Сына не судится, а неверующий уже осужден**" (Ин.3:18). Так и здесь Он упоминает о суде и наказании за злые дела. Выше Он сказал: "**слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня на суд не приходит**"; а чтобы кто не подумал, будто это одно достаточно для спасения, Он касается и дел жизни и говорит: "**изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения**". Но так как Он сказал, что Ему даст отчет вся вселенная и все воскреснут по гласу Его, – дело новое и необычайное, которому и ныне еще многие не верят, даже из людей, по видимому верующих, не говоря уже о тогдашних иудеях, – то послушай, как Он это объясняет, снисходя опять к немощи слушателей. "**Я ничего**, - говорит, - **не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу, и суд Мой**

праведен; ибо не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца" (ст.30). Не малое уже доказательство воскресения Он дал и в том, что исцелил расслабленного; поэтому и не прежде стал говорить о воскресении, как, совершив исцеление, – такое дело, которое было не слишком далеко от воскресения. Также и о суде намекнул тогда, сказав после исцеления тела: "**вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже**" (Ин.5:14). Но Он предвозвещает здесь вместе о воскресении и Лазаря и всей вселенной; а предрекая о двух этих воскресениях, о Лазаревом, имевшем вскоре совершиться, и о всеобщем, имевшем быть впоследствии, спустя долгое время, Он уверяет в первом исцелением расслабленного и самою близостью этого события, когда говорит: "**наступает время, и настало уже**", а в истине последнего убеждает воскресением Лазаря, как бы представляя пред глаза еще несбывшееся посредством уже случившегося. Видно, что так Он и во всех случаях делал, т.е., соединял вместе два или три предсказания и чрез исполнение одного удостоверял в других, будущих событиях.

4. Впрочем, сказав и сделав столь великие дела, Он тем еще не довольствуется; но, так как слушатели Его были еще слишком немощны, Он и последующими словами сокрушает их упорство, говоря так: "**Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен; ибо не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца**" (Ин.5:30). Слова эти могли казаться странными и несогласными с пророками, которые говорили, что Бог есть судия всей земли, т.е., рода человеческого (так Давид повсюду проповедует, говоря: "**Господь судит народы по правде**") (Пс.95:10); и еще: "**Бог – судия праведный, крепкий и долготерпеливый**" (Пс.7:12); также и все другие пророки, и Моисей; а Христос говорил: "**Отец не судит никого, но весь суд отдал Сыну**"; итак, это могло смутить тогдашнего слушателя – иудея, и внушить опять мысль, что Он – богопротивник; поэтому Он здесь весьма снисходит в слове о Себе, настолько, насколько требовала немощь иудеев, чтобы совершенно искоренить такое пагубное мнение, и говорит: "**Я ничего не могу творить Сам от Себя**", т.е., ничего странного, богопротивного, такого, чего не хочет Отец, вы не увидите в Моих делах и не услышите в словах. Как прежде, сказав: "**потому что Он есть Сын Человеческий**", - Он тем показывал, что они считали Его простым человеком, так и здесь присовокупляет подобные слова. Как выше Он говорил: "**мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели**" (Ин.3:11); и Евангелист Иоанн: "**что Он видел и слышал, о том и свидетельствует; и никто не принимает свидетельства Его**" (ст.32), - и в том и в другом месте разумея ведение точное, а не просто одно слышание и видение; так и здесь, говоря о слышании, выражает только то, что Он не может желать ничего иного, кроме того, чего хочет Отец. Только Он не сказал этого так ясно (потому что они, услышав это прямо, не стерпели бы), но как? Весьма смиренно, и по-человечески: "**как слышу, так и сужу**". Он не говорит также здесь о научении, не сказал: "как научаюсь", но: "**как слышу**"; и не потому говорит так, будто бы нуждался в слушании, – Он не только не имеет нужды учиться, но и слушать, – но выражает этим единомыслие (с Отцом) и тождество суда. Таким образом, слова Его означают следующее: Я так сужу, как бы и сам Отец судил. Затем присовокупляет: "**и суд Мой праведен; ибо не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца**". Что Ты говоришь? Стало быть, Ты имеешь волю, отличную от воли Отца? А в другом месте Ты сказал: "**как Мы едино**" (Ин.17:22); и еще, говоря о единстве воли и единомыслии: "**и они да будут в Нас едино**" (Ин.17:21), т.е., верою в Нас. Видишь ли, как то, что кажется наиболее уничиженным, скрывает в себе высокий смысл? А этим Он дает разуметь вот что: не иная есть воля Отца, и иная у Меня; но как одной душе принадлежит и одно хотение, так и у Меня с Отцом. Не удивляйся, что Он говорит о таком единении с Отцом. Павел употребляет такой же пример и относительно Духа, когда говорит: "**кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия**" (1Кор.2:11). И так Он говорит только вот что: нет у Меня хотения иного, отдельного от

Отца, но чего Отец хочет, того и Я, и чего Я хочу, того и Он. Потому как Отцу никто не может противоречить, когда Он судит, так и Мне; суд тем и другим произносится с одною и тою же мыслию. А что Он беседует об этом человекообразно, и этому не удивляйся: ведь иудеи еще считали Его простым человеком. Поэтому в подобных случаях надобно обращать внимание не только на слова Его, но иметь в виду и понятия слушателей и принимать слова Его, как приспособление к их понятиям; иначе может произойти много нелепых последствий.

Вот смотри, – Он говорит: "**не ищу Моей воли**"; следовательно, (можно бы подумать) у Него воля иная (чем у Отца) и притом гораздо несовершеннее, и не только несовершенна, но и не столь благотворна, – так как, если бы она была спасительна и согласна с волею Отца, то почему Ты не ищешь ее? Люди по справедливости могли бы говорить это, потому что они имеют много желаний несогласных с волею Божьей; а почему это говоришь Ты, во всем равный Отцу? Такие слова, можно сказать, несвойственны даже человеку совершенному и распявшему самого себя. Если Павел так сочетал волю свою с волею Божьей, что сказал: "**уже не я живу, но живет во мне Христос**" (Гал.2:20), то как Владыка всяческих мог сказать: "**не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня**", как будто они различны? Итак, что же означают слова Его? Он ведет речь по-человечески и приспособляется к понятиям слушателей. Как в предыдущей беседе Он употреблял выражения то богоприличные, то человекообразные, так и здесь делает то же самое и говорит как человек: "**суд Мой праведен**". А откуда это видно? "**Ибо не ищу Моей воли, но воли пославшего Меня**". Как между людьми тот, кто чужд самолюбия, не может быть обвиняем в неправости суда, так и Меня ныне вы не можете упрекать в этом; кто хочет делать по своему, того справедливо могут подозревать другие, что он по этой причине нарушает справедливость; а кто не имеет в виду своей воли, тот какую может иметь причину судить несправедливо? Таким же образом рассуждайте и относительно Меня, потому что если бы Я говорил, что Я не от Отца послан и славу дел Своих не относил к Нему, то, может быть, кто-нибудь из вас и справедливо подозревал бы, что желаю только Себя самого прославить и говорю не истину. Если же дела Мои Я вменяю и усвояю другому, то почему и по какому побуждению вы стали бы наводить подозрение на слова Мои? Видишь, к чему Он приводит слово и как доказывает правость Своего суда, – тем, что и всякий другой стал бы говорит в свою защиту? Видишь, как ясно становится то, что я часто говорил? Что же такое я говорил? То, что крайнее смирение в словах, – оно-то наиболее и внушает людям здравомыслящим не уничижать смысла изречений так, как по первому взгляду представляется, а в разумении их восходит на высоту заключающихся в них мыслей. Таким образом, это смирение в словах мало-помалу и удобно и пресмыкающихся долу возвышает горе.

Итак, имея все это в виду, не будем, убеждаю вас, оставлять без внимания изречения, но будем тщательно исследовать все и везде обращать внимание на причину сказанного. Не будем думать, что для нас достаточным извинением может служить наше незнание и простота; Христос заповедал нам быть не только простыми, но и мудрыми. Поэтому с простотою позаботимся соединить и благоразумие, как в учении, так и в делах жизни; будем судить сами себя здесь, "**чтобы не быть осужденными с миром**" (1Кор.11:32). И в отношении к рабам своим будем такими, каким желаем иметь к себе самим Господа нашего. "**Прости нам**, - говорим мы, - **долги наши, как и мы прощаем должникам нашим**" (Мф.6:12). Знаю, что оскорбленная душа не легко переносит оскорбления; но если подумаем, что прощением обиды мы делаем добро не столько оскорбившему, сколько себе самим, то легко извергнем из себя яд гнева. И тот, кто не простил должнику своему ста динариев, обидел не собрата своего, но себя самого сделал должником тысячи талантов, которые прежде были прощены ему. Таким образом, когда мы не прощаем другим, то не прощаем самим себе. Будем же не Богу только говорить: не помяни

согрешений наших, но и самому себе пусть каждый говорит: да не помянем согрешений собратий наших против нас. Ты сам первый судия твоим делам, а потом уже судит их Бог. Ты пишешь себе закон прощения и наказания и изрекаешь себе приговор того или другого; таким образом, от тебя зависит – помянет ли, или не помянет Бог грехи твои. Потому и Павел заповедует прощать "**если кто на кого имеет жалобу**" (Кол.3:13), да и не просто прощать, а так, чтобы и следов (гнева) не оставалось. И Христос не только не поставил на вид грехи наши, но и не вспомянул о том, что мы согрешили, и не сказал: ты согрешил в том и в том, а простил и уничтожил рукописание, не вменив нам преступлений, как изъяснил это Павел (Кол.2:14). Так будем поступать и мы, и изгладим все из нашей памяти; разве что-либо доброе сделано оскорбившим нас – это одно и будем помнить. А если он сделал что-нибудь оскорбительное и враждебное, то оставим это и изгладим из памяти, так чтобы не осталось и следов. Если же от него не было нам ничего доброго, то тем больше нам награды, больше хвалы, если мы прощаем. Иные изглаждают грехи свои бдениями, лежанием на земле и бесчисленными подвигами; а ты можешь уничтожить все согрешения свои гораздо более легким способом – непамятованием зла. Для чего же ты поднимаешь меч на самого себя, подобно беснующимся и сумасшедшим, и лишаешь сам себя будущей жизни, тогда как надобно всеми способами достигать ее? Если настоящая жизнь так вожделенна, то что сказать о той, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания? Там уже не надобно ни бояться смерти, ни опасаться потери тамошних благ. Блаженны, и преблаженны, и многократно блаженны те, которые сподобились этого блаженного жребия, напротив несчастны, и пренесчастны, и неисчетно несчастны те, которые сами себя лишают блаженства. Да что же, скажут, может доставить нам такую жизнь? Послушай, как сам Судия беседовал об этом с одним юношей. Когда юноша спросил: "**что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную**" (Мф.19:16)? – тогда Христос, напомнив о заповедях закона, остановился на любви к ближним. И, может быть, теперь кто-нибудь из слушателей, подобно тому богачу, скажет: и мы все то сохранили: не крали, не убивали, не любодействовали. Но того еще не можешь ты сказать, что ты и ближнего возлюбил, как должно любить. Ты, например, или позавидовал кому-нибудь, или позлословил, или не помог обиженному, или не поделился собственностью, а следовательно, и не возлюбил ближнего. Но Христос заповедал не это только, а и еще нечто другое. Что же такое? "**продай**, - говорит, - **имение твое и раздай нищим, и следуй за Мною**" (Мф.19:21). Последованием называет Он подражание Ему в делах. Чему же мы научаемся отсюда? Во-первых, тому, что не имеющему всего этого невозможно достигнуть преимуществ будущего жребия. Когда юноша сказал, что он сделал все, тогда Христос, как бы недоставало еще чего-то важного для полного совершенства, говорит ему: "**если хочешь быть совершенным, продай имение твое и раздай нищим, и следуй за Мною**". Итак, во-первых, этому мы должны научиться. Во-вторых, видим, что юноша сам себя обличил в пустом самодовольстве; ведь если он жил в таком изобилии, а других, находившихся в бедности, презирал, то как же он мог сказать, что возлюбил ближнего? Значит и то (что исполнил заповеди) он говорил несправедливо. Итак, будем исполнять то и другое; постараемся расходовать наше имущество так, чтобы приобрести небо. Если иной за житейское величие часто отдает все свое имущество, – величие, которое останется здесь и даже не может продолжаться немного времени, так как многие еще задолго до смерти лишались власти, другие за нее платили иногда самою жизнью, и все же, несмотря на это, жертвуют за нее всем, – если, говорю, ради этого люди так много делают, то можно ли быть несчастнее нас, для славы нескончаемой и неотъемлемой не уделяющих даже малости, не желающих отдать и того, что через немного времени должны же будем здесь оставить? Какое безумие – не хотеть добровольно отдать и взять с собою то, чего можем лишиться против воли? Ведь если бы нас вели на смерть, а потом предложили избавиться от смерти ценою всего нашего имущества, мы, конечно, почли бы это за милость; а теперь, когда мы увлекаемся по пути в геенну и могли бы избавиться от нее, пожертвовав половину имения, мы соглашаемся лучше подвергнуться мучению, и хотим

удержать у себя то, что нам не принадлежит, и таким образом, теряем истинно нам принадлежащее. Какое же оправдание будем мы иметь, какое прощение, если нам проложен столь удобный путь к жизни, а мы носимся по стремнинам, идем путем бесплодным, лишая себя всего и здесь и там, тогда как могли бы верно приобрести все и там и здесь? Так, если не прежде, то по крайней мере теперь образумимся и, пришедши в себя самих, будем употреблять настоящие блага, как следует, чтобы удобнее получить и будущие, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 40

"Если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно. Есть другой, свидетельствующий о Мне; и Я знаю, что истинно то свидетельство, которым он свидетельствует о Мне" (Ин.5:31,32)

1. Если кто не сведущий станет рыть землю, содержащую в себе металлы, то золота не добудет, а только, перемешав все без разбора, понесет труд бесполезный, и даже во вред себе. Так и не знающие порядка мыслей в божественном Писании, не вникающие в его особенности и законы, а все невнимательно и безразлично пробегающие, смешивая золото с землею, никогда не найдут скрытого в нем сокровища. Это говорю я теперь потому, что предстоящее место (Писания) заключает в себе много золота, но оно незаметно, а прикрыто снаружи большою неясностью. Поэтому надобно раскапывать и расчищать это место, чтобы дойти до истинного его смысла. Кто с первого раза не смутится, слыша слова Христовы: "**если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно**"? Мы видим, что Он многократно свидетельствовал о самом Себе; так, беседуя с женою самарянкою, Он говорил: "**это Я, Который говорю с тобою**" (Ин.4:26); и слепому также сказал: "**Он говорит с тобою**" (Ин.9:37); и иудеев обличал: "**вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказал: Я Сын Божий**" (Ин.10:36); и во многих других местах Он так делает. Если же все это неправда, то какая останется нам надежда спасения? Где мы найдем истину, если сама Истина говорит: "**свидетельство Мое не есть истинно**"? И не это только противоречие здесь представляется, а еще и другое не меньшее. Он говорит далее: "**если Я и Сам о Себе свидетельствую, свидетельство Мое истинно**" (Ин.8:14). Что же, скажешь, нам принять? Которое из этих двух изречений считать неистинным? Если мы примем эти слова просто так, как они сказаны, не обращая внимание ни на лицо, ни на причину, ни на что другое, – в таком случае и то и другое будет ложно. Если вообще свидетельство Его не истинно, то и эти самые слова не истинны, – не только последние, но и первые. Что же означают эти изречения? Много внимательности нужно нам иметь, или лучше – благодати Божией, чтобы не останавливаться на одних словах; потому и еретики заблуждаются, что не обращают внимания ни на цель говорящего, ни на свойства слушателей. Итак, если мы не вникнем в это, а также и в другие обстоятельства, как-то: время, место, дух слушателя, – то может произойти много нелепостей. Что же означают слова Христовы? Иудеи намеревались возразить Ему: "**Ты Сам о Себе свидетельствуешь, свидетельство Твое не истинно**" (Ин.8:13); а Он, предупреждая их, и сказал это, как бы так говоря: вы конечно скажете Мне: мы не веруем Тебе потому, что между людьми никто свидетельствующий о самом себе никогда не заслуживает веры. Потому выражение: "**свидетельство Мое не есть истинно**" надобно разуметь не просто, а приспособительно к понятию иудеев, то есть: для вас не истинно. Таким образом Он сказал эти слова не вопреки достоинству Своему, а приспособительно к их мнению. Итак, когда Он говорил: "**свидетельство Мое не есть истинно**", – этим обличает их мысли и преднамеренное с их стороны возражение Ему; а когда говорит: "**если Я и Сам о Себе свидетельствую, свидетельство Мое истинно**", – этим показывает самую сущность дела, т.е., что Его, как Бога, следует почитать

достойным веры и тогда, как Он говорит о самом Себе. Пред этим Он говорил о воскресении мертвых и суде, – о том, что верующий в Него не подлежит суду, но прейдет в живот, что Он воссядет некогда на суд, чтобы потребовать от всех отчета, и что Он имеет единую с Отцом власть и силу; теперь, намереваясь снова подтвердить все это и еще иным образом, Он по необходимости предварительно выставляет на вид их возражение. Я сказал, говорит, что, "**как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет**"; Я сказал, что "**Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну**"; сказал: "**дабы все чтили Сына, как чтут Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца**"; сказал, что "**слушающий слово Мое и верующий, перешел от смерти в жизнь**"; Я сказал, что "**глас Сына Божия**" воскресит мертвых, – одних ныне, а других впоследствии времени; сказал, что Я истребую от всех отчета во грехах, что буду судить праведно и вознагражу делающих добро. Так как все это было высказано, и все это очень важно, но ясного доказательства для иудеев еще не было дано, а только сказано прикровенно, то Он, намереваясь поспешить к изъяснению сказанного, наперед представляет их возражение, и говорит как бы так, хотя и не такими именно словами: может быть, вы скажете: все это говоришь Ты; но Ты свидетель, не заслуживающий веры, когда свидетельствуешь сам о себе. Таким образом, Он с первого раза поражает их любопрение, выставляя на вид то, что они намеревались сказать, и тем показывая, что Он знает и тайные помышления их; а дав чрез это первое доказательство Своей силы, Он после возражения представляет и другие ясные и неоспоримые доказательства, именно приводит трех свидетелей истинности Своих слов: дела, Им совершенные, свидетельство Отца и проповедь Иоанна. При этом выставляет наперед меньшее, именно свидетельство Иоанново. Сказав: "**есть другой, свидетельствующий о Мне; и Я знаю, что истинно то свидетельство**", присовокупляет: "**вы посылали к Иоанну, и он засвидетельствовал об истине**" (Ин.5:33). Но, если свидетельство не истинно, как же Ты говоришь, что свидетельство Иоанново истинно, и что Он свидетельствовал об истине? Видишь ли, как и отсюда становится ясно, что слова: "**свидетельство Мое не есть истинно**" сказаны приспособительно к мыслям иудеев?

2. Но что, если Иоанн свидетельствовал так из угождения Христу, – скажешь ты? Чтобы иудеи не сказали этого, посмотри, как Христос устраняет и такое подозрение; не просто говорит: Иоанн свидетельствовал о Мне, а наперед заметил: "**вы посылали к Иоанну**"; а вы конечно не послали бы, если бы не почитали его свидетельства достоверным. А что еще важнее, они посылали спросить его не о Христе, а о нем самом (Ин.1:19); итак, если они почитали его достойным веры в свидетельстве о самом себе, тем более о другом. Мы все – люди, привыкли не столько верить говорящим о самих себе, сколько говорящим о других. А Иоанна признавали настолько достойным веры, что и касательно себя самого он не имел нужды в постороннем свидетельстве. Таким образом, посланные не спрашивали: что ты скажешь о Христе? а только: "**кто ты**"? Что глаголеши о тебе самом? Столь великое благоговение имели они к этому мужу. На все это Христос и указывал, когда говорил: "**вы посылали к Иоанну**". Потому-то и Евангелист не просто сказал, что они послали, но и о посланных с точностью заметил, что это были и священники и фарисеи, а не простые люди, не отверженные и не такие, которые могли бы увлечься и обмануться, но которые способны были в точности уразуметь сказанное Иоанном. "**Впрочем Я не от человека принимаю свидетельство**" (Ин.5:34). Почему же Ты привел свидетельство Иоанна? Потому, что и оно было свидетельство не человеческое; Иоанн говорил: "**Пославший меня крестить в воде сказал мне**" (Ин.1:33). Таким образом, и свидетельство Иоанна было свидетельство Божие, потому что по Божию внушению он говорил то, что говорил. Но чтобы они не сказали: откуда известно, что Иоанн говорил по внушению Божию, и чтобы не прекословили этому, Христос решительно заграждает уста их, направляя опять Свою беседу против их мыслей. Многие вероятно не знали этого, а внимали Иоанну, как говорившему от себя самого. Потому Христос говорит: "**Я не от**

человека принимаю свидетельство". Но если Ты не намерен принимать свидетельство от человека и на нем основываться, то для чего приводишь свидетельство Иоанна? Чтобы они не сказали этого, послушай, как Он опровергает и такое возражение прибавлением последующих слов, сказав: "**Я не от человека принимаю свидетельство**", Он присовокупляет: "**но говорю это для того, чтобы вы спаслись**", то есть: Я, как Бог, не имел бы нужды в человеческом его свидетельстве; но так как вы более внемлете ему, считаете его достовернее всех других, и к нему стекаетесь, как к пророку (а весь город стекался на Иордан), Мне же не веруете и тогда, как Я творю чудеса, – то вот почему Я и напоминаю вам его свидетельство. "**Он был светильник, горящий и светящий; а вы хотели малое время порадоваться при свете его**" (Ин.5:35). Чтобы они не сказали: что же, хотя Иоанн и говорил, но мы не приняли свидетельства его, – Он показывает, что они именно приняли сказанное, потому-то и не простых людей посылали, а священников и фарисеев. Так они уважали этого мужа и не решались тогда противоречить словам его. Но выражением: "**малое время**" Он показывает легкомыслие их, – в том, как скоро они отошли от Иоанна. "**Я же имею свидетельство больше Иоаннова**" (ст.36). Если бы вы хотели принять веру, как следует, то Я привел бы вас к ней лучше всего делами Своими; но как вы не хотите этого, то Я отсылаю вас к Иоанну, не потому чтобы имел нужду в свидетельстве его, но Я для того все делаю, чтобы вы спаслись. "**Я имею свидетельство больше Иоаннова**", именно – свидетельство от дел Моих; но Я не то только имею в виду, чтобы быть принятым вами по свидетельству людей, вам известных и вами уважаемых. Таким образом, словами: "**вы хотели малое время порадоваться при свете его**" упрекнув их в том, что они показали усердие к Иоанну, только временное и нетвердое, Он называет его "светильником" и тем показывает, что Иоанн имел свет не от себя самого, но от благодати Духа. Впрочем, в противоположность этому свету, Христос еще не высказывает, что сам Он есть солнце правды; а только намекает на это, и тем сильно поражает их, и дает видеть, что они и во Христа не могли уверовать по тем же самым свойствам сердца, по которым пренебрегли Иоанном. И уважаемого ими человека они уважали только "**малое время**"; а если бы поступили не так, то он скоро привел бы их к Иисусу. Итак, доказав, что они во всех отношениях не заслуживают никакого извинения, Он присовокупляет: "**Я же имею свидетельство больше Иоаннова**". Какое же? Свидетельство от дел. "**Ибо дела**, - говорит, - **которые Отец дал Мне совершить, самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют о Мне, что Отец послал Меня**" (ст.36). Здесь Он напоминает им о расслабленном, о сухоруком исцеленном, и о многих других. О свидетельстве Иоанновом иной из них, может быть, сказал бы, что оно преувеличено и сказано по дружелюбию, хотя, впрочем, и это-то не могли они сказать об Иоанне – муже, исполненном строгого любомудрия и столько ими самими уважаемом; но о делах Христовых даже крайне безумные не могли иметь такого подозрения. Поэтому Христос и привел это второе свидетельство, сказав: "**дела, которые Отец дал Мне совершить, самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют о Мне, что Отец послал Меня**". Здесь же Он опровергает и обвинение в нарушении субботы. Они говорили: как может быть от Бога тот, кто не хранит субботы? На это Он и сказал: "**которые Отец дал Мне**". Хотя Он действовал и по собственной власти, но, желая вполне показать, что Он не делает ничего противного Отцу, Он употребил смиреннейшее выражение.

3. Но почему Он не сказал: дела, которые Отец дал Мне совершить, свидетельствуют, что Я равен Отцу? Ведь и то и другое можно было видеть из дел Его, – и что Он не делает ничего противного, и что Он равен Родившему Его, подобно тому, как в другом месте, утверждая это, Он говорил: "**когда не верите Мне, верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем**" (Ин.10:38). То и другое свидетельствовали о Нем дела, – и что Он равен Отцу, и что ничего не делает противного Ему. Почему же Он так не сказал, но, оставив важнейшее, сказал только вышеозначенные слова? Потому что этот-то и был прежде всего вопрос. Хотя уверить, что Он пришел от Бога значило гораздо менее,

нежели уверить, что Он Бог, равный Отцу (так как первое и пророки говорили, а последнего не могли сказать), однако, Он со тщанием утверждает меньшее, зная, что когда будет принято меньшее, тогда уже легко будет принято и большее. Потому-то, вовсе не упоминая о высшем свидетельстве, Он приводит меньшее, чтобы через последнее они приняли и первое. Сделав это, Он продолжает: "**и пославший Меня Отец Сам засвидетельствовал о Мне**" (ст.37). Где же Отец свидетельствовал о Нем? На Иордане, когда сказал: "**Сей есть Сын Мой Возлюбленный; Его слушайте**" (Мф.17:5). Но и это свидетельство еще требовало объяснение. Свидетельство Иоанна было для них ясно, потому что они сами посылали к нему, и не могли отказаться от того; также очевидно было и свидетельство чудотворений: они видели совершаемые Христом чудеса, слышали о них от исцеленных и верили, потому и обвиняли Христа. Оставалось, наконец, доказать истинность свидетельства от Отца. Итак, намереваясь объяснить это, Он присовокупляет: "**вы ни гласа Его никогда не слышали**" (ст.37). А как же Моисей говорит: "**Моисей говорил, и Бог отвечал ему голосом**" (Исх.19:19)? Как Давид: "**услышал звуки языка, которого не знал**" (Пс.80:6)? И как опять Моисей говорит: "**слышал ли [какой] народ глас Бога**" (Втор.4:33)? "**Ни лица Его не видели**". Однако об Исаии, Иеремии и Иезекииле, и многих других сказано, что они видели Бога. Что же значат слова Христовы? Он возводит их к любомудрому учению, показывая мало-помалу, что у Бога нет ни голоса, ни вида, но что Он выше таких образов и звуков. Как словами: "**ни гласа Его не слышали**" Он не то выражает, что Бог издает голос, только не слышимый, – так и словами: "**ни лица Его не видели**" выражает не то, что Бог имеет лицо, только незримое, а то, что в Боге ничего такого нет. Именно, чтобы иудеи не сказали: напрасно Ты хвалишься, Бог говорил с одним только Моисеем [как действительно они и говорили: "**мы знаем, что с Моисеем говорил Бог; Сего же не знаем, откуда Он**" (Ин.9:29)], – вот Он и сказал так, показывая им, что у Бога нет ни человеческого голоса, ни вида. Да что Я говорю, продолжает Он: Вы не только гласа Его никогда ни слыхали и вида не видали, но и того, чем вы наиболее хвалитесь и в чем все вы уверены, будто вы принимаете и храните заповеди Его, – и этого вам нельзя сказать о себе. Это самое Он давал им разуметь, присовокупив: "**и не имеете слова Его пребывающего в вас**" (Ин.5:38), т.е., повелений, заповедей, закона, пророков. Хотя Бог и дал эти заповеди, но их нет у вас, потому что вы не веруете Мне. Если Писания и здесь и там учат, что надобно веровать Мне, а вы не веруете, – ясно, что слово Его не пребывает в вас. Таким образом, Он далее прибавляет: "**потому что вы не веруете Тому, Которого Он послал**" (ст.38). Потом, чтобы они не сказали: как же Бог свидетельствовал о Тебе, когда мы не слыхали голоса Его? – говорит: "**исследуйте Писания, ибо они свидетельствуют о Мне**" (ст.39), и этим показывает, что Отец свидетельствовал чрез Писания. Он свидетельствовал и на Иордане и на горе; однако же, на этот голос Христос не указывает. Может статься, что они этому и не поверили бы, потому что в одном случае они и не слыхали голоса, именно на горе, а в другом – и слышали, да не обратили внимания. Поэтому Христос отсылает их к Писаниям, показывая, что и в них есть свидетельство Отца. Но сперва Он уничтожает их старое самохвальство, будто они видели Бога, или слышали голос Его. Так как можно было ожидать, что они не поверят словам Его о голосе Отца, представляя себе то, что происходило на горе Синае, то Христос, исправив сперва мысли их об этом предмете, показав, что все то сделано было по снисхождению, затем и отсылает их к свидетельству Писаний.

4. Будем же и мы в состязании и борьбе с еретиками заимствовать для себя подкрепление из Писаний. "**Все Писание**, - говорит апостол, - **богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен**" (2Тим.3:16,17) – а не так, чтобы одно он имел, а другого не имел: такой еще не совершен. Какая, например, польза, скажи мне, если кто молится прилежно, а милостыню подает не щедро? Или

щедро подает милостыню, но лихоимствует и притесняет других, или подает только на показ людям и ради похвалы от зрителя? Или хотя подает милостыню с полным усердием и для благоугождения Богу, но этим самым превозносится и высокомудрствует о себе? Или смиряется и соблюдает посты, но при этом сребролюбив, любостяжателен и, будучи привязан к земле, вводит в душу свою мать всех зол? Ведь корень всех зол есть сребролюбие. Будем страшиться его, будем убегать этого греха. Сребролюбие возмутило всю вселенную; все привело в беспорядок; оно удаляет нас от блаженнейшего служения Христу: "**не можете**, - говорится, - **служить Богу и маммоне**" (Мф.6:24), – потому что мамона требует совершенно противного Христу. Христос говорит: подай нуждающимся, а мамона: отними у нуждающихся; Христос говорит: прощай злоумышляющим на тебя и обидящим, а мамона напротив: строй козни против людей, нисколько не обижающих тебя; Христос говорит: будь человеколюбив и кроток, а мамона напротив: будь жесток и бесчеловечен, считай ни за что слезы бедных, – и таким образом в день суда сделает страшным для нас Судию. Тогда все наши деяния предстанут пред нашими глазами: обиженные и обнаженные нами лишат нас всякого оправдания. Если Лазарь, нисколько не обиженный богачом, а только не получивший от него помощи, сделался строгим его обвинителем, и не допустил богатого получить какое-либо снисхождение, то скажи, какое оправдание будут иметь те, которые не только не подают милостыни из своего имущества, но еще присваивают себе чужое и разоряют дома сирот? Если не напитавшие алчущего Христа навлекли на главу свою столь великий огонь, то похищающие чужое, ведущие бесчисленные тяжбы, несправедливо присваивающие себе имения от всех, какую получат отраду? Итак, исторгнем из себя эту страсть, а исторгнем, если подумаем о тех, которые прежде нас делали другим несправедливости, лихоимствовали и умерли. Не другие ли пользуются их богатством и трудами, тогда как сами они подвержены казни, мукам и невыносимым злостраданиям? Не крайнее ли это безумие – трудиться и заботиться, чтобы и при жизни истощаться от трудов, и по смерти терпеть невыносимые наказания и мучения, тогда как надлежало бы и здесь наслаждаться благоденствием (а ничто не доставляет столько удовольствия, как милостыня при чистой совести), и по отшествии в другую жизнь избавиться там от всех зол и достигнуть бесчисленных благ. Как порок здесь, еще прежде геенны, обыкновенно мучит преданных ему, так добродетель еще прежде царствия доставляет здесь наслаждение подвизающимся в ней, услаждая их жизнь приятными надеждами и постоянным удовольствием. Итак, чтобы нам получить это удовольствие и здесь, и в будущей жизни, обратимся к добрым делам; таким образом сподобимся мы и будущих венцов, которых и да удостоимся все благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 41

"Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне. Но вы не хотите придти ко Мне, чтобы иметь жизнь" (Ин.5:39,40).

1. Много надлежит нам, возлюбленные, иметь попечения о делах духовных; и не будем думать, что для спасения достаточно заниматься ими как-нибудь. Если в делах житейских ничего великого достигнуть не может тот, кто исполняет их небрежно, и как случилось, то тем более так должно быть в делах духовных, потому что они и требуют наибольшей тщательности. Поэтому и Христос, отсылая иудеев к Писаниям, отсылал не для простого чтения, а для точного и обдуманного испытания их. Он не сказал: "читайте Писания", но: "**исследуйте Писания**", потому что сказанное о Нем в Писаниях требовало много внимания (как прикровенно сказанное для пользы людей того времени). Итак, Он повелевает им теперь со тщанием углубляться в Писания, чтобы они могли найти

сокровенное в глубине их. Сказанное о Христе не поверхностно сказано и не на виду положено; но, как сокровище некое, положено в великой глубине. А кто, отыскивая положенное в глубине, с усердием и трудом не станет искать, тот и никогда не найдет искомого. Поэтому, сказав: "**исследуйте Писания**", Христос присовокупил: "**ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную**". Не сказал: "имеете", но: "**думаете иметь**", показывая, что надеющиеся спастись одним чтением, без веры, не могут приобрести никакого великого и важного плода. Он как бы так говорит: не уважаете ли вы Писаний? Не почитаете ли их источниками жизни? На них и Я теперь утверждаюсь, потому что они свидетельствуют о Мне. "**Вы не хотите придти ко Мне, чтобы иметь жизнь**". Итак, справедливо Он говорил: "**думаете**", потому что они не хотели повиноваться Писаниям, а только хвалились одним чтением их. Далее, чтобы, ради великого попечения Его об них, не стали они подозревать Его в любочестии, и чтобы не подумали, будто, желая от них веры Себе, Он наблюдает Свою выгоду (а Он упоминал и о голосе Иоанна, и о свидетельстве Бога Отца, и о Своих делах, и обещал жизнь, и употреблял все, чтобы привлечь их к Себе), – так как, говорю, многие, вероятно, подозревали, что Он говорил такие слова из любви к славе, то вот послушай, что Он прибавляет: "**не принимаю славы от человеков**" (ст.41), т.е., не имею в ней нужды. Не такова, говорит, Моя природа, чтобы Мне нуждаться в человеческой славе. Если солнце от светильника не получает приращения света, тем более Я далек от того, чтобы иметь нужду в человеческой славе. А для чего говоришь это, могли сказать Ему, если не нуждаешься в славе? "**Для того, чтобы вы спаслись**" (ст.34); это Он сказал еще прежде. Но то же самое выражает и здесь словами: "**чтобы иметь жизнь**" (ст.40). Но Он выставляет и другую причину; какую? "**Знаю вас: вы не имеете в себе любви к Богу**" (ст.42). Иудеи часто гнали Его, будто бы из любви к Богу, – за то, что Он делал Себя равным Богу (Ин.5:18); с другой стороны Он знал, что они не хотели веровать в Него. Итак, если бы кто спросил: для чего же Ты говоришь это? – Он и отвечает: для того, чтобы обличить вас в том, что вы преследуете Меня не из любви к Богу. И сам Он свидетельствует обо Мне и делами и Писаниями. Как прежде вы Меня гнали, считая Меня богопротивником, так теперь, когда Я показал это, вам следовало бы обратиться ко Мне, если бы вы любили Бога. Но вы не любите Его: поэтому-то Я и сказал это, чтобы показать, что вы слишком надменны и напрасно хвалитесь, прикрывая только свою зависть. Но это доказывает Он не только из настоящих обстоятельств, но и последующих. "**Я пришел**, - говорит, - **во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете**" (ст.43). Видишь ли, как Он и там и здесь говорит о Себе, что Он послан от Отца, и суд получил от Него, и ничего не может делать сам от Себя, именно для того, чтобы отсечь всякий предлог к неправомыслию. Но о ком это Он говорит: "**придет во имя свое**"? Здесь Христос намекает на антихриста, и вместе представляет неопровержимое доказательство их неблагомыслия. Если вы преследуете Меня, говорит Он, из любви к Богу, то гораздо более следовало бы так поступить с антихристом. Он ничего подобного не будет говорить, то есть, что послан от Отца, что пришел по воле Его; но совершенно напротив, насильственно будет похищать все ему не принадлежащее, и называть себя богом над всем, как и Павел пишет: "**выше всего, называемого Богом или святынею, выдавая себя за Бога**" (2Фес.2:4). Это именно и значит, что он "**придет во имя свое**". Но Я, говорит Христос, пришел не так, а во имя Отца Моего. Достаточно было и этого для доказательства, что они не любят Бога, так как не приняли того, кто говорил им о себе, что послан от Бога. Но в настоящем случае Он показывает бесстыдство их и с противоположной стороны – из того, что они готовы принять антихриста. Как скоро они не приняли говорившего им о себе, что Он послан от Бога, но готовы были поклониться тому, который не признает Бога, а превозносится и выдает себя за бога над всеми, то ясно, что гонение (на Христа) было делом зависти, а не любви к Богу. Таким образом, Христос представляет две причины на то, что сказал о Себе: сперва более снисходительную, сказав: "**для того, чтобы вы спаслись**", и: "**чтобы иметь жизнь**"; потом, – так как они

намеревались осмеять Его, – представляет и более поразительную причину, показывая, что, хотя бы слушающие и не веровали Ему, Бог во всяком случае сделает Ему угодное.

2. Павел, беседуя об антихристе, пророчески сказал: "**пошлет им Бог действие заблуждения, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду**" (2Фес.2:11,12). Но Христос не сказал, что антихрист придет, но: "**если придет**", щадя слушателей, потому что их нечестие тогда еще не вполне открылось. Вот почему Он умолчал о причине пришествия антихриста; а Павел с точностью означил эту причину для людей, могущих разуметь, и тем лишил иудеев всякого извинения. Но далее Христос показывает и причину их неверия, продолжая: "**как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете**" (ст.44); таким образом, опять дает видеть, что они действительно не заботились о славе Божией, а под таким предлогом хотели только оправдать свою страсть. В таких поступках они так далеки были от желания славы Божией, что сами искали более славы человеческой, нежели Божией. Как же они могли возыметь такую неприязнь из-за славы Божией, которою столько пренебрегали, что даже предпочитали ей славу человеческую? Сказав же, что они не имеют любви к Богу, и доказав это двумя причинами – их поступками в отношении к Нему и будущими отношениями к антихристу, изъяснив притом, что они не заслуживают никакого прощения, Христос приводит на обличение их и Моисея, и так поражает их: "**не думайте, что Я буду обвинять вас пред Отцем: есть на вас обвинитель Моисей, на которого вы уповаете. Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне. Если же его писаниям не верите, как поверите Моим словам**" (Ин.5:45-47)? Он как бы так говорит: своими действиями против Меня вы прежде Меня оскорбляете Моисея, потому что вы не веруете еще более Моисею, нежели Мне. Смотри, как Он со всех сторон лишает их всякого оправдания. Вы говорите, что гонением на Меня доказываете свою любовь к Богу? Но Я показал, что вы делаете это по нелюбви к Нему. Вы говорите, что Я нарушаю субботу и преступаю закон? Я отверг и это обвинение. Вы утверждаете, что по вере в Моисея дозволяете себе такие поступки против Меня? Я опять вам объясняю, что этим-то в особенности вы и доказываете свое неверие Моисею. Я столь далек от намерения идти против закона, что и обвинителем вашим будет не другой кто, а сам тот, кто дал вам закон. Как о Писаниях Христос говорил: "**ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную**", – подобным образом и о Моисее говорит: "**на которого вы уповаете**", связывая иудеев во всяком случае их собственными словами. Откуда же видно, сказали бы, что Моисей будет обвинять нас, и что Ты этим не напрасно хвалишься? Что общего у Тебя с Моисеем? Ты нарушаешь субботу, которую Моисей законоположил сохранять: каким же образом он может обвинять нас? Да откуда видно и то, что мы уверуем в другого, который придет в свое имя? Все это Ты говоришь без доказательств. Но все это (отвечает им Христос) выходит уже из предыдущего. Как скоро Моими делами, голосом Иоанна, свидетельством Отца подтверждено, что Я пришел от Бога, то ясно, что Моисей будет обвинять вас. Что он сказал? Не то ли, что, если явится муж, творящий чудеса, приводящий людей к Богу и верно предрекающий будущее, – такому с полною доверенностью надобно повиноваться? Христос не сделал ли всего этого? Он и чудеса совершал несомненно истинные, и к Богу всех привлекал, и Свои предсказания оправдывал исполнением их. Но откуда видно, что они уверуют в другого? Из самой ненависти их ко Христу. Отвергающие того, кто приходит по воле Божией, без сомнения, примут богопротивника. Если же Он указывает теперь на Моисея, а прежде говорил: "**Я не от человека принимаю свидетельство**" (Ин.5:34), – ты этому не удивляйся: Он не к Моисею их отсылает, а к божественным Писаниям. Но так как Писания мало устрашали их, то Он обращает слово к лицу Моисея, представляя им обвинителя в самом законодателе, и таким образом производит в них гораздо сильнейший страх и опровергает все, что ни было сказано ими. Замечай же: они говорили, что преследуют Его из любви к Богу, – Он показывает, что они делают это по

нелюбви к Богу. Они говорили, что держатся Моисея, – Он показывает, что они поступают так по недоверию к Моисею. Если они ревновали о законе, то им следовало принять исполнявшего закон. Если любили Бога, то им надлежало повиноваться привлекавшему их к Богу. Если верили Моисею, то им следовало поклониться Тому, о ком Моисей пророчествовал. А если ему не верили еще прежде, чем Мне, то нет ничего удивительного, что гоните и Меня, проповеданного им. И тогда, как иудеи благоговели к Иоанну, Христос доказывает их неверие, и таким образом все, чем они мечтали оправдать себя, Он постоянно обращает на их же голову. Я, говорит Он, столько далек от мысли – отвлекать вас от закона, что к обвинению вашему призываю и самого законодателя. Впрочем, хотя Он сказал, что Писания свидетельствуют о Нем, но где они свидетельствуют, этого не присовокупил, желая навести на них тем больший страх, обратить к испытанию Писаний и поставить в необходимость спрашивать Его самого об этом. А если бы Он предупредил их и объяснил это без вопросов с их стороны, то они отвергли бы и свидетельства Писаний. Теперь же, если они были внимательны к Его словам, – им следовало прежде всего спросить об этом и узнать от Него. Для этого-то Он особенно и распространяет не только Свои доказательства против них, но и прещения и угрозы, чтобы по крайней мере страхом изрекаемых на них слов вразумить их. Но, и несмотря на это, они молчат. Такова злоба! Что бы ни говорили, что бы ни делали, она не трогается, но упорствует, сохраняя в себе свой яд.

3. Поэтому надлежит извергать из души всякую злобу и никогда не сплетать никаких козней. "**Превратен**, - сказано, - **путь человека развращенного**" (Притч.21:8), и: "**святый Дух премудрости удалится от лукавства и уклонится от неразумных умствований**" (Прем. 1:5). Ничто так не делает людей глупыми, как злоба. В самом деле, когда человек бывает коварен, неблагонамерен, непризнателен (а это виды злобы), когда раздражается ничем не обиженный, строит ковы, то не представляет ли в этом доказательство крайнего своего безумия? С другой стороны ничто так не делает людей разумными, как добродетель: она делает их признательными, благонамеренными, человеколюбивыми, тихими, кроткими, смиренными; она обыкновенно рождает и все другие совершенства. Кто же может быть мудрее человека с такими расположениями? Поистине, добродетель есть источник и корень мудрости, как всякий порок берет начало от неразумия. И надменный и гневливый человек увлекается этими страстями по недостатку благоразумия. Поэтому и пророк говорил: "**смердят, гноятся раны мои от безумия моего**" (Пс.37:6), показывая, что всякий грех получает свое начало от неразумия. Напротив, человек добродетельный, имеющий в себе страх Божий, мудрее всех; потому и некий мудрец говорит: "**начало мудрости – страх Господень**" (Притч.1:7). Если же бояться Бога значит иметь мудрость, а порочный не имеет этого, то, без сомнения, он лишен мудрости; а лишенный истинной мудрости бессмысленнее всех. Хотя многие удивляются людям порочным потому, что они могут делать другим обиды и вред, но они не понимают, что таких людей должно считать несчастнейшими из всех, потому что, думая вредить другим, они вонзают меч в себя самих; а это и есть признак крайнего безумия, когда кто, поражая самого себя, не сознает того, но думает, что он вредит другому, между тем как закалает сам себя. Потому и Павел, зная, что, поражая других, мы убиваем себя самих, говорит: "**для чего бы вам лучше не терпеть лишения**" (1Кор.6:7)? Чтобы не быть обидимым, не надобно обижать; чтобы не терпеть зла, не надобно делать зла, – хотя это может показаться загадкой людям обыкновенным и не желающим любомудрствовать. Итак, зная это, будем считать несчастными и оплакивать не обижаемых и оскорбляемых, а делающих другим обиды и оскорбления. Эти-то люди наиболее страдают, потому что они вооружат против себя Бога, отверзают уста тысяче обвинителей, приобретают худую славу в этой жизни и навлекают на себя великую казнь в будущем веке. Напротив обижаемые и все великодушно переносящие преклоняют и Бога к милосердию и всех людей к состраданию им, к похвалам и благорасположению.

Такие люди, представляя величайшее доказательство своего любомудрия, и в этой жизни приобретают великую славу, и в будущей получат вечные блага, которых да сможем достигнуть и все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 42

"После сего пошел Иисус на ту сторону моря Галилейского, [в] [окрестности] Тивериады. За Ним последовало множество народа, потому что видели чудеса, которые Он творил над больными. Иисус взошел на гору и там сидел с учениками Своими. Приближалась же Пасха, праздник Иудейский" (Ин.6:1–4)

1. Не надобно, возлюбленные, входить в состязания с злыми людьми; но научимся, если только это не повредит нашей добродетели, уступать место их злым наветам. Таким образом укрощается всякая дерзость. Как стрелы, попадая во что-нибудь упругое, твердое и противодействующее, с большей силой отскакивают назад – на пустивших их; когда же стремительность их полета не встречает противодействия, то скоро теряет силу и прекращается, – так бывает и с дерзкими людьми. Когда мы идем наперекор им, они еще более свирепеют; когда же уступаем им и отстаем от них, тем легко укрощаем их неистовство. Таким образом и Христос, узнав о дошедшем до фарисеев слухе, что Он приобретает Себе учеников и крестит более, чем Иоанн, отошел в Галилею, чтобы погасить в них зависть и Своим удалением укротить их ярость, которая, конечно, родилась в них от этих вестей. Однако же, удалившись опять в Галилею, Он идет уже не в прежние места, – пришел не в Канну, а на ту сторону моря. "**За Ним последовало множество народа, потому что видели чудеса, которые Он творил**". Какие чудеса? Почему Евангелист не говорит о каждом из них? Потому, что этот Евангелист заботится о том, чтобы большую часть книги наполнить словами и беседами Христа к народу. Вот смотри: в продолжение целого года, даже и в праздник Пасхи, Евангелист не упоминает ни об одном чуде, кроме исцеления расслабленного и еще сына у царедворца. Евангелист не о том заботится, чтобы все пересказать: это и невозможно было бы; но из многого и великого – только немногое. "**За Ним последовало**, - говорит, - **множество народа, потому что видели чудеса, которые Он творил**". Это следование за Христом было делом не очень твердого убеждения; иудеи увлекались более чудесами, нежели высотою учения, которое слышали; а это было признаком грубых душ: знамения, сказано, не для верующих, а для неверных (1Кор.14:22). Но не таков был народ, упоминаемый у Матфея, а вот, послушай, каков: "**народ дивился учению Его**, - говорит Матфей, - **ибо Он учил их, как власть имеющий**". Но для чего Христос восходит теперь на гору и там садится с учениками? Для совершения имеющего быть чуда. А что взошли на гору только ученики, это – вина народа, который не последовал за Ним. Но не для этого только Он восходит на гору, а и для того, чтобы научить нас всегда уклоняться от шума и народной молвы, потому что уединение способствует любомудрию. Впрочем, Он часто и один восходил на гору и проводил там ночь в молитве, научая нас, что особенно приступающему к Богу должно удаляться от всякого шума и искать безмолвного времени и места. "**Приближалась же Пасха, праздник Иудейский**" (ст.4). Почему же Он, скажешь, не идет на праздник, но, тогда как все спешат в Иерусалим, отправляется в Галилею, и не сам только, а ведет с Собою и учеников, и оттуда – в Капернаум? Это потому, что Он понемногу начинал уже отрешать закон, имея повод к тому в коварстве иудеев. "**Иисус, возведя очи и увидев множество народа**" (Ин.6:5). Здесь Евангелист показывает, что Он никогда не сидел с учениками без дела, но что-нибудь излагал им, вероятно, с особенною обстоятельностью, учил и привлекал к Себе. Отсюда можно видеть, какое Он имел попечение о них, и как кротко и снисходительно обращался с ними. Они, сидя с Ним, вероятно, смотрели друг на друга. Потом, воззрев, Христос видит народ, идущий к Нему.

Другие Евангелисты говорят, что ученики, приступив к Нему, просили и умоляли Его не отпускать народ голодным (Мф.14:15; Лк.9:12); а Иоанн замечает, что Христос предложил об этом вопрос Филиппу. Мне кажется, справедливо и то, и другое; только происходило не в одно и то же время, но одно было прежде другого: поэтому одно было так, а другое – иначе. Почему же Он спрашивает Филиппа? Потому, что знал, которые из учеников Его наиболее требуют научения. А это – тот самый Филипп, который впоследствии говорил: "**покажи нам Отца, и довольно для нас**" (Ин.14:8). Потому Христос заранее и наставляет его: если бы чудо совершилось без предварения, то оно не показалось бы столь дивным; но теперь Христос предварительно побуждает Филиппа признаться, что (в пище) скудость, чтобы, сознав, как велика была она, он тем лучше уразумел величие имевшего совершиться чуда. И вот что Христос говорит Филиппу: "**где нам купить хлебов, чтобы их накормить**" (ст.5)? Так и в Ветхом Завете Бог говорил Моисею (а совершил чудо не прежде, как спросил его): "**что это в руке у тебя**" (Исх.4:2)? Так как события необычайные, неожиданно случающиеся, обыкновенно приводят в забвение предшествовавшие обстоятельства, то Бог предварительно связал Моисея признанием настоящего положения своего, чтобы он, будучи потом поражен удивлением, уже не мог забыть того, что сам признал, и таким образом, через сравнение одного с другим, познал величие чуда. То же и здесь происходит. Спрошенный Филипп отвечает: "**им на двести динариев не довольно будет хлеба, чтобы каждому из них досталось хотя понемногу**". "**Говорил же это, испытывая его; ибо Сам знал, что хотел сделать**" (Ин.6:6,7). Что значит: "**испытывая его**"? Разве Христос не знал, что будет сказано Ему Филиппом? Этого нельзя думать.

2. Какой же смысл этого изречения? Его можно понять при пособии Ветхого Завета. Там также говорится: "**и было, после сих происшествий Бог искушал Авраама и сказал ему: возьми сына твоего, которого ты любишь, Исаака**" (Быт.22:1,2). Но Бог представляется там говорящим это не потому, чтобы хотел чрез искушение узнать последствие, то есть, будет ли Ему повиноваться Авраам, или нет (нужно ли это для Того, Кто ведает "**все прежде бытия его**" (Дан.13:42)). Но в том и в другом случае сказано человекообразно. В том случае, когда Писание говорит, что Бог испытует сердца человеческие (Рим.8:27), оно показывает испытание, свойственное не неведению, а напротив совершенному ведению; и когда говорит: "**искушал**", выражает не иное что, как ведение совершенное. Можно и иначе объяснить это, – именно, что Бог делает человека чрез искушение более испытанным, – и как тогда Авраама, так теперь Филиппа вопросом приводит Он к точному уразумению чуда. Потому–то, чтобы ты, остановившись на простоте изречения, не пришел к какой–либо неуместной мысли о вышесказанном, Евангелист и присовокупляет: "**ибо Сам знал, что хотел сделать**". Притом надобно и то заметить, что, как скоро могло быть какое–либо злое подозрение, Евангелист немедленно с великим старанием устраняет его. И вот, как здесь, чтобы слушатели не возымели такого подозрения, он присовокупляет ограничение, заметив: "**ибо Сам знал, что хотел сделать**", так, когда сказал, что иудеи гнали Его "**за то, что Он не только нарушал субботу, но и Отцем Своим называл Бога, делая Себя равным Богу**" (Ин.5:18), Евангелист и здесь прибавил бы от себя замечание, если бы это не было намерением самого Христа, подтвержденным делами Его. Если Евангелист всегда предостерегает, чтобы кто не заподозрил слов самого Христа, то, гораздо более, он остерегался бы этого при изложении того, что говорили о Христе другие, когда бы замечал, что о Нем держатся не надлежащего мнения. Но Евангелист в настоящем случае не сделал этого, потому что знал, что такова мысль самого Христа и таково Его непоколебимое определение. Поэтому, сказав: "**делая Себя равным Богу**", он не сделал никакого замечания, так как это не было их испорченное понятие, а мысль истинная, утвержденная делами Христа. Между тем, когда был спрошен Филипп, Андрей, брат Симона, Петра, сказал: "**здесь есть у одного мальчика пять хлебов ячменных и две рыбки; но что это для такого множества**"

(ст.9)? Андрей становится выше Филиппа; но и он не совсем понял дело. Я думаю, что он и не просто это сказал, а потому, что слышал о чудесах пророков, о том, например, как Елисей совершил чудо над хлебами. Поэтому, хотя Андрей и взошел на некоторую высоту, но не смог достигнуть самой вершины.

Отсюда же познаем мы, преданные сластолюбию, чем питались те великие и дивные мужи; обратим внимание на то, как скудна была их трапеза и по количеству и по качеству пищи, и будем подражать им. Но последние слова Андрея показывают великую немощь. Сказав: "**есть пять хлебов ячменных"**, он присовокупил: "**но что это для такого множества**"? Он думал, что чудотворец мог бы сделать только из малого малое, а из большего большее. Но было не так. Для Господа равно легко было из большего или меньшего числа хлебов произвести изобилие в них, потому что Он не нуждался для этого в готовом веществе. Но, чтобы не думали, что тварь чужда Его премудрости (как впоследствии говорили клеветники – маркиониты), Он для совершения чудес употребляет в орудие самую тварь. Итак, когда оба ученика не знали, что делать, Он тогда уже и совершает чудо. Признав предварительно трудность дела, они, таким образом, получали более пользы, – именно тем, что, когда оно совершится, они тем более должны были познать силу Божию. Так как должно было совершиться чудо, которое творили и пророки, хотя не одинаковым образом, с другой же стороны Христос, пред совершением его, имел намерение воздать хвалу Богу, это, чтобы ученики не впали в какую-либо немощную мысль, – смотри, как Христос возвышает чудо над всеми другими самым образом совершения его, и показывает его отличие от чудес пророческих. Еще прежде, чем явились хлебы, Он уже творит чудо, чтобы ты знал, что Ему подчинено и не существующее, как существующее, как говорит Павел: "**называющим несуществующее, как существующее"** (Рим.4:17). Как бы уже готова была трапеза, и совсем устроена, Он повелевает народу немедленно возлечь, и уже этим возбуждает мысль учеников. А они, уже получив пользу от сделанного им вопроса, тотчас повиновались, не смутились и не сказали: что это значит? Как Ты повелеваешь возлечь, когда еще ничего пред нами нет? Таким образом те, которые вначале так мало имели веры, что говорили: откуда нам купить хлеба? – те стали верить еще прежде, чем увидели чудо, и теперь охотно размещали народ. Но почему Христос, пред исцелением расслабленного, пред воскрешением мертвого, пред укрощением моря, не молился; а здесь, над хлебами, это делает? Он этим показывает, что, приступая к пище, нам должно воздавать благодарение Богу. С другой стороны, Он делал это обыкновенно в случаях не очень важных, чтобы ты знал, что Он это делает не по какой–либо нужде. А если бы нуждался (в молитве), то скорее Он делал бы это в чудотворениях важнейших. Но совершавший важнейшие чудеса Своею властью, без сомнения, и молитву совершал по снисхождению.

3. Притом же, тут было много народа, и его надлежало убедить, что Христос пришел по воле Божией. Поэтому, когда Он творит какое-нибудь чудо наедине, то ничего такого не показывает; а когда совершает чудо при многих, то, чтобы они уверовали, что Он не враг Богу, не противник Родившему Его, чрез возношение хвалы уничтожает такое подозрение. "**Роздал возлежавшим, и насытились"** (ст.11,12). Видишь ли, какое расстояние между рабом и Господом? Рабы чудодействовали, имея благодать только отчасти; а Бог совершает все с полным всемогуществом, во всей обширности. "**И сказал ученикам: соберите оставшиеся куски. И собрали, и наполнили двенадцать коробов**" (ст.12,13). Это не лишнее было доказательство чуда, но сделано было именно для того, чтобы не считали такого дела призраком; для того-то и совершил Он чудо из готового вещества. Но почему Он дал нести короба не народу, а ученикам? Потому, что хотел в особенности их научить, как будущих учителей вселенной. А народ немного пользы извлекал из чудес; он скоро их забывал и просил потом других чудес; ученики же должны были извлечь немаловажную пользу. Это было немалым осуждением и для Иуды,

который также носил короб. А что это было сделано для научения их, видно из сказанного впоследствии, – когда Христос напоминал им об этом случае: "**еще ли не понимаете, сколько коробов вы набрали**" (Мф.16:9)? По этой причине и число коробов с остатками хлебов было равно числу учеников. Впоследствии же, когда они уже были научены, остатков было не столько, а семь коробов. Но я дивлюсь не только такому умножению хлебов, но и, при множестве их, определенному количеству остатков. Он произвел их ни больше, ни меньше, а именно столько, сколько хотел, предвидя, сколько будет употреблено, что было делом Его неизглаголанной силы. Итак, самые куски удостоверяли в действенности чуда, показывая и то, что это событие было не призраком, и то, что куски остались именно от тех хлебов, которые народ ел. Что же касается до чуда над рыбами, то оно тогда было совершено из готовых рыб; а после, по воскресении Христа, уже не из готового вещества. Для чего? Чтобы мы знали, что и теперь Он употребил готовое вещество не по нужде, не потому, чтобы нуждался в основе, а чтобы заградить уста еретиков. "**Тогда люди сказали: это истинно Пророк**" (ст.14). О, непомерное чревоугодие! Тысячи дел, гораздо более дивных, совершил Христос, и они не исповедали этого, а только теперь, когда насытились. Но из их слов видно, что они ожидали какого–то особенного пророка, потому что и Крестителю они говорили: ты "**пророк**"? (Ин.1:21), – и здесь: "**это Пророк. Иисус же, узнав, что хотят придти, нечаянно взять его и сделать царем, удалился на гору**" (ст.15). Увы, как преобладало в них чревоугодие! Какое было непостоянство в мыслях! Они уже не защищают закон, уже не обращают внимания на нарушение субботы, уже не ревнуют по Боге: они бросили все, лишь только чрево было наполнено. Христос стал для них и пророком, они хотят поставить Его и царем; но Он уклоняется. Для чего? Чтобы научить нас презирать мирские почести, и показать, что Он ни в чем земном не нуждается. Избравший для себя все убогое: и мать, и дом, и город, и воспитание, и одежду – не хотел славиться и земными отличиями. Что имел Он в небесах, то было славно и велико: ангелы, и звезда, и Отец глаголющий, и Дух свидетельствующий, и пророки, издалека предвозвестившие о Нем; а что было у Него на земле, то все было уничиженно, чтобы тем более проявлялась Его сила. Пришел же Он и нас научить – презирать мирское и никогда не увлекаться и не поражаться житейским блеском, но, отвергая все это, стремиться сердцем к будущему. А кто увлекается здешним, тот уже не станет восхищаться небесным. Поэтому Он и Пилату говорил: "**Царство Мое не от мира сего**" (Ин.18:36), чтобы не подумали о Нем, будто Он для внушения людям веры к Себе употреблял страх и силу. Но как же пророк сказал: "**се Царь твой грядет к тебе, кроткий, сидящий на молодом осле, сыне подъяремной**" (Зах.9:9)? Здесь пророк говорит о царстве ином, небесном, а не земном. Потому–то Христос говорил также: "**не принимаю славы от человеков**" (Ин.5:41).

4. Научимся же, возлюбленные, презирать человеческие почести и не желать их. Мы почтены величайшею честью, сравнительно с которой почесть земная поистине – бесчестие, смех и шутовство. Как и богатство земное сравнительно с небесным – убожество, и жизнь эта без той – смерть ("**предоставь**, - говорит Христос, - **мертвым погребать своих мертвецов**" (Мф.8:22)), так и слава здешняя в сравнении с тою – стыд и смех. Не будем же гоняться за нею. Если и те самые, которые воздают ее другим, ничтожнее тени и сновидений, то тем более самая слава. "**Слава человеческая – как цвет на траве**" (1Пет.1:24). А что может быть ничтожнее цвета травного? Но если бы слава земная была и долговечна, – какую пользу могла бы она принести для души? Никакой. Она даже причиняет величайший вред, делая людей рабами, хуже невольников, – рабами, которые повинуются не одному господину, а двум, трем и бесчисленным, дающим различные приказания. Во сколько раз лучше быть свободным, нежели рабом, – свободным от рабства людям, а рабом владычества Божия! Наконец, если хочешь любить славу, люби, но – славу бессмертную, потому что она и блистательнее, и пользы от нее больше. Люди велят тебе угождать им с ущербом для тебя самого; а Христос, напротив, за

каждое твое даяние воздает тебе сторицею, и к тому прилагает еще жизнь вечную. Что лучше, на земле ли быть прославляемым, или на небесах, – от людей ли, или от Бога, – со вредом ли для себя, или с пользою, – увенчиваться ли на один день, или на бесконечные веки? Ты подай нуждающемуся, а не давай пляшущему, чтобы с деньгами не погубить тебе и души его. Чрез неуместную щедрость ты становишься виновником его погибели. Если бы плясуны знали, что их искусство останется без прибыли, то они давно перестали бы заниматься им. Но они видят, что ты рукоплещешь, бежишь к ним, входишь в издержки, истрачиваешь все достояние на них; поэтому, хотя бы и не хотели продолжать своего дела, увлекаются, однако же, желанием прибыли. Если бы они знали, что никто не станет хвалить их ремесла, то немедленно оставили бы свои труды, как неприбыльные. Но когда видят, что дело их служит для многих предметом удивления, то похвала других делается для них приманкой. Оставим же бесполезные издержки. Научимся, на что и когда должно издерживать свое достояние, чтобы не прогневить нам Бога в обоих случаях: и собирая, откуда не следует, и расточая, на что не должно. Какого гнева не заслуживаешь ты, когда даешь деньги блуднице, но проходишь мимо нищего без внимания? Если бы ты давал и от праведных трудов, и тогда не грешно ли было бы давать награду за порок, и честь за то, за что следовало бы наказывать? Когда же ты питаешь свое сладострастие, ограбляя сирот и обижая вдов, то подумай, какой огонь ожидает дерзающих на такие дела? Послушай, что говорит Павел: "**не только делают, но и делающих одобряют**" (Рим.1:32). Быть может, мы уже слишком укоряем вас; но, если бы мы и не укоряли, все же наказания ожидают неисправимых грешников. Что же пользы угождать словами тем, которые на самом деле подлежат наказаниям? Ты одобряешь плясуна? Хвалишь, восхищаешься им? Итак, ты хуже и его самого, потому что он может извиняться бедностью, хотя и не основательно, а ты не имеешь и этого оправдания. Если я спрошу его, зачем он, оставив прочие занятия, обратился к этому презренному и непотребному, – он скажет, что в этом занятии, трудясь немного, он может получить прибыли много. А если я спрошу тебя, почему ты восхищаешься человеком распутным, живущим на погибель других, – ты не можешь прибегнуть к тому же оправданию, но принужден будешь поникнуть долу, устыдиться и краснеть. Итак, если нам, требующим от тебя отчета, ты не имеешь ничего сказать, то как мы устоим, когда откроется то страшное и неумолимое судилище, на котором мы должны будем отдать отчет и в помыслах, и в делах, и во всем? Какими очами воззрим на Судию? Что скажем? Чем оправдаемся? Какое представим извинение – благовидное, или неблаговидное? Издержки ли, удовольствие ли, или гибель других, которых мы губим, поддерживая их ремесло? Ничего нельзя будет сказать, но неизбежно подвергнемся казни, не имеющей конца, не знающей предела. Чтобы этого не случилось с нами, отселе будем всячески осторожны, и, таким образом, по отшествии отсюда с благою надеждою, мы достигнем вечных благ, которые и да получим все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 43

"Когда же настал вечер, то ученики Его сошли к морю и, войдя в лодку, отправились на ту сторону моря, в Капернаум. Становилось темно, а Иисус не приходил к ним. Дул сильный ветер, и море волновалось" (Ин.6:16-18)

1. Христос, не только находясь телом с учениками Своими, но и будучи далеко от них, устрояет полезное для них. Как всемогущий и премудрый, он и противные случаи направляет к одной цели. Вот смотри, что Он делает и в настоящем случае: Он оставляет учеников и восходит на гору. Они, оставленные Учителем, так как уже было позднее время, сошли к морю и до вечера оставались в ожидании Его возвращения. А когда

наступил вечер, они уже не могли удержаться, чтобы не пойти и не поискать Его: так сильна была любовь их к Нему. Они не говорят: теперь вечер, и ночь наступает, куда же теперь мы пойдем? Место опасное и время небезопасное. Но, пламенея любовью к Нему, они сходят на корабль. Евангелист не без цели, конечно, означает и время, а для того, чтобы тем показать пламенную их любовь. Для чего же Христос оставляет их и удаляется, а еще более – для чего является один, идя по морю? В первом случае Он научал их, каково им быть без Него, и хотел усилить в них любовь к Нему; а в другом – Он показывал им опять Свое могущество. Как не с народом только они слушали учение, так не с народом только видели и чудеса. Тем, которые должны были получить власть над вселенной, надлежало иметь нечто более, чем другим. А какие чудеса, спросишь, они видели одни? Преображение на горе, настоящее чудо на море, многие и великие чудеса по воскресении, а по этим я заключаю и о других. Шли же они в Капернаум, не зная наверное, но только надеясь встретить Его там, или даже во время плавания. На это сделал намек и Иоанн, сказав, что "**становилось темно, а Иисус не приходил к ним. Дул сильный ветер, и море волновалось**". Чего же они смущаются? Многие и различные обстоятельства приводили их в смущение: и время, потому что была тьма, и буря, потому что море воздымалось, и место, потому что они были не близко от земли, но отплыли "**около двадцати пяти стадий**" (ст.19), и наконец, необычайность явления, потому что они видят Его ходящим по морю. При этом-то сильном их смущении, Он говорит им: "**это Я; не бойтесь**" (ст.20). Для чего же Он явился? Чтобы показать, что Он есть тот, кто укротит бурю. На это указал Евангелист, сказав: "**они хотели принять Его в лодку; и тотчас лодка пристала к берегу**" (ст.21). Значит (Христос) сделал их плавание не только безопасным, но и благопоспешным. Народу Он не показал Себя ходящим по морю, потому что это чудо было выше его немощи. Да и ученики недолго видели Его в этом положении, а едва лишь Он явился им, как и удалился. Мне кажется, это чудо другое, а не то, которое рассказывается у Матфея (гл.14), и что оно действительно другое, это видно из многого. Христос часто совершал одни и те же чудеса с тем, чтобы не только привести зрителей в великое изумление, но и приготовить их принимать эти чудеса с многою верою. "**Это Я; не бойтесь**". Сказав эти слова, Он изгнал страх из их душ; а в другом месте Он поступает не так. Потому-то и Петр говорил: "**Господи! если это Ты, повели мне придти к Тебе**" (Мф.14:28). Отчего же они тогда приняли эти слова не вдруг, а теперь поверили? Оттого, что тогда буря продолжала еще качать корабль, а теперь вместе с словами Христа наступала тишина; или, если не по этой причине, то по той, о которой я сказал прежде, т.е., что Христос, часто совершая одни и те же чудеса, чрез чудеса предыдущие делал более удобоприемлемыми чудеса последующие. Для чего же Он не взошел на корабль? Чтобы сделать чудо более поразительным, а вместе с тем яснее открыть им Свое божество, и показать, что и тогда, когда Он благодарил, делал это не потому, чтобы нуждался в помощи, а из снисхождения к ним. Итак, Он попустил быть буре, чтобы они всегда искали Его, потом вдруг прекратил ее, чтобы показать Свою силу, и не взошел на корабль, чтобы сделать чудо поразительнее. "**На другой день народ, стоявший по ту сторону моря, видел, что там, кроме одной лодки, в которую вошли ученики Его, иной не было, и что Иисус не входил в лодку**", вошел и сам в другие корабли, пришедшие от Тивериады (ст.22-24). Для чего же с такою обстоятельностью повествует Иоанн? Почему бы ему не сказать: а на другой день переправился на ту сторону и народ? Этим он хочет показать нам нечто другое. Что же такое? Что Христос и народу, хотя не прямо, но косвенно, дал возможность уразуметь случившееся. Видели, говорит, "**что там, кроме одной лодки, иной не было, и что Иисус не входил в лодку**", и вошедши в корабли тивериадские, "**приплыли в Капернаум, ища Иисуса**" (ст.24). Что другое, в самом деле, можно было подумать, кроме того, что Он перешел море, пешествуя по нему (потому что нельзя было сказать, что Он переправился на другом каком-либо корабле: "**там, кроме одной лодки**, - сказано, - **в которую вошли ученики Его, иной не было**"). Однако же, и после такого чуда, они, пришедши, не спросили Его,

как Он переправился, как прибыл, и не позаботились узнать о таком чуде; а что говорят? "**Равви! когда Ты сюда пришел**" (ст.25)? Разве кто станет утверждать, что слово: "**когда**" ими сказано здесь вместо "**как**".

2. Следует и здесь обратить внимание на непостоянство их мыслей. Те, которые говорили: "**это Пророк**", которые старались восхитить Его и сделать царем, нашедши Его, не думают ни о чем таком, но забыв, как мне кажется, о чуде, более уже не удивляются ничему прежде бывшему. Они искали Его, но, конечно, потому, что хотели опять насладиться трапезой так же, как прежде. Перешли некогда Чермное море и иудеи, под предводительством Моисея; но большое различие между тем, что было там, и что – здесь. Тот все совершал молясь, и как раб; а этот – со всею властью. Там вода уступила напору ветра, так что можно было перейти посуху; здесь же было большее чудо: море оставалось в своем естественном состоянии и таким образом носило Владыку на своем хребте, подтверждая изречение, которое говорит: "**Он ходит по высотам моря**" (Иов.9:8). Между тем благовременно совершил Он чудо над хлебами, намереваясь войти в строптивый и непокорный Капернаум. Он хотел смягчить неверие жителей этого города чудесами, не только бывшими в нем, но и совершенными вне его. Стечение в этот город такого множества народа, выказавшего великое усердие, какого не могло бы смягчить и камня? Но с ними не случилось ничего подобного; нет, – они желали только пищи телесной, а потому Иисус и укоряет их. Зная это, возлюбленные, будем благодарить Бога и за чувственные блага, но еще гораздо более – за духовные. Этого хочет и Он, и ради этих-то благ дарует и те, привлекая и научая ими несовершенных, как людей еще сильно привязанных к миру. Впрочем, если они, получив эти блага, на них и останавливаются, то подвергаются осуждению и наказанию. Вот и расслабленному Христос хотел дать прежде благо духовное, но присутствующие этого не вынесли. На Его слова: "**прощаются тебе грехи твои**" (Мф.9:2) они сказали: "**Он богохульствует**".

Да не будет же с нами, убеждаю вас, ничего подобного; но блага духовные да будут предметом наших особенных забот. Почему? Потому, что когда есть блага духовные, не бывает никакого вреда от неимения благ телесных. А если нет их, то какая нам останется надежда, какое утешение? Потому о них всегда нужно молить Бога и их просить. О них молиться научил нас и Христос. И если мы вникнем в ту молитву, то не найдем в ней ничего плотского, но все духовное. Даже и то немногое чувственное, о чем мы просим в ней, становится от образа прошения духовным. Уже и одно наставление не просить ничего более, как только хлеба "**насущного**", т.е., ежедневного, было бы знаком ума духовного и любомудренного. Но смотри, что предшествует этому: "**да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе**" (Мф.6:9,10). Затем, сказав о том чувственном, Он тотчас уклонился и опять пришел к учению духовному, говоря: "**прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим**" (Мф.6:12). Ничего (не сказал) о начальстве, ничего о богатстве, ничего о славе, ничего о власти, но включил в молитву все, что клонится к пользе души, – ничего земного, но все небесное. Итак, если нам заповедано воздерживаться от вещей житейских и настоящих, то как будем мы несчастны и жалки, когда станем просить у Бога того, что Он заповедал нам отвергать, если и имеем, чтобы избавить нас от забот, а чего повелел просить, о том не будем иметь никакого попечения, или даже не будем и желать того? Подлинно это значит пустословить. Потому-то, хотя мы и молимся, но не получаем успеха. Как же, скажешь, богатеют люди злые? Как неправедные, преступные, хищники, лихоимцы? Не Бог дарует им это, – нет. Но как же Бог попускает? Как попускал некогда и богачу, соблюдая его для большего наказания. Вот послушай, что сказано ему: "**чадо! ты получил уже доброе твое, а Лазарь – злое; ныне же он утешается, а ты страдаешь**" (Лк.16:25). Итак, чтобы и нам не услышать этого голоса, нам, которые суетно и безрассудно проводим жизнь в роскоши и прилагаем грехи ко грехам, станем заботиться о

приобретении истинного богатства и совершенного любомудрия. Чрез это мы получим обетованные блага, которых и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 44

"Иисус сказал им в ответ: истинно, истинно говорю вам: вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились. Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную" (Иоан.6:26,27)

1. Снисходительность и кротость не везде полезны; бывают случаи, когда учителю нужна и строгость. Так, когда ученик ленив и упрям, нужно употребить против него и наказание, чтобы возбудить его от лености. Так поступил и Сын Божий, и во многих других случаях, и в настоящем. Когда народ пришел и, найдя Иисуса, стал с лестью говорить Ему: "**Равви! когда Ты сюда пришел**" (ст.25), – то Он, чтобы показать, что не ищет чести у людей, а имеет в виду одно только – спасение их, отвечал ему со строгостью. Он хотел этим не только исправить народ, но и открыть и обнаружить его мысли. Что же Он говорит? "**Истинно, истинно говорю вам**" (определительно и утвердительно), "**вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились**". Поражает словом и обличает, но не жестоко и сильно, а с большим снисхождением. Не сказал: о, сластолюбцы и чревоугодники! Я совершил столько чудес, но вы никогда не последовали за Мной, и не подивились совершенному; но – с некоторой кротостью и спокойствием: "**вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились**", указывая не на прежние только чудеса, но и на чудо настоящее. Он как бы так говорит, чем и обличает их: не чудо над хлебами поразило вас, а то, что вы насытились. А что Он говорил о них не по догадке, это они сами тогда же показали. Они, действительно, за тем снова и пришли, чтобы насладиться тою же пищею, а потому-то и говорили: "**отцы наши ели манну в пустыне**" (ст.31), опять привлекая Его к пище плотской, что и заслуживало обвинения и величайшего осуждения. Но Христос не останавливается на обличении, а присоединяет к нему и наставление, говоря: "**старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын Человеческий, ибо на Нем положил печать [Свою] Отец, Бог**" (ст.27). А эти слова имеют такое значение: не заботьтесь нисколько об этой пище, но – о той духовной. Но так как некоторые из людей, желающих жить праздно, злоупотребляют этими словами, как будто бы Христос отвергал в них трудолюбие, то теперь благовременно ответить и им. Они порочат целое, так сказать, христианство и подвергают его осмеянию за праздность. Но прежде надобно обратиться к изречению Павла. Что же он говорит? Поминайте слова Господа, сказавшего: "**блаженнее давать, нежели принимать**". (Деян.20:35. Но из чего было бы давать тому, кто сам ничего не имеет? Как же Марфе сказал Иисус: "**ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть**" (Лук.10:41,42), – и еще: "**не заботьтесь о завтрашнем дне**" (Матф.6:34)? Необходимо теперь все это разрешить не только для того, чтобы отвратить людей праздных, если только захотят, но и для того, чтобы показать, что слова Божии не противоречат между собою. Вот и в другом месте апостол говорит: "**умоляем же вас, более преуспевать и усердно стараться о том, чтобы жить тихо, делать свое [дело], чтобы вы поступали благопристойно перед внешними** " (1Фесс.4:10-12); и еще: "**кто крал, вперед не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся**" (Еф.4:28). Здесь Павел заповедал даже не просто заниматься делом, но с таким трудом, чтобы было из чего подать и другому. И в другом месте опять он же говорит: "**нуждам моим и [нуждам] бывших при мне послужили руки мои сии**" (Деян.20:34). И в послании к Коринфянам говорил: "**За что же мне**

награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую безмездно" (1Кор.9:18). И когда он был в том городе (в Коринфе), то находился у Акиллы и Прискиллы, и трудился (Деян.18:2,3): "**ибо ремеслом их было делание палаток**". Все это, по-видимому, находится в большом противоречии с сказанным, и потому необходимо представить на это разрешение.

Что же нам ответить? Что не печься не значит не трудиться, но – не привязываться к вещам житейским, т.е. не заботиться о покое на завтра, но считать эту заботу излишнею. Можно и трудиться и не собирать ничего на завтра, можно и трудиться и ни о чем не печься. Попечение и труд не одно и то же. Иной и трудится не для того, чтобы полагаться на труд, но чтобы подать нуждающемуся. Равным образом, и слова, сказанные к Марфе, относятся не к труду и занятию делом, а к тому, что надобно знать время (для труда), и времени, определенного для слушания, не употреблять на дела плотские. Значит, Он сказал те слова не с тем, чтобы вовлечь Марфу в праздность, но чтобы привлечь к слушанию. Я пришел, говорит Он, научить вас необходимому; а ты безпокоишься об обеде? Ты хочешь меня принять и приготовить дорогую трапезу? Приготовь другой пир, предложи Мне усердное слушание и подражай ревности сестры. И не с тем это Он сказал, чтобы запретить гостеприимство, – нет, совсем нет, – но чтобы показать, что во время слушания не должно заниматься другими делами. А словами: **старайтесь не о пище тленной** (не делайте брашна гиблющего) – не то дает разуметь, будто должно жить в праздности (это-то по преимуществу и есть **пища тленная** (брашно гиблющее), так как всякому злу научила праздность – Сирах.33:28), – но то, что должно трудиться и подавать. Вот это **пища** (брашно) уже не **тленная** (гиблющее). Напротив, если кто трудясь питает, напаяет и одевает Христа, то не найдется никого столько безчувственного и несмысленного, кто сказал бы, что такой человек делает **пища тленная** (брашно гиблющее), потому что за эту **пищу** (брашно) обещано будущее царство и те блага. Эта **пища** (брашно) остается навсегда. С другой стороны, так как иудеи вовсе не заботились о вере, не старались узнать, кто совершает такие дела и какою силою, а хотели только одного – насыщаться, ничего не делая, то Христос справедливо назвал такую пищу **пищей тленной** (брашном гиблющим). Я напитал ваши тела, говорит Он, чтобы вы отселе искали пищи другой, пребывающее, питающей душу; а вы опять бежите к пище земной. Значит, вы не понимаете, что Я веду вас не к этой несовершенной пище, а к той, сообщающей не временную жизнь, но вечную, питающей не тело, но душу. Потом, так как Он выразился о Себе столь возвышенно и сказал, что Он дает ту пищу, то, чтобы сказанное опять не показалось им странным, Он подаяние этой пищи относит к Отцу, сообщая тем достоверность Своим словам. Сказав: "**которую даст вам Сын Человеческий**", Он присовокупил: "**ибо на Нем положил печать [Свою] Отец, Бог**", т.е. послал с тем, чтобы Он принес вам эту пищу. Впрочем, это изречение допускает и другое толкование, потому что Христос говорит и в другом месте: кто слушает Мои слова, *на нем положил печать Отец,* "**что Бог истинен**" (Иоан.3:39), т.е. показал очевидно. Это же, мне кажется, и здесь означает вышеприведенное изречение. В самом деле, "**положил печать**" Отец – значит не другое что, как – показал, открыл Своим свидетельством. Правда, Христос и сам Себя показал; но, так как говорил с иудеями, то поставил на вид свидетельство Отца.

2. Научимся же, возлюбленные, просить у Бога того, чего должно просить у Него. Те, т.е. житейские обстоятельства, каковы бы ни были, не приносят нам никакого вреда. Обогатимся ли мы, – насладимся только здесь удовольствиями. Впадем ли в бедность, – не потерпим от того никакой беды. Ни отрадные обстоятельства этой жизни, ни печальные не заключают в себе достаточной причины для печали и для удовольствия, но и те и другие не стоят нашего внимания, и протекают с большою скоростью, отчего справедливо называются и путем, так как проходят и не могут оставаться надолго. Между тем будущие, – и то и другое, отмается на веки – как наказание, так и царство. Итак, в

отношении к будущему станем прилагать большее старание, чтобы одного избежать, а другого достигнуть. Какая, в самом деле, польза от наслаждения земного? Сегодня оно есть, а завтра – прах рассеянный; сегодня – огонь пылающий, а завтра – пепел остывший. Но не таковы блага духовные: они всегда сияют и цветут и с каждым днем становятся прекраснее. То богатство никогда не гибнет, никогда не переводится, никогда не истощается, никогда не подвергает безпокойству, зависти или порицанию, не губит тела, не растлевает души, не возбуждает зависти, не навлекает ненависти, между тем как все это соединено с богатством. Та слава не доводит до безумия, не рождает надменности, никогда не перестает и не помрачается. Покой и наслаждение на небесах также непрерывны, всегда неизменны и безсмертны: нельзя найти для них ни предела, ни конца. Возжелаем же, убеждаю вас, этой жизни. Если будем ее желать, то не поставим ни во что блага настоящие, но станем презирать их, смеяться над ними. Все, что имеет конец, не очень вожделенно. Все, что прекращается, что сегодня есть и чего завтра нет, хотя бы то было что-нибудь и очень великое, – все это кажется слишком малым и не стоящим внимания. Итак, будем любить не скоротечные, не преходящие и утекающие блага, но блага постоянные и неизменные, чтобы и сподобиться их, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 45

"Итак сказали Ему: что нам делать, чтобы творить дела Божии? Иисус сказал им в ответ: вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал. На это сказали Ему: какое же Ты дашь знамение, чтобы мы увидели и поверили Тебе? что Ты делаешь" (Иоан.6:28-30)?

1. Нет ничего хуже, ничего постыднее чревоугодия. Оно делает ум тупым; оно делает душу плотскою; оно ослепляет и не позволяет видеть. Вот смотри: это случилось и с иудеями. Так как, будучи преданы чревоугодию, они всецело были заняты предметами житейскими и не думали ни о чем духовном, то хотя Христос возбуждает их множеством слов, исполненных то строгости, то снисходительности, но и при всем этом они не встают, а по прежнему лежат долу. Посмотри, Он сказал им: "**вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились**" (ст.26), – (и чрез это) поразил обличением; показал, какой должно искать пищи, сказав: "**старайтесь не о пище тленной**"; предложил им награду в словах: "**но о пище, пребывающей в жизнь вечную**" (ст.27); наконец предупредил их возражение, сказав, что Он послан Отцом. Что же они? Как бы не слыхав ничего, говорят: "**что нам делать, чтобы творить дела Божии**"? Сказали же это (как показывают последующие обстоятельства(не с тем, чтобы узнать и исполнить, но чтобы расположить Его – опять дать им пищу и насытить их. Что же Христос? "**вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал**". На это они сказали: "**какое же Ты дашь знамение, чтобы мы увидели и поверили? Отцы наши ели манну в пустыне**" (ст.30,31). Ничего нет безчувственнее, ничего безсмысленнее этих слов. Тогда как чудо было еще пред их глазами, они говорили так, как будто еще не сделано ни одного чуда: "**какое же Ты дашь знамение**"? И, сказав это, не предоставляют Ему на произвол выбор чуда; но хотят поставить Его в необходимость совершить не другое какое-либо чудо, а именно такое, какое было при их предках. Потому-то и говорят: "**отцы наши ели манну в пустыне**", думая тем подстрекнуть Его – совершить такое чудо, которое могло бы напитать их телесно. В самом деле отчего они вспомнили не о каком-либо другом из прежних чудес, хотя их тогда много было совершено и в Египте, и над морем, и в пустыне, – но именно о манне? Не оттого ли, что сильно желали ее, будучи порабощены чревоугодию? Как же вы, называвшие Его пророком и хотевшие поставить царем, потому что видели чудо, – как вы теперь, как будто не было никакого чуда, оказываетесь неблагодарными и непризнательными, и просите чуда, как просили бы

прихлебатели и голодные псы? Теперь ли дорога вам манна, когда душа ваша изнемогает? И заметь хитрость их слов. Не сказали: Моисей сотвори такое-то чудо, а Ты какое сделаешь, – чтобы не раздражать Его; но ожидая от Него пищи, все еще обращаются к Нему с великою почтительностью. С другой стороны, не говорят и того, что Бог сотворил такое-то чудо а Ты какое сделаешь, – чтобы не подать мысли, будто они равняют Его Богу. Не упоминают и о Моисее, чтобы не подать мысли, будто унижают Его. Но избирают средину, говоря: "**отцы наши ели манну в пустыне**". Христос мог, конечно, сказать: Я совершил чудеса большие, чем Моисей, и не нуждался в жезле, не имел надобности в молитве, но все совершил Сам Собою. Если же вы напоминаете манну, то вот Я дал вам и хлеб. Но тогда не время было говорить это, а была одна забота обратить их к пище духовной. И смотри, с какою безпредельною мудростью Христос отвечает им: "**не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес**" (ст.32). Почему же Он не сказал: не Моисей дал, а Я; но вместо Моисея указал на Бога и вместо манны на Себя? Потому, что велика была немощь слушателей, как это видно из последующего. И тогда, как Он сказал эти самые слова, Он не остановили их. Хотя и вначале говорил: "**вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились**" (ст.26), и в последующих словах исправлял их, но, не смотря на все это, они не перестают (требовать хлеба). Когда Христос обещал самарянке дать воду, то при этом не упомянул об Отце, а просто так сказал: "**если бы ты знала Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую**", – и опять: "**вода, которую Я дам**" (Иоан.4:10,14), – но не отсылает к Отцу. Здесь же упоминает об Отце, чтобы ты узнал, как велика была вера самарянки и как велика немощь иудеев. Но ведь манна была не с неба; как же говорится: "**с небес**"? Так же, как Писание говорит: "**птиц небесных**", и опять: "**Возгремел на небесах Господь**" (Пс.8:9;17:14). Хлебом же истинным называет тот хлеб не потому, чтобы чудо над манной было ложно, а потому что она была образом, а не самою истиною. А упомянув о Моисее, не противопоставил Себя ему, потому что иудеи еще не предпочитали Его Моисею, а напротив о Моисее имели высшее понятие, чем о Нем. Поэтому, сказав: "**не Моисей дал**", Он не присовокупил: Я даю, но вместо того сказал: "**Отец дает**". Услыхав это, они опять говорят: дай нам есть хлеб этот, – потому что все еще думали, что это нечто чувственное, все еще ожидали насыщения своего чрева, а оттого и стеклись так скоро. Что же Христос? Мало-помалу возвышая их мысль, продолжает: "**хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру**" (ст.33), – не иудеям только, но и всей вселенной. Потому-то и не сказал просто – пищу, но – жизнь, какую-то другую и отменную, чтобы показать, что все были мертвы. Но они все еще поникают долу и говорят: "**подавай нам такой хлеб**" (ст.34). Обличая их за то, что они, пока предполагали трапезу чувственную, дотоле стекались к Нему а как скоро узнали, что это некая духовная трапеза, то уже не приступают к Нему, Христос говорит: "**Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда. Но Я сказал вам, что вы и видели Меня, и не веруете**" (ст.35,36).

2. Так еще прежде говорил и Иоанн: еже ведает, глаголет, "**и что Он видел, о том и свидетельствует; и никто не принимает свидетельства Его**" (Иоан.3:32). Равным образом, и Христос: "**мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели, а вы свидетельства Нашего не принимаете**" (Иоан.3:11). Делает же это, предупреждая их и показывая, что их неверие не смущает Его, что Он не ищет славы и знает сокровенные их мысли, как настоящие, так и будущие. "**Я есмь хлеб жизни**". Намеревается уже приступить к учению о таинстве, и сначала беседует о Своем божестве, говоря: "**Я есмь хлеб жизни**", – потому что это сказано не о теле. О теле говорит под конец: "**хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя**" (ст.51), – а теперь говорит о божестве. Плоть (Христова) ради Бога Слова есть хлеб, равно как и этот хлеб ради наития на него Духа бывает хлебом небесным. Здесь Христос не приводит свидетелей, как в

прежней беседе, потому что имеет свидетельство в чуде над хлебами, да и иудеи все еще показывали вид, что верят Ему, между тем как там противоречили Ему и порицали Его. Вот почему Он здесь и говорит прямо. Между тем иудеи, надеясь насладиться пищею телесною, остаются и не смущаются, пока впоследствии не потеряли всякой надежды. Но Христос, не смотря и на это, не замолчал, а напротив, сказал многое в их вразумление и обличение. Они же, называвшие Его пророком в то время, как ели, теперь соблазняются и называют Его сыном тектона. А тогда не соблазнялись, когда ели хлебы, но говорили: "**это Пророк**", и хотели сделать Его царем. По-видимому, они досадовали на то, что Он сказал: "**Я сошел с небес**"; но настоящей причиной их негодования было не это, а то, что они потеряли всякую надежду насладиться телесною трапезой. Если бы они действительно негодовали (на те слова), то им следовало бы спросить и узнать, каким образом Он есть хлеб животный и как сошел с неба. Между тем этого они не делают, а ропщут. И что не это их соблазняло, видно из следующего. На Его слова: "**Отец Мой дает вам хлеб**", они не сказали: умоли Его, чтобы дал; а что? "**Подавай нам хлеб**". Хотя Он и не сказал: Я даю, но: "**Отец Мой дает**", однако же, из желания пищи, они признали, что и Он может подать ее. Каким же образом, признав, что и Он может подать пищу, они могли потом соблазняться, и притом тогда, как услышали, что Он дает ее? Итак, какая же тому причина? Они услышали, что больше не получат уже пищи, и поэтому опять начали не верить и в оправдание своего неверия представляют то, что Его слово слишком высоко. Поэтому Он и говорит: "**вы и видели Меня, и не веруете**", указывая, с одной стороны, на чудеса, с другой, на свидетельства Писаний. "**Они**", говорит, "**свидетельствуют о Мне**" (Иоан.5:39). Еще: "**Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня**" (5:43). Еще: "**как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу**" (5:44)? "**Все, что дает Мне Отец, ко Мне придет; и приходящего ко Мне не изгоню вон**" (6:37). Смотри, как Он все делает для спасения людей. С тою именно целью Он и присовокупил это, чтобы не показалось, будто Он занимается предметами ненужными и говорит без цели. Что же Он говорит? "**Все, что дает Мне Отец, ко Мне придет; и Я воскрешу его в последний день**" (6:37,40). Но почему Он упоминает и об общем воскресении, в котором будут участвовать и нечестивые, как об особенном даре верующих в Него? Потому, что и речь у Него не просто о воскресении, но именно о таком воскресении. Сказав наперед: "**не изгоню**" его и не погублю ничего из того, что Он Мне дал. (6:37,39), Он потом уже говорит о воскресении. В воскресение действительно одни будут извержены, как можно видеть из слов: "**возьмите его и бросьте во тьму внешнюю**" (Матф.22:13), а другие погибнут, как и это видно из слов: "**бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне**" (Матф.10:28). Таки же образом, слова: живот вечный даю – значат тоже, что слова: "**изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения**" (Иоан.5:29). Вот на это-то воскресение, которое принадлежит людям добрым, Он и указал здесь. А что Он хочет сказать словами: "**Все, что дает Мне Отец, ко Мне придет**"? В них Он обличает неверие иудеев и показывает, что неверующий Ему преступает волю Отца, только говорит об этом не так прямо, но прикровенно. Так поступал Он и всегда, когда хотел показать, что неверующие оскорбляют не Его только, но и Отца. В самом деле, если в том воля Отца и для того пришел (Христос), чтобы спасти весь мир, то неверующие преступают волю Отца. Итак, когда кого-либо, говорит, путеводит Отец, то ничто не может воспрепятствовать ему придти ко Мне. Это Он говорит и ниже: "**никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец**" (ст.44). А Павел сказал, что Он передает их Отцу: "**когда**", сказано, "**предаст Царство Богу и Отцу**" (1Кор.15:24). Итак, как Отец, когда дает, тем ничего не лишает Себя, так и Сын, когда передает, тем ничего не отнимает от Себя. Говорится же о Нем, что Он передает, потому что "**через Него**" мы получили доступ (Еф.2:18).

3. Но это же выражение: "**через Него**" – употребляется и об Отце, как например в этом месте: "**Которым вы призваны в общение Сына Его**" (1Кор.1:9), т.е. волею Отца. И

еще: "**блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это**" (Матф.16:17). Здесь смысл почти такой: вера в Меня – дело не маловажное, но для нее нужно внушение свыше. И это Христос утверждает повсюду, показывая, что для этой веры нужна душа, истинно доблестная и привлекаемая Богом. Но, быть может, скажет кто-нибудь: если все, что дает Отец, приходит к Тебе, и (если приходят) те, которых только Он привлечет, и никто не может придти к Тебе, если не будет дано ему свыше, то кому Отец не дает, те свободны от всякой вины и осуждения. Это – пустые слова и одна отговорка. Без сомнения мы имеем нужду и в собственной воле, потому что поучаться и веровать – дело воли. Здесь же словами: "**что дает Мне Отец**" Он означает не другое что, как следующее: веровать в Меня – дело не маловажное, и для того нужны не умствования человеческие, но откровение свыше и душа, с благодарностью принимающая откровение. А слова: идущий ко Мне спасен будет – значат: будет пользоваться великим попечением. Затем-то, говорит, Я и пришел, и воспринял плоть, и принял зрак раба. Потом присовокупляет: "**Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня**" (ст.38). Что ты говоришь? Разве иная воля – Твоя, а иная – Его? Чтобы кто не подумал этого, Христос отклоняет такую мысль, говоря далее: "**воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную**" (ст.40). А это разве не Твоя воля? Как же Ты говоришь в другом месте: "**огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся**" (Лук.12:49)? Если же и Ты хочешь этого, то явно, что у Тебя одна воля с Отцом. Да и в другом месте Он говорит: "**как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет**" (Иоан.5:21). В чем еж состоит воля Отца? Не в том ли, чтобы не погиб ни один из них? А этого же хочешь и Ты. Значит не иная воля та (Отца) и не иная эта (Сына). Так и в другом месте и еще сильнее Он утверждает Свое равенство с Отцом, говоря: Я и Отец "**придем и обитель у него сотворим**" (Иоан.14:23). Итак, слова Его имеют такой смысл: Я пришел совершить не другое что, как то, чего хочет и Отец, и у Меня нет какой-либо особенной Своей воли, кроме воли Отца, потому что все отчее принадлежит Мне, и все Мое принадлежит Отцу. Если же у Отца и Сына все общее, то Он справедливо говорит: "**не для того, чтобы творить волю Мою**". Но здесь Он не сказал так, но соблюдал это к концу. Предметы возвышенные, как я сказал, Он пока скрывает и поставляет в тени, чтобы показать, что, если бы Он сказал: то воля Моя, то им пренебрегли бы; поэтому говорит: и Я содействую той воле (т.е. Отца), чтобы тем сильнее поразить их. Он говорил как бы так: что вы думаете? Что, не верую, прогневляете Меня? Нет, вы раздражаете Отца Моего. "**Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить**" (ст.39). Здесь показывает, что не нуждается в их почтении и пришел не по Своей надобности, и не для чести от них, но для их спасения. Это же Он сказал и в предыдущей беседе: "**не принимаю славы от человеков**" (Иоан.5:41), и еще: "**говорю это для того, чтобы вы спаслись**" (Иоан.5:34). Да и при всяком случае Он старается показать, что пришел для их спасения. Говорит же, что уготовляет славу Отцу, чтобы тем отклонить от Себя всякое подозрение. А что с этой целью Он говорил так, это яснейшим образом открыл в следующих словах: ищущий воли своей, говорит, "**ищет славы себе; а Кто ищет славы Пославшему Его, Тот истинен, и нет неправды в Нем**" (Иоан.7:18). "**Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день**" (Иоан.6:40). Для чего Он так часто и при всяком случае говорит о воскресении? Чтобы не думали, будто промысел Божий ограничивается только настоящими вещами, и потому не впадали бы в уныние, если здесь не наслаждаются благами, но надеялись на блага будущие, и не презирали бы его, если не терпят наказания в настоящей жизни, но ожидали жизни будущей.

4. Но если от частого собеседования о воскресении ничего не приобрели они (иудеи), то постараемся приобрести мы. Захотим ли мы неправедно обогатиться или похитить что-

нибудь, или сделать другой какой безчестный поступок, – тотчас приведем себе на мысль тот день, вообразим то судилище, – и эта мысль сильнее всякой узды сдержит дурное наше стремление. Будем постоянно говорить и себе и другим: есть воскресение и нас ожидает страшное судилище. Если кого-либо увидим тщеславящимся и надмевающимся настоящими благами, скажем ему тоже самое, и объявим, что все это останется здесь. Если опять увидим другого удрученным скорбями и унывающим, выскажем и ему то же самое, указывая на то, что скорбям будет конец. Если также увидим кого-либо преданным безпечности и лености, представим ему опять тоже, выставляя на вид, что нужно будет отдать отчет в безпечности. Эта речь лучше всякого лекарства может уврачевать душу. И подлинно, есть воскресение, и воскресение у дверей, не далеко, но близко. "**еще немного**", говорит Павел, " **и Грядущий придет и не умедлит**" (Евр.10:37), и в другом месте: "**всем нам должно явиться пред судилище Христово**" (2Кор.5:10), т.е. и злым и добрым, – тем, чтобы пред всеми потерпеть безславие, – этим, чтобы пред всеми оказаться еще более славными. Как здесь судьи и злых наказывают, и добрым воздают честь открыто пред всеми, так точно будет и там, чтобы для одних было больше стыда, а для других больше славы. Будем же представлять себе это каждый день. Если будем иметь это в мыслях, то ничто из вещей настоящих и преходящих не удержит нас, потому что видимое временно, а невидимое вечно. Будем же непрестанно говорить и себе и другим: есть воскресение, и суд, и отчет в делах. Пусть говорят и все те, которые допускают судьбу, – и они немедленно освободятся от этой гнилой болезни. Ведь если есть воскресение и суд, то нет судьбы, сколько бы они ни спорили и ни препирались. Но я стыжусь, что учу христиан о воскресении. Кого нужно учить, что есть воскресение, и кто не вполне убежден, что все совершается не по необходимости, и не просто и не как-нибудь, тот, очевидно, не христианин. Поэтому я прошу и умоляю: очистим себя от всякого зла и сделаем все, чтобы получить прощение и оправдание в тот день. Но, быть может, кто-нибудь скажет: да когда будет кончина, когда воскресение? Вот сколько уже прошло времени, – и ничего такого не случилось? Но будет, – поверьте. Ведь и пред потопом то же говорили и смеялись над Ноем; но пришел потоп и всех этих неверовавших поглотил, и только его одного веровавшего оставил в живых. И при Лоте не ожидали той, свыше ниспосланной казни, пока ниспавшие молнии и громы не уничтожили всех. И ни тогда, ни при Ное не было никакого предварительного указания на то, что имело случиться; но беды пришли неожиданно в то время, как все пировали, пили и упивались. Так настанет и воскресение, не с предварительными какими-либо признаками, но среди нашего благополучия. Потому Павел и говорит: "**когда будут говорить: "мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами [постигает] имеющую во чреве, и не избегнут**" (1Фесс.5:3). Так устроили это Бог для того, чтобы мы всегда были бдительны и не предавались безпечности среди самой безопасности.

Что ты говоришь? Не ожидаешь воскресения и суда? Это исповедуют и демоны, – а ты не исповедуешь? "**Пришел Ты сюда**", говорят они, "**прежде времени мучить нас**" (Матф.8:29). Если же говорят, чтоб будет мучение, то знают, конечно, будет и суд, и отчет, и наказание. Не будем же прогневлять Бога, сверх худых дел, еще и неверием слову о воскресении. Как во всем прочем Христос был начатком для нас, так и в этом. Потому Он называется и первородженным из мертвых. А если бы не было воскресения, то как бы Он мог быть первородженным, когда никто из мертвых не последует за Ним? Если бы не было воскресения, то как бы могла сохраниться правда Божия, кода столько злых людей благоденствуют, и столько добрых страдают и в страдании оканчивают жизнь? Где все эти люди получат по своим достоинствам, если нет воскресения? Никто из живущих праведно не сомневается в воскресении; но каждый день молится. Произнося это святое изречение: "**да приидет Царствие Твое**" (Матф.6:10). Кто же не верует в воскресение? Люди, идущие осквернеными путями и проводящие нечистую жизнь, как говорит пророк: "**во всякое время пути его гибельны; суды Твои далеки для него**" (Пс.9:26).

Подлинно, невозможно человеку вести жизнь чистую, когда он не верует в воскресение. А кто не знает за собою ничего худого, те и говорят, и желают, и веруют, что получат воздаяние. Не будем же прогневлять Бога, но послушаем Христа, Который говорит: "**бойтесь Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне**" (Матф.10:28). Боязнь эта соделает нас лучшими, и таки образом, мы, избавившись от этой погибели, удостоимся царства небесного, которого и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, с поклоняемым, всесвятым и животворящим Его Духом, слава ныне и присно, и в безконечные веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 46

"Возроптали на Него Иудеи за то, что Он сказал: Я есмь хлеб, сшедший с небес. И говорили: не Иисус ли это, сын Иосифов, Которого отца и Мать мы знаем? Как же говорит Он: Я сшел с небес" (Иоан.6:41,42)

1. "**Их бог – чрево, и слава их – в сраме**" (Фил.3:19), – говорил о некоторых людях Павел в послании к Филиппийцам (Фил.3:19). Что таковы же были и иудеи, видно и из предыдущих обстоятельств, видно и из того, что они говорили, пришедши ко Христу. Когда Он дал им хлеб и насытил их чрево, они пророком называли Его, и царем хотели поставить; а когда преподавал им учение о пище духовной, о жизни вечной, кода беседовал о воскресении и возвышал их мысль, и когда в особенности следовало бы дивиться Ему, – тогда они ропщут и отступают от Него. Между тем, если Он пророк, как они прежде говорили, – а Он и действительно есть тот, о котором сказал Моисей: "**Пророка из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, – Его слушайте**" (Втор.18:15), – то им надлежало слушать Его, когда Он говорил: "**Я сшел с небес**"; но они не слушали, а роптали. Они еще уважали Его за недавнее чудо над хлебами, и потому явно не противоречили, но ропотом выражали свою досаду на то, что Он не дал им трапезы, какой они хотели, и среди ропота говорили: "**не Иисус ли это, сын Иосифов**"? Из этих слов видно, что они еще не знали даже об Его чудном и необычайном рождении, отчего и называют Его сыном Иосифа. И Христос не упрекает их и не говорит: Я не сын Иосифа – не потому, чтобы Он был сын Иосифа, но потому, что они еще не могли услышать о том чудном рождении. Если же они не могли ясно услышать о Его рождении плотском, то не могли тем более – о неизреченном, горнем. Если Он не открыл им уничиженного, то тем более не мог бы говорить им о тех вещах. И хотя их много соблазняло Его происхождение от простого и незнатного отца, однако же Он не открыл (истины), чтобы отстраняя один соблазн, не произвести другого. Что же Он отвечает на их ропот? "**Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня**" (ст.44). На это нападают манихеи и говорят, будто ничто не зависит от нас. Между тем эти-то слова особенно и доказывают, что мы властны в своем произволении. Но какая, говорят, надобность привлекать, если кто сам приходит к Нему? Опять и это не уничтожает нашего произволения, а напротив показывает, что мы нуждаемся в помощи. Здесь (Христос) говорит не о всяком приходящем, но о том, кто пользуется великим содействием (от Бога). Далее показывает и способ, которым Отец привлекает. А чтобы иудеи опять не подумали о Боге чего-либо чувственного, Он присовокупил: "**это не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца**" (ст.46). Как же, спросишь, привлекает? Это давно показал пророк, предвозвещая и говоря: "**будут все научены Богом**" (ст.45). Видишь ли достоинство веры? Видишь ли, как, по предсказанию пророка, люди имеют быть научены "**не человеками и не через человека**" (Гал.1:1), но самим Богом? Потому-то, чтобы придать достоверность Своим словам, Он и отослал иудеев к пророкам. Но если сказано, что все будут научены Богом, то отчего, спросишь, некоторые не веруют? Оттого, что те слова сказаны о большей части людей, или еще –

пророчество указывает не вообще на всех, но на всех желающих. Учитель стоит пред всеми, и всем готов преподать и сообщить свое учение. "**И Я воскрешу его в последний день**" (ст.40). Не малое здесь означается достоинство Сына: если Отец привлекает, то Он воскрешает. Но эти Он не отделяет Своих дел от Отца (как это возможно?), а только показывает равенство могущества. Почему, как в том месте, сказав: "**и пославший Меня Отец засвидетельствовал о Мне**" (Иоан.5:37), вслед за тем Он отослал иудеев к Писанию, чтобы кто-нибудь из них не стал понапрасну много трудиться над объяснением Его слов, так и здесь, чтобы не стали по прежнему подозревать Его, отсылает их к пророкам, которых весьма часто и приводит, чтобы показать, что Он не противник Отца. Что же, скажешь, жившие до того времени разве не были научаемы Богом? Что же здесь особенного? То, что тогда люди научались божественным истинам при посредстве людей, а теперь научаются чрез единородного Сына Божия и Духа Святого. Далее Христос присовокупляет: "**это не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть от Бога**", разумея здесь эти слова (**есть от Бога**) не о причине бытия, но о свойстве существа. Если бы Он разумел ту мысль, то в чем бы тогда состояло преимущество Сына и его отличие от нас? И мы ведь все от Бога. Для чего же, скажешь, Он не выразил этого яснее? Ради немощи иудеев. Если они так соблазнились и словами: "**Я сшел с небес**", то что было бы с ними, если бы Он присовокупил и это? А хлебом животным называет Себя потому, что от Него зависит наша жизнь и настоящая и будущая. Оттого и присовокупил: "**ядущий хлеб сей будет жить вовек**" (ст.51), разумея здесь под хлебом или спасительные догматы и веру в Него, или Свое тело, потому что и то и другое укрепляет душу. Хотя в другом случае при Его словах: "**кто соблюдет слово Мое, тот не вкусит смерти**" (Иоан.8:51,52) иудеи соблазнились, но теперь ничего такого не случилось, вероятно, оттого, что они еще уважали Его, ради чуда над хлебами.

2. Заметь еще и то, откуда Он выводит различие между этим хлебом и манною: из следствий употребления той и другой пищи. Показывая, что манна не принесла никакой особенно пользы, Он присовокупил: "**отцы ваши ели манну в пустыне и умерли**" (ст.49). Потом представляет убедительнейшее доказательство тому, что они удостоились несравненно большего дара, чем отцы их, намекая на бывших при Моисее тех дивных мужей. Поэтому, сказав, что евшие манну умерли, Он прибавил: "**ядущий хлеб сей будет жить вовек**" (ст.51). И слово: "**в пустыне**" Он употребил не без цели, но чтобы дать заметить, что манна и продолжалась недолго и не перешла в обетованную землю; а этот хлеб не таков. "**Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира**" (ст.51). Справедливо здесь может кто-нибудь в недоумении спросить: благовременно ли было говорить эти слова, когда они отнюдь не послужили к назиданию и не принесли никакой пользы, а напротив даже повредили тем, которые были уже наставлены? "**С этого времени**", сказано, "**многие из учеников Его отошли от Него**" (ст.66), говоря: "**какие странные слова! кто может это слушать**" (ст.60)? Ведь можно было это преподать одним ученикам, с которыми, как заметил Матфей, Христос и беседовал особо. Что же отвечать на это? То, что и в настоящем случае эти слова были весьма полезны и нужны. Так как иудеи настоятельно просили у Него пищи, но – телесной, и вспоминая о пище, какая была ниспосылаема их предам, считали манну чем-то великим, то Он и упоминает о пище духовной, желая показать, что все то было образом и тенью, а эта пища есть самая истина "**вещей**" (Евр.10:1). Но надлежало, говорят, сказать: отцы ваши ели манну в пустыне, а Я дал вам хлеб. Но в этом большое различие. Это чудо (над хлебами) казалось даже меньшим того (дарования манны), потому что манна была ниспосылаема с неба, а чудо над хлебами было совершено на земле. Итак, поскольку они домогались пищи, сходящей с неба, то Он часто и говорил: "**Я сшел с небес**". Если же кто полюбопытствует узнать, для чего Он завел речь и о таинствах, то мы скажем ему, что было очень благовременно сказать и о них. Темнота сов всегда подстрекает слушателя и делает его более внимательным. Потому иудеям не соблазняться следовало, а напротив

спросить и узнать. Но они удаляются. И если они считали Его пророком, то должны были поверить Его словам. Таким образом причина соблазна заключалась в их неразумии, а не в непонятности речи. Но ты смотри, как Он мало-помалу привязывал к Себе учеников. Они говорят: "**к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни**" (ст.68), не смотря на то, что здесь Он представляет уже Себя дающим, а не Отца, говоря: "**хлеб, который Я дам, есть Плоть Моя**". Но народ не так, а напротив: "**какие странные слова**", говорит он почему и уходит. Между тем это учение было не новое какое-либо и необычайное. На него прикровенно указал еще прежде Иоанн, назвав Христа Агнцем. Но и при всем том, скажешь, народ не понимал. Знаю это и я; но не понимали также и ученики. Если они еще ничего ясно не знали о воскресении, а потому и не понимали, что бы такое значило: "**разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его**" (Иоан.2:19), то еще гораздо менее могли понять те слова, потому что они темнее этих. Что воскресали пророки, это они знали, хотя Писание говорит об этом и не так ясно; но чтобы кто-нибудь ел плоть, о том никогда не говорил ни один из пророков. И однако же ученики поверили Христу, следовали за Ним и исповедали, что Он имеет глаголы живота вечного. Долго ученика – не разбирать с излишним любопытством слов учителя, но слушать, верить и ожидать надлежащего времени для решения недоумений. Отчего же, скажешь, (с некоторыми(случилось противное и они обратились вспять? Причина – в их неразумии. Как скоро придет на мысль вопрос: "**как**"? – вместе с тем является и неверие. Оттого смущался и Никодим, говоря: "**как может человек войти в утробу матери своей**" (Иоан.3:4)? Оттого смущаются и они, говоря: "**как Он может дать нам есть Плоть Свою**" (ст.52)? Если ты теперь спрашиваешь: как? – то отчего не говори того же и о хлебах? Как из пяти Господь сделал такое множество? Очевидно, они тогда думали только о том, как бы насытиться, а не о том, чтобы уразуметь чудо. Но тогда, скажешь, самый опыт научал их. Если так, то по тому же самому опыту им следовало без труда принят и это учение. Для того-то Христос наперед и совершил то чудо, чтобы они, наученные им, веровали уже и тому, что Он после говорил. Итак, иудеи в то время не получили никакой пользы от сказанного; а мы уже на самом деле пользуемся этим благодеянием. Поэтому и нужно знать чудо этих таинств – в чем оно состоит, для чего дано и какая от него польза. "**Одно тело**", сказано, мы бываем "**и члены от плоти Его и от костей Его**" (Еф.4:4;5:30). Да внимают этим словам посвященные!

3. Итак, чтобы не любовью только, но и самым делом быть нам членами плоти Христовой, будем причащаться этой плоти. А это бывает чрез пищу, которую Христос даровал, чтобы выразить Свою великую любовь к нам. Для того Он смешал самого Себя с нами и растворил тело Свое в нас, чтобы мы составили нечто единое, как тело, соединенное с головою. И это знак самой сильной любви. На это указывал и Иов, когда говорил о своих домочадцах, которые так сильно любили его, что желали срастись с его плотью: "**кто бы дал нам насытиться плотью его**" (Иов.31:31)? Так говорили они, желая выразить свою великую любовь к нему. С этою же целью так поступил и Христос: чтобы ввести нас в большее содружество с Собою и показать Свою любовь к нам, Он дал желающим не только видеть Его, но и осязать, и есть, и касаться зубами плоти Его, и соединяться с Ним, и насыщать Им всякое желание. Будем же отходить от этой трапезы, как львы, дышащие огнем, страшные для диавола, помышляя о нашей Главе и о той любви, какую Он показал к нам. Часто родители отдают детей своих на вскормление другим; а Я, говорит (Спаситель), не так, но питаю вас Своею плотью, самого Себя предлагаю вам, желая, чтобы все вы были благородны, и подавая вам благие надежды на будущее. Кто отдал вам самого себя здесь, то тем более (сделает для вас) там. Я восхотел быть вашим братом; Я ради вас приобщился плоти и крови; и эту плоть и кровь, чрез которые Я сроднился с вами, Я опять преподаю вам.

Эта кровь придает нам вид цветущий и царский; рождает красоту неизобразимую; не дает увядать благородству души, непрестанно напояя ее и питая. Наша кровь, образующаяся из пищи, не вдруг становится кровью, но (сначала) бывает чем-то другим; а эта кровь не так, но тотчас же напаяет душу и сообщает ей некую великую силу. Эта кровь, достойно принимаемая, отстраняет и далеко прогоняет от нас демонов, призывает же к нам ангелов и Владыку ангелов. Демоны бегут оттуда, где видят Владычную кровь, а ангелы туда стекаются. Пролитая (на кресте), эта кровь омыла всю вселенную. Много об этой крови любомудрствовал и блаженный Павел в послании к Евреям. Эта кровь очистила место недоступное и святое святых. Если же ее образ имел такую силу и в храме еврейском, и в Египте, когда кровью были помазаны дверные косяки, то гораздо более – сама истина. Эта кровь освятила золотой жертвенник. Без нее архиерей не дерзал входить в место недоступное. Эта кровь поставляла во священника. Она в образах омывала грехи. Если же в образах она имела такую силу; если смерть так страшилась тени, – то может ли, скажи мне, не убояться самой истины? Эта кровь – спасение душ наших. Ею душа омывается; ею украшается; ею воспламеняется. Она делает нашу душу чище золота. Эта кровь излилась, – и соделала небо для нас доступным.

4. Страшны поистине таинства Церкви, страшен поистине жертвенник. Из рая выходил источник, изливавший чувственные реки; от этой же трапезы происходит источник, изводящий реки духовные. При этом источнике насаждены не ивы бесплодные, но дерева досягающие до самого неба и приносящие плод всегда спелый и никогда неувядающий. Если кто томится от зная, – пусть идет к этому источнику и прохладит свой жар, потому что этот источник уничтожает засуху и освежает все попаленное, – попаленное не солнцем, а раскаленными стрелами (диавола). Его начало – свыше, и исток его там же, и оттуда он напаивается. У этого источника много потоков, которые изводит Утешитель, а посредником при этом бывает Сын, не заступом пролагая им дорогу, но отверзая в нас расположение. Этот источник есть источник света, изливающий лучи истины. К нему стекаются и горние силы, чтобы созерцать красоту его потоков, потому что они яснее видят и силу предлежащих даров и неприступное их сияние. Если бы возможно было, чтобы кто-нибудь вложил свою руку или язык в расплавленное золото, – они тотчас озолотились бы. Точно такое же и еще гораздо большее действие производят и здесь на душу предлежащие тайны. Сильнее огня кипит и стремится эта река, но не сжигает, а только очищает все, чего касается. Эта кровь древле была прообразована на жертвенниках, в закланиях, определенных законом. Она есть цена вселенной; ею Христос купил Церковь; ею Он всю ее украсил. Как тот, кто покупает слуг, дает за них золото и потому, желая их украсить, украшает золотом, так и Христос и купил нас кровью и украсил кровью. Приобщающиеся этой крови стоят вместе с ангелами, архангелами и горними силами, облеченные в царскую одежду Христову и имея духовное оружие. Но этим я еще не сказал ничего великого: они бывают облечены в самого Царя. Но насколько велико и чудно это таинство, настолько же верно и то, что если приступишь к нему с чистотою, приступишь во спасение; если же с совестью лукавою – в наказание и мучение. "**Ибо**", сказано, "**кто ест и пьет**" Господа "**недостойно, тот ест и пьет осуждение себе**" (1Кор.11:29). Если и оскверняющие царскую порфиру наказываются одинаково с раздирающими ее, то что удивительного, если приемлющие тело с нечистою мыслью подвергнутся такому же наказанию, как и те, которые истерзали его гвоздями? Смотри, на какое страшное наказание указывает Павел в словах: "**[Если] отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия [наказывается] смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен**" (Евр.10:28,29)? Будем же, возлюбленные, внимательны к самим себе, наслаждаясь такими благами. И если родится в нас желание сказать что-нибудь срамное, или заметим, что нами овладевает гнев или другая какая страсть, – подумаем, чего мы удостоены, какого

получили Духа. Такая мысль обуздает наши безумные страсти. Да и доколе мы будем привязаны к настоящему? Доколе не восстанем? Доколе будем нерадеть о своем спасении? Помыслим, чего нас удостоил Бог, возблагодарим, прославим Его – не верою только, но и самыми делами, чтобы сподобиться и будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 47

"Иисус же сказал им: истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную" (Иоан.6:53,54)

1. Когда беседуем о предметах духовных, ничто житейское да не будет в душах наших, ничто земное; но все это да будет удалено, все да будет устранено, чтобы мы могли всецело предаться одному слушанию божественных слов. Если при входе царя в город затихает весь шум, то гораздо более в то время, как Дух беседует с нами, мы должны вникать с глубоким безмолвием и с великим страхом. А что сегодня читано, то, действительно, достойно страха. Что же именно, – послушай. Истинно говорю вам, говорит Христос, если кто не будет есть плоти Моей и пить крови Моей, тот не будет иметь жизни в себе. Так как иудеи пред тем говорили, что это невозможно, то Он показывает, что не только не невозможно, но и весьма необходимо. Поэтому и прибавляет: "**ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день**". Слова Его: если кто ест от хлеба сего, не умрет во веки, легко могли показаться им странными, как и тогда, когда они говорили: Авраам умер, и пророки умерли, как же Ты говоришь: не вкусит смерти (Иоан.8:52)? Поэтому Он, чтобы разрешить такое недоумение и показать, что действительно не умрет навсегда, упомянул о воскресении. Часто же говорит о таинстве (причащения), чтобы показать, как оно необходимо и что оно непременно должно быть. "**Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие**" (ст.55). Что значат эти слова? Ими Он хочет или сказать то, что плоть Его есть истинное брашно, спасающее душу, или же уверить их в сказанном, так чтобы они не считали слов Его загадкою и притчею, но знали, что непременно должно вкушать Его тело. Далее говорит: "**ядущий Мою Плоть пребывает во Мне**" (ст.56); этим показывает, что такой человек соединяется с Ним. Следующие же слова, если не вникнуть в их смысл, представляются как будто не имеющими связи с предыдущими. Какая в самом деле, говорят, последовательность – сначала сказать: "**ядущий Мою Плоть пребывает во Мне**", и затем продолжать: "**как послал Меня живый Отец, и Я живу Отцем**" (ст.57)? Однако же между этими словами есть большое соответствие. Так как (Христос) много раз говорил о жизни вечной, то, в подтверждение того же, и присовокупил: "**пребывает во Мне**". Если же во Мне пребывает, а Я живу, то явно, что и он будет жить. Потом говорит: "**как послал Меня живый Отец**". Это – сравнение и уподобление. Он как бы так сказал: Я живу так, как Отец. А чтоб ты не счел Его нерожденным, Он тотчас прибавил: "**живу Отцем**"; но этим показывает не то, будто Он для Своей жизни имеет нужду в каком-либо содействии. Еще прежде Он опроверг эту мысль, сказав: "**как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе**" (Иоан.5:26). Если же (допустить, что) Он нуждается в содействии, то будет следовать, что Отец не дал так (т.е. Сыну иметь живот в Себе), и значит, те слова – ложны; а если дал, то Сын уже не имеет нужды ни в каком постороннем содействии. Что же значит: "**живу Отцем**"? Здесь Христос указывает только причину, говоря как бы так: как живет Отец, так и Я живу. И "**ядущий Меня жить будет Мною**" (ст.57). Жизнь здесь разумеет не обыкновенную, но прославленную. А что Он говорит о жизни не обыкновенной, но о той славной и неизреченной, это видно из того, что все – и неверующие и непосвященные – тоже живут,

хотя и не вкушают той плоти. Видишь, что речь идет не об этой жизни, но о той. Он как бы так говорит: ядущий Мою плоть не погибнет по смерти и не подвергнется наказанию. И не об общем также воскресении говорит, так как все одинаково воскреснут, но о воскресении особенном, славном, соединенном с наградой. "**Сей-то есть хлеб, сшедший с небес. Не так, как отцы ваши ели манну и умерли: ядущий хлеб сей жить будет вовек**" (ст.58). Непрестанно повторяет одно и тоже для того, чтобы напечатлеть это в душе слушателей (так как учение обо этом было почти последнее), и чтобы утвердить веру в догмат о воскресении и жизни вечной. Итак, (Христос) говорит и о воскресении частью потому, что сказал о жизни вечной, а частью и для того, чтобы показать, что эта жизнь не теперь, но будет по воскресении. Откуда же, скажешь, это видно? Из Писания. К нему при всяком случае отсылает Он иудеев, повелевая из него удостоверяться в том. А словами: "**дает жизнь миру**" (ст.33) Он возбуждает в них соревнование, чтобы, таким образом, они не лишали себя этого дара по крайней мере из ревности, что другие наслаждаются им. О манне же часто упоминает для того, чтобы и различие показать между ею и небесным хлебом, и привести их к вере. Если для Него возможно было без жатвы, без хлеба и других снадобий сохранить, в продолжение сорока лет, жизнь их предков, то тем более это возможно будет теперь, когда Он пришел совершить большие дела. С другой стороны, если то были некоторые образы, и однако же тогда собирали пищу без пота и трудов, то тем более это будет теперь, когда во всем более различие, кода смерти уже нет и мы пользуемся истинною жизнью.

Хорошо и то, что Христос часто упоминает о жизни, потому что жизнь вожделенна для людей и ничто так ни приятно, как не умирать. И в ветхом завете было обещание долговечности и многолетия, но теперь обещается не просто долговечность, но жизнь, конца не имеющая. Вместе с тем Христос хочет показать, что Он отменяет наказание, бывшее следствием греха, уничтожает тот смертный приговор и, вопреки прежнему определению, вводит не просто жизнь, но жизнь вечную. "**Сие говорил Он в синагоге, уча в Капернауме**" (ст.59), где Он совершил много чудес, и где поэтому Его должны были слушать с особенным вниманием.

2. Но для чего Он учил в синагоге и в храме? Как для того, чтобы уловить собиравшийся в них народ, так и для того, чтобы показать, что Он действует не противно Отцу. "**Многие из учеников Его, слыша то, говорили: какие странные[1] слова**" (ст.60). Что значит: "**странные слова**"? Значит: сурово, трудно, тягостно (слышать это). Но ведь Он ничего такого не говорил, потому что и беседовал не о жизни и деятельности, но о догматах, часто упоминая о вере в Него. Так что же, то ли значит: "**странные слова**", что Он обещает жизнь и воскресение? То ли, что он сказал: "**Я сошел с небес**" (Иоан.6:38)? Или то, что нельзя спастись не ядущему Его плоти? Это ли, скажи мне, жестоко? Но кто станет утверждать это? Итак, что значит: "**странные**"? Значит: неудобоприемлемые, превышающие их немощь, наводящие великий страх. Они думали, что Он говорит нечто такое, что выше Его достоинства и далеко превосходит Его силы; почему и говорили: "**кто может это слушать**" (ст.60), желая, может быть, тем оправдать себя, потому что намерены были отстать от Него. "**Но Иисус, зная Сам в Себе, что ученики Его ропщут на то**" (а такое ведение тайных помыслов есть доказательство Его божества), говорит: **это ли соблазняет вас**" (ст.61)? "**Что ж, если увидите Сына Человеческого восходящего [туда], где был прежде**" (ст.62). Так же Он поступил и с Нафанаилом, сказав: "**ты веришь, потому что Я тебе сказал: Я видел тебя под смоковницею; увидишь больше сего**" (Иоан.1:50), – и с Никодимом: "**никто не восходил на небо, как только Сын Человеческий, сущий на небесах**" (Иоан.3:13). Что же? К недоумениям Он присовокупляет новые недоумения? Отнюдь нет; напротив, величием и множеством догматов хочет удержать их при Себе. Сказав просто: "**Я сошел с небес**". и не присовокупив ничего больше, Он тем скорее соблазнил бы их; но сказав: тело Мое –

жизнь мира, также "**как послал Меня живый Отец, и Я живу Отцем**", и еще: "**Я сошел с небес**", Он тем разрешает их недоумение. Кто говорит о себе одно великое, того, конечно, еще можно подозревать во лжи, но кто, вслед затем, высказывает столь много, тот уничтожает всякое подозрение. Все же Он и делает и говорит для того, чтобы удалить их от мысли, что отец Его Иосиф. Значит, Он говорил так не для усиления соблазна, а напротив для его уничтожения. Кто считал бы Его сыном Иосифа, тот не принял бы Его слов; а кто убедился, что Он сошел с неба и опять взойдет туда, тот удобнее мог внимать Его словам. После того Христос присовокупляет и другое решение их недоумения, говоря: "**Дух животворит; плоть не пользует нимало**" (ст.63). Это значит: что говорится обо Мне, тому должно внимать духовно; а кто внимает чувственно (σαρκίκώς), тот ничего не приобретает и не получает никакой пользы. Сомневаться же в том, как Он сошел с неба, и думать, что Он – сын Иосифа, и спрашивать: "**как Он может дать нам есть Плоть Свою**" (ст.52)? – было делом плотского слушания, между тем как все это следовало понимать таинственно и духовно. Но откуда, скажешь, они могли понять, что такое значит есть плоть? Потому-то им и следовало выждать удобного времени и расспросить, а не оставлять Его. "**Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь**" (ст.63), т.е. божественны и духовны, не заключают в себе ничего плотского, и не подлежат естественному порядку, но чужды всякой этого рода необходимости и выше законов, действующих на земле, и имеют смысл другой, особенный. Таким образом, как здесь сказал: "**дух**", вместо того, чтобы сказать: *духовные* (глаголы), так и, сказав: "**плоть**", разумел не *плотские* (предметы), но плотское слушание, намекая вместе и на иудеев, которые всегда желали плотского, между тем как надлежало желать духовного, потому что кто предметы духовные станет понимать чувственно, тот не приобретет никакой прибыли. Что же, разве Его плоть не есть плоть? Без сомнения, – плоть. Как же Он сказал: "**плоть не пользует нимало**"? Это Он сказал не о Своей плоти, – отнюдь нет, – но о тех, которые Его слова понимают чувственно. Что же значит – понимать чувственно? Смотреть на предметы просто и не представлять ничего больше, – вот что значит понимать чувственно. Но не так должно судить о видимом, а надобно внутренними очами прозирать во все его тайны. Вот это значит понимать духовно. Ведь, кто не ест Его плоти и не пьет Его крови, не имеет жизни в себе; как же плоть ничего не пользует, когда без нее невозможно жить? Не видишь ли, что слова: "**плоть не пользует нимало**" сказаны не о плоти Его но плотском слушании? "**Но есть из вас некоторые неверующие**" (ст.64). Опять, по Своему обычаю, придает важность Своим словам, предрекая будущее и показывая, что Он говорил все это не потому, чтобы искал славы у них, а потому, что заботился о их благе. Сказав: "**некоторые**", Он чрез то исключил учеников, – потому что вначале Он говорил: "**и видели Меня, и не веруете**" (ст.36), а теперь: "**есть из вас некоторые неверующие. Ибо от начала знал, кто суть неверующие и кто предаст Его. И сказал: для того-то и говорил Я вам, что никто не может придти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца Моего**" (ст.64,65). Здесь евангелист указывает нам на добровольное, принятое Христом, домостроительство (спасения) и на Его незлобие. И слово: "**от начала**" здесь поставлено не без цели, но чтобы ты познал Его предведение и то, что Он еще прежде этих слов, и не после того, как иудеи возроптали и соблазнились, а еще прежде, знал предателя, – что было доказательством Его божества. Затем присовокупил: "**если то не дано будет ему**" свыше "**от Отца Моего**", убеждая их считать Бога Отцом Его, а не Иосифа, и показывая, что уверовать в Него дело немаловажное. Он как бы так говорил: не тревожат, не смущают, не удивляют Меня неверующие. Я зная это гораздо прежде, чем случилось. Знаю, кому дал Отец (уверовать в Меня).

3. Но тогда ты слышишь: "**дано**", не думай, чтобы было раздаяние просто по жребию, а веруй, что получает тот, кто оказывается достойным принять. "**С этого времени многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним**" (ст.66). Не без причины евангелист не сказал: отошли, но: "*идоша вспять*"[2]. Этим Он показал, что они,

отделившись (от Христа), прервали преуспеяние в добродетели и потеряли ту веру, которую прежде имели. Но с двенадцатью (учениками) этого не случилось. Поэтому Он и говорит им: "**не хотите ли и вы отойти**" (ст.67)? – чем опять показывает, что не нуждается в их служении и послушании, и не за тем водит их с Собою. Иначе – стал ли бы Он спрашивать их так? Почему же Он не похвалил их? Почему не превознес? Частью для того, чтобы соблюсти приличное Учителю достоинство, а частью для того, чтобы показать, что Он этим способом скорее мог привлечь их к Себе. Если бы Он похвалил, то они могли бы подумать, что оказывают Ему услугу, и поддаться какой-нибудь немощи человеческой. Когда же показал, что не нуждается в их следовании за Ним, то этим более удержал их при Себе. И смотри, с какою мудростью Он говорит. Не сказал: отойдите, потому что это значило бы отгонять, но говорит вопросительно: "**не хотите ли и вы отойти**"? – чем и показывает, что Он устраняет всякое насилие и принуждение и хочет, чтобы они оставались при Нем не из-за какого-либо стыда, но по чувству благодарности. А тем, что не укорил их явно, но коснулся незаметно, Он показал, как должно любомудрствовать в подобных случаях. Но с нами бывает напротив, и это понятно, потому что мы все делаем ради своей славы. Поэтому и думаем, что наше благосостояние уменьшается, когда уходят служащие нам. Но Христос не стал ни льстить, ни отгонят, а только спросил. И это не потому, чтобы Он презирал учеников, но потому, что не хотел удерживать их при Себе силою и принуждением, – ведь оставаться по этой причине все равно, что и отойти. Что же Петр? "**К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни: и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго**" (ст.68,69). Видишь ли, не слова Христовы были причиною соблазна, а невнимание, безпечность и неблагодарность слушателей? Если бы Он и не сказал (тех слов), они и тогда соблазнились бы и не успокоились бы, потому что непрестанно думали о пище телесной и были пригвождены к земле. Ведь вместе же с ними слушали и эти (апостолы); однако же высказали совсем не то, что они, говоря: "**к кому нам идти**"? Этот ответ обнаруживает великую любовь. Он показывает, что для них Учитель дороже всего – и отцов, и матерей, и имений, и что, оставив Его. Они не могли бы уже найти, куда прибегнуть. Но чтобы не показалось, будто слова: "**к кому нам идти**" Петр сказал потому, что не было никого, кто бы принял их, он тотчас присовокупил: "**Ты имеешь глаголы вечной жизни**". Другие внимали (словам Христовым) чувственно и с умствованиями человеческими; а они (апостолы) духовно, предоставляя все вере. Потому и Христос говорил: "**слова, которые говорю Я вам, суть дух**", т.е.: не предполагай, что учение, содержащееся в Моих словах, подлежит обыкновенному порядку вещей и тем законам, по которым все совершается. Предметы духовные не таковы: они не могут быть подчинены законам земным. На это и Павел указывает, говоря: "**не говори в сердце твоем: кто взойдет на небо? то есть Христа свести. Или кто сойдет в бездну? то есть Христа из мертвых возвести**" (Рим.10:6,7). Вот они уже приняли учение о воскресении и о будущем воздаянии. Смотри же, какое братолюбие и какую любовь высказывает Петр, отвечая за весь лик (апостолов). Не говорит: я познал, но: "**познали**". Особенно же обрати внимание на то, как приноравливается к самым словам Учителя, говоря не то, что говорили иудеи. Те говорили: "**это сын Иосифов**", а Петр: "**Ты Христос, Сын Бога живаго**", и еще: "**Ты имеешь глаголы вечной жизни**"; (и он говорил так), вероятно, потому, что часто слышал слова Христовы: "**верующий в Меня имеет жизнь вечную**". Припомнив, таким образом, самые слова, он показал тем, что содержит (в памяти) все высказанное. Что же Христос? Не похвалил и не превознес Петра, хотя это и сделал при другом случае; но что говорит: "**Не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас диавол**" (ст.70)? Так как Петр сказал: "**и мы уверовали**", то Христос исключает из этого лика Иуду. В другом месте Петр не сказал ничего об учениках, но на вопрос Христа: "**а вы за кого почитаете Меня**"? – отвечал: "**Ты – Христос, Сын Бога Живаго**" (Матф.16:15,16). Но так как здесь сказал: "**и мы уверовали**", то Христос, по справедливости, не оставляет Иуду в лике учеников. А

это Он сделал с намерением заранее отвратить вероломство предателя; и хотя знал, что это будет безполезно, тем не менее исполнял Свое дело.

4. И смотри, с какою мудростью (поступил Христос)! Он и не открыл вполне предателя и не оставил его совсем неизвестным, чтобы он, с одной стороны, не сделался более безстыдным и упорным, а с другой, думая, что остается неизвестным, не отважился безстрашно на злодеяние. С этою-то целью, продолжая Свою беседу, изобличает его яснее. В самом деле, сначала Он включил и его в число прочих, сказав: "**есть из вас некоторые неверующие**". А что здесь Он разумел и предателя, это показал евангелист словами: "**ибо от начала знал, кто суть неверующие и кто предаст Его**". Но так как Иуда остался при Нем, то Он изобличает его сильнее, говоря: "**один из вас диавол**", и, таким образом, наводит страх на всех вообще, желая прикрыть его. При этом справедливо может возникнуть недоумение: отчего теперь ученики не говорят ничего, а впоследствии приходят в страх и в недоумении смотрят друг на друга и спрашивают: "**не я ли, Господи**" (Матф.26:22)? и Петр подает знак Иоанну, чтобы он узнал о предателе и спросил у Учителя, кто это (Иоан.13:24). Итак, какая тому причина? Петр тогда еще не слышал: "**отойди от Меня, сатана**" (Мар.8:33), а потому и не имел никакого опасения. Когда же подвергся упреку, и не смотря на то, что говорил от великого расположения, не только не заслужил одобрения, но и услышал название сатаны, то при словах: "**один из вас предаст Меня**" (Иоан.13:21) справедливо уже убоялся. С другой стороны, и Христос теперь не говорит: "**один из вас предаст Меня**", а: "**один из вас диавол**". Потому они даже не поняли этих слов, а думали, что Он только укоряет за лукавство. Но для чего Он сказал: "**не двенадцать ли вас избрал Я? но один из вас диавол**"? Чтобы показать, что Его учение чуждо лести. Так как в то время, когда все оставили Его, они одни остались при Нем и чрез Петра исповедали Его Христом, то, чтобы не подумали, что Он станет за это льстить им, Он удаляет их от такой мысли. Он как бы так говорит: ничто не может отклонить Меня от обличения людей злых; не думайте, что Я стану льстить вам за то, что вы остались при Мне, или что Я не буду обличать порочных, потому что вы последовали за Мной. К этому не склонит Меня и то, что гораздо сильнее могло бы склонить учителя. Кто сам собою остается при учителе, тот представляет тем свидетельство своей любви к нему; а избранный учителем почитается от людей несмысленных за безумного и отвергается ими. Но и это не удержит Меня от обличений. Между тем в этом и теперь язычники обвиняют Христа, но напрасно и неразумно: Бог никогда не делает людей добрыми чрез насилие и принуждение, и Его избрание призываемых не насильственное, но совершается чрез увещание. А чтобы тебе увериться, что призывая Он не насилует, смотри, сколько погибло людей званных. Отсюда видно, что в нашей воле – и спасение, и погибель.

5. Слыша это, научимся же всегда трезвиться и бодрствовать. Иуда был причтен к тому святому лику, сподобился столь великого дара, совершал чудеса (потому что и он вместе с прочими был послан воскрешать мертвых и очищать прокаженных), и не смотря на это, как скоро был порабощен тяжким недугом – страстью сребролюбия, предал и своего Владыку. И ничто не принесло пользы: ни благодеяния, ни дарования, ни пребывание со Христом, ни служение, ни омовение ног, ни общение в трапезе, ни хранение ковчежца; но это все обратилось даже в повод к его наказанию. Будем же бояться, чтобы и нам чрез сребролюбие не сделаться подражателями Иуде. Ты не предаешь Христа; но, когда презираешь нищего, истаивающего от голода или гибнущего от холода, навлекаешь на себя тоже осуждение. Также, когда мы недостойно приобщаемся тайн, мы погибаем наравне с христоубийцами. Когда похищаем, когда угнетаем бедных, то навлекаем на себя величайшее наказание, – и весьма справедливо. В самом деле, доколе будет так владеть нами любовь к настоящим вещам – излишним и бесполезным? А богатство и принадлежит к вещам излишним, от которых нет никакой пользы. Доколе нам не взирать не небеса, не

трезвиться, не знать сытости в наслаждении этими земными и преходящими благами? Ужели мы не знаем из опыта их ничтожества? Представим себе бывших до нас богачей. Не сон ли все их блага? Не тень ли и цвет, не поток ли протекающий? Не повесть ли и басня? Вот такой-то был богат: где же теперь его богатство? Сгибло и истлело. А грехи, совершенные из-за него, и наказание за грехи – остаются. Но если бы даже и наказания не было и царства не предстояло, – и тогда следовало бы уважать (в бедном) одноплеменность и однородность с нами, и постыдиться того, что он подобострастен нам. Между тем мы кормим псов (многие же кормят и диких ослов, и медведей, и других разного рода зверей), а презираем человека, истаивающего от голода; таким образом, для нас чужое дороже родного и свое хуже того, что не наше и не родственно нам. Но не приятно ли, скажешь, строить великолепные дома, иметь множество рабов и, покоясь на ложе, смотреть на золотой свод? Да это излишне и бесполезно. Есть другие здания, гораздо великолепнее и лучше этих. Ими нужно увеселять свои взоры, – и никто тому не воспрепятствует. Хочешь ли видеть прекраснейший свод? Когда настанет вечер, смотри на небо, усеянное звездами. Но это, скажешь, не мой свод? Напротив, этот даже более твой, чем тот. Он для тебя и создан и принадлежит тебе наравне с твоими братьями. А тот не твой, но твоих наследников, после твоей смерти. Притом, этот (свод небесный) может принести величайшую пользу, потому что своею красотою возводит к Создателю; а тот причинит тебе величайший вред, сделавшись в день суда твоим грозным обвинителем, потому что он был облечен золотом, когда Христос не имел и необходимой одежды. Не будем же впадать в столь великое безумие; не станем гоняться за тем, что мимолетно, и убегать спасения, но станем держаться надежды на блага будущие, – старики, как верно знающие, что им не долго остается жить, – юноши, как вполне убежденные, что (и для них) немного остается времени, потому что день Господень придет, как тать. Ночью. Итак, зная это жены пусть умоляют мужей, мужья пусть убеждают жен, – будем учить юношей и дев, и все будем наставлять друг друга – презирать настоящие блага и искать будущих, чтобы и сподобиться их, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] В оригинале стоит греческое слово "склирос", т.е. получается "жесткие, жестокие" слова.

[2] Это более точный славянский перевод, который в синод. представлен словом "отошли".

БЕСЕДА 48

"После сего Иисус ходил по Галилее. Приближался праздник Иудейский – поставление кущей" (Иоан.7:1,2)

1. Нет ничего хуже зависти и злобы. Чрез них смерть вошла в мир. Когда диавол увидел человека в чести, то не вынес его благоденствия и сделал все, чтобы погубить его. Да и везде от этого корня можно видеть такой плод. Так и Авель убит: так и Давид едва не погиб; так и многие другие праведники. Также сделались христоубийцами и иудеи, на что и указал евангелист словами: "**После сего Иисус ходил по Галилее**", потому что не имел власти "**по Иудее ходить, потому что Иудеи искали убить Его**". Что ты говоришь, блаженный Иоанн? Не имел власти Тот, кто мог делать все, что хотел? Кто сказал: "**кого ищете**" (Иоан.18:4), и тем отбросил их назад, кто мог присутствовать и не быть видимым, – Тот не имел власти? Как же Он после явился между ними и среди храма, во время

праздника, при народном собрании, и в присутствии убийц беседовал с ними о том, что наиболее их раздражало? Этому и они удивлялись, говоря: "**не Тот ли это, Которого ищут убить? Вот, Он говорит явно, и ничего не говорят Ему**" (ст.25,26). Что же это за загадочные слова? Нет, евангелист сказал это не с тем, чтобы мы сочли его слова загадочными, но чтобы показать, что Христос обнаруживал и свойства божества и свойства человечества. Таким образом, когда он говорит, что Христос не имел власти, то выражается о Нем, как о человеке, так как Он многое делал и по-человечески; а когда говорит, что Он стоял среди их, и они не удержали Его, то, очевидно, указывает на силу Его божества. Они и убегал, как человек и являлся, как Бог, будучи истинно тем и другим. Что злоумышленники не могли удержать Его, когда Он был среди них, это показывало Его неодолимость и непобедимость; а что Он уклонялся, этим подтверждал Он Свое воплощение и удостоверял в нем, чтобы ничего не могли сказать ни Павел Самосатский, ни Маркион, ни зараженные их недугом. Итак, этим Он заграждает уста всем. "**После сего был праздник Иудейский – поставление кущей**". Выражение: "**после сего**" означает не другое что, как то, что (евангелист) для краткости опустил много времени, протекшего между двумя событиями. И это видно из того, что, когда Христос сидел на горе, тогда был праздник Пасхи (Иоан.6:3,4), а теперь (евангелист) упоминает о празднике Кущей. Таким образом, из событий в течение пяти месяцев он ни о чем другом нам не рассказал и ничего иного не передал, кроме чуда над хлебами и беседы к народу, евшему хлебы. Между тем Христос постоянно совершал чудеса и беседовал не только днем и вечером, но часто и ночью. Так, например, ученикам, по сказанию всех евангелистов, Он предстал ночью. Отчего же они опустили те события? Оттого, что невозможно было всего пересказать. К тому же они старались особенно говорить о том, из-за чего могло возникнуть со стороны иудеев какое-либо порицание или противоречие. Событий, подобных тем (которые опущены), было много, и потому евангелисты, написав много раз, что Христос и больных исцелял, и мертвых воскрешал, и возбуждал удивление, иногда об этом и не говорят. Но когда им предстояло говорить о чем-либо необычайном, или рассказывать что-нибудь такое, что могло бы, по-видимому, служить для Него порицанием, об это они повествуют. Так, вот и теперь евангелист замечает, что братья Его не веровали в Него, хотя в этом обстоятельстве заключается не мало поносного для Него. Подлинно достойно удивления правдолюбие евангелистов, как они не стыдятся говорить о том, что, по-видимому, служит к поношению Учителя, и даже стараются больше повествовать об этом, чем о чем-либо другом. Потому-то теперь и Иоанн, пройдя молчанием многие – и знамения, и чудеса, и беседы Христовы, тотчас приступил к следующему. "**Тогда**", говорит, "**братья Его сказали Ему: выйди отсюда и пойди в Иудею, чтобы и ученики Твои видели дела, которые Ты делаешь**" (ст.3). "**Ибо никто не делает чего-либо втайне, и ищет сам быть известным. Яви Себя миру. Ибо и братья Его не веровали в Него**" (Иоан.7:4,5). Какое же, скажешь, здесь неверие, когда они просят Его творить чудеса? Даже и очень большое. Неверие выражается и в их словах, и в их смелости, и в их неуместном дерзновении. Они думали, что им, как родственникам, можно свободно говорить с Ним. Их просьбы, по-видимому, дружеская, но в словах много обидного: ими они упрекают Его и в малодушии и в славолюбии. Сказав: "**никто не делает чего-либо втайне**", они тем обвиняют Его в малодушии и вместе выражают подозрение к Его делам, а присовокупив: "**ищет быть известным**", упрекают в славолюбии.

2. Но ты обрати внимание на силу Христову. Из числа говоривших это одни был впоследствии первым иерусалимским епископом, именно блаженный Иаков, о котором и Павел говорит: "**другого же из Апостолов я не видел [никого], кроме Иакова, брата Господня**" (Гал.1:19). Говорят также, что и Иуда сделался достойным удивления. Хотя они и присутствовали в Кане, когда вода была претворена в вино, однако же от того не приобрели еще никакой пользы. Отчего же у них такое неверие? От худого расположения души и зависти: сродникам знаменитым как-то обыкновенно завидуют сродники не

столько знаменитые. Кого же они здесь называют учениками? Народ, следовавший за Христом, а не двенадцать (апостолов). Что же Христос? Смотри, как кратко Он отвечал. Не сказал: вы кто таковы, что даете Мне такие советы и учите Меня? А что? "**Мое время еще не настало**" (ст.6). Мне кажется, здесь Он намекает и на нечто другое. Быть может, они из зависти замышляли даже предать Его иудеям, а потому, обнаруживая это, Он и говорит: "**Мое время еще не настало**", т.е. время креста и смерти. Зачем же прежде времени вы торопитесь убить Меня? "**А для вас всегда время**". Как бы так говорил: хотя бы вы постоянно обращались с иудеями, они не умертвят вас, потому что вы ревнуете о том же, о чем и они; а Меня они готовы немедленно убить. Таким образом, для вас всегда есть и время – не подвергаясь опасности, обращаться с ними; а для Меня время будет тогда, когда настанет время креста, когда Мне нужно будет умереть. А что Он действительно это разумеет, видно из следующих затем слов: "**вас мир не может ненавидеть**" (ст.7). Как он может ненавидеть тех, кто одного с ним желает и одного домогается? "**А Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы**", т.е. Меня ненавидит за то, что Я укоряю и обличаю. Научимся отсюда удерживаться от гнева и не сердиться, когда нам что-либо советуют и люди незначительные. Если Христос с кротостью перенес совет людей неверовавших, которые советовали то, чего не следовало советовать, и советовали не от доброго расположения, то какое мы получим прощение, мы – земля и пепел, если будем негодовать на советников, когда они хотя немного ниже нас, считая их советы недостойными нас? Вот смотри, с какою кротостью Христос отстраняет от Себя их обвинение. На их слова: "**яви Себя миру**", Он говорит: "**вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит**", и этим уничтожает их обвинение. Не только, говорит, Я не ищу славы у людей, но и непрестанно обличаю их, хотя и знаю, что это рождает ненависть ко Мне и готовит мне смерть. Когда же, скажешь, Он обличил? Но когда же и переставал обличать? Не говорил ли Он: "**не думайте, что Я буду обвинять вас пред Отцем: есть на вас обвинитель Моисей** " (Иоан.5:45); еще: "**знаю вас: вы не имеете в себе любви к Богу**" (Иоан.5:42); и еще: "**как вы можете веровать, когда**" от человек "**принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете**" (Иоан.5:44)? Видишь ли, как всем этим Он показал, что ненависть к Нему происходила от Его открытых обличений, а не от нарушения субботы? А для чего Он посылает их на праздник, говоря: "**вы пойдите на праздник; а Я еще не пойду**" (ст.8)? Чтобы показать, что Он не нуждается в них и не хочет, чтобы они льстили Ему, и что Он дозволяет им соблюдать иудейские обряды. Но как же, скажешь, Он пошел на праздник, когда прежде сказал: "**не пойду**"? Он не просто сказал: "**не пойду**", но прибавил: теперь, т.е. вместе с вами: "**потому что Мое время еще не исполнилось**". Но ведь Он имел быть распят в следующую Пасху, – почему же бы и Ему не идти? Если же не пошел потому, что еще не настало Его время, то следовало бы и совсем не ходить. Но Он пошел не для того, чтобы пострадать, а чтобы преподать им учение. Зачем же тайно? Мог Он, конечно, пойти и явно и быть среди иудеев и удержать их неистовое нападение, что нередко и делал; но Он не хотел так действовать всегда. Если бы Он пришел явно и опять поразил их слепотою, то этим яснее выказал бы Свое божество, и еще более открыл бы его, чего пока не следовало делать. Но так как они (Его братья) думали, что Он остался по малодушию, то (Своим появлением на праздник) Он, напротив, показывает то, что Он, наперед зная время в которое пострадает, с наступлением этого времени, вполне охотно пойдет во Иерусалим. Мне, впрочем, кажется, что в словах: "**вы пойдите**" Он высказывает и такую мысль: не думайте, что Я принуждаю вас против воли оставаться со Мной; а в следующих затем: "**Мое время еще не исполнилось**" показывает, что Ему надлежало еще совершать и чудеса и говорить беседы, чтобы и больше уверовало народа и тверже стали ученики, видя дерзновение Учителя и все, что Он претерпел.

3. Научимся же из сказанного уступчивости и кротости Спасителя: "**научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем**" (Матф.11:29), – и отвергнем всякую гневливость.

Восстанет ли кто против нас, – мы будем смиренны. Станет ли кто поступать с нами нагло, – мы будем услужливы. Будет ли кто язвить и терзать нас насмешками и ругательствами, – не будем отвечать тем же, чтобы мщением за себя не погубить себя. Гнев есть зверь, зверь жестокий и лютый. Чтобы укротить его, будем припевать себе стихи из божественного Писания и говорить: "**прах ты**" и "**пепел**" (Быт. 3:19;18:27), и: "**что гордится земля и пепел**" (Сир.10:9), также: "**движение гнева есть падение для человека**" (Сир.1:22), и еще: "**муж гневливый не благовиден**" (Прит.11:25). Подлинно нет ничего хуже, ничего безобразнее гневного лица; если же – лица, то тем более – души. Как тогда когда разрывают грязь, обыкновенно бывает зловоние, так и тогда, когда душа возмущается гневом, появляется великое безобразие. Но не могу, скажешь, вынести поношения от врагов. Отчего же, – скажи? Если враг сказал правду, то, еще прежде его, тебе самому следовало бы укорить себя, и ты должен благодарить его за обличение; если же ложь, не обращай на то внимания. Он назвал тебя нищим, – посмейся этому. Назвал низким или бессмысленным, – пожалей о нем, потому что, кто скажет "**брату своему: "безумный", подлежит геенне огненной**" (Матф.5:22). Итак, когда кто станет поносить тебя, помысли о том наказании, которому он подлежит, – и не только не будешь гневаться, но и прольешь слезы. Никто не сердится на одержимых лихорадкой или горячкой, но все жалеют о подобных людях и плачут. А такова и душа разгневанная. Если же хочешь и отомстить, смолчи, – и тем нанесешь врагу смертельный удар. Если же будешь отвечать на укоризну укоризною, то зажжешь огонь. Но присутствующие, скажешь, будут обвинять в малодушии, если стану молчать. Не в малодушии будут обвинять, а подивятся любомудрию. Если же ты, подвергшись поношению, станешь огорчаться, то чрез это будешь поносить сам себя, потому что заставишь думать, что сказанное о тебе справедливо. Отчего, скажи мне, богач смеется, кода слышит, что его называют нищим? Не оттого ли, что не сознает за собою нищеты? Так и мы, если на бранные слова будем отвечать более смехом, чрез то представим величайшее доказательство, что мы не сознаем за собою того, в чем укоряют нас. Притом же, доколе нам бояться суждений людских? Доколе презирать общего всем Владыку и прилепляться к плоти? "**Если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы**" (1Кор.3:3)? Будем же духовными и обуздаем этого страшного зверя. Между гневом и бешенством, нет никакого различия; гнев есть тоже беснование, только временное, или даже и хуже беснования. Бесноватый может еще получить прощение; а гневающийся подвергнется тысяче мучений, как добровольно стремящийся в бездну погибели. Да и прежде будущей геенны, он уже здесь терпит наказание, так как во всю ночь и во весь день носит в помыслах души своей непрестанное смятение и незатихающую бурю. Итак, чтобы избавиться и наказания в жизни настоящей и мучения в будущей, отринем эту страсть и будем выказывать всякую кротость и уступчивость. Чрез это мы обретем покой нашим душам и здесь и в царствии небесном, которого и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 49

"Сие сказав им, остался в Галилее. Но когда пришли братья Его, тогда и Он пришел на праздник не явно, а как бы тайно" (Иоан.7:9,10).

1. Когда Христос совершал что-либо, как человек, то совершал не для уверения только в Своем воплощении, но и для научения нас добродетели. Если бы Он всегда поступал, как Бог, то откуда могли бы мы узнать, что нам должно делать в затруднительных обстоятельствах? Если бы, например, и в настоящем случае, когда иудеи дышали убийством, Он вдруг предстал среди них и удержал их порыв, и если бы так поступал всегда, то мы, не имея возможности сделать тоже, между тем находясь в подобных

обстоятельствах, откуда могли бы узнать, как нам должно поступить? Следует ли тотчас же умереть, или нужно что-нибудь предпринять, чтобы придать делу благоприятный оборот? Итак, поскольку мы, не имея равных (с Ним) сил, не знали бы, что нам делать в трудных обстоятельствах, то Он Своим примером научает нас и этому. "**Сие**", сказано, "**сказав им**" Иисус "**остался в Галилее. Но когда пришли братья Его, тогда и Он пришел не явно, а как бы тайно**". Слова: "**пришли братья Его**" показывают, что Он не хотел идти с ними. Поэтому и остался там, где был, и не явил Себя, хотя братья некоторым образом и побуждали Его к тому. Но отчего Он, беседовавший всегда явно, теперь идет на праздник как бы тайно? (Евангелист) не сказал: тайно, но: "**как бы тайно**", – оттого, что надлежало через это научить нас устраивать наши дела. А кроме того, не все равно было для Него – явиться ли среди иудеев в то время, когда они кипели и пламенели от гнева, или после, при окончании праздника. "**Иудеи же искали Его на празднике и говорили: где Он**" (ст.11)? Прекрасные поистине дела у них в праздничные дни! Порываются к убийству и совещаются на празднике схватить Его. Так говорят они и в другом месте: "**как вы думаете? не придет ли Он на праздник**" (Иоан.11:56)? и здесь: "**где Он**"? От чрезмерной ненависти и вражды не хотели назвать Его по имени. Великое уважение к празднику, великое благоговение! Хотели уловить Его в самый праздник. "**И много толков было о Нем в народе**" (ст.12). Мне кажется, что их раздражало самое место совершения чуда, и что они в одно и то же время и свирепели и боялись, но не столько негодовали из-за прежнего чуда, сколько опасались, чтобы Он не совершил чего-либо подобного. Но вышло совсем иначе: они сами, против воли, сделали Его известным. "**Одни говорили, что Он добр; а другие говорили: нет, но обольщает народ**" (ст.12). Первое, я думаю, – мнение народа, а последнее – князей и священников, потому что клеветать было свойственно их зависти и злобе. "**Обольщает**", говорят, "**народ**". Но каким образом, скажи мне? Разве Он совершает чудеса призрачные, а не действительные? Но опыт свидетельствует противное. "**Никто не говорил о Нем явно, боясь Иудеев**" (ст.13). Видишь ли, начальники – люди развращенные, а подначальные хотя и здраво судят, но лишены надлежащего мужества, которого преимущественно недостает у народа? "**Но в половине уже праздника вошел Иисус в храм и учил**" (ст.14). Чрез промедление Он сделал их внимательнее. Те, которые искали Его в первые дни праздника и говорили: "**где Он**"? теперь, увидев Его неожиданно перед собою, смотри, как поспешили к Нему и старались внимать Его словам, – и те, которые называли Его добрым, и те, которые не считали таким, – одни, чтобы получить пользу и подивиться, другие, чтобы схватить Его и задержать. Говорили же они: "**обольщает народ**", вследствие Его учения о догматах, так как не понимали того, что Он говорил; а – "**Он добр**", вследствие Его чудес. Итак, Он предстал пред ними, после того как утишил их ярость, чтобы они внимательно могли выслушать Его слова, когда гнев не заграждал уже их слуха. Чему Он учил, евангелист того не сказал; говорит только, что Он учил дивно, что пленил их и произвел в них перемену: такова была сила Его слов! Те, которые говорили: "**обольщает народ**", теперь, переменившись в своих мыслях, дивились Ему и потому говорили: "**как Он знает Писания, не учившись**" (ст.15)? Видишь ли, как евангелист показывает, что и здесь их удивление было полно злобы? Не сказал, что они дивились учению, или что принимали слова Его; но просто: "**дивились**", т.е. приходили в изумление и в недоумении говорили: "**откуда у Него это**" (Мар.6:2)? Между тем это недоумение должно было привести к сознанию, что в Нем не было ничего человеческого. Но так как этого они не хотели исповедать, но ограничивались только удивлением, то послушай, что говорит сам Христос: "**Мое учение – не Мое**" (ст.16). Опять отвечает на их тайную мысль, обращая их к Отцу и желая тем заградить им уста. "**Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю**" (ст.17). Эти слова значат вот что: отриньте от себя злобу, гнев, зависть и ненависть, которую напрасно питаете против Меня, и ничто не помешает вам познать, что Мои слова – поистине слова Божии. Теперь эти страсти омрачают вас и искажают в вас правильное и светлое суждение. А если

исторгнете их из себя, то уже не будете подвергаться этому. Но Христос так не сказал, потому что этим слишком уязвил бы их; а все это прикровенно выразил в словах: кто творит волю Его, "**тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю**", т.е., или Я возвещаю что-либо чуждое, и новое, и противное, потому что выражение: "**от Себя**" всегда употребляется в следующем значении: Я не говорю ничего неугодного Богу, но чего хочет Отец, того – и Я. Если "**кто волю Его**" творит, "**тот узнает о сем учении**". Что значит: если кто волю Его творит? Значит: если кто любит жизнь добродетельную и хочет быть внимательным к пророчествам, чтобы видеть, сообразно ли с ними Я говорю, или нет, тот уразумеет силу Моих слов.

2. Как же (Его учение есть) Его и не Его? Он не сказал: это учение не Мое, но сказав прежде: "**Мое**", и таким образом усвоив его Себе, потом уже присовокупил: "**не Мое**". Как же одно и тоже может быть и Его и не Его? Его, потому что Он говорил не как наученный; не Его, потому что оно было учение Отца. А как же Он говорит: все Отчее – Мое, и все Мое – Отчее (Иоан.17:10)? Если оно потому не Твое, что оно Отчее, то те слова (все Отчее – Мое) будут ложны, так как поэтому самому оно должно быть Твое. Но слова: "**не Мое**" весьма ясно показывают, что Его учение и учение Отца – одно и тоже. Он как бы так говорил: (Мое учение) ничуть не отлично (от учения Отца), как учение другого (лица). Хотя во Мне ипостась и другая, но Я и говорю и делаю так, что нельзя подумать, будто Я говорю и делаю что-либо отличное от Отца: Я говорю и делаю тоже самое, что – и Отец. Потом присовокупляет и другое неопровержимое умозаключение, выставляя на вид нечто человеческое и научая примером из обыкновенной жизни. Что же это такое? "**Говорящий сам от себя ищет славы себе**" (ст.18), т.е., кто хочет ввести свое какое-либо учение, – хочет не для чего другого, как для того, чтобы чрез то приобрести себе славу. Если же Я не хочу снискивать Себе славу, то для чего Мне желать вводить Свое какое-либо учение? "**Говорящий сам от себя**", т.е. высказывающий нечто свое и отличное, говорящий для того, чтобы приобрести себе славу. Если же Я ищу славы Пославшего Меня, то для чего Я стал бы учить другому? Видишь ли, что была некоторая причина, почему Он и там говорил, что не делает ничего сам от Себя (Иоан.5:30)? Какая же это причина? Та, чтобы уверить, что Он не ищет славы у людей. По этой же причине, говоря о Себе смиренно, Он произносит: Я ищу славы Отца, и таким образом везде хочет убедить их, что Он не желает славы (человеческой). А почему Он выражается смиренно, на это много есть причин, как-то: чтобы не подать о Себе мысли, что Он не рожден или богопротивен, чтобы уверить, что Он облечен плотью, чтобы снизойти к немощи слушателей, чтобы научить людей быть скромными и не говорить о самих себе ничего великого. Когда же Он выражается о Себе возвышенно, то на это можно найти только одну причину – величие Его естества. Но если (иудеи) соблазнились и тем, что Он сказал: "**прежде нежели был Авраам, Я есмь**" (Иоан.8:58), то чего не случилось бы с ними, если бы они постоянно слышали речи возвышенные? "**Не дал ли вам Моисей закона? и никто из вас не поступает по закону. За что ищете убить Меня**" (ст.19)? Какую, скажешь, связь, или что общего имеют эти слова с преждесказанными?

Два обвинения возводили на Него иудеи: одно, что разорял субботу, другое, что Бога называл Отцом Своим, делая Себя равным Богу. А что это было не их мнение, а мысль Его самого, и что Он называл Бога Своим Отцом не так, как другие, но в смысле отличном и особенном, это видно из следующего. Многие часто называли Бога своим Отцом, например: "**не один ли у всех нас Отец? Не один ли Бог сотворил нас**" (Мал.2:10)? Однако же от этого люди не были равны Богу. Потому-то, слыша эти слова, (иудеи) и не соблазнялись. Притом, как тогда, когда они говорили, что Он не от Бога, Он неоднократно вразумлял их и как оправдывал Себя в нарушении субботы, так и теперь, если бы то было их мнение, а не мысль Его самого, Он исправил бы его и сказал: зачем вы считаете Меня равным Богу, – Я не равен. Но Он ничего такого не сказал, а даже напротив и

дальнейшими совами доказал, что Он равен Богу. Слова: "**как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын**" (Иоан.5:21); и: "**дабы все чтили Сына, как чтут Отца**" (Иоан.5:23); и: "**что творит Он, то и Сын творит также**" (Иоан.5:19), – все эти слова доказывают Его равенство. И о законе Он также говорит: "**не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков**" (Матф.5:17). Так Он обыкновенно исторгает из их ума несправедливые о Нем мнения. Здесь же не только не опровергает мнения о равенстве Его с Отцом, но еще и утверждает его. Поэтому же и в другом месте, когда они сказали: "**делаешь Себя Богом**" (Иоан.10:33), Он не отверг этого мнения, а напротив подтвердил, сказав: "**чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – тогда говорит расслабленному: встань, возьми постель твою, и иди**" (Матф.9:6). Итак, сначала Он говорил против того их обвинения, что Он делает Себя равным Богу, показывая, что Он не только не богопротивен, но и говорит одно и тоже и учит тому же самому, чему и Бог. А теперь Он уже приступает к обвинению в нарушении субботы, говоря: "**не дал ли вам Моисей закона? и никто из вас не поступает по закону**"? Он как бы так говорил: закон предписывает: "**не убивай**", а вы убиваете и еще обвиняете Меня, как преступающего закон! А почему Он сказал: "**никто**"? Потому, что все искали Его убить. Если же Я, говорит, и нарушил закон, то для спасения человека; а вы преступаете его для злодеяния. Если Мой поступок и был нарушением закона, то он совершен для спасения, и вам, которые преступаете важнейшие заповеди, не следовало судить Меня, потому что ваше преступление есть разрушение всего закона. Вслед затем Христос вступает с ними в состязание; и хотя много беседовал об этом и прежде, но тогда возвышеннее и согласно с Своим достоинством, а теперь смиреннее. Почему же так? Потому, что не хотел часто раздражать их: теперь они и без того пламенели гневом и порывались к убийству. Поэтому Он и старается убедить и успокоить их двумя следующими доводами: во-первых, обличает их дерзкое покушение, говоря: "**за что ищете убить Меня**", и присовокупляя с кротостью: "**Человека, сказавшего вам истину**" (Иоан.8:40); а во-вторых, показывает, что они, дыша убийством, недостойны судить другого. Но ты обрати внимание на смирение, с каким спрашивает Христос, и на дерзость, с какою они отвечают. "**Не бес ли в Тебе? кто ищет убить Тебя**" (ст.20)? Это – слова гнева и ярости, вылившиеся из их души, потерявшей всякий стыд и крайне смущенной от неожиданного обличения в том, о чем они думали. Как разбойники, распевающие во время своих замыслов, когда хотят застать врасплох того, против кого злоумышляют, делают это молчаливо, так – и иудеи. Но Христос не обличает их за это, чтобы не сделать их еще более безстыдными, и опять начинает оправдываться в нарушении субботы, заимствуя Свои доводы против них от закона.

3. И смотри, как премудро! Нисколько не удивительно, говорит, что вы не слушаете Меня. Вы не слушаете и закона, которому, как вам кажется, вы повинуетесь и который считаете данным от Моисея. Поэтому ничего нет странного, если вы не внимаете Моим словам. Так как они говорили: "**с Моисеем говорил Бог; Сего же не знаем, откуда Он**" (Иоан.9:29), то Он показывает, что они оскорбляли и Моисея. Он дал закон, а между тем они не слушали закона. "**Одно дело сделал Я, и все вы дивитесь**" (ст.21). Смотри: когда Ему нужно оправдываться и опровергать возводимое на Него обвинение, Он не упоминает об Отце, но выставляет Свое лицо. "**Одно дело сделал Я**". Этим хочет показать, что не совершить того дела значило бы нарушить закон, что есть многое, что выше закона, и что Моисей допустил заповедь вопреки закону и в то же время высшую, чем закон. Обрезание выше субботы, хотя оно не установлено законом, а перешло от отцов. А Я совершил дело, которое выше и превосходнее даже обрезания. Далее не упоминает о заповеди закона, т.е. о том, что священники нарушают субботу, как сказал об этом выше, но (говорит) с большею силой. Выражение же: "**дивитесь**" значит: смущаетесь, тревожитесь. Если закону надлежало быть совершенно неизменным, то обрезание не было бы выше его. Он не сказал также: Я совершил дело важнее, чем обрезание; но обличает их сильнее, говоря:

"**если принимает человек обрезание**" (ст.23). Видишь ли, что закон тогда преимущественно и остается в своей целости, когда Христос нарушил его? Видишь ли, что нарушение субботы есть соблюдение закона, так что если бы не была нарушена суббота, то чрез это по необходимости был бы нарушен закон? Значит и Я не нарушил закон. И не сказал: вы гневаетесь на Меня за то, что Я совершил дело большее, чем обрезание; но, высказав только Свое дело, предоставил им на суд, не важнее ли обрезания всецелое здравие. У вас, говорит, нарушается закон для того, чтобы человек получил знак, нимало не способствующий здоровью; и между тем, когда человек избавляется от столь тяжкой болезни, вы досадуете и негодуете. "**Не судите по наружности**" (ст.24). Что значит – "**по наружности**"? Моисей пользуется у вас большим уважением; но вы произносите суд, основываясь не на достоинстве лица. А на существе дел: это значит судить справедливо. Почему никто не обвинял Моисея? Почему никто не восставал против его повеления нарушать субботу ради заповеди, отвне привнесенной в закон? Между тем Моисей допускает, что та заповедь (о обрезании) выше его собственного закона, – заповедь, которая установлена не законом, а привнесена отвне (что особенно удивительно); а вы, не будучи законодателями, сверх меры защищаете закон и мстите за него. Но Моисей, повелевший нарушать закон ради заповеди незаконной, заслуживает веры более вас. Словами: "**всего человека**" (ст.23) Христос показывает, что обрезание приносило только часть здравия. Какое же здравие от обрезания? Всякая душа, сказано, которая не обрежется, погубится (Быт.17:14). А Я восставил (от одра) не отчасти только больного, а совершенно расслабленного. Итак "**не судите по наружности**". Будем уверены, что это сказано не жившим только тогда, а и нам, чтобы мы ни для чего не нарушали справедливости, но все для нее делали. Нищ ли кто, или богат, мы не должны обращать внимания на лица, но обязаны исследовать их дела. "**не потворствуй**", сказано, "**бедному в тяжбе его**" (Исх.23:3). Что это значит? Значит: не преклоняйся и не смягчайся, если несправедливо будет поступать и нищий. Если же не должно быть пристрастным к нищему, то гораздо более – к богатому. Это говорю я не к судьям только, но и ко всем людям, чтобы они нигде не нарушали справедливости, но везде соблюдали ее свято. "**Возлюбил**", сказано, "**правду**" Господь, "**и возненавидел беззаконие**" (Пс.44:8; 10:5). Не будем же ненавидеть свои души, не будем любить неправду. Прибыли от нее и теперь, без сомнения, мало или вовсе нет, а в будущем – много вреда. А лучше сказать, мы и теперь не можем наслаждаться от нее удовольствием. Когда мы живем в роскоши со злою совестью, то не наказание ли и не мучение ли это? Возлюбим же справедливость не будем никогда преступать этого закона. Какой плод принесет нам настоящая жизнь, если отойдем без добродетели? Что там за нас будет предстательствовать? Дружба ли, родство ли, или чье-либо благоволение? Но что я говорю о чьем-либо благоволении? Хотя бы мы имели отцом Ноя, или Иова, или Даниила, – и это нисколько не поможет нам, если нам будут изменять наши собственные дела. Нам только одно нужно – добродетель души. Она в состоянии будет спасти нас и избавить от вечного огня. Она введет нас в царство небесное, которого и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 50

"Тут некоторые из Иерусалимлян говорили: не Тот ли это, Которого ищут убить? Вот, Он говорит явно, и ничего не говорят Ему: не удостоверились ли начальники, что Он подлинно Христос? Но мы знаем Его, откуда Он" (Иоан.7:25-27)

1. В божественном Писании ничего не сказано без цели, так как все изречено Духом Святым. Потому мы должны все тщательно исследовать. Часто и по одному в нем слову можно дойти до целой мысли, как, например, и в предложенном ныне месте. Многие "**из**

Иерусалимлян говорили: не Тот ли это, Которого ищут убить? Вот, Он говорит явно, и ничего не говорят Ему". Зачем прибавлено: "**из Иерусалимлян**"? Этим евангелист показывает, что те, которые по преимуществу удостоились великих чудес, были жалче всех, – что те, которые видели величайшее знамение Его божества, все предоставляли суду своих развращенных начальников. В самом деле, не великое ли то было знамение, что люди, неистовствовавшие и дышавшие убийством, – люди, следившие за Ним и искавшие Его убить, имея уже Его в руках своих, вдруг успокоились? Кто мог бы это сделать? Кто мог бы так скоро укротить столь великое неистовство? Однако же и после таких знамений, смотри, какое у них безумие и неистовство! "**не Тот ли это, Которого ищут убить**"? Смотри, как они сами себя осуждают! "**Которого ищут убить**", говорят, "**и ничего не говорят Ему**". И не просто ничего не говорят Ему, но даже тогда, как Он говорит с дерзновением. А говоря с дерзновением и со всею свободою, Он еще более должен был раздражить их; но они ничего Ему не делают. "**не удостоверились ли, что Он подлинно Христос**"? А вам как кажется? Вы какой произносите о Нем суд? Мы, говорят, противоположный. Поэтому они говорили: "**но мы знаем Его, откуда Он**". Какая злоба! Какое противоречие! Не следуют даже приговору начальников, а произносят свой суд, несправедливый и достойный их безумия. "**Мы знаем Его**", говорят, "**откуда Он. Христос же когда придет, никто не будет знать, откуда Он**" (ст.27). Между тем начальники ваши, будучи спрошены, именно говорили, что Он должен родиться в Вифлееме. Были опять и такие, которые говорили: "**мы знаем, что с Моисеем говорил Бог; Сего же не знаем, откуда Он**" (Иоан.9:29). Вот – речи пьяных! И опять: "**разве из Галилеи Христос придет? Не сказано ли в Писании, что из Вифлеема**" (Иоан.7:41,42)? Вот – приговор людей неистовствующих! Знаем, и не знаем. Христос приходит от Вифлеема, и "**Христос же когда придет, никто не будет знать, откуда Он**". Что яснее этого противоречия? Но они заботились только о том, чтобы не веровать. Что же на это Христос? "**и знаете Меня, и знаете, откуда Я; и Я пришел не Сам от Себя, но истинен Пославший Меня, Которого вы не знаете**" (ст.28); и еще: "**Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего**" (Иоан.14:7). Как же Он говорит, что они знают и Его, и откуда Он; а потом – что не знают ни Его, ни Отца? Говоря таким образом, Он не противоречит Себе, – нет; а напротив говорит совершенно согласно с самим Собою. Говоря: "**не знаете**", Он разумеет другое ведение, подобно тому, как говорится: "**сыновья же Илия были люди негодные; они не знали Господа**" (1Цар.2:12), – и в другом месте: "**Израиль не знает [Меня]**" (Ис.1:3). В этом смысле и Павел говорит: "**Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются**" (Тит.1:16). Значит, и знающему можно не знать. Итак Он говорит вот что: если вы Меня знаете, то знаете, что Я – Сын Божий. Ведь слова: "**откуда Я**" указывают здесь не на место, как это видно из прибавления: "**и Я пришел не Сам от Себя, но истинен Пославший Меня, Которого вы не знаете**". Под неведением Христос разумеет здесь неведение делами, о котором говорит и Павел: "**Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются**". То был грех не неведения, а злой и порочной воли. Они знают, и однако же хотят не знать. Но какая во всем этом связь? Каким образом Христос, в обличение их, говорит то же, что и они? Когда именно они сказали: "**но мы знаем Его, откуда Он**", Он присовокупил: "**и знаете Меня**". Как же они говорили: "**не знаем**", когда вот сами же говорят: "**знаем**"? Но говоря: "**знаем, откуда Он**", они не иное что высказывали, как то, что Он от земли и сын тектона. А Христос, говоря: "**знаете, откуда Я**", т.е. не оттуда, откуда вы предполагаете, но оттуда, где Пославший Меня, – возносил их мысль на небо. Слова: "**Я пришел не от Себя**" намекают на то, что они знали, что Он послан от Отца, хотя и не признавались в том. Итак, Он изобличает их двояким образом. И во-первых, чтобы пристыдить их, Он открыто объявляет пред всеми то, что они говорили только тайно. Потом открывает и то, что было у них в душе, говоря как бы так: Я не из числа людей отверженных и не из тех, которые приходят без всякой причины; "**но истинен Пославший Меня, Которого вы не знаете**". Что значит: "**истинен Пославший**

Меня"? Если Он истинен, то и послал истинно. Если Он истинен, то следует, что истинен и Посланный.

2. Это же Он доказывает и другим образом, уловляя их собственными словами. Так как они говорили: "**Христос же когда придет, никто не будет знать, откуда Он**", то Он и отсюда выводит заключение, что Он сам и есть Христос. "**Никто не будет знать**", – они говорили, имея в виду какое-либо определенное место. А Он отсюда и доказывает, что Он – Христос, потому что пришел от Отца, а знание Отца Он всюду приписывает Себе одному, говоря: "**не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть**" от Отца (Иоан.6:46). Слова Христовы раздражили их, потому что, сказав: вы не знаете Его (Отца), и обличив в том, что они, зная, притворяются не знающими, Он действительно уколол и уязвил их. "**И искали схватить Его, но никто не наложил на Него руки, потому что еще не пришел час Его**" (ст.30). Видишь ли, как невидимою силою они удерживаются и как их гнев обуздывается? Но отчего евангелист не сказал, что удержал их невидимою силою; но – "**потому что еще не пришел час Его**"? Он хотел выразиться человекообразнее и смиреннее, чтобы на Христа смотрели и как на человека. Он везде говорит о Нем возвышенно; а потому по местам примешивает и это. Когда же Христос говорит: "**потому что Я от Него**", то говорит не как пророк, которому сообщается ведение, но как созерцающий Его (Отца) и сущий с Ним. "**Я знаю Его**", говорит, "**потому что Я от Него**" (ст.29). Видишь ли, как Он всюду подтверждает слова Свои: "**Я пришел не от Себя**", и: "**истинен Пославший Меня**", стараясь убедить в том, чтобы не считали Его чуждым Богу. И смотри, какой плод от смиренных слов. После этого, сказано, многие говорили: "**когда придет Христос, неужели сотворит больше знамений, нежели сколько Сей сотворил**" (ст.31)? Сколько же знамений? Было только три знамения, именно – претворение воды в вино, знамение над расслабленным и над сыном царедворца, а больше евангелист не сообщил ни об одном. А из этого видно, что евангелисты, как я часто говорил, многое проходят молчанием и говорит нам о том, из-за чего злодействовали начальники. "**И искали схватить Его**" и убить. Кто искал? Не народ, который не домогался начальства и не мог быть увлечен завистью, а священники. Народ, с своей стороны, говорил: "**когда придет Христос, неужели сотворит больше знамений**"? Впрочем и это не была вера здравая, а вера, какая обыкновенно бывает у простого народа. Сказав: "**когда придет**", народ тем показал, что он не вполне убежден, что Иисус есть Христос. Итак, или по этой причине народ сказал те слова, или потому, что говорил при многолюдном собрании. Так как начальники всячески старались доказать, что Он не Христос, то народ сказал: положим, что Он не Христос; но разве Христос будет лучше Его? Люди простые и грубые, – я всегда это говорю, – привлекаются не учением или проповедью, а чудесами. "**Услышали фарисеи такие толки в народе, и послали служителей – схватить Его**" (ст.32). Видишь ли, что нарушение субботы было только предлогом и что более всего уязвляло их именно это (сочувствие народа)? Так как в настоящем случае они не находили ничего ни в Его словах, ни в делах, за что бы могли обвинить, то хотели схватить Его ради народа; но сами не смели, предвидя опасность, а послали наемных слуг. Какое насилие и неистовство, или лучше, какое безумие! Сами много раз покушались, но не могли, и вот поручают это дело слугам, чтобы как-нибудь удовлетворить своей ярости. Много беседовал Он и при купели, и они ничего такого не сделали; намеревались, правда, схватить Его, но не решились. А теперь они уже не могут более выносить, так как народ готов был устремиться к Нему. Что же Христос? "**Еще недолго быть Мне с вами**" (ст.33). Имея силу и преклонить и устрашить слушателей, Он произносит слова, исполненные смиренномудрия, и говорит как бы так: зачем вы стараетесь убить Меня и преследовать? Потерпите немного, – Я дозволю вам задержать Меня и без вашего старания. Потом, чтобы кто не подумал, что в словах: "**еще недолго быть Мне с вами**" Он говорит об общей для всех смерти (а так и действительно думали), – чтобы, говорю, кто не подумал этого, а вместе и того, что по смерти Он уже не будет

действовать, – Он присовокупил: "**и где буду Я, [туда] вы не можете придти**" (ст.34). Если бы Он должен был остаться в области смерти, то и они могли бы (туда) придти, потому что все мы туда отходим. Эти слова преклонили к Нему людей простых, устрашили дерзких, а любознательных побудили спешить к слушанию, потому что уже не много остается времени и не всегда можно будет пользоваться таки мучением. И Он не сказал просто: здесь есмь, но: "**быть Мне с вами**", т.е., хотя вы Меня преследуете и гоните, но Я и на короткое время не перестану устраивать ваше счастье, говорить то, что относится к вашему спасению и наставлять вас. "**И пойду к Пославшему Меня**". Это, естественно, могло устрашить их и привести в безпокойство, потому что (здесь) Он показывает, что придет время, когда они будут нуждаться в Нем. "**Будете искать**", говорит, "**Меня**", – не только не забудете, но и "**будете искать Меня, и не найдете**" (ст.34). Когда же иудеи искали Его? Лука говорит, что о Нем плакали жены, а вероятно, и многие другие, как тогда, так и при пленении города, вспоминали о Христе и Его чудесах и желали Его присутствия. Все же это Он сказал для того, чтобы привлечь их к Себе. И действительно, как то, что уже не много оставалось времени, так и то, что, по отшествии, Он будет для них вожделенным и что уже нельзя будет найти Его, – все это могло расположить их обратиться к Нему. Если бы Его присутствие не должно было сделаться для них вожделенным, то в Его словах не было бы для них ничего особенно важного. С другой стороны, если бы оно и должно было сделаться вожделенным, но можно было бы найти Его, то и этим Он не смутил бы их.

3. Равным образом, если бы Он еще долгое время оставался среди них, то и в этом случае они были бы беззаботны. Но теперь Он со всех сторон тревожит их и устрашает. А словами: "**пойду к Пославшему Меня**" показывает, что от их злого умысла Он не потерпит никакого вреда и что Его страдание будет добровольное. Итак, Он изрек два предсказания, – одно, что спустя немного времени Он отойдет, другое, что они не придут к Нему. Что Он предсказал Свою кончину, это, конечно, не было делом ума человеческого. Смотри, вот и Давид говорит: "**скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих, какое оно, дабы я знал, какой век мой**" (Пс.38:5). Да и подлинно никто не может узнать этого. От одного же (предсказания) получает достоверность и другое. А я думаю, что те слова прикровенно относились и к слугам и что Христос и к ним обращал свою речь, чем наиболее и привлек их к Себе, показав, что знает, зачем они пришли; Он как бы так говорил: потерпите немного, и Я отойду. "**Иудеи говорили между собою: куда Он хочет идти**" (ст.35)? Правду сказать, тем, которые желали освободиться от Него и употребляли все средства, чтобы не видеть Его, не следовало бы доискиваться этого, а следовало сказать: мы и рады (что Ты уходишь); когда только это будет? Однако же слова (Христовы) несколько тронули их и они стали спрашивать друг друга, делая неразумные предположения: "**куда хочет идти? Не хочет ли Он идти в Еллинское рассеяние**"? Что значит: "**в Еллинское рассеяние**"? Так иудеи называли язычников, потому что те были повсюду рассеяны и безпрепятственно смешивались одни с другими. Этому же поношению подверглись впоследствии и сами иудеи, потому что и они были рассеяны. Но в древности весь иудейский народ был собран в одно место, и иудея нельзя было найти нигде, кроме Палестины. Потому-то они и называли язычников рассеянием, понося их и величаясь собою. А что значит: "**и где буду Я, [туда] вы не можете придти**"? В то время иудеи были уже смешаны с язычниками и находились во всех странах света; следовательно, если бы Христос указывал здесь на язычников, то не сказал бы: туда "**вы не можете придти**". А те, которые говорили: "**Не хочет ли Он идти в Еллинское рассеяние**", не сказали: и губить (эллинов), но: "**учить**". Таким образом, они уже оставили свой гнев и поверили словам Его; если бы не поверили, то не стали бы спрашивать друг друга: "**что значат сии слова**"? Но это было сказано иудеям; а я боюсь, чтобы и к нам не имели приложения те слова, т.е., что где Он, туда мы не можем придти, – по причине нашей жизни, исполненной грехов. О Своих учениках Христос говорит:

"**хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною**" (Иоан.17:24); об нас же, боюсь, чтобы не было сказано противного: "**где буду Я, [туда] вы не можете придти**". В самом деле, как нам придти туда, когда мы поступаем вопреки заповедям? Ведь и в настоящей жизни, если кто-либо из воинов станет действовать несоответственно с достоинством царя, то не будет иметь возможности видеть царя, а напротив лишится своей власти и подвергнется величайшему наказанию.

Так и мы, если будем похищать и лихоимствовать, если станем оказывать несправедливости и обиды и не будем творить милостыни, то не только лишимся возможности придти туда, но и потерпим тоже, что случилось с девами. А они не могли войти туда, где был Жених, но удалились, потому что угасли их светильники, т.е. оставила их благодать. Действительно, этот огонь, который мы получили по благодати Духа, если захотим, мы можем усилить; если же не захотим, тотчас угасим его. А когда он угаснет, в наших душах не останется ничего, кроме тьмы. Как с возжжением светильника появляется большой свет, так с его погашением не остается ничего, кроме мрака. Поэтому сказано: "**Духа не угашайте**" (1Фесс.5:19). Угасает же тогда, когда не имеет елея, когда подвергается какому-либо сильному напору ветра, когда подавляется и стесняется (от этого именно и гаснет огонь); подавляется же житейскими заботами и угасает от злых пожеланий. Но, при этом, ничто так не угашает огонь Духа, как безчеловечие, жестокость и хищничество. Если мы, не имея елея, нальем еще холодную воду (а это и есть лихоимство, охлаждающее унынием души обижаемых), то как тогда он может загореться? И вот мы отойдем отсюда, неся с собою золу и пепел, окруженные великим дымом, который будет обличать нас в том, что мы угасили свои светильники. Где дым, там необходимо допустить угасший огонь. Но не дай Бог никому услышать этот глас: "**не знаю вас**" (Матф.25:12). А когда можно услышать его, как не тогда, когда, видя бедного, мы остаемся в таком же расположении духа, как если бы не видели? Если мы не хотим знать Христа, когда Он алчет, то не узнает и Он нас, когда мы будем нуждаться в Его милости. И справедливо: кто презирает несчастного и не подает своего, тот не должен надеяться получить что-либо из того, что не его. Потому, умоляю вас, будем всячески стараться и заботиться, чтобы не оскудел у нас елей, чтобы наши светильники были украшены, и мы могли вместе с Женихом войти в брачный чертог, чего и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 51

"В последний же великий день праздника стоял Иисус и возгласил, говоря: кто жаждет, иди ко Мне и пей. Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой" (Иоан.7:37,38)

1. Приступающие к божественной проповеди и внимательные к вере должны выказывать расположение жаждущих и возжигать в себе такое же, как у них, желание. Чрез это они будут в состоянии вернее удержать в себе проповедуемое. Жаждущие, взяв чашу, выпивают ее с великою охотой, и тогда только успокаиваются. Так и те, которые слушают божественные слова, если будут принимать их с жаждою, никогда не отстанут от них прежде, нежели совершенно насытятся. А что всегда должно жаждать и алкать, об этом сказано: "**блаженны алчущие и жаждущие правды**" (Матф.5:6). И здесь Христос говорит: "**кто жаждет, иди ко Мне и пей**". Эти слова означают: Я никого не влеку принуждением и насилием; но кто имеет великое усердие, кто пламенеет желанием, того Я призываю. Но почему евангелист заметил, что (это было) "**в последний великий день**"? Потому, что первый и последний дни были великими, а средние между ними большею частью проводимы были в увеселениях. Почему же говорит: "**в последний**"? Потому, что

в этот день все были в собрании. В первый день (Господь) еще не пришел, объяснив Своим ученикам и причину этого. Во второй же и в третий день, Он не говорит ничего такого, чтобы не тратить напрасно слов, так как (иудеи в эти дни) предавались увеселениям. Но в последний день, когда они возвращались домой, Он дает им напутствие ко спасению и громко говорит, частью для того, чтобы показать Свое дерзновение, частью по причине большого многолюдства. А чтобы показать, что Он говорит о питии духовном, присовокупляет: "**кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой**". Чревом называет здесь сердце, подобно тому, как и в другом месте говорится: "**и закон Твой у меня в сердце**" (Пс.39:9). Но где сказано в Писании: "**у того из чрева потекут реки воды живой**"? Нигде. Что же значат слова: "**кто верует в Меня, как сказано в Писании**"? Здесь надобно поставить точку, так чтобы слова – "**у того из чрева потекут реки**" – были изречением самого Христа. Так как многие говорили: "**это Христос**" (ст.41), и еще: "**когда придет Христос, неужели сотворит больше знамений**" (ст.31), то Он показывает, что должно иметь правое познание и убеждаться не столько чудесами, сколько Писанием. Действительно, многие, хотя и видели Его чудодействовавшим, однако же не принимали за Христа, а напротив готовы были сказать "**не сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давидова**" (Иоан.7:42)? Поэтому Христос весьма часто обращался к Писанию, желая показать, что не избегает доказательств от Писания; Поэтому же и теперь отсылает их к Писаниям. Итак, выше Он говорил: "**исследуйте Писания**" (Иоан.5:39), и еще: "**у пророков написано: и будут все научены Богом**" (Иоан.6:45), также: "**есть на вас обвинитель Моисей**" (Иоан.5:45). Равным образом и здесь говорит: "**у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки**", указывая этими словами на богатство и изобилие благодати. Это же самое Он и в другом месте выражает словами: "**сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную**" (Иоан.4:14), т.е. (верующий в Него) будет иметь великую благодать. Итак, в том месте Он называет ее животом вечным, а здесь водою живою. Живою же называет ее потому, что она всегда действенна. Благодать Духа, когда войдет в душу и утвердится в ней, течет сильнее всякого источника, не прекращается, не истощается и не останавливается. Таким образом, чтобы показать и неоскудеваемость дара благодати и вместе неизреченную ее действенность, Он назвал ее источником и реками, – не одною рекою, но безчисленными. А в том месте (Иоанн.4:14) обилие Он представил под образом течения. И всякий ясно увидит истину сказанного, если представит себе мудрость Стефана, язык Петра, силу Павла, – как ничто их не останавливало, ничто не удерживало, ни ярость народная, ни восстания тиранов, ни козни демонов, ни ежедневные смерти, и как, напротив, они, подобно рекам, несущимся с великим стремлением, все увлекали вслед за собою. "**Сие сказал Он о Духе, Которого**", говорит, "**имели принять верующие: ибо еще не было на них Духа Святаго**" (Иоан.7:39). Как же пророки пророчествовали и творили безчисленные чудеса? Апостолы изгоняли (демонов) не Духом, но властью, полученной от Христа, как Он сам говорит: "**если Я [силою] веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чьею [силою] изгоняют**" (Матф.12:27)? А это Он говорил с тем. чтобы показать, что прежде креста не все изгоняли (демонов) Духом, но полученною от Него (Христа) властью. Потому-то, когда Он хотел послать их, то сказал: "**примите Духа Святаго**" (Иоан.20:22), как и в другом месте сказано: "**нисшел на них Дух Святый**" (Деян.19:6), и тогда стали творить чудеса.

2. А когда посылал их (прежде страдания), тогда не сказано, что Он дал им Духа Святаго, но – "**дал им власть**", говоря: "**прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте**" (Матф.10:1,8). Относительно же пророков всеми признано, что они имели дарование Святаго Духа; но эта благодать оскудела, отступила и иссякла на земле с того дня, как сказано было: "**оставляется вам дом ваш пуст**" (Матф.23:38). Впрочем, и прежде этого дня, она уже начала становиться редкою. Ведь у них (иудеев) не было уже пророка, и благодать не осеняла их святыни. Итак,

поелику Дух Святый был отнят, а между тем впоследствии Он имел излиться обильно, и это излияние началось после креста, не только с обилием, но и с большими дарованиями [да и действительно чудеснее был дар, когда, например, сказано: "**не знаете, какого вы духа**" (Лук.9:55); и опять: "**потому что вы не приняли духа рабства, но приняли Духа усыновления**" (Рим.8:15); древние, хотя сами и имели Духа, но другим не сообщали; напротив, апостолы исполнили Духом безчисленное множество], – поелику, говорю, (верующие) имели получить такую благодать, но она не была еще дарована, то и сказано: "**ибо еще не было Духа Святаго**". Итак, указывая на эту-то благодать, евангелист сказал: "**ибо еще не было Духа Святаго**", т.е. не был еще дарован, "**потому что Иисус еще не был прославлен**" (Иоан.7:39), – называя славою крест. Мы были врагами и грешниками, были лишены дара Божия и стали ненавистными Богу; а благодать есть свидетельство примирения, и дар подается не врагам и лицам ненавистным, но друзьям и людям благоугодившим. Поэтому надлежало прежде принестись за нас жертве, разрушиться вражде во плоти, и нам сделаться друзьями Божиими, и тогда уже получить этот дар. Если так было при обетовании, данном Аврааму, то тем более при благодати. Показывая это, Павел говорит: "**если утверждающиеся на законе суть наследники, то тщетна вера, ибо закон производит гнев**" (Рим.4:14,15). Слова его значат следующее: обетовал Бог Аврааму и семени его дать землю; но потомки сделались недостойными этого обетования и не могли благоугодить собственными трудами. Поэтому пришла вера – дело не трудное, чтобы привлечь благодать и чтобы не отпали обетования. "**Итак по вере**", продолжает апостол, "**чтобы [было] по милости, дабы обетование было непреложно**" (Рим.4:16). Потому – "**по милости**", что не могли (стяжать этого) делами. Но почему, сказав: по Писанию, не приводит самого свидетельства? Потому, что иудеи были заражены превратными понятиями. Одни говорили: "**Он пророк**", другие: "**обольщает народ**", иные: не от Галилеи "**Христос придет**", но "**из Вифлеема**", еще иные: "**Христос же когда придет, никто не будет знать, откуда Он**"; словом – мнения были разнообразны, как обыкновенно бывает в волнующемся народе. Да, они и внимали тому, что говорилось, не надлежащим образом и не с тем, чтобы узнать истину. Потому-то Он ничего не отвечает им, хотя они говорят: "**разве из Галилеи Христос придет**" (Иоан.7:41)? А Нафанаила, который выразился сильнее и разительнее – "**из Назарета может ли быть что доброе**" (Иоан.1:46)? – похвалил, как истинного израильтянина. Они, равно как и те, которые говорили Никодиму: "**рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк**" (Иоан.7:52), говорили это не с тем, чтобы узнать истину, но чтобы только опровергнуть мнение о Христе; а он (Нафанаил) говорил это потому, что любил истину и в точности знал все древние Писания. Итак, поелику они имели одну только цель – опровергнуть то, что Он есть Христос, то Он ничего и не открыл им. Притом, те, которые и себе самим противоречили, говоря иногда: "**никто не будет знать, откуда Он**", а иногда – "**из Вифлеема**", очевидно стали бы противиться и после того, как узнали бы истину. Пусть они не знали места, именно – что Он из Вифлеема, так как Он жил в Назарете, хотя и это для них не извинительно, потому что Он не там родился: но ужели они не знали и рода Его, именно – что Он из дома и племени Давидова? Как же они говорили: "**не сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давидова**" (Иоан.7:42)? Но теми словами они и это хотели затемнить, потому что обо всем говорили злонамеренно. Почему бы им, пришедши к Нему, не сказать: так как мы всему прочему удивляемся в Тебе, но ты повелеваешь веровать в Тебя по Писаниям, то скажи, каким образом Писания говорят, что Христос должен придти из Вифлеема, между тем как Ты пришел из Галилеи? Но они ничего такого не сказали, а напротив все говорят с злым умыслом. А что они не искали истины и не желали узнать ее, евангелист тотчас присовокупил: "**некоторые хотели схватить Его; но никто не наложил на Него рук**" (Иоан.7:44). Если уже ничто другое, по крайней мере это могло привести их в умиление; но они не умилились, как говорит пророк: "**поносили и не переставали**" (Пс.34:15).

3. Такова-то злоба! Ничему не хочет уступить, к одному только стремится – погубить того, кто подвергся ненависти. Но что говорит Писание? "**Кто роет яму, тот упадет в нее**" (Прит.26:27). Это сбылось и тогда. Они хотели погубить Христа, чтобы уничтожить Его проповедь; а случилось противное. Проповедь, по благодати Христовой, процветает; а у них все исчезло и погибло: он и лишились и отечества, и свободы, и безопасности, и богослужения, потеряли всякое благоденствие, и сделались рабами и пленникам. Итак, зная это, никогда не будем злоумышлять против других, памятуя, что мы изощряем чрез это меч против себя самих и наносим себе глубочайшую рану. Но тебя оскорбил кто-нибудь, и ты хочешь ему отомстить? Не мсти. Таким только образом ты действительно будешь в состоянии отомстить. Если же будешь сам мстить, тогда не отомстишь. И не думай, что эти слова – загадка; нет, это – истина. Как и каким образом? Так, что когда ты не мстишь, тогда поставляешь Бога врагом ему (обидчику); а когда сам мстишь, тогда этого уже не бывает. "**Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь**" (Рим.12:19). Если мы имеем рабов, и они, рассорившись между собою, не нам предоставят расправу и наказание, а присвоят их себе самим, то хотя бы они после тысячу раз приступали к нам, мы не только не отмщаем за них, а напротив еще гневаемся на них, называя их бродягами и забияками. Все, говори мы им, следовало предоставить нам; но так как ты прежде отомстил сам за себя, то уже не докучай нам. Тем более скажет это Бог, Который повелел все предоставлять Ему. Да и не стыдно ли, что мы от своих рабов требуем такого любомудрия и послушания, а Господу не предоставляем того, чего требуем себе от рабов? Это я говорю потому, что вы склонны мстить друг другу; между тем, кто истинно любомудрствует, тот не должен этого делать, а напротив должен прощать и оставлять грехи, хотя бы за это и не было той великой награды – отпущения собственных грехом. Если ты осуждаешь согрешившего, то зачем же, скажи мне, сам грешишь и впадаешь в то же самое? Оскорбил ли кто тебя? Не оскорбляй его взаимно; иначе сам себя оскорбишь. Ударил ли кто тебя? Не плати ему тем же; иначе между вами не будет различия. Опечалил ли кто тебя? Не огорчай его с свей стороны, потому что прибыли от этого нет никакой, между тем ты опять сделаешься подобным ему. Только тогда ты в состоянии будешь образумить его, когда перенесешь обиду спокойно и с кротостью; только чрез это ты устыдишь его и укротишь его гнев. Никто не исцеляет зла злом, но зло добром. Так любомудрствуют и некоторые из язычников. Если же у несмысленных язычников такое любомудрие, то постыдимся быть хуже их. Многие из них были обижены, и переносили обиды. Многие были оклеветаны, и не мстили; подвергались наветам, и благодетельствовали. Но я боюсь не мало, чтобы некоторые из них не оказались выше нас по жизни и чрез то не увеличили нашего наказания. В самом деле, если мы, которые получили Духа, ожидаем царствия, любомудрствуем о небесах, не боимся геенны, имеем повеление быть ангелами, пользуемся таинствами, – если мы не достигнем даже до их добродетели, то какое будем иметь извинение? Если нам должно превосходить иудеев, так как сказано: "**если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**" (Матф.5:20), то тем более язычников. Если (должны мы превосходить) фарисеев, то тем более – неверных. Если же и в том случае. Когда мы не превзойдем по жизни иудеев, для нас заключено царство небесное, то как сподобимся достигнуть его, когда окажемся хуже и язычников? Удалим же от себя всякую раздражительность, и гнев, и ярость. "**Писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно**" (Фил.3:1). И врачи употребляют несколько раз одно и тоже лекарство. Так и мы не перестанем одно и тоже внушать, об одном и том же напоминать, учить, умолять. Ведь у нас много житейских забот, которые могут приводить нас в забвение; а потому и наставление нам нужно постоянное. А что мы не напрасно и не без пользы собираемся здесь, представим доказательство на это в делах, чтобы чрез то сподобиться и будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 52

"Итак служители возвратились к первосвященникам и фарисеям, и сии сказали им: для чего вы не привели Его? Служители отвечали: никогда человек не говорил так, как Этот Человек" (Иоан.7:45,46)

1. Нет ничего яснее, ничего проще истины, если мы действуем не злонамеренно; но когда мы поступаем злонамеренно, тогда нет ничего ее труднее. Вот поэтому-то фарисеи и книжники, люди, считавшиеся самыми мудрыми, хотя всегда находились со Христом (с тем, чтобы строить против Него козни), и видели чудеса, и читали Писания, однако же не получили никакой пользы, а напротив еще потерпели вред. А слуги, которые не могли сказать о себе ничего такого, были уловлены одною только беседою Христа и, отправившись связать Его, возвратились, сами связанные удивлением. Но не одному только благоразумию их надобно удивляться, что они не имели нужды в чудесах, а пленились единственно учением, – ведь не сказали они: никогда человек не чудодействовал таким образом, но что? "**Никогда человек не говорил так**", – так не одному только этому благоразумию их надобно удивляться, но и дерзновению, что они говорили это пославшим их, фарисеям, которые враждовали против Него и всячески вооружались. "**Служители**", сказано, "**возвратились к фарисеям, и сии сказали им: для чего вы не привели Его**"? Что они пришли, это гораздо более значило, чем если бы они остались: в последнем случае они освободились бы от гнева их. А теперь они делаются провозвестниками Христовой мудрости и выразительнее обнаруживают свое дерзновение. И не говорят они: не могли мы по причине народа, потому что народ внимал Ему, как пророку; а что? "**Никогда человек не говорил так**". Они могли выставить и то оправдание, однако же открывают свое истинное мнение. А своим мнением они показали, что не только удивляются Ему, но и осуждают фарисеев за то, что они послали их связать того, кого надлежало слушать. Между тем, они и слышали не продолжительную беседу, а краткую. Да, когда ум беспристрастен, тогда и нет нужды в пространных речах: такова истина! Что же фарисеи? Тогда как надобно было придти в умиление, они напротив того, с своей стороны, обвиняют слуг, говоря: "**неужели и вы прельстились**" (ст.47)? Еще льстят и не употребляют резких слов, из опасения, чтобы они совершенно не отделились. Однако же обнаруживают гнев, хотя и говорят снисходительно. Им следовало спросить, что Он говорил, и подивиться Его словам; но они этого не делают, зная, что будут уловлены, а напротив хотят убедить их доказательством весьма несмысленным. Почему, говорят, не "**уверовал в Него**" никто "**из начальников**" (ст.48)? Так ужели в этом, скажи мне, ты обвиняешь Христа, а не тех, которые не веровали? "**Но народ**", говорят, "**невежда в законе, проклят он**" (ст.49). Оттого-то вы еще более достойны обвинения, что народ уверовал, а вы не уверовали. Народ поступал именно так, как следовало поступать знающим закон: каким же образом "**проклят он**"? Вы прокляты, не соблюдающие закона, а не они, повинующиеся закону. Притом же не следовало из-за неверующих обвинять того, кому не веруют. Такой способ не правилен. Вот и вы не веровали Богу, как говорит Павел: "**что же? если некоторые и неверны были, неверность их уничтожит ли верность Божию? Никак**" (Рим.3:3,4). Да и пророки всегда обвиняли их, говоря: "**слушайте, князья Содомские**" (Ис.1:10), и: "**князья твои – законопреступники**" (Ис.1:23), и также: "**не вам ли должно знать правду**" (Мих.3:1)? И везде очень сильно порицают их. Что же? Ужели поэтому станет кто-нибудь обвинять и Бога? Да не будет: это их вина. А чем другим можно лучше доказать ваше незнание закона, как не тем, что вы не повинуетесь ему? Но так как они сказали, что никто из князей не уверовал в Него, а незнающие закона, то их справедливо укоряет Никодим, говоря таки образом: "**судит ли закон наш человека, если прежде не выслушают его**" (ст.51)? Этими словами он показывает, что они и не знают закона, и не исполняют закона. Если закон заповедует не убивать ни одного человека, наперед не выслушав его, а они устремились к этому прежде,

чем выслушали, то они – преступники закона. А так как они сказали: "**уверовал ли в Него кто из начальников?**", то евангелист замечает, что был "**один из них**", чтобы показать, что и начальники веровали в Него. Правда, они еще не обнаруживали надлежащего дерзновения, однако же были преданы Христу. Смотри, как осторожно (Никодим) обличает их! Он не сказал: а вы хотите Его убить и без исследования осуждаете человека, как обманщика. Нет, не так сказал он, но с большею снисходительностью, чтобы остановить их сильный порыв и безрассудное стремление к убийству. Поэтому-то он обращается к закону, говоря: "**если не выслушают его**" внимательно "**и не узнают, что он делает**" (ст.51). Следовательно нужно не просто только выслушать, но и внимательно. Это именно значат слова: "**и не узнают, что он делает**", т.е. чего он (обвиняемый) хочет, и почему, и для чего, не для ниспровержения ли общественного порядка и не как враг ли. Так как они с сомнением сказали, что никто из князей не уверовал в Него, то и не отвечали ему ни сурово, ни снисходительно.

2. В самом деле, какая, скажи мне, последовательность в том, что на его слова: закон наш не судит никого – они отвечают: "**и ты не из Галилеи ли**" (ст.52)? Тогда как им следовало доказать, что они не безрассудно послали взять Его, или что нет надобности позволять Ему защищаться, они весьма грубо и с большим гневом возражают: "**рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк**" (ст.52). Что же сказал этот человек? То ли, что (Христос) – пророк? Сказал, что не должно убивать без суда. А они с укоризною возразили ему это, как человеку, нимало несведущему в Писании. Это тоже, как если бы кто сказал: пойди научись; это именно означают слова: "**рассмотри и увидишь**". Что же Христос? Так как они неоднократно упоминали о Галилее и пророке, то Он, чтобы избавить всех от такого неправильного предположения и показать, что Он не из числа пророков, но – Владыка мира, говорит: "**Я свет миру**" (8:12), не Галилеи только, не Палестины, не Иудеи. "**Ты Сам о Себе свидетельствуешь, свидетельство Твое не истинно**" (8:13). Какое безумие! Он постоянно отсылал их к Писаниям, а они говорят: "**Ты Сам о Себе свидетельствуешь**". Что же Он свидетельствовал? "**Я свет миру**". Великое это изречение, поистине великое! Однако ж оно не очень изумило их, потому что теперь Он не равнял Себя с Отцом и не называл Себя ни Сыном Его, ни Богом, но только светом. Впрочем, они хотели и это опровергнуть, так как это гораздо больше значило, чем слова: "**кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме**" (8:12); свет и тьму Он разумеет в духовном смысле, т.е. не останется в заблуждении. Здесь Он и Никодима привлекает и ободряет, так как он обнаружил великое дерзновение, и восхваляет слуг, которые поступили таким же образом. То, что Он воззвал[1], показывает, что Он хотел, чтобы и они услышали. Вместе с тем Он показывает и то, что они (иудеи) строят ковы в тайне, во мраке и заблуждении, но не преодолеют света; и Никодиму припоминает слова, которые сказал ему прежде: "**всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его**" (Иоан.3:20). Так как они (фарисеи) сказали, что никто из князей не уверовал в Него, то Он и говорит: "**делающий злое, не идет к свету**", показывая этим, что они не пришли не по слабости света, но по развращению своей воли. "**Сказали Ему: Ты Сам о Себе свидетельствуешь**". Что же Он? "**Если Я и Сам о Себе свидетельствую, свидетельство Мое истинно; потому что Я знаю, откуда пришел и куда иду; а вы не знаете, откуда Я**" (Иоан.8:14). Что Он прежде сам сказал, то теперь они противопоставляют Ему, как изречение особенно важное. Что же Христос? Опровергая это и показывая, что Он говорил прежде применительно к ним и к их предположению, так как они принимали Его за простого человека, говорит: "**Если Я и Сам о Себе свидетельствую, свидетельство Мое истинно; потому что Я знаю, откуда пришел**". Что это значит? Значит: Я – от Бога, и Бог, и Сын Божий. А Бог сам о Себе достоверный свидетель. "**А вы не знаете**": вы, говорит, по своей воле поступаете худо, и зная притворяетесь незнающими, обо всем говорите по человеческому разумению, не желая помыслить ни о чем выше того, что видимо. "**Вы судите по плоти**" (ст.15). Как

жить по плоти значит худо жить, так и судить по плоти – значит судить несправедливо. "**Я не сужу никого. А если и сужу Я, то суд Мой истинен**" (ст.15,16). Эти слова значат: вы судите несправедливо. Но если мы несправедливо судим, могли сказать они, то почему не осуждаешь? Потому, отвечает Он, что Я не для этого пришел. Это именно и значат слова: "**Я не сужу никого. А если и сужу Я, то суд Мой истинен**". Если бы Я захотел судить, то вы были бы в числе осужденных; но и это говорю Я, продолжает Он, не с тем, чтобы судить. Впрочем, не потому Я сказал: говорю не с тем, чтобы судить, будто бы не надеялся уличить вас, если бы стал судить; нет, если бы Я стал судить, то справедливо осудил бы вас; но потому, что теперь не время суда. Далее Он сделал намек и на будущий суд, сказав: "**потому что Я не один, но Я и Отец, пославший Меня**" (ст.16), и вместе указал, что не Он один осуждает их, но и Отец. Затем прикрыл это, приводя во свидетельство о Себе: "**и в законе вашем написано, что двух человек свидетельство истинно**" (ст.17).

3. Что бы сказали здесь еретики? Что Он имеет большего перед людьми, если эти слова будем разуметь просто? По отношению к людям так определено потому, что никто один и сам по себе не заслуживает доверия. Но в отношении к Богу может ли это иметь какое-било значение? Почему же сказано: "**двух**"? Потому ли "**двух**", что они – два, или что они люди? Если потому, что они – два, то почему Он не прибег к Иоанну, и не сказал: свидетельствую о Себе Я, и свидетельствует обо Мне Иоанн? Почему не к ангелу? Почему не к пророкам? Ведь Он мог бы найти множество и других свидетельств. Но Он хочет показать не только то, что два, но и то, что Они одного и того же существа. "**Тогда сказали Ему: где Твой Отец**"? А Он отвечает: "**вы не знаете ни Меня, ни Отца Моего**" (ст.19). Так как они зная говорили, как незнающие, и как бы искушали Его, то Он и не удостаивает их ответа. Потому-то, наконец, Он говорит обо всем яснее и с большим дерзновением, имея о Себе свидетельство в знамениях и в учении Своих последователей, (и зная) что уже близок крест. "**Я знаю**", говорит Он, "**откуда пришел**". Это не очень тронуло их; но следующие затем слова: "**и куда иду**" более устрашили их, потому что показывали, что Он не пребудет в смерти. Но почему Он не сказал: знаю, что Я – Бог, но: "**Я знаю, откуда пришел**"? Он всегда примешивает уничиженное к высокому, и об этом последнем говорит прикровенно. Так, сказав: "**Я о Себе свидетельствую**", и доказав это, Он перешел к словам уничиженнейшим, как бы так говоря: Я знаю, тот кого Я послан, и к кому возвращаюсь. В этом случае (иудеи) ничего не могли возразить, потому что слышали, что Он от Него послан и к Нему отходит. Я, говорит, не сказал ничего ложного: откуда Я пришел, туда и отхожу, – к истинному Богу. Но вы не знаете Бога. Поэтому судите по плоти. Вы слышали столько свидетельств и доказательств, и еще говорите: "**не истинно**". Моисея вы признаете достоверным, как в том, что говорит он о других, так и в том, что говорит о себе; а Христа – нет. Это значит судить по плоти. Но "**Я не сужу никого**". Между тем в другом месте Он сказал: "**Отец не судит никого**" (Иоан.5:22). Как же здесь говорит: "**если и сужу Я, то суд Мой истинен, потому что Я не один**" (ст.16). Опять Он говорит применительно к их мнению. То есть, суд Мой есть суд Отца. Не иначе судил бы и Отец, если бы стал судить, нежели как и Я сужу. И Я не иначе сужу, как судил бы и Отец. Но для чего Он упомянул и об Отце? Для того, что они не признавали Сына достойным веры, если Он не будет иметь свидетельства от Отца. В ином смысле эти слова не имеют силы. У людей свидетельство тогда бывает истинным, когда двое свидетельствуют в чужом деле. В этом состоит свидетельство двоих. Если же кто сам будет свидетельствовать о себе, то это уже не свидетельство двоих. Видишь ли, что Он сказал это не для чего другого, как для того, чтобы показать свое единосущие (с Отцом), показать, что Сам по Себе Он не имеет нужды в постороннем свидетельстве и что Он ничем не меньше Отца? В самом деле, смотри, какая самобытность: "**Я Сам свидетельствую о Себе, и свидетельствует о Мне Отец, пославший Меня**" (ст.18). Не мог бы Он сказать этого, если бы по существу был меньше. А чтобы ты не подумал, что

это сказано ради числа, – заметь власть ничем не отличную (от власти Отца). Человек свидетельствует тогда, когда сам по себе заслуживает доверия, а не тогда, когда имеет нужду в свидетельстве, и свидетельствует в чужом деле; а в своем деле, когда нуждается в свидетельстве другого, он уже не заслуживает доверия. Но здесь – совсем напротив. И свидетельствуя в своем деле и говоря, что об Нем свидетельствует другой, Он называет Себя достоверным, показывая в том и другом случае Свою самобытность. В самом деле, для чего, сказавши: "**Я не один, но Я и Отец, пославший Меня**", и также: "**двух человек свидетельство истинно**", – не перестал говорить, но присовокупил: "**Я Сам свидетельствую о Себе**"? Очевидно, для того, чтобы показать Свою самобытность. И наперед Он сказал о Себе самом: "**Я Сам свидетельствую о Себе**". Этим Он показывает и равночестность Свою (с Отцом), и вместе то, что нет никакой пользы для тех, которые говорят, что знают Бога Отца, между тем не знают Его. А это, говорит, зависит от того, что не хотят Его познать. Поэтому-то и говорит, что без Него невозможно познать Отца, чтобы хотя таким образом привлечь их к познанию Его. Так как они, оставляя Его, всегда старались узнать Отца, то Он говорит: не можете познать Отца без Меня. Таким образом те, которые хулят Сына, не Его только хулят, но и Родившего Его.

4. Будем мы избегать этого, будем прославлять Сына. Если бы Он был не одного и того же естества (с Отцом), то не стал бы говорить таким образом. И если бы Он только учил, а на самом деле был другого естества, то можно было бы, и не зная Его, знать Отца, и наоборот, совершенно зная Его, не знать Отца. Кто ведь знает человека, тот не знает еще ангела. Так, скажешь; но, кто знает тварь, тот знает и Бога. Нет; многие знают тварь, или, лучше сказать – все люди, потому что видят ее, и однако же не знают Бога. Итак, будем прославлять Сына Божия не только этою (словесною) славою, но и славою дел. Первая без последней ничего не значит. "**Вот, ты**", сказано, "**называешься Иудеем, и успокаиваешь себя законом, и хвалишься Богом. Как же ты, уча другого, не учишь себя самого? Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога**" (Рим.2:17,21,23). Смотри, как бы и нам, хвалящимся правотою веры, не обесчестить Бога своею жизнью, не соответствующей вере, и не подать повода к хуле на Него. Господь хочет, чтобы христианин был для вселенной учителем, закваской, светом и солью. А что значит свет? Жизнь светлая, не имеющая в себе ничего темного. Свет не себе полезен, равно как и соль и закваска, но приносят пользу другим. Поэтому, от нас требуется, чтобы мы не себе только были полезны, но и другим. Ведь соль, если не осоляет, уже не есть соль. Этим показывается также и то, что если мы будем вести жизнь добродетельную, то и другие непременно будут жить так же; равно как и наоборот – пока мы сами не будем добродетельными, не принесем никакой пользы и другим. Да не будет у нас ничего неразумного, ничего суетного. А таковы мирские дела, таковы житейские заботы. Потому-то и девы названы юродивыми, что они заботились о пустых мирских делах, собирали здесь. а не отлагали туда, куда следовало. Но я боюсь, чтобы и нам не потерпеть того же. Боюсь, чтобы и нам не придти одетыми в нечистые одежды туда, где все имеют одеяния светлые и блистательные. Нет ничего грязнее. Ничего сквернее греха. Потому-то и пророк, изображая природу греха, взывал: "**смердят, гноятся раны мои**" (Пс.37:6). И если хочешь узнать зловоние греха, то представь его себе по совершении, в то время, когда освободишься от пожелания, когда уже не будет беспокоить тебя огонь (страсти): тогда ты увидишь, каков грех. Представь себе гнев, кода находишься в спокойном состоянии. Представь любостяжание, кода бываешь чужд этой страсти. Нет ничего гнуснее, ничего отвратительнее хищения и любостяжания. Мы часто говорим об этом не потому, будто хотим тревожить вас, но для того, чтобы доставить вам великую и чудную пользу, Кто не исправился, услышав однажды, может быть исправится, услышав в другой раз, а кто пропустил в другой раз, исправится в третий. Да сподобимся же все мы, освободившись от всякого зла, иметь благоухание Христа, Ему же с Отцом и Св. Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Ср. Иоанн.7:37: "**и зваше глаголя**" и пр.

БЕСЕДА 53

"Сии слова говорил Иисус у сокровищницы, когда учил в храме; и никто не взял Его, потому что еще не пришел час Его" (Иоан.8:20)

1. Как безумны иудеи! Еще до Пасхи искали Иисуса, потом, когда нашли Его среди народа, много раз пытались схватить Его, и сами непосредственно, и чрез других, но не могли; и при всем этом не подивились силе Его, но продолжали упорствовать в своей злобе и не отставали (от нее). А что они всегда старались (схватить Его), об этом говорит (евангелист): "**сии слова говорил у сокровищницы, когда учил в храме; и никто не взял Его**". Он говорил в церкви и в качестве учителя, что в особенности могло раздражать их; притом, говорил то, из-за чего они досадовали и обвиняли Его в том, что Он творит Себя равным Отцу; такой именно смысл имеют слова: "**двух человек свидетельство истинно**" (ст.17). И однако же, не смотря на то, что Он говорил это в церкви и как учитель, "**никто**", сказано, "**не взял Его, потому что еще не пришел час Его**", т.е. не наступило еще то благоприятное время, в которое Он хотел быть распятым на кресте. Таким образом, и тогда это было делом не их силы, но Его смотрения. Они и прежде хотели (взять Его), но не могли. Так точно и тогда они не могли бы, если бы Он сам не соизволил на это. "**Опять сказал им Иисус: Я отхожу, и будете искать Меня**" (ст.21). Для чего Он часто говорит об этом? Для того, чтобы потрясти и устрашить их души. В самом деле, смотри, какой страх это наводило на них! Не взирая на то, что хотели умертвить Его, чтобы избавиться от Него, они стараются узнать, куда Он отходит. Так важным они представляли себе это! А с другой стороны, Он хотел научить их, что это дело не зависит от их насилия, но что еще издревле Он предъизобразил его; вместе с тем Он предуказал уже этими словами и воскресение. "**Тут говорили: неужели Он убьет Сам Себя**" (ст.22)? Что же Христос? Опровергая предположение их и показывая, что такое дело есть грех, говорит: "**вы от нижних**" (ст.23). А это значит: нет ничего удивительного, что так думаете вы, люди плотские и не помышляющие ни о чем духовном. Но Я ничего такого не сделаю: "**Я от вышних; вы от мира сего**" (ст.23). Здесь опять говорит о мирских и плотских помыслах. Отсюда видно, что и слова: "**Я не от сего мира**" означают не то, будто бы Он не принял плоти, но что Он далек от их лукавства. В самом деле, Он и об учениках говорит, что "**они не от мира**" (Иоан.17:14), и однако же они имели плоть. Таким образом, как Павел, говоря: "**вы не по плоти живете**" (Рим.8:9), не безтелесными называет их (римлян), так и Он, когда говорит об учениках, что они не от мира, свидетельствуют эти не о другом чем, как только об их любомудрии. "**Потому Я и сказал вам: если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших**" (ст.24). Действительно, если Он для того пришел, чтобы взять грех мира, и если можно совлечься греха не иначе, как чрез крещение, то в неверующем по необходимости остается ветхий человек. Кто не хочет умертвить его (ветхого человека) и погрести чрез веру, тот умрет с ним, и отойдет туда, чтобы понести наказание за прежние грехи. Поэтому говорил: "**а неверующий уже осужден**" (Иоан.3:18), не потому только, что он не верует, но и потому, что отходит отсюда с прежними грехами. "**Тогда сказали Ему: кто же Ты**" (ст.25)? Какое безумие! После столь продолжительного времени, после знамений и учения, они еще спрашивают: "**кто же Ты**"? Что же Христос? "**от начала Сущий, как и говорю вам**" (ст.25). А это значит вот что: вы недостойны даже слушать слова Мои, не только знать, кто Я, потому что вы все говорите с намерением искусить Меня и ни мало не внимаете

словам Моим. Во всем этом Я мог бы теперь же обличить вас (это именно значат слова Его: "**много имею говорить и судить о вас**"), и не только обличить, но и наказать; "**но Пославший Меня**", т.е. Отец, не хочет этого. "**Ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир**" (Иоан.12:47). "**Ибо не послал Бог Сына Своего**", сказано, "**чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него**" (Иоан.3:17). Итак, если Он для этого послал Меня, а Он "**есть истинен**" (ст.26), то Я справедливо не сужу теперь никого, но Я говорю то, что служит ко спасению, а не к обличению. Говорит же это Он для того, чтобы не подумали, что Он, слыша все, что они говорили, не мстит им по слабости, или что Он не понимает их мыслей и насмешек. "**Не поняли, что Он говорил им об Отце**" (ст.27). Какое безсмыслие! Непрестанно говорил им о Нем (Отце), и – они не понимали! Вслед за тем, так как ни многими знамениями, ни учением не мог привлечь их к Себе, – Он начинает уже беседовать о кресте, говоря: "**когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я и что ничего не делаю от Себя, но как научил Меня Отец Мой, так и говорю. Пославший Меня есть со Мною; Отец не оставил Меня одного**" (ст.28,29). Этим показывает, что справедливо сказал: "**от начала Сущий, как и говорю вам**".

2. Так-то они были невнимательны к словам Его! "**когда вознесете Сына Человеческого**". Не ожидаете ли вы, что тогда по преимуществу избавитесь от Меня, когда умертвите Меня? Но Я говорю: тогда-то особенно вы и узнаете, "**что это Я**", из знамений, из воскресения и пленения; все это действительно достаточно показывало силу Его. И не сказал Он: тогда узнаете кто Я, но: когда увидите, что Я ничего не потерплю от смерти, "**тогда**", говорит, "**узнаете, что это Я**", т.е. Христос, Сын Божий, все носящий и устраняющий, и не противник Его (Отца). Поэтому-то Он и присовокупил: "**ничего от Себя**" не глаголю. Вы узнаете тогда и то, и другое – и силу Мою, и единомыслие Мое с Отцом. В самом деле, изречение – "**ничего от Себя**" не глаголю – показывает и неразличность существа, и то, что Он не говорит ничего, несогласного с мыслями Отца. Когда вы лишены будете богослужения, когда вам не позволено будет даже служить Ему, как прежде, тогда вы узнаете, что это Он делает в отмщение за Меня, негодуя на тех, которые не послушали Меня. Как бы так Он говорил: если бы Я был противник Богу и чужд Ему, то Он не воздвиг бы против вас столь великого гнева. Об этом говорит и Исаия: даст "**гроб со злодеями**" (Ис.53:9); и Давид: "**тогда скажет им во гневе Своем**" (Пс.2:5); и сам Христос: "**Се, оставляется вам дом ваш пуст**" (Матф.23:38). Тоже самое показывают и притчи, когда, например, (Христос) говорит: "**когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями? Злодеев сих предаст злой смерти**" (Матф.21:40,41). Видишь ли, что Он везде говорит так потому, что они еще не веровали? Но если Он погубит их, как и действительно погубит, потому что сказано: "**врагов моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избейте предо мною**" (Лук.19:27), то почему Он называет это не Своим делом, но Отца? Потому, что говорит приспособительно к их немощи, а вместе с тем воздает честь и Родившему Его. Поэтому Он не сказал: оставлю дом ваш пуст, но: "**оставляется**", – выразился безлично. Между тем, так как Он сказал: "**сколько раз хотел Я собрать детей твоих, и вы не захотели**" (Матф.23:37), и потом уже присовокупил: "**се, оставляется**", то эти показывает, что именно Он произвел это запустение. Так как вы, говорит Он, не хотели познать Меня, когда Я благодетельствовал и служил вам, то узнаете, кто Я, когда подвергнетесь наказаниям. "**Пославший Меня**" Отец "**есть со Мною**". Чтобы не подумали, что выражение – "**Пославший Меня**" – означает, что Он меньше, – говорит: "**есть со Мною**". То указывает на домостроительство, а это на Божество. "**не оставил Меня одного, ибо Я всегда делаю то, что Ему угодно**" (ст.29). Опять Он снизошел к речи уничиженной, непрестанно обращаясь к тому, что они говорили, именно, что Он не от Бога, и что не соблюдает субботы. Приспособительно к этому Он говорит: "**всегда делаю то, что Ему угодно**", показывая, что и нарушение субботы угодно Ему. Так Он говорил и перед крестом: думаете ли, "**что Я не могу умолить Отца Моего**"

(Матф.26:53), – хотя одним только словам: "**кого ищете**" (Иоан.18:4) поверг их ниц на землю. Почему же Он не говорит: ужели вы думаете, что Я не могу вас погубить, когда доказал это самым делом? Из снисхождения к их немощи; а притом Он всячески старался показать, что не делает ничего противного Богу. Так точно и здесь Он говорит человекообразно. А в каком смысле сказано: "**не оставил Меня одного**", – в таком же и это: "**ибо Я всегда делаю то, что Ему угодно. Когда Он говорил это, многие уверовали в Него**" (ст.29,30). Когда снизошел к речи уничиженной, тогда многие уверовали в Него. Ужели и после этого станешь еще спрашивать, для чего Он говорит уничиженно? Евангелист ясно указал на причину этого, когда сказал: "**когда Он говорил это, многие уверовали в Него**". Чрез это событие Он как бы вопиет: не смущайся, слушатель, если услышишь что-нибудь уничиженное, потому что те, которые после столь продолжительного учения не уверовали, что Он от Отца, по справедливости должны были слушать речь более уничиженную, чтобы уверовать. И это же служит оправданием тому, что будет говорено далее уничиженного. Итак, они уверовали, но не надлежащим образом, а просто и как случилось, пленившись и успокоившись уничиженностью Его слов. Что действительно они имели веру несовершенную, это открывает евангелист в следующих затем словах, в которых они оскорбляют Его. А что это те же самые лица, на это указал словами: "**тогда сказал Иисус к уверовавшим в Него Иудеям: если пребудете в слове Моем**" (ст.31), показывая тем, что они еще не приняли учения Его, но только внимали Его словам. Поэтому и выразился сильнее: прежде Он просто сказал – "**будете искать Меня**", а теперь присовокупил – "**и умрете во грехе вашем**". Он показывает и то, каким образом это произойдет, т.е. пришедши туда (в вечность), вы уже не будете иметь возможности умолить Меня. "**То и говорю миру**" (ст.26). Этими словами Он открыл уже, что Он отходит к язычникам. Но так как иудеи еще не поняли, что Он прежде говорил им об Отце, то Он снова вещает о Нем. А евангелист представил и причину, почему Он говорил уничиженно.

3. Вот, если с таким тщанием, а не как-нибудь, мы станем исследовать Писания, то будем в состоянии достигнуть своего спасения. Если будем постоянно упражняться в них, то узнаем и правые догматы и жизнь добродетельную. Хотя бы кто был крайне упрям, и непреклонен, и ленив; хотя бы прежде он не приобрел никакой выгоды, – при всем том в настоящее время соберет плод и получит какую-нибудь пользу, – хотя и не такую, чтобы мог ее чувствовать, но все же получит. Если тот. кто приходит в мироварницу и сидит в подобных заведениях, невольно проникается благоуханием, то гораздо более тот, кто ходит в церковь. Как от бездействия рождается леность, так и от упражнения появляется усердие. Поэтому, хотя бы ты был исполнен безчисленным множеством грехов, хотя бы ты был нечист, – не убегай от здешнего собрания. Но что же, скажешь, если я слушаю, но не исполняю? Не малое приобретение и это – признать себя достойным сожаления. Не безполезен и этот страх; не безплодна и эта боязнь. Если только будешь сокрушаться о том, что, слушая, не исполняешь, то непременно придешь когда-нибудь и к исполнению. Кто беседует с Богом и слушает беседу Божию, тому невозможно не получить никакой пользы. Ведь мы тотчас же поправляем на себе одежду и умываем руки, как только хотим взять Библию. Видишь ли, какое благоговение еще прежде чтения? Если же мы со вниманием и читать будем. то приобретем великую пользу. В самом деле, если бы (это чтение) не приводило душу в благоговение, мы не стали бы умывать рук; сверх того, жена, если она непокрыта, тотчас надевает покрывало, представляя этим свидетельство своего внутреннего благоговения; а муж, если голова его покрыта – обнажает ее. Видишь ли, как внешний вид бывает провозвестником внутреннего благоговения? Потом, и севши слушать, человек часто взывает и осуждает свою настоящую жизнь. Будем же внимать Писаниям, возлюбленные! И если не другое что, то, по крайней мере, Евангелие да будет для нас предметом особенного внимания, да будет всегда в наших руках. Ведь только что откроешь эту книгу, тотчас увидишь пред глазами имя Христово и тотчас услышишь

слова: "**Рождество Иисуса Христа было так: по обручении Матери Его Марии с Иосифом, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго**" (Матф.1:18). А кто услышит это, тотчас пожелает девства, подивится рождению, отрешится от земли. Немаловажно и то, что ты увидишь Деву, сподобившуюся Духа, и ангела, беседующего с нею. Между тем это еще в начале. Если же ты будешь продолжать чтение до конца, то тотчас отвергнешь все житейское и будешь смеяться над всем земным. Если ты богат, – за ничто почтешь богатство, когда услышишь, что она, обрученная тектону и происшедшая из смиренного дома, сделалась Матерью твоего Владыки. Если ты беден, – не будешь стыдиться своей бедности, когда узнаешь, что Творец мира не устыдился беднейшего дома. Помышляя об этом, ты не станешь брать того, что принадлежит другим; напротив, скорее сам сделаешься любителем бедности и будешь презирать богатство. А достигнув этого, ты избежишь всякого зла. Далее, когда увидишь Его лежащим в яслях, тогда не будешь стараться украсить свое дитя золотом или устроить для своей жены серебряное ложе. А не заботясь об этом, ты не станешь из-за этого лихоимствовать и похищать. Много и других выгод можно получить, которых нельзя теперь пересказать в подробности; но их узнают те, которые сделают опыт. Потому умоляю вас и приобретать книги (Св. Писания), и усвоить себе мысли их, и начертывать их в душах. Иудеям, так как они не были внимательны, повелено было привешивать книги к рукам; а мы даже и не на руках, а в доме полагаем их, тогда как надлежит отпечатывать их в сердце. Чрез это мы очистим настоящую жизнь и достигнем будущих благ, которых да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Св. Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 54

"Тогда сказал Иисус к уверовавшим в Него Иудеям: если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными" (Иоан.8:32)

1. Великое нам нужно терпение, возлюбленные! А терпение бывает тогда, когда в нас глубоко укоренены догматы. Подлинно, как дуб, глубоко пустивший свои корни в недра земли и тщательно обвязанный, не может быть исторгнут никаким порывом ветра, так точно и душу, пригвожденную страхом Божиим, никто не в состоянии будет ниспровергнуть, потому что пригвождение еще сильнее укоренения. Об этом-то и пророк молится говоря: "**трепещет от страха Твоего плоть моя**" (Пс.118:120). Так и ты пригвозди себя и прикрепи, как бы гвоздем, глубоко вонзенным. Как с трудом можно овладеть человеком пригвожденным, так напротив легко взять и нетрудно ниспровергнуть непригвожденного. Вот это и случилось в то время с иудеями: они и слушали и уверовали, и опять совратились. Поэтому-то Христос, желая углубить в них веру, так чтобы она не была поверхностной, пронзает душу их словами, самыми разительными. Конечно, им, как верующим, естественно было бы и обличения перенести; но они тотчас вознегодовали. Как же (Христос) в этом случае поступает? Сначала увещевает: "**если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и истина сделает вас свободными**" (ст.31). Как бы так говорит: Я намерен нанести вам глубокую рану, но вы не бойтесь. Впрочем, этим же самым Он уже смирил и гордость их души. От чего, скажи мне, освободить? От грехов. Что же эти гордецы? "**мы семя Авраамово и не были рабами никому никогда**" (ст.33). Тотчас ниспала мысль их, а это произошло оттого, что они были крайне пристрастны к предметам мирским. "**Если пребудете в слове Моем**". Этим Он показал, что Он знает тайны их сердца, знает, что они, хотя и уверовали, но не были твердыми в вере. При этом Он обещает им нечто великое, именно – что они будут Его учениками. Так как некоторые прежде отпали от Него, то, намекая на них, Он говорит: "**если пребудете**"; ведь и те слушали и уверовали, но отпали, потому, что не были твердыми в вере. В самом деле, "**многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним**" (Иоан.6:66).

"**Познаете истину**", т.е. Меня, потому что "**Я есмь истина**" (Иоан.14:6). Все иудейское было образом, а истину вы узнаете от Меня и она освободит вас от грехов. Как тем Он говорил: "**умрете во грехах ваших**" (Иоан.8:24), так и этим сказал: "**сделает вас свободными**".

Не сказал: Я избавлю вас от рабства, но представил им самим уразуметь это. Что же они? "**Мы семя Авраамово и не были рабами никому никогда**". Но если уж следовало негодовать, то справедливее было бы на то, что Он сказал прежде, именно: "**познаете истину**", и – сказать: что же? Разве теперь мы не знаем истины? Значит, закон и наше знание – ложь? Но они ни о чем этом не заботились, а безпокоятся о мирских делах, предполагая этого рода рабство. Есть, подлинно есть, и теперь много таких, которые стыдятся вещей безразличных и этого рабства; но не стыдятся рабства греховного, и лучше хотели бы тысячу раз назваться рабами в этом отношении, нежели однажды в том. Таковы-то были и иудеи. Они и не знали другого рабства, а потому и говорят: Ты назвал рабами людей, происшедших от рода Авраамова, – людей благородных, которых, по этой именно причине, не следовало называть рабами. Мы, говорят, никогда не были рабами. Вот чем тщеславятся иудеи! Мы – "**семя Авраамово**", мы – израильтяне; а о своих делах никогда не упоминают. Поэтому Иоанн взывал к ним, говоря: "**не думайте говорить в себе: отец у нас Авраам**" (Матф.3:9). Но почему Христос не обличил их? Ведь они много раз бывали в рабстве: и у египтян, и у вавилонян, и у многих других. Потому, что Он говорил не для состязания с ними, но для их спасения и пользы:: вот о чем Он заботился. Он мог бы, конечно, сказать о четырехстах лет рабства; мог бы сказать о семидесяти; мог бы сказать о рабстве во времена судей, иногда в продолжение двадцати лет, иногда двух. Иногда семи; мог бы сказать, что они никогда не переставали быть рабами. Но Он старался доказать не то, что они были рабами людей, но что они – рабы греха. А это рабство и есть самое тяжкое; от него может избавить один только Бог, потому что никто другой не может отпускать грехов, что они и сами признавали. И так как они признавали это делом Божиим, то Он и приводит их к этому, и говорит: "**всякий, делающий грех, есть раб греха**" (ст.34), показывая, что Он говорит об этой свободе, о свободе от этого именно рабства. "**Но раб не пребывает в доме; сын пребывает вечно**" (ст.35). И здесь Он незаметно ниспровергает постановления закона, указывая на прежние времена. Чтобы они не ссылались (на закон) и не говорили: мы имеем жертвы, предписанные Моисеем; они могут нас освободить, – для этого Он и присовокупил те слова. Иначе, какую последовательность имели бы слова Его? "**Все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его**" (Рим.3:23,24), даже сами священники. Поэтому и Павел говорит о священнике, что он "**должен как за народ, так и за себя приносить [жертвы] о грехах, потому что и сам обложен немощью**" (Евр.5:3,2). Вот это и выражается словами: "**раб не пребывает в доме**". А сверх того здесь Христос показывает и равночестность Свою с Отцом и различие между свободным и рабом. Приточное изречение имеет именно этот смысл, т.е. что раб не имеет власти, что и означается словом: "**не пребывает**".

2. Но для чего Он, говоря о грехах, упомянул о доме? Чтобы показать, что как хозяин над домом, так Он властвует над всем. Выражение: "**не пребывает**" значит – не имеет власти раздавать даров, так как он не домовладыка. А сын – домовладыка; это и означают слова: "**пребывает вечно**", по переносному от вещей человеческих выражению. Чтобы не сказали: Ты кто? – Он как бы так говорит: все – Мое, потому что Я – Сын и пребываю в доме Отца, – называя домом власть. Так Он и в другом месте называет начальство домом Отца: "**В доме Отца Моего обителей много**" (Иоан.14:2). Так как речь была о свободе и рабстве, то Он справедливо употребил такое переносное выражение, говоря, что они не имели власти отпускать (грехи). "**Итак, если Сын освободит вас**" (ст.36). Видишь ли единосущие Его с Отцом, – как Он показывает, что имеет одинаковую с Ним власть?

"**Если Сын освободит вас**", то уже никто не станет этому противоречить, и вы будете иметь верную свободу, потому что "**Бог оправдывает [их]. Кто осуждает**" (Рим.8:33,34)? Этим он показывает, что Он свободен от греха, и вместе намекает на свободу только по имени. Последнюю дают и люди, но первую один Бог. А чрез это Он убеждает их стыдиться не того рабства, но рабства греховного. И чтобы показать, что они, хотя бы и не были рабами, так как отвергли от себя то рабство, тем не менее – рабы, Он тотчас присовокупил: "**истинно свободны будете**" (ст.36). А этим присовокуплением Он и показывает, что их свобода не истинная. Потом, чтобы они не сказали, что не имеют греха (а можно было думать, что они и это скажут), смотри, как Он подверг их обвинению в нем. Не обличая всей их жизни, Он выставляет на вид то злодеяние, которое они только еще хотели совершить, и говорит: "**знаю, что вы семя Авраамово; однако ищете убить Меня**" (ст.37). Незаметно и мало-помалу отстраняет их от этого родства, научая не превозноситься им, потому что как свобода и рабство, так и родство зависят от дел. И не сказал Он тотчас: вы не дети Авраама, вы человекоубийцы, а Он праведник; но пока еще соглашается с ними, и говорит: "**знаю, что вы семя Авраамово**", но не в этом дело; а потом произносит против них более сильное обличение. И весьма часто можно видеть, что Он, намереваясь совершить что-нибудь великое, после совершения, говорит с большим дерзновением, так как свидетельство от дел заграждало им уста. "**Однако ищете убить Меня**". Что ж, скажут, если справедливо? Напротив, совсем несправедливо. Поэтому Он представляет и причину: "**потому что слово Мое не вмещается в вас**". Как же было сказано, что они уверовали? Но я уже сказал, что они опять отложились. Поэтому-то Он сильно и обличает их. Если вы тщеславитесь родством с ним, то вам надобно выказывать и жизнь его. И не сказал Он: вы не вмещаете слова, но: "**слово Мое не вмещается в вас**", показывая тем высоту Своих догматов. А за это не убивать следовало. Напротив – еще более почитать и уважать, чтобы научиться. Что же, могли сказать, может быть, Ты от Себя это говоришь? Поэтому Он присовокупил: "**Я говорю то, что видел у Отца Моего; а вы делаете то, что видели у отца вашего**" (ст.38). Как Я, говорит, и словами и истиною являю Отца, так и вы – своими делами. Я имею не только одно и то же существо с Отцом, но и одну и ту же истину. "**Сказали Ему: отец наш есть Авраам. Иисус сказал им: если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы. А теперь ищете убить Меня**" (ст.39,40). Часто Он говорит здесь об их преступном намерении и упоминает об Аврааме; и это для того, чтобы и отклонить их от этого родства, и уничтожить излишнее их тщеславие, и убедить полагать надежду спасения уже не на Авраама и не на родство по естеству, но на родство по душевному расположению. То именно и служило для них препятствием приступить ко Христу, что они почитали это родство достаточным для своего спасения. Но о какой говорит Он истине? О той, что Он равен Отцу. Действительно, за это иудеи искали убить Его, как Он и говорит: "**ищете убить Меня, сказавшего вам истину, которую слышал**" от Отца Моего (ст.40). Чтобы показать, что это не противно Отцу, Он опять прибегает к Нему. "**Сказали Ему: мы не от любодеяния рождены; одного Отца имеем, Бога**" (ст.41). Что вы говорите? Вы имеете отцом Бога, и обвиняете Христа, когда Он говорит это? Видишь ли, что Он называл Бога Отцом Своим в особенном смысле?

3. Так как Он отстранил их от родства с Авраамом, то они, не имея ничего сказать против этого, отваживаются на нечто еще большее, – прибегают к Богу. Но Он лишает их и этой чести, говоря: "**если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел; ибо Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня. Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине. Когда говорит он ложь, говорит свое**" (ст.42-44). Он отстранил их от родства с Авраамом; но так как они отважились на большее, то Он уже наносит им удар, говоря, что они не только не чада Авраама, но что они сыны диавола.

Чрез это Он нанес им рану, равную их бесстыдству. И это не оставляет без свидетельства, но подтверждает доказательствами, потому что убивать, говорит, свойственно злобе диавола. И не сказал просто: дела, но: "**похоти**" его творите, показывая, что как он (диавол), так и они крайне склонны к убийствам, и что причиною этого зависть. В самом деле, диавол погубил Адама не потому, чтобы мог обвинять его в чем-нибудь, но по одной только зависти. Вот на это Христос и здесь указывает. "**И не устоял в истине**", т.е. в доброй жизни. Так как (иудеи) постоянно осуждали Его, – что Он не от Бога, – то Он говорит, что и это (обвинение) происходит оттуда же (от диавола), потому что он первый породил ложь, сказав: "**в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши**" (Быт.3:5). Он же первый и воспользовался ею. Люди пользуются ею не как своею, но как чужою, а он – как своею. "**А как Я истину говорю, то не верите Мне**" (ст.45). Какая последовательность в этих словах? Ни в чем не обвинив Меня, вы хотите убить Меня. Вы преследуете Меня, потому что вы враги истины. Если же не потому, то скажите вину Мою. Поэтому и присовокупил: "**кто из вас обличит Меня в неправде**" (ст.46)? Иудеи еще говорили: "**мы не от любодеяния рождены**". Хотя многие из них были рождены и от любодеяния, потому что у них были и незаконные браки, однако же Он не обличает их в этом, а продолжает говорить о прежнем. Доказав всем вышесказанным, что они не от Бога, а от диавола, потому что и убивать есть дело диавольское, и лгать дело диавольское, а вы делаете и то и другое, – теперь показывает, что любовь есть признак происхождения от Бога. "**Почему вы не понимаете речи Моей**"? Так как они всегда с недоумением спрашивали: что это Он говорит: "**куда Я иду, вы не можете придти**" (ст.22)? – то Он и отвечает: вы не разумеете беседы Моей потому, что не вмещаете в себе слова Божия. А это происходит с вами оттого, что ваши помышления пресмыкаются по земле, между тем как слова Мои гораздо выше. Что же, если они и действительно не могли разуметь? Но здесь слово – "**не можете**" значит: не хотите, потому что вы приучили себя пресмыкаться долу и ни о чем великом не помышляете. А так как они говорили, что преследуют Его по ревности будто бы к Богу, то Он всюду старается показать, что преследовать Его значит ненавидеть Бога; напротив, говорит, любить Его – значит знать Бога. "**Одного Отца имеем, Бога**". Вот чем хвалятся – честью, а не делами. Итак, что вы не веруете, это доказывает не то, будто Я чужд Богу; напротив, неверование ваше служит знаком того, что вы не знаете Бога. Причине же этому та, что вы хотите лгать и творить дела диавольские, а это происходит от бедности души, как говорит апостол: "**если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы**" (1Кор.3:3)? Почему вы не можете? Потому, что "**вы хотите исполнять похоти отца вашего**", – (об этом) стараетесь, ревнуете.

Видишь ли, что слово: "**не можете**" означает нехотение? "**Авраам этого не делал**" (ст.40). Какие же дела его? Кротость, снисходительность, послушание; а вы поступаете напротив: вы непокорны и жестоки. Но откуда им пришло на мысль прибегнуть к Богу? Христос показал, что они недостойны Авраама. Вот, чтобы избежать этого, они и прибегли к большему. Так как Он укорил их в убийстве, то они этим говорят, как бы в некоторое оправдание себе, что они мстят за Бога. Но (Христос) показывает, что и это самое служит признаком противников Божиих. Выражение: "**исшел**" означает, что Он от Бога. Говорит – "**исшел**", указывая на Свое пришествие к нам. А так как можно было ожидать, что они скажут: Ты говоришь что-то странное и новое, – то Он и прибавляет, что пришел от Бога. Поэтому, говорит, естественно, что вы не слушаете Моих слов, так как вы от диавола. В самом деле, за что вы хотите убить Меня? В чем можете обвинить Меня? Если же ни в чем, то почему не веруете Мне? Доказав таким образом, из их лживости и склонности к убийству, что они происходят от диавола, Он вместе показал и то, что они чужды Авраму и Богу, так как, с одной стороны, ненавидят человека, который не сделал ничего худого, а с другой – не слушают слова Его. Так Он всюду показывает, что Он не противник Божий и что они не по этой причине не веровали в Него, но потому, что были чужды Богу. В самом

деле, если не веруют Тому, Кто греха не сотворил, Кто говорит, что Он пришел от Бога и от Него послан, Кто изрекает истину, и так изрекает истину, что вызывает всех опровергнуть, то очевидно, что неверующие не веруют в Него потому, что они люди плотские. Он знал, верно знал, что грехи уничтожают душу. Потому-то сказано: "**потому что вы сделались неспособны слушать**" (Евр.5:11). Подлинно, кто не может презреть вещей земных, тот может ли когда-нибудь любомудрствовать о небесном?

4. Потому, умоляю, будем всячески стараться исправить нашу жизнь, очистить нашу душу, чтобы ничто нечистое не служило для нас препятствием. Засветите в себе свет знания, и не бросайте семян в терние. Кто не знает, что любостяжание порок, как узнает что-нибудь большее? Кто не отвращается от этого (земного), тот как возжелает того (небесного)? Хорошо восхищать, но только не гибнущие вещи, а царство небесное: "**употребляющие усилие**", сказано, "**восхищают его**" (Матф.11:12); следовательно, не леностью можно достигнуть его, но старанием. Что же значит: "**употребляющие усилие**"? Потребно большое усилие, потому что путь тесен, нужна душа юношеская и бодрая. Восхищающие хотят всех предварить, не смотрят ни на что, ни на порицание, ни на осуждение, ни на наказание; думают лишь об одном, как бы овладеть тем, что хотят восхитить, и предупреждают всех находящихся впереди. Станем же мы восхищать царство небесное. Это восхищение не грешно, а похвально; грех здесь – не восхищать. Здесь наше богатство не причиняет ущерба другим. Постараемся же восхитить и, если нас удручает гнев, если тревожат вожделения, то победим природу, соделаемся кроткими, потрудимся немного, чтобы навсегда успокоиться. Не похищай золота, но похищай богатство, при котором золото представляется грязью. Скажи мне: если бы пред тобою лежали свинец и золото, что бы ты похитил? Не очевидно ли, что золото? Итак, в том случае, когда похищающего наказывают, ты предпочитаешь вещь лучшую: уже ли же тогда, когда похищающий заслуживает честь, ты не отдашь предпочтения лучшему? Ведь не избрал ли бы ты (из двух вещей) предпочтительно эту (лучшую), если бы за похищение той и другой было наказание? Но здесь нет ничего такого, а напротив здесь блаженство. Как же можно, спросишь, похитить (царство небесное)? Брось то, что у тебя в руках. Пока будешь держать это, – не можешь похитить того. Представь мне человека, у которого руки наполнены серебром: в состоянии ли он будет похитить золото, пока держит серебро, а не бросит его и не сделается свободным? Похищающий не должен быть ничем связан, чтобы не быть задержанным. Ведь и ныне есть враждебные силы, которые нападают на нас и стараются отнять у нас (царство небесное). Будем же убегать от них, будем убегать, не оставляя за собою ничего, за что бы они могли ухватиться. Пресечем нити, обнажим себя от предметов житейских. какая вам нужда в шелковых одеждах? Доколе будем укутываться в эти смешные одеяния? Доколе будем зарывать в землю золото? Я желал бы перестать всякий раз говорить об этом; но вы не позволяете, подавая всегда к тому повод и побуждение. Теперь, по крайней мере, оставим это, чтобы, и других научив своею жизнью, получить обетованные блага, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 55

"На это Иудеи отвечали и сказали Ему: не правду ли мы говорим, что Ты Самарянин и что бес в Тебе? Иисус отвечал: во Мне беса нет; но Я чту Отца" (Иоан.8:48,49)

1. Злоба бесстыдна и дерзка. Когда бы надобно было устыдиться, тогда она еще более ожесточается. Так было и с иудеями. Им надлежало бы придти в умиление от слов и подивиться дерзновению и последовательности Его беседы; а они, напротив, поносят Его, называют самарянином, утверждают, что Он имеет беса, и говорят: "**не правду ли мы**

говорим, что Ты Самарянин и что бес в Тебе"? Когда Он говорил нечто высокое, тогда этим людям, крайне бесчувственным, казалось это безумием. И хотя евангелист выше нигде не заметил, что они называли Его самарянином, но из приведенных слов можно заключать, что они часто это говорили. Говорят: "**бес в Тебе**". Но кто имеет беса? Тот ли, кто чтит Бога, или – кто оскорбляет чтущего? Что же Христос, – эта кротость, эта снисходительность? "**Во Мне беса нет; но Я чту Отца Моего**", пославшего Меня. Когда надлежало научить их, смирить великую их надменность и наставить не гордиться Авраамом, тогда Он был строг; а когда Ему самому надобно было перенести от них поношение, тогда Он выказывает великую кротость.

Когда они говорили: мы имеем отцом Бога и Авраама, тогда Он сильно поразил их; а когда Его самого называли имеющим беса, тогда отвечает кротко, научая нас отомщать за то, чем оскорбляется Бог, и не обращать внимания на оскорбления, наносимые нам. "**Я не ищу Моей славы**" (Иоан.8:50). Это, говорит, сказал Я с тем, чтобы показать, что вам, как человекоубийцам, не прилично называть Бога отцом; значит, Я сказал это ради чести Его, и за Него Я слышу это, за Него вы бесчестите Меня. Но Я нисколько не обращаю внимания на это оскорбление. Вы дадите ответ в своих словах Тому, за Кого Я слышу это ныне. "**Я не ищу Моей славы**". По этой-то причине, вместо того, чтобы наказывать вас, Я обращаюсь к убеждению и советую вам делать то, посредством чего вы не только избежите наказания, но и получите вечную жизнь. "**Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек**" (Иоан.8:51). Здесь Он говорит не об одной только вере, но и о чистой жизни. Выше Он сказал: "**имеет жизнь вечную**" (Иоан.5:24); а здесь говорит: "**не увидит смерти**", указывая вместе и на то, что они ничего не могут Ему сделать. Если не умрет тот, кто соблюдает слово Его, то тем более сам Он. Это поняли и они, и потому говорят: "**теперь узнали мы, что бес в Тебе. Авраам умер и пророки**" (8:52), – т.е. умерли те, которые слушали слово Божие: так ужели не умрут слушавшие Твое слово? "**Неужели Ты больше отца нашего Авраама**" (ст.53)? Какое тщеславие! Опять обращаются к родству с ним. Им следовало бы сказать: ужели ты больше Бога? Или: ужели слышавшие Тебя больше Авраама? Но они не говорят этого, потому что почитали Его меньшим даже Авраама. Христос же прежде доказал, что они человекоубийцы, и тем отстранил их от родства с Авраамом. Но так как они оставались при своих мыслях, то вот Он снова идет к тому же другим путем, показывая, что они напрасно трудятся. Впрочем, о смерти Он нисколько с ними не беседовал, и даже не открыл и не сказал, какую разумеет смерть. Теперь Он только уверяет их, что Он выше Авраама, чтобы хотя этим пристыдить их. Ведь конечно, говорит Он, если бы Я был обыкновенным человеком, – и тогда не следовало бы убивать Меня, потому что Я не сделал ничего худого. Но если Я притом говорю истину, и не имею никакого греха, и послан от Бога, и больше Авраама, то не безумствуете ли вы и не напрасно ли трудитесь, стараясь умертвить Меня? Что же они? "**Теперь узнали мы, что бес в Тебе**". Но не так самарянка; она не сказала Ему: беса имеешь, – но только вот что: "**неужели ты больше отца нашего Иакова**" (Иоан.4:12)? Это – потому, что иудеи были поносители и убийцы, а она желала научиться. По этой-то причине она и выразила недоумение, и давала ответы с приличною скромностью, и называла Его Господом. И действительно, Кто обещает гораздо большие (блага), и Кто достоин веры, Того следовало не оскорблять, а, напротив, почитать; но иудеи называют Его имеющим беса. Те слова, слова самарянки, были выражением недоумения; а эти выказывают людей неверующих и развращенных. "**Неужели Ты больше отца нашего Авраама**"? Значит, по тем ловам Своим (ст.52), Он был больше Авраама. И когда вы увидите Его вознесенным, тогда признаете, что Он действительно больше. Поэтому Он говорил: "**когда вознесете**" Меня, "**тогда узнаете, что это Я**" (Иоан.8:28). И смотри, какая мудрость: сперва отстранил их от родства (с Авраамом); затем показывает, что Он больше его, а чрез это дает уже заметить, что Он несравненно больше и пророков. А они всегда назвали Его пророком; поэтому Он и

говорил: "**слово Мое не вмещается в вас**" (Иоан.8:37). Там Он говорил, что воскрешает мертвых (Иоан.5:21), а здесь, что верующий в Него не узрит смерти, – это же гораздо важнее, чем не допустить навсегда остаться во власти смерти. От того-то они еще более вознегодовали. Что же они? "**Чем Ты Себя делаешь**" (ст.53)? И эти слова также укоризненны. Ты, говорят, сам Себя возвеличиваешь. Но Христос на это отвечает: "**если Я Сам Себя славлю, то слава Моя ничто**" (ст.54).

2. Что говорят тут еретики? Слышал (говорят) Христос: "**неужели Ты больше отца нашего Авраама**", – но не смел сказать им: так точно, а сделал это прикровенно. Что же? В самом деле слава Его ничего не значит? Для них (иудеев) – ничего. Поэтому, как Он говорил: "**свидетельство Мое не есть истинно**" (Иоан.5:31), применяясь к их мнению, так и здесь говорит: "**Меня прославляет Отец**" (Иоан.8:54). Но почему Он не сказал: Отец, пославший Меня, как говорил прежде, но: "**о Котором вы говорите, что Он Бог ваш. И вы не познали Его**" (ст.54,55)? Он хотел показать, что они не знают Его не только как Отца, но и как Бога. "**А Я знаю Его**" (ст.55). Следовательно, когда говорю: "**Я знаю Его**", – это не хвастовство; а если бы сказал: не знаю Его, – это была бы ложь. Но вы, когда говорите, что знаете Его, говорите ложь. Таким образом, как вы лжете, говоря, что знаете Его, так и Я (солгал бы), если бы сказал, что не знаю Его. "**Если Я Сам Себя славлю**". Так как они говорили: "**чем Ты Себя делаешь**", то Он и отвечает: если Я сам Себя творю, "**слава Моя ничто**". Итак, Я знаю Его совершенно, а вы не знаете Его. Впрочем, как в отношении к Аврааму Он не все отнял у них, но сказал: "**знаю, что вы семя Авраамово**" (Иоан.8:37), чтобы чрез это подвергнуть их большему осуждения, так и здесь не все отнял у них, но что? "**О Котором вы говорите**". Дозволив им хвалиться этим на словах, Он сделал вину их более тяжкою. Каким же образом вы Его не знаете? Вы поносите Того, Кто все и говорит и делает для Него, чтобы прославить Его, и Кто послан от Него. Но это (кажут) остается без свидетельства. Напротив, дальнейшие слова служат тому доказательством. "**И соблюдаю слово Его**" (ст.55). При этом они, конечно, могли бы обличить Его, если бы только имели что-нибудь, потому что это служило самым сильным доказательством тому, что Он послан от Бога. "**Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался**" (ст.56). Опять показывает, что они чужды Аврааму, так как чему он радовался, о том они скорбят. А под днем, мне кажется, Он разумеет здесь день креста, который (Авраам) прообразовал принесением овна и Исаака. Что же они? "**Тебе нет еще пятидесяти лет, – и Ты видел Авраама**" (ст.57)? Христос говорит им: "**прежде нежели был Авраам, Я есмь**" (ст.58). А они "**взяли каменья, чтобы бросить на Него**" (ст.59). Видишь ли, как Он доказал, что Он больше Авраама? Кто рад был видеть день Его и почитал это для себя вожделенным, тот, очевидно, признавал это для себя благодеянием и был меньше Его. А так как они говорили, что Он сын тектона, и ничего большего о Нем не представляли, то Он мало-помалу возводит их к высокому о Себе понятию. Итак, когда они услышали, что не знают Бога, тогда не огорчились; а когда услышали: "**прежде нежели был Авраам, Я есмь**", тогда – как будто унижалось их благородство – они вознегодовали и стали бросать камни. "**Увидел день Мой и возрадовался**". Этим показывает, что не по неволе идет на страдание, потому что хвалит того, кто радовался о кресте, так как крест был спасением вселенной. А они бросали камни: так-то они склонны были к убийству и делали это самовольно, без всякого исследования.

Почему же Он не сказал: "**прежде нежели был Авраам**", Я был, но – "**Я есмь**"? Как Отец Его употребил о Себе это слово: "**есмь**", так и Он. Оно означает присносущность бытия, независимо ни от какого времени. Поэтому слова Его и показались им богохульными. И если они не потерпели сравнения с Авраамом, хотя это и не так важно, то могли ли перестать бросать в Него (камни), когда Он стал часто сравнивать Себя с Богом? Поэтому Он, действуя по-человечески, снова убегает и скрывается. Предложив им достаточное

наставление и исполнив Свой долг, Он вышел из церкви и пошел исцелять слепого, чтобы самыми делами показать, что Он прежде Авраама. Но, может быть, кто-нибудь спросит: почему Он не уничтожил их силу? В этом случае они, может быть, уверовали бы. Он исцелил расслабленного, – и они не уверовали. Он совершил множество и других чудес, и во время самого страдания поверг их ниц на землю, и омрачил очи их, – и они не уверовали. Возможно ли же, чтобы они уверовали, если бы Он уничтожил их силу? Так, нет ничего хуже души ожесточенной; хотя бы она видела знамения, хотя бы чудеса, – она все остается в том же бесстыдстве. Вот и фараон, не смотря на множество казней, вразумлялся только тогда, когда терпел наказание, и до последнего дня остался все таким же гонителем тех, которых отпустил. Поэтому-то Павел неоднократно говорит: "**чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом**" (Евр.3:13). Как силы телесные со временем мертвеют и теряют всякую чувствительность, так и душа, одержимая многими страстями, становится мертвою для добродетели. Тогда, чтобы ты ни представлял ей, она ничего не чувствует; хотя бы угрожал наказанием или чем другим, она остается бесчувственной.

3. Потому-то умоляю вас, пока еще имеем надежду спасения, пока можем обратиться, будем всячески о том заботиться. Как отчаявшиеся кормчие, предав судно на волю ветра, сами нисколько не помогают ему, так точно поступают, наконец, и те, которые потеряли всякую надежду. Завистливый только то имеет в виду, как бы удовлетворить своему желанию; и хотя бы пришлось ему подвергнуться наказанию, или смерти, – он остается преданным одной своей страсти. Человек распутный и любостяжательный поступает так же. Если же так велика сила страстей, то гораздо более сила добродетели. Если мы презираем смерть для первых, то тем более для последней. Если те пренебрегают своею душой, то тем более мы должны пренебрегать всем для своего спасения. В самом деле, какое будет для нас оправдание, когда погибающие так много заботятся о своей погибели, а мы не выкажем и такого старания о своем спасении, но всегда будем истаивать от зависти? А ведь нет ничего хуже зависти. Чтобы погубить другого, (завистливый) губит и себя самого. Глаз завистливого снедается печалью. Завистливый живет в непрерывной смерти, всех считает своими врагами, даже и тех, которые ничем его не обидели. Он скорбит о том, что воздается честь Богу; радуется тому, чему радуется диавол. Приобрел ли кто почтение у людей? Это не честь; не завидуй. Почтен ли кто у Бога? Поревнуй ему и будь подобен. Но ты не хочешь? Зачем же еще и губишь себя? Зачем бросаешь и то, что имеешь? Ты не можешь сравняться с ним и сделать что-нибудь доброе? Для чего же еще предпринимаешь и худое? Если ты не можешь разделять с ним труды его, ты должен, по крайней мере, радоваться вместе с ним, чтобы получить пользу от этого сорадования. Ведь часто достаточно бывает и одного намерения, чтобы получить великое добро. Вот, Иезекииль говорит, что моавитяне за то были наказаны, что радовались (несчастью) израильтян (Иезек.35:12); а были и такие, которые спаслись потому, что воздыхали о бедствиях других. Если же есть некоторое утешение для тех, которые воздыхают о чужих бедствиях, то гораздо более (утешения) для тех. которые радуются почестям других. Бог обвинил моавитян за то, что они радовались (несчастьям) израильтян. И хотя сам же Он наказывал их, однако же Он не хочет, чтобы мы радовались наказанию других даже и тогда, когда Он сам наказывает, – потому что и Сам неохотно наказывает. Если же должно соболезновать о наказываемых, то тем более не должно завидовать тем, кому воздается честь. Чрез это именно погибли Корей а Дафан; кому они завидовали, тех сделали более славными, а на себя навлекли наказание. Зависть есть зверь ядовитый, зверь нечистый, зло произволения, не заслуживающее прощения, порок, которому нет оправдания, причина и матерь всех зол. Итак, уничтожим ее с корнем, чтобы избавиться и от настоящих бед и сподобиться будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 56

"И, проходя, увидел человека, слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым" (Иоан.9:1,2)?

1. "**И, проходя, увидел человека, слепого от рождения**". Будучи весьма человеколюбив и заботясь о нашем спасении, а притом желая заградить уста нечестивым, Господь не опускает ничего, что только Ему подобало, хотя бы никто Ему ни внимал. Это знал и пророк, и потому говорил: "**так что Ты праведен в приговоре Твоем и чист в суде Твоем**" (Пс.50:6). Поэтому-то и теперь, когда не приняли Его высокого учения, и даже назвали Его беснующимся и покушались убить, – Он, выйдя из храма, исцеляет слепого. Таким образом, Своим отсутствием Он укрощает их ярость, а совершением чуда смягчает их жестокосердие и упорство, и удостоверяет в словах Своих. И совершает Он чудо не обыкновенное, но такое, которое теперь только в первый раз последовало: "**от века не слыхано, чтобы кто отверз очи слепорожденному**" (Иоан.9:32). Слепому, быть может, кто-нибудь и отверзал очи, но слепорожденному – еще никто. А что Спаситель, выйдя из храма, пошел нарочно для этого дела, – видно из того, что сам Он увидел слепого, а не слепой подошел к Нему, – и так пристально посмотрел на него, что обратил внимание и учеников. Вот это и подало им повод к вопросу; видя, как Он пристально смотрит, они спросили Его, говоря: "**кто согрешил, он или родители его**"? Странный вопрос! Как он мог согрешить до рождения? Или как мог быть наказан за грехи родителей? Каким же образом они пришли к такому вопросу? Прежде того, исцелив расслабленного, (Христос) сказал: "**вот, ты выздоровел; не греши больше**" (Иоан.5:14). Итак, вспомнив, что тот расслаблен был за грехи, они говорят: пусть тот расслаблен был за грехи: но что Ты скажешь об этом? Он ли согрешил? Но этого нельзя сказать, потому что он слеп от рождения. Или родители его? Но нельзя и этого, потому что сын не наказывается за отца. Таким образом, как мы, когда видим страдающее дитя, и говорит: что сказать об нем, что сделало это дитя? – этим не спрашиваем, а выражаем недоумение, так точно и ученики, когда говорили это, не столько спрашивали, сколько недоумевали. Что же Христос? "**Не согрешил ни он, ни родители его**" (9:3). Этим, впрочем, Он не освобождает их от грехов; не просто сказал: "**не согрешил ни он, ни родители его**", но присовокупил: "**что родился слепым**". Но да прославится Сын Божий. Согрешил и он, и родители его; но не в этом причина слепоты.

Не означает также (Христос) этими словами и того, что не этот, а другие подвергались слепоте по этой причине, то есть за грехи родителей, потому что за грехи одного нельзя наказывать другого. Если же допустим это, то должны будем допустить и то, что (слепорожденный) согрешил до рождения. Значит, как словами: "**не согрешил ни он**" не то утверждает, что можно от рождения согрешить и быть за то наказанным, так равно, сказавши: "**ни родители его**", выражает не ту мысль, что можно быть наказанным за родителей. Такое мнение (Господь) опровергает чрез Иезекииля: "**живу Я! говорит Господь Бог, – не будут вперед говорить пословицу эту в Израиле: отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина**" (Иез.18:3,2). Да и Моисей говорит: "**отцы не должны быть наказываемы смертью за детей**" (Втор.24:16). И об одном царе повествуется, что он потому не сделал этого (не убил детей убийц), что соблюдал закон Моисеев (4Цар.14:6). Если же кто скажет: как же написано: "**наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого [рода]**" (Исх.20:5)? – то мы ответим на это, что это не всеобщее определение, а сказано применительно к исшедшим их Египта. Слова эти значат вот что: так как исшедшие из Египта, несмотря на знамения и чудеса, сделались хуже своих предков, которые ничего этого не видели, то их постигнет тоже самое, что постигло их предков, потому что они дерзнули на такие же преступления. А что это именно о них сказано, в том вполне уверится всякий, кто вникнет в это место. Итак,

почему (слепорожденный) родился слепым? Да явится, говорит, слава Божия. Вот опять новое недоумение: как будто, без его наказания, нельзя было явиться славе Божией! Но совсем не то и сказано, чтобы нельзя было; конечно, было можно; но да явится (слава Божия) и на нем. Итак, скажешь, он обижен был ради славы Божией? Чем же обижен, скажи мне? Что, если бы Господу было угодно, чтобы он и совсем не родился? Я, с своей стороны, утверждаю, что он получил даже благодеяние от своей слепоты, потому что прозрел внутренними очами. Что пользы в зрении иудеям? Они подверглись только большему наказанию оттого, что остались слепыми при своем зрении. А ему какой вред от слепоты? Чрез нее он прозрел. Таким-то образом, как зло настоящей жизни не есть зло, так и добро не есть добро. Только грех есть зло, а слепота не зло. И Кто привел (слепца) из небытия в бытие, Тот имел власть и оставить его в таком положении. А некоторые говорят, что эта частица (ίνα – да, чтобы) и указывает здесь не на причину, а на последствие, – точно также, как и в другом месте, где говорится: "**на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы**" (Иоан.9:39). Не для того, конечно, пришел Христос, чтобы видящие слепы были. Равным образом Павел говорит: "**что можно знать о Боге, явно для них, так что они безответны**" (Рим.1:19,20), – хотя Господь не для того явил им это, чтобы они лишены были оправдания, а для того, чтобы получили оправдание. И опять в другом месте: "**закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление**" (Рим.5:20), – хотя закон прившел не для этого, а для обуздания греха.

2. Видишь ли, что эта частица везде указывает на последствие? Как отличный домостроитель, построивши одну часть дома, другую оставляет недоконченной для того, чтобы остальными постройками защитить себя пред неверующими в устройстве всего дома, так и Бог укрепляет и исправляет тело наше, как бы некоторую обветшавшую храмину, – исцеляет иссохшую руку, укрепляет расслабленные члены, выпрямляет хромых, очищает прокаженных, воздвигает больных, восстановляет расслабленных голенями, воскрешает мертвых, отверзает смежившиеся очи, дает зрение тем, которые никогда его не имели. Исправляя, таким образом, все эти недостатки нашей немощной природы, Он являет Свое могущество. Когда же (Христос) говорит: да явится слава Божия, говорит о Себе, – не об Отце, потому что слава Отца была явна. Так как знали, что Бог создал человека, взяв персть от земли, то и Христос поступил таким же образом. Если бы сказал Он: Я – Тот, Кто взял персть от земли и создал человека, то это показалось бы невыносимым для слушателей; а когда Он показал это на деле, – они уже не могли оскорбляться. Вот почему, взяв персть и растворив ее слюной, Он таким образом обнаружил сокровенную Свою славу. Не малая слава в том, чтобы Его признали за Содетеля твари. А из того действительно следовало заключать и о прочем: часть служила ручательством за целое; несомненность большего удостоверяла и в меньшем. Ведь человек превосходнее всей твари, а глаз превосходнее всех наших членов. Вот почему Христос создал зрение не просто, а вышесказанным образом. Глаз хотя по величине и малый член, но необходимее всего тела. На это указывает и Павел, когда говорит: "**если ухо скажет: я не принадлежу к телу, то неужели оно потому не принадлежит к телу**" (1Кор.12:16)? Хотя все в нас служит доказательством премудрости Божией, но глаз – по преимуществу. Он управляет всем телом; он всему телу придает красоту, он украшает лицо, он служит светильником для всех членов. Что солнце во вселенной, то глаз в теле. Погаси свет в солнце, – и все погибнет и придет в смятение; погаси свет в глазах, – бесполезны будут и ноги, и руки, и душа. Без глаз становится невозможным познание. Посредством их мы познали Бога: "**ибо невидимое Его, от создания мира через рассматривание творений видимы**" (Рим.1:20). Таким образом, глаз служит светильником не только для тела, но еще больше, чем для тела, для души. Потому-то он и помещен как бы на некотором царском месте – вверху, и председательствует над другими чувствами. Вот его-то и устрояет Христос. Потом, чтобы ты не подумал, что Он имеет

нужду в веществе, когда творит, и чтобы знал, что и в начале Он не имел нужды в брении (Кто произвел из ничего высшие существа, Тот тем более мог сотворить глаз без вещества), – дабы, говорю, ты знал, что Он делает это не по нужде, а для того, чтобы показать, что Он же был Творцом и в начале, – помазавши брением, говорит: "**пойди, умойся**". Познай, что Я не имею нужды в брении, чтобы сотворить глаза, но да явится на нем (слепом) слава Моя. А что Он о Себе самом сказал эти слова: да явится слава Божия, видно из того, что затем прибавил: "**Мне должно делать дела Пославшего Меня**" (Иоан.9:4). То есть: Мне должно явить Себя и совершить дела, которые могли бы показать, что Я делаю тоже, что и Отец, – не подобное только, но тоже самое. А это служит знаком большого равенства и говорится только о тех, из которых один нисколько не отличен от другого. Кто же будет еще противоречить, видя, что Он может тоже, что и Отец? Он не только образовал глаза, не только отверз их, но и даровал зрение; а это служит доказательством, что Он вдохнул и душу, потому что без действия души и самый совершенный глаз никогда не может ничего видеть. Итак, Он даровал и силу души, Он дал и члены со всеми принадлежностями – с артериями, нервами и жилами, с кровью и со всем прочим, из чего слагается наше тело. "**Мне должно делать, доколе есть день**" (Иоан.9:4). Что значат эти слова? И какую они имеют связь? Очень тесную. Вот значение этих слов: "**доколе есть день**", – доколе можно людям веровать в Меня, доколе продолжается эта жизнь, – "**Мне должно делать; приходит ночь**", то есть будущее время, "**когда никто не может делать**". Не сказал: когда Я не могу делать, но: "**когда никто не может делать**", то есть когда не будет уже ни веры, ни трудов, ни покаяния. А что делом Он называет веру, видно из того, что когда Ему говорили: "**что нам делать, чтобы творить дела Божии**", – Он отвечает: "**вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал**" (Иоан.6:29). Но почему же этого дела не может никто делать в то время? Потому, что не будет уже и веры, но, волею или неволею, все будут повиноваться. Итак, – чтобы кто-нибудь не сказал, что Он делает это по тщеславию, – Он показывает, что делает все для пользы людей, так как они только здесь имеют возможность веровать, а там уже не могут сделать для себя ничего полезного. Поэтому-то Он исцелил слепого, не смотря на то, что тот даже не подходил к Нему. Впрочем, что слепой достоин был исцеления и, если бы имел зрение, то уверовал бы и приступил бы ко Христу, даже если бы услышал от кого о Его присутствии, и тогда не преминул бы сделать этого, – видно из последующего, из его мужества и веры. Ему естественно было подумать и сказать: что это такое? Сотворил брение, помазал мне глаза и сказал: "**пойди, умойся**". Разве не мог исцелить, и потом уже послать в Силоам? Я часто умывался там вместе со многими другими, и не получил никакой пользы. Если бы имел Он какую-либо силу, то исцелил бы теперь же. Так говори и Нееман об Елисее. Получив приказание идти омыться в Иордане, он не поверил, – не смотря на великую славу Елисея. Но слепой был чужд неверия, не возражал и не рассуждал сам с собою: что это такое? Брение ли нужно было возложить? Оно скорее может ослепить. Кто когда прозревал таким образом? Нет, он не подумал ничего такого. Видишь ли его твердую веру и доблесть душевную? "**Приходит ночь**". Этим показывает, что и после креста будет иметь попечение о нечестивых и многих привлечет, потому что еще "**есть день**"; но затем уже окончательно отвергнет их. На это и указывает словами: "**доколе Я в мире, Я свет миру**" (9:5). Тоже самое говорил Он и другим: "**доколе свет с вами, веруйте в свет**" (Иоан.12:36).

3. Как же Павел назвал настоящую жизнь ночью, а ту (будущую) – днем? Этим он не противоречит Христу, но говорит тоже самое, только не по словам, а по мыслям. "**Ночь**", говорит он, "**прошла, а день приблизился**" (Рим.13:12). Ночью называет настоящее время по причине седящих во тьме, или по сравнению с тем (будущим) днем. Христос ночью называет будущее, потому что тогда уже не будут делать грехов; а Павел ночью называет настоящую жизнь, потому что живущие во зле и неверии находятся во тьме. Таким образом, беседуя с верными, сказал: "**ночь прошла, а день приблизился**", так как

(верные) имеют насладиться тем светом; ночью же называет прежнюю жизнь, и говорит: "**отвергнем дела тьмы**". Видишь ли, что в них-то, по его словам, и заключается ночь? Потому и прибавляет: "**как днем, будем вести себя благочинно**" (Рим.13:13), чтобы мы могли насладиться тем светом. Если же так прекрасен этот свет, то подумай, каков будет тот. Сколько солнечный свет лучше светильничного, столько же, или еще гораздо более, будущий лучше нынешнего. Вот на это и указывал Христос, когда говорил: "**солнце померкнет**" (Матф.24:29), то есть, от обилия того света не будет видно и солнца! И если теперь, для того, чтобы иметь светлые и со здоровым воздухом дома, ты тратим множество денег, подвергаясь тяжким трудам при постройках, то подумай, не должны ли мы пожертвовать и самыми телами, чтобы создать себе светлые обители там, где тот неизреченный свет? Здесь споры и раздоры по поводу границ и стен; там нет ничего подобного; нет ни зависти, ни клеветы; никто не станет спорить с нами из-за границ. Притом этот дом непременно нужно будет покинуть, а тот останется при нас навсегда. Этот со временем неизбежно подвергается гниению и многочисленным повреждениям; тот не стареется никогда. Этого бедный не может построить; тот можно построить и на две лепты, как вдовица. Поэтому крайне прискорбно мне, что при стольких, предстоящих нам, благах мы беспечны и нерадивы. Чтобы иметь блистательные дома здесь, о тот мы всячески стараемся; а чтобы на небесах устроить себе хотя малое пристанище, о том не заботимся, не помышляем. Скажи мне: здесь где желал бы ты иметь себе дом? В пустыне, или в одном из небольших городов? Не думаю; без сомнения – в столицах и в больших городах, где больше блеска. Но я веду тебя в такой город, которого строитель и художник – Бог. Там, умоляю, устрояй и созидай себе дом, – с меньшими издержками и с меньшим трудом. Этот дом созидается руками нищих, и он есть наилучшее здание; а те, которые строятся теперь, – дело крайнего безумия. Если бы кто повел тебя в Персию с тем, чтобы посмотреть на эту страну и потом возвратиться, а между тем стал бы советовать строить там дома: не назвал ли бы ты его крайне безумным за то, что он советует тебе тратиться по пустому? Как же ты делаешь тоже самое на земле, которую скоро потом покинешь? Да я, говоришь ты, оставлю все детям. Но ведь и они оставят скоро после тебя, а нередко и прежде тебя; точно также – и их потомки. Таким образом и это бывает для тебя поводом к скорби, когда ты не видишь после себя наследников. Но там нет нужды опасаться ничего подобного; там приобретение остается постоянным и для тебя, и для детей, и для внуков, если они будут подражать той же добродетели. Тем зданием заведует сам Христос; строящему его нет нужды ни поставлять надсмотрщиков, ни заботиться, ни беспокоиться. Когда дело принимает на Себя Бог, к чему тогда заботы? Он Сам все собирает и воздвигает жилище. И не это только удивительно, но и то, что Он создает его так, как нравится тебе, или даже лучше, чем как тебе нравится и как ты желаешь, потому что Он наилучший художник и весьма заботится о твоих выгодах. Хотя бы ты был нищим и пожелал создать такой дом, это не породит против тебя зависти, не возбудит клеветы, потому что не видит его никто из тех, кому знакома зависть, а видят ангелы, умеющие только радоваться твоему благополучию. Никто не станет захватывать границ твоего дома, потому что там нет ни одного соседа, страждущего такою болезнью. Твоими соседями там будут святые, Петр и Павел, все пророки, мученики, сонм ангелов и архангелов. Ради всего этого раздадим наше имение нищим, чтобы наследовать те обители, которых да сподобимся все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 57

"Сказав это, Он плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому, и сказал ему: пойди, умойся в купальне Силоам" (Иоан.9:6-7)

1. Желающие получить какой-либо плод от того, что прочитывается, не должны оставлять без внимания ни одного слова. Потому-то и заповедано нам исследовать Писания, что многое, что с первого взгляда представляется простым, заключает в себе глубокий сокровенный смысл. Вот таково и настоящее место. "**Сказав это**", сказано, "**Он плюнул на землю**". Что же такое: "**это**"? Да явится слава Божия, и: "**Мне должно делать дела Пославшего Меня**" (9:4). Не без намерения евангелист напомнил нам эти слова, и затем прибавил: "**плюнул**", но с тем, чтобы показать, что слова Он подтвердил делами. Но зачем для брения употребил не воду, а плюновение? Он хотел послать слепого в Силоам, а потому, чтобы ты ничего не приписывал источнику, но познал, что именно исшедшая из уст Его сила и образовала и отверзла очи, – Он плюнул на землю. На это самое указывает и евангелист словами: "**сделал брение из плюновения**". Затем, чтоб не подумали, что исцеление произошло от земли, повелел умыться. Но для чего было не сделать этого тут же, а послал в Силоам? Для того, чтобы ты видел веру слепого и чтобы сделать безответным неверие иудеев. Естественно, что все видели его, когда он шел с глазами, помазанными брением. Такою необычайностью он не мог не привлечь на себя взоры всех, знакомых и незнакомых, и, конечно, все смотрели на него со вниманием. Так как не легко признать, что слепой прозрел, то (Христос) наперед приготовляет дальностью пути многих свидетелей, а необычайностью зрелища – внимательных зрителей, чтобы они, хорошо заметив, не могли уже говорить: это – он, это – не он. Кроме того, посылая в Силоам, хочет и то показать, что Он не чужд закона и ветхого завета. А, наконец, нельзя было опасаться и того, что слава будет отнесена к Силоаму. Многие и много раз умывали в нем глаза, но не испытали ничего подобного. Нет, и тут действовала сила Христова, все содевающая. Потому-то евангелист присовокупляет нам и толкование. Сказавши: "**в Силоам**", прибавил: "**что значит: посланный**", – чтобы ты знал, что и тут исцелил его Христос, как говорит Павел: "**ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос**" (1Кор.10:4). Значит, как духовным камнем был Христос, так и духовным Силоамом. А мне кажется, что и внезапное появление воды указывает нам на непостижимое таинство. На какое же именно? На нечаянное и неожиданное явление (Христово). Но обрати внимание на душу слепца, во всем послушную. Не говорил он: если брение, или плюновение может даровать зрение, то какая мне нужда в Силоаме? А если нужен Силоам, то зачем брение? Зачем помазал мне глаза? Зачем приказал умыться? Нет, не думал он ничего подобного, но заботился только о том, чтобы во всем повиноваться Повелевающему, и не соблазнялся ничем происходившим. Если же кто спросит: как он прозрел, отложивши брение? – то не услышит от нас ничего другого, кроме того, что мы не знаем, как это произошло. И что удивительного, если мы не знаем? Не знал того ни евангелист, ни сам исцеленный. Он знал только, что произошло, а как – того не мог понять. И когда спрашивали его об этом, он говорил: "**брение положил Он на мои глаза, и я умылся, и вижу**" (Иоан.9:15); а как это сделалось, он не может сказать, хотя бы тысячекратно спрашивали его. "**Соседи и видевшие прежде, что он был слеп, говорили: не тот ли это, который сидел и просил милостыни? Иные говорили: это он**" (Иоан.9:9). Необычайность события приводила их даже к неверию, несмотря на то, что сделано было так много, чтобы устранить всякое недоверие. Некоторые говорили: "**не тот ли это, который сидел и просил милостыни**"?

О, как велико человеколюбие Божие! До чего не снизошел Христос, когда великою благостью исцеляет нищих, и тем заграждает уста иудеям! Не славных только, и знаменитых, и облеченных властью, но и простых удостаивает одинакового попечения, потому что пришел для спасения всех. И что было с расслабленным, тоже случилось и со слепым. Ни тот не знал, кто таков исцеливший его, ни этот. Это произошло оттого, что Христос удалился, а Он всегда удалялся после исцелений, чтобы устранить от чудес всякое подозрение. Не знавшие, кто Он таков, каким в самом деле образом могли благоприятствовать Ему и помогать в устроении этих дел? Что же касается этого слепого,

то он не был и из числа тех, которые ходят повсюду, но сидел при вратах храма. Но между тем, как все недоумевают о нем, что говорит он сам? "**Это я**". Не устыдился прежней слепоты, не убоялся ярости народа, не отказался объявить себя, чтобы возвестить о Благодетеле. "**Спрашивали у него: как открылись у тебя глаза**"? Он отвечает: "**человек, называемый Иисус**" (9:10,11). Что ты говоришь? Человеку ли творить такие дела? Но он еще не знал об Нем ничего великого. "**Человек, называемый Иисус, сделал брение, помазал глаза мои**".

2. Смотри, как он правдив. Не сказал, из чего сделал брение: чего не знает, о том и не говорит. Не видел он, что (Христос) плюнул на землю; а что помазал, это узнал он по ощущению и осязанию. "**И сказал мне: пойди на купальню Силоам и умойся**" (9:11). Об этом ему сказало чувство слуха. Но откуда знал он Его голос? Из Его разговора с учениками. Таким образом, он все это рассказывает, опираясь на свидетельство самого дела, и однако же не может сказать о способе исцеления. Если же по отношению к чувственному и осязаемому нужна вера, то тем более по отношению к невидимому. "**Тогда сказали ему: где Он? Он отвечал: не знаю**" (9:12). Спрашивали: "**где Он**", уже замышляя против Него убийство. Но заметь: как далек Христос от желания суетной славы! Он не оставался вместе с исцеленными, потому что не хотел приобретать славы, ни увлекать народ, ни выказывать Себя. Заметь и то, как все согласно с истиною отвечает слепой. Иудеи хотели найти Христа, чтобы отвести Его к священникам; но так как не нашли Его, то ведут слепого к фарисеям для более строгого допроса. Потому-то и евангелист замечает, что была суббота, чтобы показать злой их умысел и причину, по которой они искали (Спасителя), то есть, они полагали, что нашли возможность оклеветать чудо – мнимым нарушением закона. И это видно из того, что они, лишь только увидели слепого, ничего другого не сказали ему, а только: "**как отверз твои очи**" (9:26)? И заметь, как говорят. Не сказали: как ты прозрел? – но: "**как отверз твои очи**"? – представляя ему случай оклеветать Его за такое дело. Но он отвечает им кратко, как людям, которые уже все слышали. Не упомянув ни об имени, ни о словах, сказанных ему: "**пойди, умойся**", он прямо говорит: "**брение положил Он на мои глаза, и я умылся, и вижу**" (9:15), – как будто они уже сильно оклеветали Его и сказали: смотри, что делает Иисус в субботу, – помазывает брением. Но ты обрати лучше внимание на то, как не смущается слепой. Когда его спрашивали соседи, и он отвечал, не подвергаясь никакой опасности, тогда не так много значило сказать истину. Но удивительно то, что и теперь, находясь в большом страхе, он не отказывается, не говорит ничего, несогласного с прежними словами. Что же фарисеи, или лучше, что вместе с ними и другие? Привели его, полагая, что он откажется, но услышали противное, – то, чего не желали, – и точнее узнали все дело. Так было с ними и при всех чудесах; но это мы яснее покажем впоследствии. Что же говорили фарисеи? "**Некоторые говорили**" (не все, а более дерзкие): "**не от Бога Этот Человек, потому что не хранит субботы. Другие говорили: как может человек грешный творить такие чудеса**" (9:16)? Видишь, что они привлекаемы были чудесами? Ведь они же прежде посылали затем, чтобы привести Его, а теперь, слушай, что говорят, – хотя и не все. Будучи начальниками, они впадали в неверие от честолюбия. Впрочем, и из начальников многие веровали в Него, только не выражали того открыто. Простой народ был пренебрегаем, так как он и не имел важного значения в их сонмище; но начальники, как люди более знаменитые, с большим трудом решались говорить откровенно. Одних удерживало властолюбие, других робость и боязнь перед толпой. Потому-то и говорил (Христос): "**как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу**" (Иоан.5:44)? О себе эти люди говорили, что они от Бога, несмотря на то, что домогались неправедного убийства, а о том, кто исцеляет слепых, говорят, что Он не может быть от Бога, потому что не соблюдает субботы. Другие на это возражали, что грешник не может творить таких знамений. Таким образом, первые злонамеренно умалчивали о чудном событии и выставляли на вид мнимое нарушение закона, так как не

говорили: исцеляет в субботу, но: "**не хранит субботы**". Но и последние, с своей стороны, отвечали слабо. Тогда как нужно было показать, что суббота не нарушается, они ссылаются только на знамения; и это естественно, потому что они еще считали Его человеком. В противном случае, они могли сказать в Его оправдание и то, что Он Господь субботы и сам установил ее. Но они не имели еще об Нем такого понятия. Впрочем, никто из них и не осмеливался прямо сказать то, что хотел; говорили нерешительно, но с сомнением, одни по недостатку смелости, другие по властолюбию. "**И была между ними распря**". Эта распря началась прежде в народе, а потом уже перешла и к начальникам. "**Одни говорили, что Он добр; а другие говорили: нет, но обольщает народ**" (Иоан.7:12). Видишь, что начальники неразумнее народа и разделились между собою уже после (народа)? Но и разделившись, они не выказали никакой твердости, видя настояния фарисеев. А если бы отделились совершенно, то скоро познали бы истину. Ведь и разделение может быть хорошо, почему и Христос говорил: "**не мир пришел Я принести**" на землю, "**но меч**" (Матф.10:34). Бывает и согласие худо, бывает и разногласие хорошо. Так, строившие башню были согласны между собою во вред себе, и они же опять, хотя и невольно, разделились к своему благу. И сообщники Корея не на добро согласились между собою, потому были разделены к добру. Иуда также был в согласии с иудеями не на добро. Значит и разногласие может быть хорошо, и согласие худо. Потому-то (Христос) говорит: "**если нога твоя соблазняет тебя, отсеки**" ее, "**если глаз твой соблазняет тебя, вырви его**" (Матф.18:8,9). Если же нужно отсекать член, который будучи соединен с нами, вредит нам, то не гораздо ли более должно удаляться от друзей, когда связь с ними ведет не к добру. Итак, не всегда хорошо согласие, как и не всегда худо несогласие.

3. Я говорю это для того, чтобы мы избегали людей злых и искали добрых. Если мы отсекаем сгнившие и неизлечимые члены, опасаясь, чтобы все тело не подверглось той же заразе, и делаем это не из пренебрежения к ним, а из желания предохранить прочие части тела, то тем более должно поступать так по отношению к людям, общество которых зловредно для нас. Если мы можем и их исправить, и сами не потерпеть вреда, то должны употребить на то все старание. Если же и они не исправятся, и мы получим вред, в таком случае необходимо их отвергнуть и бросить. От этого и они сами часто получают гораздо более пользы. Потому-то и Павел убеждал таким образом: "**извергните развращенного из среды вас**", и: "**дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело**" (1Кор.5:13,2). Пагубно, истинно пагубно обращение с злыми людьми. Не так скоро пристает зараза и короста губит подвергшихся этой болезни, как злые нравы людей порочных. "**Худые сообщества развращают добрые нравы**" (1Кор.15:33). И пророк также говорит: "**бегите из среды**" их и удалитесь (Иер.51:6). Пусть же никто не имеет порочного друга. Если мы отказываемся и от детей порочных, и не уважаем ни природы, ни ее законов, ни ее связей, то тем более должны убегать порочных друзей и знакомых. Пусть мы и не получим от них никакого вреда; но все же не в состоянии будем избежать худой молвы. Посторонние не всматриваются в нашу жизнь, но судят нас по нашему обществу. Заповедаю это и женам, и девам. Сказано ведь: "**пекитесь о добром**" не только пред Богом, но и "**перед человеками**" (Рим.12:17). Будем же всячески стараться, чтобы не соблазнить ближнего. Хотя бы жизнь наша была самая праведная, но если она служит соблазном для других, – теряет всю цену. Но как возможно, чтобы праведная жизнь соблазняла? (Это бывает) когда сообщество с другими людьми навлекает на нее худую молву. Когда мы, надеясь на себя, обращаемся с людьми порочными, то, если сами и не терпим вреда, соблазняем других. Говорю это и мужам, и женам, и девам, предоставляя их совести узнать в точности, сколько отсюда рождается зол. Пусть я не подозреваю ничего худого, а равно и никто другой из более совершенных; но простодушнейший брат терпит вред от твоего совершенства. А надобно обращать внимание и на его немощь. Но если и он не потерпит вреда, то потерпит язычник. А Павел заповедал: "**Не подавайте соблазна ни Иудеям, ни**

Еллинам, ни церкви Божией" (1Кор.10:32). Я не подозреваю ничего худого о деве, потому что люблю девство, а любовь не мыслит зла. Я крайне люблю такой образ жизни, и не могу подумать ничего дурного. Но чем мы убедим внешних? А надобно и о них иметь попечение. Будем же вести себя так, чтобы никто даже из неверных не мог найти повода справедливо упрекать нас. Как те, которые ведут жизнь праведную, прославляют Бога, так, напротив, живущие худо подают повод к хуле на Него. Но не дай Бог, чтобы между нами были такие, а да светятся дела наши так, чтобы прославлялся Отец наш, "**сущий на небесах**", и чтобы мы могли насладиться славою Его, которой и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 58

"Опять говорят слепому: ты что скажешь о Нем, потому что Он отверз тебе очи? Он сказал: это пророк. Тогда Иудеи не поверили" (Иоан.9:17-18)

1. Св. Писание должно читать не просто и не как-нибудь, но со всяким тщанием, чтобы не впадать в затруднения. Вот и в настоящем случае справедливо кто-либо может придти в недоумение, каким образом (иудеи), сказав: "**не от Бога Этот Человек, потому что не хранит субботы**" (Иоан.9:16), говорят слепому: "**ты что скажешь о Нем, потому что Он отверз тебе очи**"? Не сказали: ты что скажешь о Нем, нарушившем субботу; но вместо обвинения указывают теперь на то, что могло служить оправданием. Что же должно сказать? Это были не те, которые говорили: "**не от Бога Этот Человек**", но отделившиеся от них и говорившие: не "**может человек грешный творить такие чудеса**". Желая еще более заградить тем уста и чтобы не подать повода думать, что защищают Христа, они выводят на средину и спрашивают того, кто испытал на себе Его силу. Заметь же мудрость нищего: он отвечает разумнее всех их. И во-первых, говорит: "**это пророк**" (9:17). Не испугался суда развращенных иудеев, которые противоречили и говорили: как Он может быть от Бога, когда не соблюдает субботы; но сказал, что Он пророк. "**Тогда Иудеи не поверили, что он был слеп и прозрел, доколе не призвали родителей сего прозревшего**" (9:18). Смотри, сколько употребляют способов, чтобы затмить и уничтожить чудо. Но таково свойство истины, что от того, чем люди думают подорвать ее, она становится сильнее, и просиявает чрез то, чем хотят затмить. Если бы этого не было, – чудо могло бы, пожалуй, остаться в подозрении у многих; теперь же они действуют так, как будто старались открыть истину; и не иначе они стали бы поступать и в том случае, если бы всячески заботились о Христе. Между тем они старались унизить Его уже тем самым, что говорили: "**как отверз твои очи**" (9:26), то есть, не волшебством ли каким? И при другом случае, не имея ничего возразить, они старались оклеветать способ врачевания и говорили: "**Он изгоняет бесов не иначе, как [силою] веельзевула**" (Матф.12:24); и теперь опять, не зная, что сказать, обращаются к времени и говорят, что Он нарушает субботу и что Он грешник. Но ведь Он со всею строгостью спрашивал вас, своих завистников, всегда готовых порицать Его дела: "**Кто из вас обличит Меня в неправде**" (Иоан.8:46)? И никто не отвечал и не сказал: Ты богохульствуешь, называя Себя безгрешным. А если бы они могли что сказать, – никак не умолчали бы. В самом деле, люди, которые бросали в Него камнями и сказали, что Он не от Бога, года услышали, что Он был прежде Авраама, люди, которые, будучи сами человекоубийцами, хвалились, что они от Бога, а о Том, Кто совершает такие знамения, – когда Он исцелил в субботу, – говорили, что Он не от Бога, потому что не хранит субботы, – эти люди, если бы имели против Него хотя тень обвинения, не преминули бы воспользоваться и тем. Если же теперь и называют Его грешником за то, что Он, по-видимому, нарушил субботу, то и это обвинение оказалось напрасным, так как сами же товарищи их признали его неосновательным и ничтожным. Встречая, таким образом, отовсюду препятствия, они

обращаются к новому средству, еще более бесстыдному и наглому. К какому же именно? "**Не поверили**", говорит (евангелист), "**что он был слеп и прозрел**". Как же обвиняли Его в том, что не соблюдает субботы? Не очевидно ли, что веровали? И как вы не верите многочисленному народу, – соседям, видевшим его? Но, как я сказал, ложь всегда изобличает сама себя тем, чем думает повредить истине, а истину обнаруживает яснее. Это же случилось и теперь. Чтобы не сказал кто-нибудь, что соседи и видевшие его не сказали ничего решительного, но говорили о подобном лице, вот они выставляют на средину родителей, и чрез то невольно подтверждают действительность события, – потому что родители лучше всех знали своего сына. Не будучи в состоянии устрашить слепого и видя, что он с полным дерзновением проповедует о Благодетеле, они надеялись повредить чуду через родителей. И заметь их злостный вопрос. Что они говорят? Поставив их на средину с тем, чтобы привести в замешательство, они с великим жаром и гневом спрашивают: "**это ли сын ваш**" (9:19)? И не сказали: который был прежде слепым, но как? "**О котором вы говорите, что родился слепым**", – как будто они злонамеренно выдумали это из приверженности к Христу. О, беззаконные и пребеззаконные! Какой отец решится солгать так о своем сыне; А они почти так говорят: которого вы выдали за слепого, и не только (выдали), о и повсюду распустили о том слух: "**как же он теперь видит**"? Какое безумие! Это ваша, говорят, хитрость и уловка. Таким образом, сказав: "**о котором вы говорите**", и: "**как же он теперь видит**", теми и другими словами стараются расположить их к тому, чтобы они отреклись.

2. Из трех предположенных вопросов: сын ли он их, был ли слеп, и как прозрел, родители отвечают только на два, а на третий не отвечают. Но и это послужило к утверждению истины, что на него отвечал не кто другой, а сам исцеленный, который в этом случае и есть достоверный свидетель. И возможно ли после того допустить, чтобы родители благоприятствовали, когда они из опасения иудеев умолчали нечто и из того, что знали? Что же они говорят? "**Мы знаем, что это сын наш и что он родился слепым, а как теперь видит, или кто отверз ему очи, мы не знаем. Сам в совершенных летах; пусть сам о себе скажет**" (9:20,21). Так они отстранили себя, представив его достойным веры. Он не дитя. Говорят, не малолетний, но может сам о себе свидетельствовать. "**Так отвечали родители его, потому что боялись Иудеев**" (9:22). Заметь, как и здесь евангелист выставляет на вид их мысли и намерения. Говорю это по поводу того замечания, которое они сделали прежде, сказав: делает "**Себя равным Богу**" (Иоан.5:18). Если бы и это было мнение только иудеев, а не учение Христово, то евангелист прибавил бы и сказал, что таково было мнение иудейское. Итак, когда родители отослали их к самому исцеленному, они снова позвали его – во второй раз. Тут не говорят ему прямо и бесстыдно: откажись от того, что Христос исцелил тебя, но хотят устроить это под видом благочестия. "**Воздай**", говорят, "**славу Богу**" (9:24). Сказать родителям: скажите, что это не сын ваш и что он не родился слеп, – казалось крайне смешным; а сказать тоже ему самому – было бы явным бесстыдством. Потому и не говорят этого, но избирают другой путь: "**воздай**", говорят, "**славу Богу**", то есть, сознайся, что Он ничего не сделал. "**Мы знаем, что Человек Тот грешник**". Зачем же вы не обличили Его, когда Он говорил: "**кто из вас обличит Меня в неправде**"? И откуда вы знаете, что Он грешен? Слепой ничего не отвечал на эти слова их: "**воздай славу Богу**", и Христос, встретившись с ним, похвалил его, а не осудил; не сказал: зачем ты не воздал славы Богу? – а что? "**Веруешь ли в Сына Божия**" (9:35)? чтобы ты знал, что это и значит воздавать славу Богу.

Если бы Он не был равночестен Отцу, то это не было бы славою; но так как, кто чтит Сына, чтит и Отца, то (Христос) по справедливости не порицает слепого. Итак, пока ожидали, что родители примут их сторону и отрекутся, ничего не говорили ему самому; но когда увидели, что с этой стороны им нечего более надеяться, то снова обращаются к нему и говорят: "**Человек Тот грешник. Он сказал им в ответ: грешник ли Он, не**

знаю; одно знаю, что я был слеп, а теперь вижу" (9:24-25). Не испугался ли слепой? Нимало. Как же, сказав прежде, "**это пророк**", теперь говорит: "**грешник ли Он, не знаю**". Говорит не от страха и не потому, чтобы так думал, но чтобы свидетельством самого дела, а не своими словами оправдать от обвинений, и чтобы сделать это оправдание несомненным, так как благоприятное свидетельство посрамляло их. Уже после многих слов сказал он, что, если бы этот человек не был чтителем Бога, то не мог бы творить таких знамений; и тут они так вознегодовали на него, что сказали: "**во грехах ты весь родился, и ты ли нас учишь**" (9:34)? Чего же бы не сделали они и чего бы не сказали, если бы он сказал это вначале? "**Грешник ли Он, не знаю**". Как бы так говорил он: об этом теперь ничего не говорю, и не даю пока моего мнения; но то хорошо знаю, и готов утверждать, что, будучи грешником, Он не мог бы творить таких дел. Этим он устранил от себя всякое подозрение и свое свидетельство сделал безпристрастным, потому что не говорил, как человек расположенный, но свидетельствовался самым делом. Не успевши, таким образом, отвергнуть и уничтожить события, они снова обращаются к прежнему, разбирают способ исцеления, подобно людям, которые, отыскивая повсюду зверя, в безопасном месте лежащего, бегают то туда, то сюда. Возвращаются к прежним словам, но опять для того, чтобы чрез частые вопросы выказать всю их ничтожность. "**Что**", говорят, "**сделал Он с тобою? как отверз твои очи**" (9:26)? Что же слепой? Победив их и низложив, он уже говорит теперь не униженно. Пока дело требовало исследования и разбирательства, он, представляя доказательства, говорил с покорностью; а когда уловил их и одержал блистательную победу, он уже смело нападает на них. Что же он говорит? "**Я уже сказал вам, и вы не слушали; что еще хотите слышать**" (9:27)? Замечаешь ли смелость нищего пред книжниками и фарисеями? Так могущественна истина и так бессильна ложь! Первая, когда бывает и у простых людей, делает их славными; последняя же, хотя бы была на стороне сильных, являет их слабыми. Слова нищего значат: вы не внимаете моим словам; поэтому я не стану больше говорить, не буду отвечать на ваши частые и пустые вопросы, потому что вы спрашиваете не для того, чтобы узнать, но чтобы надругаться над моими словами. "**Или и вы хотите сделаться Его учениками**"? Здесь уже включает себя самого в число учеников: выражение: "**или и вы**" показывает, что он уже ученик. А вместе с тем сильно осмеивает и уязвляет иудеев.

3. Действительно, он знал, что это сильно уязвляло их; а потому и сказал, желая как можно более укорить, чем выказал душу дерзновенную, возвышенную и презирающую их бешенство, – показал высокое достоинство Того, за Кого так смело говорил, и объявил, что они оскорбляли человека, который достоин удивления. Сам же он не оскорблялся, но считал за честь для себя то, что ему ставили в укоризну. "**Ты**", говорят, "**ученик Его, а мы Моисеевы ученики**" (9:28). Но это неправда. Вы не ученики ни Моисея, ни Его. Если бы вы были учениками Моисея, то были бы учениками и Его. Поэтому-то и выше Христос говорил им: "**если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал о Мне**" (Иоан.5:46), – так как они постоянно прибегали к этим словам. "**Мы знаем, что с Моисеем говорил Бог**" (9:29). Кто сказал, кто сообщил вам об этом? Наши предки, скажете. Так ужели не более ваших предков заслуживает веры Тот, Кто доказывает знамениями, что Он пришел от Бога и возвещает горнее (учение)? И не сказали они: мы слышали, что Моисею глаголал Бог, но: "**мы знаем**". О чем вы слышали, иудеи, то утверждаете, как люди знающие; ужели же то, что сами видели, считаете менее достоверным, чем то, о чем слышали? Ведь того вы не видели, а только слышали; а это не слышали, но сами видели. Что же слепой? "**Это и удивительно, что вы не знаете, откуда Он**" (9:30), и такие знамения творит. Удивительно, что Он, будучи человеком не из числа известных между вами, не из числа знаменитых и славных, творит такие дела; из этого совершенно очевидно, что Он Бог, не имеющий нужды ни в какой человеческой помощи. "**Но мы знаем, что грешников Бог не слушает**" (9:31). Так как они прежде сказали: "**как может человек грешный творить такие чудеса**" (9:16), то он теперь и обращается к их

суду, припоминая им их собственные слова. Это мнение, говорит, одинаково у меня с вами; так оставайтесь же при нем. И заметь его благоразумие. Везде выставляет на вид знамение, так как они не могли отвергнуть его, и от него делает заключения. Видишь ли, что и вначале, когда говорил он: "**грешник ли Он, не знаю**", говорил не потому, чтобы сомневался? Нет, он совершенно знал, что не грешник; и потому-то теперь, когда настало благоприятное время, смотри, как оправдал Его. "**Но мы знаем, что грешников Бог не слушает; но кто чтит Бога и творит волю Его**" (9:31). Здесь не только представил Его свободным от грехов, но и показал, что Он весьма угоден Богу и исполняет все Его повеления. Так как и иудеи называли себя чтителями Бога, то Он прибавил: "**и творит волю Его**". Недостаточно, говорит, знать Бога, но надобно и волю Его творить. Затем превозносит событие, говоря: "**от века не слыхано, чтобы кто отверз очи слепорожденному**" (9:32). Итак, если вы признаете, что грешников Бог не слушает, а Он сотворил чудо, и такое чудо, какого не совершал ни один человек, то очевидно, что Он всех превзошел силою и могущество Его больше, чем человеческое. Что же иудеи? "**Во грехах ты весь родился, и ты ли нас учишь**" (9:34)? Пока надеялись, что он отречется, считали его достойным веры, и потому призвали раз и другой. А если не считали его достойным веры, – то зачем, мы могли бы сказать им, вы и призывали и спрашивали его в другой раз? Когда же, не смутившись ничем, он сказал истину, и когда особенно следовало почтить его, тогда осуждают. Что же значат слова: "**во грехах ты весь родился**"? Здесь беспощадно укоряют его в самой слепоте и как бы так говорят: с первого возраста ты во грехах, давая разуметь тем, что оттого он и родился слепым; но это несправедливо. Потому Христос, утешая его в этом, говорил: "**на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы**" (9:39). "**Во грехах ты весь родился, и ты ли нас учишь**"? Что же сказал этот человек? Разве свое высказал он мнение? Не общее ли выставил решение, сказав: "**мы знаем, что грешников Бог не слушает**"? Не ваши ли собственные слова привел он? "**И выгнали его вон**". Видишь ли проповедника истины, как бедность не была препятствием любомудрию? Видишь, чего не выслушал и чего не вытерпел он с самого начала, и как свидетельствовал и словом и делом?

4. Но об этом написано для того, чтобы и мы были подражателями. В самом деле, если нищий, слепой, не видевший даже Христа, и прежде чем удостоился от Него ободрения, тотчас показал такое дерзновение, что стал против целого народа, беснующегося, дышащего убийством и бешенством и желавшего с его слов осудить Христа, и не уступил, и не отказался от своих слов, но с полным дерзновением заградил им уста и предпочел лучше быть изверженным вон, чем изменить истине, то – не тем ли более мы, жившие столько времени в вере, видевшие бесчисленные чудеса, совершенные чрез веру, облагодетельствованные больше его, прозревшие внутренними очами, созерцавшие неизреченные таинства и призванные к столь великой чести, – не тем ли более мы должны показывать всякое дерзновение за Христа против тех, которые стараются клеветать и говорить что-либо на христиан, (не должны ли таким людям) заграждать уста, а не соглашаться с ними безрассудно?

А это мы в состоянии будем сделать тогда, когда и дерзновение будем иметь, и станем внимать Писаниям, а не слушать их как-нибудь. И кто будет постоянно приходить сюда, тому, хотя бы он не читал дома, а внимал только тому, что здесь говорится, достаточно и одного года, чтобы приобрести великую опытность. Мы не читаем сегодня одно Писание, а завтра другое, но всегда и постоянно одно и тоже. И при всем том, есть многие до того жалкие, что, несмотря на такое чтение, не знают даже названий книг. И не стыдятся, и не трепещут, что так небрежно посещают божественное училище. Если игрок на цитре, танцор, или другой кто из принадлежащих к театру позовет город, все бегут с поспешностью, благодарят его за приглашение и тратят целую половину дня, внимая ему

одному. А когда Бог беседует с нами чрез пророков и апостолов, мы зеваем, чешемся, скучаем. Летом нам кажется слишком знойно, и мы отправляемся на площадь; зимою опять помехою дождь и грязь, и мы сидим дома. На ристалищах, где нет кровли, защищающей от дождя, под проливным дожем и при ветре, бросающем воду в лицо, стоят многочисленные зрители, беснуясь и не обращая внимания ни на холод, ни на дождь, ни на грязь, ни на дальность пути: ничто их не удерживает дома, ничто не препятствует явиться туда. А сюда, где есть и кровля и приятная теплота, не приходят и не собираются, несмотря на то, что это нужно для блага их собственной души. Скажи мне: можно ли это снести? Потому-то, будучи опытнее всех в тех вещах, мы в необходимом знаем меньше детей. Если кто назовет тебя возницей и танцором, ты считаешь себя обиженным и всячески стараешься отклонить от себя эту укоризну; а если повлечет тебя на подобные зрелища, ты не отказываешься, и почти вполне изучаешь то самое искусство, имени которого избегаешь. Но здесь, где ты должен и знать дело и носить имя, и быть и называться христианином, ты не знаешь даже, что это за дело. Что может быть хуже такого безумия? Я хотел бы постоянно говорить вам об этом; но боюсь, чтобы напрасно и без пользы не сделаться для вас ненавистным. Вижу, что безумствуют не только юноши, но и старики, за которых особенно стыжусь, когда вижу, как человек, почтенный сединою, срамит свою седину и увлекает с собою дитя. Что может быть смешнее и постыднее этого? Сын учится у отца постыдным делам!

5. Вас огорчают эти слова? Того я и хочу, чтобы неприятными речами удержать вас от постыдных дел. А есть и такие, которые гораздо более бесчувственны, которые не только не стыдятся того, что мы говорим, но сплетают еще длинные рассуждения в защиту такого рода дел. Если спросить их: кто такой Амос, или Авдий, или сколько числом пророков или апостолов, не смогут и рта раскрыть, а в защиту коней и возниц представят рассуждение лучше софистов и риторов. И после всего этого еще говорят: какой отсюда вред? Какая потеря? Потому-то я и воздыхаю, что вы не сознаете даже вреда и не чувствуете зла. Бог дал тебе определенное время жизни, чтобы ты служил Ему; а ты попусту, напрасно и без всякой пользы тратишь его, и еще спрашиваешь: какая потеря? Когда ты истратишь напрасно хоть несколько денег, называешь это потерей; а тратя целые дни своей жизни на сатанинские зрелища, полагаешь, что ничего не делаешь предосудительного? Тебе следовало бы всю жизнь проводить в молитвах и молениях, а ты тратишь свою жизнь на крики, шум, сквернословие, ссоры, безвременные увеселения и дела фокуснические, – тратишь напрасно и на свою погибель, и после всего этого спрашиваешь: какая потеря? Или не знаешь, что всего более следует беречь время? Если истратишь золото, можешь снова приобрести его; если же погубишь время, трудно воротить его, потому что не много дано его нам на настоящую жизнь. Итак, если не употребим его на что должно, что скажем, явившись туда? Скажи мне: если бы ты приказал которому-нибудь из твоих сыновей выучиться какому-нибудь искусству, а он всегда оставался бы дома, или проводил время где-либо в другом месте, не отказался ли бы от него учитель? Не сказал ли бы тебе: ты заключил со мною условие и назначил срок. Но если сын твой будет находиться это время не у меня, а где-либо в другом месте, то как представлю его тебе обученным? Это же необходимо должны сказать и мы. Да и Бог скажет нам: Я дал время для того, чтобы вы научились искусству благочестия; зачем же истратили это время даром и попусту? Зачем не ходили постоянно к учителю и не внимали словам его? А что действительно благочестие есть искусство, послушай, что говорит пророк: "**придите, дети, послушайте меня: страху Господню научу вас**" (Пс.33:12). И в другом месте: "**блажен человек, которого вразумляешь Ты, Господи, и наставляешь законом Твоим**" (Пс.93:12). Итак, когда напрасно истратишь время, какое будешь иметь оправдание? Зачем же, говоришь, мало дано нам времени? Какая бесчувственность и неблагодарность! За что особенно следовало бы благодарить Господа, что Он сократил твои труды и уменьшил подвиги, и приготовил тебе продолжительное и

бессмертное успокоение, за то ты обвиняешь Его и тем недоволен. Но я не знаю, как перешло сюда мое слово и сделалось продолжительным? Поэтому и необходимо окончить его. И в том ведь наше несчастье, что здесь, если продолжится слово и, мы все скучаем, а там начинают с половины дня и расходятся при лампадах и светильниках. Но чтобы не всегда осуждать вас, мы просим и молим: окажите эту милость и нам и себе, – оставив все прочее, посвятите себя этому (изучению благочестия). Таким образом, и мы приобретем чрез вас радость и веселье, заслужим похвалу за вас и получим воздаяние. Всю же награду восприимете вы за то, что, будучи до сих пор с таким безумием преданы зрелищам, по страху Божию и вследствие наших убеждений, свергнули с себя эту болезнь, разорвали узы и прибегли к Богу. И не там только получите награду, но и здесь будете иметь чистейшее наслаждение. Такова добродетель: кроме венцом там, она и здесь уготовляет нам жизнь приятную. Будем же исполнять сказанное, чтобы достигнуть и здешних и тамошних благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 59

"И выгнали его вон. Иисус, услышав, что выгнали его вон, и найдя его, сказал ему: ты веруешь ли в Сына Божия? Он отвечал и сказал: а кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него" и проч. (Иоан.9:34-36)

1. Те, которые за истину и исповедание Христа подвергаются каким-либо бедствиям и терпят поношение, удостаиваются за это и особенных почестей. Как тот особенно приобретает имущество, кто тратит его ради Бога, и тот особенно любит душу свою, кто ее ненавидит, так, равным образом, тот особенно удостаивается почестей, кто подвергается оскорблениям. Так было и со слепым. Изгнали его иудеи из храма, но обрел его Владыка храма; он удален был от заразительного сонмища, и очутился у спасительного источника; был обесчещен обесчестившими Христа, и почтен Владыкою ангелов. Вот каковы награды за истину! Так и мы, если здесь раздадим имущество, обретем там дерзновение; если здесь дадим пособие страждущим, получим успокоение на небесах; если потерпим поношение ради Бога, удостоимся почестей и здесь и там. Когда изгнали слепого из храма, его нашел Иисус. Евангелист показывает, что (Христос) для того и шел, чтобы встретиться с ним. И смотри, чем награждает его: первым из благ. Открывает Себя слепому, который прежде не знал Его, и включает его в число своих учеников. Но ты заметь, с какою подробностью повествует евангелист. Когда Христос спросил: "**ты веруешь ли в Сына Божия**", – (слепой) отвечает: "**а кто Он**"? Он еще не знал Его, хотя и получил от Него исцеление; прежде чем приступил к Благодетелю, был слеп а после исцеления влачим был теми псами. Итак, (Христос), как некий подвигоположник, принимает его, как подвижника, много потрудившегося и увенчанного. И что говорит? "**Веруешь ли в Сына Божия?**"? Что это значит? После такого состязания с иудеями, после стольких слов (слепого), спрашивает: "**веруешь ли**"? (Спрашивает) не по неведению, но желая открыть Себя и показать, что высоко ценит его веру. Столько людей, говорит, поносили Меня, но Я не обращаю на них никакого внимания; об одном у Меня забота, чтобы веровал ты. Лучше один, творящий волю Господню, чем тысячи беззаконных. "**Ты веруешь ли в Сына Божия**"? Спрашивает так, давая разуметь, что Он находится здесь и слышит ответ, и уже наперед возбуждает в нем любовь к Себе. Не сказал вдруг: веруй, но предложил вопрос. Что же слепой? "**А кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него**"? Глас души любящей и усиленно ищущей! Не знает Того, кого столько защищал, – чтобы ты познал отсюда его любовь к истине. Он еще не видел Его. "**Иисус сказал ему: и видел ты Его, и Он говорит с тобою**" (9:37). Не сказал: это – Я, но скромно и смиренно: "**и видел ты Его**". А как это еще было не ясно, то и прибавил яснее: "**Он говорит с тобою. Он же сказал: верую, Господи! И поклонился Ему**" тотчас. Не

сказал: Я – тот, кто исцелил тебя, кто сказал тебе: иди, умойся в Силоаме; но, умолчавши обо всем этом, говорит: "**веруешь ли в Сына Божия**"? Тем не менее слепой, в знак великого расположения, тотчас поклонился, что сделали немногие из исцеленных, как-то: прокаженные и некоторые другие. Этим он исповедал Его божественную силу: чтобы не подумали, что сказанное им только слова, он присоединил и дело. После того, как он поклонился, Христос сказал: "**на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы**" (9:39). Тоже говорит и Павел: "**Что же скажем? Язычники, не искавшие праведности, получили праведность, праведность от веры. А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности**" (Рим.9:31). Сказавши: "**на суд пришел Я в мир сей**", и слепого еще более утвердил в вере, и возбудил внимание в следовавших за Ним; а за Ним шли фарисеи. Выражение же: "**на суд**" значит: для большего наказания. Этим (Христос) показывает, что осудившие Его сами осуждены и что обвинившие Его, как грешника, сами обвинены. Здесь говорит Он о двух родах прозрения и слепоты: чувственном и духовном. На это Ему отвечают некоторые из следовавших за Ним: "**неужели и мы слепы**" (9:40)? Как в другом месте говорили: "**мы не были рабами никому никогда**" (Иоан.8:33), и: "**мы не от любодеяния рождены**" (8:41), так и здесь смотрят только на чувственное и стыдятся этой слепоты. Поэтому, показывая, что лучше бы им быть слепыми, чем иметь зрение, (Христос) говорит: "**если бы вы были слепы, то не имели бы [на] [себе] греха**" (9:41). Так как они это несчастье считали за стыд, то Он и обратил это на их голову, сказав, что слепота облегчила бы для вас наказание. Так повсюду Он разрушает человеческие помышления и возводит к великому и чудному разумению! "**Но как вы говорите, что видите**". Как прежде говорил: "**Отец Мой, о Котором вы говорите, что Он Бог ваш**" (Иоан.8:54), так и теперь: "**но как вы говорите, что видите**", – потому что в самом деле вы не видите. Таким образом, что они считали для себя великою похвалою, то Он выставляет здесь, как повод к их наказанию, а вместе с тем утешает и слепорожденного в прежней слепоте. Потом рассуждает об их слепоте. Так как они могли сказать, что не по слепоте нашей не приходим к Тебе, но убегаем и отвращаемся Тебя, как обманщика, то против этого Он и направляет все Свое слово.

2. И не просто заметил евангелист, что это слышали бывшие со Христом фарисеи и сказали: "**неужели и мы слепы?**" – но чтобы напомнить тебе, что это были те самые, которые прежде отстали от Него и потом бросали в Него камни. Некоторые, действительно, без твердой веры следовали за Ним, и потому легко переходили на сторону противников. Как же Он доказывает, что Он не обманщик, но Пастырь? Представляет признаки того и другого, как пастыря, так и обманщика-губителя, и через то дает им возможность открыть истину. И во-первых, показывает, кто обманщик и тать, заимствуя это название из Писания и говоря: "**истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник**" (Иоан.10:1). Заметь признаки разбойника: во-первых, он входит не явным образом; во-вторых, не по Писаниям, что и значит: не дверьми. Здесь Христос указывает и на тех, которые были прежде Него, и на тех, которые явятся после Него: на антихриста и лжехристов – Иуду и Февду и других им подобных. И справедливо назвал Писание дверьми. Оно приводит нас к Богу и отверзает путь богопознания; оно производит овец, оно охраняет и не позволяет привходить волкам. Подобно какой-либо надежной двери, оно заграждает вход еретикам, поставляет нас в безопасности от всего и не позволяет впасть в заблуждение. И если мы сами не откроем этой двери, то будем недоступны врагам. По ней мы распознаем всех, – как пастырей, так и не пастырей. Что значит: "**во двор**"? Значит – к овцам и к попечению об них. Кто не пользуется Писанием, но перелазит "**инде**", то есть не идет установленным путем, но пролагает себе иной путь, тот есть тать. Видишь и отсюда, что Он согласен с Отцом, потому что выставляет на вид Писание? Поэтому Он и иудеям говорил: "**исследуйте Писания**" (Иоан.5:39), и Моисея приводил и называл свидетелем, равно как

и всех пророков. Все, говорил Он, послушавшие пророков, "**приходят ко Мне**" (Иоан.6:45), и: "**если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне**" (5:46). И здесь Он высказал тоже самое, только иносказательно. А словами: "**кто перелазит инде**" Он указывал и на книжников, – потому что они учили заповедям и преданиям человеческим, а закон нарушали, в чем Он и укорял их, говоря: "**никто из вас не поступает по закону**" (7:19). И хорошо сказал: "**кто перелазит**", а не *кто входит*, – потому что так обыкновенно поступает вор, желающий проникнуть за ограду, и делающий все с опасностью. Видишь ли, как Он изобразил разбойника? Заметь и признаки пастыря. Какие же они? "**Входящий дверью есть пастырь овцам. Ему придверник отворяет, и овцы слушаются голоса его, и он зовет своих овец по имени**", и когда изгонит их, "**идет перед ними**" (Иоан.10:2-4). Так указал признаки и пастыря и разбойника. Посмотрим теперь, как Он приложил к ним последующее. "**Ему**", говорит, "**придверник отворяет**". Продолжает говорить иносказательно для большей выразительности. Если же хочешь разбирать в притче и каждое слово, то ничто не препятствует разуметь здесь под дверником Моисея, потому что ему вверены были слова Божии. "**И овцы слушаются голоса его, и он зовет своих овец по имени**". Так как (иудеи) часто называли Его обманщиком и доказывали это своим собственным неверием, говоря: "**уверовал ли в Него кто из начальников**" (7:48)? – то Он показывает, что, по причине их неверия, не Его должно называть губителем и обманщиком, но их, так как они не внимают Ему, и потому естественно исключены из числа овец. Если пастырю свойственно входить законною дверью, а Он вошел этой самой дверью, то все последовавшие за Ним могут быть овцами, а те, которые отступили от Него, не пастыря унижают, но самих себя отлучают от стада овец. А что Он впоследствии Себя самого называет дверью, то этим опять не должно смущаться. Он называет Себя и пастырем и овцою, указывая на различные стороны Своего служения. Когда приводит нас ко Отцу, – называет Себя дверью; а когда выражает Свое попечение об нас, – пастырем. Чтобы ты не подумал, что дело Его только в том, чтобы приводить (к Отцу), – Он называет Себя и пастырем. "**И овцы слушаются голоса его, и он зовет своих овец по имени и выводит их, и**" сам "**идет перед ними**" (10:3,4). Пастыри обыкновенно поступают иначе, – ходят сзади овец; но Он, показывая, что всех приведет к истине, поступает не так, как они. Точно также, и посылая овец, Он посылал их не в сторону от волков, но в средину волков. Это пастырство гораздо удивительнее, чем то, какое бывает у нас.

3. А мне кажется, что здесь есть указание и на слепого, потому что и его призвал и извел из среды иудеев, и он услышал и узнал Его голос. "**За чужим же не идут, потому что не знают чужого голоса**" (10:5). Говорит здесь или о Февде и Иуде, так как все, не верившие им, как говорит (Писание), "**рассыпались**" (Деян.5:36,37), или о лжехристах, которые будут прельщать впоследствии. А чтобы не сказали, что и Он из числа их, – отличает Себя от них многими признаками. И первым отличием поставляет учение, основанное на Писании. Он приводил к Себе людей посредством Писания, а они привлекали не так. Вторым – послушание овец: Ему не только при жизни, но и по смерти все веровали, а тех тотчас оставили. К этому можно присовокупить и третье немаловажное (отличие). Те все делали, как тираны, и с целью возмущения; а Он так далек был от подобных намерений, что, когда даже хотели Его сделать царем, удалился, и когда спрашивали, должно ли давать кинсон кесарю, приказал давать и сам заплатил дидрахму. Кроме того, Он пришел для спасения овец, "**чтобы имели жизнь**", говорит, "**и имели с избытком**" (Иоан.10:10); а те лишили их и настоящей жизни. Те предали поверивших им и бежали; а Он так твердо стоял, что положил и душу Свою. Те пострадали против воли, по необходимости, не успев убежать; а Он все претерпел добровольно и по собственному желанию. "**Сию притчу сказал им Иисус; но они не поняли, что такое Он говорил им**" (10:6). Для чего же Он говорил им неясно? Для того, чтобы сделать их более внимательными. Потому, достигнув Своей цели, оставляет уже неясный образ речи и говорит таким образом: "**Я есмь дверь:**

кто войдет Мною, тот и войдет, и выйдет, и пажить найдет" (10:9), – то есть будет пользоваться безопасностью и свободой. Под пажитью же разумеет здесь пищу и корм овец, также власть и господство, то есть: пребудет на ней и никто не изгонит его. Так и было с апостолами, которые свободно входили и исходили, как бы владели всей вселенной, и никто не мог изгнать их. "**Все, сколько их ни приходило, суть воры и разбойники; но овцы не послушали их**" (10:8). Говорит здесь не о пророках, как утверждают еретики, потому что их послушали и чрез них уверовали все, кто только уверовал во Христа; но говорит о Февде и Иуде и других возмутителях. Притом же слова: "**овцы не послушали**" сказаны в похвалу (овцам). Но нигде не видно, что Он хвалил тех, которые не слушали пророков, а везде, напротив, сильно обличает и осуждает их. Отсюда ясно, что это выражение: "**не послушали**", относится к тем возмутителям. "**Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить**" (10:10). Так и было тогда, потому что все были умерщвлены и погибли. "**Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком**" (10:10). Что же, скажи мне, больше жизни? Царство небесное. Но Он еще не называет его, а употребляет известное им название жизни. "**Я есмь пастырь добрый**" (10:11). Здесь говорит уже о страданиях и показывает, что подъемлет их для спасения мира и подвергается им не по неволе. Затем снова указывает признаки пастыря и наемника. "**Пастырь полагает жизнь свою. А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка, и оставляет овец, и бежит; и волк**" приходит и "**расхищает их**" (Иоан.10:11,12). Здесь Он представляет Себя таки же Владыкою, как и Отец, потому что Он сам Пастырь и у него есть Свои овцы. Видишь ли, как в притчах Он говорит возвышеннее, как здесь речь прикровенна, и не подает слушателям явного повода (к падению). Что же делает наемник? "**Видит приходящего волка, и оставляет овец; и волк**" приходит и "**расхищает их**". Так поступили те, но Он – напротив. Даже в то время, как был схвачен, Он говорил: "**оставьте их, пусть идут, да сбудется слово**", что никто из них не погиб (Иоан.18:8,9). Но можно здесь разуметь и волка мысленного, – потому что и ему Он не попустил расхищать овец. Но это не только волк, а и лев: "**противник ваш диавол**", говорит Писание, "**ходит, как рыкающий лев**" (1Пет.5:8). Это змей и дракон: наступайте "**на змей и скорпионов**" (Лук.10:19).

4. Потому умоляю, будем всегда оставаться под руководством Пастыря. А мы останемся, когда будем слушать гласа Его, – когда будем послушны Ему, – когда не будем следовать за чужим. Какой же глас Его? "**Блаженны нищие духом. Блаженны чистые сердцем. Блаженны милостивые**" (Матф.5:3,7,8). Если будем исполнять это, – останемся под руководством Пастыря, и волк не в состоянии будет проникнуть к нам; а если и войдет, то сделает это на свою погибель. Мы имеем Пастыря, который столько любит нас, что положил за нас и душу Свою. Если же Он и могущ, и любит нас, то что может воспрепятствовать нам спастись? Ничто, если только мы сами не отступим от Него. А как мы можем отступить? Послушай, что говорит Он: "**никто не может служить двум господам, Богу и маммоне**" (Матф.6:24). Итак, если мы будет работать мамоне, то не будем уже оставаться под владычеством Божиим. Пристрастие к богатству хуже всякого тиранства: удовольствия не доставляет никакого, а порождает заботы, зависть, коварство, ненависть, наговоры и бесчисленные препятствия к добродетели, – беспечность, распутство, любостяжание, пьянство. А это и свободных делает рабами, и даже хуже рабов, рабами не людей, но ужаснейшей из страстей и болезней души. Такой человек решается на многое, что противно и Богу и людям, из опасения, чтобы кто не исторг его из-под этого владычества. Горькое рабство, диавольское владычество! В особенности пагубно то, что, находясь в столь несчастном положении, мы веселы духом, лобызаем свои оковы и, обитая в темнице, исполненной мрака, не желаем выйти на свет, но привязываемся к злу, и услаждаемся болезнью. Потому-то не можем и освободиться и находимся в худшем состоянии, чем те, которые работают в рудниках, потому что подвергаемся трудам и бедствиям, но не пользуемся плодами. Хуже же всего то, что, если

бы кто и захотел избавить нас от этого тяжкого плена, мы не только не позволяем, но еще гневаемся и негодуем, и таки образом являемся ничем не лучше безумных, и даже гораздо несчастнее всех их, – потому что не хотим и расстаться со своим безумием. Ужели для того явился ты на этот свет, человек? Ужели для этого родился человеком, чтобы только разрабатывать рудники и собирать золото? Не для этого создал тебя (Господь) по образу Своему, но чтобы ты угождал Ему. Чтобы достиг будущих благ и ликовал с ангелами. Зачем же ты лишаешь себя такого сообщества и нисходишь до последней степени бесславия и унижения? Твой брат по рождению – разумею рождение духовное – погибает от голода, а ты изнемогаешь от пресыщения. Брат ходит с обнаженным телом, а ты и для одежд устрояешь одежды, чтобы охранить их от червей чрез такие покровы. А не гораздо ли лучше было бы прикрыть ими тела бедных? Тогда и одежды остались бы целыми, и ты был бы свободен от всякой заботы, и это приобрело бы тебе будущую жизнь. Если не хочешь, чтобы одежды твои съедены были молью, отдай их бедным: они умеют хорошо вытряхивать эти одежды. Притом тело Христово и почетнее и безопаснее шкафа. Оно не только сберегает одежды, не только сохраняет невредимыми, но и делает их блистательнее. Шкаф часто похищают вместе с платьем, и чрез то подвергают тебя крайнему убытку. Но этому хранилищу не может повредить самая смерть. Тут не нужно нам ни дверей, ни запоров, ни бодрствующих слуг, ни других каких подобных предосторожностей. Оно не доступно ни для какой злонамеренности, и что сохраняется в нем, так же безопасно, как если бы было на небесах; туда не может проникнуть никакое зло. Мы никогда не перестаем говорить об этом, но вы не слушаетесь наших слов. А это оттого, что душа наша бедна, привязана к земле и пресмыкается долу. Впрочем, не подумайте, что я осуждаю всех вас в этом зле, как будто бы все вы были больны неисцельно. Если люди, упоенные богатством, заграждают свой слух для моих слов, за то обратят на них внимание живущие в бедности. Но как, скажешь, идет это к бедным? Ведь у них нет ни золота, ни многих одежд? Но у них есть хлеб и холодная вода; есть две лепты и ноги, чтобы посетить больных; есть язык и слово, чтобы принять странника. Мы и не требуем от бедных столько-то и столько-то талантов золота, – этого (требуем) только от богатых. Если же кто беден, и придет к дверям других (бедняков), от того Господь наш не постыдится принять и лепту, и даже скажет, что принял от него больше, чем от людей, которые подали много. Как многие из предстоящих здесь желали бы жить в то время, когда Христос во плоти пребывал на земле, чтобы быть под одним с Ним кровом и разделять с Ним трапезу! Теперь вот это возможно: мы можем пригласить Его на вечерю и вечерять с Ним даже с большею пользою. Из тех, которые тогда вечеряли с Ним, многие погибли, как-то: Иуда и другие подобные. Между тем всякий, кто ныне позовет Его в дом свой и предложит трапезу и кров, удостоится великого благословения. "**Приидите**", говорит Он, "**благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне**" (Матф.25:34-36). Итак, чтобы услышать эти слова, будем одевать нагого, принимать странного, питать алчущего, напоять жаждущего, посещать болящего, ходит к находящемуся в темнице. Чрез это мы получим дерзновение и прощение грехов и удостоимся благ, превосходящих и слово и ум, которых и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 60

"Я есмь пастырь добрый; и знаю Моих, и Мои знают Меня. Как Отец знает Меня, [так] и Я знаю Отца; и жизнь Мою полагаю за овец" (Иоан.10:15)

1. Великое дело, возлюбленные, великое дело – предстоятельство в Церкви. Оно требует и много любомудрия, и такого мужества, что должно, как сказал Христос, полагать душу за овец, никогда не оставлять их без защиты и помощи и твердо стоять против волка. Этим пастырь отличается от наемника. Последний, не заботясь об овцах, имеет всегда в виду собственную безопасность; первый, напротив, всегда заботится о спасении овец, забывая о себе самом. Указав, таким образом, признаки пастыря, Христос выставляет на вид двух губителей; один из них – тать, убивающий и расхищающий, а другой – тот, кто ничего такого сам не делает, но за то не обращает внимания и не препятствует, когда другие это делают. В лице первого Он указывает на Февду и подобных ему, а в лице другого выставляет учителей иудейских, которые не пеклись и не заботились о вверенных им овцах. В этом и Иезекииль некогда укорял их, говоря: "**горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих! не стадо ли должны пасти пастыри**" (Иез.34:3)? Но они поступали напротив; а это величайшая степень нечестия и причина всех прочих зол. Потому-то и говорит (пророк), что они и заблудшую (овцу) не обращали на путь, и погибшую не искали, и ту, у которой сокрушены голени, не обвязывали, и больную не врачевали, пасли самих себя, а не овец (Иез.34:4,8). На то же самое указывал другими словами и Павел, говоря: "**потому что все ищут своего, а не того, что [угодно] Иисусу Христу**" (Фил.2:21); и в другом месте: "**никто не ищи своего, но каждый [пользы] другого**" (1Кор.10:24). Но Христос отличает Себя от тех и других:от первых, приходящих с целью губить, – словами: "**Я пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком**" (Иоан.10:10); а от последних, попускающих волкам расхищать овец, – тем, что не только не оставил, но и положил за овец душу Свою, чтобы не дать им погибнуть. В самом деле, когда положили убить Его, Он и не отступил от учения, и не предал верующих, но стоял твердо и благоволил умереть. Потому-то часто и говорил: "**Я есмь пастырь добрый**". Но так как слова Его представлялись бездоказательными (ведь хотя изречение: "**жизнь Мою полагаю**" и сбылось спустя немного времени, зато другое: "**чтобы имели жизнь и имели с избытком**" имело осуществиться после преселения из здешней жизни, в веке будущем), то что Он делает? Посредством одного удостоверяет в другом. Тем, что положил душу Свою (удостоверяет и в том), что дарует жизнь. Об этом говорил и Павел: "**если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся** " (Рим.5:10). Также и в другом месте: "**Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего**" (Рим.8:32)? Но почему не обвиняют Его теперь, как прежде, говоря: "**Ты Сам о Себе свидетельствуешь, свидетельство Твое не истинно**" (Иоан.8:13)? Потому, что Он часто уже заграждал им уста и чудесами приобрел большее право свободно говорит пред ними. далее, так как Он выше говорил: "**а овцы за ним идут, потому что знают голос его**" (Иоан.10:4), то чтобы не сказал кто-нибудь: отчего же (были) неверовавшие? – послушай, что прибавил: "**и знаю Моих, и Мои знают Меня**" (Иоан.10:14). На это указывал и Павел, говоря: "**Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал**" (Рим.11:2), и Моисей: "**познал Господь Своих**" (Чис.16:5; сн.2Тим.2:19). Разумею тех, говорит Христос, о которых Я наперед знал. А чтобы ты не представлял меры знания одинаковою, послушай, как Он предупреждает это дальнейшими словами. "**Знаю**", говорит, "**Моих, и Мои знают Меня**". Но здесь знание неодинаковое. Где же одинаковое? В Отце и во Мне; здесь – "**как Отец знает Меня, [так] и Я знаю Отца**" (10:15). Если бы не это Он хотел показать, то зачем бы прибавлял те слова? Но как Он часто поставляет Себя в ряд людей, то чтобы не подумал кто, что Его знание подобно человеческому, Он прибавил: "**как Отец знает Меня, [так] и Я знаю Отца**". Также совершенно Я знаю Его, как Он Меня. Потому-то Он и говорил: "**никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына**" (Матф.11:27), разумея некоторое особенное знание, – такое, какого никто другой не может иметь. "**И жизнь Мою полагаю**". Часто повторяет это, чтобы показать, что Он не обманщик. Так и апостол, когда хотел показать себя истинным учителем и направлял свое слово против

лжеапостолов, хвалился бедами и смертями, говоря: "**Я [был] безмерно в ранах, и многократно при смерти**" (2Кор.11:23). Выражения: "**Я есмь свет**", и: "**Я есмь жизнь**" – казались для несмысленных надменными; но слова: хочу умереть – не возбуждали ни зависти, ни ненависти. Потому и не говорят Ему: "**Ты Сам о Себе свидетельствуешь, свидетельство Твое не истинно**". Те слова показывали в Нем великое попечение, так как Он хотел предать Себя за людей, которые бросали в Него камнями.

2. Потому благовременно вводить слово и об язычниках. "**Есть у Меня и другие овцы**", говорит, "**которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести**" (Иоан.10:16). Вот опять выражение: "**надлежит**" означает не принуждение, но указывает на действие, имеющее непременно последовать. Как бы так говорил: что удивительного, если эти пойдут за Мною и если овцы послушают гласа Моего? Когда вы увидите, что и другие следуют за Мною, и слушают Моего гласа, тогда изумитесь более. Не смущайся тем, что Он говорит: "**которые не сего двора**". Это различие только по отношению к закону, как и Павел говорит: "**Обрезание ничто и необрезание ничто**" (1Кор.7:19). "**И тех надлежит Мне привести**". Показывает, что те и другие были рассеяны и смешаны, и что те и другие не имели пастырей, до пришествия доброго Пастыря. Затем предсказывает и будущее их соединение, что они будут "**одно стадо**". Это же самое опять указал и Павел, сказав: "**дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека**" (Еф.2:15). "**Потому любит Меня Отец, что Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее**" (Иоан.10:17). Что может быть уничиженнее этих слов? Господь наш пользуется любовью (Отца) ради нас, потому что умирает за нас! Что же, скажи мне, разве прежде Он не был любим, а только теперь Отец стал любить Его, и мы были виновниками этой любви? Видишь ли как Он приспособляется к нашей немощи? Но что же Он хочет показать здесь? Так как называли Его чуждым Отцу и обманщиком, и утверждали, что Он пришел для вреда и погибели, то Он говорит, что если уже не что другое, то, по крайней мере, то побуждало Меня любить вас, что вас любит Отец, так же как и Меня, и что Он любит (Меня) потому, что Я умираю за вас. А вместе с этим хочет и то показать, что идет на смерть не по неволе (если бы по неволе, то каким образом это доставило бы Ему любовь?), и что это весьма угодно и Отцу. И не удивляйся, что Он говорит здесь, как человек. Мы уже много раз указывали причину этого, а снова повторять тоже самое было бы излишне и тягостно. "**Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее**" (Иоан.10:17,18). Так как часто замышляли убить Его, то Он говорит: без Моего соизволения, напрасен ваш труд, – и предыдущим доказывает последующее, – смертью воскресение. Это удивительно и необычайно, потому что и то и другое (смерть и воскресение) последовало особенным и необыкновенным образом.

Но будем тщательно внимать тому, что говорится. "**Имею власть**", говорит, "**отдать жизнь Мою**". Да кто же не имеет власти положить душу свою? Всякий, кто хочет, может умертвить себя. Но слова Его имеют не этот смысл. Какой же? Я имею такую власть положить, что, против Моей воли, никто не может отнят ее у Меня; а этого нельзя сказать о людях. Мы не иначе сами по себе можем положить душу свою, как только умертвив себя. А если впадем в руки людей, злоумышляющих и могущих убить нас, то уже не имеем власти положить и не положить, но они убивают нас и против нашей воли. А Он – не так. Он властен был не положить душу Свою даже и тогда, как другие злоумышляли. Поэтому-то, сказав: "**никто не отнимает ее у Меня**". затем уже прибавил: "**Имею власть отдать жизнь Мою**", то есть, Я один властен положить ее, а вы не имеете этой власти, потому что у вас и многие другие могут взять ее. Вначале Он этого не говорил, потому что тогда слова Его не показались бы и вероятными. Но когда Он имел уже доказательство в самых делах, когда не раз злоумышлявшие против Него не могли захватить Его (а Он много раз уходил из рук их), – тогда уже говорит: "**никто не**

отнимает ее у Меня". Если же это справедливо, то следует и то, что Он добровольно идет на смерть. А если и это справедливо, то несомненно и то, что Он, когда захочет, снова может воспринять душу Свою. Если смерть Его была таким делом, которое превышает силы человеческие, то не сомневайся на счет Его в остальном. То, что Он один имеет власть положить душу Свою, показывает, что, по той же самой власти, Он может и снова принять ее. Видишь ли, как первым утвердил второе, и смертью неоспоримо доказал и воскресение? "**Сию заповедь получил Я от Отца** ". Какую же "**сию**"? Умереть за мир. Так ужели Он ожидал, чтобы прежде услышать, и после того уже решился, и ужели имел нужду узнавать о том? Но кто здравомыслящий может сказать это? Нет, как выше словами: "**потому любит Меня Отец**" (Иоан.10:17) показал Свое добровольное желание и уничтожил всякую мысль о противном, так и здесь, сказав, что получил заповедь от Отца, не выражает ничего другого, кроме того, что Отцу угодно то, что Я делаю, чтобы, когда умертвят Его, не думали, что умертвили, как оставленного и преданного Отцом, и не поносили так, как поносили: "**других спасал, а Себя Самого не может спасти**", – и: "**если Ты Сын Божий, сойди с креста**" (Матф.27:42,40). Потому-то именно Он и не сходит (со креста), что Он Сын Божий.

3. А чтобы ты, слыша, что Он принял заповедь от Отца, не подумал, что это дело чуждое Ему, Он уже наперед сказал: "**пастырь добрый полагает жизнь свою за овец**" (Иоан.10:11), показывая тем, что овцы принадлежат Ему, что все последовавшее было Его делом и что Он не имеет нужды в заповеди. И если бы имел Он нужду в заповеди, то как бы мог сказать: "**Я Сам отдаю**"? Кто полагает сам по себе, тот не имеет нужды в заповеди. Притом Он указывает и причину, почему поступает так. Какая же это причина? Та, что Он пастырь и пастырь добрый; а добрый пастырь не имеет нужды, чтобы другой побуждал его к такому делу. Если так бывает у людей, то тем более должно ожидать этого от Бога. Потому и Павел говорит, что Он "**уничижил Себя Самого**" (Фил.2:7). Итак слово заповедь – означает здесь не что другое, как только единомыслие Его с Отцом. Если же здесь говорится так уничиженно и по-человечески, то причина этому – немощь слушателей. "**От этих слов опять произошла между Иудеями распря. Многие из них говорили: Он одержим бесом и безумствует; что слушаете Его? Другие говорили: это слова не бесноватого; может ли бес отверзать очи слепым**" (Иоан.10:19-21)? Так как слова Его были выше человеческих и выходили из ряда обыкновенных, то называли Его бесноватым, отзываясь о Нем так уже в четвертый раз. И прежде говорили: "**не бес ли в Тебе? кто ищет убить Тебя**" (Иоан.7:20)? И опять: "**не правду ли мы говорим, что Ты Самарянин и что бес в Тебе**" (Иоан.8:48)? Также и здесь: "**Он одержим бесом и безумствует; что слушаете Его**"? Впрочем вернее, что и не четыре раза, а чаще Он слышал такой отзыв. Слова: "**не правду ли мы говорим, что бес в Тебе**" – служат знаком, что они не два и не три раза, но часто говорили это. "**Другие**", сказано, "**говорили: это слова не бесноватого; может ли бес отверзать очи слепым**"? Так как не могли заградить уста, ссылаясь на слова, то, наконец, заимствуют доказательство от дел. И самые слова, (говорят), очевидно, не приличны бесноватому; но если вас не уверяют слова, то убедитесь делами. Если это не дела бесноватого, и между тем они выше человеческих, то очевидно, что они – действие какой-то силы божественной. Понял ли умозаключение? Что дела были выше человеческих, видно из слов их: "**Он одержим бесом**". А что Он не имел беса, то доказал Своими делами. Что же Христос? Ничего не отвечает на это. Прежде Он отвечал: "**во Мне беса нет**", а теперь не отвечает. Представив уже доказательство от дел, Он теперь молчит. Да и не достойны были никакого ответа называвшие Его бесноватым за то, чему следовало удивляться и за что должно было признавать Его Богом. И нужны ли были еще с Его стороны какие-либо обличения, когда сами они восставали друг против друга и обличали одни других? Поэтому-то Он молчал и все переносил с кротостью. Впрочем не только по этой причине, но и для того, чтобы нас научить кротости и всякому долготерпению.

4. Итак, будем подражать Ему. Он не ограничился одним молчанием, но и снова выступил, и когда Его спросили, отвечал, и выказал Свое попечение. Его назвали бесноватым и неистовым люди, получившие от Него бесчисленные благодеяния, и не однажды и не дважды, но много раз; однако же Он не только не мстил, но и не переставал им благодетельствовать. И что я говорю – благодетельствовать? За них Он и душу Свою положил, и на кресте ходатайствовал за них пред Отцом. Будем же и мы подражать этому. Ведь быть учеником Христовым и значит быть кротким и незлобивым. Но каким же образом мы можем стяжать эту кротость? Если будем постоянно размышлять о своих грехах, – если будем скорбеть и плакать. Душа, погруженная в такое сетование, не может ни раздражаться, ни гневаться. Где скорбь, там гнев невозможен; где печаль, там нет места злобе; где сокрушение духа, там не может быть негодования. Душа, терзаемая скорбью, не имеет и времени раздражаться; но горько сетует и еще горче плачет. Знаю, что многие, слыша это, смеются; но я не перестану плакать о смеющихся. Настоящее время есть время скорби, слез и рыданий. Мы много грешим и словами и делами; а таких грешников ожидают геенна и река, кипящая огненными волнами, и, что всего хуже, лишение царствия. И при таких-то угрозах, скажи мне, ты смеешься и веселишься? И в то время, как Господь твой гневается и угрожает, ты остаешься беспечным? И ты не боишься возжечь тем для себя горящую пещь? Не слышишь ли, то взывает Он каждый день? Вы видели Меня алчущим и не напитали, жаждущим и не напоили. "**идите в огонь, уготованный диаволу и ангелам его**" (Матф.25:41,42). Такие угрозы Он повторяет каждый день. Но я, говоришь, питал Его. Когда и сколько дней? Десять, двадцать? Но Он хочет, чтобы – не в течение этих только дней, но во все время, пока живешь на земле. Ведь и девы имели елей, но не в достаточном для их спасения количестве. И они возжгли светильники, но не были допущены в брачный чертог. И совершенно справедливо, потому что светильники их угасли до пришествия жениха. Поэтому нам должно иметь много елея и много человеколюбия. Послушай, что говорит пророк: "**помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей**" (Пс.50:3). Так и нам должно миловать ближних по великой, возможной нам, милости. Каковы будем мы сами по отношению к подобным нам рабам, такого приготовим себе и Владыку. Когда же милость бывает великою? Когда мы даем не от избытка, но от скудости. А если мы не даем и от избытка, то какая останется нам надежда? Что избавит нас от тех зол? Куда прибегнем и где найдем спасение? Если девы после столь многих и столь великих трудов не получили ниоткуда никакого утешения, то кто будет нашим заступником, когда мы услышим те страшные слова, когда сам Судия, укоряя нас, скажет: вы не напитали Меня алчущего? "**Так как вы**", говорит, "**не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне**" (Матф.25:45), разумея здесь не учеников только и избравших жизнь иноческую, но и всякого человека верующего. Хотя бы это был раб, хотя бы был из числа нищих, просящих на площади, но если он верует в Бога, имеет право пользоваться всем расположением. И если мы презрим такого человека, когда он наг или алчет, то услышим те слова. И совершенно справедливо.

Трудного ли чего и обременительного (Господь) требует от нас? Не того ли, напротив, что весьма легко и удобоисполнимо? Ведь не сказал Он: Я был болен, и вы не исцелили Меня, но: "**не посетили Меня**". Не сказал: Я был в темнице, и вы не освободили Меня, но: не пришли ко Мне. А чем легче заповеди, тем большее наказание тем, которые не исполняют их. Что же может быть легче, скажи мне, чем пойти и зайти в темницу? Что даже приятнее? Когда ты увидишь одних в оковах, других в грязи, одних обросших волосами и одетых в рубища, других истаевающих от голода и, подобно псам, прибегающих к ногам, иных с растерзанными ребрами, иных только теперь возвращающихся в оковах с площади, где они целый день просят подаяния, но не собирают и необходимого пропитания, а между тем вечером принуждены бывают отдать стражам и то, что достали этим тяжким и несносным трудом, то, хотя бы ты был камень, непременно сделаешься человеколюбивее; хотя бы вел жизнь изнеженную и распутную, непременно будешь более

любомудрствовать, увидев участь людей в чужих несчастьях. Тогда непременно придет тебе на мысль и тот страшный день с его различными наказаниями. А когда будешь помнит и размышлять об этом, – непременно отвергнешь и гнев, и удовольствие, и пристрастие к житейским вещам, и соделаешь душу свою тише самой тихой пристани. Будешь любомудрствовать и о том судилище, представляя, что если у людей такое устройство и порядок, страх и угрозы, то тем более у Бога. "**Ибо нет власти не от Бога**" (Рим.13:1). А Кто предоставил начальствующим распоряжаться таким образом, Тот тем более сделает это сам.

5. И если бы не было этого страха, – погибло бы все, потому что и теперь, когда угрожает нам столько наказаний, многие устремляются к злу. Рассуждая же об этом, ты не только будешь усерднее к делам милосердия, но и получишь великое удовольствие, – гораздо большее, чем те, которые приходят со зрелища. Возвращающиеся оттуда пылают огнем вожделения. Увидев на сцене тех страстных женщин и получив от того многочисленные раны, они бывают ничем не лучше волнующегося моря, потому что взгляды, одежда слова, поступь и все прочее представляются их взорам и не дают покоя душе. Напротив, вышедшие отсюда (из темницы) не подвергнутся ничему такому, а приобретут глубокое спокойствие и безмятежность. Скорбь, произведенная зрелищем узников, погашает всякий такой огонь. Кто вышел от узников, с тем если бы и встретилась какая-било блудная и бесстыдная женщина, она не причинит ему никакого вреда. Сделавшись уже как бы невинным, он не будет уловлен сетями ее взоров, потому что вместо бесстыдных ее взоров будет тогда пред очами его страх суда. Потому-то испытавший все роды удовольствий и говорил: "**лучше ходить в дом плача, нежели ходить в дом пира**" (Еккл.7:3). Таким образом, и здесь выкажет великое любомудрие, и там услышит слова, стоящие бесчисленных блаженств. Не будем же пренебрегать таким делом и занятием. Пусть мы не можем принести пищи, или пособить деньгами; но можем словом утешить и ободрить унылую душу, и оказать много иной помощи, например – уговорить тех, которые ввергли (в темницу), расположить к снисхождению стражей, и всячески можем принести большую или меньшую пользу. Если скажешь, что там (содержатся) не честные, добрые и кроткие люди, но убийцы, грабители могил, воры, прелюбодеи, люди распутные и злодеи, то и в этом опять укажешь мне побуждение, почему необходимо посещать такие места. Не то нам заповедано, чтобы миловать добрых и наказывать злых, но – всем оказывать человеколюбие. Будьте, сказано, подобны Отцу вашему Небесному, "**ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Матф.5:45). Итак не осуждай строго других, и не будь жестоким судьею, но кротким и человеколюбивым. Ведь и мы, если не виновны нив прелюбодеянии, ни в расхищении могил, ни в воровстве, за то имеем другие согрешения, достойные многих наказаний. И брата часто называли глупцом, а это подвергает нас геенне; и на женщин смотрели невоздержными очами, а это равняется совершенному любодеянию; но что всего хуже – не участвуем достойным образом в таинствах, что делает нас повинными телу и крови Христовой. Не будем же строгими исследователями чужих дел, но станем помышлять о своих собственных, и тогда мы не будем так бесчеловечны и жестоки. Кроме того нужно и то сказать, что там мы найдем много и добрых людей, стоящих часто целого города. И в той темнице, где был Иосиф, находилось много порочных, однако обо всех заботился этот праведник; да и сам содержался (там) вместе с другими. Он стоил всего Египта, и однако жил в темнице, и никто из бывших там не знал его. Так и теперь, быть может, там много есть честных и добрых людей, только они не всем известны, и попечение о таких людях вознаграждает тебя за заботы о всех. А если бы не было и ни одного такого, то и в этом случае будет великое воздаяние. И сам Господь твой не с праведными только беседовал: Он не убегал и нечистых, а, напротив, и хананеянку принял с великою благосклонностью, и грешную и нечистую самарянку. Принял также и уврачевал и другую блудницу, из-за которой и порицали Его иудеи, и

позволил омочить ноги Свои слезами грешницы, научая нас быть снисходительными к грешникам. Вот в чем состоит по преимуществу человеколюбие. Что ты говоришь? В темнице живут разбойники и грабители могил? А разве в городе, скажи мне, все живут праведники? Нет ли, напротив, многих таких, которые хуже и тех и предаются разбою с большим бесстыдством? Те, если не другим чем, прикрываются, по крайней мере, пустынею и тьмою, и делают это в тайне; эти, напротив, отбросив личину, совершают зло с открытым лицом, предаваясь насилию, хищничеству и любостяжанию. Да и трудно найти человека, чистого от неправды.

6. Пусть мы не похищаем золота и столько-то и столько десятин земли; но все же, посредством какого-нибудь обмана и утайки, делаем тоже самое в меньших размерах и сколько можем. Когда, например, в торговых обязательствах и при покупке или продаже чего-либо, мы спорим и усиливаемся заплатить меньше, чем следует, и всячески стараемся об этом, – не разбой ли это? Не воровство ли и хищение? Не говори мне, что ты отнял не дом, не рабов. Несправедливость определяется не ценностью того, что похищается, но намерением похитителей. Несправедливость и справедливость имеют одинаковую силу как в большом, так и в малом. И я одинаково называю вором как того, кто, отрезав кошелек, возьмет чужие деньги, так и того, кто, покупая что-нибудь на рынке, удержит часть настоящей цены. И грабитель не тот только, кто разломает стену и похитит что-либо из дома, но и тот, кто нарушит справедливость и отнимет что-либо у ближнего. Итак не будем судьями чужих дел, забывая о своих собственных; не станем заниматься исследованием пороков, когда есть случай к человеколюбию; но, помыслив о том, чем и мы были некогда, будем впредь кроткими и человеколюбивыми. Чем же мы были? Послушай, что говорит Павел. "**Ибо и мы были некогда несмысленны, непокорны, заблуждшие, были рабы похотей и различных удовольствий, были гнусны, ненавидели друг друга**" (Тит.3:3). И в другом месте: "**были по природе чадами гнева**" (Еф.2:3). Но Бог, видя нас как бы содержимых в темнице и связанных тяжкими узами, – узами, гораздо тягчайшими железных, – не устыдился, но пришел и явился в темницу, и нас, достойных бесчисленных наказаний, извел оттуда, привел в царство и соделал светлейшими неба, чтобы и мы делали, по возможности, тоже самое. Когда Он говорит ученикам: "**если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам**" (Иоан.13:14,15), то дает этот закон не об умовении только ног, но и о всем прочем, в чем Он служил нам примером. Живет ли в темнице убийца, – не устанем делать добро. Грабитель ли могил и прелюбодей, – будем милосерды не к пороку, но к несчастью. Нередко же, как я сказал, может найтись там и человек, который один стоит весьма многих. И если ты постоянно будешь посещать узников, то не упустишь такого приобретения. Как Авраам, принимавших всех без различия странников, принял однажды и ангелов, так и мы встретим и великих людей, если обратим это дело в постоянное занятие. Если же нужно сказать что-нибудь и удивительное, то не столько похвал заслуживает тот, кто принимает великого, сколько тот, кто принимает жалкого и злосчастного. Тот в обстоятельствах своей жизни представляет немаловажное побуждение к доброму с ним обхождения; а отверженный и всеми оставленный имеет только одно убежище – милосердие того, кто с добротою призревает его. И вот это по преимуществу и есть чистое человеколюбие. Притом, кто услуживает человеку славному и знаменитому, тот часто делает это из тщеславия перед людьми; а кто – отверженному и презираемому, тот действует единственно по заповеди Божией. Потому-то, когда мы устрояем вечерю, нам заповедано принимать хромых и слепых; когда твори милостыню, заповедано творить ее меньшим и низшим из людей. "**Так как вы**", говорит Спаситель, "**сделали это одному из сих меньших, то сделали Мне**" (Матф.25:40). Итак, зная о находящемся там сокровище, будем часто ходить туда и там торговать, и туда перенесем свое усердие к зрелищам. Если бы ты и ничего не мог принести с собой, – принеси утешение словом. Бог

награждает не только питающего, но и ходящего туда. Когда ты придешь и ободришь трепещущую и боязливую душу своим утешением, пособием, обещанием защиты, научением любомудрию, – не малую и за то получишь награду. Когда ты будешь вести такую беседу в других местах, многие, изнеженные многоразличными наслаждениями, станут над тобой и смеяться. Но находящиеся в несчастьях, будучи смиренны духом, будут внимать твоим словам с великою кротостью, похвалят тебя и сделаются лучшими. И над Павлом, когда он проповедовал, иудеи часто смеялись; но узники внимали ему в великом молчании. Ничто так не располагает душу к любомудрию, как бедствие, искушение и угрожающая скорбь. Итак, представив себе все это, – сколько мы сделаем добра и содержащимся в темницах, и себе самим, если будем постоянно обращаться с ними, и станем употреблять на это все время, которое проводим в безвременных и пустых занятиях на площадях. Чрез это мы и им доставим пользу, и себе самим радость, и, послужив к славе Божией, сподобимся вечных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 61

"Настал же тогда в Иерусалиме [праздник] обновления, и была зима. И ходил Иисус в храме, в притворе Соломоновом. Тут Иудеи обступили Его и говорили Ему: долго ли Тебе держать нас в недоумении" (Иоан.10:22-24)

1. Всякая добродетель хороша, но в особенности – незлобие и кротость. Она выказывает в нас людей; она отличает от зверей; она делает равными ангелам. Поэтому и Христос часто и много говорит об этой добродетели, повелевая быть кроткими и незлобивыми. И не словами только заповедует это, но учит тому и самыми делами, то терпеливо перенося заушения, то подвергаясь поношениям и наветам, и, не смотря на то, опять обращаясь с наветниками. Вот те именно, которые называли Его имеющим беса и самарянином, которые неоднократно хотели умертвить Его и бросали в Него камни, – те самые, окружив Его, спрашивали: "**если Ты Христос**" (Иоан.10:24)? Но Он и теперь, после столь многих и великих козней, не отверг их от Себя, но отвечал с великою кротостью. Но необходимо рассмотреть всю эту беседу сначала. "**Настал же тогда**", сказано, "**в Иерусалиме [праздник] обновления, и была зима**". Это был великий и общенародный праздник. Иудеи с великим усердием праздновали этот день, в который восстановлен был храм по возвращении их из продолжительного персидского плена[1]. На этот праздник явился и Христос: теперь Он часто приходил в Иудею, так как время страдания было уже при дверях. "**Тут Иудеи обступили Его и говорили Ему: долго ли Тебе держать нас в недоумении? если Ты Христос, скажи нам прямо**" (Иоан.10:24). (На это Христос) не сказал: чего вы от Меня хотите? Вы неоднократно называли Меня беснующимся, и неистовым, самарянином; вы считали Меня противником Божиим и обманщиком, и недавно еще говорили: "**Ты Сам о Себе свидетельствуешь, свидетельство Твое не истинно**" (Иоан.8:13). Как же теперь спрашиваете и хотите узнать от Меня, тогда как отвергаете Мое свидетельство? Нет, ничего такого Он не сказал, хотя и знал, что намерение, с которым они спрашивали, было лукавое. Правда, окружив Его и сказав: "**долго ли Тебе держать нас в недоумении**", – они тем, по-видимому, выразили некоторое усердие и желание знать; но, на самом деле, мысль, с какою спрашивали, была злая и коварная. Так как дел Его они не в состоянии были оклеветать и опорочить, то старались уловить Его в словах, и потому постоянно предлагали Ему вопросы, не с тем, чтобы знать, но чтобы заградить Ему уста Его собственными словами. Не будучи в состоянии ничем опорочить Его дела, старались найти какой-нибудь предлог в Его речах. Поэтому-то и говорили: "**скажи нам**", хотя Он уже неоднократно говорил. Так и самарянке Он говорил: "**это Я, Который говорю с тобою**" (Иоан.4:26), и слепому: "**и**

видел ты Его, и Он говорит с тобою" (Иоан.9:37). Да и им самим Он сказал, хотя не такими, но другими словами. И если бы они имели ум и действительно желали знать, то могли бы уже и по тем словам признать Его, потому что делами Он много раз доказал это. Между тем смотри, какое у них развращение и упорство. Когда Он проповедовал и учил словами, они говорят: "**какое же Ты дашь знамение**" (Иоан.6:30)? А когда представлял доказательства в делах, тогда говорят Ему: "**если Ты Христос, скажи нам прямо**". Таким образом, когда вопиют дела, они ищут слов; а когда учат слова, прибегают к делам, всегда настаивая на противном. А что они спрашивали не с тем, чтобы знать, это показал конец. В самом деле, на Того самого, которого считали столько достоверным, что принимали Его свидетельство даже о Себе самом, – на Того самого, едва только изрек Он несколько слов, тотчас начали бросать камни. Значит и то, что они окружили Его, и то, что настоятельно спрашивали, – делалось с лукавством. Да и самый образ вопроса являл в них великое недоброжелательство. "**Скажи нам прямо**", говорят, "**если Ты Христос**"? Хотя всегда, бывая во время праздников, Он все говорил "**прямо**" и ничего не говорил тайно, однако же они для того обращаются к Нему с льстивыми словами и говорят: "**долго ли Тебе держать нас в недоумении**", чтобы, вызвав Его, опять найти какой-нибудь повод к обвинению. А что они всегда спрашивали Его с этой целью, – не для того, чтобы научиться, но чтобы уловить Его в словах, – это видно не отсюда только, но и из многих других мест. Так и тогда, когда они приступили и спрашивали: "**позволительно ли давать подать кесарю, или нет**" (Матф.22:17), и когда беседовали о разводе с женою, и когда спрашивали о той, о которой говорили, что она имела семь мужей, – они были уличены в том, что предлагали вопросы не с желанием знать, но с злым намерением. Но в тех случаях Он обличает их, говоря: "**что искушаете Меня, лицемеры**" (Матф.22:18), – показывая тем, что Он знает их тайные намерения; а здесь ничего такого не говорит, научая нас не всегда обличать наветников, но многое переносить с кротостью и незлобием. Итак, поскольку безумно было требовать свидетельства слов, когда проповедовали о Нем дела, то послушай, как Он им отвечает, частью указывая на то, что они без нужды этого требуют и не для того, чтобы научиться, частью показывая, что Он уже дал ответ более ясный, чем на словах, то есть, ответ в делах. "**Я сказал вам, и не верите**", говорит, "**дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне**" (Иоан.10:25). Это самое часто говорили между собою и умереннейшие из них: "**как может человек грешный творить такие чудеса?**" (Иоан.9:16); и опять: не "**может бес отверзать очи слепым**" (Иоан.10:21); и также: "**таких чудес никто не может творить, если не будет с ним Бог**" (Иоан.3:2). И видя знамения, которые Он творил, говорили: "**это Христос**" (7:41), а другие говорили: "**когда придет Христос, неужели сотворит больше знамений, нежели сколько Сей сотворил**" (7:31)? Да и эти самые (которые теперь спрашивали) хотели уверовать в Него на основании дел, говоря: "**какое же Ты дашь знамение, чтобы мы увидели и поверили Тебе**" (Иоан.6:30)?

2. Итак, поскольку в то время они показывали вид, будто убедятся простым словом, между тем как не убедились столь многими делами, то Он обличает лукавство их, говоря: если вы делам не веруете, то как поверите словам? Значит, вопрос (ваш) излишний. Но "**Я сказал вам**", говорит, "**но вы не верите, ибо вы не из овец Моих**" (Иоан.10:26). Я, со Своей стороны, исполнил все, что следовало сделать пастырю. Если же вы не следуете за Мной, то это происходит не оттого, будто Я – не пастырь, но оттого, что вы – не Мои овцы. "**Овцы Мои**", говорит, "**слушаются голоса Моего, и идут за Мною. И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек; и никто не похитит их из руки Моей. Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех; и никто не может похитить их из руки Отца Моего. Я и Отец – одно**" (Иоан.10:27-30). Смотри, как Он, и не признавая их, склоняет следовать за Собою. Вы, говорит, не слушаете Меня, потому что вы и не овцы Мои; а те, которые следуют за Мною, принадлежат к стаду. Это сказал Он с той целью, чтобы они поревновали сделаться овцами. Потом, сказав, чего (овцы Его) достигнут, Он тем

подстрекает их и возбуждает в них желание. Что же? Значит, по могуществу (только) Отца никто не восхитит (их)? А сам Ты не можешь и не имеешь силы охранить? Отнюдь нет. И чтобы ты знал, что изречение – "**Отец Мой, Который дал Мне их**", сказано ради иудеев, чтобы они опять не назвали Его противником Божиим, то вот Он, сказав: "**никто не похитит их из руки Моей**", далее показал, что рука Его и рука Отца одна и та же. А если бы это было не так, то следовало бы сказать, что "**Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех; и никто не может похитить их из руки**" Моей. Но Он не сказал так, а: "**из руки Отца Моего**". Потом, чтобы ты не подумал что сам Он бессилен, но овцы находятся в безопасности по причине силы Отца, Он присовокупил: "**Я и Отец – одно**". Как бы так говорил: не потому Я сказал, что ради Отца никто не похитит овец, будто сам Я не силен охранить их: "**Я и Отец – одно**", – то есть по отношению к могуществу, так как вся речь у Него была о могуществе. Если же одно и тоже могущество, то, очевидно, и существо. Так как иудеи вооружались бесчисленными средствами, строили ковы, отлучали от синагоги, то Он говорит, что все это они предпринимали напрасно и бесполезно; овцы находятся в руке Отца Моего, как и пророк говорит: "**Вот, Я начертал тебя на дланях [Моих]**" (Ис.49:16). Потом, показывая, что рука одна, Он называет ее то Своею, то Отчею. А когда ты услышишь слово: "рука", не представляй себе ничего чувственного, но силу, власть. Если же потому никто не мог восхитить, что (Отец) облек Его силою, в таком случае излишне было бы дальнейшее изречение: "**Я и Отец – одно**". Если бы Он был меньше (Отца), то это изречение было бы очень дерзновенно, потому что оно показывает не что другое, как равенство могущества. Так именно поняли Его и иудеи, и потому стали бросать в Него камни. Однако же, не смотря и на это, Он не опроверг такого их мнения и предположения. Между тем, если бы они сделали предположение неправильное, следовало бы поправить их и сказать: для чего вы это делаете? Я сказал это не для того, чтобы приписать Мне и Отцу равное могущество. Но Он поступает совсем напротив: Он утверждает и одобряет их предположение, и все это – несмотря на их ожесточение. Он не только не извиняется в своих словах, как не хорошо сказанных; а напротив, еще их укоряет в том, что они имеют о Нем ненадлежащее понятие. Так, когда они сказали: "**не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом**" (Иоан.10:33), – послушай, что Он отвечает: "**если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие**", как "**вы говорите: богохульствуешь, потому что Я сказал: Я Сын Божий**" (Иоан.10:35,36)? А эти слова означают вот что: если те, которые получили это название по благодати, не подвергаются обвинению, когда называют себя богами, то как может по справедливости подлежать укоризне Тот, Кто имеет это по естеству? Но Он так не сказал, а доказал это после, употребив наперед выражения более смиренные и сказав: "**Которого Отец освятил и послал в мир**" (ст.36). Когда же утишил их гнев, тогда приводит ясное доказательство. Сначала, чтобы слово Его было принято, Он говорил с некоторым уничижением; а наконец возвысил и сказал так: "**если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне; а если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим**" (ст.37,38). Видишь ли, как Он доказывает то, что я выше сказал, именно, что Он ничем не меньше Отца, но во всем равен? Так как невозможно было видеть существа Его, то вот Он в доказательство равенства своего могущества представляет равенство и тожество дел.

3. Чему же именно, скажи, веровать? Тому, что "**Отец во Мне и Я в Нем**" (Иоан.10:38). Я не иное что, а тоже, что Отец, только пребываю Сыном; и Он не иное что, а тоже, что Я, только пребывает Отцом. И кто познал Меня, тот познал и Отца, уразумел и Сына. Но если бы (Сын) был меньше (Отца) по могуществу, то и познание было бы ложное. Нельзя познать ни существа, ни могущества одного лица посредством другого, отличного от него. "**Тогда искали схватить Его; но Он уклонился от рук их, и пошел опять за Иордан, на то место, где прежде крестил Иоанн. Многие пришли к Нему и говорили, что Иоанн не сотворил никакого чуда, но все, что сказал Иоанн о Нем, было истинно**"

(Иоан.10:39-41). Христос, после того, как возвестит что-нибудь великое и высокое, тотчас удаляется, уступая гневу иудеев, чтобы Своим отсутствием укротить и утишить их страсть. Так поступил Он и в то время. Но для чего евангелист указывает место? Для того, чтобы ты знал, что Он удалился в то место с намерением напомнить иудеям о том, что там произошло и что сказано было Иоанном, равно как и о его свидетельстве. И действительно, пришедши туда, они тотчас вспомнили об Иоанне, поэтому и говорят, что "**Иоанн не сотворил никакого чуда**". Иначе какой повод был бы говорить это? Но так как место привело им на память Крестителя, то им пришло на память и его свидетельство. И смотри. Какие неоспоримые составляют они умозаключения. Иоанн, говорят, не сотворил никакого знамения, а этот творит; следовательно отсюда видно Его превосходство. Если же мы верили тому (Иоанну), хотя он не сотворил никакого знамения, то гораздо более (должны веровать) этому (Христу). Затем, так как Иоанн свидетельствовал (о Христе), то, чтобы не показалось, что он, как не сотворивший знамения, недостоин давать свидетельство, – они присовокупили: хотя знамения он сотворил ни одного, однако же во всем, что говорил о Христе, был истинен, – и тем показали, что не Христос соделался достойным веры чрез Иоанн, а Иоанн чрез дела Христовы. Таким образом "**многие уверовали в Него**" (ст.42). И в самом деле, многое привлекало их. Так, вспомнили они о тех речах, которые Иоанн говорил, называя Его крепльшим себя, и светом, и жизнью, и истиной, и всеми прочими (именами); вспомнили и голос, нисшедший свыше, и Духа, явившегося тогда в виде голубя и всем Его указавшего; а сверх того, они видели доказательство в чудесах, и тем, наконец, утверждались. Если Иоанну, говорили они, следовало верить, то гораздо более – Христу. Если тому – без знамений, то гораздо более Христу, Который, вместе с свидетельством от Иоанна, имеет еще доказательство от знамений.

Видишь ли, сколько пользы принесло им пребывание в этом месте и удаление от злых людей? По этой-то причине (Христос) часто изводит и удаляет их от сообщества таких людей. Это самое сделал Он и в ветхом завете, когда в пустыне, вдали от египтян, наставлял иудеев и устроял во всем. То же внушает Он и нам делать, когда повелевает убегать торжищ, шума и смятений, молиться в тишине – в своей клети. И корабль, неподверженный буре, плывет благополучно: так и душа, не занятая общественными делами, находится в пристани. Поэтому-то женам следовало бы быть любомудрее мужей, так как они по большей части привязаны к занятиям домашним. Оттого именно и Иаков был "**кротким**", что жил дома и был свободен от внешних тревог; не без причины же Писание заметило о нем, как о живущем "**в шатрах**" (Быт.25:27). Но и в доме, скажешь, много беспокойства. Это оттого, что ты сама того хочешь и сама себя окружаешь множеством забот. Муж, обращаясь на торжищах и в судилищах, очевидно, обуревается внешними хлопотами, как бы некоторыми волнами; а жена, сидя дома, как бы в некоем училище любомудрия, и сосредоточив в себе свои мысли, имеет возможность заниматься и молитвою, и чтением, и другими делами любомудрия. И как живущие в пустынях не имеют никого, кто бы безпокоил их, так и жена, находясь всегда дома, постоянно может наслаждаться тишиною. Если же иногда представится ей необходимость и выйти, то и тогда нет для нее повода к беспокойству. В самом деле, женщине нужно бывает выходить или для того, чтобы придти сюда, или когда надобно омыть мело в бане; затем большую часть времени она сидит дома. Поэтому она может и сама любомудрствовать, и, принимая растревоженного мужа, утешать и успокаивать его, разгонять излишние и тяжелые его мысли и, таким образом, снова отпускать его уже без тех неприятностей, какие он принес с собою с торжища, но с добрым расположением, которое приобрел дома. Подлинно, жена благочестивая и разумная скорее всего может образовать мужа и настроить его душу по своему желанию. Ни друзей, ни учителей, ни начальников не послушает он так, как свою супругу, когда она увещевает и дает советы. Это увещание доставляет ему и некоторое удовольствие, потому что он очень любит эту советницу. И я мог бы указать на многих

суровых и неукротимых мужей, которые смягчены таким образом. Жена участвует с мужем и в трапезе, и в ложе, и в рождении детей, и в делах явных и тайных, во входах и выходах, и в весьма многом другом; она во всем ему предана и соединена с ним так, как тело соединено с головою. И если она будет разумна и рачительна, то всех других превзойдет и победит в попечении о своем супруге.

4. Поэтому убеждаю: считайте это обязанностью и давайте надлежащие советы. Женщина имеет великую силу как для добродетели, так и для порока. Она погубила Авессалома; она – Амнона; она намеревалась – Иова; но она же избавила Навала от смерти; она спасла целый народ. Так Деввора и Иудифь выказали доблести мужей – военачальников. Таковы же и многие другие жены. Поэтому и Павел говорит: "**почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа**" (1Кор.7:16)? И мы знаем, что в те времена Персида, Мариам и Прискилла приняли на себя подвиги апостольские. Этим-то женам и вы должны ревностно подражать, и не словами только, но и делами наставлять своего супруга. Как же мы можем учить его делами? Когда он увидит, что ты не злонравна, не расточительна, не любишь украшений, не требуешь излишних денежных доходов, но довольствуешься тем, что есть: в этом случае он непременно послушает и твоих советов. Если ты на словах будешь любомудрствовать, а на деле станешь поступать напротив, то он обвинит тебя в великом пустословии. А когда вместе с словами ты представишь ему наставление делами, тогда он похвалит тебя, и скорее послушает. Так будет, например, когда ты не станешь искать ни золота, ни жемчуга, ни драгоценных одежд, но, вместо этого, скромности, целомудрия, благодушия, и, поступая так сама, будешь требовать того же и от него. Если же надобно что-нибудь делать для угождения мужу, то нужно душу украшать, а не тело наряжать и погублять. Не столько золото, которым ты украшаешься, сделает тебя любезною и приятною для него, сколько – целомудрие и ласковость к нему, и готовность умереть за своего супруга. Это по преимуществу пленяет мужей. То украшение неприятно мужу, потому что приводит в стесненное положение его имение и требует больших издержек и забот; а это, о котором сказано выше, привяжет мужа к жене. Ласковость, дружба и любовь ни забот не приносят, ни издержек не требуют, но все противоположное. Притом тот наряд от привычки делается приторным; а украшение души цветет каждый день и возжигает сильнейший пламень. Итак, если хочешь нравиться мужу, украшай душу целомудрием, благочестием, попечением о доме. Эта красота и более пленяет, и никогда не прекращается. Ни старость не разрушает этой красоты, ни болезнь не уничтожает. Красоту телесную и время продолжительное разрушает, и болезнь истребляет, и многое другое; а что украшает душу, то выше всего этого. Кроме того, та красота и возбуждает зависть, и возжигает ревность; а эта чиста от такой болезни и свободна от всякого тщеславия. Таким образом, и в доме все будет идти лучше, и доходы будут изобильнее, когда золото не будет лежать вокруг твоего тела, не будет связывать твоих рук, но будет употребляться на необходимые нужды, как, например, на содержание слуг, на необходимое попечение о детях и на другие действительные потребности. Но если не так, – если будет со всех сторон лежат пред глазами и стеснять сердце, то какая прибыль? Какая польза? Печаль сердца не позволяет замечать того, чем пленяются глаза. Ведь вы знаете, верно знаете, что если бы кто увидел женщину, даже лучше всех украшенную, он не может находить в том удовольствия, когда у него душа болеет. Кто хочет находить удовольствие, тому наперед нужно быть веселым и иметь расположение к радости. Между тем, если золото все растрачено на украшение женина тела, а в доме обитает скудость, то для супруга нет никакого удовольствия. Итак, если желаете нравиться мужьям, приводите их в приятное расположение духа; а приведете их в это расположение, когда отвергнете наряды и украшения. Все это, по-видимому, имеет для него некоторую приятность во время бракосочетания; но впоследствии, с течением времени, теряет свою цену. Если от привычки мы не очень удивляемся небу, которое так прекрасно, и солнцу, которое так блистательно, что ты не можешь сравнить с ним ни одного тела, то каким образом будем

дивиться украшенному телу? Это говорю я, желая, чтобы вы украшались истинною красотою, которую заповедал Павел: "**не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию**" (1Тим.2:10). Или ты хочешь нравиться лицам посторонним и от них получать похвалы? Но это желание отнюдь не жены целомудренной. Впрочем, если хочешь, то и они будут очень любить тебя и хвалить за целомудрие. В самом деле, ту (любящую наряды) не похвалит ни один скромный и порядочный человек; похвалят разве люди распутные, или, лучше сказать, и они не похвалят, а напротив, станут говорить о ней худо, когда заметят, что ее бесстыдство возбуждает в них вожделение. А эту (целомудренную) и те, и другие, и все похвалят, так как не только не получают от нее никакого вреда, а напротив еще наставление в любомудрии. И от людей ей будет великая похвала, и от Бога великая награда. Итак, будем ревновать об этой красоте, чтобы и здесь пожить в безопасности, и достигнуть будущих благ, которых да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

---

[1] У Златоуста Вавилония и Ассирия часто называются Персией.

БЕСЕДА 62

"Был болен некто Лазарь из Вифании, из селения, [где жили] Мария и Марфа, сестра ее. Мария же была [та], которая помазала Господа миром" (Иоан.11:2)

1. Многие соблазняются, когда видят некоторых угодных Богу людей в каком-либо бедствии, когда видят, например, что они подверглись болезни, или бедности, или чему-нибудь другому подобному; а того не знают, что такие страдания свойственны тем, которые особенно любезны Богу. Так вот и Лазарь был из друзей Христовых, а был болен, как это именно говорили и пославшие: "**вот, кого Ты любишь, болен**" (ст.3). Но рассмотрим эту часть (евангельского чтения) сначала. "**Был болен**", сказано, "**некто Лазарь из Вифании**". Не просто и не случайно сказал, откуда был Лазарь, но по некоторой причине, которую укажет впоследствии. Но мы пока займемся предложенным местом. С пользою также упоминает нам и о сестрах его, присовокупляя к тому, что особенного имела Мария, именно: "**Мария же была [та], которая помазала Господа миром**". Некоторые с недоумением здесь спрашивают: как Христос позволил сделать это женщине? Поэтому, прежде всего необходимо заметить, что это – не блудница, упоминаемая у Матфея, и не та, которая (упоминается) у Луки; нет, это – другая. Те действительно были блудницы и преисполнены многих пороков; а эта была честная и усердная, заботившаяся о принятии Христа. Евангелист указывает, что и сестры любили Христа, и однако же Он допустил Лазарю умереть. Но почему же они не оставили болящего брата и не пошли сами ко Христу, как поступил сотник и муж царев, но послали к Нему? Потому, что они крепко надеялись на Христа, и были очень близки к Нему. А с другой стороны, они были слабые женщины и были одержимы скорбью. А что они сделали так не по небрежению, это показали впоследствии. Итак, очевидно, что Мария была не блудница. Но для чего, скажешь, и блудницу принял Христос? Для того, чтобы разрешить от порока, чтобы показать человеколюбие, чтобы ты познал, что нет недуга, побеждающего Его благость. Итак, не на то одно смотри, что Он принял, но и на то взирай, как Он переменил ее. Для чего же евангелист упоминает нам об этом событии? Или лучше, чему он хочет научить словами: "**Иисус же любил Марфу и сестру ее и Лазаря**" (ст.5)? Тому, чтобы мы отнюдь не негодовали и не огорчались, кода случится впасть в какую-нибудь болезнь людям добродетельным и друзьям Божиим. "**Вот, кого Ты**

любишь, болен" (ст.3). (Сестры Лазаря) хотели возбудить в Христе сострадание, потому что еще смотрели на Него, как на человека, что видно из их слов: "**если бы Ты был здесь, не умер бы**" (ст.21), а также из того, что они не сказали: "**вот**" Лазарь "**болен**", но: "**вот, кого Ты любишь, болен**". Что же Христос? "**Эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий**" (ст.4). Смотри, как Он опять показывает, что слава Его и слава Отца – одна. Сказав – "**к славе Божией**", присовокупил: "**да прославится Сын Божий**". "**Эта болезнь не к смерти**". Так как Он намерен был пробыть там два дня, то теперь и отсылает их с этим известием. При этом следует подивиться сестрам Лазаря, как они, услышав, что "**не к смерти**", и между тем увидев его умершим, не соблазнились тем, что на деле вышло напротив. Но и после того приступили ко Христу, и не подумали, что Он сказал ложь. А частица "**да**" означает здесь не причину, но следствие. Болезнь случилась по иной причине; но Христос обратил ее к славе Божией. И, сказав это, "**пробыл два дня**" (ст.6). Для чего же "**пробыл**"? Для того, чтобы скончался и был погребен, чтобы потом никто не мог сказать, что Он воскресил его тогда, как тот еще не умер, что то был только глубокий сон, или расслабление, или лишение чувств, но не смерть. По этой-то причине Он и остался на столько времени, что произошло даже тление, так что говорили: "**уже смердит**" (ст.39). "**После этого сказал ученикам: пойдем в Иудею**" (ст.7). Почему Он здесь говорит наперед (куда хочет идти), тогда как в других местах нигде не предуведомлял об этом? (Ученики) сильно боялись; и так как теперь находились в таком расположении духа, то Он и предваряет их этим известием, чтобы не встревожить внезапностью. Что же ученики? "**Давно ли Иудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда**" (ст.8)? Таким образом, они боялись и за Него, но еще более – за себя, потому что еще не были совершенны. Оттого-то Фома, потрясаемый страхом, и говорит: "**пойдем и мы умрем с ним**" (ст.16), так как он был слабее и маловернее других. Но смотри, как Иисус ободряет их тем, что говорит далее: "**не двенадцать ли часов во дне**" (ст.9). Этим Он сказал или то, что не сознающий за собой ничего худого не потерпит никакой беды, а потерпит тот, кто поступает худо, следовательно нам не должно страшиться, потому что мы не сделали ничего достойного смерти, – или то, что видящий "**свет мира сего**" (ст.9) находится в безопасности, и что если (безопасен) видящий "**свет мира сего**", то гораздо более – тот, кто находится со Мною, если не отступит от Меня. Ободрив их такими словами, Он приводит и причину, почему им необходимо туда отправиться. И показывая, что они пойдут не в Иерусалим, а в Вифанию, Он говорит: "**Лазарь, друг наш, уснул; но Я иду разбудить его**" (ст.11), то есть, иду не для того, чтобы беседовать опять о тех же предметах и обращаться там между иудеями, но за тем, чтобы разбудить нашего друга. "**Ученики Его сказали: Господи! если уснул, то выздоровеет**" (ст.12). Это не просто сказали они, но с тем, чтобы воспрепятствовать Ему идти туда. Ты говоришь, возражают они, что он спит? Значит, нет особенной нужды идти туда. Между тем Он для того и сказал: "**друг наш**", чтобы показать необходимость идти.

2. Когда же они все еще не решались, то Он говорит: "**умер**" (ст.14). Первое выражение Он употребил потому, что хотел научить не тщеславиться; но так как они не поняли, то Он присовокупляет: "**умер, и радуюсь за вас**" (ст.15). Почему же именно "**за вас**"? Потому что Я предсказал (смерть его), не бывши там; и, значит, когда Я воскрешу его, не будет никакого подозрения. Видишь ли, как еще несовершенны были ученики, и не понимали, как должно, Его могущества? А это происходило от страха, который в то время волновал и смущал их души. И когда сказал: "**уснул**", тогда прибавил: "**иду разбудить его**"; а сказав: "**умер**", уже не присовокупил: иду, чтобы воскресить его. Он не хотел словами предрекать того, что имел подтвердить самым делом, везде научая нас не тщеславиться и не давать без разбора обещаний. А если Они сделал это, когда сотник умолял Его, – потому что сказал: "**Я приду и исцелю его**" (Матф.8:7), – то сказал это для того, чтобы показать его веру. Если же кто скажет: отчего ученики пришли к мысли о сне

и не уразумели, что Он говорит о смерти, даже и после того, как Он сказал: "**иду разбудить его**", – так как безумно было предполагать, что Он отправится за пятнадцать стадий для того, чтобы разбудить, – то мы ответим, что они считали это загадкой, каких Он говорил много.

Итак, все они боялись нападения от иудеев; но более всех других – Фома, который поэтому и сказал: "**пойдем и мы умрем с ним**" (ст.16). Некоторые говорят, что он действительно желал умереть; но это несправедливо: слова его более выражают страх. Однако же он не подвергся за то упреку, потому что (Христос) снисходил теперь к его немощи. Впоследствии же он сделался сильнее всех и был непобедим. И вот то-то и удивительно, что (апостола), столь слабого прежде креста, – после креста и после того, как он поверил воскресению, мы видим пламеннее всех прочих. Так велика сила Христова. Кто не смел пойти вместе со Христом в Вифанию, тот, не видя Христа, прошел почти всю вселенную и обращался среди народов свирепых и готовых его умертвить. Но если Вифания отстояла на пятнадцать стадий, что составляет две мили, то каким образом Лазарь мог быть "**четыре дня, как во гробе**" (ст.39)? (Христос) пробыл на месте два дня, да накануне этих двух дней приходил посланный с известием, – в тот самый день, когда и умер, – так что Христос прибыл именно в четвертый день. Потому Он и ожидал, чтобы Его позвали, и не вошел сам собою без приглашения, чтобы кто-нибудь не заподозрил этого события. Да и приходили не сами (сестры), которых Он любил; но были посланы посторонние. "**Вифания же была близ Иерусалима, стадиях в пятнадцати**" (ст.18). Отсюда становится очевидным, что там могли присутствовать многие из Иерусалима. И действительно, (евангелист) тотчас присовокупил, что "**многие из Иудеев пришли утешать их**" (ст.19). Отчего же они утешали этих (женщин), любимых Христом? Ведь они же положили: "**кто признает Его за Христа, того отлучать от синагоги**" (Иоан.9:22)? Или по особенной тяжести этого несчастья, или по уважению к ним, как женщинам благородным, или же это были люди, не принадлежавшие к числу злых, так как многие и из них веровали. А говорит об этом евангелист для того, чтобы уверить, что Лазарь умер. Зачем же (Марфа), выходя на встречу Христу, не берет с собой сестры? Она хочет увидеться с Ним наедине, и рассказать Ему о случившемся. Когда Он возбудил в ней добрые надежды, она уходит и зовет Марию, которая и вышла ко Христу навстречу, хотя скорбь ее была еще во всей силе. Видишь ли, как горяча была любовь? Это та самая, о которой говорил: "**Мария же избрала благую часть**" (Лук.10:42). Но как же, скажешь, Марфа явилась теперь более усердною? Она не была более усердною; Мария (не вышла потому, что) еще не слышала (о Его прибытии). Напротив была слабее, потому что и после того, как услышала столь многое, все еще говорит: "**уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе**" (ст.39). А эта (Мария), хотя ничего не слышала, однако же не сказала ничего подобного, но тотчас уверовала и говорит: "**Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой**" (ст.32).

3. Видите, какое любомудрие у жен, хотя и немощен их ум? Увидев Христа, они не предаются тотчас слезам, рыданиям и стонам, что бывает с нами, когда к нам приходит кто-нибудь из знакомых во время нашей скорби; но тотчас выказывают свое удивление к Учителю. Так, они обе веровали во Христа, но еще не надлежащим образом. Они не знали еще хорошо ни того, что Он Бог, ни того, что Он творил это собственною силою и властью. Теперь Он научил их и тому и другому. А что они не знали этого, видно как из слов их: "**если бы Ты был здесь, не умер бы брат**" наш (ст.21), так и из того, что они присовокупили: "**чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог**" (ст.22). Таким образом они говорят (о Христе), как о каком-нибудь человеке добродетельном и угодном Богу. Заметь же, что отвечает Христос: "**воскреснет брат твой**" (ст.23). Этим опровергает пока слова: "**чего Ты попросишь**". Не сказал: Я буду просить, но что? "**Воскреснет брат твой**". Если бы Он сказал: женщина! Еще ли ты сморишь долу? Я не нуждаюсь в чужой помощи; Я все

творю Сам собою, – то это было бы очень тяжело и неприятно для женщины. Но сказав: "**воскреснет**", Он тем естественно сделал слово Свое более умеренным, а дальнейшими словами дал разуметь и то, что я выше сказал. Так, когда сказала: "**знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день**" (ст.24), тогда Он, яснее показывая Свое могущество, говорит: "**Я есмь воскресение и жизнь**" (ст.25), и тем означает, что Он не нуждается в содействии другого, так как сам есть жизнь. А если бы Он нуждался в другом, то каким бы образом сам мог быть воскрешением и жизнью? Но Он не сказал так ясно, а только намекнул на это. Потом, так как она сказала: "**чего Ты попросишь**", то Он еще говорит: "**верующий в Меня, если и умрет, оживет**" (ст.25), показывая тем, что Он сам есть податель благ, и у Него должно их просить. "**И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек**" (ст.26). Смотри, как Он возвышает ее ум. Ведь не в том только было дело, чтобы воскресить Лазаря, но надобно было и ее, и присутствующих с нею научить воскресению. Поэтому Он прежде, чем воскресил, рассуждает о (воскресении). Если же Он сам есть "**воскресение и жизнь**", то не ограничивается местом, но может исцелять везде. И если бы (сестры Лазаря), подобно сотнику, сказали: "**скажи слово, и выздоровеет слуга мой**" (Матф.8:8), то Он так бы и сделал. Но так как они звали Его и просили придти к ним, то Он снисходит, чтобы возвести их от уничиженного о Нем понятия, и приходит на место. Но и при этом снисхождении Он показывает, что может исцелять и не присутствуя на месте. С этой-то целью Он и медлит. В самом деле, благодать не сделалась бы очевидною, если бы она тотчас была дарована, если бы прежде не появился уже смрад. Но откуда знала эта женщина о будущем воскресении? Она слышала многие беседы Христа о воскресении; а теперь желала увидеть это на самом деле. Смотри однако же, как она еще вращается долу! В самом деле, уже услышавши: "**Я есмь воскресение и жизнь**", она даже и после того не сказала: воскреси его, – но что? "**Я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир**" (ст.27). Что же ей Христос? Всяк "**верующий в Меня, если и умрет, оживет**" (ст.25), разумея здесь эту (телесную) смерть; "**и всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек**" (ст.26), указывая на ту (духовную) смерть. И так как "**Я есмь воскресение**", то не смущайся; хотя уже и умер, но веруй, это не есть смерть. Таким образом Он пока утешил ее в случившемся и пробудил в ней надежду, и тем, что сказал: "**воскреснет**", и тем, что изрек: "**Я есмь воскресение**", и тем, что если после воскресения он и опять умрет, то не потерпит никакого вреда, а потому и не должно страшиться этой смерти. Слова Его имеют тот смысл, что ни он не умер, ни вы не умрете. "**Веришь ли сему**"? Марфа отвечает: "**верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир**" (ст.26,27). Мне кажется, что женщина не поняла слов. Она сознавала, что в них есть что-то великое, но всего не выразумела. Поэтому, будучи спрошена об одном, она отвечает другое. Но по крайней мере она получила теперь ту пользу, что отложила свою скорбь. Такова-то сила слов Христовых! Поэтому-то и Марфа первая вышла навстречу Христу, и Мария последовала за нею. Любовь к Учителю не давала им сильно чувствовать настоящую (скорбь). Таким образом, с помощью благодати, и ум этих жен любомудрствовал.

4. А в настоящее время, вместе с другими пороками, между женщинами господствует и та болезнь, что они выставляются на показ в плаче и рыданиях, обнажая плечи, терзая волосы, делая рубцы на щеках. И это делают – одни от скорби, другие из желания выказаться и отличиться, а иные обнажают себе плечи, и притом в глазах мужчин – по распутству. Что ты делаешь, женщина? Как ты, скажи мен, будучи членом Христовым, без всякого приличия обнажаешь себя среди торжища, и притом тогда, как на торжище присутствуют мужчины? Ты рвешь на себе волосы, раздираешь одежду, громко рыдаешь, составляешь вокруг себя позорище, являешься в образе неистовых женщин, – и не думаешь, что оскорбляешь Бога? Как велико твое безумие! Не станут ли смеяться над этим язычники? Не подумают ли, что все у нас – басни? Так, они скажут: воскресения нет, и учение христиан – это смех, обман и выдумка. Женщины у них рыдают так, как бы

после настоящей жизни ничего уже не было; они не внимают словам, начертанным в их книгах, а этим сами показывают, что все то вымысел. Если бы они веровали, что умерший не умер, но преставился к лучшей жизни, то не оплакивали бы его, как уже несуществующего, не терзались бы так и не произносили бы этих слов, исполненных неверия: уж не видеть мне тебя больше! Уж не будешь ты опять со мною! Все у них басня. Если они так не веруют высшему из благ, то тем менее всему другому, что у них считается священным. Не так малодушны сами язычники. Многие у них любомудрствовали. Так, одна языческая женщина, услышав, что сын ее пал на войне, тотчас спросила: а в каком положении находятся дела города? И один из философов, удостоенный венка, когда услышал, что один из его сыновей пал за отечество, – снял с себя венок и спросил: который из двух? И как скоро узнал, кто именно из них пал, тотчас опять возложил на себя венок. Многие также отдавали даже сыновей и дочерей своих на жертву, – из почтения к демонам. А лакедемонские женщины даже внушали своим детям, чтобы они или принесли свой щит с войны, или сами были принесены на нем мертвыми. Потому-то стыдно мне, что язычники так любомудрствуют, а мы поступаем непристойно. Не знающие ничего о воскресении действуют так, как свойственно знающим; а знающие поступают, как не знающие. Многие даже, из-за стыда человеческого, нередко делают то, чего не делают для Бога; так богатые женщины не терзают волос и не обнажают плеч. Но и это также заслуживает крайнего осуждения – не потому, что они не обнажают себя, но потому, что делают это не по благочестию, а для того, чтобы не показаться бесстыдными. Значит, стыд обуздывает печаль, а страх Божий не обуздывает? Как же не достойно это крайнего осуждения? Следовало бы, по крайней мере, чтобы то, что богатые женщины делают вследствие своего богатства, бедные делали по страху Божию; но теперь все бывает напротив: те любомудрствуют по тщеславию, а эти поступают неблагопристойно по малодушию. Что хуже такой несообразности? Все делается для людей, все – по здешним побуждениям. И речи произносятся, полные безумия и великого смеха. Господь говорит: "**блаженны плачущие, ибо они утешатся**" (Матф.5:4), – разумея плачущих о грехах, и между тем никто не плачет этим плачем, и не заботится о погибающей душе. Это (плакать об умерших) нам напротив не заповедано делать, и однако же мы делаем. Что же, скажешь, разве человеку можно не плакать? Да я и не воспрещаю этого; я воспрещаю только терзаться, плакать неумеренно. Я не зверь и не бесчеловечен. Знаю, что в этом обнаруживается природа, и что она ищет содружества и ежедневного общения. Не возможно не печалиться. Это сам Христос показал, потому что прослезился над Лазарем. Так и ты поступай: плачь, но тихо, но благопристойно, но со страхом Божиим. Если так будешь плакать, то это будет знаком не того, будто ты не веруешь воскресению, но того, что для тебя тяжела разлука.

5. Ведь мы плачем и о тех, которые отправляются в дорогу и разлучаются с нами; но – не так, как отчаивающиеся. Так и ты, плачь. Как бы провожал отходящего в чужую сторону. Это говорю я не с тем, чтобы поставить вам в закон, но – по снисхождению. В самом деле если умерший был грешник, и много оскорбил Бога, в таком случае должно плакать, или лучше – не плакать только, потому что отсюда для него нет никакой пользы, но и делать то, что может принести ему некоторое облегчение, милостыню и приношения. А впрочем и в этом случае нужно радоваться, потому что у него отнята возможность грешить. Если же – праведник, то еще более должно радоваться, потому что он находится в безопасности, и уже избавился от неизвестности будущего. Если это юноша, (должно радоваться), что он скоро освободился от окружающих нас зол. Если старец, – что он отошел, до сытости насладившись тем, что считается вожделенным. Но ты, забыв думать об этом, заставляешь рыдать служанок, как будто делаешь этим честь отошедшему. Это же – крайнее бесчестие! Честь для умершего составляют не плачь и рыдания, но священные песни и псалмопения, и добрая жизнь. Такой человек, отойдя отсюда, отойдет

с ангелами, хотя бы и никого не было при его останках. А человек развратный, хотя бы целый город провожал его, не получит из того никакого плода.

Хочешь почтить умершего? Почти его иным образом, – милостынями, благотворениями, литургиями. Какая польза от многих рыданий? А я слышал еще и о другом тяжком зле; говорят, будто многие через плач привлекают к себе даже любовников, чрезмерностью своих воплей составляя себе славу жен, любящих своих мужей. Какое диавольское изобретение! Какая сатанинская выдумка! Доколе мы будем земля и пепел? Доколе – кровь и плоть? Воззрим на небеса, – подумает о духовном! Какая будет у нас возможность укорять язычников, какая возможность утешать, когда сами поступаем таким образом? Как будем беседовать с ними о воскресении? Как о всяком другом любомудрии? Как сами будем жить без страха? Ужели не знаешь, что от печали происходит смерть? Помрачая зрение души, печаль не только не позволяет ей видеть ничего должного, но и причиняет великий вред. Подлинно, когда мы предаемся излишней скорби обо умершем, тогда и Бога оскорбляем, и не доставляем пользы ни себе, ни отшедшему; а когда поступаем напротив, – и Богу благоугождаем, и приобретаем доброе мнение у людей. Если мы и сами не будем упадать духом, в таком случае (Бог) скоро уничтожает и остаток скорби; а если будем сильно огорчаться, Он предоставляет нас во власть печали. Если будем благодарить, – не будем скорбеть. Но как возможно, скажешь, не печалиться тому, кто потерял сына, или дочь, или жену? Я не говорю не печалиться, но – не печалиться без меры. В самом деле, если мы помыслим, что их взял Бог, что муж и сын были у нас смертные, то скоро получим утешение. Скорбеть здесь – значит требовать чего-то вышеестественного. Если ты родился человеком и смертным, то зачем скорбишь о том, что совершилось сообразно с природой? Ты ведь не скорбишь, что поддерживаешь жизнь свою пищей? Ведь не домогаешься того, чтобы жить без пищи? Так поступай и в отношении к смерти, и не ищи до времени бессмертия, когда родился смертным. Это определено однажды навсегда. Не скорби же и не сокрушайся, но переноси благодушно то, что для всех вообще законоположено. Печалься лучше о грехах: это – хорошая печаль, это – величайшее любомудрие. Итак, будем непрестанно печалиться об этом, чтобы там сподобиться радости, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 63

"Иисус еще не входил в селение, но был на том месте, где встретила Его Марфа. Иудеи, которые были с нею" и проч. (Иоан.11:31)

1. Великое благо любомудрие, – разумею то любомудрие, которое у нас. У язычников все только слова и басни; а самые эти басни не заключают в себе никакого любомудрия, потому что у них все делается ради славы. Итак, великое благо любомудрие; оно и здесь уже вознаграждает нас. Так, кто презирает богатство, тот уже здесь получает пользу, потому что избавляется от излишних и бесполезных забот. Кто попирает славу, уже здесь получает награду, потому что не служит никому рабом, но бывает свободен истинной свободой. Кто желает небесных (благ), – уже здесь получает воздаяния, потому что, вменяя в ничто все настоящее, легко побеждает всякую печаль. Так вот и эта женщина за свое любомудрие получила здесь награду. В то время, как все сидели при ней – скорбевшей и плакавшей, она не ожидала, чтобы к ней пришел Учитель, не обращала внимания на (свое) достоинство и не была удержана скорбью. Скорбящие вместе с другими недугами имеют еще и ту болезнь, что желают быть в почете у присутствующих. Но в ней не было ничего этого, а как только она услышала (что Господь пришел), тотчас идет к Нему. "**Иисус еще не входил в селение**". Он шел не скоро, чтобы видно было, что Он не сам стремится к чуду, но идет по их просьбе. Или это именно хочет выразить

евангелист словами: "**поспешно встала**" (ст.29), или он этим показывает, что (Мария) побежала так для того, чтобы предупредить Его пришествие. Между тем она идет не одна, но влечет за собою и бывших в доме иудеев. Весьма благоразумно, поэтому, сестра и позвала ее тайно, чтобы не смутить собравшихся, и не сказала – зачем; иначе многие и удалились бы; а теперь все пошли за нею, полагая. Что она идет плакат. Может быть также и чрез это (евангелист) снова уверяет в том, что Лазарь действительно умер. "**И пала к ногам Его**" (ст.32). Она была пламеннее своей сестры. Она не устыдилась ни народа, ни худого мнения, какое имели о Христе (были многие и из врагов Его, которые и говорили: "**не мог ли Сей, отверзший очи слепому, сделать, чтобы и этот не умер**" (ст.37)?). В присутствии Учителя, она отбросила все человеческое, и заботилась только о том, чтобы почтить Учителя. И что же она говорит? "**Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой**" (ст.32). Что же Христос? Теперь пока ничего не говорит ей; не говорит даже того, что сказал ее сестре. Тут присутствовало много народа, и не время было для таких речей. Он только смиряется и снисходит, и, чтобы уверить в Своей человеческой природе, тихо плачет и отлагает до времени чудо. В самом деле, чудо это было великое, – такое, каких Он совершил немного, – и чрез него многие должны были уверовать. Поэтому, чтобы оно не показалось народу невероятным, если бы совершено было без Него, и чтобы при всем величии не осталось без пользы, – Христос привлекает Своим снисхождением многих свидетелей чтобы не погубить добычи, и выказывает в Себе то, что было свойственно Его человеческой природе, т.е. плачет и смущается, так как скорбь обыкновенно производит плач. Потом Он обуздывает Свою скорбь (это именно и означает выражение: "**запретил[1] духу**" (ст.33)), и тогда спрашивает: "**где вы положили его?**", – чтобы вопрос не был соединен с рыданием. Но зачем же Он спрашивает? Затем, что не хочет сам по себе приступить (к совершению чуда), но хочет все узнать от других и сделать по их просьбе, чтобы освободить чудо от всякого подозрения. "**Говорят Ему: Господи! пойди и посмотри. Иисус прослезился**" (ст.34,35). Видишь ли, что еще до сих пор Он ничем не указал на воскресение, и что Он идет как будто не для того, чтобы воскресить, но чтобы плакать? А что действительно казалось, что Он пошел с этим намерением, т.е. с тем, чтобы плакать, а не воскресить, это показывают иудеи, которые потому и говорили: "**смотри, как Он любил его. А некоторые из них сказали: не мог ли Сей, отверзший очи слепому, сделать, чтобы и этот не умер?**" (ст.36,37). Даже и в несчастии они не оставили своей злобы. Но (Христос) намерен совершить дело, еще более удивительное: отогнать смерть, уже наставшую и овладевшую (человеком), гораздо важнее, нежели остановить смерь наступающую. Таким образом, они порицают Его тем самым, из-за чего следовало бы дивиться Его могуществу. Допускают до времени, что Он отверз очи слепому; но вместо того, чтобы за это дивиться Ему, они, из-за смерти Лазаря, клевещут и на то чудо, как будто его не было. Впрочем не отсюда только видно, что они все были развращены, но также и из того, что еще прежде, нежели Он пришел и явил (Свою силу), они уже предварят Его обвинениями, не дожидаясь конца дела. Видишь, как превратно было их суждение?

2. Итак, Он приходит ко гробу и опять удерживает скорбь. Но для чего евангелист тщательно и не раз замечает, что Он плакал и что Он удерживал скорбь? Для того, чтобы ты знал, что Он истинно облечен был нашим естеством. Так как этот (евангелист), очевидно, более других говорит о Нем великого, то и о человеческих Его делах повествует здесь гораздо уничиженнее. О смерти Его он не сказал ничего такого, что другие, – именно, что Он был прискорбен, что Он был в подвиге; но совсем противное, – что Он и ниц поверг (воинов). Итак, что было опущено там, то он восполнил здесь, сказав о плаче. И сам Христос, беседуя о смерти, говорит: "**имею власть отдать**" жизнь Мою (Иоан.10:18), и не произносит ничего уничиженного. Поэтому-то, повествуя о страданиях, (евангелисты) и приписывают Ему много человеческого, показывая тем, что Его воплощение истинно. Так Матфей удостоверяет в этом, говоря о Его предсмертных муках,

смущении и поте; а этот – повествуя о плаче. В самом деле, если бы Он не был нашего естества, то не был бы одержим скорбью, и притом не однажды, а дважды. Что же Иисус? Он нисколько не защищает Себя пред иудеями от их обвинений. Да и для чего было словами опровергать тех, которые тотчас же имели быть опровергнуты самым делом? А между тем это (опровержение) было не так тягостно и более могло пристыдить их. "**Иисус говорит: отнимите камень**" (ст.39). Почему же Он не воззвал и не воскресил его, не будучи еще на месте? А особенно, почему Он не воскресил его, когда камень еще был навален. Кто мог голосом подвигнуть мертвое тело и опять одушевить его, тот, конечно гораздо более мог тем же голосом подвигнуть камень. Кто своим голосом дал возможность ходить обвязанному убрусами и связанному по ногам, тот гораздо более мог подвигнуть камень. И что я говорю? Он мог бы сделать это и не находясь на месте. Для чего же не сделал? Для того, чтобы их самих поставить свидетелями чуда, чтобы они не говорили того же, что говорили о слепом: это – он, это – не он. Самые руки их и самое пришествие их ко гробу свидетельствовали, что это – он. Если бы они не пришли, то, пожалуй, подумали бы, что видят призрак или одного вместо другого. А теперь, когда пришли к месту и отняли камень, когда получили повеление разрешить от уз обвязанного пеленами мертвеца, когда друзья, вынесшие его из гроба, узнали по самым пеленам, что это – он, когда при этом находились самые сестры, и одна из них сказала: "**уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе**" (ст.39) – теперь все это уже достаточно могло заградить неблагонамеренным свидетелям уста. Для того Он повелевает им отнять камень от гробы, чтобы показать, что Он воскрешает именно Лазаря. Для того и спрашивает: "**где вы положили его**" (ст.34)? – чтобы те, которые сказали: "**пойди и посмотри**" (ст.34), и которые привели Его, не могли сказать, что Он воскресил другого; чтобы и голос, и руки свидетельствовали: – голос, говоривший: – "**пойди и посмотри**", – руки, отвалившие камень и разрешившие повязки; также – зрение и слух, – слух, так как слышал голос, – зрение, так как видело исшедшего (из гроба); равно и обоняние, так как оно чувствовало смрад, – "**уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе**". Итак, справедливо я сказал, что эта женщина ничего не поняла в словах Христовых: "**если и умрет, оживет**" (ст.25). Смотри, что она здесь говорит; (она считает) это дело уже невозможным по продолжительности времени. И подлинно, дело было необычайное – воскресить четвородневного и предавшегося тлению мертвеца. Ученикам (Христос) сказал: "**да прославится Сын Божий**" (ст.4), указывая на Себя самого; а жене этой говорит: "**увидишь славу Божию**" (ст.40), разумея Отца. Видишь ли, как немощь слушателей служит причиной разности изречений? Он напоминает о Своей беседе с нею, как бы укоряя ее за то, что она не помнит (Его слов); или же Он теперь не хотел приводит в смущение присутствующих, и потому кротко говорит: "**не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию**" (ст.40)?

3. Итак, великое благо – вера, великое благо и виновница многих благ, так что люди во имя Божие могут совершать дела Божии. "**Если вы будете иметь веру**", говорит (Христос), "**скажете горе сей: "перейди отсюда туда", и она перейдет**" (Матф.17:20); и опять: "**верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит**" (Иоан.14:12). Какие же, скажешь, дела большие? Дела, совершенные учениками впоследствии, когда даже тень Петра воскресила мертвого. Через это еще более проповедовалась и сила Христова. В самом деле, не столько удивительно то, что Он при жизни своей чудодействовал, сколько то, что по смерти Его другие могли Его именем совершать большие чудеса: это служило несомненным доказательством Его воскресения. Если бы даже Он всем явился, – и это не возбудило бы такой веры, потому что видевшие могли бы еще сказать, что это был призрак. Но кто видит, что одним именем Его совершаются знамения гораздо большие, нежели какие Он сам творил, обращаясь с людьми, тот не может не уверовать, если только он не крайне бесчувствен. Итак, великое благо – вера, кода она бывает от горячего сердца, от многой любви и пламенной души.

Она делает нас мудрецами; она прикрывает ничтожество человеческое и, оставляя умствования земные, любомудрствует о вещах небесных; даже более: чего мудрость человеческая обрести не может, то она с избытком постигает и совершает. Будем же держаться веры, и не станем вверять наших дел умствованиям. Отчего, в самом деле, скажи мне, язычники не могли ничего обрести? Не знали ли они всей внешней мудрости? Почему же они не могли превзойти рыбарей, скинотворцев и неученых? Не потому ли, что они все предоставляли своим умствованиям, а эти последние – вере? Так, по этой причине последние превзошли Платона, Пифагора и всех вообще людей заблуждавшихся, победили сведущих в астрологии и математике, геометрии и арифметики, и изучивших всякую науку, и сделались настолько лучше их, насколько истинные и действительные мудрецы лучше людей от природы глупых и безумных. В самом деле, смотри: эти сказали, что душа бессмертна, или, лучше, не только сказали, но и убедили в этом; а те первоначально даже не знали, что такое душа, и когда узнали и отличили ее от тела, опять стали страдать тем же незнанием. Так, одни говорили, что она бестелесна; другие, что она есть тело и вместе с телом разрушается. Равным образом, о небе те говорили, что оно одушевлено и есть Бог; а рыбари и научили, и убедили, что оно есть творение и произведение Божие. Впрочем, в том нет ничего удивительного, что язычники руководились умствованиями; но вот что достойно слез, – что люди, представляющие себя верующими, и они оказываются душевными. Оттого-то и они впали в заблуждения. Так, одни из них говорили, что знают Бога так, как Он знает Сам Себя, чего не смел сказать даже никто из язычников. Другие говорили, что Бог не может рождать бесстрастно, и не предоставляли Ему никакого преимущества пред людьми. Иные же утверждают, что ни хорошая жизнь, ни доброе поведение не приносят никакой пользы. Но теперь не время опровергать это.

4. А что правая вера, при порочной жизни, не приносит никакой пользы, это показывают и Христос, и Павел, которые преимущественно заботились о доброй жизни. Так Христос учит: "**не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное**" (Матф.7:21); и далее: "**многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие**" (Матф.7:22,23). В самом деле, люди невнимательные к себе самим легко впадают в пороки, хотя имеют правую веру. А Павел в своем послании к Евреям, так говорит и убеждает: "**Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа**" (Евр.12:14). Святостью он называет целомудрие, по которому каждый должен довольствоваться своею женою, и не падать с другою. А кто не довольствуется, тот не может спастись, но неизбежно погибнет, хотя бы имел тысячи добродетелей. В самом деле, блуднику невозможно войти в царство небесное; а тут уже не блуд, но гораздо более – прелюбодеяние. Как жена, которая связана с мужем, если будет еще в связи с другим, уже прелюбодействует, так точно и муж, связанный с женою, если будет иметь еще другую, прелюбодействует. А такой не наследует царства, но будет ввержен в геенну. Послушай, что о таких людях говорит Христос: "**червь их не умирает и огонь не угасает**" (Мар.9:44). Подлинно, для того нет никакого извинения, кто при своей жене бесчинствует с другою, потому что это уже невоздержанность. Если многие и от своей жены воздерживаются, когда наступает время поста или время молитвы, то какой огонь собирает себе тот, кто не довольствуется даже своею (женою), но имеет еще связь и с другой? Если отпустившему и отвергшему от себя свою жену не позволяется сопрягаться с другою, потому что это – прелюбодеяние, то какой грех делает тот, кто имея в своем доме жену, приводит еще другую? Пусть же никто не позволяет оставаться такому недугу в своей душе, но пусть всякий с корнем исторгает его. (Прелюбодей) не столько вредит жене, сколько самому себе. Этот грех столько тяже и непростителен, что если жена оставит мужа, даже идолопоклонника, против его воли, то Бог ее наказывает; а когда она оставит прелюбодея, – не наказывает. Видишь ли, какое это

зло? Если какая-нибудь верная "**жена**", говорится, "**имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его**" (1Кор.7:13). Но о блуднице не так сказано, а что? "**Кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать**" (Матф.5:32). Если чрез сожитие (муж и жена), составляют одно тело, то и живущий с блудницей необходимо становится одним с нею телом. Как же после этого честная жена, будучи членом Христовым, примет такого (мужа)? Или каким образом она соединит с собою член блудницы? И смотри, какая особенность! Сожительствующая неверному не становится оттого нечистою: "**ибо неверующий муж**", сказано, "**освящается женою верующею**" (1Кор.7:14). Но о блуднице не то сказано, но что? "**Отниму ли члены у Христа, чтобы сделать [их] членами блудницы**" (1Кор.6:15)? Там освящение пребывает и не отнимается, несмотря на сожительство с неверным; а здесь оно удаляется. Подлинно, тяжкий грех – прелюбодеяние, и тяжкий и готовящий нескончаемое наказание! Да и здесь оно навлекает бесчисленные бедствия. В самом деле, такой человек принужден бывает вести жизнь тяжкую и горестную, и его состояние ничем не лучше состояния осужденных на казнь, когда он тайком входит в чужой дом со страхом и великим трепетом, и всех равно опасается – и рабов и свободных. Поэтому, умоляю вас, потщитесь освободиться от этой болезни. Если не послушаетесь, то не входите в эти священные преддверия. Овцам, покрытым язвами и зараженным болезнью, не следует пастись вместе с овцами здоровыми; их должно отгонять от стада, пока не освободятся от своей болезни. Мы сделались членами Христовыми, – не будем же членами блудницы! Здесь не распутный дом, но церковь; и если у тебя члены блудодейцы, то не стой в церкви, чтобы не бесчестить этого места. Если бы даже не было геенны, если бы даже не было наказания, – и в этом случает, как ты, после тех договоров и брачных светильников, после того законного ложа, после чадородия, после такого общения, – как ты можешь дозволить себе прилепляться к другой? Как не стыдишься и не краснеешь? Разве не знаешь, что многие осуждают даже и тех, которые вводят к себе другую жену по смерти своей (первой) жены, хотя это дело и не заслуживает наказания? А ты еще при жизни своей жены берешь себе другую! Какова распущенность! Узнай, что сказано о таких людях: "**червь их**", говорит, "**не умирает и огонь не угасает**" (Мар.9:44). Устрашись этой угрозы! Убойся такого наказания! Не так велико здесь удовольствие. Как велико там наказание. Но дай Бог, чтобы никто не подвергся тому наказанию; дай Бог, чтобы мы, подвизаясь в святости, узрели Христа и достигли обетованных благ, которых да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Св. Духом, слава во веки веков. Аминь.

---

[1] "Запретил" взято из славянского перевода, синодальное "восскорбел" выпадает из контекста.

БЕСЕДА 64

"Иисус же возвел очи к небу и сказал: Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал [сие] для народа, здесь стоящего" и проч. (Иоан.11:41,42)

1. Что я много раз говорил, то и теперь скажу, – что Христос не столько обращает внимание на собственное достоинство, сколько на наше спасение, и не заботится о том, чтобы сказать что-нибудь великое, но то, что может привлечь нас. Поэтому высокого и великого в Его словах немного, да и то прикровенно, а уничиженного и обыкновенного – весьма много. Так как это последнее больше привлекало, то Он чаще об этом и говорит.

Впрочем Он и не всегда говорит уничиженное, чтобы не повредить будущим (слушателям Своего учения), и не умалчивает о нем, чтобы не соблазнить тогдашних. Люди, освободившиеся от низких понятий, могут и из одного высокого догмата уразуметь все; а те, которые всегда были с понятиями низкими, и совсем не пришли бы, если бы не часто слушали уничиженное. Ведь известно, что и после этого иудеи не отстают, но бросают в Него камнями, преследуют Его, стараются умертвить и называют хульником. Так, когда Он представляет Себя равным Богу, они говорят: "**Он богохульствует**" (Мар.2:7; Иоан.10:33,36); а когда сказал: "**прощаются тебе грехи**" (Мар.2:9), – называют Его даже беснующимся, точно также, как и тогда, когда сказал, что слушающий слова Его – превыше смерти (Иоан.8:51). Равным образом они оставляют Его, когда Он сказал: "**Отец во Мне и Я в Нем**" (10:38), и соблазняются, когда Он говорит о Себе, что сошел с неба. Если же они не терпели таких слов и тогда, как они произносились редко, то конечно еще менее стали бы внимать Ему, если бы речь Его всегда была высокой, и вся из таких слов составлена. Между тем, когда Он говорит: "**как**" заповедал Мне "**Отец Мой, так и говорю**" (Иоан.8:28), и также: "**Я пришел не Сам от Себя**" (7:28), тогда они веруют; и что именно – ***тогда***, видно из слов евангелиста, который, означая это, говорит: "**когда Он говорил это, многие уверовали в Него**" (Иоан.8:30). Итак, если уничиженные речи привлекали к вере, а высокие – отдаляли от нее, то не крайне ли безумно – не думать, что вся причина уничиженных состоит в том, что они говорены были приспособительно к слушателям? Так и в другом месте Он хотел было сказать нечто великое, но умолчал, указав на эту причину словами: "**но, чтобы нам не соблазнить их, пойди на море, брось уду**" (Матф.17:27). Тоже самое делает Он и здесь. После того как сказал: "**Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня**", Он присовокупил: "**но сказал [сие] для народа, здесь стоящего, чтобы поверили**" (Иоан.11:42). Наши ли это слова? Человеческое ли это предположение? Значит, если бы кто из написанного не мог убедиться, что соблазнялись речами высокими, то может ли он, слыша, как сам Христос свидетельствует, что Он для того говорит уничиженно, чтобы они не соблазнились, – может ли еще думать, что Его уничиженные слова были делом Его естества, а не снисхождения? Так и в другом месте, когда слышен был голос свыше, Он сказал: "**не для Меня был глас сей, но для народа**" (Иоан.12:30). Впрочем великому можно многое говорить о себе уничиженно; но уничиженному неприлично возвещать о себе что-нибудь великое и высокое. То бывает по снисхождению, и имеет свою причину в немощи слушающих; или лучше – для того, чтобы расположить к смиренномудрию, чтобы убедить, что Он облечен плотью, чтобы научить слушателей – не говорить о себе ничего великого; а также – потому, что слушатели считали Его противником Божиим, не верили, что Он пришел от Бога, думали, что Он разоряет закон, завидовали Ему и враждовали против Него за то, что Он назвал Себя равным Богу. А когда кто, сам по себе незначительный, говорит о себе что-нибудь великое, то для этого нет никакой причины, ни благовидной, ни неблаговидной: это будет только безумием, бесстыдством и непростительной дерзостью. Итак. Для чего (Христос) говорит уничиженно, при своем неизреченном и великом существе? Как по вышесказанным причинам, так и для того, чтобы не сочли Его нерожденным. Так и Павел, по-видимому, убоялся чего-то подобного, почему и сказал: "**кроме Того, Который покорил Ему все**" (1Кор.15:27). Действительно, нечестиво даже и помыслить это.

Если бы, с другой стороны, Он был меньше Родившего, и иного существа, а между тем Его почли бы равным, то не сделал ли бы Он всего, чтобы не считали Его таким? Но Он поступает напротив, говоря: "**Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне**" (Иоан.10:37). Равным образом и тогда, когда говорит, что "**Я в Отце и Отец во Мне**" (14:10), Он указывает нам на равенство. Ему следовало бы со всей силой опровергнуть это, если бы Он был меньше, и решительно никогда не говорить: "**Я в Отце и Отец во Мне**", или: "**Я и Отец – одно**" (10:30), или: "**видевший Меня видел Отца**" (14:9). А между тем Он, кода у Него была речь о силе, говорил: "**Я и Отец – одно**" (10:30), и когда

была речь о власти, опять говорил: "**как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет**" (5:21). Но этого Он не мог бы делать, если бы был другого существа; а если бы и мог, то Ему не следовало бы этого говорит, чтобы не подумали, что (у Них) одно и тоже существо. Если для того, чтобы не считали Его противником Богу, Он часто говорит и то, что Ему несвойственно, то тем более следовало (поступить так) в том случае. Но Он и словами: "**дабы все чтили Сына, как чтут Отца**" (Иоан.5:23), и словами: дела, "**что творит Он**", и Я также творю (ст.19), и тем, что называет Себя воскрешением и жизнью (11:25) и светом миру (8:12), – показывает, что Он равен Родившему, и утверждает то предположение, какое составили себе иудеи. Видишь ли, как много Он говорил, чтобы защитить Себя в том, что Он не разоряет закона? А мнение о равенстве Своем с Отцом не только не опровергает, но и утверждает. Так и в то время когда они сказали: ты говоришь хулу, потому что творишь Себя Богом (Иоан.10:33), Он подтвердил это, указав на равенство дел.

2. Но зачем я говорю о том, что Сын так поступал (говорил о Себе уничиженно), когда и Отец, не восприявший плоти, делает тоже самое? И Он, ради спасения слушающих, попустил сказать о Себе много уничиженного. Так слова: "**воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: где ты?**" (Быт.3:9), и: "**посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них**" (18:21), и: "**теперь Я знаю, что боишься ты Бога**" (22:12), и: "**будут ли они слушать, или не будут**" (Иез.3:11), и: "**о, если бы сердце их было у них таково, чтобы бояться Меня и соблюдать все заповеди Мои во все дни, дабы хорошо было им и сынам их вовек!**" (Втор.5:29) сего народа, и также: "**нет между богами, как Ты, Господи**" (Пс.85:8), – это и многое другое подобное, встречающееся в ветхом завете, очевидно недостойно величества Божия. И об Ахааве также сказано: "**кто увлек бы**" Мне "**Ахава**" (2Пар.18:19)? Да и самого Себя всегда ставит выше языческих богов – чрез сравнение Себя с ними. Все это недостойно Бога, но достойно в других отношениях: Он столько человеколюбив, что для нашего спасения пренебрегает выражениями, подобающими Его достоинству. Ведь и то самое недостойно, что Он соделался человеком, что принял зрак раба, что произносил уничиженные речи, и облачался в смиренные одежды, – недостойно, если кто станет смотреть на Его величие, но достойно, если кто помыслит о неизреченном богатстве Его человеколюбия. Но есть и другая причина уничиженности Его речей. Какая именно? Та, что Отца знали и исповедывали, а Его не знали. Поэтому Он часто обращается к Отцу, так как Его уже исповедывали, а сам Он как будто еще не был достоин веры, – не по собственной немощи, но по неразумию и слабости слушателей. Поэтому Он и молится и говорит: "**Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня**". Ведь если Он, "**оживляет, кого хочет**" (Иоан.5:21), и живит так же, как Отец, то для чего обращается с молитвой? Но уже время приступить к самому предмету. "**отняли камень [от пещеры], где лежал умерший. Иисус же возвел очи к небу и сказал: Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня. Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня; но сказал [сие] для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня**" (Иоан.11:41,42). Спросим еретика: от молитвы ли Он получил силу и воскресил мертвого? Как же другое Он без молитвы совершал, говоря, например: тебе говорю, демон, "**выйди из него**" (Мар.9:25), и еще: "**хочу, очистись**" (Мар.1:41), также: "**возьми постель твою и ходи**" (Иоан.5:8), и: "**прощаются тебе грехи твои**" (Матф.9:2), и говоря морю: "**умолкни, перестань**" (Мар.4:39)? Да и чем Он будет больше апостолов, если и сам творит чудеса через молитву? Притом и они не все делали по молитве, а часто и без молитвы, призывая имя Иисуса. Если же имя Его имело такую силу, то как Он сам мог нуждаться в молитве? А если бы Он нуждался в молитве, то и имя Его не имело бы силы. И нуждался ли Он в какой молитве, когда творил человека? Не великое ли там равночестие? Сказано ведь: "**сотворим человека**" (Быт.1:26). Да и что было бы немощнее, если бы Он нуждался в молитве? Но посмотрим, какая это и молитва: "**Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня**". Кто когда-нибудь молился так? Прежде, чем сказал что-

нибудь, говорит: "**благодарю Тебя**", показывая тем, что не нуждается в молитве. "**Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня**". Это Он сказал не потому, что сам не мог, но потому, что (у Них) одна воля. Но для чего же Он и принял вид молящегося? Послушай не меня, но Его самого; а Он говорит: "**для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня**". Не сказал: "**чтобы поверили**", что Я меньше, что Я имею нужду в помощи свыше, что без молитвы не могу сотворить, но: "**что Ты послал Меня**". А между тем молитва означает все это, если будем просто понимать ее. Не сказал: Ты послал Меня немощного, знакомого с рабством, не делающего ничего собственною силою. Но оставив все это, чтобы ты не предполагал ничего подобного, представляет истинную причину молитвы, именно: чтобы не считали Меня противником Божиим, чтобы не говорили, что Я не от Бога, чтобы показать, что это дело совершается по Твоей воле. Если бы Я был противником Божиим, как бы так говорит Он, то не последовало бы это (чудо). А выражение: "**Ты услышал Меня**" употребляется и о друзьях и о равночестных. "**Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня**", – то есть, чтобы совершилась Моя воля, для этого Мне не нужна молитва, но она нужна, чтобы убедить, что у Тебя и у Меня – одно хотение. Для чего же молишься? Для немощных и неразумных. "**Сказав это, Он воззвал громким голосом**" (ст.43). Почему же Он не сказал: во имя Отца Моего, гряди вон? Почему не сказал: Отче, воскреси его? Почему напротив, оставив все это и приняв на Себя вид молящегося, Он показывает Свое могущество? И это дело Его премудрости, – в словах, высказывает снисхождение, а в делах – власть. Так как ни в чем другом не могли обвинять Его, как только в том, будто Он не от Бога, и этим именно обольщали народ, то вот это самое Он с особенной очевидностью и показывает в Своих словах, и притом так, как того требовала их немощь. Он мог и иначе показать согласие (Свое с Отцом), а вместе собственное достоинство, но народ не мог до того возвыситься. "**Лазарь! иди вон**", говорит Он (ст.43), – сообразно с тем, что прежде сказал: "**наступает время, когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут**" (Иоан.5:25). Чтобы ты не подумал, что Он от другого получил силу, Он наперед сказал тебе об этом, а потом доказал самым делом. И не сказал: воскресни, но: "**иди вон**", обращаясь к мертвому, как к живому.

3. Что может сравниться с такой властью? Но если Он совершает это не собственной силой, то что Он будет иметь большего перед апостолами, которые говорят: "**что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит**" (Деян.3:12)? Если, действуя не своей силой, Он не присовокупляет того, что говорили о себе апостолы, то они будут некоторым образом даже более Его любомудрствующими, потому что отклоняли от себя славу. И в другом месте: "**мужи! что вы это делаете? И мы – подобные вам человеки**" (Деян.14:15). Таким образом апостолы, ничего не делавшие собственною силою, так и говорили, чтобы убедить в этом. Ужели же Он, зная такое о Себе мнение, не опроверг бы его, если бы точно действовал не Своею властью? Но кто может утверждать это? Между тем, Христос поступает напротив, говоря: "**сказал [сие] для народа, здесь стоящего, чтобы поверили**", так что, если бы веровали, то не было бы надобности и в молитве. И если бы молитва не была несообразна с Его достоинством, то для чего Он в народе поставляет причину (молитвы)? Почему также не сказал: чтобы поверили, что Я не равен Тебе? Это именно следовало бы сказать в соответствие (бывшему о Нем) мнению. Когда подозревали Его в нарушении закона, Он прежде, чем они сказали что-нибудь, произнес эти слова: "**не думайте, что Я пришел нарушить закон**" (Матф.5:17); а здесь утверждает их предположение. Словом: к чему нужны были такие околичности и загадки? Довольно было сказать: Я не равен, и тем решить дело. Что же, скажешь, не говорил ли Он, "**не для того, чтобы творить волю Мою**" (Иоан.6:38)? Но и это (говорил) прикровенно, приноровительно к их немощи, и по той же причине, по которой была и молитва. Что же значит: "**что Ты услышал Меня**"? Значит, что у Меня нет ничего, противного Тебе. И как эти слова: "**что Ты услышал**

Меня" – не то показывают, будто Он не имел силы (потому что в этом случае было бы не только бессилие, но и незнание, если т.е. прежде молитвы Он не знал, что Бог услышит Его, если же не знал, то как говорил: "**иду разбудить его**", а не сказал: иду помолиться Отцу, чтобы Он возбудил его?) – как, говорю, эти слова означают не немощь, но единомыслие, так и слова: "**Ты всегда услышишь Меня**". Или так должно понимать, или – что они сказаны применительно к мнению иудеев. Если же Он и знал, и не был немощен, то ясно, что Он для того говорит уничиженные слова, чтобы ты, по самой крайней уничиженности их, убедился и поневоле признал, что они (сказаны) не по сообразности с Его достоинством, но по снисхождению. Что же враги истины? Не по немощи слушателей, говорят, Христос сказал: "**Ты услышал Меня**", но чтобы показать Свое превосходство. Но это значило бы не показать превосходство, а крайне унизить Себя, и обнаружить, что Он ничем не больше человека. Молиться несвойственно Богу, ни тому, Кто восседит вместе с Ним на престоле. Видишь ли, что Он не почему другому стал молиться, как только по их неверию? Но посмотри, как и самое дело свидетельствует о Его могуществе. Он воззвал, и "**вышел умерший, обвитый**" (ст.44). Потом, чтобы такое дело не показалось обманом чувств, – а то, что связанный вышел, казалось чудным не менее самого воскресения, – Он повелел разрешить его, чтобы они, прикоснувшись к нему и подойдя близко увидели, что это – именно он. И сказал: "**пусть идет**" (ст.44). Видишь ли, как Он далек от тщеславия! Не уводит его, не повелевает ходить с Собою, чтобы не показаться кому-нибудь тщеславным: так Он был скромен! Когда чудо совершилось, одни удивлялись, а другие пошли и сказали фарисеям. Вместо того, чтобы изумиться и подивиться, – совещаются убить Его, – Его, который воскресил мертвого. Какое безумие! Думали предать смерти Того, Кто в телах других побеждал смерть. "**Что нам делать? Этот Человек много чудес творит**", говорят они (ст.47). Еще называют Его человеком, получивши такое удостоверение в Его божестве. "**Что нам делать**"? Следовало уверовать, послужить и поклониться, и уже не почитать Его человеком. "**Если оставим Его так, придут Римляне и овладеют нашим и народом**" и городом (ст.48). Что такое замышляют они сделать? Хотят уже возмутить народ, как будто бы им угрожает опасность по подозрению в похищении верховной власти. Как скоро, говорят, римляне узнают об Нем, как о предводителе народа, они заподозрят нас, возьмут и разрушат наш город. Почему же, скажи мне? Разве Он учил измене? Не заповедал ли Он давать дань кесарю? Не хотели ли вы сделать Его царем, и Он – скрылся? Не скромную ли и простую проводил Он жизнь, не имея ни дома, ни чего-либо подобного? Очевидно, они говорили так не из опасения, но из зависти. И однако же это случилось, хотя и против их ожидания: (римляне) взяли и народ и город, взяли потому, что они умертвили Его. Подлинно, дела Его были выше всякого подозрения. Кто врачевал больных, учил добродетельной жизни и заповедовал повиноваться начальству, тот, конечно, не замышлял присвоить себе верховную власть, напротив уничтожал всякое покушение на присвоение власти. Мы, говорят, заключаем так по прежде бывшим. Но те учили возмущению, а Он – напротив. Видишь ли, что их слова были притворны? В самом деле, выказывал ли Он что-нибудь подобное? Вводил ли страшных оруженосцев? Влачил ли колесницы? Не искал ли, напротив, пустынь? Но чтобы не подать вида, что они говорят по внушению своей страсти, они утверждают, что весь город находится в опасности, что обществу угрожают беды и что они боятся за последствия. Не это, а противное этому, было причиною вашего плена – настоящего (от римлян), и вавилонского, и того, который был там, при Антиохе. Не то, что у вас были люди, почитающие (Бога), но то, что между вами были неправедные, прогневляющие Бога, – вот что сделало вас пленниками. Но такова зависть! Она, ослепив душу, не позволяет ей видеть ничего должного. Не учил ли быть кроткими? Когда ударяют в одну ланиту, – обращать и другую? Великодушно переносить обиды и показывать больше готовности терпеть зло, чем сколько другие бывают склонны делать зло? Это, скажи мне, свойственно тому ли, кто замышляет похитить верховную власть? Не тому ли, напротив, кто уничтожает всякое покушение на присвоение власти?

4. Но, как я сказал, завить – страшное зло и полна лицемерия. Она наполнила вселенную бесчисленными бедствиями. От этой болезни судилища наполнены подсудимыми. От нее страсть к славе и стяжанию; от нее властолюбие и гордость. Отсюда на путях преступные разбойники, и на морях грабители. Отсюда убийства во вселенной; отсюда разделение нашего рода. Какое ни увидишь зло, знай, что оно от зависти. Она вторглась и в церкви. Она издавна была причиной множества зол. Она породила сребролюбие. Эта болезнь извратила все и растлила правду. "**Подарки**", сказано, "**ослепляют глаза мудрых и, как бы узда в устах, отвращают обличения**" (Сир.20:29). Она и свободных делает рабами. Об ней мы каждый день беседуем, но нет никакой пользы. Мы бываем хуже зверей, грабим сирот, обираем вдовиц, обижаем бедных, прилагаем к горю горе. "**Горе мне! ибо не стало милосердых на земле**" (Мих.7:1,2). И нам теперь время плакать, или, лучше, следует каждый день говорить эти слова. Ничего не достигаем мы мольбами, ничего – советами и увещаниями; поэтому остается только плакать. Так и Христос поступил: когда иерусалимляне, после многих Его увещаний нисколько не воспользовались ими, – Он плакал о их ослеплении. Так поступают и пророки; так следует и нам ныне поступить. Теперь время плача, слез и сетования. Благовременно и нам теперь сказать: "**позовите плакальщиц, пошлите за искусницами [в этом деле], чтобы они пришли**" (Иер.9:17). Может быть через это мы в состоянии будем исцелить от болезни тех, которые хищением строят светлые дома и приобретают поля.

Благовременно плакать; но и вы, ограбленные и обиженные, примите участие в моем плаче; присоедините к своему плачу и мои слезы. Но будем плакать не о себе самих, а об них: не вас они обидели, а себя погубили. Вы за обиду получите царство небесное; а они. за неправильное приобретение, геенну. Поэтому лучше быть обиженным, нежели обижать. Будем плакать об них, но не человеческим плачем, а Священного Писания, которым плакали и пророки. Восплачем горько с Исаиею, и скажем: "**Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что [другим] не остается места, как будто вы одни поселены на земле. Многочисленные домы эти будут пусты, большие и красивые – без жителей**" (Ис.5:8,9). Восплачем вместе с Наумом, и скажем с ним: горе созидающему дом свой в высоту! Или лучше, будем плакать об них так, как сам Христос о живших в то время, говоря: "**горе вам, богатые! ибо вы уже получили**" мзду вашу и "**свое утешение**" (Лук.6:24)! Так, умоляю, станем непрестанно плакать и мы; а если не будет неприлично, то станем даже ударять себя в грудь при виде безпечности братий. Не станем оплакивать того, кто уже умер, но будем оплакивать хищника, корыстолюбца, сребролюбца, ненасытного. Зачем плакать об умерших, которым нельзя уже принести никакой пользы? Будем плакать о тех, для которых еще возможна перемена. Но в то время, как мы плачем, они, может быть, смеются? И это достойно слез, что они смеются над тем, о чем следовало бы сокрушаться. Если бы они сколько-нибудь тронулись нашими рыданиями, то следовало бы перестать рыдать, в надежде на их исправление. Но так как они остаются бесчувственными, то и мы будем продолжать плакать, – не просто о богатых, но о сребролюбцах, лихоимцах и хищниках. Богатство не есть зло: его можно употреблять и с пользой, если, например, мы тратим его на нуждающихся. Но зло – любостяжание; оно приготовляет нескончаемые казни. Итак станем плакать. Может быть, (от этого) и будет какое-нибудь исправление. Если же впавшие (в этот грех) и не освободятся (от него), то может быть другие не подвергнутся этому злу, но остерегутся от него. Но дай Бог, чтобы и те освободились от этой болезни, и никто из нас не подвергся ей, чтобы всем вообще сподобиться обетованных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 65

"Один же из них, некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, и проч." (Иоан.11:49,50)

1. "**Обрушились народы в яму, которую выкопали; в сети, которую скрыли они, запуталась нога их**" (Пс.9:16). Это случилось с иудеями. Они говорили, что должно умертвить Иисуса, чтобы не пришли римляне и не взяли их язык и город; а между тем, когда умертвили, тогда подверглись этому. Таким образом, избегая чего, по-видимому, они (это) сделали, того самого не избежали, потому что сделали. Тот, Кого умертвили, находится на небесах; а те, которые умертвили, наследуют геенну, хотя и не это имели в намерении, но что? "**С этого дня**", сказано, "**положили убить Его**" (Иоан.11:53), потому что, говорили, "**придут Римляне и овладеют нашим народом**" (ст.48). "**Один же из них, Каиафа, будучи на тот год первосвященником**", будучи бесстыднее прочих, "**сказал: вы ничего не знаете**" (ст.49). В чем те еще колебались и что предложили на рассуждение в виде мнения (так как говорили: "**что нам делать**"?), то самое этот провозгласил бесстыдно, открыто и с наглостью. Что он говорит? "**Вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал**" (ст.49-51).

Видишь, какова сила архиерейской власти? Удостоившись вполне архиерейства, хотя был недостоин, он пророчествовал, сам не разумея того, что говорил. Благодать воспользовалась только его устами, но не коснулась нечистого сердца. Так и многие другие предсказали будущее, хотя были недостойны, например: Навуходоносор, фараон, Валаам; причина этому известна. А слова (Каиафы) значат вот что: вы сидите, доселе мало обращаете внимания на это дело, и не знаете, что должно пренебречь для (блага) общего спасением одного человека. Смотри, какая сила Духа! Из лукавой души Он смог извлечь слова, полные чудного пророчества. А чадами Божиими евангелист называет язычников, применительно к будущему, точно так же, как и сам Господь говорит: "**есть у Меня и другие овцы**" (Иоан.10:16), называя их так применительно к будущему. Но что значат слова: "**будучи на тот год первосвященником**"? То, что вместе с прочим и это (достоинство) было искажено с тех пор, как начальственные должности сделались продажными. Первосвященствовали уже не все время жизни, но один год. Однако же и при этом Дух еще присущ был им. Только тогда, когда они воздвигли руки на Христа, Он оставил их и перешел на апостолов. Это показали и разодравшаяся завеса и глас Христа, который сказал: "**се, оставляется дом ваш пуст**" (Матф.23:38). Равным образом и Иосиф (Флавий), живший спустя немного времени, сказал, что некие ангелы, еще пребывавшие с ними в ожидании их исправления, оставили их. Доколе виноградник еще существовал, все было; но как скоро они умертвили наследника, то стало уже не так, и они погибли. И Бог, взяв от иудеев, как бы от неблагодарного сына, светлую одежду, отдал ее добрым слугам из язычников, а их оставил нищими и нагими. Не маловажно и то было, что враг пророчествовал об этом. Это могло привлечь и других, потому что на деле вышло совсем не так, как (враг) предполагал. Через смерть (Христову) верные освободились от будущего наказания. Но что значит: "**чтобы собрать воедино**" (ст.52)? То, что Он близких и дальних сделал одним телом, так что живущий в Риме считает своими членами индийцев. Что может сравниться с таким собранием? А глава всех – Христос. "**С этого дня положили**" иудеи, "**убить Его**" (ст.53). И прежде они искали этого, как сказано: "**искали убить Его Иудеи за то**" (Иоан.5:18), и еще: "**за что ищете убить Меня**" (7:19); но тогда они только искали, а теперь постановили решение, и смотрят на это дело, как на обязанность. "**Посему Иисус уже не ходил явно между Иудеями**" (ст.54). Опять спасает Себя по-человечески, как и часто это делает.

2. Я уже сказал о причине, по которой Он часто уходил и удалялся. И теперь Он живет близ пустыни, в Ефраиме, и там пребывает с учениками Своими (ст.54). Как, думаешь, смущены были ученики, видя, что Он спасается по-человечески? За Ним уже никто не следовал, так как, по случаю приближения праздника, все спешили в Иерусалим. А они, когда все веселились и праздновали, тогда-то именно скрываются, тогда-то находятся в опасности; однако же, не смотря на это, они оставались с (Учителем). Так они скрывались и в Галилее во время пасхи и праздника кущей. Равным образом и после этого, во время праздника, они одни их всех бегали и скрывались вместе с Учителем, и тем показали Ему свое расположение. Поэтому-то Лука и замечает, что (Христос) сказал им: Я пребыл с вами в напастях (Лук.22:28). А это Он сказал, чтобы показать, что они укрепляются Его благодатью. "**И многие из всей страны пришли, чтобы очиститься. Первосвященники же и фарисеи дали приказание, дабы взять Его**" (ст.55,57). Удивительное очищение – при намерении осквернить кровью, при мысли о человекоубийстве, при окровавленных руках? "**И говорили: как вы думаете? не придет ли Он на праздник**" (ст.56)? В пасху злоумышляли, и время праздника делали временем убийства. Здесь, говорят, Ему должно попасть в наши руки, так как теперь время призывает Его сюда. О, нечестие! Когда требовалось особенное благоговение, когда следовало отпустить и тех, которые уличены в величайших преступлениях, тогда они стараются уловить человека, не сделавшего никакой неправды. Впрочем они уже и прежде так поступали. Но не только ничего не достигли, а еще сделались смешными. Он часто впадает в руки их и уходит от них, и когда они замышляют Его умертвить, удерживает их и приводит в недоумение, чтобы обнаружением Своей силы расположить их к сердечному сокрушению и чтобы, когда возьмут Его, они знали, что это произошло не от их собственной силы, но от Его соизволения. Так и теперь они не могли Его взять при всем том, что Вифания была близко, – да когда и взяли, Он поверг их ниц. "**За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь**", и вечерял у них, при чем Марфа служит, а Лазарь возлежит (Иоан.12:1,2). Вот доказательство несомненного воскресения (Лазаря): спустя много дней он был жив и ел. Отсюда видно также, что вечеря была в доме Марфы, потому что они принимают Иисуса, как друзья и любимцы Его. Некоторые впрочем говорят, что это было в чужом доме. Мария при этом не прислуживала, а была ученицей. Опять и здесь она (является) более духовной. Она не прислуживает, как гостья, и не оказывает всем услуг, но воздает честь только одному, и приступает к Нему не как к человеку, а как к Богу. Поэтому она и миро излила, и отерла волосами головы; это показывает, что она имела о Нем понятие не такое, какое имели другие. Между тем Иуда, под предлогом благочестия укорил ее. Что же Христос? Доброе (говорит) дело сделала она для погребения Моего (ст.7). Почему же Он не обличил ученика за эту жену и не сказал того, что сказал евангелист, то есть, что Иуда укорял ее потому, что был тать? Он хотел тронуть его великим долготерпением. А так как Он знал, что Иуда – предатель, то Он прежде неоднократно обличал его, говоря: не все веруют, и "**один из вас диавол**" (Иоан.6:64,70). Этим Он показал, что знает его, как предателя, но не обличил его открыто, а оказал ему снисхождение, желая отвратить его. Как же другой (евангелист) говорит, что так сказали все ученики (Матф.26:8)? Правда, и все, и он; но другие не по тому же побуждению.

Если же кто спросит, почему (Христос) поручил татю ковчежец нищих и сребролюбца сделал распорядителем, то я отвечу, что сокровенную причину этого знает Бог. Если же следует что-нибудь сказать нам, основываясь на соображениях, то это для того, чтобы отнять (у Иуды) всякое извинение. В самом деле, он не мог сказать, что сделал это (предал Иисуса) по любви к деньгам, так как находил достаточное удовлетворение своей страсти в ковчежце; нет, это он сделал по великому нечестию, которое Христос хотел обуздать, оказывая ему снисхождение. Поэтому Он и не обличал его в краже, хотя и знал об этом, чтобы тем обуздать его злое пожелание и отнять у него всякое оправдание. "**Оставьте ее**", говорит, потому что она сделала это для дня Моего погребения (ст.7). Сказав о

погребении, Он опять сделал намек на предателя. Но его не трогает это обличение, не смягчают эти слова, хотя они и могли возбудит сострадание. Как бы так Он говорил: Я неприятен и тягостен? Но подожди немного, и Я отойду. К этой же мысли Он приводил словами: "**Меня не всегда**" имеете (ст.8). Но все это не преклонило человека зверонравного и неистового. Впрочем (Господь) и сказал, и сделал даже гораздо больше этого: Он и омыл ноги его в ту ночь, и сделал его участником трапезы и солила, – что могло бы укротить и души разбойников, – и сказал другие слова, которые могли бы смягчить самый камень. И все это не за долгое время, но тот же самый день, чтобы самое время не привело этого в забвение. Но (Иуда) упорствовал, не смотря на все.

3. Страшно, истинно страшно – сребролюбие. Оно закрывает и глаза и уши, делает свирепее зверей, не позволяет думать ни о совести, ни о дружбе, ни об общении, ни о спасении собственной души, но, за раз отвративши от всего, делает плененных своими рабами, точно какой жестокий тиран. И что всего хуже в этом горьком рабстве, – оно заставляет даже услаждаться собой, так что, чем больше предаются ему, тем больше увеличивается удовольствие. Оттого-то преимущественно эта болезнь и бывает неизлечима; оттого-то и неукротим этот зверь. Сребролюбие сделало Гиезия из ученика и пророка прокаженным; оно погубило Ананию; оно сделало Иуду предателем; оно растлило иудейских начальников, которые принимали дары и стали сообщниками воров. Оно породило бесчисленные войны, наполнило кровью пути, плачем и слезами – города. Оно и вечери сделало нечистыми, и трапезы – осквернеными, и самые яства исполнило беззакония. Потому-то Павел назвал его идолослужением (Еф.5:5), но и эти не устрашил. А почему он называет его идолослужением? Многие, имея богатство, не смеют им пользоваться, но считают его святыней и передают в целости внукам и их потомкам, не смея коснуться его как бы чего-нибудь посвященного Богу. А если когда и принуждены бывают (коснуться его), то бывают в таком состоянии, как будто сделали что-нибудь непозволительное. С другой стороны, как язычник оберегает идола, так ты ограждаешь золото дверями запорами, вместо храма устраиваешь для него ковчег и влагаешь его в серебряные сосуды. Но ты не поклоняешься (золоту), как тот – своему идолу? Тем не менее ты показываешь в отношении к нему всякое уважение. Далее (язычник) скорее отдаст свои глаза и душу, чем идола: так точно и любящие золото. Но я, скажешь, не поклоняюсь золоту? И тот говорит, что он поклоняется не идолу, но живущему в нем демону. Так и ты, если не поклоняешься золоту, то демону, который вторгается в твою душу от взгляда на золото и от страсти к нему. Страсть сребролюбия хуже демона, и ей многие покорны больше, чем иные идолам. Идолов во многом не слушают, а сребролюбию во всем повинуются и исполняют все, что бы оно ни приказало сделать. Что же оно говорит? Будь, говорит, для всех врагом и неприятелем; забудь природу; презирай Бога; пожертвуй собою мне, – и во всем этом повинуются. Истуканам приносят в жертву волов и овец; а сребролюбие говорит: принеси мне в жертву твою душу, – и это также исполняют. Видишь, какие оно имеет алтари, какие принимает жертвы? "**Лихоимцы Царства Божия не наследуют**" (1Кор.6:10), – но они и этого не боятся. Впрочем, эта страсть сама по себе слабее, потому что не врождена нам и не происходит от нашей природы; иначе она была бы в нас с самого начала; но в начале не было золота, и никто не любил золота. Если хотите, я скажу, откуда возникло это зло. Каждый, соревнуя жившим прежде его, увеличивал эту болезнь, и предшественник возбуждал даже против воли. Люди, как скоро видят светлые дома, множество полей, толпы слуг, серебряные сосуды, большое собрание одежд, – всячески стараются иметь еще больше, так что первые бывают причиной для вторых, эти для последующих. Между тем, если бы хотели жить скромно, то не были бы учителями для других. Впрочем и для этих последних нет оправдания, потому что есть и такие, которые презирают богатство. Да кто же, скажешь, презирает? В том-то и беда, что зло увеличилось до такой степени, что (добродетель нестяжания) стала, по-видимому, невозможной, – и что даже не верится, чтобы кто-нибудь ей следовал. Я мог

бы, конечно, назвать многих и в городах и в селах; но что пользы? Ведь и от этого вы не сделаетесь лучшими. А сверх того, у нас и речь теперь не о том, чтобы вы растратили имущество. Я желал бы этого; но так как это бремя выше сил ваших, то я не принуждаю. Я только убеждаю, чтобы вы не желали чужого, чтобы уделяли и от своего. Ведь есть много таких, которые довольствуются своим, заботятся о своем и живут праведными трудами. Почему мы не ревнуем и не подражаем им? Вспомним о тех, которые жили прежде нас. Не стоят ли доселе им имения, на которых только имена их сохраняются? Вот баня такого-то, вот предместье и гостиница такого-то. Увидев это, не вздохнем ли мы тотчас, представивши, сколько он трудов перенес, сколько хищения совершил, и – нигде нет его самого; а его стяжанием наслаждаются другие, о которых он и не думал, – может быть, даже враги его, – между тем как сам он терпит величайшее наказание. Это ожидает и нас: и мы непременно умрем; и нас непременно постигнет тот же конец. Сколько, скажи мне, перенесли они гнева, сколько издержек, сколько вражды? И какой плод? Нескончаемое наказание, лишение всякого утешения и осуждение от всех не только при жизни, но и после смерти. А что в том, кода мы видим изображения многих, поставленные в домах, не больше ли от того плачем? Поистине, хорошо сказал пророк: "**Подлинно**", всуе мятется "**всякий человек живущий**" (Пс.38:6). Попечение о таких вещах поистине есть смятение и напрасное беспокойство. Но не так бывает в обителях вечных и в тех селениях: здесь иной трудился, а иной наслаждается; а там каждый будет господином своих трудов, и получит многообразную награду. Будем же стремиться к тому стяжанию. Там устроим себе дома, да упокоимся во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом, слава во веки. Аминь.

БЕСЕДА 66

"Многие из Иудеев узнали, что Он там, и пришли не только для Иисуса, но чтобы видеть и Лазаря, которого Он воскресил из мертвых" (Иоан.12:9)

1. Как богатство обыкновенно губит людей неосторожных, так равно и власть. Первое доводит до любостяжания, а последняя до безумия. Вот смотри: подчиненные в иудейском народе судят здраво, а начальники – превратно. Что народ веровал во Христа, об этом часто говорят евангелисты, – что "**Многие же из народа уверовали в Него**" (Иоан.7:31). А из начальников не веровали. Сами же начальники, а не народ, говорят: "**уверовал ли в Него кто из начальников**" (Иоан.7:48)? Но кто же? "**Народ**", не знающий Бога, "**проклят он**" (ст.49). Верующих называли проклятыми; а самих себя, убийц, – благоразумными. Так и теперь, увидев чудо, многие уверовали, – а начальники не только не удовольствовались своими злодействами, но покушались еще умертвить и Лазаря. Пусть – Христа за то, что Он нарушал субботу, что творил Себя равным Отцу, из-за римлян, как говорите вы; но в чем вы можете обвинить Лазаря? За что хотите умертвить? Ужели в том его вина, что он получил благодеяние? Видишь, как они склонны к убийству? Много чудес сотворил (Христос), но ни одно до такой степени не ожесточило их, – ни чудо над расслабленным, ни чудо над слепым. Это потому, что чудо над Лазарем и по самой природе своей было удивительнее, и было совершено после многих чудес. Да и поразительно было видеть, что четвородневный мертвец ходит и говорит. А прекрасное, неправда ли, дело для праздника – к торжеству присоединить убийство! Притом же, в тех случаях они думали обвинить Христа в нарушении субботы и через то отвлечь от Него народ; а здесь ни в чем не могли обвинить Его, и потому злоумышляют против того, кого Он воскресил. Здесь они не могли даже сказать и того, будто Он противится Отцу, потому что молитва Его заграждала им уста. И так как всегдашний предлог к обвинению теперь у них был отнят, а чудо между тем было явное, то они решаются на убийство. Тоже самое, конечно, они сделали бы и со слепым, если бы не имели повода к обвинению в нарушении субботы. А кроме того, слепой был незнатен, – и они выгнали его из храма; а этот (Лазарь)

был человек знаменитый, как видно из того, что многие собрались утешать сестер его. Да и чудо было совершено в виду всех и самым необыкновенным образом, почему все и спешили посмотреть. Вот то-то и мучило их, что все при наступлении праздника, оставив торжество, идут в Вифанию. Итак они замыслили умертвить Лазаря, не думая даже о том, что это преступление: до того они были склонны к убийству! Потому-то первоначальный закон начинается с заповеди: "**не убивай**" (Исх.20:13). И пророк обличает их в этом: "**ваши руки полны крови**" (Ис.1:15). Но как же Христос, который открыто не ходил в Иудее и удалился в пустыню, теперь опять смело входит? Своим удалением Он утушил их ярость и возвращается к ним уже тогда, как они успокоились. С другой стороны, они должны били бояться народа, который предшествовал и сопутствовал Ему, потому что ни одно чудо так не привлекло к Нему народ, как чудо над Лазарем. Другой евангелист замечает еще, что народ постилал Ему под ноги "**одежды свои**" (Лук.19:36) и что "**весь город пришел в движение**" (Матф.21:10): с такою честью входил Он! А входил Он так для того, чтобы предъизобразить одно пророчество и исполнить другое, – так что одно и тоже событие служило и началом одного и концом другого. Слова: радуйся, "**се, Царь твой грядет к тебе кроткий**" (Матф.21:5) означают исполнение пророчества; а что Он воссел на осла, это прообразует будущее событие, именно то, что Он имел покорить Своей власти нечистое племя язычников. Но как же другие (евангелисты) говорят, что Он послал учеников и сказал им: отвяжите "**ослицу и молодого осла**" (Матф.21:2), а (Иоанн) не говорит ничего такого, но что Он, "**найдя молодого осла, сел на него**" (Иоан.12:14)? Вероятно, было и то и другое: в то время, как ученики, отрешив ослицу, вели ее к Нему, – вероятно, Он нашел молодого осла и сел на него. Между тем народ взял ветви финиковых и масличных деревьев и постилал одежды, показывая тем, что он уже имеет о Нем высшее понятие, чем о пророке, – и говорил: "**осанна! благословен грядущий во имя Господне**" (Иоан.12:13). Видишь ли, как всего более их уязвляло всеобщее убеждение в том, что Он не противник Божий? Как всего более разделяло народ то, что Он говорил о Себе, что пришел от Бога? А что значит: "**не бойся, дщерь Сионова**" (ст.15)? Так как все цари их были по большей части несправедливы и корыстолюбивы, предавали их врагам, развращали народ и подчиняли его неприятелям, то и говорит: "**не бойся**"; этот (царь) не таков, но кроток и незлобив, как показывает и ослица. Не войском окруженный вошел Он, а имея при Себе одного осла. "**Ученики Его не поняли этого, что так было о Нем написано**" (ст.16). Видишь ли, что ученики многого не понимали, когда Он сам не открывал им? Так и тогда, когда сказал Он: "**разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его**" (Иоан.2:19), – ученики также не поняли. И другой евангелист говорит, что слово Его было сокровенно для них (Лук.18:44) и что они не знали, что Ему надлежит воскреснуть из мертвых. Но это по справедливости было сокрыто от них, – почему другой евангелист и говорит, что они всякий раз, как слышали об этом, скорбели и печалились, потому что не разумели тайны воскресения. Это, говорю, по справедливости было сокрыто от них, так как превышало их понятия. Но отчего же не было открыто им и знаменование ослицы? Оттого, что и это было дело великое.

2. Заметь же любомудрие евангелиста: он не стыдится выставлять на вид прежнее их неведение. Что было написано, это они знали, а что написанное относилось к Христу, этого не знали. Их соблазнило бы то, что Он, будучи царем, должен был столько претерпеть и подвергнуться такому предательству. А с другой стороны, они не уразумели бы вдруг учения о царстве, о котором Он говорил. По словам другого евангелиста, они думали, что Он говорит об этом царстве. "**Народ свидетельствовал**" (ст.17), что Он воскресил Лазаря (ст.17,18). Народ, говорит, в таком множестве не обратился бы вдруг, если бы не уверовал в чудо. "**Фарисеи же говорили между собою: видите ли, что не успеваете ничего? весь мир идет за Ним**" (ст.19). Мне кажется, эти слова принадлежат тем, которые рассуждали здраво, но не смели говорить открыто, и потому указанием на события хотели удержать других от их предприятия, как от дела бесполезного. А под

именем мира они разумеют здесь тот же народ. Писание обыкновенно называет миром и тварь, и людей, живущих в пороках; в первом смысле (употребляет это слово), когда говорит: "", а в последнем, – когда выражается: "**вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит**" (Иоан.7:7). Это хорошо нужно знать для того, чтобы неправильным разумением слов не подать повода еретикам вооружаться против нас. "**Из пришедших на поклонение в праздник были некоторые Еллины**" (ст.20). Будучи уже близки к тому, чтобы сделаться прозелитами, они пришли на праздник и, когда молва о Христе дошла и до них, говорят: "**нам хочется видеть Иисуса**" (ст.21). Филипп приходит к Андрею, как старшему, и сообщает ему об этом. Но и Андрей сам собою не решает этого, так как он слышал уже: "**на путь к язычникам не ходите**" (Матф.10:5). Поэтому, поговорив с Филиппом, он вместе с ним доводит дело до Учителя; они оба сказали Ему об этом. Что же говорит Христос? "**Пришел час прославиться Сыну Человеческому. Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно**" (ст.23,24). Что значит: "**пришел час**"? Прежде Он говорил: "**на путь к язычникам не ходите**", и тем удерживал учеников, чтобы отнять у иудеев всякий предлог к неблагодарности. Но так как иудеи продолжали упорствовать, а язычники желали придти к Нему, то Он и говорит: время уже идти на страдание, так как все уже исполнилось. Если мы будем продолжать заботиться об иудеях, не смотря на их упорство, а язычников не станем допускать к себе, при всем их желании, то это будет недостойно нашего промышления. И вот, так как Он намерен был послать учеников Своих к язычникам уже после креста, и между тем видит, что язычники сами идут к Нему, – то и говорит: время идти на крест. Не прежде Он послал их, – чтобы это служило свидетельством против иудеев. До тех пор, пока (иудеи) самым делом не отвергли Его, пока не предали Его распятию, Он не говорил: "**идите, научите все народы**" (Матф.28:19), а напротив: "**на путь к язычникам не ходите**" (Матф.10:5), и: "**Я послан только к погибшим овцам дома Израилева**", и: "**нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам**" (Матф.15:24,26). Но когда они возненавидели Его и возненавидели до того, что предали на смерть, то уже бесполезно было продолжать заниматься ими, в то время, как они отвергают Его. А они действительно отреклись от Него, сказав: "**нет у нас царя, кроме кесаря**" (Иоан.19:15). Тогда уже и Он их оставил, когда они Его оставили. Потому-то Он и говорит: "**сколько раз хотел Я собрать детей**" ваших, "**и вы не захотели**" (Матф.23:37). Что значит, "**если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет**"? Это Он говорит о кресте. Чтобы (ученики) не смущались мыслью, что Он умерщвлен в то самое время, когда и язычники начали приходить к Нему, – Он говорит, что это-то самое в особенности и будет содействовать обращению язычников и распространению Его проповеди. Но как слова не так сильно убеждали их, то Он уверяет их в том же действительным опытом, говоря, что так бывает и с пшеницей, – она приносит больший плод, когда умрет. Если же так бывает с семенами, то тем более со Мною. Но ученики не поняли Его слов. Это евангелист постоянно выставляет на вид, желая извинить их бегство впоследствии времени. Такую же речь вел и Павел, рассуждая о воскресении.

3. Какое же после этого будут иметь оправдание неверующие воскресению, когда оно ежедневно представляется в семенах, и в растениях, и при нашем рождении? Ведь прежде нужно истлеть семени, и потом уже бывает рождение. Впрочем, говоря вообще, – где действует Бог, там нет нужды в умствованиях. Каким образом Он сотворил нас из ничего? Это я говорю христианам, которые говорят о себе, что веруют Писанию. Но я скажу нечто и на основании умствований человеческих. Одни из людей живут порочно, другие добродетельно; но из числа порочных многие доживают до глубокой старости, наслаждаясь счастьем, а с людьми добродетельными бывает противное. Когда же каждый из них получит по заслугам? В какое время? Это так, говорят, но не будет воскресения тел. А разве они не слышат, что сказал Павел: "**тленному сему надлежит облечься в нетление**" (1Кор.15:53)? Здесь речь не о душе, потому что душа не подлежит тлению. Да и восстание свойственно тому, что пало; а пало тело. И почему ты не хочешь (допустить)

воскресения тел? Разве это невозможно для Бога? Но говорить так – дело крайнего безумия. Или неприлично? Почему же неприлично, чтобы существо тленное, участвовавшее в труде и смерти, приняло участие и в венцах? Если бы было неприлично, то оно не было бы сотворено в начале и Христос не принял бы на Себя плоти. А что Он и принял, и воскресил ее, – послушай, как Он говорит: "**вложи**" персты и "**посмотри, ибо дух**" костей и жил "**не имеет**" (Иоан.20:27; Лук.24:39). Зачем также Он воскресил Лазаря, если лучше воскреснуть без тела? Зачем поставляет это в ряду чудес и благодеяний? Да зачем и вообще дал пищу? Нет, возлюбленные, не обольщайтесь еретиками. Есть, подлинно, и воскресение есть и суд; отвергают их только те, которые не хотят дать отчета в своих делах. И притом воскресение должно быть такое же, каково было и воскресение Христово, – потому что Христос есть "**начаток, первенец из мертвых**" (Кол.1:18). Но если воскресение состоит в очищении души и освобождении от грехов, а Христос не согрешил, то как мы избавились от клятвы? Да и как Он говорит: "**идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего**" (Иоан.14:30)? Ведь это значит, что Он безгрешен. Итак, по их мнению Христос или не воскрес, или, если воскрес, то до воскресения согрешил. Но Он и воскрес, и греха не сотворил; следовательно воскрес телом. А то нечестивое учение есть не что иное, как порождение тщеславия. Будем же избегать этой болезни, ибо сказано "**худые сообщества развращают добрые нравы**" (1Кор.15:33). Это не учение апостольское; Маркион и Валентин – вот кто это выдумал. Будем же убегать этого, возлюбленные. Ведь при неправых догматах нет никакой пользы и от доброй жизни, точно так же, как и наоборот, – здравые догматы бесполезны при порочной жизни. Эллины породили это, а они (еретики) распространили, заняв у языческих философов и утверждая как то, что вещество несозданно, так и многое тому подобное. Таким образом, как сказали они, что, если бы не было несозданного вещества, то не было бы и Творца, так отвергли и воскресение. Но не будем внимать им, зная всемогущую силу Божию, – не будем внимать. Это я говорю вам; с своей же стороны мы не откажемся вступить с ними в борьбу. Человек безоружный и беззащитный легко может быть пленен, хотя бы он вступил в борьбу с слабым, хотя бы он был сильнее его. Если бы вы внимали Писанию и каждодневно упражнялись в нем, я не стал бы убеждать вас избегать борьбы с ними, а напротив даже советовал бы сразиться с ними, потому что истина сильна. Но как вы не умеете пользоваться Писание, то я и боюсь за эту борьбу, чтобы они, застав вас безоружными, не низложили вас. На самом деле, нет ничего слабее их, потому что они лишены помощи от Духа. Если же они пользуются мудростью языческой, то этому не должно удивляться, а напротив стоит посмеяться, что они руководствуются глупыми наставниками. Действительно, эти наставники ни о Боге, ни о твари не могли дойти ни до чего истинного; но что у нас теперь знает всякая вдовица, того не знал и сам Пифагор. Они говорили, например, что душа бывает то растением, то рыбой, то псом. Ужели таких, скажи мне, следует слушать? Какое же для этого основание? Они велики на улицах, отращивают красивые волосы и одеваются в плащи, – этим и ограничивается их любомудрие. А посмотришь внутрь, все – прах и пепел, нет ничего здорового, но "**гортань их – открытый гроб**" (Пс.5:10), все полно нечистоты и тления, и все догматы их исполнены червей. Так первый меду ними почитал богом воду, следующий за ним – огонь, третий – воздух; все же полагали найти его в телах. Ужели же, скажи мне, следует удивляться таким, которые не имели даже понятия о бестелесном Боге? Если же они наконец и приобрели (понятие), то это было уже после того, как в Египте они вошли в сношение с нашими. Но чтобы не возбудить между вами большого шума, я здесь окончу свое слова. Если бы я начал подробно излагать их мнения, как рассуждали они о Боге, как – о веществе, как – о душе, как – о телах, то последовал бы великий смех. Притом они и не нуждаются в нашем опровержении, – они сами опровергли друг друга. Так, написавший против нас книгу о веществе, сам себя опроверг. Потому, чтобы не утруждать вас понапрасну и не развивать перед вами лабиринта слов, – вместо всего этого я скажу вам, что надобно внимать божественному Писанию и не вступать в бесполезные словопрения.

Это же внушает и Павел Тимофею (2 Тим. 2:14), не смотря на то, что последний был исполнен великой мудрости и имел силу чудотворений. Последуем же его внушению и, оставив пустословие, будем заниматься делами, то есть, братолюбием и страннолюбием, и особенно позаботимся о милостыне, чтобы достигнуть обетованных благ по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 67

"Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную. Кто Мне служит, Мне да последует" (Иоан.12:25,26)

1. Сладостна настоящая жизнь и заключает в себе много приятного, но не для всех, а только для привязанных к ней. Если же кто посмотрит на небо и увидит тамошние блага, тот скоро станет пренебрегать этой жизнью и ставить ее ни во что. Ведь и телесная красота, пока нет другой – лучшей, возбуждает удивление; а когда явится красота лучшая, прежнею начинают пренебрегать. Так и мы, если станем смотреть на ту красоту и созерцать благолепие тамошнего царства, – скоро освободимся от настоящих уз, так как привязанность к настоящему действительно есть некоторого рода узы. К этому-то и приводит нас Христос, когда говорит: "**Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную. Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет**" (ст.25,26). Слова эти походят, по-видимому, на загадку; но они – не загадка, в них заключается великая мудрость. Каким же образом "**любящий душу свою**" погубит ее? Когда кто исполняет ее неуместные пожелания, когда кто угождает ей больше, чем должно. Потому-то некто и дает такое наставление: "**не ходи вслед похотей**" души твоей (Сир.18:30). Чрез это ты погубишь ее, потому что (похоть) отдаляет от пути, ведущего к добродетели. Точно также и наоборот, "**ненавидящий**" душу свою "**в мире сем**", спасет ее. Что значит: "**ненавидящий**" душу свою? Это означает того, кто не слушает ее, когда она внушает что-нибудь вредное. Но не сказал: кто не слушает ее, а: "**ненавидящий**" ее. Как мы не можем ни слышать голоса ненавидимых нами, ни видеть лица их равнодушно, так точно мы должны крайне отвращаться и от души, когда она внушает нам что-нибудь неугодное Богу. Так как (Христос) намеревался уже беседовать с учениками о смерти, и именно о Своей смерти, и предвидел их скорбь и уныние, то и употребляет усиленную речь, говоря: что сказать о том, что вы не можете перенести с твердостью Моей смерти? Ведь если и сами вы не умрете, – для вас не будет никакой пользы. Но смотри, как Он и смягчает Свою речь. Человеку, любящему свою душу, очень тяжело и прискорбно было услышать, что он должен умереть. И нужно ли говорить о временах древних, когда и ныне мы найдем много людей, которые, не смотря на то, что убеждены в будущем, охотно решаются все перенести, лишь бы насладиться настоящей жизнью, – которые, смотря на здания, на изобретения и произведения искусств, со слезами приговаривают: как много замышляет человек, и между тем – обращается в прах! До такой степени сильна привязанность к настоящей жизни! Итак, чтобы разрешить эти узы, Христос говорит: "**ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную**". А что Он сказал это ученикам с тем, чтобы ободрить их и удалить от них страх, это видно из дальнейших слова: "**кто Мне служит, Мне да последует**". Здесь Он говорит о смерти и требует последования самым делом. Слуга непременно должен следовать за тем, кому служит. И заметь, в какое время Он беседует с ними об этом; не тогда, кода они были гонимы, но когда были совершенно спокойны, – когда, пользуясь от многих почетом и услугами, почитали себя в совершенно безопасности, – когда могли быть бодры духом и услышать: "**и возьми крест свой, и следуй за Мною**" (Матф.16:24), т.е., должен быть всегда готов на опасности, на смерть, на переселение из этой жизни. Вслед за тем, так как Он сказал прискорбные слова, – предлагает и награду. В чем же эта награда? В том, что будут следовать за Ним и будут

там, где Он. Этим Он показал, что за смертью последует воскресение. "**где Я**", говорит Он, "**там и слуга Мой будет**". Где же Христос? На небесах. Итак, переселимся туда душою и умом еще и прежде воскресения. "**Кто Мне служит**" возлюбит "**того Отец**" (Иоан.12:26). Почему Он не сказал: Я возлюблю? Потому что ученики еще не имели о Нем надлежащего понятия, а думали более великое об Отце. Ведь они не знали и того, что Ему надлежало воскреснуть: как же могли помышлять о Нем что-нибудь великое? Потому-то и сынам Зеведеевым Он говорит: "**не от Меня [зависит], но кому уготовано Отцем Моим**" (Матф.20:23), – хотя Он и сам судия. А здесь Он представляет и Свое истинное сыновство, потому что Отец примет слуг Его, как слуг Своего истинного Сына. "**Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего**" (ст.27). Так говорить, по-видимому, не следовало бы тому, кто убеждает идти на смерть; но на сомом деле эти слова особенно приличны такому человеку. Чтобы не сказали, что Ему легко любомудрствовать о смерти, когда Он сам не доступен для человеческих страданий, легко убеждать нас, когда Он сам вне опасности, – Он показывает, что и Он страшится смерти, и однако же для пользы (других) не отказывается умереть. Впрочем это относится к воспринятому Им человечеству, а не к божеству. Поэтому Он говорит: "**Душа Моя теперь возмутилась**". (А если не так, то какая будет последовательность между этими словами и следующими: "**Отче! избавь Меня от часа сего**"?) И (душа Его) до того была возмущена, что Он даже искал бы избавления (от смерти), если бы только можно было ее избежать.

2. Это – немощи человеческой природы. Но Я, говорит Он, не могу ничего сказать, прося избавления, потому что "**на сей час Я и пришел**" (Иоан.12:27). Как бы так говорил Он: хотя смерть и приводит нас в трепет и смущение, но все же мы не должны избегать ее. Ведь и Я возмущен ныне, но не говорю об избавлении от смерти, потому что надобно переносить то, чему следует быть. Не говорю: избавь Меня от часа сего, но что? "**Отче! прославь имя Твое**" (ст.28). Хотя смущение и заставляет Меня говорить те слова, но Я говорю противное: "**прославь имя Твое**", то есть, возведи уже (Меня) на крест. В этом ясно обнаруживаются свойства человеческие и природа, которая не хочет смерти, но привязана к настоящей жизни. Это показывает, что (Христос) был не чужд человеческих ощущений. Как голод и сон не составляет преступления, так точно и привязанность к настоящей жизни. Иисус Христос имел тело, только чистое от грехов, но не лишенное естественных потребностей; иначе оно не было бы и телом. Этим же самым Он внушает нам и нечто другое. Что же именно? Чтобы мы даже и тогда, как случится нам быть в страхе и томлении, не уклонялись от того, что нам назначено. "**Отче! прославь имя Твое**". Этим показывает, что умирает за истину; смерть Свою называет славою Божьею. Это и сбылось после креста: тогда вся вселенная должна была обратиться, познать имя Божие и служить Богу; и имя не только Отца, но и Сына, хотя (Христос) об этом умалчивает. "**Тогда пришел с неба глас: и прославил и еще прославлю**" (ст.28). Когда прославил? В предшествовавших событиях. "**И еще прославлю**" – после креста. Что же Христос? "**Не для Меня был глас сей**", но вас ради. А иудеи подумали, что это был гром, или что ангел говорил Ему. Почему же они так думали? Разве голос был не ясен и не внятен? Нет, они были люди грубые, плотские, беспечные, и потому голос тотчас исчез для них. Одни из них удержали только звук, а другие, хотя и знали, что это был голос членораздельный, но что он означал, не знали. Что же Христос? "**Не для Меня был глас сей**", но вас ради. Для чего Он сказал это? Для опровержения того, что они постоянно говорили, будто Он не от Бога. В самом деле, мог ли быть не от Бога тот, кого Бог прославляет и кем имя Божие прославляется? Для этого-то и глас снизошел; для этого и сам Он говорит: "**Не для Меня был глас сей**", но вас ради; не для того, чтобы Я из него узнал что-нибудь, чего прежде не знал, – Я знаю все Отчее, – но для вас. Так как они говорили, что ангел говорил Ему или что это был гром, а (слов) не слышали, то (Христос) говорит, что это было для вас, чтобы хоть таким образом заставить их спросить, что было

сказано. Но они, будучи поражены, не спросили и тогда, как услышали, что это относилось к ним. А кто не знал, к кому относилось сказанное, для того, естественно, голос мог показаться невразумительным. "**Был глас сей для народа**". Видишь ли, что все уничиженное бывает для них, а не потому, будто бы Сын имел нужду в помощи? "**Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего**" повержен "**будет**" долу (ст.31). Какую это имеет связь с словами: "**прославил и прославлю**"? Очень близкую и весьма тесную. Так как Он сказал: "**прославлю**", то показывает и самый способ прославления. Какой же это способ? Тот, говорит, что он будет повержен долу. Что же значит: "**суд миру сему**"? Как бы так говорит: будет суд и отмщение. Как это и каким образом? (Диавол) умертвил первого человека, найдя его повинным греху (так как смерть вошла через грех). Но во Мне он этого не нашел; за что же он напал на Меня и предал смерти? Зачем вложил в душу Иуды мысль погубить Меня? Не говори мне теперь, что Бог так устроил, что это дело не диавола, а Божией премудрости. Будем пока рассматривать лишь мысль этого злого существа. Итак каким же образом мир судится во Мне? Диаволу, как бы на суде, будет сказано: пусть ты всех умертвил, потому что нашел их виновными во грехе; но за что Христа умертвил? Не явно ли, что несправедливо? Поэтому чрез Него тебе будет отмщение за весь мир. А чтобы это было очевиднее, я объясню примером. Представь себе какого-нибудь свирепого тирана, который всех, кто ни попадется ему, подвергает различным жестокостям. Если этот человек, встретив царя или царского сына, несправедливо умертвит и его, то смерть этого последнего может отомстить ему и за всех прочих. Представь себе еще, что какой-нибудь заимодавец, взыскивая с своих должников, будет бить их и сажать в тюрьму; потом, по той же жестокости, заключит также в темницу и того, кто ему нисколько не должен. В этом случае он будет наказан и за то, что он сделал другим, – именно, тот убьет его.

3. Так точно было и с Сыном (Божиим). Из-за того, что диавол дерзнул сделать со Христом, он получит наказание за все, что причинил нам. И что (Христос) указывает именно на это, видно из того, что Он говорит: "**ныне князь мира сего**" будет низвержен Моею смертью. "**И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе**" (ст.32), т.е. и язычников. А чтобы кто-нибудь не сказал: как же он будет низвержен, если он победит и Тебя самого? – говорит: не победит; да и не может ли это быть, когда Я и других привлеку к Себе? И не говорит о воскресении, но о том, что важнее воскресения: "**всех привлеку к Себе**". Если бы сказал: воскресну, то еще не видно было бы, что уверуют в Него, но сказав: уверуют – Он тем высказал и то и другое, – что Он и воскреснет, потому что, если бы Он оставался мертвым и был простым человеком, тогда никто бы не уверовал. "**Всех привлеку к Себе**". А как же Он говорит, что Отец привлекает? Это значит, что Отец привлекает, когда привлекает Сын. "**Привлеку**", говорит Он, так как их держит тиран и сами по себе они не могут придти и освободиться из его рук, потому что он не пускает их. В другом месте это называет (Христос) хищением. "**Никто, войдя в дом сильного, не может расхитить вещей его, если прежде не свяжет сильного, и тогда расхитит дом его**" (Мар.3:27), – так говорит Он, изображая силу (врага). Следовательно, что там назвал Он хищением, то здесь называет привлечением. Итак, зная это, восстанем и прославим Бога, не верою только, но жизнью; а иначе это будет не слава, а хула. Не столько хулится Бог нечистой жизнью язычника, сколько развращением христианина. Поэтому, прошу вас, старайтесь всячески о прославлении Бога. Горе, сказано, тому рабу, которым имя Божие хулится. А когда будет горе, тогда тотчас последует всякое наказание и мучение. Напротив, блажен тот, кем имя Божие прославляется. Так не будем же жить, как во тьме, но постараемся избегать всяких грехов, а особенно тех, которые клонятся к общему вреду, потому что ими-то особенно и наносится хула Богу. Какое, в самом деле, мы получим прощение, когда, обязанные, по заповеди, давать другим, мы будем похищать чужое? Какая будет для нас надежда на спасение? Ты будешь наказан, если не напитаешь алчущего: какое же получишь помилование, если обнажишь одетого? Мы постоянно

говорим это, и не перестанем говорить. Может быть, не послушавшие сегодня послушают в следующие дни; если же некоторые и останутся непреклонными, то все же, по крайней мере, мы будем правы на суде, потому что исполнили свое дело. Но дай Бог, чтобы эти слова и нас не приводили в стыд, и вас не заставляли закрываться. Дай Бог всем с дерзновением стать пред судилищем Христовым, чтобы и мы могли похвалиться вами, и для своих зол найти какое-нибудь облегчение в вашем добром имени, о Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки. Аминь.

БЕСЕДА 68

"Народ отвечал Ему: мы слышали из закона, что Христос пребывает вовек; как же Ты говоришь, что должно вознесену быть Сыну Человеческому? кто Этот Сын Человеческий"? (Иоан.12:34).

1. Ложь бессильна и легко изобличается, хотя снаружи и разрисована многоразличными красками. Как те, которые покрывают смазкой стены, близкие к разрушению, чрез эту смазку не могут поправить их, так и люди, когда говорят ложь, легко изобличаются. Так именно случилось и теперь с иудеями. Когда Христос сказал: "**когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе**" (Иоан.12:32), – они возражают: "**мы слышали из закона, что Христос пребывает вовек; как же Ты говоришь, что должно вознесену быть Сыну Человеческому? кто Этот Сын Человеческий**"? Итак они знали, что Христос есть лицо бессмертное и имеет жизнь бесконечную. Следовательно понимали и то, что Он говорил. Да и в Писании во многих местах говорится вместе и о страдании, и о воскресении. Так например Исаия поставляет то и другое вместе, когда говорит: "**как овца, веден был Он на заклание**" (Ис.53:7), и так далее; и Давид во втором псалме, рано как и во многих других, соединяет то и другое; и патриарх (Иаков), сказав: "**преклонился он, лег, как лев**", присовокупил: "**и как львица: кто поднимет его**" (Быт.49:9)? – чем указывает вместе и на страдание, и на воскресение. Но иудеи потому говорят, что Христос пребывает во век, что этим думали заградить Ему уста и показать, что Он не Христос. И смотри, какая злонамеренность! Не сказали: мы слышали, что Христос не должен страдать, не должен быть распят; но: "**что пребывает вовек**", – хотя эти слова и не составляют возражения, потому что страдание не было препятствием к бессмертию. Отсюда можно видеть, что они понимали многое, что могло казаться обоюдным, и что они по доброй воле поступали злонамеренно. Так как выше Христос беседовал о смерти, то они, услышав здесь слово: "**вознесену быть**", пришли именно к мысли о смерти. Затем говорят: "**кто Этот Сын Человеческий**"? И это также с злым умыслом. Не подумай, говорят они, что мы разумеем здесь Тебя, и не говори, будто мы противоречим Тебе по вражде с Тобою. Вот мы даже и не знаем, о ком Ты говоришь, и все же однако высказываем свое мнение. Что же Христос? Желая заградить им уста и показать, что Его страдания нисколько не препятствуют Ему пребывать во век, Он говорит: "**еще на малое время свет есть с вами**" (ст.35). Этим показывает, что смерть Его есть только преставление, так как и солнечный свет не исчезает совершенно, но, скрывшись на краткое время, снова является. "**Ходите, пока есть свет**". О каком времени говорит Он здесь? Разумеет ли всю настоящую жизнь, или только время до креста? Я думаю, – и то и другое, потому что, по неизреченному Его человеколюбию, многие уверовали в Него и после креста. А говорит Он это для того, чтобы побудить их к вере, что и прежде делал, когда говорил: "**еще недолго быть Мне с вами**" (Иоан.7:33). "**Ходящий во тьме не знает, куда идет**" (ст.35). В самом деле, чего не делают теперь иудеи, и однако же не знают, что делают, но ходят как бы во тьме. Думают, что идут противоположным путем; соблюдают субботу, хранят закон, наблюдают правила касательно пищи, но не знают, куда идут. Потому и говорил: "**веруйте в свет, да будете сынами света**" (ст.36), т.е., Моими сынами. В начале евангелист говорит (о верующих), что они "**ни от крови, ни от**

хотения плоти, но от Бога родились" (Иоан.1:13), т.е., от Отца, – а здесь говорится о самом (Христе), что Он их рождает, чтобы ты знал, что у Отца и Сына одно действие. "**Сказав это, Иисус отошел и скрылся от них**" (ст.36). Зачем Он теперь скрывается? Ведь не подняли против Него камней и не сказали никакой хулы, как было прежде: зачем же Он скрылся? Проникая в сердца их, Он знал, что в душе они ожесточились против Него, хотят и ничего не говорили; знал, что они кипели и готовы были убить Его, и не ожидал, пока дойдут они до самого дела, но скрылся, чтобы укротить их ненависть. Смотри, как на это указал и евангелист: он сейчас же присовокупил: "**столько чудес сотворил Он пред ними, и они не веровали в Него**" (ст.37). Какие это знамения? Знамения, о которых евангелист умолчал. Да это же видно и из последующего. После того, как Он удалился и уступил им, Он снова приходит и кротко беседует с ними, говоря таким образом: "**верующий в Меня не в Меня верует, но в Пославшего Меня**" (ст.44). И заметь, как Он (обыкновенно) поступает: начинает речь скромно и уничиженно, относя все к Отцу, а потом возвышает Свое слово. Когда же видит, что они приходят в ярость, – удаляется, а потом снова является и снова начинает речь уничиженную. Когда же Он так поступал? Скажи лучше, когда Он так не поступал? Вот, смотри, как Он говорит сначала: "**как слышу, так и сужу**" (Иоан.5:30); затем возвышеннее: "**как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет**" (Иоан.5:21); и опять: "**Я не сужу**" вас, иной "**есть Судящий**" (Иоан.8:15,50); а потом опять удаляется. Затем, явившись в Галилее, говорит: "**старайтесь не о пище тленной**" (Иоан.6:27); и, сказав о Себе великое, именно – что Он сошел с неба, что Он дает живот вечный, снова уходит. А в праздник кущей опять является и поступает точно таким же образом.

2. Да и постоянно, как всякий может видеть, Он разнообразит таки образом свое учение: то приходит, то уходит, то говорит смиренно, то возвышенно. Так точно Он поступил и здесь. "**Столько чудес сотворил Он пред ними**", говорит, "**и они не веровали в Него, да сбудется слово Исаии пророка: Господи! кто поверил слышанному от нас? и кому открылась мышца Господня**" (Иоан.12:37,38)? И опять: "**потому не могли они веровать, что, как еще сказал Исаия: «слухом услышите – и не уразумеете». Сие сказал Исаия, когда видел славу Его и говорил о Нем**" (ст.39,41; сн. Ис.6:9). Вот опять слова "**как**" и "**сказал**" означают не причину, а следствие. Не потому иудеи не веровали, что так сказал Исаия, но потому сказал так Исаия, что они не будут веровать. Почему же евангелист говорит не так, а напротив как будто представляет неверие следствием пророчества, а не пророчество – следствием неверия? В дальнейших же словах он тоже самое выражает еще сильнее, говоря так: "**потому не могли они веровать, что, как сказал Исаия**". Этим он хочет яснее доказать, что Писание не ложно и что предсказанное им совершилось не иначе, а именно так, как было предсказано. А чтобы кто-нибудь не сказал: зачем же и пришел Христос? Или Он не знал, что Его не будут слушать? – для этого и приводит пророков, показывая, что и они это знали. Пришел же Христос для того, чтобы не имели никакого извинения в своем грехе. Что предсказал пророк, то предсказал потому, что так непременно будет. А если бы не должно было непременно совершиться, то он и не предсказал бы; но оно должно было непременно совершиться, потому что (иудеи) были неизлечимы.

Если же и поставлено здесь слово: "**не могли**", то оно значит тоже, что – не хотели. И ты не удивляйся этому. Вот и в другом месте говорится: "**кто может вместить, да вместит**" (Матф.19:12). Так и во многих местах Писание обыкновенно употребляет слово: возможность, в смысле хотения; вот например еще: "**вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит**" (Иоан.7:7). Да это же самое, как всякий может видеть, бывает и в обыкновенном разговоре. Так, когда кто говорит: я не могу полюбить такого-то, то под возможностью разумеет особенную силу хотения; точно также такой-то не может быть добрым. Да и пророк как говорит? "**Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и**

барс – пятна свои", и народ сей возможет ли "**делать доброе, привыкнув делать злое**" (Иер.13:23). Не то разумеет он, будто совершение добродетели для этих людей невозможно; но что они не хотят того, потому и не могут. И слова евангелиста выражают только то, что пророку невозможно было сказать ложь. Но никак нельзя сказать, чтобы поэтому самому иудеям невозможно было уверовать. Пророк мог остаться верным и в том случае, если бы они уверовали, – он бы того и не предсказал. Так почему же, скажешь, Писание не выразилось таким образом? В Писании есть некоторые подобные особенности, а потому надобно подчиняться его правилам. "**Сие сказал, когда видел славу Его**". Чью славу? Отца. Как же Иоанн прилагает эти слова к Сыну, а Павел к Св. Духу? Это они говорят не потому, будто смешивают ипостаси, а чтобы показать, что у Них одно достоинство: что принадлежит Отцу, то принадлежит и Сыну, а принадлежащее Сыну принадлежит и Св. Духу. Хотя многое (Бог) изрек чрез ангелов, однако же никто не говорит: как сказал ангел, но: как сказал Бог; что изречено Богом чрез Ангелов, то принадлежит Богу, но принадлежащее Богу еще не принадлежит ангелам. А здесь (апостол) говорит, что это слова Духа (Деян.26:25-26). "**и говорил о Нем**". Что говорил? "**Видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном**" (Ис.6:1), и проч. Итак, славою он называет здесь видение, дым, слышание неизреченных таинств, зрение серафимов, молнию, исходящую от престола, на которую не могли смотреть те силы. "**и говорил о Нем**". Что говорил? Что он слышал голос, говоривший ему: "**кого Мне послать? и кто пойдет? И я сказал: вот я, пошли меня. И сказал Он: слухом услышите – и не уразумеете, и очами смотреть будете – и не увидите. Народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами, и не уразумеют сердцем**" (Ис.6:8,9; сн. Иоан.12:40). Вот опять новое недоумение; но его не будет, если вникнем в дело надлежащим образом. Как солнце поражает глаза больных, но не потому, чтобы оно имело такое свойство, так бывает и с теми, кто не внимает словам Божиим. В этом же смысле говорится и о фараоне, что ожесточило его сердце. Так бывает и с теми, которые каким-нибудь образом противятся словам Божиим. И это – особенность Писания, равно как и выражения: "**предал их Бог превратному уму**" (Рим.1:28); и: "**уделил народам**" (Втор.4:19); это значит – позволил, попустил. В этих местах выражено не то, будто Бог и это производит, но показывается, что это происходит от злобы других. Когда мы бываем оставлены Богом, тогда предаемся диаволу; а предавшись диаволу, подвергаемся бесчисленным бедствиям. Итак, чтобы устрашить слушателя, говорит: "**ожесточил**", и: "**предал**". А что Бог не только не предает нас, но и не оставляет, если мы сами того не захоти, – послушай, что говорит: не "**беззакония**" ли "**ваши произвели разделение между вами и**" между Мною (Ис.59:2)? И еще: "**удаляющие себя от Тебя гибнут**" (Пс.72:27); а Осия говорит: "**ты забыл закон Бога твоего, и Я забуду**" тебя (Ос.4:6). И сам Христос в Евангелии: "**сколько раз хотел Я собрать чад твоих, и вы не захотели**" (Лук.13:34). И опять Исаия: "**Я приходил, никого не было, Я звал, никто не отвечал**" (Ис.50:2). Говоря таким образом, показывает, что мы сами полагаем начало оставлению нас Богом, сами бываем виновны в своей погибели. А Бог не только не хочет ни оставлять нас, ни наказывать, но когда и наказывает, – делает это против Своего желания. "**Я не хочу**", говорит Он, "**смерти умирающего, но обратитесь, и живите**" (Иез.18:32). А Христос даже плачет о разрушении Иерусалима, как поступаем и мы в отношении к своим друзьям.

3. Итак, зная это, будем употреблять все меры, чтобы не отпасть от Бога, и постараемся иметь попечение о своей душе и любовь друг к другу; не будем отторгать от себя своих членов, – это свойственно беснующимся и умалишенным, – но чем в худшем найдем их положении, тем большую покажем об них заботливость. Ведь мы часто видим людей, одержимых упорными и неисцелимыми телесными недугами, и однако же не перестаем прилагать к ним врачевства. Что например хуже подагры? Что – хирагры? Но разве мы отсекаем из-за этого члены? Вовсе нет. Напротив, употребляем все меры, чтобы получить

хоть какое-нибудь облегчение, если уж нет возможности уврачевать болезнь. Так же будем поступать и с своими братьями: хотя бы они страдали неисцелимыми болезнями, будем неотступно заботиться об их исцелении и носить тяготы друг друга. Чрез это мы исполним и закон Христов, и достигнем обетованных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 69

"Впрочем и из начальников многие уверовали в Него; но ради фарисеев не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги, ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию" (Иоан.12:42,43)

1. Мы должны избегать всех вообще душевредных страстей, но особенно тех из них, которые и сами из себя рождают много грехов. Таково, напр., сребролюбие. Оно и само по себе тяжкая болезнь, но становится еще тяжелее потому, что оно корень и мать всех зол. Таково же и тщеславие. Вот, например, и эти (начальники иудейские) отторглись от веры по любви к славе. "**И из начальников**", говорит Писание, "**многие уверовали в Него; но**" иудеев "**ради не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги**". Так точно и (Христос) еще прежде говорил им: "**как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете**" (Иоан.5:44)? Следовательно они были не князья, а рабы, и рабы самые низкие. Впрочем, впоследствии и этот страх исчез. При апостолах мы нигде не встречаем одержимых этой болезнью; при них обращались к вере и князья, и священники; ниспосланная благодать Святого Духа всех их сделала тверже адаманта. Но так как теперь это служило еще для них препятствием к вере, то послушай, что говорит Христос: "**верующий в Меня не в Меня верует, но в Пославшего Меня**" (ст.44). Как бы так говорил Он: что боитесь вы уверовать в Меня? Вера в Меня, равно как и неверие, через Меня переходят к Богу. Смотри, как всегда и во всем обнаруживает Он совершенное равенство Своего существа. И не сказал: кто верует Мне, – чтобы кто не подумал, будто Он здесь говорит о Своих словах, – что можно было сказать и о людях, напр., кто верует апостолам, верует не им, а Богу. Но чтобы ты знал, что Он здесь говорит о вере в Свое существо, Он не сказал: кто верует Моим словам, но: "**верующий в Меня**". Но почему, скажешь, Он нигде не сказал наоборот: кто верует в Отца, верует не в Отца, а в Меня? Потому что возразили бы: вот мы веруем в Отца, а в Тебя не веруем. Ведь они был еще очень немощны. Потому, беседуя с учениками, Он сказал так: "**веруйте в Бога, и в Меня веруйте**" (Иоан.14:1); а с иудеями – видя, что они, по своей немощи, еще не могут услышать такие слова, ведет речь иначе; им Он показывает, что невозможно уверовать в Отца, не уверовав в Него. И чтобы ты не подумал, будто это сказано в том же смысле, в каком может быть сказано и в отношении к человеку, Он присовокупляет: "**видящий Меня видит Пославшего Меня**" (ст.45). Что же? Значит Бог – существо телесное? Вовсе нет. Христос говорит здесь о видении умственном, и тем опять показывает Свое единосущие. Но что значат слова: "**верующий в Меня**"? Это тоже, как если бы кто сказал: кто берет воду в реке, берет ее не из реки, а из источника; а впрочем, и это еще весьма слабое подобие настоящего предмета. "**Я свет пришел в мир**" (ст.46). Так как Отец везде называется светом, и в ветхом и в новом завете, то и Он прилагает к Себе это название; поэтому и Павел, научившись отсюда, называет Его сиянием. Вообще Он здесь показывает великое сродство с Отцом и не полагает никакого различия, потому что вера в Него, говорит, не к Нему относится, а переходит к Отцу. А светом Он Себя назвал потому, что Он уничтожает заблуждение и рассеивает умственный мрак. "**Если кто**" Меня не слушает, "**Я не сужу его, ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир**" (ст.47). Чтобы не подумали, будто Он по немощи

не обращал внимания на тех, которые пренебрегали Им, для этого Он сказал: "**пришел не судить мир**".

2. Потом, чтобы не сделались от этого нерадивее, узнав, что если верующий получает спасение, за то и неверующий не подвергается наказанию, – смотри, как Он поставляет ин на вид и страшный суд, присовокупляя следующие слова: "**Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе**" (ст.48). Но если "**Отец не судит никого**" (Иоан.5:22) и Ты пришел не с тем, чтобы судить мир, так кто же его будет судить? "**Слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день**" (ст.48). Так как они говорили, будто Он не от Бога, то Он и сказал так, показывая, что для них тогда не будет возможности говорить это, но слова, которые Я изрек ныне, предстанут вместо обвинителя, будут обличать их и отнимут у них всякое оправдание. "**Слово, которое Я говорил**". Какое слово? "**Ибо Я**" не сам от Себя пришел, "**но пославший Меня Отец, Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить**" (ст.49) – и все другие подобные слова. Следовательно это говорилось так только для них, чтобы они не могли иметь никакого предлога к извинению. В противном случае, какое (Христос) будет иметь преимущество пред Исаиею? Ведь этот последний говорит тоже самое: "**Господь Бог дал Мне язык мудрых, чтобы Я мог словом подкреплять изнемогающего**" (Ис.50:4). Какое пред Иеремиею, который также, когда был послан, получил вдохновение? Какое – пред Иезекиилем? Ведь и этот говорил после того, как поглотил свиток. Притом же, те, которые будут слушать Его слова, были бы причиной Его знания. Если Он получил заповедь, что Ему говорить, только тогда, когда был посылаем, то наконец ты должен будешь сознаться, что Он того не знал прежде, чем был послан. А что может быть нечестивее этих слов, если кто станет принимать их в этом смысле и не позаботится узнать причину их уничиженности? Апостол Павел говорит, что даже ученики знали, "**что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная**" (Рим.12:2): Сыну ли не знать до тех пор, пока Он не получил заповеди? Есть ли в этом какая-нибудь сообразность? Видишь, что Он говорит с чрезвычайным уничижением для того, чтобы и иудеев привлечь к Себе, и на последующих людей наложить молчание? Итак, для того Он говорит по-человечески, чтобы хотя этим способом понудить их к тому, чтобы они избегали всего низкого в Его словах, зная, что Он так говорит не по существу, а по немощи слушателей. "**И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная. Итак, что Я говорю, говорю, как сказал Мне Отец**" (ст.50). Видишь, как уничижены эти слова? Ведь кто получит заповедь, тот уже не господин над самим собою. А между тем, сам же Он говорит: "**как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет**" (Иоан.5:21). Ужели же воскрешать, кого хочет, Он имеет власть, а говорить, что хочет, не имеет? Очевидно, Он этими словами хочет сказать вот что: неестественно, чтобы иное говорил Он, и иное высказывал Я. "**И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная**". Это Он сказал против тех, которые почитали Его обманщиком и говорили, будто Он пришел на погибель. А словами: "**Я не сужу**" показывает, что Он нисколько не виновен в их погибели. Этим Он как бы так свидетельствует, намереваясь оставить их и больше не обращаться с ними: беседуя с вами, Я ничего не говорил собственно от Себя, но все от Отца. И для того Он заключает Свою беседу с ними словами уничиженными, чтобы сказать, что при самом конце таков был Мой последний голос к ним. Какой же именно? "**Я говорю, как сказал Мне Отец**". Если бы Я был противником Богу, Я бы сказал напротив, – что Я ничего не говорю угодного Богу, чтобы всю славу присвоить Себе; но Я все отношу к Нему, так что даже ничего Своего не говорю. Почему же вы не верите Мне, когда Я говорю, что Я получил заповедь, и когда с такою силою опровергаю ваше неправое мнение, будто Я противлюсь Отцу? Как получившим заповедь невозможно ни делать, ни говорить ничего другого, кроме того, что угодно пославшим их, до тех пор, пока они во всей точности не исполнят заповеди, так и Мне нельзя ни делать, ни говорить ничего другого кроме того, что хочет Отец. Что делаю Я, то творит Он, потому Он "**есть со Мною; Отец не оставил**

Меня одного" (Иоан.8:29). Видишь, как Он всюду показывает, что Он тесно соединен с Своим Родителем и между Ними нет ничего посредствующего? И в том случае, когда Он говорит: "**Я пришел не Сам от Себя**" (Иоан.7:28), Он тем не власть у Себя отнимает, а уничижает лишь мысль, будто Он чужд и противен Богу. Ведь если люди властны сами над собою, то тем более единородный Сын. А что это справедливо, – послушай, что говорит Павел: "**уничижил Себя Самого**"(Фил.2:7) и предал Себя за нас. Но, как я сказал, страшно, истинно страшно – тщеславие. Оно было причиною, что и эти люди не веровали, и другие худо веровали, и что слова, которые (Христос) говорил для их же самих – из человеколюбия, они обращали в повод к нечестию.

3. Итак, будем всячески избегать этого зверя. Он бывает различного рода и вида, и разливает свой яд на все, – и на сокровища, и на удовольствия, и на красоту телесную. Потому-то мы везде и переступаем границы нужды; оттого и роскошь в одежде, и большая толпа слуг; оттого пренебрегается умеренность во всем – и в домах, и в одежде, и в столе, а роскошь господствует. Ты хочешь наслаждаться славою? Подавай милостыню: тогда тебя похвалят ангелы, тогда тебя прославит Бог. А теперь вся слава достается на долю золотых дел мастеров и ткачей; ты же остаешься без венца и нередко видишь себя обременяемою проклятиями. Не обвешивай ты всем этим своего тела, а издержи все это на пропитание нищих, и со всех сторон будут рукоплескания, отовсюду – великая похвала. Тогда именно ты будешь этим обладать, когда будешь раздавать другим; а покуда ты пользуешься одна, ты не владеешь. Дом – не надежное хранилище; верное хранилище – это руки нищих. И зачем ты украшаешь тело, между тем как душа остается в небрежении и покрыта нечистотою? Зачем ты не столько заботишься о душе, сколько о теле? Ведь о ней следовало бы даже больше заботиться; по крайней же мере, возлюбленные, будем иметь о ней хоть такое же попечение. Скажи мне: если бы кто спросил у тебя, чего бы ты лучше желала – тело ли иметь чистое, здоровое и прекрасное, а одеяние носить бедное, или – иметь тело уродливое и больное, но ходить в золоте и щеголять убранством? Не гораздо ли скорее ты захотела бы иметь благообразие в самой природе своего тела, чем в пышности одежд? Ужели же ты по отношению к телу пожелаешь этого, а по отношению к душе – противного? Имея душу отвратительную, безобразную и черную, ужели ты думаешь что-нибудь выиграть чрез золотые украшения? Не крайнее ли это безумие? Обрати лучше эти украшения внутрь и этими ожерельями убери свою душу. Когда они лежат на теле, они не служат ни к его здоровью, ни к красоте. Ведь они не сделают ни черного белым, ни безобразного – красивым и благовидным. Но если ты украсишь ими душу, то скоро сделаешь ее из черной белою, из отвратительной и безобразной прекрасною и благовидною. И это не мое слово, но самого Господа, который говорит так: "**если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю**" (Ис.1:18); и еще: "**подавайте милостыню, тогда все будет у вас чисто**" (Лук.11:41). И не себя только, а и мужа своего ты сделаешь прекрасным, если будешь поступать таким образом. Когда мужья увидят, что вы оставили эти украшения. Тогда они уже не будут иметь надобности в больших издержках; а не имея этой надобности, они вовсе отстанут от любостяжания и будут более склонны к милостыне. Да и вы тогда в состоянии будете смело советовать им делать то, что следует; а теперь вы совершенно лишены этой власти. В самом деле, какими устами вы будете говорить им это? Какими глазами будете смотреть, требуя от мужей, чтобы они подавали милостыню, когда большую часть вы издерживаете на украшение тела? Тогда ты в состоянии будешь смело говорить мужу о милостыне, когда оставишь золотые украшения. И если бы даже ты нисколько в том не успела, – по крайней мере, ты исполнишь с своей стороны все; а впрочем невозможно, чтобы ты не убедила своего мужа, когда будешь говорить ему самыми делами. "**Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа**" (1Кор.7:16)? Потому, как теперь ты дашь ответ и за себя и за него, так если отложишь весь этот внешний блеск – получишь сугубый венец, и будешь торжествовать, нося венец вместе с мужем, в бесконечные веки, и будешь наслаждаться

вечными благами, которых и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том VIII

Книга 2

"Толкование на Евангелие от Иоанна"

БЕСЕДА 70. (на Иоан.13:1) 1. Благость Иисуса Христа к своим врагам и ко всем людям. - 2. Мнение, что Иисус Христос прежде всего омыл ноги Иуде. - Омовение ног было превосходным уроком смирения, преподанным Господом своим ученикам. - 3. Должно пещись о вдовах и сиротах.

БЕСЕДА 71. (на Иоан.13:12). 1. Ожесточение Иуды. - Отношение Иисуса Христа к своим ученикам как назидательный пример для господ, жестоких к своим слугам. - 2. К объяснению урока смирения, преподанного Господом. - 3. Не тот несчастен, кто терпит обиды, а тот, кто причиняет их. - Примеры древних. - Иосиф и Моисей как образцы кротости и терпения. - История Иосифа. - Нужно прощать, чтобы получить прощение от Бога.

БЕСЕДА 72. (на Иоан.13:20) 1. Почему св. Иоанн возлежал на груди Иисуса Христа, когда все другие ученики находились в страхе. – 2. Бесчувствие Иуды. – Зачем в сонме учеников был кошелек. – 3. Беседа после тайной вечери. – Не чудеса, а человеколюбие составляют признак учеников Иисуса Христа. – Упреки, которые язычники делали христианам. – В чем ученики проявляли свое человеколюбие. – Язычники замечали пороки и недостатки христиан и делали их предлогом уклонения от принятия христианской веры.

БЕСЕДА 73. (на Иоан.13:36) 1. Живость и ревность ап. Петра. – Любовь ничто без благодати. – Предсказание падения ап. Петра. – 2. Иисус Христос, чтобы не опечаливать своих учеников, скрывал от них некоторые вещи. – Еще свидетельство о равенстве Сына с Отцом. - . Необходимо заботиться о смытии всех нечистот души. – Прежде всего их омывает крещение, затем милостыня. – Порок хищничества. – Делать милостыню из похищенного преступно. – Лучше совсем не делать дел милосердия, чем делать их из плодов хищничества.

БЕСЕДА 74. (на Иоан.14:8-9) 1. Единосущие Иисуса Христа с Богом Отцом. – 2. Власть и всемогущество Иисуса Христа. – 3. Должно следовать за Иисусом Христом и нести крест Его. – Жертвоприношение новозаветное неизмеримо выше ветхозаветного. – В чем состоит жертва христианина. – Подавление страстей. – Любовь к богатству и ее тирания. – Люди долго не знали золота и серебра, откуда рождается любостяжание. – О милостыне.

БЕСЕДА 75. (на Иоан.14:15-17) 1. Богу благоугодно, чтобы Его любили творения. – Против савеллиан и тех, кто отрицает Духа Святого. – 2. О величии силы Духа Святого в апостолах. – 3. Утверждение учеников Иисусам Христом. – 4. В чем Отец выше Сына. – 5.

Сила, могущество и действенность Св. Духа. – Неестественность пороков. – Подчинение плоти духу есть наилучшее средство для приобретения вечных благ.

БЕСЕДА 76. (на Иоан.14:31-15:1) 1. Страх учеников пред смертью Иисуса Христа. – Притча о виноградной лозе и ее значение. – 2. Спаситель многое говорил применительно к своим слушателям. – Величие любви, ее непобедимость и польза. – Превосходные свидетельства о Его любви. – Против хищничества и алчности. – Зло, причиняемое богатством и алчностью. – Иисус Христос искупил нас, а мы служим мамоне. – Как достигнуть совершенства добродетели. – Похвала бедности.

БЕСЕДА 77. (на Иоан. 15:11-12) 1. Можно ли отделить любовь к Богу от любви к ближнему. – 2. Иисус Христос утешает своих учеников. – 3. Последнее утешение – обетование Святого Духа. – 4 и 5. Различные способы утешения в скорбях. – Хотя добродетель трудна, но славны производимые ею плоды. – Увещание к милостыне. – Нужно довольствоваться необходимым. – Откуда происходит бесчеловечие к бедным? – Из алчности.

БЕСЕДА 78. (на Иоан. 16:4-6) 1. Печаль имеет свою пользу. – Против духоборцев. – 2. Что значит: обличить "о грехе, о правде, о суде". – 3. Различие ипостасей или лиц, равенство лиц. – Валентиниане, маркиониты, аномеи. – 4. Сила единения и согласия. – Превосходство человеколюбия. – Человеколюбие укрепляется молитвой, совершением св. таин, назиданиями церковными.

БЕСЕДА 79. (на Иоан. 16:16-18) 1. Утешение ученикам. – 2. Они получают от Отца все, чего будут просить во имя Сына. – 3-5. Как можно победить мир. – Смерть не делает человека смертным, а победа делает его бессмертным. – Сравнение воскресения с рождением. – Тление тела не препятствует воскресению. – Против мстительности. – Увещание к милостыне.

БЕСЕДА 80. (на Иоан. 17:1) 1. Опровержение ариан и аномиан, порицавших божество Иисуса Христа. – 2. Сын Божий есть едино с Отцом. – 3. Мы можем приобщаться к славе Иисуса Христа по нашей способности, по нашей вере и делам. Блага, которыми мы владеем, не наши. – Мы все делаем для тела, и ничего для души. – С умножением потребностей умножается число слуг. Господин становится рабом своих слуг. – Истинная свобода состоит в том, чтобы не нуждаться ни в ком.

БЕСЕДА 81. (на Иоан. 17:6) 1. Еще о равенстве и единосущии Сына с Отцом. – 2. Иисус Христос, приспособляясь к разумению своих учеников, поручает их попечению Отца, как будто сам не имел возможности защитить их. – 3. Не нужно быть младенцем в мудрости. – Нужно следовать совету апостола не только для того, чтобы приобресть разумение, но для того, чтобы праведно вести свою жизнь. – Не слушая небесного, большинство людей, подобно детям, увлекаются земным. – Грех любостяжания. – В чем состоит истинное богатство. – Увещание к милостыне. – Слава и действенность милостыни.

БЕСЕДА 82. (на Иоан. 17:14) 1. Ученики Христовы не от мира сего. – О равенстве Сына с Отцом. – 2. Иисус Христос призывает своих учеников к миру и единению, которые скорее привлекут к ним людей, чем чудеса. – 3. Никто не знает Бога, кроме тех, кто знает Сына. – 4. Должно веровать в Бога и любить Его. Бога дает нам случаи для делания добра. – Пороки христиан. – Они в церковь часто приходят только для того, чтобы поглазеть и показать себя другим. – Жестокость к бедным. – Видя зло, никто не старается устранить его; напротив, многие завидуют тем, кто делают его, и сердятся, что не могут сами делать того же.

БЕСЕДА 83. (на Иоан. 18:1) 1. Начало страданий Спасителя. – 2. Малх, раненый ап. Петром и исцеленный Иисусам Христом, есть тот самый слуга, который ударил Господа по ланите. – Первое отречение ап. Петра. – 3. Как немощна наша природа, когда оставляет нас Бог. – Второе и третье отречение ап. Петра. – 4. Иисус Христос на суде у Пилата. – 5. Должно следовать примеру Иисуса Христа. – Перечень оскорблений и мук, понесенных Спасителем ради нас. – Рассуждение о причиняемых нам оскорблениях. – Слава человеческая не более как тень. – Нужно мало-помалу исправлять свои недостатки, сегодня один, завтра другой. – Как бы по ступеням нужно подниматься к добродетели и совершенству.

БЕСЕДА 84. (на Иоан. 18:34) 1. Иисус Христос учит нас терпению. – Пилат сначала старается освободить Его. – 2. Страх овладел Пилатом и побудил его произнесть неправедный приговор – 3. Нужно всегда памятовать о страданиях Иисуса Христа и непрестанно размышлять о них. – Они будут служить наилучшим лекарством от всех наших скорбей и зол. – Нужно подражать Его кротости и кротости Его апостолов, чтобы склонить к расположению тех, кто оскорблял нас. – Гнев и ложь от диавола. – Без совершения добродетели жизнь в мире сем будет бесполезной и пагубной для нас. – Одна вера, лишенная добрых дел, не открывает дверей на небо, а навлекает осуждение. – Можно умереть ежечасно и потому нужно быть постоянно готовым к этому.

БЕСЕДА 85. (на Иоан. 19:16-18) 1. Иисус Христос распят был между двух разбойников. – Для чего предназначалась надпись на кресте Иисуса Христа? – 2. Одежда нешвенная. – Почему Иисус Христос препоручил свою матерь своему ученику. – Смерть Иисуса Христа была не позором, а славой. – 4. Пламенная любовь Марии Магдалины. – 5. Осуждение пышности погребальных церемоний. – Последний долг следует отдавать мертвым, но без излишества. – Смерть распятого Иисуса показывает, что смерть не есть смерть. – Погребать мертвых нужно так, чтобы это служило к славе Божией: должно раздавать щедрые милостыни.

БЕСЕДА 86. (на Иоан. 20:10-11) 1. Воскресение Господа нашего Иисуса Христа. – 2. Мария возвещает о нем апостолам. – Почему Иисус Христос явился вечером своим ученикам. – 3. Благодать Св. Духа неиссякаема. – 4. Нужно всячески стараться о том, чтобы иметь в себе Св. Духа и сохранять Его благодать. – Величие достоинства и должности священников: должно почитать и уважать их, и помогать им. – Оскорблять их значит вредить самому себе.

БЕСЕДА 87. (на Иоан. 20:24-25) 1. Почему Иисус Христос явился ап. Фоме только через восемь дней после явления другим ученикам. – Почему Иисус Христос сохранил на своем теле рубцы ран. – 2. Разность характеров апп. Петра и Иоанна: первый был жив и горяч, второй более возвышен и проницателен. – 3 и 4. Какое счастье видеть Иисуса Христа во славе! – Не нужно ничего щадить, чтобы только достигнуть вечного блаженства. – Созерцание будущих благ делает настоящую жизнь простою, приятною и легкою. Сила любви. – Сравнение любви ап. Павла к Иисусу Христу с нашею любовию. – Порок любостяжания и способы борьбы с ним. – Неправильное употребление земных благ.

БЕСЕДА 88. (на Иоан. 21:15) 1. Перемена в настроении ап. Петра после падения. – Петр как учитель мира. – 2. Смирение и кротость ап. Иоанна. – 3. Добрые плоды изучения и размышления о Слове Божием. – Заботы века сего и блага мира сего суть шипы, колющие нас со всех сторон. – Духовные блага услаждают взор. – Еще до награды небесной люди получают здесь плоды добрых дел. – Тоже самое и с дурными делами: еще до ада, они здесь производят терзания совести. – Следствия греха. – Раскаяние Ахава, которому

нужно подражать чтобы получить прощение грехов. – Любостяжание разрушает благо, производимое милостыне. – Плоды добрых дел.

БЕСЕДА 70.

"Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу, [явил делом, что], возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их" (Иоан.13:1).

1. "**Будьте подражателями мне,** " - говорит Павел, - " **как я Христу**" (1Кор.11:1). Для того Христос и плоть принял из одного с нами состава, чтобы чрез нее научить нас добродетели. "**В подобии**", - сказано, - "**плоти греховной [в жертву] за грех и осудил грех во плоти**" (Рим.8:3). Да и сам Христос (говорит): "**Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем**" (Матф.11:29). И этому Он учил не словами только, но и делами. Так, называли Его самарянином, и бесноватым, и обманщиком, и бросали в Него камни; а фарисеи то слуг посылали, чтобы схватить Его, то подсылали других злоумышленников, притом и сами часто поносили Его, и все это тогда, как не только не имели ни малейшего повода к обвинению Его, а напротив, еще постоянно пользовались Его благодеяниями. Однакож, и после всего этого, Он не переставал творить им добро и словом, и делом. И когда один слуга ударил Его, Он говорит: "**Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня**" (Иоан.18:23)? Но так поступал Он с Своими врагами и злоумышленниками. Посмотрим же, как Он поступает и с Своими учениками, а особенно – что Он теперь высказывает по отношению к (ученику) коварному. Ведь его следовало ненавидеть больше всех, потому что он, будучи учеником и участником в трапезах и вечерях, и видя чудеса, и удостоившись получить так много, поступил с Ним хуже всех, - не камни бросал в Него и не поносил Его, но выдал и предал. Между тем смотри, как Он благосклонно принимает его: Он умывает ему ноги. И этим также Он хотел удержать его от злого намерения. Мог Он, конечно, если бы захотел, иссушить его, как смоковницу, и разорвать на части, как разорвал камни, и разодрать как завесу; но Он хотел, чтобы тот оставил свое злое намерение не по принуждению, а по доброй воле. С этой целию Он и умывает ему ноги. Но и этого не устыдился этот несчастный и жалкий человек. "**Перед праздником Пасхи Иисус, зная, что пришел час Его**". Не тогда только узнал, но знал, говорит (евангелист), гораздо прежде, чем сделал то, что сделал. "**Перейти**". Евангелист глубокомысленно называет смерть Его переходом. "**Возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их**". Видишь, как Он, намереваясь оставить их , обнаруживает к ним сильнейшую любовь? Слова: "**Возлюбив, до конца возлюбил их**" – именно означают, что Он не упустил ничего, что следовало сделать тому, кто сильно любит. Но почему Он сделал это не сначала? Что важнее, то Он делает в конце, чтобы усилить их привязанность к Себе и приготовить им великое утешение в наступающих бедствиях. "**Своими**" же Он называет их по Своему близкому с ними общению. Называет Он и других "**Своими**", но – как Свое создание, например, когда говорит: "**и свои Его не приняли**" (Иоан.1:11). Но что значит: "**сущих в мире**"? Это значит, что у Него были "**Свои**" и между умершими, как напр. Авраам, Исаак, Иаков и подобные им; но они были уже не в мире. Видишь ли, что Он Бог и ветхого, и нового завета? А что значит: "**до конца возлюбил их**"? Этим (евангелист) говорит, что Он никогда не переставал любить их; и это называет свидетельством особенно сильной любви. Правда, в другом месте (таким свидетельством) называется не это, а положение души за друзей своих; но тогда этого еще не было. Но почему Он сделал это (умыл ноги) теперь? Потому что это было гораздо удивительнее тогда, когда Он для всех казался столько славным; да чрез это и утешение не малое Он оставил пред разлукою с ними. Так как им предстояло перенести жестокую скорбь, то Он предлагает им чрез это и

равносильное утешение. "**И во время вечери, когда диавол уже вложил в сердце Иуде Симонову Искариоту предать Его**" (ст.2). В изумлении сказал это евангелист, показывая, что умыл ноги Иуде тогда, когда тот уже решился предать Его. Этим Он обнаруживает также великую злобу Иуды, - потому что его не остановило ни участие в вечери, хотя это обыкновенно лучше укрощает злобу, ни то, что Учитель продолжал заботиться о нем до самого последнего дня. "**Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его, и что Он от Бога исшел и к Богу отходит**" (ст.3). Здесь выражает свое удивление, что Тот, кто так велик и так высок, что пришел от Бога и к Богу отходит, кто все содержит в Своей власти, - что Он совершил это и, не смотря на все Свое величие, не возгнушался принять на Себя такое дело. Под преданием же , как мне кажется, он разумеет здесь спасение верных; и Христос, когда говорит: "**Все предано Мне Отцем Моим**" (Матф.11:27), - разумеет это же самое предание. Так точно Он и в другом месте говорит: "**Они были Твои, и Ты дал их Мне**" (Иоан.17:6); и еще: "**Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец**" (Иоан.6:44); и: "**Если не будет дано ему с неба**" (Иоан.3:27). Итак, или это выражает , или то, что умовение ног нисколько не могло унизить, так как Он пришел от Бога и идет к Богу, и все содержит. А когда ты слышишь: предание, то не предполагай ничего человеческого. Этим показывается только уважение к Отцу и единомыслие с Ним, - потому что, как Отец предает Ему, так и Он предает Отцу, как это и показывает Павел, когда говорит: "**когда предаст Царство Богу и Отцу**" (1Кор.15:24). Говорит здесь об этом по-человечески, показывая Его великую заботливость об учениках и обнаруживая неизреченную любовь Его к ним, - так как Он теперь уже заботился об них, как о своих, научая их матери всех благ – смиренномудрию, которое Он назвал началом и концом добродетели. И не без причины присовокуплены слова: "**от Бога исшел и к Богу отходит**", но чтобы знали мы, что Он поступал достойно Того, кто пришел оттуда и туда идет, - поправ всякую гордость. И "**встал с вечери, снял [с Себя верхнюю] одежду** " (Иоан.13:4).

2. Смотри, как не умовением только Христос показывает Свое смирение, но и другими действиями. Не прежде возлежания Он встал, а тогда, когда уже все возлегли. Затем не просто умывает, но сначала сложил с Себя одежду. Но и на этом не остановился, а еще опоясался полотенцем; да и этим не удовольствовался, но Сам же влил воду, а не другому велел наполнить ее. Так все это Он делает Сам, чтобы показать тем, что, когда мы делаем добро, то должны делать его не с небрежностью, но со всем усердием. И мне кажется, что Своему предателю Он умыл ноги первому, - так как (евангелист) сказав: "**И начал умывать ноги ученикам**" (ст.5), затем продолжает: "**Подходит к Симону Петру, и тот говорит Ему: Тебе ли умывать мои ноги**" (ст.6)? – То есть, теми ли самыми руками, которыми Ты отверзал очи, очищал прокаженных и воскрешал мертвых? Подлинно, уже и это выражает собою весьма много, - почему Петру и не было надобности сказать что-нибудь больше, чем: "**Тебе ли**"? В этом одном уже высказывалось все. Но справедливо может кто-нибудь спросить: почему никто другой не воспрепятствовал Ему (умыть ноги), а только один Петр, что служит свидетельством не малой любви и уважения? Какая же этому причина? Мне кажется, что Христос прежде умыл ноги предателю, а потом приступил к Петру, и что другие были уже вразумлены примером Петра. А что действительно Он умыл кого-то другого прежде Петра, это видно из слов: "Когда же (ουν) пришел к Петру". Впрочем, евангелист не говорит прямо, но словом: "**начал**" намекает на это. И хотя первым был Петр, но, вероятно, предатель, по своей наглости, возлежал даже выше верховного (апостола). Его наглость выказывается и в других случаях – например, когда он погружает вместе с Учителем (руку в солило), и когда, не смотря на обличения, не чувствует угрызения совести. Петр, однажды подвергшись упреку еще прежде, и упреку за слова, которыя он сказал от любви, так смирился, что даже и тогда, как был в томлении и трепете, обратился к другому, чтобы тот вопросил; а этот (Иуда), не смотря на частыя обличения, не приходил в чувство. Итак, когда подошел к Петру, " **тот говорит**

Ему: Господи! Тебе ли умывать мои ноги?" - (Христос) говорит ему: "**Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после**". (ст.6,7), т.е. (после узнаешь) какая от этого выгода как полезен этот урок, как это может расположить нас ко всякому смиренномудрию. Что же Петр? Продолжает противиться и говорить: "**Не умоешь ног моих вовек**" (ст.8). Что ты делаешь, Петр? Разве не помнишь прежних слов? Не ты ли сказал: "**Будь милостив к Себе, Господи**", - и услышал: "**отойди от Меня, сатана**" (Матф.16:22,23)? Ужели и это не вразумило тебя, и ты все еще горячишься? Да, говорит; но теперь совершается дело необыкновенное и поразительное. Поелику же Петр поступал так по великой любви, то и Христос опять уловляет его тою любовию. Как тогда Он сильно укорил его, сказав: "**ты Мне соблазн**", - так и теперь говорит: "**если не умою тебя, не имеешь части со Мною**" (ст.8). Что же этот пылкий и пламенный? "**Господи**", - говорит, -"**не только ноги мои, но и руки и голову**" (ст.9). Горяч в сопротивлении, но еще горячее в изъявлении согласия; а то и другое – от любви. Но почему (Христос) не сказал, для чего Он это делал, а употребил угрозу? Потому, что Петр не послушал бы. Если бы сказал: оставь, чрез это Я хочу научить вас смирению, - то Петр тысячу раз обещал бы быть смиренным, лишь бы только Владыка не делал этого. А теперь что говорит? То, чего Петр всего более боялся и страшился, - именно, чтобы не быть отлученным от Него. Ведь это он часто спрашивал: "**куда Ты идешь**", - и по этому-то поводу говорил: "**душу мою положу за Тебя**" (Иоан.13:36-37). Если он не уступил и тогда, как услышал: ты не знаешь теперь, что Я делаю, а узнаешь после, - то тем более, если бы узнал. Поэтому-то и сказал:, - зная что, если бы он уразумел это теперь, то продолжал бы противиться. Да Петр и на сказал: объясни мне, и я не буду противиться; но – что было знаком еще большей горячности – он даже не хотел знать этого, а опять настаивает на своем, говоря: "**не умоешь ног моих**". Когда же (Христос) употребил угрозу, - он тотчас утих. Но что значит: "**уразумеешь после**"? Когда именно "**после**"? Тогда, говорит, когда именем Моим будешь изгонять бесов, когда увидишь Мое вознесение на небо, когда узнаешь от Духа, что Я восседаю одесную Отца, - тогда поймешь то, что теперь совершается. Что же Христос? Когда Петр сказал: "**не только ноги мои, но и руки и голову**", - (Христос) говорит: "**омытому нужно только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты, но не все. Ибо знал Он предателя Своего**" (Иоан.13:9-11). Но если они чисты, - для чего умываешь им ноги? Для того, чтобы мы научились скромности. Поэтому-то Он обратился не к другой какой-нибудь части тела, а именно к той, которая менее всех других ценится. Что значит: "**омытый**"? То же, что чистый. А разве они были чисты? Ведь они еще не были освобождены от грехов и не удостоились получить Св. Духа, так как грех еще владычествовал, клятвенное рукописание еще существовало и жертва еще не была принесена? Почему же Он называет их чистыми? Чтобы ты не подумал, будто они в том отношении чисты, что уже освобождены от грехов, Он присовокупил: "**Вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам**" (Иоан.15:3), - т.е., вы пока чисты только с этой стороны; вы уже приняли свет; вы уже освободились от иудейских заблуждений. Так и пророк говорит: "**Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих**" (Ис.1:16). Значит, такой уже омылся и чист. А так как апостолы отвергли от души своей всякое лукавство и обращались со Христом с чистою совестию, то Он и говорит, сообразно с словами пророка, что "**омытый уже чист**". Под омовением Он разумеет здесь не иудейское омовение водою, но очищение совести.

3. Итак, будем и мы чисты; научимся делать добро. Но что такое добро? "**Защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите - и рассудим, говорит Господь**" (Ис.1:17,18). В Писании часто говорится таким образом о вдовах и сиротах; а мы о том и не думаем. Между тем, представь, какая награда! "**Если будут грехи ваши**", - сказано, - "**как багряное, - как снег убелю; если будут красны, как пурпур, - как волну убелю**" (Ис.1:18). Вдовицы беззащитны, а потому (Господь) много о них и заботится. Они,

конечно, могли бы вступить и во второй брак, но из страха Божия они переносят скорби вдовства. Подадим же им руку помощи все мы, и мужи и жены, чтобы и нам самим когда-нибудь не подвергнуться тяжкой участи вдовства, или, если подвергнемся ей, - иметь полное право ожидать и себе человеколюбия. Не малую имеют силу слезы вдовицы; они могут отверзть самое небо. Не будем же обижать их, не станем увеличивать их несчастия, но будем оказывать им всевозможную помощь. Если будем поступать таким образом, то доставим себе совершенную безопасность и в настоящей жизни, и в будущем веке. Не только здесь, но и там они послужат для нас защитою; за оказанные им благодеяния они избавят нас от большей части наших грехов и дадут нам возможность с дерзновением предстать пред судилищем Христовым, чего да сподобимся все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 71

"Надел одежду Свою, и возлегши опять, сказал им: знаете ли, что Я сделал вам?" и пр. (Иоан.13:12)

1. Опасно, возлюбленные, опасно впасть в глубину зол. Тогда уже трудно бывает душе исправиться. Поэтому нужно всячески стараться – не быть уловленным вначале, потому что легче не вдаться (в зло), чем, вдавшись, исправиться. Посмотри на Иуду: когда он вверг себя (в зло), то сколько ни получает помощи, - все не восстает. Сказал (Христос), обращаясь к нему: "**один из вас диавол**"; сказал: *не все веруют* (Иоан.6:70,64); сказал: "**Не о всех вас говорю**", - и: "**Я знаю, которых избрал**" (Иоан.13:18), - но он ничего этого не чувствует. "**Когда же умыл им ноги и надел одежду Свою, то, возлегши опять, сказал им: знаете ли, что Я сделал вам?**" - Это говорит, обращаясь уже не к одному Петру, но и ко всем. Господь и Учитель; "**и правильно говорите, ибо Я точно то**" (Иоан.13:12,13). "**Вы называете Меня**", - ссылается на их суждение. Потом, чтобы не показалось, что это слова их приязни, присовокупляет: "**Я точно то**". Таким образом, приведя их собственные слова, Он тем самым делает их не тягостными; а подтвердив приведенные слова Своим (словом), отстраняет от них всякое подозрение., -говорит. Видишь ли, как, беседуя с учениками, Он гораздо открытее говорит о самом Себе? Как сказал Он: не называйте учителя на земле, "**ибо один у вас Учитель**", также сказал: "**и отцом себе не называйте никого на земле**" (Матф.23:8,9). А выражение: "**один**" и: "**один**" сказано не об Отце только, но и о Нем. Если бы Он говорил, не разумея здесь и Себя, то как мог бы сказать: "**да будете сынами света**" (Иоан.12:36)? И опять: если бы называл учителем одного Отца, то как же говорит: "**Я точно то**", и еще: "**один у вас Наставник – Христос**" (Матф.23:10)?

"**Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу. Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам**" (Иоан.13:14,15). Но ведь это не одно и тоже, потому что Он – Учитель и Господь, а вы между собою – сорабы. Что же значит: "**то же**"? С таким же усердием. Для того Он и берет примеры от большего, чтобы мы делали хоть меньшее. Так и учители пишут для детей весьма красивые буквы, чтобы они, хотя несовершенно, подражали им. Что же теперь – презирающие своих собратий? Что теперь – требующие почестей? Христос умыл ноги предателю, святотатцу и хищнику и в самое время предательства, не смотря на нераскаянность, сделал его общником трапезы; а ты гордишься и надмеваешься? Так значит, скажешь, мы должны умывать ноги друг другу, следовательно и рабам? А что же особенного, если и рабам? Здесь раб и свободный различаются только по имени, а там – по существу дела. Христос по естеству Господь, а мы рабы; однако же, Он не отказался и это сделать. Но теперь приходится довольствоваться, если и с свободными мы не поступаем, как с рабами и купленными невольниками. И что мы тогда скажем, - мы и

имеющие образцы такого долготерпения, нисколько не подражающие им, а поступающие совершенно напротив – без меры превозносящиеся и не воздающие должного? Ведь Бог, сам сначала совершив это (умыв ноги), сделал нас должниками друг другу, хотя мы обязаны воздавать друг другу и меньше (того, что Он сделал), так как Он – Господь, а мы, если будем делать это, будем делать для подобных нам рабов. На это самое и Он указал словами: "**если Я, Господь и Учитель**", - и еще: "**то и вы**". Следовало бы сказать: тем более вы – рабы; но Он предоставил это совести слушателей. Но почему же Он сделал это теперь? Потому что (ученики) скоро уже должны были сподобиться чести, одни – большей, другие – меньшей.

2. Поэтому, чтобы они не возносились друг над другом и не говорили, как прежде: "**кто больше**", и не негодовали друг на друга, Он у всех их отнимает высокомерие, говоря: хотя бы ты был и очень велик, ты не должен нисколько возноситься над братом. И не сказал того, что важнее, именно: “если Я умыл ноги предателю, то что великого в том, если вы (будете умывать ноги) друг другу”; но, показав это на самом деле, предоставил судить о том зрителям. Поэтому Он говорил: "**кто сотворит и научит, тот великим наречется**" (Матф.5:19), потому что учить по настоящему – это значит исполнять самым делом. Такое учение какой не истребит надменности? Какой не уничтожит гордости и высокомерия? Сидящий на херувимах умыл ноги предателю; а ты, человек – земля и пепел, персть и прах – превозносишься и высокомудрствуешь? И какой же будешь достоин геенны? Если ты действительно желаешь иметь чувства высокие, - приди, я покажу тебе путь, потому что ты даже не знаешь, что это значит. Кто прилепляется к настоящему, как к чему-то великому, у того душа низкая. Поэтому и смиренномудрие может быть только при величии души, и надменность – только от низости души. Как малые дети пристрастны бывают к ничтожным вещам, к мячикам, обручам и костям, а о великом не могут иметь и понятия, так точно и здесь, кто любомудрствует, тот будет считать за ничто блага настоящие (и потому ни сам не захочет иметь их, ни у другого не возьмет их), а кто не любомудрствует, тот будет думать иначе, будет пристрастен к паутине, к тени, к сонным мечтам и к тому, что еще ничтожнее этого. "**Истинно, истинно говорю вам: раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его. Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете. Не о всех вас говорю, но да сбудется Писание: ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пяту свою**" (Иоан.13:16-18). Что сказал прежде, то и теперь говорит, для увещания их. Если раб не больше господина своего, и посланник не больше пославшего его, а Мною это сделано, то тем более вам должно делать это. Потом, чтобы кто-нибудь не сказал: для чего Ты это говоришь? Разве мы не знаем этого? – присовокупил следующее: Я говорю вам не потому, будто вы не знаете, но для того, чтобы вы осуществляли на самом деле Мои слова. Знать могут все, а делать – не все. Потому Он и сказал: "**блаженны вы, когда исполняете**". Потому же именно и я непрестанно повторяю вам об этом, хотя вы и знаете, - чтобы расположить вас к делам. Ведь и иудеи знают, но они не блаженны, потому что не исполняют того, что знают. "**Не о всех**", - говорит, - "**вас говорю**". О, долготерпение! Еще не открывает предателя, а напротив прикрывает его дело, подавая тем ему случай к покаянию. И открывает, и не открывает, говоря таким образом: "**ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пяту**". Мне кажется, что слова: "**раб не больше господина своего**" сказаны и для того, чтобы те, которым случится потерпеть зло от рабов или от каких-нибудь ничтожных людей, не соблазнялись, взирая на пример Иуды, который, получив безчисленные благодеяния, заплатил злом Благодетелю. Поэтому и присовокупил: "**ядущий со Мною хлеб**", и, оставив все прочее, сказал о том, что по преимуществу могло его удержать и пристыдить: тот, говорит, кого Я питал, кого Я сделал участником Своей трапезы. Это Он говорил, научая благодетельствовать людям, делающим нам зло, даже и тогда, как они неисправимы. А так как Он сказал: "н**е о всех вас говорю**", то, чтобы не навести страха на многих, Он отделяет наконец Иуду, говоря так: "**ядущий со Мною хлеб**". Выражение: "н**е**

о всех", - не указывает непременно на одного; поэтому Он присовокупил: "**ядущий со Мною хлеб**", показывая этому несчастному, что Он подвергается его нападению не по неведению, но совершенно зная, - а это опять больше всего могло удержать его. И не сказал: предаст Меня, но: "**поднял на Меня пяту**", чтобы тем выразить коварство, лукавство и скрытность его замысла.

3. Все же это написано для того, чтобы мы не были злопамятны к обидчикам, но вразумляли и оплакивали их. Действительно, слез достойны не те, которые терпят обиду, но те, которые причиняют ее. Лихоимец, клеветник и всякий, делающий какое-либо другое зло, вредят гораздо больше самим себе; а нам приносят величайшую пользу, если мы не мстим за себя. Положим, например, такой-то ограбил, а ты за обиду возблагодарил и прославил Бога. Чрез это благодарение ты приобрел себе бесчисленные награды, равно как тот приготовил себе неизреченный огонь. Если же кто скажет: что же, если я не мог отомстить обидевшему меня, потому что я слабее его? – то я отвечу вот что: ты мог сердиться и гневаться, потому что это в нашей власти, желать зла опечалившему, тысячекратно проклинать его и всюду бесславить. Следовательно, кто этого не сделал, тот получит награду и за то, что не мстил, так как, очевидно, он не стал бы мстить и в том случае, если бы мог это сделать. Ведь обиженный, если он малодушен, пользуется всяким оружием – мстит обидевшему проклятиями, ругательствами, наветами. Итак, ты не только не делай этого, но и молись за него; а если ты не только не сделаешь этого, но и станешь молиться за него, то будешь подобен Богу. "**Молитесь**", - сказано, - "**за обижающих вас, да будете**" подобны "**Отцу вашему Небесному**" (Матф.5:44,45). Видишь, какую великую пользу получаем мы от обид, причиняемых нам другими? Ничем так не услаждается Бог, как тем, когда мы не воздаем злом за зло? Но что я говорю: когда не воздаем злом за зло? Ведь нам заповедано воздавать противным, - благодеяниями, молитвами. Поэтому и Христос воздал хотевшему предать Его благодеяниями, именно: умыл ноги, обличал тайно, укорял с кротостью, служил, удостоил его трапезы и целования, и хотя (Иуда) и от этого не сделался лучше, однако же Он не переставал делать Свое. Но, если хочешь, я научу тебя и примером рабов, и в особенности, рабов ветхозаветных, чтобы ты видел, что мы не можем иметь никакого извинения, когда бываем злопамятны. Итак, хотите ли, я скажу вам о Моисее? Или не вознести ли слово еще далее? Ведь чем древнее будут представлены примеры, тем будут они убедительнее. Почему же так? Потому что тогда добродетель была труднее. Жившие в то время не имели ни письменных наставлений, ни примеров жизни; подвизалась одна только природа без всякой посторонней помощи и принуждена была всюду плавать без всякой опоры. Потому-то (Писание), похваляя Ноя, не просто назвало его совершенным, но присовокупило: "**в роде своем**" (Быт.6:9), то есть, в такое время, когда было много препятствий. Конечно, после него прославились и другие, однако же он ничем не будет меньше их, - потому что он был совершен в свое время.

Кто же был долготерпелив прежде Моисея? Блаженный и доблестный Иосиф, который, прославившись целомудрием, не менее прославился долготерпением. Его продали, между тем как он не сделал никакой обиды, но служил, работал и исполнял все, свойственное рабам. На него возвели злую хулу, но он не мстил, хотя имел и отца на своей стороне; напротив, он даже понес братьям пищу в пустыню и, когда не нашел их, не отчаялся и не возвратился назад, хотя и имел к тому случай, если бы хотел, но всегда сохранял истинно братское расположение к этим свирепым и жестоким людям. Опять, когда он сидел в темнице и был спрошен о причине, он не сказал о них ничего худого, а только: "**ничего не сделал**", - и: "**я украден из земли Евреев**" (Быт.40:15). И после этого, когда снова получил власть, он и питал их, и избавил от бесчисленных зол. Так-то, когда мы бодрствуем над собою, злоба ближнего не может отвратить нас от добродетели. Но не таковы были его братья. Они сняли с него одежду и хотели убить его, и поносили его за

сновидение. Он принес им пищу, а они замышляли лишить его свободы и жизни. Сами ели, а брата, бросив нагого в ров, презирали. Что может быть хуже такого зверства? Каких убийц не были они бесчеловечнее? А потом, извлекши из рва, они предали его тысяче смертей, - продали людям иноплеменным и диким, отправлявшимся к варварам. Но он, сделавшись царем, не только не мстил им, но освободил их, сколько было в его власти, и от греха, назвав все случившееся делом Промысла Божия, а не их злобы. И все, что он ни сделал с ними, сделал не с тем, чтобы отомстить за обиду, но притворно, ради брата. Оттого-то, когда увидел впоследствии, что они не отпускают от себя его брата, - тотчас сбросил с себя личину, стал громко рыдать и обнимать их, как будто бы они, прежде погубившие его, оказали ему величайшее благодеяние; перевел их всех в Египет и осыпал бесчисленными благодеяниями. Какое же мы будем иметь оправдание, когда после закона и благодати, после такого умножения любомудрия, не подражаем и тому, кто жил до благодати и закона? Кто избавит нас от наказания:? Нет, истинно нет ничего хуже злопамятства. Это же показал и должник десяти тысяч талантов. Сначала ему долг был прощен, а потом снова потребован: прощен – по человеколюбию Божию, а вновь потребован – за жестокость и злопамятство к своему клеврету (Матф.18:24-38). Зная все это, будем прощать грехи нашим ближним и воздавать им добром, чтобы и от Бога получить милость, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 72

"Истинно, истинно говорю вам: принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает; а принимающий Меня принимает Пославшего Меня" (Иоан.13:20).

1.Великое воздаяние за услуги, оказываемые рабам Божиим, и плоды от них мы получаем еще в настоящей жизни. "**принимающий**" вас, говорит Христос, "**Меня принимает; а принимающий Меня принимает Пославшего Меня**". А что может сравниться с принятием Христа и Его Отца? Но какую это имеет связь с тем, что сказано прежде? Что общего между словами: "**когда исполняете, блаженны вы**", и следующими затем: "**принимающий**" вас? Связь тесная и весьма близкая. И смотри, какая именно. Так как (апостолы) должны были выступить (на проповедь) и потерпеть великие бедствия, то Христос утешает их двумя способами: во-первых, чрез самого Себя, а во-вторых, чрез других. Если, говорит, вы будете любомудрствовать, имея всегда в памяти Меня и представляя все, что Я потерпел и что сделал, то легко перенесете бедствия. Но не этим только (утешает их), но и тем, что они будут пользоваться великими услугами от всех. На первое Он указал, сказав: "**когда исполняете, блаженны вы**"; а на другое – словами: "**принимающий**" вас, "**Меня принимает**". Он отверз для них дома всех, так что они имели двойное утешение – и в своем любомудрии, и в усердии служащих им. Потом завещав это им, как лицам, имеющим обойти всю вселенную, и помыслив, что предатель лишился и того и другого, и ничем этим не воспользуется, то есть, ни терпением среди трудов, ни услугами людей, которые будут принимать, Он опять возмутился духом. Евангелист, означая это и показывая, что Он поэтому именно возмутился, присовокупляет: "**Сказав это, Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал: один из вас предаст Меня**" (Иоан.13:21). Опять на всех наводит страх, не назвав по имени. Хотя (апостолы) и не сознавали за собою ничего худого, но приходят в недоумение, потому что более верили словам Христа, нежели собственным своим помыслам. Поэтому они и смотрели друг на друга. Таким образом, приписав все дело одному, Христос тем уменьшил страх; а присовокупив: "**один из вас**", привел всех в смущение. И что же? Все прочие смотрят друг на друга, а всегда пламенный Петр подает знак Иоанну. Так как он уже прежде подвергся упреку и, когда (Христос) хотел умыть ему ноги, не дозволял, да и везде, не смотря на то, что действовал по влечению любви,

подвергался порицанию, то теперь, опасаясь (нового упрека), он не стал ни молчать, ни говорить, но чрез Иоанна хочет узнать.

Здесь прилично спросить: отчего в то время, когда все были в томлении и трепете, когда верховный (апостол) боялся, – Иоанн, как бы в радости, возлежит на лоне Иисусовом, и не только возлежит, но и припадает к персям? И не это только достойно исследования, но и следующее. Что же именно? То, что он говорит о себе: "**которого любил Иисус**"(Иоан.13:23) В самом деле, почему никто другой не сказал этого о себе? Ведь и другие были любимы? Но Иоанн больше других. Если же не другой кто сказал это о нем, но он сам о себе, то в этом нет ничего удивительного. Так поступает по требованию обстоятельств и Павел, когда говорит: "**Знаю человека, который назад тому четырнадцать лет**" (2Кор.12:2); да не мало он приписал себе и других похвал. И ужели маловажным тебе кажется то, что как только услышал: "**иди за Мною**" (Матф.4:18-20), тотчас же, оставив мрежи и отца, последовал, что он один с Петром взят был на гору, и опять, при другом случае, вошел в дом (архиерея)? Притом, сколько он же восхвалил Петра! Он не скрыл, что Христос сказал ему: Петр, "**любишь ли ты Меня больше, нежели они**" (Иоан.21:15)? И везде он выказывает Петра пламенным и искренно расположенным к себе. Так, когда (Петр) сказал: "**а он что?**" (Иоан.21:21), то сказал это от великой любви. Вот почему никто другой не сказал так о себе; да и он не сказал бы, если бы ему не пришлось говорить об этом обстоятельстве. Если бы он, сказавши, что Петр дал знак Иоанну спросить, ничего больше не присовокупил, то привел бы нас в большее недоумение, и заставил бы искать причину (поступка Петра). Потому-то, чтобы отстранить это недоумение, он сам говорит: "**возлежал у груди Иисуса**" (Иоан.13:23). А ужели, по твоему мнению, ты мало узнал, услышав, что он возлежал и что Учитель дозволил ему такое дерзновение? Если же ты желаешь знать и причину этого, то это сделано было по любви. Потому-то он и говорит: "**которого любил Иисус**". А я думаю, что он сделал это и с другою целью, именно – желая показать, что он был чужд обвинения в предательстве. Оттого-то он безбоязненно говорить и действует. Иначе, почему он сказал это не в другое время, а именно тогда, когда верховный подал ему знак? Так, чтобы ты не подумал, что подал ему знак, как старшему, – он говорит, что это сделано было по великой любви. Для чего же он припадает и к персям? (Ученики) не думали еще о Христе ничего великого, а притом (Иоанн) чрез это облегчал и печаль свою. Естественно, что тогда и лица их были печальны; ведь, если они были смущены в своей душе, то тем более это смущение (видно было) на их лицах. Потому-то, утешая их и словами и вопросами, (Иисус) допускает и позволяет припадать к Своим персям. Заметь же и то, как Иоанн чужд хвастовства. Он не назвал себя по имени, но сказал: "**которого любил**", подобно тому, как и Павел говорил: "**Знаю человека, который назад тому четырнадцать лет**". При этом случае Иисус в первый раз обличает предателя, но и теперь – не называя его по имени, а как? "**Тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам**" (Иоан.13:26). И самый этот образ обличения мог тронуть его, если уже он не устыдился и трапезы, вкушая от одного хлеба. В самом деле, пусть общение в трапезе не тронуло его; но кого бы не привлекло и то, что он принял от Христа хлеба? Но его не привлекло. Потому-то и "**вошел**" тогда "**в него сатана**", посмеявшись над его бесстыдством. Пока он был в лике (апостолов), сатана не смел войти в него, но извне нападал на него; а когда (Христос) обнаружил его и отлучил, тогда уже безбоязненно вошел в него. Так как он был столько развращен и неисправим, то его не следовало долго держать в лике. Потому-то Христос наконец и изверг его; а когда он был извержен, тогда овладел им сатана и он, оставив собрание, вышел ночью. "**Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее. Но никто из возлежавших не понял**" (ст.27,28).

2. О, какая бесчувственность! Как можно было не смягчиться и не устыдиться! Не он вышел вон, сделавшись еще более бесстыдным. Слова же: "**делай скорее**" не означают ни

повеления, ни совета; напротив, ими (Христос) укоряет и показывает, что Он хотел бы, чтобы (предатель) исправился, и что Он оставляет его только потому, что он был неисправим. И (этого), говорится, "**никто из возлежавших не понял**". Здесь может кто-либо придти в недоумение касательно того, отчего ученики и после того, как спросили: "**кто это**", и получили в ответ: "**тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам**", – и после того не узнали (предателя)? Вероятно, Христос сказал тихо, так, что никто не слышал. Потому-то, конечно, и Иоанн, припав к персям Его, спрашивал почти на ухо, чтобы не сделать явным предателя, и Христос отвечал таким же образом, так что и теперь не сделал его явным. И хотя Он с выразительностью сказал: "**что делаешь, делай скорее**", однако же апостолы, не смотря на это, не поняли. Этими словами Он показывал, что все, сказанное Им иудеям о смерти, было истинно. А иудеям Он говорил: "**Никто не отнимает ее(жизнь) у Меня. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее**" (Иоан.10:18). И действительно, доколе Он не дозволял взять, никто не в силах был; а когда позволил, тогда это стало делом легким. Намекая на все это, Он и сказал: "**что делаешь, делай скорее**". Но и тогда еще Он не сделал предателя известным. Могло статься, что он был бы растерзан и убит. Поэтому-то "**никто из возлежавших не понял**". Ужели и Иоанн? Да, и Иоанн, – потому что он не предполагал, чтобы ученик мог дойти до столь великого беззакония. Будучи сами далеки от такого злодейства, (апостолы) не могли подозревать и в других ничего подобного. Итак, как прежде сказал им: "**Не о всех вас говорю**", и нигде не открыл (предателя), так и теперь они подумали, что Он говорит о постороннем. "**Была ночь**", – говорится, – "**когда он вышел**" (ст.30). Для чего ты говоришь мне о времени? Для того, чтобы ты познал бесстыдство (предателя), так как время не удержало его от исполнения предприятия. Однако же и это не сделало его явным. В то время апостолы, будучи одержимы страхом и большим беспокойством, находились в смущении и не поняли истинного смысла слов Христовых. Они подумали, что (Христос) сказал: "**чтобы дал что-нибудь нищим**" (ст.29), так как Он много заботился о нищих, научая и нас иметь о них великое попечение. И думали они так не без причины, а потому, что (Иуда) имел у себя ковчежец. Впрочем не видно, чтобы кто-нибудь приносил Христу деньги. Что ученики питали Его от своих имуществ, об этом сказано, а на то нигде не сделано намека.

Каким же образом Тот, Кто повелевал, не носит ни дорожной сумы, ни меди, ни жезла, носил ковчежец для служения нищим? Это для того, чтобы ты знал, что и человеку крайне бедному и распявшему плоть свою нужно иметь об этом великую заботу. Ведь (Христос) многое делал для нашего наставления. Таким образом ученики подумали, что Он это и говорит, то есть, чтобы Иуда дал что-нибудь нищим. Но (Иуду) не тронуло и то, что Он не хотел обличить его до самого последнего времени. Так должны поступать и мы, – не обнаруживать грехов людей, живущих с нами, хотя бы они были неизлечимы. Да и после этого, когда Иуда пришел предать Его, дал ему лобзание и соизволил на такое дело тогда, когда уже шел на подвиг гораздо более тяжкий, на крест и на поносную смерть; и при этом опять показал Свое человеколюбие. Здесь же Он называет Свою смерть даже славою, научая нас, что нет ничего столь постыдного и поносного, что бы не обратилось к большей славе человека, если он подвергается тому ради Бога. После того, как Иуда вышел, чтобы предать Его, Он говорит: "**ныне прославился Сын Человеческий**" (ст.31). Этим Он ободряет поверженные в уныние души учеников и убеждает не только не сетовать, но даже радоваться. По этой-то причине Он и Петру еще прежде сделал упрек. Быть преданным смерти и победить смерть – это, действительно, великая слава. Вот это и значат слова, которые Он говорил о Себе: "**когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я**" (Иоан.12:32; ср.8:28), и опять: "**разрушьте храм сей**" (Иоан.2:19), и еще: "**знамение не дастся вам, кроме знамения Ионы**" (Лук.11:29). И не великая ли, в самом деле, слава в том, что Он после смерти явился более могущественным, чем прежде смерти? Ученики, чтобы уверить в воскресении, совершили бо́льшие чудеса. А если бы

Он не воскрес и не был Бог, то как бы они именем Его совершили такие дела? "**И Бог прославит Его**" (Иоан.13:32). Что значит: "**и Бог прославит Его в Себе**"? Значит: чрез самого Себя, а не чрез другого. "**И вскоре прославит Его**", – то есть, вместе с крестом. Не после продолжительного времени, говорит; не будет ожидать отдаленного времени воскресения и не тогда явит Его славным; а тотчас же, на самом кресте обнаружится слава. И в самом деле, тогда солнце померкло, камни распались, завеса раздралась, многие тела усопших святых воскресли; на гробе были печати, его окружала стража, над телом лежал камень, – и однако же тело воскресло. Прошло сорок дней, и сошел Дух, и все тотчас же стали проповедывать Его. Это-то и значит: "**прославит Его в Себе, и вскоре прославит Его**": не чрез ангелов и архангелов, и не чрез другую какую-либо силу, а чрез самого Себя.

3. Но как же Он прославил Его чрез самого Себя? Он все сделал для славы Сына, хотя все совершил сам Сын. Видишь ли, что (Христос) Свои дела относит к Отцу? "**Дети! недолго уже быть Мне с вами. Будете искать Меня, и, как сказал Я Иудеям, что, куда Я иду, вы не можете придти, [так] и вам говорю теперь**" (Иоан.13:33). После вечери Христос начинает уже беседу печальную. Когда вышел Иуда, тогда был уже не вечер, а ночь. И так как скоро должны были придти, чтобы взять Его, то надлежало передать апостолам все, чтобы они имели это в памяти. Впрочем, справедливее сказать, им напомнил все Дух. Естественно ведь, что они многое забыли, так как тогда в первый раз о том слышали и к тому же должны были подвергнуться столь великим искушениям. Они были одолеваемы сном, как и замечает другой евангелист, и были одержимы печалью, как говорит и сам Христос: "**Но от того, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше**" (Иоан.16:6); как же могли они хорошо удержать все это в памяти? Так для чего же им было говорено? Не мало способствовало в их мнении к славе Христовой то, что они, ясно узнав об этом впоследствии, припоминали, что еще прежде слышали о том от самого Христа. А для чего Он заранее повергает их души в уныние, говоря: "**недолго уже быть Мне с вами**"? Иудеям это сказано было по справедливости. Но для чего же Ты нас ставишь наряду с этими неблагодарными? Отнюдь нет. Для чего же сказал: "**как сказал Я Иудеям**"? Этим Он напомнил, что предсказывает это не теперь только, когда бедствия уже наступали, но предвидел это еще прежде; и этому свидетели они сами, так как они слышали, что Он говорил это и иудеям. Для того-то и присовокупил: "**дети**", – чтобы апостолы, услышав "**как сказал Я Иудеям**", не подумали, что и к ним эти слова были сказаны точно также, как к иудеям. Таким образом Он сказал это не для того, чтобы повергнуть их в уныние, а чтобы ободрить их, чтобы нечаянно пришедшие бедствия не смутили их. "**Куда Я иду, вы не можете придти**". Этим показывает, что Его смерть есть преставление и переход к месту, куда не допускаются тела, подверженные тлению. Говорит же это для того, чтобы и возбудить в них любовь к Себе, и сделать ее более пламенною. Ведь вы знаете, что мы воспламеняемся особенною любовью к друзьям своим тогда, когда видим, что они удаляются в такое место, куда нам невозможно идти. Итак иудеям Он говорил это с тем, чтобы их устрашить, а апостолам – чтобы воспламенить в них любовь. Место это таково, что не только они, но даже и вы, возлюбленнейшие, не можете придти туда. Здесь же Он показывает и Свое достоинство. "**И вам говорю теперь**". Почему "**теперь**"? Иначе им, и иначе вам, то есть, не вместе с ними. Когда же искали Его иудеи, и когда ученики? Ученики после того, как убежали, а иудеи тогда, как, по взятии их города и по пришествии на них отсюда гнева Божия, подверглись ужасным и неизобразимым бедствиям. Итак, иудеям Я говорил тогда – по причине их неверия, а вам теперь, чтобы бедствие не постигло вас неожиданно. "**Заповедь новую даю вам**" (ст.34). Так как они, слыша эти слова, естественно могли придти в смущение, как люди, которые будут лишены всякой помощи, то Он утешает их, ограждая любовью – этим корнем и утверждением всех благ. Он как бы так говорил: вы скорбите о том, что Я отхожу? Но если вы будете любить друг друга, то вы будете еще сильнее. Почему же Он не так

сказал? Потому что сказал то, что было для них гораздо полезнее: "**По тому узнают все, что вы Мои ученики**". Этим Он уже показал вместе и то, что лик их не разрушится, как скоро Он даровал им и отличительный признак. Это Он сказал уже тогда, когда предатель был отделен от них. Как же Он называет эту заповедь новою, когда она была и в ветхом завете? Он сделал ее новою по самому образу; поэтому присовокупил: "**как Я возлюбил вас**". Я, говорит, не долг вам отдал за предшествовавшие ваши заслуги, а Сам начал (любить вас). Так и вы должны благотворить своим друзьям, хотя бы и ничем не были обязаны им. Таким образом, умалчивая о чудесах, которые они имели совершить, Он отличительным признаком их поставляет любовь. Почему же так? Потому что она-то в особенности означает святых людей, так как она есть основание всякой добродетели. Ею по преимуществу все мы и спасаемся. Она-то, говорит, и означает ученика. Тогда все похвалят вас, когда увидят, что вы подражаете моей любви.

4. Что же? Не гораздо ли лучше показывают это чудеса? Нет. "**Многие скажут: Господи! не Твоим ли именем бесов изгоняли?**" (Матф.7:22). И опять, когда апостолы радовались, что им повинуются бесы, сказал: "**не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах**" (Лук.10:20). Правда, чудеса привели (ко Христу) вселенную, но это потому, что им предшествовала любовь. Если бы не было любви, не было бы и чудес. Она тотчас сделала апостолов людьми добрыми и прекрасными, так что у всех было одно сердце и одна душа. А если бы они были несогласны между собою, то погибло бы все. Но не к ним одним это сказано, а и ко всем имеющим уверовать в Него. Ведь и теперь не другое что соблазняет язычников, а именно то, что нет любви. Но они, скажешь, упрекают нас и в том, что не бывает чудес? Да, но не столько. В чем же апостолы показали любовь? Видишь, что Петр и Иоанн неразлучны друг с другом и вместе входят в храм? Видишь, что Павел также одушевлен любовью к ним, – и ужели еще сомневаешься? Если они стяжали другие добродетели, то тем более имели любовь, которая есть мать добра: она произрастает от души добродетельной, а где порок, там увядает это растение. Когда, сказано, умножится беззаконие, "**во многих охладеет любовь**" (Матф.24:12). Да и язычников не столько обращают чудеса, сколько жизнь; жизни же ничто так не благоустрояет, как любовь. Тех, которые совершали знамения, язычники часто называли и обманщиками; но чистой жизни они не могут укорить. Поэтому, доколе проповедь не была еще распространена, – чудеса по справедливости были предметом удивления, а теперь нужно возбудить удивление жизнью. Действительно, ничто столько не соблазняет, как порок; да и справедливо. Ведь, кода язычник увидит, что тот, кому заповедано любить и врагов, лихоимствует, грабит, побуждает к вражде и обращается с одноплеменниками, как с дикими зверями, – он назовет наши слова пустыми бреднями. Когда увидит, что (христианин) трепещет смерти, – как примет слова о бессмертии? Когда увидит, что мы властолюбивы и раболепствуем другим страстям, – то еще больше будет привержен к своему учению, не думая о нас ничего великого. Мы, истинно мы, виновны в том, что язычники остаются в заблуждении. Свое учение они давно уже осудили и на наше смотрят с уважением; но жизнь наша их удерживает от обращения. На словах любомудрствовать легко, многие и из них это делали; но они требуют доказательства от дел. Пусть, скажешь, они подумают о наших древних мужах? Но они совсем не верят, а хотят видеть людей, живущих теперь. Покажи нам, говорят, веру от дел твоих; а дел нет. Напротив, они видят, что мы хуже зверей терзаем ближнего своего, и потому называют нас язвою вселенной. Вот что удерживает язычников и не дозволяет им присоединиться к нам. Поэтому мы будем наказаны и за них, – не только за то, что творим зло, но и за то, что чрез нас хулится имя Божие. Доколе мы будем привязаны к богатству, роскоши и другим страстям? Отстанем наконец от них. Послушай, что говорит пророк о некоторых безумцах: "**будем есть и пить, ибо завтра умрем!**" (Ис.22:13). О нынешних же людях и этого нельзя сказать. Теперь многие присвояют себе достояние всех, за что и порицает их пророк, говоря: "**как будто вы одни**

поселены на земле" (Ис.5:8)? Потому-то я боюсь, чтобы не случилось чего-либо худого и чтобы нам не привлечь на себя никакого наказания Божия. А чтобы этого не было, будем упражняться во всякой добродетели, чтобы достигнуть и будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 73

"Симон Петр сказал Ему: Господи! куда Ты идешь? Иисус отвечал ему: куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а после пойдешь за Мною" (Иоан.13:36)

1. Великое благо – любовь. Она сильнее огня, восходит к самому небу, и нет препятствия, которое бы могло удержать ее сильное стремление. Вот, например, пламеннейший Петр: после того, как услышал: "**куда Я иду, вы не можете придти**", - что говорит? "**Господи, куда Ты идешь**"? Это он сказал, желая не столько узнать, (куда идет Христос), сколько последовать за Ним. Сказать прямо: я пойду – он пока еще не смел; а говорит: "**куда Ты идешь**"? И Христос отвечал не на слова его, а на мысль, так что его желание видно из самых слов Христа. Что Он сказал? "**Куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти**". Видишь ли, что Петр желал последовать за Ним, а потому и спросил? Да и тогда, как услышал: "**после пойдешь за Мною**", он не удержал своего желания, хотя и получил вожделенную надежду, но желал до того, что сказал: "**Почему я не могу идти за Тобою теперь? Я душу мою положу за Тебя**" (Иоан.13:37). Так как он уже освободился от страха предательства и увидел себя в числе искренних (учеников), то уже с дерзновением сам спрашивает, между тем как другие молчат. Что ты говоришь, Петр? (Христос) сказал: "**не можешь**", а ты говоришь: могу? Итак, ты узнаешь на самом опыте, что твоя любовь, без помощи свыше, ничто. Отсюда ясно, что Христос и падение Петра допустил для его же пользы И прежними действиями Он хотел вразумить его; но так как Петр оставался при своей горячности, то хотя он и не довел его и не побудил к тому, чтобы он отрекся, однако ж оставил его без помощи, чтобы он познал свою немощь. Христос сказал, что Ему надлежит быть предану, а Петр говорит: "**Будь милостив к Себе, да не будет этого с Тобою!**" (Матф.16:22). Ему сделан был упрек, но он не вразумился, а напротив, когда Христос хотел умыть ему ноги, опять сказал: "**не умоешь ног моих вовек**" (Иоан.13:8). И теперь, когда услышал: "**ты не можешь теперь за Мною идти**", снова говорит: "**если и все соблазнятся о Тебе, я не соблазнюсь**" (Матф.26:33). Привыкнув таким образом противоречить Христу, он легко мог бы впасть в гордость; а потому-то Христос наконец и научает его не противодействовать. Вот на это и намекает Лука, когда говорит, что Христос сказал: "**Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя**" (Лук.22:32), то есть, чтобы ты не погиб окончательно. Чрез все это научает его смирению и показывает, что человеческое естество само по себе – ничто. Так как великая любовь побуждала Петра к противоречию, то Христос наконец вразумляет его, чтобы он не подвергался тому же и впоследствии, но, вспоминая о том, что случилось с ним, знал бы самого себя. И смотри, какое сильное падение! Не однажды и не дважды он подвергся этому падению, но испугался до того, что в короткое время трижды произнес слово отречения, - чтобы таким образом познал, что не столько он любил, сколько был любим. Однако ж после такого падения Христос опять говорит: "**любишь ли ты Меня больше, нежели они**" (Иоан.21:15)? Значит, это падение произошло не от холодности, а от того, что он лишился помощи свыше. Любовь Петра Христос принимает, но происходящее от ней противоречие отсекает. Если ты любишь, то должен покоряться тому, кого любишь. Сказал и тебе и бывшим с тобою: "**не можешь**"; для чего же ты споришь? Разве ты не знаешь, что значит отвергать слова Божии? Но так как ты не хочешь из этого уразуметь, что невозможно не быть тому, что Я говорю, то узнаешь о том из отречения, хотя оно тогда казалось тебе гораздо невероятнее. Об этом ты даже не знал, а то сознавал в своей душе, - и однако ж

случилось то, чего ты вовсе не ожидал. "**Душу мою положу за Тебя**". (Петр) слышал, что больше этой любви "**нет** (ничего)", и потому, будучи ненасытен и желая достигнуть самой высшей (любви), тотчас же устремился к ней. Но Христос, показывая, что только Он один может с уверенностью возвещать это, говорит: "**не пропоет петух**", т.е. теперь же. Действительно, немного уже оставалось времени, так как беседовал поздно ночью, когда уже прошла первая и вторая стража. "**Да не смущается сердце ваше**" (Иоан.14:1). Это Он говорить потому, что ученики, услышав (слова Его), по всей вероятности, смутились. В самом деле, если верховному и столько пламенному (ученику) сказано было, что он прежде, нежели алектор возгласит, трижды отречется, то им естественно было ожидать, что их постигнет какое-либо несчастье, которое в состоянии потрясти и адамантовые души. А так как, помышляя об этом, они естественно приходили в ужас, то смотри, как Он успокаивает их, говоря: "**Да не смущается сердце ваше**". Этим Он прежде всего показывает Свою божественную силу, так как Он знает и обнаруживает то, что у них было на душе. "**Веруйте в Бога, и в Меня веруйте**", то есть – все бедствия пройдут. Вера в Меня и в Отца сильнее угрожающих вам бедствий; она не допустит, чтобы какое-либо несчастье одолело вас. Затем прибавляет: "**В доме Отца Моего обителей много**" (ст.2). Как в утешение скорбящему Петру Он говорил: "**после пойдешь за Мною**", так и им подает такую же надежду. Чтобы они не подумали, что только ему одному дано обещание, Он говорит "**В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам**", - то есть, и вы будете в том же месте, где и Петр. Там весьма много обителей и нельзя сказать, чтобы нужно было приготовлять их. А так как Он сказал: не можете "**придти куда Я иду**", то чтобы не подумали, что они навсегда отлучены от Него, Он присовокупил: "**чтобы и вы были, где Я**" (ст.3). Я столько забочусь об этом, что уже приготовил бы это место, если бы издавна он не было уготовано для вас. Этим Он показывает, что они должны вполне надеяться и уповать на Него.

2. Потом, чтобы они не подумали, что Он говорит это только для ободрения их, но верили, что это действительно так, Он присовокупляет: "**А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете**" (Иоан.14:4). Видишь ли, как Он удостоверяет их, что то не напрасно было сказано? Говорит же это потому, что видел их душу, - как она желает знать это. Петр сказал вышеприведенные слова не для того, чтобы узнать, но чтобы последовать. Когда же он подвергся упреку и между тем Христос объявил возможным то, что в то время казалось невозможным, то эта самая невозможность привела Петра к желанию тщательно узнать о том. Потому-то и говорит им: "**и путь знаете**". Как вслед за словами: "**отречешься от Меня**", не смотря на то, что никто ничего не сказал, Он, испытуя сокровенное в сердце, присовокупил: не смущайтесь, - так и теперь, сказавши: "**знаете**", выразил желание их души и Сам подал им повод спросить об этом. Слова же : "**куда Ты идешь**"– Петр сказал по внушению великой любви, а Фома от страха. "**Господи! не знаем, куда идешь**" (Иоан.14:5). Мы не знаем, говорит, места, и как можем знать путь, туда ведущий? И смотри, с какою робостью. Не сказал: укажи нам это место, но: "**не знаем, куда идешь**". Об этом давно уже все желали знать. В самом деле, если иудеи, слыша (эти слова), приходили в недоумение, не смотря на то, что хотели освободиться от Христа, то тем более желали узнать об этом те, которые никогда не хотели разлучиться с Ним. Потому-то, хотя они боялись спросить Его, однако ж спрашивают, будучи побуждаемы к тому великою любовью и беспокойством. Что же Христос? "**Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня**" (Иоан.14:6). Почему же Он не тотчас, как Петр спросил: "**куда Ты идешь**"? – отвечал: Я иду к Отцу, а вы теперь не можете идти, - но ввел в Свою речь столько слов, предлагая вопросы и ответы? Иудеям, конечно, Он по справедливости так не сказал; но почему ученикам? И ученикам, и иудеям Он говорил, что пришел от Бога и к Богу идет, но теперь говорит об этом яснее, чем прежде. Иудеям Он не сказал так ясно, потому что, если бы сказал: не можете придти "**к Отцу, как только через Меня**", то они тотчас же подумали бы, что это сказано по

гордости; а теперь, когда Он умолчал об этом, Он поверг их в беспокойство. Но для чего же, спросишь, Он также говорил и ученикам, и Петру? Он знал великую ревность Петра, - что, в противном случае, он еще более стал бы беспокоить Его. Итак, чтобы отвлечь его от этого, Он говорит прикровенно; а когда достиг того, чего хотел, темнотою и прикровенностью речи, то опять говорит открыто.

Сказавши: "**где Я**", туда никто не может придти, Он присовокупил: "**в доме Отца Моего обителей много**", - и еще: "**никто не приходит к Отцу, как только через Меня**". Он не хотел так сказать им в самом начале, чтобы не повергнуть их в большую печаль; когда же утешил их, тогда и говорит. После упрека, сделанного Петру, Он, действительно, много отнял у них печали: а между тем и они сами, опасаясь, как бы не услышать того же, сделались более смиренными. "**Я есмь путь"**. Это – подтверждение слов: "**не приходит к Отцу, как только через Меня**"; а слова: "**истина и жизнь**"– удостоверение в том, что так непременно будет. Если Я и жизнь, то и самая смерть не может воспрепятствовать вам придти ко Мне. Иначе сказать: если "**Я есмь путь"**, то вы не будете иметь нужды в руководителе; если Я истина, то слова Мои – не ложь; если Я жизнь, то, хотя вы и умрете, однако ж получите то, о чем Я сказал. Что касается до пути, то это они поняли и исповедали; а остального не уразумели, и однако ж не смели спросить от том, чего не уразумели. Впрочем и из того, что было сказано о пути, они получили большое утешение. Если в Моей власти, говорит, привести вас к Отцу, то вы непременно туда придете. А другим путем туда и невозможно придти. Словами же, которые Он сказал прежде: "**Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец**" (Иоан.6:44), и еще: "**И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе**" (Иоан.12:32), а также словами, сказанными теперь: "**никто не приходит к Отцу, как только через Меня**", - Он показывает Свое равенство с Отцом. Как же Он, сказавши: "**куда Я иду, вы знаете, и путь знаете**", присовокупил: "**Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его и видели Его**" (Иоан.14:7)? Этим Он не противоречит Себе, потому что ученики, хотя и знали Его, но не так, как следовало. Бога они знали, а Отца еще не знали. Уже впоследствии Дух, сошедший на них, сообщил им совершенное знание. Смысл слов Христа такой: если бы вы знали Мое существо и достоинство, то знали бы и Отца. "**И отныне знаете Его и видели Его**" (одно относится к будущему, а другое к настоящему), то есть, чрез Меня. Под видением же Он разумеет познание умом. Кого мы видим, тех можем и видеть, и не знать; а кого знаем, тех можем знать и не знать. Поэтому Он говорит: "**и видели Его**", в том же смысле, в каком сказано, что Его видели и ангелы (1Тим.3:16). Хотя они видели не самое существо Его, однако ж говорится, что они видели Его, то есть, так, как могли видеть. А сказал Он так для того, чтобы ты знал, что кто видел Его, тот знает Родившего Его. Видели же Его не в обнаженном Его существе, но облеченным плотью. Есть и другие места, где Он называет познание видением, - например, когда говорит: "**Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят**" (Матф.5:8). Чистыми Он называет тех, которые свободны не только от блуда, но и от всех грехов, так как всякий грех оскверняет душу.

3. Итак, будем всячески стараться очистить себя от скверны. Очищается же она, во-первых, крещением, а потом и другими многоразличными средствами. Бог, по Своему человеколюбию, даровал нам разнообразные средства к очищению и после крещения. Первое из всех этих средств – милостыня, так как сказано: милостынями и верою очищаются грехи (Сир.3:30). Но я разумею милостыню не от неправды, потому что это уже не милостыня, а жестокость и бесчеловечие. В самом деле, что за польза – обнажить одного и одеть другого? Милостыня должна происходить от сострадания, а это – бесчеловечие. И хотя бы мы отдали даже все, что похитили у других, для нас не будет никакой пользы. Это показывает Закхей, который тогда умилостивил Бога, когда обещал возвратить похищенное четверицею (Лук.19:8). А мы, похищая весьма много, а отдавая

мало, думаем умилостивить Бога, не зная, что тем еще более прогневляем Его. В самом деле, скажи мне: если бы ты, притащив с распутий и дорог мертвого и сгнившего осла, возложил его на жертвенник, - не стали ль бы все бросать в тебя камни, как в нечестивца и беззаконника? Что ж, если я докажу, что жертва от хищения еще более мерзка? Какое мы будем иметь оправдание? Положим, что принесен какой-либо драгоценный дар из того, что приобретено хищением: не зловоннее ли он мертвого осла? Хочешь знать, как велико зловоние греха? Послушай, что говорит пророк: "**смердят, гноятся раны мои**" (Пс.37:6). Между тем ты в то время, как словами умоляешь Бога, чтобы Он предал забвению соделанные тобою грехи, сам же своими делами, тем, что похищаешь и лихоимствуешь, и возлагаешь свой грех на жертвенник, заставляешь непрестанно помнить о них. Но не в этом только грех, а – что еще хуже – ты оскверняешь души святых. Жертвенник – камень, хотя он и освящается; а души святых всегда носят самого Христа: как же ты осмеливаешься приносить туда дары от такой нечистоты. Нет, скажешь, я не от этого имущества, а другого? Это – смешное и глупое пустословие. Разве не знаешь, что, если в великое множество имущества попадет и одна капля неправды, то все оно оскверняется? Как чистый источник делается весь нечистым, как скоро в него бросит кто-либо нечистоту, так и богатство, если привзойдет в него сколько-нибудь лихоимства, все заражается от того зловонием. Ведь мы умываем же руки, когда входим в церковь: зачем же не омываем сердца? Разве руки издают голос? Душа произносит слова; на нее взирает Бог; и когда она нечиста, ни к чему не служит чистота телесная. В самом деле, что пользы, если ты наружные руки умываешь, а внутренние оставляешь в нечистоте? Вот то-то и худо, и от того все идет у нас превратно, что мы, крайне заботясь о малом, пренебрегаем великим. Молиться с неумытыми руками – дело безразличное; а молиться с нечистою душою, это – величайшее из всех зол. Послушай, что сказано и иудеям, которые обращали особенное внимание на наружную нечистоту: "**Смой злое с сердца твоего. Доколе будут гнездиться в тебе злочестивые мысли**" (Иер.4:14)? Омоем же себя и мы, но не грязью, а водою чистою, - милостынею, а не лихоимством. Прежде отстань от хищения – и потом подавай милостыню. "**Уклоняйся от зла, и делай добро**" (Пс.36:27). Удержи руки от лихоимства – и тогда простирай их на милостыню. Если же мы теми же самыми руками одних будем обнажать, а других одевать, то хотя бы одевали и не тем, что похитили, - и в этом случае не избежим наказания. Иначе милостыня будет поводом ко всякому преступлению. Лучше не оказывать милосердия, чем оказывать такое милосердие. Ведь и Каину лучше было совсем не приносить ничего. И если он, принесши меньшее, прогневал Бога, то как же не прогневает Его тот, кто подает чужое? Я тебе заповедал, скажет Бог, не похищать, а ты чествуешь Меня похищенным? Ужели ты думаешь, что для Меня приятно это? Поэтому Он скажет тебе: "**ты подумал, что Я такой же, как ты. Изобличу тебя и представлю пред глаза твои [грехи твои]**" (Пс.49:21). Но не дай Бог никому услышать этот голос! (Дай Бог), чтобы мы, совершив дела чистого милосердия, с ясными светильниками вошли в брачный чертог, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 74

"Филипп сказал Ему: Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас. Иисус сказал ему: столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца" (Иоан.14:8,9)

1. Пророк говорил иудеям: "**у тебя был лоб блудницы, ты отбросила стыд**" (Иер.3:3); но, кажется, что это прилично сказать не одному тому народу, но и всем, бесстыдно противящимся истине. В самом деле, на слова Филиппа: "**покажи нам Отца**" Твоего, Христос отвечал: "**столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп**"? И однако ж есть люди, которые и после этих слов отделяют Сына от Отца. Между тем, какой

искать еще близости больше этой? Ведь некоторые, вследствие этого изречения, впали даже в недуг Савеллия. Но оставим и тех и других, как людей, держащихся совершенно противоположных, но равно нечестивых мыслей, и рассмотрим подлинный смысл сказанных слов. "**Столько времени Я с вами**", - говорит, - "**и ты не знаешь Меня, Филипп**"? Что ж? Разве Ты Отец, которого я ищу? Нет, говорит. Потому-то Он и не сказал: не познал Его, - но: "**ты не знаешь Меня**", - показывая тем именно то, что Сын есть не иное что, а тоже, что Отец, хотя и пребывает Сыном. Но что же привело Филиппа к таки словам? То, что Христос сказал: "**Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего**" (Иоан.14:7), как не раз Он говорил это и иудеям. А так как у Него часто спрашивал уже Петр, спрашивали и иудеи: кто есть Отец? – спрашивал также и Фома, и между тем никто ничего ясного не узнал, но все оставалось еще неизвестным, то Филипп, чтобы не показаться докучливым и безпокоящим Его, подобно иудеям, - сказав: "**покажи нам Отца**" Твоего, присовокупил: "**и довольно для нас**", то есть, мы ничего более не ищем. Христос сказал: "**Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего**", и чрез Себя показывал Отца; но Филипп переменяет этот порядок и говорит: покажи Отца, - как будто бы уже в точности познал самого Христа. Но Христос не удовлетворяет его желания, а поставляет его на путь и убеждает познавать Отца чрез Себя. Филипп хотел видеть Отца этими телесными очами, быть может, потому, что слышал о пророках, что они видели Бога. Но ведь то, Филипп, было говорено приспособительно к нашей немощи. Потому-то Христос сказал: "**Бога не видел никто никогда**" (Иоан.1:18), и еще: "**Всякий, слышавший от Отца и научившийся, приходит ко Мне**" (Иоан.6:45). "**Ни гласа Его никогда не слышали, ни лица Его не видели**" (Иоан.5:37). И в ветхом завете сказано: "**человек не может увидеть Меня и остаться в живых**" (Исх.33:20). Что же Христос? Сильно упрекает его: "**столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп**". И не сказал: не видел Меня, но: "**не знаешь Меня**". Но ведь я, мог сказать Филипп, не Тебя хочу познать; я желаю теперь увидеть Твоего Отца, а Ты мне говоришь: "**не знаешь Меня**"? Какая тут связь? Весьма близкая. Так как, пребывая Сыном, Он есть тоже, что и Отец, то Он справедливо в Себе самом показывает Отца. Потом Он разделяет ипостаси, говоря: "**видевший Меня видел Отца**", чтобы кто-нибудь не сказал, что Он – вместе и Отец, и Сын. Если бы Он был Отец, то не сказал бы: кто видел Меня, тот видел и Его. Почему же Он не сказал Филиппу: ты требуешь невозможного, того, что несообразно с человеческою природою, что одному только Мне возможно? Так как Филипп сказал: "**довольно для нас**", как будто бы уже познал (Христа), то Христос показывает, что он и Его не видел; иначе, если бы он мог видеть Его, то увидел бы и Отца. Потому и сказал: "**видевший Меня видел Отца**", - кто видел Меня, тот увидит и Его. А это значит вот что: ни Меня, ни Его видеть невозможно. Филипп хотел познать чрез зрение, и так как думал, что уже видел Христа, и хотел таким же образом увидеть и Отца, то Христос показывает, что он не видел и Его.

Если бы кто под видением стал разуметь познание, то и я тому не буду противоречить, потому что кто познал Меня, говорит Христос, тот познал Отца. Но Он не сказал так, а желая представить единосущие, сказал: кто познал Мое существо, тот знает и существо Отца. Каким же это образом, скажешь? Ведь и тот, кто познал тварь, знает уже и Бога. Нет, тварь знают и видят все, а Бога знают не все. Но посмотри, что хочет видеть Филипп: премудрость ли Отца, или благость Его? Нет; он хочет видеть именно то, что есть Бог, - самое существо. Вот на это и отвечает Христос: "**видевший Меня**". А кто видит тварь, тот еще не видит существа Божия. Если кто видел Меня, говорит Христос, тот видел и Отца Моего. А если бы Он был иного существа, то не сказал бы так. Употреблю и более простой образ речи: не зная золота, никто не может увидеть сущности золота в серебре, так как естество одного не обнаруживается чрез естество другого. Потому-то Христос справедливо сделал упрек Филиппу, сказав: "**столько времени Я с вами**". Ты пользовался столько времени учением, ты видел чудеса, совершенные со властью, видел,

что свойственно Божеству и что творит один только Отец, как-то: отпущение грехов, обнаружение сокровенных тайн, изгнание смерти, создание из земли, "**и ты не знаешь Меня**"?

2. Так как Он облечен был плотью, то и сказал: "**ты не знаешь Меня**". Если ты видел Отца, - не домогайся видеть больше того, потому что в Нем ты видел и Меня. Если видел Меня, не любопытствуй больше ни о чем, потому что во Мне ты познал и Его. "**Разве ты не веришь, что Я в Отце**" (ст.10), то есть, являюсь в Его существе? "**Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя**". Видишь, какая чрезвычайная близость и какое доказательство единства существа? "**Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела**". Почему, начавши речь о словах, Он перешел к делам? Ему следовало бы сказать: Той глаголет глаголы. Это потому, что Он здесь говорит о двух предметах, об учении и чудесах, или же потому, что и слова Его были делами. Как же "**Он творит**"? В другом месте Он говорит: "**Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне**" (Иоан.10:37). Как же здесь говорит, что Отец творит? Этим Он показывает именно то, что между Отцом и Сыном нет ничего посредствующего. Слова его значат вот что: не иначе творил бы Отец, чем как творю Я. А в другом месте Он, действительно, представляет делающим и Себя самого, и Отца, говоря: "**Отец Мой доныне делает, и Я делаю**" (Иоан.5:17). Там Он показывает безразличие, а здесь – тожество дел. Если же слова Его с первого взгляда представляются уничиженными, то ты не удивляйся этому. Он наперед сказал: "**разве ты не веришь**", и потом уже произнес те слова, показывая, что Он построил так речь для того, чтобы привести Филиппа к вере. Ведь Он проникал сердца учеников. "**Верьте, что Я в Отце и Отец во Мне**" (ст.11). Вам, которые слышите об Отце и Сыне, не следовало бы искать никакого другого доказательства на Их сродство по существу. Но если вам недостаточно этого для доказательства Их равночестия и единосущия, то познайте это хотя от дел. Значит, слова: "**Видевший Меня видел Отца**" Моего – сказаны были не о делах; иначе Он не сказал бы после: "**а если не так, то верьте Мне по самым делам**". Потом, показывая, что может совершать не только эти дела, но и другие гораздо большие, Он говорит об этом с чрезвычайною силою. Не говорит: Я могу совершить дела и больше этих, но, что гораздо удивительнее, могу, говорит, и другим дать власть совершать дела больше этих дел. "**Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит, потому что Я к Отцу Моему иду**" (ст.12). То есть, теперь уже вы будете совершать чудеса, потому что Я отхожу. Затем, достигши того, к чему клонилась речь, Он говорит: "**И если чего попросите во имя Мое**", приимете, и Я "**то сделаю, да прославится Отец во Мне**". Видишь ли, как опять Он сам творит это? "**Сделаю**", говорит, Я; и не сказал: умолю Отца, но: "**да прославится Отец во Мне**". В другом месте Он сказал: "**Бог прославит Его в Себе**" (Иоан.13:32), а здесь, что Сам прославит Отца. Когда Сын явится обладающим великим могуществом, тогда прославится и Отец. Что же означает: "**во имя Мое**"? То, что говорили апостолы: "**во имя Иисуса Христа встань и ходи**" (Деян.3:6). Все знамения, которые они совершали, были делом Его силы, и рука Господня была с ними (Деян.11:21). "**Я**", говорит, "**сделаю**" (ст.14). Видишь самодеятельность? Он совершал и то, что делалось другими: ужели же того, что Он сам делает, Он не может совершать Своею силою, но совершает при содействии Отца? Но кто может сказать это? Для чего же Он говорит это во второй раз? Для того, чтобы утвердить Свое слово и показать, что прежде Он говорил приспособительно. А слова: "**к Отцу иду**" означают: Я не погибаю, но пребываю в Своем достоинстве и нахожусь на небесах. Все же это Он говорил для утешения учеников. Так как они не понимали еще Его слов о воскресении и потому, вероятно, заняты были прискорбными мыслями, то Он обещает им, что они сами будут совершать такие (дела) для других, во всем обнаруживает Свою заботливость о них и показывает, что Он всегда пребывает, и не только пребывает, но и выкажет еще большую силу.

3. Итак, последуем за Христом и возьмем крест. Если и нет теперь гонений, за то теперь время для другого рода смерти. "**Умертвите**", сказано, "**земные члены ваши**" (Кол.3:5). Итак, погасим вожделение, умертвим гнев, истребим зависть. Это – жертва живая. Жертва эта не оканчивается пеплом, не рассеивается в дыме, не требует ни дров, ни огня, ни ножа. Для нее огонь и нож – Дух Святый. Воспользовавшись этим ножом, отсеки от сердца все излишнее и чуждое, открой заключенный слух. Страсти и злые пожелания обыкновенно заграждают вход слову. Так, усилившаяся привязанность к богатству не дозволяет слушать слово о милостыне; появившаяся зависть преграждает путь учению о любви; да и всякая другая страсть, вторгшись в душу, делает ее крайне нерадивою ко всему. Истребим же злые пожелания. Ведь нужно только захотеть, и – все исчезнет. Не будем думать, будто любовь к богатству сама по себе сильна: вся сила заключается в нашей беспечности. Есть много людей, которые, говорят, даже не знают, что такое серебро, потому что любовь к богатству – страсть неестественная. Естественные положения вложены в нас с самого начала; а о золоте и серебре долгое время даже не было известно, существуют ли они. Отчего же усилилась эта страсть? От тщеславия и крайней беспечности. Из пожеланий одни необходимы, другие естественны, а иные ни то, ни другое. Так все те желания, от неудовлетворения которым гибнет животное, естественны и необходимы, как например – желание пищи, питья и сна. Вожделение плотское естественно, но не необходимо, так как многие преодолели его, и однако ж не погибли. А желание богатства ни естественно, ни необходимо, а излишне: если мы захотим, то и не подчинимся ему. Ведь и Христос, беседуя о девстве, сказал: "**кто может вместить, да вместит**" (Матф.19:12), а о богатстве не так, - а как? "**Кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником**" (Лук.14:33). Что легко, к тому увещевает, а что превосходит силы многих, то оставляет произволению. Итак, зачем мы лишаем сами себя всякого оправдания? Кто пленен страстью особенно сильною, тот понесет не столь большое наказание; а кто уловлен страстью слабою, тот лишится всякого оправдания. И в самом деле, что мы будем отвечать, когда скажет: вы видели Меня алчущим, и не напитали (Матф.25:42)? Какое будем иметь оправдание? Сошлемся, конечно, на бедность? Но мы не беднее той вдовицы, которая, положивши две лепты, превзошла всех. Бог требует от нас не значительности дара, а меры сердечного благорасположения; и это – знак Его промышления. Подивимся же Его человеколюбию и будем приносить, что можем, чтобы и в настоящей, и в будущей жизни, воспользовавшись великим Его человеколюбием, мы могли насладиться обещанными благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 75

"Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди. И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его" (Иоан.14:15,16,17).

1. Везде нужны нам дела, а не уверения на словах, потому что говорить и обещать всякому легко, а сделать не так легко. К чему я это сказал? К тому, что теперь много людей, которые говорят, что они боятся Бога и любят Его, а делами показывают противное. Но Бог требует любви, являемой в делах. Потому-то и ученикам говорил: "**если любите Меня, соблюдите Мои заповеди**". Так как Он сказал: "**Если чего попросите, Я то сделаю**", то, чтобы не подумали они, что довольно только просить, Он присовокупил: "**если любите Меня**", – то есть, в этом случае сотворю. А как ученики, услышав: "**Я к Отцу иду**", естественно пришли в смущение, то Он говорит, что любовь состоит не в этом, не настоящем смущении, а в повиновении словам Его. Я дал вам заповедь, чтобы вы любили друг друга, чтобы вы любили друг друга, чтобы вы так же поступали друг с другом, как Я поступал с вами. Любовь в том и состоит, чтобы

исполнять это и подражать тому, кого любим. "**И умолю Отца, и даст вам другого Утешителя**". Опять речь приспособительная. Так как ученики еще не знали Его, и потому, естественно, сильно желали быть вместе с Ним, слышать Его речи, видеть Его во плоти, и ни в чем не находили для себя утешения, скорбя о Его отшествии, то что Он говорит? "**И умолю Отца, и даст вам другого Утешителя**", то есть, иного такого же, как Я. Да постыдятся же и зараженные недугом Савеллия, и имеющие не надлежащее понятие о Духе Святом! В этом изречении-то особенно и удивительно, что оно одним ударом ниспровергает совершенно противоположные ереси. Сказав: "**другого"**, указывает на различие Его ипостаси; а сказав: "**Утешителя**", – на единство существа. Почему же Он говорит: "**умолю Отца**"? Потому что, если бы сказал: Я пошлю, то не столько бы поверили; а теперь Он заботился о том, чтобы Ему веровали. Впоследствии Он высказывает, что сам посылает Его, говоря: "**примите Духа Святаго**"; а здесь говорит: "**умолю Отца**", чтобы сделать для них слово достоверным. Ведь Иоанн говорит о Нем, что "**от полноты Его все мы приняли**" (Иоан.1:16); как же Он может принимать от другого то, что сам имеет? И опять: "**Он будет крестить вас Духом Святым и огнем**" (Лук.3:16). Какое же Он имел бы преимущество пред апостолами, если бы должен был умолять Отца, чтобы даровать Духа другим, между тем как апостолы часто делали это, как видно и без молитвы? И если Дух Святой по молитве посылается от Отца, то каким же образом Он сам собою нисходит? И как может от другого быть посылаем Тот, кто вездесущ, кто сам по себе разделяет (дарования) "**каждому особо, как Ему угодно**" (1Кор.12:11), и говорит со властью: "**отделите Мне Варнаву и Савла**" (Деян.13:2)? Хотя Богу служили эти служители, однако ж Он со властью призвал их на свое собственное дело, – не потому, чтобы дело, на которое призвал их, было иное, но для того, чтобы показать Свою власть. Итак, что же, скажешь, значит: "**умолю Отца**"? Показывается время пришествия (Духа Святого).

Когда Он очистил их жертвою, тогда и снизошел Дух Святой. А почему Он не пришел в то время, года (Христос) был с ними? Потому что не была еще принесена жертва. Когда уже и грех был истреблен, и апостолы, получив повеление идти на опасности, готовились к борьбе, тогда надлежало придти Тому, кто укрепляет на подвиги. Для чего же Дух приходит не тотчас по воскресении? Для того, чтобы апостолы сильнее возжелали Его и приняли с большею любовью. Доколе был с ними Христос, они не были в скорби; когда же Он отошел, они, лишившись Его, находились в великом страхе и, естественно, должны были принять Духа Святого с великим усердием. "**Да пребудет с вами**". Это значит, что и по смерти не отойдет. А чтобы они, услышав об Утешителе, не предположили другого нового воплощения и не надеялись увидеть Его очами, – Христос, отклоняя их от этого, говорить: "**Которого мир не может принять, потому что не видит Его**". Он не так будет с вами, как Я. Но будет обитать в самых душах ваших; это и значит: "**в вас будет**". А называя Его Духом истины, Он тем указывает на образы, бывшие в ветхом завете. "**Да пребудет с вами**". Что значит: "**да пребудет с вами**"? Тоже, что Он о Себе говорит: "**Я с вами**" (Матф.28:20). Сверх того, Он намекает и на нечто другое, именно: не претерпит того, что Я претерпел, и не отойдет. "**Которого мир не может принять, потому что не видит Его**". А разве другой кто, скажи мне, может видеть Его? Нет; Он говорит здесь о познании, почему и присовокупляет: "**и не знает Его**". Он обыкновенно зрением называет и точное познание. Так как зрение яснее других чувств, то им всегда и означает точное познание. А под миром Он разумеет здесь злых людей. Таким образом Он утешает учеников тем, что даст им особенный дар. Смотри, как Он превознес этот дар: сказал, что есть иной, такой же, как Я; сказал: Он не оставит вас; сказал: к вам одним придет, так же, как и Я; сказал: "**в вас будет**". И однако ж, не смотря на все это, не уничтожил в них печали. Они хотели видеть Его и чтобы Он был с ними. Потому-то, удовлетворяя их желанию, Он говорит: и Я "**не оставлю вас сиротами; приду к вам**" (Иоан.14:18). Не бойтесь, говорит; не потому Я сказал: пошлю иного Утешителя, что сам навсегда

оставляю вас; не потому сказал: "**в вас будет**", что сам уже не увижу вас. Нет, Я и сам приду к вам: "**не оставлю вас сиротами**". Как в начале речи сказал: "**дети**", так и здесь говорит: "**не оставлю вас сиротами**".

2. В начале Христос сказал: придете туда, "**куда Я иду**", и: "**в доме Отца Моего обителей много**"; а здесь, – так как то время было далеко, – дает Духа. Но так как ученики, не поняв значения слов Его, не довольно ими утешились, то Он говорит: "**не оставлю вас сиротами**", – потому что этого они особенно и желали. А так как изречение: "**приду к вам**" указывало на пришествие, то, чтобы они не ожидали опять такого же точно пришествия, какое было прежде, – смотри, как Он, не сказав об этом ясно, дал однако ж это понят. Сказавши: "**еще немного, и мир уже не увидит Меня**", Он присовокупил: "**а вы увидите Меня**" (ст.19). Как бы так говорил: Я приду к вам, но не так, как прежде, когда Я каждый день непрестанно был с вами. А чтобы они не спросили: как же Ты сказал иудеям: "**не увидите Меня отныне**" (Матф.23:39)? – Он, в разрешение этого возражения, говорит: "**к вам**" одним, – так же, как и Дух. "**Ибо Я живу, и вы будете жить**" (Иоан.14:19). Крест не разлучит нас навсегда, но только на самое малое время скроет Меня. А под жизнью Он разумеет, как мне кажется, жизнь не только настоящую, но и будущую. "**В тот день узнаете вы, что Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас**" (ст.20). По отношению к Отцу, это сказано о существе, а по отношению к ученикам – о единомыслии и помощи, ниспосылаемой от Бога. Но как, спросишь, возможно допустить это? А как возможно допустить противное? Ведь между Христом и учениками расстояние великое и даже бесконечное. А что употреблены одни и те же слова, – этому не удивляйся. Писание, говоря о Боге и людях, часто употребляет одни и те же слова не в одинаковом смысле. Так и мы называемся и богами, и сынами Божиими; но эти названия имеют не одно и то же значение, когда прилагаются к нам и к Богу. Равно и Сын называется образом и славою, точно так же, как и мы, но – в совершенно различном значении. И опять: "**вы же – Христовы, а Христос – Божий**" (1Кор.3:23); но Христос не в том же смысле Божий, в каком мы Христовы. Итак, что же значат те слова? Когда Я воскресну, говорит, тогда вы узнаете, что Я не отделен от Отца, но имею ту же силу, и что Я всегда пребываю с вами. Так как в то время самые события будут возвещать о подаваемой вам от Меня помощи, враги будут укрощены, вы получите дерзновение, опасности исчезнут, проповедь с каждым днем будет расцветать и все уступят и покорятся слову благочестия. "**Как послал Меня Отец, и Я посылаю вас**" (Иоан.20:21). Видишь ли, что и здесь одно и то же выражение имеет не одну и ту же силу? Если мы примем его в одном значении, апостолы ничем не будут отличаться от Христа. Почему же Он сказал: тогда "**узнаете**"? Потому, что тогда они увидели Его воскресшим и пребывающим с ними, и тогда же познали истинную веру, так как велика была сила Духа, Который научил их всему. "**Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня**" (Иоан.14:21). Значит, не довольно только иметь, но нам нужно еще тщательно соблюдать. Но для чего Он много раз говорит им одно и тоже, именно: "**Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди**" (ст.15), и: "**кто имеет заповеди Мои и соблюдает их**" (ст.21), и еще: если кто услышит слово Мое и "**соблюдет**" его, тот "**любит Меня**"; а кто "**не соблюдает слов Моих**", тот не любит Меня (ст.23, 24)? Я думаю, Он этим намекает на их скорбь. Так как Он уже много любомудрствовал с ними о смерти, например: "**ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную**" (Иоан.12:25), и: "**кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня**" (Матф.10:38), а притом намеревался сказать им еще и больше этого, то теперь, укоряя их, говорит: вы думаете, что ваша скорбь происходит из любви? Но любви свойственно было бы не скорбеть. Это именно Он хотел доказать всем тем, что говорил, и потому-то далее этим и заключил Свою речь. "**Если бы вы любили Меня**", – сказал Он, – "**то возрадовались бы, что иду к Отцу**" (Иоан.14:28). Значит, вы теперь скорбите от страха; а страшиться смерти несвойственно тем, которые помнят Мои заповеди. Вам следовало бы распять себя, если бы вы истинно любили Меня, потому что

Мое слово внушало вам не приходить в страх от убивающих тело. Таких-то и Отец любит, и Я. "**И явлюсь**" им "**Сам**". Тогда Иуда сказал: "**что это, что Ты хочешь явить Себя нам**" (ст.22)?

3. Видишь, как душа их была стеснена страхом? Иуда смутился, встревожился и подумал, что они увидят и Его так же, как мы видим мертвых во сне. Итак, чтобы отклонить их от такого мнения, – послушай, что Он говорит: " (**Я) и Отец Мой придем к нему и обитель у него сотворим**" (ст.23). Как бы так говорит: как сам Отец является, так и Я. И не этим только уничтожил их несправедливое мнение, но и словами: "**обитель у него сотворим**"; это уже не сновидение. Но ты обрати внимание на ученика: он и смущается, и не смеет ясно сказать того, что хочет сказать. Он не сказал: горе нам, – Ты умираешь и хочешь явиться нам, как мертвые; нет, не сказал так, а сказал: "**что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру**" (Иоан.14:22)? На это (Христос) говорит: вас Я особенно люблю, потому что вы соблюдаете Мои заповеди. Наперед говорит им о Своем явлении для того, чтобы они, когда увидят Его впоследствии, не сочли за призрак. А чтобы они не думали, что Он явится им так, как я сказал, Он высказывает и причину, то есть, соблюдение Его заповедей, – говорит, что таким же образом явится и Дух. Если же они и после того, как столько времени жили с Ним, не могли еще вынести такого явления Его существа и даже не понимали его, то что было бы с ними, если бы он так явился им с самого начала? Потому Он и вкушал с ними пищу, чтобы они не сочли явления Его за призрак. Если они подумали так в то время, как увидели Его ходящим по водам, не смотря на то, что Он явился в том же самом виде и не задолго перед тем разлучился с ними, – то чего бы не подумали они, если бы вдруг увидели Его воскресшим, между тем как прежде видели, как Он был взят и связан: Для того-то Он часто и говорит им, что Он явится, и почему явится, и как, чтобы они не сочли Его явления за призрак. "**Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих; слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня**" (ст.24). Значит, кто не слушает этих слов, тот не Меня только не любит, но и Отца. Если доказательством любви служит повиновение заповедям, а заповеди от Отца, то, очевидно, кто повинуется им, тот уже любит не Сына только, но и Отца. Каким же образом и Твое, и не Твое (слово)? Это значит, что Я не говорю ничего без Отца и не говорю чего-либо Своего, отличного от того, что угодно Ему. "**Сие сказал Я вам, находясь с вами**" (ст.25). Так как все это было не ясно и они иного не понимали, а во многом и сомневались, то, чтобы опять не пришли в смущение и не стали спрашивать: какие заповеди? – избавил их от всякого беспокойства, сказав: "**Утешитель же, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас**" (ст.26). Может быть, не ясно то, что Я теперь вам сказал; но это изъяснит вам тот Учитель. А словами: "**с вами пребывает**" (Иоан.14:17) намекает на Свое отшествие. Затем, чтобы они не печалились, говорит, что пока Он будет оставаться с ними и пока не придет Дух, они не в состоянии будут уразуметь ничего великого и высокого. Это Он говорит с тем, чтобы приготовить их к мужественному перенесению Его отшествия, так как оно будет для них источником великих благ. А беспрестанно упоминает об Утешителе потому, что они тогда были одержимы скорбью. Но так как, и после этих слов, они приходили в смущение при мысли о скорбях, о борьбе, о Его отшествии, то смотри, как Он опять утешает их, говоря: "**мир оставляю вам**" (ст.27). Как бы так говорит: какой вам будет вред от смятений мира, когда вы будете иметь мир со Мною? Этот мир не такой (как обыкновенно). Внешний мир часто бывает и вреден, и бесплоден, и бесполезен для тех, которые имеют его; а Я даю такой мир, по которому вы будете жить в мире между собою, а это сделает вас особенно сильными. А так как Он опять сказал: "**оставляю**", – что указывало не Его отшествие и могло привести их в смущение, – то опять же говорит: "**да не смущается сердце ваше и да не устрашается**" (ст.27). Видишь ли. Что они смущались частию от любви, частию от страха? "**Вы слышали, что Я сказал вам: иду от вас и приду к вам. Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду**

к Отцу; ибо Отец Мой более Меня" (Иоан.14:28). Какую же это могло принести им радость и какое утешение? Что значат эти слова?

4. Апостолы еще ничего не знали о воскресении и даже не имели надлежащего понятия о Христе. Возможно ли, в самом деле, чтобы они имели это понятие, когда даже не знали, что Он воскреснет? Но Отца они признавали великим. Поэтому Христос и говорит: если вы и страшитесь за Меня, как будто Я не в состоянии защитить Себя, и не надеетесь, что после креста Я опять увижу вас, то все же как скоро услышали, что Я к Отцу иду – должны били радоваться, потому что Я иду к большему и могущему уничтожить все бедствия. Вы "**слышали, что Я сказал вам**". Для чего это сказал? Я так далек от страха, говорит этим Христос, так уверен в событиях, что даже предсказал их. И это, что будет после, "**Я сказал вам [о том], прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется**", яко Аз есмь (ст.29). Как бы так говорил: вы не знали бы, если бы Я не сказал; а Я не сказал бы, если б не был вполне уверен. Видишь ли, что те слова были сказаны приспособительно? Так и тогда, когда Он говорит: "**или думаешь, что Я не могу умолить Отца, и Он представит Мне двенадцать легионов Ангелов**" (Матф.26:53)? – говорит приспособительно к мнению слушателей. Конечно, никто, и даже крайне неистовый, не скажет, что Он не мог помочь сам Себе, а имел нужду в ангелах. О Нем думали. Как человеке; поэтому Он и говорит: "**двенадцать легионов Ангелов**". А между тем Он только спросил пришедших взять Его – и отбросил их назад. Если же кто назовет Отца большим в том отношении, что Он виновник Сына, то я не буду и этому противоречить; но это отнюдь не значит, чтобы Сын был иного существа. Слова Его значат вот что: доколе Я здесь, вам естественно думать, что находимся в опасности; если же Я отойду туда, – верьте, что вне опасности, потому что никто не может одолеть Его. Все же это Он говорил приспособительно к немощи учеников. Сам Я, говорит, вполне спокоен и не забочусь о смерти; потому-то и сказал: "**Я сказал вам [о том], прежде нежели сбылось**". Но так как вы не можете еще принять слова об этом, то Я и заимствую для вас утешение от Отца, Которого вы признаете великим. Утешив их таким образом, Он опять говорит о предметах печальных. "**Уже немного Мне говорить с вами**". Почему? "**Ибо идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего**" (ст.30). Говоря о князе мира, разумеет диавола и злых людей, потому что диавол владычествует не над небом и землею, – иначе он все бы низвратил и ниспроверг, – но господствует над теми, которые сами предаются ему. Поэтому (Писание) называет его и князем тьмы века сего, разумея опять и здесь под тьмою злые дела. Что же? Значит, диавол умертвит Тебя? Нет; он "**во Мне не имеет ничего**". Почему же умертвят Тебя? Потому что Я так хочу, и да познает мир, что Я люблю Отца. Я, говорит, не подвластен смерти и не принадлежу ей, но переношу ее из любви к Отцу. А это говорит для того, чтобы снова ободрить учеников и показать им, что Он не против воли, но добровольно идет на смерть, и что Он презирает диавола. В самом деле, Он не ограничился тем, что сказал: "**еще недолго быть Мне с вами**" (Иоан.7:33), но часто повторяет эти печальные слова. А чтобы сделать их удобоприемлемыми, Он справедливо примешивает к ним и слова радостные. Потому-то Он иногда и говорит: "**иду от вас и приду к вам**" (Иоан.14:28), также: "**чтобы и вы были, где Я**", и еще: "**не можете теперь за Мною идти, а после пойдете**", также: "**иду к Отцу**", и: "**Отец Мой более Меня**", и: "**Я сказал вам [о том], прежде нежели сбылось**", и еще: Я не по необходимости терплю это, а по любви к Отцу, – чем внушает ученика, что Его смерть не пагубна и не вредна, как скоро соизволяет на нее и сильно любящий Его, и сам любимый Им. Итак, примешивая с этой целью слова радостные, Он часто говорил и о предметах печальных, чтобы приучить к тому их ум. Ведь и словами: "**в вас будет**", и: "**лучше для вас, чтобы Я пошел**" (Иоан.16:7), Он также их утешал. Для того-то Он наперед весьма много и сказал о Духе, как-то: "**есть с вами**", и: "**мир не может принять**", и: Он "**напомнит вам все**", и: Он "**Дух истины, Дух Святый, Утешитель**", и: "**лучше для**

вас", – чтобы они не скорбели, как будто уже у них не было никакого заступника и помощника. А словами: "**лучше**" показывает, что (Дух Святый) соделает их духовными.

5. И мы видим, что это действительно сбылось. Робкие и боязливые, по принятии Духа, устремились в среду опасностей и безбоязненно пошли и на железо, и в огонь, и на зверей, и в пучину морскую, и на всякое мучение. Некнижные и простые, они говорили с таким дерзновением, что поражали слушателей. Из скудельных Дух соделал их железными, окрылил их и не допустил впасть ни в какую слабость человеческую. Такова-то благодать Духа! Она, если находит печаль, уничтожает ее; если злое вожделение, – истребляет; если страх, – изгоняет; и кто сподобился ее, того не допускает уже быть человеком, но, как бы переселив на самое небо, располагает помышлять только о том, что на небе. Потому-то "**никто ничего из имения своего не называл своим**", но непрестанно пребывали в молитвах, "**в веселии и простоте сердца**" (Деян.4:32, 2:46). Этого преимущественно и требует Дух Святый: "**плод же духа: радость, мир, вера, кротость**" (Гал.5:22,23). Однако ж, скажешь, часто печалятся и люди, исполненные Духа? Но эта печаль сладостнее радости. Печалился и Каин, но печалью мирскою; печалился и Павел, но печалью по Боге. Все духовное приносит величайшую пользу, равно как и все мирское – крайний вред. Привлечем же к себе, чрез исполнение заповедей, необоримую помощь духа – и мы будем ничем не меньше ангелов. Ведь и они не потому таковы, что безплотны (иначе никто из безплотных не был бы злым); но везде причиною всему – свободное произволение. Потому-то и между безплотными нашлись такие, которые хуже людей и даже безсловесных, и между облеченными плотью – такие, которые лучше безплотных. Так все праведники, хотя жили на земле и имели тело, однако ж совершили великие дела. На земле они жили, как пришельцы и странники, а на небе – как граждане. Не говори же и ты: я облечен плотью, не могу одолеть (ее), не могу взять на себя трудов добродетели. Не обвиняй Создателя. Ведь, если оттого, что мы носим плоть, добродетель становится для нас невозможной, то мы уже не виновны. Но что она не делается оттого невозможною, это доказывает лик святых. Так, плотское естество не воспрепятствовало ни Павлу быть таким, каким он был, ни Петру получить ключи неба. И Енох, будучи во плоти, "**переселен был и не стало его**" (Евр.11:5). Равно и Илия восхищен был с плотью, и Авраам с Исааком и Иаковом просияли, будучи облечены плотью; с плотью же и Иосиф устоял против той распутной жены. И что я говорю о плоти? Хотя бы ты возложил на плоть и оковы, – и тогда не было бы никакого вреда. Хотя я и в узах, говорит Павел, "**но для слова Божия нет уз**" (2Тим.2:9). И что я говорю о узах и оковах? Присоедини еще темницу и заключение, и все это не будет препятствием для добродетели. Так именно учил Павел. Оковы для души – не железо, а рабский страх, любостяжание и безчисленные страсти. Вот что связывает, хотя бы тело и было свободно. Но от тела, скажешь, рождаются и страсти? Это пустое извинение и ничтожная отговорка. Если бы действительно от тела рождались эти страсти, то им были бы подвержены все. Как никому нельзя избежать усталости, сна, голода и жажды, потому что все это естественно, так никто не избежал бы и подчинения страстям, если бы они были таковы. Если же многие избегают их, то ясно, что такого рода недостатки рождаются от безпечности души. Итак, отсечем безпечность и не будем обвинять тело, а подчиним его душе, чтобы, имея его в послушании, достигнуть вечных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 76

"Встаньте, пойдем отсюда. Я есмь истинная виноградная лоза, а вы ветви, а Отец Мой – виноградарь" (Иоан.14:31,15:1).

1. От невежества душа делается робкою и боязливою, точно так же, как от знания небесных догматов – великою и возвышенною. Лишенная всякого попечения, она бывает как–то робка – не по естеству, а по свободному произволению. Когда я вижу, что человек мужественный, бывший некогда смелым, становится робким, я уже не считаю этого состояния естественным, потому что все естественное неизменно. Равным образом, когда вижу, что люди робкие вдруг делаются смелыми, я опять думаю тоже самое, – все приписываю свободному произволению. Так и ученики были весьма робки, доколе не узнали того, что следовало, и не сподобились дара Святого Духа; а впоследствии сделались неустрашимее львов. Например, Петр, который не вынес угроз служанки, был повешен вниз головою, был бичуем, находился в тысяче опасностей, и однако ж не молчал, а говорил так смело, как будто терпел это во сне. Но все это – не прежде креста. Потому–то Христос и говорил: "**встаньте, пойдем отсюда**". Для чего же, скажи мне? Ужели Он не знал времени, когда должен был придти Иуда? Или Он боялся, чтобы Иуда не пришел туда и не задержал их, и чтобы не напали злоумышленники прежде, чем Он кончит Свою превосходную беседу? Отнюдь нет; это несовместно с Его достоинством. Если же Он не боялся, то для чего заставляет учеников идти оттуда и потом, когда кончил беседу, ведет их в сад, знакомый Иуде? Да если бы и пришел Иуда, разве не мог Он ослепить им глаза, что Он и сделал, только не теперь? Для чего же Он уходит? Чтобы дать ученикам несколько успокоиться. Находясь в неизвестном месте, они, естественно, были в страхе и трепете и от времени, и от места. В самом деле, ночь была уже очень глубокая, и могло статься, что они даже не внимали словам, а постоянно были заняты мыслию о том, что на них нападут, тем более, что и слова Учителя заставляли ожидать бедствий. "**Еще недолго**", говорил Он, "**быть Мне с вами**", и: "**идет князь мира сего**". Потому–то, как они, слыша эти и подобные слова, смущались, полагая, что их тотчас же схватят, то Он ведет их в другое место, чтобы они, считая себя в безопасности, могли свободно уже слушать, имели же они услышать великие догматы. Вот почему Он говорит: "**встаньте, пойдем отсюда**". Затем, продолжая речь, говорит: "**Я есмь виноградная лоза, а вы ветви**". Что Он хочет сказать этой притчей? То, что не внимающему Его словам невозможно жить и что будущие знамения совершаются силою Христовою. "**Отец Мой – виноградарь**". Что же? Значит, Сын нуждается в помощи? Нет; указание на Отца не означает этого. В самом деле, смотри, с какою точностью Он излагает притчу. Только о ветвях говорит, что они пользуются попечением делателя, а не о корне. О корне здесь упомянуто только для того, чтобы показать ученикам, что без Его силы они ничего не могут делать и что им должно так соединиться с Ним верою, как ветви с лозою. "**Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, отсекает**" Отец (Иоан.15:2). Здесь Он намекает на жизнь, показывая, что без дел невозможно быть в Нем. "**И всякую, приносящую плод, очищает**", то есть, сделает ее предметом великого попечения. Хотя о корне нужно бывает больше заботиться, чем о ветвях, – нужно его окапывать, очищать, однако же Он ничего не говорит здесь о корне, но все о ветвях, показывая тем, что Он сам себе довлеет, а ученики, хотя бы были и весьма добродетельны, имеют нужду в великой помощи делателя. Потому–то Он и говорит: "**приносящую плод, очищает**". Когда ветвь бесплодна и может быть на лозе, (делатель) отсекает ее, а когда приносит плод – очищает ее и чрез то делает еще более плодоносною. Это впрочем можно разуметь и о бедствиях, которые в то время угрожали ученикам. Выражение: "**очищает**" значит – обрежет, отчего ветвь делается более плодоносною. Этим показывается, что искушения сделают учеников особенно сильными. А чтобы они не стали спрашивать, о ком это сказано, и чтобы опять не привести их в беспокойство, Он говорит: "**вы уже очищены через слово, которое Я проповедал вам**" (ст.3). Видишь, как Он представляет самого Себя заботящимся о ветвях? Я, говорит, очистил вас. Хотя выше показывает, что это делает Отец, о между Отцом и Сыном нет никакого различия. Теперь нужно, чтобы и вы, с своей стороны, делали то, что следует. Затем, чтобы показать, что Он сделал это не потому, что имел нужду в их служении, а для их преуспеяния, Он присовокупляет: "**Как ветвь не может**

приносить плода сама собою", так и тот, кто во Мне не пребудет. А чтобы они не отделились от Него из страха, Он укрепляет ослабевшую от боязни их душу, тесно соединяет с Собою и уже подает благие надежды, так как корень всегда остается, а отделяться и отпадать свойственно ветвям. Потом, побудив их с обеих сторон – и со стороны пользы, и со стороны вреда, Он требует того, что составляет нашу первую обязанность. "**Кто пребывает во Мне, и Я в нем**" (ст.5). Видишь, что и Сын участвует в попечении об учениках не меньше Отца? Если Отец очищает, за то Сын содержит в Себе; а от пребывания на корне и зависит плодоношение ветвей. Пусть ветвь и не очищается, но все же, оставаясь на корне, она приносит плод, хотя и не в таком количестве, в каком бы следовало; если же не остается, – и совсем не приносит плода. Впрочем уже показано, что и Сыну свойственно очищать, равно как быть корнем – Отцу, родившему и корень.

2. Видишь ли, как у них все общее – и очищать, и иметь силу корня? Конечно, велик вред (для ветви) и в том, когда она не может ничего производить; но (Христос) не в этом только поставляет наказание, а ведет речь далее. "**Извергнется**", говорит, "**вон**", – не будет уже пользоваться попечением делателя; "**и засохнет**", то есть, потеряет все, что имела от корня; если имела какую–либо благодать, лишится ее и останется без помощи и жизни, сообщаемой от корня. И что же наконец? "**Бросают в огонь**" (ст.6). Но не таков удел человека, пребывающего во Христе. Далее показывает, что значит пребывать, и говорит: "**Если слова Мои в вас пребудут**" (ст.7). Видишь ли, что и прежде я справедливо сказал, что Он требует от нас доказательства от дел? Действительно, сказавши: "**и если чего попросите, то сделаю**" (Иоан.14:13), Он присовокупил: "**если любите Меня, соблюдите Мои заповеди**" (ст.15). Так и здесь: "**если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам**" (Иоан.15:7). Все же это Он говорил для того, чтобы показать, что злоумышляющие против Него будут сожжены, а они принесут плод. Перенесши таким образом страх от них на злоумышленников и показав, что они будут непобедимы, Христос говорит: "**тем прославится Отец Мой, если вы принесете много плода и будете Моими учениками**" (ст.8). Чрез это Он придает Своему слову достоверность. В самом деле, если принесение плодов имеет отношение к славе Отца, то Он не оставит в небрежении Своей славы. "**И будете Моими учениками**". Видишь ли, что тот Его ученик, кто приносит плод? А что значит: "**Тем прославится Отец**"? Это значит: Он радуется, когда вы во Мне пребываете, когда приносите плод. "**Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас**" (ст.9). Здесь уже говорит человекообразнее, потому что речь, приспособленная к понятиям людей, имеет особенную силу. Подлинно, сколь великую меру любви выказал Тот, кто благоволил умереть, кто, удостоив такой чести рабов, врагов и противников, возвел на небо! А если Я люблю вас, то не бойтесь. Если слава Отца в том, чтобы вы принесли плод, то не опасайтесь никакого зла. Потом, чтобы не сделать их беспечными, – смотри, как Он поощряет их. "**Пребудете в любви Моей**"; это уже от вас зависит. Как же это сделать? "**Если заповеди Мои**", говорит, "**соблюдете, как и Я соблюл заповеди Отца Моего** " (ст.10). Опять идет речь человекообразная, потому что законодатель, очевидно, не мог подлежать заповедям. Видишь ли, что и здесь так сказано, – о чем я всегда повторяю, – по немощи слушающих? Действительно: Он многое говорит сообразно с их понятиями и всячески показывает, что они в безопасности и что их враги погибнут, и что все, что они имеют, имеют от Сына, и что, если они будут вести жизнь безукоризненную, никто и никогда не одолеет их. Заметь же и власть, с какою Он беседует с ними. Не сказал: "**пребудете в любви**" Отца, но: "**Моей**". Таким образом, чтобы не сказали: Ты сделал нас ненавистными для всех, и теперь оставляешь нас и отходишь, – показывает, что Он не оставляет их, а напротив, если только они пожелают, так тесно соединится с ними, как лоза с ветвями. А чтобы они, с другой стороны, предавшись надежде, не сделались безпечными, Он говорит, что их благополучие не будет неизменно, если они будут нерадивы. Потом, чтобы не приписать всего дела Себе самому и не подать им повода к

большему падению, – говорит: "**тем прославится Отец**". Так везде выказывает Свою любовь к ним вместе с любовью Отца. Значит, не в том слава. Что было у иудеев, но в том, что они имели получить. А чтобы они не сказали: мы лишились отцовского наследства, мы всеми оставлены и сделались нагими и ничего не имеющими, – Христос говорит: посмотрите на Меня, Меня любит Отец, и однако ж Я подвергаюсь предстоящим бедствиям. Так и вас Я оставляю теперь не потому, чтобы не любил вас. Если Я подвергаюсь смерти и однако ж не считаю этого знаком нелюбви к Себе Отца, то и вам не должно смущаться. Если вы пребудете в любви Моей, то все эти бедствия нисколько не повредят вам в любви.

3. Итак, если любовь сильна и необорима, и состоит не в одних словах, то покажем ее на деле. Христос примирил нас с Собою, когда мы были врагами; мы же, сделавшись друзьями, постараемся остаться ими. Он начал, а мы будем хотя продолжать. Он любит не для Своей пользы, потому что ни в чем не нуждается; а мы будем любить хотя из–за своей выгоды. Он возлюбил врагов, а мы станем любить хотя друга. Но мы поступаем напротив. Мы ежедневно хулим Бога хищением и любостяжанием. Может быть, кто-нибудь из вас скажет: ты каждый день беседуешь о любостяжании. О, если бы можно было говорить об этом и каждую ночь! О, если бы и тот, кто сопутствует вам на площади и сидит с вами за трапезою, если бы и жены, и друзья, и дети, и рабы, и земледельцы, и соседи, и даже пол и стены могли изливать эту речь, чтобы чрез то, хотя немного, мы поудержались! Этот недуг объял всю вселенную, обладает душами всех, – и, поистине, велика сила мамоны! Мы искуплены Христом, а служим золоту; проповедуем владычество одного, а покоряемся другому, и что бы он ни приказал, исполняем с усердием, и забываем для него и родство, и дружбу, и природу, и законы, и все. Никто не обращает взоров на небо, никто не помышляет о будущем. Но настанет время, когда не будет пользы и от этих речей. "**Во гробе**", сказано, "**кто будет славить Тебя**" (Пс.6:6)? Вожделенно золото, – оно доставляет нам много наслаждений, и придает почет; но – не столько, сколько небо. Богача многие и отвращаются, и ненавидят, а человека добродетельного уважают и почитают. Но над бедным, скажешь, смеются, хотя бы он был и добродетелен? Смеются, но не люди, а бессловесные, почему и не нужно обращать на то внимания. Ведь, если бы мычали ослы и каркали вороны, а все люди мудрые хвалили бы, – мы, конечно, не пренебрегли бы мнением последних и не стали бы обращать внимания на крики бессловесных. А те, которые высоко ценят предметы настоящие, подобны воронам, и хуже ослов. Если бы тебя хвалил царь земной, – ты, верно, нисколько не заботился бы о мнении толпы, хотя бы и все смеялись над тобою. Ужели же, когда тебя хвалит Владыка всех, ты будешь искать еще похвалы от жуков и комаров? А таковы, действительно, эти люди в сравнении с Богом, и даже не таковы, а еще хуже. Доколе же мы будем пресмыкаться в грязи? Доколе будем поставлять для себя судьями безпечных ленивцев и чревоугодников? Они могут хорошо оценивать игроков в кости, пьяниц и живущих для чрева, а добродетели и порока они не могут вообразить себе и во сне. Если бы кто стал смеяться над тобою потому, что ты не знаешь, как провести каналы для стока воды – ты, без сомнения, не оскорбился бы, а напротив, даже посмеялся бы над укоряющим в таком незнании. Зачем же, желая подвизаться в добродетели, поставляешь для себя судьями людей, которые совсем не знают ее? Потому–то мы никогда и не успеваем в этом искусстве. Мы вверяем свое дело не людям опытным, а невеждам; а они судят не так, как требует искусство, а по собственному невежеству. Потому, умоляю вас, будем презирать мнением толпы; особенно же не станем желать ни похвал, ни имений, ни богатства, и не будем считать бедность за какое–либо зло. Бедность научает нас и мудрости, и терпению, и всякому любомудрию. Ведь и Лазарь жил в бедности и, однако ж, был увенчан; и Иаков желал иметь только хлеб; и Иосиф находился в крайней бедности и был не только рабом, но и узником, и, однако же, поэтому мы еще более удивляемся ему. Мы не столько восхваляем его в том случае, когда он раздавал пшеницу, сколько в том, когда находился в темнице, –

не столько тогда, когда был в оковах, – не тогда, когда восседал на троне, а когда подвергался козням и был продан. Итак, представляя себе все это и помышляя о венцах, сплетаемых этими подвигами, будем удивляться не богатству и почестям, не удовольствиям и владычеству, а бедности, оковам, узам и терпению ради добродетели. Конец первых исполнен смятения и беспокойства, и обладание ими соединено с настоящею только жизнью; а плод последних – небо и небесные блага, (которых) "**не видел глаз, не слышало ухо**" (1Кор.2:9), которых и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 77

"Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна. Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас" (Иоан.15:11,12).

1. За всякое доброе дело тогда бывает награда, когда оно приходит к надлежащему концу; если же оно прервется, не достигнув конца, то уже бывает кораблекрушение. И как корабль, везущий богатый груз, если не успеет войти в пристань, а потонет в средине моря, не получает никакой пользы от долгого плавания, а напротив, тем бывает несчастнее, чем больше понес трудов, так точно и души, которые падают прежде конца трудов и ослабевают среди подвигов. Потому и Павел сказал, что слава, честь и мир будут уделом тех, которые текут "**постоянством**" добрых дел. Это же и Христос внушает теперь ученикам. Он выразил им Свою любовь, – и они радовались о Нем. Но так как наступавшее страдание и печальные речи должны были прекратить их радость, то Он, достаточно побеседовавши с ними и утешивши их, говорит: "**сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна**", – то есть, чтобы вы не отпали от Меня, чтобы не прекратили своего течения. Вы радовались о Мне и много радовались, но вот вы подверглись печали. Итак, чтобы радость ваша достигла конца, Я уничтожаю эту печаль, показывая вам, что о настоящих событиях нужно не печалиться, а радоваться. Я видел, что вы соблазнились, но – не пренебрег, не сказал: зачем вы теряете мужество, – а говорил то, что могло принести вам утешение. Так хочу Я всегда соблюдать вас в той же любви. Вы слышали о царствии – и радовались. А Я сказал вам это, чтобы исполнилась радость ваша.

"**Сия есть заповедь, да любите друг друга, как Я возлюбил вас**". Видишь ли, что любовь к Богу тесно связана с нашею и соединена с нею как бы некоторою цепью? Потому-то (Христос) иногда говорит о двух заповедях, а иногда об одной – так как невозможно, получивши одну, не иметь и другой. Иногда Он говорит: в этом "**утверждается закон и пророки**" (Матф.22:40); а иногда: "**как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки**" (Матф.7:12). Также: "**любовь есть исполнение закона**" (Рим.13:10). Это же говорит и здесь. Если пребывание (в Боге) зависит от любви, а любовь от исполнения заповедей, а заповедь состоит в том, чтобы мы любили друг друга, то, очевидно, пребывание в Боге зависит от нашей взаимной любви. И не просто говорит о любви, но указывает и образ любви: "**как Я возлюбил вас**". Затем снова показывает, что Он отходит не по ненависти, а по любви; и потому-то, говорит, вы особенно и должны были прославлять Меня, так как за вас Я полагаю душу Мою. Впрочем Он нигде не говорит так, но выше – изображая доброго пастыря, а здесь – наставляя учеников и показывая как величие любви, так и то, каков Он. А почему Он везде превозносит любовь? Потому, что она есть признак учеников, она – утверждение добродетели. Потому-то и Павел так много говорит о ней, как истинный ученик Христов, узнавший ее по опыту. "**Вы друзья Мои. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего**" (Иоан.15:14,15).

Как же он говорит: "**многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить**" (Иоан.16:12)? Словами: "**все**" и: "**что слышал**" Он внушает не другое что, но именно то, что Он не говорит ничего постороннего, но только слышанное от Отца. А так как преимущественным знаком дружбы считается то, когда сообщаются тайны, то вы, говорит, удостоены и этого общения. Когда же говорит: "**все**", то разумеет все, что им нужно было слышать. Потом выставляет и другой не малый знак дружбы. Какой же именно? "**Не вы**", говорит, "**Меня избрали, а Я вас избрал**" (ст.16), то есть, Я искал вашей дружбы. И на этом не остановился; но еще говорит: "**и поставил вас**", то есть, насадил, "**чтобы вы шли**" (все еще продолжает сравнение с виноградною лозою), то есть, чтобы вы распространялись, "**и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал**". Если же плод пребудет, то тем более вы. Я не только, говорит, возлюбил вас, но и осыпал вас величайшими благодеяниями, распростирая ветви ваши по всей вселенной.

2. Видишь ли, сколько Он употребляет способов, чтобы выказать любовь? Он открыл тайны, Он первый искал их дружбы, Он даровал им великие блага, Он за них подвергся страданиям. Здесь же показывает, что Он и постоянно будет пребывать с ними; они будут приносить плод, а чтобы приносить плод, для этого необходимо иметь Его помощь. "**Дабы, чего ни попросите от Отца во имя Мое, Он дал вам**" (ст.16). Но ведь исполнять прошения – дело того, кого просят; как же исполняет Сын, когда просят Отца? Это – чтобы ты знал, что Сын не меньше Отца. "**Сие заповедаю вам, да любите друг друга**" (ст.17), то есть, Я говорю не в укор. Что Я душу Мою полагаю, что Я предварил вас дружбою, но – для того, чтобы привести вас к дружеству. Потом, так как терпеть от большой части людей гонение и поношение – дело тяжелое и невыносимое, которое может повергнуть в уныние и душу возвышенную, то Христос приступает к этому предмету уже после того, как наперед сказал весьма многое. Предварительно Он смягчил их душу, а уже потом начинает говорить об этом и ясно показывает, что и это, равно как и все другое, как уже Он показал, совершается для их пользы.

Как прежде сказал, что не только не нужно скорбеть, а напротив нужно еще радоваться тому, что Он отходит к Отцу, – так как Он делает это не потому, что покидает их, а потому, что очень любит, – так и здесь показывает, что им должно радоваться, а не скорбеть. И смотри, как Он располагает к этому. Не сказал: знаю, что это прискорбно, но потерпите для Меня, так как вы и страдаете за Меня. Такая причина была еще недостаточна для их утешения; и потому, оставив ее, Он предлагает другую. Какую же именно? Ту, что это служит доказательством самой высокой добродетели и что следует скорбеть не о том, что вас будут теперь ненавидеть, а напротив тогда, когда бы вас стали любить. На это Он намекает словами: "**Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое**" (ст.19). Значит, если бы вы были любимы, то это было бы явным знаком вашей поточности. Но так как, сказав это, Он не успел еще утешить их, то опять продолжает речь: "**раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас**" (ст.20). Здесь показывает, что поэтому-то в особенности они будут (Его) подражателями. В самом деле, пока Христос был во плоти, брань велась против Него; а когда Он переселился, тогда настала брань против них. И так как они, будучи малочисленны, тревожились тем, что должны будут сражаться против такого множества, то Он ободряет их души, говоря, что потому-то особенно им и должно радоваться, что их будут ненавидеть. Чрез это, говорит, вы сделались соучастниками Мне в страданиях. Итак, вы не должны смущаться; вы не лучше Меня, потому что, как Я уже сказал, "**раб не больше господина своего**". Затем следует и третье утешение, именно то, что вместе с ними подвергается оскорблению и Отец. "**Все то**", говорит, "**сделают за имя Мое, потому что не знают Пославшего Меня**" (ст.21), то есть, оскорбляют и Его. Далее, лишая врагов всякого извинения, а вместе предлагая и новое утешение, говорит: "**Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха**" (ст.22). Этим показывает, что все действия врагов и в

отношении к Нему, и в отношении к ним – несправедливы. Зачем же Ты привел нас к таким бедствиям? Ужели не предвидел брани и ненависти? Поэтому Он опять говорит: "**ненавидящий Меня ненавидит и Отца моего**" (ст.23), – предвозвещая и здесь врагам не малое наказание. Так как они в свое оправдание ссылались на то, что гонят Его ради Отца, то этими словами Он отнял у них такое оправдание. Они не имеют никакого извинения. Преподав учение на словах, Я подтвердил его делами, согласно с законом Моисеевым, который всем повелел повиноваться тому, кто будет подобным образом говорить и действовать, кто будет и руководить к благочестию, и совершать величайшие чудеса. И не просто сказал Он: чудеса, но – "**каких никто другой не делал**" (ст.24). Об этом и сами они свидетельствовали, когда говорили: "**никогда не бывало такого явления в Израиле**" (Матф.9:33), и: "**от века не слыхано, чтобы кто отверз очи слепорожденному**" (Иоан.9:32). Таково же и чудо над Лазарем; таковы же и все другие чудеса, равно как и образ чудодействия, – все ново и необыкновенно. За что же, могли сказать, и Тебя и нас преследуют? "**Как вы не от мира. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое**" (ст.19). Напоминает им слова, которые некогда сказал и братьям Своим; но тогда Он говорил осторожнее, чтобы не устрашить их, а теперь, напротив, открыл все. Из чего же видно, что нас ненавидят за это? Из того, что было со Мною. В каком, скажи Мне, слове или деле могли обвинить Меня? И однако ж они не приняли Меня. А чтобы это не было для нас изумительно, Он указал и причину, именно – злобу их; но и на этом не остановился, а приводит еще и пророка, показывая, что он издревле предвозвестил и сказал: "**возненавидели меня без вины**" (Пс.68:5). Так поступает и Павел. Когда многие удивлялись, отчего не уверовали иудеи, – он приводит пророков, которые издревле предсказали об этом и сказали причину неверия, именно – их злобу и гордость. Что же? Если они не соблюдали Твоего слова, а потому не соблюдут и нашего; если они Тебя преследовали, а потому будут преследовать и нас; если они видели такие знамения, каких никто другой не совершил; если слышали такие слова, каких никто не говорил, и не получили никакой пользы; если они ненавидят Твоего Отца, а вместе с Ним и Тебя, – то для чего же, скажи, Ты нас вверг в среду их? Как возможно, чтобы мы были достойны веры? И кто из единоплеменников наших послушает нас?

3. Чтобы, помышляя об этом, они не смущались, смотри, какое Он предлагает утешение. "**Когда приидет Утешитель, Которого Я пошлю, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною**" (Иоан.15:26,27). Он будет достоин веры, потому что Он – Дух истины. Потому-то и назвал Его не Духом Святым, а Духом истины. А слова: "**Который от Отца исходит**" – показывают, что Он знает все в точности. Так Христос и о самом Себе говорит: "**Я знаю, откуда пришел и куда иду**" (Иоан.8:14), рассуждая и здесь об истине. "**Которого Я пошлю**". Вот видишь, не один только Отец посылает, но и Сын. И вы тоже будете достойны веры, так как вы были со Мною, а не от других слышали. И апостолы, действительно, утверждались на этом, говоря: "**которые с Ним ели и пили**" (Деян.10:41). А что это сказано не из лести, о том свидетельствует Дух. "**Сие сказал Я вам, чтобы вы не соблазнились**" (Иоан.16:1), – то есть, когда увидите, что многие не веруют, и когда сами вы подвергнетесь бедствиям. "**Изгонят вас из синагог**" (Иоан.16:2), потому что уже постановили, "**чтобы, кто признает Его за Христа, того отлучать от синагоги**" (Иоан.9:22). "**Даже наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу**" (Иоан.16:2). Будут домогаться вашей смерти, как бы дела благочестивого и богоугодного. Затем опять предлагает утешение. "**Так будут поступать, потому что не познали ни Отца, ни Меня**" (ст.3). Достаточно для вашего утешения, что вы будете терпеть это за Меня и за Отца. Здесь опять напоминает им о блаженстве, о котором говорил в начале: "**блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах**" (Матф.5:11,12). "**Я сказал вам сие для того, чтобы**

вы, когда придет то время, вспомнили" (это) (Иоан.16:4), а поэтому признаете верным и все прочее. Вам, конечно, уже нельзя будет сказать, что Я, льстя вам, говорил только приятное для вас, и что слова Мои были обман. Кто имел бы в виду обмануть, тот не стал бы и предсказывать нам неприятного. Для того Я предсказал об этих бедствиях, чтобы они нечаянным нашествием не смутили вас, а с другой стороны, и для того, чтобы не говорили, будто Я не предвидел, что они наступят. Итак вспоминайте, "**что Я сказывал вам о том**" (ст.4). И действительно, иудеи, преследуя их, всегда прикрывались коварным предлогом, будто гонят их, как людей вредных. Но это не смущало учеников. Они уже наперед слышали и знали, за что они страдают, и эта причина могла вполне ободрить их. Потому-то Христос везде и выставляет ее, говоря: "**не познали Меня**", и: "**сделают**" за Меня, "**за имя Мое**" и за Отца (Иоан.15:21;16:3), и: Я первый пострадал, и: отваживаются на это несправедливо.

4. Будем же и мы помышлять об этом во время искушений. Когда терпим что-либо от злых людей, то, взирая на Начальника нашего и Совершителя веры, будем представлять себе, что терпим за добродетель и за Него. Если станем помышлять об этом, то все будет легко и сносно. В самом деле, если каждый даже хвалится тем, когда страдает за возлюбленных, то будет ли чувствовать какую-либо скорбь тот, кто претерпит что-нибудь за Бога? Если Христос ради нас назвал славою то, что всего поноснее – крест, то тем более так должно думать нам. Если же мы можем столько презирать страдания, то тем более – богатство и любостяжание. Итак. Кода нам предстоит потерпеть что-нибудь неприятное, мы должны помышлять не только о трудах, но и о венцах. Как купцы думают не только о морях, но и о прибыли, так и нам должно помышлять о небе и о дерзновении к Богу. Если приятною представляется тебе любостяжательность, – подумай, что на это не соизволяет Христос, и она тотчас же покажется тебе противною. Опять, если тебе тяжело будет подать нищему, то ты не останавливайся мыслию на издержке, а тотчас же представь себе жатву от этого сеяния. И когда тебе трудно будет воздержаться от страстного вожделения к чужой жене, то подумай о венце за подвиг – и легко совершишь подвиг. Если и людской страх удерживает от постыдных дел, то тем более – любовь ко Христу.

Сурова добродетель, но будем представлять ее облеченною в величие будущих обетований. Люди с душою возвышенною находят ее и без этого, саму по себе, прекрасною, и потому стремятся к ней, живут добродетельно не из-за наград, а для угождения Богу, и высоко ценят целомудрие не для того, чтобы избежать наказания, а потому, что так повелел Бог. Если же кто более немощен, тот пусть представляет себе и награды. Так будем поступать и по отношению к милостыне: будем милосерды к единоплеменникам и не станем презирать гибнущих от голода. Не крайняя ли, в самом деле, несообразность в том, что мы сами сидим за трапезою в смехе и пресыщении, а между тем, проходя по улице и слыша, как другие плачут, не только не обращаем на их плач внимания, но еще негодуем на них и называем их обманщиками? Что ты говоришь, человек? Ужели из-за одного хлеба станет кто-нибудь обманывать? Да, скажешь ты. В таком случае, тем скорее нужно сжалиться над ним, тем скорее нужно избавить его от нужды. Если же ты не хочешь подать, – по крайней мере, не оскорбляй; если не хочешь спасти от потопления, – по крайней мере, не ввергай в пропасть. Подумай, как ты будешь умолять Бога о помощи, когда отвергаешь пришедшего к тебе нищего. "**Какою**", сказано, "**мерою мерите, [такою] и вам будут мерить**" (Матф.7:2). Подумай, с каким сокрушением он отходит: голова его склонилась долу, он плачет, при нищете он получил еще новую рану от презрительного с ним обращения. Если и просить милостыню вы считаете крайним несчастьем, то подумай, какую бурю испытывает тот, кто просит, но не получает и еще отходит поруганным. Доколе мы будем уподобляться диким зверям и забывать самую природу из любостяжания? Многие вздыхают при этом, но я хочу, чтобы вы не теперь только, а всегда имели такое сострадание. Подумай о том дне, когда мы

предстанем на суд Христов, когда будем просить о помиловании себя и Христос, поставив нищих пред лице всех, скажет нам, что из-за одного хлеба и одного овола вы возбудили такую бурю в этих душах. Что мы ответим? Чем оправдаемся? А что Он поставит их пред лице всех, это ты можешь узнать из Его слов: "**так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне**" (Матф.25:45). Не они уже будут обращаться к нам с речью, а Бог будет обличать нас за них. Когда и богач увидел Лазаря, – Лазарь ничего не сказал ему, но говорил за него Авраам. Так будет и с нищими, которых мы презираем. Мы увидим их не в жалком виде, не с простертыми руками, но в состоянии покоя; а между тем сами явимся в их виде. И, о, если бы мы явились только в их виде, а не подверглись гораздо тягчайшему наказанию! Ведь богач не от крупиц только желал там насытиться, а томился в пламени, жестоко мучился и слышал: "**ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь – злое**" (Лук.16:25). Итак, не будем считать богатство чем-нибудь великим. Оно приведет нас к мучению, если мы не будем внимательны; а если будем внимательны, то и бедность доставит нам и наслаждение, и покой. Если будем переносить ее с благодарностью, то и от грехов освободимся, и приобретем великое дерзновение пред Богом.

5. Итак, не будем всегда искать покоя, чтобы там насладиться покоем. Предпримем труды для добродетели, отсечем излишнее, не станем искать ничего большего, но все, что имеем, будем расточать на нуждающихся. Иначе, какое мы будем иметь оправдание, когда Бог обещает нам небо, а мы не подаем Ему и хлеба? Он возжигает для тебя солнце и предоставляет всю тварь в твое служение; а ты не даешь Ему и одежды и не хочешь разделить с Ним твоего крова? И что я говорю о солнце и о твари? Он предложил тебе тело и даровал честную кровь; а ты не даешь Ему и чаши воды? Но ты подал однажды? Да это – не милость; если ты не подаешь, пока имеешь, ты не все еще исполнил. Ведь и девы, у которых были светильники, имели елей, но не в достаточном количестве. И в том случае, если бы ты подавал от своего, тебе не следовало бы скупиться; но ты не подаешь принадлежащее Господу, – зачем же скряжничаешь? Хотите ли, я скажу причину такого бесчеловечия? Эти люди любостяжанием наживают имение и оттого скупы на милостыню. Кто привык так приобретать, тот не умеет издерживать. Как, в самом деле, тому, кто привык к хищничеству, расположить себя к противному? Как будет давать другому свое, кто берет чужое? И пес как скоро привык питаться мясом, уже не может охранять стада, почему пастухи и убивают такого рода псов. Чтобы и с нами не случилось того же, будем воздерживаться от такой пищи, – ведь и те питаются плотью, которые бывают причиною голодной смерти. Не видишь ли, как Бог сделал все для нас общим? Если же допустил иным быть в бедности, то и это для облегчения богатых, чтобы они, подавая бедным милостыню, могли освободиться от грехов. А ты и в этом отношении стал жесток и бесчеловечен. Отсюда видно, что, если бы и в большем ты имел такую же власть, то совершил бы множество убийств и отказал бы всем и в свете, и в жизни. Чтобы этого не случилось, (Бог) в богатстве положил предел твоей ненасытности. Если вам больно слышать это, то тем больнее мне видеть это на деле. Жизнь так коротка и все уже при дверях, так что на все нужно смотреть, как на короткий час. К чему тебе наполненные кладовые, множество слуг и управителей? Для чего бы не иметь тебе тысячи проповедников милосердия? Кладовая не издает никакого голоса, а еще привлекает к себе множество разбойников; а что сберегается для бедных, то взойдет к самому Богу, и усладит настоящую жизнь, и разрешит все грехи, и доставит славу у Бога и честь у людей. Зачем же ты не желаешь самому себе стольких благ? Ведь не столько бедным ты сделаешь добра, сколько самому себе, когда будешь им благотворить. Для них ты улучшишь настоящее состояние, а самому себе приготовишь будущую славу и дерзновение, которого и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки. Аминь.

БЕСЕДА 78

"Не говорил же сего вам сначала, потому что был с вами. А теперь иду к Пославшему Меня, и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но от того, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше" (Иоан.16:4-6)

1. Велика сила печали, и много нам нужно мужества, чтобы с твердостью противостоять этой душевной болезни и, извлекая из ней пользу, – так как и в ней есть нечто полезное, – избегать всего излишнего. Именно, только тогда хорошо печалиться, когда мы, или другие, грешим; а когда мы впадаем в обыкновенные человеческие несчастья, тогда печаль бесполезна. Потому-то, когда печаль поразила и учеников, как людей еще несовершенных, – смотри, как исправляет их упреком. Прежде они обращались к Нему с множеством вопросов. Так и Петр говорил: "**куда идешь**" (Иоан.13:36)? И Фома: не знаем, куда идешь, "**и как можем знать путь**"? И Филипп: "**покажи нам Отца Твоего**" (Иоан.14:5,8). А теперь, услышав, что "**изгонят вас из синагог**", что "**возненавидят**" (Лук.6:22) вас и что "**всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу**" (Иоан.16:2), так пали духом, что даже объяты были немотою и уже ничего Ему не говорят. Вот в этом Он и укоряет их, говоря: "**не говорил же сего вам сначала, потому что был с вами. А теперь иду к Пославшему Меня, и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но от того, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше**". Действительно, опасна неумеренная печаль; опасна и может довести до смерти; потому и Павел говорил: "**дабы он не был поглощен чрезмерною печалью**" (2Кор.2:7). "**Не говорил же сего вам сначала**", говорит. Почему же не сказал сначала? Чтобы не сказал кто, что Он говорил по заключению из многократных прежних случаев. Зачем же приступает Он к столь трудному делу? Я знал, говорит Он, это и сначала, и не говорил вам не по незнанию, но потому, что "**был с вами**". Опять и это сказано человекообразно. Как бы так говорит: вы были в безопасности и вам можно было спрашивать всегда, когда вы хотели; вся война воздвигнута была против Меня, и потому излишне было говорить об этом сначала. Но ужели, действительно, Он этого не говорил? Не сказал ли Он, призвав двенадцать (учеников): "**поведут вас к правителям и царям за Меня**", "**и в синагогах своих будут бить вас**" (Матф.10:18,17)? Как же теперь говорит: "**Не говорил сначала**"? Тогда Он предсказывал только удары и ведение на суд, а не то, что их смерть будет казаться столь вожделенною, что убиение их станут даже считать за служение Богу. А между тем, это особенно и могло устрашить их, что их будут судить, как нечестивцев и людей вредных. К этому нужно прибавить и то, что там Он говорил о страданиях, которые они должны были претерпеть от язычников; а здесь с особенною силою сказал еще и о гонениях иудейских, и показал, что они уже при дверях. "**А теперь иду к Пославшему Меня, и никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но от того, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше**". Не малое они получили и отсюда утешение, узнав, что Ему известна чрезмерность их скорби. Они были в крайнем смущении от страха разлуки с Ним и от ожидания имеющих постигнуть их бедствий, так как не знали, будут ли в силах мужественно перенести их. Но почему Он не сказал им об этом после, когда они уже удостоились Духа? Чтобы ты знал, что они были весьма добродетельны. Если, не удостоившись еще Духа, они не отпали, несмотря на то, что погружены были в скорбь, то подумай, какими имели быть они, сподобившись благодати. Если бы они тогда услышали и перенесли, мы все приписали бы Духу; а теперь это всецело – плод их души и ясное доказательство любви ко Христу, проистекавшей из одного их сердца. "**Но Я истину говорю вам**" (ст.7). Смотри, как Он опять утешает их. Не то, говорит, Я возвещаю вам, что приятно для вас; но, хотя вы и крайне печалитесь, однако надобно выслушать полезное. Вам хотелось бы, чтобы Я остался, но полезно – иное. А кто заботится, тому свойственно не щадить друзей, когда дело идет о их пользе, и не отвлекать их от того, что для них выгодно. "**Если Я не пойду, Утешитель не приидет**". Что скажут здесь не

имеющие надлежащего понятия о Духе? Ужели лучше, чтобы отошел Господь и пришел раб? Видишь ли, как велико достоинство Духа? "**А если пойду, то пошлю Его к вам**". Какая же отсюда польза? "**И Он, придя, обличит мир**" (ст.8), то есть, если Он придет, враги, поступая так, не останутся без наказания. Конечно, и того, что уже сделано, достаточно, чтобы заградить им уста; но когда и чрез Него явлены будут те же дела, когда и учение будет предложено совершеннейшее, и чудеса совершены еще большие, тогда они гораздо более подвергнутся осуждению, так как будут видеть, что все это совершается во имя Мое, чем еще очевиднее доказывается воскресение. Теперь они могут еще говорить: Он сын тектона, мы знаем Его отца и матерь; но когда увидят, что смерть разрушается, зло истребляется, исправляются недостатки природы, прогоняются демоны, – когда увидят неизреченное подаяние Духа и что все это делается чрез призывание Меня, – что они скажут тогда? Свидетельствовал о Мне и Отец; свидетельствовать будет и Дух. Он уже свидетельствовал и в начале; но будет свидетельствовать и теперь.

2. Выражение: "**обличит о грехе**" значит – отнимет у них всякое оправдание и покажет, что их преступление непростительно. "**И о правде, что Я иду к Отцу Моему, и уже не увидите Меня**" (ст.10), – то есть, что Я вел жизнь безукоризненную; а доказательство этому в том, что Я иду ко Отцу. Так как они всегда в обвинение Его говорили, что Он не от Бога, и потому называли Его грешником и беззаконником, то Он говорит, что (Дух) отнимет у них и этот предлог к обвинению. В самом деле, если потому являюсь Я беззаконником, что они думают, будто Я не от Бога, то, когда Дух покажет, что Я отошел к Богу, и – не на время, но с тем, чтобы пребывать там (это именно и значат слова: "**уже не увидите Меня**"), – что скажут они тогда? Смотри, как этими двумя (изречениями) опровергается их злое предположение. Ведь и творить чудеса несвойственно грешнику. Потому что грешник не может творить чудес; и всегда быть у бога также несвойственно грешнику. Следовательно, вы уже не можете говорить, что Он грешник, что Он не от Бога. "**О суде же, что князь мира осужден**" (ст.11). Здесь опять возобновляет речь о правде, так как Он победил противника. Если бы Он был грешником, то не победил бы, потому что этого не мог сделать никто даже из людей праведных. А что (диавол) осужден чрез Меня, это узнают те, которые впоследствии будут попирать его и ясно увидят Мое воскресение, которое служит знаком его осуждения, так как он не мог удержать Меня. Значит, и то, что говорили, будто Я беса имею и будто Я обманщик, – и это окажется тогда ложным. Я не победил бы его, если бы Я был повинен греху. Теперь же он осужден и низвержен. "**Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить**" (ст.12). Значит, лучше Мне отойти, если вы в состоянии будете разуметь тогда, когда Я отойду. Что же? Разве Дух больше Тебя, что теперь мы не можем уразуметь, а Он даст нам возможность уразуметь? Ужели Его действие сильнее и совершеннее? Нет; и Он будет говорить Мое. Поэтому и прибавляет: "**не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть Мое**" (ст.13-15). Так как Он сказал, что Дух вас научит и воспомянет, и утешит вас в скорбях, – чего сам Он не сделал, – и что лучше Мне отойти, а Ему придти, что теперь вы не можете разуметь, а тогда будете иметь эту возможность, и что Он наставит на всякую истину, – то, чтобы, слыша это, они не подумали, что Дух больше, и не впали в крайнюю глубину нечестия, Он говорит: "**от Моего возьмет**", то есть, что говорил Я, то и Он будет говорить. А словами: ничего не будет от Себя – дает разуметь, что Дух не будет говорить ничего противного, ничего отличного, сравнительно с Моим. Следовательно, как говоря о самом Себе: "**говорю не от Себя**" (Иоан.14:10), разумеет то, что Он не говорит ничего, не принадлежащего Отцу, ничего такого, что было бы отлично и чуждо, так точно и о Духе. А выражение: "**от Моего**" значит: из того, что Я знаю, от Моего знания. Одно знание у Меня и у Духа. "**И будущее возвестит вам**". Этим Он ободрил их души, так как ни к чему столько не склонен человеческий род, как к знанию будущего. Об этом они постоянно

спрашивали Его: "**куда идешь**"? Какой это путь? Итак, чтобы избавить их и от этой заботы, Он говорит, что предвозвестит вам все, чтобы ничто не постигло вас нечаянно. "**Он прославит Меня**". Чем? Тем, что во имя Мое совершит знамения. И так как ученики, по пришествии Духа, имели совершить большие чудеса, – то, чтобы опять выставить равночестие (с Духом), Христос говорит: "**Он прославит Меня**". Но о какой говорит Он всякой истине, когда свидетельствует, что наставит нас "**на всякую истину**"? Сам (Христос) часто не говорил о Себе ничего великого и явно не отступал от закона, и потому что был облечен плотью, и для того, чтобы не подумали, что Он говорит сам о Себе, и потому, что апостолы еще не ясно знали о Его воскресении и были еще несовершенны, а также и по причине иудеев, чтобы не дать им повода думать, будто они наказывают Его, как законопреступника. Когда же впоследствии ученики отделились от иудеев, и иудеи были уже отвергнуты, когда многие имели уверовать и получить отпущение грехов, когда уже другие говорили о Нем, а не сам Он о Себе, – тогда справедливо было сказано великое. Не Моему, значить, неведению, говорит (Христос), надобно приписать то, что Я не сказал всего, что следовало сказать, но – немощи слушателей. Поэтому, сказав: "**наставит на всякую истину**", прибавил: "**не от Себя говорить будет**". А что Дух не нуждается в научении – послушай, что говорит Павел: "**так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия**" (1Кор.2:11). Следовательно, как дух человека знает не по научению от другого, так и Дух Святой. "**От Моего возьмет**", то есть, будет говорить согласно с Моим (словом). "**Все, что имеет Отец, есть Мое**" (ст.15). Если же Отчее – Мое, а Дух будет говорить от принадлежащего Отцу, то, значит, Он будет говорить от Моего.

3. Но почему же не пришел прежде отшествия Христова? А потому, что тогда проклятие не было еще уничтожено, грех не был еще истреблен, все еще были повинны наказанию; поэтому Он и не пришел. Надобно, говорит Христос, чтобы наперед вражда была уничтожена и вы примирились с Богом, и тогда уже получили тот дар. Но почему говорит: "**пошлю Его**"? Это значить: предуготовлю вас к принятию Его. Разве же возможно посылать Того, кто вездесущ? С другой стороны, Он этим показывает и различие ипостасей. Все же это говорит так по следующей причине: так как ученикам тяжело было разлучиться с Ним, то этим Он убеждает их и держаться Духа и чтить Его. Он мог, конечно, и сам делать тоже (что Дух); но предоставляет Ему творить чудеса. Чтобы они познали Его достоинство. Как Отец мог создать все существующее, и однако ж творит Сын, чтобы мы познали Его могущество, так точно и здесь. Для того Сын и воплотился, чтобы предоставить действие Духу и чрез то заградить уста тем, которые доказательство неизреченного человеколюбия обращают в повод к нечестию. В самом деле, они говорят, будто Сын потому воплотился, что Он ниже Отца; но мы ответим им: что же вы скажете о Духе? Ведь Он не принял плоти, и однако же вы не говорите на этом основании, что Он больше Сына или что Сын ниже Его. Потому-то и при крещении воспоминается Троица. Хотя и Отец все может сделать, и Сын, и Святой Дух, но так как об Отце никто не сомневается, сомнение же было о Сыне и Духе Святом, то и принята (Троица) в тайнодействии, чтобы, по общению в подаянии тех неизреченных благ, мы познали и общение в достоинстве. А что Сын и сам по Себе может то, что совершает с Отцом в крещении, равно как и Дух Святой, – послушай, как ясно об этом сказано. Так, (Христос) говорил иудеям: "**чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи**" (Мар.2:10); и опять: "**да будете сынами света**" (Иоан.12:36); и: "**Я даю им жизнь вечную**" (Иоан.10:28); и потом еще: "**чтобы имели жизнь**", говорит, "**и имели с избытком**" (Иоан.10:10). Посмотрим теперь, как тоже самое совершает и Дух. Где это можно видеть? "**Каждому**", говорить, "**дается проявление Духа на пользу**" (1Кор.12:7). А кто дарует это, тот тем более отпускает и грехи. И опять: "**Дух животворит**" (Иоан.6:63); и: "**оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас**" (Рим.8:11); и: "**дух жив для праведности**" (Рим.8:10); и еще: если же Духом водитесь, "**вы не под законом. Потому что вы не приняли духа рабства, [чтобы] опять [жить] в**

страхе, но приняли Духа усыновления" (Рим. 6:14,8:15). Да и все чудеса, какие тогда творили (апостолы), творили по действию пришествия Духа. И в послании к Коринфянам Павел говорил: "**но омылись, но освятились именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего**" (1Кор.6:11). Итак, поскольку об Отце многое слышали, а Сына видели многое совершающим, о Духе же ничего ясно не знали, то (Дух Святой) творит чудеса и вводит совершенное знание. Но, чтобы на этом основании они не стали считать Его, как я и прежде сказал, большим, – говорит: "**будет говорить, что услышит, и будущее возвестит**". Если же это не так, то не должны вы будете допустить нелепости, будто только тогда должен был услышать, и ради учеников? Ведь, по вашему мнению, Он и тогда должен был получить знание только ради слушателей. А что может быть беззаконнее таких слов? С другой стороны, что бы Он мог и услышать? Не все ли это Он сказал уже чрез пророков? Если Он должен был учить об упразднении закона, – это уже было сказано. Если о Христе, о Его божестве и домостроительстве спасения, – и это уже сказано. О чем же еще, и с большей ясностью, Он должен был сказать впоследствии? "**И будущее возвестит**". Этим в особенности показывает Его достоинство, так как предсказывать будущее преимущественно свойственно Богу. А если бы и это узнавал от других, то не имел бы ничего более в сравнении с пророками. Но здесь обнаруживает совершенное знание, какое свойственно Богу, так как невозможно, чтобы Он говорил что-нибудь иное. Выражение же: "**от Моего возьмет**" – значит: или от дарования, которое привзошло в плоть Мою, или от знания, которое и Я имею, – но не потому, чтобы Он нуждался или научался от другого, а потому, что знание одно и тоже. Почему же сказал так, а не иначе? Потому, что (апостолы) еще не знали учения о Духе. Поэтому Он заботится только об одном, чтобы они уверовали в Него и приняли Его, и не соблазнялись. Так как Он сказал: "**один у вас Учитель – Христос**" (Матф.23:8), то, чтобы они не подумали, что окажут Ему преслушание, веруя Святому Духу, – (Он говорит): Мое и Его учение одно и то же. Откуда Я должен был заимствовать Мое учение, из того же источника и Он будет говорить. Не думайте же, что Его учение – иное. И оно – Мое, и увеличивает Мою славу. Одна воля Отца, и Сына, и Святого Духа. Это же Он желает видеть и в нас, говоря: "**да будут едино, как**" и Ты, и Я "**едино**" (Иоан.17:22).

4. Ничто ведь не может сравниться с единомыслием и согласием; при этом и один бывает равен многим. Если, например, будут единодушны два или десять, то один уже не один, но каждый из них бывает в десять раз больше, и ты в десяти найдешь одного, и в одном – десять. Если у них есть враг, – он уже нападает не на одного, и бывает побежден так, как если бы нападал на десятерых, потому что подвергается поражению не одного только, но десятерых. Если один обеднел, – он не в бедности, потому что имеет достаток в большей части, то есть в девяти, и обедневшая часть, меньшая, прикрывается большею, имеющею достаток. Каждый из них имеет двадцать рук и двадцать глаз, и столько же ног. Не своими только глазами от смотрит, но и глазами других; не своими только ногами ходит, но и ногами других; не своими только руками работает, но и руками других. Он имеет и десять душ, так как не только сам о себе, но и другие о нем заботятся. Если бы их было и сто, – опять будет тоже самое, и сила еще увеличится.

Видишь ли необыкновенную силу любви, как она делает одного непобедимым и многочисленным. При ней и один может быть во многих местах, – один и тот же и в Персии, и в Риме. Чего не может сделать природа, то может любовь. Одною частью он будет здесь, а другою там, или, лучше, он весь – здесь, и весь – там. А если он имеет тысячу друзей или две тысячи, то подумай, насколько еще увеличится его сила. Видишь ли, какое умножение производит любовь? Чудно, в самом деле, то, что из одного она делает тысячу! Для чего же мы не приобретаем этой силы и не утверждаем себя в безопасности? Любовь лучше власти и всякого богатства; она дороже здоровья и самого света; она – основание благодушия. Доколе мы будем ограничивать любовь одним или

двумя? Возьми себе урок и из противного. Пусть кто-нибудь не имеет ни одного друга (что служит знаком крайнего неразумия, потому что только глупый скажет: нет у меня друга): какова будет жизнь его? Хотя бы он был чрезвычайно богат, хотя бы в довольстве и роскоши, хотя бы приобрел безчисленные блага, – он бывает одинок и безпомощен. Между друзьями же не так; но хотя бы они были и бедны, – они бывают богаче богатых. Чего кто-нибудь не посмеет сказать сам за себя, то скажет за него друг; чего не может доставить сам себе, того достигнет чрез другого и даже гораздо более того. Таким образом дружба будет для нас основанием всякого удовольствия и всякой безопасности. В самом деле, невозможно потерпеть какое-либо зло тому, кто охраняется столькими оруженосцами. И царские телохранители не так бдительны, как эти: те охраняют по нужде и страху, а эти по доброжелательству и любви; любовь же гораздо сильнее страха. Притом царь боится своих стражей, а человек, имеющий друзей, больше надеется на них, чем на себя, и при них не боится никого из злоумышляющих. Будем же приобретать этот товар, – бедный, чтобы иметь утешение в бедности, богатый, чтобы в безопасности владеть богатством, начальник, чтобы безопасно начальствовать, подчиненный, чтобы иметь благосклонных начальников. Это – повод к снисходительности, это – основание кротости. Ведь и между зверьми те особенно жестоки и неукротимы, которые не живут стадами. Потому-то мы и живем в городах, и имеем площади, чтобы обращаться друг с другом. Это и Павел повелел, говоря: "**Не будем оставлять собрания своего**" (Евр.10:25); нет ничего хуже одиночества, необщительности и недоступности. Что же, скажешь, монахи и те, которые заняли вершины гор? И они не без друзей. Они удалились от шума городского, не имеют многих товарищей, единодушных с ними и искренно привязанных друг к другу. Для того они и удалились от мира, чтобы достигнуть этого. Так как препирательство о делах производит многие распри, то они, удалясь от мира, с великим усердием упражняются в любви. Что же, скажешь, если кто будет один? Ужели и он имеет безчисленных друзей? Я желал бы. конечно, видеть, если возможно, чтобы (отшельники) и жили вместе; но и теперь да будет непоколебима дружба. Ведь не место делает друзьями. И у них есть много почитателей; но их не почитали бы, если бы не любили. Да и они, с своей стороны, молятся о всей вселенной, а это служит величайшим доказательством дружества. Потому-то и в таинствах мы лобзаем друг друга, чтобы нам – многим – быть едино, и о непосвященных совершаем общие молитвы, молимся о больных, о плодах вселенной, о земле и море. Видишь ли всю силу любви в молитвах, в таинствах, в увещаниях? Она – причина всех благ. Если мы будем усердно держаться ее, то и настоящее хорошо устроим, и достигнем царствия, которого да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава Отцу со Святым Духом во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 79

"Вскоре вы не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня, ибо Я иду к Отцу. Тут [некоторые] из учеников Его сказали один другому: что это Он говорит: вскоре…" и проч. (Иоан.16:16-18)

1. Душу, страждущую и одержимую великой скорбью, ничто обыкновенно так не поражает, как частое повторение слов, раздражающих печаль. Для чего же Христос, сказав: "**иду**", и: "**Уже немного Мне говорить с вами**" (Иоан.14:30), часто повторяет тоже самое, говоря: "**вскоре вы не увидите Меня**", и: "**иду к Пославшему Меня**" (Иоан.16:5)? Лишь только ободрил учеников словами о Духе, как опять низлагает их помыслы. Для чего Он так поступает? Он испытывает их душу, делает ее совершеннее и, заставляя их слушать печальное, тем самым наилучшим образом приучает их к мужественному перенесению разлуки с Ним. В самом деле, привыкши к этому на словах, они легко уже могли потом перенести это и на деле. А если кто тщательно рассмотрит, –

тот найдет, что и то самое служит утешением, что Он сказал: "**иду к Отцу**"; этим Он показал, что Он не погибнет, но что смерть Его есть некоторого рода преставление. В тоже время Христос предложил им и другое утешение. Он не сказал только: "**вскоре вы не увидите Меня**", но и прибавил: "**опять вскоре увидите Меня**", показывая тем, что возвратится, что разлука с ними будет кратковременная, а пребывание – постоянное. Но этого они не поняли. Поэтому справедливо кто-нибудь может подивиться, для чего они, много раз слышавшие об этом, недоумевают, как будто ничего о том не слышали. Отчего же, в самом деле, они не поняли? Или от печали, как я, по крайней мере, думаю, – так как она изглаждала из их памяти то, что говорилось, – или от неясности самых слов. Им казалось, будто Он утверждает два противоречия, хотя и не было противоречия. Если мы увидим Тебя, говорили они, то куда Ты отходишь? Если же Ты отходишь, то как мы увидим Тебя? Поэтому и говорят: "**не знаем, что говорит**". Что Он должен был отойти, это они знали; а что спустя немного времени Он опять придет к ним, того не знали. Поэтому-то Христос и упрекает их в том, что они не поняли сказанного. А чтобы лучше напечатлеть в них учение о смерти, что Он говорит? "**Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете**", – как и было во время смерти и креста, – "**а мир возрадуется**" (ст.20). Так как они, не желая (видеть Его смерти), легко склонялись к вере, что Он не умрет, и, когда услышали, что Он умрет, были в недоумении, не зная, что значит: "**вскоре**", – то Он говорит: "**восплачете и возрыдаете. Но печаль ваша в радость будет**".

Потом, чтобы показать, что после печали бывает радость, и что печаль рождает радость, и что печаль кратковременна, а радость безконечна, – обращается к примеру из обыкновенной жизни и говорит: "**женщина, когда рождает, терпит скорбь**" (ст.21). При этом Он употребляет притчу, которою часто пользовались и пророки, сравнивая скорбь с тяжкими болезнями рождения. Слова Его значат вот что: вас постигнут как бы болезни рождения, но болезнь рождения бывает причиною радости. В одно и тоже время Он и уверяет в истине воскресения, и показывает, что отшествие отсюда подобно исшествию на свет из утробы матерней. Как бы так говорит: не удивляйтесь, что чрез такую печаль Я веду вас к полезному; и мать также чрез печаль достигает того, что становится матерью. Здесь Он намекает и на нечто таинственное, именно – что Он разрушил болезни смерти и соделал то, что родился новый человек. И не сказал только, что скорбь прейдет; но что о ней нет и воспоминания: так велика следующая за нею радость. Так будет и со святыми. Но ведь жена радуется не потому, что пришел человек в мир, а потому, что у ней родилось дитя; если бы она по той причине радовалась, то ничто не препятствовало бы и женам нерождающим радоваться за других, рождающих. Для чего же Он так сказал? Он привел этот пример только для того, чтобы показать, что печаль временна, а радость постоянна, что (смерть) есть переход к жизни и что от скорби бывает великая польза. И не сказал: родилось дитя; но "**человек**". Этим, мне кажется, Он намекает на Свое воскресение и на то, что Он имел родиться не для этой болезненной смерти, но для царства. Поэтому не сказал: родилось у ней дитя; но: "**родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять**" и "**печаль ваша в радость будет**" (ст.22,20). Затем, показывая, что Он уже не умрет, говорит: "**и радости вашей никто не отнимет у вас; и в тот день вы не спросите Меня ни о чем**" (ст.23). Этим опять показывает не что иное, как то, что Он – от Бога. Тогда вы уже будете знать все. Что же значит – "**не спросите Меня**"? Вы не будете нуждаться в посреднике, но довольно будет произнести только имя, чтобы получить все. "**Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое**" (ст.23). Показывает силу Своего имени, так как (апостолы), не видя и не прося Его, но только называя Его имя, будут иметь великую цену у Отца. Когда же так было? Тогда, когда они говорили: "**воззри на угрозы их, и дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое**" и творить во имя Твое чудеса. "**И поколебалось место, где они были собраны**" (Деян.4:29,31). "**Доныне вы ничего не просили**" (ст.24). Этим опять

показывает, что Ему лучше отойти, так как до того времени они ничего не просили, а тогда получат все, о чем ни попросят. Хотя Я уже не буду вместе с вами, – вы не думайте, что вы оставлены: имя Мое даст вам большее дерзновение.

2. Так как эти слова были прикровенны, то Он говорит: "**Доселе Я говорил вам притчами; но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами**" (ст.25). Будет время, когда вы все ясно уразумеете. Это Он говорит о времени воскресения. Тогда "**прямо возвещу вам об Отце**". И действительно, в продолжение сорока дней Он был и беседовал с ними, вместе вкушая пищу и "**говоря о Царствии Божием**" (Деян.1:3). Теперь, будучи в страхе, вы не внимаете словам Моим; тогда же, увидев Меня воскресшим и пребывая со Мною, вы безбоязненно узнаете все, потому что сам Отец возлюбит вас, когда ваша вера в Меня сделается твердою. "**И не …буду просить Отца о вас**" (ст.26). Ваша любовь ко Мне достаточно ходатайствует о вас. "**Потому что вы возлюбили Меня и уверовали, что Я исшел от Бога, и пришел в мир, и опять оставляю мир и иду к Отцу**" (Иоан.16:27,28). Так как слово о воскресении не мало утешало их, равно как и то, что Он говорил: Я пришел от Бога и к Нему иду – то Он часто повторяет эти слова. Одно удостоверяло в том, что они веруют в Него правильно; а другое – что они будут в безопасности. Итак, когда Он говорил: "**вскоре вы не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня**", – ученики, естественно, не понимали этого; теперь же не так. Но что же значит: "**не спросите Меня**"? Не скажете: "**покажи нам Отца Твоего**", и: "**куда идешь**"? – потому что узнаете все, и Отец так же будет расположен к вам, как и Я. Теперь они узнали, что будут друзьями Отцу, и это особенно ободрило их. Потому и говорят: "**теперь видим, что Ты знаешь все**" (ст.30). Видишь, как Его ответ сообразен был с их мыслями? "**И не имеешь нужды, чтобы кто спрашивал Тебя**" (ст.30), то есть, прежде, чем Ты услышал, Ты знал, что соблазняет нас, и успокоил, сказав: "**Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня**" (ст.27). Теперь только, после столь многих и великих (слов), ученики говорят: "**теперь видим**". Видишь, как они были еще несовершенны. Вот и теперь вы предадите Меня врагам, и такой вами овладеет страх, что вы не в состоянии будете даже удалиться все вместе. Но Я не потерплю от того никакого зла. Видишь ли, как опять слово Его приноровлено к их понятиям? В том-то Он и обвиняет их, что они постоянно нуждаются в таком снисхождении. Так как они сказали: "**вот, теперь Ты прямо говоришь, и притчи не говоришь никакой**" (ст.29), и потому веруем Тебе (ст.30), – то Он показывает, что и теперь, когда они веруют, они еще не веруют, и не допускает их слов. Это Он говорит, имея в виду дальнейшее время. Выражение же: "**Отец со Мною**" (ст.32) Он опять употребил для них, потому что всегда и везде хотел научить их этому. Потом, чтобы показать, что, говоря таким образом, Он еще не преподал им знания совершенного, но сказал так для того, чтобы они не смущались мыслями, – а им естественно было подумать нечто человеческое и что они не получат от Него никакой помощи, – говорит: "**Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир**" (ст.33), то есть, чтобы вы не удаляли Меня из ваших мыслей, но всегда имели бы в своем сердце. Итак, пусть никто не возводит в догмат этих слов: они сказаны в наше утешение и по любви. Не теперь только, говорит, вы подвергаетесь таки страданиям, и ваши бедствия этим не окончатся; но до тех пор, пока вы будете в мире, вы будете иметь скорбь, – не теперь только, когда предают Меня, но и после. Но будьте бодры духом: вы не потерпите никакого зла. Когда Учитель победил врагов, то не должно уже скорбеть ученикам. Но как, скажи мне, Ты победил мир? Сказал же Я, что низложил его князя; но вы это узнаете и впоследствии, когда все будет уступать и повиноваться вам.

3. И мы, если захотим, можем побеждать, взирая на Начальника веры нашей и идя тем путем, какой Он проложил нам. В этом случае и смерть не одолеет нас. Что же, скажешь, ужели мы не умрем? Ведь из этого было бы видно, что она не одолеет нас. Но ратоборец не тогда бывает славен, когда не вступает в борьбу с врагом, а тогда, когда, сразившись с

ним, остается непобежденным. Так и мы еще не смертны, потому что вступаем в борьбу, но бессмертны, потому что ее побеждаем. Тогда мы были бы смертны, если бы навсегда оставались в ее власти. Потому, как не могу я назвать бессмертными самых долговечных животных, хотя они и долго не умирают, так точно и смертным – того, кто, будучи поражен смертью, после смерти воскреснет. Скажи мне, в самом деле, если бы кто покраснел на короткое время, ужели бы мы, поэтому, стали всегда называть его красным? Нет, потому что это не есть обыкновенное его состояние. И если бы кто побледнел, – ужели бы мы сказали что он одержим желтухой? Нет, потому что это состояние минутное. Так не называй же и смертным того, кто на короткое время подвергся смерти. Иначе мы должны будем сказать тоже и о спящих, потому что и они, так сказать, умирают и становятся бездейственны. Но (смерть) разрушает тела? Что же из этого? Разрушает, но не для того, чтобы они оставались в тлении, но чтобы соделались лучшими. Будем же побеждать мир, будем стремиться к бессмертию! Последуем за Царем, поставим победный знак, будем презирать мирские удовольствия! И не нужно трудов. Перенесем душу на небо, и побежден весь мир. Если ты не будешь пристрастен к нему, – он побежден. Если будешь смеяться над ним, – он посрамлен. Мы – странники и пришельцы: не будем же огорчаться ничем печальным. Ведь если бы ты, происходя из славного отечества и от знаменитых предков, отправился в какую-нибудь далекую землю, не будучи там никому знаком, не имея ни слуг, ни богатства, и если бы там кто-нибудь обидел тебя, – ты, конечно, не огорчился бы так, как если бы потерпел это дома. Ясное сознание. Что ты находишься не в своей, а в чужой стране, помогло бы тебе легко перенести все – и презрение, и голод, и жажду, и все, что бы ни случилось. Так думай и теперь, что ты странник и пришлец, и пусть ничто не смущает тебя в этой чужой стране. Ты имеешь город, художник и строитель которого – Бог, а пребывание твое здесь кратковременно и непродолжительно. Пусть, кто хочет, бьет, обижает, поносит: мы – в чужой стране и живем в бедности. Тяжело потерпеть это в отечестве, между согражданами: тогда – это величайшее бесчестие и несчастье. Но если кто будет там, где у него нет ни одного знакомого, то ему все легко перенести. Обида бывает особенно тяжела тогда, когда обижают с намерением. Например, если кто оскорбит начальника, зная, что он начальник, тогда оскорбление горько; если же оскорбит его, приняв за простого человека, то оскорбление не может и коснуться того, кто подвергся ему. Так точно будем рассуждать и мы. Оскорбляющие нас совсем не знают, кто мы такие, то есть, что мы – граждане неба, записаны в горнем отечестве и принадлежим к лику херувимов. Не будем же огорчаться и не станем оскорбление считать оскорблением. Если бы они знали нас, то не оскорбили бы. Но нас считают бедными и ничтожными? Не будем и это считать оскорблением. Скажи мне: если бы какой-нибудь путешественник, предупредив на малое расстояние своих слуг, остановился, в ожидании их, в гостинице, и если бы содержатель гостиницы или кто-нибудь из путешественников, не зная, кто он, стал досадовать на него и поносить его, – не посмеется ли он над таким неведением? Это заблуждение не доставит ли ему скорее удовольствия? Не станет ли он забавляться им, как будто бы оскорбляли кого-нибудь другого? Так будем поступать и мы; и мы сидим в гостинице, ожидая наших спутников, идущих тем же путем. Когда мы все будем вместе, тогда узнают, кого оскорбляли. Тогда они поникнут головою и скажут: "**это тот самый, который был у нас**", безумных "**некогда в посмеянии**" (Прем.Сол.5:3).

4. Будем же утешать себя двумя мыслями: во-первых – тем, что нас не оскорбляют, потому что оскорбляющие не знают, кто мы; во-вторых – тем, что, если мы захотим требовать удовлетворения, они подвергнутся самому тяжкому наказанию. Но не дай Бог, чтобы кто-нибудь имел столь жестокую и бесчеловечную душу. Что ж, если нас оскорбляют единоплеменники? Ведь это уже тяжело? Напротив, это-то и легко. Почему так? Потому, что не одинаково переносим мы обиды от тех, кого любим, и от тех, кого не знаем. Поэтому утешая обиженных, мы часто говорим такие слова: тебя обидел брат, –

перенеси великодушно; обидел отец, обидел дядя. Если же имя брата и отца имеет такую силу, – что же. если я назову имя еще более родное? Мы не только братья друг другу, но и члены, и одно тело. Если мы ценим имя брата, – тем более имя члена. Не слыхал ли ты мирской пословицы, которая говорит, что в друзьях надобно терпеть и недостатки? Не слышал ил, что и Павел говорит: "**носите бремена друг друга**" (Гал.6:2)? Не видишь ли любовников? Между вами я не могу найти другого примера, и потому принужден обратить речь на этот предмет. Тоже, впрочем, делает и Павел, говоря так: "**притом, [если] мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их**" (Евр.12:9); особенно же прилично сказать здесь то, что он пишет римлянам: "**как**", - говорит, – "**предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на [дела] беззаконные, так представьте члены ваши в рабы праведности**" (Рим.6:19). Потому и мы смело будем держаться этого примера. Итак, не видишь ли любовников? Сколько они переносят бедствий, пылая страстью к блудным женщинам! Их бьют по щекам, колотят, над ними смеются; они терпят блудницу развратную, которая отвращается от них и наносит им тысячу оскорблений. И при всем том, если хотя однажды они увидят что-нибудь приятное и ласковое, все им кажется благополучным, все прежнее исчезает и все переносится легко, будет ли то бедность, или болезнь, или другое что подобное. Жизнь свою они считают бедственною или блаженною, смотря по тому, как расположена к ним их любовница. Не знают они ни человеческой славы, ни бесчестия; но, хотя бы кто и оскорбил их, – от великого удовольствия и за ее благосклонность они все переносят легко. А она сама хотя бы ругала их, хотя бы плевала им в лицо, – они терпят это и думают, что в них бросают розами. И что удивительного, если они так расположены к ней! Они дом ее считают великолепнее всех домов, хотя бы он был глиняный, хотя бы клонился к падению. И что я говорю о стенах? Они воодушевляются даже при виде тех мест, где они бывают вечером. Но здесь дайте мне, наконец, сказать апостольское слово. Как он сказал: "**как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте, так представьте члены ваши праведности**", – так точно и я говорю: как возлюбили вы этих (женщин), так любите друг друга, и ничто не будет казаться вам тяжким. И что я говорю – друг друга? Так будем любить Бога.

Вы ужаснулись, услышав, что я требую такой же меры любви к Богу, какую показывают иные к орудиям своих страстей. А я ужасаюсь, что мы не показываем и такой любви. Если хотите, рассмотрим это подробнее, хотя говорить об этом и очень тяжело. Любовница не обещает любовнику ничего доброго, но – бесчестие, стыд и поношение. Знакомство с блудной женщиной именно это и производит, – делает человека смешным, позорным, бесчестным. Бог же обещает нам небо и небесные блага; Он сделал нас сынами Своими, братиями Единородного; Он и в этой жизни представил тебе бесчисленные блага, и по смерти обещает даровать воскресение и столько благ, сколько и представить невозможно; Он делает нас достойными чести и уважения. И опять, та заставляет расточить все имение в пропасть и на пагубу; а Бог повелевает сеять для неба, воздает сторицею и дарует вечную жизнь. Та поступает с любовником, как с невольником, распоряжаясь хуже всякого тирана; а Бог говорит: "**уже не называю вас рабами, но друзьями**" (Иоан.15:15).

5. Видели, как много зол – там, и сколько благ – здесь? И что же после этого? Для любовницы многие проводят ночи без сна и, что бы она ни приказала, все исполняют с усердием – оставляют и дом, и отца, и мать, и друзей, и богатство, и почести, и все свое имение подвергают расстройству и запустению. Для Бога же или, лучше, для себя самих мы не хотим истратить и третьей части нашего имущества. Видя алчущего, мы отвращаем от него взор; проходим мимо нагого и не удостаиваем его даже слова. А любовники, если увидят даже служанку любовницы, женщину грубую, останавливаются с нею среди площади и, как бы красуясь и величаясь тем, разговаривают с нею, разливаясь в длинных речах. Для любовницы за ничто считают жизнь, начальников, царство (как это известно

тем, которые испытали эту болезнь), и бывают более благодарны ей за ее приказания, чем другим за услуги. Не справедливо ли после этого быть геенне? Не справедливы ли бесчисленные наказания? Отрезвимся же и предоставим на служение Богу хотя столько же, хотя половинную часть того, что иные отдают блуднице, хотя даже третью долю. Может быть, вы опять ужаснетесь? Да, и я ужасаюсь. Но я хотел бы, чтобы вы ужасались не слов только, но и самого дела. Между тем, здесь сердце у нас сжимается; а лишь выйдем, – все бросаем. Что же из того пользы?

Там, если надобно тратить деньги, никто не жалуется на бедность, но часто, пленившись, и занимают, и дают; здесь же, если мы вспомним о милостыне, нам представляют детей, и жен, и дом, и начальство, и тысячи извинений. Но там, скажешь, много удовольствия? Об этот-то я и плачу, и рыдаю. А что если я покажу, что здесь больше удовольствия? Там отнимают не мало удовольствия стыд, поношение, трата денег, наконец – ссоры и вражда; а здесь нет ничего такого. Да и что, скажи мне, может сравниться с этим удовольствием – жить в ожидании неба и небесного царства, светлости святых и нескончаемой жизни? Но это, скажешь, в ожидании, а то – в действительности. В какой действительности? Хочешь ли, я скажу, что и здесь в действительности? Подумай, какою ты наслаждаешься свободою: живя добродетельно, ты никого не боишься и не страшишься – ни врага, ни наветника, ни клеветника, ни соперника, ни соискателя в любви, ни завистника, ни бедности, ни болезни, ни другого чего-нибудь человеческого. Там, напротив, хотя бы и весьма много сбывалось по желанию, хотя бы и богатство стекалось, как из источника, – ссора с соперниками в любви, наветы и козни сделают самою несчастною жизнь того, кто связывается с ними. Из угождения той презренной, развратной и сластолюбивой женщине, действительно, неизбежно возникают ссоры; а это хуже тысячи смертей и несноснее всякого наказания. Здесь же нет ничего такого. "**Плод же духа**", говорит (апостол), "**любовь, радость, мир**" (Гал.5:22). Нет здесь ни ссор, ни безвременной траты денег, ни досады после траты. Хотя бы ты дал овол, хотя бы хлеба, хотя бы чашу холодной воды, – за все будет тебе великая благодарность и ничто не заставит тебя огорчаться и печалиться, но все послужит к тому, чтобы сделать тебя славным и избавить от всякого стыда. Какое же мы будем иметь оправдание, какое извинение, когда, оставляя это, предаемся противному и добровольно ввергаем самих себя в печь, огнем горящую? Потому умоляю страдающих такою болезнью – вновь собрать свои силы, возвратиться к здоровью и не позволять себе впасть в отчаяние. Блудный сын потерпел бедствия еще более жестокие; но так как возвратился в отеческий дом, то стал в прежней чести и явился славнее того, кто всегда поступал хорошо. Поревнуем ему и мы, и возвратившись ко Отцу, избавим себя, хотя поздно, от этого плена и перейдем к свободе, чтобы сподобиться и царства небесного, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым слава Отцу со Святым Духом во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 80

"После сих слов Иисус возвел очи Свои на небо и сказал: Отче! пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя" (Иоан.17:1)

1. "**Кто сотворит и научит**", сказано, "**тот великим наречется в Царстве Небесном**" (Матф.5:19), – и весьма справедливо. Ведь любомудрствовать на словах легко, а показывать на деле – свойственно лишь душе доблестной и великой. Потому-то и Христос, беседуя о незлобии, представляет в образец самого Себя, повелевая брать с Себя примеры. Поэтому же и теперь, после увещания, Он обращается к молитве, научая нас в искушениях оставлять все и прибегать к Богу. Так как словами: "**в мире будете иметь скорбь**" (Иоан.16:33) Он поколебал души учеников, то молитвою опять ободряет их. Они все еще смотрели на Него, как на человека, и для них-то Он и молится, подобно тому, как

и о Лазаре, когда высказывает и причину: "**сказал [сие] для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня**" (Иоан.11:42). Так, скажешь, при иудеях этому и следовало быть: но к чему же это при учениках? Этому следовало быть и при учениках; те, которые после столь многого говорят: "**теперь видим, что Ты знаешь все**", больше всех нуждались в утверждении. А впрочем, евангелист и не называет этого действия молитвою, но как говорит? "**Возвел очи Свои на небо**". Значит, по его словам, это скорее была беседа с Отцом. Если же в других местах он и говорит о молитве, и представляет Христа то преклоняющим колена, то возводящим очи на небо, – не смущайся. Из этого мы научаемся, с каким усердием должно приносить молитвы, научаемся, и стоя, взирать очами не только телесными, но и душевными, и преклонять колена с сокрушением сердца. В самом деле, Христос пришел не для того только, чтобы явить Себя, но и для того, чтобы научить неизреченной добродетели; а учитель должен учить не словами только, но и делами. Итак послушаем, что Он говорит здесь. "**Отче! пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя**". Снова показывает нам, что Он не неволею идет на крест. Иначе, как бы Он стал молиться о том, чтобы это сбылось, и называет крест славою не для самого только Распинаемого, но и для Отца? Так действительно и было: не Сын только прославился, но и Отец. До креста даже и иудеи не знали Его: "**а Израиль**", сказано, "**не знает [Меня]**" (Ис.1:3); а после креста притекла вся вселенная. Затем Христос говорит и о самом образе славы, и как Он прославит Отца. "**так как Ты дал Ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему**" не погибнет (ст.2). Слава Божия в том, действительно, и состоит, чтобы всегда благодетельствовать. Что же значит: "**так как Ты дал Ему власть над всякою плотью**"? Этим показывает, что дело проповеди не ограничится одними иудеями, но простреться на всю вселенную, и полагает начало призванию язычников. Так как Он сказал: "**на путь к язычникам не ходите**" (Матф.10:5), а впоследствии скажет: "**идите, научите все народы**" (Матф.28:19), то теперь показывает, что это угодно и Отцу. В самом деле, проповедь язычникам весьма соблазняла иудеев и даже учеников. Ученики и впоследствии не легко дозволяли себе входить в общение с язычниками, пока не получили наставления от Духа, – так как отсюда происходил не малый соблазн для иудеев. Оттого-то даже после столь великого явления Духа, Петр, пришедши в Иерусалим, едва мог избегнуть порицаний, рассказав о плащанице (Деян.11:1-19). Что же значит: "**дал Ему власть над всякою плотью**"?

А когда, – спрошу я еретиков, – Он получил эту власть? Прежде ли создания людей, или после создания? Сам Он говорит: после распятия и воскресения, так как тогда сказал: "**дана Мне всякая власть. Идите, научите все народы**" (Матф.28:18,19). Что ж? Ужели Он не имел власти над делом Своим? Ужели Он только сотворил людей, а власти над ними после сотворения не имел? Но и в предшествующие времена Он, как видно, все делает Сам: одних наказывает, как грешников; других, обращающихся, исправляет: "**утаю ли**", – говорит, – "**от Авраама, что хочу делать**" (Быт.18:17); а иных и удостаивает чести, как праведников. Или тогда Он имел, а теперь потерял и опять получил? Но какой демон может сказать это? Если же одна и та же власть и тогда, и теперь: "**как**", – говорит, – "**Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет**" (Иоан.5:21), – то что значит сказанное? Он намерен был послать апостолов к язычникам; а чтобы они не почли этого нововведением, – так как Он говорил: "**Я послан только к погибшим овцам дома Израилева**" (Матф.15:24), – Он показывает, что это угодно и Отцу. А что Он говорит об этом с великим уничижением, в том нет ничего удивительного: таким образом Он и их (апостолов) тогда назидал, и тех, которые будут после, и, как я уже говорил, такою чрезмерностью уничижения всегда ясно внушал, что Он говорит приспособительно.

2. Что же значит: "**над всякою плотью**"? Ведь известно, что не все уверовали. Сколько от Него зависело, – все уверовали. Если же не внимали словам Его, то в этом вина не

учащего, но не принимающих (учения). "**да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную**" (ст.2). Не удивляйся, что и здесь Он говорит человекообразно. Он поступает так и по вышесказанным причинам, и потому, что всегда остерегался говорить сам о Себе что-нибудь великое, так как это неприятно было слушающим, которые все еще не думали о Нем ничего великого. Оттого-то Иоанн, когда говорит от своего лица, поступает не так, но возводит слово до высокого, говоря таким образом: "**все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть**" (Иоан.1:3), и: "**была жизнь**" (Иоан.1:4), и: "**был Свет**" (Иоан.1:9), и: "**пришел к своим**" (Иоан.1:11); не то, что Он не имел бы власти, если бы не получил ее, но что Он и другим дал власть "**быть чадами Божиими**" (Иоан.1:12). Подобным образом и Павел называет Его равным Богу. Сам же Он просит, как обыкновенный человек, говоря так: "**да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную. Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа**" (Иоан.17:2,3). "**Единого истинного Бога**": говорит так для отличия от ложных богов, так как хотел послать апостолов к язычникам. Если же не согласятся с этим, но на одном этом основании станут отвергать, что Сын есть истинный Бог, то, идя таки образом дальше, они отвергнут и то, что Он есть Бог. В самом деле, (Христос) говорит: "**славы, которая от Единого Бога, не ищете**" (Иоан.5:44). Что же? Ужели поэтому Сын уже не Бог? Если же Сын – Бог, хотя Отец и называется единым, то явно, что Он и истинный, хотя (Отец) и именуется единым истинным. Притом, когда Павел говорит: "**или один я и Варнава**" (1Кор.9:6), – ужели он исключает Варнаву? Совсем нет; слово: "**один**" употреблено только для различения от других. И если – не истинный Бог, то каким образом Он есть "**истина**"? Истина от истинного различается весьма не много. Чем назовем мы, скажи мне, не истинного человека? Конечно уже и не человеком? Так точно, если Сын не есть истинный Бог, то как Он может быть Богом? Да как Он и нас может делать богами и сынами, не будучи Сам истинным? Но об этом подробнее сказано нами в другом месте. Потому пойдем далее. "**Я прославил Тебя на земле**" (ст.4). Хорошо сказано: "**на земле**", потому что на небе Отец уже прославлен, имея славу и по естеству, и будучи поклоняем от ангелов. Следовательно, не о той славе говорит, которая нераздельна с существом Его, – так как эту славу Он всегда имеет вполне, хотя бы и никто не прославлял Его, – но о славе, происходящей от служения людей. Поэтому и выражение: "**прославь Меня**" нужно разуметь точно также. И чтобы убедиться, что Он говорит об этом роде славы, послушай далее. "**Совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить**" (ст.4). Но ведь дело только было еще начато или даже еще и не начато: как же Он говорит: "**совершил**"? Это – или потому, что Он с Своей стороны сделал все, или потому, что о будущем говорит, как уже о совершившемся, или – что всего лучше сказать – потому, что все, действительно, было уже совершено, когда положен был корень благ, из которого непременно должны были произрасти плоды и Он уже соприсутствует, соприкасается тому, что должно было совершиться впоследствии. При этом Он опять выражается приспособительно: "**которое Ты поручил Мне**". Если бы, действительно, Он ожидал, пока не услышит и не узнает, – это было бы гораздо ниже Его славы. Но что Он пришел на это по Своему произволению, явно из многих мест. Так, например, Павел говорит: Он так возлюбил нас, что предал Себя самого за нас (Еф.5:2), и: "**уничижил Себя Самого, приняв образ раба**" (Фил.2:7). И опять: "**как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас**" (Иоан.15:9). "**Прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира**" (ст.5). Где же слава? Пусть у людей Он действительно, был не славен, облекшись в одежду (плоти); но каким образом Он ищет прославления и у Бога? О чем же Он здесь говорит? Речь – о воплощении. Естество плоти, действительно, не было еще прославлено; оно не сподобилось еще нетления и не приобщилось царского престола; поэтому Он не сказал: "**на земле**"; но: "**у Тебя**".

3. Этой славы сподобимся и мы в свою меру, если будем бодрствовать. Потому и Павел говорит: "**если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться**" (Рим.8:17). Итак, бесчисленных слез достойны те, которые, не смотря на предстоящую им такую славу, леностью и сонливостью вредят самим себе. Если бы и геенны не было, и тогда несчастнее всех были бы те, которые, имея возможность царствовать и прославляться вместе с Сыном Божиим, сами себя лишают столь великих благ. Подлинно, если бы надобно было подвергнуться растерзанию и умереть тысячью смертей, и отдать каждый день тысячу душ и столько же тел, – не следовало ли бы перенести все это за столь великую славу? А между тем, мы не пренебрегаем и богатством, которое впоследствии и по неволе оставим, – не пренебрегаем богатством, которое навлекает на вас тысячу зол, останется здесь и не принадлежит нам, потому что мы не своим распоряжаемся, хотя бы получили его и от отцов. А когда есть еще и геенна, и червь нескончаемый, и огонь неугасимый, и скрежет зубов, – то как, скажи мне, мы будем терпеть это? Доколе не откроем глаз и будем тратить все время на ежедневные распри, ссоры и пустые слова? Доколе будем питать землю, утучнять тело и нерадеть о душе, не обращая никакого внимания на необходимое, и прилагая великую заботу об излишнем и пустом? Мы строим себе блистательные гробницы, покупаем дорогие дома, влачим за собою толпы всякого рода слуг и выдумываем разных распорядителей, поставляя начальников над домами, деньгами, и начальников над начальниками; а о запустевшей душе нет у нас никакой заботы. И где этому будет конец? Не одно ли чрево наполняем мы? Не одно ли тело одеваем? К чему же это множество хлопот? Зачем и для чего душу, которую получили, мы разрываем и раздираем на столь разнообразные службы, вымышляя сами для себя жестокое рабство? Кто нуждается во многом, тот, действительно, раб многого, хотя, по-видимому, и владеет всем этим. Так и господин есть раб своих слуг и вводит новый более тяжкий род рабства. Но он раб еще и в том отношении, что без них не смеет выйти ни на площадь, ни в баню, ни в поле. Слуги и без него часто ходят повсюду, а он, считающийся господином, если нет при нем рабов, не смеет выйти из дома один, а если и выступит из дома один, считает себя смешным. Может быть, некоторые станут смеяться над нами за эти слова, но поэтому-то самому они и достойны бесчисленных слез. А чтобы показать, что это, действительно, рабство, я охотно спрошу тебя: захотел ли бы ты нуждаться в том, чтобы кто-нибудь клал кусок хлеба в твой рот или подставлял чашу к твоим устам? Не считал ли бы ты такого рода услугу достойною слез? Или, если бы для того, чтобы пойти куда-нибудь, ты всегда имел нужду в каких-нибудь носильщиках, – не счел ли бы ты себя поэтому самым несчастным и жалким из людей? Так точно тебе следовало бы рассуждать и теперь, – потому что нет никакого различия в том, носят ли кого бессловесные животные, или люди. И не тем ли, между прочим, скажи мне, отличаются от нас ангелы, что они не нуждаются в столь многом, как мы? Следовательно, чем меньше мы имеем нужд, тем более приближаемся к ним, а чем больше, тем глубже ниспадаем в эту тленную жизнь. И чтобы убедиться, что это действительно так, спроси у стариков, какую жизнь они считают счастливою, ту ли, когда они были под властью этих суетных вещей, или ту, кода они уже сами владеют ими? Мы потому обратились к старикам, что люди, упоенные молодостью, не чувствуют даже чрезмерности этого рабства. А одержимые лихорадкой? Тогда ли они считают себя счастливыми, когда, томясь сильною жаждою, много пьют и многого просят, или тогда, когда, выздоровев, избавляются от этой потребности? Видишь, что во всех случаях нуждаться во многом – дело жалкое и не свойственное любомудрию, и что чрез это усиливается рабство и пожелание. Зачем же мы добровольно увеличиваем для самих себя бедственность нашего положения? Скажи мне, в самом деле, если бы тебе можно было без всякого вреда жить без кровли и стен, не согласился ли бы ты лучше на это? Для чего же ты умножаешь знаки своей немощи? Не за то ли мы называем блаженным Адама, что он не нуждался ни в чем, ни в жилищах, ни в одеждах? Так, скажешь; но теперь мы уже имеем нужды. Зачем же мы умножаем эти нужды? Если многие отказывают себе и во многом нужном, например: в рабах, жилищах, деньгах – то

какое мы будем иметь оправдание, преступая пределы нужды? Чем больше ты окружишь себя нуждами, тем большему подвергнешься рабству, потому что, чем в большем будешь нуждаться, тем более сократишь свою свободу. Совершенная свобода состоит в том, чтобы вовсе ни в чем не нуждаться, а следующая за нею – нуждаться в немногом, и эту-то свободу имеют преимущественно ангелы и их подражатели. А достигнуть этого, пребывая в смертном теле, – подумай, сколько в этом славы! Это выразил и Павел, написав Коринфянам: "**мне вас жаль**", и: да не будут "**иметь скорби по плоти**" таковые (1Кор.7:28). Деньги потому и называются деньгами[1], что их следует употреблять на нужды, а не хранить и не зарывать в землю; это значит уже не владеть, но быть во владении. Если мы станем только то иметь в виду, как бы их побольше приобрести, а не то, чтобы пользоваться ими на нужды, то порядок уже извращается, и они владеют нами, а не мы ими. Освободимся же от этого жестокого рабства и сделаемся, наконец, свободными. Зачем мы сами для себя выдумываем множество разнообразных уз? Не довольно ли для тебя уз естественных, житейских необходимостей и скопления бесчисленных дел? А ты сплетаешь для себя еще другие сети и связываешь себя ими по ногам! Когда ты достигнешь неба и будешь иметь силу стоять на такой высоте? Вожделенно, истинно вожделенно, чтобы ты, разорвав все эти связи, мог достигнуть высшего града. Препятствий так много и других. Чтобы победить их, будем соблюдать уверенность. Через это мы достигнем и вечной жизни, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

---

[1] В греч. подлиннике χρήματα – χρώμεθα, что дает совершенно ясный смысл, утрачивающийся при переводе

БЕСЕДА 81

"Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал Мне от мира; они были Твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили слово Твое" (Иоан.17:6)

1. Сын Божий называется ангелом великого совета, как по причине других (истин), которые Он открыл, так особенно потому, что Он возвестил людям об Отце. Вот об этом-то Он и теперь говорит: "**Я открыл имя Твое человекам**". Сказав: Я совершил Твое дело, Он снова подробнее говорит от том же, объясняя, какое это дело. Но ведь имя было уже известно? Исаия, например, говорит: "**кто будет клясться на земле, будет клясться Богом истины**" (Ис.65:16). На это я и теперь скажу тоже, что много раз говорил, то есть: оно было известно, но только иудеям, и то не всем; а теперь говорит о язычниках. Притом Он показывает не только это, но и то, что они познали Бога, как Отца; а не одно и тоже значит, что (Бог) есть Творец, и – что Он имеет Сына. Явил же Христос имя Его и словами, и делами. "**Которых Ты дал Мне от мира**". Как прежде сказал: "**никто не может придти ко Мне, если то не дано будет ему**", и: "**если не привлечет его Отец, пославший Меня**" (Иоан.6:65,44), так и здесь говорит: "**Которых Ты дал Мне**". Но так как Он же говорит, что Он сам есть путь, то отсюда явно, что в этих словах Он высказывает две (мысли), именно, что Он не противен Отцу, и – что такова воля Отца, чтобы люди веровали Сыну, "**Они были Твои, и Ты дал их Мне**". Этим Он хочет научить, что Отец весьма любит Его. А что Ему, действительно, не нужно было принимать их, это видно из того, что сам Он и сотворил их, сам постоянно и промышляет о них. Как же возможно, чтобы Он принял их? Нет; это, как я сказал, означает только единомыслие Его с Отцом. Если же кто захочет понимать это по-человечески и так, как сказано, то (люди) не будут уже принадлежать Отцу. В самом деле, если в то время, как

Отец имел их, Сын их не имел, то очевидно, что, когда Он отдал их Сыну, сам перестал ими владычествовать. А отсюда опять выйдет еще большая нелепость, именно: доколе они были у Отца, они были несовершенны; а как скоро перешли к Сыну, стали совершенными. Но смешно это и сказать! Итак, что же Он выражает этим? То, что и Отцу угодно, чтобы они веровали Сыну. "**И они сохранили слово Твое. Ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть**" (ст.7). Каким образом они слово Твое сохранили? Они уверовали в Меня и не внимали иудеям, потому что кто верует в Него, тот "**запечатлел**", как он говорит, "**что Бог истинен**" (Иоан.3:33). Некоторые, правда, читают так: «*Ныне уразумел Я, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть*»; но этого нельзя допустить. Как, в самом деле, возможно, чтобы Сын не знал того, что принадлежит Отцу? Нет, это сказано об учениках. Как скоро, говорит, Я сказал, – они уразумели, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть; что нет у Меня ничего чуждого, ничего особенного от Тебя. – потому что особенное как бы предполагает уже много чуждого, Итак, они уразумели, что все, чему Я учил, – Твое, – и наставления, и догматы. Но откуда они узнали? Из Моих слов, потому что Я так и учил. И не только это, но и то, что Я от Тебя пришел (ст.8), – как это, действительно, Он и старался внушить во всем Евангелии. "**Я о них молю**" (ст.9). Что Ты говоришь? Ты учишь Отца, как бы неведущего, Ты беседуешь, как будто с человеком незнающим? Что, в самом деле, значит это разделение? Видишь ли. Что не для чего иного Он молится, как только для того, чтобы показать, какую любовь Он имеет к ним? Кто не только подает свое, но и другого умоляет о том же, тот, действительно, высказывает великую любовь. Итак, что же значит: "**о них молю: не о всем**", то есть, "**мире, но о тех, которых Ты дал Мне**". Он часто повторяет слово: "**Ты дал**", чтобы показать, что это угодно Отцу. Потом, так как Он многократно говорил: "**они Твои**" и Ты "**дал их Мне**", то чтобы не подумал кто-нибудь, что власть Его недавняя и что Он только теперь принял их, – Он, устраняя эту неправую мысль, говорит: "**Все Мое Твое, и Твое Мое; и Я прославился в них**" (ст.10).

Видишь ли равночестие? Чтоб ты, слыша: "**Ты дал Мне**", не подумал, что они отчуждаются теперь от власти Отца или – еще прежде – Сына, Он уничтожил и то и другое, сказав те слова. Он как бы так говорит: когда ты слышишь: "**Ты дал их Мне**", – не думай, что они становятся уже чуждыми Отцу (потому что все Мое принадлежит Ему); равным образом, когда слышишь слова: "**они были Твои**", – не думай, что они были чужды Мне, потому что все, принадлежащее Ему, есть Мое. Таким образом "**Ты дал**" сказано только по одному приспособлению; все, что имеет Отец, принадлежит Сыну, и все, что имеет Сын, принадлежит Отцу. Этого нельзя сказать даже о Сыне по человечеству; но (говорится о Нем), так как Он больше (человека). Всякому известно, что принадлежащее меньшему принадлежит и большему, но – не наоборот; а здесь говорится и наоборот, что и показывает равенство. Это же Христос показал и в другом месте, когда, беседуя о ведении, сказал: "**Все, что имеет Отец, есть Мое**" (Иоан.16:15). А выражения: "**Ты дал Мне**", и все подобные, – чтобы показать, что Он, не как чуждый, пришел и привлек их к Себе, но принял их, как своих. Затем Он представляет причину и доказательство, говоря: "**и Я прославился в них**", то есть, что Я имею власть над ними, или что они прославят Меня, верую Тебе и Мне, и прославят одинаково. Если же Он прославился в них не одинаково, то принадлежащее Отцу не принадлежит уже Ему. А никто не прославляется тем, над чем не имеет власти.

2. Как же Он прославился одинаково (с Отцом)? Все одинаково умирают за Него, как и за Отца, проповедуют Его, как и Отца, и как говорят, что все совершается именем Отца, так – и именем Сына. "**Я уже не в мире, но они в мире**" (ст.11), то есть: хотя Я и не буду видим во плоти, однако через них буду прославляться. Но почему Он непрестанно говорит: "**Я не в мире**", – и: так как Я оставляю их, то поручаю их Тебе, – и: "**Когда Я был в мире, Я соблюдал их**" (ст.12)? Кто станет понимать эти слова просто, тот придет

ко многим нелепостям. Возможно ли, в самом деле, допустить, чтобы Его действительно не было в мире и чтобы, отходя, Он поручал их другому? А те слова сказаны как бы простым человеком, который навсегда разлучается с ними. Видишь ли, что Он говорит весьма многое по-человечески и приспособляясь к их понятиям, так как они думали, будто в Его присутствии они будут безопаснее? Потому-то Он и говорит: "**Когда Я был, Я соблюдал их**". Но ведь Он же сказал: "**приду к вам**" (Иоан.14:18), и: "**Я с вами скончания века**" (Матф.28:20). Почему же теперь говорит так, как бы действительно намеревается разлучиться? Это, как я уже сказал, приспособление к их мнению, – для того, чтобы они несколько успокоились, слыша, что Он говорит так и поручает их Отцу. Так как они, после многих с Его стороны утешений, не убеждались, то Он, наконец, обращается с беседой к Отцу, выказывая сильную любовь к ним. Он как бы так говорил: так как Ты призываешь Меня к Себе, то утверди их в безопасности, потом что Я к Тебе иду. Что Ты говоришь? Разве сам не можешь хранить их? Конечно, могу. Для чего же говоришь это? "**чтобы они имели радость Мою совершенную**" (ст.13), то есть, чтобы они не смущались, будучи еще несовершенны. Этими словами Он показал, что все это говорил так для их успокоения и радости: иначе слова Его представляются противоречащими. Ныне же "**Я не в мире, но они в мире**". Так, действительно, думали ученики; а Он приспособляется к ним. Если бы Он сказал: Я соблюду их, – они не столько поверили бы; поэтому говорит: "**Отче Святый! соблюди их во имя Твое**" (ст.11), то есть Твоею помощью. "**Когда Я был в мире, Я соблюдал их во имя Твое**" (ст.12). Опять беседует, как человек и как пророк, потому что нигде не видно, чтобы Он делал что-нибудь именем Божиим. "**Тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил, и никто из них не погиб, кроме сына погибели, да сбудется Писание**" (ст.12). И в другом месте Он говорит: "**из того, что Он Мне дал, ничего не погубить**" (Иоан.6:39). Но ведь не один только тот (Иуда) погиб, но и многие впоследствии. Как же Он говорит: "**не погубить**"? Сколько от Меня зависит, – не погублю. В другом месте Он показывает это еще яснее, говоря: "**не изгоню вон**" (Иоан.6:37). Не Моя вина; Я не отгоняю и не оставляю; если же кто сам собою отпадает, Я насильно не влеку. "**Ныне же к Тебе иду**" (ст.13). Видишь, как по-человечески составлена эта беседа? Потому, если кто захочет на этом основании унижать Сына, тот унизит и Отца. Смотри, в самом деле, как Он с самого начала то как бы учит Его и поясняет Ему, то как бы заповедует. Как бы учит, когда говорит: "**не о мире молю**"; а как бы заповедует, когда говорит: "**Я соблюдал их**" доселе "**и никто из них не погиб**", и: так и Ты "**соблюди их**". И опять: "**они были Твои, и Ты дал их Мне**", и: "**Когда был в мире, Я соблюдал их**". Но разрешение на все в том, что все эти слова сказаны были приспособительно к их немощи. Сказав, что "**никто из них не погиб, кроме сына погибели**", Он прибавил: "**да сбудется Писание**". О каком Он говорит Писании? О том, которое многое о Нем предсказывает. Но (Иуда) погиб не потому, чтобы чрез это исполнилось Писание. Касательно этого я уже много и прежде говорил, что это особенный оборот, свойственный Писанию – представлять как бы причиною то, что сбывается впоследствии. И если мы не хотим ошибаться, то должны все тщательно исследовать – и свойство говорящего, и предмет (речи), и законы, свойственные Писанию. "**Братия! не будьте дети умом**" (1Кор.14:20).

3. Но это надобно прилагать не к разумению только Писания, но и к жизни. Малые дети не ищут, действительно, великого, а обыкновенно удивляются ничего не стоящему. Так, они с радостью смотрят на колесницы, коней, возничего и колеса, когда все это сделано из глины; а если видят действительно царя, сидящего на золотой колеснице, и запряженных белых лошаков, и великую пышность, – не обращают и внимания. Или еще: получив куклу, сделанную из того же вещества и представляющую невесту, они наряжают ее; а на невест настоящих и блистающих красотою и не взглянут. Так поступают они и во многих других случаях. Этому же ныне подвержены многие и из взрослых. Слыша о небесном, они не обращают и внимания, а ко всему бренному пристрастны, как дети, – изумляются

земному богатству, высоко ценят и славу, и наслаждение в настоящей жизни, хотя все это – такие же детские (игрушки), как и те, а небесное доставляет жизнь, и славу, и успокоение. И как дети, лишаясь игрушек, плачут, а небесного и пожелать не умеют, так точно и многие из тех, которых считают мужами. Поэтому-то сказано: "**не будьте дети умом**". Ты любишь, скажи мне, богатство? Зачем же ты любишь не богатство пребывающее, а детские игрушки? Ведь, если бы ты увидел, что кто-нибудь дорожит свинцовой монетой и наклоняется, чтобы поднять ее, – не заключил ли бы ты о его большой бедности? А ты собираешь вещи еще более ничтожные. и считаешь себя в числе богатых! Есть ли в этом какой-нибудь смысл?

Нет, богатым мы назовем тог, кто презирает все настоящее, потому что никто, поистине никто не решится пренебречь этими ничтожными вещами – серебром, золотом и другими призрачными благами, если не имеет любви к большему, точно так же, как – и свинцовой монетой, если не имеет золотых монет. Потому и ты, когда видишь человека, оставляющего без внимания весь мир, будь уверен, что он это делает не по чему-нибудь другому, а именно потому, что имеет в виду мир лучший. Так и земледелец пренебрегает небольшим количеством пшеницы, потому что надеется на большую жатву. Если же, при неверной еще надежде, мы пренебрегаем тем, что имеем, то тем более должны поступать так при ожидании несомненном. Потому-то я прошу и умоляю – не вредите самим себе и, владея грязью, не лишайте себя сокровищ горних, не ведите в пристань корабля с соломою и мякиною. Пусть, что хотят, говорят обо мне, пусть сердятся на меня за частое повторение этого увещания, пусть называют меня пустословом, докучливым, несносным: я никогда не перестану увещевать в этом и постоянно буду повторять всем вам эти пророческие слова: "**искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным**" (Дан.4:24). Как это тело требует ежедневной пищи, так – или еще гораздо более – и душа. И если мы не будем питать ее, она становится слабее и постыднее. Не станем же презирать ее, когда она гибнет и томится голодом. Много ран она получает каждый день – от пожеланий, от гнева, от нерадения, от злословия, мщения и зависти: надобно, следовательно, приготовлять для нее и лекарства. А не маловажно лекарство милостыни: его можно прилагать ко всем ранам. "**Подавайте**", сказал (Господь), "**милостыню, тогда все будет у вас чисто**" (Лук.11:41), – милостыню, но не то, что приобретено любостяжанием потому что уделяемое от приобретенного любостяжанием не имеет значения, хотя бы ты подавал и нуждающимся. Так, истинная милостыня свободна от всякой неправды, и она-то все делает чистым. Такая милостыня лучше и поста, и лежанья на земле. Хотя эти подвиги тяжелее и труднее, но она – плодотворнее. Она просвещает душу, утучняет ее и делает благообразною и прекрасною. Не столько плод маслины оживляет силы борцов, сколько этот елей укрепляет подвижников благочестия. Будем же умащать им свои руки, чтобы успешно поднимать их на противника. Кто старается быть милосердым к нуждающемуся, тот скоро отстанет и от любостяжания. Кто постоянно подает бедным, тот легко и от гнева отстанет, и никогда не будет высоко думать о себе. Как врач, постоянно пользующий раненых, легко смиряется, вглядываясь в человеческую природу при несчастных случаях с другими, так и мы, если решимся помогать бедным, удобно научимся любомудрствовать, не будем дивиться богатству и не станем считать настоящего чем-нибудь великим; но будем пренебрегать всем и, воспарив к небу, удобно достигнем вечных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 82

"Я передал им слово Твое; и мир возненавидел их, потому что они не от мира, как и Я не от мира" (Иоан.17:14)

1. Когда мы, живя добродетельно, подвергаемся преследованию людей злых и за привязанность к добродетели терпим от них осмеяние, – не будем печалиться и скорбеть. Таково уже свойство добродетели, что она, обыкновенно, в людях злых возбуждает к себе ненависть. Завидуя тем, кто хочет жить праведно, и думая самим себе приготовить оправдание, если очернят добрую славу других, злые люди ненавидят (добрых), как идущих противоположным путем, и всячески стараются обесславить их жизнь. Но не будем сокрушаться, потому что ненависть злых служит знаком добродетели. Потому-то и Христос говорит: "**если бы вы были от мира, то мир любил бы свое**" (Иоан.15:19), и опять в другом месте: "**горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо**" (Лук.6:26). Поэтому же и здесь Он говорит: "**передал им слово Твое; и мир возненавидел их**". Этим опять высказывает причину, по которой они достойны великого попечения Отца. За Тебя, говорит, и за слово Твое они подверглись ненависти; поэтому достойны всего промышления. "**Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла**" (ст.15). Снова поясняет Свою речь, снова делает ее вразумительнее, – чем не иное что показывает, как только то, что Он много заботится об учениках, так как молится за них с таким тщанием. Но ведь Он сказал, что Отец все сделает, чего бы они ни попросили. Почему же здесь сам молится за них? Это, как я сказал, только для того, чтобы выразить любовь к ним. "**Они не от мира, как и Я не от мира**" (ст.16). Как же Он в другом месте говорит: "**которых Ты дал Мне от мира; они были Твои**" (ст.6)? Там Он разумеет природу, а здесь – злые дела. Таким образом многое говорит в похвалу учеников, и во-первых, что они "**они не от мира**", потом, что сам Отец дал их, что они соблюли слово Его и что за это их ненавидят. А что Он говорит: "**как и Я не от мира**", – этим не смущайся. Слово: "**как**" не означает здесь совершенного сходства. Как в таком случае, когда говорится о Христе и об Отце, словом: "**как**" выражается полное равенство, по сродству Их естества, так и тогда, когда говорится о нас и о Христе, оно допускает великое различие, по причине великой и беспредельной разности между Его и нашим естеством. И если Христос "**не сделал греха, и не было лжи в устах Его**" (Ис.53:9), то как могут быть сравниваемы с Ним апостолы? Что же значат слова Его: "**они не от мира**"? Они имеют в виду другой (мир), – у них ничего нет общего с землею, – они сделались небесными гражданами. И этим также Он показывает Свою любовь, – так как хвалит их пред Отцом и поручает их Родившему. Сказав же: "**соблюди их**", Он сказал не только об избавлении их от опасностей, но и об утверждении в вере. Потому и прибавил: "**освяти их истиною Твоею**" (ст.17), – сделай святыми преподанием Св. Духа и правых догматов. Как прежде сказал: "**вы очищены через слово, которое Я проповедал вам**" (15:3), так и теперь говорит тоже самое: наставь их, научи истине. Но ведь Он сказал, что это делает Дух: как же теперь просит об этом Отца? Это опять для того, чтобы ты познал равночестие. А исповедание правых догматов о Боге, действительно, освящает душу. Не удивляйся и тому, что Он приписывает освящение слову. А что Он говорит о догматах, это видно из того, что Он прибавил: "**слово Твое есть истина**", то есть, нет в нем ничего ложного, но все сказанное должно непременно исполниться; нет также ничего образного, ничего телесного. Так и Павел говорит о Церкви, что Христос освятил ее – "**посредством слова**" (Еф.5:26). Значит и глагол Божий может очищать. Впрочем. Мне кажется, что выражение: "**освяти их**" значит и нечто другое, именно: отдели их для слова и проповеди. И это опять видно из дальнейших слов. "**Как Ты послал Меня**", говорит Христос, "**в мир, [так] и Я послал их в мир**" (ст.18). Тоже говорит и Павел: "**дал нам слово примирения**" (2Кор.5:19). Действительно, для чего пришел Христос, для того и апостолы обошли вселенную. Но слово: "**как**" опять и здесь не означает равенства между Им и апостолами: иначе каким бы образом люди могли быть посланы? А говорить о будущем, как о прошедшем, – дело Ему обыкновенное. "**И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною**" (ст.19). Что значит: "**посвящаю Себя**"? Приношу Тебе жертву. Жертвы же все называются святыми, как и действительно свято все, принесенное Богу. Но так как в ветхом завете освящение было в прообразе, под видом овцы, а теперь

оно уже не в прообразе, но в самой истине, то Он говорит: "**чтобы и они были освящены истиною**" Твоею. И их самих Я посвящаю Тебе, и делаю приношением. Это Он говорит или потому, что Глава их делается жертвою, или потому, что они и сами будут жертвою. "**Представьте**", сказано, "**тела ваши в жертву живую, святую**" (Рим.12:1), и еще: "**считают нас за овец, [обреченных] на заклание**" (Пс.43:23). Таким образом и без смерти Он делает их жертвою и приношением. А что словом: "**посвящаю**" Он намекал на Свою жертву, это видно из того, что следует далее. "**Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их**" (ст.20). Так как Он умер за верующих, а между тем сказал: "**за них Я посвящаю Себя**", то, чтобы кто не подумал, что Он умер только за апостолов, Он прибавил: "**не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их**" (ст.20).

2. Чрез это Он опять ободрил их души, показав, что будет много учеников. Так как Он сделал общим достоянием то, что им принадлежало по преимуществу, то опять утешает их, объявляя, что они же будут виновниками и спасения других. А сказав и о спасении их, и об освящении верою и жертвою, Он говорит, наконец, о единомыслии и тем заключает Свое слово. Этим Он начал, этим и оканчивает. В начале Он сказал: "**заповедь новую даю вам**" (13:34), а теперь: "**да будут едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе**" (ст.21). Слово: "**как**" опять не означает, по отношению к ученикам, точного равенства, потому что для них таковое и невозможно было. Оно значит: сколько возможно для людей, – подобно тому, как и в словах: "**будьте милосерды, как и Отец ваш**" (Лук.6:36). А что значит: "**в Нас**" (ст.21)? По вере в Нас. Так как ничто столько не соблазняет всех, как раздор, то он старается, чтобы были едино. Что же, скажешь, – достиг ли Он этого? И очень достиг, – потому что все, уверовавшие чрез апостолов, суть едино, хотя некоторые из них и отделились. Впрочем, и это (отделение) не укрылось от Него; напротив, Он предсказал и о нем, и показал, что оно происходит от человеческого нерадения. "**да уверует мир, что Ты послал Меня**" (ст.21). Это же самое Он говорит и в начале: "**по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою**" (13:35). Но каким образом другие могли чрез это уверовать? Уверуют, говорит, потому что Ты – Бог мира. Итак, если они будут соблюдать все то, чему научились, то слушающие их узнают Учителя по ученикам. Если же они будут в несогласии, то никто не скажет, что они – ученики Бога мира? А не признавая Меня миротворцем, никто не будет исповедывать и того. Что Я послан Тобою. Видишь ли, как до самого конца Он старается утвердить Свое единомыслие с Отцом? "**И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им**" (ст.22), то есть, славу чудес, славу учения и славу – да будут единодушны, потому что и в том слава "**да будут едино**" и слава – больше чудес. Как по отношению к Богу мы изумляемся, что в естестве Его нет ни несогласия, ни борьбы, и это – величайшая слава, так, говорит, и они да прославятся тем же. Но почему же, скажешь, Он просит Отца даровать им это, тогда как, по Его же словам, дает сам? Говорит ли Он, действительно, о чудесах, или о единомыслии, или о мире, – везде видно, что Он сам преподал им это. Все это показывает, что Он просит для утешения их. "**Я в них, и Ты во Мне**" (ст.23). Каким образом Он дал славу? Тем, что Он пребывал в них сам, имея с Собою и Отца, чтобы теснее соединить их. А в другом месте Он говорит не так: не чрез Него Отец придет, но сам Он и Отец придут, и обитель у него сотворят (Иоан.14:23). Таким образом там Он уничтожает мнение Савеллия, а здесь – Ария. "**Да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня**" (ст.23). Часто повторяет это, чтобы показать, что мир может привлекать больше, чем чудеса. И действительно, как вражда имеет силу разделять, так согласие – соединять. "**И возлюбил их, как возлюбил Меня**" (ст.23). Опять и здесь слово: "**как**" означает – столько, сколько человек может быть любим. А доказательство этой любви то, что Он Себя самого предал за них. Сказав таким образом, что будут в безопасности, что они не совратятся, что они будут святы, что многие уверуют чрез них, что они сподобятся великой славы, что не только сам Он возлюбил их, но и Отец, – Христос говорит, наконец,

и о том, что будет (с ними) по отшествии отсюда, о наградах и венцах, им уготованных. "**Отче!**", говорит Он, "**которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною**" (ст.24). А этого они всегда и домогались, говоря: "**куда идешь**" (Иоан.14:5)? Но что Ты говоришь? Ты просишь, чтобы получить это, а сам еще не имеешь? Как же Ты сказал им: "**сядете на двенадцати престолах**" (Матф.19:28)? Как обещал много и другого, еще большего? Видишь ли, что Он говорит все это приспособительно? Иначе, как бы Он мог сказать: "**после пойдешь**" (Иоан.13:36)? Очевидно, Он говорит так для большего удостоверения в любви. "**да видят славу Мою, которую Ты дал Мне**" (ст.24). Это опять доказательство единомыслия с Отцом. Оно, конечно, выше прежних, потому что Он сказал: "**прежде основания мира**"; но и в нем есть некоторое приспособление, так как Он говорит: "**Ты дал Мне**". Если же это не так, то я очень желал бы спросить противников: тот, кто дает, – дает конечно, кому-либо существующему? Итак, неужели Отец прежде родил Сына, и уже после дал Ему славу, а сначала оставил Его без славы? Но как можно допустить это? Видишь ли, что слово: "**дал**" значит тоже, что родил?

3. Почему же Христос не сказал: да будут причастниками славы, но: "**да видят славу**"? Этим Он намекает на то, что все блаженство состоит именно в созерцании Сына Божия; а отсюда происходит уже и слава. Так и Павел говорит: "**открытым лицем взирая на славу Господню**" (2Кор.3:18). В самом деле, как те, которые смотрят на солнечные лучи и наслаждаются прозрачнейшим воздухом, получают удовольствие через зрение, так и тогда, но гораздо в высшей степени, созерцание доставит нам наслаждение. В то же время Христос здесь показывает, что предметом созерцания будет не то, что подлежит обыкновенному зрению, но некая поразительная сущность. "**Отче праведный! и мир Тебя не познал**" (ст.25). Что это значит? Какая здесь последовательность? Этим показывает, что никто не знает Бога, кроме тех, которые познали Сына. Смысл слов Его следующий: Я хотел бы, чтобы все были в этом состоянии; но не (все) познали Тебя, хотя и ничего не могут сказать в свое оправдание. Вот это именно и значат слова: "**Отче праведный**". В этих словах, мне кажется, Он выражает и негодование на то, что не хотели познать столь Благого и Праведного. Так как иудеи говорили, что Бога они знают, а Его не знают, то против этого Он говорит: "**потому что возлюбил Меня прежде основания мира**" (ст.24), и тем защищает Себя от иудейских обвинений. В самом деле, тот, Кто приял славу, Кто возлюблен прежде сложения мира, Кто желает их самих иметь свидетелями этой славы, – как мог быть Он противником Отцу? Несправедливо, значит, то, что говорят иудеи, будто они знают Тебя, а Я не знаю; напротив, Я знаю Тебя, другие же Тебя не познали. "**И сии познали, что Ты послал Меня**" (ст.25). Видишь ли, что Он намекает на тех, которые говорили, будто Он не от Бога, и к этому направляет все слово? "**И Я открыл им имя Твое и открою**" (ст.26). Но ведь Ты сказал, что совершенное знание даруется Духом? Так; но что принадлежит Духу, то – Мое. "**Да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них**" (ст.26). Когда они уразумеют, кто Ты, тогда узнают, что Я не чужд, но весьма любим, что Я истинный Сын и соединен с Тобою. Убедившись же в этом, как должно, они соблюдут и веру в Меня, и твердую любовь. А года они будут любить, как должно, тогда Я буду пребывать в них. Видишь ли, к какому прекрасному Он пришел концу, заключив речь словом о любви, матери всех благ? Будем же веровать и любить Бога, чтобы и о нас не было сказано: "**Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются**" (Тит.1:16), и еще: "**отрекся от веры и хуже неверного**" (1Тим.5:8). В самом деле, если неверный оказывает пособие и рабам, и сродникам, и чужим, а ты не заботишься и о принадлежащих к твоему роду, то какое, наконец, будет тебе оправдание, когда чрез тебя Бог подвергается хуле и поношению? Посмотри, сколько Бог дал нам поводов к благотворительности. Одного, говорит Он, милуй, как сродника, другого – как друга, третьего – как соседа, того – как согражданина, этого – как человека. Если же ничто это не трогает тебя, но ты разрываешь все узы, то узнай от Павла, что ты хуже неверного. Тот, ничего не слышавший о милостыне, ничего о том, что на небе,

превзошел тебя человеколюбием; а ты, обязанный любить самих врагов, смотришь на своих, как на врагов, и деньги бережешь больше, чем людей. Между тем деньги, будучи истрачены, не потерпят никакого вреда; а человек, оставленный без призрения, погибнет. Что это за безумие – беречь деньги и не беречь родных! Откуда вселилась эта страсть? Откуда это бесчеловечие и жестокость?

4. Если бы кто, севши как бы на вершине зрелища, взглянул на весь мир, – или лучше, ограничимся пока, если хотите, одним нашим городом, – так, если бы кто, севши на высоком месте, мог разглядеть все человеческое, – подумай, сколько увидел бы он безрассудства, сколько пролил бы слез, каким посмеялся бы смехом, сколько почувствовал бы ненависти! Мы, действительно, поступаем так, что наши дела и смешны, и глупы, и жалки, и ненавистны. Вот один кормит собак, чтобы ловить диких зверей, а сам впадает в зверство; другой – ослов и волов, чтобы возить камни, а презирает людей, истаивающих от голода: тратит бездну золота, чтобы соорудить каменных людей, а людей настоящих, которые от бедствий сделались каменными, оставляет в небрежении. Иной собирает драгоценные камешки и с большим трудом убирает ими стены, а видя нагие члены нищих, нисколько не трогается. Одни к своим одеждам придумывают еще одежды, а между тем, другие не имеют, чем покрыть и нагого тела. В судах, опять, один пожирает другого. Иной расточает все на блудниц и тунеядцев; другой – на комедиантов и плясунов; иной – на пышные постройки, на покупку сел и домов. Опять, один вычисляет проценты, другой – проценты на проценты; иной сочиняет бумаги, наполненные многими убийствами, и даже ночью не имеет отдыха, неусыпно бодрствуя на пагубу другим. Едва настал день, один бежит на прибыль неправедную, другой – на трату беспутную, а иные – на казнокрадство. Вообще, об излишнем и запрещенном много заботы, а о необходимом нет и мысли. Судящие носят, действительно, имя судей, а поступают, как разбойники и человекоубийцы. Если кто рассмотрит тяжбы или завещания, тот опять и здесь найдет множество зла, – коварство, воровство, злые умыслы. И об этом все попечение, а о духовном нет и мысли. В церковь все приходят только для того, чтобы поглазеть; но от нас требуется не это, – нам нужны дела и чистая душа. Если же ты весь день истратишь на любостяжание, и потом, придя (в церковь), скажешь несколько слов, то не только не умилостивишь Бога, но еще более раздражишь Его. Если ты хочешь преклонить на милость твоего Господа, то покажи дела: познай множество всякого рода бедствий, призри нагих, алчущих, обижаемых. Бог открыл тебе тысячи путей к человеколюбию. Итак, не будем обманывать самих себя, живя напрасно и даром, и не будем небрежны потому, что теперь здоровы. Мы уже не раз подвергались болезни и, дойдя до крайней степени изнеможения, умирали от страха и ожидания будущего. Помышляя об этом, будем думать, что опять можем подвергнуться тому же; приобретем тот же самый страх и сделаемся лучшими, – так как настоящие наши дела достойны тысячи осуждений. Заседающие в судах подобны львам и псам, а торгующие на рынках – лисицам. Да и те, которые живут, на занимаясь никакими делами, – и те пользуются свободою от дел не как должно, но губят весь досуг на театры и происходящие оттуда дурные дела. И нет никого, кто обличал бы за все это; а соревнующих и сокрушающихся, что сами не могут делать наравне с другими, – много. Но и эти последние также подвергнутся наказанию, хотя они и не сделают худого, потому что "**не только [их] делают, но и делающих одобряют**" (Рим.1:32). Наклонности их одинаково растленны, а из слов апостола видно, что будет наказание и за сердечное расположение. Каждый день я говорю это и не перестану говорить. Если кто послушает, – хорошо; а если и никто не обратит внимания, то все же вы услышите это тогда, кода вам не будет от того никакой пользы, и вы станете укорять самих себя, а я буду чист от вины. Но не дай Бог, чтобы я имел только это оправдание; нет, я желал бы. Чтобы вы были и похвалою для меня пред судилищем Христовым, чтобы вместе насладиться небесными благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 83

"Сказав сие, Иисус вышел с учениками Своими за поток Кедрон, где был сад, в который вошел Сам и ученики Его" (Иоан.18:1)

1. Страшна смерть и великого исполнена ужаса, но – не для тех. кому известно высшее любомудрие. Кто ничего ясно не знает о будущем, но считает смерть разрушением и окончанием жизни, тому естественно страшиться и ужасаться ее, потому что он как бы отходит в небытие. А мы, по благодати Божией, познавшие безвестная и тайная премудрости Его, и считающие смерть переселением, мы были бы неправы, если бы стали трепетать ее; напротив, мы должны радоваться и благодушествовать, и потому что, оставляя эту временную жизнь, мы отходим к другой, гораздо лучшей, блистательнейшей и не имеющей конца. Вот этому-то Христос научает нас самым делом, идя на страдание не по насилию и необходимости, но добровольно. "**Сказав сие, Иисус**", сказано, "**вышел с учениками Своими за поток Кедрон, где был сад, в который вошел Сам и ученики Его. Знал же это место и Иуда, предатель Его, потому что Иисус часто собирался там с учениками Своими**" (Иоан.18:1-2). Идет среди ночи, переходит поток, спешит достигнуть места, известного предателю, и чрез то избавляя злоумышленников от труда и освобождая их от всякого беспокойства, показывает ученикам, что идет на страдание добровольно, – а это в особенности могло утешить их, – и заключает Себя в саду, как бы в темнице. "**Сказав сие**" им. Что ты говоришь? Ведь Он беседовал с Отцом, ведь Он молился? Почему же ты не говоришь, что Он пришел туда, окончив молитву? Потому, что то была не молитва, но речь – ради учеников. С Ним вошли и ученики Его в сад. До такой степени Он избавил их от боязни, что они не только уже не противоречат, но и вошли в сад. Но каким образом пришел туда Иуда? Какое он имел побуждение идти туда? Из этого видно, что Христос часто проводил ночи вне дома. Иначе, если бы Он всегда проводил ночь дома, – Иуда не пришел бы в пустое место, но пошел бы в дом, в надежде найти Его там спящим. А что бы ты, услышав о саде, не подумал, что Христос скрывался, евангелист присовокупил: "**знал же это место и Иуда**", – и не только это, но еще и то, что "**часто собирался там с учениками Своими**". Действительно, Он часто бывал с ними наедине и беседовал о предметах необходимых, о которых другим не следовало слышать. Это Он делал по преимуществу в горах и в садах, всегда изыскивая местность, удаленную от шума, чтобы внимание не отклонялось от слушания. "**Итак Иуда, взяв отряд [воинов] и служителей от первосвященников и фарисеев, приходит туда**" (ст.3). Те неоднократно и прежде посылали схватить Его, но не могли. Из этого видно, что Он и теперь предал Себя добровольно. Но каким образом уговорили спиру? Это были солдаты, готовые делать все за деньги. "**Иисус же, зная все, что с Ним будет, вышел и сказал им: кого ищете**" (ст.4)? То есть, не теперь только и не из того, что они пришли, Он узнал об этом, но уже наперед знал все это и потому без смущения говорил и действовал. Почему же они приходят с оружием, намереваясь схватить Его? Они боялись Его последователей. По этой же причине они и напали на него поздно ночью. "**Вышел и сказал им: кого ищете? Ему отвечали: Иисуса Назорея**" (ст.4,5). Видишь ли непреоборимую силу, – как Он, находясь среди их, ослепил глаза их? А что не темнота была причиною – это показал евангелист, сказавши, что они имели и светильники. Да если бы и не было светильников, все же они должны были бы узнать Его по голосу. Если же они и не знали Его, то как мог не узнать Иуда, который неразлучно находился с Ним? Ведь и он стоял вместе с ними, и однако ж, не только, подобно им, не узнал Его, но и повергся вместе с ними на землю. Это сделал Иисус для того, чтобы показать, что без Его соизволения они не только не могли бы взять Его Ж но и увидеть Его, хотя Он находился среди их. "**Опять спросил их: кого ищете**" (ст.7)? О, безумие! Слово Его повергло их на землю; а они и после того, как испытали столь великую силу, не обратились но опять устремляются на тоже. Потому, исполнив с Своей стороны все, Он, наконец, предает Себя и говорит им: "**Я сказал вам,**

что это Я" (ст.8). "**Стоял же и Иуда, предатель Его**" (ст.5). Заметь незлобие евангелиста: он не поносит предателя, но рассказывает событие, стараясь одно лишь показать, что все произошло по Его соизволению. А чтобы кто-нибудь не сказал, что Он сам расположил их к тому, – так как сам Себя отдал им и объявил Себя пред ними, – Христос сначала сделал все, что могло отклонить их от предприятия, и уже тогда, как они остались упорными в злобе и не имели никакого оправдания, предал им Себя, говоря: "**если Меня ищете, оставьте их, пусть идут**" (ст.8). Так до последней минуты выказывает Свою любовь к ученикам! Если, говорит, вы во Мне имеете нужду, то не трогайте их. Вот Я сам Себя предаю вам. "**да сбудется слово, реченное Им: из тех, которых Ты Мне дал, Я не погубил никого**" (ст.9). Под именем погибели разумеет здесь не эту смерть, но ту – вечную; а евангелист принял эти слова и в смысле настоящей смерти. Может быть, кто-нибудь удивится, как не взяли вместе с Ним и не умертвили апостолов, особенно, когда Петр раздражил их своим поступком с рабом. Кто же удержал их? Не кто другой, а та же сила, которая повергла их на землю. Потому-то и евангелист, желая показать, что это произошло не по их воле, но по силе и воле Того, Кто был взят ими, и присовокупил: "**да сбудется слово, реченное Им: из тех, которых Ты Мне дал, Я не погубил никого**".

2. Ободренный этими словами, равно как и тем, что уже совершилось, Петр поднимает в это время оружие против пришедших. Но как же, скажешь, был нож у того, кому заповедано было не иметь ни дорожной сумы, ни двух одежд (Матф.10:10)? Мне кажется, Петр боялся именно этого, и потому заранее приготовил. Если же ты спросишь: каким образом тот, кому дано повеление не ударять в ланиту, делается человекоубийцей, – (я отвечу), что, действительно, ему заповедано было не мстить за себя; но здесь он мстил не за себя самого, а за своего Учителя. Притом же ученики не были еще вполне совершенны. Если ты хочешь видеть Петра любомудрствующим, то посмотри на него впоследствии, когда он подвергается ранам и переносит их с кротостью, терпит бесчисленное множество бедствий и не раздражается. А Христос и здесь совершает чудо и тем в одно и тоже время и научат нас благодетельствовать зло творящим, и обнаруживает Свою силу. Рабу Он возвращает ухо, а Петру говорит: "**все, взявшие меч, мечом погибнут**" (Матф.26:52). Как поступил при умовении (ног), смирив горячность Петра угрозою, так поступает и здесь. А о имени раба евангелист упоминает по той причине, что это событие было весьма важно не потому только, что Христос исцелил, но и потому что исцелил человека, который пришел взять Его и немного после имел ударить Его в ланиту, что этим Он отстранил долженствовавшую возникнуть брань на Его учеников. Поэтому-то евангелист сказал и имя, чтобы тогдашние читатели могли изыскать и исследовать, действительно ли это так было. Не без намерения также он говорит и о правом ухе; этим, как мне кажется, он хотел показать горячность апостола, так как он устремился почти на самую голову. Но Иисус не только Петра останавливает угрозою, но и других утешает следующими словами: "**неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец**" (ст.11)? Этим Он показывает, что все, что теперь совершается, зависит не от силы врагов, но от Его соизволения, а вместе с тем обнаруживает, что Он не противник Божий, но послушен Отцу даже до смерти. Тогда-то уже "**взяли Иисуса и связали Его, и отвели Его сперва к Анне**" (ст.12,13). Для чего же к Анне? От полноты удовольствия они хвалились этим событием, как бы одержали победу. Анна "**был тесть Каиафе. Это был Каиафа, который подал совет Иудеям, что лучше одному человеку умереть за народ**" (ст.13,14). Для чего евангелист опять напомнил нам это пророчество? Для того, чтобы показать, что все это совершилось для нашего спасения, и что таково величие этой истины, что и сами враги предвозвещали о том. Итак, чтобы слушатель не смутился, услышав об узах, напоминает об этом пророчестве, то есть – что смерть Его была спасением для вселенной. "**За Иисусом следовали Симон Петр и другой ученик**" (ст.15). Кто этот другой ученик? Тот, кто написал об этом. Почему же он не называет себя по имени? Когда он возлежал на персях Иисусовых, тогда была у него причина скрыть свое имя: но почему он это делает теперь?

По той же самой причине. В самом деле, и здесь он повествует о великом подвиге, то есть, что в то время, кода все разбежались, он последовал. Поэтому-то он скрывает свое имя и о Петре упоминает прежде, чем о себе. О себе же он был вынужден упомянуть здесь, чтобы показать, что он обстоятельнее всех других рассказывает о происшествиях во дворе, потому что он сам был внутри двора. И смотри, как он отстраняет от себя похвалу! Чтобы кто-нибудь не сказал, что он в то время, как все удалились, прошел даже далее Симона, он говорит: "**был знаком первосвященнику**" (ст.15), – чтобы никто не удивлялся тому, что он последовал, и никто не превозносил его за мужество.

Напротив, поведение Петра точно, удивительно: он был весьма боязлив, и однако ж дошел до самого двора, тогда как все другие удалились. Что он пришел туда, это показывает его любовь; а что он не вошел во двор, это зависело от его страха и боязни. Для того именно евангелист и описал это, чтобы наперед приготовить извинение его отречению. О себе же самом он, не как что-нибудь важное, замечает, что он "**был знаком первосвященнику**"; но так как сказал, что он один вошел с Иисусом, то, чтобы ты не подумал, что это было делом его великой души, он выставляет на вид и причину этого поступка. А что и Петр вошел бы, если бы ему было дозволено, показал это в последующем повествовании. Действительно, когда (Иоанн) вышел и приказал привратнице ввести его, Петр тотчас вошел. Почему же он сам не ввел его? Он не отставал от Христа, но следовал за Ним, и потому приказал женщине ввести Петра. Что ж эта женщина? "**Ты не из учеников ли Этого Человека**"? А он отвечает: "**нет**" (ст.17). Что ты говоришь, Петр? Не сказал ли ты недавно, что, если надобно будет мне и душу свою положить за Тебя, я положу? Итак, что же случилось, что ты не в состоянии перенести даже вопроса привратницы? Разве воин спрашивал тебя? Разве один из тех, которые взяли? То была простая и ничтожная привратница, да и вопрос был не резкий. В самом деле, она не сказала: и ты ученик этого обманщика и губителя, но – "**Этого Человека**"; а это, скорее, были слова сострадающей и соболезнующей. Но Петр и этого не вытерпел. А слова: "**ты не из учеников ли**" – сказаны потому, что Иоанн был уже во дворе. Так кротко говорила эта женщина! Но ничего этого не заметил и не обратил на это внимания ни в первый раз, ни во второй, ни даже в третий, доколе алектор не возгласил; да и это не образумило его, пока Иисус не взглянул на него с горестью. Он стоял с слугами архиерейскими и грелся (ст.18), а Христос, связанный, содержался в доме. Впрочем, это говорим мы не с тем, чтобы осудить Петра, но чтобы показать истину слов Христовых. "**Первосвященник же спросил Иисуса об учениках Его и об учении Его**" (ст.19).

3. Какое лукавство! Теперь он хочет узнать, между тем как постоянно слышал Христа, когда Он проповедовал во храме и учил открыто! Не имея возможности ни в чем обвинить Его, стали спрашивать об учениках, вероятно, о том – где они, для чего Он их собрал, с каким намерением и с какой целью. Все же это говорил с желанием обличить Его, как возмутителя и нововводителя, как будто никто другой не внимал Ему, кроме их одних, как будто то было какое-нибудь злое скопище. Что же Христос? Опровергая это, Он говорит: "**Я говорил явно миру**" (ст.20), – а не ученикам наедине; Я открыто учил в церкви. Что же? Разве Он ничего не говорил втайне? Говорил, но не потому, как думали они, – не из боязни и не с намерением произвести возмущение, а только в тех случаях, когда преподаваемое Им учение превышало понятие простого народа. "**Что спрашиваешь Меня? спроси слышавших**" (ст.21). Это слова не человека надменного и упрямого, но твердо уверенного в истине своих слов. Что Он вначале говорил: "**если Я свидетельствую Сам о Себе, то свидетельство Мое не есть истинно**" (Иоан.5:31), то же самое выражает и теперь, желая представить свидетельство вполне достоверное. В самом деле, так как архиерей спрашивал Его об учениках, как учениках, то Он отвечает: Меня ты спрашиваешь о Моих? Спроси врагов, наветников, тех, которые связали Меня: пусть они говорят. Ведь самое несомненное доказательство истины, когда кто призывает врагов в

свидетели своих слов. Что же архиерей? Ему надобно было бы произвести такое исследование, но он этого не сделал, а между тем за то, что Христос сказал так, "**один из служителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке**" (ст.22). Что может быть наглее этого? Ужаснись небо, вострепещи земля при таком долготерпении Владыки и при такой несправедливости рабов! И что же было Им сказано? Ведь Он сказал: "**что спрашиваешь Меня**" – не потому, чтобы отказывался отвечать, но потому, что хотел устранить всякий повод к несправедливости. И между тем, как за такой ответ Его ударили в ланиту, Он, несмотря на то, что мог все поколебать и истребить и ниспровергнуть, – ничего такого не делает, а напротив, произносит слова, могущие укротить всякое зверство. "**если Я сказал худо**", говорит, "**покажи, что худо**", т.е., если ты можешь порицать Мои слова, докажи это, если же не можешь, "**что ты бьешь Меня**" (ст.23)? Видишь ли судилище, исполненное шума, смятения, ярости и бесчинства? Архиерей спрашивал злонамеренно и коварно; Христос отвечал прямо и как должно. Что же затем следовало сделать? Опровергнуть или принять слово Его. Но этого не делают; а раб ударяет Его в ланиту. Значит, это уже не судилище, а заговор и насилие. Потом, так как и при всем этом не нашли ничего, то отсылают "**Его связанного к Каиафе**" (ст.24).

"**Симон же Петр стоял и грелся**" (ст.25). О, в какую бесчувственность погружен был этот горячий и пламенный человек в то время, как отводили Иисуса! И после всего этого он даже не трогается с места, но все еще греется, – чтобы ты знал, как велика слабость нашей природы, когда ее оставит Бог. И когда спросили его, – он опять отпирается. Затем родственник раба, "**которому Петр отсек ухо**", негодуя на этот поступок, говорит: "**не я ли видел тебя в саду**" (ст.26)? Но ни сад, ни пламенная любовь, которую там выказал (Христос) в беседе с учениками, не привели ему на память то, что было: он все это забыл от страха. Но для чего все евангелисты согласно написали об этом? Не для того, чтобы осудить ученика, но чтобы нас научить, как худо не возлагать всего упования на Бога, а надеяться на себя. Ты же, с своей стороны, подивись попечительности Учителя: и в то время, как сам находился во власти (врагов) и был связан, Он оказывает великое промышление об ученике, – восстановляет своим взглядом падшего и приводит его в слезы. "**От Каиафы повели Иисуса в преторию**" (ст.28). Так было для того, чтобы множество судей, даже против воли, засвидетельствовало, что истину исследовали с точностью. "**Было утро**" (ст.28). К Каиафе ведут прежде, нежели алектор возгласил, а к Пилату – утром. Таким обозначением времени евангелист показывает, что Каиафа целую половину ночи допрашивал Его, но ни в чем не обличил, а потому и отослал к Пилату. Предоставив другим повествовать о том, сам Иоанн говорит о дальнейшем. И смотри, как смешны иудеи! Схватили невинного, взялись за оружие, а в преторию не входят, "**чтобы не оскверниться**" (ст.28). Между тем, какое, скажи мне, осквернение – войти в судилище, где преступники получают законное возмездие? Но те, которые одесятствовали мяту и анис (Матф.23: 23), не думали, что они оскверняются, когда убивают несправедливо; а войти в судилище считали для себя осквернением. Но почему они сами не убили Его, а привели к Пилату? Главным образом потому, что их начальство и власть в то время были уже весьма ограниченны, так как они находились под владычеством у римлян; а с другой стороны, они опасались, чтобы впоследствии времени не быть обвиненными от Пилата и не подвергнуться наказанию. А что значат слова: "**чтобы [можно было] есть пасху**" (ст.28)? Ведь и сам Христос совершил пасху "**в первый день опресночный**" (Матф.26:17): Или евангелист называет здесь пасхою весь праздник, или иудеи, действительно, тогда совершали пасху, а Христос совершил ее одним днем прежде, чтобы Его заклание было в пяток, когда совершалась и ветхозаветная пасха. Таким-то образом иудеи, взявшись за оружие, что было непозволительно, и проливая кровь, выказывают особенную разборчивость в отношении к месту и вызывают к себе Пилата. Пилат вышел и говорит: "**в чем вы обвиняете Человека Сего**" (Иоан.18:29)?

4. Видишь ли, насколько он был чужд их властолюбия и зависти? Хотя Христос был связан и приведен таким множеством людей, – не почел этого за несомненное доказательство вины, но спрашивает, признавая несправедливым то, что суд они присвоили себе, а ему предоставили наказание без суда. Что же они? "**Если бы Он не был злодей, мы не предали бы Его тебе**" (ст.30). О, безумие! Почему же вы не высказываете самого злодеяния, а прикрываете его? Почему не обличаете зла? Видишь ли, как они везде отказываются от прямого обвинения и ничего не могут сказать? Анна спросил об учении и, выслушав ответ, отослал к Каиафе. Этот, с своей стороны, снова спросил Его и, не найдя ничего, препроводил к Пилату. Пилат говорит: "**в чем вы обвиняете Человека Сего**"? Но и тут они ничего не могут сказать, а опять прибегают к одним предложениям. Потому-то Пилат в недоумении говорит: "**возьмите Его вы, и по закону вашему судите Его. Иудеи сказали ему: нам не позволено предавать смерти никого**". Это они сказали, "**да сбудется слово Иисусово, которое сказал Он, давая разуметь, какою смертью Он умрет**" (ст.31,32). Но каким образом на это указывали слова: "**не позволено предавать смерти никого**"? Евангелист говорит так или потому, что Христос должен был умереть не за них только одних, но и за язычников, или потому, что им нельзя было никого распинать. Если же они говорят: "**нам не позволено предавать смерти никого**", то этим указывают на обстоятельства того времени. А что они убивали, и убивали другим способом, это показывает пример Стефана, побитого камнями. Но Христа они хотели распять, чтобы и самый образ смерти Его сделать позорным. Пилат, желая избавиться от беспокойства, не входит в продолжительное исследование дела; но, войдя, спрашивает Иисуса и говорит: "**Ты Царь Иудейский**"? Иисус отвечал: "**от себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне**" (ст.33,34)? Для чего Христос спрашивает об этом? Чтобы обнаружить злой умысел иудеев. Пилат слышал уже об этом от многих; но так как иудеи ничего не могли сказать, то, во избежание продолжительного исследования, он решается выставить на вид то самое, что всегда на Него возводили. Притом, когда он сказал им: "**по закону вашему судите Его**", – они, желая показать, что преступление Его не иудейское, отвечают: "**нам не позволено**", т.е., Он виновен не против нашего закона, но вина Его государственная. Пилат уразумел это и потому, как будто ему самому угрожала опасность, говорит: "**Ты Царь Иудейский**"? Следовательно Христос спрашивает его не по незнанию, но говорит: "**другие сказали тебе**" – для того, чтобы и он обвинил иудеев. Это самое высказывает и Пилат, когда говорит: "**разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал**" (ст.35)? Этим он хотел оправдать себя. Но так как он сказал: "**Ты Царь Иудейский**"? – то Иисус, обличая его, говорит: ты, конечно, слышал об этом от иудеев; почему же не делаешь точнейшего исследования? Они сказали, что Я – злодей; спроси же: какое Я зло сотворил? Но ты этого не делаешь, а просто высказываешь вину. "**От себя ли ты говоришь это**", или по внушению других? Пилат не мог тотчас сказать, что слышал об этом, но просто ссылается на народ и говорит: "**предали Тебя мне**", и потому надобно спросить Тебя, что Ты сделал. Что же Христос? "**Царство Мое не от мира сего**" (ст.36). Он возводит Пилата, который был не очень зол и не похож на иудеев, и хочет показать, что Он не простой человек, но Бог и Сын Божий. И что ж Он говорит? "**Если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям**" (ст.36). Этим Он уничтожил то, чего именно доселе страшился Пилат – уничтожил подозрение в похищении Им царской власти. Ужели же царство Его не "**от мира сего**"? Конечно, от мира. Как же Он говорит: "**не от мира сего**"? Это не то означает, будто Он здесь не владычествует, но то, что Он имеет начальство и на небе, и что власть Его не есть человеческая, но гораздо выше и славнее человеческой. Но если Его власть выше, то каким образом Он взят этой последней? Он предал сам Себя добровольно. Но Он пока не открывает этого, а что говорит? Если бы Я был от мира сего, "**служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям**". Этим показывает слабость царства земного, так как оно получает свою силу от слуг; а горнее царство сильно само по

себе и не нуждается ни в ком. Еретики в этих словах находят предлог утверждать, что Христос отличен от Создателя. Но как же о Нем сказано: "**пришел к своим**" (Иоан.1:11)? И что, с другой стороны, значат слова Его: "**они не от мира, как и Я не от мира**" (Иоан.17:16)? В таком же смысле Он говорит и о царстве, что оно не от мира. Этим Он не отнимает у Себя власти над миром и промышления о нем, но показывает, что царство Его, как я уже сказал, не есть человеческое и скоропреходящее. Что же Пилат? "**итак Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь. Я на то родился**" (ст.37). Если же Он родился царем, то от рождения же имеет и все прочее, и нет у Него ничего, что бы Он приобрел впоследствии. Следовательно, когда ты слышишь: "**как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе**" (Иоан.5:26), то не представляй здесь ничего другого, кроме рождения. Таки же образом разумей и другие подобные места. "**И на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине**" (ст.37), т.е., чтобы это самое всем возвестить, всех этому научить и всех в этом убедить.

5. Ты же, человек, когда слышишь это и видишь своего Владыку связанным и водимым туда и сюда, почитай за ничто все настоящее. А то с чем сообразно, что тогда как Христос претерпел за тебя столь многое, ты часто не переносишь даже слов! Он подвергается оплеванию, а ты украшаешься дорогими одеждами и перстнями, и если не от всех слышишь похвалы, то считаешь и жизнь не в жизнь. Он терпит поношение, переносит насмешки и позорные удары по ланитам; а ты хочешь, чтобы тебя все почитали, и не переносишь поношения Христова. Не слышишь ли, что говорит Павел: "**будьте подражателями мне, как я Христу**" (1Кор.11:1)? Итак, если кто станет осмеивать тебя, – ты вспомни о твоем Владыке: Ему поклонялись с насмешкой, Его бесчестили и словами и делами, над Ним много смеялись; а Он не только не мстил тем же, но за все воздавал противным, – кротостью и терпением. Ему-то станем и мы подражать. Чрез это мы в состоянии будем избавиться и от всякого оскорбления. В самом деле, не тот, кто оскорбляет, но кто малодушествует и огорчается оскорблением, – бывает причиною оскорбления, так как придает ему язвительность. Ведь если бы ты не огорчился, – оскорбление не было бы для тебя и оскорблением. А чувствовать огорчение от оскорблений, – это зависит не от тех, которые причиняют их, но от тех, которые им подвергаются. Да из-за чего тебе и огорчаться? Если тебя оскорбили несправедливо, в таком случае приличнее всего не негодовать, а жалеть о том (оскорбителе); если же справедливо, то тем более надобно быть спокойным. Как в том случае, когда кто-нибудь назовет тебя богатым, между тем, как ты беден, – такая похвала нисколько не относится к тебе, а скорее служит для тебя насмешкой, так и тогда, когда оскорбляющий тебя скажет что-нибудь такое, чего на самом деле нет, – его порицание также нисколько не относится к тебе. Но если совесть укоряет тебя в том, что сказано (обидчиком), в таком случае не огорчайся его словами, но исправься в своих делах. Это я говорю об оскорблениях действительных. Если же кто станет укорять тебя за бедность и незнатное происхождение, – ты посмейся над ним. Это служит бесчестием не для того, кто слышит, но для того, кто говорит, так как он не умеет любомудрствовать. Но когда это говорится, скажешь, в присутствии многих, которые не знают истины, тогда рана бывает невыносима? Напротив, тогда-то особенно это и выносимо, когда предстоит пред тобой множество свидетелей, которые тебя хвалят и одобряют, а того укоряют и осмеивают. Ведь у людей рассудительных не тот пользуется почтением, кто мстит, но тот, кто ничего не говорит в ответ на обиду. Если же между присутствующими не найдется ни одного рассудительного, в таком случае еще более посмейся над своим обидчиком и порадуйся зрелищу небесному, потому что там все тебя похвалят, будут рукоплескать тебе и одобрять тебя. А между тем, достаточно и одного ангела, в сравнении с целой вселенной. И что я говорю об ангелах, когда и сам Господь прославит тебя? В таких-то помышлениях будем упражнять себя. Нет никакого вреда в том, когда мы промолчим в случае оскорбления, а напротив, вредно мстить за оскорбление. Если бы, действительно, было

вредно в молчании переносить оскорбительные слова, то Христос не сказал бы: "**кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую**" (Матф.5:39). Потому, если кто скажет о нас неправду, – будем жалеть о нем, потому что он навлекает на себя наказание и мучение, назначенное за злоречие, и становится даже недостойным читать Свящ. Писание. "**Грешнику же говорит Бог: что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои"? "сидишь и на брата твоего клевещешь**" (Пс.49:16,20). А если бы он сказал и правду, – и в этом случае он достоин сожаления. Ведь и фарисей говорил правду; но тем нисколько не повредил тому, кто слушал его, а напротив, еще принес ему пользу, а себя самого лишил бесчисленных благ, потерпев кораблекрушение от этого осуждения. Таким образом, в том и другом случае, кто оскорбляет тебя, терпит вред, а не ты. Ты, напротив, если будешь внимателен, приобретешь сугубую пользу: с одной стороны, ты умилостивишь Бога своим молчанием, а с другой – сделаешься гораздо скромнее, найдешь в сказанных о тебе словах повод к исправлению своих поступков и научишься пренебрегать славою человеческой. А ведь и от того происходило для нас огорчение, что многие крайне пристрастны к мнению людскому. Вот если так мы захотим любомудрствовать, то ясно узнаем, что все человеческое – ничтожно. Научимся же этому и, сообразив свои недостатки, станем мало-помалу исправлять их; определи для себя исправить в настоящий месяц один недостаток, в следующий затем – другой, а еще в следующий – третий. Таким образом, восходя как бы по некоторого рода ступеням, мы достигнем неба по лествице Иаковлевой; мне кажется, эта лествица, вместе с тем зрелищем, какое видел Иаков, между прочим, указывает и на постепенное восхождение по лествице добродетели, по которой можно взойти от земли на небо, – не по ступеням чувственным, но чрез исправление и улучшение нравов. Приступим же к этому путешествию и к этому восхождению, чтобы достигнуть неба и насладиться там всеми благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 84

"Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего" (Иоан.18:37)

1. Чудесная вещь – долготерпение! Оно поставляет душу как бы в тихое пристанище, избавляя ее от волн и зловредных ветров. Христос и всегда на учил терпению, но в особенности теперь, когда Его судят и водят по разным местам. Так, когда Его привели к Анне, Он отвечал с великою кротостью и слуге, который ударил Его в ланиту, сказал такие слова, которые могут уничтожить всякую гордость. Отсюда Он перешел к Каиафе, потом к Пилату и, проведя таким образом целую ночь, Он везде и во всем обнаруживал великую кротость. В то время, как о Нем говорили, что Он – злодей, хотя доказать того не могли, – Он стоял молча; а когда был спрошен о царстве, тогда отвечал Пилату, чтобы научить его и возвести к высшим понятиям. Но почему Пилат производит допрос не в присутствии иудеев, но наедине, вошедши в преторию? Он имел о Христе довольно высокое понятие, и потому хотел, вдали от смятения иудейского, узнать все в точности. Когда же он спросил: "**что Ты сделал**" (ст.35), – Христос в Своем ответе об этом ничего не сказал; а о чем преимущественно желал Пилат услышать, именно о царстве Его, о том сказал следующее: "**Царство Мое не от мира сего**", т.е., Я, действительно, царь, но не такой, какого ты себе представляешь, а гораздо славнее. Этими и дальнейшими словами Он уже дает заметить, что ОН не сделал никакого зла. В самом деле, Кто говорит о Себе: "**Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине**", Тот показывает, что Им не сделано никакого зла. Потом, сказавши: "**всякий, кто от истины, слушает гласа Моего**", – Он привлекает внимание Пилата и склоняет его сделаться слушателем Своих слов. Если кто, говорит, истинен и любит истину, тот непременно

будет слушать Меня. И этими немногими словами до того, действительно, пленил Пилата, что тот сказал: "**что есть истина**" (ст.38)? Впрочем, (Пилат) продолжал пока заниматься делом, которое не терпело отлагательства. Он понимал, что этот вопрос требовал времени, а между тем хотел избавить Иисуса от неистовства иудеев. Потому-то он вышел и – что говорит? "**Я никакой вины не нахожу в Нем**" (ст.38). Смотри, какое благоразумие! Не сказал: так как Он погрешил и достоин смерти, то простите Его для праздника; но сначала оправдал Его от всякой вины, и потом уже с полным правом просит, чтобы они, если не хотят отпустить Его, как невинного, – по крайней мере, пощадили бы Его, как виновного, ради праздника. Поэтому и присовокупил: "**есть же у вас обычай, чтобы я одного отпускал вам на Пасху**", и потом, желая преклонить их: "**хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского? Тогда закричали все: не Его, но Варавву**" (ст.39,40). Какое гнусное желание! За подобных себе просят и виновных отпускают, а невинного повелевают предать казни! Таков уже издавна их обычай! Но ты во всем этом замечай человеколюбие Господа. "**Пилат [велел] бить Его**" (19:1), – быть может, желая чрез то утишить и укротить ярость иудеев. В самом деле, так как прежними средствами Он не мог освободить Христа, то, желая этим, по крайней мере ограничить зло, приказал бить Его и позволил делать с Ним все, что было сделано, – возложить на Него "**венец и багряницу**" (ст.2), чтобы только утишить их гнев. Для того он и вывел Его к ним в венце, чтобы они, увидевши позор, какому Его подвергли, несколько успокоились от страсти и извергли из себя яд. Но почему воины делали это, если, действительно, не было приказания от начальника? Из угождения иудеям. Так они и вначале, не по его приказанию, пошли ночью, но отважились на все из-за денег, в угождение иудеям. Между тем, Христос и при столь многих и столь великих поруганиях стоял молча, как поступил и при допросе, и ничего не отвечал. А ты не только слушай это, но и непрестанно содержи в своем уме; и когда видишь, что Владыка вселенной и всех ангелов, подвергаясь от воинов поруганию словами и делами, все переносит молчаливо, – поступай также и сам. Пилат назвал Христа царем иудейским; поэтому и возлагают на Него одежду посмеяния. Затем он вывел Его и говорит: "**не нахожу в Нем никакой вины**" (ст.4). И вот вышел "**в терновом венце**", – но и это не погасило ярости иудеев; они кричали: "**распни, распни Его**" (ст.5,6). Тогда Пилат, видя, что все его усилия напрасны, говорит: "**возьмите Его вы, и распните**" (ст.6). Отсюда видно, что и прежние (поругания) он дозволил для укрощения их неистовства: "**ибо я**", говорит, "**не нахожу в Нем вины**" (ст.6).

2. Смотри, сколько средств употребляет судья, чтобы защитить Его, постоянно объявляя Его невинным; но тех псов ничто уже не могло преклонить. Ведь и эти слова: "**возьмите и распните**" – показывают, что он отрекается и не хочет иметь с ними участия в беззаконном деле. Таким образом они привели Христа с тем, чтобы умертвить Его по приговору начальника; но случилось противное: по приговору начальника скорее следовало отпустить Его. Будучи посрамлены этим, они говорят: "**мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим**" (ст.7). Но как же, когда судья сказал вам: "**возьмите Его вы, и по закону вашему судите Его**", – вы говорили: "**нам не позволено предавать смерти никого**" (18:31), а теперь прибегаете к закону? И заметь обвинение: "**потому что сделал Себя Сыном Божиим**"! Но, скажи мне, разве это преступление, когда тот, кто совершает дела, свойственные Сыну Божию, называет себя Сыном Божиим? Что же Христос? И в это время, когда они так разговаривали между собой, Он молчал, исполняя пророческое изречение: "**не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят**" (Ис.53:7,8). Между тем, Пилат, услышав от них, что Он "**сделал Себя Сыном Божиим**", испугался, боясь, как бы в самом дел не было справедливо то, что они сказали, и как бы ему не показаться законопреступником. А они, хотя знали это как из слов, так и из дел, – не ужасаются, но умерщвляют Его за то самое, за что подобало бы поклоняться Ему. По этой причине Пилат уже не спрашивает Его: "**что Ты сделал**"? – но, колеблемый страхом, опять сначала производит допрос, говоря:

"**Ты Христос**"? Но Он не отвечал (ст.9), потому что (Пилат) уже слышал: "**Я на то родился и на то пришел**", и: "**Царство Мое не от мира сего**", и поэтому должен был воспротивиться иудеям, и освободить Христа, но он этого не сделал, а напротив, уступил неистовству иудейскому. Затем иудеи, опровергнутые во всем, обращаются к обвинению в преступлении государственном и говорят: "**всякий, делающий себя царем, противник кесарю**" (ст.12). Поэтому надобно было бы тщательно исследовать, действительно ли Он домогался власти и замышлял низвергнуть кесаря с царства; но Пилат такого тщательного исследования не делает. Потому и Христос ничего не отвечал ему, так как знал, что он обо всем спрашивает напрасно. С другой стороны, о Нем свидетельствовали дела, и потому Он не хотел опровергать и защищаться словами, показывая тем, что Он добровольно идет на смерть. А так как Он молчал, то Пилат говорит: "**не знаешь ли, что я имею власть распять Тебя**" (ст.10)? Видишь ли, как он уже наперед осудил сам себя? И подлинно, если все от тебя зависит, то почему же ты, не найдя в Нем никакой вины, не отпускаешь Его? Когда таким образом Пилат сам на себя произнес осуждение, – (Иисус) говорит: "**более греха на том, кто предал Меня тебе**" (ст.11), показывая тем, что и он также повинен греху. А чтобы низложить его высокомерие и гордость, – говорит: "**не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе**" (ст.11), – чем показывает, что все это совершается не случайно и не по обыкновенному порядку, но таинственно. А чтобы, услышав слова: "**если бы не было дано тебе**", не подумал, что он свободен от всякой вины, – присовокупил: "**более греха на том, кто предал Меня тебе**". Но ведь если в самом деле "**было дано**", то, очевидно, ни он (Пилат), ни они (иудеи) не подлежат обвинению? Напрасно ты будешь говорить это. Выражение: "**дано**" здесь значит – допущено. Христос как бы так сказал: (Бог) допустил быть этому; однако ж поэтому вы не чужды преступления. Этими словами Он устрашил Пилата и представил ясное Себе оправдание, почему Пилат и "**искал отпустить Его**". Но иудеи снова стали кричать: "**если отпустишь Его, ты не друг кесарю**" (ст.12). Так как, представивши обвинения от своего закона, они нисколько не успели, то теперь злонамеренно обращаются к чужим законам, говоря: "**всякий, делающий себя царем, противник кесарю**". Но где же Он являлся похитителем царской власти? И чем вы можете доказать это? Порфирою? Диадемой? Одеянием? Воинами? Но не всегда ли Он ходил один с двенадцатью учениками, употребляя все простое – и пищу, и одежду, и жилище? Но какое малодушие и какая неуместная робость! Пилат, подумав, что он действительно подвергнется опасности, если пренебрежет этим, выходит как бы с намерением исследовать дело (это именно значит выражение: "**сел на судилище**"); а между тем, не сделав никакого исследования, предает Его, думая тем преклонить их. А что он с таким намерением делал это, послушай, что он говорит: "**се, Царь ваш**" (ст.14). Когда же они сказали: "**распни Его**" (ст.15), – он опять присовокупил следующие слова: "**Царя ли вашего распну**" (ст.15)? Но они вопияли: "**нет у нас царя, кроме кесаря**" (ст.15), и тем добровольно сами себя подвергли наказанию. Потому и Бог предал их, что они уже наперед сами отвергли от себя Его промышление и покровительство. И так как они единогласно отреклись от Его царства, то Он и попустил им подвергнуться их собственному приговору. То, что было сказано, конечно, могло уже укротить их гнев; но они боялись, чтобы Христос, будучи отпущен, не собрал опять вокруг Себя народ, и потому всячески старались не допустить этого. Великое, поистине, зло – властолюбие, великое это зло, и может погубить душу. Поэтому-то они никогда Его и не слушали. Пилат, вследствие одних Его слов, хотел Его отпустить; а они не перестают говорить: "**распни**"! Но почему они настоятельно желают подвергнуть Его такого рода смерти? Потому, что это была смерть самая позорная. Опасаясь, чтобы впоследствии не осталось какой-нибудь памяти о Нем, они стараются подвергнуть Его и казни позорной, не разумея того, что препятствиями возвышается истина. А что они это предполагали, послушай, что говорят они: "**мы вспомнили, что обманщик тот сказал: после трех дней воскресну**" (Матф.27:63). Поэтому они все привели в движение и употребили все меры,

чтобы очернить последующие события; поэтому непрестанно кричали: "**распни**, – т.е., кричала беспорядочная толпа, подкупленная начальниками.

3. Мы же не только станем читать об этом, но и будем все это содержать в своем уме, – терновый венец, одежду, трость, побои, удары по ланитам, заплевания, посмеяния. Постоянное памятование об этом в состоянии уничтожить какой бы то ни было гнев. Будут ли нас осмеивать, или будем мы терпеть что-либо несправедливо, – постоянно станем говорить: "**раб не больше господина своего**" (Иоан.15:20), и будем представлять себе слова иудеев, которые они в неистовстве говорили Христу: "**Ты Самарянин и бес в Тебе**" (Иоан.8:48); "**изгоняет бесов не иначе, как [силою] веельзевула**" (Матф.12:24). Для того Христос и потерпел все это, чтобы мы шли по стопам Его и терпеливо переносили насмешки. Насмешки раздражают несравненно более, чем ругательства, и однако же Он не только перенес их, но и все сделал для того, чтобы издевавшихся над Ним избавить и освободить от предстоящего им наказания. Так и апостолов Он послал для их спасения, и потому-то ты слышишь, как они говорят: (знаем), "**что вы сделали это по неведению**" (Деян.3:17), и такими словами привлекают их к покаянию. Этому станем и мы подражать; ничто так не умилостивляет Бога, как любовь ко врагам и благотворение обижающим нас. Когда кто-нибудь обидит тебя, ты смотри не на него, но на диавола, который побуждает его к тому; на диавола изливай весь свой гнев, а о нем даже жалей, так как он находится под влиянием диавола. Если ложь – от диавола (Иоан.8:44), то тем более от него же безрассудный гнев. Равным образом, когда увидишь издевающегося над тобою, помышляй, что это диавол побуждает его, потому что насмешки – не христианское дело. И если тот, кому заповедано плакать (Матф.5:4), кто слышал слова: "**Горе вам, смеющиеся ныне**" (Лук.6:25), – если тот поносит других, осмеивает и раздражается, то он заслуживает с нашей стороны не порицания, а слез. Ведь и Христос возмутился духом, кода помыслил об Иуде. Итак, будем стараться осуществлять все это на деле. Если же мы не будем так поступать, то мы напрасно и без пользы, или – лучше сказать – на зло себе пришил в этот мир. Одна вера не может ввести нас в царство небесное; напротив, из-за ней-то особенно и будут осуждены те, которые ведут жизнь порочную, потому что "**тот, который знал волю господина своего, и не был готов, бит будет много**" (Лук.12:47), и опять: "**если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха**" (Иоан.15:22). Какое же мы будем иметь оправдание, когда мы находимся внутри царских чертогов, удостоились проникнуть в самое святилище, сделались причастниками очистительных таинств, и, между тем, живем хуже язычников, которые не сподобились ни одного из этих даров. Если они, ради суетной славы, обнаружили столько любомудрия, то тем более надлежит нам, для угождения Богу, упражняться во всякой добродетели. А между тем, мы не пренебрегаем даже богатством. Они неоднократно пренебрегали даже собственной жизнью и во время войны жертвовали своими детьми неистовству демонов, и презирали собственную природу ради угождения демонам; а мы не хотим пренебречь даже серебром ради Христа и гневом для угождения Богу, но воспламеняемся и бываем ничем не лучше страдающих горячкой. И как эти последние, будучи одержимы болезнью, горят как бы в огне, так и мы, точно мучимые некоторым огнем, никогда не бываем в состоянии удержаться от пожелания, а напротив, усиливаем гнев и любостяжание. Потому-то я стыжусь и изумляюсь, когда вижу между язычниками людей, пренебрегающих богатством, а у нас – всех, безумно преданных ему. Если же и найдутся такие, которые презирают богатство, – за то они бывают одержимы другою какою-нибудь страстью, напр., гневом и завистью, так что трудное дело – найти чистое любомудрие. А причина этого в том, что мы не стараемся получить врачевство от Св. Писания и слушаем его не с умиление, скорбью и стенание, но без всякого внимания, когда случится свободное время. Оттого-то, когда бежит стремительный поток житейских дел, он все потопляет и гудит всякую пользу, какая и была, может быть, приобретена. Ведь если бы кто, имея рану, приложил к ней лекарство, но не привязал бы его тщательно, а позволил ему отпасть, и

допустил в свою язву попасть воде и пыли, и жару, и бесчисленному множеству других вещей, которые могут растравлять его рану, – в таком случае, конечно, он не получил бы никакой пользы, но не от слабости врачебных средств, а от собственной беспечности. Так обыкновенно случается и с нами, когда мы божественным словам внимаем мало, а житейским заботам предаемся всецело и непрерывно. В этом случае всякое семя подавляется и все делается бесплодным. Итак, чтобы этого не было, откроем, хотя немного, глаза, воззрим на небо, посмотрим на гробницы и могилы отошедших людей. И нас ожидает тот же конец, и эта необходимость переселения часто настает для нас прежде наступления вечера. Станем же готовиться к этому отшествию. Нам нужно многое запасти на этот путь, потому что там великий жар, большой зной, совершенная пустыня. Нельзя уже там остановиться в гостинице; нельзя ничего купить; но все надобно взять с собою отсюда. Послушай, что говорят девы: "**пойдите к продающим**" (Матф.25:9); но те, которые пошли, ничего не приобрели. Послушай, что говорит Авраам: "**между нами и вами утверждена великая пропасть**" (Лук.16:26). Послушай, что говорит Иезекииль о том дне: "**Ной, Даниил и Иов не спасли бы сыновей**" (Иез.14:14,18). Но не дай Бог нам услышать эти слова! Дай Бог, напротив, чтобы мы запаслись здесь всем нужным для вечной жизни и с дерзновением узрели Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Св. Духом, слава, держава, честь ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 85

"Тогда наконец он предал Его им на распятие. И взяли Иисуса и повели. И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа; там распяли Его" (Иоан.19:16-18)

1. Счастье легко может обольстить и развратить людей невнимательных. Вот, например, иудеи еще в начале, пользуясь покровительством Божиим, домогались закона, по которому управляются царства языческие, и в пустыне после манны вспоминали о луке. Так точно и теперь, отказываясь от царства Христова, они провозглашают над собою царство кесарево. Потому-то (Господь) и поставил над ними царя, согласно с их приговором. А что Пилат, услышав это, "**предал Его им на распятие**", – крайне несправедливо! Ему следовало бы допросить, действительно ли Христос домогался присвоить Себе царскую власть, а он произнес приговор единственно по страху. Чтобы он не подвергся ему, Христос наперед уже сказал: "**Царство Мое не от мира сего**"; но он, всецело предав себя настоящему, не хотел любомудрствовать ни о чем великом. Равным образом, и сон жены его должен был поразить его; но он ни от чего этого не образумился и не воззрел на небо, но предал Христа. Тогда (иудеи) возложили на Него крест, уже как на осужденного: они так гнушались этим древом, что не позволяли себе даже прикоснуться к нему. Так было и в прообразе: и Исаак нес дрова. Только тогда все дело ограничилось намерением отца, так как то было прообразование; а теперь все исполнилось самым делом, потому что это была истина. "**Он вышел на место, называемое Лобное**". Некоторые говорят, что здесь умер и погребен Адам, и что Иисус водрузил знамение победы на том самом месте, где царствовала смерть. Действительно, Он вышел, неся крест, как знак победы над державою смерти, и, подобно победителям, нес знамение победы на Своих раменах. Что за важность, если иудеи и с другим намерением определили Ему нести крест? Они распинают Его даже вместе с разбойниками, но и в этом случае против воли исполняют пророчество: так все, что они делали в поношение, служило к подтверждению истины, чтобы ты познал, как велика ее сила. Ведь и об этом издревле предсказал пророк: "**к злодеям причтен был**" (Ис.53:12). Итак, диавол хотел помрачить это событие, но не мог: распяты были трое, но просиял один Иисус, чтобы ты познал, что все совершилось Его силою. И хотя чудеса совершались в то время, когда трое пригвождены были ко крестам, однако же никто и ни одного из них

не приписал никому другому, кроме одного Иисуса. Так бессильны оказались козни диавола, и все обратилось на главу его! Ведь даже из тех двух (разбойников) одни спасся. Таким образом диавол не только не повредил славе креста, но и не мало содействовал ей, потому что обратить разбойника на кресте и ввести его в рай – не меньше значит, чем потрясти камни. "**Пилат же написал и надпись**" (ст.19) – для того, чтобы с одной стороны, отомстить иудеям, а с другой – защитить Христа. Так как они предали Его, как преступника, и старались подтвердить это мнение распятием Его вместе с разбойниками, то, чтобы никто уже впоследствии не имел права возносить на Него злобных обвинений и осуждать Его, и показывая, что ни восстали против своего собственного царя, положил, как бы на победном памятнике, надпись, которая издает величественный голос и возвещает Его победу, и провозглашает царство, хотя и не всецелое. И это Пилат объявил не на одном, но на трех языках. Так как естественно было предполагать, что между иудеями, по случаю праздника, много было иноплеменников, то, чтобы ни один из них не оставался в неведении об оправдании Его, Пилат возвестил о неистовстве иудеев на всех языках. Между тем, иудеи завидовали и тогда, как Он был распят. Но какой мог произойти для вас вред от этой надписи? Никакого. Ведь если (Христос) был смертен и немощен, и должен был исчезнуть, то чего вы боитесь надписи, которая говорит, что Он – царь иудейский? И что они говорят? Скажи, что Он сам (это) сказал (ст.21), потому что теперь (эта надпись выражает судебный) приговор и общее мнение, а если прибавлено будет: "**Он говорил**", в таком случае это припишется Его собственной дерзости и наглости. Однако же Пилат не переменил своего решения, но остался при прежнем мнении. А чрез это опять устрояется не малое какое-либо дело, но событие весьма важное. В самом деле, так как древо креста зарыто было в землю, – потому что никто не позаботился убрать его, частью от страха, а частью оттого, что верующие заняты были другими, крайне необходимыми делами; так как, с другой стороны, это древо впоследствии имели отыскивать, а между тем естественно, что три кресте лежали вместе, то, чтобы крест Господень не оставался неузнанным, Господь допустил быть на нем надписи, и таки образом этот крест сделался известным всем, во-первых, оттого, что он лежал посреди других, а потом и по бывшей на нем надписи, потому что кресты разбойников не имели надписей. Воины разделили между собою ризы, а хитона не разделили (ст.23). Смотри, как чрез все их худые дела исполняются пророчества! И это ведь издревле было предсказано (Пс.21:19). Хотя распяты были трое, но предсказания пророков исполнялись только на Нем. Почему, в самом деле, не поступили так и с одеждами других, а только – с одеждами Его одного? Но ты заметь точность пророчества. Пророк сказал не о том только, что они разделили, но и о том, что не разделили. И действительно, одежды они разделили, а хитона не разделили, но дело о нем предоставили жребию (ст.24). Не без значения также употреблено выражение: "**тканый сверху**" (ст.23); но одни говорят, что оно имеет смысл иносказательный и означает то, что Распятый был не простой человек, но имел и "**сверху**" божество.

2. Другие утверждают, что евангелист в этом случае описывает самый вид хитона. Действительно, так как в Палестине ткут одежды, сложив вместе два куска материи, то Иоанн, чтобы показать, что таков именно был хитон, говорит: "**тканый сверху**". А говорит он об этом, мне кажется, для того, чтобы указать на бедность одежд и на то, что Христос, как во всем прочем, так и в одежде наблюдал простоту. В то время, как воины разделяли между собой одежды, сам Распятый поручает Матерь Свою ученику, научая нас всячески заботиться до последнего издыхания о наших родителях. Таким образом, когда он а неблаговременно безпокоила Его, Он говорил: "**что Мне и Тебе, Жено**?" (Иоан.2:4)? – и: "**кто Матерь Моя**" (Матф.12:48)? А теперь выказывает величайшую любовь к ней и поручает ее попечению ученика, "**которого любил**" (ст.26). Иоанн опять скрывает свое имя по скромности; если бы он хотел хвалиться, то непременно представил бы и причину, по которой был любим, так как этой причиной, конечно, было что-нибудь великое и

дивное. Но почему Христос ни о чем другом не беседует с Иоанном и не утешает его в скорби? Потому, что не было времени для слов утешения. А с другой стороны, не маловажно было уже и то, что он почтен был столь великою честью и получил такую награду за свое постоянство. Но ты заметь, с каким душевным спокойствием Христос все делал в то время, кода распятый висел на кресте, – с учеником беседовал о Своей Матери, исполнял пророчества, разбойнику подавал добрые надежды, между тем как прежде распятия мы видим Его в поте, душевном томлении и страхе. Что же это значит? Тут нет ничего непонятного, ничего неясного: там обнаруживалась немощь естества, а здесь открывалось величие силы. С другой стороны, тем и другим Христос научает нас, что и мы, хотя и смущаемся пред наступлением бедствий, тем не менее не должны уклоняться от них, и что, выступив на подвиг, мы должны все считать легким и удобным. Итак, не будем трепетать смерти. Правда, душа по самой природе имеет любовь к жизни; однако же от нас зависит или разрешить эти узы души и ослабить это стремление к жизни, или скрепить и усилить. Как мы, хотя имеем вожделение к плотскому совокуплению, тем не менее, когда любомудрствуем, ослабляем силу похоти, так точно бывает и с любовью к жизни. Как вожделение плотское Бог вложил в нас для деторождения, с тем, чтобы сохранить преемство в нашем роде, а не для того, чтобы воспрепятствовать шествованию высшим путем воздержания, так и любовь к жизни Он всеял в нас для того, чтобы отвратить нас от самоубийства, а не для того, чтобы воспретить нам презирать настоящую жизнь. Зная это, мы должны соблюдать меру и, с одной стороны, никогда не должны сами собой идти на смерть, хотя бы нас угнетали бесчисленные бедствия, а с другой – не должны уклоняться и отказываться от нее, когда нас влекут на смерь за богоугодные дела, но смело идти на смерть, предпочитая будущую жизнь настоящей.

"**При кресте стояли**" жены (ст.25). Немощнейший пол явился тогда наиболее мужественным: так все переменилось! Христос, поручая Матерь Свою ученику, говорит: "**се, сын Твой**" (ст.26). О, какою великою честью Он почтил Своего ученика! Так как сам уже отходил, то и поручил на попечение ученику. Как мать, она, естественно, скорбела и искала покровительства; а потому Он справедливо вручает ее возлюбленному ученику и говорит ему: "**се, Матерь твоя**" (ст.27). Это Он сказал с тем, чтобы соединить их взаимной любовью. Ученик так и понял и потому "**взял Ее к себе**" (ст.27). Но почему Христос не упомянул ни о какой другой жене, хотя и другие стояли при кресте? Чтобы научить нас оказывать предпочтение своим матерям. Действительно, как в таком случае, когда родители препятствуют в делах духовных, не должно и знать их, так, напротив, когда они нисколько в том не препятствуют, – им надобно воздавать все должное и предпочитать их всем другим людям, за то, что они нас родили, за то, что воспитали, за то, что понесли из-за нас множество трудов и горя. Этим Христос заграждает уста и безстыдству Маркионову. В самом деле, если Он не родился по плоти и не имел матери, то почему Он только о ней одной показывает столь великое попечение? "**После того Иисус, зная, что уже все совершилось**" (ст.28), – т.е., что не остается уже ничего не исполненного в плане домостроительства Божия. Так во всех случаях Он старался показать, что смерть Его – необыкновенная, потому что все зависело от власти Умирающего, и смерть приступила к телу Его не прежде того, как сам Он восхотел; а Он восхотел тогда, как все уже исполнилось. Потому-то Он и говорил: "**имею власть отдать**" жизнь Мою "**и власть имею опять принять ее**" (Иоан.10:18). Итак, зная, что все уже исполнилось, Христос говорит: "**жажду**" (ст.28), – и в этом случае опять исполняет пророчество. Но ты помысли о злодействе стоящих при кресте. Ведь мы, хотя бы имели безчисленное множество врагов, хотя бы испытали от них нестерпимые обиды, – мы плачем от жалости, кода видим, что их умерщвляют; а враги Христа и при этом не примирились с Ним, и не смягчились, смотря на Его страдания, но еще более ожесточались и увеличивали насмешки, и, поднесши уксус губою, напоили Его так, как обыкновенно напояют преступников, – для чего и была при них трость. "**Когда же вкусил**

уксуса, сказал: совершилось" (ст.30). Видишь, как Он все делал без смущения и со властью? Это же видно и из дальнейшего. Когда все уже совершилось, – Христос, "**преклонив главу**", так как она не была пригвождена, "**предал дух**" (ст.30), – то есть, испустил дыхание. Обыкновенно испускают дух не после преклонения головы; но здесь было напротив: Христос преклонил главу не тогда, когда уже испустил дух, как обыкновенно бывает с нами, но тогда испустил дух, когда преклонил главу. Всем этим евангелист показал, что Он – Господь всего мира.

Между тем, иудеи, пожирающие верблюда и оцеживающие комаров (Матф.23:24), совершив столь великое злодеяние, опять выказывают особенную заботливость о дне. "**Так как [тогда] была пятница, то, дабы не оставить тел на кресте в субботу, просили Пилата, чтобы перебить у них голени**" (ст.31). Видишь, как могущественна истина? О чем они так ревностно стараются, чрез то самое исполняется пророчество и сбывается новое, бывшее им, предсказание. В самом деле, когда воины пришли, то у других перебили голени, а у Христа не перебили; но в угождение иудеям пронзили копьем ребра Его и таким образом поругались даже над мертвым Его телом. Какое гнусное и отвратительное злодеяние! Но не смущайся, возлюбленный, и не унывай! Что они делали с злым намерением, то самое содействовало к утверждению истины; об этом именно было пророчество, которое говорит: "**воззрят на Того, Которого пронзили**" (ст.37). Кроме того, это злодеяние послужило основанием веры для тех, которые впоследствии имели не веровать, например, для Фомы и подобных ему. А вместе с тем, тут совершилось и неизреченное таинство: "**тотчас истекла кровь и вода**" (ст.34). Не без значения и не случайно истекли эти источники, но – потому, что из того и другого составлена Церковь. Это знают посвященные в таинства: водою они возрождаются, а кровью и плотью питаются. Так, отсюда получают свое начало таинства; и потому, кода ты приступаешь к страшной чаше, приступай так, как бы ты пил от самого ребра. "**И видевший**" это "**засвидетельствовал, и истинно свидетельство его**" (ст.35), т.е.: я не от других слышал, но сам был при том и видел, и свидетельство истинно. И это справедливо, потому что он повествует о поношении, какому подвергся Христос, а не о чем-нибудь великом и чудном, из-за чего бы ты мог заподозрить его слово. Он подробно рассказывает о случившемся, чтобы заградить уста еретикам и предвозвестить будущие таинства, – созерцая заключающееся в них сокровище. При этом исполняется и другое пророчество, именно: "**кость Его да не сокрушится**" (ст.36). Хотя это сказано было об агнце иудейском, но в прообразе так было наперед ради истины, и совершеннее это исполнилось в настоящем случае. Потому-то евангелист и представил на вид слова пророка. Так как, непрестанно указывая на собственное свое свидетельство, он мог показаться недостойным веры, то он представляет во свидетели Моисея, говоря, что и это совершилось не случайно, но уже издревле было преднаписано. Вот это именно и значат слова "**кость Его да не сокрушится**". С другой стороны, своим свидетельством он подтверждает слова пророка. Я, говорит, сказал об этом для того, чтобы вы узнали, что между прообразом и истиной находится большое сходство. Видишь, сколько он употребляет старания, чтобы уверить в том, что кажется позорным и, по-видимому, наносит бесчестие? Подлинно, то обстоятельство, что воин поругался даже над мертвым телом, было гораздо хуже самого распятия; однако же я, говорит, и об этом сказал, и сказал с великим тщанием, "**дабы вы поверили**" (ст.35). итак, пусть никто не отказывается веровать, пусть никто не стыдится и не причиняет чрез то вреда нашим делам. То, что кажется особенно позорным, то именно и составляет наше драгоценнейшее благо. "**После сего**" пришед "**Иосиф из Аримафеи – ученик Иисуса**" (ст.38), не из числа двенадцати, но, может быть, из числа семидесяти. Полагая, что наконец крест укротил неистовство (иудеев), последователи Христовы безбоязненно приходят и заботятся о погребении. Иосиф, представ пред Пилата, просит у него позволения – и тот позволяет. Да и почему бы он мог не позволить? В деле Иосифа принимает участие и Никодим, и они совершают великолепное погребение, потому что

все еще думали о Христе, как о простом человеке. Они приносят такие ароматы, которые преимущественно имели силу надолго сохранять тело и не давать ему скоро предаться тлению. Это показывает, что они не представляли о Христе ничего великого; тем не менее, однако же, в этом видна их великая любовь к Нему. Но почему не пришел никто из двенадцати – ни Иоанн, ни Петр, ни другой кто из значительных? Евангелист не скрывает и этого. Быть может, кто-нибудь скажет, они боялись иудеев; но и те (Иосиф и Никодим) также одержимы были страхом. Об Иосифе именно сказано, что он был "**тайный из страха от Иудеев**" (ст.38). Итак, нельзя сказать, что он сделал это потому, что совершенно пренебрегал иудеями; нет, и он боялся, и однако же пришел. А Иоанн, хотя присутствовал при кресте и видел кончину Христову, – не сделал ничего подобного. Что ж это значит? Мне кажется, что Иосиф был из числа людей весьма знаменитых, как это видно и из самого погребения, и что он был известен Пилату. Потому-то он и получил дозволение. И он погребает Его, уже не как преступника, но, – по обычаю иудейскому, – великолепно, как человека великого и славного.

4. Но как у них не много оставалось времени (смерть Христова последовала в девятом часу, и потому, естественно, что, пока они ходили к Пилату, и пока снимали тело с креста, наступил уже вечер, когда нельзя было заниматься работой), то они полагают Его в ближайшую гробницу. Устроилось так, что Христос положен был в новом гробе, в котором никто прежде не был положен, чтобы воскресение не могло быть приписано кому-нибудь другому, вместе с Ним лежащему, чтобы ученики, по близости этого места, легко могли придти и быть зрителями случившегося, и чтобы свидетелями погребения были не только они, но и враги. То, что положены были печати на гробе и приставлена стража из воинов, это, действительно, с их стороны было свидетельством погребения, так как Христос хотел, чтобы и погребение Его было не менее достоверно, чем воскресение. Потому-то и ученики ревностно стараются доказать, что Он действительно умер. Воскресение Его имело быть подтверждаемо всем последующим временем; между тем, если бы смерть Его в то время была сокрыта и не сделалась совершенно известною, то это могло бы повредить слову о воскресении. Впрочем, не поэтому только совершилось то, что Христос был близко положен, но и для того, чтобы обнаружилась лживость молвы о похищении Его тела. "**В первый же [день] недели**", т.е., в день воскресный, "**Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно, и видит, что камень отвален от гроба**" (Иоан.20:1). Христос воскрес в то время, как лежали печати и камень. Но так как надобно было, чтобы и другие совершенно убедились, то гроб, после Его воскресения, отверзается, и таким образом это событие становится достоверным.

Это именно привело в волнение и Марию. Пламенея самою нежною любовью к Учителю, она, как только минула суббота, не могла оставаться в покое, но пошла в глубокое утро, желая от места получить какое-нибудь утешение. Когда она увидела это место и камень отваленный, то не вошла и не посмотрела в гроб, но, побужденная сильной любовью, побежала к ученикам. Она заботилась о том, чтобы как можно скорее узнать, что случилось с телом. На это именно указывает и бегство ее; это же означают и ее слова: "**унесли**", говорит она, "**Господа из гроба, и не знаем, где положили Его**" (ст.2). Видишь, что она еще ничего ясно не знала о воскресении, но думала, что перенесено тело, и без всякого притворства о всем объявляет ученикам? Но евангелист не отнял у этой жены принадлежащей ей великой похвалы и не счел для себя стыдом того, что ученики от нее первой узнали о воскресении, так как она бодрствовала целую ночь. Так во всех случаях блистает истиннолюбивый его нрав! Когда же она пришла и сказала об этом, – ученики, выслушав ее, поспешно приходят ко гробу и видят лежащие пелены; а это было знаком воскресения. В самом деле, если бы кто перенес тело, то сделал бы это, не обнажая его; равно как если бы кто украл его, то не стал бы заботиться о том, чтобы снять сударь, свить его и положить "**на другом месте**", но – как? Взял бы тело в том виде, в каком оно

лежало. Потому-то евангелист предварительно и сказал, что при погребении Христа употреблено было много смирны, которая не хуже свинца приклеивает пелены к телу. Итак, когда ты слышишь, что головные повязки лежали отдельно, – не верь тем, которые говорят, будто украдено. Вор не был бы так глуп, чтобы стал столько заботиться о предмете совершенно излишнем. В самом деле, для чего ему было оставлять погребальные пелены? Да и как бы он мог скрыться, если бы стал делать это? Естественно, ему нужно было истратить на это много времени, а если бы он замедлил, то был бы пойман. Но для чего отдельно лежат пелены, а отдельно – плат свитый? Для того, чтобы ты знал, что это сделано без торопливости и без смущения, так как отдельно положено одно, и отдельно положено и свито другое. Поэтому-то ученики и поверили воскресению. И когда впоследствии Христос является им, – они уже убеждены были тем, что видели. Заметь и здесь, как далек евангелист от хвастовства и как он свидетельствует о тщательности исследования Петрова! Сам он, предварив Петра и увидев лежащие пелены, ничего более не исследует, но удаляется; а пламенный Петр вошел внутрь гроба, рассмотрел все с тщательностью и, увидев нечто более, пригласил и его посмотреть. Войдя во гроб после Петра, Иоанн увидел погребальные пелены лежащими отдельно одни от других. А то, что они были разделены, и одни положены в одном месте, а другие, свитые, в другом, показывало, что это сделано кем-то с заботливостью, а не как-нибудь, не в смущении.

5. И ты, когда слышишь, что Христос воскрес нагим, перестань безумно тратиться на погребение. Что, в самом деле, значат эти излишние и бесполезные издержки? Погребающим они причиняют большой убыток, а умершему не приносят никакой пользы и, если сказать правду, даже вредны. Роскошные похороны неоднократно бывали причиной разграбления могил и производили то, что погребенный некогда со всею изысканностью лежал потом нагой и без погребения. Но, о, тщеславие! Какую великую власть оно обнаруживает среди самого плача! До какого безумия доводит оно! Многие, в отвращение грабежа, раздирают тонкие погребальные пелены и наполняют их множеством ароматов, чтобы вдвойне сделать их бесполезными для похитителей, и таким образом предают земле. Не безумие ли это? Не помешательство ли это ума – выказывать великолепие и в то же время уничтожать его? Нет, скажешь, мы придумываем все это для того, чтобы безопасно лежали на мертвеце. Что же? Если не возьмут их воры, то не съедят ли их моль и черви? А если не съедят моль и черви, то не истребит ли время и тление? Но положим, что ни воры, ни моль, ни черви, ни время, ни другое что не истребят вещей, положенных в могилу; положим, что и тело останется не поврежденным до самого воскресения, и все те вещи сохранятся новыми, прочными и тонкими: какая от этого польза для отшедших, когда тело восстанет нагим, а все эти вещи останутся здесь и не принесут нам никакой пользы во время будущих истязаний? Но почему же, скажешь, так было при погребении Христовом? Тебе вовсе не следует сравнивать погребения Христова с погребениями человеческими. Там было и то, что блудница излияла миро на святые ноги Его. Впрочем, если и об этом надобно сказать что-нибудь, то, во-первых, это было сделано людьми, которые не знали учения о воскресении. Потому-то и говорится: "**как обыкновенно погребают Иудеи**" (Иоан.19:40). Ведь не из числа двенадцати были те, которые почтили Иисуса погребением; но то были те, которые не весьма высоко ценили Его. Двенадцать не так Его почтили, но – своею смертью, преданием себя на заклание и перенесением за Него разных напастей. Правда, и то была честь, но гораздо ниже этой, о которой я сейчас сказал. С другой стороны, у нас, как я уже сказал, теперь речь о людях; а тогда все это сделано было для Господа. А чтобы ты знал, что Христос нисколько не желал этого, – (послушай), что Он сказал: вы видели Меня алчущим, и напитали; жаждущим, и напоили; нагим, и одели (Матф.25:35-39); но нигде не сказал: умершим, и погребли. Я это говорю не с тем, чтобы истребить обычай погребения, – нет, – но с тем, чтобы пресечь роскошь и неуместное великолепие. К этому, скажешь, располагает скорбь

и печаль, и сострадание к умершему? Нет, – это происходит не от сострадания к умершему, но от тщеславия.

Если же ты хочешь оказать соболезнование умершему, – я укажу тебе иной способ погребения и научу тебя облекать его в такие одежды, которые восстанут с ним и представят его в блистательном виде. Эти одежды ни молью не истребляются, ни временем не разрушаются, ни ворами не похищаются. Какие же это одежды? Это – одеяние милостыни. Эта одежда восстает вместе с умершим, потому что печать милостыни навсегда остается с ним. Этими-то одеждами будут блистать те, которые тогда услышат: вы напитали Меня, когда Я алкал. Эти одежды делают умерших славными, знаменитыми и безопасными, а одежды нынешние – не что иное, как пища моли и трапеза червей. И это я говорю не потому, чтобы запрещал иметь попечение об умерших; но для того, чтобы вы делали это с умеренностью, прикрывали лишь тело и не предавали его земле нагим. Если и живым не следует иметь ничего больше, как только покров тела, то тем более – умершим, потому что мертвое тело не столько нуждается в одеждах, сколько живое и дышащее. Пока мы живем, нам нужно одеяние и по причине холода, и для благоприличия; а коль скоро мы умерли, – у нас нет этих нужд, и только для того, чтобы тело не лежало нагим, нам нужны погребальные пелены. Самые же лучшие у нас погребальные пелены, это – земля, покрывало прекраснейшее и самое приличное нашему земному телу. Итак, если теперь, когда у нас столько нужд, не надобно искать ничего излишнего, то тем более неуместна пышность тогда, когда нет таких нужд.

6. Но люди, скажешь, которые увидят это, станут смеяться. Если бы и стал кто смеяться, на того, очевидно, не следует обращать большого внимания, как на человека совершенно глупого. Многие, напротив, скорее будут удивляться нам и восхвалять наше любомудрие. Не это достойно смеха, но – то, что мы теперь делаем, когда плачем, рыдаем и как бы погребаем себя с умершими. Вот что достойно и смеха, и наказания; а любомудрие во всем этом, равно как и соблюдение умеренности в одеждах, доставляет нам венцы и похвалы. В этом случае все нас восхвалят, подивятся силе Христовой и скажут: о, как велика сила Распятого! Он убедил смертных и тленных, что смерть не есть смерть, и вот они поступают так, как будто они не умирают, но переселяются в лучшую страну. Он убедил их, что это тленное и земное тело облечется в одежду гораздо блистательнейшую шелковых и златотканых одежд, – облечется в нетление; и потому они не много заботятся о похоронах, но считают самым лучшим погребальным украшением добродетельную жизнь.

Так все будут говорить о нас, когда увидят нас любомудрствующими. Если же увидят, что мы терзаемся скорбью, малодушествуем и окружаем себя хором рыдающих женщин, то будут смеяться и издеваться над нами, и тысячу раз осудят нас, укоряя за безрассудную трату и напрасный труд. И мы слышим, что за это, действительно, все осуждают нас; и – весьма справедливо. В самом деле, какое мы будем иметь извинение, кода тело наше, истребляемое тлением и червями, украшаем, а Христа, жаждущего, нагого и странника, презираем? Отстанем же от этой суетной заботы. Будем погребать умерших так, чтобы это полезно было и нам, и им, к славе Божией. Будем раздавать за них обильную милостыню и препровождать их с этим прекраснейшим напутствием. Если память скончавшихся знаменитых мужей защищала живых (как говорит Господь: "**Я буду охранять город сей ради Себя и ради Давида, раба Моего**" (4Цар.19:34)), то тем более сделает это милостыня. Она, именно она и мертвых воскрешала, – когда окружили (Петра) "**вдовицы, показывая рубашки и платья, какие делала Серна, живя с ними**" (Деян.9:39). Итак, когда кто будет умирать, пусть родственники умирающего приготовляют для него погребальное одеяние и пусть убеждают его пред кончиною оставить что-нибудь бедным. Пусть с этой одеждою он отойдет, пусть и Христа оставит своим наследником. Если те,

которые назначают по себе наследниками царей, оставляют чрез то в величайшей безопасности своих родных, то представь себе, какое приобретет благоволение и себе, и всем своим тот, кто вместе с детьми оставит своим наследником и Христа! Вот прекрасное одеяние для умерших. Оно полезно, как остающимся в живых, так и отходящим. Если в таком виде мы будем погребены, то явимся блистательными во время воскресения. А если, заботясь о теле, пренебрежем душу, то потерпим тогда много бед и подвергнемся великому осмеянию. Не малый стыд – отойти отсюда без добродетели; не столько позорно для тела быть поверженным без погребения, сколько для души – явиться тогда без добрых дел. Итак, станем одевать душу, станем убирать ее в продолжение всей нашей жизни. Если же при жизни мы нерадели о ней, – образумимся, по крайней мере, при смерти и завещаем сродникам нашим помочь нам, по смерти, милостыней. При таком взаимном содействии друг другу, мы получим великое дерзновение, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 86

"Итак ученики опять возвратились к себе. А Мария стояла у гроба и плакала" (Иоанн. 20:10, 11).

1. Женский пол как-то особенно чувствителен и весьма склонен к состраданию. Говорю это для того, чтобы для тебя не было удивительным, отчего Мария горько плакала при гробе, а Петр не обнаружил ничего подобного. Ученики, говорит евангелист, "**возвратились к себе**", а Мария "**стояла и плакала**". Она, по самой своей природе, легко трогалась, а притом она еще не знала ясно учения о воскресении; напротив, ученики, увидев пелены, уверовали и отправились домой в изумлении. Почему же они не пошли прямо в Галилею, как было им заповедано пред страданием? Может быть, они ожидали прочих (учеников); с другой стороны, они еще находились в крайнем изумлении. Итак, они пошли домой, а Мария стояла у гроба. Великое, поистине, утешение, как я уже сказал, доставляет нам сам вид гроба. Видишь ли поэтому, как она, для большего утешения, приникает взором во гроб и хочет видеть место, "**где лежало тело Иисуса**" (ст. 12)? Оттого не малую получила она и награду за столь великое усердие. Чего не видели ученики, то первая увидела жена, именно – ангелов в белых ризах, сидящих – одного у ног, а другого у главы (ст. 12); самая одежда их показывала уже великую радость и веселье. Так как ум жены не был столько возвышен, чтобы от гробных пелен придти к вере в воскресение, то вот совершается нечто большее: она видит ангелов, сидящих в светлых одеждах, чтобы чрез это могла уже воспрянуть от скорби и утешиться. Впрочем, ангелы ничего не говорят ей о воскресении: она возводится к этому догмату мало-помалу. Она видит лица, более обыкновенного светлые; видит одежды блестящие; слышит голос участия, так как ангелы говорят ей: "**жена! что ты плачешь**" (ст. 13)? Чрез все это, как чрез отверстую дверь, она мало-помалу приводима была к слову о воскресении. Да и сам образ сидения ангелов располагал ее к вопросу: из него видно было, что они знают о случившемся, и потому-то сидят не вместе, а отдельно друг от друга. Но так как невероятно было, чтобы она сама прямо осмелилась спросить, то они и вопросом и образом сидения располагают ее к разговору. Что же она? Она с жаром и вместе с любовью говорит: "**унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его**" (ст. 13). Что ты говоришь? Так ты еще ничего не знаешь о воскресении, а все еще воображаешь, что тело Христово переложено? Видишь ли, как она еще не разумела этого высокого догмата? "**Сказав сие, обратилась назад**" (ст. 14). Что здесь за последовательность? Мария вступает в разговор с ангелами и, еще ничего не услышав от них, обращается назад. Мне кажется, что в то время, как она говорила, Христос внезапным своим явлением позади ее привел в изумление ангелов, и они, узрев Владыку, и видом, и взором, и движением

тотчас обнаружили, что увидели Господа; а это и заставило жену оглянуться и обратиться назад. Так явился Христос ангелам; а Марии – не так, чтобы не поразить ее изумлением с первого взгляда, но – в виде более смиренном и обыкновенном. Это видно уже из того, что она приняла Его за садовника. Женщину с такими уничиженными понятиями, очевидно, надобно было возводить к высшим понятиям не вдруг, но постепенно. Поэтому и Христос спрашивает ее: "**жена! что ты плачешь? кого ищешь**" (ст. 15)? Этим Он показал, что Ему известно, о чем она хочет спросить, и расположил ее к ответу. Так поняла это и Мария, и потому не произносит имени Иисуса, но, полагая, что вопрошающий уже знает, о ком она осведомляется, говорит: "**если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его**" (ст. 15). Опять говорит о положении, взятии и переложении, беседуя о Нем, как о мертвом. Смысл слов ее такой: если вы, боясь иудеев, взяли Его отсюда, то скажите мне, и я возьму Его. Велико усердие, велика любовь жены; но высокого в ней еще нет ничего. Потому-то, наконец, Христос открывает ей высокую тайну, не видом Своим, а голосом. Как в тех случаях, когда Он находился среди иудеев, иногда они узнавали Его, а иногда не узнавали, так и в то время, как Он говорил, Его узнавали лишь тогда когда Он хотел. Так, когда Он говорил иудеям: "**кого ищете**"? – они не узнавали Его ни по виду, ни по голосу, до тех пор, пока Он хотел. Тоже самое случилось и здесь. Христос произнес теперь только имя Марии, укоряя ее и упрекая за то, что она так думает о Нем, тогда, как Он жив. Но как же она отвечает "**обратившись**", между тем, как Христос с нею беседовал? Мне кажется, что она, сказав: "**где ты положил Его**", обратилась к ангелам, с намерением спросить их, чему они изумились, и что Христос, назвав ее по имени, снова заставил ее обернуться от ангелов в Его сторону и по голосу дал узнать Себя. Действительно, она узнала Его тогда, когда он назвал ее, сказав: "**Мария**" (ст. 16), и значит, узнала не по виду, но по голосу. Может быть, кто-нибудь спросит: откуда известно, что ангелы пришли в изумление и что поэтому Мария обратилась назад? Но в таком случае нужно будет также спросить: откуда известно, что Мария прикоснулась ко Христу и пала к ногам Его? И как это последнее открывается из слов: "**не прикасайся ко Мне**" (ст. 17), так и первое видно из того, что сказано "**обратилась**". Но почему Христос сказал: "**не прикасайся ко Мне**"? Некоторые говорят, что Мария просила у Него духовной благодати, так как слышала, что Он говорил ученикам: "**когда пойду"** к Отцу, "**умолю"** Его, и "**даст вам другого Утешителя**" (Иоанн. 14:3, 16).

2. Но как она, не бывшая тогда с учениками, могла слышать эти слова? С другой стороны, и по своим понятиям она далека была от подобного желания. Да и как она могла просить об этом, когда Он еще не отошел к Отцу? Что же это значит? Мне кажется, что и теперь желала обращаться с Ним, как прежде, и от радости не представляла себе ничего великого, хотя Он и сделался по плоти гораздо совершеннейшим. Поэтому Христос, чтобы отклонить ее от такого мнения и внушить ей не говорить с ним без всякой осторожности (потому что и с учениками, как видно, Он уже не обращался по прежнему), - возвышает ее помышления и через это научает ее более благоговейному с Ним обращению. Если бы Он сказал: не подходи ко Мне, как прежде; теперь обстоятельства изменились, и Я уже не буду обращаться с вами по прежнему, - то это было бы неприятно и отзывалось бы похвальбой и тщеславием. Но слова: "**ибо Я еще не восшел к Отцу Моему**" были не тягостны и, между тем, выражали тоже самое. Сказав: "**ибо Я еще не восшел к Отцу Моему**", Христос дает разуметь, что Он спешит туда и стремится. А кто готов уже отойти на небо и не будет более обращаться с людьми, на того уже не следовало смотреть с такими же мыслями, с какими смотрели прежде. Что такое объяснение справедливо, видно из следующих слов: "**иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему**" (ст. 17). Но ведь Он намерен был сделать это не тотчас, но спустя сорок дней: для чего же говорит так? Для того, тобы возвысить помысли Марии и уверить ее, что Он восходит на небо. А слова: "**к Отцу Моему и Отцу**

вашему, и к Богу Моему и Богу вашему" – относятся к воплощению, так как и восшествие свойственно только плоти. Христос выражается так потому, что говорит с женою, которая не представляла себе ничего великого. Значит, Бог в ином смысле Отец Его и в ином – наш? Именно так. Если Бог не в одинаковом смысле – Бог праведных и Бог прочих людей, то тем более – Сына и наш. А так как Христос сказал: "**скажи братьям**", то, чтобы на основании этих слов не стали предполагать какого-либо равенства (между Ним и учениками) – Он показывает и различие: сам Он будет возседать на престоле Отчем, а они будут предстоять этому престолу. Следовательно, хотя Христос, по человеческому естеству Своему, и соделался братом нашим, однакож по славе – весьма отличен от нас, отличен настолько, что и выразить нельзя. Между тем, Мария уходит, чтобы возвестить об этом ученикам (ст. 18). Вот как хорошо усердие и постоянство! Но отчего ученики теперь не скорбят о том, что Христос намерен отойти от них, и не говорят того, что говорили прежде? Тогда они скорбели потому, что Он шел на смерть; а теперь, когда Он воскрес, из-за чего им было печалиться? Мария возвестила им и о своем видении, и о словах, которые могли утешить их. Но легко могло случиться, что ученики, слушая это, или не поверят жене, или, поверив, будут скорбеть о том, что Христос не удостоил их своего явления, хотя и обещал явиться им в Галилее. Поэтому, чтобы они не тревожились такими мыслями, Христос не дал миновать и одному дню, но, возбудив в них желание видеть Его, - как тем, что они уже знали о Его воскресении, так и рассказом жены, - в тот же день по наступлении вечера, когда они горели желанием видеть Его и были одержимы страхом, - отчего еще более усиливалось их желание, - предстал перед ними, и притом чудесным образом.

Почему же Он явился вечером? Потому, что особенно в это время, по всей вероятности, они находились в наибольшем страхе. Но вот что удивительно: как они не сочли Его за призрак, когда Он вошел чрез затворенные двери и внезапно? Это, без сомнения, потому, что Мария успела уже произвести в них сильную веру, а притом Он и явился к ним в светлом и кротком виде. Днем же Он не явился для того, чтобы ученики собрались все вместе, - так как они были в великом страхе. Поэтому Он даже не стучал в дверь, но внезапно стал посреди их, показал им ребра и руки, а вместе с тем и голосом успокоил волновавшиеся мысли их, сказав: "**мир вам**" (ст. 19), т.е., не смущайтесь. Этим Он напомнил им слова, сказанные перед страданием: "**мир оставляю вам, мир Мой даю вам**" (Иоан. 14:27), и еще: "**во Мне мир**" имейте: "**в мире будете иметь скорбь**" (Иоан. 16:33). "**Ученики обрадовались, увидев Господа**" (ст. 20). Видишь ли, как слова Его оправдались на деле? Что сказал Он перед страданием: "**увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас**" (Иоан. 16:22), - то исполнил теперь самым делом. Все же это привело учеников к совершенной вере. А так как они имели непримиримую брань с иудеями, то Он часто повторяет: "**мир вам**", - предлагая таким образом равносильное брани утешение.

3. Вот какое первое слово сказал Христос по воскресении. Потому-то и Павел повсюду говорит: "**благодать вам и мир**". Женам Господь благовествует радость, так как женский пол был в печали и на печаль осужден был первым проклятием. Таким образом Он, совершенно прилично, мужам благовествует мир – по причине брани, а женам радость – по причине печали. Уничтожив все, что было поводом к скорби, Христос далее говорит о благотворных следствиях креста. Таким следствием был мир. Значит все препятствия теперь отстранены, Христос одержал блистательную победу, и все приведено к вожделенному концу. Поэтому Он, наконец, говорит: "**как послал Меня Отец, [так] и Я посылаю вас**" (ст. 21). Для вас не будет никакой трудности, как по причине совершившихся уже событий, так и по достоинству моего лица, - так как Я посылаю вас. Этим Он возвышает души учеников и показывает, что их слова будут вполне достоверны, так как они примут на себя Его дело. И теперь Он уже не умоляет Отца, но собственною

властью дарует ученикам силу. "**Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся**" (ст. 22, 23). Как царь, посылая правителей, дает им власть и заключать в темницу, и освобождать из темницы, так и Христос, посылая учеников, облекает их такою же властью. Как же Он прежде сказал: "**если Я не пойду, Утешитель не приидет к вам**" (Иоан. 16:7), а теперь дает Духа? Некоторые говорят, что Христос не сообщил ученикам Духа, а только посредством дуновения сделал их способными к Его принятию. Ведь если Даниил, при виде ангела, пришел в "**ужас**" (Дан. 8:17), то чего не испытали бы и ученики, если бы приняли эту неизреченную благодать, не будучи наперед к тому приготовлены? Потому-то, говорят, Христос не сказал: вы приняли Духа Святого, но "**примите Духа Святаго**". Но не погрешит тот, кто скажет, что и тогда ученики получили некоторую духовную власть и благодать, только – не воскрешать мертвых и совершать чудеса, а отпускать грехи, - так как различны дарования Духа. Потому-то Христос и присовокупил: "**кому простите грехи, тому простятся**", - показывая, какой род благодатной силы даруется им. А впоследствии, спустя сорок дней, они получили силу чудотворений, почему Христос и говорит: "**вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее**" (Деян. 1:8); а свидетелями они сделались посредством чудес. Неизреченна, поистине, благодать Духа и многоразличны дары Его! Сообщает же Христос дары Духа, чтобы ты знал, что у Отца и Сына и Святого Духа один дар и одна власть. В самом деле, что присвояется, по-видимому, Отцу, тоже самое оказывается принадлежащим и Сыну, и Святому Духу. Как же сказано, что никто не приходит к Сыну, "**если то не дано будет ему от Отца Моего**" (Иоан. 6:65)? Но это же самое, очевидно, принадлежит и Сыну: "**Я есмь**", говорит Он, "**путь: никто не приходит к Отцу, как только через Меня**" (Иоан. 14:6). А вот смотри, это же приписывается и Духу: "**никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым**" (1 Кор. 12:3). Так точно и апостолы представляются дарованными Церкви то от Отца, от от Сына, от от Духа Святого. И разделение дарований, как видим, усвояется и Отцу, и Сыну, и Святому Духу.

4. Употребим же все меры к тому, чтобы иметь в себе Духа, и будем со всею почтительностью обращаться с теми, кому вверена власть действовать благодатными дарами. Подлинно, велико достоинство священников! "**Кому**", сказано, "**простите грехи, тому простятся**". Потому-то и Павел говорит: "**повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны**" (Евр. 13:17), и: "**почитайте их преимущественно с любовью**" (1 Фес. 5:13). В самом деле, ты заботишься только о своих делах, и, если их устроишь хорошо, - не будешь отвечать за других людей. А священник, хотя бы и хорошо устроил свою собственную жизнь, но если не будет с должным усердием заботиться о жизни твоей и всех других, вверенных его попечению, то вместе с порочными пойдет в геенну, и часто, невинный по своим делам, он погибает за ваши беззакония, если не исполнит надлежащим образом всего, что до него касается. Итак, зная, какая великая угрожает опасность священникам, оказывайте им великую любовь. На это указал и Павел, когда сказал: "**они неусыпно пекутся о душах ваших**", и – не просто, но "**обязанные дать отчет**" (Евр. 13:17). Потому им надобно оказывать великое уважение. Если же и вы вместе с другими станете оскорблять их, то и ваши дела не будут благоуспешны. Доколе кормчий, благодушествует, до тех пор и плывущие на корабле безопасны; а коль скоро он, от оскорблений и враждебных действий со стороны спутников, находится в горе, то уже не может ни быть бдительным по прежнему, ни действовать с обычным своим искусством, и нехотя подвергает их бесчисленным бедствиям. Так и священники, если будут пользоваться у вас надлежащею честью, в состоянии будут устроить и ваши дела, как следует; а если вы будете опечаливать их, то ослабите их руки и сделаете то, что они вместе с вами легко будут увлечены волнами, хотя бы они были и весьма мужественны. Помысли о том, что сказал Христос об иудеях: "**на Моисеевом седалище сели книжники**

и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте" (Матф. 23:2, 3). Теперь же нельзя сказать, что священники воссели на седалище Моисеевом; нет, они воссели на седалище Христовом, потому что приняли Христово учение. Потому и Павел говорит: "**мы - посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас**" (2 Кор. 5:20). Не видите ли, как все подчиняются властям мирским? Хотя подчиненные часто превосходят начальствующих и знатностью рода, и жизнью, и мудростью, однакож, из уважения к тому, кто их поставил, они не думают ни о чем этом, но чтут определение царя, каков бы ни был тот, кто получил над ними начальство. Таков-то у нас страх, когда поставляет начальника человек! Но когда рукополагает Бог, - мы и презираем рукоположенного, и оскорбляем его, и преследуем бесчисленными поношениями, и, тогда как нам запрещено судить и своих братьев, изощряем язык на священников. И какое найдем мы себе оправдание, когда в своем глазе не видим бревна, а у другого со злобным старанием замечаем и сучек? Ужели не знаешь, что, когда судишь таким образом других, приготовляешь и себе самому тягчайшее осуждение? Говорю это не потому, чтобы я одобрял недостойно проходящих служение священства; нет, - я крайне жалею о них и плачу; тем не менее однакож утверждаю, что и в этом случае подчиненные и особенно люди самые простые, не имеют права судить их. Пусть жизнь священника будет самая порочная; но, если ты внимателен к самому себе, то не потерпишь никакого вреда в том, что ему вверено от Бога. Если Господь заставил говорить ослицу и через волхва даровал духовные благословения; если, таким образом, и через бессловесные уста ослицы, и через нечистый язык Валаама Он действовал для неблагодарных иудеев, то тем более для вас если вы будете признательны, Он сделает со своей стороны все, что нужно, и ниспошлет Духа Святого, - хотя бы и крайне порочны были священники. Ведь и чистый (священник) не своею собственною чистотою привлекает Духа Святого; но все совершает благодать. "**Ибо все ваше**", говорится, "**Павел ли, или Аполлос, или Кифа**" (1 Кор. 3:22). Все, что вверено священнику, есть единственно Божий дар; и, сколько бы не преуспевало человеческое любомудрие, оно всегда будет ниже той благодати. Говорю это не для того, чтобы мы беспечно располагали своей жизнью, но для того, чтобы вы подчиненные, видя нерадение кого-либо из предстоятелей, не преумножали по этому поводу для самих себя зла. Но что я говорю о священниках? Ни ангел, ни архангел не может оказать никакого действия на то, что даруется от Бога: здесь все устроят Отец и Сын и Святой Дух, а священник только ссужает свой язык и простирает свою руку. Да и несправедливо было бы, если бы, по причине порочности другого лица терпели вред те, которые с верою приступают к символам нашего спасения. Итак, зная все это, будем и Бога бояться, и уважать Его священников, оказывая им всякую честь, чтобы и за свои добрые дела и за уважение к ним получить от Бога великую награду, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 87

"Фома же, один из двенадцати, называемый Близнец, не был тут с ними, когда приходил Иисус. Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу, не поверю" и пр. (Иоанн. 20:24-25)

1. Как веровать просто и без разбора – дело легкомыслия, так и сверх меры испытывать и больше, чем нужно, исследовать – дело ума крайне упрямого. Поэтому-то и Фома подвергается порицанию. Когда апостолы сказали ему: "**мы видели Господа**", - он не поверил, не столько по недоверию к ним, сколько потому, что считал невозможным это дело, то есть воскресение из мертвых. Он не сказал: я не верю вам, но: "**не вложу руки моей в ребра Его, не поверю**". Но отчего в то время, как все были собраны, не было его одного? Вероятно, он тогда не возвратился еще из прежде бывшего рассеяния. А ты, когда

видишь этого ученика неверующим, подумай о человеколюбии Господа, который и ради одной души показывает себя в ранах, приходит и для спасения одного, хотя и более других упорного. В самом деле, Фома искал себе удостоверения посредством самого грубого чувства и не верил даже глазам. Он не сказал: если не увижу, но: если не осяжу, чтобы узнать, не призрак ли это, что я вижу. Без сомнения, и возвестившие ученики были уже достойны веры, равно как и Сам, обещавший это; тем не менее однакож, поелику Фома искал себе большего, то Христос не отказал ему и в этом.

Для чего же Он является ему не тотчас, а спустя восемь дней? Для того, чтобы Фома, внимая в течение этого времени убеждениям учеников и слыша одно и тоже, воспламенился большим желанием и сделался более твердым в вере на будущее время. Но откуда он знал, что и ребра прободены? Слышал это от учеников. Отчего же этому он поверил, а тому не поверил? Оттого, что то было событие совершенно необыкновенное и чудесное. Но ты заметь правдолюбие апостолов: они не скрывают недостатков ни своих, ни чужих, но описывают их со всею истиною. Итак, снова является Иисус и не ожидает пока (Фома) станет просить Его или скажет что-нибудь подобное, но еще прежде, чем тот сказал что-нибудь, исполняет его желание, показывая тем, что Он был с учениками и в то время как (Фома) говорил с ними. Он употребил теже самые слова, сильно укоряя его и вразумляя на будущее время. Сказав: "**подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим**", - прибавил: "**и не будь неверующим, но верующим**" (ст. 27). Видишь ли, что сомнение происходило от неверия? Но так было прежде, чем получили Духа Святого; а после – не так: они уже были совершенны. И не этими только словами Христос укорил, но и дальнейшими. Когда Фома, удостоверившись, успокоился и воскликнул: "**Господь мой и Бог мой!**", - Христос сказал: "**ты поверил, потому что увидел Меня; блаженны невидевшие и уверовавшие**" (ст. 28, 29). Вера в том, действительно, и состоит, чтобы принимать невидимое: "**вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом**" (Евр. 11, 1). А блаженными Он называет здесь не одних только учеников, но и тех, которые уверуют после них. Но ведь ученики, скажешь, увидели и уверовали? Однакож, они ничего подобного не требовали, но от погребальных пелен тотчас приняли слово о воскресении и прежде, чем увидели самого Христа, уже показали полную веру. Итак, если кто в настоящее время скажет: как бы я желал жить в те времена и видеть Христа чудодействующего! – тот пусть подумает, что "**блаженны невидевшие и уверовавшие**". При этом случае справедливо можно придти в недоумение, каким образом тело нетленное имело на себе язвы гвоздинные, и как возможно было касаться его смертною рукою? Но не смущайся: это было делом снисхождения. Тело столь тонкое и легкое, что вошло сквозь затворенные двери (ст. 26), очевидно, чуждо было всякой дебелости; но Христос показывает его таким для того, чтобы уверить в воскресении и научить, что именно Он был распят, и не другой воскрес вместо Него. Поэтому-то Он воскрес, имея на Себе знаки креста; поэтому же Он вкушает и пищу. И апостолы очень часто представляли это, как свидетельство воскресения, говоря: "**которые с Ним ели и пили**" (Деян. 10:41). Потому как до распятия мы видим Его ходящим по волнам и однако же не говорим, что тело Его было другого естества, а не нашего, так и после воскресения, видя на Нем язвы, не станем называть Его тленным, - потому что Он показывал их для ученика. "**Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес**" (ст. 30). Так как этот евангелист сказал меньше других, то говорит, что и все прочие сказали не все, но столько, сколько нужно было для привлечения слушающих к вере. А если бы, говорит, все было описано, то думаю, что и мир не вместил бы книг (Иоанн. 21:25).

2. Отсюда явно, что не из хвастовства говорили о чудесах, которые они описали, но единственно – для пользы. Да и как возможно, чтобы они описали из хвастовства, когда большую часть их опустили? Но почему же они не о всех разсказали? Преимущественно –

по их множеству; потом они думали и то, что кто не поверит сказанному, тот не поверит и большему, а кто примет это, тому ничего больше не нужно будет для утверждения в вере. Впрочем, мне кажется, что здесь (евангелист) говорит только о знамениях, бывших после воскресения, почему и замечает: "**пред учениками Своими**" (ст. 30). Как до воскресения нужны были многие чудеса для того, чтобы уверовали, что Христос есть Сын Божий, так после воскресения – для того, чтобы убедились, что Он воскрес. Поэтому и присовокупил: " **пред учениками Своими**", так как после воскресения обращался только с ними, почему и говорил: " **мир уже не увидит Меня**" (Иоанн. 14:19). Потом, чтобы ты знал, что все это было сделано только ради учеников, прибавляет: "**и, веруя, имели жизнь во имя Его**" (ст. 31). Здесь Он обращает речь вообще к людям и показывает, что сказал об этом не ради Того, в кого мы веруем, но преимущественно для нашей собственной пользы. "**Во имя Его**", то есть, чрез него, - потому что Он есть "**жизнь**" (Иоанн. 14, 6). "**После того опять явился Иисус ученикам Своим при море Тивериадском**" (Иоанн. 21, 1). Видишь, что Он не постоянно обращается с ними и не так, как прежде? Явился вечером, и скрылся; потом – еще однажды, спустя восемь дней, и опять скрылся; затем теперь – на море, и опять при великом страхе. Но что значит: "**явился**"? Из этого видно, что, если бы Он не снизошел, то не был бы видим, так как тело Его было уже нетленно и бессмертно. А для чего упомянул о месте? Чтобы показать, что Христос избавил их от чрезмерного страха, так что они выходили уже из дома и ходили повсюду. Они уже не сидели, запершись в доме, но, избегая опасности от иудеев, отправились в Галилею. И вот Симон идет ловить рыбу. Так как Христос не постоянно находился с ними, а Дух Святой еще не был им дарован, и они оставались тогда без всякого поручения, то, не имея никакого дела, они обратились к своему промыслу. "**Были вместе Симон Петр, и Фома, и Нафанаил**", призванный Филиппом, "**и сыновья Зеведеевы, и двое других**" (ст.2). Так как, говорю, у них не было никакого дела, то они пошли ловить рыбу и занимались этим ночью, потому что боялись. О ловле же рыбы говорит и Лука (5:1-10), но разумеет не это событие, а другое. Прочие ученики пошли (за Петром), так как они уже не разлучались друг от друга, а вместе с тем хотели посмотреть на ловлю и с пользою употребить свободное время. Итак они трудятся, и когда утомились, им предстает Иисус, но не тотчас обнаруживает Себя, а сначала входит с ними в разговор. Он говорит им: "**есть ли у вас какая пища**" (ст.5)? – Вступает в разговор совершенно по-человечески, как бы намереваясь что-нибудь купить у них. Когда же они отозвались, что у них нет ничего, Он повелел им бросить направо: они бросили и получили улов. А когда они узнали Его, то ученики Петр и Иоанн опять обнаруживают особенности своих характеров. Тот был пламеннее, а этот возвышеннее; тот стремительнее, а этот проницательнее. Поэтому Иоанн первый узнал Иисуса, а Петр первый пошел к Нему, - так как не малые были при этом и знамения. Какие же именно? Во-первых, поймано было множество рыбы; потом, мрежа не разорвалась; далее, они нашли готовыми уголья и "**разложенный огонь и на нем лежащую рыбу и хлеб**" (ст. 9) прежде, чем достигли берега. Теперь Христос творил уже не из готового вещества, как по некоторому смотрению творил прежде. Итак Петр, как только узнал Его, бросил все – и рыбу, и мрежи, и препоясался. Видишь и почтительность, и любовь? Хотя ученики были в расстоянии двух сот локтей, но Петр, несмотря и на это, не захотел ожидать, пока придет на судне, но поспешил вплавь. Что же Иисус? "**Придите**", - говорит, - "**обедайте**". "**Никто не смел спросить Его**" (ст. 12). Теперь они уже не имели своей обычной смелости, не дерзали, как прежде, и не обращались к Нему с речью, но в молчании, с великим страхом и благоговением сидели и смотрели на Него. Они знали, "**что это Господь**" (ст. 12), и потому не спрашивали: "**кто Ты**"? Видя изменившееся лицо, исполненное необычайного величия, они были очень изумлены и хотели бы что-нибудь спросить об этом; но страх и сознание, что это был не другой кто, а именно ОН. удерживали их от вопроса, и они лишь вкушали то, что Он создал Своею высокою властью. Здесь Он уже не взирает на небо и не делает ничего человеческого, как

это было прежде, показывая, что и тогда это делалось по снисхождению. А что Он не постоянно и не так, как прежде, обращался с учениками, об этом говорит евангелист:

"**это уже в третий раз явился Иисус ученикам Своим по воскресении Своем из мертвых**" (ст. 14). Христос повелевает принести и часть рыбы, чтобы показать, что видимое ими – не призрак. Впрочем, здесь не говорится, чтобы Он сам ел с ними, но Лука в другом месте говорит об Нем: "**и, взяв, ел пред ними**" (Лук. 24, 43). с ними же и ел (Деян. 10:41) Как это было, мы не можем сказать. Без сомнения, это происходило как-нибудь чудесно, не потому, чтобы естество еще нуждалось, но – по снисхождению, для доказательства воскресения.

3. Слушая об этом, вы, может быть, воспламенились и назвали блаженными тех, которые обращались с Ним, равно как и тех, которые будут в общении с Ним в день общего воскресения. Употребим же все меры к тому, чтобы узреть Его чудное лице. Если теперь, когда только слышим об этом, мы так воспламеняемся и желали бы жить в те дни, когда и Он жил на земле, слышать Его голос, видеть лице, приходить к Нему, касаться Его и служить Ему, то подумай, что значит – видеть Его, когда Он уже не в смертном теле и действует не по-человечески, но дориносится[1] ангелами, когда и мы сами будем в бессмертном теле и, созерцая Его, будем наслаждаться и прочим блаженством, превосходящим всякое слово. Поэтому-то, умоляю вас, будем всячески стараться о том, чтобы не лишиться такой славы. И в этом нет ничего трудного, если только мы захотим, - ничего тягостного, если будем внимательны: "**если терпим, то с Ним и царствовать будем**" (2 Тим. 2:12). Что же значит: "**терпим**"? Если будем переносить скорби, гонения, если будем идти тесным путем. Тесный путь сам по себе труден, но от нашей решимости и надежды на будущее делается легким. "**Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно**" (2 Кор. 4:17-18). Итак возведем очи наши на небо и будем постоянно представлять и созерцать тамошнее. Если мы всегда будем иметь это в мыслях, то и здешние удовольствия не будут для нас привлекательны, и горести не будут тягостны. И над этим, и над подобным мы будем смеяться, и уже ничто не в состоянии будет ни поработить, ни надмить нас, если только мы желанием своим устремимся туда и будем взирать на ту любовь. И что я говорю: не будем скорбеть при настоящих бедствиях? Мы не будем даже замечать их: таково уже свойство любви. Кого мы любим и кто находится не вместе с нами, но вдали от нас, того-то именно мы и представляем себе каждый день. Велика, поистине, сила любви: она устраняет душу от всего и привязывает к любимому предмету. Если мы так возлюбим Христа, то все здешнее будет казаться нам тенью, все – только признаком и сном. Тогда и мы скажем: "**Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота**"

(Рим. 8, 35)? Не сказал: имущество, богатство, красота, так как все это крайне ничтожно и презренно, но указал на то, что починается тяжким, - на голод, гонения, смерть. Он и это презрел, как ничего незначащее, а мы из-за денег разлучаемся с нашею жизнью и устраняемся от света. Павел предпочитает любовь к Нему и смерти, и жизни, и настоящему, и будущему, и всякой вообще твари; а мы, лишь только увидим немного золота, тотчас воспламеняемся и попираем законы Христовы. Если неприятно слышать об этом, то тем менее надобно терпеть это на деле. Но в том-то и беда, что мы, когда слышим это, - ужасаемся, а когда делаем, - не ужасаемся, напротив, мы и легкомысленно клянемся, и преступаем клятвы, и хищничаем, и требуем лихвенных процентов, и нерадим о целомудрии, и оставляем прилежную молитву, и преступаем большую часть заповедей, и ради денег не обращаем никакого внимания на своих собратий. Да, кто пристрастен к богатству, тот причиняет тысячу зол ближнему, а вместе с ним и себе самому. Он легко раздражается, поносит, называет уродом, клянется, преступает клятву и не соблюдает

даже и того, что предписывает ветхозаветный закон. Кто любит богатство, то не будет любить даже ближнего, а между тем, нам заповедано ради царствия любить самих врагов. И если мы, исполняя древние заповеди, не можем достигнуть царства небесного, "**если праведность**" наша "**не превзойдет**" тех (Мат. 5:20), то, преступая и их, как получим оправдание? Пристрастный богатству не только не станет любить врагов, но и на самих друзей будет смотреть, как на врагов.

4. Да что я говорю о друзъях? Пристрастные к богатству часто не признают самой природы. Такой человек ни родства не знает, ни знакомства не помнит, ни возраста ни почитает, никого не имеет другом, но ко всем проявляет враждебное расположение, больше же всех – к самому себе, - не потому только, что губит душу свою, но и потому, что обременяет себя безчисленными заботами, трудами, печалями. Он решается на путешествия, подвергается неприятностям, опасностям, козням и всему подобному, лишь бы только иметь у себя корень зол и насчитать много золота. Что может быть ужаснее такой болезни! Человек, одержимые ею, отказывается и от роскоши и от всякого удовольствия, из-за которых так много грешат люди, и лишает себя славы и чести. Любящий богатство всех подозревает и имеет множество обвинителей, завистников, клеветников и злоумышленников. Те, которые обижены им, ненавидят его, потому что потерпели от него зло; те, которые еще ничего не потерпели, вооружаются против него, из опасения потерпеть и из соболезнования к потерпевшим; а наконец, и люди великие и могущественные, частью по негодованию на него из сострадания к низшим, а частию и по зависти, также становятся его врагами и ненавидят его. Но что я говорю о людях? Против кого сам Бог вооружен, - какая остается тому надежда, какое утешение, какая отрада? Пристрастный к богатству никогда не будет в состоянии пользоваться им; он будет рабом и стражем его, но не господином. Стараясь всегда увеличить, он никогда не захочет тратить его, но будет изнурять себя. будет беднее всех нищих, потому что никогда не удовлетворит своей страсти. А ведь деньги существуют не для того, чтобы беречь их, но для того, чтобы ими пользоваться. Если же мы станем зарывать их от других, то может ли быть что жалче нас, когда мы всюду бегаем и стараемся все захватить, чтобы запереть у себя в дому и изъять из общего употребления? Есть, впрочем, и другой недуг, не меньше этого. Одни зарывают деньги в землю, а другие расточают для чрева, на роскошь и пьянство, и таким образом вместе с наказанием за неправду навлекают на себя наказание за сластолюбие. Одни употребляют их на тунеядцев и льстецов, другие на игру и блудниц, а третьи на другие подобные надобности, и таким образом пролагают себе бесчисленные пути, ведущие в геенну, и оставляют прямой и законный путь, ведущий к небу, между тем как этот путь не только доставляет выгоду, но и приятнее тех путей. Кто дает блудницам, тот делается смешным и зазорным; он будет иметь много ссор, а удовольствие краткое, лучше же сказать – даже и краткого не получит. Сколько бы ни давал он отверженным женщинам, они ничуть не будут благодарны ему: "**чужой дом – просверленный сосуд**" (Прит. 23:27). Притом же этот род бесстыден, и Соломон любовь такой женщины уподобил аду. Она тогда только успокаивается, когда увидит своего любовника ничего уже не имеющим. Лучше же сказать, - она и тогда не успокаивается, но еще больше величается, попирает лежащего, предает его великому осмеянию и столько делает ему зла, что и описать нельзя. Не таково удовольствие спасаемых. Здесь никто не имеет соперника в любви, но все радуются и веселятся – как те, которые благоденствуют, так и те, которые смотрят на них. Ни гнев, ни печаль, ни стыд, ни поношение не смущают души такого человека; напротив, там великое спокойствие совести и великая надежда на будущее, светлая слава и великая честь, полное благоволение Божие и безопасность. Нет там ни единого утеса и никакой опасности, напротив – недоступное для волн пристанище и тишина. Представляя себе все это и сравнивая одно удовольствие с другим, изберем для себя лучшее, чтобы сподобиться и будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

[1] Т.е. носится на копьях (греч. "дорос"). Был обычай победивших военачальников нести особым образом с помощью копий для прославления.

БЕСЕДА 88

"Когда же они обедали, Иисус говорит Симону Петру: Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? [Петр] говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. [Иисус] говорит ему: паси агнцев Моих" (Иоанн. 21:15)

1. Многое и другое может доставить нам дерзновение пред Богом и сделать нас славными и достопочтенными; но преимущественно пред всеми, мы приобретаем благоволение свыше попечением о ближних. Вот этого и Христос требует от Петра. Когда трапеза учеников приходила к концу, "**Иисус говорит Симону Петру: Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они? [Петр] говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. [Иисус] говорит ему: паси агнцев Моих**" (ст.15-16) Почему же, помимо других учеников, беседует об этом с Петром? Потому что он был избранный из апостолов, уста учеников, верховный в их лике, почему и Павел приходил некогда видеть его преимущественно пред другими. Вместе с тем Христос поручает ему попечение о братии и для того, чтобы показать, что отныне он должен иметь дерзновение, так как отречение его предано забвению. Не вспоминает об его отречении и не порицает его за то, что было; но говорит: если ты любишь Меня, то заботься о братии; покажи теперь ту горячую любовь, которую ты всегда обнаруживал и которую утешался; душу свою, которую ты обещал положить за Меня, предай за овец Моих. Будучи спрошен в первый и во второй раз, Петр призвал в свидетели самого Ведущего сокровенные тайны сердца. Когда же потом спрошен был и в третий раз, то смутился, убоявшись, чтобы опять не случилось того же, что было прежде, потому что и тогда он говорил с уверенностью, но последствия опровергли его. Поэтому снова прибегает ко Христу и говорит: **Ты знаешь**, то есть, и настоящее, и будущее. Видишь, как он исправился и стал благоразумнее? Уже не упорствует в своем мнении и не противоречит. Поэтому-то он и смутился. Может быть, я думаю только, будто люблю, а на самом деле не люблю, как и прежде я много думал о себе и говорил с уверенностью, но последствия опровергли меня. А троекратно Христос спрашивает его и троекратно заповедует ему одно и тоже, чтобы показать, как высоко Он ценит попечение о Своих овцах, и что это в особенности служит знаком любви к Нему. Сказав ему о любви к Себе, Христос предрекает ему и мученичество, которому он подвергнется, и тем показывает, что то, что Он говорил ему, говорил не по недоверию к нему, а напротив, по совершенной уверенности в нем, желая показать образец любви к Себе и научить нас, каким образом преимущественно мы должны любить Его. Вот почему говорит: "**Истинно, истинно говорю тебе: когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел; а когда состаришься, то прострешь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь**" (ст.18). Несомненно, что Петр сам этого хотел и желал, потому Христос и возвестил ему это. Он неоднократно говорил: "**я душу мою положу за Тебя**" (Иоанн. 13:37), и: "**хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя** (Матф. 26:35); поэтому Христос и устроил по его желанию. Что же значит: **куда не хочешь?**" Христос говорит здесь о свойстве природы, о необходимом законе плоти, о том, что душа неохотно разрешается от тела, так что, хотя бы намерение было и твердое, но и при этом природа обнаруживает себя. Никто без страдания не разстается с телом, и это Бог устроил, как я и прежде говорил, для пользы, чтобы немного было насильственных смертей. Ведь если и при этом дьявол успевает побуждать к самоубийству и весьма многих доводит до стремнин и пропастей, то, если бы не такова

была любовь души к телу, многие тотчас бы устремлялись бы к этому даже от самой ничтожной печали. Итак слова: "**куда не хочешь**" означают естественную любовь. Почему Христос, сказав: "**когда ты был молод**", говорит потом: "**а когда состаришься**"? Этим показывает, что Петр тогда был уже не молод, как это и справедливо, но и не стар, а в совершенном возрасте. Для чего же он напомнил ему о прежней жизни? Чтобы показать, что таковы Его дела. В житейских делах человек молодой бывает полезен, а состарившийся бесполезен; а в Моих делах, говорит, не так: напротив, с наступлением старости доблесть блистательнее и мужество славнее, не встречая никаких препятствий от возраста. И этого он говорил не с тем, чтобы устрашить, но для того, чтобы воодушевить, потому что Он знал его желание, знал, что он издавна пламенно стремился к этому благу. Вместе с тем Христос указывает здесь и на образ его смерти. Так как Петр всегда хотел быть в опасностях за Него, то Он говорит: будь спокоен, Я исполню твое желание, так что, чего ты не потерпел в юности, то потерпишь в старости. Далее, евангелист, возбуждая слушателя, прибавил: "**Сказал же это, давая разуметь, какою смертью [Петр] прославит Бога**" (ст.19). Не сказал: умрет, но: **прославит Бога**, чтобы ты знал, что страдания за Христа составляют славу и честь страждущего. "**И, сказав сие, говорит ему: иди за Мною".** Здесь Христос опять указывает на Свое попечение о нем и на Свое великое расположение к нему. Если же кто спросит: почему же престол иерусалимский получил Иаков? – то я отвечу, что Петра Христос поставил учителем не для этого престола, но для вселенной. "**Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус и который на вечери, приклонившись к груди Его, сказал: Господи! кто предаст Тебя?**" (ст. 20-21).

2. Для чего напомнил нам о бывшем тогда возлежании? Не просто и не без причины, но – чтобы показать, какое Петр имел дерзновение после своего отречения. Прежде он не смел спросить, но поручил это другому, а теперь ему вверено даже попечение о братии. Теперь он не только не поручает другому того, что до него касается, но уже и сам за другого спрашивает Учителя: Иоанн молчит, а он говорит. Здесь же евангелист показывает и любовь к нему (Петра). Действительно, Петр очень любил Иоанна; это видно и из последующих событий, да и вообще во всем евангелии и в Деяниях обнаруживается их взаимная любовь. И вот, поелику Христос предсказал Петру величие, вручил ему вселенную, предвозвестил мученичество и засвидетельствовал, что его любовь больше любви других, то Петр желая иметь его своим общником, говорит: "**Господи! а он что?**" Не пойдет ли и он одним с нами путем? Как прежде, не дерзая сам спросить, поручил это Иоанну, так теперь, платя ему тем же и думая, что он хотел бы спросить о себе, но не смеет, сам берет на себя предложить о нем вопрос. Что же Христос? "**если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе [до того]? ты иди за Мною".** (ст. 22) Так как Петр говорил по крайней заботливости и не желая разлучиться с Иоанном, то Христос, показывая, что сколько бы он ни любил его, но любовь его не сравняется с любовью самого Христа, - говорит: "**если Я хочу, чтобы он пребыл, что тебе [до того]?**" Этим Он учит нас не сокрушаться и не любопытствовать больше, чем сколько Ему угодно. Петр всегда был пылок и скор на такие вопросы, а потому Христос этими словами снова обуздывает его горячность и научает не быть сверх меры любопытным. "**И пронеслось это слово между братиями",** то есть, между учениками, "**что ученик тот не умрет. Но Иисус не сказал ему, что не умрет, но: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе [до того]?**" (ст. 23)? Не думай, говорит, что Я одинаково устрою вашу судьбу. А это он сделал потому, что теперь неблаговременна была их взаимная любовь. Так как они должны были принять на себя попечение о вселенной, то им уже не следовало быть вместе друг с другом: это было бы весьма вредно для вселенной. Поэтому-то Христос и говорит Петру: тебе поручено дело; заботься о нем, совершай его, терпи и подвизайся. Что, если Я хочу, чтобы Иоанн здесь пребывал? Ты смотри за своим делом и о нем заботься.

Заметь и здесь скромность евангелиста. Сказав о мнении учеников, он исправляет его, так как они не уразумели того, что Христос сказал. Но "**Иисус не сказал**", говорит, "**что не умрет, но: если Я хочу, чтобы он пребыл**" (Иоанн. 21:23). "**Сей ученик и свидетельствует о сем, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его**". (ст. 24). Почему он один так говорит, тогда как никто другой этого не делает, и уже в другой раз сам свидетельствует о себе, между тем как это неприятно слушателям? Какая тому причина? Говорят, что он после всех приступил к написанию (евангелия), будучи на то подвигнут и возбужден Богом. Поэтому он постоянно указывает на любовь Его к себе, намекая тем на причину, по которой решился писать. Поэтому же часто упоминает и о том (что его свидетельство истинно), придавая чрез то достоверность своему слову и показывая, что он приступил к этому по побуждению свыше: "**и знаем**", говорит, "**что истинно свидетельство его**", о чем он повествует. Если же многих это не уверит, то им можно увериться из следующего. Из чего же? Из того, что сказано далее. "**Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь**" (ст. 25). Отсюда видно, что я писал без пристрастия. Если при таком множестве я не сказал даже и столько, сколько другие, но, опустив большую часть их, выставил на вид козни иудеев и разсказал, как они бросали в Него камнями, как ненавидели Его, оскорбляли и поносили, как именовали Его даже бесноватым и обманщиком, то явно, что я писал без лести. Кто льстит, тот обыкновенно поступает как раз напротив, все позорное скрывает, а дела блистательные излагает. И вот почему он с совершенною уверенностью написав то, что написал, не отказывается выставить свое собственное свидетельство, вызывая разсмотреть и изследовать каждое событие в отдельности. Ведь и у нас есть обыкновение, когда мы считаем что-нибудь несомненно верным, не отказываться от собственного о том свидетельства. Если же это делаем мы, то тем более он, писавший по внушению Духа. Так говорили, проповедуя, и другие апостолы: "**мы свидетели**" тому, что проповедуем, и "**И Духъ, которого Бог дал повинующимся ему**" (Деян. 5:32).Притом Иоанн присутствовал при всех (событиях), не оставлял Христа и во время распятия, и ему поручена была Матерь: все это знак, что (Христос) любил его и что он знал все в точности. Если же он сказал, что знамений было совершено так много, - ты этому не удивляйся, но подумай о неизреченной силе Творящего и прими с верою сказанное. Как для нас легко говорить, так, или еще гораздо легче, для Него делать то, что Ему угодно. Ему довольно было восхотеть и – все исполнилось.

3. Будем же тщательно внимать сказанному и не перестанем читать и изъяснять. От частого чтения мы получим много пользы; через это мы в состоянии будем очистить жизнь свою и истребить в себе терние. Таковы именно грехи и житейские заботы, - бесплодны и болезненны. Как терние, с какой бы стороны не коснулись его, уязвляет касающегося, так и житейские дела, с какой стороны не приступишь к ним, всегда наводят печаль на того, что связывает себя ими и заботится о них. Но духовные дела не таковы; напротив, они похожи на драгоценный камень, который, как ни повернешь его, - отвсюду увеселяет зрение. Например, сотворил ли кто милостыню? Он не только питается надеждою на будущее, но наслаждается и здешними благами: он ничего не опасается и все делает с великим дерзновением. Преодолел ли кто злое возделание? Еще прежде наступления царствия, он уже здесь получает плод, слыша похвалу и одобрение от всех, а прежде всего от собственной совести. Да таково и каждое доброе дело, между тем как дела злые, еще прежде геенны, уже здесь мучат совесть. Если ты грешишь, то, подумаешь ли о будущем, - поражаешься страхом и трепетом, хотя никто не наказывает тебя; подумаешь ли о настоящем, - имеешь много врагов и живешь в подозрении, и не можешь даже прямо и посмотреть на обидевших тебя, лучше же сказать, и на тех, которые не обидели. От греха не столько получаем мы удовольствия, сколько скорби: тут и совесть

вопиет, и посторонние люди осуждают, и Бог прогневляется, и геенна угрожает поглотить нас, и мысли не могут успокоиться.

Тяжел, поистине тяжел и невыносим грех, - тяжелее всякого свинца. Кто сознает его за собою, тот отнюдь не может смотреть прямо, хотя бы был и очень нечувствителен. Так Ахаав, хотя был крайне нечестив, но, почувствовав грех, ходил с поникшею головою, сокрушался и скорбел. Потому-то он и вретище возложил на себя, и проливал источники слез. Если и мы будем это делать, если будем плакать, как Ахаав, и сложим с себя грехи, как Закхей, то и мы получим прощение. Как при опухолях и язвах, сколько бы кто ни прилагал к ним лекарств, не остановив наперед притекающей и растравляющей рану материи, все бывает напрасно, потому что не остановлен источник зла, - так бывает и с нами: если мы не удержим рук от любостяжания и не прорвем этого нечистого потока, то, хотя бы стали давать и милостыню, все будет напрасно. Что уврачует милостыня, то затопит, испортит и сделает еще худшим любостяжание. Перестанем же сначала хищничать, и тогда уже станем подавать милостыню. Если же мы сами будем стремиться в пропасть, то где у нас будет возможность остановиться? Когда человека падающего один станет тянуть вверх (что делает милостыня), а другой будет увлекать вниз, то от такой борьбы не произойдет ничего более, кроме того, что этот человек будет разорван. Итак, чтобы нам не потерпеть этого и чтобы милостыня не оставила и не покинула нас в то время, как любостяжание влечет нас долу, - облегчим себя и воспарим горе. Тогда, освободившись от дел злых и сделавшись совершенными через упражнение в делах добрых, мы сподобимся вечных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисусах Христа, с Которым Отцу со Св.Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том IX

Книга 1

Беседы на Деяния Апостольские

БЕСЕДА 1 (на Деян.1:1-2). Значение книги Деяний Апостольских. – Почему о божестве Христа не говорится в Деяниях с ясностью. – Почему крещение во время Златоуста не совершалось в Пятидесятницу. – О тех, которые отлагают крещение. – Крещение не должно быть отлагаемо.

БЕСЕДА 2 (на Деян.1:6). Против манихеев.

БЕСЕДА 3 (на Деян.1:12). Должность епископа. – Его достоинство.

БЕСЕДА 4 (на Деян.2:1-2). Почему в Пятидесятницу сошел Дух Святый. – Дух Святой сошел на молящихся. – Об ап. Петре. – Сравнение апостолов с философами.

БЕСЕДА 5 (на Деян.2:14). Нужно избегать лести. – Что значит – луна превратится в кровь. – В чем истинная польза епископа. – Христос установил новые законы.

БЕСЕДА 6 (на Деян.2:22). Достоинство Петра. – Что значит – любить Христа. – Чем отличается незлобивая душа. – Вред, причиняемый гневом.

БЕСЕДА 7 (на Деян.2:37). Кротость – великое благо. Нечестивый – сам для себя враг.

БЕСЕДА 8 (на Деян.3:1)**.** Петр не искал славы. – Добродетель всегда полезна. – Грехи подобны терниям. – Твердость духа святителя. – Толпа, не исполняющая воли Божией, ничего не стоит.

БЕСЕДА 9 (на Деян. 3:12). Скромность говорящего приносит большую пользу слушающему. – Свойство речи Петра. – Бог и злодеяния направляет к благу. – Против употребления клятвы.

БЕСЕДА 10 (на Деян. 4:1). Сила речи Петровой. – Доблесть апостолов. – Твердость Петра. – Суетность зрелищ. – Против клятвы.

БЕСЕДА 11 (на Деян. 4:23). Знамения воскресения. – Богатство, население Константинополя и милостыня. – Против клятвы.

БЕСЕДА 12 (на Деян. 4:36-37). Из каких противоположностей слагалась жизнь апостолов. – О святотатцах времени Златоуста. – Удивительная жизнь первых христиан. – Много согрешающим следует много бояться.

БЕСЕДА 13 (на Деян. 5: 17-18). Радость страдающих за Христа. - Бедность - надежная защита. - Против клятвы.

БЕСЕДА 14 (на Деян. 5:34). Что такое - ежедневное служение. - Когда появилось название пресвитеров и диаконов. - Любовь и милосердие к врагам. - Никто не может нас обидеть кроме нас самих.

БЕСЕДА 15 (на Деян. 6: 8). При рукоположении нисходит Дух Снятый. - Как нужно укрощать гнев. - Гнев постыден.

БЕСЕДА 16 (на Деян. 7: 6-7). Предъизображение воскресения в ветхом завете. - Промысл Божий. - Скорбь - благо. - В чем настоящая радость. - Сластолюбие - бремя для души.

БЕСЕДА 17 (на Деян. 7: 35). Безумие иудеев.

БЕСЕДА 18 (на Деян. 7: 54). Почему крещенные Филиппом не получили Духа Святого. - Нечестие Симона. - Какие блага получены от смерти Стефана. - Храмы по деревням.

БЕСЕДА 19 (на Деян. 8: 26-27). Благоразумие евнуха. - Почему обращение Павла произошло после воскресения Христова.

БЕСЕДА 20 (на Деян. 9: 10-12). Христианин должен заботиться о спасении других.

БЕСЕДА 21 (на Деян. 9: 26-27). Примирение изречений Павла. - Посещение верующих Петром. - Кротость и смирение Петра. - Милостыня приносит пользу умершим. - Приношение за умерших.

БЕСЕДА 22 (на Деян. 10: 1-4). О милостыне.

БЕСЕДА 23 (на Деян. 10: 23-24). Бог не есть причина грехов. - Не нужно откладывать крещения.

БЕСЕДА 24 (на Деян. 10: 44-46). Покаяние - великое врачество. - Из многих жителей Константинополя не более 100 спасаемых. - Против театральных зрелищ.

БЕСЕДА 25 (на Деян. 11:19). Отчего произошел голод. - Всякий грех очищается милостыней. - Виды милостыни.

БЕСЕДА 26 (на Деян. 12:1-3). Скорбь - великое благо. - Нужно бодрствовать. - Молитва уничтожает грехи.

БЕСЕДА 27 (на Деян. 12:18-19). Значение поста. - Вред сластолюбия.

БЕСЕДА 28 (на Деян. 13:4-5). О том, как иногда страсть побеждается страстью. - Какой нужно искать славы. - Способ обуздания страстей.

БЕСЕДА 29 (на Деян. 13:16-17). Одно благочестие служит для церкви похвалой. - Врачество против порока должно быть почерпаемо из Писания.

БЕСЕДА 30 (на Деян. 13:42). Восхваление смиренномудрия. - Нужно учить более делами, чем словами. - Как нужно относиться к рукоплесканиям.

БЕСЕДА 31 (на Деян. 14:14-15). Ревность Павла. - О перенесении оскорблений. - Изображение гневливого.

БЕСЕДА 32 (на Деян. 14:28, 15: 1). Нужно избегать гнева. - Как излечивается гордость и откуда она происходит.

БЕСЕДА 33 (на Деян. 15:13-15). Церковь чужда надменности. - Не бывает добра без примеси зла.

БЕСЕДА 34 (на Деян. 15: 35-36). О разногласии Павла и Варнавы. - Различие между видениями и снами. - Любомудрие бессловесных животных. - Всего более нужно украшать душу.

БЕСЕДА 35 (на Деян. 16: 13-14). Павел иудействует. - Любомудрие и смирение Лидии. - Ничего нет бесполезнее праздности. - Роскошный стол предосудителен.

БЕСЕДА 36 (на Деян. 16: 25-26). Нужно молиться ночью. - Об истинном призывании Бога.

БЕСЕДА 37 (на Деян. 17: 1-3). Почему Павел входил в синагоги. - В большом городе бывает много худых людей.

БЕСЕДА 38 (на Деян. 17: 16-17). Какие Павел терпел искушения от иудеев и как он был чужд гордости. - Как нужно понимать слова - Неведомому Богу. - Случай с больным отроком и с запрещенными книгами.

БЕСЕДА 39 (на Деян. 17: 32-33). Почему Павел отведен в Рим в узах. - Кротость достохвальна. - Оскорбляющий подвергается большему осуждению, нежели оскорбляемый.

БЕСЕДА 40 (на Деян. 18: 18). Преимущества Христова крещения пред Иоанновым. - Значение любви. - Действия любви.

БЕСЕДА 41 (на Деян. 19: 8). Почему Павел часто входил в синагоги. - Ослепление иудеев. - Землетрясение в Константинополе. - Грех лютее демона. - Случай с найденным сокровищем.

БЕСЕДА 42 (на Деян. 19: 21-23). Влияние скорби. - Сравнение дома пирующих на браке с домом сетующих. - Что такое человек. - Сравнение темницы с зрелищами.

БЕСЕДА 43 (на Деян. 20: 1). Все нужно претерпевать за братий. - Чем дольше отсрочивается воздаяние, тем больше дар.

БЕСЕДА 44 (на Деян. 20: 11-27) Смирение Павла. - Заботы святителя о своей пастве.

БЕСЕДА 45 (на Деян. 20: 32). Спасение достигается благодатию. - Путешествия Павла. - Добродетель страннолюбия. - Свойства страннолюбия. - Нужно иметь попечение о своих домашних.

БЕСЕДА 46 (на Деян. 21: 18-19). Обольщения волхвов служили к большему прославлению апостольских чудес. - Иудейские секты. - Случай с оглашением отроковицы.

БЕСЕДА 47 (на Деян. 21: 39-40). Речь Павла в узах. - Против корыстолюбцев и хищников. - Вредные последствия нечестивой жизни

БЕСЕДА 48 (на Деян. 22: 17-20). Побуждение к кротости. - Истинное великодушие. - Призыв к милостыне.

БЕСЕДА 49 (на Деян. 23: 6-8). Твердость Павла. - Какую нужно выбирать жену.

БЕСЕДА 50 (на Деян. 23: 31-33). Как нужно переносить оскорбления. - Как нужно искать примирения.

БЕСЕДА 51 (на Деян. 24: 22-23). Смелость Павловой речи. - Никто не может нам повредить кроме нас самих.

БЕСЕДА 52 (на Деян. 25: 23). Блага верующих. - Не нужно стремиться к тому, чтобы нас боялись люди. - Добродетель - великое благо.

БЕСЕДА 53 (на Деян. 26: 30-32). Мудрость Павла. - Вера - надежная пристань.

БЕСЕДА 54 (на Деян. 28: 2-3). Искушения служат к великому благу. - Польза от бедствий.

БЕСЕДА 55 (на Деян. 28: 17-20). Предусмотрительность и мудрость Павла.

СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТОГО БЕСЕДЫ НА ДЕЯНИЯ АПОСТОЛЬСКИЕ

(Настоящие беседы произнесены святителем в Константинополе. в 400 или 401 гг.)

БЕСЕДА 1

"Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал" (Деян.1:1,2).

Многие не знают даже и того, что эта книга существует, – (не знают) ни самой книги, ни того, кто ее написал и составил. Поэтому-то в особенности я и решился заняться этим произведением, чтобы и научит незнающих, и не допустить, чтоб такое сокровище таилось и оставалось в неизвестности. Эта книга может принести нам пользы не меньше самого Евангелия: такого исполнена она любомудрия, такой чистоты догматов и такого обилия чудес, в особенности совершенных Духом Святым. Не будем же оставлять ее без внимания, но станем тщательно исследовать. Здесь можно видеть исполнение на деле тех пророчеств, какие Христос возвещает в евангелиях, истину, сияющую в самых событиях, и большую в учениках перемену к лучшему, произведенную в них Духом Святым. Христос говорил ученикам: всяк "**верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит**" (Ин.14:12), и предсказывал им, что "**поведут вас к правителям и царям**", что их станут бить "**в судилища и в синагогах их**" (Мф.10:17,18), что они подвергнутся жесточайшим мукам и над всем восторжествуют, и что "**проповедано будет сие Евангелие Царствия**" во всем мире (Мф.24:14): все это, равно как и еще большее другое, что Он говорил, обращаясь с ученикам, представляется в этой

книге исполнившимся со всею точностью. Здесь же увидишь и то, как сами апостолы как бы на крыльях обтекали землю и море, как они, боязливые и немудрые, вдруг сделались иными людьми, стали презирать богатство, сделались нечувствительны к славе, недоступны ни гневу, ни вожделению, и оказались решительно выше всего; (увидишь), что они имели великое единомыслие, и что между ними никогда уже не было, как прежде, ни зависти, ни спора о первенстве, а, напротив, в них водворилась всякая совершенная добродетель, и в особенности начала сиять любовь, о которой и (Христос) много заповедовал им словами: "**по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою**" (Ин.13:35). Можно также найти здесь и догматы, которые, если бы не было этой книги, никому не были бы так хорошо известны; да и то, что составляет основание нашего спасения, – как по отношению к жизни, так и по отношению к догматам, – было бы темно и неясно. Но преимущественно здесь описываются деяния Павла, более всех потрудившегося. Это потому, что составителем книги был его ученик, блаженный Лука, которого добродетель можно усмотреть как из многого другого, так в особенности из того, что он неразлучно пребывал с учителем и постоянно за ним следовал. Так, когда Димас и Гермоген оставили Павла, и один пошел в Галатию, а другой в Далматию, – послушай, что апостол говорит о нем: "**один Лука со мною**" (2Тим.4:10). И в послании к Коринфянам о нем же говорит: "**во всех церквах похваляемого за благовествование**" (2Кор.8:18). Также, когда повествует, что (Христос) "**явился Кифе**", потом двенадцати, и говорит: по благовествованию, "**которое вы и приняли**" (1Кор.15:1,5), – то разумеет евангелие Луки. Поэтому не погрешит тот, кто ему припишет это творение; а когда я говорю: ему, разумею – Христа. Если же кто скажет: почему же (Лука) не все описал, оставаясь с Павлом до конца? – то я отвечу, что и этого достаточно было для тех, кто хотtл быть внимательным, что (апостолы) всегда заняты были делами нужнейшими, и что главная забота их состояла не в том, чтобы писать книги, так как они многое сообщили и посредством неписанного предания.

Таким образом все, что заключается в этой книге, достойно удивления, но в особенности – то снисхождение апостолов, которое внушал им Дух Святый, приготовляя их на служение слову о домостроительстве спасения. Поэтому-то, сообщив столько о Христе, они немногое сказали о рожестве Его, а больше говорили о Его человечестве, страдании, воскресении и вознесении. Теперь им прежде всего нужно было удостоверить в том, что Он воскрес и вознесся на небеса. Поэтому, как и сам Христос преимущественнее всего старался доказать, что Он пришел от Отца, так и Лука (в особенности доказывает), что Он воскрес и вознесся, и отошел к Отцу, и от Него пришел. Если не верили этому прежде, то тем более теперь, когда присоединилось воскресение и вознесение, все учение (о Христе) казалось иудеям невероятным. Потому-то постепенно и мало-помалу возводит их к высшему. А в Афинах Павел назвал Его даже просто человеком (Деян.17:31), не сказав ничего больше, и – поступил правильно. Ведь, если (иудеи) часто покушались побить камнями самого Христа, когда Он говорил о равенстве Своем с Отцом, и называли Его за то богохульником, то они едва ли бы приняли слово об этом от рыбарей, и особенно тогда, когда уже предшествовал крест.

2. Но зачем говорить об иудеях, когда и сами ученики, внимая высшим догматам, тогда часто смущались и соблазнялись? Поэтому Христос и говорил: "**еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить**" (Ин.16:12). Если же не могли они, не смотря на то, что столько времени обращались с Ним, были участниками стольких таин и, видели столько чудес, – то как могли люди, только что отставшие от капищ, идолов и жертвоприношений, от кошек и крокодилов (таково именно было языческое богопочтение) и от прочих скверн, тотчас принять высокие речи о догматах? Да и сами иудеи, которых ежедневно учит и которым внушает закон: "**слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть**", и кроме Его нет другого (Втор.6: 4), которые видели

Христа пригвожденным к древу крестному, которые даже сами и распяли, и погребли Его, но не видели воскресшим, – иудеи, слыша, что Он-то и есть Бог и что Он равен (Отцу), не должны ли были скорее всех отступить и удалиться? Потому-то (апостолы) постепенно и мало-помалу возводят их к понятиям высшим и, с одной стороны, выказывают великое снисхождение, а с другой – пользуются обильнейшею благодатию Духа и именем (Христа) творят чудеса еще большие, нежели какие Он сам сотворил, чтобы посредством того и другого воздвигнуть лежащих долу и удостоверить слово о воскресении. Настоящая книга и содержит в себе по преимуществу это, именно доказательства воскресения, так как уверовавшему в последнее уже легко было принять и все остальное. Итак, вот в чем говоря вообще, преимущественно состоит содержание и вся цель этой книги. Послушаем же теперь самое ее вступление. "**Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала** " (ст. 1). Для чего (Лука) напоминает Феофилу о Евангелии? Чтобы показать свою точность, так как в начале той книги он говорит: "**рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил**" (Лук.1:3), и не довольствуется своим только свидетельством, но все возводит к апостолам, говоря: "**до того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал**" (ст. 2). Поэтому-то, сделав достоверным свое слово там, он и не нуждается здесь в новом удостоверении, так как однажды приобрел уже себе доверие (Феофила) и тем произведением показал ему свою точность и истинность. А кто был достоин веры и кому действительно верили, когда он писал то, что слышал, тому тем справедливее верить, когда он излагает не то, что принял от других, но что сам видел и слышал. Если, говорит, ты принял (мое повествование) о Христе, то тем больше (примешь повествование) об апостолах. Что же? Разве то его произведение (Евангелие) есть только (обыкновенная) история, и слово его не причастно Духа? Отнюдь нет. Почему? Потому, что то, что передали ему "**то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова**", было от Духа. Но почему же он не сказал: "**как передали нам**" удостоившиеся Духа Святого, но: "**бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова**"? Потому, что это, то есть, знание от самовидцев, всего боле придает достоверность (повествованию), а то для людей неразумных показалось бы даже гордостью и хвастовством. Потому-то и Иоанн так говорил: "**и я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий**" (Ин.1:34). Да и Христос также говорит Никодиму, когда тот был еще груб: "**мы говорим о том, что знаем, и свидетельствуем о том, что видели, а вы свидетельства Нашего не принимаете**" (Ин.3:11). И опять, доказывая, что о многом можно свидетельствовать, основываясь и на данных зрения, Он говорил ученикам: "**также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною**" (Ин.15:27). И сами апостолы часто так говорят: свидетели мы и Дух Святый, Которого Бог дал повинующимся Ему (Деян.2:32). А Петр впоследствии, чтобы уверить в воскресении, говорил: "**с Ним ели и пили**" (Деян.10:41). Вообще (иудеи и язычники) скорее принимали свидетельство людей, которые обращались (со Христом), – потому что были еще очень далеки от познания Духа. Поэтому и Иоанн в своем Евангелии, повествуя о крови и воде, говорит, что он сам это видел (Ин.19:35), выставляя им свое видение, как самое достоверное свидетельство. Конечно, внушения Духа несомненнее (свидетельства) зрения, но – не у неверных. А что Лука был причастен Духа, это видно из многого: из знамений, которые теперь совершаются, из того, что в то время и простые: люди получали Духа Святого, из свидетельства Павла, который говорит о нем: "**во всех церквах похваляемого за благовествование**" (2Кор.13:18), наконец из того, что он был удостоен рукоположения, так как Павел, сказав эти слова, прибавил: "**и притом избранного от церквей сопутствовать нам для сего благотворения, которому мы служим во славу Самого Господа и в соответствие вашему усердию**" (ст. 19),

3. И смотри, как он далек от хвастовства. Не говорит: первое евангелие, которое я благовестил, но "**первую книгу написал я**", – считая наименование евангелия слишком высоким для себя. Апостол (Павел) именно за евангелие и прославляет его, говоря: "**во всех церквах похваляемого за благовествование**"; но сам он смиренно говорит: "**первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала**". Не просто говорит: о всех, но – (о всем) от начала до конца: "**до того дня**", говорит, "**в который Он вознесся**". Но ведь Иоанн разъясняет, что невозможно было описать всего, и чтобы раскрыть это, говорит: "**но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить**" (прибавляет) "**написанных книг**" (Ин. 21:25). Как же, скажешь, Лука говорит о всем? Но он не сказал: все, а: "**о всем**", а это значит тоже, что – вообще и сокращенно; или иначе: он говорит обо всем, что особенно важно и нужно. Далее показывает, в чем именно состоит это все; "**что Иисус делал и чему учил**", – чем указывает на Его чудеса и учение, а также и на то, что Он учил самим делом. Заметь еще и то, как человеколюбива апостольская душа его, если и для одного человека он столько потрудился, что написал целое евангелие: "**чтобы ты узнал**", говорит, "**твердое основание того учения, в котором был наставлен**" (Лк.1:4), – так как он слышал слова Христа: "**нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих**" (Мф.18:14). Но почему он составил не одну книгу, между тем как посылал к одному Феофилу, а разделил ее на две части? Для ясности, а также и для того, чтобы дать слушателю возможность отдохнуть; притом же, эти писания различны и по самому содержанию. Но смотри, как Христос делами придавал достоверность Своим словам. Он наставлял в кротости и – говорил: "**научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем**" (Мф.11:29). Учил быть нестяжательными и показывал это самыми делами: "**Сын Человеческий**", говорил Он, "**не имеет, где приклонить голову**" (Мф.8:20). Опять, заповедовал любить врагов, и наставлял этому, молясь на кресте за распинателей. Говорил: "**и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду**" (Мф.5:40), а сам отдал не только Свои одежды, но и кровь. Так повелел Он поступать и ученикам. Поэтому и Павел говорил: "**по образу, какой имеете в нас**" (Флп.3:17). В самом деле, нет ничего бесполезнее учителя, который любомудрствует только на словах. Это свойственно не учителю, а лицемеру. Потому апостолы прежде учили жизнью, а потом словами; да им даже и не нужны были слова, потому что громко говорили их дела. Не ошибется также и тот, кто самое страдание Христа назовет действием: ведь чрез страдание Он сотворил великое и чудное дело – разрушил смерть и совершил все прочее. "**До того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал**" (ст. 2). "**Дав повеления Святым Духом**", то есть, сказав им слова духовные, (в которых не было) ничего человеческого. Или так надобно понимать эти слова, или же так, что Он заповедал им по внушению Духа. Видишь, как еще уничижение (Лука) выражается о Христе? Так и сам Христос говорил о Себе: "**если же Я Духом Божиим изгоняю бесов**" (Мф.12:28), – так как и Дух Святый действовал в том храме. Что же Он заповедал? "**Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам**" (Мф.28:19-20). Великую для апостолов похвалу составляет то, что им поручено было такое дело, то есть, спасение вселенной, что им вверены были слова, исполненные Духа, – как на это и указывает (Лука), когда говорит: "**Святым Духом**", разумея (слова Христовы): "**слова, которые говорю Я вам, суть дух**" (Ин. 6:63). А говорит он это для того, чтобы возбудить в слушателе желание – узнать заповеди, и чтобы сделать апостолов заслуживающими доверия, так как они будут возвещать слова Духа и заповеди Христовы. "**Дав повеления**", – говорит он, – "**вознесся**" (ανελήφθη). Не сказал (Лука): восшел (ανέβη), потому что все еще говорит о Нем, как о человеке. Итак, Христос учил учеников и после воскресения, но никто не изложил нам с подробностью всего, что произошло в то время. Более же других повествуют об этом Иоанн и писатель настоящей книги, но всего никто не рассказал ясно, – потому что все заботились о другом. Узнали же мы об этом от

апостолов, так как они, что слышали, то и сообщили. " **Которых Он избрал, которым и явил Себя живым**" (ст. 3). Сказавши сначала о вознесении, говорит теперь и о воскресении. После того, как сказал: "**вознесся**", – чтобы ты не подумал, что Он вознесен был другими, – прибавил: "**которым и явил Себя живым**". Ведь, если Он сам совершил дело большее, то тем более мог совершить меньшее.

4. Видишь, как незаметно (повествователь) привсевает эти великие догматы? "**В продолжение сорока дней являясь им**" (ст. 3). В то время Христос уже не постоянно был с апостолами, – не так, как до воскресения. Заметь, не сказал: четыредесять дней: но: "**в продолжение сорока дней являясь им**", так как Христос являлся и опять скрывался. Для чего же так? Чтобы возвысить мысли учеников и не допустить их обращаться с Ним по прежнему. И не без причины Он делал это, но потому, что тщательно заботился об устроении двух вещей, – о том, чтобы поверили воскресению, и чтобы, наконец, думали о Нем выше, чем о простом человеке. Хотя эти (два дела) были противоположны одно другому, – так как, для уверения в воскресении надлежало случиться многому человеческому, а для убеждения в том (что Он выше человека) – напротив, – тем не менее, однако, и то, и другое произошло в надлежащее время. Почему же Он явился не всем, а только апостолам? Потому, что народу, не знавшему неизреченного таинства, Он показался бы привидением. Если и сами ученики сначала не верили, приходили в смущение и нуждались в прикосновении рукою и в общении трапезы, то чего естественно следовало ожидать от народа? Потому-то воскресение неопровержимо и доказывается чудесами, чтобы оно было несомненным не только для тогдашних людей, но и для всех последующих родов. Что у первых происходило оттого, что они видели чудеса, то у всех последующих должно было происходить от веры. Поэтому отсюда мы заимствуем доказательства и против неверных. В самом деле, если Он не воскрес, но остается умершим. то каким образом апостолы совершали знамения Его именем? Или они не совершали знамений? В таком случае, каким образом возник наш (христианский) род? Этого неверные, конечно, уже не станут отвергать, и не будут спорить против того, что видят; а потому, когда они говорят, что знамений не было, то тем еще больше бесчестят сами себя. В самом деле, то было бы величайшее чудо, если бы без чудес вся вселенная прибегла (ко Христу), будучи уловлена двенадцатью бедными и неучеными людьми. Не множеством богатства, не мудростью слов, не другим чем-нибудь подобным победили рыбари, так что по неволе должно признать, что в них была сила Божественная, так как невероятно, чтоб сила человеческая когда-либо могла столько сделать. Поэтому-то и сам (Христос) оставался (на земле) после воскресения сорок дней, давая видеть Себя в течение продолжительного времени, чтобы (ученики) не сочли видимого привидением. Да и этим Он не удовольствовался, но присовокупил еще и трапезу, о чем далее и говорит (Лука): "**и ел с ними**"[1] (ст. 4). Это всегда и сами, апостолы считали доказательством воскресения, говоря: "**которые с Ним ели и пили**" (Деян.10:41). А что Христос делал во время Своих явлений, это показано в последующих словах: "**являясь им и говоря о Царствии Божием**" (ст. 3). А так как апостолы были опечалены и устрашены тем, что уже совершилось, а между тем им надлежало выступить на великие подвиги, то Он, ободряя их словами о будущем, "**собрав их, Он повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня**" (ст. 4). Сначала, когда они еще боялись и страшились, Он извел их в Галилею, чтобы они без страха могли выслушать слова Его. Потом, когда они выслушали и провели с Ним сорок дней, – "**повелел им: не отлучайтесь из Иерусалима**". Для чего так? Как воинам, намеревающимся напасть на неприятеля, никто не позволит выступить прежде, чем они вооружатся; как коням не позволять выбежать на ристалища прежде, чем у них будет возница, – так и им (Господь) не дозволял выступить, на борьбу прежде сошествия Св. Духа, чтобы множество (врагов) легко не одолело и не пленило их. И не только поэтому (повелевает не отлучаться от Иерусалима), но и потому, что там многие имели уверовать.

К тому же, чтобы не говорил кто-нибудь, что они, оставив своих знаемых, пошли хвалиться к иноземцам, – для этого они перед теми самыми людьми, которые умертвили (Христа), представляют доказательства Его воскресения, – пред теми самыми, которые распяли и погребли Его, в том самом городе, в котором дерзновенно совершено было это беззаконное дело, так что чрез это заграждены были уста и всем иноземцам. В самом деле, если сами распявшие Его явятся в числе уверовавших, то, очевидно, это будет явным знаком и креста, и беззакония поступка (иудеев), и великим доказательством воскресения. А чтобы ученики не говорили: как мы, когда нас так мало и мы так ничтожны, в состоянии будем жить среди такого множества людей нечестивых и дышащих убийством? – смотри, как Он избавляет их от этого страха словами: "**но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня**" (ст. 4). Когда же, скажешь, они слышали? Тогда, когда Он говорил: "**лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не приидет к вам**" (Ин.16:7). И опять: "**Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек**" (Ин.14:16).

5. Но почему (Дух Святый) пришел не тогда, как Христос был еще (на земле), и не тотчас после Его отшествия, но, между тем, как Христос вознесся в сороковой день, Дух Святый пришел, "**при наступлении дня Пятидесятницы**" (Деян. 2:1)? И каким образом, когда Духа еще не было, Христос говорил: "**примите Духа Святаго**" (Ин.20:22)? Это для того, чтобы приготовить учеников и сделать их способными к Его принятию. Ведь если Даниил пришел в изнеможение от того, что должен был увидеть ангела (Дан.8:17), то тем больше (изнемогли бы) они, имевшие принять столь великую благодать. Или в таком смысле нужно понимать эти слова, или же так, что Христос сказал о будущем, как уже о совершившемся, подобно тому, как говорил: наступайте "**на змей и скорпионов и на всю силу вражью**" (Лк.10:19). Но почему же Дух Святый не тотчас тогда пришел? Апостолы должны были воспламениться желанием этого события, и тогда уже получить благодать. Поэтому Дух Святый пришел тогда, когда Христос отошел. А если бы Он пришел в то время, когда (Христос) был еще (на земле), – в них не было бы такого ожидания. По той же причине Он пришел и не тотчас после вознесения Христова, но спустя восемь или девять дней. Так и мы тогда особенно обращаемся к Богу, когда бываем поставлены в какую-нибудь нужду. Поэтому и Иоанн тогда в особенности посылает учеников ко Христу, когда они должны были нуждаться в Иисусе, так как сам он был уже в темнице. А с другой стороны, надлежало, чтобы сначала наше естество явилось на небесах, и вполне совершилось примирение, а потом бы уже и пришел Дух, и (ученики) исполнились бы чистой радости. Если бы по пришествии Духа Святого Христос удалился, а Дух Святый пребыл (на земле), то в этом не было бы для них столько утешения, так как они были очень привязаны ко Христу, – почему Он и говорил, утешая их: "**лучше для вас, чтобы Я пошел**" (Ин.16:7). Поэтому Он и отлагает на несколько дней (ниспослание Св. Духа), чтобы они, немного испытав печаль и почувствовав, как я сказал, нужду, насладились полною и чистою радостью. А если бы Дух был меньше Его, то этого утешения было бы недостаточно. Да и, как бы, Он мог говорить: "**лучше для вас**"? Для этого и предоставлена Духу Св. большая часть учения, чтобы не сочли Его меньшим. Заметь, в какую необходимость – быть в Иерусалиме – Христос поставил учеников тем, что обещал даровать там Духа. Чтобы они опять не разбежались после Его вознесения, – этим ожиданием, как бы некоторыми узами, Он всех их там удерживает. Сказавши же: "**но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня**", прибавил: "**ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым**" (ст. 5). Здесь, наконец, Он показываете различие, между Собою и Иоанном, и уже не прикровенно, как прежде. Прежде Он очень затенил Свою речь, сказав: "**но меньший в Царстве Небесном больше его**" (Мф.11:11); но теперь говорит гораздо яснее: "**Иоанн крестил водою, а вы будете крещены Духом Святым**". Уже не приводит самого свидетельства его (Мф.3:11,12), но только указывает на его лицо и тем самым

напоминает о том, что было им сказано, и показывает, что они стали уже выше Иоанна, так как и сами они имели крестить Духом. И не сказал: вас же Я крещу Духом Святым, но: "**будете крещены**", – научая нас смиренномудрию. А что именно Он крестил, это уже очевидно было из свидетельства Иоанна, который сказал: "**Он будет крестить вас Духом Святым и огнем**" (Лк.3:16),– почему Христос и упомянул о нем одном. Итак, Евангелия повествуют о том, что сделал и сказал Христос, а Деяния – о том, что сказал и сделал другой Утешитель. Конечно, Дух Св. многое совершал и прежде, подобно тому, как Христос действует и ныне, как (действовал) прежде; но прежде – чрез храм, а теперь – чрез апостолов. Тогда Он вошел в девственную утробу и образовал, (в ней) храм, а теперь – в души апостольские; тогда (нисшел) в виде голубя, а теперь – в виде огня. Почему так? Там показывал кротость, а здесь строгость, и напоминая благовременно о суде. Когда надлежало простить грехи, нужна была великая кротость; а как скоро мы получили этот дар, – время уже суда и испытания. Но почему Христос говорит: "**будете крещены**", когда в горнице не было воды? Потому что более главное (в крещении) есть Дух, чрез Которого действует и вода. Подобным образом и о самом Христе говорится, что Он был помазан, хотя Он никогда не был помазан елеем, а получил Святого Духа. Впрочем, можно найти, что они были крещены и водою, и (крещены) в различные времена. У нас то и другое (крещение, т.е., водою и Духом) бывает вместе, а тогда (было) раздельно. В начале они крещены были от Иоанна, – и это неудивительно. Ведь, если блудницы и мытари шли к тому крещению, то тем скорее (пришли) те, которые после этого должны были креститься Духом Святым. Потом, чтобы они не говорили: "это все еще только обещание", – так как Он и прежде много говорил об этом, – и чтобы не подумали, что это действие не осуществимое, – Он отклоняет их от такого предположения словами: "**через несколько дней**". Когда именно, этого не объявил, чтобы они всегда бодрствовали; сказал, что будет скоро, чтобы они не ослабели, однако, не присоединил, когда именно, чтобы всегда были бдительны. И не этим только уверяет их, то есть, не краткостью только времени, но и словами: "**о чем вы слышали от Меня**" (ст. 4). Его слова значат: не теперь только Я сказал вам, но уже и прежде обещал это, – что непременно и исполню. Итак, зачем же ты удивляешься тому, что Он не сказал дня кончины (мира), когда и этого дня, столь близкого, не восхотел объявить? И это Он сделал вполне естественно, – чтобы они всегда бодрствовали, ожидали и заботились.

6. Невозможно, поистине невозможно сподобиться благодати тому, кто не бодрствует. Разве не знаешь, что говорит Илия своему ученику? "**Если увидишь, как я буду взят от тебя, то будет тебе так**" (4Цар.2:10), – то есть, будет тебе то, чего ты просишь. И Христос всегда говорил приходящим к Нему: веруешь ли? – потому, что, если мы не освоимся с тем, что даруется, то не будем сильно чувствовать и благодеяния. Так и на Павла не тотчас сошла благодать, но наперед прошло три дня, в которые он оставался слепым, томился страхом и приготовлялся. Как те, которые окрашивают багряницу, сначала некоторыми другими веществами подготовляют материю, назначаемую для окраски, чтобы цвет вышел не линючий, так и здесь Бог сначала приготовляет бодрственную душу, и тогда уже изливает благодать. Поэтому-то и не тотчас Он послал Духа, но в пятидесятницу.

Если же кто станет говорить: почему и мы не крестим в это время? – то я отвечу, что благодать и в пятидесятницу, и ныне – одна и та же; по ум теперь бывает возвышеннее, потому что предуготовляется постом. Да и время пятидесятницы имеет также не несообразное с этим некоторое значение. Какое же именно? Отцы наши считали крещение достаточною уздою для злого вожделения и великим уроком – жить целомудренно и во время самого веселия. Поэтому, как бы вкушая с самим Христом и участвуя в Его трапезе, не станем ничего делать просто, но пребудем в постах, молитвах и в великом воздержании. Если тот, кто хочет получить мирское начальство, приготовляет себе все

необходимое для жизни и, чтобы достигнуть какого-либо достоинства, тратит деньги, не жалеет времени, переносит бесчисленные труды, то чего достойны мы, когда с таким нерадением приступаем к царству небесному, не заботимся о нем прежде, чем получим, и нерадим, когда получим? А оттого мы и бываем нерадивы после получения, что не были бдительны до получения. Поэтому-то многие тотчас после получения и возвратились на "**свою блевотину**" (2Петр.2:22), сделались худшими и навлекли на себя тягчайшее наказание. Они освободились от прежних грехов, но потому-то особенно и прогневали Судию, что, и освободившись от такого недуга, не исправились, но потерпели то, чем Христос угрожал расслабленному, говоря: "**вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже**" (Ин.5:14), и что Он предсказывал об иудеях, показывая, что они неисцельно пострадают за свою неблагодарность: "**если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха**" (Ин.15:22). Так грехи, совершаемые после (крещения), делаются вдвое и вчетверо тяжелее. Почему? Потому что, сподобившись, чести, мы являемся неблагодарными и злыми. Поэтому-то купель (крещения) нисколько не облегчает для нас наказания. Заметь: имел ли кто тяжкие грехи (до крещения), совершил ли, например, убийство, или прелюбодеяние, или сделал что-нибудь другое, еще более тяжкое, – все это отпускается чрез купель крещения. В самом деле, нет, подлинно нет никакого греха и нечестия, которое бы не уступило этому дару и не было его ниже, потому что это – божественная благодать. Но, если кто опять впал в прелюбодеяние и совершил убийство, то, хотя прежнее прелюбодеяние разрешено и то убийство отпущено, и уже не воспоминается, так как "**дары и призвание Божие непреложны**" (Рим.11:29), – тем не менее за эти грехи, совершенные после крещения, мы подвергаемся такому же наказанию, как если бы и прежние были приняты во внимание, и даже гораздо большему. Это уже не просто грех, но грех двойной и тройной. А что за эти грехи (ожидает) большее осуждение, – послушай, что говорит Павел: "**если отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия наказывается смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет?** " (Евр.10:28,29).

Может быть, я многих отвлек теперь от принятия крещения? Но я сказал это не с этою целью, а для того, чтобы принявшие (крещение) пребывали в целомудрии и усиленно вели честную жизнь. Но я боюсь, скажет кто-нибудь? Если бы ты боялся, то принял бы и стал бы хранить. Но потому-то самому, скажешь, я и не принимаю, что боюсь (не сохранить)? А так (без крещения) отойти не боишься? Бог, скажешь, человеколюбив? Потому-то и прими крещение, что Он человеколюбив и помогаете нам. Но ты, когда нужно бы позаботиться (о крещении), не представляешь себе этого человеколюбия; а когда хочешь отложить его, тогда о нем вспоминаешь, между тем, как это человеколюбие имеет место в первом случае, и к нам оно будет проявлено в особенности тогда, когда и с своей стороны привнесем, что следует. Кто во всем положился на Бога, тот, если и согрешит, как то свойственно человеку, после крещения, чрез покаяние сподобится человеколюбия; а кто, как бы мудрствуя о человеколюбии Божием, отойдет (отсюда) чуждым благодати, тот подвергнется неизбежному наказанию. Зачем же ты поступаешь так против своего спасения? Невозможно, совершенно невозможно, как я, по крайней мере, думаю, чтобы человек, который отлагает (крещение), обольщая себя такими надеждами, совершил что-нибудь возвышенное и доброе. Для чего ты принимаешь на себя такой страх и прикрываешься неизвестностью будущего? Почему не переменяешь этого страха на труд и старание, чтобы стать великим и достойным удивления? Что лучше – бояться, или трудиться? Если бы кто-нибудь посадил тебя без всякого дела в разваливающемся доме и сказал: "ожидай, что может упасть на твою голову потолок, так как он уже сгнил (может быть, он упадет, а может быть, и не упадет); если же ты не хочешь этого, то трудись и живи в здании более безопасном", – то что бы ты предпочел? Праздность ли ту,

соединенную со страхом, или этот труд, – с уверенностью в безопасности? Поступай же так точно и теперь. Неизвестное будущее – это как бы некоторый истлевший дом, всегда угрожающий падением; а этот труд, соединенный с утомлением, обещает безопасность.

7. Итак, не дай Бог, чтобы мы подверглись столь великому несчастию – грешить после купели. Но, если бы и случилось что-нибудь подобное, то и при таких обстоятельствах не будем отчаиваться. Бог человеколюбив и предоставил нам много путей к получению прощения и после (крещения). И как те, которые грешат после купели, по этой самой причине наказываются больше оглашенных, так и те, которые знают; что есть врачество покаяния и не хотят им воспользоваться, подвергнутся тягчайшему наказанию, потому что чем больше умножается человеколюбие Божие, тем больше усиливается и наказание, если мы должным образом не воспользуемся им. Что ты говоришь, человек? Ты был исполнен такого множества зол, ты был без всякой надежды на спасение, – и внезапно сделался другом (Божиим) и возведен на высшую почесть, не за свои подвиги, но по дару Божию. Ты опять возвратился к прежним постыдным делам, за что и заслуживал бы тяжкого наказания; но Господь и при этом не отвратился от тебя, а дал бесчисленные средства ко спасению, чрез которые (опять) можешь сделаться Его другом. Так (поступает) Бог, а ты и при этом не хочешь потрудиться? Какого же, наконец, ты будешь достоин прощения? И не справедливо ли будут смеяться над тобою язычники, как над каким-нибудь трутнем, живущим попусту и напрасно? Если ваше любомудрие, скажут они, имеет силу, то объясните, что значит это множество непосвященных? Прекрасны и вожделенны таинства, но пусть никто не принимает крещения, когда уже разлучается с душою. Тогда – время не таинств, но завещаний; а время таинств – здравое состояние ума и целомудрие души. Скажи мне: если никто не решается написать завещание, находясь в таком состоянии, а если и напишет, то этим даст возможность впоследствии опровергнуть его, – почему и начинают завещания вот этими словами: "я, при жизни, находясь в полном и здравом разуме, делаю распоряжение о своем имуществе", – то как возможно тому, кто потерял сознание, быть правильно посвященным в таинства? Если мирские законы не позволяют составлять завещания о житейских вещах человеку, не вполне владеющему разумом, – не позволяют, несмотря на то, что он здесь распорядился бы своим имуществом, то как ты, наставляемый (в учении) о небес-ном царствии и о тех неизреченных благах, в состоянии будешь ясно все узнать, когда от болезни часто теряешь и рассудок? Да и как ты скажешь Христу, спогребаясь с Ним, те слова, когда ты уже отходишь? Ведь и в делах, и в словах надобно выказывать к Нему расположение. А ты делаешь тоже, как если бы кто захотел записаться в число воинов, когда война уже оканчивается, или как если бы борец стал снимать с себя платье, когда бывшие на зрелище уже встали. Ты берешь орудие не для того, чтобы тотчас отступить, но чтобы, взявши, одержать победу над противником. Пусть никто не считает слова об этом неблаговременным потому, что теперь не четыредесятница. О том-то я и сокрушаюсь, что вы наблюдаете время в подобных делах. Ведь евнух тот (Деян.8: 27), несмотря на то, что был варваром, что путешествовал и находился среди большой дороги, – не рассуждал о времени. Так точно (поступил) и темничный страж (Деян.16:29), хотя находился среди узников, видел учителя избитым и связанным, и полагал, что он еще останется в темнице. А теперь многие, несмотря на то, что живут не в темнице и не в пути находятся, отлагают (свое крещение), и отлагают до последнего издыхания.

8. Итак, если ты еще сомневаешься в том, что Христос есть Бог, то стой вне (церкви), не слушай божественных слов и не считай себя в числе оглашенных. Если же не сомневаешься и ясно знаешь это, то зачем медлишь? Зачем уклоняешься и откладываешь? Боюсь, говоришь, как бы не согрешить. А же боишься того, что страшнее, – как бы не отойти туда со столь тяжким бременем? Ведь не все равно – не принять благодати предлагаемой и, решившись жить добродетельно, погрешить. Скажи мне: если станут

обвинять тебя, зачем, ты не приступил (к крещению), почему не жил добродетельно, – что ты скажешь? Там ты еще можешь, пожалуй, сослаться на тяжесть заповедей и добродетели; но здесь нет ничего такого, здесь – благодать, даром дающая свободу. Но ты боишься, как бы не согрешить? Говори это после крещения, тогда имей этот страх, – для того, чтобы сохранить дерзновение, которое ты получил, а не для того, чтобы уклоняться от такого дара. А то, до крещения ты благочестив, после же крещения – легкомыслен. Но ты ожидаешь времени четыредесятницы? Для чего? Разве то время имеет что-нибудь особенное? Апостолы не в пасху удостоились благодати, но в другое время; также не пасхальное было время, когда крестились три тысячи и пять тысяч, равно как Корнилий, евнух и очень многие другие. Итак, не будем выжидать времени, чтобы чрез медленность и отлагательство не лишиться столь великих благ и не отойти без них. Как, подумайте вы, я скорблю всякий раз, как слышу, что кто-нибудь отошел отсюда, не будучи посвящен в таинства, и всякий раз, как представляю себе те нестерпимые муки и неизбежное наказание! Как опять я сокрушаюсь, когда вижу других, дошедших до последнего издыхания, но и тем не вразумляющихся! Потому-то и происходит многое, недостойное этого дара. Следовало бы веселиться, ликовать, радоваться и украшаться венками, когда кто-нибудь посвящается в таинства; а (у нас) жена больного, когда услышит, что врач присоветовал это, сокрушается и плачет, как о каком-нибудь несчастье; везде в доме вопли и стенания, как бы по осужденным, отводимым на казнь. Да, в свою очередь, и сам больной тогда в особенности печалится; а если выздоровеет, то еще больше сокрушается, как будто ему сделали великое зло. Так как он не был приготовлен к добродетели, то ленится и уклоняется от следующих затем подвигов. Видишь, какие козни устрояет диавол, какому (подвергает) стыду, какому посмеянию? Освободимся же от этого посмеяния! Будем жить, как Христос заповедал! Не для того Он дал крещение, чтобы мы, приняв его, отошли (в вечность), но чтобы, поживши, показали плоды. Как скажешь: "приноси плоды" тому, кто уже отходит, кто уже отсечен? Не слышал ли, что "**плод же духа: любовь, радость, мир**" (Гал.5:21)? Как же происходит противное? Жена стоить в слезах, когда бы следовало радоваться; дети рыдают, когда бы нужно было веселиться; сам больной лежит мрачен, в страхе и смущении, когда бы должен было торжествовать: он в сильной печали от мысли о сиротстве детей, о вдовстве жены, о запустении дома. Так ли, скажи мне, приступают к таинствам? Так ли приобщаются священной трапезы? Можно ли это снести? Если царь пошлет указ об освобождении узников из темницы, то бывает веселие и радость; а когда Бог посылает с небес Духа Святого и прощает не денежные недоимки, но все вообще грехи, то вы все плачете и сокрушаетесь? Что это за несообразность? Не говорю еще о том, что и на мертвых была, изливаема вода, и на землю была повергаема святыня; но не мы в этом виноваты, а люди безрассудные. Поэтому умоляю вас, – оставим все, обратимся к себе самим и со всею ревностью приступим ко крещению, чтобы, показав и в настоящей жизни, великую ревность, получить и будущее дерзновение, которого и да сподобимся все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Здесь славянский текст: "с нимиже и ядый" (Деян.1:4) полностью соответствует толкованию Златоуста, в отличие от синодального: "и собрав их".

БЕСЕДА 2

"Посему они, сойдясь, спрашивали Его, говоря: не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?" (Деян.1:6).

1. Ученики, намереваясь о чем-нибудь спросить (Господа), приступают к Нему все вместе, – и это делают для того, чтобы самою многочисленностью своею склонить Его к ответу. Они знали, что прежние слива Его – "**о дне же том и часе никто не знает**" (Мф.24:36) – сказаны были Им для отклонения от Себя вопроса, – не по незнанию, но по нежеланию отвечать. Поэтому-то опять приступают к Нему и спрашивают; а они не спросили бы, если бы действительно были убеждены (в Его незнании). Так как они услышали, что получат Духа Святого, то хотели узнать (то время), как уже достойные того и готовые избавиться (от бед). Они не хотели повергнуть себя в опасности, но насладиться покоем, так как не маловажно было то, что уже с ними случилось, а напротив, они находились в крайней опасности. Поэтому-то, ничего не сказав Ему о Духе, они спрашивают: "**не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?**" Не сказали: когда? но: "**не в сие ли время**"? – так желали они узнать этот день. Поэтому-то и приступают с великою почтительностью. А мне кажется, что они не совсем ясно и понимали, что такое было это царствие, так как еще не были научены Духом. И не сказали: когда это будет? – но что? "**Не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?**" – как будто оно уже разрушилось. Так спрашивали они потому, что все еще привязаны были к предметам чувственным, хотя и не в такой мере, в какой прежде. Они еще не сделались лучшими; впрочем, о Христе думали уже выше. А так как они возвысились, то и Он беседует с ними возвышеннее; уже не говорит им, что "**о дне же том**" даже и Сын не знает (Мк.13:32), – но что? "**Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти**" (ст. 7). Слишком многого, говорит, домогаетесь, – хотя, впрочем, они знали уже и то, что было гораздо важнее. А чтобы ты точно понял это, – смотри, сколь многое я перечислю. Скажи мне, что важнее того, что им было открыто? Они узнали, что Христос есть Сын Божий, и что Бог имеет Сына равночестного; узнали, что будет воскресение; узнали, что Христос вознесся и воссел одесную Отца. Узнали и то, что еще изумительнее этого, – что плоть седит горе и что ей поклоняются ангелы. Узнали, что Господь опять придет судить весь мир и что тогда и они сядут судиями двенадцати колен Израилевых; узнали, что иудеи отвержены, а что вместо них войдут в царствие Божие язычники. Знать, что это будет, – дело великое; а постигнуть, что кто-нибудь или когда-нибудь будет царствовать, – в этом нет ничего великого. Павел узнал то, чего "**человеку нельзя пересказать**" (2Кор.12:4), узнал все, что предшествовало, этому миру. Что труднее узнать: начало или конец? Очевидно, – первое. А это узнал Моисей и, исчисляя годы, показывает, когда (это было) и за сколько времени. Знал это и Соломон, почему и говорил: "**не забуду исчислить то, что от века**" (Притч.8:21). Итак, что (то время) близко, об этом впоследствии узнали и апостолы, как и Павел говорит: "**Господь близко. не заботьтесь ни о чем**" (Фил.4:5-6); но тогда еще не знали, хотя им и были указаны признаки. И Христос, как (прежде) сказал: "**через несколько дней**" (ст. 5), но точно не обозначил времени, желая, чтобы они бодрствовали, так поступает и теперь. С другой стороны, и они здесь спрашивают не о кончине (мира), но о царствии, почему и говорили: "**не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?**" Но Он и этого не открыл им. А о конце (мира) они также спрашивали Его еще прежде этого; но тогда Он отвечал им с большею суровостью, чтобы они не думали, что освобождение их близко, и подверг их опасностям, а теперь не так, но – с большею кротостью. И чтобы (слова Его) не показались им обидными и только отговоркою, – послушай, как Он тотчас обещает даровать им то, чему они обрадовались бы, – и именно, Он прибавил: "**но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли**" (ст. 8). Затем, чтоб они снова не стали спрашивать Его, Он тотчас вознесся. Поэтому, как там Он омрачил их страхом и тем, что сказал: не знаю, так и здесь – тем, что после этих слов вознесся. Они имели сильное желание знать об этом и не отступили бы (от Христа), а между тем было весьма нужно, чтобы они не узнали. Скажи мне: чему больше не веруют язычники, – тому ли, что будет кончина, или тому, что Бог соделался Человеком, произошел из утробы Девы и явился к людям с плотью? Не

последнему ли? Без сомнения, так скажешь и ты. Но я стыжусь постоянно говорить об этом, как о каком-нибудь безразличном предмете. А чтобы они в свою очередь не сказали: для чего Ты так высоко ценишь это дело, – Он говорит: "**Отец положил в Своей власти**". Но ведь власть Отца и власть Его одна и та же, как это видно из того, что Он говорит: "**как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет**" (Ин.5:21). Если там, где должно действовать, Он действует с тою же властью, как и Отец, то ужели там, где надобно знать, Он знает не с тою же властью? Воскрешать мертвых, – очевидно, дело гораздо большее, чем узнать тот день. Если же Он совершает со властью дело важнейшее, то не гораздо ли скорее – дело другое, менее значительное?

2. Но, чтобы сделать это для вас понятным, я объясню примером. Подобно тому, как мы, когда видим, что дитя плачет и постоянно просит у нас какой-нибудь ненужной ему вещи, подальше спрятав эту вещь, показываем пустые руки и говорим: видишь, у нас нет, – так и Христос поступил с апостолами. Но то дитя, хотя мы и не показываем (просимой вещи), продолжает плакать, зная, что его обманули. Тогда мы оставляем его и уходим, говоря: меня зовет такой-то, а ему даем взамен просимого что-нибудь другое, чтобы отвлечь его от избранной им вещи, причем хвалим эту свою вещь больше той, и, давши ее, удаляемся. Так поступил и Христос. Ученики просили; Он сказал, что у Него нет, и на первый раз даже устрашил их. Когда же они снова стали просить, Он опять сказал, что у Него нет, но только теперь не устрашает их, а, показав то, что сделал, высказывает и благовидную причину, именно: "**Отец положил в Своей власти**". Что же? Ты не знаешь того, что принадлежит Отцу? Его самого знаешь, а того, что принадлежит Ему, не знаешь? Ты сам сказал: "**Отца не знает никто, кроме Сына**" (Мф.11:27). Притом (сказано): "**Дух все проницает, и глубины Божии**" (1Кор.2:10); а Ты и этого не знаешь? Отнюдь нет. Он сказал это не для того, чтоб мы так подумали; Он показывает Себя незнающим, чтобы отвлечь учеников от неуместного вопроса. Снова спросить они побоялись, чтобы не услышать: "**неужели и вы так непонятливы?**" (Мк.7:18)? – потому что теперь они страшились Его гораздо больше, нежели прежде. "**Но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый**". Как там Он отвечал не на то, о чем спрашивали, – потому что дело учителя – учить не тому, что хочет знать ученик, а тому, что полезно для него, – так и теперь предсказывает то, что им нужно было знать, чтоб не бояться. Они были еще немощны, и, чтобы внушить им дерзновение, Он ободрил их души и прикрыл трудности. Так как Он скоро уже должен был оставить их, то, беседуя с ними, не говорит прямо ничего скорбного; но как? К словам скорбным присоединяет похвалу, как бы говоря: не бойтесь, потому что вы "**но вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли**". Прежде Он сказал: "**на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите**" (Мф.10:5), а теперь хочет, чтобы они проповедовали "**во всей Иудее и Самарии**"; поэтому, чего тогда не сказал, то теперь присовокупил, говоря: "**и даже до края земли**". И после того, как сказал им о том, что всего страшнее, – чтобы они опять не стали спрашивать Его, – "**поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их**" (ст. 9). Видишь ли, что они проповедали и исполнили евангелие? Поистине, великое дело Он даровал им! Где, говорит, вы боялись, в Иерусалиме, там сначала проповедуйте, а потом – "**даже до края земли**". Затем опять удостоверение в сказанном: "**в глазах их**", говорит (писатель), "**и облако взяло Его**". Они не видели, когда Он воскрес, но видели, когда "**облако взяло Его**", так как и здесь зрение могло постигнуть не все. Воскресения они увидели конец, но не видели начала; а вознесения увидели начало, но не видели конца. Излишне было видеть начало воскресения, когда присутствовал сам возвещавший его, и когда гроб показывал, что Его там нет; а что последовало за вознесением, то надобно было узнать из слова. Так как глаза не могли проникнуть в высоту и показать, вознесся ли Он точно на небо, или – только как бы на небо, то смотри, что совершается. Что это был именно Иисус, они знали из того, что Он беседовал с ними, – так как зрением, по

дальности расстояния, они не могли уже распознавать Его; а что Он взимается на небо, это уже объяснили им сами ангелы. Смотри, как устраивается, чтобы не все известно было от Духа, но (нечто) – и от зрения. Для чего же "**облако взяло Его**"? И это служит знаком, что Он вознесся на небо. Не огонь, не колесница огненная, как было с Илиею, но "**облако взяло Его**"; а это было символом неба. Так и пророк говорит: "**облака делаешь колесницею Своею**" (Пс.103:3), – хотя это сказано об Отце. Поэтому выражение: "**облако взяло**" значит: на символе Божественной силы, так как на облаке нигде не представляется никакая другая сила. Послушай опять, что говорит другой пророк: "**Господь восседит на облаке легком**" (Ис.19:1). 3. Это случилось тогда, когда вопрос касался предмета важного, когда ученики были очень внимательны к тому, что говорилось, когда они были возбуждены и не дремали. И на горе (синайской), когда Моисей вошел в мрак (Исх.24:15), облако было также ради Христа, а не ради Моисея. (Христос) не сказал только: Я отхожу, чтобы ученики опять не стали сетовать; но вместе с тем сказал: Я посылаю Духа. А что Он отходил на небо, это они видели своими глазами. О, какого видения удостоились они! "**И когда**", сказано, "**они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо**" (ст. 10, 11). Употребляют слово указательное: "**Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо**" (ст. 11). Опять светлый образ! Некие ангелы, облекшись в человеческий образ, внезапно предстали и говорят: "**мужи Галилейские**". Потому самому, что сказали: "**мужи Галилейские**", они уже казались ученикам достойными веры. А если бы не это было их целью, то к чему бы им нужно было указывать ученикам на их отечество, им известное? И самым видом своим они привлекли к себе учеников и показывали, что они – с неба. Почему же не сам Христос говорит это ученикам, но ангелы? Он сам обо всем беседовал с ними прежде, так что через ангелов только напоминает им то, что они уже слышали. И не сказали (ангелы): кого вы видели вознесенным, но: кого видели "**восходящим на небо**", - чтобы показать, что Его вознесение есть восшествие; а плоти свойственно быть вознесенной. Поэтому говорят: "**вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом**", – не послан будет, но "**придет**". Где же меньшинство (Сына)? "**Облако взяло Его**". Прекрасно, – так как Он сам восшел на облако, почему восшедший есть Тот же самый, Который и нисшел (Еф.4:10). Но ты смотри, как одно говорится применительно к их мыслям, а другое – сообразно с достоинством Божиим. Впрочем, и ум смотревших теперь возвысился; Господь даровал им не малое познание второго пришествия. Слова: "**придет таким же образом**" означают то, что Он придет с телом, – так как это они желали услышать, и что опять придет на суд таким же образом, – на облаке. "**Вдруг предстали им**", сказано, "**два мужа в белой одежде**". Почему сказано: "**мужа**"? Потому, что (ангелы) приняли совершенный образ мужей, чтобы (ученики) не испугались. "**И сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо?**" Такими словами они и обнаруживают приветливость, и не позволяют им тотчас же ожидать Его возвращения. Что важнее, о том они говорят, а о менее важном умалчивают. Что Он "**придет таким же образом**", и что Его должно ожидать с неба, это говорят; а когда, о том умалчивают. Таким образом они отвлекли учеников от того зрелища и обратили их к своей речи, чтобы ученики, не имея уже возможности видеть Христа, не подумали, что Он не вознесся, но остановились мыслью на их словах. Если и прежде ученики говорили: "**куда Ты идешь?**" (Ин.13:36), то тем больше сказали бы теперь. "**Не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?**" Столько знали они Его кротость, что и после страданий спрашивают Его: "**не в сие ли время, Господи, восстановляешь**"? Правда, Он уже прежде сказал им: "**смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть, но это еще не конец**", и Иерусалим еще не будет пленен (Мф.24:6); но теперь они спрашивают о царствии, а не о

кончине. Впрочем, после воскресения Он уже не продолжительное простирает к ним слово. Они спрашивают, полагая, что и сами окажутся в славе, если это сбудется; но Он не объявил, устроит ли (это царство), или нет. Для чего им нужно было знать о том? Поэтому-то, убоявшись, они уже не сказали: "**какой признак Твоего пришествия и кончины века?**" (Мф.24:3) но: "**восстановляешь Ты царство Израилю**"? Они думали, что оно уже открылось; между тем, Он и в притчах показал, что оно не близко; и когда спросили Его, то отвечал не на вопрос, а следующее: "**примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый**". Смотри: не сказал, что (Дух) будет послан, но: "**сойдет**", – чтобы показать Его равночестность. Как же ты, духоборец, дерзаешь называть Его тварью? "**И будете Мне свидетелями**". Сделал намек на вознесение, – или лучше, и теперь снова напомнил им о том, о чем они уже слышали раньше. Уже было показано, что Он восшел на небо. "**Облако**", сказано, "**мрак под ногами Его**" (Пс.96:2; 17:10); а это и значат слова: "**и облако взяло Его**", то есть, Владыку неба. Как колесница царская указывает царя, так и к Нему послана была царская колесница, чтобы ученики не говорили ничего скорбного и не потерпели того же, что Елисей, растерзавший ризу, когда учитель его вознесся. Что же говорят (ангелы)? "**Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом**". Притом (сказано): "**предстали им два мужа**". Так и следовало, потому что "**при устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово**" (2Кор.13:1). Так именно они и говорят. "**В белой**", сказано, "**одежде**". Как прежде при гробе (жены) уже видели ангела "**в**

одеждах блистающих" (Лк.24:4), который и возвестил им то, о чем они думали, так и свидетелем вознесения Христова является ангел. Впрочем, об этом, как и о воскресении, многократно предсказывали и пророки.

4. Ангелы везде являются вестниками, например, при рождестве Христовом, опять при (благовещении) Марии, как и при воскресении; так точно – и при вознесении; да и при втором пришествии ангелы явятся предтечами. Так как они сказали: "**Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо**", то, чтобы не привести учеников в недоумение, – присовокупили: "**придет таким же образом**". Ученики несколько успокоились, услышав, что Он опять придет, и придет так же, и не будет недоступен. Не без причины поставлено и слово: "**от вас**", но оно показывает любовь Христа к ученикам, их избрание, и то, что Он не оставит тех, кого избрал. Таким образом, о воскресении свидетельствовал сам Христос, так как после рождества, или лучше, и до рождества всего удивительнее было то, что Он воскресил сам Себя: "**разрушьте**", говорил Он, "**храм сей, и Я в три дня воздвигну его**" (Ин.2:19); а о будущем пришествии свидетельствуют ангелы, говоря: "**придет таким же образом**". Итак, если кто желает увидеть Христа, если кто скорбит, что не видел Его, тот, услышав об Его будущем пришествии, пусть ведет совершенную жизнь, и тогда непременно увидит Его, и не обманется в надежде. Он придет с большею славою, но также на облаке, также с телом; и гораздо удивительнее увидеть Его сходящим с неба, чем восходящим от земли. Что Он придет, ангелы сказали; но – для чего, этого не присовокупили. Это служит подтверждением воскресения, потому что если Он с телом вознесся, то тем более с телом воскрес. Где неверующие воскресению? Кто они, скажи мне? Язычники, или христиане? Я не знаю, или лучше, я вполне знаю. Это – язычники, неверующие в самое создание твари. Это именно их дело – не допускать, что Бог творит что-нибудь из ничего, и не признавать, что Он воскресит погребенное. Но они стыдятся, что не признают силы Божией, и отсюда, во избежание упрека за это, говорят: не потому мы это говорим, но потому, что нет нужды в теле. Поистине благовременно сказать: "**невежда говорит глупое**" (Ис.32:6). Вы не стыдитесь, когда не допускаете, что Бог творит из ничего? Но, если Он творит из чего-либо существующего, то чем различается от людей? Но откуда, говорят, зло? Ужели же потому, что не знаешь, откуда зло, ты должен привносить другое зло – в познании зла? Здесь две несообразности: первая – та, что ты дерзаешь говорить так; ведь если ты не признаешь, что Бог творил существующее из

ничего, то тем более не узнаешь, откуда зло; а вторая – та, что, говоря так, ты вводишь зло нерожденное. Подумай, как худо – желать найти источник зла, но, не узнав его, привнесть еще другой! Ищи, откуда зло, и не хули Бога. Но как, скажешь, я хулю? Что ты говоришь? Разве ты не хулишь, когда вводишь нерожденное зло, когда допускаешь, что оно равномощно Богу, что оно имеет такую же силу, что оно нерожденно? Смотри$_{г}$ что говорит Павел: "**невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы**" (Рим.1:20); а диавол напротив, сказал, что то и другое из вещества, чтобы мы ни откуда уже не познали Бога. Что труднее, скажи мне: злое ли по естеству сделать прекрасным (если только оно существует: говорю сообразно с вашим мнением, потому что нельзя сделать ничего, по естеству злого, содействующим добру), или – сотворить из ничего? Что легче – говорю о качестве – ввести ли несуществующее качество, или существующее превратить в противоположное ему? Что легче – не существующий дом построить, или дом разоренный вновь перестроить? Очевидно, – первое. Но это (по вашему мнению) невозможно. Следовательно, как невозможно это, так невозможно и то, то есть – превращать что-нибудь в противоположное ему.

5. Скажи мне: что труднее – приготовить ли міро, или заставить грязь производить действия міра? Что из двух удобоисполнимее, скажи мне (мы подчиняем Бога нашим умозаключениям, но это не мы – нет, а вы): устроить ли глаза, или сделать, чтобы слепой, оставаясь слепым, видел, был острее зрячего, пользовался слепотою для того, чтобы видеть, и глухотою, чтобы слышать? Мне кажется, первое. Значит, что труднее, то, скажи мне, предоставляешь ты Богу, а что легче, того – нет? Но что я говорю об этом? И сами души, по их мнению, происходят из существа Божия. Но смотри, сколько (в их учении) нечестивого и бессмысленного. Во-первых, желая показать, что зло от Бога, они вводят другое зло, более нечестивое, чем это: говорят, что зло современно Богу, и что Бог нисколько не старше его, – дерзая таким образом приписывать и злу столь великое преимущество. Во-вторых, говорят, что зло и бессмертно, потому что нерожденное не погибает. Видите, какая хула? Отсюда необходимо (следует) или то, что от Бога ничто не произошло, или то, что и Бога нет. В-третьих, этим, как я уже сказал, они противоречат и сами себе и воздвигают на себя еще больший гнев Божий. В-четвертых, веществу, которое не может само по себе существовать (υλη αστατος), они приписывают такую великую силу. В-пятых, говорят, что причиной благости Божией было зло, и что без него Благий не был бы Благим. В-шестых, они преграждают для нас пути к богопознанию. В-седьмых, Бога низводят в людей, в растения и деревья. Ведь если, наша душа из существа Божия, а при переселении она переходит и в тыквы, и в дыни, и в луковицы, то, следовательно, существо Божие будет и в тыквах. Если мы скажем, что Дух Святый образовал храм в Деве, – они смеются; если скажем, что Он обитал в храме духовном, – опять смеются; а сами не стыдятся низводить существо Божие в тыквы, дыни, в мух, гусениц и ослов, изобретая некоторый новый образ идолослужения. "Но не луковица (говоришь) в Боге, а Бог в луковице, – да не будет луковица Богом". Отчего ты не допускаешь переселения Бога в тела? "Низко", говоришь. В таком случае еще более низко то (что ты говоришь). "Нет, не низко". Так ли? По крайней мере, у нас, – если бы это было, – поистине низко. Видите ли скопище нечестия? Но почему не хотят они, чтобы тело воскресло? Что они скажут? Что тело – зло? Откуда же, скажи мне, знаешь ты Бога? Откуда имеешь познание о сущем? Каким образом и философ бывает философом, если тело нисколько ему не содействует? Повреди чувства и узнай что-нибудь из того, что нужно знать. Что было бы несмысленнее души, если бы она с самого начала имела поврежденные чувства? Если повреждение одного только члена, то есть, мозга, бывает для нее совершенно пагубно, то к чему она будет годна, если и другие будут повреждены? Покажи мне душу без тела. Разве не слышишь, что говорят врачи: постигшая болезнь совершенно омрачает душу? Долго ли вы не повеситесь? Скажи мне: тело из вещества? Хорошо. Поэтому следовало

бы ненавидеть его. Зачем же ты питаешь его, зачем греешь? Тебе бы поэтому должно было умертвить себя; должно было бы освободить себя из узилища. Притом еще (говорят): Бог не может победить вещества (υλη), если не смешается с ним; Он не может повелевать ему, доколе не будет вместе с ним и не распространится по всему его составу. Какое бессилие! И царь все делает, давая повеления; а Бог не может повелевать злом? Вообще же, если бы вещество не было причастно какому-нибудь добру, – оно не могло бы существовать. Ведь зло, по своей природе не может существовать, если не будет соединено с каким-нибудь добром; поэтому, если бы оно раньше не было смешано с добром, то давно бы погибло, -таково уже свойство зла. Пусть кто-нибудь будет сластолюбив и пусть нисколько не сдерживает себя: проживет ли он десять дней? Пусть будет кто разбойником, бессовестным в отношении ко всем, даже и в отношении к другим разбой-никам: останется ли он жив? Пусть будет кто бесстыдным за вором, который, не краснея, публично ворует: сохранит ли такой свою жизнь? Зло не может существовать само по себе, если не будет в нем, хотя не много, чего-нибудь доброго; следовательно, по их учению, оно получило свое начало от Бога. Пусть будет город, населенный людьми злыми: может ли он существовать? И пусть эти люди будут злы не для добрых только, но и для себя самих: очевидно, (такому городу) невозможно существовать. Поистине, "**называя себя мудрыми, обезумели**" (Рим.1:22). Если тело – зло, то и все без различия видимое – и вода, и земля, и солнце, и воздух – также зло, потому что и воздух – тело, хотя не плотное и не твердое. Поэтому благовременно сказать: "**поведали мне законопреступники (свои) рассуждения**" (Пс.118:85). Но не будем внимать им; напротив, заградим от них слух. Есть, подлинно есть воскресение тел. Это показывает гроб в Иерусалиме; это (показывает) древо, к которому Христос был привязан, когда был бичуем. "**С Ним**", говорили (о Христе апостолы), "**ели и пили**" (Деян.10:41). Будем же веровать воскресению и поступать достойно его, чтобы сподобиться и будущих благ во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу, со Св. Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 3

"Тогда они возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон, которая находится близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути" (Деян.1:12).

1. "**Тогда возвратились**". Когда же – "**тогда**"? Когда выслушали (слова ангелов). Ученики вообще не перенесли бы (разлуки с Господом), если б им не было обещано, что Он придет в другой раз. И мне кажется, что это случилось в субботу: иначе писатель не обозначил бы таким образом расстояния, не сказал бы: "**с горы, называемой Елеон, которая находится близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути**", – если бы не в день субботний прошли они определенное для этого дня пространство пути. "**И, придя, взошли в горницу, где и пребывали**" (ст. 13). Значит, уже в Иерусалиме они оставались после воскресения. "**Петр**", сказано, "**и Иаков, Иоанн**". Уже упоминаются не один Иоанн с братом, но и Андрей с Петром: "**Андрей, Филипп и Фома, Варфоломей и Матфей, Иаков Алфеев и Симон Зилот, и Иуда, брат Иакова**". Не без причины упомянул поименно об учениках: так как один из них сделался предателем, другой отрекся, третий не поверил, то он показывает, что, кроме одного предателя, все были целы. "**Все они единодушно пребывали в молитве и молении, с некоторыми женами**" (ст. 14). Прекрасно! Молитва – сильное оружие среди искушений. Этому, с одной стороны, они уже были достаточно научены самим Учителем, а с другой – к тому же их располагало и настоящее искушение: потому они и восходят на горницу, что сильно боялись иудеев. "**С женами**", – говорит (писатель), так как (в Евангелии) он сказал, что они следовали за Христом. "**И Мариею, Материю Иисуса, и с братьями Его**". Но как же (Иоанн) говорит, что тогда "**ученик взял ее к себе**" (Иоан.19:27)? После того, как Христос снова собрал

учеников, и она была опять с ними. "**С братьями Его**", – говорит о тех, которые прежде не верили Христу. "**И в те дни Петр, став посреди учеников, сказал**" (ст. 15). Петр всегда первый начинает говорить, частью по живости своего характера, а частью потому, что Христос вверил ему Свое стадо и он был первым в лике (апостолов). "**(Было же собрание человек около ста двадцати): мужи братия! Надлежало исполниться тому, что в Писании предрек Дух Святый**" (ст. 16). Почему он не от своего только лица просил Христа дать ему кого-нибудь вместо Иуды? Или почему апостолы (все вместе) не делают выбора сами собою? Петр сделался теперь лучше, чем был прежде: так можно ответить на первый вопрос. Что же касается до того, почему не просто, а посредством откровения они просят восполнить свое собрание, – на это я укажу две причины: первая – та, что они заняты были другим делом; а другая – та, что это служило наибольшим доказательством, что Христос пребывал с ними. Он, и отсутствуя (видимым образом), сам избрал так же точно, как и тогда, когда был с ними: а это служило для них немаловажным утешением. Но смотри, как Петр все делает с общего согласия и не распоряжается ничем самовольно и как начальник. И он не сказал просто так: "на место Иуды мы избираем такого-то"; но, чтобы успокоить учеников относительно совершившегося, посмотри, как начинает свою речь. Это событие, действительно, произвело в них не малое недоумение; и в этом нет ничего удивительного: если и теперь многие рассуждают о нем, то что естественно следовало говорить им тогда? "**Мужи**", говорит он, "**братия**". Если Господь назвал их братиями, то тем приличнее было такое обращение Петру, потому-то он и восклицает так в присутствии всех. Вот достоинство церкви и ангельское ее состояние! Никто тогда не был отделен от других, ни мужчина, ни женщина. И мне желательно, чтобы таковы были церкви и теперь. Никто тогда не заботился о чем-либо житейском, никто не беспокоился о доме. Вот как полезны искушения! Вот какое благо – напасти! "**Надлежало исполниться**

тому, что в Писании предрек Дух Святый". Постоянно утешает их пророчеством. Так при всяком случае поступает и Христос. Таким же точно образом и Петр показывает, что в этом событии нет ничего странного, но что оно уже было предсказано. "**Надлежало**", говорит он, "**исполниться тому, что в Писании предрек Дух Святый устами Давида**". Не говорит: сказал Давид, но: Дух чрез него. Вот заметь уже в самом начале книги, каким пользуется он учением. Видишь ли, я не напрасно сказал в начале настоящего произведения, что эта книга (изображает) устроение (πολιτεία) Духа. "**Предрек Дух Святый устами Давида**"; Смотри, как усвояет себе пророка и выставляет на вид его наречение, зная, что для них будет полезно то, что это изречение принадлежит Давиду, а не другому пророку. "**Об Иуде, бывшем вожде**". Заметь и здесь любомудрие этого человека: он не поносит и не бесчестит (Иуду), не говорит, что он был злодей и самый ужасный злодей, но просто поясняет, что произошло. Не называет даже его и предателем, а старается, сколько это было для него возможно, сложить вину на других. Впрочем, и тех не сильно обвиняет: "**бывшем**", говорить, "**вожде тех, которые взяли Иисуса**". И прежде, чем указал место, где находится это изречение Давида, напоминает об участи, постигшей Иуду, чтобы чрез настоящее удостоверить и в будущем и показать, что (Иуда) уже получил наказание. "**Он был сопричислен к нам и получил жребий служения сего; но приобрел землю неправедною мздою**" (ст. 17, 18). Изображает нрав (Иуды) и неприметно обнаруживает (его) вину, достойную наказания. Не говорит: "иудеи (стяжали)", но: "**приобрел землю неправедною мздою**". И так как люди со слабой душою смотрят не столько на будущее, сколько на настоящее, – он рассказывает о наказании, постигшем его в настоящей жизни. "**И когда низринулся**". Прекрасно поступил, остановив свою речь не на преступлении Иуды, а на постигшем его наказании. "**Расселось чрево его, и выпали все внутренности его**". Это служило для них утешением. "**И это сделалось известно всем жителям Иерусалима, так что земля та на отечественном их наречии названа Акелдама, то есть земля крови**" (ст. 19).

2. Иудеи дали такое название селу не ради села, а ради Иуды; а Петр перенес его на самое село и в свидетели привел самих врагов. И тем, что сказал: "**названа**", и тем, что присовокупил: "**на отечественном их наречии**", – он, действительно, хочет это выразить. Затем, указав сначала на событие, он прилично приводит пророчество и говорит: "**в книге же Псалмов написано: да будет двор его пуст, и да не будет живущего в нем; и достоинство его да приимет другой**" (ст. 20; Пс.68:26). Это (говорится) о селе и о доме. "**И достоинство его да приимет другой**", т.е., начальство, священство. Следовательно, не по моей мысли это совершается, а по воле Того, Кто это предрек. Чтобы не показалось, будто он берется за дело слишком великое, за такое, какое совершал Христос, – он в свидетели привел пророка. "**Итак надобно**", говорит, "**чтобы один из тех, которые находились с нами во всё время**" (ст. 21). Зачем он советуется с ними? Чтобы это дело не сделалось предметом спора, чтобы между ними не вышло распри. Ведь если это случилось с самими (апостолами), то тем скорее (могло случиться) с теми людьми. Этого он всегда избегает; потому и говорил в самом начале: "**мужи братия**", нужно избрать из нас. Он предоставляет это дело на суд большинства, а чрез то и избираемых выставляет достопочтенными, и от себя отклоняет вражду со стороны других, так как подобные дела всегда порождают большое зло. И вот, что надобно так поступить, (избрать), этому в свидетели он приводит пророка; а из каких лиц надобно (сделать выбор), это он объясняет сам, говоря: "**один из тех, которые находились с нами во всё время**". Если бы он сказал: надобно, чтобы это были люди способные, – он оскорбил бы остальных; а теперь он дело предоставил времени, сказав не просто: "**находились**", но: "**во всё время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус, начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся от нас, был вместе с нами свидетелем воскресения Его**" (ст. 21, 22). Для чего это? Чтобы лик (апостольский) не оставался не полным. Что же? Разве самому Петру нельзя было избрать? Очень можно. Но он этого не делает, чтобы не показаться пристрастным; а с другой стороны, – он не получил еще и Святого Духа. "**И поставили двоих: Иосифа, называемого Варсавою, который прозван Иустом, и Матфия**" (ст. 23). Не сам Петр поставил их, но – все; а мнение подал он, показав, впрочем, что и оно принадлежит не ему, а издревле уже (возвещено) в пророчестве, так что он был лишь толкователь, а не наставник. "**Иосифа, называемого Варсавою, который прозван Иустом**". Писатель поставил и то, и другое название, быть может, потому, что (у Иосифа) были соименники, так как и между апостолами было много соименников, например: Иаков Зеведеев и Иаков Алфеев, Симон Петр и Симон Зилот, Иуда Иаковлев и Иуда Искариотский. С другой стороны, это название могло быть дано ему и вследствие перемены жизни, а, может быть, и по его желанию. "**И поставили двоих: Иосифа, называемого Варсавою, который прозван Иустом, и Матфия; и помолились и сказали: Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи из сих двоих одного, которого Ты избрал принять жребий сего служения и Апостольства, от которого отпал Иуда, чтобы идти в свое место**" (ст. 23-25). Прилично упоминают о преступлении Иуды и тем показывают, что ищут свидетеля не для того, чтоб увеличивать число (апостолов), но для того, чтобы не дать ему уменьшиться. "**И бросили о них жребий**", так как Святого Духа еще не было с ними, "**и выпал жребий Матфию, и он сопричислен к одиннадцати Апостолам**" (ст. 26). "**Тогда**", сказано, "**они возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон, которая находится близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути**" (ст. 12). Так говорит (писатель), желая показать, что они не дальний предпринимают путь, чтобы не подвергнуться какой-либо опасности, так как они все еще трепетали и боялись. "**И, придя, взошли в горницу**" (ст. 13). Они не смели появиться в городе и не напрасно взошли на горницу, но за тем, чтобы не легко было захватить их врасплох.

"**Все они единодушно пребывали в молитве и молении**" (ст. 14). Видишь ли, как они бодрствовали, "**пребывали в молитве**", и притом, "**единодушно пребывали**", как бы

одною душою? В этих словах заключается свидетельство о том и другом. Иосифа, может быть, уже не было в живых; поэтому о нем (здесь) и не упоминается. Невозможно, чтобы этот человек, который прежде всех уверовал (во Христа), не был верующим теперь, когда и братья уверовали. Поэтому-то, конечно, нигде и не видно, чтобы он когда-либо смотрел на Христа, как на (простого) человека, между тем как Мать говорила: "**отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя**" (Лк.2:48). Итак, он познал Его прежде всех; а братьям Христос говорил: "**мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит**" (Ин.7:7). Посмотри и на скромность Иакова: он принял епископство в Иерусалиме, и, однако – в настоящем случае не говорит ничего. Заметь также глубокое смирение и остальных учеников: они уступают ему престол и не спорят уже между собою, так что та Церковь была, как бы на небе; в ней не было ничего житейского; она блистала не стенами и не мрамором, но ревностью лиц, ее составлявших. "**Было же собрание человек около ста двадцати**", сказано, было их. В том числе, вероятно, были семьдесят учеников, которых избрал сам Христос, а равно и другие из числа ревностнейших по вере, напр. Иосиф и Матфий; были и многие жены, которые следовали за Ним и всегда были вместе.

3. Такова заботливость наставника! Он первый поставил учителя. Не сказал: достаточно и нас, – так он был чужд всякого тщеславия, и стремился лишь к одной цели, хотя и не одинаковое со всеми имел значение. Впрочем, это было совершенно естественно по причине добродетели этого человека, а также и потому, что в то время начальство составляло не честь, а заботу о подчиненных. Отсюда происходило, что и те, кого избирали, не гордились, потому что были призываемы на опасности; и те, кто не был избран, не скорбели, потому что не считали этого для себя бесчестием. Но теперь уже бывает не так, а совершенно напротив. Смотри: их было сто двадцать человек, а из всего этого множества он требует (чтобы они избрали) одного, – и (требует) справедливо. Он первый распоряжается в этом деле, так как ему вверены все. Ведь ему сказал Христос: "**и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих**" (Лк.22:32). "**Он был сопричислен**", говорит, "**к нам**"; а потому надобно назначить другого, чтобы он сделался свидетелем на место Иуды. И смотри, как он подражает своему Учителю: всюду рассуждает на основании Писания и отнюдь ничего не говорит о Христе, что Он часто это предсказывал. Не указывает и на те места Писания, где упоминается о предательстве Иуды, напр.; "**уста грешника и уста льстивого открылись против меня**" (Пс.108:2); но приводит только то место, где упомянуто об его наказании, так как теперь только об этом и полезно было им узнать. Здесь опять особенно видно человеколюбие Господа. "**Он был сопричислен**", говорит, "**к нам и получил жребий служения сего**". Везде называет его жребием и тем показывает, что здесь все – дело благодати Божией и дело избрания, – и вместе напоминает им о временах древних, выражая мысль, что Бог сделал его Своим жребием так же, как и левитов. Затем, продолжая говорить о нем, замечает, что награда за его предательство сделалась торжественною вестницею и его наказания. "**Но приобрел**", говорит, "**землю неправедною мздою**". Заметь, как это событие совершилось по устроению Божию. "**Неправедною**". Много неправд; но никогда не было ничего неправеднее этой неправды; это – по преимуществу дело неправедное. И это сделалось известным не одним лишь современникам, но и всем жившим после того. Иудеи невольно, сами того не зная, дали название (селу), подобно тому, как и Каиафа предрек, не зная сам о том. Бог побудил их назвать его по-еврейски: Акелдама. Отсюда уже можно было предусматривать и те бедствия, какие имели постигнуть иудеев. Далее показывает, что отчасти уже сбылось предсказание, которое говорит: "**лучше было бы этому человеку не родиться**" (Мф.26:24). Это же самое можно приложить и к иудеям, потому что, если бывший вождь (подвергся такой участи), то еще с большею справедливостью (должны были испытать ее) эти люди. Но (Петр) пока еще не говорит ничего такого. Затем, чтобы показать, что (это поле) по всей справедливости названо Акелдама, он приводит изречение пророка: "**да будет двор его пуст**". И что, в самом деле, может быть

пустыннее села, обращенного в кладбище? И это село естественно может быть названо его селом. Кто внес следующую за него плату, тот справедливо и должен считаться господином этого великого запустения, хотя бы и другие купили его. Это запустение, – если внимательно вникнуть в дело, – служит уже началом иудейского запустения. Известно, что иудеи губили себя голодом и многих умертвили, и что город их обратился в кладбище для чужестранцев, для воинов: им не позволяли погребать (умерших), потому что их считали недостойными даже погребения. "**Итак надобно**", говорит, "**чтобы один из тех, которые находились с нами**". Смотри, – он хочет, чтобы это были очевидные свидетели. Хотя и имел придти к ним Дух Святый, при всем том, на это дело была обращена крайняя заботливость. "**Итак надобно, чтобы один из тех, которые находились с нами**", говорит, "**во всё время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус**". Этим показывает, что они жили вместе с Ним, а не просто только находились при Нем, как Его ученики. Действительно, и с самого начала тогда многие следовали за ним. Смотри, как на это указывает (Иоанн), когда говорит: "**один из двух, слышавших от Иоанна об Иисусе и последовавших за Ним**" (Ин.1:40). "**Во всё время**", говорит, "**когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус, начиная от крещения Иоаннова**". Прекрасно; так как, что было прежде этого, о том никто не знал чрез научение, но узнали от Святого Духа "**до того дня**", говорит, "**в который Он вознесся от нас, был вместе с нами свидетелем воскресения Его**" (ст. 22). Не сказал: "**свидетелем**" остального, но: "**свидетелем**" одного только "**воскресения**", потому что тот (свидетель) был достовернее, кто мог сказать, что Тот самый воскрес, Кто ел, пил, был распят. Не надобно было свидетеля ни для того, что было прежде, ни для того, что было после, ни для чудес вопрос заключался именно в воскресении, так как то было явно и всеми признано, а воскресение произошло тайно и только им одним было известно. И они не говорят: нам сказали ангелы, но: мы видели Откуда это ясно? Из того, что мы творим чудеса. Поэтому тогда-то особенно им и следовало быть достоверными. "**И поставили**", говорит (писатель), "**двоих**". Зачем не больше? Чтобы не увеличивать между ними уныния, и не распространять этого дела на многих. И не без причины он ставит (Матфия) после (Иосифа), но этим показывает, что, кто пользуется почтением у людей, тот часто бывает меньшим пред Богом. И все вместе молятся таким образом: "**Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи**" (ст. 24). Ты, говорят, а не мы. Благовременно призывают и Сердцеведца: надлежало, чтобы Он сделал избрание, а не посторонние люди. Так они были уверены, что одному непременно следовало быть избранным. И не сказали: избери; но: "**покажи**", говорят, избранного, "**которого Ты избрал**", они знали, что у Бога все наперед определено. "**Покажи из сих двоих одного, которого Ты избрал принять жребий сего служения и Апостольства**" (ст. 24, 25), – потому что было и другое служение. "**И бросили о них жребий**" (ст. 26). Они еще не считали себя достойными того, чтобы самим сделать выбор; поэтому и хотят узнать посредством какого-нибудь знака.

4. С другой стороны, если там, где не было ни молитвы, ни достойных людей, жребий имел столь великую силу, потому что был следствием справедливого, по отношению к Ионе, решения, то гораздо более здесь, где нужно было восполнить лик, восстановить чин (апостольский). И другой (Иосиф) не опечалился (тем, что не был избран): иначе апостолы сказали бы об этом, так как они не скрывали своих недостатков. Ведь и о самых даже первоверховных апостолах они не преминули заметить, что иногда они были недовольны; и это не однажды, но и дважды, и даже чаще. Будем же я мы подражать им. Слово мое относится не ко всем еще, а к тем лишь, кто домогается власти. Если ты веришь, что выбор делается Богом, то не негодуй: иначе ты Им бываешь недоволен, против Него раздражаешься, потому что Он избрал. Если же, несмотря на Его избрание, ты дерзаешь огорчаться, то ты поступаешь так же, как Каин. Ему надлежало бы одобрить (приговор Божий), а он из-за того, что жертве брата сделано предпочтение, опечалился; вознегодовал, когда бы следовало умилиться. Но, впрочем, не об этом речь, а о том, что

Бог знает, как лучше устроить дела. Часто бывает, что по характеру, например, ты скромнее, но не соответствуешь цели. Опять, – жизнь твоя безукоризненна и характер у тебя благородный, но не это только нужно в Церкви. А притом, и пригоден бывает один к одному, а другой к другому. Разве не видишь, как много об этом сказано в Священном Писании?

Но я скажу, отчего это дело сделалось предметом домогательств: причина – в том, что мы домогаемся его, не как обязанности управлять другими и заботиться о братиях, а как чести и покойной жизни. А если бы ты знал, что епископ должен принадлежать всем и носить тяготы всех, что остальным, когда они гневаются, прощают, а ему – никогда, что прочих, если они согрешат, охотно извиняют, а его – нет, – ты не добивался бы этого начальства, не стремился бы к нему. Епископ подлежит приговору всякого, суду всех – и мудрых, и неразумных; каждый день, каждую ночь он изнуряется в заботах; у него много недоброжелателей, много завистников. Не говори мне о тех, которые во всем угождают, которые хотят спать, которые идут на это дело, как на покой, – не о них речь, но о тех, которые бдят о душах ваших, которые спасение подчиненных предпочитают своему собственному. Скажи мне: если тот кто имеет десятерых детей, которые подвластны ему и всегда живут вместе с ним, принужден бывает непрестанно о них заботиться, – то каким следует быть тому, у кого так много лиц, не подчиненных ему, не живущих вместе с ним, но свободно располагающих собою? За то, скажешь, он пользуется честью. Какою честью? Самые последние нищие поносят его на площади. Так зачем же он не заставляешь их замолчать? Хорошо; но ведь это уж не дело епископа. И опять, не подавай он всякому, – и тем, кто (проводит время) в праздности, и тем, кто трудится, – тысячи упреков со всех сторон; никто не боится обвинить и оклеветать его. Осуждать (мирских) начальников боятся; а этих (епископов) – нет, потому что страх Божий у таких людей не имеет никакой силы. А что сказать касательно заботы о слове и об учении? О трудности при рукоположениях? Или, быть может, я уж крайне немощен, жалок и ничтожен, или дело обстоит действительно так, как я говорю. Душа священника ничем не отличается от корабля, обуреваемого волнами; со всех сторон она уязвляется от друзей, от врагов, от своих, от чужих. Не вселенною ли управляет царь, между тем как епископ – одним только городом? Но заботы последнего настолько же больше, насколько воздымающееся и беснующееся море различается от речной воды, приводимой в движение лишь ветром. Отчего бы это так? Оттого, что там много помощников, и все делается по закону и по указу; а здесь нет ничего такого, и нельзя приказать по своему усмотрению. Но, если будешь действовать сильно, прослывешь жестоким; а если не сильно, – холодным. Надобно совмещать и то, и другое, так, чтобы и не быть в пренебрежении, и не заслужить ненависти. С другой стороны, и самые дела здесь особенно трудны. Как многих (епископ) вынужден бывает огорчать, волею или неволею! Как со многими вынужден бывает поступать сурово, хотел бы того, или не хотел! Говорю не иначе, а именно так, как думаю и чувствую. Не думаю, чтоб в среде священников было много спасающихся; напротив – гораздо больше погибающих, и именно потому, что это дело требует великой души. У епископа много нужд, которые заставляют его выходить из своего дома; ему нужны тысячи глаз со всех сторон. Не видишь ли, как много нужно иметь ему? Он должен быть учительным, терпеливым, твердо держаться "**истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здравом учении**" (Тим.3:2; Тит. 1:9 и др.). А как это трудно! И тогда, когда прочие грешат, – вина падает на него. Не говоря ни о чем другом, скажу только, что, если только и один кто отойдет (из этой жизни) без посвящения в таинства, – не ниспровергнешь ли это всего его спасения? Ведь погибель и одной души составляет такую потерю, которой не может выразить никакое слово. Если спасение ее имеет такую цену, что и Сын Божий сделался для этого человеком и столько претерпел, то подумай, какое наказание повлечет за собою ее погибель! Если тот, чрез кого гибнет другой, достоин в настоящей жизни смерти, то гораздо боль- ше – там. Не говори мне:

согрешил пресвитер или диакон, – вина всех их падает на главу рукоположивших. Укажу еще на нечто другое: случится кому-нибудь из людей нехороших быть принятым в клир, – является недоумение: какое надобно принять решение касательно его прежних грехов? Здесь две пропасти: следует и его не оставить без наказания, и остальным не подать соблазна. Так надобно ли его извергнуть? Но в настоящее время нет повода. Или оставить его без наказания? Да, скажешь, потому что виноват рукоположивший. Так что же? Не нужно, по крайней мере, рукополагать его и возводить в другую степень? Но тогда для всех будет ясно, что он – какой-то дурной человек, и, следовательно, отсюда опять произойдет соблазн. Или возвести его на высшую степень? Но это гораздо хуже.

5. Итак, если бы все стремились к архиерейству, как к обязанности заботиться о других, то никто не решился бы скоро принять его. А то мы гоняемся за ним так же точно, как за мирскими должностями. Из-за того, чтобы быть в славе, чтобы достигнуть почестей у людей, мы погибаем пред очами Божиими. И что пользы в почести? Как ясно доказано, что она – ничто! Когда ты сильно возжелаешь священства, то противопоставь геенну, противопоставь отчет, какой там нужно дать, противопоставь покойную жизнь, противопоставь степень наказания. Если ты согрешишь просто, как человек, ты не потерпишь ничего подобного; если же согрешишь, будучи священником, – ты погиб. Подумай, сколько перенес, сколько любомудрствовал, сколько доброго выказал в себе Моисей; и, однако, за то, что сделал один только грех, потерпел строгое наказание. И справедливо, – потому что это соединено было со вредом для остальных. Итак, он наказан был с особенной строгостью не потому только, что его грех был явный, но и потому, что был грех священника. А ведь не одинаковому подвергаемся мы наказанию за грехи явные и за грехи тайные. Грех один и тот же, но вред от него не одинаков, или лучше сказать – и грех не одинаков, потому что не все равно – грешить тайно и незаметно, и грешить явно. А епископу нельзя грешить тайно. Хорошо уже и то, если он свободен от упреков, когда не грешит; а уж нечего говорить о том, когда он грешит. Рассердится ли он, посмеется ли, захочет ли дать себе отдых сном, – является много насмешников, много соблазняющихся, много законодателей, много таких, которые припоминают прежних (епископов) и охуждают настоящего; и это делают не потому, что хотят похвалить тех, – нет, – вспоминают о прежних епископах и пресвитерах только для того, чтобы уязвить этого. Приятна, говорят, война для тех, кто не испытал ее. Это же прилично сказать и теперь; или лучше, мы так и говорим, пока не вступили в подвиг; а как скоро вступим, мы не бываем даже известны народу. Теперь у нас уже нет борьбы с теми, кто угнетает бедных; мы не берем на себя труда ратовать за свое стадо, но, подобно тем пастырям, о которых упоминается у Иезекииля (34:2), мы лишь закалаем и едим. Кто из нас выказывает такую же заботливость о стаде Христовом, какую имел Иаков о стадах Лавана? Кто может похвалиться чем-нибудь таким, что могло бы равняться перенесению ночного холода? Не называй мне всенощных бдений наравне с этою великою заботливостью. Нет, теперь все совсем иначе. Начальники округов и местные правители не пользуются такою большою честью, какою – начальствующий в Церкви. Войдет ли он в царский дворец, – кому первое место? Будет ли у женщин, или в знатных домах, – никому другому нет большего перед ним почета. Все погибло, все испорчено! Это говорю я не для того, чтобы вас пристыдить, а для того, чтобы удержать вас от этой страсти. С какою ты будешь совестью, если ты домогался (этого сана) или сам собою, или чрез кого-нибудь другого? Какими глазами будешь смотреть на того, кто был твоим сообщником? Какое будешь иметь оправдание? Кто (принял этот сан) по неволе, по принуждению, против желания, тот имеет еще некоторое оправдание; хотя и ему по большей части отказывают в прощении, но все же он имеет некоторое извинение. Подумай, чему подвергся Симон? Что нужды, что ты не даешь серебра, но, в замен серебра, льстишь и употребляешь разного рода происки и хитрости? "**Серебро твое да будет в погибель**" (Деян.8:20), – сказано было ему; и этим людям также будет сказано: домогательство ваше да будет с вами в погибель

за то, что вы вздумали приобресть дар Божий происками человеческими. Но таких нет никого? О, если б и не было! Ведь я вовсе и не желаю, чтобы слова мои относились к вам; и теперь только по ходу речи мне пришлось сказать об этом. Да когда я говорю и против любостяжания, слова мои также не относятся к вам, и даже ни к одному из вас. Дай Бог, чтобы мы понапрасну приготовляли лекарства. И желания врачей точно таковы же: не другого чего они хотят, а именно того, чтобы, после значительного их труда лекарства были брошены даром. Того же и мы желаем, то есть, чтобы наши слова говорились просто – на воздух, так, чтобы оставались только словами. Я готов снести все, лишь бы не быть поставлену в необходимость говорить об этом. Впрочем, если угодно, мы и замолчим; только пусть наше молчание будет безопасно: я и не думаю, чтобы кто-либо, как бы ни был он тщеславен, захотел говорить без всякой надобности и только для того, чтобы себя выказать. Мы предоставим вам учить; учение делами – это более важное учение. И лучшие врачи, несмотря на то, что недуг больных приносит им доходы, желают, чтобы их друзья были здоровы; так и я хочу, чтобы все вы были здоровы. Я не желаю, чтобы меня хвалили, а вас осуждали. Я желал бы, если возможно, самим взором выказать ту любовь, какую питаю к вам: тогда уже никто не стал бы упрекать меня ни в чем, если бы даже слово мое было и слишком жестко. Что говорится между друзьями, то легко переносится, хотя бы тут было что-нибудь и обидное, – потому что "**искренни укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего**" (Притч.27:6). Для меня нет ничего дороже вас, – не дороже даже и этот свет. Тысячи раз я желал бы сам лишиться зрения, если бы только чрез это можно было обратить ваши души, – так спасение ваше для меня приятнее самого света. Да и что мне пользы от лучей солнечных, когда скорбь из-за вас наводить глубокий мрак на мои очи? Свет тогда хорош, когда он является во время радости; а для скорбной души он кажется даже тягостным. А что я не лгу, – в этом не дай Бог когда-нибудь убедиться на опыте! Но, впрочем, если бы случилось, что кто-нибудь из вас грешит, – придите ко мне спящему: пусть я погибну, если я не похожу на расслабленных, если не похожу на исступленных; тогда, по словам пророка, "**свет очей моих - и того нет у меня**" (Пс.37:11). Какая для вас надежда, когда вы не показываете успехов? А если вы заслуживаете похвалу, какая возможна печаль? Мне кажется, я летаю (от радости), когда услышу о вас что-нибудь хорошее. "**Дополните мою радость**" (Флп.2:2). Об этом только я прошу вас, потому что я желаю вам успеха: А я со всеми буду спорить относительно того, что люблю вас, что я сроднился с вами, что вы для меня все – и отец, и мать, и братья, и дети. Так не подумайте же, что хоть что-нибудь говорится мною по неприязненности к вам; нет, – (я говорю) для вашего исправления. "**Брат**", - говорит Писание, - "**от брата вспомоществуемый – как город крепкий**" (Притч.18:19). Итак, не пренебрегите моими словами. Ведь и я не отказываюсь слушать вас; нет, я хотел бы, чтоб вы исправляли меня, хотел бы учиться у вас. Ведь мы все братья, и один у нас Наставник; но и между братьями надобно, чтобы один давал приказания, а остальные слушались. Так не пренебрегите же моими словами, но да будем делать все во славу Бога, так как Ему слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 4

"При наступлении дня Пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились" (Деян.2:1-2).

1. Что это за пятидесятница? Это – время, когда нужно было серпом срезывать жатву, когда надобно было собирать плоды. Видел образ? Смотри, в свою очередь, и на саму истину. Когда надобно было пустить в дело серп слова, когда нужно было собирать жатву, – тогда, как изощренный серп, прилетает Дух. Послушай, в самом деле, что говорит Христос: "**возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к**

жатве" (Ин.4:35); и еще: "**жатвы много, а делателей мало**" (Лк.10:2). Итак, Христос сам первый наложил серп; Он вознес на небеса начатки плодов, восприяв наше естество; потому-то Они называет это жатвою. "**При наступлении**", сказано, "**дня Пятидесятницы**", то есть, не прежде Пятидесятницы, но около самой, так сказать, Пятидесятницы. Надлежало, чтобы и это совершилось также во время праздника, чтобы те, которые присутствовали при кресте Христовом, увидели и это событие. "**И внезапно сделался шум с неба**". Почему это событие не совершилось без всяких чувственных явлений? Потому, что, если и при этом иудеи говорили, "**они напились сладкого вина**", то чего не сказали бы, если бы ничего такого не случилось? И не просто произошел шум, но – "**с неба**". А своею внезапностью он возбудил учеников. "**И наполнил весь дом**". Это показывает великую стремительность Духа. Заметь: здесь все были собраны, для того, чтобы и присутствующие уверовали, и ученики оказались достойными. И не только это (говорит Лука), но присовокупляет и то, что гораздо поразительнее: "**и явились им разделяющиеся языки, как бы огненные**" (ст. 3). Прекрасно везде прибавлено: "**как бы**", чтобы о Духе ты не подумал ничего чувственного: "**как бы огненные**", сказано, и: "**как бы от несущегося сильного ветра**". Значит, это был не ветер, обыкновенно разливающийся в воздухе. Когда Иоанну нужно было узнать Святого Духа, – Он сошел на главу Христову в виде голубя; а теперь, когда надлежало обратиться всему народу, Он является в виде огня. "**И почили по одному на каждом из них**", т.е., остановился, почил: сесть значит утвердиться, остаться на месте. Что же? На одних лишь двенадцать учеников сошел (Святый Дух), а не на остальных? Нет, – Он сошел и на всех сто двадцать человек. Петр не без основания привел свидетельство пророка, говоря: "**И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут**" (ст. 17). И заметь: так было, чтобы не только поразит их, но и исполнит благодати; поэтому и (сказано): "**Духом Святым и огнем**" (Мф.3:11). "**И исполнились**", прибавляется далее, "**все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать**" (ст. 4). Прежде всякого другого знамения получают они именно это, так как оно было необыкновенно, и не было нужды в другом знамения. "**И почили**", сказано, "**по одному на каждом из них**", – следовательно, и на том, кто не был избран; потому-то он уже и не скорбит, что не избран подобно Матфию. Сказано: "**и исполнились все**". Не просто приняли благодать Духа, но исполнились. "**И начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать**". Не сказал бы: "**все**", хотя тут были и апостолы, если б и остальные не участвовали. С другой стороны, сказав о них прежде отдельно и поименно, он и теперь не сказал бы о них на ряду с прочими. Если там, где нужно было сказать только, что тут апостолы, он упоминает о них отдельно, то тем больше (упомянул бы) здесь.

Но заметь, прошу тебя, как Дух приходит именно тогда, когда они пребывают в молитве, когда имеют любовь. А слова: "**как бы огненные**" напомнили им и о другом видении, потому что, как огонь, Он явился и в купине. "**Как Дух давал им провещевать**"; их слова, действительно, были провещаниями (αποφθέγματα). Сказано: "**в Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные**" (ст. 5). Что они были благоговейны, свидетельством тому служит именно то, что они тут жили. Каким образом? Принадлежа к столь многим народам и оставив свое отечество, свои домы, своих родственников, они жили тут. "**В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небом. Когда сделался этот шум, собрался народ, и пришел в смятение**" (ст. 5, 6). Так как это событие случилось в доме, то, естественно, сбежались находившиеся вне дома. "**Народ, и пришел в смятение**". Что значит: "**в смятение**"? Смутился, удивился. Затем (писатель), разъясняя, чему удивлялись, прибавляет: "**ибо каждый слышал их говорящих его наречием**". Итак, собрался народ "**говоря между собою: сии говорящие не все ли Галилеяне?**" (ст. 6-7) Тотчас же обратили взоры на апостолов. "**Как же**",

говорят, "**мы слышим каждый собственное наречие**, **в котором родились. Парфяне, и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, критяне и аравитяне, слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих? И изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит?**" (ст. 8-12). Видишь, как они стремятся от востока к западу? "**А иные, насмехаясь, говорили: они (γλεύκους) напились сладкого вина**" (ст. 13).

2. Какое безумие! Какая великая злоба! Теперь было вовсе не время для молодого вина (γλεύκους), потому что была Пятидесятница. И что еще хуже, – в то время, как все признают (чудо), и римляне, и пришельцы, и, может быть, даже и те которые распяли (Господа), – они и после всего этого говорят, "**они напились сладкого вина**". Но возвратимся к тому, что сказано выше. "**И наполнил весь дом**". Бурное дыхание было как бы купелью водною; а огонь служит знаком именно обилия и силы. Этого никогда не случалось с пророками; так было только теперь – с апостолами; а с пророками – иначе. Например, Иезекиилю дается свиток книжный, и он съедает то, что должен был говорить: "**и было**", говорит он, "**в устах моих сладко, как мед**" (Иез.3:3). Или еще: рука Божия касается языка другого пророка (Иер.1:9). А здесь (все делает) сам Дух Святой и таким образом является равночестным Отцу и Сыну. Опять и в другом месте (пророк) говорит: "**плач, и стон, и горе**" (Иез.2:10). Пророкам естественно (подавалась благодать) в виде книги, для них еще нужны были образы; притом, они имели дело с одним только народом, с людьми своими, а апостолы – с целой вселенной, с людьми, которых никогда не знали. Елисей получает благодать чрез посредство милоти; другой, как например Давид, посредством елея; Моисей же призывается посредством горящей купины; но здесь – не так, а сам огонь "**почили**" на апостолах. Почему огонь не наполнил дома? Потому что это поразило бы их ужасом. Впрочем, из слов (писателя) видно, что это так и было; обрати только внимание не на эти слова: "**и явились им разделяющиеся языки**", а на другие: "**как бы огненные**". Такое множество огня может объять пламенем огромный лес. И прекрасно сказано: "**разделяющиеся**"; ведь они были от одного корня, – чтобы ты узнал, что это – сила, посланная Утешителем. Но смотри: и апостолы сначала показали себя достойными, и тогда уже сподобились Духа. Так и Давид: как поступал он, когда еще находился при стадах, так же точно вел себя и после победы и после торжества, чтобы показать свою простую веру. Посмотри опять на Моисея: и он (сначала) презирает царские палаты, а спустя сорок лет получает управление народом; или – на Самуила, воспитывавшегося в храме; или – на Елисея, покинувшего все; или опять – на Иезекииля. А что действительно так было (и с апостолами), это ясно из последующего: они именно оставили все, что было у них. Поэтому они тогда получают Святого Духа, когда обнаружили свою добродетель. Они узнали и человеческую немощь из того, что испытали; узнали, что не напрасно совершены ими эти подвиги. Равным образом и Саул сначала имел о себе свидетельство, что он – хорош, и потом уже получил Святого Духа. Но никто, даже и больший из пророков – Моисей, не получил так, как апостолы. Моисей, когда нужно было другим сделаться духовными, сам претерпевал уменьшение; а здесь – не так. Напротив, как огонь, сколько бы кто ни захотел зажечь от него светильников, нисколько не уменьшается, так произошло тогда и с апостолами. Посредством огня показывалось не только обилие благодати, а и каждый получил (неиссякаемый) источник Духа, как и сам (Христос) сказал, что верующие в Него будут иметь источник воды, текущей в живот вечный (Ин.4:14). И это весьма естественно, – потому что они шли не говорить с фараоном, а сражаться с диаволом. И, что более удивительно: будучи посылаемы, они нисколько не противоречили, и не сказали, что они худогласны и косноязычны, – в этом вразумил их Моисей, – не сказали, что они слишком молоды, – в этом умудрил их Иеремия. Хотя они слышали много страшного, и гораздо больше, чем те (пророки), однако, боялись противоречить. Отсюда видно, что это были ангелы света и

высших дел служители. Пророкам никто не является с неба, потому что они еще заботятся о том, что на земле; но после того, как человек восшел на высоту, – и Святой Дух сходит с высоты: "**как бы от несущегося**", сказано, "**сильного ветра**". Это показывает, что им ничто не в состоянии будет противиться, но что они развеют, как прах, своих противников. "**И наполнил весь дом**". Дом служил символом мира. "**Собрался народ, и пришел в смятение**". Видишь благочестие этих людей, – как они не тотчас произносят приговор, но недоумевают? А те неразумные произносят приговор, говоря: "**они напились сладкого вина**". Так как по закону можно было им три раза в год являться в храме, то тут жили благочестивые люди от всех народов. Заметь из настоящего случая, как писатель не льстит им: не сказал, что они подали свой голос, – но что? "**Собрался народ, и пришел в смятение**". Это и естественно; они думали, что настоящее событие грозит им погибелью за то, что они дерзнули сделать против Христа. А с другой стороны, и совесть потрясала их души, так как убийство было еще, так сказать, у них в руках, и все их пугало. "**Сии говорящие не все ли Галилеяне?**" Хорошо это сказано; значит, они признавали это. И до такой степени поразил их этот шум, что сюда собрались люди из большей части вселенной. Между тем, для самих апостолов это служило подкреплением; они не знали, что значило говорить по-парфянски, а теперь от этих людей узнавали. А о народах им враждебных, – критянах, аравитянах, египтянах, персах, – писатель упоминает для того, чтобы показать, что они одолеют их всех.

3. Так как иудеи были в то время и в плену, то, вероятно, вместе с ними тогда явились сюда и многие из язычников; а с другой стороны, и слух о догматах в это время уже распространился между народами, а потому многие и из них присутствовали здесь, по воспоминанию о том, что слышали. Таким образом свидетельство со всех сторон было непререкаемое, – со стороны граждан, со стороны иноземцев, со стороны пришельцев. "**Слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих**". Они не просто говорили, но говорили нечто дивное; и потому справедливо эти люди недоумевали, так как никогда еще не было ничего подобного. Заметь рассудительность этих людей: они изумлялись и недоумевали, говоря: "**друг другу: что это значит? А иные, насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина**" (ст. 12, 13). Какое бесстыдство, если они из-за этого смеялись! И что же, впрочем, тут удивительного, если и о самом Господе, когда Он изгонял бесов, они говорят, что "**имеет в Себе веельзевула**" (Мк.3:22)? Где господствует наглость, там заботятся лишь о том одном, чтобы что-нибудь сказать; не о том, чтобы сказать что-нибудь разумное, а – лишь бы что-нибудь сказать. "**Они напились сладкого вина**". Верно, так, – потому что люди, окруженные столькими опасностями, трепещущие за саму жизнь, находящееся в такой печали, смеют говорить подобное! И смотри: так как это было невероятно, то, чтобы ввести в заблуждение слушателей и показать, что (апостолы) действительно пьяны, – все приписывают качеству (напитка) и говорят: "**они напились сладкого вина**". "**Петр же, став с одиннадцатью, возвысил голос свой и возгласил им**". Там ты видишь его попечительность, а здесь мужество. Пусть они удивлялись, пусть они были поражены; но и при этом не подать голос среди такого множества народа? Если и тогда, когда говоришь между своими, приходишь в смущение, то тем больше – когда говоришь между врагами, между людьми, дышащими убийством. А что (апостолы) не пьяны, это сейчас же сделалось очевидным из их голоса, потому что они не пришли, подобно одержимым, в исступление, и не были лишены свободы владеть собою. Но что значит: "**с одиннадцатью**"? Это значит, что они защищались общим голосом: Петр служил устами всех, а прочие одиннадцать (учеников) предстояли, подтверждая его слова своим свидетельством. "**Возвысил голос свой**", т.е., заговорил с великим дерзновением.

А поступает он так для того, чтобы познали благодать Духа. В самом деле, прежде он не вынес вопроса ничтожной служанки, а теперь среди толпы народной, когда все дышат

убийством, говорит с таким дерзновением! Это было несомненным свидетельством воскресения, потому что он поступает с такою смелостью среди людей, которые смеялись и глумились над таким великим событием. Подумай, сколько нужно наглости, сколько нечестия, сколько бесстыдства, чтобы необыкновенный дар языков считать делом опьянения! Но все это нисколько не смутило апостолов и не отняло у них смелости, хотя они и слышали эти насмешки. С пришествием Духа они уже изменившись и стали выше всего плотского, – потому что, где является Дух Святый, там и бренные становятся золотыми. Посмотри, например, прошу тебя, на Петра и узнай в нем того человека – боязливого, неразумного, как и Христос сказал: "**неужели и вы еще не разумеете?**" (Мф.15:16), – человека, который после известного своего дивного исповедания назван был сатаною (Мф.16:23). Обрати также внимание и на единодушие апостолов: они уступают ему говорить к народу, потому что не следовало говорить всем. "**Возвысил**", сказано, "**голос свой**" и стал говорить к ним с великим дерзновением. Вот что значит сделаться мужем духовным! Сделаем же и мы себя достойными вышней благодати, и тогда все для нас будет легко. Как огненный человек, попав в солому, не потерпит никакого вреда, а напротив, сам причинит вред, потому что сам нисколько не страдает, а стебли, которые приражаются к нему, губят сами себя, так было и теперь. Или лучше: как человек, у которого в руках огонь, смело вступает в борьбу с тем, кто несет на себе сено, так точно и апостолы выступали против этих людей с большим мужеством. И какой, в самом деле, вред причинила им эта многочисленная толпа? Скажи мне: не боролись ли они с нищетою и голодом? Не сражались ли с бесчестием и дурною славою? Ведь их считали за обманщиков. Не подвергались ли они насмешкам и ругательствам со стороны присутствующих? Ведь на них обрушилось и то и другое: одни смеялись над ними, а другие и ругались. Не были ли они подвержены ярости и неистовству целых городов, восстаниям и злоумышлениям? Не угрожали ли им огонь, и железо, и звери? Не со всех ли сторон предстояла им борьба с бесчисленными врагами? Не в таком ли они были состоянии, как будто бы видели эти бедствия во сне или на картине? И что же? Не истощили ли они ярости врагов? Не поставили ли их самих в затруднение? Не были ли эти люди больше всех одержимы и гневом, и страхом? Не были ли они в беспокойстве, в боязни и трепете? В самом деле, послушай, что говорят они: "**хотите навести на нас кровь Того Человека**" (Деян.5:28).

И, что удивительно, – апостолы, совершенно безоружные, ополчались против вооруженных, против начальников, имевших власть над ними; неопытные, неискусные в слове и совершенно простые, они противостояли и вели борьбу с искусниками, обманщиками, с толпою софистов, риторов, философов, перегнивших в академии и в школе перипатетиков. И тот, кто прежде упражнялся лишь около озер, одолел их так точно, как будто бы вел борьбу с безгласными рыбами; да, он победил всех так, как истый рыболов – безгласных рыб. И Платон, который так много бредил – умолк; а этот говорит, и не перед своими только, а и перед парфянами, перед мидянами, перед эламитянами, и в Индии, и повсюду на земле даже до последних пределов вселенной. Где ныне гордость Греции? Где слава Афин? Где бред философов? Галилеянин, вифсаидянин, простолюдин, победил их всех. Не стыдно ли вам, скажите мне, при одном имени той страны, которая была отечеством вашего победителя? А если вы услышите и имя его, и узнаете, что его звали Кифа, – вам будет еще стыднее. Вот то-то именно и погубило вас, что вы считаете это для себя унизительным, что вы находите всю славу в красноречии, а неискусство в даре слова считаете позором. Не по тому пути вы шли, по какому следовало идти; но вы оставили царский путь – удобный и ровный, и пошли по пути неровному, крутому и трудному. Потому-то вы и не достигли царствия небесного.

4. Но почему же, скажешь, Христос действовал не чрез Платона и не чрез Пифагора? Потому, что душа Петра была гораздо способнее к любомудрию, чем душа тех людей. Те

были настоящие дети, которые всюду увлекались пустою славою; а Петр был муж любомудрый и способный к принятию благодати. А если ты смеешься, когда слышишь это, – в том нет ничего удивительного. Ведь и иудеи тогда также смеялись и говорили, будто апостолы напились молодого вина. Но после, когда потерпели те тяжкие и самые жестокие бедствия, когда увидели, что город гибнет, что огонь разливается и стены падают на землю, когда увидели и те разные неистовства, которых никто не может изобразить словом, – тогда уже больше не смеялись. Так и вы тогда не будете смеяться, когда наступит время суда, когда будет возжен огонь геены. Но для чего я говорю о будущем? Хочешь ли, я покажу, каков Петр и каков Платон? Исследуем пока, если угодно, их нравы и посмотрим, чем занимался тот и другой. Этот последний употребил все время жизни на занятия предметами бесполезными и пустыми. В самом деле, какая польза знать, что душа философа становится мухою? Подлинно (душа Платонова) – муха; не в муху превратилась, но муха вошла в душу, обитавшую в Платоне. Что это за пустословие! Откуда могло придти в голову – говорить подобный вздор? Это был человек полный насмешливости и всем завидовавший. Он как будто бы старался о том, чтобы ни от себя не произвести, ни от другого не позаимствовать ничего полезного; таким образом, от другого он заимствовал переселение душ, а сам представил учение о гражданском обществе, где предписал гнуснейшие правила. Пусть, говорить он, жены будут общие, пусть обнаженные девицы борются на глазах любовников, пусть будут общими и отцы, и рождающиеся дети. Не выше ли это всякого безумия? Но таков Платон со своим учением. Здесь же не природа делает отцов общими, а любомудрие Петра. Что же касается до учения (Платонова), то оно даже уничтожало (общих отцов), потому что оно ничего другого не производило, кроме того, что настоящего отца почти не знали, а ненастоящего признавали отцом. Платон поверг душу в какое-то опьянение и в грязь. Пусть все, говорит он, без всякого опасения пользуются женщинами. Потому я не стану разбирать учения поэтов, чтобы не сказали, будто я занимаюсь баснями; но я поговорю о других баснях, которые гораздо смешнее этих. Сказали ли где-нибудь поэты какую-либо подобную нелепость? А тот, кто почитался главою философов, облекает женщин даже в оружие, в шлемы и поножи, и утверждает, что род человеческий ничем не разнится от собак. Так как между собаками, говорит он, и самка и самец имеют одинаковое участие в делах, то пусть и женщины также принимают участие во всем, и пусть все перевернется вверх дном. Диавол всегда старался через посредство этих людей доказать, что наш род не имеет никакого преимущества перед бессловесными животными. В самом деле, некоторые из них дошли до такого суемудрия, что утверждали, будто и между бессловесными животными есть разумные. И смотри, как разнообразно диавол неистовствовал в их душах. Главные между ними говорили, будто наша душа переходит и в мух, и в собак, и в животных; а их преемники, устыдившись этого, впали в другую гнусность, приписали животным всякое разумное знание и постоянно доказывали, что существа, созданные для нас, по достоинству выше нас. И не это только говорят они, но и то, будто у животных есть предведение и благочестие. Ворон, говорят они, знает Бога, равно как и ворона; и они имеют дары пророчества и предвещают будущее; есть, говорят, у животных правосудие, есть общество, есть законы, и собака между ними, по мнению Платона, завистлива. Вы, может быть, не верите словам моим? Это и естественно, потому что вы воспитаны в здравых догматах: кто вскормлен этою пищею, тот не может поверить, что есть человек, который с удовольствием поедает нечистоты. А между тем, когда говоришь им, что все это басни и совершенное безумие, – они отвечают: вы не поняли. Да никогда и не захотим понимать столь смешного вашего учения. Да, очень смешного! Ведь не нужно глубокого ума для того, чтобы постигнуть, что значит все это нечестие и эта путаница. Уж не по вороньи ли, безумные, говорите вы, как делают мальчики? Поистине, вы настоящие дети, как и те! Но Петр не сказал ничего подобного; напротив, он подал голос, который, как обильный свет, просиявший в каком-нибудь темном месте, рассеял мрак вселенной. А как кроток, как скромен его нрав! Как он стоял выше всякой пустой славы! Как он имел в

виду лишь одно небо и был чужд хвастовства, не смотря на то, что даже воскрешал мертвых! Случись кому-нибудь из этих неразумных людей совершить что-нибудь подобное, хотя бы даже только призрачно, не тотчас ли он стал бы требовать себе жертвенника и храма, не захотел ли бы быть в числе богов? Ведь и теперь, когда нет ничего такого, они всегда мечтают об этом. Что, в самом деле, значат у них Афина и Аполлон и Гера? Это у них – роды духов. Есть у них и царь, который хотел умереть для того, чтобы его почитали равным Богу. Но апостолы (поступают) не так, а совершенно наоборот. Послушай, что говорят они при исцелении хромого: "**мужи Израильские! что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?**" (Деян.3:12); и в другом месте: "**и мы – подобные вам человеки**" (14:15). Но там – великое хвастовство, великая гордость; все – только для почестей от людей и ничего – для любомудия. А когда что-либо происходит для славы, тогда все бывает низко: пусть человек имеет все, но не владеет этим (презрением славы), – он совершенно чужд любомудрия и одержим сильнейшею и гнуснейшею страстью. Презрение славы может научить всему доброму и изгнать из души всякую губительную страсть. Поэтому убеждаю и вас – проявлять великую ревность о том, чтобы исторгнуть эту страсть с корнем; иначе и нет возможности благоугодить Богу и снискать благоволение перед этим неусыпным оком. Итак, будем всячески стараться о том, чтобы снискать себе небесную помощь, чтобы не испытать и настоящих горестей, и сподобиться будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 5

"Мужи Иудейские, и все живущие в Иерусалиме! сие да будет вам известно, и внимайте словам моим"(Деян.2:14).

1. Здесь апостол обращает свою речь к тем, которых выше называл иноземцами; говорит, по-видимому, только к ним, а между тем исправляет и тех, которые смеялись. А что некоторые смеялись, это было устроено (Богом) для того, чтобы (Петр) начал говорить в защиту (апостолов) и, защищая их, научил других. Итак, эти люди считали для себя великою похвалою и то, что они жили в Иерусалиме. "**Сие да будет вам**", говорит, "**известно, и внимайте словам моим**". Этим пока возбуждает их внимание, а далее начинает уже защищать. "**Они не пьяны, как вы думаете**" (ст. 15). Видишь, как скромна его защита? Хотя он имел на своей стороне большую часть народа, однако говорит с ними весьма кротко; и сперва опровергает их лукавое предположение, а затем уже приступает к защите. Потому-то он и не сказал: как вы говорите, издеваясь и смеясь над нами; но: "**как вы думаете**", – желая показать, что они говорят это неумышленно, и приписывая это скорее их неведению, нежели злому умыслу. "**Они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня**" К чему он говорит это? Разве нельзя быть пьяным и в третьем часу? Конечно, можно; но он не хотел долго на этом останавливаться, так как (апостолы) были совсем не в таком положении, как говорили в насмешку эти люди. Отсюда, следовательно, мы научаемся, что без нужды не надобно много говорить. А с другой стороны, и дальнейшие слова его служат этому подтверждением. Теперь речь его обращается уже вообще ко всем. "**Но это есть предреченное пророком Иоилем: и будет в последние дни, говорит Бог**" (ст. 16, 17). Пока нигде еще (не видно) имени Христа, и обетование это – не Его обетование, а – Отца. Заметь благоразумие (апостола). Он не опустил (этого обстоятельства) и не стал тотчас же говорить о том, что касается собственно Христа, – именно, что Он обещал это после Своего распятия: иначе, если бы он сказал так, то все бы испортил. Но ведь этого, скажешь, было бы достаточно для доказательства Его Божества. Так, – когда этому веруют, пока же о том только была еще забота, чтобы этому

поверили; а когда не веруют, то следствием этого было бы то, что их побили бы камнями. "**Излию от Духа Моего на всякую плоть**". Подает и им благие надежды, если только они сами того захотят. И не допускает их до мысли, что это лишь преимущество апостолов, – так как отсюда возникло бы неудовольствие, – и таким образом устраняет зависть. "**И будут пророчествовать**", говорит, "**сыны ваши**". Не вам, говорит, принадлежит это великое дело и не вам эта похвала; к вашим детям перешла благодать. Детьми называет себя вместе с прочими апостолами, а их – отцами. "**И юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут. И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни излию от Духа Моего, и будут пророчествовать**" (ст. 17, 18). Продолжает показывать, что апостолы снискали благоволение (Божие), так как удостоились Святого Духа, а те – нет, потому что распяли Христа. Так и Христос, желая укротить их гнев, говорил: "**сыновья ваши чьею силою изгоняют?**" (Мф.12:27) Не сказал: Мои ученики, так как показалось бы, что Он льстит Себе. Равным образом, и Петр не сказал, что они не пьяны, но что они говорят по внушению Духа, и не просто (сказал это), а прибегнул к пророку и, оградившись им, говорит с совершенною уверенностью. Таким образом от обвинения он освободил их сам, а касательно благодати приводит в свидетели пророка. "**Излию от Духа Моего на всякую плоть**". Так сказано потому, что на одних благодать изливалась во сне, а на других наяву. Ведь и во сне пророки имели видения и получали откровения. Затем (апостол) продолжает пророчество, которое заключает в себе нечто и страшное. "**И покажу**", говорит, "**чудеса на небе вверху и знамения на земле внизу**" (ст. 19). Этими словами намекает и на будущий суд, и на разрушение Иерусалима. "**Кровь и огонь и курение дыма**". Смотри, как изобразил разрушение. "**Солнце превратится во тьму, и луна – в кровь**" (ст. 20). Это он сказал применительно к положению страждущих. Впрочем, рассказывают, что много такого и действительно было на небе, как свидетельствует Иосиф (Флавий). В тоже время (апостол) этим и устрашил их, напомнив им о бывшем мраке и заставив ожидать того, что будет. "**Прежде нежели наступит день Господень, великий и славный**". Если теперь, говорит, вы грешите безнаказанно, так еще не считайте себя в безопасности. Ведь это начало некоторого великого и тяжкого дня. Видишь ли, как он потряс и поколебал их душу, и смех обратил в оправдание? В самом деле, если это начало того дня, то необходимо следует, что им угрожала величайшая опасность. Что же? Продолжает ли он говорит о том, что наводило страх? Нет. А что? Он снова дает им отдохнуть и говорит: "**и будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется**" (ст. 21). Это сказано о Христе, как говорит Павел (Рим.10:13); однако Петр не решается высказать этого ясно. Но возвратимся к тому, что сказано выше. Прекрасно восстает Петр против смеющихся и издевающихся, говоря: "**сие да будет вам известно, и внимайте словам моим**". А в начале он говорил: "**мужи Иудейские**", называя, как мне кажется, иудеями тех, которые жили в Иудее. Предложим, если угодно, и сами слова Евангелия, чтобы ты узнал, каким вдруг сделался Петр. Вышла, говорит (евангелист), рабыня, "**и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином**"; а он отвечал: "**не знаю, что ты говоришь**", и когда снова спросили его, – "**тогда он начал клясться и божиться**" (Мф.26:69-74).

2. А здесь смотри, с каким говорит он дерзновением, с какою великою свободою. Он не похвалил тех, которые сказали: "**слышим их нашими языками говорящих о великих делах Божиих**"; а, напротив, на ряду с другими отягощает и их своими словами, желая сделать их более ревностными и представить свое слово чуждым лести. Это и всегда прекрасно наблюдать, так, чтобы при снисходительности слово было чуждо всякой лести, равно как и всякого оскорбления, что – не легко. Не без причины также устроено и то, что это совершилось в третьем часу: когда показывается блеск света, тогда люди еще не заняты бывают хлопотами об обеде, тогда – ясный день, тогда все на площади. Видишь ли слово, исполненное свободы? "**И внимайте словам моим**". Сказав это, Петр ничего не прибавил (от себя), а присовокупил: "**но это есть предреченное пророком Иоилем: и**

будет в последние дни". Этим показывает, что уже близка и кончина. Оттого-то слова: "**в последние дни**" имеют некоторую особенную выразительность. Затем, чтобы не подумали, будто это дело касается только сынов, он присовокупляет: "**и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут**". Заметь порядок: сначала сыны, как и Давид говорит: "**вместо отцов Твоих были сыновья Твои**" (Пс.44:17); и в свою очередь, Малахия: "**и он обратит сердца отцов к детям**" (Мал.4:6). "**И на рабов Моих и на рабынь Моих**". И это – знак добродетели, – потому что мы стали рабами Божиими, освободившись от греха. Да обилен и дар, когда дарование переходит и на другой пол и не ограничивается одним или двумя лицами, как было в древности, например – Девворою и Олданою. И не сказал (Петр), что это – Дух Святой, и не истолковал слов пророка, но привел лишь одно пророчество, предоставив ему говорить самому за себя. Ничего пока не говорит он и об Иуде, потому что всем было известно, какая казнь его постигла. Но он молчит, зная, что ничто на них так сильно не действует, как то, когда беседуют с ними на основании пророчества; это сильнее даже самих дел. Когда Христос творил чудеса, Ему часто противоречили; а когда Христос привел им следующие слова из пророчества: "**сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня**" (Пс.109:1), – они умолкли, так что не могли уже сказать Ему в ответ ни одного слова. Да и во многих местах Он напоминает им Писания, – например, когда говорит: "**Он назвал богами тех, к которым было слово Божие**" (Ин.10:35), а лучше – это всякому можно встретить везде. Потому-то и Петр здесь говорит: "**излию от Духа Моего на всякую плоть**", т.е., на народы; но еще не раскрывает и не объясняет (пророчества), потому что это не было полезно. Так точно не ясны и эти слова: "**и покажу чудеса на небе вверху**", потому что своею неясностью они еще больше устрашали их. Если бы он объяснил им, – он более вооружил бы их против себя. Потому-то он и обходит его, как будто бы оно было ясно, желая внушить такое понятие. Конечно, после он объясняет им, когда беседует с ними о воскресении, когда приготовил их к тому своим словом. Потому он охотно и обходит (это пророчество), что благодеяния не в силах были привлечь их: этого никогда не было. Ведь тогда никто не спасся; а теперь верные спаслись при Веспасиане. Вот это и означают слова (Спасителя): "**и если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть**" (Мф.24:22). Что было более тяжко, то случилось наперед, так как сначала жители были взяты в плен, и тогда город был разрушен и сожжен.

Затем (Петр) останавливается на иносказании, чтобы ближе представить пред взорами слушателей разорение и плен. "**Солнце превратится во тьму, и луна – в кровь**". Что значит выражение: луна превратится в кровь? Мне кажется, он означает чрез это чрезмерность кровопролития и намеренно говорит так, чтобы внушить им великий страх. "**И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется**". "**Всякий**", говорит, будет ли то священник (хотя этого еще не высказывает), или раб, или свободный, потому что "**нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе**" (Гал.3:28). И справедливо: это различие, действительно, имеет место лишь здесь, где все – тень. Если в царских чертогах нет ни благородного, ни неблагородного, но всякого обозначают его дела; если и в искусствах каждый ценится по своему произведению, то тем больше – в том состоянии. "**Всякий, кто призовет**". "**Призовет**" не просто, – потому что "**не всякий**", говорит (Христос), "**говорящий Мне: Господи! Господи!**" (Мф.7:21), – но призовет с усердием, при хорошей жизни, с должным дерзновением. Таким образом, слово его пока еще не тягостно, так как он вводит речь о вере, хотя не скрывает и страха наказания. Почему? Потому что показывает, что есть спасение в призывании.

3. Что ты говоришь, скажи мне? Вспоминаешь о спасении после распятия? Потерпи немного. Человеколюбие Божие велико; и то самое, что Господь их призывает, доказывает Его Божественность не меньше воскресения, не меньше чудес. Ведь в чем выражается

чрезвычайная благость, то по преимуществу и свойственно Богу. Потому-то и говорит (Христос): "**никто не благ, как только один Бог**" (Лк.18:19). Но эту благость не станем обращать для себя в повод к беспечности, потому что Он и наказывает, как Бог. Так вот и это сделал Тот самый, Кто сказал: "**всякий, кто призовет имя Господне, спасется**", – говорю о том, что совершилось над Иерусалимом, – о том тягчайшем наказании. Об этом я желаю сказать вам немного слов, которые будут полезны вам и для обличения маркионитов, и многих других еретиков. Так как они утверждают, что Христос – Бог благий, а тот (который наказывает) – злой, то посмотрим, кто это сделал. Кто же это сделал? Злой ли в отмщение за Него? Не может быть; иначе как же он будет чужд Ему? Или добрый? Но (из Писания) оказывается, что это совершил и Отец, и Сын. Касательно Отца, это видно из многих мест, например, где говорится, что Он посылает в виноградник Свои воинства, а касательно Сына – из слов: "**врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избейте предо мною**" (Лк.19:27). А с другой стороны, и сам Христос говорит о предстоящих скорбях, которые, по своей жестокости, превосходят все, что только когда-либо было сделано, и сам же возвестил о них. Хочешь ли послушать, что было? Их пронзали рожнами. Может ли быть зрелище более ужасное? Или хочешь, я расскажу о страданиях женщины, – о том печальном событии, которое выше всякого бедствия? Или сказать о голоде и заразе? Я опускаю, что еще ужаснее этого. Тогда люди не признавали природы, не признавали закона, зверей превзошли жестокостью; и все это совершилось вследствие необходимостей войны, потому что так угодно было Богу и Христу. На это прилично будет указывать и маркионитам, и тем, которые не верят геенне: этого будет довольно, чтобы обуздать их бесстыдство. Эти бедствия не ужаснее ли тех зол, какие были в Вавилоне? Этот голод не гораздо ли невыносимее тогдашнего? Об этом и сам Христос сказал так: "**тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет**" (Мф.14:21). Как же некоторые говорят, будто Христос простил им грех? Может быть, этот вопрос считается обыкновенным; но вы в состоянии разрешить его. Никто нигде не может указать вымысла подобного тому, что было на самом деле. И если бы писавший это был христианин, – слова его еще могли бы быть подозрительными; если же это иудей, и иудей самый ревностный, явившийся уже после евангелия, то эти события не должны ли быть достоверны для всех? Ведь ты всюду увидишь, как он превозносит все иудейское. Итак, и геенна есть, и Бог благ. Не ужаснулись ли вы, услыша о тех страданиях? Но страдания здешние – ничто в сравнении с тем, что будет там. Я опять вынужден казаться вам неприятным, тягостным и несносным. Но что ж мне делать? Я на то и поставлен. Как строгий воспитатель, по самой обязанности своей, неизбежно навлекает на себя ненависть воспитанников, так точно и мы. Иначе, не странно ли будет, если люди, назначенные царями на какую-нибудь должность, будут исполнять данные им приказания, хотя бы они были и неприятны, а мы, для избежания упреков с вашей стороны, станем пренебрегать обязанностью, на которую поставлены?

У всякого свой долг: из вас многие обязаны иметь сострадание и человеколюбие, быть любезными и ласковыми с теми, кому вы оказываете благодеяние; а мы, с своей стороны, для пользы тех, кому служим, являемся тягостными, жестокими, несносными и неприятными, так как мы приносим пользу не тем, чем нравимся, а тем, чем уязвляем. Таков и врач. Но он еще не слишком неприятен, потому что он сейчас же дает чувствовать пользу своего искусства; а мы – в будущем. Таков и судья: он тягостен для преступников и мятежников. Таков и законодатель: он неприятен тем, которые должны подчиняться его законам. Но не таков тот, кто призывает к удовольствиям, кто устрояет общественные празднества и торжества, кто увенчивает народ; нет, эти люди нравятся, потому что увеселяют города разнообразными зрелищами, не жалея расходов и издержек. Потому-то получившие от них удовольствие и награждают их с своей стороны похвалами, занавесами, множеством светильников, венками, ветвями, блистательною одеждою.

Между тем больные, лишь только увидят врача, становятся печальны и унылы. Равным образом и мятежники, как скоро увидят судью, приходят в уныние, а не радуются и не торжествуют, разве когда и сам тот перейдет на их сторону. Теперь посмотрим, кто всего больше приносит пользы городам, – те ли, которые устраивают эти празднества, эти пиршества, роскошные обеды и разнообразные увеселения, или те, которые, отвергнув все это, приносят с собою палку и бичи, приводят палачей и страшных воинов, произносят грозные слова, делают строгие выговоры, наводят печаль и разгоняют палкой народ на площади. Посмотрим, говорю, на которой стороне бывает выгода. Ведь этими последними тяготятся, а тех очень любят. Что же бывает от тех, которые увеселяют народ? Одно пустое удовольствие, которое остается лишь до вечера, а на следующий день пропадает, – бесчинный смех, неприличные и невоздержные слова. А что от этих? Опасение, воздержность, скромность в образе мыслей, кротость души, удаление от беспечности, обуздание внутренних страстей, ограждение себя от тех, которые извне вторгаются. Благодаря этим, каждый из нас владеет своим имуществом, а чрез те празднества мы теряем его, и, притом, со вредом для себя, – теряем не потому, что к нам вторглись разбойники, но потому, что, к нашему же удовольствию, нас грабит тщеславие. Всякий видит, как этот грабитель выносит все его имущество, и этим наслаждается. Вот нового рода грабеж, заставляющий веселиться тех, кто ему подвергается!

4. Но там нет ничего подобного; там мы ограждены Богом, как общим Отцом, от всего видимого и невидимого: "**Смотрите**", говорит Он, "**не творите милостыни вашей пред людьми**" (Мф.6:1). Там душа научается избегать неправды. Ведь неправда заключается не в одной только преступной жадности к деньгам, но и в том, когда мы даем чреву пищи больше, чем нужно, и в наслаждении удовольствиями преступаем свойственную им меру и доходим до неистовства. Там душа научается целомудрию, а здесь – распутству. Ведь распутство состоит не в совокуплении только с женщиною, но и в том, если мы смотрим бесстыдными глазами. Там научается кротости, а здесь – надменности: "**все мне позволительно**", говорит (апостол), "**но не все полезно**" (1Кор.6:12); там – благопристойности, здесь – бесстыдству. Умалчиваю уже о том, что бывает на зрелищах; здесь даже нет и никакого удовольствия, а скорее – печаль. Укажите мне по прошествии одного дня праздничного и на тех, которые несли издержки (по устройству праздника), и на тех, кого увеселяли зрелищами, – и мы увидим, что все они унылы, а особенно тот, кто тратил деньги. Это и естественно. В предшествующий день он забавлял простолюдина, и простолюдин, действительно, был счастлив и наслаждался большим удовольствием, потому что его радовала блистательная одежда; но он не мог ею пользоваться всегда и оттого скорбел и снедался печалью, когда видел, что ее с него снимают. Что же касается того, кто тратился, то, по-видимому, и счастье его было мало в сравнении с счастьем первого. Потому-то на следующий день они меняются друг с другом, и большее недовольство достается на долю последнего. Если же в делах людских то, что радует, имеет в себе столько неприятного, а что тягостно – приносит такую пользу, то тем больше – в делах духовных. Потому-то никто не жалуется на законы, напротив, все считают их общеполезными, так как не со стороны пришедшие иноземцы и не враги постановили их, но сами же граждане, надзиратели, попечители. И это считается знаком благоденствия и благожелательства, когда постановлены законы, несмотря на то, что законы наполнены наказаниями, и нельзя найти закона без наказания. Не странно ли после этого, если людей, излагающих те законы, будете называть спасителями, благодетелями, заступниками, а нас будете считать какими-то жестокими людьми и несносными, хотя мы говорим о законах Божиих? Ведь, когда беседуем мы о геенне, мы приводим те самые законы. И как светские законодатели излагают законы об убийствах, покражах, о браках и о всем подобном, так и мы приводим законы о наказаниях, законы, которые постановил не человек, но сам единородный Сын Божий. Безжалостный, говорит Он, да потерпит наказание; эта именно означает притча (о должнике) (Мф.18:23-35); злопамятный да подвергнется крайнему

мучению; гневающийся понапрасну да будет ввержен в огонь; злословящий да потерпит казнь в геенне.

Если же вам думается, что вы слышите законы странные, – не смущайтесь. Зачем было бы и приходить Христу, если бы Он не имел постановить законы необыкновенные? Ведь то уже известно нам, что убийцу и прелюбодея надобно наказывать; следовательно, если бы мы должны были услышать тоже самое, то какая была бы нужда в небесном Учителе? Потому-то Он не говорит: прелюбодей да будет наказан, но – тот, кто смотрит бесстыдными глазами, и присовокупляет также и то, где и когда он подвергнется наказанию. И не на досках. и не на столпах изобразил Он Свои законы; и не столпы медные поставил Он, и не на них начертал письмена; нет, Он воздвиг для нас двенадцать душ апостольских и на них Духом Святым написал эти письмена. И мы, по всей справедливости, читаем их вам. Если у иудеев это было законно, чтобы никто не мог отговариваться незнанием, то тем больше у нас. Если же кто скажет: я не слушаю, и не буду отвечать перед судом, то за это подвергнется особенно большему наказанию. В самом деле, если бы никто не учил, то еще можно было бы этим отговариваться; но если есть учителя, то – уже нельзя. Посмотри, как Христос отнимает у иудеев это извинение, когда говорит: "**если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха**" (Ин.15:22). Опять и Павел (говорит): "**но спрашиваю: разве они не слышали? Напротив, по всей земле прошел голос их, и до пределов вселенной слова их**" (Рим.10:18). Тогда бывает прощение, когда никто не говорит; но когда сидит надзиратель и имеет это своею обязанностью, тогда уже нет прощения. А между тем, Христос не того хотел, чтобы мы только смотрели на эти столпы, но – чтобы и сами были столпами. А так как мы сделали себя недостойными этих письмен, то будем, по крайней мере, смотреть на эти столпы. Как столпы другим угрожают, а сами не подлежат ответственности, равно как и сами законы, – так точно и блаженные апостолы. И смотри: не на одном месте стоит такой столп, но везде распространены эти письмена. Пойдешь ли в Индию, – ты услышишь о них; пойдешь ли в Испанию или до самых крайних пределов земли, – не встретишь никого, кто бы не слыхал о них, разве по собственному своему нерадению. Так не сердитесь же, а будьте внимательны к тому, что здесь говорится, чтобы вы были в состоянии приняться за дела добродетели и получить вечные блага о Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 6

"Мужи Израильские! выслушайте слова сии" (Деян.2:22).

1. Не из лести это сказано (апостолом): но, так как выше он сильно обличил иудеев, то теперь делает им послабление и благовременно напоминает о Давиде. Он опять начинает вступлением, чтобы они не пришли в смятение, так как он намерен был напомнить им об Иисусе. До сих пор они были спокойны, потому что слушали пророка; но имя Иисуса тотчас вооружило бы их. И не сказал: поверьте, но: "**выслушайте**", – что было не тягостно. И заметь, как он ничего не говорит высокого, а начинает свою речь с крайне уничиженного. "**Иисуса**", говорит, "**Назорея**", – сейчас же упоминает об отечестве, которое считалось презренным. И ничего пока еще не говорит о Нем великого, даже и того, что иной сказал бы о пророке. "**Иисуса**", говорит, "**Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога**". Заметь, как много значило сказать, что он послан от Бога. Это всегда и везде старались доказать и сам (Христос), и Иоанн, и апостолы. Послушай, например, что говорит Иоанн: "**сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нем, Тот есть крестящий Духом Святым**" (Ин.1:33). А сам Христос даже и по преимуществу внушает это, говоря: "**Я не Сам от Себя пришел,**

но Он послал Меня" (Ин.8:42). Да и везде в Писании об этом преимущественная забота. Потому-то и этот святой вождь в блаженном лике, приверженец Христов, пламенный ученик, которому вверены были ключи небес, который принял духовное откровение, смирил их страхом, показал, что (апостолы) сподобились великих даров, и сделал их достоверными, а тогда уже беседует и о Иисусе. Ах, как он осмелился среди убийц сказать, что Он воскрес! Впрочем, не тотчас говорит: Он воскрес, а сначала: Он пришел к вам от Бога. Это же видно из того, что Он сделал. И не говорит: Он (сделал), а: Бог через Него, – для того, чтобы скромностью лучше привлечь их, при чем их же самих призывает в свидетели и говорит: "**Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете**" (ст. 22). Потом, когда дошел до того их ужасного преступления, – смотри, как старается освободить их от вины. Ведь, не смотря на то, что это было предопределено, все же они были душегубцы. "**Сего**", говорит он, "**по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли и, пригвоздив руками беззаконных, убили**" (ст. 23). Говорит почти теми же самыми словами, как и Иосиф, который также говорил своим братьям: не бойтесь; не вы меня продали, но Бог меня послал сюда (Быт.45:5). А так как он сказал, что на это была воля Божия, то, чтобы не сказали: значит, мы хорошо поступили, – он предупреждает эту мысль тем, что присовокупил: "**пригвоздив руками беззаконных, убили**". Здесь намекает на Иуду и вместе с тем показывает им, что они не в силах были бы это сделать, если бы Бог не попустил и сам не предал Его. Это и значит слово: "**преданного**". Таким образом, всю вину слагает на голову Иуды предателя, так как он предал Его лобзанием. Или это означают слова: "**руками беззаконных**", или он говорит здесь о воинах, выражая такую мысль: не просто вы убили Его, а чрез посредство беззаконных людей. Заметь, как повсюду (апостолы) заботятся о том, чтобы, прежде всего, были признаны Его страдания. Что же касается до воскресения, – так как это было дело великое, – (Петр) до времени прикрывает его и уже потом выставляет на вид. Страдания, именно крест и смерть, были всеми признаны, а воскресение еще нет; потому-то он и говорит о нем после, присовокупляя: "**но Бог воскресил Его, расторгнув узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его**" (ст. 24). Здесь он указал на нечто великое и высокое. Слова: "**невозможно**" – показывают, что Христос сам и позволил (смерти) удержать Себя, и что сама смерть, держа Его, мучилась как бы болезнями рождения и тяжко страдала. Известно, что болезнью смертною Писание повсюду обыкновенно называет опасность. Вместе с тем здесь выражается мысль, что Он воскрес так, что больше уже не умрет. Или словами: "**потому что ей невозможно было удержать Его**" – (апостол) показывает, что воскресение Христово было не таково, как воскресение прочих людей. Затем прежде, чем в уме их могла родиться какая-нибудь мысль, он выставил им Давида, отстраняющего всякий помысл человеческий. "**Ибо Давид говорит о Нем**" (ст. 25). И смотри, какое опять уничиженное свидетельство! Для того он и привел его сначала, сказав то, что более уничиженно, чтобы показать, что смерть (Христова) не была событием горестным. "**Видел я пред собою Господа всегда, ибо Он одесную меня, дабы я не поколебался. Ибо Ты не оставишь души моей в аде**" (ст. 25, 27). Затем, докончив свидетельство пророческое, присовокупляет: "**мужи братия!**" (ст. 29). Когда намерен говорить что-нибудь особенно важное, всегда употребляет такое вступление, чтобы тем возбудить их внимание и привлечь в себе. "**Да будет позволено**", говорит, "**с дерзновением сказать вам о праотце Давиде**" (ст. 29). Какая великая скромность! Так он всегда снисходит, когда это было безвредно. Потому и не сказал: это сказано о Христе, а не о Давиде; напротив, весьма благоразумно выказывает глубокое уважение к блаженному Давиду, чтобы тем тронуть их; и о том, что всеми признано, говорит так, как будто это было дерзко сказать, стараясь расположить их в свою пользу теми похвалами (Давиду), какие незаметно вводит в свою речь. Потому и не просто говорит: о Давиде, но: "**о праотце Давиде**". "**Что он и умер и погребен**". Не говорит пока: и не воскрес; но другим образом сейчас же высказывает и это, говоря: "**и гроб его у**

нас до сего дня" (ст. 29). Теперь он дока-зал то, что желал; но и после этого не перешел еще ко Христу, а снова говорит с похвалою о Давиде: "**будучи же пророком и зная, что Бог с клятвою обещал ему**" (ст. 30).

2. Так говорит он с тою целью, чтобы они, по крайней мере, хоть из уважения к Давиду и к его роду, приняли слово о воскресении, – так как будто бы в противном случае пострадает пророчество и их честь. "**И зная**", говорит, "**что Бог с клятвою обещал ему**" (ст. 30). Не сказал просто: обещал, но, что было сильнее: "**с клятвою обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престоле его**" (ст. 30). Смотри, как опять указал на высокую истину. Так как он смягчил их своими словами, то смело предлагает это изречение пророка и беседует о воскресении. "**Что не оставлена душа Его в аде, и плоть Его не видела тления**" (ст. 31). Это опять удивительно; отсюда видно, что воскресение (Христово) не было похоже на воскресение прочих людей. Смерть держала Его и в то же время не сделала того, что ей свойственно делать. Таким образом о грехе (иудеев) Петр прикровенно сказал, а о наказании ничего не присовокупил; показал, что они умертвили (Христа), и вслед затем переходит к знамению Божию. Но, когда доказано, что умерщвленный был праведник и друг Божий, то, хотя бы ты и умолчал о наказании, грешник сам себя осудит еще больше, чем ты. Итак, (Петр) все приписывает Отцу, для того, чтобы они приняли его слова. Затем приводит из пророчества выражение: "**невозможно**". Поэтому, посмотрим снова на то, что сказано выше, "**Иисуса**", говорит (Петр), "**Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога**", т.е., Человека, о Котором не может быть никакого сомнения, но за Которого говорят дела. Так и Никодим говорил: "**таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить**" (Ин.3:2). "Силами", говорит, "**и чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди вас**" (Деян.2:22); значит, не тайно, если – "**среди вас**". Сначала говорит о том, что им известно, и потом уже переходит к неизвестному. Затем словами: "**которые Бог сотворил**" – показывает, что не они могли (это сделать), но что это было делом премудрости и смотрения Божия, так как было от Бога. И что было для них неприятно, то он прошел скоро. Апостолы везде старались показать, что (Христос) умер. Хотя бы вы, говорит (Петр), стали отрицать, – они засвидетельствуют. А Кто привел в затруднение саму смерть, Тот, конечно, гораздо больше бед мог причинить тем, которые Его распяли. Однако, Петр не говорит ничего такого, например: Он мог вас умертвить, а просто только дает им понять это. Между тем, из этих слов узнаем и мы, что значит то, что смерть держала Его. Кто мучится тем, что держит что-нибудь, тот уже не держит и не действует, а страдает и старается скорее бросить (что держит). Прекрасно также сказал (Петр): "**Давид говорит о Нем**", – чтобы ты не отнес этих слов к самому пророку. Видишь ли, как он, наконец, объясняет и разоблачает пророчество, показывая, каким образом Христос воссел на престоле Своем? Ведь царство духовное – на небесах. Заметь, как вместе с воскресением он указал и на царство, сказав, что (Христос) воскрес. (Далее) показывает, что пророк был поставлен в необходимость (говорить так), потому что это было пророчество о Христе. Почему же он не сказал: о царстве Его, но: "**воскресил**" (ст. 31)? Это было слишком высоко (для них). Но как Он воссел на престоле? Будучи царем над иудеями. А если – над иудеями, то тем больше над теми, которые Его распяли. "**И плоть Его**", говорит, "**не видела тления**" (ст. 31). Это, по-видимому, меньше воскресения, но на самом деле это – одно и то же. "**Сего Иисуса Бог воскресил**". Смотри, как (всегда) не иначе называет Его. "**Чему все мы свидетели. Итак Он, быв вознесен десницею Божиею**" (ст. 32, 33). Опять обращается к Отцу, хотя довольно было и того, что сказал уже прежде; но он знал, насколько это важно. Здесь он намекнул и на вознесение, и на то, что Христос пребывает на небесах; но ясно и этого не высказывает. "**И приняв от Отца обетование Святаго Духа**" (ст. 33). Смотри: вначале сказал, что не Христос послал Его (Святого Духа), но Отец; а когда напомнил им об Его чудесах и о том, как поступили с Ним иудеи, когда сказал о воскресении, то уже смело начинает говорить и об этом и опять

их самих приводит в свидетели, ссылаясь на то и другое их чувство (т.е., на зрение и слух – ст. 33). И о воскресении упоминает часто, а об их преступлении только однажды, чтобы не быть для них тягостным. "**И приняв**", говорит, "**от Отца обетование Святаго Духа**". Это опять – (истина) великая; и я думаю, что он говорит теперь о том обетовании, которое было до страдания. Смотри, как, наконец, все это он усвояет Христу, делая это очень незаметно. В самом деле, если Он излил (Святого Духа), то, очевидно, о Нем сказал пророк выше: "**в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши**" (ст. 17 и след.). Смотри, какие (истины) он незаметно влагает в свои слова! Но так как это было дело великое, то он опять прикрывает его, сказав, что Христос принял от Отца. Он сказал об оказанных Им благодеяниях и о чудесах; сказал, что Он – Царь и что Он пришел к ним; сказал, что Он дает Святого Духа. Но ведь что бы кто ни сказал, – все будет напрасно, если он не будет иметь в виду пользы. Подобно Петру поступает и Иоанн, когда говорит: "**Он будет крестить вас Духом Святым**" (Мф.3:11). Вместе с тем (Петр) показывает, что крест не только не умалил Христа, а напротив, еще более прославил Его, так как, что издревле Бог обещал Ему, то теперь даровал. Или иначе: Петр говорит здесь о том обетовании, которое Он нам дал. Таким образом, Он наперед уже знал о будущем обетовании и после креста даровал нам еще большее. "**Излил**". Здесь (апостол) показывает Его достоинство, равно как и то, что Он не просто (даровал Духа), но – в изобилии. Отсюда, чтобы сделать и это (достоинство) очевидным, – присовокупляет дальнейшие слова. Сказав о даровании Святого Духа, он теперь уже смело беседует и о вознесении (Христовом) на небеса, и не просто, но опять приводит свидетеля и напоминает о том самом лице, на которое и Христос указывал. "**Ибо Давид не восшел**", говорит, "**на небеса**" (ст. 34).

3. Здесь (апостол) говорит уже без стеснения, одушевляясь тем, что сказал выше; уже не говорит: "**да будет позволено**" (ст. 29) или что-нибудь подобное; но говорить ясно: "**сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**" (ст. 34, 35). А если Он – Господь Давида, то тем более – их. "**Седи одесную Меня**". Этим высказал все. "**Доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**". Этими словами возбудил в них великий страх, подобно тому, как и в на- чале показал, как Бог поступает со Своими друзьями, и как – с врагами. А чтобы они лучше ему поверили, он опять власть приписывает Отцу. И так как он сказал истину высокую, то теперь опять низводит слово свое к уничиженному. "**Итак твердо знай**", говорит, "**весь дом Израилев**" (ст. 36), т.е., не сомневайтесь и не возражайте. А затем говорит уже со властью: "**что Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса**" (ст. 36). Это он припомнил из псалма Давидова (Пс.2:2). Ему следовало бы сказать: "**итак твердо знай, весь дом Израилев**", что Он седит одесную; но так как то было слишком высоко, то он, оставив это, приводить другое, что гораздо уничиженнее, – говорит: "**соделал**", т.е., поставил. Следовательно, он здесь ничего не говорит о существе, но все об этом предмете (т.е., о воплощении). "**Сего Иисуса, Которого вы распяли**" (ст. 36). Прекрасно этим заключил свое слово, чтобы чрез то потрясти их ум. Сначала показал, как велико это преступление, и потом уже открыто сказал о нем, чтобы лучше представить его важность и преклонить их страхом. Ведь люди не столько привлекаются благодеяниями, сколько вразумляются страхом. Но дивные и великие мужи и друзья Божии ни в чем этом не нуждаются. Таков, например, был Павел: он не говорил ни о царстве, ни о геенне.

Вот это значит любить Христа; это значит не быть наемником, не смотреть (на благочестивую жизнь), как на промысел и на торговлю, а быть истинно добродетельным и делать все из одной любви к Богу. Каких же достойны мы слез, когда на нас лежит такой великий долг, а мы не стараемся, как бы купцы, приобресть царство небесное? Так много нам обещано, а мы и при всем том не слушаем? С чем сравнить такую неприязнь? Люди, одержимые безумною страстью к деньгам, кого бы ни встретили, врагов ли, или рабов,

или самых злых своих противников, самых негодных людей, – если только надеются получить чрез них деньги, – решаются на все, и льстят, и услуживают, и становятся рабами, и считают их самыми почтенными людьми, лишь бы что-нибудь получить от них: надежда получить деньги производит то, что они ни о чем таком не думают. А царство не имеет того значения у нас, какое имеют деньги; или лучше, – не имеет и ничтожной доли того значения. Между тем, и обещано оно не каким-нибудь обыкновенным лицом, а Тем, Кто несравненно выше и самого царства. Если же и обещано царство, и дает его сам Бог, то, очевидно, уже много значит и получить его от такого Лица. А теперь, между тем, происходит то же, как если бы царя, который, после бесчисленного множества других благодеяний, хочет сделать (нас) своими наследниками и сонаследниками собственного своего сына, мы стали презирать; а начальнику разбойников, который был причиною весьма многих бед и для нас, и для наших родителей, который сам исполнен бесчисленного зла и посрамил и нашу славу, и наше спасение, – стали кланяться, если он покажет нам хотя один овол. Бог обещает нам царство, и мы пренебрегаем Его; диавол готовит нам геенну, и мы чтим его! То – Бог, а это – диавол! Но посмотрим на самую разность их заповедей. Ведь, если бы даже ничего этого не было, – если бы, то есть, то не был Бог, а это – диавол. если бы первый не уготовлял нам царства, а последний – геенны, – самого свойства их заповедей не довольно ли было бы для того, чтобы побудить нас быть в союзе с первым? Что же заповедует тот и другой? Один – то, что покрывает нас стыдом, а другой – то, что делает нас славными; один – то, что подвергает бесчисленным бедствиям и бесславию, другой – то, что доставляет великую отраду. В самом деле, посмотри: один говорит: "**научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим**" (Мф.11:29); а другой говорит: будь жесток и суров, гневлив и раздражителен, будь лучше зверем, чем человеком. Посмотрим же, что полезнее, что благотворнее. Но не это только (имей в виду), а помысли о том, что один из них диавол. Тогда в особенности обнаружится то (что полезнее), да и торжество будет больше. Ведь не тот заботлив, кто дает повеления легкие, а кто заповедует полезное. И отцы дают приказания тягостные, равно как и господа своим слугам; но потому-то именно одни из них – отцы, а другие – господа; а поработители и губители заповедуют все противное.

Впрочем, что (заповеди Божии) доставляют и удовольствие, это ясно из следующего. Каково, по твоему мнению, состояние человека раздражительного, и человека незлобивого и кроткого? Не правда ли, что душа последнего похожа на некоторое уединенное место, где царствует великая тишина, а душа первого – на шумную площадь, где страшный крик, где погонщики верблюдов, лошаков, ослов кричат изо всей силы на проходящих, чтобы их не задавить? Или еще, не походит ли душа последнего на средину городов, где сильный шум то с той стороны от серебренников, то с другой – от медников, и где одни обижают, а другие терпят обиду? А душа первого похожа на некоторую вершину горы, где веет легкий ветер и куда падает чистый луч (солнца), откуда льются прозрачные струи потоков и где встречаешь множество прелестных цветов, как на весенних лугах и в садах, красующихся растениями, цветами и струящимися ручейками. Если здесь и бывает какой звук, то это – звук приятный, доставляющий большое удовольствие тому, кто его слышит. Здесь или певчие птицы сидят вверху на ветвях дерев, и кузнечики, соловьи и ласточки стройно воспевают какой-то один концерт; или тихий ветер, слегка касаясь ветвей дерев, часто производит звуки, похожие на звук флейты или на крик лебедя; или луг, покрытый розами и лилиями, которым склоняются друг к другу и отливают синевою, представляет как бы синее море в минуту легкого волнения. Одним словом, здесь всякому можно найти много подобий: когда посмотришь на розы, – подумаешь, что видишь радугу; а посмотришь на фиалки, – подумаешь, что видишь волнующееся море; посмотришь же на лилии, – подумаешь, что видишь небо. И не зрением только наслаждаешься здесь при виде такого зрелища, но и самим телом. Здесь

человек по преимуществу находит для себя отраду и отдых, так что скорее считает себя на небе, чем на земле.

4. Есть здесь и другой звук, – когда вода непринужденно катится с вершины по расселинам и, слегка ударяясь о встречающиеся камешки, тихо журчит и такую разливает сладость по нашим членам, что скоро и сон, от которого невольно опускаются члены, нисходит на глаза наши. Вы с удовольствием слушали мой рассказ и, может быть, даже пленились пустынною местностью? А ведь душа великодушного человека еще несравненно приятнее, чем эта пустынная местность. И я не с тем коснулся этого подобия, чтобы описать вам луг, или чтобы похвалить это красноречием, но, чтобы вы, увидев из описания, как велико наслаждение людей великодушных, – увидев, что и обращение с человеком великодушным доставляет несравненно больше и удовольствия, и пользы, чем жизнь в подобных местностях, старались подражать таким людям. В самом деле, если от такой души не выходит и дыхание бурное, но одни кроткие и приветливые слова, истинно подобные тихому веянию легкого ветра, одни убеждения, в которых нет ничего грубого, а напротив слышится нечто похожее на пение птиц, то неправда ли, что это лучше? Веяние слова ведь уж не на тело падает, а оживляет души. Не так скоро врач, какое бы он ни прилагал старание, освободит больного от горячки, как человек великодушный дуновением слов своих охлаждает человека и раздражительного, и пламенеющего гневом. Но что я говорю о враче? И раскаленное железо, опущенное в воду, так скоро не потеряет своей теплоты, как человек вспыльчивый, если встретится с душою терпеливою. Но как певчие птицы на рынке не имеют почти никакой цены, так точно и наши убеждения считаются пустыми словами у людей раздражительных. Итак, кротость приятнее, чем гнев и ярость. Но не это только (нужно иметь в виду), но и то, что одно заповедано диаволом, а другое – Богом. Видите, – я не напрасно сказал, что, если бы то не был диавол и Бог, сами заповеди были бы уже достаточны для того, чтобы отвлечь нас (от диавола).

Человек кроткий и сам себе приятен, и остальным полезен: а гневливый – и сам себе неприятен, и прочим вреден. Действительно, ничего нет хуже человека гневливого, ничего нет тягостнее, ничего несноснее, ничего постыднее; равно как и наоборот, – нет ничего приятнее человека, который не умеет гневаться. Лучше жить со зверем, чем с таким человеком: зверя только раз укротишь, и уж он навсегда остается таким, каким его приучили быть; а этого, сколько ни укрощай, он опять ожесточается, потому что только на один раз смирится. Как отличен ясный и светлый день от времени ненастного и крайне печального, так и душа человека гневающегося от души человека кроткого. Но мы теперь еще не будем рассматривать тот вред, который происходит (от людей раздражительных) для остальных, а посмотрим на вред, какой они причиняют самим себе. Конечно, и то уже не маловажный вред, если мы сделаем какое-либо зло другому; но на это мы пока не будем обращать внимания. Какой палач может истерзать до такой степени бока? Какие раскаленные рожны могут так исколоть тело? Какое сумасшествие может настолько лишить нас здравого смысла, сколько (лишают) гнев и бешенство? Я знаю многих, которые сделались больными от гнева; и жестокие горячки всего более бывают от гнева. А если (эти страсти) так вредны для тела, то подумай, (как вредны) для души. Не бери в соображение того, что ты этого не видишь; но подумай, что если и то, что воспринимает зло, терпит такой вред, – какой же вред получит то, что его рождает? Многие (от гнева) потеряли глаза, многие впали в самую тяжкую болезнь. Между тем, человек великодушный легко перенесет все. Но, не смотря на то, что (диавол) дает нам такие тягостные повеления и в награду за то предлагает геенну, не смотря на то, что он – диавол и враг нашего спасения, все же мы больше слушаем его, чем Христа, хотя Христос – наш Спаситель и благодетель, и предлагает нам такие заповеди, которые и приятнее, и полезнее, и благотворнее, которые приносят величайшую пользу и нам, и тем, кто с нами живет. Нет ничего хуже гнева, возлюбленный; нет ничего хуже неуместной

раздражительности. Гнев не терпит дальнего отлагательства; это – бурная страсть. Часто случается, что в гневе иной скажет такое слово, для вознаграждения которого нужна целая жизнь; или совершит такое дело, которое ниспровергнет всю его жизнь. Ведь то-то и ужасно, что в короткое время, чрез один поступок, чрез одно даже слово, (эта страсть) часто лишает нас вечных благ и делает напрасными бесчисленные труды. Поэтому умоляю вас, употребите все меры к тому, чтобы обуздывать этого зверя. Это я сказал о кротости и гневе. Но, если кто станет рассуждать и об остальных (качествах), напр., о любостяжании и презрении богатства, о распутстве и целомудрии, о зависти и добродушии, и сравнит их одно с другим, – тот узнает, что и здесь есть различие. Видели вы, как ясно из одних только заповедей открывается, что один – Бог, а другой – диавол? Будем же повиноваться Богу и не станем ввергать себя в бездну, но, пока есть еще время, постараемся омыть все, что оскверняет душу, чтобы сподобиться вечных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 7

"Услышав это, они умилились сердцем и сказали Петру и прочим Апостолам: что нам делать, мужи братия?" (Деян.2:37).

1. Видишь ли, какое великое благо – кротость? Она больше жестокости уязвляет сердца наши и причиняет рану более чувствительную. Как тот, кто наносит удар телам затверделым, производит ощущение не столь сильное, а кто наперед смягчит их и сделает нежными, тот поражает сильнее, так точно и здесь – прежде надобно смягчить, и тогда уже поразить. Смягчает же не гнев, и не сильное обвинение, и не порицания, но кротость: гнев еще увеличивает ожесточение, а кротость уничтожает. Итак, если хочешь тронуть кого-либо обидевшего тебя, обращайся к нему с большою кротостью. Вот смотри, и здесь что делает кротость. Петр кротко напомнил иудеям об их преступлениях и ни чего более не прибавил; сказал о даре Божием, указал на благодать, как на свидетельство о минувших событиях, и еще далее простер слово, иудеи устыдились кротости Петра, потому что он с людьми, распявшими его Владыку и замышлявшими убийство против самих (апостолов), беседовал, как отец и заботливый учитель. Они не просто убедились, но и осудили самих себя, – пришли в сознание того, что сделали. Это потому, что он не дал им увлечься гневом и не допустил их разума до омрачения, но своим смиренномудрием рассеял, как некоторый мрак, их негодование, и тогда уже выставил на вид их преступление. Ведь так обыкновенно бывает: когда мы скажем, что нас обидели, обидевшие стараются доказать, что они не обижали; а когда скажем, что нас не обидели, но скорее мы сами обидели, – те поступают напротив. Поэтому, если хочешь привесть обидевшего в затруднение, – не обвиняй его, но вступись за него, и он сам будет обвинять себя: род человеческий любит спорить. Так сделал Петр. Он не осудил (иудеев) со всею силою, а напротив, постарался еще с возможною кротостью почти защитить их и потому тронул их душу. Откуда же видно, что они умилились? Из их слов. Что именно говорят они? "**Что нам делать, мужи братия?**" Тех, которых называли обманщиками, теперь называют братьями, не столько для того, чтобы сравнить себя с ними, сколько для того, чтобы расположить их к любви и попечению. А с другой стороны, так как апостолы удостоили их этого названия, то они и говорят: "**что нам делать**"? Не сказали тотчас: итак, покаемся; но предали себя на их волю. Как человек, застигнутый кораблекрушением или болезнью, увидя кормчего или врача, все предоставляет ему и во всем слушается его, – так и они признались, что находятся в крайнем положении и не имеют даже надежды на спасение. И смотри: не сказали они: как мы спасемся, но: "**что нам делать**"? Что же Петр? Здесь опять, хотя спрошены были все (апостолы), отвечает Петр. "**Покайтесь**", говорит он, "**и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа**" (ст. 38). И еще не говорит: уверуйте, но: "**да**

крестится каждый из вас", – потому что веру они получали в крещении. Потом показывает и пользу (крещения): "**для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа**" (ст. 38). Если вы получите дар, если крещением дается "**прощение**" (грехов), то зачем медлите? Потом, чтобы сделать свое слово убедительным, присовокупил: "**ибо вам принадлежит обетование**" (ст. 39). И здесь разумеет то же обетование, о котором говорил и выше. "**И детям вашим**". Значит, более велик дар, когда у них есть и наследники благ. "**И всем дальним**": если дальним, то тем более вам – близким. "**Кого ни призовет Господь Бог наш**" (ст. 39). Смотри, когда говорит: "**дальним**"? Тогда, когда они были уже расположены к нему и осудили себя; ведь душа, когда осудит себя, уже не может завидовать. "**И другими многими словами он свидетельствовал и увещевал, говоря**" (ст. 40). Смотри, как везде (писатель) говорит кратко, как далек честолюбия и хвастовства. "**Свидетельствовал**", говорит, "**и увещевал, говоря**". Вот совершенное учение, внушающее и страх и любовь! "**Спасайтесь**", говорит (Петр), "**от рода сего развращенного**" (ст. 40). Ничего не говорит о будущем, но – о настоящем, чем люди всего более и руководятся; и показывает, что проповедь освобождает и от настоящих, и от будущих зол. "**Итак охотно принявшие слово его крестились, и присоединилось в тот день душ около трех тысяч**" (ст. 41). Как думаешь, во сколько раз больше знамения это одушевило апостолов? "**И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении**" (ст. 42). Две добродетели: и то, что терпели, и то, что – единодушно. "**В учении**", говорит, "**Апостолов**", для того, чтобы показать, что и после апостолы учили их долгое время. "**В общении и преломлении хлеба и в молитвах**". Все, говорит, делали вместе, все – с терпением. "**Был же страх на всякой душе; и много чудес и знамений совершилось через Апостолов в Иерусалиме**" (ст. 43). Это и естественно. Они уже не презирали их, как каких-нибудь простых людей, и внимали уже не тому, что видели, но ум их очистился. А как выше Петр говорил весьма многое, излагал обетования и показывал будущее, то они справедливо поражены были страхом; свидетельством же тому, что говорил он, служили чудеса. Как у Христа – прежде знамения, потом учение, затем чудеса, так и теперь. "**Все же верующие были вместе и имели всё общее**" (ст. 44). Смотри, какой тотчас успех: не в молитвах только общение и не в учении, но и в жизни. "**И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого**" (ст. 45). Смотри, какой страх появился у них. "**И разделяли всем**". Это сказал, чтобы показать, как они распоряжались имуществом. "**Смотря по нужде каждого**". Не просто (раздавали), как у язычников философы, из которых одни оставили землю, а другие много золота бросили в море: это было не презрением к деньгам, но глупостью и безумием. Диавол всегда и везде старался оклеветать создания Божии, как будто нельзя хорошо пользоваться имуществом. "**И каждый день единодушно пребывали в храме**" (ст. 46). Здесь указывает на то, каким образом они принимали учение.

2. Заметь, как иудеи ничего другого не делали, ни малого, ни великого, а только пребывали в храме. Так как они сделались ревностнее, то и к месту имели больше благоговения; и апостолы пока еще не отвлекли их, чтобы не причинить им вреда. "**И, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа**" (ст. 46, 47). Когда говорит: "**хлеб**", то, мне кажется, указывает здесь и на пост, и па строгую жизнь, – так как они принимали пищу, а не предавались роскоши. Отсюда пойми, возлюбленный, что не роскошь, но пища приносит наслаждение и что роскошествующие (живут) в печали, а не роскошествующие – в радости. Видишь ли, что слова Петра приводили и к этому – к воздержанию в жизни? Так-то не может быть радости, если нет простоты. Почему же, скажешь, они имели "**любовь у всего народа**"? По своим делам, по своей милостыне. Так не смотри же на то, что архиереи восстали на них по зависти и ненависти, но – на то, что они имели "**любовь у всего народа. Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви**" (ст. 47). "**Все же верующие были вместе**". Так везде прекрасно – единомыслие. "**И другими многими**

словами он свидетельствовал". Это сказал (апостол), показывая, что не достаточно было сказанного; или еще: прежние слова были сказаны для того, чтобы привести к вере, а эти показывали, что должен делать верующий. И не сказал: о кресте, но: "**и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа**". Не напоминает им постоянно о кресте, чтобы не показалось, будто он поносит их; но просто говорит: "**покайтесь, и да крестится каждый**

из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов". В здешних судах закон относится иначе; но в (деле) проповеди грешник спасется тогда, когда сознается во грехах. Смотри, как Петр не пропустил того, что более важно; но, сказав сначала о благодати, присовокупил потом и это: "**и получите дар Святаго Духа**". И слово его было достоверно потому, что сами (апостолы) получили (Духа). Сначала говорит о том, что легко и что подает великий дар, и потом уже ведет к жизни, зная, что для них поводом к ревности будет то, что они уже вкусили столько благ. А так как слушатель желал узнать, что составляло сущность его очень многих слов, – он присоединяет и это, показывая, что это – дар Святого Духа. Таким образом те, которые приняли слово его, одобрили сказанное им, хотя слова его и были исполнены страха, и после одобрения приступают к крещению. Но посмотрим, что сказано выше. "**И они постоянно пребывали в учении**". Из этого видно, что не один день, и не два, и не три, но в течете многих дней они учились, так как перешли к другому образу жизни. "**Был же страх на всякой душе**". Если "**на всякой**", то – и на неуверовавших. Вероятно, они чувствовали страх, видя столь внезапное обращение, а может быть, (это происходило) и от знамений. Не сказал (Лука): вместе, но – "**единодушно**", потому что можно кому-либо быть и вместе, но не единодушно, разделяясь в мыслях. "**В молитвах**". И здесь не излагает учения, заботясь о краткости слова, хотя отсюда можно видеть, что (апостолы) питали их, как детей, духовною пищею, и вот они вдруг сделались ангелами. "**И разделяли всем, смотря по нужде каждого**". Они видели, что духовные блага общи и что никто не имеет больше другого, – и потому скоро пришли к мысли разделить между всеми и свое имущество. "**Все же верующие были вместе**". А что не по месту они были "**вместе**", видно из следующих затем слов: "**и имели всё общее**". "**Все же**", говорит; а не так, что один имел, а другой нет. Это было ангельское общество, потому что они ничего не называли своим. Отсюда исторгнут был корень зол, и своими делами они показали, что слышали (слово проповеди). Говорил же (апостол) вот что: "**спасайтесь от рода сего развращенного. Итак охотно принявшие слово его крестились, и присоединилось в тот день душ около трех тысяч**" (ст. 40-41). Так как их было теперь три тысячи, то (апостолы) уже извели их вон, и они с дерзновением уже великим ежедневно приходили в храм и пребывали в нем. Так точно, не много после, поступают и Петр с Иоанном, потому что они еще не отвергали ничего иудейского; да и самое почтение к месту переходило к Владыке храма. Видел ли ты успех благочестия? Отказывались от имущества и радовались, и велика была радость, потому что приобретенные блага были больше. Никто не поносил, никто не завидовал, никто не враждовал; не было гордости, не было презрения; все, как дети, принимали наставления, все были настроены, как новорожденные. Но зачем я говорю в темном образе? Помните, как все были скромны, когда Бог поколебал наш город? В таком же точно состоянии находились тогда они: не было коварных, не было лукавых. Вот что значит страх, вот что значить скорбь! Не было холодного слова: мое и твое; поэтому была радость при трапезе. Никто не думал, что есть свое; никто (не думал), что ест чужое, хотя это и кажется загадкою. Не считали чужим того, что принадлежало братьям, – так как то было Господне; не считали и своим, но – принадлежащим братьям. Ни бедный не стыдился, ни богатый не гордился: вот что значит – радоваться! И тот считал себя облагодетельствованным и чувствовал, что он больше пользуется благодеяниями, и эти находили в том свою славу; и все были сильно привязаны друг к другу. Ведь случается, что при раздаянии имущества бывает и обида, и гордость, и скорбь; поэтому апостол и говорил: "**не с огорчением и не с**

принуждением" (2Кор.9:7). Смотри, как многое (Лука) прославляет в них: искреннюю веру, правую жизнь, постоянство в слушании, в молитвах, в простоте, в радости.

3. Две (вещи) могли повергнуть их в печаль: пост и раздаяние имущества. Но они радовались и тому, и другому. Кто же людей с такими чувствами не полюбил бы, как общих отцов? Никакого зла не замышляли они друг против друга и все предоставляли благодати Божией. Не было страха между ними, не смотря на то, что они находились среди опасностей. Но всю их добродетель, гораздо высшую и презрения к имуществу, и поста, и постоянства в молитвах, (апостол) выразил (словом): "**в простоте**". Таким-то образом они неукоризненно хвалили Бога; или лучше: в этом-то и состоит хвала Богу. Но смотри, как они тотчас же получают здесь и награду: то, что они "**находясь в любви у всего народа**", показывает, что они были любимы и были достойны любви. Да и кто не изумился бы, кто не подивился бы человеку, простому нравом? Или кто не привязался бы к тому, в ком нет ничего коварного? Кому другому, как не этим, принадлежит спасение? Кому, как не им – великие блага? Не пастыри ли первые услышали евангелие? Не Иосиф ли, этот простой человек – чтобы подозрение в прелюбодеянии не устрашило его и не побудило сделать какое-либо зло? Не простых ли поселян избрал (Господь в апостолы)? Сказано ведь: "**благословенна всякая простая**[1] **душа**" (Притч.11:25). И опять: "**кто ходит просто**[2]**, тот ходит уверенно**" (10:9). Так, скажешь, но надобно и благоразумие. Да что же иное и простота как не благоразумие? Ведь когда не подозреваешь ничего злого, тогда не можешь и замышлять зла. Когда ничем не огорчаешься, тогда не можешь быть и злопамятным. Обидел ли кто тебя? Ты не опечалился. Оклеветал ли? Ты ничего не потерпел. Позавидовал ли тебе? И от этого ты нисколько не пострадал. Простота есть некоторый путь к любомудрию. Никто так не прекрасен душою, как человек простой. Как по отношению к телу человек печальный, унылый и угрюмый, хотя бы он был и красив собою, теряет много красоты, а беззаботный и кротко улыбающийся увеличивает красоту, так точно и по отношению к душе. Угрюмый, хотя бы имел тысячи добрых дел, отнимает у них всю красоту; а открытый и простой – напротив. Такого человека можно безопасно сделать и другом, а если он станет врагом, с ним (не опасно) примириться. Не нужны для такого (человека) ни стражи и караулы, ни узы и оковы; он и сам будет пользоваться великим спокойствием, и все живущие с ним. Что же, скажешь, если такой человек попадет в общество дурных людей? Бог, повелевший нам быть простыми, прострет ему руку. Что проще Давида? Что лукавее Саула? А между тем, кто остался победителем? Что (сказать) об Иосифе? Не в простоте ли сердца пришел он к госпоже своей, а та не имела ли злого намерения? И, однако, скажи мне, потерпел ли он какой-либо вред? Что проще Авеля? Что коварнее Каина? И тот же, опять, Иосиф не просто ли обращался с своими братьями? Не потому ли он прославился, что все говорил с доверчивостью, между тем как братья принимали с злым умыслом? Он раз сказал о сновидениях, сказал и в другой раз, и не остерегался. И он же опять пошел к ним отнести пищу, и нисколько не остерегался, полагаясь во всем на Бога. Но чем больше они поступали с ним, как с врагом, тем больше он обходился с ними, как с братьями. Бог мог и не допустить, чтобы он впал (в руки братьев), но допустил для того, чтобы показать чудо и то, что, хотя они и поступят с ним, как враги, он будет выше их. Таким образом, если (простой человек) и получает рану, то получает не от себя, а от другого.

Лукавый же наносит удар прежде всего себе и больше никому. Таким образом он враг самому себе. Душа такого человека всегда полна печали, в то время, как мысли его всегда угрюмы. Если он должен выслушать или сказать что-нибудь, то все делает с нареканиями, все обвиняет. Дружба и согласие очень далеки от таких людей; у них ссоры, вражда и неприятности; такие люди и себя подозревают. Им даже и сон неприятен, равно как и ничто другое. Если же они имеют жену, – о! тогда они становятся всем врагами и неприятелями: бесконечная ревность, постоянный страх! Лукавый (πονηρός) потому так и

называется, что он находится в труде (παρὰ τὸ πονεῖν). Так и Писание всегда называет лукавство трудом, когда, например, говорит: "**на языке его мучение и злоба**" (Пс.9: 28); и еще в другом месте: "**и то большая часть их - труд и болезнь**" (Пс.89:10). Если же кто удивляется, почему вначале (христиане) были такими, а теперь уже не таковы, – тот пусть узнает, что причиною тому была скорбь, учительница любомудрия, мать благочестия. Когда было раздаяние имущества, тогда не было и лукавства. Так, скажешь; но об этом именно я и спрашиваю: отчего теперь такое лукавство? Отчего эти три и пять тысяч вдруг решились избрать добродетель и таким образом все сделались любомудрыми, а теперь едва находится один? Отчего тогда так были они согласны? Что сделало их ревностными и возбужденными? Что неожиданно воспламенило их? Это – потому, что они приступили с великим благоговением; потому, что (тогда) не было почестей, как теперь; потому, что они переселились мыслью в будущее, и не ожидали ничего настоящего. Душе воспламененной свойственно жить в скорбях: это считали они христианством, – они, но не мы; а мы теперь ищем здесь покойной жизни. Поэтому нам и не достигнуть, хотя бы и следовало, тех (добродетелей). "**Что нам делать?**" – спрашивали они, считая себя в отчаянном положении. Вы же, напротив: что сделаем? – говорите, – хвастаясь пред присутствующими и много думая о себе. Они делали то, что следовало делать, а мы поступаем напротив. Они обвинили себя, отчаялись в своем спасении; поэтому и сделались такими. Они оценили, какой великий дар получили.

4. Как же вам быть такими, когда вы все делаете не так, как они, а напротив? Они, как скоро услышали, тотчас крестились. Не сказали этих холодных слов, которые мы теперь говорим, и не думали об отсрочке, хотя выслушали еще не все оправдания, а только это: "**спасайтесь от рода сего**". Они не стали из-за этого медлить, но приняли эти слова, и что приняли, доказали делами и показали, каковы они были. Они, лишь только вступили в борьбу, тотчас сняли с себя одежды; а мы, вступая, хотим бороться в одеждах. Поэтому противник наш не имеет нужды в трудах, и мы, запутавшись в своих (одеждах), часто падаем. Мы делаем так же, как если бы кто, увидев настоящего борца, запыленного, черного, обнаженного, покрытого грязью и от пыли, и от солнца, и облитого маслом, потом и грязью, вышел сразиться с ним, а сам, между тем, издавал бы запах благовонных мазей, надел бы на себя шелковые одежды и золотую обувь, платье, ниспадающее до пят, и золотые украшения на голову. Такой человек не только будет препятствовать себе, но и, обращая всю свою заботу на то, чтобы не замарать и не разорвать одежд, тотчас падет от первого натиска и, чего боялся, то сейчас потерпит, будучи поражен в главные части тела. Наступило время борьбы, – а ты одеваешься в шелковые одежды? Время упражнения, время состязания, – а ты украшаешь себя, как на торжестве? Как же остаться тебе победителем? Не смотри на внешнее, но на внутреннее: ведь заботами о внешнем, как тяжкими узами, душа отовсюду связывается, так что мы не можем ни поднять руки, ни устремиться на врага, я делаемся слабыми и изнеженными. Хорошо было бы, если бы мы, и освободившись от всего (этого), могли победить ту нечистую силу. Поэтому и Христос, – так как не довольно отвергнуть только имущество, – смотри, что говорит: "**пойди, всё, что имеешь, продай и раздай нищим: и приходи, последуй за Мною**" (Мк.10:21). Если же и тогда, когда оставим имущество, мы еще не безопасны, но имеем нужду в некотором другом упражнении и в неусыпных трудах, – то тем более, владея (имуществом), не сделаем ничего великого, но будем осмеяны и зрителями, и самим духом злобы. Ведь если бы даже не было диавола, если бы и никто не ратовал против нас, – и в таком случае бесчисленные пути отовсюду ведут сребролюбца в геенну. Где же теперь говорящие: зачем сотворен диавол? Вот здесь диавол ничего не делает, но все (делаем) мы. И пусть бы говорили это живущие в горах, – те, которые, по целомудрию, по презрению к богатству и по пренебрежению остальных благ, тысячи раз решились бы оставить отца, и дом, и поля, и жену, и детей. Но они-то всего более и не говорят этого, а говорят те, которым никогда бы не следовало говорить. Там, поистине, борьба с диаволом: а сюда не

следует и вводить его. Но это сребролюбие, скажешь, внушает диавол. Убегай же от него и не принимай его, человек! Ведь если ты увидишь, что кто-нибудь из-за какой-либо ограды выбрасывает нечистоту и что (другой), видя, как его обливают, стоит и все принимает на свою голову, – ты не только не пожалеешь о нем, но еще будешь негодовать на него и скажешь, что он справедливо страдает. Да и всякий скажет ему: не будь безумен, и не столько будет обвинять того, кто бросает, сколько того, кто принимает. Между тем, ты знаешь, что сребролюбие – от диавола; знаешь, что оно – причина бесчисленных зол; видишь, что диавол бросает, как грязь, нечистые и постыдные помыслы, – и, с обнаженною головою принимая нечистоту его, ты не думаешь о том, между тем как следовало бы, посторонившись несколько, освободиться от всего этого. Как тот, если бы посторонился, избавился бы от грязи, так и ты не принимай подобных помыслов, и избегай греха, отвергни пожелание. Да как же, скажешь, мне отвергнуть? Если бы ты был язычником и ценил бы только настоящее, – может быть, это было бы весьма трудно, хотя и язычники делали это. Но ты – человек, ожидающей неба и того, что на небесах, – и говоришь: как отвергнуть? Если бы я говорил противное, тогда бы следовало затрудняться. Если бы я говорил: пожелай денег, ты мог бы сказать: как мне пожелать денег, когда я вижу такие (блага)? Скажи мне: если бы в то время, когда лежат пред тобой золото и драгоценные камни, я говорил тебе: пожелай олова, – разве не было бы затруднения? Ты, конечно, сказал бы: как могу я (желать этого)? А если бы я говорил: не пожелай, – это было бы легче. Не удивляюсь тем, которые пренебрегают (деньгами), но (удивляюсь) тем, которые не пренебрегают. Это – признак души, исполненной крайней лености, – души, ничем не отличающейся от мух и комаров, привязанной к земле, валяющейся в грязи, не представляющей себе ничего великого. Что ты говоришь? Хочешь наследовать жизнь вечную, и говоришь: как буду презирать для нее настоящую? Ужели можно это сравнивать? Хочешь получить одежду царскую, и говоришь: как презреть рубище? Ожидаешь, что тебя введут в дом царя, и говоришь: как презреть настоящую бедную хижину? Подлинно, мы виновны во всем, потому что не хотим сколько-нибудь возбудить себя. Все же, которые хотели, поступали, как должно, и делали это с большою ревностью и легкостью. Дай Бог, чтоб и вы, послушавшись нашего увещания, исправились и стали ревностными подражателями поживших добродетельно, – по благодати и человеколюбию единородного Его Сына, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] У проф. Юнгреова – "верная".

[2] У проф. Юнгерова – "прямо".

БЕСЕДА 8

"Петр и Иоанн шли вместе в храм в час молитвы девятый" (Деян.3:1).

1. Везде являются Петр и Иоанн в великом между собою согласии. Иоанну Петр подает знак (на вечери); вместе идут они ко гробу; об Иоанне (Петр) говорит Христу: "**а он что?**" (Ин.21:21) Прочие знамения опустил писатель этой книги, а о том, которое произвело великий ужас и всех поразило, говорит. И заметь опять, что (апостолы) шли собственно не для того, чтобы совершить это (чудо): так они были свободны от честолюбия и подражали своему Учителю. Зачем же они шли в храм? Разве они жили еще по-иудейски? Нет; однако, этот поступок их сопровождался пользою. Опять происходит чудо, которое и их

утверждает, и остальных привлекает, – чудо, какого они еще не совершали. Болезнь (хромого) происходила от природы и превышала врачебное искусство. Уже более сорока лет он прожил в хромоте, как говорится далее, я во все это время никто не исцелил его. Ведь вы знаете, что те (болезни) особенно трудны, которые бывают от рождения. Болезнь была столь ужасная, что (хромой) не мог даже доставать себе необходимую пищу. И он был всем известен как по месту, так и по болезни. А как (совершилось чудо), – слушай. "**И был человек**", сказано, "**хромой от чрева матери его, которого носили и сажали каждый день при дверях храма, называемых Красными, просить милостыни у входящих в храм**" (ст. 2). Следовательно, он желал получить милостыню и не знал, кто были – Петр и Иоанн. "**Он, увидев Петра и Иоанна перед входом в храм, просил у них милостыни. Петр с Иоанном, всмотревшись в него, сказали: взгляни на нас**" (ст. 3, 4). Он слышит это, но и при этом не встает, а все еще продолжает просить. Такова бедность: когда и отказываются дать, она настаивает и понуждает. Устыдимся же мы, так поспешно удаляющиеся при просьбах! Смотри, какую кротость тотчас выказал Петр, сказав: "**взгляни на нас**". Так сам внешний вид их обнаруживал их душевное свойство. "**И он пристально смотрел на них, надеясь получить от них что-нибудь. Но Петр сказал: серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе**" (ст. 5, 6). Не сказал: я дам тебе то, что гораздо лучше сребра; но что? – "**Во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи. И, взяв его за правую руку, поднял**" (ст. 6, 7). Так поступал и Христос. Часто Он исцелял словом, часто делом, а часто простирал и руку, где были более слабые в вере, – чтобы не подумали, что (чудо) совершалось само собою. "**И, взяв его за правую руку, поднял**". Этим показал воскресение, так как это было образом воскресения. "**И вдруг укрепились его ступни и колени, и вскочив, стал, и начал ходить**" (ст. 7, 8). Может быть, он испытывал себя и много раз пробовал, действительно ли это сделалось? Ноги у него были слабы, но не отняты; а некоторые говорят, что он и не умел ходить. "**И вошел с ними в храм, ходя**" (ст. 8). Поистине, это достойно удивления! Не они ведут его за собою, но он сам следует за ними и тем, что следует, показывает благодетелей, а тем, что, вскочив, хвалит Бога, прославляет не их, но Бога, чрез них действовавшего. Так благодарен был этот человек! Но посмотрим, что сказано было выше. "**Шли вместе в храм в час молитвы девятый**". Может быть, в это время приносили и полагали хромого (при храме) потому, что теперь особенно много людей входило в храм. А чтобы кто не подумал, что его приносили для чего-нибудь другого, а не для получения (милостыни), – смотри, как (писатель) ясно представил это словами: "**которого носили и сажали каждый день при дверях храма, называемых Красными, просить милостыни у входящих в храм**". Для того упоминает и о месте, чтобы представить доказательство на то, о чем пишет. Почему же, скажешь, не привели его (хромого) ко Христу? Может быть, сидевшие при храме были люди неверующие, так как они не привели его и к апостолам, хотя видели, что они входят (в храм) и уже сотворили столько чудес. "**Просить**", говорит, "**милостыни**". Может быть, по виду, он принял их за людей благочестивых, а потому и "**просил у них милостыни**".

Но смотри, как Иоанн везде молчит, а Петр отвечает и за него. "**Серебра**", говорит, "**и золота нет у меня**". Не сказал: не имею при себе, как мы говорим; но – совсем не имею. Что же хромой? Ужели (говорит) презираешь мою просьбу? Нет, отвечает (Петр); но из того, что я имею, то и возьми. Видишь ли, как Петр чужд надменности, как он не тщеславится даже пред тем, кто получает от него благодеяние? И вот (его) слово и рука сделали все. Таковы-то были и хромавшие иудеи! В то время, как надлежало просить здоровья, – они лежат на земле, и лучше просят денег. Для того они и сидели при храме, чтобы собирать деньги. Что же Петр? Он не презрел (хромого); он не стал искать человека богатого, и не сказал: если не над таким человеком совершится чудо, то не будет ничего великого; не ожидал от него никакой почести и не в чьем-либо присутствии исцелил его, так как этот человек был при входе, а не внутри храма, где находился народ. Ничего

такого Петр не искал и, когда вошел (в храм), не объявил (чуда), но одним только видом своим он расположил хромого к просьбе. И удивительно, что хромой быстро уверовал. Ведь освободившиеся от продолжительных болезней с трудом верят даже самому зрению. И получив исцеление, хромой находился уже с апостолами и благодарил Бога. "**И вошел**", сказано, "**с ними в храм, ходя и скача, и хваля Бога**".

2. Смотри, как он не остается в покое, частью от удовольствия, а частью для того, чтобы заградить уста иудеям. А мне кажется, что он скакал и для того, чтобы не подумали, будто он притворяется, так как это уже не могло быть делом притворства. В самом деле, если прежде он не мог даже просто ходить, несмотря на то, что его принуждал (к тому) голод, – иначе он не захотел бы делить милостыню с носившими его, если бы сам мог ходить, – то тем более (не мог скакать) тогда. Да и к чему он стал бы притворяться в пользу тех, которые не подали милостыни? Нет, это был человек благодарный и по выздоровлении. Итак, и то, и другое обстоятельство являет его верным, – и его благодарность, и то, что с ним случилось. Не всем, конечно, он представлялся известным, почему и старались узнать, кто он. "**И весь народ видел его ходящим и хвалящим Бога; и узнали его, что это был тот, который сидел у Красных дверей храма**" (ст. 9, 10). И хорошо сказано: узнавали, так как после того, что случилось с ним, можно было и не узнать его. Это выражение мы обыкновенно употребляем о тех, кого едва узнаем. Итак, следовало поверить тому, что имя Христово отпускает грехи, если оно совершает и такие дела. "**И как исцеленный хромой не отходил от Петра и Иоанна, то весь народ в изумлении сбежался к ним в притвор, называемый Соломонов**" (ст. 11). По благорасположению и любви к ним, (хромой) не разлучался с ними, а может быть, и благодарил и прославлял их. "**Увидев это, Петр сказал народу**" (ст. 12). Опять Петр и действует, и проповедует. Прежде возбудило иудеев к слушанию чудо (огненных) языков, а теперь – это. И тогда Петр начал речь с их обвинений, а теперь – с их тайной мысли. Посмотрим же, чем эта проповедь отличается от той и что имеет общего с нею. Та была в доме, когда никто еще не присоединился (к апостолам) и когда они ничего еще не совершили, а эта – когда все удивлялись, когда подле стоял исцеленный, когда никто не сомневался, как в то время, в которое говорили, "**они напились сладкого вина**" (Деян.2:13). И тогда Петр говорил, находясь вместе со всеми апостолами; а теперь – с одним Иоанном: он уже не боится и говорит сильнее.

Такова-то добродетель: получив начало, она идет вперед и нигде не останавливается. Смотри же, как (Промыслом) устроено было и то, что чудо произошло при храме, чтобы и другие стали дерзновенны. Не в сокровенном каком-либо месте совершают его или не тайно; но также – и не внутри храма, где было много народа. Почему же, скажешь, этому поверили? Потому, что сам исцеленный возвещал о благодеянии. А он, конечно, не стал бы лгать и не пришел бы к каким-либо посторонним людям. Итак, апостолы или потому совершили там чудо, что, то место было пространное, или потому, что то было место отделенное. И заметь, как это случилось. Пришли они по одному поводу, а делают другое. Так и Корнилий, постясь, молился об одном, а видит другое. До сих пор они везде называют Христа Назореем: "**во имя Иисуса Христа Назорея**", говорит (Петр), "**встань и ходи**", потому что пока еще они только заботились о том, чтобы уверовали в Него. Но не будем утомляться началом рассказа, а напротив, если бы кто, сказав о каком-либо великом деле, остановился, – станем снова повторять начало. Если так всегда будем поступать, то скоро придем к концу, скоро станем на вершине, потому что от усердия, как говорят, родится усердие, а от лености – леность. Кто сделал, как должно, что-либо малое, тот получил побуждение приступить к делу более важному, а отсюда – идти и гораздо далее. И как огонь, чем больше объемлет дров, тем сильнее становится, так и ревность, чем больше возбуждает благочестивых помыслов, тем больше вооружается против остального рода мыслей. Скажу пример. Есть в нас, подобно терниям, клятвопреступление, ложь,

лицемерие, коварство, обман, злословие, насмешки, смехотворство, срамословие, кощунство; с другой стороны – любостяжание, грабительство, несправедливость, клевета, наветы; далее – похоть злая, нечистота, сладострастие, блуд, прелюбодеяние; а также – зависть, ревность, гнев, ярость, злопамятство, мстительность, хула и тысячи подобных пороков. Если мы исправимся от первых, то мы уже исправимся не только от них, но чрез них – и от следующих за ними, потому что наша душа приобретает от того большие силы к уничтожению их. Например, если тот, кто часто клянется, оставит эту диавольскую привычку, то в нем не только исправится этот порок, но появится и другого рода благоговение. Мне кажется, никто из не клянущихся не захочет легко сделать какое-либо другое зло, но устыдится той добродетели, которой он уже достиг. Как носящий прекрасную одежду стыдится валяться в грязи, так точно – и он. А отсюда он придет к тому, что не будет ни сердиться, ни драться, ни браниться. Так, если только однажды будет сделано и малое доброе дело, то уже будет сделано все. Часто, впрочем, случается и противное: поступив однажды хорошо, мы по лености опять впадаем в прежние пороки, так что от этого и самое исправление становится даже невозможным. Например, мы положили себе закон не клясться; в течение трех или даже четырех дней мы исполняли его; но потом встретилась какая-либо нужда – и мы расточили всю собранную прибыль. Тогда мы впадаем в беспечность и отчаяние, так что даже не хотим снова коснуться того же. И это естественно. Кто построит себе какое-либо здание и потом увидит, что его строение обрушилось, тот с меньшим старанием приступает вновь к строению. Но и в этом случае не следует быть беспечным, а напротив, надобно опять употреблять все старание.

3. Итак, положим себе ежедневные законы и начнем пока с легкого. Отсечем от уст своих частую клятву, обуздаем язык, – пусть никто не клянется Богом. Не требует это издержек, не требует труда, не требует продолжительного обучения: достаточно захотеть и – все окончено, потому что это – дело привычки. Да, прошу и умоляю, приложим к этому старание. Скажи мне: если бы я велел (вам) внести (за меня) деньги, – не с готовностью ли каждый из вас принес бы по мере сил своих? Если бы вы увидели меня в крайней опасности, не отдали бы вы даже часть своего тела, если бы можно было отнять ее? И теперь я в опасности, и в большой, так что, если бы я был в темнице, или получил тысячи ударов, или находился в рудниках, – и тогда я не скорбел бы более. Прострите же руку помощи. Подумайте, как велика опасность, когда вы не можете сделать и этого крайне малого дела: называю его весьма малым по труду, какого оно требует. Что скажу тогда в ответ на обвинения? Отчего не обличил? Отчего не повелел? Отчего не положил закона? Отчего не удержал непослушных? Не достаточно будет, если я скажу: я увещевал. А надобно было, сказано будет мне, употребить и более сильное порицание. Ведь увещевал и Илий, – но не дай Бог сравнивать вас с детьми его! И он увещевал, и он говорил: "**дети мои, нехороша молва, которую я слышу**" о вас (1Цар.2:24); а между тем, Писание далее говорит, что он не вразумлял сыновей своих (1Цар.3:13), и говорит так потому, что он вразумлял не строго и не с укоризною. Не странно ли, что в иудейских синагогах законы имеют такую силу, хотя все заповедует тот, кто учит, а здесь мы в таком пренебрежении и презрении? Не о своей славе забочусь я (моя слава – ваша добрая жизнь); но – о вашем спасении. Каждый день мы вопием, возглашаем в слух вам, и, между тем, как никто не слушает, мы не выказываем никакой строгости. Боюсь, чтобы за это неуместное и большое снисхождение не дать нам ответа в день будущего суда. Поэтому громким и ясным голосом объявляю всем и умоляю, чтобы те, которые виновны в этом преступлении и произносят слова, происходящие от неприязни (Мф.5:37), – а это и есть клятва, – не переступали за порог церковный. Но настоящий месяц пусть будет назначен вам для исправления. Не говори мне: меня заставляет необходимость, потому что мне не верят. Оставь пока клятвы, произносимые по привычке. Знаю, что многие будут смеяться над нами, но лучше нам быть осмеянными теперь, чем плакать тогда. Да и смеяться будут

люди безумные; в самом деле, скажи мне, кто с здравым умом станет смеяться над тем, что соблюдается заповедь? Если же и будут смеяться, то такие люди станут смеяться не над нами, а над Христом. Вы ужаснулись этих слов? Я вполне верю этому. Ведь, если бы я ввел этот закон, то смех относился бы ко мне; если же есть другой Законодатель, то осмеяние переходит на Него. Некогда и плевали на Христа, и били Его по ланите, и заушали: так и теперь Он терпит это, и нет здесь ничего не сообразного. Поэтому-то уготована геенна, поэтому – червь нескончаемый.

Вот я опять говорю и свидетельствую. Пусть, кто хочет, смеется; пусть, кто хочет, издевается: на то мы поставлены, чтобы над нами смеялись и издевались, и чтобы мы все претерпели. Мы "**мы как сор для мира, как прах**", по слову блаженного Павла (1Кор.4:13). Если кто не желает исполнить этого приказания, то я настоящим словом, как бы некоторою трубою, запрещаю такому человеку переступать за порог церковный, хотя бы то был начальник, хотя бы сам носящий диадему. Или отнимите у меня эту власть, или, если я остаюсь с нею, не окружайте меня опасностями. Я не могу восходить на этот престол, не совершая (ничего) великого. А если это невозможно, то лучше стоять внизу, потому что нет ничего хуже начальника, который не привносит подчиненным никакой пользы. Постарайтесь же еще, прошу вас, и будьте внимательны; или лучше сказать: станем стараться вместе, и тогда непременно будет какая-либо польза. Поститесь, молите Бога, а вместе с вами (будем молиться) и мы, чтобы Он уничтожил в нас эту гибельную привычку. Великое дело – сделаться учителями вселенной; не мало значит, когда везде услышат, что в этом городе никто не клянется. Если это будет, то вы получите награду не только за свои подвиги, но и за попечение о братьях: вы сделаетесь тем же для вселенной, чем я теперь для вас. Тогда, наверно, и другие поревнуют вам, и вы поистине будете светильником, стоящим на свещнице. И это, скажешь, все? Нет, это не все, но это начало прочих (добродетелей). Кто не клянется, тот волею или неволею, из стыда или боязни, но непременно придет и к другим делам благочестия.

Но многие, скажешь, не согласятся и отступят? Но лучше один творящий волю Господню, нежели тысячи беззаконных (Сир.16:3). Оттого-то все ниспровержено, все в крайнем беспорядке, что мы, как на зрелищах, ищем множества людей, а не множества людей добрых. Какую пользу, скажи мне, может принесть тебе толпа народа? Хочешь ли знать, что народ составляют святые, а не толпа людей? Выведите на войну сотни тысяч и одного святого: посмотрим, кто сделает больше? Иисус Навин вышел на брань и один сделал все; и таким образом остальные не принесли никакой пользы. Толпа людей, возлюбленный, когда они не творят воли Божией, ничем не разнится от тех, кого нет совсем. Я молюсь и желаю, чтобы Церковь украшалась множеством людей, но – множеством людей добрых: ради этого я охотно позволил бы растерзать себя на части. Если же это невозможно, то я желаю, чтобы немногие были добрыми. Не видите ли, что лучше иметь один драгоценный камень, нежели тысячи мелких монет? Не видите ли, что лучше иметь здоровый глаз, нежели, потеряв его, отяготить себя тучностью тела? Не видите ли, что лучше иметь одну овцу здоровую, нежели тысячи шелудивых? Не видите ли, что лучше немного детей добрых, чем много дурных? Не видите ли, что в царстве – немногие, а в геенне – многие? Что мне от множества людей? Какая польза? Пользы никакой, а скорее вред для прочих. Ведь это то же, как если бы кто, при возможности иметь или десять здоровых, или тысячи больных, привел эти тысячи к тем десяти. Большинство, когда они не делают ничего доброго, не принесут нам ничего другого, кроме наказания там и бесславия здесь. Ведь никто не скажет, что нас много, но (всякий) будет порицать за то, что мы бесполезны. Так именно (язычники) всегда говорят нам, когда слышат от нас, что нас много: много вас, – говорят, – да худых. Вот я опять запрещаю и громким голосом возвещаю вам: пусть никто не считает этого шуткою. Я удалю и не допущу непослушных. И пока я буду сидеть на этом престоле, – я не откажусь

ни от одного из прав его. Если кто низвергнет меня, я буду уже невинен. А пока я подлежу ответственности, до тех пор не могу пренебрегать, не ради собственного наказания, но ради вашего спасения, так как я пламенно желаю вам спасения. Об этом я терзаюсь и болезную. Но послушайтесь меня, чтобы и здесь, и в будущем (веке) вы получили великую награду, и мы (все) вместе насладились вечными благами, по благодати и человеколюбию единородного Сына Божия, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 9

"Увидев это, Петр сказал народу: мужи Израильские! что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?" (Деян.3:12).

1. В настоящей речи больше смелости (чем в прежней). Это – не потому, чтобы прежде (апостол) боялся, но потому, что те люди – насмешники и ругатели – не снесли бы (подобной смелости). Поэтому-то, начиная ту речь, он тотчас же и возбуждает их внимание предисловием, говоря: "**сие да будет вам известно, и внимайте словам моим**" (Деян.2:14). А здесь ему нет нужды в таком приготовлении. Эти люди не были беспечны; чудо сделало всех их внимательными, – почему они и были объяты страхом и ужасом. Поэтому-то апостол и не имел нужды начинать (здесь) с того же, но (начал) с другого, чем всего более и расположил их к себе, отклонив от себя то мнение, какое они себе составили. Ведь ничто так не полезно и не приятно для слушателей, как то, если говорящий не только не говорит о себе ничего великого, но даже уничтожает и мысль о том. Таким-то образом (апостолы) больше прославили себя тем, что презрели славу и показали, что то было дело не человеческое, а Божие, и что они также, наравне с другими, должны удивляться, а не служить предметом удивления. Видишь ли, как (Петр), будучи чужд честолюбия, отвергает от себя славу? Так поступали и древние. Например, Даниил говорил: "**мне тайна сия открыта не потому, чтобы я был мудрее всех живущих**" (Дан.2:30). И еще Иосиф: "**не от Бога ли истолкования?**" (Быт.40:8) И Давид: "**когда, бывало, приходил лев или медведь**", во имя Господа я разрывал их руками (1Цар.17:34,35). Так теперь и апостолы: "**что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?**" И это, говорят, принадлежит не нам, потому что не своим достоинством привлекли мы на себя благодать Божию. "**Бог Авраама и Исаака и Иакова, Бог отцов наших**" (ст. 13). Смотри, как часто обращается к предкам, чтобы не подумали, будто он вводит какое-нибудь новое учение: и там он упомянул о патриархе Давиде, и здесь – об Аврааме и других патриархах. "**Прославил Сына Своего Иисуса**" (ст. 13). Опять (говорит) смиренно, как в предисловии. Затем уже останавливается на их преступлении и ясно выставляет на вид то, что они сделали, а не прикрывает, как прежде. Поступает же так для того, чтобы лучше привлечь их, потому что, чем больше показывал, что они виновны, тем больше достигал этого. "**Прославил**", говорит, "**Сына Своего Иисуса, Которого вы предали и от Которого отреклись перед лицом Пилата, когда он полагал освободить Его**". Два обвинения: и то, что Пилат хотел отпустить, и то, что, когда он пожелал, вы не захотели. "**Но вы от Святого и Праведного отреклись, и просили даровать вам человека убийцу, а Начальника жизни убили. Сего Бог воскресил из мертвых, чему мы свидетели**" (ст. 14, 15). Он как бы так говорил: вместо Его вы просили о разбойнике. Представил их поступок в самом страшном виде. Так как они были уже в его власти, то он и поражает их сильно. "**Начальника**", говорит, "**жизни**". Этим приготовляет веру в воскресение. "**Сего Бог воскресил из мертвых**". Чтобы не сказал кто-нибудь: откуда это видно? – для этого он ссылается теперь уже не на пророков, а на самого себя, потому что уже заслуживал веру. Прежде, сказав, что (Христос) воскрес, он привел в свидетели Давида, а теперь, сказав

тоже, (сослался на) лик апостольский: "**чему**", говорит, "**мы свидетели**". "**И ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего, которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала ему исцеление сие перед всеми вами**" (ст. 16). Стараясь доказать это событие, тотчас упоминает и о чуде: "**перед всеми**", говорит, "**вами**". Так как он сильно укорил их и показал, что Распятый воскрес, то опять смягчает свою речь, давая им возможность покаяться, и говорит: "**впрочем я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению**" (ст. 17). "**По неведению"**: это – одно оправдание; а другое: "**как и начальники ваши**". Что Иосиф говорил братьям: "**Бог послал меня перед вами**" (Быт.45:5), или лучше, что сам он прежде сказал кратко: "**по определенному совету и предведению Божию преданного, вы взяли**" (Деян.2:23), – то же самое говорит теперь пространнее. "**Бог же, как предвозвестил устами всех Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил**" (ст. 18). Доказав, что это произошло по воле Божией, вместе с тем уже показывает, что это не их дело. А словами: "**как предвозвестил**" намекает на те слова, которыми они поносили (Христа) при кресте, когда говорили: "**пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него; уповал на Бога; пусть теперь избавит Его, если Он угоден Ему. Ибо Он сказал: Я Божий Сын**" (Мф.27:43,42). Ужели же то – пустые слова, безумные? Нет, но тому надлежало быть, и этому свидетели пророки. Следовательно, Он не по немощи Своей не сошел (со креста), но по Своей силе. Таким образом (апостол) представляет это, как оправдание для иудеев, для того, чтобы и они приняли (слова его). "**Так**", говорит, "**и исполнил**". Видишь ли, как все приписывает Богу? "**Итак покайтесь**", говорит, "**и обратитесь**"; не говорит: от грехов ваших, но: "**чтобы загладились грехи ваши**" (ст. 19), чем показывает тоже самое. Потом говорит и о пользе: "**да придут времена отрады от лица Господа**" (ст. 20). Этим показывает, что они несчастны и удручены многими бедствиями. Потому-то он и сказал так, зная, что это слово вполне сообразно с состоянием человека, страждущего и ищущего утешения.

2. И смотри, как он мало-помалу идет вперед. В первой речи он незаметно указал на воскресение и сидение на небе, а здесь ясно (говорит) и о Его пришествии. "**И да пошлет Он предназначенного вам Иисуса Христа**" (ст. 20). "**Которого небо должно было принять**", то есть, необходимо, "**до времен совершения всего**" (ст. 21). Почему не приходит теперь, – причина очевидна. "**Что**", говорит, "**говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века**" (ст. 21). "**Моисей сказал отцам: Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка, как меня, слушайтесь Его во всем, что Он ни будет говорить вам**" (ст. 22). Там упомянул о Давиде, а здесь о Моисее. "**Всех**", говорит, "**что говорил Бог**". Не говорит: "**что говорил**" Христос, но: "**что говорил Бог**", чтобы прикровенною речью лучше привлечь их мало-помалу к вере. Затем обращается к тому, что достоверно, и говорит: "**Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка, как меня, слушайтесь Его во всем, что Он ни будет говорить вам**" (ст. 22). Далее (указывает) и великое наказание. "**И будет**", говорит, "**что всякая душа, которая не послушает Пророка того, истребится из народа. И все пророки, от Самуила и после него, сколько их ни говорили, также предвозвестили дни сии**" (ст. 23, 24). Здесь кстати сказал о погибели. Обращаясь (всегда) к пророкам, – когда говорит что-нибудь великое, – он представил (здесь) свидетельство, в котором содержится и то и другое. Так сказал и там: "**доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**" (Пс.109:1). И удивительно, что в одном месте (говорится) о том и другом – и о подчинении, и о преслушании, и о наказании. "**Как**", говорит, "**меня**". Итак, чего вы боитесь? "**Вы сыны пророков**" (ст. 25). Следовательно, вам они говорили и все было для вас. А так как, по своему преступлению, они считали себя отчужденными, – ведь не естественно думать, чтобы Тот, Кого они распяли, стал заботиться о них, как о своих, – то (апостол) показывает, что и то, и это согласно с пророчеством. "**Вы**", говорит, "**сыны пророков и завета, который завещевал Бог отцам вашим, говоря Аврааму: и в семени твоем**

благословятся все племена земные" (ст. 25). "**К вам первым**", говорит, "**Бог, воскресив Сына Своего Иисуса, послал Его благословить вас**" (ст. 26). Значит, и к другим; но прежде – к вам, распявшим Его. "**Благословить вас, отвращая каждого от злых дел ваших**" (ст. 26). Но посмотрим тщательнее на то, что выше прочитано. Сначала (апостол) внушает, что не они сделали чудо, сказав: "**что дивитесь**"? А чтобы не дать возможности сомневаться в словах своих и чтобы сделать их более достоверными, – предупреждает суд этих людей. "**На нас**", говорит, "**что смотрите, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то**"? Если это беспокоит и смущает вас, то поймите, кто сделал это, и не ужасайтесь. И смотри, как всегда безбоязненно порицает их, когда прибегает к Богу и говорит, что все – от Него. Поэтому и выше говорил: "**Мужа, засвидетельствованного вам**" (Деян.2:22). И везде напоминает им об их злодеянии, чтобы и показать чудо, и подтвердить воскресение. А здесь присоединил и нечто другое. Не называет уже (Христа) Назореем, но – как? "**Бог**", говорит, "**отцов наших, прославил Сына Своего Иисуса**".

Заметь и скромность его: не обвинил их и не сказал тотчас: и ныне веруйте, – вот человек, сорок лет бывший хромым, встал о имени Иисуса Христа. Не сказал так, – потому что чрез это сделал бы их еще более упорными; но сначала хвалит их за то, что они дивились случившемуся. И опять дает им название от (имени) предка. И не говорит: Иисус исцелил хромого, – хотя, действительно, Он исцелил его. А чтобы не говорили: как это возможно, чтобы (Бог) прославлял законопреступника? – для этого напоминает им о суде пред Пилатом, показывая, что, если бы они захотели быть внимательными, то (узнали бы, что) Он – не законопреступник: иначе Пилат не пожелал бы освободить Его. И не сказал: когда тот хотел, но: "**просили даровать вам человека убийцу**", – т.е. вы просили отпустить того, кто убивал других, а Того, который оживотворяет убитых, – не захотели. А чтобы они еще не сказали: как теперь прославляет Его Тот, Кто тогда не помог Ему? – приводит пророков, свидетельствующих, что тому надлежало быть. Затем, чтобы они не подумали, что оправданием для них служит определение Божие, – прежде всего упрекает их. Да и то, что они отреклись (от Христа) пред лицом Пилата, когда тот хотел освободить Его, не было делом случайным. Вам невозможно отречься от этого, потому что вас обвиняет тот, кого вы испросили вместо Его. Таким образом и в этом было великое смотрение (Божие). Здесь (апостол) показывает их бесстыдство и наглость, так как язычник, который, притом, видел Его тогда лишь в первый раз, освобождал Его, хотя ничего великого о Нем не слышал; а они, воспитанные среди чудес, поступили напротив. А что он по справедливости решил освободить Его, а не по милости делал это, – послушай, что говорит он в другом месте: "**есть же у вас обычай, чтобы я одного отпускал вам на Пасху; хотите ли, отпущу вам Царя Иудейского?**" (Ин.18:39; Мф.27:15) "**Но вы от Святого и Праведного отреклись**". Не сказал: предали, но везде – "**отреклись**". И справедливо, потому что так и говорили они: "**нет у нас царя, кроме кесаря**" (Ин.19: 15). И не сказал: вы не просили невинного; не (сказал) только: "**отреклись**", но и – "**убили**". Пока они были в ослеплении, он не сказал им ничего такого; а когда души их были в особенности потрясены и когда они могли уже чувствовать, тогда поражает их с большою силою. Как мы людям пьяным не говорим ничего, а когда они отрезвятся и очнутся от опьянения, тогда укоряем их, так точно и Петр. Когда они могли понимать его слова, тогда уже он изощряет язык и исчисляет многие их преступления, именно, что они предали Того, Кого Бог прославил, что от Того, Которого Пилат освобождал, они отреклись пред лицом его, (Христу) предпочли разбойника.

3. Смотри опять, как прикровенно говорит об Его силе, показывая, что Он сам Себя воздвиг (из мертвых). Как в прежней проповеди говорил: "**потому что ей невозможно было удержать Его**" (Деян.2:24), так и здесь говорит: "**Начальника жизни убили**". Следовательно, не от другого лица Он получил жизнь. Как начальником злобы должен

быть тот, кто родил злобу, а начальником человекоубийства – тот, кто первый ввел последнее, так точно и начальник жизни – Тот, Кто имеет жизнь от самого Себя. "**Сего**", говорит, "**Бог воскресил**".

Сказав это, присовокупил: "**и ради веры во имя Его, имя Его укрепило сего, которого вы видите и знаете, и вера, которая от Него, даровала ему исцеление**". Но, если все сделала вера в Него, потому что (хромой) уверовал в Него, то отчего (апостол) не сказал: именем, но: "**во имя**"? Оттого, что еще не осмеливались сказать: вера в Него. А чтобы выражение: "**и ради веры**" не было унизительно, он присоединил: "**и ради веры во имя Его**". И сначала сказав это, он затем говорит: "**и вера, которая от Него, даровала ему исцеление**". Смотри, как он показывает, что и те слова сказал по снисхождению к ним. Действительно, чье имя воздвигло хромого, ничем не отличного от мертвого, Тот не имел нужды в другом для своего воскресения. Заметь, как везде указывает на их свидетельство. Так выше говорил: "**как и сами знаете**"; и: "**среди вас**" (Деян.2:22); и опять: "**которого вы видите и знаете, сие перед всеми вами**" (3:16). Хотя они не знали, что (хромой) стоит здрав о имени Христа, но знали то, что он был хром. Да и сами сделавшие это исповедовали, что он укрепился не их силою, но Христовою. А если бы это было не так и если бы они не были действительно уверены в том, что (Христос) воскрес, то не захотели бы славу мертвого поставить выше своей, и особенно тогда, когда иудеи смотрели на них (как на виновников чуда). Затем апостол тотчас успокоил устрашенные их души, назвав их братьями и сказав: "**мужи братия!**" Там он ничего не говорил о себе, но только о Христе: "**твердо знай, весь дом Израилев**" (Деян.2:36); здесь же предлагает и увещание. Там ожидал, что иудеи скажут, а здесь, когда уже так многое (апостолы) сделали, – знал, что они были способнее к принятию слов его. Без сомнения, и то, что сказано выше, происходило не от неведения. Ведь они просили о разбойнике, не приняли Того, Кого (Пилат) решил освободить, захотели даже убить Его: какое же тут неведение? Но, несмотря на все это, он дает им возможность отречься и раскаяться в том, что они сделали, даже представляет за них и благовидное оправдание и говорит: что вы убили невинного, это вы знали, а что (убили) Начальника жизни, – этого, может быть, не знали. И таким образом не их только оправдывает от преступлений, но и главных виновников зла. А если бы он обратил речь в обвинение, он сделал бы их более упорными. Ведь когда обвиняют кого-нибудь, совершившего что-либо ужасное, то он, пытаясь оправдываться, становится упрямее. И не говорит уже: вы распяли, убили, но: "**сделали**", чем ведет их к прощению. Если те (сделали) по неведению, то тем более эти; если тем прощается, то гораздо скорее этим. Но удивительно, что он, сказав и выше, и здесь, – там: "**по определенному совету и предведению**", а здесь: "**предназначенного вам Иисуса Христа**", – нигде не приводит свидетельства, потому что каждое из последних вместе с сильными обвинениями возвещает и о наказании преступников. "Ему", сказано, "**назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого**" (Ис.53:9). И опять: "**как**", говорит, "**предвозвестил устами всех Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил**". Этим показывает важность определения, так как все говорили это, а не один только. Значит, хотя это сделано по неведению, но совершилось не против воли Божией.

Смотри, какова премудрость Божия, когда и злодеяния других направляет к тому, чему следует быть! "**Исполнил**". Чтобы не подумали, что еще остается что-нибудь, он присовокупил это (слово), показывая, что совершилось все, что (Христу) надлежало претерпеть. Но не подумайте, что вам для оправдания достаточно того, что об этом сказали пророки, и что вы сделали это по неведению. Впрочем, он говорит не так, а с большею кротостью: "**итак покайтесь**". Для чего? – "**чтобы загладились грехи ваши**". Не говорю о том, на что вы дерзнули при кресте, – то было, может быть, по неведению; но – да очистятся другие ваши грехи. Потом прибавляет: "**да придут времена отрады**". Здесь прикровенно беседует о воскресении, так как то, поистине, времена отрады,

которых желал и Павел, когда говорил: "**ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем**" (2Кор.5:4). Затем, показывая, что Христос – виновник времен отрады, говорит: "**и да пошлет Он предназначенного вам Иисуса Христа**". Не сказал: загладится грех ваш, но: "**грехи**", намекая и на тот (грех). "**И да пошлет**". Сказав это, он не говорит, откуда (пошлет), но только прибавляет: "**Которого небо должно было принять**". Еще только "**принять**". Отчего же он не сказал: которого небо приняло? Это потому, что он, беседуя, сказал как бы о временах древних: так, говорит, было определено, так было положено. О вечном же бытии Его еще не говорит, но останавливается на домостроительстве нашего спасения и говорит: "**Моисей сказал отцам: Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка**". Таким образом сначала сказал: "**до времен совершения всего, что говорил Бог устами всех святых Своих пророков от века**", – и затем, наконец, вводит самого Христа. Ведь, если Он многое предсказал и Его надобно слушать, то не погрешит тот, кто скажет, что это сказали пророки.

4. С другой стороны (апостол) желает показать, что то же самое предсказали и пророки. И если кто тщательно вникнет, тот найдет, что и в ветхом (завете) сказано об этом, хотя не ясно, так что в этом нет ничего особенно нового. "**Предназначенного**". Этим и устрашает их, так как многому остается еще быть. Как же он говорил: "**исполнил**" то, что надлежало (Христу) претерпеть? Сказал: "**исполнил**", а не: исполнилось, – показывая, что (Бог) исполнил то, что надлежало (Христу) претерпеть, но еще не исполнил того, чему следует быть потом. "**Господь Бог ваш воздвигнет вам из братьев ваших Пророка, как меня**". Говорит то, что особенно привлекало их. Видишь ли, как он вместе сеет и низкое, и высокое? В самом деле, и низко и высоко, – если имеющий взойти на небеса подобен Моисею; впрочем, в то время это и было (делом) великим. Ведь к Моисею не идут уже эти слова: "**и будет, что всякая душа**", кто не послушает, "**истребится**". Да он сказал весьма многое и другое, из чего видно, что (Христос) не подобен Моисею. Таким образом он коснулся великого свидетельства. "**Бог**", говорит, "**воздвигнет**" Его "**из братьев ваших**". И сам Моисей грозил тем, которые не слушали его. Все это имело силу привлекать их. "**И все**", говорить, "**пророки, от Самуила**". Не захотел выводить каждого (пророка) отдельно, чтобы не сделать речи слишком длинною; но, упомянув о важнейшем свидетельстве Моисеевом, опустил свидетельства прочих. "**Вы сыны**", говорит, "**пророков и завета, который завещевал Бог**". Вы, говорит, сыны, то есть, наследники завета. Чтобы они не подумали, что получают это по милости Петра, – показывает, что это издревле должно было принадлежать им, чтобы они лучше поверили, что это угодно и Богу. "**К вам первым**", говорит, "**Бог, воскресив Сына Своего Иисуса, послал**". Не просто сказал: к вам послал Отрока Своего, но именно: по воскресении, после того, как Он был распят. Чтобы не думали, что Сын даровал это, а Отец – нет, для этого присовокупил: "**благословить вас**". Если Он брат ваш и благословляет вас, то это и есть обещание, т.е., вы не только имеете участие в этих (благах), но Он хочет, чтобы и для остальных вы стали их виновниками. Итак, не считайте себя отринутыми и отверженными. "**Отвращая каждого**", говорить, "**от злых дел ваших**". Вот в каком случае Он благословляет вас, а не просто. Какое же тут благословение? – Великое. Обращения от грехов недостаточно и для того, чтобы разрешить их. Если же этого недостаточно было и для разрешения (грехов), то как могло это дать благословение? Ведь кто поступил несправедливо, тот получает прощение в своих грехах, но еще не благословляется. А выражение: "**как меня**", если не принять его в смысле законоположения, ни в каком другом значении не будет иметь основания. Того, говорит, "**слушайтесь**". И не просто, но как? "**И будет, что всякая душа, которая не послушает Пророка того, истребится из народа**". Когда показал, что они согрешили, когда даровал им прощение и обещал блага, тогда показывает, что и Моисей говорит то же. Но что за последовательность – сказать: "**до времен совершения всего**", и затем приводит Моисея,

который заповедует слушать все, что скажет Христос, – и притом не просто, но с страшною угрозою? (Последовательность) строгая. Апостол показывает, что и поэтому они должны повиноваться Христу. Что значит: "**сыны пророков и завета**"? Значит – наследники, преемники. Итак, если вы сыны, то зачем вы к своему относитесь, как к чужому? Конечно, вы совершили достойное осуждения; но, несмотря на это, вы можете получить прощение. Сказав таким образом, он вслед за тем справедливо уже говорит: "**к вам первым послал Его благословить вас**". Не сказал: спасающего, но – что важнее – "**благословить**", показывая, что Распятый благословляет распявших. Будем же и мы подражать Ему! Отвергнем от себя убийственное и враждебное расположение души. Не достаточно не мстить (это было и в Ветхом Завете); но будем делать все для обидевших нас, как для искренних друзей, как бы для себя самих. Мы – подражатели, мы – ученики Того, Который по распятии употребляет все меры для (спасения) распявших и посылает (к ним) апостолов. Да притом, мы часто страдаем и справедливо, а Его (подвергли страданиям) не только несправедливо, но и нечестиво: иудеи распяли благодетеля, Того, Кто ничем (их) не обидел. За что? – скажи мне. Из-за славы ли? Но Он выставлял их достойными уважения. Каким образом? "**На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают**" (Мф.23:2,3). И опять в другом месте: "**пойди, покажи себя священнику**" (Мф.8:4). В то время, как мог погубить их, Он спасает. Станем же подражать Ему, и пусть никто не будет чьим-либо врагом, никто – неприятелем, разве только – диавольским.

5. Не мало способствует этому и то, если мы не клянемся и не гневаемся. Когда мы не будем гневаться, – не будем иметь и врага. Отними у человека клятву, – и ты отнял крылья у гнева, погасил всю ярость. Клятва – это как бы ветер для гнева. Распусти паруса: парус ни к чему не служит, когда нет ветра. Итак, если мы не будем кричать и клясться, – мы отнимем всю силу у гнева. Если же вы не верите этому, то сделайте опыт, и тогда узнаете, что это действительно так. Положи гневливому закон никогда не клясться, и тебе не будет нужды говорить ему о кротости. В этом случае все будет успешно: вы не станете нарушать клятв, да и совсем не будете клясться. Не знаете ли, в какие несообразности впадаете вы от этого? Вы сами на себя налагаете узы и (сами же) всеми средствами стараетесь о том, чтобы освободить от них свою душу, как будто бы это было какое-либо неизбежное зло. Но так как вы не можете (сделать этого), то уже по необходимости проводите жизнь в скорби и распрях и предаетесь гневу. А между тем, все это бывает без нужды и напрасно. Итак, грози, предписывай, делай все – без клятвы. Тогда можно, если хочешь, отменить и сказанное, и сделанное. Вот сегодня (мне) необходимо беседовать с вами более кротко. Так как вы послушались (слов моих), то и сделались гораздо лучше. Итак, скажем, если угодно, отчего появилась клятва и для чего она допущена. Рассказав о первоначальном ее происхождении, о том, когда она возникла, и как, и от кого, мы этим рассказом возблагодарим вас за послушание. Тому, кто поступает, как должно, необходимо и любомудрствовать; а кто еще не (таков), тот недостоин и слушать (наше) слово. Авраам и бывшие с ним заключили много договоров, заклали жертвы, сделали приношения, а клятвы еще не было. Откуда же явилась клятва? Когда умножились беззакония, когда все пришло в крайний беспорядок, когда (люди) склонились к идолослужению, вот тогда-то, – тогда, когда они уже оказались недостойными веры, стали призывать Бога в свидетели, представляя как бы верного поручителя в том, что говорили. Ведь клятва в этом и состоит, – в поручительстве, – потому что уже не доверяют честности. Следовательно, она, прежде всего, служит обвинением тому, кто клянется, если ему не верят без поручителя и, притом, без поручителя великого, потому что от великого недоверия происходит то, что требуют в свидетели не человека, но Бога. Во-вторых, столько же виновен бывает и тот, кто принимает клятву, если он, споря об условиях, влечет Бога в поручительство и говорит, что не поверит, если не будет иметь

Его (поручительства). Какая чрезвычайная бесчувственность! Какое поругание! Ты – червь, земля, пепел и дым, влечешь к поручительству Владыку своего и принуждаешь Его быть (поручителем). Скажи мне: если бы в то время, как ваши слуги спорят между собою и не доверяют друг другу, один из рабов сказал, что он не поверит до тех пор, пока не будет иметь поручителем общего господина, то не получил бы он тысячи ударов и не узнал ли бы, что господином надобно пользоваться для других дел, а не для этого? Что я говорю о рабе (и господине)? Если бы даже он избрал (и другого) почтенного человека, то не счел ли бы тот такой выбор позором для себя? Но я, скажешь, не хочу. Прекрасно! В таком случае не принуждай и Бога, когда и между людьми бывает так, что, если кто скажет: я представлю такого-то в поручители, ты не берешь на себя (этого поручительства). Что же, скажешь, ужели мне потерять то, что я дал? Не говорю этого; но (утверждаю), что ты оскорбляешь Бога. Поэтому-то принуждающий (к клятве) еще неизбежнее, чем тот, кто клянется, подвергнется наказанию, равно как и тот, кто клянется, когда никто не требует. И, – что особенно тягостно, – каждый клянется из-за одного овола, из-за малой выгоды, из-за несправедливости. Это (я говорю о тех случаях), когда не будет клятвопреступления; если же последует клятвопреступление, то все окажется в крайнем беспорядке, и виною всего будет и тот, кто принял, и тот, кто дал (клятву). Но иногда бывает, скажешь, нечто неизвестное? А ты предусматривай это и не делай ничего легкомысленно; если же делаешь что-либо легкомысленно, то сам с себя и взыскивай за вред. Лучше так потерпеть вред, чем как-нибудь иначе. Скажи мне, когда ты требуешь от человека клятвы, – чего ты ожидаешь? Того ли, что он нарушит клятву? Но это крайнее безумие, потому что наказание обратится на твою голову. Лучше тебе потерять деньги, чем тому погибнуть. Для чего делаешь это во вред себе и в оскорбление Бога? Это свойственно душе зверской и человеку нечестивому. Но я (скажешь) надеюсь, что он не нарушит клятвы? В таком случае поверь ему и без клятвы Но многие, скажешь, без клятвы решались на обман, а после клятвы – нет. Обманываешься, человек! Кто привык красть и обижать ближнего, часто решается попрать и клятву. Кто благоговеет пред клятвою, тот тем более побоится нанести обиду. Но он сделает это по неволе? В таком случае он достоин прощения. Но что я говорю об этих клятвах, оставляя клятвы, (бывающие) на рынке? Там ты не можешь сказать ничего подобного, потому что из-за десяти оволов бывают клятвы и клятвопреступления. Так как не падает с неба молния, так как не все ниспровергается, то ты стоишь и держишь (при себе) Бога. Для чего же? Чтобы получить несколько огородной зелени, чтобы (взять) башмаки. Из-за нескольких серебряных монет ты призываешь Его во свидетельство. Но если мы не подвергаемся наказанию, то не будем думать, что и не грешим. Это происходит от человеколюбия Божия, а не от нашей добродетели. Клянись своим сыном, клянись самим собою; скажи: пусть палач приступит к бокам моим. Но ты (этого) боишься. Так ужели Бог бесчестнее боков твоих? Ужели Он ничтожнее головы твоей? Скажи: пусть я ослепну! Но Христос так щадит нас, что запрещает нам клясться даже и собственною головою; а мы до того не щадим славы Божией, что всюду привлекаем Его. Разве не знаете, что такое – Бог и какими устами надобно призывать Его? Рассуждая о каком-нибудь добродетельном человеке, мы говорим: умой уста твои и тогда вспоминай о нем; а между тем, имя досточтимое, которое выше всякого имени, – имя, чудное по всей земле, слыша которое, трепещут демоны, – мы всюду произносим безрассудно.

6. О, привычка! От нее-то произошло то, что (это имя) пренебрегается. Ведь, если бы ты заставил кого-нибудь поклясться святым домом, – ты, без сомнения, считал бы это за страшную клятву. А отчего это кажется столь страшным, как не оттого, что ту (клятву) мы употребляем без разбора, а эту – нет? Иначе не следовало ли содрогаться, при произнесении имени Божия? У иудеев это имя было столь священно, что его писали на дощечках, и никому не позволялось носить эти буквы, кроме одного только первосвященника; а мы теперь везде произносим это имя, как обыкновенное. Если и

просто называть Бога не всем дозволено, то, скажи мне, какая дерзость, какое безумие – призывать Его во свидетельство? Ведь, если бы и все надлежало бросить, – не следовало ли бы охотно согласиться на то? Вот я говорю и настоятельно требую: оставьте эти клятвы, бывающие на площади, а всех, которые не слушаются, приведите ко мне. Вот, в вашем присутствии, я заповедую тем, которые отделены на служение молитвенным домам, внушаю им и объявляю, что никому не дозволяется клясться безрассудно, а лучше сказать – и как бы то ни было. Итак, ведите ко мне (клянущегося), кто бы он ни был, – потому что и это должно доходить до нас, как будто бы вы были малые дети. Но не дай Бог, чтобы это случилось! Стыдно, если вы еще имеете нужду чему-нибудь учиться. Осмелишься ли ты, не будучи посвящен в тайны, прикоснуться к священной трапезе? Но, что еще хуже, – ты, посвященный в тайны, дерзаешь прикасаться к священной трапезе, которой и не всем священникам позволено касаться, – и таким образом клянешься! Ты не коснешься, по выходе (из дома), и головы дитяти, а касаешься трапезы, – и не трепещешь, и не боишься? Веди ко мне таких (людей)! Я произведу суд и отпущу обоих с радостью. Делайте, что хотите: я полагаю закон – отнюдь не клясться. Какая надежда спасения, когда мы все так унижаем? Ужели для того записи, для того обязательства, чтобы ты принес им в жертву свою душу? Приобретаешь ли ты столько же, сколько теряешь? Нарушишь ли клятву (тот, кого ты обязал ею)? Ты погубил и его, и себя. Не нарушил? И в этом случае ты погубил его, принудив его преступить заповедь. Удалим от души эту болезнь. Прежде всего будем гнать ее с рынка, из лавок и из всех прочих торговых заведений. Нам будет от этого больше прибыли. Не подумайте, что от нарушения божественных законов житейские дела идут лучше. Но мне, скажешь, не верят? Действительно, мне случалось иногда слышать от некоторых и это, что если я не произнесу тысячи клятв, то мне не верят. Ты сам причиной этому, потому что легкомысленно клянешься. А если бы этого не было и если бы всем было известно, что ты не клянешься, то поверь словам моим, что ты сделал бы только знак, и тебе поверили бы больше, чем тем, которые употребляют тысячи клятв. Вот, скажи мне, кому вы больше верите: мне ли, хотя я не клянусь, или тем, которые клянутся? Но ты, – скажете вы, – начальник и епископ? Что же, если я докажу, что не поэтому только (верите мне)? Отвечайте мне со всею искренностью, прошу вас: если бы я часто и всегда клялся, помогло ли бы мое начальственное положение? Отнюдь нет. Видишь ли, что не поэтому (верите мне)? Да и какую, скажи мне, приобретаешь ты, наконец, выгоду? Павел терпел голод; решись и ты лучше терпеть голод, чем преступить какую-либо из заповедей Божиих. Отчего ты так неверен? Ужели тогда, как ты решишься все сделать и претерпеть для того, чтобы не клясться, – Бог не вознаградит тебя? Ведь Он каждый день питает клятвопреступников и (людей) часто клянущихся: ужели предаст голоду тебя за то, что ты послушал Его? Пусть все знают, что из собирающихся в эту церковь никто не клянется! Пусть мы будем известны и этим, а не верою только! Пусть будет это нашим отличием от язычников и от всех (людей)! Пусть примем печать с небес, чтобы нам везде являться как бы царским стадом! Пусть тотчас же узнают нас, как варваров, по речам и языку, и пусть отличаемся этим от варваров, подобно знающим по-гречески! Скажи мне: по чему узнают так называемых попугаев? Не по тому ли, что они говорят по-человечески? Так пусть же и нас узнают по тому, что мы говорим, как апостолы, говорим, как ангелы. Если кто скажет: поклянись, то пусть услышит, что Христос заповедал не клясться, и я не клянусь. Этого довольно, чтобы ввести всякую добродетель. Это – некоторая дверь к благочестию, путь, ведущий к благоговейному любомудрию, это – некоторого рода училище. Будем соблюдать это, чтобы сподобиться и настоящих и будущих благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 10

"Когда они говорили к народу, к ним приступили священники и начальники стражи при храме и саддукеи" (Деян.4:1).

1. Еще не отдохнули (апостолы) от прежних искушений, а уже тотчас впали в другие. И смотри, как это устрояется. Сначала они были осмеяны все вместе: это – не малое искушение; а потом сами верховные впадают в опасности. Но эти два (события) произошли не сряду одно за другим и не просто; а сначала (апостолы) прославились в речах, потом сделали великое чудо, и затем уже, по допущению Божию, с дерзновением вступают в борьбу. Ты же заметь, прошу тебя, как те, которые при Христе искали предателя, теперь уже сами налагают руки, сделавшись после креста более дерзкими и более бесстыдными. Так-то грех, пока только еще рождается, бывает несколько стыдлив; но когда совершится, тогда делает бесстыднейшими тех, которые совершают его. Но для чего же приходит и воевода? Ведь сказано: "**к ним приступили священники и начальники стражи при храме**". Для того, чтобы опять представить государственным преступлением то, что происходило, и наказать за это, не как за (дело) частное: так везде они стараются поступать. "**Досадуя на то, что они учат народ**" (ст. 2). Они досадовали не только на то, что (апостолы) учили, но и на то, что говорили, что (Христос) не только сам воскрес, но что и мы воскреснем чрез Него. "**Досадуя на то, что они учат народ**", сказано, "**и проповедуют в Иисусе воскресение из мертвых**" (ст. 2). Воскресение Его было так действенно, что и для других Он соделался виновником воскресения. "**И наложили на них руки и отдали их под стражу до утра; ибо уже был вечер**" (ст. 3). О, бесстыдство! Еще прежней кровью были исполнены их руки, а они тем не удовольствовались, но снова наложили их, чтобы обагрить другою кровью. Или, может быть, они и боялись, так как учеников было уже много, и поэтому явился вместе с ними воевода: "**ибо уже**", сказано, "**был вечер**". Итак, они это делали и стерегли (апостолов), желая ослабить их, а апостолам эта отсрочка времени придавала более смелости. И смотри, кто подвергается задержанию: это – верховные из апостолов, которые таким образом и для прочих послужили указанием, чтобы они впредь не искали друг друга и не домогались быть вместе. "**Многие же из слушавших слово уверовали; и было число таковых людей около пяти тысяч**" (ст. 4).

Что это значит? Разве они видели (апостолов) в славе? Не видели ль, напротив, что их связали? Как же уверовали? Видишь ли явную силу (Божию)? Ведь и тем, которые уже уверовали, надлежало бы сделаться (от этого) немощнее, но они не сделались. Речь Петра глубоко бросила семена и тронула их душу. А те (священники и саддукеи) гневались потому, что нисколько не убоялись их и за ничто считали настоящие бедствия. Если Распятый, говорили они, делает такие (чудеса) и если Он воздвиг хромого, то мы не боимся и их. Итак, и это было делом Промысла Божия. Поэтому уверовавших было теперь больше, чем прежде. Вот этого (священники с саддукеями) и боялись, и потому-то в их глазах и связали апостолов, чтобы и на них навести больший страх; но случилось совсем не то, чего они хотели. Поэтому-то они и допрашивают и апостолов не при них, но отдельно, чтобы слушатели не получили пользы от их дерзновения. "**На другой день собрались в Иерусалим начальники их и старейшины, и книжники, и Анна первосвященник, и Каиафа, и Иоанн, и Александр, и прочие из рода первосвященнического**" (ст. 5-6). Опять сходятся вместе, – а в числе прочих зол было и то, что уже не соблюдались постановления закона. Опять придают собранию вид суда, чтобы обвинить их неправедным судом. "**И, поставив их посреди, спрашивали: какою силою или каким именем вы сделали это?**" (ст. 7) Но они уж знали (это), потому что досадовали, как сказано, на то, что (апостолы) проповедуют в Иисусе воскресение. Поэтому-то именно они и задержали их. Для чего же спрашивают? Они ожидали, что (апостолы), убоясь множества, отрекутся, и думали, что этим все исправят. И заметь, что они говорят: "**каким именем вы сделали это? Тогда Петр, исполнившись Духа**

Святаго, сказал им" (ст. 8). Припомни же теперь слова Христовы и то, как сбылось, что Он говорил: "**когда же приведут вас в синагоги, к начальствам и властям, не заботьтесь, как или что отвечать, или что говорить, ибо Святый Дух научит вас в тот час, что должно говорить**" (Лк.12:11,12; ср. Мф.10:19). Следовательно, они уже пользовались великим содействием Божиим. Что же именно говорит (Петр), – послушай. "**Начальники народа и старейшины Израильские!**" (ст. 8). Заметь любомудрие мужа: будучи исполнен дерзновения, он не произносит ничего оскорбительного, но говорит почтительно: "**начальники народа и старейшины Израильские! Если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному, как он исцелен, то да будет известно всем вам и всему народу Израильскому**" (ст. 8-10). С великим мужеством напал на них с самого начала и уязвил их; а притом и напомнил им о прежнем, так как они судят их за благодеяние. Он как бы так говорил: за это, конечно, всего более надлежало бы увенчать нас и провозгласить благодетелями, а между тем нас судят за благодеяние человеку немощному, небогатому, немогущественному и неславному. Кто мог бы позавидовать (нам) в этом?

2. Много тягостного заключаюсь в себе слова (Петра); но из них видно, что иудеи сами навязывались на зло. "**Что именем Иисуса Христа Назорея**" (ст. 10). Что особенно опечалило их, то (апостол) и прибавляет. Вот это именно и значили слова Христовы: "**и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях**" (Мф.10:27). "**Что именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он перед вами здрав**" (ст. 10). Не подумайте, говорит, что мы скрываем Его отечество или страдание. "**Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он перед вами здрав**". Опять – страдание, опять – воскресение. "**Он есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сделавшийся главою угла**" (ст. 11). Напомнил им и о слове, которого достаточно было, чтоб устрашить их, так как сказано: "**и тот, кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит**" (Мф.21:44). "**И нет ни в ком ином спасения**" (ст. 11). Какие, думаешь, раны получили они от этих слов? "**Ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись**" (ст. 12). Здесь возвещается и (нечто) возвышенное. Когда не было нужды чего-либо достигнуть, а надлежало только показать дерзновение, тогда (апостол) не щадит, потому что не боялся поразить их. И не сказал просто: чрез другого, но: "**и нет ни в ком ином спасения**", – этим показывая, что Он может спасти нас, а в то же время желая и устрашить их. "**Видя смелость Петра и Иоанна и приметив, что они люди некнижные и простые, они удивлялись, между тем узнавали их, что они были с Иисусом**" (ст. 13). Но каким же, скажешь, образом люди неученые победили красноречием и их, и первосвященников? Это – потому, что не они говорили, а чрез них – благодать Духа. "**Видя же исцеленного человека, стоящего с ними, ничего не могли сказать вопреки**" (ст. 14). Велика смелость этого человека, как видно из того, что он не оставил апостолов в самом суде. Следовательно, если бы они сказали, что (дело) не так было, он обличил бы их.

"**И, приказав им выйти вон из синедриона, рассуждали между собою, говоря: что нам делать с этими людьми?**" (ст. 15-16) Видишь, как они недоумевают и как опять все делают по страху человеческому. Как при Христе они не могли ни опровергнуть, ни скрыть событий, а, напротив, от их противодействия вера еще более возрастала, – так точно и теперь. "**Что нам делать с этими людьми?**" Какое безумие, если они думали устрашить тех, которые уже вкусили подвигов, особенно же, если они, не будучи в состоянии ничего (сделать) сначала, надеялись сделать что-либо после такого красноречия! Чем больше они хотели препятствовать, тем дела шли вперед успешнее. "**Ибо всем, живущим в Иерусалиме, известно, что ими сделано явное чудо, и мы не можем отвергнуть сего; но, чтобы более не разгласилось это в народе, с угрозою**

запретим им, чтобы не говорили об имени сем никому из людей. И, призвав их, приказали им отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса" (ст. 16-18). Заметь и бесстыдство их, и любомудрие апостолов. "**Но Петр**", сказано, "**и Иоанн сказали им в ответ: судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали. Они же, пригрозив, отпустили их, не**

находя возможности наказать их, по причине народа" (ст. 19-21). Знамения заградили им уста, и они уже не позволили апостолам окончить слово, но весьма оскорбительно прервали их во время самой речи. "**Потому что все прославляли Бога за происшедшее. Ибо лет более сорока было тому человеку, над которым сделалось сие чудо исцеления**" (ст. 21, 22). Но посмотрим снова на то, что сказано выше. "**Что нам делать с этими людьми?**" Прежде они все делали для славы человеческой; а теперь присоединилась и другая (забота), именно о том, чтобы не сочли их убийцами, как после и говорили они: "**хотите навести на нас кровь Того Человека**" (Деян.5:28). "**Чтобы более не разгласилось это в народе, с угрозою запретим им, чтобы не говорили об имени сем никому из людей**". Какое безумие! Убежденные, что (Христос) воскрес, и имея в этом доказательство Его Божества, они надеялись своими кознями утаить Того, Кто не был удержан смертью. Что сравнится с этим безумием? И не удивляйся, что они опять замышляют дело несбыточное. Таково уж свойство злобы: она ни на что не смотрит, но всюду производит смятение. Будучи посрамляемы, они поступают так, как будто бы введены были в обман: так обыкновенно бывает с теми, которые, не достигнув чего-либо, подвергаются посмеянию. Но ведь (апостолы) для того везде и говорили, что Бог воздвиг (Иисуса) и что о имени Иисуса хромой стоит здоровым, чтобы показать, что Иисус воскрес. А с другой стороны, и сами они признавали воскресение: хотя в пустом и ребяческом виде, но все же – признавали; а теперь не верят и находятся в смущении, советуясь, что делать с апостолами. Да уже одно только то, что они говорили с такою смелостью, недостаточно ли было для убеждения – ничего не делать с ними? Почему ты не веришь, скажи мне, иудей? Ведь надлежало внимать происшедшему чуду и словам (апостолов), а не злобе толпы. Но почему же (иудеи) не предают их римлянам? Потому что уже были ненавистны для них тем, что сделали со Христом. Таким образом они больше вредили сами себе, откладывая их обвинение. Со Христом (было) не так; но схватив Его среди ночи, они тотчас же повели Его на суд и не откладывали, сильно боясь парода. А с апостолами не смели поступить так: не ведут их и к Пилату, боясь и опасаясь за прежнее, чтобы и за то не обвинили их. "**На другой день собрались в Иерусалим начальники их и старейшины, и книжники**".

3. Опять собрание в Иерусалиме и проливается там кровь. Не устыдились и города. (Тут были), сказано, Анна и Каиафа Петр не перенес (некогда) и вопроса служанки Каиафы и отрекся, тогда как другой был задержан; а теперь, явившись среди их, смотри, как говорит: "**если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному, как он исцелен, то да будет известно всем вам и всему народу Израильскому**". А они говорят: "**каким именем вы сделали это?**" Зачем же не называешь этого (имени), но скрываешь? "**Каким именем вы сделали это?**" Но ведь (Петр) говорил: не мы сделали это. Заметь благоразумие. Не сказал тотчас: мы сделали именем Иисуса, но как? "**Им поставлен он перед вами здрав**". Не говорит также: сделался здоров от нас. И опять: "**если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному**". Укоряет их, как людей, всегда осуждающих за благодеяния, и напоминает о прежнем, именно – что они стремятся к убийствам, и не только обнаруживают это, а еще и обвиняют за благодеяния. Видишь ли, как тяжки и слова (Петра)? (Апостолы) уже упражнялись в этом и стали, наконец, неустрашимы. Здесь (Петр) доказывает им, что они сами против воли проповедуют Христа, что они сами, судя и исследуя, распространяют учение (о Нем). "**Которого вы распяли**". О, какая смелость! "**Которого Бог воскресил из мертвых**". А

это – знак еще большего дерзновения. Слова его значат вот что: не подумайте, что мы скрываем (что-нибудь) позорное; нет, мы не только не скрываем, а напротив, говорим с дерзновением. Так говорит (апостол) и тем почти порицает их, и не просто, но и останавливается на этом, говоря: "**Он есть камень, пренебреженный вами зиждущими**". Затем, показывая, что они поступили так с камнем драгоценным, прибавляет: "**но сделавшийся главою угла**", то есть, камень по природе драгоценный и неподдельный, он пренебрежен вами. Так-то чудо сообщило им великую смелость. Но ты заметь, как они, когда надобно учить, приводят много пророчеств, а когда нужно говорить с дерзновением, представляют лишь свое мнение. "**Ибо нет**", говорит (апостол), "**другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись**", потому что всем людям, а не им одним, дано было это имя. И в свидетели этому он приводит их самих. Так как они говорили: "**каким именем вы сделали это?**" – то отвечает: "**именем Иисуса Христа Назорея**", – другого имени нет. Как же вы спрашиваете? Так это везде очевидно! "**Ибо нет**", говорит, "**другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись**". Это – слова души, презирающей настоящую жизнь, как это видно из той великой смелости, с какой они произносятся. Отсюда явно, что и в то время, когда говорил о Христе уничиженно, (говорил) не из боязни, но по снисхождению. А так как теперь было удобное время, то он говорит столь возвышенно, что этим самым устрашил даже и всех слушателей. Вот и другое доказательство, не меньшее прежнего. "**Узнавали их**", сказано, "**что они были с Иисусом**". Не без цели евангелист поместил эти слова, но – чтобы показать и то, где они были (с Иисусом), то есть, при страдании. Действительно, они одни только были тогда со Христом, и тогда их видели смиренными, униженными. Вот почему особенно и удивляла (священников) эта внезапная перемена; ведь и там были Анна и Каиафа с клевретами, и пред ними предстояли и апостолы. Теперь же они были изумлены их чрезвычайною смелостью, так как не словами только показывали, что не заботятся о том, что их судят за такие дела и что им угрожает крайняя опасность, но и видом, и голосом, и взором, и всем вообще выказывали пред народом смелость в то время, как говорили. А удивлялись (священники), может быть, потому, что (апостолы) были люди и неученые и простые, так как можно быть кому-либо неученым и, однако, не быть еще простым, или быть простым и, тем не менее, не неученым. Этим (писатель) показывает, что (в апостолах) соединилось то и другое. "**Удивлялись**", сказано. Из чего? Из того, что они говорили. Немного (Петр) произносит слов, но самым выражением и составом речи показывает смелость. И (священники) обвинили бы апостолов, если бы не было с ними этого человека (хромого). "**Узнавали их**", сказано, "**что они были с Иисусом**". Отсюда они приходили к убеждению, что научились этому от Иисуса и что они все делали, как Его ученики. И самое чудо и знамение издавало не мене громкий голос, чем голос апостолов: оно-то именно больше всего и заградило им уста. "**Судите**", говорят, "**справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?**". Когда страх уменьшился, – так как заповедать (не говорить о Иисусе) не что другое значило, как отпустить их, – тогда и говорят с большею кротостью: так они далеки были от дерзости. "**Мы не можем не говорить того, что видели и слышали**". Следовательно, они отреклись бы, если бы оно было не таково, если бы не было свидетельства многих. А оно, действительно, было известно всем. Но такова-то злоба, – дерзка и нагла! "**С угрозою запретим им**". Что вы говорите? Ужели вы надеетесь угрозою остановить проповедь? Так везде начальство трудно и неудобно! Вы убили Учителя и не остановили (проповеди), ужели же теперь своими угрозами надеетесь удержать нас от нее? Узы не заставили нас говорить с меньшим дерзновением, и вы ли заставите, когда мы считаем за ничто и угрозы ваши? "**Судите**", говорят, "**справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?**" Здесь вместо Христа именуют Бога. Видишь ли, как теперь сбылось то, что (Христос) сказал им: "**вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: не бойтесь же**" (Мф.10:16, 31)?

4. Затем опять подтверждают воскресение, присовокупив эти слова: "**мы не можем не говорить того, что видели и слышали**". Итак, мы – достоверные свидетели; а вы, присовокупляя угрозы к угрозам, напрасно опять грозите. Им, конечно, надлежало бы обратиться вследствие чуда, за которое народ прославлял Бога; а они грозят даже убийством: так они противились Богу! "**Они же, пригрозив, отпустили их**". Чрез это (апостолы) сделались более славными и более знаменитыми. "**Сила Моя**", сказано, "**совершается в немощи**" (2Кор.12:9); и это они уже засвидетельствовали, противостав всему. Что значит: "**мы не можем не говорить того, что видели и слышали**"? Это значит: если ложны наши слова, – обличи, а если истинны, то зачем препятствуешь? Таково-то любомудрие! Те в затруднении, а эти в радости; те исполнены великого стыда, а эти все делают с дерзновением; те в страхе, а эти безбоязненны. Кто в самом деле, скажи мне, боялся? Те ли, которые говорили: "**чтобы более не разгласилось это в народе**", или те, которые говорили: "**мы не можем не говорить того, что видели и слышали**"? Эти – и в удовольствии, и в дерзновении, и в величайшей радости; те – в печали, в стыде, в страхе, потому что боялись народа. Эти что хотели, то и сказали; а те не сделали того, чего хотели. Кто был в узах и опасностях? Не эти ли по преимуществу?

Итак, будем держаться добродетели! Пусть слова эти будут не для удовольствия только и какого-либо утешения! Здесь не театр, возлюбленный, не место играющих на цитре или представляющих трагедии, где плодом бывает только наслаждение, так что прошел день – и наслаждение исчезло. И пусть бы только было наслаждение и не было другого вреда вместе с наслаждением. Но, ведь, каждый идет оттуда домой, как из какого-нибудь зараженного места, усвоив себе многое из того, что бывает там. Так юноша, взяв оттуда некоторые звуки диавольских песней, какие только мог удержать в памяти, часто поет их дома, а старик, как более степенный, хотя не делает этого, но помнит все слова, какие там говорились. Отсюда же вы уходите ни с чем. Не стыдно ли это? Мы положили закон, или лучше – не мы положили, нет, так как сказано: не все учителя на земли (Мф.23:8-9), – Христос положил закон, чтобы никто не клялся. Что же, скажи мне, сделалось с этим законом? Я не перестану говорить об этом, "**когда опять приду**", по словам апостола, "**не пощажу**" (2Кор.13: 2). Подумали ли вы об этом? Позаботились ли? Было ли у вас какое-нибудь старание? Или мы опять должны говорить тоже? Впрочем, было ли или нет, мы опять станем говорить те же слова, чтобы вы имели о том попечение; а если вы уже позаботились, то – чтобы опять исполняли это постояннее, да и остальных склоняли к тому. Откуда же должно начать нам слово? Хотите ли – с ветхого завета? Но стыдно нам, что мы не соблюдаем даже того, что в ветхом завете и что надлежало бы нам превзойти. Ведь нам следовало бы слушать не об этом, – это предписания иудейской бедности, – а о (заповедях) совершенных, как например: брось деньги, стой мужественно, отдай душу за проповедь, смейся над всем земным, пусть не будет у тебя ничего общего с настоящей жизнью. Если кто обидит тебя, – окажи ему благодеяние; если обманет, – заплати благословением; если будет поносить, – окажи почтение. Будь выше всего. Вот о чем и о подобном нам следовало бы слушать.

А мы теперь говорим о клятве! Это то же, как если бы кто человека, который должен любомудрствовать, отвлек от учителей мудрости и заставил его читать еще по складам и (разбирать) буквы. Подумай, какой стыд для человека, имеющего длинную бороду, носящего палку и плащ, идти вместе с детьми к учителям и учиться тому же, чему они учатся! Не крайне ли смешно это? Но мы еще смешнее, потому что не столько различия между философией и азбукой, сколько между иудейским образом жизни и нашим: (здесь столько различия), сколько между ангелами и людьми. Скажи мне: если бы кто низвел ангела с неба и велел ему стоять здесь и слушать наши слова, как будто бы ему необходимо было поучаться в них, – не стыдно ли и не смешно ли было бы это? Если же смешно только еще учиться этому, то, скажи мне, какое осуждение, какой стыд – даже не

внимать этому? И в самом деле, как не стыдно, что христиане только еще учатся тому, что не должно клясться! Подчинимся, однако, этой необходимости, чтобы не подвергнуться еще большему стыду. Так станем же сегодня говорить вам из ветхого завета. Что же говорит он? – "**Не приучай уст твоих к клятве и не обращай в привычку употреблять в клятве имя Святаго**" (Сир.23:8-9). Почему? "**Ибо, как раб, постоянно подвергающийся наказанию, не избавляется от ран, так и клянущийся непрестанно именем Святаго не очистится от греха**" (Сир.23:10).

5. Заметь благоразумие этого мудреца. Не сказал: **не приучай к клятве** мысли своей, но: "**уст твоих**"; он знал, что все зависит от уст и легко исправляется. Это, наконец, обращается в невольную привычку, подобно тому, как многие, входя в бани, вместе с тем, как переступают дверь, кладут на себе (крестное) знамение. Это обыкновенно делает рука по привычке, когда даже никто не приказывает. Опять, и при возжжении светильника, часто рука творит знамение, между тем как мысль обращена на что-нибудь другое. Так точно и уста говорят не от души, но по привычке, и все заключается в языке. "**В клятве**", сказано, "**не обращай в привычку употреблять имя Святаго**". "**Как раб, постоянно подвергающийся наказанию, не избавляется от ран, так и клянущийся непрестанно именем Святаго не очистится от греха**". Не клятвопреступление осуждается здесь, но клятва, и за нее полагается наказание. Следовательно, клясться – грех. Такова, поистине, душа (клянущегося): много на ней ран, много язв. Но ты не видишь? В том-то и беда! Между тем, ты мог бы видеть, если бы захотел, потому что Бог дал тебе глаза. Такими глазами смотрел пророк, когда говорил: "**воссмердели и согнили раны мои от безумия моего**" (Пс.37:6). Мы презрели Бога, возненавидели благое имя, попрали Христа, оставили стыд, – никто не вспоминает с уважением имени Божия. Ведь, если ты кого любишь, ты встаешь и при его имени; а Бога часто призываешь так, как бы Он был ничто. Призови Его, когда благотворишь врагу; призови Его для спасения своей души. Тогда Он приблизится к тебе, тогда ты возвеселишь Его, а теперь ты прогневляешь Его. Призови Его, как призвал Стефан. Что говорил он? "**Господи! не вмени им греха сего**" (Деян.7:60). Призови Его, как призвала жена Елканова, со слезами, с плачем, с молитвою. Этого я не запрещаю, напротив, к этому особенно побуждаю. Призови Его, как призвал Моисей, когда взывал, молясь за тех, которые гнали его. Ведь, если бы ты безрассудно стал упоминать о каком-нибудь почтенном человеке, это было бы поношением; а упоминал в своих речах о Боге не только безрассудно, но и неуместно, считаешь это за ничто? Какого же был бы ты не достоин наказания? Я не запрещаю иметь Бога непрестанно в мыслях, – напротив, об этом и прошу и этого желаю, но не против воли Его, а для того, чтобы хвалить и почитать Его. Это доставило бы нам великие блага, если бы мы призывали Его только тогда, когда нужно, и в тех обстоятельствах, в каких нужно. Почему, скажи мне, при апостолах было столько чудес, а в наше время их нет, хотя Бог Тот же и имя то же? Это потому, что оно не одинаково (употребляется нами). Каким образом? Так, что они призывали Его только в тех случаях, о которых я сказал, а мы призываем не в этих, а в других. Если же тебе не верят, и ты поэтому клянешься, то говори: поверь, и даже, если хочешь, поклянись самим собою. Я говорю это не потому, чтобы хотел давать законы противные закону Христову, – отнюдь нет: сказано: "**да будет слово ваше: да, да; нет, нет**" (Мф.5:37); но по снисхождению к вам, чтобы больше побудить вас к этому и отвлечь от той ужасной привычки. Сколько людей, снискавших себе славу в прочих делах, погибло от этой привычки? Хотите ли узнать, почему древним позволялось клясться (нарушать клятву ведь и им было не дозволено)? Это потому, что они клялись идолами. Не стыдно ли вам оставаться при тех же законах, какими водились люди немощные? Ведь и теперь, если я приму язычника, я не тотчас заповедую ему это, но сначала убеждаю его познать Христа. Но, если верующий и познавший Его и слышавший о Нем станет требовать себе такого же снисхождения, какое оказывается язычнику, – что пользы в этом, какая прибыль? Но сильна привычка, и тебе трудно

оставить ее? Если так велика сила привычки, то перемени эту привычку на другую. Да как, скажешь, это возможно? Я часто уже говорил об этом и теперь скажу то же. Пусть многие следят за нашими словами, пусть исследуют и исправляют их. Нет стыда в том, когда нас другие исправляют; напротив, стыдно удалять от себя тех, кто исправляет нас, и делать это во вред собственному спасению. Ведь, если ты наденешь платье на изнанку, ты позволяешь и слуге поправить его и не стыдишься того, что он учит тебя, хотя это и очень стыдно; а здесь ты причиняешь вред душе своей и стыдишься, скажи мне, когда другой вразумляет тебя. Ты терпишь раба, который наряжает тебя в одежду и надевает на тебя обувь; а того, кто украшает душу твою, не терпишь? Не крайнее ли это безумие? Пусть будет и раб учителем в этом, пусть будет и дитя, и жена, и друг, и родственник, и сосед. Как зверь, когда его отовсюду гонят, не может убежать, так и тот, кто имеет стольких стражей и стольких порицателей и кого отовсюду поражают, не может не быть осторожен. В первый день это будет для него тяжело, равно и во второй и в третий, а потом будет легче, а после четвертого дня это не будет для него и делом. Сделайте опыт, если не верите. Позаботьтесь, прошу вас. Не маловажен этот грех, не маловажно и исправление от него; напротив, важно и то, и другое, – и зло, и добро. Но дай Бог, чтобы было добро, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Св. Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 11

"Быв отпущены, они пришли к своим и пересказали, что говорили им первосвященники и старейшины" (Деян.4:23).

1. Не из тщеславия рассказывают об этом, – как это возможно? – но здесь свидетельствуют они о явлении благодати Христовой. Поэтому, что первосвященники и старейшины сказали им, то они пересказывают; а свои (слова), хотя опускают, однако, и при этом случае являют еще большее дерзновение. Посмотри, как они опять прибегли к истинной помощи, к непреоборимому Поборнику, и опять единодушно и со тщанием, потому что молитва (их) не просто совершается. "**Они же, выслушав, единодушно возвысили голос к Богу и сказали**" (ст. 24). Смотри, как мудры молитвы их. Когда они просили показать им достойного апостольства, тогда взывали: "**Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи**" (Деян.1:24), – потому что там нужно было предведение; а здесь, когда надлежало заградить уста противникам, говорят о владычестве. Потому и начали так: "**Владыко Боже, сотворивший небо и землю и море и всё, что в них! Ты устами отца нашего Давида, раба Твоего, сказал Духом Святым: что мятутся язычники, и народы замышляют тщетное? Восстали цари земные, и князи собрались вместе на Господа и на Христа Его**" (ст. 24-26). Они приводят пророчество, как бы требуя от Бога обещанного и вместе утешая себя тем, что враги все замышляют тщетно. Таким образом, слова их значат: приведи все это к концу и покажи, что они замыслили тщетное. "**Ибо поистине собрались в городе сем на Святаго Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом Израильским, чтобы сделать то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой. И ныне, Господи, воззри на угрозы их, и дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое**" (ст. 27-29). Видишь ли любомудрие и то, как они не ропщут здесь? Они подробно не перечисляют угроз, а говорят только, что им угрожали, – потому что писатель говорит сокращенно. И смотри: не сказали они: сокруши их, низложи их, – но что? "**И дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое**" (ст. 29). Так научимся молиться и мы. Правда, кто не исполнился бы гнева, попав к людям, ищущим его смерти и дышащим такими угрозами? И какого не исполнился бы он негодования? Но не (так поступают) эти святые. "**Тогда как Ты простираешь руку Твою на исцеления и на соделание знамений и чудес именем Святаго Сына Твоего Иисуса**" (ст. 30). Если

именем Его будут совершаться чудеса, то велико будет дерзновение, говорят они. "**И, по молитве их, поколебалось место, где они были собраны**" (ст. 31). Это было знаком того, что они услышаны, и – посещения Божия. "**И исполнились все Духа Святаго**" (ст. 31). Что значит: "**исполнились**"? Значит – воспламенились Духом, и возгорелся в них этот дар. "**И говорили слово Божие с дерзновением**" (ст. 31). "**У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа**" (ст. 32). Видишь ли, как вместе с благодатью Божиею они отличались и своими (добродетелями)? Да и везде должно примечать, что вместе с благодатью Божиею они проявляли и свои (добродетели), как и Петр сказал: "**серебра и золота нет у меня**" (Деян.3:6). Впрочем, что сказал выше, в словах: "**все же верующие были вместе**" (Деян.2:44), тоже самое опять выражает, и здесь словами: "**у множества же уверовавших было одно сердце и одна душа**". Сказав же, что они были услышаны, он говорит потом и об их добродетели, так как намеревается приступить к повествованию о Сапфире и Анании. Потому, желая показать их преступление, он и говорит сначала о добродетели прочих. Но скажи мне: любовь ли родила нестяжание, или нестяжание – любовь? Мне кажется, любовь – нестяжание, которое укрепляло ее еще более. Послушай же, что говорит (писатель): у всех "**было одно сердце и одна душа**". Вот сердце и душа – одно. "**И никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее**" (ст. 32). "**Апостолы же с великою силою свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа**" (ст. 33). Выражает, что им как бы вверено было это (свидетельство), или говорит о нем, как о долге; то есть: они с дерзновением преподавали всем свидетельство о царствии. "**И великая благодать была на всех их. Не было между ними никого нуждающегося**" (ст. 33, 34). Как в доме родительском все сыновья имеют равную честь, в таком же положении были и они, и нельзя было сказать, что они питали других; они питались своим; только удивительно то, что, отказавшись от своего, они питались так, что, казалось, они питаются уже не своим, а общим. "**Ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду**" (ст. 34, 35). Из великого уважения к апостолам они полагали не в руки, а к ногам их. "**Так Иосия, прозванный от Апостолов Варнавою, что значит – сын утешения**" (ст. 36). Это, мне кажется, не тот, который (поставлен был) вместе с Матфием; тот назывался и Иосиею, и Варсавою, а потом прозван был и Иустом, а этот был прозван от апостолов Варнавою – сыном утешения. И самое имя, кажется мне, получил от добродетели, к которой был способен и расположен. "**Левит, родом Кипрянин, у которого была своя земля, продав ее, принес деньги и положил к ногам Апостолов**" (ст. 36, 37).

2. Заметь здесь, как (писатель) указывает на ослабление закона, когда говорит: "**левит, родом Кипрянин**". Значит, уже и в переселении были левиты. Но обратимся к вышесказанному: "**быв отпущены**", говорит, "**они пришли к своим и пересказали, что говорили им первосвященники и старейшины**". Смотри, (какое) смирение и любомудрие апостолов. Они не пошли везде хвастать и говорить, как они отвечали священникам, и при рассказе не тщеславились, но, пришедши, просто возвещают то, что слышали от старейшин. Отсюда мы узнаем, что они не подвергали сами себя искушениям, но мужественно переносили те, которые были им причиняемы. Иной кто-нибудь, надеясь на помощь народа, может быть, стал бы порицать и наговорил бы тысячу неприятностей. А эти любомудрые – не так, но во всем кротко и смиренно. "**Они же**", говорит, "**выслушав, единодушно возвысили голос к Богу**". Возвысили глас от радости и великого усердия. Такие именно молитвы и бывают успешны, - молитвы, исполненные любомудрия, совершаемые о таких (предметах), со стороны таких (людей), в таких обстоятельствах и таким образом; а все прочие недостойны и нечисты. Смотри, как они не говорят ничего лишнего, но – только о силе Господа; или лучше, как Христос говорил иудеям: "**если же Я Духом Божиим**" глаголю (Мф.12:28), так и они говорят: "**Духом**

Святым". Вот и Спаситель говорит о Духе. А что говорят они, послушай. "**Владыко Боже, Ты устами отца нашего Давида, раба Твоего, сказал Духом Святым: что мятутся язычники, и народы замышляют тщетное?**" В Писании обычно говорится об одном, как о многих. Смысл же слов их следующий: не сами они (иудеи) превозмогли, но Ты соделал все, попустив это и приведши к концу, как благоискусный и премудрый, устроивший и с самими врагами по воле Своей; здесь указывают они на благоискусство и премудрость Его в том, что, хотя те сошлись с убийственным намерением, как враги и противники, но делали то, чего Ты, Однако, хотел, "**чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой**". Что значит: "**рука Твоя**"? Здесь, мне кажется, рукою называет как силу, так и совет. Тебе довольно, говорит, только захотеть, потому что никто не предопределяет силою. Итак выражение: "**рука Твоя**", значит: что Ты повелел. Или это говорит, или – что (Господь) совершил Своею рукою. Поэтому, как тогда они замыслили тщетное, так и теперь, говорят, сделай, чтобы они замыслили тщетное. "**И дай рабам Твоим**", то есть, чтобы угрозы их не исполнились на деле. Говорили же они так не потому, чтобы сами опасались претерпеть что-нибудь тяжкое, но (заботясь) о проповеди. Не сказали: и избавь нас от опасностей, но что? "**И дай рабам Твоим со всею смелостью**

говорить слово Твое". Ты сам, приведший к концу то, приведи и это. "**Помазанного Тобою**", говорят. Смотри, как и в молитве они разделяют (с Ним) страдание и все относят к Нему и называют Его виновником дерзновения. Видишь ли, как они всего просят для Бога и ничего для собственной славы и любочестия? А что касается их самих, то обещают, что они не устрашатся; просят также и о знамениях. "**Тогда как**", говорят, "**Ты простираешь руку Твою на исцеления и на соделание знамений и чудес**". И прекрасно, потому что без этого, сколь бы великую они ни проявили ревность, все делали бы напрасно. Господь склонился на прошение их и, поколебав место, показал, что Он присутствует при их молитве. "**И, по молитве их**", говорит, "**поколебалось место**". А что ради этого именно произошло, послушай, что говорит пророк: "**Он посмотрит на землю, и заставит ее трястись**" (Пс.103:32). И еще: "**от лица Господа подвинулась земля, от лица Бога Иаковлева**" (Пс.113:7). Бог делает это как для большего страха, так и для того, чтобы внушить апостолам бодрость после прежних угроз и чтобы расположить их к большему дерзновению. Тогда было начало (проповеди), и потому они имели нужду в видимом знамении для того, чтобы быть более уверенными, а после никогда этого не бывало. Итак, они получили много утешения от молитвы.

Естественно они испрашивают и благодати знамений, потому что не иным чем, как знамениями, они могли доказать, что (Христос) воскрес. И не безопасности своей только просили они, но и того, чтобы им не постыдиться, а говорить с дерзновением. Поколебалось место, – и это еще более утвердило их. А это иногда бывает знаком гнева, иногда посещения и промышления, теперь же гнева. Во время спасительного страдания (землетрясение) произошло чудно и сверхъестественно: тогда поколебалась вся земля. И сам Спаситель говорил: тогда "**и будут глады, моры и землетрясения по местам**" (Мф.24:7). И здесь, с одной стороны, это было знаком гнева на тех (иудеев), а их (апостолов) исполнило Духа. Смотри, как и апостолы после молитвы исполняются Духа: "**и исполнились**", говорит, "**все Духа Святаго**". "**Не было между ними никого нуждающегося**". Видишь, как велика сила этой добродетели (общения имений), если она была нужна и там. Действительно, она – виновница благ, и об ней-то упоминает он здесь в другой раз, внушая всем нестяжательность; говоря выше: "**и никто ничего из имения своего не называл своим**", здесь говорит: "**не было между ними никого нуждающегося**" (ст. 34).

3. А что это происходило не от знамений только, но и от их желания, показывают Сапфира и Анания. Не словом только, но и силою они засвидетельствовали о воскресении,

как и Павел говорит: "**и слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы**" (1Кор. 2:4). И не просто: силою, но – "**великою силою**". И хорошо сказал: "**и великая благодать была на всех их**", потому что благодать – в том, что никто не был беден, то есть, от великого усердия дающих никто не был в бедности. Не часть одну они давали, а другую оставляли у себя; и (отдавая) все, не (считали) за свое. Они изгнали из среды себя неравенство и жили в большом изобилии; притом делали это с великою честью. Так они не смели отдавать в руки (апостолов) и не с надменностью отдавали, но приносили к ногам их и предоставляли им быть распорядителями и делали их господами, так что издержки делались уже как из общего (имения), а не как из своего. Это предохраняло их и от тщеславия. Если бы так было и теперь, то мы жили бы с большею приятностью – и богатые, и бедные. Как бедным, так и богатым было бы приятно. И, если угодно, мы изобразим это, по крайней мере, словом, если не хотите (показать) делом, и от того уже получим удовольствие. Правда, это весьма ясно и из того, что было тогда, так как продающие не делались бедными, но и бедных делали богатыми.

Но изобразим теперь это словом: пусть все продадут все, что имеют, и принесут на средину, – только словом говорю; никто не смущайся – ни богатый, ни бедный. Сколько, думаете, было бы собрано золота? Я полагаю, – с точностью сказать нельзя, – что если бы все мужчины и все женщины принесли сюда свои деньги, если бы отдали и поля, и имения, и жилища (не говорю о рабах – их тогда не было, быть может, отпускали их на волю), то, вероятно, собралось бы тысяча тысяч литров золота или лучше сказать даже два и три раза столько. Скажите, в самом деле, сколько теперь вообще жителей в нашем городе? Сколько, думаете вы, в нем христиан? Думаете ли, что сто тысяч, а прочие язычники и иудеи? Сколько же тысяч золота было бы собрано? А как велико число бедных? Не думаю, чтобы больше пятидесяти тысяч. И чтобы кормить их каждый день, много ли было бы нужно? При общем содержании и за общим столом, конечно, не потребовалось бы больших издержек. Что же, скажут, мы будем делать, когда истратим свои средства? Ужели ты думаешь, что можно когда-нибудь дойти до этого состояния? Не в тысячи ли раз больше была бы благодать Божия? Не изливалась ли бы благодать Божия обильно? И что же? Не сделали бы мы землю небом? Если между тремя и пятью тысячами это совершалось с такою славою, и никто из них не жаловался на бедность, – то не тем ли более в таком множестве? Даже и из внешних (не-христиан) кто не сделал бы приношения? А чтобы видеть, что разделение сопряжено с убытками и производит бедность, представим себе дом, в котором десять человек детей, жена и муж: она, положим, прядет пряжу, а он получает доходы отвне. Скажи же мне, когда больше издержат они, вместе ли питаясь и живя в одном доме, или разделившись? Очевидно, что разделившись; если десятеро детей захотят разделиться, то понадобится десять домов, десять трапез, десять слуг и постольку же прочих принадлежностей. И там, где много рабов, не для того ли все они имеют общий стол, чтобы меньше было издержек? Разделение всегда производит убыток, а единомыслие и согласие – прибыль. Так живут теперь в монастырях, как (жили) некогда верные. И умер ли кто с голода? Напротив, кто не был удовлетворен с большим изобилием? А теперь люди боятся этого больше, нежели броситься в неизмеримое и беспредельное море. Но, если бы мы сделали опыт, тогда отважились бы на это дело. И какая была бы благодать? Если тогда, когда не было верных, кроме лишь трех и пяти тысяч, когда все по вселенной были врагами (веры), когда ни откуда не ожидали утешения, они столь смело приступили к этому делу, то не тем ли более это возможно теперь, когда, по благодати Божией, везде по вселенной (находятся) верные? И остался ли бы тогда кто язычником? Я, по крайней мере, думаю, никто: таким образом, мы всех склонили бы и привлекли бы к себе. Впрочем, если пойдем этим путем, то, уповаю на Бога, будет и это. Только послушайтесь меня, и устроим дела

таким порядком; и если Бог продлит жизнь, то, я уверен, мы скоро будем вести такой образ жизни.

4. Между тем, исполняйте и твердо храните закон о клятве: сохранивший пусть обнаруживает несохранившего, пусть увещевает и сильно обличает его. Срок близок (см. Беседу 8); я исследую дело и уличенного отлучу и не допущу (в церковь). Но дай Бог, чтобы ни одного такого не нашлось между нами, но чтобы все в точности сохранили это духовное условие! Как на войне по условному знаку узнают и своих и чужих, так пусть будет я теперь, – ведь и мы теперь на войне, – чтобы и нам узнавать своих братий. А каким благом для нас может быть этот знак и здесь, и в чужой стране! Каким оружием против козней диавола! Уста, не употребляющие клятвы, скоро и Бога преклонят в молитвах, и диаволу нанесут тяжкую рану. Уста, не употребляющие клятвы, не будут и поносить. Как бы из некоторого дома, извлеки этот огонь из языка и извергни вон. Дай языку отдохнуть несколько и сделай язву менее заразительною. Об этом умоляю вас, чтобы я мог преподать вам и другое наставление; а до тех пор, пока это еще не исполнено, я не смею перейти к чему-либо другому. Исполняйте это в точности; восчувствуйте наперед эту добродетель; а потом я предложу вам и другие правила, лучше же сказать, не я, но сам Христос. Насадите в душе вашей это доброе (древо), – и вы мало-помалу соделаетесь раем Божиим, гораздо лучшим первобытного рая, так как нет у нас ни змия, ни древа смертоносного, ни другого чего-нибудь тому подобного. Глубоко вкорените в себе этот навык. Если так будет, то не вы только, предстоящие здесь, получите пользу, но и все, живущие во вселенной; и не они только, но и те, которые будут жить после нас. Так, добрая привычка, вкоренившаяся и сохраняемая всеми, передается в отдаленные времена, и никакое время не будет в состоянии истребить ее. Если некто, собиравши дрова в субботу, был побит камнями (Числ.15: 35), то делающий гораздо хуже того собирания и собирающий бремя грехов (а таково множество клятв) чему не подвергнется, чего не потерпит? Вы получите от Бога великую помощь, когда это дело будет у вас исполнено. Если я скажу: не оскорбляй, ты (в оправдание свое) тотчас представишь гнев. Если скажу: не завидуй, ты назовешь другую причину. Но здесь не можешь сказать ничего такого. Поэтому я начал с легкого, так как и во всех искусствах делают тоже самое. Кто переходит к труднейшему, тот сначала уже изучил более легкое. Вы узнаете, как это легко, когда, исполнив это по благодати Божией, получите и другое правило. Доставьте мне дерзновение и пред язычниками, и пред иудеями, и прежде всего – пред Богом. Умоляю вас тою любовью, теми болезнями рождения, с которыми я родил вас. "**Дети мои**" А что далее – "**для которых я снова в муках рождения**", – не прибавлю. Не скажу и следующего: "**доколе не изобразится в вас Христос!**" (Гал.4:19), – так как я верую, что Христос уже изобразился в вас. Но окажу вам другое: "**братия мои возлюбленные и вожделенные, радость и венец мой**" (Флп.4:1)! Поверьте мне, что не скажу иначе. Если бы кто-нибудь возложил теперь на голову мою тысячи царских венцов, украшенных драгоценными камнями, то я не обрадовался бы столько, сколько радуюсь о вашем преуспеянии; даже и царь, я думаю, не радуется так, как я о вас. И что я говорю? Если бы (царь) возвратился, победивши все враждебные ему народы, и, кроме обычного венца, получил еще другие венцы и другие отличия в знак победы, то и он, я думаю, не радовался бы своим трофеям так, как я о вашем преуспеянии. Как будто у меня на голове тысячи венцов,– так я радуюсь; и естественно. Если вы по благодати Божией сохраните этот навык, то вы победите тысячи врагов, гораздо лютейших, чем тот; вы поборете и преодолеете лукавых и злых демонов, не мечом, но языком и волею. И смотрите, сколько будет сделано, если только вы сделаете это. Вы истребите, во-первых, дурную привычку; во-вторых – злой помысл, от которого все зло, т.е., мысль, будто это дело безразличное и нисколько невредное; в-третьих – гнев; в-четвертых – любостяжание: все это ведь производит клятва. А вместе с тем вы получите великое расположение и к прочим добрым делам. Как дети, изучая буквы, не их только изучают, но чрез них мало-помалу научаются

чтению, так точно и вы. Вас уже не прельстит злой помысл и не будете говорить, что это безразлично; уже не будете произносить (клятвы) по привычке, против всего этого будете стоять мужественно, чтобы, во всем исполнив божественную добродетель, сподобиться вам и вечных благ, – по благодати и человеколюбию едино-родного Сына Божия, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 12

"Так Иосия, прозванный от Апостолов Варнавою, что значит – сын утешения, левит, родом Кипрянин, у которого была своя земля, продав ее, принес деньги и положил к ногам Апостолов" (Деян.4:36,37).

1. Теперь (писатель) намеревается повествовать об Анании с Сапфирой и, желая показать, что этот человек совершил тягчайший грех, наперед упоминает о том, который поступил, как должно. И когда столь многие поступали также, когда была такая благодать, такие знамения, он (Анания) при всем этом не исправился; но, будучи однажды ослеплен любостяжанием, навлек погибель на свою голову. "**У которого была своя земля**", – так сказал (писатель), выражая, что больше ничего у него и не было, – "**продав ее, принес деньги и положил к ногам Апостолов**". "**Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфирою, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам Апостолов**" (Деян.5:1,2). Важно то, что грех (совершен) по согласию, и никто другой не знал о случившемся. Откуда пришло (на мысль) этому несчастному и жалкому сделать это? "**Но Петр сказал: Анания! Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли?**" (Деян.5:3) Смотри – и теперь совершилось великое знамение и притом гораздо большее того прежнего. "**Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось?**" (ст. 4) То есть, разве была какая-либо необходимость и принуждение? Разве мы привлекаем вас невольно? "**Для чего ты положил это в сердце твоем? Ты солгал не человекам, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен**" (ст. 4-5). Видишь ли, чем это знамение больше (прежнего)? Тем, что (Анания) лишается жизни, и что (Петр) узнает сокровенное в мыслях и совершенное втайне. "**И великий страх объял всех, слышавших это. И встав, юноши приготовили его к погребению и, вынеся, похоронили. Часа через три после сего пришла и жена его, не зная о случившемся. Петр же спросил ее: скажи мне, за столько ли продали вы землю?**" (ст. 5-8) Он хотел спасти ее, – так как муж был виновником греха, – и потому, может быть, дает ей время к оправданию и возможность к покаянно. Поэтому и говорит: "**скажи мне, за столько ли продали вы землю? Она сказала: да, за столько**" (ст. 8). "**Но Петр сказал ей: что это согласились вы искусить Духа Господня? вот, входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут. Вдруг она упала у ног его и испустила дух. И юноши, войдя, нашли ее мертвою и, вынеся, похоронили подле мужа ее. И великий страх объял всю церковь и всех слышавших это**" (ст. 9-11). После этого страшного чуда (апостолы) совершали много знамений, а что именно, послушай. "**Руками же Апостолов совершались в народе многие знамения и чудеса; и все единодушно пребывали в притворе Соломоновом. Из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их**" (ст. 12, 13). Справедливо. Ведь Петр уже внушал страх, наказывая и обличая сокровенное в мыслях. К нему больше и прилеплялись, как по причине чуда, так и по причине первой, второй и третьей проповеди, – потому, что он совершил и первое чудо, и второе, и настоящее, которое мне кажется не просто одним только, но сугубым: первое – то, что он изобличил сокровенное в мыслях, а второе – то, то что повелением лишил жизни. "**Верующих же более и более присоединялось к Господу, множество мужчин и женщин, так что выносили**

больных на улицы и полагали на постелях и кроватях, дабы хотя тень проходящего Петра осенила кого из них" (ст. 14, 15). При Христе этого не происходило, откуда и можно видеть, что теперь на деле исполнилось сказанное Им. Что же именно? "**Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит**" (Ин.14:12). "**Сходились также в Иерусалим многие из окрестных городов, неся больных и нечистыми духами одержимых, которые и исцелялись все**" (ст. 16).

Заметь, прошу, как вся жизнь их слагается из противоположностей. Так, прежде была скорбь по причине вознесения Христа, потом радость по причине сошествия Духа; опять скорбь от поносивших, потом радость от верных и от чуда; снова скорбь, когда задержали их, потом радость после оправдания. И здесь опять и радость, и скорбь. Радость, потому что прославились и от Бога получили откровения; скорбь, потому что лишили жизни своих. Снова радость оттого, что сделались известными, и снова скорбь из-за первосвященника. И это везде можно замечать, подобно тому, как можно видеть это и на древних (святых мужах). Но обратимся к вышесказанному. Продавали, говорится, и "**приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов**". Смотри, возлюбленный, как они не апостолам поручали продавать, а сами продавали и цену им отдавали. Но не так Анания: он удерживает у себя нечто от цены проданного поля, потому и наказывается, как сделавший не хорошо и обличенный в похищении своего. Это замечание касается и нынешних священников, и даже весьма сильно. А так как и жена его соглашалась на его поступок, то (апостол) подвергает суду и ее.

2. Но, может быть, скажет кто-нибудь, что он поступил с нею слишком жестоко. Что говоришь ты? Какая жестокость, скажи мне? Если некто, собиравший дрова в субботу, был побит камнями (Числ.15:32-36), то тем более святотатец: ведь эти деньги были уже священные. И подлинно, кто решился продать свое и отдать, а потом удержал у себя, тот святотатец. Если же взявший из своего – святотатец, то гораздо более – взявший из чужого. Поэтому не подумайте, что, если теперь не бывает этого, если наказание не следует тотчас, то будто и остается без наказания. Видишь ли, как он обвиняется в том, что, сделав свои деньги священными, потом взял их? Разве не мог ты, говорит, продав, пользоваться ими, как своими? Разве кто препятствовал тебе? Почему берешь их после того, как обещал (отдать)? Вот как с самого начала диавол действовал среди столь великих знамений и чудес, или лучше, как тот (Анания) был ослеплен им. Подобное нечто случилось и в ветхом завете, когда сын Хармии уличен был в том, что похитил посвященное Богу; ты, однако, знаешь, каким наказанием окончилось и тогда это дело (Нав.7:1-26). Так, возлюбленный, святотатство – очень тяжко и исполнено великого неразумия. Мы, говорит, не принуждали тебя ни продавать, ни отдавать деньги после продажи; ты решился на это по собственной воле. Для чего же ты украл из священных денег? "**Для чего ты положил это в сердце твоем?**" А если сатана сделал это, то почему осуждается он? Он виновен в том, что воспринял действие сатаны и исполнил. Но следовало, скажут, исправить его. Нет, он не исправился бы, потому что, кто видел такие (чудеса) и не получил от них пользы, тот тем более не получил бы пользы от чего-нибудь другого. Итак, нельзя было оставить это дело без внимания, но надлежало отсечь (виновного), как гнилой член, чтобы не заразилось все тело. Теперь и он получил пользу, как не преуспевающий более во зле, и прочие сделались более ревностными; а тогда случилось бы напротив. Поэтому (апостол) сначала обличает и показывает, что это дело не укрылось от него, а потом и осуждает. Для чего, говорит, ты сделал это? Ты хотел удержать у себя? Надобно было удержать сначала и не давать обещания. А теперь, взяв после посвящения Богу, ты сделал тяжкое святотатство. Кто берет принадлежащее другим, тот берет, может быть, из желания чужого; но тебе можно было удержать свое. Для чего же ты сделал их священными и потом взял? Ты сделал это по великому неразумию. Это непростительно, неизвинительно.

Пусть же никто не соблазняется, если и теперь есть некоторые святотатцы. Если они были тогда, то тем более теперь, когда так много зол. Но обличим их пред всеми, чтобы и прочие имели страх. Иуда был святотатец, но это не соблазнило учеников. Видишь ли, сколько зол производит страсть к деньгам? "**И великий**", говорит, "**страх объял всех, слышавших это**". Тот был наказан, и другие получили пользу. Итак, не без цели это устрояется; прежде, хотя бывали другие чудеса, однако не было такого страха. Так истинно изречение: "**Господь познается, совершая суды**" (Пс.9:17). Так было и при кивоте: Оза был наказан, и других объял страх. Но там устрашенный царь отринул кивот; а здесь они делаются более внимательными. Видишь: Петр не призывал ее, но ждал, пока она сама придет; и из прочих никто не осмелился рассказать о случившемся. Это – страх пред учителем, это – почтение и послушание учеников. "**Часа через три после сего**" – и жена не узнала, и никто из присутствовавших не сказал об этом, хотя довольно было времени для того, чтобы разнеслась весть о том. Но они были в страхе. Об этом и писатель с изумлением говорит, что "**пришла и жена его, не зная о случившемся**". Отсюда уже можно было уразуметь, что он знал сокровенное. Почему он, не спросив никого, спрашивает вас? Не потому ли, конечно, что он знал? Но крайнее ослепление не позволило ей избавиться от осуждения, и она отвечала с великою дерзостью, думая, что говорит с (простым) человеком. Важно то, что они впали в грех по одному умыслу или как бы по некоторому соглашению. "**Что это согласились вы**", говорит, "**искусить Духа Господня?**" "**Вот, входят в двери погребавшие мужа твоего; и тебя вынесут**". Прежде внушает, что она согрешила, а потом показывает, что она справедливо подвергнется одинаковой участи с мужем, так как и она согрешила в том же. И как, скажешь, "**вдруг она упала у ног его и испустила дух**"? Это потому, что она стояла близко. Таким образом сами они навлекли на себя наказание. Кто же не ужаснулся бы? Кто не убоялся бы апостола? Кто не удивился бы? "**И все**", говорит, "**единодушно пребывали в притворе Соломоновом**". Отсюда видно, что они пребывали не в доме, а в храме; также – что они уже не остерегались прикасаться к нечистым, но просто прикасались к мертвым. И смотри, как к своим они были строги, а в отношении к чужим не употребляли этой власти. "**Верующих же**", говорит, "**более и более присоединялось к Господу, множество мужчин и женщин, так что выносили больных на улицы и полагали на постелях и кроватях, дабы хотя тень проходящего Петра осенила кого из них**" (ст. 14, 15).

3. Велика вера приходивших, даже больше, чем при Христе! Отчего же это произошло? Оттого, что Христос предвозвестил, сказав: "**верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит**" (Ин.14:12). Они оставались там и не обходили (городов и весей), а между тем, все приносили к ним больных своих на постелях и одрах, и всюду они являли чудеса: на уверовавших, на исцеленных, на наказанном, в дерзновении пред теми (иудеями), в самой добродетели серьезно уверовавших, – все это происходило не от знамений только одних. Хотя они, по смирению, приписывают все не себе, говоря, что они делают это именем Христовым, но и жизнь, и добродетель их производили это. И смотри: (писатель) не говорит здесь о числе уверовавших, предоставляя судить о нем самому слушателю; так верующие возросли до бесчисленного множества. С тем вместе и воскресение (Христово) возвещалось более. "**Из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их**" (ст. 13). Говорит это, выражая, что они уже не были презираемы, как прежде, и что в короткое время и в одно мгновение совершено столь многое рыбарем и простым человеком.

Итак, земля была уже небом, по (их) жизни, по дерзновению, по чудесам и по всему; и они, как ангелы, были предметом удивления, потому что нисколько не взирали ни на насмешки, ни на угрозы, ни на опасности. И не поэтому только, но и потому, что, как весьма человеколюбивые и попечительные, они помогали одним деньгами, а другим – врачеванием тел. "**Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое?**" Петр как бы

оправдывает себя, приступая к наказанию его, но вместе вразумляет и прочих. Так как случившееся могло показаться весьма тяжким, то он производит страшный суд и над ним, и над его женою. И если бы он не подверг их обоих, непростительно согрешивших, такому суду, то, какое отсюда не произошло бы пренебрежение к (делам) Божиим? А что именно потому (он так сделал), видно из того, что он не тотчас приступил к наказанию, а наперед обнаружил их грех. Потому-то никто не плакал, никто не рыдал, но все убоялись. И не удивительно, что, когда вера их распространялась, то и знамений было больше, и великий страх был между, своими, – потому что не столько беспокоит нас постороннее, сколько свое. Так, если и мы будем соединены друг с другом, то никто не станет восставать против нас; а если будем разделяться друг от друга, то, наоборот, все будут нападать на нас. Оттого и они были смелы и с дерзновением выходили на торжища посреди врагов, и одерживали победу; и исполнялось сказанное: "**господствуй среди врагов Твоих**" (Пс.109:2); тем большую силу (их) доказывало то, что они делали это, будучи задерживаемы и связываемы. Итак, если только солгавшие потерпели такое наказание, то чего не потерпят те, которые нарушают клятвы? Или лучше: если жена, сказавшая только: "**да, за столько**", подверглась такому наказанию и не избежала (его), то подумайте, какого наказания достойны вы, клянущиеся и нарушающие клятвы? Благовременно показать теперь и из ветхого завета тяжесть клятвопреступления. "**Свиток летящий**", говорит (пророк), "**ширина его десять локтей**" (Зах.5:1,2). Выражение: "**летящий**" означает чрезвычайную скорость наказания, следующего за клятвами; а то, что он был "**десять локтей**" в ширину и (двадцати) в длину, означает тяжесть и величину зол; то, что он летел с неба, значит, что определение исходит от вышняго судилища; а то, что он имел вид серпа, – неизбежность наказания. Как серп, вонзившись в шею, не прежде может быть извлечен из нее, как вместе с отсекаемою головою, так и наказание, постигающее клянущихся, бывает страшно и не прежде отступает от них, как окончив свое дело. Если же мы избегаем наказания, употребляя клятвы, то не будем на это полагаться; это бывает к нашему же несчастью. Что вы думаете? Что многие после Анании и Сапфиры дерзали делать тоже самое и не подверглись тому же наказанию? Почему, скажете вы, они не подверглись? Не потому, чтобы это прощено им было, но потому, что они соблюдаются для большего наказания.

4. Итак, много согрешающие должны больше бояться и страшиться, когда они не наказываются, нежели когда наказываются, потому что наказание их увеличивается от безнаказанности и долготерпения Божия. Поэтому будем смотреть не на то, что мы не наказываемся, но на то, не согрешили ли мы? Если же грешим и не наказываемся, то нам следует трепетать еще более. Скажи мне: если бы ты имел какого-либо раба и только угрожал бы ему, а не бил его, то когда он больше боялся бы, когда убегал бы, когда решился бы на бегство? Не тогда ли, когда бы ты только угрожал? Потому-то и мы внушаем не угрожать постоянно друг другу, чтобы страхом не смутить слишком душу, чтобы этим не мучить ее больше, чем ранами. В одном случае наказание бывает временное, а в другом – постоянное. Поэтому, если никто не страдает теперь от этого серпа, не смотри на то, но подумай, делаются ли такие дела? Многое и теперь делается такое, что было во времена потопа; но потопа нет, потому что предстоит геенна и мучение. Многие грешат подобно содомлянам, но огненный дождь не сходит на них, потому что уготована река огненная. Многие дерзнули сделать то же, что фараон, но не подверглись одинаковому с ним наказанию, не потоплены в Чермном море, потому что их ожидает море бездны, где наказание не будет сопровождаться бесчувствием и не окончится смертью, но где они будут мучиться, более и более подвергаясь наказанию, жжению и удушению. Многие дерзнули грешить подобно израильтянам, но змеи не угрызали их, потому что их ожидает червь нескончаемый. Многие дерзнули делать то же, что Гиезий, но не были поражены проказою, потому что вместо проказы им предстоит быть рассеченными пополам и подвергнуться одной участи с лицемерами (Мф.24:51).

Многие клялись и нарушали клятвы, но, если они и избежали (наказания), не будем полагаться на это, потому что их ожидает скрежет зубов. Да и здесь, может быть, они испытают и не избегнут (наказания), если не тотчас, то при других грехах, так что наказание будет более тяжким. И мы ведь часто, по поводу малых (проступков), воздаем вполне и за великие. Итак, когда заметишь, что с тобой случилось что-нибудь, вспомни этот грех свой. Так именно было с сыновьями Иакова. Помните братьев Иосифа: они продали брата, покушались лишить его жизни или, лучше сказать, уже и лишили, сколько это от них зависело; обманули и опечалили старца, – и ничего не потерпели. Но, спустя много лет, они подверглись крайней опасности и вспомнили об этом грехе. А что сказанное не выдумка, послушай, что сами они говорят: "**мы наказываемся за грех против брата нашего**" (Быт. 42:21). Так точно и ты, когда случится что-нибудь, скажи: да, мы во грехе, потому что не послушали Христа, потому что клялись; частые клятвы и клятвопреступления пали на мою голову. Таким образом исповедуйся, потому что и они исповедались и спаслись. Что из того, если не тотчас постигает наказание? Ведь и Ахав за Навуфея также не тотчас по преступлении потерпел то, что после испытал. Для чего же это бывает? Бог дает тебе время, чтобы ты омылся, а когда ты медлишь, Он посылает, наконец, наказание. Видели вы, что потерпели солгавшие? Отсюда поймите, чему подвергнутся и нарушающие клятвы, поймите и перестаньте. Кто клянется, тот не может не нарушать клятвы волею или неволею; а кто нарушает клятвы, тот не может спастись. Однократное нарушение клятвы может сделать все и навлечь на нас всецелое наказание. Поэтому, умоляю вас, будем внимательны к самим себе, чтобы, избегнув наказания здесь, удостоиться милости от Бога, по благодати и щедротам единородного Сына Его, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 13

"Первосвященник же и с ним все, принадлежавшие к ереси саддукейской, исполнились зависти, и наложили руки свои на Апостолов, и заключили их в народную темницу" (Деян.5:17,18).

1. Нет ничего бесстыднее и дерзостнее злобы. По опыту узнав мужество апостолов из того, что сделали с ними прежде, (архиерей и саддукеи), не смотря на то, опять нападают и все вместе восстают на них. Что значит: "**Первосвященник же и с ним все**"? Значит: восстал против них, будучи возбужден случившимся. "**И наложили руки свои на Апостолов, и заключили их в народную темницу**". Теперь сильнее нападают на них; впрочем, не тотчас подвергли их суду, ожидая, что они станут более спокойными. Из чего видно, что нападали на них сильнее? Из того, что послали их в общественную темницу. Апостолы снова подвергаются опасностям и снова получают помощь от Бога; а каким образом – послушай далее: "**но Ангел Господень ночью отворил двери темницы и, выведя их, сказал: идите и, став в храме, говорите народу все сии слова жизни**" (ст. 19, 20). Это совершилось и в утешение их (апостолов), и в пользу и назидание тех (иудеев). И смотри, – что бывало при Христе, то совершалось и теперь. Самого совершения чудес Он, конечно, не попускает видеть им (иудеям), а то, из чего они могли бы удостовериться, предоставляет им. Например, при воскресении Своем Он не попустил им видеть, как Он воскрес, потому что они были недостойны видеть воскресение, но показывает это делами Своими. Также и во время претворения воды в вино возлежавшие за столом не видели, потому что были упоены вином, и судить о том Он предоставляет другим. Так именно и здесь. Как были выводимы апостолы, они не видят; а доказательства, которыми могли удостовериться в случившемся, они увидели. Почему же (ангел) вывел их ночью? Потому, что в таком случае им могли поверить более, нежели в другом; в другом случае не стали бы и спрашивать их об этом; да тогда и сами они не

поверили бы. Так было и в древние времена, напр., при Навуходоносоре. Он увидел отроков в пещи восхвалявших Бога, и тогда изумился (Дан.3:91). Поэтому и саддукеям надлежало сначала спросить апостолов: как вы вышли? – а они, как будто ничего не было, обращаются к апостолам с таким вопросом: "**не запретили ли мы вам накрепко учить о имени сем?**" (ст. 28) Смотри, как о всем они узнают от других, – (от тех, которые) видели темницу тщательно запертою и стражу стоящею пред дверьми. "**Они, выслушав, вошли утром в храм и учили. Между тем первосвященник и которые с ним, придя, созвали синедрион и всех старейшин из сынов Израилевых и послали в темницу привести Апостолов. Но служители, придя, не нашли их в темнице и, возвратившись, донесли, говоря: темницу мы нашли запертою со всею предосторожностью и стражей стоящими перед дверями; но, отворив, не нашли в ней никого**" (ст. 21-23). Двоякое было ограждение, как при гробе (Христовом), – печать и люди. Смотри, как они враждовали против Бога! Скажите мне: свойственно ли людям то, что случилось с ними? Кто провел их сквозь запертые двери? Как прошли они при стоящих пред дверьми стражах? Подлинно, слова их – (слова) безумных и упившихся вином. Тех, кого не удержали ни темница, ни узы, ни запертые двери, тех они надеялись преодолеть, поступая подобно неразумным детям. Сами слуги их по этому поводу приходят и рассказывают о случившемся чтобы опровергнуть всякое их оправдание. Видишь ли различные знамения за знамениями, одни происходящие от них (апостолов), другие имеющие отношения к ним, – последние даже боле славные? Хорошо и то, что не вдруг было донесено об этом начальникам (иудейским); но сперва они были в недоумении, для того, чтобы, узнав все, уразумели действие силы божественной. "**Когда услышали эти слова первосвященник, начальник стражи и прочие первосвященники, недоумевали, что бы это значило. Пришел же некто и донес им, говоря: вот, мужи, которых вы заключили в темницу, стоят в храме и учат народ. Тогда начальник стражи пошел со служителями и привел их без принуждения, потому что боялись народа, чтобы не побили их камнями**" (ст. 24-26). О, безумие! "**Боялись**", говорится, "**народа**". Что пользы приносил им народ? Надлежало бояться Бога, Который постоянно исторгает из рук их апостолов, как птенцов; а они более боятся народа. "**Приведя же их, поставили в синедрионе; и спросил их первосвященник, говоря: не запретили ли мы вам накрепко учить о имени сем? и вот, вы наполнили Иерусалим учением вашим и хотите навести на нас**

кровь Того Человека" (ст. 27, 28). Что же апостолы? Они опять беседуют с теми кротко, хотя могли бы сказать: "кто вы, повелевающие вопреки Богу?" Но они что? Опять в виде увещания и совета и весьма скромно отвечают: "**Петр же и Апостолы в ответ сказали: должно повиноваться больше Богу, нежели человекам**" (ст. 29). Великое любомудрие (в словах их) и такое, что отсюда обнаруживается и вражда тех против Бога. "**Бог отцов наших воскресил Иисуса, Которого вы умертвили, повесив на древе. Его возвысил Бог десницею Своею в Начальника и Спасителя, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов**" (ст. 30, 31). "**Которого вы умертвили**", говорит, "**Бог отцов наших воскресил**". И смотри, как они опять все относят к Отцу, чтобы Сын не считался чуждым Отцу. "**Его возвысил Бог**", говорит, "**десницею Своею**". Этим указывается не на одно только воскресение, но и на возвышение, то есть, на вознесение. "**Дабы дать Израилю покаяние**".

2. Вот и еще приобретение, еще учение, высказанное в виде защиты! "**Свидетели Ему в сем мы**". Какое великое дерзновение! Затем для большей достоверности слов своих (Петр) прибавил: "**и Дух Святый, Которого Бог дал повинующимся Ему**" (ст. 32). Видишь, как апостолы представляют в свидетели не себя только, но и Духа? Они не сказали: **Его дал нам**, но: "**повинующимся**", и свое являя смирение, и показывая величие Духа, и выражая, что и тем (иудеям) можно получить Его. Заметь, как они были поучаемы и делами и словами, но не внимали; за то и постигнет их праведное осуждение. Бог для

того и попустил вести апостолов на суд, чтобы и те получили назидание, если бы захотели научиться, и апостолы явили дерзновение. "**Слышав это, они разрывались от гнева и умышляли умертвить их**" (ст. 33). Заметь крайнюю их злобу! Надлежало ужаснуться того, что они услышали; а они "**разрывались от гнева и умышляли**" без всякой вины "**умертвить их**". Впрочем, нужно повторить прочитанное выше: "**но Ангел Господень ночью отворил двери темницы и, выведя их, сказал: идите и, став в храме, говорите народу все сии слова жизни**" (ст. 19, 20). "**Выведя**"; не сам он отводит их, но отпускает; так и из этого открывается неустрашимость их, что они сами ночью вошли в храм и учили. Когда бы их выпустили стражи, как те думали, то они, если бы только согласились выйти, обратились бы в бегство, а когда бы те их изгнали, то они не явились бы в храм, а удалились бы. Это понятно для всякого здравомыслящего. "**Не запретили ли**", говорят, "**мы вам накрепко учить**"? Так; если они дали слово послушаться вас, то вы справедливо обвиняете; если же они еще прежде отказались от этого, то излишни обвинения, излишни и запрещения. Вот непоследовательность и крайняя бессмысленность обвинений! Далее апостолы хотят показать убийственные намерения иудеев, действовавших здесь не за правду, но желавших отомстить за себя. Потому и отвечают им не резко, – ведь они были учители, – хотя иной, привлекши на свою сторону весь город и получив такую благодать, чего не сказал бы и не выказал ли бы слишком многого? Но апостолы не так; они не гневались, но сожалели и плакали о них, и имели в виду, как бы отклонить их от заблуждения и ярости. Они даже не говорят им: сами судите (Деян.4:19); но так говорят: "**Его возвысил Бог**", выражая этим, что все это происходит по воле Божией. Не сказали: не говорили ль мы вам прежде: "**мы не можем не говорить того, что видели и слышали**" (Деян.4:20)? – потому что они не тщеславны; но опять говорят об одном и том же, о кресте, о воскресении. Впрочем, они не говорят, почему (Христос) распят, – то есть, что распят за нас; но (только) намекают на это, и при том еще не ясно, желая возбудить в них страх. Скажи мне, есть ли здесь сколько-нибудь искусственного красноречия? Нисколько! Так без приготовления они возвещали евангелие жизни! Сказавши: "**возвысил**", (Петр) говорит и о том, с какою целью (это сделано); "**дабы дать Израилю покаяние**", прибавляет, "**и прощение грехов**". Но скажут: это казалось еще невероятным. Что ты говоришь? Как невероятно то, чему не могли противоречить ни начальники, ни народ, и от чего одним заграждались уста, а другие получали назидание? "**Свидетели Ему**", говорит, "**в сем мы**". Чего? Того, что (Христос) возвестил отпущение и покаяние, так как воскресение (Его) уже признано было несомненным. А что Он дарует отпущение, тому свидетели мы и Дух Святый, Который не снизошел бы, если бы не были сначала отпущены грехи, так что это несомненный знак. Ты же, окаянный, слышишь об отпущении грехов и о том, что (Христос) не требует тебя на суд, и хочешь умертвить (проповедников)? Не есть ли это дело величайшей злобы? Нужно было или обличить их, если они говорили неправду, или поверить им, если нельзя (обличить); если же не было желания уверовать, то (по крайней мере) не умерщвлять. За что, в самом деле, было умерщвлять их? Но они (иудеи) от ярости даже и не разобрали дела. Смотри, как здесь (апостолы), упомянув о злодеянии (иудеев), говорят об отпущении, показывая тем, что совершенное ими достойно смерти, но даруемое подается им, как раскаивающимся. Да и как иначе можно было кому-нибудь убедить их, если, не сказав, что они еще могут исправиться? А какова злоба! Они возбуждают против апостолов саддукеев, которые особенно заблуждались касательно воскресения. Но злоба нисколько не принесла им пользы. Однако, может быть, кто-нибудь скажет: какой человек, пользуясь тем, что (имели) апостолы, не сделался бы великим? Но заметь, прежде, нежели они получили благодать, как они единодушно пребывали в молитве и возлагали надежду на силу свыше! И ты, возлюбленный, надеешься получить царствие небесное; но имеешь ли терпение? И ты получил Духа; но испытываешь ли то же и подвергаешься ли тем же опасностям? Они раньше, чем успокоились от прежних бедствий, снова подверглись другим. И то самое, что они не возгордились, не тщеславились – как прекрасно! А что говорили с кротостью –

не есть ли это весьма полезное дело? Подлинно, не все это было делом благодати, но здесь много видно и их собственного усердия. Ведь и то, что в них сияли дары благодати, было плодом их ревности.

3. Посмотри и в самом начале, как был попечителен Петр, как он бодрствовал и заботился, как верующие оставляли имения, ничего не имели собственного, пребывали в молитве, проявляли единомыслие, постились. Скажи мне: это было действием какой благодати? Оттого-то и произошло, что обличили их (иудеев) сами их слуги, которые, как при Христе посланные говорили: "**никогда человек не говорил так, как Этот Человек**" (Ин.7:46), тоже возвратившись, возвестили, что видели. Заметь также здесь кротость апостолов, как они не противоречат, – и притворство первосвященника. Он говорит им с видом скромности, как будто чего боится, и готов скорее воспретить, нежели умертвить, так как этого он и не мог сделать. А между тем возбуждает всех и представляет им как бы крайнюю опасность: "**хотите**", говорит, "**навести на нас кровь Того Человека**" (ст. 28). Ужели еще он кажется тебе (простым) человеком? Сказал это потому, что считал необходимым сделать им побуждение. А Петр, посмотри, что говорит: "**Его возвысил Бог десницею Своею в Начальника и Спасителя, дабы дать Израилю покаяние и прощение грехов**" (ст. 31). Он здесь умалчивает о язычниках, чтобы не подать повода (к умерщвлению). "**И умышляли**", говорит (писатель), "**умертвить их**" (ст. 33). Заметь: они опять в недоумении и в печали, а те (апостолы) спокойны, благодушествуют и радуются. И не просто были печальны, но "**разрывались**".

Это значит: худо себя чувствовать и покушаться на зло, – как можно видеть и здесь. Апостолы были в узах, предстояли пред судилищем, а судьи были в недоумении и великом затруднении. И как бьющий по алмазу сам себе наносит удар, точно так и они. Они видели, что не только не уменьшается дерзновение апостолов, но что проповедь еще более усиливается, что они неустрашимы в слове, и между тем не подают никакого повода (к умерщвлению их). Будем, возлюбленные, подражать им и мы, будем неустрашимы при всех бедствиях. Нет ничего ужасного для того, кто боится Бога, но для небоящихся есть бедствия. Кто чрез добродетель становится выше страстей и на временные блага смотрит, как на тень, тот от чего потерпит бедствие? Чего будет бояться? Или что станет считать бедствием? Прибегнем же и мы к этой непоколебимой скале! Если бы кто-нибудь устроил для нас город и оградил его стеною, или лучше – если бы поселил нас на такую землю, где никто нас не беспокоил бы, и там доставлял бы нам изобилие во всем так, чтобы нам не нужно было ни с кем иметь никакого дела, то и он не дал бы нам такого спокойствия, какое ныне Христос. Пусть будет, если тебе угодно, этот город медный, огражденный со всех сторон твердою и неразрушимою стеною; пусть никто из неприятелей не нападает на него; пусть он будет иметь землю богатую и тучную, изобиловать и всеми остальными благами; пусть граждане его будут кротки и ласковы, и ни одного в нем злодея, ни вора, ни хищника, ни клеветника, ни судилища, но одни простые и мирные отношения, и в этом городе жили бы мы: и тогда мы не могли бы жить спокойно. Отчего? Оттого, что по необходимости возникнут у нас разногласия с прислугою, с женою, с детьми, и будут причиною многих неприятностей. Но здесь не было ничего такого; не было никакой причины к печали и неприятностям.

Но, что удивительно, – то самое, что, кажется, причиняет неприятности, было (для апостолов) источником всякой радости и веселия. Скажи мне: о чем им было печалиться, о чем скорбеть? Хочешь – представим кого-нибудь для сравнения. Пусть кто-нибудь из вельмож обладает большим богатством, живет в столице, никаких не имеет хлопот, только веселится, только в этом проводит время, и находится на высшей степени богатства, чести и могущества. Противопоставим ему Петра в узах и, если угодно, среди бесчисленных бедствий: и тогда мы найдем, что (Петр) имеет больше радости, – потому что если от

избытка радости он и в узах радуется, то представь, как велика радость! Как облеченные великою властью не чувствуют бедствий, сколько бы их ни случилось, но продолжают радоваться, – так и апостолы по причине самих бедствий еще более радовались. Нельзя, поистине нельзя выразить словом того удовольствия, какое случается испытывать страждущим за Христа. Они радуются более среди бедствий, нежели во время благоденствия. Если кто возлюбил Христа, – тот понимает, что я говорю. Но что? Могли ли они для собственной безопасности избегать бедствий? Кто, скажи мне, и владея несметным богатством, мог бы избежать великих опасностей, имея дело со столь многими народами для преобразования государства? А они все совершали, как будто по царскому повелению, а лучше сказать, даже гораздо удобнее. Ведь не столько (сделало бы) царское повеление, сколько сделали все их слова, потому что царское повеление налагает необходимость (повиноваться), а они (обращали) людей по их желанию, по доброй их воле и по чувству великой благодарности. Какой царский указ убедил бы отказаться от всего имения и самой жизни, оставить дом, отечество, родных и собственную безопасность? А внушения рыбарей и скинотворцев произвели это, и оттого они радовались, были могущественнее и сильнее всех. Да, скажут, оттого, что они творили знамения. Но уверовавшие в числе трех и пяти тысяч, скажи мне, какие творили знамения, а между тем и они жили в великой радости? Точно так, и это потому, что уничтожена была причина всех неприятностей – владение имуществом: а оно-то, оно бывает виною войн, несогласия, скорби, печали и всех зол; оно делает жизнь тягостною и более прискорбною. И гораздо больше причин к неприятностям найдешь у богатых, нежели у бедных. Если кому кажется это неверным, то лишь по его мнению, а не по существу дела. Если же и богатые имеют некоторые удовольствия, то и это нисколько не удивительно, потому что и пораженные чесоткою ощущают великое удовольствие. Богатые нисколько не отличаются от них, и душа их такова же, как видно из следующего: их мучат заботы, и, однако, они охотно предаются им из-за временного удовольствия. Но те, которые избавились от забот, здравствуют и благодушествуют.

4. Что приятнее, скажи мне, что безопаснее: заботиться ли об одном хлебе и одежде, или о множестве рабов и свободных, о себе же не заботиться? Как тот печется о себе самом, так и ты – обо всем, что навлек на свою голову. Отчего же, скажут, избегают бедности? Оттого же, отчего многие удаляются и прочих благ, – не потому, чтобы эти блага сами по себе, были достойны отвержения, а потому, что на опыте они представляются трудными. Так и бедность не сама по себе отвергается, но потому, что трудна на опыте, так что, если кто может ее перенести, тот не откажется от нее. Почему не гнушались ее апостолы? Почему многие избирают ее и не только не гнушаются, но еще и прибегают к ней? Ведь то, что поистине достойно отвержения, не избирается, исключая одних безумных.

Если же из людей любомудрые и высокие прибегают к ней, как к некоему безопасному и безболезненному убежищу, то вовсе не удивительно, что прочим она не кажется такою. Богатый, по моему мнению, есть не что иное, как город, не огражденный стенами, построенный в поле и со всех сторон привлекающий к себе неприятелей; а бедность есть безопасная крепость, огражденная большою медною стеною и недоступная. Но бывает, скажут, совсем напротив, потому что бедных часто влекут в судилище, их обижают и подвергают тяжким бедствиям. Нет, не просто бедных, но бедных, желающих быть богатыми. Да я не об них и говорю, а о тех, которые хотят жить в бедности. Скажи мне, отчего никто не влечет в судилище живущих в горах? Если бедность притеснять легко, то всего скорее надлежало бы предавать суду их, насколько они всех беднее. Отчего никто не влечет в судилище нищих? Отчего никто не притесняет их и не клевещет? Не оттого ли, что они находятся в более безопасном месте? А как многим это кажется невыносимым, т.е. быть в бедности и просить милостыню! В самом деле, скажи мне, хорошо ли просить милостыню? Хорошо еще, если есть люди сострадательные и милосердые, если есть, кто

бы стал подавать. Всякий знает, что такая жизнь чужда забот и безопасна. Впрочем, я не это хвалю, – да не будет! – но убеждаю не добиваться богатства. Скажи мне в самом деле, кого я назову более блаженными: тех ли, кто близок к добродетели, или тех, кто далек от нее? Без сомнения, близких. Но кто из них способнее усвоить что-либо полезное и отличаться любомудрием, – тот, или этот? Всякому ясно, что тот. Если же не веришь, то послушай. Пусть приведут с площади кого-нибудь из нищих, и пусть он будет слеп, хром, увечен; а другой кто-либо пусть будет красив на вид, крепок телом и вполне здоров, богат, знатен по происхождению и с великою властью. Приведем их в училище любомудрия и посмотрим, кто из них лучше усвоит предметы учения? Предложим первую заповедь: будь "**кроток и смирен**", так повелел Христос (Мф.11:29). Кто из них будет в состоянии лучше выполнить это, тот или этот? "**Блаженны плачущие**". Кто будет более внимателен к этому изречению? "**Блаженны кроткие**". Кто лучше выслушает?

"**Блаженны чистые сердцем, блаженны алчущие и жаждущие правды, блаженны изгнанные за правду**" (Мф.5-11). Кто из них скорее примет все это? И если хочешь, приложим все это к каждому из них. Не всегда ли гордится и надмевается один из них; а другой, напротив, не всегда ли бывает кроток и смиренно-мудр? Конечно, так. У внешних (язычников) есть на этот предмет такое изречение: Эпиктет – раб, по телу увечен, по бедности Ир, но друг (богов) бессмертных (Эпиктет – греческий философ. Ир – собст. имя нищего у Гомера). Таков бедный; но душа богатого исполнена всех зол: гордости, тщеславия, бесчисленных пожеланий, гнева, ярости, корыстолюбия, неправды и тому подобного. Очевидно, что душа первого способнее к любомудрию, нежели последнего. Но вы хотите узнать, что приятнее; о том именно, как я вижу, многие заботятся, какая жизнь приятнее? И в этом не должно быть сомнения; кто здоровее, тот и (живет) в большом удовольствии. А кто, скажи мне, более способен к исполнению правила, которое я хочу внушить, т.е. закона о клятве, бедный или богатый? Кто скорее будет клясться, тот ли, кто гневается на слуг, имеет сношение с бесчисленным множеством (людей), или кто просит только о хлебе или одной одежде? Последний даже не имеет и нужды в клятвах, если захочет, но всю жизнь проводит без забот. Или лучше сказать: всякий, научившийся не клясться, часто будет презирать и богатство и может увидеть как от этого блага открываются все пути к добродетели, – все, ведущие к кротости, к презрению богатства, к благочестию, к спокойствию души, к сокрушению.

Поэтому не будем беспечны, возлюбленные, но снова приложим большое усердие: исправившиеся – к тому, чтобы сохранить себя исправными, чтобы как-нибудь не отступить и не возвратиться вспять; а остающиеся еще позади – чтобы восстать и постараться восполнить недостающее. Между тем исправившиеся, простирая руки к еще не достигшим этого, как бы к плавающим в море, пусть примут их в пристань, чуждую клятв. Не клясться – это пристань поистине безопасная, пристань, в которой не утопают от поднимающихся ветров. Хотя бы вспыхнул гнев, вражда, ненависть, или что-нибудь подобное, душа остается в безопасности, так что не произнесет ничего такого, чего не должно произносить, потому что она не подчинила себя ни нужде, ни закону. Посмотри, что сделал из-за клятвы Ирод: он отсек главу Предтечи. "**Но ради клятвы**", говорит (Писание), "**и возлежавших с ним не захотел отказать ей**" (Мф.6:26). Что претерпели колена (израильские) из-за клятвы касательно колена Вениаминова (Суд.11:1-10)? Что потерпел из-за клятвы Саул (2Цар.21:2)? Он нарушил клятву, а Ирод совершил дело хуже клятвопреступления – убийство. Ты знаешь также, что потерпел Иисус (Навин) из-за клятвы касательно гаваонитян (Нав.9:15). Клятва, поистине, есть сеть сатанинская. Расторгнем же эти узы и устроим себя так, чтобы нам легко было воздерживаться от нее. Освободимся от этой сети сатанинской и убоимся заповеди Господа, приучим себя к лучшему, чтобы, простираясь вперед и исполнив эту и прочие заповеди, нам сподобиться благ, обещанных любящим Его, – по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса

Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 14

"Встав же в синедрионе, некто фарисей, именем Гамалиил, законоучитель, уважаемый всем народом, приказал вывести Апостолов на короткое время" (Деян.5:34).

1. Этот Гамалиил был учителем Павла и достойно удивления, как он, будучи так благоразумен и, притом, законоучитель, еще не уверовал. Не может быть, чтобы он остался совершенно неверовавшим, как видно и из слов его, в которых он предлагает свой совет. "**Приказал**", говорит (писатель), "**вывести Апостолов на короткое время**". Посмотри и на благоразумие его речи, и на то, как он тотчас привел их в страх. Чтобы не навлечь на себя подозрения в согласии с теми (апостолами), он обращается как бы к единомыслящим с ним, и выражается не слишком резко, но говорит им, как бы опьяневшим от ярости, так: "**мужи Израильские! подумайте сами с собою о людях сих, что вам с ними делать**" (ст. 35). Не поступайте, говорит, просто и как попало. "**Ибо незадолго перед сим явился Февда, выдавая себя за кого-то великого, и к нему пристало около четырехсот человек; но он был убит, и все, которые слушались его, рассеялись и исчезли**" (ст. 36). Вразумляет их примерами, – именно, чтобы успокоить их, указывает на (человека), увлекшего за собою очень многих. Прежде указания на примеры, он говорит: "**подумайте сами с собою**"; а после указания выражает свое мнение так: "**после него во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек за собою довольно народа; но он погиб, и все, которые слушались его, рассыпались. И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело – от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками**" (ст. 37-39). Как бы так говорил: погодите; если и эти явились сами по себе, то ничто не помешает и им рассеяться. "**Берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками**" (ст. 39). Отклоняет их и невозможностью, и бесполезностью. Не сказал, кем те были истреблены, но просто: "**рассыпались**", может быть, считая излишним (говорить о том). А последующими словами научает их: если это дело человеческое, то не будет нужды вам беспокоиться, а если Божие, то и при всех усилиях вы не в состоянии будете преодолеть. Речь его показалась разумною, так что они послушались и (решились) не убивать апостолов, а только подвергнуть бичеванию. "**Они послушались его**", говорит (писатель), "**и, призвав Апостолов, били их и, запретив им говорить о имени Иисуса, отпустили их**" (ст. 40). Смотри, после каких чудес они подвергаются бичеванию. Но, несмотря на то, проповедь их еще с большею силою продолжалась, и они учили и дома, и в храме. "**Они же пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие. И всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе**" (ст. 41, 42). "**В эти дни, когда умножились ученики, произошел у Еллинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей**" (Деян.6:1). Не в те именно дни, о которых говорится (выше), но, как обыкновенно употребляется в Писании, об имевшемся случиться впоследствии времени (писатель) говорит, как бы о происходившем тогда же; потому он так и выразился. Эллинами, я думаю, он называет тех, которые говорили по-эллински, потому что тогда и евреи говорили по-эллински. Вот и еще искушение; или лучше сказать, если захочешь вникнуть, то и ты увидишь, что с самого начала (у них) была борьба и извнутри, и отвне. "**Тогда двенадцать Апостолов, созвав множество учеников, сказали: нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах**" (ст. 2). Справедливо; необходимому нужно предпочитать более необходимое. Но смотри, как они тотчас же и об этом прилагают попечение, и проповеди не оставляют. А

как они были достопочтеннее (других), то поэтому и получают высшее назначение. "**Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святаго Духа и мудрости; их поставим на эту службу, а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова. И угодно было это предложение всему собранию; и избрали Стефана, мужа, исполненного веры и Духа Святаго**" (ст. 3-5). Так и эти исполнены были веры, – которых и избрали, чтобы не случилось того же, что было с Иудой, с Ананией и Сапфирою. "**И Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая Антиохийца, обращенного из язычников; их поставили перед Апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки. И слово Божие росло, и число учеников весьма умножалось в Иерусалиме; и из священников очень многие покорились вере**" (ст. 5-7). Но обратимся к вышесказанному. "**Мужи Израильские! подумайте сами с собою**". Посмотри, прошу, с какою кротостью здесь говорит Гамалиил и как кратко выражается пред ними; и не представляет древних примеров, хотя и имел их, но указывает на недавние, которые могли убедить особенно сильно. Потому и прикровенно выражается так: "**незадолго перед сим**", как бы говоря: за несколько дней. Если бы он прямо сказал: отпустите этих людей, то и на себя навлек бы подозрение, и речь его не имела бы такой силы; а при помощи примеров она получила надлежащую силу. Для того он и вспоминает не один пример, а и другой, хотя мог бы привести и третий, обилием их показывая и справедливость своих слов, и их отклоняя от убийственного намерения. "**Отстаньте от людей сих и оставьте их**".

2. Смотри, как он кроток. Он говорит не длинную речь, но краткую; и о тех (примерах) упоминает не с гневом: "**И все, которые слушались его, рассеялись и исчезли**". Говоря это, он вовсе не произносит хулы на Христа, но достигает того, чего преимущественно желает. "**Если это**", говорит, "**предприятие и это дело – от человеков, то оно разрушится**". Здесь, кажется мне, он предлагает им следующее умозаключение: если же не разорится, то, значит, это дело не человеческое. "**Берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками**". Сказал это с тем, чтобы удержать их и невозможностью и бесполезностью. "**Если от Бога, то вы не можете разрушить его**". Он не сказал: если Христос есть Бог, потому что самое дело доказывало это, не утверждал и того, что это дело не человеческое или что оно Божеское; но убедить их в этом предоставил будущему времени, и убедил. Если же он убедил их, то скажут, для чего они подвергли апостолов бичеванию? Неопровержимой справедливости слов его они не могли воспротивиться; но, несмотря на то, удовлетворили свою ярость; и, кроме того, опять надеялись таким образом устрашить (апостолов). К большему убеждению их ему способствовало и то, что он говорил это в отсутствии апостолов; и сладость его слов, и справедливость говоримого убеждали их. Он почти был для них проповедником евангелия; или лучше сказать, как бы обращается к ним с таким рассуждением: вы убедились, что вы не в силах разорить, – почему же вы не уверовали? Их проповедь так велика, что (получает) свидетельство и от врагов. Там восстали четыреста человек и затем много народа, а здесь первоначально было только двенадцать; следовательно, вам не нужно страшиться многочисленности, нападающей на вас. "**Если это дело – от человеков, то оно разрушится**". Он мог бы указать еще на другого египетского (возмутителя); но об этом говорить было бы уже излишне. Видел ли ты, как он в заключение речи своей устрашил их? Для того он и не высказывает своего мнения прямо, чтобы не показаться защитником апостолов; но выводит заключение из последствий дела. Он не решился прямо сказать, что это дело человеческое, или что оно от Бога; если бы он сказал, что оно от Бога, то они стали бы противоречить; а если бы (сказал, что оно) человеческое, то они тотчас бы восстали снова. Поэтому он советует им дождаться конца, сказав: "**отстаньте от людей сих и оставьте их**". А они опять угрожают апостолам, хотя и зная, что нисколько не будут иметь успеха, но все же настаивая на своем. Такова злоба: она часто домогается невозможного. После явился Иуда. Об этом подробнее можете узнать из книг Иосифа (Флавия), который

обстоятельно излагает историю этих событий (Иуд. древн. кн. 18, гл. 1, и кн. 20, гл. 2). Видел ли ты, какое Гамалиил имел дерзновение, когда сказал, что это "**от Бога**", так как из самих дел убедил их в этом уже после? Действительно, велико дерзновение, велико беспристрастие! "**Они послушались его**", говорит (писатель), "**и, призвав Апостолов, били их и, запретив им говорить о имени Иисуса, отпустили их**". Они устыдились мнения советника и потому оставляют намерение умертвить апостолов, только подвергнув бичеванию, отпускают их. "**Они же пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие**" (ст. 41). Каких знамений это не удивительнее! Ничего такого не было с древними, хотя и Иеремия за слово Божие подвергался бичеванию, и Илии угрожали, и прочим; между тем, здесь и этим самым, а не одними только знамениями, они являли силу Божию. Не сказал (писатель), что они не скорбели, но что, и скорбя, они радовались. Откуда это видно? Из последующего их дерзновения, потому что и после бичевания они непрестанно проповедовали. Свидетельствуя об этом, (писатель) говорит: "**в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе**" (ст. 42). "**В эти дни**". В каких? Когда это происходило, т.е., когда их бичевали, им угрожали и когда увеличивалось число учеников, тогда "**произошел у Еллинистов ропот**" (Деян.6:1). Быть может, оно возникло по причине множества (учеников), потому что в таком случае не может не быть затруднения. "**И из священников очень многие покорились вере**" (ст. 7). Этим намекает и указывает на то, что и из тех, кто были виновниками смерти Христовой, многие уверовали.

"**Произошел у Еллинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей**" (ст. 1). Следовательно, для вдовиц было ежедневное служение. И смотри, как он называет это служением, а не просто милостынею, возвышая чрез то и подающих, и приемлющих. Это (небрежение о вдовицах) происходило не от недоброжелательства, но, вероятно, от невнимательности по причине многолюдства. Потому это и поставлено было на вид, – а зло было немаловажное, – чтобы тотчас же исправить его. Видишь ли, как и в начале были неприятности не только отвне, но и внутри? Но ты смотри не на то только, что это исправлено, но и на то, что это было великое зло. "**Итак, братия, выберите из среды себя семь человек**" (ст. 3). Не по собственному усмотрению они поступают, но сначала оправдывают себя пред народом. Так и теперь надлежало бы поступать. "**Нехорошо нам**", говорят, "**оставив слово Божие, пещись о столах**" (ст. 2). Сперва писатель указывает на несовместимость (этих обязанностей) и разъясняет, что невозможно ревностно выполнять то и другое вместе. Ведь и тогда, когда они приступали к рукоположению Матфия, сперва указали на необходимость этого дела, потому что одного недоставало, а надлежало быть двенадцати. Так и здесь они выяснили необходимость. Впрочем, не прежде сделали это, как выждав, пока возник ропот; после же того уже не медлили, чтобы он не усилился.

3. Смотри, они представляют дело на суд их, а сами предуказывают, чтобы это были (мужи) угодные всем и одобряемые всеми. Когда нужно было избрать Матфия, тогда говорили: "**которые находились с нами во всё время**" (Деян.1:21); но здесь не так, потому что и дело было не таково. Поэтому они и не предоставляют избрания жребию, и сами не совершают его, хотя они, движимые Духом, и могли бы избрать; но настаивают на том более, что окажется по свидетельству народа. Определить число и рукоположить, когда была такая нужда, было их дело; но избрать мужей (достойных) они предоставляют всем, чтобы не навлечь на себя подозрения в лицеприятии. Так и Бог повелел Моисею избрать старейшин, кого он знал. Для подобных распоряжений требуется много мудрости. Не подумайте, чтобы, кому не вверено было слово (учения), тому не нужна была и мудрость; нет, нужна была, и великая. "**А мы**", говорит, "**постоянно пребудем в молитве и служении слова**" (ст. 4). И в начале и в конце речи они оправдывают себя. "**Пребудем**",

говорят. Так нужно было (в этих делах поступать), не просто и не как случилось, но постоянно пребывать. "**И угодно было**", говорит (писатель), "**это предложение всему собранию**" (ст. 5). Это достойно их мудрости; все одобрили сказанное: так оно было разумно! "**И избрали**", говорит, – и здесь все избирают, – "**Стефана, мужа, исполненного веры и Духа Святаго, и Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая Антиохийца, обращенного из язычников; их поставили перед Апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки**" (ст. 5-6). Отсюда видно, что они отделили избранных от народа, и сами привели их, а не апостолы. Заметь, как писатель не говорит ничего лишнего; он не объясняет, каким образом; но просто говорит, что они рукоположены были молитвою, потому что так совершается рукоположение. Возлагается рука на человека; но все совершает Бог, и Его десница касается головы рукополагаемого, если рукоположение совершается, как должно. "**И слово**", говорит, "**Божие росло и число**

учеников весьма умножалось" (ст. 7). Не без намерения он прибавил это, но чтобы показать, как велика сила благотворительности и распорядительности. Затем, намереваясь приступить к повествованию о происходившем со Стефаном, он наперед представляет причины того. "**И из священников очень многие покорились вере**". Они видели, что то, о чем предлагал им свое мнение начальник и учитель, они испытывают уже на самом деле. И достойно удивления, как народ не разделился при избрании тех мужей, и как не были уничижены пред ними апостолы.

А какой именно сан имели они и какое получили рукоположение, это необходимо рассмотреть. Не диаконское ли? Но эти распоряжения в церквах предоставляются не диаконам, а пресвитерам; притом, тогда не было еще ни одного епископа, а только апостолы. Потому, кажется мне, наименования диаконов и пресвитеров тогда не различались ясно и точно. По крайней мере, они были рукоположены на это (служение) и не просто были назначены, но о них молились, чтобы им была сообщена сила (благодати). Заметь, прошу, если нужны были для этого семь мужей, то как умножилось их имущество, как много было вдов! И молитвы совершались не просто, но с великим тщанием: потому-то и это дело, подобно проповеди, имело такой успех, так как в очень многом они успевали молитвами. Таким образом, им сообщены были и духовные (дары); они были посылаемы и в другие места; им вверено было и слово (учения). Но (писатель) не говорит об этом и не превозносит их, (внушая тем), что не следует оставлять порученного дела. Так и Моисеем (избранные старейшины) были научены – не все делать самим по себе (Исх.18:26). Потому и Павел говорит: "**только чтобы мы помнили нищих**" (Гал.2:10). Пойми, как они избрали их (диаконов). Постились, пребывали в молитве (Деян.2:42). Так и теперь должно бы быть. Этих же (писатель) назвал не просто духовными, но исполненными Духа и премудрости, показывая, что нужно было иметь великое любомудрие, чтобы сносить жалобы вдовиц. Что пользы, если иной, хотя не крадет, но все расточает? Или будет дерзок и гневлив? В этом отношении Филипп был достоин удивления. О нем (писатель) говорит: "**войдя в дом Филиппа благовестника, одного из семи диаконов, остались у него**" (Деян.11:8). Видишь, как у них ничего не делалось по (обычаю) человеческому? "**И число учеников весьма умножалось в Иерусалиме**" (ст. 7). В Иерусалиме возрастало число (верующих). Удивительно, что, где Христос был предан смерти, там и распространилась проповедь (о Нем). И не только никто из учеников не соблазнился, видя, что апостолы подвергаются бичеванию, одни им угрожают, другие искушают Духа, а иные ропщут, но все более умножалось число веровавших. Так они были вразумлены происшествием с Ананиею, и очень большой был страх между ними. Заметь, прошу, каким образом увеличивалось число верующих. Оно увеличилось уже после искушений, а не прежде того. Посмотри, сколь велико и человеколюбие Божие. Из тех самых архиереев, которые возбуждали народ к убиению (И. Христа), которые взывали

и говорили: "**других спасал, а Себя Самого не может спасти**" (Мф. 27:42), из тех самых "**очень многие**", говорит, "**покорились вере**" (ст. 7).

4. Будем же подражать Ему и мы. Он принял их, а не отверг. Так будем воздавать и мы своим врагам, хотя бы они причинили нам бесчисленное множество зол. Всем, что есть у нас доброго, воздадим им; не преминем оказывать и им благодеяния. Ведь если, терпя зло, можно удовлетворить ярость их, то гораздо больше – благодетельствуя им. Первое меньше последнего, потому что не все равно – благодетельствовать врагу, и пожелать или быть готову претерпеть (от него) большее зло. От последнего перейдем и к первому, что (и составляет) преимущество учеников Христовых. Они (иудеи) распяли Его, пришедшего благотворить им, подвергли бичеванию учеников Его, и после всего этого Он удостаивает их такой же чести, как и учеников Своих, сообщая и тем Свои блага наравне с этими. Будем, увещеваю вас, подражать Христу; в этом должно подражать Ему; это делает (человека) равным Богу; это есть дело вышечеловеческое. Возлюбим милосердие: оно есть руководитель и учитель любомудрия. Тот, кто научился быть милосердым к несчастному, научится и не злопамятствовать; а, научившись этому, в состоянии будет и благодетельствовать врагам. Научимся сострадать несчастьям ближних; тогда научимся переносить от них и зло. Спросим самого того, кто враждует против нас: не осуждает ли он сам себя, не желал ли бы и он быть любомудрым, не скажет ли он, что все это происходит от гнева, от малодушия или от досады, не хотел ли бы и он быть лучше в числе оскорбляемых и молчаливо переносящих (обиды), нежели в числе оскорбляющих и неистовствующих, не с удивлением ли и он отходит от переносящего (обиды) терпеливо? Не подумай, будто это делает (людей) презренными. Ничто так не делает презренными, как нанесение обид; и ничто так не делает почтенными, как перенесете обид. Первый (причиняющий обиды) есть злодей, а последний (переносящий обиды) есть человек любомудрый; тот ниже человека, а этот равен ангелам. Хотя бы (оскорбляемый) был и меньше оскорбителя, однако и он, если бы захотел, мог бы мстить; а как он не делает этого, то все и сострадают ему, а того ненавидят. Чтож? Не гораздо ли поэтому он лучше первого? На того все будут смотреть, как на безумного, а на него, как на благоразумного. Поэтому, если кто станет побуждать тебя осудить кого-нибудь, скажи ему: я не могу сказать что-нибудь худое про него; боюсь, что он, быть может, не таков. Никогда не говори (худого о другом) даже и в уме, тем более пред другими. Не ропщи на него и перед Богом. Если узнаешь, что об нем отзываются худо, защити его; скажи: это слова страсти, а не человека, – гнева, а не друга, – исступления, а не души. Так будем рассуждать при всяком прегрешении. Не ожидай, пока огонь возгорится, но прежде этого потуши его; не раздражай дикого зверя, но удержи прежде, чем он раздражится; ты уже не в состоянии будешь потушить, когда пламя разгорится. И что о нем сказали? Что он безумен и глуп? Но к кому более относятся эти слова: к тому ли, о ком говорят, или – кто говорит? Последний, хотя бы был очень мудрый человек, заслуживает название глупого; а первый, хотя бы и не был умен, (заслуживает название) человека благоразумного и любомудрого. Кто глуп, скажи мне: тот ли, кто приписывает другому то, чего на самом деле нет, или тот, кто и при этом случае не смущается? Если оставаться спокойным, когда беспокоят, есть знак любомудрия, то раздражаться без всякого побуждения не есть ли великое безумие? Я уже не говорю о том, какое место наказания уготовано оскорбляющим и злословящим ближнего (Мф.5:22). Но еще что сказали о нем? Что он бесчестный из бесчестных, низкий из низких? Опять (говорящий это) обращает поношение на себя самого. Тот окажется честным и почтенным, а этот поистине низким. Поставлять в укоризну такие вещи, т.е. незнатность происхождения, подлинно свойственно душе низкой; а тот будет великим и достойным удивления, если он нисколько не думает об этом, но остается в таком положении, как будто бы о нем говорили, что он имеет нечто превосходное пред прочими. Скажут ли, что он прелюбодей, и тому подобное? В таком случае можно и посмеяться: когда совесть не укоряет, тогда не может быть места гневу. Поняв, какие дурные и

отвратительные произносят выражения, не следует скорбеть и от этого, потому что (произносящий их) уже открыл то, о чем всякий мог бы узнать впоследствии времени, а чрез то сделал себя для всех уже не заслуживающим доверия, как человек, не умеющий скрывать недостатков ближнего, и таким образом постыдил более себя самого, нежели другого, заградил для себя всякую пристань и подверг себя страшной ответственности на будущем суде. Все будут отвращаться не столько от того, сколько от его самого, как обнаружившего то, чего не следовало бы открывать. И ты не все говори, что знаешь, но об ином умолчи, если хочешь снискать себе добрую славу. Чрез это ты не только опровергнешь сказанное (другими) и прикроешь (недостатки ближнего), но сделаешь и другое доброе дело: не попустишь произносить суд против себя самого. О тебе худо отзывается кто-нибудь? А ты скажи: если бы он знал все, то и не это только сказал бы (обо мне). Вы изумляетесь и удивляетесь сказанному? Но так должно поступать. Все, сказанное вам, мы заимствуем отвне не потому, чтобы в Писаниях не было бесчисленных на то доказательств, но потому, что это скорее может пристыдить (вас). И Писание иногда имеет целью пристыдить, как, напр., когда говорит: "**не так же ли поступают и язычники?**" (Мф.5:47) Пророк Иеремия привел в пример сыновей Рихава, которые не согласились нарушить заповеди отца своего (Иер.25). Мариам и другие вместе с нею роптали на Моисея; но он своею молитвою немедленно избавил их от наказания и не попустил, чтобы кто-нибудь узнал, что они за него наказаны (Числ.12). А у нас не так; напротив, мы того особенно и хотим, чтобы все знали, что обида осталась не отомщенною. Доколе мы будем жить (жизнью) земною? Не может быть борьбы, когда только одна (противящаяся) сторона; если вооружишь ту и другую сторону неистовствующих, то еще более раздражишь их; а если (только) правую или левую, то укротишь ее ярость. Наносящий удары, когда имеет пред собою человека, сопротивляющегося ему, то еще более раздражается; а когда – покоряющегося, то скорее утихает и удары обращаются на него самого. Не столько укрощает силу врага человек искусный в борьбе, сколько человек оскорбляемый и не отвечающий тем же, потому что враг, наконец, отступает от него посрамленный и осужденный, во-первых – своею совестью, и, во-вторых – всеми видевшими. Есть одна пословица: почитающий (других) почитает самого себя. Следовательно, и посрамляющий (других) посрамляет самого себя.

Никто, снова скажу, не может обидеть нас, кроме нас самих; и бедным никто не сделает меня, кроме меня самого. Объясним это так: пусть будет у меня душа низкая и все жертвуют мне деньги. Что из этого? Пока душа не переменится, то все напрасно. Пусть будет у меня душа великая и все берут от меня деньги. Что из этого? Пока ты не сделаешь ее низкою, то нет никакого вреда. Пусть жизнь моя будет нечистая, а все говорят обо мне противное. Что из этого? Они хотя и говорят так, но в душе судят обо мне не так. Или пусть жизнь моя будет чистая, а все говорят обо мне противное. Что ж из этого? Ведь они сами себя осудят в своей совести, потому что говорят не по убеждению. Не нужно принимать к сердцу как похвал, так и порицаний. Что я говорю? Никто не в состоянии будет повредить нам клеветою или каким-нибудь порицанием, если мы захотим того. Объясним это так: пусть кто-нибудь влечет (нас) на судилище, пусть злословит, пусть, если хочешь, домогается лишить жизни. Чтож значит – несколько времени потерпеть это невинно? Но это самое, скажут, и есть зло. Напротив, пострадать невинно – это и есть добро. Что? Неужели нужно страдать не невинно? Так, скажу при этом, один философ из внешних (язычников), когда услышал, что такой-то лишен жизни, и когда один из учеников его сказал: жаль, что несправедливо, обратившись к нему, сказал: чтож, тебе хотелось бы, чтоб – справедливо (Сократ у Ксенофонта)? И Иоанн (Креститель) не несправедливо ли лишен жизни? Кого же ты более жалеешь, того ли, кто лишен жизни несправедливо, или кто напротив? Не считаешь ли ты последнего несчастным, а первому не удивляешься ли? Что же несправедливого потерпел человек, который и от самой смерти получил большую пользу, а не только что никакого вреда? Если бы (невинная

смерть) делала бессмертного смертным, тогда подлинно был бы вред. Если же смертного, которого по природе чрез несколько времени должна постигнуть смерть, кто-нибудь поспешил предать смерти со славою, то какой здесь вред? Итак, пусть будет у нас душа хорошо настроена, и тогда не будет нам никакого вреда отвне. Но ты не в славе? Чтож из этого? Что мы сказали о богатстве, тоже и, о славе. Если я велик, то ни в чем не буду нуждаться; а если тще- славен, то чем больше буду приобретать, тем большего буду желать. Тогда-то в особенности я и буду знатен и достигну большей славы, когда буду презирать славу. Итак, познав это, возблагодарим Христа Бога нашего, даровавшего нам такую жизнь, и будем проводить ее во славу Его, так как Ему подобает слава со безначальным Отцом и Святым Его Духом во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 15

"А Стефан, исполненный веры и силы, совершал великие чудеса и знамения в народе" (Деян.6:8).

1. Смотри, как и в числе семи один был главный и имел первенство. Хотя рукоположение было общее, но он, однако, получил большую благодать. Он не творил знамений прежде, но когда уже сделался известным, чтобы явно было, что для этого не довольно одной благодати, но нужно еще рукоположение, которое умножало (дары) Духа. Они и прежде были исполнены Духа, но то от купели (крещения). "**Некоторые из так называемой синагоги**" (ст. 9). Восстанием (писатель) опять называет раздражение и гнев их. Посмотри, и здесь великое множество (восставших); но уже другой вид обвинения. Так как Гамалиил воспрепятствовал им судить апостолов за то (дело), то они взносят обвинение другого рода. "**Некоторые из так называемой синагоги Либертинцев и Киринейцев и Александрийцев и некоторые из Киликии и Асии вступили в спор со Стефаном; но не могли противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил. Тогда научили они некоторых сказать: мы слышали, как он говорил хульные слова на Моисея и на Бога**" (ст. 9-11). Для составления обвинения, утверждают, будто он говорит против Бога и Моисея. Для того и состязались с ним, чтобы вынудить его сказать что-нибудь подобное. Но он, хотя потом объяснялся очень прямо, но говорил только о прекращении закона, или даже не говорил ясно, а только намекал на это, потому что, если бы он сказал об этом ясно, то не было бы нужды ни в клеветниках, ни в лжесвидетелях. Синагоги были разные: либертинцев и киринейцев. Киринейцы – это те, которые имели синагоги по ту сторону Александрии, между тамошними народами; но, может быть, они жили и здесь (в Иерусалиме), чтобы не быть в необходимости часто приходить (сюда). А либертинцами называются римские вольноотпущенники. Так как здесь жило много иностранцев, то и они имели синагоги, в которых читали закон и совершали молитвы. Заметь, прошу, Стефан начинает учить, будучи вынужден к тому; а они со своей стороны возбуждаются ненавистью против него не только за знамения, но и потому, что он превосходил их в слове, и, как на (человека) нестерпимого для них, представляют лжесвидетелей. Они не хотели лишать (апостолов) жизни просто, но по судебному приговору, чтобы и славе их повредить, и тех, которые отступят от них, привлечь на свою сторону: они надеялись таким образом устрашить их. И не сказали: говорит; но: "**не перестает говорить**", чтоб усилить обвинение. "**И возбудили народ и старейшин и книжников и, напав, схватили его и повели в синедрион. И представили ложных свидетелей, которые говорили: этот человек не перестает говорить хульные слова на святое место сие и на закон**" (ст. 12, 13). "**Не перестает**", говорят, выражая тем, будто он (теперь же) делает это дело. "**Ибо мы слышали, как он говорил, что Иисус Назорей разрушит место сие и переменит обычаи, которые передал нам Моисей**" (ст. 14). "**Иисус**", говорят, "**Назорей**", – прибавляя для укоризны, – "**разрушит место сие и переменит обычаи**". Тоже говорили они, когда и Христа обвиняли: "**Разрушающий**

храм" (Мф.27: 40). Они весьма благоговели пред храмом, при котором и жить хотели, – также пред именем Моисея. Обвинение, заметь, двоякое: "**разрушит**", говорят, "**место сие и переменит обычаи**". И не только двоякое, но и тяжкое, и исполненное опасностей. "**И все, сидящие в синедрионе, смотря на него, видели лице его, как лице Ангела**" (ст. 15). Так могут блистать находящиеся и на низшей степени (служения)! В самом деле, скажи мне, чего у него не доставало в сравнении с апостолами? Не творил ли и он знамений? Не явил ли и он великого дерзновения? "**Видели**", говорит (писатель), "**лице его, как лице Ангела**". Это была, следовательно, благодать; в этом состояла и слава Моисея. Бог соделал его исполненным такой благодати, кажется мне, для того, чтобы в то время, как он намеревался говорить, самим видом его тотчас поразить их. Могут, подлинно могут лица, исполненные духовной благодати, быть вожделенными для любящих и поразительными и страшными для ненавидящих. Или, быть может, (писатель) указал на это, как на причину, почему они дозволили ему говорить речь. Что же архиерей? "**Так ли это?**", говорит он (Деян.7:1). Видишь, как вопрос его кроток и не заключает в себе ничего оскорбительного? Поэтому и Стефан кротко начинает свою речь и говорит: "**мужи братия и отцы! послушайте. Бог славы явился отцу нашему Аврааму в Месопотамии, прежде переселения его в Харран**" (ст. 2). С самого начала он уже опровергает их мнение и этими словами несомненно доказывает, что и сам храм и обычаи – ничто, и что они не в состоянии остановить проповеди, а Бог всегда творит и устрояет все, что кажется невозможным. Посмотри, как последовательно в речи своей он доказывает, что те, которые всегда пользовались особенным благоволением (Божиим), воздали своему Благодетелю противным и замышляют невозможное. "**Бог славы явился отцу нашему Аврааму и сказал ему: выйди из земли твоей и пойди в землю, которую покажу тебе**" (ст. 2-3).

2. Не было ни храма, ни жертвоприношения, но Авраам сподобился Божественного видения, хотя имел предками персов (т.е. народ, живший в пределах Халдеи и Месопотамии) и жил на чуждой земле. И почему (Стефан) в начале своей речи назвал Бога "**Богом славы**"? Потому, что Он бесславных соделал славными; и для того, чтобы научить, что, если Он прославил тех, то тем более прославит их (апостолов). Видишь ли, как он отвлекает их от предметов чувственных и прежде всего от места, так как речь шла о месте? "**Бог славы**". Если Он – Бог славы, то, очевидно, Он не имеет нужды в прославлении от нас, или посредством храма; Он сам есть источник славы. Поэтому не подумайте прославлять Его таким образом. Как же, скажут, ведь Писание говорит это об отце Авраама (Быт.11:31)? Оно не говорит ничего лишнего, ничего кроме самого необходимого. Что полезно было узнать, тому только оно и научило нас, именно, что (Фарра) после откровения сыну вышел вместе с ним; а больше ничего не говорит о нем, потому что он вскоре по переселении в Харран скончался. "**Выйди из родства твоего**" (ст. 3). Этим Стефан показывает, что они не чада Авраама. Каким образом? Тем, что тот был послушен, а они непослушны; и из того, что он сделал по повелению (Божию), мы видим, что он претерпевал труды, а они лишь собирают плоды, между тем как все праотцы терпели озлобления. "**Тогда он вышел из земли Халдейской и поселился в Харране; а оттуда, по смерти отца его, переселил его Бог в сию землю, в которой вы ныне живете. И не дал ему на ней наследства ни на стопу ноги**" (ст. 4, 5). Смотри, как он отвлекает их от земли; не сказал: даст, но: "**не дал**", выражая тем, что все от Него и ничего от них. Ведь (Авраам) вышел, оставив родных и отечество. Почему же "**не дал**"? Потому что (эта земля) была образом другой, которую Бог и обещал дать ему. Видишь ли, что не просто Стефан ведет речь свою? "**Не дал ему**", говорит, "**а обещал дать ее во владение ему и потомству его по нем, когда еще был он бездетен**" (ст. 5). Опять отсюда открывается всемогущество Божие и то, как Он творит все, что (кажется) невозможным: когда Авраам был еще в Персии и на таком расстоянии, Бог сказал, что Он сделает его владыкою Палестины. Но обратимся к вышесказанному. "**Смотря на него**", говорится,

"**видели лице его, как лице Ангела**". Отчего в Стефане процвела такая благодать? Не от веры ли? Очевидно, что так; о нем выше засвидетельствовано, что он был исполнен веры. Следовательно, можно иметь благодать и кроме (благодати) исцелений; потому и апостол говорит: "**одному дается Духом слово мудрости, иному дары исцелений**" (1Кор. 12:8,9). Здесь словами: "**видели лице его, как лице Ангела**", кажется мне, намекается на то, что он был исполнен благодати, как говорится это и о Варнаве (Деян.4:36). Отсюда мы видим, что люди простые и незлобивые возбуждают к себе особенное удивление и преимущественно бывают исполнены благодати. "**И представили ложных свидетелей, которые говорили: этот человек не перестает говорить хульные слова**". Прежде об апостолах говорили, что они проповедовали воскресение, и что к ним стекалось множество народа; а теперь, – что они исцеляли. О, безумие! За что нужно было благодарить, за то осуждали, – и тех, которые были сильны делами, надеялись преодолеть словами (как поступали и со Христом) и постоянно старались уловить их в словах, потому что стыдились прямо схватить их, не имея ничего, в чем бы обвинить их. И посмотри, судьи не сами лжесвидетельствуют, – потому что их уличили бы, – а подкупают других, чтобы это дело не показалось насилием. Тоже самое, как видим, было и со Христом. Видел ли ты силу проповеди, как она действует, несмотря на то, что (проповедники) не только подвергаются бичеванию, но и побиваются камнями, не только ведутся на суд, но и отвсюду изгоняются? И здесь, несмотря на лжесвидетельство, (враги) не только не преодолевали, но и не в состоянии были противостоять, хотя были крайне бесстыдны; с такою силою она поражала их, хотя они делали много ухищрений, подобно как и против Христа, для умерщвления Которого употребляли все свои усилия, так что после того для всех стало ясно, что это была борьба не людей между собою, но борьба между Богом и людьми. Посмотри, что говорят лжесвидетели, поставленные теми, которые злодейски привлекли его в судилище. "**Мы слышали, как он говорил хульные слова на Моисея и на Бога**". Бесстыдные! Вы сами совершаете дела хульные против Бога и не думаете об этом, а притворяетесь ревнующими за Моисея? Моисей потому и поставлен наперед, что о Божием они немного заботились; о Моисее упоминают и выше и ниже: "**Моисей**", говорят, "**который вывел нас**" (Деян.7:40), желая тем возбудить легкомыслие народа. Как человек богохульный мог бы остаться победителем? Как человек богохульный мог бы творить такие знамения в народе? Но такова зависть; она подвергшихся ей делает безумными, так что они даже не понимают, что говорят. "**Мы слышали**", говорят, "**как он говорил хульные слова на Моисея и на Бога**"; и далее: "**этот человек не перестает говорить хульные слова на святое место сие и на закон**", и прибавляют: "**которые передал нам Моисей**", а не Бог (Быт.6:11-14).

3. Видишь ли, как обвиняют его в нарушении общественного порядка и в нечестии? Но что ему не свойственно было говорить это и быть так дерзким, это очевидно для всякого; и самое лицо его отличалось кротостью. Так, когда не клеветали (на апостолов), то Писание не говорит ничего подобного; а как здесь все – клевета, то Бог естественно опровергает ее и самым видом его. На апостолов не клеветали, но им запрещали; а на Стефана клевещут; потому прежде всего самое лице защищает его. Может быть, оно-то пристыдило и архиерея. Выражением: "**обещал**" Стефан указывает на то, что обетование дано было прежде места, прежде обрезания, прежде жертвы, прежде храма, и что они не по достоинству своему получили и обрезание, и закон, но что единственно за послушание (Авраамово) наградою была эта земля, и даже исполнение обетования произошло еще прежде установления обрезания; что все это были прообразы, и оставление отечества и родных по повелению Божию (там ведь и отечество, куда приведет Бог), и неполучение здесь наследия; что иудеи (отрасль) персов, если надлежащим образом исследовать; что словам Божиим должно повиноваться и без знамений, хотя бы и встретилось что-нибудь прискорбное, так как и патриарх оставил гроб отца и все из повиновения Богу. Если же отец его не сопутствовал ему при переселении его в Палестину, потому что не веровал (в

истинного Бога), то тем более потомки не будут участвовать в этом, хотя бы они прошли и большую часть пути, потому что не подражали добродетели праотца. "**Обещал**", говорит, "**дать ее во владение ему и потомству его по нем**". Здесь указывается и великое человеколюбие Божие, и вера Авраама. Уверенность Авраама в этом, еще "**когда еще был он бездетен**", доказывает и послушание, и веру его, хотя обстоятельства представляли противное, т.е., по пришествии он не получил ни "**на стопу ноги**", не имел и сына, что могло препятствовать вере. Зная это, будем и мы принимать все, что обещает Бог, хотя бы иногда и случалось противное; впрочем, у нас не бывает противного, но все совершенно последовательно. Где обещают (одно приятное), а между тем случается напротив, там действительно бывает противное; а у нас наоборот: здесь Он обещал скорби, а там блаженство. Зачем же смешивать (различные) времена? Зачем горнее делать дольним? Скажи мне, ты скорбишь, что живешь в бедности и смущаешься от этого? Не смущайся; достойно скорби то, если там тебе придется мучиться; а настоящая скорбь может быть причиною блаженства. "**Эта болезнь**", говорит (Господь), "**не к смерти**" (Ин.11:4). Будущая скорбь есть наказание, а настоящая – вразумление и исправление. Настоящая жизнь есть время борьбы; следовательно, нужно бороться; здесь война и брань. На войне никто не ищет покоя, на войне никто не думает об удовольствиях, никто не заботится об имуществе, никто не беспокоится о жене; но печется только об одном, как бы одолеть врагов. Так будем поступать и мы. И если мы победим и возвратимся с трофеями, то Бог подаст нам все. Об одном только нам надобно стараться, как бы одолеть диавола; а лучше сказать, и это не есть дело наших усилий, но все – благодати Божией. Об одном только нам надобно стараться, чтобы приобрести благодать Его, чтобы стяжать себе помощь Его. "**Если Бог за нас, кто против нас?**", говорится (Рим.8:31). Об одном только будем стараться, чтобы Он не стал врагом нашим, чтобы Он не отвратился от нас.

4. Не перенесение бедствий есть зло, но грех – зло. Он великое бедствие, хотя бы мы жили в удовольствиях; не говорю, в будущей жизни, но и в настоящей. Что, – думаешь, – значит испытывать угрызения совести? Не хуже ли это всякой пытки? Я хотел бы тщательно расспросить живущих во зле, не помышляют ли они иногда о своих грехах, не трепещут ли они при этом, не страшатся ли, не скорбят ли, не ублажают ли тех, которые живут в посте, в горах, в любомудрии. Ты хочешь получить блаженство там? Потерпи здесь ради Христа; ничто не может сравняться с этим блаженством. Апостолы радовались, когда их подвергали бичеванию. К этому увещевает и Павел, когда говорит: "**радуйтесь всегда в Господе**" (Флп.4:4). Как можно, скажут, радоваться там, где узы, где пытки, где судилища? Здесь-то в особенности и можно радоваться. А как можно радоваться при этих условиях, послушай. Кто ничего не знает за собою, тот всегда будет в великой радости, так что, чем больше будешь говорить ему о бедствиях, тем больше доставишь ему удовольствия. Вот, скажи мне, воин, получивший множество ран и окончивший брань, не с великим ли удовольствием будет возвращаться домой, имея в самых ранах основание к своему ободрению, славе и знаменитости? И ты, если бы мог сказать то же, что сказал Павел: "**я ношу язвы Господа Иисуса**" (Гал.6:17), то мог бы сделаться великим, славным и знаменитым. Но теперь нет гонений? Восстань против тщеславия; если кто скажет против тебя что-нибудь, не убойся выслушать о себе худое ради Христа. Восстань против тирании, гордости; восстань против нападений гнева, против мук вожделения; и это – раны, и это – мучения. Скажи мне, какое из мучений всех ужаснее? Не то ли, когда душа мучится и терзается? Там (в телесных мучениях) страдает больше тело, а здесь все относится к душе. Она болезнует, когда (человек) гневается, завидует или что-нибудь подобное делает, или лучше сказать – когда страдает: ведь иметь гнев, зависть, – не значит действовать, но страдать (πάσχειν); потому и называются страстями (πάθη) души, ранами, язвами. Подлинно, это страдание, и даже ужаснее страдания.

Поймите же, гневающиеся, что вы делаете это по страсти. Следовательно, кто не гневается, тот не страдает. Видишь ли, что не тот страдает, кто терпит обиды, а тот, кто наносит их, о чем я уже говорил? А что он действительно страдает, это видно и из того, что такое состояние называется страстью, и из самого тела его, так как от гнева рождаются болезни: тупость зрения, сумасшествие и многие другие. Но, скажешь, он оскорбил моего сына, моего слугу? Не подумай, что с твоей стороны будет слабость, если и сам ты не сделаешь того же. Скажи мне, хорошо ли это было бы? Нельзя, думаю, сказать, (что хорошо); поэтому не делай того, что не хорошо. Знаю, какие являются при этом гневные движения. А что, скажешь, если он окажет презрение, или опять будет досаждать? "**Обличай, запрещай, увещевай**" (2Тим.4:2); гнев побеждается кротостью; приди к нему и обличи. Впрочем, за себя самих и этого не должно делать, но за прочих делать это необходимо. Оскорбления, нанесенного твоему сыну, не считай обидой себе самому, пожалей также и о том, но не так, как бы ты сам был оскорблен; когда сын твой потерпел зло, то не ты пострадал, а тот, кто совершил зло. Укроти (гнев) – этот острый меч: пусть он остается в ножнах. Если мы обнажим его, то, увлекаясь им, часто будем употреблять его и безвременно; а если он будет скрыт, то хотя бы и случилась нужда, гнев укротится. Христос не желает, чтобы мы гневались даже за Него; послушай, что Он сказал Петру: "**возврати меч твой в его место**" (Мф.26:52); а ты гневаешься за сына? Научи и сына быть любомудрым; расскажи ему о страданиях Господа; подражай твоему Учителю. Когда апостолам предстояло терпеть поношения, Он не сказал: Я отомщу; но что? "**Меня гнали, будут гнать и вас**". Поэтому терпите мужественно; вы не больше Меня (Ин.15:20). Тоже скажи и ты своему сыну и рабу: ты не больше господина твоего. Но эти внушения любомудрия кажутся недостаточными? Увы, словом нельзя выразить так, как можно научиться самим опытом. Когда ты стоишь между двумя враждующими сторонами, то будь на стороне обижаемых, а не обижающих, – и узнаешь, не будет ли на твоей стороне победа, не получишь ли блистательных венцов. Посмотри, как Бог, будучи оскорбляем, отвечает кротко и милостиво: "**Где**", говорит Он, "**Авель, брат твой**"? Что же отвечает Каин? "**Не знаю; разве я сторож брату моему?**" (Быт.4:9) Что надменнее этого ответа? Если бы даже от сына кто-нибудь услышал это, или от брата, не принял ли бы такого поступка за оскорбление? Но Бог опять кротко отвечает: "**голос крови брата твоего вопиет ко Мне**". Но Бог, скажешь, выше гнева? Для того-то и снизошел Сын Божий, чтобы сделать тебя богоподобным, насколько это возможно для человека. Но это, скажешь, невозможно для меня, как для человека? Так мы представим тебе в пример людей же. И не подумай, что я укажу на Павла или Петра; нет, на людей меньше и гораздо ниже их. Раб Илия оскорбил Анну, сказав: "**доколе ты будешь пьяною?**". Что обиднее этого? Но что она? "**Я – жена, скорбящая духом**" (1Цар.1,14). Подлинно, нет ничего лучше скорби; она мать любомудрия. Эта самая жена, имея у себя соперницу, не оскорбила ее; но что? Прибегает к Богу и во время молитвы даже не вспоминает о ней, не говорит: меня оскорбляет такая-то, отомсти ей за меня; такого-то любомудрия была исполнена жена (устыдимся же мы – мужи), хотя вы знаете, что нет ничего равного ревности.

5. Мытарь, оскорбленный фарисеем, не воздал ему оскорблением, хотя бы и мог, если бы захотел; но с любомудрием перенес это, сказав: "**Боже! будь милостив ко мне грешнику!**" (Лк.18:13). Мемфиваал, обвиненный и оклеветанный рабом, не сказал и не сделал ему ничего худого, даже пред самим царем (2Цар. 16:3; ср. 1Парал.8:35). Хочешь ли услышать о любомудрии и блудницы? Послушай, что говорил Христос, когда она отирала ноги Его волосами своими: "**мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие**" (Мф.21:31). Ты знаешь, как она стояла, плакала и омывала грехи свои? Посмотри же, как она не гневалась на фарисея, будучи им оскорбляема. "**Если бы**", говорит он, "**знал бы**", что эта жена есть "**грешница**", не допустил бы ее к Себе (Лк.7:39). Но она не сказала ему: что, скажи мне, сам ты чист ли от грехов? – а еще более сокрушалась, более

скорбела и проливала более горячие слезы. Если же и женщина, и мытари, и блудницы любомудрствуют, и, притом, прежде (получения) благодати, то какого прощения удостоимся мы, когда при такой благодати хуже диких зверей враждуем, угрызаем и терзаем друг друга?

Нет ничего постыднее гнева; ничего бесчестнее, ничего ужаснее, ничего неприятнее, ничего вреднее его. Говорю это не к тому, чтобы мы были кротки только в отношении к мужам, но чтобы ты терпел, если бы и жена досаждала тебе словами. Пусть и жена будет для тебя поприщем борьбы и училищем. Не безумно ли заниматься упражнениями, не приносящими никакой пользы и даже изнуряющими тело, а дом свой не делать училищем, которое доставляет нам венец прежде подвигов? Жена оскорбляет тебя? Не будь сам женщиной; ведь оскорблять свойственно женщине; это – болезнь души, порок. Не сочти бесчестным для себя, когда жена оскорбит тебя. Бесчестно, если ты оскорбляешь ее, а она любомудрствует; тогда ты поступаешь низко, тогда ты терпишь вред; если же ты, будучи оскорбляем, терпишь, то это – великое доказательство твоей силы. Говорю это не к тому, чтобы расположить женщин к нанесению обид, – да не будет! – но к тому, чтоб, если бы когда и случилось это по наущению сатанинскому, то вы терпели бы. Мужам, как сильным, свойственно переносить (обиды от) слабых. Если и слуга будет противоречить, ты перенеси с любомудрием; не то, чего он заслужил от тебя, говори и делай, но – что тебе нужно говорить и делать. Никогда, в оскорбление девицы, не произноси срамного слова; никогда не называй раба подлым, потому что этим ты унижаешь не его, а себя. Невозможно гневающемуся не выйти из себя, подобно морю, когда оно волнуется, или источнику остаться чистым, когда в него откуда-нибудь бросают грязь: так все здесь перемешивается, или, лучше сказать, все становится вверх дном! Если ты кого-нибудь ударил или разорвал на нем одежду, то причинил больше вреда себе самому; у него рана остается на теле и одежде, у тебя же на душе. Ее ты растерзал, ее ты поразил; всадника поверг под ноги лошадей, сделал то, что они влачат его, ниспровергнутого навзничь; и происходит тоже, как если возница, рассердившись на другого, сам потом влачится (по земле). Когда ты наказываешь или вразумляешь, или делаешь что-нибудь подобное, (делай) без ярости и гнева. Если наказывающий есть врач согрешающего, то как он может исцелить другого, причинив наперед зло себе и не исцеляя самого себя? Скажи мне, если какой-либо врач пойдет лечить другого, поранив наперед руку у себя или ослепив наперед свои глаза, – неужели в таком состоянии он исцелит другого? Нет, скажешь. Так точно и ты, когда кого наказываешь или вразумляешь, то пусть светло смотрят глаза твои. Не возмути ума своего, – иначе как совершишь ты исцеление? А он не может быть одинаково спокоен у человека не гнвающегося и разгневанного. Зачем, ниспровергнув учителя с его седалища, советуешься с ним, лежащим на земле? Не видишь ли, как судьи, намереваясь производить суд, садятся на своем седалище и в одежде благопристойной? Так поступи и ты: укрась душу свою одеждой судии (а она есть кротость), и тогда садись производить суд на своем седалище. Но, скажешь, не будет бояться? Нет, гораздо больше убоится. В противном случае, хотя бы ты сказал и правду, раб припишет это гневу, а если (скажешь) кротко, то он осудит сам себя; главное же, ты сделаешь угодное Богу, и таким образом сподобишься вечных благ, – по благодати, щедротам и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 16

"И сказал ему Бог, что потомки его будут переселенцами в чужой земле и будут в порабощении и притеснении лет четыреста. Но Я, сказал Бог, произведу суд над тем народом, у которого они будут в порабощении; и после того они выйдут и будут служить Мне на сем месте" (Деян.7:6, 7).

1. Смотри, за сколько лет (дано) это обетование и каков образ обетования, тогда как (не было) ни жертвы, ни обрезания. Здесь Стефан показывает, что сам Бог попустил иудеям пострадать и что (враги их) не останутся без наказания. "**Будут в порабощении и притеснении, произведу суд, сказал Бог**". Видишь ли? Обещавший и даровавший землю сперва попускает бедствия. Так и теперь: обещав царствие, Он попускает испытывать искушения. Если здесь чрез четыреста лет свобода, то что удивительного, если не иначе бывает и с царствием? Бог, однако, исполнил (Свое обетование) и от продолжительного времени слово Его не оказалось ложным, хотя они (иудеи) терпели не легкое рабство. Стефан не останавливается на одних наказаниях их, но возвещает и о дарованных им благах. Этим, кажется мне, он напоминает им о полученных ими благодеяниях. "**И дал ему завет обрезания. По сем родил он Исаака**" (ст. 8); и потом далее прибавляет: "**и обрезал его в восьмой день; а Исаак родил Иакова, Иаков же двенадцать патриархов. Патриархи, по зависти, продали Иосифа в Египет**" (ст. 8, 9). Тоже было и со Христом, так как Иосиф был прообразом Его. Это имея в виду, Стефан и излагает вполне его историю. Они не могли ни в чем обвинить его, но дурно поступили с ним, когда он пришел к ним с пищею. Посмотри, и здесь также обетование отдаленное, но, несмотря на то, наконец исполняется. "**Но Бог был с ним**"; и, притом, из-за них: "**и избавил его от всех скорбей его**" (ст. 10). Здесь он показывает, что они, сами того не зная, содействовали (исполнению) пророчества и сами были виновниками того, а бедствия обратились на них же самих. "**И даровал мудрость ему и благоволение царя Египетского фараона**" (ст. 10). "**Даровал мудрость ему и благоволение**", и это пред царем языческим, рабу и пленнику; его братья продали, а тот почтил. "**И пришел голод и великая скорбь на всю землю Египетскую и Ханаанскую, и отцы наши не находили пропитания. Иаков же, услышав, что есть хлеб в Египте, послал туда отцов наших в первый раз. А когда [они пришли] во второй раз, Иосиф открылся братьям своим**" (ст. 11-13). Они пришли купить (хлеба) и имели в нем нужду. Что же он? Он не только в этой нужде проявил им человеколюбие, но и объявил о том фараону и переселил их туда. "**И известен стал фараону род Иосифов. Иосиф, послав, призвал отца своего Иакова и все родство свое, душ семьдесят пять. Иаков перешел в Египет, и скончался сам и отцы наши; и перенесены были в Сихем и положены во гробе, который купил Авраам ценою серебра у сынов Еммора Сихемова. А по мере, как приближалось время исполниться обетованию, о котором клялся Бог Аврааму, народ возрастал и умножался в Египте, до тех пор, как восстал иной царь, который не знал Иосифа**" (ст. 13-18). Еще новая неожиданность: первая – голод, вторая – та, что они впали в руки брата, а третья – та, что царь издал повеление умерщвлять (потомков их); и, однако они спаслись от всего этого. Показывая (в этом) премудрость Божию, (Стефан) говорит далее: "**в это время родился Моисей, и был прекрасен пред Богом**" (ст. 20). Если удивительно, что Иосиф был продан братьями, то еще более удивительно, что царь воспитал того, кто впоследствии ниспроверг царство его, (воспитал) сам, долженствовавший погибнуть от него.

Видишь ли, как в (Писании) почти везде предъизображается воскресение мертвых? Подлинно, не все равно, совершается ли что-нибудь от самого Бога, или происходит от воли человеческой. А это произошло не от воли человеческой. "**И был силен в словах и делах**" (ст. 22). Этими словами выражает, что он был их избавитель, а они – неблагодарны к благодетелю. Как тогда (братья) были избавлены пострадавшим Иосифом, – так и теперь они избавлены пострадавшим, т.е., Моисеем. Что из того, если они не умертвили его самим делом? Они, подобно тем, умертвили его словом. Те продали (Иосифа) из своей страны в другую, чужую: а эти изгоняют (Моисея) из страны чужой в чужую; там – принесшего пищу, а здесь – руководившего их к Богу. Так и в этих событиях открывается справедливость сказанного Гамалиилом: "**если от Бога, то вы не можете разрушить его**" (Деян.5:39). Ты же видя, как гонимые бывают виновниками спасения гонителей, удивляйся премудрости и разуму Божию. Если бы первые не были гонимы, то последние

не спаслись бы. Настал голод, и они не погибли; и не только не погибли, но были спасены тем самым, кого хотели погубить. Вышло царское повеление, и не истребило их; но тогда более и умножались они, когда умер (царь), знавший их. Они хотели погубить своего избавителя, и не имели в этом успеха.

2. Видишь ли, как чрез то самое, чем диавол старался сделать тщетным обетование Божие, оно еще более исполнялось? Тогда-то и следовало им сказать, что Бог премудр и си-лен – извести нас оттуда. Премудрость Божия в том особенно открывалась, что и среди гонений народ умножался, будучи порабощен, озлобляем и умерщвляем. Так велика сила обетования! Ведь если бы они умножились в своей стране, то это было бы не столь удивительно. И не малое время они жили в чужой стране, – четыреста лет. Отсюда мы узнаем, сколь великое они обнаружили любомудрие, – потому что (египтяне) обращались с ними, не как господа с рабами, но как враги и притеснители. Поэтому Бог и предсказал им, что они получат совершенную свободу; это именно означают слова: "**будут служить Мне**" и "**и после того они выйдут**", и притом не без наказания (врагов их) (ст. 7). И посмотри, как Он, по-видимому, нечто предоставляет обрезанию, а между тем ничего не дарует ему; обетование (дано) прежде него, а оно после того. "**Патриархи**", говорит (Стефан), "**по зависти**"; Иосиф же не вредит им за то, а благодетельствует. "**Патриархами**" он называет праотцов, так как (иудеи) и ими много гордились; а с другой стороны, показывает этим, что и святые не были свободны от скорбей, но и среди скорбей получали помощь. Они же не только не облегчали (их скорбей), но еще содействовали врагам их, тогда как должны были бы, напротив, прекращать эти скорби. Как (те) сделали Иосифа очень знаменитым, продавши его, так и царь – Моисея, повелев умерщвлять младенцев. Если бы он не повелел этого, то и того не было бы.

И посмотри на действия Промысла Божия. Тот изгоняет Моисея, а Бог, устрояя будущее, не препятствует этому, чтобы он там сделался достойным (Божественного) видения. Так и проданного в рабство делает правителем там, где почитали его рабом. Как (Иосиф) делается правителем там, куда его продали, так и Христос являет силу в смерти; и это не было только знаком чести, но следствием собственного (Его) могущества. Впрочем, обратимся к вышесказанному. "**И поставил его начальником над Египтом и над всем домом своим**" (ст. 10). Смотри, что устрояет (Бог) посредством голода. В числе "**душ семьдесят пять**", говорит, "**Иаков перешел в Египет, и скончался сам и отцы наши; и перенесены были в Сихем и положены во гробе, который купил Авраам ценою серебра у сынов Еммора Сихемова**" (ст. 14-16). Этим показывает, что они дотоле не были владетелями гробницы. "**А по мере, как приближалось время исполниться обетованию, о котором клялся Бог Аврааму, народ возрастал и умножался в Египте, до тех пор, как восстал иной царь, который не знал Иосифа**" (ст. 17, 18). Заметь, что не в течение стольких лет Бог умножал их, но когда уже имел приблизиться конец, хотя всего они прожили в Египте четыреста и более лет. Это-то и удивительно. "**Сей**", говорит, "**ухищряясь против рода нашего, притеснял отцов наших, принуждая их бросать детей своих, чтобы не оставались в живых**" (ст. 19). Словами: "**ухищряясь против рода нашего**" указывает на тайное убийство; (царь) не хотел убивать их явно; для выражения этого он и прибавил: "**принуждая их бросать детей своих, чтобы не оставались в живых. В это время родился Моисей, и был прекрасен пред Богом**". То удивительно, что будущий избавитель рождается не прежде и не после, но среди самого бедствия. "**Три месяца он был питаем в доме отца своего**" (ст. 20). Когда же все человеческие надежды истощились, и когда он был брошен, тогда явилось во всем свете домостроительство Божие. "**А когда был брошен, взяла его дочь фараонова и воспитала его у себя, как сына**" (ст. 21). Еще не было нигде ни храма, ни жертвоприношения, хотя уже совершилось столько действий (Промысла Божия); и был он воспитан в доме языческом. "**И научен был Моисей всей мудрости Египетской, и был**

силен в словах и делах" (ст. 22). Меня удивляет то, как он, живя там сорок лет, не был узнан по обрезанию; а еще более, как и он и Иосиф, живя в безопасности, не заботились о себе самих, чтобы спасти других. "**Когда же исполнилось ему сорок лет, пришло ему на сердце посетить братьев своих, сынов Израилевых. И, увидев одного из них обижаемого, вступился и отмстил за оскорбленного, поразив Египтянина. Он думал,**

поймут братья его, что Бог рукою его дает им спасение; но они не поняли" (ст. 23-25). Заметь, (Стефан) доселе не делается нестерпимым (для слушателей своих), но когда говорит это, они продолжают слушать его: так увлекла их благодать на лице его! "**Он думал**", говорит, "**поймут братья его**". Хотя защита была оказана на самом деле, и здесь не нужно было рассуждать, но при всем том они не поняли. Видишь ли, как кротко он беседует и как, показав гнев (Моисея) на одного, выражает и кротость его в отношении к другому? "**На следующий день, когда некоторые из них дрались, он явился и склонял**

их к миру, говоря: вы братья; зачем обижаете друг друга? Но обижающий ближнего оттолкнул его, сказав: кто тебя поставил начальником и судьею над нами? Не хочешь ли ты убить и меня, как вчера убил Египтянина?" (ст. 26-28) В том же духе и почти тоже они говорили и против Христа: "**нет у нас царя, кроме кесаря**" (Ин.19:15). Так обычно всегда поступали иудеи, даже и когда получали благодеяния. Видел ли ты их безумие? Того, кто имел избавить их, укоряют, говоря: "**От сих слов Моисей убежал и сделался пришельцем в земле Мадиамской, где родились от него два сына**" (ст. 29). Убежал, но и бегство не воспрепятствовало домостроительству (Божию), равно как и (угрожавшая ему) смерть. "**По исполнении сорока лет явился ему в пустыне горы Синая Ангел Господень в пламени горящего тернового куста**" (ст. 30).

3. Видишь ли, как это домостроительство не останавливается временем? Когда он был беглецом и странником, когда уже много времени провел в чужой стране и имел уже двоих детей, когда уже и не надеялся возвращаться оттуда, тогда является ему ангел. Ангелом, равно как (иногда) и человеком, (Писание) называет Сына Божия. И где является? В пустыне, а не в храме. Видишь ли, какие совершаются чудеса, и еще нигде не было ни храма, ни жертвоприношения? И здесь, в пустыне, (является) не просто, но в купине. "**Моисей, увидев, дивился видению; а когда подходил рассмотреть, был к нему глас Господень**" (ст. 31); вот он удостоился и гласа. "**Я Бог отцов твоих, Бог Авраама и Бог Исаака и Бог Иакова**" (ст. 32). Этим (Стефан) выражает не только то, что явившийся Моисею Ангел был велика совета Ангел (Ис.9:6), но показывает и человеколюбие, какое Бог проявляет в этом видении. "**Моисей, объятый трепетом, не смел смотреть. И сказал ему Господь: сними обувь с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая**" (ст. 32, 33). Храма нет, и, однако, это место свято от явления и действия Христова. Оно даже чудеснее места во святом святых, потому что здесь Бог никогда не являлся таким образом, и Моисей никогда не был так объят трепетом. Видел ли ты человеколюбие (Божие)? Посмотри затем и на промышление Его. "**Я вижу**", говорит, "**притеснение народа Моего в Египте, и слышу стенание его, и нисшел избавить его: итак пойди, Я пошлю тебя в Египет**" (ст. 34). Посмотри, как (Стефан) показывает, что (Бог) руководил их и благодеяниями, и наказаниями, и чудесами, а они остались теми же. Отсюда мы узнаем, что Бог вездесущ. Слыша это, будем и мы прибегать к Нему в скорбях. "**Стенание его**", говорит, "**слышу**". Не просто, говорит, "**слышу**", но по причине их страданий. Если же кто спросит: для чего Бог допустил им так страдать? – тот пусть знает, что всякий праведник в особенности за страдания бывает удостаиваем наград; или для того Он попустил им страдать, чтобы и свою силу явить чрез это во всем свете, и их этими страданиями научить – во всем любомудрствовать. Посмотри, когда они были в пустыне, тогда не только они "**утучнели, отолстели и разжирели**", но и "**оставили они Бога**" (Втор.32:15). Беззаботная жизнь,

возлюбленный, всегда есть зло! Потому и в начале (Бог) говорил Адаму: "**в поте лица твоего будешь есть хлеб**" (Быт.3:19). Итак, чтобы они, вместо великих страданий пользуясь беззаботною жизнью, не сделались порочными, Он попускает им претерпевать скорби: скорбь есть великое благо.

А что скорбь – благо, послушай Давида, который говорит: "**Благо мне, что Ты смирил меня**" (Пс.118:71). Если же скорбь есть великое благо для мужей великих и чудных, то тем более для нас. Если хотите, рассмотрим эту скорбь и саму по себе. Представим, что кто-нибудь чрезмерно радуется, веселится и заливается (смехом): что безобразнее, что безумнее этого? Другой кто-нибудь пусть печалится и скорбит: что любомудрее этого? Поэтому и Премудрый внушает: "**сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше. Сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья**" (Еккл.7:3,4). Может быть, вы смеетесь над этими словами? Но вспомним, каков был Адам в раю, и каков после того; каков был Каин прежде (убийства), и каков после. Душа веселящегося не остается на своем месте; но, как бы каким ветром, увлекается удовольствием, становится легкомысленной и не имеет ничего твердого. Она бывает легка на вымыслы, скора на обещания, и великая в ней буря помыслов. Отсюда – неуместный смех, безотчетная веселость, излишний поток речей и большое пустословие. Но что я говорю о прочих? Представим кого-нибудь из святых и посмотрим, каков он был среди удовольствия и каков, в свою очередь, во время печали. Посмотрим, если хотите, на Давида. Когда он жил в удовольствии и радости по причине множества трофеев, побед, венцов, роскоши и самоуверенности, тогда, посмотри, что он сказал и сделал? "**Я сказал в благоденствии моем: не поколеблюсь во век**" (Пс.29:7). Когда же находился в скорби, то послушай, что он говорит: "**а если Он скажет так: "нет Моего благоволения к тебе", то вот я; пусть творит со мною, что Ему благоугодно**" (2Цар. 15:26). Что любомудрее этих слов? Пусть будет так, говорит, как угодно Богу. Также и Саулу он говорил: "**если Господь возбудил тебя против меня, то да будет это от тебя благовонною жертвою**" (1Цар. 26:19). Когда был в скорби, тогда щадил даже врагов, а после того ни друзей, ни тех, которые ничем не оскорбили его. Иаков, когда был в скорби, говорил: "**если Господь Бог даст мне хлеб есть и одежду одеться**" (Быт.28:20). И сын Ноя прежде ничего такого не сделал, а когда уверился в безопасности (от потопа), тогда, слышишь, как оказался дерзок (Быт.9:22). И Езекия, когда был в скорби, посмотри, что делал для своего спасения: облекся в рубище и сидел на земле; когда же стал жить в удовольствиях, тогда пал с высоты сердца своего. Поэтому и Моисей увещевает: "**будешь есть и насыщаться, берегись, чтобы не забыл ты Господа**" (Втор.6:11,12), потому что путь удовольствий скользок и ведет к забвению Бога. Когда израильтяне были в скорби, тогда более и более умножались; а когда (Бог) избавил их, тогда все погибли. Но для чего я привожу примеры древних? Обратимся, если угодно, к себе самим. Из нас очень многие, когда благоденствуют, бывают надменными, врагами для всех, гневливыми, пока имеют власть; а когда она отнята от них, то делаются кроткими, смиренными, тихими, и приходят в сознание собственной природы. А что это так, подтверждает и Давид, говоря: "**овладела ими гордость их совершенно: происходит, как из тука, неправда их**" (Пс.72:6,7). Это я говорю для того, чтобы мы не домогались удовольствий всеми средствами. Как же, скажут, Павел говорит: "**радуйтесь всегда**"? Он не просто сказал: "**радуйтесь**", но прибавил: "**в Господе**" (Флп.4:4).

4. Это – самая высокая радость; ею радовались и апостолы; это – радость, приносящая пользу; она имеет свое начало, корень и основание в узах, в бичеваниях, в гонениях, в худой молве, и вообще в предметах скорбных, но конец ее вожделенный. Радость же мирская, напротив, начинается удовольствием, а оканчивается скорбью. Я не возбраняю радоваться о Господе, но даже особенно убеждаю к тому. Апостолы были бичуемы – и радовались; были связываемы – и благодарили; были побиваемы камнями – и

проповедовали. Такой радости желаю и я; она берет свое начало не от чего-нибудь чувственного, а от предметов духовных. Невозможно, чтобы радующийся по мирскому радовался вместе и о Боге; всякий радующийся по мирскому радуется богатству, роскоши, славе, могуществу, почестям; а радующийся о Боге радуется бесчестию ради Его, бедности, нестяжательности, пощению, смиренномудрию. Видишь ли, как противоположны их предметы? Кто здесь не имеет радости, тот чужд и скорби (духовной); а кто здесь не имеет скорби, тот чужд и радости (о Боге). Несомненно, эти (предметы) доставляют истинную радость; а те носят только одно имя радости, в сущности же составляют скорбь. Сколько скорбей имеет (человек) высокомерный! Как он терзает сам себя от гордости, выдумывая себе тысячи оскорблений, (питая в себе) великую ненависть, сильную вражду, большую зависть и крайнее недоброжелательство! Если оскорбил его кто-нибудь из высших его, он досадует; если он еще не возвысился над всеми, терзается. Напротив, человек смиренный наслаждается великим удовольствием, не ожидая почестей ни от кого. Если ему оказывают честь, он радуется; если не оказывают, он не скорбит, но даже любит то, что ему не воздали почестей. Таким образом, не искать почестей и получать их, это – великое удовольствие. А у того наоборот: он ищет почестей и не получает их. И радуются почестям неодинаково ищущий их и не ищущий. Первый, сколько бы ни получал, думает, что ничего не получил; а последний, хотя и не много окажешь ему, принимает так, как если бы все получил. Также человек, живущий в роскоши, имеет множество богатства, и приобретения текут к нему легко, как бы из источника; но он страшится бедствий (происходящих) от роскоши и неизвестности будущего; а тот, кто приучил себя к скромному образу жизни, всегда спокоен и наслаждается удовольствием; не столько огорчает его то, что он не имеет роскошного стола, сколько услаждает то, что он не страшится неизвестности будущего. Всякому известно, сколько бедствий происходит от роскоши, но необходимо сказать об этом и теперь. От нее сугубая брань, т.е., и тела, и души, сугубая буря, сугубые болезни, и притом болезни неисцельные, сопровождающиеся великими несчастьями. Но не таковы плоды умеренности; (от нее) сугубое здоровье, сугубые блага. "**Здоровый сон**", говорит Премудрый, "**бывает при умеренности желудка**" (Сир.31:22). Умеренность всюду вожделенна, а неумеренность напротив. Например: положи на малую искру большую связку дров, и ты увидишь уже не светлый огонь, а только дым весьма неприятный.

Возложи на человека очень сильного и большого тяжесть, превышающую силы его, и увидишь его вместе с ношею поверженным и лежащим на земле. Навали слишком много груза на корабль, и причинишь страшное кораблекрушение. Таковы плоды и роскоши. Как на кораблях, слишком нагруженных, происходит большое смятение пассажиров, когда и кормчий, и сидящий на корме, и прочие плывущие на нем начнут бросать в море все и сверху и снизу, так и здесь: извергают и вверх, и вниз, и среди терзаний погибают. А что всего постыднее, сами уста исполняют дело задних частей и даже делаются срамнее их. Если же в таком срамном состоянии уста, то представь, каково на душе. Там все – мрак, все – буря, все – тьма, большая смутность в мыслях, мятущихся беспокойно и тяжко, и сама душа вопиет от стеснения. Тогда и сами чревоугодники обвиняют друг друга, досадуют и спешат извергнуть внутреннюю нечистоту. Однако и по извержении буря не прекращается, но являются горячки и другие болезни. Так, скажешь, подвергаются болезням и сраму; но напрасно описывать это и исчислять нам болезни; бываю болен я, страдаю я, подвергаюсь сраму я, который не имею, что есть: а эти, живущие в роскоши, как видишь, благодушествуют, цветут здоровьем, веселятся и катаются на конях. Увы, такие слова достойны слез! А кого, скажи мне, видим мы страждущими подагрой, носимыми на носилках, обвязанными? И если бы они не считали для себя обидным и не приняли слов моих за оскорбление, то я мог бы назвать их по именам. Но есть и такие, скажешь, которые остаются и здоровыми. Это потому, что они не предаются одним удовольствиям, (но занимаются) и трудами. Укажи мне хотя одного

человека, который бы, постоянно угождая чреву, лежа в бездействии и нисколько не трудясь, был бы здоров. Ты не найдешь (такого человека). Хотя бы собрались тысячи врачей, и они не в состоянии избавить от болезней того, кто постоянно пресыщается, потому что это противно свойству самого дела. А я предложу вам врачебное наставление: не все то, что принимается в чрево, обращается в пищу, потому что и в самом существе пищи не все питательно, есть в ней часть, поступающая на извержение, а другая на питание. Поэтому кто, приняв ее в меру, даст ей совершенно перевариться, с тем это и делается и она достигает своего назначения; все здоровое и полезное занимает свое место, а излишнее и бесполезное отделяется и извергается; если же она принята чрез меру, тогда и то, что в ней есть питательного, становится вредным. Чтобы яснее раскрыть вам это, представлю в пример следующее: в хлебе есть крупчатка, мука и отруби. Если в жернов насыплешь столько, сколько он может смолоть, то он отделяет все это; а если насыплешь больше, то все перемешивается. Также вино, если будет иметь надлежащее приготовление и благовременное брожение, то в нем сперва бывает все нераздельно, а потом одно обращается в дрожжи, другое в пену, а иное делается напитком усладительным для употребляющих его, и это последнее бывает полезно и не скоро портится, тогда как сначала не было ни вина, ни дрожжей, но все было смешано. Тоже можно видеть и на море, во время сильной бури. Как тогда мы видим, что рыбы плавают по поверхности мертвыми, не будучи в состоянии укрыться от стужи в глубине, так бывает и с нами. Когда низвергнется на нас сильный дождь пресыщения, все возмущающий, тогда производит то, что наши мысли, дотоле бывшие здравыми и спокойными, плавают как бы мертвыми на поверхности (души нашей). Итак, научившись этими примерами, как велик вред (от пресыщения), перестанем ублажать тех, которых следовало бы считать несчастными, и оплакивать себя за то, за что следовало бы называть блаженными, и возлюбим умеренность. Или вы не знаете изречения врачей, что скудость – мать здоровья? Я же скажу, что скудость есть мать здоровья не только телесного, но и душевного. Тоже внушает и Павел, этот истинный врач, когда говорит: "**имея пропитание и одежду, будем довольны тем**" (1Тим.6:8). Будем же послушны ему, чтобы нам здоровыми делать то, что должно делать, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 17

"Сего Моисея, которого они отвергли, сказав: кто тебя поставил начальником и судьею? сего Бог чрез Ангела, явившегося ему в терновом кусте, послал начальником и избавителем" (Деян.7:35).

1. Это весьма близко относится к предложенному (Стефаном) предмету. "**Сего Моисея**", говорит. Какого – "**сего**"? Того, который подвергался опасности погибнуть, которого (евреи) презрели, которого они отвергли, сказав: "**кто тебя поставил начальником и судьею над нами?**", подобно тому, как и о Христе говорили: "**нет у нас царя, кроме кесаря**" (Ин.19:15). Сего Бог начальником и избавителем послал через Ангела, который сказал ему: "**Я Бог отца твоего, Бог Авраама**" (Исх.3:6). Этим он показывает, что бывшие (при Моисее) чудеса совершены были Христом. "**Сей**", т.е. Моисей (посмотри, как Стефан изображает славу его) "**вывел их, сотворив чудеса и знамения в**

земле Египетской, и в Чермном море, и в пустыне в продолжение сорока лет. Это тот Моисей, который сказал сынам Израилевым: Пророка воздвигнет вам Господь Бог ваш из братьев ваших, как меня; Его слушайте" (Деян.7:36,37), т.е., Которого они также презрят и подвергнут гонениям. Ведь и Его (Христа) Ирод хотел убить, но Он спасся в Египте, подобно тому, как и тот в детстве подвергался гонениям. "**Это тот, который был в собрании в пустыне с Ангелом, говорившим ему на горе Синае, и с**

отцами нашими, и который принял живые слова, чтобы передать нам" (ст. 38). Опять (это происходило, когда) еще не было ни храма, ни жертвоприношения. "**С Ангелом**", говорит, "**принял живые слова, чтобы передать нам**". Этим он показывает, что (Моисей) не только творил знамения, но и дал закон, как и Христос. И как он сначала творить знамения, потом дает закон, так точно и Христос. Но (евреи), привыкшие никогда не покоряться, не послушали его и после знамений и чудес, бывших в течение сорока лет. И не только не послушали, но сделали противное, на что указывая, Стефан и присовокупил: "**которому отцы наши не хотели быть послушными, но отринули его и обратились сердцами своими к Египту, сказав Аарону: сделай нам богов, которые предшествовали бы нам; ибо с Моисеем, который вывел нас из земли Египетской, не знаем, что случилось. И сделали в те дни тельца, и принесли жертву идолу, и веселились перед делом рук своих. Бог же отвратился и оставил их служить воинству небесному, как написано в книге пророков: дом Израилев! приносили ли вы Мне заколения и жертвы в продолжение сорока лет в пустыне? Вы приняли скинию Молохову и звезду бога вашего Ремфана, изображения, которые вы сделали, чтобы поклоняться им: и Я переселю вас далее Вавилона**" (ст. 39-43). "**Отвратился и оставил**" здесь значит: попустил. "**Скиния свидетельства была у отцов наших в пустыне, как повелел Говоривший Моисею сделать ее по образцу, им виденному**" (ст. 44). Хотя скиния была, но жертв еще не было. А что их не было, об этом ясно говорит пророк: "**приносили ли вы Мне жертвы и хлебные дары?**" (Ам.5:25) Скиния свидения была, но не принесла им никакой пользы, и они погибали. Также и знамения ни прежде того, ни после не принесли им никакой пользы. "**Отцы наши, взяв ее, внесли во владения**" (ст. 45). Видишь ли, что то место и свято, где присутствует Бог? Потому он и сказал: "**в пустыне**", чтобы сравнить одно место с другим. Затем (следовало) благодеяние. "**Отцы наши с Иисусом, взяв ее, внесли во владения народов, изгнанных Богом от лица отцов наших. Так было до дней Давида. Сей обрел благодать пред Богом и молил, чтобы найти жилище Богу Иакова**" (ст. 45, 46). Молил о построении (храма) Давид великий и чудный, но не получает просимого; а создает его отверженный Соломон. Потому (Стефан) и говорит: "**Соломон же построил Ему дом. Но Всевышний не в рукотворенных храмах живет**" (ст. 47, 48). Это уже доказано и предыдущими словами; но подтверждается еще и голосом пророческим; а каким образом, послушай далее: "**как говорит пророк: Небо – престол Мой, и земля – подножие ног Моих. Какой дом созиждете Мне, говорит Господь, или какое место для покоя Моего? Не Моя ли рука сотворила всё сие?**" (ст.49, 50) Не удивляйтесь, говорит, что Христос благотворит и тем, которые отвергают царствие Его: тоже было и при Моисее. Он не просто извел (евреев), но после того, как они пробыли в пустыне. Видишь ли, что и те знамения были для них? Кто беседовал с Богом, был спасен чудесным образом, столько сделал и имел такую силу, того пророчество, доказывает (Стефан), непременно должно исполниться, и он не может противоречить самому себе. Впрочем, обратимся к вышесказанному. "**Это тот**", говорит, "**Моисей, который сказал: Пророка воздвигнет вам Господь Бог как меня**". Мне кажется, на это изречение указывал и Христос, когда сказал: "**ибо спасение от Иудеев**" (Ин.4: 22), разумея самого Себя. "**Это тот, который был в собрании в пустыне с Ангелом, говорившим ему**". Вот и опять указывает, что (Христос) дал закон, так как Он был с ним (Моисеем) в собрании – в пустыне. Здесь же напоминает и о великом чуде, случившемся на горе (Синайской). "**И который принял живые слова**". Во всем чуден Моисей, но особенно, когда нужно было дать закон. Что значит: "**живые слова**"? Разумеет те, которых исполнение раскрывалось в словах его, или пророчества. Затем следует обвинение праотцов, которые после знамений и чудес, и по получении слов живых, "**не хотели**", говорит, "**быть послушными**". Хорошо он сказал: "**живые слова**", показывая тем, что есть слова и не живые, о которых упоминает и Иезекииль, когда говорит: "**и попустил им учреждения недобрые**" (Иез.20:25). В противоположность таким словам он прибавил: "**живы**". "**Но отринули его и обратились сердцами своими к**

Египту", где они стонали, где вопили, откуда призывали Бога. "**Сказав Аарону: сделай нам богов, которые предшествовали бы нам**".

2. О, безумие! "**Сделай**", говорят, которые "**предшествовали бы нам**". Куда? В Египет. Видишь ли, как неохотно они расставались с обычаями египетскими? Что ты говоришь? Не хочешь дождаться того, кто вывел, но отказываешься от благодеяния и убегаешь от благодетеля? И смотри, как они оскорбляют его. "**Моисеем, который вывел нас из земли Египетской**". Нигде не упоминают имени Божия, но все приписывают Моисею. Когда нужно было им быть благодарными, тогда они обвиняют Моисея; а когда нужно было исполнять закон, тогда не помнят уже и о Моисее. Он сказал им, что восходит (на гору) для получения закона: а они не подождали и сорока дней. "**Сделай нам**

богов". Не сказали: **Бога**, но "**богов**"; так они неистовствовали, что и сами не знают, что говорят. "**И сделали в те дни тельца, и принесли жертву идолу**". Видел ли ты крайнее безумие? Там, где Бог явился Моисею, они делают тельца и приносят ему жертву. "**И веселились**", говорит, "**перед делом рук своих**". Чего надобно было стыдиться, тому они радовались. И что удивительного, если вы не признаете Христа, когда (вы не признавали) ни Моисея, ни Бога, открывшегося в стольких знамениях? Но они не только не признавали, но еще иначе оскорбили их, сделав идолов. "**Бог же отвратился и оставил их служить воинству небесному**". Отсюда и произошли эти обычаи; отсюда эти жертвы. Они сначала приносили жертвы идолам, на что указывая, и Давид говорит: "**и сделали тельца у Хорива, и поклонились истукану**" (Пс.105:19). Так как прежде этого нигде не упоминается о жертвах, но (были) заповеди живые и "**живые слова**", – то нигде не было и (жертвенных) обрядов, а только чудеса и явление знамений. "**Как написано в книге пророков**". Здесь (Стефан) привел свидетельство не без цели, но для того, чтобы показать, что в жертвах нет нужды. И смотри, что он говорит: "**дом Израилев! приносили ли вы Мне заколения и жертвы в продолжение сорока лет в пустыне? Вы приняли скинию Молохову и звезду бога вашего Ремфана, изображения, которые вы сделали, чтобы поклоняться им**". Он сказал в виде обличения; а слова его означают следующее: вы не можете сказать, что вы стали приносить жертвы идолам, подобно тому, как приносили их Мне; и это было в пустыне, когда Бог особенно руководил их. "**Вы приняли скинию Молохову**". От нее и (получили) начало жертвы. "**И Я переселю вас далее Вавилона**". Так и плен есть наказание за нечестие. Но почему, скажут, скиния названа "**скиния свидетельства**" (μαρτυρίου)? Потому что она была для того, чтобы они имели Бога свидетелем (μάρτυρα). Для этого только она и существовала. "**По тому образцу, какой показан тебе на горе**" (Исх.25:40). Следовательно, образец ее показан был на горе, и она была носима в пустыне, а не стояла на месте. Скиниею же свидетельства называется не по чему-нибудь другому, как по чудесам и заповедям. Впрочем, ни она, ни они не имели храма. И сам образец ее показан был, следовательно, самим ангелом. "**Так было до дней Давида**", говорит. Следовательно, до того времени не было храма, хотя и были изгнаны (языческие) народы, о которых он говорит: "**изгнанных**

Богом от лица отцов наших". Это же он сказал опять с целью доказать, что тогда не было храма. Но что я говорю: было столько чудес и еще не было храма? Вот была и первая скиния, но еще не было храма. Давид молил обрести благодать пред Богом, – молил и не создал (храма). Следовательно, храм не составлял чего-нибудь важного, хотя некоторые и считали Соломона великим за построение храма, и даже за это ставили его выше отца. Но что он не был лучше отца и даже не равен ему, а только кажется таким во мнении толпы, это он объяснил, присовокупив: "**но Всевышний не в рукотворенных храмах живет, как говорит пророк: Небо – престол Мой, и земля – подножие ног Моих**". Да и эти (небо и земля) недостойны (быть жилищем) Бога, как творения, как дела руки Его. Смотри, как он убеждает их мало-помалу. Из пророка он доказывает, что даже и

эти (творения) нельзя назвать достойными (быть жилищем) Бога. Для чего же, скажут, он говорит потом так обличительно? У него было великое дерзновение, как (у человека) готового на смерть; я думаю, об этом он знал по откровению. "**Жестоковыйные! люди с необрезанным сердцем и ушами!**"; и это также из пророка, а не собственные его слова; "**вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы**" (ст. 51). Когда Бог не желал, чтоб были жертвы, вы приносили жертвы; а когда желает, вы не приносите их; когда Он не хотел давать вам заповедей, вы требовали их; а когда получили, то нерадели о них. И еще, когда существовал храм, вы служили идолам; а когда Ему угодно, чтобы вы служили Ему без храма, вы делаете противоположное. Смотри, он не сказал: **Богу противитесь**, но: "**Духу**"; так он не полагает никакого различия (между Ними). И еще большее говорит: "**как отцы ваши, так и вы**". Так и Христос обличал их, потому что они всегда слишком много хвалились отцами. "**Кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие Праведника**". Говорит: "**Праведника**", чтобы и этим вразумить их. "**Которого предателями и убийцами сделались ныне вы**" (ст. 52). Обличает их в двух делах: в том, что они не признали (пророков) и что убили их. "**Вы, которые приняли закон при служении Ангелов и не сохранили**" (ст. 53).

3. Что это значит? Некоторые утверждают, что, по словам его, закон был составлен ангелами; но это несправедливо, потому что когда же ангелы являлись составляющими закон? Но он говорит "**приняли закон при служении Ангелов**", т.е. врученным Моисею ангелом, явившимся ему в купине, так как это был не человек. Итак, нет ничего удивительного, говорит, если вы совершили это, когда совершили и то; если вы умертвили возвещавших (о Христе), то тем более (могли умертвить) Его. Здесь он представляет их непокорными и Богу, и ангелам, и пророкам, и Духу, и всем, как и в другом месте Писание говорит: "**разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили**" (3Цар.19:10). Они, притворно защищая закон, говорили: "**говорил хульные слова на Моисея**" (Деян.6:11); а он показывает, что они сами еще более произносят хулу не только на Моисея, но и на Бога, и что они издревле так поступают; что они сами нарушили обычаи, в которых уже нет нужды; что они, обвиняя и называя его противящимся Моисею, сами противились Духу, и не просто, но даже и с совершением убийства, и что издревле они враждовали (против Бога). Видишь ли, как он доказывает, что они противились и Моисею, и всем, и не соблюдали закона? Моисей сказал: "**Пророка воздвигнет тебе Господь**" (Втор.18:15), и прочие предсказывали об Его пришествии; также и пророк говорит: "**где же построите вы дом для Меня**" (Ис.66:1)? И еще: "**приносили ли вы Мне жертвы и хлебные дары в пустыне в течение сорока лет?**" (Ам.5:25) Таково дерзновение мужа, несущего крест (Христов)! Будем же подражать ему и мы; хотя теперь и нет брани, но для дерзновения всегда есть время. "**И говорил**", говорит (Давид), "**об откровениях Твоих пред царями и не стыдился**" (Пс.118:46). Поэтому, встретимся ли мы с эллинами, будем таким образом заграждать им уста, но без гнева, без ожесточения. Если станем это делать с гневом, то это, кажется, уже не будет дерзновение, а страсть; если же кротко, то это и есть истинное дерзновение, потому что не могут быть вместе в одно и то же время и добродетель, и порок. Дерзновение – это добродетель, а гнев – порок. Итак, мы, если хотим иметь дерзновение, должны быть чистыми от гнева, чтобы кто-нибудь не приписал ему слов (наших). Если ты говоришь и правду, но с гневом, то все погубил, будешь ли ты обличать, или вразумлять, или делать что-нибудь другое. Посмотри на этого мужа (Стефана), как он беседует без гнева; ведь он не оскорбил их, а только напомнил им о слове пророческом. А что он не был в гневе, это сам он показал, когда его мучили, а он молился за них и говорил: "**Господи! не вмени им греха сего**" (ст. 60). Так он говорил это, не гневаясь на них, но сожалея и скорбя о них. И о лице его поэтому сказал (писатель): "**видели лице его, как лице Ангела**" (Деян.6:15), так что и оно могло привлечь их. Будем же чистыми от гнева. Дух Святый не обитает там, где гнев. Гневливый подлежит проклятию. И невозможно

быть чему-нибудь здравому там, откуда происходит гнев. Как во время бури на море происходит великое смятение и сильный крик, и никто тогда не имеет времени заниматься рассуждениями, так и во гневе. Если же душа хочет сказать или усвоить что-нибудь любомудрое, то наперед должна быть в (тихой) пристани. Не замечаешь ли, как мы, когда хотим рассуждать о чем-нибудь необходимом, избираем места, удаленные от шума, где спокойствие и тишина, чтобы нам не развлекаться? Если же внешний шум развлекает нас, то тем более внутреннее смятение. И станет ли кто молиться, он молится напрасно, если делает это во гневе и раздражении; станет ли говорить, будет смешным; станет ли молчать, опять тоже; будет ли есть, и тогда повредит себе; будет ли пить или не будет, будет ли сидеть или стоять, ходить или спать, ему и во сне представляется подобное же. И что у таких (людей) не беспорядочно? Глаза – отвратительны; рот – искривлен; члены тела напряжены и трясутся; язык не обуздан и не щадит никого; рассудок помешан; одежда в непристойном виде; (во всем) великое безобразие! Посмотри на глаза беснующихся, пьяных и неистовствующих (от гнева): чем они отличаются друг от друга? Не всюду ли безумие? Но ведь это бывает всегда только на время? Правда, неистовствующий бывает одержим (гневом) на время. Но что может быть хуже этого? И еще не стыдятся оправдываться: я не сознавал, говорят, что сказал. Почему же не сознавал этого ты, существо разумное, имеющее рассудок? Почему ты действуешь подобно неразумным животным, как бы дикий конь, увлеченный гневом и яростью? Это – оправдание, достойное осуждения. Желательно, чтобы ты знал, что говорил. Это – слова гнева, скажешь, а не мои. Как – гнева? Гнев не имеет силы, если не получит ее от тебя. Это подобно тому, как если бы кто сказал: это – раны руки (моей), а не мои. Где, кажется, больше всего нужен гнев, как не на войне и во время битвы? Но и там, если что будет делаться с гневом, то все будет испорчено и погублено. Воюющим в особенности и не следует гневаться; нападающим в особенности и не нужно раздражаться. Но, скажешь, как же иначе можно сражаться? Разумно, спокойно. Сражение есть стояние одной стороны против другой. Разве ты не видишь, что и сами войны подчинены закону, порядку и времени? А гнев есть не что иное, как безумное раздражение; безумный же не может сделать ничего разумного.

4. Так и он (Стефан) говорил это, и не гневался. И Илия говорил: "**долго ли вам хромать на оба колена?**" (3Цар. 18:21), но не гневался. И Финеес совершил убийство, но не гневался. Гнев не дозволяет видеть, но как бы во время ночной битвы, закрыв все, и глаза и уши, ведет туда, куда хочет. Избавим же себя от этого демона, сокрушим его, когда он нападает на нас, положим на перси знамение (креста), как бы некоторую узду на него. Гнев есть бесстыдный пес; но пусть он научится слушаться закона. Если пес при стаде так свиреп, что не будет слушаться приказаний пастуха и узнавать его голоса, то все потеряно и погублено. Он пасется вместе с овцами; но когда станет кусать овец, то делается вредным, и его убивают. Если пес научится слушаться тебя, то корми его: он полезен своим лаем против волков, разбойников и воров, а не против овец и не против домашних. Если же не слушается, то во всем вредит, и если не обращает внимания на приказания, то все губит. Итак, пусть не истощается кротость твоя, но сам гнев пусть хранит и питает ее; а он сохранит и в совершенной безопасности будет пасти ее тогда, когда будет истреблять нечистые и порочные помыслы, когда будет отовсюду отгонять диавола. Так кротость соблюдается тогда, когда мы не помышляем ничего худого против ближнего; так мы делаемся достойными уважения, когда не учимся поступать бесстыдно. Ничто не делает так бесстыдным, как порочная совесть. Отчего блудницы бесстыдны? Отчего девственницы стыдливы? Первые не от греха ли? А последние не от целомудрия ли? Ничто не делает так бесстыдным, как грех. Напротив, скажут, он производит стыд? Правда, в том, кто сознает себя; а бесстыдного он делает еще более дерзостным; кто не сознает себя, тот становится дерзким. "**С приходом**", говорит (Премудрый), "**нечестивого приходит и презрение**" (Прит.18: 3). Бесстыдный бывает дерзким, а дерзкий –

отчаянным. Хочешь ли узнать, когда истощается кротость? Когда сокрушают ее порочные помыслы. Но, если случится и то, что этот пес не будет стоять и громко лаять, то и тогда не должно отчаиваться. У нас есть и праща и камень, – вы знаете, что я говорю, – у нас есть и копье, и ограда, и затвор, где мы можем сохранить помыслы чистыми. Если пес ласков к овцам, но лает на чужих и не сонлив, то это – хорошие качества пса. Когда он голоден, то и тогда не кусает овец, когда и сыт, не щадит волков. Таков и гнев. Когда он раздражается, не (должен) отступать от кротости; и когда не раздражен, (должен) восставать против порочных помыслов своих, хотя бы и бьющих его, не оставлять, но признавать, а чужим, хотя бы и ласкающим его, не давать пощады. Диавол часто ластится, как собака; но пусть всякий знает, что он чужой (для нас). Так и мы будем любить добродетель, хотя бы она причиняла нам скорбь; а от порока, хотя бы он и доставлял нам удовольствие, будем отвращаться. Не будем хуже псов, которые не убегают (с своего двора), хотя бы их били и мучили; а чужому, хотя бы он и накормил их, скорее вредят. Так и гнев бывает полезен, когда он восстает против чужих. Что значит изречение: "**гневающийся на брата своего напрасно**" (Мф.5:22)? То же, что: не мсти за себя и не воздавай злом. Если видишь другого погибающим, протяни ему руку помощи; гнев не будет уже иметь места, когда ты будешь свободен от пристрастия к себе самому. Давид застиг Саула, но не разгневался и не вонзил копья, имея в руках своих врага (1Цар. 26:7); а отмстил диаволу (своею кротостью). Моисей, увидев, что чужой обижает (еврея), убил его; а когда свой (обижал своего), то не сделал этого; но братьев хотел примирить, а тех разделил (Исх.2:12). Хотя Писание и называет его самым кротким человеком (Числ.12:3), однако, и в нем иногда возбуждался гнев. Но мы не так; когда нужно показать кротость, то бываем свирепее всех зверей; а когда (нужно) гневаться, то (бываем) всех ленивее и беспечнее. Таким образом, употребляя свои силы не на то, на что должно, мы тратим и жизнь свою напрасно, подобно тому, как снаряды, когда употребляют их один вместо другого, портятся все. Так, например, если кто-нибудь, имея меч, не будет употреблять его, когда нужно употребить, но будет действовать рукою, не достигнет успеха; и напротив, если употребит меч там, где нужно действовать рукою, то испортит все. Также и врач, если не отрезывает там, где должно, а отрезывает, где не нужно, то портит все. Поэтому, умоляю, будем употреблять это орудие (гнев) в свое время. Для гнева – вовсе не время, когда мы должны помочь самим себе; а если нужно исправить других, тогда в особенности должно употреблять его, чтобы спасти других. Таким образом, всюду соблюдая себя от гнева, мы уподобимся Богу и сподобимся будущих благ по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 18

"Слушая сие, они рвались сердцами своими и скрежетали на него зубами" (Деян.7:54).

1. Достойно удивления, как они, не найдя в словах (Стефана) повода к убиению его, еще беснуются и ищут этой причины. Так всегда бывают злобны (люди), поступающие неправедно. Подобно тому, как первосвященники недоумевали и говорили: "**что нам делать с этими людьми?**" (Деян.4:16), так и они терзаются. Кажется, он должен был бы негодовать, как не сделавший ничего несправедливого, и между тем подвергшийся участи (людей) неправедных и оклеветанный. Но этим-то более клеветники и обличаются; и так-то (оказывается) истинным то, о чем я всегда говорил, что делать зло – значит страдать. А он не произносит никакой клеветы, но говорил правду. Так, когда нас поносят за то, чего мы не сознаем за собою, мы от этого ничего не терпим. Они хотели убить его; но не (вдруг) делают это, а желают еще найти благовидную причину для своего злодеяния. Как? Разве обличение не было благовидною причиною? Но это было обличение не его собственное, а пророческое; или они нарочито отлагали (убиение), чтобы показать вид,

будто они убили его не за обличение их, – подобно тому, как было и со Христом, – но за нечестие. Между тем слова его были слова благочестия. Поэтому, намереваясь вместе с лишением жизни повредить и славе его, они "**рвались**", – так как они боялись, чтобы из-за него еще не случилось чего-нибудь нового. Затем, что они сделали со Христом, то (делают) и со Стефаном. Как там, когда Он сказал: "**узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы**" (Мф.26:64), они называли это богохульством и призывали народ во свидетели, так точно и здесь. Там растерзали одежды; здесь затыкали уши. "**Стефан же, будучи исполнен Духа Святаго, воззрев на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога, и сказал: вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога. Но они, закричав громким голосом, затыкали уши свои, и единодушно устремились на него, и, выведя за город, стали побивать его камнями**" (ст. 55-58). И если бы даже он говорил неправду, то следовало бы отпустить его, как исступленного. Но он сказал это с тем, чтобы обратить их. Так как он сказал только о смерти (Христовой), а о воскресении не сказал ничего, то теперь благовременно присовокупляет учение и об этом предмете. Он говорит, что (Христос) явился ему так, как он рассказывает, чтобы, хотя таким образом расположить их к принятию слов его; сказать, что сидит (одесную Бога), было бы невыносимо для них; потому он проповедует только о воскресении и говорит, что Христос стоит (одесную Бога). Думаю, что и лицо его прославилось от этого (видения). Человеколюбец Бог чрез то самое и хотел призвать их к Себе, за что они негодовали, если бы и не было ничего более. "**И, выведя за город, стали побивать его камнями**". Опять смерть вне города, как (было) со Христом, и при самой смерти возвещается исповедание и проповедь. "**Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла, и побивали камнями Стефана, который молился и говорил: Господи Иисусе! приими дух мой**" (ст. 58, 59). Этим он показывает и научает их, что он не погибает. "**И, преклонив колени, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего**" (ст. 60). Как бы в доказательство того, что и прежде сказанное им происходило не от гнева, говорит: "**Господи!**"; или таким образом он хотел обратить их: ведь простить гнев и ярость, (простирающуюся) до убийства, и показать душу, непричастную страсти, – это могло расположить к принятию слова его. "**Савл же одобрял убиение его. В те дни произошло великое гонение на церковь в Иерусалиме**" (Деян.8:1). Не случайно, мне кажется, произошло это гонение, но по устроению (Божию). "**И все, кроме Апостолов, рассеялись**

по разным местам Иудеи и Самарии" (ст. 1). Видишь ли, как Бог опять попускает быть искушениям? Но посмотри здесь, прошу, как устрояются дела. Они были предметом удивления по причине знамений; будучи бичуемы, нисколько не скорбели; остались на местах; проповедь распространялась; но потом (Бог) попускает великое препятствие: происходит гонение не малое, но такое, что вместе и они должны были бежать (а их боялись, как сделавшихся более дерзновенными), и для всех стало явно, что те, которые боялись и бежали, были люди. Но, чтобы ты после не говорил, будто они все делали только благодатию и тогда, когда были гонимы, для того те оказались более робкими, а они более дерзновенными. И "**все**", говорит (писатель), "**рассеялись, кроме Апостолов**". Итак, я не напрасно говорил, что это гонение было по устроению (Божию); если бы его не было, ученики не рассеялись бы. "**Стефана же погребли мужи благоговейные, и сделали великий плач по нем**" (ст. 2). Они оплакивают его или потому, что они еще не были совершенны, или потому, что он был достоин любви и уважения. Вместе с тем и эта печаль, и плач, кроме страха, показывают, что они были люди.

2. И кто не заплакал бы, видя этого кроткого агнца, побитого камнями и лежавшего мертвым? Достойную его надгробную надпись оставил евангелист, сказав: "**и, преклонив колени, воскликнул громким голосом; и сделали великий плач по нем**". Но обратимся к вышесказанному. "**Стефан же, будучи исполнен Духа Святаго, воззрев на**

небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога, и сказал: вот, я вижу небеса отверстые". И "**затыкали уши свои, и единодушно устремились на него**". Что здесь достойного осуждения? Но, несмотря на то, они (мужа) сделавшего такие знамения, победившего всех словом своим и так говорившего, взяли и, как хотели, так и удовлетворили над ним ярость свою. "**Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла**". Смотри, как обстоятельно (писатель) повествует о том, что касается Павла, чтобы показать тебе дело Божие, совершившееся над ним после. А теперь он не только не верует, но и предает Стефана в руки бесчисленных убийц; на что указывая, (писатель) и говорит: "**Савл же одобрял убиение его**". Молится же блаженный (Стефан) не просто, но внимательно: "**преклонив**", говорит, "**колени**". Потому и смерть его была Божественна; а до этого времени душам определено было пребывать во аде. "**И все рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии**". Без опасения входят в общение с самарянами те, которые слышали: "**на путь к язычникам не ходите**" (Мф.10:5). "**Кроме**", говорит, "**Апостолов**", показывая тем, что они, желая и при этом случае обратить иудеев, не оставили города; или же они хотели быть и для других образцами дерзновения. "**А Савл терзал церковь, входя в домы и влача мужчин и женщин, отдавал в темницу**" (ст. 3). Великое исступление, как потому, что он был один, так и потому, что входил в дома: до такой степени он отдал душу свою за закон! "**Влача**", говорит, "**мужчин и женщин**". Посмотри и на смелость, и на озлобление, и на исступление. Всех попадавшихся ему он подвергал бесчисленным бедствиям, как будто после этого убийства (Стефана) сделавшись дерзостнее. Итак, "**между тем рассеявшиеся ходили и благовествовали слово. Так Филипп пришел в город Самарийский и проповедывал им Христа. Народ единодушно внимал тому, что говорил Филипп, слыша и видя, какие он творил чудеса. Ибо нечистые духи из многих, одержимых ими, выходили с великим воплем, а многие расслабленные и хромые исцелялись. И была радость великая в том городе. Находился же в городе некоторый муж, именем Симон, который перед тем волхвовал и изумлял народ Самарийский, выдавая себя за кого-то великого. Ему внимали все, от малого до большого, говоря: сей есть великая сила Божия**" (ст. 4-10). Заметь, прошу, и другое искушение, т.е. от Симона. "**А внимали ему потому, что он немалое время изумлял их волхвованиями. Но, когда поверили Филиппу, благовествующему о Царствии Божием и о имени Иисуса Христа, то крестились и мужчины и женщины. Уверовал и сам Симон и, крестившись, не отходил от Филиппа; и, видя совершающиеся великие силы и знамения, изумлялся. Находившиеся в Иерусалиме Апостолы, услышав, что Самаряне приняли слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна, которые, придя, помолились о них, чтобы они приняли Духа Святаго. Ибо Он не сходил еще ни на одного из них, а только были они крещены во имя Господа Иисуса. Тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святаго. Симон же, увидев, что через возложение рук Апостольских подается Дух Святый, принес им деньги, говоря: дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святаго**" (ст. 11-19). Как, скажут, неужели они не получили Духа? Они получили Духа отпущения (грехов); но Духа знамений еще не получили. А что это так, что они не получили Духа знамений, ясно из того, что Симон, увидев это, пришел просить Его. Гонение тогда особенно и усилилось, но Бог опять избавлял их, оградив их знамениями. Так как смерть Стефана не укротила ярости (иудеев), но еще более усилила ее, то учители и рассеиваются, чтобы учение более распространилось. Но вот, обстоятельства их опять делаются благоприятными и они получают радость. "**И была**", говорит (писатель), "**радость великая в том городе**" (ст. 8), хотя (прежде) был великий плач. Так обыкновенно Бог всегда делает, соединяя радости со скорбями, чтобы быть еще более достойным удивления. Недуг был в Симоне с давнего времени. Оттого он и при этом (крещении) не освобождается от него. Как же крестили его? Так же, как и Христос избрал Иуду. Он, видя совершающиеся знамения, изумлялся, но еще не, смел испрашивать благодати знамений, так как видел, что и прочие еще не

получили ее. Почему же не лишили его жизни, подобно Анании и Сапфире? Потому, что и в древности собиравший дрова (в субботу) был лишен жизни в научение других, но никто другой уже не подвергался тому же самому. Так и теперь поступает Петр и, наказав тех, не наказывает этого, но говорит ему: "**серебро твое да будет в погибель с тобою, потому**

что ты помыслил дар Божий получить за деньги" (ст. 20).

3. И почему они по крещении не получили Духа Святого? Или потому, что Филипп не сообщил (Его), может быть, воздавая тем честь апостолам, или он сам не имел этого дарования, – потому что был из числа семи (диаконов); последнее можно сказать с большею вероятностью. Отсюда мне кажется, что этот Филипп был из числа семи, второй после Стефана. Он, крестя, не сообщал крещаемым Духа, так как не имел такой власти: это дарование принадлежало одним только двенадцати (апостолам). И заметь: эти (апостолы) не вышли, но по устроению (Божию) вышли (из Иерусалима) те, которые не имели этой благодати, потому что еще не получили Духа Святого. Они получили силу творить знамения, но не получили (силы) сообщать Духа другим. Следовательно, это исключительно принадлежало апостолам. Потому мы и видим, что делают это верховные (апостолы), а не другой кто-нибудь. "**Симон же, увидев**", говорит (писатель), "**что через возложение рук Апостольских подается Дух Святый**". Он не сказал бы так, если бы не происходило чего-нибудь подлежащего чувствам. Так и Павел выразился, когда (свидетельствовал, что) они говорили (разными) языками, Видел ли ты нечестие Симона? Он принес деньги, хотя и не видел, чтобы (апостол) делал это за деньги; следовательно, это не было делом неведения, но делом того, который искушал и хотел подвергнуть (его) осуждению. Поэтому и услышал: "**нет тебе в сем части и жребия, ибо сердце твое неправо пред Богом**" (ст. 21). Опять сокровенное в душе (Петр) обнаруживает, хотя тот и думал скрыть это. "**Итак покайся в сем грехе твоем, и молись Богу: может быть, опустится тебе помысел сердца твоего; ибо вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды. Симон же сказал в ответ: помолитесь вы за меня Господу, дабы не постигло меня ничто из сказанного вами**" (ст. 22-24). Надобно было покаяться от сердца, надобно было плакать, а он только лицемерно делает это. "**Может быть, опустится тебе**". Это сказал (Петр) не в том смысле, что ему не простится, если бы он и плакал, но так обыкновенно и пророки только угрожают, и не говорят: если сделаешь это, то простится тебе; но (говорят), что наказание последует непременно. Но подивись, – прошу, – как они и во время бедствия не оставляют, а продолжают проповедь: и как подобно тому, как при Моисее (истинные) чудеса узнавались по сравнению (с ложными), так точно и здесь. Было волхвование, но эти знамения явно отличались; там не должно бы быть ни одного бесноватого, где (Симон) не малое время действовал на них волхвованиями; но как бесноватых было много и расслабленных много, то его (чудеса) не были истинны. Филипп же не только знамениями, но и словом приводил их (к вере), беседуя о царствии и о Христе. "**Симон**", говорит (писатель), "**крестившись, не отходил от Филиппа**", – пребывал не для веры, но для того, чтобы самому сделаться таким же. "**Которые, придя, помолились о них, чтобы они приняли Духа Святаго. Ибо Он не сходил еще ни на одного из них. Тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святаго**". Видишь ли, (это делалось) не просто, но нужна была великая сила, чтобы сообщать Духа Святого? Не все ведь равно – получить отпущение (грехов), или получить такую силу. "**Симон же, увидев, что через возложение рук Апостольских подается Дух Святый, принес им деньги**". Видел ли он, чтобы прочие делали это? Чтобы (делал) Филипп? Неужели он думал, что они не знали, с какою мыслью приступал он? Потому Петр хорошо называет это даром, говоря: "**серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги**". Видишь ли, как они были непричастны деньгам. "**Нет тебе в сем части и жребия, ибо сердце твое неправо пред**

Богом". Итак, он делал все неправо, а надлежало быть простым. "**Итак покайся: ибо вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды**". Это – выражения сильного гнева. Впрочем, он не наказывает его для того, чтобы вера не происходила от необходимости, чтобы она не казалась делом жестоким, чтобы осталось место покаянию; или потому, что для исправления (его) достаточно было обличения, что достаточно было обнаружить (сокрытое) в сердце, чтобы он сознался, что он уличен. Словами: "**помолитесь вы за меня**" он это сознает и вместе исповедует. Посмотри, как он, хотя был нечестив, однако уверовал, когда был обличен, и теперь сделался смиренным, когда был снова обличен. "**Видя совершающиеся великие силы и знамения, изумлялся**", показывая тем, что все (дела его) – ложь. Не сказано: приступил, но: "**изумлялся**". Почему же он не сделал этого прежде? Он думал, что может укрыться; думал, что это было делом искусства. Но, так как он не мог укрыться от апостолов, то и приступил. "**Нечистые духи из многих, одержимых ими, выходили с великим воплем**". Этот (глас) был явным знаком того, что они исходили, а действия волхвов напротив еще более связывали (уста). "**Многие расслабленные и хромые исцелялись**". Здесь не было обмана; потому что (исцеленные) должны были ходить и действовать. "**Ему внимали все, от малого до большого, говоря: сей есть великая сила Божия**". Здесь исполняется сказанное Христом: "**восстанут лжехристы и лжепророки**" во имя Мое (Мк.13:22). Но почему они не тотчас обличили его? Они удовольствовались тем, что он сам обличил себя; и это было поучительно. Когда же он не мог противиться, то лицемерит, подобно волхвам, которые говорили: "**это перст Божий**" (Исх.8:19). А чтобы его опять не изгнали, для этого он и пребывал у Филиппа, и не отходил (от него).

4. Посмотри, прошу, сколько последствий произошло от смерти Стефана. Они рассеиваются по странам иудейской и самарийской; благовествуют слово, проповедуют Христа, совершают знамения; мало-помалу получают дар (Св. Духа). Здесь было сугубое знамение: им дать, а тому (Симону) не дать – это величайшее знамение. "**Они же, засвидетельствовав и проповедав слово Господне, обратно пошли в Иерусалим и во многих селениях Самарийских проповедали Евангелие**" (ст. 25). Прекрасно сказано: "**засвидетельствовав**". Они свидетельствуют, может быть, касательно того (Симона), чтобы (верующие) не прельстились, чтобы они были в безопасности, чтобы по неопытности не были часто увлекаемы. "**Обратно пошли в Иерусалим**". Зачем они опять идут туда, где было гонение, где было начало бедствий, где особенно пребывали убийцы? Как на сражениях поступают военачальники, устремляясь к той части войска, которая ослабевает, точно так делают и они. Смотри еще: ученики не прежде приходят в Самарию, но вследствие гонения, как и при Христе, а потом уже к уверовавшим из самарян посылаются апостолы. "**Находившиеся в Иерусалиме Апостолы**", говорит (писатель), "**услышав, что Самаряне приняли слово Божие, послали к ним Петра и Иоанна**" (ст. 14). Для чего же посылаются? Для того, чтобы избавить их от волхвования, чтобы напомнить учение, которое они слышали от Христа, когда в начале уверовали. Итак, (Симону) напротив следовало попросить, чтобы самому получить Духа Святого; а он, не заботясь о Нем для себя, просит, чтобы (иметь силу) сообщать Его другим. И те (семь диаконов) не получили Его так, чтобы сообщать другим; а он захотел стать славнее Филиппа, будучи в числе учеников его. "**Серебро твое да будет в погибель с тобою**". Это – слова не надевающегося, но учащего. Так как он не употребил сребра, на что должно, то пусть, говорит, оно будет при тебе – таком (нечестивце). Или как бы так сказал: пусть оно погибнет вместе с твоим намерением, потому что ты так низко думаешь о даре Божием, считая его делом совершенно человеческим. Не таков этот дар. Если бы он пришел, как следовало придти, то был бы принят, или, по крайней мере, не был бы отвергнут, как зараза. Видишь ли, как тот грешит сугубо, кто думает низко о (предметах) высоких? Поэтому (апостол) повелевает ему два (дела): "**покайся и молись, может быть, опустится тебе помысел сердца твоего**". Так тот замыслил дело порочное; потому

(апостол) и сказал ему: "**может быть, опустится тебе**", – зная, что он неисправим. Он же, со своей стороны, опасался народа и не решился раскаяться. Если бы он не смутился, то сказал бы: я не знал, я поступил легкомысленно; но он был поражен, во-первых, тем, что пред ним совершались знамения, а во-вторых, тем, что сокровенное в душе его сделалось явным. Поэтому он и отправился далеко, в Рим, куда апостол еще не доходил. "**И во многих**", говорит, "**селениях Самарийских проповедали Евангелие**". Смотри, как и в самом путешествии они совершали свое дело; они и путешествовали не напрасно. Такие путешествия должно совершать и нам. Но что я говорю: путешествия? Многие имеют села и деревни, но не заботятся и нисколько не пекутся о них. О том, как бы устроить баню, как увеличить доходы, как устроить дворы и жилища, они заботятся много; а о том, как бы возделать души, нисколько. Когда ты видишь на поле терние, то исторгаешь, жжешь, уничтожаешь его, чтобы освободить землю от причиняемого им вреда; но, видя самих земледельцев, исполненных тернием, не исторгаешь его: неужели, скажи мне, ты не боишься и не трепещешь Того, Который потребует от тебя отчета за них? Не должен ли каждый из верующих построить церковь, пригласить учителя в помощь себе, и заботиться прежде всего о том, чтобы все были христианами? Каким образом, скажи мне, земледелец будет христианином, когда он видит, что ты так нерадишь о его спасении? Но ты не можешь творить знамений и убеждать? Убеждай их тем, чем можешь: человеколюбием, предстательством, кротостью, ласками и всем другим.

Рынки и бани строят многие, а церквей не строят, и скорее все (сделают), нежели это. Поэтому убеждаю, умоляю и прошу как милости, или лучше, поставляю даже законом, чтобы никто не имел села без церкви. Не говори мне: (церковь) есть близко, у соседей; (с нею) много расходов, не много доходов. Если ты имеешь что-нибудь уделять нищим, то употреби это на нее; лучше на это, нежели на то; содержи учителя, содержи диакона и священнослужительский чин. Подобно тому, как (ты делаешь), когда берешь жену или невесту, или отдаешь дочь, так поступи и с церковью. Удели ей приданое. Таким образом село твое исполнится благословения. Каких не будет там благ? Не важно ли, скажи мне, что гумно (твое) будет благословляться? Не важно ли, что от всех плодов твоих Бог прежде всех будет принимать часть и начатки? Это полезно для мира земледельцев. Затем и священник будет пользоваться уважением, и для села это послужит во спасение. Там (будут совершаться) за тебя постоянные молитвы, песнопения и торжества, и приношение (бескровной жертвы) в каждый день воскресный. Что более достойно хвалы – то ли, что другие строят великолепные гробницы, чтобы после них говорили: такой-то построил их, или то, что ты воздвиг церкви? Подумай, что, воздвигнув жертвенник Богу, ты будешь иметь воздаяние до самого пришествия Христова.

5. Скажи мне: если бы царь повелел тебе построить дом, чтобы ему жить там, не сделал ли бы ты всего? Но здание церкви есть царственное жилище Христа. Не смотри на расходы, но подумай о плоде. Те возделывают землю, – ты возделай их души; те приносят тебе плоды, – ты возводи их на небо. Кто полагает начало, тот (бывает) виновником и всего прочего. Так и ты будешь виновником (спасения) оглашаемых там и в ближайших селениях. Бани делают земледельцев очень изнеженными, корчмы – очень невоздержными; но, не смотря на то, вы строите их ради славы. Рынки и сходбища (делают их) бесстыдными; а здесь все напротив. Каково видеть священника, шествующего, подобно Аврааму, убеленного сединами, опоясанного, возделывающего землю и работающего своими руками! Что вожделеннее такого селения? Здесь добродетель гораздо больше. Здесь нет распутства: оно отвергнуто; нет пьянства и объядения: они изгнаны; нет тщеславия: оно погашено; здесь радушие больше сияет от простосердечия. Каково выходить и входить в дом Божий и сознавать, что сам построил его, лечь отдохнуть и после телесного отдыха присутствовать при вечерних и утренних молитвословиях, пригласить к своему столу священника, беседовать с ним, принимать

благословение, видеть, как и другие идут туда! Это – стена, это – безопасность селения. Это – та нива, о которой сказано: "**вот запах от поля [полного], которое благословил Господь**" (Быт.27:27). Если и без того село хорошо по тишине и спокойствию, в нем господствующему, то, когда оно будет иметь и это, с чем сравнится? Подлинно, село, имеющее церковь, подобно раю Божию. Нет там ни крика, ни шума, ни разных врагов, ни ересей: все являются друзьями, исповедующими одни и те же догматы. Тишина располагает тебя к любомудрию; священник, начав с этого любомудрия, легко уврачует тебя. Здесь все, что мы говорим, рассеивается на торжище; а там, что ты услышишь (от него), твердо напечатлеешь в душе своей, и оттого в селе ты будешь другим (человеком). Он и тех (поселян) станет руководствовать и будет для них стражем, как самым пребыванием (между ними), так и вразумлением их. А какие расходы, скажи мне? Ты построй сначала небольшой дом в виде храма; кто-нибудь после тебя построит притвор, а другой после него прибавит еще что-нибудь, и таким образом тебе вменится все. Ты даешь немногое, а получаешь воздаяние за все. Итак, сделай начало, положи основание, или лучше сказать, убеждайте друг друга, соревнуйте между собою в этом деле. Места, где надобно хранить мякину, рожь и все подобное, устрояют со всеми удобствами; а где надобно собирать плоды духовные, о том нисколько не заботятся, но принуждают себя проходить тысячи стадий и предпринимать дальние путешествия, чтобы придти в церковь. А как хорошо, когда священник с совершенным спокойствием приходит в церковь, чтобы приступить к Богу и каждый день молиться о селе, о создателе (храма)! Не важно ли, скажи мне, что твое имя будет постоянно поминаться в священнодействиях и каждый день будут совершаться о селе молитвы к Богу? Сколько это принесет тебе пользы и в прочих отношениях! Случается, что иные из твоих соседей имеют покровителей; к тебе – бедному – никто из них и придти не захочет, а священника, быть может, и пригласит, и посадит за стол вместе с собою. Видишь ли, сколько отсюда может произойти благ? Село будет свободно от всякого дурного нарекания; никто не станет обвинять его ни в убийстве, ни в воровстве, ни подозревать в чем-нибудь подобном. Будут иметь (поселяне) от этого и другое утешение, когда приключится с кем болезнь или смерть. Не без пользы и не как случилось будут там вести дружбу посещающие друг друга; и собрания будут гораздо приятнее, нежели на (народных) праздниках. И не только собрания, но и сами старейшины будут более уважаемы ради священника. Ты, конечно, слышал, что Иерусалим у древних был почитаем более остальных городов, – и не без причины, но потому, что (в нем) тогда господствовало благочестие. Где почитают Бога, там нет ничего худого; а напротив, где не почитают Его, там нет ничего доброго. Так будет (там) великое благосостояние и по отношению к Богу, и по отношению к людям. Поэтому увещеваю вас – не небрежно, но усердно приняться за это дело. "**Если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста**" (Иер.15:19), то приносящий пользу и спасение столь многим душам, которые теперь существуют и которые еще будут до пришествия Христова, какого благоволения не удостоится от Бога! Устрой твердыню против диавола: это и есть церковь. Оттуда пусть простираются руки (поселян) на труд; прежде пусть они простирают их на молитвы, а потом идут на работу. Таким образом, будет у них и телесная сила, и земледелие будет успешно, и все бедствия будут им чужды. Невозможно выразить словом происходящего отсюда удовольствия, пока оно не будет испытано на деле. Не на то смотри, что церковь не приносит никакого дохода. Если так смотришь, то лучше совсем не приступай к делу, если ты не думаешь получать доход выше всякого селения. Если не так думаешь, то и не делай, если не считаешь этого дела выше всего. Что выше этого приобретения – возводить души в житницу небесную? Жаль, что вы не знаете, как важно приобретать души. Послушай, что говорит Христос Петру: "**Симон Ионин! любишь ли ты Меня? Петр говорит Ему: так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя. Иисус говорит ему: паси овец Моих**" (Ин.21:16). Если бы ты, увидев, что царские овцы или лошади (скитаются) вне затвора и подвергаются опасности, сам построил для них затвор и конюшню, или даже приставил

пастуха к ним, то чем не вознаградил бы тебя царь? Здесь ты собираешь стадо Христово и приставляешь к нему пастыря, и неужели, думаешь, совершаешь дело не важное? Но что я говорю? Если соблазняющему и одного (человека) угрожает такое наказание (Лк.17:2), то спасающий столь многих людей, скажи мне, неужели не спасется? Без сомнения, спасется. Какой грех будет за ним? А если какой и будет, то не простится ли ему? Из наказания соблазняющему познай воздаяние спасающему. Если бы для Бога не было вожделенно спасение и одной души, то погубление ее не подвергалось бы такому гневу Его. Итак, зная это, примемся за это духовное дело; пусть каждый (из вас) пригласит и меня, и мы вместе устроим это по возможности. И если будут три владельца, то пусть делают это общими силами; а если один, то пусть убеждает к тому и прочих соседей. Только, увещеваю вас, постарайтесь сделать это, чтобы, во всем благоугождая Богу, сподобиться нам вечных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 19

"А Филиппу Ангел Господень сказал: встань и иди на полдень, на дорогу, идущую из Иерусалима в Газу, на ту, которая пуста. Он встал и пошел" (Деян.8:26,27).

1. Мне кажется, что (Филипп) получил это повеление, находясь в Самарии, потому что из Иерусалима (в Газу) надобно идти не к полудню, а к северу, от Самарии же к полудню. "**Которая пуста**". Это сказано для того, чтобы он не опасался нападения со стороны иудеев. И он не спросил: для чего? – но "**он встал и пошел**". "**И вот**", говорит (писатель), "**муж Ефиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Ефиопской, хранитель всех сокровищ ее, приезжавший в Иерусалим для поклонения, возвращался и, сидя на колеснице своей, читал пророка Исаию**"(ст. 27, 28). Много похвального сказано о нем в этих словах; несмотря на то, что он жил в Ефиопии, занят был таким множеством дел, находился в суеверном городе, и праздника не было, он приезжал на поклонение в Иерусалим. Великое усердие его (видно) и из того, что, сидя на колеснице, он читал. "**Дух сказал Филиппу: подойди и пристань к сей колеснице. Филипп подошел и, услышав, что он читает пророка Исаию, сказал: разумеешь ли, что читаешь? Он сказал: как могу разуметь, если кто не наставит меня?**" (ст. 29-31). Вот и еще похвальное качество. Какое? То, что он, не понимая, читал. Но потом, по прочтении, старается уразуметь. "**И попросил Филиппа взойти и сесть с ним. А место из Писания, которое он читал, было сие: как овца, веден был Он на заклание, и, как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзает уст Своих. В уничижении Его суд Его совершился. Но род Его кто разъяснит? ибо вземлется от земли жизнь Его. Евнух же сказал Филиппу: прошу тебя сказать: о ком пророк говорит это? о себе ли, или о ком другом? Филипп отверз уста свои и, начав от сего Писания, благовествовал ему об Иисусе**" (ст. 31-35). Видишь ли, как устраивается дело его (обращения)? Сначала он читает и не понимает; притом читает то место, где повествуется о страдании, воскресении и даре (Господнем). "**Между тем, продолжая путь, они приехали к воде; и евнух сказал: вот вода; что препятствует мне креститься?**" (ст. 36) Видел ли ты готовность? Видел ли усердие? "**И приказал остановить колесницу, и сошли оба в воду, Филипп и евнух; и крестил его. Когда же они вышли из воды, Дух Святый сошел на евнуха, а Филиппа восхитил Ангел Господень, и евнух уже не видел его, и продолжал путь, радуясь**" (ст. 38, 39). Зачем, скажешь, восхитил Филиппа Дух Господень? Затем, что ему предстояло идти и в другие города и проповедовать; и для того это сделано, чтобы он сам впоследствии, удивляясь этому, не считал случившегося с ним делом человеческим, но Божиим. "**А Филипп оказался в Азоте и, проходя, благовествовал всем городам, пока пришел в Кесарию**" (ст. 40). И отсюда видно, что он был из числа семи (диаконов); он же и впоследствии оказывается там в Кесарии. Не без цели восхитил его Дух; иначе евнух

стал бы просить его сопутствовать ему, и Филипп опечалил бы его, не согласившись и отказавши, так как еще не пришло время (для этого). Видел ли ты, как ангелы содействуют проповеди, однако не сами проповедуя, но призывая их (апостолов)? И здесь открывается достойное удивления: что прежде бывало редко и едва ли случалось, то здесь происходит весьма часто. Кроме того, это происшествие было некоторым предзнаменованием того, что (апостолы) обратят и иноплеменников. Достойное вероятия свидетельство могло расположить и других, узнавших об этом, к такой же ревности. Поэтому-то евнух и отправился "**радуясь**"; а если бы он не познал, то и не радовался бы. Но что, скажешь, препятствовало ему хорошо познать все это, сидя на колеснице и особенно в пустыне? То, что это не было ясно. Но обратимся к прочитанному выше. "**И вот, муж Ефиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы Ефиопской**". Отсюда видно, что (ефиопляне) были управляемы ею; в древности и женщины управляли; таков был у них закон. Таким образом Филипп не знал, для чего он "**пошел**" в пустыню, так как не (прежде) ангел, но (после) восхищает его. Евнух же и ничего этого не видит, – потому ли что он был еще не совершен, или потому, что это – дело не телесных, но духовных очей, и еще не знает того, чему научает его Филипп. А почему ангел не является ему и не приводит его к Филиппу? Может быть, потому, что тогда он не послушался бы, но только был бы изумлен. Посмотри на любомудрие Филиппа: он не укорил, не сказал: ты не знаешь, я тебя научу; не сказал: я хорошо знаю это; не польстил и не сказал: блажен ты, читающий. Так, слова его были чужды и надменности, и лести, но более выражали попечение и человеколюбие. Ему самому нужно было спросить, самому нужно было пожелать. Сказав: "**разумеешь ли, что читаешь?**" он выражает, что ему известно, что тот ничего не знает, и вместе показывает, что великое сокровище заключается (в прочитанном).

2. Но смотри, как благоразумно отвечает и евнух: "**как могу**", говорит, "**разуметь, если кто не наставит меня?**" Он не посмотрел на (внешний) вид (Филиппа), не сказал: кто ты таков? – не укорял, не тщеславится, не говорил, что знает, но сознается, что не понимает; потому и получает наставление. Он показывает рану врачу; уразумел, что (Филипп) и знает это, и желает научить. Он заметил смирение (его), – так как он был не в блестящей одежде. Такое он имел желание слышать и внимать словам его, что и слова (Писания): "**ищущий находит**" (Мф.7:8) исполнились на нем. "**И попросил**", сказано, "**Филиппа взойти и сесть с ним**". Видел ли ты усердие? Видел ли желание? "**Попросил Филиппа взойти и сесть с ним**". Он еще не знал, что тот скажет ему, но просто думал услышать что-нибудь о пророчестве. Очень большая честь (Филиппу) и в том, что (евнух) не просто посадил его, но "**попросил**". "**Филипп подошел и, услышав, что он читает**". Приближение показывает (в Филиппе) желание говорить, а чтение – знак усердия (в евнухе). Он читал в то время, когда солнце производит сильнейший зной. "**А место из Писания, которое он читал, было сие: как овца, веден был Он на заклание**". И это служит доказательством его любомудрия, что он держал в руках такого пророка, который выше прочих. Потому и говорит (Филиппу) не с тщеславием, но спокойно, и притом говорит так не прежде, как будучи спрошен, когда тот спросил его. Точно также он и далее говорит: "**прошу тебя сказать: о ком пророк говорит это?**" Мне кажется, он не знал, что пророки говорят о других; или, если не так, то не знал, что о самих себе они говорят в другом лице. Устыдимся мы, и бедные, и богатые, этого хранителя сокровищ! Потом "**продолжая путь, они приехали к воде; и евнух сказал: вот вода**". Это – (знак) сильно пламенеющей души. "**Что препятствует мне креститься?**" Видишь ли его готовность? Не говорит: крести меня, и не молчит; но говорит нечто среднее, выражающее и желание, и благоговение: "**что препятствует мне креститься?**" Смотри, как он уже получил совершенное (познание) догматов; ведь пророчество содержало в себе все: воплощение, страдание, воскресение, вознесение и будущий суд; это-то в особенности и произвело в нем сильное желание (креститься). Устыдитесь вы, которые

остаетесь еще непросвещенными! "**И приказал остановить колесницу**". Сказал и в то же время повелел, прежде чем услышал (ответ). "**Когда же они вышли из воды, Филиппа восхитил Ангел Господень**". Хорошо (сделано), – чтобы явно было, что происходящее есть дело Божие, и чтобы (евнух) не подумал, что (Филипп) – простой человек. "**И продолжал путь, радуясь**". Это сказал (писатель), выражая, что он опечалился бы, если бы узнал (об удалении Филиппа); так от великой радости, по получении Духа, он и не заметил происходившего около него. "**А Филипп**", говорит, "**оказался в Азоте**". И Филипп получил от того великую пользу. Что он слышал о пророках, об Аввакуме, Иезекииле и прочих, увидел исполнившимся на себе, оказавшись прошедшим мгновенно далекий путь; "**и оказался в Азоте**", останавливается там, где ему и надлежало проповедовать. "**Савл же, еще дыша угрозами и убийством на учеников Господа, пришел к первосвященнику и выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдет последующих сему учению, и мужчин и женщин, связав, приводить в Иерусалим**" (Деян.9:1,2). Благовременно (писатель) повествует о ревности Павла, чтобы показать, что он именно увлекался ревностью. Еще не насытившись убиением Стефана и не удовольствовавшись гонением и рассеянием Церкви, он приходит к архиерею. Здесь исполняются слова Христовы, сказанные к ученикам: "**всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу**" (Ин. 16:2). Так он поступал, но не так, как иудеи, – да не будет! Он поступал по ревности, как видно из того, что отправлялся и в чужие города; а они не заботились и о том, что происходило в Иерусалиме, но домогались одного только – насладиться честью. Зачем он отправлялся в Дамаск? Это был город большой, столичный; он боялся, чтобы и туда не проникли (верующие). И посмотри на его усердие и ревность, как он действовал по закону. Он не приходит к правителю, но к архиерею. "**Пришел к первосвященнику и выпросил у него письма в Дамаск к синагогам, чтобы, кого найдет последующих сему учению**". "**Последующих**" называет (писатель) верующих, которых тогда все так называли, может быть, потому, что они шли по пути, ведущему на небо. Почему же он не получил власти наказать их там, но ведет в Иерусалим? Чтобы здесь с большею властью совершить наказание. И смотри, подвергая себя такой опасности, он, однако, боится, чтобы не потерпеть чего-нибудь худого; потому он берет с собою и других, может быть, из страха, или потому, что шел против многих, он и берет многих, чтобы смелее, "**кого найдет последующих сему учению, и мужчин и женщин, связав, приводить в Иерусалим**". С другой стороны, этим путешествием он хотел показать всем им, что все это – его (дело); а те не заботились об этом. И заметь, он и прежде ввергал (в темницу). Так, чего те не могли, то он мог по ревности. "**Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня?**" (ст. 3, 4).

3. Почему это случилось не в Иерусалиме? Почему не в Дамаске? Чтобы другие не могли иначе рассказать об этом, но чтобы сам, шедший с такою целью, рассказал и был достоин вероятия. Это он и рассказывает в защитительной речи пред Агриппою (Деян.26:10-18). Он страдал глазами, потому что чрезмерный свет обыкновенно ослепляет, зрение же имеет свою меру. Говорят, что и чрезмерный звук оглушает и поражает; но его (Господь) только ослепил и страхом угасил ярость его, так что он услышал слова: "**Савл, Савл! что ты гонишь Меня?**" Не говорит ему: уверуй, и ничего подобного; но укоряет, и в укоризне как бы говорит: за какую обиду от Меня, большую или малую, ты делаешь это? "**Он сказал: кто Ты, Господи?**" Здесь он признает себя рабом. "**Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь**" (ст. 5). Как бы так говорил: не подумай, что ты ведешь брань с людьми. "**Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша**" Павла "**голос, а никого не видя**" (ст. 7), кому он отвечал. Естественно, – потому что они удостоились слышать меньшее. Если бы они услышали тот глас (Господа), то и тогда не уверовали бы; а видя Павла отвечающего, изумлялись. Но "**встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать**" (ст. 6). Смотри, как (Господь) не тотчас

открывает ему все, но (прежде) только смягчает его душу; и повелевая, что делать ему, вместе с тем подает ему добрую надежду, что он опять получит зрение. "**Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя. Савл встал с земли, и с открытыми глазами никого не видел. И повели его за руки, и привели в Дамаск**" (ст. 7, 8). Вводят добычу, (отнятую) у диавола, сосуды его, как бы по взятии какого-нибудь города или столицы. И подлинно удивительно, что сами враги и противники вводили его пред глазами всех. "**И три дня он не видел, и не ел, и не пил**" (ст. 9).

Бывало ли что-нибудь подобное этому? Обращение Павла служит утешением, вознаграждающим за скорбь о Стефане, которая хотя и сама в себе имела нечто утешительное в том, что он так отошел (к Господу), но теперь получила и это (утешение); также и селения самарийские обращением (своим) принесли весьма много утешения.

Зачем, скажешь, это случилось не в начале, но после? Чтобы показать, что Христос воистину воскрес. Кто гнал Его, не веровал Его смерти и воскресению и преследовал учеников Его, тот каким образом, скажи мне, уверовал бы, если бы не была велика сила Распятого? Положим, что те (ученики) действовали из преданности к Нему; но что скажешь об этом? С другой стороны, он обратился после воскресения, а не тогда же, для того, чтобы вражда его обнаружилась яснее. Неистовствовавший до того, что проливал и кровь и ввергал в темницы, вдруг верует. Не достаточно было того, что он не обращался со Христом; но надлежало, чтобы он и жестоко преследовал верующих, и он достиг крайней степени неистовства и был жесточе всех. Но когда он лишился зрения, тогда познает знамения Его силы и человеколюбия. Или для того (это было), чтобы кто-нибудь не сказал, будто Савл притворялся. Как мог притворяться тот, кто жаждал крови, приходил к священникам, подвергал себя опасностям, преследовал и наказывал даже вне (Иерусалима)? И он после всего этого признает силу (Христову). Но почему не внутри города, а пред ним, свет облистал его? Потому что (тогда) многие не только не уверовали бы, но еще стали бы издеваться, подобно тому, как там, когда услышали глас, нисшедший свыше, говорили: "**это гром**" (Ин.12:29); а ему должны были поверить, когда он рассказывал о случившемся с ним. И вели его связанного, хотя не возложенными на него узами, вели того, кто сам надеялся вести других. Но почему он не ел и не пил? Он раскаивался в делах своих, исповедовался, молился, просил Бога. Если же кто скажет, что это было делом необходимости, – ведь и Елима тоже потерпел (Дян.13:11), – мы скажем: да, и тот потерпел, но остался, как был. Следовательно, не без принуждения ли он так поступал? Что могло быть разительнее землетрясения, бывшего при воскресении (Христовом), – воинов, возвестивших (об этом), – прочих знамений, – и того, что видели Его воскресшим? Но и это не было принуждением, а внушением. Иначе почему бы иудеи не уверовали, слыша обо всем этом? Очевидно, что он действовал искренно. Он не обратился бы, если бы не случилось этого, так что все должны были ему поверить. Он был не меньше проповедавших о воскресении (Христовом), даже еще и достовернее их, (как) обратившийся внезапно. Он не имел сношений ни с кем из верующих, но обратился в Дамаске, или, лучше сказать, это случилось с ним пред Дамаском. Я спрашиваю иудея: отчего, скажи мне, обратился Павел? Он видел столько знамений, и не обращался. Учитель его (Гамалиил) обратился, а он не обращался. Кто же убедил его? Или лучше – кто внезапно возбудил в нем такую ревность, что он желал и сам отлучен быть ради Христа (Рим.9:3)? Истина дела очевидна. Впрочем, (вспомним) о чем я говорил, и устыдимся евнуха, просвещаемого и читающего. Видите ли, какую он имел власть, какое богатство, и, однако, не отдыхал и на пути? Каков же он, следовательно, был дома, если и во время путешествия не позволял себе быть праздным? Каков он был ночью?

4. Вы, которые отличены почестями, послушайте и подражайте смирению и благочестию. Он, хотя возвращался домой, но не сказал самому себе: я возвращаюсь в отечество, там приму баню (крещения), – как сказали бы равнодушно многие. Не требовал знамений, не требовал чудес, но только от пророка уверовал. Потому и Павел, скорбя о себе, говорит: "**но для того я и помилован: Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что так поступал по неведению, в неверии**" (1Тим. 1:13,16). И подлинно, достоин удивления этот евнух. Он не видел Христа, не видел знамений; видел Иерусалим еще стоящим (в целости), и поверил Филиппу. Отчего же он сделался таким? Он имел попечение о душе своей, внимал Писаниям, упражнялся в чтении (их). Ведь и разбойник видел знамения, и волхвы видели звезду; а он ничего такого не видел и уверовал: как полезно чтение Писаний! Что же Павел? Не поучался ли и он в законе? Но, мне кажется, он нарочито был оставлен (в таком состоянии) для того, о чем я сказал выше, по изволению Христа, желавшего всеми мерами привлечь к Себе иудеев. Если бы они имели ум, то ничто не принесло бы им столько пользы, как это (чтение Писаний). Ведь оно более знамений и всего другого могло бы привлечь их (ко Христу), равно как ничто столько не соблазняет обыкновенно людей более грубых. Итак, смотри, как и по рассеянии апостолов Бог творит знамения. иудеи обвинили апостолов, ввергли их в темницу; но Бог творит знамения. И посмотри, какие. Изведение из темницы было Его знамение: приведение Филиппа было Его знамение; обращение Павла было Его знамение; явление Стефану было Его знамение. И заметь, какая оказывается честь Павлу, и какая евнуху. Здесь (Павлу) даже является сам Христос, может быть, по причине ожесточения (его) и потому, что иначе он не уверовал бы. Внимая этим чудесам, и мы соделаем себя достойными. Но ныне многие даже не приходят в церковь и не знают, что (в ней) читается; евнух же на улице, и сидя на колеснице, внимательно читал Писания. Но вы не так; из вас никто не имеет в руках Библии, и скорее (возьмет) все другое, чем Библию. А почему он встречается с Филиппом не прежде (посещения) Иерусалима, а после того? Ему не следовало видеть апостолов гонимыми, потому что он был еще немощен; и прежде это было бы не так удобно, как тогда, когда пророк наставил его. Так и теперь, если кто из вас желал бы внимать пророкам, то он не будет нуждаться в знамениях. Но, если угодно, рассмотрим и самое пророчество, что говорит оно. "**Как овца, веден был Он на заклание, в уничижении Его суд Его совершился**". Отсюда он узнал, что (Христос) был распят, что была взята от земли жизнь Его, что Он не совершил греха, что мог и других спасти, что род Его неисповедим, что камни распались, что завеса раздралась, что мертвые восстали из гробов; или лучше, обо всем этом сказал ему Филипп, только по поводу (чтения) из пророка. Подлинно, важно чтение Писаний. Так исполнялось сказанное Моисеем: "**сидя в доме твоем и идя дорогою, и ложась и вставая**", помни Господа Бога твоего (Втор.6: 7). В особенности на пути, в пустыне, когда никто не препятствует, мы бываем способнее к размышлению. И евнух уверовал на пути, и Павел – на пути; но его (Павла) не другой кто привлек, а сам Христос. Это важнее того, что делали апостолы; важнее потому, что, тогда как апостолы находились в Иерусалиме, и ни один из них не был в Дамаске, он возвратился оттуда верующим; а находившиеся в Дамаске знали, что из Иерусалима он шел еще неверующим, так как он нес письма, чтобы связывать верующих. Как прекрасный врач (употребляет врачество), когда горячка еще в полной силе, так и Христос (в это время) подал ему немощь, потому что надлежало удержать его среди самого неистовства. Тогда лучше он смирился и раскаялся в своих жестоких предприятиях. Но опять нужно обратить слово к вам. Для чего, скажите мне, Писания? Если бы от вас зависело, то они все были бы уничтожены. Для чего Церковь? Зарой в землю книги: может быть, не такое (постигнет тебя) осуждение, не такое наказание. Если бы кто зарыл их в грязь и не слушал их, то и тогда не столько оскорбил бы их, как теперь. Что, скажи мне, оскорбительного там? То, что кто-либо зарыл их. А что здесь? То, что мы не слушаем их. Скажи мне: когда всего больше оскорбляет кто-либо, тогда ли, когда не отвечает

молчащему, или когда (не отвечает) говорящему? Конечно, когда говорящему. Так и теперь, большее оскорбление, большее пренебрежете (ты оказываешь), когда не слушаешь говорящего. "**Мы не слушаем от тебя**", говорили в древности иудеи пророкам (1Цар.8:19, Иер.44:16); вы же хуже делаете, говоря: не говорите, мы делать не будем. Те удерживали пророков, чтобы они не говорили, как бы по некоторому благоговению к словам их; а вы по крайнему небрежению и этого не делаете. Поверьте, если бы вы заградили нам уста, положив на них руки, то и тогда не столько оскорбили бы, сколько теперь. Скажи мне, слушающий ли и не повинующийся оказывает более пренебрежения, или тот, кто даже и вовсе не слушает?

5. Но вникнем в этот предмет касательно оскорбления. Если бы кто удерживал укоряющего и заграждал ему уста, чувствуя укоризны его, а другой нисколько не заботился бы и не обращал бы на него внимания, то кто из них показал бы более пренебрежения? Не последний ли? Ведь тот показывает, что он чувствует удар; а этот как бы заграждает уста самого Бога. Вас ужаснуло сказанное? Но послушайте, как это бывает. Уста, чрез которые вещает Бог, это – уста Божии. Как эти вот уста – уста нашей души, хотя собственно душа и не имеет уст, так и уста пророков – Божии. Послушайте и ужаснитесь. Диакон, от лица всех, стоит и, громко восклицая, говорит: **вонмем**; и это часто. Этот голос, который он издает, есть общий голос Церкви, но никто не внимает. После него чтец начинает: **пророчества Исаиина**, – и опять никто не внимает, хотя пророчество не содержит в себе ничего человеческого. Потом в слух всех вещает: **сия глаголет Господь**, – и также никто не внимает. Но что я говорю? Читается нечто страшное и ужасное; но и при этом никто не внимает. И что говорят многие? Всегда, говорят, читается одно и тоже. Это-то особенно и губит вас. Если бы вы знали все это, то тем более не следовало бы оказывать пренебрежение; и на зрелищах всегда бывает одно и то же, и, однако, вы не знаете (в них) сытости. О каком "одном и том же" ты дерзаешь говорить, когда не знаешь даже имен пророков? Не стыдно ли тебе говорить, что ты не слушаешь потому, что всегда читается одно и то же, когда не знаешь даже имен читаемых (писателей), хотя и слушаешь всегда одно и то же. Ты ведь сам сознался, что читается одно и то же. Если бы я говорил это к (твоему) осуждению, то тебе надлежало бы обратиться к другому оправданию, а не (к такому, которое служит) к твоему же осуждению. Скажи мне: не вразумляешь ли ты сына своего? Но, если бы он сказал, что всегда одно и то же, то не принял ли бы ты этого за оскорбление? Тогда можно было бы не говорить одно и то же, когда бы мы и знали это и показывали своими делами; или лучше, и тогда чтение (того же) не было бы излишне. Что может сравняться с Тимофеем? Но, однако, и ему в послании Павел говорил: "**занимайся чтением, наставлением, учением**" (1Тим.4:13). Невозможно, никогда невозможно исчерпать смысл Писаний. Это – некоторый источник, не имеющий предела. Говорят: я научился, – и этого довольно с меня. Но хотите ли, я покажу, что не все одно и то же? Сколь многие, полагаете вы, говорили о Евангелиях? И все они говорили нечто новое и особенное. Чем более кто занимается Писаниями, тем яснее видит, тем более созерцает чистый свет. А сколько я еще могу сказать? Что такое, скажите, пророчество? Что – повествования? Что – притча? Что – иносказание? Что – образ? Что – символ? Что – Евангелия? Скажите мне только о том, что ясно: почему Евангелия так названы? Хотя вы часто слышали, что благовестия (ευαγγέλια) не должны заключать в себе ничего прискорбного, однако, в них много прискорбного. "**Где червь их не умирает**", говорится в них, "**и огонь не угасает**" (Мк.9:44); также: "**и рассечет его, и подвергнет его одной участи с лицемерами**" (Мф.24:51); также: "**и тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие**" (Мф.7:23). Не станем же обольщать себя, воображая, что они называются так (только) у нас по-гречески, или будто это все не относится к нам. Но вы онемели, и, как изумленные, стоите, поникнув долу. Благовестия не должны заключать в себе ничего из (правил) деятельности, но только выражать благоприятное; и, однако, в них

множество правил деятельности, как, напр., следующие: "**кто не возненавидит отца своего и матери, тот не может быть Моим учеником**" (Лк.14:26); и еще: "**не мир пришел Я принести, но меч**" (Мф.10:34); и еще: "**в мире будете иметь скорбь**" (Ин.16:33). Прекрасные (внушения); но это – не благовестия. Благовестием было бы следующее: это будет для тебя хорошо, – как обыкновенно говорят люди друг другу. Что скажешь мне приятного? Придет отец твой, мать твоя. А не говорят: сделай то-то. Еще скажи мне: чем они отличаются от (книг) пророческих? Почему те не называются Евангелиями, хотя также содержат и благовестия, как, например: "**хромой вскочит, как олень**" (Ис.35:6); "**Господь дал слово благовествующим с великою силою**" (Пс.67:12); "**Я творю новое небо и новую землю**" (Ис.65:17). Почему те не называются Евангелиями, или они – пророчеством? Если же вы, не зная, что такое Евангелия, так пренебрегаете чтением Писаний, то, что я скажу вам? Спрошу еще и о другом: почему четыре Евангелия? Почему не десять, почему не двадцать? Почему не многие приступали к составлению Евангелий? Почему не один? Почему ученики (Христовы)? Почему не те, которые не были учениками? Почему вообще (священные книги называются) Писаниями? Между тем, напротив, в ветхом завете говорится: "**Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет**" (Иер.31:31). Где же те, которые говорят, что всегда (читается) одно и то же? Если бы вы знали, что хотя бы человек прожил тысячи лет, и тогда (для него) здесь не было бы одно и то же, – то вы не сказали бы этого. Поверьте, я не стану более говорить вам об этом ничего ни наедине, ни всенародно; но, если кто будет спрашивать, то не откажусь (отвечать); если же нет, то оставлю. И то уже мы причинили вам скорбь, говоря всегда обо всем прямо и не оставляя того, что нужно. Вот вы слышали довольно вопросов: рассмотрите и скажите причину: почему Евангелия (так называются)? Почему не пророчествами? Почему в Евангелиях есть правила деятельности? Если один будет недоумевать, то пусть подумает другой, и свои (мысли) сообщайте друг другу. А мы затем замолчим. Если сказанное не принесло вам никакой пользы, то тем более (будет бесполезно), если бы мы прибавили что-нибудь другое. Подлинно, мы вливали бы (воду) в дырявую бочку; а вас оттого (постигло бы) и большее наказание. Поэтому мы замолчим. А чтобы этого не произошло, зависит от вас. Если мы увидим вашу ревность, то, может быть, опять станем говорить, чтоб и вы более и более преуспевали, и мы радовались о вас, во всем славя Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава, держава, величие, честь со безначальным Отцом и Святым Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 20

"В Дамаске был один ученик, именем Анания; и Господь в видении сказал ему: Анания! Он сказал: я, Господи. Господь же сказал ему: встань и пойди на улицу, так называемую Прямую, и спроси в Иудином доме Тарсянина, по имени Савла; он теперь молится, и видел в видении мужа, именем Ананию, пришедшего к нему и возложившего на него руку, чтобы он прозрел" (Деян.9:10-12).

1. Почему кого-либо из верховных апостолов не призвал и не послал (Господь) для оглашения Павла? Потому что ему следовало быть введену (в Церковь) не людьми, но самим Христом; и этот (Анания) ничему не научил его, а только крестил. По крещении же он (Павел) тотчас получил великую благодать Духа, за ревность и великое усердие. Впрочем, и Анания был из числа весьма известных это видно как из того, что (Господь) явившись говорит ему, так и из того, что он отвечает в словах: "**Господи! я слышал от многих о сем человеке, сколько зла сделал он святым Твоим в Иерусалиме**" (ст. 13). Если он возражал Господу, то тем более (сделал бы это), если бы (Господь) послал (к нему) ангела. Поэтому и прежде того Филиппу не было открыто будущее, но только является ему ангел, а потом Дух повелевает подойти и пристать к колеснице

(Деян.8:26,29). Здесь же прежде всего (Господь) освобождает от страха, и как бы так говорит: вот, он молится, он слеп, и ты страшишься? Так страшился и Моисей (Исх.3:11); но это слова только боящегося, а не неверующего. Выслушай и сами слова: "**я слышал от многих о сем человеке**". Что ты говоришь? Бог говорит, а ты сомневаешься? Так они еще не знали силы Христовой. "**И здесь имеет от первосвященников власть вязать всех, призывающих имя Твое**" (ст. 14). Откуда это известно? Вероятно, они, находясь в страхе, разузнавали. Говорит это (Анания) не потому, будто Христос не знал того, но потому, что недоумевал, как, при таких обстоятельствах, возможно исполнение (повеления). Так и в другое время ученики говорят: "**кто же может спастись?**" (Мк.10:26) Но посмотри, что сделано, чтобы Павел поверил тому, кто придет (к нему); он видел в видении (мужа, который) предвозвестил ему (об этом). Он молится, говорит (Господь); поэтому не бойся. Для чего же Он не говорит ему о происшедшей перемене (в Павле)? Для того, чтобы научить нас не говорить о наших добродетелях; а более потому, что видит его в страхе. Не сказал и так: тебе он поверит; но что? "**Встань и пойди**". "**И видел в видении мужа, возложившего на него руку**". "**В видении**" потому, что он был слеп. И это великое чудо не убедило ученика: так он страшился! Но, не смотря на то, чрез него Бог возвратил зрение Павлу, бывшему слепым. "**Но Господь сказал ему: иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми. И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое**" (ст. 15, 16). Не только будет верующим, говорит, но и учителем и с великим дерзновением будет говорить "**перед народами и царями**". Так, говорит, возрастет это учение, что и народы, и все цари покорятся ему. "**Анания пошел и вошел в дом и, возложив на него руки, сказал: брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути, которым ты шел, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святаго Духа**" (ст. 17). Тотчас же располагает его к себе названием (брата). "**Иисус, явившийся тебе на пути**" говорит. Этого Христос не сказал ему; но он узнал о том от Духа. "**И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и, встав, крестился, и, приняв пищи, укрепился**" (ст. 18, 19). Как только возложил на него руки, так тотчас чешуя и отпала от глаз его. Эта (чешуя), говорят некоторые, и была причиною слепоты его. И почему (Господь) не ослепил глаз его? То и было более удивительно, что он не видел с открытыми (глазами); в таком же состоянии он находился под законом, пока не было возложено на него имя Иисусово. И тотчас "**крестился, и, приняв пищи, укрепился**". Он изнемог как от путешествия, так и от страха, а равно от голода и от скорби. И желая усилить эту скорбь его, (Господь) попустил ему оставаться слепым, пока не пришел Анания. А чтобы кто не подумал, будто слепота его была только воображаемая, для того – чешуя. Следовательно, он не имел нужды в каком-либо другом научении; но случившееся было научением. "**И был Савл несколько дней с учениками в Дамаске. И тотчас стал проповедывать в синагогах об Иисусе, что Он есть Сын Божий**" (ст. 19, 20). Смотри, тотчас же он сделался учителем в синагогах; не стыдился перемены, не боялся разрушать то, чем прежде славился; и не просто был учителем, но и в синагогах. Таким сделался человек, в начале причинявший смерть и расположенный к убийству! Видишь ли, какое явное знамение совершилось на нем? Этим самым он и удивлял всех, как показывает (писатель), прибавляя: "**и все слышавшие дивились и говорили: не тот ли это самый, который гнал в Иерусалиме призывающих имя сие? да и сюда за тем пришел, чтобы вязать их и вести к первосвященникам. А Савл более и более укреплялся и приводил в замешательство Иудеев, живущих в Дамаске, доказывая, что Сей есть Христос**" (ст. 21, 22). Как опытный в знании закона, он заграждал им уста и не попускал говорить (противное). Они думали, что, освободившись от Стефана, избавились от подобных состязаний, но встретили другого сильнее Стефана.

2. Но обратимся к вышесказанному об Анании. Не сказал (Господь) ему: побеседуй и наставь его, потому что, если словами: "**он теперь молится, и видел в видении мужа, и**

возложившего на него руку", не убедил, то тем более, если бы сказал это. "**Видел**", говорит, "**в видении**", и потому не будет не верить тебе; не бойся же, но иди. Так и Филиппу не все тогда вдруг было открыто. "**Ибо он есть Мой избранный сосуд**". Этими словами (Господь) совершенно отгоняет страх (Анании) и внушает ему смелость, (представляя), как (Павел) будет предан Ему до того, что и претерпит многое. Словом: "**сосуд**" показывает, что злоба его не была естественная: прибавляет: "**избранный**", чтобы показать, что он благоугоден Ему, так как мы избираем благоугодное. Слыша это, да не подумает кто-либо, что Анания говорит это потому, что не верит сказанному, или полагает, что Христос не ведает правды, – да не будет; но, услышав имя Павла, в страхе и трепете он и не внял сказанному; так страх овладел душою его при имени (Павловом), хотя после того, как он услышал, что (Господь) ослепил его, ему следовало быть смелым. "**И здесь**", говорит, "**имеет от первосвященников власть вязать всех, призывающих имя Твое**". Как бы так говорил: боюсь, чтобы он как-нибудь и меня не отвел в Иерусалим; для чего же Ты ввергаешь меня в пасть льва? Для чего предаешь меня ему? Он страшится и говорит так, чтобы мы вполне узнали добродетель этого мужа. Если это говорилось иудеями, то это нисколько не удивительно; если же и им, и притом с таким страхом, то это служит величайшим свидетельством силы Божией. "**Брат Савл**". Здесь и великий страх и еще большее послушание после страха. Затем, чтобы после слов: "**избранный сосуд**", ты не сказал, что все это – дело Божие, (Господь), удаляя от тебя такую мысль, прибавляет следующее: "**чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми**". Анания услышал то, чего сильно желал, – что (Павел) противостанет и иудеям; поэтому исполняется не только радости, но и дерзновения. "**И Я покажу ему**", говорит (Господь), "**сколько он должен пострадать за имя Мое**". Эти слова и пророчественные, и вместе увещательные: если тот, кто так неистовствовал, готов перенести все, то как этому не хотеть крестить его, "**чтобы он прозрел**"? Хорошо, говорит (Анания), пусть он останется слепым; он ныне кроток, потому что слеп; зачем же Ты повелеваешь мне отверсть очи его? Не для того ли, чтобы он опять связывал (верующих)? Но не убойся того, что будет, (отвечает Господь); прозрением он будет пользоваться не против нас, а за нас; к тому: "**чтобы он прозрел**", надобно прибавить еще и это. Не бойся: он не сделает вам никакого зла, но еще сам пострадает много. И то удивительно, что он прежде пострадает, и тогда пойдет на опасности. "**Господь Иисус, явившийся тебе на пути, которым ты шел, послал меня**". Не сказал: ослепивший, но: "**явившийся тебе**". Так выразился он смиренно, и не сказал чего-нибудь тщеславного. Подобным образом и Петр говорил о хромом: "**что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?** " (Деян.3:12); также и он: "**явившийся тебе на пути**", – говорил это, возложив руки, и сугубая слепота разрешилась. Когда же (писатель) говорит: "**и, приняв пищи, укрепился**", то показывает, что он изнемог от скорби по причине слепоты, и от страха, и от голода. Он не хотел и принимать пищи дотоле, пока не крестится и вместе с тем получит великие дары. Не говорит (Анания): Иисус распятый, Сын Божий, творящий знамения; но что? "**Явившийся тебе на пути**", – то, что Павлу было известно, – подобно тому, как и Христос ничего больше не прибавил и не сказал: Я – распятый, воскресший, но: "**Которого ты гонишь**". Не сказал (Анания): Тот, которого ты гнал, – чтобы не показаться разгневанным и насмехающимся. "**Явившийся тебе**", говорит, "**на пути**". Он сам не был виден, но явился делами. Желая смягчить жесткость этих слов, тотчас прибавил: "**прозрел и исполнился Святаго Духа**". Я пришел говорит, не обличать бывшее, но преподать дар. Мне кажется, что он (Павел), подобно тому как и Корнилий, тотчас по произнесении этих слов сподобился Духа, хотя преподававший и не был из числа двенадцати. Так все касающееся Павла было не человеческим и совершалось не через человека, но сам Бог был совершителем. А вместе с тем (Бог) научает его смирению тем, что не приводит его к верховным апостолам, и показывает, что здесь нет ничего человеческого. Он не сподобился Духа, творящего знамения, чтобы и чрез это явилась вера его, так как он

(тогда) не творил чудес. "**И тотчас**", говорит (писатель), "**стал проповедывать в синагогах об Иисусе, что Он есть Сын Божий**". Не проповедовал, что воскрес, или что Он жив; но что? Весьма точно излагал догмат: "**что Он есть Сын Божий**". Они же, слыша это, остаются в неверии, между тем как надлежало не только веровать, но и ужасаться. И почему они говорят не просто, что он был гонителем, но что он "**который гнал в Иерусалиме призывающих имя сие?**" Они выражают этим крайнее неистовство. И не сказали: Иисуса, не желая по ненависти даже слышать этого имени: так они были ожесточены! "**И сюда за тем пришел**". Не можем сказать, говорят, чтобы он прежде обращался с апостолами.

3. Смотри, сколько свидетельств того, что Павел был из числа врагов (Христовых)! Он же не только не стыдился этого, но и хвалился. "**Савл более и более укреплялся и приводил в замешательство Иудеев**", заграждал им уста, не попускал сказать что-нибудь (противное), доказывая, "**что Сей есть Христос**", и, уча этому, потому что он тотчас же сделался учителем. "**Когда же прошло довольно времени, Иудеи согласились убить его**" (ст. 23). Иудеи опять прибегают к жестокому умыслу; но уже не ищут клеветников, обвинителей и лжесвидетелей, уже не хотят иметь их; а что? Действуют, наконец, сами собою. Они увидели, что дело возрастает; потому не производят и суда. "**Но Савл узнал об этом умысле их. А они день и ночь стерегли у ворот, чтобы убить его**" (стр. 24). Почему? Потому, что это было для них невыносимее всех уже прежде бывших знамений, с пятью тысячами, с тремя тысячами (обращенных ко Христу), и всех вообще. И смотри, теперь он спасается не благодатию, но человеческою мудростью, чтобы ты понял добродетель этого мужа, прославившегося и без чудес. "**Ученики же ночью, взяв его, спустили по стене в корзине**" (ст. 25). Так и следовало, чтобы дело не было замечено. Что же? Избегнув такой опасности, остается ли он (спокойным)? Нет, но уходит туда, где мог еще более возбудить их. Многим еще казалось невероятным, что он точно уверовал. Оттого это и происходило, спустя довольно дней. Что же это значит? Вероятно, он сначала не хотел выходить оттуда, как многие, может быть, просили; когда же узнал (о замысле иудеев), тогда позволил ученикам своим (спустить себя); а он уже имел учеников. На это указывая, он сам говорил: "**в Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня; и я в корзине был спущен из окна**

по стене и избежал его рук" (2Кор.11:32). И смотри, как евангелист не говорит ничего тщеславного и не восхваляет Павла, но только, что они возбудили к тому царя. Итак, они спустили его одного и с ним никого. Это также не напрасно, так что он сам мог явиться к апостолам в Иерусалиме; или лучше, они спустили его, чтобы он затем искал себе спасения; а он сделал противное, отправившись прямо к неистовствующим. Так он воспламенился, так сильно горел! И посмотри, как он следует (Христу), с первого дня соблюдая заповедь, которую слышали апостолы: "**и кто не берет креста своего и следует**

за Мною" (Мф.10:38). То самое, что он пришел после прочих, делало его ревностнейшим, и на деле здесь исполнилось сказанное: "**кому мало прощается, тот мало любит**" (Лк.7:47), так что чем позже он пришел, тем больше возлюбил. Потому, осуждая прежнюю свою жизнь и часто упрекая себя, он ничего не считал достаточным для заглаждения прежнего. И смотри, они не говорят ему: ты был гонителем, для чего же переменился? Они стыдились (говорить это); вместо того совещались между собою. Иначе он гораздо справедливее сказал бы им: это-то особенно и должно вразумить вас, – как он защищался пред Агриппою (Деян.26:9-20). Будем, увещеваю вас, подражать ему и мы, и будем готовы на все опасности. Как же, скажут, он обратился в бегство? Это он сделал не по трусости, но сохранял себя для проповеди. Если бы он страшился, то не пошел бы в Иерусалим, не стал бы тотчас же учить, оставил бы ревность. Но он действовал не по страху, а по благоразумию. Он научен был страданием Стефана.

Поэтому он не считал великим умереть за проповедь, если это не соединялось с великою пользою. Это – муж, который не хотел даже видеть Христа, Которого теперь более всего желал бы видеть, когда еще не было исполнено служение его людям. Такова должна быть душа христианина!

4. Характер Павла выразился с самого начала и с первого шага его поприща; а лучше сказать – еще и прежде этого. А что он делал не по разуму, то делал, руководствуясь рассуждением человеческим. Если, спустя столько времени, он не хотел разрешиться (от жизни, без пользы для других), то тем более в начале деятельности, когда лишь только вышел из пристани. Христос не избавляет его от опасности, но попускает, потому что желает, чтобы многое совершалось и человеческим благоразумием; с другой стороны, попускает для того, чтобы научить нас, что и они были люди, и что не всегда все совершала благодать. Ведь, если бы этого не было, то можно было бы уподобить их просто деревьям. Поэтому многое и сами они совершали (своими) действиями. Будем так поступать и мы, и также будем пещись о спасении братий. Это - не ниже мученичества, т.е., чтобы не отрицаться ни от каких страданий для спасения многих; ничто так не благоугодно Богу. Опять скажу то, что я часто говорил; скажу, потому что сильно желаю этого. То же делал и Христос, научая прощению (обид); Он говорил: когда вы "**молитесь**", то "**прощай**", если что имеете на кого (Мф.5:23; 6:14; 8:35); и еще, беседуя с Петром, сказал: "**не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз**" (Мф.18:22); и самым делом отпустил все, что было сделано против Него. Так и мы, зная, что в этом цель христианства, непрестанно говорим об этом.

Нет ничего холоднее христианина, который не заботится о спасении других. Здесь ты не можешь извиняться бедностью; положившая две лепты обличит тебя (Лк.21:2); и Петр говорил: "**серебра и золота нет у меня**" (Деян.3:6). А Павел был так беден, что часто голодал и не имел необходимой пищи. Не можешь извиняться незнатностью; и они были незнатны и не от знатных. Не можешь указывать на неученость; и они были неученые. Хотя бы ты был рабом, хотя бы беглецом, – и тогда можешь исполнить свое дело; таков был и Онисим, и, однако, смотри, к чему призывает его (Павел) и в какое возводит достоинство: "**если ты имеешь общение со мною**", говорит, "**в узах моих**" (Фил.1:10,17). Не можешь извиняться немощью; таков был и Тимофей, часто страдавший недугами. А что он был немощен, послушай: "**употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов**" (1Тим.5:23). Каждый может быть полезным ближнему, если захочет исполнять, что от него зависит. Не видите ли бесплодных деревьев, как они крепки, как красивы, рослы, гладки и высоки? Но, если бы у нас был сад, то мы захотели бы лучше иметь плодоносные гранатовые или масличные деревья, нежели их, потому что они доставляют (только) удовольствие, а не пользу, хотя, впрочем, бывает и от них некоторая малая польза. Таковы те, которые заботятся только о самих себе, или даже еще хуже; они годны только на сожжение, тогда как те (деревья годны) и на постройку, и для хранения в них вещей. Таковы были те девы, хотя чистые, украшенные и целомудренные, но никому не приносившие пользы; поэтому они и осуждаются на сожжение (Мф.15:1-12). Таковы были не напитавшие Христа; заметь, никто из них не осуждается за собственные грехи: ни за прелюбодеяние, ни за клятвопреступление, вообще ни за что, но за то, что не был полезен другому (Мф.15:41-46). Таков был зарывший талант в землю, безукоризненный по своей жизни, но бесполезный для другого (Мф.25:18-28). И как такой может быть христианином? Скажи мне: если закваска, смешанная с мукою, не сообщает своего свойства всему (смешению), то закваска ли это? Также, если миро не сообщает благовония приближающимся, то можем ли мы его назвать его миром? Не говори: мне невозможно помогать другим; если бы ты был (истинным) христианином, то невозможно было бы этому не быть. Как то, что составляет свойство (вещи), не может быть противно ей, так и здесь, потому что это составляет свойство христианина. Не оскорбляй Бога. Если

бы ты сказал, что солнце не может светить, то оскорбил бы Его; если скажешь, что христианин не может приносить пользу, то (также) оскорбишь Бога и назовешь (Его) лживым, потому что скорее солнце не будет ни греть, ни светить, нежели христианин – не просвещать; скорее свет сделается тьмою, нежели будет это. Не говори же, что невозможно; невозможно противоположное этому. Не оскорбляй Бога. Если мы хорошо исполним, что зависит от нас, то, без сомнения, будет и это, как естественное следствие. Не может утаиться свет христианина; не может сокрыться светильник столь светлый. Не будем же нерадивы. Как от добродетели происходит польза и для нас, и для облагодетельствованных нами, так и от злобы происходит сугубый вред, – и для нас, и для озлобляемых нами. Пусть, например, какой-нибудь человек простой терпит от другого бесчисленное множество зол и никто (за это) пусть не мстит, но даже пусть благодетельствуют ему: какого наставления это не будет сильнее, каких слов, каких увещаний? Какой ярости это не смягчит и не угасит? Итак, зная это, возлюбим добродетель, потому что невозможно спастись иначе, как проводя настоящую жизнь в таких добрых делах, чтобы сподобиться и будущих благ, – по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 21

"Савл прибыл в Иерусалим и старался пристать к ученикам; но все боялись его, не веря, что он ученик. Варнава же, взяв его, пришел к Апостолам и рассказал им, как на пути он видел Господа, и что говорил ему Господь, и как он в Дамаске смело проповедывал во имя Иисуса" (Деян.9:26,27).

1. Здесь справедливо (можно) недоумевать: в послании к Галатам (Павел) говорит: "**и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск. Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него дней пятнадцать. Другого же из Апостолов я не видел никого**" (Гал.1:17-19); а здесь, напротив (говорится), что Варнава привел его к апостолам. Он говорит или то, что он ходил в (Иерусалим) не с тем, чтобы остаться; там именно говорит: "**не стал тогда же советоваться с плотью и кровью, и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам**" (Гал.1: 16,17); или то, что умысел (против него) в Дамаске случился после пришествия его из Аравии, а потом уже, по возвращении оттуда, последовало путешествие (в Иерусалим). Таким образом, он приходил не к апостолам, но "**старался пристать к ученикам**", как ученик, а не как учитель. Следовательно, приходил не для того, чтобы идти к первейшим его (апостолам), потому что от них он ничему не учился. Или он не упоминает об этом путешествии, но умалчивает, так что дело было так: он отправился в Аравию, потом пришел в Дамаск, потом в Иерусалим, потом в Сирию; или еще так: пришел в Иерусалим, потом был послан в Дамаск, потом в Сирию, потом опять в Дамаск, потом в Кесарию, и затем, спустя четырнадцать лет, может быть (опять пришел в Иерусалим), когда привел братию с Варнавою (Гал.1:1-4). Или, если не так, то здесь речь идет о другом времени. Писатель многое сокращает и соединяет различные времена. Смотри, как он не тщеславится и не распространяется в рассказе об этом видении (Павла), но кратко повествует. А затем опять начинает и говорит так: "**Савл прибыл в Иерусалим и старался пристать к ученикам; но все боялись его, не веря, что он ученик**" (ст. 26). И отсюда опять открывается пламенная (ревность) Павла, не (только) от Анании и тех, которые удивлялись ему там (в Дамаск), но и из случившегося в Иерусалиме, так как это (обращение его) было совершено сверх чаяния человеческого. И смотри: по смирению он приходит не к апостолам, но к ученикам, как ученик, потому что ему еще не верили. "**Варнава же, взяв его, пришел к Апостолам и рассказал им, как на пути он видел Господа**" (ст. 27). Этот Варнава был человек послушный и кроткий; имя

его значит: сын утешения; потому и был любим Павлом. А что он был весьма добр и кроток, это видно как из настоящего обстоятельства, так и из бывшего с Иоанном (Марком, Деян.15:37). Отсюда он не боится, но рассказывает, "**как он**" (Павел) "**в Дамаске смело проповедывал во имя Иисуса**" (ст. 27). Вероятно, он слышал о том, что случилось с ним еще в Дамаске. Потому, когда предварительно это было совершено, тогда (Павел) делами подтвердил сказанное. "**И пребывал он с ними, входя и исходя, в Иерусалиме, и смело проповедывал во имя Господа Иисуса. Говорил также и состязался с Еллинистами**" (ст. 28, 29). Так как ученики боялись его, апостолы же не верили ему, то этим он рассеивает страх их. "**Говорил также и состязался**", говорит (писатель), "**с Еллинистами**". Эллинами называет тех, которые говорили по-эллински; и это (делал Павел) весьма разумно, потому что прочие, закоренелые евреи, и видеть его не хотели. "**А они покушались убить его**", это свидетельствует о силе и совершенной победе (Павла), а также и о том, что они были весьма недовольны случившимся. "**Братия, узнав о сем, отправили его в Кесарию**" (ст. 30). Делают это из опасения. Боясь, чтобы (с ним) не случилось того же, что со Стефаном, отправляют его в Кесарию. "**И препроводили в Тарс**". Отправляют его, как из опасения, так вместе и с тем, чтобы он проповедовал и был в безопасности, находясь в своем отечестве. И заметь, прошу, как не все делается благодатию, но Бог попускает им устроять многое и собственною мудростью, по-человечески. Если так было с ним, то тем более с теми (учениками); попускает же для того, чтобы нерадивые не имели оправдания. "**Церкви же по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем; и, при утешении от Святаго Духа, умножались**" (ст. 31). (Писатель) намеревается говорить о Петре и о путешествии его ко святым. Поэтому, чтобы кто не подумал, будто это (сделал Петр) по страху, сначала он повествует о том, в каком состоянии находились церкви, и показывает, что, когда было гонение, то (Петр) находился в Иерусалиме, а когда повсюду Церковь находилась в безопасности, тогда уже он и оставляет Иерусалим. Так он был ревностен и тверд! Он не думал, что, если был мир, то и не нужно его прибытия. Почему же, скажешь, он делает это и идет во время мира и после отшествия Павла? Потому, что на них (апостолов) больше обращали внимания, как часто являвшихся и бывших предметом удивления для народа, а его презирали и против него больше восставали.

2. Видел ли ты, как за бранью следует мир? Или лучше: видел ли ты, что сделала та брань? Она рассеяла творящий мир. В Самарии пристыжен был Симон; в Иудее случилось происшествие с Сапфирою. И тогда, как был мир, дела (их) не были безуспешны, но этот мир был такой, что и (во время его) нужно было утешение. "**Случилось, что Петр, обходя всех, пришел и к святым, живущим в Лидде**" (ст. 32). Он обходил, как бы некоторый военачальник, ряды, наблюдая, какая часть сомкнута, какая во всем вооружении и какая имеет нужду в его присутствии. Посмотри, как он везде успевает быть и является первым. Когда надлежало избрать апостола, он – первый; когда беседовать с иудеями о том, что (апостолы) не были упоены вином, когда исцелить хромого, когда говорить к народу, он – прежде остальных; когда (было дело) с начальниками, когда – с Ананиею, когда совершались исцеления от тени, был он. Где была опасность и где (требовалась) распорядительность, там он; а где все было в мире, там все они вместе: так он не искал себе большей чести. Опять, когда надлежало творить чудеса, он является прежде других, и здесь также он сам подъемлет труд и совершает путешествие. "**Там нашел он одного человека, именем Энея, который восемь уже лет лежал в постели в расслаблении. Петр сказал ему: Эней! исцеляет тебя Иисус Христос; встань с постели твоей. И он тотчас встал**" (ст. 33, 34). Почему он не ожидал веры этого человека, и даже не спросил, желает ли он быть исцеленным? Особенно потому, что чудо было совершено и для утешения многих. Послушай, какая (отсюда произошла) польза. "**И видели его все**", продолжает (писатель), "**живущие в Лидде и в Сароне, которые и обратились к Господу**" (ст. 35). Не напрасно он так сказал; Еней был

человек известный; притом он представил и доказательство знамения, взявши одр. (Апостолы) не только исцеляли от болезней, но вместе с здоровьем сообщали еще и силу. С другой стороны, до этого времени они еще не показали своей (чудотворной) силы, и потому справедливо не требовали веры от этого человека, как не потребовали и от хромого. Подобно тому, как Христос, начиная знамения, не требовал веры, так и они. В Иерусалиме справедливо от них требовалась сначала вера; так, по вере некоторые, одержимые болезнями, полагаемы были на дорогах, чтобы хотя тень проходящего Петра осенила кого-либо из них, потому что там совершалось много знамений; а здесь это совершается первое. И одни из знамений совершались для обращения неверовавших, а другие для утешения верующих. "**В Иоппии находилась одна ученица, именем Тавифа, что значит: "серна"; она была исполнена добрых дел и творила много милостынь. Случилось в те дни, что она занемогла и умерла. Ее омыли и положили в горнице. А как Лидда была близ Иоппии, то ученики, услышав, что Петр находится там, послали к нему двух человек просить, чтобы он не замедлил придти к ним**" (ст. 36-38). Почему они ждали, пока она умрет? Почему не утруждали Петра и прежде этого? По любомудрию они считали недостойным утруждать учеников ради таких дел и отвлекать от проповеди; поэтому (писатель) и говорит, что (Петр) находился недалеко, чтобы показать, что они просили об этом как бы случайно, – а Тавифа была ученица, – но не нарочито. "**Петр, встав, пошел с ними; и когда он прибыл, ввели его в горницу**" (ст. 39). Не просят, но предоставляют ему, чтобы он по собственному побуждению даровал ей жизнь. Так здесь исполняется сказанное: "**милостыня от смерти избавляет**" (Тов.12:9). "**И все вдовицы со слезами предстали перед ним, показывая рубашки и платья, какие делала Серна, живя с ними**" (ст. 39). Приводят Петра, туда, где лежала, умершая, – может быть, думая представить ему (случай) к какому-либо назиданию. Видел ли ты, какое сделано прибавление (к имени этой жены)? Не без цели упоминается и имя ее, но чтобы мы узнали, что она соответствовала этому имени, была так внимательна и деятельна, как серна. Многие имена даются с особенным значением, как мы часто говорили вам. "**Она была**", говорит (писатель), "**исполнена добрых дел и творила много милостынь**". Великая похвала для жены, если те и другие она творила так, что была "**исполнена**" тех и других; и наперед, как видно, она прилагала попечение о первых, а потом о последних. "**Какие делала Серна**", говорит, "**живя с ними**". Великое смиренномудрие! Не так, как мы; но они были все вместе, прилагая великое попечение о милостыне. "**Петр выслал всех вон и, преклонив колени, помолился, и, обратившись к телу, сказал: Тавифа! встань. И она открыла глаза свои и, увидев Петра, села**" (ст. 40). Для чего он всех высылает вон? Для того, чтобы не смутиться слезами и не потерять спокойствия. "**И, преклонив колени, помолился**". Это – знак напряженной молитвы. "**Подав**", говорит, "**ей руку**". Раздельно показывает здесь, как возвращаема была, жизнь и потом сила, та чрез слово, а эта чрез руку. "**Он, подав ей руку, поднял ее, и, призвав святых и вдовиц, поставил ее перед ними живою**" (ст. 41), одним в утешение, так как они снова получили сестру и увидели чудо, а другим в помощь. "**Это сделалось известным по всей Иоппии, и многие уверовали в Господа. И довольно дней пробыл он в Иоппии у некоторого Симона кожевника**" (ст. 42, 43).

3. Посмотри на смирение и кротость Петра: он имеет пребывание не у ней (Тавифы) и не у кого-либо другого из знатных, но у кожевника, всеми (действиями своими) внушая смиренномудрие, и не попуская ни бедным стыдиться, ни великим превозноситься; он потому и решил обойти (церкви), что веровавшие имели нужду в его наставлении. Но обратимся к вышесказанному. "**И старался**" (Павел), говорит (писатель),

"**пристать к ученикам**". Не с гордостью пришел, но смиренно. Учениками же называет и тех, которые не были в числе двенадцати, потому что тогда все назывались учениками по великой добродетели, которая была явным отличием учеников. "**Но все**", говорит,

"**боялись его**". Смотри, как они избегали опасностей, и как еще был силен страх. "**Варнава же, взяв его, пришел к Апостолам и рассказал им**". Мне кажется, что Варнава и прежде был близок к Павлу; потому и рассказывает все о нем. Сам же он ничего не говорит об этом; думаю, что он не стал бы и после говорить об этом пред прочими, если, бы не представилась ему какая-либо необходимость. "**И пребывал он с ними, входя и исходя, в Иерусалиме, и смело проповедывал во имя Господа Иисуса**". Это и остальным придавало бодрости. Видишь ли, что как там, так и здесь прочие заботятся и устраивают его путешествие, а сам он доселе еще не получал Божественного внушения? Этим также показывается его ревность; и мне кажется, что он совершал путешествие не (только) сушею, но потом и морем. А все это было с благою целью, чтобы он и там проповедовал. Поэтому и покушения против них, и путешествие во Иерусалим были с благою целью, для того, чтобы не оставалось больше сомнения касательно него. "**Говорил также и состязался с Еллинистами. Церкви же по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем**" т.е., умножились и имели между собою мир, мир истинный. И хорошо, потому что внешняя брань причинила им много зла. "**И, при утешении от Святаго Духа, умножались**". Дух утешал (всех) их и чудесами, и делами, а также, сверх того, и каждого порознь. "**Случилось, что Петр, обходя всех, пришел и к святым, живущим в Лидде. Там нашел он одного человека, именем Энея, который восемь уже лет лежал в постели в расслаблении. Петр сказал ему: Эней! исцеляет тебя Иисус Христос**". Это слово не тщеславия, но убеждения, что так будет. И мне кажется несомненным, что больной поверил этому слову и (потому) стал здоровым. А что (Петр) был чужд гордости, видно и из последующего. Он не сказал: во имя Иисуса; но как бы повествует (только) о самом знамении. "**И видели его все, живущие в Лидде и в Сароне, которые и обратились к Господу**". Следовательно, не напрасно я говорил, что чудеса были совершаемы для убеждения и утешения. "**В Иоппии находилась одна ученица, именем Тавифа. Случилось в те дни, что она занемогла и умерла**". Видел ли ты, как повсюду совершались знамения? Не вдруг умерла Тавифа, но после болезни; а они не приглашали Петра дотоле, пока она умерла. "**А как Лидда была близ Иоппии, то ученики, услышав, что Петр находится там, послали к нему двух человек просить, чтобы он не замедлил придти к ним**". Заметь, чрез других посланных приглашают; но он повинуется и приходит, не считая такого приглашения обидою. Столь великое благо – скорбь; она соединяет наши души. Там (не было) никакого плача, никакого рыдания. "**Ее омыли и положили в горнице**", т.е. сделали все, что (делается) над мертвым. "**Петр, встав, пошел с ними; и когда он прибыл, ввели его в горницу, преклонив колени, помолился, и, обратившись к телу, сказал: Тавифа! встань**". Не все знамения Бог попускает совершать с одинаковою легкостью. Это было полезно для самих (апостолов). Он промышлял не только о спасении других, но и их самих. Потому-то исцелявший многих (одною) тенью теперь употребляет такое (усилие) для воскрешения. Впрочем, иногда содействовала и вера приступающих. Таким образом, ее первую (Петр) воскрешает из мертвых, называя по имени. Она, как бы пробудившись от сна, сначала открыла глаза; потом, тотчас увидевши Петра, села, и, наконец, прикосновением руки была укреплена. Заметь опять, прошу, какая (отсюда) польза, и как плоды (этого) служили не к (удовлетворению) тщеславия. Поэтому он и высылает всех вон, подражая и в этом Учителю. Где слезы, там невозможно совершаться такому таинству; или лучше: где чудеса, там не должны быть слезы. Послушайте, увещеваю: и над нынешними мертвыми совершается хотя не такое, но также великое таинство. Скажи мне: если бы к нам сидящим (здесь) царь прислал кого-либо звать в свое царское жилище, то неужели следовало бы плакать и рыдать? И здесь присутствуют нисшедшие с небес ангелы, посланные от самого Царя – призвать подобного им раба, а ты плачешь? Или не знаешь, какое здесь происходит таинство, какое страшное и ужасное, но поистине и достойное песнопений и радости?

4. Хочешь ли понять и убедиться, что здесь не время слезам? Это – величайшее таинство Божией премудрости. Душа, как бы покидая какой дом, исходя (из тела) поспешает к своему Владыке; а ты плачешь? Поэтому следовало бы делать тоже и при рождении младенца; ведь и это есть рождение, (только) лучшее того. Она является в другой свет; освобождается как бы из какого заключения; выходит как бы с поприща. Да, скажешь, справедливо так говорить о (людях) добродетельных. Но что тебе из этого, человек, когда ты не поступаешь так и по отношению к добродетельным? Скажи мне, в чем мог бы ты обвинить малого младенца? Для чего же оплакиваешь его? Для чего (оплакиваешь) новопросвещенного? И он находится в таком же состоянии. Зачем же ты плачешь о нем? Разве ты не знаешь, что как солнце восходит чистым, так и душа, оставляющая тело с чистою совестью, сияет светло? Не с таким безмолвием следует взирать на царя, вступающего в город, с каким на душу, оставляющую тело и отходящую с ангелами. Представь, в каком состоянии бывает тогда душа, в каком изумлении, в каком удивлении, в какой радости! Почему же ты плачешь, скажи мне? Ты ведь не над грешниками только делаешь это? О, если бы это было (только над грешниками)! Тогда я не стал бы останавливать слез. О, если бы такова была цель (их)! Это – плач апостольский, это – плач самого Господа. И Иисус плакал об Иерусалиме. Таким правилом я хотел бы различить (разные) роды плача. Когда же, оплакивая (мертвых), произносишь речи, (упоминая) и о привычке, и о попечении (своем), то не о том ты плачешь, а (только) притворяешься. Плачь и рыдай о грешнике, (о нем) и я буду проливать слезы; и я (буду плакать) тем больше, чем большему он подлежит и наказанию; и я буду плакать с этою целью. О таком (умершем) не тебе только следует плакать, но и всему городу и (всем) встречающимся, как (плачут) о ведомых на смерть. Смерть грешников поистине лютая смерть. Но (у нас) все извращено. Такой плач, есть плач исполненный любомудрия и великого назидания, а тот – (знак) малодушия. Если бы все мы плакали таким плачем, то исправляли бы их при жизни. Как если бы ты имел возможность доставить лекарство, не допускающее смерти телесной, то ты сделал бы это, так и теперь, если бы ты оплакивал эту смерть (грешников), то ты не допустил бы ее ни в себе, ни в другом. А теперь, непонятно, что делается: имея возможность не допустить этой смерти постигнуть нас, допускаем; а когда она приключилась, плачем. Поистине достойны слез (грешники); когда они предстанут пред престолом Христовым, какие они услышат слова, какие потерпят мучения! Напрасно жили они; или лучше, не напрасно, а во вред (себе). И о них прилично сказать: "**лучше было бы тому человеку не родиться**" (Мк.14:21). Что, в самом деле, пользы, скажи мне, истратить столько времени во вред себе самому? И если бы только оно было истрачено напрасно, то разве маловажна была бы потеря? Скажи мне: если бы какой-либо наемник потрудился напрасно двадцать лет, то не стал ли бы он плакать и рыдать и считать себя несчастнее всех? А этот всю жизнь трудился напрасно, и ни одного дня не жил для себя, но для удовольствий, для роскоши, для любостяжания, для греха, для диавола. О нем ли не будем плакать, скажи мне? Его ли не постараемся похитить от опасностей? Есть, подлинно есть возможность облегчить его наказание, если пожелаем. Так, если будем совершать за него частые молитвы; если будем подавать милостыню, – то, хотя он сам был и недостоин, Бог услышит нас. Если ради Павла Он спасал других, и ради других милует иных, то не сделает ли того же самого и ради нас? Из собственного его имения, из твоего, из чего хочешь, окажи помощь; возлей (на него) елей, или, по крайней мере, воду. Он не может предъявить собственных дел милосердия? Пусть будут хотя родственные. Не имеет совершонных им самим? Пусть будут (совершённые) за него. Таким образом жена может ходатайствовать за него с дерзновением, представив за него потребное для спасения. Чем в больших он виновен грехах, тем более необходима для него милостыня. И не поэтому только, но и потому, что теперь она уже не имеет такой силы, но гораздо меньше. Не все равно, творит ли ее кто сам, или за него. Итак, чем она менее (по силе), тем более мы должны увеличивать ее по количеству.

Не о памятниках, не о надгробных украшениях будем заботиться. Ты собери вдовиц – вот наилучший памятник! Скажи (им) имя (покойного); пусть все творят за него молитвы и моления. Это преклонит на милость Бога, хотя и не он сам, а другой за него совершает милостыню. Это сообразно с человеколюбием Божиим. Стоящие вокруг и плачущие вдовицы могут спасти если не от настоящей, то от будущей смерти. Многие получили пользу от милостынь, совершаемых за них другими. Если они и не совершенно (помилованы), то, по крайней мере, получили некоторое утешение. В противном же случае, как спасались бы дети, которые сами от себя ничего не представляют, а все – родители? И часто женам даруемы были дети, которые сами от себя ничего не представляли. Много путей ко спасению даровал нам Бог; только бы сами мы не были нерадивыми!

5. Но что, скажешь, если кто беден? Опять скажу, что о достоинстве милостыни судится не только потому, что дается, но и по усердию. Но давай только меньше того, сколько можешь, и исполнишь все. А. если кто, скажешь, одинок, чужой и никого не имеет? А почему он никого не имеет, скажи мне? За то самое он и подвергается наказанию, что не имеет никого, так близкого, так добродетельного. Поэтому, если мы сами не добродетельны, то должны стараться иметь добродетельных товарищей и друзей, жену и сына, для того, чтобы получить какую-нибудь пользу и чрез них, хотя и малую, однако же, пользу. Если постараешься взять за себя не богатую, но благочестивую жену, то будешь иметь это утешение. Равным образом, если постараешься оставить по себе не богатого, но благочестивого сына и честную дочь, то и тогда будешь иметь это утешение. А если будешь заботиться об этом, то и сам будешь таков. Добродетели свойственно иметь таких и друзей, и жену, и детей. Не напрасно бывают приношения за умерших, не напрасно молитвы, не напрасно милостыни. Все это установил Дух, желая, чтобы мы приносили друг другу взаимную пользу. Смотри: тот получает пользу чрез тебя, а ты получаешь пользу ради него. Ты истратил имущество решившись сделать доброе дело, – и ты для него стал виновником спасения, а он для тебя (виновником) милостыни. Не сомневайся, что это принесет добрый плод. Не напрасно диакон возглашает: **о иже о Христе усопших, и о иже памяти о них совершающих**. Не диакон изрекает эти слова, но Дух Святый; разумею дарование (Его). А ты что говоришь? Жертва в руках (священнослужителей) и все предлежит уготованное; предстоят ангелы, архангелы; присутствует Сын Божий; все стоят с таким трепетом; те предстоят, возглашая среди общего молчания; и ты думаешь, что это бывает напрасно? В таком случае и все прочее напрасно: и приношения за Церковь, и за священников и за всех (христиан). Но, да не будет! Напротив, все это совершается с верою. Для чего, думаешь ты, бывают приношения за мучеников, и они призываются в этот час? Хотя они – мученики, хотя это – (приношения) за мучеников, но великая честь быть воспомянутым в присутствии Господа, во время совершения такой смерти, страшной жертвы, неизреченных таинств. Как пред лицом седящего царя всякий может испрашивать, чего хочет, когда же он встанет (с своего места), тогда, что бы ни говорил, будет говорить напрасно, – так и здесь, пока предлежат таинства, то для всех величайшая честь – удостоиться поминовения. Смотри: здесь возвещается то страшное таинство, что Бог предал Себя за вселенную. Вместе с этим тайнодействием благовременно воспоминаются и согрешившие. Подобно тому, как в то время, когда празднуются победы царей, прославляются и те, которые участвовали в победе, и освобождаются те, которые в то время находятся в узах, а когда пройдет это время, то не успевший получить уже не получает ничего, так точно и здесь; это – время победного торжества. "**Ибо всякий раз**", говорит (апостол), "**когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете**" (1Кор.11:26). Не будем же приступать легкомысленно и думать, будто это совершается так, без цели. А вместе будем поминать и мучеников, и, притом, с верою, что Господь не умер; а что Он был мертвым, то это – знак умерщвления смерти. Зная это, будем помнить, какие утешения мы можем

доставить умершим, – вместо слез, вместо рыданий, вместо надгробных памятников милостыни, молитвы, приношения, – чтобы и им и нам сподобиться обещанных благ, по благодати и человеколюбию Единородного Сына, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 22

"В Кесарии был некоторый муж, именем Корнилий, сотник из полка, называемого Италийским, благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим, творивший много милостыни народу и всегда молившийся Богу. Он в видении ясно видел около девятого часа дня Ангела Божия, который вошел к нему и сказал ему: Корнилий! Он же, взглянув на него и испугавшись, сказал: что, Господи? Ангел отвечал ему: молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом" (Деян.10:1-4).

1. Корнилий был не иудей и не жил по закону (иудейскому), но уже следовал нашему образу жизни. Обрати внимание на двух уверовавших, которые оба были сановниками, – на евнуха из Газы и этого, – и на то, как велико было об них попечение (Божие). Но не подумай, чтобы это – за их сан. Нет, не за то, – да не будет! – но за благочестие. Для того и замечено о сане, чтобы более явно было их благочестие. Когда кто бывает таким среди богатства и власти, то это более достойно удивления. Великая похвала первому, что он предпринял такое путешествие, что на пути, когда время не благоприятствовало, занимался чтением, что, сидя на колеснице, пригласил к себе Филиппа, и за весьма многое другое; великая (похвала) и последнему, что он творил милостыни и молитвы, и был благочестив при такой начальственной должности. Поэтому естественно (писатель) упоминает и о должности этого мужа, чтобы кто-нибудь не сказал, что повествование Писаний не точно. "**Из полка**", говорит, "**называемого Италийским**". "**Благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим**". Говорит это для того, чтобы ты не подумал, будто случившееся с ним сделано ради (его) сана. Когда нужно было обратить Павла, то является не ангел, но сам Господь; и посылает его не к кому-либо из двенадцати, но к Анании. А здесь, напротив: посылает верховного (апостола), подобно тому, как Филиппа к евнуху, снисходя к их слабости и научая, как должно поступать с такими (людьми). И Христос часто сам приходит к тем, которые страдают тяжко и сами не могут приступить (к Нему). Заметь, прошу, также и здесь новую похвалу милостыне, как там (в сказании) о Тавифе. "**Благочестивый и боящийся Бога со всем домом своим**" (ст. 2). Да услышат это те из нас, которые не заботятся о домашних. Он же заботился и о воинах и "**творивший много милостыни народу**". Так были благоустроены у него и понятия, и жизнь. "**Он в видении ясно видел около девятого часа дня Ангела Божия, который вошел к нему и сказал ему: Корнилий!**" (ст. 3). Для чего он видит ангела? Это – для удостоверения Петра, или лучше – не его, но остальных слабейших. "**Около девятого часа дня**", когда он был свободен от забот и не был занят делами, и между тем (предавался) молитвам и сокрушению. "**Он же, взглянув на него и испугавшись, сказал**" (ст. 4). Смотри: ангел не тотчас говорит то, что он сказал, но сначала рассевает страх и возносит горе мысли Корнилия. Видение произвело (в нем) страх, но страх умеренный, чтобы только сделать его внимательным. Потом слова (ангела) рассеяли этот страх, или лучше – заключающаяся в них похвала смягчила неприятное (чувство) страха. Послушай же и сами слова. "**Молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом. Итак пошли людей в Иоппию и призови Симона, называемого Петром**" (ст. 4, 5). Чтобы они не пришли к другому, для того указывает не только прозвание, но и местопребывание этого мужа. "**Он гостит у некоего Симона кожевника, которого дом находится при море**" (ст. 6). Видел ли, как апостолы, любя уединение и тишину, искали отдаленных мест в городах? Но что, если бы случилось быть и другому Симону и также кожевнику? Для того дан был еще иной признак – жительство близ моря; трем же

(признакам) вместе невозможно было совпасть. Не сказал (ангел), для чего (послать), чтобы не смутить Корнилия, но, возбудив в нем стремление и желание слышать (Петра), так оставил его. "**Когда Ангел, говоривший с Корнилием, отошел, то он, призвав двоих из своих слуг и благочестивого воина из находившихся при нем и, рассказав им все, послал их в Иоппию**" (ст. 7, 8). Видишь ли, что не напрасно (писатель) говорит это, но чтобы показать, что и служившие при Корнилие были таковы же, (как он)? "**И, рассказав им все**". Смотри, как он не горд. Он не сказал: призовите ко мне Петра; но рассказал все, чтобы убедить: так он был благоразумен! Он не хотел своею властью призвать его; потому и рассказывает: так этот муж был кроток, хотя он не мог представить себе ничего высокого о человеке, жившем у кожевника! "**На другой день, когда они шли и приближались к городу, Петр около шестого часа взошел на верх дома помолиться**" (ст. 9). Смотри, как Дух сочетавает времена, и устрояет, что это случилось ни раньше, ни позже. "**Петр около шестого часа взошел на верх дома помолиться**", т.е., в уединении и тишине, в горнем месте. "**И почувствовал он голод, и хотел есть. Между тем, как приготовляли, он пришел в исступление и видит отверстое небо**" (ст. 10, 11). Что такое "**исступление**"? Произошло, говорит, в нем духовное видение; душа, так сказать, отрешилась от тела. "**И видит отверстое небо и сходящий к нему некоторый сосуд, как бы большое полотно, привязанное за четыре угла и опускаемое на землю; в нем находились всякие четвероногие земные, звери, пресмыкающиеся и птицы небесные. И был глас к нему: встань, Петр, заколи и ешь. Но Петр сказал: нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого. Тогда в другой раз был глас к нему: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым. Это было трижды; и сосуд опять поднялся на небо**" (ст. 11-16).

2. Что это значит? Это видение означает всю вселенную. Корнилий был необрезанный и не имел ничего общего с иудеями. Поэтому, имея в виду, что все будут обвинять его, как нарушителя (закона), – а это весьма много значило у них, – (Петр) необходимо располагается сказать: "**никогда не ел**", не сам возбудив в себе такое опасение, – нет! – но, как я сказал, будучи расположен к тому Духом, чтобы иметь ему в оправдание против обвинителей то, что он даже прекословил; а они весьма заботились о соблюдении закона. Он был посылаем к язычникам. Поэтому, как я выше сказал, и совершается это для того, чтобы иудеи не обвиняли его. А чтобы это не показалось каким-либо призраком, он сказал: "**нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого. Тогда в другой раз был глас к нему: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым**". Это, по-видимому, говорится к нему, но все относится к иудеям. Если учитель получает такое внушение, то тем более они. Итак, плащаница – это земля; находившиеся в ней животные – язычники; слова: "**заколи и ешь**" – что должно обратиться и им; троекратное же повторение знаменует крещение. "**Нет, Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого**". Для чего, скажут, он возражал? Чтобы кто-нибудь не сказал, что Бог искушал его, как Авраама, когда повелевал принести в жертву сына, или как Филиппа, когда Христос спрашивал его: "**сколько у вас хлебов?**" (Мк.6:38), не для того, чтобы узнать это, но искушая его (Ин.6:5). Притом и в законе Моисей раздельно указал чистых и нечистых (животных), как земных, так и морских. Но он, однако, не уразумел этого. "**Когда же Петр недоумевал в себе, что бы значило видение, которое он видел, – вот, мужи, посланные Корнилием, расспросив о доме Симона, остановились у ворот, и, крикнув, спросили: здесь ли Симон, называемый Петром?** " (ст. 17, 18). Когда Петр изумлялся сам в себе и недоумевал, те мужи приходят и благовременно разрешают недоумение; так и Иосифу (Бог) попускает прежде смутиться, а потом посылает архангела (Мф.1:20). Душа, которая прежде была в недоумении, легко принимает разрешение (недоумения). Таким образом, недоумение его продолжалось не долго и (началось) не прежде того, но около времени обеда. "**Между тем, как Петр размышлял о видении, Дух сказал ему: вот, три человека ищут тебя; встань, сойди и иди с ними, нимало не**

сомневаясь; ибо Я послал их" (ст. 19, 20). Это опять служит к оправданию Петра пред учениками, чтобы они поняли, что и он сомневался и затем был научен – нисколько не сомневаться. "**Ибо Я**", говорит, "**послал их**". Смотри, какова власть Духа. Что делает Бог, то называется действием Духа. Не так (говорит) ангел; но, сказав наперед: "**молитвы твои и милостыни твои**", потом говорит: "**пришли**", чтобы показать, что он послан свыше. Дух же, как господственный, (говорит): "**Я послал их**". "**Петр, сойдя к людям, присланным к нему от Корнилия, сказал: я тот, которого вы ищете; за каким делом пришли вы? Они же сказали: Корнилий сотник, муж добродетельный и боящийся Бога, одобряемый всем народом Иудейским, получил от святаго Ангела повеление призвать тебя в дом свой и послушать речей твоих**" (ст. 20-22). Они восхваляют (Корнилия), чтобы уверить, что ангел явился ему. Призвав же их учреди (ст. 23). Видишь ли, с кого начинается (обращение) язычников? С человека благочестивого, явившегося достойным того делами. Если и при этом иудеи, однако, соблазняются, то чего не сказали бы они, если бы было иначе? "**Тогда Петр, пригласив их, угостил**". Смотри, какая в нем уверенность! Чтобы они не потерпели чего-нибудь неприятного, он приглашает их к себе, и потом без всякого опасения вместе с ними принимает пищу. "**А на другой день, встав, пошел с ними, и некоторые из братий Иоппийских пошли с ним. В следующий день пришли они в Кесарию**" (ст. 23, 24). Известный человек был (Корнилий) и жил в известном городе. Потому все это и происходит с ним, и от Иудеи начинается дело (обращения язычников); видение же было ему не тогда, когда он спал, а когда бодрствовал, – во время дня, около девятого часа: так бодрственно он вел себя! Но обратимся к вышесказанному. "**Ангел отвечал ему: молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом**". Отсюда явно, что когда ангел назвал его, тогда он и увидел его, так что, если бы не назвал, то он и не увидел бы так он был углублен в дело, которым занимался! "**И призови Симона, называемого Петром**". Открыл только, что он пригласит Петра на доброе дело; а на какое доброе, этого еще не (открыл). Так и Петр не все высказывает. Повсюду изречения (их) только отчасти (ясны), чтобы возбудить внимание слушателей. Так и Филиппа (ангел) только посылает в пустыню. "**Петр около шестого часа взошел на верх дома помолиться. Он пришел в исступление и видит отверстое небо и сходящий к нему некоторый сосуд, как бы большое полотно, привязанное за четыре угла и опускаемое на землю**". Заметь, что даже и голод не принудил его приступить к плащанице. А чтобы он не оставался долее в недоумении, слышит голос, говорящий: "**встань, Петр, заколи и ешь**". Может быть, он стоял на коленах, когда созерцал видение, и, кажется мне, видел его для (успеха) проповеди (евангельской). А что это событие было божественное, явно из того, что (Петр) видел сосуд нисходящим свыше, и что он – апостол – находился в исступлении. Также и то, что слышан был оттуда голос, что это повторялось трижды, что небо отверзлось, что (сосуд) был спущен оттуда и опять взят туда, – служит великим доказательством Божественности этого события.

3. Для чего же такое событие? Для последовавших поколений, которым оно имело быть рассказано; да и сам (Петр) слышал (заповедь): "**на путь к язычникам не ходите**" (Мф.10:5). Не удивляйся этому. Если Павел считал нужными обрезание и жертвы, то тем более они казались нужными тогда, в начале проповеди, когда (между верующими) были еще слабейшие. "**Вот, мужи, посланные Корнилием, расспросив о доме Симона, остановились у ворот, и, крикнув, спросили: здесь ли Симон, называемый Петром?**". Как пред бедным домом, они спрашивали внизу (пред вратами его), а не расспрашивали у соседей. "**Между тем, как Петр размышлял о видении, Дух сказал ему: вот, три человека ищут тебя; встань, сойди и иди с ними, нимало не сомневаясь; ибо Я послал их**". Смотри, не сказал: для того тебе и видение явилось, но: "**Я послал их**", внушая, что так должно повиноваться (Богу), не спрашивая о причинах. Для совершенного убеждения достаточно услышать от Него: сделай то-то, скажи то-то, и не

требовать ничего более. "**Петр, сойдя к людям, присланным к нему от Корнилия, сказал: я тот, которого вы ищете**". Почему же он не тотчас принял их, а спрашивает? Он увидел в посетителях воинов: потому не просто спрашивает, но сначала называет себя, а потом разузнает о причине прибытия, чтобы не подумали, будто он спрашивал потому, что желал скрыться. Спрашивает же для того, чтобы, если бы они потребовали, тотчас же и идти вместе с ними; если же нет, то принять их к себе. А почему они говорят: "**призвать тебя в дом свой**"? Потому что так приказал им (Корнилий); а может быть, они, извиняясь за него, говорят как бы так: нисколько не осуди (его), потому что он послал не из пренебрежения (к тебе), но так ему было приказано. "**Корнилий же ожидал их, созвав родственников своих и близких друзей**" (ст. 24). Так и следовало; несправедливо было бы не собрать сродников и друзей; а с другой стороны, присутствуя здесь, они могли более слушать его (Петра).

Видели ли вы, какова сила милостыни, и из прежней беседы, и из настоящей? Там она избавила от смерти временной, здесь – от вечной, и отверзла врата неба. Смотри, как много сделано было для того, чтобы уверовал Корнилий: ангел был послан, Дух действовал, верховный из апостолов был призван, явлено было такое видение, и вообще не было оставлено ничего. Сколько было сотников, тысяченачальников и царей, и никто из них не удостоился того, чего он? Послушайте все вы, принадлежащие к войску, предстоящие царям. Он был "**благочестивый**", говорит (писатель), и "**боящийся Бога**", а что еще более, был таков "**со всем домом своим**". Он так был этому предан и благорасположен, что не только себя вел хорошо, но и домашних своих направлял точно также. Не так, как мы, которые делаем все к тому, чтобы слуги боялись нас, но ничего к тому, чтобы они были благочестивыми. А он не так, но боялся Бога со всем домом своим, будучи как бы общим отцом не только для всех, бывших с ним, но и для воинов, бывших под его властью. Послушай, что еще другое они говорят, – не напрасно ведь прибавлено: "**одобряемый всем народом Иудейским**", но чтобы никто не сказал: что в том, да если он был необрезанный? И те, говорят, свидетельствуют о нем. Итак, нет ничего равного милостыне; или лучше: так велика сила этой добродетели, когда она происходит из чистых сокровищниц! Как происходящее от неправедных (стяжаний) подобно источнику, изливающему нечистоты, так (происходящее) от праведных стяжаний есть как бы прозрачный и чистый поток в саду, приятный на вид, усладительный на вкус, доставляющий свежесть и прохладу во время полудня. Такова милостыня! При этом источнике растут не тополи, не сосны и не кипарисы, но другие, гораздо лучшие этих великие произрастения: любовь Божия, похвала от людей, слава пред Богом, благорасположенность от всех, изглаждение грехов, великое дерзновение, презрение богатства, милосердие, которым питается древо любви. Обыкновенно ничто так не питает любви, как милостыня. Она простирает в высоту свои ветви. Она – источник лучше райского, не разделяющийся на четыре "**реки**" (Быт.2:10), но достигающей до самого неба. Она источает ту "**воду, текущую в жизнь вечную**" (Ин.4:14); смерть, коснувшись ее, исчезает, как искра в источнике: так она, где бы ни источалась, производит великие блага! Она угашает ту реку огненную, как искру; она истребляет того червя, как ничто; кто имеет ее, тот не узнает скрежета зубов (Мф.25:30). От воды ее, если и капля упадает на узы, расторгает их; а если упадает в печи, всецело погашает их.

4. Как райский источник не таков, чтобы то изливать потоки, то иссыхать, – тогда он не был бы и источником, – но течет постоянно, так и наш (источник) пусть всегда изливает очень обильные потоки, особенно для нуждающихся в милостыне, чтобы он оставался источником. Это доставляет радость принимающему; это и есть милостыня, когда изливается поток не только обильный, но и постоянный. Если хочешь, чтобы милость Божия дождила на тебя как бы из источника, то имей и ты у себя источник. Ничто не может сравниться с ним. Если ты откроешь этот источник, то источник Божий

откроется так, что превзойдет всякую бездну. Бог ожидает от нас только повода, чтобы излить блага из Своих сокровищниц. Когда (кто) тратит, когда издерживает, тогда богатеет, тогда изобилует. Велик исток этого источника; чист и прозрачен поток его. Если ты не заградишь его, то не (заградишь) и того (источника Божия). Никакого бесплодного дерева не насаждай при нем, чтобы оно не потребило влаги его. У тебя есть имение? Не насаждай там тополей; такова роскошь: она многое истребляет, но ничего собою не доставляет, а (только) губит плод. Не насаждай ни сосны, ни липы, ни других подобных, требующих многого, но ни к чему не полезных: такова роскошь в одеждах, только приятная на вид, но не полезная ни к чему. Вырасти виноградные лозы, насади всякие деревья плодовитые, какие хочешь, в руках бедных. Нет ничего плодоноснее этой земли. Хотя не велика вместимость руки, однако насаждаемое здесь дерево достигает до самого неба и стоит твердо. Это и значит – насаждать. А насаждаемое на земле, если не теперь, то чрез сто лет погибнет. Для чего же ты насаждаешь деревья, которыми не будешь пользоваться, а прежде, нежели воспользуешься, смерть придет и похитит тебя? А это дерево, когда ты умрешь, тогда принесет тебе плод. Если насаждаешь, то насади не в ненасытной утробе, чтобы плод не был извержен вон; но насади в чреве алчущем, чтобы плод достиг неба. Утешь страждущую душу бедного, чтобы не скорбела твоя утучневшая. Не видишь ли, как деревья, напояемые чрез меру, загнивают с корня, а напояемые умеренно возрастают? Так и ты не напояй чрезмерно своего чрева, чтобы не загнил корень этого дерева; напой (чрево) жаждущее, чтобы оно принесло плод. Напояемое в меру не загнивает от солнца, а неумеренно (напояемое) загнивает: таково естественное действие солнца. Неумеренность везде зло. Поэтому будем воздерживаться от нее, чтобы и нам получить то, о чем просим. Источники, говорят, получают свое начало в местах весьма возвышенных. Сделаемся же и мы возвышенны душою, и тотчас потечет (от нас) милостыня. Невозможно возвышенной душе не быть милостивою, и милостивой – не быть возвышенною. Итак, кто презирает имущество, тот выше "**корня всех зол**" (1Тим.6:10). Источники по большей части находятся в пустынях; и мы изведем душу из (мирской) суеты, и потечет от нас милостыня. Источники чем более очищаются, тем более обильными становятся; так и мы чем более будем раздавать, тем более произрастет благ. Кто имеет источник, тот чужд страха; так и мы, если будем иметь источник – милостыню, не будем страшиться. И для питья, и для орошения, и для постройки зданий – для всего полезен нам этот источник. Нет ничего лучше такого питья: оно не производит опьянения. Лучше иметь такой источник, нежели источники, доставляющие золото. Душа, носящая это золото, лучше всякой земли золотоносной. Оно сопутствует нам не в это царство, но в горнее. Это золото служит украшением Церкви Божией. Из этого золота приготовляется меч духовный (Ефес.6:17), меч, которым посекается змий. Из этого источника происходят драгоценные камни, украшающие голову Царя (Апок.4:3). Не будем же пренебрегать таким богатством, но будем творить милостыню щедро, чтобы нам удостоиться милости Божией, по благодати и щедротам Единородного Сына Его, Которому всякая слава, честь и держава, со Святым Духом, во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 23

"Тогда Петр, пригласив их, угостил. А на другой день, встав, пошел с ними, и некоторые из братий Иоппийских пошли с ним. В следующий день пришли они в Кесарию. Корнилий же ожидал их, созвав родственников своих и близких друзей" (Деян.10:23,24).

1. Угостив мужей (посланных Корнилием), отправляется (Петр) вместе с ними; и хорошо: сначала он с любовью принимает их, как утомившихся от пути, и располагает к себе, а потом уже отправляется с ними. "**А на другой день, встав, пошел с ними, и некоторые из братий**" (ст. 23). Не один он, но и другие идут с ним; и это с тою предусмотрительностью, чтобы впоследствии были свидетели, когда Петру нужно будет

оправдываться. "**Корнилий же ожидал их, созвав родственников своих и близких друзей**" (ст. 24). Таково свойство друга, таково свойство благочестивого (человека), чтобы, прежде всего, делать участниками таких благ близких друзей. Естественно он созывает тех, кому всегда доверял, особенно рассуждая о таких предметах, о которых еще излишне было говорить с другими. Мне кажется, что и друзья, и родственники им же были назидаемы. "**Когда Петр входил, Корнилий встретил его и поклонился, пав к ногам его. Петр же поднял его, говоря: встань; я тоже человек**" (ст. 25, 26). Делая это, (Корнилий) проявляет свое смирение, научает прочих, благодарит Бога и показывает, что хотя он и получил повеление, однако, и сам в себе имел великое благочестие. Что же Петр? "**Встань; я тоже человек**". Видишь ли, как он, прежде всего, научает их не думать слишком много о самих себе? "**И, беседуя с ним, вошел в дом, и нашел многих собравшихся. И сказал им: вы знаете, что Иудею возбранено сообщаться или сближаться с иноплеменником**" (ст. 27, 28). Смотри: тотчас же начинает беседовать о человеколюбии Божием, и показывает, что Он даровал им великие блага. Но здесь достойно удивления не только то, что он беседует о таких предметах, но и то, как он говорит о предметах высоких и вместе соблюдает смирение. Не сказал: мы – люди, не удостаивающие никого своего общения, пришли к вам; но что? "**Вы знаете**". Бог, говорит, запретил (нам) входить в общение или обращаться с иноплеменником. Потом, чтобы не показать пристрастия к нему, продолжает: "**но мне Бог открыл, чтобы я не почитал ни одного человека скверным или нечистым**" (ст. 28). Присовокупляет это, чтобы не подумали, что он льстит ему. "**Посему я, будучи позван, и пришел беспрекословно**" (ст. 29). Чтобы не подумали, что хотя дело было и противозаконное, но он послушался потому, что (Корнилий) был начальник, а чтобы все приписывали Богу, для того говорит, что не дозволено не только "**сообщаться**", но даже и "**сближаться**". "**Итак спрашиваю: для какого дела вы призвали меня?**" (ст. 29)? Спрашивает не потому, чтобы не знал. Петр знал все из видения, слышал и от воинов; но он хочет, чтобы сначала они сами исповедали и предрасположили себя к вере. Что же Корнилий? Он не сказал: разве воины не сказали тебе? Но смотри, как кротко и смиренно говорит: "**четвертого дня я постился до теперешнего часа, и в девятом часу молился в своем доме, и вот, стал предо мною муж в светлой одежде, и говорит: Корнилий! услышана молитва твоя, и милостыни твои воспомянулись пред Богом**" (ст. 30, 31). "**И в девятом**", говорит, "**часу молился**". Что это значит? Мне кажется, что у него назначены были часы для благочестивых занятий, и притом в известные дни. Потому он и сказал: "**четвертого дня**". Смотри, как важна молитва! Когда он предался благочестивому занятию, тогда является ему ангел. Это был первый день; когда посланные отправились, еще один; когда возвращались, еще один; а на четвертый (Петр) прибыл, так что это был второй день, в который (Корнилий) предавался молитве. "**Стал предо мною муж в светлой одежде**". Не называет ангелом: так он чужд гордости! "**И говорит: Корнилий! услышана молитва твоя, и милостыни твои воспомянулись пред Богом. Итак пошли в Иоппию и призови Симона, называемого Петром; он гостит в доме кожевника Симона при море; он придет и скажет тебе. Тотчас послал я к тебе, и ты хорошо сделал, что пришел. Теперь все мы предстоим пред Богом, чтобы выслушать все, что повелено тебе от Бога**" (ст. 31-33). Для того (Петр) и сказал: "**для какого дела вы призвали меня?**", чтобы (Корнилий) высказал все эти слова. "**Петр отверз уста и сказал: истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему**" (ст. 34, 35), т.е., будет ли он необрезанный, или обрезанный. Тоже выражает и Павел, когда говорит: "**нет лицеприятия у Бога**" (Римл.2:11). "**Теперь все мы**", говорит, "**предстоим пред Богом**". Смотри, какая вера, какое благочестие! Он уразумел, что Петр вещал не человеческое учение, когда сказал: "**мне Бог открыл**". Потому и говорит: "**теперь все мы предстоим пред Богом, чтобы выслушать все, что повелено тебе от Бога**". Как? Неужели "**приятен**" Ему и принадлежащей к персам? Если он достоин, то будет "**приятен**" так, что сподобится веры. Потому Он не презрел и евнуха

из Эфиопии. Но что, скажут, думать о людях богобоязненных и между тем оставленных в презрении? Нет; ни один богобоязненный не оставляется в презрении. Не может, никогда не может быть презрен кто-либо из таких (людей). "**Но во всяком народе**", говорит, "**боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему**". Правдою он называет всякую добродетель.

2. Видишь ли, как Он внушает смирение словами: "**во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему**"? Как бы так говорил: Он никого не отвергает, принимает всех верующих. Потом, чтобы они не почли себя в числе отверженных, продолжает: "**Он послал сынам Израилевым слово, благовествуя мир чрез Иисуса Христа; Сей есть Господь всех**" (ст. 36). Говорит это для присутствующих, чтобы убедить и их. Для того он расположил и Корнилия – предложить рассказ. "**Слово**", говорит, "**послал сынам Израилевым**". Смотри: сначала им отдает преимущество, а потом и тех приводит в свидетели, и говорит: "**вы знаете происходившее по всей Иудее, начиная от Галилеи, после крещения, проповеданного Иоанном**" (ст. 37). Что это так, подтверждает следующим: "**как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета**" (ст. 38). Не сказал: вы знаете Иисуса, – так как они еще не знали Его, – но излагает деяния Его: "**и Он ходил, благотворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом**". Указывает здесь на многие недуги и страдания телесные, причиняемые диаволом. "**Потому что Бог был с Ним**" (ст. 38). Снова выражается смиренно; не просто, я думаю, но применительно к понятиям человеческим. "**И мы свидетели всего, что сделал Он в стране Иудейской и в Иерусалиме**". И вы, говорит, и мы (свидетели). "**И что наконец Его убили, повесив на древе**" (ст. 39). Здесь говорит о страдании (Христовом). "**Сего Бог воскресил в третий день, и дал Ему являться не всему народу, но свидетелям, предъизбранным от Бога, нам, которые с Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых**" (ст. 40, 41). Это – величайшее свидетельство воскресения. "**И Он повелел нам проповедывать людям и свидетельствовать, что Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых**" (ст. 42). И это много способствует к тому, чтобы они явились достоверными (свидетелями). Но он приводит и (другое) свидетельство – следующее: "**о Нем все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его**" (ст. 43). Это – предсказание будущих последующих событий; для подтверждения его благовременно приводит в свидетели пророков. Но обратимся к вышесказанному о Корнилие. "**Пошли**", говорит (писатель), "**людей в Иоппию и призови Симона, называемого Петром**". Веровал, что он непременно придет; потому и послал. "**Он придет и скажет тебе**". О чем? Беседуя, думаю, о том, что сказано выше. "**И поклонился, пав к ногам его**". Смотри, как слово (его) всегда чуждо лести и исполнено смирения. Чрез это же показал себя достойным и тот евнух; он пригласил Филиппа взойти и сесть на колесницу, хотя и не знал, кто он таков, разве только после изъяснения пророчества. А этот даже пал к ногам. Видел ли ты, как он был чужд гордости? Посмотри же, как Петр показывает божественность своего пришествия, когда говорит: "**вы знаете, что Иудею возбранено**". Почему он не сказал тотчас о плащанице? Потому, что был весьма не тщеславен. О том, что был послан от Бога, он говорит, но как, пока еще нет; а когда открылась нужда, тогда и сказал. "**Вы знаете, что Иудею возбранено сообщаться или сближаться с иноплеменником**". Так он был далек от тщеславия! "**Вы знаете**". Говоря это, ссылается и на их знание. Что же Корнилий? "**Теперь все мы предстоим пред Богом**", говорит, "**чтобы выслушать все, что повелено тебе от Бога**". Не сказал: пред человеком, но: "**пред Богом**", показывая, что так должно внимать рабам Божиим. Видели ли вы высокую душу его? Видели ли вы, как он был достоин всего этого? "**Петр отверз уста и сказал: истинно познаю, что Бог нелицеприятен**". Говорил это и для присутствовавших иудеев, в свое оправдание. Так как ему предстояло вести с ними речь, то он наперед представляет как бы оправдание. Что же? Разве прежде этого (Бог) был лицеприятен? Да не будет! Он и прежде был таков же. "**Во всяком народе**", говорит,

"**боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему**". Об этом и Павел пишет так: "**ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают**" (Рим.2:14). Здесь (Петр) преподает и учение, и правила жизни. Если (Бог) не презрел волхвов, и эфиоплянина, и разбойника, и блудницу, то, без сомнения, тем более не презрит делающих правду и желающих (веровать). Почему же бывают люди добрые и кроткие, и, однако, не хотят веровать? Вот сам ты и сказал причину: потому, что не хотят. С другой стороны, добрым он называет здесь не кроткого, но "**поступающего по правде**", т.е., благоугодного (Богу) во всем, каковым человек бывает тогда, когда имеет надлежащий страх Божий; такого знает один Бог. Смотри, как этот был "**приятен**". Как скоро он услышал, то и повиновался. И теперь, скажешь, повиновался бы всякий, кто бы то ни был, если бы явился ангел? Но нынешние знамение гораздо больше тех, и, однако, многие не веруют. Затем (Петр) начинает учение, наблюдая достоинство иудеев. "**Он послал сынам Израилевым слово, благовествуя мир чрез Иисуса Христа; Сей есть Господь всех**". Во-первых, говорит о господстве Его, и весьма возвышенно, как и следовало, потому что имел пред собою душу, которая уже сделалась высокою и с горячностью принимала все, им сказанное. Потом, чтобы показать, как Он есть "**Господь всех**", присовокупляет слова: "**послал благовествуя**", т. е., призывая на благое, а, не возвещая суд.

3. Здесь он показывает, что (Христос) был послан от Бога прежде к иудеям. Затем доказывает это тем, что Он совершил во всей Иудее, и говорит: "**вы знаете происходившее по всей Иудее**", и, к удивлению, "**начиная от Галилеи, после крещения, проповеданного Иоанном**". Сначала сказал об Его делах, а потом решается сказать об Его отечестве: "**Иисуса из Назарета**". Он знал, что это отечество служило соблазном. "**Как Бог Духом Святым и силою помазал**". Затем снова (приводит) доказательство; чтобы кто не сказал: откуда это видно? – присовокупляет слова: "**и Он ходил, благотворя и исцеляя всех, обладаемых диаволом**". Вместе с добрыми делами, которые Он совершил, показывает, что велика была и сила Его; она должна быть могущественна и велика, если побеждает диавола. Приводит и причину: "**потому что Бог был с Ним**". Потому и иудеи говорили так: "**мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог**" (Ин.3:2). Потом, когда доказал, что Он был послан от Бога, тогда уже и говорит, что Он был умерщвлен, чтобы ты не подумал (о Нем) чего-либо недостойного. Видишь ли как они никогда не скрывали о кресте, но, между прочим, упоминали и об образе (распятия)? "**Его убили**", говорит, "**повесив на древе**". "**И дал Ему являться не всему народу, но свидетелям, предъизбранным от Бога, нам**". Хотя Он сам избрал их, но и это (Петр) приписывает Богу. "**Предъизбранным**", говорит. Смотри, чем он доказывает воскресение – ядением. Почему же, по воскресении, (Христос) не совершил никакого знамения, а ел и пил? Потому, что воскресение и само по себе было великим знамением; а для доказательства (подлинности) его ничто не может быть больше того, что Он ел и пил. "**Мы свидетели всего**", говорит. Здесь он внушает и страх, чтобы они не могли оправдываться неведением. И не сказал, что Он есть Сын Божий, но, – что особенно могло устрашить их, – "**Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых**". Затем (приводит) сильное доказательство от пророков, потому что они были в великой славе. "**О Нем все пророки свидетельствуют**". Внушив страх, представляет потом прощение (грехов), говоря не от себя, но от лица пророков. Страшное (говорит) от себя, а приятное – от лица пророков. Вы, которые получили это прощение, которые удостоились веры, постарайтесь, умоляю вас, познавши величие дара, не оскорбить Благодетеля. Не для того мы получили прощение, чтобы сделаться худшими, но чтоб быть гораздо лучшими и совершеннейшими.

Итак, пусть никто не говорит, будто Бог есть виновник наших грехов, потому что не подверг нас наказанию и мучению. Скажи мне: если бы какой начальник, имея в руках

своих убийцу, отпустил его, то может ли он считаться виновником последующих убийств? Нисколько. Как же мы сами, дерзая нечестивыми устами своими оскорблять Бога, не боимся и не трепещем? И чего не скажут? Чего не произнесут? Он сам, говорят, попустил им; надлежало наказать их, если они достойны того, не раздавать им почестей, венцов и преимуществ, а подвергнуть наказанию и мучению. Не делая с ними ничего такого, но вместо того удостаивая их почестей, Он и делает их такими. Нет, прошу и умоляю, пусть никто не произносит о нас такого отзыва. Лучше тысячи раз быть зарыту в земле, нежели допустить, чтобы о Боге говорили так из-за нас. Иудеи говорили Ему: "**Разрушающий храм и в три дня Созидающий! спаси Себя Самого**"; и еще: "**если Ты Сын Божий, сойди с креста**" (Мф.27:40). Но то богохульнее этого. Итак, чтобы из-за нас не могли называть Его виновником зла и чтобы за это самое богохульство нам не подпасть наказанию, – так как "**ради вас**", говорит Он, "**имя Божие хулится у язычников**" (Рим.2:24). – Постараемся, чтобы говорили противное, проводя жизнь достойно Призывающего и приступая к крещению сыноположения. Поистине велика сила крещения; оно совершенно изменяет сподобившихся этого дара, и люди чрез него перестают быть теми же людьми. Пусть же и эллин уверует, что велика сила Духа, потому что она преобразовала, потому что пересоздала. Зачем ты ожидаешь последнего издыхания, как беглый раб, как злодей, как будто не обязанный жить для Бога? Зачем ведешь себя по отношению к Нему, как бы к какому жестокому и бесчеловечному властителю? Что может быть холоднее, что жалчее принимающих крещение в такое время? Бог сделал тебя другом и удостоил всех благ, чтобы и ты с своей стороны явил дела друга. Скажи мне: если бы ты причинил кому-либо великие обиды и оскорбления, и после множества сделанных ему неприятностей впал в руки обиженного, а он вместо того почтил бы тебя, сделал бы соучастником всех своих (благ), за сами обиды, нанесенные ему, увенчал бы тебя между друзьями своими и сказал бы, что считает тебя за родного сына, и потом внезапно умер, – не почел ли бы ты этого потерею? – не сказал ли бы: я желал бы видеть его живым, чтобы воз- дать ему должное, чтобы возблагодарить его, чтобы не оказаться недостойным пред благодетелем? Так (поступаешь) по отношению к человеку: а по отношению к Богу почему стараешься устроить так, чтобы не воздать Благодетелю за столь великие дары? Нет, ты тогда и приступи, когда можешь воздать Ему с своей стороны. Зачем ты убегаешь? Так, скажешь; я не могу соблюсти (заповедей). Но разве Бог заповедал невозможное? Оттого и извратилось все, оттого и растлилась вселенная, что никто нисколько не заботится жить по Боге. Оглашенные, питая такие мысли, не обнаруживают никакого попечения о благочестивой жизни. Из крещенных одни приняли крещение в детстве; другие в болезни, и так как не имели никакого усердия жить для Бога, то по выздоровлении тоже не прилагают заботы; иные приняли в здоровом состоянии, но и они обнаруживают мало заботы, и они имели пламенное усердие в то время, впоследствии же угасили свой пламень. Разве не позволяется тебе заниматься делами? Разве я отвлекаю тебя от жены? Удерживаю тебя только от прелюбодеяния. Разве от пользования имуществом? От любостяжания только и хищения. Разве принуждаю раздать все? Только немногое, по мере возможности, уделять нуждающимся. "**Ныне ваш избыток**", говорит (апостол), "**в восполнение их недостатка**" (2Кор.8:14). Но и таким образом мы не убеждаем. Разве принуждаем поститься? Запрещаем только предаваться опьянению и пресыщению. Устраняем то, что причиняет тебе бесчестие, что и сам ты еще здесь, прежде геенны, уже признаешь постыдным и ненавистным. Разве (запрещаем) веселиться и радоваться? Только бы (это было) не постыдно и не бесчестно.

4. Чего ты боишься? Чего страшишься? Чего трепещешь? Где брачная жизнь, где доброе употребление имущества, где умеренность в пище, – какой там повод ко греху? Внешние (язычники) повелевают противоположное, и их слушают. Они требуют не по мере возможности, но говорят: столько-то надобно отдать, – и хотя ты ссылаешься на бедность, не отступают и тогда. А Христос не так: дай (говорить) из того, что имеешь, и поставлю

тебя в числе первых. Еще те говорят: если хочешь быть славным, оставь отца, мать, родных, домашних, и будь при царском дворе, перенося труды, испытывая оскорбления, раболепствуя, не имея покоя, претерпевая множество неприятностей. А Христос не так, но – будь в своем доме с женою, с детьми, и устраивай дела свои так, чтобы проводить жизнь спокойную и безопасную. Так, скажешь; но тот обещает богатство? А Он – царство; или лучше: вместе с тем и богатство. Он говорит: "**ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам**" (Мф.6:33). Тот (обещает богатство) не в виде прибавления, а Он – еще нечто прежде этого. "**Я был молод**", говорит (Давид), "**и вот, состарился, но не видел праведника оставленным и потомства его просящим хлеба**" (Пс.36:25). Начнем же жизнь добродетельную; положим ей начало; только приступим к ней, и увидишь, сколько в ней благ. Ты не без труда совершаешь те дела; почему же с боязнью смотришь на эти? Да, скажешь, те без труда, а эти с трудом. Нет, не так, не правда. Если следует сказать правду, то те сопряжены с гораздо большими трудностями и совершаются с большим трудом, а эти, если захотим, легко.

Не будем же уклоняться, умоляю вас, от божественных таинств. Не смотри на то, что прежде тебя крещенный сделался худым и лишился своего упования, и не делайся оттого еще нерадивее; и между воинами мы видим одних, отправляющих воинскую службу не как должно, а других отменно ревностных, но обращаем внимание не на ленивых, а подражаем этим – исправным. Так и ты смотри на тех, которые после крещения из людей сделались ангелами. Страшись неизвестности будущего. Смерть приходит, "**как тать ночью**" (2Петр.3: 10), и не просто как тать, но нападает на нас спящих и восхищает не бодрствующих. Для того Бог и оставил будущее неизвестным, чтобы, по неизвестности всегда ожидая, мы проводили жизнь добродетельно. Но Бог, скажешь, человеколюбив. Доколе же мы будем повторять это холодное и возбуждающее смех изречение? Я не только говорю и не перестану говорить, что Бог человеколюбив, но и (скажу), что нет никого человеколюбивее Его и что все в отношении к нам Он устраивает на пользу. Не видишь ли, как многие во всяком возрасте бывают подвержены проказе? Как многие с первого возраста остаются слепыми до старости? Другие подверглись слепоте впоследствии; иные (живут) в бедности; иные в узах; иные в рудокопнях; иные и задавлены там землею; а иные погибли на войне. Дело ли это человеколюбия, скажи мне? Не мог ли бы Он не допустить этого, если бы пожелал? Но Он допускает. Так, скажешь. Скажи же мне, отчего бывают слепые с первого возраста? Я не скажу, пока не дашь мне обещания – креститься и по крещении жить благочестиво. Не следует тебе заниматься разрешением таких вопросов; слово существует не для забавы. И если я разрешу этот вопрос, за ним последует другой; в Писании ведь – бездна вопросов. Поэтому приучайтесь не изыскивать только разрешение вопросов, но и не задавать их, потому что никогда не будет конца нашим вопросам. Вот, если я разрешу этот, то подам повод к бесчисленному множеству других вопросов. Научимся же лучше достигать этого (чтобы не задавать вопросов), нежели искать разрешения их. Если и разрешим, то разрешим не совершенно, а по человеческому разумению. Самое лучшее разрешение таких вопросов есть вера, т.е. убеждение, что Бог устраивает все праведно, человеколюбиво и на пользу, и что причины этого постигнуть невозможно. Вот единственное разрешение, и другого лучше этого нет. В чем, скажи мне, состоит дело разрешения? Конечно, в том, чтобы не искать больше того, что разрешено. Если же ты убедишься, что все управляется Промыслом Божиим, одно попускающим по известной Ему причине, а другое устрояющим, то и не будешь более задавать вопросов и получишь для себя готовое их разрешение. Но возвратимся к предмету. Итак, если ты видишь столь многих претерпевающими страдания, а это все попускает Бог, то воспользуйся здоровьем (своего) тела для здоровья души. Но, скажешь, какая мне нужда подвергаться трудам и лишениям, когда можно очиститься от всего и без труда? Прежде всего (скажу): это неизвестно. Случается не только не очиститься без труда, но и отойти со всеми (грехами). А если бы это и было известно, то не отрадны

такие слова. Привел тебя (Бог) на бранное поприще; предложены золотые оружия; следует взять их и действовать; а ты хочешь спастись без славы и не сделать ничего доброго. Скажи мне: если бы происходила война, и сам царь присутствовал, и ты видел бы, как одни бросаются в ряды неприятелей, поражают и наносят бесчисленные раны, другие вступают в единоборство; одни бегут, другие несутся на конях и получают похвалу от царя, удивление, рукоплескания, венцы; а иные в то же время считают за лучшее не подвергаться никакой опасности, держаться позади всех, и остаются в бездействии; потом, по окончании войны, первые вызываются, награждаются великими дарами и провозглашаются, а последние остаются неизвестными даже по имени, и только лишь сохранение жизни служит им воздаянием за дела, – в числе которых ты пожелал бы находиться? Хотя бы ты был каменным, хотя бы был беспечнее вещей бесчувственных и бездушных, – не пожелал ли бы ты тысячи раз быть в числе первых? Так, прошу и умоляю. Ведь хотя бы надлежало и пасть среди брани, не следует ли с готовностью решиться и на это? Не видишь ли, как светлы падающие в таких войнах, хотя они умирают смертью, после которой не могут получить почестей от царя? А в этой брани совсем не так, но (после нее) ты непременно предстанешь со своими ранами, которые да сподобимся все мы явить, и без гонений, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 24

"Когда Петр еще продолжал эту речь, Дух Святый сошел на всех, слушавших слово. И верующие из обрезанных, пришедшие с Петром, изумились, что дар Святаго Духа излился и на язычников, ибо слышали их говорящих языками и величающих Бога" (Деян.10:44-46).

1. Посмотри на домостроительство Божие. Петр еще не успел окончить речи, и крещение (Корнилия и бывших у него) еще не совершилось по его повелению; но так как они показали чудное расположение души своей, приняли начало учения и уверовали, что в крещении несомненно подается прощение грехов, то и сошел (на них) Дух. Это же совершает Бог с тем намерением, чтобы доставить Петру сильное оправдание. Они не только получают Духа, но и стали говорить языками, что и изумило пришедших с Петром. Зачем же так устраивается это дело? Для иудеев, так как они весьма ненавистно смотрели на это. Так везде все совершается Богом; а Петр почти только присутствует здесь, вразумляясь, что им (апостолам) следует уже обращать язычников, и что это должно чрез них произойти. И не удивляйся! Если после таких событий и в Кесарии, и в Иерусалиме было негодование, то чего не было бы, если бы их не случилось? Поэтому-то они и совершаются чрезвычайным образом. Смотри, как и Петр при этом случае защищается. А что он отвечает после такого случая, о том послушай евангелиста, повествующего так: "**тогда Петр сказал: кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы, получили Святаго Духа?**" (ст. 47) Видишь ли ты, к чему он склонил дело и как желал совершить это? Так он еще прежде имел это в мыслях. "**Водою**", говорит, "**кто может запретить**"? Он почти как бы опровергает противившихся и утверждавших, что этого делать не должно. Все совершилось, говорит, необходимейшее исполнилось, т.е., то крещение, которым и мы крестились. "**И велел им креститься во имя Иисуса Христа**" (ст. 48). После того, как оправдался, тогда и повелел им креститься, научая их самим делом: настолько ненавистно смотрели (на это) иудеи! Поэтому-то он сначала защищается, хотя дела говорили сами за себя, и потом повелевает. "**Потом они просили его пробыть у них несколько дней**" (ст. 48). После этого он естественно уже не сомневается и остается. "**Услышали Апостолы и братия, бывшие в Иудее, что и язычники приняли слово Божие. И когда Петр пришел в Иерусалим, обрезанные упрекали его, говоря: ты ходил к людям необрезанным и ел с ними**" (Деян.11: 1-3).

После того "**обрезанные упрекали**", а не апостолы. Что значит "**упрекали**"? Не мало соблазнялись, говорит (писатель). И смотри, что они возражают. Не говорят: для чего ты проповедовал им? – но: для чего ты вкушал пищу вместе с ними? Петр же не останавливается на этом холодном (замечании), – и поистине оно было холодное, – но (указывая) на то великое (дело), говорит: если и они получили Духа, то, как можно было не преподать им (крещения)? Почему же не было того с самарянами, но (было) противоположное? И не только не было до крещения, но и после крещения. И (верующие из иудеев) не негодовали на них, но, услышав, послали (Петра и Иоанна) для этого самого (Деян.8:14,15). Впрочем, и здесь они упрекают не за это, так как знали, что это было делом благодати Божией; но для чего, говорят, ты вкушал пищу вместе с ними? С другой стороны, великая и несравненная разница между самарянами и язычниками. Или он подвергся упреку по благоустроению (Божию), чтобы они научились, так как без нужды Петр и не сказал бы. Смотри, как он не горделив и не тщеславен. "**Петр же начал**", говорит (писатель), "**пересказывать им по порядку, говоря: в городе Иоппии я молился**" (ст. 4, 5). Не говорит, для чего или по какому случаю. "**И в исступлении видел видение: сходил некоторый сосуд, как бы большое полотно, за четыре угла спускаемое с неба, и спустилось ко мне. Я посмотрел в него и, рассматривая, увидел четвероногих земных, зверей, пресмыкающихся и птиц небесных. И услышал я голос, говорящий мне: встань, Петр, заколи и ешь**" (ст. 5-7). Что он хочет сказать этим? Одно видение плащаницы, говорит, достаточно было для убеждения в этом; но к тому присоединен был и голос. "**Я же сказал: нет, Господи, ничего скверного или нечистого никогда не входило в уста мои**" (ст. 8). Видишь ли? Я сделал, говорит, свое дело; сказал, что я никогда не ел. Это против того, что говорили те: "**ходил и ел с ними**". Корнилию он не говорит этого, потому что не было нужды. "**И отвечал мне голос вторично с неба: что Бог очистил, того ты не почитай нечистым. Это было трижды, и опять поднялось всё на небо. И вот, в тот самый час три человека стали перед домом, в котором я был, посланные из Кесарии ко мне**" (ст. 9-11). Говорит то, что было нужно, а о прочем умалчивает; или лучше, первым подтверждает и последнее. И смотри, как он оправдывается: он не хочет пользоваться достоинством учителя, знает, что чем смиреннее будет говорить, тем скорее успокоит их. "**Нечистого никогда**", говорит, "**не входило в уста мои**". Так предусмотрительно было все оправдание (его). "**В тот самый час три человека стали перед домом, в котором я был, посланные из Кесарии ко мне. Дух сказал мне, чтобы я шел с ними, нимало не сомневаясь**".

2. Видишь ли, что законоположение есть (дело) Духа? "**Пошли со мною и сии шесть братьев**". Что может быть смиреннее, когда Петр ссылается при этом и на свидетельство братий? "**Пошли со мною и сии шесть братьев, и мы пришли в дом того человека. Он рассказал нам, как он видел в доме своем Ангела (святого), который стал и сказал ему: пошли в Иоппию людей и призови Симона, называемого Петром; он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой**" (ст. 12-14). Не сказал того, что говорил ангел Корнилию: "**молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом**", чтобы не оскорбить их; но – то, что не заключало в себе ничего великого: "**он скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой**". Видишь ли, как он изъясняется поспешно по той причине, о которой я сказал выше? Не говорит ничего и о кротости того мужа. Итак, когда Дух посылал, Бог повелевал, там призывая чрез ангела, здесь побуждая, и разрешая сомнительность дела, тогда что должно было делать? Но он не говорит ничего этого, а указывает на последующее событие, которое и само по себе было несомненным свидетельством. Почему же, скажешь, не одно только оно было? От преизбытка (силы, бывшей) от Бога, чтобы явно было, что и начало (этого дела) не от апостола. Если бы он пошел сам собою, и ничего такого не было, то они весьма вознегодовали бы; поэтому он издалека располагает к себе мысли их и говорит им: "**как и мы, получили Святаго Духа**". И еще: "**сошел на них Дух Святый, как и на нас**

вначале" (ст. 15). Не довольствуется и этим, но напоминает и об изречении Господа: "**тогда вспомнил я слово Господа, как Он говорил: Иоанн крестил водою, а вы будете крещены Духом Святым**" (ст. 16). Таким образом, здесь не случилось ничего нового, но то, о чем Он предсказал. Но, скажешь, не должно было крестить (их), потому что крещение уже совершилось, когда сошел на них Дух? Потому-то он и не говорит: я повелел им наперед креститься; но что? – "**кто может запретить креститься водою**", – показывая этим, что он не сделал ничего сам собою. Итак, они получили то, что имеем и мы. "**Итак**", говорит, "**если Бог дал им такой же дар, как и нам, уверовавшим в Господа Иисуса Христа, то кто же я, чтобы мог воспрепятствовать Богу?**" (ст. 17) Чтобы сильнее заградить им уста, для того сказал: "**дал им такой же дар**". Видишь ли, как он утверждает, что внезапно уверовавшие получили не меньше их? "**Бог дал им такой же дар, как и нам, уверовавшим в Господа Иисуса Христа**"; следовательно, сам очистил их. И не говорит: вам, но: "**нам**", чтобы смягчить и таким образом речь свою. Почему же вы негодуете, когда мы считаем их соучастниками (того же дара)? "**Выслушав это, они успокоились и прославили Бога, говоря: видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь**" (ст. 18). Видишь ли, как все сделано речью Петра, обстоятельно рассказавшего о случившемся? Потому они и славили Бога, что Он и тем даровал покаяние: так они смирились от этих слов! Тогда-то, наконец, открылась дверь (веры) язычникам. Но обратимся, если угодно, к вышесказанному. Не сказал (писатель), что изумился Петр, но: "**обрезанные**"; он знал, что совершается. И действительно, должно было удивляться тому, как и те уверовали. Они же не вознегодовали, когда услышали, что те уверовали; но когда (услышали, что) Бог даровал им Духа, когда Петр излагал свое видение и говорил: "**Бог открыл, чтобы я не почитал ни одного человека скверным или нечистым**". Так он еще прежде знал это. Поэтому он и приготовляет речь о язычниках, в которой показывает, что они уже не были язычниками, когда явилась (в них) вера. Таким образом, нисколько неудивительно, что они получили Духа прежде крещения; и с нами тоже случилось. Здесь Петр показывает, что они крестились не так, как прочие, но гораздо лучше. Поэтому вполне достигнуто было то, что они не могли ничего более сказать, но должны были признать тех, по крайней мере, в этом отношении себе равными. "**Потом они просили его**", говорит (писатель), "**пробыть у них несколько дней**". Видишь ли, как они недружелюбно приняли его? Видишь ли, какую они имели ревность о законе? Они не устыдились ни достоинства Петра, ни случившихся знамений, ни того великого события, что слово (евангельское) принято (язычниками); но о тех маловажных предметах "**упрекали**". Если бы ничего такого не было, то самого события (для них) было бы недостаточно. Впрочем, Петр оправдывается не так; он был благоразумен; или лучше, это были слова не его благоразумия, но Духа. Он в оправдании своем показывает, что отнюдь не он сам виновник всего, но Бог; и говорит им как бы так: Он сделал, что я пришел в исступление, а я просто "**молился**"; сосуд Он показал, а я возразил; потом опять Он сказал, а я и тогда не послушался; Дух повелел идти, а я, несмотря на то, пошел не поспешно; я сказал (Корнилию), что Бог послал, но и после этого сам не крестил, а опять Бог сделал все. Следовательно, Бог крестил их, а не я. И не сказал: после всего бывшего, не следовало ли, наконец, употребить воду? – но, как бы уже ничего более не оставалось, говорит: "**кто же я, чтобы мог воспрепятствовать Богу?**" Вот, каково его оправдание! Ведь не сказал: узнав об этом, успокойтесь, – но что? Принимает их нападение и оправдывается против их обвинения: "**кто же я, чтобы мог**", говорит, "**воспрепятствовать Богу?**" Пристыжает и сильно поражает их своим оправданием: я не мог, говорит, воспротивиться. Поэтому они затем, устрашившись, "**успокоились и прославили Бога**".

3. Так и нам должно славить Бога за блага, (получаемые) нашими ближними, а не завидовать, как завидуют многие из новокрещенных, когда видят других, по крещении вскоре отходящих (от этой жизни). Должно славить Бога и за то, что Он не дарует им

продолжения жизни. А ты, если угодно, получил и больший дар; разумею то, что ты получил не только просвещение (крещением), – ведь это общее и для того, и для тебя, – но и потребное время для добрых дел. Тот облекся в одежду и (обновления) – и не успел насладиться ею; тебе даровал Бог большую возможность воспользоваться оружием, как должно, и таким образом испытывать его на деле. Тот отходит, получая награду только за веру свою; ты стоишь на поприще дел, имея возможность получить многие награды и явиться столько светлее его, сколько солнце (светлее) малейшей звезды, сколько военачальник – последнего воина, или лучше, сколько сам царь. Поэтому обвиняй самого себя, или лучше, не обвиняй, но постоянно исправляйся; недостаточно (только) обвинить себя; надобно возбудить себя к борьбе. Ты пал? Ты тяжко пострадал? Восстань, укрепись; ты еще на поприще; зрелище еще продолжается. Не видишь ли, как многие борцы, поверженные, снова возбуждали себя к борьбе? Только не падай добровольно. Ты ублажаешь отшедшего? Гораздо более ублажай себя самого. Тот получил прощение грехов? Но ты, если хочешь, не только омоешь грехи свои, а и будешь иметь добрые дела, что для того невозможно. Мы имеем возможность – восстановлять себя.

Велико врачество покаяния; не отчаивайся. Тот поистине достоин отчаяния, кто сам отчаивается; он уже не имеет надежд спасения. Не столько страшно – впасть в глубину зол, сколько – впавши оставаться в ней; не столько нечестиво – впасть в глубину зол, сколько – впавши оставаться беспечным. Почему же, скажи мне, ты не заботишься о том, о чем особенно должен стараться? Ты пал, получив столько ран? Но нет никакой душевной раны неисцельной; на теле много таких ран, а в душе ни одной; и о тех мы непрестанно заботимся, а об этих нисколько не беспокоимся. Не видишь ли, в какое краткое время исправился разбойник (Лк.23:41)? Не видишь ли, в какое краткое время мученики совершали все? Но теперь уже не время мучений? И теперь – время подвигов, если захотим, о чем я часто говорил. "**Да и все**", говорит (апостол), "**желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы**" (2Тим. 3:12). Живущие благочестиво бывают постоянно гонимы, если не от людей, то от демонов; а это есть тягчайшее гонение. И еще прежде, от самой безопасности особенно терпят гонение (люди) беспечные. Или, думаешь, не великое гонение – быть в безопасности (от гонений)? Это есть тягчайшее из всех (гонений); это хуже самого гонения. Безопасность, как бы поток наводняющий, расслабляет душу; и что зной и холод, тоже гонение и безопасность. Но, чтобы ты полнее убедился, что она – хуже гонения, заметь следующее: она наводит сон на душу, производит великую невнимательность и беспечность, возбуждает всякого рода страсти, вооружает гордость, вооружает сластолюбие, вооружает гнев, зависть, тщеславие, ревность. Во время же гонения ничто подобное не может возмутиться: но страх, приблизившись, как бы каким бичом сильно ударив лающего пса, всем этим страстям не позволяет даже подать голоса. Во время гонения кто может тщеславиться? Кто предаваться сластолюбию? Никто; но (тогда бывает) великий страх и трепет, производящий великую тишину, ведущий к тихой пристани, соделывающий душу благоговейною. Я слыхал некогда от отцов наших, – впрочем, да не будет этого с нами, потому что нам заповедано не искать искушений (Мф.6:13), – они говорили, что во время древних гонений можно было видеть мужей истинно христианских. Никто тогда не заботился об имуществе, никто – о жене, никто – о детях, никто – об отечестве: у всех была одна забота, чтобы спасти душу свою. Одни скрывались в гробницах и пещерах, другие – в пустынях. Не только мужи, но и нежные и слабые жены скрывались тогда, непрестанно претерпевая голод. Представь, могло ли родиться какое-либо желание роскоши или сластолюбия у жены, скрывающейся в пещере, ожидающей служанки, которая должна была принести пищу, боящейся, чтобы не быть пойманною, и лежащей в гробнице, как бы в печи? Даже могла ли она подумать, что есть какая-то роскошь, что вообще существует мир? Видишь ли, что теперь особенно и есть гонение, когда страсти отвсюду нападают на нас, как дикие звери. Теперь – тяжкое гонение, как поэтому, так и

потому, что оно даже не считается гонением. Подлинно, и ту опасность представляет эта брань, что она считается миром, чтобы мы не вооружались против нее, чтобы не восставали; никто не боится (ее), никто не страшится. Если же не верите, то спросите язычников, которые гонят (христиан): когда обязанности христианские (пополнялись) точнее, когда все (были) благочестивыми? Не велико было тогда число их; но велико было богатство добродетели. Скажи мне, какая польза от того, что много сена, когда можно было бы иметь драгоценные камни? Не в многочисленности вся важность, но в превосходстве добродетели. Плия был один; но его не стоил мир (3Цар.19:14). Мир состоит из множества; но и множество не составляет ничего, когда не может сравниться даже с одним. "**Лучше один праведник**" творящий волю Господню, "**нежели тысяча грешников**" (Сир.16:3). Тоже выражает и Премудрый, когда говорит: "**не желай множества негодных детей**" (Сир. 16:1). Такие (люди) подают повод к хуле на Бога более, нежели когда бы они не были христианами. Какая мне нужда во множестве? Только больше пищи для огня. Тоже можешь видеть и на теле: лучше умеренная пища, способствующая здоровью, нежели роскошная, причиняющая вред; та питает гораздо больше этой; та – пища, а эта – болезнь. Тоже может всякий видеть и на войне: лучше десять мужей опытных и храбрых, нежели тысячи неопытных: эти ничего не делают и даже препятствуют делающим. Тоже можно видеть и на корабле: лучше два опытных мореплавателя, нежели бесчисленное множество неопытных, – потому что эти потопят сам корабль.

4. Говорю это не потому, чтобы я был недоволен вашею многочисленностью, но, желая, чтобы все вы были отличными (по добродетелям) и не надеялись на множество. Гораздо многочисленнее идущие в геенну; но царствие (Божие) больше ее, хотя содержит немногих. Народ (израильский) был многочислен, как песок морской, но один спас его. Один был Моисей, а имел силу больше всех (Числ.12:7); один был Иисус, но имел силу больше шести сот тысяч (Исх.12:37). Не о том будем стараться, чтобы только были многие, но более о том, чтобы они были отличны (по добродетелям). Когда последнее будет достигнуто, тогда будет и первое. Никто, строя дом, не желает сделать его наперед просторным, но сначала крепким и благонадежным, а потом – и просторным; никто не полагает основания так, чтобы возбудить против себя насмешки. Сначала постараемся о последнем, а потом и о первом. Если есть последнее, то легко будет и первое; а если нет последнего, то первое, хотя бы и было, (не принесет) никакой пользы. Если есть могущие просиять в Церкви, то скоро будут и многие; если же нет первых, то и множество никогда не будет иметь превосходства.

Сколько, вы думаете, в нашем городе спасаемых? Тяжко то, что я намерен сказать; однако скажу, Из числа столь многих тысяч нельзя найти более ста спасаемых; но и в этих сомневаюсь. Какое, скажи мне, нечестие в юношах? Какое нерадение в старцах? Никто не заботится, как должно, о своем собственном сыне; никто не ревнует при виде старца подражать ему. Образцы для подражания утратились; оттого и юноши нисколько не достойны удивления. Не говори мне того, что мы составляем множество. Это свойственно людям холодным; пред людьми справедливо можно было бы говорить об этом, но пред Богом, Который не имеет нужды в нас, нельзя. А что это слова холодные и для них, послушай. Имеющий множество слуг, но слуг развратных, сколько потерпит неприятностей! Не имеющему у себя ни одного кажется неприятным то, что он остается без слуг; а имеющий негодных (слуг) и самого себя губит вместе с ними, и (терпит) больший вред. Гораздо тяжелее наказывать других и вести с ними ссору, чем служить самому себе. Говорю это для того, чтобы никто не удивлялся Церкви из-за многочисленности, но чтобы мы старались сделать эту многочисленность отличною, чтобы каждый имел попечение о собственном своем члене, не о друзьях, не о родных, – как я всегда говорю, – и не о соседях: но чтобы привлекал (в Церковь) и посторонних.

Например: совершается молитва, сидят холодно все, и юноши, и старцы, скорее изверги, нежели юноши, смеясь, хохоча, разговаривая, – и это ведь я слышал, – насмехаясь друг над другом, когда стоят на коленях; ты стоишь тут, юноша или старец, останови, когда видишь, укори сильнее не слушающего, пригласи диакона, пригрози, сделай свое дело; и если он осмелится сделать что-нибудь против тебя, то, конечно, многие помогут тебе. Кто так неразумен, что, видя, как ты укоряешь за это, а те укоряются, не примет твоей стороны? Тогда ступай (домой), получив награду за молитву. В доме господина мы тех слуг считаем усерднейшими, которые не оставляют ни одного сосуда лежать в беспорядке. Скажи мне: если бы ты увидел дома серебряный сосуд, выброшенный вон, то хотя бы ты и не был обязан к тому, не взял ли бы его и не внес ли бы в дом? Если бы (увидел) одежду, брошенную в беспорядке, то, хотя бы ты не должен был заботиться о ней, хотя бы ты был врагом приставленного (к этому делу), но по расположению к господину не привел ли бы ее в порядок? Так и теперь. Это – сосуды; если видишь их лежащими в беспорядке, приведи в порядок; приди ко мне, я не откажусь; мне скажи, объяви; я не могу сам усмотреть всего; простите. Вы видите, какое зло господствует во вселенной. Не без причины я говорил, что мы – куча сена, беспорядочное море. Не говорю о том, что они делают, но о том, что приходящие (сюда) предаются такому сну, что и не исправляют этого. Опять вижу, как одни разговаривают стоя, когда совершается молитва, а другие, более скромные, не только когда совершается молитва, но и когда священник благословляет. О, дерзость! Когда же будет спасение? Как же мы умилостивим Бога? Если придешь на место игр, то увидишь всех благочинно составляющих хор, и – ничего нестройного. Как на лире, составленной разнообразно и вместе стройно, от благоустройства каждой из составных частей происходит один благозвучный тон, так точно и здесь из всех должно бы составляться одно стройное согласие. Мы составляем одну Церковь, стройно составленные члены одной Главы; все мы – одно тело; если один какой-нибудь (член) будет оставлен в пренебрежении, то все (тело) пренебрегается и растлевается. Так бесчинством одного нарушается благочиние всех. То поистине страшно, что ты приходишь сюда не на место игр или пляски для забавы, и стоишь неблагочинно. Разве ты не знаешь, что стоишь вместе с ангелами? С ними поешь, с ними воссылаешь хвалы, – и стоя смеешься? Не удивительно ли, что удар молнии не ниспадает не только на них, но и нас? Действительно, это достойно удара молнии. Предстоит Царь, смотрит воинство; а ты пред их глазами стоя смеешься, или не удерживаешь смеющегося? Но доколе мы будем обличать? Доколе укорять? Не следовало ли бы таких, как заразу, как развратителей, как злодеев, развращенных и исполненных бесчисленного множества зол, изгнать из Церкви? Когда они станут воздерживаться от смеха, – они, смеющиеся в столь грозный час? Когда удержатся от пустословия разговаривающие во время благословения? Неужели они не стыдятся присутствующих? Неужели не боятся Бога? Для нас недостаточно и душевной невнимательности, не довольно и того, что, молясь, блуждаем (мыслями) повсюду; но мы привносим еще смех и великий хохот. Разве здесь зрелище? Впрочем, я думаю, это производят именно зрелища: они доставляют нам многих непокорных и бесчинных. Что здесь мы созидаем, то там разрушается; и не только этою, но и другими нечистотами они (там) неизбежно наполняются. И происходит тоже, как если бы кто захотел очистить поле, а вверху находящийся источник снова извергал бы на него грязь; одно очистишь, натечет опять другое. Тоже происходит и здесь. Всякий раз, как мы очистим приходящих с зрелищ и приносящих нечистоту, они, отправившись туда снова, получают еще большую нечистоту, как будто нарочито живя для того, чтобы причинять нам беспокойство, и приходят опять с великою грязью в нравах, в движениях, в словах, в смехе, в небрежности, Потом опять мы очищаем снова, как будто нарочито очищая для того, чтобы, отпустив их чистыми, снова увидеть покрытыми грязью. Поэтому предаю вас Богу. И вам, которые здоровы, отныне заповедаю, что на вас будет суд и осуждение, если кто, увидев бесчинствующего или разговаривающего, особенно в такое время, но остановит и не исправит. Это – лучше молитвы. Оставь свою молитву и сделай

ему внушение; тогда и ему принесешь пользу, и сам будешь с прибылью. Таким образом и все мы будем в состоянии спастись и достигнуть царствия небесного, которого да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 25

"Между тем рассеявшиеся от гонения, бывшего после Стефана, прошли до Финикии и Кипра и Антиохии, никому не проповедуя слово, кроме Иудеев" (Деян.11:19).

1. Гонение не мало пользы принесло проповеди: "**любящим Бога**", говорит (апостол), "**все содействует ко благу**" (Римл. 8:28). Если бы они (враги) старались нарочито распространить Церковь, то сделали бы не что иное, как это; разумею рассеяние учителей. И смотри, куда простерлась проповедь. "**Прошли**", говорит (писатель), "**до Финикии и Кипра и Антиохии, никому не проповедуя слово, кроме Иудеев**". Видишь ли, как все касательно Корнилия было сделано предусмотрительно? А это служит и к оправданно Христа, и к обвинению иудеев. Когда Стефан был убит, когда Павел дважды находился в опасности, когда апостолы подверглись бичеванию, когда они часто были изгоняемы, – тогда уже были приняты язычники, тогда – самаряне. Об этом и Павел возвещает, когда говорит: "**тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали: вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам**" (Деян.13: 46). Таким образом они путешествовали, беседуя и с язычниками. "**Были же некоторые из них Кипряне и Киринейцы, которые, придя в Антиохию, говорили Еллинам, благовествуя Господа Иисуса. И была рука Господня с ними, и великое число, уверовав, обратилось к Господу**" (ст. 20, 21). Смотри, они проповедуют эллинам. Поэтому вероятно, что они умели (говорить) по-эллински, и что в Антиохии было много таких. "**И была**", говорит (писатель), "**рука Господня с ними**", т.е., они творили знамения. Видишь ли, для чего и теперь нужны были знамения? Для того, чтобы они уверовали. "**Дошел слух о сем до церкви Иерусалимской, и поручили Варнаве идти в Антиохию**" (ст. 22). Для чего же в такой город, уже принявший проповедь, не отправились сами (апостолы), а посылают Варнаву? Ради иудеев. Впрочем, с немалою предусмотрительностью это устраивается, и для того, чтобы таким образом прибыл сюда Павел; не напрасно, но по великому устроению (Божию) отвращаются от него (иудеи), чтобы этот голос проповеди, эта труба небесная не ограничилась Иерусалимом. Видел ли ты, как Христос всегда обращал саму злобу их во благо, по Своей воле, и нерасположенность их к Павлу (употребил) к созданию Церкви из язычников? Но обрати также внимание и на этого святого, т.е. Варнаву, как он не заботился о себе, но отправился в Тарс. "**Он, прибыв и увидев благодать Божию, возрадовался и убеждал всех держаться Господа искренним сердцем; ибо он был муж добрый и исполненный Духа Святаго и веры. И приложилось довольно народа к Господу. Потом Варнава пошел в Тарс искать Савла и, найдя его, привел в Антиохию**" (ст. 23-25). Он был муж весьма добродетельный, кроткий и дружен с Павлом. Потому он и пришел к этому атлету, к этому военачальнику, к этому единоборцу, к этому льву. Не знаю, что еще сказать. Что я ни сказал бы, скажу меньше достоинства Павлова. Пришел к этому ловчему псу, одолевающему львов, к этому крепкому волу (1Кор.9:9; 1Тим.5:18), к этой лампаде светлой, к этим устам, достаточным для всей вселенной. Подлинно потому в Антиохии (верующие) стали называться христианами, что Павел пребыл в ней столько времени. "**Целый год собирались они в церкви и учили немалое число людей, и ученики в Антиохии в первый раз стали называться Христианами**" (ст. 26). Не малая похвала городу. Действительно, можно утверждать пред всеми, что он прежде всех прочих

(городов) столько времени наслаждался теми устами, и оттого в нем прежде всех (верующие) удостоились этого названия. Видишь ли, на какую высоту он вознес, и каким славным сделал этот город? Это – заслуга Павла. Там, где уверовали три тысячи, где – пять тысяч, где – такое множество, не было ничего подобного, но назывались еще только "**последующих**" (Деян.9:2); а здесь стали называться христианами. "**В те дни пришли из Иерусалима в Антиохию пророки**" (ст. 27). Так как здесь надлежало произрасти и плоду милостыни, то с пользою устрояется, что (сюда) пришли пророки. Но заметь, прошу: и здесь никто из известнейших (апостолов) не был учителем; они имели учителями кипрян и киринейцев и Павла, – хотя он и превосходил их, – подобно как Павел (имел учителями) Варнаву и Ананию, и, однако, оттого он нисколько не был меньше их, к тому же у него был (учителем) сам Христос. "**И один из них, по имени Агав, встав, предвозвестил Духом, что по всей вселенной будет великий голод, который и был при кесаре Клавдии**" (ст. 28). Не напрасно здесь предвещается, что будет великий голод, который и случился, как о нем было предсказано. Чтобы некоторые не подумали, будто голод был потому, что появилось христианство, что отступили демоны, Дух Святый предсказывает, что имело случиться, подобно тому, как и Христос предсказал многое, чтои случилось.

Таким образом не потому это случилось, что так должно было случиться от начала, но за то зло, которое сделано было апостолам; когда начали делать его, то Бог долготерпел; а когда стали упорствовать, то наступает голод, угрожавший иудеям будущими бедствиями. Но, если он был для них, то для прочих ему и по наступлении надлежало прекратиться. Какое, в самом деле, зло сделали эллины, чтобы и им, не сделавшим никакого зла (апостолам), подвергаться тем же бедствиями? Если же не для иудеев, то и сами (христиане) могли еще более явить свои добродетели, потому что (иудеи) делали свое дело – убивали, терзали, мучили, повсюду гнали (их). И смотри, – когда наступает голод: когда уже приняты были и язычники.

2. Но, скажешь, если (голод был) за злодеяния (иудеев), то христианам следовало бы быть изъятыми от него? Почему же, скажи мне? Не сказал ли еще прежде им Христос: "**в мире будете иметь скорбь**" (Ин.16:33)? А ты, говоря это, может быть и то прибавишь, что им не следовало и подвергаться бичеванию? Но посмотри: для них и голод послужил во спасение, подал повод к милостыне, сделался виновником многих благ, как он был бы и для вас, если бы вы захотели: но вы не хотели. Предсказывается о нем для того, чтобы они приготовились к милостыне, потому что бывшие в Иерусалиме тяжко страдали; а до того времени у них не было голода. И посылаются Варнава и Павел – послужить им. "**Тогда ученики положили, каждый по достатку своему**" (ст. 29). Видишь ли, как они, лишь только уверовали, уже приносят и плоды, не для своих только, но и для отдаленных? Здесь, кажется мне, говорится о том же, о чем в другом месте Павел говорит так: "**подали мне и Варнаве руку общения, только чтобы мы помнили нищих**" (Гал.2: 9, 10). Такую-то пользу принес голод! И смотри: они и при этой скорби не предаются плачу и слезам, как мы, но принимаются за великое и доброе дело; они продолжали проповедовать слово еще с большей смелостью. И не сказали: мы, киринейцы и кипряне, пришли в такой славный и великий город; но, надеясь на благодать Божию, эти приступили к учению, а те не возгнушались чему-нибудь научиться от них. Смотри, как все совершается мало-помалу, проповедь распространяется, находящееся в Иерусалиме заботятся одинаково о всех, как бы считая всю вселенную одним домом. Услышали они, что Самария приняла слово, и послали туда Петра и Иоанна; услышали о происходившем в Антиохии, и посылают туда Варнаву. Велико было расстояние (от Иерусалима), и апостолам еще не следовало отлучаться оттуда, чтобы не сочли их за беглецов, убегающих от своих. Отлучаются же (они оттуда) по необходимости уже тогда, когда, наконец, иудеи оказались неисцельными, когда уже настала война и можно было погибнуть, когда произнесен был приговор (на Иерусалим); а доколе Павел не прибыл в Рим, дотоле они

были там. Впрочем, они удаляются не потому, чтобы боялись войны; как (могли бояться этого) те, которые шли к (людям), имевшим вести с ними брань? Притом, война началась уже по смерти апостолов. и исполнилось сказанное об иудеях: "**но приближается на них гнев до конца**" (1Фес.2:16). Так, чем они были уничиженнее, тем более сияла благодать, чрез малых совершая великое! Но обратимся к вышесказанному. "**Убеждал всех**", говорит (писатель), "**держаться Господа: ибо он был муж добрый**" (αγαθός). Мне кажется, "**добрый**" означает здесь простого, непритворного, весьма ревнующего о спасении ближних. И не только он был "**муж добрый**", но и "**исполненный Духа Святаго и веры**". Поэтому он "**и убеждал всех держаться Господа искренним сердцем**", т.е., с прославлением и хвалою (Господу). И смотри, как этот город, как бы тучная земля, принял слово и явил великий плод. Для чего же Варнава извел Павла из Тарса и привел сюда? Не напрасно, но потому, что здесь были и хорошие надежды, и обширный город, и великое множество (народа). Видел ли ты, как все совершает благодать, а не Павел, – как дело началось с малого, а когда стало известным, тогда они посылают Варнаву? И почему не послали его прежде? Потому что имели великое попечение о своих делах и не хотели, чтобы иудеи обвиняли их за то, что они принимали язычников; ведь когда неизбежно нужно было им соединиться (с язычниками), между ними было некоторое негодование, для предотвращения которого произошло бывшее с Корнилием. Тогда уже и говорят: "**к язычникам, а им к обрезанным**" (Гал.2:9). И смотри, как благовременно нужда от голода произвела общение (чрез милостыню), посланную от язычников к бывшим во Иерусалиме; эти принимают посланное от тех; и те не так, как мы, встречающие несчастья со слезами, – не поступали так, но переносили с великим благодушием, как находившиеся вдали от гонителей и жившие между людьми, не боявшимися иудеев, – что также не мало к тому способствовало. Но отходили и в Кипр, где была большая безопасность и большее спокойствие. "**Никому не проповедуя слово**", говорит (писатель), "**кроме Иудеев**". Делали это не по страху человеческому, который считали за ничто, а желая соблюсти закон и еще снисходя к ним. "**Прошли до Финикии и Кипра и Антиохии**". Эти не слишком заботились об иудеях. "**Придя в Антиохию, говорили Еллинам, благовествуя Господа Иисуса**". Может быть потому, что они не умели (говорить) по-еврейски, называли их эллинами. "**Он** (Варнава), **прибыв**", говорит (писатель), "**и увидев благодать Божию**", а не старание человеческое, "**и убеждал всех держаться Господа искренним сердцем**". Похвалив и одобрив народ, он, вероятно, обратил этим еще больше. И почему они не пишут к Павлу, а посылают Варнаву? Они еще не знали добродетели этого мужа; потому и устрояется так, что отправляется один только Варнава. А так как (там) было множество народа, и никто не препятствовал, то вера произрастала благоуспешно, а в особенности потому, что там не терпели никакого искушения, и что проповедовал Павел, уже не подвергаясь необходимости обращаться в бегство. Хорошо и то, что не они сами предсказывают о голоде, а пророки, чтобы (иначе) не показаться каким-либо образом тягостными. И достойно удивления, как антиохийцы не негодовали на то, что были как бы презрены (апостолами), но довольствовались своими учи- телями. Так все они пламенели к слову (евангельскому)! Они даже не ожидали, чтобы наступил голод, но прежде него послали, "**каждый по достатку своему**".

3. И смотри: от апостолов другим вверяется это (попечение о бедных), а здесь – Павлу и Варнаве. Не с малою предусмотрительностью сделано было и это; тогда было начало (Церкви христианской) и притом нужно было остерегаться соблазна. А теперь никто не делает этого, хотя и теперь голод – тяжелее тогдашнего. Не все ведь равно – переносить несчастье всем вместе, или, между тем как все живут в изобилии, беднейшим терпеть голод. Тогда был только голод, и сами подававшие (были) бедны, – "**ученики положили, каждый по достатку своему**", говорит (писатель), – а теперь сугубый голод, хотя и изобилие сугубое, голод тяжкий, голод не слышания слова Господня, но насыщения посредством милостыни. Тогда получали утешение и иудейские бедные, и антиохийцы,

подавшие помощь, и последние больше первых; а теперь и мы, и бедные терпим голод, они – нуждаясь в необходимой пище, а мы – лишаясь милости Божией. Не может быть ничего необходимее такого насыщения. Здесь не бывает зла, происходящего от пресыщения; здесь избыток пищи не выходит вон. Нет ничего прекраснее, нет ничего здоровее души, питаемой таким образом; она выше всякой болезни, всякого голода, всякого нездоровья и недуга; никто не может коснуться ее, но как адамантовому телу не может повредить ни железо, ни что другое, так и души, огражденной милостынью, совершенно ничто не может коснуться. Скажи мне, что может когда-либо овладеть ею? Бедность ли? Нет; (милостыня) хранится в царской сокровищнице. Вор и разбойник? Но под ее стены никто не может подкопаться. Червь? Но это сокровище выше и такого зла. Зависть и ненависть? Но не овладевается и ими. Клеветы и наветы? Не могут и они, потому что это сокровище неприступно. Но несправедливо было бы показать только эти свойства милостыни, и не (показать) противоположных. Она не только свободна от зависти, но и сопровождается великим благословением даже от не испытавших ее благодеяний. Как жестокие и бесчеловечные бывают ненавистны не только тем, которые обижены ими, но и тем, которые ничего не потерпели от них, а только сострадают обиженным и осуждают обижающих, так и сделавших много прекрасного хвалят не только те, которые облагодетельствованы ими, но и те, которые ничего не получили от них. Но что я говорю: свободна от зависти, клеветников, воров и разбойников? Не это только в ней хорошо, но еще и то, что она не уменьшается сама в себе, а всегда возрастает и умножается. Что было гнуснее Навуходоносора? Что безобразнее, что преступнее его? Он был человек нечестивый; видел множество знамений и чудес и не захотел раскаяться, но вверг в печь рабов Божиих, хотя после того и поклонился (Богу). А что говорит ему пророк? **Царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот чем может продлиться мир твой**" (Дан.4:24). Сказал так не потому, чтобы сомневался, – он ведь был совершенно уверен в том, – но, желая возбудить в нем больший страх и сильнее (показать) необходимость сделать это. Если бы он сказал утвердительно, то тот сделался бы еще более нерадивым. Так и мы тогда скорее всего побуждаем кого-нибудь, когда говорим: попроси такого-то, и не прибавляем, что он непременно выслушает, но говорим: может быть, он выслушает; большее опасение, происходящее от сомнения, производит и большее побуждение. Поэтому и пророк не высказал этого ясно. Но что ты говоришь? Неужели таким преступлениям будет прощение? Да.

Нет греха, которого бы не могла очистить, которого бы не могла истребить милостыня; всякий грех ниже ее; она есть врачество, пригодное ко всякой ране. Что хуже мытаря? Он способен на всякое нечестие; но и это все нечестие Закхей очистил (Лк.19:8,9). Смотри, как и Христос внушает это тем, что установил: "**имел при себе денежный ящик и носил, что туда опускали**" (Ин.12:6). И Павел говорит: "**только чтобы мы помнили нищих**" (Гал.2:10). И везде в Писаниях много говорится об этом предмете. Так, (Премудрый) говорит: "**богатством своим человек выкупает жизнь свою**" (Прит.13:8). И Христос: "**если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и приходи и следуй за Мною**" (Мф.19:21). В этом, подлинно, состоит совершенство. Милостыня же совершается не только деньгами, но и делами. Так, например, можно ходатайствовать, можно подать руку помощи; часто в делах ходатайство помогало даже больше денег.

4. Итак, приведем в действие в настоящем случае все роды милостыни. Можешь деньгами? Не медли. Можешь ходатайством? Не говори, что у тебя нет денег; это ничего; и то значит весьма много, будь так расположен, как бы ты подавал деньги. Можешь услугою? Сделай и это. Например: ты врач по званию? Позаботься о больных; и это много значит. Можешь советом? Это – гораздо важнее всего; совет тем лучше и выше всего, чем

большую он приносит пользу: им ты избавляешь не от голода, но от лютой смерти. Им и апостолы были особенно богаты; поэтому раздачу денег они вверили низшим, а сами пребывали в служении слову (Деян.6:1-4). Или, думаешь ты, не велика будет милостыня, если душу, предавшуюся унынию, находящуюся в крайней опасности, одержимую пламенем (страсти), можешь освободить от этой болезни? Например, ты видишь друга одержимого сребролюбием? Окажи милость этому человеку. Он хочет удавиться? Угаси пламень его. А что если он не послушается? Ты делай свое дело и не ленись. Видишь его связанного узами (сребролюбие ведь – поистине узы)? Приди к нему, посети его, утешь, постарайся освободить от уз. Если он не согласится, сам будет виноват. Видишь нагого и странника (поистине наг и странник для небес не пекущийся о добродетельной жизни)? Возьми его в дом свой, одень в одежды добродетели, сделай гражданином неба. А что, скажешь, если я сам наг? Одень наперед себя самого; если знаешь, что ты наг, то, конечно, знаешь и то, что ты должен одеться. Если только ты знаешь свойства этой наготы, то легко можешь узнать и свойственное ей одеяние. Как многие женщины носят шелковые одежды, и поистине обнажены от одежд добродетели! Таких пусть одевают мужья. Но они не принимают этих одежд, а хотят тех? Сделай сначала так: возбуди в них желание этих одежд, покажи, что они наги, беседуй о будущем суде, скажи, что там нужны будут нам другие (одежды), а не те (шелковые). Если позволите мне, то и я покажу эту наготу. Нагой, во время стужи, цепенеет, дрожит, стоит скорчившись и поджавши руки, а во время жара не делает этого. Если теперь я покажу, что и богатые мужи и богатые жены тем более бывают наги, чем более одеваются, то не гневайтесь. Скажи мне: когда мы рассуждаем о геенне и тех мучениях, не больше ли цепенеют и дрожат эти, нежели те – нагие? Не вздыхают ли они тяжко и не осуждают ли самих себя? Когда они приходят к кому-нибудь и говорят: помолись обо мне, не то же ли самое говорят они, что и те? Впрочем, теперь, что бы мы ни говорили, эта нагота не будет видна вполне; она будет видна там. Как и каким образом? Когда эти шелковые одежды и драгоценные камни погибнут и в одних только одеждах добродетели и порока явятся все; когда бедные будут облечены великою славою, а богатые в наготе и безобразии будут влечены на мучения. Кто был изнеженнее того богача, облекавшегося в порфиру? Кто беднее Лазаря? А кто из них говорил подобно нищим? И кто наслаждался блаженством (Лк.16:19-25)? Скажи мне: если бы кто украсил дом свой множеством покрывал, а сам сидел внутри его нагим, какая была бы польза? Так бывает и с женами. Дом души, т.е. тело, одевают множеством украшений; а госпожа дома сидит внутри нагая. Откройте, прошу, душевные очи, и я покажу вам душевную наготу. Что такое одежда души? Ясно, что – добродетель. А что нагота? Порок. Как если обнажить кого-нибудь из свободных, то он стыдится, стесняется и убегает, так точно и душа, не имеющая этой одежды, когда мы хотим взглянуть на нее, стыдится. И теперь, думаешь, многие не стыдятся ли и не удаляются ли в самую глубину, как бы ища какого покрывала и занавеса, чтобы не слышать этих слов? А другие, ничего не сознавая за собою, веселятся, радуются, утешаются и восхищаются сказанным. Послушай о блаженной Фекле. Она для того, чтобы увидеть Павла, отдала свое золото; а ты не отдаешь и обола, чтобы увидеть Христа; удивляешься поступкам ее, но не подражаешь ей. Не слышишь ли, как слово (Божие) ублажает милостивых? "**Блаженны милостивые**", говорит, "**ибо они помилованы будут**" (Мф.5:7). Какая польза от драгоценных одежд? Доколе мы будем пристрастны к этому украшению? Будем одеваться славою Христовою, будем облекаться тою красотою, чтобы нам и здесь получить похвалу, и там сподобиться вечных благ, – по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 26

"В то время царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви, чтобы сделать им зло, и убил Иакова, брата Иоаннова, мечом. Видя же, что это приятно Иудеям, вслед за тем взял и Петра, – тогда были дни опресноков" (Деян.12:1-3).

1. О каком времени говорит (писатель)? Конечно, о последующем. Здесь так (надобно разуметь), а в других местах иначе. Когда Матфей говорит: "**в те дни приходит Иоанн Креститель**", то означает не последующие дни, а те, в которые происходило повествуемое (Мф.3:1). В Писании обыкновенно употребляется такой образ (речи), что иногда события непосредственно следующие излагаются по порядку, а иногда об имеющем случиться гораздо позже повествуется, как о непосредственно следующем. Прекрасно говорит: "**царь Ирод**", так как это был не тот, который жил при Христе. Вот и другое искушение. И смотри, – о чем еще в начале я сказал, – как дела устраиваются, как все составляется из радостей и скорбей. Уже не иудеи и не синедрион, но царь поднимает руки, чтобы "**сделать им зло**". Здесь – высшая власть, тягчайшая брань, тем более, что происходила в угодность иудеям. "**Убил Иакова, брата Иоаннова, мечом**". Без причины и без разбора. Если же кто спросит: зачем Бог попустил это? – то мы скажем: ради них же самих: во-первых, чтобы убедить их, что (верующие), и, будучи убиваемы, побеждают, как было со Стефаном; во-вторых, чтобы дать им насытить ярость свою и потом удержаться от неистовства; в - третьих, чтобы показать, что это происходило по Его попущению. "**Видя же, что это приятно Иудеям, вслед за тем взял и Петра**". О, великое нечестие! Тем ли угождал им, что совершал убийства без причины и напрасно? "**Тогда были дни опресноков**". Опять (видна) излишняя разборчивость иудеев (во днях); впрочем, убивать они не препятствовали, но и в такое время делали это. "**И, задержав его, посадил в темницу, и приказал четырем четверицам воинов стеречь его**" (ст. 4). Это происходило от гнева и от страха. "**Убил**", говорит (писатель), "**Иакова, брата Иоаннова, мечом**". Видишь ли мужество их (апостолов)? Чтобы кто-нибудь не говорил, будто они потому смело и бесстрашно идут на смерть, что Бог избавляет их от нее, для этого Он попускает им быть убиваемыми, и особенно верховным, научая тем самих убивающих, что даже и это не останавливает их и не препятствует им. "**Итак Петра**

стерегли в темнице, между тем церковь прилежно молилась о нем Богу" (ст. 5). Они находились теперь в самом опасном положении. Их устрашало и то, что тот убит, и то, что этот посажен в темницу. "**Когда же Ирод хотел вывести его, в ту ночь Петр спал между двумя воинами, скованный двумя цепями, и стражи у дверей стерегли темницу. И вот, Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу. Ангел, толкнув Петра в бок, пробудил его и сказал: встань скорее. И цепи упали с рук его**" (ст. 6, 7). Смотри, в эту самую ночь избавил его. "**И свет осиял темницу**", чтобы он не подумал, что это – привидение; а света никто не видал, кроме него. Если и при этом он думал, что видит привидение, по причине неожиданности, то тем более (подумал бы), если бы этого не случилось: так он был готов на смерть! А это происходило оттого, что он оставался там много дней, не получая избавления. Почему же, скажут, (Бог) не попустил ему впасть в руки Ирода, чтобы тогда и избавить? Потому, что это привело бы их в ужас; а это происходило и для них. Подумали бы, что (апостолы) не люди, если бы Он все совершал божественно. Чего Он не сделал со Стефаном? Не явил ли им (лицо его) "**как лицо Ангела**" (Деян.6:15)? Чего же, вообще, недоставало и здесь? "**И сказал ему Ангел: опояшься и обуйся**" (ст. 8). Здесь (писатель) снова показывает, что это сделано не со злым умыслом; кто спешит и намеревается выйти украдкою, тот не делает таких приготовлений, чтобы и обуться и опоясаться. "**Он сделал так. Потом говорит ему: надень одежду твою и иди за мною. Петр вышел и следовал за ним, не зная, что делаемое Ангелом было действительно, а думая, что видит видение. Пройдя первую и вторую стражу, они пришли к железным воротам, ведущим в город, которые сами собою отворились им:** " (ст. 8-10). Вот и второе знамение. Когда ангела не стало с ним,

тогда Петр уразумел (виденное). "**Они вышли, и прошли одну улицу, и вдруг Ангела не стало с ним. Тогда Петр, придя в себя, сказал: теперь я вижу воистину, что Господь послал Ангела Своего и избавил меня из руки Ирода и от всего, чего ждал народ Иудейский**" (ст. 10-11). Теперь, говорит, я уразумел, а не прежде. Для чего это делается, и почему Петр не разумеет происходящего, хотя он уже был столь свободен после того, как все (цепи) были сняты с него? Для того, чтобы он получил избавление внезапно и чтобы тогда уже, по избавлении, почувствовал это. А что цепи спали с рук его, это явный знак, что он не убежал. "**И, осмотревшись, пришел к дому Марии, матери Иоанна, называемого Марком, где многие собрались и молились. Когда же Петр постучался у ворот, то вышла послушать служанка, именем Рода, и, узнав голос Петра, от радости не отворила ворот**" (ст. 12-14). Смотри: Петр не тотчас удаляется (из Иерусалима), но наперед сообщает радостную весть своим. "**Вбежав, объявила, что Петр стоит у ворот. А те сказали ей: в своем ли ты уме? Но она утверждала свое**" (ст. 14, 15).

2. Смотри, как и служанки были исполнены благочестия. От радости она не отворила сеней; но они и после этого не верили. "**Но она**", говорил (писатель), "**утверждала свое. Они же говорили: это Ангел его. Между тем Петр продолжал стучать. Когда же отворили, то увидели его и изумились. Он же, дав знак рукою, чтобы молчали, рассказал им, как Господь вывел его из темницы, и сказал: уведомьте о сем Иакова и братьев. Потом, выйдя, пошел в другое место**" (ст. 15-17). Но обратимся к вышесказанному по порядку. "**В то время**", говорит (писатель), "**царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви**". Как дикий зверь, он нападал на всех без причины и без разбора. Здесь исполняется то, что сказал Христос: "**чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься**" (Мк.10:39). "**Убил**", говорит, "**Иакова, брата Иоаннова, мечом**". А почему, скажут, он не убил Петра тогда же? Причину привел писатель: "**тогда**", говорит, "**были дни опресноков**", и он хотел совершить убиение его с большею торжественностью. Сами (иудеи) по совету Гамалиила теперь воздерживались от убийств, и притом не находили причин к тому, а чрез других совершали то же самое. Так как был другой Иаков, брат Господень, то он означил это, сказав: "**брата Иоаннова**". Видишь ли, что эти три (апостола) были главные, особенно же Петр и Иаков? Это служит к большему осуждению иудеев. Ведь уже явно было, что проповедь их не человеческая, и поистине исполнялось сказанное: "**считают за овец закалаемых**" (Пс.43:23). "**Видя же**", говорит, "**что это приятно Иудеям, вслед за тем взял и Петра**". Приятно было убийство, и притом убийство несправедливое. Велико безумие Ирода; он служил нечестивым страстям их. Надлежало бы делать противное и удерживать их неистовство; а он возбуждал и был как бы какой палач недугующих, а не врач их, хотя имел много примеров – и деда и отца Ирода, из которых первый за убиение младенцев потерпел множество бедствий (Мф.2: 16), а второй, убивший Иоанна Крестителя (Мф.14:10), вел жестокую войну. "**И, задержав его**", говорит, "**посадил в темницу**". Он боялся, чтобы от страха (по случаю убиения) Иакова Петр не скрылся, и чтобы вернее иметь его в своих руках, посадил его в темницу. Чем тщательнее было стережение, тем удивительнее событие. Это послужило Петру – сделаться еще более славным и показать свое мужество. "**Между тем церковь**", говорит, "**прилежно молилась**". Эта молитва – знак любви. Все молились об отце, кротком отце. "**Прилежно**", говорит, "**молилась о нем**". Послушайте, как они были расположены к учителям. Они не возмущались, не производили смут, но обратились к молитве, прибегли к этой непреоборимой поборнице. Не говорили: я не велик и напрасно стал бы молиться о нем; они делали по любви и потому ничего такого не помышляли. Хочешь ли знать, что сделали (иудеи) против своей воли? Тех сделали славнейшими, а этих усерднейшими. И смотри: искушения постигают их в праздник, чтобы они явились славнейшими. "**Когда же Ирод хотел вывести его**", говорит (писатель), "**в ту ночь Петр спал**". Видишь: Петр

спит, не предается ни унынию, ни страху. В ту самую ночь, когда хотели вести его (на смерть), он спал, предав все Богу. Спал не просто, но посреди воинов и связанный. "**Между двумя воинами**", говорит, "**скованный двумя цепями**". Видишь ли, как тщательно стерегли его? "**И вот**", говорит, "**Ангел Господень предстал и сказал: встань скорее**". Стражи также спали, и оттого ничего случившегося не слыхали. "**И свет осиял темницу**", для того, чтобы Петр увидел и услышал, и не подумал, что это – привидение. А чтобы он не замедлил, то и "**толкнув**" его "**в бок**". И не просто сказал: "**встань**", но прибавил: "**скорее**", – так он крепко спал! "**Думая, что видит видение**", говорит (писатель). "**Пройдя первую и вторую стражу**". Где теперь еретики? Пусть они скажут нам: как он прошел? Но они не могли бы (сказать). Между тем (ангел) для того повелевает ему опоясаться и обуться, чтобы и этим внушить ему, что это – не привидение, чтобы он воспрянул от сна и убедился, что это – истина; для того тотчас же и цепи упали с рук его, и сказано было: "**встань скорее**". Это – слова не смущающего, но убеждающего не медлить. "**Не зная**", говорит, "**что делаемое Ангелом было действительно, а думая, что видит видение**".

Конечно, по чрезвычайности события.

3. Видишь ли, как чрезвычайно знамение? Как оно изумляет видящего? Как представляется невероятным? Если Петр думал, что видит привидение, в такое время, когда сам был опоясан и обут, то чего не случилось бы со всяким другим? "**Пройдя**", говорит (писатель), "**первую и вторую стражу, они пришли к железным воротам, ведущим в город, которые сами собою отворились им: они вышли, и прошли одну улицу, и вдруг Ангела не стало с ним**". Происходившее внутри было более чудесно; а это последующее – более обыкновенно. Когда уже не было никакого препятствия, тогда ангела не стало с ним. Петр (один) не прошел бы при столь многих препятствиях; ведь это было изумительно, по истине изумительно. "**Теперь**", говорит, "**я вижу воистину**, **что Господь послал Ангела Своего и избавил меня из руки Ирода и от всего, чего ждал народ Иудейский**". Ныне, а не тогда, когда я был в узах. "**И, осмотревшись, пришел к дому Марии, матери Иоанна**". Что значит: "**осмотревшись**"? Размыслив, где он находится. Или об этом он размышлял, или о том, что не должно просто удалиться, но воздать благодетелю; размышляя о том, он и пришел к дому Марии. Кто этот Иоанн? Может быть тот, который всегда был с ними; потому (писатель) присовокупил и прозвание его.

Смотри, какое благо – скорбь, какой успех имела молитва их во время ночи, как они были бдительны. Видишь ли, какие плоды от убиения Стефана? Видишь ли, какая польза от этой темницы? Подлинно Бог не для отмщения гонителей их являет величие евангельской проповеди, но для самих гонителей, хотя они и не терпят ничего неприятного, показывает, как велики скорби сами по себе, чтобы и мы не старались всячески избавляться от них или мстить за них. Заметь, как и служанки их были равночестны им. "**От радости**", говорит, "**не отворила**". Хорошо это сделано и в том отношении, чтобы они, увидев его вдруг, не устрашились и не стали сомневаться, но чтобы мысли их были подготовлены. И как обыкновенно делается у нас, так теперь и она сделала: она поспешила сама принести радостную весть, – и в самом деле это была радостная весть. "**А те сказали ей: в своем ли ты уме? Но она утверждала свое. Они же говорили: это Ангел его**". Отсюда (очевидна) истина, что у каждого из нас есть ангел. А как они пришли тогда к мысли, что это – ангел? По времени рассудили так. Между тем Петр "**продолжал стучать**", говорит (писатель), "**когда же отворили, то увидели его и изумились**". Он же "**дав знак рукою**" водворил великую тишину, чтобы они выслушали его. Как он был теперь вожделенен для учеников, не только потому, что избавился (из темницы), но и потому, что тотчас же пришел и предстал пред ними! Затем ясно узнают все и свои, узнали бы и чужие, если бы захотели

веровать; но они не захотели. Так было и при Христе (Ин.7:12,31). "**Уведомьте о сем**", говорит, "**Иакова и братьев**". Смотри, как он не тщеславен. Он не сказал: сделайте это известным повсюду; но: "**братьев**". "**Потом, выйдя, пошел в другое место**". Не искушал Бога и не подвергал сам себя опасностям; это они делали только тогда, когда им было повелеваемо. Так, им было сказано: "**идите и, став в храме, говорите народу все сии слова жизни**": они выслушали это и тотчас же повиновались (Деян.5: 20, 21). Но того ангел не сказал ему, а только, отступив в молчании и выведши ночью, доставил ему возможность удалиться. Это также происходит для того, чтобы мы научились, что многое совершалось тогда и по-человечески, и чтобы он опять не подвергся опасности. А чтобы те не сказали по отшествии его, что это – ангел его, для этого они высказывают наперед, а потом видят его самого, в опровержение такой мысли. Если бы это был ангел, то он не толкал бы в дверь и не удалился бы "**в другое место**". В этом уверяет их и то, что это было не днем. Таким образом свободные от уз пребывали в молитве, а связанный – во сне; если бы он принимал происходившее за действительность, то устрашился бы и не помнил бы (случившегося); а теперь, как бы видя сновидение, он оставался невозмутимым. "**Пришли**", говорит (писатель), "**к железным воротам**". Смотри, как они были крепки. "**Пройдя**",говорит, "**первую и вторую стражу, они пришли к железным воротам**". И почему, скажут, это совершается не чрез самих (апостолов)? Почему? Потому что Бог и тем оказывает им честь, что избавляет их чрез ангелов. Почему же с Павлом не так было? Там с тою целью, чтобы темничный страж уверовал, а здесь надлежало избавиться только одному апостолу; а с другой стороны и потому, что Бог устрояет все разнообразно. Там Павел воспевал хвалы, а здесь Петр спал (Деян.16:25). Поэтому не будем скрывать чудес Божиих, но будем стараться, чтобы они делались известными и для нашей пользы и для назидания других. В самом деле, если (Петр) удивителен, когда восхотел быть связанным, то он еще удивительнее, когда не прежде удалился, как возвестив наперед обо всем своим. "**И сказал**", говорит: "**уведомьте о сем Иакова и братьев**". Для чего повелевает возвестить? Для того, чтобы они возрадовались, чтобы не скорбели, чтобы те узнали от этих, а не эти от тех: так он заботился о нижайших членах! Подлинно, нет ничего лучше умеренной скорби. Какова, думаешь, была тогда душа их? Какой исполнена радости? Где теперь жены, спящие во всю ночь? Где мужи, не хотящие даже поворотиться на ложе? Видишь ли бодрственную душу? С женами и детьми и служанками они воспевали, от скорби соделавшись чище неба. А ныне мы, едва увидим малую опасность, падаем (духом). Нет ничего светлее тогдашней Церкви. Будем же подражать, будем соревновать. Не для того дана ночь, чтобы мы во всю ее спали и бездействовали. Свидетели тому ремесленники, погонщики мулов, торговцы, Церковь Божия, восстающая среди ночи. Восстань и ты, посмотри на хор звезд, на глубокую тишину, на великое безмолвие, и удивляйся делам Владыки твоего. Тогда душа бывает чище, легче и бодрее, бывает особенно способна воспарять и возвышаться; сам мрак и совершенное безмолвие много располагают к умилению. Если взглянешь на небо, испещренное звёздами, как бы бесчисленным множеством глаз, то получишь совершенное удовольствие, помыслив тотчас о Создателе. Если представишь, что те, которые в течение дня шумят, смеются, играют, скачут, обижают, лихоимствуют, досаждают, делают бесчисленное множество зол, теперь нисколько не отличаются от мертвых, то познаешь все ничтожество человеческого самолюбия. Сон пришел и показал природу, как она есть; он – образ смерти; он – образ кончины (мира). Если взглянешь на улицу, не услышишь ни одного голоса; если посмотришь в доме, увидишь всех лежащими как бы во гробе. Все это может возбудить душу и привести на мысль кончину мира.

4. Слово мое – к мужам и женам. Преклони колена, воздыхай, моли Господа твоего быть милостивым к тебе; Он особенно преклоняется (на милость) ночными молитвами, когда ты время отдохновения делаешь временем плача. Вспомни о царе, как он говорил: "**утрудился я от воздыханий моих, каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими**

орошаю постель мою" (Пс.6:7). Какие бы ты ни имел удовольствия, не будешь иметь более его; как бы ты ни был богат, не будешь богаче Давида. Но он же в другом месте говорит: "**в полночь я вставал славить Тебя за праведные суды Твои**" (Пс.118:62). Тогда не беспокоит тщеславие; да и как (может беспокоить), когда все спят и не видят? Тогда не нападают леность и беспечность; да и как (могут напасть), когда столь многое возбуждает душу? После таких всенощных бдений бывают и сон приятный и видения чудные. Это делай и ты, муж, а не одна только жена. Пусть дом соделается Церковью, составленною из мужей и жен. Не считай препятствием этому то, что ты муж только один и что она жена только одна. "**Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них**" (Мф.18:20). А где присутствует Христос, там великое множество; где Христос, там необходимо бывают и ангелы, и архангелы, и прочие силы. Поэтому вы – не одни, когда с вами Владыка всех. И еще послушай, что говорит пророк: "**лучше один праведник, нежели тысяча грешников**" (Сир.16:3). Нет ничего бессильнее многих грешников, и ничего сильнее одного, живущего по закону Божию. Если у тебя есть дети, то подними и детей, и пусть во время ночи весь дом сделается Церковью; если же они малолетни и не могут переносить бодрствования, то (пусть выслушают) по крайней мере, одну молитву или две, и успокоятся; только ты встань, только ты обрати себе это в навык. Нет ничего прекраснее жилища, в котором совершаются такие молитвы. Послушай, что говорит пророк: "**вспоминал я о Тебе на постели моей, в утренние часы размышлял о Тебе**" (Пс.62:7). Но, скажешь, я очень утомился в продолжение дня, и не могу. Это – отговорка и предлог; сколько бы ты ни трудился, не потрудишься более ковача меди, который опускает столь тяжелый молот с великой высоты, брызжет искрами, по всему телу пропитывается дымом, и однако проводит в этом большую часть ночи. И вы, жены, знаете, когда вам бывает нужно идти в поле, или придти в ночное собрание, – что там проводят целую ночь без сна. Так и у тебя пусть будет духовная кузница, чтобы устроять не котлы и сковороды, но душу твою, которая гораздо лучше всякого произведения из меди и золота. Ее, устаревшую от грехов, ввергни в горнило покаяния; ударяй ее с великой высоты молотом, т.е. исповеданием грехов; воспламени огонь Духа. Твое искусство гораздо лучше. Ты устрояешь не золотые сосуды, по душу, драгоценнее всякого золота, подобно тому, как ковач меди свое изделие. Ты не вещественный приготовляешь сосуд, но освобождаешь душу от всякого житейского попечения. Пусть предстоит пред тобою светильник, не этот сгорающий, но тот, который имел у себя пророк, когда он говорит: "**светильник ногам моим - закон Твой**" (Пс.118:105). Воспламени душу молитвою; если увидишь, что она имеет довольно (огня), то вынь ее (из этого горнила) и устрой ее, как хочешь. Поверь мне, не столько огонь истребляет ржавчину (металла), сколько ночная молитва ржавчину грехов наших. Устыдимся, если не кого другого, то хотя ночных стражей. Они, повинуясь человеческому закону, обходят во время стужи, громко крича и проходя по улицам, часто под дождем и цепенея (от холода), для тебя, для твоей безопасности и для охранения твоего имущества. Тот о твоем имуществе оказывает такое попечение; а ты не (оказываешь) даже о душе своей. И притом я не заставляю тебя ходить, подобно ему, под открытым небом, ни громко кричать и надрываться; но, находясь в том же самом жилище, в той же самой спальне, преклони колена, обратись с молитвою к Господу. Для чего сам Христос на горе пробыл всю ночь (Лк.16:12)? Не для того ли, чтобы подать нам Собою пример? Тогда растения восстановляют свои силы, т.е. во время ночи; тогда особенно и душа еще более их принимает в себя росу. Что днем попаляется солнцем, то освежается ночью Ночные слезы лучше всякой росы нисходят и на пожелания и на всякое пламенное разжжение, и не попускают потерпеть ничего вредного. Если она не будет питаться этою росою, то будет сожигаться во время дня. Впрочем, да не подвергнется никто из вас сожжению от того огня, но пребывая в прохладе и под покровом человеколюбия Божия, да сподобимся все мы освободиться от бремени грехов, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 27

"По наступлении дня между воинами сделалась большая тревога о том, что сделалось с Петром. Ирод же, поискав его и не найдя, судил стражей и велел казнить их. Потом он отправился из Иудеи в Кесарию и там оставался" (Деян.12:18,19).

1. Многие недоумевают, как Бог попустил некогда умертвить младенцев за Него (Мф.2:16), и теперь еще воинов за Петра, хотя Он мог избавить и их вместе с Петром. Но если бы ангел вывел и воинов вместе с Петром то это было бы принято за бегство. Почему же, скажут, Он, не устроил иначе? Теперь между тем какое произошло зло! Если мы вспомним, что пострадавшие несправедливо и напрасно не терпят никакого зла, то не будем делать таких вопросов. Отчего же ты не спрашиваешь об Иакове – почему Он и его не избавил (Дян.12:2)? Притом тогда было еще не время суда, чтобы воздавать каждому по достоинству. И не Петр же предал их в руки Ирода. А он оскорбился особенно тем, что обманулся, подобно как дед его остался обманутым от волхвов; это особенно раздражало его и делало смешным. Но следует выслушать слова самого писателя: "**по наступлении дня**", говорит он, "**между воинами сделалась большая тревога о том, что сделалось с Петром. Ирод же, поискав его и не найдя, судил стражей и велел казнить их**", хотя слышал от них, – ведь "**судил стражей и велел казнить их**", – что цепи были оставлены, что обувь (Петр) взял и что он находился с ними до самой той ночи. Что же они скрыли? И почему сами не убежали? Подлинно, это должно было удивить его, должно было поразить его. После того смерть их пред всеми обнаруживает и чудо Божие и нечестие Ирода. И смотри, как писатель не скрывает этого, но повествует об историческом событии, чтобы научить нас. Он говорит далее: "**потом он отправился из Иудеи в Кесарию и там оставался. Ирод был раздражен на Тирян и Сидонян; они же, согласившись, пришли к нему и, склонив на свою сторону Власта, постельника царского, просили мира, потому что область их питалась от области царской. В назначенный день Ирод, одевшись в царскую одежду, сел на возвышенном месте и говорил к ним; а народ восклицал: это голос Бога, а не человека. Но вдруг Ангел Господень поразил его за то, что он не воздал славы Богу; и он, быв изъеден червями, умер. Слово же Божие росло и распространялось**" (ст. 19-24). И это не маловажно. Тотчас же постигло его наказание, если не за Петра, то за надменную речь его. Но, скажут, если те возглашали, то чем он виновен? Тем, что принял такое возглашение, что считал себя достойным такой лести. Это особенно служит к научению самих безрассудных льстецов. И смотри: и те и он достойны наказания, а наказывается он, потому что теперь не время суда, но кто боле виновен, того (Бог) и наказывает, чтобы те получили от этого пользу. "**Слово же Божие**", говорит (писатель), "**росло и распространялось**", т.е. когда это происходило. Видишь ли домостроительство Божие? "**А Варнава и Савл, по исполнении поручения, возвратились из Иерусалима (в Антиохию), взяв с собою и Иоанна, прозванного Марком. В Антиохии, в тамошней церкви были некоторые пророки и учители: Варнава, и Симеон, называемый Нигер, и Луций Киринеянин, и Манаил, совоспитанник Ирода четвертовластника, и Савл**" (Деян.12: 25: Деян.13:1). Варнаву поставляет пока на первом месте, потому что Павел еще не был славен, еще не совершил никакого знамения. "**Когда они служили Господу и постились, Дух Святый сказал: отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их. Тогда они, совершив пост и молитву и возложив на них руки, отпустили их**" (ст. 2, 3). Что значит: "**служили**"? Когда они проповедовали. "**Отделите Мне**", говорит, "**Варнаву и Савла**". Что значит: "**отделите Мне**"? На дело, на апостольство. Смотри еще, кем они рукополагаются: Лукием Киринеянином и Манаилом, и особенно – Духом. Чем уничиженнее лица, тем яснее открывается благодать Божия. Таким образом (Павел) рукополагается на апостольство, чтобы проповедовать со властью. Как же он сам говорит: "**не человеками и не через человека**" (Гал.1:1)? Словами: "**не**

человеками" он показывает, что не человек призвал или привел его; а словами: "**не через человека**" – что он послан не кем-либо другим, но Духом. Потому (писатель) и присовокупил следующее: "**сии, быв посланы Духом Святым, пришли в Селевкию, а оттуда отплыли в Кипр**" (ст. 4). Но обратимся к вышесказанному. "**По наступлении дня**", говорит, "**между воинами сделалась большая тревога**" из-за Петра, "**судил стражей и велел казнить их**". Он так был бесчувствен, что даже решился наказать несправедливо. Вот я скажу в их защиту. Узы были; стражи находились внутри; темница была заперта; стена нигде не подкопана; все согласно говорили одно и тоже; узник не был похищен: за что же ты осуждаешь их? Если бы они хотели выпустить его, то или выпустили бы прежде, или ушли бы вместе с ним. Они быть может взяли деньги? Но как мог дать им тот, кто был не в состоянии дать нищему? Цепи не были ни разорваны, ни развязаны. Можно было видеть, что это дело Божие, а не человеческое. Затем, повествуя об историческом событии, (писатель) приводит и имена, чтобы видно было, что обо всем он говорит правду. "**Склонив на свою сторону Власта**", говорит, "**постельника царского, просили мира**". Делают это потому, что был голод. "**В назначенный день**", говорит, "**Ирод сел на возвышенном месте и говорил к ним. Но вдруг Ангел Господень поразил его, и он, быв изъеден червями, умер**".

2. Также и Иосиф (Флавий) говорит, что он впал в продолжительную болезнь (Иуд. древ. кн 19. гл. 8). Народ не знал этого, но апостол повествует об этом. Впрочем, и самое незнание было полезно, потому что случившееся с Иродом приписывали ему за убиение апостола и умерщвление воинов. Смотри: когда он убил апостола, то ничего такого не делал, и когда этих (умертвил), то ничего не говорил. Таким образом, как бы недоумевал и стыдясь, он отправился из Иудеи в Кесарию. Мне кажется, что он, желая привлечь тех (тирян и сидонян), прибыл защищать этих (иудеев): он гневался на тех, тогда как этим столько угождал. Смотри, как этот человек был тщеславен. Намереваясь даровать им (мир), он говорил речь. Иосиф же повествует, что он был одет в блестящую одежду, истканную из серебра. Смотри, как и те были льстивы, и как мудры апостолы. Кому угождал весь народ, того они ставили ни во что. Но теперь они получили великое облегчение, и множество благ произошло от его наказания. Если же он подвергся такому наказанию, когда выслушал слова: "**это голос Бога, а не человека**", хотя сам ничего такого не говорил, то тем более Христос, если бы Он не был Богом, (подвергся бы) за то, что Он постоянно говорил: "**слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя**" (Ин.14:10), и еще: "**служители Мои подвизались бы**" (Ин.18:36), и тому подобное. Между тем тот постыдным и жалким образом окончил жизнь, и уже нет его. И заметь, что его склоняет к миру Власт: так легко этот жалкий человек предавался гневу и опять успокаивался, будучи всегда рабом народа и не имея в себе ничего самостоятельного! Заметь и власть Святого Духа. "**Когда они служили Господу**", говорит (писатель), "**и постились, Дух Святый сказал: отделите Мне Варнаву и Савла**". Кто бы осмелился, не имея на то власти, сказать это? А делается это для того, чтобы они не оставались вместе. Он знал, что они имеют великие совершенства и могут быть полезными многим. Как же Он сказал им? Вероятно, чрез пророков. Потому-то (писатель) предварительно и заметил, что там были пророки и пребывали в посте и служении, чтобы ты уразумел, что нужна была великая бдительность. Рукополагается (Павел) в Антиохии, где и проповедовал. Почему же (Дух) не сказал: отделите Господу, но: "**Мне**"? Этим Он показывает, что у Него единая (с Богом) власть и сила.

Видишь ли, насколько великое дело – пост? Замечено, что Дух совершал все; но великое благо – и пост. Он не ограничивается пределом (времени); когда нужно было рукополагать, тогда они постятся: "**и постились, Дух Святый сказал**". Пост же состоит не только в воздержании от пищи, но и воздержание от сластолюбия есть вид поста. Это-то в особенности я заповедаю: воздерживайтесь не от пищи, а от сластолюбия. Пища нам

нужна, а не растление; пища нам нужна, а не причина болезней, болезней и душевных и телесных; пища нам нужна, доставляющая сладость, а не сластолюбие, исполненное горечи; то полезно, а это вредно; то приятно, а это неприятно; то естественно, а это противоестественно. Скажи мне: если бы кто-нибудь дал тебе напиться яду, не было ли бы это противоестественно? Если бы кто (подал) дрова и камни, разве не отвратился бы ты? Конечно, – потому что это противоестественно. Таково и сластолюбие. Как в осажденном городе бывает великое беспокойство и смятение, когда вторгаются в него неприятели, так бывает и в душе, когда нападает на нее пьянство и сластолюбие. "**У кого вой? у кого стон? у кого ссоры? у кого горе? у кого раны без причины? у кого багровые глаза? У тех, которые долго сидят за вином, которые приходят отыскивать вина приправленного**" (Прит.23:29,30). Но, что бы мы ни говорили, мы не удержим людей, преданных сластолюбию, если не восстанем против другой страсти. И во-первых, к женам обращу мое слово. Нет ничего срамнее жены сластолюбивой, нет ничего отвратительнее жены, преданной пьянству; цвет лица ее увядает, ясность и кротость глаз помрачаются, как бы от какого облака, закрывающего лучи солнечные. Это – дело, свойственное не свободному человеку, но рабу, и крайне неблагородное. Как неприятна жена, дышащая зловонным и испортившимся вином, отрыгающая испарения гнилого мяса, отягченная так, что не может встать, раскрасневшаяся больше надлежащего, беспрестанно зевающая и дремлющая! Не такова жена, воздерживающаяся от сластолюбия: она почтенна, целомудренна и благообразна, так как доброе расположение души придает много красоты и телу. Не думай, что красота зависит только от телесного благообразия. Представь девицу благообразную, но нескромную, болтливую, сварливую, склонную к пьянству и расточительности: не безобразнее ли она всякой некрасивой. Если же она будет скромна, молчалива и стыдлива, если привыкнет говорить благопристойно и соблюдать пост, то красота ее сугуба, благообразие больше, лицо привлекательнее, исполнено целомудрия и прелести. Хочешь ли, я скажу теперь и о мужах? Что отвратительнее пьяного? Он смешон для рабов, смешон для врагов, жалок для друзей, достоин всякого осуждения, более зверь, нежели человек, так как пресыщаться свойственно тигру, льву или медведю. Им это свойственно, потому что они не имеют разумной души. Впрочем и они, когда насыщаются больше надлежащего и больше меры, назначенной им природою, то расстраивают все свое тело: не тем ли более мы? Для того-то Бог дал нам небольшой желудок, для того назначил нам малую меру пищи, чтобы научить нас заботиться о душе.

3. Посмотрим на самое устройство нашего тела, и мы увидим, что одна только малая часть у нас имеет такое назначение (для питания). Уста наши и язык назначены для песнопений, гортань для издавания голоса. Потому естественная необходимость заставляет нас невольно воздерживаться от пресыщения. Если бы сластолюбие не сопровождалось неприятностями, недугами и болезнями, то оно не было бы противно; но теперь от природы тебе назначены пределы, чтобы ты не мог, хотя бы и желал, преступить их. Не наслаждений ли ищешь ты, возлюбленный? Найдешь их в жизни воздержной. Не здравия ли? И это здесь. Не спокойствия ли? И это здесь. Не свободы ли? Не крепости ли и стройности тела? Не бодрости ли и деятельности души? Все эти блага здесь; а в том (пресыщении) напротив, неприятность, нездоровье, болезнь, стеснение, излишние издержки. Почему же, скажут, все мы предаемся ему? По болезни. Скажи мне: почему больной желает того, что вредно? Это самое не есть ли признак болезни? Почему хромой не ходит прямо? А все это от нерадения и от того, что не хотят придти к врачу. Из вещей одни доставляют временное удовольствие, и вечное мучение; другие напротив – временное страдание, и вечное блаженство. Потому кто так сластолюбив и беспечен, что не презирает настоящих удовольствий для достижения будущих, тот скоро обманывается. Скажи мне: почему обманулся Исав, почему он предпочел настоящее удовольствие будущей чести? По сластолюбию и невоздержанно (Быт.25:34). А это самое, скажут, откуда происходит? От нас самих, как видно из следующего: когда мы захотим, то

сдерживаем себя и бываем терпеливы; если встретится какая-нибудь нужда, а часто даже только из соревнования, мы избираем полезное.

Итак, когда будет возбуждаться сластолюбие, то представь кратковременность этого удовольствия, вред, – а поистине вредно делать такие издержки к собственной погибели, – недуги, болезни, и отвергни сластолюбие. Хочешь ли, я перечислю тебе, сколь многие тяжко пострадали от сластолюбия? Ной "**выпил вина, и опьянел, и лежал обнаженным**", и, вспомни, сколько зла произошло от того (Быт.9:21-29). Исав по невоздержанию продал свое первенство и решался на братоубийство (Быт.25:31-34). Израильтяне сели "**есть и пить, а после встал играть**" (Исх.32:6). Потому и сказано им: "**берегись, чтобы не обольстилось сердце твое и не забыл ты Господа**" (Втор.6:12). Предавшиеся сластолюбию стоят на скользком пути. "**Вдовица**", говорит (Писание), "**сластолюбивая заживо умерла**" (1Тим. 5:6); и еще: "**утучнел, отолстел и разжирел**" (Втор. 32:15): также апостол говорит: "**попечения о плоти не превращайте в похоти**" (Рим.13:14). Я уже не предписываю поста, – этого никто не стал бы слушать, – но запрещаю невоздержание, возбраняю сластолюбие, для вашей же пользы. Сластолюбие, подобно бурному потоку, истребляет все; его не удерживает никакое препятствие; оно отлучает от царствия. Что еще? Ты желаешь наслаждений? Подай бедным, призови Христа (в лице их), и будешь наслаждаться даже по окончании трапезы. Теперь ты не можешь этого по тому самому, что настоящие блага непостоянны; а тогда сможешь. Ты желаешь наслаждений? Питай свою душу, предложи ей пищу, какая ей свойственна, не томи ее голодом. Теперь время борьбы, время подвигов: а ты сидишь и пресыщаешься? Разве не знаешь, что и сами скиптроносцы в походах во время войны живут скудно? "**Наша брань не против крови и плоти**" (Ефес.6:12), а ты утучняешь себя, приготовляясь на брань? Супостат стоит, скрежеща своими зубами (1Петр.5: 8), а ты предаешься неге и занимаешься трапезою? Знаю, что я говорю это напрасно, но не для всех. "**Кто имеет уши слышать, да слышит**" (Лк.8:8). Христос истощается от голода, а ты расторгаешься от пресыщения: сугубая неумеренность! И какого зла не производит сластолюбие? Оно заключает противоречие в самом себе; не знаю даже, почему оно получило такое название; разве подобно тому, как слава (земная), которая есть бесчестие, и богатство (земное), которое есть бедность, получили свои названия, так и сластолюбие, хотя оно само в себе есть горечи. Не готовимся ли мы заклаться в жертву, что так утучняем себя? Для чего ты приготовляешь червям роскошную трапезу? Для чего увеличиваешь количество жира? Для чего умножаешь источники пота и зловония? Для чего делаешь себя негодным ни к чему? Хочешь ли, чтобы глаз твой был исправен? Сделай все тело благоустроенным. Из струн та, которая жирна и не очищена, бывает неспособна издавать приятные звуки, а которая совершенно очищена, та бывает стройна и благозвучна. Для чего зарываешь душу? Для чего ограду ее делаешь толще? Для чего (наводишь на нее) великий дым и облако, когда испарения, как бы какая мгла, поднимаются отвсюду? Если не кто другой, то пусть, по крайней мере, борцы научат тебя, что тело менее тучное бывает более сильным. Так и любомудрая душа бывает благоустроеннее, подобно тому, как бывает с возницею и конем. Надобно видеть, как неудобоподвижны люди, преданные сластолюбию и утучнившие свое тело, подобно тому, как неподвижны тучные кони, причиняющие вознице так много хлопот. Тот, у кого конь послушный и быстрый, легко может получить победную награду; а когда возница принужден тащить его, беспрестанно падающего, и не может даже ударами поднять его, то хотя бы он был человек весьма опытный, не одержит победы. Не будем же нерадеть о душе своей, подавляемой телом, но соделаем взор ее более светлым, крылья ее – более легкими, узы – боле сносными; будем питать ее беседами, при воздержной жизни, так чтобы тело было только здраво и крепко, чтобы она радовалась и не скорбела, чтобы, таким образом благоустроив себя, мы могли достигнуть высшей степени добродетели и сподобиться вечных благ, благодатию и

человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 28

"Сии, быв посланы Духом Святым, пришли в Селевкию, а оттуда отплыли в Кипр; и, быв в Саламине, проповедывали слово Божие в синагогах Иудейских; имели же при себе и Иоанна для служения" (Деян.13:4,5).

1. Приняв вместе рукоположение, (Варнава и Павел) вышли (из Антиохии) и отплыли в Кипр, где не было гонения и слово (Божие) уже было посеяно. В Антиохии находилось довольно (учителей), и Финикия была не далеко от Палестины, Кипр же далеко. Впрочем, не спрашивай, почему (они отплыли туда), когда они были движимы Духом; ведь они не только рукоположены, но и посланы были Духом. "**И быв в Саламине, проповедывали слово Божие в синагогах Иудейских**". Видишь ли, как они всячески стараются возвещать слово наперед иудеям, чтобы не возбудить их негодования? Как те не проповедовали никому, "**кроме Иудеев**" (Деян.11:19), так и эти входили в синагоги. "**Пройдя весь остров до Пафа, нашли они некоторого волхва, лжепророка, Иудеянина, именем Вариисуса, который находился с проконсулом Сергием Павлом, мужем разумным. Сей, призвав Варнаву и Савла, пожелал услышать слово Божие. А Елима волхв (ибо то значит имя его) противился им, стараясь отвратить проконсула от веры**" (ст. 6-8). Опять волхв, иудеянин, подобно Симону. И смотри: когда они проповедовали другим, то он не слишком беспокоился; но когда пришли к проконсулу, тогда он (восстал). В проконсуле же достойно удивления то, что он, хотя и был под влиянием магии того (волхва), однако захотел слушать апостолов. Так поступили и самаряне; а из сравнения является победа, так как магия одолевается. Везде тщеславие и властолюбие бывают причиною зол. "**Но Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святаго и устремив на него взор, сказал: о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних? И ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени**" (ст. 9-11). Здесь с рукоположением переменяется его имя; тоже было и с Петром. И смотри: действие (Павла) есть не обида, но поражение; так и следует поражать дерзких и бесстыдных. "**О, исполненный всякого коварства**", говорит, "**и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды!**". Здесь он открывает то, что было в мыслях (волхва), под видом спасения губившего проконсула. "**Перестанешь ли ты**", говорит, "**совращать с прямых путей Господних?**" Конечно, говорит, ты не с нами ведешь войну и брань, но развращаешь пути Господни прямые, и – с похвалою. "**И ныне вот, рука Господня на тебя: ты будешь слеп**". Посредством того же знамения, каким сам был обращен, захотел обратить и его. Выражение: "**до времени**" было словом не наказывающего, а обращающего, потому что если бы оно было (словом) наказывающего, то он сделал бы его слепым навсегда; теперь же не так, а "**до времени**", чтобы приобресть и проконсула. "**И вдруг напал на него мрак и тьма, и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого. Тогда проконсул, увидев происшедшее, уверовал, дивясь учению Господню**" (ст. 11, 12). И справедливо, потому что находившегося под влиянием магии такое наказание должно было вразумить. Так и египетские волхвы некогда были вразумлены скнипами (Исх.8:16-19). И смотри: они не медлят здесь, после того, как проконсул уверовал, и не бездействуют, и не разнеживаются от лести и чести, но тотчас же принимаются за дело и отправляются в страну, лежащую по ту сторону (моря). "**Отплыв из Пафа, Павел и бывшие при нем прибыли в Пергию,в Памфилии. Но Иоанн, отделившись от них, возвратился в Иерусалим. Они же, проходя от Пергии, прибыли в Антиохию Писидийскую и, войдя в синагогу в день субботний, сели**" (ст.

13, 14). Опять они входили в синагоги по обычаю иудеев, чтобы не подвергнуться нападению и изгнанию; так они и все делали. "**После чтения закона и пророков, начальники синагоги послали сказать им: мужи братия! если у вас есть слово наставления к народу, говорите**" (ст. 15). Здесь мы узнаем о том, что касается Павла, узнав не мало о Петре из сказанного прежде. Но рассмотрим вышесказанное. "**И, быв**", говорит (писатель), "**в Саламине, проповедывали слово Божие**" – в главном городе Кипра. Они провели год в Антиохии; надлежало выйти оттуда, а не оставаться там навсегда; (верующие) имели нужду в больших учителях. Смотри, как и в Селевкии они не медлят, зная, что (ее жители) могли получать великую пользу от соседнего города, но спешат и оттуда на дела нужнейшие. Пришедши в главный город острова, они спешат обратить проконсула. А что не из лести сказано: "**с проконсулом Сергием Павлом, мужем разумным**", можешь усмотреть из самого дела, как он не нуждался во многих убеждениях, но сам хотел слышать их. Имена городов перечисляет (писатель), чтобы показать, что так как они недавно приняли слово (Божие), то надлежало утвердить их, чтоб они оставались в вере; потому-то (апостолы) часто посещали их. Смотри: (Павел) ничего не говорил волхву, пока тот не подал повода; но они возвещали только слово Господне. А тот, видя других внимающих (Павлу), заботился только о том, чтобы (проконсул) не уверовал. И почему (Павел) не сотворил другого знамения? Потому что всего лучше было – уловить врага.

2. И смотри, он прежде обличает, а потом поражает. Что тот справедливо пострадал, это он означает словами: "**исполненный всякого коварства**", т.е. не имеющий ничего свободного от обмана. И хорошо сказал: "**всякого коварства**", – потому что тот лицемерил. "**Сын диавола**", – потому что совершал его дело. "**Враг всякой правды**", – потому что здесь поистине была всякая правда. Мне кажется, что этими словами он обличает и его жизнь. А чтобы показать, что это сказано не по гневу, для этого (писатель) предварительно заметил: "**исполнившись Духа Святаго**", т.е. силы (Его). "**И ныне вот, рука Господня на тебя**". Это было не наказание, но врачество. Он как бы так сказал: не я действую, но рука Божия. Видишь, как он чужд гордости. "**Ты будешь слеп и**

не увидишь солнца до времени". Говорит это, чтобы дать ему время для покаяния. Они (апостолы) никогда не хотели являться слишком строгими, хотя бы это было бы и в отношении к врагам. В отношении к своим это было сообразно, а в отношении к чужим – нет, чтобы (известное) дело не показалось следствием принуждения и страха. Признак слепоты – искание вожатого. Затем проконсул видит слепоту и тотчас верует, и не просто, но "**дивясь**", – он увидел, что здесь не слова и не обман. Смотри, какую питал он любовь к учению, имея такую власть. Не сказал (Павел) волхву: не перестанешь ли развращать проконсула, но – "**совращать с прямых путей Господних?** ", что гораздо важнее, чтобы не показаться льстецом. Почему же Иоанн отстает от них? "**Но Иоанн**", говорит (писатель), "**отделившись от них, возвратился в Иерусалим**". Потому что они отправлялись в дальнейший путь, – и хотя он был их слугою, но они сами взяли на себя этот труд. Посетив опять Пергию, они проходят мимо других городов, потому что спешили в главный город – Антиохию. И смотри, как кратко повествует писатель. Сидели, говорит, в сонмище и в день субботний, чтобы приготовить путь слову. Они говорят не прежде других, но будучи вызваны, когда их, как гостей, пригласили к тому. Если бы они не находились там, то не было бы и слова. Здесь Павел проповедует первый. И посмотри на мудрость его: он проходит мимо тех мест, где уже было посеяно слово (Божие); а где еще не был никто (из проповедников), там останавливается, как и сам он пишет: "**я старался благовествовать не там, где уже было известно имя Христово**" (Рим.15: 20). И это было свойством его великого мужества. Подлинно, с самого начала он был муж удивительный; распявшись (для мира, Гал.6:14), вооружившись (духовно), он знал, какая была в нем благодать; соразмерную тому оказывал и ревность. Он не разгневался на

Иоанна, – это не было ему свойственно, – но принялся за дело; не убоялся, не устрашился, подвергаясь опасностям среди народа. Смотри, как хорошо устрояется, что Павел не проповедует в Иерусалиме; (там) довольно было только слышать, что он уверовал, а проповеди его не стали бы слушать по ненависти к нему; потому он и отправляется далеко, где не знали его. Во-первых, он обличает волхва, каков тот был; а что он действительно был таков, доказало знамение. Оно было знаком его душевной слепоты; он страдает до времени для того, чтобы покаялся. Хорошо они вошли в синагогу в субботу, когда все были собраны. "**После чтения закона и пророков**", говорит (писатель), "**начальники синагоги послали сказать им: мужи братия! если у вас есть слово наставления к народу, говорите**". Смотри: тогда они сделали это без зависти, а после не так. Если вы сами хотели этого, то тем более надлежало увещевать. Но, о, властолюбие! О, тщеславие! Как оно низвращает и губит все! Оно побуждает восставать против спасения своего и других. Оно уродует и ослепляет, так что приходится искать вожатых. И, о, если бы так, если бы они искали вожатых! Но даже и этого не хотят делать, полагаясь во всем на самих себя. Оно не дает им видеть ничего; окружает их, как бы какая мгла и мрак, не позволяя прозреть.

Какое будем иметь оправдание мы, которые побеждаем страсть страстью, а не страхом Божиим? Например, многие, будучи сластолюбивы и сребролюбивы, обуздывали сластолюбие из-за сбережения денег; другие, напротив, для удовольствий пренебрегали деньгами; иные, увлекаясь тщеславием, презрели и то и другое, издерживая деньги беспощадно и соблюдая целомудрие всуе; а иные, будучи крайне тщеславны, пренебрегли этой страстью, совершив много постыдного, как из-за плотских удовольствий, так и из-за денег; еще иные, чтобы удовлетворить своему гневу, решаются на бесчисленные издержки и не заботятся ни о чем, кроме того, чтобы только сделать по своему желанию. Так, что может сделать страсть, того у нас не делает страх Божий. И что я говорю: страсть? Что может сделать стыд человеческий, того не делает страх Божий. Много хорошего мы делаем, много и грешим, стыдясь людей, а Бога не боимся. Как многие расточили свое имущество из стыда! Как многие тщетно домогались почестей, услуживая друзьям своим во зле! Как многие и как много согрешили в угодность дружбе!

3. Итак, если страсть и стыд пред людьми могут побуждать нас и ко грехам и к делам добрым, то мы напрасно говорим, что не можем (обуздывать страсти); мы можем, если пожелаем; а желать должны все. Скажи мне, почему ты не можешь преодолеть тщеславия, когда другие преодолевают, имея такую же душу, такое же тело, такой же внешний вид, живя такою же жизнью? Помысли о Боге, помысли о высшей славе, противопоставь ей настоящее, и ты скоро отстанешь от него (тщеславия). Если ты непременно желаешь славы, то ищи славы истинной. Какая это слава, если она приносит бесчестие? Какая это слава, если она заставляет искать чести от низших и имеет в ней нужду? Честь состоит в том, чтобы пользоваться славою от высших. Если ты непременно желаешь славы, то ищи лучше славы от Бога. Возлюбив эту, ты будешь пренебрегать тою, увидишь, как она бесчестна; а пока не узнаешь этой, дотоле не увидишь, как та постыдна, как смешна. Подобно тому, как те, которые пленились какою-нибудь женою злою, безобразною и бесстыдною, пока питают к ней любовь, не могут видеть ее безобразия, потому что страсть помрачает рассудок, так и здесь, пока обладает нами эта страсть, мы не можем видеть, каково это зло. Но каким же образом, скажешь, мы можем освободиться от нее? Вспомни о тех, которые расточили множество имущества и не получили от того никакой пользы; вспомни об умерших, какой они наслаждались славой, и она оказалась непрочною, исчезла и рассеялась; пойми, что она есть одно только имя и не имеет в себе ничего существенного. В самом деле, скажи мне, что такое слава? Сделай какое-нибудь определение. Быть для всех, скажешь, предметом удивления? По праву или не по праву? Если не по праву, то это будет не удивление, а порицание, лесть, клевета. Если по праву,

то это невозможно, потому что народ не имеет правильных суждений, а удивляется тем, которые угождают его желаниям. Если угодно, посмотрите на тех, которые дарят свое имущество блудницам, наездникам и плясунам. Но, скажешь, мы не о них говорим, а о честных, справедливых, могущих делать много доброго. Точно, если бы захотели, то скоро делали бы много доброго; но ныне ничего такого не делают. Кто ныне, скажи мне, хвалит честного и справедливого? Противное тому (делается). И что отвратительнее такого праведника, если он, совершая какое-нибудь доброе дело, ожидает славы от толпы? Он делает тоже, как если бы какой-нибудь отличный живописец, рисуя портрет царя, ожидал похвал от неопытных. С другой стороны, кто домогается славы от людей, тот скоро оставит дела добродетельные. Кто ожидает похвал, тот делает то, чего желают другие, а не то, чего он сам. Что же делать я советовал бы вам? Внимать Богу, довольствоваться похвалами от Него, делать все благоугодное Ему, и совершать добрые дела, не прилепляться ни к чему человеческому. Это (пристрастие к земной славе) вредит и посту и молитве и милостыне, и делает тщетными все наши добрые дела. Потому, чтобы не потерпеть этого, будем убегать этой страсти; будем иметь в виду только одно, – похвалу от Бога, одобрение от Него, прославление от нашего общего Владыки, чтобы, прожив добродетельно настоящую жизнь, нам сподобиться обетованных благ, с любящими Его, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 29

"Павел, встав и дав знак рукою, сказал: мужи Израильтяне и боящиеся Бога! послушайте. Бог народа сего избрал отцов наших и возвысил сей народ во время пребывания в земле Египетской, и мышцею вознесенною вывел их из нее" (Деян.13:16,17).

1. Смотри, Варнава предоставляет (говорить) Павлу, подобно как Иоанн всегда – Петру. Он привел его из Дамаска, хотя тот был славнее его. Но они имели в виду общую пользу. "**Встав**", говорит (писатель), "**и дав знак рукою**". Таков был обычай у иудеев; потому и он так же обращается к ним с речью. Смотри, какое он делает вступление к слову: наперед похвалив их и показав великое промышление о них (Божие) словами: "**боящиеся Бога**", потом и начинает речь. Не сказал: пришельцы, потому что это название указывает на бедствия. "**Бог народа сего избрал отцов наших**". Смотри, как и он, подобно Стефану, общего людей Бога называет собственно их Богом и изображает древние великие благодеяния Его. Они делают это для того, чтобы научить их, что и ныне (Бог) по тому же благоволению послал Сына Своего. Как и Христос сказал о винограднике (Лк.20:13), так говорит и он. "**Возвысил сей народ во время пребывания в земле Египетской, и мышцею вознесенною вывел их из нее**". Было и противное; но они умножились; для них совершались чудеса. Об этих (чудесах), бывших в Египте, и пророки всегда вспоминают. И смотри, как он проходит молчанием времена бедствий и нигде не поставляет на вид преступлений, но человеколюбие Божие, предоставляя о том помыслить им самим. "**И около сорока лет времени питал их в пустыне**" (ст. 18). Потом говорит о поселении их. "**И, истребив семь народов в земле Ханаанской, разделил им в наследие землю их**" (ст. 19). Затем (прошло) много времени, – четыреста пятьдесят лет. "**И после сего, около четырехсот пятидесяти лет, давал им судей до пророка Самуила**" (ст. 20). Здесь он показал, что (Бог) различным образом промышлял о них. "**Потом просили они царя**" (ст. 21). Не говорит о неблагодарности их, но везде о человеколюбии Божием. "**И Бог дал им Саула, сына Кисова, мужа из колена Вениаминова. Так прошло лет сорок. Отринув его, поставил им царем Давида, о котором и сказал, свидетельствуя: нашел Я мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иессеева, который исполнит все хотения Мои**" (ст. 21, 22). Не маловажно то, что Христос происходит от Давида. Потом приводит и

свидетельство Иоанна в следующих словах: "**из его-то потомства Бог по обетованию воздвиг Израилю Спасителя Иисуса. Перед самым явлением Его Иоанн проповедывал крещение покаяния всему народу Израильскому. При окончании же поприща своего, Иоанн говорил: за кого почитаете вы меня? я не тот; но вот, идет за мною, у Которого я недостоин развязать обувь на ногах**" (ст. 23-25). Иоанн свидетельствует не просто, но, отстраняя от себя честь, хотя ее все воздавали ему. А не одно и тоже – отказываться от чести, когда никто не предлагает, или – когда многие воздают ее, и притом не просто, но с таким уничижением. "**Мужи братия, дети рода Авраамова, и боящиеся Бога между вами! вам послано слово спасения сего. Ибо жители Иерусалима и начальники их, не узнав Его и осудив, исполнили слова пророческие, читаемые каждую субботу, и, не найдя в Нем никакой вины, достойной смерти, просили Пилата убить Его**" (ст. 26-28). Везде (апостолы) стараются показать, что это служит к собственному благу их (иудеев), чтобы они, слушая о том, как бы о чуждом, не удалялись по той причине, что они же распяли Его. "**Его**", говорит, "**не узнав**"; итак, это был грех неведения. Смотри, как он слегка оправдывает их; и не только это (говорит), но прибавляет еще, что так и надлежало быть. А чтобы кто-нибудь не сказал: откуда известно, что (Христос) воскрес? – он говорит: "**ныне суть свидетели Его**" (ст. 31). Потом опять приводит свидетельства из Писаний: "**Когда же исполнили всё написанное о Нем, то, сняв с древа, положили Его во гроб. Но Бог воскресил Его из мертвых. Он в продолжение многих дней являлся тем, которые вышли с Ним из Галилеи в Иерусалим и которые ныне суть свидетели Его перед народом. И мы благовествуем вам, что обетование, данное отцам, Бог исполнил нам, детям их, воскресив Иисуса, как и во втором псалме написано: Ты Сын Мой: Я ныне родил Тебя. А что воскресил Его из мертвых, так что Он уже не обратится в тление, о сем сказал так: Я дам вам милости, обещанные Давиду, верно. Посему и в другом месте говорит: не дашь Святому Твоему увидеть тление. Давид, в свое время послужив изволению Божию, почил и приложился к отцам своим, и увидел тление; а Тот, Которого Бог воскресил, не увидел тления**" (ст. 29-37). Смотри, с какою силою говорит он; этого Петр никогда не говорил. "**Итак, да будет известно вам, мужи братия, что ради Него возвещается вам прощение грехов; и во всем, в чем вы не могли оправдаться законом Моисеевым, оправдывается Им всякий верующий**" (ст. 38, 39). Потом (присовокупляет) и грозные слова: "**берегитесь же, чтобы не пришло на вас сказанное у пророков: смотрите, презрители, подивитесь и исчезните; ибо Я делаю дело во дни ваши, дело, которому не поверили бы вы, если бы кто рассказывал вам**" (ст. 40, 41).

2. Смотри, как он сплетает речь из настоящих событий, и пророков, и обетованного семени. Но обратимся к вышесказанному. "**Мужи братия, дети рода Авраамова**". Называет их по праотцу. "**Вам послано слово спасения сего**". Здесь словом: "**вам**" он не выражает, что это одни только иудеи, но дает им возможность отделить себя от совершивших убийство, как это видно из следующего. "**Ибо жители**", говорит, "**Иерусалима, не узнав Его, и осудив, исполнили слова пророческие, читаемые каждую субботу**". Великая вина, если они, постоянно слушая, не внимали. И это нисколько не удивительно: сказанное о Египте и пустыне достаточно показывает неблагодарность их. Но как они не уразумели, скажешь, когда Иоанн говорит им? Что удивительного, когда (они не слушали) и пророков, часто говоривших им? Потом и другая вина: "**и, не найдя в Нем никакой вины, достойной смерти**". Это уже не было делом неведения, – положим, что они не почитали Его за Христа, но почему притом убили Его? "**Просили**", говорит, "**Пилата убить Его. Когда же исполнили всё написанное о Нем, то, сняв с древа, положили Его во гроб**". Смотри, как тщательно они делали это. Говорит об образе смерти Его и упоминает о Пилате, как для того, чтобы страдание Его было очевиднее из (производившегося над Ним) суда, так и для того, чтобы сильнее

обличить их, предавших Его иноплеменнику. И не сказал: обвиняли Его, но: "**и, не найдя в Нем никакой вины, достойной смерти, просили Пилата убить Его**", чтобы показать, что он сделал это в угодность им, и в противность собственному желанию, – что яснее выражает Петр: "**отреклись перед лицом Пилата**" (Деян.3:13). Павел весьма любил их; и, однако, смотри, не останавливается на неблагодарности отцов их, но возбуждает страх в них самих. Стефан по справедливости делает это, когда готовится умереть, и притом не предлагая учения показывает, что закон уже прекращается; а он еще не (говорит этого), но только высказывает угрозы и возбуждает страх. "**Но Бог воскресил Его из мертвых. Он в продолжение многих дней являлся тем, которые вышли с Ним из Галилеи в Иерусалим**". Смотри, как он, движимый самим Духом, непрестанно проповедует о страдании и погребении (Христовом). "**И мы благовествуем вам**", говорит, "**что обетование, данное отцам**", т.е. отцы получили обетование, а вы – самое дело. Приведши в свидетели Иоанна, и сказав: "**из его-то потомства Бог по обетованию воздвиг Израилю Спасителя. Перед самым явлением Его Иоанн проповедывал крещение покаяния всему народу Израильскому**", он потом опять приводит слова его: "**за кого почитаете вы меня? я не тот**". Затем приводит и апостолов в свидетели воскресения и говорит: "**и которые ныне суть свидетели Его перед народом**". Далее – Давида, свидетельствующего о том же самом в следующих словах: "**не дашь Святому Твоему увидеть тление**" (Пс.15:10). В виду того, что ни древние (свидетельства) сами по себе не были бы столь сильными, ни эти (новые) без тех, он и подтверждает свою речь теми и другими. И так как они были одержимы страхом, как убившие Его, и совесть осуждала их, то (апостолы) говорят им, не как христоубийцам, и преподают им (учение), не как чуждое благо, но как их собственное. Для них (иудеев) было весьма вожделенно имя Давида, потому (Павел) и приводит его, чтобы они, по крайней мере, таким образом признали Его (Христа); он как бы так говорил: Сын его будет царствовать над вами; потому не отвергайте власти Его. Что значит: "**дам вам милости, обещанные Давиду, верно**"? Т.е. твердыня, никогда не погибающая. Не останавливается и на этом, – потому что речь уже была доказана, – но угрожает наказанием, переходит к вожделенному для них, показывая, что закон прекращается, и распространяется о полезном, о том, что великие блага ожидают послушных и великие бедствия постигнут непокорных. Потом опять говорит о Давиде, и притом с похвалою. "**Давид**", говорит, "**в свое время послужив изволению Божию, почил и приложился к отцам своим**"; подобно как Петр, упоминая о нем, говорит: "**да будет позволено с дерзновением сказать вам о праотце Давиде**" (Деян.2:29). Не говорит, что он умер, но: "**приложился к отцам своим**", что было благоприличнее. И смотри: он нигде не касается добрых дел их, но тех, которые достойны осуждения. Именно, то самое, чего они просили (убить Христа) и получили, служит к величайшему их осуждению. Потом исчисляет благодеяния Божии. Избрал, возвысил, питал – эти похвалы относятся не к ним, но к Богу. Восхваляет только Давида, потому что от него – Христос. Явлением, о котором он говорит в словах: перед самым явлением Его, Иоанн (Креститель) называет воплощение Христово, явление Его во плоти. Подобным образом и Иоанн евангелист часто указывает на него, – потому что имя его было славно по всей вселенной. И смотри: (писатель) не говорит о том от себя, но приводит самое свидетельство его.

3. Видишь ли, как тщательно он показал настоящее дело домостроительства? Но послушаем, что внушали апостолы, говоря, что (Христос) был распят. Что невероятнее того, что Он погребен теми, которым обещал спасение, что будучи погребен Он отпускает грехи, и притом более закона? Потому (Павел) и не сказал: в чем вы не хотели, но: "**и во всем, в чем вы не могли оправдаться законом Моисеевым, оправдывается Им всякий верующий**", показывая тем бессилие закона. Прекрасно он прибавил: "**всякий**", чтобы показать, что (оправдывается) всякий, кто только верует. Во всем том не было бы никакой пользы, если бы не было какого-либо благодеяния. Потому он и говорит наконец

о "**прощении**" (грехов), выводя из предыдущего важнейшее и показывая, что чего не в состоянии был сделать закон, то совершившим своею смертью является Пострадавший. Итак, он хорошо сказал: "**свидетели Его перед народом**", т.е. к убившим Его; но они не были бы свидетелями, если бы не были укрепляемы божественною силою, не свидетельствовали бы этого пред людьми, готовыми на убийство пред самими убийцами. Слова: "**Я ныне родил Тебя**" он привел, имея в виду то, что за ними следует (Пс.2:7). Но почему он не присовокупил свидетельства, из которого они должны были убедиться, что отпущение (грехов) совершается чрез Христа? Потому что он хотел наперед доказать, что (Христос) воскрес; а как скоро это будет принято, то отсюда уже становится несомненным и то, что отпущение грехов совершается чрез Него. С другой стороны он хотел возбудить в них желание этого великого (блага). Таким образом смерть Его была не лишением, но исполнением пророчеств. Об исторических событиях он упоминает потому, что, не разумея их, (иудеи) потерпели множество зол. На это он и указывает в заключение, когда говорит: "**берегитесь**". И смотри, как смягчает строгость самого этого (увещания). "**Чтобы не пришло**", говорит, "**на вас сказанное**" другим: "**ибо Я делаю дело во дни ваши, дело, которому не поверили бы вы, если бы кто рассказывал вам**". Не удивляйтесь потому (только), что оно кажется невероятным, как о том сказано выше. Это и к нам можно было бы по справедливости сказать: "**берегитесь**", касательно тех, которые не веруют воскресению. Дела Церкви находятся в весьма худом состоянии, хотя вы и думаете, что она в мире. То тяжело, что, находясь среди множества зол, мы даже не знаем, что находимся во зле.

Что ты говоришь (скажете вы)? Мы содержим церкви, у нас имущество, все прочее, бывают собрания, ежедневно приходит народ, и – мы нерадивы? Но не это надобно ставить в похвалу Церкви. Что же, скажешь? То, если есть в ней благочестие, если мы уходим домой каждый день с пользою, собрав более или менее плодов, а, не исполняя только закон или показывая вид благочестия. Сделался ли кто лучше, бывая в собрании в продолжение целого месяца? Вот о чем надобно спросить. То самое, что кажется добрым делом, не есть дело доброе, если по совершении его ничего больше от него не происходит. И о, если бы ничего больше! Но ныне происходит еще худшее. Какую пользу получаете вы от собраний? Если бы была для вас какая-нибудь польза, то вам всем уже давно следовало бы вести жизнь любомудрую, после того как с вами беседуют дважды в неделю столько пророков, столько апостолов, евангелистов и все они предлагают спасительные догматы и с великою ревностью представляют вам убеждения к исправлению ваших нравов. Воин, приходя на место учения, становится искуснее в военном дел; атлет, приходя на ристалище, делается опытнее в борьбе; изучающий врачебное искусство, приходя к учителю, становится более сведущим, более узнает и большему научается; а ты какую приобрел пользу? Не говорю о тех, которые в продолжение одного года, но о тех, которые с юного возраста приходят в (церковные) собрания. Или то вы считаете благочестием, что часто бываете в собраниях? Это не значит ничего, если мы не получаем никакой пользы; если (здесь) не собираем никаких плодов, то лучше оставаться дома. Предки построили нам церкви, конечно, не для того, чтобы мы, собираясь из своих домов, показывали себя друг другу, – это можно было бы делать и на площади, и в банях, и на празднествах, – но чтобы собирались вместе ученики и учители, и первые делались лучшими при помощи последних. Наши (собрания) стали просто обычаем и видом благочестия, остальное дело – привычкой. Наступает пасха; (здесь) большой шум, большая сутолока, не скажу – толпа людей, так как это не свойственно людям. Прошел праздник; шум прекращается, но это безмолвие опять бесплодно. Сколько (бывает) всенощных бдений, сколько священных песнопений! А что из этого? Еще хуже: многие даже делают это из тщеславия. Как, думаете вы, я сокрушаюсь внутренно, когда вижу, что все это протекает, как бы сквозь дырявую бочку? Но вы, без сомнения, скажете мне: мы знаем Писания. А что из этого? Если бы вы

показывали это делами, то было бы приобретение, была бы польза. Церковь – это красильня; если вы всегда уходите, не получив никакой окраски, то какая польза от того, что вы часто сюда ходите? Только больший вред. Кто-нибудь (из вас) прибавил ли что-либо к обычаям, которые наследовал от предков? Например: кто-нибудь имеет обыкновение поминать мать, жену или сына; он делает это, – слышал ли о том от нас, или не слышал, – руководствуясь обычаем и совестью. Так на это ты негодуешь, скажут? Да не будет! Напротив, я весьма радуюсь этому; но желал бы, чтобы он получил какую-нибудь пользу и от нашей беседы и, что сделала привычка, то произошло бы и от нас, чтобы образовалась и другая привычка. Иначе для чего мне напрасно трудиться и пустословить, если вы намерены оставаться при одном и том же, если наши собрания не производят в вас ничего доброго?

4. Но, скажут, мы молимся. А что из того, если это бывает без дел? Послушай, что говорит Христос: "**не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного**" (Мф.7:21). Часто я решался замолчать, видя, что от моих слов в вас не происходит никакого преуспения; а может быть и происходит, только я по чрезмерности своих требований и желаний уподобляюсь тем, которые слишком пристрастны к деньгам. Как они, сколько ни собирают, всегда думают, что ничего не имеют, так и я, сильно желая вашего спасения, пока не увижу вашего преуспения, думаю, что ничего не сделал, потому что я весьма желаю, чтобы вы достигли самой высшей степени. Я желал бы, чтобы это было так, чтобы это происходило от моего недовольства, а не от вашего нерадения; но боюсь, что мой намек окажется верным. Ведь вы должны согласиться, что если бы была какая-нибудь польза в продолжение такого времени, то нам уже следовало бы прекратить свои беседы; и вам не нужны были бы наши слова, когда их сказано так довольно, что вы могли бы научить и других, если бы вы сколько-нибудь заботились о пользе отсутствующих. Но вы непрестанно имеете нужду в поучениях, и это показывает не что иное, как то, что вы не очень в хорошем состоянии.

Что же делать? Не обличать же только? Прошу и умоляю, старайтесь не о том только, чтобы приходить в церковь, но чтобы уходить и домой, получив какое-нибудь врачество против своих страстей, чтобы если не от нас, то от Писаний заимствовать соответственные врачества. Например, предается ли кто гневу? Пусть внимает чтениям Писаний, и непременно найдет (врачество) или в повествованиях, или в поучениях; в поучениях, когда говорится: "**движение гнева есть падение для человека**" (Сир.1:22), и: "**муж гневливый не благовиден**" (Притч.11:25), и тому подобное; и еще: "**человек злоязычный не исправится**" (Пс.139: 12). Также Христос (говорит): "**гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду**" (Мф.5:22), и пророк: "**гневаясь, не согрешайте**" (Пс.4: 5), и еще: "**проклят гнев их, ибо жесток**" (Быт.49:7). В повествованиях, какие например слышишь о фараоне, исполнившемся великого гнева (Исх.14:5), и о (царе) ассирийском (4Цар.19:35), которые потому и погибли. Одержим ли кто сребролюбием? Пусть послушает, что нет ничего беззаконнее лихоимца, что и самую душу свою он отдает за имущество (Сир.14:1-10); и Христос говорит: "**не можете служить Богу и маммоне**" (Мф.6:24), и апостол: "**корень всех зол есть сребролюбие**" (1Тим.6:10), и пророк: "**если богатство притекает, не прилагайте (к нему) сердца**" (Пс.61:11), и много тому подобного. В повествованиях (слышишь) о Гиезие, Иуде, старейшинах книжников, и что "**дары ослепляют глаза мудрых**" (Втор.16:19). Гордится ли кто? Пусть послушает, что "**если над кощунниками Он посмевается, то смиренным дает благодать**" (Прит.3:34), и: "**начало гордости – удаление человека от Господа**" (Сир.10:14), и: "**мерзость пред Господом всякий надменный сердцем**" (Притч.16:5); а из повествований (знаешь) о диаволе и всех других. Вообще, – невозможно ведь перечислить всего, – пусть каждый избирает из божественных Писаний врачества для своих ран; если не все вдруг, то часть сегодня, часть завтра, и таким образом очистите все. И касательно покаяния, и

исповедания (грехов), и милостыни, и кротости, и целомудрия, и касательно всего найдешь (там) много примеров. "**Все, что писано было прежде, написано нам в наставление**", говорится (Рим.15:4). Если же в них все – для нашего наставления, то станем внимать им, как следует внимать. Для чего мы понапрасну обманываем себя самих? Боюсь, чтобы и о нас кто-нибудь не сказал: "**и проходили дни их в суете и лета их поспешно**" (Пс.77:33). Кто, слушая нас, отстал от зрелищ, кто отстал от любостяжания, кто стал усерднее к милостыне? Я желал бы узнать это, не из тщеславия, но чтобы сделаться ревностнее, видя прекрасный плод трудов своих. Ныне же, как я примусь за дело, видя, что дождь учения нисходил в таком количестве, а нивы наши остаются в том же состоянии и растения нисколько не делаются выше? Уже наступило время жатвы, (готова) веятельная лопата; боюсь, чтобы все не оказалось плевелами; боюсь, чтобы всем нам не быть ввержеными в печь (Мф.3:12). Прошло лето, пришла зима, а мы сидим, и юноши и старцы, одержимые своими страстями. Не говори мне: я не блудодействую. Какая польза, что ты не блудодействуешь, когда ты сребролюбив? Если воробей хотя не всем телом, а только за ногу будет удержан, то он погиб и остался в западне, и уже нисколько не помогут крылья, когда удержана нога: так и ты не пленен блудодеянием, но пленен сребролюбием, а все же пленен. Дело не в том, как ты пленен, но в том, что ты пленен. Не говори ты, юноша: я не сребролюбив; может быть, ты предаешься прелюбодеянию. И оттого опять, какая польза? Невозможно же, чтобы все страсти овладевали нами в одном возрасте; но они разделены, и это по человеколюбию Божию, чтобы, напав на нас вместе, они не сделались неодолимыми, и борьба с ними не была для нас слишком трудною. Какое неразумие – быть не в состоянии побеждать и раздельные страсти, но покоряться им во всякое время, и еще гордиться тем, что укрощается не нашим старанием, но самим возрастом! Не видите ли, какое старание, и упражнение, и труды прилагают возницы, употребляя и хлеб и все другое, чтобы не быть сброшенными с колесниц и влачимыми (по земле)? Видишь, сколько здесь искусства? Часто человек взрослый не может справиться с одним конем; а мальчик, с искусством взявши двух коней легко ведет и управляет ими. У индийцев, говорят, великий зверь и страшный – слон с великою покорностью повинуется пятнадцатилетнему отроку. Для чего я говорю все это? Для того, что если мы при старании укрощаем слонов и диких коней, то тем более (можем укрощать) наши страсти. Почему же мы так нерадивы во всю жизнь? Мы никогда не старались приобрести это искусство; никогда в свободное время, когда нет борьбы, не беседовали друг с другом о чем-нибудь полезном. Нас тогда можно видеть стоящими на колеснице, когда борьба началась, потому-то мы и бываем достойны осмеяния. Не говорил ли я часто: будем упражняться на домашних своих прежде искушения? Мы часто сердимся дома на детей; удержим здесь гнев, чтобы нам легко было обуздывать его пред друзьями. Если бы так мы упражнялись и во всем другом, то во время борьбы не подвергались бы осмеянию. Для других искусств и подвигов ныне есть и оружие, и упражнение, и старание; для добродетели же ничего. Земледелец не осмелится прикоснуться к винограду прежде, нежели хорошо научится земледелию; и кормчий не станет на корме, пока не сделается сведущим в этом деле; а мы, будучи совершенно неопытными, желаем получить первенство. Надлежало бы молчать, надлежало бы ни с кем не иметь общения ни делом, ни словом, пока не укротим зверя, находящегося в нас самих. Не свирепее ли всякого зверя нападают на нас гнев и вожделение? Не выходи на площадь с этими зверями, пока не наложишь хорошо узду на них, пока не укротишь их, пока не сделаешь ручными. Не видишь ли тех, которые водят укрощенных львов по площади, какую они получают прибыль и как им удивляются, что они в бессловесном животном произвели такую кротость? Но если бы внезапно этот зверь рассвирепел, то он разогнал бы всех, находящихся на площади, и сам водящий его подвергся бы опасности и сделался бы виновником погибели других. Так и ты наперед укроти льва, и потом води его с собою, не для того, чтобы собирать серебро, но чтобы получить прибыль, которой нет ничего равного. И действительно нет ничего равного кротости, которая приносит

великую пользу и тем, кто имеет ее, и тем на кого она действует. Будем же достигать ее, чтобы, совершив надлежащим образом путь добродетели, нам сподобиться вечных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 30

"При выходе их из Иудейской синагоги язычники просили их говорить о том же в следующую субботу" (Деян.13:42).

1. Видишь ли мудрость Павла? Он не только привел в удивление (слушавших его) тогда, но и возбудил в них желание – слушать его в другой раз, посеял некоторые семена, но не докончил и не заключил речи, чтобы привлечь и расположить их к себе и чтобы не утомить их сообщением душам их всего вдруг. Он сказал: "**ради Него возвещается вам прощение грехов**" (Деян.13:38); а каким образом, – не показал. После того (писатель) поставляет его на первом месте (ст. 43, 50). Видишь ли, какое (возбудилось в них) усердие? "**Последовали**", говорит, за ними (ст. 43). Почему он не крестил их тотчас же? Еще не пришло время. Надобно было убедить, чтобы они оставались твердыми. "**Когда же собрание было распущено, то многие Иудеи и чтители Бога, обращенные из язычников, последовали за Павлом и Варнавою, которые, беседуя с ними, убеждали их пребывать в благодати Божией. В следующую субботу почти весь город собрался слушать слово Божие. Но Иудеи, увидев народ, исполнились зависти и, противореча и злословя, сопротивлялись тому, что говорил Павел**" (ст. 43-45). Смотри, как злоба поражается, когда хочет поразить других. Противоречие тех (иудеев) послужило еще к большей славе этих (апостолов). А прежде те сами просили их (говорить). "**Противореча и злословя**". О, бесстыдство! В чем надобно было с ними согласиться, они тому противоречат. "**Тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали: вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам**" (ст. 46). Видишь ли, как по причине любопрения (иудеев) они простерли далее свою проповедь, и еще более обратились к язычникам, оправдав и сделав себя свободными от обвинений пред своими (единоплеменниками)? И не сказали: вы недостойны; но – "**сами себя делаете недостойными**", чтобы смягчить речь свою. "**Мы обращаемся к язычникам. Ибо так заповедал нам Господь: Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли**" (ст. 46-47). Чтобы язычники, слыша это, не опечалились, что в случае готовности иудеев они не получили бы этих благ, он приводит следующее пророчество: "**положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли**". "**Язычники, слыша**". Это и самих (апостолов) делало ревностнейшими, когда тем, чем должны были слушая пользоваться иудеи, пользовались язычники, иудеев же более огорчало. "**Язычники, слыша это**", говорит (писатель), "**радовались и прославляли слово Господне, и уверовали все, которые были предуставлены к вечной жизни**", т. е. были предъизбраны Богом (ст. 48). Смотри, как скоро, по сказанию его, это принесло пользу: "**и слово Господне распространялось по всей стране**" (ст. 49), т.е. распространялось; как бы так сказал: они не ограничились одною ревностью, но присоединили и дела. Посмотри опять, как они, будучи гонимы, совершают другие великие дела по ревности; они стали действовать решительнее и обратились к язычникам; и послушай, как "**тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали: вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам**". Таким образом они намеревались идти к язычникам. Но, смотри, и в этой решимости соблюдалась мера, как и следовало. Если Петр оправдывался, то тем более для них нужно было оправдание, потому что их никто не приглашал туда. Словом: "**первым**" он выразил,

что и тем надлежало (проповедовать); а словом: "**надлежало**" показал, что и им необходимо было. "**Но как вы отвергаете его**", – не сказал: горе вам, или: вы будете наказаны, – но: "**мы обращаемся к язычникам**". Видишь ли, какой великой кротости исполнена эта решимость? "**Но Иудеи, подстрекнув набожных и почетных женщин и первых в городе людей, воздвигли гонение на Павла и Варнаву и изгнали их из своих пределов**" (ст. 50). Видишь ли, что сделали противившиеся проповеди, до какого бесстыдства довели их (женщин)? "**Они же, отрясши на них прах от ног своих, пошли в Иконию**" (ст. 51). Здесь они, наконец, исполнили ту грозную заповедь, которую дал Христос: "**если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших**" (Мф.10:14). Впрочем, они сделали это не вдруг, но когда уже были изгнаны ими. Но и это не повредило ученикам; напротив, они еще более утвердились в слове (Божием), что (писатель) и показывает, присовокупляя: "**а ученики исполнялись радости и Духа Святаго**" (ст. 52). Страдания учителя не останавливают усердия ученика, но делают его еще ревностнейшим. "**В Иконии они вошли вместе в Иудейскую синагогу и говорили так, что уверовало великое множество Иудеев и Еллинов**" (Деян.14:1). Опять входят в синагоги. Смотри, как они не сделались боязливее, после того, как сказали: "**мы обращаемся к язычникам**". Уже тем, что здесь было великое множество (уверовавших), лишают их оправдания. "**Уверовало**" говорит (писатель), "**великое множество Иудеев и Еллинов**". Вероятно, они проповедовали и эллинам. "**А неверующие Иудеи возбудили и раздражили против братьев сердца язычников**" (ст. 2). Возбудили вместе и язычников, как будто недовольно было их одних. Почему же (апостолы) не вышли оттуда? Потому что их не изгоняли, а только притесняли. "**Впрочем они пробыли здесь довольно времени, смело действуя о Господе, Который, во свидетельство слову благодати Своей, творил руками их знамения и чудеса**" (ст. 3). Это придавало им дерзновения, или лучше, их усердие придавало им дерзновения. Потому-то они долгое время нигде не совершали знамений. Самое то, что слушающие веровали, было из числа знамений. Этому содействовало и их дерзновение. "**Между тем народ в городе разделился: и одни были на стороне Иудеев, а другие на стороне Апостолов**" (ст. 4). Не мало служит к осуждению тех и это самое разделение. Здесь происходило то, что сказал Христос: "**не мир пришел Я принести, но меч**" (Мф.10:34). "**Когда же язычники и Иудеи со своими начальниками устремились на них, чтобы посрамить и побить их камнями, они, узнав о сем, удалились в Ликаонские города Листру и Дервию и в окрестности их, и там благовествовали**" (ст. 5-7).

2. Опять, как бы нарочито желая распространить проповедь, когда она получила успех, тогда и изгоняют их (апостолов). Смотри: везде гонения производят великие блага, и гонители остаются побежденными, а гонимые являются славными. Придя в Листру, (Павел) совершает великое чудо, воздвигает хромого и притом громким голосом; а как, послушай. "**В Листре некоторый муж**", говорит (писатель), "**не владевший ногами, сидел, будучи хром от чрева матери своей, и никогда не ходил. Он слушал говорившего Павла, который, взглянув на него и увидев, что он имеет веру для получения исцеления, сказал громким голосом: тебе говорю во имя Господа Иисуса Христа: стань на ноги твои прямо. И он тотчас вскочил и стал ходить**" (ст. 8-10). Для чего громким голосом? Для того, чтобы народ уверовал. И смотри, с каким усердием он внимал словам Павла; это, именно, означается словом: "**слушал**". Видишь ли его любомудрие? Хромота нисколько не препятствовала его усердию – слушать. "**Взглянув на него и увидев, что он имеет веру для получения исцеления**". Он уже обратился внутренне; между тем с другими происходило противное. Наперед исцелялись тела их, а потом уже врачевались их души; этот же не так. Мне кажется, что Павел проникал в самую душу его. "**Вскочил**", говорит, "**и стал ходить**". Знаком совершенного исцеления

было то, что он вскочил. "**Народ же, увидев, что сделал Павел, возвысил свой голос, говоря по-ликаонски: боги в образе человеческом сошли к нам. И называли Варнаву**

Зевсом, а Павла Ермием, потому что он начальствовал в слове. Жрец же идола Зевса, находившегося перед их городом, приведя к воротам волов и принеся венки, хотел вместе с народом совершить жертвоприношение" (ст. 11-13). Но этого доселе нельзя было знать, потому что они говорили на собственном наречии: "**боги в образе человеческом сошли к нам**". Потому (апостолы) ничего не говорили им; но когда увидели венцы, то бросившись разодрали одежды свои. "**Но Апостолы Варнава и Павел, услышав о сем, разодрали свои одежды и, бросившись в народ, громогласно говорили: мужи! что вы это делаете? И мы – подобные вам человеки**" (ст. 14, 15). Смотри, как они всегда чуждались славы, и не только не искали ее, но отклоняли и тогда, когда им предлагали ее. Так и Петр говорил: "**что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?**" (Деян.3:12) Также и они говорят. Иосиф говорил о сновидениях: "**не от Бога ли истолкования?**" (Быт.40:8) Подобным образом и Даниил: "**мне тайна сия открыта не потому, чтобы я был мудрее всех живущих**" (Дан.2:30). И Павел всегда тоже говорил, как например: "**кто способен к сему?**" (2Кор.2:16); и еще: "**не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя, но способность наша от Бога**" (2Кор.3:5). Но обратимся к вышесказанному. Народ не просто следовал за апостолами, но как? – просил, чтобы они опять проповедали о том же, и усердие свое показывал на деле. И они, смотри, постоянно вразумляли, а не просто принимали и не льстили. Потому (писатель) и сказал: "**беседуя с ними, убеждали их пребывать в благодати Божией**". А почему (иудеи) прежде не противоречили? Потому что проповедники дотоле молчали. Видишь ли, как они всегда руководились страстью? И не только противоречили, но еще злословили: так злоба никогда не знает пределов! Но посмотри и на решимость (апостолов). "**Вам**", говорится, "**первым надлежало быть проповедану слову Божию,**

но как вы отвергаете его". Ничего оскорбительного (не сказано). Также поступали (иудеи) и с пророками: "**не согласился послушаться**", говорили они, "**мы не слушаем от тебя**" (1Цар.8:19; Иер.44:16). "**Но как вы отвергаете его**", говорится, а не нас, – потому что не к нам относится ваше оскорбление. А чтобы кто не подумал, что они из благоговения "**сами себя делаете недостойными**", для того (Павел) сказал наперед: "**отвергаете его**", и потом: "**обращаемся к язычникам**". Эти слова исполнены великой кротости. Не сказал: мы оставляем вас, – чтобы показать, что можно было опять возвратиться сюда: и это (удаление) делается не вследствие вашего оскорбления, но так нам заповедано. Язычникам надлежит услышать (слово Божие), но то не от нас, а от вас зависит, что они должны будут (услышать) прежде вас. "**Ибо так заповедал нам Господь: Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение**", т.е. в познание спасения, и не просто "**язычникам**", но всем; это, именно, означают слова: "**были предуставлены к вечной жизни**". А это служит признаком, что они приняты по воле Божией. Сказал: "**предуставлены**", чтобы показать, что не по принуждению. "**Кого Он предузнал**", говорит, "**тем и предопределил**" (Рим.8:29). И не только в городе они проповедовали, но и во (всей) стране. Язычники, услышав о том, вскоре и сами стали приходить. "**Но Иудеи**", говорит (писатель), "**подстрекнув набожных женщин, воздвигли гонение**". Смотри: они же были виновниками и сделанного женами. "**И изгнали их**", говорит, "**из своих пределов**", не только из города, но и из всей страны. Потом говорит еще более страшное: "**а ученики исполнялись радости и Духа Святаго**". Учители были гонимы, а они радовались. Видишь ли свойство евангельской проповеди, какую великую она имеет силу? "**Возбудили и раздражили**", говорит, "**против братьев сердца язычников**", т.е. клеветали на апостолов, во многом обвиняли их, их – простосердечных представляли коварными.

3. И смотри, как всегда (писатель) все приписывает Богу. "**Впрочем они пробыли здесь довольно времени**", говорит, "**смело действуя о Господе, Который, во свидетельство слову благодати Своей**". Не подумай, что это служит к унижению их. Когда они проповедовали, – подобно как (о Христе апостол) говорит: "**засвидетельствовал пред Понтием Пилатом**" (1Тим.6:13), – то выражалось их дерзновение; здесь же он говорит по отношению к народу. Потом, увидев нападение, они не медлили: "**удалились в Ликаонские города Листру и Дервию и в окрестности их**", где уже не могла действовать ярость (иудеев), и ходили не только по городам, но и по окрестным странам. Посмотри на простоту язычников и на злобу иудеев. Те делами показали, что они были достойны слушать (апостолов); такую честь они оказывали им только за знамения. Те почитали их за богов, а эти изгоняли их, как людей вредных; те не только не препятствовали проповеди, но и говорили: "**боги в образе человеческом сошли к нам**". А иудеи соблазнялись. "**И называли**", говорит (писатель), "**Варнаву**" "**Варнаву Зевсом, а Павла Ермием**". Мне кажется, что Варнава имел и вид достопочтенный. Не малое было это искушение от излишнего усердия; но апостолы и здесь явили добродетель свою. И смотри, как всегда они все относят к Богу. Будем подражать им и мы; не будем считать ничего своим, так как и сама вера не есть наша собственность. А что она принадлежит не нам, но более Богу, послушай Павла, который говорит: "**и сие не от вас, Божий дар**" (Еф.2:8). Потому не будем высокомудрствовать и превозноситься мы – люди, земля и пепел, дым и тень. Скажи мне, в самом деле, чем ты превозносишься? Тем ли, что ты подал милостыню и раздал имущество? Но что из этого? Подумай, что было бы, если бы Бог не восхотел сделать тебя богатым; подумай о бедных, или лучше – вспомни, сколь многие пожертвовали притом и самим телом своим и многим другим, и пожертвовав считали себя ничего не сделавшими. Ты подал для себя, а Христос (предал Себя) для тебя; ты отдал должное, а Христос не был тебе должен. Вспомни о неизвестности будущего и не высокомудрствуй, но страшись; не унижай добродетели гордостью. Хочешь ли поистине сделать что-либо великое? Никогда не считай своих добрых дел великими. Но ты пребываешь девственником? И те были девами (Мф.25:3), но не получили никакой пользы от девства по своей жестокости и бесчеловечию.

Нет ничего равного смиренномудрию: оно – источник, корень, питатель, основание и союз всего доброго; без него мы жалки, скверны и нечисты. Представь, если хочешь, что кто-нибудь воскрешает мертвых, исцеляет хромых, очищает прокаженных, но с гордостью: ничего не может быть хуже, нечестивее и виновнее его. Не считай ничего своим. Обладаешь ли словом и даром учительства? Не думай, что ты чрез это имеешь что-нибудь больше других. Потому в особенности ты и должен смиряться, что удостоился больших даров. Кому больше "**прощается**", тот должен больше "**возлюбить**" (Лк.7:47). Потому тебе и должно смиряться, что Бог, минуя других, призрел тебя. Поэтому страшись, так как это часто служит и к твоей погибели, если не бываешь внимательным.

Чем ты превозносишься? Тем ли, что учишь посредством слов? Но любомудрствовать на словах легко; научи меня своею жизнью, – вот самый лучший способ учения. Ты говоришь, что надобно быть умеренным, ведешь об этом длинную речь и витийствуешь, разглагольствуя неудержимо. Но гораздо лучше тебя тот, – все скажут, – кто учит меня этому делами. Обыкновенно не столько внедряются в душу наставления словами, сколько делами: и если ты не имеешь дел, то разглагольствуя не только не приносишь пользы, но больше причиняешь вред; лучше бы молчать. Почему? Потому что предлагаешь мне дело невозможное. Если ты, который говоришь так много, – рассуждаю я, – не исполняешь этого, то тем больше я достоин извинения, который ничего не говорю. Потому-то и сказал пророк: "**грешнику же сказал Бог: зачем ты проповедуешь уставы Мои**" (Пс.49:16)? Гораздо больше вреда в том, когда кто, хорошо поучая словами, опровергает свое учение делами. Это стало виною множества зол в церквах. Потому простите, прошу вас, если

речь наша долее остановится на этой страсти. Многие делают многое для того, чтобы, ставши на средине говорить продолжительно; если они удостоятся рукоплесканий от народа, то бывает с ними тоже, как бы получили они царство; если же окончание их речи сопровождается молчанием, то это молчаливое уныние бывает для них мучительнее самой геенны. Это так низвратило церкви, что и вы ищете слышать слово не обличительное, но могущее услаждать вас и произношением и составом речи, как будто вы слушаете певцов и музыкантов, и мы холодным и жалким образом стараемся угождать вашим желаниям, которые следовало бы отвергать.

4. И бывает тоже, как если бы какой отец своему слишком нежному и притом больному сыну давал пирожное, прохладительное и все, что только услаждает, а полезного ничего не предлагал и потом на замечания врачей стал бы говорить в свое оправдание: "что же делать? Я не могу видеть плачущего сына". Несчастный, жалкий, предатель! – ведь я не назову такого отцом - не гораздо ли лучше было бы, причинив кратковременную скорбь возвратить ему совершенное здоровье, нежели временное услаждение сделать причиною всегдашней скорби? Тоже бывает и с нами, когда мы заботимся о красоте выражений, о составе и благозвучии речи, чтобы доставить удовольствие, а не принести пользу, чтобы возбудить удивление, а не научить, чтобы усладить, а не обличить, чтобы получить рукоплескания и отойти с похвалами, а не исправить нравы.

Поверьте мне, – не без причины говорю, – когда слова мои сопровождаются рукоплесканиями, в то время я чувствую нечто человеческое (почему не сказать правды?), радуюсь и услаждаюсь; но когда, возвратившись домой, подумаю, что рукоплескавшие не получили никакой пользы, а если чем и должны были воспользоваться, то потеряли от рукоплесканий и похвал, тогда скорблю, жалею и плачу, думаю, что все я говорил напрасно, и говорю сам себе: какая польза от моих трудов, когда слушатели не хотят получить никакой пользы от слов моих? Неоднократно я думал постановить правило, запрещающее рукоплескания и приглашающее вас слушать в молчании и с должной благопристойностью. Воздержитесь же, прошу вас, послушайте меня и, если угодно, постановим теперь же такое правило, что никому из слушателей не дозволяется рукоплескать в продолжение чьей-либо речи; если кто желает удивляться, то пусть удивляется в молчании; никто этому не препятствует; но все внимание и старание пусть обратится на то, чтобы усвоить сказанное. Но вот, для чего вы рукоплещете? Против этого-то я полагаю правило; а вы не имеете терпения выслушать. Оно будет виною многих благ и училищем любомудрия. Когда внешние (языческие) философы говорили, никогда никто не рукоплескал им; когда и апостолы проповедовали, никогда не случалось, чтобы среди речи их слушатели прерывали говорившего рукоплесканиями. Оно принесет нам великую пользу. Итак, постановим следующее: пусть все слушают в молчании, чтобы мы досказывали все. Ведь если мы после рукоплесканий отойдем, удерживая слышанное, то и тогда эта похвала совершенно бесполезна (но я впрочем не стану строго разбирать, чтобы кто не упрекнул меня в неучтивости); если же в этом нет никакой пользы, но еще вред, то удалим препятствие, прекратим восхищения, оставим душевные восторги. Христос проповедовал на горе; но никто ничего не говорил, пока Он не окончил речь (Мф.5:1;7:28). Я не лишаю возможности рукоплескать тех, которые хотят этого; но еще более поддерживаю их восторг. Гораздо лучше, выслушав в молчании и припоминая (сказанное), рукоплескать во всякое время, и дома и на площади, нежели, растеряв все, возвратиться домой ни с чем, не имея и предмета для рукоплесканий. Не будет ли достоин осмеяния слушатель, не сочтут ли его льстецом и насмешником, если он рассказывает, что учитель говорил хорошо, а что именно говорил, сказать не может? Это свойственно лести. Кто слушал музыкантов и певцов, тому было бы простительно, если бы он не мог передать слышанного подобно им; а здесь не музыка и не пение, но сила суждений и любомудрия, что легко всякому пересказать и передать: как же не признать достойным

осуждения того, кто не может объяснить, почему он хвалит говорившего? Церкви всего более прилично молчание, благочиние. Шум уместен на зрелищах, в банях, на торжествах и площадях; а где преподаются такие догматы, там должно быть спокойствие, тишина, любомудрие и совершенная пристань. Это знайте все, прошу и умоляю. Я изыскиваю все способы, которыми бы мог сделать полезное для ваших душ. Не маловажным мне кажется и этот способ; он может принести пользу не только вам, но и нам. Он не попустить чваниться и домогаться похвал и славы, говорить приятное, вместо полезного, ежеминутно заниматься составом и красотою выражений, вместо силы мыслей. Войди в мастерскую живописца, и найдешь там великую тишину. Так (пусть будет) и здесь. И здесь мы пишем изображения царские, а не простых людей, красками добродетели. Что это? Опять вы рукоплещете? Дело кажется не легким; но это не по свойству (его), а оттого, что вследствие сильной привычки вы еще не научились исполнять его. Кисть наша здесь – язык, а художник – Дух Святый. Скажи мне, при совершении таинств бывает ли шум, бывает ли смятение? Когда мы совершаем крещение или что-либо подобное, не тишина ли и безмолвие объемлет все? Это украшение рассеяно на небе. За то осуждают нас и эллины, что мы все делаем как бы на показ и из честолюбия. Но когда прекратится это, тогда погаснет и страсть – к передним местам. А кто любит похвалы, для того достаточно получить их после слушания, когда он станет собирать плоды. Да, прошу вас, постановим это правило, чтобы исполняя все, как благоугодно Богу, нам сподобиться Его человеколюбия, благодатию и щедротами Единородного Его, Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 31

"Но Апостолы Варнава и Павел, услышав о сем, разодрали свои одежды и, бросившись в народ, громогласно говорили: мужи! что вы это делаете? И мы – подобные вам человеки, и благовествуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных к Богу Живому, Который сотворил небо и землю, и море, и все, что в них" (Деян.14:14,15).

1. Смотри, с какою силою апостолы все делают. Они разорвали одежды, бросились, стали взывать громко, и все это – по расположению души, по отвращению к случившемуся и в знак своей скорби. И действительно прискорбно было, поистине неутешной было скорбью то, что их приняли за богов, как будто они вводили идолослужение, которое пришли разрушить. А подстроено это было диаволом. Они же не остаются безмолвными, но что? "**И мы**", говорят, "**подобные вам человеки**". Тотчас же остановили зло в самом начале. Не сказали просто: "**человеки**", но: подобные вам. Потом, чтобы не подумали, что и они почитают богов, послушай, что присовокупляют: "**благовествуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных к Богу Живому, Который сотворил небо и землю, и море, и все, что в них**". Смотри: они не упоминают о пророках, и не говорят, для чего (Бог), будучи Создателем всего, попустил язычникам жить по своим законам. "**Который в прошедших родах попустил всем народам ходить своими путями**" (ст. 16). О том, что (Бог) попустил, (Павел) говорит, а для чего попустил, еще не (говорит); останавливается пока на самом нужном, не упоминая и о имени Христа. "**Хотя и не переставал свидетельствовать о Себе благодеяниями, подавая нам с неба дожди и времена плодоносные и исполняя пищею и веселием сердца наши**" (ст. 17). Смотри: он не хочет увеличивать вины их, но научает их лучше относить все к Богу. (Апостолы) знали, что не столько должно заботиться о том, чтобы сказать что-либо достойное о Боге, сколько о том, чтобы сказать полезное слушателям. Заметь, как прикровенно он указывает и на вину их. Ведь если (Бог) столько делал для них, то они достойны наказания за то, что, наслаждаясь такими благами, не познали своего Питателя. Но он не говорит этого явственно, а только намекает, говоря: "**подавая нам с неба дожди**". Так и Давид говорил:

"**обогатились от плода пшеницы, вина и елея**" (Пс.4:8); и во многих других местах, когда рассуждает о творении, указывает на это. Иеремия также говорит сначала о творении, а потом о промышлении, являющемся (в ниспослании) дождей. Ими и он руководствуется в своей речи. "**Исполняя**", говорит, "**пищею и веселием сердца наши**". Пища (подается) в изобилии, а не только в довольстве и соответственно нужде. "**И, говоря сие, они едва убедили народ не приносить им жертвы**" (ст. 18). Поэтому они еще более достойны были удивления. Видишь ли, что они о том и заботились, чтобы остановить это безумие? "**Из Антиохии и Иконии пришли некоторые Иудеи и, когда Апостолы смело проповедывали, убедили народ отстать от них, говоря: они не говорят ничего истинного, а все лгут. И, возбудив народ, побили Павла камнями и вытащили за город, почитая его умершим**" (ст. 19). Подлинно сыны диавола! Не только в своих городах, но и вне их они поступают так и употребляют столько же усилий ко вреду проповеди, сколько апостолы к ее утверждению. "**И, возбудив народ**", говорит, "**побили Павла камнями и вытащили за город**". Здесь исполняется сказанное: "**довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**" (2Кор.12:9). Это больше, нежели воздвигнуть хромого. Язычники приняли их за богов, а иудеи "**убедили, и, возбудив народ**": не всем же было обычно удивление относительно их (апостолов). И смотри, в том же самом городе, в котором столько удивлялись им, они претерпевают страдания; и это было полезно для видевших. А что (Бог) для этого попустил им страдать, послушай, как (сам апостол) указывает на то, когда говорит: "**я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит**" (2Кор.12:6).

"**Когда же ученики собрались около него, он встал и пошел в город**" (ст. 20). Видишь ли его ревность? Видишь ли горячее и пламенное усердие? Он вошел опять в тот же самый город, и отсюда делается явным, что если он (потом) и удалился, то потому, что хотел сеять слово (в других местах) и что не нужно было раздражать ярость их. Это не менее чудес прославляло их и еще более радовало. Нигде не говорится, чтобы они возвратились, радуясь о том, что сотворили знамения, но – что удостоились принять бесчестие за имя Его. Этому научились они от Христа, Который сказал: "**не радуйтесь, что духи вам повинуются**" (Лк.10:20). Истинная и чистая радость – потерпеть что-либо за Христа. Потом они посетили все те города, в которых подвергались опасностям. "**А на другой день удалился с Варнавою в Дервию. Проповедав Евангелие сему городу и приобретя довольно учеников, они обратно проходили Листру, Иконию и Антиохию, утверждая души учеников, увещевая пребывать в вере и поучая, что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие**" (ст. 21, 22).

2. Так они говорили, так убеждали. "**Утверждая**", говорит (писатель), "**души учеников**". Таким образом они были утверждаемы и еще более присоединялись. Предсказывали им (страдания), чтобы те не соблазнились, так как следовало одному и тому же быть не только с апостолами, но и с учениками, чтобы они тотчас же с самого начала познали и силу проповеди, и то, что и им надлежит страдать, и чтобы стояли мужественно, не удивляясь только знамениям, но еще более (укрепляясь) против искушений. Потому и сам он сказал: "**таким же подвигом, какой вы видели во мне и ныне слышите**" (Флп.1: 30). Гонения следовали за гонениями, повсюду были брани, преследования, побивание камнями: каково утешение? Как они убеждали, в самом начале беседуя о страданиях? Но вот и другое утешение. "**Рукоположив же им пресвитеров к каждой церкви, они помолились с постом и предали их Господу, в Которого уверовали**" (ст. 23). Видишь ли ревность Павла? "**Помолились**", говорит, "**с постом и предали их Господу**". Вот рукоположение с постом; опять пост, очищение душ наших. "**Потом, пройдя через Писидию, пришли в Памфилию, и, проповедав слово Господне в Пергии, сошли в Атталию**" (ст. 24, 25). Чтобы ученики не пали духом оттого, что принятые за богов

претерпевают такие страдания, – они пришли к ним и беседовали. И заметь: наперед отходят в Дервию, чтобы дать им успокоиться от ярости; а потом опять в Листру, Иконию и Антиохию, уступая им, когда они были раздражены, и опять обращаясь к ним, когда они успокоились. Видишь ли, как они не все совершали благодатию, но иное и собственным тщанием? "**А оттуда отплыли в Антиохию, откуда были преданы благодати Божией на дело, которое и исполнили**" (ст. 26). Для чего приходят опять в Антиохию? Чтобы возвестить о случившемся там. Кроме того, чрез это устрояется и великое дело: надлежало наконец открыто проповедовать язычникам; потому они и приходят возвестить, чтобы те могли знать об этом, – а случилось, что тогда же пришли и возбранявшие беседовать с язычниками, – и чтобы они, получив потом подтверждение из Иерусалима, шли (к язычникам) открыто. Или иначе: из этого обнаруживается их не надменный нрав. Пришедши, они показывают и свое дерзновение, так как они и без тех (апостолов) возвещали язычникам, и послушание, так как извещают их об этом: совершив такие дела, они не возгордились. "**Откуда были преданы**", говорит (писатель), "**благодати Божией**". Дух повелел тогда; но известно, что принадлежащее Духу принадлежит и Сыну, потому что одна у Них власть, как одна природа Сына и Духа. "**Прибыв туда и собрав церковь, они рассказали всё, что сотворил Бог с ними и как Он отверз дверь веры язычникам. И пребывали там немалое время с учениками**" (ст. 27, 28). И следовало, потому что город был большой и имел нужду в учителях. Но обратимся к вышесказанному. Они поразили их самым видом своим, разодравши одежды. Тоже сделал и Иисус Навин после поражения народа (израильского – Нав.7:6). Не подумай, что это недостойно их и их благоповедения: иначе они не остановили бы такого порыва, иначе не угасили бы этого пламени. Так и мы да не оставляем делать то, что бывает нужно. Если и таким образом они едва убедили их, то чего не было бы, если бы они не поступили так? Если бы они не сделали этого, то можно было бы подумать, что они не смиренномудры и более заботятся о собственной чести. И обрати внимание на речь, умеренную в упреке, исполненную вместе удивления и упрека. Это-то особенно и остановило тех, т.е. слово: "**и мы – подобные вам человеки, и благовествуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных к Богу Живому**". Как бы так сказали: хотя мы – люди, но больше этих (богов), потому что они мертвы. Смотри, как они не только останавливают, но и научают, и ничего не говорят о предметах невидимых. "**Который сотворил**", говорит, "**небо и землю, и море, и все, что в них**". Свидетелями называет сами времена. О, неистовство иудеев! Они осмелились придти к народу, столько почтившему апостолов, и побить камнями Павла. Извлекли его за город, может быть боясь народа. "**Они помолились**", говорит (писатель), "**с постом и предали их Господу**". Учили поститься среди искушений. Не говорили о том, что они сами сделали, но "**что сотворил Бог с ними**". Мне кажется, что они говорили об искушениях. Пришли сюда не напрасно и не с тем, чтобы успокоиться, но предусмотрительно будучи руководимы Духом, чтобы более утвердилась проповедь между язычниками. Но почему, скажешь, они не поставили пресвитеров в Кипре и в Самарии? Потому что последняя была недалеко от апостолов, а первый – от Антиохии, отчего слово (там) и поддерживалось; здесь же имели нужду в большем утешении, особенно верующие из язычников, которых надлежало много научать. Они пришли научать, потому что были истинно рукоположены Духом. И посмотри на ревность Павла. Он не спрашивает, должно ли проповедовать язычникам, но тотчас же проповедует; потому он и говорил о себе: "**не стал тогда же советоваться с плотью и кровью**" (Гал.1:16).

3. Подлинно, скорбь – великое благо и украшение великой и благородной души. Как многие уверовали после этого, и никто столько не прославился! Так и нам всегда нужна ревность, великая горячность души и готовность ее к смерти. Невозможно ведь получить царствие иначе, как чрез крест. Не будем же обольщать себя. Если во время войны невозможно спастись, предаваясь неге, заботясь об имуществе, занимаясь торговлею и

оставаясь в беспечности, то тем более во время этой брани. Или вы думаете, что эта брань не жесточе всех других? "**Наша брань**", говорит (апостол), "**не против крови и плоти**" (Еф.7:12). Обедаем ли мы, ходим ли, моемся ли, – враг всегда стоит подле нас. Он не знает времени отдыха, разве только во время сна; но часто и тогда нападает, влагая нечистые помыслы и возбуждая наши страсти сновидениями. А мы, считая маловажным то, из-за чего он нападает, не бодрствуем, не трезвимся, не взираем на множество враждебных нам сил, не думаем, что это самое и есть величайшее бедствие, но среди столь многих браней предаемся неге, как будто среди мира. Поверьте мне, и теперь можно терпеть страдания лютее тех, какие претерпел Павел. Тогда побивали его камнями, а теперь можно быть побиваему словами тяжелее камней. Что же надобно делать? То, что он делал. Он не возненавидел побивающих его, но после того, как извлекли его вон, опять вошел в город, чтобы благодетельствовать столько оскорбившим его. Если и ты перенес оскорбление от обидчика, поступившего с тобою несправедливо, то и ты как бы побиваем был камнями. Не говори: я не сделал ничего худого. А Павел что сделал такое, за что бы побивать его камнями? Он проповедовал о царствии, отклонял от заблуждения, приводил к Богу: это достойно венцов, достойно славы, достойно неисчислимых наград, а не камней, – и, однако, он потерпел противное. Но это и есть блистательная победа. "**И вытащили**", говорит (писатель). И тебя часто влекут. Но ты не гневайся, а проповедуй слово (Божие), посредством кротости. Оскорбил ли тебя кто? Молчи, благословляй, если можешь: таким образом и ты возвестишь слово (Божие), научишь кротости, внушишь смирение. Я знаю многих, которые не столько страдают от ран, сколько от оскорбления словами, потому что рана касается тела, а это – души. Но не будем огорчаться, или лучше, когда мы оскорблены, будем терпеть. Не видите ли, как борцы, будучи ранены в голову, потеряв зубы, спокойно переносят боли? Но здесь не нужно скрежетать, не нужно кусать зубами. Вспомни о твоем Владыке, и это воспоминание тотчас соделается для тебя врачеством; вспомни о Павле; рассуди, что ты, получая рану, остаешься победителем, а тот, нанося рану, побежденным, и этим уврачуешь все. Не увлекайся в (первую) минуту, и ты тотчас исправишь все; не поддавайся (первому) движению, и угасишь все. Великое утешение – потерпеть что-либо за Христа. Если ты не возвещаешь слова веры, то возвещаешь слово любомудрия. Но, скажешь, чем более (обидчик) видит кротости, тем более нападает. Неужели же ты огорчаешься тем, что он умножает для тебя награды? Но, скажут, он делается неукротимым. Это предлог твоего малодушия; напротив, тогда он делается неукротимым, когда ты мстишь. Если бы Бог знал, что вследствие немстительности оскорбители делаются неукротимыми, то не заповедал бы ее, а сказал бы: мсти за себя; но Он знает, что она приносит более пользы.

Не полагай законов, противных Богу; Ему повинуйся; ты не лучше Сотворившего нас. Он сказал: переноси оскорбления; а ты говоришь: я отомщу оскорбителю, чтобы он не сделался неукротимым. Так ты более (Бога) печешься о нем? Это – слова страсти, строптивости, гордости, противления заповедям Божиим. Если бы даже он потерпел от того вред, то не следует ли повиноваться? Когда Бог повелевает что-нибудь, мы не должны полагать законов, противных Ему. "**Кроткий ответ**", говорит (Премудрый), "**отвращает гнев**" (Притч.15:1). Вот, что делает (ответ) смиренный, а не противоречивый. Если это полезно для тебя, то полезно и для него; если же вредно для тебя, который думаешь исправить его, то тем более для него. "**Врач! исцели Самого Себя**" (Лк.4:23). Сказал ли он худо (о тебе)? Ты похвали (его). Поносил ли? Ты превозноси. Замышлял ли зло? Ты окажи благодеяние. Воздай ему противным, если точно печешься о его спасении, а не старайся удовлетворить своей страсти мщения. Но, скажешь, неоднократно испытав мое долготерпение, он сделался хуже. Это касается не тебя, а его. Хочешь ли узнать, что претерпел Бог? Жертвенники Его разрушили, пророков убили (Рим.11:3), а Он перенес все. Не мог ли Он ниспослать молнии свыше? Но после того, как посланных Им пророков убили, Он послал Сына. Когда они обнаруживали большое нечестие, тогда Он оказывал

благодеяния. Так и ты, когда видишь (гневливого) ожесточившимся, тогда тем более уступи, потому что самое ожесточение его имеет нужду в большем послаблении. Чем сильнее он оскорбляет, тем в большей кротости имеет нужду. Подобно тому как горячка, когда особенно усиливается, тогда требует спокойствия, так и ожесточившийся. Когда зверь слишком рассвирепеет, тогда мы все убегаем от него, – так и от гневного. Не подумай, что это честь для него: разве мы хотим почтить зверя или беснующихся, когда убегаем от них? Нисколько. Это – бесчестие и укоризна; или лучше, не бесчестие и укоризна, но снисхождение и человеколюбие. Не видишь ли, как мореплаватели, когда поднимается сильный ветер, спускают паруса, чтобы не потопить корабля? И всадник, когда кони понесут его, дает им волю и не удерживает, чтобы напрасно не истощить (своей) силы.

4. Так поступай и ты. Гнев – это огонь, это сильный пламень, требующий (горючего) вещества; не давай пищи огню, и скоро прекратишь зло. Гнев не имеет силы сам по себе, если кто-либо другой не будет поддерживать его. Ничто не может оправдать тебя. Тот одержим неистовством, и не знает, что делает; а если ты, взирая на него, впадаешь в тоже и не умудряешься его примером, то можешь ли получить прощение? Если бы кто, находясь на пиршестве, увидел другого в преддверии в пьяном и безобразном виде, а потом и сам впал в то же, не будет ли это непростительно тем более, что он упился после того? Так и здесь. Не будем думать, будто можно сказать в оправдание: не я начал; это служит к нашему же обвинению, что мы, видя его, не умудрились; это подобно тому, как если бы кто сказал: убил не я первый. Потому-то ты и достоин наказания, что, видя и пример, не удержал себя.

Если бы ты видел, как пьяный блюет, мучится, терзается, выпучивает глаза, наполняет стол нечистотою, и все убегают от него, а потом сам впал в то же, то не тем ли более ты был бы отвратителен? Таков и гневающийся. Он напрягает жилы более блюющего, распаляет глаза, терзается внутренностями, изрыгает слова гораздо сквернее той пищи, говорит все как бы непереваренное и ничего дельного, – потому что гнев препятствует, – и как там часто избыток мокрот, раздражая желудок, совершенно истощает его, так и здесь избыток жара, возмущая душу, не позволяет скрывать того, о чем лучше бы молчать, и гневающийся говорит все, что следует и чего не следует, посрамляя не слушающих, но самого себя. И как мы убегаем от блюющих, так и от гневающихся. Что мы делаем тогда? Посыплем пепел на их блевотину, тихонько подзовем псов, чтобы они съели изблеванное. Знаю, что вы слушаете с отвращением; но мне хочется, чтобы вы чувствовали то же, когда видите и то состояние, а не услаждались им. Гневливый нечистее пса, возвращающегося на свою блевотину (2Петр.2:22): если бы он, изблевав однажды, перестал, то не был бы подобен ему; если же опять изблевывает тоже, то очевидно, что он пожрал изблеванное. Но что сквернее этого? Что нечистее уст, пожирающих такую пищу? Притом первое есть дело природы, а последнее – нет; или лучше, и то и другое противно природе. Как? Так; гневаться всуе (Мф.5:22) несвойственно природе, но противно ей; потому он и не говорит ничего, как человек, но иное как зверь, иное как беснующийся. Как телесная болезнь противна природе, так и это. А то, что это противно природе, (видно из того), что, если он долго останется в таком состоянии, то мало-помалу погибнет; а оставаясь долго в том, что свойственно природе, не погибнет. Я желал бы лучше разделять трапезу с человеком, питающимся грязью, нежели с произносящим такие слова. Не видите ли, как свиньи пожирают кал? Так и эти. Что в самом деле срамнее слов, которые произносят гневливые? Они как бы стараются не сказать ничего здравого, ничего чистого, но что только есть постыдного, что только есть безобразного, то и стараются сказать и сделать; и что всего хуже, посрамляя более самих себя, думают, будто посрамляют других; а что они посрамляют самих себя, видно из вышесказанного. Не возражай мне, что они говорят ложь. Пусть например отъявленная

блудница, или кто другой из действующих на зрелищах ведет с кем-нибудь ссору; пусть этот скажет ему такие слова, а он этому точно также: кто из них будет более оскорблен такими словами? Тот слышит то, что в нем есть, а этот, чего в нем нет; таким образом в том ничего не прибыло к стыду его, а у этого многое прибавилось к стыду его. Но пусть действительно будут какие-либо дела, о которых знает один только гневливый, и пусть он, молчавши прежде, обнаружит их во время гнева; и в таком случае он более вредит самому себе. Каким образом? Соделываясь провозвестником зла, заслуживая славу бессовестного и неверного; он увидит, как все тотчас будут порицать его и везде говорить так: если бы он знал даже об убийстве, скажут, то и это все высказал бы. Все будут отвращаться от него, как от нечеловека, ненавидеть его, называть свирепым и диким зверем, и скорее простят тому, нежели ему. Мы не столько отвращаемся от тех, которые имеют раны сколько от тех, которые стараются обнажить и показать их. Так и он оскорбляет не того только, но и самого себя и слушающих и всю вообще природу человеческую; он поразил слушателя, но ничего доброго не сделал! Потому Павел и говорит: "**дабы мне дано было слово – устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования**" (Еф.6:19). Будем же иметь язык, изрекающий доброе, чтобы снискать любовь и благорасположенность. Но зло дошло до того, что многие хвалятся тем, чего надлежало бы стыдиться. Многие произносят такую угрозу: ты не устоишь, говорят, против языка моего. Такие слова свойственны женщине пьяной и беспорядочной, старухе непотребной, которую преследуют на торжище. Нет ничего постыднее этих слов; нет ничего недостойнее мужа, ничего женоподобнее, как в языке полагать свою силу и хвалиться злословием, подобно действующим на зрелищах, подобно шутам, тунеядцам и льстецам. Боле свиньи, нежели люди, – те, которые этим хвалятся. Тебе надлежало бы скрыть это от самого себя, и если бы кто другой сказал тебе об этом, надлежало бы бежать от слов его, как враждебных и недостойных мужа; а ты сам делаешься провозвестником укоризн. Но ты нисколько не повредишь слушающему от тебя злое. Потому, увещеваю, уразумев, как велико это зло, которым многие даже хвалятся, опомнимся, исправим преданных этому безумию, изгоним из города такие общества, благоустроим наш язык и воздержим его от всякого злословия, чтобы, очистившись от грехов, мы могли приобрести благоволение свыше и сподобиться человеколюбия Божия, благодатию и щедротами Единородного Его, с Которым Отцу, со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 32

"И пребывали там немалое время с учениками. Некоторые, пришедшие из Иудеи, учили братьев: если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись" (Деян.14:28; 15:1).

1. Смотри, как везде (иудеи) сами подают повод и вынуждают (апостолов) обращаться к язычникам. Прежде, будучи порицаем, (Павел) оправдывался и в свое оправдание сказал все, что делало слово его удобоприемлемым; а затем, когда иудеи отвратились, пошел к язычникам. Теперь опять, видя новое затруднение, он поставляет закон. Так как они (Павел и Варнава), как наученные Богом, говорили без различия всем, то это и возбудило ревность в тех из иудеев, которые учили не только обрезанию, но и тому, что (без него) "**не можете спастись**". Благовременно было сказать напротив: "**если обрежетесь, не можете спастись**". Видишь ли беспрестанные искушения извнутри и извне? Хорошо, что это происходит в присутствии Павла, который мог сделать возражение. Но Павел не сказал: что же? Неужели я не заслуживаю доверия после таких знамений? — а поступил кротко для них же. И смотри: все после этого узнают о случившемся с язычниками, даже и самаряне, и радуются. "**Когда же произошло разногласие и немалое состязание у Павла и Варнавы с ними, то положили Павлу и Варнаве и некоторым другим из них отправиться по сему делу к Апостолам и пресвитерам в Иерусалим. Итак, быв**

провожены церковью, они проходили Финикию и Самарию, рассказывая об обращении язычников, и производили радость великую во всех братиях. По прибытии же в Иерусалим они были приняты церковью, Апостолами и пресвитерами, и возвестили всё, что Бог сотворил с ними и как отверз дверь веры язычникам" (ст. 2-4). Смотри, как это благоустрояется. "**Тогда восстали некоторые из фарисейской ереси уверовавшие и говорили, что должно обрезывать язычников и заповедывать соблюдать закон Моисеев. Апостолы и пресвитеры собрались для рассмотрения сего дела. По долгом рассуждении Петр, встав, сказал им: мужи братия! вы знаете, что Бог от дней первых избрал из нас меня, чтобы из уст моих язычники услышали слово Евангелия и уверовали**" (ст. 5-7). Смотри, как Петр доселе сообщается с иудеями, будучи давно уже отделен от этого (общения). "**Вы знаете**", говорит. Вероятно, здесь были и обвинявшие его прежде за Корнилия, и входившие вместе с ним (в дом Корнилия — Деян.11:12); потому он приводит их в свидетели. "**Бог от дней первых из нас избрал**". Что значить: "**из нас**"? Т.е., говорит, в Палестине, или — в присутствии вашем. "**Из уст моих**". Смотри, как он показывает, что Бог говорит чрез него, а не что-либо человеческое. "**И Сердцеведец Бог дал им свидетельство**". Указывает им на свидетельство Духа. "**Даровав им Духа Святаго, как и нам**" (ст. 8). Смотри, как везде он равняет язычников (с иудеями). "**И не положил никакого различия между нами и ими, верою очистив сердца их**" (ст. 9). По вере одной, говорит, они получили тоже самое. Это служит к стыду иудеев, или лучше, может и их научить, что нужна одна вера, а не дела (закона) и не обрезание. Говоря это, (апостолы) желают не оправдать только язычников, но научить и иудеев — оставить закон. Впрочем они еще не выражают этого. "**Что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы? Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они**" (ст. 10. 11). Что значит: "**искушаете Бога**"? Что не веруете, говорит, Богу? Что искушаете Его, как будто Он не может спасти верою? Следовательно, держаться закона есть (знак) неверия. Затем показывает, что они и сами не получают от того никакой пользы, но все слагает на закон, а не на них, и таким образом смягчает обличение. "**Которого**", говорит, "**не могли понести ни отцы наши, ни мы? Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они**". Какой силы исполнены эти слова! Он говорит тоже, о чем пространнее сказал Павел в послании к Римлянам: "**если Авраам оправдался делами**", говорит он, "**он имеет похвалу, но не пред Богом**" (Рим.4:2). Видишь ли, что это служит более к научению (иудеев), нежели к оправданию язычников? Если бы он говорил об этом без особенного повода, то может быть не выразил бы такого замечания; но получив тогда повод, он уже говорит безбоязненно. И смотри, как везде действия врагов обращаются в пользу апостолов. Если бы они не подали повода, то не было бы изречено ни это, ни то, что следует за этим. А отсюда они научаются, что хотя бы язычники и не захотели обратиться, и тогда не следует презирать их. Но обратимся к вышесказанному. В вас, говорит, "**избрал**", и "**от**

дней первых". Этими словами показывает, что (это было) давно, а не теперь. Не маловажно и то, что это относится к верующим иудеям. Двумя обстоятельствами подтверждается сказанное: временем и местом. Хорошо также сказано: "**избрал**", не сказал: благоволил как бы к ним, но: "**избрал**". Откуда это известно? От Духа, говорит. Потом показывает, что не о благодати только, но и о добродетели их свидетельствует то, что им дано нисколько не менее. "**По долгом рассуждении**", говорит, "**между нами и ими**". Следовательно везде должно исследовать сердца. Благовременно сказал: "**Сердцеведец Бог дал им свидетельство**", подобно как в том месте: "**Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи**" (Деян.1:24). А что это угодно (Богу), смотри, что присовокупляет: "**по долгом рассуждении между нами и ими**". Сказав о свидетельстве касательно них, потом изрекает великую истину, которую возвещает Павел: "**ни обрезание, ни необрезание**" (Гал.5:6), и еще: "**создать в Себе Самом**" (Еф.2: 15). Семена

всего этого заключаются в речи Петра. Не сказал: между обрезанными, но: "**между нами**", т.е. апостолами. Потом, чтобы не огорчить словом: "**никакого**", прибавляет: "**верою очистив сердца их**", и таким образом разрешает недоумение. Сначала он изъяснил предмет речи, а потом показывает, что не закон худ, но они сами слабы.

2. Смотри, как он устрашает в конце речи. Он ничего не говорит им из пророков, но (ссылается) на настоящие события, которых они сами были свидетелями. Вероятно, и они потом свидетельствуют и подтверждают речь его событиями. И заметь, (Петр) дает сначала произойти рассуждению в Церкви, и потом говорит. Так как он говорил не об обрезанных, а о язычниках (одно, постепенно подтверждаясь, делалось более доказательным, а другое было свойственно испытующему, можно ли спастись при законе), то смотри, что он делает: он показывает, что они сами в опасности, если закон не мог сделать того, что сделала вера; если же недостает веры, то неизбежно им угрожает погибель. Не сказал: вы не веруете, что было бы слишком тягостно, когда притом самое дело доказывало это. В Иерусалиме не было язычников, а в Антиохии они, конечно, были; потому (Павел и Варнава) и отправляются туда и пребывают там немалое время. Восстали же некоторые из фарисеев, еще страдавшие любоначалием и желавшие подчинить себе верующих из язычников. Павел также был научен в законе, но не страдал этим недугом; по прибытии же его (из Иерусалима) учение стало более точным, так как если находящиеся в Иерусалиме не заповедуют ничего такого, то тем более (не должны заповедовать) они. Видишь ли, как они не страдают любоначалием, радуются о вире? Таким образом рассказы их были не из честолюбия и не из тщеславия, но для оправдания проповеди к язычникам; потому они и не говорят ничего о случившемся с иудеями. Велико упорство фарисеев, после веры налагающих закон и не повинующихся апостолам! Но посмотри, как эти беседуют кротко и без самолюбия; такие беседы приятны и сильнее напечатлеваются. Видишь ли, как они никогда не заботятся о красноречии, но доказывают делами и Духом? И при таких доказательствах они беседуют кротко. И смотри: они не идут порицать бывших в Антиохии, но отсюда опять берут повод (к своим распоряжениям). Таким образом заботились о любоначалии те, которые были осуждены и без намерения апостолов. Впрочем, ничего такого они не произносили; но когда уже решили дело, тогда и написали с большею силою. Так кротость всегда есть великое благо; кротость, говорю, а не холодность; кротость, а не лесть, — потому что эти свойства весьма различны между собою.

Ничто не раздражало Павла, ничто — Петра. Если ты имеешь доказательства, то для чего гневаешься? Не для того ли, чтобы сделать и их недействительными? Никогда не может убедить гневающийся. Вчера мы рассуждали о гневе; ничто не препятствует говорить (о том же) и сегодня; частое повторение, может быть, и сделает что-нибудь. И лекарство, имеющее силу исцелить рану, если не будет прилагаемо часто, испортит все. Не подумайте же, будто от невнимания к вам мы часто говорим об одном и том же; если бы мы не обращали внимания, то и не говорили бы; но мы потому теперь говорим это, что надеемся принести вам великую пользу. О, если бы мы постоянно говорили об одном и том же! О, если бы у нас не было ни другого предмета разговоров, ни другой заботы, кроме того, как бы обуздать наши страсти! Не странно ли, — тогда как у царей, живущих в изобилии и такой чести, нет другого разговора ни за столом, ни в иное время, кроме того, как бы победить врагов, для чего они и делают каждый день совещания, собирают военачальников и воинов, требуют податей и в гражданских делах считают необходимыми иметь в виду эти два обстоятельства, как бы победить врагов и устроить в мире своих, мы не хотим даже во сне рассуждать о таких предметах? О том, как бы купить поле, как (приобрести) рабов и увеличить имущество, мы рассуждаем каждый день и не знаем сытости; а о наших, поистине наших делах не хотим ни сами говорить, ни других говорящих о том слушать. О чем же, скажи мне, желаешь ты беседовать? Об обеде? Но об

этом говорить свойственно поварам. О деньгах? Но это — (дело) купцов и торговцев. О строениях? Но это — архитекторов и домостроителей. О земле? Но это — земледельцев. Наше же дело не иное какое, а то, как бы стяжать богатство для души. Потому да не будет вам противно наше слово. Отчего никто не осуждает врача, постоянно рассуждающего о врачебном искусстве, ни других художников, рассуждающих о своих художествах? Если бы наши страсти были так укрощены, что не нужно было бы и напоминать о них, то справедливо могли бы нас упрекать в честолюбии и тщеславии. Впрочем и тогда не (могли бы). Если бы они и были укрощены, и тогда нужно было бы говорить, чтобы не впасть в них снова. И врачи беседуют не только с больными, но и с здоровыми; есть у них и книги такого содержания, чтобы одних исцелять от болезни, а другим сохранять здоровье. Так и нам, хотя бы мы и были здоровы, не следует уклоняться, но делать все, чтобы сохранить свое здоровье.

3. Если же мы больны, то для нас вдвойне нужны эти беседы: во-первых, чтобы исцелиться от болезни; во-вторых, чтобы исцелившись не впасть в нее снова. Итак, мы будем беседовать ныне по способу врачебному, а не по такому, какой приличен в здоровом состоянии. Каким же образом можно исторгнуть эту злую страсть? Как утолить эту сильную горячку? Посмотрим, откуда она произошла, и уничтожим причину. Откуда же она обыкновенно происходит? От надменности и великой гордости. Уничтожим эту причину, и вместе уничтожится болезнь. А что такое надменность? Откуда она происходит? Может быть, мы находимся в опасности найти еще другое начало. Таким образом, какую (причину) укажет нам слово, на ту и устремимся, чтобы исторгнуть зло в основании и с корнем. Откуда же надменность? От того, что мы не испытуем себя самих; о свойствах земли, хотя мы и не земледельцы, стараемся узнать, также о свойствах растений, о свойствах золота, хотя мы и не торговцы, об одеждах и обо всем, а относительно нас самих и нашей природы не стараемся этого делать. Но кто же, скажешь, не знает собственной природы? Многие, и может быть все, кроме немногих. Если угодно, отсюда я и начну обличение. Скажи мне: что такое человек? Если кого спросить: чем он отличается от бессловесных, как он сроден существам небесным, что может сделаться из человека, — мог ли бы он отвечать правильно? Не думаю. Как о какой-нибудь вещи, так и о человеке (можно сказать): человек есть существо; но он может сделаться и ангелом и зверем. Не странными ли кажутся вам эти слова? Но вы часто слышали их в Писаниях; там о некоторых людях говорится, что "**он вестник Господа Саваофа**"; "**и закона**", говорит, "**ищут от уст его**" (Мал.2:7); и еще: "**Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною**" (Мал.3:1); О некоторых же, что они - змеи, "**порождения ехиднины**" (Мф.12:34). Так, по собственному настроению, он может быть всем, и ангелом, и человеком. Что я говорю ангелом? И сыном Божиим: "**Я сказал**", говорит (Писание), "**вы - боги и все - сыны Вышнего**" (Пс.81:6). А еще важнее то, что он сам имеет власть делаться и богом, и ангелом, и сыном Божиим. Человек даже созидает ангела. Может быть вас изумляют эти слова? Но послушайте, что говорит Христос: "**в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы**" (Мф.22:30), и еще: "**кто может вместить, да вместит**" (Мф.19:12). Вообще ангелами делает добродетель, а добродетель в нашей власти; следовательно, мы можем созидать ангелов, если не по естеству, то по произволению. Без добродетели нет никакой пользы быть ангелом по естеству; это доказывает диавол, бывший таким прежде; а с нею нет никакого вреда быть человеком по естеству; это доказывают Иоанн, бывший человеком, и Илия, восшедший на небо, и все, имеющие отойти туда. Им и тело не воспрепятствовало обитать на небе; а те, будучи бес-телесными, не могли остаться на небе. Потому пусть никто не скорбит и не жалуется на свою природу, как бы она препятствовала, но на свое произволение. Тот лев сделался из бестелесного: се, говорит (апостол), "**противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить**" (1Петр.5:8); а мы (делаемся) ангелами из телесных. Подобно тому, как кто-либо, нашедши драгоценное вещество,

напр., жемчуг, или перл, или другое что подобное, и пренебрегши им, как не сведущий в таких вещах, понес бы великую потерю, так и мы, если не будем знать своей природы, то совершенно пренебрежем ею; если же познаем ее, то окажем великое попечение и получим величайшую пользу, потому что из нее бывает царская одежда, из нее — царское жилище, из нее — царские члены, (из нее) — все царское. Не будем же злоупотреблять ко вреду своему собственною природою. "**Ты умалил его малым чем пред Ангелами**" (Пс.8:6), т.е. смертью; но и это мы получили на малое время. Итак, ничто не препятствует нам приблизиться к ангелам, если мы захотим. Да будет же, да будет в нас это желание, чтобы нам, совершив свой подвиг, воссылать славу Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 33

"После же того, как они умолкли, начал речь Иаков и сказал: мужи братия! послушайте меня. Симон изъяснил, как Бог первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое. И с сим согласны слова пророков, как написано" (Деян.15:13-15).

1. (Иаков) был епископом иерусалимской Церкви, – потому он и говорит последний. Здесь исполняется сказанное: "**устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово**" (Мф.18:16). Посмотри и на благоразумие его: он подтверждает свое слово новыми (учителями) и древними пророками, так как он не мог указать на какое-либо событие, подобно Петру или Павлу. И хорошо устрояется, что это произошло чрез тех, которые не намеревались остаться в Иерусалиме, а этот (Иаков) поучающий их, не был подчинен им, хотя и не отделялся от их мнения. Что же он говорит? "**Мужи братия! послушайте меня. Симон изъяснил**". Некоторые говорят, что этот (Иаков) есть тот самый, о котором упоминает Лука (Лк.5:10); иные (разумеют) другого, соименного ему. Тот ли он или другой, нет нужды исследовать; а только следует принять, как необходимое, то, что сказано им. "**Мужи братия**", говорит он. Велико смирение этого мужа и совершенна эта речь; она полагает конец делу. "**Как Бог первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое. И с сим согласны слова пророков**". Хотя он издавна был известен, но как не был непререкаем, не будучи древним, то присовокупляет древнее пророчество и говорит: "**как написано: потом обращусь и воссоздам скинию Давидову падшую, и то, что в ней разрушено, воссоздам, и исправлю ее, чтобы взыскали Господа прочие человеки и все народы, между которыми возвестится имя Мое, говорит Господь, творящий все сие**" (ст. 15-17). Как? Разве Иерусалим не был возобновлен и после опять не был разрушен? Но не об этом он говорит здесь. О каком же, скажешь, он говорит возобновлении? О том, которое было после (плена) Вавилонского. "**Ведомы Богу от вечности все дела Его**" (ст. 18). Непререкаемы слова его; здесь (говорит) нет чего-либо нового, но все предъизображено от начала. Затем следует его мнение. "**Посему я полагаю не затруднять обращающихся к Богу из язычников, а написать им, чтобы они воздерживались от осквернения идолами, от блуда, удавленины и крови, и чтобы не делали другим того, чего не хотят себе. Ибо закон Моисеев от древних родов по всем городам имеет проповедующих его и читается в синагогах каждую субботу**" (ст. 19-21). Так как они еще не слыхали из закона (об этом предмете), то он прилично приводит изречение из закона, чтобы не показалось, что он нарушается. Но, смотри, он не допускает их выслушать это от закона, но от себя самого: "**Посему я полагаю**", т.е. выслушав от меня самого, не от закона. Потом постановляется общее решение. "**Тогда Апостолы и пресвитеры со всею церковью рассудили, избрав из среды себя мужей, послать их в Антиохию с Павлом и Варнавою, именно: Иуду, прозываемого Варсавою, и Силу, мужей, начальствующих между братиями**" (ст. 22). Смотри: они не просто постановляют это, но чтобы решение было достоверно и чтобы прибывшие с Павлом не подверглись подозрению, посылают тех от себя. И смотри, как

сильно они укоряют (противников) в своем послании: "**написав и вручив им следующее: "Апостолы и пресвитеры и братия – находящимся в Антиохии, Сирии и Киликии братиям из язычников: радоваться. Поелику мы услышали, что некоторые, вышедшие от нас, смутили вас своими речами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрезываться и соблюдать закон, чего мы им не поручали**" (ст. 23, 24). Обличение, достаточное для неразумия тех и достойное кротости апостолов, которые не сказали ничего более. "**То мы, собравшись, единодушно рассудили, избрав мужей, послать их к вам с возлюбленными нашими Варнавою и Павлом, человеками, предавшими души свои за имя Господа нашего Иисуса Христа**" (ст. 25. 26). Чтобы показать, что не самовластно, что это всеми "**единодушно**", что они пишут это с рассуждением, он сказал: "**избрав**" от нас "**мужей**". А чтобы не показалось порицанием Павла и Варнавы то, что посылают тех, смотри похвалу им: "**человеками**", говорит, "**предавшими души свои за имя Господа нашего Иисуса Христа. Итак мы послали Иуду и Силу, которые изъяснят вам то же и словесно**" (ст. 27, 28). Следовательно, это не человеческое (учение), если "**Святому Духу**" так "**угодно**". "**И нам не возлагать на вас никакого бремени**" (ст. 28). Опять закон называют бременем. Потом делают оговорку касательно следующего: "**более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите**" (ст. 29). Новый (закон) этого не предписывал: Христос нигде не говорит об этом; но они заимствуют это из закона. "**И удавленины**", говорит. Здесь запрещается убийство. "**Итак, отправленные пришли в Антиохию и, собрав людей, вручили письмо. Они же, прочитав, возрадовались о сем наставлении**" (ст. 30, 31). Потом, чтобы показать, что и те утешали их, (писатель) присовокупил: "**Иуда и Сила, будучи также пророками, обильным словом преподали наставление братиям и утвердили их. Пробыв там некоторое время, они с миром отпущены были братиями к Апостолам**" (ст. 32, 33).

2. Прекратились несогласия и распри, – потому, утвердив их, они и отошли с миром. С Павлом у них были состязания, но Павел и после того учит. Так, в Церкви не было никакой надменности, но великое благочиние. И смотри: после Петра говорит Павел, и никто не останавливает его; Иаков ожидает и не выступает вперед, хотя ему предоставлено было первенство. Ничего не говорит здесь Иоанн, ничего и прочие апостолы, и хотя молчат, но не огорчаются: так душа их была чужда тщеславия! Но обратимся к вышесказанному. "**После же того, как они умолкли**", говорит (писатель), "**начал речь Иаков и сказал: Симон изъяснил, как Бог первоначально призрел**". Сначала говорил Петр сильнее, а потом этот кротче. Так всегда нужно поступать тому, кто имеет большую власть, укоризны предоставлять другим, а самому говорить с большею кротостью. Хорошо он сказал: "**Симон изъяснил**", как бы и тот выражал мнение других. Смотри, насколько древним он представляет это дело. "**Призрел**", говорит, "**на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое**". Не просто "**призрел**", но "**во имя Свое**", т.е. во славу Свою. Не стыдится называть славою имени Его принятие язычников, так как это большая слава. Здесь он указывает на нечто великое. На что же? На то, что они, говорит, (приняты) "**первоначально**". "**Потом**", говорит, "**обращусь и воссоздам скинию Давидову падшую**". Кто рассмотрит внимательно, тот найдет, что царство Давида стоит и теперь. Если царствует Потомок его, то, конечно, существует и его царство. Какая польза от зданий и города, когда нет подданных? И какой вред от разрушения города, когда все готовы отдать за него души свои? Таким образом, оно не только стоит, но еще сделалось знаменитее всех, потому что прославляется теперь по всей вселенной. Исполнилось одно; должно исполниться и другое. Сказав: "**и воссоздам**", присовокупляет и причину, для чего это, именно: "**чтобы взыскали Господа прочие человеки и все народы**". Если город восстановлен для того, кто (произошел) от них, то очевидно, что причиною создания города было призвание язычников. Кто эти "**прочие**"?

Те, которые остались тогда (не принятыми). Но, смотри, он соблюдает порядок и поставляет их на втором месте. "**Говорит Господь**", говорит, "**творящий все сие**". Не только глаголет, но и творит. Следовательно, призвание язычников есть дело Божие. Впрочем, дело шло о другом, – как выразил ясно и Петр, – о том, что не должно обрезываться язычникам. Для чего же ты говоришь это? Они не то говорили, что не должно принимать их, когда они веруют, но то, что (должно принимать) с соблюдением закона. Петр хорошо объяснил и это; но так как это более всего смущало слушателей, то Иаков опять обращает на это внимание. И смотри: то, что нужно положить за правило – не соблюдать закона, дока-зал Петр; а о том, что свойственно нам и давно было принято, говорит (Иаков) и особенно останавливается на том, о чем ничего не было писано, чтобы, уврачевав ум их напоминанием о допущенном, удобно доказать и это. "**Посему я полагаю не затруднять обращающихся к Богу**", т.е. не отвращать их. Если Бог призвал, а соблюдение закона отвращает их, то (в этом случае) мы воюем против Бога. Хорошо он сказал: "**из язычников**", показывая тем и Божие о них смотрение свыше, и их покорность и готовность к призванию. Что значит: "**я полагаю**"? Иначе сказать: со властью говорю, что это так. "**А написать им**", говорит, "**чтобы они воздерживались от осквернённого идолами, от блуда, удавленины и крови**". Хотя это касается предметов телесных, но необходимо воздерживаться от них, потому что они производили великое зло. А чтобы кто-нибудь не возразил: почему мы не предписываем того же иудеям? он присовокупил: "**ибо закон Моисеев от древних родов по всем городам имеет проповедующих его**", т.е. Моисей непрестанно говорит им об этом, – что и означают слова: "**и читается в синагогах каждую субботу**". Смотри, какое снисхождение! В чем (закон) не причинял вреда, в том (апостол) оставил (его) им наставником, и между тем даровал благодать ни в чем не стесняющую, повелев иудеям повиноваться ему во всем и не подчиняя (ему) верующих из язычников. Таким образом, чем по-видимому почтил его и удержал власть его над своими, тем самым устранил от него язычников. Почему же они (иудеи) не научаются от него? По своему непокорству. Отсюда он показывает, что и им ничего более не следует соблюдать (из закона). Если же им не предписывается об этом, то не потому, чтобы они должны были соблюдать что-нибудь более, но потому, что они имеют учителя. Не сказал: не соблазнять их, или: "**превратить**", как сказал Павел к Галатам (1:7), но: "**не затруднять**", чем означается не иное какое-либо действие, как только отягощение. Таким образом он разрешил все. По-видимому, он заповедует соблюдать закон, потому что из него заимствует эти (предписания), но (в действительности) он отрешил от него, заимствуя только это. Часто было говорено им об этом, но (говорит и он), чтобы показать, что он уважает закон, и притом говорит не от лица Моисея, а от лица апостолов, и, для исполнения многих заповедей, избрал одну. Это особенно и успокоило их. Итак самое разногласие произошло по смотрению (Божию), чтобы после разногласия учение сделалось более твердым. "**Тогда**", говорит (писатель), "**Апостолы и пресвитеры со всею церковью рассудили, избрав из среды себя мужей**". Не каких-нибудь, но "**избрав из среды себя**" посылают, после избрания. "**Послать их в Антиохию**" говорит, где народилась болезнь.

3. Смотри, как они не говорят против тех ничего оскорбительного, но заботятся только об одном, чтобы исправить случившееся: это и расположило тамошних возмутителей принять решение. Не сказали: вы прельстители, губители, и тому подобное. Когда нужно было, то Павел поступал так, наприм., когда он говорит: "**о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства**" (Деян.13:10); но здесь, когда дело было уже исправлено, не было в этом нужды. И смотри: не говорят: "**что некоторые, вышедшие от нас**" повелели вам соблюдать закон, но: "**смутили вас своими речами**". Невозможно выразиться точнее; никто не сказал бы так (хорошо). "**Души**", говорит, уже утвержденные, "**поколебали**", как бы в здании перелагая уже положенное другими. "**Чего мы им**", говорят, "**не поручали**". "**То мы, собравшись, единодушно рассудили, избрав мужей,**

послать их к вам с возлюбленными". Если они **возлюбленные**, то не пренебрегут ими; если "**предавшими души свои**", то они достойны доверия. "**Итак**", говорит, "**мы послали Иуду и Силу, которые изъяснят вам то же и словесно**". И следовало явиться не одному только посланию, чтобы не сказали, что сократили (определение), сказали одно вместо другого. Похвала, приписанная Павлу, заградила им уста. Потому и отправляются не один только Павел, или Варнава, но и другие от Церкви, чтобы не смотрели на него с подозрением, так как он держался того же учения, и не одни только посланные из Иерусалима. Показывает, как они достойны доверия; они не превозносятся, говорит, не столь неразумны; потому и прибавил: "**человеками, предавшими души свои за имя Господа нашего Иисуса Христа**". А почему сказано: "**ибо угодно Святому Духу и нам**", тогда как достаточно было бы сказать: "**Святому Духу**"? "**Святому Духу**" – сказано для того, чтобы не подумали, что это человеческое (учение), а "**нам**" – для того, чтобы внушить, что и они сами принимают это, хотя и принадлежат к обрезанным. "**Не возлагать на вас**", говорит, "**никакого бремени**". Говорят это потому, что обращают речь к людям немощным и находившимся в страхе; потому и прибавляют это. Но в то же время показывает, что определение является не по снисхождению, не потому будто щадили их, как немощных, – напротив, великое было тогда уважение к учителям, – но потому, что это было бы излишним бременем. Смотри, как кратко послание и не заключает в себе ничего лишнего, ни хитросплетений, ни умозаключений, но только определение: оно было законоположением Духа. Бременем же называют (закон) в разных местах. И опять: "**собрав людей, вручили письмо**". По (прочтении) послания и сами обратились (к ним) со словом; а это нужно было, чтобы освободиться от всякого подозрения. "**Иуда и Сила**", говорит (писатель), "**будучи также пророками, обильным словом преподали наставление братиям и утвердили их**" (ст. 32). Показывает, как они были достойны доверия. Мог (сделать это) и Павел; но следовало и им. "**Пробыв там некоторое время, они с миром отпущены**" (ст. 33). Уже нет распри, нет разногласия! Тогда, мне кажется, они приняли десницы (апостолов), как сам Павел говорит: "**подали мне и Варнаве руку общения**" (Гал.2:9). Говорит также: "**не возложили на меня ничего более**" (ст. 6), потому что они приняли его мнение и с уважением одобрили. Показывает, что и по человеческому соображению, а не только от Духа, можно видеть, что (язычники) совершали грехи неудобоисправимые; это не требует (вразумления) Духа. Показывает также, что прочее не необходимо и даже излишне, если только это необходимо. "**Соблюдая сие**", говорят, "**хорошо сделаете**". Выражает, что этого достаточно для них и ничего более ненужно. Можно было (заповедать) и без послания; но, чтобы закон был заключен в письмени, они пишут послание. И опять, чтобы было это повиновение закону, и они тем говорили, и те исполняли, и "**с миром**". Да не соблазняют и нас еретики. Смотри, сколько было соблазнов в начале (евангельской) проповеди; не говорю о внешних, – эти ничего не значили, – но о внутренних. И, во-первых, Анания, потом ропот, затем Симон волхв, потом негодование на Петра за Корнилия, затем голод, и, наконец, это самое главное из зол.

Действительно, как скоро является какое-либо добро, то невозможно, чтобы не примешалось и зло. Не будем же смущаться, если некоторые соблазняются, но и за них будем благодарить Бога, что Он делает нас более опытными. Не скорби только, но и сами искушения делают нас более славными. Держащийся истины, если никто не совращает его, не был бы крепким любителем истины; а когда многие совращают его, тогда он делается славным. Что же? Не для этого ли и бывают соблазны? Не говорю, что будто бы Бог производит их, – да не будет! – но Он и чрез это зло благодетельствует нам, хотя сам отнюдь не желает его. Дай им, говорит Он, "**да будут все едино**" (Ин.17:21). Если же бывают соблазны, то и они нисколько не вредят им, но приносят пользу. Как мученикам невольно приносят пользу те, которые влекут их на мучение, а Бог отнюдь не побуждает их к тому, так и здесь. Не будем же взирать на то, что (многие) соблазняются. То самое и

служит знаком превосходства нашего учения, что многие притворно подражают ему; ведь если бы оно не было хорошо, то они не представлялись бы подражающими. Раскрою это вам яснее.

4. Благовонные масла имеют подделывателей, как например, лист амома. Так как они редки и нужны, то и бывает много поддельных. Никто не станет подделывать что-нибудь другое из вещей дешевых. Так и чистая жизнь имеет многих подделывателей; никто не решится казаться пребывающим в нечистоте, но пребывающим в иночестве. Что же мы будем отвечать эллинам? Вот приходит эллин, и говорит: я хочу быть христианином, но не знаю, к кому присоединиться, – у вас много несогласий и распрей, и великое смятение. Какое мне избрать учение? Какое предпочесть? Каждый говорит: я содержу истину. Кому верить, когда я совершенно ничего не знаю в Писаниях? И те (еретики) представляют тоже самое. Точно, это бывает между нами. Но если бы мы говорили, что нужно верить умствованиям, то ты справедливо мог бы смущаться; если же мы говорим, что (нужно) веровать Писаниям, которые просты и истинны, то тебе легко (найти) требуемое. Кто согласен с (Писаниями), тот христианин; а кто не согласен с ними, тот далек от этого правила. А что, если он придет и скажет: Писание говорит так, а ты говоришь другое, и вы изъясняете Писания иначе, извращал смысл их? Но, скажи мне, разве ты не имеешь ума и рассудка? Как я, скажет, могу судить, не зная ничего вашего? Я хочу быть учеником, а ты уже делаешь меня учителем. Если он так скажет, то, говоришь, что мы будем отвечать? Как убедим его? Спросим: не притворство ли это и предлог? Спросим: осуждает ли он эллинов? Во всяком случае, он скажет что-нибудь, потому что, не осуждая их, не пришел бы к нам. Спросим о причине, почему он осуждает, потому что не напрасно же осуждает. Он скажет, как известно: потому что (боги их) суть твари, а не Бог несозданный. Хорошо. После этого, если он найдет тоже в иных ересях, а у нас противное, то нужно ли и говорить более? Все мы исповедуем, что Христос есть Бог. Посмотрим же, кто с этим согласен, и кто не согласен. Мы, называя Его Богом, и говорим о Нем достойное Бога, что Он имеет власть, что Он не есть раб, но свободен, что Он творит все сам Собою; а еретик – напротив. Опять спрошу: когда ты хочешь научиться врачебному искусству, то, скажи мне, просто ли и как случилось принимаешь пре- подаваемое? У врачей много мнений. Если просто будешь принимать все, что ни услышишь, то это не достойно мужа; если же с умом и рассуждением, то без сомнения научишься доброму. Мы называем Его Сыном, и точно так признаем, как говорим, а еретики называют так, но не исповедуют. Сказать яснее: они имеют некоторых (людей), по имени которых называются, т.е. по имени своего ересеначальника, – такова каждая ересь, – а у нас не человек какой-нибудь дал нам название, но сама вера. Итак с твоей стороны это – притворство и предлог. Скажи мне, почему ты, когда хочешь купить одежду, то хотя и не знаешь ткацкого искусства, не говоришь таких слов: я не умею купить, меня обманывают; но употребляешь все, чтобы сделаться сведущим? Когда хочешь купить и другое что-нибудь, то всячески стараешься получить верные сведения; а здесь говоришь это. Судя по этим словам, – ты вовсе не хочешь принимать ничего. Пусть тот, кто не имеет никакого учения, говорит то, что ты говоришь о христианах: "так много их и столько различных содержат учений: один – эллин, другой – иудей, иной – христианин; не нужно принимать ни одного учения, потому что они противоречат друг другу; я ученик, не хочу быть судьей и не могу осуждать ни одного учения". Но у тебя такой предлог не имеет места. Если ты был в состоянии отвергнуть ложное, то будешь в состоянии, пришедши сюда, оценить и истинное. Кто не осуждает никакого учения, тот легко скажет это; но осудивший какое-нибудь, хотя он еще не избрал ничего другого, с течением времени может узнать нужное. Не станем же притворствовать и изобретать предлоги: все легко. Если хочешь, я покажу тебе, что это только предлог. Ты знаешь, что должно делать и чего не должно? Почему же делаешь не то, что должно, а чего не должно? Делай, что должно, и с правыми мыслями проси от Бога, и Он, конечно, откроет тебе. "**Бог нелицеприятен**", говорит (Писание), "**но во**

всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему" (Деян.10:34,35). Кто слушает без предрассудка, тот не может не убедиться. Как в том случае, когда есть какое-либо мерило, по которому можно определять все, не требуется больших рассуждений, а легко обличить измеряющего неверно, так и теперь. Отчего же не видят? Много содействуют тому предрассудки и человеческие побуждения. Но, скажешь, тоже самое и они об нас говорят? Как? Разве мы отделились от Церкви? Разве мы имеем ересеначальников? Разве мы называемся по имени людей? Разве есть у нас какой-нибудь предводитель, подобно как у них, у того Маркион, у другого Манихей, у иного Арий, а у иного еще какой-нибудь начальник ереси? Хотя и мы имеем известное название, но не (имеем) начальников ереси, а предстоятелей наших и правителей Церкви. Мы не имеем учителей на земле, – да не будет! – а имеем "**Который на небесах**" (Мф.23:9,10). И они, скажешь, утверждают то же? Но у них есть название, осуждающее их и заграждающее им уста. Много было эллинов, и никто не предлагал таких вопросов; и у философов было тоже, но это не препятствовало никому из тех, кто имел здравое учение. Потому и об иудеях не говорили, – когда они занимались этим, – что между ними есть такие-то и такие: кому из них нам следует верить? Но верили, как должно. Будем же и мы покоряться законам Божиим и во всем делать угодное Ему и поступать по воле Его, доколе продолжаем настоящую жизнь, чтобы, прожив добродетельно остальное время нашей жизни, мы могли получить блага, обетованные любящим Его, и сподобились чести с угодившими Ему, благодатию и человеколюбием единородного Сына Его и Всесвятого и животворящего Духа, единого и истинного Божества, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 34

"Павел же и Варнава жили в Антиохии, уча и благовествуя, вместе с другими многими, слово Господне. По некотором времени Павел сказал Варнаве: пойдем опять, посетим братьев наших по всем городам, в которых мы проповедали слово Господне, как они живут" (Деян.15:35,36).

1. Посмотри опять на их смирение, как они преподают слово вместе с другими. Лука изобразил нам нравы и прочих апостолов и показал, что один из них был более мягкосерд и снисходителен, другой более суров и строг. Различные бывают дарования; а это, как известно, есть также дарование. Одно потребно по отношению к людям с одними нравами, а другое с другими, так что, если бы переменить их, то они сделались бы бесполезными. По-видимому (между Павлом и Варнавою) произошло некоторое разногласие; но все это происходит по устроению (Божию), чтобы каждый из них занял соответственное себе место. С другой стороны нужно, чтобы не все были в равной чести, но один начальствовал, а другой подчинялся; и это по устроению (Божию). Притом кипряне ничего такого не показали, что бывшие в Антиохии и другие; для одних нужен был нрав мягкосердый, а для других напротив. "**Варнава хотел взять с собою Иоанна, называемого Марком. Но Павел полагал не брать отставшего от них в Памфилии и не шедшего с ними на дело, на которое они были посланы. Отсюда произошло огорчение, так что они разлучились друг с другом; и Варнава, взяв Марка, отплыл в Кипр; а Павел, избрав себе Силу, отправился, быв поручен братиями благодати Божией**" (ст. 37-40). И в пророках мы видим различные характеры и различные нравы; например, Илия строг, Моисей кроток. Так и здесь – Павел более тверд. Но смотри при этом и на его кротость. Он просил, говорит (писатель), "**не брать отставшего от них в Памфилии**". Как военачальник не желал бы иметь при себе оруженосца постоянно небрежного, так (не желал) и апостол. Это и других вразумляло, и того самого исправляло. Итак, скажешь, Варнава был не хорошего нрава? Отнюдь нет; думать так о нем весьма нелепо. В самом деле, не нелепо ли считать его дурным за такое маловажное

дело? И смотри, во-первых, от того не произошло никакого зла, что они разлучились друг с другом, сделавшись, таким образом, достаточными для всех язычников, а напротив – великое благо; во-вторых, если бы этого не случилось, то они не легко решились бы отделиться друг от друга. Подивись лучше тому, что (писатель) не умолчал об этом. Ты скажешь: если следовало разделиться, то можно было и без распри? Но здесь особенно и обнаружились человеческие (свойства их). Если этому следовало быть во Христе, то тем более в них. С другой стороны, распря не была бы предосудительна, когда каждый препирался бы о таких предметах и с такою справедливостью. Если бы кто из них огорчался, домогаясь собственной пользы и собственной чести, то действительно (было бы неодобрительно); если же каждый из них, желая учить и наставлять, отправляется один одним, а другой другим путем, что здесь предосудительного? Многое они делали и по человеческому рассуждению: не были ведь они камнями или деревами. И смотри, Павел выражает неудовольствие (на Марка), но приводит и причину. Он уважал Варнаву за великое его смирение, за то, что он находился при нем и разделял с ним столько трудов; но уважал не так, чтобы пренебрегать долгом. Кто из них советовал лучше, не наше дело исследовать; по крайней мере, великое было смотрение (Божие), что одни (из верующих) должны были удостоиться вторичного их посещения, а другие ни одного. В Антиохии они не просто пребывали, но учили. Чему учили? Что проповедовали? Что (нужно было) как для верующих, так и еще не верующих. Было множество соблазнов, и потому присутствие их было необходимо. А что касается их распри, то должно смотреть не на то, в чем они были не согласны, а на то, в чем они согласились между собою. Разделение их послужило к большому благу, которое произошло по этому поводу. Что же? Врагами ли они расстались? Нисколько. И после того ты видишь, как Павел в посланиях своих упоминает о Варнаве с великими похвалами (2Кор.8:18). "**Произошло огорчение**", говорит (писатель), но не вражда, не раздор. Распря сделала то, что они разделились; и хорошо, так как что после каждый из них порознь предпринял полезного, того не сделал бы по тому самому, что были бы вместе.

2. Мне кажется даже, что и разделение произошло у них по согласию, и что они сказали друг другу: так как я не желаю этого, а ты желаешь, то, чтобы нам не ссориться, разделимся по разным местам. Таким образом они сделали это, совершенно уступая друг другу. Варнава хотел, чтобы оставалось мнение Павла, и потому отделился; также и Павел хотел, чтобы оставалось мнение (Варнавы), и потому делает тоже и отделяется. О, если бы и мы разделялись друг от друга таким же образом и для того, чтобы идти на проповедь! "**Павел**", говорит (писатель), "**избрав себе Силу, отправился, быв поручен братиями благодати Божией**". Удивителен и весьма велик этот муж! А Марку эта распря принесла большую пользу. Строгость Павла вразумила его, а доброта Варнавы сделала, что он не остался: так распря, бывшая между ними, достигает одной цели – пользы. Видя, что Павел решается оставить его, (Марк) весьма устрашился и осудил себя; а видя, что Варнава столько расположен к нему, он весьма возлюбил его; таким образом, распря учителей исправила ученика: так он далек был от того, чтобы соблазняться ею. Если бы они делали это для собственной чести, то конечно (он мог бы соблазниться); но так как они препирались для его спасения и единственно для того, чтобы показать, как премудры советы (Бога), удостоившего его такой чести, то что здесь предосудительного?

3. Посмотри на мудрость Павла: он не прежде отправляется в другие города, как посетив уже принявшие слово. "**И проходил Сирию и Киликию, утверждая церкви**" (ст. 41). "**Дошел он до Дервии и Листры**" (Деян.16:1). Не благоразумно было бы ходить напрасно. Будем также поступать и мы: будем наставлять наперед прежних, чтобы они не послужили препятствием для последующих. "**Посетим**", говорит, "**братьев наших по всем городам, в которых мы проповедали слово Господне, как они живут**". Он не знал об этом, как следует, и потому пошел посетить братию. Видишь, как он постоянно

бодрствует, заботится, не остается на одном месте, хотя подвергался множеству опасностей. Видишь ли, что и прибытие его в Антиохию было не от страха? Как врач, он пошел к болящим и необходимость посещения изъяснил в словах: "**в которых мы проповедали слово Господне**". Варнава отделился и уже более не сопутствовал ему. "**Избрав себе Силу**", говорит (писатель), "**быв поручен братиями благодати Божией**". Что это значит? Т.е. молились, просили Бога. Смотри, как всегда много может молитва братий. И затем пошел пешком, желая на пути принести пользу видевшим его; и благоразумно. Когда они спешили, то плыли; а теперь не так. "**И вот, там был некоторый ученик, именем Тимофей, которого мать была Иудеянка уверовавшая, а отец Еллин, и о котором свидетельствовали братия, находившиеся в Листре и Иконии. Его пожелал Павел взять с собою; и, взяв, обрезал его ради Иудеев, находившихся в тех местах; ибо все знали об отце его, что он был Еллин**" (Деян.16:1-3).

Достойна удивления мудрость Павла! Он, столько восставший против обрезания, употреблявший все меры и успокоившийся не прежде, как достигнув цели, тогда, когда это учение было утверждено, обрезывает ученика. Не только другим не возбраняет, но и сам делает это. Нет никого мудрее Павла. Он во всем смотрел на пользу, не делал ничего просто, по предубеждению. "**Его пожелал Павел**", говорит (писатель), "**взять с собою**". Удивительно, что он даже привел его с собою. "**Ради Иудеев**", говорит, "**находившихся в тех местах**". Это – причина обрезания; они не стали бы слушать слово от необрезанного. Но что? Посмотри на самое дело: он обрезал, чтобы прекратить обрезание, потому что проповедовал определения апостолов. Видишь ли борьбу и чрез борьбу созидание? Не от других побуждаемые, но и сами делая противное, они таким образом устрояли Церковь. Они внесли определение не обрезывать, а он обрезывает. "**И ежедневно**", говорит (писатель), "**увеличивались числом**" (ст. 5). Видишь ли пользу от этого обрезания? Затем он более не остается у них, как пришедший посетить их, но что? Идет дальше. "**И церкви утверждались верою и ежедневно увеличивались числом. Пройдя через Фригию и Галатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедывать слово в Асии. Дойдя до Мисии, предпринимали идти в Вифинию; но Дух не допустил их**" (ст. 5-7). Почему они "**не были допущены**", не говорит (писатель), но только говорит, что они "**не были допущены**", научая нас этим покоряться и не исследовать причин, и показывая, что многое они делали и по-человечески. "**Миновав же Мисию, сошли они в Троаду. И было ночью видение Павлу: предстал некий муж, Македонянин, прося его и говоря: приди в Македонию и помоги нам**" (ст. 8-9). Для чего было видение, а не сам Дух Святый повелел? Он желал привлечь их и таким образом. И (другим) святым бывали видения, и сам (Павел) вначале видел в видении мужа, пришедшего и возложившего на него руку (Деян.6:12). Для того побуждает его идти туда, чтобы проповедь распространилась. Также и по следующей причине возбраняется ему оставаться в других городах, когда побуждает его Христос (идти туда). Эти имели слушать Иоанна, и притом долгое время, и может быть не слишком имели в том нужду, а туда нужно было придти. Потом он и уходит, отправившись на ту сторону (моря). "**После сего видения, тотчас мы положили отправиться в Македонию, заключая, что призывал нас Господь благовествовать там. Итак, отправившись из Троады, мы прямо прибыли в Самофракию, а на другой день в Неаполь, оттуда же в Филиппы: это первый город в той части Македонии, колония. В этом городе мы пробыли несколько дней**" (ст. 10-12). Так, ему является и сам Христос, говоря: "**тебе должно предстать пред кесаря**" (Деян.27:24). Потом (писатель), как повествующий историю, говорит о местах и показывает, где (Павел) останавливался, именно в больших городах, а другие проходил. Быть колонией составляет достоинство города. Но обратимся к вышесказанному. (Павел) представляет Варнаве необходимость путешествия, когда говорит: "**пойдем опять, посетим братьев наших по всем городам, в которых мы проповедали слово Господне,**

как они живут". Но ему не подобало просить того, когда намеревался обличать впоследствии.

4. Тоже было между Богом и Моисеем. Один просит, а другой гневается; так например, когда говорит: "**если бы отец ее** (Мариамы) **плюнул ей в лице**" (Числ.12:14), и еще: "**итак оставь Меня, да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их**" (Исх. 32:10), и когда Самуил оплакивал Саула (1Цар.15:35). Но от того и другого произошло великое благо. Так и здесь один гневается, а другой нет. Тоже бывает и между нами. Распря была не напрасно, но чтобы вразумить того (Марка), и чтобы дело (проповеди) не показалось шуткою. Иначе уступил бы и теперь (Варнава), уступавший всегда и столько любивший Павла, что еще прежде отыскал его в Тарсе (Деян.11:25), привел его к апостолам, вместе с ним доставлял милостыню и вместе с ним принял согласное с определением (апостолов). Не из-за такого дела произошло между ними огорчение; но они отделяются друг от друга для того, чтобы раздельно учить и усовершать нуждавшихся в их учении. Так и в другом месте (Павел) говорит: "**вы же, братия, не унывайте, делая добро**" (2Фес.3:13), и хотя укоряет некоторых, но заповедует делать добро всем. Так обыкновенно мы и поступаем. Мне кажется, что здесь вместе с Павлом и другие были недовольны; он же, обращаясь к каждому из них особо, делает все, увещевает, вразумляет. Много может (делать) согласие, много – любовь. Хотя бы ты просил о слишком многом, хотя бы даже был недостоин, будешь услышан за доброе намерение; не бойся. "**Проходя**", говорит (писатель), города. "**И вот, там был некоторый ученик, именем Тимофей, о котором свидетельствовали братия, находившиеся в Листре и Иконии**". Велика вера Тимофея, если свидетельствуется всеми. Когда отделился Варнава, Павел находит равного ему, о чем сам говорит: "**вспоминая о слезах твоих**", нелицемерную веру твою, "**которая прежде обитала в бабке твоей Лоиде и матери твоей Евнике**" (2Тим.1:4,5). "**И, взяв**", говорит (писатель), "**обрезал его**"; а для чего, показывает, прибавляя: "**ради Иудеев, находившихся в тех местах**". Итак, поэтому (Тимофей) обрезывается, или и ради отца, который был эллин и следовательно не был обрезан. Смотри, как закон уже отрешался. Иные же думают, что он родился после оглашения его (отца) проповедью; но, может быть, это не справедливо, так как "**ты из детства**", говорит (Павел), "**знаешь священные писания**" (2Тим.3:15). Потому надобно принять первое; если же не так, то потому, что (Павел) намеревался сделать его епископом и ему не следовало оставаться необрезанным. Язычникам же не нужно было соблюдать ничего такого; и это было немаловажно, так как столь долгое время они соблазнялись этим. Начало отменения (закона) было положено тем, что язычники не соблюдали его и не терпели никакого вреда и ничего не лишались по отношению к вере; потому они охотно и оставили его. Так как он намеревался проповедовать, то чтобы вдвойне не поразить иудеев, обрезывает его, хотя он был двоякого происхождения – от отца эллина и от матери верующей. И хотя дело касательно язычников было важно, но он, не смотря на это, сам обрезал его, потому что проповедь должна была распространяться. И смотри: от действия противного (определению апостолов) здесь происходит великое благо. "**И ежедневно увеличивались числом**", говорит (писатель). Видишь ли, что обрезание не только не повредило, но и принесло великую пользу? "**После сего видения**", говорит, "**тотчас мы положили отправиться в Македонию, заключая, что призывал нас Господь благовествовать там**". Заметь, не чрез ангела, как Филиппу, или Корнилию, но как? – в видении является ему (Господь), только человеческим образом, а не Божественным. Где легко было убедить, там (Он является) более человеческим образом, а где с большею трудностью, там более Божественным. Так, когда он привлекался только проповедовать, для этого было ему сновидение, а когда нужно было удержать от проповедания, это открывает Дух Святый. Так было и с Петром (когда Дух сказал ему): "**встань, сойди**" (Деян.10:20). Легких дел не совершал Дух, но для этого достаточно было и сновидения. Так и Иосифу, когда легко было убедить его, было сновидение, а другим видение (Мф.2:13). Так и Корнилию и

самому (Павлу). И вот, говорит (писатель), "**предстал некий муж, Македонянин, прося его и говоря**". Не сказал: повелевая, но: "**прося**", о тех, которые нуждались во врачевании. Что значит: "**заключая**"? Значит: догадываясь. И из того, что видение было Павлу, а не кому другому, и из того, что они были удержаны Духом, и из того, что находились у пределов (Македонии), – из всего этого они делали такое заключение. С другой стороны и самое плавание указывало на это, – потому что в течение короткого времени они достигли самого корня Македонии. Таким образом устрояется, что распря послужила на пользу. И если бы Дух Святый не явил Своего действия, Македония не приняла бы слова. А такое преуспеяние – знак, что случившееся не есть дело человеческое. Не сказано, что Варнава огорчился, но что между ними "**произошло огорчение**". Если же не огорчался он, то также и Павел.

5. Зная это, будем не просто читать Писания, но изучать и назидаться. Ведь (ничего) не написано напрасно. Великое зло не знать Писания. От чего бы следовало получать пользу, от того мы получаем вред. Так часто и лекарства, имеющие по природе целительную силу, когда употребляющее их не умеют хорошо пользоваться ими, приносят вред и расстройство; и оружие, которым можно защищаться, для того, кто не умеет обращаться с ним, служит во вред. А причиною то, что мы всего прочего ищем больше, нежели пользы душевной, и больше смотрим на постороннее, нежели на свою (истинную) пользу. О прочности дома мы часто заботимся и не потерпели бы видеть, как он ветшает, обрушивается и повреждается от бурь; о душе же нисколько не заботимся, но хотя и видим, что основание ее и самое здание и кровля разрушаются, не прилагаем никакого попечения. Также, если имеем скот, то стараемся об удобствах для него, нанимаем и конюхов, и коновалов, и все силы напрягаем: заботимся о помещениях, внушаем приставникам, чтобы они не гоняли его без нужды и как попало, не клали на него излишней тяжести, не выпускали безвременно среди ночи, довольствовали пищею, и много установляем правил касательно ухода за бессловесными животными; а о душе нисколько не печемся. Но что я говорю о животных, полезных для нас? Многие держат маленьких птиц, которые не приносят никакой пользы, а только забавляют; и касательно их есть у нас много правил и ничего не опущено и не забыто; обо всем мы заботимся больше, нежели о самих себе. Так мы сделались малоценнее всего. Если кто в обиду назовет нас псом, то мы оскорбляемся; а сами бесславя себя не словом, но делом, и не прилагая попечения о душе даже столько, сколько о псах, не чувствуем никакого огорчения. Видите ли, как все (у нас) покрыто мраком? Как многие заботятся о псах, чтобы они не были накормлены более надлежащего, чтобы они были быстры и пригодны к охоте, побуждаемые голодом и жаждой, а о себе самих не заботятся и не стараются обуздать своего сластолюбия; бессловесных научают любомудрию, а себя допускают нисходить до дикости животных! Это кажется загадкою. Где, скажешь, эти любомудрые бессловесные? Но разве не великое любомудрие, когда пес, побуждаемый голодом, схвативши добычу, удерживается от попавшей ему пищи, и, видя пред собою готовую еду, томимый голодом, дожидается господина? Устыдитесь самих себя; научите ваши чрева быть также любомудрыми. Вам нет никакого оправдания. Если ты можешь сообщить такое любомудрие животному, от природы не умеющему ни говорить, ни мыслить, то тем более мог бы сообщить себе. Это ведь дело человеческого старания, а не природы; иначе все псы были бы таковыми. Итак, будьте (в данном случае) подобны псам. Вы сами вынуждаете меня заимствовать пример отсюда; следовало бы от предметов небесных, но если я начну говорить о каком-нибудь из этих предметов, вы говорите, что это слишком высоко; потому я и не говорю уже о предметах небесных. Если приведу в пример Павла, вы говорите, что он был апостол; потому я не говорю уже о Павле. Если приведу в пример какого-либо другого человека, вы говорите, что он мог (делать это); потому я и не указываю на человека, но на животное, и животное, получившее такие свойства не от природы, чтобы вы не сказали, что оно делает это по природе, а не по

доброй воле, и, что еще удивительнее, не по собственной воле, а по твоему старанию. Оно не рассуждает, что устало, что утомилось от бега, что поймало добычу собственными своими трудами, но, оставив все это в стороне, исполняет волю господина и становится выше чрева. Да оно, скажешь, ожидает одобрения, надеется получить обильнейшую пищу. Скажи и ты самому себе: пес в надежде будущего довольства пренебрегает настоящим, а ты не хочешь в надежде будущих благ пренебрегать настоящими. Но он (скажешь) знает, что если неблаговременно и против воли господина вкусит пищи, то лишится не только этой, но и обыкновенно назначаемой ему пищи, и даже вместо пищи получит побои. А ты и этого не можешь знать, и того, что он умеет делать по привычке, ты не исполняешь по разуму. Будем подражать хотя псам. Говорят, что делают тоже и ястребы и орлы; что те делают с зайцами и сернами, то эти с птицами, и также по научению человеческому. Все это может обличить нас, все это может осудить нас. Скажу еще. Взяв диких и свирепых коней, которые и бьют ногами и кусаются, опытные люди в короткое время образовывают их так, что севший на них всадник наслаждается их стройною походкою; а когда душа поступает беспорядочно, никто об этом не заботится; она и скачет, и бьется, и бросается на землю, как дитя, и делает множество бесчинств, но никто не налагает на нее ни аркана, ни пут, ни узды, и не сажает опытного всадника, т.е. Христа. Таким образом все низвратилось. Если ты заставляешь псов владеть желудком, укрощаешь ярость льва и свирепость коней и научаешь говорить птиц, то не странно ли неразумным существам сообщать свойства разумных, а в разумных допускать неразумный страсти? Нет, нет нам никакого оправдания. Нас обвинят все делающие должное, и верные и неверные, – ведь и неверные делают должное, – и не только люди, но и звери, и псы; осудим себя и мы сами, которые делаем доброе, когда хотим, а когда бываем беспечны, увлекаемся на злое. Часто и многие из самых порочных людей, когда захотели, исправлялись. А причиною то, как я сказал, что мы всячески ищем пользы посторонней, а не нашей собственно. Построил ли ты великолепный дом, – ты позаботился о благоустройстве дома, а не твоем собственном; получил ли хорошую одежду, – (ты позаботился) о теле, а не о самом себе; если хорошую лошадь, – также. Никто не заботится, чтобы душа была добра, тогда как при доброте души нет никакой нужды в тех благах, а без нее нет никакой пользы и от них. Как для невесты, хотя бы ее брачный чертог был убран золотыми покровами, хотя бы окружали ее сонмы благовиднейших и прекрасных женщин, розы и венцы, хотя бы и жених был прекрасен, и служанки и подруги и все были благовидны, нет от того никакой пользы, если она сама крайне безобразна; если же она прекрасна, то и без всего этого нет для ней никакого вреда, а напротив (польза), потому что безобразная при этом будет казаться еще безобразнее, а прекрасная без этого будет еще прекраснее, – так точно и душа, если она добра, не только в этом не нуждается, но даже помрачает этим свою красоту. Человек любомудрый, как мы увидим, блистает не столько в богатстве, сколько в бедности; в первом случае многие приписывают любомудрие его богатству и тому, что он не имеет нужды в деньгах; если же он живет в бедности, и между тем отличается всеми (добродетелями) и не допускает себя делать что-либо постыдное, тогда уже никто другой не разделяет с ним венца, который стяжал он любомудрием.

Итак, будем украшать душу, если хотим быть богатыми. Что пользы, если лошаки твои белы, тучны и красивы, а ты, сидящий на них, и худ, и нечист, и безобразен? Что пользы, если ковры твои мягки и красивы и искусно испещрены различными цветами, а душа одета в рубище, или совершенно обнажена и безобразна? Что пользы, если конь выступает плавно, или походит более на пляшущего, нежели на идущего, и украшен как бы для брачного пира, а сидящий на нем хромает (душою) более хромых и расстроен в руках и ногах более пьяных и расслабленных? Скажи мне, если бы кто дал тебе хорошего коня, а телу твоему нанес бы вред, какая от того польза? А теперь у тебя повреждена душа, и ты нисколько не заботишься. Позаботимся же когда-нибудь, увещеваю вас, о самих себе. Не будем считать самих себя малоценнее всего. Когда кто оскорбляет нас

словами, мы досадуем и огорчаемся, а сами, унижая себя делами, не исправляемся. Вразумимся же хотя поздно, чтобы, приложив ревностное попечение о душе своей и возлюбив добродетель, могли мы сподобиться вечных благ благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 35

"В день же субботний мы вышли за город к реке, где, по обыкновению, был молитвенный дом, и, сев, разговаривали с собравшимися там женщинами. И одна женщина из города Фиатир, именем Лидия, торговавшая багряницею, чтущая Бога, слушала; и Господь отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел" (Деян.16:13,14).

1. Смотри, как опять Павел иудействует, и в отношении времени и обычая. "**Чтущая**", говорит (писатель), "**Бога**". Иудеи молились не только там, где была синагога, но и вне ее, назначая для этого особое место, как люди плотские. "**В день же субботний**", – когда обыкновенно собирается и народ. "**И, сев, разговаривали с собравшимися там женщинами. И одна женщина из города Фиатир, именем Лидия, торговавшая багряницею, чтущая Бога, слушала; и Господь отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел**". Посмотри опять, как он чужд гордости. И она была женщина и притом незнатная, как видно из ремесла ее; но смотри, какое в ней любомудрие! Во-первых, сказано, что она почитала Бога; потом – что пригласила к себе апостолов. "**Когда же крестилась она и домашние ее, то просила нас, говоря: если вы признали меня верною Господу, то войдите в дом мой и живите у меня. И убедила нас**" (ст. 15). "**Когда же крестилась**", говорит (писатель), "**она и домашние ее**". Заметь, как она убедила всех (домашних), потом посмотри на благоразумие ее, как она умоляет апостолов, какого смирения, какой мудрости исполнены слова ее! "**Если вы признали меня**", говорит, "**верною Господу**". Ничто не могло быть более убедительным. Кого не тронули бы эти слова? Не просто просила и приглашала, не предоставила им поступить, как им угодно, но сильно понуждала их; это именно означают слова: "**и убедила нас**", т.е. теми словами. Смотри, как она тотчас же приносит плод и считает это посещение великим для себя одолжением. А что вы (говорит) признали меня верною, очевидно из того, что вверили мне такие тайны, которых не вверили бы, если бы не считали меня такою. И не осмелилась пригласить их прежде, но когда уже крестилась, показывая этим, что иначе и не убедила бы их. Почему же бывшие с Павлом сначала не хотели идти, но отказывались, так что нужно было понуждать их? Или потому, что вызывали ее к большему усердию, ила потому, что Христос сказал: "**в какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь**" (Мф.10:11). Так предусмотрительно они делали все. "**Случилось, что, когда мы шли в молитвенный дом, встретилась нам одна служанка, одержимая духом прорицательным, которая через прорицание доставляла большой доход господам своим. Идя за Павлом и за нами, она кричала, говоря: сии человеки – рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения**" (ст. 16, 17). Почему бес говорил это, а Павел запретил ему? Тот делал злонамеренно, а этот (поступил) мудро: он хотел, чтобы к тому не имели доверия. Если бы Павел принял свидетельство его, то он, как одобренный им, прельстил бы многих и из верующих; потому он и решился возвещать об их делах, чтобы устроить свои, и снисходительностью (Павла) самому воспользоваться для погибели (других). Сначала Павел только не принимал и не обращал внимания, не желая тотчас же прибегать к знамениям; но когда тот продолжал делать это "**много дней**" и касался дела их, говоря: "**сии человеки – рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения**", тогда повелел ему "**выйти**". "**Это она делала много дней. Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух**

вышел в тот же час. Тогда господа ее, видя, что исчезла надежда дохода их, схватили Павла и Силу и повлекли на площадь к начальникам. И, приведя их к воеводам, сказали: сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять" (ст. 18-21). Корыстолюбие везде причиняет зло. О, эллинское бесчеловечие! Они хотели бы оставить отроковицу одержимою бесом, чтобы самим обогащаться. "**И, приведя их к воеводам**", говорит (писатель), "**сказали: сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город**". Что же они сделали? Почему вы не брали их прежде? "**Будучи Иудеями**", говорят: так было позорно это имя! "**И проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять**". Обратили дело в государственное преступление. "**Народ также восстал на них**" (ст. 22). О, безумие! Не исследовали дела, не дали отвечать им, между тем как после такого чуда следовало бы почтить их, следовало бы принять как спасителей и благодетелей. Если вы желали имущества, то почему, нашедши такое богатство, не прибегли к нему? Иметь силу изгонять бесов гораздо славнее, нежели повиноваться им. Вот и знамения, но корыстолюбие преодолело. "**А воеводы, сорвав с них одежды, велели бить их палками и, дав им много ударов, ввергли в темницу, приказав темничному стражу крепко стеречь их**" (ст. 22, 23). Павел делал все, и творил чудеса и учил, а опасности разделяет с ним и Сила. Что значит: "**Павел, вознегодовав**"? Значит: видя злонамеренность беса, – как в другом месте он сам говорит: "**чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы**" (2Кор.2:11). А почему те не сказали, что они изгнали беса, что оказались нечестивыми к Богу, но обратили дело в государственное преступление? Тогда они повредили бы сами себе. Так и о Христе говорили: "**нет у нас царя, кроме кесаря. Всякий, делающий себя царем, противник кесарю**" (Ин.19:12,15). И "**ввергли**" их, говорит (писатель), "**в темницу**". Великое неистовство! "**Получив такое приказание, он ввергнул их во внутреннюю темницу и ноги их забил в колоду**" (ст. 24). Смотри: посадил их во внутреннюю темницу; и это по устроению (Божию). Так как должно было совершиться великое чудо, то назначается место удобное для слушания его, вне города, вдали от искушений и опасностей. Смотри, как писатель истории не стыдится рассказывать о занятиях (жителей). А когда было время свободное от занятий, тогда они более слушали поучения: город же филиппийцев был не велик. Зная это, и мы не будем стыдиться никого. Петр живет у кожевника, Павел у порфиропродавщицы: есть ли здесь гордость? Будем просить Бога, чтобы Он отверз наше сердце; отверзает же Он сердца, желающие этого; а бывают и поврежденные сердца. Но обратимся к вышесказанному. "**И одна женщина**", говорит (писатель), "**торговавшая багряницею, чтущая Бога, слушала; и Господь отверз сердце ее внимать тому, что говорил Павел**". Отверзать есть дело Бога, а внимать – дело ее: так это дело было и Божеское и человеческое. "**Когда же крестилась**", говорит, "**если вы признали меня, то войдите в дом мой и живите у меня**". Смотри, и крещается и принимает апостолов с такою покорностью, с большею, нежели покорность Авраамова. Не указала на какое-нибудь другое свое достоинство, но на то, за которое была спасена. Не сказала: "**если вы признали меня**" великою или благочестивою женщиною, но что? "**Верною Господу**". Если верна Господу, то тем более вам, если только вы не сомневаетесь. И не сказала: пребудите у меня, но: "**в дом мой**", чтобы показать, что сделала это с великим усердием. Поистине верная жена! А скажи мне, какой это был бес? Писатель говорит: бог Пифон, от места так называемый (Πυθὼ – собственное имя города, иначе называемого Дельфами и посвященного Аполлону). Видишь ли, что и Аполлон есть бес? Желая подвергнуть (апостолов) искушениям и более раздражить (народ), он побуждал (отроковицу) произносить (сказанные слова).

2. О, лукавый и прелукавый! Если ты знал, что они "**возвещают нам путь спасения**", то почему ты не вышел добровольно? Но он хотел того же, чего домогался Симон, когда говорил: "**дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа**

Святаго" (Деян.8:19). Так и этот делает. Видя, что они пользуются славою, он и теперь притворяется, надеясь, что таким образом останется в теле (отроковицы), когда будет возвещать тоже. Но если от человека "**неприятна похвала в устах грешника**" (Сир.15:9), то тем более от беса. Если Христос не принимает свидетельства от людей и даже от Иоанна, то тем более от беса. Ведь проповедь не от людей, но от Духа Святого. Итак, (обвинители) неистово кричали, и, думая подействовать криком, говорили: "**сии люди возмущают наш город**". Что ты говоришь? Ты веришь бесу: почему же не веришь ему теперь? Он говорит, что они – "**рабы Бога Всевышнего**", а ты говоришь: "**возмущают наш город**"; он говорит: "**возвещают нам путь спасения**", а ты говоришь: "**проповедуют обычаи, которых нам не следует ни принимать**". Смотри, они не внемлют и бесу, а имеют в виду одно любостяжание. "**И повлекли**" их, говорит (писатель), "**на площадь к начальникам: народ также восстал на них**". А они, смотри, ничего не отвечают и не защищаются, чтобы явиться достойными еще большего удивления. "**Ибо**", говорит (Павел), "**когда я немощен, тогда силен**" (2Кор.12:10); "**довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**" (2Кор.12:9). Так, они были удивительны и кротостью. Чем строже заключение, тем славнее чудо. Начальники сделали это, может быть, для того, чтобы прекратить смятение; они видели, что народ волновался, и, подвергая ударам (апостолов), хотели укротить неистовство его, а сажая их в темницу и приказывая крепко стеречь, желали выслушать дело. И "**забил**", говорит (писатель), "**в колоду**"; иначе сказать: в кандалы. Каких же слез достойно то, что делается теперь? (Апостолы) столько страдали, а мы в роскоши, мы на зрелищах. Потому мы и гибнем и подвергаемся опасностям, ища везде удовольствий и не желая для Христа перенести ни малейшего оскорбления даже словом. Будем, увещеваю вас, непрестанно вспоминать, сколько страдали они, сколько терпели, и не возмущались, не соблазнялись. Они совершали дело Божие и столько терпели; не говорили: мы проповедуем, – почему же Бог не защищает нас? Но и это приносило им пользу, и без помощи сами страдания делали их более твердыми, более крепкими и неустрашимыми. "**От скорби**", говорит (Павел), "**происходит терпение**" (Рим.5:3).

Не будем же искать жизни роскошной и изнеженной. Как там бывает двоякое благо: делаются крепкими и удостаиваются великих наград, – так здесь двоякое зло: делаются слабыми и негодными ни на что, разве только на зло. Нет ничего бесполезнее человека, который проводит все время в бездействии и роскоши. Муж неиспытанный, говорит (Писание), неискусен (ср. Сир.37:30); неискусен не только в этих подвигах, но и во всем прочем. Бездействие бесполезно, и в самих удовольствиях всего труднее получать удовольствие, так как они производят пресыщение. Удовольствие от кушаний и от бездействия отнюдь не таково (как кажется), но все это кратковременно и скоропреходяще. Не будем же заботиться о такой жизни. Если мы посмотрим, кто приятнее проводит время, трудящийся ли и живущий в бедности, или предающийся роскоши, то найдем, что первый. Во-первых, самое тело последнего изнежено и расслаблено; потом, телесные чувства его не в здравом состоянии, но слабы и безжизненны; а без этого нет и приятного ощущения здоровья. Какой конь бывает полезнее, утучняемый в бездействии, или употребляемый на работу? Какой корабль – плавающий, или стоящий без движения? Какая вода – текучая, или стоячая. Какое железо – употребляемое в дело, или не употребляемое? То блестит и уподобляется серебру, а это покрывается ржавчиной и остается бесполезным и даже теряет часть вещества своего. Нечто подобное происходит и в празднолюбивой душе: как бы ржавчина покрывает ее и истребляет ее светлость и все прочее. Чем же можно уничтожить эту ржавчину? Оселком скорбей; они делают душу полезною и способною на все. Скажи мне, может ли она посекать страсти, когда острие ее притупилось и гнется, как олово? Может ли наносить раны диаволу? И кому может быть приятен человек, утучняющий плоть свою и движущийся на подобие тюленя?

3. Говорю это не о тех, которые таковы по природе, но о тех, которые утучняют тело свое роскошью, будучи по природе не тучны. Взошло солнце, разлило повсюду светлые лучи свои, пробудило всех на дела их; земледелец выходит, взяв заступ, ковач меди берет молот, каждый ремесленник – свойственное ему орудие, и все принимаются за свое дело; жена берет пряжу или ткань; а он, как свинья, с раннего утра заботится, о насыщении своего чрева, думая, как бы приготовить роскошную трапезу. Подлинно, насыщаться с раннего утра свойственно только бессловесным животным, которые ни к чему негодны, как только на заклание. Но и из них служащие к переноске тяжестей и способные к труду после ночи также принимаются за дело. А он, восставши с ложа, когда солнце уже озарило всю площадь и когда все уже довольно потрудились над своими делами, поднимается потягиваясь, поистине как откормленная свинья, потеряв лучшую часть дня во мраке (сна). Потом долгое время сидит на постели, часто будучи не в состоянии держаться от вчерашнего опьянения, и проводит в этом большую часть (утра). Затем украшает себя и выходит – воплощенное безобразие, не имея в себе ничего человеческого, но совершенный зверь в образе человека: глаза заплыли, уста издают зловоние вина, а бедная душа, как бы поверженная на одр болезни от неумеренно принятого множества яств, влачит бремя плоти, как слон. После того, дошедши до места, садится и начинает говорить и делать так, что лучше бы ему еще спать, нежели бодрствовать. Если ему скажут что-нибудь неприятное, то он бывает чувствительнее всякой девицы; если же – приятное, то легкомысленнее всякого дитяти; между тем лицо его беспрестанно искажается зевотою. Он готов подчиниться всем, желающим сделать зло, если не людям, то страстям; им легко овладевает и гнев, и похоть, и зависть, и все. Все ему льстят, все услуживают, еще более расслабляя его душу; и каждый день он получает какое-либо приращение своей болезни. Если он впадает в затруднительные обстоятельства, то обращается в прах и пепел, и шелковые одежды не приносят ему никакой пользы. Это сказано нами не напрасно, но с целью научить, чтобы никто не жил в праздности и бездействии. Праздность и роскошь негодны ни к чему, а только служат для тщеславия и удовольствия. Как всем не презирать такого человека, и домашним, и друзьям, и родным. Не справедливо ли кто-либо скажет, что он бремя земли и напрасно родился в мир, или лучше – не напрасно, но на свою голову, на погибель свою и ко вреду других? И посмотрим, что приятного в (такой жизни), где стремятся к праздности и недеятельности? Что может быть неприятнее человека, не знающего, что делать? Что постыднее его? Что жалче? Не хуже ли тысячи уз – постоянно звать, сидя на площади и взирая на проходящих? Душа по природе своей имеет нужду в движении и не терпит спокойствия. Бог сотворил ее существом деятельным и потому деятельность свойственна ее природе, а бездействие противно ее природе. Не будем указывать на больных, но возьмем в доказательство сам опыт. Нет ничего постыднее праздности и бездействия; потому Бог и поставил нас в необходимость – трудиться. Бездействие вредит всему и даже телесным членам. Если глаз, или уста, или желудок и какой угодно член не исполняет своего дела, то впадает в крайнюю болезнь; но ничто так не терпит от этого, как душа. Впрочем, как праздность есть зло, так и не надлежащая деятельность. Подобно тому, как если-6ы кто не стал есть ничего, то повредил бы свои зубы, и если бы стал есть не надлежащее, то произвел бы в них оскомину, – так точно и здесь: если не делает ничего или делает, чего не должно, то теряет свою силу. Потому постараемся избегать того и другого, и праздности и такой деятельности, которая хуже праздности. Какая же это деятельность? Любостяжание, гнев, зависть и прочие страсти. Относительно таковых будем стремиться к бездействию, чтобы нам получить обетованные нам блага, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 36

"Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога; узники же слушали их. Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели" (Деян.16:25,26).

1. Что может сравниться с душами (Павла и Силы)? Они претерпели удары, получили множество ран, вынесли оскорбления, находились в крайней опасности, были в кандалах, содержались во внутренней темнице; но и при этом не дозволили себе спать, а бодрствовали в течение всей ночи. Смотрите, какое благо – скорбь. А мы и на мягких постелях, и без всякой опасности, спим во всю ночь. Может быть и потому бодрствовали, что находились в таких обстоятельствах. Ни сила сна не одолела их, ни страдания не изнурили, ни страх не привел в уныние; но все это еще более возбуждало их и исполняло великой радости. "**Около полуночи**", говорит (писатель), "**воспевали Бога; узники же слушали их**". Узникам казалось это странным и необычайным. "**Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели**". Землетрясение было такое, что и (сторож) проснулся; двери отворились так, что нельзя было не удивиться случившемуся; но узники не видели этого; иначе они все разбежались бы. "**Темничный же страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и хотел умертвить себя, думая, что узники убежали. Но Павел возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь**" (ст. 27, 28). Он особенно дивился человеколюбию Павла, изумлялся и его мужеству, как он, имея возможность убежать, не убежал, и его удержал от самоубийства. "**Он потребовал огня, вбежал в темницу и в трепете припал к Павлу и Силе, и, выведя их вон, сказал: государи мои! что мне делать, чтобы спастись?**" (ст. 29, 30) Видишь ли, как чудо поразило его? "**Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой. И проповедали слово Господне ему и всем, бывшим в доме его**" (ст. 31, 32). Вступив немедленно в беседу с ним, они показали свое к нему человеколюбие. "**И, взяв их в тот час ночи, он омыл раны их и немедленно крестился сам и все домашние его. И, приведя их в дом свой, предложил трапезу и возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога**" (ст. 33, 34). Омыл их, воздавая этим благодарность и оказывая им честь. "**Когда же настал день, воеводы послали городских служителей сказать: отпусти тех людей**" (ст. 35). Начальники, может быть, узнали о случившемся и не смели сами (придти) отпустить их. "**Темничный страж объявил о сем Павлу: воеводы прислали отпустить вас; итак выйдите теперь и идите с миром. Но Павел сказал к ним: нас, Римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают? нет, пусть придут и сами выведут нас. Городские служители пересказали эти слова воеводам, и те испугались, услышав, что это Римские граждане. И, придя, извинились перед ними и, выведя, просили удалиться из города. Они же, выйдя из темницы, пришли к Лидии и, увидев братьев, поучали их, и отправились**" (ст. 36-40). И после того как начальники объявили, Павел не выходит, может быть ради Лидии и других братий, или желая устрашить начальников, чтобы кто не подумал, будто они отпущены по своей просьбе, и чтобы внушить смелость другим (христианам). Троякая, возлюбленные, была вина их, именно: они посадили в темницу римских граждан, без суда, и всенародно. Видишь, как апостолы делали многое и по-человечески. Сравним с этою ночью наши ночи, которые проводятся в пиршествах, пьянстве и бесчинии, в которые бывает сон ничем не отличающийся от смерти, или бодрствование хуже сна. Одни спят бесчувственно, другие бодрствуют к сожалению и несчастию, составляя козни, заботясь о деньгах, придумывая, как бы отомстить обидевшим их, питая вражду, припоминая оскорбительные слова, сказанные днем, и таким образом воспламеняют огонь гнева и совершают непростительные дела. Посмотри, как спал Петр; с ним это было по смотрению (Божию), потому что надлежало придти ангелу и никому не должно было видеть случившегося (Деян.12:6). Хорошо и то, что сторож не допущен был до

самоубийства. Почему было это, а не другое какое-либо знамение? Потому что оно особенно могло вразумить и убедить его, а если бы этого не было, то он подвергся бы опасности, так как не столько чудеса вразумляют нас, сколько то, что относится к нашему спасению. А чтобы не показалось, что землетрясение произошло само собою, во свидетельство чуда и случилось последующее. Оно совершается ночью, потому что (апостолы) ничего не делали из тщеславия, но все для спасения. Темничный страж не был злой; он заключил их во внутреннюю темницу, потому что получил такое приказание, а не сам от себя. Почему же Павел не вдруг воззвал к нему? Потому что он был исполнен страха и смятения и не внял бы. Потому, когда Павел увидел, что он намеревается умертвить себя, то предупреждает и громко говорит ему: "**все мы здесь**". После этого он "**потребовал огня, вбежал в темницу и в трепете припал к Павлу и Силе**". Сторож пал к ногам узника! Изводит их вон и говорит: "**государи мои! что мне делать, чтобы спастись?**" Что же они сказали? Заметь: он не потому возлюбил их, что сам избавился от опасности, но потому, что поражен был силою (Божиею).

2. Видишь ли, что было там и что здесь? Там отроковица избавлена от духа – и ввергли (апостолов) в темницу за то, что они избавили ее от беса; здесь только показали они отверстыми двери – и (у сторожа) отверзлись двери сердца, разрешились сугубые узы и воссиял свет; ведь свет воссиял и в его сердце. "**Вбежал**" и "**припал**", и не спрашивает: что случилось, как это случилось? – но тотчас же говорит: "**что мне делать, чтобы спастись?**" Что же Павел? "**Веруй**", говорит, "**в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой**". Много действует на людей и то, что спасется и дом их. "**И проповедали слово Господне ему и всем, бывшим в доме его**". Он омыл их, и сам омылся; омыл их от ран, а сам омылся от грехов; напитал их, и сам напитался. "**И возрадовался**", говорит (писатель), хотя не получил ничего, кроме собеседования и благой надежды. Доказательством его веры служит то, что он оставил все (худое). Что хуже темничного сторожа? Что жесточе, что суровее его? Но он принял их с великою честью. "**Возрадовался**", не потому, что избавился от опасности, но "**уверовал в Бога**". "**Веруй**", говорил Павел, "**в Господа**"; потому и прибавил (писатель): "**уверовал в Бога**", чтобы не показалось, что спасается человек осужденный и грешный. "**Без суда всенародно били и бросили в темницу**", – чтобы это дело не было только действием благодати, но и их самих. Смотри, как разнообразно действует благодать, как вышел (Петр) и как (Павел), хотя они оба были апостолы. "**Испугались**", говорит (писатель). Боятся потому, что они "**Римские граждане**", а не потому, что несправедливо заключили их. "**Просили удалиться из города**". Просили этого, как милости. Они же, пришедши к Лидии и утешив ее, тогда и "**отправились**". Не следовало гостеприимную жену оставлять в скорби и недоумении. "**Отправились**", не потому, что повиновались начальникам, но, поспешая на проповедь, так как этот город уже довольно получил пользы от чуда. Долее оставаться здесь не следовало; чудо является большим, когда уходят совершившие его; тогда и оно само взывает громче. Вера темничного сторожа была здесь вместо проповеди. Что может сравниться с этим? Связывается (Павел) и связанный разрешает, разрешает сугубые узы, разрешает связавшего чрез то самое, что был связан. Поистине это – дело благодати. "**Итак**", говорит, "**выйдите теперь и идите с миром**", т.е. безопасно, не боясь ничего. С другой стороны они желают, чтобы и он оставался в безопасности, чтобы и после того не подвергался обвинению. Не говорят: "**били и бросили в темницу**", совершивших чудеса, так как на это не обратили бы внимания, но, что особенно могло подействовать на душу их, говорят: "**нас, Римских граждан, без суда всенародно**". Будем и мы всегда помнить об этом узнике, а не (только) о чуде. Что в том, скажут эллины, что он, будучи узником, вразумил темничного сторожа? Кого, скажут, и можно было убедить, как не человека грубого, жалкого, не отличавшегося умом, преисполненного пороков, удобоубеждаемого? К этому прибавляют: вообще, кто веровал, кроме кожевника, порфиропродавщицы, евнуха, темничного сторожа, рабов и женщин?

Но что они скажут, если мы укажем на сановников, на сотника, проконсула и других с того времени доныне, даже на властителей и царей? Впрочем, скажу нечто другое, большее этого; посмотрим на тех же простых людей. Что же, скажут, здесь удивительного? Это и удивительно; если бы кто убедился в предметах обыкновенных, то это было бы нисколько не удивительно; но когда о воскресении, о царствии небесном, о жизни любомудрой говорят людям простым и убеждают их, это гораздо удивительнее, нежели убедить мудрецов. Если нет никакой опасности и кто-либо убеждает, то указывают на неразумие (верующих); но когда говорят, например, рабу: если ты поверишь мне, то будешь в опасности, все будут твоими врагами, тебе должно будет умереть и претерпеть множество бед, и при всем том уловляют душу его, то это уже не от безумия. Если бы учение (христианское) служило для удовольствия, то справедливо можно было бы сказать это; если же раб научается тому, чего не захотели бы принять философы, то это – высшее чудо. Представим, если угодно, того кожевника и посмотрим, о чем беседовал с ним Петр, или, если хочешь, того самого темничного сторожа. О чем говорил ему Павел? Говорил о том, что Христос воскрес, что есть воскресение мертвых, что есть царствие (небесное), и скоро убедил этого, удобоубеждаемого человека. Что же? Не говорил ли ему также о жизни, о том, что нужно быть целомудренным, удерживаться от любостяжания, не быть жестоким и уделять другим из своего имущества? Убедиться и в этом, поистине, свойственно не безумной, но великой душе. Положим, что они принимали учение более по неразумию; но усвоить себе жизнь столь любомудрую – может ли это быть от неразумия? Таким образом, чем неразумнее убеждаемый и однако убеждается в том, в чем философы не могли убедить философов, тем большее здесь чудо, особенно, когда убеждаются и женщины и рабы, и делами показывают то, в чем Платоны и все другие (философы) не могли убедить никого. Что я говорю: никого? Даже и себя самих. Платон внушал, что не нужно презирать богатства, внушал тем, что собрал столько имущества, такое множество денег, золотых перстней и чаш. Что не нужно презирать славы мирской, внушал сам Сократ, хотя и много философствовал об этом, – внушал тем, что все делал из тщеславия. Если бы вы были знакомы с его учением, то я более распространился бы об этом и показал бы, как много в них лицемерия, и как у самого Сократа, – если верить тому, что говорит ученик его, – все учение проникнуто тщеславием.

3. Но оставим их и обратим речь к самим себе. К вышесказанному можно прибавить и то, что они убеждались в этом среди опасностей. Итак, не будем бесстыдны, но подумаем о той ночи, о кандалах, о песнопении, и постараемся сами поступать также; тогда и мы отверзем себе не темницу, а небо. Если будем молиться, то можем отверзть самое небо. Илия ж заключал и отверзал небо молитвою. И на небе есть темница. "**Что вы свяжете на земле**", говорит (Христос), "**то будет связано на небе**" (Мф.18:18). Будем молиться во время ночи и разрешим эти узы. А что молитва разрешает грехи, в этом может убедить нас вдовица (Лк.18:3), может убедить друг, который в полночь стоял у дверей и толкал (Лк.11:5), может убедить Корнилий, которому (ангел) сказал: "**молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом**" (Деян.10:4), может убедить Павел, который говорит: "**истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь**" (1Тим.5:5). Если он говорит это о вдовице, жене слабой, то тем более (можно сказать) о мужах. Я уже и говорил вам об этом, и теперь скажу: будем вставать во время ночи; если не прочитаешь многих молитв, то прочитай одну со вниманием, и этого довольно; ничего более не требую; если не среди ночи, то хотя около утра. Покажи, что ночь не для одного тела, но и для души; не попускай проходить ей в бездействии, но воздай это воздаяние Господу, или лучше, оно опять к тебе же возвратится. Скажи мне: когда мы впадаем в затруднительное положение, то кого тогда не просим? И если скоро получаем просимое, то чувствуем облегчение. Где ты найдешь, чтобы тот, кого ты просишь, готов был благодарить тебя за то, что ты просишь? Где ты найдешь, чтобы не нужно было ходить и искать, кого бы попросить, но иметь его

всегда в готовности? Или не нуждаться в других, чтобы просить чрез них? Что может быть больше этого? Он тогда особенно и исполняет (наши просьбы), когда мы не прибегаем к другим, подобно тому, как искренний друг тогда особенно упрекает нас в недоверчивости к его дружбе, когда просим его чрез других. Так поступаем и мы с просящими нас; тогда особенно бываем к ним благосклонны, когда они сами обращаются к нам, а не чрез других. Но что, скажешь, если я оскорбил Его? Перестань оскорблять, со слезами приступи к Нему, и Он скоро помилует тебя за прежние дела. Скажи только, что оскорбил Его, скажи от души и из глубины сердца, и во всем получишь прощение. Не столько ты желаешь, чтобы прощены были тебе грехи, сколько Он желает простить грехи твои. А что ты мало желаешь этого, пойми из того, что ты не хочешь ни бодрствовать, ни уделять из имущества своего; а Он, чтобы оставить нам грехи наши, не пощадил единородного, истинного и сопрестольного Сына Своего. Видишь ли, что Он гораздо более тебя желает простить грехи твои? Не будем же нерадивы и не станем откладывать это дело. Он человеколюбив и благ; подадим Ему только повод; и даже этого (Он требует) только для того, чтобы мы не оставались непотребными; а иначе Он помиловал бы нас и без этого. Подобно тому, как мы для блага рабов своих изобретаем и употребляем тысячи средств, так и Он печется о нашем спасении. "**Предстанем пред лицем Его во исповедании**", что Он благ и милосерд (Пс.94:2). Если ты не будешь призывать Его во истине, и не станешь взывать от сердца: прости мне, а одними только устами, то что Он сделает? Что же значит: призывать во истине? С добрым расположением, с усердием, от чистого сердца. Подобно тому, как о мире говорят, что оно истинное, когда к нему ничего не примешано, так точно и здесь. Истинно призывающий Его и истинно просящий Его просит непрестанно и не отходит дотоле, пока не получит; а кто делает это лицемерно и желает только исполнить закон, тот не призывает Его во истине. Всякий, кто бы то ни был, не говори только: я грешник, но и старайся избавить себя от этой славы; не говори только, но и сокрушайся. Если ты сокрушаешься, то прилагаешь старание; если не стараешься, то и не сокрушаешься; если же не сокрушаешься, то издеваешься. Кто, сознавая, что он болен, не делает всего к тому, чтобы избавиться от болезни? Молитва – великое оружие. "**Если вы**", говорит (Христос), "**умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный**" (Лк.11:13). Почему же ты не хочешь прибегнуть к Нему? Он любит тебя; может сделать больше всех; и желает и может: что же тебе препятствует? Ничто. Итак, будем приступать к Нему с верою, приступать принося угодные Ему дары: непамятозлобие, снисходительность, кротость. Хотя бы ты был грешник, с дерзновением проси у Него прощения грехов, если можешь представить с своей стороны это доброе дело; и хотя бы ты был праведник, но если не имеешь непамятозлобия, то не получишь никакой пользы. Человек, простивший своему ближнему, не может не получить совершенного прощения (от Бога), потому что Бог несравненно человеколюбивее нас; это известно каждому. Что же ты говоришь? Если можешь сказать (пред Богом): я был обижен, но обуздал гнев, преодолел бурный порыв его по заповеди Твоей, то не простит ли и Он тебе? Без сомнения, простит. Очистим же душу свою от памятозлобия; этого довольно будет, чтобы и нам быть услышанными; будем молиться со вниманием и великим усердием, чтобы нам, удостоившись великого человеколюбия Его, сподобиться обетованных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 37

"Пройдя через Амфиполь и Аполлонию, они пришли в Фессалонику, где была Иудейская синагога. Павел, по своему обыкновению, вошел к ним и три субботы говорил с ними из Писаний, открывая и доказывая им, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых и что Сей Христос есть Иисус, Которого я проповедую вам" (Деян.17:1-3).

1. Опять они проходят малые города, но поспешают в большие, из которых, как бы из какого источника, слово могло распространяться в соседние города. По обычаю своему Павел вошел в синагогу иудейскую. Хотя он сказал: "**мы обращаемся к язычникам**" (Деян.13:46), но не оставил и тех, потому что питал к ним великую любовь. Послушай, в самом деле, что он говорит: "**Братия! желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение**" (Рим.10:1), и: "**я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих**" (Рим.9:3). Он делал это как ради обетования Божия и славы Его, так и для того, чтобы в противном случае не соблазнились эллины. "**Три субботы говорил с ними из Писаний, открывая и доказывая им, что Христу надлежало пострадать и воскреснуть из мертвых и что Сей Христос есть Иисус, Которого я проповедую вам**". Видишь, как он, прежде всего, проповедует о страдании; так, (апостолы) не стыдились этого, но были уверены, что это спасительно. "**И некоторые из них уверовали и присоединились к Павлу и Силе, как из Еллинов, чтущих Бога, великое множество, так и из знатных женщин немало**" (ст. 4). Только сущность беседы изложил (писатель); так он не многоречив и не везде излагает целые речи Павла. "**Но неуверовавшие Иудеи, возревновав и взяв с площади некоторых негодных людей, собрались толпою и возмущали город и, приступив к дому Иасона, домогались вывести их к народу. Не найдя же их, повлекли Иасона и некоторых братьев к городским начальникам, крича, что эти всесветные возмутители пришли и сюда, а Иасон принял их, и все они поступают против повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса**" (ст. 5-7). О, клевета! Опять обвиняют их в государственном преступлении. "**Все они поступают против повелений кесаря**", говорят, "**почитая другого царем, Иисуса**".

"**И встревожили народ и городских начальников, слушавших это. Но сии, получив удостоверение от Иасона и прочих, отпустили их**" (ст. 8-9). Удивителен этот муж, подвергший опасности себя и спасший их. "**Братия же немедленно ночью отправили Павла и Силу в Верию, куда они прибыв, пошли в синагогу Иудейскую. Здешние были благомысленнее Фессалоникских: они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так**" (ст. 10-11). "**Благомысленнее**", т.е. более послушные. И смотри, они не просто, но тщательно исследовали Писания (это именно означает – "**разбирая**"), желая из них более удостовериться касательно страдания (Христова), так как они уже веровали. "**И многие из них уверовали, и из Еллинских почетных женщин и из мужчин немало. Но когда Фессалоникские Иудеи узнали, что и в Верии проповедано Павлом слово Божие, то пришли и туда, возбуждая и возмущая народ. Тогда братия тотчас отпустили Павла, как будто идущего к морю; а Сила и Тимофей остались там**" (ст. 12-14). Смотри, как он и отступает и опять наступает, и многое делает по-человечески. "**Сопровождавшие Павла проводили его до Афин и, получив приказание к Силе и Тимофею, чтобы они скорее пришли к нему, отправились**" (ст. 15). Но обратимся к вышесказанному. "**Три субботы**", говорит (писатель), "**говорил с ними из Писаний**". И хорошо, потому что тогда они не были заняты. Тоже делал и Христос, поучая часто из Писаний, а не всегда посредством знамений. Так как они противились ему и клеветали на него, как бы на обольстителя и развратителя, то он и беседует с ними из Писаний. Кто старается убедить посредством одних только знамений, тот легко навлекает на себя подозрение; а кто убеждает из Писаний, тот не подвергается такому подозрению. И мы видим, что он часто убеждал посредством учения; в Антиохии, когда он учил, собрался к нему весь город; и это – великое дело, и также знамение, и притом не малое, но весьма большое. А чтобы (апостолы) не думали, что они сами собою совершали все, для того Бог попускает им быть гонимыми. Отсюда происходило два блага: они не высокомудрствовали, как бы преодолевая все сами собою, и с другой стороны не страшились, как бы виновные в чем-нибудь; так по устроению (Божию) было и то, что они призывались (с места на место). "**Уверовали**", говорит (писатель), от честивых еллин множество много "**и из знатных**

женщин немало" (ст. 12). А (иудеи) противились. Почему же тот, кто говорил: "**нам идти к язычникам, а им к обрезанным**" (Гал.2:9), беседовал с иудеями? Он делал это от избытка (ревности). Если же нужно было беседовать и с иудеями, то почему он опять говорил: "**ибо Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников**" (ст. 8)? Как те (апостолы) беседовали и с язычниками, хотя были посланы к обрезанным, так и он более беседовал с (язычниками), но не оставлял и (иудеев), чтобы не показалось, что они разделились.

2. Почему же, скажешь, он наперед входил в синагоги? Он убеждал язычников через иудеев, тем, о чем беседовал с иудеями. Он знал, что это особенно располагало язычников к вере. Потому он говорил: "**Апостол язычников**" (Рим.11:13); и все послания его направлены против иудеев. "**Что Христу**", говорит, "**надлежало пострадать**". Если надлежало пострадать, то и воскреснуть; первое гораздо удивительнее последнего. Если (Бог) ни в чем невиновного (Христа) предал на смерть, то тем более справедливо, что Он воскресил Его. "**Но неуверовавшие Иудеи**", говорит (писатель), "**возревновав и взяв с площади некоторых негодных людей, собрались толпою и возмущали город**". Следовательно, здесь было больше эллинов. "**И**", принимают "**некоторых**", потому что иудеи считали себя недостаточными для возмущения (народа) и не имели основательной к тому причины. Они всегда производили это с шумом и при помощи негодных людей. "**Не найдя же их**", говорит, "**повлекли Иасона**". О, насилие! Повлекли их прямо из домов их. "**Все они**", говорят, "**поступают против повелений кесаря, почитая другого царем, Иисуса**". Так как они не говорили ничего противного законам и не возмущали города, то обвиняют их в другом, государственном, преступлении. Но чего вы страшитесь, если (Христос) умер? Смотри, как гонения везде служат к распространению проповеди. "**Здешние были**", говорит (писатель), "**благомысленнее Фессалоникских**", т.е., никакого зла (апостолам) не делали; они уверовали, а те поступают напротив, производя возмущение. "**И многие из них**", говорит, "**уверовали, и из Еллинских почетных женщин и из мужчин немало**". Опять здесь веруют эллины. Заметь, что они удалились по предусмотрительности, а не по страху; иначе они перестали бы проповедовать и тех раздражали бы еще более. А теперь произошло два блага: и неистовство тех прекратилось и проповедь распространилась. Достойно бесчиния иудеев выразился (писатель), сказав, что они "**пришли и туда, возбуждая и возмущая народ**", и тем изобразив их неукротимое неистовство. "**Тогда**", говорит, "**братия тотчас отпустили Павла, как будто идущего к морю**". Здесь они отпускают одного Павла, потому что за него опасались, чтобы он не потерпел чего-нибудь, так как он был их главою. Так, не везде действовала благодать, но оставляла им действовать и самим по-человечески, возбуждая их и располагая к бодрствованию и вниманию. Смотри: она избавляла их (от опасностей) до Филипп, а от этого места уже нет. "**И, получив**", говорит (писатель), "**приказание к Силе и Тимофею, чтобы они скорее пришли к нему, отправились**". Так и следовало; где был Павел, там нужно было быть и им. Хорошо, что они приведены были Богом в Македонию, так как Греция была уже славною. Притом (Павел) делал иное с избытком. Христос повелел (проповедникам) жить от благовестия, а он не делал этого (1Кор.9: 14,15), Христос не посылал его крестить (1Кор.1:17), а он крестил. Видишь, как он был равно способен на все. Петр (пошел) к обрезанным, а он к язычникам, к многочисленнейшей части. "**Но сии, получив**", говорит, "**удостоверение от Иасона и прочих, отпустили их**". Смотри, как Иассон, дав "**удостоверение**", избавил Павла и таким образом положил за него душу свою. "**Здешние были**", говорит, "**благомысленнее Фессалоникских**", т.е., были такими по добродетели и вере в Бога. "**Они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так**", – не просто, по увлечению или соревнованию.

Город был большой и в нем были негодные люди. Нет ничего удивительного, что в большом городе были худые люди; весьма естественно быть худым людям в большом городе, где так много случаев к бесчинствам. Как в теле, когда болезнь делается сильнее, то находит себе более материала и пищи, – так и здесь было тоже, что и в Иконии, что бывает и теперь. Павел удаляется, чтобы они (иудеи) остались виновными в погибели других (необращенных). Почему Павел и говорил: "**препятствуют нам говорить язычникам**" (1Фес. 2:16). А почему, скажешь, они не остались здесь? Почему не совершили знамений? Если (Павел) оставался довольно времени там, где был побиваем камнями, то тем более (мог остаться) здесь. Почему? Богу не было угодно, чтобы они постоянно совершали знамения; и если гонимые побеждают без знамений, то это есть не меньшее знамение, как и совершать знамения. Как теперь (Бог) побеждает без знамений, так точно Он часто благоволил побеждать и тогда. Апостолы не прибегали к знамениям, как и Павел говорит: "**мы проповедуем Христа распятого**" (1Кор.1:23); ищущим знамений и премудрости мы сообщаем то, в чем иной не мог бы убедить и при помощи знамений, и убеждаем. Это и есть великое знамение. Когда же проповедь распространялась, то, смотри, как часто они прибегают к знамениям. Для верующих следовало совершать больше знамений, нежели для прочих; потому они и совершаются; впрочем (апостолы) совершали их тогда, когда уходили и приходили. "**Отпустили**", говорит (писатель), "**Павла, как будто идущего к морю**". Для чего? Чтобы (иудеям) не легко было взять его. Таким образом (отпустившие Павла) сами по себе могли сделать нечто великое, а с ним сделали бы и успели бы еще более: но они хотели пока избавить его от опасности.

3. Смотри, какую заботливость проявляли все ученики о верховных (апостолах), не так как мы теперь, мы, которые отделились друг от друга, разделились на великих и малых; одни превозносимся, другие завидуем; эти завидуют потому, что мы надмеваемся и не хотим равняться с ними. В теле нашем есть согласие, потому что (между членами его) нет надменности; а нет надменности потому, что все члены по необходимости имеют нужду один в другом; голова имеет нужду в ногах, а ноги – в голове. И между нами Бог устроил тоже самое, но не смотря на то мы не хотим (равняться с другими), хотя и без этого следовало бы иметь любовь между собою. Не слышите ли, как и внешние (язычники) осуждают нас, когда говорят: дружба полезна? Миряне имеют нужду в нас, а мы существуем для них. Так, не было бы ни учителя, ни начальника, если бы не было учащихся и подчиненных, и не явили бы они дел своих, потому что не могли бы. Как земля имеет нужду в земледельце и земледелец в земле, так и здесь. Какое воздаяние получит учитель, если он не может показать наученных им? Какое – и учащиеся, если они не пользовались добрым учением? Таким образом, мы равно имеем нужду друг в друге, начальники в подчиненных, настоятель в послушниках; начальники существуют для других многих. Никто ни в каком деле не может ограничиться самим собою, нужно ли будет рукополагать, или давать советы и мнения, но получает большую честь от собрания и множества. Например, бедные имеют нужду в подающих, а подающие в приемлющих. "**Будем внимательны друг ко другу**", говорить (апостол), "**поощряя к любви и добрым делам**" (Евр.10:24). Потому много может общение с Церковью, и кто не может сделать чего-либо сам собою, то сделает вместе с другими. Потому-то здесь особенно совершаются потребные молитвы о вселенной, о Церкви во всех пределах, о мире, о находящихся в опасностях. И Павел выражает это, когда говорит: "**дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас**" (2Кор.1:11), т.е., чтобы воздана была благодарность многим. И часто он испрашивает себе молитв их. Посмотри, что и Бог говорит о ниневитянах: "**Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек**" (Ион.4:11)? "**Где двое или трое**", говорит (Христос), "**собраны во имя Мое, там Я посреди них**" (Мф.18:20). Если же двое могут сделать много, то не тем ли более многие? Положим, что ты и один имеешь силу, но не

столько (как с другими). И почему ты один? Почему не собираешь многих? Почему не делаешься виновником любви? Почему не устрояешь дружбы? Ты не имеешь величайшей славы добродетели. Как зло, сделанное по согласию с другими, более оскорбляет Бога, так и добро, сделанное по согласию с другими, более приятно Ему. "**Не следуй**", говорит (Писание), "**за большинством на зло**" (Исх.23:2). "**Все уклонились, все стали совершенно негодны**" (Пс.13:3) и сделались подобны ликующим в злобе своей. Позаботься приобрести себе друзей прежде домашних своих, прежде всего прочего. Если "**миротворцы**" есть "**сыны Божии**" (Мф.5:9), то не тем ли более приобретающий друзей? Если только примиряющий называется сыном Божиим, то делающий примиряющихся друзьями чего не удостоится? Будем совершать эту куплю, враждующих между собою делать друзьями, соединять тех, которые ни враги, ни друзья между собою, а прежде всех – нас самих. Как тот, кто допустил вражду в своем доме и живет не в согласии с своею женою, не будет иметь доверия, когда станет примирять других, но услышит слова: "**врач! исцели Самого Себя**" (Лк.4:23), так точно и мы услышим здесь. Какая же вражда у нас? Вражда души с телом, порока с добродетелью. Прекратим эту вражду, уничтожим эту брань; тогда и других будем вразумлять с миром и с великим дерзновением, без упреков совести. Гнев противится кротости, любостяжание противится презрению богатства, зависть противится доброжелательству. Прекратим эту брань, низложим этих врагов, поставим эти трофеи, устроим мир в нашем городе. У нас ведь есть свой город и управление, граждане и множество пришельцев. Изгоним пришельцев, чтобы не развратились наши граждане. Да не входит к нам никакое чуждое и нездравое учение, никакое плотское мудрование. Не видим ли мы, что если кто-нибудь из неприятелей будет пойман в городе, то судится, как соглядатай? Изгоним же пришельцев, или лучше, не пришельцев только, но и врагов. Если заметим какой-нибудь помысл, враждебный нам, но прикрывающийся одеждой гражданина, предадим его начальнику – уму. Много у нас таких помыслов, враждебных по существу своему, но прикрывающихся овечьей кожею. Как персы, сняв свою тиару, шаровары и обувь, и надев другую одежду, употребляемую у нас, остригшись догола и говоря на здешнем языке, под этим внешним видом скрывают свою вражду, а если подвергнешь их пытке, то откроешь скрываемое, так и здесь: подвергни тысяче пыток этот помысл, и тотчас увидишь враждебное мудрование. Но, чтобы показать вам пример этих соглядатаев, которых диавол посылает подсматривать за нами, разоблачим хотя одного из них и тщательно допросим пред судилищем; и, если угодно, представим некоторых из обличенных Павлом: "**это имеет только вид мудрости**", говорит он, "**в самовольном служении, смиренномудрии и изнурении тела, в некотором небрежении о насыщении плоти**" (Кол.2:23). Так, например, диавол хотел ввести ересь жидовствующих. Если бы он стал прямо вводить ее, то никого не убедил бы. Смотри же, как он сделал это: не нужно, говорит, щадить своей плоти. Не прилепляться к пище, но воздерживаться, вот это – любомудрие, это – смиренномудрие. И ныне еще он вместе с еретиками хотел низвести нас до почитания твари. Смотри же, как он устроил свой коварный замысл. Если бы он сказал: покланяйся твари, то был бы обличен; но что? Бог, говорит, сотворен. Обличим же его пред судом судей, (разумеющих) смысл апостольских писаний; к ним приведем его; они распознают, что проповедь и что пустословие. Многие собирают имущества, будто бы для того, чтобы иметь, что подать бедным, собирают неправедно; и это также злой помысл. Отвергнем его, обличим, чтобы нам не быть уловленными, но чтобы, избегая всех козней диавола и верно содержа здравое учение, нам безопасно пройти настоящую жизнь и сподобиться обетованных благ, блогодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 38

"В ожидании их в Афинах Павел возмутился духом при виде этого города, полного идолов. Итак он рассуждал в синагоге с Иудеями и с чтущими Бога, и ежедневно на площади со встречающимися" (Деян.17:16,17).

1. Смотри, как он терпел от иудеев гораздо более искушений, нежели от эллинов. В Афинах даже он не потерпел ничего такого, но все кончилось смехом, и еще убедил (некоторых); от иудеев же много пострадал: так сильно они были вооружены против него! Потому и говорит (писатель): "**в ожидании их в Афинах Павел возмутился духом при виде этого города, полного идолов**". Справедливо он огорчался, потому что нигде нельзя было видеть столько идолов. "**Итак он рассуждал в синагоге с Иудеями и с чтущими Бога, и ежедневно на площади со встречающимися**". Смотри, как он опять беседует с иудеями, и чрез это заграждает уста тем, которые утверждают, будто он оставил их, обратившись к язычникам. Удивительно, что философы горделиво не посмеялись ему тотчас же, как он стал говорить, и не отвергли его учения, сказав: оно далеко от философии. Это потому, что он не имеет надменности; или, с другой стороны, потому, что они не понимали и не разумели ничего из сказанного. В самом деле, могли ли (уразуметь его) те, из которых одни почитали Бога существом телесным, другие удовольствие считали блаженством? "**Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним; и одни говорили: "что хочет сказать этот суеслов?", а другие: "кажется, он проповедует о чужих божествах", потому что он благовествовал им Иисуса и воскресение**" (ст. 18). Они думали, что воскресение (ανάςασις) есть какое-нибудь божество, так как имели обычай почитать и женщин. "**И, взяв его, привели в ареопаг и говорили: можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою? Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши. Посему хотим знать, что это такое?**" (ст. 19, 20). Повели его в ареопаг не для того, чтобы научиться, но чтобы наказать его, так как там судились уголовные преступления. Смотри, как они, под видом желания научиться, во всем обнаруживают свою страсть к новостям. Город их был город пустословов. "**Афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое. И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано "неведомому Богу". Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам**" (ст. 21-23). Как бы похваляя их, он, по-видимому, не говорит им ничего неприятного. "**Вижу я**", говорит, "**что вы как бы особенно набожны**". "**На котором написано: неведомому Богу**". Что это значит? Афиняне, принимавшие в разные времена разных богов и даже иноземных, например, богиню Минерву, Пана и других из других стран, боясь, чтобы не нашелся еще какой-нибудь бог, неведомый им, но почитаемый в другом каком-нибудь месте, для большей безопасности поставили жертвенник и ему; и так как этот бог был неизвестен, то и написали: неведомому Богу. Этот-то Бог, говорит Павел, и есть Иисус Христос, или лучше, Бог всех. "**Сего-то, Которого вы, не зная, чтите**", говорит, "**я проповедую вам**". Смотри, как он доказывает, что они и прежде принимали Его. Ничего странного, говорит, ничего нового я не предлагаю. Они твердили ему: "**можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою? Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши**". По- тому он немедленно уничтожает их предубеждение и говорит: "**Бог, сотворивший мир и всё, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли**" (ст. 24). Потом, чтобы они не думали, что Он есть один из многих (богов), в исправление этого присовокупляет: "**не в рукотворенных храмах живет и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду**" (ст. 25). Видишь ли, как он мало-помалу научает любомудрию? Как посмеивается языческому заблуждению? "**Сам дая всему жизнь и дыхание и всё. От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли**" (ст. 26). Это свойственно Богу. Но, заметь, это может быть сказано и о Сыне. "**Он, будучи Господом**",

говорит, "**неба и земли**", – неба и земли, которые они считали богами. Объясняет им сотворение мира и людей. "**Назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас: ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: мы Его и род**" (ст. 27, 28). Это сказал поэт Арат. Смотри, как он заимствует доказательства и из того, что ими самими сделано и сказано. "**Итак мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого**" (ст. 29). Но поэтому-то, скажут, и должны? Отнюдь нет; ни мы, ни наши души не (совершенно) подобны (Богу). Почему же он не стал прямо научать любомудрию и не сказал: Бог безтелесен по существу, невидим, неизобразим? Потому, что излишне было бы говорить это людям, которые еще не знали, что Бог один. Потому, не говоря об этом, он останавливается на боле близком предмете и говорит: "**итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых**" (ст. 30, 31). Смотри: тронув их душу словами: "**назначил день**", и устрашив, он потом благовременно присовокупляет: "**воскресив Его из мертвых**". Но обратимся к вышесказанному. "**В ожидании их в Афинах Павел возмутился**", говорит (писатель), "**духом**". Не гнев или негодование означает здесь раздражение, но горячность души и ревность, как и в другом месте, где говорится: "**произошло огорчение**" между ними (Деян.15:39).

2. Смотри, как это устрояется, тогда как он невольно остался здесь, ожидая своих спутников. Что значит: "**возмутился**"? Иначе сказать: возревновал; этот дар далек от гнева и негодования. Он не мог снести и скорбел духом. "**Итак он рассуждал**", говорит (писатель), "**в синагоге с Иудеями и с чтущими Бога**". Смотри: он опять беседует с иудеями. "**Чтущими Бога**", же называются здесь прозелиты, иудеи со времени пришествия Христова рассеялись повсюду, как потому, что с того времени закон потерял силу, так и для того, чтобы научать людей благочестию. Но сами они не получали никакой пользы, а только уверялись в своих бедствиях. "**Некоторые из эпикурейских и стоических философов стали спорить с ним**". Афиняне тогда уже не управлялись своими законами, как подвластные римлянам. А отчего философы стали состязаться с ним? Они видели, что другие беседуют с ним и что этот человек пользуется славою. И смотри, как обидно они тотчас же (выражаются), – "**душевный человек не принимает того, что от Духа Божия**" (1Кор.2:14): "**кажется**", говорят, "**он проповедует о чужих божествах**". Демонами они называли своих богов; а города их были наполнены идолами. "**И, взяв его, привели в ареопаг и говорили**". Для чего повели его в ареопаг? Чтобы устрашить его, так как там судились уголовные преступления. "**Можем ли мы знать, что это за новое учение, проповедуемое тобою? Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши. Посему хотим знать, что это такое? Афиняне же все и живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое**". Здесь указывается на то, что хотя они постоянно проводили время в том, чтобы говорить или слушать, но и для них казалось странным это (учение Павла), которого они еще не слыхали. "**И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник**". Не сказал прямо: идолов, но для предисловия к речи сказал: "**вижу я, что вы как бы особенно набожны**", по причине упомянутого жертвенника. "**Бог**", говорит, "**сотворивший мир и всё, что в нем**". Произнес одно слово, которым ниспроверг все учения философов. Эпикурейцы утверждали, что все произошло само собою и составилось из атомов; стоики, – что все телесно и (составилось) из огнеобразного вещества; а он говорит, что "**мир и всё, что в нем**" – дело Божие. Видишь ли, какая краткость и в краткости какая ясность? И смотри, что им казалось странным. То,

что Бог сотворил мир. Что теперь всякий знает, того не знали афиняне и мудрейшие из афинян. Если же Он сотворил, то очевидно, что Он есть Господь. Заметь, какое, по словам его, отличительное свойство Божества: творчество, которое принадлежит и Сыну. И пророки везде говорят, что творить свойственно Богу, – не так, как эти (еретики), которые признают творцом иное существо, а не Господа, предполагая несозданное вещество. Здесь он высказал и подтвердил свою мысль, но некоторым образом ниспроверг учение и этих (еретиков). "**Не в рукотворенных**", говорит, "**храмах живет** ". (Бог) обитает и в храмах, но не в таких, а в душе человеческой. Смотри, как он ниспровергает чувственное служение (Богу). Как? Разве Бог не обитал в храме Иерусалимском? Нет, но только действовал. Разве Он не принимал служения от рук человеческих у иудеев? Не от рук, но от души, и этого требовал не потому, чтобы имел в том нужду. "**Ужели Я**", говорит Он, "**ем мясо волов и пью кровь козлов?**" (Пс.49:13). Затем, сказав: "**и не требует служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду**", – не довольно ведь того, что Он ни в чем не нуждается, как сказано, хотя и это есть божеское свойство, но надлежит быть еще и другому, – он присовокупляет: "**Сам дая всему жизнь и дыхание и всё**". Указывает два отличительных свойства Божества: ни в чем не нуждаться и всем подавать все. Сравни с этим то, что говорили о Боге Платон или Эпикур, и все в сравнении с этим окажется пустословием. "**Дая**", говорит, "**всему жизнь и дыхание**". Вот и по отношению к душе, утверждает он, Бог есть творец ее, а не родитель. Посмотри еще, как он опровергает учение о веществе. "**От одной крови**", говорит, "**Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли**". Это гораздо лучше их (учения) и ниспровергает и атомы и (несозданное) вещество. Здесь он показывает, что и душа человеческая неделима, и что быть Творцом не то значит, что они говорят. А словами, что Бог "**не требует служения рук человеческих**", выражает то, что Он принимает служение душой и умом. "**Он**", говорит, "**будучи Господом неба и земли**", – следовательно не частные боги. "**Бог, сотворивший мир и всё, что в нем**". Сказав наперед, как произошло небо, он потом изъяснил, что Бог живет не в рукотворенных (храмах) и как бы так сказал: если Он – Бог, то очевидно сотворил все; если же не сотворил, то Он и не Бог. Боги, говорит, которые не сотворили неба и земли, должны быть отвергнуты. Таким образом, он преподал учение гораздо выше философов (хотя и не сказал еще о важнейшем, так как еще не пришло время, а он говорил с ними, как с детьми) – учение о творении, господстве (Бога), о том, что Он не нуждается ни в чем.

3. Сказав, что (Бог) "**от одной крови Он произвел весь род человеческий**", он указал причину всех благ. Что может сравниться с этим величием? Удивительно – сотворить от одного столь многих; но еще удивительнее – обладать всеми. "**Сам дая всему**", говорит, "**жизнь и дыхание**". Что значит: "**назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли**"? Никому, говорит, не нужно было ходить и искать Бога; или, если не так, то: определил искать Бога, но определил не навсегда, а на "**предопределенные времена**". Этими словами он выражает, что и теперь искавшие не нашли Его, хотя Он был так явен для ищущих, как бы находящийся пред нами осязаемый предмет. Не таково это небо, чтобы в одном месте оно было, а в другом – нет, чтобы в одно время было, а в другое – нет; но во всякое время и на всяком месте можно найти его. Так устроил (Бог), что ищущим Его не препятствует ни место, ни время. Это самое и им много послужило бы во благо, если бы они захотели, т.е. что это небо находится везде, существует во всякое время. Потому он и сказал: "**хотя Он и недалеко от каждого из нас**", но находящегося близ всех. Это значит, что Бог не только дал нам жизнь и дыхание и все, но, что важнее всего, открыл путь к познанию Его, даровал то, чрез что мы можем найти и достигнуть Его. Но мы не захотели искать Его, хотя Он близ нас. "**Недалеко**", говорит, "**от каждого из нас**". Так, близок ко всем, говорит, находящимся повсюду во вселенной. Что может быть больше этого? Смотри, как он ниспровергает частных (богов). Что я говорю: "**недалеко**"? Он так близок, что без Него

невозможно и жить. "**Ибо мы Им живем и движемся и существуем**". Как бы указывает на вещественный пример в таком роде: как невозможно не знать воздуха, который разлит повсюду и находится недалеко от каждого из нас, или лучше, находится и в нас самих, так точно – и Творца всего. Смотри, как (Павел) приписывает Ему все – и промышление и сохранение, бытие, действие и продолжение (всего). Не сказал: чрез Него, но, что означает большую близость: "**Им**". Ничего подобного не сказал тот поэт, который выразился: "**мы Его и род**". Тот сказал о Юпитере, а он относит это к Творцу, разумея не то самое существо, которое тот (разумел), – да не будет! – но применяя к Нему то, что собственно сказано о другом; равно как и жертвенник он приписал Ему, а не тому, которого они почитали. Говорилось и делалось нечто, относящееся к Нему, но эллины не знали, что это относится к Нему, а относили к другому. Скажи мне, о ком, собственно, можно было сказать: "**неведомому Богу**" – о Творце, или о демоне? Очевидно, что о Творце, хотя они не знали Его, а того знали. Как те слова, что все со-творил (Бог), надобно относить собственно к Богу, а не к Юпитеру, какому-то человеку порочному, нечестивцу и чародею, так точно и слова: "**мы Его и род**", Павел сказал не в одинаковом (с поэтом), но в другом смысле. "**Итак мы**", говорит, "**будучи родом Божиим**", т.е., родственные и ближайшие, или, так сказать, приближенные и соседственные. А чтобы они опять не сказали: "**что-то странное ты влагаешь в уши наши**" (ничто ведь так мало не соответствует людям, как это), – он ссылается на поэта. И не сказал: вы, нечестивые и пренечестивые, не должны думать, что Божество подобно золоту или серебру; но смиренно говорит: "**не должны думать**" это, но гораздо выше этого. Что же выше этого? Бог. Но и этого (не сказал), – потому что это имя означает (положительную) деятельность, – а говорит пока отрицательно: Божество не подобно этому; кто может сказать это? Смотри, как он доводит до понятия о бестелесном. Когда ум представляет тело, то вместе с тем представляет и пространство. "**Итак мы, будучи родом Божиим, не должны думать**", говорит, "**что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого**". Но кто-нибудь мог сказать: мы и не думаем этого; для чего же он говорит это? Он обращал речь свою ко многим; и хорошо сказал так. Если мы по душе не подобны этим (вещам), то тем более Бог. Таким образом, он отклоняет их от этой мысли. И не только Божество не подобно искусственному изображению, но не подобно и другому какому-либо "**вымыслу человеческому**", так как (все) изобретается или искусством или умом. Потому он и сказал: если Бог есть то, что изобретается искусством человеческим или умом, то и в камне было бы существо Божие. Если же мы живем Им, то как не находим Его? Вдвойне он осуждает их, и за то, что они не нашли Его, и за то, что изобрели тех (богов). Ум сам по себе никогда не бывает достоверным. Когда он тронул их душу, показав, что они безответны, то, смотри, что присовокупляет: "**оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться**". Как? Разве никто из них не будет наказан? Никто из тех, которые желают покаяться. Об этих он говорит; не о скончавшихся, а о тех, которым проповедует. (Бог) не требует, говорит, отчета от вас. Не сказал: Он оставил без внимания, или попустил, но: вы находились в неведении. Презирал, т.е. не подвергает наказанию достойных наказания. Вы находились в неведении; не говорит: вы делали зло добровольно, так как это видно из вышесказанного. "**Повсюду покаяться**": этими словами указывает на всю вселенную.

4. Смотри, как он отклоняет их от мысли о частных (богах). "**Ибо Он назначил**", говорит, "**день, в который будет праведно судить вселенную**". Смотри: опять указывает на вселенную, разумея здесь людей. "**Посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых**". Смотри, как он, упомянув о воскресении, опять указал на страдание (Христово). А что этот суд праведен, видно из воскресения, так как одно другим подтверждается; и что все это он сказал справедливо, видно из того же, что (Христос) воскрес. Так и всем (апостолы) проповедовали веру (во

Христа), удостоверяя, что Он воскрес; впрочем, это известно. Все это сказано афинянам; но благовременно сказать и нам, что "**всем повсюду**" должно "**покаяться, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную**". Смотри, как (Павел) представляет Его и судиею и промыслителем мира, человеколюбивым и милостивым, всемогущим и премудрым, и вообще со всеми свойствами, принадлежащими Творцу. Сказанное он привел в доказательство того, что Он (Христос) воскрес из мертвых. Итак, покаемся, потому что нам должно быть судимыми. Если бы Христос не воскрес, то мы не были бы судимы; если же Он воскрес, то мы непременно будем судимы: "**ибо Христос**", говорит (Писание), "**для того и умер, и воскрес, и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми и над живыми**" (Рим.14:9); и еще: "**все мы предстанем на суд Христов**" (Рим.14:10), "**всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал**" (2Кор.5: 10). Не думайте, что это одни только слова. Здесь он предлагает учение и о воскресении всех; иначе вселенная не может быть, судима. Слова: "**воскресив Его из мертвых**" относятся к телу (Христову); оно было мертво, оно подвергалось смерти. Эллины отвергают учение как о творении, так и о суде, утверждая, что это – выдумка детей и людей пьяных. Но мы, зная об этом верно, будем делать все на пользу нашу и постараемся примириться со Христом. Доколе мы будем враждовать против Него? Доколе будем питать к Нему чувство неприязни? Да не будет! говорят; к чему ты говоришь это? Не стал бы я говорить, если бы вы не делали этого; а теперь какая польза от того, что словами не выражаете этого, когда дела вопиют с такою ясностью? Как же нам возлюбить Его? Говорил я об этом тысячу тысяч раз; но скажем и теперь. Я нашел, кажется, один способ весьма важный и чудный. Размыслив о благодеяниях Божиих, касающихся всех вообще, и столь обильных, что невозможно и исчислить их, и за все это воздав Ему благодарность, будем все представлять то, что Он сделал для каждого из нас, и размышлять о том каждый день. Это имеет великую силу. Потому каждый из нас пусть помыслит сам в себе и тщательно припомнит, когда он, подвергшись опасности, избег от рук врагов, и пусть содержит благодеяния Божии как бы написанными в книге; например: не отправлялся ли он когда-нибудь в путь неблаговременно, и избегнул опасности; не имел ли когда-нибудь дела с негодными людьми, и вышел победителем; не впадал ли когда-нибудь в болезнь, и сверх всякого чаяния выздоравливал. Это много содействует к примирению нас с Богом. Если Мардохею добрые дела его, когда они были воспомянуты царем, столько принесли пользы, что он опять достиг прежнего величия (Есф.6:1-12), то тем более (получим пользы) мы, если будем припоминать и тщательно наблюдать, в чем мы согрешили против Бога и какие блага Он даровал нам; тогда мы и будем благодарны и оставим все (греховное). Но никто не воспоминает ни о чем подобном, а как о грехах мы говорим, что мы грешны, не исследуя, в чем именно, так и о благодеяниях Божиих говорим, что Он благодетельствует нам, не исследуя, где именно, в чем и в какое время. Отныне же будем более внимательны. Если кто может припомнить и давние (благодеяния Божии), пусть тщательно размышляет о всем, и найдет в этом великое сокровище. Это полезно нам и для того, чтобы не впадать в отчаяние. Если мы увидим, что Он многократно благодетельствовал нам, то не станем отчаиваться и считать себя отверженными, но будем иметь великий залог попечения Его о нас, при мысли, что и согрешая мы не подвергаемся наказанию, но еще пользуемся Его благодеяниями.

5. Скажу нечто, слышанное мною от одного человека. Был один отрок, и случилось ему быть вместе с матерью за городом, когда ему еще не было пятнадцати лет. В это время сделалась дурная погода, и они оба заболели горячкою, а была осень. Мать поспешила отправиться в город, а отрок, которому врачи предписали остаться там, чувствуя жар от горячки, начал полоскать рот, рассуждая и думая, что он, таким образом, скорее уничтожит горячку, нежели если не будет употреблять ничего. Рассудив, как отрок, он по неблаговременному упрямству не переставал (делать это). Когда же прибыл в город, то у

него отнялся язык, долго он не говорил и не мог произносить ничего раздельно; впрочем, читал и долгое время ходил к учителям, но напрасно и без успеха. Не оставалось никакой надежды; мать была исполнена горести; многое придумывали врачи, многое придумывали и другие, но никто не помог, пока человеколюбивый Бог не разрешил уз языка его, и тогда он выздоровел и получил прежний дар слова и ясность голоса. Также рассказывала мать его, что он, будучи еще младенцем, имел в носу болезнь, называемую полипом. Врачи также отчаялись; мать молилась, чтобы он умер, и отец (тогда он был еще жив) желал ему того же; состояние его было совершенно безнадежное. Но вдруг он чихнул; при этом стремительным течением воздуха изверг из ноздрей означенное животное, и все страдания прекратились. Когда же прошла эта болезнь, то сделалось сильное гноевидное течение из глаз и, продолжаясь непрерывно, производило столь густое нагноение, что закрывало зрачок, как бы пеленою, и, к несчастью, угрожало слепотою, чего все и ожидали. Но, по благодати Божией, вскоре он избавился и от этой болезни.

Это я слышал; а теперь расскажу вам, что сам знаю. Однажды правители возимели подозрение на наш город, (тогда я был еще юношею) и, окружив его извне воинами, искали, не попадутся ли где чародейские и волшебные книги. Один, написавший такую книгу и бросивший ее недоконченною в реку, был пойман; так как по требованию он не мог представить ее, то был связан и водим по всему городу, и когда подозрения на него увеличились, то был казнен. В то время я, желая пройти в храм мучеников, шел чрез сады подле реки с одним человеком. Он увидел плывшую по поверхности книгу и сначала подумал, что это полотно; но когда приблизился, то увидел, что это – книга, и, спустившись, взял ее. Я еще смеялся и спорил с ним, чтобы находка была общею. Но посмотрим, сказал он, что это такое. Развертывает часть страницы и видит, что это – волшебная книга. Случилось, что в то же самое время проходил воин. Тогда тот скрыл ее и пошел, цепенея от страха. Кто мог поверить, что мы, вынув из реки, хотели истребить ее, тогда как и самые неподозрительные люди были задерживаемы? Бросить ее мы не смели, чтобы не быть замеченными; также страшно было разделить ее между собою. Но Бог устроил так, что мы и бросили ее и избавились от крайней опасности. Много такого я мог бы рассказать вам, если бы захотел перечислять все. И это рассказал я для вас, чтобы каждый, зная если не такие, то какие-нибудь другие (случаи), постоянно помнил об них. Например, не случалось ли, что камень, брошенный и могший упасть на тебя, не попадал в тебя; содержи это всегда в памяти. Это много содействует нам питать любовь к Богу. Если мы, вспоминая о людях, избавивших нас от чего-нибудь, сильно сокрушаемся, когда не можем возблагодарить их, то тем более (должны быть благодарны) к Богу. Это полезно и в другом отношении. Хотим ли мы не унывать в несчастье, будем говорить: "**неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?**" (Иов.2:10) И Павел для того говорил о своем избавлении от опасностей, чтобы вспомнить (о благодетелях). Смотри, как Иаков содержал все в уме своем; потому и говорил: "**Ангел, избавляющий меня от всякого зла**" от юности моей (Быт.48: 16). И не только то будем помнить, что (Господь) избавлял нас, но и то, как и в каком случае. Вот и (Иаков) помнил самые частности благодеяний. "**Ибо я с посохом моим**", говорит, "**перешел этот Иордан**" (Быт.32:10). Иудеи всегда помнили даже благодеяния, оказанные предкам их, повторяя бывшее в Египте; тем более мы (должны помнить) о своих обстоятельствах и о случившемся с нами самими, о том, как часто мы впадали в затруднения и несчастия, и если бы (Бог) не подавал нам руку помощи, то мы давно бы погибли. Зная это и повторяя каждый день, будем все мы постоянно благодарить Бога и все вместе воссылать Ему хвалу и непрестанно славить Его, чтобы за благодарность свою получить нам великое воздаяние, благодатию и щедротами Единородного Его Сына, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 39

"Услышав о воскресении мертвых, одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время. Итак Павел вышел из среды их" (Деян.17:32,33).

1. Почему Павел, успевший так убедить афинян, что они говорили: "**об этом послушаем тебя в другое время**", и тогда как не было опасностей, спешил оставить Афины? Вероятно, он не ожидал здесь большой пользы; а с другой стороны, он был веден Духом в Коринф. "**Некоторые же мужи, пристав к нему, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина, именем Дамарь, и другие с ними. После сего Павел, оставив Афины, пришел в Коринф; и, найдя некоторого Иудея, именем Акилу, родом Понтянина, недавно пришедшего из Италии, и Прискиллу, жену его, – потому что Клавдий повелел всем Иудеям удалиться из Рима, – пришел к ним; и, по одинаковости ремесла, остался у них и работал; ибо ремеслом их было делание палаток**" (Деян.17:34; Деян.18: 1-3). Точно, как я сказал, он был веден Духом в Коринф, где должен был остаться. Афиняне, хотя и любили слушать новости, но не были внимательны (к проповеди); они не показывали никакого усердия, а старались только о том, чтобы постоянно иметь какой-нибудь предмет для разговора; это и было причиною, что они отступили (от Павла). Но если у них был такой нрав, то почему они обвиняют его, что он "**проповедует о чужих божествах**" (Деян.17:18)? Потому что это (учение) для них было весьма непонятно. Впрочем, он убедил Дионисия Ареопагита и некоторых других. Те, которые заботились о благоустроении своей жизни, скоро приняли слово; а прочие нет. Павлу казалось достаточным, что он посеял по крайней мере семена; а тогда протекла уже большая часть его жизни, так как он скончался при Нероне. Между тем воздвигнуто было Клавдием гонение на иудеев, хотя и издалека, но не напрасно, чтобы, хотя таким образом вразумить их: из Рима они были изгнаны, как люди вредные.

Потому по устроению (Божию) случилось то, что (Павел) отведен был туда, как узник, не затем, чтобы быть изгнанным оттуда, как иудей, но чтобы остаться там и действовать под стражею. "**Остался**", говорит (писатель), "**у них**". Так, какое нашел он оправдание – жить с ними? Здесь особенно требовалось, чтобы он не брал (содержания от Церкви), как он сам говорит: "**дабы они, чем хвалятся, в том оказались такими же, как и мы**" (2Кор.11:12); потому и устрояется, что он живет здесь. "**Во всякую же субботу он говорил в синагоге и убеждал Иудеев и Еллинов. А когда пришли из Македонии Сила и Тимофей, то Павел понуждаем был духом свидетельствовать Иудеям, что Иисус есть Христос**" (ст. 4, 5). Т.е. они оскорбляли его, нападали на него. Так они (делали); а что Павел? Он оставляет их, и притом с великою угрозою. Уже не говорит: "**вам первым надлежало быть проповедану слову Божию**" (Деян.13:46), но и с внешним знаком обращается к ним: "**но как они противились и злословили, то он, отрясши одежды свои, сказал к ним: кровь ваша на главах ваших; я чист; отныне иду к язычникам. И пошел оттуда, и пришел к некоторому чтущему Бога, именем Иусту, которого дом был подле синагоги. Крисп же, начальник синагоги, уверовал в Господа со всем домом своим, и многие из Коринфян, слушая, уверовали и крестились**" (ст. 6-8). Смотри, как опять, сказав: "**отныне**", он однако не перестает пещись о них; и следовательно сказал это для того, чтобы возбудить их. И затем пошел к Иусту, которого дом был подле синагоги. Поселился в соседнем доме, чтобы это самое соседство возбудило в них ревность, если бы они захотели. "**Крисп же**", говорит (писатель), "**начальник синагоги, уверовал в Господа со всем домом своим**". И это весьма много могло содействовать к их обращению. "**Господь же в видении ночью сказал Павлу: не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла, потому что у Меня много людей в этом городе**" (ст. 9, 10). Смотри, каким образом Он убеждает его и как потом говорит ему то, что особенно ободряло его: "**много людей в этом городе**". Как же, скажет кто-нибудь, они все вместе напали да него? Но они ничего не сделали ему, а только привели его к проконсулу. "**И он оставался там год и**

шесть месяцев, поучая их слову Божию. Между тем, во время проконсульства Галлиона в Ахаии, напали Иудеи единодушно на Павла и привели его пред судилище, говоря, что он учит людей чтить Бога не по закону" (ст. 11-13). Видишь ли, для чего они всегда представляли свои обвинения всенародно? Но, смотри, когда они сказали, что "**он учит людей чтить Бога не по закону**", проконсул нисколько не обращает на это внимания, а напротив еще защищает Павла. Послушай, как он отвечает: "**если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас**" (ст. 14). Он был, кажется мне, человек кроткий; это видно из его благоразумного ответа. "**Когда же Павел хотел открыть уста, Галлион сказал Иудеям: Иудеи! если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас, но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами; я не хочу быть судьею в этом. И прогнал их от судилища. А все Еллины, схватив Сосфена, начальника синагоги, били его перед судилищем; и Галлион нимало не беспокоился о том**" (ст. 14-17). И отсюда опять видна кротость этого мужа. Когда того били, он не почел этого для себя оскорблением: так дерзки были иудеи!

2. Но рассмотрим прочитанное выше. "**Услышав о воскресении мертвых, одни насмехались, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время**". Слыша так много великого и высокого, они не обращали внимания, но смеялись; а смялись они (над учением) о воскресении: "**душевный человек не принимает того, что от Духа Божия**" (1Кор. 2:14). "**Итак**", говорит (писатель), "**Павел вышел из среды их**". "**Итак**". Как? Убедивши одних, осмеянный другими. "**После сего Павел**", говорит, "**оставив Афины, пришел в Коринф; и, найдя некоторого Иудея, именем Акилу, родом Понтянина, недавно пришедшего из Италии, остался у них и работал**". Смотри, как закон начинает уже терять силу. Будучи иудеем, он остригся впоследствии в Кенхреях и отправился с Павлом в Сирию. Будучи понтянином, он поспешил идти не в Иерусалим или ближе к нему, но дальше. У него и пребывает (Павел) и пребывать не стыдится; но потому и пребывает, что находит здесь убежище удобное, гораздо удобнее для него царских чертогов. Не смейся, слыша это, возлюбленный! Ведь, как для борца более полезна палестра (школа, в которой упражнялись в борьбе), нежели мягкое ложе, так и для воина – меч железный, а не золотой. "**И работал**" проповедуя. Устыдимся мы, которые и не проповедуя живем праздно. "**Во всякую же субботу он говорил в синагоге**", говорит, "**и убеждал Иудеев и Еллинов**". "**Но как они противились и злословили**", отступил: отступил, надеясь, таким образом, скорее обратить их. Для чего, в самом деле, он, оставив тот дом, поселился ближе к синагоге? Не для этого ли? Он не видел опасности и там. "**Свидетельствовать**", говорит, им. Уже не учит, но свидетельствует. "**Но как они противились**", говорит, "**и злословили, то он, отрясши одежды свои, сказал к ним: кровь ваша на главах ваших**". Делает это для того, чтобы не только словом, но и делом устрашить их; и говорит им с большею силою, как уже убедивший многих. "**Я**", говорит, "**чист**". "**Отныне иду к язычникам**". Так и мы виновны в крови тех, которые вверены нам, если нерадим о них. Подобным образом, когда он говорит: "**впрочем никто не отягощай меня**" (Гал.6: 17), говорит для того, чтобы устрашить, так как не столько могло устрашить их наказание, сколько эта (угроза). "**И пошел оттуда, и пришел к некоторому чтущему Бога, именем Иусту**". Переходит, желая внушить им, что он отошел к язычникам. "**Крисп же, начальник синагоги**", говорит (писатель), "**уверовал в Господа со всем домом своим**". Смотри, как тогда верные делали это целыми семействами. Затем вскоре и многие другие веровали и крестились. Начальником синагоги здесь называется тот самый Крисп, о котором (Павел) говорит в послании: "**я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия**" (1Кор.1:14). А этот, мне кажется, называется и Сосфеном, так как этот муж был столько верен, что и был бит и всегда находился при Павле. "**Господь же в видении ночью сказал Павлу:**", говорит (писатель), "**не бойся, но говори и не умолкай**". Потому он и оставался там долгое время; хотя побуждало его к этому и

множество (верующих), но благоволение Христово – более. А предстояла большая опасность, когда уверовали многие и даже сам начальник синагоги. "**Не бойся**", говорит. Этого достаточно было, чтобы ободрить его; он обличается в боязни, или лучше, не обличается, но ободряется, чтобы этого с ним не случилось. (Бог) не попускал апостолам постоянно терпеть бедствия, чтобы они не изнемогли. Павла же ничто столько не огорчало, как неверующие, как противившиеся; это было для него тяжелее самих опасностей. "**И не умолкай**", говорит, "**потому что у Меня много людей в этом городе**". Может быть, поэтому и является ему Христос. "**Между тем**", говорит (писатель), "**во время проконсульства Галлиона в Ахаии, напали Иудеи единодушно на Павла**". Смотри, как они нападают спустя год и шесть месяцев, когда уже не имели права пользоваться своими законами. Коринфян особенно ободряло то убеждение, что правитель не унизит себя, так как не все равно было, победить ли посредством словопрения, или внушить, что об этом деле он нисколько не заботится. И посмотри, как он был благоразумен. В ответе своем он не сказал прямо: это не мое дело; но что? "**Иудеи! если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас, но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами; я не хочу быть судьею в этом**". Блестящая победа! "**А все Еллины, схватив Сосфена, начальника синагоги, били его перед судилищем; и Галлион нимало не беспокоился о том**". О, какой стыд они испытали! "**И Галлион**", говорит, "**нимало не беспокоился о том**", хотя все было сделано для его оскорбления; а они, как бы власть какую имея, бьют (начальника), постыдно совершают дело безумной ярости! Почему же он не бил их со своей стороны, хотя имел власть над ними? Чтобы они научились любомудрию. Он не бьет их со своей стороны, что бы судия узнал, кто из них более кроток. Это не мало принесло пользы и присутствующим. Кротость одних и дерзость других показывали, что для всего этого нужен судебный приговор; но они все делали беспорядочно. И не сказал: не должно, – чтобы они в другой раз не стали бить его, – но: не хочу. "**Я не хочу быть судьею**". Так кроток был этот муж! Подобным образом и Пилат говорил о Христе: "**возьмите Его вы, и по закону вашему судите Его**" (Ин. 18:31). Он хотел, чтобы они судили по закону; а они поступали, как пьяные и беснующиеся. Потому Павел прибыл из Афин (в Коринф), что здесь было "**много людей**". Он был бит, и ничего не говорил.

3. Будем и мы подражать ему. Бьющим нас будем воздавать кротостью, молчанием, долготерпением. Это – раны более тяжкие, удар более сильный и действительный, так как тяжко поражение не тела, а души. Мы многим наносим удары; но если это делается по дружбе, то даже нравится; если же ты будешь бить кого-нибудь с гневом, то касаешься его сердца и потому причиняешь ему великое огорчение, – так мы поражаем более сердце их. Докажем же, по возможности, что кротость поражает более, нежели сопротивление. Яснейшее доказательство этого было бы из дел и из опыта; но, если угодно, объясним это и словом, хотя мы уже многократно делали это. При оскорблениях мы ничем столько не огорчаемся, как мнением присутствующих; не все равно – получать ли оскорбление при всех, или наедине; мы переносим легко те оскорбления, которые наносятся нам наедине, когда нет свидетелей, и никто не знает о том. Следовательно, не самое оскорбление огорчает нас, но то, что оно наносится при всех, так что, если бы кто-нибудь при всех хвалил нас, а наедине поносил, то мы еще были бы ему благодарны. Значит, огорчение зависит не от самого оскорбления, но от мнения присутствующих, пред которыми (мы не хотим) казаться достойными презрения. Теперь: что, если мнение их будет в нашу пользу? Не больше ли потерпит. сам оскорбитель, если они подадут голос за нас? Кого же, скажи мне, осуждают посторонние свидетели: того ли, кто наносит оскорбление, или того, кто подвергается ему и молчит? Гнев увлекает нас в то время, когда наносится оскорбление; посмотрим же теперь, когда мы свободны от этой страсти, чтобы нам не увлекаться и тогда. Кого все мы осуждаем? Без сомнения того, кто наносит оскорбление; если он ниже

нас, мы говорим, что он беснуется; если равен, говорим: он безумствует; если выше – и тогда не одобряем. Кто, скажи мне, достоин одобрении? Тот ли, кто возмущается, неистовствует, свирепствует, как дикий зверь, восставая против имеющих одинаковую с ним природу, или тот, кто пребывает в спокойствии, как в пристани, и сохраняет великое любомудрие? Последний не уподобляется ли ангелу, а тот похож ли и на человека? Тот и собственного зла сдержать не может, а этот удерживает и чужое; тот и самим собою владеть не может, а этот обуздывает и другого; тот терпит кораблекрушение, а этот плывет безопасно на своем корабле при попутном ветре; он именно не позволяет ветру гнева устремляться в паруса и потопляет мысленную ладью его, но легкий и приятный ветер – дыхание незлобия – веет ему и с великим спокойствием приводит его в пристань любомудрия. Как во время крушения корабля, плывущие на нем не знают, что они выбрасывают в море, свою ли собственность или вверенное им достояние других, но бросают без разбора все, в нем находящееся, и драгоценное и недрагоценное; когда же буря прекратится, то, размышляя о том, что бросили, плачут и не радуются тихой погоде, по причине потери выброшенного, – так точно и здесь. Когда свирепствует гнев и поднимается эта буря, не думают, что нужно выбросить и чего нет; когда же гнев прекратится, тогда, размышляя о том, что выбросили, видят только вред и не радуются самому спокойствию, вспоминая, какими словами осрамили себя и какой великий ущерб понесли не в деньгах, но в отношении к смирению и кротости. Подлинно, гнев есть тьма. "**Сказал**", говорит (Писание), "**безумный в сердце своем: нет Бога**" (Пс.13:1). Можно, кажется, и о гневающемся сказать: "**сказал**" гневающийся: "**нет Бога**". Он по множеству гнева своего не взыщет, говорит (Писание – Пс.9:25). Если же является помысл благочестивый, то все (другие помыслы) он устраняет, отгоняет и ниспровергает. Если ты не чувствуешь, как ты терпишь вред более оскорбляемого, то оскорбляй; если не будет никого, кто стал бы осуждать тебя, то суд совести, постигнув тебя наедине, накажет в тысячу раз более. В самом деле, когда ты слышишь, что оскорбленный тобою не сказал ни одного обидного слова, не скорбишь ли ты более его? Как, скажи мне, человека тихого, смиренного и кроткого ты осыпал тысячью укоризн? Так говорим мы часто, но не видим, чтобы тоже было соблюдаемо на деле. Как ты – человек – оскорбляешь человека? Раб – подобного себе раба? Но что дивиться этому, когда многие оскорбляют самого Бога?

4. Да будет это утешением для вас, которые терпите оскорбления. Вас оскорбляют? Бывает оскорбляем и Бог. Вас поносят? Бывает поносим и Бог. Вас подвергают оплеванию? Тоже (терпел) и Господь наш. В этом Он имеет общее с нами, а в противном этому – нет. Он никогда несправедливо не оскорблял, – да не будет, – не поносил, не обижал. Следовательно мы (оскорбляемые) имеем с Ним общее, а не вы (оскорбляющее). Переносить оскорбления свойственно Богу, а оскорблять напрасно – диаволу. Вот две противные стороны. "**Бес в Тебе**" (Ин.8:48), – такие слова выслушал Христос; Его по ланите ударил раб архиереев (Ин.18: 22). На сторону этих людей и становятся оскорбляющие несправедливо. Действительно так. Если Петр был назван сатаною за одно только слово (Мф.16:23), то тем более такие люди могут быть названы иудеями, когда творят дела иудеев, а эти (названы) сынами диавола, потому что творили дела диавола (Ин.8:44). Ты оскорбляешь (другого): но, скажи мне, кто ты? Или лучше, потому ты и оскорбляешь, что сам ты – ничто. Человеку не свойственно наносить оскорбления. При столкновении говорят: ты кто? Напротив следовало бы говорить: оскорбляй, ведь ты ничто. Теперь, когда мы говорим оскорбителю: ты кто? – слышим в ответ: во всех отношениях лучше тебя. Между тем следовало бы говорить противное. Но как мы дурно предлагаем вопрос, то и они дурной дают ответ. Значит, виноваты мы сами. Мы обращаемся к оскорбителям как бы к каким великим людям, когда говорим: ты кто, что оскорбляешь? Поэтому они так и отвечают. А следовало бы говорить напротив: ты оскорбляешь? – оскорбляй; ведь ты – ничто. Скорее к тем, которые не наносят оскорблений, следовало бы говорить: ты кто, что не оскорбляешь? Ты выше естества

человеческого. В том и благородство, в том и свобода, чтобы никому не говорить ничего унизительного, хотя бы иной и был достоин того. Скажи мне: сколько есть людей, достойных смерти? И, однако, судья сам собою не осуждает их, но допрашивает и притом не сам лично. Если же не принято, чтобы судья сам говорил с дурным человеком, но для этого нужен какой-нибудь посредник, то тем более мы не должны оскорблять людей равных нам. Мы не столько получим пользы от оскорбления других, сколько от убеждения, что в таком случае мы унижаем самих себя. Итак, дурных людей не должно оскорблять по этой причине, а добрых – еще по другой: потому, что они не заслуживают того. Есть еще и третья – та, что не должно быть оскорбителем. А теперь, посмотри, что происходит: человек оскорбляется и унижается, а с ним вместе и оскорбляющий и все наблюдающие это. Что же? Не привести ли зверей к ним, чтобы решить дело? Остается это (одно средство). Если люди рады наносить друг другу оскорбления, то остается – предоставить зверям примирение. Как в доме, когда ссорятся господа, примирения их остается ожидать от слуг (этого требует самое существо дела, хотя, может быть, этого и не бывает), – так и здесь. Ты оскорбляешь? Не удивительно; ведь ты – не человек. Оскорбление кажется каким-то великим делом и почитается приличным людям великим; но это скорее прилично рабам, а свободным приличны добрые речи. Как делать зло свойственно первым, так терпеть зло свойственно последним. Например, служанка, намеревающаяся украсть, тайно похищает добро господина своего; так бывает и с оскорблением: как вор, – скажем, – вошедши осторожно, озирается кругом, ища похитить что-нибудь, так и этот высматривает все, чтобы выдать что-нибудь другим. Изобразим его еще другим примером: как тот, кто похитил из дому нечистые сосуды и вынес их перед всеми, не столько стыдится дела похищения, сколько самого себя, видя, что он похитил и вынес такие сосуды, так и этот, высказав перед всеми сквернословные речи, срамит этими словами не других, а себя, высказав их и осквернив ими свой язык и разум. Когда мы ссоримся с дурными людьми, то бывает тоже, что с человеком, который бьет другого лежащего в грязи; он пачкает себя самого, касаясь грязи своими руками. Помня все это, – увещеваю вас, – будем избегать этого зла, будем иметь благоречивый язык, чтобы, соблюдая себя чистыми от всякой укоризны, мы могли безопасно провести настоящую жизнь и сподобиться благ, обетованных любящим Бога, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 40

"Павел, пробыв еще довольно дней, простился с братиями и отплыл в Сирию, – и с ним Акила и Прискилла, – остригши голову в Кенхреях, по обету" (Деян.18:18).

1. Смотри, как закон потерял силу; смотри, как они стеснялись совестью. Острижение головы по обету было иудейским обычаем; следовало при этом принести и жертву, которая не была (принесена) после того, как били Сосфена. (Павлу) надлежало удалиться, потому он и поспешает. Не смотря на просьбу "**побыть у них**" в Ефесе, не соглашается (ст. 20). Для чего же он опять идет в Антиохию? "**Побывав в Кесарии**", говорит (писатель), "**он приходил в Иерусалим, приветствовал церковь и отошел в Антиохию**" (ст. 22). Он питал к этому городу особенную любовь – это человеческое чувство, потому что здесь ученики стали называться христианами; здесь он был предан благодати Божией; здесь он успешно окончил дело касательно учения (об обрезании). Сам отправился в Сирию, а спутников своих оставил в Ефесе, вероятно, для того, чтобы они здесь учили, так как, находясь при нем столько времени, они многому научились, – только от иудейского обычая он еще не отклонил их. Итак, вот и жена действует и учит подобно мужам. Идти в Азию он затруднялся, думаю, по каким-нибудь настоятельным нуждам. Смотри, как он, не смотря на просьбу – остаться здесь, не согласился, потому что спешил

отправиться (в Иерусалим). Впрочем оставил их не просто, но с обещанием, а как именно, послушай. "**Достигнув**", говорит (писатель), "**Ефеса, оставил их там, а сам вошел в синагогу и рассуждал с Иудеями. Когда же они просили его побыть у них долее, он не согласился, а простился с ними, сказав: мне нужно непременно провести приближающийся праздник в Иерусалиме; к вам же возвращусь опять, если будет угодно Богу. И отправился из Ефеса. (Акила же и Прискилла остались в Ефесе). Побывав в Кесарии, он приходил в Иерусалим, приветствовал церковь и отошел в Антиохию. И, проведя там несколько времени, вышел, и проходил по порядку страну Галатийскую и Фригию, утверждая всех учеников**" (ст. 19-23). Смотри, опять идет в те места, по которым проходил прежде. "**Некто Иудей, именем Аполлос, родом из Александрии, муж красноречивый и сведущий в Писаниях, пришел в Ефес**" (ст. 24). Вот и ученые мужи начинают проповедовать, и ученики, наконец, предпринимают путешествия. Видишь ли успех проповеди? "**Он был наставлен в начатках пути Господня и, горя духом, говорил и учил о Господе правильно, зная только крещение Иоанново. Он начал смело говорить в синагоге. Услышав его, Акила и Прискилла приняли его и точнее объяснили ему путь Господень**" (ст. 25, 26). Если он знал только Иоанново крещение, то как он "**горел духом**"? Дух не сообщался при этом (крещении); и если оставшиеся после него (ученики) имели нужду в крещении Христовом, то тем более он должен был иметь в нем нужду. Что же сказать на это? Не напрасно писатель поместил одно вслед за другим. Мне кажется, что он был один из тех ста двадцати лиц, которые вместе с апостолами крещены (Духом Святым, Деян.1:5,16); если же нет, то с ним было тоже, что с Корнилием. Он не крещается, пока те подробнее не изложили ему (учения Господня). Но мне кажется истинным то, что и ему надлежало креститься, так как прочие двенадцать (вместо οἱ δώδεκα - двенадцать, Migne предполагает здесь οἱ ἑκατὸν εἴκοι - сто двадцать) не имели точных познаний даже об Иисусе. Вероятно, он и был крещен. По крайней мере, если и ученики Иоанновы, после своего крещения, опять крестились, то и этим ученикам следовало сделать тоже. "**А когда он вознамерился идти в Ахаию, то братия послали к тамошним ученикам, располагая их принять его; и он, прибыв туда, много содействовал уверовавшим благодатью, ибо он сильно опровергал Иудеев всенародно, доказывая Писаниями, что Иисус есть Христос. Во время пребывания Аполлоса в Коринфе Павел, пройдя верхние страны, прибыл в Ефес и, найдя там некоторых учеников, сказал им: приняли ли вы Святаго Духа, уверовав? Они же сказали ему: мы даже и не слыхали, есть ли Дух Святый. Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса. Услышав это, они крестились во имя Господа Иисуса, и, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святый, и они стали говорить иными языками и пророчествовать. Всех их было человек около двенадцати**" (Деян.18:27,28; 19:1-7). Много отличались от того (Аполлоса) эти мужи, незнавшие даже, есть ли Дух Святый. А его посылают и пишут о нем те, которые подробнее изложили ему путь Господень. Впрочем, он и сам хотел идти в Ахаию; но не пошел прежде, нежели братия отправили его и дали ему послание. "**Прибыв туда**", говорит (писатель), "**много содействовал уверовавшим благодатью, ибо он сильно опровергал Иудеев всенародно, доказывая Писаниями, что Иисус есть Христос**". Отсюда видно, как сведущ был Аполлос в Писаниях. Он сильно заграждал уста иудеям, – это и значит: "**опровергал**", – а верующих ободрял и укреплял в вере. "**Во время пребывания Аполлоса в Коринфе Павел**", говорит, "**пройдя верхние страны, прибыл в Ефес**". Это – страны, лежащие близ Кесарии и далее. "**И, найдя там некоторых учеников, сказал им: приняли ли вы Святаго Духа, уверовав?**" Они не веровали и во Христа, как видно из слов: "**чтобы веровали в Грядущего по нем**". Не сказал: крещение Иоанново есть ничто, но назвал его несовершенным; и это присовокупил не без причины, но чтобы научить и убедить их креститься во имя Иисуса, что они и делают и получают

Духа Святого чрез возложение рук Павловых. "**Когда Павел возложил**", говорит, "**на них руки, нисшел на них Дух Святый**". Таким образом, на кого он возлагал руки, те получали Духа. Можно было иметь Духа и не обнаруживать этого, но они обнаруживали это действием, – тем, что говорили (иными) языками.

2. Но рассмотрим выше прочитанное. Павел "**отплыл в Сирию**", говорит (писатель), "**и с ним Акила и Прискилла**", которых, пришедши в Ефес, он там и оставил. Оставил или потому, что не хотел взять с собою, или лучше для того, чтобы они были учителями для жителей Ефеса. Впоследствии же времени они жили в Коринфе; о них он превосходно отзывается и приветствует их в послании к Римлянам (16:3,4).

Потому мне кажется, что они впоследствии отбыли в Рим, так как любили жить в этих местах, из которых были изгнаны при Нероне. "**Побывав в Кесарии**", говорит, "**он приходил в Иерусалим, приветствовал церковь и отошел в Антиохию. И, проведя там несколько времени, вышел, и проходил по порядку страну Галатийскую и Фригию**". Мне кажется, что верующие там собирались (к нему); он не тотчас оставляет их. И смотри, как он спешит к ним. Прочие же страны проходит, чтобы своим посещением утвердить учеников. "**Некто Иудей**", говорит (писатель), "**именем Аполлос, родом из Александрии, муж красноречивый и сведущий в Писаниях, пришел в Ефес**". Он был муж ревностный; потому и предпринимает путешествие. "**И он, прибыв туда (в Ахаию)**", говорит, "**сильно опровергал Иудеев всенародно**". О нем говорил (Павел) в послании: "**а что до брата Аполлоса**" (1Кор.16:12). В том, что он обличал "**всенародно**", являлась его смелость; в том, что – "**сильно**", открывалась сила; а в том, что "**доказывая**" из божественных "**Писаний**", выражалась опытность, так как и смелость сама по себе нисколько не приносит пользы, если нет силы, и сила – без смелости. Итак, не напрасно Павел оставил Акилу в Ефесе, но, может быть, для Аполлоса Дух устроил это, чтобы он явился в Коринф с большею силою. Но почему против него ничего не делали, а на Павла нападали? Они знали, что этот муж был главою, или – что велико было имя его. "**Услышав его**", говорит (писатель), "**Акила и Прискилла приняли его и точнее объяснили ему путь**" Божий. Смотри, как все (тогда) совершалось с верою; не было ни зависти, ни ненависти. Акила учит, но большему и сам научается. Пробывши некоторое время с (Павлом), они так научились, что стали способными учить и других. "**А когда он вознамерился**", говорит, "**идти в Ахаию, то братия послали к тамошним ученикам, располагая их принять его**". Объясняет, для чего они пишут послание; для того, говорит, чтобы приняли его.

Далее, откуда видно, что бывшие в Ефесе (ученики) имели крещение Иоанново? Из того, что на вопрос: "**во что же вы крестились?**" они отвечали: "**во Иоанново крещение**". Может быть, они ходили в Иерусалим и возвратились оттуда крестившись; но и крестившись, не знали Иисуса. Не говорит им: веруете ли во Иисуса, но что? – "**приняли ли вы Святаго Духа, уверовав?**" Знал, что они не имели Его, но хочет, чтобы они сказали это, чтобы, узнав, чего недостает им, сами просили о том. "**И, когда Павел возложил**", говорит, "**на них руки, нисшел на них Дух Святый, и они стали говорить**

иными языками и пророчествовать". С самого крещения пророчествуют. Этого не сообщало крещение Иоанново; потому оно и было несовершенно. Оно только приготовляло к получению таких (благ), так как Иоанн, крещая, хотел, чтобы веровали в Грядущего по нем. Отсюда открывается великая истина, что крещающиеся (во имя Христово) совершенно очищаются от грехов. Если бы не очищались, то эти люди не получили бы Духа и не сподобились бы тотчас же даров Его. И смотри, дар был двоякий: языки и пророчества. Хорошо он назвал крещение Иоанново крещением покаяния, а не отпущения, возводя их к тому убеждению, что оно не сообщало последнего, так как

отпущение есть дело крещения, после данного. Почему же они, получив Духа, не учили, тогда как Аполлос и не получив Его (учил)? Потому, что они не были столько ревностны и столько научены; а он был и научен и весьма ревностен. Мне кажется, что этот муж имел и великое дерзновение. Впрочем, хотя он и правильно учил "**что Иисус есть Христос**", однако имел нужду еще в подробнейшем научении. Таким образом, хотя он и не знал всего, но за свое усердие сподобился Святого Духа, подобно тому как бывшие с Корнилием. Может быть, многие желают, чтобы и теперь было крещение Иоанново. Но в таком случае многие не стали бы заботиться о добродетельной жизни, или можно было бы подумать, что каждый для этого, а не для царствия небесного, заботится о добродетели. Кроме того, было бы много лжепророков, не часто являлись бы "**искусные**" (1Кор.11:19), не ублажались бы принимающие веру просто. Ведь как блаженны "**невидевшие и уверовавшие**" (Ин.20:29), так и верующие без знамений. Не в укоризну ли, скажи мне, Христос сказал иудеям: "**не уверуете, если не увидите знамений**" (Ин.4:48)? Итак мы ничего не потеряли, если только захотим быть внимательными. Главные блага мы получаем в крещении: отпущение грехов, освящение, причастие Духа, усыновление, вечную жизнь. Чего же еще хотите? Знамений? Но они упразднились. Ты имеешь веру, надежду, любовь, которые пребывают; их ищи; они больше знамений. Ничто не может сравниться с любовью: "**но любовь из них больше**", говорит апостол (1Кор.13:13). Ныне же любовь оскудевает; осталось только имя ее, а на деле ее нет, но разделились мы между собою.

3. Что делать, чтобы соединиться. Ведь легко обличать, но это только половина дела: нужно еще показать, как устроить общение; нужно о том позаботиться, как нам соединить разделившиеся члены. Не о том только нужно заботиться, чтобы нам принадлежать к единой Церкви или (содержать) один и тот же догмат; но не хорошо то, что, имея общение друг с другом во всем прочем, мы не имеем его в необходимом, и (по-видимому) находясь в мире со всеми, не соблюдаем мира между собою. Не на то смотри, что мы не ссоримся между собою каждый день, но на то, что у нас нет истинной и искренней любви. Нам нужны обвязание и елей (Лк.10:34). Вспомним, что любовь есть признак учеников Христовых (Ин.13:35), что без нее все прочее не значит ничего, что она есть дело не трудное, если захотим (иметь ее). Да, скажут, мы знаем это; но как достигнуть этого? Что нужно, чтобы она была у нас? Как сделать, чтобы мы любили друг друга? Наперед устраним то, что противно любви; тогда приобретем и ее. Пусть никто не помнит зла, не завидует, не радуется о зле. Это препятствует любви, а другое способствует ей. Недостаточно — уничтожить препятствия; нужно иметь и то, что способствует. Действия, нарушающие любовь, а не созидающие, исчисляет Сирах, именно: "**поношение, гордость, обнаружение тайны и коварное злодейство**" (Сир.22:25). Для тех (иудеев), как людей плотских, этого было достаточно; для нас же нет; не этому только учим вас, но и другому. Для нас – без любви все бесполезно. Пусть будут у тебя бесчисленные блага, – какая в том польза? Пусть будет богатство, роскошь, но без любящих тебя, – какая в том польза? Нет блага прекраснее этого даже в житейском отношении, и напротив нет ничего хуже вражды. "**Любовь покрывает множество грехов**" (1Петр.4:8); а вражда напротив подозревает и то, чего нет. Недостаточно – только не быть врагом; нужно еще питать и любовь. Вспомни, что так повелел Христос, и этого довольно. Сама скорбь содействует любви и укрепляет ее. Но что же, скажут, теперь, когда нет скорби. Объясни, как нам стать друзьями? Но, скажи мне, разве у вас нет каких-нибудь друзей? Как вы стали друзьями? Как остаетесь ими? По крайней мере, пусть никто не враждует против другого; и это не маловажно; пусть никто не завидует; не завидующий не может быть и клеветником. Все мы живем в одной вселенной, питаемся одними и теми же плодами. Этого мало; мы сподобляемся одних и тех же таинств, одной и той же духовной пищи. Вот побуждения к любви! Но как, скажут, нам сохранить теплоту любви? А что возбуждает любовь плотскую? Телесная красота. Соделаем же и души наши прекрасными,

и будем питать любовь друг к другу; ведь нужно не любить только, но и быть любимыми. Сделаем сперва это, т.е. чтобы нас любили; тогда легко будет и то. Как же сделать, чтобы нас любили? Будем добрыми, и мы достигнем, что всегда будут любящие нас. Пусть каждый заботится не столько о приобретении имущества, или рабов, или домов, сколько о том, чтобы быть любимым, чтобы иметь доброе имя. "**Доброе имя лучше большого богатства**" (Прит.22:1). То постоянно, а это скоропреходяще; это можно приобресть, а того нельзя. Кто заслужил недоброе имя, тому трудно освободиться от него; а бедный с именем добрым скоро может сделаться богатым. Пусть один имеет тысячи талантов, а другой сто друзей: последний богаче первого. Будем же делать это не просто, но как бы совершал куплю. Как же это? "**Сладкие уста умножат друзей, и доброречивый язык умножит приязнь**" (Сир.6:5). Будем иметь уста, исполненные хвалы, и нравы чистые. С такими свойствами нельзя скрыться.

4. Посмотри, какие узы любви придумали внешние (язычники): кумовство, соседство, родство. Но у нас есть нечто больше всего этого. Это – священнейшая трапеза. Между тем многие из нас, приступающих к ней, даже не знаем друг друга. Это происходит, скажут, от многочисленности. Нет, от нашего нерадения. Три тысячи и пять тысяч верующих было (в начале), и все они имели "**душу едину**" (Деян.4:32); а теперь и не знают друг друга, и не стыдятся этого, ссылаясь на многочисленность. Кто имеет много любящих его, тот непреборим ни от кого, тот сильнее всякого властителя: не столько оруженосцы охраняют последнего, сколько первого – любящие его. Он и славнее того: один охраняется своими рабами, а другой людьми равными ему; одного охраняют не по своей воле и из страха, другого добровольно и без страха. Чудное бывает здесь явление: единство во множестве и множество в единстве. Как в игре на гуслях, хотя звуки различны, но симфония одна, один и музыкант играющий на гуслях, так и здесь: гусли, это – любовь; звуки, это – происходящие от любви дружеские речи, производящие все вместе одну и ту же гармонию и симфонию; музыкант, это – сила любви; она издает сладостное пение. Я хотел бы, – если это возможно, – ввести тебя в такой город, где была бы одна душа; ты увидел бы, какое там согласие, сладостнейшее всяких гуслей и всякой свирели, не издающее ни одного нестройного звука. Это согласие доставляет радость ангелам и самому Господу ангелов, служит приятным предметом зрелища для всех сил небесных, укрощает ярость демонов, обуздывает порывы страстей. Это согласие не только укрощает страсти, но не попускает и восставать им, и производит великое молчание. Как на зрелище все в молчании слушают хор играющих, и не производят ни малейшего шума, так и у любящих друг друга, когда любовь поет песнь свою, все страсти усмиряются и успокаиваются, как звери обузданные и укрощенные; а где вражда, там все напротив. Но не станем говорить теперь о вражде; будем говорить только о любви. Скажешь ли что-нибудь опрометчиво, никто не осуждает, но все извиняют; сделаешь ли что-нибудь, никто не имеет подозрения, но оказывает великое снисхождение. Все готовы подать падающему руку помощи, все охотно стараются поднять его.

Поистине, любовь есть крепкая стена, неприступная не только для людей, но и для диавола. Кто окружен множеством любящих его, тот не может впасть в опасность; нет у него поводов к гневу, но всегда он чувствует сердечное спокойствие, радость и веселие; нет поводов к зависти; нет случаев к памятозлобию. Посмотри, как легко исполняет он и духовные и житейские дела свои. Что может сравниться с ним? Он – как бы город, отвсюду огражденный стенами; а тот (не имеющий любви) – как бы город, ничем не огражденный. Быть виновником любви, это – великая мудрость. Уничтожь любовь, и разрушишь все, ниспровергнешь все. Если же подобие любви имеет такую силу, то какова должна быть сама истинная (любовь)? Итак, увещеваю вас, будем стараться, чтоб были любящие нас; пусть каждый упражняется в этом искусстве. Но вот, я, скажут, забочусь об этом, а тот не заботится. За то и большая награда ожидает тебя. Так, скажешь, но это

трудно. Отчего, скажи мне? А я говорю и уверяю, что если только десять человек из вас соединится и вы приметесь за это дело, подобно тому, как апостолы за дело проповеди, или пророки за дело учения, если так и вы будете приобретать друзей, – то получится великая награда. Устроим себе изображения царя; это – признать учеников. И не делаем ли мы более, чем если бы вложили в них силу воскрешать мертвых? Диадема и порфира – отличия царя: без них, хотя бы на нем были золотые одежды, он еще не является царем. Так и ты усвой себе этот признак, и приобретешь любящих и для себя и для других. Никто, будучи любим, не станет ненавидеть. Изучим же эти краски, какими пишется, из каких составляется это изображение. Будем приветливы, не станем ожидать этого со стороны ближних. Не говори: если я вижу, что другой выжидает, то (сделав это) я унижаюсь пред ним; напротив, если видишь его в таком состоянии, то сам предупреди и угаси страсть его. Ты видишь больного; для чего же усиливаешь болезнь его? О том особенно и больше всего будем стараться, чтобы честью быть "**братолюбивы друг к другу**" (Рим. 12:10). Не думай, что отдавать предпочтение другому значит унижать самого себя. Предпочитая другого, ты отдаешь честь самому себе, делаясь достойным большей чести. Будем же всегда уступать первенство другим. Не будем помнить сделанного нам зла, но – только добро. Ничто так не приобретает нам любви других, как язык, исполненный благодарности, уста, готовые на похвалу, душа негорделивая, отсутствие тщеславия, презрение к почестям. Если будем исполнять это, то соделаемся неуловимыми для сетей диавола, и, тщательно упражняясь в добродетели, сподобимся благ, уготованных любящим Бога, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 41

"Придя в синагогу, он небоязненно проповедывал три месяца, беседуя и удостоверяя о Царствии Божием" (Деян.19:8).

1. Смотри, как (Павел) везде сам входит в синагоги и потом выходит; он везде хотел начинать с них, как я и прежде говорил. Язычники с ревностью и усердием принимали его; и иудеи, когда язычники принимали, приходили в раскаяние. Он хотел отделить оттуда учеников и начать с них, так чтобы они не собирались вместе с теми, и делал это не без причины. Потому он часто беседовал с ними, что убеждал (их). Слыша о дерзновении (Павла), не прими это за упорство. Он беседовал о предметах полезных, о царствии (Божием): кто же не стал бы слушать этого? "**Но как некоторые ожесточились и не верили, злословя путь Господень перед народом, то он, оставив их, отделил учеников, и ежедневно проповедывал в училище некоего Тиранна. Это продолжалось до двух лет, так что все жители Асии слышали проповедь о Господе Иисусе, как Иудеи, так и Еллины**" (ст. 9, 10). "**Путем**" они справедливо называли проповедь; она действительно была путем, ведущим в царствие небесное. "**В училище**", говорит (писатель), "**некоего Тиранна. Это продолжалось до двух лет, так что все жители Асии слышали проповедь о Господе Иисусе, как Иудеи, так и Еллины**". Видишь ли, сколько пользы принесла неутомимая ревность? Слушали и иудеи и язычники. "**Бог же творил немало чудес руками Павла, так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них**" (ст. 11, 12). Не касались только, принося (к больным), но, взявши, возлагали на них. Потому, я думаю, не попустил ему Христос идти в Азию, что имел в виду это время. "**Даже некоторые из скитающихся Иудейских заклинателей стали употреблять над имеющими злых духов имя Господа Иисуса, говоря: заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует**" (ст. 13). Так все они делали по любостяжанию. Смотри: веровать не хотели, а изгонять бесов этим именем захотели. Да, так велико было имя

Павла! "**Это делали какие-то семь сынов Иудейского первосвященника Скевы. Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто? И бросился на них человек, в котором был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, выбежали из того дома. Это сделалось известно всем живущим в Ефесе Иудеям и Еллинам, и напал страх на всех их, и величаемо было имя Господа Иисуса**" (ст. 14-17). Они делали это тайно, но потом бессилие их делается весьма явным. "**И напал страх на всех их, и величаемо было имя Господа Иисуса. Многие же из уверовавших приходили, исповедуя и открывая дела свои**" (ст. 17, 18). Так как они имели такую силу, что и чрез бесов делали такие дела, то и следовало быть этому. "**А из занимавшихся чародейством довольно многие, собрав книги свои, сожгли перед всеми, и сложили цены их, и оказалось их на пятьдесят тысяч драхм. С такою силою возрастало и возмогало слово Господне**" (ст. 19, 20). Видя, что нет им никакой пользы, они сожигают книги, когда и сами бесы делают такие дела. Таким образом, имя не делает ничего, когда будет произносимо без веры. Прикровенно указывая на это, премудро сказал (Христос): "**верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит**" (Ин.14:12). Смотри, как они пользовались этим оружием против себя самих. И стязашеся, говорит (писатель), "**в училище некоего Тиранна. Это продолжалось до двух лет**", – там, где были верные, и весьма верные. Те (заклинатели) не считали Иисуса великим, если присоединяли к имени Его имя Павла, почитая этого за нечто великое. Здесь достойно удивления то, почему бес не содействовав обману заклинателей, но обличил их и обнаружил притворство их. Мне кажется, что он весьма озлобился, подобно тому, кто, находясь в крайней опасности и будучи оскорбляем кем-нибудь из людей маловажных и незначительных, пожелал бы изливать на него всю свою злобу. Чтобы не показалось, что он пренебрегает именем Иисуса, он сначала исповедует Его и потом показывает свою силу. А что не имя Его было бессильно, но все произошло от их обмана (видно из того), что с Павлом этого не случилось. "**И бросился**", говорит (писатель), "**на них человек**". Может быть, разорвал им одежды и разбил им головы. Это выражается словом: "**бросился**", т.е. стремительно бросившись на них, так что мог сделать это. Что значит: "**оставив их, отделил учеников**"? Отклонил их злословие. Он делает это и отделяется, потому что не хотел разжигать их зависть и возбуждать большую распрю. А словом: "**небоязненно**" выражается, что он был готов и на опасности и говорил явно, не прикрывая учения. Отсюда мы научаемся не иметь общения с злословящими, но уклоняться от них. Слыша злословие, он сам не злословил, но беседовал ежедневно, и еще более привлекал к себе тем, что и слыша злословие не отступал и не отделялся. И смотри: когда кончилось искушение от внешних (людей), началось от бесов.

Видишь ли слепоту иудеев? Они, увидевши, что одежды его чудодействуют, ему не внимали. Что может быть больше этого? А им и это послужило к противному. Если кто из эллинов не верует, то видя, как тень производит (чудеса), пусть уверует. Таким образом, чрез отделение от них злословящих и порицающих учение, – оно именно здесь названо "**путем**", – побеждаются; а он отделяется так, что и учеников не оставил и тех не привел в ярость, показывая, что он всегда имел в виду спасение. Он и здесь не оправдывается пред ними, потому что язычники везде уже веровали. И "**проповедывал**" не просто в каком-нибудь месте, но там, где было училище, как в месте удобнейшем для собрания.

2. Вот, какова сила верующих: и у других является способность совершать то же самое! Какое же ослепление в тех, которые и после явления такой силы оставались в неверии! Как Симон домогался благодати Духа для прибытка, так и эти делали то же для того же самого. Какое ослепление! А почему Павел не запрещает им? Потому что это показалось бы делом зависти: поэтому-то так и устрояется. Это было и при Христе, но тогда не оказывается препятствия (потому что тогда было начало дела). Так, Иуда, будучи вором, не встречает препятствия, Анания же и Сапфира были лишены жизни. И многие из

иудеев, оказывая сопротивление, ничего не терпели, а Елима был ослеплен, потому что "**не послал**", говорит (Христос), "**Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него**" (Ин.3:17). Посмотри на их нечестие: оставаясь иудеями, они захотели воспользоваться именем (Иисуса), – потому что делали все из тщеславия и корыстолюбия. Смотри, как везде люди обращаются не столько помощью полезного (внушения), сколько страхом. По случаю смерти Сапфиры страх объял Церковь и "**из посторонних же никто не смел пристать к ним**" (Дян.5:11,13); здесь брали платки и полотенца – и исцелялись, и после этого "**исповедуя и открывая**" грехи свои. Из того, что бесноватый бросился на них, видно, как велика сила бесов в отношении к неверующим. Почему же злой дух не сказал, кто это Иисус, а высказал слова, не принесшие пользы? Он боялся, чтобы самому не потерпеть наказания, так как знал, что наказать этих обманщиков ему попущено было силою того же самого имени. Почему и эти несчастные не сказали: веруем (в Него)? Они боялись Павла, хотя им было бы гораздо более славы, если бы они сказали это и признали владычество Его. Притом у них было в памяти случившееся в Филиппах (Деян.16:18). Заметь, как краток наш писатель, как он только пишет историю, а никого не осуждает. Это делало апостолов достойными удивления. Впрочем упоминает, чьи были дети (заклинатели), имя их и число, и этим сообщает признак достоверности написанному. Для чего они "**скитались**" по селениям? Для прибытка, а не для проповеди? Но хорошо, что они и после бегали, проповедуя о том, что терпели. Указывая на это, и (писатель) говорит: "**это сделалось известно всем живущим в Ефесе Иудеям и Еллинам**". Не должно ли было это, скажи мне, обратить и самих упорствующих? Но не обратило. И не удивляйся; злобу ничто не убеждает. Но посмотрим, какой великой злобы было дело заклинателей. Почему не было того же при Христе, это мы рассмотрим в другое время, а не теперь; заметим только, что здесь было сделано хорошо и полезно. Мне кажется, что они это делали издеваясь, потому и наказываются, чтобы после никто уж не дерзал произносить это имя как попало. Это многих из уверовавших привело к исповеданию, произвело в них страх и было величайшим доказательством того, что Бог знает все. Прежде, чем они были обличены бесами, они обвинили сами себя, боясь чтобы не потерпеть того же. И справедливо. Если покровительствовавшие им бесы стали их обвинителями, а не помощниками, то какая оставалась надежда, кроме исповедания делами? Смотри, как скоро, после таких знамений, является зло. Такова человеческая природа: она скоро забывает благодеяния.

Не припомните ли, что тоже самое произошло и в наше время? Скажи мне, в прошлом году, не поразил ли Бог землетрясением весь город? И что же? Не все ли приняли крещение? Блудники и люди, преданные роскоши и сластолюбию, оставив те жилища и места, в которых проводили время, не исправлялись ли, не делались ли благоговейными? А едва прошло три дня, как они опять обратились к свойственному (им) пороку. Отчего это происходит? От великого нерадения. И что удивительного, если это происходит по прошествии событий, когда бывает тоже и там, где образы (событий) остаются постоянно? Событие, бывшее в Содоме, скажи мне, не остается ли навсегда? А что? Живущие близ него сделались ли оттого лучшими? Нисколько. А что сын Ноев? Не был ли он таков? Не остался ли он злым, хотя и видел своими глазами такое запустение? Не будем же удивляться, что при таких событиях иные не веровали, если часто самое вероучение обращают к противному – ко злу, если, например, и о Сыне Божием говорят, что "**бес в Тебе**" (Ин.8:48). Не видите ли и ныне то же самое, как многие люди, неверные и неблагодарные, уподобляются ехиднам, – будучи облагодетельствованы и призрены другими, огорчают потом своих благодетелей? Это сказано нами для того, чтобы никто не удивлялся, что и при таких знамениях не все обратились.

3. Вот и в наше время были события с блаженным Вавилою, события в Иерусалиме, события при разрушении храмов, и однако не все обратились. К чему говорить о древнем? Я сказал уже, что было в прошлом году, и никто не обратил внимания, но мало-помалу опять стали предаваться распутству и грехопадению. Небо постоянно взывает, что есть Господь, что все это (разумею мир) есть дело некоего Художника, а некоторые говорят, что нет. Случившееся с Феодором в прошлом году кого не поразило? И однако больше ничего не произошло, но сделавшись на время благоговейными, потом возвратились к тому же состоянию, из которого перешли к благоговению. Тоже было некогда с евреями. Потому и сказал пророк: "**когда Он умерщвлял их, они искали Его и скоро обращались к Богу**" (Пс.77:34). И вообще что надобно сказать? Как многие, впадая в болезни, обещались по выздоровлении совершенно исправиться, и однако оставались такими же! В этом особенно и открывается нам произволение и свобода пашей природы, – во внезапной перемене. Если бы зло было нам естественно, то не было бы этой перемены; что естественно и необходимо, в том измениться мы не можем. И однако, скажешь, изменяемся. Не видим ли мы, как некоторые, имея от природы зрение, от страха становятся слепыми? Это оттого, что нашей природе свойственно сокращаться, когда приходит другое естественное действие; так и терять зрение от страха нам естественно, и с другой стороны также естественно, что при большем страхе другой (меньший) исчезает. Что же? Если, скажешь, любомудрие свойственно природе, то как же страх, овладевая ею, изгоняет его? А что, если я докажу тебе, что некоторые и в это время не бывают любомудрыми, а даже среди самого страха остаются смелыми? Это уже неестественно. О древнем ли говорить или о новом? Сколько было людей, которые и во время страха оставались смеющимися, издевающимися, и не испытывали ничего такого (подобного страху)? Так фараон, скажи мне, не тотчас ли (после наказания) переменялся и возвращался к прежнему нечестию? Так и здесь заклинатели, хотя сами знали (о ком говорят), над бесноватыми говорили просто: "**заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует**". Из того, что они говорят в подтверждение, видно что они знали. Говорят только: "**Иисусом**", между тем как следовало сказать: Спасителем вселенной, воскресшим (из мертвых). Они не хотели исповедать славу Его; потому бес, бросившись на них, обличил их и сказал: "**Иисуса знаю, и Павел мне известен**"; как бы так сказал: вы не веруете, но говорите это, злоупотребляя именем; и потому, говорит, храм (ваш) пуст, оружие не крепко, вы – не проповедники, но принадлежите мне. Велика ярость беса! Апостолы могли бы сделать с ними тоже, но не делали; повелевая теми, которые делали это, они тем более сами могли бы сделать тоже. Отсюда открывается кротость их, т.е. когда гонимые так поступают, а бесы, которым люди служили, делают противное, "**Иисуса**", говорит, "**знаю**", стыдитесь же вы, которые не знаете (Его). "**И Павел мне известен**". Хорошо и это сказано; признает его проповедником Божиим. Потом бросается на них и раздирает им одежды, и этими действиями как бы выражает: не подумайте, что я делаю это из презрения к тем (апостолам). Велик страх бесовский! А почему он не разорвал одежды их без всяких слов? Этим он выразил свою ярость и остановил их обман. Он боялся, как я сказал, неприступной силы (Христовой), и не преодолел бы таким образом, если бы не сказал этого. Смотри, как везде бесы оказываются благоразумнее иудеев и не смеют ни противоречить, ни порицать апостолов или Христа. Там они говорят: знаем Тебя, кто Ты; и: "**пришел Ты сюда прежде времени мучить нас**"; и еще: "**знаю Тебя**", Сыне "**Божий**" (Мф.8:29. Мк.1:24). А здесь: "**сии человеки – рабы Бога Всевышнего**" (Деян.16:17); и опять: "**Иисуса знаю, и Павел мне известен**". Они весьма боялись и страшились тех святых. Может быть и из вас иной, слыша это, желает иметь такую же власть, чтобы бесы не могли взирать на него, и называет тех святых блаженными потому, что они имели такую силу. Такой пусть послушает, что сказал Христос: "**не радуйтесь, что духи вам повинуются**" (Лк.10:20), так как Он знал, что все люди стали бы особенно радоваться этому из тщеславия. Если ты ищешь угодного Богу и полезного обществу, то к этому есть другой лучший путь. Не так важно – изгнать беса, как

– освободиться от греха. Бес не препятствует достигнуть царствия небесного, а еще содействует, – хотя невольно, но содействует, делая одержимого им более любомудрым; а грех удаляет (от царствия).

4. Может быть, кто-нибудь скажет: я не желал бы достигать такого любомудрия. И я не желаю этого, но желаю другого – того, чтобы делать все из любви ко Христу. Если же и то случится, – чего да не будет! – и об этом должно молиться. Итак, если (бес) не удаляет (от царствия небесного), а грех удаляет, то избавление от последнего есть большее благо. Потому будем стараться освобождать от него ближних наших, а прежде ближних – нас самих. Будем пещись, чтобы нам не сделаться одержимыми бесом, будем тщательно смотреть за собою. Но лютее беса грех, так как тот еще делает людей смиренными. Не видите ли, как бесноватые, когда они получают облегчение от этой болезни, бывают печальны и кротки, какая стыдливость выражается в лице их, как они боятся даже смотреть вокруг себя? Посмотри же, какая выходит несообразность: те стыдятся своих страданий, а мы не стыдимся своих дел; те стыдятся, претерпевая зло, а мы не стыдимся, совершая зло; их положение достойно не стыда, но сострадания, человеколюбия, снисхождения, великого удивления и тысячи похвал, если только они, противодействуя бесу, переносят все с благодарностью; а наше положение достойно посмеяния, стыда, осуждения, наказания, мучения, крайних бедствий и самой геенны, и не заслуживает никакого снисхождения. Видишь ли, как грех лютее беса? Те от своих страданий получают двоякую пользу: во-первых, вразумляются и делаются более любомудрыми; во-вторых, потерпев здесь наказание за свои грехи, отходят к Господу чистыми. Мы часто говорили об этом и учили, что наказываемые здесь, если терпят благодушно, могут избавиться от множества грехов. От грехов же бывает двоякое зло: первое – то, что претыкаемся, второе – то, что становимся худшими. Обратите внимание на слова мои. Не только то зло мы терпим от греха, что грешим, но еще и то, что душа приобретает дурной навык, подобно как бывает с телом. Сказанное будет яснее на примере. Как одержимый горячкою не только то терпит зло, что находится в болезни, но и то, что после болезни становится слабее, хотя бы он уже и выздоровел от продолжительной болезни, так и по совершении греха, хотя бы мы и исцелели, мы еще имеем нужду в большей силе. Представь человека, который нанес кому-нибудь обиду и не получил наказания: не потому только он достоин слез, что не потерпел наказания за обиду, но и по другой причине. По какой? Потому, что душа его стала бесстыднее. От каждого греха, как скоро он сделан и окончен, в душе нашей остается некоторый яд. Не слышишь ли, как некоторые, исцелившись от известной болезни, говорят: "я еще не осмеливаюсь пить воды?" Хотя он и выздоровел, но болезнь причинила и это зло. Те, тяжко страдая, благодарят; а мы и при благосостоянии хулим Бога и ропщем на Него; и подлинно, ты найдешь делающих это больше в здоровье и богатстве, чем в бедности и слабости. Бес стоит (пред ними), как истинный палач с сильными угрозами, или как учитель с поднятою плетью, не дозволяющий никакой отрады. Если же некоторые и при этом не делаются любомудрыми, то, по крайней мере, они претерпевают наказание. И это не маловажно. Как от безумных, как от сумасшедших, как от детей не требуют отчета в их действиях, так и от них; и нет человека, столь жестокого, чтоб наказывать за то, что сделано по неведению. Таким образом мы – согрешающие – оказываемся гораздо хуже беснующихся. Но мы не извергаем пены, не извращаем глаз и рук? О, если бы мы делали это с телом и не делали с душою! Хочешь ли, я покажу тебе, как душа извергает нечистую пену и извращает умственные очи? Посмотри на гневающихся и неистовствующих от ярости, не извергают ли они слов, которые нечистее всякой пены? Подлинно они как бы источают смрадную слюну. И как те не узнают никого из присутствующих, так и эти. При своем помраченном уме и извращенных очах они не различают ни друга, ни врага, ни почтенного человека, ни презренного, но на всех смотрят (просто). Можешь видеть, как они и трясутся, также как те. Но они не падают на землю? За то душа их падает низко и

лежит в трепете; если бы она стояла прямо, то с нею не было бы того, что бывает тогда. Подлинно не низкой ли и потерявшей самосознание душе свойственно то, что делают и говорят неистовствующие от ярости? Но есть и другой вид неистовства, еще худший. Какой? Тот, когда не хотят оставить гнева, но питают в себе памятозлобие, как какого домашнего палача. Самих же их первых мучит памятозлобие еще и здесь, не говоря о будущем. Подумай, какое терпит мучение человек, возмущенный душою, каждый день помышляя о том, как бы отомстить врагу? Прежде всего он мучит сам себя и томится, раздражаясь, досадуя на самого себя, разгорячаясь. Точно огонь постоянно горит в тебе, и, когда горячка усиливается до такой степени, ты не ослабляешь ее, думаешь, как бы причинить какое зло другому; а между тем терзаешь самого себя, постоянно нося в себе сильный пламень, не давая успокоиться душе своей, постоянно свирепея, и содержа ум свой в тревоге и смятении.

5. Что хуже этого неистовства – всегда мучиться, раздражаться и воспламеняться? А таковы души злопамятных. Они, как скоро увидят того, кому хотят отомстить, тотчас же выходят из себя; услышат ли голос его, падают и дрожать; лежат ли на постели, придумывают тысячи мучений, как бы поразить и растерзать своего врага; а если при этом увидят его благоденствующим, о, какое для них наказание! Прости же другому проступок его и избавь себя от мучения. Для чего ты непрестанно мучишь себя, чтобы однажды поразить и наказать его? Для чего причиняешь самому себе изнурительную болезнь? Для чего продолжаешь гнев свой, когда он готов прекратиться? Да не продолжится (гнев ваш) даже "**до вечера**", говорит Павел (Еф.4:26); он, как бы какая тля и моль, подъедает корень нашей души. Для чего удерживать внутри себя этого дикого зверя? Лучше положить змея или ехидну на сердце, нежели гнев и памятозлобие; от тех скоро можно было бы нам освободиться, а этот остается постоянно, вонзая свои зубы, впуская свой яд, возбуждая злые помыслы. Я делаю это, скажешь, для того, чтобы тот не стал смеяться надо мною, не стал презирать меня? Жалкий и безрассудный человек! Ты не хочешь быть посмешищем для подобного тебе раба, а подвергаешься неблаговолению своего Владыки? Не хочешь быть в презрении у равного тебе раба, а сам презираешь Владыку? Не можешь снести презрения (от человека), а не подумаешь, что ты прогневляешь Бога, посмеваешься над Ним, пренебрегаешь Им, не оказывая Ему повиновения? А то, что он не будет смеяться над тобою, это очевидно. Если станешь мстить, то будет великий смех, великое презрение, так как это – дело малодушия; если же простишь, то – великое удивление, так как это – дело великодушия. Но тот, скажешь, не узнает этого? Пусть узнает Бог, чтобы ты имел за то большую награду. "**Взаймы давайте**", говорит Он, "**не ожидая ничего**" (Лк.6:35).

Будем благодетельствовать тем, которые не чувствуют, что им благодетельствуют, чтобы они, воздавая нам похвалы или что другое, тем не уменьшили нашей награды. Если ничего не получим от людей, то тем больше получим от Бога. Что смешнее, что грубее души, непрестанно гневающейся и желающей мщения? Это – женское и детское желание. Как та (гневливая жена) гневается и на бездушные вещи и, пока хотя не топнет об пол, не оставляет своего гнева, так и эти (злопамятные) желают отомстить своим оскорбителям и делаются сами достойными смеха, потому что увлекаться гневом свойственно детскому уму, а преодолевать его возмужалому. Итак, не мы будем в посмеянии, когда окажем любомудрие, и они (оскорбители). Не покоряться страсти – дело людей не презренных; а презренным свойственно бояться смеха других до такой степени, чтобы из-за этого решиться – покоряться собственной страсти, оскорблять Бога и мстить за себя. Это, поистине, достойно смеха. Будем же избегать этого. Пусть тот говорит, что он причинил нам тысячу зол, а сам ничего не потерпел (от нас), пусть говорит, что если он и еще поругается над нами, так же не потерпит ничего. Если бы он захотел хвалить нас, то не иначе стал бы проповедовать о нашей добродетели, не иные стал бы употреблять слова, как именно эти, которыми он думает унизить нас. О, если бы все говорили обо мне, что

"это – человек холодный и жалкий; все оскорбляют его, а он терпит; все нападают на него, а он не мстит за себя"! О, если бы прибавили еще, что "он даже и не может сделать этого, хотя бы и хотел", – мне похвала была бы от Бога, а не от людей! Пусть говорят что мы не мстим по трусости. Это нисколько не вредит нам; Бог видит и уготовляет нам большее сокровище. Если бы мы стали смотреть на тех людей, то лишились бы всего. Будем же смотреть не на то, что о нас говорят, а на то, что нам должно делать. Некоторые говорят: пусть не смеется надо мною, пусть не издевается. О, безумие! Никто оскорбивший меня, говоришь ты, не смеялся надо мною, т.е., я отомстил. Но потому ты и достоин посмеяния, что отомстил. Откуда явились эти слова – постыдные и гибельные, низвращающие нашу жизнь и общество? Не отголосок ли сопротивления Богу. Что делает равным Богу, т.е. немстительность, то почитаешь ты смешным. Не в праве ли смеяться над нами и мы сами, и эллины, когда так говорим мы вопреки Богу?

Хочу рассказать нечто, бывшее в древности, касающееся не гнева, но имущества. У одного человека было поле, в котором было скрыто сокровище, о чем господин ничего не знал. Это поле он продал. Купивший, раскапывая землю, чтобы разработать и насадить ее, нашел скрытое сокровище. Продавший, узнав об этом, пришел к купившему и стал насильно требовать себе сокровища: я, говорит, продал поле, а не сокровище. Тот отказал ему, сказавши, что он купил поле вместе с сокровищем и ничего более знать не хочет. Начали тяжбу, один надеясь получить, а другой, стараясь не отдать. Нашедши какого-то человека, они обратились к нему с этим делом и спросили его: кому должно принадлежать сокровище? Он не дал ответа, но сказал, что разрешит тяжбу их: пусть он будет господином (сокровища). Взявши его себе с их согласия, он испытал впоследствии много зла от этого сокровища и на деле убедился, что не напрасно они отступились от него. Подобным образом должно поступать и по отношению к гневу, – мы должны стараться не мстить, а оскорбившие – признавать себя виновными. Но, может быть, это кажется смешным. Когда слишком усиливается это безумие, то люди благоразумные смеются, и среди множества неистовствующих непричастный их неистовству также кажется неистовствующим. Потому, увещеваю вас, будем терпеливы и не станем выходить из себя, чтобы, очистившись от этой гибельной страсти, мы могли сподобиться царствия небесного, благодатию и щедротами Единородного Сына Его, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 42

"Когда же это совершилось, Павел положил в духе, пройдя Македонию и Ахаию, идти в Иерусалим, сказав: побывав там, я должен видеть и Рим. И, послав в Македонию двоих из служивших ему, Тимофея и Ераста, сам остался на время в Асии. В то время произошел немалый мятеж против пути Господня" (Деян.19:21-23).

1. Пробывши довольно времени в городе (Ефесе), (Павел) опять хочет идти в другое место. Потому посылает Тимофея и Ераста в Македонию, а сам остается в Ефесе. Как же он, прежде вознамерившись отправиться в Сирию (Деян.18:18), опять возвращается в Македонию? Это – с целью показать, что он делал все не собственною силою. Вместе с тем предсказывает и будущее: "**я должен**", говорит, "**видеть и Рим**". Это сказал он, может быть, желая утешить (учеников) известием, что он не останется (в Иерусалиме), но опять придет к ним, и таким предсказанием ободрить души их. Отсюда я заключаю, что он в Ефесе написал послание к коринфянам, в котором говорит: "**мы не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Асии**" (2Кор.1:8). Он обещал прибыть в Коринф, и потому извиняется в своем замедлении и указывает на искушение, разумея поступок Димитрия. На этот же поступок указывает и (писатель) в словах: "**в то время произошел немалый мятеж против пути Господня**". Опять опасность, опять

смятение. Видишь ли превосходство (Павла)? Совершились двойные знамения, а они противоречили. Так чрез все сплетаются события. "**Ибо некто серебряник, именем Димитрий, делавший серебряные храмы Артемиды и доставлявший художникам немалую прибыль, собрав их и других подобных ремесленников, сказал: друзья! вы знаете, что от этого ремесла зависит благосостояние наше; между тем вы видите и слышите, что не только в Ефесе, но почти во всей Асии этот Павел своими убеждениями совратил немалое число людей, говоря, что делаемые руками человеческими не суть боги. А это нам угрожает тем, что не только ремесло наше придет в презрение, но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить, и испровергнется величие той, которую почитает вся Асия и вселенная**" (ст. 24-27). "**Делавший**", говорит, "**серебряные храмы Артемиды**". Неужели у них были серебряные храмы? Вероятно, это были небольшие кивории (подобия храма). В Ефесе Артемида была в большой чести, так что когда храм ее был сожжен, то (жители) до того огорчились, что запретили даже произносить имя виновника этого пожара. Смотри, как идолослужение везде поддерживается корыстью. И те из корысти (восставали на Павла, Деян.16:16), и этот из корысти; не потому, что их богопочтению угрожала опасность, но потому, что они лишались возможности прибытка. Посмотри и на злобу этого человека: он был богат, и для него не было бы от того большого вреда; более могли потерять прочие, которые были бедны и содержались дневными трудами, и, однако, они не говорят ничего, а только – он. Сообщников своих по ремеслу он делает сообщниками возмущения. Преувеличивает опасность: "**это нам угрожает тем**", говорит, "**что не только ремесло наше придет в презрение**". Это значит почти тоже, что: нам, при нашем ремесле, угрожает опасность умереть с голоду. Сами слова его могли бы обратить их к благочестию, но они, как люди низкие и невежественные, тотчас возмущаются, не думая, что если этот человек (Павел) столь силен, что всех обращает и самому почитанию богов угрожает опасностью, то как велик должен быть Бог его. Он может даровать нам гораздо более того, за что мы опасаемся. К этому он мог предрасположить души их словами: "**не суть боги, делаемые руками человеческими**". Заметь, чем огорчаются эллины: тем, что было сказано: "**делаемые руками человеческими не суть боги**". Он постоянно склоняет речь к своему ремеслу. Потом, чтобы еще более раздражить их, говорит; "**не только ремесло наше придет в презрение**", – т.е., не говоря уже о прочем, – "**но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить**". А чтобы показать, будто он говорит это не из корысти, смотри, что прибавляет: "**которую почитает вся Асия и вселенная**". Видишь ли, как он свидетельствует о превосходстве силы Павла, как слабы и ничтожны все прочие, если человек гонимый и занимавшийся скинотворством мог сделать так много? Так, сами враги свидетельствовали в пользу апостолов. Там они говорили: "**наполнили Иерусалим учением вашим**" (Деян.5:28); здесь: "**и испровергнется величие**" Артемиды. Прежде говорили: "**эти всесветные возмутители пришли и сюда**" (Деян.17:6); а теперь: "**ремесло наше придет в презрение**". Так и иудеи говорили о Христе: "**весь мир идет за Ним**" (Ин.12:19), и "**придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом**" (Ин.11:48). "**Выслушав это, они исполнились ярости**". Когда произошла ярость? Когда услышали об Артемиде и о прибытке. Таково свойство простого народа: он увлекается и раздражается случившимся. Потому (с ним) надобно поступать во всем осмотрительно. Заметь, как они были легкомысленны, так что готовы склоняться на все. "**Выслушав это, они исполнились ярости**", говорит, "**и стали кричать, говоря: велика Артемида Ефесская! И весь город наполнился смятением. Схватив Македонян Гаия и Аристарха, спутников Павловых, они единодушно устремились на зрелище**" (ст. 28, 29).

2. Опять нападают без причины, подобно как иудеи на Иасона (Деян.17:6), и готовы на все: так мало они думали о благородстве и чести! "**Когда же Павел хотел войти в народ, ученики не допустили его. Также и некоторые из Асийских начальников, будучи**

друзьями его, послав к нему, просили не показываться на зрелище" (ст. 30, 31). Просили потому, что там было собрание людей беспорядочных, готовых решиться на все по безумному увлечению. И Павел повинуется: он не был ни тщеславен, ни честолюбив. "**Между тем одни кричали одно, а другие другое, ибо собрание было беспорядочное, и большая часть собравшихся не знали, зачем собрались**" (ст. 32). Такова толпа: устремляется на все без рассуждения, подобно огню, устремляющемуся на дрова. "**По предложению Иудеев, из народа вызван был Александр. Дав знак рукою, Александр хотел говорить к народу**" (ст. 33). Иудеи вмешались в дело по смотрению (Божию), чтобы после они не могли ничего сказать против этого. Вызывается (Александр) и говорит, а что – послушай. "**Дав знак рукою, Александр хотел говорить к народу. Когда же узнали, что он Иудей, то закричали все в один голос, и около двух часов кричали: велика Артемида Ефесская!** " (ст. 34). Подлинно, детский у них ум! Как бы опасаясь, чтобы не истощилось их благочестие, они кричат непрестанно. Два года пробыл там (Павел), и, смотри, сколько еще было эллинов. "**Блюститель же порядка, утишив народ, сказал: мужи Ефесские! какой человек не знает, что город Ефес есть служитель великой богини Артемиды и Диопета?**" (ст. 35). Таким предисловием он утешил их ярость. "**И Диопета**". Говорит это, как будто дело не было ясно само по себе. Диопетом назывался другой храм, или Диопетом они называли изображение Артемиды, как будто эта глина ниспала от Юпитера, а не сделана людьми, или так называлось у них другое какое-нибудь украшение. "**Если же в этом нет спора, то надобно вам быть спокойными и не поступать опрометчиво. А вы привели этих мужей, которые ни храма Артемидина не обокрали, ни богини вашей не хулили**" (ст. 36, 37).

Следовательно, все (сказанное против апостолов) ложно; он говорит это к народу, чтобы успокоить его. "**Если же Димитрий и другие с ним художники имеют жалобу на кого-нибудь, то есть судебные собрания и есть проконсулы: пусть жалуются друг на друга. А если вы ищете чего-нибудь другого, то это будет решено в законном собрании. Ибо мы находимся в опасности – за происшедшее ныне быть обвиненными в возмущении, так как нет никакой причины, которою мы могли бы оправдать такое сборище. Сказав это, он распустил собрание**" (ст. 38-40). Говорит о законном собрании; по закону их, в каждый месяц происходили три собрания, а это было незаконное. Потом устрашает их, говоря: "**быть обвиненными в возмущении**". Но обратимся к вышесказанному. "**Когда же это совершилось**", говорит (писатель), "**Павел положил в Духе, пройдя Македонию и Ахаию, идти в Иерусалим**". Делает это не по человеческому усмотрению, но "**в Духе**", по внушению которого и решается идти. Это означает слово: "**положил**"; оно имеет именно такой смысл. А почему он посылает Тимофея и Ераста, об этом не говорится; но мне кажется, что и об этом надобно сказать: "**в Духе**". "**И потому, не терпя более**" (говорит Павел), "**мы восхотели остаться в Афинах одни**" (1Фес.3:1). И, смотри, посылает двоих из служащих ему, чтобы они возвестили о его прибытии и сделали (тех) более готовыми. А сам долее всех остается в Азии; и справедливо, – потому что там было многочисленное общество философов. Пришедши туда, он опять беседовал с ними, потому что там было великое суеверие. "**Некто серебряник, именем Димитрий, делавший серебряные храмы Артемиды и доставлявший художникам немалую прибыль, собрав их и других подобных ремесленников, сказал: друзья! вы знаете, что от этого ремесла зависит благосостояние наше; между тем вы видите и слышите**", – так это было общеизвестно! – "**этот Павел своими убеждениями совратил немалое число людей**". Не насилием (он действовал), если "**убеждениями**". Так и должно убеждать город. Потом говорит о том, что касается их: "**что делаемые руками человеческими не суть боги**". Что это значит? Он уничтожает, говорит, наше ремесло. А чтобы они не подумали и не сказали, что один человек делает такие дела, и что если он имеет такую силу, то должно повиноваться ему, прибавляет: "**которую почитает вся Асия и вселенная**". Они думали, что крик их может воспрепятствовать Духу Божию: настоящие дети были эллины! "**А это нам угрожает**

тем", говорит, "**что не только ремесло наше придет в презрение**". Если же от этого занятия зависит ваше благо-состояние, то как мог убедить человек незнатный? Как он мог преодолеть такой обычай? Какими делами, или какими словами? Поистине это – дело не Павла, не человека. И достаточно было сказать, "**не суть боги**". Если же так легко было ниспровергнуть это нечестие, то давно следовало отказаться от него; а если бы оно было сильно, то невозможно было бы так скоро ниспровергнуть его. "**Не только**", говорит, "**ремесло наше придет в презрение**". Прибавляет это, как бы намереваясь сказать нечто более важное. "**Выслушав это, они исполнились ярости и стали кричать, говоря: велика Артемида Ефесская!**". А у них в каждом городе были свои боги. Они были в таком состоянии, как будто криком своим хотели восстановить ее почитание и уничтожить все, сделанное (Павлом).

3. Такова беспорядочная толпа! "**Когда же Павел**", говорит (писатель), "**хотел войти в народ, ученики не допустили его**". Павел хотел идти и говорить речь; он и самыми смятениями пользовался, как случаями к научению; но ученики не допустили его. Смотри, какое они везде имели о нем попечение. И прежде они удаляли его, чтобы ему не было нанесено смертельного удара, (Деян.17:15), и теперь удержали, хотя и слышали, что ему еще должно видеть Рим. Предусмотрительно он предсказал им об этом, чтобы они не смущались такими событиями. Но они не хотели, чтобы он потерпел что-нибудь. "**Также и некоторые**", говорит (писатель), "**из Асийских начальников, будучи друзьями его, послав к нему, просили не показываться на зрелище**". Зная его ревность, они умоляли: так любили его все верные! Для чего, скажешь, Александр хотел говорить речь? Разве и он был обвиняем? Для того, чтобы найти случай все рассеять и угасить ярость народа. Видишь ли, как велико было неистовство? Хорошо и вразумительно говорит книжник: "**какой человек не знает**" Ефесский град? Говорит о том, за что они опасались; как бы так говорит: разве вы не почитаете этой богини? Не сказал: кто не знает Артемиды? – но: "**город Ефес**", желая угодить им. "**Если же в этом нет спора, то надобно вам быть спокойными и не поступать опрометчиво**". Здесь уже укоряет их и как бы так говорит: чего вы ищете, как будто это неизвестно? Очевидно, что оскорбление касается богини. Благочестие они желали сделать предлогом для своей выгоды. Потому он незаметным образом укоряет их и показывает, что они собрались безрассудно. "**И не поступать**", говорит, "**опрометчиво**". Этими словами выражает, что они поступили необдуманно. "**Если же Димитрий и другие с ним художники имеют жалобу на кого-нибудь, то есть**

судебные собрания и есть проконсулы". И здесь укоряет их и показывает, что из-за частных несогласий не следовало делать общего собрания. "**Ибо мы находимся в опасности**", говорит, "**за происшедшее ныне быть обвиненными в возмущении**". Этим приводит их в великое недоумение. "**Так как нет никакой причины**", говорит, "**которою**

мы могли бы оправдать такое сборище". Смотри, как благоразумно, как мудро говорят неверные. Таким образом, он укротил ярость их; как легко она возбуждается, так легко и укрощается. "**Сказав это, он распустил собрание**", говорит (писатель). Видишь ли, как Бог попускает искушения, чтобы ими возбудить и пробудить учеников Своих и сделать их более твердыми? Итак, не будем падать духом во время искушений; Он сам подаст и облегчение, чтобы мы могли их перенесть.

Ничто так не содействует любви и общению, как скорбь: ничто так не соединяет и не связывает души верующих; ничто столько не способствует нам – учителям, чтобы слова наши выслушивались со вниманием. Слушатель благоденствующий бывает беспечен и нерадив и считает за беспокойство для себя слушать поучающего; а удрученный скорбью и страданием с великим усердием предается слушанию. У кого душа отягчена скорбью, тот везде ищет себе утешения от скорби, а слово доставляет не малое утешение. А что же,

скажешь, иудеи? Почему они, претерпевая бедствия, малодушествовали и не слушали? Потому, что они были иудеи, всегда слабые и жалкие; притом их скорбь была очень велика, а мы говорим об умеренной. Смотри, они надеялись освободиться от угнетавших их бедствий и впадали в бедствия еще более тяжкие и бесчисленные; а это не мало поражает душу. Скорби удерживают нас от пристрастия к настоящему миру; мы благодушно ожидаем смерти и не бываем привязаны к благам телесным; а в том и состоит важнейшая часть любомудрия, чтобы не быть привязанным и пристрастным к настоящей жизни. Душа, удрученная скорбью, не заботится о многом; она желает только спокойствия и тишины; она хотела бы освободиться от настоящих (бедствий), и более ничего. Как тело утомленное и изнуренное не способно ни предаваться наслаждениям, ни пресыщаться, но имеет нужду в отдохновении и спокойствии, так и душа, удрученная множеством бедствий, ищет отдохновения и спокойствия. Душа, чуждая скорби, волнуется, мятется, надмевается; напротив душа, чуждая удовольствий и ничем не расслабляемая, вся сосредоточивается в самой себе и не надмевается; эта бывает мужественною, а та детски-слабою, эта – основательною, а та – легкомысленною. Как что-нибудь легкое, упавши в воду, колеблется волнами, так и душа, предавшаяся великой радости. От множества удовольствий у нас бывает и множество грехов, что может видеть всякий. Представим, если угодно, два дома, один наполненный отправляющими брачное пиршество, и другой – сетующими. Войдем мысленно в тот и другой и посмотрим, который из них лучше. Дом сетования окажется исполненным любомудрия, а дом брака – бесчиния; смотри, здесь в самом деле: нескромные речи, беспорядочный смех, еще более беспорядочные движения, одежда и походка, исполненные бесстыдства, действия, отличающиеся безумием и непристойностью; вообще здесь нет ничего, кроме смешного и достойного осмеяния. Говорю не о браке, – да не будет! – но о том, что бывает на браке. Здесь низвращается природа человеческая; присутствующие обращаются из людей в бессловесных животных; одни ржут, подобно коням, другие бьют ногами, подобно ослам, все в беспорядке, все в смятении; нет ничего благопристойного, ничего благородного; здесь великое торжество для диавола, – кимвалы, флейты, песни, исполненные прелюбодеяния и разврата. Не так бывает в жилище сетования, – все там бывает благопристойно; там глубокое молчание, совершенная тишина, великое сокрушение; нет ничего непристойного, ничего бесчинного. Если же кто станет говорить, то все слова его звучат, как исполненные любомудрия; и, что достойно удивления, в таком случае бывают любомудрыми не только мужи, но и слуги и жены. Таково свойство скорби. Стараются утешить сетующего, высказывают множество мыслей, исполненных любомудрия. Тотчас начинаются молитвы, чтобы скорбь не выходила из пределов; с готовностью утешают страждущих; исчисляют множество примеров подобных же сетующих. Ведь, что такое человек? Исследую нашу природу.

4. Что такое человек? При этом раскрываю его жизнь и ничтожество, вспоминаю о будущем, о суде. Каждый отходит домой – с брака прискорбным, потому что сам он бывает в растроенном состоянии, а с сетования – радостным, потому что видит себя свободным от подобного бедствия и возвращается с душою, успокоившеюся от всякого неумеренного пожелания. Но что? Хочешь ли, сравним между собою темницы и зрелища, (эти места) одно – сетования, другое – удовольствия? Посмотрим, что происходит в каждом из них. Там (в темнице) великое любомудрие, потому что где скорбь, там непременно и любомудрие. Там человек, прежде богатый и надменный, не чуждается беседовать со всяким, кто к нему обращается; страх и скорбь, как бы какой сильнейший огонь, проникая его душу, смягчает ее грубость. Там он делается кротким и смиренным; там он постигает превратность жизни и терпеливо переносит все. На зрелище же все напротив: здесь смех, бесстыдство, бесовское веселие, бесчиние, потеря времени, бесполезное употребление целых дней, возбуждение нечистых пожеланий, упражнение порочных похотей, школа прелюбодеяния, училище разврата, поощрение безнравственности, побуждения к смехотворству, примеры непристойности. Не такова

темница; там смирение, вразумление, упражнение в любомудрии, презрение житейских благ. Все (земное) попрано и презрено, и страх бодрствует над человеком, как пестун над дитятей, направляя его ко всему должному. Но, если хочешь, посмотрим на те же места с другой стороны. Я желал бы, чтобы ты встретился с человеком, который идет со зрелища, и с другим, который выходит из темницы: ты увидел бы, как душа первого возмущена, не спокойна, поистине точно связана, и как душа последнего спокойна, свободна, возвышенна. Тот идет со зрелища ослепленный видом тамошних женщин, несет на себе оковы, которые тяжелее всяких железных, оковы тех мест, слов, действий. А выходящий из темницы, будучи свободен от всего этого, не чувствует и ничего прискорбного, сравнивая свое положение с положением других. Он будет считать за счастье, что свободен от уз, пренебрежет человеческими делами, видя, как многие богатые впадают в несчастия и, будучи прежде в великой чести и силе, содержатся там, в заключении; если он испытывает какую-либо несправедливость, то он перенесет это терпеливо, потому что там много примеров и этого; будет вспоминать о будущем суде и содрогаться, видя настоящие места (заключения). И как заключенный в здешней темнице становится кротким ко всем, так и те, еще прежде суда, еще прежде будущего дня, станут кроткими и к жене и к детям, и к слугам. Но не так (возвращающийся) со зрелища: он с неудовольствием будет смотреть на жену, будет жестоко обращаться с слугами, гневаться на детей, будет свирепым ко всем. Много зла причиняют городам зрелища, зла великого, мы даже и не знаем, насколько великого. Если вы не утомились, посмотрим еще на места смеха, разумею пиршества, где – тунеядцы, льстецы и великое невоздержание, и на другие места, где – хромые и слепые. Там пьянство, объядение, разврат; здесь все напротив. Посмотри и на наше тело: когда оно тучно и изнежено, то скоро впадает в болезнь; а когда истощено, то не так (скоро заболевает). Но чтобы сделать для вас яснее слова мои, представим тело многокровное, тучное и переполненное; оно даже и от легкой пищи может впасть в горячку, если будет оставаться в бездействии. Представим другое, которое издавна подвергалось голоду и изнеможению; болезнь не скоро может его постигнуть и преодолеть. В нас часто и здоровая кровь порождает болезни, если ее слишком много; а если ее будет не много, то, хотя бы она была не в здоровом состоянии, легко может быть излечена. Так и с душою: если она предана роскоши и удовольствиям, то легко склоняется на грех; она близка и к гордости, и невоздержанию, и тщеславию, и зависти, и коварству, и клевете. Не такова душа, живущая в скорби и воздержании, – она далека от всего этого. Вот и наш город велик. Откуда же происходит зло? Не от богатых ли? Не от радующихся ли? Кто влечет (других) в судилища? Кто расхищает имущество? Те ли, которые живут в бедности и угнетении, или те, которые надмеваются и радуются? От души, угнетенной скорбью, не может произойти какое-либо зло. Павел знает пользу от нее, потому говорит: **"от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает"** (Рим.5: 3-5). Не будем же падать духом во время скорбей, но за все благодарить (Бога), чтобы получить великую пользу, чтобы заслужить благоволение от Бога, Который попускает скорби. Великое благо – скорбь; это мы можем видеть и на детях своих; ничему полезному они не могут научиться без скорби. Но мы еще более, нежели они, имеем нужду в скорби. Если они цветут тогда, когда их страсти бывают укрощаемы, то тем более (это нужно) нам, которые подвержены столь многим и столь великим (страстям). Мы более, нежели они, имеем нужду в пестунах, так как проступки детей не могут быть велики, а наши бывают весьма велики. Наш пестун – скорбь. Итак, не навлекая ее сами на себя, когда она постигает нас, будем переносить ее благодушно, как виновницу множества благ, чтобы нам сподобиться благоволения Божия и благ, уготованных любящим Его, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 43

"По прекращении мятежа Павел, призвав учеников и дав им наставления и простившись с ними, вышел и пошел в Македонию"(Деян.20:1).

1. Нужно было великое утешение после такого возмущения. Это и делает (Павел). Чтобы утешить учеников, он отправляется в Македонию и потом в Элладу. А как много он утешал их, послушай. "**Пройдя же те места и преподав верующим обильные наставления, пришел в Елладу. Там пробыл он три месяца. Когда же, по случаю возмущения, сделанного против него Иудеями, он хотел отправиться в Сирию, то пришло ему на мысль возвратиться через Македонию. Его сопровождали до Асии Сосипатр Пирров, Вериянин, и из Фессалоникийцев Аристарх и Секунд, и Гаий Дервянин и Тимофей, и Асийцы Тихик и Трофим. Они, пойдя вперед, ожидали нас в Троаде**" (ст. 2-5). Опять терпит гонение от иудеев и возвращается в Македонию. Но что это; (писатель) как будто называет Тимофея фессалоникийцем? Он не говорит этого. Они, говорит, "**пойдя вперед**", прежде него прибыли в Троаду. "**А мы, после дней опресночных, отплыли из Филипп и дней в пять прибыли к ним в Троаду, где пробыли семь дней**" (ст. 6). Мне кажется, что он старался проводить праздники в больших городах. Отплывает из Филипп, где случилось событие в темнице (Деян.16:16-32). Теперь уже в третий раз он был в Македонии; филиппийцы заслужили особенное, его внимание; потому он и останавливается там. "**В первый же день недели, когда ученики собрались для преломления хлеба, Павел, намереваясь отправиться в следующий день, беседовал с ними и продолжил слово до полуночи**" (ст. 7). Посмотри, как они все почитали маловажнее проповеди. Тогда была пятидесятница и день недельный, а он продолжает поучение до полуночи; он до того заботился о спасении учеников, что не умолкал и ночью, но тогда в особенности и беседовал, когда было спокойно. И смотри, как долго он беседует и притом после времени вечерней трапезы. Но диавол возмутил, хотя и безуспешно, это празднество, погрузив в сон одного слушателя и свергнув его вниз. А как это случилось, (писатель) повествует далее. "**В горнице, где мы собрались, было довольно светильников. Во время продолжительной беседы Павловой один юноша, именем Евтих, сидевший на окне, погрузился в глубокий сон и, пошатнувшись, сонный упал вниз с третьего жилья, и поднят мертвым. Павел, сойдя, пал на него и, обняв его, сказал: не тревожьтесь, ибо душа его в нем. Взойдя же и преломив хлеб и вкусив, беседовал довольно, даже до рассвета, и потом вышел. Между тем отрока привели живого, и немало утешились**" (ст. 8-12). Смотри, каково представленное здесь зрелище: ученики, говорит, "**где мы собрались**"; и каково знамение: "**сидевший**", говорит, "**на окне**" и притом в самую глубокую ночь. Такова (у них) была ревность к слушанию. Устыдимся же мы, которые не делаем этого и днем. Но тогда, скажешь, беседовал Павел, Что ты говоришь? И ныне беседует Павел, или лучше, и тогда, и теперь не Павел, а сам Христос, – и никто не слушает. Не на окне (мы сидим) теперь, ни голод, ни сон, ни теснота и ничто подобное не беспокоит нас, и, не смотря на то, не слушаем. Достойно удивленья, как он будучи юношею был не ленив, чувствуя наклонность ко сну не ушел, и видя опасность упасть не устрашился. А что он уснувши упал, не удивляйся этому; он уснул не по лености, а по естественной необходимости. Заметь, как пламенно они были усердны: они собирались в третьем этаже, так как церкви еще не было. "**Не тревожьтесь**", говорит, "**ибо душа его в нем**". Не сказал: он воскреснет, я воскрешу его, – но что? "**Не тревожьтесь**". Видишь, как он был не тщеславен, как готов доставить утешение. "**Взойдя же**", говорит, "**и преломив хлеб и вкусив**". Это прервало беседу, но не повредило. Видишь ли, как не роскошен их ужин? "**И вкусив**", говорит, "**беседовал довольно, даже до рассвета, и потом вышел**". Видишь ли, как они бодрствовали во всю ночь? Трапезы их были таковы, что и после них они оставались слушателями бодрыми и готовыми к слушанию. А мы чем отличаемся от псов? Видите ли, какое различие (между нами и ими)? "**Между тем отрока привели живого, и немало утешились**". Были весьма утешены как тем, что получили живым отрока, так и тем, что было знамение. "**Мы пошли**

вперед на корабль и поплыли в Асс, чтобы взять оттуда Павла; ибо он так приказал нам, намереваясь сам идти пешком. Когда же он сошелся с нами в Ассе, то, взяв его, мы прибыли в Митилину" (ст. 13, 14). Павел часто разлучался с учениками. Так и теперь сам идет сухим путем, а они отправляются на корабле; легчайшее предоставляет им, а труднейшее избирает для себя; идет пешком, как для того, чтобы многое устроить (на пути), так и для того, чтобы они не отстали от него. "**И, отплыв оттуда, в следующий день мы остановились против Хиоса, а на другой пристали к Самосу и, побывав в Трогиллии, в следующий день прибыли в Милит**" (ст. 15). Смотри, как они поспешно отправляются за Павлом, не останавливаются, но проходят мимо островов. "**Ибо Павлу рассудилось миновать Ефес, чтобы не замедлить ему в Асии; потому что он поспешал, если можно, в день Пятидесятницы быть в Иерусалиме**" (ст. 16).

2. Для чего такая поспешность? Не для праздника, но для народа; он и тем хотел обратить иудеев, что уважал их праздники; и врагов хотел привлечь, а вместе с тем не оставлял и возвещать слово. Потому, посмотри, какая произошла польза, когда собрались все. Чтобы в то же время не оставить неустроенными дел в Ефесе, он распорядился иным образом. Но обратимся к вышесказанному. "**Призвав учеников и дав им наставления и простившись с ними**", говорит (писатель), "**вышел и пошел в Македонию. Пройдя же те места и преподав верующим обильные наставления, пришел в Елладу**". И здесь опять преподал назидание, доставив великое утешение. Смотри, как он везде действует словом, а не знамениями. "**Он хотел**", говорит, "**отправиться в Сирию**" Часто (писатель) представляет нам его отправляющимся в Сирию. Причиною были тамошняя церковь и Иерусалим: так сильно он желал устроить все и там. Троада была небольшой город; почему же они проводят в нем семь дней? Вероятно, он был велик по числу верующих. Пробывши семь дней, ночь на следующий день (Павел) посвятил на поучение: так тяжело было разлучиться ему с ними и им с ним! "**Собрались**", говорит, "**для преломления хлеба**". В то время, когда нужно было принимать пищу, (а было еще не поздно), он начал говорить и долго продолжал поучение. Таким образом, хотя они собрались собственно не для поучения, а для преломления хлеба, но он начал речь и продолжал ее. Смотри, как все участвовали в трапезе Павловой. Мне кажется, что он, и сидя за столом, занимался беседою, научая нас почитать все прочее маловажным. Представьте этот дом, где были свечи и множество народа, а Павел посреди всех говорил речь, где многие заняли сами окна, чтобы слышать эту трубу и видеть это благолепное лицо. Каковы должны быть поучаемые, и какое они получали удовольствие? Но почему он беседовал ночью? Потому, что ему предстояло отправиться и уже более не видеть их. Впрочем он не говорил этого им, как более слабым, а другим сказал. Притом совершившееся знамение сделало для них этот вечер навсегда памятным. Велико было удовольствие слушателей, если и, будучи прервано оно, потом опять продолжалось, так что этот случай послужил к чести учителя. С другой стороны отрок, умерший из желания слушать Павла, должен был послужить упреком для всех нерадивых. Для чего, скажешь, (писатель) излагает подробно, куда они прибыли и откуда отправились, где (Павел) останавливался и какие места проходил мимо? Чтобы показать, что он шел довольно медленно и проходил (некоторые места) по человеческому соображению. "**Павлу рассудилось миновать Ефес, чтобы не замедлить ему в Асии**". И хорошо: прибывши туда, он не мог бы не замедлить, потому что не захотел бы огорчить (учеников), которые стали бы просить его остаться. Или по этой причине, или потому, что спешил: "**потому что он поспешал**", говорит (писатель), "**если можно, в день Пятидесятницы быть в Иерусалиме**"; следовательно и поэтому он не мог оставаться (в Ефесе). Смотри, как и он руководится человеческими соображениями, и желает, и спешит, и часто не получает желаемого. Это для того, чтобы мы не подумали, будто он был выше человеческой природы. Святые и великие мужи имели одну и ту же с нами природу, но не одинаковое произволение; потому они и сподоблялись великой благодати. Смотри, как многое они делали и сами собою. Потому он и говорил: "**мы**

никому ни в чем не полагаем претыкания", и еще: "**чтобы не было порицаемо служение**" (2Кор.6:3). Вот и беспорочная жизнь, и великое снисхождение. Это и называется благоустроением (себя), чтобы стоять на высшей степени высокой добродетели и смиренномудрого снисхождения. Послушай, как тот, кто стоял выше заповедей Христовых, был и смиреннее всех. "**Для всех я сделался всем**", говорит он, "**чтобы спасти по крайней мере некоторых**" (1Кор.9:22). Он сам подвергал себя опасностям, как говорит в другом месте: "**в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах**" (2Кор.6:4,5). Велика была любовь его ко Христу. Если бы ее не было, то все было бы напрасно – и распорядительность, и беспорочная жизнь, и преодоление опасностей. "**Кто изнемогает**", говорит он, "**с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?**" (2Кор.11:29).

3. Будем и мы, увещеваю вас, подражать этим словам и подвергать себя опасностям за наших братий. Предстоит ли огонь, или меч, – бросься на них, возлюбленный, чтобы спасти твоего сочлена; бросься, не бойся. Ты ученик Христа, положившего душу Свою за братий, – соученик Павла, восхотевшего потерпеть тысячу бедствий за своих врагов и гонителей; исполнись ревности, подражай Моисею. Он увидел обижаемого и отомстил, презрел царскую роскошь, для угнетенных сделался беглецом и скитальцем, лишился родных и своего дома, провел столько времени в чужой стране, и не упрекал себя, не говорил: что это? – я пренебрег царство, такую честь и славу; решился отомстить за угнетаемых, а Бог не призрел на это и не только не возвратил меня к прежней чести, но сорок лет я проживаю в стране чуждой. И было бы правильно, – потому что не получил награды. Но ничего такого он не сказал и не подумал. Так и ты, когда, делая добро, потерпишь какое-нибудь зло, хотя бы на долгое время, не соблазняйся и не смущайся; тебе непременно воздаст Бог. Чем долее медлить это воздаяние, тем большее будет приращение. Итак, будем иметь душу сострадательную, будем иметь сердце способное сочувствовать страждущим; не будем жестокими и бесчеловечными. Хотя бы ты не мог оказать никакой помощи, – плачь, скорби, сетуй о случившемся, – и это не останется бесполезным для тебя. Если мы должны сострадать тем, которые праведно наказываются Богом, то тем более тем, которые несправедливо терпят от людей. "**Не объявляйте об этом в Гефе**", говорит (пророк), "**не плачьте там громко; но в селении Офра покрой себя пеплом. Переселяйтесь, жительницы Шафира, срамно обнаженные; не убежит и живущая в Цаане; плач в селении Ецель не даст вам остановиться в нем**" (Мих.1:10,11) [чтение этого места у св. И. Златоуста весьма значительно отличается от чтения в церковнославянском]. Иезекииль упрекает в том, что они не были сострадательны. Что говоришь ты, пророк? Бог наказывает, а я должен сострадать наказываемым? Да; этого желает наказывающий; Он и сам не радуется, когда наказывает, но также весьма скорбит. Если же и сам наказывающий не радуется, то не радуйся и ты. Но, скажешь, когда наказываются справедливо, то конечно не должно скорбеть? Должно скорбеть о том, что они сделались достойными наказания. Скажи мне: когда ты видишь, как сыну твоему делают прижигание или отсечение, неужели ты не скорбишь? Конечно скорбишь и не говоришь сам себе: что это? – отсечение послужит к излечению, прижигание к выздоровлению; но, услышав его рыдания от нестерпимой боли, ты скорбишь, и надежда на выздоровление не может преодолеть естественного сострадания. Так и здесь, хотя бы наказывались для исправления, мы должны оказывать им братское расположение и отеческую любовь. Наказания Божии – это как бы отсечения и прижигания; но потому мы и должны плакать, что они заболели, что имеют нужду в таком врачевании. Когда кто страдает для венцов, тогда не скорби, как напр. Павел или Петр; но когда кто терпит достойное наказание, тогда плачь, тогда скорби. Так поступали и пророки. Потому один из них и сказал: "**о, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля**" (Иез.9:8)! Мы часто видим наказываемых убийц и других

преступников, и сожалеем и скорбим. Не будем рассудительны чрез меру; но будем милостивы, чтобы и нам быть помилованными. Ничто не может сравняться с этим благом, ничто так не выражает наших человеческих свойств, как милосердие, как человеколюбие. Потому и законы предоставляют всякое (наказание) палачам, обязывая судию только произнести приговор к наказанию, а самое исполнение возлагая на них. Так, хотя бы наказание было справедливо, наказывать не свойственно душе любомудрой, но для этого требуется кто-нибудь другой. Потому и Бог наказывает не сам, но чрез ангелов. Следовательно ангелы – палачи? Да не будет! – я не говорю этого; но они – силы, служащие и для исполнения наказания. Когда был разрушаем Содом, все совершено чрез ангелов; когда Египет, – чрез них же. "**Ярость и гнев и скорбь, низведенные чрез ангелов (посылающих) бедствия**" (Пс.77:49). Но когда нужно было спасти, тогда действует Он сам; так Он послал Сына Своего для спасения рода. И опять: "**пошлет Сын Человеческий Ангелов Своих**": соберите "**делающих беззаконие**" (Мф.13:41,42). А касательно праведников не так, но: "**кто принимает вас, принимает Меня**" (Мф.10:40). И еще: "**связав ему**", говорит, "**руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю**" (Мф.22:13). Смотри, здесь действуют слуги. А когда нужно наградить, сам награждает, сам говорит: "**приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**" (Мф.25:34). Когда нужно было беседовать с Авраамом, то приходит сам; а когда – идти в Содом, то посылает служителей, подобно тому, как судия поставляет исполнителей казни. И еще: "**хорошо, добрый и верный раб**", говорит, "**в малом ты был верен, над многим тебя поставлю**". Этого восхваляет сам, а раба лукавого не сам, но слуги связывают (Мф.25:21-30). Зная это, не будем радоваться о тех, кого постигают наказания; но будем жалеть их, будем скорбеть, будем плакать о них, чтобы и за это получить нам воздаяние. Ныне многие радуются даже о тех, которые терпят зло несправедливо. Но мы не будем так поступать; напротив будем оказывать им всякое сострадание, чтобы и нам сподобиться человеколюбия Божия, благодатию и человеколюбием Единородного Его, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 44

"Из Милита же послав в Ефес, он призвал пресвитеров церкви, и, когда они пришли к нему, он сказал им: вы знаете, как я с первого дня, в который пришел в Асию, все время был с вами, работая Господу со всяким смиренномудрием и многими слезами, среди искушений, приключавшихся мне по злоумышлениям Иудеев; как я не пропустил ничего полезного, о чем вам не проповедывал бы и чему не учил бы вас всенародно и по домам, возвещая Иудеям и Еллинам покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа. И вот, ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святый по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией. И ныне, вот, я знаю, что уже не увидите лица моего все вы, между которыми ходил я, проповедуя Царствие Божие. Посему свидетельствую вам в нынешний день, что чист я от крови всех, ибо я не упускал возвещать вам всю волю Божию" (Деян.20:17-27).

1. Смотри, как (Павел) спешит отправиться и вместе не оставляет ничего без внимания, но благоустрояет все. Он призвал к себе предстоятелей (Церкви) и излагает пред ними вышесказанное. Достойно удивления, как он, будучи поставлен в необходимость сказать о себе что-либо великое, старается сохранить смирение. Подобно этому Самуил, намереваясь передать власть Саулу, говорил пред иудеями: "**свидетель на вас Господь, и свидетель помазанник Его в сей день, что вы не нашли ничего за мною. И сказали:**

свидетель" (1Цар.7:5); и Давид, когда ему не доверяли, говорил: на пастбище я пас овец отца своего и "**приходил лев или медведь и уносил овцу из стада, то я гнался за ним и нападал на него и отнимал из пасти его; а если он бросался на меня, то я брал его за космы и поражал его и умерщвлял его**" (1Цар.17:35); и сам Павел в послании к Коринфянам говорит: "**дошел до неразумия, хвалясь; вы меня к сему принудили**" (2Кор. 12:11). Также поступает и Бог; не без причины говорит о самом Себе, но когда не веруют Ему, тогда и исчисляет Свои благодеяния (Иез.16:6). Смотри, что и здесь делает (Павел): во-первых, он ссылается на их свидетельство, чтобы ты не подумал, что он хвалит сам себя, называет слушателей свидетелями сказанного, в удостоверение того, что он не лжет пред ними. Вот доблесть учителя, – когда он может представить учеников свидетелями добрых дел своих! И то удивительно, что он провел в таких делах не один день и не два, но много лет. "**Вы знаете**", говорит, "**все время был с вами**". Хочет убедить их, чтобы они мужественно переносили все, и разлучение с ним и предстоящие опасности, подобно как было при Моисее и Иисусе (Навине). И смотри, что он далее прибавляет. "**Все время был с вами, работая Господу со всяким смиренномудрием**". Смотри, что особенно свойственно начальствующим, именно: ненавидеть гордость; это особенно нужно начальствующим, потому что самые обстоятельства располагают предаваться гордости. Это есть основание доброго, как и Христос говорит: "**блаженны нищие духом**" (Мф.5:3). Сказал не просто: "**со смиренномудрием**", но: "**со всяким**". Ведь есть много видов смиренномудрия; смиренномудрие можно видеть в слове и в деле, в отношении к начальникам и в отношении к подчиненным. Хотите ли, я представлю вам образцы смиренномудрия? Иные бывают смиренны со смиренными и надменны с надменными; это – не смиренномудрие. Другие бывают не таковы, но относительно каждого лица в разное время наблюдают и смирение и важность; это преимущественно и есть смиренномудрие. Желая научить их этому, он наперед полагает основание для устранения подозрения, чтобы не подумали, что он гордится. Если, говорит, я жил "**со всяким смиренномудрием**", то не по гордости говорю то, что говорю. Вместе с тем (выражает) кротость свою: "**с вами**", говорит, "**работая Господу**", представляя их сообщниками своими в этом добром деле. Так, общение всегда есть благо. Представляет добрые дела свои общими и не приписывает себе никакого преимущества. Неужели же, скажешь, он мог гордиться пред Богом? Есть много людей, которые гордятся и пред Ним; но он не гордился даже и пред учениками своими. Вот достоинство учителя: назидать учеников собственными добродетелями! Далее говорит о своем мужестве, но также смиренно: "**многими слезами, среди искушений, приключавшихся мне по злоумышлениям Иудеев**". Видишь ли, как он скорбит о случившемся? Здесь он, по-видимому, выражает свое сострадание; он страдал за погибающих, за самих виновников (напастей), а о случившемся с ним самим радовался; он был из лика тех, которые радовались, "**радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие**" (Деян.5:41). И в другом месте он говорит: "**ныне радуюсь в страданиях моих за вас**" (Кол.1,24); и еще: "**кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу**" (2Кор.4:17). Это говорил по смирению; а здесь показывает свое мужество, и не столько мужество, сколько терпение, и как бы так говорит: я тяжко страдал, но с вами, и, что особенно тяжело, от иудеев. Заметь, какие здесь он означает свойства учительства: любовь и мужество. "**Как я**", говорит, "**не пропустил ничего**". Этим выражает, как он был чужд зависти и лености. "**Полезного**". Хорошо и это сказано, иному ведь и не следовало учиться. Как скрывать что-нибудь есть признак зависти, так и говорить все есть знак безумия. Потому и присовокупил: "**полезного**", и изъяснил, что он не говорил только, но и "**учил**", – я, говорит, делал это не небрежно. А что здесь именно такой смысл, послушай далее; далее он говорит: "**всенародно и по домам**", и этим выражает свое продолжительное старание, великое усердие и неутомимость. "**Возвещая Иудеям и Еллинам**". Не вам только, говорит, но и эллинам. Здесь (показывает) свое дерзновение и то, что мы должны говорить, хотя бы и не видели никакой пользы; это и

значит свидетельствовать, если мы говорим пред людьми, не внимающими нам; слово: "**возвещая**" по большой части имеет такой смысл. "**То свидетельствуюсь**", говорит Моисей, "**небом и землею**" (Втор.4:26). Так и здесь: "**возвещая**", говорит, "**Иудеям и Еллинам покаяние пред Богом**".

2. Что ты свидетельствовал? Чтобы имели попечение о жизни, чтобы покаялись и пришли к Богу. И иудеи не знали Его, потому что не знали Сына и не имели (добрых) дел и веры в Господа Иисуса. Для чего же ты говоришь это? Для чего напоминаешь об этом? Не случилось ли чего-нибудь? Не находишь ли нужным – в чем-нибудь упрекнуть их? Тронув наперед ум их, он потом продолжает: "**и вот, ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святый по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией**" (ст. 22-24). Для чего он говорит это? Для того, чтобы научить их быть готовыми на опасности, и явные и тайные, и во всем повиноваться Духу. Также изъясняет, что его ожидает нечто великое. "**Только**", говорит, "**Дух Святый по всем городам свидетельствует, говоря**". Чтобы показать, что он отправляется добровольно, и чтобы ты не думал об узах или необходимости, говорит: "**по всем городам**". Потом присовокупляет: "**но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса**". Видишь ли, что это слова не плачущего, но смиренно рассуждающего, поучающего других и сострадущего случившемуся? Не сказал: мы скорбим, а нужно терпеть, но: я и не думаю о том. Этими словами опять он не превозносит себя самого, а научает их, как прежде смиренномудрию, так теперь мужеству, дерзновению, и как бы так говорит: я не предпочитаю первое последнему, но более всего думаю о том, чтобы "**совершить поприще мое и служение**". Не сказал: проповедать или научить, но: "**проповедать Евангелие благодати Божией**". Далее намеревается сказать нечто более поразительное, именно: "**чист я от крови всех**"; потому предуготовляет их и показывает, что более ничего не остается. Намереваясь возложить на них все бремя и всю ношу, он наперед трогает их душу словами: "**и ныне, вот, я знаю, что уже не увидите лица моего все вы**" (ст. 25), И потом произносит: "**чист я от крови всех**" (ст. 26). Сугубая скорбь оттого, что "**лица его**" они уже не увидят, и оттого, что они "**все**" (не увидят): "**вот, я знаю**", говорит, "**что уже не увидите лица моего все вы, между которыми ходил я, проповедуя Царствие Божие**". Потому я не напрасно свидетельствую пред вами, как уже навсегда отсутствующий. "**чист я от крови всех, ибо я не упускал возвещать вам всю волю Божию**" (ст. 27). Видишь ли, как он устрашает и поражает удрученные скорбью души их? И хорошо, потому что это было необходимо. "**Не упускал**", говорит, "**возвещать вам всю волю Божию**". Следовательно, не возвещающий виновен в крови, т.е. в убийстве. Ничего не может быть ужаснее этого. Он показывает, что и они, если не делают этого, то виновны в крови. По-видимому, он защищает себя, но вместе и устрашает их. "**Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею**" (ст. 28). Видишь ли, что он дает две заповеди? Бесполезно как исправлять только других, – боюсь, говорит он же, "**дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (1Кор.9:27), – так и заботиться только о самом себе. Последнее свойственно самолюбцу, который ищет только полезного для него самого и подобен человеку, закопавшему талант в землю. Говорит об этом (Павел) не потому, будто наше спасение важнее (спасения) стада, но потому что, когда мы внимаем себе, тогда получает пользу и стадо. "**В котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога**". Смотри, сколько побуждений. Вы, говорит, получили рукоположение от Духа; это означает слово: "**поставил**". Вот первое побуждение. Потом: "**пасти Церковь Господа и Бога**", вот

второе. А третье заключается в том, что говорит далее: "**которую Он приобрел Себе Кровию Своею**". Много убеждения в словах, которые показывают драгоценность предмета, и не малой мы подвергаемся опасности, если Господь для Церкви не пощадил собственной крови, а мы не имеем никакого попечения о спасении братий. Он пролил кровь Свою, чтобы примирить врагов; а ты не можешь поддерживать любовь даже с друзьями? "**Ибо я знаю, что, по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада**" (ст. 29). Представляет им новое побуждение, указывая на будущее, подобно как и в другом месте говорит: "**наша брань не против крови и плоти**" (Еф.6:12). "**По отшествии моем**", говорит, "**войдут к вам лютые волки, не щадящие стада**". Двоякое бедствие: и его не будет, и другие станут нападать. Для чего же ты отходишь, если предвидишь это? Дух, говорит, влечет меня.

3. Смотри, не просто сказал: "**волки**", но прибавил: "**лютые**", желая выразить их силу и свирепость; а что всего тяжелее, эти волки, говорит, "**и из вас самих восстанут люди**": это особенно тяжко, когда бывает междоусобная брань. Хорошо сказал: "**бодрствуйте**", показав этим, что предмет заслуживает особенного внимания, – это именно Церковь, – что угрожает великая опасность, – так как (Господь) искупил ее кровию, – и что брань будет великая и сугубая. Это он выразил словами: "**и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно, дабы увлечь учеников за собою**" (ст. 30). Далее, после того, как устрашил их словами: "**лютые волки**" и: "**и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно**", как бы отвечая на чей-нибудь вопрос: что же будет, кто станет охранять нас? – говорит: "**посему бодрствуйте, памятуя, что я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас**" (ст. 31). Смотри, как чрезвычайны были дела его: "**день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас**". Он не тогда только оказывал попечение, когда видел многих, но не оставлял делать все это и для одной души. Таким образом, он и соединил их. А сами слова означают следующее: довольно сделано с моей стороны; я три года оставался (с здешними верующими), довольно они утверждены, довольно укоренены. "**Со слезами**", говорит. Видишь ли, что для этого (он проливал) слезы? Так будем поступать и мы. Если нечестивый не скорбит, скорби ты: тогда, может быть, станет скорбеть и он. Подобно как больной, когда видит врача принимающим пищу, чувствует и сам расположение к тому же, так будет и здесь: если он увидит тебя плачущим, то смягчится, сделается человеком добрым и кротким. "**Не зная**", говорит, "**что там встретится со мною**". Что? Не потому ли ты и отходишь? Нет; напротив, я очень знаю, "**узы и скорби ждут меня**". Я знаю, что меня ожидают искушения, но какие, не знаю; а это еще тяжелее. Впрочем, не подумайте, что я, говоря это, сокрушаюсь: я "**не дорожу своею жизнью**". Говорит это для того, чтобы ободрить их ум и научить не только не убегать (от опасностей), но и мужественно переносить их. Потому и называет дело свое "**поприще**" и "**служение**", течением означая блеск его, а службою – обязанность. Я служитель, говорит, и ничего более. Утешив их, чтобы они не скорбели о страданиях его, сказав, что он переносит их "**с радостью**", и, показав (происходящие от того) плоды, он потом и высказывает мысль прискорбную. Делает это для того, чтобы не слишком отягчить ум их. Какая же это мысль? Следующая: "**и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно**". Как, скажет кто-нибудь, – ты думаешь о себе так много, что если отойдешь, то и мы лишимся жизни? Нет, говорит, не то я говорю, чтобы мое отсутствие имело такие последствия, – но что? "**И из вас самих восстанут люди**" некоторые. Не сказал: по причине отшествия моего, но: "**по отшествии моем**", т.е. после отправления, как это уже и случалось; если же случалось доселе, то тем более случится после. Далее (показывается) цель: "**дабы увлечь учеников за собою**". Так, ереси бывают не для чего иного, как для этого. Вместе с тем и утешение: "**которую Он приобрел Себе**", говорит, "**Кровию Своею**". Если Он приобрел ее кровию моею, то, конечно, защитит ее. "**День и ночь**", говорит, "**непрестанно со слезами учил**". Это справедливо можно было бы сказать и нам. Слова его по-видимому относятся собственно

к учителям, но вместе с тем они относятся и к ученикам. Для чего я говорю, увещеваю, плачу день и ночь, если ученик не слушает? Потому, чтобы кто не подумал в свое оправдание, что достаточно только быть учеником, хотя и без послушания, (Павел) сказавши: "**свидетельствую**", присовокупил: не упускал возвещать вам. Дело учителя – только возвещать, проповедовать, научать, не умолкать, увещевать день и ночь; если же при всем этом не будет никакого успеха, то сами знаете, что следует. Тогда будет другое оправдание: "**что чист я от крови всех**". Не думайте, что это сказано только в отношении к нам; эти слова относятся и к вам, чтобы вы были внимательны к тому, что говорится, чтобы не уклонялись от слушания.

Что мне делать? Вот я каждый день, сколько есть у меня силы, взываю: отстаньте от зрелищ, – а многие смеются над нами; отстаньте от клятвы, от любостяжания, и множество мы предлагаем увещаний, – и никто не слушает. Но я не беседую ночью? Желал бы я делать это и ночью и при ваших трапезах, если бы было возможно разделиться мне на тысячи частей, придти к вам и беседовать; но если и теперь, когда мы призываем вас однажды в неделю, вы ленитесь, и одни вовсе не приходите, а другие пришедши отходите, не получив никакой пользы, то чего вы не сделали бы, если бы мы совершали это постоянно? Что же нам делать? Многие, я знаю, даже поносят нас за то, что мы всегда говорим об одном и том же: так мы надоели им! Но виною этому не мы, а сами слушатели. Кто исправился, тот радуется, слыша одно и тоже, – потому что слышит как бы похвалы себе; а кто не хочет исправиться, тот тяготится и, услышав о чем-нибудь только дважды, воображает, что слышит это много раз. "**Чист я**", говорит, "**от крови всех**".

4. Это сказать прилично было Павлу; а мы не смеем сказать этого, сознавал за собою многое. Ему, который постоянно бодрствовал и действовал, который терпел все для спасения поучаемых, прилично было сказать это; а мы скажем слова Моисея: разгневался "**Господь**" на меня "**за вас**", потому что вы вводите и нас в грехи многие (Втор.3:26). Когда мы с прискорбием видим, что вы не делаете успехов, то не ослабеваем ли и мы в своих силах? В самом деле, скажи мне, есть ли какой-нибудь успех? Вот и мы, по благодати Божией, провели уже три года, не поучая "**день и ночь**", но часто делая это в течение трех и даже семи дней. А что сделано? Мы увещеваем, обличаем, плачем, скорбим, если не явно, то в сердце. Те (явные) слезы гораздо легче этих; те приносят сетующим некоторое утешение, а эти усиливают (скорбь) и стесняют сердце. Так, когда кто-нибудь страдает и не может обнаружить своей скорби, чтобы не показаться тщеславным, то он страдает гораздо больше, нежели когда бы обнаружил ее. Если бы никто не стал подозревать меня в излишнем честолюбии, то вы увидели бы меня каждый день источающим потоки слез; их знает моя хижина и мое уединение. Поверьте мне, я забываю о собственном спасении, заботясь о вашем, и не имею времени оплакивать свои грехи. Так вы для меня – все. Когда вижу, что вы преуспеваете в добродетелях, то не чувствую собственных бед от радости; а когда вижу, что вы не преуспеваете, то от скорби опять занимаюсь своим: так я радуюсь вашему благу, хотя бы сам терпел множество бед, и скорблю о ваших недостатках, хотя бы сам имел множество совершенств. Какая надежда учителю, если его паства предана порокам? Какая жизнь? Какое утешение? С каким дерзновением он предстанет пред Богом? Что скажет? Положим, что он не заслуживает осуждения и не подлежит наказанию, но "**чист я от крови всех**", – и тогда он будет терпеть неисцельную скорбь; ведь и отцы, даже когда не подвергаются осуждению за своих детей, и тогда скорбят и страдают.

Неужели, скажете, им (учителям) не приносит пользы и не помогает то, что они "**неусыпно пекутся о душах ваших**". Но они "**неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет**" (Евр.13:17). Некоторым это кажется страшным; но мне до того

нет никакой заботы после вашей погибели. Дам ли я отчет или не дам, мне нет никакой пользы. Дай Бог, чтобы вы спаслись, хотя бы мне пришлось дать ответ за вас, чтобы вы спаслись, хотя бы я был осужден, как не исполнивший своих обязанностей. Я не о том забочусь, чтобы вы спаслись чрез меня, но чтобы только спаслись чрез кого бы то ни было. Знаете ли муки духовного рождения, как испытывающий это рождение желал бы лучше расторгнуться на тысячу частей, нежели видеть хотя одного из рожденных погибающим и развращенным? Чем же мы будем вразумлять вас? Не иным чем-нибудь, но тем, что будем излагать все, что касается вас. И мы можем сказать, что мы не опустили ничего с нашей стороны, и, однако, мы скорбим; а что скорбим, видно из того, что употребляем столько мер и столько усилий. Хотя я мог бы сказать и вам: какая мне забота? – я сделал свое дело: "**чист я от крови всех**", но это недостаточно для утешения. Если бы можно было исторгнуть и показать мое сердце, то вы увидели бы, как не тесно помещаетесь в нем все вы – и жены, и дети, и мужи. Такова сила любви: она делает душу пространнее неба. "**Вместите нас**", говорил Павел, "**мы никого не обидели: вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно**" (2Кор.6:12; 6:2). Тоже скажем теперь и мы: "**вместите нас**". Весь Коринф он вмещал в своем сердце и говорил: "**вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно**" (2Кор.6:12). Но я не скажу этого, так как хорошо знаю, что и вы любите нас и вмещаете (в своем сердце). Но что пользы от моей любви и от вашей, если по отношению к Богу мы не оказываем успехов? Она послужит только к большему огорчению, подаст повод к тягчайшей скорби. Отнюдь не думаю упрекать вас; напротив "**свидетельствую о вас, что, если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне**" (Гал.4:15); и мы с своей стороны не только евангелие, но и душу свою отдали бы вам. Вы любите нас и мы любим вас; но не в этом дело. Возлюбим прежде всего Христа; "**возлюби Господа Бога вот первая заповедь: вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя**" (Мф.22:37-39; Мк.12:30). Второе есть у нас; первого недостает у нас; первое крайне нужно и мне и вам. Мы исполняем и первую (заповедь), но не так, как должно. Будем же любить Его; вы знаете, какая награда ожидает любящих Христа; возлюбим Его со всею горячностью души, чтобы, заслужив благоволение Его, мы могли избегнуть напастей настоящей жизни и сподобиться благ, обетованных любящим Его, благодатию и человеколюбием Единородного Сына Его, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 45

"И ныне предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его, могущему назидать вас более и дать вам наследие со всеми освященными" (Деян.20:32).

1. Как в посланиях, так же поступает (Павел) и в беседах: оканчивает увещание молитвою. Он привел слушателей в великий страх словами: "**войдут к вам лютые волки**" (Деян.20:29); потому, чтобы не поразить и не погубить ума их, предлагает утешение. "**И ныне**", говорит. Этим словом выражает мысль: так же, как и всегда. "**Предаю вас, братия, Богу и слову благодати Его**", т.е. благодати Его. Хорошо сказал; он знал, что спасает благодать. Он часто напоминает им о благодати, желая сделать их более усердными, как (следует) людям одолженным, и внушая дерзновение. "**Могущему назидать вас**". Не сказал: создать, но: "**назидать**", выражая, что они уже созданы. Потом напоминает о надежде в будущем и говорит: "**и дать вам наследие со всеми освященными**". Затем опять (предлагает) увещание. "**Ни серебра**", говорит, "**ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал**" (ст. 33). Исторгает корень зол – сребролюбие. "**Ни серебра**", говорит, "**ни золота**". Не сказал: я не брал, но: "**не пожелал**". Это еще не важно, но следующее весьма важно. "**Сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии. Во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно**

поддерживать слабых" (ст. 34, 35). Смотри, как он сам занимался работою, и не легко, а "**трудясь**". "**Нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии**". Это (говорит) для назидания; и смотри, с каким достоинством. Не сказал: надобно быть выше денег, – но что? "**Надобно поддерживать слабых**". Не всех вообще, но немощных. "**Памятовать слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: блаженнее давать, нежели принимать**" (ст. 35). Чтобы кто не подумал, что это сказано тем (апостолам), и (чтобы показать), что он подает им пример, подобно как в другом месте говорит: "**подражайте, братия, мне и смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеете в нас**" (Фил.3:17), присовокупляет изречение Христово: "**блаженнее давать, нежели принимать**". Самою молитвою он назидал их; а потом показывает тоже примером. "**Сказав это, он преклонил колени свои и со всеми ими помолился**" (ст. 36). Помолился не просто, но с великим умилением. Великое утешение! И словами: "**предаю вас, братия, Богу**" он также утешал их. "**Тогда немалый плач был у всех, и, падая на выю Павла, целовали его, скорбя особенно от сказанного им слова, что они уже не увидят лица его. И провожали его до корабля**" (ст. 37, 38). Он сказал, что "**войдут к вам лютые волки**", сказал, что "**чист я от крови всех**"; то и другое было страшно и достаточно для того, чтобы предаться скорби; но всего более причинило им скорбь известие, что они уже более не увидят его; это им тяжело было преодолеть. "**И провожали**", говорит (писатель), "**его до корабля**"; так они любили его, так были расположены к нему! "**Когда же мы, расставшись с ними, отплыли, то прямо пришли в Кос, на другой день в Родос и оттуда в Патару, и, найдя корабль, идущий в Финикию, взошли на него и отплыли. Быв в виду Кипра и оставив его слева, мы плыли в Сирию, и пристали в Тире, ибо тут надлежало сложить груз с корабля**" (Деян.21:1-3). Смотри: он прибыл в Ликию и, отправившись в Финикию и миновавши Кипр, пристал в Тире, "**ибо тут надлежало сложить груз с корабля**". Это было причиною отбытия в Тир. "**И, найдя учеников, пробыли там семь дней. Они, по внушению Духа, говорили Павлу, чтобы он не ходил в Иерусалим**" (ст. 4). Смотри, и эти предсказывают ему скорби. По устроению (Божию) они тоже говорят, чтобы кто не подумал, что Павел говорил об этом просто из тщеславия. Здесь опять помолившись, они разлучаются друг от друга. "**Проведя эти дни, мы вышли и пошли, и нас провожали все с женами и детьми даже за город; а на берегу, преклонив колени, помолились. И, простившись друг с другом, мы вошли в корабль, а они возвратились домой. Мы же, совершив плавание, прибыли из Тира в Птолемаиду, где, приветствовав братьев, пробыли у них один день. А на другой день Павел и мы, бывшие с ним, выйдя, пришли в Кесарию и, войдя в дом Филиппа благовестника, одного из семи диаконов, остались у него**" (ст. 5-8). Прибывши, говорит, в Кесарию, остались у Филиппа, одного из семи (диаконов). "**У него были четыре дочери девицы, пророчествующие**" (ст. 9). Впрочем, не они предсказывают Павлу, хотя они и пророчествовали, но Агав; а каким образом, послушай. "**Между тем как мы пребывали у них многие дни, пришел из Иудеи некто пророк, именем Агав, и, войдя к нам, взял пояс Павлов и, связав себе руки и ноги, сказал: так говорит Дух Святый: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников**" (ст. 10, 11). Он некогда предсказал голод; он же и теперь говорит: "**мужа, чей этот пояс, так свяжут**". Пророки изображали будущее видимыми знаками, когда предсказывали о пленении, напр., Иезекииль; тоже сделал и он. То тяжко, что "**предадут в руки язычников**". "**Когда же мы услышали это, то и мы и тамошние просили, чтобы он не ходил в Иерусалим**" (ст. 12). Многие просили, чтобы он не ходил, но он не послушал их. "**Но Павел в ответ сказал: что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое? я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса. Когда же мы не могли уговорить его, то успокоились, сказав: да будет воля Господня!** " (ст. 13, 14).

2. Видишь ли? Это предсказывается для того, чтобы ты, услышав слова: "**по влечению Духа иду**", не подумал, будто он идет по необходимости или подвергся (страданиям), сам о том не зная? Те плакали, а он утешал, скорбя об их же слезах. "**Что вы делаете?**", говорит, "**что плачете и сокрушаете сердце мое?**" Никто (не был) любвеобильнее Павла; он огорчался, видя их плачущими, а о собственных страданиях не скорбел. Вы, говорит, обижаете меня, делая это; я разве скорблю? Тогда уже они перестали, когда он сказал: "**что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое?**" О вас, говорит, я плачу, а не о своих страданиях; а что касается до них, то я готов умереть. Но обратимся к вышесказанному. "**Ни серебра, ни золота, ни одежды**", говорит, "**я ни от кого не пожелал: сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии**". Следовательно, не в Коринфе только делали это люди, развращавшие учеников, но и в Азии. Впрочем, в послании к Ефесеям он нигде не упрекает их в этом. Почему? Потому что он не терпел нужды. И в послании к Коринфянам говорит: "**похвала сия не отнимется у меня в странах Ахаии**" (2Кор.11:10). Не сказал: вы не давали мне, но: "**ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал**", чтобы не показалось, будто от них зависело не давать. И не сказал, что он не пожелал чего-нибудь из вещей необходимых, чтобы опять это не показалось упреком для них, но выражает то, что он по справедливости мог не брать (от них), если еще сам содержал других. Смотри, как ревностно трудился этот человек, беседуя "**день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас**". "**Во всем**", говорит, "**показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых**". Этими словами опять привел их в страх; а сказанное значит следующее: вы не можете ссылаться на неведение; я показал вам на деле, как надобно трудиться и действовать. Не сказал, что брать – худое дело, но что лучше не брать: "**и памятовать**", говорит, "**слова Господа Иисуса, ибо Он Сам сказал: "блаженнее давать, нежели принимать**". Где же (Господь) сказал это? Может быть, апостолы предали это без письмени, или можно было вывести это чрез умозаключение, так как Он внушал мужество в опасностях, снисхождение к подчиненным, дерзновение в учении, смиренномудрие, нестяжательность. Впрочем, это выше и нестяжательности. Если сказано: "**если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим**" (Мф.19:21), то не брать ничего и еще питать других – равно ли этому? Таким образом, первая степень, это – отвергать свое, вторая – самому удовлетворять себе, третья – давать и другим, четвертая – не брать, проповедуя и имея власть брать; последнее гораздо выше нестяжательности. Хорошо сказал: "**так трудясь, надобно поддерживать слабых**" Давать из приобретенного собственными трудами, это – дело сострадания к немощным; а давать из приобретенного чужими трудами – дело не только не доброе, но и неодобрительное. "**И, падая на выю Павла**", говорит (писатель), плакали. Этим выражается расположение их к нему. Поверглись на выю, обнявшись последним объятием, как вполне восчувствовавшие после речи его любовь и дружбу. Если мы при простом разлучении между собою скорбим, хотя и знаем, что увидимся друг с другом, то, как они могли тогда расставаться с Павлом без горести? Я думаю, что и Павел плакал. "**Расставшись**", говорит (писатель). Этими словами выражает особенное усилие. "**Расставшись с ними**"; и не напрасно, – иначе им не выйти бы в море. Что значит: "**прямо пришли в Кос**"? Значит: никуда не заезжали и не останавливались в других местах. "**На другой день**", говорит, "**в Родос**". Смотри, как он спешил. "**И, найдя корабль, идущий в Финикию**". Может быть, он стоял там; они сели на него, потому что не нашли другого, который бы отправлялся в Кесарию. "**Быв в виду Кипра и оставив его слева**". Это сказано не без причины, но чтобы показать, что они не хотели и приближаться к нему, а плыли прямо в Сирию: так они спешили "**И пристали**", говорит, "**в Тире: и, найдя учеников, пробыли**". Когда уже приблизились к Иерусалиму, то не спешат, а остаются у братий "**семь дней**". Исчислим все дни. После дней опресночных они прибыли в Троаду в пять дней; потом пробыли там семь, всего двенадцать; потом до Асса, Митилины, Хиоса, Трогиллии, Самоса и Милета, всего восемнадцать дней; затем до Коса,

Родоса и Патары – двадцать один; оттуда в пять дней до Тира – двадцать шесть; там пробыли семь, – тридцать три; потом в Птолемаиде один, – тридцать четыре: затем в Кесарии остается больше прочих дней; и оттуда, наконец, ведет их пророк. Таким образом исполняется пятидесятница, которую (Павел) там и проводит. Смотри, когда Дух не воспрещал ему, тогда он слушался (других). Так говорили ему: "**не показываться на зрелище**", он и не показывался (Деян.19:31), часто выводили его, и он повиновался; опять – бежал чрез окно (Деян.9:25). А теперь, так сказать, целые тысячи просят его и в Тире и в Кесарии, плачут, предсказывают множество бедствий, и не смотря на то, он не соглашается; и притом предсказывали не просто, а по внушению Духа. Если же это повелевал Дух, то почему воспротивились? Потому что не знали, что благоугодно было Духу; а с другой стороны потому, что сами не получили внушения от Духа. Ведь те не просто предсказывали Павлу бедствия, но говорили, что не следует ходить, щадя его. "**Проведя эти дни**", говорит (писатель), т.е. по исполнении их, – говорит об определенном числе дней, – "**и нас провожали все с женами и детьми**".

3. Смотри, каково было утешение: опять молятся, и таким образом расстаются. В Птолемаиде они остаются один день, а в Кесарии – несколько. Когда (Павел) услышал, что его ожидает множество бедствий, тогда и отправляется поспешно, не сам себя ввергая в опасности, но почитая это повелением Духа. "**После сих дней**", говорит (писатель), "**приготовившись, пошли мы в Иерусалим**" (ст. 15), т.е., взяв необходимое для пути. "**С нами шли и некоторые ученики из Кесарии, провожая нас к некоему давнему ученику, Мнасону Кипрянину, у которого можно было бы нам жить. По прибытии нашем в Иерусалим братия радушно приняли нас**" (ст. 16, 17). Смотри: Агав не сказал, что свяжут Павла, чтобы не показалось, будто он говорит по соглашению (с врагами), но: "**мужа, чей этот пояс**". Следовательно, у него был пояс. Не могши уговорить его, они плакали, а потом успокоились. Видишь ли их любомудрие? Видишь ли горячность любви? "**Успокоились**", говорит, "**сказав: да будет воля Господня!**". Следовательно, не в церкви. В то время, когда приходили для (рассуждения) о догматах, они приняты были церковью (Деян.15:4); а теперь (жили) у одного старого ученика. Здесь (писатель) говорит о продолжительном времени проповедания; потому, мне кажется, он в Деяниях сокращает здесь несколько лет, повествуя только более нужное. Что значит: "**да будет воля Господня**"? Господь, говорит, сам сотворит благоугодное Ему. Они успокаиваются и не принуждают, может быть, зная, что была на то воля Божия, и заключая об этом из поспешности Павла; иначе Павел не спешил бы, не попустил бы и Бог, всегда избавлявший его от опасностей. Так они не хотели быть в тягость церкви, когда другой мог принять их, и так они не домогались почестей! "**Братия**", говорит, "**радушно приняли нас**". У иудеев было тогда мирное время, и не было войны, как прежде. "**Провожая нас**", говорит, "**к некоему давнему ученику**". Этот (ученик) оказал гостеприимство Павлу.

Может быть, кто-нибудь из вас скажет: если бы и ко мне кто-нибудь привел Павла, то и я с охотою и великим усердием сделал бы тоже. Но вот, ты можешь оказать гостеприимство Владыке Павла, и не хочешь. "**И кто примет одно такое дитя**", говорит (Господь), "**тот Меня принимает**" (Мф.18: 5,6). Чем менее брат, тем более в лице его приходит Христос. Принимающий великого человека часто делает это из тщеславия, а принимающий малого – чисто для Христа. Можешь ты принять и Отца Христова, и не хочешь. "**Был странником**", говорит Он, "**и вы приняли Меня**" (Мф.25:35), и еще: "**так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне**" (ст. 40). Если он – верный и брат, то, хотя он не Павел, хотя бы был самый малый, в лице его приходит Христос. Отвори дом свой, прими его. "**Кто принимает пророка**", сказано, "**получит награду пророка**" (Мф.10:41). Следовательно, и принимающий Христа получит награду, как принимающий Христа. Не сомневайся в истине слов Его, но веруй; Он сам сказал, что

в лице их приходит Он; и, чтобы ты не сомневался в этом, Он определил наказания для непринимающих и почести для принимающих, чего не сделал бы, если бы Он не был сам и почитаемый и оскорбляемый. Ты принял Меня, говорит Он, в жилище свое, Я приму тебя в царствие Отца Моего; ты избавил Меня от голода, Я избавлю тебя от грехов: ты воззрел на Меня связанного, Я покажу тебя разрешенным; ты призрел Меня странника, Я сделаю тебя гражданином неба; ты подал Мне хлеба, Я дам тебе царствие всецело, в наследие и обладание твое. "**Приидите**", говорит Он, "**наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**" (Мф.25:34). Не сказал: примите, но: "**наследуйте**", что означает полное обладание, как, напр., когда мы говорим: я наследовал то-то. Ты сделал для Меня тайно, Я возвещу явно; сделанное тобою Я считаю милостию, а Мое – долгом. Ты начал, говорит, а Я делаю после тебя и вслед за тобою; не стыжусь исповедать оказанные Мне благодеяния и то, от чего ты избавил Меня, голод, наготу, странничество. Ты воззрел на Меня связанного, и сам не увидишь огня геенского; ты призрел Меня болящего, и сам не испытаешь ни мытарств, ни наказаний. О, поистине благословенны руки, совершающие такие благодеяния, удостоившиеся послужить Христу! Легко пройдут чрез огонь ноги, ходившие в темницы для Христа: не испытают тяжести уз руки, касавшиеся Его связанного. Ты одел (Его) в одежду, и облечешься в одежду спасения: ты был с Ним в темнице, и будешь с Ним в царствии. Он исповедует это не стыдясь, но признавая, что ты призрел Его. Патриарх (Авраам) не знал, что принимает ангелов, и принял их. Устыдимся, увещеваю вас. Он сидел во время полудня, будучи в стране чужой, не имея у себя и пяди земли, будучи странником, и не смотря на то, странник принял странников. Он был гражданином неба; потому он и на земле стал не странником. А мы, не принимая странников, делаемся сами странниками более, чем этот странник. Он не имел дома, шатер служил ему жилищем; но, смотри, как был щедр: он заколол тельца и приготовил печенья; послушай, как был усерден: он сделал это сам и вместе с женою; посмотри и на смирение его: он кланялся и умолял (посетить его, Быт. гл.18).

4. Все это надобно иметь принимающему странников: усердие, радушие, щедрость. Душа странника совестится и стыдится; если не окажут ему крайнего радушия, то он уходит как бы отверженный, и такой прием бывает гораздо хуже, нежели прямой отказ. Поэтому (Авраам) кланяется, приветствует словом, предлагает седалище. Кто мог бы усомниться (в его радушии), видя, как он делал это? Но мы, скажете, не на земле чужой? Если захотим, то можем подражать ему (и здесь). Сколько из наших братий бывает странников? Есть у нас общее церковное жилище, которое мы называем странноприимницею; покажите усердие и вы, сядьте при дверях, принимайте приходящих; если вы не хотите (делать этого) в ваших домах, то помогайте нуждам их иным образом. Но, скажете, разве Церковь не имеет средств? Имеет, но что вам до этого? Когда они питаются от общих церковных имуществ, вам это разве может принести пользу? Когда кто-нибудь другой молится, ты разве не должен молиться? Отчего ты не говоришь: священники молятся, – для чего же молиться мне? Но я, скажешь, подаю тому, кто не может идти туда. Подавай хотя этому, о том мы и заботимся, чтобы только ты подавал. Послушай, что говорит Павел: "**должны их довольствовать и не обременять Церкви**" (1Тим.5:16). Делай это, как хочешь, только делай. А я не скажу: "**не обременять Церкви**", но: да не тяготишься ты, потому что своими рассуждениями ты ничего не сделаешь, все предоставляя ей. Потому и учреждено Церковию общее жилище (для странников), чтобы ты не говорил этого. Но, скажешь, Церковь имеет средства, имеет деньги и доходы. Скажи мне: разве она не имеет и издержек? Разве она не имеет ежедневных расходов? Точно так, скажешь. Почему же ты не помогаешь ее скудости? Стыжусь говорить это; впрочем, отнюдь и не принуждаю. Если кто думает, что это говорится для прибытка, то пусть устроит странноприимницу у себя в доме; пусть поставит там постель, трапезу и свечу. Не странно ли: когда приходят воины, то вы имеете для них особые помещения, оказываете великое усердие, доставляете им все, потому что они защищают вас на войне чувственной; а для странников не имеете

места, где бы они остановились? Превзойди Церковь. Хочешь ли пристыдить нас? Сделай это; превзойди щедростью; устрой жилище, куда бы приходил Христос; скажи: это – келлия Христова, этот дом назначен для Него. Хотя бы это жилище было и не богато, Он не гнушается. Христос ходит в виде обнаженного и странника, имея нужду только в покрове; доставь Ему хотя это; не будь жесток и бесчеловечен; ты так пламенен в делах житейских, не будь же холоден в делах духовных. Поручи это вернейшему слуге, и пусть он приводит убогих, бедных и бескровных. Говорю это, чтобы пристыдить вас. Следовало бы принимать их в верхней части дома; но, если не хочешь этого, то хотя внизу примите Христа, хотя там, где помещаются мулы, где слуги. Может быть, вы содрогаетесь, слыша это? Но как быть, если вы и этого не делаете? Я увещеваю, я говорю: позаботьтесь об этом. И опять вы не хотите? Сделайте же иначе. Есть много бедных мужей и жен; поставьте правилом, чтобы всегда хотя кто-нибудь из них был у вас; пусть хотя стражем дома будет бедный; пусть он будет для вас стеною и оградою, щитом и копьем. Где милостыня, туда не смеет войти диавол и никакое другое зло. Не будем же оставлять без внимания это благо. Теперь для колесницы назначено место, и для носилок – другое, а для странника-Христа – ни одного. Авраам, где жил сам, там же и принимал странников; и жена его стояла в виде служанки, тогда как они сидели подобно господам. Он не знал, что принимал Христа, не знал, что принимал ангелов; если бы знал, то отдал бы им все. А мы знаем, что принимаем Христа, и не смотря на то не оказываем такого же усердия, какое он, думая, что принимает людей. Но, скажешь, из них есть много обманщиков и неблагодарных. Тем большая будет тебе награда, если примешь их во имя Христово. Если ты уверен, что они обманщики, то не принимай в свой дом; если же не уверен, то для чего осуждаешь без разбора? Потому, скажешь, я и отсылаю их в странноприимницу. Но какое мы имеем оправдание, если и тех, кого не знаем, мы не принимаем, но запираем двери для всех Пусть будет дом наш Христовым пристанищем для всех; будем просить у них награды, не серебра, но того, чтобы они сделали дом наш пристанищем Христовым; будем ходить повсюду, привлекать к себе, гоняться, как за добычею; здесь мы, скорее сами получаем, нежели оказываем благодеяния. Не повелеваю заколоть тельца; дай хлеб алчущему, одежду обнаженному, покров страннику. А чтобы ты в оправдание свое не говорил, что есть общее жилище церковное, то (скажу): внеси туда, и чрез это ты как бы примешь (бедных) сам; ведь и он (Авраам) получил награду и за то, что было сделано его слугами (Быт.14:14). Так были научены и слуги его; они бегали, и не роптали, как наши, потому что он сделал их благочестивыми. Он водил их на войну, и они не роптали: так они были любомудры! Обо всех он заботился так же, как о самом себе, и как бы говорил, подобно Иову: "**я образован также из брения**" (Иов.33:6).

Итак, и мы будем пещись о своем спасении, и о слугах своих будем иметь великое попечение, чтобы и они были добрыми и усердными; пусть и слуга наш будет научен, что нужно делать для Бога. Если мы таким образом устроим их, тогда не будет для нас трудна добродетель. Как на вой- не, если воины благоустроены, то военачальник удобно ведет борьбу, а если этого нет, то бывает напротив; и как на корабле, когда все служащие действуют согласно, то кормчий легко управляет кормилом, – так и здесь, если слуги твои научены добру, то и ты не скоро будешь раздражаться, не будешь огорчаться, гневаться и осуждать. Иногда и сам устыдишься слуг, если они будут достойны, иногда они и помогут тебе и похвалят добрые дела твои. Таким образом всеми ими будет совершаться все благоугодное Богу, весь дом исполнится благословения, и, совершая благоугодное Богу, мы сами получим великую помощь свыше, которой да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 46

"На другой день Павел пришел с нами к Иакову; пришли и все пресвитеры. Приветствовав их, Павел рассказывал подробно, что сотворил Бог у язычников служением его" (Деян.21:18,19).

1. Этот (Иаков) был брат Господень и епископ Иерусалимский, муж великий и дивный. К нему-то приходит Павел, подобно как и прежде он был послан к нему же; а каким образом, послушай. "**На другой день**", говорит (писатель), "**Павел пришел с нами к Иакову**". Смотри, как он чужд гордости. "**Пришли и все пресвитеры. Приветствовав их, Павел рассказывал подробно, что сотворил Бог у язычников служением его**". Опять рассказывает им случившееся у язычников, не из тщеславия, – да не будет! – но чтобы показать Божие человеколюбие и исполнить их великой радости. "**Они же**", смотри, "**выслушав, прославили Бога**"; не стали превозносить Павла и удивляться ему, но прославили Бога, потому что рассказывая он все приписывал (Богу). "**Они же, выслушав, прославили Бога и сказали ему: видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев, и все они ревнители закона. А о тебе наслышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих и не поступали по обычаям**" (ст. 20, 21). Смотри, как скромно и они говорят. Не (Иаков) говорит, как епископ, со властью; но самого (Павла) они делают участником совещания, и тотчас же, с самого начала, как бы извиняются тем, что им не хотелось бы (видеть его обвиняемым). Видишь ли необходимость этого дела. "**Видишь, брат**", говорят, "**сколько тысяч уверовавших Иудеев**"? Не говорят: сколько тысяч мы обратили, но: "**уверовавших**". "**И все они**", говорят, "**ревнители закона**". Две причины: множество (уверовавших из иудеев) и образ их мыслей. Если бы их было немного, то и тогда не следовало бы пренебрегать ими; если же их много, – хотя и не все держались закона, – то это – дело важное. Далее и третья причина. "**А о тебе наслышались они**", говорят, "**что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих и не поступали по обычаям**". Не сказали: они слышали, но: "**наслышались**", т.е. убеждены и поверили, "**что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы они не обрезывали детей своих и не поступали по обычаям**". Сказав это, продолжают: "**Итак что же? Верно соберется народ; ибо услышат, что ты пришел. Сделай же, что мы скажем тебе: есть у нас четыре человека, имеющие на себе обет**" (ст. 22, 23). Говорят это, как советующие, а не как приказывающие. "**Есть у нас четыре человека, имеющие на себе обет. Взяв их, очистись с ними, и возьми на себя издержки на жертву за них, чтобы остригли себе голову, и узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь соблюдать закон**" (ст. 24). Советуют ему оправдаться не словами, а делом: "**чтобы остригли себе голову**", говорят, "**и узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь соблюдать закон**". Не сказали: ты учишь, но: "**слышанное ими о тебе несправедливо**", опять выражая, что они убеждены в том; "**что и сам ты продолжаешь**", т.е. что сверх того ты и сам хранишь (закон). Не то только нужно было знать, учит ли он других, но и то, соблюдает ли сам. А что, скажешь, если язычники узнают об этом, – не соблазнятся ли они? Как (они могут соблазнится), когда мы – иудейские учители – отправили к ним послание? "**А об уверовавших язычниках мы писали, положив, чтобы они ничего такого не наблюдали, а только хранили себя от идоложертвенного, от крови, от удавленины и от блуда**" (ст. 25). Этого достаточно для опровержения. Слова их означают следующее: как мы заповедали им это, хотя проповедуем иудеям, так и ты, хотя проповедуешь язычникам, поступай здесь согласно с нами. Павел же, смотри, не сказал: я могу представить Тимофея, которого я обрезал, могу убедить словом; но послушался их и сделал все, – потому что так нужно было. Не то было бы, если бы он стал оправдывать себя, или сделал это так, чтобы никто не знал о том. К устранению подозрения могло служить и то, что он принял на себя

издержки. "**Тогда Павел, взяв тех мужей и очистившись с ними, в следующий день вошел в храм и объявил окончание дней очищения, когда должно быть принесено за каждого из них приношение**" (ст. 26). "**Объявив**"; так он сам сделал это известным. "**Когда же семь дней оканчивались**" (ст. 27).

2. Смотри, как много времени он посвящает на это! "**Тогда Асийские Иудеи, увидев его в храме, возмутили весь народ и наложили на него руки, крича: мужи Израильские, помогите! этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего; притом и Еллинов ввел в храм и осквернил святое место сие**" (ст. 27, 28). Заметь, как они всегда склонны к мятежу: без стыда кричат среди (храма)! "**Ибо перед тем они видели с ним в городе Трофима Ефесянина и думали, что Павел его ввел в храм. Весь город пришел в движение, и сделалось стечение народа; и, схватив Павла, повлекли его вон из храма, и тотчас заперты были двери**" (ст. 29, 30). "**Мужи**", говорят, "**Израильские, помогите! этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего**". Что особенно смущало их, именно храм и закон, на то и указываюсь. Между тем Павел, претерпевая все это, не упрекал апостолов, что они были виновниками случившегося с ним: так был он великодушен! "**Схватив Павла, повлекли**", говорит (писатель), "**его вон из храма, и тотчас заперты были двери**". Они намеревались убить его, и потому извлекли вон, чтобы сделать это с большею свободою. "**Когда же они хотели убить его, до тысяченачальника полка дошла весть, что весь Иерусалим возмутился. Он, тотчас взяв воинов и сотников, устремился на них; они же, увидев тысяченачальника и воинов, перестали бить Павла. Тогда тысяченачальник, приблизившись, взял его и велел сковать двумя цепями, и спрашивал: кто он, и что сделал**" (ст. 31-33). Для чего он, намереваясь допросить Павла, приказал связать его двумя цепями? Для того, чтобы укротить ярость народа. "**В народе одни кричали одно, а другие другое. Он же, не могши по причине смятения узнать ничего верного, повелел вести его в крепость. Когда же он был на лестнице, то воинам пришлось нести его по причине стеснения от народа, ибо множество народа следовало и кричало: смерть ему!** (в ц.сл.: возьми его)" (ст. 34-36). Что значит: "**смерть ему** (возьми его)"? У иудеев был обычай – говорить это против тех, кого они обвиняли; так и о Христе они говорили: "**смерть ему**", т.е. истреби Его из среды живых. А иные думают, что выражение: возьми его значит то же, что у нас по римскому обычаю: посади его под арест. "**При входе в крепость Павел сказал тысяченачальнику: можно ли мне сказать тебе нечто?**" (ст. 37) Когда несли его по ступеням, он просит дозволения сказать нечто тысяченачальнику, и смотри, как кротко: "**можно ли**", говорит, "**мне сказать тебе нечто?**" "**А тот сказал: ты знаешь по-гречески? Так не ты ли тот Египтянин, который перед сими днями произвел возмущение и вывел в пустыню четыре тысячи человек разбойников?**" (ст. 38)? Этот египтянин был нововводитель и мятежник. Павел оправдывает себя и ответом своим отстраняет это подозрение. Но обратимся к вышесказанному. "**Есть у нас**", говорят (пресвитеры), "**четыре человека, имеющие на себе обет. Взяв их, очистись с ними**". Павел не противится этому, но повинуется. Отсюда ясно, что не непременно следовало сделать это (потому они и убеждают его), – а что это было делом предусмотрительности и снисхождения. Это не было препятствием проповеди, потому что они же дали заповедь (касательно язычников). Потому и сам (Павел), устрояя таковое дело, впоследствии укоряет Петра, и делает это не без причины, так как, что сделал он здесь, то Петр там, таясь и держась своего мнения (Гал.2:11-14). Не сказали, что не нужно учить (иудеев) подобно язычникам, или что можно им и не проповедовать, но что должно сделать нечто большее, чтобы они удостоверились, что ты соблюдаешь закон. Это – дело снисхождения, не бойся. И смотри, не прежде убедили его, как изъяснив наперед, что (этого требует) предусмотрительность и польза. В Иерусалиме, говорят, сделать это позволительно. Сделай же это здесь, чтобы тебе можно было делать то и вне (Иерусалима). "**Тогда Павел**", говорит (писатель), "**взяв тех мужей в**

следующий день"; не медлит, но, показывая свое послушание на деле, тотчас берет тех, с которыми намеревался совершить очищение: так пламенно он разделял эту предусмотрительность! Но как, скажут, азийские иудеи увидели его во храме? Им позволялось быть там в некоторые дни. Смотри, как все это сделалось по смотрению (Божию). Когда (одни) иудеи убедились, тогда нападают (другие); а иначе и те напали бы на него. "**Помогите**", говорят, "**мужи Израильские**"; как будто в их руках кто-нибудь такой, кого трудно уловить и удержать, – кричат: "**помогите! этот человек всех повсюду учит**"; не здесь только, говорят, но "**повсюду**". Усиливают обвинение из соприкосновенных обстоятельств: "**притом**", говорят, "**и Еллинов ввел в храм и осквернил святое место**". При Христе и они приходили туда для поклонения (Ин.12:20); но здесь говорится, что они пришли не для поклонения. "**И, схватив Павла**", говорит (писатель), "**повлекли его вон**". Смотри, как они извлекают его вон из храма; они не думали о законах или судилищах, и потому сами стали бить его: так они во всем являются дерзкими и бесстыдными! В это время (Павел) не оправдывался, а после; и хорошо, – потому что тогда они не послушали бы. Для чего они кричали: возьми его? Опасались, чтобы он не убежал. Между тем, смотри, с каким смирением Павел говорит тысяченачальнику. Что же он говорит? "**Можно ли мне сказать тебе нечто?**" Так он был кроток, так смиренно вел себя везде. "**Так не ты ли**", спрашивает (тысяченачальник), "**тот Египтянин**"?

3. Посмотри на злоухищрение диавола. Этот египтянин был обманщик и обольститель; (диавол) и надеялся, прикрываясь им, представить Христа и апостолов участниками в приписываемых ему преступлениях. Но нисколько не успел в этом; напротив, истина стала еще светлее и воссияла блистательнее, не потерпев ничего от козней диавола. Если бы не было обманщиков, и (апостолы) одержали бы победу, тогда иной, может быть, стал бы подозревать. Но если и те являлись, а эти одержали победу, то нельзя не удивляться. Для того и попускается являться тем, чтобы более прославились эти, как и сам (Павел) говорит в другом месте: "**дабы открылись между вами искусные**" (1Кор.11:19). Подобным образом и Гамалиил говорил: "**незадолго перед сим явился Февда**" (Деян.5:36). Касательно разбойников (сикарей) одни говорят, что это был род разбойников, получивших такое название от того, что они носили мечи, называемые у римлян сиками (sica). Другие (говорят, что они принадлежали) к одной из еврейских сект.

У (евреев) три главные секты: фарисеи, саддукеи и ессеи, которые называются праведными за чистоту жизни (οσιοι, – отсюда имя ессеев), – и сикариями, потому что они были ревнители (ζηλωταί). Итак, не будем скорбеть о том, что бывают ереси; бывали и лжехристы и злоумышляли против Христа, и прежде этого и после, желая затмить (Его). Но истина не затмевается и сияет везде. Тоже было и при пророках: являлись лжепророки, но (пророки) от сравнения с ними делались более светлыми. Так болезнь уясняет здоровье, тьма – свет, буря – тишину. Эллины не могут сказать, что (апостолы) были обманщики и обольстители, потому что такие люди бывали обличаемы. Тоже было и при Моисее: Бог попустил (действовать) волхвам, чтобы Моисей не был принят также за волхва; по Его попущению они показали всем, до чего может простираться искусство волхвования, а далее обольщать не могли, но сами признали себя побежденными. Обольстители не причиняют нам никакого вреда, но еще делают более совершенными тех, кто захочет быть внимательным. Но, скажете, разве они не разделяют с нами славы? Не у нас, а у людей нерассудительных. Не будем слишком заботиться о славе от людей и пещись о ней больше надлежащего. Мы живем для Бога, а не для людей; наше гражданство на небе, а не на земле; там уготованы награды и воздаяния за наши труды, оттуда ожидаем почестей, оттуда – венцов. О людях же мы должны заботиться столько, чтобы только не ввести их в искушение и не подать им повода (к осуждению). Если же тогда, как мы не подаем повода, они станут без причины и напрасно осуждать нас, то мы

должны смеяться, а не плакать. Ты старайся делать добро пред Богом и людьми; если же, при твоем старании делать добро, другой будет издеваться над тобою, нисколько о том не заботься. Примеры тому есть в Писаниях. "**У людей ли я ныне**", говорит (Павел), "**ищу благоволения, или у Бога?**" (Гал.1:10); и еще: "**зная страх Господень, мы вразумляем людей, Богу же мы открыты**" (2Кор.5:11). И Христос о соблазняющихся сказал так: "**оставьте их: они – слепые вожди слепых**" (Мф.15:14); и еще: "**горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо**" (Лк.6:26); и еще: "**да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Мф.5:16). Если в другом месте Он говорит: "**кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской**" (Мф.18:6), то не удивляйся этому; здесь нет противоречия, но напротив, то и другое совершенно согласно между собою. Если (соблазн) зависит от нас, то горе нам; если же не от нас, то ничего. И еще (говорится): горе вам: "**имя Божие хулится**" (Рим.2:24). Что же будет, скажешь, если я исполняю должное, а другой произносит хулу? Тебе ничего, а ему (горе), потому что хула произнесена им. Но как можно, делая должное, подавать другим повод (к осуждению)? Я представлю вам на это примеры, – но откуда хотите, из настоящего или из прошедшего? В доказательство того, что мы не должны бояться молвы, хотите ли, я укажу на то самое, что мы исследуем теперь? Павел поступал по-иудейски в Иерусалиме, а в Антиохии – нет; он поступал по-иудейски, а другие соблазнялись, но соблазнялись несправедливо. Говорят, что он приветствовал виночерпия и наложницу Нерона. Чего, думаете, не говорили о нем по этому поводу? Но несправедливо. Если бы он склонял их к порокам или к дурным делам, то можно было бы (осуждать); а если к праведной жизни, то за что? Расскажу нечто, случившееся с одним из моих знакомых. Однажды, когда постиг нас гнев Божий, и когда тот был еще весьма молод, и только в сане диакона, во время отсутствия епископа и по беспечности пресвитеров, случилось, что многие тысячи вдруг в одну ночь принимали крещение и были крещаемы все без разбора и ничему не научившись; он вздумал брать этих людей к себе человек по сто и по двести и беседовал с ними не о чем другом, а только о таинствах, что невозможно приступать к ним непосвященным. Когда он делал это, многие думали, что чрез это он домогается власти. Но он не заботился об их мнении; впрочем, более не продолжал делать это, а тотчас перестал. Что же? Он ли был виною соблазна? Не думаю. Если бы он делал это без всякой причины, и притом стал бы продолжать, то я справедливо приписал бы ему такую вину. Когда из-за того, что другой соблазняется, может остановиться дело благоугодное Богу, тогда не должно обращать на него внимания; напротив, когда чрез него мы не поставляемся в необходимость оскорбить Бога, тогда следует позаботиться. Скажи мне: когда мы беседуем и обличаем предающихся пьянству, а кто-нибудь соблазнился этим, неужели я должен перестать говорить? Послушай, что говорит Христос: "**не хотите ли и вы отойти?**" (Ин.6:67)? Таким образом не следует ни пренебрегать, ни слишком заботиться о слабости других. Не видим ли мы, как поступают врачи? Когда можно, они угождают больным; а когда это угождение может принести вред, то уж не делают послабления. Во всем хорошо соблюдать меру. Многие соблазнялись по случаю оглашения одной благообразной отроковицы, которая и осталась девою, клеветали на нее, поносили и оглашающих. Что же? Неужели из-за этого им следовало прекратить (оглашение)? Нет, потому что они совершали дело отнюдь не противное, но весьма благоугодное Богу. Потому, когда некоторые соблазняются, то мы должны смотреть только на то, справедливо ли это и не послужит ли к нашему вреду. "**Если пища соблазняет брата моего**", говорит (Павел), "**не буду есть мяса вовек**" (1Кор.8:13). И справедливо, когда воздержание от ядения нисколько не вредит; если же соблазняются и тем, что я отказываюсь, то уже не следует обращать на него внимания. Кого же, скажешь, может соблазнять это? Многих, как я знаю. Итак, воздержание имеет место тогда, когда оно бывает безразлично; если мы станем смотреть только на одно это (мнение других), то

должны будем удерживаться от многого; и напротив, если не станем обращать на них внимания, то погубим многих. Так и Павел обращал внимание на соблазн других; а каким образом, послушай: "**остерегаясь, чтобы нам не подвергнуться от кого нареканию при таком обилии приношений, вверяемых нашему служению**" (2Кор.8:20): отклонить дурное мнение других не было вредно. Но когда мы поставляемся в необходимость допустить великое зло из-за того, что другой соблазняется, то мы не должны обращать на него внимания. Он сам, а не мы виновны, потому что угодить ему невозможно без вреда. Многие соблазнялись тем, что некоторые верные были погребаемы в храмах, (утверждая), что погребать (здесь) не должно; но несправедливо, потому что от этого нет никакого вреда. Соблазнялись (иудеи), что Петр ел с язычниками; он и угождал им, а тот (Павел) – нет (Гал.2:12). Во всем следует нам, соблюдая заповеди Божии, всячески стараться, чтобы не подать повода к соблазну, чтобы и самим нам не оказаться виновными и сподобиться человеколюбия Божия, благодатию и человеколюбием Единородного Его, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 47

"Павел же сказал: я Иудеянин, Тарсянин, гражданин небезызвестного Киликийского города; прошу тебя, позволь мне говорить к народу. Когда же тот позволил, Павел, стоя на лестнице, дал знак рукою народу; и, когда сделалось глубокое молчание, начал говорить на еврейском языке так" (Деян.21:39,40).

1. Смотри, как (Павел), когда обращает речь к внешним (язычникам), не отказывается пользоваться и их законами. Здесь он указывает на свой город. Подобным образом и прежде он говорил: "**нас, Римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу**" (Деян.16: 37). На вопрос: "**не ты ли тот Египтянин**"? он отвечает: "**я Иудеянин**". Этими словами он тотчас отстранил такое подозрение. Чтобы не подумали, что он только родом иудей, он указывает (этим словом) и на свое вероисповедание, хотя в другом месте называет себя "**но подзаконен Христу**" (1Кор.9:21). Что же это значит? Неужели Павел говорит ложь? Нет. Что же? Не отвергается ли (Христа)? Да не будет! Он был и иудей и христианин, соблюдая все, что должно было. И веруя во Христа, он более всех повиновался закону; потому и в беседе с Петром говорит: "**мы по природе Иудеи**" (Гал.2: 15). "**Прошу тебя, позволь мне говорить к народу**". Это – доказательство истины слов его, что он всех приводит в свидетели. Смотри, с какою опять кротостью он беседует. И это также величайшее доказательство его невинности, что он так готов оправдывать себя и решается противостать словом толпе иудеев.

Посмотри на благоразумие этого мужа; посмотри на домостроительство (Божие): если бы тысяченачальник не пришел, если бы не связал Павла, то он не мог бы говорить в свое оправдание, не водворил бы такого безмолвия. "**Когда же тот позволил, Павел, стоя на лестнице**". Весьма благоприятствовало ему и место, так как он говорил с высоты, и то, что он был связан. Что может сравниться с этим зрелищем, когда Павел говорил, связанный двумя цепями? Как он не смутился, как не смешался, видя столько восставшего против него народа и предстоявшего начальника? Но он наперед дал утихнуть их ярости, а потом начал говорить; и смотри, как мудро. Как он сделал в послании к Евреям, так и здесь. Прежде всего, располагает их к себе родным их языком, потом своею кротостью. На это и указывает (писатель), присовокупляя: "**когда сделалось глубокое молчание, начал говорить на еврейском языке так: Мужи братия и отцы! выслушайте теперь мое оправдание перед вами**" (Деян.22: 1). Смотри, как слова его чужды лести и исполнены кротости. Не сказал: господа, или владыки, но: "**братия**", что в особенности могло нравиться им; как бы так сказал: я не чужой вам и не против вас. "**Мужи братия**", говорит, "**и отцы**"; последним словом (выражает) почтение, а первым – близость.

"**Выслушайте теперь мое оправдание перед вами**". Не сказал: поучение, или речь, но: "**оправдание**"; представляет себя в виде подсудимого. "**Услышав же, что он заговорил с ними на еврейском языке, они еще более утихли**" (ст. 2). Видишь ли, какое действие произвел на них родной язык? Они питали уважение к этому языку. Смотри, как он предрасполагает их к слушанию следующим предисловием: "**я Иудеянин, родившийся в Тарсе Киликийском, воспитанный в сем городе при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе, ревнитель по Боге, как и все вы ныне**" (ст. 3). "**Я**", говорит, "**Иудеянин**"; слышать это было им всего приятнее. "**Родившийся в Тарсе Киликийском**". А чтобы не почли его иноплеменником, прибавляет, какой он был веры: "**воспитанный в сем городе**". Он показывает свое великое усердие к вере, если, оставив такое и так далеко отстоящее отечество, решился воспитываться здесь для (изучения) закона. Смотри, как он издавна был предан закону. Говорит это не для оправдания только себя пред ними, но чтобы показать, что он не по человеческому рассуждению обратился к проповеди, но силою Божиею, так как, будучи подобным образом наставлен (в законе), он сам не мог бы вдруг перемениться. Если бы он был один из обыкновенных людей, то можно было бы так думать; но если он принадлежит к числу людей, наиболее преданных закону, то невозможно допустить, что он переменился просто, без какой-нибудь сильной побудительной причины. Но, может быть, иной сказал бы: это не важно, что ты воспитывался здесь; разве ты не мог быть здесь по делам торговым, или по какой-либо другой причине? Потому, чтобы не подумали этого, он и присовокупляет: "**при ногах Гамалиила**". Не просто сказал: у Гамалиила, но: "**при ногах**", выражая свое постоянство, старание, усердие к слушанию и великое уважение к этому мужу. "**Тщательно наставленный в отеческом законе**"; не просто закону, но присовокупляет: "**в отеческом**", выражая, что он издавна был таков и не поверхностно знал закон. Это, по-видимому, сказано в их пользу, но было против них, если он, зная закон, оставил его. Потом, чтобы еще кто-нибудь не возразил: какая польза, что ты в точности знаешь закон, если не защищаешь и не уважаешь его? – говорит: "**ревнитель**", т.е. не просто знал, но и весьма ревновал по нем. Сказав многое о себе, он потом обобщает свою речь, присовокупляя: "**как и все вы ныне**". Этим показывает, что они действовали не по человеческому рассуждению, но по божественной ревности. Говорит это для того, чтобы приобрести их расположение, предуготовить их ум и удержать на том, в чем не было еще никакого вреда. Затем приводит и доказательства: "**я даже**", говорит, "**до смерти гнал последователей сего учения, связывая и предавая в темницу и мужчин и женщин, как засвидетельствует о мне первосвященник и все старейшины**" (ст. 4, 5). Чтобы кто не спросил: откуда это известно? – приводит в свидетели самого первосвященника и старейшин. Смягчает свою речь: "**ревнитель по Боге, как и все вы ныне**", т.е. равный вам; но делами своими показывает, что он был выше их. Я, говорит, не ожидал, пока (можно) взять, но сам побуждал священников и предпринимал путешествия, нападал не на мужей только как вы, но и на жен, всех связывая и ввергая в темницы. Такое свидетельство несомненно, а что касается иудеев, то они безответны. Смотри, сколько свидетелей он приводит: старейшин и первосвященника, которые находились в городе.

2. Посмотри на его оправдание: в нем нет страха, но более назидания и поучения. Если бы слушатели не уподоблялись камням, то вняли бы словам его. Сказанному доселе они сами были свидетелями, а последующему – нет. "**От которых и письма взяв к братиям, живущим в Дамаске, я шел, чтобы тамошних привести в оковах в Иерусалим на истязание. Когда же я был в пути и приближался к Дамаску, около полудня вдруг осиял меня великий свет с неба. Я упал на землю и услышал голос, говоривший мне: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Я отвечал: кто Ты, Господи? Он сказал мне: Я Иисус Назорей, Которого ты гонишь**" (ст. 5-8). И это должно быть достоверно после предшествовавшего; иначе он не переменился бы. Но, скажут, не хвалится ли он? Отнюдь нет. И для чего, скажи мне, он вдруг оставил такую ревность? Не для чести ли? Но он

потерпел противное. Не для покоя ли? Не было и этого. Не для другого ли чего-нибудь? Но ничего и придумать невозможно. Предоставив им делать свои заключения, он повествует о событиях: "**когда же я был в пути**", говорит, "**и приближался к Дамаску, около полудня вдруг осиял меня великий свет с неба. Я упал на землю**". Заметь, какое было обилие света. А что я не хвалюсь, свидетелями тому присутствовавшие со мною, ведшие меня за руку, видевшие этот свет. "**Бывшие же со мною свет видели, и пришли в страх; но голоса Говорившего мне не слыхали**" (ст. 9). Не изумляйся, что здесь (писатель) говорит так, а в другом месте иначе, именно: "**люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя**" (Деян.9:7). Здесь нет противоречия. Два было голоса: Павлов и Господень; там он говорит о голосе Павловом, а здесь присовокупляет: "**но голоса Говорившего мне не слыхали**". Таким образом, слова: "**а никого не видя**" означают не то, чтобы они не видели, но что они не слышали (голоса Господня); он не сказал, что они не видели света, но: "**стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя**", т.е. говорящего. И это случилось не без причины; ему (одному) надлежало удостоиться этого голоса; если бы слышали и они, то чудо не было бы так велико. Так как люди грубые убеждаются более видением, то они видели только свет, которого впрочем, достаточно было для их убеждения; потому они и "**пришли в страх**". Притом этот свет подействовал на них не так, как на него; его он ослепил, побуждая случившимся с ним и их прозреть, если бы они захотели. По смотрению (Божию), кажется мне, произошло то, что они не уверовали, – для того, чтобы они были достоверными свидетелями. "**Он сказал мне**", говорит, "**Я Иисус Назорей, Которого ты гонишь**". Прекрасно присовокупляет и название города, чтобы они узнали. Так и апостолы говорили: "**Иисуса, сына Иосифова, из Назарета**" (Ин.1:45). Смотри, и сам (Господь) свидетельствует, что Он был гоним (Павлом). "**Тогда я сказал: Господи! что мне делать? Господь же сказал мне: встань и иди в Дамаск, и там тебе сказано будет всё, что назначено тебе делать. А как я от славы света того лишился зрения, то бывшие со мною за руку привели меня в Дамаск. Некто Анания, муж благочестивый по закону, одобряемый всеми Иудеями, живущими в Дамаске, пришел ко мне и, подойдя, сказал мне: брат Савл! прозри. И я тотчас увидел его**" (ст. 10-13). "**Иди**", говорит, в город, "**и там тебе сказано будет всё, что назначено тебе делать**". Вот и еще свидетель. И смотри, как достоверным представляет его: "**Некто Анания**", говорит, "**муж благочестивый по закону, одобряемый всеми Иудеями, живущими в Дамаске, пришел ко мне и, подойдя, сказал мне: брат Савл! прозри**". Так ничего не сказано напрасно. "**И я тотчас увидел его**". Затем (следует) свидетельство от дел. Смотри, как приводятся во свидетельство и лица и дела, лица близкие и посторонние. Лица эти – священники, старейшины, спутники; дела, – что он совершил, что потерпел; и дела свидетельствуют о делах, не только лица. Кроме того, Анания, человек посторонний; затем событие – прозрение; потом великое пророчество. "**Он же**", говорит, "**сказал мне: Бог отцов наших предъизбрал тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел Праведника**" (ст. 14). Хорошо сказал: "**отцов**"; этим выразил, что они не иудеи, но чужды закону, и действуют по зависти, а не по ревности. "**Чтобы ты познал**", говорит, "**волю Его, увидел Праведника**". Следовательно такова была воля Его. Смотри, как в самом повествовании заключается назидание. "**И услышал глас из уст Его, потому что ты будешь Ему свидетелем пред всеми людьми о том, что ты видел и слышал**" (ст. 15). "**Увидел**", говорит, "**Праведника**"; как бы так говорит: если Он праведник, то они виновны. "**И услышал глас из уст Его**". Смотри, как высоким представляет это событие: "**что ты будешь**", говорит, "**Ему свидетелем**". Потому не изменяй своему зрению и слуху, тому, "**что ты видел и слышал**". Уверяет его обоими чувствами. "**Итак, что ты медлишь? Встань, крестись и омой грехи твои, призвав имя Господа Иисуса**" (ст. 16).

3. Здесь он выразил нечто великое. Не сказал: крестись во имя Его, но: "**призвав имя Господа Иисуса**". Этим показал, что Христос есть Бог, так как призывать никого другого

не следует, кроме Бога. Не был принуждаем к тому (Павел), как он сам говорит в следующих словах: "**Господь же сказал мне: встань и иди в Дамаск, и там тебе сказано будет всё, что назначено тебе делать**". Не оставляет ничего не засвидетельствованным; но приводит во свидетели целый город, который видел, как вели его за руку. Смотри, как исполнилось пророчество, которое он слышал, что он будет свидетелем Господним. Подлинно он явился свидетелем и свидетелем таким, каким должно, и на делах и на словах. Такими свидетелями следует быть и нам, и не изменять тому, во что мы веруем; разумею не только догматы, но и жизнь. Смотри, он свидетельствовал перед всеми людьми о том, что видел и что слышал, и ничто не удержало его. И мы слышали, что будет воскресение и уготованы (у Бога) бесчисленные блага; это мы и должны свидетельствовать перед всеми людьми. Но, скажете, мы свидетельствуем и веруем. Как? Почему же делаем противное? Скажи мне: если бы кто называл себя христианином, но, отрекшись, мудрствовал по-иудейски, то свидетельство его разве было бы достаточно? Нет, потому что стали бы искать свидетельства от дел. Так и мы, когда говорим, что есть воскресение и бесчисленные блага, а сами пренебрегаем ими и предпочитаем блага здешние, то кто поверит нам? Все обращают внимание не на то, что мы говорим, а на то, что делаем. "**Будешь**", говорит (Анания), "**свидетелем пред всеми людьми**", не пред своими только, но и пред неверными, так как дело свидетелей убеждать не (только) знающих, но и незнающих. Будем же свидетелями достоверными. А каким образом мы можем сделаться достоверными? Жизнью. На Павла нападали иудеи; на нас нападают страсти, побуждающие отречься от свидетельства. Не будем покоряться им; мы – свидетели, посланные Богом. О Боге некоторые люди думают, что Он не есть Бог; Бог послал нас свидетельствовать о Нем. Будем же свидетельствовать и убеждать думающих так; если не станем свидетельствовать, то сами будем виновными в их заблуждении. Если же на судилище, где исследуются дела житейские, не принимается свидетель, исполненный многочисленных злодеяний, то тем более здесь, где идет дело о предметах настолько высоких. Мы говорим, что мы слышали Христа и веруем Его обетованиям; а они скажут: покажите это делами; жизнь ваша, напротив, свидетельствует, что вы не веруете.

Желаете ли, мы рассмотрим тех, которые заботятся о прибытках, похищают (чужое), предаются корыстолюбию, плачут, сокрушаются, занимаются всякими делами, постройкой домов, как будто бы они и не умрут? Если же вы не веруете тому, что вы умрете, делу столь известному и очевидному, то как поверим вашему свидетельству? Есть, действительно есть много людей, которые ведут себя, как будто им не должно умереть; в глубокой старости начинают заниматься постройками и земледелием; когда же им подумать о смерти? Не малое наказание постигнет нас, которые призваны для свидетельства, но не можем свидетельствовать о том, что мы видели. И мы видели ангелов, и притом яснее, чем видевшие их (телесными очами). Будем свидетельствовать о Христе, ведь свидетели не они только (апостолы), но и мы. Они называются свидетелями потому, что, будучи принуждаемы отречься, претерпели все для исповедания истины; так и мы, когда страсти побуждают нас отречься, не будем покоряться им. Золото говорит: скажи, что Христос не есть Христос; но ты не слушай его, как (должен слушать Бога), но презирай его веления. Порочные пожелания говорят тоже, но ты не внимай им и мужественно противостань, чтобы и об нас не сказали: "**говорят, что знают Бога, а делами отрекаются**" (Тит.1:16). Это уже не свойственно свидетелям, а противное тому. Не удивительно, если отрекаются другие; если же мы, которые избраны свидетельствовать, станем отрекаться, это тяжко и невыносимо. Это скорее всего может погубить нас. "**Будет же это вам для свидетельства**", говорит (Христос, – Лк.21:13), но тогда, когда мы не отступим, когда мы будем стоять твердо. Если бы все мы стали свидетельствовать о Христе, то скоро вразумили бы множество эллинов.

4. Великое дело – жизнь, возлюбленные; как бы кто ни был груб, хотя бы не хотел явно согласиться с учением, но и он склонится на вашу сторону, похвалит и подивится. А каким образом, скажете, достигнуть превосходной жизни? Не иначе, как силою Божиею. Что же, когда и эллины бывают такими? Если и бывают такими, то одни по природе, другие из тщеславия. Хотите ли знать, как важна жизнь, и какую она заключает в себе силу убеждения? Многие из еретиков, хотя содержали самое развращенное учение, имели такую силу, что многие люди из благоговения к их жизни даже и не исследовали их учения; а другие, и осуждая их учение, уважали их за жизнь; это не хорошо, но так было. То и ослабляет важность нашей веры, то и низвращает все, что никто нисколько не думает о жизни; это унижает веру. Мы говорим, что Христос есть Бог, предлагаем множество и других догматов, между прочим, говорим и то, что Он заповедал всем жить праведно; но на самом деле это у немногих. Порочная жизнь унижает догматы о воскресении, о бессмертии души, о суде, и принимает много противного, судьбу, необходимость, неверие в Промысл. Душа, погрязшая в многочисленных пороках, старается изобретать для себя подобного рода утешения, чтобы не скорбеть при мысли, что есть суд, и что нас ожидает воздаяние за добро и зло.

Такая жизнь производит бесчисленное множество зол, делает людей зверями и даже бессмысленнее зверей; что есть в каждой породе зверей порознь, то она часто соединяет в одном человеке и низвращает все. Для того диавол ввел судьбу, для того внушил, что мир существует без Промысла, для того предположил, что существа бывают добры или злы по природе и что есть зло безначальное и вещественное, для того он делает все, чтобы развратить нашу жизнь. Кто таков именно по жизни, тот не может ни отказаться от развращенного учения, ни пребывать в здравой вере, но принимает все это по большой необходимости. Я не думаю, чтобы можно было из живущих порочно найти хотя одного человека, который бы не держался какой-либо из многочисленных сатанинских мыслей, что есть судьба, что все происходит случайно и устрояется без порядка и рассуждения. Потому, увещеваю вас, будем пещись о добродетельной жизни, чтобы не принять дурного учения. Каин в наказание должен был стенать и трястись (Быт.4: 12). Таковы все люди порочные, сознающие за собою множество зол: они часто пробуждаются от сна, с беспокойными мыслями, с смущенными глазами; все возбуждает в них подозрение, все приводит их в ужас, душа их исполнена тяжкого предчувствия и боязни, смущается и изнывает от страха и ужаса. Ничего не может быть бессильнее, ничего безумнее такой души; как беснующиеся неспособны владеть собою, так и она собою не владеет. Как она может придти в сознание, подвергшись такому омрачению? Между тем, если бы она любила тишину и спокойствие, то могла бы познать свое благородство. Но когда ее возмущает и устрашает все, и сновидения и слова, и действительные явления и подозрения, то как она может придти в самосознание, находясь в таком неспокойном и расстроенном состоянии? Отвергнем же этот страх, расторгнем эти узы. Если бы и не было (в будущем) никакого наказания, то не хуже ли это всякого наказания – постоянно находиться в страхе, никогда не иметь дерзновения, никогда не чувствовать отрады? Помня все это, будем верно сохранять спокойствие и пещись о добродетели, чтобы, имея здравое учение и правый образ жизни, нам неуклонно провести настоящую жизнь и сподобиться благ, обетованных любящим Его, благодатию и человеколюбием Единородного Его, с Которым Отцу со Святым Его Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 48

"Когда же я возвратился в Иерусалим и молился в храме, пришел я в исступление, и увидел Его, и Он сказал мне: поспеши и выйди скорее из Иерусалима, потому что здесь не примут твоего свидетельства о Мне. Я сказал: Господи! им известно, что я верующих в

Тебя заключал в темницы и бил в синагогах, и когда проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего, я там стоял, одобрял убиение его и стерег одежды побивавших его" (Деян.22:17-20).

1. Смотри, как (Павел) сам себя подвергает опасностям: "**когда же я**", говорит, "**возвратился в Иерусалим**", т.е. после того видения я опять прибыл в Иерусалим. "**И молился в храме, пришел я в исступление, и увидел Его, и Он сказал мне: поспеши и выйди скорее из Иерусалима, потому что здесь не примут твоего свидетельства о Мне**". Смотри, и это не осталось без свидетельства, которое заключается в самом событии. Сказал (Господь): "**не примут твоего свидетельства**", и действительно не приняли. По всем соображениям надобно было ожидать, что они примут: "**им известно**", говорит, "**что я верующих в Тебя заключал в темницы и бил**"; поэтому самому им следовало принять; и, однако, они не приняли. Потому и было открыто ему "**в исступление**", что они не примут (свидетельства). Здесь он изъясняет два предмета: то, что они безответны, так как преследовали его несправедливо и неразумно; и то, что Христос есть Бог, так как Он предсказывает неожиданное, не взирая на прошедшее, но предвидя будущее. Как же (Господь) говорил, что (Павел) пронесет "**имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми**" (Деян.9:15)? "**Возвещать**", сказал Он, а не убедит непременно; в других местах иудеи убеждались, а здесь нет. Где преимущественно должны были бы убеждаться, зная прежнюю его ревность, там и не убеждались. "**И когда проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего, я там стоял, одобрял убиение его и стерег одежды побивавших его**". Смотри, чем он оканчивает речь свою: самым сильным доводом; говорит, что сам он был гонителем (христиан), и не только гнал, но тысячью рук убивал Стефана. Здесь он напомнил им о самом бесчеловечном убийстве. Тогда они уже не вытерпели, после такого обличения их и исполнения пророчества. Велика ревность, сильно обличение, дерзновенна речь свидетелей Христовой истины! Иудеи уже не могли дослушать всей речи, но, воспламенившись гневом, громко закричали. "**И Он сказал мне: иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам. До этого слова слушали его; а за сим подняли крик, говоря: истреби от земли такого! ибо ему не должно жить. Между тем как они кричали, метали одежды и бросали пыль на воздух, тысяченачальник повелел ввести его в крепость, приказав бичевать его, чтобы узнать, по какой причине так кричали против него**" (ст. 21-24). Тысяченачальнику следовало узнать, в чем дело, и притом от них самих; а он, не сделав ничего такого, приказывает бить его. "**Тысяченачальник повелел ввести его в крепость, приказав бичевать его, чтобы узнать, по какой причине так кричали против него**". Ему следовало спросить самих кричавших, что из сказанного (Павлом) они находили преступным; а он просто пользуется своею властью и действует в угодность им: не о том он заботился, чтобы поступить справедливо, но о том, как бы утолить гнев их, совершенно несправедливый. "**Но когда растянули его ремнями, Павел сказал стоявшему сотнику: разве вам позволено бичевать Римского гражданина, да и без суда?**" (ст. 25) Не ложь сказал Павел, назвав себя римлянином, – да не будет, – он действительно был римлянин. Потому тысяченачальник и устрашился, услышав это. Чего же, скажут, он устрашился? "**Разве вам позволено**": из-за другого он боялся, чтобы самого не схватили и не подвергли еще большему наказанию. И, смотри, не просто говорит, но: "**разве вам позволено?**" Две вины: (наказывают) без суда и притом римлянина. Удостоившиеся называться этим именем пользовались тогда великими преимуществами; и не все удостаивались его. Со времен Адриана, говорят, все (римские подданные) стали называться римлянами; а прежде было не так. Он назвал себя римлянином для того, чтобы избежать бичевания, так как если бы его бичевали, то он подвергся бы презрению; а, сказавши это, он привел их в великий страх. Если бы бичевали его, то дело приняло бы другой оборот, и даже убили бы его; а теперь вышло не так. Смотри, как Бог попускает совершаться многому и человеческими средствами, как в этом случае, так и в других. Тысяченачальник своим

ответом: "**я за большие деньги приобрел это гражданство**" показывает, что он подозревал, не есть ли это один предлог со стороны Павла, называющего себя римлянином; может быть, он заключал так по наружной простоте Павла. "**Услышав это, сотник подошел и донес тысяченачальнику, говоря: смотри, что ты хочешь делать? этот человек – Римский гражданин. Тогда тысяченачальник, подойдя к нему, сказал: скажи мне, ты Римский гражданин? Он сказал: да. Тысяченачальник отвечал: я за большие деньги приобрел это гражданство. Павел же сказал: а я и родился в нем. Тогда тотчас отступили от него хотевшие пытать его. А тысяченачальник, узнав, что он Римский гражданин, испугался, что связал его**" (ст. 26-29). "**А я и родился в нем**", говорит Павел; следовательно, и отец его был римлянин. Что же произошло от этого? Сняв с него оковы, тысяченачальник отвел его к иудеям. Итак, не ложь сказал он, назвав себя римлянином; он и пользу получил от этого, освободился от уз; а каким образом, послушай. "**На другой день, желая достоверно узнать, в чем обвиняют его Иудеи, освободил его от оков и повелел собраться первосвященникам и всему синедриону и, выведя Павла, поставил его перед ними**" (ст. 30). Уже не пред тысяченачальником только, но пред собранием и всем народом говорит речь. Что же он говорит? "**Павел, устремив взор на синедрион, сказал: мужи братия! я всею доброю совестью жил пред Богом до сего дня**" (Деян.23:1); т.е. я не сознаю за собою ничего, чем бы оскорбил вас, или сделал бы что-нибудь, достойное этих уз. Что же первосвященник? Ему следовало пожалеть, что в угодность им (Павел) был несправедливо заключен в оковы; а он еще более ожесточается и приказывает бить его, как видно из следующего: "**первосвященник же Анания стоявшим перед ним приказал бить его по устам**" (ст. 2). Хорош поступок, кроткий архиерей! "**Тогда Павел сказал ему: Бог будет бить тебя, стена подбеленная! ты сидишь, чтобы судить по закону, и, вопреки закону, велишь бить меня. Предстоящие же сказали: первосвященника Божия поносишь? Павел сказал: я не знал, братия, что он первосвященник; ибо написано: начальствующего в народе твоем не злословь**" (ст. 3-5).

2. Некоторые говорят, что он, зная, сказал такую укоризну; но мне кажется, он вовсе не знал, что это – первосвященник; иначе почтил бы его. Потому он и оправдывается, как виновный, и говорит: "**начальствующего в народе твоем не злословь**". Что же? – скажут. Если бы это был даже не начальник, то разве можно было просто оскорблять другого? Нет, напротив, терпеть, когда наносят оскорбление. Достойно внимания, почему тот, кто в другом месте говорит: "**злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим**" (1Кор.4:12), здесь поступает напротив, и не только укоряет, но и угрожает. Нет, ни того, ни другого он не сделал. Кто тщательно рассмотрит, тот увидит, что это более слова дерзновения, нежели гнева. С другой стороны он не хотел подвергнуться презрению тысяченачальника. Если этот не осмелился бичевать его и хотел предать иудеям, то, когда слуги стали бить его, тогда он явил еще большее дерзновение; обратился не к слуге, но к самому повелевшему. Сказав: "**стена подбеленная! ты сидишь, чтобы судить по закону**", он как бы так сказал: ты виновен и достоин тысячи ран. Смотри, как народ был поражен его дерзновением. Им следовало бы прекратить все; а они еще более неистовствуют. Он приводит слова закона, желая показать, что не из страха и не потому, что он не был достоин такого повеления, он выразился так, но повинуясь и в этом случае закону. Я совершенно убежден, что он не знал, что это – первосвященник; он возвратился сюда после долгого отсутствия, не часто обращался с иудеями и видел его среди множества других; между многими другими разными людьми первосвященник мог быть не замечен. И самым ответом своим, мне кажется, он показывает, что он повинуется закону и потому оправдывается. Но обратимся к вышесказанному. "**Молился в храме**", говорит (Павел), "**пришел я в исступление**". Чтобы показать, что это не был призрак воображения, прибавляет: "**молился**". "**Поспеши и выйди скорее из Иерусалима**", говорит (Господь), "**потому что здесь не примут твоего свидетельства о Мне**". Отсюда

видно, что он удалился не из страха по причине опасностей, но потому, что не приняли свидетельства его. Для чего же он сказал: "**им известно, что я верующих в Тебя заключал в темницы**"? Этим он не противоречил Христу, – да не будет, – но хотел получить наставление в столь чудном деле. "**Иди**", говорит (Господь), "**Я пошлю тебя далеко к язычникам**". Смотри: Христос не дал ему наставления, что должен он делать, но только повелел идти, и он повинуется: так он был послушлив! "**А за сим подняли крик, говоря**", говорит (писатель), "**истреби от земли такого! ибо ему не должно жить**". О, дерзость! Скорее вам не должно жить, а не ему, который во всем повинуется Богу. О, нечестивцы и человекоубийцы! "**Метали одежды**", говорит, "**и бросали пыль на воздух**": делают это для того, чтобы произвести большее смятение, или для того, чтобы устрашить начальника. И смотри: они не указывают вины его, потому что ничего сказать не могли, но думают подействовать криком, между тем как следовало бы спросить обвинителей. "**А тысяченачальник испугался**", говорит, "**узнав, что он Римский гражданин**". Следовательно, не ложь сказал Павел, назвав себя римлянином. "**Освободил его от оков**", говорит, "**и, выведя Павла, поставил его перед ними**". Это следовало сделать в самом начале, не связывать и не приказывать бичевать, но оставить его, как не сделавшего ничего такого, за что бы связывать. "**И, выведя Павла, поставил его перед ними**". Это привело иудеев в великое недоумение. "**Павел, устремив взор на синедрион, сказал**", говорит, "**мужи братия**". Здесь выражается его дерзновение и неустрашимость. Но, смотри, какова их злоба. "**Первосвященник же Анания**", продолжает (писатель), "**стоявшим перед ним приказал бить его по устам**". За что бьешь его? Что оскорбительного сказал он? О, бесстыдство, о, дерзость! "**Тогда**", говорит, "**Павел сказал ему: Бог будет бить тебя, стена подбеленная**". Вот дерзновение: обличает его в лицемерии и беззаконии; после того он и смиряется. В недоумении первосвященник не осмеливается ничего сказать, но бывшие при нем не вынесли дерзновения (Павла), видели его готовым идти на смерть, и не вынесли. "**Я не знал**", говорит, "**что он первосвященник**". Следовательно, укоризна произошла от неведения. Если бы это было не так, то тысяченачальник, взяв его, удалился бы, не промолчал бы, или предал бы его им.

3. Отсюда видно, что он добровольно терпит все, что терпит; и оправдывается пред ними из повиновения закону, а не из желания показать им свои достоинства; потому он сильно и укорил их. Таким образом он оправдывается для закона, а не для народа; и справедливо, – ведь бить человека, не сделавшего никакого оскорбления и притом невинного, беззаконно. Сказанное им не есть оскорбление; иначе иной назвал бы оскорблением и слова Христа, когда Он говорит: "**горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам**" (Мф.23: 27). Да, скажете, если бы он сказал это прежде, нежели потерпел битье, то слова его были бы не от гнева, но от дерзновения. Но я показал причину: он не хотел подвергнуться презрению. Так и Христос нередко укорял иудеев, когда был оскорбляем, например, когда говорил: "**не думайте, что Я буду обвинять вас**" (Ин.5:45). Но это не оскорбление – да не будет. Смотри, с какою кротостью (Павел) обращается к ним: "**я не знал**", говорит, "**что он первосвященник**". Сказав это, он не остановился, но, желал показать, что говорит без насмешки, присовокупляет: "**начальствующего в народе твоем не злословь**" (ср. Исх.22:28). Видишь ли, как он еще признает его начальником?

Будем и мы учиться его кротости, чтобы в том и другом нам быть совершенными. Великое нужно старание, чтобы знать, в чем состоит первая и в чем последнее; старание необходимо потому, что с этими добродетелями смешиваются пороки, с дерзновением – дерзость, с кротостью – малодушие. Каждому должно смотреть, чтобы, предаваясь пороку, не приписывать себе добродетели, подобно тому, как если бы кто, имея общение с служанкою, по неведению воображал бы, что он имеет общение с госпожою. Итак, что

такое кротость и что малодушие? Когда мы, видя других оскорбляемыми, не защищаем их, а молчим, это – малодушие; когда же, сами получая оскорбления, терпим, это – кротость. Что такое дерзновение? Опять тоже самое, т.е. когда мы ратоборствуем за других. А что дерзость? Когда мы стараемся мстить за самих себя. Таким образом, великодушие и дерзновение на одной стороне, а дерзость и малодушие на другой. Кто не щадит себя, тот едва ли будет сожалеть о других; и кто не мстит за себя, тот едва ли оставит без защиты других. Когда наш нрав свободен от страсти, то он способен и к добродетели. Как тело, освободившись от горячки, укрепляется в силах, так и душа, если не предана страстям, делается сильною. Кротость есть признак великой силы; чтобы быть кротким, для этого нужно иметь благородную, мужественную и весьма высокую душу. Неужели ты думаешь, что мало нужно (силы душевной), чтобы получать оскорбления и не возмущаться? Не погрешит тот, кто назовет такое расположение к ближним даже мужеством; кто был столько силен, что преодолел эту страсть, тот, конечно, будет в состоянии преодолеть и другую; т.е. здесь две страсти: страх и гнев; если ты победишь гнев, то, без сомнения, (преодолеешь) и страх; гнев же ты победишь, если будешь кроток, а если преодолеешь страх, то окажешь мужество. Наоборот, если не победишь гнева, то окажешься дерзким; а не победив его, не будешь в состоянии преодолеть и страх, и, следовательно, окажешься малодушным, и будет с тобою тоже, что, например, с телом, которое так бессильно и расслаблено, что не может вынести никакого труда: оно скоро изнуряется и от холода и от жара; таково свойство тела расслабленного, а крепкое выдерживает все. Еще, с великодушием, которое есть добродетель, смешивается расточительность; также бережливость есть добродетель, но с нею смешиваются корыстолюбие и скупость. Сравним их между собою.

Расточительный не есть человек великодушный. Почему? Потому что, кто предан тысяче страстей, тот может ли быть велик душою? Он таков не оттого, что презирает деньги, но оттого, что покоряется другим страстям, подобно как человек, принужденный разбойниками повиноваться им, не может быть свободным. Не от презрения к деньгам происходит расточительность, но от неумения распоряжаться ими; если бы можно было и удержать их и предаваться удовольствиям, то он, конечно, пожелал бы этого. Кто употребляет деньги, на что следует, тот великодушен; поистине та душа велика, которая и не раболепствует страсти и почитает деньги за ничто. Также бережливость есть добродетель; весьма бережливым был бы тот, кто употреблял бы деньги, на что следует, а не просто без разбора. Скупость же – не то же самое. Тот (бережливый) издерживает все на нужное, а этот (скупой) и при самой настоятельной нужде не касается своего имущества. Бережливый – брат великодушного. Таким образом, поставим вместе великодушного с бережливым, а расточительного со скупым; последние оба страдают малодушием, а первые оба отличаются великодушием. Подлинно, великодушным мы должны назвать не того, кто тратит деньги безрассудно, но кто употребляет их на нужное; равно как скупым и сребролюбивым – не бережливого, но того, кто не употребляет денег и на нужное. Сколько имущества расточал богач, облачавшийся в порфиру и виссон? Но он не был великодушен, потому что душа его была одержима жестокостью и тысячами вожделений; а такая душа может ли быть великою? Великодушен был Авраам, который употреблял свое имущество на принятие странников, закалал тельцов и, когда нужно было, не щадил не только имущества, но и самой души своей. Итак, если мы видим, что кто-нибудь приготовляет роскошную трапезу, насыщает блудниц и тунеядцев, то не будем называть его великодушным, но весьма малодушным. Смотри, в самом деле, скольким сам он служит и раболепствует страстям, – чревоугодию, безмерному сластолюбию, самоуслаждению; а кто одержим столь многими страстями и не может освободиться ни от одной из них, того можно ли назвать великодушным? Следовательно, тогда в особенности и надобно назвать его малодушным, когда он много тратит; чем больше он тратит, тем больше показывает владычество над ним страстей; если бы они не столько имели над ним

силы, то он не столько бы и тратил. Напротив, если мы видим, что кто-нибудь никому из подобных людей ничего не уделяет, но питает бедных и помогает нуждающимся, и сам довольствуется трапезою не роскошною, того мы должны назвать весьма великодушным; поистине великой душе свойственно не думать о собственном удовольствии, а заботиться о (спокойствии) других. Скажи мне: если бы ты увидел кого-нибудь, кто бы, презирая всех тиранов и вменяя ни во что их повеления, облегчал страдания притесняемых ими, не признал ли бы ты это делом великим? Так точно мы должны рассуждать и здесь. Страсти – это тираны. Если мы будем презирать их, то сделаемся великими; если будем освобождать от них и других, то – еще более великими. Это и справедливо. Кто делает добро не себе только, но и другим, тот выше не делающих ни того, ни другого. Если бы кто, из угождения тирану, одного из подчиненных его стал бить, другого притеснять, третьего оскорблять, – неужели мы назовем это великодушием? Отнюдь нет, и тем менее, чем он был бы важнее. Так точно и здесь. У нас есть душа благородная и свободная; расточительный предает ее на битье страстям; назовем ли же великодушным того, кто терзает самого себя? Отнюдь нет. Итак, будем помнить, что такое великодушие и расточительность, что бережливость и скупость, что кротость и малодушие, что дерзновение и дерзость, чтобы, различая их друг от друга, мы могли благоугождая Господу провести настоящую жизнь и сподобиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Единородного Его, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 49

"Узнав же Павел, что тут одна часть саддукеев, а другая фарисеев, возгласил в синедрионе: мужи братия! я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят. Когда же он сказал это, произошла распря между фарисеями и саддукеями, и собрание разделилось. Ибо саддукеи говорят, что нет воскресения, ни Ангела, ни духа; а фарисеи признают и то и другое" (Деян.23:6-8).

1. Опять (Павел) говорит по-человечески; он не всегда руководится благодатию, но позволяет себе привносить нечто и от себя. Это он и делает как теперь, так и после, и в оправдании своем намеревается разделить злобно соединившуюся против него толпу. Не ложь говорит он и здесь, называя себя фарисеем; по предкам своим он действительно был фарисей. Потому так и оправдывается: "**я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят**". Они не хотели сказать, за что судят его; потому он находит нужным сам объяснить это. "**А фарисеи**", говорит (писатель), "**признают и то и другое**". Здесь три предмета; почему же он говорит: "**и то и другое**"? Или потому, что дух и ангел – одно, или потому, что это выражение употребляется не только о двух, но и о трех. Следовательно, оно сказано по употреблению, а не по собственному значению. Смотри: когда он стал между ними, тогда они принимают его сторону. "**Сделался**", говорит (писатель), "**большой крик**". "**И, встав, книжники фарисейской стороны спорили, говоря: ничего худого мы не находим в этом человеке; если же дух или Ангел говорил ему, не будем противиться Богу**" (ст. 9). А почему они не защищали его прежде? Потому что он не принадлежал к ним, и до этого оправдания еще не было известно, что он прежде был фарисей. Видишь ли, как открывается истина, когда умолкают страсти? Слова же их означают следующее: что за вина, если это сказал ему ангел или дух, и по его внушению он учит так о воскресении? Потому оставим его, чтобы, восставая против него, нам не сделаться противниками Богу. Смотри, как благоразумно они защищают Павла, хотя он не подал им никакого к тому повода. "**Но как раздор увеличился, то тысяченачальник, опасаясь, чтобы они не растерзали Павла, повелел воинам сойти взять его из среды их и отвести в крепость**" (ст. 10). Тысяченачальник боится, чтобы не растерзали Павла, когда он сказал, что он римлянин: следовательно это

было не безопасно. Видишь ли, что он справедливо назвал себя римлянином? Иначе (тысяченачальник) и теперь не пришел бы в страх. Но воины уводят его. Видя, что все безуспешно, эти злодеи начинают действовать сами, как они хотели и прежде, но встретили препятствия. Так злоба никогда не успокаивается, не смотря ни на какие препятствия. Между тем сколько здесь обстоятельств располагало их и утолить гнев свой и образумиться! Тем не менее они упорствуют. Даже достаточно было для вразумления их и того, что человек, которого они хотели растерзать, отнимается у них и избегает таких опасностей. "**В следующую ночь Господь, явившись ему, сказал: дерзай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме. С наступлением дня некоторые Иудеи сделали умысел, и заклялись не есть и не пить, доколе не убьют Павла. Было же более сорока сделавших такое заклятие**" (ст. 11-13). "**И заклялись**", говорит. Видишь ли, как они мстительны и упорны в злобе? Что значит: "**заклялись**"? Иначе сказать: они оставят веру в Бога, если не исполнят своего намерения в отношении к Павлу. Следовательно, они остались заклятыми навсегда, потому что не убили Павла. Сошлись вместе сорок человек; такой был это народ, что когда надлежало согласиться на добро, то не сходилось и двух человек, а когда на зло, то сошлась целая толпа. Они делают своими сообщниками и начальников, на что, указывая (писатель) продолжает: "**Они, придя к первосвященникам и старейшинам, сказали: мы клятвою заклялись не есть ничего, пока не убьем Павла. Итак ныне же вы с синедрионом дайте знать тысяченачальнику, чтобы он завтра вывел его к вам, как будто вы хотите точнее рассмотреть дело о нем; мы же, прежде нежели он приблизится, готовы убить его. Услышав о сем умысле, сын сестры Павловой пришел и, войдя в крепость, уведомил Павла. Павел же, призвав одного из сотников, сказал: отведи этого юношу к тысяченачальнику, ибо он имеет нечто сказать ему. Тот, взяв его, привел к тысяченачальнику и сказал: узник Павел, призвав меня, просил отвести к тебе этого юношу, который имеет нечто сказать тебе**" (ст. 14-18). Опять он спасается человеческим содействием. Посмотри: Павел не открывает этого никому, даже и сотнику, чтобы это не сделалось известным. Сотник пошел и донес тысяченачальнику так: "**тысяченачальник, взяв его за руку и отойдя с ним в сторону, спрашивал: что такое имеешь ты сказать мне? Он отвечал, что Иудеи согласились просить тебя, чтобы ты завтра вывел Павла пред синедрион, как будто они хотят точнее исследовать дело о нем. Но ты не слушай их; ибо его подстерегают более сорока человек из них, которые заклялись не есть и не пить, доколе не убьют его; и они теперь готовы, ожидая твоего распоряжения. Тогда тысяченачальник отпустил юношу, сказав: никому не говори, что ты объявил мне это**" (ст. 19-22).

2. Хорошо (сделал) тысячник, приказав скрыть это, чтобы не сделалось известным. Потом дает повеление сотникам, когда следовало, и посылает (Павла) в Кесарию, чтобы он и там говорил при большем числе зрителей и среди торжественнейшего собрания слушателей. После этого иудеи не могут сказать: если бы мы видели Павла, или слышали его учение, то уверовали бы. И этого оправдания они лишаются. И "**в следующую ночь Господь, явившись ему, сказал**", говорит (писатель), "**дерзай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме**". Смотри, и после этого явления Господь попускает ему спастись опять по-человечески. Достойно удивления, как Павел не смутился и не сказал: что же это значит? Не обманут ли я Христом? Нет, он не думал и не чувствовал ничего такого, а только веровал. Впрочем. веруя, он не дремал, не приминул сделать то, что можно было при помощи человеческой мудрости. Смотри, как те связали себя заклятием, как бы какою необходимостью. Вот и пост – отец мужеубийства! Как Ирод связал себя клятвою, как бы какою необходимостью, так и они. Таково коварство диавола: под видом набожности он расставляет сети. Нужно было придти, обвинять, собирать судилище: это дело не священников, а разбойников, не начальников, а злодеев. И смотри, какая крайняя злоба: не

довольствуются тем, что склоняют ко злу друг друга, но решаются вместе с собою склонить к тому же и правителя. Потому (Господь) и устроил, что он узнал об их умысле. А они не только тем, что ничего не могли сказать (против Павла), но и тем, что сделали умысел тайно, обличили сами себя и показали, что они – ничто. После отправления (Павла) первосвященники, вероятно, приходили с просьбою (к тысяченачальнику) и возвратились со стыдом без успеха. А тысяченачальник поступил справедливо; он не решился ни отпустить (Павла), ни согласиться (с ними). Но как он, скажешь, поверил, что сказанное юношею было справедливо? Он из прежнего заключал, что они могут сделать это. И смотри, какое коварство: сами первосвященники были, как бы поставлены в необходимость. Не удивляйся: ведь если те решались на такое дело и принимали на себя всю опасность, то эти еще более могли сделать тоже. Видишь ли, как (Павел) оказывается невинным пред судом внешних (язычников), подобно как Христос пред судом Пилата? Смотри, как злоба вредит сама себе: они предали Павла, чтобы осудить и убить его; а выходит противное; он спасается и оказывается невинным; если бы было не так, то растерзали бы его; если бы было не так, то погубили бы, осудили бы его. Но тысяченачальник не только избавляет его от этого умысла, но и способствует ему безопасно отправиться в сопровождении такого отряда, – а каким образом, послушай. "**И, призвав**", продолжает (писатель), "**двух сотников, сказал: приготовьте мне воинов пеших двести, конных семьдесят и стрелков двести, чтобы с третьего часа ночи шли в Кесарию. Приготовьте также ослов, чтобы, посадив Павла, препроводить его к правителю Феликсу. Написал и письмо следующего содержания: "Клавдий Лисий достопочтенному правителю Феликсу – радоваться. Сего человека Иудеи схватили и готовы были убить; я, придя с воинами, отнял его, узнав, что он Римский гражданин. Потом, желая узнать, в чем обвиняли его, привел его в синедрион их и нашел, что его обвиняют в спорных мнениях, касающихся закона их, но что нет в нем никакой вины, достойной смерти или оков. А как до меня дошло, что Иудеи злоумышляют на этого человека, то я немедленно послал его к тебе, приказав и обвинителям говорить на него перед тобою. Будь здоров"**" (ст. 23-30). Вот и письмо, заключающее в себе оправдание Павла, "**нет в нем**", говорит, "**никакой вины, достойной смерти или оков**", – служащее к осуждению более их, нежели его: так они домогались убить его! И прежде, говорит, "**сего человека Иудеи схватили и готовы были убить**"; потом "**привел его в синедрион**"; но и тогда они не могли ни в чем обвинить его, и хотя после первого покушения им следовало успокоиться и устыдиться, но они опять замышляют убить его: так ясно эти слова говорят опять в его пользу! А для чего он посылает туда обвинителей? Для того, чтобы и в том судилище, где дело имело рассматриваться обстоятельнее, он оказался невинным. Но обратимся к вышесказанному. "**Я фарисей**". Это сказал (Павел) для того, чтобы расположить их к себе; а чтобы не показаться льстецом, присовокупляет: "**за чаяние воскресения мертвых меня судят**"; защищает себя от их обвинения и клеветы. Саддукеи утверждают, что нет ни ангела, ни духа; они не признают ничего бестелесного, может быть даже и Бога, по своей грубости; потому они не хотят верить и воскресению. "**И, встав**", говорит (писатель), "**книжники фарисейской стороны спорили, говоря: ничего худого мы не находим в этом человеке**".

3. Смотри: тысяченачальник слышит, что фарисеи признают его невинным, и принимает его сторону, уводит его с великим дерзновением. Сказанное Павлу также исполнено любомудрия. "**В следующую ночь Господь, явившись ему, сказал: дерзай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме**". Смотри, какое утешение. Сперва (Господь) восхваляет его, потом внушает, чтобы он не боялся отправления в Рим, которое еще не было известно, и как бы так говорит: ты не только отправишься туда, но и покажешь великое дерзновение. Этим выражается не то, что он будет спасен, но что он будет свидетельствовать с великою

славою в великом городе. А почему (Господь) явился ему не прежде, как когда он подвергся опасности? Потому, что Бог всегда утешает в скорбях (когда Он бывает более вожделенным) и научает нас среди опасностей. Иначе сказать: когда он был свободен от уз, тогда оставался спокойным, а теперь его ожидали бедствия. "**И заклялись**", говорят, "**не есть и не пить**". Какое неистовство! Сами себя безрассудно подвергают проклятию. "**Дайте знать тысяченачальнику**", говорят, "**чтобы он завтра вывел его к вам, как будто вы хотите точнее рассмотреть дело о нем**". Что ты говоришь? Не в другой ли уже раз он говорил пред вами? Не назвал ли себя фарисеем? Чего же еще более? Так они не боялись ничего, ни судилищ, ни законов; так они были дерзки на все: и внушают (коварную) мысль и обещают действовать. "**Услышав о сем умысле, сын сестры Павловой**". Промысл Божий устроил, что они не знали, что тот подслушает.

Что же Павел? Он не смутился, но уразумел, что это – дело Божие, и все, возложив на Него, чрез это самое получил спасение. Смотри, как Бог устроил все ко благу. Юноша объявил об умысле, ему поверили, и таким образом Павел спасся. Но, скажешь, если он был признан невинным, то для чего были посланы туда обвинители? Для того, чтобы дело было исследовано точнее, и чтобы этот муж явился тем более чистым. Божие домостроительство таково, что чем нам вредят, то самое служит к нашей пользе. Так Иосиф был оклеветан госпожою; она думала, что вредит ему, но своею клеветою доставила ему безопасность; темница была гораздо покойнее дома, где воспитывался этот зверь. Находясь там, он, хотя и служил, но был в непрестанном страхе, как бы не напала на него госпожа, и этот страх беспокоил его более темницы. Напротив, подвергшись обвинению, он стал жить безбоязненно и спокойно, избавившись от этого зверя, от бесстыдства и клеветы. Ему лучше было находиться вместе с несчастными людьми, нежели с неистовою госпожою. Здесь он находил себе утешение в том, что посажен сюда за целомудрие; а там боялся, как бы не принять язвы на душу. Для юноши нет ничего тяжелее, мучительнее и несноснее любящей женщины, когда он ее не хочет: это хуже всяких уз. Таким образом, он не ввержен был в темницу, но освободился из темницы; она вооружила против него господина, но сохранила его в мире с Богом, приблизила его к действительному, истинному Владыке; лишила власти в своем доме, но усвоила Господу. Также и братья продали его, но тем избавили его от домашних врагов, от великой злобы и зависти, от ежедневных клевет, удалили от ненавидевших его. Что, в самом деле, может быть хуже, как быть принуждену жить вместе с завистливыми братьями, находиться в подозрении, подвергаться клеветам? Итак, одно делали и та и эти, а другое и великое устроял (Бог) для праведника. Когда он был в чести, тогда находился в опасности; а когда испытывал бесчестие, тогда был в безопасности. Евнухи не вспомнили о нем, – и хорошо: освобождение его устроилось славнее, так что надобно было приписать все не человеческой милости, а Божию домостроительству; он был освобожден благовременно, когда была нужда, так что фараон извел его из темницы, не как благодетель, а как получающий благодеяние. Надлежало не рабу получить дар, а царю испытать нужду; надлежало открыться его мудрости. Потому забывает его евнух, чтобы не забыл Египет, чтобы не остался в неведении о нем царь. Если бы он изведен был прежде, то может быть захотел бы возвратиться в свою землю; потому он и удерживается тысячью необходимостей, во-первых – властью, во-вторых – темницею, в-третьих – (распоряжениями) в царстве, чтобы все это так устроилось. Как благородного коня, стремящегося ускакать к своим, Бог удерживал его там для славных целей. А что он желал увидеть отца и облегчить скорбь его, видно из того, что он призвал его туда.

4. Хотите ли, мы рассмотрим и другие случаи коварства, как они служат к нашей пользе, не только тем, что уготовляют нам награду, но и тем, что в то же самое время устрояют наше благосостояние? Строил ковы отцу (Иосифа) дядя его и изгнал его из отечества. Что же? Сам поставил его вдали от опасности, потому что (Иаков) нашел там безопасность;

подал ему повод сделаться более любомудренным и увидеть сон. Но он был рабом в чужой стране? Однако он нашел своих, взял невесту и явился тестю достойным зятем. Но (тесть) обманул его? Однако и это обратилось во благо: он сделался отцом многих детей. Но (тесть) имел против него злой умысел? Однако и из этого вышло добро: он возвратился в свою землю; если бы он благоденствовал, то не пожелал бы идти в свое отечество. Но его лишили награды? Он получил награду большую. Так всегда, против кого больше злоумышляли, те больших удостаивались благ. Если бы Иаков не взял за себя старшей сестры, то не сделался бы отцом столь многих детей, но провел бы много времени в бесчадии и плакал бы, как (другая) жена его. Она справедливо плакала, пока не сделалась матерью; а он имел утешение; потому и укорял ее. Опять, если бы не лишили его награды, он не пожелал бы видеть своего отечества, не открылось бы любомудрие этого мужа, не прилепились бы к нему так (жены его). Смотри, что они говорят: "**он продал нас и съел даже серебро наше**" (Быт. 31:15): так это усилило любовь их! Они сделались ему вместо жен рабынями и любили его, что выше всякого сокровища, так как нет, поистине нет ничего драгоценнее, как быть столь любимым женою и любить. "**Жена и муж, согласно живущие между собою**", говорит Премудрый, поставляя это в числе блаженств (Сир.25:2); в этом все богатство, все счастье жизни, а без этого все прочее бесполезно, все неустроенно и исполнено неприятностей и огорчений. Потому будем и мы искать этого, прежде всего. Кто ищет денег, тот не ищет этого. Будем искать того, что может быть твердо.

Не будем искать брачного союза с богатыми, чтобы множество богатства не породило в жене высокомерия, чтобы высокомерие не было причиною развращения. Не видишь ли, что сотворил Бог, как Он подчинил (жену мужу)? Почему же ты невнимателен? Для чего бесчувствен? Что даровал Он тебе по природе, в том не нарушай сам (Его) содействия. Надобно искать не богатой жены, а того, чтобы иметь в ней сообщницу жизни для рождения детей. Не для того Бог даровал человеку жену, чтобы она принесла деньги, но чтобы была ему помощницею. Жена, приносящая деньги, бывает коварна, (становится госпожою, вместо жены, или лучше, зверем, а не женою), предаваясь высокомерию из-за своего богатства. Нет ничего презреннее мужа, желающего обогатиться таким образом; если вообще обогащение исполнено искушений, то, что будет обогащение таким способом? Не смотри на то, что иной получил необыкновенно много, случайно и неожиданно; и в других делах нужно обращать внимание не на то, чем иные владеют и как неожиданно получают, но благоразумно вникать, не сопровождается ли это дело бесчисленными неприятностями. И не сам один ты чрез это подвергнешься бесславию, но навлечешь стыд и на детей, которых оставишь в бедности, если случится тебе умереть прежде, и жене подашь множество поводов – выйти за муж за другого. Не видишь ли, как для многих жен предлогом ко второму браку служило то, что они обращали на себя внимание, искали распорядителей для своего имущества? Не будем же допускать столько зла ради денег, но, оставив все, будем искать (в жене) доброй души, чтобы найти в ней и любовь. В этом великое богатство, в этом высокое сокровище, в этом бесчисленное множество благ, которых да насладимся все мы, живя как должно и согласно с законами божественными, чтобы нам сподобиться и благ будущих, блогодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 50

"Итак воины, по данному им приказанию, взяв Павла, повели ночью в Антипатриду. А на другой день, предоставив конным идти с ним, возвратились в крепость. А те, придя в Кесарию и отдав письмо правителю, представили ему и Павла" (Деян.23:31-33).

1. Как бы какого царя, (Павла) сопровождали оруженосцы в таком множестве, и притом ночью, опасаясь нападения буйного народа. Выведши его за город, они оставили его. Тысяченачальник не отправил бы его под такою сильною стражею, если бы сам не признавал его невинным и не видел решимости (иудеев) на убийство. "**Правитель, прочитав письмо, спросил, из какой он области, и, узнав, что из Киликии, сказал: я выслушаю тебя, когда явятся твои обвинители. И повелел ему быть под стражею в Иродовой претории**" (ст. 34, 35). Лисий уже написал в его защиту; но, не смотря на то, иудеи снова нападают, стараются склонить слушателя на свою сторону, (Павел) снова ввергается в оковы; а каким образом, послушай: "**через пять дней пришел первосвященник Анания со старейшинами и с некоторым ритором Тертуллом, которые жаловались правителю на Павла**" (Деян.24:1). Смотри, как они не отстают, но, не смотря на бесчисленные препятствия, приходят, чтобы посрамиться и здесь. "**Когда же он был призван, то Тертулл начал обвинять его, говоря: всегда и везде со всякою благодарностью признаём мы, что тебе, достопочтенный Феликс, обязаны мы многим миром, и твоему попечению благоустроением сего народа. Но, чтобы много не утруждать тебя, прошу тебя выслушать нас кратко, со свойственным тебе снисхождением**" (ст. 2-4). Если вы сами намерены действовать, то для чего вам ритор? Смотри, как он в самом начале представляет (Павла) нововводителем и возмутителем, а похвалами склоняет судию на свою сторону. Потом, как бы имея говорить многое и как бы умалчивая о прочем, говорит: "**чтобы много не утруждать тебя**". Смотри, как он склоняет судию к наказанию (Павла), как будто нужно было обуздать развратителя целой вселенной, и как будто они совещаются о деле великом. "**Найдя сего человека язвою общества, возбудителем мятежа между иудеями, живущими по вселенной, и представителем Назорейской ереси, который отважился даже осквернить храм, мы взяли его и хотели судить его по нашему закону. Но тысяченачальник Лисий, придя, с великим насилием взял его из рук наших и послал к тебе, повелев и нам, обвинителям его, идти к тебе. Ты можешь сам, разобрав, узнать от него о всем том, в чем мы обвиняем его**" (ст. 5-8). "**Возбудителем мятежа**", говорит, "**между иудеями, живущими по вселенной**". Обвиняют его как язву и общего врага народа, и как начальника (ереси) назореев (название назореев считалось поносным); потому они и прибавили это, поставляя и это ему в укоризну, так как Назарет был маловажный (город). "**Взяли**", говорят. Смотри, как коварно представляют его беглецом, и как будто лишь только взяли его, между тем как он провел в храме семь дней. "**Мы взяли его и хотели судить его по нашему закону**". Смотри, как оскорбляют и закон, как будто он предписывал бить, умерщвлять и строить ковы. Затем обвиняют и Лисия. "**Лисий, придя, с великим насилием взял его из рук наших**". Ему не следовало, говорят, делать это; но он сделал. "**Ты можешь сам, разобрав, узнать от него о всем том, в чем мы обвиняем его. И Иудеи подтвердили, сказав, что это так**" (ст. 8-9). Что же Павел? Молчит ли при этом? Нет, он опять смело отвечает, и притом по желанию игемона. "**Павел же**", продолжает (писатель), "**когда правитель дал ему знак говорить, отвечал: зная, что ты многие годы справедливо судишь народ сей, я тем свободнее буду защищать мое дело. Ты можешь узнать, что не более двенадцати дней тому, как я пришел в Иерусалим для поклонения. И ни в святилище, ни в синагогах, ни по городу они не находили меня с кем-либо спорящим или производящим народное возмущение, и не могут доказать того, в чем теперь обвиняют меня**" (ст. 10-13). Свидетельствовать пред судиею правду – это не слова лести; таковы, напротив, слова: "**многие годы справедливо судишь**". Для чего же вы восстаете несправедливо? Смотри: они домогались несправедливого, а он искал правды; потому и сказал: "**тем свободнее буду защищать мое дело**". Заимствует доказательство и от времени: "**многие годы**", говорит, "**справедливо судишь**". А какую силу имело это доказательство? Великую: этим он показывает, что судия сам знает, что он не сделал ничего такого, в чем обвиняют его. Если бы он производил когда-нибудь возмущение, то судия знал бы и это от него не укрылось

бы. Обвинитель, не в состоянии будучи указать ни на что (из действий Павла) во Иерусалиме, смотри, что говорит: "**между иудеями, живущими по вселенной**"; прилагает ложь ко лжи. Потому Павел, в опровержение этого, говорит: "**пришел для поклонения**", и как бы так оправдывает себя: я слишком далек от того, чтобы производить возмущение. На этом справедливом положении, которое было так сильно, он останавливается, прибавляя: "**ни в святилище, ни в синагогах, ни по городу**", что и было справедливо. Тот называет (Павла) "**возбудителем мятежа**", как бы на сражении или в мятеже; а он, смотри, как кротко отвечает: "**но в том признаюсь тебе, что по учению, которое они называют ересью, я действительно служу Богу отцов моих, веруя всему, написанному в законе и пророках, имея надежду на Бога, что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных, чего и сами они ожидают**" (ст. 14, 15).

2. Смотри: те представляли его противником (закону), а он в своем оправдании показывает себя преданным закону, и подтверждая сказанное присовокупляет: "**посему и сам подвизаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми. После многих лет я пришел, чтобы доставить милостыню народу моему и приношения. При сем нашли меня, очистившегося в храме не с народом и не с шумом.** " (ст. 16-18). Для чего ты возвратился? Для чего пришел? Помолиться, говорит, "**чтобы доставить милостыню**". Это дело не возмутителя. Потом указывает на их личность, и, не обращая на нее внимания, говорит: "**это были некоторые Асийские Иудеи, которым надлежало бы предстать пред тебя и обвинять меня, если что имеют против меня. Или пусть сии самые скажут, какую нашли они во мне неправду, когда я стоял перед синедрионом, разве только то одно слово, которое громко произнес я, стоя между ними, что за учение о воскресении мертвых я ныне судим вами**" (ст. 19-21). Тем особенно и сильно оправдание, чтобы не убегать от обвинителей, но быть готову отвечать всем. "**О воскресении мертвых**", говорит, "**я ныне судим вами**". Не сказал ничего такого, о чем мог бы сказать по справедливости, т.е. что они клеветали, задержали его, строили ему ковы (все это говорится о них [писателем], а сам Павел, не смотря и на опасность, не говорит); но умалчивает, и только оправдывается, хотя мог бы сказать многое.

А что он пришел со столь большим отрядом, это сделало его известным и в Кесарии. "**Нашли меня**", говорит, "**очистившегося в храме**". Как же он осквернил ее? Невозможно было одному и тому же очищаться и молиться, и в то же время придти и осквернить. И то служит доказательством его справедливости, что он не многословен; это нравится и судии; мне кажется, что для него он и сокращает свои оправдания. Но обратимся к вышесказанному. Наперед долго говорил Тертулл; заметив, что он сокращает речь, он не сказал: послушай, как было дело, но: "**чтобы много не утруждать тебя, прошу тебя выслушать нас кратко, со свойственным тебе снисхождением**". Употребляет такое выражение, вероятно, из лести; впрочем, действительно, это знак скромности, когда кто, имея сказать многое, но не желая беспокоить (другого), говорит немного. "**Найдя сего человека язвою общества, возбудителем мятежа**", говорит, "**который отважился даже осквернить храм**" (в ц. сл. - пытался). Следовательно, не осквернил. Но не сделал ли он этого в другом месте? Нет; иначе (обвинитель) сказал бы; между тем он говорит только: "**который отважился даже**", а каким образом, не прибавляет. Так он преувеличивает все, что относилось к Павлу; а что касалось их, смотри, как уменьшает. "**Мы взяли его**", говорит, "**и хотели судить его по нашему закону. Но тысяченачальник Лисий, придя, с великим насилием взял его из рук наших**". Этим выражает, что им прискорбно было идти в чужое судилище и что они не беспокоили бы его, если бы тысяченачальник не принудил их к тому и не отнял у них этого мужа, что не следовало ему делать; обида была нанесена, говорит, нам; потому и суд

над ним должен был производиться у нас. А что это так, видно из следующего: "**с великим насилием**". "**Ты можешь сам, разобрав, узнать от него о всем**". Не смеет прямо обвинить, потому что (Феликс) был человек снисходительный; но и не без цели делает такой переход. Желая опять показать, что он не лжет, предоставляет обвинять себя самому Павлу. "**От него**", говорит, "**ты можешь сам, разобрав, узнать**". Затем выступают и свидетели сказанного. "**И Иудеи подтвердили, сказав, что это так**". Обвинители сами и свидетельствуют и обвиняют. Но Павел отвечает: "**зная, что ты многие годы справедливо судишь**". Следовательно, он не иностранец, не чужой, не нововводитель, если уже много лет знает судию. Не напрасно прибавляет: "**справедливо**", но чтобы тот не смотрел ни на первосвященника, ни на народ, ни на обвинителя. Смотри, как он воздерживается от укоризны, хотя она и нужна была. "**Веруя**", говорит, "**всему, написанному в законе**". Этим выражает, что ни один человек, верующий в будущее воскресение, которое и они сами принимают, никогда не может сделать того (в чем обвиняют его). Не сказал, что они веруют в писания пророков (потому что они не веровали), но что он верует всему, а не они. Как же так? Долго было бы теперь говорить об этом. Столько высказал Павел, и не упомянул о Христе. Но словом: "**веруя**" он указывает и на Христа, а останавливается более на учении о воскресении, которое также и ими было принимаемо и отклоняло от него подозрения во всяком возмущении. Затем следует причина его прибытия. "**Я пришел**", говорит, "**чтобы доставить милостыню народу моему и приношения**", и притом, "**после многих лет**". Как же он мог возмущать тех, кому желая доставить милостыню совершил столь далекий путь? "**Не с народом**", говорит, "**и не с шумом**". Везде опровергает мысль о возмущении. Хорошо ссылается и на обвинителей из Азии, говоря: "**это были некоторые Асийские Иудеи, которым надлежало бы предстать пред тебя и обвинять меня, если что имеют против меня**". Так он был уверен в своей чистоте от возводимых на него обвинений, что сам вызывает обвинителей. Не отвергает обвинителей не только азийских, но и Иерусалимских; вызывает и этих, прибавляя: "**или пусть сии самые скажут**". С самого начала они восстали на него за то, что он проповедовал воскресение. Потому хорошо он указывает на это; доказав это, он легко мог перейти к учению и о Христе, о том, что Он воскрес. "**Какую**", говорит, "**нашли они во мне неправду, когда я стоял перед синедрионом**". "**Перед синедрионом**", говорит, выражая, что они ничего не нашли в нем, допрашивая его не наедине, но в большом собрании, и при тщательном исследовании.

3. А что это справедливо, свидетелями тому служат сами обвинители. Потому он и говорит: "**посему и сам подвизаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми**". Совершенная добродетель бывает тогда, когда мы и людям не подаем повода (ко греху) и пред Богом стараемся быть безукоризненными. "**Громко произнес я**", говорит, "**стоя между ними**". Словом: "**громко**" показывает их насилие, и как бы так говорит: они не могут сказать: ты делал это под предлогом милостыни, – потому что я делал это "**не с народом и не с шумом**"; притом и при исследовании дела ничего более не найдено. Видишь ли кротость его в опасностях? Видишь ли язык благоглаголивый? Он старается оправданием своим только защитить себя, а не обвинять их, если не вынужден к тому необходимостью, подобно как и Христос говорил: "**во Мне беса нет; но Я чту Отца Моего, а вы бесчестите Меня**" (Ин.8:49). Будем не подражать ему и мы, так как и он подражал Христу. Если он не говорил ничего оскорбительного тем, которые хотели погубить и умертвить его, то какого прощения достойны будем мы, которые во вражде и ссорах бываем подобны диким зверям, называем врагов наших злодеями, проклятыми? Простительно ли даже, что мы имеем врагов? Разве ты не знаешь, что воздающий честь (другому) воздает честь самому себе? А мы бесчестим самих себя. Ты обвиняешь другого, что он оскорбил тебя; но для чего сам подпадаешь обвинению? Для чего сам наносишь себе рану? Будь бесстрастен, будь неуязвим, – желая уязвить другого, не причиняй зла самому себе. Не довольно нам других душевных тревог, возбуждающихся без всякой

причины, как-то: неуместных пожеланий, огорчений, сетований и тому подобного; надобно еще умножить их новыми. Но как можно, скажешь, терпеть, когда меня оскорбляют? А как невозможно, скажи мне? Разве слова наносят нам раны? Или (делают) шрамы на теле? Какой же нам от них вред? Нет, если захотим, мы можем терпеть. Положим себе законом не оскорбляться, и перенесем. Скажем самим себе: это происходит не от вражды, а от слабости; и точно это происходит от слабости: когда нет мысли о вражде или злонамеренности, тогда оскорбляемый, хотя бы потерпел тысячи оскорблений, имеет желание удержаться. Если мы будем представлять только это, т.е. что это происходит от слабости, то перенесем все, оскорбителю простим и сами постараемся не предаваться тому же. После этого я спрошу всех вас присутствующих: можете ли вы, если захотите, быть так любомудрыми, чтобы терпеть оскорбления? Думаю, что скажете: да. Так, оскорбляющий наносит тебе оскорбления невольно и не по своему желанию, но по принуждению страсти; удержись же. Не видишь ли беснующихся? Как он (беснующийся) подвергается этому не столько от вражды, сколько от слабости, так и в нас огорчение происходит не столько от свойства оскорблений, сколько от нас самих. Почему, в самом деле, мы переносим те же самые оскорбления от беснующихся? Мы переносим также, когда оскорбляющее или наши друзья, или высшие. Не безрассудно ли в этих трех случаях, т.е. от друзей, от беснующихся и от высших переносить оскорбления, а от равных и низших не переносить? Я многократно говорил, что это лишь мгновенный порыв: воздержимся немного, и пройдет все. Чем более кто оскорбляет, тем более он слаб. Знаешь ли, когда надобно оскорбляться? Когда оскорбляемый нами молчит; тогда он силен, а мы слабы. Если же бывает напротив, то нужно даже радоваться; тогда ты достоин венца, достоин провозглашения. Не выходя на место борьбы, не подвергаясь неприятным действиям солнца, жара и пыли, не сходясь и не схватываясь с противником, но только пожелав, сидя или стоя, ты можешь получить великий венец, и не просто великий, но гораздо больший, чем те (борцы): не все ведь равно – низвергнуть противоборствующего врага, или притупить стрелы гнева. Ты победил не схватываясь с противником, низложил возбуждавшуюся в тебе страсть, умертвив свирепого зверя, обуздал неистовый порыв, как доблестный пастырь, тогда как предстояла тебе внутренняя брань, домашняя война. Как враги, обложившие город и осаждающие его извне, когда возбуждают в нем междоусобную брань, тогда и одерживают победу. Так и оскорбляющий, если не возбудит в нас самих страсти, не в состоянии будет преодолеть нас; если мы сами не воспламенимся, то он не будет иметь никакой силы. Пусть же искра гнева хранится в нас и воспламеняется лишь благовременно, не против нас самих, не для того, чтобы причинить нам множество зол. Не видите ли, как в домах огонь содержится в определенном месте, а не разбрасывается всюду, ни на сено, ни на одежды, и куда случится, чтобы он не воспламенился от дуновения ветра. Когда или служанка зажигает светильник, или повар разводит огонь, то строго им внушается, чтобы делали это не на ветру, не близ деревянных вещей и не в темноте; а когда наступает ночь, то мы тушим огонь, опасаясь, чтобы во время нашего сна, когда некому смотреть за ним, он как-нибудь не разгорелся и не сжег всех. Точно также будем поступать и с гневом: пусть он не сопровождает все наши помыслы, но хранится в глубине души, чтобы не возбуждал его ветер от слов противника, но чтобы это возбуждение он получал от нас, а мы умели бы возбуждать его умеренно и безопасно. Когда он возбуждается извне, то не знает меры и может пожечь все; он часто может возбуждаться и во время нашего сна и пожечь все. Будем же воспламенять его в нас только для того, чтобы он светил, – ведь гнев издает свет, если он возбуждается, когда следует, – будем употреблять этот светильник против тех, которые обижают других, и против диавола. Пусть не везде полагается и не везде разбрасывается эта искра, но хранится у нас под пеплом; будем содержать ее в помыслах смиренных. Не всегда она бывает нам нужна, – только тогда, когда надобно что-нибудь исправить и умягчить, когда надобно преодолеть упорство, или вразумить чью-либо душу.

4. Сколько зла происходит от раздражения и гнева! И, что особенно тяжело, – когда мы находимся во вражде, то не хотим сами положить начало примирению, но ожидаем других; каждый стыдится придти к другому и примириться. Смотри, разойтись и разделиться не стыдится, напротив, сам полагает начало этому злу; а придти и соединить разделившееся стыдится, подобно тому, как если бы кто отрезать член не усумнился, а срастить его стыдился. Что скажешь на это, человек? Не сам ли ты нанес великую обиду и был причиною вражды? Справедливость требует, чтобы сам же ты первый пришел и примирился, как бывший причиною вражды. Но если (другой) обидел, и тот был причиною вражды? И в этом случае следует (начать примирение) тебе, чтобы тебе больше удивлялись, чтобы тебе иметь первенство как в одном, так и в другом: как не ты был причиною вражды, так не тебе быть и причиною ее продолжения; может быть и тот, сознав вину свою, устыдится и вразумится. Но он высокомерен? Тем более ты не медли придти к нему; он страдает двумя болезнями: гордостью и гневом. Сам ты высказал причину, почему ты первый должен придти к нему: ты здоров, ты можешь видеть, а он во тьме; таковы, именно, – гнев и гордость. Ты свободен от них и здоров; приди же к нему, как врач к больному. Говорит ли кто-нибудь из врачей: такой-то болен, поэтому я не пойду к нему? Напротив, тогда врачи и идут к больному, когда видят, что он сам не может к ним придти; о тех, которые могут (придти сами), они менее заботятся, как о больных неопасно, о лежащих же напротив. А не тяжелее ли всякой болезни гордость и гнев? Не подобны ли этот сильной горячке, а та – развившейся опухоли? Представь, каково страдать горячкою и опухолью. Иди же, угаси его огонь; ты можешь сделать это при помощи Божией; останови его опухоль, как бы примочкою. Но что, скажешь, если оттого самого он еще более возгордится? Тебе нет до этого нужды; ты сделаешь свое дело, а он пусть отвечает сам за себя; только бы нас не упрекала совесть, что это произошло от опущения с нашей стороны чего-нибудь должного. "**Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья**" (Рим.12:20). Впрочем, и при этом оно повелевает идти, примириться и благотворить врагу, не с тем, чтобы собрать на него горящие уголья, но чтобы он, зная это, исправился, чтобы трепетал и боялся этих благодеяний больше, чем вражды, и этих знаков любви больше, чем обид. Для враждующего не столько опасен враг, причиняющий ему зло, сколько благодетель, делающий ему добро, потому что злопамятный вредит хотя немного и себе и ему, а благодеющий собирает уголья огненные на главу его. Поэтому, скажешь, и не должно делать ему добра, чтобы не собрать на него угольев? Но разве ты хочешь собрать их на собственную голову? Это и происходит от памятозлобия. А что если я еще более усилю (вражду)? Нет; в этом виновен будешь не ты, а он, если он подобен зверю; если и тогда, как ты благодетельствуешь, оказываешь ему честь и желание примириться, он упорно будет продолжать вражду, то он сам на себя собирает огонь, сам сожигает свою голову; а ты нисколько не виновен. Не представляй себя человеколюбивее Бога; иначе испытаешь множество зол; или лучше, хотя бы ты и захотел, ты не можешь (достигнуть этого) нисколько. Как же? "**Как небо выше земли**", говорит (Господь), "**так и мысли Мои выше мыслей ваших**" (Ис.55: 9); и еще: "**если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него**" (Мф.7:11). Нет, это отговорка и предлог. Не будем же перетолковывать заповедей Божиих. А как, скажешь, мы перетолковываем их? Он сказал: "**делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья**"; а ты говоришь: боюсь за врага, который жестоко оскорбил меня. Не так ли говоришь ты? Но для чего ты приобрел себе врага? Почему ты за оскорбителя боишься, а за себя не боишься? О, если бы ты заботился о самом себе! Не делай (добра врагу) с этою целью; или лучше, делай хотя с этою целью. Но ты не делаешь. Скажу тебе не то только, что соберешь на него горящие уголья, но и нечто другое большее, – только делай. Павел говорит все это только для того, чтобы побудить тебя прекратить вражду хотя надеждою на наказание (врага). Мы так жестоки, что не иначе хотели бы примириться с врагом, как в надежде (навлечь на него)

какое-нибудь наказание; потому он и дает нам, как бы какому зверю, эту приманку. Но апостолам (Господь) не сказал этого, а что? "**Да будете сынами Отца вашего Небесного**" (Мф.5:45). С другой стороны и невозможно, чтобы благодетельствующий и получающий благодеяния остались врагами: потому (апостол) и дал такую заповедь. Для чего ты, любомудрствуя на словах, не соблюдаешь должного на деле? Хорошо, положим, что ты не насыщаешь (врага) для того, чтобы не собрать на него горящих угольев; следовательно, ты щадишь его? – любишь его? – благодетельствуешь с этою целью? Бог знает, точно ли с этою целью, как говоришь ты; может быть ты хитришь пред нами и играешь словами. Ты заботишься о враге? Боишься, чтобы он не подвергся наказанию? Следовательно, ты погасил свой гнев; кто питает такую любовь, что презирает собственную пользу для блага другого, тот не имеет вражды. Так мог бы ты сказать. Но доколе мы будем шутить в предметах нешуточных и непростительных? Потому увещеваю братство наше, возлюбленные Господом Богом и Спасителем нашим Иисусом Христом, прошу и умоляю вас, оставив эти предлоги, не будем невнимательными к законам Божиим (и непослушными Его заповедям), чтобы мы могли благоугодно Господу провести настоящую жизнь и получить обетованные блага, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 51

"Выслушав это, Феликс отсрочил дело их, сказав: рассмотрю ваше дело, когда придет тысяченачальник Лисий, и я обстоятельно узнаю об этом учении. А Павла приказал сотнику стеречь, но не стеснять его и не запрещать никому из его близких служить ему или приходить к нему" (Деян.24:22,23).

1. Смотри, какое искушение постигает (Павла), во-первых, от многих, а во-вторых, в течение долгого времени. Нельзя сказать, чтобы суд производился скоро. После того, как ритор упомянул о Лисие, сказав, что он силою взял (Павла), благовременно приведены (писателем) слова Феликса, о котором говорится: "**Феликс отсрочил дело их, когда придет тысяченачальник Лисий, и я обстоятельно узнаю об этом учении**", т.е. нарочито отложил дело, не имея нужды в исследовании, а только желая удалить иудеев. Отпустить (Павла) он не хотел из угождения им, а наказать его было невозможно, потому что было бы бессовестно. Потому он и отложил дело, сказав: "**когда придет тысяченачальник Лисий, и я обстоятельно узнаю об этом учении. А Павла приказал сотнику стеречь, но не стеснять его и не запрещать никому из его близких служить ему или приходить к нему**". "**Не стеснять**", говорит. Так и он находил его невинным. Почему же, находя его невинным, задерживает? Желая угодить (иудеям), а также надеясь взять деньги. Для того он и призывает к себе Павла. А что именно для этого он призывал его, видно из дальнейших слов писателя, который говорит: "**через несколько дней Феликс, придя с Друзиллою, женою своею, Иудеянкою, призвал Павла, и слушал его о вере во Христа Иисуса. И как он говорил о правде, о воздержании и о будущем суде, то Феликс пришел в страх и отвечал: теперь пойди, а когда найду время, позову тебя. Притом же надеялся он, что Павел даст ему денег, чтобы отпустил его: посему часто призывал его и беседовал с ним**" (ст. 24-26). Смотри, как писатель держится истины. Феликс часто призывал его не потому, что удивлялся ему, или одобрял речи его, или хотел уверовать, но почему? "**Надеялся он**", говорит, "**что Павел даст ему денег**". Смотри, как он не скрывает здесь намерения судии; а этот, если бы признавал (Павла) виновным, не поступал бы так, не захотел бы слушать человека виновного и преступного. Между тем Павел, хотя говорил с начальником, но не сказал ничего такого, чем бы можно было преклонить его душу, но говорил то, что устрашило и потрясло его ум; беседовал с ним, говорит, "**о правде, о воздержании и о будущем суде, то Феликс пришел в страх**".

Такова сила слов Павловых, что приводит правителя в страх. Затем он получает себе преемника, а Павла оставляет в узах, хотя и не следовало, а надлежало окончить дело; но он оставляет его так из угождения (иудеям). А эти были так настойчивы, что снова стали нападать, как не нападали ни на кого другого из апостолов, но, напав на них, потом отступали. Так (Богом) устроено было, чтобы Павел, имея дело с такими зверями, удалился из Иерусалима, куда, впрочем, они опять просят привести его на суд. Но и здесь Бог устроил так, что не дозволил этого правителю. Он, как недавно принявший власть, мог бы решиться угодить иудеям; но Бог не попустил. Прибыв (в Кесарию), иудеи стали бесстыдно возводить на него еще большие обвинения и, так как не могли обвинить его в делах против закона, то опять прибегают к своему обычному средству, указывают на кесаря, как они делали и в отношении ко Христу. Это видно из того, что Павел оправдывается в возводимых на него преступлениях против кесаря, как изъясняет (писатель), продолжая: "**Но по прошествии двух лет на место Феликса поступил Порций Фест. Желая доставить удовольствие Иудеям, Феликс оставил Павла в узах. Фест, прибыв в область, через три дня отправился из Кесарии в Иерусалим. Тогда первосвященник и знатнейшие из Иудеев явились к нему с жалобою на Павла и убеждали его, прося, чтобы он сделал милость, вызвал его в Иерусалим; и злоумышляли убить его на дороге. Но Фест отвечал, что Павел содержится в Кесарии под стражею и что он сам скоро отправится туда. Итак, сказал он, которые из вас могут, пусть пойдут со мною, и если есть что-нибудь за этим человеком, пусть обвиняют его. Пробыв же у них не больше восьми или десяти дней, возвратился в Кесарию, и на другой день, сев на судейское место, повелел привести Павла. Когда он явился, стали кругом пришедшие из Иерусалима Иудеи, принося на Павла многие и тяжкие обвинения, которых не могли доказать. Он же в оправдание свое сказал: я не сделал никакого преступления ни против закона Иудейского, ни против храма, ни против кесаря. Фест, желая сделать угождение Иудеям, сказал в ответ Павлу: хочешь ли идти в Иерусалим, чтобы я там судил тебя в этом?**" (Деян.24:27; Деян.25: 1-9). Смотри, как и он угождает иудеям, всему народу и городу. Потому (Павел) и его приводит в страх, употребляя человеческое средство; а какое, послушай. "**Павел сказал: я стою перед судом кесаревым, где мне и следует быть судиму. Иудеев я ничем не обидел, как и ты хорошо знаешь. Ибо, если я неправ и сделал что-нибудь, достойное смерти, то не отрекаюсь умереть; а если ничего того нет, в чем сии обвиняют меня, то никто не может выдать меня им. Требую суда кесарева**" (ст. 10, 11). Но, может быть, кто скажет при этом: ему сказано было: "**надлежит тебе свидетельствовать и в Риме**" (Деян.13:11); почему же он так поступает теперь, как бы не веруя (этим словам)? Нет, напротив, он крепко веровал. Скорее значило бы искушать (Бога), если бы он, полагаясь на это предсказание, стал сам подвергать себя бесчисленным опасностям и говорить: посмотрим, может ли Бог избавить меня от них? Но Павел не делает этого, а, всецело вверяя себя Богу, принимает все меры и с своей стороны. Притом таким оправданием он некоторым образом касается и правителя, и только так говорит: если я сделал неправду, то справедливо; а если я прав, то почему ты выдаешь меня? "**Никто**", говорит, "**не может выдать меня**". Не только (правителя) привел в страх, так что он, если бы и хотел, не мог выдать, но таким оборотом дела защитил себя и от иудеев. "**Тогда Фест, поговорив с советом, отвечал: ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься**" (ст. 12).

2. Смотри, (о Павле) сообщается Агриппе, чтобы и другие послушали его, и царь, и войско, и Вереника. Потом опять (следует) оправдание. "**Через несколько дней царь Агриппа и Вереника прибыли в Кесарию поздравить Феста. И как они провели там много дней, то Фест предложил царю дело Павлово, говоря: здесь есть человек, оставленный Феликсом в узах, на которого, в бытность мою в Иерусалиме, с жалобою явились первосвященники и старейшины Иудейские, требуя осуждения**

его. Я отвечал им, что у Римлян нет обыкновения выдавать какого-нибудь человека на смерть, прежде нежели обвиняемый будет иметь обвинителей налицо и получит свободу защищаться против обвинения. Когда же они пришли сюда, то, без всякого отлагательства, на другой же день сел я на судейское место и повелел привести того человека. Обступив его, обвинители не представили ни одного из обвинений, какие я предполагал; но они имели некоторые споры с ним об их Богопочитании и о каком-то Иисусе умершем, о Котором Павел утверждал, что Он жив. Затрудняясь в решении этого вопроса, я сказал: хочет ли он идти в Иерусалим и там быть судимым в этом? Но как Павел потребовал, чтобы он оставлен был на рассмотрение Августово, то я велел содержать его под стражею до тех пор, как пошлю его к кесарю. Агриппа же сказал Фесту: хотел бы и я послушать этого человека. Завтра же, отвечал тот, услышишь его" (ст. 13-22). Смотри, как опять иудеи осуждаются не Павлом, а правителем. "**Явились**", говорит, "**первосвященники и старейшины Иудейские, требуя осуждения его. Я отвечал им:**".Смотри, что отвечает он к их посрамлению: "**у Римлян нет обыкновения выдавать какого-нибудь человека на смерть**", т.е. прежде, нежели дано будет ему говорить в свою защиту, невозможно просто выдать его. А поступив по этому обычаю, он не нашел в нем вины; потому и пришел в недоумение, как видно из следующих слов: "**обвинители не представили ни одного из обвинений, какие я предполагал**". Так сказал он, желая прикрыть собственный грех. Он прикрывает себя, но Агриппа желает видеть самого (Павла). Смотри, как правители всегда уклонялись от вражды иудеев, часто бывали вынуждены поступать вопреки справедливости, и искали предлогов к промедлению; так Фест отложил дело не по неведению, а сознательно. Агриппа же не только не уклоняется, но и сам желает выслушать. Достойно удивления, откуда родилось у него желание видеть человека, хотя и несправедливо, однако обвиняемого? Так, и это было по устроению (Божию). Потому и жена его слушает вместе с ним и не отказывается от слушания; и притом слушает не просто, но и с великою честью. Так сильно было их желание; если бы он не желал, то и не стал бы слушать; не допустил бы и жену принять участие в слушании, если бы не высоко думал о Павле; и она, мне кажется, сама желала этого. Павел же, смотри, тотчас начинает говорить не только о вере и отпущении грехов, но и о том, что надобно делать. Но обратимся к вышесказанному. "**Теперь пойди**", говорит (Феликс), "**а когда найду время, позову тебя**". Смотри, какое ослепление. Слушая столь великое (учение), он надеялся взять с него деньги; и не только это тяжело, но и то, что после беседы с Павлом не отпустил его, но, видя конец своего правления, оставил его узником, чтобы угодить иудеям; следовательно любил не только деньги, но и славу. Как, преступный, ты ищешь денег от человека, проповедующего противное? А что он не получил их, видно из того, что оставил Павла связанным; получив их, разрешил бы его. Тот говорил о воздержании; а он от человека, рассуждавшего об этом, ожидал получить деньги. Требовать их не осмелился, – таков-то бывает порок: он боязлив и во всем подозрителен, – но ожидал. Не без причины он угождал (иудеям), как управлявший ими столь долгое время. Когда же вступил в управление Фест, "**явились к нему**", говорит (писатель), "**первосвященник и знатнейшие из Иудеев с жалобою на Павла**". Тотчас и в самом начале приступили к нему священники; они не поленились бы отправиться и в Кесарию, если бы он не успел взойти (в Иерусалим), где они, как только он прибыл, и являются. "**Пробыв же у них не больше восьми или десяти дней, возвратился в Кесарию**". Может быть, я думаю, он проживал у тех, которые хотели развратить его; а Павел находился в темнице. "**Прося**", говорит, "**чтобы он сделал милость, вызвал его в Иерусалим**". Просили, как милости; а для чего, если Павлу надлежало по справедливости умереть? Но злоумышление их и для него было так очевидно, что он сказал: "**которые из вас могут, пусть пойдут со мною, и если есть что-нибудь за этим человеком, пусть обвиняют его**". Словом: "**Убеждали его, прося**" выражает, что они просили у него этой милости и хотели, чтобы он произнес о нем приговор, боясь слова Павлова. Чего же вы боитесь? Чего опасаетесь? Ясно сказано,

"**содержится в Кесарии под стражею**"; следовательно может ли он убежать? "**И если есть что-нибудь за этим человеком**", говорит, "**пусть обвиняют его**". Затем обвинители опять в Кесарии, и Павел опять выводится. "**На другой день**", говорит (писатель), "**сев на судейское место**".

3. Смотри: возвратившись, тотчас же "**сев на судейское место**": так нетерпеливо они побуждали его, так спешили! А он, пока еще не знал иудеев и не испытал от них почестей, то отвечал справедливо; а когда побывал во Иерусалиме, то также стал угождать им, и не просто угождает, а делает это с обманом, – а как, послушай: "**хочешь ли**", говорит, "**идти в Иерусалим, чтобы я там судил тебя в этом?**" Как бы так говорит: я не выдаю тебя им, но сам буду судиею. Говоря это, он делает господином дела (Павла), чтобы такою честью склонить его, так как, если бы он произнес приказание, то было бы бесстыдно отвести туда человека, который здесь ни в чем не обличен.

Павел не сказал: не хочу, – чтобы не раздражить судии; но смело говорит: "**я стою перед судом кесаревым, где мне и следует быть судиму**". Великое дерзновение! И смотри, как он поражает их умозаключением; как бы так говорит в свое оправдание: они уже однажды изгнали меня и думают судить меня за то, будто я совершил преступление против кесаря; потому я хочу быть судимым от того, кто мною оскорблен. Сказав это, прибавляет: "**иудеев я ничем не обидел, как и ты хорошо знаешь**". Коснулся и его, угождавшего иудеям; коснувшись же этого, опять смягчает речь, присовокупляя: "**ибо, если я неправ и сделал что-нибудь, достойное смерти, то не отрекаюсь умереть**". Я произношу, говорит, приговор против самого себя. Это – слова не самоубийства, но великого дерзновения; ведь и правда должна быть соединена с дерзновением, чтобы действовать сильнее. "**А если ничего того нет, в чем сии обвиняют меня, то никто не может выдать меня им**". Если бы и захотел, говорит, не может. Не сказал: я не повинен смерти или достоин освобождения, но – готов судиться пред кесарем; при этом он вспомнил сновидение, и говорил тем с большим дерзновением. Не сказал: ты, но: "**никто**", присовокупив: "**требую суда кесарева**", чтобы не оскорбить его. "**Тогда Фест, поговорив с советом, отвечал: ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься**". Видишь ли, как он угождает (иудеям)? Сноситься с обвинителями, – это угождение, это признак мнения развращенного и извращающего порядок (дела). Смотри, как суд (над Павлом) опять откладывается, и как коварство подает повод к проповеди. Так устрояется (Промыслом), что он прибыл в Иерусалим удобно и с охранною стражею, без злоумышленья от кого-либо. И подлинно; не все равно – прибыть просто, или прибыть по такому делу. Это и заставило иудеев собраться сюда. И в Иерусалиме он был долгое время, чтобы ты видел, что и в течение долгого времени злой умысел не мог ничего сделать ему, когда не попускал Бог. "**Через несколько дней царь Агриппа и Вереника прибыли в Кесарию**". Этот Агриппа, он же и Ирод, мне кажется, был иной, и именно четвертый после того, который был при Иакове (Деян.12:1,2). Смотря, как сами враги невольно способствуют делу. Чтобы слушателей было больше, сам Агриппа пожелал слушать (Павла), и слушает не просто, но с пышностью. Смотри, каково оправдание (Павла), высказанное правителем: "**он сам потребовал суда у Августа: я не имею ничего верного написать о нем государю**". Так пишет Фест, и обнаруживается жестокость иудеев; а правителя, когда он говорит это, подозревать нельзя. Он говорит так, что и от него иудеи подвергаются осуждению. А когда все осудили их, тогда наказывает и Бог. Смотри: их осудил Лисий, осудил Феликс, осудил Фест, хотя и угождали им, осудил Агриппа, и даже что? Осудили их и фарисеи. А как он осудил, послушай из его слов: "**он не сделал ничего, достойного смерти**". Они и взносили, но не обличили; клевета и дерзость взносили на него подозрения, а исследование ничего не показало.

"**О каком-то**", говорит, "**Иисусе умершем**". Справедливо сказал: "**о каком-то**", как человек, хотя и бывший правителем, но не заботившийся об этом. По той же причине он сказал: "**нерассудительно послать узника и не показать обвинений на него**"; рассмотрение таких дел действительно превышало разум такого судии. Если же ты недоумеваешь, то для чего влечешь его в Иерусалим? Потому и Павел, не желая судиться у него, требует суда у кесаря и говорит: "**требую суда кесарева**". В этом именно обвиняли его. Слышишь ли, как переносится дело? Слышишь ли о злом умысле иудеев? Слышишь ли о возмущении?

4. Все это возбудило в Агриппе желание слышать (Павла). Фест доставляет ему это удовольствие, и Павел является еще более славным. Все это, как я сказал, произвели козни (иудеев). Если бы их не было, то никто из правителей не захотел бы слушать его, и никто не слушал бы с таким безмолвием и вниманием. Он, по-видимому, вразумляет и защищается, но вместе с тем и проповедует с великим достоинством. Не будем же считать козни чем-нибудь бедственным. Если мы не будем действовать сами против себя, то никто не в состоянии уловить нас в свои козни; или лучше, строить козни против нас могут, но не могут причинить нам вреда; напротив, даже принесут нам величайшую пользу, так как мы сами бываем виновниками, что терпим зло или не терпим. Да, я свидетельствую открыто и громче трубы возвещаю, и, если бы можно было, не отказался бы взойти на какое-нибудь возвышенное место и провозгласить, что христианину никто из людей живущих на земле не может вредить. Что я говорю: из людей? Не может и демон, мучитель, диавол, если (христианин) сам не причинит зла самому себе; и кто бы ни захотел причинить нам зло, напрасно будет стараться. Как ангелу, находящемуся на земле, никакой человек вредить не может, так и человек (такому) человеку. И сам он не может вредить другому, пока он добр. Что же может сравниться с таким человеком, который не может ни терпеть вреда, ни сам вредить другому? Последнее, т.е. чтобы не желать причинять вреда другому, не меньше первого. Это – как бы ангел и подобен Богу, потому что таков и Бог. Но Он таков по природе, а тот – по произволению. Итак, (христианин) не может ни терпеть вреда, ни вредить другому. Впрочем, слова: **не может** не принимай за бессилие (потому что бессилие означает противное этому), – я разумею здесь нерасположение. Он, по природе своей, бывает нерасположен ни терпеть вреда, ни делать зло другому; и последнее есть также вред. Мы вредим себе и тогда, когда делаем зло другому, и большая часть грехов наших происходит именно от того, что мы не желаем добра самим себе. Таким образом, христианин и потому не может терпеть вред, что не может вредить другому. А каким образом, причиняя вред другим, мы вредим самим себе, – объясним это частными примерами. Пусть кто-нибудь обижает другого, оскорбляет, лихоимствует. Кому он причинил вред? Не прежде ли всего – самому себе? Совершенно так; обиженный понес ущерб в деньгах, а обидевший – в душе, так как его душа подвергается погибели и наказанию. Опять пусть кто-нибудь ненавидит. Кому он сделал зло? Не самому ли себе? Таково, именно, свойство причиняемого зла, что оно прежде тяжко вредит тому, кто сделал его, а другому мало, или лучше – ни мало не вредит, а приносит пользу. Но я сказал нечто невероятное? Положим, например (а в этом преимущественно и все заключается), что какой-нибудь бедняк имеет мало денег и едва достает себе необходимую пищу; а другой богат, живет в изобилии и имеет великую силу; пусть последний возьмет имущество бедного, лишить его одежды и оставить в голоде, а сам за счет неправедно отнятого будет роскошествовать. Он не только не причинил вреда бедному, но и принес пользу; а себе не только не принес пользы, но и повредил. Как? Во-первых, он мучится за свое зло и ежедневно угрызается со-вестью и бывает осуждаем всеми, а затем на суде будущем. Так, скажешь, отсюда видно, что этот терпит вред; но скажи, как тот получает пользу? Он терпит зло и переносит его великодушно; а это есть великое приобретение; терпение зла заслуживает отпущения грехов, есть подвиг любомудрия, есть училище добродетели. Посмотрим же: кто из них во зле – тот или этот?

Тот, если он любомудр, переносит великодушно; а этот ежедневно мучится страхом и подозрением. Кто же получает вред – тот или этот? Это, басни, скажешь ты; у кого нечего есть, кто принужден скорбеть и бороться с бедствиями, или идет просить милостыни и не получает, тот не страдает ли душою и телом? Нет; ты говоришь басни, а я говорю дело. В самом деле, скажи мне, разве из богатых никто не скорбит? Что же? Бедность ли служит причиною этого? Но он не терпит голода? Что ж из этого? Тем хуже, что с ним случается это при богатстве. Богатство не делает великодушным, и бедность – малодушным; иначе никто из живущих богато не испытывал бы в жизни скорбей, и никто из бедных не проклинал бы своей бедности. А что сказанное вами – действительно басни, объясню следующим образом. Скажи мне: Павел в бедности ли жил или в богатстве? Терпел голод, или нет? Сам он говорит: "**в голоде и жажде**" (2Кор.11:27). Пророки терпели голод, или нет? И они терпели бедствия. Но, скажешь, ты опять представляешь мне Павла, опять пророков, десять или двадцать человек. Но кого же ты хочешь? Представь мне, говоришь, кого-нибудь из народа, кто бы мужественно переносил (бедствия). Но такие люди всегда редки, отличных немного. Если же хочешь, исследуем дело само по себе. Посмотрим, чьи заботы больше и мучительнее, и чьи легче? Не правда ли, что один заботится только о необходимой пище, а другой при множестве дел забывает (и о пище)? Богатый не боится голода, но боится за многое другое, часто за самое свое спасение. Бедный не может не заботиться о пище, но не имеет других забот, наслаждается безопасностью, спокойствием, бесстрашием.

5. С другой стороны, если оскорблять других не есть зло, а добро, то почему мы стыдимся? Почему скрываемся? Почему, будучи поносимы за это, негодуем и огорчаемся? Если быть оскорбляемому не есть добро, то почему мы делаем это известным, хвалимся и оправдываем себя? Хочешь ли видеть, чем последнее лучше первого? Посмотри на людей в том и в другом состоянии. Для чего законы? Для чего судилища? Для чего наказания? Не для первых ли, как бы больных и страждущих? Но, скажешь, это – великое удовольствие. Не будем говорить о будущем, посмотрим на настоящее. Что хуже человека, находящегося в таком подозрении? Что безнадежнее, что жалче его? Не в постоянном ли он волнении? Хотя бы он сделал что-нибудь и справедливое, ему не верят; все осуждают его за его притеснения; все живущие с ним – его обвинители; он не может наслаждаться дружбою; никто не решится быть другом человека, о котором идет такая молва, – чтобы и на себя не навлечь такого же мнения. От человека несправедливого все удаляются, как от зверя, как от губителя, врага, человекоубийцы, восстающего против природы. Если он подвергается суду, то не нужен против него обвинитель; вместо всякого обвинителя обвиняет его молва. Но не так бывает с человеком, претерпевающим оскорбления; напротив, все покровительствуют ему, сожалеют о нем, подают ему руку помощи; он находится в безопасности. Если оскорблять – дело доброе и безопасное, то пусть признается кто-нибудь, что он – оскорбитель. Если же не осмеливается на это, то почему продолжает (причинять оскорбления), как нечто доброе? Посмотрим, сколько зла происходит и в нас самих, когда бывает в нас нечто подобное. Если что-нибудь из находящегося в нас преступить свою меру на счет другого, если, напр., печень, не довольствуясь своим местом, захочет занять и чужое вместе с своим, то, скажи мне, не болезнь ли это? Опять, если влага, образующая находящиеся в нас соки, наполнит все тело, то не болезнь ли это водяная? Вместе с этим желчь должна распространиться, и кровь разлиться повсюду. И в душе гнев, пожелание и другое тому подобное, превышая меру, не причиняют ли вреда самому (человеку)? Так и пища, если будет принята в большем количестве, нежели какое может перевариться, то подвергает тело болезням. Да и откуда подагры? Откуда параличи и дрожание тела? Не от неумеренности ли в пище? Также, если бы глаз захотел принять более надлежащего, т.е. если бы захотел видеть более, нежели сколько ему назначено, или принять света более надлежащего, то этот избыток скорее повредил бы ему, нежели принес пользу. Если же,

тогда как свет есть добро, глаз, желая видеть больше и яснее, находит погибель, то подумай, что бывает со злом. Если слух воспримет громкий звук, то ум бывает поражен; если ум станет мыслить о предмете, превышающем его силы, то изумляется, а если будет усиливаться больше надлежащего, то совершенно теряется. Любостяжание в том и состоит, чтобы желать иметь больше надлежащего. Так бывает и с имуществом: когда мы хотим собрать его больше и больше, то, сами не замечая, питаем в себе дикого зверя; имея многое, нуждаемся во многом, навлекаем на себя бесчисленные заботы и представляем диаволу множество поводов. Потому над богатыми диаволу нет нужды много трудиться; богатство делает их совершенно готовыми к падению. Не так бывает с людьми, живущими в бедности, – совершенно напротив. Так (эти) вещи сами по себе пагубны. Потому увещеваю вас воздерживаться от таких пожеланий, чтобы избежать сетей лукавого и, возлюбив добродетель, сподобиться вечных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 52

"На другой день, когда Агриппа и Вереника пришли с великою пышностью и вошли в судебную палату с тысяченачальниками и знатнейшими гражданами, по приказанию Феста приведен был Павел" (Деян.25:23).

1. Смотри, какое общество собирается слушать Павла: "**знатнейшими**", говорит (писатель), "**гражданами**". Правитель и царь при- ходят со всеми оруженосцами, а с ними приходят и тысяченачальники и первые люди города, которых он и называет "**знатнейшими**". Потом приводится и Павел, и смотри, как Фест говорит о нем: не только представляет его невинным, но и защищает. Что же говорит он? "**И сказал Фест: царь Агриппа и все присутствующие с нами мужи! вы видите того, против которого всё множество Иудеев приступали ко мне в Иерусалиме и здесь и кричали, что ему не должно более жить. Но я нашел, что он не сделал ничего, достойного смерти; и как он сам потребовал суда у Августа, то я решился послать его к нему. Я не имею ничего верного написать о нем государю; посему привел его пред вас, и особенно пред тебя, царь Агриппа, дабы, по рассмотрении, было мне что написать. Ибо, мне кажется, нерассудительно послать узника и не показать обвинений на него**" (ст. 24-27). Смотри, как тех (иудеев) он обвиняет, а его оправдывает. Какое обилие оправданий! После многократного исследования правитель не находит, в чем обвинить его, а те говорили, что он достоин смерти. Потому он сказал: "**я нашел**", говорит, "**что он не сделал ничего, достойного смерти**"; и прибавляет: "**я не имею ничего верного написать о нем государю**". И это служит доказательством невинности Павла, что судия не имеет ничего сказать о нем. "**Посему**", говорит, "**привел его пред вас. Мне кажется, нерассудительно послать узника и не показать обвинений на него**". Смотри, в какое великое затруднение ставили иудеи своих правителей. Что же Агриппа? Желая узнать что-нибудь о деле, он "**сказал Павлу: позволяется тебе говорить за себя**" (Деян.26: 1). Царь повелевает ему говорить, сильно желая послушать его. Затем Павел с дерзновением начинает говорить и называет себя счастливым, не из лести, но потому, что говорит пред человеком, которому все известно; а что именно поэтому, послушай, что он говорит далее. "**Тогда Павел, простерши руку, стал говорить в свою защиту: царь Агриппа! почитаю себя счастливым, что сегодня могу защищаться перед тобою во всем, в чем обвиняют меня Иудеи, тем более, что ты знаешь все обычаи и спорные мнения Иудеев. Посему прошу тебя выслушать меня великодушно**" (ст. 1-3). Если бы он сознавал что-нибудь за собою, то, конечно, пришел бы в страх, выходя на суд пред человека, которому известно все; но совесть его чиста, – потому он и не отрекается явиться пред судию, хорошо знающего дело, а еще радуется и считает себя счастливым.

Потом говорит: "**прошу тебя выслушать меня великодушно**". Так как он намеревался сказать речь продолжительную и говорить о себе, то предварительно высказывает эту просьбу и затем говорит: "**жизнь мою от юности моей, которую сначала проводил я среди народа моего в Иерусалиме, знают все Иудеи; они издавна знают обо мне, если захотят свидетельствовать, что я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению**" (ст. 4, 5), т.е. как я мог сделаться возмутителем, будучи еще так молод и пользуясь свидетельством от всех? Далее подтверждает слова свои, указывая на свою секту: "**я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению**". И, так как опять иной мог бы сказать: хотя секта достойна уважения, но ты не хорош, – смотри, как он предупреждает такое возражение: призывает во свидетели всех иудеев, знающих его жизнь и обращение. "**И ныне я стою перед судом**", говорит, "**за надежду на обетование, данное от Бога нашим отцам, которого исполнение надеются увидеть наши двенадцать колен, усердно служа Богу день и ночь. За сию-то надежду, царь Агриппа, обвиняют меня Иудеи. Что же? Неужели вы невероятным почитаете, что Бог воскрешает мертвых?**" (ст. 6-8). Он предлагает два доказательства воскресения: одно от пророков, хотя не приводит пророчества, а мнение об этом иудеев; другое, и сильнейшее, от дел. Какое же это? То, что с ним беседовал Христос, воскресший из мертвых. Последнее из доказательств подтверждает, рассказывая подробно о своем прежнем заблуждении; об иудеях же отзывается с похвалою: "**усердно служа Богу день и ночь**". Следовательно, (говорит), если бы я был и небезукоризненной жизни, то меня не следовало бы судить за это, царь Агриппа. Затем и еще доказательство: "**что же? Неужели вы невероятным почитаете, что Бог воскрешает мертвых?**" Если бы (у иудеев) не было такого мнения, если бы они не были воспитаны в этих учениях и только теперь они были вводимы, то иной мог бы не принять этого учения. Далее говорит, как он гнал (христиан), – и это служит к подтверждению сказанного, – приводя во свидетели первосвященников и чужие города, и как он слышал слова: "**трудно тебе идти против рожна**" (ст. 14). Потом показывает человеколюбие Божие, как (Господь) явился ему, будучи гоним от него; и не меня только, говорит, облагодетельствовал, но послал меня учить и других.

2. Указывает и на пророчество, которое он слышал: "**ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе, избавляя тебя от народа Иудейского и от язычников, к которым Я теперь посылаю тебя** " (ст. 16, 17). Указывая на все это, он сказал: "**правда, и я думал, что мне должно много действовать против имени Иисуса Назорея. Это я и делал в Иерусалиме: получив власть от первосвященников, я многих святых заключал в темницы, и, когда убивали их, я подавал на то голос; и по всем синагогам я многократно мучил их и принуждал хулить Иисуса и, в чрезмерной против них ярости, преследовал даже и в чужих городах. Для сего, идя в Дамаск со властью и поручением от первосвященников, среди дня на дороге я увидел, государь, с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня и шедших со мною. Все мы упали на землю, и я услышал голос, говоривший мне на еврейском языке: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна. Я сказал: кто Ты, Господи? Он сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Но встань и стань на ноги твои; ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе, избавляя тебя от народа Иудейского и от язычников, к которым Я теперь посылаю тебя открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верою в Меня получили прощение грехов и жребий с освященными**" (ст. 9-18). Смотри, как кротко он беседует; Бог, говорит, сказал мне: "**ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе, избавляя тебя от народа Иудейского и от язычников, к которым Я теперь посылаю тебя открыть**

глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу, и верою в Меня получили прощение грехов". Как бы так говорит: этим я убедился, этим явлением. Он обратил меня и убедил так, что я не мог противиться. "**Поэтому, царь Агриппа, я не воспротивился небесному видению, но сперва жителям Дамаска и Иерусалима, потом всей земле Иудейской и язычникам проповедывал, чтобы они покаялись и обратились к Богу, делая дела, достойные покаяния**" (ст. 19, 20). Если же я и других учу добродетельной жизни, то как, говорит, сам могу быть виновником возмущения и смятения? "**За это схватили меня Иудеи в храме и покушались растерзать. Но, получив помощь от Бога, я до сего дня стою, свидетельствуя малому и великому, ничего не говоря, кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет, то есть что Христос имел пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет народу (Иудейскому) и язычникам**" (ст. 21-23). Смотри, как речь его чужда лести и как он все приписывает Богу; потом, сколько дерзновения: "**я до сего дня стою**", и твердости: "**свидетельствуя**" пророками, "**что Христос имел пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет народу (Иудейскому) и язычникам**". Как бы так сказал: "**Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает**" (Рим.6:9), как видно из того, что он всем проповедует это и что они сами с готовностью внимают. Потом Фест, видя, с каким дерзновением он говорит царю, а не обращается к нему, как бы потерпев какую-нибудь обиду, сказал: "**безумствуешь ты, Павел**"? Что он, обидевшись, сказал это, послушай следующее: "**когда он так защищался, Фест громким голосом сказал: безумствуешь ты, Павел! большая ученость доводит тебя до сумасшествия**" (ст. 24). Что же Павел? Он кротко отвечает: "**нет, достопочтенный Фест, сказал он, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла**" (ст. 25). Потом объясняет причину, почему он обращал свою речь к царю. "**Ибо знает об этом царь, перед которым и говорю смело. Я отнюдь не верю, чтобы от него было что-нибудь из сего скрыто; ибо это не в углу происходило. Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь**" (ст. 26, 27). Этими словами он как бы укоряет (иудеев) и говорит им: знаю, что он все знает хорошо, между тем как вам первым следовало бы знать это, – что и выражает замечание: "**ибо это не в углу происходило**", – но вы не хотели. "**Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь. Агриппа сказал Павлу: ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином. Павел сказал: молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз**" (ст. 28, 29). Смотри, как он молится: "**молил бы я Бога**", говорит, "**Бога**" не "**мало**", т.е. чтобы не было этого "**мало**"; не просто молится, но усильно: "**не только ты**", говорит, "**но и все**", не тебе только, но и всем, "**сделались такими, как я**". Потом прибавляет: "**кроме этих уз**"; сказал так не потому, что он тяготился узами или стыдился их (напротив, он вменял их себе в славу не менее, чем что-либо другое), но применительно к их понятию; поэтому он прибавил: "**кроме этих уз**". Но обратимся к вышепрочитанному. "**На другой день**", говорит (писатель), "**когда Агриппа и Вереника пришли с великою пышностью и вошли в судебную палату с тысяченачальниками и знатнейшими гражданами, по приказанию Феста приведен был Павел**". Иудеи отступили от него, когда он перенес дело (на суд кесаря), и тогда представляется ему блистательное зрелище: царь с великою пышностью и множество иудеев присутствовали здесь, присутствовали и те и другие. "**Всё множество Иудеев**", говорил (Фест), "**приступали ко мне в Иерусалиме и здесь и кричали, что ему не должно более жить**".

3. Посмотри на их неистовство: они кричали, что ему должно умереть. Отсюда видно, что Павел справедливо перенес дело к кесарю. Если и тогда, как нельзя было сказать против него ничего предосудительного, иудеи неистовствовали, то следовало обратиться к нему. "**Я не имею ничего верного написать о нем государю**", говорит (Фест). Видишь ли, как много раз дело подвергается исследованию? Иудеи были виновниками этого оправдания,

которое должно было сделаться известным и находящимся в Риме. "**Царь Агриппа! почитаю себя счастливым**", говорит (Павел), "**что сегодня могу защищаться перед тобою во всем, в чем обвиняют меня Иудеи**". Смотри, как они делаются невольными проповедниками и собственной злобы и Павловой добродетели, и притом пред самим царем. Теперь Павел отправлялся (в Рим) славнее, нежели если бы был свободен от уз. После того, как столько судей признали его невинным, он отправлялся уже не как обманщик и кудесник. Таким образом, раскрыв все, где он родился и как воспитан, он отправляется в Рим не просто, но уже чистым от всякого подозрения. Не говорил он: что это? – я уже перенес дело к кесарю, и меня столько раз судят; доколе это будет? Но что? Он опять был готов дать ответ и пред тем, кто наилучшим образом знал дела иудеев. Он защищается теперь с большим дерзновением, так как судьи его не были властны над ним; впрочем, хотя они не были властны над ним и прежнее решение: "**к кесарю и отправишься**" оставалось в своей силе, но он дает ответ и подробное объяснение на все, а не так, чтобы на одно отвечал, на другое же, нет. А в ответе своем он как бы так говорит: меня обвиняют в возмущении, обвиняют в ереси и в том, будто я осквернил храм; я могу оправдаться во всем; мою жизнь от юности знают все иудеи; не в моих нравах – производить возмущения; свидетели этому – сами обвинители. Что прежде говорил он: "**ревнителем отеческих моих преданий**" (Деян.22:3; Гал.1:14), на тоже указывает и здесь словами: "**от юности моей**". Когда присутствовал весь народ, тогда он и призывает их в свидетели. Так он поступает не только на суде у Лисия, но и у Феста, и здесь, где находилось еще более народа; только там не было надобности в продолжительном оправдании, потому что послание Лисия освобождало его от этого. "**Знают**", говорит, "**все Иудеи; они издавна знают обо мне**". Не говорит, какова его жизнь, но предоставляет это их совести, и только указывает на секту, выражая, что он не избрал бы ее, если бы был предан порокам и нечестию. Итак "**жил фарисеем**", говорит, "**стою перед судом**". Она уважается и у них, по ней они молятся и просят Бога, чтобы надежды на нее исполнились; эту надежду и я возвещаю и за нее меня обвиняют. Не безумно ли всячески стараться, чтобы она исполнилась, и гнать того, кто в нее верует? Я и сам, говорит, "**думал, что мне должно много действовать против имени Иисуса Назорея**", т.е., думал поступать так потому, что был не из числа учеников Христовых, но из врагов Его. Тем достовернее этот свидетель, который употреблял тысячи средств против верующих, внушал злословить их, вооружал (против них) все, – и города и начальников, – и сам делая это, так внезапно переменился. Потом опять свидетели - спутники его. Далее он показывает себя справедливо уверовавшим, что доказывается и явлением света, и пророками, и событиями, и тем, что теперь происходит. "**Среди дня на дороге я увидел**", говорит, "**с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня и шедших со мною**". Видишь, как он убеждает их и пророками и самыми событиями. Не желал показаться нововводителем, и между тем имея сказать нечто великое, он опять обращается к пророкам и приводит их предсказания. Хотя события были достовернее, как ныне происходившие, но так как он один видел их, то опять ссылается на пророков. И смотри: он не одинаково говорит в собрании (иудеев) и в судилище; там он говорил: "**вы убили**" (Христа, Деян.13:28); а здесь ничего такого не говорит, чтобы еще более не воспламенить гнева их, но указывает на тоже самое словами: "**Христос имел пострадать**"; так он не касается вины их! То, что я возвещаю, говорит, т.е., что Христос первый восстал из мертвых, подтверждаю пророками: и пророки возвещают это. Потому примите это учение, как согласное с пророческим. Сказав о видении, он далее безбоязненно говорит и о делах, О каких? "**Открыть глаза им**", говорит, "**чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу**". "**Ибо Я для того и явился тебе**", т.е. не для того, чтобы наказать тебя, но чтобы сделать апостолом.

Смотри, он указывает на то зло, которое обдержит неверующих: на сатану и мрак, и на блага верующих, которые суть: свет, Бог, наследие святых. Увещевает не просто

покаяться, но и показать жизнь достойную удивления. И, смотри, везде в речи он упоминает о язычниках, потому что между присутствующими были язычники. "**Свидетельствуя**", говорит, "**малому и великому**", т.е. и знатному и незнатному. Это он сказал в отношении к воинам. Здесь оставив оправдание, он принимает на себя дело учителя. Потому Фест и сказал ему: "**безумствуешь**". Но, чтобы показать, что не он сам учит, указывает на пророков, на Моисея: "**что Христос**", говорит, "**имел пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет народу (Иудейскому) и язычникам**". На это "**Фест громким голосом сказал**". Так, это был голос негодования и гнева.

4. Что же Павел? "**Нет**", говорит, "**ибо это не в углу происходило**". Здесь он говорит о кресте, о воскресении, говорит, что это учение известно по всей вселенной. "**Веришь ли, царь Агриппа**", – не сказал: воскресению, но: "**пророкам?**" И предупреждая его, продолжает: "**знаю, что веришь**". Агриппа же отвечает ему: "**ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином**". По недоразумению, слово: скоро (ενολίψ) Павел принял за слово: "**немного не**" ('εξολίγου); потому отвечает и на это; так он был прямодушен! Он не сказал: я не хочу этого, но: "**молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все**", – так слова его чужды лести! – "**молил бы я Бога, чтобы слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз**". Смотри: тот, кто хвалился узами и выставлял их, как золотую цепь, теперь молится, чтобы не было их. Но не удивляйся этому: слушатели были еще весьма слабы, и речь его была применительна к ним. А что он ценил узы высоко, послушай, как он везде в посланиях ставит их выше всего прочего. Так он говорит: "**я, Павел, сделался узником Иисуса Христа**" (Еф.3:1); и еще: "**обложен я этими узами, но для слова Божия нет уз**" (Деян.28:20; 2Тим.2:9); и еще: "**даже до уз, как злодей**" (2Тим. 2:9). Смотри: не только "**до уз**", говорит, но и прибавляет: "**как злодей**", возвышая этим славу уз. Сугубое страдание, и оттого, что был связан, и оттого, что – как злодей! Если бы он был связан за доброе дело, то это доставляло бы некоторое утешение; а теперь связан, как злодей и как уличенный в тяжких преступлениях; но, не смотря на то, он нисколько не заботился об этом. Такова душа, окрыленная небесною любовью! Если питающие в себе постыдную любовь не считают ничего важным и ценным, но у них признается славным и ценным только то, что служит к удовлетворению их страсти, и предмет их любви составляет для них все, то тем более объятые этою любовью ничего не считают ценнее. Не удивительно, если мы не понимаем этих слов: мы так еще неопытны в любомудрии! Подлинно, кто объят огнем Христовым, тот делается таким, каким был бы человек, если бы он жил один только на земле: так мало он заботится о славе и бесславии! Как человек, живущий один только на земле, не заботился бы ни о чем, так и он не заботится ни о чем. Искушения, наказания, узы он презирает так, как бы претерпевал их в чужом теле, или как бы имел тело адамантовое; а удовольствиям жизни посмевается и бывает так к ним нечувствителен, как мы к телам мертвых, или сами будучи мертвыми. Он так далек от того, чтобы предаться какой-нибудь страсти, как очищенное огнем золото бывает непричастно грязи: как мухи отлетают от огня, чтобы не попасть в него, так и к нему страсти не смеют даже и приблизиться. Хотел бы я привести на это примеры из среды нас самих; но так как мы не в состоянии представить их, то необходимо обратиться к тому же Павлу. Смотри, каков он был в отношении ко всему миру. "**Для меня мир распят**", говорит он, "**и я для мира**" (Гал.6:14), т.е. я мертв для мира, и он мертв для меня. И еще: "**и уже не я живу, но живет во мне Христос**" (Гал.2:20). Это мог сказать один только Павел; а мы, которые отстоим от него, как земля от неба, должны сокрыться, не смеем и открыть уст своих. Послушай, как он говорит, что он жил как бы в пустыне и так смотрел на все настоящее: "**мы смотрим не на видимое, но на невидимое**" (2Кор.4:18). Что ты говоришь? Не бывает ли на деле противное тому, что ты говоришь? Ведь мы не видим невидимого, а видимое видим. Но у тебя были очи, даруемые Христом. Как наши видят только видимое, а невидимого не видят, так те напротив. Кто видит невидимое, тот не смотрит на видимое; а кто смотрит на

видимое, тот не видит невидимого. Не бывает ли нечто подобное и у нас? Так, когда мы, сосредоточив ум, размышляем о чем-нибудь невидимом, тогда глаза наши бывают выше внешних впечатлений. Будем же презирать славу; пожелаем лучше, чтобы над нами смеялись, нежели хвалили нас. Тот, над кем смеются, не терпит никакого зла; а кого хвалят, тот терпит великий вред. Не будем высоко думать о тех, которые наводят на людей страх, но будем поступать в данном случае, как с детьми. Когда мы видим, что кто-нибудь стращает детей, мы нисколько не удивляемся ему. Он устрашаеттолько детей, а никакого мужа устрашить не может. И как устрашающие детей делают это, или поднимая вверх брови, или как-нибудь иначе извращая лицо, а сохраняя взгляд обыкновенный и кроткий, не могли бы сделать этого, – так и те совершают свое действие, извращая мысленную часть души своей. Человека кроткого и доброго душою не страшится никто; напротив, все мы уважаем его, почитаем и любим. А кто наводит на других страх, тот не видите ли, как бывает ненавистен и отвратителен для всех нас? Не отвращаемся ли мы всего, что только может устрашать нас, будут ли это звери, звуки, взгляды, места, воздух или тьма?

5. Не будем же превозноситься, если люди боятся нас. Во-первых, ни один муж бояться нас не будет; а во-вторых, не великое дело, если и боятся нас. Великое благо – добродетель; и смотри, насколько великое. Обстоятельства, среди которых она приобретается, мы почитаем бедствиями, а ей самой удивляемся и ублажаем ее. И кто не будет ублажать человека любомудрого, хотя бедность и тому подобное почитаются бедствиями? Если же (добродетель) сияет, среди того, что почитается бедствием, то смотри на ее превосходство. Человек, ты превозносишься властью? Но какая власть, скажи мне, дана тебе? От людей ты получил власть; доставь же себе власть внутренне, в самом себе. Начальник не тот, кто так называется, а кто таков на самом деле. Как врачом или ритором не может сделать и царь, так и начальником, потому что не грамота и не название делают человека начальником. Пусть, если угодно, кто-нибудь построит лечебницу, соберет учеников, приобретет и инструменты и лекарства, и будет посещать больных: достаточно ли этого, чтоб быть врачом? Нет; нужно еще искусство, а без него все это не только не приносит никакой пользы, но приносит даже вред. Кто сам не врач, тому лучше и не иметь у себя лекарств, так как кто не имеет их, тот не может ни излечить, ни повредить; а кто имеет, но не умеет пользоваться ими, тот может повредить. Лечение зависит не только от свойства лекарств, но и от искусства, предписывающего их: когда нет его, тогда все извращено. Так и начальник; положим, что он имеет инструменты, т.е. голос, гнев, палачей, ссылки, почести, подарки, похвалы, имеет лекарства – законы, имеет больных – людей (слуг), имеет мастерскую – судилище, имеет учеников – воинов; но если он не знает науки врачевания, то все это не принесет никакой пользы. Судья есть врач душ, а не тел; если же врачевание тела требует такого попечения, то тем более врачевание души, потому что душа важнее тела. Таким образом, носить имя начальника еще не значит быть начальником. Некоторые называются великими именами, как-то: Павлом, Петром, Иаковом, Иоанном; но от этих имен они не делаются тем, чем называются; например, я сам: я ношу одно имя с тем блаженным (апостолом), но я не тоже, что он; я не Иоанн, а только называюсь так. Так и те – не начальники, а только называются так. Бывают начальники и без этого названия, подобно как врач, хотя бы и не прилагал к делу своего искусства, а имел его в душе, есть врач. Начальники – те, которые умеют управлять сами собою. К душе имеют отношение следующие три предмета: дом, город и вселенная; во всем есть постепенность. Кто хочет быть начальником дома и хорошо управлять им, тот прежде всего должен устроить свою собственную душу, потому что она – ближайший его дом. Если же он не в состоянии управлять самим собою, там, где одна душа, где сам он господин, где он всегда сам у себя, то как он будет управлять другими? Кто мог устроить свою душу и одно в ней сделать господствующим, а другое подчиненным, тот будет в состоянии управлять и домом; кто домом, тот и городом, а кто городом, тот и

вселенной. Если же кто не в состоянии управлять своею душою, то как он может править вселенной? Все это сказано мною для того, чтобы мы не превозносились властью, чтобы знали, что такое власть. Иначе это не власть, а посмешище, рабство, и тысячами других подобных наименований можно бы назвать это. Скажи мне, в самом деле, что свойственно начальнику? Не приносит ли пользу и благодетельствовать подчиненным? Что же, если этого не будет? Как может принести другим пользу тот, кто не сделал добра самому себе? У кого в душе господствуют бесчисленные страсти, тот как обуздает их в других? Точно также и наслаждение не в том состоит (в чем обыкновенно полагают), но в другом. Как начальником оказывается не тот (кто так называется), а другой, так и наслаждающийся – не тот, кто предается наслаждениям, а некто другой. Думают, будто наслаждение состоит в том, чтобы предаваться удовольствиям и угождать чреву; но не в этом оно состоит, а, напротив, в том, чтобы иметь удивительную душу и быть довольным. Пусть кто-нибудь ест, пьет, роскошествует, а потом испытывает уныние и скорбь: можно ли сказать, что он наслаждается? Следовательно, наслаждение состоит не в том, чтобы есть и пить, но в том, чтобы чувствовать довольство. Пусть другой кто-нибудь не имеет ничего, кроме сухого хлеба, но питается им с радостью: не удовольствие ли это, и, следовательно, не наслаждение ли? Посмотрим же, кому оно доступно – богатым, или небогатым? Ни тем прямо, ни другим; но тем, которые так устроят свою душу, чтобы не иметь поводов к недовольству. Какая же это жизнь, может быть, спросит кто-нибудь? Вижу, как все вы обратили внимание и желаете услышать, что это за жизнь, свободная от неудовольствий? Пусть же прежде всего каждый из вас убедится, что в том состоит удовольствие, в том наслаждение, когда недовольство не возмущает меня, когда оно не требует от меня ни мяса, ни вина, ни изысканных яств, ни шелковых одежд, ни роскошного стола. Но если я покажу таковую жизнь, чуждую всего этого, то возлюби это удовольствие, такую жизнь. Подлинно, множество скорбей происходит у нас оттого, что мы не рассуждаем об этом, как должно. Кто же более имеет скорбей – тот ли, кто не заботится ни о чем подобном, или кто заботится? Кто боится случайных перемен, или кто не боится? Кто в опасности от зависти, ненависти, клеветы, вражды, недоброжелательства, или кто свободен от всего этого? Кто нуждается во многом, или кто не нуждается ни в чем? Кто раболепствует тысячам, или кто – никому? Кто подчиняется тысячам, или кто независим? Кто боится одного господина, или кто – бесчисленного их множества? Итак, вот в чем состоит высшее удовольствие. Будем же стремиться к этому и не будем пристрастны к благам настоящим; будем презирать все суетное величие настоящей жизни и во всем соблюдать умеренность, чтобы нам беспечально провести эту жизнь и сподобиться обетованных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 53

"Когда он сказал это, царь и правитель, Вереника и сидевшие с ними встали; и, отойдя в сторону, говорили между собою, что этот человек ничего, достойного смерти или уз, не делает. И сказал Агриппа Фесту: можно было бы освободить этого человека, если бы он не потребовал суда у кесаря. Посему и решился правитель послать его к кесарю" (Деян.26:30-32).

1. Смотри, какой приговор опять произносят. И после того, как было сказано: "**безумствуешь ты**", признают его свободным не только от смерти, но и от уз, и совершенно отпустили бы его, если бы он не потребовал суда у кесаря. Но это случилось по смотрению (Божию), и не только это, но и то, что он отправился в узах. Потому он и сказал: "**даже до уз, как злодей**" (2Тим.2:9). Если Господь его "**и к злодеям причтен**" (Мк.15:28), то тем более мог он; и как Господь не сделался оттого причастным их бесчестию, так и он: то и кажется удивительным, что, приобщившись им, не потерпел от

них никакого вреда. "**Когда решено было плыть нам в Италию, то отдали Павла и некоторых других узников сотнику Августова полка, именем Юлию. Мы взошли на Адрамитский корабль и отправились, намереваясь плыть около Асийских мест. С нами был Аристарх, Македонянин из Фессалоники. На другой день пристали к Сидону. Юлий, поступая с Павлом человеколюбиво, позволил ему сходить к друзьям и воспользоваться их усердием**" (Деян.27:1-3). Смотри, до какого места Аристарх сопровождает Павла. Ко благу и к пользе случился здесь Аристарх; он мог рассказать обо всем в Македонии. "**Юлий, поступая с Павлом человеколюбиво, позволил ему сходить к друзьям и воспользоваться их усердием. Отправившись оттуда, мы приплыли в Кипр, по причине противных ветров**" (ст. 3, 4). "**Юлий**", говорит, "**поступая с Павлом человеколюбиво**". Хорошо он поступает, дозволяя (Павлу) сходить к знакомым и получить пособие; вероятно, (Павел) нуждался в этом после многих бедствий от уз, от страха, от беспрестанной перемены мест. Смотри, как (писатель) не скрывает и того, что он желал получить пособие. Затем опять искушения, опять противные ветры. Смотри, так всегда бывает в жизни святых: избавились из судилища, и подвергаются кораблекрушению и буре. Указывая на это, (писатель) продолжает: "**и, переплыв море против Киликии и Памфилии, прибыли в Миры Ликийские. Там сотник нашел Александрийский корабль, плывущий в Италию, и посадил нас на него**" (ст. 5, 6). "**Нашел**", говорит, "**Александрийский корабль**". Хорошо это случилось, так что одни могли уведомить о Павле в Азии, а другие в Ликии. Смотри, как Бог не творит здесь ничего особенного и ничего не изменяет, попускает плыть при ветрах противных, но и чрез это совершает чудо. А чтобы они плыли безопасно, Он не попустил им выйти в море, но они постоянно держались берегов. "**Медленно плавая многие дни и едва поравнявшись с Книдом, по причине неблагоприятного нам ветра, мы подплыли к Криту при Салмоне. Пробравшись же с трудом мимо него, прибыли к одному месту, называемому Хорошие Пристани, близ которого был город Ласея. Но как прошло довольно времени, и плавание было уже опасно, потому что и пост уже прошел, то Павел советовал, говоря им: мужи! я вижу, что плавание будет с затруднениями и с большим вредом не только для груза и корабля, но и для нашей жизни. Но сотник более доверял кормчему и начальнику корабля, нежели словам Павла**" (ст. 7-11). О посте говорится здесь, я думаю, иудейском. Ведь они отплыли спустя долгое время после пятидесятницы, и потому к Криту могли прибыть около самой зимы. Не маловажное чудо, что ради Павла были спасены и прочие. "**Мужи!**", говорит, "**я вижу, что плавание будет с затруднениями и с большим вредом не только для груза и корабля, но и для нашей жизни**". Таким образом Павел приказывал им остановиться и предсказывал будущее; но они, спеша и видя неудобство местности, хотели перезимовать в Финикии.

2. И смотри домостроительство: сначала они пустили корабль и отплыли; потом, когда поднялся ветер, предались его течению и едва спаслись. "**А как пристань не была приспособлена к зимовке, то многие давали совет отправиться оттуда, чтобы, если можно, дойти до Финика, пристани Критской, лежащей против юго-западного и северо-западного ветра, и там перезимовать. Подул южный ветер, и они, подумав, что уже получили желаемое, отправились, и поплыли поблизости Крита. Но скоро поднялся против него ветер бурный, называемый эвроклидон. Корабль схватило так, что он не мог противиться ветру, и мы носились, отдавшись волнам. И, набежав**

на один островок, называемый Клавдой, мы едва могли удержать лодку. Подняв ее, стали употреблять пособия и обвязывать корабль; боясь же, чтобы не сесть на мель, спустили парус и таким образом носились. На другой день, по причине сильного обуревания, начали выбрасывать груз, а на третий мы своими руками побросали с корабля вещи. Но как многие дни не видно было ни солнца, ни звезд и продолжалась немалая буря, то наконец исчезала всякая надежда к нашему спасению. И как долго

не ели, то Павел, став посреди них, сказал: мужи! надлежало послушаться меня и не отходить от Крита, чем и избежали бы сих затруднений и вреда" (ст. 12-21). Смотри, после такой бури, он беседует с ними не для того, чтобы упрекнуть их, но, желая, чтобы они хотя на будущее время верили ему. Потому случившееся он приводит во свидетельство истины того, что намеревается сказать. Предсказывает два обстоятельства: то, что они должны будут выйти на остров, и то, что корабль погибнет, а плывущие на нем спасутся (это было не предположение, а пророчество), и что ему надлежало предстать пред кесарем. Слова: "**Бог даровал тебе всех**" сказал он не из тщеславия, но, желая обратить плывших, сказал не для того, чтобы они благодарили его, но чтобы верили словам его. "**Бог даровал тебе всех**" было сказано Павлу; этим выражается как бы следующее: они достойны смерти, потому что ослушались; но только по твоей милости происходит это. "**И как долго не ели, то Павел**", говорит (писатель), "**став посреди них, сказал: мужи! надлежало послушаться меня и не отходить от Крита, чем и избежали бы сих затруднений и вреда. Теперь же убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет, а только корабль. Ибо Ангел Бога, Которому принадлежу я и Которому служу, явился мне в эту ночь и сказал: "не бойся, Павел! тебе должно предстать пред кесаря, и вот, Бог даровал тебе всех плывущих с тобою". Посему ободритесь, мужи, ибо я верю Богу, что будет так, как мне сказано. Нам должно быть выброшенными на какой-нибудь остров. В четырнадцатую ночь, как мы носимы были в Адриатическом море, около полуночи корабельщики стали догадываться, что приближаются к какой-то земле, и, вымерив глубину, нашли двадцать сажен; потом на небольшом расстоянии, вымерив опять, нашли пятнадцать сажен. Опасаясь, чтобы не попасть на каменистые места, бросили с кормы четыре якоря, и ожидали дня. Когда же корабельщики хотели бежать с корабля и спускали на море лодку, делая вид, будто хотят бросить якоря с носа, Павел сказал сотнику и воинам: если они не останутся на корабле, то вы не можете спастись. Тогда воины отсекли веревки у лодки, и она упала**" (ст. 21-32). Здесь (писатель) показывает, что корабельщики хотели бежать, не веря сказанному; но сотник с воинами верил; потому Павел и говорит ему: если они убегут, то "**вы не можете спастись**", – говорит для того, чтобы удержать их, чтобы предсказание не осталось тщетным. Смотри, как Павел научает их любомудрию, как бы в Церкви, и спасает среди самих опасностей. По смотрению (Божию) они сначала не верили Павлу, чтобы самые события научили их верить, – что и случилось. Затем он убеждает их принять пищу, и они соглашаются; сам принимает первый, внушая не только словом, но и делом, что буря нисколько не повредила им, но еще принесла пользу душам их. "**Перед наступлением дня Павел уговаривал всех принять пищу, говоря: сегодня четырнадцатый день, как вы, в ожидании, остаетесь без пищи, не вкушая ничего. Потому прошу вас принять пищу: это послужит к сохранению вашей жизни; ибо ни у кого из вас не пропадет волос с головы. Сказав это и взяв хлеб, он возблагодарил Бога перед всеми и, разломив, начал есть. Тогда все ободрились и также приняли пищу. Было же всех нас на корабле двести семьдесят шесть душ. Насытившись же пищею, стали облегчать корабль, выкидывая пшеницу в море. Когда настал день, земли не узнавали, а усмотрели только некоторый залив, имеющий отлогий берег, к которому и решились, если можно, пристать с кораблем. И, подняв якоря, пошли по морю и, развязав рули и подняв малый парус по ветру, держали к берегу. Попали на косу, и корабль сел на мель. Нос увяз и остался недвижим, а корма разбивалась силою волн**" (ст. 33-41).

3. Опять диавол покушается воспрепятствовать исполнению пророчества: воины хотели убить некоторых, но сотник удержал их, чтобы спасти Павла: так он был уже привязан к нему! "**Воины согласились было умертвить узников, чтобы кто-нибудь, выплыв, не убежал. Но сотник, желая спасти Павла, удержал их от сего намерения, и велел умеющим плавать первым броситься и выйти на землю, прочим же спасаться кому**

на досках, а кому на чем-нибудь от корабля; и таким образом все спаслись на землю" (ст. 42-44). "**Спасшись же, бывшие с Павлом узнали, что остров называется Мелит**" (Деян.28:1). Видишь ли, какое благо произошло от бури? Следовательно, буря была не вследствие оставления (Божия). Но как, скажут, они переносили ее без пищи, ничего не вкушая? Страх овладел ими и не давал им чувствовать потребности в пище, так как они находились в крайней опасности. Случившееся произошло от времени года; но здесь тем большее чудо, что в такое время спаслись от грозившей опасности как сам (Павел), так чрез него и прочие. "**Подняв малый парус по ветру**". Это сказал (писатель), желая показать силу бури, которую они испытали, потому что часто делается не так. Они спустили ветрило, то есть, паруса (это делают тогда, когда бывает сильный ветер) для того, чтобы уменьшить напор ветра. Они потерпели бурю в Адриатическом море, где спастись трудно. "**Было же всех нас на корабле двести семьдесят шесть душ**". Откуда было известно, что плыло столько человек? Вероятно, их расспрашивали, зачем кто плывет, и узнали все. Они не ели ничего, потому что им было не до пищи среди столь великой опасности. И смотри, как для Павла не были бесплодны ни медленность, ни бедствия плавания: он сделал это время временем учения; а не маловажное дело, если все эти (люди) уверовали. Но обратимся к вышесказанному. "**Но как прошло довольно времени, и плавание было уже опасно, потому что и пост уже прошел, то Павел советовал, говоря им: мужи! я вижу, что плавание будет с затруднениями и с большим вредом не только для груза и корабля, но и для нашей жизни**". Смотри, как он чужд гордости. Чтобы не заметно было, что он пророчествует, а как бы говорит по предположению, сказал: "**вижу**"; они не поверили бы (пророчеству), если бы он прямо высказал его. И прежде, нежели стал пророчествовать, говорит: Бог, "**Которому служу**", – чтобы приготовить их. Неужели же душам надлежало погибнуть? Погибли бы, если бы не спас Бог. По естественному порядку вещей они могли погибнуть, но Бог не попустил этого. "**Но сотник**", говорит (писатель), "**более доверял кормчему и начальнику корабля, нежели словам Павла**". Чтобы очевидно было, что (Павел) говорил не по предположению, кормчий, опытный в деле, говорит противное; следовательно, слова (Павловы) были сказаны не по предположению. "**А как пристань не была приспособлена**". Смотри, и местность показывает, что он говорил не по предположению: она была неудобна; скорее те говорили по предположению, которые советовали плыть далее; но никакой пользы оттого не произошло; напротив, они подверглись буре и выбросили груз корабля. На это и указывает (писатель), прибавляя: "**боясь же, чтобы не сесть на мель, спустили парус**". Все это попускается для того, чтобы после они не оставались в неверии: поднимается сильная буря, делается великая темнота, а для спасения от погибели выбрасывается и пшеница и все; это именно означают слова: "**боясь же, чтобы не сесть на мель, спустили парус. Надлежало послушаться меня и не отходить от Крита, чем и избежали бы сих затруднений и вреда**". Видишь ли, как много содействовали внушению его и буря и темнота? И смотри, как послушен делается сотник: он отсекает лодку и бросает ее. А что корабельщики еще не верили, но поверили только после, не удивляйся этому; они – народ грубый и нескорый на послушание. Заметь, как и здесь мудро действует Павел; он не укоряет их и не раздражается, но говорит кротко: "**надлежало послушаться**". Он знал, что кто укоряет во время самого бедствия, того не скоро послушают, а когда большая часть бедствия пройдет, тогда скорее послушают. Потому он начинает опять говорить, когда исчезла всякая надежда на спасение; тогда он и предсказывает доброе. "**В четырнадцатую ночь**", говорит (писатель), "**опасаясь… ожидали дня**". Чтобы кто не сказал, что ничего такого не было, он прибавил эти слова, показывая, что все это было. И страх их доказывает, что это было: молились, говорит, ожидали дня, опасаясь. И место было опасное: это случилось в Адриатическом море; и продолжительный был голод: "**сегодня четырнадцатый день, как вы, в ожидании, остаетесь без пищи, не вкушая ничего**". Из всего видно, что они были при смерти. Потому он и продолжает: "**прошу вас принять пищу: это послужит к**

сохранению вашей жизни", т.е. чтобы вам не умереть с голода, примите пищу. "**И взяв хлеб**", говорит (писатель), "**он возблагодарил Бога**".

4. Смотри, как благодарность, возданная им (Богу) за случившееся, не только укрепила их, но и ободрила. "**Было же всех нас на корабле**", говорит, "**двести семьдесят шесть душ**". О них и сказал Павел: "**ни одна душа из вас не погибнет**". Нужно было иметь совершенную уверенность, чтобы сказать, что они спасутся. "**Насытившись же пищею, стали облегчать корабль, выкидывая пшеницу в море**". Видишь ли: их убеждали только принять пищу, а они во всем так положились на Павла, что выбросили и пшеницу? Впрочем, принимают и человеческие меры (к спасению), и Павел не препятствует тому. "**Когда настал день**", говорит (писатель), "**развязав рули и подняв малый парус по ветру, держали к берегу**". Корабль разрушается днем, чтобы они не умерли от страха, чтобы и ты видел исполнение пророчества. "**Воины согласились было умертвить узников**". Видишь ли, как и за это они обязаны благодарностью Павлу. Для него сотник не позволил им умертвить узников. Мне кажется, что здесь были отъявленные злодеи, если (воины) намеревались умертвить их; но так как они были удержаны от исполнения намерения, то этого и не случилось, но одни из них поплыли, другие понеслись на досках, и таким образом все спаслись и пророчество исполнилось, хотя и не чрезвычайное по времени, потому что Павел предсказал это не за несколько лет прежде, но при самом естественном ходе вещей. Когда уже не оставалось никакой надежды, тогда, получив спасение, они и узнали, кто был Павел. Но, скажет кто-нибудь, почему не был спасен и корабль? Чтобы они знали, какой избежали опасности, и как все это было делом не человеческой помощи, но десницы Божией, спасающей и без корабля. Так праведники, хотя бы подвергались буре, хотя бы находились среди моря или пучины, не терпят никакого бедствия, но спасают вместе с собою и других. Если с корабля, бывшего в опасности и потерпевшего крушение, узники спаслись чрез Павла, то представь, что значит иметь святого мужа в своем доме. Много бурь постигает и нас, и притом гораздо более жестоких, нежели те (на море); но и нас Бог может спасти, если только мы будем слушаться святых, как те (спутники Павла), если будем делать то, что они повелевают. И те спаслись не просто, но когда привнесли свою веру. Святой, хотя бы был узником, совершает более, чем не узники. И смотри, что здесь случилось: несвязанный сотник имел нужду в связанном (Павле); искусный кормчий получил помощь от некормчего, или лучше – от истинного кормчего. Ведь и Павел управлял не такою ладьей, но церковью вселенной, будучи научен от самого Владыки моря не искусству человеческому, но мудрости духовной. С этим кораблем случается также много крушений, много треволнений, духов лукавства, "**отвне – нападения, внутри – страхи**" (2Кор.7:5). Потому он поистине был кормчий. Посмотри и на всю нашу жизнь: не такова ли она? То мы пользуемся милостью Божиею, то испытываем бурю, то по собственному неразумию, то по нерадению подвергаемся бесчисленным бедствиям, особенно же потому, что не слушаем Павла, спешим идти туда, куда он не повелевает. Так, он и теперь плывет вместе с нами, только не в узах, как тогда; и теперь внушает и говорит плывущим по этому морю: "**внимайте себе; по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада**" (Деян.22:28,29); и еще: "**знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны**" (2Тим.3:1,2). Это опаснее всех бурь.

5. Будем же пребывать там, где он повелевает, в вере, этой безопасной пристани; будем слушать более его, нежели нашего кормчего, т.е. разума; будем делать не то, что внушает этот кормчий, но что предлагает Павел, прошедший тысячи бурь. Не будем ожидать назидания от опыта, но раньше опыта избегать и огорчений и вреда. Послушай, что говорит он: "**желающие обогащаться впадают в искушение**" (1Тим.6:9). Будем верить

ему: ведь видите, что потерпели неверившие ему. Еще в другом месте он внушает, какие бывают кораблекрушения: "**некоторые**", говорит, "**отвергнув, потерпели кораблекрушение в вере**" (1Тим.1:19): "**ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен**" (2Тим.3:14). Будем слушаться Павла; слушаясь его, мы, хотя бы подверглись буре, непременно избавимся от опасности хотя бы четырнадцать дней оставались без пищи, хотя бы потеряли надежду спасения, хотя бы окружены были совершенным мраком, избавимся от опасностей. Представим, что вся вселенная - это корабль; в нем есть преступники, сделавшие множество зол, есть и начальники и стражи, есть праведники, как Павел, и узники, связанные грехами. Если будем слушаться Павла, то и в узах не погибнем, но избавимся от них: Бог вверит ему и нас. Разве, ты думаешь, не тяжкие узы – грехи и страсти? Ими связываются не только руки, но весь человек. Скажи мне в самом деле, когда кто-нибудь, собравши множество имущества, не издерживает и не употребляет его на дело, но хранит у себя, не связан ли он хуже всякого узника нерасторжимыми узами корыстолюбия? Также, кто предает себя судьбе, не связан ли и он узами другого рода? Также, когда верят в приметы, или волшебные значки, когда предаются неразумной похоти и сладострастию, – разве это не хуже всяких уз? Кто же расторгнет эти наши узы? Необходима помощь Божия, чтобы расторгнуть их. И одно что-нибудь из этого может подвергнуть нас опасности; а когда и узы и буря вместе, то представь, сколько здесь опасностей. Подлинно, что не может погубить нас? Голод, буря, злоба спутников, неблагоприятность времени? Но против всего этого устоял славный Павел. Так и мы будем иметь общение со святыми, и не потерпим бури, или лучше, когда и случится буря, у нас будет ведро, тишина и безопасность. Та вдова была в дружбе со святым, и сын ее разрешен от смерти, и она опять получила сына своего живым (4Цар.4). Где ступают ноги святых, там не будет ничего прискорбного; а если это и случится, то для испытания и к большей славе Божией. Пусть учащают попирать помост дома твоего ноги их, и диавол не войдет в него. Это верно. Как там, где благовоние, зловоние не имеет места, так и там, где миро святости, демон существовать не может; там веселие присутствующих, удовольствие и наслаждение душевное. Где терние, там дикие звери; а где странноприимство, там нет терний: оказанное милосердие острее всякого серпа, сильнее всякого огня уничтожает терние. Не бойся; диавол страшится следов святых, как лисицы – львов. "**Праведник**", говорит (Премудрый), "**смел, как лев**" (Притч. 28:1). Введем этих львов в дом свой и все звери обратятся в бегство, хотя они не будут взывать громко, но говорить просто. Не так рычание льва обращает в бегство диких зверей, как молитва праведника прогоняет демонов: лишь только произнес он слово, они уже исчезли. Где же скажешь, эти мужи? Везде, если будем верить, если будем искать, если будем домогаться. Где ты искал их, скажи мне? Когда ты занимался этим делом? Когда заботился об этом? Если же не ищешь, то не удивляйся, что и не находишь, – потому что "**ищущий находит**" (Мф.7:8), а не тот, кто не ищет. Послушай о живущих в пустынях; снеси туда золота и серебра; они по всей вселенной. Если ты не принимаешь святого в своем доме, поди сам к нему, побудь вместе с ним, посети его жилище, чтобы найти его и получить от него благословение. Великое дело благословение святых! Постараемся же получить его, чтобы, при помощи молитв их, нам сподобиться милости от укрепляющего их Бога, благодатию и человеколюбием Единородного Сына Его, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 54

"Иноплеменники оказали нам немалое человеколюбие, ибо они, по причине бывшего дождя и холода, разложили огонь и приняли всех нас. Когда же Павел набрал множество хвороста и клал на огонь, тогда ехидна, выйдя от жара, повисла на руке его" (Дян.28:2,3).

1. Объясняется, какое человеколюбие оказали иноплеменники. "**Разложили огонь**", говорит (писатель), "**и приняли всех нас**". Так как не было никакого другого средства к спасению, потому что холод угрожал им смертью, то они разлагают огонь. Потом Павел, набрав хворосту, положил его в огонь, как говорит (писатель) далее: "**Павел набрал множество хвороста**". Смотри, как он трудится, и чудеса творит везде не просто, но по необходимости: во время бури он пророчествовал, когда представилась причина, а не просто; и здесь опять, собирая хворост и бросая его. Видишь, как он делает все не из тщеславия и не напрасно, а для того, чтобы они спаслись, несколько согревшись. При этом ехидна, вышедши от жару, повисла на руке его; а что она повисла, видно из следующего: "**иноплеменники, когда увидели висящую на руке его змею, говорили друг другу: верно этот человек – убийца, когда его, спасшегося от моря, суд Божий не оставляет жить**" (ст. 4). Не напрасно попустил (Бог) варварам видеть и говорить это, но для того, чтобы они не отвергли чуда, когда оно совершится. Смотри, какое выражают иноплеменники естественное суждение, как почтительно говорят между собою и не осуждают без всякого основания. Они видят это теперь, чтобы больше удивлялись после. "**Но он, стряхнув змею в огонь, не потерпел никакого вреда. Они ожидали было, что у него будет воспаление, или он внезапно упадет мертвым; но, ожидая долго и видя, что не случилось с ним никакой беды, переменили мысли и говорили, что он Бог**" (ст. 5, 6). Те самые, которые думали, что "**у него будет воспаление**", т.е. погибнет от воспаления, видя, что с ним не произошло ничегохудого, говорят, что он Бог. Опять воздают ему излишнюю честь, подобно как жители Ликаонии. "**Около того места были поместья начальника острова, именем Публия; он принял нас и три дня дружелюбно угощал**" (ст. 7). Вот и еще странноприимец, Публий, человек богатый и весьма радушный. Он не видел ничего, но единственно из сострадания к их несчастью, принял их и оказал им услугу. "**Отец Публия лежал, страдая горячкою и болью в животе; Павел вошел к нему, помолился и, возложив на него руки свои, исцелил его**" (ст. 8). Он достоин был благодеяния; потому Павел и исцеляет его, воздавая тем ему за оказанный им прием. "**После сего события и прочие на острове, имевшие болезни, приходили и были исцеляемы, и оказывали нам много почести и при отъезде снабдили нужным**" (ст. 9, 10), т.е. дали необходимое для дороги и нам и прочим. Смотри, как они и после избавления от бури не остались беззащитными, но нашли радушный прием из-за Павла; три месяца все они получали там содержание. А что они пробыли там столько времени, послушай, как он объясняет это далее: "**через три месяца мы отплыли на Александрийском корабле, называемом Диоскуры, зимовавшем на том острове, и, приплыв в Сиракузы, пробыли там три дня. Оттуда отплыв, прибыли в Ригию; и как через день подул южный ветер, прибыли на второй день в Путеол, где нашли братьев, и были упрошены пробыть у них семь дней, а потом пошли в Рим. Тамошние братья, услышав о нас, вышли нам навстречу до Аппиевой площади и трех гостиниц. Увидев их, Павел возблагодарил Бога и ободрился**" (ст. 11-15). Смотри, как все это делается для Павла, и потому какое доверие к нему имели узники, воины, сотник. И подлинно, хотя бы они были каменными, и тогда, слушая советы и предсказания, видя его чудотворения и получая чрез него содержание, они должны были иметь о нем высокое понятие. Заметь, как и он без прекословия принимает правильные суждения и благоразумные мнения, когда они искренни и не происходят от какой-нибудь страсти. Таким образом, проповедь достигла уже Сицилии, достигла и Путеол, где они нашли несколько братьев и останавливались у них. Потом другие братья, услышав о них, выходят к ним навстречу; таково было усердие братий, что и узы Павловы не смутили их, но они пошли к нему навстречу. Смотри, как и он испытал при этом некоторое человеческое чувство: "**увидев**" братию, "**ободрился**". Тот, кто совершил столько чудес, при виде братий ободрился. Отсюда мы видим, что он по-человечески получал и утешения и огорчения. "**Когда же пришли мы в Рим, то сотник передал узников военачальнику, а Павлу позволено жить особо с воином, стерегущим его**" (ст. 16).

Видишь ли: ему позволено было жить особо? И это не маловажное доказательство того, как много удивлялись ему; его не ставили: в числе прочих. "**Через три дня Павел созвал знатнейших из Иудеев и, когда они сошлись, говорил им: мужи братия! не сделав ничего против народа или отеческих обычаев, я в узах из Иерусалима предан в руки Римлян**" (ст. 17). Чрез три дня он созвал знатнейших из иудеев, чтобы они не были предубеждены против него по слухам. Что же общего было у него с ними, тогда как не они готовились обвинять его? Но он не заботился об этом, а желал только научить их и не оставить в неведении о том, что им сказано.

2. Так, иудеи, видевшие столько чудес, гнали, преследовали, а иноплеменники, не видевшие ничего такого, из одного сострадания к несчастью оказали человеколюбие. "**Верно**", говорят они, "**этот человек – убийца**". Не прямо утверждают, но говорят: "**верно**", т.е. сколько можно видеть; и "**суд**", говорят, "**Божий не оставляет жить**". Следовательно, они имели понятие о Промысле, и варвары оказались гораздо любомудрее философов. Эти не допускают, чтобы все под луною было управляемо Промыслом, а те думают, что Бог присутствует везде, и что, хотя бы кто-нибудь (из виновных) избег многого, он не избегнет совершенно наказания. И смотри, они не нападают на него решительно, но оказывают сострадание к несчастью, и не провозглашают в слух всех, а говорят "**друг ко другу**"; узы внушали им подозрение, потому что те были узники. Да устыдятся те, которые говорят: не благодетельствуй находящимся в темницах! Устыдимся этих иноплеменников; они не знали, кто таковы были узники, а, только, сострадая несчастью, помнили, что они люди, и потому оказали им человеколюбие. "**Они ожидали было**", говорит (писатель), т.е. они долго ждали, что он умрет. А он стряхнул животное в огонь и показал ничем невредимую руку. Увидев это, они удивились и изумились. Чудо совершилось не тотчас, но некоторое время они ждали, чтобы оно не было принято за призрак; следовательно, это не был обман или призрак. "**Около того места были поместья начальника острова, именем Публия; он принял нас и три дня дружелюбно угощал**". Хорошо это сказано, потому что угостить двести семьдесят душ – знак великой любви. Смотри, какая польза от странноприимства: не по какой-нибудь необходимости и не против воли, но почитал (странноприимство) драгоценным благом, он угощал их "**три дня**"; потому справедливо и получает воздаяние, и притом гораздо большее, нежели сколько дал: (Павел) исцеляет отца его, тяжко страдавшего болью в животе, и не только ему, но и многим другим больным доставляет исцеление; а они, в благодарность за это, воздают ему почести и приносят дары. Это выражает (писатель) в следующих словах: "**и оказывали нам много почести и при отъезде снабдили нужным**". Не награду он взял, – да не будет, – но здесь исполнилось написанное: "**трудящийся достоин пропитания**" (Мф.10:10). Очевидно, что те, которые так приняли их, приняли и проповедь; он не стал бы беседовать с ними три месяца, если бы они действительно не уверовали и не явили плодов (веры); это служит ясным доказательством, что здесь было много веровавших. "**И отплыли на Александрийском корабле, называемом Диоскуры, зимовавшем на том острове**". Это, вероятно, было написано на нем; так они были преданы идолопоклонству! Смотри, как плывущие то останавливаются, то опять спешат. "**Павлу позволено жить особо**". Павел пользовался уже таким уважением, что ему позволено было жить особо; и не удивительно: если и прежде принимали его благосклонно, то тем более теперь. "**Подул южный ветер, прибыли на второй день в Путеол, где нашли братьев, и были упрошены пробыть у них семь дней, а потом пошли в Рим. Тамошние братья, услышав о нас, вышли нам навстречу до Аппиевой площади и трех гостиниц**". Они вышли по какому-нибудь опасению, но сами обстоятельства достаточно успокаивают их. Смотри, как спутники Павла во время столь продолжительного плавания не приставали ни к какому городу, но только к острову, где и провели целую зиму; это для того, как я сказал, чтобы они обратились к вере. "**Павлу позволено жить особо с воином, стерегущим его**". Конечно для того, чтобы невозможно было строить против него какие-

нибудь козни; там уже нельзя было производить возмущения. Потому воин не столько стерег его, сколько смотрел, чтобы не причинили ему чего-нибудь неприятного; в таком городе, где был царь, и когда дело перенесено было на суд его, не следовало быть беспорядку. Так всегда то, что, по-видимому, против нас, служит к нашему благу. Воин был стражем Павла. "**Через три дня Павел созвал знатнейших из Иудеев и, когда они сошлись, говорил им**"; они же не соглашаются с ним и, услышав от него укоризну, удаляются, не смея сказать ничего, так как здесь уже не позволялось им сделать что-нибудь против него. Удивительно, как все – не только то, что, по-видимому, служит к нашей безопасности, но и противное тому – обращается нам во благо. Чтобы убедиться в этом, выслушай следующее. Фараон повелел бросать младенцев в реку (Исх.1:22). Если бы младенцы не были бросаемы, если бы не было такого повеления фараонова, то Моисей не был бы сохранен и воспитан в царских чертогах. Когда он был скрываем, то не был в чести; а когда был положен (в реку), тогда стал в чести. Это сделал Бог, чтобы явить Свое могущество и мудрость, иудеянин с угрозою говорил Моисею: "**не думаешь ли убить меня**" (Исх.2:14); но и это принесло ему пользу, случилось по устроению (Божию) для того, чтобы он удостоился видения в пустыне, чтобы исполнилось надлежащее время, чтобы он любомудрствовал в уединении и жил в безопасности. И при всех огорчениях, причиненных ему иудеями, было тоже: он делался еще славнее, подобно как было и с Ааароном. На него восстали, но чрез это сделали его более славным. После того он украшается священническою одеждою, на него возлагается кидар и прочие принадлежности одеяния, так что посвящение его становится несомненным, и после того он делается предметом удивления по своей медной дщице. Впрочем, вы знаете эту историю; потому я более и не распространяюсь. Если хотите, обратимся еще выше. Каин убил брата, но тем самым принес ему более пользы. Послушай, что говорит Бог: "**голос крови брата твоего вопиет ко Мне**" (Быт.4:10); и в другом месте говорится: "**к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева**" (Евр.12:24). Он избавил его от будущей неизвестности, доставил ему большую награду, и все мы узнали, какую любовь имел к нему Бог. Что он потерял, будучи преждевременно предан смерти? Ничего. А что, скажи мне, приобретают те, которые умирают позже? Ничего. Не в том состоит благоденствие, чтобы жить много лет или мало, а в том, чтобы пользоваться жизнью, как должно. Три отрока ввержены были в печь, но чрез это сделались более славными; Даниил был ввержен в ров, но чрез это сделался более знаменитым.

3. Видишь ли, как искушения всегда служат к великому благу и здесь, а не только там? В несчастье бывает подобное тому, как если бы кто-нибудь стал тростью сражаться с огнем; по-видимому он поражает огонь, но делает его еще светлее и изнуряет самого себя. Так и несчастье бывает для добродетели причиною и поводом к ее прославлению. Когда при несправедливости (других) мы вверяемся управлению Божию, как следует, тогда наши достоинства сияют яснее. Также, когда действует диавол, то подвергающиеся его действию становятся светлее. Почему же, скажешь, с Адамом не случилось этого, а напротив, он подвергся унижению? Ему-то в особенности Бог и устроял все на пользу; если же он пострадал, то сам причинил зло самому себе; и все, что причиняется нам другими, служит к великому нашему благу, а что происходит от нас самих, то не таково. Когда нам. причиняют зло другие, то мы скорбим, а когда сами себе, то нет; потому Бог и внушает нам, что претерпевающий несправедливость от другого получает пользу, а претерпевающий от самого себя получает вред, и конечно для того, чтоб мы первое мужественно переносили, а последнего избегали. Но с Адамом, скажешь, было совершенно не так. Для чего же он послушался жены? Почему не отверг совета противного (заповеди Божией)? Ты (Адам) сам был виновен; потому что, если бы виною этого был диавол, то все искушаемые непременно погибали бы: если же они не погибают, то виною (погибели) бываем мы сами. Но в таком случае, скажешь, или все искушаемые не должны уклоняться с правого пути, или, если виною бываем мы сами, должно было

погибать и без диавола? Так и бывает; многие погибают и без диавола; не все делает он, а многое бывает и от одного нашего неразумия; и в том, чему он бывает виною, мы подаем ему повод. Скажи мне, когда диавол овладел Иудою? Когда, скажешь, вошел в него сатана. Но вот, что причиною: "**не потому, чтобы заботился о нищих, но потому что был вор**" (Ин.12:6). Он сам открыл ему широкий вход. Следовательно, не диавол полагает начало, а мы сами призываем и принимаем его. Но, скажешь, если бы не он, то зло не было бы так велико? Тогда неминуемо постигало бы нас и наказание; а теперь, возлюбленный, наказания наши легче; если же все злое происходило бы от нас самих, то нас постигало бы наказание невыносимое. Скажи мне, если бы так, как согрешил Адам, он согрешил без постороннего совета, то кто избавил бы его от бед? Но, скажешь, он не согрешил бы. Почему ты говоришь это? Нет, кто был так слаб, неосторожен и удобопреклонен, что принял такой совет, тот легко мог поступить также и без этого. Какой диавол побуждал братьев Иосифа к ненависти? Итак, возлюбленные, если мы сами будем бодрствовать, то диавол соделается виновником нашей славы. Какой вред, например, причинили все козни его Иову? Не говори об этом, скажешь ты; человеку слабому он причиняет вред. Но слабый падает и без диавола. А при его содействии, скажешь, он падает тяжелее? Но легче и наказывается, если он грешит при содействии диавола; не для всех ведь грехов одинаковы наказания. Не будем же обманывать себя; диавол не причиняет нам зла, если мы сами бодрствуем; чаще он пробуждает нас, возбуждает нас. Скажи мне (обратим внимание пока на это): если бы не было диких зверей и непостоянства ветров, ни болезней, ни печалей, ни скорбей и ничего подобного, то чем сделался бы человек? Мне кажется, не подвергаясь ничему такому, он уподобился бы более свинье, чем человеку, стал бы предаваться объядению и пьянству. А теперь заботы и беспокойства – для него упражнение и училище любомудрия, средства доброго воспитания. Еще: представь, что кто-нибудь воспитывается в царских чертогах, не зная ни скорбей, ни забот, ни беспокойств, не имея случаев ни к гневу, ни к недовольству; пусть делается и исполняется все, чего бы он ни пожелал, и пусть все готовы служить ему: не может ли такой человек сделаться неразумнее всякого животного?

А теперь несчастья и огорчения – как бы оселок, изощряющий нас. Потому-то бедные по большей части бывают умнее богатых, подобно как обуреваемые и поражаемые сильными волнами. Тело, остающееся в праздности и бездействии, бывает болезненно и безобразно, а движущееся, трудящееся и переносящее тяжести бывает благообразнее и здоровее; тоже бывает и с душою. Железо, когда лежит, ржавеет, а когда находится в деле, то бывает блестящим; так и душа, – когда она действует; а к действию возбуждают ее несчастья. И способности погибают, если душа остается без действия; а действует она тогда, когда не все готово к ее услугам, потому что она возбуждается к действию противным ей. Если бы не было противного, то не было бы и деятельности; например, если бы все было отделано прекрасно, то искусство не имело бы над чем трудиться; так и (душа, если бы все шло по нашему желанию, не находила бы деятельности), если бы все нам удавалось, была бы бесчувственна. Не видишь ли, как мы приказываем кормилицам не всегда носить детей на руках, чтобы это не обратилось им в привычку, и они не сделались слабыми? Потому-то дети, воспитывающиеся на глазах родителей, бывают слабее, так как неблаговременная и неумеренная нежность вредит их здоровью. И умеренная скорбь – благо, и заботы – благо, и бедность – благо; крепкими делают нас и добро и зло; но то и другое обращается нам во вред, когда бывает не в меру; первое расслабляет, а последнее поражает. Не видишь ли, что тоже внушал и Христос ученикам Своим (Ин.16:33)? Если же они имели в этом нужду, тотем более мы. Если же мы имеем в этом нужду, то не будем роптать, но радоваться в скорбях. Все это – лекарства, соответствующие нашим ранам, одни горькие, другие сладкие; но те и другие сами по себе, отдельно, были бы бесполезны. Будем же за все это благодарить Бога; Он попускает это не напрасно, но для блага наших душ. В чувстве признательности будем благодарить и прославлять Его, будем мужественно

бороться (с бедствиями), помня, что они временны и обращая мысли свои к будущему, чтобы мы могли легко переносить и настоящее, и удостоиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Единородного Его, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 55

"Через три дня Павел созвал знатнейших из Иудеев и, когда они сошлись, говорил им: мужи братия! не сделав ничего против народа или отеческих обычаев, я в узах из Иерусалима предан в руки Римлян. Они, судив меня, хотели освободить, потому что нет во мне никакой вины, достойной смерти; но так как Иудеи противоречили, то я принужден был потребовать суда у кесаря, впрочем не с тем, чтобы обвинить в чем-либо мой народ. По этой причине я и призвал вас, чтобы увидеться и поговорить с вами, ибо за надежду Израилеву обложен я этими узами" (Деян.28:17-20).

1. Хорошо и прилично поступает, приглашая знатнейших из иудеев для беседы. Он хотел оправдать и себя и других: себя – чтобы они не обвиняли его, что могло повредить им самим, а тех – чтобы кто не подумал, что все (случившееся) было их делом. Конечно, распространилась молва, что он предан иудеями; а это могло тронуть их. Потому он немедленно обращает на это внимание и кротко говорит в свое оправдание. И смотри, какими словами он выражает свое оправдание: "**мужи братия! не сделав ничего против народа или отеческих обычаев, я в узах из Иерусалима предан в руки Римлян**". После этого, так как некоторые из слушателей, вероятно, сказали бы: чем доказать, что ты предан без вины? – он присовокупляет: "**они, судив меня, хотели освободить**", и как бы так говорит: свидетели тому римские начальники, которые судили и хотели освободить меня. Почему же не освободили? "**Но так как Иудеи противоречили**", говорит. Видишь ли, как он смягчает их вины? Если бы он хотел преувеличить, то мог бы сказать гораздо сильнее. Затем присовокупляет: "**то я принужден был потребовать суда у кесаря**"; все это заслуживает одобрения. Потом, чтобы кто-нибудь не сказал: что же? не для обвинения ли их ты сделал это? – он отклоняет такое предположение, прибавляя: "**впрочем не с тем, чтобы обвинить в чем-либо мой народ**", т.е. я потребовал суда у кесаря не для того, чтобы обвинять вас, но чтобы избежать опасности. Для вас я "**обложен я этими узами**". Я так далек, говорит, от вражды к вам, что даже обложен (для вас) цепями. Что же они? Они были так увлечены его речью, что стали оправдывать не только себя, но и единоплеменников своих, как показывает (писатель), продолжая: "**они же сказали ему: мы ни писем не получали о тебе из Иудеи, ни из приходящих братьев никто не известил о тебе и не сказал чего-либо худого. Впрочем желательно нам слышать от тебя, как ты мыслишь; ибо известно нам, что об этом учении везде спорят**" (ст. 21, 22). Как бы так говорят: ни чрез письмо, ни чрез людей не сообщили нам о тебе ничего худого; впрочем мы желали бы послушать тебя. А вместе с тем уже наперед высказывают свое мнение, прибавляя: "**ибо известно нам, что об этом учении везде спорят**". Не сказали: мы противоречим, но: "**везде спорят**", – чтобы отклонить от себя осуждение. "**И, назначив ему день, очень многие пришли к нему в гостиницу; и он от утра до вечера излагал им учение о Царствии Божием, приводя свидетельства и удостоверяя их о Иисусе из закона Моисеева и пророков. Одни убеждались словами его, а другие не верили**" (ст. 23, 24). Видел ли ты, как он не тотчас отвечает им, но назначает день, в который им придти и слушать; и когда они пришли, говорит из закона Моисеева и пророков. "**Будучи же не согласны между собою, они уходили, когда Павел сказал следующие слова: хорошо Дух Святый сказал отцам нашим через пророка Исаию: пойди к народу сему и скажи: слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите. Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем,**

и не обратятся, чтобы Я исцелил их" (ст. 25-27). Когда они уходили, не согласившись между собою, тогда он приводит слова Исаии, не для того, чтобы укорить этих (не веровавших), но чтобы утвердить (уверовавших). Какие слова? "**Слухом услышите, и не уразумеете**". Видишь ли, как он показывает, что они не достойны прощения, если, имея и пророка, издревле предвозвестившего это, не обратились? А словом: "**хорошо**" выражает, что они справедливо и отвергнуты; язычникам же дано познание этой тайны. Потому нисколько не удивительно, что они противоречили; это предсказано издревле. Потом снова возбуждает в них соревнование, указывая на язычников следующими словами: "**итак да будет вам известно, что спасение Божие послано язычникам: они и услышат. Когда он сказал это, Иудеи ушли, много споря между собою. И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех, приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно**" (ст. 28-31). Здесь (писатель) показывает, как Павел был наконец свободен; в Риме он проповедует невозбранно, между тем как в иудеи встречал препятствия, и оставался там учить в продолжение двух лет.

2. Но обратимся к вышесказанному. "**По этой причине**", говорит (Павел), "**я и призвал вас, чтобы увидеться и поговорить с вами**", т.е. для того я хотел этого, чтобы никто не мог обвинять меня и по собственному соображению говорит, будто я, избегши рук иудеев, прибыл сюда для их обвинения; я прибыл не с тем, чтобы сделать зло другим, но чтобы самому избавиться от зла. "**Желательно нам слышать от тебя, как ты мыслишь**". Смотри, как и они выражаются кротко: "**желательно нам слышать**", говорят; а вместе хотят оправдывать и тех; потому и пришли в назначенный день. Это доказывает, что они считали себя не совсем правыми и чувствовали робость; если бы они не чувствовали робости, то сошлись бы и тотчас напали бы на него; а теперь, не смея сделать этого, они приходили не вдруг; также и частый приход их доказывает, что они чувствовали робость. "**Одни**", говорит (писатель), "**убеждались словами его, а другие не верили. Будучи же не согласны между собою, они уходили**", т.е. уходили те, которые не веровали. Смотри: теперь они не замышляют против него козней, подобно как в иудеи, где они как бы господствовали. Для чего же (Бог) устроил, чтобы он удалился туда, и сказал ему: "**поспеши и выйди скорее из Иерусалима**" (Деян.22:18)? Для того, чтобы обнаружилась и злоба (иудеев), и истина пророчества Христова о том, что они не примут свидетельства, и чтобы все увидели, как он был готов страдать, равно и для того, чтобы и находившиеся в Иудеи получили от того утешение; ведь и там он претерпел много бедствий. Если он претерпел это, когда возвещал учение иудейское, то чего они не сделали бы, если бы он проповедовал славу Христову? Если тогда, когда принимал очищение, был для них несносен, то как они потерпели бы его, если бы он предлагал проповедь? В чем вы обвиняете его? Что вы слышали от него? Ничего такого он не сказал: только явился, и все восстали на него. Потому справедливо спасение передано язычникам, справедливо он послан далеко, чтобы там говорить язычникам. Но, смотри, и здесь он наперед призывает иудеев, и объяснив им дело, потом уже обращается к язычникам. Выражение: "**Дух сказал**" нисколько не удивительно; (иногда) и ангелу приписывается то, что сказал Господь. "**Хорошо сказал**", говорит, "**Дух Святый**"; здесь так, а в другом месте иначе. Иногда и о словах ангела не говорят: хорошо сказал ангел, но: хорошо сказал Господь. "**Хорошо Дух Святый сказал**": как бы так говорит: не мне вы не веруете, но Духу; Бог издревле предвидел это. "**Они, судив меня**", говорит, "**хотели освободить**"; т.е. не нашедши во мне ничего достойного осуждения, хотели освободить меня; тогда как иудеям следовало отпустить меня, они предали меня в руки римлян, и такова была дерзость их, что даже и эти, хотя не могли ни в чем обвинить меня, оставили меня связанным. "**Я принужден был**", говорит, "**потребовать суда у кесаря, впрочем не с тем, чтобы обвинить в чем-либо мой народ**", т.е. я сделал это не для того, чтобы другим причинить зло, но чтобы себя избавить от зла, и не по своей воле, но, будучи вынужден. Смотри,

какой любви исполнены слова его: не считает себя чужим, но близким к ним, говоря: "**мой народ**"; опять внушает учение (любви). Не сказал: не клевещу, но: "**не с тем, чтобы обвинить**", хотя потерпел от них столько худого. Не напоминает им ни о чем подобном, чтобы не сделать слов своих тягостными для них; впрочем и не льстит им, и потому не (прямо) говорит, но только намеком и мимоходом, так как главным образом он хотел выразить то, что иудеи предали его римлянам, как узника. Им следовало осудить тех (иудеев), следовало обвинить; а они оправдывают их, но оправданием своим обвиняют самих себя. "**Ибо известно нам**", говорит, "**что об этом учении везде спорят**". Правда, бывает и это, но также и принимаете веру повсюду. "**Приводя свидетельства и удостоверяя их о Иисусе**", говорит (писатель), "**из закона Моисеева и пророков**". Смотри, как он опять заграждает им уста не знамениями, но словами из закона и пророков, как он делал везде; хотя он мог сотворить знамения, но и тогда они не поверили бы; а и то великое знамение – говорит из закона и пророков. Затем, чтобы не показалось странным, что они остались неверующими, он присовокупляет и пророчество: "**слухом услышите**", говорит, "**и не уразумеете**", – еще более теперь, нежели тогда, – "**и очами**

смотреть будете, и не увидите", – еще более теперь, нежели тогда. Это сказано к неверовавшим, и не укорять он хотел, а предотвратить соблазн. "**Да будет вам известно**", говорит, "**что спасение Божие послано язычникам: они и услышат**". Для чего же ты говоришь нам? Разве ты не знал этого? Знал; но я говорю в свое оправдание, чтобы убедились и никто не имел предлога (к обвинению меня). "**И жил Павел целых два года**", говорит (писатель), "**проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно**". Прекрасно он прибавил это, потому что можно учить с дерзновением, но и с препятствиями; а Павлову дерзновению ничто не препятствовало; он говорил невозбранно. "**И жил Павел**", говорит, "**целых два года на своем иждивении**": так он был умерен, или лучше, так во всем подражал своему Учителю, что имел и жилище не на чужой счет, но на счет того, что сам зарабатывал; это именно означают слова: "**на своем иждивении**". А что Господь не имел и жилища, послушай, как Он сам в ответ сказавшему необдуманно: "**я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел**", говорит: "**лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову**" (Мф.8:19,20). Так собственным примером Он учил не искать ничего и не слишком прилепляться к предметам житейским. "**И принимал всех**", говорит, "**приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие**". Смотри: он не говорил ничего о настоящем, но все о царствии Божием. Видишь ли благоустроение Божие? Этим писатель оканчивает свое повествование и оставляет жаждущего слушателя, чтобы остальное он дополнил собственным умозаключением. Так делают и внешние (языческие) писатели, потому что знание всего может располагать к лености и небрежности. Так и он делает, не говорит о последующем, считая это излишним для тех, которые внимательно читают написанное и из сказанного научаются дополнять остальное. Конечно, каково было прежнее, таково же было и последующее. Впрочем, послушай, что сам (Павел) говорит о последующем в послании к Римлянам: "**как только предприму путь в Испанию, приду к вам**" (15:24).

3. Видишь ли, как все предвидела эта святая и божественная глава, этот муж, высший небес, имеющий душу способную обнимать все, первоверховный Павел? Одного имени его знающим достаточно для того, чтобы возбудить душу к бодрствованию, чтобы прогнать всякий сон. Рим принял его связанного, прибывшего по морю, спасшегося от кораблекрушения, и – избавился от треволнений заблуждения. Как бы какой царь, бывший в морском сражении и победивший, он вошел в царственный город. Об этом он говорит в послании: "**приду к вам, то приду с полным благословением: придти к вам и успокоиться с вами**" (Рим. 15:29,32); и опять: "**теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым**" (Рим.15:25); это тоже, что говорил прежде: "**я пришел, чтобы**

доставить милостыню народу моему" (Деян.24:17). Он был уже близок к венцу; Рим видел его связанным, и (потом) увидел увенчанным и прославленным. То он говорил: "**успокоиться с вами**"; то: "**я иду в Иерусалим, чтобы послужить**". Последнее было началом нового течения; неутомимый, он прилагал трофеи к трофеям. Коринф имел его у себя два года, Азия – три, этот (Рим) – теперь два, а потом он пришел туда во второй раз, когда и скончался. "**При первом моем ответе**", говорит он, "**никого не было со мною**" (2Тим. 4:16). Таким образом, теперь он не подвергся смерти, а потом, когда наполнил проповедью всю вселенную, разрешился от жизни. Ты хотел бы знать последующее? Оно таково же, каково и предыдущее: узы, страдания, борьба, темничное заключение, козни, клеветы, ежедневная смерть. Ты видел малую часть (дел) его? Представь такою же и остальную. Как небо, в какой бы мере ты ни видел его, все точно таково же, увидев одну часть неба, куда бы ты ни пошел, увидишь его таким же везде; или как по лучам солнца, хотя бы ты видел их отчасти, можешь заключать о том, каково солнце, – так и в отношении к Павлу. Ты видел дела его отчасти; все они таковы же, исполнены бедствий. Этот муж – небо, вмещавшее в себе Солнце правды, а не это солнце; потому и сам он выше неба. Разве этого мало? Не думаю. Когда ты называешь апостола, все тотчас разумеют его, подобно как при имени Крестителя тотчас (разумеют) Иоанна. Чему можно уподобить слова его: морю или даже океану? Ничто не может сравняться с ними. Потоки их гораздо обильнее, чище и глубже моря, так что не погрешил бы, кто назвал бы сердце Павлово и морем и небом, небом по чистоте, морем по глубине. Это – море, не из города в город переселяющее плывущих по нему, но от земли на небо. Кто плывет по этому морю, тот будет плыть при попутном ветре. На этом море не ветры, но вместо ветров Святый Дух Божий сопровождает плывущие души. Здесь нет волн, нет подводных камней, нет зверей, здесь все тихо. Это – море, спокойнейшее и безопаснейшее всякой пристани, не имеющее ничего горького, но заключающее в себе источник чистый и источающий сладчайшие потоки, прозрачнейший и светлейший солнца; море, содержащее в себе не драгоценные камни и не пурпур, но сокровища гораздо лучшие. Кто хочет погрузиться в это море, тому не нужны ни орудия плавания, ни елей, но любомудрие, и тот найдет в нем все блага царствия небесного; тот может сделаться царем, приобресть весь мир и быть в величайшей чести. Кто плывет по этому морю, тот никогда не подвергнется кораблекрушению, но будет хорошо распознавать все. Но как неопытные утопают в обыкновенном море, так и здесь, – что и случается с еретиками, покушающимися на то, что выше сил их. Потому нужно знать эту глубину, или не дерзать (погружаться в нее). Если мы хотим плыть по этому морю, то должны быть крепко препоясаны. "**И я не мог**", говорит он, "**говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими**" (1Кор.3:1). Никто, не способный к терпению, пусть не плывет по этой глубине. Приготовим себе корабли, т.е. усердие, ревность, молитвы, чтобы безопасно пройти эту глубину; ведь эта вода есть вода живая. Как имеющий у себя закаленную сталь, так и знающий Павла бывает силен; как владеющий острым мечом, так и этот бывает неприступен. Но чтобы уразуметь Павла, для этого нужна чистая жизнь; потому он и говорил: "**для вас нужно молоко: потому что вы сделались неспособны слушать**" (Евр.5:11,12). Бывает, подлинно бывает и немощь слуха. Как желудок не может принимать здоровой и твердой пищи, когда он слаб, так и душа надменная и раздражительная, делаясь бессильною и расслабленною, не может принимать духовного слова. Послушай, что говорили ученики: "**какие странные слова! кто может это слушать?**" (Ин.6:60) А когда она здорова и крепка, тогда все для нее легко, все удобно; делаясь возвышенною и легкою, она более и более устремляется горе и достигает высоты. Зная это, будем сохранять душу свою здоровою, будем соревновать Павлу, будем подражать этой доблестной и адамантовой душе, чтобы, шествуя по следам его жизни, мы могли проплыть море настоящей жизни, достигнуть безмятежной пристани и сподобиться благ, обетованных живущим достойно Христа, благодатию и человеколюбием Господа нашего

Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том IX

Книга 2

Беседы на послание к Римлянам

ПРЕДИСЛОВИЕ. Бедствия, происходящие от незнания Писания. - Послания Павла по порядку времени. - Побуждения к написанию.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ к Римл. 1:1-2. Освящение от любви. - Достоинство, приобретаемое за деньги, не есть достоинство в собственном смысле.

БЕСЕДА ВТОРАЯ к Римл. 1:8. Когда нужно благодарить Бога. - Благодать не исключает награды за действия по доброй воле. - Скромность Павла. - Не нужно исследовать причины божественных повелений.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ к Римл. 1:18. Заблуждения многоразличны, истина одна. - Сама природа проповедует Творца. - Против языческих философов. - Обиды бывают полезны переносящему их терпеливо.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ к Римл. 1:26-27. Противоестественныя вожделения - самый тяжелый грех. - Дурное употребление богатства бедственно.

БЕСЕДА ПЯТАЯ к Римл. 1:28. О наказаниях за грехи. - О воскресении тел. - Нужно страшиться будущаго суда. - Оскорбить Бога - тяжелее, чем быть наказанным.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ к Римл. 2:17-18. Какое обрезание - нравственное или плотское - действительнее. - Хищничество и лихоимство равносильны идолопоклонству.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ к Римл. 3:9-19. Об оправдании помимо закона. - Промысл Божий простирается на всех. - Любовь - матерь всех благ. - Зависть - гибельнее всякой войны. - Важно не изобилие дара, а сопутствующее ему настроение. - Какое наследство следует оставлять детям. - Доброе употребление богатства.

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ к Римл. 4:1-2. Важность и необходимость веры. - Авраам сверх надежды человеческой поверил с надеждою Божией. - Великая сила веры. - Нужно предпочитать любовь всяким знамениям.

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ к Римл. 4:23-24. Доказательство воскресения Христова. - Подвиги за Христа доставляют удовольствие. - Дарование святаго Духа - величайшее благо. - Для грешника нет зла - быть наказанным. - Нужно переносить скорби, воздавая хвалу Господу.

БЕСЕДА ДЕСЯТАЯ к Римл. 5:12. Праведность - корень жизни. - Вследствие закона увеличился грех. - Грех ослабляет душу. - Какой любви требует от нас Христос. - Страдание за Христа приносит величайшую пользу.

БЕСЕДА ОДИННАДЦАТАЯ к Римл. 6: 5. Различные роды смерти. - Вред корыстолюбия.

БЕСЕДА ДВЕНАДЦАТАЯ к Римл. 6:19. Совершенство христианской жизни. - То, что естественно, не подлежит отмене. - Порок оканчивается смертию, добродетель жизнию. - Зло любостяжания. - Как искоренять пороки. - От нас зависит - не терпеть зла.

БЕСЕДА ТРИНАДЦАТАЯ к Римл. 7:14. Об обновлении благодатию Духа. - Где Дух, там и Христос. - Необходимо умерщвление тела в смысле склонностей к порочным делам. - Кто подвержен грехам, тот не живет. - Против пьянства и пристрастия к деньгам.

БЕСЕДА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ к Римл. 8:12-13. Побуждения к духовной жизни. - Дух усыновления. - Достоверность воздаяния. - Благодать сопутствует и помогает в трудах и опасностях. - Нужно быть милосердным. - Величие будущей жизни по сравнению с царским великолепием.

БЕСЕДА ПЯТНАДЦАТАЯ к Римл. 8:28. Обилие благодатных даров. - Избрание есть знамение добродетели. - Не нужно бояться искушений. - Любовь Павла ко Христу. - Приверженность к земным предметам несовместна с любовью ко Христу. - Милостыня требуется любовью ко Христу.

БЕСЕДА ШЕСТНАДЦАТАЯ к Римл. 9:1. В каком смысле Павел желал быть отлучен от Христа. - Суждения некоторых об ап. Павле. - Истинное семя Авраама. - Все званы, но не все приходят на зов. - Не нужно требовать отчета от Бога. - Бог не отнимает свободной воли. - В чем преимущественно состоит слава Божия.

БЕСЕДА СЕМНАДЦАТАЯ к Римл. 10:1. В чем заключается истинная праведность. - О пороке тщеславия.

БЕСЕДА ВОСЕМНАДЦАТАЯ к Римл. 10:14-15. Разрешение иудейских возражений. - Великое достоинство Павла. - Какого рода завещания полезны для души.

БЕСЕДА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ к Римл. 11:7. Почему бедствия постигали иудеев. - В чем состоит истинное богатство. - Ни добродетели, ни пороки предков не имеют значения для потомков. - Призыв к милостыне.

БЕСЕДА ДВАДЦАТАЯ к Римл. 12:1. Каким образом наше тело служит жертвою. - Нет ничего слабее порока. - Смиренномудрие - матерь благ. - Вред высокомерия.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ к Римл. 12:4-5. Милостыня должна быть охотно подаваема. - Ценность ея зависит от настроения. - Как следует исполнять обязанность странноприимства.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ к Римл. 12:14. Высокомерие - источник раздора. - Нужно терпеливо переносить обиды.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ к Римл. 13:1. О повиновении. - Как нужно любить Бога.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ к Римл. 13:11. Вино разжигает похоть и гнев. - Как нужно устраивать пиршества.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ к Римл. 14:1-2. Об употреблении пищи. - Почему Бог одних наказывает, а других нет.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ к Римл. 14:14. Истинная причина осквернения. - Сила добраго или дурного примера.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ к Римл. 14:24-26. Вера требует повиновения, а не изследования. - Нужно любить и врагов.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ к Римл. 15:8. О призвании и спасении.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ к Римл. 15:14. Смирение ап. Павла. - Примеры человеколюбия.

БЕСЕДА ТРИДЦАТАЯ к Римл. 15:25-27. Восхваление Прискиллы. - Прискилла - образец для нас. - Нужно читать послание ап. Павла и др. свящ. книги.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ к Римл. 16:5. Труды ап. Павла. - В каком месте будет геенна.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ к Римл. 16:17-18. Снисходительность увещаний ап. Павла. - Разногласие в догматах. - Неотделимость молитвы от дел.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

1. Постоянно слушая чтение посланий блаженного Павла, каждую неделю дважды, а часто три и четыре раза, когда мы совершаем памяти святых мучеников, - я радуюсь, наслаждаюсь духовной трубой, восхищаюсь и воспламеняюсь желанием, узнавая любезный мне голос, и мне почти кажется, будто он явился и присутствует передо мной, и я вижу, как он беседует. Но, с другой стороны, я скорблю и сокрушаюсь тем, что не все знают этого мужа так, как должно знать, а некоторые находятся в таком неведении, что не знают ясно и числа его посланий. И это бывает не от недостатка учения, а оттого, что не хотят постоянно беседовать с этим блаженным. И мы то, что знаем (если, действительно, что-нибудь знаем), уразумели не при помощи природной способности и остроты ума, но вследствие того, что постоянно были близ этого мужа и ревностно прилежали ему. Любящие знают дела любимых больше всех остальных, так как поистине заботятся о них. И блаженный Павел, показывая это, говорил к Филиппийцам: "**как и должно мне помышлять обо всех вас, потому что я имею вас в сердце в узах моих, при защите и утверждении благовествования, вас всех, как соучастников моих в благодати**" (Филип. 1:7). Таким образом, и вы, если желаете с усердием внимать чтению, не будете нуждаться ни в чем другом, потому что не ложно слово Христа, Который сказал: "**ищите, и найдете; стучите, и отворят вам**" (Матф. 7:7). Но так как у нас большая часть собравшихся здесь приняли на себя заботу о воспитании детей и о жене и попечение о доме и, вследствие этого, не могут согласиться на то, чтобы всецело предать себя этому труду, то, по крайней мере, постарайтесь принять собранное другими и уделите слушанию того, о чем здесь говорится, такое же большое внимание, как и собиранию имений.

Правда, хотя и стыдно требовать от вас одного только этого, но будет приятно, если вы и в этом не откажете.

Ведь отсюда, от незнания Писания, произошли бесчисленные бедствия: отсюда произросла великая зараза ересей, отсюда - нерадивое житье, бесполезные труды. Подобно тому, как лишенные этого света не могут прямо идти, так и не взирающие на луч божественного Писания вынуждаются много и часто грешить, так как поистине ходят в самой глубокой тьме. Что бы этого не было, откроем глаза перед сиянием апостольских глаголов; ведь язык апостола Павла воссиял ярче солнца, он словом учения превзошел всех прочих и получил обильную благодать Духа, так как больше других потрудился. И я утверждаю это не на основании только посланий, но и деянии. Если где-нибудь был удобный случай для проповеди, всюду предоставляли ему; потому даже неверующие назвали этого апостола Гермесом - за совершенство в слове. Намеревающимся приступить к посланию этому необходимо сказать и о времени, в которое оно было написано. Вопреки мнению многих, оно не первое из всех остальных посланий, но, будучи составлено ранее тех, которые написаны из Рима, оно позднее других, хотя и не всех. Так, оба послания к Коринфянам были отправлены раньше этого. И это видно из того, что он, написал в конце послания, говоря следующее: "**теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым, ибо Македония и Ахаия усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми в Иерусалиме**" (Рим. 15:25-26). А в послании к Коринфянам он, говоря о собравшихся нести в Иерусалим подаяние, писал: "**а если прилично будет и мне отправиться, то они со мной пойдут**" (1 Кор., 16:4). Отсюда видно, что когда Павел писал к Коринфянам, его путешествие было еще сомнительно, а когда писал к Римлянам, то оно было уже решено. Согласившись же с этим, мы должны заключить, что послание к Римлянам написано после послания к Коринфянам. А, по моему мнению, и послание к Фессалоникийцам было написано раньше послания к Коринфянам. Написав предварительно свое послание к первым, он так говорил о милостыне: "**о братолюбии же нет нужды писать к вам; ибо вы сами научены Богом любить друг друга, ибо вы так и поступаете со всеми братьями**" (1 Фессалон. 4:9-10). А потом уже он писал к Коринфянам, как видно из слов: "**ибо я знаю усердие ваше и хвалюсь вами перед Македонянами, что Ахаия приготовлена еще с прошедшего года; и ревность ваша поощрила многих**" (2 Кор. 9:2). Отсюда ясно, что Фессалоникийцам говорено было о том прежде. Но хотя послание к Римлянам позднее этих, однако, оно написано раньше тех, которые отправлены из Рима. Он еще не прибыл в город Рим, когда написал это послание, как открывается из слов: "**я весьма желаю увидеть вас, чтобы преподать вам некое дарование духовное**" (Рим. 1:11). К Филиппийцам же Павел писал из Рима, почему и говорит: "**приветствуют вас все святые, а наипаче из кесарева дома**" (Филип. 4:22). И к Евреям написано оттуда же, почему и сказано, что их приветствуют все от Италии (Евр. 13:24). Также и послание к Тимофею Павел писал из Рима, находясь в узах. Даже мне кажется, что оно есть последнее из всех его посланий, как видно из сказанного в конце: "**ибо я уже становлюсь жертвой, и время моего отшествия настало**" (2 Тим. 4:6). Всякому же известно, что Павел кончил жизнь в Риме. И послание к Филимону есть также одно из последних, так как Павел написал его в глубокой старости, о чем сам говорит: "**я, Павел старец, а теперь и узник Иисуса Христа**" (Фил. 1:9). Но, конечно, оно написано прежде послания к Колоссянам, что опять видно из сказанного в конце послания, так как Павел в послании к Колоссянам пишет: "**все скажет вам Тихик, которого я послал с Онисимом, верным и возлюбленным братом**" (Кол. 4:7-9). Онисим же этот был тот самый, о котором Павел написал послание к Филимону, а не другой, соименный ему, что доказывается именем Архипа, на которого Павел в послании к Филимону возложил труд ходатайствовать с ним за Онисима, и которого в послании к Колоссянам он поощряет такими словами: "**скажите Архиппу: смотри, чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе**" (Колосс. 4:17). Мне еще кажется, что послание к Галатам написано

прежде послания к Римлянам. Если же послания Павла имеют в книгах порядок другой, то это нисколько не удивительно, так как и двенадцать пророков расположены последовательно, в известном порядке книг, хотя по времени они и не следуют один за другим, но разделены между собой большим промежутком времени. Так Аггей, Захария и другие пророчествовали после Иезекииля и Даниила, а многие после Ионы, Софонии и всех прочих; однако же, в книгах они соединены вместе с теми, от которых так удалены временем.

2.Никто пусть не считает этот труд излишним и не признает такое исследование делом пустого любопытства, потому что время посланий не мало содействует нам к объяснению их. Так, я замечаю, что Павел к Римлянам и Колоссянам пишет об одном и том же, но неодинаково. К Римлянам он пишет с большим снисхождением, когда говорит: "**немощного в вере принимайте без споров о мнениях. Ибо иной уверен, что можно есть все, а немощный ест овощи**" (Рим. 14:1-2). А к Колоссянам о том же апостол выражается иначе и с большей свободой, именно говорит: "**итак, если вы с Христом умерли для стихий мира, то для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений: не прикасайся, не вкушай, не дотрагивайся - что все истлевает от употребления, - по заповедям и учению человеческому? Это имеет только вид мудрости в самовольном служении, смиренномудрии и изнурении тела, в некотором небрежении о насыщении плоти**" (Колос. 2:20-23). Причину такой разности я нахожу не в чем другом, как в обстоятельствах времени. В начале следовало быть снисходительным, а после это стало уже не нужно. Можно найти, что Павел и во многих других случаях делал то же. Так обыкновенно поступают врач и учитель. Врач неодинаково будет обходиться с теми, которые только что заболели, и с теми, которые уже выздоравливают; равно и учитель иначе будет обращаться с детьми, начинающими учиться, и иначе с требующими совершеннейших уроков. Итак, Павел писал послания другим, побуждаемый какой-нибудь причиной и целью (на это он и указывает, говоря Коринфянам: "**а о чем вы писали ко мне**" (1 Кор. 7:1), и Галатам изъясняет то же самое, как в предисловии, так и во всем послании). Для чего же и по какой причине он писал к Римлянам? Ведь он ясно свидетельствует о них, что они полны благости, исполнены всякого разумения и могут иных научить (Рим. 15:14). Итак, для чего же он писал к ним послание? "**По благодати**", говорит он, "**данной мне от Бога, быть служителем Иисуса Христа**" (Рим. 15:15-16). Потому и в начале послания он сказал: "**я готов благовествовать и вам, находящимся в Риме**" (Рим. 1:15). А то, что Римляне могут и других научить, это и другое подобное сказано больше в похвалу и поощрение, так как и они имели нужду в исправлении посредством послания. И так как Павел сам еще не был в Риме, то он двумя способами исправляет мужей - и полезным писанием, и ожиданием его прибытия. Такова была святая душа Павла; она обнимала всю вселенную и всех заключала в себе, считая родство по Боге самым высшим. Павел всех любил так, как будто сам родил их, а лучше сказать, обнаруживал любовь больше всякого отца. Такова-то благодать Духа: она побеждает телесные болезни и создает самую горячую любовь. Особенно же это можно видеть на душе Павла, который, как бы получивши крылья, под воздействием любви неутомимо всех обходил, нигде не медлил и не останавливался. Он знал, что Христос, сказав Петру: "**любишь ли Меня? Паси овец Моих**" (Иоан. 21:15), указал этим на высочайшую степень любви, и потому сам в избытке обнаружил ее в себе. Итак, мы, соревнуя Павлу, будем назидать, если не весь мир, не целые города и народы, то, по крайней мере, каждый - собственный свой дом, свою жену, своих детей, друзей, соседей. И никто пусть не говорит мне: я неискусен и несведущ. Нет никого более неученого, чем Петр, и более неискусного, чем Павел. Он и сам признается в этом и, не стыдясь, говорит: "**хотя я и невежда в слове, но не в познании**" (2 Кор. 11:6). Однако невежда Павел и неученый Петр победили тысячи философов, заставили молчать бесчисленных ораторов, совершив все это собственным усердием и благодатью Божьей. Какое же оправдание найдем для себя мы,

когда оказываемся не в состоянии научить и двадцать человек и быть полезными для живущих вместе с вами? Это пустой предлог и пустая отговорка. Не малоученость, не малообразованность, но леность и сон препятствуют нам учить. Потому, отрясши этот сон, со всем прилежанием позаботимся о собственных членах, чтобы, наставляя ближних своих страху Божьему, мы и здесь насладились полным спокойствием, и так сделались участниками бесчисленных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым слава Отцу и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 1

"Павел, раб Иисуса Христа, призванный Апостол, избранный к благовестию Божьему, которое Бог прежде обещал через пророков Своих, в святых писаниях" (Римл. 1:1-2).

1. Моисей написавший пять книг, нигде не поставил своего имени, а равно и те, которые после него описывали последующие события, даже Матфей, Иоанн, Марк, Лука; но блаженный Павел всюду в своих посланиях ставит свое имя. Почему это? Потому что те писали для находившихся возле них и, присутствуя лично, не имели нужды говорить о себе самих; а Павел посылал писания издали и в виде письма, почему для него и необходима была прибавка имени. Если же в послании к Евреям он не делает этого, то по своему благоразумию. Так как евреи его ненавидели, то, чтобы они, услышав в начале послания его имя, не отказались слушать далее, он, скрыв свое имя, этим мудро достиг их внимания. Если же пророки и Соломон надписывали имена свои, то предоставляю вам самим исследовать, почему одни это делали, а другие не делали: ведь не всему нужно мне учить вас, а надобно и вам самим трудиться и исследовать, чтобы не сделаться еще ленивее. "**Павел, раб Иисуса Христа**". Для чего Бог переменил ему имя и бывшего Савла назвал Павлом? Для того чтобы ему и в этом отношении не быть меньше апостолов, но какое преимущество имел верховный из учеников, такое же приобрел и Павел, и получил основание для большего с ними союза. Не без намерения же называет он себя рабом Христовым. Рабство имеет многие виды. Есть рабство по сотворению, о котором сказано: "**ибо все служит Тебе**" (Псал. 118:91), и еще: "**раб мой Навуходоносор**" (Иерем. 25:9), - потому что всякая тварь порабощена своему Творцу. Другой вид - рабство от веры, о котором говорится: "**благодарение Богу, что вы, быв прежде рабами греха, от сердца стали послушны тому образу учения, которому предали себя. Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности**" (Рим. 6:17-18). Наконец, есть рабство по образу жизни, о котором сказано: "**Моисей, раб Мой, умер**" (Иис. Нав. 1:2); хотя и все иудеи были - слугами, но Моисей преимущественно сиял жизнью. А так как Павел был рабом во всех видах рабства, то вместо самого почетного титула употребляет наименование: "**раб Иисуса Христа**". А имена домостроительства он прилагает, восходя снизу вверх. Имя Иисус принесено ангелом, сошедшим с небес, когда Сын Божий родился от Девы, а имя Христос происходит от помазания и принадлежит Ему также по плоти. И каким, спросишь, елеем Он был помазан? Он помазан не елеем, но Духом. А писание и таковых обыкновенно называет христами. Преимущественное в помазании есть Дух, потому и елей приемлется. Где же писание называет христами не помазанных елеем? Там, где говорит: "**не прикасайтесь к помазанным Моим, и пророкам Моим не делайте зла**" (Псал. 104:15). Ведь тогда елей не приготовлялся для помазания. "**Призванный Апостол**". Павел везде называет себя призванным, свидетельствуя этим о своей признательности, потому что не сам искал и нашел, но, будучи призван, явился и повиновался. И верующих он также называет призванными святыми, хотя они призваны только для того, чтобы уверовать; Павлу же вручено еще другое - апостольство, служение, заключающее в себе бесчисленные блага, совмещающее и превосходящее все дарования. И что еще можно сказать больше того, что Христос, оставляя землю, поручил апостолам, все то, что сам

совершал на земле? И Павел, восхваляя это достоинство апостолов, восклицает: "**от имени Христова просим: примиритесь с Богом**" (2 Кор., 5:20), то есть - вместо Христа. "**Избранный к благовестию Божьему**". Как в доме каждый избран для особого дела, Так и в церкви бывают различные разделения служения. Но мне кажется, что Павел указывает здесь не только на жребий своего служения, но и на то, что он издревле и свыше был назначен для него. Так и Иеремия говорит, что Бог сказал о нем: "**прежде, нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя**" (Иерем. 1:5). Так как Павел писал городу тщеславному и напыщенному, то он во всем и показывает Божье рукоположение и говорит, что сам Бог призвал, сам Бог избрал его. Он делает это для того, чтобы послание его признали достоверным и приняли. "**К благовестию Божьему**". Итак, не один Матфей или Марк есть евангелист, равно как не один Павел есть апостол, но также и первые, хотя Павел по преимуществу называется апостолом, а те евангелистами. Самое же благовестие он называет в зависимости не от настоящих только благ, но и от будущих. Как же Павел говорит, что он благовествует о Боге? "**Избранный**", говорит, "**к благовестию Божьему**". Правда, Отец был известен и прежде евангелий, но, если и был известен, то одним только иудеям, и притом не всем, как надлежало. Тогда не знали Бога, как Отца, и многое представляли недостойно Его. Потому Христос и сказал, что придут "**истинные поклонники**", и что "**таких поклонников Отец ищет Себе**" (Иоан. 4:23). Впоследствии же и сам Отец вместе с Сыном открылся всей вселенной; предвозвещая об этом Христос сказал: "**да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобой Иисуса Христа**" (Иоан. 17:3). Благовестием же Божьим апостол называет (свою проповедь) для того, чтобы в самом начале возбудить внимание слушателя. Он пришел не с печальной какой-либо вестью, как приходили пророки - с обличениями, укоризнами, угрозами, но с добрыми вестями, с благовестием Божьим о бесчисленных сокровищах постоянных и непреложных благ, которые"**прежде обещал через пророков Своих, в святых писаниях**". Сказано ведь: "**Господь даст слово: провозвестниц великое множество**" (Псал, 67:12); и еще: "**как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир**" (Иса. 52:7)!

2. Видишь ли, как определенно выражены в ветхом завете название и способ евангелия? Оно, говорит, возвещается не только словами, но и делами; затем благовестие не есть что-либо человеческое, но божественное, неизреченное, превышающее всякое естество. А так как называли его - нововведением, то Павел доказывает, что благовестие древнее эллинов (язычества) и прежде было описано у пророков. Если же Бог сообщил его не изначала, то по вине не хотевших придать; кто же хотел, тот слышал. "**Авраам, отец ваш**", сказано, "**рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался**" (Иоан. 8:56). Итак, в каком смысле говорит, что "**многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели**" (Матф. 13:17)? В таком, что вы видите и слышите самую плоть и самые знамения, совершающиеся перед глазами. Но ты обрати внимание, за сколько времени раньше об этом было предвозвещено. Всякий раз, как Богу угодно предуготовить что-нибудь великое, Он предсказывает об этом за много времени, чтобы настроить слух к принятию этого при исполнении. "**В писаниях святых**" Пророки не только говорили, но и писали то, о чем говорили. Даже не только писали, но изображали действиями, например, Авраам вел Исаака (на жертвоприношение), Моисей возносил змея, воздевал руки во время сражения с Амаликом и закалал пасхального агнца. "**о Сыне Своем, Который родился от семени Давидова по плоти**" (Римл. 1:3). Что ты делаешь, Павел? Вознеся наши души и подняв их на высоту, показав великое и неизреченное, сказав о евангелии и евангелии Божьем, представив сонм пророков и показав, что они предрекли будущее за много лет раньше, для чего ты опять низводишь нас к Давиду? Скажи мне, - о каком человеке ты говоришь, именуя его отцом Иессеева сына? Сообразно ли это со сказанным прежде? Весьма сообразно, говорит Павел, - потому что у нас речь не о простом человеке. Вследствие этого я и прибавил – "**по плоти**", давая понять, что Ему же принадлежит и

другое рождение - по Духу. Но для чего он начал с рождения по плоти, а не с высшего - с рождения по Духу? Для того, что так начинают Матфей, Лука и Марк. К тому же, намеревающемуся возводить к небу необходимо вести снизу вверх. Так было и на самом деле. Сына Божьего видели на земле человеком, а потом признали Его Богом. А какой способ учения употребил сам Он, такой же путь, ведущий к Нему, пролагает и ученик Его. Сначала говорит о рождении по плоти не потому, что оно было первое, но с той целью, чтобы от него возвести слушателя к другому рождению - по Духу. "**Открылся Сыном Божьим в силе, по духу святыни, через воскресение из мертвых, об Иисусе Христе Господе нашем**" (Римл. 1:4). Сказанное не совсем ясно, вследствие буквальной связи выражений; поэтому необходимо разделить речь. Итак, что же означают эти слова? Мы проповедуем, говорит Павел, происшедшего от Давида. Но это ясно. Чем же доказывается, что воплотившийся есть Сын Божий? Во-первых - пророками, почему Павел и сказал: "**прежде обещал через пророков Своих, в святых писаниях**". Этот способ доказательства имеет не малую силу. Во-вторых - самым образом рождения, который выражен у апостола словами: "**от семени Давидова по плоти**", так как это рождение нарушило порядок Природы. В-третьих - чудесами, которые совершил Христос, доказав тем необыкновенную силу, что и выражено словом – "**в силе**". В-четвертых - Духом, Которого даровал верующим в Него и через Которого всех сделал святыми, почему и сказано: "**по Духу святыни**", так как одному Богу свойственно раздавать таковые дары. В-пятых - воскресением Господа, потому что Он первый и один только воскресил сам Себя; и это Он сам называл знамением, преимущественно перед всеми другими достаточным для того, чтобы заградить уста даже бесстыдным. Он сказал: "**разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его**" (Иоан. 2:19). И еще: "**когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я**" (Иоан. 8:28). И опять: "**род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка**" (Матф. 12:39). Итак, что значит – "**нареченный**"? Указанный, открывшийся, признанный, исповеданный по суждению и решению всех, вследствие предсказания пророков, вследствие чудесного рождения по плоти, при посредстве силы, явленной в чудесах, через Духа, Которым даровал освящение, через воскресение, которым разрушил державу смерти. "**Через Которого мы получили благодать и апостольство, чтобы во имя Его покорять вере все народы**" (Римл. 1:5). Заметь признательность раба: он ничего не хочет приписать себе самому, но все приписывает Господу. И, конечно, это даровал Дух. Потому Господь и сказал: "**еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину**" (Иоан. 16:12-13). И в другом месте Дух повелевает: "**отделите Мне**" Павла "**и Варнаву**" (Деян. 13:2).Также апостол в послании к Коринфянам говорит, что "**одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом**", и что "**все производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно**" (1Кор. 12:8, 11). И проповедуя жителям Милета, он говорил: "**в котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа**" (Деян. 20:28). Видишь ли, что (апостол) принадлежащее Духу усваивает Сыну и принадлежащее Сыну усваивает Духу? "**Благодать и апостольство**", то есть, не по заслугам своим мы стали апостолами, так как не достигли этого достоинства многими трудами и усилиями, но получили благодать, и от этого дара свыше совершилось преуспеяние. "**В послушание веры**".

3. Следовательно, успех проповеди зависел не от апостолов, но от благодати, им предшествующей. Их дело было - обходить и проповедовать, но убеждение производил Бог, действующий в них, как Лука и сказал, что "**отверз сердце**" их (Деян. 16:14); и опять: которым дано было слышать слово Божие. В послушание. Не сказал - для исследования и доказательства, но - в послушание. Мы посланы, говорит он, не умозаключения составлять, но передать то, что вам вверено. Когда Господь возвестит что-нибудь, слушатели не должны перетолковывать слова Его и с любопытством исследовать, но

обязаны только принять их. И апостолы посланы были для того, чтобы передать то, что слышали, ничего не прибавляя от себя, чтобы и мы, наконец, уверовали. Чему же уверовали? Во имя Его. Мы не должны исследовать сущность Его, но веровать во имя Его, так как оно творило и чудеса. "**Во имя Иисуса Христа**", говорит Петр, "**восстань и ходи**" (Деян. 3:6). Оно и само требует веры, и ничего из этого нельзя постигнуть разумом. "**Все народы, между которыми находитесь и вы, призванные Иисусом Христом**" (Римл. 1:6). Что это? Разве Павел проповедовал всем народам? Из послания к Римлянам видно, что он обошел (страны) от Иерусалима до Иллирика и оттуда опять доходил до последних пределов земли. Но если бы даже он был и не у всех народов, сказанное им нимало не ложно, потому что он говорит не об одном себе, но и о двенадцати апостолах и обо всех, благовествовавших слово после них. Впрочем, нельзя признавать этих слов спорными и в отношении самого Павла, если иметь ввиду его усердие и то, что он после кончины своей не перестает проповедовать в целой вселенной. Заметь также, как Павел превозносит дар (апостольства) и показывает его величие и превосходство перед прежним (ветхозаветным). Если древнее (обетования ветхозаветные) простиралось на один народ, то это (апостольство) привлекло сушу и море. Не оставь без внимания и того, сколько душа Павла далека от всякой лести. Обращая речь к Римлянам, которые пребывали как бы на некоторой вершине всей вселенной, он не отдает им никакого преимущества перед прочими народами и, хотя они тогда владычествовали и господствовали, Павел не говорит, что они имеют какое-нибудь преимущество и в духовном отношении. Но как мы проповедуем всем народам, пишет он, так проповедуем и вам, причем ставит их на ряду со скифами и фракийцами; а если бы он не это хотел сказать, то было бы излишне прибавлять: "**между которыми находитесь и вы**". Делает же он это с той целью, чтобы низложить их высокомерие, смирить кичливость ума и научить равночестно относиться к другим. Для этого и присовокупил слова: "**между которыми находитесь и вы, призванные Иисусом Христом**", то есть, с которыми находитесь и вы. Не сказал, что Христос других призвал с вами, но говорит, что вас Он призвал с другими. Если во Христе Иисусе нет ни раба, ни свободного, а тем более - ни царя, ни простолюдина, то и вы также призваны, а не сами собой пришли. "**Всем находящимся в Риме возлюбленным Божьим, призванным святым: благодать вам и мир от Бога отца нашего и Господа Иисуса Христа**" (Римл. 1:7). Смотри, как часто Павел употребляет слово – "**призванный**", говоря: "**призванный апостол, между которыми находитесь и вы, призванные, всем сущим в Риме призванным**". Это он делает не для многословия, но, желая опять напомнить римлянам о благодеянии Божьем. Так как среди верующих находились, вероятно, и префекты, и консулы, и бедные, и простолюдины, то, отлагая неравенство чинов, он всем посылает одно приветствие. Если же и рабам, и свободным принадлежит всецелое общение во всем самом необходимом и духовном, как-то: любовь Божья, звание, благовестие, усыновление, благодать, мир, освящение и все прочее, то не крайнее ли будет безумие различать по земным деяниям тех, которых Бог соединил и сделал равночестными в важнейшем? Потому, конечно, апостол в самом начале отвергает этот лютый недуг и направляет римлян к смиренномудрию, которое есть матерь всех благ. Смиренномудрие и рабов делало лучшими, научая их, что рабство не причинит им вреда, если они имеют истинную свободу, и господ обращало к умеренности, вразумляя их, что нет никакой пользы в свободе, если не бывает совершенства в делах веры. А чтобы тебе понять, что Павел делал это не с намерением все слить и смешать, а, напротив, он знал лучший способ различать, - обрати внимание на то, что он не просто написал: всем сущим в Риме, но с ограничением: "**возлюбленным Божьим**". Это - самое лучшее различение, которое ясно и показывает, откуда происходит освящение.

4. Итак, откуда именно освящение? От любви. Сказав – "**возлюбленным**", тотчас присовокупил: "**призванным святым**", показывая, что источником всех благ для нас служит любовь; а святыми он называет всех верующих. "**Благодать вам и мир**". О,

приветствие, приносящее бесчисленные блага! его именно и Христос заповедал апостолам произносить, при входе в дом, как первое слово. Поэтому и Павел всегда начинает тем же, т. е. словами: "**благодать и мир**". Не малую вражду прекратил Христос, но тяжелую, многоразличную и продолжительную, и притом уничтожив ее не нашими трудами, но Своей благодатью. И как любовь даровала благодать, а благодать даровала мир, то апостол, расположив их в своем приветствии в таком именно порядке, молит о непрерывном и ненарушимом пребывании (любви, благодати и мира), чтобы опять не возгорелась другая брань, и просит Подателя сохранить их непреложными, говоря так: "**благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа**". Вот здесь предлог "**от**" (apo) относится к Отцу и Сыну, а это равно выражению – "**из Него**" (ex su). Апостол не сказал: благодать вам и мир от Бога Отца через (dia) Господа нашего Иисуса Христа, но говорит: "**от**" (apo) "**Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа**". О, какую силу имеет любовь Божья! Враги и отверженные стали вдруг святыми и сынами. Апостол, назвав Бога Отцом, явил их сынами, а когда наименовал сынами, открыл все сокровище благ. Итак, не перестанем являть жизнь достойную дара, соблюдая мир и святость. Другие почести временны, прекращаются с настоящей жизнью и продаются за деньги, почему о них можно сказать, что это не почести, но только наименования почестей, получающие свое значение от пышных одежд и от лести окружающей свиты. А дар освящения и усыновления, как данный от Бога, не уничтожается вместе со смертью, но и здесь делает нас знаменитыми, и сопровождает в жизнь будущую. Соблюдающий усыновление и тщательно хранящий дар святыни гораздо славнее и блаженнее увенчанного диадемой и носящего порфиру; даже в настоящей жизни он наслаждается совершенным спокойствием, насыщается благими надеждами, не имеет никакой причины для страха и беспокойства и пользуется непрерывной радостью. Ведь обыкновенно веселье и радость доставляет не величие власти, не обилие денег, не полнота могущества, не крепость тела, не роскошь трапезы, не пышность одежд и не какое-либо другое из человеческих преимуществ, но только духовное совершенство и добрая совесть. Итак, кто имеет чистую совесть, хотя бы был одет в рубище и боролся с голодом, бывает благодушнее живущих роскошно; равно как сознающий за собой худое, хотя бы владел всеми богатствами, бывает несчастнее всех. Потому и Павел, хотя жил во всегдашнем голоде и наготе, хотя каждый день подвергался ударам, но радовался и веселился более современных царей. А Ахаав, хотя и царствовал и наслаждался разнообразными предметами роскоши, когда совершил свой грех, стенал и скорбел, а лицо его опадало как до греха, так и после греха. Итак, если мы желаем наслаждаться радостью, то больше всего иного будем избегать порока и станем следовать добродетели, потому что иначе невозможно достигнуть радости, хотя бы мы взошли даже и на царский престол. Потому и Павел сказал: "**плод же духа есть любовь, радость, мир**" (Гал. 5:22). Возрастим же этот плод в самих себе, чтобы нам и здесь насладиться радостью, и достигнуть будущего царства, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым слава Отцу и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 2

"Прежде всего, благодарю Бога моего через Иисуса Христа за всех вас, что вера ваша возвещается во всем мире" (Римл. 1:8).

1. Начало приличное блаженной душе и достаточное для того, чтобы научить всех посвящать Богу начатки добрых дел и слов и благодарить Его не только за свои успехи в добре, но и за успехи других, потому что это делает душу чистой от зависти и недоброжелательства и привлекает на благодарных большее благоволение Божье. Потому Павел и в другом месте говорит: "**благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса**

Христа, благословивший нас во Христе всяким духовным благословением" (Ефес.1:3).

Благодарить же должны не только богатые, но и бедные, не здоровые только, но и больные, не одни благоденствующие, но и терпящие напасти. Нет ничего удивительного в благодарении тогда, когда дела наши направляются попутным ветром; но когда бывает сильная буря, корабль опрокидывается и находится в опасности, тогда благодарность служит большим доказательством терпения и признательности. За такую благодарность и Иов был увенчан, заградил бесстыдные уста дьявола и ясно доказал, что в дни благополучия был благодарным не из выгод, но вследствие сильной любви своей к Богу. Смотри также, за что благодарит Павел, - не за земное и погибающее, как-то: власть, могущество и славу (ведь это и не стоит ни одного слова), но за блага истинные, веру и дерзновение. И с каким расположением он благодарит! Не сказал: "**Бога**", но: "**Бога моего**". Это делают и пророки, присваивая себе общее всем. И что удивительного, если (так поступают) пророки? Сам Бог всегда явно делает это в отношении рабов Своих, называя Себя в частности Богом Авраама, Исаака и Иакова. "**Что вера ваша возвещается во всем мире**". Итак, что же? Неужели вся земля слышала о вере римлян? По словам Павла, вся; и в этом нет ничего неправдоподобного. Ведь Рим был городом немаловажным и, будучи расположен как бы на некоторой вершине, был известен всем. Ты же обрати внимание на силу проповеди, как она в короткое время при посредстве мытарей и рыбаков покорила себе самую славу городов и как мужи сирияне сделались учителями и наставниками римлян. Итак, Павел свидетельствует им о двояком успехе (проповеди), - о том, что римляне уверовали, и уверовали с таким дерзновением, что слава о них распространилась по всей земле. Он говорит: "**вера ваша возвещается во всем мире**". Вера, а не словопрения, не состязания, не доказательства, хотя в Риме и было много препятствий учению. Римляне, недавно получив власть над вселенной, много думали о себе, жили богато и роскошно, а проповедь принесли к ним рыбари - иудеи и от иудеев, народа ненавидимого и для всех презренного, и повелевали покланяться Распятому, воспитанному в Иудее; эти учители вместе с учением внушали и строгую жизнь таким людям, которые заботились об удовольствиях и стремились только к настоящему. Притом, проповедники были люди бедные, простые, низкого происхождения и из незнатных. Но ничто из этого не воспрепятствовало распространению слова: сила Распятого была такова, что слово распространялось всюду, "**возвещается**", как говорит Павел, "**во всем мире**". Он не сказал - объявляется, но – "**возвещается**", то есть, для всех они (апостолы) служили предметом разговора. Свидетельствуя об этом и фессалоникийцам, апостол присовокупляет и другое: сказав: "**от вас пронеслось слово Господне**", прибавил: "**так что нам ни о чем не нужно рассказывать**" (1 Фессалон. 1:8). Там ученики стояли на степени учителей, смело всех наставляли и привлекали к себе. Проповедь нигде не останавливалась, но быстрее огня обтекала всю вселенную. Здесь же только сказано, что "**возвещается**". И хорошо апостол сказал: "**возвещается**", показывая, что ничего не должно ни прибавлять к сказанному, ни убавлять, так как дело вестника передать только то, что ему было сказано. Потому и священник называется вестником (ангелом), так как возвещает не свои слова, но пославшего. Конечно, и Петр проповедовал там (в Риме), но Павел труды его считает за одно со своими. Так, как я сказал выше, был он свободен от всякой зависти. "**Свидетель мне Бог, Которому служу духом моим в благовествовании Сына Его**" (Римл. 1:9).

2. Конечно, это - изречение апостольского духа и сердца, выражение отеческой попечительности. Но что именно значат эти слова и для чего Павел призывает в свидетели Бога? У него речь была о привязанности, а так как он еще не видел римлян, то и призывает в свидетели не кого-либо из людей, но Испытующего сердца. Сказав: "**люблю вас**", он представил в доказательство то, что всегда молится и желает придти к ним, но так

как и это для них не было ясно, он прибегает к достоверному свидетельству. Может ли кто-нибудь из нас похвалиться, что, молясь дома, вспоминает обо всех членах Церкви? Не думаю. Но Павел не за один город, а за целую вселенную приносил молитвы Богу и притом не раз, два или три, а непрестанно. А непрестанно носить кого-нибудь в памяти невозможно, не имея великой любви. Пойми отсюда, какой привязанности и любви свойственно иметь в молитвах и иметь непрестанно. А когда Павел говорит: "**Которому служу духом моим в благовествовании Сына Его**", этим он показывает нам вместе и благодать Божью и свое смиренномудрие, - благодать Божью в том, что ему поручено такое дело, а свое смиренномудрие в том, что он приписывает все не своему прилежанию, но помощи Духа. Упоминание же о благовествовании указывает на один из видов служения. Ведь существует много различных способов служения вообще, а равно и служения Богу. Как при (земных) царях все подчинены одному государю, хотя не все одинаково служат, но служба одного состоит в начальстве над войском, другого в управлении городами, а иного в хранении денег в казне, так и в делах духовных - один служит и работает Богу тем, что верует и хорошо устраивает свою жизнь, другой тем, что принял на себя попечение о странниках, а иной тем, что взял на себя ходатайство за нуждающихся. Подобным образом, и у самих апостолов Стефан и окружавшие его служили Богу предстательством за вдовиц, а иные служили учением слова, каков был и Павел, служивший Богу проповедью евангелия. Таков был род его служения и на это он был поставлен. Потому он не только призывает в свидетели Бога, но и говорит о том, что ему было вверено, показывая, что если бы он не получил столь великого полномочия, то ложно не призвал бы в свидетели Доверившего. Вместе с тем Павел желает показать и то, что любовь его к римлянам и попечение о них необходимы. Чтобы не сказали: "ты кто и откуда и почему говоришь, что заботишься о таком обширном и царственнейшем городе"? - апостол и доказывает, что для него эта забота необходима, потому что на него возложен такой род служения - проповедовать евангелие. А тот, кому поручено такое дело, имеет необходимость всегда содержать в мыслях намеревающихся принять слово. Кроме того, словами: "**духом моим**" апостол указывает и на другое, именно на то, что служение его Богу гораздо выше эллинского (языческого) и иудейского. Служение эллинское есть ложное и плотское, а иудейское, хотя и истинное, но также плотское; служение же Церкви противоположно, и несравненно выше иудейского, потому что наше служение Богу совершается не при посредстве овец, тельцов, дыма и курения, но через душу духовную, что именно и изобразил Христос, сказав: "**Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине**" (Иоан. 4:24). "**В благовествование Сына Его**". Сказав выше, что благовестие принадлежит Отцу, апостол приписывает его здесь и Сыну: так безразлично говорится об Отце и Сыне. По блаженному евангельскому изречению апостол знал, что то, что свойственно Отцу, принадлежит Сыну, а свойственное Сыну принадлежит и Отцу. "**Все Мое**", говорит (Христос), "**Твое, и Твое Мое**" (Иоан. 17:10). "**Непрестанно вспоминаю о вас всегда в молитвах моих**" (Римл 1:9-10). Такова истинная любовь. И мне кажется, что апостол говорит все об одном, хотя и употребляет здесь четыре выражения, именно: вспоминает, вспоминает непрестанно, вспоминает в молитвах, вспоминает в молитвах о важных делах. "**В молитвах моих, чтобы воля Божья когда-нибудь благопоспешила мне придти к вам**" (Римл. 1:10). Замечаешь ли ты, что апостол горит сильным желанием увидеть римлян и не решается на это против воли Божьей, но желание свое умеряет страхом Божьим? Он любил их и стремился к ним, но, однако же, и в то время, когда любил, не захотел увидеться с ними против воли Божьей. Такова истинная любовь, а не та, которая у нас, нарушающих и тот и другой закон любви. Мы или никого не любим, или если любим, то против воли Божьей, делая то и другое вопреки божественному закону. Тяжело слышать это, но еще тяжелее совершать.

3. Когда же, спросишь, мы любим против воли Божьей? Всякий раз, как не обращаем внимания на Христа, томимого голодом, а детям, друзьям, родным даем более чем,

сколько им нужно. Но нужно ли и продолжать слово? Каждый из нас, если испытает совесть свою, найдет, что это бывает у него во многих случаях. Не таков был блаженный Павел, который умел любить, и любить, как должно и как приличествовало, и который, превосходя всех в любви, не переступал ее границ. Итак, смотри, как обильно он был преисполнен тем и другим - и страхом Божьим, и любовью к римлянам. Его сильная любовь выражалась в том, что он непрестанно молился, молился даже, и тогда, когда не получал просимого; а постоянное благочестие проявлялось в том, что он, имея любовь, не переставал быть покорным мановению Божьему. Некогда Павел трижды просил Господа и не только не получил просимого, но, и не получив, счел за великую милость то, что не был услышан: так он во всем взирал на Бога. Теперь же хотя и получил (просимое), но не в то время, когда просил, а после, и нисколько этим не огорчился. Говорю же я это для того, чтобы и нам не скорбеть, когда мы не бываем, услышаны, или же бываем услышаны позже. Ведь мы не лучше Павла, который то и другое признает за милость, и - совершенно справедливо. Однажды отдав себя всеуправляющей руке, он подчинялся ей с такой покорностью, как глина горшечнику, и следовал туда, куда вел Бог. Апостол, сказав, что он молился о том, чтобы увидеться с римлянами, упоминает далее и о причине своего желания. Что же это за причина? "**Преподать вам некое дарование духовное к утверждению вашему**" (Римл. 1:11). Значит, он предпринимал путешествие не просто, не так, как многие ныне совершают путешествие без цели и нужды, но его побуждали дела необходимые и важные, хотя он и не хочет сказать об этом ясно, а только намекает. Он не сказал: иду научить вас, наставить в вере, восполнить недостающее; но говорит: "**преподать вам некое дарование**", давая тем знать, что не свое им подает, а передает то, что сам получил. И при этом выражается опять смиренно – "**некое**". Подам нечто малое, говорит он, и соразмерное со своими силами. В чем же состоит то малое, что он намерен передать теперь? Это есть, говорит апостол, нечто служащее, "**к утверждению вашему**".

Значит, от благодати зависит и то, чтобы стоять твердо, а не колебаться. А когда услышишь о благодати, не подумай, что будет отвергнута награда за произволение. Упоминая о благодати, апостол не труд выбора унижает, а отсекает кичливость высокомерия. Итак, не ослабевай (духом) оттого, что Павел назвал это "**дарованием**" благодати. Вследствие великой признательности к Богу, он обыкновенно и добрые дела называл дарованием благодати, потому что и для них нужна нам большая помощь свыше. Сказав же - "**к утверждению вашему**", он скрытным образом показал, что римляне нуждаются в большем исправлении. То, что он хочет сказать им, состоит в следующем: с давнего времени я желал и просил (Бога) увидеть вас не для чего-либо другого, но для того, чтобы укрепить вас, утвердить и прочно водрузить в страхе Божьем, чтобы вы никогда не колебались. Но он не сказал именно так, потому что мог бы огорчить римлян, а на то же самое намекает в других словах и слегка, выражая это в словах: "**к утверждению вашему**". Затем, так как и это было сказано очень сильно, то смотри, как апостол смягчает слова свои пояснением. Римляне могли сказать: "так что же? Неужели мы колеблемся, кружимся и имеем нужду в твоем слове, чтобы стать твердо"? Апостол заранее устраняет это возражение, говоря так: "**утешиться с вами верой общей, вашей и моей**" (Римл. 1:12). Он как бы говорил этим следующее: не подозревайте, что я сказал это для обвинения вас: не с таким намерением сказаны слова мои. А что же хотел я выразить? Вы, будучи окружены со всех сторон гонителями, потерпели много притеснений; потому я пожелал увидеть вас, чтобы утешить, или, лучше сказать, не только утешить вас, но и самому получить утешение.

4. Заметь мудрость учителя. Он сказал: "**к утверждению вашему**", но, зная, что такое выражение для учеников тяжело и сильно, присовокупляет - к утешению вашему. Но и это опять тяжело, хотя не столько, конечно, как первое, однако же, все еще тяжело. Потому он опять умеряет силу слов своих, всячески смягчая речь и делая ее приятной. Он не просто

сказал: утешиться, а: "**утешиться с вами**"; но и этим не удовольствовался, а употребляет другое и более приятное выражение, сказав: "**верой общей, вашей и моей**". Какое смиренномудрие! Он ясно выразил, что сам имеет в них нужду, а не они только в нем, и учеников возвел на степень учителей, не пожелав оставить себе никакого преимущества, но показав полную с ними равночестность. В этом, говорит он, заключается общая наша польза: и я имею нужду в вашем утешении, и вы в моем. А как же это бывает? "**Верой общей, вашей и моей**". Как в том случае, если кто-нибудь соединяет много светильников, возжигает яркое пламя, так обыкновенно бывает и с верующими. Всякий раз, как мы разделены между собой, тогда, конечно, бываем слабее духом. А когда, увидев друг друга, взаимно себя поддерживаем, тогда получаем большое утешение. Не суди об этом по настоящему времени, когда, по благодати Божьей, и в селе, и в городе, и в самой пустыне существуют многочисленные сонмы верных, а всякое нечестие изгнано; но помысли о том времени, когда было приятно и учителю увидеть учеников и братьям встретиться с братьями, пришедшими из другого города. Чтобы сделать сказанное более ясным, приведу пример. Если бы как-нибудь случилось (чего да не будет), что мы, будучи уведены в землю персов, или скифов, или других варваров, были рассеяны в тамошних городах по двое и по трое, а потом вдруг увидели бы кого-нибудь прибывшего отсюда, то представь себе, какое великое утешение мы получили бы. Разве вы не видели, как заключенные в темницах, увидевшись с кем-нибудь из родственников, вскакивают и прыгают от радости? И не дивись, если тогдашние времена сравню с пленом или темницей. Тогда христиане терпели гораздо большие бедствия: рассеянные и гонимые они жили в голоде и среди войн, трепетали ежедневной смерти, не смели положиться на друзей, домашних, родных, в целом мире были как странниками, а лучше сказать, больше переносили трудностей, чем живущие на чужой стороне. Потому-то апостол говорит: "**к утверждению вашему**", и "**утешиться с вами общей верой**". Но он говорит это не в том смысле, будто сам нуждался в их содействии, - нет. В чем мог нуждаться тот, кто был столпом церкви, крепче железа и камня, духовным адамантом, у которого было достаточно сил для проповеди в многочисленных городах? Но, чтобы не выразиться резко и не причинить сильной укоризны, он и прибавил, что и сам имеет нужду в утешении римлян. Если же кто-нибудь скажет, что здесь видны утешение и радость апостола, вследствие приращения в римлянах веры, и что в этом Павел имел нужду, тот не погрешит в таком изъяснении слов его. Итак, если ты (могли сказать апостолу) желаешь, молишься, надеешься насладиться утешением и преподать его, то, что препятствует тебе придти? Разрешая такое сомнение, Павел присовокупил: "**не хочу, братья, оставить вас в неведении, что я многократно намеревался придти к вам, но встречал препятствия даже доныне**" (Римл. 1:13). Обрати внимание на степень рабского послушания и на пример великой признательности. Апостол говорит только, что у него были препятствия, но какие именно - об этом не говорит. Ведь он не исследует повелений Владыки, а только повинуется им, хотя другим и естественно было недоумевать, почему Бог столь знаменитому и обширному городу, на который обращены были взоры целой вселенной, препятствовал так долго пользоваться столь великим, как Павел, учителем. Кто овладел главным городом, тот легко нападает и на подданных, а кто миновал столицу и покоряет сперва подданных, тот оставляет без внимания самое главное. Впрочем, апостол не рассуждает ни о чем подобном, а предается непостижимому Промыслу, обнаруживая в этом благонастроенность души своей и научая всех нас никогда не испытывать Бога о причинах дел, хотя бы и казалось, что события смущают многих. Господину свойственно только повелевать, а рабам повиноваться. Поэтому Павел и говорит, что у него были препятствия, но какие именно - не упоминает. Я сам не знаю, говорит он. Не спрашивай же и ты о намерении и воле Божьей. "**Изделие скажет ли сделавшему его: зачем ты меня так сделал**" (Римл. 9:20)? И скажи мне: для чего ты стараешься узнать? Разве ты не знаешь, что Бог обо всем печется, что Он премудр и ничего не делает без цели и напрасно, что Он любит тебя больше родителей и несравненно превосходит отца любовью и мать

заботливостью? Итак, не спрашивай больше, не простирайся далее, и - этого достаточно для твоего успокоения, тем более что положение римлян и тогда было устроено премудро. Если же ты не знаешь, каким именно способом, то не беспокойся: ведь это наиболее и свойственно вере - признавать разум Промысла, не зная способов домостроительства Божьего.

5. Итак, Павел достиг того, о чем заботился. Чего же именно? Он доказал, что не по нерадению о римлянах он не приходил к ним, но потому, что у него были препятствия, хотя он и сильно желал придти. Отклонив же от себя нарекание в беспечности и убедив, что не менее их желал увидеть, он приводит и другие доказательства любви своей. При всех препятствиях, говорит он, я не переставал домогаться, и хотя, при всех стремлениях, постоянно встречал препятствия, я, однако же, никогда не оставлял своего намерения, а в тоже время не противился воле Божьей и сохранял любовь. Тем, что был расположен придти и не отказывался (от своего намерения), апостол доказал усердие к римлянам, а тем, что был задерживаем и не противился, он обнаружил всецелую любовь свою к Богу. "**Чтобы иметь некий плод и у вас**" (Римл. 1:13). Хотя выше апостол и сказал о причине своего желания и представил ее подобающим для себя образом, однако же, и здесь причину эту приводит вновь, вполне устраняя подозрение римлян. Так как Рим был знаменитый город, единственный повсюду - на суше и на море, то одно только желание обозреть его было для многих поводом к путешествию; чтобы и о Павле не подумали чего-либо подобного и не стали подозревать, будто он хочет побывать там единственно в намерении похвалиться своим общением с римлянами, он неоднократно и указывает причину своего желания. И хотя выше сказал: я весьма желал видеть вас, чтобы подать вам некоторый духовный дар, здесь он говорит еще яснее: "**чтобы иметь некий плод и у вас, как и у прочих народов**". Властителей апостол поставил наравне с подвластными и, несмотря на тысячи трофеев, на победы и знаменитость государственных сановников, поместил их на ряду с варварами. И весьма справедливо. Где благородство веры, там нет ни варвара, ни эллина, ни чужеземца, ни гражданина, но все стоят на одной степени чести.

Заметь же и в этом скромность Павла. Он не сказал: приду научить, наставить в вере, но - что? "**Чтобы иметь некий плод и у вас**". Не просто – "**плод**", но – "**некий плод**". Опять ограничивает все относящееся к себе, как и выше говорит: "**некое подам**". Потом апостол, как и прежде, ограничивает и их, присовокупляя: "**как и у прочих народов**". В виду того, что вы богаты и имеете у себя больше других, не подумайте, что в отношении остальных я показываю меньше старания; ведь мы ищем не богатых, а верующих. Где ныне греческие мудрецы, которые, нося длинные бороды и закутавшись в плащи, были проникнуты чрезмерной гордостью? И Грецию, и всю варварскую страну покорил скинотворец. Поставляемый среди языческих мудрецов в образец и превозносимый Платон три раза приходил в Сицилию со своими пышными словами и блистательной славой и не только не преодолел и одного тирана, но так несчастно окончил свое дело, что потерял даже и самую свободу. А этот скинотворец обошел не одну Сицилию или Италию, а целую вселенную, и во время проповеди не оставлял ремесла, но и тогда сшивал кожи и управлял мастерской. И это нисколько не соблазняло знаменитых римлян, - как и вполне естественно. Учителей обыкновенно делают презренными не ремесла и занятия, но ложь и вымышленные учения. Потому, конечно, их впоследствии осмеивали и афиняне; а Павла со вниманием слушали и варвары, и невежественные, и необразованные. Ведь проповедь предлагается для всех вообще; она не знает ни различия в достоинстве, ни преимущества народа и ничего тому подобного. Она требует одной веры, а не рассудочных доказательств. Потому она особенно и достойна удивления, что не только полезна и спасительна, но и удобна, весьма легка и для всех доступна. В этом преимущественно и заключается действие Промысла Божия, что Бог предлагает дары Свои всем без различия. Как Он распорядился солнцем, луной, сушей, морем и тому подобным, не уделив большей

их доли богатым и мудрым, а меньшей бедным, но, предоставив всем пользоваться в равной мере, - так Он устроил и с проповедью, и даже гораздо в большей степени, насколько проповедь необходимее всего указанного выше. Потому и Павел неоднократно повторяет: "**всем народам**". Потом апостол, показывая римлянам, что он никакой милости им не делает, но исполняет повеление Господа, и научая их воздать благодарение Богу всяческих, говорит: "**я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам**" (Римл. 1:14). Он писал об этом и в послании к Коринфянам. А говорит он это, приписывая все Богу. "**Я готов благовествовать и вам, находящимся в Риме**" (Римл. 1:15).

6. О, благородная душа! Приняв на себя дело, исполненное столь многих опасностей, - морское путешествие, искушения, наветы, нападения (а намеревающемуся проповедовать в таком городе, где владычествовало нечестие, естественно было потерпеть бури искушений; действительно, апостол и жизнь окончил в этом городе, где был обезглавлен тогдашним властителем), - Павел, однако, ожидая перенести столь много бедствий, не сделался вследствие этого более нерешительным, но спешил, скорбел и был исполнен усердия. Потому и говорит: "**итак, что до меня, я готов благовествовать и вам, находящимся в Риме. Ибо я не стыжусь благовествования Христова**" (Римл .1:15-16). Что ты говоришь, Павел? Тогда как надлежало бы сказать: хвалюсь, величаюсь, превозношусь, ты не говоришь этого, но нечто меньшее, именно, что ты не стыдишься, как мы обыкновенно отзываемся о чем-нибудь не очень важном. Итак, что значат эти слова? Почему апостол так выражается, хотя благовествованием дорожил больше, чем небом? Так, в послании к Галатам он говорил: "**а я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа**" (Гал. 6:14). Почему же здесь не говорит: хвалюсь, но сказал: не "**стыжусь**"? Римляне были слишком преданы мирским занятиям вследствие своего богатства, власти, побед и ради собственных царей, которых они считали равными богам, даже так и называли их, и поэтому угождали им храмами, жертвенниками и жертвами. Так как они были весьма надменны, а Павел должен был проповедовать Иисуса, называемого сыном плотника, воспитавшегося в Иудее, в доме незнатной женщины, не имевшего при Себе оруженосцев, не окруженного богатством, но умершего вместе с злодеями, как преступник, и претерпевшего много и другого бесславного, то римлянам, которые еще не знали неизреченных и великих тайн, естественно было всего этого стыдиться. Потому апостол и говорит: не "**стыжусь**", научая и их пока не стыдиться, так как знал, что как только они усовершенствуются в этом, скоро пойдут дальше и будут хвалиться. Потому и ты, услышав вопрос: "поклоняешься ли ты Распятому?" - не стыдись, не потупляй очей, но хвались и величайся и со смелым взором, с открытым челом подтверди свое исповедание. И если опять спросят: "неужели ты поклоняешься Распятому?" - опять отвечай: да, и не прелюбодею, не отцеубийце, не детоубийце (а таковы у язычников все боги), но крестом победившему демонов и уничтожившему тысячи их чародейств. Крест для нас есть дело неизреченного человеколюбия, символ великого попечения. Затем, так как они (языческие философы), будучи проникнуты внешней мудростью, сильно этим гордятся и хвалятся своим витийством, то я, говорит о себе Павел, навсегда отказавшись от рассудочных доказательств, иду проповедовать крест и не стыжусь этого. "**Сила Божья к спасению**" (Римл. 1:16). А так как эта сила Божья бывает и в наказание (ведь, когда Бог наказал египтян, то сказал: сия есть сила моя великая), и в погибель [как и сказано: "**бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне**" (Матф. 10:28)], то апостол, вследствие этого, и говорит: иду к вам не с такой силой, несу не казни и мщение, но то, что служит к спасению. Как же так? Разве евангелие не возвещало и о наказании - о геенне, о тьме внешней, о черве ядовитом? Ведь мы узнали об этом не из какого-либо другого источника, но из евангелия. Как же апостол говорит о нем: "**Сила Божья к спасению**"? Но выслушай и следующее: "**всякому верующему, во-первых, Иудею, потом и Еллину**" (Римл. 1:16). Не просто всем, но принимающим. Хотя бы ты был эллин

и прошел всю порочность, хотя бы ты был скиф или варвар, даже настоящий зверь, хотя бы ты был исполнен всякого неразумия, обременен тяжестью бесчисленных грехов, но одновременно с тем, как принял слово крестное и крестился, ты загладил - все это. Почему же апостол говорит здесь: "**во-первых, Иудею, потом и Еллину**"? Что означает это различие? Ведь он сам много раз говорил, что обрезание есть ничто, ни необрезание: как же теперь разделяет, ставя иудея выше эллина? Что это значит? Конечно, не то, что первый больше получает благодати потому только, что он первый, так как тот же самый дар дается и иудею и язычнику; но слово "**во-первых**" употреблено только для обозначения порядка. Иудей не имеет преимущества получить оправдание в большей степени, а только удостоен получить его прежде. Так и просвещаемые (вы, посвященные в таинства, знаете, о чем я говорю) все приступают к крещению, но не все в одно время, а один бывает первым, другой вторым; но, конечно, первый получает не больше второго, а второй не больше следующего за ним, но всем подается одно и то же. Итак, словом "**во-первых**" здесь выражается первенство в порядке речи, а не какое-либо преимущество в благодати. Далее апостол, сказав: "**в спасение**", опять возвеличивает дар, показывая, что он не ограничивается настоящим, но простирается и в будущее. Это он выразил словами: "**в нем открывается правда Божья от веры в веру, как написано: праведный верой жив будет**" (Римл. 1:17). Итак, сделавшийся праведным "**будет жив**" не в настоящей только жизни, но и в будущей. Но не это только здесь подразумевает апостол, а и другое вместе с этим, именно - блеск и славу таковой жизни (праведника). Так как возможно спастись и со стыдом для себя (как, например, спасаются многие из освобождаемых от наказания по царской милости), то, чтобы ты, услышав о спасении, не стал предполагать того же, апостол и прибавил – "**о правде**", и правде не твоей, но Божьей, намекая при этом на ее обилие и доступность. Не трудами и потом ты заслуживаешь ее, а получаешь даром свыше, принося со своей стороны только одно - веру. Потом, так как казалось невероятным учение о том, что прелюбодей, сластолюбец, гробокопатель и чародей вдруг не только освобождаются от наказания, но становятся праведными и оправдываются правдой свыше, то апостол подтверждает эту мысль ветхим заветом. И, прежде всего, в кратком изречении он открывает беспредельное море событий для способного обнять его взором. Сказав: "**от веры в веру**", апостол обратил внимание слушателя на ветхозаветное домостроительство Божье, которое он с великой мудростью изображает в послании к Евреям, и показывает, что тогда таким же образом оправдывались и праведники и грешники, вследствие чего и упомянул как о Раави, так и об Аврааме. А здесь, только намекнув на то же самое (так как спешил перейти скорее к другому рассуждению), апостол опять подтверждает свою мысль пророками и выводит на середину Аввакума, который взывает и говорит, что желающему жить не иначе возможно быть живым, как через веру. Беседуя о будущей жизни, он говорит: "**праведный своей верой жив будет**" (Авв. 2:4). Так как то, что дарует Бог, превосходит всякую мысль, то вера по справедливости для нас необходима. "**Надменный человек, как бродящее вино, не успокаивается**" (Авв. 2:5). Пусть еретики услышат этот духовный голос. Они должны понять, что природа рассудочных доводов подобна лабиринту и грифам, нигде не имеет никакого конца, не позволяет мысли утвердиться на основании и ведет начало от кичливости. Ведь те, которые стыдятся допустить веру и показать, что они не знают небесного, ввергают себя в прах бесчисленных помыслов. Но, жалкий и бедный человек, достойный непрестанных слез, ведь если кто-нибудь спросит тебя: "как произошло небо или земля"? даже - что уже говорить о небе и земле - если спросят только тебя: "как сам ты родился, как воспитан и вырос"? - ты, конечно, не стыдишься своего незнания; а когда бывает речь о Единородном, то ты, считая недостойным себя не знать всего, неужели вследствие стыда ввергнешь себя в бездну погибели? Но ведь любовь к спору и безвременное любопытство есть дело недостойное. И зачем мне говорит о догматах? От самой поврежденности настоящей жизни мы освободились не иначе, как через веру. Верой просияли все доселе жившие, Авраам, Исаак, Иаков; верой спаслась блудница, как

в ветхом, так и в новом завете. Ведь сказано: "**верой Раав блудница, с миром приняв соглядатаев, не погибла с неверными**" (Евр. 11:31). Она не стала рассуждать: как эти пленники, беглецы и изгнанники, ведущие кочевую жизнь, могут овладеть нашим городом, который защищен стенами и богинями? Если бы она стала так размышлять, то погубила бы и себя и их, как действительно и погибли предшественники спасенных Раавью. Те, увидев людей великорослых и сильных, стали изыскивать средства, как победить их, и все погибли без войны и сражения. Видишь ли, какова бездна неверия и какова стена веры? Неверие довело до погибели бесчисленное множество людей, а вера не только спасла жену блудницу, но и сделала ее покровительницей столь великого народа.

Итак, зная это и другое большее, никогда не будем испытывать Бога относительно причины событий, но без исследования и излишней пытливости станем принимать все, что бы Он ни повелел, хотя бы Его повеление и казалось несообразным с точки зрения человеческих размышлений. Скажи мне, в самом деле, что может представляться более несообразным, как то, чтобы сам отец умертвил единственного и возлюбленного своего сына? Однако же, праведник, получив такое приказание, не стал рассуждать об этом, а принял повеление только по достоинству приказавшего и повиновался. Но другой, получив от Бога повеление бить пророка и считая его несообразным, задумался над этим делом, а не просто послушался, и за это был наказан смертно, а бивший угодил Богу (3 Цар. 20:35). И Саул, против воли Божьей спасший жизнь людям, был низложен с престола и подвергся жестокому наказанию. Можно найти и многие другие примеры, которые все научают нас никогда не изведывать причины повелений Божьих, а только не противиться и повиноваться им. Если же опасно любопытствовать относительно того, что Бог повелел, и если испытующих ожидает крайнее наказание, то какое оправдание некогда будут иметь те, которые судят о предметах более непостижимых и страшных, например: каким образом Отец родил Сына? Какова Его сущность? Итак, зная это, со всем благоволением примем матерь всех благ - веру, чтобы нам, как плывущим в спокойной гавани, соблюсти правильное учение и, направляя жизнь свою со всей безопасностью, достигнуть и благ вечных, благодатно и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 3

“Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою” (Рим. 1:18).

1. Заметь благоразумие Павла, как он, начавши с более приятного, обращает речь к более страшному. Сказавши, что Евангелие есть причина спасения и жизни, сила Божия, что оно способно совершить спасение и оправдание, он говорит теперь то, что может устрашить даже невнимательных. Обыкновенно большая часть людей привлекается к добродетели не столько обещанием благ, сколько страхом скорбей; но апостол склоняет римлян и тем, и другим. Так и Бог не только обещает царство, но и угрожает геенною; и пророки таким же образом проповедовали иудеям, всегда присоединяя к благам и наказания. По той же причине и Павел разнообразит речь, и не без основания, но сперва предлагает приятное, а потом печальное, показывая, что первое есть дело предваряющей воли Божией, а последнее зависит от порочной жизни нерадивых. Так и пророк прежде упоминает о благах, говоря: “**Если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; если же отречетесь и будете упорствовать, то меч пожрет вас**” (Ис. 1:19-20). В таком же порядке и Павел располагает здесь свою речь. Смотри, говорит он, Христос пришел и принес прощение, оправдание и жизнь, но дарует это не просто, а при посредстве креста. Но самое важное и удивительное здесь не то, что Он только даровал нам это, но то, что Он так много пострадал. Потому, если вы надменно поступите с дарами, то подвергнетесь

бедствиям. И заметь, как апостол возвышает речь: “**Ибо открывается**, **-** говорит он, **- гнев Божий с неба**”. Откуда это видно? Если такой вопрос предложит верующий, то мы представим ему изречение Христа; а если бы спросил неверный и эллин, то сам Павел заграждает ему уста тем, что говорит впоследствии о суде Божием, приводя непререкаемое доказательство из событий, совершившихся с язычниками. И что всего удивительнее, - апостол доказывает, что противящиеся истине сами подтверждают учение истины тем, что делают и говорят каждый день. Но об этом скажем после, а теперь займемся настоящим предметом. “**Ибо открывается гнев Божий с неба**”. Конечно, и в настоящей жизни часто это бывает, например, (гнев Божий открывается) в голоде, язвах и войнах, когда наказывается или каждый в отдельности, или все вместе. Что же тогда произойдет чрезвычайного? То, что наказание будет большее, общее и другого рода; ведь то, что бывает ныне, служит к исправлению, а то, что случится тогда, будет наказанием. Указывая именно на это, Павел и сказал, что ныне “**наказываемся …, чтобы не быть осужденными с миром**” (1 Кор. 11:32). Ныне многим кажется, что многое совершается не вследствие гнева свыше, но по причине человеческой неприязни, но тогда, когда Судия, сидя на страшном престоле, повелит одних ввергнуть в пещь, других - в тьму внешнюю, а иных осудит на другие неизбежные и нестерпимые муки, тогда будет ясно, что наказание от Бога. И ради чего апостол не сказал так ясно, что, например, Сын Божий придет с тьмами ангелов и потребует отчета у каждого, но говорит: “**Открывается гнев Божий**”? Слушатели были еще из новообращенных, потому апостол сначала привлекает их тем, что они и сами признавали. Притом, мне кажется, что это было обращено к язычникам; вследствие этого апостол начинает с общих понятий, а после ведет речь и о суде Христовом. “**На всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою**”. Здесь апостол показывает, что пути нечестия многочисленны, а путь истины один, так как заблуждение есть нечто разнообразное, многовидное и смешанное, а истина одна. Сказав об учении, апостол говорит и о жизни, упомянув о неправде людей. И неправда бывает разная: одна касается имущества, когда кто-нибудь обижает в этом своего ближнего, другая - жен, когда кто-нибудь, оставив свою жену, расторгает брак другого. Павел называет это лихоимством, говоря: “**Чтобы … не поступали с братом своим противозаконно и корыстолюбиво**” (1 Фес. 4:6). Иные опять, вместо жены и имения, похищают честь ближнего; и это также неправда, ибо “**доброе имя лучше большого богатства**” (Притч. 22:1). Хотя некоторые утверждают, что у Павла это сказано об учении, но, однако, нет препятствия относить его слова и к тому, и другому (т.е. и к учению, и к жизни). А что значит – “**подавляющих истину неправдою**”, узнай из последующего. “**Ибо, что можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им**” (Рим. 1:19). Но язычники эту славу приписали деревьям и камням.

2. Подобно как тот, кому была вверена царская казна и приказано истратить ее для славы царя, а он издерживает ее на злодеев, блудниц и чародеев, пышно содержа их на царские деньги, наказывается, как весьма тяжко оскорбивший царя, - так и язычники, получивши ведение о Боге и славе Его, а потом приписавши его идолам, “**подавляющих истину неправдою**”, и, по собственной вине, оскорбили знание, воспользовавшись им не так, как следовало. Теперь ясны ли для вас слова апостола, или нужно еще пояснить их? Может быть, необходимо опять повторить. Так что же значит сказанное апостолом? Бог ведение о Себе вложил людям с самого начала; но язычники, приложив свое знание о Боге к деревьям и камням, оскорбили истину по собственной вине, так как сама истина пребывает неизменною и имеет славу непоколебимую. А из чего видно, Павел, что Бог и язычникам дал это знание? Из того, отвечает апостол, что, “**что можно знать о Боге …, потому что Бог явил им**”. Но это - изъяснение, а не доказательство. Ты же докажи мне и убеди, что знание о Боге открыто было язычникам, но они самовольно уклонились от него. Как же оно было им открыто? Разве им голос раздался с неба? Нет, но Бог сделал то, что больше голоса могло привлечь их внимание, именно - Он поставил пред ними свое

творение, которое, при посредстве одного созерцания красоты всего видимого, научало и мудреца, и необразованного, и скота, и варвара возноситься мыслию к Богу. Потому апостол говорит: "**Ибо невидимое Его …, от создания мира через рассматривание творений видимы**" (ст. 20). Тоже подтверждает и пророк: "**Небеса проповедуют славу Божию**" (Пс. 18:2). Что скажут язычники в день суда? Мы не знали Тебя? Но разве вы не слышали голоса неба, воспринимаемого взором, и стройной во всем гармонии, звучащей громогласнее трубы? Разве вы не заметили законов дня и ночи, всегда остающихся неизменными, твердого и непоколебимого порядка зимы, весны и остальных времен года, величия моря во время великой бури и среди волнений? Неужели вы не заметили, что все пребывает в порядке и своею красотою и величием возвещает Творца? Это самое и даже больше этого Павел выразил в следующих словах: "**Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны**" (ст. 20). Конечно, не для этого Бог сотворил мир, хотя это и случилось. Он предложил людям этот урок не для того, чтобы лишить их оправдания, но для того, чтобы они познали Его; оказавшись же неблагодарными, люди сами лишили себя всякой защиты. Затем, показывая, каким образом язычники оказались лишенными оправдания, апостол говорит: "**Но как они, познав Бога, не прославили Его, как Бога, и не возблагодарили**" (ст. 21). Весьма велико и одно это прегрешение, но вторая их вина состояла в том, что они поклонялись идолам, что осуждал еще Иеремия, говоря: "**Два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые**" (Иер. 2:13). Далее доказательством того, что язычники знали Бога и не воспользовались этим знанием, как должно, апостол выставляет то, что они признавали многих богов, почему и прибавил: "**Но как они, познав Бога, не прославили Его**". Он указывает и причину, вследствие которой они впали в такое безумие. Какая же это причина? Та, что они во всем положились на свои помышления. Впрочем, апостол не так сказал, а гораздо выразительнее. "**Осуетились в умствованиях своих, и омрачилось несмысленное их сердце**" (Рим. 1:21). Подобно тому, как, если кто-нибудь в безлунную ночь решается идти неизвестною дорогою, или плыть по морю, тот не только не достигает цели, но скоро погибает; так и язычники, решившись идти путем, ведущим к небу, лишили самих себя света, а затем, предавшись взамен света тьме умствований, стали искать бестелесного в телах и неописуемого в образах, и таким образом подверглись ужаснейшему крушению. Кроме указанной причины их заблуждения, Павел приводит и другую: "**Называя себя мудрыми, обезумели**" (ст. 22). Много о себе думая и не пожелавши идти путем, какой предписан им Богом, они погрязли в помыслах неразумия. Затем, указывая и изображая гибель язычников, насколько она была ужасна и лишена всякого оправдания, апостол говорит: "**И славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся**" (ст. 23).

3. Первая вина язычников в том, что они не нашли Бога; вторая - в том, что не нашли, имея к тому большие и очевидные основания; третья - в том, что называли себя мудрыми; четвертая - в том, что не только не нашли, но и почитание, принадлежащее Богу, воздали демонам, камням и деревьям. В послании к Коринфянам Павел также обличает высокомерие язычников, но иначе, чем здесь. Там он поражает их крестом, говоря: "**Потому что немудрое Божие премудрее человеков**" (1 Кор. 1:25); а здесь он без всякого сравнения осмеивает языческую мудрость, доказывая, что она сама по себе есть глупость и одно обнаружение высокомерия. А чтобы ты знал, что язычники имели знание о Боге, но сами погубили его, Павел сказал: "**изменили**", так как изменяющий что-нибудь изменяет с тою целью, чтобы иметь нечто другое. Язычники хотели найти нечто большее, но так как были любителями нововведений, то и не удержались в данных пределах, а потому лишились и прежнего. В этом и состояла вся эллинская мудрость. Потому они и восставали друг против друга, Аристотель восставал на Платона, стоики вооружались на

Аристотеля и вообще, один был противником другого, так что не удивляться им нужно за их мудрость, а отвращаться и ненавидеть, потому что вследствие этого самого они и сделались неразумными. Если бы они не предались размышлениям, доказательствам и софизмам, то не потерпели бы того, что потерпели. Далее, продолжая обвинение, апостол осмеивает и все идолослужение язычников. Если вообще изменение славы Божией смешно, то изменение в такой большой степени - вне всякого оправдания. Размысли же, кому изменили язычники и чему воздали славу. О Боге надлежало думать, что Он Господь всего, что Он сотворил несущее, что Он обо всем промышляет и печется. В этом состоит слава Божия. К кому же приложили ее язычники? Не к людям, но "**в образ, подобный тленному человеку**". Даже на этом не остановились, но снизошли до животных, а лучше сказать, до изображений их. И ты заметь мудрость Павла, как он представил две крайности: Бога, Который выше всего, и пресмыкающихся, которые ниже всего, или, лучше сказать, не пресмыкающихся, но подобия их, чтобы ясно показать несомненное безумие язычников. Познание, какое надлежало иметь о Существе, несравненно все превосходящем, они приложили к тому, что без сравнения ниже всего. Но, скажет кто-нибудь, имеет ли это отношение к философам? Да, к ним преимущественно и относится все сказанное. Они имеют учителями египтян, которые изобрели это. Гордится этим и Платон, который и представлялся более почтенным, чем другие; и учитель его был привержен к тем же идолам, так как он, именно, приказал принести петуха в жертву Эскулапу. В язычестве можно было видеть изображения животных и пресмыкающихся, а также Аполлона и Диониса, почитаемых вместе с пресмыкающимися. А некоторые философы даже возвели на небо тельцов, скорпионов, драконов и всякую другую суету, так как диавол всеми мерами старался низвести людей до подобия пресмыкающихся и самым неразумным из всех тварям подчинить тех, которых Бог хотел возвести превыше неба. Не отсюда только, но и из другого можно видеть, что глава философов (Платон) виновен в указанном выше. Когда он сличает поэтов и говорит, что им нужно верить в их учении о Боге, так как они имеют точное знание, то в доказательство он представляет не более, как собрание басен, и утверждает, что смешные эти вымыслы нужно признавать истинными. "**То и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела**" (Рим. 1:24). Здесь апостол показывает, что нечестие было причиною нарушения законов. А слово – "**предал**" здесь означает - попустил. Подобно тому как предводитель войска, оставив его и удалившись во время жаркого боя, предает воинов врагам, не чрез содействие свое, но тем, что лишает своей помощи, так и Бог, исполнив со Своей стороны все, оставил тех, которые не хотели принять Его повелений и первые от Него удалились. И рассуди: Бог предложил людям вместо учения мир, дал им разум и рассудок, способный понимать то, что должно. Но они ничем из этого не воспользовались для своего спасения и даже извратили то, что получили. Итак, что же надлежало делать? Неужели привлекать их силою и по неволе? Но это не значит делать их добродетельными. Оставалось предоставить их самим себе, что Бог и сделал, чтобы люди, посредством личного опыта узнавши все то, к чему они так сильно стремились, сами, наконец, бежали от позора. Ведь если какой-либо царский сын, к бесчестию отца, пожелает быть с ворами, убийцами и грабителями гробниц и общество таких людей предпочтет отцовскому дому, то отец, конечно, оставит его, чтобы собственным опытом он мог убедиться в безмерном своем неразумии.

4. Но почему апостол не упомянул ни об одном ином грехе, например, об убийстве, любостяжании и других подобных, но упоминает только о невоздержании? Мне кажется, что он имеет в виду современных ему слушателей и тех, которые должны были получить его послание. "**В похотях сердец их нечистоте, так что они сквернили сами свои тела**". Заметь, какое выразительное изречение. Язычники, говорит Павел, не имели нужды в других оскорбителях, но сами себе делали то, что им могли бы причинять враги. Потом, возвращаясь опять к причине, апостол говорит: "**Они заменили истину Божию ложью, и**

поклонялись, и служили твари вместо Творца" (ст. 25). Что особенно было смешно в язычестве, то апостол перечисляет по видам, а что представляется достойнее прочего, о том он говорит вообще, но посредством того и другого доказывает, что язычество есть служение твари. И заметь, как он выразил свою мысль. Не сказал просто: "**служили твари**", но прибавил: "**вместо Творца**"; такою прибавкою он увеличивает вину язычников и лишает их всякого извинения. "**Который благословен во веки, аминь**" (ст. 25). Но это нисколько не повредило славе Божией, говорит Павел, потому что Бог благословен во веки. Здесь апостол показывает, что Бог оставил язычников не потому, что мстил за Себя, так как Он ничего от этого не потерпел. Если язычники и оскорбляли Его, то Он не оскорблялся, слава Его не умалилась, но Он всегда пребывает благословен. Если и любомудрый человек часто может совсем не чувствовать оскорбления, то тем более Бог, Существо бессмертное и неизменяемое, слава непреходящая и неподвижная. Ведь и люди уподобляются Богу в этом отношении тогда, когда они нисколько не чувствуют обиды от тех, которые желают вредить им, когда они не оскорбляются наносимыми им обидами, не чувствуют ударов, когда их бьют, и насмешек, когда другие смеются над ними. Но возможно ли это? - спросит кто-нибудь. Возможно, даже весьма возможно всякий раз, как ты не скорбишь по поводу случившегося. И как возможно, спросят, не скорбеть? А я спрашиваю: как можно скорбеть? Скажи мне? если бы тебя оскорбило собственное твое дитя, то неужели ты эту обиду счел бы за действительную обиду? Неужели ты стал бы скорбеть? Нет. А если бы ты стал обижаться, то не смешон ли ты тогда будешь? Будем и мы таким же образом относиться к ближнему, и тогда не потерпим ничего неприятного (ведь обижающие другого неразумнее детей); не будем требовать, чтобы нас не обижали, но, будучи обижены, перенесем обиду великодушно, так как в этом и состоит истинная честь. Почему же так? А потому, что в этом ты господин, а в том - другой. Разве ты видел, чтобы пораженный адамант сам ударил? Такова, ответишь ты, его природа. Но ведь и тебе, по доброй твоей воле, возможно сделаться таковым, каков он по природе. Что же? Разве ты не знаешь, что отроки не опалились в пещи, а Даниил во рве не потерпел никакого зла? И. ныне это может случиться. И нас окружают львы, гнев и похоть, имеющие опасные зубы и растерзывающие всякого подвергшегося (их нападению). Будь же таким, как Даниил, и не позволяй этим страстям впиваться зубами тебе в душу. Но, скажешь, Даниилу во всем помогала благодать. Правда, но помогала потому, что ей предшествовала собственная его воля. Таким образом, если и мы пожелаем сделаться подобными ему, то благодать и ныне готова помогать. Как ни голодны звери, они не прикоснутся к твоему ребру. Если они устыдились тогда, когда увидели тело раба, то неужели не усмирятся теперь, когда увидят члены Христовы (а таковы мы - верующие)? Если же не усмиряются, то, конечно, по вине ввержeнных. Действительно, многие доставляют этим львам обильную пищу тем, что содержат блудниц, нарушают браки, мстят врагам, - поэтому и растерзываются прежде, чем достигнут дна (рва). Но не то случилось с Даниилом, не то будет и с нами, если мы пожелаем, а совершится нечто больше того, что было прежде с Даниилом.

Тогда львы не сделали вреда, а нам, если мы будем бодрствовать, обижающие принесут и пользу. Так, Павел сделался знаменитым от оскорбителей и злоумышленников, а Иов - вследствие многих болезней и ран, Иеремия - из-за грязного рва, Ной - вследствие потопа, Авель - вследствие злоумышления, Моисей - по вине жаждавших крови иудеев, так и Елисей; так и каждый из великих тех мужей - все они получили блестящие венцы не за безмятежную и роскошную жизнь, но за скорби и искушения. Потому и Христос, ведая об этом способе прославления, говорил ученикам: "**В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир**" (Ин. 16:33). Так что же, спросят: разве не многие также пали под тяжестью зол? Пали, но не от свойства искушений, а от собственного нерадения. Но Тот, Кто творит, "**при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести**" (1 Кор. 10:13), сам да поможет всем нам и да прострет руку, чтобы мы, торжественно

прославленные, достигли вечных венцов, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 4

“Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга”(Рим. 1:26,27).

1. Итак, все страсти бесчестны, но особенно бесчестна безумная любовь к мужчинам, потому что душа страдает и унижается в этих грехах более, чем тело в болезнях. Смотри же, как апостол и здесь лишает язычников прощения, сказавши о женщинах подобно тому, как и об учении: “**заменили естественное употребление**”. Никто не может сказать, говорит он, что они дошли до этого, будучи лишены обыкновенного способа соития, и что предались столь необычайному неистовству потому, что не могли удовлетворить своей похоти, так как изменять возможно только то, что имеют, как апостол и сказал в речи об учении: “**подавляющих истину неправдою**”. Тоже самое опять, но несколько иначе, апостол сказал и о мужчинах: “**оставив естественное употребление женского пола**” . И у женщин, и у мужчин он равно отнимает возможность извинения, обвиняя их не только в том, что они имели наслаждение и, оставив то, что имели, обратились к иному, но и в том, что, презрев способ естественный, прибегли к противоестественному. Но противоестественное и более неудобно, и более неприятно, так что не может быть и названо удовольствием. Ведь истинное удовольствие сообразно с природою, а когда Бог оставляет, тогда все приходит в беспорядок. Вследствие этого у язычников не только учение было сатанинское, но и жизнь диавольская. И когда апостол беседовал об учении, то он указал на мир и человеческий разум, сказавши, что люди силою разумения, данного от Бога, и при посредстве всего видимого могли возвыситься до Творца, но не захотели этого и остались без оправдания. А здесь, вместо мира, он указал на удовольствие, сообразное с природою, которым они могли наслаждаться с большею свободою и с большею приятностью, освободившись от стыда. Но язычники не захотели этого и, оскорбивши самое естество, оказались вне всякого извинения. Бесчестнее же всего то, что и женщины стремятся к таким смешениям, которых им следовало бы стыдиться более мужчин. И здесь достойно удивления благоразумие Павла, как он, нападая на два противоположных дела, со всею точностью достиг своей цели. Ведь он хотел и выразиться благопристойно, и уязвить слушателя, но то и другое было невозможно: одно препятствовало другому. Выразившись благопристойно, нельзя было тронуть слушателя; а чтобы сильнее поразить его, необходимо было представить дело яснее во всей его наготе. Но разумная и святая душа Павла с точностью преодолела то и другое, усилив обвинение наименованием естества и воспользовавшись этим словом как бы некоторым покровом для благопристойности речи.

Итак, коснувшись сперва женщин, апостол обращает потом речь к мужчинам: “**Подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола**”. Является доказательством крайней порчи то, когда развращены тот и другой пол, когда мужчина, поставленный быть наставником жены, и женщина, которой повелено быть помощницею мужа, поступают друг с другом, как враги. Заметь же, какие сильные выражения употребляет апостол. Не сказал, что они питали взаимную любовь и вожделение, но – “**разжигались похотью друг на друга**”. Замечаешь ли, что все произошло от преизбытка вожделения, которое не в силах оказалось остаться в собственных своих пределах? Все, преступающее законы, установленные Богом, питает вожделение к необычному и незаконному. Подобно тому, как многие, потерявши позыв к обыкновенной пище, нередко

едят землю и мелкие камни, а другие, томясь сильною жаждою, часто пьют и грязную воду, - так и язычники вскипели этою противозаконною любовью. И если ты спросишь: откуда такая напряженность страсти? - отвечаю: оттого, что они были оставлены Богом. А отчего произошло это Божие оставление? От беззакония оставивших Бога. “**Мужчины на мужчинах делая срам**” (ст. 27).

2. Ты, услышавши (говорит апостол) о том, что они (язычники) разжигались, не подумай, что у них была одна только болезнь вожделения: все зависит преимущественно от беспечности, которая и разжигала страсти. Потому он не сказал - соблазнившись, или - впавши (Гал. 6:1), как выразился в другом месте, а как выразился? “**Делая**”. Они считали грех занятием не простым, но таким, которое совершали с ревностью. Не сказал также - вожделение, но – “**срам**” по преимуществу, потому что они посрамили естество и попрали законы. Смотри, какое большое замешательство произошло с той и другой стороны. Не только голова стала внизу, но и ноги вверху; люди сделались врагами себе самим и друг другу, так как открыли какую-то жестокую брань, которая беззаконнее всякого междоусобия, - брань многоразличную и разнообразную. Они разделили ее на четыре вида, все суетные и преступные, так что эта борьба у них была не двойная и тройная, но в четырех видах. Рассуди сам. Двоим, разумею жену и мужа, надлежало составлять одно, как сказано: “**будут одна плоть**” (Быт. 2:24). А это вызывалось желанием общения, которое и соединяло оба пола друг с другом. Диавол, истребив эту взаимную склонность и давши ей иное направление, таким образом разделил между собою полы и, вопреки закону Божию, из одного целого сделал две части. Ведь Бог сказал: “**будут одна плоть**”, но диавол единую плоть разделил на две. Вот первая брань. Опять, каждая из этих двух частей стала враждовать как сама с собою, так и друг против друга, потому что женщины стали наносить поругание не только мужчинам, но и женщинам, а мужчины восставали друг на друга и против женского пола, как обыкновенно и бывает в какой-нибудь ночной битве. Видишь ли вторую и третью брань, четвертую и пятую? Но есть еще и иная: кроме сказанного, они восстали и на самую природу. Так как диавол видел, что самое вожделение больше всего соединяет полы, то и постарался разорвать этот союз, чтобы уничтожить человеческий род не только противозаконным расточением семени, но и взаимною борьбою и восстаниями. “**И получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение**” (Рим. 1:27). Смотри, как апостол опять переходит к источнику зла - нечестивому учению, и говорит, что “**срам**” был воздаянием за это беззаконие. И так как, говоря о геенне и наказании, апостол для людей нечестивых, избравших такую жизнь, показался бы не заслуживающим доверия и даже смешным, то он разъясняет, что в самом этом удовольствии заключается наказание. И не удивляйся тому, что они не чувствуют этого, но испытывают наслаждение: ведь и безумные и одержимые болезнью умопомешательства, много мучая самих себя и находясь в жалком положении, однако смеются и радуются своим делам, по поводу которых другие о них плачут. Но, мы не говорим, что вследствие этого они освобождены от наказания, напротив, потому самому они и находятся в ужаснейшем мучении, что сами не сознают своего положения. Не больным нужно судить о положении дел, а здоровым. Известно, что в древности такое дело считалось даже законным, а один языческий законодатель запретил рабам натирать себя маслом досуха и мужеложствовать, предоставив только свободным такое преимущество, а лучше сказать - такое студодеяние. И, вообще, язычники не считали это дело бесстыдным, но, как нечто почетное и более высокое, чем состояние рабов, предоставляли его лишь свободным. Так думал мудрейший народ афинский и великий из афинян Солон. Можно найти много и других философских сочинений, зараженных тою же болезнью. Однако же, вследствие этого, мы не назовем такого дела законным, а, напротив, - признаем жалкими и достойными многих слез тех людей, которые приняли этот закон. Что делают блудницы, тоже, а лучше сказать - более безобразное совершают и мужеложники. Смешение с блудницами, хотя беззаконно, но естественно, а мужеложство

и противозаконно, и противоестественно. Если бы не было геенны и не угрожало наказание, то это было бы хуже всякого наказания. Если же они наслаждаются, то это говорит лишь об усилении наказания. Если бы я увидел, что бежит нагой человек, вымаравший все свое тело грязью, и не только не стыдится, но и хвалится этим, то я не стал бы радоваться вместе с ним, но больше его рыдал бы о нем, потому что он не чувствует стыда своего. Но, чтобы яснее представить вам поругание, выслушайте от меня и другой пример. Если бы кто-нибудь уличил девицу в том, что она в своей опочивальне имела смешение с неразумными животными, а она и после того стала бы услаждаться таким смешением, то недостойна ли была бы она слез, преимущественно вследствие того, что не могла избавиться от этой болезни по той причине, что не сознавала порока? Конечно, это всякому ясно. А если то беззаконие тяжко, то и это (мужеложство) - не менее того, так как терпеть поругание от своих прискорбнее, чем от чужих. Я утверждаю, что эти (мужеложники) хуже убийц, так как лучше умереть, чем жить после такого поругания. Убийца отторгает душу от тела, а этот губит и душу вместе с телом. Какой ни назови грех, ни один не будет равен этому беззаконию. И впадающие в него, если бы сознавали совершаемое, приняли бы бесчисленные смерти, чтобы только не подвергаться этому греху.

3. Ничего, ничего нет неразумнее и тяжелее такого поругания. Если Павел, рассуждая о блуде, сказал: “**Всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела**” (1 Кор. 6:18), то что сказать об этом безумии, которое настолько хуже блуда, что нельзя и выразить? Не говорю, что ты только сделался женщиною, но более: ты погубил свое существование, как мужчина, ты ни в женское естество не изменился, ни того, какое имел, не сохранил, а сделался общим предателем того и другого естества, и достоин изгнания и от мужчин и от женщин и побиения камнями, так как ты оскорбил тот и другой пол. Чтобы тебе понять, насколько велик этот грех, (представь следующее): если бы кто-нибудь, пришедши к тебе, объявил, что он сделает тебя из человека собакою, то ты не убежал ли бы от него, как от человека самого вредного? Но вот ты сделал самого себя из человека не собакою, а животным более презренным, чем собака: она еще годна к чему-нибудь, а предавшийся распутству ни к чему негоден. И скажи мне, если бы кто-нибудь угрожал сделать так, чтобы мужчины носили и рождали детей, то разве мы не исполнились бы гнева? Но вот теперь предающиеся такому неистовству поступают сами с собою гораздо хуже, так как не одно и тоже, во-первых, измениться в женскую природу и, во-вторых, оставаясь мужчиною, сделаться женщиною, а лучше сказать - ни тем, ни другим. Если же ты желаешь узнать чрезмерность зла и в другом отношении, то спроси, почему законодатели наказывают тех, которые делают других скопцами, и узнаешь, что ни за что иное, как именно за изувечение природы, хотя они и не наносят человеку такого поругания (какое наносится мужеложеством), потому что оскопленные и после оскопления во многих случаях бывают полезны. Между тем нет ничего непотребнее мужчины, сделавшегося блудницей, потому что не только душа, но и тело допустившего такое поругание становится ничтожным и достойным изгнания отовсюду. Какие же геенны достаточны для таких! А если ты, слыша о геенне, смеешься и не веришь, то вспомни об огне содомском. Ведь мы видим, даже в настоящей жизни видим подобие геенны. Так как многие готовы были совсем не верить явившимся по воскресении, и возвестившим, что и теперь существует огонь неугасимый, то Бог и вразумил их событиями настоящей жизни. Таково было сожжение Содома и истребление его огнем, о чем знают бывшие там и собственными глазами видевшие следы божественного наказания и небесных молний. Пойми же, как велик был грех, побудивший геенну явиться преждевременно, С другой стороны, так как многие презирали речи (о геенне), то Бог на деле показал им подобие ее в некотором новом виде. Дождь тот был необыкновенный, как и смешение содомлян было противоестественно; он затопил землю, как и похоть наводнила их души. Этот дождь был по своему действию противоположен

дождю обыкновенному: он не только не возбудил утробу земли к произрастанию плодов, но и сделал ее неспособною к принятию семян. Таково было и смешение мужчин земли содомской, которое делало их тела более бесплодными. Что грязнее, что отвратительнее того мужчины, который стал блудницею? Какое неистовство, какое безумие! Откуда вторглась эта похоть, оскорбляющая человеческую природу, наподобие врагов, а лучше сказать, настолько ужаснее врагов, насколько душа превосходнее тела? О, вы бессмысленнейшие и бессловесных, бесстыднейшие и собак! И у тех никогда не бывает такого смешения, так как природа знает свои границы, а вы, срамя свой пол, сделали его бесчестнее существ неразумных. Итак, откуда произошло это зло? От роскошной жизни, от незнания Бога: всякий раз, как люди отвергают страх Божий, тогда оставляет их и всякое добро.

4. Итак, чтобы этого не было, будем иметь пред глазами истинный страх Божий. Ничто, ничто так не губит человека, как если сняться с этого якоря, а равно ничто так не спасает, как если всегда держаться на нем. Если мы, имея пред глазами человека, с меньшею решительностью приступаем ко грехам, а часто не делаем ничего неуместного, стыдясь более почтенных слуг, то рассуди, какою безопасностью мы будем пользоваться тогда, когда будем иметь пред глазами Бога. Ведь при таком нашем настроении, нигде на нападет на нас дьявол, потому что труд его был бы бесполезен. Когда же дьявол заметит, что мы блуждаем вне и бродим без узды, то он, воспользовавшись нашим почином, наконец, получит возможность и совсем разлучит нас от стада. И что переносят нерадивые из рабов, которые оставив необходимые дела, из-за которых были посланы господами на рынок, без надобности и напрасно останавливаются с проходящими и тратят здесь свободное время, тому же подвергнемся и мы, когда отступим от заповедей Божиих. Вот стоим и мы, удивляясь богатству, красоте тела и остальному, что до нас не касается, как и те рабы смотрят на представления фокусников, а потом, пришедши поздно, терпят дома жестокие побои. А многие, следуя за другими, совершающими подобные непотребства, оставили даже путь, лежащий пред ними. Но не будем так делать, потому что мы посланы совершить многое из необходимого; если же мы, пренебрегши этим, остановимся и будем с удивлением смотреть на бесполезные предметы, то, понапрасну и тщетно истратив все свое время, и мы подвергнемся жестокому наказанию. Если же ты желаешь заняться, то есть у тебя то, на что ты должен с изумлением смотреть, чем можешь любоваться все свое время, что не смеха достойно, но удивления и многих похвал, а между тем, если станешь изумляться смешному, ты и сам сделаешься таковым и даже хуже смехотворца. Беги же скорее прочь, чтобы тебе не подвергнуться этому.

И скажи мне, почему ты стоишь, с изумлением смотря на богатство и готовый лететь к нему? Что ты видишь в нем удивительного и достойного остановить на себе взоры твои? Кони ли, украшенные золотом, и слуги-варвары, или евнухи, дорогие одежды, а в них сладострастная душа, поднятые вверх брови, беготня и волнение? Но неужели все это достойно удивления? Чем эти люди отличаются от нищих, которые пляшут на рынке и играют на свирели? Они, одержимые сильным голодом добродетели, пляшут свою пляску, которая смешнее пляски нищих, когда бегают и кружатся то по роскошным обедам, то по домам непотребных женщин, то в толпе льстецов и тунеядцев. Хотя они и в золото одеты, но особенно жалки потому, что заботятся больше всего о том, что не имеет для них никакого значения. Не смотри на одежды, но раскрой их душу и вглядись, не полна ли она бесчисленных ран, не одета ли в рубище, не одинока ли она и не беззащитна ли? Какая польза в этом безумном пристрастии к внешнему? Гораздо лучше быть бедным, но жить добродетельно, чем быть царем, но порочным. Бедный сам по себе наслаждается всяким душевным удовольствием и, вследствие внутреннего богатства, не чувствует наружной бедности. А царь, наслаждаясь тем, что ему вовсе неприлично, наказывается в том, что в особенности ему должно быть свойственно, и мучится в душе помыслами и совестью,

преследующими его и среди удовольствий. Зная это, отвергнем золотые одежды и усвоим себе добродетель и удовольствие, происходящее от добродетели. Таким образом и здесь, и там мы насладимся многою радостью и достигнем обетованных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 5

“И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму - делать непотребства”(Рим. 1:28).

1. Чтобы не показалось, что апостол, ведя длинную речь о мужеложстве, намекает на римлян, он перешел, наконец, к грехам другого рода и во всей речи своей касается других лиц. И как всегда, беседуя с верующими о грехах и желая доказать, что их должно избегать, апостол приводит в пример язычников, говоря: “**Не в страсти похотения, как и язычники, не знающие Бога**”, и далее: “**дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды**” (1 Фес. 4:5,13), - так и здесь он указывает на грехи язычников и лишает последних всякого оправдания, говоря, что дерзновения их зависят не от неведения, но от склонности. Потому не сказал: так как не уразумели, но говорит: “**И как они не заботились иметь Бога в разуме**”, показывая, что грехи их происходили преимущественно от развращенного рассудка и любви к словопрениям, а не случайного восприятия, - были грехами не плоти, как утверждают некоторые еретики, но ума и порочного желания, и что источник всех зол заключается именно здесь. Так как ум их сделался превратным, то все, наконец, пришло в беспорядок и смятение, когда руководитель оказался поврежденным. “**Они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы**” (Рим. 1:29). Заметь, как речь постепенно усиливается; апостол называет их “**исполнены**”, и притом “**всякой неправды**”. Назвавши вообще порок, он потом переходит к видам его и к подверженным этим грехам, которых он с выразительностью и называет “**исполнены зависти, убийства**”, потому что убийство происходит от зависти, как это и показано на примерах Авеля и Иосифа. Потом, сказав: “**Исполнены … распрей, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики**” (ст. 29,30), и поставив в числе преступлений и те, которые для многих кажутся безразличными, апостол опять усиливает обвинение, восходя к твердыне зол и присовокупляя: “**горды**”. Согрешить и много думать о себе - хуже самого греха; потому апостол и коринфян обвиняет в том же самом, говоря: “**И вы возгордились**” (1 Кор. 5:2). Если тот, кто гордится добрым делом, обыкновенно этим все губит, то какого наказания достоин тот, кто делает это по поводу грехов? Такой человек, наконец, неспособен будет и раскаяться. Далее апостол говорит: “**изобретательны на зло**”, показывая, что они не довольствовались сделанным уже злом, но изобретали и другое, что опять было свойственно людям, поступавшим намеренно и по собственному расположению, а не по увлечению и подражанию. Сказавши о пороке в частности, и доказав, что язычники опять восстали и против самой природы (“**непослушны**, **-** говорит апостол, **- родителям**”), он восходит, наконец, к корню столь великой порчи, называя их “**нелюбовны, непримиримы**” (Рим. 1:31). И Христос указывает эту же причину порочности, когда говорит: “**По причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь**” (Мф. 24:12). Об этом говорит здесь и Павел: “**Вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы**”, - показывая, что они погубили самый дар природы. Мы имеем некоторое естественное расположение друга к другу, которое свойственно даже животным, как и сказано: “**Всякое животное любит подобное себе, и всякий человек — ближнего своего**” (Сир. 14:19). Но язычники сделались свирепее зверей. Таким образом, Павел изобразил нам здесь болезнь, распространившуюся во вселенной от порочных учений, и ясно доказал, что та и другая немощь происходит от собственного нерадения

больных. Наконец апостол, как сделал и относительно учения, показывает, что язычники и здесь (в жизни) лишены извинения, потому и говорит: "**Они знают праведный [суд] Божий, что делающие такие [дела] достойны смерти; однако не только [их] делают, но и делающих одобряют**" (Рим. 1:32). Предположив два возражения, он предварительно разрешил здесь их оба. Может быть, ты скажешь, говорит он, что ты не знал, как должно тебе поступать. Хорошо, если и не знал, то виновен ты, оставивший Бога, дающего тебе знание. Но теперь мы, на основании многого, доказали, что ты знал и грешил добровольно. Но ты скажешь, увлекался страстью? Зачем же содействуешь другим и хвалишь? "**Не только [их] делают**, **-** говорит апостол, **- но и делающих одобряют**". Таким образом, чтобы обличить язычника, апостол прежде всего ставит на вид самый тяжкий и неизвинительный грех, потому что одобряющей грех гораздо хуже самого согрешившего. Итак, сказавши об этом предварительно, апостол в следующих словах опять еще сильнее уличает язычника, говоря так: "**Неизвинителен ты, всякий человек, судящий [другого], ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя**" (2:1). Это он сказал, обращаясь к правителям, так как тот город (Рим) имел тогда у себя в руках власть над всею вселенною. Итак, апостол прежде всего говорит: всякий, кто бы ты ни был, сам лишаешь себя оправдания, так как когда ты осуждаешь прелюбодея, а сам прелюбодействуешь, то хотя бы никто из людей и не осуждал тебя, но ты в приговоре о виновном выносишь определение и о себе самом. "**А мы знаем, что поистине есть суд Божий на делающих такие [дела]**" (ст. 2). Чтобы кто-нибудь не сказал о себе, что он доселе избегал суда, апостол, устрашая его, говорит, что у Бога не так, как здесь. Здесь один наказывается, а другой, делающий то же самое, избегает наказания. Но там - иначе. Таким образом, апостол говорит, что судья знает правду, но откуда знает - не прибавил, потому что было излишне. Ведь в рассуждении нечестия он указал то и другое - и то, что человек поступал нечестиво, зная о Боге, и то, что он знал о Нем из рассмотрения творения. Так как там не всем было ясно, то он сказал о причине, здесь же, когда стало всем известно, он проходит мимо. Когда же говорит - всяк "**судящий**" обращает речь не к одним начальникам, но также к людям частным и подчиненным.

2. Все люди, хотя бы не имели ни (судейского) престола, ни палачей, ни палки, однако судят согрешающих, делая это в разговорах и общих беседах, а также судят и судом своей совести. Так, никто не осмелился бы сказать, что прелюбодей не заслуживает наказания. Но осуждают, говорит апостол, других, а не самих себя. Поэтому он сильно восстает на таковых, говоря: "**Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие [дела] и (сам) делая то же**" (ст.3)? Так как апостол, и на основании учения и на основании дел, доказал великий грех вселенной, состоящий в том, что, хотя люди и были мудры и имели руководителем мир, однако, не только оставили Бога, но избрали вместо Него подобия гадов, обесчестили добродетель, по влечению естества предались пороку, и даже восстали на самое естество, то, наконец, переходит к доказательству того, что все делающие так, будут наказаны. Впрочем, говоря о самых делах, он уже упоминал и о наказании, сказавши: "**Получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение**" (Рим. 1:27). Но так как они не чувствуют этого возмездия, то апостол возвещает о другом, которого они особенно боялись. Впрочем, он уже открыл и это наказание. Когда говорит: "**Поистине есть суд Божий**" (2:2), говорит ни о чем-либо другом, но именно об этом наказании. Кроме того, он опять подтверждает свою речь другими более сильными доводами, говоря так: "**Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие [дела] и (сам) делая то же**"? И своего суда ты не избежал, - неужели же избежишь суда Божия? И кто может это сказать? Конечно, ты осудил самого себя. Но если так велика строгость этого судилища и ты не мог пощадить самого себя, то каким образом Бог, безгрешный и безгранично праведный, тем более не сделает этого? Или ты себя самого осудил, а Бог одобрит и похвалит? И какой это могло бы иметь смысл? Конечно, ты сам достоин большего

наказания, чем тот, которого ты осудил. Не одно ведь и то же - просто согрешить и, наказавши другого согрешившего, самому впасть в тот же самый грех. Ты видишь, как апостол увеличил вину? Если ты, говорит он, наказываешь меньшего грешника, между тем как сам не перестаешь осквернять себя грехами, то, как Бог, никогда непричастный греху, гораздо больше не осудит и не обвинит тебя, уже осужденного собственными твоими помыслами? А если ты говоришь, что сам признаешь себя достойным наказания, но вследствие долготерпения (Божия) пренебрегал исправлением и, так как не подвергся наказанию вслед за преступлением, имел даже надежду на милость Божию, то знай, что вследствие этого самого тебе нужно наиболее бояться и трепетать. Господь медлит наказанием не для того, чтобы совсем не подвергать наказанию, но для того, чтобы, если ты останешься неисправимым, наказать с большею строгостью, чего никогда пусть не случится с тобою. Потому апостол присовокупляет, говоря: "**Или пренебрегаешь богатство благости, кротости и долготерпения Божия, не разумея, что благость Божия ведет тебя к покаянию**" (ст. 4)? Восхвалив долготерпение Божие, и показав величайшую его пользу для внимательных (а она - в том, чтобы привлекать грешников к покаянию), апостол усиливает страх. Для воспользовавшихся как должно, оно служит основанием спасения, а для презревших - поводом к большему наказанию. А что касается распространенного мнения, что Бог, будучи благ и долготерпелив, не ищет наказания, то, когда ты, внушает апостол, говоришь это, то говоришь не о чем ином, как о привлечении на себя наказания. Ведь Бог являет Свою величайшую милость для того, чтобы ты освободился от грехов, а не для того, чтобы ты прибавил новые, а как скоро этого не делаешь, то наказание будет ужаснее. Так как Бог долготерпелив, то поэтому тебе особенно и не должно грешить и Его благодеяния обращать в повод к неблагодарности; ведь хотя Он и долготерпелив, но все-таки и наказывает. Откуда это видно? Из следующих слов апостола. А именно, если нечестие велико и нечестивые остались без наказания, то всецело необходимо их подвергнуть ему. Если и люди не оставляют этого без внимания, то как оставит Бог? Таким образом апостол отсюда повел речь о суде. Доказав, что многие, если не раскаются, оказываются виновными, а потом - что здесь они не подвергаются наказанию, он заключает отсюда, что суд должен быть, и при этом, - строжайший. Поэтому говорит: "**По упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев**" (ст. 5). Когда человека не смягчает благость и не преклоняет страх, то что может быть грубее его? Апостол уже показал Божие человеколюбие, а теперь говорит о наказании, именно о том, что оно для не обратившегося и при таких условиях, будет невыносимо. И смотри, какие точные он употребляет выражения, когда говорит: "**Сам себе собираешь гнев**", - представляя его вообще чем-то сберегаемым и показывая, что виновником гнева служит не судия, а сам подсудимый. Сам ты, говорит он, "**себе собираешь**", а не Бог тебе. Он сделал все, что было нужно, дал тебе способность распознавать доброе и недоброе, явил долготерпение, призвал к покаянию, угрожал страшным днем, всем привлекая тебя к покаянию. Если же ты остаешься непреклонным, то "**сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога**" (ст. 5). Чтобы ты, услышав о гневе, не признал его действием страсти, апостол прибавил: "**Праведного суда от Бога**". И прекрасно сказал – "**откровения**", потому что тогда это открывается, когда каждый принимает по достоинству. Здесь многие часто вредят и злоумышляют вопреки справедливости, а там не так. "**Который воздаст каждому по делам его: тем, которые постоянством в добром деле …**" (ст. 6,7).

3. В беседе о суде и будущем наказании апостол был грозным и строгим, а здесь он не тотчас изобразил ожидаемое мучение, но обратил речь к более приятному - к воздаянию добрых, говоря: "**Тем, которые постоянством в добром деле ищут славы, чести и бессмертия, - жизнь вечную**" (ст. 7). Здесь он ободряет и тех, которые пали в искушениях, и показывает, что не должно полагаться только на веру, потому что тот (будущий) суд будет оценивать и дела. Заметь, что, говоря о будущем, апостол не может

ясно изобразить всех благ, но говорит о славе и чести. Так как эти блага превосходят все человеческое, и апостол не может указать здесь (на земле) подобия их, то он, насколько доступно, изображает их при помощи того, что у нас считается лучшим, сравнивая их со славою, честью, жизнью, который для всех людей являются предметом особого попечения. Но, однако, небесные блага не таковы, а как нетленные и бессмертные, несравненно выше этого.

Видишь ли, как апостол, упомянув о нетлении, отверз нам двери к познанию воскресения тел? Ведь нетление принадлежит телу, подверженному тлению. Потом, так как этого было недостаточно, он присовокупил славу и честь. Все ведь восстанем нетленными, но не все в славу, а одни для наказания, другие же для славы. "**А тем, которые упорствуют**" (ст. 8), говорит далее. Опять он лишает извинения тех, которые жили в пороке, и доказывает, что они впали в грех по упорству и беспечности. "**Не покоряются истине, но предаются неправде**". Вот и другое опять обвинение. Какую защиту может иметь тот, кто избегает света и избирает тьму? И притом апостол не сказал: принуждаются и подвергаются насилию, но: "**предаются неправде**", - чтобы ты понял, что их падение - от свободной воли, а преступление - не от необходимости. "**Скорбь и теснота всякой душе человека, делающего злое**" (ст. 9). То есть: хотя бы кто-нибудь был богат, хотя бы был консулом или даже царем - слово суда никого не устыдится, и достоинства здесь не имеют никакого места. Итак, показавши чрезмерность болезни, представив ее причину - беспечность больных, конец - ожидающую их погибель и легкость исправления, апостол опять и в наказании увеличивает тяжесть для иудея, говоря: "**Во-первых, Иудея, [потом] и Еллина**"(ст. 9). Кто пользовался большим наставлением, тот, нарушив закон, должен подвергнуться и большему наказанию. Таким образом, насколько мы рассудительнее и могущественнее, настолько большему наказанию подвергаемся за грехи. Если ты богат, то от тебя потребуется больше пожертвований, чем от бедного; если ты более умен, то потребуется и больше послушания; а если облечен властью, то нужны выдающиеся добрые дела; и во всем прочем ты должен поступать по мере своих сил и возможности. "**Слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, [потом] и Еллину**" (ст. 10). О каком иудее здесь говорит апостол, и о каких эллинах беседует? О живших до пришествия Христова. Не дошла еще речь до времен благодати, но апостол пока останавливается на временах более ранних, приготовляя издали и постепенно уничтожая различие между иудеем и эллином, чтобы, когда сделает это в рассуждении благодати, не показалось бы чем-то новым и затруднительным для понимания. Ведь если не было никакого различия в более ранние времена, когда не воссияла еще благодать Христова, когда деяния иудеев для всех были почтенны и блестящи, то что могли бы об этом сказать тогда, когда явилась столь великая благодать? Вследствие этого, конечно, апостол и раскрывает такое учение с большим тщанием. Слушатель, узнав, что оно господствовало в древние времена, тем скорее примет его теперь - по принятии веры. А под эллинами апостол разумеет здесь не идолопоклонников, но людей богобоязненных, повинующихся естественному закону, которые, за исключением соблюдения иудейских обрядов, исполняли все относящееся до благочестия. Таковы были Мелхиседек и бывшие с ним, Иов, ниневитяне, Корнилий. Итак, апостол заранее подкапывает преграду между обрезанием и необрезанием, еще издали уничтожает это различие, чтобы совершить это без всякого подозрения со стороны и приступить к делу на другом основании, как и свойственно всегда апостольской мудрости. Если бы он стал доказывать это прямо о временах благодати, то, кажется, речь его вызвала бы большое подозрение; но когда, рассуждая о господствующих в мире нечестии и развращении, он, по связи речи, доходит и до этого предмета, то делает свое учение совершенно свободным от подозрения.

4. А что таково было намерение Павла, и по этой именно причине он так расположил свою речь, видно из следующего. Если бы он не старался подготовить это, то ему достаточно

было бы сказать: “**По упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева**” (2:5) и - прекратить эту речь, потому что она уже окончена. Но так как задача его была не в том, чтобы сказать только о будущем суде, но и доказать, что иудей не имеет никакого преимущества пред таким эллином и не должен много думать о себе, то он идет далее и воспользовался указанным планом. Итак, смотри же: апостол привел слушателя в страх, возвестив ему о страшном дне, сказал, насколько дурна порочная жизнь, доказал, что никто не грешит по неведению и не свободен от наказания, значит, если еще не подвергся наказанию, то, несомненно, подвергнется; после этого, наконец, он желает раскрыть, что учение закона не было чем-то совершенно необходимым, так как и наказание и награда бывают за дела, а не за обрезание и необрезание. Итак, когда апостол сказал, что эллин несомненно будет наказан, и из этого положения, как неоспоримого, вывел заключение, что он будет и награжден, то этим уже показал, что закон и обрезание излишни. Здесь он борется преимущественно с иудеями. Так как они любили спорить, и во-первых, вследствие гордости, признавали для себя низким считаться наравне с язычниками, а во-вторых, смеялись над учением о том, что вера покрывает все грехи, то апостол сперва обвинил язычников, о которых завел речь, чтобы без всякого подозрения и смелее напасть на иудеев; потом, перешедши к рассуждению о наказании, доказывает, что иудей не только не получает никакой пользы от закона, но даже обременяется им; все это он и подготовил выше. Если язычник неизвинителен в том отношении, что не сделался лучшим при руководстве природы и разума, то гораздо более неизвинителен иудей, который вместе с этим руководством получил учение и от закона. Таким образом, апостол, убедив иудея легко согласиться с этою мыслию в отношении к грехам других, поневоле заставляет его, наконец, сделать то же самое и по поводу своих грехов. А чтобы речь его была хорошо принята, он начинает ее с более приятного, говоря так: “**Слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, [потом] и Еллину**”. Здесь, какие бы блага кто ни имел, пользуется ими среди многих беспокойств, - будет ли это богач, владелец или царь; он часто бывает в раздоре, если не с другими, то с самим собою, и имеет в своих помыслах жестокую брань. Но там (в пользовании небесными благами) не бывает ничего подобного, напротив - все тихо, свободно от смятения, соединено с истинным миром. Итак, апостол, научив при помощи сказанного выше, что и не имеющие закона будут наслаждаться теми же благами, представляет и основание, говоря так: “**Ибо нет лицеприятия у Бога**” (ст. 11). Когда он говорил, что за грехи наказываются и иудей и язычник, то это не имело нужды в доказательствах. Но когда желает показать, что и язычник удостаивается чести, то это уже требует основания. Казалось ведь удивительным и странным, чтобы тот, кто не слышал закона и пророков, удостаивался награды за добрые дела. Потому, как заметил я выше, он, говоря о временах, бывших прежде благодати, приучал к этому их слух, чтобы легче было привести их к признанию этого тогда, когда речь будет о временах веры. И здесь он остается совершенно вне всякого подозрения, так как излагает то, что не прямо относилось к его цели. Потому, сказав: “**Слава и честь и мир всякому, делающему доброе, во-первых, Иудею, [потом] и Еллину**”, прибавил: “**Ибо нет лицеприятия у Бога**”. Вот с каким успехом апостол одержал победу. Доведя речь до нелепости, он заключает, что Богу не свойственно поступать иначе, потому что это было бы лицеприятием, а в Боге нет лицеприятия. И не сказал: если бы этого не было, то Бог был бы лицеприятен, но выразился величественнее: “**Ибо нет лицеприятия у Бога**”, то есть, Бог испытует не качества лиц, но различие дел. А сказав это, он раскрыл, что различие между иудеем и язычником состоит не в делах, а только в лицах. После этого следовало бы сказать: тем не менее, так как один - иудей, а другой - эллин, то, вследствие этого, один принимает честь, а другой - поругание, но то и другое воздается по делам. Однако апостол не сказал так, потому что мог бы возбудить гнев иудея. Он предлагает нечто иное, большее, повергая еще ниже мудрствование иудеев и ослабляя его до такой степени, чтобы они могли принять и его учение. Что же это такое? То, что следует далее. “**Те,**

которые, не [имея] закона, согрешили, **-** говорит он, **- вне закона и погибнут; а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся**" (ст. 12). Здесь, как я заметил выше, апостол доказывает не только равночестность иудея и язычника, но и то, что иудей более обременен, вследствие дарования ему закона. Язычник осуждается без закона, но это – "**не [имея] закона**" - указывает здесь не на большую строгость, а на большую снисходительность, то есть, что язычник не имеет обвинителем закона; "**не [имея] закона**", то есть, - вне осуждения по закону; это, говорит апостол, означает то, что язычник судится по одному только естественному разуму. А иудей судится по закону, то есть, вместе с природой его обличает и закон, так как, чем большим попечением он пользовался, тем большему наказанию подвергнется.

5. Видишь ли, как апостол представил иудеям большую необходимость прибегать к благодати? Так как они говорили, что не имеют нужды в благодати, как оправдываемые одним только законом, то апостол доказывает, что они больше эллинов нуждаются в ней, если только должны подвергнуться и большему наказанию. После этого опять приводит другое доказательство в подтверждение сказанного. "**Потому что не слушатели закона праведны пред Богом**" (ст. 13). Справедливо прибавил: "**пред Богом**". Ведь пред людьми только можно казаться честным и иного хвалиться, но пред Богом совершенно наоборот: одни "**исполнители закона оправданы будут**". Видишь, какою способностью владеет апостол, чтобы обратить речь к противоположному? Если ты думаешь спастись посредством закона, говорит он, то язычник, явившись исполнителем написанного (в законе), восхитит у тебя первенство. И как возможно, спросишь, сделаться исполнителем, не будучи слушателем? Возможно, отвечает апостол, даже не только это, но и гораздо большее. Не только возможно быть исполнителем помимо слушания, но и не быть таковым после слушания, что яснее и с большею силою апостол выразил ниже, говоря: "**Уча другого, не учишь себя самого**" (Рим. 2:21)? А здесь он пока доказывает первое. "**Ибо когда язычники, -** говорит (апостол), **- не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон**" (ст. 14). Не отвергаю закона, говорит он, но и при этом оправдываю язычников. Видишь ли, как он, подрывая славу иудейства, не подает ни малейшего повода говорить о себе, что он унижает закон, а напротив, как бы хвалит его и выставляет великим и таким образом все хорошо устрояет? Говоря же – "**по природе**" - разумеет естественный разум. И он показывает здесь, что другие (язычники) были лучше иудеев, и самое главное - лучше потому, что не получили закона и не имеют того, в чем иудеи, по их мнению, имели над ними преимущество. Язычники, говорит (апостол), потому и удивительны, что не имели нужды в законе, но обнаруживали все, свойственное закону, начертавши в умах своих не письмена, а дела. Вот что именно он говорит: "**Они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую в день, когда, по благовествованию моему, Бог будет судить тайные [дела] человеков через Иисуса Христа**" (ст. 15,16). Видишь ли, как (апостол) опять указал на тот день и представил его близость, потрясая их мысль и показывая, что большей чести достойны те, которые, живя вне закона, старались исполнить законное? Уместно теперь сказать о том, что особенно достойно удивления в рассуждении апостола. Доказав уже предварительно, что эллин выше иудея, он не приводит этого в заключении своих суждений, чтобы не ожесточить иудея. А чтобы представить яснее сказанное мною, приведу собственные слова апостола. Так как он сказал: не "**слушатели закона …, но исполнители закона оправданы будут**" , то ему следовало бы и сказать: "**Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают**", то они гораздо лучше научаемых от закона. Но (апостол) не говорит этого, а останавливается на похвале язычникам и пока не продолжает далее сравнения, чтобы иудей принял хотя бы и то, что уже сказано. Потому Павел не сказал так, но как же? "**Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они**

показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их", потому что взамен закона достаточно совести и разума. Этим (апостол) опять доказал, что Бог сотворил человека с достаточными силами избирать добродетель и избегать зла. И не удивляйся тому, что одно и то же он раскрывает раз, два и более. Для него весьма было необходимо доказать эту важную истину, так как находились люди, которые говорили: "почему Христос пришел ныне, и где в прежнее время проявлялись действия Божия промысла?" Апостол, мимоходом отражая их, доказывает, что и в древние времена, даже до закона, род человеческий находился под тем же промыслом. "**Что можно знать о Боге, явно для них**" (Рим. 1:19), и люди знали, что добро и что худо, поэтому судили и других, за что (апостол) укорял их, говоря: "**Тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя**" (Рим. 2:1). Иудеям же даны были не только разум и совесть, но еще и закон. Для чего же (апостол) присовокупил: "**То обвиняющие, то оправдывающие**"? Ведь если имеют писаный закон и проявляют свои дела, то что, наконец, может осудить разум? Но слово – "**обвиняющие**" (апостол) относит не только к язычникам, а и ко всему роду человеческому. В день суда предстанут собственные наши мысли, то осуждающие, то оправдывающие, и человеку на том судилище не нужно будет другого обвинителя. Далее (апостол), усиливая страх, не сказал: человеческие грехи, - но: "**Тайные [дела] человеков**". Так как он выше сказал: "**Думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие [дела] и (сам) делая то же**" (2:3)? - то, чтобы ты не допустил, что приговор Божий таков же, какой и ты сам произносишь, но понял, что определение Божие гораздо строже твоего, (апостол) и заметил: "**тайные [дела] человеков**", а потом присовокупил: "**по благовествованию моему, … через Иисуса Христа**". Ведь люди бывают судьями одних только явных дел. Хотя выше (апостол) говорил об одном Отце, но, когда уже поразил слушателей страхом, начал речь и о Христе, однако же, не просто, но и здесь сперва упомянул об Отце, а потом наименовал Христа. Этим он возвышает достоинство своей проповеди, и говорит, что проповедь эта возвещает то же самое, что раньше открыла природа.

6. Видишь ли, как (апостол), мудро ведя своих слушателей, приблизил их к Евангелию и Христу и как доказал, что наши дела не останавливаются здесь, но простираются далее? Что он раскрыл выше, сказавши: "**Сам себе собираешь гнев на день гнева**", тоже подтверждает теперь и здесь: "**Бог будет судить тайные [дела] человеков**". Итак, каждый, обратясь к своей совести и размышляя о грехах своих, пусть потребует строгого отчета от себя самого, чтобы тогда не быть нам осужденным вместе с миром. Суд тот страшен, престол Судии грозен, требования отчета исполнены ужаса, река огненная пространна. Брат же не избавит, избавит ли человек? (Пс. 48:8)? Вспомни то, о чем говорится в Евангелии, вспомни ангелов, повсюду летающих, чертог заключенный, светильники неугасимые, воинства небесные, влекущие к пещи. Помысли и о том, что если бы теперь пред одною только церковью был обнаружен тайный проступок кого-либо из нас, то он пожелал бы лучше погибнуть и дать себя поглотить земле, чем иметь стольких свидетелей своего преступления; Что же мы будем испытывать тогда, когда пред целою вселенною будет все выставлено на этом блистательном и открытом позорище, и когда знакомые и незнакомые будут созерцать все наши дела? Но, увы мне, чем я вынуждаюсь устрашать вас? Не людским ли мнением, тогда как следовало бы сделать это силою страха Божия и собственного сознания? Скажи мне, что с нами будет тогда, когда нас связанных, со скрежещущими зубами, поведут во тьму кромешную? А лучше сказать, что мы будем делать, когда (что всего страшнее) предстанем пред Богом? Если кто имеет чувство и разум, тот уже подвергся геенне, как только оказался вне лицезрения Божия. Но так как и это нас не огорчает, то Бог и угрожает огнем. Но ведь следовало бы не тогда скорбеть, когда нас наказывают, а тогда, когда грешим. Послушай, как Павел плачет и сокрушается из-за грехов, за которые он не имел подвергнуться наказанию: "**Недостоин называться Апостолом, -** говорит он, **- потому что гнал церковь Божию**" (1 Кор. 15:9).

Послушай, как и Давид, хотя был освобожден от наказания, но поелику признавал себя оскорбившим Бога, призывает на себя мщение и говорит: “**Пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего**” (2 Цар. 24:17). Оскорбить же Бога - тяжелее, чем быть наказанным. А мы находимся в столь жалком расположении духа, что если бы не было страха геенны, то, может быть, и не пожелали бы сделать что-нибудь доброе. Потому мы и достойны геенны, если не за что-либо иное, то именно за то, что страшимся геенны больше, нежели Христа. Не таков был блаженный Павел, но совершенно противоположного настроения. Но так как мы - иные в сравнении с ним, потому и осуждаемся в геенну. Если бы мы любили Христа, как и должно любить, то знали бы, что оскорбить любимого тяжелее геенны. Но мы не любим, потому и не понимаем громадности этого наказания. И это именно есть то, о чем я преимущественно сокрушаюсь и плачу. И чего не делал Бог, чтобы быть любимым нами? Чего Он не предпринимал и что оставил без применения? Мы оскорбили Бога, Который ничем нас не обидел, а напротив, облагодетельствовал бесчисленными и неизреченными благами; мы отвратились от Него, когда Он призывал нас и всеми мерами привлекал к Себе, - и однако, Он не наказал нас, но сам поспешил к нам, остановил бегущих, а мы устремились от Него и предались диаволу. Но Бог и в этом случае не оставил нас, а посылал к нам опять тысячи призывающих - пророков, ангелов, патриархов; мы же не только не приняли посольства, а еще оскорбили пришедших. И после всего того Бог, не возгнушался нами, но, как ревностные из презираемых почитателей, всюду ходил и говорил - небу, земле, Иеремии, Михею - не с тем, чтобы нас обвинить, но чтобы оправдать собственные деяния. Вместе с пророками Он и сам приходил к удалившимся от Него, готов был дать им отчет, просил, чтобы мы вступили с Ним в разговор, и так как мы были ко всему глухи, Он привлекал к беседе с Собою. “**Народ Мой! –** говорил Он, **- что сделал Я тебе и чем отягощал тебя? отвечай Мне**” (Мих. 6:3). После всего этого мы умертвили пророков, побили их камнями и совершили тысячи других злодеяний. Что же было взамен этого? Бог послал - не пророков, не ангелов, не патриархов, но самого Сына. Умерщвлен был и Сын, пришедший на землю; но это не потушило любви, а еще сильнее воспламенило ее, и Господь, и после убиения Сына Его, не престает просить, молить и делать все, чтобы привлечь нас к Себе. И Павел восклицает: **“Мы - посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом**” (2 Кор. 5:20).

7. Но ничто из этого не изменило нас, а Господь не оставил нас в таком положении, но продолжает то угрожать геенною, то обещать царство, чтобы хотя этим привлечь нас; мы же еще пребываем в своей бесчувственности. Что может быть хуже такого зверства? Если бы это совершил человек, то не сделались бы мы его рабами навсегда? А от благодетельствующего нам Бога мы отвращаемся. О, беспечность, о, неблагодарность! Мы, которые всегда живем во грехах и пороках, если когда-нибудь сделаем какое-либо и малое добро, то, по примеру безрассудных рабов, с большою мелочностью высчитываем и со строгой точностью определяем вознаграждение, если только дело заслуживает какой-нибудь платы. Но ты получишь большую награду, если станешь работать не в надежде на награду. Ведь говорить об этом и точно высчитывать - это занятия, свойственные больше наемнику, нежели благоразумному слуге. Должно все делать для Христа, а не для награды. Потому Он и угрожал геенною, и обещал царство, чтобы мы возлюбили Его. Итак, возлюбим Христа, сколько и должно любить: в этом великая награда, в этом царство и радость, наслаждение и слава и честь, в этом свет, неисчислимое блаженство, которого не может ни слово выразить, ни ум постигнуть. Впрочем, я и не знаю, как я перешел на такие речи, советуя людям, которые не презирают ради Христа настоящего господства и славы, пренебречь царством, хотя великие и знаменитые те мужи достигли и этой меры любви. Послушай, как Петр пламенеет любовию ко Христу, предпочитая Его и душе, и жизни, и всему; даже когда отрекся от Него, то не из страха наказания плакал, но потому, что отвергся Возлюбленного, что было для него мучительнее всякого наказания. И все это

он обнаружил прежде получения благодати Духа и часто обращался ко Христу, говоря: “**Куда Ты идешь**” (Ин. 13:36)? И прежде этого: “**К кому нам идти**” (Ин. 6:68)? И опять: “**Я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел**” (Мф. 8:19). Христос составлял для апостолов все, и они ни неба, ни царства небесного не предпочитали Возлюбленному. “Ты для меня все это” - говорит Петр. И почему ты удивляешься, если Петр был так привержен ко Христу? Послушай, что говорит пророк: “**Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле**” (Пс. 72:25)? Слова эти значат следующее: из всего горнего и дольнего ничего иного не желаю, как только Тебя одного. Вот это - любовь, вот это - привязанность. Если и мы так станем любить, то не только настоящее, но и будущее, почтем за ничто, в сравнении с этою любовью нашей и, наслаждаясь любовью к Нему, приобретем чрез это царство. Но как это будет возможно? спросишь ты. Если мы представим себе, сколько раз мы оскорбляли Бога после бесчисленных благ, от Него полученных, и Он не преставал призывать нас, - сколько раз мы удалялись от Него, и Он не презирал нас, но сам приходит к нам, призывает нас и привлекает к Себе, - если мы размыслим о всем этом и подобном, то получим возможность возжечь в себе такую любовь. Если бы тот, кто так любил, был незначительный человек, а тот, кого так сильно любят, был царь, то неужели бы он не тронулся величием любви? Даже весьма был бы тронут. Но когда бывает наоборот, и с одной стороны - неизреченная красота, слава и богатство любящего нас, а с другой - совершенное наше ничтожество, то как же не достойны бесчисленного наказания мы, ничтожные и презренные, любимые чрезмерною любовию Существа великого и чудного, но высокомерно отвергающие Его любовь? Ведь Бог не имеет в нас никакой нужды, и однако, не перестает любить нас, а мы крайне нуждаемся в Нем, однако любви Его не принимаем, предпочитая Ему деньги, человеческую дружбу, телесный покой, власть и славу, тогда как Он ничего нам не предпочитает. Он одного имел Сына единородного и возлюбленного и Его не пощадил ради вас; а мы многое предпочитаем Ему. Итак, разве не по справедливости нам угрожают геенна и наказание, хотя бы они были вдвое, втрое, даже в тысячу раз ужаснее? Что мы можем сказать в ответ, когда повеления сатаны предпочитаем законам Христа и нерадим о своем спасении, предпочитая дела лукавства Тому, Кто все за нас претерпел? И какого извинения заслуживает все это? Какого оправдания? Никакого. Станем же наконец твердо, не увлекаясь по стремнинам, образумимся и, размыслив обо всем этом, воздадим Богу славу посредством дел, потому что одних слов недостаточное - чтобы и нам насладиться славою от Него, достигнуть коей да будет дано всем нам, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и вовеки веков. Аминь.

БЕСЕДА 6

"Вот, ты называешься Иудеем, и успокаиваешь себя законом, и хвалишься Богом, и знаешь волю Его, и разумеешь лучшее, научаясь из закона" (Римл. 2:17-18).

1. Сказав, что для спасения язычника, если он бывает исполнителем закона, ничего более не нужно, и, окончив удивительное свое сравнение, апостол указывает, наконец, преимущества иудеев, которыми они гордились перед язычниками. Прежде всего, самое имя иудея, как ныне имя христианина, было очень почтенно, так как и тогда различие людей зависело от имени, почему апостол и начинает речь с этого. И заметь, как он уничтожает это (преимущество); он не сказал: ты иудей, но говорит: "**называешься и хвалишься Богом**", то есть, ты возлюблен Богом и предпочтен прочим людям. А мне думается, что он здесь слегка осмеивает высокомерие и безумное честолюбие иудеев, потому что они этим даром Божьим воспользовались не для собственного своего спасения, но для того, чтобы заводить распри и презирать остальных людей. "**И знаешь волю Его, и разумеешь лучшее**". Конечно, и то был недостаток, если не подтверждалось

делами, но, однако, иудеям казалось, что в этом состоит преимущество, почему апостол с ясностью на это и указывает. Но он не сказал - исполняешь, а: "**знаешь и разумеешь**", сам же не следуешь и не исполняешь этого. "**И уверен о себе, что ты путеводитель слепых**" (Римл. 2:19). Опять и здесь не сказал: ты путеводитель слепых, но говорит: "**уверен о себе**", ты этим хвалишься, потому что высокомерие иудеев действительно было велико. Потому апостол выражается почти теми же словами, какие употребляли, величаясь, и иудеи. Смотри, например, что говорят они о себе в Евангелии: "**в грехах ты весь родился, и ты ли нас учишь**" (Иоан. 9:34)? Они много гордились перед всеми. Павел настойчиво и изобличал это, одних восхваляя, а других унижая, чтобы таким образом сильнее укорить их и увеличить обвинение. Потому он и продолжает, усиливая ту же мысль и подкрепляя ее различными выражениями: "**и уверен о себе, что ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев, имеющий в законе образец ведения и истины**" (Римл. 2:19-20). Опять не сказал: в совести, в делах и в оправданиях, но: "**в законе**". Как поступил апостол, обличая язычников, так поступает и здесь. Как там сказал: "**тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя**", так и здесь говорит: "**как же ты, уча другого, не учишь себя самого**" (Римл. 2:21)? Впрочем, там он употребляет выражение более резкое, а здесь более легкое. Не сказал: ты достоин большого наказания за то, что, тогда как тебе так много было вручено, ты ничем не воспользовался, как должно; но, излагая свою мысль в виде вопроса, обращается и говорит: "**как же ты, уча другого, не учишь себя самого**"? Обрати внимание на мудрость Павла и в другом отношении. Он перечисляет такие преимущества иудеев, которые зависели не от их усердия, но составляют дар свыше, и доказывает, что эти преимущества, по нерадению иудеев, не только для них излишни, но и приносят увеличение наказания. Называться иудеем, получить закон и все прочее, что перечислил теперь апостол, не составляет их заслуги, но есть дар благодати свыше. И хотя в начале он говорил, что одно слушание закона, если не присоединится исполнение, не приносит никакой пользы, "**потому что не слушатели закона**", говорит, "**праведны перед Богом**", но теперь он доказывает нечто гораздо большее, а именно, что не только слушание, но и то, что важнее - самое обучение закону не поможет учащему, если он не исполняет того, чему учит, и не только не поможет, но еще навлечет большее наказание. И как искусно употребляет апостол выражения. Ведь он не сказал: ты получил закон, но: "**успокаиваешь себя законом**". Иудей не трудился, ходя повсюду и спрашивая, что ему должно делать, но он с удобством владел законом, указывающим путь, который вел к добродетели. Если язычники и имели природный разум, в котором и заключалось их преимущество, так как они все исполняли без слушания закона, то там (у иудеев) было больше удобства. А если ты говоришь: "я не только слушаю, но и учу", то это служит лишь к увеличению наказания. И так как иудеи этим много превозносились, то апостол и доказывает, что они преимущественно вследствие этого и достойны осмеяния. Когда же говорит: "**путеводитель слепых, наставник невежд, учитель младенцев**", то изображает надменность иудеев, потому что они весьма худо обходились с обращенными из язычества и называли их подобными наименованиями.

2. Потому апостол пространно и указывает то, что иудеи сами ставили себе в похвалу, зная, что все сказанное служит к большему их обвинению. "**Имеющий в законе образец ведения и истины**". Это подобно тому, как кто-нибудь, имея у себя царское изображение, не может по нему ничего написать, а те, у которых нет его, и без образца верно ему подражают. Итак, сказав о преимуществах, которые иудеи получили от Бога, (апостол) говорит об их недостатках, в которых обвиняли их и пророки, и изображает их так: "**как же ты, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? говоря: не прелюбодействуй, прелюбодействуешь? гнушаясь идолов, святотатствуешь**" (Римл. 2:21-22). Хотя вам (иудеям) и было строго запрещено касаться имуществ, принадлежащих идольским капищам, как скверны, но страсть сребролюбия заставляла

вас, говорит (апостол), нарушать и этот закон. После того (апостол) излагает наиболее тяжкую вину иудеев, говоря: "**хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога**" (Римл. 2:23). Он представил две вины, а правильнее - три. Иудеи бесчестят, бесчестят тем, что назначено к их чести, бесчестят Того, Кто даровал им честь, а это и есть верх крайней неблагодарности. Но чтобы не подумали, что (апостол) обвиняет иудеев сам от себя, он выставил их обвинителем пророка, теперь Исаию, который в немногих словах и вообще изобличает их в главном пороке, а после и Давида, который и раскрыл их вины подробно и с большей доказательностью. Не я укоряю вас в этом, говорит (Павел), а послушайте, что сказал Исаия: "**ибо ради вас имя Божье хулится у язычников**" (Рим. 2:24; Иса. 52:5). Вот и еще два обвинения. Они, говорит, не только сами оскорбляют Бога, но и других приводят к тому. Итак, какая польза от обучения, как скоро вы не учите самих себя? Но об этом (апостол) сказал уже выше, а здесь он обратился к противоположному. Вы не только сами себя, но и других не учите тому, что должно делать; и, что всего хуже, вы не только не учите жить по закону, но учите противоположному, учите хулить Бога, что противно закону.

Но важно обрезание, говорит (иудей). Согласен и я, но важно тогда, когда сопровождается внутренним обрезанием. И обрати внимание на благоразумие (апостола), как благовременно он завел речь об обрезании. Он не стал говорить о нем сначала, потому что оно было в великом уважении. Но когда доказал, что иудеи оскорбили Бога в важнейшем и виновны в богохульстве, когда слушатель готов был сам обвинить их и лишить первенства, тогда начинает речь об обрезании, надеясь, что уже никто его не осудит, и говорит: "**обрезание полезно, если исполняешь закон**" (Римл. 2:25). Конечно, обрезание можно было отвергнуть и другим способом, например, спросив: что такое обрезание? Не есть ли это заслуга обрезывающегося? Не составляет ли оно доказательства его доброй воли? Но ведь оно совершается в незрелом возрасте, затем многие, жившие в пустыне, оставались необрезанными, а также и из многих других примеров можно видеть, что обрезание не весьма было необходимо. Но, однако, (апостол) не этими доводами отвергает обрезание, а примером Авраама, чем преимущественно и следовало. Ведь в этом и было торжество победы, чтобы малозначительность обрезания доказать тем самым, за что оно было уважаемо иудеями. Хотя (Павел) мог сказать, что и пророки называют иудеев необрезанными, но это было недостатком не самого обрезания, но злоупотреблявших им. А требовалось доказать, что обрезание не имеет никакой силы и при добродетельной жизни. Это, наконец, и раскрывает (апостол). И здесь он не приводит еще в пример патриарха, но, сперва опровергнув обрезание другими доводами, оставляет его (патриарха) для последующего, когда он ведет речь о вере, говоря: "**когда вменилась**" вера Аврааму? "**По обрезании или до обрезания**" (Рим. 4:10)? (Апостол) пока противополагает обрезание языческому не обрезанию и не желает сказать ничего другого, чтобы не слишком было обидно (иудею); а когда рассматривает обрезание в отношении к вере, тогда и сильнее нападает на него. Конечно, пока предлагается противоположение обрезания необрезанию, (апостол) выражается легко и говорит: "**обрезание полезно, если исполняешь закон; а если ты преступник закона, то обрезание твое стало необрезанием**". Здесь (апостол) говорит о двух обрезаниях и двух необрезаниях, равно как допускает и два закона. Есть закон естественный и есть закон писаный; но есть и средний между обоими - закон от дел. Смотри же, как (апостол) показывает и раскрывает все эти три закона. Он говорит: "**когда язычники, не имеющие закона**" - какого закона, скажи мне? - закона писанного – "**по природе законное делают**" - по какому закону? - по закону, обнаруживающемуся в делах – "**то, не имея закона**" - какого? - писанного – "**они сами себе закон**" - как это? - пользуясь законом естественным – которые соблюдают постановления закона - какого закона? - закона дел. Один закон, именно тот, который в письменах, есть внешний, другой, который дан природой, есть внутренний, а третий открывается в делах. Первый сообщают письмена, второй - природа, а третий - дела. Этот

именно третий закон и нужен, для него даны и первые два - естественный и письменный; если его не существует, то нет никакой пользы и в тех, даже от них бывает и величайший вред. Это именно доказывает (апостол)) когда говорит о законе естественном: "**тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя**", и о законе писанном: "**проповедуя не красть, крадешь**". Равным образом, и необрезаний два, одно естественное, а другое нравственное. И обрезание одно совершается над плотью, а другое зависит от воли. Например, я говорю, что некто обрезан в восьмой день, это - обрезание плотское; а когда говорю, что кто-нибудь исполнил все узаконенное, то это есть обрезание сердца, которого преимущественно и требует Павел или, вернее сказать, самый закон.

3. Итак, ты видишь, как (апостол), допустив обрезание на словах, уничтожает на деле. Он не сказал, что обрезание излишне, бесполезно, непригодно, но что же именно говорит? "**Обрезание полезно, если исполняешь закон**". Он пока принял обрезание, говоря: согласен, не спорю, что обрезание есть дело хорошее, но когда? Когда ты соблюдаешь и закон. "**А если ты преступник закона, то обрезание твое стало необрезанием**". И здесь не сказал: оно уже не приносит пользы, - чтобы не подумали, что он уничтожает обрезание; но, сперва освободив иудея от обрезания, потом уже поражает его, так что теперь укоризна падает не на обрезание, а на того, кто утратил его по нерадению. Как тех, которые находятся в чинах, а потом уличены в важнейших преступлениях, судьи сперва лишают отличия чинов, а потом уже наказывают, так и Павел поступил (с иудеем). Сказав: "**а если ты преступник закона**", прибавил: "**то обрезание твое стало необрезанием**", и доказав, что он необрезанный, безбоязненно, наконец, изрекает над ним приговор. "**Если необрезанный соблюдает постановления закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание**" (Римл. 2:26)? Смотри, что делает (апостол): он не говорит, что необрезание превосходит обрезание, - это было бы очень прискорбно для тогдашних его слушателей, - но говорит, что необрезание сделалось обрезанием. Потом рассматривает, что такое обрезание и что такое необрезание, и говорит, что обрезание есть дело доброе, а необрезание - дело худое. Затем необрезанного, имеющего добрые дела, включив в понятие обрезания, а обрезанного, пребывающего в порочной жизни, исключив из обрезания, он, таким образом, отдает преимущество необрезанному. И не говорит уже о человеке необрезанном, но переходит к самому действию - необрезанию, говоря так: "**его необрезание не вменится ли ему в обрезание**"? Опять и здесь не сказал: признается, но: "**вменится в обрезание**", что гораздо выразительнее; равно и выше не сказал: "**обрезание твое**" считается в необрезание, но: "**стало необрезанием**". "**Не осудит ли тебя, преступника закона при Писании и обрезании**" (Римл. 2:27). Видишь ли, что апостол имел в виду два необрезания, одно естественное, а другое добровольное? Здесь, конечно, он говорит о естественном, но не останавливается на этом, а продолжает: "**исполняющий закон, не осудит ли тебя, преступника закона при Писании и обрезании**" (Римл. 2:27). Заметь весьма тонкое разумение апостола. Он не сказал, что необрезанием естественным осуждается обрезание, но там, где было преимущество обрезания, он говорит и о необрезании, а где была недостаточность его, он показывает, что не самое обрезание побеждается, а иудей, имеющий обрезание, избегая оскорбить слушателя словом. Не сказал также: осудит тебя, имеющего закон и обрезание, но выражается еще снисходительнее: "**тебя, преступника закона при Писании и обрезании**", то есть, естественное необрезание защищает обрезание, потому что оно поругано, и помогает закону, потому что он нарушен. Вот какой замечательный он ставит трофей, - так как победа тогда должна быть более блестящей, когда иудей осуждается не иудеем, а необрезанным, как некогда и сказал Христос: "**ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят**" (Матф. 12:41) род сей. Итак, (апостол) унижает не закон (напротив, он весьма уважает его), но нарушителя закона. Потом, когда (апостол) ясным образом раскрыл это, он смело, наконец, определяет, что такое иудей, и показывает, что он не отвергает ни иудея, ни обрезания, а отвергает того, кто не иудей, и не обрезанный. И, кажется, что он с

одной стороны защищает обрезание, а с другой опровергает понимание его, основывая свой приговор на опыте. Он доказывает, что не только нет ничего общего между иудеем и необрезанным, но даже необрезанный, если он внимателен к себе самому, выше иудея, и он именно и есть истинный иудей. Потому говорит: "**не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти**" (Римл. 2:28). Здесь он поражает иудеев, как делающих все на показ. "**Но тот Иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве**" (Римл. 2:29).

4. Сказав это, (апостол) отверг все плотское. И обрезание наружное, и субботы, и жертвы, и очищения - все это он разумел под одним выражением, сказав: "**не тот Иудей, кто таков по наружности**". Но так как у них (иудеев) преимущественная речь была об обрезании, которому уступала и суббота, то (апостол), естественно, о нем больше и распространяется. Сказав же: "**обрезание, которое в сердце, по духу**", (апостол) этим пролагает путь жизни церковной и вводит веру, так как верование сердцем и духом имеет похвалу от Бога. И для чего (апостол) не сказал, что добродетельный эллин не меньше добродетельного иудея, но говорит, что добродетельный эллин лучше преступающего закон иудея? Для того чтобы сделать победу несомненной. Как скоро признано (сказанное апостолом), то обрезание плоти по необходимости отвергается и становится ясно, что повсюду нужна жизнь. Когда эллин спасается без этого (без обрядов), а иудей и при обрядах наказывается, то иудейство становится упраздненным. А под эллином (апостол) разумеет не идолопоклонника, но человека благочестивого и добродетельного, освобожденного от законных обрядов. "**Какое преимущество быть Иудеем**" (Римл. 3:1)? Так как (апостол) все отринул - слушание, учение, имя иудея, обрезание и все остальное, сказав, что не тот иудей, кто таков по наружности, но тот иудей, кто внутренне таков (Римл. 2:28), то предвидит естественно возникающее возражение и опровергает его. Какое же это возражение? Если, скажут, в этом нет никакой пользы, то для чего и был призван народ и было дано обрезание? Что же делает (апостол) и как он разрешает возражение? Так же, как он решил и предыдущие. Как выше он ничего не ставил в похвалу иудеям, но во всем видел Божьи благодеяния, а не их заслуги, потому что именоваться иудеем, разуметь волю, рассуждать о лучшем - все это дано им не по заслугам, а по Божьей благодати, - в чем укорял иудеев и Пророк, говоря: "**не сделал Он того никакому другому народу, и судов Его они не знают**" (Псал. 147:9), а также и Моисей, говоря: спросите, было ли по слову сему, разве "**слышал**" народ "**голос**" Бога "**живого из среды огня**", и остался жив (Втор. 5:26), - так же поступает (апостол) и здесь. Как тогда, когда шла речь об обрезании, он не сказал, что обрезание не приносит никакой пользы без жизни, но, раскрывая тоже самое и лишь выражаясь менее резко, говорит, что обрезание приносит пользу вместе с делами, и опять: "**если ты преступник закона**", не прибавил: обрезание не приносит тебе никакой пользы, но выражается так: "**обрезание твое стало необрезанием**", и далее опять говорит, что необрезанием осуждается не самое обрезание, но преступник закона, - щадя, с одной стороны, закон, а с другой - нападая на людей, - так он поступает и здесь. Возразив самому себе, и сказав: "**какое преимущество быть Иудеем**"? - он дал на это ответ не отрицательный, а утвердительный, сказанным же впоследствии он опроверг это и доказал, что иудеи за такое преимущество подвергаются наказанию. Каким же образом? Объясню это, представив самое возражение. "**Какое преимущество быть Иудеем, или какая польза от обрезания? Великое преимущество во всех отношениях, а наипаче в том, что им вверено слово Божье**" (Римл. 3:1-2). Замечаешь ли, что, как сказал я выше, (апостол) исчисляет не заслуги (иудеев), но благодеяния Божьи? Что же значат слова: "**вверено**"? То, что им был вручен закон, так как Бог считал их настолько достойными, что вверил им предсказания, возвещенные свыше. И я знаю, что некоторые относят выражение - "**вверено**" не к иудеям, а к слову (Божьему), то есть закон сделан предметом веры; но последующее не позволяет так думать. Во-первых, (апостол) говорит это, обвиняя иудеев и показывая, что они, хотя и получили

многие благодеяния свыше, но явили великую неблагодарность. Потом это видно и из последующего. (Апостол) прибавил: "**ибо что же? если некоторые и неверны были**" (Римл. 3:3)? А если не уверовали, то, как же некоторые говорят, что слово (Божье), сделалось предметом веры? Итак, что же говорит (апостол)? То, что Бог вверил им (слово Свое), а не то, что они уверовали слову. Иначе, какой же смысл имеет последующее? Ведь (апостол) прибавил: "**ибо что же? если некоторые и неверны были**"? Тоже самое видно и из того, что (апостол сказал) после этого, а именно он говорит: "**неверность их уничтожит ли верность Божью? Никак**" (Римл. 3:3-4). Итак, то, что им было вверено, (апостол) провозглашает даром Божьим. Ты же обрати внимание на благоразумие (Павла) и в этом случае. Обвинение их он опять представляет не от самого себя, но как бы в виде возражения, и говорит как бы следующим образом: но, может быть, ты спросишь, какая польза от этого обрезания? Сами иудеи не сделали из него должного употребления; им вверен был закон, а они не уверовали. И сначала (апостол) не нападает на них сильно, но как только начинает оправдывать Бога от упреков, то обращает на них все свое обвинение. И почему, говорит он, ты обвиняешь Бога в том, что они не уверовали? И какое это имеет отношение к Богу? Неужели неблагодарность облагодетельствованных Богом уничтожает Его благодеяние? Или - обращает ли она честь в нечестие? Это именно означают слова: "**неверность их уничтожит ли верность Божью? Никак**". Это подобно тому, как если бы кто-нибудь сказал: я оказал честь такому-то человеку, если же он не принял чести, то в этом не моя вина и это не оскорбляет моего человеколюбия, а показывает лишь его бесчувственность. Но Павел говорит не только это, а нечто гораздо большее, именно, что неверие иудеев не только не может быть поставлено в вину Богу, но, напротив, доказывает наибольшую славу Его и человеколюбие, когда Он явно оказывает честь и тому, кто готов Его обесчестить.

5. Видишь ли, как (апостол) обвинил иудеев тем самым, чем они хвалились? Хотя Бог оказал им столько чести, что, даже предвидя будущее, не лишил их Своего благоволения, однако они оскорбили Почтившего их именно тем, чем были почтены. Потом, так как (апостол) сказал: что же, если "**некоторые**" и неверны были? - а между тем оказались неверными все, то, чтобы, сказанным не согласно с действительностью, опять не показаться строгим обвинителем иудеев, как бы их врагом, он то, что оказалось в действительности, излагает в виде общего суждения и заключения, говоря так: "**Бог верен, а всякий человек лжив**" (Римл. 3:4). Это означает следующее: я не утверждаю, говорит (апостол), что только некоторые были неверны, но, если угодно, признавай, что все были неверны (этот почти совершившийся факт, допуская условно, чтобы не огорчить иудеев и не навлечь на себя их подозрение). Впрочем, и в этом случае Бог еще более оправдывается. Что значит: "**оправдывается**"? Если рассудить и исследовать то, что Бог совершил для иудеев, и что было от них в отношении к Богу, то победа будет на стороне Божьей, и все оправдания принадлежат Богу. И, ясно доказав это сказанным выше, (апостол) приводит потом и слова пророка, который подтверждает его слова и говорит: "**Ты праведен в приговоре Твоем и чист в суде Твоем**" (Псал. 50:6). Бог все сделал со Своей стороны, но иудеи не стали от этого лучшими. Потом (апостол) представляет другое возникающее отсюда возражение и говорит: "**если же наша неправда открывает правду Божью, то, что скажем? не будет ли Бог несправедлив, когда изъявляет гнев? (говорю по человеческому рассуждению). Никак**" (Римл. 3:5-6). (Апостол) одну неправильность устраняет другой. Но так как это не ясно, то необходимо сказать яснее. Итак, о чем говорит (апостол)? Бог почтил иудеев, а они оскорбили Его. Но это составляет победу Его, доказывает великое Его человеколюбие, так как Он почтил и людей столь неблагодарных. А так как, говорит (иудей), Бог победил и правда Его просияла в полном блеске вследствие того, что мы оскорбили Его и поступили несправедливо, то за что же, говорит, подвергаюсь наказанию я, сделавшийся виновником Его победы именно потому, что оскорбил Его? Как же (апостол) решает это? Другим неправильным суждением, как

сказал я. Если ты, говорит он, сделался виновником победы Божьей и после того подвергаешься наказанию, то это несправедливо, а если Бог не несправедлив, однако же, тебя наказывает, то ты еще не сделался для Него виновником победы. И обрати внимание на благоговение апостола. Сказав: "**не будет ли Бог несправедлив, когда изъявляет гнев**"? - прибавил: "**говорю по человеческому рассуждению**". Так сказал бы всякий, говорит (апостол), рассуждая по человеческому разуму; но ведь праведный суд Божий несравненно превосходит то, что представляется справедливым для нас, и имеет некоторые другие непостижимые для нас основания. Затем, так как это было не совершенно ясно, то он говорит то же самое в другой раз: "**если верность Божия возвышается моей неверностью к славе Божьей, за что еще меня же судить, как грешника**" (Римл. 3:7)? Ведь если Бог, говорит, явился человеколюбивым, справедливым и благим вследствие того, что ты ослушался Его, то ты не только не должен подвергаться наказанию, но и еще получить награду. А если это так, то получится другая нелепость, повторяемая многими, именно: будто из зла происходит добро и причиной добра служит зло. Необходимо допустить одно из двух - или Бог, когда наказывает, является несправедливым, или же Он получает от наших злых дел победу, когда не наказывает. Но и то и другое до крайности нелепо. Апостол, доказывая это, признал родоначальниками таких учений эллинов, считая достаточным для опровержения сказанного качество тех лиц, которые говорят это. Тогдашние язычники, осмеивая нас (христиан), именно говорили: будем делать зло, чтобы произошло добро. Потому (апостол) ясно и изложил это, говоря так: "**и не делать ли нам зло, чтобы вышло добро, как некоторые злословят нас и говорят, будто мы так учим? Праведен суд на таковых**" (Римл. 3:8). Так как Павел учил: "**когда умножился грех, стала преизобиловать благодать**" (Рим. 5:20), то язычники, осмеивая его и давая превратный смысл словам его, говорили, что должно предаваться порокам, чтобы насладиться благами. Но Павел, конечно, не так учил, - потому, исправляя это, говорит: "**что же скажем? оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак**" (Рим. 6:1). Ведь я, говорит (апостол), сказал о минувших временах, а не затем, чтобы мы сделали это своим правилом. Отклоняя заблуждающихся от такого понимания его слов, (апостол) сказал, что это, наконец, и невозможно. Как мы, говорит он, умершие для греха, будем еще жить в грехе (Рим. 6:2)?

6. Итак, (апостол) легко обличил эллинов, потому что жизнь их была очень развращенна, а жизнь иудеев хотя и представлялась в полном пренебрежении, но у них были большие основания для своего оправдания - закон и обрезание, а также то, что с ними беседовал Бог и они были учителями всех людей. Поэтому (апостол) лишил их такой защиты и даже доказал, что они из-за этого именно и подвергаются наказанию, - чем и заключил здесь свою речь. Если же делающие это, говорит он, не наказываются, то необходимо допустить богохульное положение: "**делать зло, чтобы вышло добро**". А если и это нечестиво и если говорящие так подвергнутся наказанию (что Павел и объявил, сказав: "**праведен суд на таковых**"), то вполне ясно, что грешники наказываются; притом, если достойны наказания говорящие так, то тем более - делающие, а если достойны наказания, то достойны, как согрешившие. Ведь наказывает не человек, - чтобы кто-нибудь мог заподозрить его приговор, - но Бог, все делающий справедливо. Если же они наказываются справедливо, то несправедливо говорили то, что говорили осмеивающие нас, так как Бог все сделал и делает для того, чтобы жизнь наша во всем сияла и всюду совершенствовалась. Итак, не будем предаваться беспечности; тогда в состоянии будем и язычников отвратить от заблуждения. Если мы станем любомудрствовать на словах, а на деле будем вести себя непристойно, то какими глазами будем смотреть на них? Какими устами станем рассуждать о догматах? Тогда язычник всякому из нас скажет: "ты, не исполнивший малого, как можешь быть достоин учить других большему? Еще сам не научившийся тому, что корыстолюбие есть зло, как ты можешь любомудрствовать о небесных предметах? Ведь знаешь, что это худо? Тем больше вина твоя, что ты, и зная,

грешишь". Но зачем мне говорит о язычнике? Наши законы, когда жизнь наша порочна, даже не позволяют нам и пользоваться такой свободой. Сказано: "**грешнику же говорит Бог: что ты проповедуешь уставы Мои**" (Псал. 49:16)? Когда иудеи отведены были в плен и персы усиленно просили их, чтобы они пели им священные свои песни, они ответили: "**как нам петь песнь Господню на земле чужой**" (Псал. 136:4)? Если же непозволительно было петь слово Божье в варварской земле, то гораздо более непозволительно это варварской душе, так как жестокая душа есть варварская. Если тем, которые находились в плену и сделались на чужой земле рабами людей, закон повелевает молчать, то гораздо более справедливо сомкнуть свои уста рабам греха и живущим чужой жизнью. И хотя иудеи имели тогда органы, как сказано: "**на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы**" (Псал. 136:2), но и при всем этом нельзя было петь. Так и нам, хотя мы имеем уста и язык, эти органы слова, непозволительно пользоваться свободой речи, пока мы раболепствуем греху, наиболее жестокому из всех варваров.

И скажи мне, что ты станешь говорить язычнику, как скоро сам хищничаешь и лихоимствуешь? Отступи, скажешь, от идолослужения, познай Бога, не стремись к серебру и золоту. Но разве он не засмеется и не скажет в ответ: сперва научи этому самого себя; Ведь не одно и то же - идолопоклонствовать, будучи язычником, и совершать тот же самый грех, будучи христианином. И как мы будем в состоянии других отклонить от идолопоклонства, когда и сами не удалились от него? Ведь мы к себе ближе, чем к ближнему. Когда не можем убедить самих себя, как мы убедим других? Кто не правит хорошо собственным домом, тот не порадеет и о церкви. Как же может исправить других тот, кто не умеет управлять своей душой? Не говори мне, что ты не кланяешься золотому идолу, но докажи мне, что ты не делаешь того, что повелевает золото. Ведь бывают различные виды идолопоклонства: один почитает своим господином маммону, другой признает богом чрево, а третий - грубейшую страсть. Но ты (говоришь) не приносишь им в жертву волов, как язычники? Правда. За то ты, - что гораздо хуже, - закалаешь им в жертву свою душу. Ты не преклоняешь перед ними колена и не кланяешься? Но ты с очень большой покорностью исполняешь все то, что прикажут тебе и чрево, и золото, и господствующая страсть. И эллины потому именно и гнусны, что обоготворили страсти, назвав вожделение - Афродитой, ярость - Аресом, пьянство - Дионисом. Если ты не делаешь изваяния идолов, как язычники, за то с большим усердием подчиняешься тем же страстям, делая члены Христовы членами блудницы, оскверняя себя и прочими беззакониями. Потому прошу вас избегать идолопоклонства (так Павел называет любостяжание), поняв всю важность этого порока, - избегать любостяжания не только в деньгах, но и во всякой порочной склонности, в платье, в трапезе и во всем прочем. Ведь мы за неповиновение законам Господним подвергнемся гораздо более жестокому наказанию, как и сказано: "**раб же тот, который знал волю господина своего, и не делал по воле его, бит будет много**" (Лук. 12:47). Итак, чтобы нам избежать этого наказания и сделаться полезными для других и для самих себя, станем стремиться к добродетели, удалив из души всякий порок. Таким образом, мы достигнем и будущих благ, получить которые да будет дано всем нам благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 7

"Итак, что же? имеем ли мы преимущество? Нисколько. Ибо мы уже доказали, что как иудеи, так и эллины, все под грехом, как написано: нет праведного ни одного; нет разумеющего; никто не ищет Бога; все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного. Гортань их - открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспидов на губах их. Уста их полны злословия и горечи. Ноги их быстры на пролитие

крови; разрушение и пагуба на путях их; они не знают пути мира. Нет страха Божьего перед глазами их" (Римл. 3:9-18).

1. Апостол обвинил эллинов, обвинил иудеев, следовало, наконец, говорить об оправдании, которое совершается через веру. Ведь если не помог закон естественный, не сделал что-нибудь больше и закон писанный, но оба даже послужили бременем для людей, не воспользовавшихся ими, как должно, и показали, что они сделались достойными большего наказания, то, наконец, необходимо было спасение при помощи благодати. Итак, скажи нам об этом, Павел, и открой. Но (апостол) еще не решается, опасаясь бесстыдства иудеев; он опять ведет речь об их обвинении и сперва представляет обвинителем Давида, который пространно изображает то, что Исаия выразил кратко, - налагая на них (иудеев) крепкую узду, чтобы они не убежали, и чтобы всякий из поучаемых о вере слушателей, будучи достаточно убежден обвинениями пророков, не уклонился. Пророк же указывает три больших недостатка, говоря, что они все без исключения делали зло, не примешивали к злу добра, но предавались только одному пороку, и, наконец, делали зло со всей настойчивостью. Но чтобы (иудеи) не могли возразить: "так что же? ведь это не о нас сказано", - (апостол) и прибавил: "**но мы знаем, что закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом**" (Римл. 3:19). После Исаии, который, несомненно, говорил о них, (апостол) привел слова Давида, для того, чтобы показать, что они имеют связь со сказанным у Исаии. Какая была, говорит (апостол), необходимость пророку, посланному для вашего исправления, обличать других? Ведь закон дан не другим, но вам. А почему (апостол) не сказал: "**мы знаем, что пророк говорит**", но: "**что закон говорит**"? Потому, что Павел весь Ветхий Завет обыкновенно называет законом. Так и в другом месте говорит: "**разве вы не слушаете закона? Ибо написано: Авраам имел двух сынов**" (Гал. 4:21-22), а здесь он назвал законом псалмы, сказав: "**знаем, что закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом**". Потом (апостол) доказывает, что это сказано не просто для обвинения, но потому, что закон пролагал также путь вере. Согласие Ветхого Завета с Новым таково, что обвинения и обличения совершались всецело с той целью, чтобы перед слушателями отверзлась светлая дверь веры. Так как иудеев погубило преимущественно то, что они высоко о себе думали, о чем (апостол) потом и заметил, говоря: "**не разумея праведности Божьей и усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божьей**" (Рим. 10:3), то закон и пророки, прежде всего, и укрощали их высокомерие и низлагали надменность, чтобы, придя в сознание собственных грехов, отложив всякую гордость и увидев себя в крайней опасности, они с великим усердием притекли к Подающему им прощение грехов и приняли благодать через веру. Намекая на это и здесь, Павел говорит: "**знаем, что закон, если что говорит, говорит к состоящим под законом, так что заграждаются всякие уста, и весь мир становится виновен перед Богом**" (Римл. 3:19). Здесь он показывает, что иудеи, не смея хвалиться делами, бывают хвастливы и бесстыдны только на словах. Потому главным образом он употребил выражение: "**так что заграждаются всякие уста**", указывая на их бесстыдное и неудержимое хвастовство и на их буквально требующий заграждения язык: ведь как неудержим поток, так стремился и он; но пророк заградил его. Когда же Павел говорит: "**так что заграждаются всякие уста**", он не то говорит, будто они для того грешили, чтобы заградились уста их, но (говорит) обличались они потому, что, греша в одном и том же, не сознавали этого. "**И весь мир становится виновен перед Богом**". Не сказал - иудеи, но - весь род человеческий. Именно словами: "**так что заграждаются всякие уста**" апостол намекает на иудеев, хотя и не сказал этого ясно, чтобы речь не была для них резкой, а словами: "**и весь мир становится виновен перед Богом**" сказано вместе и об иудеях, и об эллинах. Но и этого не мало для смирения гордыни иудеев, как скоро и здесь они не имеют никакого преимущества перед язычниками, но, по слову спасения, преданы наравне с ними. Так, повинным в собственном смысле может называться тот, кто не в

силах оказывается защитить себя сам, а имеет нужду в помощи другого, каково и было наше положение, когда мы погубили дарованные нам средства к спасению. "**Ибо законом познается грех**" (Римл. 3:20). Апостол опять напал на закон, но уже с пощадой, так как сказанное служит обвинением не закона, но нерадения иудеев; при всем том, намереваясь говорить о вере, он постарался и здесь доказать, что закон весьма немощен. Если, говорит он, ты хвалишься законом, то сам себя больше срамишь, потому что он обличает твои грехи. Но (апостол) не сказал так резко, а снисходительнее: "**ибо законом познается грех**". Значит, и наказание больше, но только для иудеев. Ведь закон совершил то, что грех сделался для тебя известен, а от тебя зависело избегать его (греха); ты же, не уклонившись, навлек на себя большее наказание, и таким образом вразумление закона сделалось для тебя поводом к большему мучению.

2. Итак, когда (апостол) усилил страх, тогда, наконец, начинает речь о дарах благодати, возбудив в слушателях сильное желание получить отпущение грехов, и говорит: "**ныне, независимо от закона, явилась правда Божья**" (Римл. 3:21). Здесь (апостол) изрек нечто великое и нуждающееся во многом разъяснении. Если жившие в законе не только не избегли наказания, но даже навлекли на себя большее, то, как возможно без закона не только избегнуть наказания, но и оправдаться? Апостол и говорит здесь о двух весьма важных предметах: об оправдании и о достижении этих благ независимо от закона. Потому сказал не просто - правда, но – "**правда Божья**", достоинством лица доказывая величие дара и силу обещания, так как Богу все возможно. И не сказал - дана правда, но – "**явилась**", устраняя обвинение в нововведении; являться может только то, что существовало прежде, но было сокрыто. И не только этим, но и следующими словами (апостол) доказывает, что явившееся не есть что-либо новое. Сказав - "**явилась**", присовокупил: "**о которой свидетельствуют закон и пророки**". Не приходи в смущение оттого, что правда Божья дарована только ныне, говорит (апостол), и не смущайся этим, как делом новым и необычайным: об этом издревле говорили и закон и пророки. Частью доказал это (апостол) выше, а частью докажет впоследствии, - выше, когда привел слова Аввакума: "**праведный верой жив будет**" (Рим. 1:17; Аввак. 2:4), а впоследствии, когда укажет на Авраама, Давида, которые говорили нам об этом. У иудеев было большое уважение к этим лицам, из которых один был патриарх и пророк, а другой царь и пророк, и обетования относительно этого были даны им обоим. Потому и Матфей, начиная Евангелие, прежде всего, упоминает об Аврааме и Давиде, а потом уже по порядку перечисляет праотцев. Сказав: "**родословие Иисуса Христа**", он не после Авраама, Исаака и Иакова, но вместе с Авраамом упомянул о Давиде. И что удивительно - Давида поставил прежде Авраама, говоря так: "**сына Давидова, сына Аврамова**" (Матф. 1:1), а потом уже начал перечислять Исаака, Иакова и всех следующих. Потому и апостол часто упоминает здесь об Аврааме и Давиде и говорит: "**правда Божья, о которой свидетельствуют закон и пророки**". Чтобы кто-нибудь не сказал: "как мы спасаемся, коль скоро нисколько не содействуем этому сами?" - (апостол) и показывает, что и мы не мало вносим в это дело, - я разумею веру. Потому, сказав: "**правда Божья**", присовокупил: "**во всех и на всех верующих**" (Римл. 3:22). Здесь опять иудей может придти в смущение, не имея никакого преимущества перед прочими людьми и поставляемый вместе со всей вселенной. Чтобы он не испытал этого, (апостол) поражает его страхом, прибавив: "**нет различия, потому что все согрешили**" (Римл. 3:22-23). Не говори мне, что такой-то эллин, этот скиф, а тот фракиянин: все находятся в одном и том же положении. Хотя ты получил закон, но научился из закона только тому одному, как узнавать грех, а не как избегать его. Потом, чтобы (иудеи) не сказали: "хотя мы и грешим, но не так, как язычники", - (апостол) присовокупил: "**и лишены славы Божьей**" (Римл. 3:23). Таким образом, хотя ты грешил и неодинаково с остальными, однако и ты лишаешься славы: ведь и ты из числа оскорбивших Бога, а оскорбитель принадлежит не к прославляемым, но к посрамленным. Но ты не страшись, я сказал это не для того, чтобы

ввергнуть тебя в отчаяние, а для того, чтобы показать тебе человеколюбие Владыки. Потому (апостол) и присовокупил: "**получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе, которого Бог предложил в жертву умилостивления в Крови Его через веру, для показания правды Его**" (Римл. 3:24-25). Смотри, сколько доводов приводит (апостол) в подтверждение сказанного. Во-первых, доказывает достоинством лица: совершает это не человек слабый силами, но Бог, для Которого все возможно, так как сказано, что "**правда Божья**". Во-вторых, доказывает законом и пророками: и не устрашайся, когда ты и услышишь слова: "**кроме закона**", так как это имеет значение по отношению к самому закону. В-третьих, доказывает ветхозаветными жертвами, почему сказал: "**в крови Его**", напоминая иудеям об овцах и тельцах. Если, говорит (апостол), заклания бессловесных избавляли от греха, то тем более - кровь Иисуса Христа. И сказал не просто - куплей, но – "**искуплением**", чтобы нам больше не возвращаться в то же самое рабство. Вследствие этого же он называет Иисуса Христа "**очищением**", показывая, что если столь великую силу имел образ, то гораздо большее действие окажет самая истина. И опять, показывая, что это не есть что-либо недавнее и новое, апостол говорит: "**предложил**". Сказав же: "**предложил Бог**" и, признав это делом Отца, он показывает, что то же самое принадлежит и Сыну. Отец предложил, а Христос совершил все дело Своей кровью. "**Для показания правды Его**". Что значит – "**показание правды**"? Как явление богатства состоит в том, чтобы не только самому быть богатым, но и других делать богатыми, явление жизни - в том, чтобы не только самому быть живым, но и мертвых оживлять, и явление силы - в том, чтобы не только самому быть сильным, но и укреплять слабых, так и явление правды состоит в том, чтобы не только самому быть праведным, но и других, истлевших в грехах, мгновенно делать праведными. Изъясняя это, (апостол) и сам раскрыл, что значит явление, сказав: "**да явится Он праведным и оправдывающим верующего в Иисуса**" (Римл. 3:26).

3. Итак, не сомневайся: ты оправдываешься не делами, но верой. Не избегай же правды Божьей, так как она представляет двойное благо, - и легко приобретается, и предложена всем. Не стыдись и не красней. Если сам Бог явно совершает это дело, даже, как мог бы сказать кто-нибудь, хвалится им и превозносится, то, как ты можешь скрываться и прятаться от того, чем прославляется твой Владыка? Итак, ободрив слушателя словами, что совершающееся есть явление правды Божьей, он колеблющегося и не решающегося придти опять побуждает страхом, говоря так: "**в прощении грехов, сделанных прежде**" (Римл. 3:25). Ты видишь, как он часто напоминает иудеям о грехах? Выше он сказал: "**ибо законом познается грех**", потом: "**потому что все согрешили**", а здесь выражается еще сильнее. Он не сказал: по причине грехов, но: "**в прощении**", т. е. вследствие омертвения от грехов. Ведь больше уже не было надежды на выздоровление, но как расслабленное тело нуждалось в помощи свыше, так и омертвевшая душа. И - что всего поразительнее - (апостол) более сильным обвинением людей считает то, что он указывает в качестве причины расслабления. Что же такое? То, что расслабление случилось во время долготерпения Божьего. Вы не можете сказать, говорит он, что не пользовались многим долготерпением и благостью. Слова – "**в нынешнее время**" означают, что Бог оказал великое долготерпение и человеколюбие. Когда мы дошли до отчаяния, говорит (апостол), и было время суда, когда зло возросло и грехи умножились, тогда Бог явил силу Свою, чтобы уразуметь тебе, как велико у Него богатство правды. Если бы это совершилось в начале, то не показалось бы настолько удивительным и необычайным, как теперь, когда испытаны уже все способы врачевания. "**Где же то, чем бы хвалиться? Уничтожено**", говорит. "**Каким законом? законом дел? Нет, но законом веры**" (Римл. 3:27). Великого труда стоило Павлу доказать, что вера получила такую силу, о какой закон не мог никогда и воображать. Так как он уже сказал, что Бог оправдывает человека верой, то теперь опять обращается к закону и не говорит: где заслуги иудеев, где праведные дела? но: "**где же то, чем бы хвалиться**"? - везде показывая, что иудеи только хвалились, будто имеют какое-

то преимущество перед остальными, но ничего не доказали на деле. И, спросив: "**где же то, чем бы хвалиться**"? - не сказал: исчезла и погибла, но: "**уничтожено**", чем больше указывается на неблаговременность, так как хвалиться было уже не время. Подобно тому как, когда наступил суд, желающие раскаяться не имеют уже удобного времени, так и тогда, когда приговор, наконец, был произнесен, все готовы были погибнуть, явился Тот, Кто благодатью уничтожает все зло, - иудеи не имели уже времени защитить себя оправданием от закона. Если им и нужно было утверждаться на этом, то прежде пришествия Христова. А когда пришел спасающий через веру, время подвигов было уже отнято, и так как все прежние средства оказались недействительными, Христос спасает благодатью. Потому и пришел Он ныне, чтобы не сказали (если бы он явился в начале), что возможно было спастись и при помощи закона, собственными трудами и заслугами. Итак, устраняя такое их бесстыдство, Христос промедлил долгое время, чтобы спасти Своей благодатью тогда, когда посредством всего ясно было доказано, что людям недостаточно собственных сил. Потому (апостол), говоря и выше: "**в показание правды**", присовокупил: "**в нынешнее время**". А если бы некоторые и стали противоречить, то они поступили бы подобно тому человеку, который, совершив тяжкие преступления и оказавшись не в состоянии оправдаться на суде, был бы осужден и должен был подвергнуться наказанию, но потом царской милостью был бы освобожден, а после освобождения имел бы бесстыдство хвалиться и утверждать, что он не совершил никакого проступка. Это надлежало доказать прежде явления дара, а когда он явился, хвалиться уже было не время. Это именно и случилось с иудеями. Они уже были проданы из своего отечества, почему и пришел (Христос) и Своим пришествием лишил их похвалы. Ведь тот, кто говорит о себе, что он - учитель младенцев, кто хвалится законом, называет себя наставником неразумных, а между тем, подобно им, имеет нужду в Учителе и Спасителе, тот не имеет основания хвалиться. Если и прежде этого обрезание было необрезанием, то тем более ныне, так как оно уничтожено и для прошедшего, и для настоящего времени. Сказав же - "**уничтожено**", (апостол) и показывает, как это случилось. Итак, как уничтожено? - спрашивает (апостол). "**Каким законом? законом дел? Нет, но законом веры**".

4. Вот и веру (Павел) назвал законом, охотно пользуясь для того прежними наименованиями, чтобы сгладить кажущееся нововведение. В чем же состоит закон веры? В спасении по благодати. Здесь (апостол) доказывает могущество Бога, потому что Он не только спас, но и оправдал и привел в похвалу, не имея для того нужды в наших делах, а требуя одной веры. И он говорит это, приучая уверовавшего иудея к скромности, а не уверовавшего смиряя, чтобы и его потом привлечь. Тот, кто получил спасение, если станет много о себе думать, то, вникнув в закон, узнает, что закон сам заградил ему уста, сам обвинил его, сам отказал ему в спасении и лишил похвалы; а не уверовавший, в свою очередь, наученный тем же самым смирению, может быть приведен к вере. Видишь ли, каково богатство веры, как она удалила нас от всего прежнего, не дозволив даже хвалиться этим? "**Признаем, что человек оправдывается верой, независимо от дел закона**". Когда (апостол) доказал, что оправдывающиеся верой стоят выше иудеев, тогда, наконец, он с большой свободой рассуждает и о вере и опять устраняет то, что по-видимому могло смущать. Иудеев смущали две следующие мысли: первая - возможно ли спастись без дел тем, которые не спаслись делами, а вторая - справедливо ли необрезанным пользоваться равными правами с теми, которые столько времени воспитывались в законе; последняя мысль беспокоила их гораздо больше первой. Вследствие этого (апостол), раскрыв первую, переходит к этой последней, которая настолько смущала иудеев, что они и после принятия веры обвиняли по этому поводу Петра, из-за Корнилия и его дела. Что же говорит (Павел)? "**Признаем, что человек оправдывается верой, независимо от дел закона**". Он не сказал - иудею, или - находящемуся под законом, но, выразившись обще и открыв дверь спасения всей

вселенной, употребил родовое имя и говорит – "**человек**". Потом, исходя из этого слова, (апостол) разрешает не указанное здесь возражение. Так как естественно было, что иудеи, услышав о том, что вера оправдывает всякого человека, будут недовольны и соблазнятся, то (Павел) и прибавил: "**неужели Бог есть Бог Иудеев только**" (Римл. 3:29)? Здесь он как бы говорит следующее: почему тебе кажется нелепым, что всякий человек спасается? Неужели Бог есть частный Бог? Этим он показывает, что желающие унижать язычников больше оскорбляют славу Божью, если не допускают, что Он есть Бог всех. Если же Он есть Бог всех, то обо всех и промышляет; а если обо всех промышляет, то всех равно спасает через веру. Потому (апостол) говорит: "**неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников**" (Римл. 3:29). Бог есть не частный Бог, как это допускается в эллинских мифах, но для всех общий и единый. Потому и присовокупляет: "**потому что один Бог**" (Римл. 3:30), то есть, Он один Владыка и тех, и этих (иудеев и язычников).

Если укажешь мне на Ветхий Завет, то и там промысел Божий простирался на всех, хотя и не одинаково. Тебе дан закон писанный, а им закон естественный, но они нисколько не имели меньше, а если желали, то могли и превзойти тебя. Намекая на это самое, (апостол) присовокупил: "**Который оправдает обрезанных по вере и необрезанных через веру**" (Римл. 3:30), напомнив иудеям сказанное выше о необрезании и обрезании, где он доказал, что между ними нет никакого различия. А если тогда (в Ветхом Завете) не было никакого различия, то тем более ныне; раскрывая теперь это яснее, (апостол) показал, что то и другое одинаково нуждается в вере. "**Мы уничтожаем закон**" верой? говорит. "**Никак; но закон утверждаем**" (Римл. 3:31). Ты заметил разнообразную и неизреченную мудрость (апостола)? Самым словом – "**утверждаем**" он показал, что закон уже не стоит, но разорен. Обрати внимание и на превосходство силы Павла, а также на то, с каким богатством доказательств он раскрывает то, что желает. Так, здесь он доказывает, что вера не только не вредит закону, но и помогает ему, равно как и закон пролагает путь вере. Как закон, предваряя веру, о ней свидетельствовал, - о чем (апостол) и говорит: "**свидетельствуют закон и пророки**", - так и вера восстановила изнемогающий закон. Как же восстановила? - спросишь. Но какое было дело закона, и для чего он заставлял все совершать? Для того чтобы сделать человека праведным. Но он оказался бессилен в этом: "**потому что**", говорит, "**согрешили**", а вера, явившись, успела в этом, так как, всякий, кто уверовал, вместе с тем и оправдался. Итак, вера утвердила волю закона и привела к концу то, для чего он все делал. Значит, она не упразднила, а усовершенствовала закон. Таким образом (апостол) доказал здесь три положения: возможно оправдаться без закона, закон оказался в этом бессилен и вера не противоборствует закону. Так как иудеев всего более смущало то, что вера представлялась противоборствующей закону, то (апостол) более того, чем, сколько желал иудей, доказывает, что она не только не противоборствует, но еще способствует и содействует закону, а это особенно и желали услышать (иудеи).

5. Но так как после той благодати, которой мы оправдались, является нужда и в делах, то покажем прилежание, достойное дара. А покажем, мы это тогда, когда со всем тщанием будем хранить любовь - матерь всех благ. Любовь же заключается не в пустых словах и не в простых приветствиях, но в явлении и совершении дел, например, в том, чтобы избавлять от бедности, помогать больным, освобождать от опасностей, покровительствовать находящимся в затруднениях, плакать с плачущими и радоваться с радующимися. Ведь и последнее служит признаком любви; хотя и представляется маловажным радоваться с радующимися, однако же это очень великое дело и требует ума философского. Можно найти много людей, которые совершают очень трудное, но в этом оказываются слабыми. Многие плачут с плачущими, но не радуются с радующимися, а напротив, когда другие радуются, они плачут из недоброжелательства и зависти. Потому не малая заслуга - радоваться тогда, когда брат радуется, напротив - важнее как той, чтобы

плакать с плачущими, так и той, чтобы помогать в бедах. Многие подвергаются опасности вместе с находящимися в опасностях, но, когда другие успевают в делах, они терзаются. Такова сила зависти. Хотя там нужны труды и пот, а здесь одно доброе желание и расположение, однако многие, перенеся более тяжелое, не совершили более легкого, но томятся и сами себя губят, когда увидят, что другие преуспевают и что всей церкви оказана услуга или словом, или иным чем-либо. Что может быть хуже такого человека? Он противится уже не брату, но воле Божьей. Помыслив об этом, уничтожь недуг свой и, по крайней мере, избавь самого себя от множества зол, если не желаешь избавить и ближнего. Для чего ты ведешь борьбу со своими мыслями? Зачем наполняешь душу смятением, воздвигаешь бурю, все ниспровергаешь? Находясь в таком состоянии, как ты можешь просить себе отпущения грехов? Если Бог не отпускает грехов тем, которые не прощают сделанных против них грехов, то, какое прощение Он даст тем, которые мыслят зло на людей, нисколько их не обидевших? Это - доказательство крайней злобы; таковые вместе с дьяволом враждуют на церковь, а может быть они и гораздо хуже самого дьявола. Ведь от дьявола можно остеречься, а такие люди, нося личину дружбы, тайно возжигают огонь, сами же себя ввергая в печь первыми и страдая болезнью, которая не только не может вызвать сожаления, но и возбуждает сильный смех. Скажи мне: почему ты бледнеешь, трепещешь и сделался крайне робок? Какое случилось несчастье? Не то ли, что брат твой богат, знаменит и пользуется почетом? Значит, тебе нужно бы украсить себя венком, радоваться и прославлять Бога, что твой сочлен стал знатен и славен, а ты скорбишь о том, что Бог прославляется. Видишь ли, куда направляется вражда? Ты скажешь: не Бог прославляется, а прославляется брат. Но через него слава восходит к Богу, а, следовательно - и вражда твоя. Но не то печалит меня, говоришь ты, а я желал бы, чтобы Бог прославлялся через меня. Так радуйся успехам брата и вот - Бог прославляется и через тебя, и все скажут: благословен Бог, имеющий таковых рабов, свободных от всякой зависти, взаимно радующихся счастью друг друга. И что мне сказать о брате? Если он и был твоим недругом и врагом, а Бог через него прославился, то потому самому он должен сделаться твоим другом. А ты друга делаешь врагом, когда он получает почести и прославляет Бога. Если бы кто-нибудь излечил твое страждущее тело, то хотя бы он был и враг твой, не стал ли бы ты считать его между первыми своими друзьями? А украшающего тело Христово, то есть, церковь, и своего друга ты считаешь врагом? И как ты можешь иным способом доказать свою вражду к Христу? Потому, хотя бы кто и творил чудеса, хотя бы соблюдал девство и пост и спал на земле, хотя бы сравнялся и с ангелами в добродетели, но если имеет этот недостаток, - будет нечестивее всех и беззаконнее даже прелюбодея, блудника, разбойника и гробокопателя.

6. И чтобы кто-нибудь не обвинил меня в преувеличении речи, я охотно спрошу вас о следующем: если бы кто-нибудь, взяв огонь и заступ, стал разорять и сжигать этот дом (Божий) и разрушать вот этот жертвенник, то каждый из присутствующих разве не стал бы бросать в него камнями, как в человека нечестивого и беззаконного? Так что же? А если кто приносит пламя более губительное, чем этот огонь, - я говорю о зависти, которая разоряет не каменные здания и разрушает не золотой престол, но ниспровергает и губит то, что гораздо ценнее и стен, и престола, здание учителей, - то может ли он заслуживать какого-либо снисхождения? Пусть никто не говорит мне, что покушающийся на преступление часто не имеет сил исполнить его: дела оцениваются по расположению; так, Саул умертвил уже Давида, хотя и не осуществил этого на деле. Скажи мне, неужели ты не понимаешь, что, враждуя с пастырем, ты злоумышляешь и на овец Христа, на тех овец, за которых Христос пролил кровь Свою, и нам повелел все делать и терпеть? Неужели ты не приводишь себе на память, что твой Владыка искал твоей славы, а не Своей, ты же ищешь не Его славы, а своей? Конечно, если бы ты искал Его славы, то ты достиг бы и своей, а, выискивая своей прежде Его, никогда не достигнешь и этой. Итак, какое же будет врачевание от этого? Будем молиться все вместе и вознесем один голос за них, как

за одержимых бесом. Ведь они находятся в положении даже более жалком, потому что безумие их произвольно, и болезнь эта имеет нужду в молитве, притом в молитве многой. Если не любящий брата, хотя бы расточил имение и просиял в мученичестве, ни в чем не достигнет успеха, то пойми, какого наказания может заслуживать тот, кто враждует на человека, ничем его не обидевшего? Такой хуже и язычника. Если любовь к любящим нас не дает нам никакого преимущества перед ними (язычниками), то, скажи мне, где займет место завидующий любящим?

Завидовать хуже, чем ссориться. Ссорящийся, как скоро будет устранена причина ссоры, обыкновенно прекращает вражду; но завистник никогда не может сделаться другом. Первый ведет борьбу открытую, а второй - тайную; тот иногда может представить благовидный предлог к ссоре, а этот не может ни на что указать, кроме своего безумия и сатанинского настроения. Итак, чему можно уподобить таковую душу? Какой ехидне? Какому аспиду? Какому червю? Какому ядовитому насекомому? Ведь нет ничего нечестивее и злее такой души. Это, именно это (зависть) ниспровергло церкви, породило ереси, вооружило братскую руку, побудило обагрить десницу в крови праведника, попрало законы природы, отверзло двери смерти, привело в исполнение древние проклятия, заставило того несчастного (Каина) забыть муки рождения, своих родителей и всех других, привело его в такое неистовство и ввергло в такое бешенство, что когда Бог призывал его и говорил: "**он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним**" (Быт. 4:7), то он не тронулся и этим. Хотя бы Бог и простил ему вину и подчинил брата, однако эта рана настолько неизлечима, что, если бы были приложены и бесчисленные лекарства, она все-таки будет обильно источать свой гной. Почему же ты скорбишь, несчастнейший из всех? Неужели потому, что честь воздана Богу? Но это - сатанинское настроение. Или потому, что брат превзошел тебя славой? Но тебе возможно опять опередить его. Таким образом, если желаешь побудить, то не убивай и не истребляй, но оставь жить, чтобы у тебя сохранился повод к состязаниям, и побуди живого, тогда и у тебя будет светлый венец; а если ты убьешь, то на самого себя произнесешь приговор, который постыднее поражения. Но ничего этого не признает зависть. Ради чего же ты стремишься к славе в такой пустыне? Вот и они (Каин с Авелем) тогда одни только населяли землю, однако это не удержало Каина и он, все исторгнув из души своей, стал рядом с дьяволом и ополчился, именно дьявол был тогда вождем Каина. Так как ему недостаточно было того, что человек сделался смертным, то он самым родом смерти постарался увеличить несчастье и внушил Каину сделаться братоубийцей; он, никогда не насыщающийся нашими бедствиями, спешил, нетерпеливо желал видеть исполнение своего дела. Подобно тому, как если кто-нибудь, имея врага своего в узах и увидев, что над ним произнесен уже приговор, спешит, прежде чем он вышел из города, увидеть его умерщвленным и внутри города, и не может переждать надлежащего времени, так спешил тогда и дьявол. Хотя он и услышал, что человек должен возвратиться в землю, но он весьма сильно желал увидеть нечто большее, - чтобы сын умер прежде отца, брат убил брата и смерть была преждевременная и насильственная.

7. Видишь ли, к чему послужила зависть, как она исполнила ненасытное желание дьявола и предложила ему такую снедь, какую только он желал увидеть. Итак, будем избегать этого недуга. Ведь тем, которые не освободились от этой болезни, невозможно совсем избежать того огня, уготованного дьяволу. А освобождаться от болезни мы станем тогда, когда помыслим, как возлюбил нас Христос и как повелел нам любить друг друга. Как же Он возлюбил нас? Он дал и честную кровь Свою за нас, бывших Его врагами и причинивших Ему величайшие оскорбления. И ты делай это по отношению к брату своему, как Он и говорит: "**заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас**" (Иоан. 13:34). Лучше же сказать, Христос не ограничился этой мерой, так как сделал это за врагов. Но ты - неужели не хочешь отдать крови своей за брата? Зачем

же ты, без меры нарушая заповедь, даже проливаешь его кровь? Затем, Христос совершил то, к чему Он не был обязан, а если это сделаешь ты, то лишь исполнишь долг свой. И тот, который, получив десять тысяч талантов, стал требовать сто динариев, был наказан не за одно только то, что требовал, но и за то, что не сделался лучшим под влиянием благодеяния, не последовал примеру царя и не простил долга (Матф. 18:23-35). Раб, если бы простил долг, исполнил бы только свою обязанность. И мы во всем, что ни делаем, исполняем только свою обязанность. Потому и Христос сказал: "**когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать**" (Лук. 17:10). Итак, если мы обнаруживаем любовь, если отдаем имение нуждающимся, то исполняем нашу обязанность не потому только, что сам Бог показал нам пример благодеяний, но и потому, что, когда даем, уделяем из принадлежащего Богу. Почему же ты лишаешь самого себя того, над чем Бог хочет поставить тебя господином? Ведь Он велел тебе давать другому, чтобы и сам ты владел тем же. Пока ты один владеешь, то и сам не имеешь, а когда даешь другому, тогда получаешь и сам. И что может сравняться с такой любовью? Христос пролил кровь за врагов, а мы и имения не отдаем за благодетеля; Он пролил собственную Свою кровь, а мы жалеем имения, которое не наше; Он совершил это прежде нас, а мы не делаем и после Него; Он сделал это для нашего спасения, а мы не хотим и для собственной своей пользы; Ему нет никакого прибытка от нашего человеколюбия, но вся выгода возвращается к нам. Для того мы получили повеление раздавать имение, чтобы не лишиться и самим. Подобно тому, как кто дает деньги малому ребенку и приказывает ему держать крепко, или отдает их на сбережение слуге, чтобы нельзя было желающему похитить, так делает и Бог. Отдай нуждающемуся, говорит Он, чтобы кто-нибудь не похитил их у тебя, например: клеветник, вор, дьявол, а после всех смерть. Пока ты сам владеешь ими, то не в безопасном месте хранишь, а если передашь их через бедных Мне, то я все сберегу тебе в целости и в надлежащее время возвращу с большой прибылью. Я беру их не затем, чтобы отнять для Себя, но для того, чтобы приумножить, сберечь в совершенной целости и сохранить их для тебя к тому времени, когда никто не даст взаймы, никто не сжалится. Итак, что может быть жестокосерднее нас, не соглашающихся и после таких обещаний дать взаймы Богу? Конечно, вследствие этого мы и отходим к Нему скудными, нагими и нищими, не имея при себе вверенного нам, потому что со своей стороны не передаем этого на сохранение Тому, Кто сберегает всех тщательнее. Потому мы и подвергнемся крайнему наказанию. Во время нашего обвинения, что мы в состоянии будем сказать о своей погибели? Какое представим оправдание? Какую защиту? В самом деле, почему ты не дал? Не веришь, что получишь обратно? И как можно сказать это? Давший тому, кто не дал, не тем ли вернее отдаст после получения? Но вид их (имуществ) веселит тебя? Вследствие этого и давай усерднее, чтобы еще больше увеселяться там, когда никто не отнимет их у тебя, тогда как, владея этим теперь, ты подвергнешься бесчисленным бедствиям. Дьявол, подобно псу, бросается на богатых, как бы желая вырвать кусок хлеба или пирога из рук у ребенка. Итак, отдадим это Отцу. Дьявол, как скоро увидит это, непременно убежит прочь, а по уходе его, Отец в сохранности отдаст тебе все это тогда, когда дьяволу нельзя уже будет беспокоить тебя, именно в будущем веке. Богатые в настоящей жизни ничем не отличаются от малых детей, которых беспокоят щенята, так как все лают вокруг них, теребят их и тащат - не только люди, но и низкие страсти, чревоугодие, пьянство, лесть и всякого рода распутство. Когда нужно дать взаймы деньги, то мы обыкновенно отыскиваем тех, кто дает больше (прибыли), высматриваем людей честных. А в этом случае мы поступаем напротив: оставляем справедливого Бога, подающего не сторицей, но во сто крат больше, тогда как тех, которые не отдадут нам и самого капитала, мы ищем.

8. Чем, в самом деле, заплатит нам чрево, пожирающее большую часть (нашего имущества)? Нечистотой и тлением. Чем заплатит тщеславие? Завистью и клеветой. Чем

заплатит скупость? Заботами и попечениями. Чем заплатит распутство? Геенной и ядовитым червем. Вот должники богачей, такую именно прибыль они получают с капитала - зло в настоящей жизни и бедствие в будущей. Итак, скажи мне, неужели мы будем давать взаймы им, под условием столь великого наказания, а не вверим богатство Христу, Который обещает нам небо, бессмертную жизнь и неизреченные блага? И какое мы будем иметь оправдание? Почему же ты не даешь Тому, Кто, несомненно, возвратит и возвратит с избытком? Может быть, потому, что Он возвратит спустя продолжительное время? Но Бог возвращает и в настоящей жизни, так как не ложен сказавший: "**ищите же прежде Царства Божьего, и это все приложится вам**" (Матф. 6:33). Замечаешь ли ты необыкновенную щедрость? То, говорит Он, сохранено для тебя и не умаляется, а настоящие блага даю в виде прибавки и прибыли. Кроме того, получены через продолжительное время увеличивает твое богатство, потому что прибыль становится больше. Мы видим, что и ростовщики так поступают с берущими взаймы, охотнее снабжая тех, которые берут на долгое время. Тот, кто возвратил весь долг вскоре, пресек и увеличение роста; а тот, кто держал у себя более продолжительное время, доставил и больше прибыли. Потом, с людьми мы не затрудняемся отсрочкой, но даже сами придумываем средства продлить ее, а по отношению к Богу неужели мы будем настолько малодушны, что вследствие этого станем колебаться и отказывать, хотя, как я сказал, Бог и здесь отдает, и там, по указанной причине, хранить все, уготовляя нечто иное, большее. Ведь величие даваемого и красота того дара превышают малоценность настоящей жизни и, находясь в тленном и смертном теле, невозможно принять те неувядаемые венцы и нельзя в настоящей мятежной жизни, исполненной беспокойств и подверженной многим переменам, принять тот непреложный и безмятежный жребий. Если бы кто-нибудь, занявший у тебя золото, обещался возвратить тебе долг тогда, когда ты живешь в чужой земле, не имеешь рабов и не можешь даже привезти деньги домой, то ты, конечно, весьма много стал бы просить его, чтобы он лучше отдал их тебе дома, а не на чужой стороне. А духовные и неизреченные блага неужели ты желаешь получить здесь? Какое это безумие! Если возьмешь здесь, то, без сомнения, получишь тленное, а если подождешь будущего времени, то Господь отдаст тебе нетленное и бессмертное. Если возьмешь здесь, то получишь свинец, а если - там, то - чистое золото. Кроме того, Бог не лишил тебя и настоящих благ, так как вместе с тем обещанием дал и другое, говоря так: всякий возлюбивший те дела получит во сто крат в этом веке и наследует жизнь вечную (Матф. 19:29).

Если же мы получаем во сто крат, то виноваты мы сами, не давая взаймы тому, кто может столько заплатить, так как все давшие, хотя бы дали и немного, получили именно столько (во сто крат). Скажи мне: что великое дал Петр? Не изорванную ли сеть, не трость ли только и уду? Однако же Бог отверз ему дома вселенной, распростер перед ним сушу и море, все призывали его к себе и, продавая свои имущества, приносили цену их к ногам его, не отдавая даже в руки (потому что не смели): настолько были для него щедры и такую оказывали ему честь. Но скажешь: он был Петр. Так что же? Ведь не одному только Петру обещал это Христос, не сказал ему: Петр, ты один получишь во сто крат, но (сказано): "**всякий, кто оставит дом и братьев, получит во сто крат**" (Матф. 19:29). Бог не знает различия лиц, но - достоинства дел. Но меня, говоришь ты, окружает куча детей и я желаю оставить их богатыми. И конечно, - зачем ты станешь делать их бедняками? Но если ты все оставишь им, то опять все свое имущество вверишь ненадежной охране, а если сделаешь их сонаследником и попечителем Бога, то оставишь им и бесчисленные сокровища. Подобно тому как, когда мы сами себя защищаем, Бог за нас не вступается, а когда вверяем себя Ему, получаем от Него больше, чем ожидаем, то же бывает и в отношении нашего имущества: если мы сами заботимся о нем, Бог удаляется от промышления о нем, а если все возложим на Его попечение, Он устроит во всякой безопасности и наше имение, и детей. И почему ты удивляешься, если так поступает Бог?

Всякий может видеть, что тоже бывает и у людей. Если ты перед смертью не пригласишь никого из близких позаботиться о детях твоих, то часто и тот, кому бы очень хотелось, стыдится и не решается вступиться в это дело самовольно, а если ты возложишь на него такое попечение, то, будучи удостоен столь великой чести, он и сам вознаградит за это величайшей благодарностью.

9. Итак, если желаешь оставить детям своим большое богатство, оставь им промысел Божий. Тот, Кто без всякого твоего участия дал тебе душу, образовал тело и даровал жизнь, когда увидит, что ты обнаруживаешь столь великую преданность и поручаешь Ему и детей и им принадлежащее, неужели не отверзет для них всего Своего богатства? Если Илия, прокормленный малым количеством муки, когда увидел, что та женщина предпочитает его детям, явил в хижине вдовицы гумно и точило, то подумай, какую милость покажет Владыка Илии. Потому станем заботиться не о том, чтобы детей оставить богатыми, но о том, чтобы сделать их добродетельными. Если они станут надеяться на богатство, то не будут заботиться ни о чем другом, как имеющие возможность прикрыть порочность нравов обилием денег; а когда увидят, что они лишены этой опоры, то сделают все, чтобы посредством добродетели найти себе большее утешение в вечности. Итак, не оставляй богатства, чтобы оставить добродетель. Ведь крайне безрассудно при жизни своей не делать детей господами того, что имеем, а по смерти давать легкомыслию молодости полную свободу. Когда мы живы, то можем требовать у них и отчета и, если они дурно пользуются настоящим, можем вразумлять и обуздывать их, а по смерти своей, если мы вместе с нашим отсутствием и их молодостью, предоставим им и свободное пользование богатством, то ввергнем этих несчастных и жалких в величайшую бездну, подложив огонь к огню и подлив масла в раскаленную печь. Таким образом, если желаешь оставить детей подлинно богатыми, то оставь должником их Бога и Ему вручи свое завещание. Если они сами получат богатство, то не будут знать, кому отдать его, а встретятся со многими - и клеветниками, и людьми бесчестными, если же ты заранее отдашь его взаймы Богу, то сокровище останется, конечно, неприкосновенным и возвращение его состоится с большой легкостью. Бог милостив, возвращает нам то, что должен, и взирает на Своих заимодавцев приятнее, нежели на тех, которые ничего не давали Ему взаймы, и, кому больше всего должен, того особенно и любит. Потому, если хочешь всегда иметь Его своим другом, во многом сделай Его своим должником. Не столько заимодавец радуется тому, что имеет должников, сколько веселится Христос, имея заимодавцев; кому Он ничего не должен, от тех бежит прочь, а кому должен, к тем притекает. Итак, станем делать все, чтобы иметь Его должником своим, - теперь самое удобное время давать взаймы, теперь настоит в этом нужда. Если не дашь Ему теперь, то после удаления отсюда Он не будет уже иметь в тебе нужды. Здесь Он жаждет, здесь алчет; жаждет же потому, что жаждет твоего спасения; вследствие этого Он и просит, вследствие этого Он и ходит наг, приготовляя тебе бессмертную жизнь. Итак, не презри Его: не сам напитаться Он хочет, но напитать тебя, не сам одеться, но одеть тебя и приготовить тебе ту золотую ризу, царскую одежду. Не видел ли ты, что наиболее заботливые врачи, когда моют больных, и сами моются, хотя это для них и не нужно? Так и Христос все делает для тебя недужного. Поэтому Он и не насильно требует у тебя, чтобы дать тебе большое вознаграждение, - чтобы ты понял, что Он требует не по Своей нужде, а для исправления твоей нужды. Для того Он приходит к тебе в бедном одеянии, протягивая десницу и не гнушается, если дашь самую мелкую монету, не отходит, если укоришь, но приступает к тебе снова, так как Он желает, сильно желает нашего спасения. Итак, станем презирать имущество, чтобы не быть и нам презренными от Христа; станем пренебрегать богатством, чтобы приобрести его. Если мы будем беречь его здесь, то, несомненно, погубим и здесь, и там, а если будем раздавать его со многой щедростью, то в той и другой жизни насладимся великим благополучием. Потому желающий сделаться богатым пусть сделается нищим, чтобы быть богатым, -

пусть тратит, чтобы собрать, и расточает, чтобы соединить. А если это кажется тебе новым и странным, то посмотри на сеятеля и рассуди, что он не может иначе собрать большего, если не разбросает того, что имел, и не истратит того, что приготовил. Итак, станем сеять и мы, будем возделывать небо, чтобы пожать нам в большом изобилии и достигнуть вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 8

"Что же, скажем, Авраам, отец наш, приобрел по плоти? Если Авраам оправдался делами, он имеет похвалу, но не перед Богом" (Римл. 4:1-2).

1. Сказав, что мир сделался виновным перед Богом, что все согрешили и невозможно спастись иначе, как через веру, апостол старается далее доказать, что такое спасение - основание не для стыда, но для блестящей славы и даже большей, чем слава от дел. А так как спасение, совершающееся со стыдом, внушает некоторую и печаль, то он теперь устраняет такое предположение, хотя уже намекнул на это и прежде, когда (спасение через веру) назвал не только спасением, но и правдой. "**Правда Божья**", говорит, "**открывается в нем**" (Рим. 1:17), то есть, он так спасается, как спасается и праведник, с полным дерзновением. И называет это спасение не только правдой, но и явлением Бога, а Бог является в славных, светлых и великих делах. Кроме того, то же самое он раскрывает и в другом месте, излагая речь в вопросах, как он обыкновенно всегда делает для ясности и вследствие уверенности в словах своих. Так поступил он и выше, говорят "**какое преимущество быть Иудеем**"? И: "**имеем ли мы преимущество**"? И еще: "**где же то, чем бы хвалиться? Уничтожено**" (Рим. 3:1,9,27). Так и здесь он говорит: "**что же, скажем, Авраам, отец наш**"? Ввиду того, что иудеи постоянно ссылались на то, что патриарх и друг Божий первый принял обрезание, апостол и хочет доказать, что и он оправдался верой: это и составляет торжество его великой победы. Ведь нимало не странно оправдаться верой тому, кто не имеет дел, но украшенному заслугами сделаться праведным не вследствие их, а по вере - это было удивительно и особенно обнаруживало силу веры. Поэтому апостол, умолчав обо всех остальных, обращается с речью к Аврааму. Он назвал его отцом по плоти, лишая иудеев истинного с ним родства и открывая путь к родству с ним язычникам. Потом говорит: "**если Авраам оправдался делами, он имеет похвалу, но не перед Богом**". Итак, сказав, что Бог оправдывает обрезание от веры и необрезание верой, и достаточно раскрыв это выше, он примером Авраама подтверждает это даже больше, чем обещал, вводит в состязание веру и дела и всю борьбу сосредоточивает около праведника, и не без намерения. Ведь он сильно возвеличивает Авраама, называя его праотцом, с той целью, чтобы этим заставить иудеев во всем повиноваться ему. Не говори мне об иудее, рассуждает (Павел), не приводи в пример того, или другого; я восхожу к главе всех, откуда и получило начало обрезание. "**Если Авраам оправдался делами**", говорит (апостол), "**он имеет похвалу, но не перед Богом**". Сказанное неясно, - потому необходимо сделать это более ясным. Существуют две похвалы: одна за дела, другая за веру. Апостол, сказав: "**если Авраам оправдался делами, он имеет похвалу, но не перед Богом**", указал здесь на то, что можно иметь похвалу за веру, притом гораздо большую. Великая сила Павла в том особенно и обнаруживается, что он предмет своего рассуждения обратил к противоположному и доказал, что спасение через веру гораздо в большей мере имеет все то, что принадлежит спасению от дел, т. е. похвалу и дерзновение. Хвалящийся делами может выставлять на вид собственные труды, а кто вменяет себе в честь, что верует в Бога, тот представляет гораздо лучший предлог к похвале, так как он славит и возвеличивает Господа. По вере в Бога признав истинным то, чего не открыла природа видимых вещей, он доказал тем

искреннюю любовь к Богу и торжественно возвестил силу Его, а это свойственно благороднейшей душе, философскому разуму и высокой мысли. Не красть, не убивать - это свойственно людям обыкновенным, но верить, что Бог силен совершить невозможное - для этого нужен благородно мыслящий дух, крепко приверженный к Богу, - потому что это служит признаком истинной любви. Почитает Бога и тот, кто исполняет заповеди, но гораздо более чтит Его тот, кто умудряется верой; первый послушался Его, а последний приобрел о Боге надлежащее понятие, прославил и возвеличил Его более прославления делами. Первая похвала принадлежит совершающему добрые дела, а последняя прославляет Бога и принадлежит всецело Ему, так как верующий хвалится высоким своим представлением о Боге, которое и переходит в его славу. Потому (апостол) и говорит, что он имеет похвалу перед Богом, но, впрочем, не по этой одной причине, а и по другой. Верующий хвалится не тем только одним, что искренне возлюбил Бога, но еще и тем, что удостоился от Него великой чести и любви. Как он возлюбил Бога, имея о Нем высокое понятие (а это и служит доказательством любви), так и Бог возлюбил его, тысячекратно повинного перед Богом, не только освободив его от наказания, но и сделав праведным. Значит, верующий имеет основание хвалиться, как удостоенный великой любви. "**Ибо что говорит Писание? Поверил Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность. Воздаяние делающему вменяется не по милости, но по долгу**" (Римл. 4:3-4). Итак, последнее важнее? - спрашивает он. Ни мало, потому что вменяется и верующему; но не вменилось бы, если бы он и сам ничего не привнес.

2. Таким образом, и верующий имеет должником Бога, и притом в делах не случайных, но великих и высоких. Доказав же высоту его ума и духовного разумения, (апостол) сказал не просто - верующему, но: "**верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность**" (Римл. 4:5). Пойми же, насколько важно увериться и убедиться в том, что Бог и жившего в нечестии может вдруг не только освободить от наказания, но сделать праведным и удостоить бессмертных почестей. Но не думай, что верующий ниже делающего потому, что последнему вменяется не по благодати. Верующего преимущественно то и делает славным, что он воспользовался такой благодатью и обнаружил такую веру. Заметь, что верующему назначено и большее воздаяние, так как делающему дается мзда, а ему праведность; праведность же гораздо важнее мзды, потому что сама есть воздаяние, заключающее в себе многие награды. Итак, доказав сказанное примером Авраама, (апостол) обращается к Давиду, который подтверждает ту же мысль. Что же говорит Давид и кого называет блаженным? Того ли, кто хвалится делами, или того, кто удостоился благодати и получил прощение грехов и дар? А когда я говорю о блаженстве, то разумею вершину всех благ. Как праведность выше мзды, так блаженство выше праведности. Итак, (апостол), доказав превосходство праведности не только примером Авраама, получившего ее, но и рассудочными доводами (сказав: "**имеет похвалу, но не перед Богом**"), - опять раскрывает ее важность иным способом, ссылаясь на Давида, свидетельствующего в ее пользу. И Давид, как утверждает (апостол), называет оправдавшегося через веру блаженным, говоря: "**блаженны, чьи беззакония прощены**" (Римл. 4:7). По-видимому, (апостол) приводит неподходящее свидетельство, так как Давид не сказал: блаженны те, коих вера вменена в праведность, но (апостол) делает это намеренно, а не по незнанию, чтобы показать большее превосходство веры. Если блажен тот, кто получил прощение по благодати, то тем более блажен оправданный и обнаруживший веру. А где блаженство, там изъят всякий стыд и пребывает великая слава, потому что блаженство и есть полнота наград и славы. Потому (апостол), говоря о преимуществе делающего: Воздаяние делающему вменяется не по милости, но по долгу, не подтверждает этого Писанием, а превосходство верующего доказывает свидетельством из Писания, словами Давида: "**блаженны, чьи беззакония прощены и чьи грехи покрыты**". Почему ты, спрашивает (апостол), смущаешься тем, что получаешь отпущение грехов не по долгу, а по благодати? Но вот - этот именно

(получивший отпущение по благодати) и ублажается, так как (пророк) не назвал бы его блаженным, если бы не знал, что он наслаждается многой славой. И (апостол) не говорит, что такое отпущение относится к обрезанию, а что? "**Блаженство это**", - что гораздо важнее прощения грехов, - "**относится к обрезанию, или к необрезанию**" (Римл. 4:9)? Итак, спрашивается: это великое благо (блаженство) с чем находится в связи, с обрезанием или с необрезанием? Заметь особенность речи: (апостол) доказывает, что блаженство не только не чуждо необрезания, но и совмещается с ним более обрезания. А так как и сам Давид, называющий блаженным получившего прощение грехов, был обрезан и говорит обрезанным, то заметь, какое искусство обнаружил Павел, чтобы сказанное Давидом приложить к необрезанным. Усвоив блаженство праведности и доказав, что оба они составляют одно, (апостол) рассматривает, как оправдался Авраам. Если блаженство свойственно праведнику, а с другой стороны и Авраам оправдался, то посмотрим, когда он оправдался, будучи еще необрезанным, или уже обрезанным. Будучи необрезанным, говорит (апостол.): "**когда вменилась? по обрезании или до обрезания? Не по обрезании, а до обрезания. Мы говорим, что Аврааму вера вменилась в праведность**" (Римл. 4:9-10). Выше, ссылаясь на Писание, (апостол) сказал: "**что говорит Писание? Поверил Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность**", а здесь он предлагает другое мнение и утверждает, что праведность была в необрезании. Потом он решает новое, возникающее отсюда, возражение: если (Авраам), рассуждает он, оправдался, будучи необрезанным, то для чего введено обрезание? "**Знак обрезания он получил**", отвечает (апостол), "**как печать праведности через веру, которую имел в необрезании**" (Римл. 4:11). Заметил ли ты, каким образом он доказал, что (скорее) иудеи находились в положении незваных гостей (twn parasitwn), чем те, которые, пребывая в необрезании, потом приобщены были к иудеям? Ведь если (Авраам) оправдался и увенчан, будучи необрезанным, потом принял обрезание, а впоследствии вошли и иудеи, то, значит, Авраам, прежде всего, есть отец необрезанных, имеющих с ним родство по вере, а потом уже отец обрезанных, - он есть сугубый праотец. Замечаешь ли, что вера воссияла? Пока не было веры, патриарх не оправдался. Замечаешь ли, что необрезание нисколько не препятствует? (Авраам) был не обрезан, и это не помешало ему оправдаться. Следовательно, обрезание явилось позднее веры.

3. И почему ты удивляешься, что обрезание явилось позднее веры, как скоро оно позднее и необрезания? И не только позднее веры, но и гораздо несовершеннее ее, и притом настолько, насколько знак вещи бледнее самой вещи, насколько, например, изображение воина ниже самого воина. А почему, спросишь, (Авраам) нуждался в подобном знамении или печати? Не он сам нуждался. Для чего же принял? Для того чтобы сделаться общим отцом верующих как в необрезании, так и в обрезании, а не просто только обрезанных, потому (апостол) присовокупляет: "**не только принявших обрезание**" (Римл. 4:12). Если (Авраам) - отец необрезанных не потому, что сам был не обрезан, хотя оправдался в необрезании, но потому, что необрезанные подражали ему в вере, то тем более он не будет по одному обрезанию прародителем обрезанных, если не присоединится и вера. Он принял обрезание, говорит (апостол), для того, чтобы мы, те и другие, имели его праотцом и чтобы необрезанные не изгнали обрезанных. Ты замечаешь, как необрезанные первые имели (Авраама) своим праотцом? Если же обрезание есть нечто почтенное потому, что возвещает праведность, то немалое преимущество имеет и необрезание, которое достигло ее прежде обрезания. Итак, ты тогда будешь в состоянии иметь (Авраама) праотцом, когда будешь "**ходить по следам веры**" (Римл. 4:12) и когда не станешь упорствовать и спорить, отстаивая закон. Какой же веры? Скажи мне. "**Которую имел в необрезании**". (Апостол) опять принижает иудейскую надменность, вспоминая о времени праведности. И хорошо сказал: "**по следам**", чтобы ты, подобно Аврааму, веровал в воскресение мертвых тел, так как и относительно этого он обнаружил веру свою. Таким образом, если ты отвергаешь необрезание, то знай ясно, что тебе нет никакой пользы и в обрезании. Если

ты не последуешь по стопам веры, то, хотя бы и тысячу раз был обрезан, не сделаешься чадом Авраама, так как он для того и принял обрезание, чтобы не отвергнуть тебя, пребывающего в необрезании. И ты не требуй этого от него: дело это послужило пособием тебе, а не ему. Но скажешь, что обрезание служит знамением праведности. И это для тебя, теперь же этого уже нет, так как тогда ты нуждался в телесных знамениях, а теперь в них нет уже нужды. Еще спросишь: по вере (Авраама) разве нельзя было узнать о душевной его доблести? Конечно, можно было, но ты нуждался и в этом дополнении. Так как ты не возревновал о душевной добродетели и не мог ее увидеть, то тебе и дано чувственное обрезание, чтобы ты, упражняясь в этом телесном знамении, мало-помалу руководился и в направлении к душевному любомудрию, и со всем усердием приняв обрезание, как знак самого высокого достоинства, научился подражать прародителю и почитать его. И это Бог установил не в одном только обрезании, но и во всем прочем, например, в жертвах, субботах и праздниках. А что (Авраам) для тебя принял обрезание, узнай из следующих слов (апостола). Сказав, что (Авраам) принял знамение и печать, он указывает и причину, говоря: яко быти ему отцу обрезания, - для тех, которые принимают и внутреннее обрезание, потому что, если имеешь только одно наружное обрезание, то никакой пользы от него тебе не будет. Обрезание тогда бывает знамением, когда вещь, знамением которой оно служит, то есть вера, бывает видна в тебе; равным образом, если ты не имеешь веры, то и знамение не может уже быть знамением. Чего, в самом деле, оно будет знамением, чего печатью, как скоро нет запечатленного? Это было бы подобно тому, как если бы ты стал показывать нам денежный мешок с печатью, когда внутри него ничего не положено. Так же смешно и обрезание, когда внутри нет веры. Если же обрезание есть знамение праведности, а ты не имеешь праведности, то, значит, не имеешь и знамения. Для того ты и получил знамение, чтобы отыскать вещь, знак которой ты имеешь, потому что, если бы ты мог найти ее без знамени, то ты в нем и не нуждался бы. Обрезание возвещает не одну только праведность, но именно праведность в необрезании. Значит, обрезание возвещает не что иное, как именно то, что нет нужды в обрезании. "**Если утверждающиеся на законе суть наследники, то тщетна вера, бездейственно обетование**" (Римл. 4:14). (Апостол) доказал, что вера необходима, что она древнее обрезания, сильнее закона и утверждает его. Как скоро все согрешили, то она необходима; если (Авраам) оправдался, будучи необрезанным, то она древнее обрезания; если через закон бывает познание греха, а вера явилась вне закона, то она и сильнее его; если, наконец, закон свидетельствует о вере, а она утверждает его, то она не противоположна ему, но дружественна и пребывает с ним в союзе. Теперь (апостол) опять, но иным способом, доказывает, что посредством закона невозможно было получить наследия. Сопоставив веру с обрезанием и отметив ее преимущества, он опять противополагает ее закону, говоря так: "**если утверждающиеся на законе суть наследники, то тщетна вера**". Чтобы кто-нибудь не сказал, что можно иметь веру и соблюсти закон, (апостол) и доказывает, что это невозможно. Кто держится закона в том мнении, что он может спасти, тот бесчестит силу веры. Потому и говорит: "**тщетна вера**", то есть, нет нужды в спасении благодатью, так как вера не может показать своей силы, и "**бездейственно обетование**". Может быть, иудей возразит: какая мне нужда в вере? Значит, если это справедливо, то с верой уничтожаются и обетования.

4. Обрати внимание на то, что (апостол) борется с иудеями во всем с самого начала, - со времени патриарха. Доказав его примером, что праведность есть сонаследница веры, он доказывает то же самое и относительно обетования; и чтобы иудей не сказал: какое мне дело до того, что Авраам оправдался через веру? - Павел и говорит, что наиболее важное для иудея, именно - обетование наследия, не может прийти в исполнение без веры; а это особенно и устрашает иудеев. О каком же обетовании он говорит? О том, что иудей есть наследник мира и все в нем благословляются. А как упразднено это обетование, (апостол) говорит далее. "**Закон производит гнев, потому что, где нет закона, нет и**

преступления" (Римл. 4:15). Если же закон производит гнев и делает виновными в преступлении, то ясно, что он подвергает и клятве, а те, которые подлежат клятве и наказанию и виновны в преступлении, достойны не наследовать, но подвергнуться наказанию и быть изгнанными. Итак, что же бывает? Приходит вера, привлекаемая благодатью, и обетование приводится в исполнение. Где благодать, там прощение, а где прощение, там нет никакого наказания; если же и наказание отменено и является затем праведность от веры, то нет уже никакого препятствия нам сделаться наследниками обетования от веры. "**Итак, по вере**", говорит (апостол), "**чтобы было по милости, дабы обетование**" Божье "**было непреложно для всех, не только по закону, но и по вере потомков Авраама, который есть отец всем нам**" (Римл. 4:16). Видишь ли ты, что вера не только утверждает закон, но и обетование Божье делает непреложным; закон же, соблюдаемый не по времени, напротив, и веру упраздняет, и обетованию препятствует.

Этим (апостол) доказывает, что вера не только не излишня, но и настолько необходима, что без нее невозможно и спастись. Ведь закон производит гнев, потому что все его преступили, а вера не оставляет и повода к возникновению гнева: "**где нет закона**", говорит (апостол), "**нет и преступления**". Видишь ли, как вера не только истребляет совершенный грех, но и не позволяет ему рождаться? Потому (апостол) и говорит: "**по благодати**". Для чего же это? Не для того, чтобы нас устыдить, но "**дабы обетование было непреложно для всех**". Здесь (апостол) указывает два блага, - во-первых, что дары непреложны и, во-вторых, что они даются всему семени, причем он включает сюда и язычников и показывает, что иудеи окажутся вне, если станут враждовать против веры. Ведь это (вера) более надежно, чем то (закон): вера не вредит тебе, только не упорствуй, она даже спасает тебя, бедствующего от закона. Потом (апостол), после того как сказал – "**для всех**", определяет, какому семени, и говорит: "**по вере**", указывая на родство (Авраама) с язычниками и на то, что не могут мудрствовать об Аврааме те, которые не веруют, подобно ему. Вот вера совершила и иное, третье: она сделала родство с праведником более полным и явила его праотцом многочисленнейшего потомства. Потому (апостол) наименовал его не просто Авраамом, но отцом всех нас, верующих. Потом, подтверждая сказанное свидетельством, (апостол) говорит: "**как написано: Я поставил тебя отцом многих народов**" (Римл. 4:17). Видишь ли, что это издревле установлено. Но что же? - возразишь ты: может быть, это говорится об измаильтянах или амаликитянах, или агарянах? Впоследствии (апостол) яснее доказывает, что не о них сказано, а пока для подтверждения того же самого спешит к другому, определяя образ такого родства и раскрывая это с великим глубокомыслием. Что именно он говорит? "**Перед Богом, Которому он поверил**" (Римл. 4:17). Смысл этих слов таков: как Бог не есть Бог частный, но Отец всех, так и Авраам. И еще: как Бог есть Отец наш не по естественному родству, а по усвоению веры, так и Авраам, потому что послушание делает его отцом всех нас. И так как иудеи думали, что такое родство не имеет никакого значения, после того как они получили другое, более грубое, то (апостол) переведя речь на Бога, доказывает, что родство по вере гораздо важнее. А вместе с этим открывает и то, что (Авраам) получил его в награду за веру, так что, если бы этого не было, то, хотя бы он и был отцом всех живущих на земле, выражение: "**перед Богом**" не имело бы места, но дар Божий был бы умален; слово "**перед**" значит - подобно. Скажи мне, в самом деле, что удивительного - быть отцом тех, которые произошли от него? Это свойственно и всякому человеку. Но удивительно то, что он по дару Божьему получил тех, которые не были его детьми по природе.

5. Таким образом, если хочешь поверить, что патриарх был удостоен чести, то верь, что он - отец всех. И (апостол), сказав: "**перед Богом, Которому он поверил**", не остановился на этом, но прибавил: "**животворящим мертвых и называющим несуществующее, как существующее**" (Римл. 4:17). Здесь он ведет предварительную речь о воскресении,

которая и нужна была ему для настоящего предмета. Если для Бога возможно оживлять мертвых и не существующее приводить в бытие, то возможно также и не рожденных (от Авраама) сделать детьми его. Потому (апостол) не сказал: приводящему в бытие не существующее, но – "**называющим**", указывая на большую легкость этого дела (для Бога). Как нам легко назвать существующее, так легко и Ему, даже гораздо легче привести в бытие не существующее. А когда (апостол) говорит, что дар Божий велик и неизречен, и когда рассуждает о силе его, то доказывает, что и вера Авраама достойна этого дара, чтобы ты не подумал, что Авраам удостоен почестей не по заслугам. Итак, ободрив слушателя, чтобы он не смущался и чтобы иудей не возражал и не говорил: "как можно не детей сделать детьми", (апостол) опять переводит речь на патриарха и продолжает: "**он, сверх надежды, поверил с надеждой, через что сделался отцом многих народов, по сказанному: так многочисленно будет семя твое**" (Римл. 4:18).

Как сверх надежды он поверил с надеждой? Сверх надежды человеческой, с надеждой Божьей. (Апостол) доказывает и величие дела, и устраняет невероятность сказанного, а что было противоположно друг другу, то согласила вера. И если бы (апостол) говорил о потомстве, происшедшем от Измаила, то слова ("**сверх надежды**") излишни были бы, потому что это потомство родилось (от Авраама) не по вере, а по естеству. Но (апостол) разумеет здесь Исаака, потому что (Авраам) уверовал не ради тех язычников, но ради того, кто должен был родиться от бесплодной жены. Значит, если (для Авраама) составляет награду то, чтобы сделаться отцом многих народов, то ясно, что именно тех народов, ради которых он уверовал. А чтобы тебе убедиться, что (апостол) говорит именно об этих народах, выслушай последующее: "**и, не изнемогши в вере, он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело, и утроба Саррина в омертвении**" (Римл. 4:19). Видишь ли, как (апостол) указывает и препятствия, и высокий, все превосходящий, ум праведника? Обетованное, говорит он, было сверх надежды, это - первое затруднение, так как Авраам не имел возможности увидеть другого, который бы при таких обстоятельствах получил сына. Жившие после него взирали на него, а он ни на кого не взирал, кроме единого Бога, потому и сказано: "**сверх надежды**". Потом, омертвевшая плоть его составляла второе затруднение, а омертвение утробы Сарриной - третье и четвертое. "**Не поколебался в обетовании Божьем неверием**" (Римл. 4:20). Бог не дал доказательства (Своего обетования) и не совершил чуда, но были одни простые слова, заключающие такое обетование, (исполнение) которого природа не обещала. Однако же, (Авраам) "**не поколебался**", говорит. (Апостол) не сказал - не поверил, но - "**не поколебался**", то есть не усомнился, не поколебался, хотя и было столько затруднений. Отсюда мы узнаем, что если Бог обещает и тысячи невозможностей, а слышащий не принимает этого, то слабость происходит не от природы вещей, но от неразумия не принявшего обетований. "**Но пребыл тверд в вере**" (Римл. 4:20). Обрати внимание на мудрость Павла. Так как речь была об исполняющих закон и о верующих, то (апостол) доказывает, что верующий делает больше, чем исполнитель закона, имеет нужду в большей силе и во многой крепости и переносит необыкновенный труд. Ведь (иудеи) унижали веру, как нечто не требующее труда. Потому (апостол), восставая против этого, доказывает, что не только преуспевающий в целомудрии или в другой какой-либо добродетели, но и являющий веру нуждаются в очень многой силе. Как первый имеет нужду в мужестве, чтобы отгонять помыслы невоздержания, так и верующий нуждается в мощной душе, чтобы отражать мысли неверия. Как же укрепился (Авраам)? Он, говорит (апостол) все предоставил вере, а не разуму, так как и он (в противном случае) пал бы. Как же он преуспел в самой вере? "**Воздав славу Богу**", говорит (Павел), "**будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное**" (Римл. 4:20-21). Итак, не испытывать - значит славить Бога, а испытывать - значит грешить. Если мы, испытывая и исследуя земное, не прославляем Бога, то, любопытствуя о рождении Владыки, тем более навлечем на себя крайнее наказание, как оскорбляющие его. Если не должно входить в

исследования об образе воскресения, то тем более - о тех неизреченных и страшных тайнах. И (апостол) не сказал просто - поверив, но – "**будучи уверен**". Таково-то свойство веры, она яснее доказательств разума и более убеждает, и невозможно, чтобы другой помысел, проникнув в область веры, поколебал ее. Тот, кто следует доказательствам разума, может и изменить свои убеждения, а кто утверждается на вере, тот уже заградил свой слух для доводов, разрушающих веру. Потому, сказав, что (Авраам) оправдался верой, (апостол) доказывает, что он верой и прославил Бога. Это главным образом и свойственно жизни, как и сказано: "**да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Матф. 5:16). Вот в этом и проявляется вера. Но с другой стороны, как дела требуют силы, так и вера. Здесь (в делах) часто и тело разделяет труд, а там (в вере) проявляется преуспеяние одной души; таким образом, и труд ее больше, как скоро никто не разделяет с ней подвигов.

6. Замечаешь ли, как (апостол) доказал, что все то, что свойственно делам, как-то: иметь похвалу у Бога, нуждаться в силе и труде и опять прославлять Бога, - в большей степени принадлежит вере? Сказав же о том, что (Бог) силен исполнить то, что обещал, апостол, мне кажется, провозглашает о будущем, потому что Бог обещал не одно настоящее, но и будущее, образом которого служит настоящее. Итак, не веровать свойственно уму слабому, малому и скудному, так что, всякий раз как кто-нибудь станет хулить нас за веру, то мы в свою очередь будем укорять их в неверии, как людей несчастных, малодушных, неразумных и слабых, которые ничем не лучше ослов. Как веровать свойственно душе возвышенной и благородной, так неверие служит признаком души неразумной, низкой, опустившейся до безумия животных. Потому, оставив тех (неверующих), будем подражать патриарху и прославим Бога, как и он воздал Ему славу. Что же значит: "**воздал славу Богу**"? Значит: уразумел Его правду, Его бесконечное могущество и, составив себе надлежащее понятие о Боге, совершенно уверился в (Божьих) обетованиях. Итак, станем и мы прославлять Бога верой и делами, чтобы и нам получить в награду прославление от Него, как Он и сказал: "**прославлю прославляющих Меня**" (1 Цар. 2:30). Но если бы не было обещано и никакой награды, то удостоиться славить Бога само по себе было бы славой. Если люди, возглашающие славословие перед царями, хвалятся только одним этим, хотя бы и не получали от этого никакой другой выгоды, то рассуди, какая нам хвала, когда через нас прославляется наш Владыка, а с другой стороны, какое наказание поступать так, чтобы Он хулился через нас, тем более, что и прославления Он желает для нас же, потому что сам не имеет нужды в этом деле. Какое, по твоему мнению, существует расстояние между Богом и человеком? Разве не такое же, какое между людьми и червями? Впрочем, указав и такое расстояние, я еще ничего не сказал, да и вообще нельзя об этом сказать ничего определенного. Но неужели ты пожелаешь от червя иметь великую и громкую себе славу? Итак, если ты и при сильном стремлении к славе не пожелал бы этого, то будет ли нуждаться в твоем прославлении Тот, Кто свободен от такого желания и бесконечно выше тебя? Однако, и, не имея нужды в твоем прославлении, Он говорит, что желает его ради тебя. И если Он не погнушался сделаться рабом ради тебя, то почему ты удивляешься, что по тому же побуждению Он принимает и другое? Он ничего не считает недостойным Себя, что бы ни способствовало нашему спасению. Итак, зная это, будем избегать всякого греха, которым Бог хулится. "**Как от лица змея**", сказано, "**беги от греха**" (Сир. 22:2). Если ты подойдешь к греху, он загрызет тебя, но он не сам к нам подходит, а мы добровольно бежим к нему. Так устроил Бог, чтобы мы не подпали владычеству дьявола, потому что иначе никто бы не мог противостоять его силе. Потому Бог удалил его, как какого-нибудь разбойника и мучителя; он не смеет напасть, если только не застигнет кого-нибудь в своих владениях безоружным и одиноким; не дерзает приблизиться, если не увидит, что мы идем пустыней; а эта пустыня и жилище дьявола есть не иное что, как грех. Итак, нам нужны щит веры, шлем спасения и меч духовный, чтобы не только не потерпеть нам зла, но, если

дьявол захочет напасть на нас, отсечь ему голову; нам нужны непрестанные молитвы, чтобы попрать его ногами. Дьявол бесстыден и нагл; к тому же нападает снизу, однако, и таким способом побеждает. А причина этого та, что мы сами не стараемся оказаться выше его ударов: ведь он не может подняться высоко, но пресмыкается по земле, и потому змей есть его образ. А если Бог такое указал ему место в начале, тем более таков он ныне. Если же ты не знаешь, что значит нападать снизу, я попытаюсь объяснить тебе способ такой борьбы. Итак, что значит нападать снизу? Одолевать посредством земных вещей, посредством удовольствий, богатства и всего житейского. Потому, если дьявол увидит, что кто-нибудь парит к небу, то, во-первых, он не может наскочить на него, а во-вторых, если и решается, то быстро сам упадет: ведь он не имеет ног, - не бойся, не имеет и крыльев, - не страшись, он ползает только по земле и пресмыкается среди земных дел. Пусть же у тебя не будет ничего общего с землей, тогда тебе не потребуется и труда. Дьявол не умеет сражаться открыто, но, как змей, скрывается в терниях, часто таясь в прелести богатства. Если ты посечешь это терние, то он, тотчас придя в робость, убежит, а если ты умеешь заговорить его божественными заклинаниями, то тотчас ранишь его. Есть у нас духовные заклинания - имя Господа нашего Иисуса Христа и сила креста. Это заклинание не только изгоняет дракона из его логовища и ввергает в огонь, но даже исцеляет раны.

Если же многие, хотя и произносили (это заклинание), но не исцелились, то это произошло от маловерия их, а не от бессилия произнесенного; также точно многие прикасались к Иисусу и теснили Его, но не получили никакой пользы, а кровоточивая жена, прикоснувшаяся не к телу, но к краю одежды Его, остановила долговременные токи крови. Имя Иисуса Христа страшно для демонов, страстей и болезней. Итак, станем Им украшаться, Им ограждаться. Так и Павел сделался велик, хотя он и был одинакового с нами естества, но вера сделала его совершенно иным, и таково было в нем обилие даров, что и одежды его имели великую силу. Какого же оправдания достойны мы, если тень и одежды апостолов отгоняли смерть, а у нас даже молитвы не усмиряют страстей? Какая причина этого? Большое различие в духе. Естественные способности у нас с Павлом общие и равные: одинаково с нами он родился и воспитан, обитал на той же земле и дышал тем же воздухом. Но в остальном он был гораздо лучше и совершеннее нас, именно в отношении ревности, веры, любви. Станем же подражать ему, дадим возможность Христу и через нас возвещать: ведь Он желает этого более нас и потому устроил орган слова и не хочет, чтобы он оставался без пользы и без действия, но желает всегда иметь его у Себя в руках. Почему же ты не держишь его в готовности для руки художника, но ослабляешь струны, размягчаешь их роскошной жизнью и делаешь гусли для Него вовсе негодными, тогда как следовало бы натянуть и настроить струны, натереть духовной солью? Если Христос увидит, что душа наша так настроена, то извлечет из нее звуки. А когда это произойдет, ты увидишь ликующих ангелов, архангелов и херувимов. Итак, сделаемся достойными пречистых рук; станем просить Господа, чтобы Он прикоснулся к сердцу нашему. Но, лучше сказать, и просьбы не нужны: сделай только сердце свое достойным такого прикосновения, и Господь первый притечет к тебе. Если Он притекает к тем, которые хотят прибегнуть к Нему (так Он превознес похвалами Павла, не бывшего еще таковым), то чего Он не сделает, когда увидит, что ты совершенно приготовился? А как скоро Христос извлечет звуки из души нашей, то, несомненно, снизойдет на нас Дух и мы будем лучше неба, имея не солнце и луну запечатленными на теле нашем, но самого Владыку солнца, луны и ангелов, в нас поселившегося и шествующего.

Я говорю это не для того, чтобы нам воскрешать мертвых, очищать прокаженных, но для того, чтобы мы явили чудо, которое больше всего этого, именно - любовь. Где только есть это благо, там немедленно является Сын с Отцом и снисходит благодать Духа. "**Ибо где**",

говорит Христос, "**двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них**" (Матф. 18:20). Иметь вокруг себя лиц любимых означает сильную привязанность, свойственную сильно любящим. Но кто же, спросишь, настолько ничтожен, чтобы не захотеть иметь с собой Христа? Мы, враждующие друг против друга. Может быть, кто-нибудь засмеется надо мной и скажет: что ты говоришь? Ты видишь, что все мы собрались под одними и теми же стенами, в одной и той же церковной ограде, составляем одно согласное стадо, ни с кем не препираемся, руководствуемся все одним пастырем, все вместе слушаем, что говорят нам, воссылаем общие молитвы) - и ты упоминаешь о брани и вражде? Да, напоминаю о брани и говорю это в полном уме, не потеряв рассудка. Я вижу то, что вижу, и знаю, что мы находимся в одной общей ограде, под властью одного пастыря. Но потому я особенно и плачу, что при стольких побуждениях к единодушию мы восстаем друг на друга. Опять спросишь: какую же распрю видишь ты здесь? Здесь - никакой, но когда разойдемся, один обвиняет другого, иной явно оскорбляет, этот завидует, лихоимствует и грабит, тот притесняет, иной предается постыдной любви, иной сплетает тысячи козней. И если бы можно было раскрыть наши души, то вы увидели бы все это в точности и согласились бы, что я не безумствую.

8. Не видите ли вы в воинских лагерях, что воины, по заключении мира, сложив с себя оружие, без всякого прикрытия и защиты входят в неприятельский стан? А когда они защищены оружием, везде стражи, дозоры, ночи без сна и постоянно горят костры, то это уже не мир, а война. Это можно наблюдать и среди нас: мы друг друга остерегаемся и опасаемся, каждый с соседом перешептывается на ухо, а как скоро увидим, что подходит посторонний, замолчим и все на виду прикроем: это свойственно не людям доверчивым, но чрезмерно осторожным. Но, скажешь, мы делаем это не затем, чтобы обидеть, а затем, чтобы не подвергнуться обиде. Потому-то я и скорблю, что, живя среди братьев, мы во избежание обиды нуждаемся в охране, зажигаем так много огней и расставляем стражу и дозоры. А причина этого - частая ложь, частые обманы, общий недостаток любви и непримиримая вражда. Вследствие этого, конечно, и случается видеть, что многие доверяют больше язычникам, нежели христианам. Какого стыда, конечно, заслуживает это, скольких слез, скольких стенаний! Что же мне делать? - говоришь ты, - этот человек груб и несносен. А где твое любомудрие? Где апостольские уставы, повелевающие нам носить бремена друг друга? Если не умеешь обходиться с братом, то, как можешь хорошо жить с чужим? Если не умеешь устроиться с собственным своим членом, то, как ты можешь привлечь к себе и приспособить постороннего? Но что же я буду делать? Я вижу крайнее неудобство проливать слезы, так как, по примеру пророка, испустил бы обильные источники из очей, видя на этом поле тысячи браней, которые ужаснее виденных пророком. Он, видя вторжение варваров, говорил: "**скорблю в глубине сердца моего**" (Иер. 4:19), а я вижу, что подчиненные одному военачальнику восстают друг на друга, грызут и терзают члены друг друга, одни из-за денег, другие из-за славы, иные просто без всякой причины смеются и издеваются друг над другом, наносят друг другу тысячи ран, вижу и мертвых,. более обезображенных, чем на войне, вижу, что осталось одно пустое имя братства, и не могу придумать, как достойно оплакать такое печальное зрелище. Итак, устыдитесь, устыдитесь этой трапезы, которой все мы приобщаемся; устыдитесь Христа, за нас закланного, и жертвы, здесь предложенной. Даже разбойники, принимая участие в пище, перестают уже быть разбойниками для тех, кого они делают своими сотрапезниками: трапеза переменяет их нравы и делает смиреннее овец тех, которые в другое время лютее зверей. А мы, участвуя в этой трапезе, приобщаясь этого брашна, вооружаемся друг против друга, тогда как следовало бы делать это против дьявола, враждующего со всеми нами. Потому, конечно, мы с каждым днем становимся слабее, а он сильнее. Мы не вместе друг с другом ополчаемся на него, но вместе с ним восстаем друг на друга и пользуемся им, как вождем, в этих бранях, тогда как всем нам надлежало бы против него одного сражаться; взамен этого мы, оставив его в покое, обращаем стрелы

против братьев. Какие стрелы? спрашиваешь. Стрелы языка и уст. Ведь не только стрелы и копья, но и слова наносят раны, которые даже гораздо болезненнее нанесенных стрелами. Как мы можем прекратить эту борьбу? - спросишь. Если поймешь, что, говоря худо о брате, ты источаешь из уст своих грязь, если будешь представлять, что клевещешь на того, кто составляет один из членов Христовых, что поедаешь собственную плоть свою, что страшный тот и нелицеприятный суд делаешь для себя еще более строгим, что стрела твоя убивает не пораженного ею, но тебя, пустившего ее. Но он обидел в чем-нибудь и сделал зло? Поскорби, но не говори худо; заплачь, но не ради своей обиды, а вследствие погибели обидчика, как и Владыка твой плакал об Иуде не потому, что сам был распинаем, но потому, что Иуда предал Его. Он оскорбил тебя и укорил? Помолись Богу, чтобы Он скорее над ним умилосердился. Он брат твой, разрешил те же самые болезни рождения, он твой сочлен, призван к одной с тобой трапезе. Но он очень часто нападает на меня, говоришь ты. Значит, тебе высшая и большая награда, и в этом случае тебе особенно и справедливо отложить свой гнев, так как он получил смертельный удар, его поразил дьявол.

9. Итак, не наноси ему ран и ты, не падай с ним и сам: пока стоишь, ты можешь спасти и его, а если нанесением обиды ниспровергаешь и себя самого, кто потом поднимет вас? Тот, раненный (поднимет)? Но он лежит и не сможет. Или ты, с ним вместе павший? Но как ты, неспособный подать руку помощи самому себе, поможешь другому? Итак, стой мужественно и, держа перед собой щит, своим долготерпением извлеки из битвы своего мертвого брата. Его уязвил гнев? Но не уязвляй и ты, а, прежде всего, извлеки стрелу. Если мы так станем обходиться друг с другом, то скоро все сделаемся здоровыми, а если станем вооружаться друг против друга, то, наконец, не нужно будет и дьявола для нашей погибели. Всякая война тяжела, особенно же война междоусобная. Но эта борьба тяжелее и междоусобной, насколько важные права христианского общества, а лучше сказать права и самого нашего родства. Некогда брат убил Авеля и пролил родственную кровь, но это убийство беззаконнее того, насколько важнее наше родство и насколько ужаснее эта смерть. Каин поразил тело, а ты изострил меч против души. Но ты первый потерпел зло? Не терпеть, но причинять зло - вот что значит подвергнуться злу. Смотри же: Каин умертвил, Авель умерщвлен, но кто оказался мертвым? Тот ли, который вопиет по смерти и о котором сказано: "**голос крови брата твоего вопиет ко Мне**" (Быт. 4:10), или тот, который в жизни трепетал и боялся? Конечно, Каин, который жалок более всякого мертвеца. Видишь ли, насколько лучше подвергнуться обиде, хотя бы (обида) простиралась и до убийства? Пойми, что гораздо хуже делать неправду, хотя бы кто-нибудь дошел и до убийства. Каин поразил и убил брата, но последний увенчан, а первый наказан; Авель был несправедливо истреблен и умерщвлен, но он, умирая, обвинял, одерживал верх и смирял, а оставшийся в живых молчал, покрывался стыдом, побуждался и делал все вопреки своему желанию. Он убил брата, так как видел, что он любим, надеясь лишить его и любви, но лишь увеличил к нему любовь, и Бог, по смерти его, больше искал его, говоря: "**где Авель брат твой**" (Быт. 4:9)? Ты не потушил любви завистью, но сильнее воспламенил ее; не умалил честь убийством, но увеличил ее. Прежде сам Бог подчинял тебе брата, но, так как ты умертвил его, он по смерти будет твоим судьей: такова у Меня любовь к нему. Итак, кто из них был осужден: наказывающий или наказанный? Тот ли, кто получил от Бога столь великую честь, или тот, кто был предан новому и необыкновенному мучению? Ты не убоялся его живого, говорит (Бог), потому убойся мертвого; ты не трепетал, намереваясь приблизить меч, потому, пролив кровь, ты будешь объят непрестанным страхом; при жизни он был твоим рабом, и ты не терпел его, за то по смерти он сделался грозным для тебя господином. Итак, помышляя об этом, будем, возлюбленные, избегать зависти, потушим злобу, воздавая друг другу любовь, чтобы получить нам благие плоды ее, как в настоящей, так и в будущей жизни,

благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 9

“Не в отношении к нему одному написано, что вменилось ему, но и в отношении к нам; вменится и нам, верующим в Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса Христа, Господа нашего” (4:23,24).

1. Сказавши многое и великое об Аврааме, о его вере, праведности и чести у Бога, апостол, чтобы слушатель не возразил: "что же нам от этого? ведь Авраам один оправдался", - опять ставит нас вблизи патриарха. Такова сила духовных глаголов. Он сказал, что тот из язычников, который недавно пришел (к вере) и ничего сам не сделал, не только ничего не имеет меньше верующего иудея, но и даже патриарха, а лучше сказать, если нужно сказать что-нибудь удивительное, имеет пред ним и преимущество. Наше благородство настолько велико, что вера патриарха была только образом нашей. И апостол не сказал: если ему вменилось, то, естественно, вменится и нам, - чтобы не вывести тебе отсюда такого умозаключения: он вещает по силе божественных законов и все основывает на изречении Писания. Для чего, говорит он, и было написано, если не для того, чтобы научить нас, что и мы также оправдываемся? Ведь мы поверили тому же Богу и относительно одних и тех же дел, хотя и не в отношении к одним и тем же лицам. Сказав же о нашей вере, (апостол) говорит и о неизреченном Божием человеколюбии, к которому он всегда обращает (речь), вынося на средину крест; это теперь он ясно и выразил, сказавши: “**Который предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего**” (ст. 25).

Заметь, каким образом (апостол), указав на причину смерти, обращает ее в доказательство воскресения. За что Христос распят? спросишь ты. Не за собственный грех, как видно из Его воскресения. Если бы Он был грешен, то как бы воскрес? А если воскрес, ясно, что не был грешником. Если же не был грешен, то как Он был распят? Ради других. А если за других, то без сомнения и воскрес. Чтобы ты не возразил: как мы можем оправдаться, будучи виновны в столь многих грехах? - (апостол) указал на Того, Кто изгладил все грехи, - чтобы утвердить свое учение (об оправдании), как верою Авраама, которою он оправдался, так и верою в спасительное страдание, которым мы освободились от грехов. Говоря же о смерти Христовой, он говорит и о воскресении. Христос умер не для того, чтобы подвергнуть нас наказанию и осуждению, но чтобы облагодетельствовать. Он и умер, и воскрес для того, чтобы сделать нас праведными. “**Итак, оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа**” (5:1). Что значит: “**имеем мир**”? Некоторые объясняют в том смысле, чтобы мы не враждовали, оспаривая введение закона, а мне кажется, что (апостол) беседует здесь о нашей жизни. Так как выше, после многих рассуждений о вере и об оправдании посредством дел, он впереди поставил веру, то, чтобы не подумали, что эти слова служат основанием беспечности, (апостол) говорит: “**имеем мир**”, - то есть, не будем впредь грешить и не станем возвращаться к прежнему, потому что это значило бы враждовать против Бога. Но спросишь: как возможно больше не грешить? А как было возможно первое (освобождение от грехов)? Если мы, будучи столько виновны, от всего были освобождены Христом, то тем более с Его помощью окажемся в состоянии остаться в том положении, в каком находимся. Ведь не одно и то же - получить мир, которого не было, и сохранить уже дарованный, так как приобретение всегда труднее сохранения; но однако, более трудное сделалось уже легким и приведено в исполнение. Итак, более легкое будет для нас и вполне осуществимо, если станем держаться Того, Кто совершил для нас труднейшее. А здесь, мне кажется, (апостол) намекает не только на легкость успеха, но и на

необходимость его. Если Христос примирил нас, когда мы находились во вражде с Ним, то с нашей стороны благоразумно пребывать в примирении и явить Ему это воздаяние, чтобы не оказалось, что с Отцем были примирены злые и неблагодарные. “**Через Которого**, **-** продолжает (апостол), **- верою и получили мы доступ**” (ст. 2). Итак, если Христос привел нас к Богу, когда мы были от Него далеко, то тем более Он нас удержит, когда мы оказались близко.

2. Не оставляй без внимания, что апостол всегда указывает два условия: то, что требуется от Христа, и то, что требуется с нашей стороны. Но благодеяния Христовы разнообразны, многочисленны и превосходны, так как Он умер за нас, примирил нас, привел к Богу и даровал неизреченную благодать; а мы с своей стороны принесли одну только веру, - потому Павел и говорит: “**Верою и получили мы доступ к той благодати, в которой стоим**” (ст. 2). Какую благодать? - скажи мне. То, что мы были удостоены ведения о Боге, освобождены от заблуждения, познали истину и получили все блага, даруемые чрез крещение. Христос для того и привел нас, чтобы мы получили эти дары, то есть, чтобы было не просто отпущение грехов и одно только примирение, но и мы приняли бесчисленные достоинства. Даже и этим Он не ограничился, но обещал другие несказанные блага, превышающие разум и слово. Поэтому (апостол) указал те и другие дары: словом – “**благодать**” он обозначил дары настоящие, которые мы получили, а в словах – “**и хвалимся надеждою славы Божией**” (ст. 2) открыл нам все будущие дары. И прекрасно он сказал: “**в которой стоим**”. Такова именно благодать Божия: она не имеет конца, не знает предела и постоянно простирается на большее, что у людей невозможно. Укажу, например, на следующее: иной достиг начальствования, славы и владычества, но не удерживается на этом навсегда, но скоро лишается, и если этого не отнимет у него другой человек, то смерть, явившись, совершенно все похищает. А дары Божии не таковы: их не могут отнять у нас ни человек, ни время, ни стечение обстоятельств, ни сам диавол, ни явившаяся смерть; напротив, когда умрем, будем владеть ими прочнее и, постепенно усовершаясь, станем пользоваться ими еще в большей мере. Затем, если ты не уверен в благах будущих, то поверь им на основании настоящих, которые уже получил. Потому (апостол) и сказал: “**и хвалимся надеждою славы Божией**, чтобы ты узнал, какую душу нужно иметь верующему. Ему должно быть несомненно уверенным не только в дарованных ему благах, но и в будущих, как уже дарованных, так как всякий хвалится тем, что уже дано ему. А так как надежда на будущие блага столько же тверда и ясна, как и надежда на блага дарованные, то мы, говорит (апостол), хвалимся и надеждою на будущее, - почему он и назвал будущие блага славою. Ведь если эти блага служат к славе Божией, то несомненно и исполнятся, если и не ради нас, то ради Бога. И что я говорю, продолжает (апостол), что будущие блага достойны похвалы? Даже и настоящие бедствия способны нас возвеличить и побудить ими превозноситься. Потому (апостол) и присовокупил: “**Не сим только, но хвалимся и скорбями**” (ст. 3). Итак, пойми, каковы будущие блага, как скоро мы величаемся и тем, что представляется для нас печальным. Таков дар Божий и так-то в нем нет ничего неприятного.

В делах внешних подвиги сопровождаются трудом, болезнью и несчастьем, а венки и награды приносят удовольствие; а там не так, но и борьба для нас приятна не менее награды. Так как испытания тогда были многочисленны, а царство было только в упованиях, бедствия были под руками, а блага в ожидании, и все это более ослабляло немощных, то (Павел) еще прежде небесных венцев дает им награды, говоря, что должно хвалиться и в скорбях. Впрочем, не сказал: вы должны хвалиться, но говорит: “**хвалимся**”, представляя увещание в собственном своем примере. Потом, так как сказанное представлялось странным и необыкновенным, то есть, что человек, борющийся с голодом, находящийся в узах и муках, оскорбляемый и унижаемый, должен хвалиться этим, то (апостол) раскрывает это и, что еще важнее, утверждает, что настоящие скорби не

только по причине будущих благ, но даже сами по себе достойны того, чтобы ими хвалиться, потому что скорби сами по себе - благо. Почему же? Потому что приучают к терпению. Потому, сказав: "**Хвалимся и скорбями**", присовокупил и причину, говоря: "**Зная, что от скорби происходит терпение**" (ст. 3). Заметь опять искусство Павла, как он обращает речь свою совершенно к противоположному. Так как скорби всего чаще заставляли христиан отрекаться от будущих благ и ввергали в отчаяние, то он утверждает, что вследствие скорбей следует надеяться, а не отчаиваться в будущем. "**От скорби**, **-** говорит, **- происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает**" (ст. 3-5). Скорби не только не лишают этой надежды, но и способны создать ее. Скорбь и до получения будущих благ приносит уже весьма важный плод - терпение и подвергающегося испытанию делает опытным, а затем она несколько содействует и в отношении к будущим благам, потому что усиливает в нас надежду. Ведь ничто так не ведет к благой надежде, как добрая совесть.

3. Потому ни один человек из живущих честно не теряет уверенности относительно будущего, а с другой стороны многие из нерадивых, угнетаемые лукавою совестью, не желают ни суда, ни воздаяния. Итак, что же, неужели наши блага состоят в одних надеждах? Конечно, в надеждах, но не человеческих, которые часто разрушаются и посрамляют надеявшегося, когда обещавший покровительство умирает, или, хотя и жив, но переменяет расположение. Но не таковы наши надежды: они тверды и непоколебимы. Тот, Кто дал нам обетование, всегда жив, а мы, имеющие воспользоваться ими, хотя умрем, но опять воскреснем, так что нет ничего, что бы могло нас посрамить, как напрасно и безрассудно утешавших себя пустыми надеждами. Итак, этими словами достаточно освободив слушателей от всякого сомнения, апостол не останавливает свою речь на настоящих благах, но опять переходит к будущим, зная, что более слабые люди, хотя и ищут настоящих благ, но не довольствуются ими. В будущих же благах он удостоверяет благами уже дарованными. Чтобы кто-нибудь не возразил: "что же? А если Богу не угодно даровать нам эти блага? Правда, мы все знаем, что Он имеет силу, пребывает и живет, но откуда известно, что Он и пожелает нашего блаженства"? - апостол и отвечает, что это видно из благ, нам уже данных. Из каких же именно благ? Из любви, которую Бог явил о нас.

Что же именно Он сделал? - спросишь ты. Даровал Святого Духа. Потому (апостол), сказав: "**Надежда не постыжает**", представил и доказательство этого, говоря: "**потому что любовь Божия излилась в сердца наши**" (ст. 5). И он не сказал: дана, но: "**излилась в сердца наши**" указывая на изобилие. Бог даровал нам самое величайшее благо, даровал не небо, не землю, не море, но то, что драгоценнее всего этого - Он сделал людей ангелами, сынами Божиими, братиями Христовыми. Какое же это благо? Дух Святый. Если бы Богу не угодно было наградить нас великими венцами после трудов, то Он не дал бы столь великих благ прежде трудов. Ныне же сила любви Его открывается из того, что Он не медленно и не мало-помалу даровал нам почести, но вдруг излил весь источник благ, и притом прежде подвигов. Потому, хотя ты и не очень достоин, не отчаивайся, имея великим своим защитником любовь Судии. По этой причине и апостол, говоря: "**надежда не постыжает**", все возложил не на наши заслуги, но на любовь Божию. Сказав же о даровании Духа, он опять обращается ко кресту и говорит: "**Ибо Христос, когда еще мы были немощны, в определенное время умер за нечестивых. Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть. Но Бог Свою любовь к нам доказывает**" (ст. 6-8). Эти слова означают следующее. Если не скоро кто-нибудь согласится умереть и за добродетельного человека, то представь любовь твоего Владыки, когда Он оказался распятым не за добродетельных, но за грешников и врагов. Это и (апостол) говорит далее: "**Тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками. Посему тем более ныне, будучи оправданы Кровию Его, спасемся Им**

от гнева. Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его" (ст. 8-10). Кажется, как будто в этих словах заключается тождесловие, но при внимательном чтении его не найдется. Смотри же. (Апостол) желает убедить римлян относительно будущих благ и сначала убеждает их мыслью праведника, говоря, что этот совершенно уверен, "**что Он силен и исполнить обещанное**" (Рим. 4:21): потом доказывает это дарование благодатию; далее - скорбями, говоря, что они способны привести нас к надежде; опять затем, что Бог даровал нам Духа, Которого мы и приняли, и, наконец, доказывает это Христовою смертью и нашею прежнею порочностью. И хотя, как замечено выше, сначала представляется, что сказано одно и то же, но на самом деле открываются две, три и более различных мыслей: первая - та, что Христос умер, вторая - что умер за нечестивых, третья - что примирил, спас, оправдал, сделал бессмертными сынами и наследниками, Потому, говорит (апостол) нам должно укрепляться в уповании не только смертию Христовою, но и тем, что даровано чрез эту смерть. И хотя, уже одно то, что Христос умер за нас таковых (грешников), было величайшим доказательством Его любви, но когда умирающий оказывается еще и подателем даров и притом весьма великих для тех, которые их не заслуживали, то такое благодеяние превосходит всякую меру и должно привести к вере и совсем бесчувственного. И не другой хочет нас спасти, но Тот, Кто нас, бывших еще грешниками, возлюбил до того, что самого Себя предал за нас. Видишь, ли, как и в этом месте содержится доказательство относительно надежды на будущее? Прежде этого были затруднения к нашему спасению то, что мы были грешники, и то, что надлежало спастись смертию Владыки. Но последнее, прежде чем совершилось, было невероятным и, чтобы совершиться, нуждалось в великой любви, ныне же, когда это совершилось, и остальное сделалось гораздо легче: ведь мы сделались друзьями, и смерти Господа более уже не нужно. Итак, Тот, Кто пощадил врагов до того, что не пощадил Сына, неужели не защитит сделавшихся друзьями, когда притом Ему нет уже нужды предавать Сына? Иной часто не спасает потому, что не хочет, или не может, хотя бы и желал. Ни того, ни другого нельзя сказать о Боге, после того как Он отдал Сына. А что Бог и может спасти, (апостол) и это доказал тем, что Бог оправдал нас, бывших грешниками. Итак, какое, наконец, остается для нас препятствие достигнуть будущих благ? Никакого. Затем, чтобы ты, услышав о грешниках, врагах, немощных и нечестивых, не стал стыдиться и краснеть, послушай, что говорит (апостол) далее: "**Не довольно сего, но и хвалимся Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа, посредством Которого мы получили ныне примирение**" (ст. 11). Что значит: "**Не довольно сего**"? Не только мы спасены, говорит (апостол), но и хвалимся тем, чего бы, по мнению других, надлежало нам стыдиться. То, что мы, жившие в столь великой порочности, были спасены, служит величайшим признаком сильной любви к нам Спасающего. Он спас нас не чрез ангелов и архангелов, но чрез Своего Единородного. Итак, то, что Он спас, спас грешников, совершил это чрез Единородного, и не просто чрез Единородного, но кровию Его, - все это сплетает нам бесчисленные венки похвалы. В понятии славы и дерзновения нет ничего равного тому, как быть любимыми от Бога и любить Его, нас возлюбившего. Это делает блистательными ангелов, начала и силы, это больше царства, вследствие чего Павел и поставил это прежде царства: и я ублажаю бестелесных, потому что они любят Бога и во всем повинуются Ему. Потому и пророк удивлялся им, говоря: "**Крепкие силою, исполняющие слово Его**" (Пс. 102:20), а Исаия восхвалял серафимов, приписывая им великую добродетель, так как они стоят близ славы Божией, а это было знаком величайшей любви.

4. Итак, будем и мы подражать горним силам и постараемся не только стоять близ престола, но и быть обителью для Сидящего на престоле. Он возлюбил ненавидящих и не прекращает любить: "**Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф. 5:45). Ты же возлюби любящего, потому что и Он любит. А почему же, спросишь, этот любящий угрожал геенною,

наказанием и мучением? Потому самому, что любит, так как, отсекая твое лукавство и страхом, как бы некоторою уздою, удерживая тебя от стремления к худшему, Он все делает и предпринимает, чтобы и приятными, и прискорбными средствами остановить тебя в стремительном падении, привести в себя самого и отвлечь от всякого порока, который ужаснее геенны. А если ты смеешься по поводу сказанного и желаешь лучше постоянно жить в пороке, чем один день подвергаться наказанию, то это нисколько неудивительно: это признак твоего несовершенного образа мыслей, твоего опьянения и неисцелимой болезни, - так как и малые дети, когда увидят, что врач намеревается прижечь или надрезать (больное место), бросаются и бегут прочь, кричат и вырываются и предпочитают лучше страдать от постоянного гниения тела, нежели перенести временную боль, а после этого наслаждаться здоровьем. А люди, имеющие ум, знают, что болезнь тяжелее надреза, а равно и быть порочным хуже, чем подвергнуться наказанию, так как от одного возможно вылечиться и быть здоровым, а от другого можно погибнуть или остаться в постоянном недуге. Но всякому известно, что здоровье лучше болезни. Потому и о разбойниках должно плакать не тогда, когда им ломают ребра, но тогда, когда они подламывают стены и убивают. Если душа превосходнее тела, как и действительно она превосходнее, то более справедливо стенать и плакать, когда она погибает, если же она не чувствует этого, то тем более должно скорбеть о ней. Так и предающихся необузданной любви следует жалеть больше, чем сильно страдающих горячкою, а пьяниц больше, чем подвергаемых мучению. Но если все это вреднее, то почему, спросишь, мы больше избираем это? Потому что многим из людей, по пословице, нравится худшее и они предпочитают его, миновав лучшее. Это можно наблюдать при выборе пищи и рода деятельности, в склонностях житейских и в наслаждениях, в удовольствиях, в выборе жен, домов, рабов, угодий и всего прочего. Скажи мне, что доставляет больше удовольствия - сообщение с женщинами или мужчинами? С женщинами или с лошаками? Однако же мы найдем много таких, которые избегают женщин, а имеют соитие с бессловесными и наносят поругание мужчинам, несмотря на то, что сообразное с природою приятнее противоестественного.

Вообще есть много людей, которые, как за приятным, гонятся за тем, что смешно, неприятно и влечет за собою наказание. Скажешь, что им это кажется приятным. Но потому-то и жалки эти люди, что неприятное считают приятным. Так они считают наказание хуже греха, а в самом деле это не так, но совершенно наоборот. Если бы наказание было злом для грешников, то Бог не присоединил бы зла ко злу и не восхотел бы сделать их еще худшими. Ведь тот, кто делает все, чтобы истребить зло, не может и увеличивать его. Итак, для грешника нет зла быть наказанным, а напротив, зло - не быть наказанным, подобно как зло для больного - не лечиться. Но ничего нет настолько вредного для человека, как неумеренная страсть. Неумеренной же страстью я называю страсть к наслаждениям, праздной славе, господству и вообще ко всему тому, что сверх потребности. Тот, кто проводит роскошную и распущенную жизнь, представляется счастливее всех, но на самом деле он всех несчастнее, потому что предает душу свою во власть жестоким владычицам и мучителям. Бог для того и сделал настоящую жизнь нашу исполненною труда, чтобы избавить нас от такового рабства и привести к полной свободе; для того Он угрожает наказанием, для того дал в удел нашей жизни заботы, чтобы обуздать склонность к неге. Так иудеи, пока были заняты копанием глины и деланием кирпичей, и были покорны и непрестанно призывали Бога, а когда получили свободу, начали роптать, огорчать Владыку и погрузились в тысячи пороков. Но что сказать о людях, спрашиваешь ты, которые под влиянием скорби нередко изменяются к худшему? Такая порча бывает следствием не скорби, по людской слабости. Если кто, имея больной желудок, не может принять горького лекарства, которое бы его очистило, и погибает, то мы обвиняем не лекарство, а слабость органа; так и здесь причина - в слабости души. Если человек испортился в нужде, то тем более подвергнется этому в довольстве. Если он

падает, когда связан, - а таков человек в нужде, - то тем более упадет, когда развязан. Если в тесных обстоятельствах портится, то еще легче испортится в благополучии. Но как я могу, спросишь, не испортиться под влиянием несчастий? Если поймешь, что хочешь или не хочешь, но ты должен перенести то, что терпишь; и если станешь переносить с благодарением, то получишь весьма большую пользу, а если будешь сетовать, негодовать и роптать, то и несчастия своего этим не убавишь, и воздвигнешь еще большую бурю. Имея такие мысли, мы все, что бы ни случилось с нами по необходимости, будем принимать так, как бы происходило это по нашему желанию. Положим, например, что один потерял любимого сына, а другой - все имущество; если ты рассудишь, что избежать происшедшего было невозможно, а с другой стороны, что из неустранимого несчастья можно извлечь для себя и некоторую пользу и мужественно перенести случившееся, и если ты, вместо хулы, воздашь хвалу Господу, то несчастия, постигшие тебя против твоей воли, вменяются тебе в заслугу, как бы происшедшие по твоему желанию. Узнаешь ли ты, что похищен сын преждевременною смертью, - скажи: "**Господь дал, Господь и взял**" (Иов 1:21). Увидишь ли, что оскудело твое имущество, - скажи: "**Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь**" (Иов. 1:21). Ты видишь, что злые благоденствуют, а праведные злополучны и терпят тысячи несчастий, и не умеешь найти причину происходящего? Скажи: "**Как скот был я пред Тобою. Но я всегда с Тобою**" (Пс. 72:22,23). А если ты желаешь узнать и причину этого, то помысли, что Бог назначил день, в который будет судить вселенную, и у тебя исчезнет всякое недоумение, так как тогда каждый получит по заслугам, как Лазарь и богатый. Приведи себе на память апостолов: они подвергались бичеванию и гонению, терпели тысячи бедствий, они радовались, что удостоились принять поругание за имя Христово. И ты, если страдаешь каким-либо недугом, переноси болезнь мужественно и благодари Бога, и таким образом получишь такую же награду, как и апостолы. Но как тот, кто находится в болезни и мучениях, может воздавать благодарение Господу? Если ты любишь Его искренно. Если три отрока, ввержённые в пещь, и другие, находившиеся в узах и в бесчисленных иных бедствиях, не преставали благодарить, то тем более могут это делать те, которые находятся в болезнях и одержимы тяжкими недугами. Ведь нет, действительно нет ничего такого, чего бы не побудила любовь. А когда проявляется любовь Божия, то она выше всего, и ни огонь, ни меч, ни бедность, ни болезнь, ни смерть, ни все прочее - не страшны для того, кто пользуется этою любовью; посмеиваясь над всем, он станет парить к небу и душевным настроением окажется нисколько не ниже живущих на небе; он не посмотрит ни на что иное, ни на небо, ни на землю, ни на море, но устремлен будет к одной только красоте небесной славы; как скорби настоящей жизни не смогут унизить его, так земные блага и удовольствия не в состоянии будут возвысить и сделать надменным. Итак, возлюбим и мы эту любовь (ведь ей нет ничего равного) и ради настоящего, и ради будущего, а лучше сказать, ради самой природы этой любви, потому что мы избавимся от наказаний и в настоящей жизни, и в будущем веке и достигнем царства. Но и кроме избавления от геенны и приобретения царства, нужно упомянуть и нечто другое важное; выше всего это - любить Христа и быть от Него любимым. Если у людей взаимная любовь ценится выше всякого удовольствия, то какое слово, какая мысль может изобразить блаженство души, которая любит Бога и Ему любезна? Это блаженство познается не иначе, как только на опыте. Потому, чтобы познать опытно таковую духовную радость, блаженную жизнь и сокровище неисчислимых благ, мы, оставив все, станем искать этой любви, как для собственной нашей радости, так и для славы любимого Бога, потому что Ему принадлежит слава и держава со Единородным (Сыном) и со Святым Духом, ныне и присно, и во все веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 10

“Посему, как одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, [потому что] в нем все согрешили” (5:12).

1. Подобно тому, как самые лучшие врачи всегда исследуют корень болезней и доходят до самого источника зла, так делает и блаженный Павел. Сказавши, что мы оправданы, и доказав это примером патриарха, ниспосланием Духа и смертию Христовою (так как Христос и не умер бы, если бы не хотел оправдать нас), он теперь рассматривает прежде доказанное с другой стороны и подтверждает свою речь противоположными доводами, а именно - говорит о смерти и грехе, и исследует, как, каким путем и откуда явилась смерть и как она возобладала. Итак, как взошла и возобладала в мире смерть? Чрез грех одного. Что же значит: “**В нем все согрешили**”? То, что как скоро пал один, чрез него сделались смертными все, даже и не вкусившие запрещенного плода. “**Ибо [и] до закона грех был в мире; но грех не вменяется, когда нет закона**” (ст. 13). Некоторые думают, что апостол словом – “**до закона**” назвал все время, протекшее до дарования закона, то есть, когда жили Авель, Ной, Авраам и далее до самого рождения Моисея. Какой же грех был тогда? Иные утверждают, что апостол ведет речь о грехе в раю, так как грех этот, говорят они, еще не был отпущен и плод его процветал: этот грех и внес общую смерть, которая владела всеми и мучила. Но для чего (апостол) присовокупляет: “**Грех не вменяется, когда нет закона**”? Те, которые держатся изложенного нами мнения, утверждают, что (апостол) сказал это в ответ на возражение иудеев: "если без закона нет греха, то как смерть истребила всех, живших до закона?" А по моему мнению, будет более согласно с разумом и с мыслью апостола то, что намереваюсь я сказать. Что же именно? Когда (апостол) говорит, что грех был в мире еще до закона, то этим, как мне кажется, он сказал то, что, после дарования закона, возобладал уже грех преступления и господствовал потом во все то время, пока существовал закон, так как грех не мог утвердиться, говорит (апостол), пока не было закона. Итак, если этот именно грех, происшедший от нарушения закона, породил смерть, то как умерли все жившие до закона? Ведь если смерть имела свой корень в грехе, а грех, пока не было закона, не вменялся, то как возобладала смерть? Отсюда ясно, что не этот грех, не грех преступления закона, но другой, именно грех преслушания Адама, был причиною общего повреждения. Чем же это доказывается? Тем, что умерли все жившие и до закона. “**Смерть царствовала**, **-** говорит (апостол), **- от Адама до Моисея и над несогрешившими**”. Как царствовала? “**Подобно преступлению Адама, который есть образ будущего**” (ст. 14). Итак, Адам есть образ Иисуса Христа. В каком отношении, спросишь? В том, что как Адам для своих потомков, хотя они и не вкусили древесного плода, сделался виновником смерти, введенной в мир Адамовым ядением, так Христос для верующих в Него, хотя и не совершивших праведных дел, сделался виновником праведности, которую даровал всем нам чрез крест. Потому (апостол), как выше, так и ниже, высказывает одну мысль и много раз повторяет ее, говоря: “**Как одним человеком грех вошел в мир**”, еще: “**Преступлением одного подверглись смерти многие**”, или: “**И дар не как [суд] за одного согрешившего**”; или: “**Ибо суд за одно [преступление] - к осуждению**”, еще: “**Ибо если преступлением одного смерть царствовала посредством одного**”; еще: “**Посему, как преступлением одного**”; еще: “**Как непослушанием одного человека сделались многие грешными**” (Рим. 5:12,15-19). Апостол не отступает от “**одного**” для того, чтобы на возражение иудея: "каким образом род человеческий спасен заслугами одного Христа?" - мог и ты возразить ему: каким образом весь род человеческий осужден за преслушание одного Адама, - тем более, что нет и сравнения между грехом и благодатью, между смертью и жизнью, между диаволом и Богом, но между ними существует бесконечное расстояние? Потому, когда и свойство дела, и могущество совершившего, и самое соответствие дела (ведь Богу более естественно спасать, нежели наказывать) - все показывает, что превосходство и победа на стороне Христа, то, скажи мне, какое ты имеешь основание для неверия? А что совершившееся согласно с разумом, (апостол) доказал это следующими словами: “**Но дар**

благодати не как преступление. Ибо если преступлением одного подверглись смерти многие, то тем более благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествуют для многих" (ст. 15). Это означает следующее: если получил столь великую силу грех и притом грех одного человека, то как же его не превзойдет гораздо большей силой благодать - благодать Бога, и не только Бога Отца, но и Бога Сына? Это более сообразно с разумом, чем первое. Чтобы один наказывался по вине другого - это представляется не совсем справедливым, но чтобы один был спасен чрез другого - это более благопристойно и сообразно с разумом. Если же произошло первое, то тем более, должно быть и последнее.

2. Итак, этим (апостол) доказал, что (спасение чрез одного) и справедливо и сообразно с разумом, а как скоро это раскрыто, то и прочее должно быть несомненным. В следующих же словах (апостол) доказывает, что (спасение) было и необходимо. Как же он раскрывает это? "**Дар не как [суд] за одного согрешившего; ибо суд за одно [преступление] - к осуждению; а дар благодати - к оправданию от многих преступлений**" (ст. 16). Что означают эти слова? То, что один грех имел силу навлечь смерть и осуждение, а благодать изгладила не только этот единый грех, но и другие грехи, за ним следовавшие. Чтобы употреблением слов - как и так не подать мысли, что для зла и добра берется одинаковая мера, и чтобы ты, слыша об Адаме, не подумал, что изглажен только тот грех, который внес Адам, (апостол) и говорит, что совершилось отпущение многих преступлений. Но из чего это видно? Из того, что после бесчисленных грехов, следовавших за грехом, совершенным в раю, все кончилось оправданием. Но где оправдание, там необходимо и всецело следуют жизнь и тысячи благ, равно как, где грех, там и смерть.

Праведность выше жизни, так как она - корень жизни. А что были дарованы блага более многочисленные и был истреблен не один только первородный грех, но и все прочие грехи, это (апостол) показал словами: "**Дар благодати - к оправданию от многих преступлений**". Отсюда, с необходимостью доказывается и то, что смерть исторгнута с корнем. А так как (апостол) сказал, что первое было больше второго (т. е. благодатью даровано больше, чем сколько повреждено грехом), то нужно было доказать опять и это. Потому он сперва сказал, что если грех одного умертвил всех, тем более может спасти благодать одного; после этого он раскрыл, что благодатью истреблен не один только первородный грех, но и все прочие грехи, даже не только истреблены грехи, но и дарована праведность, и Христос не только принес исправление в том, что повредил Адам, но и совершил нечто гораздо большее и высшее. Когда (апостол) объяснил это, то опять здесь является нужда в дальнейшем доказательстве. Как же он раскрывает это? "**Ибо если преступлением одного смерть царствовала посредством одного, то тем более приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа**" (ст. 17). Смысл этих слов таков. Что вооружило смерть против всей вселенной? То, что только один человек вкусил от древа. Если же смерть приобрела такую силу чрез преступление одного, то как скоро найдутся некоторые, получившие благодать и праведность, несравненно превосходящие тот грех, то каким образом они могут оставаться повинными смерти? Потому (апостол) не сказал здесь: благодать, но: "**обилие благодати**", потому что мы получили от благодати не столько, сколько нам было нужно для освобождения от греха, но гораздо больше. Ведь мы были освобождены от наказания, совлеклись всякого зла, были возрождены свыше, воскресли после погребения ветхого человека, были искуплены, освящены, приведены в усыновление, оправданы, сделались братьями Единородного, стали Его сонаследниками и сотелесными с Ним, вошли в состав Его плоти и соединились с Ним так, как тело с главою. Все это Павел и назвал избытком благодати, показывая, что мы получили не только врачевство, соответствующее нашей язве, но и здоровье, красоту, честь, славу и такие достоинства, которые гораздо выше нашей природы. Каждый из этих даров мог бы

сам по себе истребить смерть. А когда все они открыто стекаются вместе, тогда смерть истребляется с корнем и не может уже появиться ни следа ее, ни тени. Это подобно тому, как если бы кто за десять оволов вверг какого-нибудь должника своего в темницу и не только его самого, но, по вине его, и жену его, детей и слуг, а другой, пришедши, не только внес бы те десять оволов, но еще подарил десять тысяч талантов золота, привел узника в царский дворец, посадил на месте самой высокой власти я сделал бы его участником самой высокой чести и других отличий - тогда давший в заем не мог бы и вспомнить о десяти оволах. Также случилось и с нами. Христос заплатил гораздо больше того, сколько мы были должны, и настолько больше, насколько море беспредельно в сравнении с малой каплей. Итак, не сомневайся, человек, видя такое богатство благ, не спрашивай, как потушена искра смерти и греха, как скоро излито на нее целое море благодатных даров. На это и намекнул Павел, сказавши, что "**приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа**". Когда (апостол) ясно доказал это, он опять употребляет прежнее умозаключение и усиливает его повторением, говоря, что если все были наказаны за преступление Адама, то все могут и оправдаться Христом. Потому и говорит: "**Посему, как преступлением одного всем человекам осуждение, так правдою одного всем человекам оправдание к жизни**" (ст. 18). Потом, излагая тот же довод, говорит так: "**Ибо, как непослушанием одного человека сделались многие грешными, так и послушанием одного сделаются праведными многие**" (ст. 19). Сказанное (апостолом) ведет, по-видимому, к немалому недоумению, которое, впрочем, при тщательном внимании, удобно разрешается. Какое же это недоумение? Речь о том, что непослушанием одного человека многие сделались грешными. Конечно, нет ничего непонятного в том, что все происшедшие от того, кто согрешил и стал смертен, сделались также смертными; но какая может быть последовательность в том, что от преслушания одного сделался грешным и другой? Тогда ведь окажется, что последний и не подлежит наказанию, так как не сам собою сделался грешником.

3. Итак, что значит здесь слово – "**грешные**"? Мне кажется, оно означает людей, подлежащих наказанию и осужденных на смерть. Что все мы после смерти Адама сделались грешными, (апостол) доказал это ясно и многими доводами, но остается вопрос о том, почему это произошло. Но (апостол) этого и не касается, так как это не относится к предмету его рассуждения. Ведь у него идет спор с иудеем, который отрицает и осмеивает оправдание чрез одного. Потому, доказав, что наказание от одного распространилось на всех, он не присоединил речи о том, почему это случилось, так как (апостол) не говорит ничего лишнего, а ограничивается одним только необходимым. Правило состязаний не понуждало ни иудея, ни тем более его говорить об этом, потому он и оставляет вопрос не решенным. А если бы кто-либо из вас постарался узнать об этом, то я скажу, что мы не только не получили никакого вреда от той смерти и осуждения (если только станем бодрствовать), но даже имеем пользу от того, что сделались смертными. Первая наша от этого выгода та, что мы грешим не в бессмертном теле, а вторая та, что это доставляет нам тысячи побуждений к любомудрию. Предстоящая и ожидаемая нами смерть располагает нас быть умеренными, целомудренными, воздержными и удаляться всякого зла. А после этого, или, лучше сказать - прежде этого, она доставила уже нам и другие очень многие блага. Отсюда венцы мученические, награды апостольские; так оправдался Авель; так оправдался Авраам, принесши на заклание сына; так оправдался Иоанн, умерщвленный за Христа; так оправдались три отрока; так оправдался Даниил. Если и мы пожелаем, то не только смерть, но и сам диавол не сможет повредить нам. Кроме этого, нужно сказать о том, что нас ожидает бессмертие, что после кратковременных вразумлений мы безопасно насладимся будущими благами, будучи приготовлены в настоящей жизни, будучи наставлены, как бы в некотором училище, болезнями, скорбями, искушениями, нищетою

и другими кажущимися нам бедствиями к тому, чтобы сделаться способными к принятию будущих благ.

“**Закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление**” (ст. 20). После того, как (апостол) доказал, что вся вселенная осуждена в Адаме, а спасена и освобождена от осуждения во Христе, он благовременно рассуждает опять о законе, опровергая мнение относительно его. Закон, говорит он, не только не принес никакой пользы и не только не оказал никакой помощи, но с появлением его увеличилась и болезнь. Но слово “**и таким образом**” (ινα) здесь указывает не на причину, а на следствие. Ведь закон не дан для того, чтобы умножился грех, но дан с таким расчетом, чтобы мог уменьшить и истребить преступление; а если случилось противоположное, то не по свойству закона, а по нерадению принявших закон. Для чего же (апостол) не сказал: закон был дан, а говорит: “**закон … пришел**”? Чтобы показать, что нужда в нем была временной, а не главной и важнейшей, о чем (апостол) говорит и в послании к Галатам, хотя мысль эту выражает иначе, а именно: “**До пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того [времени], как надлежало открыться вере**” (Гал. 3:23). Следовательно, закон охранял стадо не для самого себя, а для другого. Так как некоторые иудеи были завистливы, распущены и нерадивы к собственным дарам, ради этого и дан был им закон, который бы сильнее обличал их, ясно показывал, в каком они находятся состоянии, и, увеличив обвинение, сильнее их обуздывал. Но не бойся: все это послужило не к большему наказанию, но к явлению большей благодати. Потому (апостол) присовокупил: “**А когда умножился грех, стала преизобиловать благодать**” (ст. 20). Не сказал: изобиловала, но: “**стала преизобиловать**”. Благодать не только освободила от наказания, но и даровала отпущение грехов, жизнь и другие блага, о которых мы многократно упоминали; это подобно тому, как если бы кто одержимого горячкою не только избавил от болезни, но сделал красивым, сильным и уважаемым, или голодного не только накормил, но и сделал его господином многих владений и возвел на высочайшую степень власти. А каким образом умножился грех? спросишь ты. Закон дал бесчисленные заповеди, а так как люди преступили их все, то грех и умножился. Понял ли ты, какое различие между законом и благодатью? Закон послужил дополнением осуждения, а благодать умножением дара.

4. Сказав же о неизреченной Божией щедрости, (апостол) снова исследует начало и корень как смерти, так и жизни. Что же составляет корень смерти? Грех. Потому он и сказал: “**Дабы, как грех царствовал к смерти, так и благодать воцарилась через праведность к жизни вечной Иисусом Христом, Господом нашим**” (ст. 21). В этих словах (апостол) представляет грех в положении царя, а смерть в положении воина, который находится под его властью и им вооружается. Итак, если грех вооружил смерть, то вполне ясно, что праведность, сообщаемая благодатью и уничтожающая грех, не только обезоруживает смерть, но уничтожает ее и ниспровергает все царство греха, поскольку она сильнее греха, произошла не от человека или диавола, но от Бога и благодати, и ведет жизнь нашу к более совершенному и бесконечному благу; этой жизни даже и конца не будет, из чего ты можешь узнать преимущества благодати. Грех лишил нас настоящей жизни, а явившаяся благодать даровала нам не только настоящую, но и бессмертную и вечную жизнь. Виновником же всего этого был для нас Христос. Потому, имея праведность, не сомневайся касательно жизни: ведь праведность выше жизни, так как она - матерь ее. “**Что же скажем? оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак**” (6:1). (Апостол) опять переходит к нравоучительной речи, но не преимущественно держится ее, чтобы не показаться для многих неприятным и тягостным, а касается ее только в связи с речью о догматах. Если и при таком искусстве в речи он опасался, как бы некоторые не были недовольны его словами, почему и оговаривался: “**Но писал вам, братия, с некоторою смелостью**” (Рим. 15:15), то тем более он показался бы им резким,

если бы не делал этого. Итак, он доказал, что благодать вполне достаточна для уврачевания и великих грехов. Но все же для неразумных эти слова могли показаться побуждением ко греху. Если, могли бы они говорит, благодать явилась в большей мере, когда мы много и согрешили, то не престанем грешить, чтобы обильно являлась и благодать. Чтобы они этого не говорили и не думали, смотри, как (апостол) устраняет их возражение, - сначала запрещением, сказав: "**Никак**", как обыкновенно выражается о чем-нибудь по общему признанию крайне нелепом, а потом приводит неопровержимое доказательство. Какое же? "**Мы умерли для греха: как же нам жить в нем**" (6:2)? Что значит – "**умерли**"? Или то, что все мы подпали тому же приговору, какой произнесен против греха, или то, что мы, уверовавши и просветившись, сделались мертвыми для греха. Лучше принять последнее, как это видно и из дальнейшего. Что же значит - сделаться мертвым для греха? Ни в чем более не слушаться его. Хотя крещение и совершило это однажды, то есть, умертвило нас для греха, но далее мы сами должны постоянно и со всем нашим прилежанием совершенствоваться, так чтобы не слушаться греха, что бы он ни приказывал нам, и оставаться неподвижно, подобно мертвецу. Хотя в других местах (апостол) говорит, что умер самый грех, но там он говорит это, желая показать легкость достижения добродетели; здесь же, чтобы скорее возбудить слушателя, к нему самому относит смерть. Потом, так как сказанное было неясно, то он опять объясняет то же самое, пользуясь выражениями более сильными. "**Неужели не знаете**", братья, **-** говорит он, **-** "**что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак мы погреблись с Ним крещением в смерть**" (ст. 3,4). Что значит: "**крестившиеся … в смерть Его**"? То, что и мы должны умереть, как Он, потому что крещение есть крест. Чем для Христа был крест и гроб, тем для нас стало крещение, хотя и в другом отношении Христос умер и погребен плотью, а в нас умер и погребен грех. Потому (апостол) не сказал: снасаждени смерти, но: "**подобием смерти**". То и другое - смерть, но не в отношении к одному и тому же бытию: во Христе - в отношении к плоти, а в нас - в отношении ко греху. Как во Христе, так и в нас смерть есть истинная. Но хотя грех и истинно в нас умирает, однако же, нужно опять содействие и с нашей стороны. Потому (апостол) присовокупил: "**Дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни**" (ст. 4). Здесь вместе с попечением о жизни (апостол) прикровенно говорит и о воскресении. Как же? Ты, спрашивает (апостол), уверовал тому, что Христос умер и воскрес? Потому верь и собственному воскресению, так как и в этом ты уподобляешься Христу, - и тебе предлежат крест и гроб. Если ты участвовал в смерти и погребении, то тем более будешь участвовать в воскресении и жизни; когда ты освобожден от большего, т. е., от греха, тебе не должно сомневаться в меньшем, т. е., в уничтожении смерти. Но (апостол) пока предоставляет слушателям обсуждать это по собственному разумению, а сам, в ожидании будущего воскресения, требует от нас иного воскресения, именно новой жизни, заключающейся в перемене нравов настоящей нашей жизни. Когда блудник делается целомудренным, корыстолюбец - милосердным, жестокий - кротким, то и в этом заключается воскресение, служащее началом будущего. В каком же смысле это есть воскресение? В таком, что грех умерщвлен, а праведность воскресла, ветхая жизнь упразднилась, а начата жизнь новая и евангельская. А всякий раз, как слышишь о новой жизни, разумей великую перемену и большое превращение.

5. Но мне остается плакать и тяжко воздыхать, когда представлю, с одной стороны, какого великого любомудрия требует от нас Павел, а с другой, какой беспечности мы предали себя, возвращаясь после крещения к прежней старости, поворачивая опять в Египет и вспоминая после манны об египетском чесноке. Чрез десять или двадцать дней по принятии крещения мы уже переменяемся и снова беремся за прежние дела. Павел требует от нас доброго поведения не на известное число дней, а на целую жизнь нашу, мы же возвращаемся на прежнюю блевотину, даже после юности, полученной от благодати,

уготовляя себе прежнюю старость от грехов. Ведь любовь к деньгам, служение гнусным страстям и всякий вообще грех обыкновенно делают старым всякого совершающего их, а ветхое и состарившееся близко к разрушению. Невозможно, подлинно невозможно видеть, чтобы и тело изнемогало от времени так, как портится и ослабевает душа от множества грехов. Она впадает в крайнюю болтливость, говорит невнятно, как старики или безумные, страдает притуплением внешних чувств, поражением членов тела, забывчивостью и гноетечением из глаз, становится отвратительною для людей и вполне пригодной для диавола. Таковы души грешников. Но не таковы души праведников, а юны и бодры, пребывают всегда в полном расцвете возраста, всегда готовы ко всякой борьбе и брани; души же грешников, когда подвергаются и слабому нападению, обыкновенно тотчас падают и погибают. Это выразил пророк, сказав, что "**они - как прах, возметаемый ветром**" (Пс. 1:4), так непостоянны и подвержены всякому нападению живущие во грехах. Они не видят хорошо, не слышат правильно, говорят нераздельно, постоянно заикаются, рот их всегда полон слюны, и хорошо бы - только слюны, это было бы не так отвратительно, но они испускают речи зловоннее всякой грязи, а хуже всего то, что они оказываются не в силах выплюнуть слюну таких речей, но с большим бесстыдством вытаскивают ее рукою и снова растирают ее, так как она сделалась густой и трудноразделимой. Вероятно, вы чувствуете отвращение, слыша мое описание, тем отвратительнее самый предмет. Если неприятно это видеть в теле, то гораздо неприятнее в душе. Таков был тот юноша, который, расточив все свое имущество, дошел до последней порочности, сделавшись расслабленнее всякого больного и помешанного в уме. Но как только он пожелал, вдруг сделался молодым от одного лишь расположения и перемены мыслей. Как только он сказал: возвращусь к отцу моему (Лк. 15:18), одно это слово, или правильнее сказать, не только слово, но и дело, последовавшее за словами, доставили ему все блага. Он не сказал: пойду и - остался, но сказал: пойду и - пошел и совершил весь путь свой. Станем так поступать и мы; если мы будем увлечены на чужую сторону, то возвратимся в отеческий дом и не побоимся продолжительности пути. Если только пожелаем, наше возвращение будет удобно и весьма скоро, оставим только чужую и неродную нам сторону, то есть грех, который далеко отводит нас от родительского дома. Итак, оставим грех, чтобы скорее возвратиться под отеческий кров. Отец любвеобилен и не меньше, а еще больше полюбит нас кающихся, чем угождавших Ему, так как и блудного сына отец удостоил тогда большой чести и сам, нашедши сына, обрадовался в большей мере. Но как мне возвратиться? - говоришь ты. Положи только начало дела, и все уже сделано; остановись в порочной жизни и не иди далее, и - ты уже все получил. Как и с больными и то уже составляет начало улучшения, если не делается им хуже, тоже бывает и в отношении ко злу: не иди далее, и порочные дела придут у тебя к концу. Если ты будешь так поступать в продолжение двух дней, то на третий тебе будет легче воздержаться, а к трем дням ты потом приложишь десять, после - двадцать, потом - сто, потом - и целую жизнь. Чем далее станешь подвигаться вперед, тем легче будет казаться твой путь; наконец, достигнешь самой вершины и тогда сразу насладишься многими благами. Ведь и тогда, когда, возвратился блудный сын, явились свирели, гусли, лики, пиршества и празднества; тот, кто должен был потребовать у сына отчета в безвременной расточительности и в таком продолжительном бегстве, не сделал ничего подобного, но встретил его, как заслужившего похвалу, не сказал ему ни одного укоризненного слова, даже не показал вида, что вспомнил о прежней его жизни, но обнял его, поцеловал, заколол теленка, облек в одежду и много украсил его. И мы, имея такие примеры, сделаемся смелыми, и не будем отчаиваться. Ведь Бог не столько радуется, когда Его называют Владыкою, сколько тогда, когда Его называют Отцем, не столько тогда, когда Он приобретает раба, сколько тогда, когда приобретает сына, и Ему более угодно иметь сына, чем раба. Все, что Он ни делал, Он делал для этого именно, и не пощадил Единородного Своего, чтобы мы получили усыновление, чтобы мы любили Его не только как Владыку, но и как Отца. И если Он достигает этого от нас, то превозносится, как и тот,

кто прославляет Его; всем об этом объявляет, хотя не имеет нужды ни в чем нашем. Это Он делал и с Авраамом, непрестанно повторяя: Я Бог Авраама, Исаака и Иакова. Хотя следовало бы слугам хвалиться этим, но теперь Господин открыто делает это. Потому и Петра спрашивает: "**Любишь ли ты Меня больше, нежели они**" (Ин. 21:15)? показывая, что прежде любви ничего от нас не требует. Потому и Аврааму велел принести сына в жертву, чтобы показать всем, как сильно любит Его патриарх. А желание быть сильно любимым происходит от сильной любви. Потому и апостолам Христос говорил: "**Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня**" (Мф. 10:37).

6. Поэтому, хотя к нам ближе всего душа наша, однако же, Бог ставит ее в отношении любви к Себе на втором месте, так как желает, чтобы мы любили Его выше всякой меры. И мы, когда не сильно к кому-нибудь расположены, от того и не требуем сильной привязанности, хотя бы он был велик и знаменит; когда же кого-нибудь любим горячо и искренно, то, хотя бы любимый человек был прост и незначителен, мы взаимную его любовь считаем для себя величайшею честью. Так и Христос вменил Себе в славу не только быть нами любимым, но и перенести за нас поношение. Но то по одной только Его любви было славою, а что мы переносим ради Него, это поистине может быть названо и действительно есть слава не только по одной любви, но также по величию и достоинству Любимого нами.

Итак, когда мы станем стремиться к величайшим венцам, то не будем считать для себя обременительным и неприятным ни опасности за Него, ни бедность, ни болезнь, ни поругание, ни клевету, ни самую смерть, всякий раз как терпим это за Него, Если будем бодрствовать, из всего этого получим величайшую пользу; а если не будем бодрствовать, то не получим никакой пользы и от противоположных дел. Смотри же: вредит ли кто-нибудь тебе и враждует? Он учит тебя бодрствовать и доставляет тебе случай сделаться подобным Богу. Если ты возлюбишь злоумышляющего против тебя, то уподобишься Тому, Кто "**повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми**" (Мф. 5:45). Другой отнимает от тебя имущество? Если ты великодушно это перенесешь, получишь одинаковую награду с теми, которые роздали все нищим: (апостол) говорит: "**И расхищение имения вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее**" (Евр. 10:34). Кто-нибудь зло отозвался о тебе и укорил тебя? Правда ли это, или ложь, но ты сплел себе величайший венок, если кротко перенес укоризну. Клеветник также доставит нам большую награду, так как сказано: "**Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах… когда будут поносить вас**" (Мф. 5:12,11). А кто говорит о нас правду, опять приносит нам величайшую пользу, если только слова его переносим смиренно. Так, фарисей злословил мытаря и, хотя говорил правду, однако сделал из мытаря праведника. И нужно ли перечислять все отдельные случаи, когда можно в точности узнать все это, вспомнив о подвигах Иова? Потому и Павел сказал: "**Если Бог за нас, кто против нас**" (Рим. 8:31)? Итак, если мы заботливы, то и от неприятного получаем пользу, а если беспечны, то и от полезного не делаемся лучшими. Скажи мне: принесло ли Иуде пользу пребывание вместе с Христом? Полезен ли был иудеям закон? Адаму - рай? Евреям в пустыне - Моисей? Потому, оставив все, должно обратить внимание только на то единственно, чтобы нам благоустроить себя самих; если мы сделаем это, то и сам диавол никогда не в состоянии будет одолеть нас, а принесет нам еще большую пользу, научив нас бодрствовать. Так и Павел побуждал к бдительности ефесян тем, что изобразил лютость диавола. Но мы спим и храпим, притом тогда, когда имеем столь лукавого противника. И если бы мы узнали, что притаилась змея у нашей постели, то, конечно, приложили бы все старание к тому, чтобы убить ее, а когда диавол спрятался в наших душах, то мы думаем, что с нами не происходит ничего худого, а между тем мы уже пали. Причина же этого та, что диавола мы не видим телесными очами, хотя вследствие этого нам следовало бы более

бодрствовать и быть осторожными. Ведь от видимого врага и уберечься можно легко, а от невидимого мы не можем поспешно убежать, если не будем всегда вооружены, тем более, что диавол не умеет сражаться открыто, чтобы тотчас самому не попасться в плен, но часто под видом дружбы впускает жестокий яд свой. Так он поступил с женою Иова, внушив ей под личиною нежной любви предложить свой злой совет; так и беседуя с Адамом он притворяется, что заботится и радеет о нем, и говорит: "**В день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши**" (Быт. 3:5); так Иеффаю, под видом благочестия, внушил умертвить дочь и принести беззаконную жертву. Заметил ли ты козни его? Заметил ли разнообразную его брань? Итак, будь осторожен, оградись отовсюду духовным оружием, постарайся в точности узнать его замыслы, чтобы самому тебе не оказаться пленником, а легко захватить его. Так Павел, в точности зная все ухищрения диавола, одолел его, о чем и сам говорит: "**Нам не безызвестны его умыслы**" (2 Кор. 2:11). Подобным образом и мы постараемся узнать козни диавола и избегать их, чтобы, одержав над ним победу, заслужить похвалу и в настоящей жизни и в будущем веке и получить нетленные блага благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 11

"Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть [соединены] и [подобием] воскресения" (6:5).

1. О чем я говорил уже выше, о том скажу и теперь, а именно, что (апостол в послании к Римлянам) часто переходит к нравоучительному слову не так, как в остальных посланиях, которые он разделяет на две части, и первую назначает для догматического учения, а вторую попечению о нравах; но здесь не так, а попеременно делает это на протяжении всего послания, чтобы слово его было хорошо принято. Итак, он говорит здесь, что существуют два умерщвления и две смерти: одно умерщвление совершается Христом в крещении, а другое должно совершаться нами посредством нашей деятельности после крещения. То, что в крещении погребены прежние наши грехи, составляет Христов дар, а пребывание после крещения мертвыми для греха - это должно быть делом собственного нашего попечения, хотя и здесь, как увидим, всего более помогает нам Бог. Крещение имеет силу не только заглаживать прежние согрешения, но и защищает от будущих. И как для заглаждения прежних грехов ты принес веру, так и для того, чтобы опять не осквернятся грехами после крещения ты должен обнаружить перемену в усердии. Советуя это самое, (апостол) и говорит: "**Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть [соединены] и [подобием] воскресения**". Заметил ли ты, как он возвысил слушателя, возведя его прямо к самому Господу и стараясь доказать большое с Ним подобие. А чтобы ты не стал возражать, апостол не сказал: смерти, но: "**подобием смерти**", так как в тебе не самая сущность умерла, а умер греховный человек, т. е., порочность. Не сказал также (апостол): если мы приобщились подобию смерти, но как говорит? "**Ибо если мы соединены**[1] **с Ним**", намекнув словом - насаждение на плод его в нас. Как Христово тело, погребенное в земле, принесло плод - спасение мира, так и наше тело, погребенное в крещении, принесло плод - правду, освящение, усыновление и бесчисленные блага, а впоследствии принесет и дар воскресения. И так как мы погребены в воде, а Христос в земле, ты в отношении греха, а Он телом, то (апостол) не сказал: снасаждени быхом смерти, но: "**подобием смерти**", потому что хотя то и другое есть смерть, но не в отношении к одному и тому же. "**Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти, -** говорит, **- то должны быть [соединены] и [подобием] воскресения**". Здесь он разумеет будущее воскресение. Так как выше, когда рассуждал о смерти и говорил: "**Неужели не знаете**", братья, "**что все мы, крестившиеся во Христа**

Иисуса, в смерть Его крестились”?, - он ясно ничего не сказал о воскресении, но о жизни после крещения, повелев “**ходить в обновленной жизни**”, то здесь, употребив тоже выражение, предвозвещает уже нам о будущем воскресении. А чтобы ты понял, что (апостол) говорит именно о будущем воскресении, а не о воскресении в крещении, он, сказав: “**Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его**”, - не сказал, что и подобию воскресения снасаждени будем, но просто – и воскресения будем. Чтобы ты не возразил: "если мы не умерли, как умер Христос, то как же мы воскреснем, как Он воскрес?" - апостол, когда упомянул о смерти, не сказал: снасаждени смерти, но – “**подобием смерти**”, а когда говорит о воскресении, не сказал: подобию воскресения, но и самого воскресения будем. И опять не сказал: были, но: “**должны быть**”, указывая и этими словами не на бывшее уже, но будущее воскресение. Потом, желая сделать свою речь достоверной, он указывает на другое воскресение, совершающееся здесь прежде будущего, чтобы ты по настоящему уверовал и в будущее. Сказав именно, что “**должны быть [соединены] и** [подобием] **воскресения**”, присовокупил: “**Зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное**” (ст. 6). Здесь (апостол) представил вместе причину и доказательство будущего воскресения; и он не сказал: распятся, но: “**распят с Ним**”, сближая крещение и крест. Так и выше говорил: “**Мы соединены с Ним подобием смерти Его…, чтобы упразднено было тело греховное**” , называя так не это наше тело, но всю порочность. Как именем ветхого человека он называет вообще все зло, так телом ветхого человека опять называет зло, слагающееся из разных видов порока. И что сказанное - не мое предположение, послушай, как сам Павел объясняет это далее. Сказав: “**Чтобы упразднено было тело греховное**”, он присовокупил: “**дабы нам не быть уже рабами греху**” (ст. 6). Желаю, чтобы тело было мертво, но не в том смысле, чтобы оно разрушилось и погибло естественною смертью, а в том, чтобы не грешило. И дальше (апостол) еще более разъясняет это, говоря: “**ибо умерший освободился от греха**” (ст. 7). Это (апостол) говорит о всяком человеке, потому что как умерший освобожден от греха уже тем самым, что лежит мертв, так и вышедший из крещения: он однажды уже умер, поэтому ему должно навсегда оставаться мертвым для греха.

2. Итак, если ты умер в крещении, оставайся мертвым, потому что всякий умерший не может уже грешить; а если ты грешишь, то уничижаешь дар Божий. Таким образом, потребовав от нас столь высокого любомудрия, (апостол) немедленно указывает и на награду, говоря: “**Если же мы умерли со Христом**” (ст. 8). Хотя быть в общении с Владыкою прежде всякой иной награды само по себе есть уже величайший венец, но, кроме его, говорит (апостол), я предлагаю тебе другую награду. Какую же? Вечную жизнь. “**Веруем, -** говорит он, **- что и жить будем с Ним**” (ст. 8). Откуда же это видно? “**Зная, что Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает**” (ст. 9). Обрати опять внимание на искусство (апостола), как он раскрывает свою мысль от противоположного. Так как крест и смерть естественно приводили некоторых в страх, то он доказывает, что они именно и должны укреплять в надежде. Если Христос умер однажды, говорит (Павел), то не подумай, что Он смертен; напротив, вследствие этого самого Он пребывает бессмертным, так как смерть Его была смертию смерти, и так как Он умер, то и не умирает. Это и есть - “**умер** …**для греха**” (ст. 10). Что значит: “**для греха**”? То есть, Сам по Себе Он не был повинен смерти, а умер за наш грех. Для того Он и умер, чтобы истребить грех, подрезать ему жилы и отнять у него всю силу. Замечаешь ли ты, как (апостол) устрашил? Если Христос не умирает в другой раз, то нет и второго крещения, а если нет второго крещения, то ты не должен иметь склонности ко греху. Все это (апостол) говорит, восставая против думавших: “**Не делать ли нам зло, чтобы вышло добро**”? (Рим.1:3), или: “**Оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать**”? (Рим.6:1). Желая с корнем уничтожить такое мнение, он и высказывает это. “**А что живет, -** продолжает**, - то живет для Бога**” (ст. 10), т. е., непрерывно, так что смерть не имеет уже

над ним власти. Если Христос умер первою смертью, не будучи повинен смерти, а за грех других, тем более не умрет Он ныне, истребивши грех. Тоже самое выразил (Павел) и в послании к Евреям, говоря: “**Однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею. И как человекам положено однажды умереть…, так и Христос, однажды принеся Себя в жертву, чтобы подъять грехи многих, во второй раз явится не [для очищения] греха, а для ожидающих Его во спасение**” (Евр. 9:26-28). Апостол показывает и силу жизни по Богу и могущество греха, - силу жизни по Богу тем, что Христос уже не умрет, а могущество греха тем, что он побудил умереть Безгрешного; следовательно, как же он не погубит тех, которые действительно виновны? Потом, так как (апостол) беседовал о жизни Христовой, то, чтобы кто-либо не сказал: "какое эти слова имеют отношение к нам"? - он присовокупил далее: “**Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога**” (ст. 11). Хорошо сказал – “**почитайте**” (помышляйте), потому что пока невозможно представить видимым образом то, о чем он говорит. О чем же мы должны помышлять, спросишь? “**Себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем**”, т. е., живущий для Бога, достигнет всякой добродетели, имея своим споборником самого Иисуса; это и значит – “**во Христе**”. Если он воскресил нас мертвых, то тем более может поддержать нас, когда мы живем. “**Итак да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему**” (ст. 12). Не сказал (апостол): да не живет, или: да не действует плоть, но: “**да не царствует грех**”, потому что Христос пришел не упразднить природу, но исправить волю. Затем, показывая, что мы удерживаемся во власти порока не силою или по необходимости, но добровольно, (апостол) не сказал: да не господствует, что указывало бы на принуждение, но: “**да не царствует**”. Неуместно было бы руководимым в царствие небесное иметь царем грех и призываемым царствовать со Христом желать сделаться пленниками греха, как нелепо было бы и то, если бы кто-нибудь, снявши с головы диадему, захотел быть рабом безумной женщины, убогой и одетой в рубище. Потом, так как тяжело победить грех, то смотри, как (апостол) и легкость показал, и в труде утешил, сказав: “**в смертном вашем теле**”. Этим он дает понять, что подвиги временны и скоро прекращаются, а вместе напоминает нам о прежних злых делах и о корне смерти, так как сначала тело сделалось смертным чрез грех. Но можно не грешить, имея и смертное тело. Заметил ли ты все богатство Христовой благодати? Адам, еще не имея смертного тела, пал, а ты можешь быть увенчанным, получив в удел тело, подверженное смерти. А каким образом, спросишь, царствует грех? Не собственною силою, но по твоей беспечности. Потому, сказав: “**да не царствует**”, объясняет самый образ этого царствования, присовокупив следующие слова: “**чтобы вам повиноваться ему в похотях его**”. Уступить телу все, даже и власть, не составляет чести, но есть крайнее рабство и верх бесчестия. Когда оно делает, что желает, тогда бывает лишено всякой свободы, а когда встречает препятствия, тогда оно преимущественно сохраняет свое достоинство. “**Не предавайте членов ваших греху в орудия неправды, но … в орудия праведности**” (ст. 13).

3. Итак, тело служит средством и для порока, и для добродетели, подобно оружию, которое у пользующегося им пригодно на дела того и другого рода; так одним и тем же оружием защищаются - и воин, сражающийся за отечество, и разбойник, вооружающийся против граждан; следовательно, вина падает не на оружие, а на того, кто употребляет его во зло. То же самое можно сказать о плоти, которая бывает тем или другим не по собственной природе, а по расположению души. Когда ты с излишним вниманием смотришь на чужую красоту, то оружием неправды бывает глаз не по собственной своей деятельности (потому что глазу свойственно смотреть и не лукаво смотреть), но по лукавству управляющего им помысла; если ты обуздал помысел, то и глаз делается орудием правды. Тоже должно сказать о языке, о руках и всех прочих членах. И апостол хорошо наименовал грех неправдою: кто грешит, тот поступает несправедливо или в

отношении себя самого, или в отношении ближнего, но гораздо больше в отношении себя, чем в отношении ближнего. Итак, отводя от порока, (апостол) ведет к добродетели и говорит: "**Но представьте себя Богу, как оживших из мертвых**" (ст. 13). Смотри, как он побуждает простыми наименованиями, там назвавши грех, а здесь Бога. Указав, как велико различие между царствующими, он лишил всякого извинения того воина, который оставил Бога и пожелал подчиниться царству греха. И не здесь только, но и в следующих словах он раскрывает это, говоря: "**как оживших из мертвых**". Этими словами он показывает гибельность греха и величие Божия дара. Представьте себе, говорит он, каковы вы были прежде и каковы вы стали теперь. Кто же вы были? Мертвецы и погибшие такою гибелью, от которой не было никакой возможности избавиться, потому что не было никого, кто бы мог помочь вам. И какими же вы стали из тех мертвецов? Живущими жизнью бессмертною. Чрез кого? Чрез всемогущего Бога. Итак, справедливо подчиниться Ему с таким усердием, какое свойственно сделавшимся из мертвых живыми. "**И члены ваши Богу в орудия праведности**" (ст. 13). Следовательно, тело не есть что-либо худое, если оно может сделаться оружием правды. Сказав же об оружии, (апостол) возвестил, что наступила тяжкая брань. Потому нам нужны крепкое вооружение, дух мужественный и хорошо сведущий в делах браней такого рода, а всего нужнее вождь. Но вождь уже присутствует, будучи всегда готов для союза с нами, никогда непобедимый; Он приготовил нам и крепкое оружие, требуется лишь от нас согласие употреблять это оружие как должно, под условием и вождю повиноваться, и действовать оружием за отечество. Итак, внушив нам столь великое, напомнив об оружии, битве и бранях, (апостол) опять воодушевляет воина и возбуждает в нем готовность, говоря: "**Грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью**" (ст. 14). А если грех более уже не господствует над нами, то для чего апостол (увещевал) прежде: "**Да не царствует грех в смертном вашем теле, … и не предавайте членов ваших греху в орудия неправды**"? Что значит эта речь? Здесь (апостол) мимоходом высказывает мысль, которую впоследствии должен раскрыть и обработать со всем искусством. Какая же это мысль? Тело наше до пришествия Христова было легко доступно греху. Ведь после смерти в него вошло большое множество страстей и потому оно сделалось крайне неспособным идти путем добродетели. Не было еще ни вспомоществующего Духа, ни крещения, могущего умертвить, но оно бежало, подобно какому-то необузданному коню, и часто грешило, потому что закон, хотя и предписывал, что нужно делать и чего не делать, не давал подвизающимся ничего, кроме словесного увещания. Когда же явился Христос, борьба сделалась легче. Потому нам, как получившим участие в большей помощи, назначены и более трудные подвиги, почему Христос и сказал: "**Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**" (Мф. 5:20). Впоследствии апостол говорит об этом яснее, а пока он здесь кратко намекает на это, показывая, что если мы не слишком подчинились греху, то он нас не одолеет. Ведь не один только закон повелевает, но и благодать, которая простила прежнее, и укрепляет для будущего. Закон обещал венцы после трудов, а благодать сперва увенчала, а потом призвала к подвигам. Но, по моему мнению, здесь разумеется не целая жизнь верующего, а делается сравнение между крещением и законом, о чем (апостол) говорит и в другом месте, что "**буква убивает, а дух животворит**" (2 Кор. 3:6). Закон обличает преступление, а благодать освобождает от него. Как закон, обличая, обнаруживает грех, так благодать, прощая, не позволяет оставаться под грехом, так что ты в двояком отношении бываешь освобожден от власти греха, потому, во-первых, что не находишься под законом, и во-вторых, потому что пользуешься благодатью.

4. Итак, после того как (апостол) успокоил слушателя предыдущими словами, он опять утверждает его, предлагая увещание в виде возражения и говоря так: "**Что же? станем ли грешить, потому что мы не под законом, а под благодатью? Никак**" (ст. 15). Хотя,

сначала (апостол) на предложенный вопрос, как крайне неуместный, отвечает отрицанием, но потом переводит речь на увещание и доказывает, что легкость подвигов велика, говоря так: “**Неужели вы не знаете, что, кому вы отдаете себя в рабы для послушания, того вы и рабы, кому повинуетесь, или [рабы] греха к смерти, или послушания к праведности**” (ст. 16)? Не говорю уже, рассуждает (апостол), о геенне и о тяжком будущем наказании, но о настоящем стыде, когда вы становитесь рабами и притом рабами добровольными, рабами греха, и за такую награду, чтобы снова умереть. Если до крещения грех произвел телесную смерть, и рана потребовала такого врачевания, что Владыка всяческих принял смерть и таким образом разрушил зло, то чего не произведет грех, овладевши тобою, когда после столь великого дара и свободы ты снова и добровольно склонишься под его иго? Итак, не стремись в эту бездну, не предавайся добровольно греху. Во время войн часто воины сдаются и невольно, но здесь никто не победит тебя, если ты сам не сделаешься изменником. Потому, внушив надлежащим образом стыд, (апостол) устрашает и воздаяниями и указывает на возмездия за дела того и другого рода, именно - на праведность и смерть, смерть не телесную, но гораздо более ужасную. В самом деле, если Христос более уже не умрет, то кто разрушит эту смерть? Никто. Следовательно, необходимо вечно терпеть наказание и мучиться, так как не будет уже и чувственной смерти, как здесь, которая дала бы покой телу и разлучила его с душою: “**Последний же враг истребится - смерть**” (1 Кор. 15:26). Отсюда, наказание будет бессмертно. Но не то ожидает повинующихся Богу, а их наградою будет праведность и блага из нее произрастающие. “**Благодарение Богу, что вы, быв прежде рабами греха, от сердца стали послушны тому образу учения**” (ст. 17). Пристыдив рабством, устрашив и побудив воздаяниями, (апостол) опять ободряет (слушателей) напоминанием о благодеяниях. В настоящих словах он показывает, что они освободились от великих зол, что освободились не собственными силами и что будущее более приятно. Подобно тому, как кто-нибудь, освободивши пленника от жестокого мучителя и убеждая не возвращаться к нему, напоминает об ужасной его власти, так и Павел весьма ясно изображает минувшие бедствия, говоря и о благодарении Богу. Нужна была не человеческая сила, говорит он, чтобы освободить нас от всех тех зол; но благодарение Богу, Который восхотел и возмог избавить нас. И прекрасно сказал (апостол): “**от сердца стали послушны**”, т. е., вы не подверглись принуждению или насилию, но добровольно, по собственному расположению отстали от греха. В этом заключается как похвала, так вместе и упрек. Если вы пришли добровольно и не подверглись никакому принуждению, то какое вы можете иметь извинение и какое оправдание, когда возвратитесь опять на прежнее? А потом, чтобы ты познал, что все это зависело не от их только расположения, но и от Божией благодати, апостол, сказав: “**От сердца стали послушны**”, присовокупил: “**тому образу учения, которому предали себя**”. Послушание от сердца показывает свободную волю, а слово – “**предали себя**” намекает на помощь Божию. Какой же образ учения? Жить правильно и осмотрительно. “**Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности**” (ст. 18). (Апостол) указывает здесь на два Божия дара: на освобождение от греха и порабощение правде, которое лучше всякой свободы. Бог поступил так же, как поступает, например, тот человек, который, взявши сироту, уведенного варварами в их землю, не только освободил его от плена, но заменил ему собою попечительного отца и возвел его в весьма высокое достоинство. Подобное случилось и с нами. Бог не только освободил нас от древних зол, но привел в ангельскую жизнь, уравнял нам путь к совершеннейшей добродетели, после того как отдал нас под защиту праведности, убил древнее зло, умертвил ветхого человека и руководил нас к бессмертной жизни. Итак, пребудем в этой жизни, как действительно живые, потому что многие, хотя по видимому и дышат, и ходят, однако же, находятся в состоянии более жалком, чем мертвые.

5. Ведь существуют различные роды мертвенности: есть мертвенность телесная, по которой Авраам, будучи мертв, не был мертвым, как и сказано: “**Бог не есть Бог мертвых, но живых**” (Мф. 22:32); есть мертвенность душевная, которую разумел Христос, говоря: “**Предоставь мертвым погребать своих мертвецов**”. (Мф. 8:22); есть и другая мертвенность, достойная похвалы, происходящая при посредстве любомудрия, о которой говорит Павел: “**Умертвите земные члены ваши**” (Кол. 3:5); наконец, есть мертвенность, производящая предыдущую и бывающая в крещении, как сказано: “**Ветхий наш человек распят**” (Рим. 6:6), т. е. умерщвлен. Итак, зная это, станем избегать того умерщвления, по которому мы, и будучи живыми, умираем, и не станем бояться того, по которому наступает общая смерть. А два другие рода умерщвления, из которых одно есть блаженное и дано Богом, а другое похвально и зависит как от нас, так и от Бога, мы и изберем и с ревностью станем осуществлять. Одно из этих двух умерщвлений Давид ублажает, говоря: “**Блажен, кому отпущены беззакония**” (Пс. 31:1), а другое восхваляет Павел, говоря в послании к Галатам: “**Те, которые Христовы, распяли плоть**” (Гал. 5:24). Из другой же пары умерщвлений одно Христос называет достойным пренебрежения, говоря: “**Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить**”, а другое - страшным, говоря: “**Бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне**” (Мф. 10:28). Итак, избегая геенны, изберем для себя то умерщвление, которое ублажается и восхваляется, чтобы из других двух мертвенностей одной избегать, а другой бояться. Нет для нас никакой пользы видеть солнце, есть и пить, если жизнь наша не ознаменуется добрыми делами. В самом деле, скажи мне, какая польза, если царь облекся в порфиру, имеет при себе оружие, но не управляет ни одним подданным, а доступен всем, желающим оскорбить его и обидеть? Так и для христианина не будет никакой пользы, если он, имея веру и дар крещения, окажется подвержен всем страстям; в таком случае и обида будет больше, и стыд сильнее. Как царь, облеченный в диадему и багряницу, не только такою одеждою не прибавляет к своей чести, но собственным стыдом бесчестит ее, так и верующий, если ведет порочную жизнь, не только не внушит этими никакого к себе почтения, но еще сделается более смешным. “**Те, которые, не [имея] закона, согрешили, -** говорит (апостол), **- вне закона и погибнут; а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся**” (Рим. 2:12). И в послании к Евреям он говорил: **“[Если] отвергшийся закона Моисеева, при двух или трех свидетелях, без милосердия [наказывается] смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия**” (Евр. 10:28,29)? И вполне естественно, так как Я, говорит (Христос), чрез крещение покорил тебе все страсти. Отчего же случилось, что ты оскорбил столь великий дар и сделался вместо одного другим? Я умертвил и похоронил прежние грехи твои, как червей, - зачем же ты породил другие? Ведь грехи хуже червей: черви точат тело, а грехи повреждают душу и производят большее зловоние. Но мы не чувствуем этого, а потому и не спешим очистить душу. Ведь и пьяный не замечает дурного запаха от испорченного вина, а непьяный хорошо это ощущает. Так и в отношении грехов - живущий целомудренно с точностью примечает их зловоние и нечистоту, а предавший себя пороку, как бы страдая головою вследствие какого-то опьянения, не чувствует даже и того, что он болен. Самое ужасное действие порока состоит в том, что впавшим в него он не дает видеть всю опасность собственной гибели, напротив, валяясь в грязи, они воображают, будто наслаждаются благоуханиями, потому-то они и не могут освободиться, а будучи полны червей, гордятся, точно украшены драгоценными каменьями. Они даже и не желают истребить их, но откармливают и разводят в самих себе до тех пор, пока не передадут их червям будущего века, так как здешние - приспешники будущих, а лучше - не только приспешники, но родоначальники тех, никогда не умирающих червей, по сказанному: “**Червь их не умирает**” (Мк. 9:44). Они-то возжигают и геенну, никогда не угасающую. Итак, чтобы этого не было и с нами, иссушим источник зол, угасим пещь, исторгнем снизу корень порока, так как, если худое дерево срубишь поверх земли, никакой не сделаешь пользы,

потому что снизу останется корень порока, из которого опять пойдут худые отпрыски. Что же составляет корень зла? Узнай об этом от доброго садовника, который в точности знает это, ухаживает за духовным виноградником и возделывает целую вселенную. Что же называет он причиною всех зол? Страсть к деньгам. “**Ибо корень всех зол**, **-** говорит он, **- есть сребролюбие**” (1 Тим. 6:10). Отсюда битвы, вражда и войны; отсюда ссоры, брани, подозрения и обиды; отсюда убийство, воровство и гробокопательство; вследствие сребролюбия не только города и области, но дороги, места обитаемые и необитаемые, горы, леса, овраги, словом - все полно крови и убийств. Зло это не щадит и моря, но и там неистовствует со всем бешенством, так как морские разбойники постоянно совершают здесь нападения и изобретают новые способы грабежа. Вследствие сребролюбия извратились законы природы, поколебались союзы родства, рушились права самого бытия.

6. Власть денег вооружила руки не только против живых, но и против умерших; с сребролюбцами нельзя примириться и при посредстве смерти, но они, разломавши гробницы, простирают злодейские руки и к мертвым телам и освободившегося от жизни не освобождают от злых своих умыслов. Что бы ты ни встретил худого, в доме ли, или на торжище, в судах или в правительственных местах, в царских чертогах или где бы то ни было, ты можешь заметить, что все зло возникло из сребролюбия. Это именно, это зло наполнило все кровью и убийствами, оно возожгло пламень геенны, оно сделало так, что города стали ничем не лучше, но даже гораздо хуже пустыни. От тех, которые производят грабежи на дорогах, можно еще уберечься, так как они не всегда нападают; а те, которые делают тоже самое среди городов, настолько хуже первых, насколько труднее от них уберечься, так как они со всею дерзостью отваживаются на такие дела, какие первые производят скрытно. Сребролюбцы, привлекши к союзу с собою те законы, которые постановлены с целью упразднения их лукавства, наполнили города множеством убийств и преступлений. Скажи мне, не убийство ли и не хуже ли еще убийства - предать нищего голоду, ввергнуть его в тюрьму и вместе с голодом подвергнуть его и мукам и бесчисленным истязаниям. Хотя ты не сам все это делаешь, но служишь причиною этого дела и совершаешь его больше тех, которые тебе служат. Убийца однажды вонзает меч и, причинив кратковременную боль, не продолжает далее мучений; а ты, делая своими клеветами, оскорблениями и злоумышлениями и самый свет для него тьмою и заставляя тысячу раз желать смерти, подумай, сколько причиняешь ему смертей вместо одной. И хуже всего то, что ты грабишь и лихоимствуешь не потому, что тебя угнетала нищета и понуждал голод, но для того, чтобы больше вызолотить узду у коня, кровлю на доме и капители у столбов. И какой не может быть достойно геенны все это, когда ты брата, который вместе с тобою сделался участником неизреченных благ и столько почтен от Владыки твоего, ввергаешь в бесчисленные бедствия, чтобы украсить камни, помост и бессловесных животных, не сознающих этого украшения? И собака у тебя на большом попечении, а человек или, лучше сказать, Христос, ради собаки и всего сказанного осуждается на крайний голод. Что хуже такого безразличия? Что ужаснее такого беззакония? Сколько будет потребно огненных рек для такой души? Сотворенный по образу Божию стоит обесчещен вследствие твоего бесчеловечия, а головы мулов, везущих твою жену, сияют обильным золотом, а также - покровы и деревянные принадлежности балдахина; если нужно сделать стул или подножие, все делается из золота и серебра; а тот, для кого Христос сошел с неба и пролил драгоценную кровь, вследствие твоего корыстолюбия, не имеет у себя самой необходимой пищи. Твои ложа отовсюду обложены серебром, а тела святых лишены и необходимого покрова; для тебя Христос маловажнее всего - и слуг, и мулов, и ложа, и стула, и подножия. Не говорю уже о других бесчестнейших вещах, предоставляя вам самим подумать о том. Если же ты, слыша это, приходишь в ужас, то перестань так поступать и сказанное нисколько тебе не повредит. Перестань, удержись от этого безумия. Явное ведь безумие заботиться об этом. Потому,

оставив это, возведем, наконец, когда-нибудь свои взоры на небо, вспомним о будущем дне, помыслим о страшном суде, о строгом отчете, о неподкупном приговоре; помыслим, что Бог все это видит, и однако же, не посылает на нас молний свыше, хотя дела наши не молний только достойны. Но Он и этого не делает, ни моря на нас не воздвигает, ни земли в средине не разверзает, ни солнца не погашает, ни небу со звездами не повелевает пасть, словом сказать, ничего не изменяет, но оставляет, чтобы вся тварь оставалась в порядке и служила нам. Итак, помыслив об этом, возблагоговеем пред величием Его человеколюбия и возвратимся к своему благородству, потому что ныне мы являемся нисколько не лучше, но еще хуже бессловесных. И они любят сродное с ними и довольствуются общностью природы для взаимной склонности друг к другу.

А ты, имея кроме общей природы еще тысячи побуждений быть в тесном союзе с собственными своими членами, именно - одарение разумом, участие в благочестии, общение в бесчисленных благах, сделался однако грубее бессловесных животных, обнаруживаешь большую заботу о вещах бесполезных, и пренебрегаешь храмами Божиими, которые погибают от голода и наготы, даже часто сам подвергаешь их тысячам бедствий. Если ты поступаешь так из славолюбия, то надлежало бы тебе позаботиться о брате больше, чем о лошади. Ведь тем лучше пользующийся твоим благодеянием, тем прекраснее сплетается тебе венец за твое усердие; а теперь, поступая совершенно иначе, ты не чувствуешь, что вооружаешь против себя тысячи обвинителей. Кто не скажет о тебе худо? Кто не обвинит тебя в крайней жестокости и человеконенавистничестве, видя, что ты унижаешь человеческий род и ценишь бессловесных выше людей, а вместе с бессловесными и свой дом и домашнюю утварь? Разве ты не слышал, как апостолы говорили, что первые, принявшие учение, продавали дома и имения, чтобы кормить братий? А ты и у других отнимаешь дома и угодия, чтобы украсить лошадь, деревья, покровы, стены, помост. А хуже еще то, что не только мужчины, но и женщины страдают этим безумием, вовлекают мужчин в большие напрасные труды и весьма часто принуждают их тратиться на все пустое больше, чем на необходимое. А если кто-нибудь обличает их в этом, они выдумывают оправдание, достойное всякого осуждения. И то, и это бывает, говорят они. Что ты говоришь? Неужели ты не боишься это произносить, ставя алчущего Христа наряду с лошадьми, мулами, ложами и подножками, а лучше сказать и не наряду, но большую часть ты отдаешь другим, а Христу уделяешь едва и малую долю. Разве ты не знаешь, что все принадлежит Ему - и ты сам, и все, что у тебя? Разве не знаешь, что Он образовал тело, даровал душу, дал в удел весь мир? А ты не даешь взамен этого и малого воздаяния. Если ты отдаешь в наем и небольшой домик, то с большой точностью требуешь за него плату; а теперь, пользуясь всем творением Божиим и обитая в столь великом мире, не соглашаешься заплатить и малой цены, но и самого себя и все, что имеешь, отдал в жертву тщеславию, от которого все это и зависит. Ведь конь, украшенный таким нарядом, не может от этого сделаться лучше в своем достоинстве, а также и сидящий на коне человек, который иногда даже теряет в своем достоинстве. Ведь многие, оставив без внимания седока, обращают взоры на убранство коня, на слуг, идущих спереди и сзади и важно выступающих, а того, кого они сопровождают, многие ненавидят и смотрят, как на общественного врага. Этого не бывает, когда ты украшаешь свою душу, но и люди, и ангелы и сам Владыка ангелов - все сплетают тебе венец. Таким образом, если любишь славу, удержись от того, что делаешь ныне, и не дом, но душу украшай, чтобы сделаться знаменитым и славным; теперь же ничего не может быть ниже тебя, выставляющего на показ красоту дома и имеющего совершенно пустую душу. Если же ты не выносишь слов моих, послушай, что сделал один из язычников, и постыдись их любомудрия. Рассказывают, что один из них, войдя в великолепный дом, блиставший обильным золотом и сиявший красотою мраморов и колонн, когда увидел, что весь пол в доме устлан коврами, плюнул в лице хозяину дома. Потом, в ответ на упрек, он сказал, что, так как ни на каком другом месте дома нельзя

было этого сделать, он и вынужден был нанести обиду лицу хозяина. Видишь ли, как смешен человек, украшающий наружность, и как презирает его всякий, у кого только есть ум? И вполне справедливо. Ведь если бы кто-нибудь заставил жену твою ходить в рубище и быть в пренебрежении, а служанок одел в пышные одежды, то ты, конечно, не перенес бы этого равнодушно, но разгневался и такой поступок назвал бы крайней обидой. Так помышляй и о душе. Когда ты украшаешь стены, пол, домашнюю утварь и все прочее, но не подаешь щедрой милостыни, не упражняешься и в других делах любомудрия, тогда и ты поступаешь точно также и даже гораздо хуже. Ведь между рабою и госпожою нет различия, но между душою и плотью - большое; а если между душою и плотью велико различие, то гораздо больше между душою и домом, между душою и ложем и подножкой. Итак, какого извинения ты можешь быть достоин, когда все это богато покрываешь серебром, а не обращаешь внимания на то, что душа твоя одета в рубище, неопрятна, томится голодом, покрыта ранами и терзается тысячами псов, и когда при всем этом ты еще думаешь хвалиться украшением наружных вещей? Это верх безумия - величаться такими делами тому, кто осмеян, поруган, обезображен, обесчещен и подпал самому ужасному наказанию. Потому умоляю, размыслив обо всем этом, наконец, отрезвимся, придем в себя и это украшение вовне перенесем на душу. Тогда такое украшение пребудет прочным, а нас соделает равными ангелам и доставит нам непреложные блага, которых да будет дано достигнуть всем нам, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Буквальный перевод "со-насаждены".

БЕСЕДА 12

“Говорю по [рассуждению] человеческому, ради немощи плоти вашей. Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на [дела] беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на [дела] святые” (6:19).

1. Так как (апостол) потребовал (от римлян) большой строгости в жизни, повелевая им быть мертвыми для мира, умереть пороку и пребывать твердыми в отношении к действию грехов, и так как казалось, что он говорит нечто великое и тяжелое, даже превосходящее человеческую природу, потому, желая доказать, что он не требует ничего чрезмерного и даже не столько, сколько следовало бы от человека, воспользовавшегося столь великим даром (благодати), но и очень соразмерное с человеческими силами и легкое, - он раскрывает это от противного и говорит: “**Говорю по [рассуждению] человеческому**”, то есть: он как бы говорил по человеческим соображениям, применительно к тому, что обыкновенно бывает; словом – “**по [рассуждению] человеческому**” он обозначает соразмерность (требования с силами), как и в другом месте говорит: “**Вас постигло искушение не иное, как человеческое**” (1 Кор. 10:13), то есть - соразмерное с силами и малое. “**Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на [дела] беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на [дела] святые**”. Хотя велико различие между господами, но однако, (апостол) требует равномерного им служения. Надлежало бы предложить гораздо больше и настолько больше, насколько господство правды обширнее и лучше владычества греха, тем не менее (говорит апостол), ничего больше не требую, вследствие вашей “**немощи**”. И не сказал: по немощи вашей воли или усердия, но: по немощи “**плоти вашей**”, чтобы сделать речь менее неприятной. Но иное - нечистота, а другое - святыня, иное - беззаконие, а другое -

правда. И кто настолько жалок и беден, чтобы не внести такую же ревность в служение Христу, с какою служил греху и диаволу? Выслушай, однако, что (говорит апостол) дальше, тогда ясно узнаешь, что мы не приносим и этого малого. Так как сказанное таким образом казалось просто невероятным и неправдоподобным, и никто не согласился бы и слышать, что он не служит Христу столько же, сколько служил диаволу, то (апостол) следующими словами раскрывает это и доказывает достоверность, выводя на средину самое рабство и говоря, как служили греху. "**Ибо, когда вы были рабами греха, -** говорит (апостол), **- тогда были свободны от праведности**" (Рим. 6:20). Это имеет такой смысл: когда вы жили в пороке, нечестии и ужасном зле, то вы жили с таким повиновением греху, что вовсе не делали ничего доброго. Это и есть – "**были свободны от праведности**", то есть, вы не были подчинены правде, но были совершенно чужды ей. Вы не разделяли дело служения между правдой и грехом, но всецело предали себя пороку. Потому и ныне, так как вы отложились к правде, всецело предайте самих себя добродетели, вовсе не делая ничего худого, чтобы выполнить хотя бы равную меру. Но не только нет сходства во владычестве, но и в самом рабстве существует большое различие; это самое (апостол) и раскрывает с большою ясностью и показывает, в чем состояло рабство прежде и в чем состоит теперь. И еще не говорит о вреде, происходившем от этого дела, а пока об одном позоре. "**Какой же плод вы имели тогда? [Такие дела], каких ныне сами стыдитесь**" (ст. 21)? Рабство было таково, что и одно воспоминание о нем приносит теперь стыд. А если воспоминание заставляет стыдиться, то тем более самое дело. Таким образом, вы теперь получили двоякую пользу: освободились от стыда и узнали, в каком состоянии вы были; равно, как тогда терпели двоякий вред: делали достойное стыда и не сознавали стыда; это еще хуже первого, и однако, вы оставались в рабстве. Достаточно доказав таким образом вред прежних деяний на основании стыда, (апостол) переходит к самому последствию. Какое же это последствие? "**Конец их - смерть**" (ст. 21). Так как стыд кажется еще не слишком тягостным бременем, (апостол) переходит к наиболее ужасному, то есть, смерти, хотя достаточно было и сказанного выше. Размысли же, какова чрезмерность зла, когда, освободившись от наказания, не могли избавиться от стыда. Какой награды тебе ожидать за такое дело, от которого покрываешься стыдом и краснеешь при одном воспоминании, хотя ты уже избавился от наказания и пользуешься обилием благодати? Но не таково рабство Богу. "**Но ныне, -** продолжает (апостол), **- когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец - жизнь вечная**" (ст. 22). Плодом прежних дел, даже по освобождении, был стыд, а плодом нынешних - освящение, а где освящение, там много и упования. Концом тех дел была смерть, а концом нынешних - жизнь вечная.

2. Заметил ли ты, что (апостол) на одно указывает, как на данное, а на другое, как на ожидаемое? Но по данному бывает уверенность в ожидаемом, по освящению - в жизни. И, чтобы не мог ты сказать, что все есть только ожидаемое, (апостол) доказывает, что ты и здесь уже получил плод: во-первых, освободился от порока и от тех худых дел, о которых одно воспоминание приводит в стыд; во-вторых, поработился правде; в-третьих, получил освящение; в-четвертых, достиг жизни, и жизни не временной, но вечной. Но при всем том, говорит (апостол), послужите Богу хотя бы в той же мере, в какой служили греху. Несмотря на то, что Владыка имеет несравнимое превосходство, и разность как в самом служении, так и в наградах, за которые вы служите, велика, я пока ничего больше не требую. Потом, так как он упомянул об оружии и о царе, то продолжает иносказание и говорит: "**Ибо возмездие за грех - смерть, а дар Божий - жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем**" (ст. 23). Сказав, что смерть есть возмездие за грех, (апостол) не сохранил подобного порядка и в отношении к делам добрым и не сказал: награда за ваши заслуги, но – "**дар Божий**", показывая, что мы освободились не сами собою и получили не долг, не награду, не воздаяние за труды, но все это произошло по благодати. И отсюда видно преимущество благодати, потому что она не только освободила нас и не только

привела к лучшему, но и совершила все это без наших усилий и трудов; она не только освободила, но даровала гораздо больше, - даровала чрез Сына. Все это указал (апостол), так как и о благодати беседовал и должен был отвергнуть закон. А чтобы то и другое не расположило к большей беспечности, он вставил учение о строгости жизни, постоянно побуждая слушателя к заботе о добродетели. Также и тем, что смерть назвал оброком греха, он опять хочет устрашить и утвердить относительно будущего. Чем приводит (слушателям) на память прежнее, тем же побуждает их к благодарности и укрепляет против всего, что бы ни встретилось. Итак, окончив здесь нравоучение, (апостол) возвращается к догматам и говорит: "**Разве вы не знаете, братия (ибо говорю знающим закон)**" (7:1). Так как он сказал, что мы умерли для греха, то доказывает здесь, что не только грех, но и закон не имеет уже над нами власти. А если закон не имеет власти, тем более грех. И желая сделать речь приятною, объясняет это примером, взятым из человеческой жизни. И кажется, что он говорит об одном, а предлагает два доказательства предмета: первое - то, что жена по смерти мужа не подлежит закону, касающемуся этого мужа, и ей не возбранено стать женою другого; а второе - то, что в настоящем случае не только муж умер, но и жена, так что можно пользоваться двойною свободою. Если по смерти мужа она освободилась от власти, то тем более она стала свободною, когда и сама оказалась умершею. Если одно обстоятельство освобождает ее от власти, тем более оба обстоятельства вместе. Итак, приступая к изложению доказательства относительно этого, (апостол) начинает речь с похвалы слушателям и говорит: "**Разве вы не знаете, братия (ибо говорю знающим закон)**", то есть, говорю о деле весьма известном и ясном, говорю людям, знающим все это в точности, "**что закон имеет власть над человеком, пока он жив**" (7:1). Не сказал: над мужем или женою, но: "**над человеком**", так как это имя принадлежит обоим. "**Ибо умерший, -** говорит, **- освободился от греха**" (6:7). Следовательно, закон положен для живых, а на мертвых не простирается. Замечаешь ли, как он изобразил двоякую свободу? Потом; сделав на это намек в начале, он в доказательстве ведет речь о жене, говоря так: "**Замужняя женщина привязана законом к живому мужу; а если умрет муж, она освобождается от закона замужества**. **Посему, если при живом муже выйдет за другого, называется прелюбодейцею; если же умрет муж, она свободна от закона, и не будет прелюбодейцею, выйдя за другого мужа**" (7:2,3). (Апостол) раскрывает это часто и с большою точностью, потому что твердо уверен в доказываемой им истине. И под именем мужа он разумеет закон, а под именем жены всех верующих. А потом, заключение он выводит не согласно с предыдущим. Следовало бы сказать: таким образом, братья мои, закон не будет иметь над вами власти, так как он умер. Но он не сказал так, но в предыдущем намекнул на это, а в заключении, чтобы сделать свою речь не оскорбительной для иудеев, представляет жену уже умершею и говорит: "**Так и вы, братия мои, умерли для закона**" (ст. 4). Если как то, так и другое обстоятельство дает одинаковую свободу, то, что препятствует угождать закону, коль скоро это дело не приносит никакого вреда? "**Замужняя женщина привязана законом к живому мужу**". Где теперь находятся клеветники закона? Пусть они услышат, как (апостол), находясь и в необходимости, не лишает его достоинства, но с уважением отзывается о его власти, говоря, что если закон жив, то иудей привязан к нему, и что являются прелюбодеями те, которые преступают и оставляют закон при жизни его; а если кто оставит его после смерти, то это нисколько не странно, потому что и у людей поступающий так не подлежит осуждению. "**А если умрет муж, она освобождается от закона замужества**".

3. Замечаешь ли, как этим примером он показывает, что закон умер? Но не в заключении он это высказывает. "**При живом муже … называется прелюбодейцею**". Смотри, как он настойчив в обвинениях нарушителей живого закона. Так как закон перестал существовать, то, без всякого опасения, можно заменить его верою, нимало этим его не оскорбляя. "**Если при живом муже**", **-** говорит (апостол), **-** жена "**выйдет за другого,**

называется прелюбодейцею. …Так и вы, братия мои” - следовало бы сказать: так как закон умер, вы не виновны в прелюбодеянии, вышедши за другого мужа; но апостол не сказал так, но как? – “**умерли для закона**”. Если вы сделались мертвыми, то не находитесь под законом. Если жена, по смерти мужа, не подлежит ответственности, тем более она свободна от этого, когда умрет сама. Заметил ли ты мудрость Павла, как он доказал, что по воле закона можно разлучиться с законом и стать женою другого мужа. Закон не запрещает, говорит он, по смерти первого мужа выходить за другого. Да и как запретит, когда и при жизни мужа позволяет жене выходить за другого, если она получила разводную? Впрочем, (апостол) не упоминает о том, что служило преимущественно виною женщин, потому что хотя это и было позволено, но однако, не было совершенно свободно от обвинения. А когда (апостол) имеет возможность одержать победу с помощью необходимого и всеми признанного, тогда он не ищет излишних доказательств, потому что и не имеет в них нужды. Итак, удивительно то, что сам закон освобождает нас от вины, в случае отступления от него, так что его есть воля, чтобы мы принадлежали Христу. И сам закон умер, и мы умерли, и права власти вдвойне уничтожены. Но (апостол) не довольствуется одним только этим, но прибавляет и причину; он не просто упомянул о смерти, но опять прибавил, что это совершил крест, и таким образом сделал нас повинными. Он не просто говорит: вы освободились, но: смертью Владыки. Именно сказано: “**Умерли для закона телом Христовым**”. И убеждает не отсюда только, но также превосходством второго мужа, прибавив: “**Чтобы принадлежать другому, Воскресшему из мертвых**”. Потом, чтобы не возразили: "что же? а если мы не желаем выйти за другого мужа? ведь закон не признает прелюбодейцею вдову, вступающую во второй брак, однако же и не принуждает к новому союзу", - чтобы этого не говорили, (апостол) и доказывает, что мы должны желать нового союза вследствие того, что уже сделал для нас Христос. Это самое он яснее выразил в другом месте, говоря: “**Вы не свои**”**;** и: “ **Вы куплены [дорогою] ценою**”, и еще: “**Не делайтесь рабами человеков**” (1 Кор. 6:19,20; 7:23); и еще: “**Один умер за всех …, чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них**” (2 Кор. 5:14,15). То же самое он разумел и здесь, сказав: “**телом**”. Потом (апостол) убеждает высокими надеждами, говоря: “**Да приносим плод Богу**”. Тогда вы приносили плод смерти, а теперь Богу. “**Ибо, когда мы жили по плоти, тогда страсти греховные, [обнаруживаемые] законом, действовали в членах наших, чтобы приносить плод смерти**” (Рим. 7:5). Видишь ли ты, какой плод от первого мужа? И (апостол) не сказал: когда были мы под законом, - всячески избегая дать какой-нибудь повод еретикам, но говорит: “**Когда мы жили по плоти**”, то есть в худых делах, в плотской жизни. Не то он разумеет, что доселе они были во плоти, а теперь ходят, сделавшись бесплотными. Сказавши это, он и не говорит, что закон был причиною грехов, и не избавляет его от ненависти, так как закон занимал положение строгого обличителя, обнаруживая грехи; а кто человеку, нерасположенному повиноваться, дает большие повеления, тот увеличивает и преступление. Потому (апостол) не сказал: страсти греховные, бывающие под законом, но говорит: “**[обнаруживаемые] законом**” (δια του νομου), даже не присовокупил: бывающие, но просто: “**законом**”, то есть законом обнаруживаемые или познаваемые. Потом, чтобы не обвинить и плоти, не сказал: страсти, которые производимы были членами, но: “**действовали в членах наших**”, показывая, что в человеке есть иное начало порочности, зависящее не от управляемых членов, а от действующих помыслов. Душа занимала положение художника, а природа плоти была как бы гуслями и звучала так, как заставлял художник. Потому нестройную игру нужно вменять не гуслям, а художнику. “**Но ныне, -** продолжает (апостол), **- умерши для закона, которым были связаны, мы освободились от него**” (ст. 6). Видишь ли, как он опять щадит здесь и плоть, и закон? Не сказал - упразднился закон, или - упразднилась плоть, но – “**мы освободились**”. Но когда же “**освободились**”? Когда ветхий человек, одержимый грехом, умер и погребен. Это и выразил (апостол), сказав: “**умерши для закона, которым были связаны**”. Этим он как бы сказал: узы, державшие нас, истлели и

порвались, так что держащему, то есть греху, нечего стало держать. Но ты не падай, не предавайся большей беспечности; ты для того освободился, чтобы снова служить, не по-прежнему, но "**чтобы нам служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве**". О чем же говорит здесь (Павел)? Необходимо раскрыть это, чтобы не приходить уже в смущение всякий раз как встретимся с подобным выражением. Когда Адам согрешил, говорит (апостол), тело его сделалось смертным и страстным, в нем обнаружилось множество природных недостатков, оно стало упрямым и необузданным конем; но Христос, пришедши, посредством крещения сделал тело для нас более легким, подняв его крылом Духа.

4. Потому нам и предстоят подвиги неодинаковые с подвигами древних, так как тогда был не так удобен путь. Потому (Христос) и требует от нас не только быть чистыми от убийства, как требовалось от древних, но даже быть чистыми от гнева, предписывает нам воздерживаться не только от прелюбодеяния, но и от похотливого взгляда, не только не нарушать клятвы, но и не клясться, и повелевает нам любить вместе с друзьями и врагов; и во всем прочем Он назначил нам более длинные пути для упражнений, в случае же неповиновения угрожает геенною, показывая, что требуемое Им не предоставляется ревности подвизающихся, как девство и нестяжательность, но непременно должно быть исполнено. Заповеданное Христом необходимо и обязательно, и не исполнивший этого подвергается крайнему наказанию. Потому и сказал Он: "**Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**" (Мф. 5:20). А кто не увидит царства, тот неминуемо впадет в геенну. Потому и Павел как выше говорил: "**Грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью**" (Рим. 6:14), так и теперь говорит: "**Чтобы нам служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве**". Теперь не буква осуждающая, то есть, Ветхий Закон, но Дух вспомоществующий. Потому для древних казалось весьма удивительным, если кто-нибудь соблюдал девство; а теперь это явление распространилось повсюду во вселенной; и смерть тогда лишь немногие мужчины презирали, а теперь и в селах, и в городах бесчисленные сонмы мучеников, состоящие не только из мужчин, но и из женщин. Потом, сказавши это, (апостол) опять разрешает возникающее возражение и в этом разрешении доказывает то, что желает. При этом он представляет решение не прямо, а чрез противоположение, чтобы при помощи необходимости решения получить повод сказать то, что хотел, и чтобы сделать свое обвинение менее резким. Так, сказав: "**В обновлении духа, а не по ветхой букве**", он присовокупил: "**Что же скажем? Неужели [от] закона грех? Никак**" (7:7). Выше было сказано, что "**страсти греховные, [обнаруживаемые] законом, действовали в членах наших**", и еще: "**Грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью**", также: "**Где нет закона, нет и преступления**" (4:15); и еще: "**Закон же пришел после, и таким образом умножилось преступление**" (5:20); и еще: "**закон производит гнев**" (4:15). Так как, все это по видимому служило обвинением закона, то апостол, чтобы устранить такое подозрение, представляет и возражение и говорит: "**Что же скажем? Неужели [от] закона грех? Никак**". Он ответил отрицательно прежде доказательства, чтобы расположить к себе слушателя и уврачевать соблазняющегося, так как, услышав и удостоверившись в направлении мыслей апостола, он вместе с ним будет исследовать то, что представляется недоуменным, и не будет подозревать говорящего; потому-то апостол заранее и предложил возражение. При этом он не выразился - что мне сказать? но - "**Что же скажем**"? как бы подавались совет и мнение, и как бы собралась вся церковь, а возражение исходило не от апостола, а явилось в силу последовательности из сказанного и из сущности дела. Что буква убивает, никто не станет отрицать, говорит апостол; что дух животворит, и это ясно, и никто не может это оспаривать. Итак, если в этом нет сомнения, - что мы можем сказать о законе? Что он есть грех? "**Никак**". Итак, разреши недоумение. Ты заметил, как (апостол) рядом с собою ставит противника и, приняв тон

учителя, приступает к решению? В чем же состоит решение? Закон не есть грех, говорит апостол, что "**я не иначе узнал грех, как посредством закона**". Обрати внимание на высоту мудрости. Что закон не есть грех, (апостол) изложил при помощи возражения, чтобы, отвергнув это, и тем угодив иудею, убедить его принять менее важное. Что же это такое менее важное? То, что "**я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы и пожелания, -** говорит, **- если бы закон не говорил: не пожелай**" (7:7). Ты видишь, как мало-помалу он показывает, что закон не только есть обвинитель греха, но и некоторым образом подает повод к нему? Впрочем, (апостол) раскрывает, что это случается не по вине закона, но от неразумных иудеев. Он постарался заградить уста и манихеев, которые обвиняли закон, именно, сказав: "**Я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай**", - присовокупил: "**Грех, взяв повод от заповеди, произвел во мне всякое пожелание**" (ст. 8).

5. Замечаешь ли, как (апостол) освободил закон от обвинений? "**Взяв повод**" грех, говорит (апостол), а не закон, увеличил похоть, и произошло противоположное тому, чего желал закон, а это зависело от слабости, а не от дурного его характера. Всякий раз как мы питаем к чему-нибудь вожделение, а потом встречаем препятствие, то пламя страсти разгорается сильнее. Но это происходит не от закона, который наложил запрещение с тем, чтобы совсем отклонить (от страсти), а грех, то есть, твоя беспечность и твоя злая воля употребили добро во зло. Но в худом употреблении лекарства виновен не врач, а больной. Бог не для того дал закон, чтобы им воспламенять похоть, но для того, чтобы угашать ее; случилось же обратное; но вина в этом не его, а наша. Несправедливо было бы обвинять того, кто больному горячкою, не во время желающему холодного питья, не дает насытиться и тем усиливает в нем страсть этого гибельного для него удовольствия; дело врача - только запретить, а воздерживаться должен сам больной. Что из того, если грех получил повод от закона? Многие дурные люди и при посредстве добрых приказаний увеличивают собственную порочность. Так диавол погубил Иуду, ввергнув в сребролюбие и побудив воровать принадлежащее нищим; но не то обстоятельство, что ему был вверен денежный ящик, сделало его таковым, а лукавство воли. Оно же изгнало из рая Адама и Еву, побудив их вкусить от древа, и не древо в том было виною, хотя им и был подан повод. Не удивляйся, что Павел, говоря о законе, употребил весьма сильные выражения; он ограничивается необходимым, лишая возможности думающих иначе найти в его словах повод к возражению, и обнаруживая большое старание правильно изобразить настоящее. Потому не просто оценивай настоящую речь, но вникни в причину, которая заставила (апостола) так говорить, представь себе неистовство иудеев, и непреодолимое их упорство, которое он старался преодолеть. По видимому он много говорит против закона, но не с тем, чтобы обвинить закон, а с тем, чтобы уничтожить упорство иудеев. Если же в вину закону поставить то, что грех посредством него получил повод, то окажется, что это случилось и в Новом Завете. И в Новом Завете имеются бесчисленные законы и притом относительно многих очень важных предметов; и всякий может видеть, что то же самое бывает здесь не только относительно похоти, но и вообще относительно всякого порока. "**Если бы Я не пришел и не говорил им, -** говорит (Христос), **- то не имели бы греха**" (Ин. 15:22). Значит, грех и здесь нашел для себя содержание, а наказание сделалось больше. Также и Павел, рассуждая о благодати, говорит: "**Сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия**" (Евр. 10:29)? Следовательно, и худшее наказание получило повод отсюда - от большего благодеяния. Подобно и об язычниках (апостол) говорит, что они сделались безответными потому, что будучи одарены разумом, созерцая красоту природы и имея возможность этим путем руководствоваться ко Творцу, не воспользовались, как должно, Божией премудростью. Замечай, что добрые действия во многих случаях для порочных служили поводом к большему наказанию. Но, конечно, не будем за это винить Божиих

благодеяний; напротив, после этого еще более станем им удивляться и осудим настроение тех, которые воспользовались добром для противоположных целей. Это же сделаем и в отношении закона. Но все это легко и удобопонятно, вызывается же только следующее затруднение. Почему (апостол) говорит: "**Я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: не пожелай**"? Ведь если человек не знал похоти, пока не получил закона, то почему произошел потоп? За что был попален Содом? Итак, о чем же говорит (апостол)? О похоти напряженной. Потому не сказал: произвел во мне похоть, но – "**всякое пожелание**", намекая здесь на сильное ее развитие. Какая же, спросишь, польза от закона, если он усилил страсть? Никакой, но даже большой вред. Впрочем, не закон виновен, а виновна беспечность принявших закон. Похоть произведена грехом, притом посредством закона, но тогда, когда закон заботился не об этом, а о противоположном. Значит, грех сделался гораздо сильнее закона; но и опять вина в этом не закона, а людской неблагодарности. "**Ибо без закона грех мертв**" (Рим. 7:8), то есть, не так известен. Хотя жившие и до закона знали, что грешат, но вполне узнали после дарования закона. Вследствие того с этого времени стали подлежать и большему осуждению. Не одно ведь и то же - иметь обвинителем природу или вместе с природой и закон, который дает на все ясные предписания. "**Я жил некогда без закона**" (ст. 9). Когда же, скажи мне? До Моисея. Смотри, как (апостол) старается доказать, что закон и тем, что сделал, и тем, чего не сделал, обременил человеческую природу. Когда я жил без закона, говорит (апостол), не подвергался такому осуждению. "**Когда пришла заповедь, то грех ожил**" (ст. 9). "**А я умер**" (ст. 10). По видимому в этом заключается обвинение закона, но если кто тщательно исследует, то здесь обнаружится похвала закону. Ведь закон не произвел греха, дотоле не существовавшего, а только обнаружил грех скрытый; в этом и заключается похвала закону. Если до закона грешили незаметно для себя, то после пришествия закона, хотя и не получили никакой другой пользы, по крайней мере в точности узнали, что грешили; а это уже не мало значило в деле освобождения от порока. Если же люди не освободились от порока, то это нисколько не говорит против закона, все для того сделавшего, но вся вина падает на собственную волю людей, повредившуюся сверх всякого ожидания.

6. Ведь совсем несообразно с разумом получать вред от того, что приносит пользу, почему (апостол) и сказал: "**Заповедь, [данная] для жизни, послужила мне к смерти**" (ст. 10). Он не сказал: сделалась смертью или породила смерть, но: "**[данная] … к смерти**", изъясняя этим необычность и странность такой несообразности, и все обращая на голову людей. Если ты хочешь узнать цель закона, говорит (апостол), то он вел к жизни и для этого дан; если же отсюда произошла смерть, то вина в этом принявших заповедь, а не самой заповеди, которая ведет к жизни. Еще яснее высказал это (апостол) в следующих словах, говоря: "**Потому что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил ею**" (ст. 11). Ты заметил, как он везде касается греха, освобождая закон от всякого обвинения? Почему и присовокупил, говоря: "**Посему закон свят, и заповедь свята и праведна и добра**" (ст. 12). Если вы желаете, то мы введем в нашу речь толкования и извращающих эти слова (апостола), так как от этого собственная наша мысль будет яснее. Некоторые утверждают, что (апостол) в этих словах говорит не о законе Моисея, но по одним - о законе естественном, а по другим - о заповеди, данной в раю. Но ведь вся цель Павла состояла в том, чтобы отменить закон Моисея, о тех же законах он и не ведет никакой речи, - и вполне естественно, потому что иудеи боялись и трепетали именно закона Моисеева и вследствие этого противились благодати. Притом же, заповедь, данную в раю, как Павел, так и никто никогда, кажется, не называл законом. Чтобы это сделалось более явным из собственных слов (апостола), обратимся к его изречениям, высказанным немного выше. Со всем вниманием беседуя с иудеями о жизни, он говорил: "**Разве вы не знаете, братия (ибо говорю знающим закон), что закон имеет власть над человеком, пока он жив**? **Так и вы… умерли для закона**" (7:1,4). Итак, если это сказано о естественном законе, то оказывается, что мы не имеем его, а если это верно, то мы не

разумнее бессловесных. Но не так это - нет! Относительно заповеди, данной в раю, нет необходимости и спорить, чтобы не предпринять нам напрасного прения о том, что признано всеми. В каком же смысле (апостол) говорит: “**Я не иначе узнал грех, как посредством закона**”? Он разумеет не совершенное неведение, а самое точное знание. И если это сказано о законе естественном, то какой смысл имеют следующие слова: “**Я жил некогда без закона**”? Ведь ни Адам, ни другой какой человек никогда, кажется, не жил без закона естественного; вместе с тем, как Бог сотворил (Адама), Он вложил в него и этот закон, сделав его надежным сожителем для всего человеческого рода. Кроме того, (апостол) нигде, кажется, не называет естественный закон заповедью, а этот закон называет заповедью праведной и святой, законом духовным. Закон же естественный дан нам не от Духа, потому что и варвары, и язычники, и все люди имеют этот закон. Отсюда ясно, что (Павел) и выше, и ниже, - везде рассуждает о законе Моисеевом. Потому и называет его святым, говоря: “**Закон свят, и заповедь свята и праведна и добра**”. Хотя иудеи и после закона были нечистыми, неправедными и корыстолюбивыми, но это не упраздняет достоинства закона, равно как их неверие не уничтожает веру в Бога. Таким образом, из всего этого видно, что апостол говорит это о законе Моисеевом. “**Итак, неужели доброе сделалось мне смертоносным**”? - спрашивает апостол. “**Никак; но грех, оказывающийся грехом**” (ст. 13), то есть, да будет доказано, насколько великое зло - грех, а также - беспечная воля, стремление к худшему, самое дело худое и развращенный ум, потому что в этом заключается причина всех зол. (Апостол) увеличивает грех, показывая преизбыток Христовой благодати и поучая, от какого великого зла она избавила человеческий род, так как это зло от всех врачебных средств становилось хуже, а от средств задерживавших его развитие разрасталось еще больше. Потому он и присовокупляет, говоря: “**Грех становится крайне грешен посредством заповеди**” (ст. 13). Ты заметил, как повсюду закон сплетается с грехом? Чем апостол обвиняет грех, тем самым в большей еще степени он доказывает и достоинство закона. И он не малого достиг, показав, какое зло грех, обнаружив и изобразив всю его ядовитость. Он и выразил это в словах: “**Грех становится крайне грешен посредством заповеди**”, то есть, чтобы открылось, какое зло, какая погибель - грех, а открылось все это чрез заповедь. Этим (апостол) показывает и превосходство благодати пред законом, - превосходство, а не противоположность. Не смотри на то, что принявши закон сделались хуже, но прими во внимание, что закон не только не хотел усилить зло, а даже старался пресечь и зло, прежде существовавшее. Если же он оказался бессилен, то увенчай его за назначение, а еще больше повергнись пред могуществом Христа, потому что Он столь разнообразное и непреоборимое зло уничтожил и, вырвав с корнем, истребил. А всякий раз, как услышишь о грехе, не подумай, что это какая-либо самостоятельная сила, но - порочное действие, постоянно начинающееся и прекращающееся, не существующее прежде совершения, а после совершения опять исчезающее. По причине греха и дан был закон; а закон никогда не дается для истребления чего-либо естественного, но для исправления произвольного худого действия.

7. Об этом знают и внешние (языческие) законодатели, и весь человеческий род. Они (законодатели) противодействуют только тем порокам, которые происходят от нерадения, но не обещаются пресечь тех, которые получены в наследство от природы, потому что это невозможно. Все природное остается непоколебимым, о чем неоднократно я вам и говорил в других беседах. Потому, оставив такие труды, опять займемся нравоучительною речью, а лучше сказать, это и составляет часть тех трудов. Если мы изгоним из себя порок и поселим в себе добродетель, этим ясно научим, что порок не есть природное зло, а спрашивающим, откуда зло, мы легко сможем заградить уста не словами только, но и делами, когда явимся пред ними свободными от их пороков, хотя имеем одинаковую с ними природу. Не на то станем смотреть, что добродетель трудна, а на то, что возможно в ней усовершенствоваться, а если постараемся, то это будет и легко нам, и удобно. Если ты

говоришь мне о приятности порока, то скажи и о конце его: ведь он ведет к смерти, как добродетель руководит нас к жизни. Но лучше, если угодно, рассмотрим порок и добродетель без отношения к их концу; мы увидим, что порок сам в себе заключает большую печаль, а добродетель заключает удовольствие. Скажи мне, в самом деле, что тяжелее худой совести? Что прекраснее доброй надежды? Ведь ничто, ничто обыкновенно так не мучит и не угнетает нас, как ожидание худого; ничто столько не поддерживает и едва не окрыляет, как добрая совесть. Это можно узнать и на основании событий, происходящих пред нами. Так, обитающие в заключении и ожидающие осуждения, хотя бы наслаждавшись бесчисленными удовольствиями, живут беспокойнее тех нищих, которые ходят по улице, но не сознают за собою ничего худого, потому что ожидание бедствий не позволяет испытывать настоящих удовольствий. И что говорить о заключенных? Трудолюбивые ремесленники, занимающиеся работами в течение целого дня, находятся в гораздо лучшем настроении, чем люди свободные и богатые, но сознающие за собою что-либо худое. Потому мы считаем жалкими и гладиаторов; хотя мы и видим, что они упиваются, веселятся и едят в корчемницах, однако называем их несчастнее всех, потому что горечь ожидаемой смерти несравненно превосходит эти удовольствия. Если же такая жизнь им и кажется приятною, то припомните то, о чем я неоднократно говорил вам, - что нет ничего удивительного, когда живущий в пороке не избегает неприятности и муки порока. И вот дело, достойное только проклятия, представляется любезным для тех, кто участвует в нем. Но мы не ублажаем их за это, а напротив, вследствие именно этого считаем несчастными, потому что они и сами не сознают, в каких бедствиях находятся. Что, например, сказать о прелюбодеях, которые для ничтожного удовольствия подвергаются позорному рабству, трате имущества и непрерывному страху, коротко сказать, ведут жизнь Каина и даже еще более тяжелую, потому что боятся настоящего, трепещут будущего, подозревают друзей и врагов, знающих и ничего не знающих. Даже и во время сна они не освобождаются от этого мучения, так как нечистая совесть создает у них страшные сновидения и этим пугает их. Но не таков человек целомудренный: он проводит настоящую жизнь в радости и совершенной свободе. Итак, сравни ничтожное удовольствие с бесчисленными волнениями этих ужасов, а кратковременный труд воздержания с спокойствием целой жизни, и ты увидишь, что последний приятнее первого. А желающий похитить и присвоить себе чужое имение, тот, скажи мне, разве не переносит бесчисленные труды, непрестанно бегая, обманывая лестью рабов, свободных, придверников, устрашая, грозя, поступая бесстыдно, проводя без сна ночи, дрожа, мучаясь и всех подозревая? Но не таков тот, кто пренебрегает деньгами. Он опять наслаждается полным удовольствием, живя без страха и в совершенной безопасности. А если кому угодно рассмотреть и прочие виды порока, то везде увидит большое смятение, множество подводных камней. Всего же важнее то, что в добродетели начало исполнено трудов, а продолжение приятно, так что этим и самый труд облегчается; в пороке же все бывает наоборот, - за удовольствием следуют болезни и мучения, так что от этого и самое удовольствие пропадает. Как ожидающий венцов нисколько не чувствует настоящей тяжести, так и ожидающий наказаний после удовольствия не может пользоваться чистой радостью, потому что страх все приводит в смятение. А вернее, если внимательнее исследовать, то можно найти, что у порочных еще прежде наказания, определенного за худые дела, возникает большое мученье в тот момент, когда они отваживаются на худое.

8. И если угодно, то посмотрим на людей, которые захватывают себе чужое и всякими средствами наживают деньги. Не станем говорить о страхах, опасностях, трепете, мучении, заботе и о всем подобном, а предположим, что этот человек обогащается беспечально и совершенно уверен в сбережении того, что у него есть. Допустим все это, хотя оно и невозможно. Но какое удовольствие приобретет себе этот человек? То, что он много собрал? Но это именно и не позволяет ему радоваться; пока человек желает другого

и большего, до тех пор продолжаются и его мучения. Всякая страсть тогда доставляет удовольствие, когда останавливается. Испытывая жажду, мы тогда приходим в себя, когда выпиваем столько, сколько желаем, а пока чувствуем жажду, то хотя бы исчерпали все источники, мучение наше бывает больше, и хотя бы выпили тысячи рек, наше наказание бывает тяжелее. Так и ты, хотя бы и приобрел все в мире, но если еще ощущаешь в себе страсть, то тем больше будешь мучиться, чем больше станешь исполнять свое желание. Итак, пойми, что некоторое для тебя удовольствие заключается не в том, чтобы собирать много, но в том, чтобы не желать обогащения, а если станешь желать обогащения, то никогда не перестанешь мучиться. Ведь желание это бесконечно и насколько больший путь ты прошел, настолько больше ты удаляешься от конца. Неужели это не странность, не помешательство, не крайнее безумие? Итак, удержимся от первого шага к пороку, или, лучше сказать, и совсем не будем касаться порочного вожделения, а если прикоснемся, то убежим в самом же начале, как и увещевает нас Приточник, говоря о жене блуднице: “**Держи дальше от нее путь твой и не подходи близко к дверям дома ее**” (Притч. 5:8). То же самое и я говорю тебе относительно любостяжания. Если бы ты и мало погряз в море этого безумия, с трудом можешь выйти из него; и как в водовороте, сколько бы ты ни старался, не преодолеешь легко (стремления воды), так - и еще гораздо хуже - впавши в бездну этой страсти, погубишь себя со всем своим имуществом. Потому, умоляю, станем остерегаться в начале и избегать зла малого, потому что из малого рождается большее. Кто во всяком грехе привык говорить: "это еще ничего", тот мало-помалу все погубит. Такая именно привычка говорит: "это еще не беда" - ввела зло, открыла двери разбойнику и ниспровергла стены городов. Так и в теле усиливаются самые опасные болезни, когда не обращено бывает внимания на незначительные. Если бы Исав не продал первородства, то не сделался бы недостойным благословения; а если бы не сделал себя недостойным благословения; то не дошел бы до того, чтобы желать братоубийства. И Каин, если бы не возлюбил первенства, а уступил его Богу, то не занял бы второго места; потом, занимая второе место, он, если бы послушался увещания, то не совершил бы убийства; и опять, совершив убийство, если бы он обратился к покаянию, а когда призывал его Бог, если бы не дал столь бесстыдного ответа, то не потерпел бы последующих несчастий.

Если же жившие до закона от такого нерадения мало-помалу погрязли в самой глубине зла, то помысли, что потерпим мы, призванные к большим подвигам, если со всею тщательностью не будем обращать на себя внимания и не угасим искры зла, прежде нежели воспламенится целый костер. Например, ты часто нарушаешь клятву? Не только удерживайся от этого, но перестань и клясться, тогда первое сделается уже нетрудным, потому что гораздо труднее клянущемуся не нарушать клятвы, чем вовсе не клясться. Ты привык делать обиды, порицать и бить? Предпиши себе самому закон - не сердиться и вовсе не кричать; тогда вместе с корнем исторгнется и плод. Ты похотлив и сластолюбив? Положи себе за правило не смотреть на женщин, не ходить в театр, не любопытствовать на торжище относительно чужой красоты. Гораздо легче сначала не смотреть на красивую женщину, чем, увидев ее и почувствовав вожделение, усмирить вызванную ею бурю. Ведь подвиги в начале более легки, а лучше сказать, нам и не потребуется бороться, если мы не отворим дверей врагу и не примем семени порока. Потому и Христос определил наказание всякому, кто смотрит на женщину бесстыдно, - чтобы избавить нас от большего труда; повелевает изгонять противника из дома прежде, чем он усилился, - тогда, когда легко можно его выгнать. Какая же необходимость принимать на себя лишние труды и бороться с противниками, когда возможно и без боя доставить себе победный трофей и прежде борьбы восхитить себе награду? Не смотреть на красивых женщин не такой большой труд, как, смотря на них, усмирять себя; лучше же сказать, первое вовсе и не может быть трудом, но, после того как посмотришь, бывает большая неприятность и беда.

9. Итак, когда труд бывает меньше, или даже вовсе не нужен бывает ни труд, ни усилие, а пользы больше, то зачем мы стараемся ввергнуть себя в пучину бесчисленных зол? Ведь не смотреть на женщину не только легче, но и дает более чистую победу над возникающей отсюда страстью, тогда как тот, кто смотрит на нее, если иногда и освобождается от вожделения, то с очень большим трудом и с некоторою нечистотою для себя. Тот, кто не увидел красивого лица, бывает чист от возбуждаемого им вожделения, а кто пожелал увидеть, тот, извратив помысел и тысячекратно осквернив его, тогда только отвергает скверну похоти, когда захочет отогнать ее. Потому и Христос, чтобы мы не пострадали от этого, запрещает не только убийство, но и гнев, не только прелюбодеяние, но и нечистый взгляд, не только клятвопреступление, но и клятву вообще. Даже и здесь не устанавливает меру добродетели, но, узаконив таковое, простирается и далее. Отклонивши от убийства и повелев быть чистыми от гнева, он повелевает и быть готовыми к перенесению зла и приготовиться терпеть его не в той только мере, какой желает злоумышляющий на нас, но и превосходить ее в гораздо большей степени и побеждать чрезмерность его неистовства избытком нашего любомудрия. Он не сказал: если кто ударит тебя в правую щеку, перенеси равнодушно и успокойся, но присовокупил, что ты должен подставить ему и другую, - говорит: “**Обрати к нему и другую**” (Мф. 5:39). В этом и состоит блестящая победа, чтобы предоставить ему больше того, что он желает, и пределы его злого желания превзойти богатством своего долготерпения. Таким образом ты укротишь его бешенство, из второго поступка получишь награду за первый и укротишь гнев его.

Видишь ли, что от нас всегда зависит, чтобы не терпеть зла, а не от делающих нам зло? Или, правильнее сказать, мы сами имеем власть не только не терпеть зла, но даже испытывать добро. А особенно удивительно то, что, если мы бываем бдительны, то не только не подвергаемся обиде, но даже от тех, которые нас обижают, получаем большее благодеяние, чем от других. Кто-нибудь оскорбил тебя? Ты имеешь власть обиду эту обратить для себя в похвалу. Если ты со своей стороны оскорбишь, то навлечешь на себя стыд, а если будешь благословлять оскорбившего тебя, то увидишь, что все присутствующие восхваляют тебя и прославляют. Понял ли ты, как мы, если пожелаем, получаем благодеяние от тех, которые нас обижают? Это же можно сказать и относительно денег, ударов и всего остального. Если и за все это мы станем воздавать противоположным, то как тем, что потерпели зло, так и тем, что сделали добро, сплетем себе сугубый венец. И всякий раз, как кто-нибудь, пришедши к тебе, скажет: "такой-то человек оскорбил тебя и в присутствии всех постоянно худо отзывается о тебе", - ты похвали обидчика в присутствии говорящих; таким образом, если бы ты и желал отомстить, то можешь получить и удовлетворение. Все услышавшие, хотя бы и были очень неразумны, будут хвалить тебя, а обидчика твоего возненавидят, как человека, который лютее всякого зверя, потому что он огорчил тебя, нисколько тобою не обиженный, между тем как ты, потерпевши зло, воздал ему добром. И таким образом ты можешь доказать, что все сказанное о тебе несправедливо. Кто выражает досаду, когда говорят о нем худо, тот своею скорбью доказывает, что сознается в справедливости о нем сказанного, а кто смеется, то этим устраняет всякое о себе подозрение в присутствующих. Итак, смотри, сколько от этого ты приобретаешь себе добра: во-первых, избавляешься от смущения и беспокойства, во-вторых, или лучше - считай это первым, если имеешь грехи, очистишься от них, подобно мытарю, который великодушно перенес обвинение фарисея. Сверх того, таким упражнением ты сделаешь свою душу любомудрой, услышишь от всех бесчисленные похвалы и уничтожишь всякое о себе подозрение по поводу сказанного. Если же хочешь и отметить обидчику, то это последует в изобильной мере, потому что Бог накажет его за то, что он сказал, а прежде этого наказание и твое любомудрие будет для него как бы жестоким ударом. Ничто обыкновенно так не уязвляет наших обидчиков, как то, что мы смеемся над обидами, нам нанесенными. И как любомудрие самые обиды

обращает для нас во благо, так следствием малодушия бывает совершенно противное - и себя мы стыдим, и присутствующим кажемся виновными в том, что говорили о нас, и душу свою наполняем смятением, и врага радуем, и Бога огорчаем, и число грехов своих увеличиваем. Размыслив о всем этом, будем избегать бездны малодушия, поспешим в пристань долготерпения, чтобы и здесь обрести покой душам своим, как предрек Христос, и достигнуть будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков Аминь.

БЕСЕДА 13

“Ибо мы знаем, что закон духовен, а я плотян, продан греху” (7:14).

1. Так как (апостол) сказал выше, что зло увеличилось, и что грех, встретившись с заповедью, сделался более сильным, и произошло противоположное тому, к чему стремился закон, и так как он привел этим слушателя в большее недоумение, то, освободив сперва закон от худого подозрения, объясняет потом причину, вследствие которой это случилось. Чтобы кто-нибудь, слыша, что грех получил повод в заповеди, что, когда пришла заповедь, грех ожил, что грех обольстил и умертвил заповедью, - чтобы не подумал, что закон был виною всех этих зол, (апостол) прежде всего излагает с большим дерзновением защиту закона, не только освобождая его от обвинения, но и сплетая ему величайшую похвалу. И это он представляет не в таком виде, что сам говорит в пользу закона, но как бы произносит общий приговор. “**Ибо мы знаем, -** говорит он, **- что закон духовен**”. Этим он как бы сказал: всеми признается и хорошо известно то, что закон духовен, а потому и нельзя допустить, чтобы он был причиною греха, и чтобы на нем лежала вина происшедших зол. И смотри, как он не только освобождает его от обвинения, но и хвалит без меры. Назвавши его духовным, он показывает, что закон есть наставник добродетели и враг порока, так как быть духовным значит отводить от всех грехов; это именно и делал закон, устрашая, вразумляя, наказывая, исправляя, советуя все относительно добродетели. Откуда же, спросишь, произошел грех, если наставник был так достоин удивления? От нерадения учеников. Потому (апостол) присовокупил: “**а я плотян**”, изображая человека, жившего и в законе и до закона. “**Продан греху**”. После смерти, говорит он, толпою нахлынули страсти. Когда тело сделалось смертным, то оно по необходимости приняло и похоть, и гнев, и болезнь, и все прочее, что требовало многого любомудрия, чтобы наводнившие нас страсти не потопили помысла в глубине греха. Сами по себе они не были еще грехом, но произвела это необузданная их неумеренность. Так, если взять, для примера, одну из страстей, плотская похоть не составляет греха, но когда она впала в неумеренность и, не желая оставаться в пределах брака законного, стала наскакивать на чужих жен, тогда, наконец, сделалась любодеянием, но не от похоти, а от неумеренности в ней. И заметь мудрость Павла. Восхвалив закон, он немедленно обратился ко временам древним, чтобы, показавши, в каком состоянии находился род человеческий тогда (до закона) и после того, как получен закон, представить необходимость преизобилующей благодати, что (апостол) везде старался раскрыть. Когда он говорит: “**Продан греху**”, разумеет не только живших под законом, но и тех, которые жили до закона и существовали с самого начала мира. Потом объясняет способ того, как человек продан и отдан. “**Ибо не понимаю, -** говорит он, **- что делаю**” (ст. 15). Что значит: “**не понимаю**”? Не знаю. Как же случилось это? Ведь никто никогда не согрешил в неведении? Видишь ли ты, что если станем выбирать слова не с надлежащею осмотрительностью, и не будем обращать внимания на цель апостола, то последует множество несообразностей? Если бы люди грешили в неведении, то они недостойны были бы и подвергаться наказанию. Поэтому, как выше (апостол) говорит: “**Без закона грех мертв**”, не то выражая, что тогда грешили в неведении, а то, что они

знали, но не так ясно, потому и наказывались, но не так сильно, - и опять, говоря – "**не понимал бы и пожелания**", не выражает совершенного незнания, а указывает на самое ясное познание, равным образом, говоря – "**произвел во мне всякое пожелание**", не то разумеет, что заповедь произвела похоть, но то, что грех посредством заповеди усилил похоть, так и здесь, когда говорит: "**Ибо не понимаю, что делаю**", не выражает этим совершенного неведения, потому что как же он соуслаждался (говоря): "**Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием**" (7:22)? Что же значит: "**Не понимаю**"? Пребываю во мраке, увлекаюсь, терплю насилие, сам не знаю, как впадаю в обман, как и мы обыкновенно говорим: не знаю, как такой-то человек пришел и увлек меня, - не оправдывая себя незнанием, а только указывая на какой-то обман, нападение и умысел. "**Потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю**" (ст. 15). Как же ты не знаешь, что делаешь? Если ты желаешь добра и ненавидишь зло, то это свойственно совершенному знанию. Отсюда ясно, что словами – "**не то …, что хочу**" апостол не уничтожает свободной воли и не вводит какую-то насильственную необходимость. Ведь если мы грешим не произвольно, а по принуждению, то опять наказания, прежде бывшие, не имели бы основания. Но как словом "**не понимаю**" (апостол) выразил не незнание, а то, что сказано нами выше, так, прибавив - "**не то …, что хочу**", обозначил не необходимость, а неодобрение сделанного, потому что если бы словами - "**не то делаю, что хочу**" он не это выразил, то почему бы не присовокупить ему: делаю то, к чему принуждаюсь и подвергаюсь силой, ведь это именно и противоположно воле и свободе. Но (апостол) не сказал так, а вместо этого поставил – "**что ненавижу**", чтобы ты понял, что он и словами - "**не то …, что хочу**" не уничтожил свободы. Итак, что значит: "**не то …, что хочу**"? Что не хвалю, не одобряю, не люблю; в противоположность этому он прибавил и следующее: "…**а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр**" (ст. 16).

2. **Видишь** ли ты, что разум, пока не поврежден, действительно сохраняет свойственное ему благородство? Если и предается пороку, то предается с ненавистью, что и может быть величайшей похвалой закона, как естественного, так и писанного. Что закон хорош, говорит (апостол), это видно из того, что я сам себя обвиняю, преступая закон и ненавидя сделанное мною; а если бы закон был виновником греха, то каким образом, находя удовольствие в законе, можно было бы ненавидеть повелеваемое законом? "**Соглашаюсь с законом**, **-** говорит (апостол), **- что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе**" (ст. 17, 18). На этих словах основываются те, которые восстают против плоти и исключают ее из числа творений Божиих. Что же мы можем сказать на это? Тоже, что сказали недавно, рассуждая о законе, потому что как там (апостол) приписывает все греху, так и здесь. Он не сказал, что плоть делает это, но совершенно напротив: "**А потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех**". Если же говорит, что не живет в нем доброе, то это еще не обвинение плоти, так как то обстоятельство, что не живет во плоти доброе, не доказывает, что она сама в себе зла. Мы соглашаемся, что плоть ниже и недостаточнее души, но вовсе не противоположна ей, не враждебна и не зла, но, как гусли - музыканту и как корабль - кормчему, так и плоть подчинена душе; и гусли, и корабль не противоположны тем, кто управляет и пользуется ими, но и вполне согласны, хотя и не одинакового достоинства с художником. И подобно тому, как тот, кто говорит, что искусство не в гуслях и не в корабле, а в кормчем и в гусляре, не унижает этих предметов, а показывает различие между художником и искусством, так и Павел, сказавши: "**Не живет … в плоти моей, доброе**", не унизил тела, а показал превосходство души. Ведь именно душа всем заведует - и искусством править кораблем, или играть на гуслях; то же самое показывает здесь и Павел, приписывая господствующее значение душе. Разделив человека на две эти половины - душу и тело, он утверждает, что плоть более неразумна, лишена понимания и есть нечто управляемое, а не управляющее; душа же премудра, способна познавать, что

должно делать и чего не делать, хотя и не имеет столько сил, чтобы править конем, как желает; в этом вина может быть не одной плоти, но и души, которая, зная, что должно делать, не приводит в исполнение признанного. “**Потому что желание добра, -** говорит (апостол), **- есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу**”. Опять и здесь, сказав – “**не нахожу**”, разумеет не неведение или сомнение, а нападение и козни греха; выражая это яснее, он прибавил: “**Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех**” (ст. 19, 20). Замечаешь ли ты, как (апостол), освободив от обвинения и существо души, и существо плоти, все перенес на порочную деятельность? Если человек не хочет зла, то душа свободна, а если он не делает зла, то и тело свободно: все зависит только от одной злой воли. Душа, тело и воля в сущности не одно и то же, но первые суть творения Божии, а последняя есть движение, рождающееся из нас самих, которое мы направляем, куда хотим. Воля сама в себе есть природная способность, данная от Бога; но та же воля есть нечто и наше собственное и зависит от нашего разума. “**Итак я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое**” (ст. 21). Сказанное неясно. Что оно значит? Хвалю закон по совести, рассуждает Павел, и, когда я хочу делать доброе, нахожу себе в нем защитника, который напрягает мою волю; как я услаждаюсь законом, так и он одобряет мое расположение. Видишь ли, как (апостол) доказывает, что сначала было вложено в нас разумение добра и зла, и что закон Моисея хвалит это разумение и сам восхваляется им? Как выше он не сказал: я учусь у закона, но: “**Соглашаюсь с законом**”, так и теперь не говорит: воспитываюсь законом, но: “**Нахожу удовольствие в законе Божием**”. Что значит - “**нахожу удовольствие**”? Соглашаюсь с ним, как с добрым, равно как и он согласен со мною, желающим делать добро. Человеку дано было свыше - желать добра и не желать зла. Закон же, явившись, и во зле сделался обвинителем очень многого и в добре хвалителем большего. Видишь ли ты, что (апостол) приписывает закону не больше, как некоторое усиление и дополнение? Хотя закон хвалит доброе, а я соуслаждаюсь и желаю добра, однако же, злое еще прилежит и действие его не уничтожено. Таким образом, закон для намеревающегося сделать что-нибудь доброе является в этом только союзником и настолько, насколько он сам себе того же желает. А так как (апостол) неясно это выразил, то впоследствии раскрывает и приводит в большую ясность, показывая, каким образом прилежит зло и каким образом закон содействует желающему делать доброе. “**Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием**” (ст. 22). Я знал добро и до закона, говорит (апостол), и, нашедши его изображенным в письменах, хвалю. “**Но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего**” (ст. 23).

3. Здесь опять законом противовоюющим (апостол) назвал грех, не по достоинству, а вследствие чрезмерного послушания повинующихся ему. Как маммону он **называет** господином и чрево богом не по собственному их достоинству, но вследствие большого рабства подчиненных, так и здесь назвал грех законом вследствие того, что люди служат ему и боятся оставить его так же, как получившие закон страшатся не исполнить закона. И грех, говорит (апостол), противится закону естественному, это и есть – “**закону ума моего**”. И вот (апостол) изображает состязание и битву и весь подвиг возлагает на закон естественный. Закон Моисея дан после и как бы в добавление; но, однако, и тот и другой закон, один научивший доброму, а другой - восхваливший, не совершили в этой борьбе ничего великого: такова побеждающая и превосходящая власть греха. Павел, изображая это и говоря о поражении в зависимости от силы, сказал: “**Вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником**”. Не сказал просто - побеждающий, но – “**делающий меня пленником закона греховного**”. Не сказал также - влечением плоти, или - природою плоти, но – “**закона греховного**”, то есть, властью, силой. Как он говорит – “**находящегося в членах моих**”? Что это значит? Не члены называет грехом, но совершенно отделяет от греха, потому что иное

пребывающее в чем-нибудь, и иное то, в чем оно пребывает. Как заповедь не есть зла, хотя грех получил в ней повод, так не зла и природа плоти, хотя грех чрез нее борется с нами, потому что в таком случае и душа будет зла, и еще в большей мере, насколько она имеет власть в том, что должно делать. Но это не так, нет! Если тиран или разбойник овладеет каким-нибудь прекрасным зданием или царским дворцом, то случившееся не может быть осуждением для дома, а вся вина падает на тех, кто совершил это злоумышление. Этого не понимают враги истины, которые вместе с нечестием впадают в совершенное безумие. Они не только обвиняют плоть, но клевещут и на закон. Хотя плоть и зла, но закон добр, потому что воюет с нею и противится ей. А если закон не благо, то благо плоть, потому что она, согласно их мнению, борется с законом и враждует против него. Как же они говорят, что плоть и закон от диавола и вводят противоположное друг другу? Видишь ли, какое вместе с нечестием и безрассудство? Но не таково учение церкви, которое осуждает только один грех и утверждает, что оба закона, данные от Бога, - и естественный, и Моисеев - находятся во вражде с грехом, а не с плотью; плоть же есть не грех, а Божие творение, весьма полезное для нас и в подвигах добродетели, если мы бодрствуем. “**Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти**” (ст. 24)? Заметил ли ты, какова власть зла, как оно побеждает и ум, находящий удовольствие в законе? Никто не может сказать, говорит (апостол), что грех делает меня своим пленником, потому что я ненавижу закон и отвращаюсь от него, напротив, я нахожу в нем удовольствие, хвалю его, прибегаю к нему, но он не получил силы спасти даже и прибегающего к нему, а Христос спас и убегающего от Него. Заметил ты, как велико превосходство благодати? Но апостол не раскрыл этого, а только, восстенав и горько заплакав, подобно человеку, лишенному помощников, самым затруднительным своим положением доказывает силу Христову и говорит: “**Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти**”? Закон оказался бессильным, совесть недостаточной, хотя я хвалил доброе, даже не только хвалил, но и боролся со злом, ведь (апостол), назвав грех противовоюющим, показал, что и сам вооружался против греха. Итак, откуда же будет надежда на спасение? “**Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим**” (ст. 25). Видишь, как (апостол) показал необходимость явления благодати, а также и то, что она есть общий дар Отца и Сына? Хотя он и благодарит Отца, но причина этого благодарения есть Сын. А когда ты слышишь, что он говорит: “**Кто избавит меня от сего тела смерти**”? - не думай, что он обвиняет плоть. Он не назвал ее телом греха, но телом смерти, то есть смертным телом, плененным смертью, а не породившим смерть; это служит доказательством не порочности тела, но поврежденности, которой оно подверглось. Как тот, кто пленен варварами, считается принадлежащим к числу варваров не потому, что он варвар, а потому, что находится во власти варваров, так и тело называется телом смерти, потому что оно находится во власти смерти, а не потому, что произвело смерть. Потому и (апостол) желает избавиться не от тела, но от тела смертного, намекая на то, о чем я неоднократно говорил, что тело, сделавшись доступным страсти, от этого самого стало легко подвержено греху.

4. Но если такова была **власть** греха до благодати, то за что, спросишь, грешники наказывались? За то, что им даны были такие повеления, которые можно было исполнять и во время господства греха. Закон не требовал от них высокого совершенства в жизни, но позволял пользоваться своим имуществом, не запрещал иметь многих жен, предаваться гневу с правдою и пользоваться умеренным наслаждением; им столько было сделано снисхождения, что закон писанный требовал меньше того, сколько повелевал закон естественный. Хотя естественный закон всегда предписывал одному мужчине вступать в брак с одной женщиной, что ясно засвидетельствовал Христос, сказав: “**Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их**” (Мф. 19:4), но закон Моисея, как не запрещал, разводясь с одною, вступать в брак с другою, так не препятствовал иметь вместе двух жен. Кроме того, можно видеть, что жившие прежде этого закона,

руководимые одним естественным законом, исполняли и другое больше тех, которые жили под законом. Итак, жившие в Ветхом Завете не потерпели никакого убытка, когда у них было введено столь умеренное законодательство. Если же и при этом они не могли остаться победителями, то виною служит их собственное нерадение. Потому Павел и благодарит за то, что Христос не подверг нас никакому испытанию и не только не потребовал отчета в наших делах, но сделал нас способными к большому поприщу. Поэтому говорит он: "**Благодарю Бога моего Иисусом Христом**", и не говоря уже о спасении, как о таком деле, которое, по доказанному выше, всеми признано, переходит к другому, очень важному, и раскрывает, что мы не только освободились от прежних грехов, но и на будущее время сделались непобедимыми для греха. "**Итак нет ныне**, **-** говорит, **- никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу**" (8:1). Но (апостол) сказал об этом не прежде, как упомянув еще раз о прежнем состоянии. Сказав сперва: "**Итак тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха**" (7:25), присовокупил потом: "**Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут**". А так как словам его противоречило то, что многие грешат и после крещения, то он спешит и к этому и не просто говорит: "**которые во Христе Иисусе живут**", но прибавляя: "**не по плоти**", чем и показывает, что все происходит уже от нашего нерадения, так как ныне возможно ходить не по плоти, а тогда (до Христа) было трудно. Потом это же самое (апостол) раскрывает иначе, продолжая так: "**Потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня**" (8:2). Под именем закона духа (апостол) разумеет здесь Духа, - как грех назвал законом греха, так и Духа называет законом духа. Но и закон Моисея он наименовал также духовным, сказав: "**Ибо мы знаем, что закон духовен**". Итак, какое же различие? Большое и бесконечное. Тот есть закон духовный, а этот - закон Духа. Чем же отличается один от другого? Тем, что один только дан Духом, а другой, принявшим его обильно, даровал Духа. Потому (апостол) наименовал его также законом жизни в противоположность закону греха, а не закону Моисея. Когда говорит: "**Освободил меня от закона греха и смерти**", то разумеет здесь не Моисеев закон, так как нигде не называет его законом греховным (да как он мог и назвать так закон, который неоднократно именовал праведным и святым, разрушителем греха?), но разумеет закон, противовоюющий закону ума. Эту жестокую брань прекратила благодать Духа, умертвившая грех и сделавшая борьбу легкою для нас, сперва увенчавшая, а потом с большою помощью увлекающая на подвиг. И как (апостол) всегда делает, переходя от Сына к Духу, а от Духа к Сыну и Отцу, все наше вменяя Троице, так поступает и здесь; сказавши: "**Кто избавит меня от сего тела смерти**"? показал, что Отец совершает это чрез Сына; потом опять приписывает это Святому Духу вместе с Сыном, когда говорит: "**Закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня**"; после снова приписывает Отцу и Сыну. "**Как закон, -** говорит, **- ослабленный плотию, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной [в жертву] за грех и осудил грех во плоти**" (ст. 3). Опять кажется, будто он осуждает закон, но при тщательном внимании открывается, что он очень хвалит его, доказывая, что закон согласен со Христом и предписывает то же самое. Ведь не сказал - худое закона, но – "**был бессилен**", и опять – "**как закон, ослабленный**", а не - в нем поступал худо или злоумышлял. Самую немощь приписывает не закону, а плоти, говоря: "**Как закон, ослабленный плотию**". Плотью же опять здесь называет не самое существо и основание ее, а мудрование плотское, почему и освобождает от обвинения как тело, так и закон, и не только этим, но и следующими словами.

5. Если бы закон был враждебен, то как Христос явился к нему на помощь, выполнил его праведность и протянул руку, осудив грех во плоти? Это именно и **оставалось** (сделать), потому что закон давно уже осудил грех в душе. Итак, что же? Неужели закон совершил больше, а Единородный Божий меньше? Никак. Ведь и первое совершил

преимущественно Бог, давши закон естественный, а потом приложивши и закон писанный; иначе не было бы никакой пользы от большего, если бы не было предложено меньшее. Какая в самом деле польза знать, что должно делать, не делая этого? Никакой, - напротив, за это будет даже большее осуждение. Таким образом, Кто спас душу, Тот и сделал плоть благопокорною. Учить не трудно, но показать путь, которым с удобством можно достигнуть этого, - вот дело достойное удивления. Для того пришел Единородный и не прежде удалился, как освободив нас от того неудобства. Всего же важнее самый образ победы: (Христос) не другую принял плоть, но ту же самую, покоренную, подобно тому, как царский сын, увидев, что на рынке бьют женщину худую и продажную, называет себя ее сыном и таким образом освобождает ее от нападающих. То же самое сделал (Сын Божий): Он исповедал Себя Сыном человеческим, явился на помощь плоти и осудил грех. Итак, грех не осмелился бить ее больше, а, лучше сказать, он уже поразил ее ударом смерти, но всего удивительнее то, что не пораженная плоть, но поразивший грех подвергся за это осуждению и гибели. Если бы победа совершилась не во плоти, это не так было бы удивительно, потому что и закон производил это, но удивительно то, что (Христос), имея плоть, воздвиг победный трофей, и та самая плоть, которая тысячекратно была побеждена грехом, одержала над ним блистательную победу. Смотри же, сколько совершилось необычайного: во-первых, грех не победил плоти; во-вторых, он сам был побежден и притом побежден плотию, - ведь не одно и то же - не быть побежденной и победить того, кто всегда побеждал; в-третьих, плоть не только победила, но и наказала, так как тем, что (Христос) не согрешил, Он явился непобежденным, а тем, что умер, Он победил и осудил грех, сделав для него страшной ту самую плоть, которая была прежде презираема. Так Он уничтожил и силу греха, уничтожил и смерть, введенную в мир грехом. Пока грех встречал грешников, он по справедливому основанию наносил им смерть; когда же, нашедши тело безгрешное, предал его смерти, то, как сделавши несправедливость, подвергся осуждению. Ты видишь, сколько совершилось побед: плоть не была побеждена грехом, но и сама его победила и осудила, и не просто осудила, но осудила, как согрешивший. (Христос) сперва изобличил его в неправде, потом осудил и осудил не просто силой и властью, но и словом правды. Это и выразил (апостол), сказавши о грехе: “**Осудил грех во плоти**”, это тоже значит, что сперва изобличил в тяжком грехе, а потом уже осудил его. Ты видишь, что всюду осуждается грех, а не плоть, плоть же увенчивается и произносит свой приговор над грехом? А если сказано, что (Бог) послал Сына “**в подобии плоти**”, то не думай на основании этого, что плоть Христа была иная: так как (апостол) сказал – “**греховной**”, то и прибавил слово – “**в подобии**”. Христос имел не грешную плоть, а подобную нашей грешной, но безгрешную, и по природе одинаковую с нами. Таким образом, и отсюда видно, что природа плоти не зла. Христос уготовал победу, не принявши другой плоти, вместо прежней, и не изменив эту в существе, но, согласившись пребывать в том же самом естестве, достиг того, что оно приобрело венец за победу над грехом, а после этой победы воскресил его и сделал бессмертным. Но какое, спросишь, имеет отношение ко мне то, что совершилось в той плоти? Для тебя преимущественно это и имеет значение, потому и прибавил: “**Чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти**” (ст. 4). Что значит “**оправдание**”? Конец, цель, успех. Чего же закон желал, и что некогда производил? Чтобы человек был безгрешен. Это именно ныне совершено для нас Христом; Его дело было противостать и победить, а наше - воспользоваться победою. Итак, мы не согрешим, если не слишком ослабеем и не падем, почему (апостол) и присовокупил: “**В нас, живущих не по плоти**”. А чтобы ты, услышав, что Христос избавил тебя от греховной брани и что, после осуждения греха во плоти, исполнилось в тебе оправдание закона, не отверг всякое приготовление, апостол, как выше, сказав: “**никакого осуждения**”, присовокупил: “**живущих не по плоти**”, так и здесь то же самое прибавил к словам: “**чтобы оправдание закона исполнилось в нас**”, а лучше сказать, здесь прибавлено и нечто гораздо большее. Сказав: “**Чтобы оправдание закона исполнилось в нас,**

живущих не по плоти", присовокупил: "**но по духу**", давая тем разуметь, что должно не только воздерживаться от зла, но и украшаться добром. Дать тебе венец - дело Христово, а удержать данное - твое. Христос совершил для тебя то, в чем состояло оправдание закона, именно, чтобы ты не подлежал клятве.

6. Итак, не погуби этого дара, но постоянно сохраняй это прекрасное сокровище. Здесь (апостол) внушает тебе, что для нашего спасения недостаточно крещения, если после него не покажем жизни достойной этого дара. Таким образом, говоря и это, он опять защищает закон. И после того, как мы уверовали во Христа, надлежит все делать и исполнять, так чтобы оправдание закона, исполненное Христом, в нас пребывало, и не было уничтожено. "**Ибо живущие по плоти**, - говорит (апостол), **- о плотском помышляют, а живущие по духу - о духовном. Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные - жизнь и мир, потому что плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут**" (ст. 5-7). Но это не есть обвинение плоти. Пока она сохраняет собственное свое значение, не бывает ничего несообразного; когда же мы позволяем ей все, и она, преступив свои пределы, восстанет на душу, тогда все губит и портит не по собственной своей природе, но вследствие неумеренности и происходящего из нее беспорядка. "**А живущие по духу - о духовном. Помышления плотские суть смерть**". Не сказал: естество плоти или сущность тела, но – "**плотские помышления**", - то, что можно исправить и уничтожить. А говоря это, он не приписывает плоти собственного помышления, - нет, - но указывает на более грубое стремление ума, которому дает имя, заимствованное от худшей части человека, подобно тому как часто и целого человека вместе с душою обыкновенно называет плотью. "**А помышления духовные**". Опять и здесь говорит о духовном помышлении, как и ниже пишет: "**Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа**" (8:27), и показывает многочисленные блага, проистекающие из него для настоящей и будущей жизни. В сравнении со злом, какое производится плотским мудрованием, гораздо более добра доставляет духовное мудрование, что (апостол) и выразил, сказавши: "**жизнь и мир**". "**Жизнь**" - в противоположность прежде сказанному – "**Помышления плотские суть смерть**", а "**мир**" - в противоположность сказанному после, потому что, сказавши - "**мир**", присовокупил: "**Потому что плотские помышления суть вражда против Бога**", что хуже смерти. Потом, показывая, почему плотское мудрование есть смерть и вражда, говорит: "**Ибо закону Божию не покоряются, да и не могут**". Но не смущайся, слыша: "**да и не могут**", так как это затруднение легко разрешить. Под именем плотского мудрования (апостол) разумеет здесь помысел земной, грубый, пристрастный к житейскому и к худым делам, о котором говорит, что он не может покориться Богу. Какая же надежда на спасение, если, будучи злым, невозможно сделаться добрым? Но не это говорит (апостол), иначе как же сам Павел сделался столь великим? Как - разбойник? Как - Манассия? Как - ниневитяне? Как восстал Давид после своего падения? Как пришел в себя Петр, отрекшийся (от Христа)? Как блудный сын был причислен к стаду Христову? Как возвратили себе прежнее блаженство галаты, утратившие благодать? Итак, (апостол) не то говорит, что худому невозможно сделаться добрым, но то, что невозможно, оставаясь порочным, покориться Богу; а кто переменяется, тому, конечно, легко сделаться добрым и покориться Богу. Он не сказал, что человек не может покориться Богу, но говорит, что худой поступок не может быть добрым; это то же значит, что сказать: блудодеяние не может быть целомудрием, а порок - добродетелью. Так, когда (Христос) говорит в Евангелии: "**Не может … дерево худое приносить плоды добрые**" (Мф. 7:18), то Он не отрицает этим возможности перехода от порока к добродетели, а говорит только, что пребывание в пороке не может приносить добрых плодов. Он не сказал, что худое дерево не может сделаться хорошим, а говорит, что, оставаясь худым, оно не может приносить добрых плодов. А что худое может измениться, это (Христос) показал и здесь, и в другой притче, когда говорил о плевелах, сделавшихся пшеницею, почему и запрещает

их выдергивать, “**чтобы, выбирая плевелы,** - как сказал Он, **- вы не выдергали вместе с ними пшеницы**” (Мф. 13:29), то есть ту, которая из них будет. Итак, (апостол) плотским мудрованием называет порок, а духовным мудрованием данную благодать и деятельность, одобряемую благою волей, и рассуждает здесь вовсе не о существе и природе, а о добродетели и о пороке. Чего не мог ты сделать, находясь под законом, говорит (апостол), то можешь сделать ныне, - можешь ходить прямо и правильно, если получишь помощь от Духа. Недостаточно ведь еще не ходить по плоти, но должно ходить по Духу, потому что для нашего спасения нужно не только уклоняться от зла, но и делать добро. А это будет, если мы душу предадим Духу, а плоть убедим познавать свое положение. Таким образом, мы и ее сделаем духовной, равно как, если станем предаваться беспечности, сделаем душу плотской.

7. Так как дар сообщен не по естественной необходимости, но вручен по свободному произволению, то от тебя уже зависит сделаться тем или другим. (Христос) совершил все, что От Него зависело: грех не противовоюет закону ума нашего и не пленяет нас, как прежде, но все это миновало и исчезло, страсти скрылись, страшась и трепеща благодати Духа. Если же ты погашаешь свет, сталкиваешь возницу и изгоняешь кормчего, то самому себе приписывай причину обуревания волнами. А что теперь добродетель сделалась более исполнимой, потому и стремление к любомудрию увеличилось, ты можешь видеть из того, в каком состоянии находился род человеческий, когда господствовал закон, и в каком находится ныне, когда воссияла благодать. Что прежде казалось ни для кого невозможным, как то: девство, презрение смерти и других очень многочисленных страданий, то ныне с успехом исполняется повсюду в мире. Не только у нас, но и у скифов, фракиян, индийцев, персов и у других варварских народов есть лики дев, сонмы мучеников, общины монахов и монахинь, и притом в большем числе, чем живущих в брачном союзе, везде ревностное исполнение поста, обилие нищеты, а жившие под законом, кроме одного или двух примеров, не могли и во сне того себе представить. Итак, видя истину событий, взывающую громогласные трубы, не предавайся изнеженности и не теряй столь великой благодати. Беспечному и по принятии веры невозможно спастись. Подвиги сделались легкими для того, чтобы ты, совершая борьбу, побеждал, а не для того, чтобы дремал и величием благодати воспользовался как предлогом к нерадению, опять погрузившись в прежнюю тину грехов. Потому (апостол) и присовокупляет: “**Посему живущие по плоти Богу угодить не могут**” (Рим. 8:8). Итак, что же? Неужели, скажут, мы будем отсекать тело и станем разлучаться с плотью, чтобы угодить Богу? Неужели ты, ведя нас к добродетели, повелеваешь нам быть самоубийцами? Видишь ли, сколько рождается несообразностей, если сказанное (апостолом) мы станем понимать буквально? Под именем плоти Павел и здесь разумеет не тело, не сущность тела, а плотскую и мирскую жизнь, исполненную роскоши и распутства, которая целого человека делает плотью. Как окрыляемые Духом делают и самое тело духовным, так и удаляющиеся Духа, служащие чреву и удовольствиям, делают самую душу плотью, не изменяя ее сущности, но губя ее благородство. Такой образ выражения часто встречается и в Ветхом Завете и означает под именем плоти грубую и нечистую жизнь, исполненную гнусных удовольствий. Так и Ною было сказано: “**Не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть**” (Быт. 6:3). Хотя и сам Ной облечен был плотью, но быть облеченным плотью не составляло вины, так как это было естественно; преступно же возлюбить плотскую жизнь. Потому Павел говорит: “**Посему живущие по плоти Богу угодить не могут**”, и продолжает: “**Но вы не по плоти живете, а по духу**” (Рим. 8:9). И здесь опять разумеет не просто плоть, но такую плоть, которую увлекают страсти и предают мучению. Для чего же, спросишь, не сказал он именно так и не указал такого различия? Чтобы ободрить слушателя и показать, что не в теле будет жить тот, кто истинно живет. Так как всякому известно, что пребывание во грехе не свойственно духовному, то (апостол) указывает нечто большее, говоря, что духовный человек не

только не пребывает во грехе, но даже и не во плоти, - еще здесь делается ангелом, возносится на небо и просто носит только тело. Если же ты осуждаешь плоть за то, что (апостол) по имени ее называет жизнь плотскою, то таким образом будешь осуждать и мир, потому что по имени его часто называется порочная жизнь, как и Христос говорил ученикам: "**Вы не от мира**" (Ин. 15:19); и опять братиям Своим говорил: "**Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит**" (Ин. 7:7). И душу в таком случае придется назвать отчужденною от Бога, потому что (апостол) живущих в заблуждении наименовал душевными. Но не так это, - нет. Везде необходимо обращать внимание не просто на выражения, но на мысль говорящего, и нужно в точности понимать различие сказанного. Одно - добро, другое - зло, иное же - среднее; например, душа или плоть есть нечто среднее, и может сделаться как тем, так и другим. А дух всегда благ и никогда не делается чем-либо иным. Опять, плотское мудрование, то есть, порочное действие, всегда зло, так как не покоряется закону Божию. Итак, если ты отдашь душу и тело лучшему, то и сам будешь принадлежать к той же стороне, а если отдашь худшему, сделаешься участником гибели, происходящей отсюда, не по природе души или плоти, но по настроению, имеющему власть избирать то или другое. А что действительно это имеет такое значение, и в сказанном нет осуждения плоти, мы исследуем это точнее, опять обратившись к тому же выражению. "**Но вы не по плоти живете, а по духу**", - говорит.

8. Как это? Неужели они не были во плоти, но пребывали бестелесными? Какой же это может иметь смысл? Замечаешь ли, что он разумел плотскую жизнь? Для чего же не сказал: вы не во грехе пребываете? Чтобы ты узнал, что Христос не только угасил мучительство греха, но и плоть сделал более легкою и духовною, не чрез изменение ее природы, но посредством большего окрыления ее. Как железо от пребывания в огне само делается огнем, сохраняя собственную природу, так и у верующих, имеющих Духа, самая плоть перерождается в ту же деятельность, делаясь всецело духовною, во всем распинаемая и окрыляемая вместе с душою. Таково, например, было тело говорящего об этом (апостола), почему оно презирало всякую роскошь и удовольствия, а увеселялось голодом, побоями, узами и, терпя это, не скорбно. Свидетельствуя об этом, (Павел) говорил: "**Ибо …легкое страдание наше**" (2 Кор. 4:17), так было ему хорошо, и так он приучил плоть идти наравне с духом. "**Если только** (понеже) **Дух Божий живет в вас**". Слово – "**если только**" (понеже) (апостол) употребляет часто не для обозначения сомнения, но при полной уверенности и вместо "поелику", как, например, говоря: "**Ибо праведно пред Богом - оскорбляющим вас воздать скорбью**" (2 Фес. 1:6); и в другом месте: "**Столь многое потерпели вы неужели без пользы**" (Гал. 3:4). "**Если же кто Духа Христова не имеет**". Апостол не сказал: если вы не имеете, но неприятное отнес к другим - "**тот [и] не Его**" (Рим. 8:9), говорит.

"**А если Христос в вас**" (ст. 10). Опять говорит, что Христос в них. О неприятном упомянул кратко и в середине, а о приятном говорит и прежде, и после, притом во многих словах, так что смягчает первое. А, говоря об этом, он не называет Духа Христом, - нет, но показывает, что имеющий Духа не только принимает имя Христа, но и имеет в себе Самого Христа. Невозможно, чтобы Христос не находился там, где присутствует Дух. Где находится одно из лиц Троицы, там присутствует и вся Троица, Она Сама в Себе неразделима и теснейшим образом соединена. Что же будет, спрашиваешь ты, если Христос в вас? "**То тело мертво для греха, но дух жив для праведности**" (ст. 10). Видишь ли, сколько бедствий возникает от того, что не имеем в себе Духа Святого: смерть, вражда на Бога, невозможность угодить Его законам, невозможность принадлежать Христу, как должно, иметь Его в себе обитающим. Смотри также, сколько благ бывает, если имеем в себе Духа: принадлежать Христу, иметь в себе Самого Христа, соревновать ангелам. Это и значит - умертвить плоть, т.е. жить вечной жизнью, еще здесь на земле иметь залог воскресения и с легкостью идти стезею добродетели. (Апостол) не

сказал, что тело уже недеятельно в отношении греха, но - мертво для греха, чем и возвышает легкость подвигов. Тот (кто имеет Христа) увенчивается даже без дел и трудов. Потому (апостол) и присовокупил – "**для греха**", чтобы ты понял, что Он раз навсегда истребил порок, а не естество тела. В противном случае было бы уничтожено многое такое, что может быть полезно для души. Итак, не об этом говорит (апостол), но он желает, чтобы тело, живя и пребывая, было мертво. Когда наши тела в отношении телесной деятельности нисколько не отличаются от лежащих в могиле, это и есть знак того, что имеем в себе Сына, что в нас пребывает Дух. Но ты, услышав о смерти, не страшись, потому что имеешь в себе действительную жизнь, за которою не будет следовать никакая смерть. Такова жизнь Духа, она уже не покоряется смерти, но губит и истребляет смерть, и сохраняет бессмертным то, что получила. Потому (апостол), назвав тело мертвым, не сказал - Дух живит, но наименовал его жизнью, давая тем разуметь, что он может дать жизнь и другим. Потом опять, привлекая слушателя, говорит о причине и свидетельстве жизни: это есть праведность. Когда не бывает греха, не является и смерть, а когда нет смерти, бывает вечная жизнь. "**Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас**" (ст. 11). Опять (апостол) начинает говорить о воскресении, потому что надежда воскресения особенно поощряет слушателя и укрепляет его примером Христовым. Не страшись, говорит, того, что ты облечен смертным телом; имей в себе Духа, и тело несомненно воскреснет. Итак, что же? Разве не воскреснут тела, не имеющие Духа? А как же всем должно предстать пред судилище Христово? Как же будет достоверным учение о геенне? Ведь если не имеющие Духа не воскреснут, то нет и геенны. Итак, что значит сказанное (апостолом)? Все воскреснут, но не все в жизнь, а одни - в наказание, другие же - в жизнь. Потому не сказал: воскресит, но: "**оживит**", что обозначает больше, нежели воскресение, и даровано одним праведным. Указывая же причину этой чести, он прибавил, говоря: "**Духом Своим, живущим в вас**". Таким образом, если ты, живя здесь, утратишь благодать Духа и умрешь, не сохранив ее в целости, то без сомнения погибнешь, хотя и воскреснешь. Подобно тому, как (Христос), видя, что в тебе сияет Дух Его, не восхощет предать тебя наказанию, так, увидев, что Он в тебе угас, не согласится ввести тебя в брачный чертог, как и юродивых дев. Итак, не позволяй телу жить ныне, чтобы оно жило тогда; заставь его умереть, чтобы оно не умирало впоследствии. Если оно останется живым, оно не будет жить, а если умрет, будет тогда жить. Тоже будет и при всеобщем воскресении: тело сперва должно умереть и быть погребено, а потом сделаться бессмертным. Тоже совершилось и в крещении: сперва человек распят и погребен, а потом воскрес. Тоже было и с Господним телом: и оно было распято и погребено, а потом воскресло.

9. Итак, станем и мы делать это, будем непрестанно умерщвлять тело в делах его. Я говорю это не о сущности тела, - да не будет, - а о склонностях к порочным делам. Не терпеть ничего человеческого и не служить удовольствиям - в этом тоже состоит жизнь, а лучше сказать, это и есть единственная жизнь. А тот, кто покорился удовольствиям, не может уже и жить, вследствие возникающих отсюда беспокойств, страхов, опасностей и бесчисленного роя страстей. Придет ли ему мысль о смерти, он уже прежде смерти умер от страха; представится ли ему в уме болезнь, обида, бедность или что-нибудь другое из неожиданного, он уже погиб и уничтожен. Что может быть несчастнее такой жизни? Но не таков живущий Духом: он стоит выше и страхов, и скорби, и опасностей, и всякой перемены, потому что ничего не терпит, но, - что гораздо важнее, - презирает все, что бы ни случилось. Как же это бывает? Если Дух постоянно живет в нас, как и (апостол) не просто сказал, чтобы Дух на короткое только время пребывал в нас, но всегда жил, вследствие чего и не сказал: Дух живший, но живущий, означая тем постоянное пребывание. Итак, умерший для жизни есть преимущественно таковой (живущий Духом). По этой причине (апостол) и сказал: "**Дух жив для праведности**". А чтобы сказанное

было яснее, представим себе двоих людей - одного преданного роскоши, удовольствиям и житейской прелести, а другого умершего для всего этого - и посмотрим, кто из них больше живет. Пусть один из этих двоих будет весьма богат и знатен, кормит тунеядцев и льстецов, пирует и упивается и проводит в этом целые дни; а другой, живя в нищете, посте, в прочем суровом житии и любомудрии, только к вечеру принимает необходимую пищу, или, если хочешь, не ест по два и по три дня. Кто же у нас из этих двоих преимущественно живет? Хорошо знаю, что многие укажут на того, который веселится и расточает свои имущества, а мы называем того, который удовлетворяется умеренностью. Если же возникает еще спор и противоречие, то войдем в жилище каждого, и именно во время самого веселия, когда богач, по твоему мнению, живет в полном смысле, и, вошедши, посмотрим, в каком состоянии каждый из них находится: из дел их видно будет, кто жив и кто мертв. Итак, одного найдем за книгами, в молитве и в посте или бодрствующим за каким-либо другим необходимым делом, трезвящимся и беседующим с Богом, а другого найдем погруженным в пьянство и в состоянии нисколько не лучше мертвого; если же подождем до вечера, то увидим, что он еще больше бывает объят смертью и в таком состоянии застает его сон, между тем как первый проводит ночь без сна и бодрствует. Итак, о котором мы можем сказать, что он преимущественно живет, о том ли, который лежит в бесчувственном состоянии и служит для всех предметом смеха, или о том, кто трудится и беседует с Богом? Если ты подойдешь к первому и спросишь о чем-нибудь необходимом, то не услышишь ни слова, как от мертвого; а если пожелаешь побеседовать со вторым, хотя бы и ночью, или днем, то увидишь, что он походит более на ангела, нежели на человека, и услышишь, как он любомудрствует о небесных предметах. Видишь ли ты, что один живет выше всех живущих, а другой лежит в состоянии, которое хуже состояния умерших. Последний, если и примется за какое-нибудь дело, видит одно вместо другого и подобен безумным, а лучше сказать - несчастнее и этих. Если кто-нибудь обидит помешанного в уме, то все мы чувствуем сострадание к обиженному и порицаем обидчика, а если увидим, что кто-нибудь издевается над таким человеком, то не только не чувствуем к нему жалости, но и осуждаем самого лежащего. И, скажи мне, это ли жизнь? Не хуже ли она бесчисленных смертей? Видишь ли ты, что предающийся удовольствиям не только мертв, но даже хуже мертвеца и несчастнее сумасшедшего? Один возбуждает к себе жалость, а другой ненависть, один получает прощение, а другой подвергается наказанию за то именно, чем и болеет. Если же и по наружности так смешон человек, у которого течет гнилая слюна и от которого дурно пахнет вином, то представь, каково положение несчастной души, погребенной в таком теле, как в гробе. Видеть это - то же самое, как если бы кто-нибудь дал полную власть служанке варварского происхождения, безобразной и бесстыдной, издеваться и оскорблять девицу скромную, благоразумную, свободную, благородного происхождения и прекрасную. Таково пьянство.

10. Кто из имеющих ум не предпочел бы лучше тысячу раз умереть, чем прожить таким образом один день? На следующий день после такого смешного препровождения времени человек по видимому встает и трезвым, однако, и тогда не имеет совершенного целомудрия, так как его глаза подернуты еще туманом после бури пьянства. Положим даже, что он и совершенно трезв: какая от этого польза? Трезвость его непригодна ни к чему иному, как только заметит порицателей его. Пока он был в безобразном положении, то имел ту выгоду, что не чувствовал насмешек, а с наступлением дня лишается и этого утешения, потому что сам замечает, как слуги перешептываются, жена краснеет от стыда, друзья осуждают и враги насмехаются. Что может быть печальнее такой жизни - в течение дня служить посмешищем для всех, а вечером опять приводить себя в то же безобразное положение? Но что? Ты желаешь, чтобы я представил тебе в пример лихоимца? И лихоимство есть пьянство своего рода, даже более неприятное, а если оно есть пьянство, то, без сомнения, есть и смерть, притом гораздо хуже той смерти, так как и самое

опьянение сильнее. Не так гибельно упиться вином, как страстью к деньгам; там вред ограничивается болезнью и оканчивается бесчувственностью и гибелью самого упившегося, а здесь простирается на тысячи душ, всюду возбуждая различные нападения. Итак, противопоставим одно другому, посмотрим, что у них общего и в чем один превосходит другого, и сделаем сейчас сравнение обоих упившихся. Ведь с тем блаженным, живущих по Духу, их нельзя и сравнивать, а можно только рассматривать в отношении друг к другу. Итак, представим еще раз трапезу, за которой тысячи убийств. Что между ними общего и в чем они походят один на другого? В самом характере болезни: хотя вид пьянства различен, так как одно производится вином, а другое деньгами, но страсть одинакова, потому что они оба одинаково одержимы безумной похотью. Как упивающийся вином, чем больше выпьет чаш, тем больше их желает, так и любящий деньги, чем больше приобретает, тем сильнее разжигает пламя страсти и тем большею томится жаждою. В этом они имеют сходство между собою, а в другом сребролюбец, в свою очередь, имеет преимущество. В чем же именно? В том, что один переносит нечто сообразное с природою, потому что вино имеет горячительное свойство и, усиливая врожденную сухость, таким образом производит у пьяных жажду. А лихоимец вследствие чего постоянно желает большого? Отчего происходит, что когда он больше обогащается, тогда живет в большей нищете? Страсть эта неудобопонятна и походит больше на загадку. Но посмотрим на них, если угодно, когда опьянение их прошло; впрочем, сребролюбца никогда и нельзя увидеть по окончании пьянства, он всегда находится в состоянии опьянения. Итак, посмотрим на них обоих в состоянии опьянения, разберем, кто из них смешнее, и изобразим их самыми точными чертами. Представим себе человека, потерявшего рассудок от вина, как он при наступлении вечера смотрит во все глаза и никого не видит, как бесцельно и без причины блуждает кругом, натыкается на встречающихся, изрыгает, как он растрепан и обнажен до бесстыдства, как жена, дочь, служанка и все много смеются над ним. Выведем также на средину и сребролюбца. Здесь поступки достойны не только смеха, но и проклятия, сильного гнева и бесчисленных громов. Впрочем, рассмотрим пока одно смешное. И сребролюбец, подобно пьяному, никого не узнает, ни друзей, ни недругов, также слеп, хотя смотрит во все глаза, и как тот везде видит вино, так этот везде видит деньги. Изрыгаемое им гораздо гнуснее, потому что он извергает из себя не пищу, но слова хулы, оскорблений, вражды и смерти, привлекая тем на свою голову тысячи небесных молний. Как у пьяного тело бывает синее и расслабленное, такова же у сребролюбца душа, а лучше сказать, и самое тело у него не свободно от этой болезни, но подвержено ей в большей степени, потому что хуже вина изъедают и постепенно истощают его заботы, гнев, бессонница. Одержимый пьянством может хотя ночью протрезвиться, а сребролюбец пьян постоянно, и днем и ночью, и в бодрственном состоянии и во сне, подвергаясь наказанию больше всякого узника и работающих в рудниках или даже другому более тяжелому мучению.

11. Скажи же теперь - жизнь ли это, а не смерть ли, или - не хуже ли и всякой смерти? Смерть доставляет покой телу, избавляет от насмешек, стыда и грехов, а эти два рода пьянства ввергают во все это, заграждают слух, ослепляют глаза и держат рассудок в большом мраке. Сребролюбец ни о чем не хочет ни слышать, ни говорить, как только о прибыли и росте на прибыль, о бесстыдных барышах, о ненавистных торговых заведениях, о делах приличных рабам, а не свободному человеку; как собака, он на всех лает, всех ненавидит, от всех отвращается, против всех враждует без всякой к тому причины, восстает на бедных, завидует богатым, ни с кем не водит дружбы. Если он имеет жену, детей и друзей и если из всего этого нельзя извлечь ему для себя выгоды, то они являются ему врагами более злыми, чем враги действительные. Что может быть хуже такого безумия? Что несчастнее того, когда человек сам себе всюду устраивает утесы, подводные камни, стремнины, пучины и бесчисленные бездны, когда он имеет одно только тело и служит одному чреву? Если тебя привлекают к общественным делам, ты

избегаешь этого, опасаясь больших издержек, а сам на себя налагаешь тысячи дел, которые гораздо труднее общественных, совершаешь маммоне служения, которые не только более убыточны, но и более опасны, и приносишь этому злому мучителю не только деньги, телесный труд, душевные мучения и скорби, но и самое тело свое, чтобы у тебя, жалкий и бедный человек, от этого варварского рабства что-нибудь прибавилось. А разве ты не видишь, сколько людей относится на кладбище каждый день, не видишь, что они идут в могилу нагими и лишенными всего и не только не имеют возможности взять ничего из своей собственности, но и то, чем прикрыты, должны уступить червям? Смотри же на них ежедневно и, может быть, это укротит твою страсть, если только, вследствие издержек на погребение, не будешь безумствовать еще больше: ведь страсть жестока, болезнь ужасна. Потому-то и мы в каждое ваше собрание беседуем об этом и постоянно оглашаем ваш слух, чтобы хотя вследствие повторения мог получиться какой-нибудь успех. Но не возражайте: эта разновидная страсть готовит вам многие мучения не только в будущий день, но и прежде его. Стану ли говорить о тех, кто постоянно находится в узах, или кто одержим долговременною болезнью, или борется с голодом, или о ком-либо другом, - ни о ком не смогу сказать, что он терпит столько же, сколько сребролюбцы. Что может быть ужаснее - для всех представляться ненавистным и всех ненавидеть, ни к кому не относиться хорошо, никогда не быть сытым, всегда терпеть жажду, непрестанно бороться с голодом, который гораздо тяжелее обыкновенного, иметь ежедневные скорби, никогда не быть в здоровом уме, постоянно находиться в волнении и тревогах? Все это и еще больше этого переносят сребролюбцы: в случае прибыли, хотя бы получили и владеют всем, они не чувствуют никакого удовольствия, потому что желают большего, а в случае ущерба, хотя бы потеряли один оболь, они представляют себе, что ни с кем не случалось большего несчастья, как будто они потеряли и самую жизнь. Какое слово может изобразить это зло? А если такова здешняя участь сребролюбца, то помысли, что ожидает его по смерти: лишение Царства, геенские муки, вечные узы, внешний мрак, ядовитый червь, скрежет зубов, скорбь, теснота, огненные реки, никогда неугасающая пещь. Собразив все это, и сравнив с удовольствием от денег, исторгни с корнем эту болезнь, чтобы, получивши истинное богатство и освободившись от ужасной этой нищеты, достигнуть тебе и настоящих и будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 14

“Итак, братия, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти; ибо если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете” (8:12,13).

1. Показав, какова награда духовной жизни, которая вселяет в нас Христа, оживотворяет мертвенные тела, окрыляет к небу, делает стезю добродетели более удобной, (апостол) необходимо потом представляет увещание, говоря: итак, мы не должны жить по плоти. Впрочем, он не так сказал, а гораздо выразительнее и сильнее, говоря, что мы должники Духу, - словами: “**мы не должники плоти**” он именно на это указал. И всюду он это раскрывает, доказывая, что все, совершенное для нас Богом, было не по долгу, а по одной только благодати, все же происходящее после этого от нас, есть не дар, а долг. На это он намекает, когда говорит: “**Вы куплены [дорогою] ценою; не делайтесь рабами человеков**” (1 Кор. 7:23), и то же самое показывает, когда пишет: “**Вы не свои**” (1 Кор. 6:19). И о том же самом упоминает еще в другом месте, говоря: “**Если один умер за всех, то все умерли**”, и: “**За всех умер, чтобы живущие уже не для себя жили**” (2 Кор. 5:14,15). То же подтверждает и здесь словами: “**мы …должники**”. Потом, так как сказал, “**мы не должники плоти**”, то, чтобы ты опять не отнес этого к существу плоти, он не остановился на этом, но присовокупил: “**чтобы жить по плоти**”. Многое обязаны мы

делать и для плоти: питать ее, греть, покоить, лечить в болезни, одевать и оказывать ей множество других услуг. Итак, чтобы ты не подумал, что (апостол) запрещает такое служение плоти, он, сказав: “**мы не должники плоти**”, поясняет это, говоря: “**чтобы жить по плоти**”. Запрещаю, говорит он, иметь такое попечение о плоти, которое доводит до греха, а с другой стороны, желаю, чтобы были заботы и о ней, что он и разъяснил впоследствии. А именно, сказав: “**и попечения о плоти не превращайте**”, не остановился на этом, но присовокупил: “**в похоти**” (Рим. 13:14). Тому же и здесь учит, говоря: пусть и плоть будет предметом попечения, потому что мы должники ее в этом, но, конечно, не станем жить по плоти, то есть не станем делать ее госпожою нашей жизни. Необходимо, чтобы она шла позади, а не впереди, чтобы она не управляла нашей жизнью, а принимала законы Духа. Итак, определив это и подтвердив, что мы должники Духа, потом показывая, должниками каких благодеяний мы состоим, (апостол) говорит не о прошедшем, но о будущем, в чем и должно особенно дивиться его благоразумию. Хотя и прежних благодеяний было достаточно, но, однако же, он не представляет их теперь и не говорит о неизреченных тех милостях, а указывает на будущие. Многих обыкновенно трогает не столько оказанное уже прежде благодеяние, сколько ожидаемое и будущее. Намереваясь же (говорить о будущих благодеяниях, апостол) сперва устрашает скорбными и худыми последствиями плотской жизни и говорит так: “**Ибо если живете по плоти, то умрете**”, разумея здесь смерть бессмертную, то есть наказание и мучение в геенне. Лучше же сказать, - если тщательно рассмотреть это, - живущий по плоти мертв даже и в здешней жизни, как было уже вам объяснено нами в предыдущей беседе. “**А если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете**”. Замечаешь ли ты, что он говорит не о природе тела, но о плотских делах? Он не сказал: "если Духом умерщвляете телесное естество, будете живы", но – “**дела**” и притом не все, а порочные, это ясно и из последующего, где он говорит: если сделаете это, будете живы. Да и как это было бы возможно, если бы он говорил о всех делах вообще? Ведь и видеть, и слышать, и говорить, и ходить - есть плотское дело; и если станем умерщвлять такие дела, то настолько отрешимся от жизни, что подвергнемся обвинению и в самоубийстве. Итак, какие же дела (апостол) повелевает умерщвлять? Те, которые приводят к пороку, клонятся ко злу, которых невозможно умертвить иначе, как Духом. Убивши же другие дела, можно убить и себя самого, что не позволительно, а эти дела умерщвляются только Духом. Если Дух является, все волнения утихают, все страсти усмиряются и ничто не восстает против нас. Заметил ли ты, как (апостол) увещевает нас будущими благами (о чем я сказал выше) и доказывает, что мы должники не в силу только сделанного уже для нас? Благодеяние Духа, говорит он, состоит не только в том, что Он отпустил нам прежние грехи, но и в том, что соделывает нас и в будущем непобедимыми для греха и удостаивает бессмертной жизни. После того, указывая на новую награду, присовокупил: “**Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии**” (Рим.8:14).

2. Этот венец гораздо важнее прежнего. Потому не просто сказал: все живущие Духом Божиим, но - “**Ибо все, водимые Духом Божиим**”, чем выражает свое желание, чтобы Дух Божий был господином нашей жизни, как кормчий управляет кораблем, или возница парой коней. Не на одно тело, но и на душу (апостол) налагает такую узду. Он не желает, чтобы душа господствовала, но власть ее подчинил силе Духа. Чтобы (римляне), уповая на дар крещения, не пренебрегли последующей своей жизнью, (апостол) говорит, что, хотя ты и принял крещение, однако, если после этого не будешь водиться Духом, то утратишь дарованное тебе достоинство и право усыновления. Потому не сказал - те, которые приняли Духа, но: “**Ибо все, водимые Духом Божиим**”, **-** т.е., те, которые так живут в продолжение целой жизни, **-** “**суть сыны Божии**”. А как это достоинство дано было и иудеям, потому что сказано: “**Я сказал: вы - боги, и сыны Всевышнего - все вы**” (Пс. 81:6); и еще: “**Воспитал и возвысил сыновей**” (Ис. 1:2); и опять: “**Израиль [есть] сын Мой, первенец Мой**” (Исх. 4:22), а также сам Павел говорит: “**Которым**

принадлежат усыновление" (Рим. 9:4 – стояла сноска: 4:4), то он и раскрывает, какое существует различие между той и другой честью. Хотя названия одни и те же, говорит он, но дела не одни и те же. И ясное доказательство этого представляет в сравнении и благоуспевших, и сообщенных даров, и будущих наград. И, во-первых, показывает, какие дары сообщены были иудеям. Какие же именно? - Дух рабства. Потому присовокупил: "**Потому что вы не приняли духа рабства, [чтобы] опять [жить] в страхе** (Рим. 8:15). Потом, не сказавши о противоположном рабству, то есть, духе свободы, указал на то, что гораздо важнее, - именно на дух усыновления, чрез который сообщается и дух свободы, говоря: "**Но приняли Духа усыновления**". Понятно, что значит дух усыновления, но что такое дух рабства, это непонятно, а потому необходимо это объяснить, тем более, что сказанное (апостолом) не только неясно, но даже совершенно невразумительно. Ведь народ иудейский не получил Духа, - о чем же говорит здесь (Павел)? Так он назвал письмена, потому что они были духовны, а равно и закон духовен, и вода из камня, и манна: "**И все ели**, **-** говорит, **- одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питие**" (1 Кор. 10:3). И камень называет также духовным, говоря: "**Ибо пили из духовного последующего камня**" (1Кор. 10:4). Так как все эти действия были сверхъестественны, то (апостол) назвал их духовными, хотя участвовавшие тогда в них и не приняли Духа. Почему же ветхозаветные письмена были письменами рабства? Рассмотри всю жизнь иудеев и тогда ясно узнаешь это. У них и наказания воздавались вскоре, и награда следовала тотчас, будучи соразмерной и подобной какому-то ежедневному содержанию, выдаваемому слугам; повсюду пред взором их предносился сильный страх, строго соблюдались телесные омовения, до воздержания в поступках включительно. У нас же не так, но очищается помысел и совесть. (Христос) не говорит только - не убивай, но и - не гневайся, или не только - не прелюбодействуй, но и - не смотри нечистым оком, чтобы мы не из страха настоящего наказания, а из любви к Нему приобретали навык в добродетели и успевали во всем прочем. (Бог) не обещает земли, текущей медом и молоком, но делает нас сонаследниками Единородного, всеми мерами отклоняя нас от настоящих благ и обещая преимущественно даровать такие, какие свойственно получить сделавшимся сынами Божиими; у нас ничего нет чувственного, ничего телесного, но все духовно, иудеи, хотя и назывались сынами, но как рабы, а мы, как сделавшиеся свободными, получили усыновление и ожидаем себе неба; с иудеями (Бог) беседовал чрез других, а с нами Сам лично. Иудеи все делали, побуждаемые страхом наказания, а духовные все делают по желанию и любви и доказывают это тем, что преуспевают сверх предписанного в заповедях. Иудеи, как наемники и неблагодарные, никогда не переставали роптать, а христиане угождают Отцу; те, будучи облагодетельствованы, богохульствовали, а мы и в опасностях благодарим. Хотя грешникам и теперь должно подвергнутся наказанию, но и в этом большое различие, иудеев священники побивали камнями, сжигали и подвергали отсечению членов тела; равно и мы подлежим взысканию, но для нас достаточно отлучения от Отчей трапезы и удаления от созерцания ее на определенное число дней. Для иудеев усыновление было только честью наименования, а у нас за этим следует и дело - очищение посредством крещения, дарование Духа и ниспослание прочих благ. К этому можно прибавить много и других доказательств нашего благородства и их незначительности. Апостол, все это обозначив словами - Дух, страх и усыновление, представляет и другое доказательство того, что мы имеем духа усыновления. Какое же именно? "**Которым взываем: "Авва, Отче!"**".

3. Насколько это важно - о том хорошо знают просвещенные, так как им в таинственной молитве повелевается прежде всего произносить это изречение. Итак, что же? Разве иудеи не называли Бога Отцем? Не слышишь ли, что говорит Моисей: "**Заступника, родившего тебя, ты забыл**, и не помнил Бога, создавшего тебя" (Втор. 32:18)? Не слышишь ли, как Малахия укоряет и говорит: "**Не один ли у всех нас Отец? Не один ли Бог сотворил**

нас" (Мал. 2:10)? Но хотя бы были приведены и другие многие изречения (Писания), однако, мы нигде не найдем того, чтобы иудеи называли Бога именем Отца и молились Ему. У нас же и священникам, и мирянам, и начальникам, и подчиненным - всем повелено так молиться. И это есть первое слово, которое мы произносим после чудесного того рождения и после нового и необычайного порядка вскормления. Притом, если иудеи когда-нибудь называли Бога Отцем, то по собственному разумению, а живущие по благодати называют так, побуждаемые силою Духа. Как есть дух мудрости, посредством которого немудрые сделались мудрыми, что и обнаружилось в учении, как есть дух силы, посредством которого немощные воскрешали мертвых и изгоняли бесов, есть также дух дара исцелений, дух пророчества и дух языков, так есть и дух усыновления. И как о духе пророчества мы знаем, что имеющий его предсказывает будущее, изрекая не от своего ума, но движимый благодатью, так должно сказать и о духе усыновления, что принявши его именует Бога Отцем, побуждаемый Духом. Апостол, желая показать истинное наше происхождение, употребил и еврейское выражение, он не сказал только - Отче, но - "Авва, Отче!", как преимущественно законные дети называют отца. Итак, сказавши о различии в жизни, в дарованной благодати и свободе, (апостол) представляет и новое доказательство превосходства, получаемого от этого усыновления. Какое же именно? "**Сей самый Дух, -** говорит он, **- свидетельствует духу нашему, что мы - дети Божии**" (Рим. 8:16). Я утверждаю это, говорит он, не только на основании слова, но и на основании причины, порождающей слово, так как произношу это по внушению Духа. Это (апостол) еще яснее выразил в другом месте, сказавши: "**Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: "Авва, Отче!"**" (Гал. 4:6). Что же значит – "**Дух свидетельствует духу нашему**"? Утешитель, говорит (апостол), свидетельствует о сообщенном нам даровании. Это - не только голос дарования, но и голос Утешителя, подавшего дар; Он Сам посредством дарования научил нас произносить это слово. А когда свидетельствует Дух, какое может быть недоумение? Если бы это обещал человек, или ангел, или архангел, или другая какая-нибудь подобная сила, то для некоторых сомнение, пожалуй, было бы возможно, но, когда высочайшее Существо и даровало это, и свидетельствует нам об этом тем словом, которое повелено произносить в молитве, тогда кто может сомневаться в достоинстве? Когда царь кого-нибудь жалует и пред всеми объявляет о его чести, то осмелится ли кто-нибудь из подданных ему противоречить? "**А если дети, то и наследники**" (ст. 17), - продолжает (апостол). Замечаешь ли, как он постепенно увеличивает дар? Так как можно быть детьми и не сделаться наследниками (ведь не все дети бывают наследниками), то (апостол) присовокупляет еще: "**и наследники**". Иудеи, помимо того, что не были усыновлены, как мы, еще лишены были и наследства: "**Злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям**" (Мф. 21:41). А прежде того (Христос) сказал: "**Что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном, а сыны Царства извержены будут**" (Мф. 8:11,12). Но (апостол) и на этом не останавливается, а прибавляет нечто большее. Что же именно? То, что мы наследники Божии, почему и присовокупил: "**наследники Божии**". И что еще важные, не просто наследники, но и "**сонаследники же Христу**". Видишь ли, как (апостол) старается приблизить нас ко Владыке? Так как не все дети бывают наследниками, то он показывает, что мы и дети, и наследники. Далее, так как не все наследники бывают наследниками великих деяний, то он показывает, что мы и это имеем, будучи наследниками Бога. И опять, так как можно быть наследником Бога, но не сонаследником Единородного, то показывает, что мы и это имеем. И заметь мудрость (апостола): когда он говорил о том, что потерпят живущие по плоти, он не распространился в описании скорбей, а сказал только, что они умрут, а, коснувшись обетований, говорит гораздо обширнее, упоминает о воздаянии наград и перечисляет различные и великие дары. Если и быть сыном - неизреченная благодать, то представь, насколько важно быть притом и наследником. А если это важно, то гораздо выше быть сонаследником. Потом, желая показать, что все это не есть дар одной благодати, и вместе

придать более достоверности словам своим, (апостол) присовокупил: “**Если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться**” . Если мы, говорит (Павел), участвовали (со Христом) в скорбях, тем более будем участвовать в радостях. Тот, Кто одарил такими великими благами еще не оказавших никаких заслуг, не тем ли более вознаградит их, когда увидит, что они и потрудились, и столько страдали?

4. Итак, доказав, что воздаяние действительно существует, апостол, чтобы речь его получила достоверность и чтобы никто не сомневался, снова доказывает, что оно имеет также силу благодати, - отчасти для того, чтобы и сомневающиеся поверили сказанному, и поверившие не стыдились, будто бы они всегда спасаются по милости, отчасти для того, чтобы ты знал, сколько воздания Божии превосходят труды твои. Первое он выразил, сказав: “**Если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться**”, а относительно второго прибавил, говоря: “**Нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас**” (ст. 18). В предыдущих словах (апостол) требует духовного исправления нравов, когда говорит: вы не должны жить по плоти, то есть должны удаляться похоти, гнева, сребролюбия, тщеславия, зависти; а теперь, после того как напомнил верующему о всем данном ему даре, имеющем значение и для будущего, после того как укрепил и возвысил его упованиями, поставил близ Христа и объявил сонаследником Единородного, теперь смело выводит его на бедствия. Не одно ведь и то же побеждать страсти, в нас возникающие, и переносить внешние искушения - побои, голод, лишение имущества, заточения, оковы, ведение на казнь. Для последнего много нужно благородства души и бодрости. И заметь, как (апостол) вместе принижает и возвышает мудрование подвизающихся. Всякий раз, как он указывает на то, что награды выше трудов, он побуждает к большим трудам и не допускает высоко о себе думать, как побеждаемых воздаянием венцов. И в другом месте он говорит: “**Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу**” (2 Кор. 4:17). Эта речь у него была к более любомудрым; здесь же он не признает страданий легкими, а утешает в них воздаянием будущих благ, говоря: “**Что нынешние временные страдания ничего не стоят**”. И не сказал: ничего не стоят в сравнении с будущей радостью, но - что гораздо сильнее - в сравнении с будущею славою. Где радость, там не всегда бывает и слава, а где слава, там, конечно, и радость. Потом, сказав, что слава есть будущая, доказывает, что она уже и существует. Не сказал: в сравнении с тою, которая будет, но: “**которая откроется**”, т.е., она и теперь есть, но скрыта, что яснее он выразил в другом месте, сказав: “**Жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге**” (Кол. 3:3). Итак, уповай на эту славу: она уже готова и ожидает твоих трудов. Тебя печалит то, что она еще впереди, но это самое и должно радовать тебя, так как там уготована слава великая, неизреченная и превосходящая настоящее твое состояние. (Апостол) не без цели сказал: “**Нынешние временные страдания**”, но с намерением показать, что будущая слава превосходит настоящую, не только качеством, но и количеством. Нынешние страдания, каковы бы они ни были, прекращаются с настоящею жизнью, а будущие блага простираются на бесконечные века. И так как (апостол) не мог подробно исчислить и изобразить их словом, то наименовал их славою, которая в особенности представляется для нас приятною, потому что почитается вершиною и главою всех благ. (Апостол) и другим способом ободряет слушателя и усиливает речь указанием на творение, имея в виду в следующих словах две цели: внушить презрение к настоящему и - желание будущего; вместе с этим он имеет и третью цель, которую правильнее назвать первою, - именно показать, насколько любезным является Богу человеческий род и в какой чести у Него естество наше. Кроме того, одним этим учением (апостол), как паутину и детские игрушки, ниспровергает все толки философов, составленные ими об этом мире. Но, чтобы это было более ясно, выслушаем собственные апостольские слова. “**Ибо тварь с надеждою ожидает, -** говорит, **- откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего**

ее, в надежде" (ст. 19,20). (Апостол) говорит здесь о следующем: тварь эта сильно мучится, чая и ожидая тех благ, о которых мы теперь сказали - чаяние и есть сильное ожидание. А чтобы речь была выразительнее, (апостол) олицетворяет весь этот мир, как делают и пророки, говоря, что реки рукоплещут, холмы скачут, горы прыгают, - но не затем, чтобы мы считали их одушевленными и приписывали им какой-нибудь помысел, но для того, чтобы мы заключали о преизбытке благ, простирающихся и на самые бесчувственные твари.

5. То же самое (пророки) нередко делают и при изображении чего-нибудь печального, говоря, что виноградник плачет, вино, горы и своды в храмах громко шумят, - чтобы мы опять поняли чрезмерность зол. И апостол, подражая (пророкам), олицетворяет здесь творение и говорит, что оно стенает и мучится не потому, чтобы действительно он услышал стенание земли и неба, но с целью выразить изобилие будущих благ и желание освобождения от настоящих зол. "**Тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее**". Что значит – "**тварь покорилась суете**"? Сделалась тленною. Для чего же и по какой причине? По твоей вине, человек. Так как ты получил смертное и подверженное страданиям тело, то и земля подверглась проклятию, произрастила терния и волчцы. А что и небо, обветшавшее вместе с землею, впоследствии будет иметь лучший жребий, послушай, как говорит об этом пророк: "**В начале Ты, основал землю, и небеса - дело Твоих рук; они погибнут, а Ты пребудешь; и все они, как риза, обветшают, и, как одежду, Ты переменишь их, и изменятся**" (Пс. 101:26,27). И Исаия восклицает: "**Поднимите глаза ваши к небесам, и посмотрите на землю вниз: ибо небеса исчезнут, как дым, и земля обветшает, как одежда, и жители ее также вымрут**" (Ис. 51:6). Понял ли ты, как тварь послужила суете и как она освобождается от тления? Один говорит: "**Как одежду, Ты переменишь их, и изменятся**", а Исаия говорит: "**Жители ее также вымрут**", указывая не на совершенную гибель, так как живущие на земле, то есть люди, подвергнутся не конечной, а временной гибели, от которой перейдут в бессмертие; также и тварь. Все это (пророк) и выразил словами: "**также вымрут**". То же самое говорит и Павел впоследствии, а пока он рассуждает о рабстве и показывает, отчего оно произошло, и причиною считает нас самих. Итак, что же? Неужели тварь, подвергаясь этому из-за другого, оскорблена? Нисколько, потому что она для меня и существует. А если она существует для меня, то каким образом она может подвергаться обиде, как скоро переносит это для моего исправления? Да и вообще, к неодушевленному и бесчувственному не следует и прилагать понятия о справедливом и несправедливом. Но Павел, после того как олицетворил тварь, и не входит в дальнейшие рассуждения по поводу сказанного, а спешит как можно более утешить слушателя другою мыслию. Какою же именно? Что ты говоришь? рассуждает он: неужели тварь чрез тебя потерпела зло и стала тленною? Но ей не причинено этим никакой обиды, потому что чрез тебя же она опять будет нетленною, как это и указано словом – "**в надежде**". Когда же говорит – "**покорилась … не добровольно**", то этими словами он вовсе не показывает, что тварь владеет разумом, но вразумляет тебя, что все было делом попечения Христова, а не ее заслуги. Дальше (апостол) говорит, в какой надежде (тварь покорилась суете). "**Что и сама тварь освобождена будет**" (ст. 21). Что значит: "**сама**"? Не ты один, но то, что ниже тебя, что не имеет ни разума, ни чувства, - и то будет с тобою участвовать в благах. "**Освобождена будет, -** говорит (апостол), **- от рабства тлению**", то есть, не будет уже тленной, но сделается соответственной благообразию твоего тела. Как тварь сделалась тленною, когда тело твое стало тленным, так и тогда, когда тело твое будет нетленным, и тварь последует за ним и сделается соответственною ему. Выражая это, (апостол) прибавил: "**В свободу славы детей Божиих**", то есть посредством свободы. Как кормилица, воспитавшая царского сына, когда он получит отеческую власть, наслаждается вместе с ним благами, так и тварь, по словам апостола. Видишь ли ты, что человек всюду бывает впереди и что все для него делается? Замечаешь ли, как (апостол)

утешает подвизающегося и доказывает неизреченное Божие человеколюбие? Зачем скорбишь по поводу искушений? говорит он. Ты терпишь сам за себя, а тварь за тебя терпит. И не только утешает, но и доказывает достоверность сказанного им. Если надеется тварь, которая из-за тебя стала тем, что она теперь, тем более надейся ты, чрез которого тварь будет наслаждаться всеми теми благами. И люди обыкновенно одевают слуг в лучшее платье ради чести сына, когда ему нужно показаться во всем своем достоинстве. Так и Бог облекает тварь нетлением в свободу славы чад. "**Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне**" (ст. 22).

6. Замечаешь ли, как (апостол) стыдит слушателя, говоря как бы так: не будь хуже твари и не прилепляйся к настоящему. Тебе не только не должно прилепляться, но и нужно воздыхать по поводу замедления в твоем преселении отсюда. Если и тварь так делает, тем более прилично это тебе, одаренному разумом. Но этого еще мало, чтобы пристыдить тебя, потому (апостол) присовокупил: "**И не только [она], но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем**" (ст. 23), то есть как предвкусившие уже будущих благ. Хотя бы кто был и каменным человеком, все же дарованного нам уже достаточно, чтобы возбудить, отвлечь от настоящего и сугубо окрылить к будущему, - как тем, что дарованное велико, так и тем, что эти столь великие и многие дары только начаток. Если же начаток таков, что чрез него можно освободиться от грехов и достигнуть праведности и освящения, а (апостолы) изгоняли бесов и своею тенью, и одеждами воскрешали мертвых, то представь, каковы все будущие блага. И если воздыхает тварь, которая лишена разума и дара слова и которая о всем этом не имеет никакого познания, то тем более должны воздыхать мы. Но, чтобы еретики не имели повода думать, что (апостол) осуждает все настоящее, он говорит далее: мы воздыхаем не потому, что осуждаем настоящее, но потому, что желаем большего. Это самое выразил он словами: "**ожидая усыновления**". Что ты говоришь, Павел? Почему ты постоянно обращаешься взад и вперед, то восклицаешь, что мы стали уже сынами, то опять причисляешь это благо к предметам надежды и пишешь, что нам еще должно получить его? Итак, исправляя это последующим, (апостол) прибавляет: "**искупления тела нашего**", то есть совершенной славы. Теперь участь наша, до последнего нашего издыхания, находится в тайне, потому что многие из сынов делались потом псами и пленниками. А когда мы переселимся отсюда с доброю надеждою, тогда дар сделается неотъемлемым, более явным и великим, тогда не будет и страха, что грех и смерть могут изменить его. Тогда только благодать сделается безопасною, когда и тело наше освободится от смерти и бесчисленных страданий. Слово - "**искупления**" значит не простой выкуп, но такой, после которого уже нельзя возвратиться в прежний плен. А чтобы ты не впадал в недоумение, непрестанно слыша о славе и не имея о ней ясного понятия, (апостол) в подробности раскрывает будущие блага, указывая на изменение твоего тела и соответственно с тем и всей твари. Это он яснее выразил в другом месте, сказав: "**Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его**" (Флп. 3:21). И в другом послании он пишет: "**Когда же …смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою**" (1 Кор. 15:54). А в доказательство того, что вместе с разрушением тела последует изменение в состоянии и всех предметов, участвующих в жизни, (апостол) написал в другом месте: "**Ибо проходит образ мира сего**" (1 Кор. 7:31). "**Ибо мы спасены в надежде**" (Рим. 8:24), - продолжает он. Так как (апостол) доселе вел речь об обетовании будущих благ, а для более немощного слушателя казалось прискорбным иметь лишь надежду на благо, то он сперва раскрыл, что будущие блага гораздо достовернее настоящих и видимых, много беседовал и о дарах уже сообщенных, и доказал, что мы получили начаток будущих благ, а затем, чтобы мы не искали всего здесь и не погубили своего благородства, приобретенного чрез веру, говорит: "**Ибо мы спасены в надежде**". Смысл этих слов следующий. Не нужно здесь всего искать, но нужно и надеяться. Ведь мы и принесли Богу только один тот дар, что

поверили Ему в обетование будущих благ, и только одним этим путем мы спаслись. Если мы потеряем этот путь, то погубим свое приношение. Спрашиваю тебя, говорит: не был ли ты виновен в бесчисленных худых делах? Не погибший ли ты человек? Не подлежишь ли ты приговору? Не все ли оказались бессильными спасти тебя? Итак, что спасло тебя? Одна только надежда на Бога, одна вера в то, что Он обещал и даровал: ты ничего большего не мог и принести в дар Богу. А если надежда спасла тебя, храни ее и теперь. Как скоро она доставила тебе столько благ, то очевидно, что не обманет тебя и относительно будущего. Если она, нашедши тебя мертвым, погибшим, пленником и врагом, сделала другом, сыном, свободным, праведным и сонаследником и доставила тебе столько благ, сколько никто никогда не ожидал, то, после столь великой щедрости и благосклонности, неужели она оставит тебя в последующих обстоятельствах? Итак, не говори мне: опять надежды, опять ожидания, опять вера. Таким образом ты спасся в начале и этот единственный дар ты принес жениху. Потому соблюдай его и храни. Если ты будешь требовать здесь всего, то погубишь свою заслугу, при посредстве которой ты прославился. Вот почему (апостол) и присовокупляет: “**Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться**” (ст. 24)? “**Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении**” (ст. 25), то есть, если всего будешь искать здесь, к чему тогда и надежда? Что же такое надежда? Твердая уверенность в будущем. Большего ли требует от тебя Бог, после того как Сам Он даровал тебе все Свои блага? Он требует от тебя одного только - надежды, чтобы и ты сам мог сколько-нибудь содействовать своему спасению. На это именно и намекает (апостол), говоря: “**Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении**”. Бог венчает надеющегося так же, как и того, кто трудится, бедствует и переносит бесчисленные напасти. Слово – “терпение” указывает на усилие в трудах и большое постоянство. Но однако, Бог и это даровал надеющемуся, чтобы утешить утружденную душу.

7. Потом, доказывая, что и для этого легкого труда мы пользуемся сильной помощью, (апостол) присовокупляет: “**Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших**” (ст. 26). Одно принадлежит тебе - именно терпение, а другое есть дарование Духа, поощряющего тебя к надежде и посредством ее облегчающего и труды твои. Потом, чтобы ты знал, что благодать не только сопутствует тебе в трудах и опасностях, но и содействует в самых легких, по-видимому, делах и во всем оказывает свою помощь, (апостол) присовокупил, говоря: “**Ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно**”. Этими словами (апостол) указывает на великое о нас промышление Духа и научает римлян не считать полезным все то, что таковым представляется по человеческому суждению. Так как христианам того времени, которых били и изгоняли и которые терпели бесчисленные бедствия, естественно было искать покоя, считать его полезным для себя и испрашивать у Бога такой благодати, то (апостол) говорит: не считайте для себя действительно полезным того, что вам таковым представляется. Ведь и в том, чтобы знать полезное для себя, мы имеем нужду в Божией помощи: настолько человек слаб и ничтожен сам по себе. Потому (апостол) и сказал: “**Ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно**”. А чтобы ученик не стыдился неведения, (апостол) открыл, что и сами учители находятся в неведении. Он не сказал: вы не знаете, но: “**мы не знаем**”. И что он сказал это не из скромности, обнаружил в других обстоятельствах. Он непрестанно просил Бога в молитвах своих о том, чтобы увидеть Рим, однако, это исполнилось не вдруг после его молитвы; также и о жале, данном ему во плоти, то есть о бедствиях, он часто молился и вовсе не получил просимого. Так и в Ветхом Завете не получили желаемого Моисей, просивший увидеть Палестину, Иеремия, молившийся за иудеев, Авраам, ходатайствовавший за содомлян. “**Но сам дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными**”. Сказанное неясно, вследствие того, что чудеса, которые были тогда многочисленны, теперь прекратились. Потому необходимо сказать вам о тогдашнем состоянии, и таким образом, речь будет более ясной. Каково же было тогдашнее состояние? Всем тем, кто тогда принимал

крещение, Бог сообщал различные дарования, которые вообще назывались духом. “**Духи пророческие послушны пророкам**” (1 Кор. 14:32). Один имел дар пророчества и предсказывал будущее; другой - дар мудрости и учил народ; иной - дар врачевания и исцелял больных; иной - дар силы и воскрешал мертвых; иной - дар языков и говорил на разных наречиях. Кроме всех этих даров, был и дар молитвы, который также назывался духом; кто имел этот дар, тот молился за весь народ. Так как мы, не зная многого полезного для нас, просим бесполезного, то дар молитвы нисходил на кого-нибудь одного из тогдашних христиан, который один за всех просил общеполезного для всей Церкви и учил других молиться. Итак, (апостол) называет здесь духом как самый дар, так и душу, которая получает его, ходатайствует пред Богом и воздыхает. Удостоенный такой благодати, встав с великим сокрушением, с сильными внутренними воздыханиями припадая к Богу, просил о том, что полезно для всех. Теперь знамением этого служит диакон, который приносит молитвы за народ. Указывая на это, Павел и говорил: “**Сам дух**[1] **ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца** знает, какая мысль у Духа” (Рим. 8:27). Видишь ли, что идет речь не об Утешителе, а о духовном сердце? В противном же случае надлежало бы сказать: испытующий же Духа. Но чтобы ты понял, что говорится о духовном человеке, имеющем дар молитвы, апостол и присовокупил: “**Испытующий же сердца знает, какая мысль у духа**”, то есть духовного человека. “**Потому что Он ходатайствует за святых по [воле] Божией**”. Ходатайствует не для того, рассуждает (апостол), что Богу неизвестны наши нужды, но чтобы мы научились молиться о том, о чем нужно, и просить у Бога угодного Ему: это и значит – “**по [воле] Божией**”. Таким образом, это делалось и для утешения присутствующих, и для наилучшего наставления, так как Тот, Кто сообщает дары и подает бесчисленные блага, был Утешитель. “**Все же сие**, **-** говорит (апостол), **-** **производит один и тот же Дух**” (1 Кор. 12:11). И это бывает для нашего научения и для того, чтобы явить любовь Духа, Который нисходит к нам до такой степени. Потому молящегося слушали все, так как молитва совершалась по воле Божией. Видишь ли, сколько уроков преподает им (апостол) о любви Бога к ним и о чести, им оказываемой.

8. В самом деле, чего не сделал для нас Бог? Для нас Он создал мир тленный, для нас и нетленный; для нас соизволил, чтобы пророки терпели напасти, для нас послал в пленение, для нас попустил впасть в пещь и претерпеть бесчисленные страдания. Для нас самих создал пророков, для нас - и апостолов; для нас предал Единородного, для нас наказывает диавола, нас посадил одесную, за нас терпел поругания, потому что говорит: “**Злословия злословящих Тебя падают на меня**” (Пс. 68:10). Но, однако, если мы и после этого отступаем от Него, Он не оставляет нас, но опять призывает и располагает других просить за нас, чтобы даровать нам благодать Свою, как и было при Моисее, которому Бог сказал: “**Оставь Меня, … и истреблю их**” (Исх. 32:10), чтобы тем побудить его ходатайствовать за иудеев; и теперь Он делает то же самое, почему и сообщает дар молитвы. (Бог) делал это не потому, что Сам нуждается в нашей молитве, но для того, чтобы мы, спасаясь без молитв, не сделались худшими. По этой, конечно, причине Он неоднократно говорит, что примиряется с иудеями для Давида, для того или другого, делая опять и это с той целью, чтобы примирению дать вид законности, хотя Он более показывал бы Себя человеколюбивым, если бы говорил, что прекращает гнев Свой на иудеев Сам по Себе, а не для того или другого. Но (Бог) не столько об этом заботился, сколько о том, чтобы самая причина примирения не послужила для спасаемых поводом к беспечности. Так, сказав Иеремии: “**Не возноси за них молитвы и прошений; ибо Я не услышу**” (Иер. 11:14), Он желал не того, чтобы (пророк) перестал молиться (ведь Бог весьма желает нашего спасения), но чтобы устрашить иудеев; потому пророк, узнавши это, не перестал молиться. А чтобы тебе убедиться, что это сказано с намерением пристыдить (иудеев), а не (пророка) отклонить от молитвы, послушай, что говорит (Бог): разве не видишь, что делают они? И когда говорит городу (Иерусалиму): “**Хотя бы ты**

умылся мылом и много употребил на себя щелоку, нечестие твое отмечено предо Мною" (Иер. 2:22), то не в отчаяние хочет ввергнуть, но побудить к покаянию. Как ниневитян Он устрашил и расположил к покаянию больше всего тем, что изрек о них неопределенный приговор и не подал им доброй надежды, так поступает и здесь, возбуждая (иудеев) н внушая им почтение к пророку, чтобы хотя таким путем послушали его. А так как они пребывали в неисцелимой болезни и нисколько не вразумились тем, что другие были отведены в плен, то (Бог) сперва увещевает их остаться там, а когда они не выдержали этого и стали убегать в Египет, то (Бог) попустил это, но требовал от них, чтобы они не предавались египетскому нечестию. Когда же они и в этом не послушались, Он посылает к ним пророка, чтобы не развратились совершенно. И так как они не пошли на зов Его, Он Сам идет за ними, исправляет их, удерживает их от большего нечестия и постоянно сопутствует и следует за ними, как нежно любящий отец за сыном, во всем терпящем неудачи. Для этого (Бог) посылал не только Иеремию в Египет, но и Иезекииля в Вавилон. Пророки не противились этому, потому что знали, как много Владыка любит иудеев, даже охотно делали это, подобно благодарному рабу, который исполняется жалости к беспутному сыну (своего господина), когда видит, что отец о нем скорбит и сокрушается. И чего (пророки) не терпели от иудеев? Они были перепиливаемы пилою, гонимы, поносимы, подвергались бесчисленным напастям и после всего этого опять приходили к ним. Самуил не переставал сокрушаться о Сауле, хотя жестоко был оскорблен им и понес нестерпимые обиды; впрочем, он и не помнил ни об одной на них. Иеремия даже написал плач для иудейского народа, а когда персидский военачальник дал ему полную свободу безопасно жить, где хочет, то он предпочел терпеть зло со своим народом и бедствовать на чужой стороне, нежели пребывать в отечестве. Так и Моисей, оставив царский дворец и придворную жизнь, поспешил разделить несчастия израильтян. Даниил в течение двадцати шести дней не вкушал хлеба и томил себя самым строгим постом, чтобы умилостивить Бога к иудеям. Три отрока, находясь в пещи и в сильном огне, возносили усердные молитвы об иудеях, а о себе не сокрушались, потому что были невредимы; и так как надеялись тогда иметь особенное дерзновение, то и молились о них, говоря: "**С сокрушенным сердцем и смиренным духом да будем приняты**" (Дан. 3:39). Ради них Иисус Навин растерзал ризы свои, ради них Иезекииль проливал слезы и сетовал, видя, что их убивали, а Иеремия говорил: "**Оставьте меня, я буду плакать горько**" (Ис. 22:4). А прежде того, не осмеливаясь ходатайствовать о совершенном прекращении бедствий, спрашивал, когда они окончатся, говоря: доколе, Господи? Так был исполнен любви весь сонм святых мужей. Потому и Павел говорил: "**Итак облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в глубины сочувствия**[2]**, благость, смиренномудрие**" (Кол. 3:12).

9. Замечаешь ли всю выразительность слов, а также то, как (апостол) хочет, чтобы мы постоянно были милостивы? Не сказал просто - будьте милосерды, но – "**облекитесь**", давая тем знать, что милосердие, подобно одежде, всегда должно быть при нас. Не сказал также просто - облекитесь в милосердие, но – "**в глубины сострадания**", чтобы мы подражали естественному чувству нежной любви. Но мы поступаем напротив. Если кто-нибудь подойдет с просьбой о самой малой монете, то мы укоряем его, поносим, называем обманщиком. И ты не содрогаешься, человек, ты не стыдишься того, что за кусок хлеба называешь обманщиком? Если он и притворяется, то по одному тому заслуживает сожаления, что до такой степени мучится голодом, что вынужден принимать на себя такую личину. И это - доказательство нашей жестокости. Так как мы нелегко подаем добровольно, то бедные поневоле должны выдумывать бесчисленные хитрости, чтобы обмануть наше бесчеловечие и смягчить жестокость. Иное дело, если бы он просил у тебя серебряной или золотой монеты, тогда ты имел бы основание подозревать; если же он подходит к тебе за необходимым пропитанием, то зачем тебе без нужды любомудрствовать и с излишней точностью исследовать, обвиняя его в бездействии и

лености? Если нужно говорить об этом, то не других, а нас самих следует укорять. Потому, когда приходишь к Богу просить помилования во грехах, вспомни об этих словах и ты поймешь, что справедливее тебе самому слышать их от Бога, нежели нищему от тебя. И однако Бог никогда не говорил тебе таких слов, не сказал: иди прочь, ты ведь лицемер, хотя ты постоянно ходишь в церковь и слушаешь Мои законы, но на площади и золото, и свое желание, и дружбу, словом - все предпочитаешь заповедям Моим; теперь представляешься смиренным, а после молитвы бываешь дерзок, жесток и бесчеловечен; итак, уходи отсюда и никогда ко Мне не приходи. Это и даже большее мы достойны бываем слышать, однако же Бог никогда не укорил нас ничем подобным, но и долготерпит, все выполняет с Своей стороны и дает нам больше того, что просим. Размыслив об этом, избавим от нищеты просящих и, хотя бы они притворялись, не станем расследовать этого. Ведь мы и сами имеем нужду в спасении, притом с снисхождением, с человеколюбием и многою милостью. Если по нашему входить в строгое расследование, то невозможно когда-либо и спастись, но все должны подвергнуться наказанию и погибнуть. Итак, не будем строгими судьями других, чтобы и у нас не потребовали строгого отчета: а мы ведь обременены грехами, превышающими всякое помилование. Будем иметь больше сожаления к тем, которые грешат, не заслуживая снисхождения, чтобы и мы сами могли надеяться на такую к себе милость, хотя, сколько бы мы ни старались, никогда не будем в состоянии оказать такое человеколюбие, в каком имеем нужду от человеколюбивого Бога. Отсюда, не безрассудно ли, когда мы сами находимся в столь великой нужде, строго разбирать дела своих собратий и все делать против самих себя? Таким образом, не столько ты выставляешь его недостойным твоего благодеяния, сколько самого себя - недостойным Божия человеколюбия. Кто строго взыскивает с своего собрата, с того гораздо строже взыщет Бог. Потому не будем говорить против себя, но, подойдет ли кто-нибудь по беззаботности, или по лености, станем подавать. Ведь и мы сами часто, а вернее сказать, всегда грешим по нерадению, и однако, Бог не тотчас требует от нас отчета, но дает нам срок для покаяния, - каждый день питает нас, вразумляет, учит и снабжает всем прочим, чтобы и мы подражали Ему в таком милосердии. Отложим и мы жестокость, свергнем с себя зверство, так как этим мы благодетельствуем больше себе самим, чем другим. Другим даем деньги, хлеб, одежду, а себе самим уготовляем величайшую славу, которую и невозможно изобразить словом, потому что, облекшись в нетленные тела, мы прославимся и воцаримся со Христом. На сколько это велико, узнаем из последующего, а лучше сказать, ныне мы не можем никак получить о том ясного понятия. Но чтобы составить некоторое об этом понятие на основании настоящих наших благ постараюсь, сколько могу, изобразить то, что я сказал. Скажи мне, если бы кто-нибудь тебя, достигшего старости и живущего в бедности, обещался вдруг сделать молодым, привести в цветущий возраст, устроить крепким и красивым больше всех, дать тебе царскую власть над целою землею на тысячу лет и царствование твое оградить совершеннейшим миром, то чего не согласился бы ты сделать и вытерпеть за такое обещание? Но вот Христос обещает не это, но гораздо более важное. Ведь не так велико различие между старостью и молодостью, как между тлением и нетлением, и не так велика разность между царством и нищетою, как между славою будущею и настоящею, между которыми такое же различие, какое между сновидением и действительностью.

10. Но я и этим еще ничего не объяснил, да и, вообще, нет слов изобразить великость различия между будущим и настоящим, так как, по причине времени, умом совсем невозможно постигнуть всего различия. В самом деле, как сравнить с настоящим жизнь, не имеющую конца? А мир будущей жизни столько же отличен от мира настоящей жизни, сколько мир от войны, нетление столько же превосходнее тления, сколько чистая жемчужина лучше куска грязи, а лучше - чтобы ни сказал кто-нибудь, нисколько не изобразить вполне этой разности. Если красоту будущих тел я сравню со светом

солнечного луча или с самой яркой молнией, то не скажу еще ничего достойного той блистательности. Каких же земных сокровищ, каких тел, или лучше, каких душ не должно презреть ради будущего? Если бы кто-нибудь теперь ввел тебя в царский дворец, доставил тебе возможность говорить с царем в присутствии всех, даже находиться с ним и вкушать с одного стола пищу, то ты, конечно, признал бы себя счастливее всех. А намереваясь взойти на небо, предстать самому Царю вселенной, соревновать в блистательности с ангелами, наслаждаться тою неизреченной славой, ты еще колеблешься, нужно ли тебе презирать деньги, тогда как, хотя бы предстояло тебе лишиться и самой жизни, тебе следовало бы ликовать, радоваться, окрыляться восторгом. Для получения должности начальника, которая доставляет тебе поводы к воровству (я не могу назвать этого честным прибытком), - ты отдаешь все, что имеешь, одолжаешься у других, а если нужно, не пожалеешь заложить жену и детей, а когда тебе предстоит Небесное Царство, такая власть, в которой не будешь иметь преемника, когда Сам Бог вверяет тебе в управление не уголок земли, но целое небо, ты медлишь и отказываешься, жалеешь денег и не понимаешь, что если видимая нами сторона неба так прекрасна и привлекательна, то сколько превосходнее высшая его часть и небо небес?

Но так как телесными очами пока невозможно увидеть этого, то вознесись умом и, ставши выше видимого неба, воззри на то небо, которое выше этого, на бесконечную высоту, - на свет, вселяющий ужас, на сонмы ангелов, на бесчисленные лики архангелов и на прочие бестелесные силы. И потом, спустившись с этой высоты, возьми нашу картину и представь то, что вокруг нашего царя, как то: мужей в одеждах, вышитых золотом, пары белых мулов с золотыми украшениями, колесницы с дорогими камнями, белоснежные ковры, бляхи, зыблющиеся на колесницах, драконов, изображенных на шелковых одеждах, щиты с золотыми выпуклостями на средине, ремни от них, испещренные по направлению к окружности множеством камней, коней, убранных в золото, и золотые узды. Но как только мы увидим самого царя, то перестанем смотреть на все это. Он один обращает на себя наше внимание, его порфира, диадема, седалище, пояс, обувь и необыкновенный блеск внешнего вида. В точности объединив все это, опять возведи от этого свой ум горе, к тому страшному дню, в который явится Христос. Тогда увидишь не пары мулов, не золотые колесницы, не драконов и щиты, но то, что полно великого ужаса и производит такое поражающее впечатление, что и сами бесплотные силы приходят в изумление, как сказано: “**Силы небесные поколеблются**” (Мф. 24:29). Тогда все небо откроется, отворятся врата небесного свода, снизойдет единородный Сын Божий в сопровожден не двадцати или ста человек, но в сопровождении тысяч и тем ангелов, архангелов, херувимов, серафимов и прочих сил, все исполнится ужаса и трепета, земля рассядется, и сколько ни было на свете людей - от Адама и до того дня, все восстанут из земли, все будут восхищены, а Христос явится в такой славе, что и луна, и солнце, и всякий свет скроется при этом блеске. Какое слово изобразит то блаженство, тот блеск и славу? Бедная душа моя! Мне и теперь приходится плакать и тяжело воздыхать при мысли, каких мы лишились благ, какого отчуждены блаженства, именно отчуждены (я и о себе говорю тоже), если не совершим чего-либо великого и удивительного. Пусть никто не говорит мне здесь о геенне, так как лишиться столь великой славы - мучительнее всякой геенны, а быть отчужденным от этого жребия - хуже бесчисленных наказаний. Но однако, мы еще стремимся к настоящему и не помышляем о кознях диавола, который за малое отнимает у нас большее, дает нам грязь, чтобы похитить золото, или правильнее сказать, небо; показывает тень, чтобы отогнать нас от истины и обольщает сновидениями (таково и есть настоящее богатство), чтобы при наступлении того дня мы оказались беднее всех.

11. Итак, размыслив об этом, станем, пока не поздно, избегать обмана и стремиться к будущему. Ведь нельзя сказать, что мы не знали о кратковременности настоящей жизни,

когда дела ежедневно громче трубы возглашают о настоящей малоценности, смехе, позоре, опасностях и гибели. Какое извинение будем мы иметь, как скоро с великой ревностью гоняемся за тем, что соединено с опасностями и стыдом, как скоро убегаем того, что безопасно и доставляет нам славу и блеск, как скоро предаемся в полную власть сребролюбия? Рабство богатства тяжелее всякого мучения, о чем хорошо знают все те, которые удостоились освободиться от него. Потому, чтобы и вам узнать эту прекрасную свободу, разорвите узы, бегите от сетей; пусть у вас в доме хранится не золото, но то, что дороже бесчисленных богатств, - милостыня и человеколюбие. Это дает нам дерзновение пред Богом, а золото покрывает нас великим стыдом и много содействует диаволу влиять на нас. Но зачем же ты вооружаешь своего врага и делаешь его более сильным? Вооружи против него свою десницу, всю красоту собери в свою душу, все богатство свое сложи в уме, пусть небо, а не кивот и дом, хранит твое золото, а мы облечемся во все свое, потому что мы сами гораздо лучше стен и важнее основания дома. К чему нам, забывши о самих себе, все свое попечение обращать на то, чего, уходя отсюда, нельзя взять с собою, а часто нельзя удержать и оставаясь в здешней жизни, тогда как представляется возможность обогатиться так, что не только здесь, но и там окажемся всех достаточнее? Кто носит в душе и поля, и дома, и золото, тот, куда бы ни явился, приходит со всем этим богатством. Но как, спросишь, это возможно? Возможно с большим удобством. Если ты руками нищих перенесешь это на небо, то все сложишь в свою душу, так что, хотя бы и смерть пришла к тебе, никто не отнимет у тебя этого, но ты и в будущую жизнь переселишься с богатством. Таким сокровищем владела Тавифа, которую прославили не дом, не стены, не камни, не колонны, но прикрытые ею тела вдовиц, пролитые слезы, убежавшая от нее смерть и возвратившаяся жизнь. Станем и мы приготовлять себе такие хранилища, станем и мы строить себе такие дома. В этом мы будем иметь сотрудником Бога и сами будем Его сотрудниками. Бог привел нищих из небытия в бытие; ты же тех, которые приведены уже в бытие и существуют, не допустил погибнуть от голода и других несчастий, врачуя и исправляя их и всеми мерами поддерживая храм Божий: что со стороны пользы и славы может сравняться с этим? Но если ты неясно еще понял, какое украшение даровал тебе Бог, повелев снабжать нищих, то размысли сам с собою о следующем. Если бы Бог даровал тебе такую власть, что ты мог бы восстановить обрушивающееся небо, то не признал ли бы ты этого такою честью, которая гораздо выше тебя? Но Бог удостоил тебя еще большей чести. Он поручил тебе исправлять то, что для Него дороже самых небес: а пред лицом Бога ничто видимое не может сравниться с человеком. Для человека Он сотворил и небо, и землю, и море; в нем Он желает обитать больше, чем на небе. Но мы, хотя и знаем это, однако же нимало не имеем старания и заботы о Божиих храмах, но, оставив их в небрежении, строим для себя великолепные и огромные дома. За это мы и лишаемся всех благ, делаемся беднее всякого нищего, потому что украшаем те дома, которых, переселясь отсюда, мы не можем взять с собою, и не радеем о тех, которые можно перенести вместе с собою и туда. Ведь истлевшие тела нищих, без сомнения, воскреснут. И тогда Бог, заповедавший любить нищих, собравши их, похвалит тех, которые заботились о них, и подивится тому, что они всякими способами старались поддерживать их жизнь, которая готова была угаснуть то от голода, то от наготы и холода. А мы, когда предлежат нам столь великие похвалы, все еще медлим и не хотим принять на себя этого прекрасного попечения. Хотя Христос не имеет для Себя пристанища, но ходит странен, наг и голоден, однако же, ты без нужды и пользы строишь загородные дома, бани, галереи и множество чертогов, Христу же не даешь и малого крова, а украшаешь верхние части дома для ворон и коршунов. Что может быть хуже такого легкомыслия? Что ужаснее этого безумия? Это действительно признак крайнего безумия, а лучше сказать - нечто такое, что и нельзя выразить достойным образом. Но, однако, если пожелаешь, то, конечно, возможно вылечиться от этой, хотя и тяжкой болезни, и не только можно, но даже легко, и не только легко, но гораздо легче освободиться от этой опасности, нежели от телесных страданий, насколько и Врач лучше. Итак, станем

привлекать Его к себе, станем просить прикоснуться к нам и приложим и с своей стороны все потребное, я разумею желание и готовность. Он ничего другого не потребует, но как скоро примет от нас только это, принесет с Своей стороны все остальное. Принесем же Ему все, что можем, чтобы и здесь наслаждаться совершенным здоровьем и получить будущие блага благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] В синодальном переводе здесь Дух с большой буквы, но это не согласуется с толкованием Златоуста.

[2] В синодальном переводе: "в милосердие", дословно: "в глубины сочувствия" (слав. – во утробы щедрот)

БЕСЕДА 15

"Знаем, что любящим Бога, все содействует к благу" (Римл. 8:28).

1. Мне кажется, что все это место обращено у апостола к тем, которые находятся в опасностях, лучше же сказать, к ним относится не только это, но и то, что было сказано несколько выше. Так, слова: "**нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас**", также и то, что "**вся тварь совокупно стенает и мучится**", а равно сказанное выше, что "**мы спасены в надежде, ожидаем в терпении, не знаем о чем молиться как должно**" (Рим.8:24-26), - все это относится к людям, находящимся в напастях. (Апостол) учит их избирать не то, что сами они почитают для себя полезным, но то, что внушает Дух. Ведь многое им представляется полезным, а, на самом деле, приносит великий вред. Так, покой, освобождение от опасностей и безмятежная жизнь кажутся для них полезными. И удивительно ли, что они так думают, как скоро и самому блаженному Павлу представлялось то же самое? Но, однако, он впоследствии понял, что полезное совершенно противоположно этому и, поняв, возлюбил. После того, как он три раза молил Господа освободить его от бед и услышал в ответ: "**довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**" (2 Кор. 12:9), то стал уже радоваться, когда был гоним, терпел обиды и невыносимые страдания. "**Посему я благодушествую**", - говорит он, - "**в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях**" (2 Кор. 12:10). Потому он и говорил: "**не знаем о чем молиться как должно**", и всех убеждал предоставить это Духу, потому что Святой Дух весьма о нас печется, и это угодно Богу. Итак, подготовив их всех этим, он присовокупляет и теперь сказанное, употребляя довод, достаточный к тому, чтобы ободрить их. "**Притом знаем**", - говорит он, - "**что любящим Бога, все содействует к благу**". Когда же говорит – "**все**", разумеет и то, что нам кажется прискорбным. Хотя и постигла тебя скорбь или нищета, узы или голод, смерть и другое подобное, но Бог властен изменить все это в противоположное, так как Его неизреченной силе свойственно делать для нас легким и обращать нам на помощь то, что кажется тяжелым. Потому (апостол) не сказал, что с любящими Бога не случается что-либо неприятное, но говорит, что им все содействует к благу, то есть Бог самые бедствия употребляет для прославления бедствующих, а это гораздо важнее, чем воспрепятствовать наступлению несчастья или отвратить его, когда оно случилось. Так сделал (Бог) и с печью вавилонской: Он не воспрепятствовал ввергнуть святых отроков в печь, и, когда они были ввержены, не угасил пламени, но, оставив его гореть, посредством этого пламени сделал отроков более

достойными удивления. И на апостолах показал Бог разные подобные чудеса. Если люди, умеющие любомудрствовать, могут из вещей делать употребление, противоположное их природе и, живя в бедности, казаться достаточнее богатых и сиять даже в бесчестии, то тем более Бог на любящих Его покажет не только что-нибудь подобное, но и гораздо большее. Нужно только одно - любить Его искренно, а все остальное последует само собой. Как для любящих Бога и то, что, по-видимому, вредно, обращается в пользу, так не любящим Его вредит и полезное. Иудеям все служило во вред - и явление чудес, и правота догматов, и любомудрие учения; за одно называли они Христа беснующимся, за другое богопротивным, а за чудеса покушались убить Его. Напротив, разбойник распятый, пригвожденный, поносимый, претерпевающий бесчисленные страдания, не только не понес никакого вреда, но еще получил от этого величайшую пользу. Видишь ли, как "**любящим Бога, все содействует к благу**"? Итак, сказав об этом великом благе, превышающем всецело человеческое естество, так как оно для многих казалось невероятным, (апостол) удостоверяет в этом, на основании происшедшего, так: "**призванным по Его изволению**" (Римл. 8:28). Заметь, что благо это начинается со времени призвания. Почему же (Христос) не призвал всех сначала, и самого Павла призвал не вместе с прочими, тогда как такая отсрочка представлялась вредной? Но, однако, самые дела показали, что она была полезна. Говорит же здесь (апостол) о предвидении для того, чтобы не все приписать званию, потому что в таком случае стали бы спорить и язычники, и иудеи. Ведь если достаточно было одного звания, то почему не все спаслись? Потому он и говорит, что спасение званных совершено не одним призванием, но и предвидением, призвание же не было вынужденное и насильственное. Итак, все были призваны, но не все послушались. "**Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего**" (Римл. 8:29). Замечаешь ли высоту чести? Чем был Единородный по естеству, тем они стали по благодати. Однако (апостолу) было недостаточно сказать – "**подобными**", но он присовокупил еще: "**дабы Он был первородным**". И этим не ограничился, но и после этих слов прибавляет еще: "**между многими братьями**", - желая всеми способами показать явное родство. Впрочем, все это должно разуметь относительно воплощения (Сына Божия), потому что по Божеству Он есть Единородный.

2. Видишь, сколько сообщено нам благодатных даров? Итак, не сомневайся и относительно будущих даров, тем более что (апостол) представляет и другое доказательство Божьего человеколюбия, говоря, что это было прообразовано так издревле. Люди делают о других заключения на основании дел, но Богу изначала все известно и Он издревле имеет к нам расположение. Потому (апостол) и говорит: "**а кого призвал, тех и оправдал**" (Римл. 8:30). Оправдал баней возрождения. "**А кого оправдал, тех и прославил**". Прославил благодатью, усыновлением. "**Что же сказать на это**" (Римл. 8:31)? (Апостол) как бы так говорит: не упоминай мне более об опасностях и злоумышлении против тебя всех. Если некоторые и не верят будущему, но они ничего не могут сказать против благ уже дарованных, например, об изначальной к тебе Божьей любви, оправдании, славе. (Бог) дарует тебе это посредством того, что для тебя казалось прискорбным. Ты считал позорным крест, побои, узы, а все это послужило к исправлению целой вселенной. Как ни жестоко тебе кажется, что претерпел (Христос), но Он обратил это в свободу и спасение всей природы; так и то, что переносишь ты, твои страданья (Бог) обыкновенно обращает во славу тебе и похвалу. "**Если Бог за нас, кто против нас**"? Но кто же не против нас, спросишь ты? Против нас целая вселенная, и мучители, и народы, и родственники, и граждане, но, однако, все те, которые против нас, так далеки от возможности вредить нам, что невольно делаются для нас виновниками венцов, ходатаями бесчисленных благ, так как Божья Премудрость обращает все козни к нашему спасению и славе. Видишь ли, как никто не оказывается против нас. И Иова сделало знаменитым то, что против него вооружился дьявол. Дьявол воздвиг против него друзей, жену, раны,

домашних и бесчисленные другие ухищрения, однако же, ничто не было против него. И это еще не велико было для Иова, хотя само по себе и было весьма велико, а для него гораздо важнее было то, что все кончилось в его пользу. Так как за него был Бог, то все то, что, по-видимому, было против него, оказалось в его пользу. Тоже случилось и с апостолами. Иудеи, язычники, лжебратья, правители, народы, голод, нищета и бесчисленные бедствия восставали против них, но ничто не было против них. Все это сделало их особенно знаменитыми, славными и достойными похвалы перед Богом и перед людьми. Итак, пойми, что то слово, которое произнес Павел о верных и истинно распявшихся, не мог бы сказать о себе и увенчанный диадемой. Против последнего вооружаются многие иноплеменники, делают покушения враги, злоумышляют телохранители, часто восстают многие из подданных, а против верующего, строго исполняющего закон Божий, не может восстать ни человек, ни демон и ничто другое. Если ты лишишь его имущества, то доставишь этим награду; если худо отзовешься о нем, то своим злоречием сделаешь его блистательнее перед Богом; если доведешь его до голода, тем большая для него слава и большее воздаяние; а если предашь смерти, что всего ужаснее, тем сплетешь ему мученический венец. Что может сравниться с жизнью человека, против которого ничто не может стоять, которому и намеревающиеся причинить зло не менее приносят пользы, чем и сами благодетели? Потому (апостол) говорит: "**если Бог за нас, кто против нас**"? Потом, не довольствуясь этими словами, представляет и здесь тот величайший признак Божьей к нам любви, к которому он всегда обращается, - именно смерть Сына. Не только, говорит, оправдал и прославил и сделал соответственными тому образу, но и Сына не пощадил для тебя, - потому и присовокупил слова: "**Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего**" (Римл. 8:32)? (Апостол) говорит с выразительностью и большой горячностью, чтобы показать любовь Божью. Как Бог оставит нас, ради которых не пощадил Сына Своего, но за всех нас предал Его? Пойми же, насколько велика благость - не пощадить Своего Сына, но предать, предать за всех ничтожных, неблагодарных, врагов, богохульников. "**Как с Ним не дарует нам и всего**" (Римл. 8:32)? Слова эти означают следующее: если Бог даровал нам Сына Своего и не просто даровал, но предал закланию, то, приняв в дар Самого Владыку, почему ты еще сомневаешься во всем прочем? Имея Господа, почему ты недоумеваешь относительно прочих даров? Кто даровал врагам более важное, тот, неужели не дарует друзьям менее важного? "**Кто будет обвинять избранных Божьих**"? (Римл. 8:33)

3. Это сказано против утверждавших, что вера нисколько не приносит пользы, и против сомневающихся в возможности мгновенного изменения. И смотри, как быстро (апостол) заградил им уста, при помощи достоинства избравшего. И не сказал: кто будет обвинять рабов Божьих, но: "**избранных Божьих**", потому что избрание есть знамение добродетели. Если занимающийся объезживанием молодых коней признает их способными к бегу, то никто не может опорочить его, и всякий, кто станет обвинять его, становится смешным; тем более смешны те, которые обвиняют, когда Сам Бог избирает души. "**Бог оправдывает их. Кто осуждает**" (Римл. 8:33-34)? (Апостол) не сказал: Бог отпускает грехи, но, что гораздо важнее: "**Бог оправдывает**". Если приговор судьи, и притом такого судьи, объявляет кого правым, то чего заслуживает обвинитель? Итак, не должно бояться ни искушений, потому что за нас Бог, Который и доказал это Своими делами, ни иудейского пустословия, потому что Бог и избрал, и оправдал нас, а что еще удивительнее, оправдал смертью Сына. Кто нас осудит, когда Сам Бог венчает, когда Христос за нас закалается и не только закалается, но и после этого ходатайствует за нас? "**Христос Иисус умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас**" (Римл, 8:34). Явившись в собственном Своем достоинстве, Он не прекратил Своего о нас промышления, но ходатайствует о нас и постоянно сохраняет к нам ту же самую любовь. Он не ограничился просто закланием, но, что особенно доказывает величайшую любовь,

не только совершает все, что от Него зависело, но и умоляет об этом другого. Это одно (апостол) и пожелал выразить словом – "**ходатайствует**", беседуя человеколюбиво и снисходительно, чтобы показать любовь; равным образом, из слова – "**не пощадил**", если принять его не в таком смысле, будет следовать много несообразного. А чтобы ты понял, что именно это (апостол) хочет раскрыть, он, сперва сказав, что Христос "**одесную**", потом присовокупил: "**ходатайствует за нас**", чем и доказал равночестие и равенство, так что ходатайство надобно уже представлять проявлением не меньшего достоинства, но одной только любви. Когда Он Сам есть жизнь, источник всех благ, имеет равную с Отцом власть, воскрешает мертвых и животворит, и все прочее делает, то как Он может нуждаться в ходатайстве для оказания нам помощи? Кто лишенных надежды и осужденных освободил от осуждения собственной властью, сделал праведными и сынами, возвел их на высочайшую степень чести и осуществил на деле то, чего и ожидать было невозможно, Тот, после совершения всего этого и после возведения естества нашего на царский престол, нуждался ли в ходатайстве о том, что более легко? Видишь ли, как все служит доказательством, что слово – "**ходатайствует**" (апостол) употребил лишь для того, чтобы выразить горячность и силу любви Его к нам, так как и Сам Отец представляется умоляющим людей о примирении с Ним: "**как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим**" (2 Кор. 5:20). Но, однако, когда Бог увещевает и когда люди бывают от имени Христа посланниками к людям, то мы не представляем при этом ничего унизительного для такого достоинства, но из таких выражений заключаем только об одном, именно о силе любви. Так поступим и здесь. Потому, если Дух ходатайствует воздыханиями неизглаголанными, если Христос умер и ходатайствует за нас, если Отец не пощадил ради тебя Сына Своего, избрал тебя и оправдал, то чего ты боишься, чего трепещешь, пользуясь такой любовью и таким попечением? И (апостол), показав великое о нас промышление свыше, со всей уже свободой продолжает речь свою и не говорит, что и вы должны столько же любить Бога, но, как бы приведенный в восторг этим неизреченным Промыслом, восклицает: "**кто отлучит нас от любви Божьей**" (Римл. 8:35)? И не сказал - Божьей: так безразлично ему называть и Христа, и Бога. "**Скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч**"? Обрати внимание на мудрость блаженного Павла. Он не упомянул о том, что ежедневно уловляет нас в плен, - о любви к деньгам, о страсти к славе, о власти гнева, но перечисляет то, что гораздо мучительнее этого и способно победить самую природу, указывает на то, что часто против нашей воли потрясает крепость ума, именно говорит о скорбях и тесноте. И хотя легко перечислить все сказанное, но каждое слово заключает в себе бесчисленные ряды искушений. Когда (апостол) говорит о скорби, то разумеет и темницы, и узы, и доносы, и изгнания, и все прочие бедствия, - одним словом указывает на беспредельное море опасностей и в одном выражении открывает перед нами все человеческие злоключения. И, несмотря на это, он отваживается на все эти бедствия. Потому (апостол) и употребляет образ речи вопросительный, как бы нимало не сомневаясь, что, кто так любим и находится под таким промышлением, того ничто не может отлучить от любви.

4. Потом, чтобы ты не подумал, что эти бедствия являются признаком оставления, (апостол) приводит слова пророка, который за долгое время предвещал это и говорил: "**за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание**" (Римл. 8:36; Псал. 43:23), то есть нам определено терпеть зло от всякого. Но при столь многочисленных и великих бедствиях, среди этих необычайных несчастий для нас служит достаточным утешением самая причина подвигов, или правильнее сказать, не только достаточным, но и гораздо большим, так как мы терпим это, говорит (апостол), не для людей и не для чего-либо житейского, но для Царя всяческих. И не этим одним, но и другими многоразличными и многоцветными венцами он опять украсил подвижников. Так как им, как людям, невозможно подвергнуться смерти много раз, то (апостол) доказывает, что от этого награды нисколько не уменьшаются. Хотя по природе человеку

дарован жребий умереть только однажды, но, если захотим, Бог даровал нам возможность ежедневно подвергаться этому, по своей воле. Отсюда ясно, что мы переселимся, имея столько венцов, сколько проживем здесь дней, или даже число венцов будет больше, потому что в один день можно умереть и однажды, и дважды, и много раз. Тот, кто уготован на это, всегда получает совершенную награду. Это разумел и пророк, сказав: "**всякий день**". Апостол же привел слова его для большего ободрения слушателей. Если жившие в Ветхом Завете, говорит он, имевшие наградой трудов своих землю и то, что разрушается вместе с настоящей жизнью, настолько презирали настоящую жизнь, искушения и бедствия, то какое извинение можем иметь мы, которые и после неба, горнего царства и неизреченных благ, пребываем в лености и не достигаем даже той меры, какой достигали ветхозаветные? (Апостол) однако же, не сказал этого, но, предоставив это совести слушателей, довольствуется одним свидетельством и доказывает, что тела их суть жертва и что они не должны страшиться и смущаться, потому что так устроил Сам Бог. (Апостол) предлагает им и другого рода увещание. Чтобы кто-нибудь не сказал, что он просто любомудрствует вопреки действительному опыту, он и присовокупил: "**считают нас за овец, обреченных на заклание**", означая этим то, что апостолы ежедневно подвергались смерти. Замечаешь ли мужество и кротость? Как овцы не противятся, когда их закалают, так и мы, говорит (Павел). Но так как человеческий разум и после стольких примеров по своей немощи страшился множества искушений, то смотри, как (апостол) снова восстанавливает слушателя, возвышает его и возвеличивает, говоря: "**но все сие преодолеваем силой Возлюбившего нас**" (Римл. 8:37). То и удивительно, что мы не только побеждаем, но побеждаем тем самым, посредством чего злоумышляют на нас, и не просто побеждаем, но преодолеваем, то есть со всей легкостью, без трудов и пота. Повсюду мы воздвигаем памятники побед над врагами, не только тогда, когда, в самом деле, терпим, но даже тогда, когда лишь подготавливаем к тому душу. И весьма справедливо, потому что Бог нам споборствует. Итак, поверь, что мы, будучи подвергаемы побоям, одолеваем наносящих их, будучи изгоняемы, побеждаем гонителей и, умирая, поражаем живых. Когда примешь во внимание Божью силу и любовь, то увидишь, что нет никакого препятствия для совершения таких чудесных и необыкновенных действий и для чрезвычайного воссияния победы. Апостолы не просто побеждали, но со многими чудесами, так что можно было понять, что у них была брань со злоумышляющими не против людей, но против той неодолимой силы. Смотри, как иудеи, окружив их, недоумевают и говорят: "**что нам делать с этими людьми**" (Деян. 4:16)? То и удивительно, что те, которые задерживают их и требуют отчета, связывая их, подвергая избиению, недоумевали и были в затруднении, будучи побеждены тем, кого они надеялись победить. Ни мучитель, ни палачи, ни полчища бесов, ни сам дьявол не могли победить их, но, напротив, все они совершенно побеждены и видят, что все то, что они замышляли против них, обращается в их же пользу. Потому и сказал (Павел): "**преодолеваем**". Это был новый способ победы - одолевать посредством противоположного, никогда не быть побеждаемым и выходить на состязания, как бы имея в своей воле окончание битвы. "**Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божьей во Христе Иисусе, Господе нашем**" (Римл. 6:38-39).

5. Велико сказанное, но мы не понимаем этого, так как не имеем настолько великой любви. Но хотя сказанное и велико, апостол, желая показать, что оно ничто в сравнении с той любовью, какой возлюбил Бог, о своей любви говорит после любви Божьей, чтобы никто не подумал, что он превозносит самого себя. И смысл слов его таков. К чему говорить о настоящем и о неразлучных с этой жизнью бедствиях? Хотя бы кто-нибудь мне указал на будущие состояния и силы, каковы жизнь и смерть, ангелы, архангелы и все горние твари, - и этого для меня мало в сравнении с Христовой любовью. Если бы кто

стал угрожать мне будущей нескончаемой смертью, чтоб отлучить меня от Христа, или обещал бы мне бесконечную жизнь, я не согласился бы. Зачем же нужно говорит о земных царях и о народных правителях, и именно о том или другом из них? И если ты мне укажешь на ангелов, на все горние силы, на все существующее и на все будущее, то, в сравнении с любовью Христовой, все для меня мало, - все, что находится на земле, что на небе, что под землей, что превыше небес. Потом, так как и этого было недостаточно для изображения сильной любви, которую (апостол) имел, он представил нечто другое, насколько же великое, и говорит: "**ни другая какая тварь**". Это означает следующее: если бы существовала другая подобная тварь, как видимая, так и постигаемая умом, и тогда ничто не отвлекло бы от той любви.

Выразился же так (апостол) не потому, чтобы ангелы или другие небесные силы действительно отвлекали его от Христа, - нет, - но, желая представить в высшей степени ту любовь, какую имел он к Христу. Он любил Христа не ради принадлежащего Христу, но ради Самого Христа, к Нему устремлял взор свой и одного страшился - отпасть от этой любви. Отпасть от любви Христовой для него было ужаснее самой геенны, равно как пребывать в любви вожделеннее царства. Итак, чего же можем быть достойны мы, как скоро (апостол) в сравнении с Христовой любовью не удивлялся тому, что на небесах, а мы предпочитаем Христу лежащее в грязи и в пыли? Он из любви к Христу готов был подвергнуться геенне и лишиться царства, если бы ему предстояло то и другое, а мы не можем пренебречь и настоящей жизнью. Неужели мы достойны даже обуви апостола, будучи так далеки от величия духа его? Он и самое царство вменял ради Христа ни во что, а мы презираем Христа и придаем большое значение тому, что принадлежит Христу. И хорошо было бы, если бы мы высоко ценили хотя бы принадлежащее Христу, но теперь, оставив и это, а также царство, которое предложено было нам, мы каждый день гоняемся за тенями и призраком, хотя Бог, по Своему человеколюбию и величайшей кротости, сделал то же самое, что делает чадолюбивый отец, который, видя, что частые наставления его не нравятся его сыну, благоразумно предлагает их иным образом. Так как мы не имеем надлежащей любви к Богу, то Он предлагает нам многое другое, чтобы удержать нас при Себе; при всем том, мы не остаемся с Ним, но бежим от Него к детским играм. Не таков был Павел, но как благородный, свободный и любящий отца сын, он ищет только одного - быть вместе с Отцом, остальному же не придает большого значения, а лучше сказать, он во многом превосходит такого сына. Он не одинаково ценит отца и принадлежащее отцу, но когда обращает взоры на отца, ни во что считает принадлежащее ему и предпочел бы терпеть с ним наказания и побои, нежели веселиться вдали от него.

6. Итак, ужаснемся мы, которые не можем презреть денег для Бога или, лучше сказать, не можем презреть денег для самих себя. Один Павел терпел все подлинно для Христа, - не для царства, не для чести, но из любви к Христу. А нас ни Христос, ни все Христово не отвлекает от житейских занятий, но, как змеи, как ехидны или свиньи, или как все это вместе, мы пресмыкаемся в грязи. Чем мы лучше этих животных, когда, имея столь многие и великие примеры, все еще смотрим вниз и даже немного не можем посмотреть на небо? Бог за тебя предал Сына, а ты не даешь и хлеба Ему, за тебя преданному, за тебя убиенному. Отец для тебя не пощадил Его, не пощадил, притом, истинного Своего Сына, а ты не обращаешь и внимания на Него, когда Он томится голодом, и притом готовясь растратить Его собственность и растратить для себя. Что может быть хуже такого беззакония? Ради тебя предан, ради тебя умерщвлен, ради тебя странствует, терпя жажду, ты даешь из Его же собственности, чтобы получить от этого пользу, но ты, несмотря и на это, не даешь ничего. Не бесчувственнее ли всякого камня те, которые при стольких побуждающих обстоятельствах остаются в такой дьявольской жестокости? Христос не ограничился только смертью и крестом, но благоизволил сделаться нищим, странником, бесприютным, нагим, быть заключенным в темницу, терпеть болезни, чтобы, хотя бы

этим привлечь тебя к Себе. Если ты не воздаешь Мне за то, что Я страдал за тебя, говорит Он, то сжалься надо Мной ради нищеты. Если не хочешь сжалиться над нищетой, тронься Моей болезнью, умилосердись ради уз, если же и это не склоняет тебя к человеколюбию, обрати внимание на легкость просьбы. Я не прошу ничего дорогого, но хлеба, приюта и утешительного слова. А если и после этого остаешься жестоким, то сделайся добрее хотя бы ради царства, ради наград, которые Я обещал тебе. Но и они не имеют для тебя значения? Так склонись жалостью хотя бы к самому естеству, видя Меня нагим, и вспомни о той наготе, какую Я терпел за тебя на кресте. А если не хочешь вспомнить о ней, представь наготу, какую терплю в лице нищих. И тогда нуждался Я для тебя, и теперь для тебя же нуждаюсь, чтобы ты, тронувшись тем или другим, захотел оказать какое-нибудь милосердие; для тебя Я постился и опять для тебя же терплю голод, жаждал, вися на кресте, жажду и в лице нищих, только бы тем или другим привлечь тебя к Себе и для твоего же спасения сделать тебя человеколюбивым. Потому, хотя ты обязан Мне воздаянием за бесчисленные благодеяния, но Я не прошу у тебя, как у должника, а венчаю тебя, как за дар, и за это малое дарю тебе царство. Я не говорю: избавь Меня от нищеты или дай Мне богатство, хотя именно для тебя Я обнищал; но прошу только хлеба, одежды, небольшого утешения в голоде. Когда нахожусь в темнице, Я не принуждаю снять с Меня узы и вывести из темницы, но ищу только одного, чтобы ты навестил связанного за тебя, и это принимаю за большую милость, и за это одно дарю тебе небо. Хотя Я избавил тебя от самых тяжких уз, но для Меня достаточно и того, если ты захочешь увидеть Меня связанного. Конечно, Я и без этого могу увенчать тебя, однако же, хочу быть должником твоим, чтобы венец принес тебе и некоторое дерзновение. И потому, имея возможность пропитать Сам Себя, Я хожу и прошу, стою у дверей твоих и простираю руку. Я желаю от тебя именно получить пропитание, потому что сильно люблю тебя, Я стремлюсь к твоей трапезе, как это и бывает у друзей, и хвалюсь этим перед лицом целой вселенной, возвещаю о тебе постоянно во всеуслышание и показываю всем Своего кормильца. Мы, когда у кого-нибудь питаемся, стыдимся этого и обыкновенно скрываем, но сильно нас любящий Христос, хотя бы мы и молчали, всем рассказывает о случившемся со многими похвалами и не стыдится сказать, что мы одели Его, когда Он был наг, накормили, когда Он был голоден. Размыслив обо всем этом, не остановимся на одних только похвалах, но исполним слова наши на деле. Какая польза от этих рукоплесканий и этого шума? Я требую от вас одного только - доказательства на деле, повиновения в действительности: это моя похвала, это ваше приобретение, это блистательнее для меня диадемы. Итак, выйдя отсюда, вы и себе, и мне приготовьте венец руками нищих, чтобы и в настоящей жизни питаться нам доброй надеждой и, переселившись в будущую жизнь, достигнуть бесчисленных благ, получить которые да будет дано всем нам благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 16

"Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом" (Римл. 9:1).

1. Не представлялось ли вам великим и сверхъестественным то, что я говорил в предыдущей беседе о любви Павла к Христу? Подлинно, все это само по себе велико и превосходит всякое слово. Но, однако, сказанное теперь настолько превосходит прежнее, насколько прежнее превосходит все, что можно сказать о нас. Я и сам не представлял, чтобы могло быть что-нибудь выше сказанного в прошлой беседе, однако же, то, что пришлось прочитать нам сегодня, гораздо блистательнее всего прежнего. Сам (Павел), предвидя это, и объявил в самом начале, что он намерен коснуться еще более важного, чему многие не поверят. И, прежде всего, свидетельствует об истине того, что намерен

сказать. Так обыкновенно поступают многие, когда намереваются говорить о чем-либо для большинства невероятном и в чем сами они твердо уверены. "**Истину говорю**", - говорит он, - "**не лгу**", - в том свидетель мне совесть моя. "**Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа**" (Римл. 9:2-3).

Что ты говоришь, Павел? От возлюбленного Христа, от Которого не могли отлучить тебя ни царство, ни геенна, ни видимое, ни представляемое умом, ни другое тому подобное, - от этого (Христа) ты желаешь теперь быть отлученным? Что произошло? Не изменился ли ты, не погубил ли любовь свою? Нет, говорит, не бойся, я только усилил в себе эту любовь. Как же ты желаешь быть отлученным, домогаешься отчуждения и такого разрыва, после которого другого уже не найти? Потому что сильно люблю Его, говорит. Как, скажи мне, и каким образом? Ведь твои слова похожи на загадку? Но лучше, кажется, сперва узнаем, что такое отлучение, а потом уже станем спрашивать его об этом, и таким образом уразумеем эту невыразимую и необыкновенную любовь. Итак, что такое отлучение? Послушай, что говорит сам (Павел): "**кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят**" (1 Кор. 16:22), то есть да будет отлучен от всех и сделается чужим для всех. Как никто не смеет прикоснуться просто руками или приблизиться к дару, который посвящен Богу, так (апостол) называет этим именем, в противоположном смысле, и отлученного от церкви, отсекая его ото всех и как можно больше отдаляя, повелевая всем с большим страхом удаляться и бежать прочь от такого человека. К дару никто не осмеливался приблизиться из уважения, а от отлученного все удалились по другому, противоположному чувству. Таким образом, отлучение одно, и одинаково то и другое делается для людей чуждым, но способ отлучения не одинаков, но один другому противоположен. От одного удаляются потому, что это посвящено Богу, а от другого потому, что отчуждено от Бога и отлучено от церкви. В последнем смысле сказал и Павел: "**я желал**[1] **бы сам быть отлученным от Христа**". Не сказал просто: желал бы, но усиливает речь и говорит: молил бы. Но если тебя смущают слова, которые представляются очень слабыми, то ты размысли о самом деле, и не только о том, что (Павел) хотел быть отлученным, но и о самой причине, по которой желал этого, тогда увидишь всю чрезмерность его любви. Например, он и совершил обрезание, но если мы обратим внимание не на действие, а на намерение и причину действия, то поэтому еще более будем удивляться ему. Он не только совершил обрезание, а и остриг волосы и принес жертву, но, конечно, мы не считаем его за это иудеем, а, напротив, говорим, что вследствие этого он в особенности сделался свободен и чист от иудейства и стал истинным служителем Христа. А потому, как, видя, что (Павел) обрезывает и приносит жертвы, ты вследствие этого не осуждаешь его в приверженности к иудейству, а преимущественно за это хвалишь, как чуждого иудейства, так и, видя, что он желает быть отлученным, не смущайся этим, но, поняв причину, по которой он желает этого, тем более прославляй его за то. А если мы не будем расследовать причин, то должны будем назвать и Илию убийцей, а Авраама не просто убийцей, но еще детоубийцей, а также обвиним в убийстве Финееса и Петра; не соблюдая этого правила, мы сделаем нелепые заключения не только о святых, но и о Боге всяческих. Чтобы этого не было во всех подобных случаях, станем исследовать обстоятельства, обращая внимание на причину, намерение, время и на все то, что может служить к оправданию происшедшего. Так нам следует поступить и теперь с блаженной этой душой. Итак, какая причина? Опять Сам возлюбленный Иисус. И, конечно, (апостол) не Его называет причиной, так как говорит: я желал бы отлучен быть от Него "**за братьев моих**". Но это указывает только на его смиренномудрие; он не хочет подать и вида, что говорит о деле великом и что приносит это в дар Христу. Потому он и сказал: "**родных мне по плоти**", - чтобы скрыть величие дела. А что он желал всего для Христа, выслушай следующее. Сказав: "**родных мне по плоти**", присовокупил: "**которым принадлежат усыновление и слава, и заветы, и**

законоположение, и богослужение, и обетования; их и отцы, и от них Христос по плоти, сущий над всем Бог, благословенный во веки, аминь" (Римл. 9:4-5).

2. Что же это, спросишь. Если (Павел) хотел быть отлученным для того, чтобы уверовали другие, то ему надлежало о том же молиться и за язычников, а если он молится только об иудеях, то показывает, что желал отлучения не ради Христа, а ради сродства с иудеями. И, конечно, если бы молился об одних только язычниках, то это не было бы так явно, а так как молится об одних иудеях, то ясно показывает, что заботится об этом для славы Христа. Знаю, что слова мои кажутся для вас странными, но если вы не будете производить шума, то я тотчас постараюсь объяснить их. Не без причины сказал (апостол) то, что сказал, но на том основании, что все, порицая Бога, говорили, что изгнаны и лишены чести те, которые удостоились именоваться сынами Божьими, приняли закон, познали Бога прежде всех народов, пользовались особенной славой, служили Богу прежде всей вселенной, получили обетования, были отцами своих колен и, что всего важнее, стали праотцами Самого Христа (это и значат слова: "**от них Христос по плоти**") и что, вместо них, введены люди из язычников, никогда не знавшие Бога. Так как, говоря это, они хулили Бога, то Павел, слыша это, терзался, скорбел о славе Божьей и желал быть отлученным, если это было возможно, под тем условием, чтобы спаслись иудеи, - чтобы такое богохульство прекратилось и не казалось бы, что Бог обманул их прародителей, которым обещал дары. (Павел желал быть отлученным), чтобы ты понял, насколько его сокрушало мнение, будто осталось без исполнения обетование Божье, данное Аврааму: "**потомству твоему отдам Я землю эту**" (Быт. 12:7). После же этих слов (апостол) присовокупил: "**не то, чтобы слово Божье не сбылось**" (Римл. 9:6). Здесь он показывает, что готов все это претерпеть за слово Божье, то есть за обетование, данное Аврааму. Как Моисей, по-видимому, ходатайствовал за иудеев, но все делал для славы Божьей [говорил: прекрати гнев, чтобы не сказали, что Ты не мог спасти и "**вывел, чтобы умертвить их в пустыне**" (Второз. 9:28)], так и Павел говорит: я пожелал быть отлученным, чтобы не сказали, что обетование Божье осталось без исполнения, что Бог не сделал обещанного и слова Своего не привел в действие. Потому он говорит это не за язычников (им ведь не дано было обетования, они не служили Богу и не хулили Его), а молился об этом за иудеев, получивших обетование, и за прочих близких ему. Замечаешь ли, что если бы он молился за язычников, то не так ясно открывалось бы, что он делает это для славы Христовой; а так как он желал быть отлученным за иудеев, то особенно ясно показал, что он желал этого для Христа. Потому и говорил: "**которым принадлежат усыновление и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования**". У них, говорит (апостол), закон, свидетельствующий о Христе, с ними заключены были все заветы, от них произошел Сам Христос, из них были все отцы, получившие обетования, но тем не менее случилось противоположное и они лишились всех благ. Потому-то и терзаюсь, говорит, и если бы можно было быть исключенным из лика Христова, отчужденным не от любви Христовой (да не будет этого, потому что он и делал это из любви к Христу), но от блаженства и славы, я согласился бы на это с тем условием, чтобы мой Владыка не подвергался хуле и мне ни от кого не слышать, будто дела Его были тенью, будто одним Бог обещал, а другим дал, Христос от одних родился, а других спас. Он дал обетования предкам иудеев и, оставив их потомков, ввел во владение их благами тех, которые никогда не знали Его; иудеи трудились, поучаясь закону и читая пророков, а язычники, недавно отвратившиеся от жертвенников и идолов, сделались выше иудеев. Где же тут Промысел Божий? Итак, говорит (апостол), хотя и несправедливо это мнение, но чтобы не говорили этого о моем Владыке, я с удовольствием лишился бы царства и неизреченной той славы и потерпел бы все бедствия, считая величайшим из всех для себя утешением в скорбях не слышать более хулы на возлюбленного моего. Если ты еще не понял сказанного, то представь, что и многие отцы часто решались на подобное из-за своих детей и предпочитали быть с ними в разлуке, только бы видеть их благополучными,

считая их счастье выше удовольствия жить с ними вместе. Но так как мы далеки от такой любви, то и не можем понять сказанного.

А некоторые недостойны даже и слышать учение Павла и настолько далеко стоят от величайшей той любви, что думают, будто бы (Павел) говорит здесь о временной смерти. О таких я могу сказать, что они так же не знают Павла, как слепые - солнечного луча и даже гораздо больше. Тот, кто каждый день умирал, подвергался тучам опасностей и говорил: "**кто отлучит нас от любви Божьей: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч**"? - тот, кто не ограничивался сказанным, прошел небо и небо небес, опередил ангелов, архангелов и все горнее, кто постиг вместе настоящее и будущее, видимое и познаваемое умом, печальное, полезное и заключающееся в том и другом и вообще ничего не оставил без внимания, кто и этим не ограничился, но и предполагал другое подобное творение, еще не существующее, - как он после всего этого мог бы упоминать о временной смерти, точно о чем-нибудь важном.

3. Не так это, нет. Такое мнение свойственно червям, гнездящимся в навозе. Если бы (апостол) говорил об этом, то, как он стал бы желать быть отлученным от Христа? Ведь такая смерть более соединяла с ликом Христовым и содействовала доставлению будущей славы. Но есть и такие, которые осмеливаются утверждать еще другое, более достойное смеха. Не смерти желал (Павел), говорят они, но быть сокровищем и даром Христовым. И кто из людей, наиболее низких и недостойных, не пожелал бы этого? Но как (Павел) мог бы желать этого за своих родных? Итак, оставив басни и пустословия (которые не стоит и опровергать, так как они подобны детскому лепету), возвратимся опять к самому изречению (апостола) и, наслаждаясь морем любви его, станем безопасно плавать и размышлять о неизреченном пламени, о котором кто ни говорил бы, ничего не скажет достойного. (Любовь Павла) была шире всякого моря, сильнее всякого огня, никакое слово не может изобразить ее по достоинству, один (Павел) постигал ее, как в совершенстве обладавший ею. Итак, повторим опять слова его: "**я желал бы сам быть отлученным**". Что значит: "**я сам**"? Я, который сделался общим учителем, оказал бесчисленные услуги, ожидаю себе бесчисленных венцев, возлюбил Христа настолько, что любовь Его предпочитаю всему на свете, ежедневно сгораю за Него и все ставлю ниже любви к Нему. (Павел) заботился не только о том, чтобы быть любимым от Христа, но и о том, чтобы крепко любить Его, и о последнем - в особенности. Потому он только это имел ввиду и все легко переносил; во всех делах он наблюдал за одним - удовлетворить этой прекрасной любви. И он желал быть отлученным, но, как не могло это случиться, он пытается защитить себя от обвинений и, представив то, о чем все шумно говорили, старается опровергнуть это. И прежде чем приступить к явному оправданию, он уже бросает некоторые семена его. Когда именно говорит: "**которым принадлежат усыновление и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования**", он выражает этим не что иное, как то, что Бог желал и им спастись; это Он и доказал тем, что сделал прежде, тем, что от них произошел Христос и Он дал обетования отцам их. Но иудеи по собственной неблагодарности отвергли благодеяние. Потому (апостол) представляет то, что свидетельствует только о даре Божьем, а не служит к их похвале, - усыновление же, слава, обетования и закон именно и были делом благодати Божьей. Представив все это и размыслив, сколько приложили попечений о спасении иудеев Бог и Сын Его, (апостол) громогласно воскликнул и сказал: Сый благословен во веки. Аминь. Такое благодарение он воссылает за всех Единородному Сыну Божьему. Что нам, если другие хулят, говорит он, мы, зная тайны Его, неизреченную Премудрость и всеобъемлющий Промысел, хорошо знаем, что Он достоин не хуления, а прославления. Но, не довольствуясь собственным сознанием, он старается привести и рассудить довод, употребляет против иудеев самые сильные выражения и не прежде оставляет их, пока не уничтожает их подозрение. Чтобы не показалось, что он беседует как с врагами, он и

потом говорит: "**братья! желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение**" (Рим. 10:1), и здесь, кроме прочего, им сказанного, он старается показать, что говорит не по вражде то, что должен сказать против них; потому и не отказывается называть их родственниками и братьями. И хотя все, что ни сказал, говорил для Христа, однако же, привлекает к себе и их расположение, предварительно пролагает путь своему слову, отклоняет от себя всякое подозрение касательно того, что намерен сказать против них, и потом уже приступает к рассмотрению того, что занимало многих. Многие, как заметил я выше, спрашивали, почему получившие обетование погибли, а те, которые никогда не слышали о нем, спаслись прежде первых? Итак, устраняя это недоумение, он предлагает свое разрешение прежде возражения. Чтобы кто-нибудь не сказал: что же, неужели ты заботишься о славе Божьей более, нежели сам Бог? Неужели Он нуждается в твоей помощи, чтобы Его слово не погибло? Отвечая на это, (апостол) и говорит: я сказал это не в том смысле, что слово Божье не сбылось, но чтобы доказать любовь к Христу. И хотя дела исполнились в таком виде, продолжает (апостол), но мы не сомневаемся относительно слов Божьих и утверждаем, что обетование непреложно. Бог говорил Аврааму: "**и дам тебе и потомкам твоим после тебя землю, и благословятся в тебе все племена земные**" (Быт. 17:8; 12:3). Потому посмотрим, говорит, какое это семя, так как не все, происшедшие от Авраама, его семя, почему и сказано: "**не все дети Авраама, которые от семени его, но сказано: в Исааке наречется тебе семя**" (Римл. 9:7).

4. Итак, если ты узнаешь, кто называется семенем Авраама, то увидишь, что обетование было дано семени его, и поймешь, что слово Божье не осталось без исполнения. Скажи же мне: кто называется семенем? Не я говорю, отвечает (апостол), но Ветхий Завет изъясняет сам себя, говоря так: "**в Исааке наречется тебе семя**" (Быт. 21:12). Объясни, что значит – "**в Исааке**"? "**То есть не плотские дети суть дети Божьи, но дети обетования признаются за семя**" (Римл. 9:8). Заметь мудрость и высоту ума Павла: в объяснении своем он говорит, что не чада по плоти - дети Авраама, но чада Божьи; так ветхозаветное он соединяет с настоящим и показывает, что и Исаак не просто был сыном Авраама. Смысл же его таков: те, которые родились по примеру Исаака, - дети Божьи и семя Авраама. Потому и сказал - "**в Исааке наречется тебе семя**", чтобы ты понял, что те, которые родились по образу Исаака, они-то в особенности - семя Авраама. Как же родился Исаак? Не по закону природы, не по силе плоти, но по силе обетования. Что значит: по силе обетования? "**В это же время приду**" к тебе "**и у Сарры будет сын**" (Римл. 9:9). Таково было обетование, и слово Божье образовало и родило Исаака. И что же? Хотя женские ложесна и утроба содействовали рождению, но не сила утробы, а сила обетования произвела чадо. Так и мы рождаемся словом Божьим, потому что то, что рождает нас и образует в купели водной, есть слово Божье, а с другой стороны, мы, когда крещаемся во имя Отца и Сына и Святого Духа, рождаемся. Это рождение не по естеству, а по обетованию Божьему. Как, предрекши рождение Исаака, Он тогда и исполнил его, так и о нашем рождении Он предвозвестил за долгое время через всех пророков, а потом привел это и в исполнение. Замечаешь ли, сколько он представил доказательств и как Давший великие обетования со всей легкостью исполнил их. Если же иудеи скажут, что слова - "**в Исааке наречется тебе семя**" означают то, будто родившиеся от Исаака причитаются ему в семя, то должно будет считать сынами Исаака и идумеев и всех, происшедших от него, потому что праотец их Исав был сын Исаака. Но идумеи не только теперь не называются детьми, а даже были весьма чуждыми для израильтян. Видишь ли, что не плотские чада - чада Божьи, но и в самой природе предызображается рождение свыше через крещение? Если же ты скажешь мне о ложеснах, то и я могу сказать тебе о воде. И как здесь все от Духа, так там все от обетования, потому что ложесна, вследствие бесплодности и старости, были холоднее воды. Потому, со всем вниманием уразумеем свое благородство и покажем жизнь достойную его; в том нет ничего плотского и земного, - пусть не будет этого и в нас. Не сон, не похоть плотская, не объятая и не возбуждение

страсти, но Божье человеколюбие все совершило. И как там, когда возраст не подавал никакой надежды, так и здесь, когда наступила вследствие грехов старость, внезапно явился новый человек, и все мы сделались сынами Божьими, семенем Авраамовым. "**И не одно это; но так было и с Ревеккой, когда она зачала в одно время двух сыновей от Исаака, отца нашего**" (Римл. 9:10). Вопрос был важен, потому (апостол) приводит многие доводы и всеми мерами старается уничтожить затруднение. Если странным и неожиданным было то, что иудеи, после столь многих обетований, погибли, то более странным представляется, что мы, ничего подобного не ожидавшие, вступили в их достояние. Произошло то же самое, как если бы царский сын, которому обещано было наследование престола после царя, был низведен в ряд лишенных гражданских прав, а вместо него взят был из темницы человек, виновный в бесчисленных преступлениях и приговоренный к казни, и получил власть, принадлежащую первому. Что можно сказать по этому поводу? То, что сын недостоин? Но и тот недостоин, даже гораздо более. Значит, следовало или вместе наказать, или вместе почтить. Подобное, говорю, случилось с язычниками и с иудеями, даже и гораздо более странное. Что все недостойны, об этом (апостол) объявил выше, сказав: "**все согрешили и лишены славы Божьей**" (Рим. 3:23); но то необычайно, что, тогда как недостойны были все, спаслись одни язычники. После этого можно предложить и другой вопрос, именно: если Бог не намеревался исполнить обетований, данных иудеям, то для чего Он давал их? Ведь только люди, не зная будущего и часто подвергаясь обману, обещают дары и тем, которые не достойны получить их; а Тот, Кто предвидит настоящее и будущее, Кто ясно знал, что иудеи сделаются недостойными обетований и, вследствие этого, не получат ничего из сказанного, для чего и давал обетования?

5. Как же решил это Павел? Он показал, кто такой Израиль, которому Бог дал обетования. А когда это было показано, то вместе с тем было и доказано, что все обетования исполнились. Указывая на это, он и сказал: "**ибо не все те Израильтяне, которые от Израиля**". (Апостол) употребил имя Израиля, а не Иакова потому, что это имя было знаком его добродетели, праведности и дара, полученного свыше, и того, что Иаков видел Бога. Но скажешь: все согрешили и лишены славы Божьей, а если все согрешили, то почему одни спаслись, а другие погибли? Потому что не все захотели прийти, хотя по воле Божьей все спасены, так как все призваны. Впрочем, (апостол) пока не говорит этого, но решает вопрос более широко, выводя из других примеров новый вопрос, как и прежде он наибольшее затруднение разрешил другим затруднением. Когда спрашивалось, как, после оправдания Христа, все прочие стали участвовать в этой праведности, он привел в пример Адама, сказав: "**Ибо если преступлением одного смерть царствовала посредством одного, то тем более приемлющие обилие благодати и дар праведности будут царствовать в жизни**" (Рим. 5:17). Вопроса об Адаме он не решает, но его примером решает свой вопрос и доказывает, что есть большее основание допускать, чтобы умерший за них имел над ними власть, какую хочет. Большинству кажется не совсем сообразным с разумом, чтобы за грех одного терпели наказание все, а гораздо сообразнее с разумом и приличнее Богу, чтобы за услугу одного все были оправданы. Но, однако, (апостол) не решил первого затруднения, потому что, насколько более оно оставалось неясным, настолько сильнее заграждались уста иудея, недоумение касательно последнего затруднения переходило на первое и последнее делалось от того яснее. Так и здесь (Павел) разрешает вопрос посредством новых затруднений, потому что у него было состязание с иудеями. Потому-то он не решает вполне примеров, им представленных, к чему, как состязавшийся с иудеями, и не был обязан, но, однако, этими примерами объясняет все, что ему было нужно. Почему ты удивляешься, говорит он, что одни из иудеев спаслись, а другие нет? Всякий знает, что в древности случилось то же и с патриархами. Почему один только Исаак называется семенем Авраама, хотя Авраам был отцом Измаила и многих других? Не потому ли, что мать Измаила была раба? Но какое

это имеет отношение к сыну? Впрочем, не спорю, пусть Измаил будет исключен ради матери. Но что сказать о детях Хеттуры? Не свободными ли они были и не от свободной ли родились? Почему же они не удостоились преимуществ, данных Исааку? И что говорю о них? Ревекка была единственной женой Исаака, родила двоих сыновей и обоих от Исаака, однако родившиеся, будучи от одного и того же отца и от одной матери, причинив ей одни и те же болезни рождения, будучи единокровными, единоутробными и, сверх того, близнецами, получили неодинаковые права. Здесь нельзя уже тебе сослаться на рабство матери, как в отношении к Измаилу, и на то, что они родились не из одной утробы, как в отношении к детям Хеттуры и Сарры, но здесь в один и тот же час чувствовались болезни рождения. Потому и Павел, как бы считая последний пример более ясным, говорит, что это сбылось не с одним Исааком, "**так было и с Ревеккой, когда она зачала в одно время двух сыновей от Исаака, отца нашего. Ибо, когда они еще не родились и не сделали ничего доброго или худого (дабы изволение Божье в избрании происходило не от дел, но от Призывающего), сказано было ей: больший будет в порабощении у меньшего, как и написано: Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел**" (Римл. 9:10-13). Почему один был любим, а другой ненавидим? Почему один служил, а другой принимал услуги? Разве потому, что один был порочен, а другой добр? Но ведь когда они еще не родились, один удостоился чести, а другой был осужден, так как еще до рождения их Бог сказал, "**больший будет в порабощении у меньшего**". Почему же Бог сказал это? Потому что Он не ждет, как человек, окончания дела, чтобы видеть, кто добр, кто нет, но и прежде этого знает, кто порочен и кто нет. То же самое случилось и с израильтянами, притом гораздо чудеснее. Что говорить, продолжает, об Исаве и Иакове, из которых один был порочен, а другой добр? И у израильтян грех был общий: они все поклонились тельцу, однако же, одни были помилованы, а другие нет. "**Помилую**", - говорит, - "**кого миловать, и кого жалеть, пожалею**" (Римл. 9:15). Это же можно видеть и на тех, которые наказываются. Что можно сказать о фараоне, почему он был наказан и подвергся столь великому наказанию? Потому что был жесток и непокорен. Но разве он один только был таков, а другого никого не было? Почему же он был наказан так строго? Почему и по отношению к иудеям Бог не сказал обо всем народе, а также не всех удостоил одинаковой чести? Сказано: "**хотя бы народа было столько, сколько песку морского, только остаток его обратится**" (Иса. 10:22). И почему же только остаток? Видишь ли, сколько недоумений вызывает рассматриваемый предмет. И вполне естественно: всякий раз, как противника можно привести в затруднение, не тотчас предлагай разрешение. Ведь если он сам оказывается виновным в своем неведении, то зачем тебе подвергаться излишней опасности? Зачем ты делаешь его более дерзким, принимая все на себя?

6. Скажи мне, иудей, на каком основании ты, находясь в столь больших затруднениях и не имея возможности разрешить ни одного из них, утруждаешь нас вопросами по поводу призвания язычников? А я, конечно, могу указать верную причину, по которой язычники оправданы, вы же (иудеи) лишились обетований. Итак, какая это причина? Та, что они оправданы верой, а вы хотите оправдаться делами закона и, вследствие такого своего упорства, потеряли все. "**Не разумея праведности Божьей и усиливаясь поставить собственную праведность, они не покорились праведности Божьей**" (Рим. 10:3). Кратко сказать, блаженный (апостол) в этих словах дает общее решение вопроса, но для большей ясности мы исследуем подробно каждое слово, имея ввиду, что желанием блаженного Павла было - научить посредством всего сказанного, что один только Бог знает достойных, а из людей никто, и хотя им и кажется, будто они хорошо знают, но постоянно ошибаются в своем заключении. Знающий же тайны уже ясно знает и то, кто достоин венцов, а кто - наказания и мучения. Потому Он многих, которые, по мнению людей, были добры, изобличив, наказал и многих, которые считались порочными, увенчал и засвидетельствовал, что они не таковы. Он произносит приговор не по отзыву рабов, но

по собственному строгому и беспристрастному суду и не ожидает окончания дела, чтобы одного признать дурным, а другого нет. Впрочем, чтобы не сказать опять чего-либо неясного, обратимся к апостольским словам. "**И не одно это; но так было и с Ревеккой, когда она зачала от Исаака**". Хотя я мог бы, рассуждает (апостол), указать и на детей Хеттуры, но не говорю об этом, а чтобы в совершенстве одержать победу, привожу в пример рожденных от одного отца и от одной матери. Оба родились от Ревекки и Исаака, законного сына безукоризненного и всем предпочтенного отца, которому сказано: "**в Исааке наречется тебе семя**", и который сделался отцом всех нас. А если он наш отец, то и происшедшие от него должны быть отцами, но этого не было. Ты видишь, что не с одним Авраамом, но и с сыном его случилось это, - что везде блистают вера и добродетель, и они означают подлинное родство. Отсюда мы узнаем, что дети Авраама называются его детьми не только по рождению, но и потому, что достойны добродетели родившего. А если бы назывались только по одному рождению, то Исаву надлежало бы пользоваться равными с Иаковом правами, потому что и Исав произошел от омертвевшей утробы, и его мать была бесплодна. Но требовалось не одно только рождение, а и нрав, который не являются чем-либо случайным, но служит к назиданию в нашей жизни. И (апостол) не говорит, что, так как один был добр, а другой порочен, то первый вследствие этого и был предпочтен, - чтобы тотчас не возразили ему: как же? кто более добр? те ли, кто из язычников, или те, кто из обрезанных? Хотя (апостол) мог бы в этом сослаться на действительный опыт, но он не делает этого, так как это казалось ему очень жестоким, а он все возложил на божественный разум, с которым никто не может осмелиться бороться, за исключением разве совершенно безумного. "**Ибо, когда они еще не родились**", - говорит, - "**и не сделали ничего доброго или худого, сказано было ей: больший будет в порабощении у меньшего**", и доказывает, что никакой нет пользы в благородстве по плоти, но потребна душевная добродетель, которую Бог знает еще прежде дел. "**Ибо, когда они еще не родились и не сделали ничего доброго или худого (дабы изволение Божье в избрании происходило не от дел, но от Призывающего), сказано было ей: больший будет в порабощении у меньшего**". Избирать от самого рождения есть дело предведения: чтобы обнаружилось, говорит, избрание Божье, совершившееся по изволению и предвидению; Бог с первого дня узнал и предрек и доброго, и не доброго. Итак, не говори мне, продолжает (апостол), что ты прочитал закон и пророков и столько времени служил. Знающий и испытующий душу знает также, кто достоин спасения. Потому уступи непостижимому в избрании; Он один правильно знает, кого увенчать. Сколько было таких, которые, судя по внешнему свидетельству дел, казались лучше Матфея? Но тот, кто знает тайны и умеет испытывать способности ума, заметил жемчужину, лежащую в грязи, и, миновав других и дивясь благообразию Матфея, избрал его и, приложив к благородству его воли собственную благодать, явил его достойным. Кто способен судить о временных этих искусствах или обо всех прочих делах, тот избирает не то, что одобряют люди несведущие, а то, что сам в совершенстве знает, и одобряемое невеждами нередко отвергает, а отвергаемое ими одобряет. Так поступают в выборе коней занимающиеся их обучением, а также и оценщик дорогих камней и сведущие в остальных искусствах. Тем более человеколюбец Бог, бесконечная Премудрость, один все ясно знающий, не будет держаться людских мнений, но обо всем произнесет приговор по собственной премудрости, совершенно точной и непреткновенной. Так Он избрал и мытаря, и разбойника, и блудницу, а первосвященников, старейшин и правителей предал бесчестию и отверг.

7. Всякий знает, что то же самое случилось и с мучениками. Многие из людей, совершенно отверженных, были увенчаны во время гонений, и, напротив, иные, считавшиеся в народе великими, преткнулись и пали. Итак, не требуй отчета у Творца и не спрашивай, почему один был увенчан, а другой наказан. Он умеет совершать все по справедливости, почему и сказал: "**Иакова возлюбил, а Исава возненавидел**". Что это

было справедливо, ты узнал из последствий, но Бог ясно это знал и прежде конца. Он требует не только обнаружения дел, но и благородной воли, и благоразумной мысли. Такой человек, хотя бы когда-нибудь и согрешил под влиянием какого-нибудь обстоятельства, скоро исправится, хотя бы ему случилось и закоснеть в пороке, он не будет презрен, но всеведущий Бог скоро вспомнит о нем. А равно человек развращенный, хотя бы и сделал что-нибудь, по-видимому, доброе, погибнет, потому что делает это с худым расположением. Так Давид, совершив убийство и прелюбодеяние, скоро загладил свои преступления, потому что увлечен был обстоятельствами и сделал это не вследствие привязанности к пороку, а фарисей, не совершивший ничего подобного и даже хвалившийся добрыми делами, все погубил злой волей. "**Что же скажем? Неужели неправда у Бога? Никак**" (Римл. 9:14). Итак, Бог справедлив и к нам, и к иудеям. Потом (апостол) прибавляет другую мысль, которая темнее предыдущей. Какую же? "**Он говорит Моисею: кого миловать, помилую; кого жалеть, пожалею**" (Римл. 9:15). Опять он усиливает возражение, прерывая его на половине, разрешая и снова вводя другое затруднение. Но чтобы слова эти сделать более ясными, необходимо истолковать их. Бог еще до рождения Иакова и Исава, рассуждает (апостол), сказал, "**больший будет в порабощении у меньшего**". Итак, что же? Неужели Бог несправедлив. Нисколько. Слушай дальше. Иаков и Исав различались - один добродетелью, другой пороками, но иудеи все совершили один и тот же грех, именно - слили тельца. И, однако, одни были наказаны, а другие нет. Потому Бог сказал: "**кого миловать, помилую; кого жалеть, пожалею**". Не твое, Моисей, дело знать, кто достоин человеколюбия, но предоставь это Мне. А если не Моисеево дело знать это, тем более - не наше. Потому (апостол), чтобы убедить возражающего и достоинством лица, не просто привел эти слова, но упомянул, кому они были сказаны. "**Ибо Он говорит Моисею**", - говорит он. Высказав же решение затруднения, он прерывает его на половине, вводя новое противоположное говорит так: "**Итак, помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего. Ибо Писание говорит фараону: для того самого Я и поставил тебя, чтобы показать над тобой силу Мою и чтобы проповедано было имя Мое по всей земле**" (Римл. 9:16-17). Как выше сказал, что одни были спасены, а другие наказаны, так и здесь говорит, что фараон был сохранен для наказания. Потом опять вводит противоположение. "**Итак, кого хочет, милует; а кого хочет, ожесточает. Ты скажешь мне: за что же еще обвиняет? Ибо кто противостанет воле Его**" (Римл. 9:18-19)? Видишь ли, как (апостол) всеми мерами постарался сделать вопрос затруднительным? И не тотчас дает решение, делая и это с пользой, но сперва заграждает уста возражающему, говоря так: "**ты кто, человек, что споришь с Богом**" (Римл. 9:20)? (Апостол) делает это с целью устранить праздное его любопытство и излишнюю суетливость, налагая на него узду и внушая понимать различие между Богом и человеком, а также то, как непостижим Божественный Промысел и превышает наше разумение и как все должно покоряться Богу; и это он делает для того, чтобы, убедив в этом слушателя, укротив и смирив его мысль, с большим удобством можно было дать свое решение и слова свои сделать для слушателя вполне понятными. И не говорит, что невозможно этого решить, но что? Считает преступным и спрашивать об этом, так как что сказано Богом, тому должно повиноваться, а не расследовать, хотя бы мы и не знали причины. Потому (апостол) и говорит: "**ты кто, человек, что споришь с Богом**"? Замечаешь ли, как он уничижил и низложил надменность? "**Ты кто, человек**"? Разве ты участник власти? Уж не назначен ли ты судьей для Бога? Но ведь в сравнении с Богом тебя нельзя и назвать чем-нибудь, нельзя и сказать, что ты то или другое, но ничто. А спросить: "**ты кто, человек**"? - гораздо уничижительнее, нежели сказать: ты ничто. И вообще своим вопросом (апостол) выражает большое негодование. Он не сказал: кто ты, говорящий Богу? - но: "**споришь с Богом**", то есть ты, который споришь, противишься. Говорить: "следовало так", "не следовало так" - это значит препираться. Видишь, как апостол устрашил, поразил, заставил больше трепетать, чем спрашивать и любопытствовать? Это свойственно опытнейшему учителю -

не следовать во всем желанию учеников, но вести их по своей воле, сперва исторгнуть терние, а потом бросать семена и не вдруг давать ответ на каждый вопрос. "**Изделие скажет ли сделавшему его: зачем ты меня так сделал? Не властен ли горшечник над глиной, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого**" (Римл. 9:20-21)?

8. Здесь (апостол) не уничтожает свободной воли, но показывает, до какой степени должно повиноваться Богу. В том, чтобы требовать отчета у Бога, тебе приходится чувствовать себя не более, как брением. И не только не должно тебе противоречить и предлагать вопросы, но даже должно и не говорить, не мыслить, уподобляться той бездушной глине, которая покорна рукам горшечника и употребляется им, как он желает. Для того именно и взят апостолом такой пример, не в образец жизни, но в доказательство покорного и безмолвного повиновения. И должно это наблюдать везде - принимать примеры не все целиком, а выбирать из них нужное, для чего они и приведены, а все остальное следует отбросить. Когда говорится: "**преклонился, лежит как лев**" (Числ. 24:9), то мы берем лишь понятие о непобедимом и страшном, а не зверское или что-нибудь другое свойственное льву, и опять, когда говорится: "**буду нападать на них, как лишенная детей медведица**" (Ос. 13:8), то берем понятие мстительности, а когда говорится: "**Бог есть огонь поядающий**" (Втор. 4:24), то берем понятие об истребительном наказании; так и здесь необходимо понимать слова: глина, горшечник и сосуд. Когда (апостол) присовокупляет и говорит: "**не властен ли горшечник над глиной, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого**"? - то не думай, что у Павла это сказано в смысле творения или для доказательства необходимости воли, но - для выражения власти и различия в распоряжениях. Если же не в этом смысле мы поймем слова его, то получатся многие нелепые следствия. Ведь если здесь идет речь о воле, то Бог окажется творцом и добра, и зла, а человек и в том, и в другом ни мало не будет виновен; тогда окажется, что и Павел, увенчивая везде свободную волю, сам себе противоречит. Итак, (апостол) хочет здесь раскрыть не что иное, как убедить слушателя во всей полноте повиноваться Богу и ни в чем не требовать от Него отчета. Как горшечник, рассуждает он, из одной и той же смеси делает, что ему угодно, и никто ему не противоречит, так и ты не спрашивай Бога и не любопытствуй, почему Он одних из людей одного и того же рода наказывает, а других награждает, но благоговей перед Ним и подражай глине и, как она покорна рукам горшечника, так и ты покоряйся воле Распорядителя вселенной. Он ничего не делает без цели и как случится, хотя сам ты и не постигаешь тайны Премудрости. Ты позволяешь горшечнику из одной и той же смеси приготовлять разные изделия и не порицаешь его за это, а у Бога требуешь отчета относительно наказаний и почестей, а не предоставляешь Ему знать, кто достоин и кто не достоин, но так как самый состав имеет одну и ту же сущность, то предполагаешь, что и воля у всех одна и та же. Какая неосновательность! Ведь не от горшечника зависит, что из одной и той же смеси иное идет для почетного, а другое для низкого употребления, а от распоряжения пользующихся изделием, так и здесь дело зависит от свободной воли. Кроме того, как заметил я выше, пример должно брать в том одном отношении, что человек не должен противоречить Богу, а предоставлять все Его непостижимой мудрости. Пример должен быть обширнее того предмета, по поводу которого он приводится, чтобы мог сильнее подействовать на слушателей, так как если бы он не был обширнее и не заключал в себе большого, то и не мог бы тронуть и возбудить возражающего, как должно. Итак, (апостол) в надлежащей мере преградил неуместное упорство (слушателей), а потом дает и самое решение. Какое же? "**Если Бог, желая показать гнев и явить могущество Свое, с великим долготерпением щадил сосуды гнева, готовые к погибели, дабы вместе явить богатство славы Своей над сосудами милосердия, которые Он приготовил к славе, над нами, которых Он призвал не только из Иудеев, но и из язычников**" (Римл. 9:22-24). Смысл этих слов такой: фараон

был сосудом гнева, то есть человеком, который своим жестокосердием воспламенил гнев Божий; многократно испытав на себе Божье долготерпение, он не сделался лучше, но остался неисправимым. Потому (апостол) назвал его не только сосудом гнева, но и совершенным в погибель, то есть готовым к погибели и, конечно, от самого себя и по собственной своей воле. Как Бог не оставил ничего из того, что вело к его исправлению, так и сам он не оставил ничего из того, что служило к его погибели и лишало его извинения. Но, однако, Бог, зная это, переносил все со многим долготерпением, желая привести его к раскаянию, так как если бы не хотел этого, то и не терпел бы столько времени. А так как фараон не захотел воспользоваться (Божьим) долготерпением для покаяния, но уготовал себя во гнев, то (Бог) употребил его на исправление других, чтобы посредством его наказания сделать других более усердными и показать при этом Свое могущество. А что Бог хочет являть Свое могущество не в наказаниях, но иначе - в благодеяниях и милостях - это (апостол) постоянно выше утверждал. Если и Павел не хочет в этом показывать свою силу, потому что говорит: "**не для того, чтобы нам показаться, чем должны быть; но чтобы вы делали добро**" (2 Кор. 13:7), то гораздо более Бог. Но так как (Бог) сперва долготерпел, чтобы привести (фараона) в раскаяние, а он не раскаялся, то не малое еще время Он терпел его, чтобы вместе показать и Свою благость, и Свое могущество, не пожелает ли он как-нибудь воспользоваться этим великим долготерпением. И как, наказав (фараона), оставшегося неисправимым, (Бог) показал Свое могущество, так, помиловав многих великих, но раскаявшихся грешников, явил Свое человеколюбие.

9. Но (апостол) не назвал это человеколюбием, а славой, показывая, что это преимущественно составляет славу Божью и что Бог заботился об этом более чем обо всем остальном. Когда же говорит: "**которые Он приготовил к славе**", то выражает этим, что не все происходит от одного Бога, потому что, если бы это было так, то ничто не препятствовало бы спасаться всем. Вместе с тем (апостол) опять показывает предвидение Божье и уничтожает различие между иудеями и язычниками. А отсюда опять извлекает немалое оправдание для своих слов. Не только из иудеев одни погибли, а другие спаслись, но это же случилось и с язычниками, почему (Павел) не сказал: все язычники, но – "**из язычников**", и не (сказал): все иудеи, но – "**из иудеев**". Как фараон сделался сосудом гнева по собственному беззаконию, так и спасшиеся сделались сосудом милости по своему благочестию. И хотя большая часть принадлежит Богу, но, однако, и мы привносим нечто малое от себя. Потому (апостол) не сказал: сосуды заслуг, или: сосуды дерзновения, но: "**сосуды милости**", показывая, что все принадлежит Богу. Также слова: "**не от желающего и не от подвизающегося**", хотя и сказаны в виде противоположения, но, как сказанные от лица самого Павла, не представляют никакого затруднения. Когда он говорит: "**не от желающего и не от подвизающегося**", этим не уничтожает свободы, но показывает, что не все принадлежит человеку, а, напротив, он нуждается в благодати свыше. Должно и желать и совершать подвиги, но надеяться нужно не на собственные подвиги, а на Божье человеколюбие, как и в другом месте (апостол) сказал: "**не я, впрочем, а благодать Божья, которая со мной**" (1 Кор. 15:10). И хорошо сказал: "**которые Он приготовил к славе**". Так как иудеи укоряли (христиан) тем, что они спасаются по благодати, и думали этим пристыдить их, то (Павел) вполне устраняет такую мысль. Если дело спасения принесло славу Богу, то гораздо более и тем, через кого Бог прославился. Заметь же благомыслие и неизреченную мудрость (апостола). Рассуждая о наказаниях, он мог бы представить в пример не фараона, но согрешивших из иудеев, сделать свою речь более ясной, доказать, что даже и там, где были одни и те же отцы, и одни и те же грехи, одни погибли, а другие были помилованы, и убедить их более не недоумевать по поводу того, что некоторые из язычников спаслись, тогда как иудеи погибли. Но (апостол), чтобы не сделать свою речь неприятной, не быть вынужденным назвать иудеев сосудами гнева, в пример наказания представляет варвара, примеры же

помилованных заимствует из иудейского народа. И хотя (апостол) достаточно оправдывает Бога, Который, хорошо зная, что (фараон) уготовал себя в сосуд гнева, употребил со Своей стороны все - ожидание, долготерпение и не просто долготерпение, но великое долготерпение, однако же не захотел сказать, что (Бог) также поступал и с иудеями. Почему же одни бывают сосудами гнева, а другие сосудами милости? По собственной своей воле. Но Бог, по безмерной Своей благости, оказывает милость тем и другим. Он миловал не только спасаемых, но и фараона, сколько мог, и те, и этот пользовались одинаковым долготерпением. А если (фараон) не был спасен, то совершенно вопреки воле Божьей, так как со стороны Бога (фараон) не имел ничего меньше спасенных. Итак (апостол), представив решение вопроса на основании дел, для большей несомненности сказанного приводит и слова пророков, которые предвозвестили то же. И Осия, говорит он, давно писал об этом так: "**не Мой народ назову Моим народом, и не возлюбленную – возлюбленной**" (Римл. 9:25; срав. Осии 2:23). Чтобы не сказали: ты вводишь нас в заблуждение, - говоря это, (апостол) призвал в свидетели Осию, который взывает и говорит: "**не Мой народ назову Моим народом**". Кто же это были - "**не Мой народ**"? Очевидно, язычники. Кто – "**не возлюбленная**"? Опять они же. Однако же, о них сказано, что будут народом, возлюбленной и сынами Божьими. "**Там названы будут сынами Бога живого**",- продолжает (апостол) (Римл. 9:26). Если станут говорить, что это сказано об уверовавших из иудеев, то и тогда наше толкование будет уместно. Если произошла такая перемена с теми, которые после многих благодеяний оказались неблагодарными и чуждыми, утратили даже то, что делало их народом, то, что могло воспрепятствовать призванию и удостаиванию за послушание таких же милостей тех, которые отчуждены были не после того, как приняты, но с самого начала были чужды? (Апостол) не довольствуется тем, что сослался на Осию, но после него приводит слова Исаии, который говорит согласно с Осией. "**Исаия же**",- продолжает (Павел), - "**провозглашает об Израиле**" (Римл. 9:27), то есть смело и, не скрываясь, провозглашает. Итак, почему вы обвиняете нас, когда и пророки громче трубы возглашают то же? Что же вопиет Исаия? "**Хотя бы народа у тебя, Израиль, было столько, сколько песку морского, только остаток его обратится**" (Иса. 10:22). Ты видишь, что и, по словам Исаии не все будут спасены, но лишь достойные спасения? Я не боюсь множества, говорит (Бог), и Меня не устрашает род, так размножившийся, но Я спасаю только тех, которые оказываются того достойными. И не просто (пророк) упомянул о песке морском, но напоминает им и о ветхозаветном обетовании, которого они сделались недостойными. Итак, почему же вы волнуетесь, ссылаясь на то, будто обетование нарушено, когда все пророки объявляют, что не все спасаются? Потом он говорит и об образе спасения. Замечаешь ли точность пророка и благоразумие апостола, который приводит свидетельство наиболее подходящее? Оно не только показывает, что спасутся не все, а некоторые, но и добавляет, как спасутся. Как же они спасутся и каким образом Бог удостоит их благодеяния? "**Дело оканчивает и скоро решит по правде**",- говорит (пророк), - "**дело решительное совершит Господь на земле**" (Римл. 9:28, срав. Иса. 10:23). Это значит следующее: не нужно далеко ходить, трудиться и утомлять себя делами законными, напротив, спасение совершится весьма кратким образом. Такова вера: она в кратких словах содержит спасение. "**Ибо если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом**", - говорит (апостол), - "**и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься**" (Рим. 10:9).

10. Понял ли ты, что значит: "**дело решительное совершит Господь на земле**"? Достойно удивления то, что краткое слово это принесло не только спасение, но и праведность. "**И, как предсказал Исаия: если бы Господь Саваоф не оставил нам семени, то мы сделались бы, как Содом, и были бы подобны Гоморре**" (Римл. 9:29. срав. Иса. 1:9). Опять (апостол) доказывает здесь нечто другое, - именно то, что и немногие спаслись не сами собой. И они погибли бы и претерпели бы участь Содома, то

есть подверглись бы истреблению, так как и содомляне погибли все без исключения и от них не осталось даже и случайного семени; и эти, продолжает (апостол), погибли бы, как и те, если бы Бог не оказал великой благости и не сохранил их ради веры. Это произошло и вовремя чувственного (вавилонского) плена, потому что большинство иудеев были отведены в плен и погибли, а немногие только спаслись. "**Что же**",- говорит, - "**скажем? Язычники, не искавшие праведности, получили праведность, праведность от веры**" (Римл. 9:30, 31). Здесь, наконец, самое ясное решение. Так как (апостол) на основании дел доказал, что не "**все те Израильтяне, которые от Израиля**" и подтвердил это предками Иакова и Исава и свидетельством пророков, то он потом предлагает самое главное решение на основании Осии и Исаии, предварительно усилив недоумение. Было два вопроса: о том, что язычники получили спасение, и о том, что они получили его, не домогаясь, то есть не позаботившись о нем. И опять касательно иудеев было также два недоумения: иудеи не достигли спасения, и не достигли несмотря на то, что домогались. Потому (апостол) употребил самые сильные выражения. Он не сказал, что имели праведность, но – "**получили**", потому что наиболее необычайным и странным было то, что искавший не получил, а не искавший получил. И, по-видимому, словом – "**искавший**" (апостол) угождает иудеям, но впоследствии он наносит решительный удар. А так как он мог дать сильное решение, то не побоялся и возражение сделать более неприятным. Поэтому он не беседует о вере и праведности, из нее возникающей, но доказывает, что иудеи побеждены прежде веры и осуждены по собственным законам. Ты, иудей, говорит (Павел), не нашел даже законной праведности, потому что нарушил закон и стал повинен клятве; а язычники, вошедшие не при помощи закона, а иным путем, нашли праведность больше законной праведности, именно праведность от веры. То же говорил (апостол) и выше: "**если Авраам оправдался делами, он имеет похвалу, но не перед Богом**" (Рим. 4:2), - доказывая, что праведность от веры выше праведности от закона. Итак, выше я говорил, что было два недоумения, а теперь стало три вопроса: что язычники нашли праведность, что нашли ее, не искав, и что нашли праведность больше праведности от закона. Вопросы, противоположные первым, возникают и касательно иудеев: что Израиль не нашел праведности, что он не нашел ее, несмотря на то, что искал, и что не нашел даже меньшей праведности. Итак, поставив слушателя в затруднение, (апостол) предлагает потом краткое решение и излагает причину всего сказанного. Какая же это причина? Та, что человек оправдывается не от веры, но от дел закона. Вот самое ясное решение всего места, которое не так легко было бы принято, если бы (апостол) предложил его в начале; а так как он поместил его после многих недоумений, доводов и объяснений, и употребил многочисленные предварительные оговорки, то и сделал его вполне понятным и доступным. Причиной погибели иудеев, говорит он, было то, что "**не в вере**", "**но**" как бы "**в делах закона**" (Римл. 9:32) хотели оправдаться. Не сказал - от дел, но - как бы от дел закона, показывая, что они не имели и этой праведности. "**Ибо преткнулись о камень преткновения, как написано: вот, полагаю в Сионе камень преткновения и камень соблазна; но всякий, верующий в Него, не постыдится**" (Римл. 9:32-33). Замечаешь ли опять, как от веры получается дерзновение и всеобщий дар. Сказано ведь не только об иудеях, но и обо всем человеческом роде. Всякий, говорит (апостол), и иудей, и эллин, и скиф, и фракиянин, и кто бы то ни был, если уверовал, будет пользоваться большой свободой. У пророка же удивительна его речь не только о том, что уверуют, но и о том, что не уверуют, так как преткнуться значит не уверовать. Как выше, рассуждая о погибших и спасаемых, (апостол) сказал: "**хотя бы народа у тебя, Израиль, было столько, сколько песку морского, только остаток его обратится**", и еще: "**если бы Господь Саваоф не оставил нам семени, то мы сделались бы, как Содом**", и также: "**призвал не только из Иудеев, но и из язычников**", - так и здесь говорит, что одни уверуют, а другие преткнутся, а преткновение происходит от невнимания и от того, что засматриваются на что-нибудь другое. И иудеи, обращая все внимание на закон, преткнулись о камень. Камень же преткновения (апостол) назвал и камнем соблазна по

отношению к настроению и концу неверующих. Теперь ясно ли для вас сказанное или требует еще большего пояснения? Думаю, что для внимательных понятно, если же для иных не вразумительно, то можно и, случайно встретившись, спросить и узнать. Для того я и представил очень пространное толкование, чтобы, прервав последовательность речи, не быть вынужденным повредить ее ясности. По той же причине здесь я и оканчиваю слово, не предлагая нравоучения, как имею обыкновение делать, чтобы в вашей памяти не затемнить множества предметов, о которых было сказано. Теперь время заключить речь, кончив ее надлежащим образом, то есть славословием Богу всяческих. Итак, дав общий отдых - и себе, говорившему, и вам, слушавшим, - воздадим Ему славу, потому что Его царство и сила и слава во веки. Аминь.

---

[1] Здесь неточность русского перевода.

БЕСЕДА 17

"Братья! желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение" (Римл. 10:1).

1. (Апостол) намерен опять обвинить (иудеев) и притом сильнее прежнего, потому он опять отклоняет от себя всякое подозрение в неприязни и пользуется большим предварительным разъяснением. Не обращайте внимания на слова и обличения, говорит он, а на то, что я возвещаю это не с враждебным расположением. Не свойственно ведь одному и тому же лицу желать (иудеям) спасения и не только желать, но молиться об этом, и в то же время ненавидеть и отвращаться от них; а под словом "**желание**" (апостол) разумеет здесь, именно, сильное желание. Заметь, что и молитва его приходит от сердца. Не о том он прилагает великую заботу и молится, чтобы иудеи избегли наказания, но чтобы и спаслись. И не здесь только, но и в следующих словах (апостол) обнаруживает благорасположение, какое имеет к иудеям. Он с великим усилием старается, сколько можно, извинить (иудеев) и ищет для них хотя бы некоторой тени оправдания, и, однако же, не успевает в этом, будучи побежден свойством дел. "**Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению**" (Римл. 10:2). Итак, это достойно извинения, а не осуждения. Если они были отвергнуты не по человеческой своей природе, а по ревности, то справедливее жалеть их, нежели наказывать. Но заметь, как (апостол) мудро и угодил им словом, и обнаружил неуместное их любопрение. "**Ибо не разумеют праведности Божьей**" (Римл. 10:3), говорит он. Еще предлог к извинению, который впоследствии усиливает обвинение и лишает всякого оправдания. "**И собственную праведность**", - говорит, - "**усиливаясь поставить, они не покорились праведности Божьей**". Этими словами он показывает, что иудеи впали в заблуждение больше по упорству и властолюбию, чем по неведению, и даже не представили той праведности, какая требуется законом, что (апостол) и выразил словами - "**усиливаясь поставить**". Впрочем, ясно (апостол) и не раскрыл этого, так как не сказал, что они лишены той и другой праведности, но со свойственным ему благоразумием сделал только весьма вразумительный намек. Если иудеи усиливались еще представить законную праведность, то ясно, что не представили. А если не покорились правде Божьей, то и лишились ее. Праведность же иудеев (апостол) называет собственной или потому, что закон не имел уже силы, или потому, что она приобреталась трудами и потом; а правдой Божьей он называет праведность от веры, потому что она приобретается единственно по благодати свыше и мы оправдываемся не трудами, но по дару Божьему. Но те, которые постоянно противятся Святому Духу и усиливаются оправдаться посредством закона, далеки от

веры. Будучи же далекими от веры и не получив оправдания, даруемого верой, а равно не имея возможности оправдаться законом, они все потеряли. "**Конец закона - Христос, к праведности всякого верующего**" (Римл. 10:4). Заметь благоразумие Павла. Так как то и другое он назвал правдой, то чтобы уверовавшие из иудеев не подумали, что они имеют одну правду, а лишены другой и потому обвиняются в беззаконии (ведь им, как новообращенным, надлежало еще опасаться), и чтобы иудеи опять не предполагали исполнить правду и не говорили: если мы доселе не исполнили, то без сомнения исполним, - смотри, что делает (апостол). Он доказывает, что праведность одна, что законная праведность заключается в праведности по вере и кто приобрел праведность по вере, тот исполнил и праведность законную, а кто отверг первую, тот лишился и последней. Если Христос есть цель закона, то не имеющий Христа, хотя бы и думал, что имеет праведность, однако не имеет ее, а имеющий Христа, хотя бы и не исполнил закона, всего достиг. Цель врачевания есть здоровье. Как тот, кто может сделать здоровым, хотя бы и не знал врачебного искусства, все имеет, а не умеющий вылечить, хотя бы и думал, что следует искусству, всего лишается, так бывает и относительно закона и веры: кто имеет веру, тот достиг цели закона, а кто вне веры, тот чужд и веры, и закона. Чего желал, именно, закон? Сделать человека праведным. Но он оказался бессилен, потому что никто не исполнил закона. Такова была цель закона, к этому все клонилось, для этого все совершалось - и праздники, и заповеди, и жертвы, и все остальное, чтобы человек оправдался. Но этой цели вернее достиг Христос посредством веры. Итак, не бойся, говорит (апостол), что ты нарушаешь закон, после того как пришел к вере: ты тогда преступаешь закон, когда по причине закона не будешь веровать во Христа; когда же уверуешь в Него, тогда ты исполнил и закон, даже гораздо больше, потому что ты достиг гораздо большей праведности. Такую свою мысль (апостол) подтверждает и Писанием. "**Моисей пишет о праведности от закона**", - говорит он. Это значит: Моисей показывает нам, в чем состоит законная праведность и какова она. Итак, в чем она состоит и как приобретается? Исполнением заповедей. "**Исполнивший его человек жив будет им**", - говорит он. Сделаться праведным по закону нельзя иначе, как, исполнив все заповеди, но это никому не оказалось возможным.

2. Итак, праведность эта уничтожилась. Но скажи нам, Павел, о другой праведности, о праведности по благодати, - в чем она состоит и как приобретается? Выслушай, насколько ясно (апостол) описывает ее. После того, как он обличил праведность по закону, он переходит к праведности по благодати и говорит: "**праведность от веры так говорит: не говори в сердце твоем: кто взойдет на небо? то есть Христа свести. Или кто сойдет в бездну? то есть Христа из мертвых возвести. Но что говорит Писание? Близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоем, то есть слово веры, которое проповедуем. Ибо если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься**" (Римл. 10:6-9). Итак, чтобы иудеи не могли сказать: каким же образом нашли большую праведность те, которые не нашли меньшей? - (апостол) приводит бесспорное доказательство, что новый путь легче прежнего. Там требовалось исполнение всех заповедей: когда все исполнишь, жив будешь; а праведность от веры не то говорит, но что же именно? "**Если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься**". Потом, чтобы вследствие доказательства, что путь этот удобен и легок, не показалось, что он не стоит и внимания, смотри, как (апостол) распространяется о нем. Не тотчас приступил к тому, о чем мы сказали, но что говорит? "**А праведность от веры так говорит: не говори в сердце твоем: кто взойдет на небо? то есть Христа свести. Или кто сойдет в бездну? то есть Христа из мертвых возвести**". Как нерадение и расслабление, обессиливающие труды, сопротивляются добродетели, обнаруживающейся в делах, и нужна сильно бодрствующая душа, чтобы не уступить, так и всякий раз, когда необходимо уверовать, возникают помыслы,

возмущающие и расслабляющие мысли многих и, чтобы отразить их, нужна душа, исполненная сил. Потому (апостол) обнаруживает эти самые помыслы, и как поступил, рассуждая об Аврааме, так делает и здесь. Доказав там, что Авраам оправдался верой, (апостол), чтобы не подумали, что он приобрел столь великий венец напрасно и даром, восхваляет свойство веры и говорит: "**сверх надежды, поверил с надеждой, через что сделался отцом многих народов, И, не изнемогши в вере, он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело, и утроба Саррина в омертвении; не поколебался в обетовании Божьем неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное**" (Рим. 4:18-21). Этим (апостол) доказал, что Аврааму нужны были и дела, и душа возвышенная, принимающая то, что выше надежды, и не соблазняющаяся видимым. Так он поступает и здесь и доказывает, что нам необходим ум любомудрый, воля сильная и стремящаяся к небесному. Не сказал просто: не говори, но: "**не говори в сердце твоем**", то есть даже не подумай сомневаться и сказать самому себе: как это возможно? Видишь ли, что в том преимущественно и состоит свойство веры, чтобы, отвергнув все земные соображения, искать того, что выше природы и, отринув слабость помыслов, принимать все при помощи всемогущества Божьего? Иудеи не только это говорили, а также и то, что оправдаться от веры невозможно. Но (апостол) то же самое прилагает и к другому событию, чтобы, показав, что оно настолько важно, что и по исполнении своем требует веры, этим убедить, что справедливо сплетать венец верующим. И он пользуется изречением Ветхого Завета, стараясь всегда избегать обвинений в нововведениях и в противоборстве ему. То, что (апостол) говорит здесь о вере, Моисей говорил иудеям о заповеди, доказывая, что они получили от Бога множество благодеяний. Нет нужды говорить, рассуждает (апостол), что должно взойти на небо или переплыть обширное море и тогда получить заповеди, так как Бог сделал это столь великое и трудное дело удобным для нас. Что значит: "**близко к тебе слово**"? То есть легко, потому что спасение у тебя в сердце и на устах. Тебе не нужно для своего спасения предпринимать дальний путь, переплывать море и переходить горы, напротив, если ты не желаешь даже переступить и порог, то можешь спастись и сидя дома, потому что средство к спасению у тебя на устах и в сердце. Потом, приводя новое доказательство относительно легкости слова веры, (апостол) говорит, что Бог воздвиг Христа из мертвых. Помысли о достоинстве совершившего и ты более не увидишь никакого затруднения в этом деле. Итак, что Христос есть Господь, это видно из Воскресения, как (апостол) сказал и в начале послания: "**открылся Сыном Божьим через воскресение из мертвых**" (Рим. 1: 4). А что и воскресение возможно, это и для совсем неверующих доказано силой совершившего его. Итак, как скоро оправдание и очень важно, и легко, и удобоприемлемо, даже иначе и оправдаться невозможно, то не крайнее ли это упорство, оставив удобное и легкое, браться за невозможное? Ведь никто не может уже сказать, что отказался от дела по трудности его.

3. Замечаешь ли, как (апостол) лишает иудеев всякого извинения? Какого, в самом деле, оправдания заслуживают те, которые избирают самое трудное и неисполнимое, а оставляют легкое и могущее их спасти, чего и самый закон не в состоянии был дать? Все это доказывает не что иное, как только упорную волю, противящуюся Богу. Закон обременителен, а благодать легка, закон и при бесчисленных усилиях не спасает, а благодать дает оправдание как благодатное, так и законное. Итак, что скажут в свое оправдание те, которые упорствуют против благодати и без пользы и цели держатся закона? Потом, так как (апостол) сказал нечто важное, он опять удостоверяет в этом Писанием. "**Ибо Писание говорит**", - говорит он: "**всякий, верующий в Него, не постыдится. Здесь нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его. Ибо всякий, кто призовет имя Господне, спасется**" (Римл. 10:11-13). Замечаешь ли, как (апостол) приводит свидетельства о вере и об исповедании? Когда говорит: "**всякий верующий**", указывает на веру, а когда говорит:

"**всякий, кто призовет**", разумеет исповедание. Потом, снова возвещая общность благодати и низлагая надменность иудеев, (апостол) в кратких словах напоминает о том, что выше доказывал пространно, и опять подтверждает, что нет разности между иудеем и необрезанным. "**Нет различия между Иудеем и Еллином**", - говорит он. И что выше, когда доказывал это, говорил об Отце, то говорит здесь о Христе. Как выше, раскрывая то же самое, сказал: "**неужели Бог есть Бог Иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников, потому что один Бог**" (Рим. 3:29-30), так и здесь говорит: "**потому что один Господь у всех, богатый для всех, призывающих Его**". Видишь ли, как (апостол) доказывает, что Бог сильно желает нашего спасения, так что считает его даже Своим богатством. Потому иудеи и ныне не должны отчаиваться и думать, что они не могут быть прощены, хотя бы и пожелали покаяться. Считающий наше спасение Своим богатством не перестанет обогащаться, так как и изливать дар на всех для Него также есть обогащение. А так как иудеев особенно смущало то, что прежде они пользовались преимуществом перед всем человеческим родом, а теперь ради веры низвергаются с их престола и не имеют никакого преимущества перед остальными, то (апостол) неоднократно делает указания на пророков, которые предвещают им о таком равенстве. "**всякий, верующий в Него**", - сказано, - "**не постыдится**", и еще: "**всякий, кто призовет имя Господне, спасется**". И чтобы не было возражений, в том и другом месте поставлено слово: "**всякий**".

Нет ничего хуже тщеславия. Оно, именно оно больше всего и погубило иудеев. Потому и Христос сказал им: "**как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете**" (Иоан. 5:44)? Тщеславие вместе с гибелью и возбуждает большой смех и прежде еще будущего наказания навлекает здесь бесчисленные бедствия. И если угодно тебе знать это, мы, не касаясь пока небес, откуда тщеславие низводит нас, и геенны, в которую оно ввергает, рассмотрим все то, что оно производит здесь. И действительно, что может быть вреднее, постыднее и тяжелее тщеславия? Что болезнь эта причиняет убытки, доказывается бесполезными и напрасными издержками на театры, ристалища и на другие столь же ненужные развлечения, вроде постройки великолепных и пышных домов и всяких других излишних сооружений, чего теперь нельзя и описать. Всякому же известно, что человек расточительный, любящий пышность и страдающий болезнью тщеславия, по необходимости делается похитителем и корыстолюбцем. Чтобы доставить пищу этому зверю, он налагает свои руки на чужое имущество. И что говорить об имуществе? Этот огонь пожирает не только деньги, но и души, уготовляет не только настоящую, но и будущую смерть. Тщеславие есть мать геенны, сильно воспламеняет адский огнь и ядовитого червя. Всякому известно, что оно и на мертвых простирает свою власть, а что может быть хуже этого? Все прочие страсти прекращаются со смертью, а тщеславие и после кончины продолжает свое действие и над умершим телом силится показать свое свойство. Когда умирающие заботятся, чтобы им были поставлены великолепные памятники, на которые надобно истратить все их имущество, и стараются и в гробе показать необыкновенную пышность; когда люди при жизни за один овол или кусок хлеба оскорбляли подошедших нищих, а, умирая, готовят червю обильную пищу, то какую власть ты найдешь мучительнее этой болезни? От этого же зла рождается и нечистая любовь, так как многие вовлечены в прелюбодеяние не красотой лица, не похотью совокупления, но желанием похвастаться: я соблазнил такую-то и вовлек в любодеяние.

4. И нужно ли говорить о других пороках, которые произрастают отсюда? Я предпочел бы лучше быть рабом у множества варваров, чем у одного тщеславия, так как варвары не повелевают того пленникам, что приказывает тщеславие своим подчиненным. Будь слугой всех, говорит оно, будут ли они знатнее тебя или незначительнее. Не радей о душе, не заботься о добродетели, смейся над свободой, жертвуй своим спасением, а если сделаешь

какое-либо добро, то делай не из угождения Богу, но напоказ людям, чтобы от них получить себе венец; если подаешь милостыню, или постишься, труд перенеси, а пользу старайся погубить. Что может быть бесчеловечнее таких требований? Отсюда ведут свое начало и зависть, и высокомерие, и сребролюбие - мать всех зол. Толпа рабов, одетые в золото варвары, тунеядцы, льстецы, высеребренные колесницы и многое другое, что и того смешнее, употребляются не для удовольствия и пользы, но из одного тщеславия. Да, говоришь ты, всякому известно, что страсть эта - зло, но как нам избежать ее, - вот о чем следует сказать. Главное, если ты вполне убедишь себя в том, что эта болезнь тяжела, то сделаешь самое лучшее начало к исправлению, потому что и больной немедленно ищет врача, как скоро узнает, что он болен. А если ты ищешь и другого пути избежать (проистекающего отсюда зла), то взирай непрестанно на Бога и довольствуйся славой, исходящей от Него. Если ты заметишь, что страсть эта подстрекает тебя и побуждает рассказать о заслугах своих собратьям, то ты, прежде всего, размысли, что из этого рассказа не произойдет для тебя никакой выгоды, угаси нелепую страсть и скажи душе своей: вот сколько времени ты мучилась, чтобы рассказать о своих заслугах, и не могла сохранить молчания, но всем объявила, - какая же от этого тебе польза? Пользы никакой, а вред всем большой - потеря всего того, что ты собрала с великим трудом. А после этого подумай и о том, что приговор и суд народа ошибочны, к тому же и скоро исчезают. На час они удивляются, а как скоро миновало время, обо всем забыли; венец, дарованный тебе Богом, похитили, а своего сохранить для тебя не сумели. Даже если бы людской венец остался у тебя, то было бы весьма жаль променять его на венец Божий; а когда и его не останется, то, какое оправдание мы будем иметь в том, что за преходящее отдаем непреходящее и за похвалы немногих теряем столь великие блага? И хотя бы многие воздавали тебе похвалы, все они достойны сожаления, и тем больше, чем больше число людей, делающих это. Если ты удивляешься сказанному, послушай, как Сам Христос подтверждает это: "**горе вам**", - говорит он, - "**когда все люди будут говорить о вас хорошо**" (Лук. 6:26). И совершенно справедливо. Если во всяком искусстве судьями следует избирать художников, то, как же ты оценку добродетели вверяешь толпе, а не тому, кто больше всех сведущ в этом, кто может и одобрить, и увенчать? Итак, напишем слово Христово на стенах, на дверях и в сердце, и постоянно будем говорить сами себе: "**горе**" нам, "**когда будут говорить о вас хорошо**" нам "**все люди**", потому что и те самые, которые говорят о тебе хорошо, впоследствии осуждают тебя, называя тщеславным, честолюбивым, пристрастным к людским похвалам. Но не так делает Бог. Когда Он увидит, что ты любишь славу Его, тогда особенно похвалит тебя, удивится и возвестит о тебе. А человек не так, но, считая тебя не свободным, а рабом, и часто угождая тебе ложной похвалой, состоящей в пустых словах, обыкновенно похищает у тебя истинную награду и подчиняет тебя себе больше, чем купленного раба. Ведь господа имеют рабов для того, чтобы они слушались их в том, что приказано, а ты служишь и без приказаний. Ты и не ждешь, чтобы услышать что-нибудь от них, но как только узнаешь, чем можно угодить им, все делаешь, хотя бы они и не приказывали. Какой же геенны достойны будем мы, которые услаждаем дурных людей и служим им прежде, нежели прикажут, а вовсе не слушаем Бога, несмотря на то, что Он ежедневно нам приказывает и увещевает? Если ты любишь славу и похвалы, то избегай похвалы человеческой и тогда приобретешь славу; уклоняйся от людских одобрений и тогда получишь многие похвалы и у Бога, и у людей. Ведь и мы обыкновенно больше всего прославляем того, кто презирает славу, обыкновенно хвалим и удивляемся тому, кто ни во что ставит похвалы и удивление; если же мы так поступаем, то тем более Бог всяческих. А когда Бог восхвалит тебя и прославит, кто может быть счастливее тебя? В самом деле, каково различие между славой и бесчестием, таково же различие между славой небесной и человеческой, лучше же сказать, гораздо больше, до бесконечности. Если же человеческая слава ни с чем несравнима, постыдна и безобразна, то рассуди, какой окажется ее гнусность, когда сопоставим ее со славой небесной. Как блудная женщина, находясь на кровле, отдает себя

всем, так поступают и рабы тщеславия, а вернее сказать, они даже гнуснее и блудниц, потому что блудницы нередко пренебрегают некоторыми из полюбивших их, а ты предлагаешь себя всякому - и беглецам, и разбойникам, и мошенникам. При помощи таких и подобных лиц устраиваются вами зрелища, возбуждающие похвалы; и тех самых, из которых каждый сам по себе, по твоему же мнению, ничего не стоит, ты, когда они собраны вместе, предпочитаешь собственному спасению, этим показывая, что ты бесчестнее каждого из них.

5. Как же ты не бесчестнее, как скоро имеешь нужду в их похвалах и не бываешь доволен сам собой, если не приобретешь славы от других? Кроме всего этого, скажи мне, неужели ты не понимаешь, что, будучи человеком знаменитым и всем известным, ты имеешь бесчисленное множество обвинителей, если согрешишь, а, оставаясь в неизвестности, ты будешь в безопасности? Да, говоришь ты: за то и заслугам моим удивляется бесчисленное множество людей. Но в том и несчастье, что болезнь тщеславия вредит тебе не только тогда, когда ты грешишь, а и тогда, когда оказываешь заслуги, и в одном случае она подвергает тебя бесчисленным укоризнам, в другом же лишает всей награды. Гибельно и исполнено всякого бесчестия - любить славу в делах гражданских, а когда та же страсть овладеет тобой и в делах духовных, тогда какое оправдание останется тебе, не желающему воздать Богу такой же чести, какой сам требуешь от домашних? Ведь и раб смотрит в глаза господину, и наемник обращает внимание на хозяина работы, который должен выдать плату, и ученик смотрит на учителя, - а у тебя все напротив: ты, оставив нанявшего тебя Бога и Владыку, смотришь на собратьев, хотя сам знаешь, что Бог и впоследствии будет помнить твои заслуги, а человек помнит только в настоящем; для тебя уготовано зрелище на небе, а ты собираешь зрителей на земле. Борец, где подвизается, там ждет себе и одобрений, а ты, подвизаясь для горнего, заботишься получить награду долу. Что может быть хуже такого безумия? Посмотрим же, если угодно, и на самые венцы: иной состоит из высокомерия, иной из зависти к другому, один из насмешки и лести, другой из денег, иной из рабского служения. Как дети во время игры возлагают друг на друга венки из травы и часто, увенчав кого-нибудь так, чтоб он сам не заметил, смеются над ним сзади, так и теперь те, которые тебя хвалят, часто сами между собой смеются, возложив на тебя траву. И пусть бы еще только траву, но их венец причиняет нам большой вред и губит все наши заслуги. Итак, рассудив о ничтожности его, избегай вреда. Сколько, по твоему мнению, должно быть хвалящих тебя? Сто человек или вдвое, втрое, вчетверо больше, даже, если хочешь, вдесятеро, во сто раз больше; пусть будет, если угодно, две, четыре, десять тысяч рукоплещущих, но они ничем не отличаются от каркающих ворон, а если ты представишь себе зрелище ангелов, то эти рукоплещущие окажутся ничтожнее червей, а их одобрения слабее паутины, дыма, сновидения. Послушай, как Павел, в точности узнавший людскую славу, не только не домогается ее, но и отвращается, говоря: "**я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа**" (Гал. 6:14). Итак, и ты возревнуй об этой похвале, чтобы не разгневать Господа. А, ища похвалы людской, ты бесчестишь не только себя, но и Бога. Будучи живописцем и имея у себя ученика, ты и сам не перенес бы равнодушно, если бы он не стал тебе показывать произведений своего искусства, а выставил бы картину напоказ простым зрителям. Если это обидно для собратьев, то гораздо более для Владыки. А если хочешь знать, какие еще есть побуждения презирать людскую славу, то будь исполнен высоких мыслей, смейся над видимым, возрастай в любви к истинной славе, исполнись духовных помыслов, скажи душе своей, как говорил Павел: "**разве не знаете, что мы будем судить ангелов**" (1 Кор. 6:3)? И, возбудив ее этим, вразуми и скажи: неужели ты, судящая ангелов, желаешь, чтобы тебя судили нечистые и хвалили, как хвалят плясунов, лицедеев, звероловов и наездников, которые стремятся к таким именно похвалам? А ты постарайся быть выше этих кликов, подражай пустынножителю Иоанну, узнай, как он презирал народную толпу и, видя льстецов, не обращал на них внимания.

Когда же все жители Палестины собрались вокруг него, удивлялись ему и приходили в изумление, то он не хвалился и такой честью, но восставал против них и, обращаясь к многочисленному народу, как к ребенку, поражал их такими укоризнами: змеи, "**порождения ехиднины**" (Матф. 3:7). Хотя они сходились и оставляли города для него, чтобы видеть эту священную главу, однако, ничто не смягчило Иоанна, - так он далек был от славы и свободен был от всякой гордости. И Стефан, видя, что опять тот же народ не чтит его, но неистовствует и скрежещет зубами, поставив себя выше их гнева, говорит: "**жестоковыйные! люди с необрезанным сердцем**" (Деян. 7:51). И Илия в присутствии войска, царя и всего народа сказал: "**долго ли вам хромать на оба колена**" (3 Цар. 18:21)? Но мы всем льстим, угождаем, покупая себе этим раболепным служением их почтение. Вследствие этого все переменилось, мы лишились благодати первых веков, дела христианства пришли в упадок и все пренебрежено для людской славы. Итак, искореним страсть, и тогда вполне узнаем свободу, найдем пристань и тишину. Ведь тщеславный подобен обуреваемым волнами, всегда трепещет, боится и служит очень многим господам. А кто находится вне этой мучительной власти, тот подобен достигшим пристани и наслаждающимся полной свободой. Но не таков тщеславный, который скольким бы ни был известен, столько же имеет и господ и всем вынужден служить. Как же нам освободиться от этого тяжкого рабства? Если возлюбим другую славу, славу истинную. Как влюбленных в красивое лицо обыкновенно отвлекает от этой любви другое лицо, которое красивее прежнего, так и пристрастных к людской славе может отвлечь от нее слава, воссиявшая с небес. Потому обратим взоры на эту последнюю, узнаем ее в точности, чтобы, удивившись красоте ее, избежать нам позора славы мирской и насладиться многим удовольствием, непрестанно утешаясь славой небесной, достигнуть которой да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 18

"Но как призывать [Того], в Кого не уверовали? как веровать [в] [Того], о Ком не слыхали? как слышать без проповедующего? И как проповедывать, если не будут посланы? как написано…" (Рим.10:14,15).

1. Апостол опять лишает иудеев извинения. Сказав: "**Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению**", и еще: "**Не разумея праведности Божией …, они не покорились**", он показывает далее, что и за самое незнание они должны быть наказаны Богом. Впрочем, он не говорит этого прямо, а раскрывает, излагая речь в вопросах, и, для большей ясности доказательств, все это место составляет из возражений и ответов. Смотри же: выше он сказал словами пророка, что "**всякий, кто призовет имя Господне, спасется**". Но, может быть, кто-нибудь скажет: как могли они призывать Того, в Кого не уверовали? Потом за возражением у него следует вопрос: почему не уверовали? И опять возражение, - потому что, несомненно, кто-нибудь мог бы спросить: как они могли уверовать, не слышавши? Они слышали, отвечает (апостол). Потом опять другое возражение: как могли услышать без проповедующего? И опять ответ: многие проповедовали и многие для этого именно и были посланы. Из чего же видно, что они были посланы для проповеди? Тут, наконец, (апостол) приводит слова пророка: "**Как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое**" (Рим. 10:15) "**Как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего радость**" (Ис.52:7). Видишь ли, как самым способом проповеди он доказывает, что они были проповедниками. Апостолы, обходя вселенную, возвещали не иное что, как неизреченные блага и совершившийся мир Бога с людьми. Потому вы, неверующие, не нам не верите, говорит (Павел), но Исаии, который за многие годы предвозвестил, что мы

будем посланы, станем проповедовать, и станем говорить то самое, что и сказали. Итак, если спасение зависит от призвания, призвание от веры, вера от слышания, слышание от проповедания, проповедание от послания, а апостолы были посланы и проповедовали, даже вместе с ними ходил и пророк, указывал на них, возвещал и говорил: вот те самые, о которых за долгое время я возвестил свыше и ноги которых я восхвалял за способ проповеди, то ясно, что неверие есть собственная вина иудеев, а со стороны Божией все сделано. “**Но не все послушались благовествования. Ибо Исаия говорит: Господи! кто поверил слышанному от нас? Итак вера от слышания, а слышание от слова Божия**” (Рим. 10:16,17). Но вот иудеи опять делали новое возражение, говоря: "если именно эти (апостолы) были посланы и посланы от Бога, то следовало, чтобы все их послушались". И обрати внимание на благоразумие Павла, как он доказывает, что, то самое, что приводило в смущение, должно уничтожить волнение и беспокойство. Почему, говорит он, после столь многочисленного и важного свидетельства и после подтверждения его делами, тебя, иудей, соблазняет то, что не все послушались благовествования? Но именно это самое, что не все слушаются, при других доказательствах достаточно к тому, чтобы уверить тебя в истине проповедуемого. И об этом издревле предсказал пророк. Заметь же неизреченную мудрость (апостола), как он доказывает более того, сколько иудеи ожидали и надеялись противоречить ему. Что говорите вы, спрашивает он? То ли, что “**не все послушались благовествования**”? Но Исаия давно предсказал и это, вернее же сказать, он предрек не это одно, но и гораздо большее. Вы ставите в вину то, что не все послушались, а Исаия говорит и больше этого. Что же именно? “**Господи! кто поверил слышанному от нас**”? Потом, уничтожив словами пророка это смущение, (апостол) держится опять прежней связи. Так как он сказал, что нужно сперва призвание, а призываемым нужно уверовать, а уверовавшим прежде услышать, а готовым услышать необходимо иметь проповедников, а проповедники должны быть посланы, и так как он доказал, что они были посланы и проповедовали, то, намереваясь предложить еще новое возражение, взял для этого основание из другого пророческого свидетельства, которым незадолго пред тем решил возражение, и таким образом соединяет его и связывает с предыдущим. После того, как привел слова пророка: “**Господи! кто поверил слышанному от нас**”? он, благовременно взявши и другое свидетельство, говорит: “**Итак вера от слышания**”. И это он сказал не без цели, так как иудеи постоянно искали чудес и желали видеть воскресение; и так как много было таких, которые домогались этого, то (апостол) и говорит, что и пророк возвестил о том, что вера наша должна происходить от слышания. Потому он заранее это и доказывает, говоря: “**Итак вера от слышания**”. А так как это, по-видимому, было незначительно, смотри, каким образом он усиливает речь свою. Не о простом слышании сказал я, продолжает он, не о том, что должно услышать человеческие речи и им поверить, но говорю о слышании высоком: “**А слышание от слова Божия**”. Проповедники не свое говорили, а возвещали то, что узнавали от Бога; это гораздо выше чудес. Богу, когда Он говорит и совершает чудеса, одинаково должно верить и повиноваться, потому что дела и чудеса производятся словом Его; так именно явилось небо и все прочее.

2. Итак, доказав, что должно верить пророкам, которые всегда говорят не свое, но Божие, и что не нужно искать ничего больше слышания, (апостол) излагает уже то возражение, о котором я упоминал, и говорит: “**Но спрашиваю: разве они не слышали**” (ст.18)? (Апостол) спрашивает: что же из того, если проповедники были посланы и проповедовали то, что им повелено было, ведь иудеи не слышали? Потом со всею полнотою предлагается решение возражения. “**Напротив, по всей земле прошел голос их, и до пределов вселенной слова их**”. Что ты говоришь, спрашивает (Павел), неужели они не слышали? Но услышала вселенная, услышали все пределы земные, а вы, у которых проповедники провели столько времени и от которых они произошли, неужели не слышали? Возможное

ли это дело? Если услышали пределы вселенной, тем более вы. Потом опять новое возражение. “**Еще спрашиваю: разве Израиль не знал**” (ст.19)? А если иудеи, хотя и слышали, но не поняли сказанного, не узнали, что посланные были те самые проповедники, то не заслуживают ли они извинения ради такого неведения? Нимало. Исаия ведь указал признаки проповедников, сказав: “**Как прекрасны … ноги благовестника, возвещающего мир**” (Ис. 52:7). А прежде Исаии изобразил их Сам Законодатель, почему (апостол) и присовокупил: “**Но первый Моисей говорит: Я возбужу в вас ревность не народом, раздражу вас народом несмысленным**”. Таким образом, должно было узнать проповедников не только потому, что иудеи не уверовали, что проповедники благовествовали мир и возвещали о благах и что слово сеялось повсюду во вселенной, но и потому, что удостоены были большей чести те, которые ниже иудеев, то есть язычники. Язычники неожиданно стали любомудрствовать о том, чего никогда не слышали ни сами они, ни предки их. Это было знаком высокой чести, которая должна уязвлять иудеев, побуждать их к соревнованию и приводить на память пророчество Моисея – “**возбужу в вас ревность не народом**”. Не только величие чести достаточно было к тому, чтобы подвигнуть иудеев к соревнованию, но и то, что народ, удостоившийся ее, был настолько низок, что не достоин был и названия народа. “**Я возбужу в вас ревность не народом, -** сказано, **- раздражу вас народом несмысленным**”. Что было неразумнее и ниже язычников? Посмотри, как Бог заранее дал иудеям признаки и ясные знамения всех этих времен, чтобы отверзть слепоту их. При том это происходило не в тесном углу, но на суше и море, и всюду во вселенной; тех, кого иудеи прежде презирали, они увидели обладателями бесчисленных благ. Итак, следовало понять, что это тот самый народ, о котором говорит Моисей: “**Возбужу в вас ревность не народом, раздражу вас народом несмысленным**”. Но один ли Моисей сказал это? Никак, но и после него то же подтвердил Исаия. Потому Павел и сказал: “**первый Моисей**”, показывая, что есть и второй, говорящий о том же самом яснее и внятнее. И как выше сказал: вопиет Исаия, так и здесь: “**А Исаия смело говорит**” (ст.20). Это значит, что Исаия старался и употреблял все меры к тому, чтобы не выразиться темно, а представить дело пред взорами нашими во всей наготе, предпочитая лучше подвергнуться опасности за то, что сказал ясно, нежели, заботясь о собственном спасении, оставить вам какой-нибудь предлог к извинению; и хотя пророк и не обязан был говорить об этом так ясно, однако же, он, чтобы совершенно заградить вам уста, обо всем предсказывает вполне ясно и определенно. О чем же - обо всем? И о вашем падении, и о введении язычников, говоря так: “**Меня нашли не искавшие Меня; Я открылся не вопрошавшим о Мне**”. Кто же эти не искавшие и не вопрошавшие? Очевидно, что не иудеи, а язычники, которые никогда не знали Бога. Как Моисей отличительный их признак выразил словами: “**не народом**”, и: “**народом несмысленным**”, так и Исаия изображает здесь то же их свойство - незнание в крайней степени. Это и было самым важным обвинением для иудеев, что не искавшие нашли, а искавшие потеряли. “**Об Израиле же говорит: целый день Я простирал руки Мои к народу непослушному и упорному**” (ст.21). Замечаешь ли, что то, что затрудняло и о чем многие недоумевали, было известно и раньше и ясно разрешено было еще в пророческих писаниях? Что же это такое? Ты слышал, что Павел говорил выше: “**Что же скажем? Язычники, не искавшие праведности, получили праведность … . А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности**” (Рим. 9:30,31). То же говорит здесь и Исаия, - слова: “**Меня нашли не искавшие Меня; Я открылся не вопрошавшим о Мне**” - значат то же, что и сказанное апостолом: “**Язычники, не искавшие праведности, получили праведность**”. Потом, показав, что совершившееся было делом не одной Божией благодати, но и собственного расположения пришедших, равно как и падение иудеев было следствием упорства непослушных, выслушай, что (апостол) прибавил: “**Об Израиле же говорит: целый день Я простирал руки Мои к народу непослушному и упорному**”. Под словом – “**день**” он разумеет здесь все прошедшее время, а “простирать руки” значит у него - звать, привлекать и призывать.

Потом, показывая, что во всем этом были виновны сами иудеи, говорит: “**к народу непослушному и упорному**”.

3. Замечаешь ли, как сильно обвинение? Иудеи не только не повиновались (Богу) даже тогда, когда призывал их, но и еще противоречили, и притом не раз, не два, не три, но и во все то время, когда видели, что (Бог) зовет их. А язычники, никогда не знавшие Бога, имели силу привлечь Его к себе. Впрочем, (апостол) не говорит, что они сами смогли привлечь к себе Бога, но, низлагая гордость язычников и показывая, что все произвела благодать Божия, он выражается: “**открылся**”, и “**нашли**”. Итак, язычники свободны от всего, спросишь ты? Никак, но их делом было взять найденное и познать открывшееся. После того, чтобы иудеи не сказали: почему же Он не явился и нам? - (апостол) указывает и на нечто большее, говоря, что Он не только им являлся, но и не переставал простирать руки и призывать, являя заботливость чадолюбивого отца, и сердобольной матери. Смотри, какое ясное решение дал (апостол) на все возникшие выше недоразумения, доказав, что иудеи погибли по собственной воле и во всех отношениях не заслуживают извинения. Хотя они и слышали и понимали сказанное, но при всем том не захотели прийти. И что гораздо важнее, Бог не только дал им услышать и уразуметь это, но присоединил и более сильные меры для побуждения и привлечения упорных и противящихся. Какие же именно? Ободрение их и возбуждение соревнования. Вы сами знаете власть этой страсти, знаете, какую силу имеет соревнование в деле преодоления всякого препятствия и в восстановлении падших. И нужно ли говорить это о людях, когда соревнование оказывает великое влияние и на бессловесных, и на детей в незрелом возрасте? Часто ребенок, когда зовет его отец, не слушается и продолжает упрямиться, но когда видит, что ухаживают за другим ребенком, он без всякого приглашения бежит к родительской груди, и то, чего не могла сделать просьба, легко производит соревнование. Так и Бог поступил с иудеями. Он не только призывал их, простирал к ним руки, но и возбуждал в них страсть соревнования, наделяя благами тех, которые были гораздо ниже их (а это особенно возбуждает соревнование), и притом, не теми благами, какие даны были иудеям, но - что гораздо важнее и делает страсть более мучительной - благами гораздо большими и нужнейшими, такими, каких иудеи и во сне себе не представляли. Но они и при всем том не послушались. Итак, какого извинения достойны те, которые показали свое упорство в столь великой степени? Никакого. Впрочем, (апостол) сам не говорит этого, но предоставляет совести слушателей заключить об этом на основании сказанного и в следующих словах со свойственною ему мудростью опять доказывает то же самое. Как он поступал и выше, вводя в рассуждение о законе и о народе возражения, в которых заключалось более сильное обвинение, чем сколько было нужно, потом в решении, где опровергалось обвинение, уступал в такой мере, в какой позволяли обстоятельства, чтобы не огорчить своим словом, так поступает и здесь, говоря: “**Итак, спрашиваю: неужели Бог отверг народ Свой …, который Он наперед знал? Никак**” (11:1,2). (Апостол), как бы взявши основание в сказанном, представляет себя сомневающимся и, произнеся эти грозные слова, посредством отрицаний их делает удобоприемлемым то, что он старался доказать везде выше и что раскрывает и здесь. Что же такое? То, что хотя число спасенных и невелико, но обетование непреложно. Потому не просто сказал - люди, но присовокупил: “**народ Свой …, который Он наперед знал**”. Далее, в доказательство того, что иудеи не отвержены, говорит: “**Ибо и я Израильтянин, от семени Авраамова, из колена Вениаминова**”. Я, говорит, учитель, проповедник. А так как это противоречило, по-видимому, сказанному выше, именно: “**Кто поверил слышанному от нас**”? и: “**Целый день Я простирал руки Мои к народу непослушному и упорному**”, и еще: “**Возбужу в вас ревность не народом**”, - то (апостол) не ограничился отрицанием и словом: “**Никак**”, но то же самое повторяет утвердительно и говорит: “**Не отверг Бог народа Своего**” (ст.2). Но, скажешь, это не подтверждение, а отрицание. Так вот же тебе сперва одно, а потом и другое подтверждение. Первое, - когда

(апостол) объявляет, что он и сам иудей; если бы Бог определил отвергнуть иудеев, то не избрал бы из среды их Павла, которому вверил всю проповедь, дела целого мира, все тайны, все Домостроительство человеческого спасения. Это - первый довод, а второй, за ним следующий, заключается в словах: "**народ Свой …, который Он наперед знал**", то есть о которых Он ясно знал, что они способны к принятию веры и примут ее, так как и из иудеев уверовали три тысячи и пять тысяч, и великое множество.

4. А чтобы кто-нибудь не возразил: разве ты составляешь народ, и из того, что ты призван, разве следует, что призван целый народ? - (апостол) присовокупил: "**Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал**" (ст. 2). Он как бы так говорит: со мною есть три тысячи, есть пять тысяч, есть великое множество. Так что же? Неужели в трех, в пяти тысячах и в великом множестве людей заключается то семя, которое уподоблялось множеству небесных звезд и морскому песку? Не явно ли ты нас обманываешь и вводишь в заблуждение, когда себя и немногих с тобою выдаешь за целый народ? Не пустыми ли надеждами ты обольщаешь нас, говоря, что обетование исполнилось, тогда, как все погибли, и спасение досталось в удел немногим? Это - хвастовство и кичливость, и мы не потерпим таких ложных заключений. Но чтобы иудеи не могли сказать этого, смотри, какой ответ дает (апостол) в последующих словах: не высказывая возражения, но, предупреждая его, он предлагает решение на основании ветхозаветной истории. Какое же это решение? "**Или не знаете, -** говорит он, **- что говорит Писание в [повествовании об] Илии? как он жалуется Богу на Израиля, говоря: Господи! пророков Твоих убили, жертвенники Твои разрушили; остался я один, и моей души ищут. Что же говорит ему Божеский ответ? Я соблюл Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колени перед Ваалом. Так и в нынешнее время, по избранию благодати, сохранился остаток**" (ст. 2-5). Смысл этих слов таков: Бог не отверг народа, потому что если бы отверг, то никого бы не принял, а если некоторых принял, то не отверг. Но если не отверг, говоришь ты, то, значит, всех принял? Нимало. И при Илии спаслось не более семи тысяч, и ныне, вероятно, много есть уверовавших. Нисколько не удивительно, если вы и не знаете их, так как не знал их и пророк Илия, столь великий муж; но Бог устроял Свои дела, хотя пророк и не знал. Заметь же благоразумие (апостола), как он, доказывая то, что предположил доказать, незаметно увеличивает вину иудеев. Он для того вспомнил о всем этом свидетельстве, чтобы яснее обнаружить их неблагодарность и доказать, что они издревле таковы. А если бы он не имел этого намерения, но хотел доказать одно то, что народ состоит из немногих, то сказал бы только, что и при Илии осталось семь тысяч. Но теперь он приводит все свидетельство с начала, так как всеми мерами старался доказать, что поступки иудеев со Христом и апостолами не представляют ничего странного, но обыкновенны у них и обратились в привычку. А чтобы они не сказали: мы убили Христа, как обманщика, и преследуем апостолов, как обольстителей, - (апостол) приводит свидетельство, в котором говорится: "**Господи! пророков Твоих убили, жертвенники Твои разрушили**". Потом, чтобы не слишком огорчить этим словом, он представляет другую причину для приведены этого свидетельства. Он приводит его будто бы не с тою главною целью, чтобы обвинить их, но имея в виду доказать нечто иное; а, между тем, лишает их всякого извинения и в прежних делах. Смотри же, как обвинение получает особенную силу в зависимости от обличающего лица. Обличителем является не Павел, не Петр, не Иаков, не Иоанн, но тот, кому иудеи удивлялись больше всех, глава пророков, друг Божий, такой ревнитель в пользу иудеев, что решился терпеть и голод, тот, кто еще и теперь не умер. Что же говорит он? "**Господи! пророков Твоих убили, жертвенники Твои разрушили; остался я один, и моей души ищут**". Что может быть ужаснее такого зверства? Тогда как следовало молиться о содеянных уже грехах, они намеревались убить и его. Все это лишает их всякого извинения. Ведь не во время голода, но при наступившем плодородии, когда позор уже уничтожен, бесы посрамлены, могущество Божие явлено и сам царь смирился, - они отважились на такое злодеяние, переходя от убийств к

убийствам и умерщвляя учителей и тех, кто исправлял их жизнь. И что они могли сказать по поводу этого? Неужели и те были обманщиками? Неужели и о тех не знали, откуда они? Они огорчали вас? Но они же говорили и полезное. А что же жертвенники? Неужели и они огорчали? Неужели и они оскорбляли? Вот какие примеры упорства и высокомерия всегда показывали иудеи. Потому Павел и в другом месте, в послании к Фессалоникийцам, говорит: "**Потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев, которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся**" (1 Фес. 2:14,15). Подобное он и здесь говорит, что иудеи разрушили жертвенники и избили пророков. Но что говорит ему Божественный приговор? "**Я соблюл Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колени перед Ваалом**". Ты спросишь, относится ли это к настоящему времени? Вполне относится, - этим и доказывается, что Бог обыкновенно всегда спасает достойных, хотя обетование дано целому народу. То же доказывает (апостол) и выше, когда говорит: "**Хотя бы сыны Израилевы были числом, как песок морской, [только] остаток спасется**", и: "**Если бы Господь Саваоф не оставил нам семени, то мы сделались бы, как Содом**". То же доказывает и здесь, почему и присовокупляет: "**Так и в нынешнее время, по избранию благодати, сохранился остаток**".

5. Смотри, как каждое слово (апостола) сохраняет свою силу, выражая и благодать Божию, и благоразумие спасаемых. Словом – "**по избранию**" (апостол) показал достоинство спасаемых, а словом – "**благодати**" означил дар Божий. "**Но если по благодати, то не по делам; иначе благодать не была бы уже благодатью. А если по делам, то это уже не благодать; иначе дело не есть уже дело**" (Рим. 11:6). Апостол опять, по вышесказанному, нападает на упорство иудеев, и здесь восстает против них, и здесь лишает их извинения. Вы не можете сказать, говорит он, что, хотя пророки увещевали, Бог призывал, самые дела вопияли и соревнование достаточно было для привлечения нас, но повеления были тяжелы, и поэтому мы не могли придти, так как от нас требовали показать дела и трудные заслуги, о чем даже и нельзя сказать. Но как Бог мог потребовать от вас того, что должно было омрачать благодать Его? Говорил же он это, желая показать, как сильно хотел их спасения. Не только спасение их могло совершиться удобно, но и для Бога было бы величайшей славой явить Свое человеколюбие. Итак, почему же ты побоялся приступить, когда от тебя не требуют дел? Зачем ты споришь и упорствуешь, когда предлагают тебе благодать, а ты без нужды и пользы ссылаешься на закон? Ведь законом ты себя не спасешь, а дар этот унизишь. Если ты упорно хочешь спасаться законом, то уничтожаешь благодать Божию. Потом, чтобы не признали этого новым учением, (апостол) заранее говорит, что и те семь тысяч спасены благодатью. Словами: "**Так и в нынешнее время, по избранию благодати, сохранился остаток**", он именно показывает, что и те были спасены благодатью. То же самое видно и из слов: "**Я соблюл Себе**", которыми Бог показывает, что большую часть дела совершил Он сам. А если по благодати, говоришь ты, то почему мы не все спасаемся? Потому, что вы сами не хотите. Благодать, хотя и есть именно благодать, спасает, однако ж, желающих, а не тех, которые не хотят и отвращаются от нее, которые постоянно восстают на нее и противятся ей? Видишь, как (апостол) везде раскрывает ту истину, что невозможно, чтобы слово Божие не сбылось, и доказывает, что обетование исполнилось на достойных и что достойные, хотя их и немного, могут составить народ Божий (Рим. 9:6)? В начале послания ту же мысль он выразил с большей силой, сказав: "**Не то, чтобы слово Божие не сбылось**", и, не остановившись на этом, присовокупил: "**Бог верен, а всякий человек лжив**" (Рим. 3:3,4); и теперь он опять раскрывает эту мысль другими доводами, доказывает могущество благодати и то, что всегда одни спасаются, а другие погибают. Итак, возблагодарим Бога за то, что мы оказались в числе спасаемых и, не имея возможности спастись делами, были спасены по дару Божию. Благодарность же свою мы

засвидетельствуем не словами только, но и делами и поступками. Благодарность тогда-то бывает совершенною, когда мы исполняем то, что служит к славе Божией, и когда избегаем того, от чего мы освободились. Ведь если мы, оскорбивши царя, вместо того, чтобы подвергнуться наказанию, удостоены награды, потом опять оскорбили его, то справедливость требует, чтобы мы, как виновные в крайней неблагодарности, понесли и крайнее наказание, притом гораздо больше прежнего, потому что прежнее оскорбление не так доказывало нашу неблагодарность, как совершенное после оказанной нам чести и многих услуг. Потому станем избегать того, от чего мы освободились, и станем благодарить не одними устами, чтобы и о нас не было сказано: "**Этот народ … устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня**" (Ис. 29:13). Не странно ли, что небеса возвещают славу Божию, а ты, для которого и небеса славят Бога, совершаешь такие дела, что чрез тебя хулится сотворивший тебя Бог? Конечно, за это не один тот, кто хулит, но и ты сам подлежишь наказанию. Небеса славят Бога не тем, что они издают звук, но посредством созерцания побуждают других к славословию; однако же, и о них говорится, что они возвещают славу Божию. Так и проводящие достойную удивления жизнь, хотя безмолвствуют, но славят Бога, когда чрез них другие славят Его. И не столько небо, сколько чистая жизнь возбуждает удивление. Поэтому, когда мы беседуем с язычниками, то ссылаемся не на небо, но на людей, которые прежде были хуже зверей, и которых Бог сделал подобными ангелам, и, указывая на эту перемену, мы заграждаем им уста.

6. Человек гораздо лучше неба и может стяжать душу, превосходнее красоты небесной. Небо, будучи видимо в течение такого продолжительного времени, убедило немного, а Павел, проповедавший недолгое время, привлек целую вселенную, потому что обладал душою, которая не меньше неба и могла всех привлечь. Ведь наша душа не достойна и земли; а его (душа) равноценна и небесам. Небо стоит, сохраняя свой предел и закон, а высота души Павла превзошла все небеса и беседует с Самим Христом; ее красота так велика, что Сам Бог свидетельствует о ней. При сотворении звезд дивились ангелы, а Павлу удивился и Христос, сказавший: "**Он есть Мой избранный сосуд**" (Деян. 9:15). Небо часто покрывают тучи, а душу Павла не омрачило никакое искушение, но и среди бурь она являлась блистательнее ясного полдня и сияла так же, как и до мрака. Солнце, в нем сиявшее, изливало не такие лучи, которые могли бы омрачиться от стечения искушений, но при искушениях оно блистало еще больше. Потому и сказал Христос: "**довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**" (2 Кор. 12:9). Итак, будем ему подражать, и если пожелаем, то и в сравнении с нами ничего не будут значить ни небо, ни солнце, ни весь мир, потому что все это для нас, а не мы для этого. Покажем же, что мы достойны того, чтобы все это было создано для нас. Если же окажемся недостойными этого, то как будем достойны Царства? И если недостойны смотреть на солнце те, которые живут для хулы на Бога, то богохульствующие недостойны наслаждаться и тварями, которые прославляют Бога, так как и сын, оскорбляющий отца, не достоин пользоваться услугами честных рабов. Потому творения Божии удостоятся великой славы, а мы подвергнемся наказанию и мучению. И какое будет несчастье, если тварь, для тебя призванная к бытию, преобразится в свободу славы чад Божиих, а мы, бывшие чадами Божиими, по вине которых тварь насладится тем великим блаженством, будем посланы за великое нерадение на гибель и в геенну. Потому, чтобы этого не было, мы, приобретя чистую душу, станем и сохранять ее таковою, а лучше сказать - увеличим блеск ее; а если мы осквернили душу, не будем отчаиваться. "**Если будут грехи ваши, -** говорит (Бог), **- как багряное, - как снег убелю; если будут красны, как пурпур, - как волну убелю**" (Ис. 1:18). А если Бог обещает, ты не сомневайся, но делай то, чем можешь привлечь эти обетования. Ты совершил много худых дел и преступлений? Что же? Ты не сошел еще во ад, где никто не исповедуется, ристалище еще не уничтожено, но ты стоишь среди поприща и можешь даже последней

борьбой возместить все поражения. Ты не там еще, где находится богач, и тебе еще не сказано: “**Между нами и вами утверждена великая пропасть**” (Лк. 16:26). Жених еще не пришел, и никто не побоится дать елея; ты еще можешь купить и оставить для запаса. Никто еще не скажет: “**Чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас**” (Мф. 25:9), но есть много продающих, есть нагие, голодные, больные, заключенные в узы. Одних накорми, других одень, лежащих посети, и елея будет у тебя больше источников. Не наступил еще день отчета. Воспользуйся временем, как должно, уменьши долги и тому, кто должен сто мер масла, скажи: “**Возьми твою расписку и садись скорее, напиши: пятьдесят**” (Лк. 16:6). Также поступай и в отношении денег, слов и всего другого, подражая тому управителю; убеждай к тому и себя, и родственников. Еще ты в праве говорить это, еще не находишься в необходимости просить об этом другого, но имеешь власть давать советы и себе, и другим. А когда переселишься туда, тебе невозможно будет делать, как должно, ни того, ни другого. И справедливо. Тебе дано было столько времени, но ты не принес пользы ни себе, ни другому: как же ты сможешь получить такую милость, находясь уже в руках Судии? Сообразив все это, станем заботиться о своем спасении и не станем губить благовременности настоящей жизни. Возможно, вполне возможно и при последнем издыхании угодить Богу; возможно и посредством завещания получить одобрение, хотя и не так удобно, как при жизни, однако же, можно. Как же именно? Если в число своих наследников впишешь Христа и уделишь Ему часть из всего наследства. Ты не напитал Его при жизни своей? По крайней мере, после смерти, когда ты уже не господин своего имения, передай его Христу: Он человеколюбив и не строго с тебя взыскивает. Конечно, и любовь больше и награда больше, если питаешь Его при жизни своей, но если ты и не сделал этого, то, по крайней мере, исполни второе, оставь Его сонаследником своего имущества вместе с детьми своими. А если ты не решаешься и на это, то вспомни, что Отец Его сделал тебя сонаследником Его, и изгони свое бесчеловечие. В самом деле, какое извинение ты будешь иметь, если вместе с своими детьми не сделаешь участником и Того, Кто сделал тебя участником неба и умерщвлен ради тебя? Конечно, Сам Он, что ни сделал, сделал не в уплату долга, но для обнаружения благодати, а ты и после стольких благодеяний остался еще и должником Его. Однако же, при всем этом Он венчает тебя, как будто получает от тебя милость, а не долг взыскивает, тогда как в действительности получает от тебя только Свое.

7. Итак, отдай Ему деньги, для тебя уже бесполезные, над которыми ты и не господин, а Христос даст тебе Царство, всегда для тебя полезное, а вместе с ним дарует тебе и здешние блага. Если Он будет сонаследником детей твоих, то облегчит их сиротство, избавит от обид, отразит злоумышления, заградит уста клеветников; если дети твои не будут в состоянии защитить завещание, то Он Сам это сделает и не допустит нарушить. А если и допустит, то Сам по Себе исполнит все написанное с большей щедростью, потому что ты и Его удостоил вписать вместе с детьми. Потому, оставь Его своим наследником, ведь ты к Нему должен идти и Он будет судить тебя во всем здесь совершенном. Но есть и такие несчастные и жалкие люди, которые, не имея у себя детей, не соглашаются это сделать, а предпочитают разделить свое имущество сотрапезникам и льстецам, охотнее отдать тому или другому, нежели Христу, столько их облагодетельствовавшему. Что может быть неразумнее таких людей? Если ты сравнишь их с ослами или с камнями, то и тогда не выразишь вполне их неразумия и бесчувственности, не найдешь и примера, которым можно было бы достаточно изобразить их безумие и нерассудительность. И какое найдут себе оправдание те, которые не только не накормили Христа при жизни своей, но, и собираясь идти к Нему, из того самого имущества, которым они уже не владеют, не хотят подарить Ему и малой доли, но питают к Нему столь враждебные и неприязненные чувства, что не уделяют Ему даже того, что для них самих сделалось бесполезным? Разве ты не видишь сколько людей не удостоились иметь и такой конец, но похищены внезапно? Бог сделал тебя господином для того, чтобы ты смотрел за

принадлежащим тебе, сказал свое слово и распорядился всей своей собственностью. Какое же ты будешь иметь оправдание, когда, получив от Него такую великую милость, пренебрегаешь Его благодеянием и ведешь себя совершенно противно тому, как вели себя твои праотцы по вере? Они еще при жизни своей продавали все и приносили к ногам апостолов, а ты и при смерти не даешь никакой доли нуждающимся. Хотя освобождать других от нищеты при жизни своей и лучше, и подает многое дерзновение, но ты, если не захотел того, по крайней мере, при смерти сделай что-нибудь доблестное. Не большую, правда, любовь ко Христу означает это, однако же - любовь. Ведь если и не будешь иметь первенства с агнцами, но немаловажно находиться и позади них, а не стоять с козлищами и ошуюю. А если ты не исполняешь и этого, то что скажешь в защиту свою, как скоро не делают тебя человеколюбивым ни страх смерти, ни то, что деньги становятся уже для тебя бесполезными, ни то, что доставишь безопасность детям, ни то, что и себе приобретешь там великое снисхождение? Потому советую преимущественно при жизни своей уделять большую часть имущества нуждающимся. А если некоторые настолько малодушны, что не могут решиться на это, те, хотя бы по необходимости, пусть сделаются человеколюбивыми. При жизни своей ты был так пристрастен к деньгам, как будто был бессмертным, но теперь, когда сам видишь, что ты смертен, хотя теперь оставь такую мысль и распорядись своим добром, как смертный, или, лучше сказать, как назначенный постоянно наслаждаться бессмертною жизнью. Как ни тяжко, как ни ужасно то, что намерен сказать я, однако же, необходимо это сказать: Владыку причисли к рабам своим. Ведь ты отпускаешь на волю рабов? Освободи и Христа от голода, нужды, уз и наготы. Ты пришел в ужас, услышав это? Гораздо ужаснее будет, если не сделаешь этого. Здесь одно слово приводит тебя в трепет, но что скажешь там, когда переселишься туда, услышишь слова гораздо более ужасные, и когда увидишь орудия нестерпимого мучения? К кому ты прибегнешь? Кого призовешь союзником своим и помощником? Авраама ли? Но он не услышит. Или мудрых дев? Но они не дадут тебе елея. Отца или деда? Но никто из них, сколько бы ни был свят, не властен отменить грозного приговора. Размыслив о всем этом, проси и моли Того, Кто один властен загладить твое рукописание и угасить вечный огонь, Его преклони на милость, всегда питая и одевая, чтобы и отсюда тебе отойти с благою надеждою, и, явившись туда, насладиться вечными благами, которых достигнуть да будет дано всем нам благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 19

“Что же? Израиль, чего искал, того не получил; избранные же получили, а прочие ожесточились” (Рим.11:7).

1. (Апостол) сказал, что Бог не отверг Своего народа и, объяснив, в каком смысле Он не отверг, прибег снова к пророкам и доказал на основании их, что большая часть иудеев погибла; но, чтобы не подумали, что он обвиняет их самовольно, оскорбляет своей речью и нападает на них, как враг, он прибегает к Давиду и к Исаии, говоря: “**Как написано: Бог дал им дух усыпления**” (ст.8). Но нам лучше начать речь с сказанного выше. (Павел), упомянув о случившемся при Илии и показав, что такое благодать, присовокупил: “**Что же? Израиль, чего искал, того не получил**”. Это не только вопрос, но и обличение. (Апостол) говорит, что иудей борется сам с собою, ищет оправдания и не хочет принять его. Потом, снова лишая иудеев оправдания, он доказывает их неблагодарность тем, что некоторые получили, и говорит: “**избранные же получили**”. Избранные и осуждают иудеев, как и Христос сказал: “**И если Я силою веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чьею силою изгоняют их? Посему они будут вам судьями**” (Лк. 11:19). Чтобы никто не осуждал самое свойство дела, а всякий винил настроение иудеев, (апостол) и

упоминает о получивших, а потому и употребил весьма выразительное слово, изображающее вместе и благодать свыше, и собственное их старание. Он сказал – “**получили**” - не с целью отвергнуть свободную волю, но чтобы обозначить величие благ и то, что большее, хотя и не все, было свойственно благодати. И у нас о человеке, которому выпала большая выгода, есть обычай говорить: такой-то получил или нашел, потому что большая часть приобретается не человеческими трудами, но по дару Божию. “**А прочие ослепились**”. Заметь, когда отвержение остальных (апостол) осмелился назвать собственным именем. Он и прежде говорил об этом, но обвинителями представлял пророков, а теперь сам уже является обвинителем. Однако же и здесь не довольствуется собственным своим мнением, но опять указывает на пророка Исаию; сказав – “**ослепились**”, присовокупил: “**Как написано: Бог дал им дух умиления**”. Откуда же произошло это ослепление? (Апостол) и прежде объяснил причины его и всю вину сложил на голову самих иудеев, доказывая, что они подверглись ослеплению за неуместное упорство; и теперь он повторяет то же самое. Когда говорит: “**Глаза, которыми не видят, и уши, которыми не слышат**”, обвиняет не иное что, как упорную их волю. Имея очи, чтобы видеть чудеса, получив уши, чтобы слышать чудесное учение, они ни теми, ни другими не воспользовались, как должно. Под словом же – “**дал**” разумей здесь не содействие, а попущение. Умилением же здесь (апостол) называет навык души к худшему, совершенно неисцелимый и неисправимый. И в другом месте Давид говорит: “**Да славит Тебя душа моя и да не умолкает. Господи, Боже мой! буду славить Тебя вечно (и не умилюсь)**” (Пс. 29:13), то есть не переменюсь. Как умилившийся в благочестии нелегко изменяется, так и умилившийся во зле тоже с трудом может уклоняться от него, потому что умилиться значит не иное что, как укрепиться и прилепиться к чему-нибудь. Потому (апостол), желая выразить, что воля иудеев неисцелима и трудно исправима, назвал это духом умиления. Потом в доказательство того, что иудеи за такое неверие подвергнутся крайнему наказанию, опять ссылается на пророка, который угрожает им тем именно, что с ними случилось и исполнилось. Пророк именно говорит: “**Да будет трапеза их сетью, тенетами и петлею**” (Рим. 11:9), то есть, роскошь и все блага пусть минуют и погибнут, и пусть они будут легко обладаемыми для всех. А чтобы видно было, что иудеи переносят это в наказание за грехи, (Давид) присовокупил: **“…в возмездие им; да помрачатся глаза их, чтобы не видеть, и хребет их да будет согбен навсегда**” (ст.10). Нужно ли здесь какое-либо толкование? Не ясно ли это и для совсем неразумных? Еще прежде наших слов случившийся исход событий засвидетельствовал сказанное пророком. Когда иудеи были столь легко захвачены, когда легко пленены? Когда был так согбен хребет их? Когда они подвергались столь великому рабству? И важнее всего то, что этим бедствиям не будет конца, как намекнул пророк. Он не просто сказал: “**хребет их … согбен**”, но и присовокупил: “**да будет**”. Если же ты, иудей, утверждаешь, что бедствия кончатся, то суди о настоящем по прошедшему. Ты отправился в Египет, но прошло двести лет, и, при всем твоем нечестии и при самом тяжком твоем блудодеянии, Бог скоро освободил тебя от этого рабства. По освобождении из Египта ты поклонился тельцу, принес сынов своих в жертву Веелфегору, осквернил храм, погрузился во все виды порока, забыл самую природу, наполнил мерзкими жертвами горы, дебри, холмы, источники, реки, сады, убил пророков, опрокинул жертвенники и в высшей степени преуспел в пороках и нечестии; однако же Бог, предав тебя вавилонянам на семьдесят лет, опять извел в прежнюю свободу, возвратил тебе и храм, и отечество, и древний образ пророчества; опять у тебя были и пророки, и благодать Духа, а лучше сказать, даже и во время самого плена ты не был оставлен, но и там были у тебя Даниил и Иезекииль, а в Египте Иеремия и в пустыне Моисей.

2. После этого ты снова обратился к прежним порокам, предался распутству и при нечестивом Антиохе установил эллинский образ жизни. Но и тогда, три года или немного больше пробыв в подданстве у Антиоха, чрез Маккавеев вы опять воздвигли себе

знаменитые победные памятники. Но теперь у вас нет ничего подобного, а все пошло иначе. И особенно удивительно то, что прежние пороки прекратились, а наказание увеличено и нет никакой надежды на перемену вашего положения. Прошло не семьдесят, не сто и не двести лет, но триста и гораздо более, однако же, нельзя найти и тени подобной надежды, и при том тогда, когда вы не служите идолам, не делаете ничего такого, на что отваживались прежде.

Какая же причина этого? Та, что образ заменен истиной и закон исключен благодатью. Издревле предрекая это, пророк и сказал: "**хребет их да будет согбен**". Замечаешь ли точность пророчества, как оно предсказало неверие, показало упорство, обнаружило следующий затем суд, и обозначило нескончаемость наказания? Так как многие из людей наиболее грубых не верили будущему и хотели судить о будущем по настоящему, то Христос и в этом случае доказал Свое могущество двояким образом, как тем, что уверовавших язычников превознес выше неба, так и тем, что не уверовавших иудеев привел в крайнюю нищету и предал неотвратимым бедствиям. Итак, апостол, сильно поразив их изображением их неверия, а равно прошедших и будущих бедствий, снова утешает следующими словами: "**Итак спрашиваю: неужели они преткнулись, чтобы [совсем] пасть? Никак**" (ст.11). Когда (апостол) доказал, что иудеи подвержены бесчисленным бедствиям, он потом придумывает и утешение. И обрати внимание на благоразумие Павла: обвинение он заимствовал у пророков, а утешение предлагает сам от себя. Никто не будет спорить, говорит (апостол), что грехи иудеев велики, но посмотрим, действительно ли падение их так велико, что нельзя помочь ему, и нет средств исправить дело. Нет, оно не таково. Замечаешь ли, как он снова касается их и, в ожидании утешения, представляет виновными в грехах, в которых они и сами сознаются? Но посмотрим, какое он придумывает для них утешение. Какое же это утешение? Когда войдет вся полнота язычников, тогда, говорит (апостол), весь Израиль спасется, то есть, во время второго пришествия и при конце мира. Но не тотчас говорит об этом (Павел), а после сильных упреков, после того, как приложил обвинения к обвинениям, после того, как раз, два и многократно привел свидетельства одного пророка за другим - Исаии, Илии, Давида, Моисея, Осии, которые все вопиют против них. Но чтобы этим не ввергнуть иудеев в отчаяние и не заградить пути к вере, а уверовавшим из язычников не дать повода к высокомерию, чтобы они, возгордившись, не потерпели ущерба в вере, (апостол) снова утешает иудеев, говоря: "**Но от их падения спасение язычникам**". Мы должны не просто слушать то, что говорится, но вникать в мысль и намерение говорящего, в то, чего он старался достигнуть, о чем и всегда умоляю любовь вашу. Если мы с таким размышлением будем принимать каждое слово, то ни в одном не встретим затруднения. А в настоящем случае главная цель (апостола) состоит в том, чтобы в уверовавших из язычников истребить высокомерие, которое могло возникнуть под влиянием сказанного выше; ведь язычники, научившись скромности, таким образом безопаснее пребудут в вере, а иудеи, освободившись от отчаяния, охотнее приступят к благодати. Итак, обращая внимание на эту цель (апостола), выслушаем все сказанное им в настоящем месте. Что же он говорит? Чем доказывает, что иудеи пали не безнадежно и что они не в конец отвержены? Указанием на язычников, говоря так: "**От их падения спасение язычникам, чтобы возбудить в них ревность**". Это не апостола только слова, но и притчи в Евангелиях имеют такой же смысл. Так, устроивший брачный пир для сына, тогда уже стал звать с распутий, когда не захотели придти званные (Мф. 22:9). И насадивши виноградник тогда только отдал его другим виноградарям, когда первые убили наследника (Мф. 21:38). И кроме притчи (Христос) говорил: "**Я послан только к погибшим овцам дома Израилева**" (Мф. 15:24). А когда стала приступать к нему хананейская женщина, Он сказал и еще больше: "**Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам**" (ст.26). И Павел к восставшим против него иудеям сказал: "**Вам первым**

надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы … сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам" (Деян. 13:46).

3. И всем этим он показывает, что порядок событий был таков: сперва следовало прийти иудеям, а потом язычникам; но так как иудеи не уверовали, порядок изменен, и неверие и падение иудеев сделали то, что язычники вошли прежде. Потому (апостол) и говорит: "**От их падения спасение язычникам, чтобы возбудить в них ревность**". И не дивись, если прежде случившимся он называет то, что было следствием: он хочет ободрить пораженные их сердца; а смысл слов его таков: Иисус пришел к иудеям, но они, несмотря на великое множество совершенных Им чудес, не приняли Его, а распяли; после этого Он начал привлекать к Себе язычников, чтобы их честь уязвила бесчувственность иудеев, и хотя бы взаимным соревнованием, убедить их придти к Нему, так как надлежало прежде принять иудеев, а потом и нас, почему и сказал (апостол): "**Сила Божия ко спасению всякому верующему, во-первых, Иудею, [потом] и Еллину**" (Рим. 1:16). А так как иудеи удалились, мы - вторые - стали первыми. Вот видишь, какую честь он выводит для них и из этого. Во-первых, - ту, что мы призваны тогда уже, когда они не захотели; во-вторых, - ту, что мы призваны не для нашего единственно спасения, но чтобы и они сделались лучше, возревновав нашему спасению. Что же, скажет кто-нибудь, неужели мы не были бы призваны и спасены, если бы это не стало нужным ради иудеев? Конечно, не были бы призваны и спасены прежде иудеев, а спаслись бы в надлежащем порядке. Потому и (Христос), посылая учеников, не просто сказал: "**Идите …к погибшим овцам дома Израилева**", но: "**идите наипаче**" (Мф. 10:6), показывая тем, что после иудеев должно идти и к язычникам. И Павел опять не сказал: вам бе лепо глаголати слово, но: "**Вам первым надлежало быть проповедану**" (Деян. 13:46), показывая, что во второй прием надлежало проповедовать и нам. Все же это и сделано, и сказано для того, чтобы иудеи не прибегали к бесстыдному извинению, будто они были оставлены без внимания, а потому и не уверовали. Потому и Христос, хотя все предвидел, однако же, пришел к ним первым. "**Если же падение их - богатство миру, и оскудение их - богатство язычникам, то тем более полнота их**" (Рим. 11:12)? Здесь (апостол) говорит приятное иудеям. Если бы они и тысячекратно пали, то язычники не спаслись бы, не принявши веры; а равно и иудеи не погибли бы, если бы не впали в неверие и упорство. Но, как сказал я, (апостол) утешает падших иудеев, в совершенстве доказывая, что они могут надеяться на свое спасение, если переменятся. Если, говорит (апостол), столь многие получили спасение, когда они (иудеи) преткнулись, и столь многие были призваны, пока они были отвержены, то подумай, что будет, когда они обратятся. Не сказал: тем более обращение их, или изменение их, или исправление, но: "**то тем более полнота их**", то есть, когда все они придут ко Христу. А этими словами он показывает, что тогда будет большая и почти полная мера благодати и дара Божия. "**Вам говорю, язычникам. Как Апостол язычников, я прославляю служение мое. Не возбужу ли ревность в [сродниках] моих по плоти и не спасу ли некоторых из них**" (ст.13,14)? (Апостол) опять старается освободить себя от дурного подозрения и хотя, по видимому, наносит удар обратившимся из язычников, смиряя их высокое о себе мнение, но слегка поражает и иудея; он ищет, чем бы прикрыть такую погибель иудеев и утешить их в этом, однако же, ничего не находит по сущности самого дела. На основании того, что он сказал, иудеи достойны были еще большего осуждения, когда другие, будучи гораздо ниже их, приняли то, что для них было приготовлено. Потому от иудеев он переходит к язычникам и помещает вводную речь о них, желая показать, что все это он говорит для того, чтобы научить их скромности. Хвалю вас, говорит он, по двум причинам: во-первых, потому, что имею в этом необходимость, как назначенный для служения вам, а во-вторых, чтобы чрез вас спасти мне других. И не говорит: братий моих, сродников моих, но: "**моих по плоти**". Потом, указывая на их упорство, не говорит: не могу ли как-нибудь убедить, но: "**Не возбужу ли ревность … и не спасу**", и при этом опять не говорит: всех, но: "**некоторых**

из них”, так жестокосерды были иудеи. И опять в самом упреке (апостол) обнаруживает превосходство язычников, хотя иудеи и язычники взаимно служат друг другу в деле спасения, однако же, неодинаково: иудеи доставляют блага язычникам неверием своим, а язычники иудеям своею верою. Отсюда видно, что язычники и равны с иудеями, и превосходят их.

4. Но что можешь сказать ты, иудей? Если бы мы не были отвержены, то вы не были бы призваны так скоро? Это говорит и язычник: если бы я не был спасен, в тебе не возникла бы ревность. А если ты желаешь узнать, в чем мы превосходим, то - скажу тебе - я спасаю тебя тем, что уверовал, а ты, преткнувшись, даровал нам возможность придти прежде тебя. Потом (апостол), чувствуя, что нанес удар иудеям, обращается к прежней речи и говорит: “**Ибо если отвержение их - примирение мира, то что [будет] принятие, как не жизнь из мертвых**” (ст.15)? Но и это опять обвиняет иудеев, как скоро другие извлекли для себя выгоду из их грехов, а они не воспользовались даже добрыми делами других. Не удивляйся также, если (апостол) приписывает иудеям то, что случилось по необходимости, - он, как я говорил неоднократно, ведет так речь, чтоб одних смирить, а других ободрить. Между тем, как я сказал выше, если бы иудеи тысячу раз были отвергнуты, а язычники не показали веры, то последние никогда бы и не спаслись. Но (апостол) содействует слабой стороне и помогает утружденной. Вникни же и в то, в чем он угождает иудеям, утешая их только на словах. “**Ибо если отвержение их**, **-** говорит он, **- примирение мира**”. **-** А что из того иудеям? **-** “**То что [будет] принятие, как не жизнь из мертвых**”? Но и в этом нет для них пользы, если бы они не были приняты. А что, говорит (апостол), означает следующее: если Бог, прогневавшись на иудеев, оказал столько милости другим, то чего Он не дарует им, после того как примирится с ними? Но как воскресение мертвых зависит не от принятия их, так не от них же и нынешнее наше спасение. Напротив, они были отвержены за свое неразумие, а мы спаслись своею верою и благодатью свыше. И все это не может принести им никакой пользы, если они не покажут надлежащей веры. Затем (апостол), по обыкновению своему, переходит к новой похвале, но не действительной, а только кажущейся, подражая искуснейшим врачам, которые также ободряют больных, насколько позволяет свойство болезни. Что же говорит он? “**Если начаток свят, то и целое; и если корень свят, то и ветви**” (ст.16). Начатком и корнем он называет здесь Авраама, Исаака, Иакова, пророков, патриархов и всех прославившихся в Ветхом Завете, а ветвями тех из потомков их, которые уверовали. Потом, так как иудеи противопоставляли ему многочисленность неуверовавших, то смотри, как он опровергает такое возражение и говорит: “**Если же некоторые из ветвей отломились**” (ст.17). Но ведь выше ты, (Павел), выше сказал, что погибли очень многие, немногие же спаслись, - как же здесь, говоря о погибших, употребляешь слово: “**некоторые**”, указывающее на немногих? Я не противоречу себе, отвечает (апостол), но спешу уврачевать и привлечь утружденных. Замечаешь ли, как в целой этой речи он обнаруживает одно намерение, именно желание утешить иудеев? А если потеряешь это из вида, то получится много противоречий. Ты обрати еще внимание на мудрость (апостола), как он, по видимому, говорит в пользу иудеев и придумывает для них утешение, но незаметно поражает их и словами – “**корень**” и “**начаток**” - показывает, что они не имеют никакого извинения. В самом деле, подумай о негодности ветвей, когда они, имея сладкий корень, не уподобляются ему, и о негодности месива, когда оно не изменяется от начатка. “**Если же некоторые из ветвей отломились**”. Отломилась большая часть ветвей, но (апостол), как я сказал, хочет утешить иудеев, потому приводит не свои собственные, но их слова, и этим незаметно уязвляет их, доказывая, что они отступили от родства с Авраамом; это именно (апостол) и старался сказать, т.е., что у иудеев нет ничего общего с Авраамом. Если корень свят, а они не святы, то, значит, они далеки от корня. Потом, по-видимому, утешая иудея, снова поражает его своим обвинением язычников. Сказав: “**Если же некоторые из ветвей отломились**”, присовокупил: “**а ты, дикая маслина, привился**

на место их". Насколько малоценнее был язычник, настолько более скорбит иудей, видя, что он наслаждается его достоянием; язычнику же не столько велик стыд от его малоценности, сколько велика честь от его перемены. И заметь мудрость (апостола), он не сказал: ты посажен, но: "**привился**", чем опять уязвляет иудея и показывает, что язычник стал на дереве вместо иудея, а иудей лежит на земле. А потому не остановился на этом и, сказав: "**привился**", не кончил речи, хотя уже и все сказал этим, но продолжает описывать благоденствие язычника и распространяется в изображении чести, говоря: "**и стал общником корня и сока маслины**". И по видимому, (апостол) поставил язычника в положение какого-то добавления, однако показывает, что он от этого не терпит никакого вреда, а имеет все, что свойственно ветви, вышедшей от корня. И чтобы ты, услышав: "**А ты… привился**", не подумал, что язычник унижен в сравнении с природной ветвью, смотри, как (апостол) равняет его, говоря: "**И стал общником корня и сока маслины**", **-** то есть, получил то же благородство и ту же природу. Потом, сказавши с упреком: "**не превозносись перед ветвями**" (ст.18), (апостол), по видимому утешает иудея, на самом же деле показывает его малоценность и большое бесчестие. Потому не сказал - не хвались, но: "**не превозносись перед ветвями**", - не превозносись пред ними, как пред отломленными, потому что ты поставлен на их место и пользуешься тем, что им принадлежало.

5. Видишь ли, как по видимому укоряет язычников, а на самом деле уязвляет иудеев? "**Если же превозносишься, -** продолжат, **- [то] [вспомни, что] не ты корень держишь, но корень тебя**" (ст.18). Что же от этого пользы отломленным ветвям? Ничего. Как я уже заметил, (апостол) придумывая, по-видимому, и некоторую слабую тень утешения, даже тем самым, чем укоряет язычников, наносит смертельный удар иудеям. Сказав: "**не превозносись перед ветвями**", и: "**Если же превозносишься, [то] [вспомни, что] не ты корень держишь**", он показал иудею, что совершившееся достойно того, чтобы им хвалиться, хотя и не должно хвалиться; а этим возбуждает и поощряет его к вере, представляет себя защитником его, показывает ему понесенный им ущерб и то, что другие владеют его собственностью. "**Скажешь: "ветви отломились, чтобы мне привиться"**" (ст.19). Опять в виде возражения раскрывает противоположное прежнему, показывая, что и незадолго пред этим сказанное он говорил не с иным каким намерением, а единственно для привлечения иудеев. Спасение язычников произошло не вследствие прегрешений иудеев и не прегрешение их есть богатство миру, а равно мы спаслись не потому, что они пали, но совершенно напротив. (Апостол) показывает особенный о язычниках Промысл, хотя, по видимому слова выражают иное, и все это место излагает в виде возражения, освобождая себя от подозрения в неприязненности и делая речь свою удобоприемлемой. "**Хорошо**" (ст.20). (Апостол) похвалил сказанное, а потом снова устрашает, говоря: "**Они отломились неверием, а ты держишься верою**". Вот опять новая похвала язычникам и новое обвинение иудеев. Но (апостол) опять низлагает кичливость первых, присовокупляя и говоря: "**Не гордись, но бойся**". Это не дело природы, но дело веры и неверия. И, по-видимому, он опять заграждает уста язычнику, но на самом деле поучает иудея, что не должно обращать внимания на естественное родство, почему и присовокупляет: "**Не гордись**", и не сказал: смиряйся, но: "**бойся**", так как высокомерие производит презрение и нерадение. Потом, намереваясь в печальном виде изобразить их несчастие и сделать свою речь менее неприятной, он излагает это в виде предостережения для язычника, и сказав: "**Ибо если Бог не пощадил природных ветвей**" (ст. 21), не продолжил так: и тебя не пощадит, но говорит: "**то смотри, пощадит ли и тебя**". Таким образом, исключая из речи жесткие выражения, и побуждая верующего быть деятельным, он иудеев привлекает, а язычников смиряет. "**Итак видишь благость и строгость Божию: строгость к отпадшим, а благость к тебе, если пребудешь в благости [Божией]; иначе и ты будешь отсечен**" (ст.20). (Апостол) не сказал: видишь заслуги свои, видишь труды свои, но: видишь человеколюбие Божие, показывая этим, что все совершено благодатию свыше,

и располагая тебя к трепету. Самое основание похвалы заставляет тебя бояться. Владыка стал к тебе милостив, потому и бойся, - ведь блага не остаются у тебя неотъемлемыми, если ты сделаешься нерадив; равно как и для иудеев не неотвратимо зло, если они переменятся. И ты будешь отсечен, говорит (апостол), если не пребудешь в вере. "**Но и те, если не пребудут в неверии, привьются**" (ст.23), - потому что не Бог отсек их, но они сами отломились и отпали. И прекрасно сказал (апостол): отломились. Бог никогда их так не отвергал, хотя они согрешали многократно и во многом. Замечаешь ли, какова сила свободы, и какова власть воли? Ничто не остается без изменения, ни твое благо, ни его зло. Видишь ли, как (апостол) и восстановил отчаивающегося иудея, и смирил самонадеянного язычника? И ты, иудей, слыша о строгости, не приходи в отчаяние; и ты, язычник, слыша о благости, не надейся на себя. Бог не пощадил тебя и отсек для того, чтобы ты пожелал возвратиться; а тебе оказал благость для того, чтобы ты пребывал: не сказал (апостол) - в вере, но – "**в благости**", т.е. чтобы ты делал достойное Божия человеколюбия, потому что требуется не одна вера. Замечаешь ли, как (апостол) не позволяет одним лежать, а другим высокомудрствовать, но первых возбуждает к соревнованию, на примере язычников показывая иудею возможность снова стать на их месте, так же, как язычник наперед занял место иудея? Чтобы язычники не превозносились пред иудеями, (апостол) устрашает их примером иудеев и тем, что с ними случилось, а иудею внушает смелость тем, что сделано для эллина. И ты будешь отсечен, говорит (апостол) язычнику, если вознерадишь. И иудей отсечен, но он прицепится, если постарается, потому что и ты прицепился. И вполне разумно (апостол) обращает всю речь к язычнику, как он обыкновенно и всегда делает, исправляя слабых ударом, наносимым более сильным. То же самое он делает и в конце послания, рассуждая о разборчивости в яствах. Потом он доказывает то же самое не только будущим, но и прошедшим, так как это сильнее убеждает слушателя. И намереваясь соблюсти бесспорную последовательность суждений, он прежде всего предлагает доказательство на основании всемогущества Божия. Хотя иудеи отсечены и отвержены, и другие заступили их место, но ты, при всем том, не отчаивайся. "**Потому что Бог силен**, **-** говорит он, **- опять привить их**", так как Он производит и то, что сверх надежды.

Но если ты ищешь ряда событий и последовательности заключений, то на себе самом имеешь вполне достаточный пример. "**Ибо если ты**, **-** говорит (апостол), **- отсечен от дикой по природе маслины и не по природе привился к хорошей маслине, то тем более сии природные привьются к своей маслине**" (ст.24)? Если вера смогла произвести то, что не по природе, тем более произведет то, что согласно с природой. Если язычник, отсеченный от естественных своих родителей, не по природе присоединился к Аврааму, тем более можешь ты получить свое собственное. Язычнику по природе свойственно зло, так как он по природе и был дикой маслиной; добро же не в его природе и не по природе он прицепился к Аврааму. А тебе, напротив, по природе свойственно добро; ты, если захочешь возвратиться, утвердишься не на чужом, как язычник, а на собственном корне. Итак, можешь ли ты быть достоин какого-либо извинения, когда для язычника стало возможным то, что не в его природе, а ты оказался не в силах сделать то, что в твоей природе, и даже погубил это? Затем, так как (апостол) сказал: "**не по природе**", и: "**привился**", то, чтобы ты не подумал, что иудей имеет пред тобою некоторое преимущество, он опять устраняет такое заключение, говоря, что и иудей привьется. "**То тем более сии**, **-** говорит он, **- природные привьются к своей маслине**"? И еще: "**Бог силен опять привить их**". И выше сказал: "**Если не пребудут в неверии, привьются**". А всякий раз, как слышишь, что (апостол) постоянно употребляет выражение: "**не по природе**" и: "**природные**", не подумай, что он разумеет здесь эту непреложную природу, но этими наименованиями он означает как сообразное и соответствующее, так и несообразное природе. Добрыми и злыми бывают не естественные действия, а только действия ума и воли. Заметь же, как (апостол) смягчает речь свою.

Сказав язычнику, что он будет отсечен, если не пребудет в вере, а также иудеям, что и они привьются, если не пребудут в неверии, (апостол), умолчав о более неприятном, упоминает только о более приятном и на этом оканчивает свою речь, подавая иудеям большие надежды, если только они сами пожелают. Потому и продолжает так: "**Ибо не хочу оставить вас, братия, в неведении о тайне сей, - чтобы вы не мечтали о себе**" (ст. 25). Тайной называет он здесь неизвестное и сокровенное, в чем много и чудесного, и непонятного. Так и в другом месте говорит: "**Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся**" (1 Кор. 15:51). В чем же состоит эта тайна? "**Что ожесточение произошло в Израиле отчасти**". Здесь опять наносит удар иудею, хотя, по видимому унижает и язычника. Разумеет же он под этим то же, что говорил и выше, именно: что не со стороны всех иудеев было неверие, а лишь со стороны части, как он и говорил: "**Если же кто огорчил, то не меня огорчил, но частью, - чтобы не сказать много, - и всех вас**" (2 Кор. 2:5); и в другом месте: "**Как скоро наслажусь [общением] с вами, хотя отчасти**" (Рим. 15:24). Так и здесь он выражает то же, о чем говорил выше: "**Не отверг Бог народа Своего, который Он наперед знал**", и еще: "**Неужели они преткнулись, чтобы [совсем] пасть? Никак**". И здесь он подтверждает это именно, что не целый народ отвержен, но многие уже уверовали или должны уверовать впоследствии. А так как он возвестил о важном, то приводит в свидетели пророка, говорящего то же. Что произошло ослепление, (апостол) не представляет свидетельства, так как это для всех очевидно, а что иудеи уверуют и спасутся, он опять указывает на Исаию, который восклицает и говорит: "**Придет от Сиона Избавитель, и отвратит нечестие от Иакова**" (ст. 26). Потом, указав на знамение спасения, чтобы кто-нибудь не отнес и не приложил его ко временам прошедшим, говорит: "**И сей завет им от Меня, когда сниму с них грехи их**" (ст.27, ср. Ис. 59:20,21; 27:9). Не тогда совершится это, когда они будут обрезываться, приносить жертвы, совершать и прочие законные дела, но когда получат отпущение грехов. А если это предвозвещено и еще не исполнилось на иудеях, которые еще не получили отпущения грехов посредством крещения, то несомненно исполнится. Потому (апостол) и присовокупил: "**Ибо дары и призвание Божие непреложны**" (ст.29). Но не этим одним он утешает их, а и тем, что уже случилось, и при этом случившееся впоследствии ставит как происшедшее раньше, говоря так: "**В отношении к благовестию, они враги ради вас; а в отношении к избранию, возлюбленные [Божии] ради отцов**" (ст.28). Чтобы язычник не гордился, говоря: "вот я пред тобою, говори мне не о том, что может случиться, но что уже случилось", (апостол) удерживает его от этого, говоря: "**В отношении к благовестию, они враги ради вас**". Так как вы были призваны, то они сделались упорнее.

7. Однако же Бог и при этом не пресек вашего призвания, но ожидает, пока войдут все, имеющие уверовать из язычников, и тогда уже придут и иудеи. Потом (апостол) дарует иудеям еще новое утешение, говоря: "**В отношении к избранию, возлюбленные [Божии] ради отцов**". Что же это такое? Где враги, их ожидает наказание, а где возлюбленные, им добродетель предков не принесет никакой пользы, если они не уверуют. Впрочем, как я заметил прежде, (апостол) не перестает утешать их словами, чтобы привлечь. Потому, раскрывая сказанное выше и иным путем, он продолжает: "**Как и вы некогда были непослушны Богу, а ныне помилованы, по непослушанию их, так и они теперь непослушны для помилования вас, чтобы и сами они были помилованы. Ибо всех заключил Бог в непослушание, чтобы всех помиловать**" (ст. 30-32). Здесь (апостол) показывает, что прежде были призываемы язычники, а потом, когда они не захотели, избраны иудеи, и что впоследствии опять случилось то же самое: так как иудеи не захотели веровать, то снова были призваны язычники. Но (апостол) не останавливается и на этом и все обращает не к тому, что иудеи отвержены, а к тому, что и они опять будут помилованы. Смотри: он язычникам дает столько же, сколько прежде дал иудеям. Так как вы, язычники, говорит (апостол), были некогда непослушны, то пришли

иудеи; и опять, так как они стали непослушными, пришли вы. Однако же они не совсем погибнут, потому что Бог "**всех заключил … в непослушание**", то есть, всех обличил, показал непослушными, не для того, чтобы остались непослушными, но для того, чтобы упорством одних спасти других: иудеев чрез язычников и язычников чрез иудеев. Смотри же: вы были непослушны, и они спаслись; потом они стали непослушными, и вы спасены, но спасены не для того, чтобы снова удалиться, подобно иудеям, но для того, чтобы и их привлечь, побудив к соревнованию. "**О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его**" (ст. 33)! Здесь, обратившись мыслью к первым временам, размыслив о древнем Божием Домостроительстве от начала мира и до настоящих событий, рассудив о том, как разнообразно Бог все устроял, (апостол) пришел в изумление и воскликнул, удостоверяя тем слушателей, что несомненно совершится то, о чем он сказал. Иначе он не стал бы восклицать и изумляться, если бы это не могло вполне осуществиться. И он знает, что это глубина, но какая глубина, этого не знает. Это речь человека изумляющегося, но не такого, который знает все. Исполненный же удивления и изумления пред благостью, он возвестил о ней двумя выразительными словами, какие нашел: "**богатство**" и "**бездна**", в изумление он приведен тем, что Бог и захотел, и смог совершить это, и произвел противоположные действия одно другим: "**непостижимы судьбы Его**". Не только невозможно постигнуть это, но даже и исследовать. "**И неисследимы пути Его**", то есть способы Домостроительства, потому что и их не только невозможно познать, но даже и исследовать. И я, говорит (апостол), не все нашел, но малую часть, далеко не все; один Бог совершенно знает Свои дела. Потому (апостол) и присовокупил: "**Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Или кто дал Ему наперед, чтобы Он должен был воздать**" (ст. 34,35)? Эти слова означают то, что Бог, будучи так премудр, не от другого заимствует премудрость, но Сам есть источник благ: что Он, столько для нас совершивший и столько нам даровавший, не заимствованное у другого дал нам, но излил это от Себя; что Он никого не должен вознаграждать, как взявши что-либо у другого, но всегда Сам есть главный виновник благ.

Богатство в том преимущественно и состоит, чтобы во всем иметь изобилие и ни в чем не одолжаться другому. Потому (апостол) и присовокупил: "**Ибо все из Него, Им и к Нему**" (ст.36). Он Сам создал, Сам сотворил, Сам поддерживает, потому что богат и не имеет нужды брать у другого, потому что премудр и не нуждается в совете. И что я говорю - в совете? Никто не в состоянии даже знать, что принадлежит Ему, Он один богат и премудр. Великое богатство проявилось в том, что язычники так были обогащены, а великая мудрость в том, что учителями иудеев сделаны те, которые ниже их. Потом, после того как (апостол) приведен был в изумление, он воздает благодарение, говоря: "**Ему слава во веки, аминь**". Он всегда в удивлении заключает речь славословием, как скоро говорит о чем-нибудь столько же важном и неизреченном. Так он поступает, говоря о Сыне; и там, исполнившись удивления, он присовокупил то же, что и здесь: "**От них Христос по плоти, сущий над всем Бог, благословенный во веки, аминь**" (Рим. 9:5).

8. Будем и мы подражать апостолу и всегда станем прославлять Бога своей заботливостью в жизни, а не будем полагаться на добродетели предков, имея в виду пример иудеев. Ведь нет у христиан, нет родства плотского, а есть только близость по Духу. Таким образом, и скиф делается сыном Авраама, а сын Авраама становится для него более чуждым, нежели скиф. Потому не будем полагаться на заслуги отцов, но хотя бы ты имел и удивительного по жизни родителя, однако же, не думай, что этого достаточно тебе для спасения, чести и славы, если ты не сделаешься родным ему и в нравах; а равно, если бы ты имел дурного отца, не думай, что и ты вследствие этого подвергнешься осуждению и позору, хотя бы сам после ты и жил хорошо. Что было бесславнее язычников? Однако же они посредством веры скоро сделались родными святых. Что было ближе иудеев к Богу? Однако же и они

за неверие были отчуждены. Плотское родство есть дело природы и необходимости, по нему мы все родные, потому что все родились от Адама, и по отношению к Адаму и Ною и к общей всем матери земле - все мы друг другу родные в одинаковой степени. То родство достойно награды, которое разделяет нас от людей порочных. В этом отношении не все между собою родные, а только те, которые согласны по образу жизни. В этом отношении не того мы называем братом, кто родился от одной с нами матери, но того, кто оказывает одинаковую с нами ревность. Так и Христос одних называет чадами Божиими, а других сынами диавола, сынами противления, сынами геенны, сынами погибели. Так Тимофей по добродетели сделался сыном Павла и наименован "**истинным сыном**" (1 Тим. 1:2); а сына сестры Павла мы не знаем и по имени, хотя по плотскому рождению он был близок Павлу, но никакой пользы не получил от этого, а Тимофей далек был и по плотскому рождению, и по месту жительства, как гражданин города Листры, однако же, стал всех ближе. Потому и мы постараемся сделаться сынами святых, или лучше, сделаемся сынами Божиими. А что нам можно сделаться сынами Божиими, послушай, что сказано: "**Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный**" (Мф. 5:48). Потому и в молитве мы называем Бога Отцом и тем напоминаем себе не только о благодати, но и о добродетели, чтобы нам не делать ничего недостойного такого родства. Но спросишь: как можно сделаться сыном Божиим? Если ты свободен будешь от всех страстей, а по отношению к оскорбителям и обидчикам будешь вести себя кротко. Так и Отец твой поступает с теми, которые хулят Его. И Христос, хотя и часто говорил о многих предметах, но нигде не говорил: будьте подобными Отцу вашему, но когда сказал: "**Благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас**" (Мф. 5:44), тогда упомянул и об этой награде за подвиг. Ничто так нас не приближает к Богу и не делает подобными Ему, как это совершенство. Потому и Павел, когда говорит: "**Подражайте Богу**" (Еф. 5:1), **-** разумеет именно это.

Мы имеем нужду во всех добрых делах, но больше всего в человеколюбии и кротости, потому что и сами мы нуждаемся в человеколюбии. Так как мы каждый день много грешим, то и нужно нам много милосердия. Много или мало оценивается не количеством подаваемого, а достатком подающего. Богатый пусть не думает о себе много, а бедный пусть не унывает, как подающий мало, потому что часто бедный подает и больше богатого. Вследствие бедности вам не следует считать себя несчастными, так как она дает нам возможность более удобно подавать милостыню. Кто имеет у себя много, тот удерживается и высокомерием, и желанием приобрести больше, а кто имеет у себя мало, тот освобожден от мучительства обеих этих страстей, потому находит и больше случаев делать добро. Он без труда идет в темницу, посещает больных, подает чашу холодной воды, а богач, надменный своим богатством, не допустит себя до этого. Итак, не сетуй на нищету, потому что нищета дает тебе большую возможность приобрести небо. Хотя бы ты и ничего не имел, но у тебя есть сострадательное сердце, и за это тебе готова награда. Потому и Павел повелел "**плачьте с плачущими**" (Рим. 12:15) и с узниками обращаться так, как бы и мы были "**с ними …в узах**" (Евр. 13:3). Иметь многих сострадущих доставляет некоторое утешение не только плачущим, но и находящимся в других затруднительных обстоятельствах; иногда одно слово может укрепить удрученного не меньше, чем деньги. И Бог повелел давать деньги нуждающимся не для того только, чтобы помогать им в нищете, но и для того, чтобы научить нас состраданию к бедствиям ближнего. А сребролюбец ненавистен не только потому, что презирает живущих в скудости, но и потому, что сам привыкает к жестокости и бесчеловечию, а равно презирающий деньги для бедных тем и любезен, что милосерд и человеколюбив. И Христос, когда ублажает милостивых, ублажает и хвалит не просто подающих денежную милостыню, но делающих это с добрым расположением. Итак, будем иметь такое усердие к делам милосердия, и все блага последуют за этим. Имеющий человеколюбивое и милосердное расположение, если есть у него деньги, раздаст их, если увидит кого-нибудь

в несчастиях, станет плакать и проливать слезы, если встретит обижаемого, заступится, если найдет бедствующего, подаст ему руку. Имея сокровище благ - человеколюбивую и милосердную душу, он изольет из нее все нужное для братий и получит все уготованные Богом награды. А чтобы и нам достигнуть их, прежде всего позаботимся сделать свое сердце кротким. Таким образом мы и в этой жизни совершим много добрых дел и сподобимся будущих венцов, достигнуть которых да будет дано всем нам благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 20

“Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, [для] разумного служения вашего” (12:1).

1. Сказав многое о Божием человеколюбии и показав неизреченную Божию попечительность, несказанную и неисследимую благость, (апостол) этою самою благостью пользуется для того, чтобы убедить облагодетельствованных Богом - явить жизнь, достойную дара. И будучи столь велик и высок, он не отказывается умолять их, к тому же умолять не о том, что послужило бы для его пользы, но о том, отчего могли получить пользу они сами. И удивительно ли, что он не отказывается умолять, если представляет умоляющим самое милосердие Божие? Так как от Божиих щедрот, говорит он, излились на вас бесчисленные блага, то постыдитесь их и побойтесь, потому что самые эти щедроты обращаются к вам с просьбою не делать ничего их недостойного. И я, говорит (апостол), умоляю вас теми же щедротами, которыми вы спасены. Так и желающий пристыдить много облагодетельствованного обыкновенно представляет умоляющим самого благодетеля. О чем же ты умоляешь, скажи мне? “**Представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, [для] разумного служения вашего**”. Так как сказал: “**жертву**”, то, чтобы кто-нибудь не подумал, что повелевает закалать тела, тотчас присовокупил: “**живую**”. Потом, отличая ее от иудейской, продолжает: “**святую, благоугодную Богу, словесное служение ваше**”, иудейская же жертва плотская и не очень благоугодная. *{или: “**К чему Мне множество жертв ваших?**”(Ис. 1:11) ?или: “**Кто требует сие от рук ваших**”?(Ис. 1:12)*, - говорит (Бог). И в других многих местах Писания видим, что Бог отвергает иудейские жертвы. Но не отвергает этой жертвы, напротив даже требует ее, когда и иудейская принесена. Потому и сказал: “**Кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня**” (Пс. 49:23). И еще сказано: “**Я буду славить имя Бога [моего] в песни, … и будет это благоугоднее Господу, … нежели телец с рогами и с копытами**” (Пс. 68:31,32). И в другом месте, отвергая иудейскую жертву и сказав: “**Ем ли Я мясо волов и пью ли кровь козлов**”? - (Господь) присовокупил: “**Принеси в жертву Богу хвалу и воздай Всевышнему обеты твои**” (Пс. 49:13,14). Так и Павел повелевает здесь: “**Представьте тела ваши в жертву живую**”.

Но как тело, спросишь ты, может служить жертвой? Глаз пусть не смотрит ни на что дурное, и он уже сделался жертвой; язык пусть не говорит ничего постыдного, и он стал приношением; рука пусть не делает ничего беззаконного, и она стала всесожжением. А вернее сказать, и этого не достаточно, но мы должны и делать добро: пусть рука творит милостыню, уста благословляют обидящих, слух постоянно упражняется в слушании слова Божия. Ведь жертва не имеет никакой нечистоты, она есть начаток всего. Принесем же Богу начаток рук, ног, уст и всего прочего; такая жертва благоугодна, как и иудейская была нечиста: “**Жертвы их, -** сказано, **- они будут для них, как хлеб похоронный**” (Ос. 9:4). Но не такова наша жертва. В иудейской приносимое в жертву делалось мертвым, а наша делает жертвуемое живым. Когда мы умертвим члены наши, тогда и в состоянии будем жить; этот способ жертвоприношения новый, потому и род огня необыкновенный.

Нет нужды в дровах и в сгораемом веществе, но огонь наш горит сам собою и не сожигает жертву, а более оживляет ее. Такой жертвы Бог требовал издревле, почему пророк и сказал: "**Жертва Богу - дух сокрушенный**" (Пс. 50:19). Такую жертву приносили три отрока, говоря: "**Нет у нас в настоящее время ни князя, ни пророка, … ни места, чтобы нам принести жертву Тебе и обрести милость Твою**. **Но с сокрушенным сердцем и смиренным духом да будем приняты**" (Дан. 3:38,39). Заметь же, как (апостол) с большой точностью пользуется словом. Не сказал он: сделайте тела свои жертвой, но: "**представьте**", и этим как бы сказал: вы не имеете уже ничего общего с ними, вы отдали их другому. Как те, которые предоставили боевых коней, не имеют уже на них права собственности, так и ты, предоставив члены свои на брань с диаволом, на это грозное ополчение, не отвлекай их для собственных своих услуг. При этом (апостол) внушает еще и то, что, готовясь принести члены свои в жертву, мы должны сделать их безукоризненными, потому что представляем их не кому-либо из живущих на земле людей, но Самому Царю вселенной - Богу, и не для употребления их только на брани, но чтобы восседал на них Сам Царь. Господь не отказывается восседать на наших членах, но и весьма этого желает, и чего не избрал бы царь, служащий одному с нами Господу, то избирает Владыка ангелов. Итак, если члены твои должны быть принесены и сделаться жертвой, то отсеки от них всякую скверну, потому что пока есть в них что-либо скверное, они не могут быть жертвой. Так, глаз, если смотрит на предметы, возбуждающие сладострастие, не может быть принесен в жертву, а равно и рука хищная и любостяжательная, ноги хромающие при движении и ходящие на зрелища, чрево раболепствующее сластолюбию и возжигающее страсти к удовольствиям, сердце питающее гнев или нечистую любовь, язык говорящий срамное.

2. Поэтому со всех сторон должно рассмотреть, нет ли в нашем теле чего скверного. Если приносившие ветхозаветные жертвы обязаны были все осматривать и им не позволялось приносить безухого, бесхвостого, покрытого коростой или проказой, тем более мы, которые приносим не бессловесных овец, но себя самих, должны наблюдать большую осмотрительность и во всех отношениях быть чистыми, чтобы можно было сказать нам с Павлом: "**Ибо я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало**" (2 Тим. 4:6). И так как (Павел) был чище всякой жертвы, то и назвал себя жертвою. И с нами это будет, если мы истребим ветхого человека, умертвим земные члены, распнем для себя мир. В таком случае мы не будем уже нуждаться ни в ноже, ни в жертвеннике, ни в огне, или правильнее говоря, все это будет нам нужно, но не руками сделанное, а все будет дано нам свыше, - и огонь свыше, и нож, а широта неба будет для нас жертвенником. Если в то время как Илия приносил чувственную жертву, пламень, сошедший с неба, истребил все - и воду, и дрова, и камни, то тем более совершится это с тобою. Если ты и имеешь что-нибудь неустойчивое и житейское, но принесешь жертву с истинным расположением, то снишедший огонь Духа потребит все житейское и исполнит все приношение. Что же такое "словесное (разумное) служение"? Духовное служение, жизнь во Христе. Как служащий и священнодействующий в Божием дому, каков бы ни был в другое время, при служении сосредотачивается в себе и делается более благоговейным, так и мы целую жизнь должны быть в таком расположении духа, как совершающие служение Богу и священнодействующие. А это будет, если ты каждый день станешь приносить Богу жертвы, сделаешься священником своего тела и добродетели, возникающей в душе, например, когда принесешь целомудрие, милостыню, кротость и незлобие. Исполняя это, ты будешь совершать словесное служение, то есть не имеющее ничего телесного, ничего грубого и чувственного. Итак, самыми наименованиями ободрив слушателя и доказав, что каждый бывает священник собственного тела и жизни, (апостол) говорит и о способе, по которому можно во всем достигнуть успеха. Какой же это способ? "**Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего**" (Рим.12:2), потому что образ этого века привержен к земле, низок, кратковременен, не имеет ничего возвышенного,

постоянного, правильного, а все извращенное. И ты, если хочешь идти правильным путем, не напечатлевай в себе образа настоящей жизни, потому что в нем нет ничего постоянного и твердого. Поэтому апостол и назвал его образом, как и в другом месте говорит: "**Ибо проходит образ мира сего**" (1 Кор. 7:31). В нем нет ничего постоянного, прочного, но все временно, почему и сказал: "**с веком сим**", указывая этим на тленность, а словом: "**образ**" - на вещественность. Укажешь ли ты на богатство, славу, телесную красоту, удовольствия, на все прочее, что люди считают великим, - все это только образ, а не действительная вещь, явление - личина, а не постоянная какая-либо сущность. Но ты не сообразуйся с этим, говорит (апостол), а преобразуйся обновлением ума. Он не сказал: преобразуйся наружно, но преобразуйся по существу, показывая этим, что мир имеет наружный только образ, а добродетели принадлежит не наружный, но истинный, существенный образ, который имеет природную красоту и не нуждается во внешнем украшении и формах, одновременно появляющихся и исчезающих, так как все это исчезает прежде, чем появится. Итак, если ты отбросишь внешность, то тотчас достигнешь (настоящего) образа.

Ведь ничего нет слабее порока, ничто так скоро не ветшает. Потом, так как людям ежедневно свойственно грешить, то (апостол) утешает слушателя, говоря, чтобы он ежедневно обновлялся. Как мы поступаем с домами, постоянно починяя те из них, которые обветшали, так поступай и с самим собою. Ты согрешил сегодня, душа твоя обветшала? Не отчаивайся, не унывай, но обнови ее покаянием, слезами, исповеданием, добрыми делами и никогда не переставай это делать. Но как мы можем делать это? ?"Чтобы вам **познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная**" (Рим.12:2); это и значит: обновляйтесь, чтобы вам познать полезное для себя и волю Божию; или: вы тогда можете обновиться, когда узнаете полезное для себя, и то, чего хочет Бог. Если ты познал это и научился распознавать свойства вещей, то ты постиг и весь путь добродетели. Спросишь: кто же не знает для себя полезного и того, в чем состоит воля Божия? Все те, которые стремятся к настоящему, которые считают завидным богатство, а бедность унижают, которые домогаются власти, стремятся к внешней славе, считают себя великими, когда настроят великолепных домов, купят пышные гробницы, имеют толпу слуг и водят за собою множество евнухов. Там люди не знают, что для них полезно и в чем состоит воля Божия, ведь то и другое - одно и то же.

3. Что полезно для нас, того хочет Бог, и чего хочет Бог, то полезно для нас. Итак, чего же хочет Бог? Того, чтобы мы жили в нищете, смиренномудрии, в презрении славы, в воздержании, а не в роскоши, в скорби, а не в неге, в печали, а не в веселии и смехе, жили бы и во всем остальном, что заповедал нам Бог. Но многие отвращаются от этого, настолько они далеки от того, чтобы признавать это полезным и волею Божией; и потому они никогда не могут даже приблизиться к подвигам добродетели. Такие люди, не зная и того, что такое добродетель, но вместо нее восхищаясь пороком и, вместо целомудренной супруги, вступая в союз с блудницею, как могут отрешиться от настоящего века? Потому, прежде всего прочего, нам надлежит иметь правильное суждение о вещах, и если мы еще не следуем добродетели, то, по крайней мере, научимся хвалить ее, если еще не избегаем порока, то, по крайней мере, навыкнем порицать худое, чтобы пока приговоры наши были неподкупны. Вступив на этот путь, мы будем иметь возможность приняться потом и за дела. Потому и Павел повелевает обновляться, "**чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная**". Здесь он укоряет, как мне кажется, и иудеев, державшихся закона. Хотя была воля Божия и на жизнь ветхозаветную, но не преимущественная, а приспособленная к слабости иудеев, совершенная же и благоугодная воля открыта в жизни новозаветной. И когда апостол новозаветную жизнь наименовал разумным служением, то назвал так в противоположность жизни ветхозаветной. "**По данной мне благодати, всякому из вас говорю: не думайте [о] [себе] более, нежели должно думать; но думайте целомудренно, по мере веры, какую каждому Бог**

уделил” (ст. 3). Выше сказав: “**Умоляю вас… милосердием Божиим**”, здесь опять говорит: “**По данной мне благодати … говорю**”. Заметь смиренномудрие учителя, заметь кротость его души. Для столь великого увещания и совета он никак не признает достаточными собственные свои слова, но в подтверждение их ссылается то на милосердие Божие, то на благодать. Не от себя предлагаю я слово, говорит он, но от Бога. И не сказал: говорю вам Премудростью Божией, или законом Божиим, но: “**по данной мне благодати**”, постоянно напоминая о благодеяниях, чтобы внушить им большую благодарность и доказать, что и благодать требует исполнения того, о чем говорится. “**Всякому из вас**”. Не тому только или другому, но и начальнику и подчиненному, рабу и свободному, неученому и мудрецу, женщине и мужчине, юноше и старцу - это общий закон, потому что Господний. Итак, апостол никого не обижает словом своим, предлагая наставление всем, даже и тем, которые невиновны, чтобы виновные удобнее приняли это вразумление и исправление.

И что говоришь ты, скажи мне? “**Не думайте [о] [себе] более, нежели должно думать**”. Здесь он указывает на смиренномудрие, мать всех благ, подражая в этом своему Учителю. Как Христос, взойдя на гору, чтобы предложить нравоучительное слово, начал речь прежде всего о смиренномудрии и его положил основанием: сказав: “**Блаженны нищие духом**” (Мф. 5:3), так и Павел, переходя от догматических истин к нравственным, преподал урок о добродетели вообще, требуя от нас достойной удивления жертвы, но, намереваясь изобразить добродетель, в частности, начинает с смиренномудрия, как бы с главы, и советует: “**Не думайте [о] [себе] более, нежели должно думать**”, потому что такова воля Божия, “**но думайте целомудренно**”. Слова эти означают следующее: мы приобрели благоразумие, чтобы обращать его не в высокомерие, но в скромность. И апостол не сказал: думайте о себе смиренномудренно, но: “**целомудренно**”, разумея здесь под целомудрием не противоположную надменности добродетель и не удаление от невоздержности, но ум трезвенный и здравый. Иметь здравые мысли и называется целомудрием. Таким образом, показав, что нескромный не может быть целомудренным, то есть устойчивым и здравым, но заблуждается, выходит из границ и бывает неразумнее всякого безумного, (апостол) смиренномудрие назвал целомудрием. “**По мере веры, какую каждому Бог уделил**”. Так как подаяние дарований привело многих из римлян и из коринфян к высокомерию, то обрати внимание, как (апостол) делает ясной причину этой болезни и мало-помалу удаляет ее. Сказав, что должно “думать скромно”, он присовокупил: “**по мере веры, какую каждому Бог уделил**”, называя здесь верою духовное дарование. Словом же: “**уделил**” - он утешил и того, кто получил меньший дар, и смирил того, кто воспользовался большим даром. Если Бог разделил, а не твое преуспеяние имеет значение, то почему ты много думаешь о себе?

4. Если же кто скажет, что здесь говорится о вере, а не о даровании, то это еще более доказывает, что (апостол) смиряет тщеславных. Если вера есть причина дара, ею творятся чудеса и все это от Бога, то на каком основании ты думаешь о себе много? Ведь если бы Бог не пришел на землю и не воплотился, то вера не имела бы таких успехов. Таким образом, все блага имеют начало в Боге. А если Он Сам дает, то умеет и разделить; Он Сам всех сотворил и о всех одинаково печется. От Его человеколюбия зависело как дать, так и сколько дать. Тот, Кто явил благость в главном, именно в том, что сообщил дары Свои, не оставит тебя и в отношении меры. Если бы Он хотел лишить тебя чести, то не дал бы тебе и самого первого, а если Ему благоугодно было спасти и почтить тебя (а для того Он и пришел на землю и распределил такое множество благ), то для чего ты приходишь в смущение и страх и из разумного становишься глупцом, стыдя себя больше, чем глупый по природе? Быть глупым по природе не составляет вины, а сделаться глупым, имея разум, не извинительно и влечет за собою большое наказание. Таковы те, которые по причине своей мудрости много о себе думают и впадают в крайнее

высокомерие. Ничто ведь так не делает глупым, как кичливость. Потому и пророк, называя варвара глупцом, говорил: “**Ибо невежда говорит глупое**” (Ис. 32:6). А чтобы ты мог заключить о его глупости из собственных речей его, послушай, что говорит он: **“…, выше звезд Божиих вознесу престол мой …, буду подобен Всевышнему**” (Ис. 14:13,14). “**Рука моя захватила богатство народов, как гнезда; и как забирают оставленные в них яйца, так забрал я всю землю**” (Ис. 10:14). Что может быть глупее этих слов? Но и всякое хвастливое слово легко навлекает на себя такое же нарекание. И если я буду тебе представлять все речи высокомерных, ты не различишь, высокомерным ли это сказано или глупцом; таким образом, в них один и тот же недостаток. И другой варвар говорит опять: “**Я бог, восседаю на седалище божием**” (Иез. 28:2), и еще другой: “**Какой Бог избавит вас от руки моей**”? (Дан. 3:15); также и египтянин: “**Я не знаю Господа и Израиля не отпущу**” (Исх. 5:2). Таков и безумец, упомянутый у пророка, говоривший в сердце своем: “**нет Бога**” (Пс. 13:1). Таков и Каин, сказавший: “**Разве я сторож брату моему**” (Быт. 4:9)? Различишь ли ты, какие слова сказаны высокомерными и какие глупцами? Высокомерие, не соблюдая умеренности и возникая помимо ума (почему и называется aponia), создает и глупых, и тщеславных. И если начало премудрости есть страх Господень, то начало глупости есть неведение Господа. Итак, если ведение Бога есть мудрость, а неведение - глупость, неведение же происходит от гордости (а начало гордости есть неведение Господа), то следует, что гордость есть крайняя глупость. Таков был и Навал, если не пред Богом, то пред человеком сделавшийся от высокомерия безумным; впоследствии он умер от страха. Как скоро человек потеряет меру благоразумия, то по причине душевной слабости делается вместе и робким, и дерзким. Как тело, когда потеряет равномерное соединение жизненных сил, становится расстроенным и подвергается всяким болезням, так и душа, когда утратит свою возвышенность и смиренномудрие, впавши в некоторое болезненное состояние, делается и робкой, и дерзкой, и безумной, и, наконец, перестает узнавать саму себя. А кто не знает самого себя, как узнает то, что выше его? Как одержимый умопомешательством, когда не узнает себя, не знает и того, что у него под ногами, и как глаз, когда сам слеп, помрачает и все прочие члены, так бывает и с высокомерием. Потому высокомерные несчастнее и помешанных в уме, и глупых по природе. Они возбуждают смех подобно последним и неприятны подобно первым, и, хотя столько же расстроены в уме, как помешанные, но не возбуждают столько сожаления, как те; они безумствуют, как и глупцы, но не заслуживают оправдания, как те, а внушают только одно отвращение. Имея недостатки тех и других, они лишены оправдания, подобно тем и другим, будучи смешны не только своими речами, но и всеми приемами. Скажи мне: для чего ты вытягиваешь шею? Для чего ходишь, привстав на пальцы, поднимаешь брови и надуваешь грудь? Ведь ты не можешь волоса сделать белым или черным, а ходишь будто по воздуху, представляя себя владыкою всего? Тебе, может быть, хотелось бы, чтобы у тебя выросли крылья, чтобы не ходить тебе по земле; может быть, тебе желательно сделаться необыкновенным. А теперь разве ты не делаешь из себя чуда, когда, будучи человеком, замышляешь летать? Но, лучше сказать, ты летаешь уже внутренне, все тебя поднимает вверх. Как мне назвать тебя? Чем истребить твое высокоумие? Если я назову тебя пеплом, прахом, дымом и пылью, то я, хотя и назвал низшие предметы, но ни один не изображает тебя в точности, как я хотел бы, ведь я желаю представить всю надутость и пустоту людей высокомерных. Какой же нам найти образ, им соответствующий? Мне кажется, что они подобны зажженному льну. Как вспыхнувший лен, по-видимому, раздувается и приподнимается, но от легкого прикосновения руки опадает и оставляет самый мелкий пепел, таковы же и души высокомерных: их пустую надутость может смирить и уничтожить случайное прикосновение. Всякий высокомерный по необходимости должен быть слабым, потому что высокое не бывает крепко, но, как водяные пузыри скоро лопаются, так и высокомерные легко погибают. Если ты не веришь этому, то представь мне человека наглого и высокомерного и увидишь, что от случайного обстоятельства он приходит в

большую робость, чем иной от падения. Как хворост быстро обращается в пепел, едва вспыхнет охвативший его пламень, а толстые деревья нелегко воспламеняются и долго поддерживают пламя, так души твердые и непоколебимые с трудом и воспламеняются, и сгорают, а над слабыми в одно мгновение времени совершается и то, и другое. Итак, зная это, будем упражняться в смиренномудрии. Нет ничего могущественнее его, оно тверже камня, крепче адаманта, ставит нас в большую безопасность, чем крепости, города и стены, будучи выше всех ухищрений диавола, тогда как высокомерие делает нас доступными всяким случайным нападениям, лопаясь, как сказано выше, легче водяного пузыря, разрываясь скорее паутины и рассеиваясь быстрее дыма. Потому, чтобы нам утвердиться на твердом камне, отложив высокомерие, возлюбим смиренномудрие. Тогда и в настоящей жизни найдем спокойствие, и в будущем веке насладимся всеми благами благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 21

“Ибо, как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены” (12:4,5).

1. Апостол употребил здесь то же сравнение, каким он воспользовался в Послании к коринфянам, когда врачевал их от того же самого недуга. Сила этого врачевства велика и значение примера достаточно для того, чтобы избавить от болезни высокомерия. Почему, говорит он, ты думаешь о себе высоко, тогда как другой, напротив, принижает себя? Не все ли мы, большие и малые, составляем одно тело? А когда по отношению к главе мы одно тело, а по отношению друг к другу члены, то зачем ты отсекаешь себя высокомерием, зачем стыдишься брата? Как он есть твой член, так и ты его член, и в этом отношении существует большая равночестность. (Апостол) предложил два достаточных довода, чтобы побудить слушателей отложить высокомерие: первый тот, что мы члены друг друга, не только малый для большего, но и больший для меньшего, а второй тот, что все мы составляем одно тело. Вернее же сказать, им представлено три довода, так как он доказал, что всем сообщено одно благодатное дарование. Итак, не думай о себе много, ведь все, что ты получил, дано тебе от Бога, а не сам ты приобрел. По этой причине (апостол), коснувшись духовных дарований, не сказал, что один получил больше, а другой меньше, а как назвал дарования? Различными. Он говорит: “**имеем …дарования**”, не большие и меньшие, но – “**различные**”. Что за дело, если не то же тебе вверено, когда ты принадлежишь к тому же телу? И (апостол), начав говорить о даровании, заканчивает речь словами о милостыне, прилежании и заступничестве. И так как некоторые из римлян, как и естественно, были добродетельны, но не имели дара пророчества, то (апостол) доказывает, что и быть добродетельным есть также дар, притом гораздо больший дара пророчества (он доказал это в Послании к коринфянам), так как первый влечет за собою награду, а последний лишен вознаграждения, и все в нем - дар и благодать. Поэтому говорит: “**И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, [то], [имеешь ли] пророчество, [пророчествуй] по мере веры**” (ст.6). Так как он достаточно утешил слушателей, то желает побудить их к подвигам и сделать более ревностными, указывая на то, что и от них самих зависит получить больший или меньший дар. Чтобы смирить гордых, он утверждает, что дается это от Бога, когда, например, говорит: “**по мере веры, какую каждому Бог уделил**”, и еще: “**по данной нам благодати**”. А чтобы поощрить беспечных, он присовокупляет, что первое основание полагают сами люди, как он утверждает в Послании к коринфянам, побуждая к тому и другому. Когда говорит: “**Ревнуйте о дарах**” (1 Кор. 12:31), показывает, что и они сами бывают причиной различия даруемого; а когда говорит: “**Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно**” (1 Кор. 12:11), показывает, что получившие

дар не должны им превозноситься; в обоих случаях (апостол) врачует недуг коринфян, как он поступает и здесь. И опять, поощряя к восстанию падших, говорит: **“[Имеешь ли] пророчество, [пророчествуй] по мере веры**”. Хотя пророчество дается по благодати, но изливается не просто, а получая меру от принимающих, и течет настолько, насколько велик будет принесенный сосуд веры. “**[Имеешь ли] служение, [пребывай] в служении**” (Рим. 12:7). Здесь служение взято в общем смысле: и апостольство называется служением, и всякое доброе духовное дело - служение. Конечно, это наименование употребляется и для означения частной деятельности, но здесь сказано вообще. “**Учитель ли, - в учении**”. Заметь, как (апостол) не наблюдает строгого порядка, но малое ставит на первом месте, а великое после, научая опять тому же самому, т.е. не гордиться и не превозноситься. “**Увещатель ли, увещевай**” (ст. 8). И это - вид учения, так как сказано: “**Если у вас есть слово наставления к народу, говорите**” (Деян. 13:15). Потом, показывая, что невелика польза держаться добродетели без надлежащего соблюдения закона, присовокупляет: “**[раздавай] в простоте**”. Не достаточно того, чтобы подать, но должно делать это и с щедростью; так и всегда это разумеется под словом – “простота”, ведь и девы (юродивые) имели елей, но не имели его в избытке, почему и лишены были всего. “**[Начальствуй] с усердием**”. Не довольно быть начальником, но надобно начальствовать с усердием и готовностью. “**[Благотвори] с радушием**”. Недостаточно благотворить, но должно и это делать нескудно и без скорби, или лучше сказать, не только без скорби, но еще с веселым и радостным духом, потому что не одно и то же не быть печальным, и радоваться. То же самое с большим тщанием доказывал Павел и в Послании к коринфянам; побуждая их к щедрости, он говорил: “**Кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет**” (2 Кор. 9:6), и, научая, с каким расположением должно это делать, он присовокупил: “**не с огорчением и не с принуждением**” (ст. 7). В совершающем благотворение должно быть то и другое - и щедрость, и веселое расположение. Зачем ты плачешь, подавая милостыню? Зачем скорбишь, оказывая милосердие, и тем лишаешься плода заслуг своих? Если ты скорбишь, то нет в тебе милосердия, но ты жесток и бесчеловечен. Ведь если ты сам скорбишь, то как можешь ободрить того, кто в горе? Приятно то, чтобы он не подозревал ничего дурного, а также и то, когда подаешь ему с радостью, потому что для людей ничто не представляется столько унизительным, как принимать что-нибудь от других, если только ты особенной веселостью не отвратишь подозрения и не покажешь, что сам получаешь больше, нежели даешь, что скорее роняешь, чем восстановляешь принимающего. Потому (апостол) и говорит: “**[Благотвори] с радушием**”.

2. Кто с печальным лицом получает царскую власть? Кто остается в унынии, получив прощение грехов? Итак, обращай внимание не на трату денег, но на пользу от этой траты. Если сеятель радуется, хотя и сеет в неизвестности на будущее, тем более должен радоваться возделывающий небо. Если ты и мало дал, но с радостью, то дал много, равным образом, если ты и много подал, но с прискорбием, то из многого сделал мало. Так две лепты вдовицы превзошли многие таланты, потому что ее расположение было исполнено щедрости. Скажешь: как может подавать с радушием тот, кто сам живет в крайней бедности и имеет во всем недостаток? Спроси вдовицу, у нее научишься, как это можно делать, и узнаешь, что не бедность создает затруднительное положение, но собственная воля производит как это, так и все противоположное. Можно и в бедности быть великодушным, и при богатстве малодушествовать. Потому (апостол) требует при подаянии простоты, при благотворении радушия, при начальствовании усердия. Он желает, чтобы мы помогали нуждающимся не только деньгами, но и словами, делами, телесным трудом и всем прочим. И сперва упомянув о главном роде вспомоществования - учением и увещанием (все это более необходимо, так как служит пищею душе), потом уже переходит к вспоможению деньгами и всем иным. Затем, научая, как можно успеть в этих добродетелях, представляет их мать - любовь. Именно говорит: “**Любовь [да будет]**

непритворна" (Рим.12:9). Если будешь иметь любовь, то не почувствуешь ни траты денег, ни телесного труда, ни тяжести учения, ни пота и служения, но все будешь переносить мужественно, потребуется ли помочь ближнему телесными трудами, деньгами, словом или иным чем. Как (апостол) требует не одного только подаяния, но в простоте, не одного начальствования, но с усердием, не одной только милостыни, но с радушием, так он не просто требует и любви, но любви непритворной, а такова истинная любовь, и если это будет, все прочее последует само собою. Ведь оказывающий милосердие, если оказывает его с радушием, дает себе самому; начальствующий, если начальствует усердно, доставляет пользу себе самому, и подающий, если подает со щедростью, наделяет себя самого. А так как любовь бывает и в худых делах, например, любовь людей развратных или думающих только о деньгах и хищениях, или предающихся пьянству и пирам, то (апостол), очищая любовь от этого, говорит: "**отвращайтесь зла**". И он не сказал: удаляйтесь зла, но: ненавидьте его, и не просто ненавидьте, но весьма сильно ненавидьте. Предлог απο во многих местах (у апостола) означает усиление, так, например, в словах: αποκαραδοκια - заботливость (Рим. 8:19), απεκδεχομενοι - ожидая (1 Кор. 1:7) и απολυτρωσις - искупление (Рим. 3:24). Так как многие, хотя и не делают зла, но имеют злые пожелания, то (апостол) и сказал: αποστυγουντες - "**отвращайтесь зла**". Он хочет, чтобы наши помышления были чисты и чтобы мы имели в отношении к пороку полную вражду, ненависть и войну. Из того, что я сказал вам, говорит (апостол), - возлюбите друг друга - не заключайте, что я предлагаю и в худых делах содействовать друг другу. Я предписываю вам совершенно противоположное - чуждаться зла не только делом, но и расположением, и не только чуждаться такого расположения, но и совершенно отвращаться зла и ненавидеть его. Но (апостол) не довольствуется только этим, а требует упражнения в добродетели, говоря: "**Прилепляйтесь к добру**". Не сказал - делайте добро, но - будьте расположены к нему; это он выразил, повелев *прилепляться.* Так Бог, сопрягая мужа и жену, сказал: "**прилепится к жене своей**" (Быт. 2:24). После того (апостол) излагает причины, по которым мы должны любить друг друга. "**Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью**" (Рим.12:10). Вы - братья, говорит (апостол), и произошли из одной утробы, уже и по этой причине правильно было бы, чтобы вы любили друг друга. Это и Моисей сказал дравшимся египтянам: вы - братья, для чего же обижаете друг друга (Исх. 2:13)? И (апостол), когда ведет речь о внешних, говорит: "**Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми**"; когда же рассуждает о своих, говорит: "**Будьте братолюбивы друг к другу с нежностью**". Там требует, чтобы они не ссорились, не ненавидели, не отвращались друг друга, а здесь повелевает любить друг друга и не просто любить, но любить сильно. Любовь, говорит он, должна быть не только не притворная, но крепкая, горячая, пламенная. Что пользы, если любишь, хотя искренно, однако же, не горячо? Потому (апостол) и сказал: "**друг к другу с нежностью**", то есть любите горячо. Не жди, чтобы другой проявил к тебе любовь, но сам стремись к нему и начни первый, так как тогда ты приобретешь награду и за его любовь.

3. Показав причину, по которой мы обязаны любить друг друга, (апостол) объясняет, как любовь наша может сделаться непоколебимою, почему и присовокупляет: "**В почтительности друг друга предупреждайте**". Таким-то образом любовь возникает и поддерживается. И ничто не приобретает нам столько друзей, как старание превзойти ближнего почтительностью. От этого возрастает не только любовь, но и честь. Как описанное выше происходит от любви, так любовь от чести, а равно и честь - от любви. Потом, чтобы мы оказывали не только уважение, апостол требует и еще другого, большего, говоря: "**в усердии не ослабевайте**" (Рим.12:11). И то рождает любовь, когда вместе с почтительностью мы оказываем и услуги, потому что ничто так не заставляет любить, как почтение и попечительность. Недостаточно любить, но нужно иметь и это, а лучше сказать, и это происходит от любви, равно как и любовь от этого разгорается, вообще, одно подкрепляет другое. Многие, хотя сердечно друг друга любят, однако же, не

подают руки помощи. Потому апостол отовсюду укрепляет любовь. А как мы можем быть “**в усердии не ослабевайте**”? “**Духом пламенейте**”. Ты замечаешь, что апостол во всем требует усиления. Он сказал: не только подавайте, но не скудно, не только начальствуйте, но с усердием, не только совершайте дела милосердия, но с радостью; не только будьте почтительны, но предупреждайте в почтении других; не только любите, но любите непритворно; не только воздерживайтесь от зла, но ненавидьте его; не только держитесь доброго, но прилепляйтесь к нему; не только будьте дружелюбны, но с нежностью; не только будьте тщательны, но неослабно; не только имейте дух, но пламенейте духом, то есть будьте ревностны и возбужденны. Если ты будешь иметь все теперь исчисленное, то привлечешь Духа, а если пребудет в тебе Дух, то сделает тебя усерднее ко всему исчисленному, когда же воспламенен будешь Духом и любовью, тогда все сделается для тебя легким. Неужели ты не знаешь, насколько ужасны для всех волы, когда они имеют на спине огонь? Так и ты сделаешься нестерпимым для диавола, если возьмешь оба эти пламени. “**Господу служите**”. Посредством всего этого возможно служить Богу. Все, чтобы ты ни делал для брата, восходит к Владыке твоему и Он, как бы Сам получив от тебя благодеяние, вознаграждает тебя за это. Замечаешь ли, куда (апостол) направил помыслы исполняющего это? Показав, как может возгореться огонь Духа, (апостол) говорит далее: “**Утешайтесь надеждою; в скорби [будьте] терпеливы, в молитве постоянны**” (ст. 12). Все это служит для воспламенения того огня. И так как апостол требовал уже денежных издержек, телесных трудов, покровительства, усердия, учения и других подвигов, то вместе с любовью и Духом поощряет еще подвижника надеждою. Ничто так не делает душу мужественной и на все готовой, как добрая надежда. Между тем до получения ожидаемых благ (апостол) дает другую награду. Так как надежда касается будущего, то, говорит он, в бедствии будьте терпеливы. Прежде будущих благ, в настоящей жизни ты пожнешь великий плод от бедствий, сделаешься терпеливым и опытным. Сверх того, (апостол) представляет и другую помощь, говоря: “**в молитве постоянны**”. Итак, когда любовь доставляет тебе удобство, Дух вспомоществует, надежда облегчает, бедствия делают тебя опытным и способным переносить все мужественно, когда, сверх того, ты имеешь и другое сильнейшее оружие - молитву и помощь, испрашиваемую по молитве, - тогда что останется трудного в исполнении заповедей? Ничего. Видишь ли, как (апостол) отовсюду утвердил подвижника и доказал, что заповеди его весьма легки? Заметь также, что опять он начинает говорит о милостыне, и не просто о милостыне, но о милостыне святым. Выше, сказав: “**[Благотвори] с радушием**”, он отверз руку для всех, а здесь он говорит, конечно, о верующих, почему присовокупляет: “**В нуждах святых принимайте участие**” (ст. 13). Не сказал: помогайте святым в нуждах, но: принимайте участие в их нуждах, показывая, что они более получают, нежели дают, и что это дело есть купля, так как есть общение. Ты даешь деньги, а они дают тебе дерзновение пред Богом. “**Ревнуйте о странноприимстве**”. Не сказал апостол: будьте странноприимны, но: ревнуйте о странноприимстве, научая нас, чтобы мы не ожидали, когда нуждающиеся придут к нам, но сами бежали к ним и догоняли их. Так поступал Авраам. Целый день провел он, выжидая этого прекрасного лова и, увидев, вскочил, побежал навстречу, поклонился до земли и сказал: “**Владыка! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего**” (Быт. 18:3). Он не сделал так, как мы, которые, как скоро увидим странника или нищего, поднимаем брови и не хотим удостоить их даже словом; а если, склоненные бесчисленными просьбами, мы прикажем слугам подать небольшую монету, то думаем, что с нашей стороны выполнено все должное. Не так поступил Авраам, но представлял из себя просителя и слугу, хотя не знал, кого примет у себя.

4. А мы ясно знаем, что принимаем у себя Христа, однако же, не делаемся вследствие этого кроткими. Авраам зовет, просит, кланяется, а мы оскорбляем приходящих к нам. Авраам все исправляет сам с женою, а мы не хотим заставить слуг. Если угодно тебе

посмотреть на самое угощение, предложенное Авраамом, то и здесь увидишь великую щедрость, состоявшую не в обилии предложенного, но в богатстве усердия. Сколько было тогда людей достаточных? Но ни один не сделал ничего подобного. Сколько было вдовиц в земле Израильской? Но ни одна не приняла в дом свой Илию. Сколько опять было достаточных людей и при Елисее? Но одна *соманитянка* пожала плод странноприимства, подобно Аврааму, который отличался в свое время щедростью и усердием. Особенно же заслуживает удивления то, что он совершил это, не зная, кто были пришедшие к нему. Так и ты не любопытствуй, потому что принимаешь ради Христа; а если всякий раз будешь допытываться, то часто будешь проходить и мимо человека достойного и лишишься следовавшей за то награды. Между тем принимающий и недостойного не делается виновным, но имеет свою награду: "**Кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка**" (Мф. 10:41). А кто от неуместного любопытства обходит человека, достойного удивления, тот навлекает на себя наказание. Итак, не любопытствуй о жизни и делах: ведь за один кусок хлеба подвергать обследованию целую жизнь - это признак крайнего тщеславия. Если бы он был убийцей, разбойником или подобным тому, неужели, по твоему мнению, он не стоит куска хлеба и немногих монет? Господь твой и для него повелевает сиять солнцу, а ты считаешь его не стоящим дневного пропитания? Но я скажу тебе и еще больше: хотя бы ты хорошо знал, что он исполнен бесчисленных зол, и тогда ты не будешь иметь оправдания, если лишишь его дневного пропитания. Ты раб Того, Кто сказал: "**Не знаете, какого вы духа**" (Лк. 9:55); ты слуга Того, Кто оказывал услуги метавшим в Него камнями, или лучше сказать, Кто за них распят. Не говори мне, что он убил человека; если он намеревается убить и тебя самого, и в таком случае не презирай его, когда он голоден. Ведь ты ученик Того, Кто желал спасения распявшим Его, Кто даже на Кресте говорил: "**Отче! прости им, ибо не знают, что делают**" (Лк. 23:34). Ты раб Того, Кто оказал услугу ударившему Его, увенчал поносившего Его даже на Кресте. Может ли что-нибудь с этим сравниться? Ведь сначала оба разбойника поносили Его, несмотря на это одному из них Он отверз рай. Он плачет о тех, которые намереваются убить Его, беспокоится и смущается, видя предателя, не потому, что Сам будет распят, но потому, что тот погибнет; смущается, потому что предвидит удавление, а за удавлением наказание. Зная лукавство Иуды, Он до последнего часа терпел его и не отринул, но целовал предателя. Твой Владыка целует, допускает прикоснуться к устам Своим того, кто вскоре имеет пролить честную Кровь Его: а ты нищего не удостаиваешь и куска хлеба, не уважаешь закона, дарованного Христом? Ведь этими действиями Он доказал, что не должно отвращаться не только нищих, но и тех, которые ведут нас на смерть. Итак, не говори мне, что такой-то человек причинил тебе зло, но подумай, что сделал Христос пред самым Крестом посредством целования, которым предал Его Иуда, желая исправить предателя. И смотри, в какой стыд должно бы привести его это целование. Христос сказал: "**Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого**" (Лк. 22:48)? Кого бы не смягчил, кого бы не тронул этот голос, какого зверя, какой адамант? Но он не смягчил того несчастного. Потому не говори, что такой-то убил такого-то, и вследствие этого я отвращаюсь его. Если кто хочет пронзить тебя мечом, погрузить руку в гортань твою, ты поцелуй эту руку, потому что Христос облобызал уста, причинившие Ему смерть.

5. И ты не подвергай ненависти, но слезами и милосердием воздавай злоумышляющему, потому что такой заслуживает нашего сожаления и слез. Ведь мы рабы Того, Кто целовал предателя (я никогда не перестану повторять это), Кто произнес слова, нежнее самого целования. Господь не сказал Иуде: скверный, вселукавый и предатель, такую ли воздаешь ты Нам награду за столько благодеяний? Но что говорит Он? "**Иуда!**", т.е., называет его по имени, что свойственно более сожалеющему и призывающему, чем гневающемуся. Он не сказал также: предаешь своего Учителя, Владыку и Благодетеля, но говорит: "**предаешь Сына Человеческого**". Хотя бы Я и не был твоим Учителем и Владыкою, но можно ли предавать Того, Кто расположен к тебе так милостиво и

искренно, что целует тебя во время предательства, когда целование служит знаком предательства? Благословен Ты, Господи. Какого смирения, какого незлобия Ты показал нам пример? Так поступил Христос с Иудою, а в отношении к тем, которые пришли с дрекольями и мечами, он поступил иначе. И что может быть скромнее сказанного им Господом? Имея возможность сразу всех их истребить, Он не сделал ничего подобного, но вступает в разговор, чтобы пробудить в них стыд, и говорит: "**Как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями**" (Мф. 26:55)? Повергши их пред Собою на землю, когда они лежали без чувств, Он добровольно предал опять Себя и спокойно взирал, как они возлагали узы на святые руки, хотя мог все мгновенно поколебать и ниспровергнуть. А ты и после этого жестоко обходишься с нищим? Если бы он был виновен в бесчисленных преступлениях, то достаточно его бедности и голода, чтобы смягчить твою душу, если она не слишком огрубела. А ты стоишь как зверь, уподобляясь гневом льву, но и львы никогда не могут вкушать мертвых тел, а ты, видя человека, истомленного множеством зол, наступаешь на лежащего, терзаешь его тело обидами, присоединяешь бурю к буре и прибегшего к пристани ударяешь об утес и подвергаешь крушению, которое ужаснее морского. И как скажешь Богу: помилуй меня? Просишь себе отпущения грехов, а сам обижаешь человека, который ни в чем не погрешил против тебя, осуждаешь за то, что он терпит голод и нужду, и превосходишь всяких зверей своей жестокостью. Звери, когда понуждает их голод, кидаются на обычную свою пищу, а ты, без всякого понуждения и необходимости, пожираешь брата, грызешь, терзаешь, если не зубами, то словами, которые язвительные всякого укушения. Как же ты совершишь святое приношение, когда гортань твоя обагрена кровью человеческой? Как произнесешь слово мира устами, которые полны вражды? Как будешь есть чувственную пищу, когда ты собираешь столько яда? Ты не помогаешь бедному, зачем же тебе и угнетать? Не поднимаешь лежащего, для чего же низвергаешь? Не избавляешь от печали, зачем же огорчаешь? Не даешь денег, для чего же оскорбляешь словами? Неужели ты не слышал, какому наказанию подвергаются и на какие мучения осуждаются те, которые не кормят нищих? Им будет сказано: "**Идите от Меня … в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его**" (Мф. 25:41). Если так осуждаются те, которые не кормят нищих, то какому подвергнутся наказанию те, которые не только не кормят, но еще оскорбляют? Какому они подлежат мучению и какой геенне? Итак, чтобы не возжечь против себя столько зол, уврачуем этот злой недуг, пока имеем власть, и обуздаем язык свой. Не только не станем оскорблять нищих, но будем утешать их и словом, и делом, чтобы уготовать себе многое милосердие и получить обетованные нам блага, достигнуть которых да дарует Бог всем нам благодатию и человеколюбием и проч.

БЕСЕДА 22

"Благословляйте гонителей ваших; благословляйте, а не проклинайте" (12:14).

1. Научив римлян, как надлежит быть расположенными друг к другу, и тесно соединив между собою члены (тела Христова), апостол, наконец, выводит их на внешнее ратоборство, облегчив его предшествовавшими своими наставлениями. Как не исправившему своих домашних дел очень трудно устроить чужие, так, достигши опытности в управлении своими делами, очень легко управиться с посторонними. Потому и Павел идет таким же путем и после обязанностей к своим излагает обязанности к посторонним и говорит: "**Благословляйте гонителей ваших**". Не сказал: не помните обид, не мстите, но потребовал гораздо большего; первое свойственно и человеку любомудрому, а последнее свойственно лишь ангелу.

И сказав: "**благословляйте**", присовокупил: "**а не проклинайте**", чтобы мы не делали того и другого, но только благословляли. Гонители бывают для нас виновниками наград.

А если будешь бодрствовать, то сверх этой награды сам приготовишь себе другую. Он доставит тебе награду за гонение, а сам приобретешь ее за благословение гонителя, представляя этим вернейшее доказательство любви своей ко Христу. Как проклинающий гонителя показывает, что он не с большой радостью терпит гонение за Христа, так благословляющий обнаруживает этим сильную любовь. Итак, не укоряй гонителя, чтобы тебе самому получить большую награду, а его научить, что это есть дело желания, а не необходимости, что это составляет для тебя торжество и веселие, а не бедствие и унижение. Потому и Христос сказал: "**Радуйтесь и веселитесь … когда будут … всячески неправедно злословить за Меня**" (Мф. 5:11,12). Потому и апостолы возвращались, радуясь тому, что они не только услышали дурное, но и подверглись бичеванию. Сверх того, ты приобретешь и другую малую выгоду, так как приведешь в изумление противников и вразумишь их своими делами, что ты готовишься к другой жизни. Как скоро заметит твой гонитель, что ты с радостью и охотно терпишь зло, то на основании дел ясно поймет, что у тебя есть иные надежды, превосходящие все настоящее. А если станешь вести себя иначе, будешь плакать и скорбеть, то откуда он может узнать, что ты ожидаешь другой жизни? И вместе с этим ты исправишь и другого, потому что твой гонитель увидит, что ты не оскорбляешься обидами, но еще благословляешь обидевшего, и он перестанет тебя гнать. Итак, вот сколько происходит отсюда добра: награда твоя увеличится, искушение уменьшится, гонитель прекратит гонение, Бог прославится, а любомудрие твое сделается для заблуждающегося уроком, руководствующим к благочестию. Потому не только оскорбителям, но и гонителям, и притеснителям (апостол) повелел воздавать противоположным. И теперь он заповедует благословлять их, а раньше убеждал оказывать им благодеяния. "**Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими**" (Рим. 12:15). Так как можно благословлять и не проклинать, но делать это не из любви, то (апостол) хочет, чтоб мы были согреты дружбой. Потому он и присовокупил, что должно не только благословлять, но и соболезновать и сострадать, когда видим, что другие впали в несчастие. Хорошо, скажешь: (апостол) справедливо предписал, чтобы мы скорбели с плачущими, но для чего он дал другое повеление, которое не заключает в себе никакой важности? Напротив, для того, чтобы радоваться с радующимися, душе нужно более любомудрия, нежели для того, чтобы плакать с плачущими. К последнему влечет нас сама природа, и нет такого каменного человека, который бы не плакал при виде несчастного; но для того, чтобы, видя человека в благополучии, не только ему не завидовать, но еще разделять с ним радость, нужна душа очень благородная. Потому (апостол) и сказал об этом раньше. Ничто так не располагает нас к любви, как то, когда мы разделяем друг с другом и радость и печаль. Не чуждайся же сострадания, на том основании, что ты далеко стоишь от несчастья. Когда твой ближний терпит зло, ты должен несчастие его считать общим. Разделяй с ним слезы, чтобы облегчить печаль его, разделяй радость, чтобы упрочить веселие, укрепить любовь и самому раньше его получить пользу, так как посредством плача ты делаешься милостивым, а посредством радости очищаешься от зависти и недоброжелательства. Смотри же, как необременительна заповедь Павла. Ведь он не сказал: избавь от беды, - чтобы ты не мог возразить, что это во многих случаях не возможно, но предписал более легкое, что совершенно в твоей власти. Если ты не можешь отвратить несчастия, то проливай слезы, и этим уже ты многое отгонишь; если не можешь увеличить благополучия, то принеси свою радость, и этим ты уже сделаешь большое облегчение. Потому (апостол) повелевает не только не завидовать, но, что гораздо важнее, и сорадоваться; это гораздо больше значит, нежели не завидовать. "**Будьте единомысленны между собою; не высокомудрствуйте, но последуйте смиренным**" (ст. 16).

2. Опять апостол, как и в начале речи, весьма заботится о смиренномудрии; ведь римляне и по месту жительства, и по другим многим причинам, как и естественно, были

исполнены гордости, почему апостол постоянно и старается удалить болезнь и низложить надменность. Ничто так не раздирает тела Церкви, как высокомерие. Что же значат слова: “**Будьте единомысленны между собою**”? К тебе в дом пришел нищий? Будь с ним единомыслен, не принимай на себя надменного вида, вследствие своего богатства, потому что во Христе нет ни богатого, ни бедного. Не стыдись наружного одеяния, а принимай по внутренней вере. Равным образом, если увидишь плачущего, не считай его недостойным утешения, если увидишь благоденствующего, не стыдись приобщиться к его удовольствию и возрадоваться, но как думаешь о себе, так думай и о нем. Будьте единомысленны между собою, говорит апостол. Например, ты считаешь себя важным человеком? Считай и его таким же. Ты подозреваешь, что он человек ничтожный и малый? Произнеси такой же суд и о себе, и отбрось всякое неравенство. А как это может быть? Если ты отложишь высокомерие. Потому (апостол) и присовокупил: “**не высокомудрствуйте, но последуйте смиренным**”, то есть, снизойди, применись, приспособься к его низости. Не просто разделяй смиренные его чувствования, но и помогай, подавай ему руку, не чужую, а свою, как отец заботится о сыне и голова о теле. То же самое говорит (апостол) и в другом месте: “**Помните узников, как бы и вы с ними были в узах**” (Евр. 13:3). Под именем же “смиренные” (апостол) разумеет здесь не просто смиренномудрых, но униженных и презираемых. “**Не мечтайте о себе**”, то есть не думайте довлеть самим себе. И в другом месте Писание говорит: “**Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою**” (Ис. 5:21). Потому (апостол) опять подрывает высокомерие, низлагает кичливость и гордость. Ничто так не отвращает и не отделяет нас от остальных людей, как то, если кто-нибудь думает, что он довлеет самому себе, почему Бог и поставил нас в зависимости друг от друга. Хотя ты и умен, но имеешь нужду в другом, а если думаешь, что не нуждаешься, то ты стал неразумнее и слабее всякого. Кто так думает, тот сам себя лишит всякой помощи, и если в чем-нибудь согрешит, то не будет искать никакого исправления и извинения, прогневит Бога своим высокомерием и совершит множество грехов. Часто, очень часто бывает, что умный не видит должного, а менее умный открывает, что нужно. Это случилось с Моисеем и тестем его, с Саулом и отроком его, с Исааком и Ревеккою. Итак, не считай для себя унижением иметь нужду в другом. Напротив, это больше возвышает тебя, делает сильнее, знаменитее и безопаснее. “**Никому не воздавайте злом за зло**” (Рим. 12:17). Если ты другого упрекаешь в злоумышлении, то зачем и самого себе делаешь ответственным в этой вине? Если он сделал зло, то для чего ты не уклоняешься от подражания ему? Заметь, что (апостол) не сделал здесь никакого разграничения, но дал общий закон. Он не сказал: не воздавай злом за зло верующему, но говорит: “**Никому не воздавайте**”, хотя бы то был злодей или кто бы то ни было. “**Пекитесь о добром перед всеми человеками. Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми**”, то есть, – “**Да светит свет ваш пред людьми**” (Мф. 5:16). Мы должны жить не для тщеславия, но для того, чтобы не подать повода укорять нас тем, которые желают этого. Потому (апостол) и в другом месте говорит: “**Не подавайте соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни церкви Божией**” (1 Кор. 10:32). Хорошо также сказал (апостол) и последующее: “**Если возможно с вашей стороны**”. Ведь иногда невозможно быть в мире, например, когда идет речь о благочестии, когда возникает борьба за обижаемых. И что удивительного, если не всегда возможно быть в мире со всеми людьми, как скоро (апостол) устранил необходимость этого между мужем и женою, сказав: “**Если же неверующий [хочет] развестись, пусть разводится**” (1 Кор. 7:15)? Смысл слов (апостола) таков: насколько зависит от тебя, никому не подавай повода ко вражде и ссоре - ни иудею, ни язычнику; если же увидишь, что как-нибудь нарушается благочестие, не предпочитай согласия истине, но стой за нее мужественно, даже до смерти; но и в этом случае не враждуй душой, не отвращайся добрым расположением, а восставай только против поступков. Вот что значат слова: “**Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми**”. Если бы другой не соблюдал мира, ты не воздвигай бури в душе своей, но внутренне будь его другом, однако

же, нимало не изменяя истине, как заметил я выше. “**Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу [Божию]. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь**” (ст.19). Какому гневу должны мы давать место? Божию. Так как обиженный всего более желает видеть и насладиться возмездием за свою обиду, то Бог дает то же самое в большей мере: если ты сам не отомстишь, Он будет твоим мстителем. Итак, Ему, говорит (апостол), предоставь отмщение. Вот что значат слова: “**дайте место гневу**”.

3. Потом для большего успокоения (апостол) привел свидетельство и, этим еще более ободрив слушателя, требует от него и большего любомудрия, говоря: “**Если голоден враг твой, накорми его хлебом; и если он жаждет, напой его водою: ибо, [делая сие], ты собираешь горящие угли на голову его, и Господь воздаст тебе**” (Притч. 25:22,23). “**Не будь побежден злом, но побеждай зло добром**” (Рим. 12:20,21). Зачем я говорю, продолжает (апостол), что надобно жить в мире с врагом? Я повелеваю и благодетельствовать ему. “**Накорми его хлебом; …напой его водою**”, - сказано. А так как он заповедал весьма трудное и великое, то присовокупил: “**ибо, [делая сие], ты собираешь горящие угли на голову его**”. Апостол сказал это для того, чтобы обидчика смирить страхом, а обиженного поощрить надеждой воздаяния. Когда обиженный ослабевает (духом), то не столько поддерживается собственными благами, сколько наказанием оскорбившего его. Ведь ничто так не приятно, как видеть врага наказанным. А чего человек желает, то (апостол) и дает ему прежде; когда же яд извлечен, предлагает ему увещания более возвышенные, говоря: “**Не будь побежден злом**”. (Апостол) знал, что враг, хотя бы он был зверь, будучи накормлен, не останется врагом, и что обиженный, хотя бы он был весьма малодушен, накормив и напоив врага, не станет уже и сам желать наказания его. Потому, будучи уверен в значении дела, он не только не запретил, но делается щедрым на наказание. Не говорит, что ты отмстишь, но – “**ты собираешь горящие угли на голову его**”. А потом и заповедал ему, говоря: “**Не будь побежден злом, но побеждай зло добром**”. И этим он как бы слегка намекнул, что не должно поступать с таким намерением, так как помнить обиду - значит уже быть побежденным злом. Сначала (апостол) не сказал этого, потому что было еще неблаговременно; когда же истощил гнев слушателя, тогда и присовокупил, говоря: “**побеждай зло добром**”. Это и есть победа. Ведь и боец удачнее одерживает победу не тогда, когда подвергает себя ударам противника, но когда приводит себя в такое положение, что противник принужден тратить силу на воздух. Таким образом, он не только сам спасается от ударов, но и истощает всю силу противника. То же бывает и при оскорбленных. Когда ты, в свою очередь, наносишь обиду, тогда побеждает тебя не человек, а, что гораздо постыднее, низкая страсть, потому что тобою овладел гнев; когда же ты молчишь, ты победил, без труда воздвиг себе трофей и будешь иметь тысячи людей, готовых увенчать тебя и сознающих ложь злословия. Кто возражает, тот своими возражениями показывает, что он уязвлен, а кто уязвляется, тот внушает подозрение в том, что сознается в сказанном о нем, а если ты ответишь смехом, то ты смехом уже опроверг худое о тебе суждение. И если ты желаешь получить ясное доказательство справедливости моих слов, то спроси самого врага своего, что для него больнее, то ли, что ты, разгорячившись за оскорбление, платишь ему оскорблением, или то, что ты смеешься над обидчиком? Ты скорее услышишь последнее. Он не столько радуется тому, что не подвергся в свою очередь оскорблению, сколько уязвляется тем, что не может вывести тебя из терпения. Разве ты не видел, что находящиеся во гневе, ни во что ставя наносимые им удары, со всею стремительностью кидаются и злее дикого вепря стараются только наносить раны ближнему, на одно это обращают внимание и об этом заботятся больше, чем о том, чтобы предохранить себя от болей? Итак, когда ты лишил врага того именно, чего особенно он желает, то ты лишил его всего, унизил и показал, что он достоин презрения, что он ребенок, а не муж, а сам ты, получив известность человека любомудрого, заставишь других думать о нем, как о негодном звере. Так мы и будем поступать и во время

нанесения нам побоев, и когда желаем бить, а не будем платить ударом за удар. Но хочешь ли нанести смертельный удар? Ударившему тебя подставь другую щеку - и этим нанесешь ему тысячи ран. Те, которые рукоплещут и удивляются, сделаются для него хуже побивающих камнями, а прежде этих осудит и приговорит его к ужасному наказанию совесть, и он пойдет прочь со стыдом, как осужденный на смерть. Если же ты заботишься и о людской славе, то и ее достигнешь в большей мере таким поступком. И вообще к тем, которые подвергаются несчастиям, мы имеем некоторое сострадание, а когда увидим людей, которые не сопротивляются, но и сами предают себя, то не только сожалеем, но и удивляемся им.

4. Это именно ныне и побуждает меня плакать, - то, что мы, имея возможность получить и настоящие блага и достигнуть будущих, если бы как должно повиновались заповедям Христа, теряем то и другое, потому что не следуем заповеданному и излишне мудрствуем. Христос все узаконил надлежащим образом, и показал, что служит к нашей славе и что к нашему позору. И, конечно, Он предписал не с тем, чтобы сделать учеников Своих смешными, но заповедал все это потому, что не злословить, когда слышишь злословя, и не делать зла, когда терпишь его, - это возвеличивает нас пред всеми. А если это так, то гораздо лучше на злоречие отвечать добром, хвалить оскорбляющих и благодетельствовать злоумышляющим на нас. Потому Христос и дал такую заповедь. Он щадит учеников Своих и ясно знает, что делает человека малым и великим. А если Он щадит и знает, то зачем ты упорствуешь и хочешь идти иным путем? Ведь побуждать посредством зла есть один из диавольских законов, почему и достигают таким образом победы все подвизающиеся на олимпийских играх, которые посвящены диаволу. Не таков, но совершенно противоположен порядок наград на поприще Христовом: там узаконено увенчивать не поражающего, но поражаемого. Таково поприще Христово, которое все постановления имеют совершенно противоположные и не только победою, но и самым способом победы возбуждает еще большее удивление; то, что в другом месте считается поражением здесь составляет победу. Это сила Божия, это небесное поприще, это ангельское зрелище.

Знаю, что и ваши сердца теперь согреты, что и вы теперь стали мягче воска; но вы всего этого лишаетесь, как только удаляетесь отсюда. Потому-то я и скорблю, что мы не исполняем на деле сказанного, хотя и должны приобрести от этого величайшие выгоды. Если мы обнаружили кротость, то сделаемся для всех непобедимыми и ни один человек, ни малый, ни большой, не в состоянии будет причинить нам вреда. Если кто-нибудь станет говорить о тебе худо, он тебе не повредит нисколько, а себе самому нанесет величайший вред, если кто причинит тебе обиду, весь вред падет на обидчика. Разве ты не видел и на судах, что обиженные бывают спокойны, стоять совершенно смело и говорят свободно, а обидчики стоять с поникшею головою, в стыде и страхе? Но что мне говорить о злоречии и обидах? Если кто изострит на тебя меч, и руку свою обагрит в твоей гортани, то не сделает тебе никакого вреда, а себя самого убьет. Это может засвидетельствовать тот, кто первый пал от руки брата. Он отошел в безмятежную пристань, стяжав бессмертную славу, а братоубийца проводил жизнь хуже всякой смерти, стеня и трясясь и на самом теле нося улику своего злодеяния. Конечно, не последнего пожелаем мы, а первого. Кто терпит зло, в том не живет зло, потому что не он его произвел, а принял совне и посредством терпения обратил в добро. А кто сделал зло, в том остается язва зла. Иосиф не был ли в темнице, а жена блудница, умыслившая на него зло, не жила ли в светлом и великолепном доме? Однако, кем бы из них ты желал быть? Не говори мне о воздаянии, но исследуй дело само в себе, и тогда в тысячу раз предпочтешь темницу с Иосифом тому дворцу, который вмещал в себе блудницу. А если заглянешь в душу того и другой, то увидишь, что душа Иосифа пользуется всем простором и свободою, а душа египтянки пребывает в тесноте и стыде, в унижении и в страхе, в великой тоске; хотя, по-

видимому, она победила, но это была не победа. Итак, зная это, приготовим себя к злостраданиям, чтобы нам и освободиться от злостраданий и получить будущие блага, достигнуть которых да будет дано всем нам благодатию и человеколюбием и проч.

БЕСЕДА 23

"Всякая душа да будет покорна высшим властям" (13:1).

1. (Апостол) много рассуждает об этом предмете и в других посланиях, когда говорит о покорности слуг господам и подначальных начальникам. А это он делает с целью показать, что Христос ввел Свои законы не для ниспровержения общего гражданского устройства, но для лучшего его исправления, и вместе хочет научить, чтобы мы не предпринимали лишних и бесполезных войн. С нас достаточно тех козней, какие строятся против нас за истину, а лишних и бесполезных испытаний присоединять не следует. Заметь же, как благовременно завел (апостол) речь об этом предмете. После того, как предложил слушателям различные требования любомудрия, расположил их жить в мире с друзьями и врагами, научил быть полезными для счастливых, для несчастных, для нуждающихся и, кратко сказать, для всех, после того, как насадил житие, приличное ангелам, истощил гнев, смирил высокомерие и совершенно умягчил их сердце, - после всего этого предлагает наставление о повиновении властям. В самом деле, если обижающим должно воздавать противоположным, то тем более надлежит повиноваться делающим добро. Но это побуждение (апостол) отлагает к концу своего увещания, а пока не представляет таких доказательств, о которых я упомянул, а призывает нас делать это по сознанию долга. И, желая внушить, что это всем повелевается, не одним только мирянам, но и священникам, и монахам, он объявляет об этом в начале, говоря так: "**Всякая душа да будет покорна высшим властям**"; хотя бы ты был апостол или евангелист, хотя бы ты был пророк и кто-либо другой, но подчинение власти не подрывает благочестия. И (апостол) не просто сказал - да будет послушна, но – "**да будет покорна**". Первое основание такого законоположения, удовлетворяющее и правильным рассудочным доводам, состоит в том, что власти учреждены от Бога. "**Ибо нет власти не от Бога**", - говорит (апостол). Как это? Неужели всякий начальник поставлен от Бога? Не то говорю я, отвечает (апостол). У меня теперь идет речь не о каждом начальнике в отдельности, но о самой власти. Существование властей, при чем одни начальствуют, а другие подчиняются, и то обстоятельство, что все происходит не случайно и произвольно, так чтобы народы носились туда и сюда, подобно волнам, - все это я называю делом Божьей Премудрости. Потому (апостол) и не сказал, что нет начальника, который не был бы поставлен от Бога, но рассуждает вообще о существе власти и говорит: "**Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены**". Так и Премудрый, когда говорит, что "**от Господа сочетается жена мужу**" (Притч. 19:14), разумеет здесь, что брак установлен Богом, а не то, что Бог сочетает каждого вступающего в брак, так как мы видим, что многие вступают в брак с дурным намерением и не по закону брака, и этого мы, конечно, не можем вменить Богу. Но что сказал Христос: "**Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей**" (Мф. 19:4,5), то же самое разумел и Премудрый. Так как равенство часто доводит до ссор, то Бог установил многие виды власти и подчинения, как-то: между мужем и женою, между сыном и отцом, между старцем и юношею, рабом и свободным, между начальником и подчиненным, между учителем и учеником. И почему ты удивляешься этому в отношении к людям, когда то же самое Бог устроил и в теле? И здесь Он не все члены устроил равночестными, но сделал один меньше, другой важнее, одни для управления, другие для подчинения. То же самое можно заметить и у бессловесных: у пчел, у журавлей, в стадах диких овец. Даже и море не лишено такого благоустройства, и там многие породы рыб управляются одной, которая и

предводительствует прочими, и под начальством которой они отправляются в отдаленные путешествия. А безначалие везде есть зло, и бывает причиной беспорядка. Апостол, сказав, откуда возникают власти, присовокупил: “**Посему противящийся власти противится Божию установлению**” (Рим. 13:2). Смотри, куда он ведет дело, чем устрашает и как доказывает, что повиноваться - наша обязанность. Чтобы верующие не сказали: ты нас унижаешь и делаешь презренными, подчиняя начальникам тех, которые должны получить небесное царство, (апостол) доказывает, что и в настоящем случае он подчиняет их не начальникам, но опять Богу, так как подчиняющийся властям повинуется Богу. Впрочем, (апостол) не говорит это в таких, например, словах: кто слушается начальников, тот повинуется Богу, но устрашает противоположным и тоже самое подтверждает с большей силой, сказав: кто не повинуется начальнику, тот противится Богу, узаконившему это. И он везде старается внушать это, т.е., что мы не дарим властям повиновение, но исполняем долг. Такими наставлениями (апостол) и верующих побуждал к повиновению, и неверующих начальников располагал в пользу (христианского) благочестия. Ведь тогда повсюду носилась молва, обвинявшая апостолов в восстании и нововведениях, а также в том, будто они и словом и делом стараются подорвать все общественные законы. А доказав, что общий наш Владыка повелевает всем соблюдать эти законы, можно и заградить уста клеветников, обвиняющих в нововведениях, и с большею смелостью защищать истинное учение.

2. Итак, не стыдись такого повиновения, говорит (апостол). Этот закон дал Бог, Который грозно и отмщает тем, которые нарушают его. Если ты ослушаешься Его, то Он накажет тебя не случайным наказанием, а самым строгим, и никакие отговорки не спасут тебя, да и от людей ты понесешь жесточайшее наказание, потому что никто за тебя не вступится, а Бога ты сильно прогневаешь. Это самое и внушает (апостол), говоря: “**А противящиеся сами навлекут на себя осуждение**”. Затем, после страха, (апостол) доказывает пользу повиновения и убеждает на основании рассудочных доводов, говоря так: “**Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых**” (ст.3). Прежде он нанес сильный удар и привел слушателей в страх, а теперь опять делает послабление и, как мудрый врач, дает успокаивающее лекарство, утешает и говорит: чего боишься, чего ужасаешься? Разве начальник наказывает делающего добро? Разве он страшен для заботящегося о добродетели? Потому (апостол) и присовокупляет: “**Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее**”. Видишь ли, как он делающего добро примирил с начальником, показав, что начальник поставлен хвалить его? Видишь ли, как он устранил всякий гнев? “**Ибо [начальник] есть Божий слуга, тебе на добро**” (ст.4). Начальник не только не страшен для тебя, но еще и хвалит тебя, не только не препятствует тебе, но еще и содействует. Если же ты имеешь в его лице помощника и хвалителя, то почему не подчиняешься? Он и вообще делает для тебя добродетель более достижимой, так как наказывает злых, а добрым оказывает благодеяния и почести и этим содействует воле Божией, потому (апостол) и назвал его слугою. Смотри: я даю тебе советы относительно целомудрия, и он того же требует по законам; я увещеваю тебя, что не должно быть любостяжательным и похищать, и он над тем же поставлен судиею. Таким образом, он наш сотрудник и помощник, на это он и послан Богом. Значит, он в двояком отношении достоин уважения - и потому, что он послан Богом, и потому, что приставлен к одинаковому с нами делу. “**Если же делаешь зло, бойся**”. Таким образом, не начальник создает страх, но наша порочность. “**Ибо он не напрасно носит меч**”. Замечаешь ли, как (апостол) представляет его вооруженным, подобно какому-нибудь воину, чтобы сделать страшным для грешников? “**Он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое**”. А чтобы ты, услышав о наказании, мщении и мече, не побежал прочь, (апостол) снова подтверждает, что начальник исполняет Божий закон. Что из того, если он и сам того не знает? Но Бог так устроил. Итак, если начальник, наказывает ли он или награждает, Божий есть слуга, потому что

защищает добродетель и изгоняет порок, чего и Сам Бог хочет, то зачем ты противишься тому, кто производит столько добра и споспешествует успеху твоих дел? Ведь многие сначала навыкли добродетели ради начальников, а впоследствии прилепились к ней из-за страха Божия. На людей более грубых не столько действует будущее, сколько настоящее. Потому тот, кто и страхом, и почестями предрасполагает души людей, чтобы они были способны воспринять слово учения, по справедливости назван Божиим слугой. "**И потому надобно повиноваться не только из [страха] наказания, но и по совести**" (ст.5). Что значит: "**не только из [страха] наказания**"? Ты должен повиноваться, говорит (апостол), не потому только, что, не подчиняясь, противишься Богу и от Бога и людей навлекаешь на себя великие бедствия, но и потому, что начальник, как охранитель мира и гражданского благоустройства, есть величайший твой благодетель. Ведь от властей для государств бывают бесчисленные блага; если упразднить их, все погибнет, и не устоят ни города, ни села, ни дома, ни торжище и ничто другое, но все ниспровергнется, так как более сильные поглотят более слабых. Таким образом, если бы за неповиновением и не следовал гнев, то и тогда тебе надлежало бы подчиняться, чтобы тебе не оказаться бессовестным, а также и неблагодарным по отношению к благодетелю. "**Для сего вы и подати платите, -** продолжает (апостол), **- ибо они Божии служители, сим самым постоянно занятые**" (ст.6). Не перечисляя в частности всех благодеяний, какими государства обязаны своим правительствам, как то: благочиние, мир и другие услуги, происходящие от военных властей и от заведующих общественными делами, (апостол) на все это приводит одно следующее доказательство. Платя дань правительству, говорит он, этим самым ты свидетельствуешь, что оно благодетельствует тебе. Заметь мудрость и благоразумие блаженного Павла. То, что признавалось тягостным и обременительным, то есть налоги, он обращает в доказательство попечительности властей. За что, спрашивает он, мы даем царю дани? Не за то ли, что он заботится о нас, и не даем ли мы эту награду правителю за его попечение? Конечно, мы не стали бы платить даней, если бы заранее не знали, что покровительство начальства будет для нас полезно; потому издревле с общего согласия всеми принято, чтобы правители содержались на наш счет, потому что они, оставив собственные дела, заботятся о делах общественных и все свое время тратят на то чтобы наша собственность была неприкосновенна.

3. Но, сказавши о внешних побуждениях (к признанию властей), апостол опять возвращается к прежнему своему доказательству, потому что таким образом он удобнее мог привлечь на свою сторону верующих, и снова показывает, что так угодно Богу, чем и заключает свое увещание, говоря: "**Существующие же власти от Бога**". Потом, изображая заботы и труды начальников, он присовокупляет: "**сим самым постоянно занятые**", т.е., на то посвящена вся жизнь их, к тому направляются и все их заботы, чтобы ты наслаждался миром. Потому и в другом послании (Павел) повелевает не только подчиняться начальникам, но и молиться за них, причем, показывая общую от этого пользу, присовокупил: "**дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную**" (1 Тим. 2:2). Ведь начальники нимало содействуют нам в устройстве настоящей жизни тем, что действуют оружием, отражают неприятелей, усмиряют крамольников в городах, разрешают всякие ссоры. Не говори мне, что иной употребляет власть во зло, но обрати внимание на благочинность строя, и увидишь великую мудрость у того, кто в начале узаконил это. "**Итак отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь. Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви**" (Рим. 13:7,8). Апостол продолжает речь о том же самом и повелевает приносить начальникам не только деньги, но и честь и страх. Как же он выше сказал: "**Хочешь ли не бояться власти? Делай добро**", а теперь говорит: "**отдавайте … страх**"? Здесь под страхом он разумеет высшую степень почтения, а не страх, происходящий от худой совести, какой разумел выше. И не сказал: дайте, но: "**отдавайте**", притом присовокупил: "**должное**", так как исполнение этого не есть дар, но

долг, и если не исполнишь, то будешь наказан, как неблагодарный. Не думай, что достоинство твоего любомудрия унижается и терпит ущерб, если в присутствии начальника ты встанешь или откроешь голову. Если (апостол) узаконил это, когда начальниками были язычники, то тем более должно это быть ныне, когда мы имеем начальниками верующих. Если же скажешь, что самому тебе вверено больше, то знай, что еще не пришло твое время, ведь ты еще странник и пришлец, а будет время, когда окажешься светлее всех. Ныне "**жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге. Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе**" (Кол. 3:3,4). Итак, не ищи себе воздаяния во временной жизни, но если бы и со страхом надлежало тебе предстать пред начальником, не думай, что это недостойно твоего благородства. Так угодно Богу, чтобы начальник, принявший от Него власть, имел свою силу. Если и не сознающий за собою ничего худого предстает пред судьей со страхом, то тем более должен страшиться делающий дурное. А ты от этого будешь еще в большей чести, потому что унижение создается не тем, что ты оказываешь другому почтение, а тем, что не оказываешь его. И начальник тебе же больше станет удивляться, и хотя бы был даже неверный, прославит твоего Господа. "**Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви**". (Апостол) снова обращается к матери всех благ, к наставнице во всем сказанном выше, к создательнице всякой добродетели, и говорит, что и любовь есть долг наш, но не такой, как подать или оброк, но постоянный. Он желает, чтобы долг этот никогда не был уплачен, а лучше сказать, чтобы он всегда уплачивался, но не вполне, а так, чтобы нам постоянно оставаться в долгу. Ведь это и есть такого рода долг, чтобы всегда его уплачивать и всегда быть должным. Сказав же, как должно любить, (апостол) указывает и пользу любви, говоря: "**ибо любящий другого исполнил закон**". И этого не считай милостью, так как и это долг; ты обязан любить брата по духовному с ним родству, и не только по родству, но и потому, что мы члены друг для друга, и если любовь в нас оскудеет, то все разрушится. Итак, люби брата. Если от любви к нему ты приобретаешь ту пользу, что исполняешь закон, то ты обязан любить его и потому, что облагодетельствован им. "**Ибо заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, …и все другие заключаются в сем слове: люби ближнего твоего, как самого себя**" (Рим. 13:9). (Апостол) не сказал просто - исполняется, но – "**заключаются**", то есть сокращенно и вкратце вмещается весь состав заповедей, так как начало и конец добродетели - любовь; она - и корень и необходимое условие, и вершина добродетели. А если любовь есть начало и полнота, то что ей равняется?

4. Впрочем, (апостол) требует не просто любви, а любви в высшей степени, так как не просто сказал: "**люби ближнего твоего**", но присовокупил: "**как самого себя**". И Христос сказал, что на любви утверждаются закон и пророки (Мф. 22:*37-мною поставлена,*40), и, указав два вида любви, смотри, какое высокое место дал любви к ближнему. Сказав: "**Возлюби Господа Бога твоего…: сия есть первая и наибольшая заповедь**, - он продолжал: **вторая же, -** и здесь не замолчал, а прибавил, **- подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя**". Что может сравняться с таким великим человеколюбием, с такою кротостью? Хотя мы бесконечно отстоим от Бога, однако же Он любовь нашу друг к другу ставит близ любви к Нему Самому и одну называет подобной другой. Потому для той и другой любви Он положил почти равную меру, и о любви к Богу сказал: "**Всем сердцем твоим и всею душею твоею**", а о любви к ближнему – "**как самого себя**" (Мф. 22:37-39). А Павел говорит, что если нет любви к ближнему, то немного пользы и от любви к Богу. Как мы, когда любим кого-нибудь, говорим, что если ты полюбил его, то и меня полюбил, так и Христос, выражая это, сказал: "**подобная ей**", а Петру: если любишь Меня, "**паси овец Моих**" (Ин. 21:16). "**Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона**" (Рим. 13:10). Замечаешь ли, что любовь имеет то и другое совершенство: и воздержание от зла ("**не делает**, - сказано, **- ближнему зла**"); и делание добра (сказано - она есть "**исполнение закона**"); не только вкратце

представляя для нас учение о том, что должно делать, но и делая легким исполнение этого. Она не только заботится о том, чтобы мы уразумели полезное для нас (это делает и закон), но и много споборствует нам в исполнении обязанностей, совершая в нас не одну какую-либо часть заповедей, но всю добродетель во всей ее полноте. Потому будем любить друг друга и таким образом возлюбим любящего нас Бога. У людей так бывает, что когда ты полюбишь кого, то другой, любящий его, вооружается против тебя; но Бог требует, чтобы и ты приобщился любви, и ненавидит того, кто не разделяет с Ним любви. Любовь человеческая исполнена зависти и злобы, а любовь Божия свободна от всякой страсти. Потому Бог и ищет сообщников любви. Люби вместе со Мною, говорит Он, тогда и Я больше буду любить тебя. Вот слова беспредельно любящего! Если ты любишь любимых Мною, тогда Я вижу, что и Меня ты любишь усердно. Бог сильно желает нашего спасения и доказал это в самом начале. Послушай, что говорил Он, когда творил человека: "**Сотворим человека по образу**" Божию (Быт. 1:26), и еще: "**Сотворим ему помощника… не хорошо быть человеку одному**" (Быт. 2:18). И потом, когда первый человек впал в преступление, заметь, как Бог кротко укорял его, Он не сказал ему: нечистый и пребеззаконный, получив от Меня так много благодеяний, ты и после всего этого поверил диаволу и, оставив Благодетеля, послушался демона! Но что говорит? "**Кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть**" (Быт. 3:11)? Так сказал бы и отец сыну, которому он приказал не трогать меча и который, не послушавшись, ранил себя: отчего ты ранен? Оттого, что меня не послушался. Замечаешь ли, что это - слова больше друга, чем Владыки, друга, подвергшегося обиде, но и при всем том не переставшего любить? Будем же и мы подражать Богу и, когда станем укорять других, будем сохранять такую же кротость. С тою же снисходительностью укоряет Бог и жену, а правильнее сказать, слова, обращенные к жене, были не укоризной, а советом, вразумлением и предостережением на будущее время. Потому Бог не говорит ничего такого змею, так как он был изобретателем зла и не мог сложить вины на другого. Зато Бог сильно наказал его и даже не остановился на этом, но и самую землю подверг общему с ним проклятию. Если же Он и человека изгнал из рая и осудил на труд, то за это в особенности и должно поклоняться Ему и удивляться. Так как жизнь, протекающая в удовольствиях, приводит человека к нерадению, то Бог пресекает для него веселие и скорбями, как стеною, ограждает нерадение, чтобы мы возвратились к любви Его. А как поступил Он с Каином? Не с такою ли же кротостью? Будучи опять оскорблен им, Он не отвечает обидою, но увещевает и говорит: "**Отчего поникло лице твое**" (Быт. 4:6)? Хотя поступок Каина не заслуживает никакого извинения, что и доказывает младший брат, но при всем том Бог не укоряет его, но говорит: "*не согрешил ли еси*? *Умолкни"*, не приложи к тому, "если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то **у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним**" (Быт. 4:7). Если ты боишься, говорит Бог, что ради этой жертвы я навсегда лишу тебя прав первородства, то ободрись: я отдаю в твои руки полную власть над братом, исправься только и люби брата, который ничем тебя не обидел. Я забочусь о вас обоих. И Меня более всего радует то, чтобы вы не враждовали друг на друга. Так Бог, подобно чадолюбивой матери, употребляет все средства и меры, чтобы ни один человек не был отторгнут от другого.

5. А чтобы тебе яснее из примера понять сказанное мною, подумай о Ревекке, как она тревожилась и прибегала к разным способам, когда старший сын враждовал против младшего. Ведь хотя и любила она Иакова, но не отвращалась и от Исава, почему и говорила: "**Для чего мне в один день лишиться обоих вас**" (Быт. 27:45). По такому же побуждению и Бог говорил Каину: *не согрешил ли еси? Умолкни, к тебе обращение его,* - желая предотвратить убийство и стараясь водворить между братьями мир. Даже когда Каин убил брата, Бог не лишил его Своего промышления, но опять с кротостью обращается к братоубийце и говорит: "**Где Авель, брат твой**?" (Быт. 4:9), - чтобы, хотя таким образом заставить его сознаться в преступлении. Но Каин, как и прежде, и даже с

большим и грубейшим бесстыдством, упорствует. Но и после этого Бог не оставляет его, а словами оскорбляемого и пренебрегаемого друга говорит ему: "**Голос крови брата твоего вопиет ко Мне**" (Быт. 4:10). И вместе с убийцей опять поражает проклятием землю, на нее изливает гнев Свой и говорит: проклята земля, "**которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего**" (Быт. 4:11), - подражая в этом случае плачущим по умершим. Так поступил и Давид, узнав, что Саул пал; он проклинал горы, принявшие кровь Саула, и восклицал: "**Горы Гелвуйские! да [не сойдет] ни роса, ни дождь на вас, … ибо там повержен щит сильных**" (2 Цар. 1:21). Так и Бог, как бы возглашая надгробную песнь Авелю, говорит: "**Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей**". Этими словами Бог хотел укротить кипящий гнев Каина и возбудить в нем любовь хотя бы к умершему. Ты угасил жизнь его, говорит Господь, почему же не угашаешь вражды? Но что еще делает Господь? Он любит и Авеля, и Каина, потому что Он сотворил их обоих. Как же поступить Ему теперь? Оставить убийцу без наказания? Но он может сделаться от этого еще хуже. Или наказать его? Но Бог чадолюбивее всякого отца. Итак, смотри, как Он и наказывает Каина, и в самом наказании обнаруживает любовь, или лучше сказать, не наказывает, а только исправляет. Он не предал его смерти, но связал трепетом, чтобы он мог загладить вину свою, чтобы хотя таким путем мог он возвратиться в лоно любви Божией и примириться с Авелем, хотя и умершим, так как Бог не хотел, чтобы Каин ушел из этого мира во вражде против умершего брата. Так поступают любящие, которые, когда не могут возбудить к себе любви благодеяниями, прибегают к строгим мерам и угрозам, побуждаемые к этому не внушением своей воли, но любовью, чтобы хотя таким средством привлечь к себе тех, которые их презирают. Конечно, такая любовь возникает в других под влиянием принуждения, однако же они и ею утешаются, вследствие сильной своей любви. Таким образом и наказание бывает следствием любви, ведь те, которые не оскорбляются тем, что их ненавидят, не желают и наказывать. Это самое Павел подтверждает в Послании к коринфянам, говоря: "**Кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною**" (2 Кор. 2:2)? Таким образом, всякий раз, когда усиливают наказание, тогда доказывают и любовь. Так и египтянка, вследствие сильной любви, жестоко наказала Иосифа. Но она наказала по злому побуждению, потому что любовь ее была бесстыдна, а Бог наказывает с доброю целью, потому что Его любовь достойна любящего. И чтобы ты уразумел силу любви Его, Бог не отказывается употреблять более грубые выражения, приписывать Себе страсти человеческие и называть Себя ревнивым. "**Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель**" (Исх. 20:5), - говорит Он.

Потому возлюбим Его так, как Он желает, - это Он считает великим делом. Если мы и отвращаемся от Него, Он не перестает призывать нас, если и не хотим обратиться, Он наказывает, потому что любит, а не для того, чтобы подвергать наказанию. Послушай, что у Иезекииля говорит Он городу, Им любимому и презиравшему Его: "**Я соберу всех любовников твоих… предам тебя в руки их… и побьют тебя камнями, и разрубят… и отступит от тебя негодование Мое, и успокоюсь, и уже не буду гневаться**" (Иез. 16:37-42). Мог ли больше этого сказать горячо любящий друг, презираемый своей возлюбленной, и несмотря на это еще пламенеющий к ней любовью? Бог все делает, чтобы склонить нас любить Его; для этого Он не пощадил и Сына Своего. Но мы непреклонны и жестокосерды. Сделаемся же, наконец, кроткими и возлюбим Бога, как любить должно, чтобы мы могли с полным удовольствием наслаждаться добродетелью. Если тот, кто имеет любимую жену, нисколько не чувствует ежедневных огорчений, то представь, каким удовольствием будет наслаждаться тот, кто любит Божественной и чистой любовью. В этом, именно в этом заключается Небесное Царствие, в этом наслаждение благами, удовольствие, веселие, радость, блаженство, а вернее - что бы я ни сказал об этом, ничто не в состоянии будет изобразить его, но один только опыт может с ним познакомить. Потому и пророк сказал: "**Утешайся Господом**" (Пс. 36:4), и в другом

месте: “**Вкусите, и увидите, как благ Господь**” (Пс. 33:9). Итак, станем повиноваться и насладимся любовью Его. И тогда еще здесь мы узрим Царствие, поживем ангельскою жизнью и, пребывая на земле, будем иметь у себя нисколько не меньше, чем обитающие на небе, а после переселении отсюда, светлее всех предстанем Престолу Христову и будем насаждаться неизреченною славою, быть участниками которой да будет дано всем нам благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 24

"Так поступайте, зная время, что наступил уже час пробудиться нам ото сна" (Римл. 13:11).

1. Апостол, после того, как предписал все то, что нужно, побуждает римлян к совершению добрых дел и самой кратковременностью. Время суда, говорит он, стоит уже при дверях, как он писал коринфянам: "**время уже коротко**" (1 Кор. 7:29), а также евреям: "**еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит**" (Евр. 10:37). Но там он говорил, восстанавливая трудящихся и утешая в подвигах от постоянных искушений, а здесь он пробуждает спящих; и действительно, это слово (апостола) полезно для нас в обоих случаях. Что же значит это: "**наступил уже час пробудиться нам ото сна**"? Это значит: близко воскресение, близок Страшный суд, близок день, как раскаленная печь, и нам должно уже освободиться от нерадения. "**Ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали**". Видишь ли, как (апостол) представляет уже им воскресение? С течением времени, говорит он, настоящая жизнь истрачивается, а жизнь будущего века становится ближе. Если ты приготовился и исполнил все, заповеданное Богом, то день этот будет для тебя днем спасения, в противном же случае этого не будет. Впрочем, (апостол) пока убеждает указанием не на скорби, а на блага, и таким образом отвлекает римлян от пристрастия к настоящему. Затем, так как было вполне естественно, что они сначала, вскоре по принятии веры, отличались большей ревностью, потому что в них еще сильно было чувство, а с течением времени всякая ревность ослабела, то (апостол) и внушает, что следует поступать совершенно напротив и, с течением времени, не ослабевать, но более процветать. Ведь чем ближе к нам царь, тем более мы должны быть готовы, чем ближе награда, тем больше мы должны возбуждать себя к подвигам. Так делают и состязающиеся в беге: они, когда приближаются к цели и к получению награды, тогда еще больше напрягают свои силы. Потому-то (апостол) сказал: "**ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали. Ночь прошла, а день приблизился**" (Римл. 13:11-12). Итак, если ночь оканчивается, а день приближается, то займемся уже дневными делами, а не ночными. Так бывает и в делах житейских: как только мы замечаем, что ночь близится к утру, и услышим пение ласточки, то будим каждый своего ближнего, хотя бы ночь еще и не прошла; а когда, наконец, она пройдет, то мы понуждаем друг друга, говоря: наступил день, и, одевшись, расставшись с грезами и освободившись ото сна, принимаемся за все дневные дела, чтобы день застал уже нас готовыми, чтобы нам не пришлось вставать и потягиваться тогда, когда солнечные лучи уже сияют. Как мы ведем себя в делах житейских, так будем поступать и в делах духовных: совлечем с себя мечтания, освободимся от грез настоящей жизни, отложим глубокий сон и вместо одежд облечемся в добродетель. Все это ясно и выразил (апостол), сказав: "**итак, отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света**". Ведь день призывает нас в строй и на сражение. Но не бойся, услышав об ополчении и оружии. Тяжело и нежелательно облекаться в вещественное оружие, но облечься в духовное оружие вожделенно и желательно, потому что это есть оружие света. Оно являет тебя светлее солнечных лучей, испускающих яркое сияние, оно ставит тебя в безопасность, потому что есть "**оружие**", оно делает тебя светоносным, потому что оно есть оружие света. Что же? Поэтому не

нужно и сражаться? Сражаться необходимо, но не опасайся при этом бед и трудов, потому что это не брань, а ликование и торжество. Таково свойство этого оружия, таково могущество вождя. Облеченный в это оружие так же украшен, как и жених, выходящий из брачного чертога, потому что он вместе и воин, и жених. Сказав же: "**день приблизился**", (апостол) изображает его не приближающимся, но уже наступившим. Он говорит: **как днем, будем вести себя благочинно**" (Римл. 13:13), потому что день уже настал. И чем преимущественно большинство людей побуждается к деятельности, этим (апостол) и привлекает их, т.е. благообразием. И он не сказал - ходите, но - станем ходить, чтобы сделать увещание не тяжким и упрек легким. "**Не предаваясь ни пированиям и пьянству**". Здесь (апостол) не пить запрещает, а пить без меры, не употребление вина изгоняет, но пьянство. Так и в следующих словах он предписывает меру наслаждений, говоря: "**ни сладострастию и распутству**". И здесь он возбраняет не совокупление с женщинами, а блуд. "**Ни ссорам и зависти**". (Апостол) угашает главные страсти - вожделение и гнев, и возбраняет не только самые страсти, но и источник их.

2. Ничто ведь так не разжигает вожделение и не воспламеняет гнев, как нетрезвость и пьянство. Потому (апостол), сказав сначала: "**не предаваясь ни пированиям и пьянству**", присовокупил потом: "**ни сладострастию и распутству**, **ни ссорам и зависти**". И на этом он не остановился, но, совлекши с нас худые одежды, послушай, как украшает, говоря: "**но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа**" (Римл. 13:14). Не сказал - облекитесь в дела, но возвел слушателей выше. В самом деле, когда он говорит о пороках, то сказал и о делах, а когда начал речь о добродетели, то не говорит уже о делах, но об оружии, показывая тем, что добродетель поставляет обладающего ею в совершенной безопасности и полном блеске. Даже и этим он не ограничился, но, простираясь выше, вместо одеяния, дает нам - что возбуждает великий трепет - Самого Владыку, Самого Царя. Кто в Него облечен, тот вполне вмещает в себе всякую добродетель. Когда же говорит: "**облекитесь**", то повелевает нам отовсюду окружать себя Им. Подобное тому он выражает и в других местах, именно: "**а если Христос в вас**" (Рим. 8:10), и еще: "**во внутреннем человеке, верой вселиться Христу в сердца ваши**" (Ефес. 3:16-17). Апостол желает, чтобы душа наша была домом Христовым, чтобы Христос облегал нас, как одежда, был для нас всем и внутри и извне. Христос есть наше исполнение, так как Он "**полнота Наполняющего все во всем**" (Ефес. 1:23). Он путь, Он супруг и жених: "**я обручил вас Христу чистой девой**" (2 Кор. 11:2). Он корень и питье, пища и жизнь: "**уже не я живу**", - говорит (Павел), - "**но живет во мне Христос**" (Галат. 2:20). Он апостол, архиерей и учитель, отец, брат и сонаследник, сообщник в гробе и в кресте: "**мы погреблись с Ним**", - сказано, - "**соединены с Ним подобием смерти Его**" (Рим. 6:4,5). Он ходатай: "**мы - посланники от имени Христова**" (2 Кор. 5:20). Он защитник наш перед Отцом, потому что, как говорит (Павел), "**ходатайствует о нас**" (Рим. 8:34). Он дом и обитатель: "**пребывает во Мне, и Я в нем**" (Иоан. 6:56). Он друг: "**Вы друзья мои**" (Иоан. 15:14). Он основание и краеугольный камень, а мы Его члены и нива, Его здание, ветви и сотрудники. И чем только не желает Он сделаться для нас, чтобы всяким способом прилепить и присоединить к Себе? Все это свойственно безмерно любящему. Итак, покорись Ему и, восстав ото сна, облекись в Него, а, облекшись, держи в покорности перед Ним и плоть свою. Это и разумел (апостол), сказав: "**попечения о плоти не превращайте в похоти**". Как выше он запретил не употребление вина, но пьянство, не брачную жизнь, но распутство, так и теперь запрещает не попечение о плоти, но попечение, простирающееся до похотей, то есть сверх нужды. А что сам он велит иметь попечение о плоти, послушай, как говорит об этом Тимофею: "**пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов**" (1 Тим. 5:23). Подобно и во всем прочем имей попечение о плоти, но для поддержания здоровья, а не для удовлетворения чувственности. Ведь это не значит, конечно, иметь попечение, когда подкладываешь огонь и разжигаешь печь. А чтобы точнее вам узнать, когда попечение о

плоти простирается до похоти, и чтобы избегать такого попечения, представьте себе людей, предающихся пьянству, объедению, пристрастных к нарядам, забавам, ведущих жизнь изнеженную и роскошную, и тогда вы поймете сказанное (апостолом). Такие люди все делают не для поддержания здоровья, а для того, чтобы веселиться и распалять похоть. Но ты, облекшись во Христа и отвергнув все это, стремись только к одному тому, чтобы иметь здоровое тело, заботясь о нем столько, сколько нужно для этого, далее же того не простирайся, но все свое попечение употреби на заботы о духовном. Таким образом, ты, не будучи отягчен этими различными похотями, будешь в состоянии восстать от греховного сна. Подлинно, настоящая жизнь есть сон и случающееся в жизни этой ничем не отличается от сонных грез. И как спящие говорят сами с собой и часто видят нечто совсем недействительное, так и мы поступаем. И, даже, гораздо хуже того. Сделавший или сказавший что-нибудь непристойное во сне, освободившись ото сна, обыкновенно освобождается и от стыда, и не подвергается наказанию. Не то будет с нами после этой жизни, но позор и наказание будут вечными. Равным образом те, которые богатеют во сне, с наступлением дня удостоверяются, что напрасно льстили себя богатством; в настоящей же жизни часто удостоверение приходит и прежде наступления дня, и прежде, чем мы переселимся отсюда, эти грезы уже рассеиваются. Итак, оттрясем, наконец, этот лукавый сон. Если день застигнет нас спящими, то мы сделаемся добычей не умирающей смерти. Да и до наступления того дня всем здешним врагам - и людям, и демонам - легко будет нападать на нас; если даже они захотят умертвить нас, никто им в том не воспрепятствует. Если бы много было бодрствующих, то не было бы и такой опасности, но так как теперь кое-где один и другой, зажегши светильник, бодрствуют, все же прочие, как в глубокую ночь, погружены в сон; то нам необходимо совершенное бодрствование и полная осторожность, чтобы не потерпеть ужасных бедствий.

3. Но не кажется ли нам, что и ныне ясный день? Не думаем ли мы, что все бодрствуем и трезвимся? Может быть, вы и засмеетесь словам моим, но я, конечно, скажу: все мы подобны погруженным в сон и храпящим среди глубокой ночи. И если бы можно было видеть бестелесное существо, то я показал бы вам, как очень многие предаются крепкому сну, а между тем дьявол подкапывает стены, умерщвляет спящих и похищает внутренние сокровища, делая все без опасения, как в глубокой тьме. А, лучше сказать, хотя и невозможно видеть этого глазами, опишем в слове и размыслим, сколько существует людей, отягченных злыми страстями, сколько одержимых тяжким помрачением сладострастия и угасивших в себе свет Духа. Потому они, вместо одного, смотрят и слушают другое и не обращают внимания ни на что, здесь излагаемое. Если же я говорю неправду и ты стоишь теперь в состоянии бодрствования, то скажи мне, что здесь происходило сегодня, если, действительно, ты все это слышал не как сон? Знаю, что некоторые мне ответят, да я и говорю это не обо всех. Но ты, повинный в том, о чем здесь сказано, ты, который пришел сюда напрасно, скажи, какой пророк, какой апостол беседовал ныне с нами и о чем? Но ты не можешь сказать этого, потому что в это время ты о многом беседовал сам с собой, как бы во сне, и не слышал того, что вне тебя происходило в самой действительности. То же самое я должен сказать и женщинам, потому что и они пребывают в глубоком сне, и хорошо было бы, если бы только во сне. Ведь спящий не говорит ничего ни худого, ни хорошего, а бодрствующий, подобно вам, много изрекает слов на несчастье собственной своей головы, высчитывая проценты, оценивая залоги, вспоминая о бесстыдных барышах и сея множество терний в душе своей, а доброму семени не давая пустить даже небольшого ростка. Но восстань ото сна, исторгни с корнем эти терния, отрезвись от опьянения, от которого и сон. Я разумею здесь опьянение, происходящее не только от вина, но и от житейских забот, а вместе с тем и от вина. И в этом я увещеваю не одних богатых, но и бедных, всего же более тех, которые устраивают дружеские пиршества. Ведь это не есть ни удовольствие, ни отдых, но наказание и мука, потому что удовольствие состоит не в постыдном разговоре, но в

благопристойной беседе, не в пресыщении, а в насыщении. Если же ты считаешь это удовольствием, то покажи мне и в течение вечера это удовольствие, но ты не можешь. Я еще не говорю о вреде, происходящем отсюда, а пока беседую с тобой об удовольствии, тотчас происходящем; едва пир окончился, как веселье тотчас обыкновенно и улетает. Но если еще упомяну о рвоте, о тяжести в голове, о бесчисленных болезнях, о пленении души, то, что ты скажешь мне на это? Неужели мы должны позорно вести себя потому, что бедны. Но, говоря это, я не запрещаю вам сходиться и совместно отобедать, а запрещаю вам позорить себя, желаю, чтобы ваше удовольствие было действительным удовольствием, а не обращалось в наказание, в муку, в пьянство и буйное веселье. Пусть узнают язычники, что христиане лучше всех умеют веселиться, но веселиться благопристойно, так как сказано: "**радуйтесь Господу с трепетом**" (Псал. 2:11). Как же должно радоваться? Возглашая гимны, совершая молитвы, воспевая псалмы вместо позорных тех песен. Таким образом, Сам Христос будет присутствовать при твоей трапезе и исполнит благословения все пиршество, - когда ты будешь молиться, когда будешь петь духовные песни, когда призовешь нищих к участию в предлагаемом тобой, когда на своем пире ты будешь соблюдать полное благочиние и умеренность; таким образом, место собрания ты сделаешь церковью, - когда, вместо неприличных криков и рукоплесканий, будешь воспевать Владыку всяческих. Не говори мне, что ныне заведен другой обычай, но исправь то, что худо. "**Едите ли**", - говорит (апостол), - "**пьете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божью**" (1 Кор. 10:31). А от ваших пиров рождаются у вас худые пожелания, отсюда распутные дела, отсюда жены ваши оказываются в презрении, а блудницы в чести, отсюда гибель домов, бесчисленные бедствия, все приходит в беспорядок, и вы, оставив чистый источник, устремляетесь к грязному болоту. А что тело развратной женщины есть такое именно болото, об этом я спрашиваю не кого другого, а тебя самого, валявшегося в этом болоте, - не стыдишься ли ты самого себя, не считаешь ли ты сам себя нечистым после греха? Потому, умоляю вас, бегайте блуда и матери блуда - пьянства. Зачем ты сеешь там, где не можешь пожать, или лучше сказать, если и пожнешь, то самый плод покроет тебя большим бесславием? Если и родится ребенок, то и тебе будет позор, и он по твоей вине будет страдать, как незаконнорожденный и худородный. Хотя бы ты оставил ему тысячи, все-таки бесчестен в доме, бесчестен в городе, бесчестен и пред судом тот, кто рожден от блудницы или от рабы; бесчестен и ты сам, как при жизни, так и по смерти, потому что, когда и умрешь, останутся после тебя памятники твоего позора. Итак, зачем же ты все бесчестишь?

4. Да и зачем ты сеешь там, где самая нива усиливается погубить плод, где множество причин бесплодия, где прежде рождения совершается убийство, так что ты не только предоставляешь блуднице оставаться блудницей, но и делаешь ее убийцей? Видишь ли, как от пьянства происходит блуд, от блуда прелюбодеяние, от прелюбодеяния убийство, или правильнее сказать, нечто хуже убийства, я даже не знаю, как и назвать это, так как здесь не умерщвляется рожденное, но самому рождению полагается препятствие. Итак, что же? Не значит ли это, что ты оскорбляешь дар Божий, борешься с Божественными законами, стремишься, как за благословением, за тем, что есть клятва, сокровищницу рождения делаешь сокровищницей убийства, женщину, сотворенную для деторождения, располагаешь к убийству? Ведь порочная женщина, чтобы всегда быть приятной и привлекательной для своих любовников и выманивать от них больше денег, не отказывается и это сделать и тем собирает великий огонь на твою голову, так как хотя решение (на преступление) и принадлежит ей, но главной причиной бываешь ты. Отсюда возникает и идолослужение. Многие женщины, чтобы сделаться приятными, употребляют наговоры, возлияния, любовные снадобья и другие бесчисленные средства. Но, несмотря на столь великий позор убийства и идолослужения, многим это дело представляется безразличным, многим и из тех, которые имеют собственных жен: здесь-то и бывает наибольшее стечение пороков. Здесь приготовляются врачебные средства не только

против плода в утробе блудницы, но и против оскорбленной супруги, здесь бывают тысячи злоумышлений, призывание демонов и вызывание мертвых, отсюда возникают ежедневные ссоры, непримиримая борьба и поминутные столкновения. Потому и Павел, сказав - "**ни сладострастию и распутству**", присовокупил: "**ни ссорам и зависти**", так как знал, что следствием первого бывает вражда, гибель домов, обиды законным детям и тысячи зол. Чтобы нам избежать всего этого, облечемся во Христа и всегда с Ним пребудем, а облечься во Христа значит никогда не оставаться без Него, но всегда являть Его в себе своей святостью и правотой. И о друзьях, чтобы изобразить их сильную любовь и неразрывную связь, мы говорим, что один облечен в другого, так как облекшийся представляется тем, во что облечен. Потому пусть и в нас всегда остается Христос. Как же Он явится? Если ты будешь подражать Ему и делам Его. Что же сделал Христос? "**Сын человеческий**", - говорит (Он о Себе), - "**не имеет, где приклонить голову**" (Лук. 9:58). И ты подражай этому. Когда надлежало вкусить пищу, Христос употреблял ячменные хлебы; когда был в пути, не имел у себя ни коней, ни вьючных животных, но ходил пешком, даже до утомления; когда необходимо было уснуть, ложился вместо возглавия на корме лодки; когда надо было возлежать, приказывал садиться на траве. И одежды Его были недорогие; часто Он ходил один, никого при Себе не имея. Далее, узнав все слова и дела Его на Кресте и среди различных поруганий и, вообще, всю жизнь Его, старайся подражать ей; таким образом, ты и облечешься во Христа, если попечений о плоти не будешь простирать до похотей, каковое занятие не доставит тебе никакого удовольствия. Ведь пожелания такого рода рождают новые, еще более беспокойные, и ты никогда не достигнешь насыщения, но будешь причинять себе великое мучение. Как томимый непрестанной жаждой, хотя бы перед ним были тысячи источников, не извлекает из того никакой пользы, не имея возможности угасить болезни, так бывает и с человеком, непрестанно живущим в похотях. Но если будешь ограничиваться потребным, то никогда не подвергнешься такой горячке, но освободишься от всего этого - и от пьянства, и от распутства. Потому, ешь столько, сколько нужно для утоления голода, одевайся так, чтобы быть только прикрытым, не наряжай своей плоти в одежды, чтобы не погубить ее, потому что посредством излишней неги сделаешь ее более слабой, расстроишь ее здоровье и приведешь ее в совершенное изнеможение. Итак, чтобы плоть твоя была прекрасной колесницей души, чтобы кормчий безопасно сидел у кормила, чтобы воин легко мог владеть оружием, - наблюдай во всем благочиние. Не тот, кто много имеет, но тот, кто немногим удовлетворяется, бывает непобедимым. Первый, хотя бы и не потерпел обид, боится, а последний, хотя бы и был обижен, останется в лучшем расположении духа, чем не обиженный, и потому будет благодушнее. Потому не о том будем стараться, чтобы никто не обижал нас, но о том, чтобы не мог сделать нам обиды и тот, кто бы захотел. А этого не иначе возможно достигнуть, как ограничивая себя одним необходимым и не желая большего. Таким образом мы будем иметь возможность и здесь наслаждаться радостью, и получить будущие блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 25

"Немощного в вере принимайте без споров о мнениях. Ибо иной уверен, что можно есть все, а немощный ест овощи" (Римл. 14:1-2).

1. Знаю, что слова эти многим трудны для понимания. Потому, прежде всего, необходимо изложить содержание всего этого места и сказать, что (апостол) желал исправить, когда писал об этом. Итак, что же он хотел исправить? Были многие из уверовавших иудеев, которые, имея совесть, связанную законом, и по принятии веры, наблюдали строгую разборчивость в пище, еще не осмеливаясь совершенно отступить от закона. Затем,

воздерживаясь только от свиного мяса, они, чтобы не подпасть нареканию, стали потом воздерживаться и от всего мясного и ели одни только овощи с таким расчетом, чтобы происходящее казалось соблюдением поста, а не закона. С другой стороны, были и более совершенные в вере, которые, сами нисколько не соблюдая подобной разборчивости в пище, отягощали и огорчали соблюдавших ее своими укоризнами и обличениями, ввергая их в уныние. Потому блаженный Павел опасался, чтобы они, имея намерение исправить неважный недостаток, не испортили всего, желая отклонить немощных в вере от разборчивости в пище, не довели их до отпадения от веры и, стараясь прежде времени все возвести к совершенству, не нанесли бы вреда настоящему их благу, а непрестанными своими укоризнами не поколебали бы их в исповеданий Христовом, так что после этого нельзя было бы исправить ни того, ни другого. Смотри же, как благоразумно действует апостол и как со свойственной ему мудростью, он заботится о пользе той и другой стороны. Он не решается сказать укоряющим: "вы делаете худо", чтобы не утвердить других в разборчивости, а равно и не говорит: "хорошо вы делаете", чтобы они не стали нападать еще сильнее, но употребляет соразмерное запрещение: по-видимому, он укоряет сильнейшую сторону, однако же, его укоризна вся падает и на противную сторону. Это самый легкий способ исправления, когда, обращая слово к одному, наносишь удар и другому. Тогда тому, кому делается запрещение, не дается повода сердиться, и в него неприметным образом вливается врачевство исправления. Заметь же, как благоразумно и благовременно (апостол) делает это. Сказав: "**попечения о плоти не превращайте в похоти**", переходит вдруг к настоящей речи, чтобы нельзя было подумать, что он говорит в пользу тех, которые запрещали разборчивость и советовали есть все. Слабую сторону всегда надо больше беречь, почему и (апостол) обращается прямо к сильнейшей стороне и говорит так: "**немощного в вере**". Видишь ли, что нанесен уже один удар наблюдающему разборчивость? Назвав его изнемогающим, (апостол) показывает, что он болен. Потом наносит другой удар, сказав: "**принимайте**". Этим он опять показывает, что он нуждается в большой заботливости, что также служит признаком крайней болезни. "**Без споров о мнениях**". Вот он нанес третий удар. Этими словами он показывает, что грех его настолько велик, что возбуждает сомнение даже в тех, которые, хотя сами не участвуют в этом грехе, однако же, соединены узами дружбы с совершающими его и заботятся о его уврачевании. Примечаешь ли, как, по-видимому, он говорит одним, а затем незаметно и слегка упрекает и других? После того, сравнивая тех и других, одних хвалит, а других обличает. Именно, говоря: "**ибо иной уверен, что можно есть все**", он восхваляет веру, а, присовокупив: "**а немощный ест овощи**", порицает немощь в вере. Потом, после того, как нанес весьма сильный удар, снова ободряет немощного, говоря так: "**кто ест, не уничижай того, кто не ест**" (Римл. 14:3). Не сказал: позволяй так делать, или: порицай, или: не побуждай к исправлению; но: не укоряй, не презирай, показывая, что они (не ядущие) совершали дело, достойное большого смеха. Но о том, кто верует "есть все", (апостол) выразился иначе. Как же именно? "**И кто не ест, не осуждай того, кто ест**". Как более совершенные унижали не евших, считая их маловерными, неистинными христианами, носящими внутри себя скрытый недуг и придерживающимися еще иудейства, так последние осуждали первых, считая их нарушителями закона или даже предающимися объедению, так как многие из них были, вероятно, обращенные из язычества. Потому (апостол) присовокупил: "**потому что Бог принял его**". Но он не сказал этого о не евшем, хотя унижать, по-видимому, следовало бы евшего, как маловерного. (Апостол) же сказал наоборот, показывая этим, что евший не только не заслуживает уничижения, но и сам может уничижать других. Но сам (апостол) не осуждает ли евшего, спросишь ты? Нисколько, потому и присовокупил: "**потому что Бог принял его**". Итак, зачем ты говоришь о законе ему, как преступнику? Бог принял его, то есть, явил в нем неизреченную благодать свою и освободил его от всякой вины. Потом (апостол) снова обращает речь к твердому в вере: "**кто ты, осуждающий чужого раба**"

(Римл. 14:4)? Отсюда видно, что и твердые в вере не только уничижали, но и осуждали слабых. "**Перед своим Господом стоит он, или падает**".

2. Вот опять новый удар. Упрек обращен, по-видимому, на сильного, но касается слабого. Когда (апостол) говорит: "**будет восставлен**", то показывает, что он еще колеблется, требует большого внимания и такого попечения, что для его уврачевания нужно призвать на помощь Бога. "**Ибо силен Бог восставить его**", - продолжает он. Так говорится о людях весьма безнадежных. Но чтобы ты в нем не отчаивался, (апостол), несмотря на слабость, называет его Божьим рабом, говоря: "**кто ты, осуждающий чужого раба**"? Между тем и здесь опять незаметно наносит удар слабому. Я приказываю тебе не судить его не потому, что действия его не заслуживают осуждения, но потому, что он чужой раб, то есть не твой, а Божий. Потом, снова ободряя его, не говорит: падает, - но как? "**Стоит или падает**". Если случится с ним то или другое, все это зависит от Господа. Если он падет, ущерб для Бога, а равно, если стоит, приобретение для Бога же. Впрочем, такое равнодушие было бы совершенно недостойно попечительности, приличной христианам, если бы мы опять не стали обращать внимание на цель Павла, который хочет, чтобы слабым в вере не делали укоризн прежде времени. Но, как я всегда говорил, необходимо принимать во внимание расположение, с каким что-либо говорится, сущность предмета, о котором говорится, и то, что старается исправить ведущий речь. (Апостол), сказав это, пристыдил укоряющего не без основания. Если Бог, рассуждает (Павел), подвергаясь ущербу, пока не делает ничего, то не безвременно ли действуешь ты и не выходишь ли из границ, мучая и беспокоя слабого в вере брата? "**Иной отличает день от дня, а другой судит о всяком дне равно**" (Римл. 14:5). Здесь, как думаю, (апостол) слегка намекает и на пост. Естественно, что некоторые из постившихся постоянно осуждали не постившихся, или, может быть, и между разборчивыми в пище были такие, которые в известные дни наблюдали эту разборчивость, а в другие нет, почему (апостол) и сказал: "**всякий поступай по удостоверению своего ума**". Этим он избавил разборчивых от страха, назвав их действие безразличным, а у тех, которые слишком много нападали на них, он отнял повод к укоризнам, вразумив их, что не следует с таким большим усердием постоянно беспокоить людей за их разборчивость; и не нужна такая ревность не по свойству самого дела, но по соображению времени, потому что укоряемые ими были еще новыми в вере. В Послании к колоссянам он запрещает это весьма строго, говоря: "**смотрите, братья, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу**" (Колос. 2:8). И еще: "**никто да не осуждает вас за пищу, или питье, никто да не обольщает вас**" (Колос. 2:16,18). И в Послании к галатам он со всей строгостью требует от них высшего рассуждения и совершенства в этом отношении. Но здесь он не прибегает к такой настойчивости, так как вера еще недавно была насаждена у римлян. А потому мы и не должны на всех распространять слов (апостола): "**всякий поступай по удостоверению своего ума**". Так, когда идет речь об учении, послушай, как он говорит: "**кто благовествует вам не то, что вы приняли**", хотя бы то был ангел, "**да будет анафема**" (Гал. 1:9). И в другом месте: "**боюсь, чтобы, как змий хитростью своей прельстил Еву, так и ваши умы не повредились**" (2 Кор. 11:3). И в Послании к филиппийцам пишет: "**берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания**" (Филип. 3:2). Но в римлянах еще рано было исправлять это и потому он сказал: "**всякий поступай по удостоверению своего ума**". Так как речь шла и о посте, то, низлагая гордость одних и изгоняя страх других, он присовокупил следующее: "**кто различает дни, для Господа различает; и кто не различает дней, для Господа не различает. Кто ест, для Господа ест, ибо благодарит Бога; и кто не ест, для Господа не ест, и благодарит Бога**" (Римл. 14:6). Опять он касается здесь того же самого. Смысл же его слов следующий: сущность не во временных делах (есть или не есть), спрашивается только, для Бога ли делает тот и другой, благодарением ли оканчивают оба? Ведь и тот, и другой благодарят Бога. А если

благодарят оба, то различие не велико. Заметь же, как и здесь (апостол) скрытным образом наносит удар придерживающимся иудейства. Если главное состоит в том, чтобы благодарить, то ясно, что благодарит тот, кто есть, а не тот, кто не есть. Как благодарить тому, кто придерживается еще закона? То же самое подтвердил (Павел) в Послании к галатам: "**оправдывающие себя законом, отпали от благодати**" (Гал. 5:4). Впрочем, он здесь не раскрывает этой мысли, а только намекает на нее, потому что еще было не время, но пока терпит и тех, которые придерживались закона, а яснее раскрывает это в последующих словах, говоря: "**ибо никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя; а живем ли - для Господа живем; умираем ли - для Господа умираем**" (Римл. 14:7-8). Действительно, тот, кто живет для закона, может ли жить для Христа? Впрочем, в этих словах (апостол) не одно только это рассматривает, но и удерживает твердых в вере от поспешности в исправлении слабых и убеждает их быть терпеливыми, доказывая, что Бог не может презреть немощных, но в надлежащее время исправит их.

3. Что же это значит: "**никто из нас не живет для себя**"? Мы не свободны, мы имеем над собой Владыку, Который хочет, чтобы мы были живы, и не желает нашей смерти, и для Которого наша жизнь или смерть важнее, чем для нас самих. Этим (апостол) показывает, что Бог заботится о нас больше, нежели мы сами, что Он жизнь нашу почитает для Себя приобретением, а смерть потерей. Если мы умираем, то умираем не только для себя, но и для Господа. Под смертью же разумеет здесь (апостол) смерть духовную, состоящую в отпадении от веры. Что Бог печется о нас, в этом достаточно нас убеждает и то, что мы для Него живем и для Него умираем. Однако (апостол) не довольствуется этим, но присовокупляет еще новое подтверждение, говоря: "**живем ли или умираем, - всегда Господни**". Здесь он от смерти духовной переходит к смерти естественной, чтобы речь его не показалась жестокой, и представляет новый самый важный признак Божьего о нас промышления. Какой же именно? "**Для того**", - говорит, - "**Христос и умер, и воскрес, и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми и над живыми**" (Римл. 14:9). Таким образом, и это должно удостоверить тебя в том, что Господь всегда печется о нашем спасении и исправлении. Если бы Он столько не промышлял о нас, то какая была бы нужда в Домостроительстве? Тот, Кто употребил для усвоения нас Себе столько попечения, что принял на себя призрак раба и умер, пренебрежет ли тобой после совершения этого? Не возможно это, не возможно. Он не захочет, чтобы погибло столь великое дело. "**Для того**", - говорит (апостол), - "**и умер**". Это подобно тому, как если бы кто-нибудь сказал: такой-то человек не согласится бросить своего раба, потому что бережет собственное стяжание. Но не так мы любим деньги, как Бог наше спасение. Он дал за нас не деньги, а Свою Кровь, и потому не может оставить тех, за которых дал столь великую цену. Заметь так же, как (апостол) показывает и неизреченное могущество Божье. "**Для того**", - говорит он, - "**и умер, и воскрес, и ожил, чтобы владычествовать и над мертвыми и над живыми**". И выше сказал: "**живем ли или умираем, - всегда Господни**". Видишь ли, как сильно Его владычество? Видишь ли, как непреоборима Его крепость и как всеобъемлющ Его Промысел? Не говори мне о живых, рассуждает (апостол): Бог промышляет и об умерших. А если промышляет об умерших, то ясно, что также и о живых. Он ничего не оставил вне Своего владычества, но на людей приобрел еще большие права, чтобы промышлять о нас больше, чем обо всем прочем. Человек платит деньги за раба и потому тщательно бережет его, а Бог заплатил смертью и, конечно, не может считать маловажным спасение того, кого он купил столь великой ценой и приобрел во владение с таким усердием и усилием. А все это (апостол) говорит с целью пристыдить иудействующего христианина и убедить его, чтобы он помнил о величии благодеяния, потому что он был мертв и ожил, потому что он не получил никакой пользы от закона и было бы с его стороны крайней неблагодарностью, если бы он, оставив Того, Кто явил ему столько милостей, прибег бы снова к закону. Итак, достаточно упрекнув его, (апостол) снова ободряет его, говоря: "**а ты что осуждаешь**

брата твоего? Или и ты, что унижаешь брата твоего" (Римл. 14:10)? Здесь, по-видимому, (апостол) уравнивает обоих, но, однако, полагает между ними большое различие. Он прекращает их споры, прежде всего, наименованием брата, а потом напоминанием о страшном дне Суда, так как, сказав: "**что унижаешь брата твоего**", присовокупил: "**все мы предстанем на суд Христов**". И говоря это, он, по-видимому, опять делает упрек более совершенному, но на самом деле старается потрясти дух иудействующего христианина, не только посрамляя его напоминанием об оказанном ему благодеянии, но и устрашая будущим наказанием: "**все мы**", - говорит, - "**предстанем на суд Христов. Ибо написано: живу Я, говорит Господь, передо Мной преклонится всякое колено, и всякий язык будет исповедовать Бога. Итак, каждый из нас за себя даст отчет Богу**" (Римл. 14:10-12). Видишь ли, как (Павел) опять потрясает дух одного, нанося удар, по-видимому, другому? Слова его значат то же, как если бы он сказал: о чем ты заботишься? Ведь не ты будешь наказан за него? Он не высказал этого прямо, но это именно разумел, только выразил гораздо легче, сказав: "**все мы предстанем на суд Христов**. **Каждый из нас за себя даст отчет Богу**". (Апостол) привел также слова пророка, который свидетельствует о всеобщем повиновении Богу, о повиновении безусловном всех, живших в Ветхом Завете, и вообще всех без исключения. Не просто сказано - всякий поклонится, но – "**даст отчет**", то есть даст отчет в том, что сделал.

4. Итак, представляя себе общего Владыку, сидящего на Престоле, будь внимателен к себе, не раздирай и не разделяй Церкви, отторгаясь от благодати и возвращаясь к закону, так как и закон принадлежит Ему. И что говорю - закон? Ему принадлежат все жившие и в законе, и до закона. И не закон потребует у тебя отчета, а Христос, как у тебя, так и у всего человеческого рода. Видишь ли, как (апостол) освободил немощного в вере от страха закона? Потом, чтобы не показалось, что он говорит об этом с намерением устрашить немощных, но что он перешел к этому по связи речи, (апостол) продолжает рассуждать о том же предмете, говоря: "**не станем же более судить друг друга, а лучше судите о том, как бы не подавать брату случая к преткновению или соблазну**" (Римл. 14:13). Это к одному относится не больше, чем и к другому, а потому может быть приложено к обоим, и к совершенному, который соблазняется разборчивостью в пище, и к несовершенному, для которого служат преткновением слишком резкие укоризны. Смотри же, какому мы подвергнемся наказанию, если просто соблазняем ближних? Если здесь, где вся ошибка состояла в неблаговременности упреков, (апостол) воспрещает их, чтобы не соблазнялся и не претыкался брат, то чего будем достойны мы, когда соблазняем брата, совсем не имея намерения исправить его? Если не сохранить - есть преступление, как это видно на примере закопавшего в землю талант, то чего не навлечем мы на себя, соблазняя другого? Ты скажешь: что же мне делать, если он соблазняется сам по себе, будучи слаб? Потому-то самому тебе и следовало бы переносить все. Если бы он был крепок, то и не имел бы нужды в такой попечительности, а теперь, так как он очень слаб, в силу этого и нуждается в большой заботе. Итак, представим ему это и станем поддерживать его во всех случаях. Ведь мы дадим ответ не за свои только грехи, но и за все то, в чем мы служили соблазном для других. А если трудно отвечать и за свои грехи, то, как мы спасемся, когда на нас будет возложена и эта ответственность? Не будем же считать для себя извинением того, что найдем сообщников в наших грехах, так как от этого увеличится только наше наказание. Так и змий наказан строже жены, а жена больше мужа; Иезавель понесла более тяжкое наказание, чем Ахаав, отнявший виноградник, потому что она была главной виновницей этой несправедливости и ввела в соблазн царя. И ты, если сделаешься виновником гибели других, подвергнешься более тяжкому наказанию, чем доведенные тобой до падения. Не так пагубно самому согрешить, как ввести в грех других, почему (апостол) и говорит: "**однако, не только их делают, но и делающих одобряют**" (Рим. 1:32). Таким образом, когда мы видим, что другие грешат, не только не станем побуждать их к греху, но постараемся извлечь из бездны порока, чтобы за гибель других нам самим

не подвергнуться наказанию; будем непрестанно помнить о Страшном суде, об огненной реке, о неразрешимых узах, о непроницаемом мраке, о скрежете зубов и ядовитом черве. Но Бог человеколюбив, говоришь ты. Значит, по-твоему, все это одни слова? Богач, презревший Лазаря, не мучается (Лук. 16). Юродивые девы не изгоняются из брачного чертога? Отказавшиеся накормить Христа не пойдут в огонь, уготованный дьяволу и ангелам его? Одетый в грязные одежды не будет связан по рукам и ногам и не будет осужден на гибель? Требовавший сто динариев не будет предан истязателям? И неправда то, что сказано о прелюбодеях: "**червь их не умирает, и огонь их не угасает**" (Мар. 9:48)? Неужели все это одни только угрозы? Да, говоришь ты. Но на каком основании, скажи мне, ты осмеливаешься утверждать это и произносить от себя такой приговор? Я могу доказать тебе противное на основании и слов, и дел Христа. Если ты не веришь относительно будущего наказания, то, по крайней мере, поверь тому, что уже совершилось, так как то, что уже было, что исполнилось на самом деле, не пустые угрозы и слова. Кто при Ное навел потоп на всю вселенную, произвел столь ужасное истребление водой и гибель всего нашего рода? Кто потом низвел молнию и огонь на землю содомскую? Кто погрузил в море целый Египет? Кто истребил шестьсот тысяч человек в пустыне? Кто попалил огнем сонм Авиронов? Кто повелел земле разверзнуть уста свои и поглотить Корея, Дафана и бывших с ними? Кто при Давиде в одно мгновение поразил семьдесят тысяч? Упоминать ли еще о наказаниях в отдельности? О Каине, преданном на непрестанное мучение? О сыне Хармиине, который был побит камнями со всем его родом? О собиравшем дрова в субботу и подвергшемся такому же наказанию? О сорока двух отроках, которые при Елисее были съедены зверями и которым не послужил извинением юный их возраст?

5. А если ты хочешь видеть подобные примеры и во времена благодати, то представь себе, какие наказания претерпели иудеи, как жены их ели собственных своих детей, одни жарили их, а другие приготовляли иначе; как они при нестерпимом голоде, среди различных и тяжких войн, подвергались таким чрезвычайным бедствиям, с какими не могут сравниться никакие ужасные злоключения прежних времен. А что все это навел на них Христос, послушай, как Сам Он предсказывает это и в причтах, и в ясных и вразумительных словах, - в притчах, когда говорит: "**врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избейте передо мной**" (Лук. 19:27), а также в притчах о винограднике, и о браке: а в ясных и открытых словах, когда угрожает, что "**падут от острия меча, и отведутся в плен во все народы; и будет на земле уныние народов и недоумение; и море восшумит и возмутится; люди будут издыхать от страха**" (Лук. 21:24-26). "**Ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет**" (Матф. 24:21). Известно также всем, какому наказанию подверглись Анания и Сапфира за утаение нескольких монет. Не замечаешь ли и ныне ежедневных несчастных случаев? Разве это не бывает? Неужели ты не видишь, что и ныне погибают от голода, страдают проказой и другими телесными болезнями, живут в постоянной нищете и терпят тысячи невыносимых бедствий?

Итак, какое может быть основание одних наказывать, а других нет? Если Бог вполне справедлив, что и, несомненно, то, конечно, и ты подвергнешься наказанию за грехи свои. Если же ты думаешь, что Бог тебя не накажет, потому что Он человеколюбив, то следовало бы и тех не наказывать. Но, как сказали мы выше, Бог и здесь многих наказывает, чтобы вы, как скоро не верите словам угроз, поверили действительным наказаниям. И так как старое не так нас устрашает, то Он вразумляет беспечных современными событиями, которые совершаются при каждом поколении. Почему же, спросишь, Бог не наказывает всех здесь? Чтобы иным дать предопределенное от Него время для покаяния. А для чего Он не наказывает всех там? Чтобы не оказалось много неверующих в Божий Промысел. Теперь и я спрошу тебя: сколько разбойников было

поймано и сколько было таких, которые умерли без наказания? Где же Божье человеколюбие и правосудие? Если бы никто совершенно не наказывался, то ты мог бы прибегнуть к этому (возражению), но когда одни наказаны, а другие нет, и притом без наказания остались те, которые больше и согрешили, то какой может быть смысл в том, что за одни и те же преступления бывают неодинаковые наказания, и не может ли показаться, что наказанные обижены? Итак, почему же не все наказываются здесь? Послушай, что отвечает тебе на это Сам Христос. Когда упала башня и несколько человек погибли, то тем, которые приходили от этого в недоумение, Христос сказал: "**думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете**" (Лук. 13:2-3). Этим Он учит нас не надеяться, что как скоро другие подверглись наказанию, мы, хотя и согрешим много, останемся без наказания. Если не покаемся, то непременно будем наказаны. За что же, спросишь, нам терпеть вечное наказание, когда мы грешили здесь недолгое время? А как же здесь человек, в одно мгновение совершив одно только убийство, осуждается на всю жизнь работать в рудниках? Но Бог, скажешь, так не поступает. Как же Он расслабленному попустил тридцать восемь лет терпеть столь тяжкое наказание? Что Он действительно наказал его за грехи, послушай, что говорит Христос: "**вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже**" (Иоан. 5:14). Однако же расслабленный, говоришь ты, получил освобождение от наказания? Но там этого не будет. Что там, действительно, не будет освобождения от наказания, послушай, как об этом говорит Сам Христос: "**червь их не умирает, и огонь не угасает**" (Мар. 9:44). И еще: "**и пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную**" (Матф. 25:46). Итак, если будет жизнь вечная, то и наказание вечное. Или ты не знаешь, сколько было угроз иудеям? Исполнились ли эти угрозы, или остались только на словах? Сказано: "**не останется камень на камне**" (Лук. 21:6) - и, действительно, остался ли камень на камне? Христос сказал: "**будет великая скорбь, какой не было**", и неужели не сбылось и это? Прочитай историю Иосифа, и ты не в состоянии будешь даже придти в себя, услышав о бедствиях, какие претерпели иудеи в действительности. Я говорю это не с тем, чтобы огорчить вас, но чтобы привести вас в безопасность, чтобы, утешая вас напрасными надеждами, не подвергнуть более тяжким наказаниям. И скажи мне: почему же ты не заслуживаешь наказания за грехи твои? Не сказал ли Бог тебе заранее все? Не запретил ли Он тебе? Не устрашил ли? Не употребил ли тысячи средств для твоего спасения? Не даровал ли тебе баню пакибытия и не простил ли все прежние грехи твои? И после этой бани, после отпущения грехов, не оказал ли Он тебе, когда ты опять стал грешить, другую помощь в покаянии? Не сделал ли Он тебе легким путь отпущения грехов и после этого?

6. Итак, выслушай, что заповедал Бог. Если будешь прощать грехи ближнему, то и Я, говорит Он, прощу тебе. Какое же в этом неудобство? "**Защищайте сироту**", - сказано, - "**вступайтесь за вдову. Тогда придите - и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, - как снег убелю**" (Иса. 1:17-18). Какая же в этом трудность? "**говори ты, чтоб оправдаться**" (Иса. 43:26). Какая в этом тягость? "**Искупи грехи твои правдой**" (Дан. 4:24). Какой в этом труд? Мытарь сказал: "**будь милостив ко мне грешнику**", и "**пошел оправданным**" (Лук. 18:13-14). Трудно ли подражать мытарю? Но, несмотря на все это, ты не хочешь убедиться, что есть наказание и мучение. Но, может быть, ты скажешь, что дьявол не подвергается наказанию? Сказано: "**идите в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его**" (Матф. 25:41). А ведь если бы не было геенны, то и дьявол не наказывался бы; если же он наказывается, то ясно, что и мы, совершая дела его, будем наказаны, так как и мы прослушали заповедь Божью, хотя не ту же, какую он. Как же ты не боишься дерзко говорить о Боге? Ведь когда ты говоришь, что Бог человеколюбив и не наказывает, то, по-твоему, выходит, что Он уже не человеколюбив, если накажет. Замечаешь ли, на какие мысли наводит вас дьявол? Что же? Неужели монахи, поселившиеся в горах и показавшие множество подвигов, останутся не

увенчанными? Ведь если злые не наказываются и нет никакого воздаяния, то иной может сказать, что и добрые не награждаются. Я с этим не согласен, скажешь ты, так как с благостью Божьей более сообразно существование только одного царства, а не геенны. Значит, блудник, прелюбодей, совершивший тысячи преступлений будет наслаждаться теми же благами, какими и отличившийся целомудрием и святостью? Значит, Павел станет наряду с Нероном, или даже дьявол наряду с Павлом? Если нет геенны, а воскресение будет общее, то и злые удостоятся тех же благ, каких и праведники? Какой же безумец может утверждать это? Или, лучше сказать, кто из демонов осмелится говорить это? Ведь бесы признают геенну, потому "**и закричали: пришел Ты сюда прежде времени мучить нас**" (Матф. 8:29). Как же ты не боишься, не ужасаешься отрицать то, что признают даже бесы? Как ты не замечаешь, какой учитель внушает тебе это злое наставление? Кто обольстил человека в начале и предложением больших надежд исторг у него блага, бывшие уже в руках, тот и ныне научает тебя так говорить и думать; дьявол для того и убеждает некоторых думать, что нет геенны, чтобы ввергнуть в нее; напротив, Бог для того угрожает геенной и уготовал ее, чтобы ты, зная об этом, так жил, чтобы не впасть в нее. Если дьявол и теперь, когда есть геенна, уверяет тебя, что ее нет, то, если бы действительно ее не было, какая была бы нужда свидетельствовать о ней бесам, которые всего более стараются о том, чтобы мы и не подозревали о существовании геенны, чтобы, не страшась ее, стали беспечнее и впали с ними в геенский огонь? Почему же, спросишь, они свидетельствовали тогда о геенне? Потому, что не переносят принуждающей их к тому необходимости. Итак, размышляя обо всем этом, пусть перестанут говорящие это обманывать себя и других, так как за эти слова они понесут наказание, потому что смеются над страшными вещами, приводят к беспечности многих желающих истинно заботиться о своем спасении и даже нимало не подражают язычникам - ниневитянам. Те, будучи во всем несведущими, когда услышали, что город их будет истреблен, не только не обнаружили неверия, но и восстенали, облеклись во вретище, смирились и не прежде перестали все это делать, пока не утолили гнева Божьего. А ты, зная столько случаев суда Божьего, словами своими уничтожаешь то, что сказал Бог? Потому участь твоя будет противоположна участи ниневитян. Те, устрашившись слов, не подверглись наказанию на самом деле, а ты, презирая угрозы на словах, понесешь наказание на самом деле. Теперь слова эти кажутся тебе басней, но не покажутся такими тогда, когда убедишься в них на деле. Неужели ты не видишь, что сделал Христос и здесь, на земле? Не одинакового жребия Он удостоил двух разбойников, но одного ввел в Царство, а другого послал в геенну. Но что мне говорить о разбойнике и человекоубийце? Христос не пощадил и апостола, когда он сделался предателем, но, предвидя, что он стремится в петлю, удавится и рассядется (ведь сказано: "**низринулся, расселось чрево его, и выпали все внутренности его**" (Деян. 1:18), - предвидя, говорю, все это, однако, попустил ему претерпеть это, чтобы посредством настоящего удостоверить тебя во всем будущем. Итак, не обманывайте сами себя, доверяя дьяволу, - ведь это его внушения. Если судьи, господа, учители и даже люди необразованные награждают добрых и наказывают злых, то возможно ли, чтобы Бог поступил иначе и доброго сравнял с порочным? Когда же совершится освобождение от пороков? Если и ныне люди порочные, ожидая наказания и находясь среди столь великого страха, - страха судей и законов, - не отстают от худых дел, то когда же они перестанут совершать злые дела, если по переселении в вечность, избавятся от всякого страха и не только не впадут в геенну, но еще получат царство? Это ли будет человеколюбие, скажи мне, чтобы усиливать порок, награждать зло, удостаивать одной чести целомудренного и распутного, верного и нечестивого, Павла и дьявола? Но долго ли нам вести такие пустые речи? Умоляю же вас, освободитесь от этого безумия, будьте благоразумными, внушите душе страх и трепет, чтобы она освободилась от будущей геенны и, прожив настоящую жизнь в целомудрии, сподобилась будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса

Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 26

"Я знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в себе самом нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто" (Римл. 14:14).

1. Апостол, сперва запретив осуждающему брата и отклонив его от укоризны, переходит потом к наставлению и спокойно поучает более слабого, показывая и здесь великую кротость. Он не говорит, что этот будет наказан, не употребляет даже и подобного выражения, но чтобы лучше убедить его в справедливости своих слов, только освобождает его от страха в этом деле и говорит: "**знаю и уверен**". Потом, чтобы кто-нибудь из неверующих не мог возразить: "какое нам дело, что ты убежден? Ведь ты еще не настолько для нас достоверен, чтобы слова твои предпочесть самому закону и тому, что возвещено нам свыше", - (апостол) и присовокупляет: "**в Господе**", то есть я узнал это от Господа, Он Сам удостоверил меня в этом, значит, это - приговор не человеческого ума. Но, скажи, в чем ты уверен и что знаешь? "**Нет ничего в себе самом нечистого**". Ничего нет нечистого по природе, говорит (апостол), но делается нечистым от воли употребляющего, и для него одного бывает не чисто, а не для всех. "**Только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто**". Почему же не исправить брата, чтобы он не считал чего-либо нечистым? Почему не употребить всей своей власти, чтобы отклонить от этой привычки и мнения - признавать что-либо нечистым для всех. Боюсь, отвечает (апостол), чтобы не огорчить его, почему и присовокупил: "**если же за пищу огорчается брат твой, то ты уже не по любви поступаешь**" (Римл. 14:15). Замечаешь ли, как он старается сперва привлечь его к себе, показывая, что имеет к нему такое большое внимание, что, дабы не огорчить его, не решается приказывать даже вполне необходимого, но лучше хочет привлечь его снисходительностью и любовью? И даже после того, как рассеял страх его, он привлекает не силой и не принуждает, но предоставляет ему полную волю, потому что не одно и тоже отклонить от употребления пищи и причинить огорчение. Видишь ли, сколько он заботится о сохранении любви? Он знал, что любовь может все исправить, а потому и требует здесь от слушателей большего. Не только не должно вам, говорит, доводить их до крайности, но если бы требовалось сделать снисхождение, то не должно и от этого отказываться. Потому присовокупляет: "**не губи твоей пищей того, за кого Христос умер**". Неужели ты не считаешь брата стоящим того, чтобы посредством воздержания от пищи приобрести его спасение? Христос не отказался сделаться ради него рабом и умереть, а ты для его спасения не соглашаешься отказаться от пищи? Хотя Христос и знал, что не всем принесет пользу, однако же, исполнил Свое дело и умер за всех. А ты знаешь, что ради пищи губишь его в более важном и, несмотря на это, споришь, считаешь презренным того, кого Христос признал достойным столь великих почестей, бесчестишь того, кого Он возлюбил? Христос умер не только за немощного в вере, но и за врага, а ты для немощного в вере не хочешь воздержаться от пищи? Христос совершил самое великое дело, а ты не хочешь сделать малого, хотя Он Владыка, а ты брат. Этих слов достаточно для того, чтобы вразумить и немощного в вере, так как видно, что он малодушен и, получив от Бога великие дары, не жертвует и малым. "**Да не хулится ваше доброе. Ибо Царство Божье не пища и питье**" (Римл. 14:16-17). Под именем "**благого**" (апостол) разумеет здесь или веру, или надежду на будущие блага, или совершенное благочестие. Ты не только не помогаешь брату, говорит (апостол), но заставляешь хулить самое учение, Божью благодать и дар. Всякий раз, как ты споришь, упорствуешь, огорчаешь, раздираешь церковь, укоряешь брата и обходишься с ним враждебно, тогда внешние хулят, так что от этого не только ничего не исправляется, но и делается все совершенно противоположное.

Ваше благо состоит в любви, в братстве, в единении, в союзе, в жизни мирной и кроткой. Потом (апостол) опять, чтобы освободить одного от страха, а другого от упорства, говорит: "**ибо Царство Божье не пища и питье**". Неужели этим мы можем достигнуть благополучия? И в другом месте говорит он то же: "**едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем**" (1 Кор. 8:8). Здесь нет нужды в доказательстве, а достаточно лишь сказать. Смысл же апостольских слов таков: если ты ешь, то неужели это введет тебя в Царство? Укоряя за то, что считают это важным, (апостол) упомянул не только о пище, но и о питье. Итак, что же вводит в Царство? "**Праведность, мир, радость**", добродетельная жизнь, братский мир, которому противится эта любовь к спорам, радость, происходящая от согласия и нарушаемая этой враждой. Это сказано апостолом не одной из двух сторон, но обеим, так как благовременно было это сказать и тем, и другим.

2. Потом, после слов: "**мир и радость**" (а мир и радость бывают и в худых делах) присовокупил: "**в Святом Духе**". Погубивший брата нарушил мир и радость и обидел его больше, чем, похитив у него деньги; и, что еще хуже, другой спас, а ты оскорбляешь и губишь. А как скоро пища и мнимое совершенство не вводят в Царство, а приводят к тому, что противоположно этому Царству, то, как же не следует пренебрегать малым, под условием утвердить великое! Потом, так как укоризны происходили частью и от тщеславия, (апостол) присовокупляет далее: "**кто этим служит Христу, тот угоден Богу и достоин одобрения от людей**" (Римл. 14:18). Все будут удивляться в тебе не столько совершенству, сколько миру и согласию. Последним благом воспользуются от тебя все, а первым никто. "**Будем искать того, что служит к миру и к взаимному назиданию**" (Римл. 14:19). Первое (сохранять мир) относится к немощному, а последнее к соблазняющему брата, чтобы он не поколебал его в вере. Впрочем, (апостол), сказав: "**к взаимному назиданию**", отнес эти слова вообще и к тому и другому и показал, что без мира трудно назидать. "**Ради пищи не разрушай дела Божьего**" (Римл. 14:20). Делом Божьим он называет спасение брата и усиливает страх, доказывая, что соблазняющий брата делает противное тому, о чем заботится. Ты не только не созидаешь, как думаешь, говорит (апостол), но разрушаешь, и притом не человеческое дело, а Божье, не для чего-либо важного, но для маловажной вещи - "**Ради пищи**". Потом, чтобы такой снисходительностью не утвердить брата в худом настроении, опять излагает общее положение, говоря так: "**все чисто, но худо человеку, который ест на соблазн**", то есть с лукавой совестью. Таким образом, если ты станешь принуждать, и он станет есть, то не будет в этом никакой пользы, потому что не яства делают нечистым, а расположение, с каким ешь. Потому, если ты не исправишь расположения, то весь твой труд напрасен, даже вреден. Ведь не одно и то же считать что-нибудь нечистым и, считая нечистым, есть. В последнем случае ты грешишь вдвое, усиливая своим упорством предрассудок и заставляя есть нечистое; таким образом, пока не убедишь, дотоле и не принуждай. "**Лучше не есть мяса, не пить вина и не делать ничего такого, отчего брат твой претыкается, или соблазняется, или изнемогает**" (Римл. 14:21). Опять (апостол) требует большего, - не только не принуждать, но и оказывать снисхождение. Так и сам он поступал нередко, именно, когда обрезывал, стриг волосы и приносил иудейскую жертву. Он не говорит слабому - делай, но предлагает это в виде своего мнения, чтобы слабейшего не сделать еще более беспечным. И что же он говорит? "**Лучше не есть мяса**". И что говорю о мясе? Воздерживайся также от вина и от всего, что только служит соблазном, потому что ничто не может быть наравне со спасением брата. Это и показал Христос, Который сошел с небес и все претерпел ради нас, что ни претерпел. Смотри же, как (апостол) вразумляет и другого, говоря: "**претыкается, или соблазняется, или изнемогает**". Не говори мне, продолжает он, что это безрассудно, но помни, что это может и исправить. Для тебя достаточное оправдание в том, что ты помогаешь немощному, а себе нимало не вредишь, так как твой поступок - не лицемерие, но

созидание и сбережение. Если ты будешь принуждать его, он станет противиться и осуждать тебя, и еще более утвердится в том, чтобы воздерживаться от пищи, а если окажешь ему снисхождение, то он сначала полюбит тебя, безо всякого подозрения будет слушать твое учение и, наконец, ты получишь возможность незаметно посеять в нем правые догматы. А если он сразу возненавидит тебя, то ты заградил вход словам своим. Итак, не принуждай брата, но сам воздерживайся для него, воздерживайся не как нечистого, но потому, что он соблазняется и что больше полюбит тебя. Так повелел и Павел, говоря: "**лучше не есть мяса**", не потому, что это нечисто, но потому, что брат соблазняется и изнемогает. "**Ты имеешь веру? имей ее сам в себе**" (Римл. 14:22). Здесь, кажется мне, (апостол) слегка намекает на тщеславие более совершенного в вере. Смысл слов его таков: ты желаешь доказать мне, что ты во всем исправен и совершен? Не доказывай мне, а довольствуйся свидетельством совести.

3. О вере же он говорит здесь не в отношении к догматам, а в отношении к предмету рассуждения. О ней сказано: "**устами исповедуют к спасению**" (Рим. 10:10); также: "**кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь от того и Я**" (Матф. 10:33). Она постыдит тебя, если ее не исповедуешь, она посрамит, если исповедуешь не во время. "**Блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает**". Опять (апостол) наносит удар более слабому и доказывает, что для него довольно одобрения совести. Хотя другой человек и не увидит твоего блаженства, но ты в самом себе будь доволен своим блаженством. Так как (апостол) сказал: "**имей ее сам в себе**", то, чтобы ты не почел этого суда малым, утверждает, что оно для тебя лучше вселенной. Хотя бы и все обвиняли тебя, но если сам ты не осуждаешь себя и совесть не укоряет, ты - блажен. Но (апостол) не обо всех без исключения дал такой отзыв. Много есть людей, которые сами себя не осуждают, хотя и весьма грешны; эти несчастнее всех; но пока (апостол) держится настоящего своего предмета. "**А сомневающийся, если ест, осуждается**" (Римл. 14:23). Опять (апостол) увещевает щадить немощного. Какая польза есть с сомнением и осуждать самого себя? Я одобряю того, кто ест и ест без всякого сомнения. Видишь ли, как он ведет его к тому, чтобы не только ел, но и ел с чистой совестью. Потом объясняет и причину, по которой осуждается, присовокупляя: "**потому что не по вере**", т.е. осуждается не потому, что нечисто, но потому, что не по вере, так как не был уверен, что это чисто, но думал, что прикоснулся к нечистому. А этим (апостол) вразумляет их, сколько они делают вреда, принуждая других без предварительного убеждения прикасаться к тому, что, по их мнению, нечисто, и желает хотя бы этим удержать их от укоризны по отношению к немощным в вере. "**Все, что не по вере, грех**". Когда, говорит, он не убежден и не верит, что чисто, то, как не согрешить ему? Все же это говорится Павлом относительно настоящего предмета, а не вообще. И смотри, сколько он заботится, чтобы не соблазнить другого? Выше говорил: "**если же за пищу огорчается брат твой, то ты уже не по любви поступаешь**". А если не должно огорчать, тем более не должно соблазнять. И еще: "**ради пищи не разрушай дела Божьего**". Если разорить церковь и преступно, и нечестиво, то тем более разорить храм духовный, - ведь человек честнее церкви, так как Христос умер не за стены, а ради этих храмов. Итак, будем со своей стороны во всем осмотрительны и не подадим никому и малого повода для нападения на нас. Настоящая жизнь есть поприще, повсюду необходимо иметь множество глаз и не должно думать, что для защиты достаточно неведения. Возможно, вполне возможно и за неведение подвергнуться наказанию, если оно непростительно. И иудеи были в неведении, однако же, их незнание не было поставлено им в извинение. И язычники были в неведении, однако, и они не имеют оправдания. Когда не знаешь того, что знать невозможно, ты не подвергнешься обвинению, а когда не знаешь того, что можно и удобно тебе знать, то подвергнешься крайнему наказанию. Вообще же, если мы не будем слишком беспечны, но употребим все зависящие от нас самих меры, то Бог подаст нам руку и в неизвестном. Так, Павел говорил филиппийцам: "**если же вы о чем иначе мыслите, то и это Бог вам**

откроет" (Филип. 3:15). Когда же мы не хотим совершить того, что в нашей власти, то лишимся и этого содействия. Так и случилось с иудеями. "**Потому говорю им притчами**", говорит (Христос), "**что они видя не видят**" (Матф. 13:13). Как же они, видя, не видели? Видели изгоняемых бесов, и говорили – "**в нем бес**". Видели воскрешаемых мертвых, и не поклонились Христу, но замышляли убить Его. Не таков был Корнилий. Так как он тщательно делал все то, что от него зависело, то Бог приложил ему и остальное. Потому, не спрашивай, почему Бог презрел такого-то язычника, который был добр и справедлив. Во-первых, людям невозможно знать, кто справедлив, а это известно Тому, Кто образовал сердце каждого; потом, можно сказать и то, что этот язычник часто сам не заботился и не старался. Но как, скажешь, он мог делать это, как скоро он человек простой? Обрати, однако же, внимание на этого простого и скромного человека и узнай его в делах житейских, и ты увидишь, что он употребляет здесь большую старательность и что, если бы он захотел употребить ее и в делах духовных, не оказался бы оплошным, так как истина яснее солнца. Куда бы кто ни направился, удобно достигнет своего спасения, если захочет быть внимательным и не будет почитать спасения делом маловажным. Ведь не одной Палестиной ограничены такие дела, не заключены же они в одном небольшом уголке вселенной? Разве ты не слышал, что говорит пророк: "**ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого**" (Иер. 31:34)? Не видишь ли ты, что действительность доказала справедливость этого? Какое извинение могут иметь те, которые видят, что учение истины распространилось всюду, и не любопытствуют и не заботятся узнать его?

4. Ты скажешь: неужели ты требуешь этого от поселянина и варвара? Не только от поселянина и варвара, но и от того, кто оказался и грубее нынешних варваров. Скажи мне, почему в делах житейских обижаемый умеет возразить, подвергающийся насилию - противодействовать и вообще всякий делает и совершает все, чтобы не понести даже малого вреда, а в делах духовных не наблюдают того же самого благоразумия? Когда поклоняются камню, считают его богом и совершают празднества, тогда тратят деньги, обнаруживают сильный страх, и никто не бывает нерадивым по простоте своей, а когда надлежит взыскать истинного Бога, тогда мне напоминают о простоте и неведении? Не так это, нет, но виной всему наша беспечность. Кого ты считаешь более простыми и грубыми - современников ли Авраама или своих? Очевидно, что современников Авраама. Когда было легче найти благочестие, тогда или теперь? Очевидно, что теперь. Теперь у всех уже возвещается имя Божье; пророки предрекли, события уже совершились и язычество изобличено; а тогда большая часть людей оставалась без учения, грех владычествовал, закон не был пестуном, не было ни пророков, ни чудес, ни учения, ни множества знающих Бога и ничего другого тому подобного, но все лежало как бы в глубоком мраке в безлунную и зимнюю ночь. Но, однако, тот удивительный и благородный муж, при стольких затруднениях, познал Бога, упражнялся в добродетели и возбудил многих к такой же ревности, хотя при этом совсем не был опытен во внешней мудрости. Да и как, и где он мог научиться, если и самых письмен не было еще изобретено? Но так как он все со своей стороны сделал, то и Бог также не оставил его. Ведь нельзя же сказать, что Авраам заимствовал религию от отцов, так как отец его был идолопоклонник. Однако, происходя от таких предков, будучи варваром, будучи воспитан среди варваров и не имея никакого учителя в благочестии, он познал Бога и всех своих потомков, пользовавшихся и законом и пророками, превзошел настолько, что и невозможно выразить. А почему? Потому что не слишком заботился о житейском, но всего себя посвятил духовному. А Мелхиседек не жил ли в те же времена, и не просиял ли настолько, что был назван священником Божьим? Невозможно, совершенно невозможно, чтобы бодрствующий когда-либо был презрен. Пусть это не смущает вас, но, зная, что все зависит от расположения, будем внимательны к самим себе, чтобы сделаться нам лучше. Не будем требовать отчета у Бога и испытывать, почему Он одного оставил, а другого

призвал, так как в противном случае уподобимся отверженному рабу, который с излишним любопытством входил в домашние распоряжения господина. Жалкий и бедный человек! Тогда как тебе надобно позаботиться, как самому дать отчет и умилостивить Владыку, ты требуешь отчета в том, в чем сам должен его дать, и оставляешь без внимания то, за что понесешь наказание.

Итак, - спрашиваешь, - что мне сказать язычнику? То, что выше сказано. И ты заботься не о том только, что сказать язычнику, но и о том, как исправить его. Когда он, исследуя твою жизнь, соблазняется ею, то на основании этого и позаботься, что говорить тебе. Ведь за него, хотя он и соблазняется, ты не дашь ответа, а за жизнь свою, если она приносит вред, ты подвергаешься крайней опасности. Когда он увидит, что ты любомудрствуешь о Царстве и, тем не менее, прилеплен к настоящему, боишься геенны и трепещешь здешних бедствий, тогда и позаботься. Когда, видя это, он станет укорять тебя и скажет: если желаешь Царства, то почему не презираешь настоящего; если ожидаешь Страшного суда, то почему не презираешь здешних бедствий; если надеешься на бессмертие, почему страшишься смерти? - когда он предложит тебе такие вопросы, ты позаботься, что ответить. Когда он увидит, что ты, ожидая неба, боишься потери денег, бываешь весьма рад каждой малой монете и за небольшую серебряную монету отдаешь душу, тогда и подумай: ведь это, это именно и соблазняет язычника. Таким образом, если ты заботишься о своем спасении, доказывай это не словами, а делами. Из-за того вопроса никто никогда не хулил Бога, а вследствие худой жизни везде слышны бесчисленные хулы. Потому постарайся исправить ее, так как язычник опять спросит (тебя): откуда мне знать, что Бог заповедал возможное? Вот ты, будучи христианином по самому рождению и воспитанный в этой превосходной религии, ничего такого не исполняешь. Что ты скажешь на это? Без сомнения станешь отвечать: я укажу тебе других, которые исполняют, именно: монахов, обитающих в пустынях. Но не стыдно ли тебе признавать себя христианином и отсылать к другим, как будто ты не можешь доказать того, что и сам совершаешь дела христианские? Язычник тотчас возразит тебе: какая мне необходимость ходить по горам и исследовать пустыни? Если невозможно философствовать, живя в городах, то это может быть большим обвинением христианской жизни, для осуществления которой необходимо оставить города и бежать в пустыни. Но ты покажи мне человека, который имеет жену, детей и дом, и, однако же, живет благочестиво. Что мы скажем на это? Не придется ли нам потупить взоры свои и устыдиться? Не то заповедал Христос, но что же? "**Да светит свет ваш перед людьми**" (Матф. 5:16), не в горах, не в пустынях, не в непроходимых дебрях. Говорю это не в укор живущим в горах, но из сожаления к обитателям городов, которые изгнали из них добродетель. Потому умоляю вас ввести пустынножительное любомудрие и в города, чтобы они сделались истинными городами, так как это может исправить язычника и предохранить от бесчисленных соблазнов. Таким образом, если хочешь и его освободить от соблазна, и себе приобрести бесчисленные награды, исправь жизнь свою и сделай ее во всем блистательной, "**чтобы видели**" люди "**ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Матф. 5:16). Тогда мы насладимся и будущего неизреченной и великой славой, получить которую да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 27

Могущему же утвердить вас, по благовестию моему и проповеди Иисуса Христа, по откровению тайны, о которой от вечных времен было умолчано, но которая ныне явлена, и через писания пророческие, по повелению вечного Бога, возвещена всем народам для покорения их вере, Единому Премудрому Богу, через Иисуса Христа, слава во веки. Аминь. (Римл. 14:24-26).

1. Это всегдашний обычай Павла - заключать увещание молитвами и славословием, так как он знал, что это имеет немалое значение, и привык делать это по сильной любви и благочестию. Чадолюбивому и боголюбивому учителю свойственно не только научать словом, но и молитвами испрашивать у Бога помощи учащимся. Так поступает (Павел) и в настоящем случае. Вот последовательность его речи: "**Могущему же утвердить вас слава во веки. Аминь**". Здесь он опять имеет ввиду немощных и к ним обращает слово. Когда он предлагал обличения, то обличал и тех, и других, но теперь, когда молится, он приносит молитву за немощных. Сказав же: "**утвердить**", присовокупляет и то, каким именно образом: "**по благовестию моему**". Этим он дает знать, что они еще не были утверждены и, хотя стояли, но колебались. Потом, чтобы словам своим придать более достоверности, присовокупил: "**и проповеди Иисуса Христа**", т.е. и сам Христос об этом проповедовал. А если сам Христос так проповедал, то это не наше учение, а Его законы. (Апостол), любомудрствуя о самой проповеди, показывает, что она есть дар великого благодеяния и высокой ценности. И это он сперва раскрывает из указания на лицо проповедавшее, потом из свойства истин проповеданных, так как проповедано было благовестие, и, наконец, из того, что оно не было никому открыто прежде нас. На это и указал (апостол), сказав: "**по откровению тайны**". Это - доказательство величайшей к нам любви, если Бог сделал нас участниками тайн, и никто не удостоен этого прежде нас. "**О которой от вечных времен было умолчано, но которая ныне явлена**". Тайна эта предопределена была издревле, но явилась ныне. Как же явилась? "**Через писания пророческие**". Здесь (апостол) опять освобождает немощного от страха. Чего ты боишься? Чтобы не отступить от закона? Но этого хочет закон, это предсказано им издревле.

А если ты допытываешься, почему тайна явилась ныне, то совершаешь небезопасное дело, когда любопытствуешь о тайнах Божьих и требуешь отчета, так как не любопытствовать тебе должно о них, но принимать их с любовью и радостью. Потому (апостол), желая остановить такое стремление ума, и присовокупил: "**по повелению вечного Бога, для покорения их вере**". Вера требует послушания, а не любопытства, и когда повелевает Бог, должно повиноваться, а не исследовать. Потом (апостол) новыми убеждениями подкрепляет их веру, говоря: "**возвещена всем народам**". Не ты один, но целая вселенная так верует и научена тому не человеком, но Богом. Потому и присовокупил: "**через Иисуса Христа**". Тайна не только возвещена, но и утверждена: то и другое есть дело Иисуса Христа. А потому должно читать так: "**Могущему же утвердить вас, через Иисуса Христа**". То и другое, как я сказал, (апостол) приписывает Ему, или, лучше сказать, не только то и другое, но еще и славу, принадлежащую Отцу. Потому и сказал: "**Ему же слава во веки. Аминь**". Славословит (апостол), опять выражая изумление перед непостижимостью этих тайн. И ныне ведь, когда тайны открыты, невозможно постигнуть их умом, но должно узнавать не иначе, как верой. Прекрасно сказал (апостол): "**Единому Премудрому Богу**". Когда размыслишь, как Бог ввел (в церковь) язычников и присоединил их к древним праведникам, как Он спас отчаявшихся в спасении, как недостойных земли возвел на небо, отпадших от настоящей жизни ввел в высшую жизнь, бессмертную и неизреченную, попираемых демонами сделал равными ангелам, отверз рай, уничтожил все древнее зло и все это совершил в непродолжительное время, путем удобным и кратким, тогда уразумеешь Премудрость Божью, увидев, что язычники внезапно научились от Иисуса Христа тому, чего не знали ни ангелы, ни архангелы. Итак, в то время как тебе надлежало удивляться Его Премудрости и прославлять Его, ты вращаешься около мелочей и все еще сидишь под тенью: это свойственно мало прославляющему (Христа). Кто не имеет упования на Него и не руководится верой, тот не исповедует величия дел Его. Но (Павел) сам воздает за них славу Богу, побуждая этим и других к той же самой ревности. Когда же ты услышишь, что (апостол) говорит: "**Единому Премудрому Богу**", не подумай, что это сказано к унижению Сына. Если все

то, в чем обнаруживается Премудрость Божья, совершено через Христа, без Него не совершено ни одного дела, то ясно, что Он и в премудрости равен Отцу. Для чего же (апостол) сказал: "**Единому**"? Для противопоставления всей твари. Таким образом, воздав славословие, он от молитвы опять переходит к увещанию и, обращая речь к сильнейшим, говорит так: "**мы, сильные, должны**" (Римл. 15:1). Словом – "**должны**" показывает, что это дело обязанности, а не дара. Что же мы должны делать? "**Сносить немощи бессильных**".

2. Видишь ли, как (апостол) возвысил их похвалами, не только назвав сильными, но и поставив наряду с собой? И не этим одним он привлекает их к себе, но и указанием на пользу ближнего, без всякого обременения для них самих. Ты силен, говорит он, и, если снизойдешь, не потерпишь вреда, а ему, если ты не будешь сносить его немощей, угрожает крайняя опасность. И не сказал - немощных, но – "**немощи бессильных**", привлекая и призывая их к милосердию, как и в другом месте, говорит: "**вы, духовные, исправляйте такового**" (Гал. 6:1). Ты стал силен? Воздай должное Богу, сделавшему тебя сильным. Но ты воздашь должное и в том случае, если уврачуешь немощь изнемогающего. Ведь и мы были немощны, но по благодати сделались сильными. Так должно поступать не только в этом случае, но и по отношению к немощным другого рода. Так, если кто вспыльчив или горд, или имеет какой-нибудь другой недостаток, ты переноси. Как же это возможно? Выслушай, что далее говорит (апостол). Сказав: "**должны сносить**", он присовокупил: "**и не себе угождать. Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию**" (Римл. 15:2). Вот что говорит (апостол): ты силен? Пусть немощный получит доказательство твоей силы, пусть узнает твою крепость: угождай ему. И не просто сказал (апостол): "**должен угождать**", но присовокупил: "**во благо**", и не только - во благо, но, чтобы совершенный не сказал: вот я влеку его к добру, присовокупил – "**к назиданию**". Таким образом, если ты богат или облечен властью, не себе угождай, но бедному и имеющему нужду, так как этим ты и приобретешь истинную славу, и принесешь много пользы. Ведь житейская слава быстро улетает, а слава духовная остается, если будешь это делать к назиданию. Потому (апостол) требует этого от всех, он не говорит - тот, или другой, но – "**каждый из нас**". Потом, так как он заповедал важное и повелел совершенному оставить свое совершенство, чтобы уврачевать немощи другого, то опять представляет в пример Христа, говоря: "**ибо и Христос не Себе угождал**" (Римл. 15:3). Так всегда делает Павел. Когда он рассуждал о милостыне, то на Него указал, говоря: "**ибо вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас**" (2 Кор. 8:9); когда побуждал к любви, убеждал тем же примером, сказав: "**как и Христос возлюбил Церковь**" (Ефес. 5:25); когда советовал переносить стыд и бедствия, прибег к Нему же, говоря: "**вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление**" (Евр. 12:2). Так и здесь показывает, что сам Христос поступал таким образом и что пророк еще издревле предвозвестил это, почему и присовокупил: "**как написано: злословия злословящих Тебя пали на Меня**". Что же значит: "**не Себе угождал**"? Христу можно было не подвергаться злословию и не терпеть того, что Он перенес, если бы Он захотел иметь в виду только Себя, но, однако Он не захотел, а, заботясь о нас, презрел Себя. Почему же не сказал (апостол): истощил Себя? Потому что Он хотел выразить не только то одно, что Сын Божий сделался человеком, но и то, что Он подвергался поруганиям и приобрел от многих худую славу, так как Его считали бессильным. Ему говорили: "**если Ты Сын Божий, сойди с креста**" (Матф. 27:40), и: "**других спасал, а Себя Самого не может спасти**" (Матф. 27:42)? Поэтому (апостол) и упомянул об обстоятельстве, которое ему было нужно для настоящего предмета, но, однако, и здесь высказывает гораздо более того, сколько обещал. Из его слов видно, что был злословим не только Христос, но и Отец, так как сказано: "**злословия злословящих Тебя пали на Меня**". А это, между прочим, означает, что не случилось ничего нового и необычайного. Те самые, которые в Ветхом

Завете научились поносить Бога, безумствовали и против Сына Его. А написано это для того, чтобы мы подражали (Сыну Божьему). Здесь (апостол) поощряет верующих и к терпению в искушениях, говоря: "**все, что писано было прежде, написано нам в наставление, чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду**" (Римл. 15:4), то есть, чтобы мы не отпали. Существуют различные подвиги - внутренние и внешние, чтобы мы, черпая укрепление и утешение из Писаний, оказывали терпение и чтобы, живя в терпении, пребывали в надежде. Из них одно располагает к другому - терпение к надежде, надежда к терпению, но оба они черпаются из Писания. Потом (апостол) опять обращает речь свою в молитву, говоря: "**Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собой, по учению Христа Иисуса**" (Римл. 15:5). Так как (апостол) предложил свое увещание, представил в пример деяния Христа и привел свидетельство из Писания, то теперь показывает, что Бог, давший Писание, сам дает и терпение. Потому сказал: "**Бог же терпения и утешения да дарует вам быть в единомыслии между собой, по учению Христа Иисуса**". Ведь это свойственно любви - думать о другом то же, что всякий думает и о себе.

3. Потом (апостол), показывая опять, что он требует не просто любви, присовокупил: "**по учению Христа Иисуса**". Так он и всегда поступает, потому что есть и другая любовь. Что же бывает плодом согласия? "**Дабы вы единодушно**", - говорит, - "**едиными устами славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа**" (Римл. 15:6). Не сказал просто - одними устами, но повелел делать это и одной душой. Видишь ли, как он объединил целое тело и как заключил опять речь славословием? Этим он более всего и убеждает к единомыслию и согласию. Потом снова продолжает то же увещание, говоря: "**посему принимайте друг друга, как и Христос принял вас во славу Божью**" (Римл. 15:7). Еще пример высокий и приобретение неизреченное, ведь Бога особенно и прославляет то, что мы находимся в общей ограде. Таким образом, если ты, огорчаясь за себя, заводишь раздор с братом твоим, то, подумав, что, отложив гнев, прославишь своего Владыку, примирись с братом, если не для него самого, то для славы Божьей, или лучше сказать, прежде всего для славы. Об этом непрестанно повторял и Христос и, беседуя с Отцом, Он сказал: "**да будут совершены воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня**" (Иоан. 17:23).

Итак, последуем увещанию и будем в единении друг с другом. К этому он побуждает не одних немощных, но всех вообще. Если бы кто-нибудь и захотел отделиться от тебя, ты не отделяйся от него и не произноси этого холодного слова: если он любит меня, то и я буду любить его; если не любит меня правый глаз мой, и его вырву. Это сатанинские речи, достойные мытарей и языческого малодушия. А ты, как призванный к высшей жизни и вписанный на небе, подчинен и высшим законам. Не говори этого, когда он не хочет любить тебя, но тогда именно и покажи большую любовь, чтобы этим привлечь его. Ведь и он член, а когда член по какой-нибудь необходимости отделяется от остального тела, то мы употребляем все меры, чтобы опять присоединить его и даже в этом случае оказываем больше заботливости. И награда бывает больше, когда ты привлечешь нерасположенного к любви. Если Христос повелевает звать на обед людей, которые не могут воздать нам тем же, чтобы мы могли получить за это большее воздаяние (Лук. 14:12), то тем более должно делать это относительно любви. Если любимый тобой и сам тебя любит, то он оказал уже тебе воздаяние, а если любимый тобой не любит тебя, то он поставил за себя Бога должником твоим. Сверх того, когда он любит тебя, то не много нужно тебе прилагать о нем попечения, а когда не любит, тогда особенно он и имеет нужду в твоей помощи. Потому не обращай причину попечения в причину нерадения и не говори: так как он болен (ведь охлаждение любви есть болезнь), то и я о нем не забочусь, но согрей охладевшего. Но скажешь: что же мне делать, если он не согревается? Продолжай делать свое. Что делать, если он еще больше станет отвращаться от меня? Этим он готовит тебе

еще большее воздаяние и тем больше обнаруживает в тебе подражателя Христа. Если и взаимная любовь есть признак учеников Христовых: "**по тому узнают все**", - говорит Христос, - "**что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собой**" (Иоан. 13:35), то представь себе, как важно любить ненавидящего? Ведь и Владыка твой любил и призывал к Себе ненавидевших Его, и насколько слабее они были, настолько более заботился о них и громко проповедовал: "**не здоровые имеют нужду во враче, но больные**" (Матф. 9:12). Он и удостаивал трапезы Своей мытарей и грешников и, вообще, насколько великое бесчестие причинил Ему народ иудейский, настолько, или лучше сказать, гораздо больше Он оказывал ему попечения и расположения. И ты подражай Ему. Это дело немалое, но без него, как говорит Павел, и великий мученик не может угодить Богу. Не говори: так как он ненавидит меня, то и я не люблю его. Напротив, поэтому особенно ты и должен любить его. Да и, вообще, невозможно скоро возненавидеть любящего, но всякий, хотя бы он был и зверем, будет любить любящих его; это делают и язычники и мытари, говорит Христос (Матф. 5:46-47). А если всякий любит любящих, то кто не полюбит тех, которые любят, будучи ненавидимы? Итак, докажи это на себе, не переставай говорить: сколько бы ты меня ни ненавидел, я не перестану любить тебя, и ты победишь этим всякое упорство, смягчишь всякую душу. Ведь эта болезнь бывает или от воспламенения, или от охлаждения, но сила любви своей теплотой обыкновенно врачует то и другое. Разве не случалось тебе видеть, что преданные позорной любви терпят от блудных женщин побои, оплевания, ругательства и тысячи неприятностей? Но что же, все эти оскорбления могут ли охладить любовь их? Нисколько, но они еще более разжигают ее. И хотя женщины, оскорбляющие их, бесчестны и по своей непотребной жизни, и по своему низкому и безвестному происхождению, а оскорбляемые часто могут указать и знаменитых предков и рассказать об иной известности, однако же, и это не ослабляет в них любви, не отвращает от любимой женщины.

4. Как же не стыдно нам, если в любви, угодной Богу, мы не можем показать такой силы, какую имеет любовь дьявольская и демонская? Как ты не понимаешь, что любовь, угодная Богу, есть сильнейшее оружие против дьявола? Или ты не замечаешь, что злой демон стоит на страже, привлекает к себе ненавидимого тобой и хочет сделать его своим членом? А ты бежишь мимо и теряешь награду за борьбу? Ведь наградой служит брат твой, лежащий между тобой и врагом твоим; если ты победишь, то получишь венец, а если будешь беспечен, то удалишься невенчанным. Перестань же изрекать эти сатанинские слова: если брат мой ненавидит меня, я не хочу и видеть его. Ничего нет постыднее такой речи, хотя многие считают это знаком благородной души, но нет ничего неблагороднее, безумнее, жестокосерднее этого. Потому я особенно и сокрушаюсь, что многие считают злые дела добродетелью и что пренебрегать и презирать других кажется им делом прекрасным и честным. Это и есть самая опасная сеть дьявола, когда порок облекается доброй славой, - потому он и неистребим. Я сам слышал, как многие ставят себе в честь то, что они не подошли к человеку, который от них отворотился, хотя твой Владыка и этим хвалится. Сколько раз оплевывали Его люди? Сколько раз отворачивались от Него? Но Он но перестает приходить к ним. Итак, не говори: я не могу подойти к людям, меня ненавидящим, но скажи: я не могу оплевать тех, которые оплевывают меня. Это будет речь ученика Христова, а первое - речь дьявольская. Это сделало многих знаменитыми и славными, а первое - презренными и смешными. Потому мы и удивляемся Моисею, что, когда Сам Бог говорил: "**оставь Меня, да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их**" (Исх. 32:10), он не мог презреть тех, которые многократно отвращались от него, но сказал: "**прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня**". Так Моисей был другом и подражателем Богу. Не будем хвалиться тем, чего должно стыдиться, не будем произносить слов, употребляемых на рынке людьми порочными: "плевать мне на всех". А если и другой кто-нибудь скажет это, обличим его и заставим молчать, как человека, который хвалится тем, чего надлежало бы стыдиться. И

скажи мне: что говоришь ты? Ты презираешь человека верующего, а Христос не презирал его, когда он был и неверующим. Что я говорю - не презирал? Христос возлюбил его так, что и умер за него, хотя он был врагом Его и покрыт безобразием. Христос много возлюбил его и в таком состоянии, а ты презираешь его теперь, когда он стал прекрасен и достоин удивления, сделался членом Христовым, телом Владычным. Как же ты не думаешь о том, что произносишь, как не чувствуешь, на что решаешься? Христос ему глава, трапеза, одежда, жизнь, свет, жених, Христос для него все, а ты смеешь говорить: плюю на него, и не на него одного, но на всех, ему подобных. Удержись, человек, отложи свое безумие, узнай своего брата, пойми, что такие слова приличны человеку безумному или помешанному, и скажи совершенно обратное: хотя бы он и тысячу раз на меня плюнул, я не отойду от него. Таким образом, ты и брата приобретешь, и будешь жить во славу Божью, и сделаешься причастником будущих благ, достигнуть которых да будет дано всем нам благодатью и человеколюбием.

БЕСЕДА 28

"Разумею то, что Иисус Христос сделался служителем для обрезанных - ради истины Божьей, чтобы исполнить обещанное отцам" (Рим.15:8).

1. Апостол, держась прежнего предмета речи, опять беседует о попечении Христа и показывает, сколько Он сделал для нас и как Он не Себе угодил. А вместе с этим доказывает также, что верующие из язычников - наибольшие должники Богу. Если же они наиболее одолжены, то их обязанность - носить немощных из иудеев. Так как (апостол) нанес последним сильный удар, то чтобы от этого не возгордились первые, он опять смиряет их высокомерие, доказывая, что иудеям блага дарованы по обетованию отцам их, а призванным из язычников - по одному милосердию и человеколюбию, почему он и говорит: "**а для язычников - из милости, чтобы славили Бога**". Но, чтобы сказанное было для тебя яснее, снова выслушай слова (апостола) и тогда поймешь, что значит выражение: Христос, ради истины Божьей, сделался служителем обрезания, чтобы исполнить обещанное отцам. Итак, что же здесь разумеется? Обетование, данное Аврааму, заключалось в следующих словах: "**тебе дам землю и потомству твоему**" (Быт. 13:15), и: "**благословятся в семени твоем все народы земли**" (Быт. 22:18). Но после того все, происшедшие от семени Авраама, сделались достойными наказания, так как нарушение закона навлекло на них гнев и, наконец, лишило обетования, данного отцам. Поэтому Сын, придя на землю, содействовал Отцу оправдать эти обетования и привести их в исполнение. Когда Он исполнил весь закон, а в нем и обрезание, и когда и этим исполнением закона, а также посредством креста освободил людей от проклятия за преступление закона, то не допустил обетование до падения. Итак, когда (апостол) называет (Иисуса Христа) служителем обрезания, то разумеет, что Он Своим пришествием, исполнением всего закона, принятием обрезания и тем, что сделался семенем Авраамовым, снял клятву, избавил людей от гнева Божьего и, наконец, тех, которые готовы были принять обетование, сделал способными к этому и однажды и навсегда освободил их от преткновений. А чтобы обвиняемые не сказали: как же сам Христос был обрезан и соблюдал весь закон? - (апостол) выводит отсюда противоположное заключение. Христос исполнил это, говорит он, не для того, чтобы закон оставался в силе, но чтобы отменить его, избавить тебя от лежащей на тебе клятвы и совершенно освободить от владычества закона. Так как ты преступил закон, то Христос исполнил его не для того, чтобы и ты исполнял, но чтобы утвердить за тобой обетования, данные отцам, которые погубил у тебя закон, показав, что ты нарушил его и недостоин наследия. Таким образом, и ты спасен по благодати, потому что прежде был отвержен. Итак, не возражай, не упорствуй, придерживаясь безвременно закона, который лишил бы тебя и обетования, если бы Христос не пострадал за тебя так много. Пострадал же Он

столько не потому, чтобы ты был достоин спасения, но чтобы показать верность Божью. Потом, чтобы призванный из язычников этим не возгордился, (апостол) продолжает: "**а для язычников - из милости, чтобы славили Бога**" (Римл. 15:9). Это значит: иудеи, хотя и недостойны были, однако же, имели обетования, а ты и этого не имеешь, но спасен по одному человеколюбию. Правда, и иудеям, если бы не пришел Христос, обетования не дали бы никакого преимущества, но (апостол) для того упоминает об обетованиях, чтоб язычники смирились и не восставали на немощных. О язычниках он и говорит, что они спаслись только по милости, а потому и обязаны особенно славить Бога. А слава Богу воздается тогда, когда мы живем в союзе и единении, когда единодушно благословляем Бога, переносим того, кто немощнее нас, и не презираем отторгающегося члена. После этого (апостол) приводит свидетельства, из которых видно, что верующие из иудеев должны быть в единении с призванными из язычников и говорит: "**как написано: за то буду славить Тебя, (Господи,) между язычниками, и буду петь имени Твоему. Возвеселитесь, язычники, с народом Его. Хвалите Господа, все язычники, и прославляйте Его, все народы. Будет корень Иессеев, и восстанет владеть народами; на Него язычники надеяться будут**" (Римл. 15:9-12). Все это приводит (апостол) в доказательство того, что должно всем соединиться и славить Бога, а вместе с тем и смиряет иудея, чтобы он не превозносился перед язычником, потому что все пророки призывают и язычников, и чтобы внушить скромность и язычнику, показывая, что он больше воспользовался благодатью.

2. Потом опять заключает речь молитвой, говоря: "**Бог же надежды да исполнит вас всякой радости и мира в вере, дабы вы, силой Духа Святого, обогатились надеждой**" (Римл. 15:13), то есть, чтобы вам освободиться от взаимного огорчения и не пасть когда-нибудь под влиянием искушений, а это случится тогда, когда вы будете избыточествовать в уповании. Упование же есть причина всех благ. Оно подается от Святого Духа, но не просто от Духа, а если привнесем нечто и со своей стороны. Потому (апостол) сказал: "**в вере**". Вы можете исполниться радости в том случае, если будете веровать, если будете надеяться. Но он не сказал - если будете надеяться, а - когда будете избыточествовать надеждой, так чтобы не только найти для себя утешение в бедствиях, но и радоваться от богатства веры и надежды. Этим вы и Духа Святого привлечете и, когда Он придет, сохраните все блага. Как жизнь наша поддерживается пищей, а пища создает жизнь, так, если имеем добрые дела, будем иметь и Духа, а если имеем Духа, будем иметь и добрые дела. Равно и наоборот, если не имеем добрых дел, Дух улетает от нас, а если лишимся Духа, то будем хромы и на добрые дела. Как скоро отступит от нас Святой Дух, приходит к нам дух нечистый, как это и случилось с Саулом. И что из того, если он не мучит нас, как Саула? Он давит нас иначе - худыми делами. Потому нам нужны гусли Давида, чтобы для души воспевать Божественные песни, то есть и песни Давида, и песни добрых дел. А если будем делать только одно из двух и, слушая песнопения, будем противоборствовать Псалмопевцу своими делами, как никогда Саул, то самое врачевство обратится нам в осуждение и безумие сделается более опасным. Прежде чем мы стали слушать, злой демон боится, чтобы мы, послушав песнопения, не исправились, а когда, выслушав, остаемся все теми же, это освобождает его от страха. Потому воспоем песнь дел, чтобы изгнать из себя грех, который лютее демона. Ведь демон не всецело лишает нас неба, но иногда человеку бдительному даже содействует, а грех решительно отлучает от Небесного Царства. Грех есть добровольный демон, самовольное безумие, а потому никто о нем не жалеет, никто его не извиняет. Итак, для души, лежащей в грехе, будем воспевать песни, заимствуя их как из остального Писания, так и у блаженного Давида. Пусть поют уста, пусть поучается ум. И одно песнопение уже немаловажно. Если мы обучим песнопению язык, то, когда язык будет петь, душа устыдится желать противного. И не это одно благо мы приобретем, но и то, что узнаем многое, для нас полезное. В псалмах говорится тебе и о настоящем, и о будущем, и о видимом, и о невидимой твари. Если хочешь знать о небе,

всегда ли оно пребудет таким, как теперь, или изменится, Давид ясно тебе ответит, говоря: "**все они, как риза, обветшают, и, как одежду, Ты переменишь их, и изменятся**" (Псал. 101:27). А если хочешь слышать о виде небес, слушай опять: "**простираешь небеса, как шатер**" (Пс. 103:2). Или угодно тебе знать больше о поверхности небес, он же опять скажет тебе: "**устраиваешь над водами горние чертоги**" (Псал. 103:3). И на этом он не останавливается, но описывает тебе широту и высоту небес и показывает, что они равномерны. "**Как далеко восток от запада**", говорит он, "**так удалил Он от нас беззакония наши. Как высоко небо над землей, так велика милость Господа к боящимся Его**" (Псал. 102:11-12). Любопытствуешь ли ты об основаниях земли, и это не будет скрыто от тебя, но послушай, как Давид воспевает и говорит: "**основал ее на морях**" (Псал. 23:2). Желаешь ли знать, отчего бывают землетрясения, он освободит тебя от всякого недоумения, говоря так: "**призирает на землю, и она трясется**" (Псал. 103:32). Спросишь ли о пользе ночи, и об этом узнаешь, услышав от него, что "**во время нее бродят все лесные звери**" (Псал. 103:20). Спросишь, к чему полезны горы, он ответит тебе: "**высокие горы – сернам**" (Псал. 103:18). Для чего камни, скажет тебе: "**каменные утесы - убежище зайцам**" (Псал. 103:18). Для чего бесплодные дерева, - знай: "**на них гнездятся птицы**" (Псал. 103:17). Для чего источники в пустынях? "**При них обитают птицы небесные и звери полевые**" (Псал. 103:11-12). Для чего вино? Не для утоления только жажды - на это достаточно и воды - но для того, чтобы веселить и утешать тебя: "**вино веселит сердце человека**" (Псал. 103:15). Поняв это, будешь знать, в какой мере должно употреблять вино. Чем питаются птицы и полевые звери? Слушай, что говорит Давид: "**все они от Тебя ожидают, чтобы Ты дал им пищу их в свое время**" (Псал. 103:27). Или спросишь: для чего рабочий скот, - он отвечает, что и это для тебя. "**произращаешь траву для скота**", - говорит он, - "**и зелень на пользу человека**" (Псал. 103:14). Какая польза тебе от луны? Слушай, что говорит Давид: "**сотворил луну для указания времен**" (Псал. 103:19). И что Бог сотворил все существующее, видимое и невидимое, и этому он ясно научил, говоря: "**ибо Он повелел, и сотворились**" (Псал. 148:5). И что будет освобождение от смерти, он же учит тебя этому, говоря: "**Бог избавит душу мою от власти преисподней, когда примет меня**" (Псал. 48:16). Откуда произошло наше тело? И об этом говорит: "**помнит, что мы – персть (прах)**" (Псал. 102:14). Куда пойдет оно опять? "**В персть свою возвращаются**" (Псал. 103:29). Для чего сотворено все? Для тебя. "**Славой и честью увенчал его; поставил его владыкой над делами рук Твоих**" (Псал. 8:6-7). Есть ли у людей что-нибудь общее с ангелами? И на это отвечает, воспевая так: "**не много Ты умалил его перед Ангелами**" (Псал. 8:6). О любви Божьей говорит: "**как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его**" (Псал. 102:13). И о том, что ожидает нас после жизни, о безмятежной той участи он учит: "**возвратись, душа моя, в покой твой**" (Псал. 114:7). Для чего так обширно небо? И на это скажет: "**небеса проповедуют славу Божью**" (Псал. 18:2). Для чего бывает ночь и день? Не для того только, чтобы светить и давать покой, но и назидать: "**нет языка, и нет наречия, где не слышался бы голос их**" (Псал. 18:4). Как море облегает землю? "**Бездна, как одежда, - покров ее**" (Псал. 103:6). Так стоит в еврейском тексте.

3. А, начав с того, что доселе было сказано, вы узнаете и обо всем прочем, о Христе и воскресении, о будущей жизни и упокоении, о мучении, о нравоучении, обо всех догматах и таким образом найдете, что книга Давида исполнена бесчисленных благ. Если ты впадешь в искушение, то почерпнешь в ней большое для себя утешение; если впадешь в грехи, то найдешь в ней множество врачеваний; если впадешь в нищету или в скорбь, то увидишь в ней для себя многие пристани. Если ты справедлив, то найдешь в ней твердую опору; если ты грешен, то в ней же почерпнешь великое утешение. А если ты праведен и терпишь бедствия, то послушай, что говорит Давид: "**за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание все это пришло на нас, но мы не забыли Тебя**" (Псал. 43:23,18). Если добрые дела твои побуждают тебя к надменности,

выслушай сказанное псалмопевцем: "**не входи в суд с рабом Твоим, потому что не оправдается перед Тобой ни один из живущих**" (Псал. 142:2), и немедленно смиришься. Если ты грешник и отчаиваешься в самом себе, повторяй часто воспеваемое им: "**если бы вы ныне послушали гласа Его: не ожесточите сердца вашего, как в день искушения**" (Псал. 94:7-8), и вскоре восстанешь. Если ты носишь на голове своей венец и много о себе думаешь, научись от него, что "**не спасется царь множеством воинства; исполина не защитит великая сила**" (Псал. 32:16), и тогда сделаешься скромнее. Если ты богат и славен, слушай опять воспеваемое им: "**горе вам, надеющиеся на силы свои и хвалящиеся множеством богатства своего**" (Псал. 48:7); и: "**дни человека - как трава; как цвет полевой, так он цветет**" (Псал. 102:15); и: "**не пойдет за ним слава его**" (Псал. 48:18), и не станешь ничего земного считать великим. Если так малоценно то, что всего блистательнее, слава и могущество, то, что же другое на земле может быть достойно твоего внимания? Но ты пребываешь в унынии? Выслушай, что говорит Давид: "**что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога, ибо я буду еще славить Его**" (Псал. 41:6). Но ты видишь благоденствующих не по достоинству? Скажи: "**не ревнуй злодеям, ибо они, как трава, скоро будут подкошены и, как зеленеющий злак, увянут**" (Псал. 36:1-2). Ты видишь, что и праведные, и грешные наказываются? Узнай, что не одна и та же причина этого: "**много скорбей нечестивому**" (Псал. 31:10), говорит Давид. Говоря же о праведных, он не упомянул о ранах, но: "**много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь**" (Псал. 33:20); и еще: "**убьет грешника зло**" (Псал. 33:22); и: "**честна пред Господем смерть преподобных Его**" (Псал. 115:6). Повторяй это постоянно и получай отсюда наставление, так как каждое из этих слов заключает в себе неизмеримое море мыслей. Мы только слегка коснулись этого, а если захотите со вниманием исследовать сказанное, увидите великое богатство. Но и сказанного уже достаточно для нас, чтобы освободиться от обдержащих нас страстей. Если Давид запрещает тебе завидовать, скорбеть и унывать безвременно, учит презирать богатство, бедствия, нищету и самую жизнь вменять ни во что, то этим избавляет тебя от всех страстей. Возблагодарим же за это Бога и воспользуемся сокровищем так, чтобы через терпение и утешение, почерпаемые в Писании, сохранить нам надежду и насладиться будущими благами, достигнуть которых да будет дано всем нам благодатью и человеколюбием.

БЕСЕДА 29

"И сам я уверен о вас, братья мои, что и вы полны благости, исполнены всякого познания и можете наставлять друг друга" (Римл. 15:14).

1. Апостол выше сказал: "**как Апостол язычников, я прославляю служение мое**" (Рим. 11:13), также: "**смотри, пощадит ли и тебя**" (Рим. 11:21), и еще: "**не мечтайте о себе**" (Рим. 12:16), и потом: "**ты что осуждаешь брата твоего**" (Рим. 14:10), опять: "**кто ты, осуждающий чужого раба**" (Рим. 14:4), а также употреблял много других подобных выражений. И после того, как он высказал в своем послании много жесткого, в заключение он врачует (нанесенные раны) и чем начал, тем и оканчивает. В начале сказал он: "**благодарю Бога моего за всех вас, что вера ваша возвещается во всем мире**" (Рим. 1:8). Здесь же говорит: "**уверен о вас, что и вы полны благости, и можете наставлять друг друга**", и в этом месте сказано даже больше, нежели в первом. Он не сказал - услышал я, но - "**уверен**", т.е. я не имею нужды узнавать от другого, но я сам уверен в вас, я сам, который вас обличал и обвинял. "**Что и вы полны благости**": это относится к недавно сделанному увещанию. (Апостол) как бы так говорит: я и не считал вас жестокими и братоненавистниками, когда советовал принимать друг друга, не оставлять и не разорять дела Божьи, я знаю, что вы полны благости. Благостью же, как думаю, именует он здесь полноту добродетели. И не сказал - имеете благость, но –

"**полны благости**". С такой же выразительностью и продолжает: "**исполнены всякого познания**". Что было бы пользы, если бы они при своей любви не знали, как должно обращаться с любимыми? Потому (апостол) присовокупил: "**исполнены всякого познания и можете наставлять друг друга**", не только научиться, но и научить других. "**Писал вам с некоторой смелостью, отчасти**" (Римл. 15:15). Обрати внимание на смиренномудрие Павла и на его мудрость, как он, нанеся перед этим глубокую рану, когда уже достиг, чего хотел, пользуется опять многим врачеванием. Довольно уже было для их успокоения, кроме сказанного, одного того, что (апостол) сознается в излишней смелости. То же делает он и в Послании к евреям, говоря так: "**о вас, возлюбленные, мы надеемся, что вы в лучшем состоянии и держитесь спасения, хотя и говорим так**" (Евр. 6:9). Подобно и к коринфянам пишет: "**Хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания так, как я передал вам**" (1Кор. 11:2). И в Послании к галатам говорит: "**уверен о вас в Господе, что вы не будете мыслить иначе**" (Гал. 5:10). И во всех посланиях Павла повсюду можно встретить ту же мысль, но здесь преимущественно, потому что римляне пользовались большим уважением и надменный их ум надлежало смирять не только строгими, но и кроткими мерами. Апостол и употребляет те и другие. Поэтому и здесь он говорит им: "**писал вам с некоторой смелостью**", но, не довольствуясь этим, присовокупил: "**отчасти**", то есть слегка. Но и на этом не останавливается, а что говорит? "**Как бы в напоминание вам**". И не сказал он - уча вас, или - напоминая вам, но – "**в напоминание**", то есть немного напоминая. Замечаешь ли, как конец соответствует началу? Как в начале послания (апостол) говорил: "**вера ваша возвещается во всем мире**" (Рим. 1:8), так и в конце прибавил: "**ваша покорность всем известна**" (Рим. 16:19). И как в начале сказал: "**я весьма желаю увидеть вас, чтобы преподать вам некое дарование духовное к утверждению вашему, то есть утешиться с вами верой общей**" (Рим. 1:11-12), так и здесь выразился: "**в напоминание**". И здесь, и там он сходит с учительской кафедры и беседует с ними, как с братьями, как с друзьями и как с равными. А это главное достоинство учителя - делать речь свою разнообразной для пользы слушателей. Заметь же, как (апостол), сказав: "**писал вам с некоторой смелостью**", притом: "**отчасти**", и еще: "**как бы в напоминание вам**", не ограничился этим, но, выражаясь еще скромнее, присовокупил: "**по данной мне от Бога благодати**", как и в начале он сказал: "**я должен**" (Рим. 1:14), как бы говоря: не сам я восхитил себе честь, не сам первый взялся за дело, но Бог повелел мне это и притом по благодати, а не потому, что нашел меня достойным для этого. Итак, не огорчайтесь: не я восстаю, а Бог повелевает. И как там (апостол) сказал: "**Бог, Которому служу духом моим в благовествовании Сына Его**", так и здесь, сказав: "**по данной мне от Бога благодати**", присовокупил: "**быть служителем Иисуса Христа у язычников и совершать священнодействие благовествования Божия**" (Римл. 15:16). После достаточного доказательства сказанного, (апостол) обращает речь к важнейшему достоинству (своего апостольства) и называет его не просто служением, как в начале, но священным служением и священнодействием. Проповедовать и благовествовать - это мое священство, это жертва, мной приносимая. А священника никто не может упрекнуть в том, что он заботится о беспорочности приношений жертвы. Такими словами (апостол) вместе окрыляет помыслы верующих, показывая им, что они жертва, и оправдывает себя тем, что ему так повелено. Мой жертвенный нож, говорит он, есть Евангелие и слово проповеди, а цель моя не та, чтобы самому прославиться и сделаться знаменитым, но "**дабы сие приношение язычников, будучи освящено Духом Святым, было благоприятно**", то есть да будут приятны Богу души научаемых мной. Бог, изведя меня на это дело, не столько хотел меня прославить, сколько имел попечение о вас.

2. Как же приношение может сделаться благоприятным? В Святом Духе. Не одна вера нужна, но и духовная жизнь, чтобы мы могли удержать в себе Духа, данного однажды. Не дрова и огонь, не жертвенник и нож, но Дух для нас - все. Потому я всеми мерами

стараюсь, чтобы этот огонь не угасал, так как мне поручено это. Почему же ты говоришь об этом тем, кто не имеет нужды? Потому-то, отвечает (апостол), я не учу, а напоминаю. Как (в Ветхом Завете) священник предстоял (перед Богом), возжигая огонь, так я предстою, возбуждая ваше усердие. И заметь, он не сказал: да будет приношение от вас, но: "**приношение язычников**", а под словом – "**язычников**" разумеет вселенную, т.е. всю землю и море, и таким образом смиряет гордость римлян, чтобы они не считали недостойным иметь своим учителем того, чье влияние простирается до пределов вселенной. То же сказал он и в начале послания: "**как и у прочих народов. Я должен и эллинам и варварам, мудрецам и невеждам**" (Рим. 1:13-14). "**Я могу похвалиться в Иисусе Христе в том, что относится к Богу**" (Рим. 15:17). Так как (апостол) весьма смирил себя, то опять возвышает слово и делает это с тем, чтобы римляне не признали его презренным. Возвышая же себя и говоря: "**могу похвалиться**", не изменяет своему обычаю. Хвалюсь, говорит он, не самим собой, не усердием своим, но благодатью Божьей. "**Ибо не осмелюсь сказать что-нибудь такое, чего не совершил Христос через меня, в покорении язычников вере, словом и делом, силой знамений и чудес, силой Духа Божьего**" (Римл. 15:18-19). Никто не может сказать, говорит (апостол), что слова мои - одно хвастовство. Я могу представить многие признаки такого моего священнодействия и доказательства моего рукоположения - не подир, не звонцы, не увясло и кидар, как у ветхозаветных, но то, что гораздо более внушает благоговейного страха - знамения и чудеса. Нельзя сказать, что я был поставлен Богом и не выполнил порученного, а лучше сказать, и не я это совершил, а Христос, почему я и хвалюсь в Нем, хвалюсь не маловажными, какими-нибудь делами, но духовными. Это самое и означают слова: "**что относится к Богу**". А что я совершил то, на что был послан, и что слова мои не хвастовство об этом свидетельствуют чудеса и послушание язычников. "**Ибо не осмелюсь сказать что-нибудь такое, чего не совершил Христос через меня, в покорении язычников вере, словом и делом, силой знамений и чудес, силой Духа Божьего**". Смотри, как (апостол) усиливается доказать, что все принадлежит Богу, а не ему. Если я говорю что-нибудь или делаю, или совершаю чудеса, все это производит Христос, все производит Дух Святой. Говоря это, он вместе показывает и достоинство Духа. Замечаешь ли, насколько все это - жертва, приношение и символы - чудесные и страшные ветхозаветного служения? Говоря: "**словом и делом, силой знамений и чудес**", (апостол) под этим разумеет учение, любомудрие относительно Царства Божьего, явление дел и жизни, воскрешение мертвых, изгнание бесов, прозрение слепых, хождение хромых и все другие чудесные действия, какие совершил в нас Дух Святой. Далее, в подтверждение этого, он указывает на множество учеников, так как, между прочим, и об этом было упоминание, и потому присовокупил: "**так что благовествование Христово распространено мной от Иерусалима и окрестности до Иллирика**". Итак, он перечисляет города и страны, народы и племена не только в Римской державе, но и у варваров. Не только соверши путь через Финикию, Сирию, Киликию, Каппадокию, но и представь все и за ними лежащие народы - сарацинов, персов, армян и прочих варваров. (Апостол) сказал – "**и окрестности**" для того, чтобы ты шел не прямой только и большой дорогой, но и всякой, и мысленно проник и в Южную Азию. И как, сказав: "**силой знамений и чудес**", он изобразил одним словом всю совокупность чудес, так и в одном слове: "**окрестности**" он соединил опять бесчисленные города, народы, племена и страны. Вообще же, он далек был от всякой кичливости и говорил это для римлян с той целью, чтобы они не много о себе думали. В начале он сказал: "**чтобы иметь некий плод и у вас, как и у прочих народов**" (Рим. 1:13), а здесь ссылается на обязанность священства. Так как он раньше употребил несколько жестких выражений, то здесь яснее показывает власть свою. Потому там он просто сказал: "**как и у прочих народов**", а здесь указывает и все места своего проповедания, и таким образом отовсюду подрывает их надменность. И не просто сказал - проповедовать Евангелие, но: **благовествование Христово**

распространено мной. **Притом я старался благовествовать не там, где уже было известно имя Христово**" (Римл. 15:19-20).

3. Вот еще новое преимущество (апостола), который не только благовествовал многим народам и обратил их, но и не приходил с проповедью к тем, которые были уже научены. Он так был далек от того, чтобы привлечь себе чужих учеников и делать это для собственной славы, что учил только тех, которые не слышали проповеди. Потому и не сказал он: где не уверовали во Христа, но - что значительнее – "**не там, где уже было известно имя Христово**". Для чего же он заботился об этом? "**Дабы не созидать на чужом основании**", - говорит. А этими словами он доказывает, что чужд тщеславия, и вместе внушает римлянам, что пишет к ним не по любви к славе и не из желания получить от них честь, но потому, что исполняет свое служение, совершает священнодействие и заботится об их спасении. "**Основание**" же, положенное апостолами, он называет "**чужым**" не по свойству лиц и не по характеру проповеди, но по отношению к награде каждого. Их проповедь сама по себе не была для него чуждой, но была чуждой только по отношению к награде, так как чужда была для него награда за труды, понесенные другими. После того (апостол) показывает, что таким образом исполнилось пророчество, говоря так: "**но как написано: не имевшие о Нем известия увидят, и не слышавшие узнают**" (Римл. 15:21). Видишь ли, что Павел спешил туда, где требовалось больше труда и пота? "**Это-то много раз и препятствовало мне придти к вам**" (Римл. 15:22). Смотри опять, как (у апостола) заключение послания сходно с началом. В начале он сказал: "**я многократно намеревался придти к вам, но встречал препятствия даже доныне**" (Рим. 1:13), а здесь представляет причину, по которой был задержан не раз и не два, но многократно. Как там говорит: "**я многократно намеревался придти к вам**", так и здесь: "**это-то много раз и препятствовало мне придти к вам**". Ведь то, что он многократно собирался к ним, всего более доказывает его сильное желание быть у них. "**Ныне же, не имея такого места в сих странах**" (Римл. 15:23). Видишь ли, как он доказал, что писал к ним и приходил не для снискания у них себе славы? "**С давних лет имея желание придти к вам, как только предприму путь в Испанию, приду к вам. Ибо надеюсь, что, проходя, увижусь с вами и что вы проводите меня туда, как скоро наслажусь общением с вами, хотя отчасти**" (Римл.15:23-24). Чтобы римлянам не показалось унизительным, если бы (апостол) сказал: иду к вам, потому что нет у меня другого дела, - он опять обращает к ним слово любви и говорит: "**с давних лет имея желание придти к вам**". Я желал придти к вам не потому, чтобы имел свободное время, но чтобы разрешиться тем желанием, которым давно мучусь. Но чтобы этим опять не возбудить в них гордости, смотри, как он смиряет их, говоря: "**как только предприму путь в Испанию, приду к вам**". Потому он и написал это, чтобы они не подумали много о себе, так как он желает вместе и любовь свою показать, и их не допустить до кичливости. Поэтому он часто говорит об одном и том же и попеременно раскрывает то и другое. А для того, чтобы римляне опять не сказали: он хочет только мимоходом быть у нас, - (апостол) присовокупил: "**вы проводите меня**", то есть вы сами будете свидетелями, что спешу не из презрения к вам, но увлекаемый нуждой. А так как и это еще печалит их, то он успокаивает их утешительным словом: "**как скоро наслажусь общением с вами**". Выражением – "**проходя**" он показывает, что не ищет от них славы, а словом – "**наслажусь**" выражает, что стремится к ним из любви и притом не простой любви, но сильной, почему и не сказал – "**наслажусь**", но – "**отчасти наслажусь**". Никакое время не может насытить меня и дать мне пресыщение от пребывания с вами. Видишь ли, как он доказывает любовь свою тем, что, при всей необходимости поспешить, он не прежде оставит их, как насытится? И то уже служит признаком любви его, что он употребляет выражения, исполненные такой теплоты. Ведь он не сказал - увижусь с вами, но – "**наслажусь**", подражая выражениям родителей. В начале он говорил: "**чтобы иметь некий плод**", а здесь выражается: "**наслажусь**", то и другое обнаруживает сильное

влечение сердца. В первом содержится величайшая им похвала, если от послушания они должны даровать (апостолу) плод, а во втором он уже прямо показывает искреннюю привязанность. Так же точно писал он и к коринфянам: "**чтобы вы меня проводили, куда пойду**" (1 Кор. 16:6), во всем выражая свою ни с чем несравнимую любовь к ученикам. Этим он всегда и начинал свои послания и оканчивал. Как чадолюбивый отец любит своего единственного родного сына, так он любил всех верных, почему и говорил: "**кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся**" (2 Кор. 11:29)? Это прежде всего остального и нужно иметь учителю. Потому и Петру Христос сказал: если любишь Меня, "**паси овец Моих**" (Иоан. 21:16). Кто любит Христа, тот любит и стадо Его. И Моисея Бог поставил вождем народа иудейского после того, как он показал свое усердие к своим единоплеменникам. Подобно и Давид взошел на царство, явив прежде привязанность к своим соотечественникам. Еще в юности он так скорбел о людях, что готов был отдать свою душу, когда умертвил иноплеменника. Хотя и спрашивал: "**что сделают тому, кто убьет этого Филистимлянина**" (1 Цар. 17:26), но говорил это не потому, что домогался награды, но только хотел, чтобы ему оказали доверие и допустили до ратоборства с ним. И потому, когда после победы он пришел к царю, то и ничего не сказал об этом. И Самуил отличался сильной любовью, почему и говорил: "**я также не допущу себе греха перед Господом, чтобы перестать молиться за вас**" (1 Цар. 12:23). Так, или лучше сказать, гораздо более и Павел сгорал любовью ко всем подчиненным ему. Поэтому и учеников он так расположил к себе, что говорил: "**если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне**" (Гал. 4:15). Потому и Бог более всего укоряет иудейских учителей за недостаток любви, говоря: "**горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих! не стадо ли должны пасти пастыри**"? Но они поступали иначе: "**вы ели тук**", - говорит (Бог), - "**и волной одевались, откормленных овец закалали, а стада не пасли**" (Иезек. 34:2-3). И Христос, представляя образец совершеннейшего пастыря, говорил: "**пастырь добрый полагает жизнь свою за овец**" (Иоан. 10:11). Так поступал и Давид во многих случаях, а особенно тогда, когда страшный гнев угрожал истреблением целому народу. Видя общую гибель, он восклицал: "**вот, я согрешил, я поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они**" (2 Цар. 24:17)? Поэтому и при выборе наказаний он избрал не голод, не преследование от неприятелей, но смерть, посылаемую от Бога, в той надежде, что она пощадит других, а прежде всех поразит его самого. Когда же этого не случилось, он плачет и говорит: "**пусть же рука Твоя обратится на меня**", а если этого не достаточно, "**и на дом отца моего**. **Ибо я согрешил**". Он говорил как бы так: если бы и они согрешили, я подлежал бы наказанию за то, что не исправлял их; когда же грех был собственно мой, то по всей справедливости мне должно подвергнуться наказанию. И желая увеличить вину свою, Давид именует себя пастырем. Так он и остановил гнев, так и умолил Бога отменить определение. Таково исповедание праведника: "**праведный себя самого обвиняет в первых словах**"[1] (Притч. 18:17); такова попечительность и сострадательность совершеннейшего пастыря. Гибель подданных так же терзала сердце Давида, как смерть родных детей, почему он и просил Бога обратить гнев на него самого. И он сделал бы это в самом начале поражения, если бы не надеялся, что оно, идя своим путем, достигнет и его. Когда же он заметил, что это не совершается, а бедствие истребляет только подданных, то он не стерпел этого и был уязвлен более чем смертью первенца своего Амнона. Тогда он не просил себе смерти, а теперь желает пасть прежде других. Таким надобно быть начальнику, который должен скорбеть более о чужих, нежели о собственных несчастиях. Такую же скорбь чувствовал Давид, лишившись сына, из чего можно видеть, что он любил его не больше, чем подданных. Хотя Авессалом был необузданный юноша и замышлял отцеубийство, однако же, Давид говорил: "**кто дал бы мне умереть вместо тебя**" (2Цар. 18:33)? Что ты говоришь, блаженный и кротчайший из всех людей? Сын стремился умертвить тебя, окружил тебя бесчисленными бедствиями, а ты, как скоро его не стало и одержана победа, молишь себе смерти? Да, отвечает. Не для

меня приобретена эта победа войском; во мне кипит брань сильнее прежней, и сердце мое разрывается теперь больше прежнего. Так Давид и подобные ему заботились о вверенных им.

5. А блаженный Авраам прилагал великое попечение даже и о тех, которые не были ему вверены, и даже такое попечение, что подвергал себя великим опасностям. Не в пользу одного только племянника своего совершил он то, что совершил, но и для содомлян, и не прежде перестал преследовать персов, как освободил всех содомлян. Хотя можно было ему возвратиться назад по освобождении одного Лота, однако же Авраам не захотел этого, потому что заботился равно обо всех, как и доказал это впоследствии. Когда содомлянам угрожало не нашествие войска иноплеменников, но гнев Божий готов был истребить до основания города их, когда настояла нужда не в оружии, не в брани, не в ополчении воинов, но в молитве, тогда Авраам ходатайствовал за них с такой заботливостью, как будто бы ему самому предстояла погибель. Вследствие этого и раз, и два, и три, и многократно приступает он к Богу, даже ссылается на слабость человеческой природы, говоря: "**я, прах и пепел**" (Быт. 18:27). И так как знал, что содомляне сами навлекли на себя гнев Божий, то умоляет спасти их ради других. И Бог говорил ему: "**утаю ли Я от Авраама, что хочу делать**" (Быт. 18:17), чтобы мы уразумели из этого, сколько праведник человеколюбив. И Авраам не перестал бы умолять Бога, если бы Бог первый не отошел от него. Хотя, по-видимому, он молился о праведных, но на самом деле все это было для содомлян. Ведь души святых исполнены кротости и человеколюбия как к своим, так и к чужим; они жалеют даже бессловесных. Потому и Премудрый сказал: "**праведный печется и о жизни скота своего**" (Притч. 12:10), а если скотов, то гораздо более людей. Но так как я вспомнил о животных, то представим себе, сколько тяжелых трудов переносят пастухи овец в Каппадокийской стране, заботясь о бессловесных. Часто занесенные снегом, по три дня сплошь остаются они в таком положении. Говорят также, что не меньше бедствий переносят пастухи и в Ливии, по целым месяцам скитаясь по этой суровой пустыне, наполненной самыми свирепыми зверями. А если столько забот бывает о бессловесных, то, какое извинение будем иметь мы, когда нам вверены разумные души, а мы спим таким глубоким сном? Можно ли тут думать об отдыхе? Можно ли искать покоя? Напротив, для этих овец не должно ли идти повсюду и подвергать себя тысяче смертей? Или вы не знаете цены этого стада? Не для него ли твой Владыка совершил бесчисленные деяния и пролил даже Свою Кровь? А ты ищешь покоя? Что же может быть хуже таких пастырей? Разве ты не понимаешь, что и Христово стадо окружено волками, которые злее и свирепее ливийских? Неужели ты не представляешь себе, какую душу должно иметь тому, кто принимает на себя начальство в церкви? Народные правители, совещаясь о делах маловажных, дни и ночи проводят в бодрствовании, а мы, подвизающиеся для неба, спим и днем. Кто же после этого избавит нас от наказания за такую беспечность? Если бы даже надлежало резать тело, если бы предстояло испытать бесчисленные смерти, то не следовало ли бы спешить на все это, как на торжество? Пусть слышат это не одни пастыри, но и овцы, - чтобы сделать пастырей более усердными и побудить их к большой ревности, оказывая им всякое послушание и повиновение и ничего другого. Так заповедал и Павел, говоря: "**повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших**" (Евр. 13:17). Под словом же – "**неусыпно**" он разумеет бесчисленные труды, заботы и опасности. Добрый пастырь, именно такой, какого и желает Христос, состязается в подвигах с многочисленными мучениками. Ведь мученик однажды за Христа умер, а пастырь, если он таков, каким должен быть, тысячекратно умирает за стадо, он даже каждый день может умирать. Поэтому и вы, зная труд его, содействуйте ему молитвами, усердием, готовностью, любовью, чтобы и мы для вас, и вы для нас сделались похвалой. Потому и Христос, вверяя стадо Свое первоверховному из апостолов, который более всех любил Его, предварительно спрашивал: "**любишь ли Меня**" (Иоан. 21:16)? - чтобы ты уразумел, что

попечение о стаде Христовом является преимущественным признаком любви к Самому Христу, так как для этого нужна мужественная душа. Но это сказано мной о совершенных пастырях, не обо мне самом и о подобных нам, но о пастыре, - если есть такой, - вроде Павла, или Петра, или Моисея. Итак, будем им подражать, как начальствующие, так и подчиненные, ведь и подчиненному можно отчасти быть пастырем своего дома, друзей, домашних, жены, детей; а если мы так будем управлять делами своими, то достигнем всех благ, получить которые да будет дано всем нам благодатью и человеколюбием.

---

[1] Перевод согласный с толкованием Златоуста. – и.Н.

БЕСЕДА 30

"А теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым, ибо Македония и Ахаия усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми в Иерусалиме. Усердствуют, да и должники они перед ними" (Римл. 15:25-27).

1. Так как (апостол) сказал: "**не имея места в сих странах**" и: "**с давних лет имея желание идти к вам**", а между тем нужно было ему еще промедлить, то, чтобы римляне не подумали, что он смеется над ними, он объясняет причину, по которой пока не может придти к ним, и говорит: "**теперь я иду в Иерусалим**". Но, говоря о причине своего промедления, (апостол), кажется, имеет в виду и другое, именно - побудить их к милостыне и сделать их в этом более усердными. Если бы он не об этом заботился, ему довольно было бы сказать: "**иду в Иерусалим**". Но теперь присовокупляет и причину этого путешествуя: "**иду**", - говорит, - "**чтобы послужить святым**". Даже останавливается на этих словах, приводит доказательства, говоря: "**должники они**", и еще: "**ибо если язычники сделались участниками в их духовном, то должны и им послужить в телесном**", - чтобы и римляне научились подражать им. Здесь особенно нужно подивиться мудрости (апостола) в том, что он придумал такой способ дать совет, так как на римлян он мог более этим подействовать, нежели прямым увещанием. Ведь они почли бы для себя оскорбительным, если бы (апостол) представил им коринфян и македонян в образец подражания. Поэтому коринфян, в послании к ним, увещевает таким образом: "**уведомляем вас, братья, о благодати Божьей, данной церквам Македонским**" (2 Кор. 8:1); равно и на македонян действовал примером коринфян: "**и ревность ваша поощрила многих**" (2 Кор. 9:2). Равным образом и примером галатов он также пользуется, когда говорит: "**поступайте так, как я установил в церквах Галатийских**" (1 Кор. 16:1). Но с римлянами (апостол поступает) иначе, более осторожно. Таким же образом он поступает и относительно проповеди, когда говорит: "**разве от вас вышло слово Божье? Или до вас одних достигло**" (1 Кор. 14:36), потому что соревнование всего сильнее. Потому (апостол) многократно повторяет это; так и в другом месте говорит: как "**я повелеваю по всем церквам**" (1 Кор. 7:17); и еще: "**как я учу везде во всякой церкви**" (1 Кор. 4:17); и к колоссянам говорит: "**слово благовествования, которое пребывает у вас, как и во всем мире, и приносит плод, и возрастает**" (Колос. 1:6). Так поступает и здесь, говоря о милостыне. И смотри, с каким величием он употребляет выражения. Он не сказал - иду отнести милостыню, но – "**иду, чтобы послужить**". А если Павел служит, то рассуди, как это важно, когда сам учитель вселенной берет на себя труд отнести подаяния, и хотя намеревался путешествовать в Рим и сильно желал видеться с римлянами, однако же, первое предпочитает последнему. "**Македониа и Ахаиа усердствуют**", то есть признали делом хорошим и пожелали "**некоторым общением**[1]". Опять не сказал - милостыню, но

- общение. Не без цели также поставил слово - некоторое, но чтобы римляне не приняли сказанного за укоризну себе. И не сказал просто - в нищим, но – "**бедных между святыми**", убеждая двояким образом к вспомоществованию, как нищетой, так и добродетелью. Даже и этим не ограничился, но присовокупил: "**должники**". Потом доказывает, почему должны. "**Ибо если**", - говорит, - "**язычники сделались участниками в их духовном, то должны и им послужить в телесном**". Это значит: для них пришел Христос, им, обратившимся из иудеев, принадлежат все обетования, от них Христос, потому и Сам Он сказал: "**спасение от Иудеев**" (Иоан. 4:22); от них апостолы, от них пророки, от них все блага. И вселенная сделалась причастницей всего этого. Итак, говорит (апостол), если вы сделались причастниками более важного и если, по евангельской притче, вечеря была приготовлена для них, а вы пришли и вкусили предложенного, то и вы должны допустить их до участия в телесных благах и уделить им. Но (апостол) не сказал прямо - допустить до участия, а – "**послужить**", поставив их как бы в разряд диаконов или приносящих подати царям. Не сказал также - в телесных ваших, как (выше сказано) – "**в их духовном**", потому что духовные блага принадлежат одним иудеям, а телесные не одним язычникам, но и всем вообще. И (апостол) повелел, чтобы имения принадлежали всем, а не одним владельцам. "**Исполнив это и верно доставив им плод**" (Римл. 15:28), то есть как бы положив в царскую сокровищницу, в неприступное и безопасное место. И не сказал - милостыню, но опять – "**плод**", показывая, что подающие милостыню и сами получают прибыль. "**Отправлюсь через ваши места в Испанию**". Снова упоминает об Испании, показывая свое попечение и расположение к жителям ее. "**И уверен, что когда приду к вам, то приду с полным благословением благовествования Христова**" (Римл. 15:29). Что значит: "**с полным благословением**"? (Апостол) говорит здесь или об имуществах, или вообще о всяком добром деле. Он имеет обыкновение называть благословением милостыню, как и многое другое. Например, когда говорит: "**как благословение, а не как побор**" (2 Кор. 9:5). Даже и в Ветхом Завете было обыкновение называть так милостыню. Но так как (апостол) присовокупил здесь – "**благовествования**", то мы утверждаем, что под благословением разумеется не одно имущество, а и все прочее. Он как бы так говорит: я знаю, что, придя к вам, найду вас во всем благополучными, изобилующими во благах и достойными многих добрых похвал, согласно Евангелию. Вот удивительный способ давать совет - предупредить их похвалами. А так как (апостол) уклоняется от того, чтобы предложить мысль свою в виде увещания, то и приступает к такому способу исправления. "**Умоляю вас, братья, Господом нашим Иисусом Христом и любовью Духа**" (Римл. 15:30).

2. (Апостол) опять упоминает здесь о Христе и о Духе, но вовсе не говорит об Отце. Я замечаю об этом для того, чтобы ты, когда (апостол) упоминает об Отце и Сыне, или об одном Отце, не исключал ни Сына, ни Духа. И не сказал (апостол) - Духом, но – "**любовью Духа**". Как Христос и как Отец возлюбили мир, так и Дух. Но о чем же умоляешь ты, (Павел), скажи мне? "**Подвизайтесь со мной в молитвах за меня к Богу, чтобы избавиться мне от неверующих в Иудее**" (Римл. 15:30-31). Итак, (апостолу) предстояла великая борьба, почему он и просит их молиться. И не сказал - да вступлю в состязание, но – "**чтобы избавиться**", как повелел Христос: "**бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение**" (Матф. 26:41). (Апостол) этими словами, с одной стороны, показывает, что на него намереваются напасть какие-то злые волки и вообще звери, а не люди, с другой же стороны, он имеет в виду показать, что он справедливо принял на себя труд служить святым, как скоро неверующих так много, что нужно было молиться об избавлении от них. Живущие среди столь многочисленных врагов могли погибнуть от голода, поэтому необходимо было доставлять им пропитание из других мест. "**Чтобы служение мое для Иерусалима было благоприятно святым**", то есть да будет приятна моя жертва и охотно принято подаяние. Видишь ли, как опять он возвысил достоинство принимающих милостыню, если просит молитвы многочисленного народа,

для того, чтобы посылаемое было принято? А с другой стороны, этим он показывает, что недостаточно дать для того, чтобы милостыня была принята. Когда кто-нибудь подает по принуждению, или из тщеславия, или неправедно приобретенное, тогда плод теряется. "**дабы мне в радости, если Богу угодно, придти к вам**" (Римл. 15:32). Как говорил в начале: "**если Богу угодно, придти к вам и успокоиться с вами**", так и здесь прибегает к той же воле Божьей и говорит: для того спешу и молю Бога избавиться отсюда, чтобы скорее увидеть вас и увидеть с удовольствием, не подвергаясь там никакой скорби. "**И успокоиться с вами**". Смотри, как он опять показывает, что в нем нет надменности. Не сказал - научу вас и наставлю в вере, но – "**успокоиться с вами**". Но ведь (апостол) сам подвизался и боролся, как же говорит - "**успокоиться с вами**"? Он говорит это в угождение римлянам, располагает их к большему усердию, делая участниками в победных венцах и показывая, что они также подвизаются и трудятся. Потом, по обыкновенно своему, присовокупляет к увещанию своему молитву, говоря: "**Бог же мира да будет со всеми вами, аминь**" (Римл. 15:33). "**Представляю вам Фиву, сестру нашу, диаконису церкви Кенхрейской**" (Римл. 16:1). Ты видишь, насколько (апостол) уважает Фиву, если упомянул о ней прежде всех и назвал сестрой, а называться сестрой Павла - дело немалое. Сказал и о должности ее, наименовав служительницей. "**Примите ее для Господа, как прилично святым**" (Римл. 16:2), то есть для Господа примите ее с честью, потому что принимающий для Господа даже и незначительного человека принимает с тщанием. А так как Фива была святая, то рассуди сам, каким попечением она в праве была пользоваться. Потому (апостол) присовокупил: "**как прилично святым**", то есть как следует принимать святых. Вы должны услуживать ей по двум причинам - потому что принимаете ее для Господа и потому что она святая. "**И помогите ей, в чем она будет иметь нужду у вас**". Видишь ли, как это не обременительно? Не сказал - избавьте ее от всех нужд, но - снабдите, чем можете, подайте руку помощи, какие бы нужды она у вас ни имела; и притом говорит не обо всех ее нуждах, но о тех, какие будет иметь у вас, а нуждаться она будет в том, чем можете располагать и вы. Потом опять несказанная похвала: "**ибо и она была помощницей многим и мне самому**". Замечаешь ли благоразумие (Павла?) На первом месте он поставил похвалу, в середине увещание, а потом опять похвалу, с обеих сторон защищая похвалами нужду блаженной жены. Как же не блаженна Фива, как скоро удостоилась такого свидетельства от Павла и была в состоянии оказывать помощь самому Павлу, учителю вселенной? Это венец всех ее совершенств, почему (апостол) и поставил это в конце, сказав: "**и мне самому**". Что же значит - "**и мне самому**"? Тому, кто был проповедником вселенной, претерпел бесчисленные страдания и один довлел для многих тысяч. Итак, мужи и жены, будем подражать этой святой, а равно и той, которую вместе с мужем именует (Павел) после Фивы. Кто же они? "**Приветствуйте**", - говорит, - "**Прискиллу и Акилу, сотрудников моих во Христе Иисусе**" (Римл. 16:3). О добродетели их свидетельствует и Лука, когда говорит: "**и, по одинаковости ремесла,** (Павел) **остался у них и работал; ибо ремеслом их было делание палаток**" (Деян. 18:3), и когда извещает, что Прискилла приняла к себе Аполлоса, "**и точнее объяснили ему путь Господень**" (Деян. 18:26).

3. Но как ни велики эти доблести, а гораздо важнее то, что сказал Павел. Что же он говорит? Сперва называет их своими сотрудниками, показывая, что они разделяли с апостолом несказанные труды и опасности. Потом говорит, что они "**голову свою полагали за мою душу**" (Римл. 16:4). Видишь ли, что они были совершенные мученики? Ведь при Нероне, как и естественно, опасности были бесчисленны, когда он приказал всем иудеям удалиться из Рима. "**Которых не я один благодарю, но и все церкви из язычников**". Здесь (апостол) разумеет страннолюбие и вспомоществование деньгами и удивляется им в том, что они пролили кровь свою и отдали все имение на общую пользу. Видишь ли ты, что и немощь естества не воспрепятствовала благородным женщинам идти стезей добродетели? И вполне естественно, потому что "**во Христе Иисусе нет мужского**

пола, ни женского" (Гал. 3:28). И что сказал (апостол) о Фиве, тоже говорит и о Прискилле. Как о той сказано: "**она была помощницей многим и мне самому**", так и об этой: "**не я один благодарю, но и все церкви из язычников**". И чтобы не подумали, что это сказано из лести, представляет других свидетелей, которые многочисленнее жен. "**И домашнюю их церковь**". Они были настолько добродетельны, что обратили дом свой в церковь, так что все их домашние сделались верующими, и дом их был открыт для всех странных. (Апостол) не имел обыкновения без основания называть дома церквами, если в них не было большого благочестия и не был утвержден особенный страх Божий. Поэтому и коринфянам сказал: "**приветствуют вас Акила и Прискилла с домашней их церковью**" (1 Кор. 16:19), и об Онисиме он писал, говоря: "**Павел, Филимону и Апфии возлюбленной, и домашней твоей церкви**" (Филим. 1:2). Конечно, и в супружеской жизни можно быть достойным удивления и благородным. Вот и Акила с Прискиллой жили в супружестве и весьма просияли, хотя занятие их и было незаметно: они делали палатки, однако же, добродетель покрыла все и показала их светлее солнца. Ни ремесло, ни брачный союз не вредили им, но они явили такую любовь, какой требовал Христос, сказав: "**нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих**" (Иоан. 15:13). Они исполнили то, что служит признаком Христова ученика, взяли крест и последовали за Христом, так как делавшие это для Павла тем более показывали такое же мужество для Христа. Пусть услышат это и богатые, и бедные. Если жившие трудами рук своих и управлявшие рабочим заведением показали столько щедрости, что сделались полезными для многих церквей, то, какое извинение будут иметь богачи, презирающие нищих? Те в угождение Богу не пощадили своей крови, а ты бережешь и немногие монеты, часто презирая и собственную свою душу. Но, может быть, усердные к учителю не таковы были к ученикам? И этого нельзя сказать, ведь их благодарили, говорит (апостол), и церкви языческие. Хотя они были из иудеев, однако же, веровали настолько искренно, что и язычникам служили со всем усердием. Такими и должны быть женщины, которым должно украшаться не плетением волос, или золотом, или драгоценной одеждой, но добрыми делами (1 Тим. 2:9-10).

В самом деле, скажи мне, какая царица настолько знаменита и так прославляется, как эта жена делателя палаток? Она у всех на устах и так будет не десять и двадцать лет, но до пришествия Христова. И притом, все прославляют ее за то, что украшает ее более царской диадемой. Да и что более важно, что равняется с тем, чтобы быть заступницей Павла и с опасностями для себя спасать учителя вселенной? Рассуди, сколько было цариц, и имена их преданы забвению, а имя жены делателя палаток и ее мужа проносится повсюду, и насколько солнце освещает землю, настолько слава ее обтекает во вселенной: и персы, и скифы, и фракиане, и живущие в отдаленных пределах земли прославляют и ублажают благочестивую жизнь этой женщины. Какое богатство, сколько диадем и царских багряниц ты с удовольствием отдал бы, чтобы только получить о себе такое свидетельство! Нельзя также сказать, чтобы они, подвергаясь опасностям и не щадя имущества, не радели и о проповеди. За это именно (апостол) и называет их сослужителями и сотрудниками. Сосуд избрания не стыдится назвать женщину своей сотрудницей, даже хвалится этим, потому что не смотрит на природу, а венчает добрую волю. Что равняется такому украшению? Где теперь ваше богатство, расточаемое повсюду? Что значат наряды? Где суетная слава? Рассмотри внимательнее убранство этой женщины, которым не тело облекается, но украшается душа, которое никогда не складывается и не хранится в ящике, но возлагается на небе.

4. Посмотри на их труд в проповеди, на их мученический венец, на их щедрость касательно имущества, на их любовь к Павлу, на их усердие к Христу и сравни с этим себя, свое попечение о деньгах, свою привязанность к блудницам, свои распри за клочок сена, тогда увидишь, кто были они и кто ты. Или лучше, не только сравни, но и поревнуй

женщине и, сложив с себя ношу травы (это твои драгоценные одежды), возьми небесное украшение и поучись у Прискиллы и Акилы, отчего они сделались такими. Отчего же? Они два года содержали у себя в доме Павла. А чего не могли произвести в душе их эти два года? Ты скажешь: что же мне делать, - у меня нет Павла? Если захочешь, то ты имеешь больше, нежели они. Не лицезрение Павла, а слова его сделали их таковыми. Итак, если тебе угодно, с тобой непрестанно готовы беседовать и Павел, и Петр, и Иоанн, и целый сонм пророков и апостолов. Возьми книги этих блаженных мужей, постоянно занимайся их писаниями, и они могут и тебя сделать подобным жене делателя палаток. И что говорить о Павле? Если хочешь, будешь иметь у себя самого Владыку Павла, и Он будет с тобой беседовать языком Павла. И другой есть способ принять к себе Господа, - когда станешь принимать святых, служить верующим в Него. Тогда, и по отшествии их, у тебя останется много памятников благочестия. И стол, за которым питался святой, и стул, на котором он сидел, и ложе, на котором он возлежал, даже по удалении его способны привести в чувство умиления того, кто принимал его к себе. С каким, думаешь, умилением входила сонамитянка в ту горницу, где жил Елисей, взирала на стол и на ложе, где спал этот святой муж? Какими благочестивыми чувствованиями воодушевлялась она при этом? А если бы этого не было, если бы она не получала от этого великой пользы, то не принесла бы в эту горницу мертвого сына. Если мы, по прошествии многого времени, приходя туда, где Павел жил, будучи связан, сидел и беседовал, окрыляемся мыслью и от видимых нами мест переносимся к представлению того самого времени, то что, естественно, происходило в душе тех, которые с благоговением принимали его в своем доме, когда события были еще очень свежи? Итак, зная это, будем принимать к себе святых, чтобы дом наш просиял и очистился от терний, чтобы жилище наше сделалось пристанью, будем принимать их и умывать им ноги. Ты не лучше, не благороднее и не богаче Сарры, хотя бы ты была и царицей. Она имела триста восемнадцать домочадцев, когда и двоих слуг иметь считалось богатством. И что я говорю о трехстах восемнадцати домочадцах? В семени и обетованиях она владела целой вселенной, имела супругом друга Божьего, покровителем Самого Бога, а это больше всякого царства. Однако же при такой знаменитости и славе сама приготовляла тесто, исполняла все домашние дела и прислуживала гостям как рабыня. Ты не благороднее Авраама, а он исполнял дела слуг после своих знаменитых деяний, после побед, после чести, оказанной ему египетским царем, после того, как он отразил персидских царей и воздвиг себе замечательные памятники. Не смотри на то, что приходящие к тебе святые по наружности убоги и часто бывают бедны и покрыты рубищами, а помни сказанное Христом: "**так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне**" (Матф. 25:40), и: "**не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Моего Небесного**" (Матф. 18:10). Принимай с усердием тех, которые приносят тебе бесчисленные блага своими приветствиями мира. Вместе с Саррой приведи себе на память и Ревекку, которая, отвергнув всякую гордость, сама черпала воду, напоила и пригласила к себе в дом странника, а потому и получила великие награды за свое страннолюбие. Но ты, если захочешь, получишь еще большие. Тебе Бог даст в награду не только Сына, но и самое небо, небесные блага, избавление от геенны, прощение грехов. Велик, весьма велик плод страннолюбия. Так и Иофор, будучи даже иноплеменником, удостоился иметь зятем того, кто с такой властью повелевал морю, и такую добрую добычу для него уловили в свою сеть его дочери. И ты, размыслив об этом и представив в уме мужество и благочестие тех жен, постарайся попрать земную гордость, нарядные одежды, дорогие золотые украшения и благовония; отложив негу, роскошь и мерную поступь, обрати все свое попечение на душу и воспламени в сердце своем страсть к небесному. Если овладеет тобой эта любовь, ты увидишь нечистоту и гнусность настоящего и сама будешь смеяться над тем, что теперь удивляет тебя. Ведь женщине, украшенной духовными совершенствами, не свойственно домогаться таких смешных вещей. Потому, сбросив все то, что ставят себе в большую честь жены торгующих, а

также занимающиеся пляской и музыкой, укрась себя благочестием, страннолюбием, попечением о святых, умилением, частыми молитвами. Это лучше золотых одежд, драгоценнее дорогих камней и запястий, это и перед людьми делает почтенными, и у Бога приносит тебе великую награду. Это украшение церкви, а то - театра, это достойно неба, а то - коней и мулов; в те убранства облекаются и мертвые тела, а это сияет только в доброй душе, в которой живет Христос. Итак, станем приобретать себе такое украшение, чтобы и нас везде прославляли, и мы угодили Христу во веки веков. Аминь.

---

[1] В синодальном переводе слово "общение" заменено на "подаяние".

БЕСЕДА 31

"Приветствуйте возлюбленного моего Епенета, который есть начаток Ахаии для Христа" (Римл. 16:5).

1. Думаю, что многие, даже считающие себя весьма ревностными, оставляют без внимания эту часть послания, как бесполезную и не заключающую в себе ничего важного; полагаю, что они рассуждают подобным образом и о родословной, помещенной в Евангелии: так как она представляет список имен, то они и заключают, что отсюда нельзя извлечь большой пользы. Но золотых дел мастера собирают и мелкие опилки, а эти люди проходят мимо и больших слитков золота. Итак, чтобы они не подверглись этому, и сказанного прежде достаточно, чтобы удержать их от такой беспечности. А что и отсюда может быть немалая польза, это мы уже доказали в предыдущей беседе, когда такими приветствиями возбудили ваше внимание. Попытаемся и теперь также извлечь из этого места благородный металл, потому что и в голых именах можно открыть великое сокровище. Если вникнешь, почему Авраам назван этим именем, почему (названы) Сарра, Израиль и Самуил, то и из этого извлечешь сведения о многом. То же самое ты можешь извлечь для себя из наименования времен и мест. Внимательный человек и отсюда обогащается, а нерадивый не получает пользы и от самого очевидного. Немало обучают нас любомудрию имена Адама, его сына, жены и многих других, потому что имена - памятники многих событий: ими выражаются и Божье благодеяние и благодарность матерей, так как матери, зачавшие в чреве, по обетованию Божьему, в воспоминание такого благодеяния Божьего и давали детям имена. Но зачем теперь нам любопытствовать об именах, когда не радят о многих изречениях Писания, когда неизвестны самые имена многих книг? Однако же и в таком случае не следует пренебрегать знаниями относительно этого. "**Посему надлежало**", - как сказано, - "**отдать серебро мое торгующим**" (Матф. 25:27). Итак, хотя бы и никто не захотел воспользоваться этим, мы сделаем свое дело и докажем, что в Писании нет ничего лишнего и без цели сказанного. Если бы и в настоящем месте не заключалось ничего полезного, оно не было бы приложено к посланию и Павел не написал бы того, что написал. Но есть люди настолько нерадивые, легкомысленные и недостойные неба, что считают излишними не только имена, но и целые книги, как-то: книгу Левит, Иисуса Навина и многие другие. Многие из таковых безумцев отвергли и весь Ветхий Завет и, дав волю этому злому навыку, убавили многое и в Новом Завете. Впрочем, нам мало теперь дела до таких нетрезвых умом и живущих по плоти людей, а ревнитель любомудрия и любитель духовной беседы пусть знает, что в Писании даже, по-видимому, маловажное сказано не напрасно и не без цели и что Ветхий Завет заключает в себе много полезного. "**Все это происходило с ними, как образы; а описано в наставление нам**" (1 Кор. 10:11), говорит (апостол). Потому и

Тимофею он говорил: "**занимайся чтением, наставлением**" (1 Тим. 4:13), побуждая его читать все книги Писания, хотя он имел такой духовный дар, что изгонял бесов и воскрешал мертвых. Но обратимся к предмету речи. "**Приветствуйте возлюбленного моего Епенета**". Из этого можно видеть, что (апостол) воздает каждому особую похвалу. И быть возлюбленным Павла, который умел любить не из милости, но с разбором, - такая похвала не мала, а напротив очень велика и показывает в Епенете много добродетелей. Потом следует другая похвала: "**который есть начаток Ахаии**". Этим (апостол) показывает, что Епенет или прежде всех притек к Христу и уверовал, что также составляет немалую похвалу, или показал благочестие, больше всех остальных. Потому, сказав: "**который есть начаток Ахаии**", (апостол) не умолк, чтобы не стал ты здесь разуметь мирскую славу, но присовокупил: "**для Христа**". Если первенствующий в гражданских делах считается великим и знаменитым, то тем более первенствующий в делах духовных. И так как Епенет, как вероятно, был низкого рода, то (апостол) указывает истинное его благородство и преимущество и этим украшает его. Он говорит, что Епенет не для одного Коринфа, но для целого народа был "**начатком**", то есть сделался как бы дверью и входом для прочих. А таким дается немалая награда, потому что такой человек получит великое воздаяние и за добродетели других, как немало содействовавший им в начале. "**Приветствуйте Мариам, которая много трудилась для нас**" (Римл. 16:6). Что это? Опять венчается и восхваляется женщина, а мы, мужчины, опять пристыжены, или лучше сказать, не только пристыжены, но и почтены, - почтены тем, что у нас есть такие женщины, а пристыжены тем, что мы, мужчины, далеко отстаем от них. Но если постараемся узнать, чем украшаются эти женщины, то и мы вскоре уподобимся им. Чем же они украшаются? Пусть слышат это мужчины и женщины: не перстнями, не ожерельями, не евнухами, не служанками, не златотканными одеждами, но трудами за истину. "**Которая много трудилась для нас**", - говорит (апостол), т.е. не за себя одну, не для собственного только усовершенствования в добродетели она трудилась, как и ныне делают многие женщины, постясь и ложась на земле, но и для спасения других, приняв на себя подвиги апостолов и евангелистов. Как же говорит (Павел): "**учить жене не позволяю**" (1 Тим. 2:12)? Он запрещает женщине занимать почетное место среди церкви и заседать на возвышении, но не запрещает учить словом; в противном случае, как он мог бы сказать жене, имеющей неверующего мужа: "**почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа**" (1 Кор. 7:16), и как мог бы позволить женщине обучать детей, говоря: "**спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием**" (1 Тим. 2:15)? И как же Прискилла наставляла в вере Аполлоса? Итак, (апостол) запрещает в этих словах не частные назидательные беседы, но собеседования в общих собраниях, что прилично одним учителям. И опять, когда муж - человек верующий, вполне совершенный и могущий учить жену, но жена мудрее его, то (апостол) не запрещает ей учить и исправлять. И здесь он не сказал: которая многому научила, но: "**много трудилась**", давая тем разуметь, что Мария, кроме слова, служила и иным образом, именно тем, что подвергалась опасностям, давала деньги и совершала путешествия.

2. Ведь тогда женщины были неустрашимее львов и разделяли с апостолами труды проповедничества, почему с ними вместе путешествовали и служили во всем остальном. И за Христом следовали женщины, служившие имуществом своим и ухаживавшие за Учителем. "**Приветствуйте Андроника и Юнию, сродников моих**" (Римл. 16:7). Хотя и это кажется похвалой, однако же, следующее гораздо важнее. Что же именно? "**И узников со мной**". Вот величайший венец, вот громкая слава.

Где же был пленником Павел, называющий их своими сопленниками? Пленником он не был, но пострадал больше всякого пленника, так как не только был разлучен со своим Отечеством и домом, но боролся с голодом, непрестанной смертью и тысячами других несчастий. Для пленника это в особенности ужасно, что, разлучаемый со своими, он часто

делается из свободного рабом. А здесь можно указать бесчисленное множество искушений, каким подвергался блаженный Павел, влачимый с места на место, бичуемый, связываемый, побиваемый камнями, ввергаемый в море, окруженный тысячами злоумышленников. Пленники, после отведения в плен, не имеют уже ни одного врага, но пленившие их прилагают о них большое попечение. А Павел всегда находился среди врагов, везде видел копья, изощренные мечи, ополчения и битвы. А так как и бывшие с ним по необходимости участвовали во многих опасностях, то он и называет их своими сопленниками, как и в другом месте говорит: "**Аристарх, заключенный вместе со мной**" (Колос. 4:10). Потом следует новая похвала: "**прославившихся между Апостолами**" (Римл. 16:7). Конечно, и быть апостолом важно; но посуди, как велика похвала - быть прославившимся среди апостолов; прославились же они своими делами, своими заслугами. Вот каково было любомудрие этой женщины, удостоившейся наименования апостольского. Но (Павел) и на этом не останавливается, а присоединяет еще другую похвалу, говоря: "**и прежде меня еще уверовавших во Христа**". И это - предупредить других и придти прежде - есть весьма большая похвала. Смотри же, насколько святая душа (Павлова) чиста была от тщеславия. При всей своей славе (Павел) предпочитает себе других, не скрывает того, что пришел последний, и не стыдится признаться в этом. И чему дивиться, если он не стыдится этого, когда он не отказывается раскрывать и прежнюю жизнь свою, называя себя богохульником и гонителем? А так как он не мог предпочесть их в этом другим апостолам, то отыскал того, кто пришел к Христу после других, именно себя, и из этого составил им похвалу, говоря: "**и прежде меня еще уверовавших во Христа. Приветствуйте Амплия, возлюбленного мне в Господе**" (Римл. 16:7-8). (Апостол) опять обращает в похвалу любовь свою, потому что любовь Павла была любовь для Бога и заключала в себе бесчисленные блага. Если великим считается заслужить любовь царя, то какая похвала быть возлюбленным Павла? Если бы он не обладал многими добродетелями, то не привлек бы его любви к себе. (Апостол) не только не любил живущих худо и беззаконно, но даже предавал проклятию. Так, например, говорит: "**кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема**" (1 Кор. 16:22), и: "**кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема**" (Гал. 1:9). "**Приветствуйте Урбана, сотрудника нашего во Христе**" (Римл. 16:9). Эта похвала больше предыдущей, потому что в ней заключается и предыдущая. "**И Стахия, возлюбленного мне**". И этого опять венчает тем же. "**Приветствуйте Апеллеса, испытанного во Христе**" (Римл. 16:10). Ничто не равняется с этой похвалой - быть безукоризненным и не подать даже повода к укоризне в делах по Богу. И когда (апостол) говорит: "**испытанного во Христе**", он разумеет всякую добродетель. Почему же (апостол) не употребляет в приветствиях своих таких выражений: господина моего такого-то, владыку моего? Потому что та похвала важнее этой: в этой выражается одна честь, а в апостольской похвале указывается добродетель. И (апостол) не случайно почтил их одинаковой похвалой, приветствуя многих низших наряду с высшими и знатными. Тем, что приветствует их и приветствует вместе с другими в том же послании, (апостол) оказал всем равную честь, а тем, что каждого хвалит в частности, представил нам особую добродетель каждого. И это он делает для того, чтобы не породить зависти, почтив одних и не почтив других, а также, чтобы не смешать недостойных с достойными и не довести до нерадения, удостоив той же чести всех и неодинаково достойных.

3. Смотри же, как (апостол) опять обращается к славным женщинам, сказав: "**Приветствуйте верных из дома Аристовулова. Приветствуйте Иродиона, сродника моего. Приветствуйте из домашних Наркисса**" (которые, вероятно, были не таковы, как прежде упомянутые, почему и не названы по именам), и, воздав им надлежащую похвалу, именно что они были верные, - это и означают слова: "**которые в Господе**", - опять начинает приветствовать женщин, говоря: "**приветствуйте Трифену и Трифосу, трудящихся о Господе**" (Римл. 16:10-12). (Апостол) о Марии говорит: "**трудилась для**

нас", об этих же женщинах говорит, что они еще трудятся. Немалая это похвала - всегда быть в деле и не только содействовать, но и трудиться. А Персиду (апостол) называет возлюбленной, показывая, что она выше упомянутых перед ней. Он говорит: "**приветствуйте Персиду возлюбленную**", и свидетельствует о многих ее трудах следующими словами: "**которая много потрудилась о Господе**". Так умел он назвать каждого по достоинству, одних поощряя к большему усердию тем, что никого не лишает принадлежащего ему, но возвещает и о малейшем преимуществе каждого, а других делая более ревностными тем, что возбуждает в них своими похвалами соревнование к делам первых. "**Приветствуйте Руфа, избранного в Господе, и матерь его и мою**" (Римл. 16:13). И здесь опять все хорошо, когда такой сын, такая мать, дом, полный благословения, и корень, соответствующий плоду. (Апостол) без основания не сказал бы – "**матерь его и мою**", если бы не свидетельствовал этим о многих добродетелях женщины. "**Приветствуйте Асинкрита, Флегонта, Ерма, Патрова, Ермия и других с ними братьев**" (Римл. 16:14). Здесь смотри не на то, что (апостол) перечислил их, не приписав им никакой похвалы, но на то, что, хотя они были и гораздо ниже всех, однако же, удостоились его приветствия. Лучше же сказать, и то немалая похвала, что называет их братьями, равно как и других с ними святых, когда говорит: "**приветствуйте Филолога и Юлию, Нирея и сестру его, и Олимпана, и всех с ними святых**" (Римл. 16:15). Вот самое высокое достоинство, неизреченное величие чести. Потом, чтобы не подать повода к распрям тем, что одних приветствует так, а других иначе, одних по имени, а других вообще, одних с большими, а других с меньшими похвалами, (апостол) опять уравнивает всех равночестием любви и святым лобзанием, говоря: "**приветствуйте друг друга с целованием святым**" (Римл. 16:16). Этим миром он удаляет от них всякий помысел, могущий смутить их, и всякий повод к малодушию, чтобы высший не презирал низшего, а низший не завидовал высшему, но удалены были презрение и зависть, а святое лобзание все умиротворило и уравняло. Поэтому не только повелевает им приветствовать друг друга, но и посылает им приветствие всех церквей, - говорит: "**приветствуют вас**", не того или другого в частности, но всех вообще, "**церкви Христовы**". Замечаешь ли, какую немалую пользу мы получили от этих приветствий? Скольких сокровищ мы прошли бы мимо, если бы этой части послания не исследовали с тщательностью, разумею - такой, какая была для нас возможна? А если бы отыскался мудрый и духовный муж, то он проник бы глубже и увидел бы больше жемчужин. Но так как иные неоднократно спрашивали, почему (апостол) в этом послании многих приветствует, чего он не делал в других посланиях, то можно бы сказать на это, что (апостол) поступает таким образом потому, что еще никогда не видел римлян. Но на это скажут, что он не видел и колоссян, однако же, не делает этого. Но римляне были знаменитее прочих, и в Риме, как в более безопасном и столичном городе, жили переселившиеся туда из других городов. И так как они жили на чужой стороне и имели нужду в большем покровительстве, некоторые же из них были лично знакомы Павлу, а другие, находясь в Риме, весьма много служили ради него, то и естественно было (апостолу) похвалить их в послании. Ведь и тогда слава Павла была не мала, но настолько велика, что удостоившиеся его послания в самом этом писании находили для себя большую защиту. Павла не только уважали, но и боялись. Иначе он не стал бы говорить так: "**она была помощницей многим и мне самому**"; и еще: "**я желал бы сам быть отлученным**" (Рим.9:3). Он и в послании к Филимону сказал: "**Павел старец, а теперь и узник Иисуса Христа**" (Филим. 1:9), а в Послании к галатам: "**я, Павел, говорю вам**" (Гал. 5:2), и: "**приняли меня, как Христа Иисуса**" (Гал. 4:14). Также в Послании к коринфянам говорил: "**как я не иду к вам, то некоторые у вас возгордились**" (1 Кор. 4:18), и еще: "**это, братья, приложил я к себе и Аполлосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано**" (1 Кор. 4:6). Из всех этих мест видно, что о Павле все имели высокое мнение. Потому желая, чтобы они были в безопасности и в уважении, (апостол) приветствует и отличает каждого по возможности. Одного назвал возлюбленным, другого сродником, иного возлюбленным

и сродником, иного сопленником, одного сотрудником, другого искусным, иного избранным. Равным образом и касательно женщин он указывает на звание; так Фиву назвал не просто - служительницей (потому что, в противном случае, он также наименовал бы Трифену и Персиду), но говорит, что она имела и рукоположение диаконисы, одну называет сотрудницей, другую матерью, относительно третьей указывает труды, какие она понесла. Иным он обращает в похвалу славу их дома, других приветствует именем братьев и святых, одних отличает тем, что удостаивает приветствия, других тем, что приветствует по имени, иных тем, что именует начатком, а иных отличает по старшинству; более же всех восхваляет Прискиллу и Акилу. Хотя все они были верные, но не все были равны между собой, различались друг от друга подвигами. А потому (апостол), побуждая всех к большим трудам, не утаил ничьей похвалы. Ведь если бы более трудящиеся получали не большую награду, многие сделались бы более нерадивыми.

4. Потому и в Царстве Небесном не всем равная честь, и между учениками Христа не все были равны, но трое превосходили прочих, даже между этими тремя было опять много различия, так как у Бога соблюдается во всем точность в высшей степени. "**И звезда от звезды,** - так сказано, - **разнится в славе**" (1Кор.15:41). Хотя все были апостолами, все двенадцать должны были сесть на престолах, все оставили свое и последовали за Христом, однако же, Он избрал троих. Опять и об этих троих Он сказал, что иные займут место ниже, а другие выше. Он сказал: "**дать сесть у Меня по правую сторону и по левую - не от Меня зависит, но кому уготовано**" (Мар. 10:40). Петру отдает перед ними первенство, говоря: "**любишь ли ты Меня больше, нежели они**" (Иоан. 21:15)? А Иоанн любил Его более прочих. И испытание всех вообще будет строгое: хотя бы ты немного превосходил ближнего, хотя бы это преимущество было весьма мало и даже ничтожно, Бог не оставит и его без внимания. Это ясно можно видеть и в Ветхом Завете. И Лот был праведен, но не так, как Авраам, то же и Езекия, но не столько, как Давид, и все пророки, но не так, как Иоанн. Итак, где те, которые и при таком правосудии Божьем не допускают существования геенны? Если праведники не все получат равные награды, хотя бы и мало превосходили друг друга (звезда от звезды, как сказано, разнится в славе), то, как же грешники получат одно и то же с праведниками? И человек не допустит такого слияния, а тем более Бог. Но если угодно, я докажу вам это различие и строгое правосудие на самих грешниках и на основании того, что уже произошло. Смотри же: согрешил Адам, согрешила и Ева, и хотя оба преступили заповедь, однако же, не в равной степени согрешили, почему не одинаково и наказаны. Различие было так велико, что Павел сказал: "**не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление**" (1 Тим. 2:14). Хотя прельщение было одно, однако же, по строгому испытанию Божьему оказалось такое различие, что Павел мог сказать это. Опять Каин наказан, а Ламех, после него совершив убийство, не понес подобного наказания, хотя и здесь убийство, и там убийство, даже Ламехово убийство гораздо ужаснее, потому что Ламех, и под воздействием примера, не сделался лучше; но, так как он убил не брата и не после сделанного ему вразумления, не имел нужды в обличителе и не отвечал с бесстыдством на вопрос Божий, напротив, - никем не обличаемый, сам себя укорил и осудил, то он и получил себе прощение, а Каин, поступивший совершенно иначе, был наказан. Заметь, с какой точностью Бог испытывает каждое дело. Поэтому иначе Он наказал живших перед потопом и иначе содомлян; и израильтян он также различно наказывал и в Вавилоне и при Антиохе, показывая, что Он строго взвешивает наши дела. Одни работали семьдесят, другие четыреста лет, иные ели собственных детей и перенесли тысячи других ужаснейших бедствий, и при всем том не получили избавления, как израильтяне, так и те, которые заживо сгорели в Содоме. Сказано: "**отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому**" (Матф. 10:15). Если бы Бог не наблюдал за тем, грешим ли мы, или делаем добро, то, может быть, было бы некоторое основание сказать, что нет наказания, а если Он так много печется о том, чтобы мы не грешили, и

употребляет такие большие меры, чтобы исправить нас, то очевидно, что Он наказывает и согрешающих и венчает делающих добро. Обрати опять внимание на непостоянство (в суждениях) большинства людей. Здесь жалуются на Бога, что Он часто бывает долготерпелив и равнодушно взирает на то, что многие злодеи, распутники, притеснители остаются без наказания; там опять горько и сильно ропщут на то, что Бог угрожает им наказанием, хотя, конечно, если последнее огорчает их, то первое следовало бы восхвалить и одобрить. О, безумие! О, скотское и ослиное рассуждение! О, грехолюбивая и преданная пороку душа! Ведь все эти суждения происходят от любви к удовольствиям, а если бы рассуждающие таким образом захотели прилепиться к добродетели, то они скоро убедились бы в геенне и не стали более сомневаться.

Спрашиваешь, где и в каком месте будет геенна? Но что тебе до этого? Нужно знать, что она есть, а не то, где и в каком месте скрывается, некоторые пустословят и говорят, что она находится на Иосафатовой долине, основываясь на том, что здесь была какая-то давняя война, и теперь превращая ее в геенну. Но Писание этого не говорит. Ты спрашиваешь: в каком месте будет геенна? По моему мнению, где-нибудь вне всего этого мира. Как царские темницы и рудокопни бывают вдали, так и геенна будет где-нибудь вне этой вселенной.

5. Итак, станем спрашивать не о том, где она находится, но как избежать ее, а также на том основании, что Бог не всех наказывает здесь, ты не должен не верить будущим наказаниям; ведь Он человеколюбив и долготерпелив, потому угрожает и не тотчас ввергает (в геенну). "**Не хочу смерти умирающего**" (Иезек. 18:32), - говорит Он. А если нет смерти для грешника, то это напрасно сказано. Знаю, что для вас всего неприятнее речь о геенне, но для меня нет ничего приятнее этого. О, если бы вы и за обедом, и за ужином, и в бане - везде беседовали о геенне! Тогда мы не сетовали бы на настоящие бедствия и не услаждались бы земными благами. Да и что ты назовешь несчастьем: нищету, болезнь, плен, лишение членов тела? Все это достойно смеха в сравнении с будущим наказанием. Хотя бы ты указал мне на томящихся всегда от голода, на лишенных зрения с младенчества, на живущих нищенством, - и это ничего не значит в сравнении с будущим мучением. Потому будем непрестанно говорить о геенне, память о которой не допустит нас впасть в нее. Или ты не слышишь, что говорит Павел: "**подвергнутся наказанию, вечной погибели, от лица Господа**" (2Фесс.1:9)? Или не слышал, каков был Нерон, которого Павел называет антихристовой тайной? "**Ибо тайна беззакония уже в действии**", - говорит он. Итак, что же? Неужели ничего не потерпит Нерон? Ничего не потерпит антихрист? Ничего дьявол? А следовательно, антихрист и дьявол всегда будут, потому что, оставшись без наказания, не оставят злобы своей. Да, говоришь ты, всякому известно, что есть наказание и геенна, но впадут в геенну одни неверующие. Почему же, скажи мне? Потому, отвечаешь, что верующие познали своего Владыку. Что же из этого? Если жизнь их нечиста, то они подвергнутся за это большему наказанию, чем неверные. "**Те, которые, не имея закона, согрешили, вне закона и погибнут; а те, которые под законом согрешили, по закону осудятся**" (Рим. 2:12). И еще: "**раб же тот, который знал волю господина своего, и не делал по воле его, бит будет много**" (Лук. 12:47). Но если это сказано без цели и нам не придется отдавать отчет в жизни, то и дьявол не будет наказан, потому что он знает Бога лучше многих из людей, и все бесы знают Бога, трепещут Его и признают Судьей. Значит, если не потребуется от нас отчета в жизни и в злых делах, то и бесы избегнут наказания. Нет, это не так! Не обманывайте сами себя, возлюбленные. Если нет геенны, то, как же апостолы будут судить двенадцать колен Израилевых? Как же Павел говорит: "**разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские**" (1 Кор. 6:3)? Для чего же Христос сказал: "**ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его**" (Матф. 12:41); и еще: "**отраднее земле Содомской в день суда**" (Матф. 11:24)? Итак, зачем ты шутишь

тем, чем шутить не должно? Зачем ты обманываешь себя самого и вводишь в заблуждение душу свою? Зачем борешься против Божьего человеколюбия? Бог уготовал геенну и угрожает ею для того именно, чтобы мы, сделавшись от страха лучше, не впали в нее. Таким образом, кто не позволяет говорит о геенне, тот незаметно делает не что иное, как этим обманом толкает и ввергает другого в геенну. Не ослабляй же рук, подвизающихся в добродетели, не усиливай нерадения в людях, погруженных в сон. Если бы большинство людей поверили, что нет геенны, то когда они отстанут от порока? Где же явится правда? Не говорю о правде в отношении к грешникам и праведникам, но в отношении к грешникам и к грешникам. Почему один наказан здесь, а другой не наказан за одни и те же грехи или и гораздо более тяжкие? Если нет геенны, ты не в состоянии будешь отвечать на такое возражение. А потому и прошу вас оставить такую смешную мысль и этим заградить уста возражающих против этого. В самых малых делах, как худых, так и добрых, будет строгое испытание. И за нескромный взгляд мы подвергнемся наказанию, дадим отчет за праздное слово, за смех и злоречие, за помысел и пьянство, а равно и в добрых делах - за чашу студеной воды, за ласковое слово, за один вздох получим награду. Сказано: "**на челах людей скорбящих, воздыхающих обо всех мерзостях, сделай знак**" (Иезек. 9:4). Как же ты смеешь говорить, что Бог, с такой строгостью испытующий нашу жизнь, напрасно и без причины угрожает геенной? Прошу тебя, не губи такими суетными надеждами и себя самого, и тех, которые верят тебе. Если ты не веришь нашим словам, спроси иудеев, эллинов, всех еретиков, и все они как бы одними устами ответят, что будет суд и воздаяние. Но тебе не достаточно человеческого свидетельства? Тогда спроси самих бесов и услышишь, как они вопиют: "**пришел Ты сюда прежде времени мучить нас**" (Матф. 8:29)? Сообразив же все это, убеди душу твою не предаваться суетным мыслям, чтобы она на опыте не изведала геенны, а напротив, уцеломудрившись помышлением о геенне, могла бы не только избежать будущих мучений, но и получить будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 32

"Умоляю вас, братья, остерегайтесь производящих разделения и соблазны, вопреки учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них; ибо такие люди служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву, и ласкательством и красноречием обольщают сердца простодушных" (Римл. 16:17-18).

1. Опять увещание и после увещания молитва. Сказав: остерегайтесь вводящих разделения и не слушайтесь их, (апостол) присовокупил: "**Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими**", и: "**Благодать Господа с вами**" (Римл. 16:20). Заметь же, как снисходительно он увещевает, делая это не как советник, но как слуга и даже с большим к ним уважением. (Апостол) называет их братьями и просит, говоря: "**умоляю вас, братья**". Потом предостерегает их, обнаруживая козни вредных людей. Но так как эти люди не действовали явно, то (апостол) говорит: "**умоляю вас, остерегайтесь**", то есть, тщательно исследуйте, узнавайте, испытывайте. Кого же именно остерегаться? "**Производящих разделения и соблазны, вопреки учению, которому вы научились**", потому что разделение всего более подрывает церковь, это - дьявольское оружие, им все ниспровергается. Пока единение соблюдается в теле (церкви), до тех пор дьявол не может иметь доступа, но от разделения происходит соблазн. Отчего же разделение? От учений, противных учению (апостолов). Откуда же такие учения? От служения чреву и прочим страстям. "**Такие люди**", - говорит (апостол), - "**служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву**". Таким образом, не было бы ни соблазнов, ни разделения, если бы не было выдумано учение, противное учению апостольскому; указывая на это, (апостол) и говорит здесь: "**вопреки учению**". Он не сказал: которому мы научили, но:

"**которому вы научились**", чем предупреждает их и показывает, что они совершенно убеждены, услышали и приняли учение. Что же нам делать с этими зловредными людьми? (Апостол) не сказал: идите против них и бейте, но: "**уклоняйтесь от них**". Если бы они делали это по незнанию или по заблуждению, то их следовало бы исправить, но так как они с сознанием грешат, то удаляйтесь от них прочь. И в другом месте (апостол) говорит: "**удаляйтесь от всякого брата, поступающего бесчинно**" (2 Фессалон. 3:6). И относительно (Александра) ковача он дает такой же совет Тимофею, говоря: "**берегись его и ты**" (2 Тим. 4:15). Потом, укоряя тех, которые осмеливаются вводить разделение, он показывает и причину этого их поступка, говоря: "**такие люди служат не Господу, а своему чреву**". То же самое он говорил и в Послании к филиппийцам: "**их бог – чрево**" (Филип. 3:19). А здесь, как думаю, (апостол) делает намек на обратившихся из иудеев, которых обыкновенно всегда укоряет в чрезмерном чревоугодии. И в Послании к Титу он сказал о них: "**злые звери, утробы ленивые**" (Тит. 1:12). Также Христос, обвиняя их в этом, говорит: "**поедаете дома вдов**" (Матф. 23:14). И пророки обличали их в том же, - сказано: "**утучнел, отолстел и разжирел; и оставил Бога**" (Втор. 32:15). Потому и Моисей увещевал их так: "**будешь есть и насыщаться; берегись, чтобы не забыл ты Господа**" (Втор. 6:11-12). И по свидетельству Евангелия иудеи говорили Христу: "**каким знамением докажешь Ты нам**" (Иоан. 2:18)? - и, оставив все остальное, упоминают только о манне. Таким образом, из всего можно видеть, что иудеи были заражены страстью чревоугодия. Как же брату Христа не стыдиться иметь учителями рабов чрева? Итак, чревоугодие служит причиной заблуждения, а способ злоумышления есть опять другая болезнь, именно - лесть. "**Ласкательством и красноречием обольщают сердца простодушных**", говорит (апостол). Хорошо сказано: "**красноречием**". Услуги льстецов только на словах, а сердце их не таково, но исполнено коварства. Далее (апостол) не сказал: прельщают вас, но: "**сердца простодушных**". Даже и этим не ограничился, но, чтобы слова его показались не слишком резкими, продолжает: "**ваша покорность вере всем известна**" (Римл. 16:19). Это сказано не с тем, чтобы избавить их от стыда, но чтобы предупредить похвалами и множеством свидетелей удержать в повиновении. Не я один, говорит, свидетельствую, но целая вселенная. И не сказал (апостол): ваше благоразумие, но: "**ваша покорность**", то есть повиновение, а это свидетельствовало о великой кротости. "**Радуюсь за вас**". Немалая и это похвала. Потом за похвалой следует увещание. Освободив их от обличения, (апостол), чтобы они по забвению не могли сделаться более нерадивыми, снова делает им намеки и говорит: "**желаю, чтобы вы были мудры на добро и просты на зло**". Видишь ли, как тонко он опять обличает их, когда они и не подозревают этого, так как этим (апостол) намекает, что некоторые из них уже обольщены. "**Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре**" (Римл. 16:20). Так как (апостол) сказал о вводящих раздоры и соблазны, то говорит теперь о Боге мира, чтобы они смело надеялись на освобождение от них. Кто любит мир, тот ниспровергает все, нарушающее мир. И не сказал (апостол) - покорит, но, что гораздо важнее – "**сокрушит**", сокрушит не только тех, которые вводят раздоры, но и вождя их - сатану. И не просто сокрушит, но сокрушит "**под ногами вашими**", так что они одержат победу и сделаются знаменитыми вследствие этой победы. (Апостол) утешает также и непродолжительностью времени, а именно присовокупил – "**вскоре**". Таким образом, в словах его заключались вместе и молитва и пророчество. "**Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами**". Вот величайшее оружие, несокрушимая стена, непоколебимая крепость, - (апостол) для того и напомнил им о благодати, чтобы сделать их более ревностными. Если вы освободились от более опасного и освободились по одной благодати, то тем более освободитесь от меньшего, когда сделались и друзьями и присоединили собственные свои усилия.

2. Видишь, как (апостол) не отделяет и молитву от дел, и дела от молитвы. Засвидетельствовав об их послушании, он потом стал молиться, показывая этим, что, если

мы со всем усердием ищем спасения, то необходимо для нас и то, и другое, и собственные усилия, и благодать Божья. В благодати Божьей мы не только прежде имели нужду, но и теперь имеем, как бы мы ни были велики и искусны. "**Приветствуют вас Тимофей, сотрудник мой**" (Римл. 16:21). Видишь опять обычные похвалы? "**И Луций, Иасон и Сосипатр, сродники мои**". Об Иасоне упоминает также и Лука и представляет на его мужество, говоря: "**повлекли Иасона и некоторых братьев к городским начальникам, крича**" (Деян. 17:6). Естественно, что и остальные были люди примечательные, так как (Павел) не упомянул бы просто о сродниках, если бы они не были подобны ему по благочестию. "**Приветствую вас и я, Тертий, писавший сие послание**" (Римл. 16:22). И это немалая похвала - быть писцом Павла; но, конечно, Тертий говорит это не в похвалу себе, но чтобы служением своим привлечь к себе горячую любовь римлян. "**Приветствует вас Гаий, странноприимец**" (ξενος) "**мой и всей церкви**" (Римл. 16:23). Замечаешь ли, какой венец сплел ему (апостол), засвидетельствовав о столь великом его страннолюбии и собрав всю церковь к нему в дом? Словом ξενος он называет здесь странноприимца. А когда услышишь, что Гаий принимал у себя в доме Павла, дивись не только щедрости, но и строгой жизни Гаия, потому что, если бы Гаий не был достоин добродетелей Павла, то Павел и не пошел бы к нему в дом. Стараясь исполнить многие из заповедей Христовых более того, сколько ими предписывалось, (апостол) не преступил бы того закона, которым повелевалось наперед осведомляться о принимающих и останавливаться в домах у достойных. "**Приветствует вас Ераст, городской казнохранитель, и брат Кварт**" (Римл. 16:23). Не без основания (апостол) прибавил слова: "**городской казнохранитель**", но как писал и филиппийцам: "**приветствуют вас наипаче из кесарева дома**" (Фил. 4:22), чтобы показать, что проповедь коснулась и людей знатных, - так и здесь с той же самой целью упоминает о достоинстве Ераста, давая этим понять, что внимательному к себе человеку не служат препятствием ни богатство, ни заботы по должности, ни другое тому подобное. "**Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь**" (Римл. 16:24). Видишь ли, чем должно все начинать и оканчивать? Это самое апостол положил и в основание своего послания, этим же и покрыл все здание, одновременно испрашивая римлянам у Бога благодать - мать всех благ и напоминая им обо всех благодеяниях Божьих. Это преимущественная черта доблестного учителя - помогать ученикам не только словом, но и молитвой, почему и сказано: "**мы постоянно пребудем в молитве и служении слова**" (Деян. 6:4). Кто же будет молиться о нас, после того как Павел отошел от нас? Подражатели Павла, - сделаемся только достойными этого ходатайства о нас, чтобы не только здесь слышать нам голос Павла, но и по удалении туда удостоиться нам видеть Христова подвижника; или лучше сказать, если здесь будем слушать его, то, без сомнения, и там его увидим, и хотя будем стоять и не возле него, но, несомненно, увидим его во всем блеске близ царского престола, где славословят херувимы, где парят серафимы. Там мы и увидим Павла вместе с Петром, как главного и первоверховного в лике святых, и там вполне насладимся его любовью. Если в этой жизни он столько любил людей, что, при всем желании разрешиться и быть с Христом, предпочитал оставаться во плоти (Фил. 1:23), то тем более пламенную любовь он покажет там. Поэтому и я люблю Рим; хотя можно хвалить в нем многое - его обширность, древность, красоту, многолюдство, могущество, богатство, военные доблести, но, оставив все это, я прославляю его за то, что Павел при жизни своей писал к римлянам, весьма любил их, беседовал с ними лично и жизнь свою окончил в Риме. И город (Рим) этим знаменит более чем всем прочим. Подобно великому и могучему телу, Рим имеет два светлых ока - тела этих святых апостолов. Не так блистательно небо, когда солнце разливает лучи свои, как блистателен город римлян, озаряющий все концы вселенной этими двумя светилами. Оттуда будет восхищен Павел, оттуда Петр. Помыслите и содрогнитесь, какое зрелище представит Рим, когда Павел и Петр восстанут там из своих гробов и будут восхищены для встречи Христа, какую розу поднесет Рим Христу, какие два венца украшают этот город, какие золотые цепи опоясывают его,

какими обладает он источниками. Потому я и удивляюсь Риму, а не множеству золота, не колонам, не прочим украшениям, но этим столпам Церкви.

3. Кто даст мне ныне прикоснуться к телу Павла, прильнуть к гробу и увидеть прах этого тела, которое восполнило в себе недостаток скорбей Христовых, носило язвы Христовы, повсюду посеяло проповедь, прах того тела, в котором Павел обтек вселенную, прах тела, посредством которого вещал Христос, воссиял свет блистательнее всякой молнии, возгремел глас, бывший для демонов ужаснее всякого грома, при помощи которого Павел изрек те вожделенные слова: "**желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих**" (Рим. 9:3), в котором он говорил перед царями и не стыдился, а мы познали Павла и самого Владыку его. Не столько страшен для нас гром, сколько страшен для демонов голос его. Если демоны трепетали одежд его, то тем более голоса его. Этот голос привел демонов связанными, очистил вселенную, прекратил болезни, изгнал порок, водворил истину; в этом голосе присутствовал сам Христос и всюду с ним шествовал; голос Павла был то же, что херувимы. Как восседает Христос на небесных силах, так восседал он и на языке Павла. Подлинно достоин был принять Христа этот язык, вещавший только угодное Христу и, подобно серафимам, воспаривший на неизреченную высоту. Что превыспреннее такого голоса, который вещает: "**ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божьей во Христе Иисусе, Господе нашем**" (Рим. 8:38-39)? Сколько, ты думаешь, крыльев, сколько очей было у этого голоса? Потому-то он и говорил: "**нам не безызвестны его умыслы**" (2 Кор. 2:11); потому-то и бегали демоны, когда не только слышали вещания Павла, но и видели одежду его, хотя бы Павел и находился далеко. Я желал бы увидеть прах этих уст, посредством которых Христос изрек великие и неизреченные тайны, даже большие тех, какие возвестил сам, потому что как через учеников Он и совершил больше, так и изрек больше, - прах тех уст, которыми Дух дал вселенной дивные свои провозвестия. Чего не совершили благие уста Павла? Изгнали бесов, избавили от грехов, заградили уста мучителям, связали язык философов, привели вселенную к Богу, убедили варваров быть любомудрыми, преобразовали все на земле и на небе устраивали таким образом, как желал Павел, потому что он, по данной ему власти, вязал и разрешал тех, кого хотел. Я желал бы увидеть прах не только уст, но и сердца Павлова, которое можно, не погрешая, назвать сердцем вселенной, источником тысячи бесчисленных благ, началом и стихией нашей жизни. Из этого сердца разливался на все дух жизни и передавался членам Христовым, будучи сообщаем не посредством жил, но посредством добровольных благих дел. Это сердце было так пространно, что вмещало в себе целые города, племена и народы. "**Сердце наше расширено**" (2 Кор. 6:11), говорит (апостол). Однако же и это столь пространное сердце нередко сжимала и угнетала расширяющая его любовь, как говорит сам (Павел): "**от великой скорби и стесненного сердца я писал вам**" (2 Кор. 2:4). Я желал бы видеть и разрушившееся это сердце, которое воспламенялось против каждого из погибающих и вторично мучилось болезнями рождения о чадах, родившихся несовершенными, которое видит Бога (как сказано: "**блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят**"), которое сделалось жертвой ("**жертва Богу - дух сокрушенный**" - Псал. 50:19), было превыше небес, пространнее вселенной, блистательнее луча солнечного, горячее огня, тверже алмаза и источило реки, как сказано: "**из чрева потекут реки воды живой**" (Иоан. 7:38). В этом сердце был источник текущий и напояющий не лицо земли, но человеческие души, из него и ночью, и днем истекали не простые реки, но источники слез, оно жило новой, а не этой - нашей жизнью. "**Уже не я живу, но живет во мне Христос**" (Гал. 2:20), говорит (Павел). Итак, сердце его было Христовым сердцем, скрижалью Духа Святого, книгой благодати. Оно трепетало за чужие грехи: "**боюсь**", говорит (апостол), "**не напрасно ли я трудился у вас**" (Гал. 4:11), "**чтобы, как змий хитростью своей прельстил Еву**" (2 Кор. 11:3), "**по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю**" (2 Кор. 12:20); а

за себя оно и боялось, и имело дерзновение: "**боюсь**", говорит (апостол), "**проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (1 Кор. 9:27), и также: "**уверен, что Ангелы, ни Начала, не смогут отлучить нас**" (Рим. 8:38); оно удостоилось так возлюбить Христа, как не любил никто другой, презирало смерть и геенну, сокрушалось от братских слез: "**что вы делаете**", говорит (Павел), "**что плачете и сокрушаете сердце мое**" (Деян. 21:13); это сердце было самое терпеливое, однако же, и в течение короткого времени не могло стерпеть отчуждения фессалоникийцев.

4. Я желал бы увидеть прах рук, бывших в узах, - рук, через возложение которых (Павел) подавал Духа и которыми написал он эти письмена: "**видите, как много написал я вам своей рукой**" (Гал. 6:11), и еще: "**мое, Павла, приветствие собственноручно**" (1 Кор. 16:21), - прах рук, увидев которые ехидна упала в огонь. Я желал бы увидеть прах очей, которые не напрасно потеряли зрение, прозрели во спасение вселенной и еще в теле удостоились увидеть Христа, которые смотрели на земное и не видели, созерцали незримое, не знали сна, бодрствовали среди ночей и не страдали тем, что свойственно завистникам. Я желал бы увидеть прах тех ног, которые обтекли вселенную и не утомились, которые были заключены в колоду, когда поколебалась темница, которые обошли обитаемую и необитаемую землю и многократно по ней путешествовали (Деян. 16:24,26). Но зачем говорить в подробностях? Я желал бы увидеть гроб, в котором положено оружие правды, оружие света, члены ныне живые, но мертвые тогда, когда находился Павел в живых, члены, в которых жил Христос, члены распятые миру, члены Христовы, во Христа облеченные, храм Духа, святое здание, члены связанные Духом, пригвожденные страхом Божьим, носящие на себе язвы Христовы. Это тело ограждает Рим, оно надежнее всякого укрепления и бесчисленных стен. А с ним и тело Петра, потому что Павел почитал Петра еще при жизни: "**ходил видеться с Петром**" (Гал. 1:18), говорит он. Потому благодать удостоила его и после смерти быть с Петром под одним кровом. Я желал бы увидеть этого духовного льва. Как лев, дышащий пламенем на стада лисиц, напал он на сборище бесов и философов и, подобно быстрой молнии, ворвался в дьявольские полчища. И дьявол не мог стоять против него прямо и открыто, но так боялся и трепетал, что, как скоро замечал его тень и слышал его голос, бежал далеко. Так Павел, будучи вдали, предал сатане впадшего в блудодеяние и потом опять исхитил из рук его (1 Кор. 5:35). Так поступал и с другими, чтобы научились не богохульствовать. И смотри, как Павел поощряет, возбуждает и укрепляет подчиненных своих. Так Ефесянам он говорит: "**потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей**" (Ефес. 6:12), и потом указывает на награду в небесном, говоря, что подвизаемся не ради земного, но ради неба и небесного; а другим пишет: "**разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские**" (1 Кор. 6:3)? Итак, размыслив обо всем этом, будем мужественны. И Павел был человек, и он имел одинаковое с нами естество, и все прочее было у него общее с нами. Но так как он явил великую любовь к Христу, то взошел превыше небес и стал с ангелами. Таким образом, если и мы захотим хотя бы немного вознестись и возжечь в себе этот огонь, то и мы будем в состоянии подражать святому (апостолу). А если бы это было невозможно, то (Павел) не восклицал бы: "**подражайте мне, как я Христу**" (1 Кор. 4:16). Итак, не будем только удивляться ему, не станем только изумляться перед ним, но и будем подражать ему, чтобы, по отшествии отсюда, нам удостоиться узреть его и участвовать в неизреченной славе, достигнуть которой да будет дано всем нам, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том X

Книга 1

Беседы на 1-е послание к Коринфянам

БЕСЕДА ПЕРВАЯ на 1Кор.1:1-3. Смирение Павла. - Единение церкви. - Нужно искать благодати у Бога, а не у людей. - Значение смиренномудрия.

БЕСЕДА ВТОРАЯ на 1Кор.1:4-5. Нужно благодарить Бога. - Неповиновение Божию зову. - Никто не бывает добр или зол по природе.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ на 1Кор.1:10. Обличения должны быть постепенны и умеренны. - Павел не считает себя предпочтительнее пред Петром. - Спор о Павле и Платоне. - Дивная победа апостолов. - Нужно побеждать более жизнью, чем философией.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ на 1Кор.1:18-20. Предметы веры выше суждений разума. - Действия Христа, совершаемые противными действиям способами. - Сократ принужден был выпить яд из цикуты. - Страдания мучеников. - Протагор, Диагор и Феодор Безбожник. - В отношении к язычникам необходима снисходительность, как к детям.

БЕСЕДА ПЯТАЯ на 1Кор.1:26-27. При помощи благодати Божией апостолы обратили вселенную. - Против театральных зрелищ.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ на 1Кор.2:1-2. Для проповеди не нужна мирская мудрость. - Вера и знамения. - Почему ныне не все веруют.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ на 1Кор.2:6-7. Мудрость философов сделалась безумием. - Многие из священных книг потеряны. - Учение Христа подтверждается чудесами и исполнением предсказанного Им.

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ на 1Кор.3:1-3. Может быть плотским и тот, кто совершает знамения. - Никогда не нужно отчаиваться в спасении.

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ на 1Кор.3:12-15. Мучение грешников не имеет конца. - Изображение греха вообще и корыстолюбия в частности.

БЕСЕДА ДЕСЯТАЯ на 1Кор.3:18-19. Способ обличения Павлом кровосмесника. - Осуждение внешней мудрости. - Порицание гордости священников. - Как следует пользоваться богатством.

БЕСЕДА ОДИННАДЦАТАЯ на 1Кор.4:3-4. Не следует осуждать ближних. - Человеческий суд ошибочен. - Прелюбодеяние помрачает душу. - Пристрастие к деньгам порождает великое зло.

БЕСЕДА ДВЕНАДЦАТАЯ на 1Кор.4:4-6. Вред от гордости. - Мудрость Павла. - Не следует искать похвалы у людей, но у Бога. - Предосудительность театральных зрелищ, конских ристалищ и звериной травли. - Осуждение свадебных обычаев. - Суеверные перевязки, погремушки и разные предрассудки.

БЕСЕДА ТРИНАДЦАТАЯ на 1Кор.4:10. О подражании Христу. - Изображения Павла и его добродетелей. - Богатство при хорошем его употреблении не составляет греха.

БЕСЕДА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ на 1Кор.4:17. Павел пламеннее огня. - Каким образом возможно приобрести Царство Небесное. - Добродетель не бывает тяжка. - Бедствия, причиняемые страстью к деньгам.

БЕСЕДА ПЯТНАДЦАТАЯ на 1Кор.5:1-2. Как поступает Павел с явным прелюбодеем. - Для христианина всякое время есть праздник. - Мудрость Павла. - В каком смысле любостяжание есть старая закваска. - Добрые плоды милостыни.

БЕСЕДА ШЕСТНАДЦАТАЯ на 1Кор.5:9-11. Об уклонении от языческих судилищ. - Страсть к деньгам все извращает. - О перенесении оскорблений и обид. - Кто не подает милостыни бедным, идет в геенну.

БЕСЕДА СЕМНАДЦАТАЯ на 1Кор.6:12. Доказательство истины воскресения. - Где причина греха.

БЕСЕДА ВОСЕМНАДЦАТАЯ на 1Кор.6:15. Человек имеет возможность не грешить.

БЕСЕДА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ на 1Кор.7:1-2. О правах супружества. - В отношении ко Христу раб и свободный равны. - Пагубные следствия зависти.

БЕСЕДА ДВАДЦАТАЯ на 1Кор.8:1. О ядении идольских жертв. - Великолепие человеческое ничтожно.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ на 1Кор.9:1. Почему Павел восхваляет себя. - Мудрость Павла. - Против сребролюбцев. - Нужно щедро подавать милостыню. - Употребление церковного достояния на нужды бедных.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ на 1Кор.9:13-14. Как поступал Павел для спасения других. - Порочная страсть кратковременна, а причиняемое ею огорчение продолжительно.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ на 1Кор.9:24. Не следует отчаиваться в подвигах добродетели из-за трудности дела. - Загробные наказания будут вечны. - Сила покаяния в настоящей жизни и его бесполезность в будущей.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ на 1Кор.10:13. Сила искушений. - Святость и непорочность Тела Христова.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ на 1Кор.10:25. Подвиг не бывает великим, если не приносит пользы другим. - Величие Павловой души.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ на 1Кор.11:2. Что прилично мужам и женам. - Муж должен совершать подвиги любомудрия, не выжидая, чтобы первая начала жена, равно и

жена должна их совершать, не выжидая, чтобы первый начал муж. - Бить жену постыдно. - Изречение философа (Сократа) о злой жене.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ на 1Кор.11:17. О собраниях для вкушения пищи и вечери Господней. - Обязанность разделять трапезу с бедными.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ на 1Кор.11:28. Причащающемуся необходима чистота совести. - Нравственное наставление. - Нужно избегать чрезмерного сетования об умерших. - Пример Иова.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ на 1Кор.12:1-2. О датах св. Духа, послуживших поводом к несогласию. - Против духоборцев. - Не нужно быть пытливым касательно распределения благ Богом. - Вещественные блага скоропреходящи.

БЕСЕДА ТРИДЦАТАЯ на 1Кор.12:12. Сравнение церкви с человеческим телом. - Вдовицы в церкви. - Следует пренебрегать деньгами.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ на 1Кор.12:21. Необходимость согласия и опасность вражды. - Ничто не производит такого разделения, как зависть.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ на 1Кор.12:27. В Церкви Христовой было больше пророков, чем в Ветхом завете. - Благодатные дары без любви и доброй жизни не приносят пользы. - Любовь свободна от всякого зла. - Павел иногда вынуждаем был хвалиться.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ на 1Кор.13:4. Значение любви. - Дело диавола - отторгать людей друг от друга. - Любовь все преодолевает.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ на 1Кор.13:8. Любовь избавляет от всех зол. - Похвала любви. - Польза, получаемая от бедных. - Происхождение богатства и бедности.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ на 1Кор.14:1. Дар пророчества имеет преимущество перед даром языков. - Для чего существовал дар языков. - Сила тщеславия. - Тщеславия похоже на дикого зверя. - Восхваление Павла. - Как христианин должен относиться к вещественным благам. - Способ врачевания души. - Тяжелое положение богачей.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ на 1Кор.14:20. О даре языков. - Милостыня - лучшее украшение. - Суетность богатства.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ на 1Кор.14:34. Правильный порядок всегда должен быть наблюдаем. - Болезнь сребролюбия. - Удовольствие от целомудрия.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ на 1Кор.15:1-2. Против манихеев. - Смиренномудрие Павла. - Преимущества бедности.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ на 1Кор.15:11. Доказательство воскресения. - Бездождие в Антиохии. - Безрассудная жестокость корыстолюбцев. - Дурные следствия роскоши.

БЕСЕДА СОРОКОВАЯ на 1Кор.15:29. Обряды маркионитян. - Обличение невоздержной жизни. - Непрочность стяжаний. - Плод роскоши - гниль. - Иметь множество слуг неодобрительно. - Против расхаживающих с толпой прислужников.

БЕСЕДА СОРОК ПЕРВАЯ на 1Кор.15:35. Против еретиков, утверждающих, что воскреснет иное тело. - Нужно не излишне оплакивать умерших, но помогать им молитвами и добрыми делами.

БЕСЕДА СОРОК ВТОРАЯ на 1Кор.15:47. Состояние тел после воскресения. - Призыв к исправлению.

БЕСЕДА СОРОК ТРЕТЬЯ на 1Кор.16:1. О милостыне.

БЕСЕДА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ на 1Кор.16:10. Зло, проистекающее от надменности. - Как следует достигать исправления братии.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО ПОСЛАНИЯ К КОРИНФЯНАМ[1]

Коринф, ныне первый город Греции, в древности славился многими удобствами жизни и в особенности богатством; потому один из внешних (языческих) писателей назвал его богатым местом[2]. Он лежит на Пелопонезском перешейке и был весьма важен в торговом отношении; также был наполнен множеством риторов и философов; и один из семи так называемых мудрецов происходил из этого города. Это сказано нами не из тщеславия и не с целью показать ученость, – что в самом деле за важное дело знать это? – но потому что имеет отношение к предмету послания. Много пострадал в этом городе Павел; здесь ему явился Христос и сказал: "**но говори и не умолкай, потому что у Меня много людей в этом городе**" (Деян.18:9-10); здесь он оставался два года. Здесь был изгнан злой дух, от которого иудейские заклинатели много потерпели; здесь рассеявшиеся (жители), собравши волшебные книги, сожгли их, по исчислению на пятьдесят тысяч драхм[3]. Здесь же, при проконсуле Галлионе, Павел был бит пред судилищем[4]. Диавол, видя, что великий и многолюдный, славный богатством и мудростью и главный в Греции город принял истину, а дела афинян и лакедемонян, которых владычество давно пало, были в жалком состоянии, – видя, что жители его с великим усердием принимали слово Божие, что делает? Он разделяет их, так как знал, что и самое сильное царство, разделившись само в себе, устоять не может. Для исполнения своих козней он воспользовался богатством н мудростью жителей. И вот между ними образовались отдельные партии: некоторые самопроизвольно объявили себя предстоятелями народа, который приставал то к одним, то к другим, к однпм как богатым, к другим как мудрым и способным научить чему-то большему; а эти, привлекши его к себе, хвалились, что они преподают лучшее учение, нежели апостол, – на что намекая, он и говорил: "**я не мог говорить с вами, как с духовными**" (1Кор.3:1). Очевидно, что не от собственного его бессилия, а от их немощн произошло то, что они не услыниали многого. На то же он указывает, когда говорит: "**вы без нас обогатились**" (1Кор.4:8). Такое разделение церкви было делом не маловажным, но самым пагубным. При этом там был допущен и другой грех: некто, живший со своей мачехой, не только не встретил укора, но еще управлял народом и своим сообщникам подавал повод к высокомерию; потому (Павел) и говорит: "**и вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать**" (1Кор.5:2). Кроме того, некоторые, почитавшиеся совершеннейшими» по чревоугодию вкушая от идоложертвенного и участвуя при возлежании в капищах, позволяли себе всякую скверность. Еще иные, имея тяжбы п споры из-за имущества, обращались с своими делами к внешним судилищам. Также многие ходили у них с отпущенными волосами; им он и повелевает остричься. Был и другой грех немаловажный, – именно тот. что они в церквах вкушали пищу отдельно друг от друга и не уделяли нуждающимся. Затем погрешалп еще в том, что превозносились (духовными) дарованиями и соревновали в них

между собой, что всего более и разделяло их церковь. И учения о воскресении держались не твердо; некоторые из них не очень верили воскресению тел, страдая еще недугом языческого заблуждения. А все это происходило от бессмыслия внешней философии; она была матерью зол; оттого и разделились они, научившись этому также от философов, которые восстали друг против друга, постоянно из любоначалия и тщеславия противореча учению один другого н стараясь к прежнему прибавить что-нибудь новое. Они страдали таким недугом потому, что во всем полагались на свои умствования. Коринфяне прислалн Павлу послание чрез Фортуната, Стефана п Ахаика, с которыми и он отправляет свое послание, как говорит он в конце послания: впрочем (они писали) не о всем, а только о браке и девстве; потому он и сказал: "**а о чем вы писали ко мне**" (1Кор.7:1). Он пишет о том, о чем они писали и о чем не писали, обстоятельно разведав о всех их погрешностях. С посланием он отправляет к ним и Тимофея, зная, что хотя и послание будет иметь большую силу, но не малую пользу принесет им также присутствие этого ученика. Так как те, которые были причиной разделения церкви, стыдясь показаться делающими это из честолюбия, прикрывали свою страсть тем, будто они преподают совершеннейшее учение и будто сами мудрее других, то Павел прежде всего восстает против этого недуга, желая вырвать корень зла и прекратить происшедшее отсюда разделение, п восстает с болыпой силою. Ведь они, преимущественно пред всеми, были учениками его, как он сам говорит: "**если для других я не Апостол, то для вас; ибо печать моего апостольства – вы**" (9:2). Притом они были слабее других, как он же говорит: "**я не говорил с вами, как с духовными, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах**" (3:1-2). Говорит же так, чтобы они не подумали, что он говорит о прошедшем времени, – поэтому и присовокупляет: "**да и теперь не в силах**". Впрочем, вероятно, не все были преданы порокам, но были некоторые между ними и весьма благочестивые. На это указывает он в средине послания, когда говорит: "**для меня очень мало значит, как судите обо мне вы**" (4:3), и прибавляет: "**это приложил я к себе и Аполлосу**" (ст.6). Таким образом, поскольку все зло пронсходило от гордости и от того, что (некоторые) почитали себя знающими более других, то он низлагает ее прежде всего п начинает так:

БЕСЕДА 1

"Павел, волею Божиею призванный Апостол Иисуса Христа, и Сосфен брат, церкви Божией, находящейся в Коринфе, освященным во Христе Иисусе, призванным святым, со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа, во всяком месте, у них и у нас: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа" (1Кор.1:1-3).

1. Видишь ли, как Павел в самом начале низложил гордость и ниспроверг всякую надменность лжеучителей, назвав себя званным? Не сам я, говорит, изобрел то, чему научен, и не своею мудростью постиг это, но будучи призван, когда гнал и опустошал Церковь. Здесь, можно сказать, все принадлежит Призвавшему, а призванному ничего, разве только послушание. "**Иисуса Христа**". Учитель ваш – Христос; а вы людей считаете начальниками учения. "**Волею Божиею**", – так как Бог восхотел, чтобы вы спаслись таким образом. Мы сами не совершили ничего, но по воле Божией обрели спасение: призваны потому, что Ему было угодно, а не потому, чтобы мы были того достойны.

И Сосфен брат. Опять выражает смирение, поставляя на ряду с собою того, кто был гораздо меньше его; а расстояние между Павлом и Сосфеном велико. Если же он, не смотря на такое расстояние, поставил низшего наряду с собою, то что могут сказать те, которые презирают равночестных? "**Церкви Божией**". Не того или другого, но Божией. "**Находящейся в Коринфе**". Видишь ли, как он каждым выражением низлагает их

надменность. всячески возводя ум их к небу? Церковь называет Божиею, выражая тем, что в ней должно быть единение, потому что если она Божия, то соединена и едина, не только в Коринфе, но и во всей вселенной. Имя Церкви – это имя не разделения, но единения и согласия. "**Освященным о Христе Иисусе**". Опять приводит имя Иисуса, а не людей. Что такое – освящение? Омовение, очищение. Напоминает им о той нечистоте, от которой Он избавил их, и научает смиренномудрию, так как они освящены не за собственные добрые дела, но по человеколюбию Божию. "**Призванным святым**". И то самое, что вы спасаетесь верою, не от вас, говорит; не вы первые приступили, но были призваны, так что и это малое не вполне принадлежит вам. Хотя вы приступили, будучи отягощены множеством зол, но и этим обязаны не себе самим, а Богу.

Поэтому в послании к Ефесеям он говорит: "**благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас**" (Еф.2:8). II вера не вполне принадлежит вам: вы не сами, предварив Бога, уверовали, но послушались, когда были призваны. "**Со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа**". Имя не такого-то или иного, но Господа. "**Во всяком месте, у них и у нас**". Хотя послание писано только к коринфянам, но он упоминает о всех верующих по всей вселенной, показывая, что Церковь должна быть едина везде, хотя она находится в различных местах, и тем более – в Коринфе. Место разделяет, но Господь их соединяет, как общий для всех; потому, чтобы внушить им единение, он и присовокупил: "**у нас и у них**". Последнее важнее первого. Как находящиеся в одном месте, когда имеют многих несогласных между собою господ, бывают разделены, и место нисколько не способствует им быть в единении, потому что господа дают им различные приказания и каждый требует своего, – "**не можете**", сказано, "**служить Богу и маммоне**" (Мф.6:24), – так и находящиеся в различных местах, когда имеют не различных господ, а только одного, от мест не теряют согласия, потому что один Господь соединяет их. Итак, говорит, вы, коринфяне, должны быть в согласии не только с коринфянами, но и со всеми по всей вселенной, как имеющие общего Владыку; поэтому вторично присовокупнл: "**у нас**". Чтобы кто-либо из неразумных не подумал, что он допускает разделение, когда сказал: имя Господа нашего Иисуса Христа, он опять присовокупляет: Господа нашего же и тех. А чтобы это было яснее, прочту так, как требует смысл речи: Павел и Сосфен Церкви Божией, находящейся в Коринфе, и всем, призывающим имя Господа нашего и их, во всяком месте, в Риме ли, или где бы они ни были, – благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. Или можно так, и, мне кажется, это будет еще точнее: Павел и Сосфен находящимся в Коринфе освященным, званным святым со всеми призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа во всяком месте, как их так и нашего, т.е. благодать вам и мир вам, находящимся в Коринфе освященным, и сделавшимся званными, не одним вам, но вместе со всеми, во всяком месте призывающими имя Иисуса Христа, Господа нашего и их. Если же мир от благодати, то что ты высокоумствуешь, что надмеваешься, ты – спасающийся благодатию? Если ты в мире с Богом, то для чего прилепляешься к другим? Это ведь значит производить разделение. Для чего, если вы в мире с тем или другим, обладаете и благодатью? А я желаю, чтоб от Бога было вам то и другое, от Него и для Него. То и другое не будет твердо, если не произойдет от мановения свыше; и если не будет относиться к Нему, то не принесет вам никакой пользы. Нет никакой для нас пользы, если мы, будучи в мире, хотя бы со всеми, будем во вражде с Богом; и опять нет для нас никакого вреда, если мы, будучи в несогласии хотя бы со всеми, будем в мире с Богом. Точно также нет никакой пользы, если мы у всех заслуживаем одобрение, а Господа оскорбляем; и нет нпкакой опасности, если все отвращаются и ненавидят нас, а Бог приемлет и любит. Истинная благодать, истинный мнр – от Бога. Кто имеет благодать у Бога, тот не боится никого, хотя бы терпел множество зол, не только – человека, но – самого диавола. А кто оскорбил Бога, тот боится всех, хотя по-видимому находится в безопасностп. Человеческий род непостоянен: пе только друзья и братья, но и отцы, изменяя свое расположение часто по маловажной

причине, хуже всякого врага гнали того, кого родили, кого воспитали, и дети гнали отцов. Вот смотри.

2. Давид имел благодать пред Богом; Авессалом имел благодать пред людьми; а какой был конец того и другого и кто получил большую похвалу? Вы знаете это. Авраам имел благодать пред Богом, а фараон пред людьми, которые из угождения ему предали жену праведника: кто же из них оказался более славным и блаженным? Это всякому известно. И что говорить о праведных? Израильтяне имели благодать пред Богом и были ненавиднмы от людей – египтян, но превзошли ненавидевших и победили их, знаете, с какою славою. Потому будем все мы пещись об этом: раб пусть старается обрести благодать пред Богом прежде, нежели пред господином; жена пусть ищет благодати пред Спасителем Богом прежде, нежели пред мужем; воин пусть ищет благоволения свыше прежде, нежели от царя или начальника: таким именно образом ты заслужишь благоволение и от людей. Но как же обрести благодать пред Богом? Как же иначе, если не смиренномудрием? "**Бог**", говорит (Писание), "**гордым противится, а смиренным дает благодать**" (Притч.3:34); и: "**жертва Богу - дух сокрушенный; сердца смиренного Ты не презришь, Боже**" (Пс.50:19). Если и людям приятно смирение, тем более Богу. Так язычники обрели благодать; так и иудеи отпали от благодати: "**ибо они не покорились праведности Божией**" (Рим.10:3). Смиренный угоден и приятен всем, живет в постоянном мире и не имеет никакой причины ко вражде. Будешь ли оскорблять его, порицать и говорить ему что бы то ни было, он станет молчать и переносить с кротостью и будет иметь такой мир со всеми, какого и выразить невозможно, а вместе с тем – и с Богом. А заповеди Божии к тому и направлены, чтобы нам пребывать в мире с людьми, и вся жизнь наша хороша тогда, когда мы в мире . друг с другом; Богу же никто не может причинить зла: Он по природе Своей не подлежит влиянию зла и выше всякой страсти. Ничто так не делает христианина достойным удивления, как смиренномудрие. Послушай, как говорит Авраам: "**я, прах и пепел**" (Быт.18:27); или Бог о Моисее – что был самый кроткий из всех людей (Числ.12:3). Никто не был смиреннее его: управляя таким народом, потопив в море и царя и все войско египетское, как мух, совершив такие дела в Египте, в Чермном море и в пустыне, удостоившись такого свидетельства, он вел себя, как заурядный человек. И зять был смиреннее тестя и принял совет его; не оскорбился н не сказал: "что это? после таких-то н таких дел, ты пришел советовать мне?" Так поступают многие, хотя бы им предлагаем был самый лучший совет, пренебрегая советующим за его скромность. А он не так; напротив, делал все со смиренномудрием. Потому-то он презрел царские чертоги, что был истинно смиренным; смирепномудрие делает ум наш здравым и возвышенным. В самом деле, не знак ли высокой мудрости и великой души его – что он презрел и дом и стол царский? Цари у египтян почитались как боги, и наслаждались бесчисленными богатствами и сокровищами: но он оставил все это, отверг самый скипетр египетский и удалился к пленным и угнетенным, изнуренным "**глиной и кирпичами**", презираемым самими рабами его, – "**гнушались**[5] **ими**", говорится, "**египтяне**" (Исх.1:12); этих людей он предпочел владыкам. Так-то смиренный бывает высок и великодушен! Ведь гордость есть знак низкого ума и неблагородной души, кротость же – души высокой и великой.

3. Если угодно, объясним то и другое примерами. Скажи мне, кто был выше Авраама? А он говорил: "**я, прах и пепел**" (Быт.18:27); И еще: "**да не будет раздора между мною и тобою**" (Быт.13:8). Он был так смирен, что пренебрег добычею от персов и отверг трофеи над нноплеменниками; он поступил так по высоте и величию души своей, потому что тот и высок, кто смирен истинно, а не мнимо и притворно. Одно – величие души, а другое – надменность; это можно видеть из следующего. Положим, что один почитает грязь и грязью и пренебрегает ею, а другой удивляется грязи, как золоту, и почитает ее за нечто великое: кто из них человек высокий? Не тот ли, кто не удивляется грязи? А кто низок и

жалок? Не тот ли, кто удивляется ей и считает за нечто великое? Так и здесь. Кто называет себя землею и пеплом, тот высок, потому что говорит это по смиренномудрию; а кто не почитает себя землею и пеплом, но превозносится и высокомудрствует, тот низок, потому что малое почитает великим. Следовательно праотец (Авраам) по величию души сказал слова: "**я, прах и пепел**", – по величию души, а не по надменности. Как в теле иное – полнота и дородность, а иное – опухлость, потому что хотя в том и другом случае тело бывает тучным, но одно происходит от болезни, а другое от здоровья, так и здесь иное – надменность, – это тоже, что опухлость, – а иное – величие, это – полнота. Или еще положим, что один высок ростом, а другой, хотя и мал, но взявши ходули становится высоким: кого из них, скажи мне, назовем мы высоким и большим? Не того ли, кто высок по природе? Конечно, его, потому что у другого высота не своя, но он, ставши на ходули, делается из низкого высоким. Таковы многие из людей, превозносящиеся богатством и славою, которые не составляют величия. Высок тот, кто ни в чем подобном не имеет нужды, презирает все (земное) и имеет величие в самом себе. Будем же смиренными, чтобы нам сделаться высокими: "**кто унижает себя,**" говорит (Господь), "**тот возвысится**" (Мф.23:12). Не таков человек надменный; напротив, он ничтожнее всех; и пузырь надувается, но пуста полнота его; оттого таких людей мы и называем надутыми. Смиренномудрый и при величии своем не думает о себе много, зная свое смирение, а ничтожный и при малости своей многое о себе воображает. Будем же достигать величия смиренномудрием; будем помнить о природе (всего) человеческого, чтобы нам воспламениться желанием будущего. Не иначе ведь можно сделаться смиренным, как любовью к божественному и презрением к настоящему. Как тот, кто ожидает получить царство, когда вместо порфиры предложить бы ему какую-нибудь частную почесть, почел бы ее за ничто, так точно и мы посмеемся над всем настоящим, если воспламенимся желанием почести будущей. Посмотрите на детей, когда они играя становятся в строй, – как они ставят воинов и пред ними глашатаев и ликторов, а в средине один из них идет в виде начальника: не детская ли это забава? Таковы отличия человеческие, и даже – хуже: сегодня существуют, а завтра их нет! Будем же выше их и не только не станем желать, но еще – стыдиться, когда кто будет предлагать их нам. Отвергши таким образом любовь к ним, мы воспламенимся любовью божественной и удостоимся бессмертной славы, каковой и да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Настоящие беседы произнесены святителем в Антиохии около 390 года.

[2] αφνειον. Гомер в Илиаде, II, 570.

[3] Это происходило в Ефесе. Деян. 19:14-19.

[4] Т.е. Сосфен при Павле. Деян. 18:17.

[5] В синод.пер. "опасались"

БЕСЕДА 2

"Непрестанно благодарю Бога моего за вас, ради благодати Божией, дарованной вам во Христе Иисусе, потому что в Нем вы обогатились всем, всяким словом и всяким познанием" (1Кор.1:4-5).

1. Чему других научает (Павел, когда говорит: "**с благодарением открывайте свои желания пред Богом**" (Флп.4:6), – то делает и сам, внушая нам начинать все этими словами и благодарить Бога прежде всего. Ничто так не угодно Богу, как благодарность и за себя и за других. Потому (Павел) начинает так почти каждое послание; здесь же сделать это было необходимее, нежели в других. Кто благодарнт, тот благодарит как чувствующий благодеяние и как бы воздает за дарованную благодать; благодать же не есть ни долг, ни награда, ни воздаяние. Это нужно знать всем, тем более нужно было коринфянам, которые склонялись на сторону разделявших Церковь. "**Бога моего**". По великой любви он усвояет себе принадлежащее всем, называет Бога своим, как обыкновенно выражались и пророки: Боже, Боже мой. Вместе с тем внушает и им говорить тоже. Кто говорит так, тот, оставив все человеческое, обращается к Тому, Кого призывает с великой любовью. Говорить так может тот, кто, от житейского постоянно обращаясь к Богу, предпочитает Его всему и не только непрестанно благодарит за благодать уже дарованную, но возносит Ему хвалу и за всякое благо, какое ни получит. Потому не просто сказал: блгодарю, но: "**непрестанно за вас**", научая их благодарить всегда, и не другого кого, а только Бога. "**Ради благодати Божией**". Видишь ли, как он везде исправляет их? Где благодать, там нет дел; а где дела, там не благодать. Итак, если (вам дана) благодать, то что высокомудрствуете? Почему надмеваетесь? "**Дарованной вам**". И чрез кого она дарована? Чрез меня ли, или чрез другого апостола? Нет, но чрез Иисуса Христа, – это и означает выражение: "**во Христе Иисусе**". Заметь: он часто употребляет "во" (εν) вместо – "чрез" (δια). Следовательно, это тоже, что – чрез. "**Потому что всем обогатились**". Чрез кого? Опять "**в Нем**", говорит. И не просто обогатились, но всем. Итак у вас есть богатство, и богатство Божие, и во всем, и чрез Единородного: какое неизреченное сокровище! "**Всяким словом и всяким познанием**". Словом не внешним, но Божиим. Есть разумение без слова, и есть разумение с словом. Есть много имеющих разум и не имеющих слова, каковы невежды и не умеющие ясно выразить того, что содержат в уме. А вы, говорит, не таковы, но способны и разуметь и говорить. "**Ибо свидетельство Христово утвердилось в вас**" (ст.6). Вместе с похвалами и благодарениями сильно укоряет их. Не внешней философией, говорит, и не внешним научением, но благодатью Божией по богатству разумения и слова, от Него дарованному, вы научились догматам истины и утвердились во свидетельстве Господнем, т.е. в проповеди. Вы удостоились многих знамений, многих чудес, неизреченной благодати, когда приняли проповедь. Итак, если вы утвердились зпамениями и благодатью, то для чего колеблетесь? Укоряя их, он сказанным и предрасполагает их к себе. "**Так что вы не имеете недостатка ни в каком даровании**" (ст.7). Здесь представляется важный вопрос: если они обогащены всяким словом и не имеют недостатка ни в каком даровании, то как они (остаются) плотскими? Если они в начале имели все это, то не тем ли более теперь? Почему же он называет их плотскими? "**Я не мог**", говорит, "**говорить с вами, как с духовными, но как с плотскими**" (3:1). Что сказать на это? То, что они, в начале уверовав и получив всякие дарования, – о которых ревновали, – впоследствии сделались нерадивыми. Или, если не так, то не ко всем говорится то и другое, но одно к достойным обличения, а другое к достойным похвалы. А что у них еще были дарования, об этом он говорит так: "**у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, - все сие да будет к назиданию**" (14:26); и еще: "**пророки пусть говорят двое или трое**" (ст.29). Можно и иначе объяснить: как мы имеем обыкновение о большей части говорить как о целом, так и он здесь сказал. Кроме того, мне кажется, он намекает и на свои деяния, т.е. на знамения, которые он сам явил у них, о чем он говорит во втором к ним послании: "**признаки Апостола оказались перед вами всяким терпением**" (2Кор.12:12); "**ибо чего у вас недостает перед прочими церквами**" (ст.13)? Таким образом он или, как я сказал, напоминает о своих деяниях, или говорит это к тем, которые еще были достойны похвалы, потому что там было много святых, которые посвятили себя на служение святым и соделались начатком Ахаии, как он говорит в конце

послания (1Кор.16:15). С другой стороны, если похвалы и не слишком близки были к истине, то все же они предусмотрительно приводятся для того, чтобы предрасположить их к принятию слова. Кто сейчас же с самого начала говорит строго, тот у немощных заграждает слух для своего слова. Если слушатели равны ему по достоинству, то сердятся; если гораздо ниже его, то скорбят. Чтобы не случилось этого, он и начинает по-видимому похвалою; самая похвала относилась не к ним, а к благодати Божией, так как отпущение грехов и оправдание есть дар свыше. Потому он и распространяется особенно о том, в чем выражается человеколюбие Божие, чтобы лучше исцелить их от недуга. "**Ожидая явления Господа нашего Иисуса Христа**" (1Кор.1:7). Для чего вы смущаетесь, говорит, для чего беспокоитесь о том, что не предстоит Христос? Он предстоит и уже близок день Его. Смотри, с какой мудростью, отклонив их от всего человеческого, он приводит их в страх, напомнив о страшном суде и показав, что не начало только требуется доброе, но и конец. При дарованиях и при всякой добродетели нужно помнить об этом дне; и нужно много трудов, чтобы дойти до конца.

2. Он называет (этот день) явлением, выражая, что хотя он еще невидим, но он есть, предстоит и теперь, а тогда явится. Потому нужно иметь терпение; для того вы и удостоились чудес, чтобы пребывать твердыми. "**Который и утвердит вас до конца, неповинными**" (ст.8). Здесь он, по-видимому, говорит в угождение им; по слова его чужды всякой лести. Он не оставлял и укорять их, как, например, когда говорит: "**как я не иду к вам, то некоторые возгордились**" (1Кор.4:18); и еще: "**чего вы хотите? с жезлом придти к вам, или с любовью и духом кротости?**" (ст.21). Также: "**вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне**" (2Кор.13:3)? И здесь он некоторым образом обличает их; слова: "**утвердит**", и: "**неповинными**" – выражают, что они еще не тверды и виновны. Заметь, как часто он указывает им на имя Христово; не упоминает ни о ком из людей, ни об апостоле, ни об учителе, а постоянно об этом вожделенном имени, желая воздвигнуть их от состояния как бы какого опьянения. В других посланиях нигде так часто не приводится имя Христово, а здесь в немногих стихах непрестанно, так что из него составлено почти все вступление. Посмотри с самого начала: "**Павел, призванный апостол Иисуса Христа**"; "**освященным во Христе Иисусе с призывающими Имя Господа нашего Иисуса Христа**"; "**благодать вам и мир от Бога Отца и Господа Иисуса Христа**". "**Благодарю Бога моего ради благодати, данной вам во Христе Иисусе**"; "**ибо свидетельство Христово утвердилось в вас**"; "**ожидая явления Господа нашего Иисуса Христа**"; "**Который и утвердит вас до конца неповинными в день Господа нашего Иисуса Христа**". "**Верен Бог, Которым вы призваны в общение Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего**"; "**умоляю вас, именем Господа нашего Иисуса Христа**". Видишь ли, как часто употребляется имя Христово? Отсюда ясно даже для неразумных, что он не напрасно и не просто делает это, но частым употреблением этого высокого имени желает низложить их надменность и истребить злой их недуг. "**Верен Бог, Которым вы призваны в общение Сына Его**" (ст. 9). О, как много он сказал этим! Какое показал величие дара! Вы призваны в общение с Единородным п прилепляетесь к людям? Что хуже этого неразумия? И кем призваны? Отцом. Так как он, говоря о Сыне, часто употреблял выражения: чрез Него, в Нем, то, чтобы не подумали, будто (об Отце) он упоминает, как о меньшем, приписывает это Отцу. Не таким-то и таким-то, говорит, но Отцем вы призваны и Им обогащены. Опять: призваны, а не сами пришли. Что значит: "**в общение Сына Его**"? Послушай, как он говорит об этом яснее в другом месте:"**если терпим, то с Ним и царствовать будем; если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем**" (2Тим.2:11-12). Вместе с тем, так как он сказал великую истину, присовокупляет в подтверждение неопровержимое доказательство: верен, говорит, Бог, т.е. истинен. Если он верен, то и сделает, что обещал; а обещал Он сделать нас общниками Единородного Сына; для этого Он и призвал: "**ибо дары и призвание Божие непреложны**" (Рим.11:29). Об этом он говорит теперь прежде всего, чтобы после сильных обличений они не впали в

отчаяние. Обещанное Богом непременно исполнится, если только мы сами не будем сильно противиться, подобно иудеям, которые, будучп призываемы, не захотели принять благ.

Это зависело уже не от Призывающего, но от их неблагодарности: Он хотел даровать, а они не хотели принять, и таким образом лишили сами себя. Если бы Он призывал их к делу трудному и тяжкому, то хотя бы неповиновение нх и тогда не заслуживало прощения, но, по крайней мере, они могли бы сослаться на это; если же призываются к очищению, к оправданию, к освящению, к искуплению, к благодати, к дару, к уготованным благам, "**которых не видел глаз, не слышало ухо**" (1Кор.2:9), если призывает Бог и призывает Сам, то могут ли быть достойны прощения не обращающиеся кь Нему? Потому пусть никто не обвиняет Бога. Не от Призывающего происходит неверие, а от неповинующихся. Но скажешь: можно было бы привести и не желающих? Нет; Бог не желает насилия или принуждения. И кто, призывая к почестям, венцам, пиршествам и торжествам, станет влечь кого-нибудь против воли и связанного? Никто, потому что это свойственно насилующему. В геенну Он посылает против воли, а в царствие призывает добровольно; в огонь ведет связанных и плачущих, а к бесчисленным благам – не так: самые блага не были бы вожделенны, если бы они по свойству своему не были таковы, чтобы к ним стремились добровольно и по сознанию великого их достоинства.

3. Почему же, скажешь, не все стремятся к ним? По своей немощи. А почему Он не избавляет их от немощи? Но как, скажи мне, и каким способом следовало бы избавить? Не создал ли Он творений, которые возвещают о Его чсловеколюбии и силе? "**Небеса**", сказано, "**проповедуют славу Божию**" (Пс.18:2). Не посылал ли пророков? Не призывал ли и не награждал ли почестями? Не совершал ли чудес? Не дал ли закона писанного и естественного? Не послал ли Сына? Не послал ли апостолов? Не творил ли знамений? Не угрожал ли геенной? Не обещал ли царствия? Не повелел ли солнцу сиять каждодневно? Не легки ли и не удобоисполнимы ли Его заповеди, так что многие силой любомудрия превышают Его предписания? "**Что еще надлежало бы сделать для виноградника, чего Я не сделал ему**" (Ис.5:4)? А почему, скажешь, Он не сделал для нас естественными знание и добродетель? Кто говорит это: язычник или христианин? И тот и другой, только не в одном и том же отношении, но один возражает касательно знания, другой – жнзни. Скажем наперед к нашему, так как я говорю не столько ко внешним, сколько к собственным нашим членам. Что же говорит христианин? Следовало (говорит он) вложить в нас познание добродетели. Он и вложил; если бы не вложил, то откуда мы узнали бы, что должно делать и чего не должно? Откуда законы и судилища? Но не знание только (говорит), а самую деятельность. За что же ты стал бы получать награды, если бы все происходило от Бога? Скажи мне: ссли и ты и язычник согрешаете, то одиноково ли наказывает нас Бог? Нет; ты имеешь преимущество по причине знания. Что, если бы теперь сказали тебе, что, несмотря на знание, ты и язычник достойны одного и того же, – ты не обиделся ли бы? Конечно, так; ты сказал бы, что язычник мог внутри себя найти знание, но не захотел. А если бы тот сказал, что Богу следовало вложить в нас знание естественным путем, то ты не рассмеялся ли бы и не сказал ли бы ему: почему же ты не искал, почему не старался, как я? Не восстал ли бы ты против него с великим дерзнованием и сказал ли бы, что крайне безумно обвинять Бога, будто Он не вложил знания в нашу природу? Сказал бы это потому, что касательно знания у тебя все исправно; если бы было все также исправно и касательно жизни, то ты не стал бы давать таких вопросов; но так как ты не тверд в добродетели, то предлагаешь такие безумные суждения. И как можно сделаться добрым по необходимости? Тогда стали бы состязаться с нами в добродетели и бессловесные животные, из которых некоторые воздержнее нас. Но, скажешь, я желал бы лучше быть добрым по необходимости и не получать никаких

наград, нежели быть злым по свободному решению и терпеть наказания и мучения. Но невозможно быть добрым по необходимости. Если же ты не знаешь, что должно делать, заяви, и тогда мы скажем, что следуст сказать; а если знаешь, что невоздержание есть зло, то почему не убегаешь зла? Не могу, говоришь ты. Но другие люди, совершившие такие великие подвиги, осудят тебя и заградят тебе уста с великой силою. Ты, может быть, и жену имея, не соблюдаешь целомудрие; а другой, и не имея жены, хранит совершенную чистоту. Какое же ты имеешь оправдание, не соблюдая меры, тогда как другой восходит выше заповеданного? Но я, говоришь, не таков по своей телесной природе или по расположению. Да – потому, что не хочешь, а не потому, что не можешь. Я утверждаю, что все способны к добродетели; кто чего не может сделать, тот не сможет и в случае необходимости; если же кто в случае необходимости может, а без нее не делает, тот не делает по свободному решению. Например: летать и подниматься к небу человеческому телу трудно и даже невозможно; потому если бы какой-нибудь царь повелел делать это, угрожал смертью (не повинующимся) и говорил: тех, которые не летают, повелеваю сечь, жечь, или подвергать чему-нибудь подобному, то послушался ли бы кто его? Нет, потому что это невозможно для нашей природы. А если бы тоже сделано было касательно целомудрия п приказано было невоздержных наказывать, жечь, сечь, подвергать бесчисленным мучениям, то не стали бы многие повиноваться приказаниям? Нет, скажешь, потому что и теперь существует закон, повелевающий не прелюбодействовать, и не все повинуются. Но не потому, что закон бессилен, а потому, что многие надеются укрыться. Если бы при тех, кто склоняется на прелюбодеяние, присутствовали законодатель и судья, то страх был бы силен прогнать похоть. Если даже я представлю другую меньшую необходимость, например возьму и уведу его от любимой женщины и связавши запру где-нибудь, то и тогда он в состоянии будет перенести и не потерпит ничего худого. Итак, не будем говорить, что такой-то добр по природе, и такой-то зол по природе. Если бы кто был добр по природе, то никогда не мог бы сделаться злым; а если бы был зол по природе, то никогда не сделался бы добрым. Между тем мы видим быстрые перемены: люди впадают то в то, то в другое состояние, и переходят от одного к другому. Это можно видеть не только в Писаниях, где напр. мытари становятся апостолами, ученики предателями, блудницы целомудренными, разбойники добрыми, волхвы поклонниками, нечестивые благочестивыми, как в Новом, так и в Ветхом завете, но и каждый день можно видеть множество подобных случаев. Если бы (добро и зло) были естсственны, то таких перемен не было бы. Так, – мы чувствительны по природе, и при всем старании никогда не сделаемся нечувствительными. Что свойственно природе, то не выйдет из природы. Никто, имеющий нужду в сне, не перестанет спать: никто, подвергающийся тлению, не избавится от тления; никто алчущий не достигнет того, чтобы никогда не алкать. Потому это и не ставится в вину, и мы сами за это не укоряем себя. Никто в укор другому не говорит: о, тленный, о, чувствующий! – но всегда на вид обвиняемым мы поставим или прелюбодеяние или блуд или что-нибудь подобное и за это приводим их к судьям, которые осуждают и наказывают, а за противное тому награждают. Итак, и из того, что мы делаем между собой и что делают с нами судьи, и из того, что мы написали законы и осуждаем сами себя, хотя бы не было против нас никакого обвинителя, и из того, что от нерадения становимся хуже, а от страха лучше, и из того, что видим других добродетельными и восходящими на высоту любомудрия, – очевидно, что в нас находится возможность добродетели. Для чего же многие из нас понапрасну обольщают себя холодными извинениями п предлогами, не только не заслуживающими прощения, но и навлекающими тяжкое наказание, тогда как следовало бы заботиться о добродетели, имея пред глазами тот страшный день, и, потерпев немного, достигать неувядаемых венцов? Эти извинения не принесут нам никакой пользы; рабы, нам подобные и успевшие в противном, осудят всех согрешающих, жестокого – милостивый, злого – добрый, дерзкого – кроткий, завистливого – дружелюбный, тщеславного – любомудрый, нерадивого – усердный, развратного – целомудренный. Так совершит Бог суд над нами,

разделив нас на две части, и одних удостоит похвалы, а других наказания. Но да не будет никто из здесь присутствующих в числе наказуемых и мучимых, а будет в числе венчаемых и получающих царствие Божие, которого и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 3

"Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и в одних мыслях." (1Кор.1:10).

1. Обличение, как я всегда говорил, надобно делать постепенно и мало-по-малу; так Павел здесь и делает. Приступая к предмету, исполненному великих опасностей и могшему поколебать церковь до самого основания, он начинает речь с кротостью. Он умоляет коринфян и умоляет Христом, как бы сам один не мог предложить это наставление и убедить. Что значит: молю Христом? Призываю на помощь Христа и имя Его, оскорбленное и поруганное. Весьма сильно (внушает им), чтобы они не были бесстыдными, так как грех именно делает людей бесстыдными. Так всегда, если вдруг станешь резко обличать кого-нибудь, то он ожесточится и сделается бесстыдным; если же сделаешь внушение, то преклонишь его выю, укротишь его дерзость и заставишь смириться. Это Павел и делает, умоляя именем Христа. О чем же он умоляет? "**Чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений**" (σχίσματα). Выразительное слово: разделения, заключая в себе и обличение, могло сильно тронуть их. У них и части не были здравы, и целое было расторгнуто. Если бы части церкви были здравы, то были бы многие соединения. А если у них были разделения, то не было и целого. Когда целое разделяется на многие части, то не только части не составляют многих (целых), но перестает быть и одно целое. Таково свойство разделений! Сильно тронув их обличением в разделениях, он далее показывает свою кротость и смягчает речь: "**чтобы вы были**", говорит, "**соединены в одном духе и в одних мыслях**". После слов: "**чтобы все вы говорили одно**" не подумайте, говорит, что я разумею согласие только в словах; нет, я желаю согласия в мыслях. А так как можно иметь и одинаковые мысли, но не о всех предметах, то присовокупляет: "**чтобы вы соединены были**". Кто согласен в одном, но не согласен в другом, тот еще не соединен, не достиг совершенного единомыслия. Бывает и то, что при согласии в мыслях, еще нет согласия в духе, – например, когда мы, имея одну и ту же веру, не соединены между собой любовью. В этом случае мы согласны в мыслях, – думаем ведь одинаково, – но еще не согласны по духу. То же было и в Коринфе, где один держал сторону того, а другой – иного. Потому Павел и говорит, что надобно быть соединными "**в одном духе и в одних мыслях**". Разделения у них происходили не от различия в вере, но от несогласия в духе, по человеческому тщеславию. Но так как обвиняемый без свидетелей может остаться упорным до бесстыдства, то чтобы они не могли отвергать сказанного, приводит свидетелей. "**Ибо от [домашних] Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои**" (ст.11). Не вдруг сказал это, но наперед изложил обличение, потому что верил возвестившим; если бы не верил, то не стал бы и обличать; а поверить слепо Павел не мог. Таким образом он не вдруг сказал: "**сделалось известным**", чтобы не показалось, что он обвиняет их только по словам возвестивших, и не умолчал об этом, чтобы не показалось, что он говорит только сам от себя. Здесь опять называет их братиями. Хотя грех их был явный, но ничто еще не препятствовало называть их братиями. Притом, – заметь мудрость его, – он не указал на отдельное лицо, но на целый дом, чтобы они не восстали против возвестившего: так он и его сокрыл и вину их прямо открыл! Он знал, что полезно для одних, и что нужно для других. Потому не сказал: сделалось мне известным от некоторых: он указал на известный дом, чтобы это не

показалось вымышленным. Что же было возвещено? "**Что между вами есть споры**". Когда сам укоряет их, то говорит: чтобы не было между вами разделений; а когда передает слышанное от других, то выражается более кротко: "**ибо сделалось мне известным, что между вами есть споры**", – чтобы не подвергнуть опасности возвестивших. Потом говорит, в чем именно состояло несогласие: "**то, что каждый**[1] у вас говорит: "я Павлов"; "я Аполлосов"; "я Кифин"; "а я Христов" (ст.12). Разумею, говорит, несогласия не в частных делах, но гораздо важнейшие. "**То, что каждый у вас говорит**". Зло касалось не части, но всей церкви. Впрочем коринфяне не говорили так ни о нем, ни о Петре, ни об Аполлосе; но он показывает, что если и таких лиц не следует ставить в такое к себе отношение, то тем более других. А что они не говорили этого, он сам объясняет ниже: "**это приложил я к себе и Аполлосу, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано**" (1Кор.4:6). Если не следует называться именами Павла, Аполлоса и Кифы, то тем более – других. Если не следует усвоять имени учителя, первого из апостолов и просветителя стольких народов, то тем болес – людей ничего не значущих. Таким образом он только применителыю перечисляет эти имена, чтобы скорее исцелить их болезнь. Притом делает речь свою менее неприятной, не упоминая по имени разделявших церковь, но как бы прикрывая их именами апостолов: "**"я Павлов"; "я Аполлосов"; "а я Кифин"**".

2. Он поставил Петра последним, не предпочитая ему себя, а напротив именно предпочитая себе Петра. Он ведет речь от меныпего к большему; и чтобы не подумали, что он поступает по зависти и предвосхищает себе честь у других по тщеславию, ставит себя первым. Кто себя первого считает недостойным, тот делает это не из честолюбия, но по великому презрению к такой чести. Так и он прежде от себя самого отклоняет такую честь, а потом от Аполлоса, и наконец от Кифы; следовательно делает это не из предпочтения себя самого, но прежде всех на своем собственном лице показывает, чего не должно быть. А что принимавшие сторону того или другого грешили, это очевидно. Потому справедливо он и укоряет их, внушая, что они худо делают, когда говорят: "**"я Павлов"; "я Аполлосов"; "а я Кифин"**". Но для чего он присовокупил: "**а я Христов**"? Если согрешали те, которые прилеплялись к людям, то неужели грешили и те, которые прилеплялись ко Христу? Нет; он укорял их не за то, что они назывались Христовыми, но за то, что не все они (делали это). Я думаю, что он прибавпл это от себя, чтобы сделать обличение более сильным, чтобы показать, что в таком случае и Христос усвояется только одной части, хотя они не делали этого. Что он действителыю внушал такую мысль, видно из следующих слов его: "**разве разделился Христос?**" (ст.13). Это значит: вы разделили Христа и расторглп тело Его. Видишь ли его гнев, видишь ли укоризну, видишь ли речь, исполненную негодования? Он не доказывает, а только предлагает вопрос в знак очевидной нелепости заключающейся в нем мысли. Некоторые находят здесь и другую мысль в словах "**разве разделился Христос?**", именно: разве Он расторг и разделил Церковь между людьми, и одну часть взял Себе, а другую отдал им? Далее старается уничтожить такую нелепость и говорит: "**разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?**" Смотри, с какою любовью ко Христу он относит все доказательство к своему имени, и тем самым ясно внушает, что эта честь не принадлежит никому. Чтобы не подумали, что он говорит все это по зависти, он непрестанно повторяет свое имя, и заметь, с какой мудростью. Не сказал: разве Павел сотворил мир, разве Павел привел вас из небытия в бытие? – но представляет то, что было особенно близко к верующим и показывало великое промышление Божие: крест и крещение и происходящие от них блага. Человеколюбие Божие открывается и в сотворении мира, но особенно в крестном Его уничижении. Не сказал также: разве Павел умер за вас? – но: "**разве Павел распялся за вас?**" – представляя таким образом самый род смерти. "**Или во имя Павла вы крестились?**" Не сказал: разве Павел крестил вас? – так как он крестил многих, и не в том дело, кем они были крещены, а в том, в чье имя крещены. Так как причиной распрей

было и то, что они назывались по именам крестивших их, то он исправляет это и говорит: "**или во имя Павла вы крестились?**" То есть: не говори мне, кто тебя крестил, но в чье имя. Важно не то, кто крестил, но Кто призывается в крещении, так как Он отпускает грехи. Сказав это, он не распространяется о последующем, не говорит: разве Павел обещал вам будущие блага? – разве Павел обещал вам царствие небесное? Почему же он не присоедипил и этого? Потому, что не одно и тоже – обещать царствие и распяться; первое не представляло опасности и не приносило бесчестия, а последнее заключало в себе все это. С другой стороны, в последнем разумеется и первое: сказав: "**Тот, Который Сына Своего не пощадил**", прибавил: "**как с Ним не дарует нам и всего?**" (Рим.8:32). И еще: "**ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся**" (Рим.5:10). Потому он и не присоединил этого; притом (верующие) первого еще не имели, а последнее уже знали на опыте; первое было только обещанием, а последнее действительностью. "**Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия**" (1Кор.1:14). Для чего вы гордитесь тем, что крестите, когда я благодарю Бога за то, что не совершал крещеиия? Этими словами он мудро низлагает такое их высокомерие; унижает не силу крещения, – да не будет, – но гордость превозносившихся совершением крещения, во-первых, показывая, что это не их дар, и во-вторых, за себя благодаря Бога. Крещение важио, но важность сообщает ему не крещающий, а Призываемый в крещении. Совершение крещения нпчего не значпт относительно труда человеческого, а даже гораздо менее благовествования. Крещение, повторю опять, есть дело важное, и без крещения невозможно получить царствия небесного; но совершить его может человек и не очень важный, а благовествование требует великого труда.

3. Далее (Павел) приводит и причину, почему он благодарит Бога, что никого не крестил. Какую же? "**Дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя**" (ст.15). Что это? Не о них ли (коринфянах) он говорит здесь? Нет; но опасаюсь, говорит, чтобы болезнь не достигла до такой степени. Ведь если при совершении крещения людьми неважными и незначительными произошло разделение, то если бы я, проповедавший крещение, крестил многих, принявшие его, вероятно, не только стали бы называться моим именем, но и приписали бы мне самое крещение. Если по поводу низших произошло такое зло, то по поводу высших конечно произошло бы еще большее. Обличив таким образом заблуждающих и прибавив: "**крестил я также Стефанов дом**" (ст.16), он опять низлагает их гордость словами: "**а крестил ли еще кого, не знаю**". Здесь выражает, что он и не старался снискать себе честь от народа таким делом и не для славы приступал к нему. Не этими только, но и последующими словами он сильно поражает гордость их: "**ибо Христос послал меня не крестить, а благовествовать**" (ст.17). Последнее гораздо труднее, требовало больших усилий и особенной твердости духа и заключало в себе все; потому оно и поручено было Павлу. Но почему он, не будучи послан крестить, крестил? Он делал это не из противления Пославшему. но от избытка (усердия). Не сказал. что ему было это запрещено, но: я не был послан на это дело, а на гораздо важнейшее. Благовествовать предоставлено было немногим, а крестить мог всякий, имевший священство. Всякий может крестить человека, наставленного в вере и уверовавшего, потому что расположение приступающего и благодать Божия совершают все; а чтобы неверных наставить в вере, это требует великого труда, великой мудрости, и даже представляет опасности. Там уже все сделано, желающий принять таинство убежден в вере, и нисколько не трудно крестить уверовавшего; а здесь нужен великий труд, чтобы переменить расположение, исправить нрав, уничтожить заблуждение и насадить истину. Впрочем, Павел не говорит об этом таким образом, не доказывает и не утверждает, что крестить не составляет никакого труда, а благовествовать напротив, – он всегда умеет соблюдать умеренность, – но особенно распространяется в рассуждении о внешней мудрости и предлагает о ней сильнейшую речь. Таким образом он крестил не из

противления Пославшему. но подобно тому, как он имел попечение о вдовицах от избытка усердия, а не из противления апостолам, которые сказали: "**нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах**" (Деян.6:2), так и здесь. Так и теперь мы поручаем это дело простейшим из пресвитеров, а преподавание учения благоразумнейшим, потому что тут нужен труд и усилие. Потому и сам он говорит: "**достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении**" (1Тим.5:17). Как для обучения ратоборцев нужен учитель мужественный и искусный, а возлагать венец на победителя может и неискусный в борьбе, хотя венец прославляет победителя, – так и в крещении: хотя без него невозможно спастись, но не великое дело совершает тот, кто крестит, принимая расположенного и приготовленного к тому. "**Не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова**" (1Кор.1:17). Низложив гордость превозносившихся крещением, он переходит к обличению гордившихся внешней мудростью, и говорит против них с особенной силой. К превозносившимся крещением говорил: "**благодарю Бога, что я никого не крестил**", также: "**Христос послал меня не крестить**", и для обличения их не употребил речи сильной и разительной, но, несколькими словами внушив им то, что хотел, перешел к последующему; а здесь с самого начала наносит сильный удар: "**чтобы не упразднить**", говорит, "**креста Христова**". Что ты гордишься тем, чего следовало бы стыдиться? Ведь если эта мудрость враждебна кресту и противна евангелию, то следует не хвалиться, а стыдиться ее. Потому-то апостолы и не были из таких мудрецов, – не по недостатку дарований, но чтобы проповедь не потерпела вреда. Мудрецы не содействовали проповеди, а вредили ей; простые же люди утверждали ее. Это могло низложить гордость, поразить высокомерие, расположить к смирению. Но, скажешь, если не в премудрости слова, то почему был послан Аполлос, "**муж красноречивый**" (Деян.17:24)? Не потому, чтобы надеялись на силу красноречия, но потому, что он был сведущ в Писании и искусен в обличении иудеев. С другой стороны нужно было, чтобы самые первые сеятели слова были неученые. Им надлежало иметь великую силу, чтобы положить начало истреблению заблуждений; нужна была великая крепость, чтобы приступить к этому делу.

4. Так (Бог), не имевший нужды в ученых вначале, если принял их впоследствии, то сделал это не потому, чтобы стал иметь в них нужду, но потому, что не взирал на различие (между учеными и неучеными). Как Он не нуждался в мудрецах для исполнения Своих намерений, так и после, когда они являлись, не отвергал их. Скажи мне, были ли Петр и Павел учеными? Этого ты сказать не можешь: они были простыми и неучеными. Как Христос, когда посылал учеников во вселенную, сначала показывая им в Палестине силу Свою, говорил: "**когда Я посылал вас без мешка и без сумы и без обуви, имели ли вы в чем недостаток?**" (Лк.21:35) – а потом позволил взять мешок и суму, так было и здесь. Нужно было явить силу Христову, а не отвергать приступающих к вере за внешнюю их мудрость. Потому, если язычники будут укорять учеников Христовых в неучености, то мы скорее можем обратить укоризну против них самих. Никто не говори, что Павел был мудрец; но, превознося славившихся у них мудростью и красноречием, всех своих будем называть невеждами. Это не мало послужит к их поражению; это доставит нам славную победу.

Говорю это потому, что некогда слышал, как смешно один христианин состязался с язычником, как оба они в состязании опровергали сами себя. Что надлежало говорить христианину, то говорил язычник; а что надлежало говорить язычнику, то защищал христианин. Спор был о Павле и Платоне; язычник старался доказать, что Павел был человек простой и неученый, а христианин по простоте своей усиливался доказать, что Павел был ученее Платона. Между тем, если допустить последнее, победа оставалась на стороне язычника. Ведь если Павел был ученее Платона, то многие справедливо

заключили бы, что он победил не благодатью, а красноречием. Таким образом то, что говорил христианин, обращалось в пользу язычника, а то, что говорил язычник, обращалось в пользу христианина. Если же, как я сказал, Павел был неучен, и однако превзошел Платона, то здесь славная победа, так как неученый убедил и привлек к ссбе всех учеников ученого. Отсюда ясно, что проповедь одержала победу не человеческой мудростью, но благодатью Божией. Итак, чтобы и нам не подвергнуться такому же посмеянию в беседе с язычниками, будем всегда, когда случится состязаться с ними, признавать апостолов неучеными: такое признание – им похвала. Когда будут говорить, что апостолы были люди простые, то мы прибавим, что они были и неученые, и некнижные, и бедные, и незнатные, и немудрые, н неизвестные. Не к бесчестию, а к славе апостолов служит то, что они, будучи такими, явились славнее всей вселенной. Эти простые, некнижные и неученые так победили мудрых, сильных и державных, хвалившихся богатством, славой и всем внешним, как будто это не были люди. Отсюда ясно, что велика сила креста и что все это совершено не человеческой силой. Действительно, такие дела не в природе вещей, а выше природы. А когда что делается не по законам природы, и гораздо выше природы, вместе с тем достодолжно и полезно, то очевидно, что это совершается некоторой божественной силой и помощью. Смотри: рыбарь, скинотворец, мытарь, человек простой, неученый, приходят из отдаленной страны, Палестины, восстают против всех философов, риторов и искуспых в слове в их отечестве, и в короткое время при множестве опасностей, когда им противоборствовали народы, цари и самая природа, когда им полагали сильные препятствия давность времени и закоренелые привычки, когда против них ополчались демоны и диавол вооружался и употреблял все усилия, – победили царей, правителей, народы, языки, города, варваров, эллинов, философов, риторов, софистов, писателей, законы, судилища, различные мучения, бесчисленные и разнообразные роды смерти. Рыбари возвестили, и все это обличилось и исчезло, точно легкая пыль, возметаемая дуновением сильного ветра. Научимся же так беседовать с язычниками, чтобы нам не оставаться бессмысленными животными, но быть готовыми дать ответ "**в нашем уповании**" (1Пет.3:15). Особенно будем помнить это главное, немаловажное дело, и говорить им: каким образом слабые преодолели сильных, двенадцать человек – целую вселенную, не употребляя оружия, но безоружные сражаясь с вооруженными?

5. Скажи мне, если бы двенадцать человек, неопытных в военном деле, не только безоружных, но и слабых телом, вступив в борьбу с многочисленным отрядом вооруженных воинов, не потерпели от них никакого вреда, будучп осыпаемы бесчисленным множеством стрел, остались неприкосновенными, принимая стрелы обнаженпым телом, сами поражали всех, не употребляя оружия, но отражая рукой, одних били, а других брали в плен, не получая сами никаких ран, то кто сказал бы, что это дело человеческое? Но победа апостолов гораздо более удивительна. Не столько удивительно, если обнаженный не получает ран, сколько удивительно, если простой, неученый, рыбарь побеждает столь сильных, несмотря ни на свою незнатность и бедность, ни на опасности и закоренелые привычки, ни на строгость предлагаемых правил, ни на ежедневно угрожающую смерть, ни на множество обольщенных, ни на важность обольстителей. Так мы должны низлагать их и состязаться с ними, а прежде слов мы должны поражать их своей жизнью; это – великое состязание, это – неопровержимое доказательство от дел; на словах сколько бы мы ни рассуждали с ними, но если жизнь наша не лучше их жизни, то не будет никакой пользы. Они обращают внимание не на слова, но испытывают дела наши и говорят: ты прежде сам убедись в истине слов своих, и тогда убеждай других; если ты говоришь, что бесчисленные блага ожидают нас в будущей жизни, а сам поступаешь так, как бы их не было, прилепляясь к благам настоящим, то дела твои для меня сильнее слов; когда я вижу, что ты похищаешь собственность других, без меры скорбишь об умерших и грешишь во многом другом, то как я поверю тебе, что есть воскресение? Хотя бы даже

они так и не говорили, но они думают так и содержат это в своих мыслях. Вот что препятствует неверным сделаться христианами! Будем же обращать их своей жизнью. Многие и неученые люди поражали ум философов, являя любомудрие в делах и громче трубы вещая поведением и любомудрием: это сильнее слов. Если, например, я буду утверждать, что не должно помнить зла, а между тем буду причинять язычнику множество зол, то как могу привлечь его словамп, когда отгоняю делами? Итак будем уловлять их жизнью, из душ их созидать Церковь, и собирать такое богатство. Ннчто не может сравниться с душой, даже целый мир. Хотя бы ты раздал бедным бесчисленные богатства, ты не сделаешь столько, сколько обративший одну душу. "**Если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста"**, говорит Господь (Иер.15:19). Великое благо миловать бедных; но не такое, как избавить кого-нибудь от заблуждения; кто делает это, тот уподобляется Петру и Павлу. Подлинно, можем и мы участвовать в их проповеди, не тем, чтобы, подобно им, подвергаться опасностям, терпеть голод, мучения и другие бедствия, – теперь мирное время, – но тем, чтобы проявлять ревностное к тому усердие. Можно и сидя дома совершать эту ловитву. Кто имеет друга, родственника. домашних, пусть делает с ними это, пусть говорит им это, – и он уподобится Петру и Павлу. Что я говорю: Петру и Павлу? Будет устами Христовыми: "**Если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста"**, говорит Господь. Если ты не убедишь сегодня, убедишь завтра: если и никогда не убедишь, получишь полную награду; если не убедишь всех, то, может быть, из многих – некоторых; ведь и апостолы убедили не всех людей, но ко всем простирали свое слово и получили награду за всех. Бог обыкновенно назначает венцы, взирая не на конец подвигов, а на расположение подвизающихся. Если принесешь только две лепты, Он примет; как Он поступил с вдовицею (Лк.21:2-4), так поступает и с преподающими учение. Итак, из-за того, что ты не можешь спасти всю вселенную, не пренебрегай немногими, и, устремляясь к великому, не лишай себя малого. Если ты не можешь обратить ста человек, постарайся обратить десять; если не можешь десяти, не пренебрегай пятью; если не можешь и пяти, не пренебрегай одним; если не можешь и одного. и тогда не унывай и не оставляй делать то, что можешь. Не видишь ли, как в торговле занимающиеся ею заключают сделки не только на золото, но и на серебро? Если мы не будем пренебрегать малым, то получим и многое; а если пренебрежем малым, то не легко получим и многое. Богатыми делаются, собирая и малое и многое; так будем поступать и мы, чтобы, обогатившись всем, вам сподобиться царствия небесного, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] В рус.пер. это слово пропущено

БЕСЕДА 4

"Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия. Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?" (1Кор.1:18-20).

1. Для страждущих и умирающих бывает неприятна и здоровая пища, неприятны друзья и близкие, которых часто и не узнают они и даже тяготятся их присутствием. Так обыкновенно бывает и с страждущими душевно: они не знают, что нужно для спасения, и тяготятся теми, кто печется о них. Это происходит не от свойства самого дела (спасения),

а от их болезни. Как помешавшиеся в уме не терпят тех, кто заботится о них, и даже порицают их, так поступают и неверующие. Но как эти оскорбляемые тем более жалеют и плачут о больных, считая крайней степенью болезни их, когда они не узнают самых близких людей, так будем поступать и мы в отношении к язычникам и плакать о них более, нежели о своих женах, потому что они не знают общего всем спасения. Не столько муж должен любить свою жену, сколько мы должны любить всех людей и вести их к спасению, будут ли они язычники, или кто бы то ни было. Будем же плакать о них, – о том, что слово о кресте, которое есть премудрость и сила, для них – безумие. "**Ибо слово о кресте**", говорит (Павел), "**для погибающих юродство есть**". Так как у язычников крест подвергался осмеянию, то они, вероятно, называли учение о нем противным своей мудрости и несогласным с своим учением; потому Павел, вразумляя, говорит: не почитайте его странным и нелепым; это дело по свойству своему таково, что погибающие не могут постигнуть силы его, так как они потеряли ум и впали в безумие. Потому они и поносят и ненавидят спасительные врачества. Что ты говоришь, человек? Христос сделался рабом, приняв для тебя образ раба, был распят и воскрес; следовало бы поклониться Воскресшему и подивиться Его человеколюбию, так как все то, чего не сделал для тебя ни отец, ни друг, ни сын, сделал Он для тебя, своего врага и оскорбителя; следовало бы удивляться Ему за это; а ты называешь безумием дело, исполненное такой мудрости! Но неудивительно; погибающим свойственно не познавать того, что ведет к спасению.

Поэтому пе смущайтесь; нет ничего странного и неожиданного в том, что безумные смеются над великими предметами. Таких людей невозможно убедить человеческой мудростью; и если станешь убеждать их таким образом, то сделаешь противное; для того, что превышает разум, нужна одна вера. Подлинно, если мы посредством суждений разума захотим объяснять (язычникам), как Бог сделался человеком, вселившись в утробу Девы, и не признаем этого предметом веры, то они будут только смеяться. Желающие постигнуть это посредством суждений разума, они-то и погибают. И что я говорю о Боге? Если мы будем делать то же в отношении к предметам сотворенным, – и тогда вызовем великий смех. Пусть например человек, желающий убеждаться во всем суждениями разума, потребует от тебя объяснить ему, как мы видим свет? А ты постарайся объяснить ему это посредством суждений разума. Но ты не смог бы этого сделать. Если бы ты сказал, что довольно открыть глаза, чтобы видеть, то объяснил бы способ зрения, а не самое дело. Он возразил бы тебе: почему мы видим не ушами и слышим не глазами? Почему слышим не ноздрями и обоняем не ушами? Если же он, не получив объяснения на свое недоумение, будет смеяться, то не более ли того подвергнемся осмеянию мы? Эти чувства имеют свое начало в одном и том же мозге, эти члены находятся так близко друг к другу: почему же они не могут произвести одного и того же действия? Мы не можем объяснить ни причины, ни способа этого неизъяснимого и разнообразного действия; а если станем объяснять, то подвергнемся осмеянию. Предоставим же это силе и беспредельной премудрости Божией, и замолчим. Так точно, если мы захотим и предметы божественные объяснять при помощи внешней мудрости, то последует великий смех, не по свойству самых предметов, но по неразумию человеческому. Ведь великих предметов не может выразить никакое слово. Смотри, если я скажу: Христос был распят, то язычник возразит: сообразно ли это с разумом? Он не избавил Себя, когда распинали и мучили Его на кресте: как же Он после того воскрес и избавил других? Если он имел на то силу, то следовало показать ее прежде смерти (так действительно и говорили иудеи); если же Он нс избавил Себя, то как мог избавить других? Это, скажет, несообразно с разумом. И точно, это выше разума; в кресте явилась неизреченная сила. Подвергнуться мучениям и быть выше мучений, быть связанным и победить, это – дело беспредельной силы. Как три отрока, будучи ввергнуты в пещь и поправши пламепь, явились более чудными, нежели когда бы они в нее не были ввергнуты; и как Иона, будучи поглощен китом и

непотерпевши от него никакого вреда, стал более великим, нежелн когда бы он не подвергался такой опасности, – так и Иисус Христос, умерши и упразднивши смерть, явился более славным, нежели когда бы Он не умирал. Итак не говори: почему Он не избавил Себя на кресте? Ему угодно было сразиться с смертью. Он не сошел с креста не потому, что не мог, но потому, что не хотел. Ведь если и сила смерти не могла удержать Его, то как могли бы удержать гвозди крестные?

2. Впрочем это известно пам, а неверным нет. Потому апостол и сказал: "**ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия. Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну**". Доселе Он не говорит ничего обличительного; а теперь, приводя наперед свидетельство Писания и от него заимствуя дерзновение, начинает обличительную речь и говорит: "**Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? Где мудрец? где книжник? где совопросник века сего? Ибо когда мир [своею] мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих**" (ст.20-21). Сказав: "**написано: погублю мудрость мудрецов**", он присовокупляет доказательство на это от дел и говорит: "**где мудрец? Где книжник?**" Касается вместе и язычников и иудеев. На самом деле кто из философов, кто из искусных в суждениях, или кто из знающих иудейство даровал спасение и научил истине? Никто, но все сделали рыбари. Доказав это положение и посрамив их тщеславие, сказав: "**Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?**" – он приводит и причину, почему это так было. "**Ибо когда**", говорит, "**мир [своею] мудростью не познал Бога в премудрости Божией**", то явился крест. Что значит: "**в премудрости Божией**"? В творениях, посредством которых Он благоволил открыться. Он устроил все так, чтобы человек, переходя от предметов видимых к Творцу, удивлялся Ему. Велико небо и необъятна земля: подивись же Творцу их. Ведь это великое небо не только Им сотворено, но и сотворено легко, и эта необъятная земля произведена Им, как ничто. Потому о первом сказано: "**небеса – дело Твоих рук**" (Пс.101:26); а о земле: "**землю же как ничто сотворил**" (Ис.40:23). Так как мир не хотел познать Бога посредством этой премудрости, то Он научил мнимым безумием проповеди, не чрез суждения, а чрез веру. Где премудрость Божия, там нет нужды в человеческой. Сказать, что создавший столь прекрасный и столь великий мир есть Бог, имеющий беспредельную и неизреченную силу, это значило судить по человеческой мудрости и постигать Его посредством них; но теперь нужны не суждения, а одна вера. Чтобы принять и убедиться, что Распятый п Погребенный воскрес и сидит горé, для этого нужны не суждения, но вера. Апостолы шли не с мудростью, но с верою, и явились мудрее и выше внешних мудрецов, и тем более, чем принятие предметов божественных верою выше рассуждений, – так как это превышает человеческий разум. Как же он погубил премудрость? Открывшись нам чрез Павла и подобных мужей и показав, что она бесполезна. К принятию евангельской проповеди ни мудрость нисколько не помогает мудрому, ни невежество нисколько не препятствует неученому, и даже, к удивлению надобно сказать, невежество гораздо скорее и легче может принять ее, нежели мудрость. Пастух и земледелец, не увлекаясь рассуждениями и предавая себя Господу, скорее примут ее. Так Он погубил эту мудрость! Так как она сама прежде посрамила себя, то и стала затем ни к чему негодной. Когда она должна была показать себя и познать Господа из дел Его, она не хотела; а теперь, хотя бы и хотела содействовать этому, не может, потому что теперь не таково положение дел, – есть путь к богопознанию гораздо лучше ее. Теперь нужна простая вера; ее везде надобно искать и предпочитать внешней мудрости: "**обратил в безумие**", говорит, "**Бог мудрость**". Что значит: "**обратил в безумие**"? Показал, что она неразумна для принятия веры. Так как люди высоко думали о ней, то Он прямо обличил ее. Что в самом деле это за мудрость, если она не может найти главного блага? Он обличил ее безумие, потому что она наперед обличила сама себя. Если она не открыла ничего тогда, когда можно было исследовать посредством суждений, то какого успеха ожидать от нее теперь. когда

предстоят предметы высшие, когда нужна одна вера, а не искусство суждений? Так Бог показал ее безумие; благоизволил же спасти безумием проповеди, впрочем безумием не действительным, но кажущимся. Это особенно и важно, что не другой какой-нибудь мудростью, которая выше ее, а кажущимся невежеством Он превзошел ее. Платона Он низложил не другим каким-нибудь более мудрейшим философом, но неученым рыбарем. Такое поражение – сильнее; такая победа – блистательнее. Выражая силу креста, Павел говорит далее: "**Ибо и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость**" (1Кор.1:22-24).

3. Великая мудрость в этих словах. Он хочет показать, как Бог победил тем, что не обещало победы, и как проповедь не есть дело человеческое. Слова его означают следующее: когда мы говорим иудеям – веруйте, то они возражают: воскресите мертвых, исцелите беснующихся, покажите нам знамения. Что же вместо этого говорим мы? Говорим, что Проповедуемый нами распят и умер. Это не только не может привлечь противляющихся, но может отогнать и не противляющихся; однако не отгоняет, а привлекает, удерживает и покоряет. Опять язычники требуют от нас красноречия в словах и искусства в суждениях, а мы и им проповедуем крест. Иудеям это кажется бессилием, а язычникам – безумием. Если же мы предлагаем им не только не то, чего они требуют, но и противное тому, – а крест, по суждению разума, представляется не только не знамением, но чем-то противным знамению, не только не знаком силы, но знаком бессилия, не только не выражением мудрости, но доказательством безумия, – если требующие знамений и мудрости не только не получают требуемого, но еще слышат от нас противное тому, чего требуют, и однако этим противным убеждаются, то не есть ли это – дело неизреченной силы Проповедуемого?

Если бы, например, кому-нибудь из обуреваемых волнами и ищущих пристани ты указал не пристань, а другое место в море, еще более опасное, и однако убедил бы его плыть туда с благодарностью, или если бы врач приступил к раненому и ожидающему лекарств не с лекарствами, а обещал бы исцелить его посредством жжения, и однако убедил бы его, то это было бы делом великой силы; так и апостолы побеждали не только не знамениями, но тем, что по-видимому противно знамениям. Так и Хриетос поступил со слепым: желая даровать ему исцеление, Он уничтожил слепоту тем, что производит слепоту: "**положил брение**" (Ин.9:15). Как слепого Он исцелил брением, так вселенную привлек к Себе крестом, – тем, что увеличивало соблазн, а не уничтожало его. Так сделал Он и при сотворении, устрояя противное противным; оградил море песком, обуздав сильное слабым; повесил землю на воде, утвердив тяжелое и плотное на жидком и текучем. Чрез пророков опять Он заставлял железо всплывать из воды посредством малого древа (4 Цар.6:6). Так и вселенную Он восстановил посредством креста. Как вода держит землю, так и крест держит вселенную. Таким образом убеждать противным есть знак великой силы и премудрости. Крест по-видимому производит соблазн, и однако он не только не соблазняет, но и привлекает. Все это представляя и удивляясь, Павел говорит: "**потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков**" (1Кор.1:25). Говоря о буйстве и немощи креста, разумеет не то, чтобы он был действительно таков, но кажется таким: он говорит применительно к мнению противников. Чего не могли сделать философы посредством рассуждений, то сделано кажущимся безумием. Кто же мудрее? Тот ли, кто убеждает многих, или тот, кто – немногих, или, лучше сказать, никого? Тот ли, кто убеждает в делах важнейших, или кто – в маловажных? Сколько трудился Платон с своими последователями над линией, углом и точкой, над числами соизмеримыми и несоизмеримыми, равными между собой и неравными, и сказав нам об этих паутинах, – ведь все это для жизни бесполезнее даже

паутины, – и не принесши пользы ни большой, ни малой, затем окончил свою жизнь. Сколько он старался доказать, что душа бессмертна, но, не сказав ничего ясного и не убедив никого из слушателей, затем скончался. Напротив крест чрез неученых убедил и обратил целую вселенную, убедил не в предметах маловажных, но в учении о Боге, истинном благочестии, евангельской жизни и будущем суде; он сделал философами всех – земледельцев, неученых. Видишь, как "**немудрое Божие премудрее и немощное Божие сильнее человеков**". Чем сильнее? Тем, что оно распространилось по всей вселенной, покорило всех своей власти, и, тогда как бесчисленное множество людей усиливалось истребить имя Распятого, соделало противное. Это имя прославлялось и возрастало более и более, а они погибали и исчезали; живые, восставая против Преданного смерти, не могли сделать ничего. Потому, если язычник назовет меня безумным, то обнаружит собственное крайнее безумие, – так как, почитаемый от него безумным, оказываюсь мудрее мудрого; если он назовет меня бессильным, то обнаружит собственное еще большее бессилие, так как, что благодатью Божией совершили мытари и рыбари, того и философы, и риторы, и властелины, и вообще вся вселенная, при бесчисленных усилиях, не могли даже и представить. Чего не сделал крест? Он ввел учение о бессмертии души, о воскресении тел, о презрении благ настоящих и стремлении к благам будущим; он сделал людей ангелами; им все и везде стали любомудрыми и способными ко всякой добродетели.

4. Но и у них, скажешь, многие презирали смерть. Кто же, скажи мне? Тот ли, кто выпил яд из цикуты? Но подобных ему я представлю, если угодно, целые тысячи в нашей Церкви: если бы во время гонений позволено было умирать, приняв яд, то все (гонимые) явились бы славнее его. Притом он выпил яд, не будучи властен пить или не пить; хотел или не хотел, но он должен был подвергнуться этому, и следовательно это было делом не мужества, а необходимости; и разбойники, и убийцы, по приговору судей, терпели еще большие страдания. Но у нас все напротив: мученики страдали не поневоле, но по своей воле, и тогда как были властны не подвергаться страданиям, явили мужество крепче всякого адаманта. Неудивительно, что тот выпил яд, когда не мог не пить, и притом, достигнув глубокой старости. Он говорил, что ему было уже семьдесят лет, когда он был готов презреть жизнь, если только можно назвать это презрением жизни, чего впрочем я не скажу, и конечно никто другой не скажет. А ты укажи мне на кого-нибудь такого, кто пострадал бы за благочестие, как я могу указать тебе на бесчисленное множество повсюду во вселенной. Кто мужественно терпел, когда у него вырывали ногти? Кто – когда терзали члены? Кто – когда разрывали тело его на части? Кто – когда исторгали кости из головы? Кто – когда постоянно клали его на раскаленную сковороду? Кто – когда бросали в кипящую воду? Вот это укажи мне! А умереть от цикутного яда – это почти тоже, что заснуть спокойно; даже такая смерть, говорят, приятнее сна. Если же некоторые действительно терпели мучения, то и за это не достойны похвалы, потому что причина их страданий была постыдна: одни пострадали за то, что открыли какую-нибудь тайну, другие за то, что злоупотребляли властью, иные за то, что были застигнуты в постыднейших преступлениях, а некоторые и без всякой причины, напрасно и безрассудно, лишили жизни сами себя. Но у нас совершенно не так. Потому-то дела их преданы забвению, а наши прославляются и возрастают с каждым днем. Все это представляя, Павел сказал: немощное Божие крепчае всех человек есть. Божественность евангельской проповеди открывается и из следующего: каким образом решились на такие дела двенадцать человек, и притом простолюдины, жившие при озерах, при реках и в пустынях, и, может быть, никогда не бывавшие ни в городах, ни на торжищах? Как они решились идти против целой вселенной? Они были прежде робки и боязливы, как свидетельствует писавший о них, не усомнившийся не скрывать их слабостей, что и служит сильнейшим доказательством нстины. Что же говорит он о них? То, что когда Христос был взят, не смотря на безчисленные чудеса Его, одни из них разбежались, а

главный из них оставшись отрекся (Мк.14:50,68). Отчего те, которые при жизни Христа не могли снести нападений от иудеев, после смерти и погребения Его решились идти против целой вселенной, если Он, как вы говорите, не воскрес, не беседовал с ними и не укрепил их? Не могли ли они сказать самим себе: что это? Он не мог спасти Себя, – как же может избавить нас? Он не мог отмстить за Себя при Своей жизни, – как же может подать нам руку помощи после Своей смерти? Он при жизни Своей не покорил Себе ни одного народа, – как же мы можем убедить всю вселенную, возвещая Его имя? Не странно ли не только сделать это, но даже и подумать? Отсюда ясно, что если бы они не видели Его воскресшим и не получили величайших доказательств силы Его, то не решились бы на столь опасное дело. Если бы они имели бесчисленное множество друзей, то и тогда не обратили ль бы всех во врагов, изменяя древние обычаи и отменяя отеческие законы? Но им были враждебны все, и свои и чужие. Если бы они отличались всеми внешними преимуществами, то и тогда не возбудили ль бы против себя всеобщую вражду, вводя новый образ жизни? Между тем они не имели у себя ничего, и естественно поэтому, что были ненавидимы и презираемы всеми. На кого указать тебе? На иудеев ли? Они питали к ним невыразимую ненависть за их Учителя. На язычников ли? И эти не менее отвращались их, о чем лучше знают сами язычники. Платон, желавший ввести новое гражданское управление, или, лучше, часть управления, и не касаясь богов, а только изменяя одни обычаи на другие, подвергся опасности умереть изгнанником в Сицилии; хотя этого не случилось, однакож он был лишен свободы; и если бы не нашелся другой иноземец добрее властителя сицилийского, то этот философ конечно навсегда остался бы рабом в чужой стране. Между тем нововведения в делах гражданских не так еще опасны, как в делах веры; последние особенно раздражают людей и приводят их в смятение. Сказать, что такой-то и такой-то должны вступить в брак с такою-то, или стражи должны стеречь таким-то образом, это еще не может произвести большого смятения, тем более, если такие постановления остаются в книге, и законодатель не много заботится о приведении их в действие. Но сказать, что почитаемые боги не боги, а демоны, что истинный Бог – Распятый, это, вы знаете, какой воспламеняло гнев, какую возбуждало месть, какую причиняло брань.

5. Протагор у них (язычников), дерзнувший сказать: "не знаю богов", и притом не вслух всей вселенной, по которой бы он расхаживал и проповедовал, а в одном городе, подвергся крайней опасности. Диагор Мелийский и Феодор (Киринейский), прозванный безбожником, хотя имели друзей, славились красноречием и удивляли своей философией, но ни в чем этом не нашли себе спасения. Великий Сократ, превосходивший всех их своей философией, потому и выпил яд, что был подозреваем в некоторых нововведениях касательно богов. Если же одно только подозрение нововведения подвергало такой опасности философов и мудрецов, пользовавшихся великим уважением, и они не только не могли исполнить своего намерения, но сами лишались жизни и отечества, то как не удивляться и не изумляться, видя, что рыбари совершили столь великие дела во вселенной, исполнили то, что предприняли, и победили всех, и варваров и эллинов? Но они, скажешь, не вводили новых богов, подобно тем (философам). Весьма странно говорить это; они вводили двоякую новость: отвергали тогдашних богов и проповедовали Распятого. Каким же образом они решились проповедовать это? Каким образом надеялись достигнуть своей цели? Видели ль они, чтобы кто-нибудь прежде них совершил что-либо подобное? Не все ли тогда поклонялись демонам? Не все ли боготворили стихии? Не были ли крайне разнообразны виды нечестия? Но они восстали против всего этого, ниспровергли все это и в короткое время протекли, как бы на крылах, по всей вселенной, не думая ни об опасностях, ни о смерти, ни о трудности дела, ни о малочисленности своей, ни о многочисленности противников, ни о власти, ни о силе, ни о мудрости врагов своих, потому что им содействовала помощь превыше всего этого, сила Распятого и Воскресшего. Не столько было бы удивительно, если бы они решились вести со вселенной

чувственную войну, сколько удивительно дело, ими совершенное. По правилам войны можно было бы стать лицом к лицу к неприятелю, занять противоположную местность и приготовить строй против врага, иметь время для нападения и отступления; но здесь не так. Они не составляли особого строя, но смешивались с самими врагами, и таким образом поборали их; находясь среди врагов своих, отражали их нападения, преодолевали и одерживали славную победу, на которой исполнилось пророческое слово: и "**господствуй среди врагов Твоих**" (Пс.109:2). Изумительно, как враги, имея их в руках своих, ввергая в темницы и узы, не только не преодолели их, но и сами потом покорились им, притеснители – притесняемым, связующие – связуемым, гонители – гонимым. Все это мы можем сказать язычникам и даже более того: обильна сокровищница истины. Если вы будете внимать предлагаемому, то мы научим вас всячески бороться с ними. Заметим пока два главных обстоятельства: как слабые победили сильных, и как они, будучи такими, решились бы на такие дела, если бы не содействовала им божественная помощь?

6. Вот ответ с нашей стороны. Между тем сами мы в делах своих будем соблюдать непорочность жизни и обильно возжигать огонь добродетели, потому что "**вы**", говорит (апостол), "**сияете, как светила в мире**" (Флп.2:15). Каждый из нас получил от Бога возможность приносить большую пользу, нежели солнце, большую, нежели небо, земля и море, настолько большую, насколько духовное выше чувственного. Потому, взирая на круг солнца и удивляясь красоте, веществу и блеску этого светила, будем вместе с тем представлять, что в нас есть свет высший и лучший, равно как может быть и мрак густейший, если мы не будем внимательны. Глубокая ночь объемлет всю вселенную. Разгоним же и уничтожим ее. Ночь не только у еретиков и язычников, но и у многих между нами, – как в веровании, так и в жизни. Многие не веруют воскресению, многие гадают при рождении, многие наблюдают приметы, прибегают к чарованиям, волхвованиям, условным знакам, повязкам и нашептываниям. Впрочем к ним будем говорить после, когда окончим речь к язычникам. Помните же сказанное и окажите содействие мне в борьбе с ними, обращая и привлекая их к нам жизнью. Я всегда говорю, что кто учит любомудрию, тот должен наперед являть его в своей жизни и быть вожделенным для слушателей.

Постараемся же сделаться вожделенными для язычников п приобрести их расположение к нам. А это будет тогда, когда мы будем готовы не только делать добро, но и терпеть зло. Не видим ли мы, как дети, находясь на руках у отца, бьют его по щекам, как отец с удовольствием дозволяет дитяти насытить гнев свой и, когда видит, что гнев его прошел, утешается? Так будем поступать и мы: будем говорить с язычниками, как отцы с детьми. Все язычники – настоящие дети; некоторые и из них самих говорили, что они всегда дети и старца между ними нет ни одного. Дети не хотят думать ни о чем полезном; так и язычники хотят постоянно забавляться и пресмыкаются по земле, предавшись низкому и земному. Дети, слыша наши разговоры о предметах необходимых, часто не понимают ничего из сказанного, но постоянно смеются; так и язычники: когда мы говорим о царствии (небесном), они смеются. У детей из уст часто течет слюна и оскверняет пищу и питие; так и из уст язычников исходят слова суетные и нечистые; вы подаете им необходимую пищу, а они оскорбляют подающих злословием, и надобно терпеть это. Дети, видя вора, вошедшего в дом и производящего здесь хищение, не только не изгоняют его, но и забавляются его хитростью, если же отнимешь у них корзиночку или побрякушку, или что-нибудь другое из игрушек, то огорчаются, сердятся, выходят из себя и бросаются на пол; так точно и язычники, видя диавола, отнимающего у них все прирожденные блага, необходимые для их жизни, смеются и предаются ему, как другу, а если кто отнимает у них имущество, богатство или что-нибудь подобное из этих детских игрушек, они огорчаются и выходят из себя. Дети обнажаются, не чувствуя стыда и не краснея; так и язычники, смешиваясь с блудниками и блудницами, извращая законы

природы и вступая в незаконные связи, остаются бесстыдными. Вы громко рукоплещете и одобряете, но при этих рукоплесканиях смотрите, как бы это не оказалось сказанным и на ваш счет. Всех увещеваю – быть мужами; ведь, если мы сами будем детьми, то как других научим быть мужами? Как их избавим от детского неразумия? Будем же мужами, чтобы нам достигнуть "**в меру полного возраста Христова**" (Еф.4:13) и сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 5

"Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых" (1Кор.1:26-27).

1. Сказав: "**немудрое Божие премудрее человеков**" (1Кор.1:25), (ап.Павел) выразил, что мудрость человеческая отвергнута, и доказал это как свидетельством Писаний, так и самыми событиями, – свидетельством Писаний в словах: "**погублю мудрость мудрецов**" (ст.19), а событиями в предложенном вопросе: "**где мудрец, где книжник?**" (ст.20). Вместе с тем показал, что это дело не новое, но давно известное, так как оно прообразовано и предсказано издревле: "**ибо написано**", говорит: "**погублю мудрость мудрецов**". Затем доказал, что это было и полезно и нужно: "**ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих**"; что крест есть доказательство неизреченной силы и премудрости, и что немудрое Божие гораздо выше человеческой мудрости. Теперь он доказывает тоже не со стороны только учителей, но и со стороны самих учеников: "**Посмотрите**", говорит, "**кто вы, призванные**". Не только неученые учители, но и ученики избраны такие же: "**не много из вас**", говорит, "**мудрых по плоти**". Так открывается большая сила и большая премудрость, когда убеждаются многие и притом немудрые. Самое трудное дело – убедить невежду, особенно когда речь о предметах необходимых и великих. И однако их убедили, чему свидетелями представляет их же самих: видите бо звание ваше, братие, т.е. посмотрите, помыслите. Научить невежд догматам столь мудрым и мудрейшим всего, это – знак величайшей мудрости учителя. Что значит: по плоти? По наружности, по-житейски, по внешнему учению. Чтобы не подумали, что он противоречит себе, – а он убедил и проконсула, и Ареопагита, и Аполлоса, и других мудрецов, о которых мы знаем, что принимали проповедь, – он не говорит: никто из мудрых, но: "**не много мудрых**". Он не исключителъно призывал невежд, а мудрых отвергал, но принимал и последних, гораздо же больше первых. Почему так? Потому, что мудрый по плоти исполнен великого неразумия, и особенно он бывает неразумным тогда, когда не хочет отвергнуть нечестивого учения. Как в том случае, когда какой-нибудь врач хочет научить других своему искусству, люди мало знающие, но худо и превратно пользующиеся этим искуством и упорные не скоро могут научиться, а ничего не знающие могут скорее принять учение, так было и здесь. Невежды убеждались скорее, потому что они не имели того крайнего безумия, чтобы считать себя мудрыми. Подлинно, весьма безумны те, которые подвергают суждению разума то, что усвояется не иначе, как только верой. Если бы какой-нибудь кузнец, вместо того, чтобы вынимать раскаленное железо щипцами, стал делать это рукой, то мы приписали бы это крайнему его безумию; так и философы, стараясь сами собой постигнуть (предметы веры), унижали веру. Потому они и не нашли ничего из того, чего искали. "**Не много сильных, не много благородных**". Ведь и такие люди бывают исполнены гордости; а ничто столько не вредит истинному богопознанию, как гордость и пристрастие к богатству, потому что преданные им удивляются настоящему, нисколько не заботятся о будущем и заграждают

слух свой множеством попечений. "**Но немудрое мира избрал Бог**". Это величайший знак победы – побеждать посредством немудрых.

2. Язычники не столько посрамляются тогда, когда побеждаются мудрецами, сколько тогда, когда видят, что люди, работающие собственными руками и принадлежащие к простому народу, любомудрствуют лучше их. Потому Павел и сказал: "**чтобы посрамить мудрых**". И не только с этим, но то же сделал Бог и с другими житейскими преимуществами. "**И немощное мира избрал, чтобы посрамить сильное"**. Не только неученых, но и бедных, презираемых и незнатных Он призвал, чтобы посрамить сильных. "**И незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее**" (ст.28). Кто здесь называется "**ничего не значащее**[1]"? Те, которые считают себя за ничто по великому уничижению. Так Он явил великую силу, низлагая великих чрез тех, которые казались ничем, как Он и в другом месте говорит: "**сила Моя совершается в немощи**" (2Кор.12:9). В самом деле, нужна великая сила, чтобы людей уничиженнейших и никогда не занимавшихся никаким учением вдруг научить любомудрствовать о том, что выше неба. Врачу и ритору и всем другим мы удивляемся особенно тогда, когда они успешно убеждают и научают невежд. Если же великое дело – внушить невежде учение о каком-нибудь искусстве, то тем более – такую мудрость. Впрочем Бог сделал это не только для того, чтобы явить чудо, или показать Свою силу, но и для того, чтобы смирить превозносящихся. Потому апостол, как выше сказал: да премудрыя посрамит, да сущая упразднит, так и здесь говорит: "**для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом**" (ст.29). Бог делает все для того, [чтобы смирить гордость и надменность, чтобы низложить самохвальство; а вы, говорит, предаетесь этому? Он делает все для того], чтобы мы ничего не приписывали себе, чтобы все относили к Богу: а вы предали себя такому-то и такому-то? И какого заслужите вы прощения? Бог показал, что нам невозможно спастись самим по себе, и это Он устроил в начале. И тогда невозможно было самим достигать спасения, а нужно было созерцать красоту неба и величие земли и исследовать природу других созданий, чтобы восходить к Творцу вещей. Сделал же это Он, чтобы низложить имевшее явиться высокоумие. Подобно тому, как учитель, приказавший своему ученику следовать туда, куда ведет его, когда видит, что ученик забегает вперед и хочет научиться всему сам по себе, то оставляет его блуждать и, дав ему испытать, что он сам по себе научиться не может, тогда уже начинает руководить его, так и Бог в начале повелел идти путем созерцания творений, а когда люди не захотели этого, то Он, дав им испытать, что они сами по себе идти не могут, стал вести их к Себе иначе. Он дал нам мир, как бы дощечку; но философы об этом не думали, не хотели повиноваться Ему и идти к Нему тем путем, которым Он повелел. Потому Он предложил другой путь яснее первого, научающий, что сам человек один для себя недостаточен. Прежде можно было предаваться и рассуждениям, пользоваться и внешней мудростью, при руководстве природы; а теперь, кто не будет "**безумным**", т.е. не оставит всякие рассуждения и всякое мудрование и не предастся вере, тот не может спастись. Таким образом, Он совершил немаловажное дело: предложил удобный путь, а вместе уничтожил бывшую болезнь и научил не хвалиться и не высокомудрствовать: "**чтобы никакая плоть не хвалилась**". Грех происходит оттого, что люди хотят быть мудрее законов Божиих и не хотят учиться так, как Он заповедал; потому они ничему и не научаются. Так было и в начале. Бог сказал Адаму: это делай, а этого не делай; но он, думая найти что-то большее, не послушался – и потерял то, что имел. Потом Он сказал: не останавливайтесь на творении, но чрез него познавайте Творца; а люди, как бы найдя что-то более мудрое сравнительно с сказанным, построили себе бесчисленные лабиринты; потому и сами потерялись и друг с другом вошли в столкновения, ни Бога не нашли, ни о творении не узнали ничего ясного, и не составили о нем надлежащего и верного понятия. После этого, желая решительно уничтожить их высокомерие, Он призвал прежде всего людей простых, и тем показал, что все имеют нужду к премудрости свыше. Не только в

отношении к познанию, но и во всех других отношениях люди и все прочие твари имеют великую в Нем нужду; и это Он сделал для того, чтобы дать им сильное побуждение к покорности и преданности, чтобы они, отлучившись от Него, не погибли. Потому Он и не попустил им быть самодовлеющими. Ведь если и теперь, когда имеют в Нем нужду, многие оставляют Его, то, если бы этого не было, до какого забвения не дошли бы они? Не по зависти Он лишил их основания к превозношению, но чтобы нзбавить их от погибели, происходящей отсюда. "**От Него и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением**" (ст.30). Словом: "**от Него**", я думаю, апостол выражает не приведение из небытия в бытие, но приведение к вере, т.е. то, что мы стали чадами Божиими "**ни от крови, ни от хотения плоти**" (Ин.1:13). Не думайте, что, лишив нас основания к превозношению, Он так и оставил нас, – нет, – Он даровал нам другую похвалу, большую. Не должно хвалиться пред лицом Его. Вы – чада Его, и сделались ими чрез Христа. Сказав: буяя мира избра и худородная, апостол теперь показывает, что они стали благороднее всех, потому что имеют Отцем Бога; и виновник этого благородства не такой-то или такой-то, но Христос, соделавший нас мудрыми, праведными и святыми; это и означают слова: бысть нам премудрость.

3. Кто же мудрее нас, имеющих не Платонову мудрость, но – самого Христа, по воле на то Божией? Что значит: от Бога? Сказав нечто великое о Единородном, апостол упоминает и об Отце, чтобы кто не подумал, что Сын не рожден. Он сказал о столь великих делах и все приписал Сыну, изъяснив, что Сын сделался для нас премудростью, правдою, освящением и избавлением; теперь чрез Сына возводит все к Отцу, прибавляя: от Бога. Но почему он не сказал: умудрил нас, а: бысть нам премудрость? Этим он показывает обилие дара, как бы так говоря: дал нам самого Себя. И смотри, какую он соблюдает постепенность. Сначала (говорит) Бог сделал нас мудрыми, освободив от заблуждения, потом праведными и святыми, даровав Духа, и таким образом избавил нас от всех зол, так что мы стали Его (достоянием), разумеется не по существу, а по вере.

В другом месте он говорит, что мы сделались правдою в Нем: "**ибо не знавшего греха Он сделал для нас [жертвою за] грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом**" (2Кор.5:21); а теперь говорит, что Он сделался для нас правдою, так что всякий желающий может приобщаться Ее обильно. Не такой-то или такой-то сделал нас мудрыми, но Христос. Поэтому кто хочет хвалиться, тот пусть хвалится Им, а не таким-то или таким-то: все ведь совершено Христом. Потому, сказав: "**Который сделался для нас премудростью, праведностью и освящением и искуплением**", апостол присовокупляет: "**чтобы было, как написано: хвалящийся хвались Господом**" (ст.31). Для того он сильно и восстал против языческой мудрости, чтобы этим убедить людей хвалиться Богом, как и следует. Когда мы ищем сами собою того, что выше нас, тогда нет ничего глупее, нет ничего бессильнее нас. Изощрить свой язык мы можем, но измыслить твердые догматы не можем: наши рассуждения сами по себе подобны ткани паутинной. Некоторые дошли до такого безумия, что говорят, будто из всего существующего нет ничего истинного, но все противно тому, что нам представляется. Потому не приписывай ничего себе, но во всем хвались Богом. Не приписывай никогда ничего никакому человеку; если не следует ничего приписывать Павлу, то тем более другим: "**я**", говорит он, "**насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог**" (1Кор.3:6). Кто научился хвалиться Господом, тот никогда не будет превозноситься, но всегда будет смиряться и за все благодарить Его. Не так поступают язычники, но они все приписывают себе. Потому они и делают из людей богов: так гордость овладела ими! Впрочем, уже время выступить на борьбу с ними. На чем же мы остановились в прежней беседе? Мы говорили, что, по человеческому соображению, невозможно было рыбарям победить философов; однако это сделано, и следовательно сделано силой благодати. Мы говорили, что невозможно было им и

решиться на такие дела, и показали, что они не только решились, но и окончили с великой легкостью.

Сегодня опять будем беседовать главным образом о том же: могли ли бы они надеяться победить вселенную, если бы не видели Христа воскресшим? Неужели они потеряли рассудок, так что решились на такое дело просто и необдуманно? Подлинно было бы выше всякого безумия ожидать успеха в столь великом деле, без содействия благодати Божией. И как они могли бы совершить это, если бы были безумными и исступленными? Если же они были в здравом уме, а это показали самые дела их, то как могли бы они, двенадцать человек, препоясаться и выступить на такую брань, на земле и на море, восстать против обычаев всей вселенной, укоренившихся в течение столь долгого времени, и восстать так мужественно, если бы они не имели верных залогов с неба и не получили помощи свыше? И, что еще важнее, как они надеялись убедить слушателей, призывая их к небу и горним обителям? Если бы они были образованы и воспитаны в славе, богатстве п почестях, то хотя и тогда они едва бы решились на столь великое дело, но по крайней мере могли бы иметь более надежды; а здесь – одни из рыбарей, другие – из кожевников, иные – из мытарей. Такие занятия всего менее могли располагать к любомудрию и способствовать высоким помыслам, особенно если не было подобного примера. И не только у них не было примеров успеха в подобных предприятиях; напротив были примеры неуспеха, и притом самые недавние. Многие, покушавшиеся на нововведения, – говорю не об язычниках, у которых этого не было, а о самих иудеях, в то же самое время, – погибли, приступнв к делу не с двенадцатью человеками, но с великим множеством. Так Февда и Иуда, собрав множество сообщников, погибли вместе с учениками своими (Деян.5:36-37). Страх от подобных примеров достаточно мог бы вразумить их, если бы они не были уверены, что одержать победу возможно не иначе, как силой божественной. И при надежде на успех, как они решились бы на такие опасности, если бы не имели в виду будущего? Положим, что они имели надежду на успех; но какой они могли ожидать пользы от того, что обращали всех к не Воскресшему, как вы говорите?

4. Если теперь люди, верующие учению о царствии небесном и неисчислимых благах, едва решаются на опасности, то как апостолы решились подвергаться им напрасно, или, лучше, ко вреду своему? Если бы не было того, что было, если бы Христос не восшел на небо, то, решившись выдумать это и преподавать другим, они оскорбили бы Бога и должны были бы ожидать себе грозных наказаний свыше. С другой стороны, хотя бы при жизни Христа они имели такую решимость, все же оставили бы ее по смерти Его, так как, если бы Он не воскрес, то они почли бы Его обманщиком и обольстителем. Разве не знаете, что при жизни полководца и царя даже слабые войска держатся, а по смерти даже и сильные расстраиваются? Какими же, скажи мне, соображениями побуждались они, когда решались начать проповедь и идти во всю вселенную? И какие препятствия не встретили бы их? Если бы они были исступленные, – не перестану повторять это, – то решительно ничего не сделали бы, потому что исступленных никто не слушает; а если они совершили свое дело так, как совершили, то и конец показывает, что они были мудрее всех. Если же они были мудрее всех, то очевидно, что они пошли на проповедь не просто. Если бы они не видели Христа воскресшим, то что могло бы вывести их на такую брань? Что напротив не отклонило бы их от нее? Он говорил им, что чрез три дня воскреснет, обещал царствие небесное, предрекал, что они, получив Святого Духа, победят вселенную, и многое возвещал другое, превышающее все законы природы. После этого, если бы ничего такого не исполнилось, то они, хотя бы и верили Ему при жизни, по смерти Его перестали бы верить, если бы не видели Его воскресшим. Они сказали бы: Он говорил, что чрез три дня воскреснет, и не воскрес; обещал послать Духа, и не послал: как же мы можем верить Ему в дальнейшем, если оказалось ложным ближайшее? Почему же

они стали бы проповедовать, что Христос воскрес, если бы Он не воскрес? Потому, скажешь, что любили Его. Но тогда они конечно возненавидели бы Его, как обольстителя и предателя, который, воспламенив их бесчисленными надеждами, отлучив от домов, и от родных, и от всего, вооружив против них весь народ иудейский, потом оставил их. Если бы это происходило только от слабости, то они могли бы простить Ему; но тогда они почли бы это великим злоумышлением. Ему надлежало бы говорить истину и не обещать неба, если бы Он был человек смертный, как вы говорите. Тогда и они конечно стали бы делать противное, стали бы открывать обман и называть Его обольстителем и злоумышленником: таким образом они и избавились бы опасностей, и окончили бы брань. Если иудеи дали деньги воинам для того, чтобы они сказали, что тело Его украдено (Мф.28:12-13), то чего не получили бы ученики, если бы пришли и сказали: мы украли Его, Он не воскрес? Тогда, вероятно, наградили бы их и почестями и венцами. Почему же они предпочли всему этому поношения и бедствия, если не было божественной силы, действовавшей в них могущественнее всего этого? Если ты еще не убеждаешься, то обрати внимание на следующее: если бы не было (воскресения Христова), то апостолы, хотя бы были весьма готовы, не стали бы проповедовать о Нем, но оказали бы к Нему отвращение. Вы знаете, что мы не хотим даже слышать об именах тех, которые жестоко обманули нас. Почему же они проповедовали имя Его? Разве они надеялись победить этим именем? Напротив, им надлежало бы ожидать, что и в случае победы они погибнут, потому что возвещали имя обольстителя. А если бы они захотели утаить прошедшее, то не следовало бы и проповедовать, потому что усилия их еще более возбуждали бы только брань и смех. И как они могли бы выдумать все это? Напротив они забывали бы и то, что слышали. Если тогда, когда им нечего было страшиться, они многое забывали, а иного не разумели, как замечает евангелист (Ин.12:16), то, при угрожающей опасности, не вышло ли бы все из их памяти? И что говорить о словах? Самая любовь их к Учителю несколько охладевала от страха будущих опасностей, за что Он и укорял их. Прежде они, следуя за Ним, часто спрашивали: "**куда идешь?**" (Ин.13:36), а потом, когда Он в продолжительной беседе представил им бедствия, каким они подвергнутся во время Его крестного страдания, то они, пораженные страхом, пребыли безмолвными, о чем, послушай, как Он сам говорит: "**никто из вас не спрашивает Меня: куда идешь? Но от того, что Я сказал вам это, печалью исполнилось сердце ваше**" (Ин.16:5-6). Если же они так скорбели, когда еще ожидали Его смерти и воскресения, то, не увидев Его воскресшим, не пали ли бы духом совершенно, не пожелали бы сами быть погребенными в земле, как от скорби при виде обмана, так и от страха будущего?

5. Откуда у них и это высокое учение? Им сказал (Христос), что высочайшее учение они услышат после: "**еще многое**", говорил Он, "**имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить**" (Ин.16:12). Следовательно, высшее сообщено было им после. Один из учеников Его, услышав об опасности, не хотел даже идти с Ним в Иудею, но сказал: "**пойдем и мы умрем с Ним**" (Ин.11:16): с такой скорбью ожидал Его смерти! Если же он, ожидая смерти, в присутствии самого (Иисуса Христа) терял бодрость, то без Него и без прочих учеников каким опасностям не подвергались его надежды? И много есть доказательств их малодушия. Притом о чем им было говорить, вышедши на проповедь? Страдание (Христово) было известно вселенной, так как Он был распят на высоком древе, в полдень, в столичном городе, и в величайший праздник, на котором особенно должны были присутствовать все (иудеи); а о воскресении Его не знал никто из посторонних, и это было для них немалым препятствием к убеждению. О погребении Его была всеобщая молва, и воины со всеми иудеями говорили, что ученики украли тело Его; а о том, что Он воскрес, никто из посторонних не знал. Каким же образом они надеялись убедить вселенную? Если стражи при виде чудес согласились свидетельствовать противное, то как они без чудес решились проповедовать, и, не обладая и малым количеством денег, надеялись убедить всех на земле и на море в истине воскресения? Если бы они делали это

из честолюбия, то каждый из них приписывал бы свое учение скорее самому себе, а не Умершему. Но (скажешь) им люди не поверили бы? Напротив, кому они скорее могли верить, Тому ли, Кто был взят и распят на кресте, или тем, которые избегли иудейских рук? Почему, скажи мне, решившись на такое дело, они не тотчас оставили Иудею и ушли в другие города, но оставались там? И каким образом они успели убедить, если не совершали знамений? Если они совершали знамения, – а они действительно совершали, – то это было действие силы Божией; если же не совершали и однако победили, то сделанное ими еще более удивительно. Разве, скажи мне, они не знали иудеев, их злобное сердце и переполненную ненависти душу? Эти люди хотели побить камнями Моисея, после того, как он провел их по морю, после победы и того чудного торжества, которое они чрез него одержали без пролития крови над поработившими их египтянами, после манны, после источников вод, изведенных из камней, после бесчисленных чудес в Египте, при Чермном море и в пустыне; Иеремию они ввергли в ров и многих пророков убили. Послушай, что говорит о них Илия, который был изгнан ими далеко из страны их, после страшного голода и чудного дождя, после огня, низведенного им с неба, и после славного всесожжения: "**разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили мечом; остался я один, но и моей души ищут**" (3Цар.19:10). Между тем (пророки) не вводили никаких перемен в законе. Как же, скажи мне, могли слушать апостолов, которые были уничиженнее всех их (пророков) и преподавали то же новое учение, за которое Учитель их был распят? Притом не столько могло казаться странным, когда говорил это Христос, сколько когда они. О Нем могли думать, что Он делал это для Своей славы, а их могли ненавидеть тем более, что они подвизались за другого. Но не содействовали ли им римские законы? Напротив, с этой стороны было еще более препятствий, – ведь сказано было: "**всякий, делающий себя царем, противник кесарю**" (Ин.19:12). Одно то могло служить для них препятствием, что они были учениками считавшегося за тирана и действовали в Его пользу. Что же побуждало их подвергаться таким опасностям? Что они могли сказать о Нем такого, чем показались бы заслуживающими доверия? То ли, что Он был распят? То ли, что он родился от бедной иудеянки, обрученной с иудейским плотником? То ли, что Он происходил от народа, ненавидимого в целом мире? Но все это могло не только не убеждать и не привлекать слушателей, а напротив отвращать всех, тем более, когда было возвещаемо скинотворцем и рыбарем. Не могло ли все это приходить на мысль ученикам Его? Люди робкие могут воображать даже более того, что есть на самом деле; а таковы и были апостолы. На чем же они основали надежду успеха? Скорее они не имели бы надежды при тех бесчисленных препятствиях, которые встречались им, если бы не воскрес Христос.

6. Не ясно ли для всех, даже самых неразумных, что апостолы не только не могли бы предпринять и исполнить такого дела, но даже и подумать о нем, если бы не получили великой и обильной благодати и не имели залога воскресения? Если при таких препятствиях к предприятию, не говорю уже к выполнению дела, они и решились, и исполнили и совершили выше всякого ожидания, то не для каждого ли ясно, что они действовали не человеческой силой, но божественной благодатью? Будем же заниматься подобными рассуждениями не только сами с собой, но и друг с другом: тогда удобнее можем научиться и прочему. Хотя бы ты был ремесленник, не считай такого занятия чуждым для себя. Ведь и Павел был делателем палаток, однако исполнился великой благодати и ею возвещал все. Но прежде благодати он был при ногах Гамалиила; и самую благодать получил потому, что явил душу достойную благодати, и после того опять занимался своим ремеслом. Итак, не стыдись никто занимающийся ремеслом; но пусть устыдятся те, которые напрасно едят хлеб и живут в праздности, которые имеют множество служителей и требуют беспрестанных услуг. Принимать пищу всегда после труда – это род любомудрия: души таких людей бывают чище, мысли – основательнее. Человек праздный и говорнт много пустого, и делает много пустого, и целый день не

занимается ничем, предаваясь неге: а тот, кто занят работой, не скоро допустит что-нибудь излишнее ни в делах, ни в словах, ни в помышлениях; душа его совершенно предана трудолюбивой жизни. Не будем же презирать тех, которые питаются от трудов рук своих, но будем еще более ублажать их за это. Какой, скажи мне, достоин ты благодати, если, получив наследство от отца, живешь, ничего не делая, и расточаешь его по-пустому? Разве ты не знаешь, что мы не все отдадим одинаковый отчет, но получившие здесь больше благ отдадут отчет труднейший, а удрученные трудами, бедностью, или чем-нибудь другим подобным – легчайший? Это видно и из притчи о Лазаре и богаче. Ты, не употребивший свободного времени ни на что дельное, справедливо будешь осужден; а бедный, при трудах своих употребивший остающееся время на дела достодолжные, получит великие венцы.

Укажешь ли на свое военное звание и приведешь его в оправдание своей беспечности? Но и это извинение неосновательно. Корнилий был сотником, однакож воинская перевязь нисколько не препятствовала его благочестию. Ты, когда занимаешься с шутами и танцовщицами, проводишь все время на зрелищах, не ссылаешься ни на необходимые дела по военной службе, ни на страх пред начальниками; а когда мы приглашаем в церковь, тогда – бесчисленные препятствия. Что же ты скажешь в тот день, когда увидишь пламя, огненные реки и неразрешимые узы, и услышишь скрежет зубов? Кто поможет тебе в тот день, когда увидишь ремесленника, праведно проведшего жизнь свою, наслаждающимся великой славой, а себя, который ныне украшаешься нежными одеждами и дышишь благовониями, невыразимо страждущим? Какая польза будет тебе от богатства и изобилия, и какой вред ремесленнику от бедности? Потому, чтобы нам не потерпеть этого, устрашимся сказанного и приложим всякое старание к совершению дел необходимых. Таким образом, умилостивив Бога за прежние грехи свои и присоединив добрые дела в будущем, мы сможем получить царствие небесное, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

---

[1] Гр. "μη οντα"=букв."несуществующее"

БЕСЕДА 6

"И когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости, ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого" (1Кор.2:1-2).

1. Ничто не может сравниться в деятельности с душею Павла, или лучше, не с его душею, – так как он не сам достиг этого, – но с благодатью, которая действовала в нем и побеждала все. И сказанного прежде достаточно было для низложения гордости превозносившихся своею мудростью; достаточно было даже и части сказанного. Но чтобы победа была славнее, он продолжает свою речь, попирая уже поверженных противников. Смотри: привел пророчество: погублю премудрость премудрых: показал премудрость Божию в том, что Бог кажущимся безумием низложил внешнюю мудрость; объяснил, что немудрое Божие премудрее человек; указал, что Бог не только научил чрез людей неученых, но и призвал также неученых; а теперь он доказывает, что и самый предмет проповеди и способ проповедания могли бы иных смутить, однако не смутили. Не только, говорит, ученики – люди простые, но и я проповедающий. "**И я, братие**", – опять называет их братиями, чтобы смягчить суровость речи, – "**приходил возвещать вам**

свидетельство Божие не в превосходстве слова". Но, скажи мне, если бы ты захотел придти с высоким словом, мог ли бы? Я, говорит, если бы и хотел, не мог бы: а Христос, если бы восхотел, мог бы (послать); но Он не восхотел, чтобы победа сделалась славнее. Потому и выше, доказывая, что делом Христа и Его волею было, чтобы слово проповедовалось с такой простотой, он говорил: "**ибо Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова**" (1Кор.1:17). А воля Христа много важнее, несравненно важнее воли Павла. Таким образом, говорит, не высоким словом и не помощью красноречия я возвещаю свидетельство Божие. Не сказал: проповедь, но: свидетельство Божие, что также могло не нравиться, так как он везде проповедовал о смерти; потому и присовокупил: "**ибо я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого**". Говорит это потому, что он был совершенно чужд внешней мудрости, как и выше сказал: "**приходил не в превосходстве слова**". Нет сомнения, что ему можно было иметь и это; тот, чьи одежды воскрешали мертвых и тень исцеляла болезни, тем более мог душой своей усвоить красноречие. Последнее свойственно и ученикам, а первое выше всякого искусства. Следовательно, кто знал то, что выше искусства, тот тем более мог знать низшее. Но Христос не попустил этого, потому что это не было полезно. Потому Павел справедливо говорит: "**ибо я рассудил быть незнающим ничего**", так как и я желаю того же, чего Христос. Мне кажется, что апостол беседует с нимн (коринфянами) гораздо проще, нежели с другими, для того, чтобы низложить гордость их. Итак слова: "**ибо я рассудил быть незнающим ничего**" сказаны в противоположность внешней мудрости. Я пришел к вам, говорит он, не сплетать силлогизмы и софизмы, или говорить что-либо подобное, но только возвестить, что Христос распят. Те (мудрецы) говорят много и ведут длинные речи о бесчисленных предметах, составляя суждения и умозаключения и сплетая тысячи софизмов: а я пришел к вам говорить не о чем другом, как только о том, что Христос распят, и всех их превзошел, что и служит неизреченным знамением силы Проповедуемого. "**И был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете**" (1Кор.2:3). Вот еще другое важное обстоятельство. Не только верующие – люди простые, не только проповедующий – человек простой, не только способ учения исполнен простоты, не только самый предмет проповеди может смущать, так как предмет этот – крест и смерть; но вместе с тем были и другие препятствия, именно опасности и козни, ежедневный страх и гонения. Немощью он часто называет гонения, как например "**и немощи плоти моей вы не презрели**" (Гал.4:13-14); и еще: "**если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею**" (2Кор.11:30). О какой немощи? Языческий "**правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня**" (ст.32). И еще: "**посему я благодушествую в немощах**", а в каких, объясняет далее: "**в обидах, в нуждах, в притеснениях**" (2Кор.12:10). То же говорит и теперь; сказав: "**И был я у вас в немощи**", он не останавливается на этом, но, чтобы показать. что под немощью он разумеет опасности, присовокупляет: "**и в страхе и в великом трепете**". Что это? Неужели и Павел боялся опасностей? Да, боялся и сильно боялся. Ведь он был хотя и Павел, а все же человек. И это не вина Павла, но слабость (человеческой) природы, а вместе и похвала его воле, если он, даже боясь смерти и ран, под влиянием страха не делал ничего недостойного. Потому те, которые говорят, что он не боялся ран, не только не делают ему чести, но и много унижают его достоинство. Если бы он не боялся, то какая твердость, или какое любомудрие было бы в перенесении бедствий? А я потому и удивляюсь ему, что он, хотя боялся, и не просто боялся, а трепетал бедствий, однако всегда подвизался со славой и ни при какой опасности не ослабевал, очищая вселенную и везде, на земле и на море, посеевая семена проповеди. "**И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости**" (ст.4), т.е. чуждо внешней мудрости. Если же проповедь не имела в себе ничего софистического, и призываемые были люди простые, и проповедующий таков же, и кроме того были гонение, страх и трепет, то, скажи мне, каким образом одержана победа? Божественной

силой. Потому, сказав: "**слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости**", присовокупляет: "**но в явлении Духа и силы**".

2. Видишь ли, как "**немудрое Божие премудрее и немощное Божие сильнее человеков**" (1Кор.1:25)? Простые проповедники, будучи стесняемы и гонимы, победили гонителей. Почему? Не потому ли, что они внушали веру Духом? Это и значит явление (Духа). Кто, скажи мне, не уверует, видя воскресение мертвых и изгнание бесов? Но так как есть ложные силы, каковы волшебные, то апостол устраняет и эту мысль; не просто говорит: силы, но наперед – Духа, а потом – силы; этим выражает, что все сделанное совершено Духом. Таким образом для проповеди служит не унижением то, что она возвещается без помощи мудрости, но напротив величайшим украшением. Это особенно и доказывает, что она божественна и имеет высшее небесное происхождение. Потому он и присовокупляет: "**чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией**" (ст.5). Видишь ли, как ясно он представляет великую пользу простоты и великий вред мудрости? Последняя унижала крест, а первая возвещала силу Божию; последняя производила то, что люди не познавали должного и хвалились самими собой, а первая располагала принять истину и хвалиться Богом; мудрость внушала многим считать учение (апостольское) человеческим, а простота ясно выражала, что оно божественно и низошло с неба. Когда доказательство составляется из мудрых слов, тогда часто и недостойные, будучи сильнее в слове, одерживают верх над достойнейшими, и ложь заступает место истины. Здесь же не так: Святый Дух не входит в нечистую душу, а вошедши не может быть побежден, хотя бы против него восстала вся сила красноречия, так как доказательство посредством дел и знамений гораздо яснее доказательства посредством слов. Но, может быть, кто скажет: если проповедь должна побеждать и не имеет нужды в силе слова, да не упразднится крест, то почему ныне прекратились знамения? Почему? Ты не веришь и думаешь, что их не было и при апостолах, или в самом деле хочешь знать, когда говоришь это? Если не веришь, то я остановлюсь прежде на этом. Если тогда не было знамений, то каким образом апостолы, будучи гонимы, притесняемы, подвергаясь страху и узам, будучи общими всех врагами и ненавистными для всех, не имея в себе ничего привлекательного, ни красноречия, ни знатности, ни богатства, ни известностп по городу, по народу, по происхождению, или по искусству, и ничего другого подобного, но имея все противное тому, неученость, незнатность, бедность, простоту и уничижение, и притом восставая против целых народов и возвещая такие истины, – как они производили убеждение? Правила их были не легки, догматы опасны, а слушатели, которых надлежало убеждать, преданы были сластолюбию, пьянству и великому нечестию. Как же они убедили, скажи мне? Как приобрели доверие? Если они, как я и прежде говорил, убедили без знамений, то это есть еще большее знамение. Итак из того, что теперь нет знамений, не заключай, что их не было и тогда. Тогда полезно было им быть, а теперь полезно не быть. Впрочем из того, что теперь убеждение производится одним словом, не следует, будто теперь проповедь зависит от мудрости. Как первоначальные сеятели слова были простые и неученые и ничего не говорили от себя, но что приняли от Бога, то и преподали вселенной, так и мы теперь предлагаем не свое, но что приняли от них, то и возвещаем всем. И теперь мы убеждаем не умозаключениями, но свидетельствами божественных Писаний, и тогдашними знамениями внушаем верить возвещаемому. Впрочем и апостолы убеждали тогда не одними знамениями, но и беседами; только слова их получали более силы от знамений и свидетельств ветхозаветного Писания, а не от искусства красноречия. Как же, скажешь, знамения тогда были полезны, а теперь стали бесполезны? Предположим, – я обращаюсь к язычнику и потому называю предположением то, что несомненно будет, – предположим и пусть неверный хотя на несколько времени допустит, например, что Христос придет. Итак, когда придет Христос и все ангелы с Ним; когда Он явится, как Бог, и все покорится Ему, – тогда не уверует ли в Него и язычник? Конечно, он и поклонится Ему и назовет Его Богом, хотя бы он был человек крайне упорный.

3. Кто, видя небеса отверстые, Христа грядущего на облаках, и все воинство горних сил вокруг Него, текущие реки огненные и всех предстоящих Ему с трепетом, не поклонится Ему и не признает Его Богом? Но, скажи мне, заменит ли это поклонение и признание для язычника веру? Нет. Почему? Потому, что это – не вера; это – следствие необходимости величественного зрелища; не собственное решение, но величие созерцаемого увлекает в этом случае душу. Следовательно, чем яснее и разительнее знамения, тем менее бывает вера, потому знамения теперь и не совершаются. Чтобы убедиться в истине этого, послушай, что говорит Христос Фоме: "**блаженны невидевшие и уверовавшие**" (Ин.20:29). Следовательно, чем очевиднее знамение, тем менее достоинство веры. То же самое было бы, если бы и теперь совершались знамения. Что тогда (по пришествии Христовом) мы уже не будем познавать Его верою, это объяснил Павел в словах: "**ибо мы ходим верою, а не видением**" (2Кор.5:7). Как тогда вера не вменится тебе по причине очевидности предмета, так и теперь она не вменялась бы, если бы совершались такие же знамения, какие были прежде. Ведь вера бывает тогда, когда принимаем то, чего никаким образом, никакими рассуждениями невозможно постигнуть. Так, Бог угрожает геенной, но она невидима; если бы она была видима, то опять было бы то же. Впрочем, если ты хочешь знамений, то можешь и теперь видеть их, хотя и не такого рода, именно исполнение бесчисленных пророчеств о множестве событий, обращение вселенной, любомудрие язычников, изменение грубых нравов, преуспеяние благочестия. Что это, скажешь, за пророчества? Ведь все эти предсказания написаны уже после событий? Когда же, скажи мне, где, кем и за сколько лет? За пятьдесят, или за сто? Значит, за сто лет совершенно не было ничего написано. Как же вселенная сохранила догматы и все прочее, когда одной памяти для этого недостаточно? Откуда узнали, что Петр был распят? Откуда последующим пришло на мысль предсказывать, например, что евангелие будет проповедано по всей вселенной, что иудейское царство прекратится и более не восстанет? Полагавшие душу свою за проповедь как могли бы допустить, чтобы проповедь их подвергалась искажению? Как стали бы верить писателям, после того как знамения уже прекратились? И как писания проникли бы в страну варваров и индийцев и до самых пределов океана, если бы сами писатели не были достоверными? Какие же это писатели? Когда писали они, где и для чего? Не для того ли, чтобы приобресть себе славу? Но почему они надписывали свои книги именами других? Не для того ли, чтобы придать твердость учению? Но истинно оно, или ложно? Если они признавали его ложным, то не стоило и заниматься им; если же признавали его истинным, то не было нужды в тех вымыслах, о которых ты говоришь. С другой стороны эти предсказания таковы, что даже до настоящего времени ничто не могло изменить предсказанного. Так, разрушение Иерусалима совершилось за много лет. Есть и другие предсказания, которые со времени произнесения их будут иметь силу до Его пришествия, как можешь видеть, если хочешь, из следующего, например: "**Я с вами во все дни до скончания века**" (Мф.28:20); "**на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее**" (16:18); "**проповедано будет сие Евангелие всем народам**" (24:14); "**где ни будет проповедано Евангелие сие, сказано будет и о том, что она сделала**" (26:13), и другие весьма многие. Отчего эти предсказания оказываются истинными, если они были вымышлены? Отчего не одолели Церкви врата адовы? Отчего Христос всегда пребывает с нами? Ведь, если бы Он не был с нами, то Церковь не одержала бы победы. Отчего евангелие распространилось по всей вселенной? Древность книг наших могут засвидетельствовать даже те, которые говорили против нас, как-то: последователи Цельса и бывшего после него Ватанеота (Порфирия), – они конечно опровергали не то, что было написано после них, – а также и вся вселенная, которая единогласно приняла это учение. Если бы не благодать Духа, то не было бы такого единодушного принятия его от концов до концов земли, но виновники вымыслов были бы скоро обличены, и не совершились бы столь великие дела при помощи вымыслов и лжи. А теперь не видишь ли, как вся вселенная обратилась, заблуждение истреблено, любомудрие иноков сияет светлее солнца? Не видишь ли сонмов девственниц,

благочестия между варварами и всех, смиряющихся под одним игом (Христовым)? Это не в наших только книгах предсказано, но еще издревле пророками; а их предсказаний ты конечно не можешь отвергать, потому что их книги есть и у врагов и, по усердию некоторых язычников, переведены на греческий язык. Они содержат в себе много пророчеств и указаний на то, что имеющий придти есть Бог.

4. Почему же ныне не все веруют? Потому, что дела наши не хороши, и причиною этому мы сами; обращаю слово к нам самим. И тогда обращались к вере не одними только знамениями, но многие из обращающихся привлекаемы были и жизнью (верующих). "**Так**", говорится, "**да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Мф.5:16). Тогда у всех "**было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее, и каждому давалось, в чем кто имел нужду**" (Деян.4:32,35), и жили они жизнью ангельской. Если бы то же было и теперь, то мы обратили бы всю вселенную и без знамений. Потому желающие спастись пусть внимают Писаниям; здесь они найдут и такие и еще высшие добродетели. И сами учители изобиловали ими, проводя жизнь в голоде, жажде и наготе. Мы хотим жить в роскоши, в неге и удовольствиях; они же не так жили, но говорили: "**даже доныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся**" (1Кор.4:11). Один из них путешествовал от Иерусалима до Иллирии, другой в страну индийцев, третий в страну мавров, иной в другие части вселенной; а мы не решаемся даже выйти из отечества, ищем роскоши, великолепных жилищ и всякого другого богатства. Кто из нас когда-нибудь терпел голод за слово Божие? Кто был в пустыне? Кто предпринимал далекое путешествие? Кто из учителей, живя трудами рук своих, помогал еще другим? Кто подвергался ежедневной смерти? Потому нерадивы и окружающие нас. Воины и военачальники, когда переносят голод, жажду, смерть и все бедствия, тогда побеждают и холод, и опасности, и все, как львы, и совершают дела доблестные; а потом, если, оставив такое любомудрие, предавшись неге, пристрастившись к земным благам и занявпшсь куплей и продажей, будут побеждаемы врагами, то было бы совершенно безумно искать причину этой перемены. Так и мы должны рассуждать о нас самих и бывших прежде нас: мы сделались изнеженнее всех, прилепившись к настоящей жизни. Если и найдется человек, имеющий в себе хотя несколько древнего любомудрия, то он, оставляя город и торжища, не желая обращаться с людьми и исправлять других, удаляется в горы; и если кто спросит его о причине удаления, то он дает ответ неуважительный: я, говорит, удаляюсь для того, чтобы не погубить себя и не сделаться неспособным к добродетели. Но не лучше ли было бы тебе быть не столь добродетельным и доставлять пользу другим, нежели пребывать на высоте и с презрением взирать на погибель братий? Если же одни нерадят о добродетели, а другие, пекущиеся о ней, удаляются из строя, то как мы будем побеждать врагов наших? Кто убедился бы, если бы теперь и были знамения? Кто из язычников стал бы слушать нас, когда нечестие так распространяется? Праведная жизнь наша для многих бывает убедительнее знамений. Люди бесстыдные и злые могут взирать на знамения с мыслями коварными; а чистая жизнь может с великой силой заградить уста самого диавола. Говорю это и начальникам и подчиненным, а прежде всех себе самому, чтобы мы проводили жизнь достохвальную, исправили себя и презирали все настоящее. Будем презирать имущество, но не геенну; будем презирать славу, но не спасение; будем здесь трудиться и терпеть, чтобы там не подвергнуться мучению. Так будем ратоборствовать с язычниками; так будем увлекать их в плен, который превосходнее свободы. Впрочем это часто и непрестанно говорится нами, только редко исполняется. Но исполняется, или нет, – наш долг непрестанно напоминать об этом, так как, если иные, для обольщения других, говорят столько увлекательных речей, то тем более ведущим к истине не следует утомляться, возвещая полезное. Если вводящие в заблуждение употребляют столько усилий к достижению своей цели, расточают имущество, прибегают к искусству красноречия, подвергаются опасностям и

сами являются впереди всех, то тем более нам, отклоняющим от заблуждения, должно терпеть и опасности, и смерть, и все, чтобы, доставив пользу и себе и другим и оставшись непобедимыми от врагов наших, сподобиться обетованных благ, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 7

"Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей" (1Кор.2:6-7).

1. Для больных глазами мрак кажется лучше света; потому они любят находиться более в темных жилищах. То же произошло и с духовной премудростью: премудрость Божия язычникам казалась безумием, а их мудрость, которая действительно есть безумие, почиталась ими мудростью. С ними случилось тоже, как если бы кто, зная искусство кормчего, обещался переплыть беспредельное море без корабля и парусов и старался бы умствованиями своими доказать, что это возможно, а другой, совершенно неопытный, севши на корабль и вверив себя кормчему и мореплавателям, совершил бы таким образом плавание безопасно. Кажущееся неведение последнего было бы мудрее мудрости первого. Умение править рулем, конечно, прекрасно; но когда оно обещает слишком много, то становится безумием; таково же и всякое знание, не удерживающееся в своих пределах.

Так и внешняя мудрость была бы мудростью, если бы приняла Духа; но так как она все присвояла себе и думала, что не имеет нужды в высшей помощи, то сделалась безумием, хотя и казалась мудростью. Потому Павел, наперед обличив ее самыми делами, потом назвал ее безумием, а премудрость Божию наперед назвал безумием, согласно с мнением язычников, потом же доказывает, что она есть истинная мудрость, – а после доказательств уж весьма легко посрамлять противников, – и говорит: премудрость же глаголем в совершенных. Если я, почитаемый безумным и проповедником безумия, победил мудрых, то победившая мудрость есть не безумие, но совершеннейшая мудрость и настолько превосходнее внешней мудрости, что та кажется безумием. Назвав ее сначала так, как называли ее тогда язычники, и доказав превосходство ее самыми делами, а их обличив в крайнем безумии, он потом называет ее свойственным ей именем и говорит: "**Мудрость же мы проповедуем между совершенными**". Мудростью он называет проповедь и способ спасения посредством креста; совершенными же называет верующих. Действительно совершенны те, которые знают, что все человеческое весьма немощно, презирают все это и уверены, что оно не служит им ни к чему; а таковы верующие. "**Но мудрость не века сего**". К чему в самом деле полезна внешняя мудрость, которая ограничивается здешним миром и далее его не простирается, даже и здесь не может принести никакой пользы обладающим ею? Властями века он называет здесь не бесов, как думают некоторые, но людей, облеченных отличиями и властью и почитающих ее чем-то весьма важным, философов, риторов и писателей, которые тоже часто обладали властью и бывали народными вождями. Властями же века сего называет их потому, что власть их не простирается далее настоящего века: потому и присовокупляет: преходящих, и таким образом доказывает ничтожность внешней мудрости как самым ее свойством, так и свойством тех, которые обладают ею. Доказав, что она ложна и безумна, что она не может открыть ничего, что она бессильна, теперь он показывает, что она и кратковременна. "**Но проповедуем премудрость Божию, тайную**". Какую тайну? Христос говорил: "**что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях**" (Мф.10:27). Почему же Павел называет ее тайною? Потому, что ни ангел, ни архангел, и никакая другая сотворенная сила не знала ее прежде, нежели она открылась. Потому апостол и говорит: "**дабы ныне соделалась**

известною через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божия" (Еф.3:10). Бог так почтил нас, что и они услышали ее вместе с нами; и мы в отношении к друзьям считаем знаком нашей дружбы с ними то, когда никому прежде них не открываем тайны. Пусть внимают те, которые хвалятся проповедью, без разбора предлагают всем жемчуг учения, бросают святыню псам и свиньям, и притом с излишними мудрованиями. Тайна не допускает прикрас, но какова есть, такою точно и возвещается; она не будет уже тайною божественною и неповрежденною, если ты прпбавишь к ней что-нибудь от себя. Тайною она называется и потому, что мы созерцаем в ней не то, что видим, но одно видим, а другому веруем. Таково свойство наших таинств. Иначе смотрю на них я, иначе неверный. Слышу я, что Христос распят, и удивляюсь Его человеколюбию; слышит неверный, и считает это бессилием. Слышу я, что Христос сделался рабом, и удивляюсь Его промышлению; слышит неверный, и считает это бесчестием. Слышу я, что Христос умер, и изумляюсь Его могуществу, как Он, подвергшись смерти, не был удержан ею, но еще разрушил смерть; слышит неверный, и приписывает это Его немощи. Слыша о воскресении, он называет это басней; а я, удостоверяясь в том самыми событиями, поклоняюсь домостроительству Божию. Слыша о крещении, он представляет одну воду; а я вижу не только видимое, но и невидимое очищение души, совершаемое Духом. Он думает, что у меня только омыто тело; а я верую, что и душа стала чистою и святою, и представляю гроб, воскресение, освящение, оправдание, искупление, усыновление, наследие, небесное царствие, дарование Духа, так как я взираю на видимое не простым зрением, но очами духовными. Говорится о теле Христовом, и иначе разумею сказанное я, иначе неверный.

2. Дети, видя книгу, не понимают значения написанного и не разумеют того, что видят, то же бывает и со всяким человеком безграмотным; между тем знающий грамоту найдет в написанном смысл, целые жизнеописания и повествования; также, получивши письмо, безграмотный увидит только бумагу и чернила, а грамотный услышит голос отсутствующего, будет беседовать с ним, и сам посредством письма ответит ему, что угодно. То же бывает и с таинствами: неверные, слыша о них, как будто не слышат; а верующие, будучи научены Духом, разумеют силу сокровенного. Потому Павел говорит, что и ныне "**закрыто благовествование**": "**для погибающих**", говорит, "**закрыто**" (2Кор.4:3). С другой стороны, словом тайна он выражает, что проповедь есть нечто необычайное; так обыкновенно Писание называет то, что бывает сверх чаяния и превышает человеческое разумение. Потому и в другом месте говорится: "тайна моя и мне и моим"[1]; и опять Павел говорит: "**говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся**" (1Кор.15:51). Хотя она проповедуется везде, но, несмотря на то, она – тайна. Нам и заповедано говорить с кровлей то, что мы слышали на ухо (Мф.10:27), и повелено не давать "**святыни псам**", и не бросать "**жемчуга перед свиньями**" (7:6), потому что одни – люди душевные и не разумеют, другие имеют покрывало на сердце своем и не видят. Следовательно тем более тайна то, что хотя и проповедуется везде, но не постигается не имеющими здравого разумения, и открывается не с помощью мудрости, но Духом Святым, сколько мы можем вместить. Потому не погрешит тот, кто и вследствие этого назовет ее недоведомою тайной, – ведь и нам верующим не дано полное и совершенное ведение, как говорит Павел: "**отчасти знаем, и отчасти пророчествуем. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу**" (1Кор.13:9,12). Потому он и говорит: "**проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей**". Сокровенную, т.е. такую, которой прежде нас не знал никто из горних сил, или которой и ныне многие не знают. Это и выражают слова: "**которую предназначил к славе нашей**"; а в другом месте говорит: "**к славе Его**" (Еф.1:12), потому что Бог почитает наше спасение Своей славой, также и Своим богатством, хотя Сам есть сокровище благ и ни в ком не нуждается, чтобы быть богатым. Предназначил, говорит, выражая этим попечение Божие

о нас. Обыкновенно те почитаются наиболее пекущимися о нас и любящими нас, которые издавна расположены делать нам добро, как поступают и родители с детьми: они хотя отдают им имущество впоследствии, но бывают расположены к тому за долгое время и с самого начала. Так и Павел старается здесь показать, что Бог любил нас издревле и всегда, даже и тогда, когда мы еще не существовали; если бы Он не любил нас, то не предназначил бы нам богатства. Потому не думай о минувшей вражде, – любовь древнее ее. Слова: прежде веков – означают вечность, подобно тому, как и в другом месте говорится: "**Сущий прежде веков**" (Пс.54:20). Также доказано будет, что и Сын вечен, потому что о Нем говорится: "**чрез Которого и веки сотворил**" (Евр.1:2); это значит, что Он существует прежде веков, потому что Творец, без сомнения, существует прежде тварей. "**Которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы**" (1Кор.2:8). Но если они распяли по неразумию, то, значит, они не виновны? И еще: если они не разумели, то почему Христос говорил им: "**и знаете Меня, и знаете, откуда Я**" (Ин.7:28)? Писание говорит о Пилате, что он не уразумел; вероятно и Ирод также не уразумел. Их и можно назвать князьями века сего. Если же кто скажет, что здесь говорится об иудеях и священниках, тот не погрешит; и им сказал Христос: "**вы не знаете ни Меня, ни Отца Моего**" (Ин.8:19). Как же Он выше сказал: "**и знаете Меня, и знаете, откуда Я**"? Впрочем какой смысл того и другого изречения, об этом уже сказано при изъяснении Евангелия; а потому, чтобы часто не повторять одного и того же, туда отсылаем желающих.

3. Что же? Прощен ли иудеям грех их касательно креста, по слову Христову: "**прости им**" (Лк.23:34)? Если они покаялись, то прощен. И Павел, воздвигший множество рук на Стефана и гнавший Церковь, сделался защитником Церкви.

Так прощен был грех и тем из них, которые захотели покаяться, о чем и Павел говорит: "**итак спрашиваю: неужели они преткнулись, чтобы совсем пасть? Никак**".. И опять: "неужели Бог отверг народ Свой? Никак". Затем в доказательство того, что и для них не закрыто покаяние, приводит собственное обращение: "**ибо и я Израильтянин**" (Рим.11:11,1-2). Слово: "**не познали**", мне кажется, сказано здесь не относительно Христа, но относительно дела домостроительства Божия, т.е. они не разумели того, что значили смерть и крест. И здесь Христос не сказал: не знают Меня, но: "**не знают что делают**" (Лк.23:34), т.е., не разумеют совершающегося домостроительства и таинства. Они не понимали, что крест так просияет, что им совершится спасение вселенной и примирение Бога с людьми, что город их будет взят и что они подвергнутся крайним бедствиям. Премудростью Павел называет и Христа, и крест, и проповедь. Но не напрасно он называет здесь Христа Господом славы. Так как крест казался знаком бесславия, то он показывает, что в кресте великая слава. Большая нужна была мудрость, чтобы не только познать Бога, но и уразуметь такое домостроительство Божие; внешняя же мудрость была препятствием не только к первому, но и к последнему. "**Но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его**" (1Кор.2:9).

Где это написано? Так говорится и тогда, когда что-нибудь изображено не словами, а самыми действиями, как например в повествованиях, или когда выражена та же мысль, хотя и не теми же словами, как здесь; например слова: "**они увидят то, о чем не было говорено им, и узнают то, чего не слыхали**" (Ис.52,15) – означают то же, что и слова: "**не видел того глаз, не слышало ухо**". Таким образом апостол или это выражает, или, может быть, действительно было написано в книгах, но самые книги утратились. В самом деле, многие книги потеряны н только немногие сохранились, еще во время первого пленения. Это видно из книги Паралипоменон. Так апостол говорит, что "**все пророки, от Самуила и после него, предвозвестили**" о Нем (Деян.3:24); но этого не видно, между

тем Павел, как сведущий в законе и говоривший по внушению Духа, вероятно, знал все в точностп. Но что я говорю о пленении? Многие книги были потеряны еще прежде пленения, когда иудеи впали в крайнее нечестие. Это видно из конца четвертой книги Царств, где говорится, что Второзаконие едва было найдено где-то в нечистом месте (4Цар.22:8). Притом есть много пророчеств различного значения, которые понятны только мудрейшим и в которых можно находить многое, неясное для других. Что же? Ужели глаз не видал того, что уготовал Бог? Точно не видал: кто из людей видел имевшее быть домостроительство Божие? Ужели и ухо не слыхало и на сердце человеку не входило? Так ли это? Если пророки предвозвестнли, то как ухо не слыхало и на сердце человеку не входило? Точно не входило. Апостол говорит не о пророках только, но о всем естестве человеческом. Как? Ужели и пророки не слыхали? Они слышали, но пророческий слух их не был слухом человеческим; они слышали не как люди, но как пророки. Потому и говорит Исаия: "**пробуждает**[2] **ухо Мое, чтобы Я слушал**" (50:4), разумея приложение, даруемое Духом. Отсюда видно, что прежде, нежели они услышали, человеку и на сердце не входило, так как после дарования Духа сердце пророков было не сердцем человеческим, но сердцем духовным, как и сам Павел говорит: "**мы имеем ум Христов**" (1Кор.2:16). Смысл слов его следующий: прежде, нежели нам дарован Дух и открыты недоведомые тайны, не разумел их никто ни из нас, ни из пророков. И могло ли быть иначе, если не знали их даже ангелы? Что же после этого говорить о князьях века сего, если никто из людей и даже горние силы не знали этого? Чего? Того, что кажущимся безумием проповеди будет побеждена вселенная, обращены народы, совершено примирение Бога с людьми и дарованы нам столь великие блага. Как же мы познали это? "**А нам**", говорит, "**Бог открыл это Духом Своим**" (ст.10). Не внешней мудростью, которой, как презренной рабе, не дозволено входить внутрь и проникать в тайны Господни.

4. Видишь ли, какое различие между той и другой мудростью? Одна научила нас тому, чего не знали ангелы; а внешняя сделала противное: не только не научила, но еще служила к тому препятствием и, когда уже все совершилось, затмевала события и уничижала крест. Таким образом Павел воздает нам честь, показывая, что мы не только научились, и притом вместе с ангелами, но и научились от самого Духа. Далее, показывая важность знания, говорит, что если бы нам не открыл этого Дух, знающий тайны Божии, то мы и не познали бы. Так Бог благоволил хранить это дело в тайне. Потому мы имели нужду в таком учителе, который бы знал это ясно. "**Ибо Дух**", говорит, "**все испытует**[3]**, и глубины Божии. Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога**" (ст.10-12). Здесь слово испытует означает не незнание, а точное знание; такое же выражение он употребляет и о Боге, когда говорит: испытаяй же сердца весть, что есть мудрование Духа (Рим.8:27). Сказав о совершенном знании Духа, показав, что оно равно знанию Божию, как знание человеческое равно самому себе, и доказав, что мы познали все от Него, и не иначе, как от Него, он продолжает: "**что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святаго, соображая духовное с духовным**" (ст.13). Видишь ли, как он возвеличил нас достоинством Учителя? Мы настолько мудрее язычников, насколько Платон отстоит от Святого Духа. Они имеют своими учителями риторов, а мы – Святого Духа. Что значит: "**соображая духовное с духовным**"? Если касательно духовного встречается какое-либо недоумение, то мы приводим и объяснения от предметов духовных; например: я говорю, что Христос воскрес, что Он родился от Девы, и для объяснения привожу свидетельства и прообразования, пребывание Ионы внутри кита и последующее освобождение, рождение бесплодными женами, Саррой, Ревеккой и другими, произрастение дерев в раю, тогда как еще не были брошены семена, не проливались дожди, не были проведены борозды.

Будущие события были начертаны и прообразованы, как бы в тени, прежними, чтобы уверовали в них после их исполнения. Показываю и еще, как человек произошел из земли, как без всякого совокупления жена произошла от одного мужа, как самая земля произошла из ничего, как везде и во всем достаточно было могущества Создателя. Так я объясняю духовное духовным и нигде не прибегаю к внешней мудрости, к рассуждениям и умозаключениям. Языческие мудрецы напрягают и терзают слабый разум свой, и никак не могут объяснить того, о чем говорят, но еще делают противное, приводят в большее замешательство, увеличивают мрак и недоумение. Потому апостол и говорит: "**сообразая духовное с духовным**". Видишь ли, как он доказывает, что внешняя мудрость излишня, и не только излишня, но даже враждебна и вредна? Это выразил он, когда сказал: "**чтобы не упразднить креста Христова**" (1Кор.1:17), и: "**чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой**" (2:5). А теперь доказывает, что те, которые надеются и во всем полагаются на нее, не могут познать ничего полезного. "**Душевный человек не принимает того, что от Духа**" (ст.14). Потому прежде всего надобно отвергнуть ее (внешнюю мудрость). Как, скажешь, неужели внешняя мудрость достойна отвержения? Ведь и она – дело Божие. А откуда это видно? Нет, не Бог создал ее, но ты изобрел; мудростью же здесь апостол называет чрезмерную пытливость и излишнее красноречие. А если скажешь, что он говорит здесь о разуме человеческом, то и в таком случае твоя вина. Ты сам унижаешь его, употребляя во зло, во вред себе и на противление Богу, и требуя от него того, чего он не имеет. Ты хвалишься им и восстаешь против Бога, – поэтому Бог и обличил его бессилие. Так и сила телесная – добро; но когда Каин употребил ее не так, как должно, то Бог навел на него расслабление и трясение. Вино также – добро; но когда иудеи стали неумеренно употреблять его, то священникам Бог совершенно запретил его употребление. Так, когда и ты стал употреблять мудрость на противление Богу и приписал ей большую силу, нежели какую она имеет, то Он, отклоняя тебя от человеческого упования, показал ее бессилие. Душевный человек – тот, кто все подчиняет холодным умствованиям и не считает нужной для себя высшую помощь; а это – безумие. Бог даровал нам разум для того, чтобы он познавал и принимал сообщаемое от Бога, а не для того, чтобы он считал самого себя достаточным для себя. Прекрасны и полезны – глаза; но если бы они захотели видеть без света, то красота и собственная сила их нисколько не принесли бы им пользы, но еще причинили бы вред. Так и душа, если захочет видеть без Духа, то сама себе послужит препятствием. Как же, скажешь, прежде она видела сама собою? Никогда она не видела сама, но имела пред собой творения, как бы книгу. Когда же люди, не восхотев идти путем, заповеданным от Бога, и из красоты видимого познавать Творца, вручили скипетр знания умствованиям, то впали в бессилие и пучину нечестия, допустили бездну зол и стали утверждать, что из ничего не бывает ничего, а все произошло из несозданного вещества, откуда и родились бесчисленные ереси. В самых странных нелепостях они соглашались между собой, а в том, что представляли себе несколько здраво, хотя как бы в тени, разногласили друг с другом, и оказались в том и другом случае смешными. Что из ничего не бывает ничего, это они почти все единогласно утверждали и писали, и притом с большим усердием: так диавол опутал их нелепостями! А о предметах полезных, в которых они, по-видимому, уразумевали нечто как бы в гадании, они спорили между собой, как, например, о том, что душа бессмертна, что добродетель не имеет нужды ни в чем внешнем, что люди бывают добрыми или злыми не по необходимости и не по определению судьбы.

5. Видишь ли злоухищрение диавола? Когда он видел, что люди говорят нечто нечестивое, то устроял всеобщее в том согласие, а когда видел, что они утверждают нечто здравое, то возбуждал одних против других, – для того, чтобы нелепое, будучи утверждаемо общим согласием, не уничтожалось, а доброе, будучи понимаемо различно, истреблялось. Смотри, как душа всегда бессильна и недостаточна сама по себе. И это устроено не напрасно. Если она, будучи такой, думает не иметь нужды ни в ком и уклоняется от Бога,

то до какого не дошла бы она безумия, если бы не была такой? Если она, получив тело смертное, хотела достигнуть слишком многого, по ложному обещанию диавола: "**будете как боги**" (Быт.3:5), то какому не подверглась бы она падению, если бы в начале получила тело бессмертное? Она и после этого, нечистыми устами манихеев, называла себя нерожденной и происшедшей из существа Божия; по той же болезни (гордости) она выдумала богов, признаваемых язычниками. Потому-то, мне кажется, и добродетель Бог сделал трудной для нее, чтобы обуздать ее и научить смирению. А что это справедливо, покажем из примера израильтян, заключая от малого к великому. Когда израильтяне вели жизнь безбедную и наслаждались спокойствием, то впадали в нечестие, не умея пользоваться своим благоденствием. Что же Бог? Он дал им множество законов, чтобы обуздать их своеволие. Эти законы не вели к добродетели, а только служили для них как бы уздой, не позволявшей им предаваться праздности: вот, послушай, что говорит о них пророк: "**я дал им повеления**[4] **недобрые**". Что значит: недобрые? Не много способствующие добродетели; потому и прибавляет: "**постановления, от которых они не могли быть живы**" (Иез.20:25). "**Душевный человек не принимает того, что от Духа**". Справедливо: как телесными глазами никто не может видеть того, что находится на небесах, так и душа сама по себе (не может постигать) предметов духовных. И что я говорю: на небесах? Даже и всего того, что находится на земле. Так, взирая издали на четырехугольную башню, мы думаем, что она круглая; а такая мысль есть обман зрения. Подобным образом, если кто по одному умозаключению станет судить о предметах отдаленных, то последует великий смех; он не только не скажет, каковы они на самом деле, но и почтет их противоположными тому, каковы они действительно. Потому апостол и присовокупляет: "**потому что он почитает это безумием**". Это происходит не от свойства предметов, но от слабости того, кто очами души не может обнять их величия. Далее прибавляет и причину: "не может разуметь, потому что о сем [надобно] судить духовно", т.е. возвещаемое им требует веры и не может быть постигнуто разумом, потому что величие этого далеко превосходит наш слабый разум. Потому он говорит далее: "**но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может**" (ст.15). Видящий видит все и даже то, что относится к невидящему; а что к нему относится, того не видит никто из невидящих. Так и здесь: мы знаем и свое и все то, что относится к неверным, а они нашего не знают. Мы знаем, каково свойство предметов настоящих и каково достоинство будущих, что будет с миром впоследствии, какое понесут наказание грешники и чем будут наслаждаться праведники; знаем, что блага настоящие не имеют никакого достоинства, и обличаем их ничтожность, – судить значит вместе и обличать, – а будущие вечны и неизменны. Духовный знает все это, и то, какое понесет наказание человек душевный в жизни будущей, и то, чем будет наслаждаться верующий, переселившись отсюда; а душевный не знает ничего такого. Потому, для объяснения сказанного, апостол присовокупляет: "**ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов**" (ст.16), т.е. мы знаем то, что в уме Христовом, чего Он хочет и что Он открыл нам. Так как апостол выше сказал, что Дух открыл нам, то, чтобы кто не отверг Сына, присовокупляет, что и Христос открыл, выражая не то, будто мы знаем все, что знает Христос, но что все наше знание не есть человеческое, и потому подверженное сомнению, но есть знание ума Христова и духовное.

6. Ум, который мы на этот счет имеем, есть Христов, т.е. знание, которое мы имеем о предметах веры, есть знание духовное, а потому действительно никто о нас судить не может, так как человек душевный не может знать предметов божественных. Потому апостол и сказал: кто бо разуме ум Господень, утверждая, что наш ум на счет этих предметов есть Его ум. И слова: иже изъяснит и – он прибавил не напрасно, но соответственно вышесказанным словам: духовный ни от единого востязуется. Если никто не может узнать ума Божия, то тем более учить и исправлять его; это и означают слова: иже изъяснит и. Видишь ли, как разнообразно он опровергает внешнюю мудрость и

показывает, что духовный человек знает и больше и лучше? Так как вышеприведенные причины: "**чтобы никакая плоть не хвалилась**"; "**Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых**"; "**чтобы не упразднить креста Христова**" – для неверных могли казаться не слишком убедительными, сильными, необходимыми и полезными, то он приводит наконец главнейшую причину, т.е. что мы только таким образом можем видеть и познавать предметы высокие, таинственные и находящиеся выше нас: а разум оказался недостаточным потому, что посредством мирской мудрости мы не можем постигнуть того, что выше нас. Не очевидно ли, как полезно принимать учение от Духа? Такое учение есть и самое легкое и самое ясное. "**А мы имеем ум Христов**", т.е. духовный, божественный, не имеющий в себе ничего человеческого; не Платоново, или Пифагорово, но свое Христос сообщил нашему разуму. Устыдимся же, возлюбленные, и будем проводить жизнь добродетельную. Сам Христос знаком великой дружбы представляет то, что Он открыл нам тайны: "**Я уже**", говорит, "**не называю вас рабами, но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего**", т.е. вверил вам (Ин.15:14-15). Если же и одно только доверие служит знаком дружбы, то подумай, какую любовь выразил Он, вверив нам тайны не на словах только, но и сообщив их нам на самом деле. Устыдимся же; и если не слишком устрашает нас геенна, то пусть будет для нас страшнее геенны – оказаться непризнательными и неблагодарными к такому другу и благодетелю. Будем делать все не как наемные рабы, а как сыны и свободные – из любви к отцу, и перестанем прилепляться к миру, чтобы посрамить язычников. Желая теперь состязаться с ними, я опасаюеь, чтобы, опровергая их словами и истиною учения, не подвергнуться нам великому осмеянию в рассуждении нашей жизни, так как они, находясь в заблуждении и ничему нашему не веруя, соблюдают любомудрие, а мы совсем напротив. Впрочем стану говорить: может быть, стараясь опровергнуть их, мы постараемся оказаться лучше их и по самой жизни. Прежде я говорил, что апостолам не пришло бы на мысль проповедовать то, что они проповедали, если бы они не имели благодати Божией, и что они не только не совершили бы, но и не предприняли бы столь великого дела. Будем говорить и теперь об этом же предмете и покажем, что им невозможно было бы предпринять и даже помыслить о том, если бы с ними не было Христа, не потому только, что они слабые выступали против сильных, немногие – против многих, бедные – против богатых, неученые. – против мудрых, но и потому, что велика была сила предрассудков. Вы знаете, что у людей нет ничего сильнее давней привычки, и следовательно, если бы их было и не двенадцать человек, если бы они были и не столь уничиженны, но хотя бы на их стороне была другая такая же вселенная и число людей, равное противникам и даже гораздо большее, и тогда это было бы трудно.

Тем помогала привычка, а их затрудняло нововведение. Ничто так не возмущает душу, как введение чего-нибудь нового и необычайного, хотя бы это служило к пользе, особенно если это касается богослужения и богопочтения. Как сильно было это препятствие, я объясню после; а наперед скажу, что со стороны иудеев было еще другое препятствие. У язычников апостолы ниспровергли богов и все их учение; но с иудеями рассуждали не так: из учения их многое отвергали, а Богу Законодателю повелевали поклоняться; заповедуя почитать Законодателя, они говорили: не во всем повинуйся закону, данному от Него, как-то: касательно хранения субботы, обрезания, приношения жертв и другого подобного. Таким образом здесь не только жертвы были препятствием, но и то, что они, заповедуя поклоняться Богу, повелевали оставить многие из Его законов. У язычников же велика была сила привычки.

7. Если бы апостолы вышли против людей, коснеющих в привычке только в течение десяти лет, не говорю в течение столь долгого времени, против людей немногих, не говорю против всей вселенной, то и в таком случае совершить перемену было бы трудно. А тогда преданы были заблуждению философы и риторы, отцы и деды, прадеды и

дальнейшие предки, земля и море, горы и долины, все племена варваров и все народы язычников, мудрые и неученые, начальники и подчиненные, жены и мужи, юноши и старцы, господа и рабы, земледельцы и ремесленники, все жители городов и селений. Слыша проповедь, они могли бы сказать: что это значит? Неужели все жители вселенной находятся в заблуждении, и софисты, и риторы, и философы, и писатели, и настоящие и прежде бывшие, последователи Пифагора и Платона, военачальники, сановники и цари, древние жители городов и их основатели, варвары и эллины? Неужели двенадцать рыбарей, скинотворцев и мытарей мудрее всех их? Кто мог бы допустить это? Однако они не говорили этого и не думали, но согласились и признали, что мудрее всех были апостолы, которые поэтому всех и победили. А как велика сила привычки, можешь видеть из того, что она часто действовала сильнее заповедей Божиих. Что я говорю: заповедей? Даже благодеяний Божиих. Так иудеи, получая манну, желали чеснока; пользуясь свободой, вспоминали о рабстве и часто жалели о Египте по привычке. Так велика сила привычки! Если хочешь видеть это и из примеров от внешних, то о Платоне говорят, что он, хотя признал учение о богах заблуждением, однако участвовал в празднествах и во всем прочем, потому что не мог преодолеть привычки и научился тому из примера учителя. И этот (Сократ), будучи подозреваем в некоторых нововведениях, не только не достиг желаемого, но и лишился жизни, хотя и говорил в свое оправдание. Сколько и теперь мы виднм людей, которые коснеют в нечестии по предрассудку и, будучи обвиняемы в язычестве, не могут сказать ничего основательного, а только ссылаются на отцов, дедов и прадедов! Потому-то некоторые из внешних (языческих писателей) называли привычку второй природой. Но привычка в предметах веры бывает еще сильнее; люди ничего не переменяют с таким трудом, как богопочтение. Вместе с привычкою, не малым препятствием был и стыд – учиться в глубокой старости, и притом от людей, почитаемых неразумными. И удивительно ли, что так бывает с душой, когда привычка имеет великую силу и над телом? При апостолах было еще другое, сильнейшее препятствие: им нужно было не только изменить столь древнюю и давнюю привычку, но притом изменить с опасностями. Они не просто от одной привычки склоняли к другой, но от привычки безопасной – к тому, что было сопряжено с опасностями. Верующий тотчас должен был лишиться имущества, подвергнуться изгнанию, удалиться из отечества, терпеть крайние бедствия, быть ненавидимым всеми, сделаться общим врагом и для своих и для чужих. Если бы они обращали от нововведения к прежним обычаям, то и это дело было бы трудно; но склоняя от обычаев к нововведению, и притом с такими бедствиями, представь, какие они встречали препятствия. Между тем, кроме сказанного, им предстояло еще другое, не меньшее препятствие, затруднявшее дело перемены. Кроме привычки и опасностей, самые заповеди их были более трудны, а то, от чего отклоняли они, было легко и удобно. Они призывали от прелюбодеяния к целомудрию, от пьянства к посту, от смеха к слезам и сокрушению, от любостяжания к нестяжательности, от пристрастия к жизни к смерти, от спокойствия к опасностям, и во всем требовали крайнего воздержания. "**Сквернословие**", говорили они, "**и пустословие и смехотворство не приличны вам**" (Еф.5:4), и говорили это тем, которые ничего другого не знали, как только предаваться пьянству и пресыщению, которых празднества состояли не в чем другом, как только в сквернословии, смехотворстве и всяких непристойностях. Таким образом учение (апостолов) было тягостно не только потому, что требовало любомудрия, но и потому, что предлагаемо было людям, воспитанным в своеволии, бесстыдстве, пустословии и порочных весельях. Кто из привыкших к такой жизни не изумился бы, слыша: "**кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня**", и: "**не мир пришел Я принести, но меч, ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее**" (Мф.10:38,34)? Кто не усомнился бы и не отошел бы прочь, слыша: кто не отречется дома и отечества и имения, не достоин Меня (Лк.14:26,33)? Однако слышавшие не только не изумлялись и не отходили прочь, но прибегали и устремлялись на дела трудные и с ревностью принимали заповедуемое. Кто

из тогдашних не удалился бы, слыша, что за всякое слово праздное мы отдадим ответ (Мф.12:36), "**что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею**" (5:28), что гневающийся напрасно, ввержен будет в геенну (5:22)? Однако все прибегали, а многие даже превосходили заповеданное. Что же привлекало их? Не явно ли, сила Того, кого апостолы проповедовали? Если бы было не так, а было бы напротив, если бы они были на месте тех, а те на месте их, то легко ли было бы привлечь противящихся? Нельзя сказать.

8. Таким образом все доказывает, что здесь действовала божественная сила. Иначе как, скажи мне, убедили бы оня людей изнеженных и сластолюбивых вести жизнь суровую и строгую? Таковы-то были заповеди апостолов. Посмотрим, не было ли привлекательно их учение? И оно было таково, что могло отвратить неверных. Проповедуя, что говорили они? Говорили, что должно поклоняться Распятому и почитать Богом Того, который родился от жены иудеянки. Кто поверил бы им, если бы не содействовала этому сила божественная? О том, что Христос распят и погребен, все знали; а того, что Он воскрес и вознесся, не видал никто, кроме апостолов. Но они, скажешь, воспламеняли людей обещаниями и увлекали обольстительными словами? Это самое, даже без всего вышесказанного, особенно и доказывает, что наше учение не ложно. Все неприятное предстояло здесь, а приятное было обещаемо после воскресения. Это самое, повторю опять, и доказывает божественность нашей проповеди. Почему никто из верующих не говорил: я не принимаю и не могу снести этого; неприятным ты угрожаешь мне здесь, а приятное обещаешь по воскресении? Откуда известно еще, что будет воскресение? Кто из отшедших возвращался сюда? Кто из умерших воскресал? Кто из них сказал, что будет по отшествии отсюда? Верующие ничего такого не думали, но и полагали души свои за Распятого. Таким образом это самое особенно и служит доказательством великой силы, что людей, никогда ничего подобного не слышавших, апостолы внезапно убеждали в столь великих истинах и делали готовыми испытывать неприятное на деле, а приятное иметь только в надежде. Если бы они обманывали, то поступали бы напротив: приятное обещали бы здесь, а о неприятном, как настоящем, так и будущем, умалчивали бы. Так именно поступают обманщики и обольстители: они не представляют ничего сурового, неприятного и тягостного, а все напротив; в этом и состоит обман. Но многие, скажешь, по неразумию поверили сказанному? Что ты говоришь? Пока они были язычниками, до тех пор не были неразумными, а когда обратились к нам, то стали неразумными? Но апостолы взяли и привели к вере не других людей и не из другой вселенной. Притом эти люди держались язычества безопасно, а принятие нашего учения сопряжено было для них с опасностями. Следовательно, если они держались язычества с разумным убеждением, то, живя в нем столь долгое время, не отступили бы от него, тем более, что отступить от него было не безопасно. Нет, они по самому существу вещей разумели, что язычество смешно и нелепо, и потому, несмотря на угрожавшую им смерть, отступали от своих обычаев и прибегали к новому учению, видя, что последнее согласно с природой, а первое противно природе. Но веровавшими, скажешь, были рабы, женщины, кормилицы, старухи и евнухи? Нет, не из таких только людей составилась наша Церковь, как известно всем; если бы и из таких, то это и делает особенно чудной проповедь, что рыбари, люди самые необразованные, могли внезапно убеждать к принятию такого учения, которого никак не мог изобрести Платон с своими последователями. Если бы они убеждали только мудрых, это еще не было бы удивительно; а если слуг, старух и евнухов они приводили к такому любомудрию, что делали их подобными ангелам, то в этом заключается величайшее доказательство их божественного вдохновения. Если бы они преподавали что-нибудь маловажное, то убеждение таких людей можно было бы приводить в доказательство низости учения; а если они любомудрствовалп о предметах важных и высоких, даже превышающих человеческую природу и доступных для ума высокого, то чем менее разумными представишь убеждавшихся, тем более мудрыми и исполненными благодати

Божией окажутся убеждавшие. Но, скажешь, они убеждали величием обещаний? А это самое, скажи мне, неужели не удивляет тебя, что они убеждали людей ожидать наград и воздаяний после смерти? Меня это приводит в изумление. Но и это, скажешь, происходило от неразумия? От какого же неразумия, скажи мне? Что душа бессмертна, что после здешней жизни ожидает нас нелицеприятный суд, и мы отдадим Богу, знающему самое сокровенное, отчет и в словах, и в делах, и в помышлениях, и увидим наказание злых и награждение добрых, – такие убеждения означают не неразумие, но великое любомудрие.

9. Это самое, чтобы презирать блага настоящие, высоко ценить добродетель, ожидать наград не здесь, а простираться надеждами гораздо далее, иметь душу столь твердую и исполненную веры, чтобы ни от какого настоящего бедствия не ослабевать в надеждах на будущее, это, скажи мне, не есть ли знак великого любомудрия? Хочешь ли видеть силу самых обетований и предсказаний и истину прошедшего и будущего? Посмотри на золотую цепь (истин), разнообразно сплетенную от начала. (Христос) возвещал ученикам о Себе самом, о Церкви и будущих событиях, и, возвещая, совершал чудеса. Исполнение сказанного Им служит доказательством истинности и чудес Его и будущих обетований. Чтобы это было яснее, представлю примеры. Христос воскресил Лазаря, одним словом возвратив ему жизнь. Он же сказал: "**врата ада не одолеют**" Церкви (Мф.16:18); также: "**всякий, кто оставит отца, или мать получит во сто крат и наследует жизнь вечную**" (Мф.19:29). Здесь одно чудо – воскресение Лазаря, и два предсказания, из которых одно исполняется теперь, а другое исполнится в будущем. Смотри же, как все это взаимно подтверждается. Кто не стал бы верить, что Лазарь воскрес, тот должен поверить этому чуду по предсказанию касательно Церкви: ведь сказанное о ней за столько времени сбылось и исполнилось впоследствии: врата ада действительно не одолели Церкви. Потому ясно, что изрекший истину в предсказании совершил и чудо, а совершивший чудо и исполнивший сказанное изрек истину и в предсказании будущего, т.е. что презирающий настоящие блага "**получит во сто крат и наследует жизнь вечную**". В том, что уже совершилось и было сказано, заключается великий залог истинности и того, что имеет исполниться в будущем. Таким образом, заимствуя все это и подобное тому из Евангелий, будем говорить им (язычникам) и заграждать им уста. Если же кто скажет: отчего еще не совсем уничтожилось (языческое) заблуждение? – на это мы ответим: виновны в том вы сами, действующие против своего спасения; а Бог все устроил так, чтобы не осталось даже и следов нечестия. Повторим теперь кратко сказанное. Что естественнее: слабым ли побеждать сильных, или напротив? Предлагающим легкое, илп трудное? Склоняющим к делу опасному, или безопасному? Вводящим что-либо новое, или подтверждающим прежние обычаи? Ведущим на путь неудобный, или удобный? Отвергающим отеческие предания, или внушающим нечуждое? Обещающим все приятное по отшествии отсюда, или обольщающим надеждами в жизни настоящей? Немногим (побеждать) многих, или многим – немногих? Но, скажешь, и вы обещаете нечто здесь. Что же мы обещаем здесь? Отпущение грехов и очищение "**банею возрождения**" (Тит.3:5). Но и крещение доставляет больше благ в будущем; и Павел говорит: "**ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге. Когда же явится жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе**" (Кол.3:3). Если же оно и здесь доставляет блага, как и действительно доставляет, то это особенно и чудно, что людей, совершивших бесчисленное множество грехов, каких никто другой не совершал, апостолы могли убедить, что все их нечистоты омоются, и они уже не будут давать никакого отчета в грехах своих. Подлинно, это особенно и удивительно, что люди грубые убедились принять такую веру, питать благие надежды в будущем, свергнуть прежнее бремя грехов с великим усердием и немедленно приступить к подвигам добродетели, не прилепляться ни к чему чувственному, сделаться выше всего плотского и принять дары духовные, – что перс и сармат, мавр и индиец познали чистоту души, силу и неизреченное человеколюбие Божие, любомудрие веры,

наитие Святого Духа, учение о воскресении тел и жизни вечной. О всем этом и многом другом подобном рыбари научили любомудрствовать племена варварские, просветив их таинством крещения. Будем же тщательно сохранять все это и говорить им (язычиикам), а вместе доказывать им это и собственной жизнью, чтобы нам и самим спастись и их обратить к прославлению Бога, Которому слава во веки. Аминь.

---

[1] Эта фраза отмечена как цитата, но откуда она взята, – неясно

[2] Гр. "προσεθηκεν" = "приложил"

[3] В рус.пер. "проницает"

[4] Гр. "εγω εδωκα αυτοις προσταγματα". В синод.пер. "попустил им учреждения..." (т.е. ошибочно понимая под этим языческие обычаи)

БЕСЕДА 8

"И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не [твердою] пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские" (1Кор.3:1-3).

1. Обличив внешнюю (языческую) мудрость и низложив всю происходящую от нее гордость, апостол переходит к другому предмету. Они (коринфяне) могли сказать: если бы мы проповедовали учение Платона, или Пифагора, или другого какого-либо философа, то ты справедливо мог бы так много говорить против нас; если же мы проповедуем о предметах духовных, то для чего ты опровергаешь внешнюю мудрость? Как он на это отвечает – послушай: "**И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными**". Если бы вы, говорит, были даже совершенны в предметах духовных, то и тогда не надлежало бы вам превозноситься, так как вы проповедуете не свое, не то, до чего вы сами достигли; а теперь вы и этого не знаете, как должно знать; вы только еще ученики, и притом последние из всех. Потому, если вы гордитесь внешней мудростью, то она, как уже и доказано, не только не значит ничего, но и препятствует нам в познании предметов духовных; если же гордитесь духовным (знанием), то и в этом вы еще весьма несовершенны и стоите между последними. Потому, говорит, "**И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными**". Не сказал: я не говорил, – чтобы не подумали, что это происходило от зависти, но низлагает их высокомерие двояким образом: во-первых, тем, что они не знают предметов духовных совершенно, и во-вторых, тем, что они самн причиною этого незнания; к этому присовокупляет, в-третьих, что они и теперь еще не могут (знать их). Если они не могли – вначале, то это, может быть, зависело от сущности самых предметов, хотя и такого оправдания, как он доказал, представить они не могут: не потому, говорит, они не приняли высоких истин, что не могли принять, а потому, что они плотяны. Впрочем, вначале это было еще не так предосудительно; а не достигнуть знания предметов совершенных в течение столь долгого времени – это уже знак крайней беспечности. В том же апостол обличает и евреев, но не с такой силой. Те, говорит он, были такими по причине прискорбных обстоятельств, а эти по своим порочным наклонностям; но то и другое не одно и то же. Тем он говорит такие же истины для назидания, а этим – для их возбуждения; этим говорит: "**вы и теперь не в силах**", а тем: "**посему, оставив начатки учения Христова, поспешим к совершенству**"; и еще: "**мы надеемся, что вы в лучшем [состоянии] и держитесь спасения, хотя и говорим так**"

(Евр.6:1,9). Но как он называет плотскими людей, которые получили столько (даров) Духа и которых он в начале послания превозносил такими похвалами? Точно также, как были плотскими те, которым говорит Господь: "**отойдите от Меня, не знаю вас, делающие беззаконие**" (Мф.7:23), хотя они изгоняли бесов, воскрешали мертвых и изрекали пророчества. Следовательно и тот, кто совершал знамения, может быть плотским. Так Бог действовал и чрез Валаама, открывал будущее и фараону и Навуходоносору, и Каиафа пророчествовал, сам не зная, что говорил, и другие некоторые изгоняли бесов Его именем, хотя сами не были с Ним, – потому что все это бывает не для совершающих, а для других. Часто это совершалось и чрез недостойных. И удивительно ли, что это бывает чрез людей недостойных для других, если и чрез святых (Бог действует для других)? Так Павел говорит: "**Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или жизнь, или смерть, – все ваше**" (1Кор.3:22); и еще: "**Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения**" (Еф.4:11-12). Если бы этого не было, то все беспрепятственно впадали бы в погибель. Случается, что начальники бывают злы и невоздержны, а подчиненные добры и воздержны, миряне живут благочестиво, а священники порочно; и если бы благодать всегда искала достойных, то не было бы ни крещения, ни совершения тела Христова, ни приношений. Но теперь Бог действует и чрез недостойных, и благодать крещения нисколько не терпит вреда от жизни священника; иначе и приемлющий терпел бы вред. Хотя это бывает редко, однако бывает. Говорю это для того, чтобы кто-нибудь из предстоящих, наблюдая за жизнью священника, не соблазнялся касательно совершаемых им таинств. Человек ничего не привносит в них от себя, но все – дело силы Божией; Бог действует на вас в таинствах. "**И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими. Я питал вас молоком, а не [твердою] пищею, ибо вы были еще не в силах**". Чтобы не подумали, что он из честолюбия сказал вышеприведенные слова: "**но духовный судит о всем**", и еще: "**о нем судить никто не может**", и еще: "**мы имеем ум Христов**", и чтобы низложить гордость их, Павел, смотри, что говорит: я не потому, говорит, умалчивал, чтобы не мог сказать вам ничего больше, но потому, что вы плотские. Но ниже еще можете ныне.

2. Почему апостол не сказал: не хотите, но: не можете? Последнее он поставил вместо первого, так как они не могли потому, что не хотели, а это и служит для них обвинением, для учителя же оправданием. Если бы они не могли по природе, то можно было бы извинить их; но так как они не могли по своей воле, то им нет прощения. Далее он высказывает и признак, почему они плотские: "**ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы? и не по человеческому ли [обычаю] поступаете?**" (ст.3). Он мог бы укорять их и в прелюбодеянии и в невоздержании, но особенно указывает на тот грех, который теперь старается искоренить. Если же зависть делает плотскими, то всем нам должно возрыдать, облечься во вретище и посыпать пеплом. Кто в самом деле чист от этой страсти, если только могу по себе заключать о других? Если зависть делает плотскими и препятствует быть духовными даже таким людям, которые пророчествовали и совершали другие чудные дела, то что будет с нами, которые и не имеем такой благодати и предаемся не только этому, но и другим важнейшим грехам? Отсюда мы научаемся, как справедливо сказал Христос, что "**делающий злое не идет к свету**" (Ин.3:20), что нечистая жизнь препятствует познанию высоких истин, не позволяя разуму проявлять свою мыслительность. Как невозможно, чтобы заблуждающийся, но живущий хорошо, навсегда остался в заблуждении, так, напротив, ведущему жизнь порочную не легко возвыситься до познания наших догматов; но должно очиститься от всех страстей желающему постигнуть истину. Кто очистится от них, тот избавится и от заблуждения и познает истину. Не думай, что для этого тебе довольно только не быть корыстолюбивым и не прелюбодействовать; нет, кто ищет истины, в том должны соединиться все добродетели. Потому и говорит Петр: "**истинно познаю, что Бог**

нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему", т.е. такого человека Бог призывает и привлекает к истине (Деян.10:34-35). Павел не был ли ревностнее всех в гонении и преследовании (верующих)? Но так как он проводил жизнь безукоризненную и поступал так не по страсти человеческой, то и был принят и превзошел всех. Если же кто скажет: почему такой-то язычник, добрый, милостивый и человеколюбивый остается в заблуждении? – на это я отвечаю: потому, что он имеет другую страсть, тщеславие, или душевную леность, или нерадение о собственном спасении, и думает, что все с ним бывает просто и случайно. Делающим правду Павел называет того, кто во всем безупречен по правде, предписанной законом (Флп.3:6), и (в другом месте говорит): "**благодарю Бога, Которому служу от прародителей с чистою совестью**" (2Тим.1:3). Но почему, скажешь, люди нечистые удостоились слышать проповедь? Потому, что они сами желали того и усердно желали. Бог привлекает к Себе и заблуждающихся, если они очищают себя от страстей; не отвергает и тех, которые сами приходят к Нему. Так многие из предков наших приняли благочестие. "**Ибо если между вами зависть и споры**". Здесь он обращается к подчиненным; в предыдущих словах он обличал начальников и говорил, что мудрость красноречия не имеет никакого достоинства, а теперь обличает подчиненных и говорит: "**ибо когда один говорит: "я Павлов", а другой: "я Аполлосов", то не плотские ли вы?**" (1Кор.3:4)? Показывает, что это не только не принесло им никакой пользы, или приобретения, но и воспрепятствовало получению высшего. Это именно произвела зависть; зависть сделала их плотскими; а когда они сделались плотскими, то помешала слушать о высших предметах. "**Кто Павел, кто Аполлос?**" (ст.5). Объяснив и доказав свою мысль, он уже открыто приступает к обличению, и поставляет свое имя, чтобы смягчить суровость речи и не оскорбить их своими словами. Ведь если Павел – ничто, и не огорчается этим, то тем более они не должны огорчаться. Так он успокаивает их двояким образом: и представляя в пример самого себя, и их не лишая всего, как ничего не сделавших; он уступает им нечто, хотя и немногое, а именно, сказав: "**Кто Павел, кто Аполлос?**", присовокупляет: "**они только служители, через которых вы уверовали**". Это, конечно, само по себе важно и достойно великих наград, но в сравнении с первообразом и источником благ – ничто, потому что не тот благодетель, кто служит при раздаянии благ, а тот, кто сообщает и дарует их. Не сказал: благовестники, но: служители, что означает более. Они не просто благовествовали, но и служили нам; первое требует слова, а последнее заключает в себе и дело. Если и Христос – только служитель благ, а не сам виновник и источник их, – что свойственно Ему, как Сыну, – то ясно, как надобно судить об этом деле.

3. В каком же смысле апостол называет Христа "**служителем для обрезанных**" (Рим.15:8)? Там он говорит о домостроительстве Его по плоти и не в том смысле, в каком мы теперь говорим; там под словом служитель разумеется исполнитель, а не то, что Он не от Себя самого сообщает блага. Не сказал: приведшие вас к вере, но: "**через которых вы уверовали**", чтобы опять и верующим воздать должное и показать, кто – служители. Если же (учители) служили другим, то могут ли они присвоять себе какие-либо достоинства? Впрочем, заметь, он нигде не осуждает их как присвояющих себе, но говорит против приписывающих им это; причина разделения заключалась в народе, так что если бы он не производил смятения, то и те перестали бы. Таким образом апостол поступил вдвойне мудро: искоренил грех там, где следовало, и в других не возбудил к себе негодования и не подал им повода к словопрениям. "**Поскольку каждому дал Господь**". И это малое дело зависело не от них самих, а от Бога, даровавшего им. Но неужели мы, могли бы они сказать, не должны любить служащих нам? Так, говорит он, но надобно знать, до какой степени; дело их не от них самих, а от Бога, даровавшего им: "**Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог**" (1Кор.3:6), т.е. я первый посеял слово; а чтобы семена не засохли от искушений, Аполлос прибавил нечто с своей стороны; но все было делом

Божиим. "**Посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а [все] Бог возращающий**" (ст.7). Видишь ли, как он смягчает речь свою, чтобы они не ожесточились, если бы он сказал: кто такой-то и такой-то? То и другое неприятно, т.е. сказать ли: кто такой-то и такой-то, или сказать: "**и насаждающий и поливающий есть ничто**". Чем же он смягчает эти слова? Тем, что принимает уничижение на свое лицо: "**кто Павел, кто Аполлос?**", и тем, что все относит к Богу, даровавшему все: сказав, что он насадил и что насаждающий есть ничто, присовокупляет: "**но возращающий Бог**". Не останавливается и на этом, но для той же цели присовокупляет еще следующее: "**насаждающий же и поливающий суть одно**" (ст.8). Вместе с тем он этим внушает, чтобы они не превозносились друг пред другом. Одно называет их в том отношении, что они ничего не могут без возращающего Бога. Этими словами он не дозволяет и много трудившимся превозноситься пред теми, которые совершили менее, и последним завидовать первым. Но чтобы не подать повода к нерадению той мыслью, что все, и много и мало трудящиеся, суть одно, он далее, смотри, как предупреждает это: "**но каждый**", говорит, "**получит свою награду по своему труду**". Как бы так говорит: не бойся, когда я говорю, что они суть одно; они одно по отношению к делу Божию, но не одно по трудам своим, а "**каждый получит свою награду**". Внушив то, что хотел, он потом еще более смягчает речь и с любовью говорит им приятное столько, сколько можно. "**Ибо мы соработники у Бога, [а] вы Божия нива, Божие строение**" (ст.9). Видишь ли, как он и им (учителям) приписывает не малое дело, доказав наперед, что все принадлежит Богу? Он всегда увещевал повиноваться предстоятелям; потому не слишком уничижает и учителей. "**Вы Божия нива**". Сказав: "**я насадил**", он продолжает метафору. Если же вы – Божия нива, то вам следует носить имя не возделывающих, но Божие, так как нива называется именем не земледельца, а господина ее. "**Вы Божие строение**". Также и строение принадлежит не строителю, а господину. Если же вы – строение, то вам не должно распадаться на части; иначе не будет и строения. Если вы – нива, то вам не должно разделяться, но ограждаться одним оплотом единомыслия. "**Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание**" (ст.10). Здесь, называя себя мудрым, он не превозносит самого себя, но представляет им пример и показывает, что мудрому свойственно полагать одно основание. И, смотри, как он и здесь соблюдает скромность. Назвав себя мудрым, он не приписал этого себе, но наперед всего себя предал Богу, и тогда уже так назвал себя: по благодати, говорит, Божией, данной мне. Вместе с тем он внушает, что все – Божие, и что благодать в том особенно и состоит, чтобы не разделяться, но утверждаться на одном основании. "**А другой строит на [нем]; но каждый смотри, как строит**". Здесь, мне кажется, он обращает их к подвигам в жизни, после того, как соединил их и сделал единым. "**Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос**" (ст.11). Не может, пока он (истинный) строитель; а если положит, то он уже и не строитель.

4. Видишь, как он доказывает предложенную мысль и общежитейскими соображениями. Слова его означают следующее: я возвестил Христа, дал вам основание; смотрите, как вы строите на нем, не с тщеславием ли, не с целью ли – отклонять от Него учеников и привлекать к людям? Не будем же увлекаться ересями: "**никто не может положить другого основания, кроме положенного**". Будем строить на этом основании и держаться на нем, как ветвь на виноградной лозе, и пусть не будет никакого разделения между нами и Христом, потому что если отделимся от Него, то немедленно погибнем. Ветвь втягивает в себя сок потому, что соединена с лозой, и здание стоит потому, что связано; а что отрывается, то погибает, потому что ни на чем не держится. Потому будем не просто держаться Христа, но прилепляться к Нему: если отделимся, погибнем. "**Удаляющие себя от Тебя гибнут**", говорит Писание (Пс.72:27). Будем же прилепляться к Нему, и прилепляться делами, потому что "**исполняющий**", говорит Он, "**заповеди мои, во Мне пребывает**" (Ин.14:20-21). Он внушает нам единение с Ним многими сравнениями.

Смотри: Он глава, мы тело; между главою и телом может ли быть какое-либо расстояние? Он основание, мы здание; Он лоза, мы ветви; Он жених, мы невеста; Он пастырь, мы овцы; Он путь, мы идущие; мы храм, Он обитатель; Он первенец, мы братия; Он наследник, мы сонаследники; Он жизнь, мы живущие; Он воскресение, мы воскресающие; Он свет, мы просвещаемые. Все это означает единение и не допускает никакого разделения, даже малейшего, так как кто отделился немного, тот потом отделится и много. Так тело, получив хотя малую рану от меча, портится; здание, расщелившись хотя немного, разрушается; и ветвь, отломившись от корня хотя немного, делается негодной. Таким образом, это малое есть уже не малое, но почти все. Потому, когда мы погрешим в чем-нибудь малом, или почувствуем леность, не будем презирать этого малого, потому что, будучи оставлено в небрежении, оно скоро сделается великим. Так одежда, если начнет раздираться и будет оставлена в небрежении, вся раздирается; и кровля, если обнажится от нескольких черепиц и будет оставлена в небрежении, разрушает весь дом. Итак, представляя себе это, никогда не будем пренебрегать малыми грехами, чтобы не впасть в великие; если же по небрежению впадем даже в бездну зол, то и тогда не будем отчаиваться, чтобы не потерять ясности ума. Оттуда уже не легко выйти тому, кто не бодрствует над собою тщательно, не только по причине глубины этой бездны, но и по самому положению. Грех – это бездна, которая увлекает в глубину и гнетет. Как упавшие в колодезь не скоро могут выйти оттуда и имеют нужду в других, которые бы вытащили их, так точно и тот, кто впал в глубину грехов. Спустим же к ним вервие и извлечем их оттуда; или лучше сказать, не в других только здесь нужда, но и в нас самих, чтобы и сами мы препоясали себя и поднялись не настолько, насколько ниспали, но, если хотим, и гораздо выше. Сам Бог – помощник, потому что Он не хочет смерти грешника, но "**чтобы он обратился и был жив**" (Иез.18:23). Итак никто не отчаивайся, никто не подвергайся этой болезни нечестивых, которым этот грех свойствен: "**Когда достигнет, сказано, нечестивый до глубины зол, нерадит**" (Притч.18:3).

Таким образом не от множества грехов происходит отчаяние, но от нечестивого настроения души. Поэтому, хотя бы ты впал во все роды пороков, скажи самому себе: Бог человеколюбив и желает нашего спасения: "**Если**", говорит Он, "**будут грехи ваши, как багряное, - как снег убелю**" (Ис.1:18), т.е. изменю в противное состояние. Не будем же отчаиваться; не столь опасно пасть, как упавши лежать; не столь страшно быть раненным, как, будучи раненным, не желать исцеления, потому что "**кто может сказать: "я очистил мое сердце, я чист от греха моего"?**" (Притч.20:9). Говорю это не для того, чтобы сделать вас более беспечными, но чтобы удержать вас от отчаяния.

5. Хочешь ли знать, как благ наш Владыка? К Нему пришел мытарь, виновный в бесчисленных пороках, и, сказав только: "**будь милостив ко мне грешнику!**", ушел оправданным (Лк.18:13). И чрез пророка Бог говорит: "**за грех Я слегка опечалил его, и увидел, что он опечалился, и ходил смущенный, и исцелил пути его**" (Ис.57:17-18). Что может сравниться с таким человеколюбием? Потому только, говорит, что он опечалился, Я простил грехи его. А мы не делаем и этого, и тем особенно прогневляем Бога. Он, умилостивляющийся малым, когда не видит и этого, справедливо гневается и подвергает нас великому наказанию, потому что мы обнаруживаем крайнее небрежение. Кто когда-нибудь скорбел о грехах? Кто воздыхал? Кто бил в перси свои? Кто сокрушался? Я не знаю никого. Люди непрестанно плачут об умерших рабах, о потере имущества, а погубляя каждый день душу свою, даже и не думают о том. Как же ты можешь умилостивить Бога, если даже и не знаешь, что ты согрешил? Правда, говоришь ты, я грешен; но это говоришь одним языком; говори же и сердцем и вместе с тем воздыхай, чтобы тебе постоянно быть в добром настроении. Ведь если бы мы скорбели о грехах, если бы воздыхали о прегрешениях, то ничто другое не печалило бы нас, потому что эта скорбь отгоняет всякую печаль. Таким образом, от исповедания грехов мы

получили бы и другую пользу, ту, что не стали бы падать духом в горестных обстоятельствах настоящей жизни, ни надмеваться в радостных; а чрез это много умилостивили бы Бога; между тем теперь делами своими оскорбляем Его. Скажи мне: если бы твой раб, претерпевая много зла от своих товарищей, не обращал никакого внимания на других, а заботился бы только о том, чтобы не прогневать господина, то не мог ли бы он этим одним утолить гнев твой? Напротив, если бы он нисколько не заботился о проступках своих пред тобой, а заботился бы только об отношениях своих к товарищам, то не подверг ли бы ты его еще большему наказанию? Так поступает и Бог: когда мы пренебрегаем гневом Его, тогда Он являет на нас сильнейший гнев; а когда бываем внимательны, тогда смягчает, или, лучше, прекращает гнев свой. Он желает, чтобы мы сами себя наказывали за грехи, и тогда Он уже не наказывает. Для того Он и угрожает наказанием, чтобы страхом истребить в нас нерадение; и когда мы страшимся одной угрозы, то Он уже не попускает нам испытать ее на самом деле. Смотри, что говорит Он Иеремии: "**не видишь ли, что они делают? Дети собирают дрова, а отцы разводят огонь, и женщины месят тесто**" (Иер.7:17-18). Боюсь, чтобы и о нас не было сказано того же: не видишь ли, что они делают? Никто не ищет ничего Христова, а все – своего. Сыновья их предаются распутству, отцы их – любостяжанию и хищению, жены их – житейской суете, не только не удерживая мужей своих, но и поощряя их. Стань на торжище, спроси уходящих и приходящих, и увидишь, что никто не заботится о предметах духовных, а все гоняются за плотскими. Доколе мы не пробудимся? Доколе будем объяты глубоким сном? Неужели мы еще не насытились злом? Впрочем и без слов самый опыт достаточно может научить нас, что все настоящее низко и ничтожно. Люди, занимавшиеся внешнею (языческою) мудростью и не знавшие ничего будущего, уразумев совершенное ничтожество вещей настоящих, удалялись от них. Как же можешь получить прощение ты, пресмыкающийся по земле и не презирающий малого и преходящего для великого и вечного, ты, который слышал от самого Бога, открывшего и внушившего тебе это, и получил от Него такие обетования? Что эти вещи не стоят привязанности, доказательством тому служат те, которые оставляли их без надежды благ больших. В самом деле, какого ожидая богатства, они избирали бедность? Никакого; они очень хорошо знали, что такая бедность лучше богатства. Какой жизни надеясь, они оставляли роскошь и предавались строгому житию? Никакой; они, познав свойство вещей, уразумели, что отсюда великая польза и для душевного любомудрия и для телесного здоровья. Итак, представляя себе это и непрестанно помышляя о благах будущих, перестанем прилепляться к настоящим, чтобы нам сподобиться тех будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 9

"Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы, – каждого дело обнаружится; ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня" (1Кор.3:12-15).

1. Здесь представляется нам вопрос не маловажный, но касающийся предмета самого необходимого и исследуемый всеми людьми: будет ли иметь конец огонь геенский? Христос открыл нам, что этот огонь не имеет конца: "**червь их не умирает и огонь не угасает**" (Мк.9:46). Вижу, что вы содрогаетесь, слыша это; но что делать? Бог повелевает непрестанно возвещать это: "**укажи**", говорит, "**народу Моему**" (Ис.58:1). Мы поставлены на служение слова, и потому нужно говорить и неприятное слушателям; хотя и вопреки желанию, а нужно. Впрочем, если хотите, это не будет для вас неприятно. Если делаешь

добро, говорит (апостол), не бойся (Рим.13:3). Следовательно вы можете слушать нас не только без страха, но и с удовольствием. Итак, Христос открыл, что геенский огонь не имеет конца; и Павел утверждает, что мучение будет нескончаемое, когда говорит, что грешники "**подвергнутся наказанию, вечной погибели**" (2Фес.1:9); и еще: не обманывайтесь: "**ни блудники, ни прелюбодеи, ни малакии Царства Божия не наследуют**" (1Кор.6:9-10). И к евреям он говорит: "**старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа**" (Евр.12:14). Также Христос на слова: "**мы Твоим именем многие чудеса творили**", скажет: "**отойдите от Меня делающие беззаконие: не знаю вас**" (Мф.7:22-23). И девы, для которых затворились двери, уже не могли войти; и о тех, которые не питали Его, Он говорит: "**пойдут в муку вечную**" (Мф.25:46).

Не говори мне: где же справедливость, если мучение не будет иметь конца? Когда Бог делает что-либо, повинуйся Его определениям и не подчиняй их умствованиям человеческим. Притом разве это несправедливо, если человек, получивший сначала тысячи благ, а потом совершивший достойное наказания и не сделавшийся лучше ни от угроз, ни от благодеяний, подвергается наказанию? Если ты требуешь справедливости, то по закону правды нам следовало еще в начале тотчас же погибнуть; а лучше, и тогда это было бы не по одному закону правды, но было бы действием и человеколюбия, если бы мы и это потерпели. Кто оскорбляет человека, не причинившего ему никакого зла, тот по закону правды подлежит наказанию; если же кто своего благодетеля, не обязанного ему ничем, но оказавшего ему бесчисленные благодеяния, единственного виновника его бытия и притом Бога, вдохнувшего в него душу, даровавшего тысячи благ и хотевшего возвести его на небо, если такого (благодетеля), после таких благодеяний, не только оскорбляет, но и каждый день огорчает своими делами, то какого прощения он будет достоин? Не видишь ли, как (Бог) наказал Адама за один грех? Он, скажешь, дал ему рай и удостоил его своего великого благоволения? Но не одно и то же – грешить, наслаждаясь благоденствием, или – проводя жизнь в великой скорби. То и тяжко, что ты грешишь, находясь не в раю, а среди бесчисленных бедствий настоящей жизни, и не вразумляешься несчастьями; это подобно тому, как если бы кто делал зло, будучи связанным. (Бог) обещал тебе блага больше рая; еще не дал их, чтобы ты не обленился во время подвигов, но и не умолчал о них, чтобы ты не ослабевал в трудах своих. Адам, совершив один грех, навлек на себя смерть; а мы каждый день совершаем тысячи грехов. Если же он, совершив один грех, навлек на себя столько зла и ввел смерть в мир, то чему не подвергнемся мы, постоянно живущие во грехах, хотя и ожидающие неба вместо рая? Тяжко это слово и прискорбно для слушателя. Знаю это по чувству, которое сам испытываю: сердце мое смущается и содрогается, и чем более удостоверяюсь в несомненности геенны, тем более трепещу и объемлюсь страхом. Но нужно говорить об этом, чтобы нам не впасть в геенну. Не рай, не древа и растения получил ты, а небо и блага небесные. Если же получивший меньшее осужден и ничто не могло оправдать его, то тем более мы, призванные к высшему и согрешающие больше его, подвергнемся нестерпимым мучениям. Представь, сколько времени род наш за один грех остается под владычеством смерти. Прошло уже пять тысяч и более лет, а смерть еще не прекратилась за один грех. Притом мы не можем сказать, что Адам слушал пророков, что он видел наказания, постигшие других за грехи, что он мог оттого придти в страх и вразумиться этими примерами; он был тогда первый и единственный, однако же наказан. Ничего такого не можешь представить ты, который делаешься хуже после таких примеров, который удостоился таких даров Духа, и допускаешь не один, не два и не три, а бесчисленное множество грехов. Не смотри на то, что грех совершается в краткое время и не думай, что потому и наказание будет кратковременное. Не видишь ли, как люди, совершившие воровство или прелюбодеяние один раз и в одну минуту, часто проводят целую жизнь в темницах и рудокопнях, подвергаясь непрестанному голоду и бесчисленным родам смерти? И однако никто не

оправдывал их и не говорил, что так как грех совершен ими в краткое время, то и наказание должно продолжаться соответственное греху время.

2. Но, скажешь, так поступают люди, а Бог человеколюбив? Во-первых, и люди так поступают не по жестокости, а по человеколюбию; и Бог так наказывает потому, что Он человеколюбив; по величию милости Его велико и наказание Его. Следовательно, когда ты говоришь, что Бог человеколюбив, то тем более доказываешь справедливость наказания. если мы грешим против такого (Существа). Потому и Павел говорил: "**страшно впасть в руки Бога живаго**" (Евр.10:31). Вникните, увещеваю вас, в силу этих слов; может быть, вы получите отсюда некоторое утешение. Кто из людей может наказывать так, как наказывал Бог, устроивший потоп и истребление человеческого рода, а немного после одождивший с неба огонь и до основания истребивший всех (жителей Содома)? Какое человеческое наказание может сравниться с таким наказанием? Не видишь ли и здесь почти бесконечное наказание? Прошло четыре тысячи лет, а наказание содомлян доселе остается в силе. Как велико человеколюбие Божие, так и наказание Его. Притом, если бы Бог заповедал что-либо трудное и невозможное, то иной мог бы сослаться на трудность Его заповедей; если же Он заповедует весьма легкое, то что мы можем сказать, не заботясь и об этом? Разве ты не можешь поститься и сохранять девство? Можешь, если захочешь, в чем обличают нас те, которые исполняли это; но Бог не употребил против нас всей строгости, не повелел и не заповедал этого, а предоставил воле слушателей; ты можешь быть целомудренным и в браке, можешь воздерживаться и от пьянства. Разве ты не можешь раздать всего имущества? Можешь, как показывают сделавшие это; но Бог не заповедал и этого, а повелел не похищать чужого и из имущества своего уделять нуждающимся. Если кто скажет, что он не может довольствоваться одной женой, тот обольщает и обманывает себя, в чем обличают его те, которые сохраняют целомудрие и без жены. Разве ты не можешь не злословить, не можешь не клясться? Напротив, труднее делать это, нежели не делать. Какое же мы имеем оправдание, когда не исполняем столь легкого и удобного? Не можем представить никакого. Из всего сказанного очевидно, что мучение будет вечно. Но некоторым кажется, что изречение Павла противоречит этому; потому обратимся к его объяснению. Сказав: "**у кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон**", он присовокупил: "**впрочем сам спасется, но так, как бы из огня**". Что сказать об этом? Рассмотрим, во-первых, что такое основание, что золото, что драгоценные камни, что сено и солома. Основанием он сам ясно назвал Христа: "**основания иного"**, говорит, **"никто не может положить, кроме положенного, которое есть Иисус Христос**"; а здание, мне кажется, означает дела. Правда, некоторые утверждают, что здесь говорится об учителях и учениках, и о нечестивых ересях; но смысл речи не допускает этого. Ведь, если так, то как же дело погибнет, а назидающий спасется как бы из огня? Виновнику тем более надлежало бы погибнуть, а здесь большему наказанию окажется подвергшимся тот, кто был назидаем. Если учитель был виновником зла, то он и достоин большего наказания: как же он спасется? Если же он не виновен, а ученики сделались такими по собственному развращению, то хорошо назидавший вовсе не заслуживает наказания или какого-нибудь вреда: как же говорится, что он потерпит урон? Отсюда видно, что здесь идет речь о делах. Намереваясь говорить о кровосмеснике, апостол заранее и еще задолго делает к тому вступление. Он, обыкновенно, рассуждая о каком-либо предмете, в этом самом рассуждении наперед намекает на другой предмет, к которому намеревается перейти. Например, укоряя коринфян за то, что они не дожидаются друг друга на вечерях, он сделал вступление к речи о таинствах. Так и здесь, намереваясь говорить о кровосмеснике и сказав об основании, присовокупил: "**разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог**" (ст.16-17). Этими словами он уже устрашал и потрясал душу кровосмесника. "**Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных**

камней, дерева, сена, соломы". После веры нужно назидание; потому, и в другом месте он говорит: "**утешайте друг друга сими словами**" (1Фес.4:18). В назидании участвуют вместе и художник и ученик; потому он и говорит: "**но каждый смотри, как строит**".

3. Если бы это было сказано о вере, то было бы сказано неосновательно. В вере должны быть все равны, потому что вера одна; а в делах жизни не все одинаковы. Вера не бывает ни хуже, ни лучше, но одинакова у всех истинно верующих; а в жизни одни ревностнее, другие беспечнее, одни исправнее, другие небрежнее, одни делают больше, другие меньше, одни грешат тяжелее, другие легче. Потому апостол и сказал: "**золото, серебро, драгоценные камни, дрова, сено, солома. Каждого дело обнаружится**". Здесь Он говорит о делах. "**У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон**". Если бы это было сказано об учениках и учителях, то учителям не надлежало бы терпеть наказания, если ученики не слушали их. Потому Он и говорит: "**каждый получит свою награду по своему труду**", не по окончанию дела, а по труду. Что ему нужды, если слушатели не внимали? И отсюда также видно, что здесь говорится о делах. А смысл слов следующий: кто при правой вере ведет худую жизнь, того вера не защитит от наказания, когда дело будет гореть. Сгорит, значит – не перенесет силы огня. Если бы кто с золотым оружием переходил огненную реку, то перешел бы ее со славою; а если напротив кто станет переходит ее с сеном. тот не только не будет иметь успеха, но и погубит самого себя: так бывает и с делами. Говоря это, апостол разумеет не действительное сожжение людей, но желает внушить сильнейший страх и показать, что живущий порочно находится в опасности. Потому и говорит: "**потерпит урон**": вот первое наказание. "**Сам спасется, но так, как бы из огня**": вот и другое. Эти слова означают следующее: он сам не погибнет так, как дела, не обратится в ничто, но останется в огне. Это апостол и называет спасением; потому не просто сказал: спасется, а прибавил: "**как бы из огня**". Так и мы обыкновенно говорим: в огне сохраняются – о таких вещах, которые не сгорают и не вдруг обращаются в пепел. Потому, слыша об огне, не думай, что сожигаемые обратятся в ничто. Не удивляйся и тому, что апостол называет такое мучение спасением; он нередко о предметах неприятных употребляет хорошие выражения, а о предметах приятных – нехорошие. Например, слово плен обозначает дурной предмет; но Павел употребляет его по хорошему, говоря: "**пленяем всякое помышление в послушание Христу**" (2Кор.10:5). Также, говоря о худом, употребляет хорошее выражение в следующих словах: "**грех царствовал**" (Рим.5:21); между тем слово царствование скорее хорошо звучит. Так и здесь, сказав: спасется, он выражает не что иное, как продолжение наказания, и как бы так говорит: сам же будет мучиться непрестанно. Далее говорит: "**разве не знаете, что вы храм Божий?**". Сказав прежде о разделявших Церковь, он теперь касается кровосмесника, намекая, хотя неясно и неопределенно, на его развратную жизнь и показывая великость его греха из дарованной ему благодати. Также и других вразумляет тем самым, что они уже получили. Таким образом он направляет к одной цели и будущее и настоящее, и прискорбное и приятное; будущее: "**ибо день покажет, потому что в огне открывается**"; настоящее: "**разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог**". Видишь ли, какова сила речи? Впрочем доколе не открыто лицо (обличаемого), дотоле обличение не так тяжко, потому что все разделяют страх укоризны. Того покарает Бог, т.е. предаст погибели. Здесь апостол не проклинает, а предсказывает. Храм бо Божий, говорит, свят есть, и присовокупляет: а этот храм – вы. Никто не обольщай самого себя. И это (относится) к нему, так как он считал себя чем-то важным и хвалился мудростью. А чтобы не поразить его слишком много, апостол, приведши его в страх и трепет, опять предлагает общее обличение и говорит: "**если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым**" (ст.18). Обличает с великой силой, как уже довольно вразумивший их. Хотя бы кто был богат, хотя бы благороден, он будет презреннее презренных, если впадет во власть греха. Как царь, если

делается рабом варваров, бывает несчастнее всех, так действует и грех. Грех есть варвар, который, однажды пленив душу, не щадит ее, но мучит ее на погибель подпавших власти его.

4. Подлинно, ничто так не безрассудно, ничто так не бессмысленно, глупо и нагло, как грех. Куда он ни вторгнется, все низвращает, расстраивает и губит; он безобразен на вид, несносен и отвратителен. Если бы какой живописец захотел изобразить его, то, мне кажется, не погрешил бы, изобразив его в виде женщины звероподобной, варварской, дышущей огнем, безобразной и черной, как внешние (языческие) поэты изображают Сцилл. Грех тысячью рук обхватывает наши мысли, вторгается неожиданно и терзает все, подобно псам, кусающим внезапно. Впрочем, для чего нам живописное изображение, когда мы можем представить (самих людей), подобных ему? Кого же наперед изобразить вам? Не корыстолюбца ли и грабителя? Действительно, что может быть бесстыднее глаз его? Что бессовестнее его и более похоже на псов? Не так нагло приступает пес, как он, когда похищает имущество других. Что сквернее рук его? Что гнуснее уст его, которые пожирают все и не насыщаются? Не принимай лица и глаз его за человеческие: не так глядят человеческие глаза. Он не смотрит на людей, как на людей, не смотрит на небо, как на небо, не устремляет взоров к Господу, но во всем видит деньги. Человеческие глаза, видя удрученных бедностью, обыкновенно проливают слезы; а глаза грабителя, видя бедных, выражают зверство. Человеческие глаза не смотрят на чужое, не желают принадлежащего другим, но еще другим раздают свое; а глаза корыстолюбца не успокаиваются дотоле, пока не похитят у других всего, потому что смотрят не по-человечески, но по-зверскн. Человеческие глаза не могут видеть своего тела обнаженным, – ведь для них оно свое и тогда, когда по наружности принадлежит другим, – а глаза корыстолюбца не насыщаются дотоле, пока не обнажат кого-либо совершенно и не скроют всего у себя дома, или, лучше сказать, не насыщаются никогда. Потому руки таких людей можно назвать не только зверскими, но еще гораздо свирепейшими и опаснейшими, чем у зверей. Медведи и волки, насытившись, отступают от пищи, а те не насыщаются никогда. Между тем Бог дал нам руки для того, чтобы мы помогали другим, а не вредили им. Если же мы станем употреблять их на последнее, то лучше было бы отсечь их и оставаться без них. Ты скорбишь, когда дикий зверь растерзает овцу; а когда сам делаешь тоже с своим единоплеменником, то и не считаешь этого дела ужасным? Что же ты за человек? Разве ты не знаешь, что человеческим мы называем то дело, которое исполнено милосердия и человеколюбия, а дело грубое и жестокое называем бесчеловечным? Таким образом характер человека мы изображаем делами милосердия, а характер зверя – делами противными тому, и часто говорим: ужели он человек, а не зверь и не пес? Людям свойственно облегчать бедность, а не увеличивать ее. У людей корыстолюбивых и уста – уста зверские, или еще хуже нх; они произносят слова, которые своей ядовитостью гораздо скорее, нежели зубы зверей, причиняют смерть. И если бы исчислять все, то ясно видно было бы, как бесчеловечие делает людей зверями. А кто испытает душу таких людей, тот назовет их не только зверями, но даже демонами. Они исполнены крайней жестокости и вражды к ближним: нет в них ни желания царствия, ни страха геенны, ни стыда пред людьмп, ни милосердия, ни сострадания, но бесстыдство, наглость и презрение ко всему будущему; вещания Божии о (будущих) мучениях кажутся им басней, угрозы – посмешищем. Такова душа корыстолюбца! Если же они внутри демоны, а извне звери и даже хуже зверей, то за кого, скажи мне, мы будем считать их? Что они хуже зверей, это видно из следующего: звери таковы по природе, а они, получив от природы кротость, вопреки природе стараются усвоить себе свойства зверей. Сами демоны делают своими споспешниками людей неблагонамеренных, так как если бы последние не были их споспешниками, то большая часть их козней против нас оставалась бы без успеха; а те стараются притеснять и содействующих им в неправедных делах их. Притом демон враждует против человека, а не против подобных ему демонов; а

корыстолюбец старается всячески причинить зло и ближнему и родному, не стыдясь самой природы. Знаю, что многие негодуют на меня за эти слова; но я не сержусь на них, а жалею и плачу, что они находятся в таком состоянии. Если бы они захотели даже бить меня, и это я с удовольствием перенес бы, только бы они оставили свое зверство. И не я только, но и пророк вместе со мной исключает таких из числа людей: "**человек**", говорит, "**который в чести и неразумен, подобен животным**" (Пс.48:21). Постараемся же быть людьми: будем взирать на небо, "**облекаться в образ**" (Создавшего нас) (Кол.3:10) и не унижать себя самих, чтобы нам сподобиться и будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 10

"Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом" (1Кор.3:18-19).

1. Приступив к обличению кровосмесника еще заранее, как я выше сказал, сделав это прикровенно и в кратких словах, и пробудив совесть его, апостол опять обращается к опровержению внешней (языческой) мудрости и к обличению тех, которые, гордясь ею, разделяли Церковь, чтобы, присовокупив то, что еще оставалось сказать, и совершенно окончив этот предмет, со всей силой направить речь против кровосмесника, которого он касался и прежде. Слова: "никто не обольщай самого себя" направлены особенно против него, чтобы вразумить и устрашить его; также на него особенно делается намек в слове: тростие, и в словах: не знаете ли, что вы – храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Обыкновенно два побуждения более всего удерживают нас от греха: когда мы представляем следующее за грехом наказание, и когда размышляем о собственном достоинстве. Так и апостол речью о сене и тростии устрашает, а указанием на наше достоинство пристыжает, исправляя первым более нечувствительных, а последним – более кротких. "**Никто не обольщай самого себя. Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным**". Как он повелевает быть мертвым для мира (Кол.2:20), и эта мертвенность не только не вредит, но еще приносит пользу, делаясь источником жизни, так теперь повелевает быть безумным для мира, указывая нам в этом истинную мудрость. Безумным для мира бывает тот, кто презирает внешнюю мудрость и убежден, что она нисколько не содействует ему к принятию веры. Потому, как нищета по Боге ведет к богатству, смирение – к величию, презрение (земной) славы – к славе, так и это безумие делает человека мудрее всех, потому что у нас все бывает напротив. И для чего он не сказал: пусть оставит мудрость, но: буй да бывает? Для того, чтобы как можно более унизить внешнюю ученость. Не одно ведь и то же сказать: оставь свою мудрость, или – будь безумным. С другой стороны, он научает нас не стыдиться нашей неучености, представляя все внешнее достойным осмеяния. Он не стыдится названий, потому что полагается на силу дел. Как крест, вещь по-видимому поносная, сделался источником бесчисленных благ, причиной и виновником неизреченной славы, так и кажущееся безумие делается для нас виною мудрости. Как тот, кто худо научился чему-нибудь, если не оставит всего, не изгладит из души своей и не представит ее чистою для желающего вновь учить его, не познает ясно здравого учения, так и при внешней мудрости, если не оставишь всего, не очистишь ума своего и не предашь себя вере, подобно простолюдину, то не познаешь ничего доброго надлежащим образом. Так и имеющие слабое зрение, если, закрыв глаза, не вверят себя другим, а будут руководиться своим испорченным зрением, будут блуждать гораздо более тех, которые совершенно ничего не видят.

А как можно, скажешь, оставить внешнюю мудрость? Не принимая ее учения. Повелев таким образом оставить эту мудрость, апостол приводит и причину, – следующую: премудрость бо мира сего буйство у Бога есть. Она не только не помогает, но еще служит препятствием; следовательно надобно оставить ее, как вредную. Видишь ли, как победоносно он опроверг ее, доказав, что она не только бесполезна, но еще приносит нам вред? Впрочем, он не довольствуется собственными доказательствами, а приводит еще свидетельство: писано бо есть, говорит: "**уловляет мудрых в лукавстве их**" (ст.19). В лукавстве, т.е. уловляя их собственным их оружием. Так как они употребляли мудрость свою на то, чтобы обходиться без Бога, то Он чрез нее именно и доказал им, что они имеют великую нужду в Боге. Как и каким образом? Они чрез нее сделались безумными; следовательно чрез нее и уловлены. Думая обходиться без Бога, они пришли в такое бедственное состояние, что оказались хуже рыбарей и неученых, и в них же стали нуждаться. Потому он и говорит: в лукавстве их уловил их. Слова: погублю премудрость – выражают совершенную ее бесполезность; а слова: запинаяй премудрым в лукавстве их – показывают силу Божию.

2. Далее апостол показывает и способ, каким Бог уловил их, присовокупляя другое свидетельство: "**Господь знает умствования мудрецов, что они суетны**" (ст.20). А когда беспредельная Премудрость произносит о них такой суд и представляет их такими, то какого другого требовать доказательства крайнего их безумия? Человеческие суждения часто погрешают, а суд Божий всегда праведен и нелицеприятен. Воздав таким образом славу суду Божию, он с большой силой обращается к поучаемым и говорит: "**итак никто не хвались человеками, ибо все ваше**" (ст.21). Опять повторяет прежнее и показывает, что они не должны гордиться и духовными дарованиями, потому что ничего не имеют от себя самих. Итак, если внешняя мудрость вредна, а духовные дарования ваши не от вас, то чем вы можете хвалиться? Касательно внешней мудрости он говорит: никтоже себе да прельщает, потому что она служила им ко вреду; а здесь, где дело идет о предмете полезном, говорит: никтоже да хвалится, и смягчает речь свою следующими словами: "**ибо все ваше: Павел ли, или Аполлос, или Кифа, или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, - все ваше; вы же – Христовы, а Христос – Божий**" (ст.21-23). Так как он сильно тронул их, то опять ободряет. И выше он говорил: "**ибо мы соработники у Бога**" (3:9), и многим другим утешал их; и здесь говорит: "**все ваше**", чтобы низложить гордость учителей н показать, что они не только ничем не обязали учеников своих, но еще сами обязаны им благодарностью, потому что для них сделались учителями и получили благодать. А так как и ученики могли хвалиться, то он уврачевал и их болезнь словами: "**поскольку каждому дал Господь**", и: "**возрастил Бог**" (3:5-6), чтобы и те не гордились, как подающие, и эти не превозносились, услышав: вся ваша суть. Ведь хотя все и для вас, но все от Бога. Заметь, как он доселе продолжает ставить свое имя и имя Петра. А что значит: или смерть? Учители, хотя бы умирали, умирают для вас, подвергаясь опасностям для вашего спасения. Видишь ли, как он опять низлагает гордость учеников п превозносит учителей? Он беседует с ними, как бы с благородными детьми, имеющими пестунов и долженствующими наследовать все. Также можно сказать, что для нас и смерть Адамова, чтобы мы вразумились, и смерть Христова, чтобы мы спаслись. Вы же Христовы, Христос же Божий: Иначе мы – Христовы, иначе Христос – Божий, и иначе мир – наш. Мы – Христовы, как творение Его; Христос – Божий, как истинный Сын Его, а не как творение и не так, как мир – наш. Таким образом здесь, хотя выражение одно, но смысл различный. Мир – наш, как созданный для нас; Христос – Божий, потому что имеет виновником Своим Бога, как Отца; а мы – Христовы, как сотворенные Им. Если же, говорит, учители – ваши, то для чего вы поступаете напротив, называя себя именами их, а – не Христа и Бога? "**Итак каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей таин Божиих**" (4:1). Низложив гордость их, смотри, как он опять ободряет их словами: "**как служителей Христовых**". Потому не называйтесь именем

исполнителей и служителей, оставляя Господа. Строителями назвал (учителей) для того, чтобы показать, что не всем должно присвоять это дело, но кому следует и кто достоин быть домоправителем. А еже прочее, ищется в строителех, да верен кто обрящется (ст.2), т.е. чтобы не присвоял себе того, что принадлежит Господу, и не приписывал себе вместо Господа, а поступал бы, как домоправитель. Дело домоправителя – хорошо распоряжаться вверенным ему, не называть своим принадлежащего Господу, а напротив свое приписывать Господу. Каждый, владеющий даром слова или имуществом, представляя это, т.е. что это вверено ему Господом, а не его собственность. пусть не удерживает у себя и не присвояет себе, но приписывает Богу, даровавшему все. Хочешь ли видеть верных домоправителей? Послушай, что говорит Петр: "**что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?**" (Деян.3:12). Также Корнилию он сказал: "**я тоже человек**" (Деян.10:26); и Христу: "**вот, мы оставили все и последовали за Тобою**" (Мф.19:27). Равно и Павел, сказав: "**я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною**" (1Кор.15:10). И в другом месте, обращаясь к ним же, сказал: "**что ты имеешь, чего бы не получил?**" (1Кор.4:7). Ты ничего не имеешь своего, ни богатства, ни дара слова, ни самой души, – и она от Господа.

3. Потому, когда потребует нужда, отдай и душу свою. Если же ты любишь ее и не хочешь отдать, когда тебе повелевается, то ты уже неверный домоправитель. Можно ли противиться, когда повелевает Бог? Я вот что скажу: потому особенно я и удивляюсь человеколюбию Божию, что Бог, имея возможность взять у тебя все против твоей воли, не хочет делать этого без твоей воли, чтобы ты заслужил награду. Напрнмер, Он может взять твою душу без твоей воли, но хочет, чтобы ты отдал ее по своей воле, говоря с Павлом: "**я каждый день умираю**" (1Кор.15:31). Он может лишить тебя почестей без твоей воли и сделать тебя уничиженным, но хочет, чтобы это было по твоей воле, чтобы ты получил воздаяние. Он может сделать тебя бедным против твоей воли, но хочет, чтобы ты сделался таким добровольно, чтобы даровать тебе венцы. Видишь ли Божие человеколюбие и наше ослепление?

Достиг ли ты высокой степени достоинства и получил власть церковную? Не высокомудрствуй; не ты достиг этой чести, а Бог облек тебя ею; береги ее, как чужую; не злоупотребляй ею и не употребляй на то, на что не следует; не гордись и не присвояй себе, но считай себя бедным и бесславным. Если бы тебе поручено было хранить царскую порфиру, то ты, конечно, не стал бы злоупотреблять этой одеждой и портить ее, но с великим тщанием хранил бы ее для вручившего тебе. Получил ли ты дар слова? Не гордись и не надмевайся: это не твой дар; не будь непризнателен за дары Господни, но разделяй их с подобными тебе рабами, не превозносись ими, как своими, и не жалей разделять их с другими. Имеешь ли детей? Ты получил их от Бога; если так будешь думать, то имея будешь благодарить, и потеряв не будешь скорбеть. Таков был Иов, который говорил: "**Господь дал, Господь и взял**" (Иов.1:21). Все мы получили от Христа; от Него имеем и самое бытие, и жизнь, и дыхание, и свет, и воздух, и землю. Если бы Он лишил нас чего-нибудь из этого, то мы погибли бы и истлели, так как мы – пришельцы и странники. Выражение: мое и твое – только пустые слова, а на деле не то. Например, если ты назовешь своим дом, это – пустое слово, не соответствующее предмету, так как Творцу принадлежат и воздух, и земля, и вещество, и ты сам, построивший его, и все прочее. Если же он в твоем употреблении, то и это не верно, не только по причине угрожающей смерти, но и, прежде смерти, по причине непостоянства вещей. Представляя это непрестанно, будем любомудрыми, и сделаем два весьма важных приобретения: будем благодарными и при получении и при потере, и не станем раболепствовать предметам преходящими не принадлежащими нам. Лишает ли нас Бог имущества, Он берет Свое; лишает ли тебя чести, славы, тела, души, или сына твоего, Он берет не твоего сына, а Своего раба, – не ты ведь, а Он сотворил его; ты только содействовал появлению его, а все сделал Бог. Будем

же благодарны, что мы удостоились содействовать делу Его. Но что? Ты хотел бы навсегда удержать? Это свойственно неблагодарному и незнающему, что у него все чужое, а не свое. Как расстающиеся благодушно знают, что находящееся у них не принадлежит им, так скорбящие (при лишении) присвояют себе принадлежащее Царю. Если мы сами – не свои, то как прочее – наше? Мы в двух отношениях принадлежим Богу – и по сотворению, и по вере. Так Давид говорит: "**состав мой от Тебя произошел**" (Пс.38:7). Также Павел: "**ибо мы Им живем и движемся и существуем**" (Деян.17:28); и, рассуждая о вере, говорит: "**и вы не свои, ибо вы куплены [дорогою] ценою**" (1Кор.6,19-20). Все – Божие. Потому, когда Он требует и хочет взять обратно, то не будем противоречить, подобно неблагодарным рабам, и присвоять себе принадлежащее Владыке. Душа твоя – не твоя: как же имущество – твое? И как ты тратишь не свое на то, на что не должно? Разве ты не знаешь, что мы будем осуждены за то, что худо употребляли данное нам? Что не наше, а Владычне, то нам следует употреблять на подобных нам рабов. За то и богач был осужден, что не делал этого, равно и те, которые не напитали Господа. Не говори же: я издерживаю свое и наслаждаюсь своим; это не твое, а чужое. Говорю: чужое, потому что ты сам так хочешь; Бог желает, чтобы то, что вручено тебе для братий, сделалось твоим; чужое делается твоим, когда ты употребляешь его на других; а когда невоздержно употребляешь на себя, тогда твое делается чужим. Ты не имеешь сострадания и говоришь, что по праву употребляешь свое только для своего наслаждения; потому я и говорю, что оно – чужое. Все твое есть общее – для тебя и твоего ближнего, как общее – солнце, и воздух, и земля, и все прочее. Как в теле есть деятельность всего тела и каждого члена порознь, и когда какой-нибудь член действует отдельно, то теряет и собственную деятельность, так бывает и с имуществом.

4. Скажу яснее: пища телесная, назначаемая вообще для всех членов, если достанется одному члену, то делается чужою и для него. Она не может свариться и питать, – оттого делается чужою и для него. А сделавшись общею, она становится собственностью и его и всех членов. Тоже и с имуществом: если ты один будешь пользоваться им, то потерпишь вред и ты, потому что не получишь награды; если же будешь разделять его с другими, тогда оно более будет твоим, тогда и получишь от него пользу. Не видишь ли, как руки служат, рот разжевывает, а желудок принимает пищу; и желудок не говорит: я принял, потому и должен удержать все у себя? Не говори того же и ты об имуществе. Кто принимает, тот должен и давать. Как для желудка было бы пороком – удерживать пищу у себя, а не распределять, потому что это повредило бы всему телу, так и для богатых порок – удерживать свое имущество у себя, потому что это губит и их самих и других. Также глаз один принимает свет, но не удерживает его у себя, а освещает все тело, потому что ему неестественно удерживать его у себя, пока он остается глазом. Ноздри ощущают благовоние, но не удерживают его у себя, а передают мозгу, сообщают благовоние и желудку и доставляют усладу всему человеку. Ноги одни ходят, но не себя только переставляют, а переносят и все тело. Так и ты не удерживай один того, что тебе вверено, потому что таким образом повредишь всем, а более всех самому себе. И не на членах только (телесных) можно видеть это. Кузнец, если не захочет ни с кем делиться своим искусством, то нанесет вред и себе и другим искусствам. Также сапожник, земледелец, хлебник и всякий, занимающийся каким-нибудь необходимым ремеслом, если не захочет сообщать другим произведений своего искусства, повредит не только другим, но вместе с другими и себе. И что я говорю о богатых? Даже бедные, если бы стали подражать вашему, корыстолюбцы и богачи, пороку, то причинили бы вам великий вред, скоро сделали бы и вас бедными, или, лучше сказать, погубили бы, если бы не захотели сообщить своего нуждающимся, например, земледелец – изделия рук своих, мореплаватель – приобретений от мореплавания, воин – воинской доблести. Устыдитесь же, если не другого чего, то хотя этого, и подражайте их любомудрию. Ты не хочешь уделять никому из своего богатства? Не бери же и сам ничего у других. А если будет так,

то все придет в расстройство, потому что давать и принимать есть источник многих благ, и в сеянии, и в учении, и в искусствах. Если бы кто захотел удержать у себя свое искусство, то погубил бы и себя и всю жизнь извратил бы. Земледелец, если бы стал хранить семена у себя дома, закопав их, произвел бы страшный голод. Так и богач, если сделает тоже с имуществом, прежде бедных погубит себя самого, навлечет на свою голову страшный пламень геенны. Учители, хотя бы имели много учеников, сообщают каждому свое знание: так и ты старайся приобрести многих облагодетельствованных. Пусть все говорят о тебе: он такого-то избавил от бедности, такого-то от опасности, такой-то погиб бы, если бы, по милости Божией, не получил его помощи, такого-то он исцелил от болезни, другого освободил от клеветы, странника принял в дом, нагого одел. Такие отзывы лучше неисчетного богатства и многих сокровищ; они привлекают всех гораздо более, нежели золотые одежды, лошади и рабы. Последнее представляется несносным и делает человека ненавистным, как общего врага; а первое провозглашает его общим отцом и благодетелем, и, что всего важнее, такие благодеяния всегда сопровождаются благоволением Божиим. Пусть один говорит о тебе: он помог мне выдать дочь мою замуж; другой: он постарался вывести сына моего в люди; третий: он спас от несчастья; четвертый: он избавил от опасностей. Такие слова лучше золотых венцов, это – как бы бесчисленные проповедники твоего человеколюбия в городе; такие слова гораздо приятнее и сладостнее голоса вестников, предшествующих повелителям, именно слова: спаситель, благодетель, покровитель, каковые названия свойственны Богу, а не: корыстолюбец, гордец, ненасытный, скряга. Будем же, увещеваю, домогаться не этих последних названий, а противоположных. Ведь если такие отзывы еще на земле делают человека столь славным и знаменитым, то, когда они будут написаны на небе и Бог провозгласит их в день будущий, представь, какой ты насладишься честью, какой славой, – которой и да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 11

"Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или другие люди; я и сам не сужу о себе. Ибо [хотя] я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь; судия же мне Господь" (1 Кор.4:3-4).

1. Не знаю, каким образом между другими родами зла вошло в природу человеческую зло испытания и неуместного осуждения ближних, которое и Христос обличал, когда говорил: "**не судите, да не судимы будете**" (Мф.7:1). Оно не доставляет даже никакого удовольствия, как другие грехи, а ведет только к неприятностям и наказанию. Между тем мы, будучи сами виновны в бесчисленных грехах и имея в глазах своих как бы бревно, тщательно разбираем грехи ближнего, которые не более сучка (Мф.7:3). Так было и у коринфян. Мужей благочестивых и богоугодных они осмеивали и отвергали за неученость их, а виновных в бесчисленных пороках уважали за их красноречие. Принимая на себя роль судей, они с дерзостью произносили приговоры: такой-то достоин, такой-то лучше такого-то, этот выше того, а тот ниже этого; вместо того, чтобы оплакивать свои грехи, судили о других, и таким образом возбуждали великую борьбу. Для уврачевания этой болезни Павел, смотри, как мудро вразумляет их. Сказав: "**от домостроителей же требуется, чтобы каждый оказался верным**" (1Кор.4:2), и этими словами, по-видимому, дозволив им суднть и исследовать жизнь каждого, – отчего и происходили смятения, – он хочет освободить их от такой страсти и говорит: "**Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы**", опять сводя речь на свое лицо. Что значит: "**для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или другие люди**". Недостойно меня, говорит, быть судимым вами; что я говорю: вами? – и другим кем бы то ни было. Не подумайте, что

Павел по гордости говорит, что никто из людей не достоин произносить о нем суд. Во-первых, он не для себя говорит это, а для того, чтобы других исцелить от их болезни; во-вторых, он не остановился на коринфянах, но не приписал и себе права суждения, сказав, что такое суждение выше его собственного разумения: но "**я и сам**", присовокупляет он, "**не сужу о себе**". Притом надобно смотреть, с каким расположением он сказал это; он часто употреблял высокие выражения, но не из гордости или тщеславия, а с мудрой предусмотрительностью; так точно и теперь в этих словах он не превозносит самого себя, но смиряет других и старается показать достоинство святых. А что он был один из числа весьма смиренных, послушай, что говорит он, представляя свидетельство о себе врагов своих: "**в личном присутствии слаб, и речь его незначительна**" (2Кор.10:10); и в другом месте: "**а после всех явился и мне, как некоему извергу**" (1Кор.15:8). И однако этот смиренный, в случае нужды, смотри, на какую высоту возводил понятия учеников, не гордости научая их, но внушая им здравомыслие. Беседуя с теми же коринфянами, он говорит: "**если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?**" (1Кор.6:2). Христианину следует удаляться как от гордости, так и от льстивости и неблагородного образа мыслей. Кто говорит, например, что имущество он не вменяет ни во что и все настоящее считает тенью, сновидением и детскими игрушками, того мы не обвиняем в гордости, – иначе мы должны были бы обвинять в гордости и Соломона, который, любомудрствуя об этом, говорит: "**суета сует, – все суета**" (Еккл.1:2). Но не будем называть любомудрие именем гордости. Презирать блага настоящие – это не гордость, а великодушие, хотя не отвергают их и цари, и начальники, и вельможи. Бедный по любомудрию часто презирает их; но мы не назовем его за это гордым; подобно как человека, слишком привязанного к ним, не назовем умеренным и смиренномудрым, а слабым, малодушным и пристрастным. Сына, который бы не думал о принадлежащем отцу его, а занимался свойственным рабу, мы не назвали бы смиренномудрым, а осудили бы как человека с неблагородными и рабскими чувствами: а того, который бы презирал рабское и дорожил отеческим, мы превознесли бы похвалами. Считать себя лучше подобных себе людей – это гордость, а произносить истинное суждение о вещах – это не гордость, но любомудрие.

2. Таким образом Павел не превозносит себя, но смиряет других, вразумляет превозносящихся и научает их смиренномудрию, когда говорит: "**для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или другие люди**". Видишь ли, как он врачует их? Слыша, что он на (суд) всех равно не обращает внимания и всех считает недостойными судить его, никто из них не мог скорбеть и говорить, что он только один отвергнут. Если бы он сказал: от вас только, и остановился бы, то они могли бы огорчиться, как отверженные, а присовокупив: "**или другие люди**", он облегчил удар, признав вместе с ними и других недостойными. Далее смягчает и это, присовокупляя: "**я и сам не сужу о себе**". Видишь, как слова его происходят не от гордости: я и сам, говорит, не в состоянии произносить суд. А так как и эти слова могли быть приписаны чрезмерной гордости, то для отклонения такого мнения говорит: "**но тем не оправдываюсь**". Как, неужели не должно осуждать себя и за грехи свои? Должно и даже очень, когда мы грешим; но Павел не о том говорит. "**Ибо я ничего**", говорит, "**не знаю за собою**". За какой грех он стал бы осуждать себя, если он не знает за собою ничего? И несмотря на то, говорит, "**но тем не оправдываюсь**". Что же скажем мы, которые имеем совесть, пораженную бесчисленными ранами, и не знаем за собой ничего доброго, но все противное тому? А почему он не оправдан, если не знает за собой ничего? Потому, что и ему случалось допускать некоторые прегрешения, без собственного сознания этих прегрешений. Отсюда можешь заключать, как тщателен будущий суд. Таким образом он считал других недостойными судить о нем не потому, что признавал себя безукоризненным, но желая заградить уста безрассудно делавшим это. В другом месте, когда обстоятельства требовали, он запрещает осуждать ближних даже в случае явных грехов.

"**А ты что осуждаешь брата твоего? Или и ты, что унижаешь брата твоего?**" (Рим.14:10). Тебе, человек, заповедано не других осуждать, а смотреть за самим собою: для чего же ты присвояешь дело Владыки? Судить – Его дело, а не твое. Потому и продолжает: "**посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога**" (1Кор.4:5). Как, неужели и учители не должны делать этого? Должны в случае явных грехов, при исповеди, в надлежащее время, и притом со скорбью и сокрушением, а не с гордостью и тщеславием, как делали коринфяне. Апостол говорит здесь не об исповедуемых грехах, а о предпочтении такого-то такому-то и о сравнивании их жизни. Судить об этом безошибочно может один только Тот, который будет судить сокровенные наши помышления и определять, какие из них достойны большего, какие меньшего наказания, или награждения; а мы судим по внешности. Если я, говорит, не могу точно знать, в чем я сам грешен, то как почту себя достойным произносить приговор о других? Не зная с точностью своих собственных дел, как я могу судить о делах других? Если же таков был Павел, то тем более мы. А говорил он это не для того, чтобы показать свою безукоризненность, но чтобы показать, что если бы даже был между ними кто-нибудь непричастный никакому греху, и тот был бы недостоин судить о жизни других, и что если он, ничего не знающий за собою, не считает себя невинным, то тем более не могут считать себя такими они, знающие за собою множество грехов. Заградив уста делавшим такие суждения, он потом с прискорбием обращает гнев свой на кровосмесника. Как при наступлении бури наперед появляются мрачные облака, потом, когда прогремит гром и все небо сделается как бы одним облаком, внезапно низвергается на землю дождь, так и он поступает здесь. Он мог бы с великим негодованием прямо обратиться к кровосмеснпку, но не делает этого, а наперед низлагает надменность его устрашающими словами, потому что и допущен был им сугубый грех, прелюбодеяние и, что еще хуже прелюбодеяния, нераскаянность во грехе. Он скорбит не столько о согрешении, сколько о нераскаянности грешника: "**чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали**" (2Кор.12:21). Покаявшийся после греха достоин не скорби, а ублажения, как вступивший в лик праведников. "**Говори ты**", говорит пророк, "**беззакония твои первым**[1]**, чтобы оправдаться**" (Ис.43:26). А кто после греха не стыдится, тот достоин сожаления не столько потому, что он пал, сколько потому, что упавши лежит.

3. Если же не каяться в грехах тяжело, то гордиться грехами какого достойно наказания? Если превозносящийся своими добродетелями нечист, то превозносящийся своими пороками какое получит прощение? Таков был кровосмесник, – так душа его загрубела и ожесточилась во грехе; потому (апостол) нашел необходимым наперед низложить его гордость, и обличает его не прежде всех, чтобы он не сделался еще более бесстыдным, как обличаемый прежде других, и не после всех, чтобы он не стал считать (своего преступления) маловажным, но, предварительно виушив ему большой страх вразумлением других и потрясши душу его обличением, направленным против других, потом уже обращается к нему. Эти самые слова: "**ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь**", также: "**судия же мне Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения**", – сказаны не случайно, а касаются его же и его сообщников, которые унижали святых. Что из того, говорит, если некоторые по внешностп кажутся добродетельными и удивительными? Не по внешности только судит этот Судия, но обнаруживает и сокровенное. Таким образом по двум или, лучше, по трем причинам, суд наш не бывает правым: во-первых, потому, что, хотя бы мы ничего не знали за собою, мы однакож повинны пред судом Обличающего наши грехи с точностью; во-вторых, потому, что большая часть дел остается для нас неоткрытой и неизвестной; в-третьих, потому, что многие из действий других кажутся нам добрыми, но совершаются

не с добрым намерением. Для чего вы говорите, что такой-то и такой-то не сделали никакого греха, или такой-то лучше такого-то? Этого нельзя сказать даже и о том, кто ничего не знает за собою; Кто видит сокровенное, Тот только произносит суд правый. Вот и я "**ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь**", т.е. не свободен от вины и осуждения. Не говорит: я не в числе праведников, но: я не чист от греха. И в другом месте говорит: "**умерший оправдался**[2] **от греха**", т.е. освободился (Рим.6:7). Мы совершаем много и добрых дел, но не с добрым намерением. Так мы многих хвалим, но не для того, чтобы показать их совершенства, а для того, чтобы чрез них унизить других. Дело само по себе доброе, – потому что хвалится человек добродетельный; но намерение дурное, – потому что происходит от сатанинского расположения; не из сорадования брату, но из желания повредить другому часто делают это. Еще: иной совершит тяжкий грех, а другой, желая погубить его, утверждает, что он не совершил ничего худого, и ободряет согрешившего, указывая на общее (свойство) природы; но часто не для того делает это, чтобы простить, а с намерением придать более беспечности. А часто обличает, но не для того, чтобы вразумить и исправить, а чтобы обнаружить и осмеять грех его. Таких намерений люди не знают, а "**Испытующий сердца**" (Пс.3:10) знает их в точности и откроет все это в свое время. Потому (апостол) и говорит: "**Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения**".

Если же мы и тогда, когда ничего не знаем за собою, не можем быть свободными от осуждения, и за самые добрые дела, когда совершаем их не с добрым намерением, подлежим наказанию, то представь, насколько неправы суды человеческие. Люди не могут видеть всего; это возможно только для одного недремлющего Ока; людей мы можем обмануть, но Его – никогда. Потому не говори: мрак и стены окружают меня: кто видит меня? "**Создавший по одному сердца наши**" (Пс.32:15) знает все, потому что "**и тьма не затмит от**" Него (Пс.138:12). Впрочем, справедливо говорит грешник, что мрак и стены окружают его. Если бы не было мрака в душе его, то он яе отверг бы страха Божия и не предавался бы бесстыдству, так как прежде, нежели помрачится главенствующая часть (душа), грех не смеет войти. Потому не говори: кто видит меня? Есть Тот, Который "**проникает до души и духа, составов и мозгов**" (Евр.4:12), хотя сам ты не видишь себя, не можешь рассеять облака и, как бы окруженный со всех сторон стеною, не в состоянии воззреть на небо.

4. Мы представим тебе, какой угодно, грех, и ты увидишь, что действительно так бывает. Как воры и подкапыватели стен, намереваясь похитить что-нибудь драгоценное, исполняют это, погасив светильник, так порочный помысл поступает и с грешниками. В нас есть умственный светильник, постоянно горящий. Если дух прелюбодеяния, устремившись с великой силою, погасит свет его, то немедленно помрачает и преодолевает душу и тотчас расхищает все, в ней находящееся. Когда овладевает душой порочное пожелание, тогда разумное око ее, помрачившись, подобно как телесные очи помрачаются облаком и тьмой, не может видеть ничего, ни пропасти, ни геенны, ни страха, и она, будучи, наконец, не в состоянии противиться силе пожелания, делается удобопреклонной ко греху; пред очами ее как бы воздвигается непроницаемая стена, которая не позволяет лучу правды просветить разум ее, потому что порочные помыслы, порождаемые пожеланием, со всех сторон окружают ее. Тогда представляется человеку блудница, беспрестанно появляющаяся пред его глазамн, в его разуме и мыслях; и как слепые, хотя бы стояли среди полудня под открытым небом, не могут видеть света, потому что закрыты глаза их, так и он, хотя бы оглашали его со всех сторон бесчисленные спасительные догматы, будучи наперед охвачен в душе своей этой страстью, заграждает слух свой для всех внушений. Это хорошо знают те, которые испытали это. Но вам пусть не придется узнать это на опыте. И не один только этот грех, но и всякая порочная страсть производит то же самое.

Обратим, если угодно, речь нашу от блудницы к деньгам; здесь мы увидим густой и непроницаемый мрак. Там, где бывает одна любовница, заключенная в одном месте, страсть не так сильна; а когда везде представляются деньги, в мастерских серебряных и золотых вещей, в гостиницах, в богатых домах, тогда страсть действует сильно. Когда больной этой страстью видит детей, гуляющих на торжище, лошадей, украшенных золотом, людей, одетых в драгоценные одежды, тогда в душе его разливается великий мрак. Но что говорить о домах и мастерских? Такие люди, я думаю, когда увидят богатство, изображенное на картине, и тогда возмущаются, досадуют и беснуются: так мрак везде окружает их! Если они обратят взор на изображение царя, то не удивляются ни красоте камней, ни золотой н пурпуровой одежде, а мучатся страстью; и как несчастный любовник, увидев изображение любимой женщины, не может оторваться от бездушной картины, так и они, видя бездушное изображение богатства, страдают так же, и еще тем более, чем сильнейшей преданы страсти; им остается или сидеть дома, или, вышедши на торжище, получать тысячи ран и с ними возвращаться домой, потому что слишком много предметов, поражающих их глаза. Как тот не вндит ничего другого, кроме женщины, так и они не видят на пути ни бедных, ни всего другого, от чего могли бы получить утешение, а устремляют глаза только на богатых и, взирая на них, собирают великий и сильный огонь в свою душу. Подлинно, это – огонь, жестоко поядающий подвергшегося ему; и если бы не было ни геенны, ни будущего наказания, то в самой настоящей жизни было бы наказанием – постоянно страдать и не видеть конца своим страданиям. Одно это могло бы удерживать от такой болезни; и нет ничего хуже безумной страсти, которая заставляет прилепляться даже к вещам, приносящим одну горечь и никакой пользы. Потому увещеваю вас истреблять страсть в самом ее начале. Как приключившаяся горячка вначале не слишком возбуждает в больных жажду, а когда огонь ее возрастет и усилится, тогда производит неутолимую жажду, и если кто подаст им питья, то не утоляет, но еще более усиливает пламень, – так бывает и с этой страстью: если вначале, когда она вторгается в нашу душу, мы не остановим ее и не заключим двери, то войдя она причиняет неисцельную болезнь в принявших ее. Все ведь, и доброе и злое, чем долее остается в нас, тем становится сильнее.

5. То же можно видеть и во всем другом. Дерево, недавно посаженное в землю, исторгается легко, а укоренившееся в течение долгого времени – не легко, но с великим трудом; здание, недавно построенное, легко разрушается, если кто станет разрушать его, а долго стоявшее представляет много затруднений для желающих разрушить его; и зверь, долго обитавший в каком-нибудь месте, не легко выгоняется оттуда. Потому увещеваю тех, которыми еще не овладела страсть, не предаваться ей, потому что легче воздержаться, нежели, предавшись, освободиться от нее; а тем, в которых она поселилась и произвела вред, обещаю надежду совершенного исцеления благодатью Божией, если они захотят принять врачевание. Если они представят себе людей, впавших в болезнь страсти, и потом освободившихся от нее, то получат добрую надежду на исцеление от болезни. Кто же впадал в эту болезнь и скоро освобождался от нее? Закхей (упоминаемый в Евангелии). Кто более мытаря пристрастен к деньгам? Но он внезапно сделался любомудрым и погасил в себе весь огонь (страсти) (Лк.19:8). Также апостол Матфей: и он был мытарь и постоянно проводил жизнь в делах корыстолюбия; но внезапно оставил это пагубное занятие, истребил в себе жажду (корысти) и обратился к стяжанию духовному (Мф.9:9). Представляя их и подобных им людей, не предавайся отчаянию. Если захочешь, то и ты можешь скоро исцелиться. Если угодно, мы по примеру врачей предпишем тебе и подробные правила, как поступать. Прежде всего надобно не падать духом и не отчаиваться в своем спасении; потом – взирать не на одни только примеры людей исправившихся, но и погибших от страстей. Вспоминая о Закхее и Матфее, надобно представлять и Иуду, и Гиезия, и Ахара, и Ахаава, и Ананию, и Сапфиру, чтобы примерами первых предохранить себя от отчаяния, а примерами последних истребить в

себе нерадение и не допустить душу – оставаться невнимательной к предлагаемым увещаниям, но расположить себя – говорить то же, что говорили приступившие к Петру иудеи: что сотворим, да спасемся (Деян.2:37), и услышать, что нужно делать. Что же нужно делать? Нужно знать, что вещи ничтожны, что богатство есть беглый и неблагодарный раб, что оно подвергает бесчисленным бедствиям владеющих им, и тому подобные истины постоянно повторять себе. Как врачи, для утешения больных, требующих себе холодного питья, уверяют их, что оно будет подано, упоминают об источнике, о сосуде, о потребном для того времени и о многом другом, – потому что если отказать вдруг, то они могут придти в гнев и бешенство, – так будем поступать и мы с корыстолюбцами. Если они скажут: мы хотим обогатиться, – не будем тотчас же говорить, что богатство есть зло, но согласимся и скажем, что и мы желаем им того же, но желаем в надлежащее время, – богатства истинного, доставляющего радости вечные, собираемого для них самих, а не для других и часто для врагов: обратим их внимание на правила любомудрия и скажем, что мы запрещаем не обогащаться, но обогащаться дурными способами; можно обогащаться, но без корыстолюбия, без грабительства и насилия, без худой молвы. Располагая их к себе такими словами, не будем еще говорить им о геенне, потому что больной сначала не может переносить этих напоминаний; а будем в рассуждениях своих касаться более предметов настоящих и говорить: для чего ты хочешь обогащаться несправедливо? Для того ли, чтобы другим собрать золото и серебро, а себе – бесчисленные укоризны и проклятия? Для того ли, чтобы ограбленный тобою терзался и мучился, имея нужду в необходимом, везде порицал тебя и при наступлении ночи ходил по площадям и всем переулкам, недоумевая и не зная, как провести ночь? И может ли он спать, когда терпит беспокойство от желудка, мучится бессонницей, терзается голодом, страдает часто от холода и дождя? Ты, вымывшись в бане, облекаешься в мягкие одежды и возвращаешься с радостью и весельем, поспешая к приготовленному роскошному ужину; а он, непрестанно гонимый холодом и голодом, ходит по всем нлощадям с поникшей головой, протягивая руки и даже от страха не смея напомнить сытому и покоящемуся о необходимой пище, а часто и отходит, осыпанный укоризнами. Потому, когда ты возвратишься домой, когда возляжешь на ложе, когда в доме твоем будет устроено блистательное освещение и приготовлена роскошная трапеза, вспомни об этом бедном и несчастном, который подобно псам ходит по переулкам во мраке и грязи, и возвращается оттуда часто не домой, не к жене, не на ложе, а на кучу сена, подобно псам, лающим во всю ночь. Ты, если увидишь одну малую каплю, упавшую с кровли, то поднимаешь весь дом, гоняешь слуг, приводишь все в движение; а он, лежа в рубище на сене и в грязи, переносит страшный холод.

6. Какой зверь не будет поражен этими обстоятельствами? Кто так жесток и бесчеловечен, что и при этом не преклонится на милость? Но есть люди, дошедшие до такой жестокости, что говорят: они страдают достойно. Вместо того, чтобы жалеть, плакать и облегчать несчастья, они безжалостно и бесчеловечно обвиняют их же самих. Хотел бы я спросить: почему они, скажи мне, страдают достойно? Потому ли, что хотят есть, а не голодать? Нет, скажешь, но потому, что они проводят жизнь в праздности. А ты разве не проводишь времени в праздности и забавах? Или часто не предаешься такой деятельности, которая хуже всякого бездействия, занимаясь грабительством, насилием и любостяжанием? Лучше было бы, если бы и ты предавался такой же праздности, потому что такая праздность гораздо лучше любостяжания. Между тем ты нападаешь на чужие несчастья; не только проводишь время в праздности, не только предаешься деятельности, которая хуже бездействия, но еще обвиняешь несчастных. Будем же рассказывать им о чужих несчастьях, о преждевременных сиротствах, о заключенных в темницах, обижаемых в судилищах, о подвергающих опасности жизнь свою, о неожиданном вдовстве жен и внезапной нищете богачей, и этими страшными событиями трогать их душу. Рассказами о других мы внушим им бояться того же и за себя. Когда они услышат, что сын такого-то

корыстолюбца и грабителя и жена такого-то, сделавшего множество несправедливостей, по смерти его, потерпели тысячи бедствий, потому что обиженные им приступили к жене и детям н сделали со всех сторон общее нападение на дом его, тогда всякий из них, хотя бы был самый нечувствительный, ожидая и себе таких же бедствий, опасаясь того же и за своих домашних, сделается благоразумнее. Жизнь наша исполнена подобных случаев, и у нас не будет недостатка в способах такого вразумления. Впрочем, сообщая все это, будем говорнть не в виде увещания или совета, чтобы слова наши не показались неприятными, но в виде рассказа; от других предметов всегда будем склонять наш разговор также к этому предмету и как можно чаще предлагать такие рассказы, не позволяя останавливаться ни на чем, кроме следующего: как дом такого-то, бывший прежде богатым и знатным, пал; как он запустел до того, что все, бывшее в нем, перешло в руки других; сколько судебных следствий, сколько дел ежедневно открывается по его имуществу; сколько рабов его одни сделались нищими, другие умерли в темнице. Все это будем рассказывать, выражая сожаление о покойнике и свое презрение к благам настоящим, чтобы и страхом и сожалением поразить жестокую душу их. Когда же увидим, что они тронуты этими рассказами, тогда наконец будем говорить с ними и о геенне: впрочем не как бы желая устрашить их, но выражая сожаление о других, скажем: что говорить о настоящем? – жизнь наша здесь не оканчивается; в будущем постигнет таких людей еще жесточайшее наказание, река огненная, червь ядовитый, мрак нескончаемый, мучения вечные. Вразумляя их такими рассказами, мы исправим и их и себя самих, скоро исцелим их от болезни и сами заслужим в день будущего суда похвалу от Бога, как говорит Павел: и "**тогда каждому будет похвала от Бога**" (1Кор.4:5). Похвала от людей ненадежна и часто проистекает не из доброго намерения; а похвала от Бога остается навсегда и сияет светло, потому что когда воздает похвалу ведущий все прежде исполнения и непричастный никакой страсти, тогда добродетель обнаруживается с несомненностью. Зная это, будем поступать так, чтобы нам заслужить похвалу от Бога и получить величайшие блага, которых и да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Гр. "τας ανομιας σου πρωτος" – в синод.перев. эти слова пропущены.

[2] В рус.пер. так и читается: "освободился"

БЕСЕДА 12

"Это, братия, приложил я к себе и Аполлосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано" (1Кор.4:6).

1. Пока нужно было употреблять речь обличительную, (апостол) говорил прикровенно и беседовал с коринфянами так, как будто бы дело касалось его самого, – чтобы осуждающие, представляя достоинство лиц осуждаемых, не могли от обличений придти в гнев; а когда нужно было смягчить укоризну, тогда он оставляет переносную речь и, разоблачив прикровенное, показывает лица, скрывавшиеся под именами Павла и Аполлоса. Потому и говорит: "**это, братия, приложил я к себе и Аполлосу**". Как поступают с больными, когда например больное дитя упрямится и не хочет принимать лекарств, предлагаемых врачами, тогда ухаживающие за ним приглашают отца или наставника и просят их взять из рук врача лекарство и поднести к дитяти, чтобы оно из страха к ним приняло и успокоилось, – так и Павел, обличая коринфян за других, как

осуждаемых, так и чрезмерно превозносимых, не открыл самых лиц их, но употребил в речи имя свое и Аполлосово, чтобы из уважения к этим именам они приняли врачевание; а когда приняли, тогда наконец и открыл, о ком идет речь. Это – не притворство, а снисхождение и предусмотрительность. Если бы он прямо сказал: вы осуждаете святых и достопочтенных мужей, то они оскорбились бы и не стали бы слушать; а теперь, когда он сказал: "**для меня очень мало значит, как судите обо мне вы**", и еще: "**кто Павел? кто Аполлос?**", то они скорее могли принять внушение. Потому он и сказал: "**это, братия, приложил я к себе и Аполлосу ради вас, чтобы вы научились от нас не мудрствовать сверх того, что написано**", выражая этим, что если бы он прямо стал говорить о тех мужах, то они не научились бы тому, чему следовало научиться, и не приняли бы вразумления, оскорбившись сказанным. А теперь, из уважения к Павлу и его спутнику, они скоро приняли обличение. Что значит: **не мудрствовать сверх того, что написано**? В Писании сказано: "**ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?**" И еще: "**не судите, да не судимы будете**" (Мф.5:3,1). Если мы соединены между собой и составляем одно, то мы не должны восставать друг против друга. Также сказано: "**кто унижает себя, тот возвысится**" (Мф.23:12); и еще: "**кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою**" (Мк.10:43-44). Вот что написано! "**Чтобы вы не превозносились один перед другим**" (1Кор.4:6). Здесь он, оставив учителей, опять обличает учеников, потому что последние превозносили первых. Притом учители не скоро приняли бы такое внушение, потому что искали внешней славы и были ослеплены этой страстью; а ученики, не получая славы, но воздавая ее другим, скорее могли принять вразумление и были способнее своих начальников исцелиться от болезни. Действительно, и это – от гордости, когда кто, не имея ничего у себя, превозносится другим. Как превозносящийся чужим богатством делает это от гордости, так и превозносящийся чужой славой. Потому справедливо (апостол) называет это гордостью.

Когда в теле один член делается выше других, то это не что иное, как болезненная опухоль, так как один член не иначе может подняться выше другого, как от воспаления. Так и в теле Церкви кто гордится и превозносится, тот находится в болезненном состоянии, потому что он поднимается выше общего соразмерного положения, и следовательно подвергается болезненной опухоли. В теле это бывает тогда, когда накопляется какая-нибудь излишняя и вредная влага вместо обыкновенных питательных соков. Так и в душе рождается гордость, когда в нас входят чуждые помыслы. Видишь, как точно он выразился, сказав: не превозноситесь. Гордость есть как бы воспалительная опухоль, наполненная вредными соками. Впрочем, говоря это, он не запрещает оказывать почтение, но осуждает почтение, соединенное со вредом. Ты хочешь оказать почтение такому-то? Не препятствую; но только бы без вреда другому. Не для того нам даны учители, чтобы мы восставали друг против друга, но чтобы все соединялись друг с другом. Военачальник поставляется над войском для того, чтобы из отдельных членов составить одно тело; если же он станет производить в войске разделение, то он более враг, нежели военачальник. "**Ибо кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил?**" (ст.7). Здесь, оставив подчиненных, он обращается к начальникам. А смысл слов его следующий: откуда известно, что ты достоин похвалы? Разве был суд? Разве произведено испытание, исследование, точное дознание? Ты не можешь сказать этого. Если же люди так рассудили, то суд не верен. Положим даже, что ты достоин похвалы, что ты действительно имеешь дарования и суд человеческий не ложен; и тогда тебе не следует высокомудрствовать. Ты ничего не имеешь от себя, но все получил от Бога. Почему представляешь себя имеющим то, чего не имеешь? А что ты имеешь, то же имеют и другие с тобою. Следовательно, ты получил не только то или другое, но все, что имеешь.

2. Достоинства твои не от тебя, но от благодати Божией. Укажешь ли на веру, – она от призвания; укажешь ли на отпущение грехов, на дарования, на способность учительства,

на добродетели, – все ты получил оттуда. Что же, скажи мне, ты имеешь такого, чего бы не получил, а достиг сам собою? Не можешь указать ни на что. Ты получил, и потому превозносишься? Поэтому следовало бы смиряться, так как данное принадлежит не тебе, но давшему. Если ты получил, то получил от Него; если получил от Него, то получил не свое; если получил не свое, то почему превозносишься, как бы имея все от себя самого? Потому (апостол) и присовокупил: А если получил, что хвалишься, как будто не получил (ст.7)? Таким образом последовательно доказав свою мысль, он далее показывает, что еще многого недостает им, и говорит: если бы даже вы получили все, и тогда никак не следовало бы хвалиться, потому что все это не ваше; но вы теперь еще многого не имеете. И в начале он намекал на это, когда говорил: "**я не мог говорить с вами, как с духовными**" (3:1), и еще: "**я рассудил быть у вас незнающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого**" (2:2); а здесь с укоризною внушает им это и говорит: "**вы уже пресытились, вы уже обогатились**" (ст.8), т.е. ни в чем более не нуждаетесь, сделались совершенными, достигли самой вершины, почитаете себя не требующими ничьего содействия – ни апостолов, ни учителей. "**Вы уже пресытились**". Не напрасно он употребляет слово: уже, но самым временем доказывает, как неосновательпо и безрассудно их мнение. Он иронически говорит им: так скоро вы дошли до конца! Это не могло быть по самому времени; совершенство – в будущем; довольствоваться малым, это – знак слабой души; при малом считать себя богатым свойственно душе болезненной и жалкой; благочестие ненасытимо; при начатках считать себя получившим все и только еще в начале дела – достигшим конца свойственно детскому рассудку. Последующими словами он укоряет их еще более. Именно, сказав: "**Вы уже пресытились**", продолжает: "**вы уже обогатились, вы стали царствовать без нас. О, если бы вы и в самом деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать!**" (ст.8). Эти слова исполнены великой укоризны. Потому он и привел их в заключение после многих обличений. Вразумление тогда более уважается и скорее принимается, когда после обличений приводятся укоризны. Это может тронуть самую бесстыдную душу и поразить ее больше прямого обличения, и вместе с тем облегчить происходящую от обличения скорбь и досаду. Слова укоризны заключают в себе то удивительное свойство, что они производят вдруг два противоположных действия: наносят удар тяжелее прямого обличения и располагают обличаемого, несмотря на тягчайшее поражение, к большему терпению. Без нас воцаристеся. Сильная укоризна и учителям и ученикам! Здесь показывается и бесстыдство их и великое безумие. Смысл слов его следующий: в трудах у нас с вами все общее, а к наградам и венцам вы – первые. Впрочем, говорит, я не скорблю об этом; потому и присовокупляет: "**о, если бы вы и в самом деле царствовали!**" А чтобы и эти слова не показались иронией, продолжает: "**чтобы и нам с вами царствовать**". Тогда, говорит, и мы получили бы эти блага. Видишь ли, как он в одно и то же время выражает и укоризну, и попечение, и любомудрие? Посмотри, как он низлагает и гордость их последующими словами: "**ибо я думаю, что нам, посланникам, Бог судил быть последними, как бы приговоренными к смерти**" (ст.9). Опять великое обличение и укоризна заключаются в слове: нам. Но он не остановился на этом слове, а указал и на свое достоинство, чтобы сильнее вразумить их; нам, говорит, посланникам (αποστόλους). Тех, которые претерпели множество бедствий, посеяли проповедь благочестия, обратили вас к такому любомудрию, тех "**Бог судил быть как бы приговоренными к смерти**". Сказав: чтобы и нам с вами царствовать, он смягчил силу речи; но, чтобы не сделать им послабления, опять продолжает речь еще более укоризненную и говорит: "**ибо я думаю, что нам, посланникам, Бог судил быть последними**[1]**, как бы приговоренными к смерти**". Я вижу, говорит, и из ваших слов следует, что мы всех презреннее и осуждены терпеть постоянные бедствия; а вы уже мечтаете о царствии, о почестях и наградах. Желая еще более показать нелепость такого мнения и обличнть крайнюю его неосновательность, не сказал просто: мы стали последними, но: "**Бог судил нам быть последними**". Не остановился и на слове: последними, а присовокупил: "**приговоренными к смерти**",

чтобы и самый неразумный мог видеть, как неосновательна мысль, заключающаяся в этих словах, как он огорчается ими и сильно укоряет их.

3. Посмотри на мудрость Павла. Чем он при настоящем случае выражает свое превосходство, важность и величие, тем самым обличает их, называя себя осужденным на смерть. Вот что значит делать все в надлежащее время! Выражение – "**приговоренные к смерти**" (επιθανατους) означает здесь осужденных на смерть и достойных всякого рода смерти. "**Потому что мы сделались позорищем для мира, для Ангелов и человеков**" (ст.9). Что значит: позор быхом миру? Не в каком-нибудь углу, говорит, и не в малой части вселенной мы подвергаемся этому, но везде и при всех. А что значит: "**для Ангелов**"? Иначе сказать: можно быть зрелищем для людей, но не для ангелов, когда совершаемое маловажно; а наши, говорит, подвиги таковы, что они достойны быть зрелищем и для ангелов. Смотри: чем по-видимому он унижает себя, тем же более возвышает; и чем они превозносились, тем же и доказывает их ничтожество. Быть безумным казалось хуже, нежели быть мудрым, также быть немощным – нежели быть крепким, быть бесчестным – нежели быть славным и знаменитым; и однако последнее он приписывает им, а первое усвояет себе, и тем доказывает, что первое лучше последнего, потому что обращает на себя взоры не только людей, но и сонмы ангелов. "**Потому что наша брань не**" с человеками только, но с бесплотными силами (Еф.6:12); потому н смотрит на нас великое множество зрителей. "**Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе**" (1Кор.4:10). Этими словами он опять укоряет их и показывает, что столь противоположным качествам невозможно соединиться в одно и столь различным предметам невозможно быть вместе. Как можно, говорит, чтобы вы были мудры, а мы безумны в Христовых делах? Мы подвергаемся биению, презрению, бесчестию, и почитаемся ни за что, а вы пользуетесь честью и от многих почитаетесь разумными и мудрыми; но возможно ли, чтобы проповедующие одинаковое учение имели противоположные качества? "**Мы немощны, а вы крепки**", т.е., нас гонят, преследуют, а вы наслаждаетесь спокойствием и великим уважением: но это несообразно с сущностью проповеди. "**Вы в славе, а мы в бесчестии**". Здесь он обращается к благородным и превозносившимся внешними достоинствами. "**Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками**" (ст.11-12), т.е. я говорю не о давно бывших обстоятельствах, но о происходящем с нами в настоящее время; мы нисколько не заботимся о вещах человеческих и о внешней славе, но обращаем наши взоры только к Богу. Точно так надобно всегда поступать и нам, потому что не ангелы только взирают на нас, но еще прежде них сам Заповедавший нам подвиги. Потому мы не имеем нужды в посторонних похвалах. Не довольствоваться Его вниманием, а обращаться за похвалами к подобным нам рабам, это значит оскорблять Его. Как борцы, действующие на малом зрелище, ищут большего, считая первое недостаточным для своего отличия, так и подвизающиеся в очах Божиих, а потом ищущие славы от людей, оставляя большее, домогаются меньшего, и тем навлекают на себя великое наказание. Оттого и низвратилось все, оттого и произошло смятение во всей вселенной, что мы все делаем, взирая на людей; в делах добрых считаем ни за что благоволение Божие, но ищем одобрения от подобных нам рабов, и в делах злых также не смотрим на Него, но боимся людей. Между тем люди вместе с нами предстанут на суд и нисколько не помогут нам; а Бог, на которого мы теперь не обращаем внимания, произнесет Свой приговор над нами. Мы знаем это, и однако не перестаем искать внимания людей: вот наш главный грех! Пред очами человеческими никто не решится прелюбодействовать, но, как бы сильно ни воспламеняла похоть, сила страсти побеждается стыдом человеческим; а пред очами Божиими не только совершают блуд и прелюбодеяние, но дерзали и дерзают и на другие грехи еще более тяжкие. Это уже одно разве не способно низвести на нас громы небесные? Но что я говорю о блуде и прелюбодеянии? Грехи гораздо более легкие делать пред людьми стыдимся, а пред Богом

– нет. Оттого и произошло все зло, что в делах злых мы боимся не Бога, но людей; оттого мы и избегаем дел добрых, которые не кажутся таковыми людям, что взираем не на сущность вещей, но на мнения других.

4. Точно также мы поступаем касательно злых дел: не хорошее и не доброе само в себе, но кажущееся таким для людей, мы по привычке своей стараемся получить, как доброе, и таким образом совершенно развращаемся. Может быть, эти слова многим представляются неясными; потому необходимо пояснить их. Когда мы совершаем прелюбодеяние, – начнем с того, о чем уже было упомянуто, – тогда боимся больше людей, нежели Бога. Им мы подчиняем себя; их делаем нашими владыками; и многого такого, что этим владыкам кажется худым, на самом деле и не худо, мы избегаем по той же причине. Так, например, жить в бедности – многим кажется постыдным, и мы избегаем бедности, не потому, что она постыдна, и не потому, что мы убеждены в этом, но потому, что владыкам нашим она кажется постыдной и мы боимся их. Еще, подвергаться бесчестию и презрению и не иметь никакой власти – многим также кажется весьма постыдным и жалким. Этого мы также избегаем, не вникая в дело, а следуя мнению наших владык. И касательно противоположных предметов мы поступаем с таким же для себя вредом. Быть богатым, знатным, славным и знаменитым кажется благом, и мы домогаемся этого, опять также не вникая в сущность предметов, действительно ли хороши они, но повинуясь мнению наших владык. Народ – наш владыка; толпа – наш строгий господин и жестокий тиран. Даже не нужно ему приказывать, чтобы мы слушались его; для нас довольно только знать, чего он хочет, и мы повинуемся без его приказания: так мы преданы ему! Бог ежедневно угрожает и вразумляет, – и Его не слушают; а беспорядочная и грубая толпа не имеет нужды даже приказывать, довольно лишь сказать, что ей нравится, – и мы тотчас во всем повинуемся. Как же, скажешь, избавиться от этих владык? Если будешь поступать благоразумнее их, если будешь вникать в сущность вещей, если не будешь взирать на мнение людей, если прежде всего приучишь себя – в делах действительно постыдных бояться не людей, а недремлющего Ока, и в делах добрых ожидать венцов также от Него. Таким образом и во всем прочем мы не будем зависеть от людей. Кто, делая добро, не считает их достойными судить об его добродетелях, но довольствуется судом Божиим, тот не будет обращать на них внимания и в делах противоположных. Но как, скажешь, достигнуть этого? Размысли, что такое человек и что такое Бог, кого ты оставляешь и к кому прибегаешь, – и ты скоро всего достигнешь. Человек вместе с тобою подвержен тому же греху, тому же суду и наказанию; "**человек подобен суете**" (Пс.143:4), судит не верно и имеет нужду в высшем руководстве; человек – "**прах и пепел**" (Быт.18:27), и когда станет хвалить, то часто хвалит не истинно, или из угождения, или из ненависти, а когда станет обвинять или порицать, то делает и это по тем же побуждениям. Но Бог не так; напротив, нелицеприятен приговор Его и чист суд Его. Следовало бы поэтому всегда прибегать к Нему, и не только поэтому, но и потому, что сам Он создал, наделил тебя больше всех и любит тебя больше, чем ты сам себя. Для чего же мы, оставляя дивного Мздовоздаятеля, прибегаем к человеку, который есть ничто, судит неверно и действует неправо? Называет ли тебя кто-нибудь злым и порочным, тогда как ты совершенно не таков? Ты лучше жалей о нем, плачь о том, что он развратился, и не смотри на его суждение, потому что ослеплены очи души его; и об апостолах говорили то же, но они не обращали внимания на клеветников своих. Называет ли он тебя добрым и честным? Если ты действительно таков, то не делайся нерадивым от этого отзыва; если же не таков, то тем более не обращай внимания и принимай это за насмешку. Хочешь ли знать, как суждения людей неправы, бесполезны, смешны и похожи на суждения бесноватых и сумасшедших, или грудных детей? Послушай, что было когда-то. Скажу тебе о суждениях не простого народа, но людей, почитавшихся мудрейшими, древних законодателей. Кто из людей может быть мудрее человека, признанного достойным писать законы городам и народам? И однако эти мудрецы не считали прелюбодеяние делом порочным и достойным

наказания; ни один из внешних (языческих) законов не наказывал за это и не призывал виновного в судилище, а если бы кто из-за этого стал призывать, то народ осмеял бы его и судья не принял бы. Гадание у них также не подвергалось преследованию и никто у них не был наказываем за это. Пьянство и чревоугодие не только не было пороком, но еще у многих считалось добродетелью; на воинских пиршествах много состязались в этом между собой, и те, которым особенно нужно было иметь здравый ум в здравом теле, они-то особенно и предавались пьянству, расслабляя тело и помрачая душу; а из законодателей никто не полагал наказание за это преступление.

5. Что может быть хуже такого безумия? А ты домогаешься похвал от людей с такими наклонностями и не скрываешься. Если бы даже все они удивлялись тебе, и тогда не следовало ли бы стыдиться и удаляться, слыша суждения и рукоплескания от людей столь развратных? Также и богохульство у законодателей не считалось делом предосудительным; никто из богохульников не был призываем в судилище и наказываем. Кто украдет одежду или отрежет карман, тому терзают бока и часто даже наказывают смертью; а кто хулит Бога, тот не осуждается внешними (языческими) законодателями. Если кто совершит прелюбодеяние с служанкой, имея свою жену, это считается совершенно ничтожным и пред законами и пред людьми.

Хочешь ли слышать и о многом другом, доказывающем их безумие? Иного они не наказывают, а иное сами предписывают законом. Что же такое? Они учреждают зрелища, приводят туда толпы блудниц и блудодействующих мальчиков, оскорбляющих самую природу, помещают весь народ на местах возвышенных, и таким образом как бы оживляют город и прославляют великих царей, которым удивляются при торжествах и победах. Что постыднее такой чести? Что неприятнее такого удовольствия? И от таких людей ты домогаешься похвал за дела свои? Неужели, скажи мне, ты хочешь слышать похвалы наравне с плясунами, развратниками, шутами и блудницами? Не знак ли это крайнего безумия? Хотел бы я сказать им: хорошо ли – извращать законы природы и допускать беззаконные связи? Без сомнения они ответят: не хорошо; и сами по-видимому наказывают это преступление. Для чего же ты выводишь на сцену людей развратных, и не только выводишь, но и награждаешь бесчисленными и невыразимыми подарками? В другом месте ты наказываешь дерзающих совершать эти дела, а здесь расточаешь на них деньги, как на общих благодетелей города, и питаешь их на счет общественных сумм. Но, скажешь, они считаются бесчестными. Для чего же ты воспитываешь их? Для чего чрез бесчестных хочешь воздавать честь царям? Для чего наносишь вред городу? Для чего издерживаешь на них такие суммы? Если они бесчестны, то следовало бы прогнать их, как бесчестных. Чем ты обыкновенно сопровождаешь бесчестие: похвалами, или порицанием? Конечно, порицанием. Почему же, презирая их, как бесчестных, ты бежишь смотреть на них, как на достойных чести, удивляешься им, восхищаешься и рукоплещешь? А что еще сказать о забавах на конских ристалищах и на звериных травлях? Они сопровождаются всякими бесчинствами, научают народ быть всегда жестоким, безжалостным и бесчеловечным, приучают смотреть на терзаемых людей, на проливаемую кровь и на буйство зверей, ничем не удержимое. Мудрые древние законодатели ввели все эти недуги, а граждане рукоплещут и удивляются. Впрочем, если хочешь, оставим эти дела, которые прямо и явно безнравственны, хотя и не считались такими у языческих законодателей; перейдем к постановлениям достоуважаемым, и увидим, как и к ним примешались злоупотребления по неразумению людей. Брак считается делом честным и у нас и у язычников; и действительно он честен, но при совершении браков делается много смешного, как сейчас услышите. Многие, следуя обычаю и жертвуя ему умом своим, даже не замечают нелепости всего этого, но еще обращаются к другим за наставлениями. Здесь бывают и хороводы, и кимвалы, и свирели, и бесстыдные речи, и срамные песни, и пьянство, и неприличные шутки, и всякое диавольское бесчинство. Знаю, что я могу

показаться смешным, порицая это, и быть принят людьми за безумного, восставая на старые обычаи, так как велика сила привычки, как я говорил и прежде; но, несмотря на то, не перестану говорить об этом. Может быть, и вероятно будет, что если не все, то по крайней мере немногие выслушают нас, и согласятся лучше быть осмеянными вместе с нами, нежели вместе с другими смеяться над нами смехом, достойным слез, всякого порицания и наказания. В самом деле, не достойно ли крайнего осуждения, когда девица, всегда пребывавшая во внутреннем покое и научившаяся стыдливости с детского возраста, вдруг принуждается оставить всякий стыд, в начале брака научается бесстыдству и выводится на средину в круг людей бесчестных и безнравственных, блудников и развратников? Какое зло не посеется в душе невесты с того дня? Бесстыдство, дерзость, неуважительность, тщеславие; она захочет проводить также и все будущие дни. Оттого бывают жены небережливые и расточительные: оттого в них бесчисленное множество зол. Не говори мне об обычае. Если это – дело порочное, то пусть оно не бывает и однажды; если же – доброе, то пусть будет постоянно. Блуд, скажи мне, не есть ли дело порочное? Извиним ли мы, если он будет совершен хотя однажды? Отнюдь нет. Почему? Потому что, хотя бы он был совершен однажды, он всегда порок. Точно так и веселье невесты, если оно порочно, не должно быть и однажды; если же не порочно, то пусть будет постоянно.

6. Как, скажешь, ты позоришь брак? Да не будет! Не брак я осуждаю, но зло, прившедшее к браку, притирания, украшения и все прочие излишества. Подлинно, многие влюбятся в невесту в тот день еще прежде будущего ее супруга. Но, скажешь, многие будут и удивляться женской красоте ее. Чтож из этого? Если она целомудренна, то с трудом избегнет дурного подозрения; если же неблагоразумна, то скоро будет уловлена, по случаю беспутств того дня. Столько здесь бывает зла, и несмотря на то, если его не будет, то люди, которые не лучше животных, считают это позором и находят неприличным, чтобы невеста не являлась пред всеми и не представляла общего позорища для любопытных. Между тем следовало бы считать позорным, смешным и неприличным то, что бывает. Знаю и теперь, что за это будут осуждать меня, называть неразумным и смешным; но я перенесу насмешки, только бы произошла отсюда какая-нибудь польза. Да, я был бы достоин осмеяния, если бы, научая презирать мнения людей, сам прежде других впал в болезнь тщеславия. А вот что следует далее: не только днем, но и вечером мужчины пьянствуют и, одуревшие и разгорячившиеся от пьянства, приготовляются смотреть на красоту девичьего лица: и не в доме только пируют, но выходят и на площади, провожая ее в глубокую ночь с факелами, так чтобы все видели ее, и тем внушая не что иное, как то, что здесь надобно оставить всякий стыд. Не останавливаются и на этом, но ведут ее с срамными речами; такой обычай у многих обратился в закон. Бродяги, негодяи и развратники в бесчисленном множестве смело говорят все, что вздумают, как ей, так и будущему ее супругу; здесь ничего не делается скромно, но все с бесстыдством. Какой же добрый урок целомудрия получит невеста, видя и слыша все это? Бывает даже какое-то диавольское соревнование приглашенных – превзойти друг друга искусством позорного и срамного красноречия, которым они пристыжают присутствующих, и те из них уходят победителями, которые более других наговорили позорного и срамного. Знаю, что слова мои неприятны, тяжелы и несносны, потому что направлены как бы против приятностей жизни; но о том я и жалею, что неприятное стало считаться чем-то приятным. Не неприятно ли, скажи мне, подвергаться оскорблению, поруганию и бесчестию от всех вместе с своей невестой? Если кто один на площади скажет что-нибудь худое о твоей супруге, ты крайне огорчаешься и считаешь жизнь не в жизнь; а когда бесчинствуешь в присутствии целого города вместе с будущей супругой, то радуешься и восхищаешься. Не безумно ли это? Но таков, скажешь, обычай. Это-то особенно и достойно слез, что диавол ввел такой обычай. Так как брак – дело честное, служащее к продолжению человеческого рода и доставляющее много благ, то лукавый, снедаясь

завистью и зная, что брак предохраняет от прелюбодеяния, вводит другим путем всякое прелюбодеяние. Действительно, многие девы в таких собраниях подвергались посрамлению; если же это бывает не всегда, то для диавола довольно и одних срамных речей и песен, чтобы опозорить невесту и обесславить жениха среди площади. Далее, так как все это бывает вечером, то, чтобы мрак не покрывал зла, зажигаются факелы, не допускающие скрыться бесстыдству. Что значит это великое скопище? Что – это пьянство? Что – эти свирели? Не очевидно ли, что они служат к тому, чтобы находящиеся в домах и погруженные в глубокий сон узнали об этом, пробудились от звуков свирели и, высунувшись за перила, были свидетелями этой комедии? Что сказать о самых песнях, которые исполнены крайней безнравственности, изображают безумную любовь, беззаконные связи, низвращения семейных уз и бесчисленные трагедии, беспрестанно повторяют названия любовника и влюбленного, влюбленной и любовницы? А что всего хуже, и девы, оставив всякий стыд, находятся при этом в честь невесты, или лучше к ее бесчестию, и подвергают опасности свое спасение, занимаясь среди развратных юношей бесчинными песнями, срамными речами, сатанинским веселием. И после этого ты спрашиваешь: отчего бывает распутство, отчего – прелюбодеяния, отчего – распадения браков? Но, скажешь, это делают не благородные и не честные девы. Что ты смеешься надо мною, зная сам прежде меня этот обычай? Если совершаемое здесь хорошо, то пусть и те делают то же самое; а если не хорошо, то бедные, потому только, что они бедны, разве также не девы, разве и им не следует хранить целомудрие? А ныне, когда дева пляшет среди общего собрания развратных юношей, не кажется ли она, скажи мне, бесчестнее блудницы? Если же скажешь, что это делают служанки, то и в таком случае я не могу не осуждать тебя, потому что это непозволительно и им.

7. Все зло происходит оттого, что мы нисколъко не заботимся о своих домашних; чтобы выразить презрение, довольно сказать, что он – раб, или она – служанка, хотя мы ежедневно слышим: "**во Христе Иисусе нет раба, ни свободного**" (Гал.4:28). Ты не оставляешь без своего попечения ни коня, ни осла, но употребляешь все меры, чтобы они не были дурными; почему же презираешь рабов, которые имеют одинаковую с тобою душу? И что я говорю о рабах, когда ты не заботишься и о сыновьях и о дочерях? Что же выходит? По необходимости скоро приходится испытывать скорбь, когда все они ведут себя беспорядочно; а нередко и состояние подвергается величайшему расстройству, потому что в толпе и шуме тратится много золота и драгоценностей. Потом после брака, если родится дитя, опять мы видим то же безумие, видим множество символических действий, достойных смеха. Когда нужно наречь имя младенцу, то, еще не называя его именем святого, как древние делали прежде всего, но засветив светильники и дав им различные названия, называют младенца именем того, который прогорит дольше всех, предполагая, что дитя оттого проживет долее. Потом, если с ним приключится смерть (как часто случается), то следует множество смешных действий, внушенных диаволом, который играет людьми, как неразумными детьми.

Говорить ли о перевязках, о погремушках, привешиваемых к руке, о красной пряже и о многом другом, доказывающем великое безумие, тогда как не следует возлагать на младенца ничего другого, кроме спасительного креста? Между тем ныне крест, обративший всю вселенную, поразивший диавола и ниспровергший всю силу его, остается в пренебрежении; а ткани, пряже и другим подобным привескам вверяется безопасность младенца. Сказать ли нечто еще более смешное? Никто пусть не укоряет нас в непристойности, если слово наше касается таких предметов. Кто хочет очистить гнилые наросты, тот не отказывается наперед запачкать свои руки. Что же это такое смешное? Это считается пустяком, – о чем я и жалею, – но доказывает нерассудительность и крайнее безумие. Женщины, кормилицы и служанки берут в бане грязь и, обмакнувши в нее палец, помазывают чело младенца; если кто спросит: что значит эта грязь, это брение? – то

говорят: она предохраняет от дурного глаза, от зависти и ненависти. Увы! Грязи и брению приписывают такую способность и такую силу – разрушать всякие козни диавола! Не стыдно ли вам, скажите мне? Поймете ли вы когда-нибудь, как диавол с раннего возраста человека мало-по-малу раскидывает свои сети и употребляет свои хитрые уловки? Если грязь производит такия действия, то почему не помазываешь ею своего чела ты, достигший возмужалого возраста и имеющий у себя завистников более младенца? Почему не помазываешь грязью всего тела? Если она на челе имеет такую силу, то почему бы тебе не намазать грязью всего себя? Смешное и забавное внушение сатаны, впрочем не смеху только, но и геенне подвергающее обольщаемых! Если это делается у язычников, то нисколько не удивительно; а когда поклоняющиеся кресту, приобщающиеся неизреченных таинств и достигшие любомудрия держатся таких постыдных обычаев, это – достойно многих слез. Бог удостоил тебя духовного мира; а ты пачкаешь младенца грязью? Бог почтил тебя; а ты сам себя бесчестишь? Следовало бы изображать на челе крест, сообщающий непреоборимую безопасность; а ты, оставив его, впадаешь в сатанинское безумие? Если кому это кажется маловажным, тот пусть знает, что это ведет к великому злу, и что Павел не считал подобных предметов маловажными и не оставлял их без внимания. Что может быть, скажи мне, маловажнее, как покрывать человеку свою голову? Однако, смотри, какое он оказывает об этом попечение и с какой силой обличает (молящихся с покрытой головой), выражая, между прочим, что они "**постыжают свою голову**" (1Кор.11:4). Если же покрывающийся бесчестит свою голову, то помазывающий грязью не делает ли младенца отвратительным? Как он, скажи мне, подведет его к рукам священника? Как священник удостоит запечатлеть рукой чело его, которое ты помазал грязью? Нет, братие, не делайте этого; но с самого первого возраста ограждайте детей духовным оружием и научайте их запечатлевать рукой чело, а прежде, нежели они будут в состоянии делать это своею рукой, вы сами изображайте на них крест.

Говорить ли о других сатанинских предрассудках при беременности и родах, которые поддерживаются повивальными бабками на пагубу собственной их головы, о предрассудках при смерти и выносе каждого, о стонах и бессмысленных воплях, о безумных действиях на гробах и попечении о надгробных памятниках, о неблаговременном и смешном скоплении плачущих женщин, о предрассудках касательно дней, входов и выходов? И от них, скажи мне, ты ищешь прославления? Не крайне ли безумно – искать славы у людей, которые так неправы в своих мнениях и все делают зря, вместо того, чтобы постоянно прибегать к недремлющему Оку, делать и говорить все с мыслью об Его суде? Если будут хвалить нас люди, то не принесут нам никакой пользы; а если Ему будут угодны дела наши, то Он и здесь прославит нас и в будущий день удостоит неизреченных благ, которых и да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1]В рус. перев. слово "последние" переставлено: "нам, последним посланникам". Греческий текст допускает оба чтения, но Златоуст имеет в виду так, как здесь

БЕСЕДА 13

"Мы безумны Христа ради" (необходимо опять отсюда начать слово), "а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии" (1Кор.4:10).

1. Высказав множество укоризн, которыя поражают больше всякого обличения, апостол говорит здесь о том же с свойственным ему достоинством. Сказав: "**вы стали царствовать без нас**", и: "**Бог судил нам, последним быть как бы приговоренными к смерти**", далее он показывает, каким образом они действительно осуждены на смерть, и говорит: "**мы безумны, и немощны, и бесчестны, и терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками**" (ст.10-12), что и было признаком истинных учителей и апостолов. Но коринфские учители хвалились противоположным: мудростью, славой, богатством, почестями. Потому, желая низложить гордость их и показать, что не только не следует хвалиться этим, но еще следует стыдиться, он наперед посмеивается над ними и говорит: "**вы стали царствовать без нас**". Я возвещаю, говорит он, что настоящее время не есть время почестей и славы, которыми вы наслаждаетесь, но гонений н скорбей, которые мы претерпеваем. Если же это несправедливо, а напротив настоящее время есть время воздаяний, – здесь он говорит иронически, – то вы, ученики, уже царствуете, как я вижу, а мы, учители и апостолы, которым следовало бы прежде всех получить награду, не только стали последними пред вами, но и осужденными на смерть, постоянно проводя жизнь в бесчестии, голоде и опасностях, претерпевая оскорбления, как безумные, и гонимые, и подвергаясь невыносимым бедствиям. Говорит это для того, чтобы такими внушениями убедить их, что они должны подражать апостолам, предпочитать опасности и скорби почестям и славе, потому что проповедь обещает не первое, а последнее. Впрочем говорит это не прямо, чтобы слова его не показались им слишком тяжкими, но как ему прилично было, так и делает это внушение. Если бы он стал говорить прямо, то сказал бы так: вы заблуждаетесь и обманываетесь и далеко отстали от апостольского учения, потому что апостолу и служителю Христову следует почитаться безумным и проводить жизнь в скорби и бесчестии, как происходит с нами; а вы живете напротив. Но в таком случае слова его скорее показались бы им пристрастными, как заключающие похвалу апостолам, и произвели бы в них еще большую дерзость, как обличаемых в нерадении, тщеславии и невоздержании. Потому он и употребляет не такой образ речи, а другой, более разительный, но не оскорбительный; продолжает речь ироническую и говорит: "**а вы крепки; вы в славе**". Если бы он не употребил иронии, то сказал бы так: нельзя называться одному безумным, другому мудрым. одному крепким, другому немощным; проповедь не требует ни того, ни другого. Если бы позволительно было называться одному так, а другому иначе, то проповедуемое вами, быть может, имело бы какое-нибудь основание; но теперь не позволительно ни почитаться мудрым или славным, ни быть свободным от опасностей. Если это несправедливо, то, значит, Бог предпочел вас нам, учеников учителям, претерпевшим бесчисленные бедствия. Если же этого никто сказать не может, то остается вам подражать нашему образу жизни. И пусть не подумает кто-нибудь, говорит, что я говорю только о прошедшем; нет, "**даже доныне терпим голод и жажду, и наготу**". Видишь ли, что такова должна быть вся жизнь христиан, а не один или два дня? Так и из борцов кто увенчан за победу в одной только борьбе, тот не удостоивается вновь венца, если падет (в другой борьбе). Мы терпим голод, говорит против невоздержных: и побои – против высокомерных; и скитаемся – против покоящихся; и наготу – против богатых; и трудимся – против лжеапостолов, которые не хотели ни трудиться, ни подвергаться опасностям, но заботились о собственных выгодах. А мы не так, говорит, но при внешних опасностях еще предаемся постоянным трудам: и, что еще выше, никто не может сказать, чтобы мы негодовали на это или обвиняли гонителей; напротив, мы воздаем оскорбителям нашим добром за зло. Ведь не то важно, чтобы страдать, – это общая участь всех, – но чтобы страдая не роптать и не досадовать.

2. Мы же не только не досадуем, говорит, но и радуемся. Доказательством служит то, что делающим зло мы воздаем добром. А что они действительно так поступали, послушай далее: укоряеми благословляем, гоними терпим, хулими молим: яко же отреби миру

быхом (ст.12-13), т.е. "**безумны Христа ради**", потому что кто терпит зло, и не мстит и не гневается, тот у внешних (язычников) почитается безумным, бесчестным и слабым. А чтобы слова его не были слишком тяжкими для них, если бы он приписал свои страдания их городу, – что он говорит? Отреби, говорит, не вашему городу, но миру быхом; и еще: всем попрание, не вам только, но всем. Как, беседуя о любви Христовой, он не упоминает о земле, о небе, о всех тварях, но указывает на крест, так и здесь, желая расположить их к себе, умалчивает о знамениях и говорит о своих страданиях за них. Подобным образом поступаем и мы: когда какие-нибудь люди обижают или презирают нас, мы обыкновенно представляем им то, что претерпели за них. "**Всеми попираемы доныне**" (ст.13). В заключение наносит сильный удар. Всем, не гонителям, говорит, но тем, за кого страдаем, т.е. и к ним я питаю великую благодарность. Вот слова души глубоко чувствующей, впрочем, не огорчающейся, но желающей тронуть других! Хотя он мог укорить их во многом, но вместо того приветствовал. Так и Христос повелевает нам кротко переносить обиды, чтобы и сами мы научились любомудрию и других лучше вразумляли, потому что не оскорбляющий, а молчаливо переносящий обиды скорее достигает этого. Видя затем, что нанес тяжкую рану, он тотчас же врачует ее, продолжая: "**Не к постыжению вашему пишу сие, но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих**" (ст.14). Не для того, говорит, я сказываю вам это, чтобы пристыдить вас. О том, что уже сделано словами его, говорит, что он не делал; или лучше – говорит, что сделал это, но не с худым и ненавистным намерением; это – прекрасный способ врачевания – сказавши слово, оправдывать его намерением. А не говорить невозможно было, потому что иначе они осталпсь бы неисправленными; и сказавши оставить рану без врачевания, также было бы опасно; потому он после обличения оправдывается. Это не только не уничтожает действия врачества, но еще глубже внедряет его, и между тем, утоляет всю боль раны; слышащий, что это говорится не с огорчением, но с любовью, скорее принимает вразумление. Впрочем, и здесь великое обличение и укоризна. Говорит не как учитель, не как апостол, не как имеющий учеников, – что выражало бы достоинство, – но: "**но вразумляю вас, как возлюбленных детей моих**"; не просто: чада, но и: возлюбленная. Простите мне, говорит; если сказано что-нибудь неприятное, то это произошло от любви. Не сказал: обличаю, но: вразумляю. Кто не стал бы слушать отца, сетующего и предлагающего полезные советы? Потому сказал это не прежде, но когда уже нанес удар. Но, скажут, разве другие учители не любят нас? Я не говорю этого, но они не столько любят. Для краткости он не объяснил этого, но указал на это занятиями и названиями, употребив слова: наставник и отец. "**Ибо, хотя у вас тысячи, говорит, наставников во Христе, но не много отцов**" (ст.15). Здесь он указывает не на достоинство свое, но на преизбыток любви; не укоряет их, присовокупив: во Христе, но утешает, назвав не льстецами, но наставниками тех, которые принимают на себя заботы и труды; также выразил и свое попечение. Потому не сказал: не много учителей, но: не отцов. Таким образом он не хотел ни указывать им на свое достоинство, ни напоминать, как много они получили от него пользы, но согласившись, что и другие учители много потрудились для них, – а таково свойство наставника, – преизбыток любви усвояет себе, так как это свойство отца. И не говорит только, что никто так не любит их, как он, – это было бы недоказательно, – но указывает и на самое дело. Какое? "**Я родил вас во Христе Иисусе благовествованием**". Во Христе Иисусе: я, говорит, не приписываю этого себе самому. Опять намекает на тех, которые присвояли учение себе самим. "**Ибо печать**", говорит, "**моего апостольства – вы**" (1Кор.9:2); и еще: "**я насадил**" (3:6); а здесь: "**я родил**". Не сказал: я возвестил слово, но: "**я родил**", употребив выражение близкое к природе, так как он старался об одном, как бы выразить любовь, которую питал к ним. Те, приняв от меня, воспитали вас; а то, что вы стали верующими, произошло чрез меня. Сказав им: "**как детей**", и желая показать, что это не слово лести, он указывает на дело. "**Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу**" (ст.16). О, какое дерзновение учителя! Каким верным он был образом (Христа),

если и другим указывает на это! Впрочем, здесь он не превозносит себя, но показывает легкость добродетели.

3. Не говори: я не могу подражать тебе; ты – учитель, и великий учитель. Не такое расстояние между мной и вами, какое между мной и Христом, и однако я подражал Ему. Когда он пишет к ефесеям, то не предлагает в посредники себя самого, но прямо руководит всех их к Нему: "**подражайте**", говорит, "**Богу**" (Еф.5:1); а здесь, так как обращал речь свою к немощным, представляет посредствующим себя самого. С другой стороны показывает, что и таким образом можно подражать Христу. Кто подражает верному образу, тот подражает первообразу. Посмотрим же, как он подражал Христу. Это подражание не требует ни времени, ни искусства, но одного желания. Вошедши в мастерскую живописца, мы не в состоянии подражать его картине, хотя бы тысячу раз смотрели на нее; а Христу можно подражать даже по одному слуху. Итак, хотите ли, я покажу вам картину, изобразив пред вами жизнь Павла? Представьте картину, которая гораздо лучше царских изображений. Основание ее – не склеенные доски и не натянутое полотно, а дело Божие служит ей основанием; это – душа и тело. Душа есть творение Бога, а не людей; равно также и тело. Вы рукоплещете? Но теперь не время рукоплесканий, а после можете и рукоплескать и подражать. Таким образом основанием этой картины служит вещество общее для всех. Душа от души нисколько не отличается, как душа, но от желания зависит их различие. Как тело от тела нисколько не отличается, как тело, но оно одинаково у Павла и у всех других, и только подвиги делают одно чище другого, так надобно думать и о душе. Итак, представнм картину – душу Павла. Эта картина была прежде закоптевшая и покрытая паутинами, – ничего ведь нет хуже вражды против Бога, – но когда пришел Преобразующий все и увидел, что она имеет такой вид не по лености и нерадению, а по неведению и потому, что не имеет цветов благочестия, – он ведь имел ревность, но красок не имел, потому что имел ревность не по разуму, – то сообщил ей цвет истины, т.е. благодать, и тотчас же сделал ее царским изображением. Он, принявши краски и узнав то, чего не знал, не терял времени, но тотчас же стал превосходным художником. И во-первых, глава его явилась царской, когда он проповедовал Христа; затем и все тело стало таким же, по строгости жизни. Живописцы, заключившись у себя дома, исполняют свое дело с великим тщанием и безмолвием и никому не отворяют двери; а он, выставив картину среди вселенной, где все противились ему, возмущались и беспокоили его, довершал здесь это царское изображение, и не смотрел на препятствия. Потому и говорил: "**мы сделались позорищем для мира**" (1Кор.4:9), на земле и на море, для неба и всей вселенной, для мира чувственного и духовного, – и между тем живописал свою картину. Хотите ли видеть и прочие ее части, начиная с головы? Или хотите, чтобы мы начали исчисление снизу? Посмотри же на эту статую из золота, или еще драгоценнейшую золота и достойную стоять на небе, не спаянную оловом и не прикрепленную к одному месту, но пробегающую от Иерусалима до Иллирика, достигающую Испании и как бы на крыльях носящуюся по всей вселенной. Что может быть прекраснее этих ног, прошедших всю лежащую под солнцем землю? О красоте их и пророк предвозвестил, когда сказал: "**как прекрасны ноги благовестника, возвещающего мир!**" (Ис.52:7). Видишь ли, как прекрасны ноги его? Хочешь ли видеть грудь? Приди, я покажу тебе и ее, и ты увидишь, что она светлее прекрасных ног его и даже самой груди древнего законодателя. Моисей держал каменные скрижали, а он имел внутри самого Христа, носил в себе образ самого Царя и очистилища; потому был честнее херувимов. Не такой голос оттуда исходил, какой отсюда; там беседа касалась большей частью предметов чувственных, а язык Павла возвещал о предметах, превышающих небеса; от очистилища произносились вещания к одним только иудеям, а от него – к целой вселенной; там – чрез вещи бездушные, а здесь – чрез добродетельную душу.

4. Он был очистилищем, светлейшим неба, сияющим не разнообразием звезд и не лучами солнечными, но имеющим внутри себя самое Солнце правды, изливавшее оттуда лучи свои. На это (чувственное) небо иногда находит облако и потемняет его, а на грудь Павла не находила никогда никакая подобная непогода, или лучше, многие непогоды и часто находили на него, но не помрачали света его, а напротив этот свет блистал среди искушений и опасностей. Потому он, находясь сам в узах, восклицал: "**для слова Божия нет уз**" (2Тим.2:9). Так всегда язык его изливал лучи и ни страх, ни опасность не помрачали груди его.Эта грудь, по-видимому, была превосходнее ног его; но и они также превосходны, как ноги, и она – как грудь. Хочешь ли видеть, как прекрасен и желудок его? Послушай, что он сам говорит о нем: "**если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего**" (1Кор.8:13). Хорошее дело не есть мяса, не пить вина и не употреблять ничего такого, чем брат твой оскорбляется, соблазняется, или смущается. "**Пища для чрева, и чрево для пищи**" (1Кор.6:13). Что может быть и прекраснее этого желудка, приученного к такому воздержанию, хранившего всякое целомудрие, умевшего поститься, алкать и жаждать? Как хорошо обученный конь, управляемый золотой уздой, так и он выступал стройно, побеждая требования природы, потому что в нем выступал Христос. А при таком целомудрии, очевидно, исчезало и всякое другое зло. Хочешь ли видеть и руки его, каковы они ныне? Или хочешь видеть, как худы они были прежде? Прежде он входил в дома и влачил (в темницу) мужей и жен, как бы имея руки не человека, но какого-нибудь дикого зверя (Деян.8:3); а когда принял цветы истины и достиг духовной опытности, тогда эти руки были уже не человеческие, но духовные, имевшие на себе узы каждый день; они уже не наносили ударов никому и никогда, но сами тысячу раз подвергались ударам. Этих рук даже устыдилась некогда эхидна: они были уже не человеческие руки; поэтому она и не причинила им вреда (Деян.28:3-6). Хочешь ли видеть плечи его, столь же прекрасные, как и прочие члены? Послушай, что он сам говорит о них: "**от Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударовбез одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской**" (2Кор.11:24-25). Но чтобы и нам не погрузиться в беспредельную глубину и не слишком распространить речь свою, перечисляя все члены его порознь, оставим тело его и обратим взоры на другую красоту, – на красоту одежд его, которых боялись злые духи, и потому бежали от них, от которых исцелялись и болезни (Деян.19:12). Где ни являлся Павел, все уступало и покорялось ему, как бы победителю вселенной. Подобно тому, как получившие на войне множество ран, увидев оружие нанесшего им раны, трепещут, так и злые духи, увидев только полотенца его, отступали. Где теперь богатые и гордящиеся своим имуществом? Где исчисляющие свои достоинства и драгоценные одежды? Сравнив себя с Павлом, они увидят, что все их сокровища – грязь и помет. И что я говорю об одеждах и золотых вещах? Если бы кто предложил мне во власть целую вселенную, то один ноготь Павла я почел бы важнее такой власти, бедность его выше всякой роскоши, бесчестие – всякой чести, наготу – всякого богатства, заушение священной его главы – всякого удовольствия, брошенные в него камни – всякой диадемы. Будем и мы, возлюбленные, желать себе такого же венца; и хотя теперь нет гонения, однако будем приготовлять себя к тому. И он сделался славным мужем не от одних гонений: "**порабощаю тело мое**", говорил он (1Кор.9:27); а это можно делать и без гонений. Также "**попечения о плоти**", увещевал он, "**не превращайте в похоти**" (Рим.13:14); и еще: "**имея пропитание и одежду, будем довольны тем**" (1Тим.6:8); а для этого не нужно гонений. Богатых же он вразумляет так: "**желающие обогащаться впадают в искушение**" (1Тим.6:9). Потому если мы будем таким образом упражняться и подвизаться, то будем увенчаны и, хотя бы и не было гонения, получим за то великие награды; а если станем утучнять тело свое и проводить жизнь свойственную свиньям, то и во время мира впадем во многие грехи и подвергнемся стыду. Разве ты не знаешь, с кем у нас брань? С силами бестелесными (Еф.6:12). Как же мы одолеем их, будучи плотскими?

Если сражающийся против людей имеет нужду в благоразумном воздержании, то тем более – против злых духов. Если же мы при своей тучности будем еще привязаны к богатству, то как одолеем этих противников? Богатство – это узы, тяжкие узы для неумеющих пользоваться им, это жестокий бесчеловечный тиран, направляющий все к погибели раболепствующих ему. Но, если мы захотим, то можем низвергнуть с престола тяжелую власть этого тирана и заставить его повиноваться нам, а не повелевать нами. Каким же образом? Если будем разделять свое богатство всем. Доколе оно находится наедине с нами, то, как бы какой разбойник в пустыне, причиняет всякого рода зло; а когда мы выводим его в общество людей, то оно уже не может повелевать нами, потому что тогда все со всех сторон обуздывают его.

5. Не то я говорю, чтобы иметь богатство было грешно, грех – не разделять его бедным и худо пользоваться им. Бог не сотворил ничего худого, но "**все хорошо весьма**" (Быт.1:31); следовательно и богатство – добро, но тогда, когда оно не завладевает имеющими его, когда оно избавляет ближних от бедности. Как свет не был бы добром, если бы не прогонял мрака, но еще увеличивал его, так и богатство я не назову добром, если оно не избавляет от бедности, но умножает бедность. Богат тот, кто не нуждается брать у других, но сам помогает другим; а кто старается брать у других, тот не богат, но беден. Таким образом не богатство есть зло, а бедственное настроение души, обращающее богатство в бедность. Такие люди несчастнее просящих (милостыню) в переулках, слепых и увечных; облекаясь в шелковые и светлые одежды, они презреннее одетых в рубища; выступая гордо на торжище, они беднее скитающихся по перекресткам, входящих во дворы и там вопиющих и просящих помощи. Эти последние прославляют Бога и изрекают слова милости и великого любомудрия; потому мы и оказываем им сострадание, простираем руку (помощи) и никогда не осуждаем. А недобрые богачи изрыгают слова жестокости и безчеловечия, любостяжания и сатанинских похотей; потому они для всех ненавистны и смешны. Посмотри, что у всех людей считается постыдным – от богатых ли брать, или от бедных? Конечно, от бедных. А это и делают богатые, которые никогда не пойдут к более богатым. Бедные же берут от богатых; нищий не станет просить у нищего, но у того, кто достаточнее его; а богатый требует от бедного. Притом, скажи мне, что почтеннее – брать ли от дающих добровольно и расположенных к тому, или требовать и вынуждать нежелающих? Конечно, не вынуждать нежелающих. А богатые поступают напротив. Бедные получают от дающих добровольно и расположенных к тому, богатые же от нежелающих и противящихся; а это и есть доказательство большой бедности (их самих). Если и на обед никто не решится идти, когда приглашающий не будет иметь расположения к приглашаемому, то хорошо ли брать имущество другого с принуждением? Не потому ли мы отвращаемся и убегаем от лающих псов, что они неотступно нападают на нас? То же делают и богатые. Разве почетнее, когда к потере имущества прпсоединяется еще страх? Это хуже всего. Потому употребляющий все меры к приобретению имущества не смешнее ли всех? Из страха мы часто и псам бросаем все, что имеем в руках. Притом что постыднее, скажи мне, просить ли одетому в рубище, или облеченному в шелковые одежды? Когда какой-нибудь богач держит у себя престарелых бедных, чтобы овладеть их имуществом, тогда как у них еще есть дети, то достоин ли он прощения? Если хотите, обратим внимание на самые слова, какие произносит богач, требуя себе чего-нибудь, и какие – бедные. Что же говорит бедный? Подающий милостыню, говорит он, никогда не оскудеет, потому что подает из Божьего достояния; Бог человеколюбив и воздаст больше. Все это – слова любомудрия, вразумления и совета; они внушают тебе взирать на Владыку и избавляют тебя от страха будущей бедности; вообще много назидательного всякий может заметить в словах нищих. А каковы речи богатых? Свойственные свиньям, собакам, волкам и другим животным. Одни из них рассуждают о трапезах, о блюдах, о сластях, о винах, о благовониях, об одеждах и всякого рода излишествах; другие – о процентах и закладах, о составлении заемных писем и

уплате неисчетного множества долгов, получивших начало еще при отцах и дедах, об отнятии у одного – дома, у другого – поля, у иного – слуги и всего его имущества. Что сказать о духовных завещаниях, писанных не чернилами, а кровью? Представив неизбежную опасность, или сделав какие-нибудь обольстительные обещания тем, у кого видят несколько имущества, они убеждают устранить всех прямых наследников, часто угнетаемых бедностью, и вместо того вписать их самих. Не хуже ли это всякого неистовства и свирепости диких зверей? Потому, увещеваю вас, будем убегать всякого такого богатства, покрытого стыдом и убийствами, а приобретать богатство духовное, искать сокровищ небесных. Кто имеет эти сокровища, тот только богат, тот достаточен, тот владеет всеми здешними и тамошними благами. Кто хочет быть бедным по слову Божию, для того бывают отворены двери всех, – потому что человеку, не ищущему никаких стяжаний для Бога, всякий уделит от своего; а кто хочет получить неправедно хотя немногое, для того бывают заключены двери всех. Потому, чтобы нам иметь и здешние п тамошние блага, изберем сокровища непогибающие и богатство бессмертное, которого и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа (с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 14

"Для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе" (1Кор.4:17).

1. Посмотри и здесь, как доблестна душа (Павла), как она пламеннее и живее огня. Он хотел сам придти к коринфянам, находившимся в тяжкой болезни и смятении, потому что хорошо знал, как полезно было ученикам присутствие его и каким вредом сопровождалось его отсутствие. Первое он выразил в послании к филиппийцам, когда сказал: "**не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего, со страхом и трепетом совершайте свое спасение**" (Флп.2:12); а последнее выражает в настоящем послании, словами: "**как я не иду к вам, то некоторые у вас возгордились, но я скоро приду**" (ст.18). Он хотел и спешил сам придти; но так как сделать это было еще невозможно, то вразумляет их обещанием своего прибытия, и кроме того отправлением ученика: "**для сего**", говорит, "**я послал к вам Тимофея**". Для сего. А почему? Потому что я пекусь о вас, как о детях, как родивший вас. Далее в послании описывает личность его: "**моего возлюбленного и верного в Господе сына**". Этими словами выражает свою любовь и вместе располагает их – с уважением принять его. Не просто: верно, но: о Господе, т.е. в делах Господних. Если быть верным в житейских делах – похвально, то тем более – в духовных. Если же он был сын его возлюбленный, то представь, как велика была любовь Павла, когда он решился разлучиться с ним для коринфян. Если он верен, то устроит дела безукоризненно. "**Который напомнит вам**". Не сказал: научит, чтобы они не огорчились, как бы долженствующие учиться у него; потому и в конце послания сказал о нем: "**ибо он делает дело Господне, как и я**" (1Кор.16:10), и потому никто пусть не унижает его. Между апостолами не было зависти, но одно они имели в виду – домостроительство Церкви; и хотя бы действовавший был менее других, они со всем усердием содействовали ему. Потому он не удовольствовался словами: воспомянет вам, но простирает далее слово, стараясь уничтожить в них зависть, так как Тимофей был молод, – почему и присовокупляет: пути моя. Не свои пути, но моя, т.е. распоряжения, опасности, обычаи, законы, учреждения, правила апостольские и все прочее. После того как сказал: наготуем и страждем и скитаемся, говорит: он напомнит вам и это все и законы Христовы, чтобы уничтожить ереси. Далее, устремляя слово свое выше, присовокупляет: яже о Христе; по обычаю своему приписывает все Владыке, и тем утверждает достоверность последующего; потому и продолжает: "**как я учу везде во**

всякой церкви" (4:17). Ничего я не говорил вам нового; это подтвердят и все прочие церкви. О путях своих говорит, что они о Христе, выражая, что они не имеют в себе ничего человеческого, и что он совершает все при помощи свыше. Сказав это и вразумив их, он, желая приступить к обличению кровосмесника, опять изрекает слова, исполненные гнева, не потому, чтобы сам был в таком состоянии, но чтобы исправить их, и притом, оставив кровосмесника, обращает речь свою к другим, не удостаивая его даже слов своих, как и мы поступаем с слугами, которые слишком оскорбили нас. Сказав: послах к вам Тимофеа, и опасаясь, чтобы они оттого не сделались более беспечными, смотри, что он говорит: "**как я не иду к вам, то некоторые у вас возгордились**". Здесь касается и их и некоторых других, желая низложить их высокомерие. Действительно, предаваться гордости во время отсутствия учителя, это грех властолюбия. Обращая речь ко всем другим, смотри, как он пристыжает их; а обращаясь к виновным, выражается гораздо сильнее. Тем говорит: "**всеми попираемый**", и вразумляет их словами: "**яне к постыжению вашему пишу сие**": а этим говорит: "**как я не иду к вам, то некоторые у вас возгордились**", выражая, что гордость свойственна детскому рассудку, потому что и дети делаются более беспечными в отсутствие учителя. Таким образом открывается и то, что для исправления их достаточно его присутствия.

2. Как присутствие льва приводит в страх всех животных, так и присутствие Павла – развращающих Церковь. Потому он и продолжает: "**но я скоро приду к вам, если угодно будет Господу**" (ст.19). Но сказать одни эти слова значило бы употребить угрозу; а указать на самое дело, обещать, что он потребует с них отчета, это свойственно великой и мудрой душе; потому он и присовокупляет следующее: и уразумею не слово разгордевшихся, но силу. Гордость их была следствием не собственных их достоинств, но отсутствия учителя, что и было знаком низкого расположения их души. Потому сказав: "**послал Тимофея**", он не тотчас прибавил: приду, но наперед обличил их в гордости, а потом и сказал: приду. Если бы он сказал это прежде обличения, то это было бы скорее оправданием его в том, будто он сам не хочет придти, нежели угрозой, и самое обещание было бы не так несомненно; а теперь, сказав это после обличения, он сделал прибытие свое достоверным и страшным. И заметь, как он тверд и осмотрителен. Не просто говорит: приду, но: "**если угодно будет Господу**"; не назначает определенного времени, – так как он мог и замедлить, – чтобы неизвестностью поддержать в них бдительность; и чтобы с другой стороны они не сделались от того беспечными, присовокупляет: скоро. "**И испытаю не слова возгордившихся, а силу**". Не сказал: не посмотрю ни на мудрость, ни на мнения, но что? – не слово, и этим выражением то унизил, то возвысил. Доселе он обращает речь свою к другим, защищавшим кровосмесника; а если бы говорил к нему самому, то не сказал бы – силу, но – дела, которые у него были развратны. Почему же ты не ищешь слова? Не потому, что я скуден в слове, но потому, что наше дело в силе. Как на войне одерживают верх не много говорящие, но много делающие, так и здесь победа принадлежит не говорящим, но действующим. Ты гордишься, говорит, красноречием; если бы теперь было поприще и время риторов, то ты справедливо мог бы гордиться им; но так как теперь время апостолов, возвещающих истину и подтверждающих ее знамениями, то для чего ты гордишься делом излишним, ничего незначущим и не могущим принести в настоящем никакой пользы? Может ли красноречие послужить к воскрешению мертвого, к изгнанию злых духов, или к совершению какого-нибудь другого подобного чуда? А теперь нужно это, и чрез это утверждается наше дело. Потому и присовокупляет: "**ибо Царство Божие не в слове, а в силе**" (ст.20). Мы побеждаем, говорит, знамениями, а не красноречием, и величайшим доказательством того, что наше учение божественно и что мы возвещаем царствие небесное, представляем знамения, которые совершаем силой Духа. Таким образом, если превозносящиеся ныне хотят быть великими, то когда я прийду, пусть покажут, имеют ли они такую же силу, а не выставляют мне пышность красноречия, потому что это искусство не служит нам ни к

чему. "**Чего вы хотите? с жезлом придти к вам, или с любовью и Духом кротости?**" (ст.21). Эти слова заключают в себе много страшного и много кроткого. Когда он говорил: испытаю, то еще удерживал себя; а теперь, когда говорит: "**что хотите? С жезлом прийти к вам?**" – он восходит на седалище учителя и оттуда говорит с полной властью. Что значит: с палицей? Для наказания, для мучения, т.е. чтобы умертвить, или ослепить, как поступил Петр с Сапфирой (Деян.5:9), или как он сам с волхвом Елимой (Деян.13:11). Здесь он уже говорит не сравнивая себя с ними, но властно. И во втором к ним послании он выражает то же самое, когда говорит: "**вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне**" (2Кор.13:8). "**С жезлом ли придти, или с любовью?**" А придти с палкой разве не было знаком любви? Да, было знаком любви; но сильно любящий не легко склоняется на наказание; потому он так и говорит. Потому, говоря о наказании, он не выразился: Духом кротости, но: жезлом, хотя и это было делом Духа, – так как есть Дух кротости и Дух крепости, – но он не желает называть Его таким образом, а приписывает Ему дела более кроткие. Потому и Бог, хотя посылает наказания, но чаще называется милосердым, долготерпеливым, богатым милостью и щедротами, а наказующим называется один или два раза, вообще очень редко п притом тогда, когда требует того необходимость. И посмотри на мудрость Павла: имея у себя власть, он предлагает им на выбор то и другое, и говорит: что хощете? – от вас это зависит. От нас зависит и то и другое, – попасть в геену, или получить царствие, – потому что так желает Бог. Вот, говорит Он, огонь и вода: "**на что хочешь, простреш руку твою**" (Сир.15:16); и еще: "**если захотите и послушаетесь, то будете вкушать блага земли; если же отречетесь, то меч пожрет вас**" (Ис.1:19-20).

3. Но, может быть, скажет кто-нибудь: я хочу; и нет никого настолько безумного, чтобы не хотеть; но хотение не приносит мне достаточной пользы. Нет, оно принесет пользу, если ты будешь хотеть, как должно, и действовать сообразно с хотением; а теперь ты не совсем хочешь. Докажем это, если угодно, некоторыми примерами. Скажи мне: кто хочет жениться, тот довольствуется ли одним хотением? Отнюдь нет; он приглашает свах, просит друзей посмотреть вместе с ним невесту, собирает деньги. Также купец не сидит дома, довольствуясь одним хотением торговать, но и нанимает корабль, приглашает кормчих и гребцов, занимает серебро, разведывает о месте торговли и цене товаров. Не безрассудно ли в делах земных оказывать такое усердие, а для приобретения неба довольствоваться одним хотением, или, лучше, не иметь и хотения в надлежащей степени? Ведь кто хочет, как должно, тот принимается и за дела, ведущие к тому, чего он хочет. Когда голод принуждает тебя искать пищи, ты не ожидаешь, чтобы пища пришла к тебе сама собой, но употребляешь все меры к отысканию пищи; также в случае жажды, холода и всех подобных обстоятельств ты бываешь деятелен и готов позаботиться о теле. Поступай также и по отношению к царствию небесному, и непременно достигнешь его. Для того Бог и сотворил тебя с свободной волей, чтобы ты впоследствии не обвинял Бога, как бы связавшего тебя необходимостью. А ты тем именно и недоволен, что составляет честь твою? Я слышал многих, говоривших: для чего Бог сотворил меня самовластным в добродетели? Но как возвести на небо тебя дремлющего, спящего, преданного порокам, роскоши и чревоугодию? Ты и там не отстал бы от пороков. Если и теперь, когда положена угроза, ты не перестаешь грешить, то тогда, когда бы Он предназначил тебе в награду небо, оставил ли бы ты свою беспечность и не сделался ли бы гораздо хуже? Не можешь сказать и того, будто Бог показал блага, но не подал помощи к их достижению; напротив, Он обещал тебе великую помощь. Но, скажешь, добродетель трудна и тяжела, а порок сопровождается многими удовольствиями; последний путь широк и пространен, а первый тесен и прискорбен. А всегда ли, скажи мне, это было так? Было ли так в начале? И ты сам против воли говоришь о добродетелп то, что говоришь: так убедительна истина! Если бы пред тобой были два пути, один ведущий в пещь, а другой – в рай, и ведущий в пещь был широк, а ведущий в рай – тесен, который путь скорее избрал бы ты? Сколько бы

ты ни старался возражать, но несомненной истине не можешь противоречить, как бы ни был бесстыден. Впрочем постараюсь из предметов, находящихся у нас под руками, доказать, что скорее тот путь достоин избрания, который имеет трудное начало, а не конец. Возьмем для примера, если хотите, искусства; в них начало исполнено труда, а конец – пользы. Но, скажешь, никто не примется за искусство без принуждения; молодой человек, сделавшийся господином себя самого скорее изберет – в начале предаваться удовольствиям, а в конце терпеть бесчисленные бедствия, нежели трудиться в начале, а потом собирать плоды трудов. Значит, такой выбор есть дело сиротливого мышления и детской беззаботности, а выбор противоположный – благоразумия и мужеской зрелости. Так и мы, если бы по уму не были детьми, то уподоблялись бы не безрассудному сироте, но сыну, руководимому отцом. Потому мы должны оставить детское суждение, а не слагать вину на самые предметы, и приставить к своей совести возницу, который бы не дозволял нам предаваться чревоугодию, а заставлял бы простираться вперед и подвизаться. Не нелепо ли – детей насильно принуждать заниматься предметами, имеющими трудное начало, и полезный конец, а самим нам вести себя противно тому в отношении к предметам духовным? Между тем в житейских делах совершенно неизвестно, будут ли они еще иметь хороший конец. Преждевременная смерть, бедность, клевета, перемена обстоятельств и многое другое подобное часто после многих трудов оставляют без плодов; а если трудящиеся и не лишаются всего, то собирают не большие плоды, потому что в настоящей жизни все подвержено разрушению. А мы и здесь стремимся не за пустыми и скоропреходящими вещами, и не боимся конца, но еще большая и несомненнейшая надежда остается нам по отшествии из настоящей жизни. Потому какое прощение, какое оправдание могут иметь те, которые не хотят трудиться для добродетели? Но, спросишь еще, для чего путь добродетели тесен? Как? В земные царские чертоги ты не позволяешь входить никому из прелюбодеев, пьяниц и развратников, а на небо хочешь открыть путь людям, преданным распутству, роскоши, пьянству, корыстолюбию и всем порокам? Достойно ли это какого-нибудь прощения?

4. Не то я говорю, скажешь ты, но почему не широк путь добродетели? Нет, если захотим, то и очень удобен. Что в самом деле удобнее, скажи мне, подкопать ли стену и, похитив чужую собственность, сидеть потом в темнице, или, довольствуясь своей собственностью, быть свободным от всякого страха? Но еще не все я сказал. Что удобнее, скажи мне, отнять ли у всех собственность и, насладившись этой малостью в течение краткого времени, страдать и мучиться вечно, или, пожив краткое время в праведной бедности, блаженствовать потом непрестанно? Мы пока не говорим, что полезнее, но что удобнее.

Что же лучше – видеть ли приятное сновидение, а на самом деле мучиться, или, увидев неприятное сновидение, на самом деле блаженствовать? Очевидно, что последнее. Почему же, скажи мне, ты называешь добродетель тяжкой? Тяжка она для нашей лености, а сама по себе легка и удобна, – о чем, послушай, как говорит Христос: "**ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко**" (Мф.11:30). Если ты не чувствуешь ее легкости, то, значит, ты не имеешь крепкого усердия. Как при усердии тяжелое бывает легким, так без него и легкое – тяжелым. Что может быть, скажи мне, приятнее и беструднее пищи из манны? Но иудеи роптали, употребляя такую пищу (Числ.11:6). Что мучительнее голода и других бедствий, которые терпел Павел? Но он восхищался, радовался и говорил: "**ныне радуюсь во страданиях моих**" (Кол.1:24). Что же тому причиной? Различие (душевного) расположения. Если ты настроишь душу свою, как должно, то почувствуешь легкость добродетели. Следовательно, скажешь ты, она бывает такой от расположения людей? Не от одного только расположения, но она такова и по существу своему. Если бы добродетель всегда была трудна, а порок всегда легок, то иной из падающих справедливо мог бы сказать, что последний легче первой; если же только в начале первая тяжела, а последний приятен, а после та и другой напротив, бесконечные же последствия первой

приятны, а последнего – тяжки, то, скажи мне, что из них скорее можно избрать? Почему же многие не избирают удобного? Потому, что одни не веруют, а другие, хотя и веруют, но имеют развращенную волю и избирают удовольствие временное вместо вечного. Легко ли и это? Не легко, но они делают это по немощи души своей. Как больные горячкой требуют холодного питья не потому, что приятнее несколько времени чувствовать удовольствие, нежели постоянно быть в жару, но потому, что не могут воздержаться от безрассудного желания, – так и они. Между тем, если бы кто, предлагая им удовольствие, предлагал вместе н наказание, то и они не решились бы на это. Видишь ли, как не легок и порок? Если хочешь, объясни это самым делом. Что приятнее, скажи мне, и удобнее? Впрочем опять замечу, что мы будем судить о предметах не по желаниям многих людей, так как не суждениями больных, но здоровых надобно руководствоваться в этом случае, и, хотя бы ты представил мне тысячи людей, страдающих горячкой и желающих противного здоровью, несмотря на то, что после придется им терпеть мучение, я не одобрю их решения. Что же удобнее, скажи мне, желать ли большого богатства, или быть выше такого желания? Мне кажется, что последнее удобнее; если же ты не веришь, то обратимся к опыту. Представим, что один желает многого, а другой – ничего. Кто из них, скажи мне, лучше и почтеннее?

5. Впрочем оставим это; несомненно, что последний почтеннее первого; не об этом мы теперь ведем речь, но о том, кто из них живет удобнее и приятнее? Корыстолюбец не пользуется тем, что имеет, так как к чему он питает любовь, того не решится издержать, но скорее согласится рассечь себя самого и отдать тело свое, нежели золото; а презирающий богатство имеет по крайней мере то преимущество, что он просто и с полной свободой пользуется своей собственностью и ставит себя выше ей. Что же приятнее – свободно ли пользоваться своим имуществом, или, проводя жизнь под властью богатства, не сметь даже прикоснуться ни к чему из своей собственности? Это мне кажется подобным тому, как если бы два мужа, имеющие жен и сильно любящие их, были в различных к ним отношениях: один мог бы находиться вместе и беседовать с женой, а другой не смел бы даже подойти к ней близко. Скажу и еще нечто в доказательство, как приятна жизнь одного и неприятна другого. Корыстолюбец никогда не оставит своей страсти, не потому только, что невозможно завладеть имуществом всех, но и потому, что, сколько бы он ни имел, он считает себя неимеющим ничего; а презирающий богатство считает все излишним и не мучит свою душу беспредельными желаниями. Ничто не причиняет столько мучения, как желание, не получающее удовлетворения; это более всего и служит доказательством развращения воли. Желающий богатства и приобретший многое, как известно, считает себя как бы неимеющим ничего; что же может быть тревожнее такой болезни? И не только это дурно, но и то, что имея, он, по-видимому, не имеет того, что имеет, и страдает, как бы неимеющий; чем более он приобретает, тем более мучится; если получил сто талантов, скорбит, что не получил тысячи; если получил тысячу, досадует, что не десять тысяч; если получил десять тысяч, терзается, что не в десять раз более, – так что большее приобретение обращается для него в сильное приращение его мучений, потому что чем больше он получает. тем большего желает. Таким образом чем более он приобретает, тем становится беднее; ведь кто желает все большего, тот становится все беднее. Когда он имеет сто талантов, он еще не слишком беден, потому что желает тысячи; когда получит тысячу, то становится более бедным, потому что, по его мнению, нуждается уже не в тысяче, как прежде, а в десяти тысячах. Если же самое желание без удовлетворения ты назовешь удовольствием, то я скажу, что ты мне кажешься совершенно не знающим свойства удовольствия. Это не удовольствие, а мучение; объясним опять и это другими примерами. Когда мы чувствуем жажду и потом принимаем питье, то не потому ли получаем удовольствие, что утоляем жажду, и не потому ли питье доставляет нам удовольствие, что освобождает нас от великого мучения, т.е. от желания пить? Это очевидно для всякого. Если бы мы оставались всегда с этим

желанием, то были бы в состоянии мучения не менее того богача, который видел Лазаря; для него было наказанием то, что он, сильно желая хотя малой капли воды, не получал ее ни от кого (Лк.16:24). Так и сребролюбцы, кажется мне, мучатся непрестанно, подобно этому богачу, просившему капли воды и не получившему ее; душа их горит в огне даже более, нежели его душа. Хорошо некто сравнил сребролюбцев с страдающими водяной болезнью. Как те, чем более имеют воды в своем теле, тем более чувствуют жажду, так и сребролюбцы, имея много, желают большего. А причиной то, что как у тех вода находится не в надлежащем месте, так и у них желание не в надлежащих пределах. Будем же избегать этой странной и опасной болезни, будем избегать этого корня зол, будем избегать этой настоящей геенны; ведь желание таких людей – это геенна. Раскрой душу того и другого, не презирающего богатство и презирающего, и ты увидишь, что первый подобен беснующимся, потому что не хочет ничего ни видеть, ни слышать, а последний подобен тихой пристани, не возмущаемой волнами, и есть друг всех, тогда как тот – враг всех. Если кто у него отнимет что-нибудь, он не печалится, а если кто опять даст ему что-нибудь, он не тщеславится, но сохраняет всегда какую-то свободу, сопровождающуюся совершенным спокойствием; тот принужден и льстить и лицемерить пред всеми, а он – ни перед кем. Если же сребролюбец и беден, и жалок, и неправдив. и лицемерен, и подвержен страху, наказанию и великому мучению, а презирающий богатство находится совершенно в противоположном состоянии, то не очевидно ли, что добродетель приятнее? Можно было бы доказать примерами и других пороков, что никакой порок не заключает в себе удовольствия, если бы мы выше не сказали многого. Итак, зная это, будем предпочитать добродетель, чтобы нам и здесь иметь удовольствие, и сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 15

"Есть верный слух, что у вас [появилось] блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого не слышно даже у язычников, что некто [вместо] [жены] имеет жену отца своего. И вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело" (1Кор.5:1-2).

1. Когда апостол беседовал (с коринфянами) об их разделении, то не тотчас начал речь обличительную, но наперед говорил с ними кротко, а потом уже перешел к обличению, сказав: "**ибо от [домашних] Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры**" (1Кор.1:11). А здесь не так, но тотчас же высказывает обличение, и силу укоризны направляет, сколько возможно, против всех. Не говорит: почему такой-то предается прелюбодеянию? – но: "**у вас [появилось] блудодеяние**", чтобы они, считая себя совершенно свободными от обвинения, не остались невнимательными, но видели бы, что все их общество подлежит обличению и вся их церковь несвободна от обвинения, и оттого были бы ревностны в благочестии. Никто не скажет, говорит, что такой-то предался прелюбодеянию, но что в коринфской церкви совершилось преступление. Не говорит: дерзают на прелюбодеяние, но: "**есть верный слух, какого не слышно даже у** язычников". Он часто примером язычников укоряет верующих; так в послании к фессалоникийцам говорит: "**чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения, как язычники**" (1Фес.4:4-5): также к колоссянам и ефесеям: "**чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы**" (Еф.4:17). Если им непростительно грешить одинаково с язычниками, то превосходить язычников в этом отношении, скажи мне, как это считать? У них, говорит, не только не совершается что-нибудь подобное, но ниже именуется. Видишь ли, как он оценивает это преступление? Если они допускают такой род безнравственности, какого не только не делают, но и не знают неверные, то невыразима

великость их греха. Слово: в вас употреблено здесь с особенной силой, т.е. у вас верующих, сподобившихся таких таинств, получивших неизреченные блага, призванных к небу. Видишь ли, какого негодования, какого гнева против всех исполнены его слова? Если бы он не чувствовал большого гнева, то и не обращал бы речи своей ко всем, а сказал бы так: я слышал, что такой-то предается прелюбодеянию; накажите его. Но теперь не так, а направляет речь против всех. Если бы они предварительно написали ему об этом, то он выразился бы таким образом; но так как они не только не писали, по еще прикрывали грех, то он употребляет более сильный образ речи. "**Что некто имеет жену отца своего**". Почему он не сказал: некто прелюбодействует с женой? Он ставил на вид нечто слишком постыдное; потому сказал об этом с некоторой стыдливостью, как объяснено нами выше, но вместе чрез это самое опять выразил важность преступления, показав, что у них совершается нечто такое, чего Павел не позволяет себе даже назвать прямо. Потому и далее он употребляет такой же образ речи: "**сделавший**", говорит, "**такое дело**"; опять стыдится и не позволяет себе сказать прямо, подобно тому, как и мы имеем обыкновение делать касательно слишком низких поступков. Не говорит: мачеху, но: жену отца, чтобы сильнее тронуть их. Когда самые названия достаточны для обличений, тогда он употребляет их, не прибавляя ничего другого. Не возражайте мне, говорит, что один только прелюбодействует; нет, это – грех общий всем. Потому и продолжает: "**и вы возгордились**". Не сказал: таким грехом, – это было бы безрассудно, – но учением его (грешника). Впрочем, не выразил этого ясно, но опустил посредствующую мысль, чтобы сильнее тронуть их. И посмотри на благоразумие Павла. Он наперед низложил внешнюю мудрость и показал, что она ничтожна сама по себе, хотя бы не соединена была с грехом, а потом уже говорит и о грехе. Если бы он доказал величие духовных дарований сравнительно с кровосмесником, который, может быть, отличался внешней мудростью, то не сделал бы ничего важного; но, низложив ее без отношения к греху и показав, что она ничтожна сама по себе, он доказал крайнюю ее негодность. Потому он наперед произнес о ней такое суждение, а потом уже стал говорить о грехе. Впрочем, он не удостоивает своей беседы его (кровосмесника), – чем выражает чрезмерное бесчестие его поступка, – но говорит другим, что им следовало бы плакать, рыдать и стыдиться; а вы, говорит, поступаете напротив; потому и присовокупляет: "**и вы возгордились, вместо того, чтобы лучше плакать**". О чем, скажут, нам плакать? О том, что нарекание навлечено на церковное общество. А для чего нам плакать? "**Дабы изъят был из среды вас**" таковый. Не называет его по имени здесь, или лучше – нигде, подобно тому, как мы обыкновенно делаем касательно предметов слишком постыдных. Не сказал: вы не отвергли его, но, как бы говоря о какой заразительной болезни, когда бывает нужно плакать и усердно молиться, выражается: "**дабы изъят был**"; следует и молиться, и употреблять все меры к тому, чтобы он был отлучен от вас. Не за то осуждает их, что они не уведомили его об этом, но за то, что они не плакали, "**дабы изъят был**", выражая, что и без учителя им следовало бы сделать это по причине важности преступления. "**А я, отсутствуя телом, но присутствуя [у вас] духом**" (1Кор.5:3).

2. Посмотри на ревность его: не позволяет дожидаться его прибытия и по принятии его наказать кровосмесника, но как бы желая прекратить какую-нибудь заразу, прежде нежели она проникла во все тело, старается обуздать его. Потому и продолжает: "**уже решил, как бы находясь у вас**". Сказал это не только для того, чтобы побудить их к исполнению приговора и не думать ни о каком другом решении дела, но и устрашить тем, что ему известно все, имеющее там происходить и обсуждаться. Это и означает выражение: быть духом, подобно как Елиссей говорил, что он был вместе с Гиезием: "**разве сердце мое не сопутствовало тебе**" (4Цар.5:26)? Вот какова сила духовного дарования: оно доставляет возможность быть вместе всем в одно время, и сообщает способность знать отдаленное! "**Уже решил, как бы находясь у вас**". Не дозволяет им помышлять о чем-нибудь другом; я уже положил, говорит, как бы находясь у вас; не

представляйте мне отговорок и промедлений; ничего другого не должно быть. А чтобы власть его не показалась слишком великой и чтобы слова его не были приняты за выражение гордости, смотри, как он делает и их участниками суда. Сказав: решил, он продолжает: "**сделавшего такое дело, в собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа, обще с моим духом, силою Господа нашего Иисуса Христа, предать сатане**" (ст.3-5). Что значит: о имени Господа нашего Иисуса Христа? Значит – о Боге, руководствуясь не человеческим суждением. Некоторые читают это место так: "**сделавшего такое дело во имя Господа нашего Иисуса Христа**", и поставив здесь точку или запятую, продолжают читать далее: "**в собрании вашем, обще с моим духом, предать сатане**", давая этому чтению такой смысл: сделавшего такое дело во имя Христа предайте сатане, т.е. оскорбившего имя Христово, бывшего верным и называющегося таким именем и между тем дерзнувшего на такое дело, предайте такового сатане. Но мне кажется более истинным первое чтение. Какое? "**В собрании вашем во имя Господа**", т.е. самое имя соединяет вас; о нем и соберитесь. "**И обще с моим духом**". Опять представляет им себя, чтобы они, производя суд, как бы в его присутствии, осудили кровосмесника на отлучение, и чтобы никто не осмелился признавать его достойным прощения, имея в виду, что Павел узнает происходившее. Далее прибавляет более страшные слова: "**силою Господа нашего Иисуса Христа**", т.е. или то, что Христос может даровать им силу – предать такового диаволу, или то, что Он Сам вместе с ними произнесет против него приговор. Не говорит: отдать такового сатане, но: предать, отверзая ему двери покаяния и как бы передавая его учителю. И опять: такового; нигде не позволяет себе назвать его по имени. Во изможднение плоти, подобно как было с блаженным Иовом, хотя не с одинаковой целью: там для славнейших венцов, а здесь для разрешения от грехов, чтобы сатана наказал его злокачественными ранами или другой какой-нибудь болезнью. В другом месте он говорит: судимся от Господа, терпя это (1Кор.11:32); а здесь, желая сильнее тронуть (грешника), предает его сатане, хотя и это зависит от воли Божией, чтобы наказана была плоть его. Так как пожелания рождаются от чревоугодия и от невоздержания плоти, то он и наказывает ее. "**Чтобы дух был спасен в день Господа Иисуса**", т.е. чтобы спасена была душа, не в том смысле, чтобы она спасалась одна, но разумея ту несомненную истину, что когда она спасется, тогда и тело непременно будет участвовать в спасении. Оно сделалось смертным за ее грех; потому, если она будет праведной, то и оно опять удостоится великой славы. Некоторые под духом здесь разумеют (духовное) дарование, которое погашается нашими грехами. Чтобы этого не было, говорит, пусть он будет наказан, чтобы исправившись он сподобился благодати и оказался сохранившим ее целой в тот день. Таким образом эти слова означают более попечение и врачевание, нежели простое поражение, или напрасное и тщетное наказание: ведь польза больше наказания; это – временное, а та – вечная. И не просто говорит: "**Чтобы дух был спасен**", но: в тот день. Прекрасно и благовременно напоминает им об этом дне, чтобы и они усерднее приступили к врачеванию, и он скорее принял врачество, видя, что эти слова происходят не от гнева, но от заботливости попечительного отца. Для того он и сказал "**во изможднение плоти**": здесь он предписал законы диаволу и не позволил ему простираться далее пределов, подобно как об Иове Бог сказал: "**только душу его сбереги**" (Иов.2:6).

3. Высказав свое решение, выраженное кратко и без замедления, далее он опять обращается (к коринфянам) и употребляет обличение: "**нечем вам хвалиться**" (ст.6); показывает, что они, хвалясь им, были причиной его нераскаянности до настоящего времени. Затем объясняет, что он делает это для блага не одного только грешника, но и всех их: "**разве не знаете**", продолжает он, "**что малая закваска квасит все тесто?**". Хотя, говорит, грех – его, но, будучи оставлен без внимания, может заразить и все тело церкви, потому что, если первый согрешивший не будет предан наказанию, то скоро и другие впадут в тот же грех. Этими словами выражает, что им следует опасаться и

заботиться о всей церкви, а не об одном только члене; для того и употребляет подобие закваски. Как закваска, говорит, хотя и небольшая, изменяет собой все тесто, так и он, если останется без обличения и грех его без наказания, то заразит и прочих. "**Очистите старую закваску**" (ст.7), т.е. этого грешника; или, лучше, не о нем только говорит, но намекает и на других, потому что не только прелюбодеяние есть старая закваска, но и всякий порок. Не сказал: очищайте, но: очистите, тщательно очистите, чтобы не было ни остатков, ни тени его. Словом – очистите выражает, что между ними есть пороки; а словами: "**чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны**", ясно показывает, что зло господствует не слишком во многих. Впрочем выражение: "**так как вы бесквасны**" – означает не то, чтобы они все были чистыми, но что им должно быть такими. "**Ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас. Посему станем праздновать не со старою закваскою, не с закваскою порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины**" (ст.7-8). Так и Христос называет учение Свое закваской (Мф.13:33). Продолжая переносную речь, (Павел) напоминает им о древних событиях, о пасхе и опресноках, о благодеяниях тогдашних и нынешних, о страданиях и наказаниях.

Подлинно, настоящее время есть время праздника. Он сказал: "**станем праздновать**" не потому, чтобы тогда была пасха или пятидесятница, но чтобы показать, что для христиан всякое время есть время праздника, по преизбытку дарованных им благ. Какого в самом деле недостает блага? Для тебя Сын Божий соделался человеком, освободил тебя от смерти, призвал в царствие. Получив и получая такие блага, не должен ли ты праздновать во всю жизнь? Итак, никто пусть не скорбит в бедности, в болезни и в напастях; для нас всякое время есть время праздника. Потому Павел и говорит: "**радуйтесь всегда в Господе**"; радуйтесь, "**и еще говорю: радуйтесь**" (Флп.4:4). Во время праздников никто не одевается в нечистые одежды; так будем поступать и мы, потому что совершается брак, духовный брак. "**Царство Небесное**", говорит (Господь), "**подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего**" (Мф.22:2). А когда царь совершает брак, и брак своего сына, то что может быть более такого праздника? Потому никто пусть не входит одетым в рубище; говорим не об одеждах, а о нечистых делах. Если в то время, когда все были облечены в светлые одежды, один только, оказавшийся на браке в нечистой одежде, был изгнан с бесчестием, то подумай, какая тщательность и чистота требуются от входящих на этот брак. Впрочем, не для этого только он напоминает им об опресноках, но и желает показать сродство ветхого завета с новым и вместе объяснить, что после опресноков уже непозволительно возвращаться в Египет, а кто пожелает возвратиться, тот испытает то же, что те (израильтяне), так как бывшее с ними есть тень настоящего, хотя иудей бесстыдно отвергает это. Если спросишь его, то он не скажет ничего великого; или, лучше, наскажет много, но ничего не скажет такого, что говорим мы, потому что не знает истины. Он скажет, что египтян, удерживавших нас, Бог привел в такое положение, что они сами насильно стали гнать нас, хотя прежде удерживали, и не дали времени даже заквасить теста. Если же кто спросит меня, то услышит не о Египте и фараоне, но о свободе от демонского заблуждения и от диавольского мрака, не о Моисее, но о Сыне Божием, не о Чермном море, но о крещении, которое изобилует бесчисленными благами и в котором потопляется ветхий человек. Опять, если спросишь иудея. почему он всячески избегает закваски, то он и здесь будет молчать и не скажет причины, так как одно было у них прообразом будущего и имело свою причину в настоящем, а другое напротив было для того, чтобы удержать иудеев от пороков и чтобы они не остались навсегда при тени. Что значит, скажи мне, чтобы агнец был мужеского пола, непорочный, единолетний, и чтобы кость его не сокрушалась? Что значит повеление пригласить соседей, есть стоя, вечером, кровью помазать дом (Исх.12)? Ничего другого он не скажет на это, а только будет твердить о Египте. А я скажу, что значит кровь и что вечер, что значит, чтобы все ели вместе и стоя.

4. Наперед скажем, для чего (у иудеев) решительно изгоняется закваска. Что же это значит? Значит, что верующему надобно быть свободным от всякого порока. Как иудей погибает, если у него найдена старая закваска, так будет и с нами, если в нас будет найден порок. Ведь, если ходящих в тени постигает такое наказание, то нас не может не постигать гораздо большее. Если они так тщательно очищают свои домы от закваски, что осматривают даже мышиные норы, то тем более нам должно испытывать свою душу, чтобы извергнуть всякий нечистый помысл. Впрочем это делалось у них прежде, а теперь уже нет, – потому что везде есть закваска, где только есть иудей. Если в городах бывают опресноки, то это более шутка, нежели исполнение закона. Когда явилась истина, то прообразования уже не имеют места. Таким образом Павел и этим подобием весьма разительно отлучает кровосмесника от Церкви. Он не только, говорит, не приносит пользы своим присутствием, но и причиняет вред, заражая все тело. Когда гниение скрывается внутри и не видно, откуда происходит зловоние, тогда приписывают это всему телу. Потому апостол с особенной силой побуждает их очистить закваску: "**чтобы быть вам**", говорит, "**новым тестом, так как вы бесквасны, ибо Пасха наша, Христос, заклан за нас**". Не сказал: умер, но употребил выражение, более близкое к предмету: заклан. Потому не ищи таких же опресноков, так как и Агнец у тебя не такой; не ищи такой же закваски, так как и опресноки твои не таковы. От закваски чувственной пресное делается квасным, и квасное уже не может сделаться пресным; а здесь может быть и наоборот. Впрочем он не выразил этого ясно.

И посмотри на мудрость его: в первом послании (к коринфянам) он не подает кровосмеснику надежды на возвращение, но повелевает ему проводить всю свою жизнь в покаянии, чтобы обещанием прещения не сделать его более нерадивым; не говорит: предайте его сатане, чтобы после покаяния он опять был принят в Церковь, но что? Да спасется в последний день. Указывает на это время, чтобы сделать его рачительным; а того, что намеревался даровать ему после покаяния, не открывает, подражая своему Владыке. Как Бог сказал: "**еще три**[1] **дня и Ниневия будет разрушена**" (Ион.3:4), и не прибавил: если же покается, то спасется, так и он не сказал: если же он надлежащим образом покается, то мы крепко будем любить его; но предоставляет ему самому сделать это дело, чтобы тогда и получить благодать. Если бы он сказал так в самом начале, то отогнал бы от него страх; потому он не только не говорит этого, но подобием закваски даже не оставляет ему надежды на возвращение, а отлучает его до будущего дня: очистите, говорит, "**старую закваску**"; и еще: чтобы "**праздновать не со старою закваскою**". Когда же он покаялся, то со всей готовностью опять вводит его (в общение с Церковью). Почему он называет закваску старою? Или потому, что действительно такова прежняя наша жизнь, или потому, что старое близко к разрушению, смрадно и отвратительно, каков и есть грех. Впрочем не всегда старое порицается и не всегда новое одобряется, но смотря по предмету. Так в одном месте говорит (Писание): "**друг новый — то же, что вино новое: когда оно сделается старым, с удовольствием будешь пить его**" (Сир.9:13), похваляя более старую дружбу, нежели новую. И еще: "**воссел Ветхий днями**" (Дан.7:9); здесь также ветхость принимается в знак чести и величайшей славы. А в других местах Писание поставляет ветхость в укоризну. Так как различные предметы сочетаются различно, то оно употребляет одни и те же выражения и о предметах добрых и о предметах дурных в различных смыслах. Смотри, в одном месте оно принимает ветхость в смысле неодобрительном: "**одряхлели и уклонились от стезей своих**" (Пс.17:46); и еще: "**обветшало от всех врагов моих**" (Пс.6:8); и еще: "**состарившийся в злых днях**" (Дан.13:52). Подобным образом и закваска часто принимается в смысле Царства Небесного (Мф.13:33), а между тем здесь отвергается; там – в одном отношении, а здесь – в другом.

5. Мне кажется, что речь о закваске в особенности относится к священникам, которые терпят внутри много старой закваски, не извергая из пределов, т.е. из Церкви, любостяжателей, хищников и всего, что отлучает от царствия небесного. Подлинно, любостяжание есть старая закваска, и куда оно ни попадет, в какой дом ни вторгнется, делает его нечистым. Хотя бы ты немногое приобрел неправедно, заквасишь этим все свое состояние. Потому часто немногое, приобретенное бесчестно, ниспровергало многое, накопленное честно. Нет ничего опаснее любостяжания; хотя бы ты к своему казнохранилищу приделывал ключи, двери, запоры, напрасно будешь все делать, если запер внутрь любостяжание, этого злейшего разбойника, который может отнять у тебя все. Как же, скажешь, многие любостяжатели не подвергаются этому? Непременно подвергнутся, хотя и не вдруг; а если избегнут теперь, то тем страшнее будет тогда; они соблюдаются для большего наказания. Притом, если они сами избегнут, то наследники их испытают это. Но, скажешь, справедливо ли это? И весьма справедливо. Получивший наследство, приобретенное неправедно, хотя сам и не похищал, но владеет чужой собственностью, знает это хорошо, и потому справедливо может пострадать. Если бы ты взял что-нибудь от грабителя, а потом ограбленный пришел бы к тебе и стал требовать свое обратно, то мог ли бы ты оправдываться тем, что не ты ограбил его? Отнюдь нет. Что отвечал бы ты, скажи мне, против обвинения? Что другой отнял? Но ты владеешь. Что другой ограбил? Но ты пользуешься. Это известно и из законов внешних (языческих), которые. не касаясь похитителей и грабителей, повелевают взыскивать с тех, у кого кто найдет свою собственность. Итак, если ты знаешь обиженных, то вознагради их и сделай так, как сделал Закхей, с великим избытком (Лк.19:8): а если не знаешь, то я укажу тебе другой путь и не лишу тебя врачества: раздай все бедным, и таким образом исправишь зло. Если же иные передали такое имущество детям и внукам, то они испытали вместо одного другое зло. Но что я говорю о том, что бывает здесь? Не будет говорено об этом в тот день, когда предстанут обнаженными те и другие, и ограбленные и грабители, или лучше сказать, не одинаково обнаженными. От имущества они будут одинаково обнажены, но одни из них будут покрыты грехами, нажитыми с имуществом. Что мы сделаем в тот день, когда обиженный и лишившийся всей своей собственности предстанет пред страшным судилищем, и никто не будет защищать тебя? Что ты скажешь Судие? Теперь ты можешь обмануть суд человеческий, а тогда того суда уже – нет; или лучше, не можешь и теперь, потому что и теперь тот суд – в силе. Бог видит все совершающееся и близок к обижаемым, даже и не призываемый (Пс.114:18). Пострадавший, хотя бы он был и недостоин того, чтобы мстить за него, непременно имеет Бога мстителем за себя, потому что причиненное ему зло неугодно Богу. Как же, скажешь, такой-то нечестивец благоденствует? Но не до конца. Послушай, что говорит пророк: "**не завидуй делающим беззаконие, ибо они, как трава, скоро увянут**" (Пс.36:1-2). Где, скажи мне, хищник, переселившийся отсюда? Где его светлые надежды? Где громкое имя? Не все ли прошло? Не все ли, принадлежавшее ему, – тень и сновидение? Тоже будет и с каждым таким человеком, настоящим и будущим. Но не так бывает с святыми мужами, и об них нельзя сказать того же, т.е. что все, принадлежащее им, – тень, сновидение и мечта. Если хочешь, приведем в пример того, которого изречения пред нами, скинотворца, киликиянина, которого даже и отец неизвестен. Но возможно ли, скажешь, мне быть таким же? А ты решительно хочешь, твердо желаешь и стремишься быть таким же? Да, говоришь ты. Так иди же тем самым путем, которым шел он и другие вместе с ним. А каким они шли путем? Один говорит: "**в голоде и жажде и в наготе**" (2Кор.11:27); другой: "**серебра и золота нет у меня**" (Деян.3:6). Так они ничего не имели, и между тем всем обладали (2Кор.6:10).

6. Что может быть почтеннее этих слов? Что блаженнее и счастливее (такого состояния)? Другие хвалятся противным и говорят: я имею столько-то и столько-то талантов золота, множество десятин земли, домов и слуг; а он – тем, что ничего не имеет, и не стыдится своей бедности, как делают люди безрассудные, не скрывается, но даже хвалится. Где

теперь богатые, считающие проценты и проценты на проценты, готовые отнять собственность у всех и никогда не насыщающиеся? Послушайте слов Петра, внушающих, что бедность есть мать богатства, что она, хотя не имеет ничего, но богаче облеченных в диадемы. Она, не имея ничего, воскрешала мертвых, исцеляла хромых, изгоняла бесов и делала то, чего не могли дать облеченные в багряницы и управлявшие великими и грозными войсками. Это – слова мужей, уже переселившихся на небо и достигших самого верха. Так, можно ничего не иметь и всем обладать, ничего не приобретать и всем владеть. А если мы будем стараться приобрести все, то лишимся всего. Может быть, эти слова кажутся загадкой, но они – не загадка. Как же, скажешь, не имеющий ничего обладает всем? Не скорее ли имеющий все? Нет, а совершенно напротив. Не имеющий ничего имеет в своей власти все, как и было с апостолами: во всей вселенной для них были открыты все домы, все принимали их с радостью, как друзей и родственников. Пришли они к порфиропродательнице, и она, как служанка, предложила им свою собственность (Деян.16:14-15); пришли к темничному стражу, и он открыл им весь дом свой (16:34); также и ко многим другим. Так они ничего не имели, и всем обладали! Они "**ничего из имения своего не называли своим**" (Деян.4:32), и потому все принадлежало им. Кто считает все общим, тот пользуется не только своей собственностью, но и собственностью других, как своей; а отделяющий себя и считающий себя господином только своей собственности не владеет и ею. Это будет яснее из примера. Кто решительно ничего не имеет, ни дома, ни трапезы, ни лишней одежды, но всего лишил себя для Бога, тот пользуется чужим, как своим, и от всех получит, чего захочет; таким образом не имеющий ничего обладает всем. А имеющий что-нибудь не владеет и этим, потому что имеющему никто ничего не даст, и его собственность скорее сделается жертвой разбойников, воров, клеветников, перемены обстоятельств и всего другого, нежели будет его собственностью. Павел протек всю вселенную, не имея у себя ничего, шел не к друзьям и не к знакомым, – так как в начале он был общим врагом всех, – и владел всем, когда приходил. Анания и Сапфира, желая удержать малую часть из своей собственности, лишились всего вместе с самой жизнью (Деян.5:1-9). Итак оставь свое, чтобы тебе пользоваться чужим, как своим. Впрочем не знаю, каким образом я дошел до такой крайности, беседуя с людьми, которые любят уделять хотя малую часть из своего имения.

Пусть же наши слова относятся к людям совершенным; а менее совершенным скажем следующее: уделяйте от имения своего нуждающимся, и таким образом умножайте свое богатство, потому что "**благотворящий бедному дает взаймы Господу**", говорит (Премудрый) (Притч.19:17). Если же ты не хочешь терпеть и ожидать времени воздаяния, то вспомни о тех, которые дают взаймы деньги людям. Они не тотчас берут проценты, но стараются как можно долее держать капитал в руках должника, только бы верно было возвращение и надежен взявший взаймы. Пусть будет то же и здесь: оставь свое в руках Божиих, чтобы Он воздал тебе многократную награду. Не старайся получить все здесь; если ты все получишь здесь, то какое воздаяние получишь там? Потому и Бог соблюдает награды там, что настоящая жизнь скоропреходяща. Правда, Он подает и здесь: "**ищите**", говорит, "**Царства Небесного, и это все приложится вам**" (Мф.6:33): но мы будем взирать туда, и не будем спешить получать воздаяние за все, чтобы не уменьшить нашей награды, но ожидать того времени. Тамошние проценты не таковы, как здесь, но какие свойственно получать от Бога. Потому соберем их там, как можно более, и таким образом перейдем отсюда, чтобы нам сподобиться и настоящих и будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь: ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] В синод.пер.: сорок

БЕСЕДА 16

"Я писал вам в послании – не сообщаться с блудниками; впрочем не вообще с блудниками мира сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями, ибо иначе надлежало бы вам выйти из мира сего. Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе" (1Кор.5:9-11).

1. Когда (апостол) говорил: "**вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был**" такой, и: "**очистите старую закваску**", то (коринфяне) могли подумать, что надобно избегать всех блудников (так как если согрешивший сообщает свою заразу не согрешившим, то тем более должно удаляться согрешающих из внешних); если не должно щадить своего за тот вред, который происходит от него, то тем более – чужих); а допустив это, они должны были удаляться и блудников языческих. Так как это невозможно, и такое требование только более раздражило бы их, то апостол делает оговорку и говорит: "**Я писал вам не сообщаться с блудниками; впрочем не вообще с блудниками мира сего**". Слово: вообще употребляет в смысле оговорки. Чтобы они не подумали, что он не заповедует им этого, только как несовершенным, а что совершенные могут делать и это, он объясняет, что это невозможно, хотя бы они и желали; иначе надлежало бы искать другой вселенной. Потому и прибавляет: "**ибо иначе надлежало бы вам выйти из мира**". Видишь ли, как он не хочет отягощать их, а всегда обращает внимание не только на возможность, но и на удобство заповедей? Как возможно, говорит, чтобы человек, имея дом и детей, исполняя общественные обязанности, будучи ремесленником или воином, при таком множестве язычников, всегда избегал блудников? Блудниками мира он называет блудников из язычников. "**Но я писал вам**", если кто из братий будет таков, "**с таким даже и не есть вместе**". Здесь он намекает им на других, живущих порочно. Но как брат может быть идолослужителем? Так, как некогда самаряне, которые только в половину держались благочестия. С другой стороны он здесь предначинает речь об идоложертвенном, которую намерен был изложить после. "**Или лихоимцем**". Отвергает и таких людей; потому и говорит после: "**для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы сами обижаете и отнимаете**" (6:7-8). "**Или пьяницею**". И за это осуждает после, когда говорит: "**иной бывает голоден, а иной упивается**" (11:21), и: "**пища для чрева, и чрево для пищи**" (6:13). "**Или злоречивым, или хищником**". Таких людей он укорял прежде. Затем представляет причину, почему он не заповедует не сообщаться с такими людьми из язычников, доказывая, что это не только невозможно, но и излишне. "**Ибо что мне судить и внешних?**" (ст.12). Внутренними он называет христиан, а внешними – язычников, как говорит и в другом месте: "**надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних**" (1Тим.3:7); и в послании к Фессалоникийцам говорит то же: "**не сообщайтесь с ним, чтобы устыдить его. Но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата**" (2Фес.3:14-15). Впрочем там он не представляет причины. Почему? Потому, что там он хотел ободрить, а здесь не то; там не такой грех, какой здесь; там он обличает меньший грех – праздность, а здесь – блуд и другие тягчайшие грехи. Кто будет сообщаться с язычниками, тому он не запрещает есть с ними, по той же причине. Так поступаем и мы: о детях и братьях имеем полное попечение, а о чужих заботимся не много. Но что же? Разве Павел не заботился о внешних? Заботился, но преподавал им заповеди уже тогда, когда они принимали проповедь и покорялись учению Христову; а пока они не обратились, дотоле излишне было бы говорить о заповедях Христовых тем, которые даже не знали Христа. "**Не внутренних ли вы судите? Внешних же судит Бог**" (1Кор.5:12-13). Чтобы из слов его: "**что мне судить и внешних?**" – кто-нибудь не вывел заключения, что

язычники останутся безнаказанными, он указывает им на другой суд – страшный. Говорит это, чтобы устрашить внешних и вместе утешить своих, и чтобы показать, что это временное наказание избавляет от вечного и бесконечного, как и в другом месте сказал: "**будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром**" (1Кор.11:32); и: "**истреби зло из среды себя**" (Втор.17:7).

2. Он заимствовал изречение из Ветхого завета, чтобы с одной стороны внушить, что и они сами получат величайшую пользу, освободившись как бы от опасной заразы, а с другой стороны показать, что это не нововведение, а еще древним законодателем заповедано отлучать таких людей. Впрочем там было строже, а здесь снисходительнее. При этом справедливо можно спросить, почему там законодатель позволял казнить грешника и побивать камнями, а здесь не так, но ведет его к покаянию? Почему там узаконено так, а здесь иначе? По двум причинам: во-первых. потому, что новозаветные призваны к большему подвигу, следовательно имеют нужду в большем снисхождении; во-вторых, и справедливее, потому, что облегчение в наказании скорее располагает их к покаянию и исправлению, а ветхозаветных оно привело бы к большему развращению. Если они, и видя наказание своих предшественников, оставались при тех же грехах, то тем более закосневали бы в таком состоянии, если бы иные из них не былн наказываемы. Потому-то там прелюбодей и убийца немедленно предавались смерти, а здесь, если очистятся покаянием, избегают наказания. Впрочем, можно встречать и в Новом завете наказания более строгие, нежели в Ветхом, И в Ветхом более легкие, нежели в новом, откуда видно, что эти заветы сродны и принадлежат одному и тому же законодателю. Там и здесь наказания иногда вдруг следуют за преступлением, иногда спустя долгое время, а нередко не бывает и этого, но Бог удовлетворяется одним покаянием. Так в Ветхом завете Давид, совершивший прелюбодеяние и убийство, спасся покаянием, а в Новом Анания, утаивший немного из цены за имение, погиб вместе с женой. Если же в Ветхом больше примеров строгости, а в Новом – напротив, то различие такого домостроительства происходит от различия лиц. "**Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых?**" (1Кор.6:1)? И в этом опять апостол обличает их, как в деле известном; там говорит: отнюд слышится в вас блужение; а здесь: смеет ли кто от вас? В самом начале выражает гнев и показывает, что это дело нескромное и законопреступное. Но почему он завел речь о любостяжании и о том, что не должно судиться у внешних? Следуя своему правилу. А правилом его было – исправлять все грехи, какие встречаются; например, рассуждая об общественных трапезах, он завел речь о таинствах. Так и здесь, упомянув о любостяжательных братиях, по пламенной ревности к исправлению согрешающих, он уже не соблюдает порядка, но обличает грех, какой представился по ходу речи, и потом возвращается к прежнему предмету. Послушаем же, что он говорит об этом. "**Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых?**" Самими названиями раскрывает грех, обличает и отклоняет от него. Сначала он не отвергает вовсе суда у верных; но когда уже сильно обличил их, тогда и вовсе запрещает судиться. Если, говорит, непременно нужно судиться, то не следует у неверных, а лучше и вовсе не судиться. Впрочем последнюю мысль он высказывает после, а теперь пока запрещает только судиться у посторонних. Не странно ли, говорит, для примирения с другом избирать посредником врага? Не стыдно ли и не срамно ли, что язычник садится судить христианина? Если же не должно судиться у язычников в делах частных, то как можно обращаться к ним в делах более важных? И смотри, как он выражается. Не сказал: у неверных, но: у неправедных; употребляет такое выражение, какое особенно нужно было ему для предположенной цели, для того, чтобы исправить и отклонить. Говоря о суде и имея в виду, что судящиеся ничего так не желают от судей, как великой заботы о правосудии, он этим самым и вразумляет их, как бы так говоря: куда ты идешь и что делаешь, человек, поступая вопреки собственному желанию, ища правды у людей неправедных? Тяжело было прямо услышать запрещение судиться; потому он не

вдруг заповедует это, но сначала только переменяет судью, обращая судившихся от внешних к Церкви; а потом, так как судиться у своих казалось унизительным, особенно тогда, – потому что они, будучи по большей части из простых людей, может быть, не способны были разбирать дела и были не столь сведущи в законах и искусны в красноречии, как судьи внешние, – то смотри, как он делает их достойными доверия, называя сперва святыми. Но так как это свидетельствовало о чистоте их жизни, а не об искусстве выслушивать дела, то смотри, как он обращает речь и к этому предмету, и говорит: "**разве не знаете, что святые будут судить мир?**" (ст.2).

3. Если же ты будешь судить некогда язычников, то как допускаешь им судить тебя теперь? Судить будут (святые), не сами заседая и требуя отчета, но осудят. Это выражает апостол словами: "**если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?**". Не сказал: от вас, но: вами, как и Господь сказал: "**царица южная восстанет, и осудит род сей**", и: "**ниневитяне восстанут и осудят род сей**" (Мф.12:41-42). Они видят одно и то же с нами солнце и участвуют в одном и том же, и между тем если мы окажемся верующими, а они неверующими, то им невозможно будет сослаться на незнание; мы осудим их тем, что мы сделали; и много подобных найдется тогда способов осуждения. А чтобы кто не подумал, что он говорит о ком-нибудь другом, смотри, как он обобщает речь: "**если же вами будет судим мир, то неужели вы недостойны судить маловажные дела?**[1]". Поведение ваше, говорит, наносит вам стыд и невыразимое бесчестие. Коринфяне, вероятно, стыдились судиться у своих судей; потому он говорит: напротив, стыдитесь того, что вы судитесь у внешних; их судилища маловажны, а не те. "**Разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более [дела] житейские?**" (ст.3). Некоторые говорят, что здесь он разумеет священников; но нет, – он говорит о демонах. Если бы он говорил о порочных священниках, то разумел бы их выше, когда говорил: вами суд приимет мир, – потому что порочных людей Писание обыкновенно называет миром, – и не стал бы говорить о том же в другой раз, тем более не сказал бы об этом после первого, как бы о чем-то более важном. Он говорит здесь о тех ангелах, о которых говорит Христос: "**идите в огонь, уготованный диаволу и ангелам его**" (Мф.25:41), и сам Павел: "**ангелы**[2] **его принимают вид служителей правды**" (2Кор.11:15). Когда эти бестелесные силы окажутся хуже нас, облеченных плотью, то подвергнутся тягчайшему наказанию. Если же кто еще станет спорить, что здесь говорится о священниках, то мы спросим: о каких священниках? Конечно о тех, которые вели себя по-житейски? Но как же он говорит, что "**мы будем судить ангелов**", а не дела житейские, противопоставляя ангелов делам житейским? Это справедливо в том смысле, что они по превосходству своей природы не имеют нужды (в житейском). "**А вы, когда имеете житейские тяжбы, поставляйте**[3] **[своими судьями] ничего не значащих в церкви**" (ст.4). Желая с особенной силой вразумить нас, что не должно, в чем бы то ни было, обращаться к внешним судьям, и видя представляющееся возражение, он наперед разрешает его. Смысл слов его следующий: может быть, кто скажет, что между вами нет ни одного мудрого или способного разбирать дела, но все не способны к тому: что же? Хотя бы, говорит, у вас не было ни одного мудрого, поручайте это дело самым последним. "**К стыду вашему говорю**" (ст.5). Осуждает такое возражение, как пустой предлог; потому и продолжает: "**неужели нет между вами ни одного разумного?**" Неужели, говорит, у вас такая скудость? Неужели у вас так редки умные люди? Последующим прибавлением еще более поражает их; именно, сказав: "**неужели нет между вами ни одного разумного**" – присовокупляет: "**который мог бы рассудить между братьями своими**". Когда брат судится с братом, то для посредника в тяжбе не нужны большая мудрость и искусство, но к разрешению спора много могут содействовать расположенность и родство. "**Но брат с братом судится, и притом пред неверными**" (ст.6). Видишь ли, как благоразумно он сперва унизил судей, назвав их неправедными, а теперь пристыжает (коринфян), называя (этих судей) неверными? И действительно,

весьма стыдно, если между братьями не может быть примирителем священник, но оказывается нужным прибегать к внешним. Указав на уничиженных, он не то говорит, что на месте судей должны быть люди самые негодные, но пристыжает их. Что суд надобно предоставлять людям, способным разбирать дела, это он выразил в словах: "**неужели нет между вами ни одного разумного?**". А чтобы совершенно заградить им уста, говорит, что если бы даже между ними не было ни одного мудрого, то лучше предоставить дела на суд немудрых, нежели судиться у внешних. Не нелепо ли, в случае домашней ссоры, не обращатъся ни к кому из посторонних и стыдиться, если домашние дела разгласятся вне дома; а из Церкви, которая есть сокровищница неизреченных таинств, все выносить наружу? Но брат с братом судится, и то пред неверными. Двойная вина: та, что судится, и та, что судится у неверных. Если судиться с братом само по себе есть грешное дело, то судящийся у внешних заслуживает ли какого-либо оправдания? "**И то уже весьма унизительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою**" (ст.7). Видишь ли, до каких пор он не высказывал этого и как благовременно искореняет это (зло)? Я еще не исследую, говорит, того, кто прав и кто неправ; уже по тому самому, что судятся, оба они достойны осуждения и ничем один другого не лучше.

4. Справедливо или несправедливо брат судится с братом, это – другой вопрос. Не говори же, кто причинил обиду; осуждаю тебя уже за то, что судишься. Если не сносить обиды – грех, то нанесение обиды какого достойно осуждения? "**Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы [сами] обижаете и отнимаете, и притом у братьев**" (ст.7-8). Здесь два преступления, или лучше, три и даже четыре. Одно то, что не сносят обиды; другое, что сами обижают; третье, что ищут суда у неправедных; четвертое, что поступают так с братом. Не одинаково судятся грехи, когда они совершаются против кого-нибудь случайно попавшегося, или против собственного члена; в последнем случае обнаруживается больше бесстыдства; там оскорбляется одно естество, а здесь самая личность. Пристыдив их таким образом общими соображениями, а больше всего ожидающими их наградами, он заключает увещание угрозой, усиливает речь и говорит: "**или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют**" (ст.9-10). Что говоришь ты? Беседуя о любостяжателях, для чего упоминаешь о таком множестве беззаконников? Так, отвечает; но я делаю это, не смешивая предметы речи, а продолжая ее по порядку. Действительно, как в беседе о блудниках он упомянул о всех, так опять и здесь, беседуя о любостяжателях, исчисляет всех грешников, чтобы приготовить к обличению тех, которые сознают за собой такие дела. Когда кто беспрестанно слышит о наказании, ожидающем других, то сам делается доступнее для вразумления, потому что прилагает это наказание и к собственным своим грехам. Апостол произносит здесь угрозу не потому, чтобы он знал за коринфянами все эти грехи и укорял за них; но потому, что внимание слушателя привлекается и поддерживается преимущественно тогда, когда речь касается его не прямо, а неопределенно, прикровенно поражая его совесть. Не льстите себе. Здесь он разумеет некоторых говоривших, как и ныне многие говорят: Бог человеколюбив и благ, Он не мстит за преступления, нам нечего бояться, Он никогда не накажет ни за какой грех. Потому и говорит: не льстите себе. Ведь крайнее обольщение и заблуждение – надеясь на приятное, получить противное, и думать о Боге так, как не думают и о человеке. Потому пророк говорит от лица Божия: "**ты подумал беззаконие, будто Я буду тебе подобен. Я обличу тебя и представлю пред лицем твоим грехи твои**" (Пс.19:21). И Павел (говорит) здесь: "**Не обманывайтесь: ни блудники**", – поставляет наперед уже осужденного грешника, – "**ни прелюбодеи, ни малакии, ни пьяницы, ни злоречивые Царства Божия не наследуют**".

Многие осуждали это место, как слишком жестокое, так как апостол здесь наряду с блудником, прелюбодеем и мужеложником ставит пьяницу и злоязычника: грехи не равны, – почему же равны наказания? Что сказать на это? А то, что пьянство и злоречие – грехи немаловажные, если и Христос признал повинным геенне того, кто назовет брата безумным (Мф.5:22). Отсюда часто происходило убийство; от пьянства и народ иудейский впал в весьма тяжкие грехи. Притом апостол говорит здесь не о наказании, а о лишении царствия. Царствия одинаково лишатся, как тот, так и другой; а будет ли между ними какое-нибудь различие в геенне, о том говорить теперь не время; мы теперь рассуждаем не об этом. "**И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились**" (ст.11). Сильно он укоряет их этими словами; подумайте, говорит, от каких зол Бог избавил вас, какое явил вам доказательство своего человеколюбия; и не ограничил Своего милосердия одним избавлением от зол, но простер Свое благодеяние еще далее: сделал вас чистыми. Да и только ли? Нет, – еще и освятил; и это не все, – и оправдал. Освободиться от грехов – уже великий дар; но Он еще обогатил вас бесчисленными благами; притом именем Господа нашего Иисуса Христа, не таким-то и таким-то, но и Духом Бога нашего. Итак, возлюбленные, зная это и представляя величие дарованных нам благ, будем жить благочестиво, соблюдая себя чистыми от всех исчисленных грехов; будем убегать внешних судилищ, бывающих на торжищах, и сохранять благородство, которое даровал нам Бог. Подумай, какой стыд, когда язычник восседает и производит над тобою суд!

5. Но, скажешь, что, если свой судит несправедливо? Почему же так, скажи мне? По каким законам судит язычник и по каким христианин? Разве не известно, что язычник – по человеческим, а христианин – по божеским? Следовательно, правды больше здесь, потому что законы ниспосланы с неба. Во внешних судилищах, кроме сказанного, есть еще много подозрительного: и искусство риторов, и недобросовестность судей, и многое другое, чем нарушается правосудие; а здесь нет ничего такого. Что делать, скажешь, когда противник из числа сильных? Тогда особенно и должно судиться здесь; во внешних судилищах он непременно преодолеет тебя. Если же он не хочет этого и, презирая внутренние судилища, насильно влечет к внешним, то лучше добровольно потерпеть то, чему там ты подвергнешься против воли, и не судиться, чтобы получить и награду. "**Кто захочет судиться с тобою**", говорит (Господь), "**и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду**"; и: "**мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним**" (Мф.5:40,25). Впрочем, нужно ли нам распространяться? Сами защитники внешних судилищ очень часто говорят, что лучше обходиться без них.

О, деньги, или лучше, о, безумная страсть к деньгам! Она низвращает и ниспровергает все; для денег многим все кажется баснею и пустяками. Что мирские люди заводят тяжбы в судилищах, это еще не удивительно; но когда многие из отрекшихся от мира делают то же, это уже не заслуживает никакого прощения. Если хочешь видеть, как Писание повелевает тебе удаляться от этой нужды, т.е. от судилищ, и для кого существуют законы, то послушай, что говорит Павел: "**закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокоривых**" (1Тим.1:9). Если же он говорит так о (законе) Моисеевом, то тем более – о (законах) внешних. И подлинно, когда ты сам оскорбляешь, то явно, что ты не праведник; а когда тебя оскорбляют и ты терпишь, – что особенно и свойственно праведнику, – то не имеешь нужды в законах внешних. Но, скажешь, могу ли я терпеть, когда меня оскорбляют? А Христос заповедал еще больше. Он заповедал оскорбляемому не только терпеть, но и благодетельствовать оскорбляющему и готовностью к терпению побеждать (злое) расположение оскорбляющего. Он не сказал: желающему судиться с тобой и взять у тебя ризу отдай ризу, но – вместе с ней отдай ему и срачицу. Побеждай его, говорит, терпением, а не оскорблением с своей стороны: вот славная и блистательная победа! Потому и Павел далее говорит: "**и то уже весьма унизительно для вас, что вы имеете тяжбы между собою. Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными?**".

Победа принадлежит скорее терпящему обиду, нежели не терпящему; постараюсь объяснить вам это. Положим, что не терпящий обиды ведет противника своего в судилище и одерживает верх; но тогда-то он сам и остается побежденным. Он подвергся тому, чего не хотел: противник принудил его огорчаться и судиться. Что в том, что ты одержал верх? Что в том, что обратно получил все деньги? Ты потерпел то, чего не хотел, будучи принужден судиться. Если же ты переносишь обиду, то побеждаешь; теряешь деньги, но приобретаешь победу при таком любомудрии, потому что, значит, противник не мог принудить тебя к тому, чего ты не хотел. Чтобы видеть, что это правда, скажи мне: кто победил – завистник, или сидевший на гноище? Кто побежден – лишенный ли всего Иов, или лишивший всего диавол? Явно, что лишивший всего диавол. Кого мы прославляем победителем – диавола ли, который поражал, или Иова, который был поражаем? Явно, что Иова. Правда, он не мог сохранить погибшего имущества и спасти детей своих; что я говорю: имущества и детей? – не мог сохранить даже телесного здоровья; однако победителем остался он, потерявший все имущество. Он не мог сохранить имущества, но всецело сохранил благочестие. Он не мог предотвратить погибель детей; но что из этого? Случившееся сделало их более славными и ему помогло среди искушений. Если бы он не пострадал и не потерпел нападений от диавола, то и не одержал бы такой блистательной победы. Если бы терпеть обиды было зло, то Бог не заповедал бы нам этого, потому что Бог не заповедует ничего худого. Или вы не знаете, что Он есть Бог славы (Пс.23:10), и не желает, чтобы мы подвергались бесславию, осмеянию и погибели, а доставляет нам все противоположное тому? Он заповедует нам терпеть обиды и все делает для того, чтобы отклонить нас от житейской суеты и научить, в чем состоят слава и бесславие, потеря н приобретение.

6. Но, скажешь, тяжело терпеть оскорбления и обиды? Нет, человек, не тяжело. Доколе ты будешь пристрастен к благам настоящим? Бог не повелел бы этого, если бы было тяжело. И смотри: нанесший обиду отходит с деньгами, но за то и с порочной совестью: а потерпевший обиду, хотя лишился денег, но получил дерзновение пред Богом – стяжание, которое драгоценнее бесчисленных сокровищ. Итак, зная это, будем любомудрыми по доброй воле, – и мы не подвергнемся участи людей неразумных, которые не считают обидой для себя, когда лишаются чего-нибудь по приговору судилища. Напротив, мы терпим величайшую потерю, когда любомудрствуем так не по доброй воле, а будучи принуждены к тому, потому что проигравший дело не выносит никакой пользы из судилища: любомудрие его есть следствие необходимости. В чем же блистательная победа? В том, когда ты презираешь обиду, когда не прибегаешь к суду. Что ты говоришь, скажешь ты? У меня отнято все имущество, а ты повелеваешь молчать? Я обижен, а ты советуешь переносить это с кротостью? Как я могу это сделать? Легко сможешь, если воззришь на небо и красоту его, если вспомнишь, где Бог обещал принять тебя за великодушное перенесение обид. Поступай же так и, воззрев на небо, помысли, что ты чрез это уподобляешься Сидящему там на херувимах. Он также был оскорбляем, и терпел; был поругаем, и не мстил; был оплеваем, и не отвечал, – но напротив воздавал оскорблявшим Его бесчисленными благодеяниями, и нам повелел подражать Ему. Вспомни, что ты наг вышел из утробы матери своей, наг и отойдешь отсюда – и ты и обидевший тебя, или лучше, он умрет с тысячью язв, порождающих червей. Помысли, что настоящее временно; представь себе гробы прародителей; вникни внимательнее в дело, – и увидишь, что нанесший тебе обиду сделал тебя более крепким: страсть сребролюбия в себе он сделал сильнее, а в тебе ослабил, отняв пищу у этого зверя. Сверх того, он избавил тебя от забот, хлопот, зависти клеветников, беспокойства, смятения, беспрестанного страха, а на свою голову навлек множество зол. Но что, скажешь, если я должен буду бороться с голодом? Будешь терпеть это вместе с Павлом, который говорит: "**даже доныне терпим голод и жажду, и наготу**" (1Кор.4:11). Но он, скажешь, для Бога? И ты для Бога: когда ты не мстишь, то делаешь это для Бога. Но нанесший мне обиду

наслаждается вместе с богачами? Лучше скажи: с диаволом; а ты получишь венцы вместе с Павлом. Не бойся голода: "**не допустит**" (говорит Премудрый) "**Господь терпеть голод душе праведного**" (Притч.10:3); и другой говорит: "**возложи на Господа печаль твою, и Он тебя пропитает**" (Пс.54:23). Если Он питает полевых пташек, то не пропитает ли тебя? Не будем же маловерны и малодушны. возлюбленные! Обещавший нам и царствие и такие блага лишит ли нас настоящих благ? Не будем желать лишнего, будем довольны малым, – и мы всегда будем богаты. Будем пещись только об одежде и пище, – и получим как это, так и гораздо большее. Когда ты скорбишь и огорчаешься обидой, я желал бы показать тебе душу торжествующего победу обидчика: она подобна пеплу! Таково свойство греха: пока он совершается, дотоле доставляет некоторое удовольствие; а когда совершится, то легкое удовольствие проходит и наступает скорбь. То же испытываем и мы, когда наносим кому-нибудь обиду: после сами осуждаем себя. Точно также, когда мы удовлетворяем своему корыстолюбию, радуемся; а после совесть угрызает нас.

Видишь ли ты у кого-нибудь дом бедного? Плачь не о том, кто лишился, но о том, кто взял его; не другому, а себе он причинил зло; бедного он лишил блага настоящего, а себя – благ неизреченных. Ведь если не подающий бедным идет в геенну, то отнимающий у бедных какому подвергнется мучению? Но какая, скажешь. польза от того, что я терплю зло? Большая польза. Не в наказании причинившего тебе зло Бог поставляет для тебя воздаяние: это значило бы немного. Что пользы, если я терплю зло и он терпит зло? Знаю, что многие считают величайшим для себя утешением и остаются совершенно довольными, когда видят обидевших их наказанными; но Бог не в том поставляет воздаяние. А знаешь ли, какие ожидают тебя блага? Он отверзает тебе все небо, делает тебя сожителем святых, включает тебя в их лик, разрешает от грехов, венчает правдой. Ведь если прощающие согрешившим получают отпущение грехов, то не только прощающие, но и благодетельствующие им какого не удостоятся благословения? Потому не огорчайся, но еще молись за обидевшего тебя; это принесет пользу тебе самому. Он взял твое имущество, взял и грехи, как случилось с Нееманом и Гиезием (4Цар.5:27). Какого не отдал бы ты богатства, чтобы тебе отпущены были грехи? Это может случиться и теперь; если будешь терпеть и не станешь проклинать, то получишь блистательный венец. Не мои это слова, но Христовы: "**молитесь**", сказал Он, "**за обижающих вас**"; и подумай, какая за это награда: да будете подобны Отцу вашему, Сущему на небесах (Мф.5:44-45). Таким образом ты ничего не теряешь, но еще приобретаешь, не терпишь вреда, но еще получаешь венец; душа твоя делается более любомудрой; ты уподобляешься Богу, избавляешься от забот об имуществе, приобретаешь Царствие Небесное. Итак, представляя все это, возлюбленные, будем любомудрствовать, когда нас обижают, чтобы избавиться от беспокойств настоящей жизни, освободиться от бесполезных огорчений и сподобиться радости будущей, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Так в синод.перев. В слав. "недостойни есте судищем худым", т.е. вы недостойны (подвергаться) маловажным судилищам, что ближе к греч. тексту и к пониманию Златоуста

[2] В синод.перев.: "служители"

[3] В синод.перев. "поставляете". Такое чтение греч.текста допустимо с точки зрения грамматики, но не соответствует связи речи

БЕСЕДА 17

"Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною" (1Кор.6:12).

1. Здесь (апостол) указывает на чревоугодников. Намереваясь снова обличать предавшегося прелюбодеянию, которое происходит от пресыщения и неумеренности, он сильно поражает эту страсть. Здесь говорит он не о запрещенных яствах, – они не позволительны, – а о тех, которые кажутся безразличными. Например: можно, говорит, есть и пить, но не следует – с неумеренностью. И вот что чудно и удивительно: как делает во многих других местах, так и здесь он показывает обратную сторону предмета и объясняет, что иногда состоящее в нашей власти не только бесполезно, но и обнаруживает не власть, а рабство. И во-первых, отклоняет от этого, как от неполезного, говоря: не на пользу, а во-вторых, как от ведущего к противоположному: "**ничто не должно обладать мною**". Смысл слов его следующий: ты, говорит, властен есть; сохраняй же свою власть и смотри, чтобы не сделаться рабом этого пожелания. Кто надлежащим образом пользуется им, тот властен над ним; а кто предается ему неумеренно, тот не имеет власти, но становится рабом, а властвует над ним неумеренность. Видишь, как он доказал, что считающий себя властелином сам находится под властью? Так часто Павел, о чем раньше я говорил, обращает возражения в обратную сторону, – то же сделал он и здесь. Вот смотри: каждый из коринфян говорит: я властен пресыщаться; а он говорит: ты делаешь это, не как властелин, а как находящийся под властью. Если ты невоздержен, то не ты имеешь власть над чревом, а оно над тобою имеет власть. Тоже можно сказать и о деньгах и о всем прочем. "**Пища для чрева**" (ст.13). Чревом он называет здесь не желудок, а чревоугодие, как и в другом месте, когда говорит: "**их бог – чрево**" (Флп.3:19), разумея не член (тела), но пресыщение. А что это так, выслушай дальнейшие слова: "**и чрево для пищи. Тело же не для блуда, но для Господа**". Чрево также есть тело. Но Он делает два сочетания: брашна и чревоугодие, которое назвал чревом, Христос и тело. Что же значит: "**пища для чрева**"? Пища, говорит, имеет тесную связь с чревоугодием, и чревоугодие с пищей; потому оно не может вести нас ко Христу, но влечет к пище. Это – жестокая и дикая страсть; она порабощает и принуждает служить себе. Для чего же ты, человек, пристращаешься к пище? Вот чем оканчивается это служение и более не ведет ни к чему; оно, покоряя, как бы какой госпоже, удерживает в этом рабстве и ничего другого не производит, кроме одной этой суеты. Притом, взаимно соединяясь, они взаимно и разрушают себя, чрево брашна и брашна чрево, совершая бесполезное круговращение, подобно как согнивающее тело порождает червей, а черви уничтожают это тело, или как волна поднимаясь опускается и не производит более ничего. Он говорит это не о пище и теле, а порицает страсть чревоугодия и неумеренность в пище, как показывают дальнейшие слова: "**но Бог уничтожити то и другое**" разумеет не желудок, а неумеренное пожелание, не пищу, а пресыщение. Первого он не осуждает, но еще предписывает касательно его следующее правило: "**имея пропитание и одежду, будем довольны тем**" (1Тим.6:8). Он осуждает (порочное) действие и в заключение своей беседы исправляет его молитвой. А некоторые говорят, что в словах его заключается предсказание о состоянии в будущем веке, т.е. что там мы не будем ни есть, ни пить. Если же умеренное употребление пищи будет иметь конец, то тем более должно воздерживаться от неумеренности. Затем, чтобы кто не подумал, что он осуждает тело, чтобы не заключил, что он от части переносит осуждение на все целое, и не сказал, что тело по природе своей служит причиной прелюбодеяния, послушай, что он говорит далее: я, говорить, осуждаю не природу тела, а неумеренное сластолюбие души; потому и присовокупляет: "**тело же не для блуда, но для Господа**". Оно создано не для того, чтобы ты жил невоздержно и прелюбодействовал, равно как и чрево не для того, чтобы ты предавался чревоугодию, но чтобы оно служило Христу, как главе, а Он был Господь

телу. Устыдимся же и устрашимся, что мы, удостоившись такой чести, соделавшись членами Его, главенствующего над нами, бесчестим себя такими пороками! Таким образом достаточно обличив чревоугодников, (апостол) далее удерживает их от этого порока надеждой в будущем: "**Бог**", говорит, "**воскресил Господа, воскресит и нас силою Своею**" (ст.14).

2. Видишь ли опять мудрость апостола? Достоверность воскресения он всегда доказывает примером Христа, и особенно теперь. Если тело наше есть член Христов, а Христос воскрес, то и тело, без сомнения, последует за Главою. "**Силою Своею**". Так как он упомянул о предмете непостижимом и необъяснимом соображениями разума, то и приписывает воскресение Христово непостижимой силе Божией, не мало опровергая этим доказательством неверующих. О воскресении Христовом он не сказал: Бог и Господа воскресит, – потому что оно уже совершилось, – а как? "**Бог воскресил Господа**"; и доказывать это не было нужды. О нашем же воскресении, которого еще не было, сказал не так, но как? "**Воскресит и нас силою своею**"; несомненным могуществом Виновника воскресения заграждает уста противников. А что он приписывает воскресение Христово Отцу, не смущайся этим. Такое выражение не означает, будто Христос бессилен, потому что сам Он говорил: "**разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его**" (Ин.2:19); и еще: "**имею власть отдать жизнь Мою и власть имею опять принять ее**" (Ин.10:17-18). И Лука в Деяниях говорит: "**которым и явил**[1] **Себя живым**" (Деян.1:3). Почему же Павел употребляет такое выражение? Потому, что свойственное Сыну приписывается Отцу и свойственное Отцу приписывается Сыну: "**ибо, что творит Он, то и Сын творит также**" (Ин.5:19). И весьма благовременно он упоминает здесь о воскресении; такими надеждами он обуздывает силу чревоугодия и как бы так говорит: ты ешь и пьешь невоздержно, – какой же конец этого? Никакого, кроме одного тления. Ты соединился со Христом, – какой конец этого? Великий и дивный: будущее воскресение, славное и превосходнейшее всякого описания. Итак, пусть никто не сомневается в истине воскресения. Если же кто не верует, то пусть подумает, сколько (тварей Бог) сотворил из ничего, и примет это за доказательство истины воскресения: ведь то, что уже случилось, гораздо удивительнее и представляет непостижимое чудо. Смотри: Бог, взяв землю, смесил ее и образовал человека, – землю, которая прежде не существовала. Как же земля стала человеком? Как она из небытия приведена в бытие? Как произошло из ней все: бесчисленные роды животных, семян, растений, тогда как при этом не было болезней рождения, не ниспадал дождь, не было ни земледелия, ни волов, ни плуга, и ничего другого, что содействовало бы к их появлению? Бог для того и произвел в начале из неодушевленного и бесчувственного вещества столько родов растений и бессловесных животных, чтобы тогда же внушить тебе истину воскресения. Сотворение непостижимее воскресения; не одно и то же – зажечь угасшую свечу, или произвести огонь, никогда не существовавший; не одно и то же – восстановить разрушившийся дом, или создать вовсе не существовавший. Здесь есть по крайней мере готовое вещество, а там не было и вещества. Потому Он сделал наперед труднейшее, чтобы ты допустил легчайшее, – труднейшее, говорю, не для Бога, но для нашего представления. Для Бога нет ничего трудного, но как живописец, написавший одну картину, легко может написать их и множество, так и Бог еще легче может сотворить бесчисленное множество миров; или лучше, как для тебя легко представить город и множество миров, так для Бога легко сотворить их, или даже гораздо легче. Ты по крайней мере употребляешь несколько времени на представление, а Бог – и того нет, но сколько камни тяжелее самых легких вещей или, лучше, разума нашего, столько наш разум уступает в быстроте творческой силе Божией. Ты удивляешься могуществу Его на земле? Подумай же еще, как произошло небо, прежде не сущеетвовавшее, как бесчисленные звезды, как солнце, как луна, которые все прежде не существовали? Еще, скажи мне, как по сотворении они держатся и на чем? Какое основание имеют они, равно как и земля? Что за землей? Что опять за тем, что за

землей? Видишь ли, в какое недоумение впадает умственный взор твой, как скоро ты не прибегаешь к вере и к непостижимой силе Творца? Если же хочешь объяснять это делами человеческими, то можешь и таким образом несколько окрылить разум свой. Какими, скажешь, делами человеческими? Не видишь ли ты, как горшечники выделывают сосуд из смешанного и бесформенного вещества, как рудокопы из металлоносной земли извлекают золото, железо и медь, как выделывающие стекло обращают песок в твердое и прозрачное тело? Говорить ли о сыромятниках и красильщиках пурпуровых одежд, как они придают им один цвет вместо другого? Говорить ли о нашем рождении? Не малое ли семя, сперва не имеющее вида и очертания, сообщается в приемлющую его утробу? Каким же образом является живое существо? А пшеница? Не голое ли зерно бросается в землю? Не согнивает ли оно, будучи посеяно? Откуда же является колос, стебли и все прочее? Каким образом малое зернышко смоковницы, упавши на землю, часто производит корни, ветви и плоды? Все это ты допускаешь и не подвергаешь сомнению, а требуешь от Бога отчета только в том, как он преображает наше тело? Можно ли простить это?

3. Все это и подобное говорим мы язычникам; а верующим Писанию мне и говорить нет нужды. Если бы ты захотел исследовать все дела Божии, то чем Бог был бы больше человека? Даже и дела многих людей мы не исследуем. Если же мы поступаем так по отношению к людям и не исследуем дел их, то тем более не должно исследовать премудрость Божию и требовать от нее отчета; и во-первых, потому, что Возвестивший достоин веры; во-вторых, потому, что самые дела Его не доступны суждениям разума. Бог не так немощен, чтобы производить только то, что может быть постигнуто твоим слабым разумом. Если ты не понимаешь дел художника, то тем более – высочайшего Художника, Бога. Итак, не сомневайтесь в истине воскресения; иначе вы будете весьма далеки от надежды (благ) будущих. И чем выражают свою мудрость или, лучше, свое безумие возражатели? Как, говорят они, воскреснет тело, когда оно смешается с землей, обратится в прах и рассеется по разным местам? Для тебя это кажется непостижимым, но не для недремлющего Ока; для Него все ясно. Ты не видишь раздельно того, что смешано, а Оно видит все; ты не знаешь и того, что в сердце ближнего, а Оно знает все. Если же ты не веруешь воскресению потому, что не знаешь, как Бог совершит воскресение, то, значит, не веруешь и тому, что Он знает сердечные помышления, которые также невидимы. Вещество тела и по разрушении остается видимым, а помышления невидимы. Потому Видящий невидимое со всей ясностью неужели не видит видимого и не может легко восстановить состава телесного? Очевидно, может. Итак не сомневайся в (истине) воскресения; это (сомнение) – внушение диавольское. Диавол старается внушать это не только для того, чтобы не верили воскресению, но чтобы прекратились и погибли и дела добродетели. В самом деле, человек, не ожидающий воскресения и предстоящего отчета в делах своих, едва ли будет добродетелен, а не упражняющийся в добродетели не станет верить и воскресению; то и другое взаимно подкрепляется: порок неверием и неверие пороком. Обремененная грехами совесть, страшась и трепеща пред будущим воздаянием и не желая находить утешение в перемене к лучшему, старается успокоить себя неверием. Если ты будешь утверждать, что нет ни воскресения, ни суда, он скажет: следовательно, и я не буду отдавать отчета в грехах своих. Но что говорит Христос? "**Заблуждаетесь, не зная Писаний, ни силы Божией**" (Мф.22:29). Бог не совершил бы таких дел, если бы не хотел воскресить нас, но (предположил) разрушить и обратить в ничто; не распростер бы неба, не основал бы земли, не создал бы и всего прочего только для одной настоящей кратковременной жизни. Если же Он сделал столько для настоящей жизни, то чего не сделает для будущей? А если нет жизни будущей, то мы гораздо презреннее (тварей), созданных для нас; ведь и небо, и земля, и море, и реки, и даже некоторые из бессловесных животных долговечнее нас. Так ворон, порода слонов и многие другие животные долее нас пользуются настоящей жизнью. Наша жизнь коротка и многотрудна, а их – продолжительна и более чужда попечений и скорбей. Что же, скажи мне, неужели

Бог сотворил рабов лучше их владык? Нет, увещеваю, человек, не думай так, не скудоумничай и не сомневайся в могуществе Бога, твоего Владыки. Бог благоволил сотворить тебя в начале бессмертным, но ты не захотел быть таким. Знамениями бессмертия были беседа с Богом и безбедственная жизнь, чуждая печалей, забот, трудов и всего временного. Адам не имел нужды ни в одежде, ни в кровле, ни в других подобных вещах, но уподоблялся ангелам, предвидел многое в будущем и был исполнен великой мудрости; знал и то, что Бог сотворил тайно, именно касательно жены; потому и сказал: "**вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей**" (Быт.2:23). Труд привзошел после, изнурение – после, стыд, страх и трепет – после, а прежде не было ни печали, ни болезни, ни воздыхания. Но (Адам) не устоял в этом достоинстве.

4. Почему же, скажешь, я страдаю и погибаю за него? Нет, не за него; и сам ты не без греха, но совершил, если не тот же самый, то другой грех. Притом наказание принесло тебе не вред, а пользу. Слова твои, может быть, имели бы некоторое основание, если бы ты навсегда остался смертным; а теперь ты бессмертен и, если захочешь, можешь просиять более солнца. Но, скажешь, если бы я имел тело не смертное, то не согрешил бы. А тот (Адам), скажн мне, смертное ли имел тело, когда согрешил? Нет, если бы тело его было смертно, то смерть не была бы назначена ему в наказание. Впрочем смертное тело не служит препятствием к добродетели, но еще вразумляет и весьма много способствует, как видно из следующего: если одно ожидание бессмертия так надмило Адама, то, если бы он в самом деле был бессмертен, в какую не впал бы гордость? Теперь, согрешив, ты можешь исправиться потому самому, что тело твое уничиженно, слабо и подвержено разрушению; эти мысли могут вразумить тебя; а если бы ты грешил в бессмертном теле, то грехи твои, может быть, остались бы неисправимыми. Итак, не смертность причиною греха, – не обвиняй ее, – но злое произволение есть корень зол. Отчего тело не причинило вреда Авелю? Отчего бесплотность не принесла никакой пользы злым духам? Хочешь ли знать, как смертное тело не только не вредит, но еще доставляет пользу? Послушай, сколько доброго ты можешь получить от него, если будешь бдителен. Оно отклоняет и отвлекает тебя от зла болезнями, скорбями, трудами и тому подобным. Но, скажешь, оно влечет и к прелюбодеянию? Нет, не тело, а разнузданность: телу свойственно только то, о чем я выше сказал. Невозможно человеку, вступившему в эту жизнь, не терпеть болезней, скорбей и печалей; а не блудодействовать возможно. Потому, если бы пороки зависели от природы тела, то они были бы общи всем: все естественное таково и есть; а прелюбодеяние не таково; болезни происходят отсюда, а прелюбодеяние – от произволения. Итак, не обвиняй тела, чтобы диавол не отнял у тебя чести, которую даровал тебе Бог. Если мы захотим, то тело может быть прекрасной уздой, укрощающей похоти души, смиряющей гордость, низлагающей тщеславие, способствующей нам к совершению великих добродетелей. Не говори мне о (людях) невоздержных: мы часто видим, как и кони несутся по стремнинам, свергнув возницу вместе с уздой, но не виним в том узду. Не она опустившись причинила это, но возница, не удержавший ее, все испортил. Точно так рассуждай и здесь. Если видишь молодого человека, живущего невоздержно и предающегося порокам, то обвиняй не тело, а влекомого возницу, т.е. разум. Как не вожжи причиняют зло вознице, а сам он бывает виновен во всем, не хорошо удерживая их, – потому они и подвергают его наказанию, запутывая его, увлекая и принуждая разделять с ними бедственную участь, так и здесь. Мы, говорят они, обуздывали коня, пока ты держал нас; а когда выпустил из рук, то мы подвергаем тебя наказанию за небрежность, запутываем и увлекаем тебя, чтобы впредь не случилось того же. Итак, никто не обвиняй вожжей, но себя самого и свою развращенную волю. Возница у нас – разум, вожжи, соединяющие коней с возницей, – тело. Если они будут удерживаемы хорошо, то не потерпишь ничего худого; а если выпустишь из рук, то испортишь и погубишь все. Будем же благоразумны и станем обвинять не тело, а злое расположение. Диавол всячески старается внушить неразумным, чтобы они обвиняли

более тело, или Бога, или ближнего, а не свою развращенную волю, чтобы, постигнув истинную причину зла, они не вырвали ее с корнем. Но вы, зная коварство его, направьте на него гнев свой и, предоставив ярмо вознице, обратите умственный взор свой к Богу. В других делах назначающий подвиги сам нисколько не содействует, а только ожидает окончания; здесь же совершает все подвигоположник Бог. Будем же просить милости Его, и несомненно сподобимся будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Гр.παρεστησεν - поставил

БЕСЕДА 18

"Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак отниму ли члены у Христа, чтобы сделать [их] членами блудницы? Да не будет!" (1Кор.6:15).

1. От блудника (апостол) перешел к корыстолюбцу, а теперь опять переходит к блуднику, обращая речь не к нему, но к другим, не виновным в прелюбодеянии, и, предостерегая их от того же греха, вместе с тем обличает его, потому что грешник и в том случае, когда речь обращается к другому, трогается и мучится от пробуждающейся в нем совести. Страх наказания, конечно, мог достаточно удерживать их от нарушения целомудрия: но (апостол) хочет достигнуть этого не одним страхом, и потому с угрозами употребляет и вразумления. Прежде, говоря об этом грехе, он определил за него наказание, показал вред, происходящий для всех от общения с кровосмесником, и, тем окончив, перешел к корыстолюбцу; ему, равно как и всем другим исчисленным грешникам, угрожал лишением царствия, и тем окончил речь; а здесь он предлагает и весьма сильное увещание. Кто назначает только наказания за грех, а не показывает, что он весьма тяжел, тот чрез наказания не сделает ничего важного; также и тот, кто делает только увещания, а не устрашает наказаниями, не много тронет (людей) нечувствительных. Потому Павел делает то и другое, и вразумляет словами: "**разве не знаете, что мы будем судить ангелов?**" (ст.3) и устрашает словами: "**или не знаете, что лихоимцы Царства Божия не наследуют?**" (ст.9-10). Таким же образом он говорит и против кровосмесника. Устранив его прежде сказанным, отлучив, предав сатане и напомнив о будущем дне, он теперь вразумляет: "**разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы?**" – беседуя с ними, как бы с благородными детьми. Выше он сказал: "**тело для Господа**" (ст.13): теперь точнее объясняет это, как делает и в другом месте, когда говорит: "**и вы – тело Христово, а порознь – члены**" (1Кор.12:27). Такое сравнение он употребляет во многих местах, хотя не в одном и том же значении, но иногда для выражения любви, а иногда для усиления страха: здесь же употребляет его для внушения страха и ужаса: вземь ли убо уды Христовы, сотворю уды блудничии Да не будет. Ничего не может быть страшнее этих слов. Не сказал: "**итак отниму ли члены у Христа**", соединю их с блудницею, но что? "**Чтобы сделать членами блудницы**". Такое выражение гораздо разительнее. Далее показывает, как с блудником действительно это бывает: "**или не знаете**", говорит, "**что совокупляющийся с блудницею становится одно тело [с нею]?**" (1Кор.6:16)? Откуда это известно? "**Будут**", говорит, "**два одна плоть**". "**А соединяющийся с Господом есть один дух**" (1Кор.6:17). Прилепившись друг к другу, два уже не могут быть двумя, но оба делаются одним. И, смотри, как он опять с помощью самых имен ведет обличение, употребляя слова: блудница и Христос. "**Бегайте блуда**". Не сказал: воздерживайтесь от прелюбодеяния, но: бегайте, т.е. тщательно старайтесь удаляться от этого порока.

"**Всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела**" (ст.18). Это менее важно, нежели выше сказанное; но, говоря о блудниках, он со всех сторон обличает грех их и показывает важность вины их и великим и малым: первое сказано для более благоговейных, а последнее для более слабых. Мудрость Павла обнаруживаетея именно и в том, что он вразумляет представлением не только великого, но и малого, и постыдного и непрнстойного. Но, скажешь, разве убийца, корыстолюбец и грабитель нс оскверняют своей руки? Это всякому известно: но так как нельзя было сказать, что нет никого хуже блудника, то он иначе изображает важность этого греха, объясняя, что от блуда все тело становится нечистым; оно оскверняется так, как бы упадало в грязный сосуд, наполненный нечистотой. Потому и у нас есть такой обычай: после дел корыстолюбия и хищения никто не заботится омыться, но прямо возвращается домой, а после прелюбодеяния идут омыться, как бы всецело сделавшись нечистыми: так совесть стыдится по преимуществу этого греха! Тяжек и тот и другой грех, и корыстолюбие и прелюбодеяние, и (тот и другой) ввергают в геенну; но, делая все предусмотрительно, Павел показывает важность прелюбодеяния всем, чем только мог. "**Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа?**" (ст.19).

2. Не просто он сказал: Духа, но: живущего в вас, чтобы утешить слушателей, и в пояснение этих слов присовокупил: "**Которого имеете вы от Бога**"; указал Виновника, чтобы и возвысить их и устрашить величием дара и милостью Подателя. "**И вы не свои**". Это не только служит к обличению, но и побуждает к добродетели. Как, говорит, можешь ты делать, что хочешь? Ты не властен над собою. Говоря это, он не отвергает свободной воли. "**как словами: Все мне позволительно, но не все полезно**", он не отнимает у нас свободы, так и здесь, выражаясь: "**вы не свои**", он не нарушает свободной воли, но отклоняет от порока и показывает попечение о нас Владыки. Потому и присовокупляет: "**ибо вы куплены [дорогою] ценою**" (ст.20). Но если я сам не свой, то как ты требуешь от меня исполнения обязанностей? Как, продолжая речь, говоришь еще: "**посему прославляйте Бога**" в теле вашем и в духе вашем, "**которые суть Божии**"?

Что же значит: "**вы не свои**"? И что он хочет внушить чрез это? Утвердить нас, чтобы мы не грешили и не следовали неуместным похотям души. У нас бывает много неуместных пожеланий, но мы должны воздерживаться, и можем; а если бы мы не могли, то и увещание было бы излишне. Смотри, как он утверждает нас. Сказав: "**вы не свои**", не говорит далее: а подчинены необходимости, но: "**куплены [дорогою] ценою**". Почему же он так говорит? Здесь, иной быть может скажет, следовало бы показать, что у нас есть Владыка. Но это у нас общее с язычниками; а "**куплены [дорогою] ценою**" принадлежит исключительно нам. Он напоминает о величии благодеяния и образе нашего спасения, показывая, что мы искуплены тогда, как были чуждыми Ему, и не просто, но ценою. "**Посему прославляйте**", являйте Бога в теле вашем и в духе. Внушает не только телом не совершать прелюбодеяния, но и в духе души не помышлять ничего порочного и не удалять благодати. "**Которые суть Божии**" (ст.20). После слова: вашем, присовокупляет: "**которые суть Божии**", постоянно напоминая нам, что все у нас Владычне – и тело, и душа, и дух. Некоторые говорят, что под духом он разумеет здесь духовное дарование; когда оно бывает у нас, то Бог прославляется; а бывает оно тогда, когда мы имеем чистое сердце. Божиими же назвал он их не только потому, что Бог сотворил их, но и потому, что когда они сделались чуждыми Ему, Он вторично приобрел их ценою крови Сына. Смотри, как он относит все ко Христу, как возводит нас на небо. Вы, говорит, члены Христа, вы – храм Духа; не будьте же членами блудницы; вы бесчестите не свое тело, потому что это тело – не ваше, а Христово. Этими словами показывает человеколюбие (Христа), Который сделал наше тело Своим, и вместе пресекает нашу порочную власть (над ним). Если у вас, говорит, тело не ваше, то вы не имеете права бесчестить тело другого, особенно когда оно принадлежит Владыке, или осквернять храм Духа. Если вошедший в дом частного

человека и произведший в нем бесчинство подвергается великому наказанию, то, подумай, какому мучению подвергнется делающий храм Царя вертепом разбойника! Представляя все это, стыдись живущего в тебе; это – Утешитель; страшись сочетавшегося с тобою и усвоившего тебя Себе; это – Христос. Не сделался ли ты членом Христовым? Представляй это и будь целомудрен. Подумай, чьи были и чьими стали члены твои. Прежде они были членами блудницы, а Христос сделал их членами собственного тела. Потому ты уже не имеешь власти над ними, а должен служить Тому, кто освободил их. Если бы ты, имея дочь, по великой глупости продал ее содержателю блудниц на блудодеяние, а сын царя, случившийся при этом, освободил ее от такого рабства и взял себе в супружество, то ты уже не был бы властен отвести ее в распутный дом, после того, как однажды отдал и продал. То же и с нами. Мы продали плоть свою диаволу, этому жестокому содержателю блудниц, а Христос, видя это, исторгнул и освободил ее от этой злой власти; потому она принадлежит уже не нам, а освободившему ее. Пользоваться ею, как невестою царя, никто тебе не препятствует; если же будешь употреблять ее на прежние дела, то потерпишь то, что следует терпеть подобным оскорбителям. Итак надобно украшать ее, а не бесчестить. Ты не имеешь власти над плотию на удовлетворение порочных пожеланий, а только на исполнение заповедей Божиих. Подумай, от какого бесчестия Бог избавил ее. Естество наше прежде было бесчестнее всякой блудницы: разбои, убийства, всякий порочный помысл, входя в него, любодействовали с душою за малую и ничтожную цену – за скоропреходящее удовольствие; душа, сочетаваясь с порочными помыслами и деяниями, получала от них одно только это воздаяние.

3. Но это, бывшее прежде, хотя и тяжко, все же не так тяжко, а осквернятся после неба, после царствия, после приобщения страшных таин, – заслуживает ли это прощения? Или ты не думаешь, что с корыстолюбцами и со всеми вышеисчисленными грешниками совокупляется сам диавол? Или не думаешь, что он совокупляется и с женщинами, украшаюшими себя для сладострастия? Кто станет противоречить этому? Если же кто станет возражать, то пусть раскроет душу столь бесстыдных женщин, и он увидит, что злой дух тесно сочетался с ними. Трудно, возлюбленные, трудно, а может быть, и невозможно, украшая таким образом тело, украшать вместе и душу; заботясь об одном, приходится неизбежно опустить другое; то и другое по природе своей не может быть вместе. Потому (апостол) и говорит: "**совокупляющийся с блудницею становится одно тело: а соединяющийся с Господом есть один дух**". Последний становится духом, хотя и облечен телом, потому что если в нем нет ничего телесного, грубого и земного, если он только обложен телом, а вся власть принадлежит душе и духу, то Бог прославляется им. Потому нам и заповедано говорить в молитве: "**да святится имя Твое**" (Мф.6:9). И Христос говорит: "**да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Мф.5:16). Так прославляют Его небеса, не звук издавая, но своим видом возбуждая удивление и располагая к прославлению Создателя. Так будем прославлять Его и мы, или даже еще более; а мы можем это, если захотим. Не столько небо, день и ночь, сколько святая душа прославляет Бога. Кто взглянет на красоту неба, говорнт: слава Тебе, Боже, сотворившему такие дела; так и взглянувший на добродетель человека (будет говорить) то же, и даже гораздо более. При взгляде на творения, не все прославляют Бога, но многие говорят, что они существуют сами собой, а другие приписывают творение и промышление мира злым духам, впадая таким образом в крайне непростительный грех; но при взгляде на добродетель человека, никто не может быть настолько бесстыдным, а всячески прославит Бога, видя, что служащий Ему живет добродетельно. Кто не подивится, когда какой-нибудь человек, имея общую с другими природу, обращаясь среди людей, подобно адаманту, не сокрушается от множества страстей, – когда он среди огня, железа и зверей является крепче адаманта и преодолевает все силой благочестия, – когда его оскорбляют, а он благословляет, его

злословят, а он восхваляет, его обижают, а он молится за обижающих, его гонят, а он благодетельствует своим врагам и гонителям? Такие и подобные дела гораздо более неба прославят Бога. Язычники, взирая на небо, не стыдятся; но, видя святого мужа, строго исполняющего правила любомудрия, стыдятся и осуждают себя. Когда имеющий одинаковую с ними природу является столько выше их, сколько небо – земли, и даже еще более, то они невольно признают, что это совершается силой божественной; потому (Христос) и говорит: "**и прославят Отца вашего Небесного**". Хочешь ли еще видеть, как Бог прославляется жизнью рабов Своих, равно как и чудесами? Некогда Навуходоносор ввергнул в пещь трех отроков; но увидев, что огонь не коснулся их, "**сказал: благословен Бог, Который послал Ангела Своего и избавил рабов Своих**" из печи, "**которые надеялись на Него и не послушались царского повеления**" (Дан.3:95). Что говоришь ты? Тебе оказали презрение, а ты удивляешься презревшим? Да, говорит, за то самое, что они оказали мне презрение: это самое и представляет причиной удивления. Таким образом здесь не только знамение послужило к прославлению Бога, но и решимость ввержденных. Кто сравнит то и другую, тот увидит, что последняя не меньше первого. Решиться в душе своей быть ввергнуту в пещь, – это чудо не меньше того, как и остаться невредимым в пещи. Не изумительно ли, что царя вселенной, имевшего у себя столько оружия, войска, военачальников, правителей и наместников, обладавшего землей и морем, презрели пленные отроки, связанные преодолевали связавшего и победили все это воинство? Окружавшие царя не могли сделать с ними, что хотели, хотя призвали на помощь себе печь; а обнаженные, порабощенные, пришельцы и не многие числом – что в самом деле меньше трех? – будучи связаны, победили несметное воинство. Смерть уже была презираема, потому что имел придти Христос. Как пред восходом солнца, прежде нежели явятся лучи его, уже бывает виден свет дневной, так и пред восходом Солнца правды смерть уже стала отступать. Что может быть блистательнее этого зрелища? Что славнее этой победы? Что знаменитее этих новых трофеев?

4. То же бывает и с нами. И ныне есть царь вавилонской печи; и ныне он возжигает пламень сильнее того; и ныне есть повелевающий поклоняться истукану; у него есть и вельможи, и воины, и обольстительная музыка; и многие поклоняютея этому истукану, разнообразному и великому. Этот, подобный тому, истукан есть корыстолюбие, не пренебрегающее и железом, слагающееся из самых разнообразных вещей и заставляющее поклоняться всему, и меди, и железу, и вещам гораздо худшим. Но как есть это, так есть ныне и подражатели отроков, которые говорят: "**богам твоим служить не будем и**" образу твоему "**не поклонимся**", но лучше претерпим пещь нищеты и всякое другое бедствие за законы Божии. Обладающие многим и ныне также, как тогда, часто покланяются этому (истукану) и опаляются; а не имеющие ничего и презирают его, и находящиеся в нищете наслаждаются большей прохладой, чем живущие в изобилии, подобно тому, как и тогда ввергавшие были опалены, а ввержденные находились среди огня, как бы в воде и росе. И сам мучитель более отроков горел тогда в огне, который сильно был воспламенен в нем гневом его. У них огонь не мог коснуться даже оконечностей волос; а у него гнев сильнее огня сожигал душу. Представь, каково было ему перенести презрение от пленных отроков в глазах такого множества людей? Здесь он и показал, что и город их он взял не собственной силой, а за грехи многих, потому что если он не мог преодолеть связанных и притом ввержденных в печь, то как он мог бы победить их, если бы они все были таковыми? Очевидно, что грехи многих предали город. Посмотри и на то, как отроки были далеки от тщеславия. Они сами не бросались в пещь, но наперед уже соблюдали заповедь Христову: "**молитесь, чтобы не впасть в искушение**" (Мф.26:41); и не думали бежать, когда вели их, но смело вышли на средину; пе искали боя без вызова, и не устрашались после вызова, а были готовыми на все, мужественными и неустрашимыми. Послушаем, что говорили они, чтобы и отсюда узнать их любомудрое настроение. "**Есть Бог на небесах**", говорят они, "**Который силен**

избавить нас" (Дан.3:17); не о себе заботятся, но, готовясь на сожжение, беспокоятся о славе Божией. Чтобы ты как-нибудь, говорят, не обвинил Бога в бессилии, если мы будем сожжены, для этого мы прямо возвещаем тебе все наше исповедание: есть Бог на небесах, не такой, как этот земной истукан, бездушный и безгласный, но могущий исторгнуть и разженной пещи; не обвиняй же Его в бессилии за то, что Он попускает впасть в нее; Он так силен, что и ввержeнных нас может исхитить из пламени. "**Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся**" (ст.18). Смотри, как мудро и то, что они не знали будущего. Если бы они предвидели будущее, то не было бы удивительно то, что они сделали.

В самом деле, удивительно ли было бы, если бы они решились на опасность, будучи уверены в спасении? Бог прославился бы, смогший избавить их от печи, а они не были бы достойны удивления, как решившиеся на дело, не опасное для них. Потому Бог и оставил их в неведении будущего, чтобы более прославить их, и как они убеждали царя не обвинять Бога в бессилии, если бы они были сожжены, так и Бог сделал то и другое, и явил свою силу и показал во всей славе неустрашимость отроков. Отчего же у них, скажешь, могло быть сомнение и неуверенность в том, что они непременно спасутся? Оттого, что они признали себя ничтожными и недостойными такого благодеяния. А что это не моя догадка, видно из прискорбных слов, которые они произносили в печи: "**согрешили мы, и поступили беззаконно, мы не можем открыть уст**" (Дан.3:29,33); потому они и сказали: "**если же и не будет того**" (ст.18). Если же они не сказали этого ясно, – например так: Бог силен избавить нас, но если не избавит, то не избавит за грехи наши, – не удивляйся этому; тогда варвары подумали бы, что они под предлогом своих грехов скрывают бессилие Божие. Потому, сказав только о всемогуществе Божием, они не высказывают (упомянутой) причины. С другой стороны они хорошо научены были не испытывать судеб Божиих. После сказанных слов они пошли в огонь, и при том ни царя не поносили, ни истукана не ниспровергали. (Человек) доблестный таков и должен быть – благоразумен и кроток, особенно в опасностях, чтобы видно было, что он идет на подвиги не по раздражению и тщеславию, а по мужеству и благоразумию. Кто поносит, того подозревают в этих страстях; а кто терпит и, будучи влеком, совершает подвиги с кротостью, тому не только удивляются за его мужество, но не менее прославляют его и за благоразумие и кротость. Точно так поступили тогда и отроки: они явили и мужество и совершенную кротость, и сделали все не ожидая награды и возмездия, или воздаяния. И аще не восхощет, говорят они, изъяти нас, богом твоим не служим; мы получили награду уже в том, что удостоились быть непричастными нечестию и за то предать тела на сожжение. Так и мы, уже получив воздаяние, – а получили мы его в том, что удостоилиеь познать Бога и соделаться членами Христовыми, – не будем делать себя членами блудницы. Таким страшным словом следует заключить нашу беседу, чтобы, живо чувствуя страх угрозы, мы действием этого страха соблюдали себя чище золота. Так, отрешившись от прелюбодеяния, мы сможем узреть Христа, на Которого да сподобимся все мы воззреть с дерзновением в тот день, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 19

"А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины. Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа" (1Кор.7:1-2).

1. Исправив три весьма важные недостатка, во-первых, разделение церкви, во-вторых, (порок) кровосмесника и, в-третьих, корыстолюбие, (апостол) говорит теперь более

кротко, и между прочим предлагает наставление и совет касательно брака и девства, чтобы успокоить слушателей после тяжких укоризн. Во втором послании (к Коринфянам) он поступает иначе: начинает кротко, а оканчивает строго; здесь же, окончив речь о девстве, он опять обращается к обличениям, предлагая не все вдруг, но разнообразя свою речь тем и другим, сообразно с требованием времени и свойствами предметов. Говорит: "**а о чем вы писали ко мне**", потому что коринфяне писали к нему, должно ли воздерживаться от жены, или нет? Отвечая на это и постановляя правила о браке, он заводит речь и о девстве. "**Хорошо человеку не касаться женщины**". Если ты, говорит, ищешь блага весьма превосходного, то лучше совершенно не сочетаться с женщиной; если же ищешь состояния безопасного и сообразного с твоей немощью, то вступай в брак. А так как могло случиться, как и ныне бывает, что муж желает, а жена нет, или наоборот, то смотри, как он говорит о том и о другом. Некоторые утверждают, что слова его относятся к священникам; но я, принимая в соображение последующие слова, не могу с этим согласиться, – тогда он не преподал бы этого наставления в общем виде. Если бы он писал только о священниках, то сказал бы: хорошо учителю не касаться женщины; а теперь говорит вообще: "**хорошо человеку**", не священнику только; и еще: "**остался ли без жены? не ищи жены**" (ст.27). Не сказал: ты – священник и учитель, а неопределенно; такова и вся речь его вообще. Сказав: "**во избежание блуда, каждый имей свою жену**", он самой причиной дозволения побуждает к воздержанию. "**Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу**" (ст.3). Что значит: "**должное благорасположение**"? Жена не властна над своим телом, но есть и раба и вместе госпожа мужа.

Если ты уклоняешься от должного служения, то оскорбляешь Бога; если же хочешь уклониться, то лишь с дозволения мужа, хотя бы это и на короткое время. Потому и называет это дело должным, чтобы показать, что никто (из супругов) не властен над собой, но – рабы друг друга. Итак, когда ты видишь, что блудница искушает тебя, ты скажи: мое тело принадлежит не мне, а жене. То же пусть говорит и жена покушающимся нарушить ее целомудрие: мое тело принадлежит не мне, а мужу. Если же ни муж, ни жена не властны над своим телом, то тем более над имуществом. Послушайте, имеющие мужей и имеющие жен: если вам не следует считать тела своим, то тем более имущества. Правда, в некоторых местах и ветхого и нового завета отдается мужу великое преимущество; так говорится: "**к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою**" (Быт.3:16); и Павел в одном послании делает такое различие (между супругами): "**мужья, любите своих жен, а жена да боится своего мужа**" (Еф.5-25,33); но здесь (приписывается обоим) одинаковая власть, ни больше, ни меньше. Почему? Потому, что у него речь о целомудрии. В других отношениях, говорит, муж пусть имеет преимущество, а в целомудрии – нет, ни "**муж не властен над своим телом**", ни жена (ст.4). Большое равенство чести и никакого преимущества.

"**Не уклоняйтесь друг от друга**[1]**, разве по согласию**" (ст.5). Что это значит? Жена не должна, говорит, воздерживаться против воли мужа, и муж (не должен воздерживаться) против воли жены. Почему? Потому, что от такого воздержания происходит великое зло; от этого часто бывали прелюбодеяния, блудодеяния и домашнее расстройство. Ведь если иные, имея своих жен, предаются прелюбодеянию, то тем более (будут предаваться ему), когда лишены будут этого утешения. Хорошо сказал: не лишайте себя; то, что здесь назвал лишением, выше назвал долгом, чтобы показать, как велика их взаимная зависимость: воздерживаться одному против воли другого значит лишать, а по воле – нет. Так, если ты возьмешь у меня что-нибудь с моего согласия, это не будет для меня лишением; лишает тот, кто берет против воли и насильно. Это делают многие жены, совершая большой грех против справедливости и тем подавая мужьям повод к распутству и все приводя в расстройство. Всему должно предпочитать единодушие; оно всего важнее.

Если хочешь, докажем это опытом. Пусть будет жена и муж и пусть жена воздерживается, тогда как муж этого не хочет. Что произойдет? Не станет ли он тогда предаваться прелюбодеянию, или, если не станет прелюбодействовать, не будет ли скорбеть, беспокоиться, разжигаться, ссориться и причинять жене множество неприятностей? Какая польза от поста и воздержания, когда нарушается любовь? Никакой. Сколько неизбежно произойдет отсюда огорчений, сколько хлопот, сколько раздоров!

2. Если в доме муж и жена не согласны между собой, то их дом не лучше обуреваемого волнами корабля, на котором кормчий не согласен с рулевым. Потому (апостол) и говорит: "**не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве**". Здесь он разумеет молитву, совершаемую с особенным тщанием, потому что если бы совокупляющимся он запрещал молиться, то откуда бы взялось время для непрестанной молитвы? Следовательно можно и с женой совокупляться и молитъся; но при воздержании молитва бывает совершеннее. Не просто сказал: молитеся, но: да пребываете, потому что (брачное) дело только отвлекает от этого, а не производит осквернения. "**А потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана**". Чтобы ты не подумал, что это – закон, присоединяет и причину. Какую? "**Чтобы не искушал вас сатана**". А чтобы ты знал, что не диавол только бывает виновником прелюбодеяния, прибавляет: "**невоздержанием вашим**". "**Впрочем это сказано мною как позволение, а не как повеление. Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я**", в воздержании (ст.6-7). Так он часто поступает, когда поучает делам трудным, представляет в пример себя самого и говорит: "**подражайте мне**" (4:16). "**Но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе**" (7:7). Высказав сильное обличение в словах: невоздержанием вашим, он опять ободряет их и говорит: "**каждый имеет свое дарование от Бога**", выражая не то, будто эта добродетель не требует нашего усилия, но, как я сказал, ободряя их. Если (воздержание) есть дар, и человек сам нисколько не содействует, то для чего он продолжает: "**безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак**" (ст.8-9)? Видишь ли благоразумие Павла, как он и показывает превосходство воздержания, и не делает принуждения тому, кто не может воздержаться, боясь, чтобы не произошло падения? "**Ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться**". Показывает, как велика сила похоти. А смысл слов его следующий: если ты чувствуешь сильное влечение и разжжение, то избавь себя от труда и изнурения, чтобы тебе не развратиться. "**А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь**" (ст.10). Намереваясь повторить заповедь, ясно предписанную Христом, касательно того, что не должно разводитъся с женою, разве в случае прелюбодеяния, говорит: "**не я**". Сказанное выше не было ясно высказано (Христом), хотя и согласно с Его учением; а это Он изложил ясно; таково различие выражений: я и не я. А чтобы ты не принял слов (апостола) за человеческие, он присовокупляет: "**думаю, и я имею Духа Божия**" (ст.40). Что же это за заповедь, возвещенная Господом бракосочетавшимся: "**жене не разводиться**[2] **с мужем, – если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, – и мужу не оставлять жены своей**" (ст.11)? Так как случается, что супруги разлучаются или по воздержанию, или по другим причинам, или по неудовольствию, то он говорит: лучше, если бы этого совсем не было; если же это уже случилось, то пусть жена остается с мужем, хотя и не для совокупления, а для того, чтобы не знать никакого другого мужа. "**Прочим же я говорю, а не Господь: если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его**" (ст.12-13). Как, беседуя об удалении от блудников, (апостол) облегчил это дело, присовокупив: и не всяко блудником мира сего, так и здесь заботится, чтобы (заповедь) была весьма удобной к исполнению. Если, говорит, жена имеет мужа неверного или муж жену неверную, то они не должны оставлять друг друга. Что говоришь ты? Неверный должен оставаться с женой, а блудник нет? Блуд не маловажнее ли неверия?

Блуд маловажнее, но Бог сильно печется о твоей пользе. Так и о жертвоприношении Он говорит: "**оставь дар, и примирись с братом твоим**" (Мф.5:24). Так и в притче о должнике десяти тысяч талантов: того, кто был должен десять тысяч талантов, Он не наказал; а того, кто требовал от подобного себе раба сто динариев, наказал. Далее, чтобы жена не опасалась сделаться нечистой от сожития (с таким мужем, апостол) говорит: "**ибо неверующий муж освящается женою, и жена неверующая освящается мужем**" (1Кор.7:14). Но, если прилепляющийся к блуднице делается одним с нею телом, то не следует ли, что и прилепляющаяся к идолослужителю есть одно с ним тело? Так, она одно с ним тело, но не делается нечистой; а чистота жены побеждает нечистоту мужа, равно как чистота верного мужа побеждает нечистоту неверной жены.

3. Почему же здесь нечистота побеждается и сожитие дозволяется, а в случае прелюбодеяния жены мужу не возбраняется изгонять ее? Потому, что здесь есть надежда, что погибшая часть спасется чрез брак; а там брак уже нарушен; там оба лица растлеваются, а здесь виновно одно. Скажу примерно: впавшая однажды в прелюбодеяние нечиста; если же прилепляющийся к блуднице есть одно с нею тело и сам сделается нечистым, то они оба лишаются чистоты. А здесь не так, а как? Идолослужитель нечист, но жена не нечиста. Если бы она участвовала с ним в том, в чем он нечист, т.е. в нечестии, то и сама стала бы нечистой; а теперь в ином нечист идолослужитель, а в ином участвует с ним жена, в чем он не нечист, потому что в браке и совокуплении они взаимно участвуют. Притом здесь есть надежда, что жена неверного обратит его, так как она для него своя; а там это очень трудно. Как может жена, обесчестив прежде своего мужа, послужив другому и нарушив права супружества, сделать опять своим мужа, обиженного и сделавшегося для нее как бы чужим? После прелюбодеяния муж уже не муж: а здесь, если жена – идолослужительница, права мужа не нарушаются. Притом с неверным она живет не просто, а по его желанию. Потому (апостол) и сказал: и той благоволит жити с нею. И есть ли, скажи мне, какой вред от того, что они остаются в соединении, когда и благочестие сохраняется в целости, и остается благая надежда на обращение неверного, и избегаются поводы к напрасным ссорам? Здесь (апостол) говорит не о тех, которые еще не сочетались браком, но о сочетавшихся; он не сказал: если кто хочет вступить в брак с неверным, но: если кто имеет неверного, т.е. если кто после женитьбы или замужества примет благочестивое учение, а другое лицо останется в неверии и между тем пожелает жить вместе, то брак не расторгается. "**Ибо неверующий муж**", говорит, "**освящается женою**": таково обилие твоей чистоты! Как, неужели язычник свят? Нет, он не сказал: свят, но: "**освящается женою**"; сказал это не для того, чтобы признать язычника святым, а для того, чтобы как можно более успокоить жену и в муже возбудить желание истины. Нечистота заключается не в телах сочетающихся, а в произволении и помыслах. Затем представляется и доказательство: если ты, будучи нечистой, рождаешь дитя, которое происходит не от одной тебя, то неужели и оно нечисто или чисто только в половину? В настоящем случае оно не нечисто: "**иначе**", продолжает (апостол), "**дети ваши были бы нечисты, а теперь святы**", т.е. не нечисты. Называет их святыми для того, чтобы таким сильным названием опять отогнать опасение супругов. "**Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится**" (ст.15). Здесь дело уже не в прелюбодеянии. Что же значит: "**если же неверующий хочет развестись**"? Например, если он повелевает тебе приносить жертвы и участвовать в его нечестии по праву супружества, или уйти, то лучше оставить брак, нежели благочестие. "Брат или сестра в таких случаях не связаны". Если неверный ежедневно из-за этого оскорбляет и заводит ссоры, то лучше разлучиться. Это выражает (апостол) словами: "**к миру призвал нас Бог**". Он (неверный) сам подает к тому повод, подобно как и прелюбодействующий. "**Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа?**" (ст.16). Это относится к словам: "**не должна оставлять его**". Если муж не беспокоит тебя, то оставайся, говорит, с ним; от этого может быть и польза; оставайся и увещевай, советуй, убеждай; никакой учитель не может убедить так, как жена.

Впрочем (апостол) не принуждает ее и не требует этого от нее непременно, чтобы опять не возложить на нее слишком тяжкого бремени; советует не отчаиваться и оставляет это под сомнением, по неизвестности будущего. "**Почему ты**", говорит, "**знаешь, жена, не спасешь ли мужа? Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены?**" И далее: "**только каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал. Призван ли кто обрезанным, не скрывайся; призван ли кто необрезанным, не обрезывайся. Обрезание ничто и необрезание ничто, но все в соблюдении заповедей Божиих. Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван, не смущайся**" (ст.17-21). Все это, говорит, ничего не значит для веры; потому не спорь и не смущайся; вера выше всего этого. Каждый в каком призван звании, в том и оставайся. Призван ли ты в супружестве с женой неверной? Оставайся с ней; не изгоняй жены из-за веры. Призван ли рабом? Не заботься; оставайся рабом. Призван ли необрезанным? Оставайся необрезанным. Уверовал ли, будучи обрезанным? Оставайся обрезанным. Это и означают слова: каждому "**так, как Бог ему определил**". Все это не служит препятствием благочестию. Ты призван в состоянии раба, другой в супружестве с неверною, иной в обрезании.

4. Вот как он смотрит на рабство. Как обрезание нисколько не приносит пользы и необрезание нисколько не вредит, так равно и рабство и свобода. Но, чтобы показать это как можно яснее, он говорит: "**но если и можешь освободиться, лучшим воспользуйся**" (χρησαι), т.е., тем более служи. Для чего же он повелевает оставаться рабом тому, кто может сделаться свободным? Для того, чтобы показать, что рабство не только не вредит, но еще доставляет пользу. Знаю, что некоторые утверждают, будто слова: "**лучшим воспользуйся**" (μαλλον χρησαι) сказаны о свободе, и объясняют их так: если можешь сделаться свободным, то освободись. Но такая мысль была бы совершенно противна намерению Павла: утешая раба и доказывая ему, что рабство не причиняет ему никакого вреда, он не стал бы повелевать ему искать свободу, так как тогда иной мог бы сказать: а если я не могу сделаться свободным, то терплю унижение и вред?

Итак, Павел не это разумеет, а хочет показать, как я сказал прежде, что освобождающийся от рабства не получает никакой пользы: хотя бы, говорит, в твоей власти было сделаться свободным, ты лучше оставайся рабом. Затем приводит и причину: "**ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов**" (ст.22). В отношении ко Христу, говорит, тот и другой равны. Как ты – раб Христов, так и господин твой. Но каким образом раб может быть свободным? (Христос) освободил тебя не только от греха, но и от внешнего рабства, хотя ты остаешься рабом. Он не допускает ни рабу быть рабом, ни человеку оставаться в рабстве; это и чудно. Когда же раб бывает свободным, оставаясь рабом? Когда он освобождается от страстей и душевных болезней, когда не предается корыстолюбию, гневу и другим подобным страстям. "**Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков**" (ст.23). Это сказано не только рабам, но и свободным, потому что можно и в рабстве не быть рабом, и в свободе быть рабом. Когда же раб не бывает рабом? Когда он делает все для Бога, когда служит нелицемерно и не из человекоугодия: это и значит быть рабом людей и оставаться свободным. А когда свободный бывает рабом? Когда он служит людям в чем-нибудь худом, в чревоугодии, корыстолюбии, или честолюбии. Такой человек, хотя и свободен, порабощеннее всякого раба. Вот пример того и другого: Иосиф был рабом, но не раболепствовал людям, потому и в рабстве был свободнее всех свободных; он не покорился госпоже, склонявшей его к удовлетворению ее похоти. Госпожа напротив была свободна, но оказалась ниже всякого раба, обратившись к рабу и с лестью и с убеждением, и однако не смогши склонить его, свободного, к тому, чего он не хотел. Подлинно, он был не рабом, но в высшей степени свободным: разве рабство послужило ему препятствием к добродетели? Послушайте вы, рабы и свободные: кто

оказался рабом, тот ли которого просили, или та, которая просила? Та ли, которая убеждала, или тот, который презрел ее убеждения? Так, есть пределы рабства, положенные Богом, есть законы, до чего оно может простираться, которых преступать не должно. Когда господин не требует ничего, противного воле Божией, тогда должно повиноваться ему и покоряться; а простираться далее не должно: так раб остается свободным! Если же ты простираешься далее, то делаешься рабом, хотя и свободен. Это внушает (апостол) словами: "**не делайтесь рабами человеков**". А если бы не так, если бы он повелевал оставлять господ и стараться получить свободу, то как он стал бы говорить следующее: "**в каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся пред Богом**" (ст.24)? И в другом месте: "**Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести. Те, которые имеют господами верных, не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья, и благодетельствуют им**" (1Тим.6:1-2)? То же самое он повелевает и заповедует в посланиях к Ефесеям (6:5) и Колоссянам (3:22). Отсюда видно, что он отвергает не внешнее рабство, а происходящее от пороков, бывающее и с свободными, и самое тяжкое, хотя бы подвергался ему человек свободный. Какую пользу получили братья Иосифа от того, что они были свободны? Не оказались ли они раболепнее всякого раба, обманув отца, солгав пред купцами и пред братом? А он был не таков, но везде и во всем был правдив и оставался свободным; и его ничто не могло поработить, ни узы, ни рабство, ни любовь госпожи, ни пребывание в чужой земле, – всегда он оставался свободным. Это и есть высшая свобода, которая сияет и в рабстве.

5. Таково христианство: оно и в рабстве доставляет свободу. Как тело, по природе своей уязвимое, оказывается неуязвимым тогда, когда, будучи поражаемо стрелой, не терпит никакого вреда, так и истинно свободный оказывается таким тогда, когда, находясь под властью господ, не делается рабом. Потому (апостол) и повелевает оставаться в рабстве. Если бы рабу невозможно было быть христианином, каким следует быть, то язычники обвиняли бы благочестие в большой немощи; но узнав, что рабство нисколько не препятствует благочестию, они удивятся проповеди. Подлинно, если нам не причиняют вреда ни смерть, ни бичевания, ни узы, то тем более рабство; если огонь, железо, тысячи насилий, болезни, бедность, дикие звери и другие жесточайшие и бесчисленные бедствия не причинили вреда верующим, а еще сделали их и сильнейшими, то как может повредить им рабство? Вредно не это рабство, возлюбленный, а рабство истинное – рабство греху. Если ты не подвергся ему, то дерзай и радуйся; тебе никто не может причинить никакого зла, потому что ты чужд рабства в душе своей. Если же ты подвергся ему, то, хотя бы ты был тысячекратно свободен, свобода не принесет тебе никакой пользы. Что пользы, скажи мне, если ты человеку не служишь, а страстям раболепствуешь? Люди часто умеют и щадить, а эти властители никогда не насыщаются твоими бедствиями. Ты служишь человеку? Но и тебе служит господин; он доставляет тебе пропитание, заботится о твоем здоровье, одежде, обуви и о всем прочем; не столько ты боишься оскорбить господина, сколько он беспокоится, чтоб ты не терпел недостатка в необходимом. Но он возлежит, а ты стоишь? Что ж из этого? Это случается не только с ним, но и с тобой. Часто, когда ты лежишь и сладко спишь, он не только стоит, но и терпит множество неприятностей на торжище и лишается сна хуже тебя. Что же? Потерпел ли Иосиф от госпожи что-нибудь такое, что потерпела она от своей страсти? Он не исполнил того, к чему она хотела принудить его, а она исполнила все, что повелевала ей госпожа ее, т.е. похоть, которая не прежде отстала от нее, пока довела ее до посрамления. Какой господин, какой жестокий тиран даст такие приказания? Проси, говорит, своего раба, умоляй пленника, прельщай невольника; если он отвергнет тебя, снова приступай; если, несмотря на частые твои предложения, он не изъявит согласия, найди уединенное место, употреби насилие и предай себя посмеянию. Что бесчестнее, что постыднее таких внушений? Если же ты и после того не будешь иметь успеха, то оклевещи его и обмани мужа. Какие низкие, какие

постыдные приказания, какие жестокие, бесчеловечные и безумные! Повелевает ли какой-нибудь господин то, что повелевала тогда похоть этой женщине – царице? И она не смела ослушаться. С Иосифом ничего такого не было, напротив все послужило к его славе и чести. Хочешь ли видеть и другого мужа, который получил множество приказаний от жестокой госпожи, и не смел ослушаться?

Припомни Каина, как им овладела зависть. Она повелела ему убить брата, солгать пред Богом, огорчить отца, оказаться бесстыдным, и он сделал все и не ослушался ни в чем. Но удивительно ли, что над одним (человеком) эта госпожа имела такую силу? Она часто погубляла целые народы. Так жены мадиамские едва не пленили и не поработили иудеев, прельщая всех их своей красотой (Числ.25). От такого рабства и предохраняет Павел, когда говорит: "**не делайтесь рабами человеков**", т.е. не повинуйтесь людям, когда они повелевают что-нибудь постыдное, и даже самим себе. Таким образом очистив и возвысив ум слушателей, он говорит далее: "**относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть Ему верным**" (1Кор.7:25). Продолжая речь, он постепенно доходит наконец и до девства; научив и вразумив их (коринфян) беседой о воздержании, он переходит к высшему предмету и говорит: не имею повеления, но "**за лучшее признаю**" (ст.26). Почему? По той же причине, какую он привел в беседе о воздержании. "**Соединен ли ты с женой? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены**" (ст.27). Эти слова не противоречат прежним, но совершенно согласны. Там он говорил: "**разве по согласию**"; и здесь говорит: "**соединен ли ты с женой? не ищи развода**". Одно не противоречит другому, потому что совершаемое против воли есть расторжение; а если оба (муж и жена) воздерживаются по согласию, это – не расторжение.

6. Чтобы сказанное не было принято как закон, (апостол) присовокупляет: "**впрочем, если и женишься, не согрешишь**" (ст.28). Далее ссылается на обстоятельства, настоятельную нужду, стеснительное время и скорбь. Брак сопровождается многими затруднениями, на которые он и указывает как здесь, так и в беседе о воздержании. Там он говорил: жена не владеет собою; а здесь говорит: "**соединен ты**". "**И если девица выйдет замуж, не согрешит**": разумеет не деву, избравшую девство; такая (вступая в брак) грешит. Если осуждаются вдовы, которые, однажды решившись оставаться во вдовстве, вступают во второй брак, то тем более девы. "**Но таковые будут иметь скорби по плоти**". Но, скажешь, вместе и удовольствие. И это, смотри, как (Павел) ограничил краткостью времени: "**время**", говорит, "**уже коротко**" (ст.29), т.е. нам заповедано уже идти отсюда и готовиться к исходу, а ты стремишься внутрь. Если бы брак не сопровождался никакими скорбями, и в таком случае надлежало бы стремиться к будущему; если же он сопровождается скорбями, то какая нужда налагать на себя бремя? Какая необходимость принимать на себя такое бремя, которое и приняв должно нести так, как бы не приняв? "**Так что имеющие жен**", говорит, "**должны быть, как не имеющие**". Сказав нечто о будущем, далее он опять обращается к настоящему, – именно: духовное, что одна заботится о делах мужа, другая же о делах Божиих (ст.34); а житейское, что "**хочу, чтобы вы были без забот**" (ст.32). Впрочем и это он предоставляет на их волю. Кто, указав достойное избрания, снова понуждает к этому, тот как бы не доверяет собственным словам; (а Павел) самой уступчивостью еще более побуждает и склоняет: "**говорю это**", говорит, "**для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно**[3] **и непрестанно служили**" (ст.35). Пусть девы слышат, что не этим определяется девство: та, которая заботится о мирском, не есть благообразная дева. Сказав: Есть разность между замужнею и девицею, (апостол) здесь объясняет, в чем состоит их различие друг от друга. Отличительным признаком девы и не девы он поставляет не брак и не воздержание, а свободу от забот (у одной) и множество забот (у другой). Не сожитие есть зло, а препятствие к любомудрию. "**Если же кто почитает**

неприличным для своей девицы" (ст.36). Здесь, по-видимому, он говорит о браке, но все направляет к речи о девстве; дозволяя и второй брак, говорит: "**только о Господе**" (ст.39). Что значит: о Господе? С целомудрием, с честностью. Эти добродетели везде нужны, и о них должно заботиться; иначе невозможно узреть Бога, Если мы не будем теперь распространяться о девстве, пусть никто не обвиняет нас в лености. Об этом предмете нами составлена целая книга, в которой мы изложили все с возможной точностью, и потому считаем излишним опять повторять здесь то же самое. Отсылая туда слушателя, скажем здесь только, что должно соблюдать воздержание: "**старайтесь иметь мир**", говорит (апостол), "**и святость, без которой никто не увидит Господа**" (Евр.12:14). Итак, чтобы нам удостоиться узреть Бога, будем, в девстве ли, в первом ли браке, или во втором, преуспевать в этой добродетели, и мы сподобимся царствия небесного, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1]Гр. "μη αποστερειτε αλληλους"= не лишайте(себя) друг друга

[2]Гр. χωρισθηναι="разлучаться" – Златоуст, очевидно, понимает под этим не формальный развод, а прекращение брачного общения

[3] Гр. ευσχημον=благообразно

БЕСЕДА 20

"О идоложертвенных яствах мы знаем, потому что мы все имеем знание; но знание надмевает, а любовь назидает" (1Кор.8:1).

1. Нужно наперед сказать, что здесь имеет в виду (апостол), тогда и будет понятна нам речь его. Кто видит кого-нибудь обвиняемым и не узнает наперед свойства вины его, тот не может понять сказанного. В чем же (апостол) обвиняет здесь коринфян? В преступлении великом и причинявшем множество зол. В каком же именно? Многие из них, зная, что "**не входящее оскверняет человека, а исходящее**" (Мф.15:17-18), и что идолы, т.е. деревья, камни, демоны, не могут ни вредить, ни приносить пользу, употребляли такое совершенное знание неблагоразумно, ко вреду другим и себе. Они входили в капища, участвовали там в трапезах, и таким образом производили большую гибель. Те, которые еще боялись идолов, не научились презирать их и принимали участие в этого рода вечерях, видя, что и совершеннейшие делают то же, получали от того великий вред (так как они касались предлагаемого не с таким расположением, с каким совершенные, но как идоложертвенного, чем и поддерживалось идолослужение); вместе с тем и сами совершенные впадали в немаловажный грех, пользуясь бесовскими трапезами. Вот в чем состояла вина (коринфян)! Блаженный (апостол), желая исправить это, не вдруг употребляет слова обличения; происходившее у них было следствием более неразумия, нежели развращения, а потому нужно было вначале употребить более увещание, нежели сильное и гневное обличение. И смотри, с каким благоразумием он тотчас же начинает увещание. "**О идоложертвенных яствах мы знаем, потому что мы все имеем знание**". Оставив слабых, как он всегда делает, наперед обращает речь свою к сильным. То же самое он делает и в послании к Римлянам, когда говорит: "**а ты что осуждаешь брата твоего?**" (14:10). Такой (человек) удобнее может принять внушение. Также он поступает и здесь: сперва низлагает гордость их, замечая, что совершенное знание, которое они считали своим особенным преимуществом, принадлежит всем вообще. "**Мы знаем**",

говорит, "**потому что мы все имеем знание**". Если бы он оставил без внимания их высокомерие и стал наперед доказывать, что поведение их причиняет вред другим, то не столько принес бы пользы, сколько повредил бы. Душа честолюбивая, гордясь чем-нибудь, хотя это и соединено со вредом для других, не смиряется, пока тщеславие владеет ею. Потому Павел наперед раскрывает дело само по себе, как он прежде поступил и с мирской мудростью, когда решительно отвергал ее. Но там он справедливо мог поступить так, потому что все в ней было достойно полного осуждения и весьма легко было доказать, что она не только излишня, но и противна проповеди. А здесь нельзя было поступить так же, потому что предметом речи было знание и притом совершенное знание. Отвергать это знание было не безопасно, а с другой стороны нельзя было иначе низложить гордость, которая происходила отсюда. Что же он делает? Показывает наперед, что то (знание) принадлежит всем вообще, и тем смиряет гордость их, потому что обладающие чем-нибудь великим и прекрасным, обладая одни, более превозносятся, а когда обнаружат, что и другие имеют то же самое, то уже не столько превозносятся. Потому, во-первых, он обобщает то, что коринфяне присвояли себе одним; и обобщив, не представляет себя самого участником знания, чтобы они оттого не возгордились еще более, потому что как имеющий что-нибудь один превозносится, так превозносится и тот, у кого один или два соучастника из людей знатных. Потому он не указывает на себя самого, а на всех; не говорит: и я имею знание, но: "**мы знаем, потому что мы все имеем знание**". Таким образом, этим первым доводом он сильно поразил их гордость, а вторым еще сильнее. Каким же? Тем, что самое знание не только не полно, но и весьма не совершенно, и не только не совершенно, но и вредно, если с ним не будет соединено нечто другое. Сказав: "**потому что мы все имеем знание**", он присовокупляет: "**но знание надмевает, а любовь назидает**"; если знание не соединено с любовию, то оно производит гордость. Но, скажешь, и любовь без знания не приносит никакой пользы. Не об этом он говорит; оставляя это, как всем известное, он доказывает, что знание имеет великую нужду в любви. Кто любит, тот, как исполняющий главнейшую из всех заповедей, хотя бы и пмел какие-нибудь недостатки, при помощи любви скоро может приобрести знание, подобно Корнилию и многим другим; а кто имеет знание, не имея любви, тот не только ничего не приобретет, но часто теряет и то, что имеет, впадая в гордость. Таким образом знание не производит любви, а напротив удаляет ее от человека невнимательного, порождая в нем гордость и надменность. Гордость производит разделения; а любовь соединяет и ведет к знанию. Это выражает (апостол), когда говорит: "**но кто любит Бога, тому дано знание от Него**" (ст.3). Я не запрещаю, говорит, иметь совершенное знание, но заповедую иметь его вместе с любовью; (иначе) оно не только бесполезно, но даже вредно.

2. Видишь ли, как он уже предначинает речь о любви? Так как все зло происходило не от совершенного знания, а от недостатка любви и снисхождения к ближним; так как от этого происходили у них разделения, надменность и все прочее, в чем он обличал их и прежде и после, – то он непрестанно старается внушить им (любовь, как) источник благ. Что вы, говорит, гордитесь знанием? Если не будете иметь любви, то оно принесет вам вред, – ведь что хуже гордости? Если же будете иметь любовь, то и знание будет надежно; когда знаешь более ближнего и любишь его, то не станешь превозноситься, но и ему сообщишь то же. Потому сказав: "**знание надмевает**", он присовокупляет: "**а любовь назидает**". Не сказал: смиряет, а выразил нечто гораздо важнейшее и полезнейшее; знание не только надмевает, но и производит разделение, – потому противопоставил одно другому. Далее представляет и третий (довод), который мог смирить их. Какой же? Тот, что наше знание, хотя бы и соединено было с любовью, однако и тогда несовершенно: "**кто думает**", продолжает он, "**что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать**" (ст.2). Сильный довод! Я уже не говорю, внушает он, что знание принадлежит всем вообще; не говорю, что, ненавидя ближнего и надмеваясь, ты причиняешь великий вред

себе самому; хотя бы ты один владел знанием, хотя бы не гордился, хотя бы и любил брата, – и в таком случае знание твое несовершенно, потому что ты еще не знаешь ничего, как должно знать. Если же мы ни о чем не имеем точного познания, то как некоторые дошли до такого безумия, что говорят, будто они со всей точностью знают Бога? Хотя бы мы имели точное познание обо всем другом, и тогда не можем иметь такого познания (о Боге), потому что невозможно выразить, как велико расстояние между Ним и всем прочим. И смотри, как он низложил гордость их. Не сказал: вы не имеете надлежащего познания о предложенных (предметах), но – обо всем вообще; не сказал: вы, но: всякий, Петр ли, Павел, или кто бы то ни было. Этим он превосходно и утешил и смирил их. "**Но кто любит Бога, тому дано знание от Него**[1]" – не сказал: познал Его, но: познан Им (ст.3), потому что не мы познали Бога, а Он познал нас. Потому и Христос говорит: "**не вы Меня избрали, а Я вас избрал**" (Ин.15:16). И Павел в другом месте: "**тогда познаю, подобно как я познан**" (1Кор.13:12). Заметь же, сколькими доводами он низложил гордость их: во-первых, показал, что не одни они зпают то, что знают: "**все мы**", говорит, "**имеем знание**", во-вторых, – что знание без любви вредно: разум, говорит, кичит; в-третьих, – что и соединенное с любовью не бывает полно и совершенно: "**кто думает**", говорит, "**что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает так, как должно знать**" притом, это (знание) они имеют не от себя, а от Бога, даровавшего им, потому что не сказал: познал Бога, но: познан Им; и еще, это (знание) зависит от любви, которой они не имеют столько, сколько нужно: "**но кто**", говорит, "**любит Бога, тому дано знание от Него**". Смирив таким образом гордость их, он начинает излагать учение и говорит: "**итак об употреблении в пищу идоложертвенного мы знаем, что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого**" (ст.4). Смотри, в каком он находился затруднении. Он хочет доказать два предмета, и то, что надобно воздерживаться от такой трапезы, и то, что она не может вредить вкушающим от нее; эти предметы не совсем согласуются между собой. Слыша, что (идольские жертвы) не причиняют вреда, (коринфяне) могли пользоваться ими, как безразличными; а слыша запрещение прикасаться к ним, они моглн подозревать, что эти вещи запрещены потому, что могут вредить. Потому, опровергнув понятие об идолах, первой причиной воздержания он поставляет соблазн братий. "**Итак об употреблении**", говорит, "**в пищу идоложертвенного мы знаем, что идол в мире** ничто". Опять обобщает это знание, не усвояет его им одним, а приписывает всей вселенной. Не у вас только, говорит, но по всей земле известпо это учение. Какое? "**Что идол в мире ничто, и что нет иного Бога, кроме Единого**". Но разве нет идолов? Разве нет кумиров? Есть; но они не имеют никакой силы, и не боги, а камни и демоны. Он обращается теперь к людям двоякого рода, более грубым и более любящим рассуждать; одни не видят в идолах ничего, кроме камней, а другие полагают, что в них живут некоторые силы, которые и называют богами. Первым он говорит: "**идол в мире ничто**"; а последним: "**нет иного Бога, кроме Единого**".

3. Видишь ли, как он излагает это учение не просто, а приспособительно к язычникам? И везде надобно смотреть, безотносительно ли он говорит что-нибудь, или относительно к кому-нибудь. Это немало может способствовать нам как точному познанию учения и к уразумению сказанного. "**Ибо хотя и есть так называемые боги, или на небе, или на земле, так как есть много богов и господ много, – но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им**" (ст.5-6). Так как он сказал, что идол – ничто и нет [другого Бога, а между тем были и идолы и так называемые боги, то, чтобы не подумали, что он отвергает очевидное, присовокупляет: "**ибо хотя и есть так называемые боги"**: хотя и есть (боги), не просто (боги), а так называемые, т.е. не действительно существующие, а только так называемые. "**Или на небе, или на земле**". На небе разумеет солнце, луну и остальной хор светил, потому что язычники поклонялись и им; а на земле – бесов и всех обоготворенных людей. "**Но у нас один Бог Отец**". Прежде не употребил слова: Отец, когда сказал: "**нет иного**

Бога, кроме Единого"; А теперь, когда решительно отверг их (языческих богов), прибавляет и это слово. Потом приводит важнейшее доказательство божества, именно: "**из Которого все**". Отсюда видно, что эти (идолы) – не боги: "**боги**", говорит (Писание), "**которые не сотворили неба и земли, исчезнут**" (Иер.10:11). Далее предлагает и другое не менее важное (доказательство): "**и мы для Него**". Словами: "**из Которого все**" он указывает на сотворение и приведение из небытия в бытие; а словами: "**и мы для Него**" указывает на веру и соединение с Ним, как он говорил и выше: "**от Него и вы во Христе Иисусе**" (1:30). Мы от Него двояким образом: по бытию и по вере, которая также есть творение, как он говорит в другом месте: "**дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека**" (Еф.2:15). "**И один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им**". Сказанное надобно опять разуметь и о Христе; чрез Него род человеческий приведен и из небытия в бытие, и от заблуждения к истине, так что выражение: "**Которым**"[2] не значит – без Христа; мы сотворены Им чрез Христа. Самые названия, употребленные апостолом, не надобно разуметь так, будто бы исключительно принадлежали – Сыну название Господь, а Отцу название Бог. В Писании часто употребляется одно вместо другого, например, когда говорится: "**сказал Господь Господу моему**" (Пс.109:1); и еще: "**посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой**" (Пс.44:8); и еще: "**от них Христос по плоти, сущий над всем Бог**" (Рим.9:5). И во многих других местах эти названия употребляются одно вместо другого. Если бы каждое из них исключительно принадлежало одному Лицу, если бы Сын не был Богом и таким Богом, как Отец, а был бы только Сыном, то Павел, сказав: но нам один Бог, напрасно прибавил бы слово: Отец, для означения Нерожденного, потому что для этого достаточно было бы сказать слово: Бог, если бы оно принадлежало Ему одному. Не только это, но и другое еще можно сказать. Если же бы ты сказал, что Бог назван единым, а следовательно имя Бога не свойственно Сыну, то смотри: и о Сыне сказано то же самое; и Сын назван единым Господом; однако мы не говорим, что поэтому имя Господа свойственно Ему одному. Потому, какое значение имеет слово: один по отношению к Сыну, такое же и по отношению к Отцу; как то, что Сын называется одним Господом, не препятствует Отцу быть Господом и таким же Господом, как Сын, так и то, что Отец называется одним Богом, не препятствует Сыну быть Богом и таким же Богом, как Отец. Если же кто спросит: почему (апостол) не упомянул о Духе? – то мы ответим: потому, что он говорил к идолослужителям и опровергал их учение о множестве богов и множестве господ. Потому Он и назвал Отца Богом, а Сына Господом. Если же он не решился здесь назвать Господом Отца вместе с Сыном, чтобы не думали, что он признает двух Господ, равно назвать Богом Сына вместе с Отцом, чтобы не подумали, что он признает двух Богов, то удивительно ли, что он не упомянул о Духе? Он здесь имел в виду язычников и доказывал, что мы не признаем многобожия; потому и повторяет часто слово: один: "**нет**", говорит, "**иного Бога, кроме Единого**", и: "**нам один Бог и один Господь**". Отсюда видно, что он, из снисхождения к немощи слушателей, употребил такой образ речи и из-за этого не упомянул о Духе. А если бы не так, то и в других местах не следовало бы упоминать о Духе и поставлять Его наравне с Отцом и Сыном. Если бы (Дух) не был равен Отцу и Сыну, то особенно не следовало бы поставлять Его наравне (с Ними) в крещении, в котором преимущественно открывается достоинство Божества и сообщаются такие дары, которые сообщать свойственно одному Богу.

4. Таким образом я показал причину, почему здесь умолчано (о Духе). Если же не так, то ты скажи: почему Он поставляется наравне (с Отцом и Сыном) в крещении? Не можешь указать другой причины, кроме той, что Они равночестны. Потому (и Павел), когда нет подобной надобности, смотри, как поставляет Их вместе, говоря: "**благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца, и общение Святаго Духа со всеми вами**" (2Кор.13:13). И еще: "**дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же**" (1Кор.12:4-6). А здесь он обращает речь к язычникам, и притом к слабейшим из язычников, и потому пока

умалчивает (о Духе). То же делают и пророки по отношению к Сыну: они нигде ясно не упоминают о Нем по немощи слушателей. "**Но не у всех знание**", продолжает (апостол) (ст.7). Какое знание? О Боге или о жертвах идольских? Здесь он указывает или на язычников, которые признавали многих богов и господ и не знали Бога истинного, или на слабейших из братий[3], которые еще не сознавали ясно, что не должно бояться идолов и что "**идол в мире ничто**". Этими словами он слегка утешает и ободряет их, так как здесь не следовало высказывать всего, особенно потому, что он намеревался после с большой силой вразумлять их.

"**Некоторые и доныне с совестью, [признающею] идолов, едят [идоложертвенное] как жертвы идольские, и совесть их, будучи немощна, оскверняется**". Еще доныне, говорит, боятся идолов. Не указывай мне на настоящее состояние, в котором ты находишься, приняв благочестие от предков, но обратись мыслью к тем временам, когда лишь только началась проповедь, когда еще господствовало нечестие, курились жертвенники, совершали жертвоприношения и возлияния, когда еще было весьма много язычников, и представь, что должны были чувствовать те, которые наследовали нечестие от предков, произошли от таких отцов, дедов и прадедов, терпели от злых духов множество зол, и лишь только обратились в христианство, – как они должны были страшиться и трепетать козней диавола. Их и разумеет (апостол), когда говорит: "**некоторые и доныне с совестью, [признающею] идолов**", не называет их прямо, чтобы не оскорбить их, и не совсем умалчивает, а упоминает о них неопределенно: "**некоторые**", говорит, "**и доныне с совестью, [признающею] идолов, едят [идоложертвенное] как жертвы идольские**", т.е. с такими же мыслями, с какими ели прежде. "**И совесть их, будучи немощна, оскверняется**", потому что еще не может считать за ничто и совершенно презирать этих жертв, но остается еще в сомнении. Как если бы кто, прикасаясь к мертвецу, считал это осквернением для себя, по иудейскому образу мыслей, а потом видя, что другие с чистой совестью прикасаются к нему, и касаясь не с той же самой мыслью, осквернился бы, так было тогда и с ними (коринфянами). "**Некоторые и доныне с совестью, [признающею] идолов**". Не напрасно сказал: даже доныне, но чтобы показать, что без снисходительности (к ближним) нисколько не получается пользы, и что следует вразумлять их не так, а иначе, например, словом и учением. "**И совесть их, будучи немощна, оскверняется**". Доселе не говорит еще о сущности дела, а только всячески обращает внимание на совесть вкушающего, опасаясь, чтобы, исправляя слабого, не оскорбить сильного и не сделать его также слабым; равно щадит того и другого; даже не допускает их и помыслить что-нибудь такое, но пространно раскрывает свою мысль, чтобы не родилось какое-нибудь недоумение. "**Пища не приближает нас к Богу: ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем**" (ст.8). Видишь ли, как он опять низлагает гордость их? Сказав, что не только они, но и "**все мы имеем знание**", что никто "**ничего еще не знает так, как должно знать**", и что "**знание надмевает**", потом, утешив их словами, что "**не у всех знание**" и что иные еквернятся по немощи, и (предупреждая), чтобы они не сказали: какое нам дело, что не все имеют такое знание? – а почему такой-то не имеет знания? – почему он немощен? – чтобы они не возразили в этом смысле, (апостол) не прямо переходит к заключению, что надобно воздерживаться (от жертв идольских), чтобы не причинить вреда ближнему, но, предварителью только указав на это, внушает нечто более важное. Что же такое? То, что хотя бы (невоздержание) и не причиняло никому вреда и не соблазняло ближнего, – и в таком случае не должно этого делать, потому что это было бы дело бесполезное. Кто знает, что какое-нибудь дело, хотя причиняет вред другому, но ему самому приносит пользу, тот не скоро оставит его, но скорее оставит тогда, когда убедится, что и он сам не получит от того никакой пользы. Потому он наперед и говорит: "**пища не приближает нас к Богу**". Видишь ли, как он унижает то, что по-видимому происходило от совершенного знания? "**Ибо, едим ли мы, ничего не приобретаем**", т.е. заслуживаем

благоволения Божия, как бы сделав что-нибудь доброе и великое; "**не едим ли, ничего не теряем**", т.е. не получаем какой-нибудь урон.

5. Таким образом доселе он доказывал, что (ядение жертв идольских) излишне и ничтожно, так как что не приносит пользы, когда есть, и не вредит, когда нет, то излишне. Далее показывает весь происходящий от того вред, и наперед вред для братии. "**Берегитесь однако же**", говорит, "**чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных**" (ст.9). Не сказал: власть ваша служит преткновением, не выразил этого положительно, чтобы они не сделались более бесстыдными, – но как? Берегитесь, говорит, возбуждая в них опасение, стыд и решимость не делать этого. Не сказал: это знание ваше, или: совершенство ваше, что означало бы больше похвалу, но: свобода, чем выражалось более их бесстыдство, дерзость и гордость. Не сказал: братиям, а: немощным из братий, увеличивая виновность их тем, что они не щадят даже немощных, и притом братий. Ты не исправляешь и не поднимаешь брата, – пусть будет так; но для чего поставляешь ему препятствие и доводишь его до падения, тогда как надлежало бы подать руку? Ты не хочешь помочь ему; по крайней мере не повергай же его. Если он порочен, то имеет нужду в исправлении; а если немощен, то ему нужно врачевание. Между тем он не только немощен, но и брат твой. "**Ибо если кто-нибудь увидит, что ты, имея знание, сидишь за столом в капище, то совесть его, как немощного, не расположит ли и его есть идоложертвенное?**" (ст.10). Сказав: блюдите, да не како власть ваша сия преткновение будет, он объясняет, как и каким образом это бывает. Постоянно указывает на немощь, чтобы не подумали, что вред происходит от свойства самого дела, и чтобы демоны не представлялись страшными. Теперь, говорит, (брат твой) близок к тому, чтобы совершенно оставить идолов; но когда он видит, что ты охотно ходишь к ним, то принимает это за руководство для себя и сам делает то же. Таким образом соблазн происходит не только от его немощи, но и от твоего неблагоразумия; ты делаешь его еще более немощным. "**И от**" ядения[4] (βρώσει) "**твоего погибнет немощный брат, за которого умер Христос**" (ст.11). Наносимый тобою вред непростителен по двум причинам: потому, что ближний твой немощен, и потому, что он брат твой: но есть еще и третья причина, самая страшная. Какая? Та, что Христос не отказался умереть за него, а ты не хочешь даже оказать ему снисхождения. Этими словами (апостол) напоминает совершенному, чем он сам был прежде, и что Христос умер за него. Не говорит: за которого тебе надлежало бы умереть, но гораздо сильнее: "**за которого умер Христос**". Владыка твой не отказался умереть за него, а ты не обращаешь на него никакого внимания, не хочешь для него воздержаться даже от нечистой трапезы, но попускаешь ему погибнуть после того, как таким образом совершено его спасение, и, что всего тяжелее, из-за пищи. Не сказал: от твоего совершенства, или: от твоего знания, но: от твоей пищи. Итак, здесь четыре вины, и весьма важные, именно: твой брат, немощный, столь любезный Христу, что Он даже умер за него, н притом из-за пищи подвергается погибели. "**А согрешая таким образом против братьев и уязвляя немощную совесть их, вы согрешаете против Христа**" (ст.12). Видишь ли, как постепенно и мало-по-малу он доказал, что вина их есть самое тяжкое преступление? И здесь опять упоминает о немощи их (соблазняемых), обращая везде на собственную голову их (соблазняющих) то, что они приводили в свое оправдание. Не сказал: соблазняя, но: уязвляя[5], чтобы таким выразительным словом показать жестокость их. В самом деле, кто может быть жесточе человека, который бьет больного? А соблазн тяжелее всякого удара; он нередко причинял даже смерть. Но почему соблазняющие грешат против Христа? Во-первых, потому, что касающееся рабов Его Он усвояет Себе; во-вторых, подвергающиеся биению составляют тело Его и члены Его; в-третьих, они (бьющие), по гордости своей, разрушают дело, которое Он совершил Своей смертью. "**И потому, если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек**" (ст.13). Поступает, как отличный наставник, доказывая собственным примером то, чему учит. Не говорит: будет ли это справедливо, или

несправедливо, но как бы то ни было. Я уже не говорю, продолжает он, об идольских жертвах, которые непозволительны и по другой причине; но если соблазняет (брата моего) что-нибудь, зависящее от моей власти и дозволенное, я буду воздерживаться и от этого, не один и не два дня, а во всю мою жизнь. "**Не буду есть мяса вовек**". Не сказал далее: да не погублю брата, но только: да не соблазню. Подлинно, крайне безумно тех, о которых Христос так печется, что благоволил умереть за них, считать столь презренными, чтобы не воздерживаться для них даже от пищи. Это не только относится к ним (коринфянам), но уместно сказать и к нам, которые пренебрегаем спасением ближних и произносим такие же сатанинские слова. Ведь говорить: какое мне дело, что такой-то соблазняется и такой-то погибает? – это поистине сатанинская жестокость и бесчеловечие. Тогда соблазн происходил по крайней мере от немощи соблазнявшихся, а у нас не так; мы совершаем такие грехи, которые соблазняют даже сильных. Так, когда мы бьем, грабим, лихоимствуем и с людьми свободными поступаем, как с невольниками, то кого это не может соблазнить? Не говори, что такой-то – сапожник, другой – красильщик, третий – медник; но подумай о том, что он – верующий и брат. Мы – ученики рыбарей, мытарей, скинотворцев, ученики Того, Который воспитывался в доме плотника и обрученную Невесту его удостоил избрать Своей Матерью, возлежал в яслях повитый пеленами, не имел где преклонить главу, ходил пешком до того, что утомлялся на пути, и получал пропитание от других.

6. Представляй все это и не считай ни за что великолепие человеческое. Признавай своим братом и скинотворца и того, кто ездит на колеснице, имеет множество слуг и величается на торжище, даже первого более, нежели последнего. Ведь справедливее называть братом того, в ком видно более сходства. А кто более подобен рыбарям? Тот ли, кто снискивает себе пропитание ежедневными трудами, не имеет ни слуги, ни собственного жилища, и во всем нуждается, или тот, кто окружен таким великолепием и поступает вопреки заповедям Божиим? Не презирай же того, кто более брат, кто ближе стоит к апостольскому образу. Но, скажешь, он таков не добровольно, а по необходимости; он живет так не по своей воле. Откуда это (известно)? Разве ты не слышал: "**не судите, да не судимы будете**" (Мф.7:1)? А чтобы убедиться, что он таков не против воли, поди, предложи ему тысячи талантов золота, и увидишь, что он отвергнет их. Если же он и от предков не получил богатства и, когда можно получить, не ищет его и не привязывается к имуществу, то весьма ясно, что он презирает богатство. Так и Иоанн Зеведеев был сын весьма бедного человека; но отсюда еще не следует, что бедность его была невольная. Потому, когда увидишь дровосека, или кузнеца, покрытого сажей, не презирай его за это, а окажи ему за это почтение. Петр также препоясывался, брал в руки невод и ловил рыбу, даже и после воскресения Господа. И что я говорю о Петре? Сам Павел, по совершении столь многих путешествий и столь многих чудес, жил в мастерской скинотворца и сшивал кожи; его чтили ангелы и трепетали бесы, а он не стыдился говорить: "**нуждам моим и [нуждам] бывших при мне послужили руки мои сии**" (Деян.20:34). И что я говорю: не стыдился? Даже хвалился этим. Кто же, скажешь, ныне равен в добродетели Павлу? Знаю, что – никто; но из-за этого и нынешних бедных не следует презирать. Хотя бы кто из них был самый последний, но только верующий, он достоин почтения для Христа. Так, если бы пришли к тебе военачальник и простой воин, оба приближенные к царю, и ты для них обоих открыл бы дом свой, то в лице которого из них ты более показал бы почтения к царю? Очевидно, что в лице воина, так как военачальник и без близости к царю имеет много такого, что может побудить тебя оказать ему честь; а простой воин не имеет ничего другого, кроме близости к царю. Бог потому и заповедал нам призывать на вечери и пиршества хромых, увечных и не имеющих возможности воздать нам с своей стороны (Лк.14:13), что такие благодеяния преимущественно и в собственном смысле совершаются для Бога. Если ты принимаешь у себя человека великого и знатного, то твое пожертвование не есть чистая милостыня, но часто примешивается к тому и тщеславие,

надежда получить что-нибудь и прославиться чрез него пред другими. Я мог бы указать на многих, которые для того благодетельствуют известнейшим из святых, чтобы чрез них получить большую доверенность в глазах начальников и чрез то привести в лучшее состояние свои обстоятельства и семейные дела, и даже испрашивают себе у святых многих подобных милостей, что и уменьшает цену их благодеяний, совершаемых с такой целью. Но для чего говорить о святых? Вообще, кто ищет от Бога воздаяний за труды свои здесь и делает добро для настоящего, тот уменьшает свою награду; а кто всех венцов ожидает там, тот гораздо более достоин воздаяния, подобно Лазарю, который получил все блага там, – подобно трем отрокам, которые, готовясь быть ввергенными в пещь, говорили: "**Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся**" (Дан.3:17-18), – подобно Аврааму, который возвел на гору сына своего и хотел заклать его, делая это не для какой-нибудь награды, но поставляя величайшей и единственной для себя наградой повиноваться Владыке. Будем и мы подражать им. Если мы станем делать все с таким расположением, то получим в воздаяние изобильные блага и удостоимся блистательных венцов, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1]Гр. ουτος εγνωσται υπ’ αυτου = "тот познан Им", как и в слав. "познан бысть от Него"

[2]Гр. "δι’ ου" может означать и "через которого", и "без которого"

[3] Здесь в оригинале "из язычников": очевидно, опечатка.

[4]В Библии: "знания"

[5]Гр. τυπτοντες от τυπτω = бить, ранить

БЕСЕДА 21

"Не Апостол ли я? Не свободен ли я? Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего? Не мое ли дело вы в Господе?" (1Кор.9:1).

1. Выраженного в словах: "**если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек**", (апостол) еще не сделал, а только изъявил готовность сделать это, если потребует нужда. Потому, чтобы кто-нибудь не сказал: "ты только хвалишься, показываешь любомудрие на словах и обещаешь, – что легко и для меня и для всякого другого, – если же говоришь от души, то покажи на деле, от чего ты отказался, чтобы не соблазнить брата", он находит нужным объяснить это и показать, как он воздерживался даже от позволенного, чтобы не соблазнить кого-нибудь, тогда как никакой закон не принуждал его к тому. Не то только удивительно, – хотя и это само по себе удивительно, – что он воздерживался от позволенного, лишь бы не соблазнить, но и то, что воздерживался с великим трудом и среди опасностей. Для чего, говорит, толковать об идольских жертвах? Христос заповедал проповедникам евангелия получать содержание от поучаемых, но я не делал и этого, а решился, в случае нужды, мучиться голодом и подвергнуться самой тяжкой смерти, только бы ничего не брать от поучаемых, не потому, чтобы они соблазнялись, если бы я взял что-нибудь, но чтобы они назидались, что гораздо важнее. И

свидетелями этого представляет их самих, у которых он работал, терпел голод, получал пропитание от других и находился в стеснительном положении, чтобы не соблазнить их, хотя они напрасно стали бы соблазняться, потому что это было бы дело законное: так много он щадил их! Если же он сам поступал выше закона, чтобы не подать повода к соблазну, и воздерживался от позволенного в назидание другим, то чего достойны они, не воздерживаясь от идольских жертв, тогда как много от того погибают, и притом тогда, как и без соблазна следовало бы воздерживаться потому, что это бесовская трапеза? Вот главпое содержание следующих многих стихов. Но надобно возвратиться к ранее предложенному, потому что, как я сказал, он изложил это не совсем ясно и высказал не вдруг, а начал издалека. "**Не апостол ли я?**" – говорит он, – так как, кроме сказанного, и то немаловажно, что это делал Павел. Чтобы (коринфяне) не сказали, что можно есть идоложертвенпое, оградив себя крестным знамением, он сначала не опровергает этого и говорит, что, хотя бы и можно было, не должно делать для избежания соблазна братий: а потом показывает, что и не можно. Первое доказывает собственным примером; и намереваясь говорить о том, что ничего не брал от них, не вдруг высказывает это, а говорит прежде о своем достоинстве: "**не Апостол ли я? Не свободен ли я?**" Чтобы они не сказали: если ты не брал, то не брал потому, что нельзя было брать, – для этого он сперва излагает причины, по которым справедливо мог брать, если бы хотел.

Далее, чтобы не подумали, что он говорпт это в укоризну спутникам Петра, которые брали, доказывает наперед, что им можно было брать. Потом, чтобы не сказали: Петру можно было брать, а тебе нельзя, – предупреждает это похвалами самому себе. Видя, что ему предстоит необходимость хвалить самого себя, – а таким образом и можно было исправить коринфян, – и не желая говорить о себе много, смотри, как мудро он исполняет то и другое, похваляя себя не столько, сколько сознавал в себе, но сколько требовало настоящее дело. Он мог бы сказать: мне преимущественно пред всеми следует брать и более других, потому что я более их потрудился; но не указывает на такое свое преимущество, а говорит только о том, чем и другие отличались и почему они имели право брать: "**не Апостол ли я?**", говорит, "**Не свободен ли я?**", т.е. не имею ли я власти над собою? Разве кто имеет власть останавливать меня или запрещать мне брать? Правда, другие имели то преимущество, что они были со Христом: но, говорит, и я не лишен этого: "**не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего?**" "**А после всех**", говорит он (в другом месте), "**явился и мне, как некоему извергу**" (1Кор.15:8). А это также немаловажно. "**Ибо многие**", сказал (Господь), "**пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели**" (Мф.13:17). И еще: "**придут дни, когда пожелаете видеть хотя один из дней**" сих (Лк.17:22). Положим, что ты апостол, свободен и видел Христа: но что если ты не совершнл апостольского дела, за которое имел бы право брать? В ответ на это он и присовокупляет: "**Не мое ли дело вы в Господе?**" Это весьма важно; без этого и другие преимущества не принеслн бы никакой пользы. И Иуда был апостол, и свободен, и видел Христа; но так как он не совершил дела апостольского, то не получил от всего этого никакой пользы. Потому он говорит и об этом и свидетелями представляет их самих. А так как он сказал здесь нечто великое, то, смотри, как определяет это словом: в Господе, т.е. вы – дело Божие, а не мое. "**Если для других я не Апостол, то для вас [Апостол]**" (ст.2).

2. Видишь ли, как он не говорит лишнего? Он мог бы указать на вселенную, на народы варварские, на землю и море: но не высказывает ничего такого, а говорит относительно к ним и побеждает тем сильнее. Какая мне нужда, говорит, распространяться слишком много, когда и этого достаточно для настоящего предмета? Я не говорю о подвигах, совершенных мной у другнх, а о тех, которых вы сами свидетели: потому, если не от других, то от вас особенно мне можно было брать. Но от кого особенно следовало мне брать, – ведь я был вашим учителем, – и от тех я не брал. "**Если для других я не Апостол,**

то для вас [Апостол]": опять говорит относительно. Он был апостолом вселенной; но я не говорю об этом, продолжает он, не спорю, не настаиваю, а упоминаю о том, что к вам относится. "**Ибо печать моего апостольства – вы**", т.е. доказательство. Кто хочет убедпться, говорит, в моем апостольстве, тому я указываю на вас. Все, свойственное апостолу, я сделал у вас и ничего не упустил. То же он изъясняет во втором послании: "**хотя я и ничто. Признаки Апостола оказались перед вами всяким терпением, знамениями, чудесами и силами. Ибо чего у вас недостает перед прочими церквами**" (2Кор.12:11-13)? Потому и говорит: "**печать моего апостольства – вы**". У вас я и показывал знамения, и учил словом, и подвергался опасностям, и проводил безукоризненную жизнь. Все это можно видеть в двух его посланиях к ним, в которых он со всей точностью изъясняет каждый из этих подвигов. "**Вот мое защищение против осуждающих меня**" (ст.3). Что значит: "**вот мое защищение против осуждающих меня**" Для тех, которые хотят знать, почему я апостол, или обвиняют меня, будто я беру деньги, или спрашивают о причине, почему не беру, или стараются доказать, что я не апостол, доказательством и оправданием моим служит ваше научение и то, что я намерен сказать. Что же это такое? "**Или мы не имеем власти есть и пить? Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену?**" (ст.4-5). Как же это может служить оправданием? Когда известно, что я воздерживаюсь даже от позволенного, то несправедливо было бы подозревать меня, будто я обманываю, или делаю что-нибудь за деньги. Таким образом и сказанное прежде, и преподанное вам учение, и сказанное теперь достаточно к моему оправданию пред вами, и против всех, осуждающих меня, я неизменно утверждаю как вышесказанное, так и следующее: "**или мы не имеем власти есть и пить? Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену?**" Но несмотря на то, что имею власть, я воздерживаюсь. Неужели же он ни ел, ни пил? Действительно, часто ни ел, ни пил. "**В голоде**", говорит, "**и жажде, на стуже и в наготе**" мы были (2Кор.11:27). Впрочем здесь он не то разумеет, а что? Мы не едим и не пьем на счет учеников, хотя и имеем право брать от них. "**Или не имеем власти иметь спутницею сестру жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа?**" Видишь ли мудрость его? Верховного (апостола) он поставляет после; самое сильное доказательство помещает на конце, потому что указание на других, делающих это, не было бы так разительно, как указание на первого (апостола), которому вверены ключи царствия небесного. Впрочем он указывает не на него одного, а на всех, и как бы так говорит: посмотришь ли на низших, или на высших, все они служат примером. Братия Господа, оставившие прежнее неверие, были также достославны, хотя и не равнялись с апостолами; потому он и поставляет их в средине, помещая главных прежде и после них. "**Или один я и Варнава не имеем власти не работать?**" (ст.6). Видишь ли, как душа его смиренномудра и чиста от всякой зависти, как он не умалчивает о том, кто участвовал в трудах его? Если все прочее у нас с ними общее, то почему и этому не быть общим? И те и мы – апостолы, и свободны, и видели Христа, и совершили, что следует апостолам; потому и мы имеем право жить без трудов и получать содержание от учеников. "**Какой воин служит когда-либо на своем содержании?**" (ст.7). Приведя сильнейшее доказательство – пример апостолов – на то, что можно делать это, он теперь, по своему обыкновению, обращается к сравнениям и общепринятым обычаям и говорит: "**какой воин служит на своем содержании?**" Посмотри, как приличны настоящему предмету приводимые им сравнения, и как он упоминает наперед о деле, соединенном с опасностями, – о воинской службе, оружии и войне. Таково и апостольство, и даже гораздо труднее. И у апостолов была брань не только с людьми, но с бесами и с предводителем их. Смысл слов его следующий: если и внешние (языческие) начальники, жестокие и несправедливые, не требуют от воинов, чтобы они шли на войну и подвергались опасностям, и между тем содержали сами себя, то возможно ли, чтобы Христос требовал этого (от апостолов)? И он не довольствуется одним сравнением, – потому что обыкновенно простой и грубый человек скорее

убеждается тогда, когда видит, что общепринятый обычай согласуется с заповедями Божиими.

3. Потому он приводит другое и говорит: "**кто, насадив виноград, не ест плодов его?**" Первым он выразил опасности, а последним труд, великую ревность и усердие. Потом присовокупляет третье сравнение: "**кто**", говорит, "**пася стадо, не ест молока от стада?**" Этим означает великую заботливость, какую свойственно иметь учителю об учениках. Апостолы были и воины, и земледельцы, и пастыри, имевшие дело не с землей, не с бессловесными животными, не с чувственными врагами, а с разумными душами и с бесовскими ополчениями. Заметь, как он везде соблюдает соразмерность, стараясь сказать только полезное, а не излишнее. Не сказал: какой воин служит и не богатеет? но: кто воинствует своими оброки когда? Не сказал: кто насаждает виноград, и не извлекает золота, или не собирает всего плода? но: "**не ест плодов его?**" Не сказал: кто, пася стадо, не продает ягнят? но как? – "**не ест молока от стада?**" Не от ягнят, а от молока, выражая этим, что учитель должен довольствоваться малым утешением и одной только необходимой пищей. Это относится к тем, которые хотят поедать все и собирать все плоды. Так заповедал и Господь, когда сказал: "**трудящийся достоин пропитания**" (τροφης) своего (Мф.10:10). И не одно это внушает (апостол) такими сравнениями, а показывает и то, каков должен быть священник. Он должен иметь мужество воина, трудолюбие земледельца и попечительность пастыря, и при всем том не желать ничего, кроме необходимого. Доказав и примером апостолов и сравнениями из жизни, что учителю не запрещено брать, (Павел) приступает к третьему доказательству и говорит: "**по человеческому ли только [рассуждению] я это говорю? Не то же ли говорит и закон?**" (ст.8). Доселе он не приводил ничего из Писаний, а ссылался на общепринятый обычай; потому не подумайте, говорит, что я основываюсь на этом одном, и утверждаю заповедь на мнении человеческом; я могу доказать, что так угодно Богу, и привести древний закон, который повелевает то же. Здесь он продолжает речь вопросом, как бывает (в беседе) о чем-нибудь совершенно известном, и говорит: "**по человеческому ли только [рассуждению] я это говорю?**", т.е. разве я основываюсь только на человеческих обычаях? "**Не то же ли говорит и закон? Ибо в Моисеевом законе написано: не заграждай рта у вола молотящего**" (ст.9). Для чего он упоминает об этом, имея пример (иудейских) священников? Чтобы сильнее доказать свою мысль. Потом, чтобы кто не возразил: какое нам дело до того, что сказано о волах? – обстоятельно изъясняет это и говорит: "**о волах ли печется Бог?**"[1] Неужели же, скажи мне, Бог не печется о волах? Печется, но не столько, чтобы поставлять о них особый закон. Если бы Бог не имел в виду чего-нибудь важнейшего, если бы не хотел примером бессловесных научить иудеев человеколюбию и вместе с тем напомнить им об учителях, то не оказал бы такого попечения о волах, чтобы предписывать закон о не заграждении уст их. Отсюда видно и другое, – как велик бывает и должен быть труд учителя, и – еще нечто. Что же такое? То, что сказанное в Ветхом завете касательно попечения о животных преимущественно относится к назиданию людей, равно как и все другое, например, сказанное о разных одеждах, о виноградниках, о семенах, о том, чтобы не засевать землю разными семенами, о проказе и, можно сказать, обо всем прочем. Так как (слушатели) были люди грубые, то он говорил им так, чтобы возводить их (к разумению) мало-помалу. Впрочем (апостол) не доказывает того, что ясно и очевидно само по себе. Сказав: "**о волах ли печется Бог?**", продолжает: "**Или, конечно, для нас говорится?**" (ст.10). Не напрасно поставил слово: всяко, но чтобы не подать слушателю повода возразить что-нибудь. Между тем продолжает метафору и говорит: "**так, для нас это написано; ибо, кто пашет, должен пахать с надеждою**", т.е. учитель должен получать возмездие за труды, "**и кто молотит, [должен молотить] с надеждою получить ожидаемое**". Посмотри на мудрость его: от сеяния он переходит к молотьбе, и тем опять внушает, как велики труды учителей, которые сами и пашут и молотят, и так как пашущий еще не может ничего собирать, а

должен только трудиться, то предоставляет ему надежду; а молотящему предоставляет уже пользование плодами: "**и молотящий**", говорит, "**с надеждою получает ожидаемое**".

4. Далее, чтобы кто не сказал: это ли возмездие за такие труды? – он прибавляет: с надеждою, т.е. на будущее. Таким образом закон о незаграждении уст вола означает не что иное, как то, что трудящиеся учители должны получать вознаграждение. "**Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное?**" (ст.11). Вот и четвертое доказательство того, что надобно доставлять (пропитание учителям). Сказав: "**какой воин служит когда-либо на своем содержании?**" – кто насаждает виноград? – кто пасет стадо? – указав на вола молотящего, – он приводит новую основательнейшую причину, почему они имеют право брать, именно ту, что они не только трудятся, но и сами доставляют ученикам гораздо важнейшее. Что же значит: аще мы духовная сеяхом вам, велико ли, аще мы ваша телесная пожнем? Видишь ли причину справедливейшую и основательнейшую прежних? Там, говорит, вещественные семена и вещественный плод: здесь же не так, но семя духовное, а воздаяние вещественное. Чтобы доставляющие что-нибудь учителям не думали о себе много, он показывает, что они больше получают, нежели дают. Земледельцы, что посеют, то и пожинают; а мы сеем в душах ваших духовное, а пожинаем вещественное, потому что такова доставляемая нам пища. Потом еще более пристыжает их: если, говорит, "**другие имеют у вас власть, не паче ли мы?**" (ст.12). Вот еще иное доказательство, заимствованное также от примеров, только не таких, как прежние: здесь он говорит не о Петре, не об апостолах, а о некоторых лжеучителях, против которых после восстает и о которых говорит: "**когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится, когда кто бьет вас в лицо**" (2Кор.11:20). Он теперь уже предначинает борьбу с ними, и потому не говорит: если другие берут с вас; но, изображая их дерзость, насилие, корыстолюбие, говорит: "**если другие имеют у вас власть**", т.е. управляют вами, обладают, поступают с вами, как с рабами, не только берут с вас, но и с великим настоянием и дерзостью. Затем продолжает: не паче ли мы? Этого он не сказал бы, если бы говорил здесь об апостолах; но очевидно, что он намекает на каких-то зловредных людей и обольстителей. Следовательно, кроме закона Моисеева, вы и сами, говорит, постановили правилом доставлять (содержание учителям). Сказав: не паче ли мы, он не доказывает, почему так, но предоставляет это суду их совести, а вместе с тем желает еще более и устрашить их и пристыдить. "**Однако мы не пользовались сею властью**", т.е. мы не брали. Смотри, после скольких доказательств того, что брать – дело не беззаконное, он, наконец, сказал: мы не берем, – чтобы не подумали, что он воздерживается от этого, как от запрещенного. Не потому, говорит, я не беру, что не позволительно; это позволительно, как мы доказали многими примерами – и апостолов, и житейскими, как-то: воина. земледельца, пастыря, законом Моисеевым, самым существом дела, так как "**мы посеяли в вас духовное**", и наконец тем, что вы сами делаете это в отношении к другим. Но (не пользовались), говорит с одной стороны для того, чтобы не подумали, будто он осуждает апостолов, которые брали, чтобы пристыдить (коринфян) и показать, что он воздерживается от этого, не как от запрещенного; а с другой стороны, чтобы после многих доводов и многих примеров, доказывающих право на получение, не подумали, что он сам хочет брать и с этой целью говорит все это, – он предотвращает и такое подозрение. Впоследствии он выразил это яснее в словах: "**и я написал это не для того, чтобы так было для меня**" (1Кор.9:15); а здесь говорит: "**мы не пользовались сею властью**". И притом, что еще важнее, никто не может сказать, будто мы не сотворихом потому, что жили в изобилии; нет, и будучи в нужде, мы не уступили нужде. То же он говорит во втором послании: "**другим церквам я причинял издержки, получая [от них] содержание для служения вам; и, будучи у вас, хотя терпел недостаток, никому не докучал**" (2Кор.11:8); также и в настоящем послании: "**терпим голод и жажду, и наготу и побои**" (1Кор.4:11). И здесь опять намекает на то же словами: но вся терпим. Выражение: вся терпим и означает и голод, и великую нужду, и все другие бедствия.

Однако все это, говорит, не принудило нас нарушить закон, который мы сами для себя постановили. Почему? "**Дабы не поставить какой преграды**" (εγκοπήν – препятствие) "**благовествованию Христову**". Коринфяне были немощны; потому, говорит, чтобы не соблазнить вас, принимая (мзду) от вас, мы решились лучше делать более, чем сколько заповедано, нежели полагать какую-нибудь преграду благовествованию, т.е. научению вашему. Если же мы не делали даже позволенного нам, тогда как терпели великую нужду и имели в свою пользу пример апостолов, "**дабы не поставить какой преграды**", – не сказал: уничтожить, но: не поставить преграды, и не просто преграды, но: какой преграды, т.е. чтобы не причинить ни малейшего замедления и остановки в распространении слова; если, говорит, мы показали столько усердия, то тем более следует воздерживаться вам, которые и весьма далеки от апостолов и не можете указать на закон, позволяющий это, а напротив касаетесь запрещенного н причиняющего великий вред, не только что замедление евангельской проповеди, и притом не имеете в виду настоятельной нужды. Все это он сказал тем, которые вкушением идольских жертв соблазняли немощнейших братий.

5. Слыша это, возлюбленные, не будем и мы презирать соблазняющихся, чтобы не положить какой-нибудь преграды благовествованию Христову и не утратить своего спасения. Если брат соблазняется, не говори мне: то и то, чем он соблазняется, не запрещено, а позволено. Я скажу тебе более: если бы это позволено было самим Христом, а ты видишь, что кто-нибудь соблазняется, то воздержись и не пользуйся позволением. Так поступал и Павел, имевший право брать по дозволению Христову, но не бравший. Человеколюбивый Владыка преподал заповеди Свои с великой снисходительностью, чтобы мы делали многое не по одному повелению, но и по собственному расположению. Он мог, если бы хотел, увеличить строгость заповедей и сказать: кто не постится всегда, того наказывать; кто не хранит девства, того предавать мучению; кто не раздает всего имения, того подвергать жестокой казни; однако не сделал этого, предоставив тебе самому, если захочешь, делать более предписанного. Потому, беседуя о девстве, Он сказал: "**кто может вместить, да вместит**" (Мф.19:12); и богатому одно повелел, а другое предоставил собственному его расположению; не сказал: продай имение, но: "**если хочешь быть совершенным, продай**" (Мф.19:21). А мы не только не делаем ничего более предписанного и не простираемся далее заповеданного, но далеко отстаем и от определенного заповедями. Павел терпел голод, чтобы не положить преграды благовествованию; а мы не хотим прикоснуться к сокровищам своим, хотя видим множество душ погибающих. Пусть, говорят, съедает моль, а не насыщается бедный; пусть истребляет червь, а не одевается нагой; пусть уничтожает время, а не питается алчущий Христос.

Но, скажешь, кто же говорит так? То и прискорбно, что так говорят не словами, а делами; не столь было бы тяжело, если бы говорили это на словах, а на деле не исполняли. Не так ли ежедневно внушает своим пленникам жестокий и бесчеловечный тиран – сребролюбие: пусть ваши сокровища обращаются в пользу клеветников, разбойников и воров, а не на пропитание алчущих и нуждающихся? Не вы ли производите разбойников? Не вы ли питаете огонь страсти у завистников? Не вы ли вызываете воров и грабителей, выставляя им, как некоторую приманку, свое богатство? Какое безумие! Подлинно безумие и явная нелепость – наполнять одеждами сундуки, а не обращать внимания на того, кто сотворен по образу и по подобию Божию, и не имеет одежды, дрожит от холода и едва держится на ногах. Но, скажешь, он притворяется дрожащим и немощным. И ты не боишься такими словами навлечь на себя молнию свыше? Простите, я дрожу от гнева. Ты пресыщаешься, утучняешь себя, продолжаешь упиваться до глубокой ночи, нежишься на мягких коврах и не думаешь отдавать отчета в таком беззаконном употреблении даров Божиих, – ведь вино не для того, чтобы мы упивались; пища не для того, чтобы мы пресыщались; яства не для

того, чтобы мы расторгали ими свое чрево, – а от бедного, несчастного, который ничем не лучше мертвеца, ты требуешь строгого отчета, и не боишься грозного и страшного суда Христова? Если он и притворяется, то притворяется по бедности и по необходимости, по причине твоего жестокосердия и бесчеловечия, требующего такого притворства и иначе не преклоняющегося на милость. Кто, в самом деле, так несчастлив и жалок, чтобы без всякой нужды, для куска хлеба, принимать столь безобразный вид, терзать себя и терпеть такую муку? Итак, притворство его возвещает всем о твоем бесчеловечии. Если он просит, умоляет, говорит жалостные слова, плачет, рыдает, скитается целый день и не находит необходимой пищи, то, может быть, и придумал такую хитрость, которая не столько ему, сколько тебе служит бесчестием и обвинением. Он достоин сострадания, что дошел до такой крайности; а мы достойны тысячи казней, что принуждаем бедных прибегать к этому. Если бы мы легко склонялись на милость, то он никогда не решился бы подвергнуться этому. Что я говорю о наготе и дрожании (от холода)? Скажу нечто, еще более ужасное: некоторые принуждены были ослеплять малолетних детей, чтобы тронуть наше бесчувствие. Так как, скитаясь зрячими и обнаженными, они не могли привлечь внимание жестокосердых ни нежностью возраста, ни несчастьем, то присоединяли к своим бедствиям еще другое плачевнейшее бедствие для утоления голода, находя более легким лишиться общего света и дарованных всем лучей солнечных, нежели непрестанно бороться с голодом и подвергнуться самой жалкой смерти. Вы не привыкли сострадать бедности, а забавляетесь несчастьями; потому они и удовлетворяют вашему ненасытному желанию, возжигая и в себе и в вас пламень, лютейший геенны. А чтобы вы убедились, что все это и подобное тому происходит именно по этой причине, я представлю вам несомненное доказательство, которому никто противоречить не может. Есть бедные, легкомысленные и малодушные, которые не могут переносить голода и готовы терпеть все другое, кроме этого. Они, неоднократно приступая к вам с жалким видом и жалостными словами, но не получив никакой помощи, наконец оставляют просьбы и прибегают к хитростям не хуже кудесников: одни жуют кожу изношенной обуви, другие вбивают в голову острые гвозди, иные ложатся на замерзшую от холода воду голым желудком, а иные подвергают себя еще более нелепым (мучениям), чтобы представить жалкое зрелище.

6. Между тем как это делается, ты стоишь и смеешься, удивляясь и утешаясь бедствиями других, подвергающих посрамлению общую нашу природу. Что хуже этого может сделать и человеконенавистный диавол? А чтобы он усерднее делал это, ты с великой щедростью даешь деньги. Кто просит, призывает Бога и приступает к тебе кротко, того ты не удостоиваешь ни ответа, ни взгляда, и если он часто докучает тебе, говоришь о нем такие невыносимые слова: ему ли жить, ему ли дышать, ему ли смотреть на солнце? А к тем напротив ты благосклонен и щедр, так что сам ты делаешься виновником смешного и сатанинского их безобразия. Потому о них-то самих, виновниках таких дел, не подающих ничего прежде, нежели увидят других страждущими, с большей основательностью можно было бы сказать: им ли жить, им ли дышать, им ли смотреть на солнце, столь тяжко согрешающим против общей природы п оскорбляющим Бога? Когда Бог говорит: дай милостыню, а я дам тебе царствие небесное, – ты не слушаешь; когда же диавол показывает голову, израненную гвоздями, ты вдруг делаешься щедрым: более действует на тебя ухищрение злого демона, причиняющее столько вреда, нежели обетование Божие, подающее множество благ. Надлежало бы давать золото, чтобы этого не было, чтобы и не видеть этого, надлежало бы делать и выносить все, чтобы искоренить это великое безумие; а вы, напротив, всячески стараетесь и заботитесь о том, чтобы это было, чтобы посмотреть на это. И ты, скажи мне, еще спрашиваешь, для чего геенна? Спроси лучше, почему одна только геенна? Ведь каких наказаний не достойны те, которые устрояют это жестокое и бесчеловечное зрелище и смеются над теми, о которых надлежало бы плакать и им и вам самим, особенно же вам, принуждающим их к таким безобразным действиям?

Но, скажешь, я не принуждаю их. Как же не принуждаешь, скажи мне, когда не хочешь даже слушать кротких, плачущих и призывающих Бога; а тем щедро подаешь серебро и приглашаешь других подивиться им? Но, скажешь, мы отходим, пожалев их. Но не ты ли требуешь того? Нет, человек, – это не жалость, когда ты заставляешь их за несколько оволов терпеть такое мучение, когда повелеваешь им для получения необходимой пищи терзать себя и раздирать на голове кожу на многие части жалким и плачевным образом. Не правда, скажешь; не мы пробиваем головы их гвоздями. О, если бы ты! Тогда зло не было бы так ужасно. Тот, кто убивает человека, не так жестоко поступает с ним, как тот, кто повелевает ему умертвить себя самого. То же бывает и здесь: они терпят мучительнейшую боль, когда принуждены бывают собственноручно исполнять такие жестокие приказания. И это делается в Антиохии, где верующие первые стали называться христианами, где они были добрее всех, где некогда процветали обильные плоды милосердия! Ведь они не только жившим здесь, но и находившимся на далеком расстоянии посылали пособие, и притом тогда, когда угрожал голод. Что же, скажешь, надобно делать? Оставить жестокость и внушить всем нуждающимся, что если они будут делать это, то ничего не получат, а если будут приходить скромно, то получат щедрое подаяние. Когда они будут знать это, то я ручаюсь, хотя бы они были несчастнее всех, никогда не решатся подвергать себя такому мучению, а напротив будут благодарить вас, что вы избавили их от посмеяния и страданий.

Между тем ныне за возниц вы отдали бы детей своих и за плясунов положили бы самые души свои, а Христу алчущему не хотите уделить и малейшей части своего имущества; если же когда подадите немного серебра, то находитесь в таком расположении духа, как будто вы отдали все, забывая, что не подавать только, а подавать щедро – вот в чем особенно состоит милостыня. Потому пророк прославляет и ублажает не тех, которые только подают, а тех, которые подают щедро; он не просто говорит: дал; но как? "**Он расточил, роздал нищим**" (Пс.111:8). Что пользы, если ты, будучи богатым, подаешь столько, сколько тот, например, кто подал бы стакан воды из целого моря, и не подражаешь великодушию жены вдовицы? Как будешь говорить ты: Господи, "**помилуй меня по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои**" (Пс.50:3), когда сам не милуешь не только великой милостью, но, может быть, и малой? Я крайне стыжусь, когда вижу, как многие богачи ездят на конях, украшенных золотыми уздами, сопровождаются слугами, одетыми в золотые одежды, покоятся на серебряных ложах п позволяют себе множество других излишеств; но как скоро надобно подать бедному, то представляются беднее самых бедных. А чем они часто оправдываются? Бедный, говорят, получает из церковной казны. Какое тебе до того дело? Если я подаю, ты не спасешься за это; если церковь подает, ты не загладишь этим своих грехов. Если ты не подаешь потому, что церковь должна подавать нуждающимся, то (равным образом), если священники молятся, разве ты поэтому не должен молиться? Другие постятся, – разве ты поэтому можешь постоянно предаваться пьянству? Или ты не знаешь, что Бог предписал заповедь о милостыне не столько для бедных, сколько для самих подающих? Но не подозреваешь ли ты священника? Это также весьма тяжкий грех, но я не буду распространяться об нем; в таком случае делай все сам, и ты получишь за то сугубую награду. Все, что мы говорим о милостыне, говорим не для того, чтобы ты приносил пожертвования к нам, но чтобы подавал их сам от себя. Принося ко мне, ты, может быть, впадешь в тщеславие, а иногда соблазнившись отойдешь с лукавым подозрением; а если вы будете делать все сами, то избавитесь от соблазна и неуместного подозрения, и получите большую награду.

7. Говорю это не для того, чтобы побудить вас приносить пожертвования сюда, или выразить свое неудовольствие на священников, о которых разносятся худые слухи. Если нужно огорчаться и скорбеть, то более о вас, распространяющих худые слухи; те, которых

порицают напрасно и без причины, заслужат большую награду, а те, которые порицают их, большое осуждение и наказание. Итак, не за них я говорю это, а для вашего блага. Удивительно ли, что в наше время некоторые подвергаются подозрению, если еще во времена святых, подражавших ангелам и не имевших никакой собственности, т.е. апостолов, происходил ропот, будто бы при служении бедным были пренебрегаемы вдовицы, тогда как "**никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее**" (Деян.4:32)? Не будем же представлять таких предлогов и считать оправданием для себя то, что Церковь имеет много сокровищ. Когда ты видишь у ней много имущества, то представь также великое число записанных бедных, множество больных, тысячи случаев к издержкам; разбери, рассчитай; никто не препятствует; мы даже готовы дать вам отчет. Но скажу нечто важнейшее. Когда мы представим отчет и покажем, что расход не менее прихода, а иногда и более, то я желал бы спросить вас: когда мы предстанем туда и услышим слова Христовы: вы видели Меня алчущим и не напитали, нагим и не одели (Мф.25:43-44), тогда что мы скажем? Чем оправдаемся? Укажем ли на такого-то, и такого-то, которые не слушали этого, или на некоторых подозрительных священников? Но какое тебе до них дело? Я осуждаю тебя, скажет Он, за твои грехи. Чтобы получить оправдание, надобно очистить собственные грехи, а не указывать на других таких же грешников. Церковь принуждена иметь то, что теперь имеет, по вашей скупости; а если бы все делалось по правилам апостольским, то доход ее составляло бы ваше расположение, которое было бы и безопасным хранилищем, и неистощимым сокровищем. А теперь, когда вы собираете сокровища на земле и запираете все в своих хранилищах, Церковь же принуждена производить издержки на общества вдов, на сонмы дев, на прием странников, на вспомоществование пришельцам, на утешение узников, на облегчение больных и увечных и на другие подобные нужды, то что ей делать? Неужели оставить всех их без внимания и затворить пристанища? Кто же будет подавать помощь в кораблекрушениях? Кто станет облегчать слезы, рыдания и вопли, раздающиеся со всех сторон? Итак, не будем говорить все, что вздумается. Мы теперь же, как я сказал, готовы дать вам отчет; а если бы и не так, если бы у вас были порочные учители, все похищающие и присвояющие себе, и тогда их порочность не могла бы служить оправданием для вас. Человеколюбивый, премудрый и всевидящий единородный Сын Божий, зная, что в течение долгого времени и на пространстве обширной вселенной будет много порочных священников, и желая, чтобы от их нерадения не усилилась беспечность руководимых ими, не оставил беспечным никакого оправдания, сказав: "**на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, делайте; по делам же их не поступайте**" (Мф.23:2-3). Этим Он выразил, что, хотя бы у тебя был порочный учитель, это нисколько не оправдает тебя, если ты не слушаешь учения его. Бог произнесет над тобой приговор не за то, что сделал учитель, а за то, что ты слышал от него и не исполнил. Если ты исполнишь заповеданное, то предстанешь тогда с великим дерзновением; а если не послушаешь учения, то, хотя бы ты указал на тысячу порочных священников, это нисколько не оправдает тебя. И Иуда был апостол; однако это нисколько не послужит к оправданию святотатцев и сребролюбцев; никто из них, будучи осуждаем, не сможет сказать, что и апостол был похититель, святотатец и предатель: напротив, за то особенно мы и будем осуждены и наказаны, что не вразумились пороками других; они для того и описаны, чтобы мы остерегались подражать им. Потому, оставим других, будем внимательны к самим себе. Каждый из нас даст ответ Богу за самого себя. А чтобы нам дать такой ответ, который послужил бы к нашему оправданию, будем вести жизнь благочестивую и простирать щедрую руку к бедным, помня, что исполнение заповедей – вот единственное наше оправдание, а другого нет никакого. Если мы будем в состоянии представить такое оправдание, то избавимся от нестерпимых мучений геенских и удостоимся будущих благ, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Здесь в тексте, вопреки Писанию, "еда о волех не радит Бог?", т.е. "разве Бог не печется о волах?"

БЕСЕДА 22

"Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища? что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника? Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования" (1Кор.9:13-14).

1. Весьма тщательно (апостол) старается доказать, что брать (содержание от поучаемых) не запрещено. Сказав об этом и прежде, он тем не довольствуется, а снова обращается к закону и представляет из него пример более близкий, чем прежний, потому что не одно и тоже представить в пример волов, или привесть ясный закон о священниках. Посмотри и здесь на мудрость Павла, как благоприлично он излагает предмет. Не сказал: священнодействующие берут от приносящих, но что? – "**питаются от святилища**", чтобы и принимающих не унизить, и приносящим не подать повода к гордости. И далее он выражается также. Не сказал: служащие жертвеннику берут от приносящих жертвы, – но "**берут долю от жертвенника**", потому что принесенное принадлежит уже не приносящим, а святилищу и алтарю. Не сказал также: берут священное, но – "**питаются от святилища**", выражая умеренность и внушая, что не должно собирать имущество и обогащаться. Словами: "**берут долю от жертвенника**"[1] означает не разделение по равной части, а содержание, которое давалось (священникам) по праву. Но апостолы имели гораздо большее право, потому что там соединялась честь со священством, а здесь – опасности, мучения, смерть. Потому сильнее всех других примеров был выраженный в словах: "**если мы посеяли в вас духовное**". Слово посеяли указывает на бури, опасности, казни и невыразимые бедствия, каким подвергались проповедники. Впрочем, и при таком преимуществе он не стал ни унижать ветхозаветного, ни превозносить своего, а напротив еще с унижением говорит о своем, указывая преимущество не в опасностях, но в величии дара. Не сказал: если мы подвергались опасностям или бедствиям, но: "**если мы посеяли в вас духовное**", а говоря о священниках, возвышает их, сколько возможно, и выражается так: "**священнодействующие**", "**служащие жертвеннику**", желая этим показать непрестанное их служение и постоянство. Рассуждая о священниках иудейских, он указал как на левитов, так и на архиереев, на обе степени, низшую и высшую; на первую словами: "**священнодействующие**", а на вторую словами: "**служащие жертвеннику**". Не всем ведь было вверено одно дело, но одним поручены были обязанности низшие, а другим высшие. Указав на всех их, чтобы кто не сказал: что ты напоминаешь нам о Ветхом завете? разве не знаешь, что теперь время совершеннейших заповедей? – он далее поставляет то, что важнее всего: "**так и Господь**", говорит, "**повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования**". И здесь не говорит: питаться от людей, но, подобно как о священниках сказал: от святилища и от жертвенника, так и здесь: от благовествования; и как там: питаться, так здесь: жить, а не торговать или обогащаться. "**Ибо трудящийся**", говорит, "**достоин пропитания**" (Мф.10:10). "**Но я не пользовался ничем таковым**" (1Кор.9:15). Если доселе не делал этого, скажут, то не желаешь ли делать на будущее время, и потому говоришь все это? Нет; и в объяснение этого тотчас же замечает: "**и написал это не для того, чтобы так было для меня**". И смотри, с какой силой опровергает и отрицает это: "**ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою**"; употребляет такое выражение не однажды и не дважды, но несколько раз. Выше сказал: "**мы не пользовались сею властью**" (ст.12): потом опять: "**не пользуясь моею властью**" (ст.18): и здесь: "**но я не пользовался ничем таковым**".

Что значит: таковым? От многих примеров. Многое давало мне право: примеры воина, земледельца, пастыря и апостолов, постановления закона, действия наши по отношению к вам и ваши по отношению к другим, пример священников, повеление Христа, и однако ничто не заставило меня нарушить свой закон и брать. Не говорю о прошедшем; хотя могу сказать, что и в прошедшем я много пострадал, но не останавливаюсь на этом одном, а даю обещание и на будущее время, что решусь лучше умереть с голода, нежели лишиться таких венцов: "**ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою**". Не сказал: чтобы кто нарушил мой закон, но: похвалу. Чтобы кто-нибудь не сказал, что хотя он и поступает так, но не с радостью, а с воздыханием и скорбью, он называет это похвалой, желая показать, с какой великой радостью и с каким великим усердием он поступает так. Он так далек был от скорби, что даже хвалится и решается лучше умереть, нежели потерять эту похвалу. Так она была для него приятнее самой жизни.

2. Далее, он еще с другой стороны показывает превосходство (своего поступка), не для того, чтобы прославить себя самого, – он далек был от такой страсти, – но для того, чтобы выразить свою радость и сильнее устранить подозрение. Потому он и назвал, как я сказал прежде, это дело похвалой, и что говорит? "**Ибо если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую! Ибо если делаю это добровольно, то буду иметь награду; а если недобровольно, то исполняю только вверенное мне служение. За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно, не пользуясь моею властью в благовествовании**" (ст.16-18). Что, скажи мне, говоришь ты? Если ты благовествуешь, то нет похвалы для тебя; а если преподаешь благовестие безвозмездно, тогда есть? Следовательно, последнее важнее первого? Отнюдь нет; но в некотором другом отношении последнее имеет преимущество, именно в том, что первое есть заповедь, а последнее – дело моего произволения. Что делается сверх заповеди, то заслуживает великой награды; а что по заповеди, то не таково. В этом вот отношении последнее больше первого, а не по самому существу дела. Что в самом деле может сравниться с проповеданием? Оно уподобляет их ангелам. И однако, так как оно для них – обязанность и долг, а то (безвозмездное проповедание) – дело добровольного усердия, то в этом отношении последнее больше первого. Изъясняя то самое, что я теперь сказал, он и говорит: "**ибо если делаю это добровольно, то буду иметь награду; а если недобровольно, то исполняю только вверенное мне служение**". Слова: волею и неволею – он употребляет в смысле: заповедано и не заповедано. Равно и слова: "**потому что это необходимая обязанность моя**" надобно понимать не так, будто бы он делал это против воли, – да не будет! – но так, что на нем лежит обязанность, и в противоположность с свободой – брать или не брать. Потому и Христос сказал ученикам: "**когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать**" (Лк.17:10). "**За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно**". Как, скажи мне, неужели Петр не имеет награды? Кто может получить такую награду, какую он? Также и прочие апостолы? Почему же он сказал: "**если делаю это добровольно, то буду иметь награду; а если недобровольно, то исполняю только вверенное мне служение**"? Заметь и здесь мудрость его. Он не сказал: если недобровольно, то не имею награды; но: "**исполняю только вверенное мне служение**", выражая, что и в этом случае бывает награда, но такая, какую получает исполнивший повеление, а не такая, какую получает показавший собственное усердие и сделавший более повеленного. За что же такая награда? "**За то, что, проповедуя Евангелие**", говорит, "**благовествую о Христе безмездно, не пользуясь моею властью в благовествовании**". Видишь ли, как он везде употребляет слово: власть, чтобы показать, как я неоднократно повторял, что и те, которые берут, не заслуживают порицания? А слово: в благовествовании прибавляет как для того, чтобы обозначить самое благовествование, так и для того, чтобы не дозволить

пользоваться этим правом во всем, потому что может брать учащий, а не праздный. "**Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести**" (ст.19). Здесь он представляет еще иное превосходство. И не брать – великое дело; а то, что хочет сказать, гораздо важнее. Что же такое? Я не только, говорит, не брал и не только не пользовался своим правом, но еще подвергал себя рабству, и рабству разнообразному и всестороннему; не в деньгах только, но, что гораздо важнее денег, во многих и различных делах я поступал точно также; поработил себя, тогда как не был подчинен никому и не имел никакой необходимости, – это именно означает выражение: "**будучи свободен от всех**", – и поработил не одному кому-нибудь, а всей вселенной; потому и присовокупляет: "**я всем поработил себя**". Проповедовать и возвещать вверенное мне я был обязан, а изобретать и измышлять тысячи к тому способов – это зависело от моего усердия; я был обязан только передать серебро, но я употреблял еще все меры к тому, чтобы истребовать его обратно, исполняя более повеленного. Он делал все по ревности, усердию и любви ко Христу, и имел ненасытное желание спасения человеческого.

Поэтому, от большого избытка (ревности), он преступал пределы и во всем простирался выше самого неба. Сказав о порабощении, он далее говорит о различных родах его. Каких? "**Для Иудеев**", говорит, "**я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев**" (ст.20). Как это было? Он обрезывал для того, чтобы уничтожить обрезание. Потому не сказал: иудей, но – как Иудей, так как это было с преднамеренной целью. Что говоришь ты? Проповедник вселенной, восходивший до самых небес и сиявший такой благодатью, мог ли он внезапно так снизойти? Да, потому что это есть также и восхождение. Не на то только смотри, что он нисходит, но и на то, что нисходя восстанавливает лежащего внизу и возводит его с собой. "**для подзаконных был как подзаконный**", не будучи сам под законом, "**чтобы приобрести подзаконных**".

3. Эти слова служат или изъяснением сказанного прежде, или означают что-нибудь другое. Иудеями он называет тех, которые были такими издревле и с самого начала; а подзаконными – прозелитов, или тех, которые приняли веру, но еще держались закона, так как они не были уже иудеями, но были под законом. Когда же (апостол) был под законом? Когда остригся, когда приносил жертву. Он делал это не потому, чтобы переменил свой образ мыслей, – это было бы порочное дело, – но по любви и снисхождению. Чтобы обратить действительных (иудеев), он сам был (как Иудей), не действительно, и только по-видимому, не на самом деле будучи таким, а только поступая так без истинного расположения. Да и мог ли он искренно делать это, когда старался обратить и других, когда делал все, чтобы освободить и других от такого унижения? "**Для чуждых закона – как чуждый закона**" (ст.21). Эти не были ни иудеи, ни христиане, ни язычники, но были вне закона, каков например Корнилий и подобные ему. Приходя и к ним, он во многом поступал по их (обычаям). Впрочем, некоторые говорят, что здесь он намекал на свою речь к афинянам, по поводу надписи, бывшей на капище; потому и говорит: "**для чуждых закона – как чуждый закона**". Далее, чтобы кто не подумал, что его действия происходили от перемены образа мыслей, он присовокупляет: "**не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу**", т.е. не только не будучи беззаконником, но подчиняясь закону, не обыкновенному, а гораздо высшему ветхого, закону Духа и благодати; потому и прибавляет: Христу. Затем, уверив в неизменности своего образа мыслей, он опять представляет пользу такого снисхождения: "**чтобы приобрести чуждых закона**", так же, как и везде он показывает причину своего снисхождения. Не останавливаясь на этом, он продолжает: "**для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных**" (ст.22). Здесь он говорит в отношении к ним (коринфянам), как говорил и все прочее. Прежде сказанное было гораздо важнее, но это ближе к ним; потому он и поставил это после всего. То же самое он делает и в послании к Римлянам, когда вразумляет их касательно пищи, и во многих других местах. Потом,

чтобы исчислением всего порознь не слишком распространить речь, говорит: "**для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых**". Видишь ли его превосходство? Для всех, говорит, я был все, не надеясь спасти всех, а чтобы спасти хотя немногих. Усердие и служение мое было таково, какое свойственно спасающему всех, хотя он не надеялся обратить всех: дело великое и показывающее пламенную ревность! И сеятель сеет везде и, хотя не все семя остается в сохранности, он во всяком случае делает свое дело.

Указав на малочисленность спасаемых прибавлением слов: "**по крайней мере**", он утешает тех, которые скорбят об этом, так как, хотя невозможно, чтобы все семя осталось в сохранности, но невозможно и то, чтобы оно все погибло. Потому словами: "**по крайней мере**" он дает понять, что усердный делатель непременно получит успех. "**Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его**" (ст.23), т.е. чтобы и с своей стороны содействовать и быть участником в венцах, которые соблюдаются для верующих. Как прежде он говорил: "**жить от благовествования**", т.е. от верующих, так и здесь говорит: "**быть соучастником Евангелия**", т.е. буду соучастником уверовавших благовестию. Видишь ли его смиренномудрие, как он в получении наград поставляет себя наряду с другими, хотя трудами превзошел всех? Несомненно, что он более всех достоин почестей; но он не приписывает их себе прежде всех, а желает быть только соучастником других в уготованных венцах. Говорит это не в том смысле, чтобы он делал все для какой-нибудь награды, но чтобы таким образом расположить их (коринфян) и такими надеждами убедить делать все для братий. Видишь ли его благоразумие? Видишь ли чрезвычайную ревность, как он делал более заповеданного и не брал, тогда как мог брать? Видишь ли величайшее снисхождение, как он, будучи под законом Христовым и соблюдая высочайший закон, был для неимеющпх закона как без закона, для иудеев как иудей, являясь в том и другом отношении совершеннее и выше всех? Так поступай и ты: не думай. что ты падаешь, если, будучи высоким, делаешь для брата что-нибудь уничиженное. Это не значит падать, а снисходить; кто падает, тот лежит и сам едва ли может встать; а кто снисходит, тот и встанет с великим приобретением, подобно как Павел снисходил один, а восстал со всей вселенной. Он не лицемерил; если бы лицемерил, то не искал бы пользы спасаемых. Лицемер ищет погибели других и лицемерит для того, чтобы взять, а не для того, чтобы дать. А он – не так; но как врач, как учитель, как отец снисходят первый к больному, второй к ученику и третий к сыну для пользы их, а не для вреда, – так и он.

4. Что сказанное им не лицемерие и что он не был принужден делать или говорить что-либо подобное, а сам добровольно выражает свое расположение и убеждение, послушай, как он сам говорит о том: "**что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем**" (Рим.8:38-39). Видишь ли любовь, которая пламеннее огня? Так и мы будем любить Христа; это не трудно, если мы захотим. И он был таков не по природе. Для того и описаны прежние его действия, противоположные этим, чтобы мы знали, что перемена зависит от произволения и что желающим все удобно. Не будем же отчаиваться; но хотя бы ты был злоречив, хотя бы корыстолюбив и каков бы ни был, вспомни, что и Павел был хулителем, гонителем, притеснителем и первым из грешников, но вдруг достиг высочайшей степени добродетели, и все прежнее нисколько не служило ему препятствием. Никто с таким неистовством не предается пороку, с каким он враждовал против Церкви; он отдал тогда свою душу и жалел, что не имел тысячи рук. чтобы всеми ими поразить Стефана; впрочем и без того нашел способ поразить его многочисленными руками, руками лжесвидетелей, одежды которых он стерег. Потом входил в домы, вторгался в них как дикий зверь, влачил и терзал мужей и жен, наполняя все ужасом, смятением и тысячью браней. Он был так

страшен, что, даже после чудного обращения его, апостолы не смели войти с ним в сношение. Но, несмотря на все это, он сделался таким, каким сделался; не нужно прибавлять ничего более. Где же те, которые подчиняют свободу воли неизбежной судьбе? Пусть услышат это и заградят уста свои! Кто хочет быть добрым, тому ничто препятствовать не может, хотя бы прежде он был одним из самых порочных. И мы тем более способны к этому, чем добродетель нам естественнее, а порок противоестественнее, подобно как болезнь и здоровье. Так, Бог дал нам глаза не для того, чтобы мы смотрели с любострастием, но чтобы, удивляясь созданиям, поклонялись Создателю. Что действительно таково назначение глаз, это видно из опыта: красоту солнца и неба мы видим чрез неизмеримое пространство, а красоты женской никто не мог бы увидеть на таком расстоянии. Не очевидно ли, что глаза наши созданы более для первого? Также Бог дал нам слух не для того, чтобы нам воспринимать хульные речи, но чтобы слышать спасительные догматы. Потому-то, когда он воспринимает что-нибудь непристойное, тогда душа и самое тело содрогаются. "**Пустословие много клянущихся**", говорит (Премудрый), "**поднимет дыбом волосы**" (Сир.27:14). Также, услышав что-нибудь грубое и жесткое, мы огорчаемся, а услышав что-нибудь нежное и человеколюбивое, восхищаемся и радуемся. И уста наши, когда произносят срамные слова, то заставляют нас стыдиться и закрываться; а когда – слова благопристойные, то они текут спокойно и свободно; никто не станет стыдиться естественного, а стыдятся того, что не естественно. Руки также, когда похищают, то скрываются и ищут защиты; а когда подают милостыню, тогда выставляются на вид. Итак, если мы захотим, то все будет много располагать нас к добродетели. Если же укажешь мне на удовольствие, проистекающее от порока, то заметь, что еще большее удовольствие мы получаем от добродетели. Иметь добрую совесть, быть у всех в уважении, питать в себе сладостные надежды – это всего приятнее для того, кто понимает сущность удовольствия; а противное тому для понимающего сущность неудовольствия всего мучительнее, как-то: быть у всех в презрении, осуждать самому себя, трепетать и страшиться будущего и настоящего.

5. Чтобы еще более объяснить это, представим, что кто-нибудь, имея жену, разрушает брак ближнего и услаждается этим бесчестным воровством, прелюбодействуя с любимой (женщиной); противопоставим ему другого, который любит свою жену; а для большего и яснейшего противоположения предположим, что живущий с одной своей женой также любит ту прелюбодейцу, но сдерживает свою любовь и не делает ничего худого. Хотя и это – не чистое целомудрие, но мы нарочито представляем такой пример, чтобы ты познал, каково удовольствие от добродетели. Итак поставим их обоих вместе и спросим: чья жизнь приятнее? От одного услышим, как он услаждается и восхищается победой над похотью; а от другого... но от него невозможно и узнать что-нибудь; окажется, что он несчастнее самих узников, хотя бы тысячу раз отрицал это. Он всех боится и подозревает – и свою жену, и мужа прелюбодейцы, и самую прелюбодейцу, и домашних, и друзей, и родных, и стены, и тени, и самого себя, и, что всего тягостнее, носит в себе совесть, вопиющую и каждодневно угрызающую; а если вспомнит о суде Божием, то не сможет и на ногах удержаться. Притом удовольствие кратковременно, а скорбь от него постоянна: и вечером, и ночью, и в пустыне, и в городе, и везде за ним следует обличитель, показывая изощренный меч и нестерпимые мучения, изнуряя и сокрушая его страхом. Напротив целомудренный свободен от всего этого и безмятежен, спокойными глазами смотрит на свою жену, детей, друзей и на все. Если же любящий, но только сдерживающий страсть свою наслаждается таким удовольствием, то душа нелюбящего и соблюдающего чистое целомудрие не исполнена ли чувства сладостнее всякого спокойствия, приятнее всякой пристани? Потому-то, конечно, прелюбодеев ты видишь немного, а целомудренных больше. А если бы (жизнь первых) была приятнее, то ее избрали бы многие. Не говори мне, что это происходит от страха пред законами: не страх удерживает их, а крайняя гнусность порока, избыток происходящих от страсти огорчений пред доставляемыми ею

удовольствиями, и голос совести. Таково состояние прелюбодея! Если хотите, мы представим и корыстолюбца, обнажим и другую тоже порочную страсть. Мы увидим, что и он также мучится страхом и не может наслаждаться чистым удовольствием. Представляя себе обиженных им и жалеющих о них и всеобщее о себе мнение, он обуревается бесчисленными волнами. И не только это мучительно для него, но и то, что он не может наслаждаться своим любимым (предметом). Таково именно свойство сребролюбцев: они имеют не для того, чтобы пользоваться, но чтобы не пользоваться. Если это кажется тебе загадкой, то выслушай еще худшее и более странное: они не потому только лишены удовольствия, что не смеют пользоваться своим имуществом, как бы хотели, но и потому, что никогда не удовлетворяются, а томятся непрестанной жаждой. Что может быть мучительнее этого? Не таков человек праведный; он свободен от опасения, ненависти, страха и неутолимой жажды; как того все проклинают, так ему все желают добра; как тот не имеет ни одного друга, так он не имеет ни одного врага. Если же все это несомненно, то что может быть неприятнее порока и приятнее добродетели? Впрочем, сколько бы мы ни говорили, невозможно выразить словами ни всех неприятностей первого, ни всех удовольствий последней, если мы сами их не испытаем. Тогда-то мы и узнаем, что порок горче желчи, когда вкусим сладость добродетели. Порок и теперь неприятен, тягостен и несносен, чему не станут противоречить сами раболепствующие ему; но когда мы отстанем от него, тогда еще лучше почувствуем, как горьки его требования. А что многие предаются ему, это нисколько не удивительно; ведь и дети часто избирают менее приятное, пренебрегая тем, что доставляет более приятностей; и больные для кратковременного удовольствия отвергают постоянное и надежное веселие. Это зависит от немощи и неразумия преданных страсти, а не от существа вещей. В удовольствии живет только добродетельный; он истинно богат и истинно свободен. Если же кто, согласившись приписать добродетели безмятежность, спокойствие, свободу от опасений, от всякого страха и всякого подозрения, не согласится только приписать ей удовольствия, тот мне кажется весьма смешным. В чем же другом и состоит удовольствие, как не в том, чтобы быть свободным от опасений, страха и огорчений и ничему не раболепствовать? Кто живет в удовольствии, скажи мне, тот ли, кто неистовствует, мятется, терзается множеством страстей и не владеет сам собой, или тот, кто свободен от всех этих волнений и пребывает в любомудрии, как в пристани? Не явно ли, что последний? Но это свойственно одной добродетели. Порок только носит имя удовольствия, а на самом деле лишен его; прежде, чем он выполнен, он – неистовство, а не удовольствие; а когда выполнен, то (и неистовство) внезапно исчезает. Если же ни в начале, ни впоследствии не видно в пороке удовольствия, то где же оно и когда? Чтобы ты лучше понял слова мои, объясним это примером. Положим, что кто-нибудь влюбился в красивую и миловидную женщину; доколе не будет удовлетворена страсть его, он бывает подобен беснующимся и безумным; а когда удовлетворена, то исчезает и похоть. Если же ни в начале он не чувствует удовольствия, – потому что находится в состоянии безумия, – ни впоследствии, – потому что удовлетворением страсти прекращается пожелание, – то где же это удовольствие? Напротив наши удовольствия не таковы: они и в начале чужды всякого смятения, и до конца сохраняются в своей силе, или, лучше, у нас нет и конца удовольствию; блага наши не имеют предела, и удоволъствие наше не исчезает никогда. Итак, представляя себе все это и желая получить удовольствие, будем любить добродетель, чтобы нам достигнуть и настоящих и будущих благ, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

---

[1] Гр. "τω θυσιαστηριω συμμεριζονται" - букв. "делятся с жертвенником"

БЕСЕДА 23

"Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду?" (1Кор.9:24).

1. Объяснив, что снисхождение весьма полезно, что оно составляет верх совершенства, и что сам он, достигнувший совершенства больше всех, вернее же и превзошедший тем, что не брал (содержания от учеников), также снисходя больше всех, показав нам и время, когда нужно то и другое, совершенство и снисхождение, (апостол) далее с большей силой укоряет (коринфян), внушая, что поступок их, кажущийся следствием совершенства, есть напрасный труд. Он не говорит этого ясно, чтобы они не ожесточились, но выражает своими суждениями. Сказав прежде, что они грешат против Христа, погубляют братий и сами не получают никакой пользы от совершенного знания, если оно не соединено с любовью, теперь он опять обращается к общеизвестному примеру и говорит: Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Говорит это не в том смысле, будто из всех может спастись только один, – да не будет, – но что мы должны прилагать великое тщание. Как там из многих, выходящих на поприще, увенчиваются не многие, а только один достигает этого, и потому не достаточно выйти лишь на подвиг, намастить себя и бороться, так и здесь не достаточно лишь уверовать и подвизаться как-нибудь, но если мы не будем подвизаться так, чтобы показать себя безукоризненными до конца и достигнуть награды, то не получим никакой пользы. Хотя бы ты, говорит, считал себя совершенным по знанию, однако ты еще не достиг всего; на это он намекает словами: "**так бегите, чтобы получить**", из которых следует, что они еще не достигли. Затем научает и способу достижения. "**Все**", говорит, "**подвижники воздерживаются от всего**" (ст.25). Что значит: от всего? Не так, что от одного воздерживается, а в другом грешит, но воздерживается и от чревоугодия, и от сладострастия, и от пьянства, и от всех вообще страстей. Так бывает, говорит, даже при внешних подвигах; подвизающимся нельзя во время борьбы ни напиваться, ни прелюбодействовать, чтобы не ослабить сил, ни заниматься чем-нибудь другим; но, воздерживаясь совершенно от всего, они занимаются только упражнениями. Если же так бывает там, где венец дается одному, то тем более должно быть здесь, где больше щедрости; здесь не один только увенчивается, и самые награды гораздо выше подвигов. Потому он, желая пристыдить их, говорит: "**те для получения венца тленного, а мы – нетленного. И потому я бегу не так, как на неверное**" (ст.25-26). Пристыдив их тем, что бывает у внешних (язычников), (апостол) указывает потом на самого себя. Это лучший способ учения; потому он постоянно поступает так. Что же значит: "**не так, как на неверное**"? Я имею в виду, говорит, известную цель, подвизаюсь не тщетно и не напрасно, как вы. В самом деле, какая вам польза от того, что вы входите в идольские капища и как бы выказываете свое совершенство? Никакой. Я же – не так, но все, что ни делаю, делаю для спасения ближних; показываю ли совершенство, – это для них; снисхождение ли, – это для них; превосходство ли пред Петром тем, что не беру, – это для того, чтобы они не соблазнились; уничижение ли более всех, обрезываясь и остригаясь, – это для того, чтобы они не преткнулись. Вот что значит: "**не так, как на неверное**". А ты, скажи мне, для чего ешь в капищах? Не можешь представить никакой основательной причины: пища не приближает тебя к Богу; ешь ли, ничего не приобретаешь: не ешь ли, ничего не теряешь; следовательно, ты идешь напрасно и без цели; это и значит: на неверное. "**Бьюсь не так, чтобы только бить воздух**". Этими словами также выражает, что он действует не напрасно и без цели. Я имею (врага), говорит, которого поражаю, т. е. диавола; а ты не поражаешь его, а попросту истощаешь свои силы. Так он говорит потому, что щадит их; раньше высказав им сильное обличение, он здесь смягчает укоризну, отлагая сильный удар к концу речи. Теперь говорит, что они делают это тщетно и напрасно, а после доказывает, что таким поведением они навлекают погибель на свою голову и, кроме вреда

братии, сами делаются виновными. "**Но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (ст.27). Здесь он показывает, что они и преданы чревоугодию, и не обуздывают этой страсти, и под предлогом совершенства удовлетворяют ей – о чем он и выше с сожалением говорил: "**пища для чрева и чрево для пищи**" (6:13). От пресыщения рождается как блуд, так и идолослужение; потому он справедливо во многих местах поражает эту болезнь. Показав, сколько бедствий он потерпел за проповедь, он вместе с тем указывает и на это; я исполнял, говорит, больше, нежели сколько было заповедано, хотя это для меня было не легко, – все, говорит он, терпим, – но кроме того принимаю на себя и тот великий труд, чтобы жить воздержно. Хотя трудно преодолеть похоть и силу желудка, однако я обуздываю его, не предаюсь этой страсти, но всячески стараюсь, чтобы не увлечься ею.

2. Не думайте, что я успеваю в этом без труда; нет, это для меня подвиг, воздержание и борьба с природой, которая непрестанно восстает и домогается свободы; но я не уступаю, а укрощаю и подчиняю ее с великими усилиями. Говорит он это для того, чтобы никто не отчаивался в подвигах добродетели из-за трудности дела; потому и выражается так: "**усмиряю и порабощаю**". Не сказал: уничтожаю или отсекаю, потому что плоть не есть враг; но: усмиряю (υπωπιαζω – бью по лицу) и порабощаю, что свойственно господину, а не врагу, учителю, а не злодею, пестуну, а не противнику. "**Дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным**". Если же Павел, учитель столь многих, опасался этого, и опасался после того, как распространил проповедь, сделался благовестником и получил господство над вселенной, то что должны сказать мы? Не думайте, говорит, будто для вашего спасения достаточно того, что вы уверовали; если мне, который проповедал, учил, обратил тысячи людей, недостаточно этого для спасения, когда сам себя не буду вести безукоризненно, то тем более вам. Потом он переходит к другим примерам; и как прежде указывал на апостолов, на общий обычай, на (ветхозаветных) священников и на себя самого, так здесь указывает на олимпийские игры. А затем, указав на себя, опять обращается к событиям Ветхого завета. Намереваясь произнести весьма сильное слово, он предлагает наставление в общем виде и беседует не только о ближайшем, но и о всех вообще недугах коринфян. О внешних (языческих) подвигах он сказал: "**разве не знаете**", а здесь говорит: "**не хочу оставить вас, братия, в неведении**" (10:1), выражая, что они слишком были в этом наставлены. О чем же ты не хочешь оставить нас в неведении? "**что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питие: ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос. Но не о многих из них благоволил Бог**" (ст.1-5). Для чего он говорит это? Чтобы показать, что как тем (израильтянам) не послужили в пользу такие дары, так и им (коринфянам) не послужат в пользу крещение и участие в духовных таинствах, если жизнь их не будет соответствовать благодати; для того он и указывает на прообразы крещения и таинств. Что значит: "**крестились в Моисея**"? Как мы, верующие во Христа и воскресение Его, крещаемся для того, чтобы и самим иметь участие в этих таинствах, – а мы крестимся, говорит, "**для мертвых**" (1Кор.15:29), т.е. тел наших, – так и те, полагаясь на Моисея, т.е., видя, что он первый вступил в море, решились и сами вступить туда же. А так как (апостол) желает сблизить прообраз с истиной, то не выражается так, но называет и прообраз именем истины. Здесь он указывает на прообраз крещения, а далее (на прообраз) священной трапезы. Как ты вкушаешь тело Владычне, так те (вкушали) манну; как ты пьешь кровь, так те – воду из камня. Хотя это было чувственно, однако подавалось духовно, не по законам природы, а по благодати, и вместе с телом питало душу, располагая к вере. О пище он ничего не прибавил, потому что она была отлична от обыкновенной не только по способу (получения), но и по существу, – а была это манна, – о питье же, в котором только способ получения был чудесен и требовал объяснения, после слов: "**пили одно и то же духовное питие**", он присовокупил: "**ибо**

пили из духовного последующего камня"; и еще: "**камень же был Христос**". Не камень, говорит, по естеству своему источал воду; иначе он источал бы ее и прежде; но все делал некоторый другой духовный камень, т.е. Христос, Который постоянно присутствовал им и творил все чудеса; потому и говорит: последующего. Видишь ли мудрость Павла, как он объясняет, что Христос есть податель того и другого, и таким образом сближает прообраз с истиной? Он подавал, говорит, и те дары, Он же предлагает и эту трапезу; Он провел тех чрез море, Он и тебя чрез крещение: там Он доставлял манну и воду, а тебе тело и кровь. Таковы дары Его! Посмотрим же, пощадил ли Он израильтян, когда они оказались недостойными даров Его? Нет; потому (апостол) и присовокупляет: "**но не о многих из них благоволил Бог**". Хотя Бог удостоил их такой чести, но это не принесло им никакой пользы, а большая часть их погибла. Они все погибли: но чтобы не подумали, что и им (коринфянам) предстоит всеобщая погибель, (апостол) сказал: многих. Они составляли несметное множество; но многочисленность нисколько не помогла им. Все (благодеяния) были знаком любви Божией; но и это не помогло им, потому что они сами не явили дел любви. Так как многие не верят учению о геенне, как предмету неосязаемому и невидимому, то (апостол) бывшими уже примерами доказывает, что Бог наказывает грешников, хотя бы прежде изливал на них бесчисленные благодеяния: если вы, говорит, и не верите будущему, то, конечно, не отнесетесь с неверием кь прошедшему.

3. Смотрите, сколько благодеяний Бог оказал им: освободил из Египта и тамошнего рабства, провел чрез море, ниспослал с неба манну, источил новые и чудные источники вод, постоянно сопутствовал им, творя чудеса и везде ограждая их; и однако, когда они оказались недостойными таких даров, не пощадил их, но всех погубил. "**Ибо они поражены были в пустыне**", говорит (апостол), показывая этим выражением и внезапную их погибель, страдания и наказания ниспосланные на них Богом, и то, что они не получили предстоявших им наград. И притом не в земле обетованной Он ниспослал на них все это, но вне и весьма далеко от нее, наказав их сугубой казнью – тем, что не допустил видеть земли обетованной, и тем, что наказал строго. Но как, скажешь, это относится к нам? К тебе именно и относится. Потому (апостол) и продолжает: "**а это были образы для нас**" (ст.6). Как дары их были прообразами, так и наказания были прообразами; как крещение и таинственная трапеза были прообразованы, так последующими событиями было предвозвещено и то, что недостойные дара иодвергнутся наказанию, чтобы мы такими примерами научились быть более воздержными. Потому и присовокупляет: "**чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы**". Как в благодеяниях предшествовали прообразы, а за ними следовала истина, так будет и в наказаниях. Видишь ли, как он внушает, что мы не только будем наказаны, но еще гораздо больше, нежели те (израильтяне)? Ведь если там были прообразы, а здесь истина, то и наказания должны быть гораздо больше – так же, как дары. И смотри, против кого прежде говорит он: против тех, которые ели в капищах. Сказав: яко не быти нам похотником злых, что относилось ко всем вообще, и в частности показав, что всякий грех происходит от злой похоти, он сначала говорит: "**не будьте также идолопоклонниками, как некоторые из них, о которых написано: народ сел есть и пить, и встал играть**" (ст.7). Слышишь ли, как он называет (коринфян) идолослужителями? Впрочем, здесь он только намекает, а после и доказывает это. Представляет и причину, почему они стекались к трапезам; это – сластолюбие. Сказав: "**чтобы мы не были похотливы на злое**", и продолжив: "**не будьте также идолопоклонниками**", указывает причину такого нечестия – в сластолюбии. "**Народ сел**", говорит, "**есть и пить**", и вследствие того "**встал играть**". Как те, говорит, от сластолюбия дошли до идолопоклонства, так надобно опасаться, чтобы и вы по той же причине не дошли до того же. Видишь ли, как он доказал, что считавшие себя совершенными несовершеннее других? Обвиняет их не только в том, что они не оказывают снисхождения, но и в том, что одни грешат по неведению, а другие по сластолюбию, и за погибель первых угрожает наказанием последним, не оставляя

последним возможности слагать вину греха своего на других, но объявляя их виновниками погибели и своей и других. "**Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали**" (ст.8). Для чего здесь он опять упоминает о блуде, о котором столько говорил прежде? Так обыкновенно поступал Павел: обличая многие грехи, он перечислял их по порядку и указывал каждый отдельно, а потом, говоря о других, упоминал и о сказанных прежде. Точно также поступал Бог в ветхом завете: при каждом преступлении Он напоминал иудеям о тельце и поставлял им на вид этот грех. Подобным образом Павел поступает и здесь: он напоминает им об этом грехе и вместе научает, что это зло также происходит от сластолюбия и чревоугодия; потому присовокупляет: "**не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи**". А почему он не говорит, какое наказание постигло (иудеев) за идолопоклонство? Или потому, что это было известно и очевидно, или потому, что наказание было не так велико, как при Валааме, когда служили Веельфегору, будучи увлечены к нечестию мадианитскими женщинами, явившимися в их ополчение по совету Валаама. А что это был коварный совет Валаама, видно из слов Моисея, который в конце книги Чисел говорит: "**вместе с убитыми их и Валаама, сына Веорова, убили мечом**" на войне Мадиамской "**и взяли добычу. И прогневался Моисей и сказал: для чего вы оставили в живых всех женщин? вот они, по совету Валаамову, были для сынов Израилевых поводом к отступлению от Господа в угождение Фегору**" (Числ.31:8-9,14-16). "**Не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали и погибли от змей**" (1Кор.10:9).

4. Здесь он указывает еще на одно преступление, о котором беседует и при конце послания, обвиняя их (коринфян) в том, что они разногласили касательно знамений, роптали на искушения и говорили: когда будут блага, когда награды? Чтобы исправить их и устрашить, он продолжает: "**не ропщите, как некоторые из них роптали и погибли от истребителя**" (ст.10). Нужно не только страдать за Христа, но и переносить все случающееся мужественно и с полным удовольствием; это всему венец; а если этого не будет, то наказание постигнет ропщущих. Апостолы радовались, когда их бичевали; Павел хвалился страданиями. "**Все это происходило с ними, как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков**" (ст.11).

Опять устрашает, указывая на конец, и внушает ожидать большего, нежели бывшее прежде. Что мы будем наказаны, говорит, это и неверующие учению о геенне могут видеть из сказанного; а что будем наказаны гораздо более, это видно из того, что мы получили большие благодеяния и что прежнее было только прообразом. Если дары больше, то и наказания больше. Для того он и назвал прежние события образами, сказал, что они описаны для нас, н упомянул о конце, чтобы напомнить кончину мира. Тогда наказания будут не кратковременные и имеющие предел, но вечные. Настоящие наказания оканчиваются с настоящей жизнью, будущие продолжатся вечно. Словами: концы век – он внушает не что иное, как то, что страшный суд уже близок. "**Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть**" (ст.12). Снова низлагает гордость тех, которые превозносились знанием. Если так пострадали получившие столько (даров), и одни подверглись такому наказанию только за ропот, другие за искушение (Бога), за то, что народ не благоговел пред Богом, несмотря на то, что достиг таких благ, – то тем более это последует с нами, когда мы не будем внимательными. Хорошо сказано: "**думает, что он стоит**": надеяться на себя самого не значит стоять так, как должно стоять; такой человек скоро упадет; и они (израильтяне), если бы не превозносились и не надеялись на себя, а смирялись, то не потерпели бы таких бедствий. Отсюда очевидно, что в особенности гордость, а затем беспечность и сластолюбие – источники этих зол. Потому, если ты стоишь, берегись, чтобы не упасть. Стоять здесь не значит стоять твердо, пока мы не избавились от волн настоящей жизни и не достигли тихой пристани. Итак, не гордись тем,

что ты стоишь, а опасайся, чтобы не упасть. Если опасался и Павел, который был крепче всех, то гораздо более должно опасаться нам. Апостол сказал: "**посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть**": а мы не можем сказать и этого, потому что все мы, так сказать, пали, повержены и лежим на земле. Кого мне представить в пример? Того ли, кто грабит каждый день? Он лежит, подвергшись великому падению. Блудника ли? Он повержен на землю. Пьяницу ли? Он лежит, даже не чувствуя, что лежит. Потому не это изречение теперь нужно произносить, а другое, сказанное пророком к иудеям: "**разве, упав, не встают?**" (Иер.8:4). Подлинно все пали и не хотят восстать; и нам следует внушать не то, чтобы не падали, но чтобы лежащие постарались восстать. Восстанем же, возлюбленные, восстанем хотя теперь, и будем стоять твердо. Доколе мы будем лежать? Доколе будем упиваться и предаваться многим житейским пожеланиям? И теперь благовременно сказать: "**кому мне говорить и кого увещевать?**" (Иер.6:10)? Так все сделались глухи к учению о добродетели, и потому исполнились множества пороков! Если бы можно было обнажить души, то как между воинами после поражения видны то мертвые, то раненные, такое (зрелище) мы увидели бы и в Церкви. Потому увещеваю и прошу: подадим друг другу руки и восстанем; ведь и я из числа раненных и требующих лечения. Впрочем, не отчаивайтесь; раны хотя тяжки, но не неисцельны. Врач наш таков, что мы только бы чувствовали раны, а Он, хотя бы они были крайне опасны, откроет нам много путей ко спасению. Если ты оставишь гнев на ближнего, то и тебе будут прощены грехи твои: "**ибо если вы будете прощать людям**", говорит (Господь), "**то простит и вам Отец ваш Небесный**" (Мф.6:14). Если ты подашь милостыню, то и тебе грехи будут прощены: "**искупи грехи твои**", говорит (пророк), "**милосердием**" (Дан.4:24). Если будешь усердно молиться, получишь прощение: это доказывает вдова, неотступной просьбой преклонившая на милость жестокого судью (Лк.18:5). Если станешь осуждать себя за грехи, получишь утешение: "**говори ты беззакония твои первым**[1]**, чтоб оправдаться**" (Ис.43:26). Если станешь скорбеть о них, и это будет для тебя величайшим врачеством: "**Я видел**", говорит (Господь), "**что он опечалился и ходил смущенным, и исцелил пути его**" (Ис.57:17-18). Если будешь великодушно переносить постигшее тебя бедствие, от всего избавишься, – ведь и богачу Авраам сказал: "**получил уже Лазарь злое в жизни своей, и здесь утешается**" (Лук.16:25). Если окажешь милость вдовице, очистятся грехи твои: "**защищайте**", говорит (пророк), "**сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите – и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю**" (Ис.1:17-18). Бог не оставит на тебе и следа от ран твоих.

5. Хотя бы мы впали в такую глубину зол, в какую впал сын, расточивший отеческое имение и питавшийся шелухой, и тогда, если покаемся, непременно спасемся; хотя бы должны были тысячу талантов, и тогда, если припадем (к Господу) и не будем помнить зла, получим прощение во всем; хотя бы заблуждались так же, как овца заблудшая, и тогда (Господь) может спасти нас; будем только желать этого, возлюбленные, а Бог человеколюбив. Для него довольно было и того, что должник тысячи талантов припал к Нему, что расточивший отеческое имение только возвратился, что заблудшая овца пожелала быть спасенной. Потому, представляя себе Его человеколюбие, будем умилостивлять Его здесь и поспешим принести пред лице Его исповедание, чтобы, отошедши отсюда неоправданными, не подвергнуться крайнему наказанию. Если в настоящей жизни мы покажем хотя некоторое тщание, то получим величайшую пользу; а если отойдем отсюда, нисколько не исправившись, то как бы сильно мы ни раскаивались там, не будет нам никакой пользы. Надобно подвизаться, пока мы еще на поприще; а по окончании зрелища бесполезно плакать и рыдать, как делал богач, который, хотя плакал и рыдал, но напрасно и тщетно, потому что пропустил время, в которое надлежало это делать. Впрочем, не он один, а много и ныне подобных ему богачей, которые денег не желают презирать, а душу презирают. Я удивляюсь, когда вижу, как часто они просят у

Бога милости, а сами к себе немилосерды, не щадят души своей, как будто она – враг их. Не будем шутить, возлюбленные, не будем издеваться и обольщать себя, прося себе у Бога милости, а сами предпочитая этой милости деньги, пресыщение и все прочее. Если бы кто предложил тебе на суд дело какого-нибудь человека и сказал бы, что он, подвергаясь смертным опасностям и будучи в состоянии небольшим количеством денег освободить себя от погибели, решился лучше умереть, нежели потерять сколько-нибудь из своего имущества, то ты, конечно, признал бы его недостойным никакой милости или прощения. Так суди и о себе самом: и мы делаем то же, пренебрегаем своим спасением, а дорожим деньгами. Как же ты можешь испросить милость у Бога, когда не щадишь сам себя и предпочитаешь деньги душе? Крайне удивляюсь, какое обольщение скрывается в деньгах, или, лучше, не в деньгах, а в душах обольщаемых. А есть, действительно есть, люди, которые смеются над этим обольщением. В самом деле, что в деньгах может обольщать нас? Не вещество ли они и бездушное и тленное? Не обманчиво ли обладание ими? Не сопряжено ли со страхом и опасностями, с убийствами и кознями, с враждой и ненавистью, с леностью и многими пороками? Не прах ли они и пепел? Какое безумие! Какая болезнь! Но, скажешь, не осуждать только нужно зараженных болезнью, а истреблять эту страсть. Как же иначе истреблять ее, если не доказывая, что она порочна и исполнена бесчисленных зол? Впрочем не легко убедить пристрастившегося к этим детским игрушкам. Ему надобно указать на другую противоположную красоту. Но, как больной, он еще не может видеть красоты бестелесной. Потому представим красоту телесную и скажем ему: вообрази себе луга и на них цветы, которые прекраснее всякого золота, приятнее и светлее всяких драгоценных камней; вообрази прозрачные струи потоков и рек, которые тихо, подобно елею, протекают по земле; обратись к небу и посмотри на красоту солнца, благолепие луны, сияние звезд. Но что же из этого? Мы не можем, скажешь, пользоваться ими так, как деньгами? Напротив – более, нежели деньгами, потому что и употребление их необходимее, и наслаждение надежнее; тебе не нужно опасаться, чтобы кто не похитил их, подобно как деньги, но можно всегда быть уверену в них, притом без забот и беспокойств. Если же ты скорбишь о том, что пользуешься ими вместе с другими, а не один обладаешь ими так, как деньгами, то значит ты предан не деньгам, а только корыстолюбию. Ты не стал бы любить и денег, если бы они были общими для всех. Итак, нашедши то, что ты любишь, т.е. корыстолюбие, я теперь покажу тебе, как оно тебя не любит и ненавидит, сколько изощряет против тебя мечей, сколько искапывает пропастей, сколько раскидывает сетей, сколько приготовляет стремнин, чтобы хотя таким образом погасить страсть твою. Откуда же это видно? Из войн, из того, что на дорогах, на морях, в судилищах. Ведь оно и моря наполняет кровью, и мечи судей часто обагряет несправедливо, и вооружает производящих засады на дорогах днем и ночью, и заставляет забывать самую природу, и создает отцеубийц и матереубийц, и вводит вообще всякое зло в жизни.

6. Потому-то Павел называет (сребролюбие) корнем (всех зол) (1Тим.6:10). Оно приводит преданных ему в состояние ничем не лучшее того, в каком находятся вырабатывающие металлы (в рудниках). Как эти, будучи постоянно заключены во мраке и связаны, трудятся без пользы, так и те, сокрывшись в вертепах сребролюбия, без всякого стороннего принуждения, самопроизвольно подвергают себя мучению и налагают на себя неразрешимые узы. Осужденные (на работы в рудниках), по крайней мере, при наступлении вечера освобождаются от трудов; а те и днем и ночью копаются над своими презренными металлами. Притом первым определена мера тяжкой их работы; а последние не знают меры, но чем более копают, тем более чувствуют недовольство. Но эти, скажешь, работают по неволе, а те добровольно? Тем тяжелее болезнь их, что они не могут даже освободиться от нее, не чувствуя отвращения к своему бедственному состоянию. Как свинья в грязи, так и они услаждаются, валяясь в нечистотах сребролюбия и страдая тяжелее тех осужденных. А что действительно они находятся в худшем

состоянии, послушай, в каком состоянии – те, тогда поймешь, в каком – они. Говорят, что златоносная земля имеет в мрачных своих пещерах расселины и впадины; преступник, осужденный на работу в них, взяв лампаду и заступ, входит внутрь, неся с собою сосуд с маслом, чтобы подливать из него в лампаду, потому что там, как я сказал, непроницаемая тьма и днем; потом, когда наступает время несчастному принять пищу, а сам он не знает времени, страж узников сильно ударяет в пещеру сверху, и этими ударами и звуком дает знать работающему внутри об окончании дня. Не содрогаетесь ли вы, слыша это? Посмотрим же, не тяжелее ли страдают сребролюбцы. Подлинно, и страж их жесточе, т.е. сребролюбие, тем жесточе, что вместе с телом он связывает у них душу; и тьма их ужаснее той тьмы, потому что она не чувственная, но скрывается внутри, и куда ни идут они, всюду носят ее с собою, так как у них омрачилось душевное око. Потому и Христос, выражая крайнее их несчастие, говорит: "**ибо если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?**" (Мф.6:23). Те имеют по крайней мере свет лампады; а эти (сребролюбцы) лишены и такого света, и потому ежедневно впадают в тысячи пропастей. Притом осужденные при наступлении ночи успокаиваются, достигая общего для всех несчастных покоя, т.е. ночи; а для сребролюбцев заграждена и эта пристань корыстолюбием; они обременены тяжкими заботами и ночью, и со всем усердием изнуряют сами себя, без всякого стороннего принуждения. Это с ними происходит здесь; а что там, – какое может выразить слово? Там невыносимые печи, огненосные реки, скрежещущие зубы, неразрешимые узы, ядовитый червь, непроницаемый мрак, бесконечные мучения. Убоимся же, возлюбленные, убоимся источника таких мучений, ненасытной страсти, пагубы нашего спасения. Невозможно любить вместе и серебро и душу. Будем знать, что деньги – земля и пепел, что они покинут нас при отшествии нашем отсюда, или, лучше, часто покидают нас еще прежде отшествия, причиняя нам вред и в будущей и в настоящей жизни. Еще прежде геенны и тамошних мучений они возбуждают у нас и здесь тысячи браней, производят несогласия и раздоры. Ничто в самом деле не вызывает таких браней, как сребролюбие; ничто больше его не причиняет бедности, будет ли оно у богача, или у бедняка, – потому что эта тяжкая болезнь зарождается и в душах бедных, и увеличивает бедность их. Если бедный окажется сребролюбив, то он будет мучиться не от денег, а от голода; он не будет спокойно пользоваться своим малым имуществом, но станет истощать желудок голодом, изнурять все тело наготой и холодом, везде являться неопрятнее и грязнее узников, беспрестанно плакать и рыдать, как будто он всех несчастнее, хотя есть тысячи беднее его; пойдет ли он на торжище, возвратится оттуда с множеством ран; пойдет ли в баню или на зрелище, получит еще больше ран не только от зрителей, но и от действующих на сцене, увидев много распутных женщин, сияющих золотом; поплывет ли по морю, опять, видя там купцов, корабли, нагруженные множеством товаров, и несметные выгоды, возненавидит и жизнь свою; пойдет ли сухим путем, там видя поля, дачи, гостиницы, бани, и воображая получаемые с них доходы, почтет жизнь свою не жизнью; заключится ли дома, и там, растравляя раны, полученные на базаре, тем более будет терзаться душой, так что для него остается одно только утешение от угнетающих его страданий, – смерть и прекращение жизни. Тому же может подвергнуться не только бедный, но и богатый, впавший в эту болезнь, и тем более в сравнении с бедным, чем сильнее в нем страсть и чем больше ослепление; он будет считать себя беднее всех, и действительно он беднее всех. Не по мере имущества, но по расположению души надобно судить о богатстве и бедности; беднее всех тот, кто всегда желает большего и никогда не может остановить своего злого желания. Итак, будем убегать сребролюбия, этого виновника бедности, губителя души, друга геенны, врага царствия небесного, источника вообще всех зол; будем презирать имущество, чтобы лучше пользоваться имуществом, а вместе с имуществом получить и обетованные нам блага, которых да сподобимся все мы (благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

[1] В синод.перев. эти слова пропущены

БЕСЕДА 24

"Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести" (1Кор.10:13).

1. (Апостол) достаточно возбудил в них (коринфянах) страх указанием на древние примеры и опасение словами: "**кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть**" (ст.12): но так как они уже претерпели много искушений и часто подвергались им: "**был я у вас**", говорит он, "**в немощи и в страхе и в великом трепете**" (2:3), – то чтобы они не сказали: "для чего ты устрашаешь нас и предупреждаешь? Нам не безызвестны бедствия, мы были гонимы и преследуемы, подвергались многоразличным и частым опасностям", – он опять смиряет гордость их и говорит: "**вас постигло искушение не иное, как человеческое**", т.е. малое, краткое, умеренное. Человеческое он употребляет вместо малое, как например в словах: "**говорю по рассуждению человеческому, ради немощи плоти вашей**" (Рим.6:19). Не превозноситесь, говорит, будто вы устояли против бури; вы еще не видали опасности, которая угрожала бы смертью, и искушения, которое могло бы погубить. То же говорит он и евреям: "**вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха**" (Евр.12:4). Устрашив и внушив смиренномудрие, далее, смотри, как он опять ободряет их: "**и верен Бог**", говорит, "**Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил**". Значит, есть искушения, которых нельзя перенести. Какие же это? Можно сказать – все, потому что возможность переносить их зависит от помощи Божией, которую мы приобретаем собственным нашим расположением. Потому, чтобы ты вполне убедился, что не только (искушений) превышающих наши силы, но и человеческих мы не можем переносить без помощи свыше, он присовокупляет: "**но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести**". Даже умеренных (искушений) мы не можем, как я сказал, переносить собственной силой, но и в этом случае имеем нужду в помощи (Божией), чтобы преодолеть, а прежде, нежели преодолеем, переносить их. Бог подает и терпение и скорое освобождение, так что искушение делается сносным. Это разумеет (апостол), когда говорит: "**даст и облегчение, так чтобы могли перенести**"; все приписывает Ему. "**Итак**", братие моя, "**убегайте от идолослужения**" (ст.14). Опять выражает свое расположение к ним, называя их родственным именем, и побуждает скорее отстать от греха; не просто сказал: отстаньте, но: бегайте; и называет дело идолослужением, чтобы они отстали от него не только потому, что оно причиняет вред ближнему, но и потому, что оно само по себе весьма гибельно. "**Я говорю вам как рассудительным; сами рассудите о том, что говорю**" (ст.15). Так как он сказал многое и усилил обличение, назвав идолослужением, то, чтобы не показалось, что он говорит им слишком резко и укоризненно, отдает это на их суд п похвалив поставляет их судиями: "**я говорю вам**", говорит, "**как рассудительным**". Надобно быть совершенно уверенным в собственной правоте, чтобы самого обвиняемого ставить судьей дела. Это весьма много ободряет и слушателей, когда кто беседует с ними, не как повелитель или законодатель, но как советник, ожидающий суда их самих. С иудеями, которые были несмысленны и детски малоумны, Бог не так беседовал и не везде открывал им причины повелений, а только повелевал; но здесь, так как мы удостоены великой свободы и способны участвовать в совете, (апостол) беседует, как с друзьями, и говорит: я не требую других судей, вы сами произнесите этот суд, вас беру судьями. "**Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови**

Христовой?" (ст.16). Что говоришь ты, блаженный Павел? Ты желаешь пристыдить слушателя и напомнить о страшных тайнах, а называешь эту страшную и грозную чашу чашей 6лагословения? Да, говорит, сказанное не маловажно; когда я говорю: благословение, то припоминаю все сокровище благодеяний Божиих и великие дары. Подлинно, приступая к чаше и приобщаясь, мы вспоминаем неизреченные благодеяния Божии и все, что получили, и благодарим, что Он избавил род человеческий от заблуждения, что бывших далеко Он приблизил, что не имевших упования и безбожников в мире Он сделал своими братиями и сонаследниками. За это и все тому подобное мы благодарим Его и таким образом приступаем. А вы, коринфяне, говорит, не поступаете ли напротив, когда благословляя Бога, что Он избавил вас от идолов, опять прибегаете к их трапезам? "**Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой?**" Весьма верно и страшно он выразился; а смысл слов его следующий: находящееся в чаше есть то самое, что истекло из ребра Господа: того мы и приобщаемся. Чашей благословения назвал ее потому, что мы, держа ее в руках, прославляем Его, удивляемся и изумляемся неизреченному дару, благословляя за то, что Он пролил ее для избавления нас от заблуждения, и не только пролил, но и преподал ее всем нам. Итак, говорит, если ты желаешь крови, то обагряй не жертвенник идолов пролитием крови бессловесных, но Мой жертвенник Моею кровью. Что, скажи мне, страшнее этого? Что любвеобильнее?

2. Так поступают любящие: когда они увидят, что любимые ими желают чужого и чуждаются своего, то отдают им свое, чтобы отвлечь от чужого. Впрочем любящие оказывают такую щедрость в деньгах, в одеждах, в имуществах, а в крови никто и никогда; но Христос и ею доказал попечительность и горячую любовь к нам. В ветхом завете, когда люди были несовершенны, Он такую же кровь, какую (язычники) приносили идолам, благоволил и сам принимать, чтобы отвратить от идолов, – что также доказывало неизреченную Его любовь; а теперь Он преподал священнодействие более страшное и совершенное, изменив жертву, повелев вместо заклания бессловесных приносить Его самого. "**Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова?**" Почему не сказал: причастие? Потому, что хотел выразить нечто большее, показать великое единение. Приобщаясь мы не только делаемся участниками и сообщниками, но соединяемся со Христом. Как тело (Христово) соединено со Христом, так и мы чрез этот хлеб соединяемся с Ним. А почему прибавил: "**который преломляем**"? Потому что это делается в евхаристии; а на кресте этого не было, но было даже противное: "**кость**", говорит Писание, "**Его да не сокрушится**" (Ин.19:36). Чего Он не претерпел на кресте, то претерпевает в приношении для тебя, и дает преломлять Себя, чтобы исполнить всех. Далее сказал: "**приобщение Тела**": так как приобщающееся отлично от того, чему оно приобщается, то уничтожает и это, по-видимому малое, различие. Именно, сказав: "**приобщение Тела**", хочет выразить еще теснейшую близость и говорит: "**один хлеб, и мы многие одно тело**" (1Кор.10:17). Что я говорю: приобщение? – продолжает он, – мы составляем самое Тело Его. Что такое этот хлеб? Тело Христово. Чем делаются причащающиеся? Телом Христовым, не многими телами, а одним телом. Как хлеб, составляясь из многих зерен, делается единым, так что, хотя в нем есть зерна, но их не видно, и различие их неприметно по причине их соединения, так и мы соединяемся друг с другом и со Христом. Мы питаемся не один одним, другой другим, но все одним и тем же телом. Потому и присовокупляет: "**ибо все причащаемся от одного хлеба**". Если же мы питаемся одним и все делаемся одним, то почему не оказываем одной и той же любви, не делаемся одним и в этом отношении? В древние времена у предков наших так именно и было: "**у множества же уверовавших**", говорит (Писание), "**было одно сердце и одна душа**" (Деян.4:32). А теперь не так, но совершенно напротив: между всеми множество разного рода браней: мы – члены – расположены друг к другу хуже диких зверей. Христос соединил с Собой тебя, столько отделившегося от Него; а ты не хочешь даже с братом

соединиться надлежащим образом, но отделяешься от него, удостоившись от Владыки такой любви и жизни. Он не просто дал Свое тело, но вместо прежней плоти, которая, по естеству своему происходя из земли, была умерщвлена грехом и лишена жизни, Он привнес, так сказать, другой состав и другую закваску – свою плоть, которая хотя по естеству такая же, но чужда греха и исполнена жизни, и всем преподал ее, чтобы, питаясь ею и отложив прежнюю мертвенную (плоть), мы уготовились посредством этой трапезы в жизнь бессмертную. "**Посмотрите на Израиля по плоти: те, которые едят жертвы, не участники ли жертвенника?**" (1Кор.10:18). И это доказывает опять из Ветхого завета. А так как величие сказанного много превышало их понятия, то убеждает их прежними и обыкновенными примерами. И хорошо говорит: по плоти, – потому что они – по духу. А смысл слов его следующий: научитесь хотя из грубейших (примеров), что вкушающие от жертв делаются участниками жертвоприношения. Видишь ли, как он доказывает, что считающиеся совершенными не имеют совершенного знания, если они не знают даже того, что от такого общения у многих происходит некоторое дружество с демонами, когда они мало-помалу приобретают к тому навык? Если у людей общение соли и трапезы бывает поводом и знаком дружбы, то тоже самое может быть и в отношении к демонам. Заметь, как он об иудеях не сказал, что они были общниками Богу, но: "**участники жертвенника**", потому что сожигалось предлагаемое; а о теле Христовом не так, но как? Общение тела Господня есть, потому что мы делаемся общниками не жертвенника, а самого Христа. Сказав: "**участники жертвенника**", и опасаясь, чтобы кто не подумал, будто он говорит об идолах, как бы имеющих некоторую силу и могущих причинить вред, – смотри, как он далее отвергает эту мысль и говорит: "**что же я говорю? То ли, что идол есть что-нибудь, или идоложертвенное значит что-нибудь?**" (ст. 19).

3. Говорю это, продолжает он, и отклоняю вас от идолов не потому, чтобы они могли причинить какой-нибудь вред, или имели какую-нибудь силу; они – ничто; но хочу, чтобы вы презирали их. Если же он хочет, скажешь, чтобы мы презирали их, то почему с таким усилием отклоняет нас от них? Потому, что (жертвы их) приносятся не твоему Владыке. "**Но что язычники, принося жертвы**", говорит, "**приносят бесам, а не Богу**" (ст.20). Не обращайтесь же к тому, что противно (Богу). Если бы ты был сыном царским и, участвуя в трапезе отца, захотел оставить ее и принимать участие в трапезе преступников и темничных узников, то отец позволил ли бы? Напротив, он строго запретил бы, не потому, чтобы эта трапеза могла повредить тебе, а потому, что она бесчестит благородство твое и трапезу царскую. Так и эти (приносящие жертвы идолам) суть низкие рабы, преступные и осужденные узники, соблюдаемые для тяжкого наказания и достойные тысячи казней. Как же ты не стыдишься, подобно чревоугодникам и рабам, стремиться к трапезе, которую предлагают эти преступники, и участвовать в предлагаемом? Вот почему я отклоняю тебя от этого! Цель приносящих жертвы и свойство лиц приемлющих делают предлагаемое нечистым. "**Но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами**". Видишь ли любовь попечительного отца? Видишь ли, как самые слова его выражают великую доброжелательность? Не хочу, говорит, чтобы вы имели какое-нибудь общение с ними (неверными). А так как он говорил в виде совета, то, чтобы кто из упорнейших не ослушался и не счел себя в праве (не делать этого), после слов: "**но я не хочу: сами рассудите**", далее он произносит решительное определение и говорит: "**не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской**" (ст.21). Одни эти выражения достаточны для вразумления. Потом говорит с укоризной: "**неужели мы [решимся] раздражать Господа? Разве мы сильнее Его?**" (ст.22). Т.е., неужели мы смеем искушать Его, может ли Он наказать нас, и раздражать Его, переходя на сторону Его противников и становясь наряду с врагами Его? Здесь он напоминает о ветхозаветных событиях и беззакониях предков; потому употребляет и то самое выражение, которое некогда употребил Моисей, от лица Божия обличая иудеев в идолопоклонстве: "**они**", говорил он, "**раздражили**

Меня не богом, суетными своими огорчили Меня" (Втор.32:21). "**Разве мы сильнее Его?**" Видишь ли, как сильно, как страшно он поражает их, потрясая самые нервы их, доводя их суждения до нелепости, и таким образом низлагая гордость их? Но почему, скажешь, он не сказал этого в начале, чтобы скорее отклонить их? Таков его обычай: подтверждать учение свое многими доводами, полагая сильнейшие на конце, и таким образом побеждать совершенно. Так (и здесь), начав с меньшего, он дошел до самого главного; последнее гораздо скорее могло быть принято после того, как душа слушателей смягчилась прежними доводами. "**Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает. Никто не ищи своего, но каждый [пользы] другого**" (1Кор.10:23-24). Видишь ли великую его мудрость? Так как иной из них мог сказать: я совершен, я властен над собою, я вкушаю предлагаемое без вреда для себя, то он говорит: положим, что ты совершен и властен над собою; но смотри не на это, а на то, не причиняет ли твое поведение какого-нибудь вреда, или какого-нибудь расстройства. То и другое он выразил словами: "**не все полезно, не все назидает**", разумея первое о нем самом, а второе о брате; выражение: "**не полезно**" указывает на погибель его самого, а "**не назидает**" – на соблазн брата. Потому и присовокупляет: "**никто не ищи своего**". Это раскрывает он во всем послании, равно как и в послании к Римлянам, когда говорит: "**ибо и Христос не Себе угождал**" (Рим.15:3); и еще: "**так, как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы**" (1Кор.10:33). Также и здесь он не распространяется об этом. Выше он пространно доказывал и доказал, что он никогда не искал своей пользы, был для иудеев, как иудей, для неимеющих закона, как без закона, самой свободой и властью своей не просто пользовался, а (искал) пользы всех, служа всем; потому здесь он довольствуется немногими словами н прекращает речь, напоминая им этими немногими словами все, что сказано было прежде. Зная это, возлюбленные, будем и мы пещись о братиях и соблюдать единение с ними. К этому побуждает нас та великая, страшная и ужасная Жертва, повелевающая нам приступать к ней с совершенным единодушием и пламенной любовью, окрыляться подобно орлам, и таким образом воспарять к самому небу. "**Ибо, где будет труп**", говорит Господь, "**там соберутся орлы**" (Мф.24:28). Трупом Он называет умершее Тело, так как если бы Он не умер, то и мы не воскресли бы; а орлами называет приступающих к этому Телу и внушает, что они должны возвышаться, не иметь ничего общего с землей, не оставаться долу, и не пресмыкаться, но непрестанно возлетать горе, стремиться к Солнцу правды и иметь острое око души. Ведь это – трапеза орлов, а не галок. Достойно причащающиеся ныне сретят тогда (Господа) грядущего с небес; а (причащающиеся) недостойно подвергнутся погибели.

4. Если никто не примет просто царя, – что я говорю: царя? – если к одежде царской никто просто не посмеет прикоснуться нечистыми руками, хотя бы в сокровенном месте, хотя бы наедине, хотя бы никого другого не было, тогда как одежда есть не что иное, как ткань червей, а краска, которой ты удивляешься, есть кровь мертвой рыбы, и однако никто не решится взять ее нечистыми руками; если, говорю, к человеческой одежде никто не посмеет прикоснуться просто, – то как мы дерзнем принимать с неуважением Тело всех Бога, Тело непорочное, чистое, соединенное с божественным естеством, которым мы существуем и живем, которым сокрушены врата смерти и отверсты своды небесные? Нет, умоляю, не будем губить себя бесстыдством, но будем приступать к Нему с трепетом и со всякой чистотой. Когда ты увидишь Его предложенным, то скажи самому себе: чрез это Тело я уже не земля и пепел, уже не пленник, а свободный; чрез него я надеюсь достигнуть небес и уготованных там благ – бессмертной жизни, жребия ангелов, соединения со Христом; смерть не устояла, когда это Тело было пригвождаемо и уязвляемо; солнце сокрыло лучи свои, увидев это Тело распинаемым; раздралась в то время завеса, распались камни, потряслась вся земля; оно – то самое Тело, которое было окровавлено, прободено копием и источило всей вселенной спасительные источники – кровь и воду. Хочешь ли еще видеть силу его? Спроси кровоточивую, которая

прикоснулась не к нему, а к одежде, в которую оно было облечено, и даже не к целой одежде, а к краю ее; спроси море, которое носило его на хребте своем; спроси самого диавола и скажи ему: откуда у тебя неисцельная рана? – отчего ты уже не имеешь никакой силы? – как ты подвергся плену? – кем ты удержан, когда предался бегству? – и он укажет тебе не на что иное, как на Тело распятое. Им притуплено жало его, им сокрушена глава его, им посрамлены начала и власти его: совлек, говорит (Писание), начала и власти, изведе в позор с дерзновением, победив их в себе (Кол.2:15). Спроси также смерть и скажи: чем истреблено твое жало? – чем разрушена твоя победа? – чем сокрушена твоя сила? – отчего ты сделалась посмешищем девиц и отроков, тогда как прежде была страшна всем властелинам и даже праведникам? – и она укажет на то же Тело. Когда оно было распинаемо, тогда восстали мертвые, тогда разрушилась та темница, сокрушились медные врата, и мертвые воскресли, а все стражи ада пришли в ужас. Если бы оно было одним из многих, то надлежало бы произойти противному: смерть одолела бы; но не то произошло, потому что оно не было одним из многих; потому она (смерть) и была побеждена. Как принимающие такую пищу, которой не могут удержать в себе, извергают с нею и то, что было принято ими прежде, так было и со смертью: приняв Тело, которого не могла сокрушить, она извергла и то, что имела в себе; приняв его, она испытала болезни рождения и мучилась дотоле, пока не возвратила его. Потому апостол и говорит: "**расторгнув узы**[1] **смерти**" (Деян.2:24). Ни одна жена, рождающая ребенка, не мучится так, как мучилась и терзалась она, приняв в себя Тело Владычне. Что случилось с вавилонским змием, который, приняв пищу, сам расторгся (Дан.14:27), то же и с нею. Христос вышел обратно не чрез уста смерти, но расторгнув и растерзав самое чрево этого змия, вышел таким образом из внутренностей его с великой славой, пролив лучи не до неба только, но до самого горнего престола, куда Он и вознес с Собой Тело. Это Тело Он дал нам для обладания и ядения, чем и показал сильную любовь; ведь кого мы сильно любим, того часто и угрызаем. Так Иов, выражая любовь к нему рабов его, сказал, что они от сильной любви к нему часто говорили: "**кто бы дал нам насытиться плотью его**" (Иов.31:31)? Так и Христос дал нам насытиться от плотей Его, чтобы возбудить в нас сильнейшую любовь.

5. Итак, будем приступать к нему с пламенной любовью, чтобы нам не подвергнуться наказанию, так как чем более мы облагодетельствованы, тем более будем наказаны, если окажемся недостойными благодеяний. Это тело почтили волхвы, когда оно лежало в яслях. Люди не знавшие истинного Бога и чужеземные, оставив дом и отечество, предприняли далекий путь, и пришедши поклонились ему с великим страхом и трепетом. Будем же подражать хотя этим чужеземцам мы, граждане неба. Они, увидев Его в хижине и в яслях и не увидев ничего такого, что (видишь) ты теперь, приступили с великим трепетом; а ты видишь его не в яслях, а на жертвеннике, видишь не жену держащую, а священника предстоящего и Духа, осеняющего предложенное с великой щедростью; и не просто только видишь это Тело, как они (видели), но знаешь и силу Его и все домостроительство, знаешь все, что совершилось чрез Него, будучи тщательно научен всем тайнам. Потому будем приступать с трепетом и показывать более благоговения, нежели те чужеземцы, чтобы, приступая к Нему просто и невнимательно, не собрать нам огня на свою голову. Впрочем говорю это не к тому, чтобы мы не приступали, но чтобы не приступали недостойно, потому что как опасно приступать без рассуждения, так и не приобщаться этой таинственной вечери есть голод и смерть. Эта трапеза есть сила для души нашей, крепость для сердца, основание упования, надежда, спасение, свет, жизнь. Отошедши туда с этой жертвой, мы с великим дерзновением вступим в священные обители, как бы огражденные со всех сторон золотым оружием. Но что я говорю о будущем? Это таинство и здесь делает для тебя землю небом. Открой же врата неба и взгляни, или лучше, врата не неба, а неба небес, и ты увидишь тогда сказанное. Что там есть самого драгоценного, то же самое я покажу тебе и на земле. Как в царских чертогах

всего важнее не стены и не золотая крыша, а тело царя, сидящего на престоле, так и на небесах – тело Царя. Но то же самое ты можешь видеть и ныне на земле, видеть не ангелов и архангелов, не небеса и небеса небес, а самого Владыку всего этого. Не правда ли, что ты видишь на земле то, что всего важнее, не только видишь, но и прикасаешься, не только прикасаешься, но и вкушаешь, и, вкусив, отходишь в дом свой? Очищай же душу, уготовляй сердце к принятию этих таин. Если бы тебе поручено было держать на руках царского сына во всем великолепии порфиры и диадемы, то ты без сомнения отверг бы все прочее земное. А теперь ты принимаешь не сына царя человеческого, а самого Единородного Сына Божия, и как не трепещешь, скажи мне, как не оставляешь пристрастия ко всему житейскому, и вместо того, чтобы восхищаться одной этой драгоценностью, склоняешься к земле, предаешься страсти к деньгам и любви к золоту? Можешь ли иметь какое-нибудь извинение, какое-нибудь оправдание? Или ты не знаешь, что Владыка твой отвращается от всякого житейского великолепия? – что потому Он благоволил по рождении Своем возлежать в яслях и избрал бедную Матерь? – что потому Он преданному житейским выгодам отвечал: "**Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову**" (Мф.8:20)? А что ученики Его? Не ту же ли самую заповедь соблюдали и они, останавливаясь для жительства в домах людей бедных, один у кожевника, другой у скинотворца и порфиропродательницы? Они искали не знатных домов, а добродетельных душ. Будем же и мы соревновать им: станем восхищаться не красотой колонн и мраморов, а стремиться к горним обителям, презирать всякое здешнее великолепие и пристрастие к деньгам и возвышаться мыслями своими горе. Если судить здраво, то и самый мир этот недостоин нас, не только что портики и галереи. Потому увещеваю, будем украшать свою душу, устроять этот дом, который мы возьмем с собой, когда переселимся отсюда, чтобы нам сподобиться и благ вечных, благодатию и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

---

[1] Гр. ωδινας – родовые муки

БЕСЕДА 25

"Все, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести" (1Кор.10:25).

1. Сказав, что невозможно пить чашу Господню и вместе чашу бесовскую, внушив совершенное воздержание от тех (бесовских) трапез примером иудеев, соображениями человеческими, указанием на страшные тайны и на то, что совершается в капищах, и возбудив (в коринфянах) великий страх, – далее, чтобы этим страхом не ввести их в другую крайность, чтобы они по чрезмерной осторожности не стали опасаться подобного осквернения каким-либо образом без их ведома, например на торжище, или как-нибудь иначе, (апостол) избавляет их от такого опасения и говорит: "**Все, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования**". Если, говорит, будешь есть, не зная и не слыша (что это – идоложертвенное), то не подлежишь наказанию, так как это – дело неведения, а не невоздержания. И не только от такого опасения избавляет их, но и от другого, предоставляя им великую независимость и свободу: не дозволяет им даже сомневаться, т.е. исследовать и разведывать, идоложертвенное ли это или нет; а заповедует просто есть все, находящееся на торжище, не расспрашивая, что такое предлагаемое. Следовательно и тот, кто ест (идоложертвенное) по неведению, остается невиновным. Идоложертвенное дурно не по природе своей, но производит осквернение по расположению вкушающего.

Потому он и говорит: "**без всякого исследования**". "**Ибо Господня земля, и что наполняет ее**" (ст.26), а не демонов. Если же Его земля, и плоды, и все бессловесные животные, то нет ничего нечистого; нечистым же делается что-либо вследствие расположения и преслушания человека. Потому он не только дал позволение, но и присовокупил: "**если кто из неверных позовет вас, и вы захотите пойти, то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести**" (ст.27). Заметь опять снисхождение его: он не повелевает и не предписывает ходить, но и не возбраняет; идущих же избавляет от всякого подозрения. Для чего? Чтобы излишняя осторожность не показалась делом страха и опасения, потому что кто разведывает, тот делает это по страху, а кто воздерживается после того, как узнал дело, тот воздерживается по нерасположению, презрению и отвращению. Поэтому Павел, желая устроить то и другое, говорит: "**все предлагаемое вам ешьте**". "**Но если кто скажет вам: это идоложертвенное, – то не ешьте ради того, кто объявил вам**" (ст.28). Он повелевает воздерживаться (от жертв идольских), не как от имеющих силу, но как от достойных отвращения. Избегайте (идоложертвенного), говорит, не потому, чтобы оно могло причинить вред, – оно не имеет никакой силы. Впрочем на том основании, что оно не имеет никакой силы, не вкушайте его безразлично, так как это – трапеза врагов и нечестивых. Потому и присовокупляет: "**не ешьте ради того, кто объявил вам, и ради совести. Ибо Господня земля, и что наполняет ее**". Видишь ли, как он, и дозволяя есть, и заповедуя воздерживаться, приводит одно и то же доказательство? Не потому говорит, я возбраняю, будто это чуждая вещь, – Господня бо земля, – но, как сказано, за совесть, т.е. чтобы не сделать вреда. Следовательно, надобно разведывать? Нет, говорит, я разумею не твою совесть, а другого; ведь я предварительно сказал: "**ради того, кто объявил**"; и еще: "**совесть же разумею не свою, а другого**" (ст.29)

Но, может быть, кто-нибудь скажет: ты справедливо щадишь братьев и не дозволяешь нам есть идоложертвенное для них, чтобы "**совесть его, как немощного, не расположила и его есть идоложертвенное**" (1Кор.8:10); а для чего ты заботишься об язычнике? Не ты ли сказал: "**ибо что мне судить и внешних**" (1Кор.5:12)? Для чего же заботишься о них? Не о них, говорит, я забочусь, но и здесь – о тебе же. Потому и присовокупляет: "**ибо для чего моей свободе быть судимой чужою совестью?**" Свободой он называет – не быть обязанным соблюдать и не подвергаться запрещению; в этом и состоит свобода, чуждая иудейского рабства. А смысл слов его следующий: Бог создал меня свободным и поставил выше всякого вреда: но язычник не умеет ни судить о моем любомудрии, ни понимать щедродательности моего Владыки, а станет осуждать меня и скажет сам себе: учение христиан – басня: они удаляются идолов, избегают демонов, а от приносимого им не отказываются; велико их чревоугодие. Какой же, скажешь, для нас вред оттого, и что он будет судить так несправедливо? Но не гораздо ли лучше вовсе не подавать ему повода к осуждению? Если ты будешь воздерживаться, то он не скажет и этого. Как, говоришь, не скажет? Видя, что я не разведывая пользуюсь всем и на торжище и на пиру, как он не скажет и не осудит меня, что я употребляю все безразлично? Точно, нет, потому что ты пользуешься этим не как идоложертвенным, но как чистым; не разведывая, ты показываешь, что не боишься предлагаемого. Потому войдешь ли ты в дом язычника, или придешь на торжище, я не дозволяю тебе разведывать, чтобы тебе не быть беспокойным и трусливым и не навлекать на себя излишних забот. "**Если я с благодарением принимаю пищу, то для чего порицать меня за то, за что я благодарю?**" (ст.30). Что же, скажи мне, ты принимаешь с благодарностью? Божии дары. Благодать Его такова, что она делает душу мою чистою и поставляет ее выше всякой нечистоты. Как солнце, касаясь лучами своими всяких нечистот, вновь делает их чистыми, так или еще более и мы, обращаясь среди мира, можем оставаться чистыми, если захотим, и тем более, чем большую имеем силу.

2. Для чего же, скажешь, воздерживаться? Не для того, что иначе можно сделаться нечистым, но для брата, чтобы не иметь общения с демонами, и чтобы не подвергнуться осуждению от неверного. Здесь не свойство (яств), но преслушание и общение с демонами делают меня нечистым, и от произволения зависит осквернение. Что же значат слова: "**для чего порицать меня за то, за что я благодарю?**" Я, говорит, благодарю Бога, что Он настолько возвеличил меня и поставил выше иудейского унижения, что ничто не может вредить мне; а язычники, не зная моего любомудрия, будут подозревать противное и скажут: христиане желают нашего; они лицемеры; хулят демонов и отвращаются от них, а к трапезам их стекаются; что может быть неразумнее этого? Значит, они не для истины, но из честолюбия и властолюбия приняли это учение. Потому не безумно ли давать повод к хуле за те самые благодеяния, за которые приносится благодарность? Но, скажешь, язычник будет говорить это и тогда, когда увидит, что я не разведываю. Нет, потому что не все наполнено идоложертвенным, чтобы иметь такое подозрение; притом ты вкушаешь это, не как идоложертвенное. Итак, не разведывай напрасно; а с другой стороны не принимай участия, когда тебе скажут, что это идоложертвенное. Христос даровал тебе благодать, возвеличил тебя и поставил выше всякого вреда не для того, чтобы подавать повод к худой молве о тебе, и не для того, чтобы теми самыми преимуществами, за которые ты благодаришь, столько оскорблять других, что они могут хулить. А почему, скажешь, мне не сказать язычнику, что я вкушаю и не терпеть от того никакого вреда, и что я делаю это не из привязанности к демонам? Потому, что ты не убедишь его, хотя бы тысячу раз говорил это, так как он (человек) немощный и враг тебе. Если ты еще не убедил брата, то тем более (не убедишь) врага и язычника. Если этот связан совестью в отношении к идоложертвенному, то тем более неверный. Для чего же нам и прибегать к таким средствам? Но неужели нам отступить и от Христа, Которого мы познали и благодарим, потому только, что враги хулят нас? Да не будет! Есть различие между тем и другим; там бывает великое приобретение от перенесения хулы, а здесь нет никакой пользы. Потому (апостол) и сказал выше: "**едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем**" (8:8). Притом он доказал, что надобно удаляться и воздерживаться от идоложертвенного и по другим соображениям, не по этой только, но и по другим причинам, о которых он сказал выше. "**Итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию**" (ст.31). Видишь ли, как он от частного предмета перешел в поучении к общему и преподал нам превосходное правило – прославлять Бога во всем? "**Не подавайте соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни церкви Божией**" (ст.32); т.е. не подавайте никому никакого повода к соблазну. Иначе и брат соблазнится, и иудей еще более возненавидит и осудит тебя, и язычник будет смеяться над тобой, как над чревоугодником и лицемером. Не должно соблазнять не только братий, но, если возможно, и внешних. Если мы – свет, закваска, светила и соль, то мы должны просвещать, а не помрачать, скреплять, а не ослаблять, привлекать к себе неверных, а не отгонять от себя. Для чего же ты отгоняешь тех, которых должен привлекать? Подлинно язычники соблазняются, когда видят, что мы возвращаемся к этим (вещам), потому что они не знают нашего образа мыслей и того, что наша душа стала выше всякого чувственного осквернения. Иудеи и немощнейшие из братий испытают то же самое. Видишь ли, сколько он привел причин, по которым должно воздерживаться от жертв идольских? Именно: потому, что невоздержание бесполезно, излишне, вредит брату, возбуждает хулу со стороны иудея, поношение со стороны язычника, что и не должно иметь общения с демонами, что такое поведение есть некоторым образом идолослужение. Потом, когда сказал: "**не подавайте соблазна**", возложил на них ответственность за соблазн иудеев и язычников и выразил нечто тяжкое, – смотри, как он делает это удобоприемлемым и легким: поставляет посредником самого себя и говорит: "**так, как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись**" (ст.33). "**Будьте подражателями мне, как я Христу**" (11:1).

3. Искать полезного для общества – вот правило совершеннейшего христианства, вот точное его назначение, вот верх совершенства! Это выражает и апостол словами: "**как я Христу**". Ничем ты не можешь столько подражать Христу, как попечением о ближних; постишься ли ты, спишь ли на земле, изнуряешь ли себя, но если ты не печешься о ближнем, то не делаешь ничего важного, и при всем том еще далеко отстоишь от образца. Воздержание от жертв идольских само по себе есть дело полезное; а я, говорит (апостол), делал много и неполезного, например обрезывал и приносил жертвы; такие действия, если рассматривать их самих в себе, могут даже погубить совершающих и лишить спасения, но я подвергал себя и этому для проистекающей от того пользы. Здесь нет ничего подобного: в тех действиях, если не будет пользы для других, то может быть вред; а, здесь, хотя бы никто не соблазнялся, и в таком случае следует воздерживаться от запрещенного. Я подвергал себя не только вредному, но и трудному: "**другим церквам я причинял издержки**", говорит, "**получая от них содержание**" (2Кор.11:8); когда можно было есть и не трудиться, я не искал этого, но решился лучше сам погибнуть с голода, нежели соблазнить другого. Потому он и говорит: "**я угождаю всем во всем**"; нужно ли сделать что-нибудь незаконное, или трудное и опасное, всему я подвергаюсь для пользы других. Так Павел, будучи выше всех по совершенству, становился ниже всех по снисхождению.

Подлинно никакой подвиг не может быть великим, если он не приносит пользы другим. Это видно из примера того, который принес талант целым и был наказан за то, что не умножил его. Так и ты, брат, будешь ли оставаться без пищи, спать на земле, есть пепел и постоянно плакать, но если не оказываешь никакой пользы другим, то не делаешь ничего важного. Это особенно имели в виду все великие в древности и доблестные мужи; исследуй тщательно жизнь их, и ты ясно увидишь, что каждый из них имел целью пользу не свою, а ближних; тем они особенно и прославились. Так Моисей совершил многие великие чудеса и знамения, но ничто столько не возвеличило его, как блаженные слова, сказанные им Богу: "**прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня**" (Исх.32:32). Таков был и Давид: "**вот, я согрешил, я поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они? пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего**" (2Цар.24:17). Также Авраам искал пользы не своей, но многих: потому подвергал себя опасностям и просил Бога за (людей), не имевших к нему никакого отношения. Так они прославились; а искавшие своей пользы, смотри, как причиняли вред. Так, племянник Авраама, выслушав слова его: "**если ты направо, то я налево**" (Быт.13:9), и сделав выбор, имея в виду свою пользу, не нашел ее; напротив страна его сгорела, а страна Авраама осталась невредимой. Иона, когда искал пользы не других, а своей, то едва не погиб: город стоял, а он подвергался опасности, был обуреваем волнами и утопал; когда же стал искать пользы других, тогда нашел и свою. Иаков, не искавший собственной пользы от стад, получил великое богатство. Также Иосиф, желая принести пользу братьям, нашел и свою: когда отец посылал его (к братьям), то он не сказал: как, разве ты не знаешь, что за видения и сны они готовы растерзать меня, что за толкование снов обвиняют меня, что за любовь твою ко мне намереваются наказать меня, – чего только не сделают они, встретив меня среди поля? Ничего такого он не сказал и не подумал, но предпочел всему служение братьям; потому и получил впоследствии все те блага, которые сделали его весьма славным и знаменитым. Так и Моисей, – ничто не препятствует упомянуть о нем в другой раз, чтобы видеть, как он не думал о своей пользе и искал пользы других, – проводя жизнь в царских чертогах, "**почел большим богатством, нежели Египетские сокровища, поношение**" (Евр.11:26), и, бросив все, решился разделять бедствия с евреями; но не только сам не подвергся рабству, а напротив освободил и их от рабства. Все эти деяния велики и достойны ангелов.

4. Но (деяния) Павла имеют великое преимущество. Все другие, оставляя собственное благосостояние, принимали участие в бедствиях ближних; а Павел сделал гораздо больше.

Он не только участвовал в бедствиях других, а предпочитал сам терпеть крайние бедствия, чтобы другие наслаждались благосостоянием. Не одно и то же – отвергнуть свое благосостояние и предаться бедствиям (вместе с другими), или подвергать страданиям одного себя, а другим доставлять спокойствие и почести. Там, хотя и тяжело переменить благополучие на страдания для ближнего, однако есть некоторое утешение в том, что находятся сообщники страданий; а подвергать одного себя скорбям, чтобы другие наслаждались радостями, это – дело благороднейшей души и Павловой ревности.

Не одним этим, но и другим большим преимуществом он превосходит всех, о которых мы сказали выше. Авраам и все другие подвергали себя бедствиям настоящей жизни, и все вообще желали себе смерти; а Павел желал лишиться даже будущей славы для спасения других. Могу указать и третье преимущество. Какое же? То, что хотя некоторые из упомянутых мужей оказывали попечение о людях, враждовавших против них, но таких, которые находились под их руководством; они делали то же, что делал бы отец, пекущийся о дурном и преступном сыне, однако же сыне; а Павел желал подвергнуться анафеме за тех, которые не были вверены его попечению, – так как он был послан к язычникам. Видишь ли величие его души и превосходство его ревности, превышающие самое небо? Подражай ему; а если не можешь ему, то хотя (мужам, прославившимся в ветхом завете. Полезное для себя ты найдешь тогда, когда будешь искать (пользы) ближнего. Если не имеешь ревности пещись о брате, то помни. что иначе ты спастись не можешь, и позаботься о нем и о делах его по крайней мере для себя. Сказанного достаточно для убеждения, что мы не можем иначе достигать полезного для нас. Но, если хочешь, можешь убедиться опытом и из обыкновенных примеров. Когда случится загореться какому-нибудь дому, то те, которые живут близко к нему и, заботясь только о себе, не станут предотвращать опасность, а запрутся в своих домах из опасения, чтобы кто не вошел и не похитил чего-нибудь у них, – какое получат наказание? Огонь, дошедши до них, сожжет все их (имущество); не заботясь о пользе ближнего, они потеряют и свою. Бог, желая соединить всех друг с другом, поставил все в такой необходимой связи, что с пользой одного соединяется польза другого: на том стоит весь мир. Если на корабле, во время бури, кормчий, пренебрегши пользу других, будет искать только своей, то скоро потопит и себя и их. Если бы каждое ремесло стремилось только к своей пользе, то и жизнь была бы невозможна, и (невозможно) то самое ремесло, которое стремилось бы к этому. Потому земледелец сеет жита не столько, сколько нужно для него самого, – иначе он давно погубил бы и себя и других, – но он печется и о других; воин ополчается на опасности не для того, чтобы спасти только самого себя, но чтобы и доставить безопасность городам: купец привозит не столько, сколько нужно для него самого, а сколько и для многих других. Но каждый, скажет кто-нибудь, делает это, имея в виду не мою пользу, а свою, трудится для приобретения себе и денег, и славы, и безопасности, так что, доставляя пользу мне, он ищет своей. То же говорю и я, это давно и хотел внушить, к тому и направлял все мое слово, чтобы показать, что ближний тогда достигает своей пользы, когда заботится о твоей. Если бы люди не были поставлены в такую необходимость, то они не захотели бы искать пользы ближнего; потому Бог и соединил все таким образом и не попустил достигать своей пользы иначе, как путем пользы других. Людям свойственно идти таким путем к пользе ближнего; но заимствовать побуждение к тому должно не отсюда, а из того убеждения, что так угодно Богу. Невозможно спастись иначе; если ты упражняешься даже в высшем любомудрии, но не заботишься о других, погибающих, то не будешь иметь никакого дерзновения пред Богом. Откуда это видно? Из слов блаженного Павла: "**если я**", говорит он, "**раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы**" (1Кор.13:3), Видишь ли, чего Павел требует от нас? Хотя раздающий (свое имение), по-видимому, ищет пользы не своей, а ближнего, но этого одного, говорит, недостаточно, а надобно это делать с искренностью и великим состраданием. Для того Бог и дал нам такую заповедь,

чтобы соединить нас союзом любви. Если же Он требует от нас любви в такой мере, а мы не оказываем ее и в меньшей, то удостоимся ли мы прощения? Как же, возразит кто-нибудь, Бог чрез ангелов сказал Лоту: "**спасай душу свою**" (Быт.19:17)? Но, скажи мне, когда это было и почему? Когда угрожало наказание, когда уже не время было исправляться, когда (нечестивые) были осуждены и страдали неизлечимой болезнью, когда старцы и юноши предались одним и тем же похотям и должны были сгореть, в тот день, когда молнии готовы были поразить их. Притом это сказано не о пороке и добродетели, но относилось к наказанию, ниспосланному от Бога. Что же тогда, скажи мне, должно было делать? Сесть, принять наказание и сгореть без всякой пользы? Но это было бы крайним безумием. Не то я говорю, чтобы должно было мучиться без причины и напрасно, вопреки воле Божией; но когда человек проводит порочную жизнь, то заповедаю тебе, приди к нему и исправь его, если хочешь, для блага ближнего, если же нет, то по крайней мере для своей пользы; первое лучше последнего, но если ты еще не достиг такой высоты, то делай это по крайней мере для последнего. Пусть никто не ищет своей пользы, и тогда найдет ее. Зная, что ни нищета, ни мучение и ничто другое не может спасти нас, если мы не имеем высокой любви, будем приобретать ее прежде всего, чтобы чрез нее нам получить и другие блага настоящие и будущие, которых да сподобимся все мы благодатию н человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 26

"Хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания так, как я передал вам" (1Кор.11:2).

1. Окончив речь об идольских жертвах, как следовало, и сделав ее совершенной во всех отношениях, (апостол) переходит к другому предмету, в котором (коринфяне) также погрешали, хотя и не так тяжко. Он обыкновенно, – повторю опять то, что я сказал прежде, – не все сильные обличения поставляет сряду, но, располагая их в надлежащем порядке, вставляет между ними менее сильные, и таким образом облегчает тяжесть, которая происходила бы для слушателей от постоянных укоризн. Поэтому о самом важнейшем предмете, именно о воскресении он говорит после всего. Теперь же приступает к другому, менее важному, и говорит: "**хвалю вас, братия, что вы все мое помните**". Когда грех несомненен, тогда он сильно обличает и укоряет; а когда грех сомнителен, тогда наперед доказывает, а потом обличает: говоря о несомненном грехе, он показывает важность его, а говоря о сомнительном, доказывает действительность (его греховности). Так блуд без всякого сомнения есть грех, – потому он и не имел нужды доказывать, что это – грех, а показал тяжесть греха посредством сравнения. Судиться у неверных было грехом, но не так тяжким, – потому этот грех он поставляет между другими и доказывает (его греховность). Вкушение жертв идольских, хотя (в отношении своей греховности) подлежало сомнению, но было величайшим злом, – потому он и доказывает, что это – грех, и объясняет важность его. Поступая таким образом, он не только отклоняет от грехов, но и убеждает к противному. Так он говорит, что не только должно не блудодействовать, но и тщательно соблюдать святость: "**посему прославляйте**", присовокупляет, "**Бога в теле вашем, и в духе вашем**" (1Кор.6:20). Также сказав, что не должно быть мудрым внешней мудростью, не довольствуется этим, но и повелевает быть безумным. Увещевая не судиться у внешних и не причинять обид, потом и вообще возбраняет судиться и советует не только не обижать, но и терпеть обиды. Рассуждая о жертвах идольских, говорит, что должно воздерживаться не только от запрещенного, но и от дозволенного, когда от того происходит соблазн, и не должно соблазнять не только братий, но и язычников и иудеев. "**Не подавайте соблазна**", говорит, "**ни Иудеям, ни Еллинам, ни церкви Божией**". Таким образом совершенно

окончив речь о всем этом, он потом переходит к другому греху. Какой же это был грех? Жены с открытыми и обнаженными головами и молились и пророчествовали, – потому что тогда пророчествовали и жены, – а мужи отращивали волосы, подобно занимавшимся философией, и покрывали свои головы, когда молились и пророчествовали, придерживаясь в том и другом языческого закона. Апостол, находясь (у коринфян), уже преподал им наставление касательно этого предмета; но так как, может быть, одни послушались его, а другие оказались непослушными, то он вновь чрез послание, как мудрый врач, изобильным словом исправляет грех. А что он лично преподавал им наставление об этом, видно из начала его речи. Почему, в самом деле, не сказав прежде нигде ничего об этом в послании, а рассуждая о других грехах, он вдруг говорит: "**хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания так, как я передал вам**". Очевидно, что одни послушались его, и их он похваляет, а другие оказались непослушными, и их он исправляет следующими словами: "**а если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая**" (ст.16). Если бы он сделал укоризну всем, как послушным, так и непослушным, то в первых возбудил бы негодование, а в последних усилил бы нерадение; но теперь, одних похвалив и одобрив, а других укорив, он первых ободряет, а последних приводит в стыд. Укоризна, хотя и сама по себе может тронуть, но имеет еще большую силу, когда соединяется с похвалой исправным. Потому он и начинает не с укоризн, но с похвал, притом с великих похвал, и говорит: "**хвалю вас, что вы все мое помните**". Так обыкновенно поступает Павел: за малые (достоинства) воздает великие похвалы, делая это не из лести, – да не будет! мог ли (употреблять лесть) тот, кто не искал ни денег, ни славы и ничего подобного? – но во всем имея в виду их спасение. Потому он и усиливает похвалу: "**хвалю вас, братия**", говорит, "**что вы все мое помните**". Что – все? Он говорил только о неращении волос и о непокрывании головы, но, как я сказал, усиливает похвалу, чтобы сделать их более усердными: "**что вы все мое**", говорит, "**помните и держите предания так, как я передал вам**". Следовательно он еще прежде преподал им многое не письменно, как выражает это и во многих других местах; но прежде он только оставил им предание, а теперь присовокупляет и причину. Таким образом он еще более утверждает послушных и низлагает гордость непослушных. Не говорит: вы послушались, другие же не послушались, но, не выражая прямо, намекает на это в дальнейшем изложении своего наставления: "**хочу также**", говорит, "**чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава – муж, а Христу глава – Бог**" (ст.3). Такова причина. А приводит он ее для того, чтобы немощных сделать более внимательными. Ведь верующий, как должно, и твердый в вере не нуждается ни в доказательстве, ни в причине того, что заповедуется ему, а довольствуется одним преданием; но немощный, узнав и причину, с большим усердием соблюдает сказанное и повинуется с большей преданностью.

2. Потому (апостол) и не приводил причины до тех пор, пока не увидел нарушения заповеди. Какая же причина? "**Всякому мужу глава Христос**". Следовательно и язычнику? Нет. Если мы "**тело Христово, а порознь – члены**" (1Кор.12:27), а Он – наша глава, то Он не может быть главою тех, которые не составляют тела и не сделались членами Его. Следовательно, при слове: всякому надобно подразумевать: верующему.

Видишь ли, как везде он пристыжает слушателя, указывая на высшее? Рассуждая и о любви, и о смиренномудрии, и о милосердии, он отсюда же заимствовал доказательства. Глава же жене муж: глава же Христу Бог. Еретики указывают нам на эти слова, выводя из них мысль об уничижении Сына (пред Отцом); но они опровергают сами себя. Если глава жены – муж, а глава единосущна с телом, глава же Христу – Бог, то Сын единосущен Отцу. Но, скажут, мы хотим доказать отсюда не различие по существу, а подчинение (Сына Отцу). Что сказать на это? То, что когда что-нибудь уничиженное говорится о Нем в Его соединении с плотью, тогда это не унижает Божества, а относится к Его

домостроительству. Однако, скажи, как ты доказываешь отсюда мысль свою? Как жена, говоришь, подчинена мужу, так и Христос – Отцу. Следовательно, как Христос – глава мужа, точно так же и Отец – глава Сына? Всякому мужу, говорит (апостол), глава Христос есть. Но кто может когда-нибудь допустить это? Если допустить, что какое преимущество Сына пред нами, такое же и Отца пред Сыном, то подумай, до какой степени ты его унижаешь. Потому не следует принимать в одинаковом смысле все, что говорится о нас и о Боге, хотя говорится и одинаково; но должно приписывать Богу некоторое особенное преимущество, такое, какое свойственно Богу; иначе произойдет много нелепого. Смотри: глава Христу Бог, глава мужу Христос, глава жене муж: если во всей этой речи мы примем слово глава в одном и том же смысле, то Сын будет ниже Отца столько, сколько мы ниже Его; и жена будет ниже нас столько, сколько мы ниже Бога Слова, – так что в каком отношении Сын находится к Отцу, в таком же мы – к Сыну, и жена – к мужу. Но кто может допустить это? Ты принимаешь слово глава в отношении к жене в одном смысле, а в отношении к мужу в другом: почему же не принимаешь его в ином смысле в отношении ко Христу? Следует в ином смысле принимать его и в отношении к Сыну и Отцу. Как же, скажешь, иначе понимать его? В смысле начала. Если бы Павел хотел выразить власть одного и подчинение другого, как ты говоришь, то скорее привел бы в пример раба и господина, а не жену, потому что жена, хотя и подчинена нам, но как свободная и равночестная. Так и Сын, хотя повинуется Отцу, но как Сын Божий, как Бог; и как повиновение Сына Отцу больше, нежели у людей повиновение детей родителям, так и неподчиненность Его больше. Если отношения Сына к Отцу больше и совершеннее подобных же отношений у людей, то и отношения Отца к Сыну не меньше; если мы удивляемся Сыну, что Он был "**послушным даже до смерти, и смерти крестной**" (Флп.2:8), и вменяем Ему это в великую заслугу, то надобно удивляться и Отцу, что Он родил такого (Сына), Который не подчинен Ему, как раб, но повинуется, как свободный и как советник; советник же не есть раб. Опять, когда ты слышишь слово: советник, не принимай этого так, будто Отец имеет в чем-либо нужду, но так, что Сын равночестен Отцу. Равным образом не во всем применяй пример мужа и жены. У них жена справедливо подчинена мужу, потому что равночестие могло бы произвести вражду, и еще потому, что в начале от жены произошло обольщение; она подчинена не тотчас по сотворении: когда (Бог) привел ее к мужу, она не слышала от Бога ничего такого, и муж ничего подобного не выразил ей, а сказал, что она кость от костей его и плоть от плоти его, о власти же и подчинении ничего не говорил с ней; но когда она злоупотребила своей властью, сделавшись из помощницы обольстительницей, и погубила все, тогда справедливо услышала слова: "**к мужу твоему влечение твое**" (Быт.3:16).Так как этот грех мог возбудить вражду в нашем роде, – ведь после такого события не послужило бы к миру то, что жена произошла от мужа, напротив то самое, что, происшедши от него, она не пощадила собственного члена, еще более раздражало бы мужа, – то Бог, видя злобу диавола, оградил их этим словом, как бы стеной, уничтожил таким определением вражду, которая должна была произойти, после обольщения, поставив как бы оплот против естественной страсти – происходящего от греха злопамятства. Но в Боге, этом нетленном существе, нельзя предполагать ничего подобного. Потому применяй к Нему примеры не во всех отношениях; иначе и в других местах впадешь во многие и важные погрешности. Так и в начале послания (апостол) сказал: "**все ваше; вы же – Христовы, а Христос – Божий**" (1Кор.3:22-23).

3. Что же? В одном ли смысле все – наше, а мы – Христовы, и Христос – Божий? Нет; напротив, и для самых неразумных очевидно различие, хотя употреблено одно и то же выражение о Боге, о Христе и о нас. И в другом месте, назвав мужа главой жены, он присовокупляет: как и Христос есть глава и Спаситель и предстатель Церкви, так и муж должен быть по отношению к жене своей (Еф.5:23-27). Можем ли и мы принимать в одном смысле все выражения, как здесь, так и сказанные после в послании к Ефесеям об

этом предмете? Нет; это невозможно. Одни и те же выражения употребляются о Боге и человеке: но иначе должно понимать одни, иначе другие; впрочем и не все различно, потому что они оказались бы употребленными без причины и напрасно, если бы мы не сделали из них никакого приложения. Как не все надобно понимать в одном смысле, так и не все надобно считать неприложимым. Для лучшего уразумения постараюсь объяснить это примером. Христос назван главой Церкви; если из этого выражения, заимствованного от человека, я не сделаю никакого приложения, то для чего оно мне и сказано? А с другой стороны, если я буду прилагать весь буквальный смысл его, то произойдет нелепость, потому что глава подобострастна телу и подвержена одним и тем же (недостаткам). Что же надобно отвергнуть и что принять? Надобно отвергнуть то, что я сказал, а принять совершенное единение (Христа с Церковью) и то, что Он есть Виновник и верховный Правитель ее; притом надобно разуметь это не просто, но в высочайшей степени и богоприлично; единение Его – самое твердое и правление – самое совершенное. Еще: Христос называется Сыном; и здесь опять не все принимай, но не все и отвергай, а приняв то, что прилично Богу, т.е. что Он единосущен Отцу и от Него рождается, неприличное и свойственное человеческой немощи не прилагай. Также Бог называется светом; можно ли прилагать к Нему все, что свойственно видимому свету? Нет; видимый свет ограничивается тьмой и местом, приводится в движение иной силой и помрачается, а в существе Божием невозможно и представить ничего такого. Потому не будем отвергать всего, но извлекать некоторую пользу из этого подобия, разумея просвещение, даруемое нам от Бога, и избавление от тьмы. Это против еретиков; а теперь нужно сказать о целом объясняемом месте. Может быть, кто-нибудь станет недоумевать и спросит себя: какая вина в том, если бы жены открывались, а мужи покрывались? В чем здесь состоит вина, можешь видеть из следующего. Мужу и жене дано много различных знаков, одному – власти, а другой – подчиненности, между прочим и тот, чтобы жена покрывалась, а муж был с обнаженной головой. Если же таковы знаки, то оба они погрешают, когда нарушают благочиние и заповедь Божию, когда преступают собственные пределы, муж ниспадая до уничижения жены, а жена возвышаясь своим внешним видом пред мужем. Если им непозволительно изменять свою одежду, т.е. жене одеваться в мужское платье, а мужу надевать женскую одежду и покрывало, – "**на женщине не должно быть**", говорит (Писание), "**мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье**" (Втор.22:5), – то тем более непозволительно меняться одеждами. Это узаконено людьми, хотя после и утверждено Богом; а то происходит от самой природы, т.е. чтобы одна покрывалась, а другой не покрывался. Под именем природы я разумею Бога, потому что Он есть Создатель природы. Потому если ты преступишь эти пределы, то, смотри, сколько произойдет вреда. Не говори мне, что это преступление – маловажно; оно велико и само по себе, потому что оно есть преслушание: а если бы и было маловажно само по себе, то оно велико потому, что касается знака великих предметов. А что (этот знак) велик, видно из того, что он производит благоустройство в роде (человеческом), представляя в надлежащем виде начальствующего и подчиненного; поступающий же против этого приводит все в смешение, лишает себя даров Божиих, унижает честь, дарованную ему свыше, и не только муж, но и жена. Ведь и для нее большая честь – сохранять свое место, а напротив постыдно – выходить из пределов. Потому (апостол) и говорит об них обоих: "**всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову. И всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову**" (1Кор.11:4-5). В то время, как я сказал, были и мужи пророчествовавшие, и жены имевшие этот дар, например дочери Филиппа и другие прежде и после них. О них и пророк в древности сказал: "**будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши будут видеть видения**" (Иоил.2:28). Мужу (апостол) повелевает быть открытым не всегда, а только во время молитвы: "**всякий муж**", говорит, "**молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову**". Жене же повелевает быть покрытой всегда; потому, сказав: "**всякая жена, молящаяся**

или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову", он не останавливается на этом, но продолжает: "**ибо это то же, как если бы она была обритая**". Если быть обритой всегда постыдно, то очевидно, что и быть непокрытой всегда постыдно.

4. (Апостол) не останавливается и на этом, но еще присовокупляет: "**жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов**" (ст.10); показывает, что не только во время молитвы, но и всегда она должна покрываться. А мужу заповедует уже не касательно покрывания, а касательно волос: запрещает покрываться только во время молитвы, растить же волосы возбраняет всегда. Как о жене сказал: "**если не хочет покрываться, то пусть и стрижется**", так и о муже: "**если растит волосы, то это бесчестье для него**" (ст.14). Не сказал: если покрывается, но: "**если растит волосы**". Потому и в начале сказал: "**всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою**", не сказал: накрывшись, но: с покрытою головою, выражая, что молящийся хотя с обнаженною главою, но с отрощенными волосами, равен покрывшемуся: "**так как**", говорит, "**волосы даны вместо покрывала**" (ст.15). "**Ибо если жена не хочет покрываться, то пусть и стрижется; а если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается**" (ст.6). Сначала требует, чтобы жена не обнажала головы своей, а потом объясняет, что она постоянно должна быть покрытой: "**ибо это то же, как если бы она была обритая**", – и притом (покрытой) со всей тщательностью и осмотрительностью, так как не сказал просто: да накрывается (καλύπτεσθαι), но: покрывается (κατακαλύπτεσθαι), т.е. должна тщательно закрываться со всех сторон. Показывает и неприличие противного образа действий и сильно укоряет, когда говорит: "**если не хочет покрываться, то пусть и стрижется**": если, говорит, ты свергаешь покрывало, установленное законом Божиим, то свергни и данное природой. Но, скажет кто-нибудь, как может служить жене бесчестием то, если она восходит до чести мужа? Чрез это, скажем мы, она не только не восходит, но лишается и собственной чести. Ведь не соблюдать собственных пределов и законов, установленных Богом, преступать их, – это не возвышение, а унижение. Как желающий чужого и похищающий непринадлежащее ему не приобретает, а унижается и теряет и то, что он имел, как например было в раю, так и жена в этом случае не приобретает себе благородство мужа, но теряет и благопристойность жены; притом же не это одно постыдно для нее, но и самое любостяжание. Таким образом, указав на то, что несомненно признается постыдным, в словах: "**а если жене стыдно быть остриженной или обритой**", (апостол) наконец от себя говорит: "**пусть покрывается**". Не сказал: пусть растит волосы, но: "**пусть покрывается**", внушая, что и то и другое одинаково, и доказывая это с двух сторон, со стороны закона и со стороны противоположной (от природы). Покрывало и отрощенные волосы, говорит, одно и то же, равно как бритая и обнаженная голова – одно и то же: "**ибо это**", говорит, "**то же, как если бы она была обритая**". Но спросит кто-нибудь: как одно и то же, когда та имеет естественное покрывало, а обритая не имеет и этого? Та, скажем мы, имея обнаженную голову, своей волей отвергла и естественное покрывало; если же она не лишена волос, то это дело природы, а не ее; следовательно как обритая имеет обнаженную голову, так и она. Для того (Бог) и повелел природе покрывать голову волосами, чтобы жена, научившись от природы, и сама покрывалась. Далее (апостол) приводит причину, рассуждая с своими слушателями, как с свободными, что я многократно замечал. Какая же причина? "**Итак муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия**" (ст.7). Опять же вторая причина: муж, говорит он, не должен покрываться не только потому, что имеет главой своей Христа, но и потому, что имеет власть над женой. Когда имеющий власть приступает к царю, то он должен иметь на себе знак своей власти. Потому, как никто из имеющих власть не осмелился бы явиться пред облеченного диадемой без пояса и (приличной сану) одежды, так и ты без знаков своей власти, т.е. без обнаженной головы, не молись Богу, чтобы не

нанести бесчестия и себе и почтившему тебя. То же самое можно сказать и о жене: и для нее бесчестно не иметь знаков своей подчиненности. Жена же слава мужу есть. Следовательно власть мужа (над женой) естественна. Объяснив это, он далее представляет другие основания и причины, возводит тебя к началу творения и говорит: "**ибо не муж от жены, но жена от мужа**" (ст.8). Если происхождение одного от другого составляет славу последнего, то тем более сходство их. "**И не муж создан для жены, но жена для мужа**" (ст.9). Это – второе преимущество, или, лучше, третье и четвертое. Первое то, что наша глава есть Христос, а мы (глава) жены; второе то, что мы – слава Божия, а наша слава – жена; третье то, что не мы от жены, но жена от нас; четвертое то, что не мы для нее, а она для нас. "**Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти**" (ст.10). Почему же именно? По всем сказанным (причинам), и кроме того для Ангелов. Если ты, говорит, не обращаешь внимания на мужа, то постыдись Ангелов.

5. Итак, покрытие есть знак покорности и подчинения; оно побуждает смотреть вниз, смиряться и соблюдать добродетель; добродетель же и честь подчиненного состоят именно в том, чтобы пребывать в послушании. Мужу не предписывается это делать, так как он – образ самого Владыки; а жене справедливо (предписывается). Потому посуди, как велико преступление, когда ты, удостоившийся такой власти, бесчестишь себя, принимая вид жены; ты делаешь то же, как если бы, получив диадему, сбросил ее с головы, и вместо диадемы надел рабскую одежду. "**Впрочем ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе**" (ст.11). Так как (апостол) приписал большое преимущество мужу, сказав, что жена от него, для него и под его властию, то, чтобы не возвысить мужей более надлежащего и не унизить жен, смотри, какую вносит поправку, говоря: "**впрочем ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе**". Не указывай мне, говорит, только на первоначальные преимущества и на сотворение, а обрати внимание на последующее и увидишь, что каждый из них зависит от другого. или, лучше, не один от другого, но все от Бога. Потому и говорит: "**ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе. Ибо как жена от мужа, так и муж через жену**" (ст.12). Не сказал: от жены; а через нее опять: от мужа – это неотъемлемо остается при муже. Впрочем, виновник этих преимуществ не муж, а Бог; потому и присовокупляет: но вся от Бога. Итак, если все от Бога, если Он повелевает это, то повинуйся и не противоречь. "**Рассудите сами, прилично ли жене молиться Богу с непокрытою головою?**" (ст.13). Опять предоставляет им самим судить о сказанном, подобно как поступил (в беседе) об идоложертвенном; там сказал: "**сами рассудите о том, что говорю**" (10:15), и здесь (говорит): "**рассудите сами**", и этим внушает нечто страшное: здесь, говорит, оскорбление касается Бога: впрочем, не говорит этого прямо, а выражается снисходительнее и прикровеннее: "**прилично ли жене молиться Богу с непокрытою головою? Не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестье для него, но если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала?**" (11:13-15). Как в других местах всегда он употребляет общеизвестные доказательства, так и здесь обращается к общеизвестному обычаю и сильно пристыжает слушателей, ожидающих от него наставления в том, что они могли знать и из общего обычая; а это не безызвестно и варварам. И, заметь, какие сильные везде он употребляет выражения: "**всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову**"; и еще: "**а если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается**"; и здесь: "**если муж растит волосы, то это бесчестье для него, но если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала**". Но, скажешь, если вместо одеяния дано, то для чего прибавлять к одному одеянию другое? Для того, чтобы показать подчинение не только по природе. но и по доброй воле. Природа наперед установила, чтобы ты была покрытой; а ты приложи нечто от себя, чтобы не показалось, что ты нарушаешь законы природы; противиться же не только нам, но и природе, есть знак великого бесстыдства. Потому Бог, укоряя иудеев, сказал: "**сыновей твоих и дочерей**

твоих ты приносила в жертву": это больше всех гнусностей твоих (Иез.16:20). Также Павел, в послании к Римлянам обличая предающихся сладострастию, подобным же образом усиливает обличение, замечая, что преступление их противно не только закону Божию, но и природе: "**заменили естественное употребление противоестественным**" (Рим.1:26). И здесь он внушает то же самое, и еще то, что он не предписывает ничего нового, и что все языческие нововведения противны природе. То же выражает и Христос, когда говорит: "**как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними**" (Мф.7:12), внушая, что Он не вводит ничего нового. "**А если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая, ни церкви Божии**" (1Кор.11:16). Следовательно противление есть знак упорства, а не рассудительности. Впрочем и здесь он умеренно обличает, а вместе с тем сильно пристыжает их, что и делало слова его весьма внушительными. Мы, говорит, не имеем такого обычая, чтобы спорить, состязаться и противоречить. Не останавливаясь на этом, прибавляет: "**ни церкви Божии**", внушая, что не повинуясь они враждуют и противятся всей вселенной. Но если тогда коринфяне противоречили этому закону, то теперь приняла и сохраняет его вся вселенная. Такова сила Распятого!

6. Но я опасаюсь, чтобы иные жены, приняв надлежащий наружный вид, не оказались бесстыдными в делах и не остались открытыми в другом отношении. Потому Павел и в послании к Тимофею, не довольствуясь сказанными наставлениями, прибавил нечто другое и сказал: "**в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, не золотом**" (1Тим.2:9). Если не должно обнажать головы, но везде носить знак подчинения, то тем более должно показывать это в действиях. Прежние жены называли мужей своих господами и уступали им первенство. Потому, скажешь, что и они любили своих жен? И я знаю это и не забываю; но когда мы говорим о твоих обязанностях, то не указывай на (обязанности) других. Когда мы внушаем детям повиновение родителям н произносим слова Писания: "**почитай отца твоего и мать твою**" (Исх.20:12), то они говорят нам: докажите и следующее: "**и вы отцы не раздражайте детей**" (Еф.6:4). Когда мы внушаем рабам слова Писания: "**повинуйтесь господам, не с видимою только услужливостью**" (Еф.6:5-6), то они напоминают нам о дальнейшем и требуют, чтобы и господам также было сделано внушение: Павел, говорят они, повелел и им умерять строгость (Еф.6:9). Но мы не будем поступать так, не будем указывать на обязанности других, когда обличают нас за нарушение наших; хотя бы обличение падало на тебя вместе с другими, ты не избавишься от обвинения; потому смотри только на то, чтобы тебе освободиться от своих грехов. Адам также слагал вину на свою жену, а она на змия; но это нисколько не помогло им. Не говори же и ты мне этого, но постарайся со всяким благоразумием исполнять свои обязанности в отношении к мужу. И мужу твоему, когда увещеваю его любить и уважать тебя, я не дозволяю указывать на заповедь, данную жене, а требую от него исполнения предписанного ему. Потому и ты старайся исполнять свои обязанности и оказывай покорность своему мужу. Если хочешь повиноваться мужу для Бога, то не представляй мне его обязанностей, но тщательно исполняй те, которые Законодатель возложил на тебя. В том особенно и состоит повиновение Богу, чтобы не нарушать закона, даже в том случае, если сама ты терпишь противное. Кто любит любящего его, тот не делает ничего важного; а кто любит ненавидящего его, тот преимущественно достоин венцов. Так размышляй и ты: если будешь сносить жестокого мужа, то получишь светлый венец; а если тихого и кроткого, то за что Бог будет награждать тебя? Говорю это не для того, чтобы подать мужьям повод к жестокостям, но чтобы убедить жену – сносить и жестоких мужей. Когда каждый будет стараться исполнять свои обязанности, то и ближний не замедлит сделать то же. Так, когда жена бывает готова сносить гневливого мужа, тогда и муж не станет оскорблять гневливой жены, тогда во всем будет у них мир и пристань, не возмущаемая волнами. Так и было у древних: каждый исполнял свое, не указывая на обязанности ближнего. Смотри:

Авраам взял с собой племянника, и жена не укоряла его за это. Он велел ей идти в дальний путь, и она не воспротивилась этому, но повиновалась. Потом после многочисленных бедствий, усилий и трудов, сделавшись господином всего, он уступил первенство Лоту, и Сарра не только не огорчилась этим, но даже не открыла уст и не сказала ничего такого, что многие жены говорят ныне, когда видят, что мужья их при подобных разделах получают менее других, особенно низших себя, порицают их, называют и глупыми, и несмысленными, и трусами, и беспечными, и ленивыми. Она же не сказала и не подумала ничего такого, но осталась довольна всем, что он сделал. И еще более: когда его (Лота) постигла великая опасность после того, как он сам сделал выбор и предоставил дяде худшую часть, и когда патриарх, услышав об этом, вооружил всех своих домочадцев и с ними одними пошел против целого персидского войска, она не удерживала его и не сказала, например, так: куда идешь ты, человек, ввергая сам себя в пропасть, подвергаясь таким опасностям, готовясь пролить кровь за мужа, который обидел тебя и похитил твою собственность? Если ты не думаешь о себе, то пожалей меня, оставившую дом, отечество, друзей и родных, и последовавшую за тобой в такой путь, не подвергай меня вдовству и соединенным с вдовством бедствиям. Ннчего такого она не сказала, не подумала, но все перенесла молча. Затем, оставаясь неплодной, она не скорбит и не плачет, подобно другим таким женам, но проливает слезы он, – впрочем не пред женой, а пред Богом. И, заметь, как каждый соблюдает должное: он не презирает Сарры за ее неплодство и не укоряет ее за это, и она с своей стороны старается найти для него некоторое утешение в бесчадии посредством рабыни. Тогда не запрещалось это, как запрещается ныне; ныне же непозволительно ни женам делать такое угождение мужьям, ни мужьям, с ведома ли, или без ведома жен, вступать в такие связи, хотя бы они в тысячу раз более чувствовали бесчадие; иначе им будет сказано: "**червь их не умирает и огонь не угасает**" (Мк.9:44); ныне это не дозволяется, а тогда не запрещалось. Потому, и жена предложила это, и он послушался, и поступил так не ради удовольствия. А посмотри, скажешь, как он потом, по ее же требованию, изгнал (служанку). Но этим я и хочу доказать, что как он во всем слушался ее, так и она его.

7. Притом, не ограничивайся этим, но, когда говоришь так, обрати внимание и на предыдущее, на то, что служанка оскорбила ее, стала гордиться пред госпожой; а что может быть прискорбнее этого для свободной и честной жены? Потому ты, жена, не ожидай доброты от мужа, чтобы после того показать и свою, – в этом не будет ничего важного; и ты, муж, не ожидай благонравия от жены, чтобы после того и самому быть любомудрым, – это уже не будет подвигом; но каждый, как я сказал, пусть первый исполняет свои обязанности. Если и посторонним, ударяющим по правой щеке, должно подставлять другую, то тем более должно сносить жестокость мужа. Говорю это не для того, чтобы муж бил жену, нет; это крайнее унижение не для той, которую бьют, а для того, кто бьет; но если по каким-нибудь обстоятельствам ты, жена, сочеталась с таким мужем, то не предавайся скорби, представляя ожидающую тебя за это награду и похвалу еще в настоящей жизни. И вам, мужья, скажу: никакой проступок не должен вынуждать вас бить свою жену. Что я говорю – жену? Благородному мужу непозволительно бить даже служанку и налагать на нее руки. Если же весьма бесчестно для мужа бить рабыню, то тем бесчестнее налагать руку на свободную. Это внушают и внешние (языческие) законодатели, которые не принуждают жену жить вместе с бьющим ее мужем, как с недостойным ее сожительства. Подлинно, крайне беззаконно – сообщницу жизни, издавна разделяющую твои нужды, позорить, как рабыню. Такой муж, если только можно назвать его мужем, а не зверем, по моему мнению, равен отцеубийце и матереубийце. Если нам заповедано оставлять для жены отца и мать, не в оскорбление им, но в исполнение закона Божия, и для самих родителей это настолько вожделенно, что они, будучи оставляемы, радуются и совершают брачное соединение детей с великим усердием, то не крайнее ли безумие оскорблять ту, для которой Бог повелел оставлять родителей? И безумие ли

только? А бесчестие, скажи мне, кто может перенести? Какое слово может изобразить это (бесчестие), когда крики и вопли разносятся по улицам, когда соседи и прохожие стекаются к дому совершающего такое гнусное дело, сокрушающего подобно какому-то зверю все, находящееся внутри? Лучше, если бы земля поглотила такого безумца, нежели после того ему опять показаться на торжище. Жена, скажешь ты, поступает дерзко? Но вспомни, что она – жена, слабый сосуд, а ты – муж. Ты для того и поставлен над ней начальником и главой, чтобы сносить слабость подчиненной. Старайся сделать свое правление славным; а славным оно будет тогда, когда ты не будешь бесчестить подчиненной. Как царь является сам тем более достойным почтения, чем более возвышает честь (подвластного себе) начальника, а когда унижает и бесчестит его достоинство, тогда не мало уменьшает и собственную славу, так и ты, бесчестя подвластную тебе начальницу, не мало унижаешь честь и своей власти. Итак, представляя все это, будь благоразумен, а вместе с тем вспоминай и о том вечере, в который отец, призвав тебя, отдал тебе дочь свою, как бы некоторый залог, и, отлучив ее от всего, от матери, от себя самого и от дома, вручил все попечение о ней твоей деснице. Подумай, что после Бога ты от нее получил детей, сделался отцом, и потому будь кроток в отношении к ней.

8. Не видишь ли, как земледельцы удобряют всеми способами землю, принявшую семена, хотя бы она имела тысячи недостатков, хотя была бы например неплодоносна, произращала дурные травы, подвергалась наводнениям по свойству местоположения? Так же поступай и ты; тогда ты же первый насладишься и плодами и спокойствием. Жена есть пристань и важнейшее лекарство для (ищущих) благодушия. Если эту пристань ты будешь соблюдать свободной от ветров и волнения, то найдешь в ней великое спокойствие, возвратившись с торжища: а если будешь возмущать и волновать ее, то уготовишь сам себе опаснейшее кораблекрушение. Итак, пусть не будет этого, а пусть будет то, о чем я говорю. Если случится в доме что-нибудь прискорбное по ее вине, то утешай ее, а не увеличивай скорби, хотя бы ты лишился всего имущества, это не будет прискорбнее неприязни с сожительницей; какую бы ты ни представил вину, ничто не будет несноснее раздора с женой. Потому пусть любовь к ней будет для тебя драгоценнее всего. Если должно носить тяготы друг друга, то тем более – жены. Если она бедна, не укоряй; если неразумна, не осуждай, а лучше постарайся научить ее; ведь она – член твой; вы – одна плоть. Но, скажешь, она болтлива, склонна к пьянству, гневлива? В таком случае должно не гневаться, а скорбеть, молиться Богу, увещевать, вразумлять ее, и делать все, чтобы истребить ее страсть. Если же будешь бить и мучить ее, то не исцелишь ее болезни; грубость исправляется кротостью, а не взаимной грубостью. Вместе с тем не забудь и о награде от Бога. Если ты, имея возможность отвергнуть ее, не сделаешь этого по страху Божию, но станешь сносить недостатки ее из уважения к закону, возбранившему отвергать жену, как ни велика была бы болезнь ее, ты получишь неизреченную награду, и еще прежде награды – великую пользу, сделав ее более благопокорной, приучив и себя к большей в отношении к ней кротости.

Рассказывают, что один из внешних философов (Сократ), имея жену злую, болтливую и склонную к пьянству, на вопрос, для чего он терпит ее, отвечал, что она служит для него домашним училищем и упражнением любомудрия: я, говорил он, упражняясь ежедневно с нею, делаюсь более кротким и с другими. Вы пришли в восторг? А мне весьма прискорбно, что язычники любомудрием превосходят нас, которым заповедано подражать ангелам, или, лучше, заповедано подражать в кротости самому Богу. Сказанный философ по этой причине не изгонял своей злой жены; а некоторые говорят, что по этой причине он и женился на ней. Но, так как многие из людей не бывают настолько благоразумны, то я советую наперед всячески стараться о том, чтобы избирать жену благонравную и исполненную всякой добродетели; если же случится сделать ошибку и ввести в дом свой невесту недобрую и даже негодную, тогда подражать этому философу, всеми мерами

исправлять ее и считать это дело важнее всего. Купец не спускает в море корабля и не принимается за торговлю прежде, нежели заключит с своим товарищем условия, которые обеспечили бы взаимное их спокойствие. Так и мы будем принимать все меры, чтобы внутри своего корабля сохранять всяческий мир с сообщницей житейского поприща; тогда и все прочее будет у нас спокойно, и мы безопасно переплывем море настоящей жизни. Об этом мы должны заботиться более, нежели о доме, рабах, деньгах, полях и даже делах гражданских; всего драгоценнее должно быть для нас то, чтобы не иметь вражды и распри с своей сожительницей; тогда и все прочее пойдет у нас хорошо, и в делах духовных мы будем иметь большую благоуспешность, с единомыслием неся бремя настоящей жизни; а исполнив все, получим и уготованные для нас блага, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 27

"Но, предлагая сие, не хвалю вас , что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее" (1Кор.11:17).

1. Прежде всего надобно объяснить причину предлагаемого обличения; тогда наша речь будет удобопонятнее. В чем же состоит эта причина? Как в начале верующие, в числе трех тысяч, вкушали пищу за общим столом и имели у себя все общее, так было и тогда, когда апостол писал это, хотя и не с такой точностью, а только как бы некоторый остаток прежнего общения сохранялся и соблюдался в последующее время. Верующие, из которых одни были богаты, а другие бедны, хотя не отдавали всего своего имущества на общую пользу, однако в установленные дни по обычаю учреждали общие столы и, по окончании собрания и причащения таин, сходились все на общее пиршество, при чем богатые приносили яства, а бедные и ничего не имеющие были приглашаемы ими, и таким образом вкушали пищу все вместе. Но впоследствии уничтожился и этот обычай. Причиной было то, что верующие разделились между собой, причисляли себя одни к тем, а другие к другим, и говорили: я такого-то, а я такого-то, как говорил и вразумлял (апостол) в начале послания: "**ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры. Я разумею то, что у вас говорят: „я Павлов"; „я Аполлосов"; „я Кифин";**" (1Кор.1:11-12). Это не значит, будто они называли себя Павловыми: он не допустил бы этого; но, желая сильнее и с корнем истребить такой образ действий, он привел свое имя, чтобы показать, что если бы кто-нибудь принял даже его имя, отторгшись от общего тела (Церкви), и в таком случае поступил бы безрассудно н крайне нечестиво: если же нечестиво (называться) его именем, то тем более именем других низших учителей. Итак, когда нарушился этот обычай (общения имений), прекрасный и благодетельнейший, так как он служил к поддержанию любви, утешению бедности, благоупотреблению богатства, внушению великого любомудрия, сохранению смиренномудрия, когда (апостол) узнал, что погибают такие блага, то справедливо употребляет обличительное слово и говорит: "**но, предлагая сие, не хвалю**". В прежнем обличении, которое не касалось многих, бывших исправными, он начал речь иначе: "**хвалю вас**", говорит, "**что вы все мое помните**" (ст.2): а здесь напротив: "**но, предлагая сие, не хвалю**". Потому он и не поместил этого (предмета) сряду после обличения вкушавших идоложертвенное; так как это (преступление) было весьха тяжко, то он вставил в средине речь о волосах, чтобы, переходя от одного сильного обличения к другому столь же сильному, не показаться слишком суровым, – а затем опять переходит к более тяжкому и говорит: "**но, предлагая сие, не хвалю**". Что такое сие? Об этом я сейчас скажу. А что значит: "**предлагая, не хвалю**"? Я не одобряю, говорит, вас за то, что вы поставили меня в необходимость делать вам внушение; не хвалю, что оказалась

надобность учить вас этому, что вы имеете нужду в таком увещании от меня. Видишь ли, как в самом начале он показал все безрассудство их поведения? Если согрешающему не следовало даже нуждаться в увещании, чтобы не грешить, то очевидно, как непростителен грех. Почему же он не хвалит? "**Что**", говорит, "**вы собираетесь не на лучшее, а на худшее**", то есть, не преуспеваете в добродетели. Тогда как следовало преуспевать и возрастать в любви, вы сократили уже господствовавший обычай, и сократили так, что оказалась надобность в моем увещании вам возвратиться к прежнему порядку. Затем, чтобы не показалось, что он говорит только в пользу бедных, (апостол) не тотчас начинает речь о трапезах: а чтобы обличение его не было принято ими за маловажное, употребляет выражение более разительное и внушающее больший страх. Что же он говорит? "**Ибо, во-первых, слышу, что, когда вы собираетесь в церковь, между вами бывают разделения**" (ст.18). Не говорит: я слышу, что вы не учреждаете общих вечерей, слышу, что вы вкушаете пищу каждый порознь, а не вместе с бедными; но употребляет выражение, которое могло сильнее потрясти их душу, именно – разделения, которые были причиной и этого беспорядка; и таким образом опять напоминает о том, о чем говорено было в начале послания и что возвещено было ему домашними Хлоиса. "**Чему отчасти и верю**".

2. Чтобы не сказали: а что, если солгали какие-нибудь клеветники? – он не говорит: я верю, чтобы они не сделались еще более бесстыдными, не говорит также: не верю, чтобы обличение не показалось напрасным, но – отчасти, говорит, верю, т.е. несколько верю, и тем делает их внимательными и призывает к исправлению. "**Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные**" (ст.19). И под именем разномыслия он разумеет здесь не заблуждения касательно догматов, но эти самые разделения. Впрочем, если бы он говорил и о заблуждениях касательно догматов, то и в таком случае не подал бы повода к соблазну. Ведь и Христос сказал: "**надобно придти соблазнам**" (Мф.18:7), и однако не нарушил свободы воли и не поставил жизнь в какой-нибудь необходимости и неизбежности, но предсказал будущее, имевшее произойти от злой человеческой воли, не вследствие Его предсказания, но от произвола развратных людей. Не потому происходили (соблазны), что Он предсказал о них, но потому Он предсказал, что они имели произойти. Если бы соблазны происходили по необходимости, а не по воле производящих их, то Он напрасно бы сказал: "**горе тому человеку, через которого соблазн приходит**" (Мф.18:7). Но об этом мы подробно рассуждали, когда рассматривали это место, а теперь нужно обратиться к настоящему предмету. Что (апостол) действительно разномыслиями называет здесь беспорядки при трапезах и бывшие при том несогласия и раздоры, это он ясно выразил последующими словами. А именно, сказав: "**слышу, что между вами бывают разделения**", не остановился на этом, но, желая объяснить, какие он разумеет разделения, говорит далее: "**всякий поспешает прежде других есть свою пищу**" (ст.21), и еще: "**разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию?**" (ст. 22). Очевидно, что он говорит об этих беспорядках; а что называет их разделениями, не удивляйся; он хотел, как я сказал, сильнее подействовать на них таким выражением. Если бы он разумел догматические разделения, то не говорил бы с ними так кротко. Когда он говорит о них, то послушай, с какой силой и предохраняет, и обличает; предохраняет, когда говорит: "**если бы даже Ангел стал благовествовать вам не то, что вы приняли, да будет анафема**" (Гал.1:8-9); обличает, когда говорит: "**вы, оправдывающие себя законом, отпали от благодати**" (5:4); а смутьянов называет то псами: "**берегитесь**", говорит, "**псов**" (Фил.3:2), то сожженными в совести и служителями диавола (1Тим.4:2). Но здесь не говорит ничего подобного, а выражается кротко и снисходительно. Что означают слова: "**дабы открылись между вами искусные**"? Чтобы более просияли. Он хочет сказать, что людям непреклонным и твердым это не только не вредит, но еще делает их более заметными и славными. Частица дабы (ινα, чтобы) не всегда означает цель, но

часто следствие дела. Так употребляет ее Христос, когда говорит: "**на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы**" (Ин.2:39); так и сам Павел, когда говорит о законе: "**закон же пришел после, чтобы**[1] **умножилось преступление**" (Рим.5:20). Закон дан был не для того, чтобы умножились преступления иудеев; но так было. И Христос пришел не для того, чтобы видящие сделались слепыми, а с противоположной целью: но так было. Подобным образом и здесь нужно понимать слова: "**дабы открылись искусные**" бывают: разномыслия были не для того, чтобы открылись искусные, но когда явились разномыслия, тогда это случилось. (Апостол) сказал это для утешения бедных, твердо переносящих такое пренебрежение. Потому не сказал: дабы стали искусны, но: "**дабы открылись искусные**", выражая, что они и прежде были такими, но смешивались с другими и, получая утешение от богатых, не очень были заметны, а теперь смятение и несогласие сделали их известными, подобно как буря делает известным кормчего. Также не сказал: дабы вы искусными явились, но: "**дабы открылись между вами искусные**"; как в обличении не указал ни на кого прямо, чтобы не сделать их более бесстыдными, так и в похвале, чтобы не сделать их более беспечными; но выражается неопределенно, предоставляя совести каждого прилагать к себе сказанное. Мне кажется, что здесь он утешает не только бедных, но и тех, которые не нарушали того обычая; вероятно, между ними были и соблюдавшие его. Потому он и сказал: "**отчасти верю**". Справедливо он называет искусными тех, которые не только вместе с другими соблюдали обычай, но и без них не преступали этого прекрасного установления. Такими похвалами он старается возбудить в тех и других большее усердие. Затем он показывает и самый род преступления. В чем же оно состояло? "**Вы собираетесь**", говорит, "**так, что это не значит вкушать вечерю Господню**" (1Кор.11:20). Видишь ли, как он пристыжает их и под видом повествования предлагает внушение? Наружный вид собрания, говорит, показывает одно, происходит как бы из любви и братолюбия; вы собираетесь в одном месте и все вместе: а трапеза не соответствует собранию. Не сказал: когда вы собираетесь, то не вкушаете вместе, не разделяете пищи друг с другом, но опять выражается иначе и гораздо разительнее: "**так**", говорит, "**что это не значит вкушать вечерю Господню**", напоминая им ту вечерю, на которой Христос преподал страшные тайны. Потому и назвал ядение их вечерей, так как и на той вечери возлежали все вместе. Впрочем не так отличны друг от друга богатые и бедные, как Учитель и ученики, – между последними различие беспредельно. Но что я говорю об Учителе и учениках? – представь, какое различие между Учителем и предателем, и однако Он сам возлежал вместе с ними, не изгнал и предателя, но и с ним разделил соль и сделал его участником таин.

3. Далее (апостол) объясняет, почему они не вкушают вечерю Господню: "**ибо всякий**", говорит, "**поспешает прежде других есть свою пищу, так что иной бывает голоден, а иной упивается**" (ст.21). Видишь ли, как он доказал, что они более посрамляют себя самих? Принадлежащее Господу они присвояют себе, и потому прежде всех унижают самих себя, лишая свою трапезу того, в чем состоит величайшее ее достоинство. Почему и каким образом? Господская вечеря, то есть Владычня, должна быть общей; принадлежащее господину не принадлежит тому или другому рабу, но есть общее для всех; она Господская, говорит, следовательно общая. Если же она принадлежит твоему Владыке, как и действительно принадлежит, то ты не должен присвоять ее себе, но, как принадлежащую Господу и Владыке, предлагать ее всем вообще. Она Господская, а ты препятствуешь ей быть Господской, не дозволяя ей быть общей, но вкушая сам по себе. Потому и присовокупляет: "**ибо всякий поспешает прежде других**". Не сказал: отделяет, но: поспешает, прикровенно обличая их в неумеренности и невоздержании, что объясняется и последующим: а именно, сказав это, он продолжает: "**так что иной бывает голоден, а иной упивается**"; то и другое, как недостаток, так и излишество, показывают неумеренность. Вот и вторая вина, которая также вредит им самим: первая в том, что они бесчестят свою вечерю; а вторая в том, что пресыщаются и упиваются, и, что еще тяжелее,

тогда как бедные алчут. То, что следовало предлагать всем вообще, они поедают одни и таким образом впадают в пресыщение и пьянство. Потому он и не сказал: иной бывает голоден, а иной насыщается, но: упивается. Каждое из этих дел само по себе достойно осуждения; упиваться, не пренебрегая бедных, преступно; и пренебрегать бедных, не упиваясь, преступно; если же то и другое соединятся вместе, то представь, как велико преступление. Показав нечестие дела, далее он применяет укоризну и говорит с великим гневом: "**разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию и унижаете неимущих?**" (ст.22). Видишь ли, как от бедных он переносит оскорбление на церковь, чтобы усилить речь свою? Вот и четвертая вина, состоящая в том, что они оскорбляют не только бедных, но и церковь. Как Господскую вечерю (говорит), так и самое место ты присвояешь себе, пользуясь церковью, как бы своим домом. Церковь устроена не для того, чтобы собирающиеся в ней разделялись, но чтобы разделенные соединялись, как показывает и самое слово: собрание. "**И унижаете неимущих**". Не сказал: оставляете голодными неимущих, но с большей укоризной: унижаете, показывая, что он не столько заботится о пище, сколько об оскорблении, причиняемом им (бедным). Вот и пятая вина – в том, что они не только презирают алчущих, но и унижают их. Этими словами он с одной стороны похваляет бедных, выражая, что они не столько беспокоятся о желудке, сколько о бесчестии, а с другой – располагает слушателя к милосердию. Показав столько преступного (в их поведении), – унижение вечери, унижение церкви, оскорбление бедных, – он вдруг смягчает силу обличения и говорит: "**похвалить ли вас?**[2] **За это не похвалю**". Это особенно и достойно удивления, что, показав столько преступлений, когда следовало бы сильнее выразить гнев свой, он поступает совершенно иначе, смягчает речь и дает им облегчение. Почему же так? Он уже сильно тронул их, доказав важность их вины, и, как превосходный врач, наносит удар соответственный ранам: требующие глубокого разреза не рассекает только на поверхности, – ты слышал, как он отсек от них кровосмесника, – а к требующим более легкого врачевания не прилагает железа; потому и здесь говорит с ними кротко. С другой стороны он преимущественно старался сделать их кроткими к бедным; потому более и сам беседует с ними кротко. Далее, желая пристыдить их иначе и еще сильнее, он обращает речь к более важному предмету: "**ибо я**", говорит, "**от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание**" (ст.23-24). Почему он упоминает здесь об этих тайнах? Потому, что это было ему весьма нужно для настоящего предмета. Владыка твой, говорит, удостоил всех одной и той же трапезы, и притом самой страшной и много превосходящей достоинство всех; а ты считаешь других недостойными твоей трапезы, маловажной и незначительной, и, тогда как они не получают от тебя ничего из благ духовных, отнимаешь у них и телесные, хотя и они – не твои. Впрочем, он не говорит этого, чтобы слова его не были слишком тяжкими, но употребляет речь более кроткую и говорит: "**что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб**". Для чего он напоминает нам об этом времени, об этой вечери и предательстве? Не просто и не без причины, но чтобы сильнее тронуть и самым временем. Всякий, хотя бы кто был даже камнем, представив, как в эту ночь (Господь) скорбел с учениками, как был предан, связан, веден, осужден, как терпел и все прочее, сделается мягче воска, отрешится от земли и всей здешней суеты. Для того (апостол) и напоминает нам о всем этом; пристыжает нас и временем, и вечерей, и предательством и говорит: Владыка твой предал Себя самого за тебя, а ты не хочешь уделить и хлеба брату для самого же себя?

4. Но почему (Павел) говорит, что он принял это от Господа, между тем как сам тогда не был, а находился в числе гонителей? Чтобы ты уразумел, что та вечеря не заключала в себе ничего большего в сравнении с последующими. И ныне тот же (Господь) все совершает и преподает, как и тогда, и не для этого только он напоминает нам об этой

ночи, но чтобы тронуть нас еще и иным образом. Как вообще мы более помним последние слова, которые слышим от умирающих, и наследникам их, когда они дерзают нарушать их завещания, в укоризну говорим: вспомните, что это последние слова отца вашего, которые он завещал пред самым тем вечером, как испустил дух, так и Павел, желая таким образом усилить речь свою, говорит: вспоминайте, что это было последнее таинство, которое Он преподал вам, что Он заповедал это в ту ночь, в которую готовился быть убитым за нас, и, предложив вам эту вечерю, после нее уже не предложил никакой другой. Затем он излагает самые обстоятельства события и говорит: "**взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое**". Если ты приступаешь к евхаристии (благодарению), то не делай ничего недостойного благодарения, не посрамляй брата, не презирай алчущего, не упивайся, не оскорбляй церкви. Ты приступаешь, чтобы благодарить за те блага, которые получили: воздавай же отплату и с своей стороны и не отделяйся от ближнего. Христос преподал равно всем, сказав: приимите, ядите. Он равно всем преподал Свое тело, и ты не хочешь равно всем раздавать общий хлеб? А (хлеб) был преломлен Им равно за всех и соделался Телом равно за всех. "**Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание**" (ст.25). Что говоришь? Совершаешь воспоминание о Христе, и презираешь бедных, и не трепещешь? Когда ты совершаешь поминовение по умершем сыне или брате, то совесть замучила бы тебя, если бы ты не исполнил обычая и не пригласил бедных; а совершая воспоминание о своем Владыке, ты не хочешь даже поделиться трапезой? Но что означают слова: "**сия чаша есть новый завет**"? Была чаша и ветхого завета – возлияния и кровь бессловесных животных; наполняли чашу и фиал кровью и после жертвоприношения совершали возлияние. Предложив вместо крови бессловесных Свою кровь, (Господь) напомнил о древнем жертвоприношении, чтобы, слыша это, кто-нибудь не смутился. Сказав о вечери, далее (апостол) соединяет настоящее с прошедшим, чтобы верующие были и ныне в таком же расположении духа, как будто присутствовали на той самой вечери, возлежали вместе (с апостолами) и принимали от самого Христа эту жертву, и говорит: "**ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет**" (ст.26). Как Христос, сказав о хлебе и о чаше: "**сие творите в мое воспоминание**", открыл нам причину установления таинства, и между прочим внушил, что эта причина достаточна для возбуждения в нас благоговения, – и подлинно, когда ты представишь, что потерпел для тебя Владыка твой, то сделаешься любомудреннее, – так и Павел говорит здесь: "**ибо всякий раз, когда вы едите, смерть Господню возвещаете**". Такова эта вечеря! Далее внушает, что она пребудет до скончания века, словами: "**доколе Он придет**". "**Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней**" (ст.27). Почему? Потому, что проливает кровь и производит заклание, а не жертву приносит. Как тогда пронзившие (Господа) пронзали не для того, чтобы пить, но чтобы пролить (кровь Его), так поступает и тот, кто приобщается недостойно, и не получает никакой пользы. Видишь ли, как страшна речь его и как сильно он тронул их, показав, что если они таким образом намерены пить (кровь Господа), то будут недостойно причащаться предлежащих (таин)? Да и разве не недостойно приступает тот, кто презирает алчущего, и кроме того, что презирает, еще посрамляет его? Если неподавание (милостыни) бедным лишает человека царствия небесного, хотя бы он был девственник, равно как и не щедрое подавание, – ведь и те (девы) имели у себя елей, но только не в изобилии, – то представь, как велико будет зло, если совершится столько преступлений.

5. Каких, скажешь, преступлений? Что ты спрашиваешь – каких преступлений? Приобщившись такой трапезы, тебе следовало бы сделатъся смиреннее всех и уподобиться ангелам, а ты сделался жестокосерднее всех; ты вкусил крови Владычней и не признаешь своего брата: достоин ли ты после этого прощения? Если бы даже ты не

знал его доселе, то после этой трапезы должен был бы признать его; а ты бесчестишь и самую трапезу, считая сподобившегося быть причастником ее недостойным яств твоих. Разве ты не слышал, чему подвергся требовавший сто динариев от брата своего, как он утратил дар, уступленный ему господином его? Разве не знаешь, чем ты был прежде и чем стал теперь? Разве не помнишь, что гораздо более этого бедного деньгами ты был беден добрыми делами, будучи исполнен бесчисленных грехов? Бог простил тебе все грехи и удостоил тебя такой трапезы; но ты и после того не сделался человеколюбивее; потому не остается ничего более, как и тебя предать мучителям (Мф.18:34). Будем же и мы все внимать этим словам (апостола), потому что и мы здесь приступаем к священной трапезе вместе с бедными, а вышедши отсюда не хотим и смотреть на них, но, предаваясь сами пьянству, их алчущих оставляем без внимания, в чем тогда виновны были и коринфяне. Когда же, скажешь, это делается? Всегда, особенно же в праздники, когда всего более следовало бы не делать этого. Тогда-то, после причащения, тотчас и начинается пьянство и пренебрежение бедных: тогда-то, после принятия крови Господней, когда тебе следовало бы соблюдать пост и воздержание, ты и предаешься пьянству и бесчинию. Когда тебе случится съесть за обедом что-нибудь приятное. ты остерегаешься, чтобы другим дурным кушаньем не испортить прежнего; а, приняв Духа, предаешься сатанинским удовольствиям Вспомни, что делали апостолы, причастившись священной вечери; не к молитвам ли и песнопениям обратились они, не к священному ли бдению, не к учению ли продолжительном и исполненному великого любомудрия? Подлинно великие и дивные тайны (Господь) преподал и объяснил им тогда, когда Иуда пошел звать будущих Его распинателей. Разве не слышал ты также, что и три тысячи верующих, сподобившиеся причащения, пребывали постоянно в молитвах и учении, а не в пьянстве и бесчинии? А ты, если прежде причащения постишься, чтобы сколько-нибудь оказаться достойным причащения, то после причащения, когда надлежало бы усилить воздержание, погубляешь все. Но не одно и то же поститься прежде или после: должно быть воздержным и в то и в другое время, но особенно после принятия Жениха; прежде для того, чтобы сделаться достойным принятия, а после для того, чтобы не оказаться недостойным полученных даров. Неужели же, скажешь, должно поститься после причащения? Я не говорю этого я не принуждаю; хорошо разумеется, делать и так, однакож и не насилую, а лишь увещеваю не предаваться безмерному пресыщению. Если вообще никогда не должно пресыщаться, как это внушает Павел в словах: питающаяся же пространно жива умерла (1Тим.5:6), то здесь тем более угрожает смерть (пресыщающимся после причащения). Если для жены пресыщение есть смерть, то тем более для мужа; если оно пагубно в иное время, то тем более после причащения таин. А ты, приняв хлеб жизни, совершаешь дела смерти, и не трепещешь? Или не знаешь, сколько зол происходит от пресыщения? Неуместный смех, непристойные речи, пагубные шутки, бесполезное пустословие и многое другое, о чем и говорить неприлично. Все это делаешь ты после того, как причастился трапезы Христовой, в тот самый день, в который удостоился прикоснуться языком своим и к плоти Его. Потому, чтобы этого не было, пусть каждый соблюдает в чистоте свою десницу, язык и уста, которые послужили преддверием при вшествии Христа, и, предложив свою чувственную трапезу, обращает мысли свои к той духовной трапезе, к вечери Господней, к бдению учеников в ту священную ночь: или лучше сказать, если тщательно вникнем, то и теперь – та же ночь. Будем же бодрствовать вместе с Владыкой и благоговеть вместе с учениками Его. Непрестанно следует молиться, а не пьянствовать, особенно же в праздник. Праздник не для того, чтобы нам бесчинствовать и умножать грехи свои, но чтобы очистить и те, какие есть у нас. Знаю, что говорю это напрасно, но не перестану говорить. Если вы не все послушаетесь, то не все же и не послушаетесь; а если все не послушаетесь, то мне будет тем большая награда, а вам тем большее осуждение. А чтобы с вами этого не случилось, я не перестану говорить; частым повторением, может быть, и трону вас. Итак увещеваю: чтобы причащение не послужило к нашему осуждению, напитаем Христа, напоим, оденем: это

достойно такой трапезы. Ты слышал священные песни, видел брак духовный, насладился царской трапезы, исполнился Святого Духа, приобщился к лику серафимов, сделался сообщником горних сил? Не нарушай же такой радости, не теряй сокровища, не предавайся пьянству – этому источнику скорби, утешению диавола, виновнику бесчисленных зол, от которого и сон, подобный смерти, и головокружение, и болезни, и забвение, и смертное изнеможение. Ты, конечно, не решился бы в пьяном виде встретиться даже с другом: как же осмеливаешься, скажи мне, предаваться такому пьянству, имея в себе Христа? Но ты любишь удовольствия? Поэтому-то и перестань предаваться пьянству. И я желаю тебе удовольствия, но удовольствия истинного, никогда не увядающего. Какое же это удовольствие истинное и всегда цветущее? Призови к обеду Христа, раздели с Ним свои или, лучше, Его же (блага): вот в чем заключается бесконечное и всегда цветущее удовольствие! А удовольствия чувственные не таковы; они как скоро являются, тотчас же исчезают, и наслаждающийся ими находится нисколько не в лучшем, а даже в худшем состоянии, нежели не наслаждающийся. Этот находится как бы в пристани, а тот как бы увлекается потоком и осаждается болезнями, не имея возможности преодолеть такую бурю. Потому, чтобы не случилось этого, будем соблюдать умеренность; тогда сохраним и тело здоровым, и душу спокойной, освободимся от настоящих и будущих зол, от которых избавившись и да сподобимся все мы царствия небесного, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] В синод.перев. "и таким образом"

[2] В русск.пер. знаки препинания расставлены иначе: "похвалить ли вас за это? Не похвалю"

БЕСЕДА 28

"Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей" (1Кор.11:28).

1. Для чего сказаны эти слова, тогда как речь была о другом предмете? Павел обыкновенно, как я прежде говорил, рассуждает не только о том, что составляет главный предмет речи, но если речь коснется и другого, то излагает и его с великим тщанием, особенно когда дело идет о предметах, весьма необходимых и настоятельных. Так, когда он беседовал о супругах и в речи коснулся рабов, то изложил и этот предмет весьма сильно и подробно; когда говорил о том, что не должно судиться в судилищах, и коснулся в своем наставлении любостяжания, то сказал многое и об этом предмете; то же он делает и здесь. Упомянув о таинствах, он нашел необходимым изложить подробнее этот предмет, как не маловажный; потому в беседе об нем внушает великий страх и доказывает, что главное благо в том, чтобы приступать к ним с чистой совестью. Не довольствуясь сказанным прежде, он присовокупляет еще следующее: "**да испытывает себя человек**"; это же он говорит и во втором послании: испытывайте (2Кор.13:5), а не так, как поступаем мы, сообразуясь более с временем, нежели с душевным расположением. Мы стараемся не о том, чтобы приступить приготовившись, очистившись от всего злого и с полным благоговением, но чтобы в праздники и тогда, когда приступают все.

Не так повелевает Павел; он знает одно только время для приступания к тайнам и причащения, – когда чиста совесть. Если мы не приступаем к чувственной трапезе,

страдая горячкой и приливом дурных соков, чтобы не подвергнуться смерти, то тем более нам не должно касаться этой трапезы с порочными пожеланиями, которые хуже горячки. Под именем порочных пожеланий я разумею как телесные, так и любостяжание, гнев, злопамятность и вообще все порочные наклонности. Приступающему должно очиститься от всего этого и тогда уже касаться этой чистой жертвы, а не с небрежением и леностью как бы по принуждению приступать ради того, что случился праздник, с другой же стороны, когда есть сокрушение и готовность, не откладывать потому, что нет праздника. Праздник есть совершение добрых дел, благочестие души и строгость жизни; если ты имеешь это, то всегда можешь праздновать и всегда приступать. Потому (апостол) и говорит: "**да испытывает себя**" каждый, "**и таким образом пусть**"; повелевает испытывать не одному другого, но самому себя, устраивая судилище без гласности и обличение без свидетелей. "**Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе**" (ст.29). Что говоришь ты? Источник столь многих благ, трапеза, источающая жизнь, обращается в осуждение? Не по своему существу, говорит он, а по воле приступающего. Как пришествие Его, доставившее нам великие и неизреченные блага, послужило к большему осуждению не принявших Его, так и эти тайны навлекают большее наказание на недостойно причащающихся. Почему же "**ест осуждение себе**"? "**Не рассуждая о теле Господнем**", т.е. не размышляя, не представляя, как должно, величия предложенных (тайн), не думая о важности дара. Если бы ты вполне понимал, Кто предлежит пред тобой и кому Он предлагает Себя, то не имел бы нужды ни в каком увещании, а одного этого было бы достаточно для возбуждения в тебе полного благоговения, если только ты не пал слишком глубоко. "**От того многие из вас немощны и больны и немало умирает**" (ст.30). Здесь он приводит в пример уже не других, как сделал в беседе об идоложертвенном, где говорил о древних событиях и о бедствиях (евреев) в пустыне, но самих коринфян, что придает словам его более внушительности. Сказав: "**ест осуждение себе**", и: "**виновен будет**", и имея в виду, чтобы это не было принято за одни слова, он указывает и на дела, призывает во свидетели их самих, чем и действует сильнее угрозы, выражая, что угроза уже перешла в дело. Не довольствуясь этим, он потом напоминает и о геенне и подтверждает слова свои, устрашая их со всех сторон и разрешая вопрос, часто предлагаемый. Многие в недоумении спрашивают друг друга: отчего происходят преждевременные смертные случаи, отчего продолжительные болезни? Причина многих, говорит он, из таких нечаянных бедствий заключается в грехах.

2. Как, скажешь, пользующиеся постоянным здоровьем и достигающие маститой старости неужели не грешны? Кто же может сказать это? Почему же, скажешь, они не наказываются? Потому, что там они подвергнутся жесточайшему наказанию. А мы, если захотим, не будем наказаны ни здесь, ни там. "**Ибо если бы мы судили сами себя**", говорит (апостол), "**то не были бы судимы**" (ст.31). Не сказал: если бы наказывали себя, или мучили себя, но только: если бы захотели сознать грехи свои, сами себя осудить, признать свои беззакония, то избавились бы от наказания и здесь и там. Осуждающий сам себя вдвойне умилостивляет Бога – и сознанием грехов своих и готовностью не делать их на будущее время. Но мы не хотим делать, как должно, и этого легкого дела, и однако он не угрожает нам наказанием вместе с миром, но щадит нас, угрожая здешним наказанием, которое временно и заключает в себе много утешения; оно освобождает от грехов и подает сладостную надежду на будущее, которая облегчает настоящие (страдания). Этим он желает и утешить немощных и сделать других более ревностными. "**Будучи же**", говорит, "**судимы, наказываемся от Господа**" (ст.32). Не сказал: подвергаемся наказанию или мучению, но: наказываемся (παιδευόμεθα=воспитываемся). Настоящее наказание есть более вразумление, нежели осуждение, более врачевание, нежели мучение, более исправление, нежели воздаяние. И не только этим, но и угрозой большего (будущего) наказания он облегчает настоящее: да не с миром, говорит, осудимся. Видишь ли, как он указывает на геенну и на страшный суд и доказывает, что этот суд и наказание

неизбежны и будут непременно? В самом деле, если верующие и находящиеся под покровом Божиим не избегают наказания за свои прегрешения, как видно из настоящих указаний, то тем более (не избегнут) неверные и согрешающие тяжко и неисцельно. "**Посему, собираясь на вечерю, друг друга ждите**" (ст.33). Когда чувство опасения было еще живо и страшная мысль о геенне еще не прошла, тогда он опять предлагает наставление касательно бедных, по поводу которого он сказал все предыдущее, и внушает, что не исполняющие этого недостойны причащения. Если же не уделяющие от своего имущества отлучаются от трапезы Господней, то тем более похищающие. Не сказал: сходясь уделяйте бедным, но возвышеннее: "**друг друга ждите**". Такими словами он и внушал прикровенно попечение о бедных, и предлагал увещание в соответственном виде. Далее он пристыжает их: "**А если**", говорит, "**кто голоден, пусть ест дома**" (ст.34). Давая такое позволение, он запрещает еще сильнее, нежели прямым запрещением; он именно удаляет из церкви, посылает домой и таким образом сильно трогает, представляя их рабами чрева и невоздержными. Не сказал: если кто пренебрегает бедных, но: "**если кто голоден**", рассуждая как бы с нетерпеливыми детьми, или с бессловесными животными, служащими чреву. Подлинно было бы весьма смешно, если бы они, побуждаясь голодом, стали есть дома. Не довольствуясь этим, он присовокупляет более страшную мысль: "**чтобы собираться вам**", говорит, "**не на осуждение**", – чтобы собираться вам не на осуждение, не навлекать на себя наказания, оскорбляя церковь, посрамляя брата; вы собираетесь для того, чтобы показать любовь друг к другу, получить пользу и принести пользу; если же бывает противное, то лучше вам насыщаться дома. Говорит это для того, чтобы более привлечь их; для того он указал и на вред, отсюда происходящий, и доказал, что это немаловажный грех, и внушил страх со всех сторон, – со стороны таин, больных, умирающих и прочего вышесказанного. Затем он опять внушает страх иным образом: "**Прочее**", говорит, "**устрою, когда приду**", разумея здесь или что-нибудь другое, или то же самое. Так как, вероятно, они приводили какие-нибудь другие причины и невозможно было устроить всего посредством послания, то он и говорит: пока пусть соблюдается так, как я научил; если же вы имеете сказать еще что-нибудь, то пусть останется до моего прихода. Говорит это, как я сказал, или о том же самом деле, или о каких-нибудь других делах не очень важных; поступает же так для того, чтобы тем самым сделать их более внимательными. Ожидая его прибытия, они могли исправить свои недостатки, потому что прибытие Павла было не маловажное дело, как он сам показывает, когда говорит: "**как я не иду к вам, то некоторые возгордились**" (1Кор.4:18); и в другом месте: "**не только в присутствии моем, но гораздо более во время отсутствия моего, со страхом и трепетом совершайте свое спасение**" (Флп.2:12). И не просто обещается придти, чтобы они не сомневались и не предались беспечности, но представляет и причину, делающую необходимым его прибытие: "**прочее**", говорит, "**устрою, когда приду**", внушая, что, если бы даже он и не располагал (идти к ним), необходимость исправления прочих дел влечет его туда.

3. Слыша все это, будем оказывать великое попечение о бедных, обуздывать свое чрево, воздерживаться от пьянства, стараться достойно причащаться св. таин, и не скорбеть, не печалиться, когда случится какое-нибудь бедствие с нами ли, или с другими, например преждевременная смерть или продолжительная болезнь. Такое бедствие есть избавление от наказания, есть исправление, есть наилучшее вразумление. Кто говорит это? Тот, чрез кого говорил сам Христос. И не смотря на то, многие жены так безрассудны, что превосходят даже неверных своим чрезмерным сетованием (об умерших); одни делают это в помрачении от страсти, другие – на показ и во избежание нареканий от посторонних людей; последних особенно я считаю недостойными всякого извинения. Пусть, говорят они, осуждает меня Бог, только бы не осуждал такой-то; пусть нарушается закон Царя всех, только бы не укоряли меня люди, которые безрассуднее бессловесных (животных). Как гром не поражает их за такие слова? Когда кто-нибудь после плача пригласит на

пиршество, то никто не отказывается, потому что так требует принятый обычай; а когда Бог повелевает не предаваться сетованию, то все противодействуют. Ужели ты, жена, не знаешь Иова? Ужели не помнишь слов, сказанных им после несчастья, случившегося с детьми его, украсивших святую главу его более тысячи венцов и прославивших его громче множества труб? Ужели не понимаешь важности его несчастья, этого нового кораблекрушения, этой странной и необычайной трагедии? Ты лишилась, может быть, одного, или двоих, или троих детей; а он многих сыновей и дочерей, сделавшись внезапно из многочадного бесчадным; не мало-помалу терзалась его утроба, но вдруг похищены были все плоды, похищены не по общему закону природы, не потому, что достигли старости, но поражены преждевременной и насильственной смертью, притом все вместе, не в его присутствии и не на его глазах, чтобы он по крайней мере мог слышать последние слова их и получить некоторое утешение в столь плачевной их кончине, а сверх всякого чаяния, совершенно без его ведома, вдруг все они погребены и дом сделался для них гробом и могилой. И не только преждевременная смерть, но кроме того и многое другое увеличивало скорбь, именно то, что все они были в цветущем возрасте, были добродетельны и дружелюбны, погибли все вместе, так что не осталось ни одного, ни того, ни другого пола, погибли не по общему закону природы, после таких потерь, тогда как он не сознавал ни за собой, ни за ними ничего порочного, за что бы потерпеть все это. Каждое из этих бедствий отдельно само по себе могло возмутить душу; а когда стеклось все вместе, то представь, как высоки были эти волны, как велика была эта буря. Но, что еще важнее и выше всяких слез, он не знал, почему все это случилось с ним. Потому-то, не зная, чему приписать свое несчастие, он обращается к воле Божией и говорит: "**Господь дал, Господь и взял, как Господу угодно, так и было, да будет имя Господне благословенно**" во веки (Иов.1:21). Говорит это, видя себя, преуспевшего во всякой добродетели, в крайнем несчастии, а злых людей и обманщиков в благоденствии, изобилии и всяких удовольствиях. Не говорит ничего такого, что обыкновенно говорят люди слабые: для того ли я воспитывал детей своих и лелеял их с такой заботливостью, для того ли открывал дом свой для мимоходящих, чтобы после многих попечений о бедных, нагих и сирых получить такое воздаяние? Но вместо того произносит слова превосходнее всякой жертвы: "**наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь**" (1:21). Если же он разодрал одежды и остриг волосы, не удивляйся этому: он был отец, и отец чадолюбивый; вместе с любомудрием души надлежало обнаружиться и чувствам природы; если бы он не сделал этого, то, быть может, иной приписал бы такое любомудрие бесчувственности. Потому он обнаружил и свое сердце и высоту благочестия, чувствовал скорбь и не изменился, но, продолжая свой подвиг, увенчал себя новыми венцами, ответив жене своей следующими словами: "**неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?**" (Иов.2:10). У него осталась одна жена после потери всего, и детей, и имущества и самого тела, да и та для его искушения и укоризны. Для того диавол и не погубил ее вместе с детьми и не просил у Бога смерти ее, чтобы иметь в ней великое пособие к нападению на этого святого; он оставил ее как сильнейшее для себя оружие: если, говорил он, посредством ее я изгнал из рая, то тем более смогу поразить на гноище.

4. И посмотри на коварство (диавола): не тогда он подводил к нему это орудие, когда погибли волы, ослы и верблюды; даже и после разрушения дома и смерти сыновей, видя в нем сильного борца, еще медлит и не заставляет ее действовать; но когда у него образовались кучи червей, гниющая кожа отпадала, изъязвленная плоть источала зловонный гной, когда диавольская рука мучила его хуже сковород, печей и всякого пламени, терзая и пожирая со всех сторон тело его свирепее всякого зверя, и когда в таких страданиях прошло много времени, – тогда он и подводит ее к изнуренному и истощенному (мужу). Если бы она пришла в начале несчастья, то не нашла бы его так изнуренным и не могла бы представлять несчастие его так тяжким и великим: а теперь,

видя, что он утомился от продолжительности времени, жаждет облегчения и желает избавления от бедствий, она приступает к нему решительно. Чувствуя крайнее изнурение, задыхаясь от страданий и желая смерти, послушай, что он говорил: если бы я мог наложить на себя руку, или попросить об этом другого, то сделал бы и это. Потому она, – посмотри на коварство ее, – с чего начинает речь свою? С продолжительности времени: "**доколе**", говорит, "**ты будешь терпеть!**" Если часто одни слова без дела могут поражать человека, то представь, что должен был чувствовать тогда он, огорчаемый и этими словами и самым делом; и, что всего хуже, это говорила ему жена, изнемогшая и упавшая духом, и потому старавшаяся довести и его до отчаяния. Но чтобы яснее видеть силу нападения, направленного на эту адамантовую стену, выслушаем самые слова ее. Какие же это слова? "**Доколе ты будешь терпеть, говоря: "Вот еще не много времени потерплю, ожидая спасения моего"?**" (Иов.2:9). Время, говорит, обличило слова твои; его прошло много, а облегчения не видно никакого. Говоря это, она не только располагает его к отчаянию, но и укоряет и насмехается, потому что он, утешая ее и опровергая ее жалобы, постоянно говорил: пожди еще немного, и скоро будет этому конец. Укоряя его, она и говорит: не скажешь ли и теперь то же самое? Уже много протекло времени, а конца этому не видно. И заметь коварство: не упоминает ни о волах, ни об овцах, ни о верблюдах, зная, что все это не очень огорчало его, но прямо обращается к существенному и напоминает о детях, зная, что в скорби о них он разодрал одежду и остриг волосы. Не говорит: погибли дети твои, но гораздо трогательнее: "**изгладилась с земли память о тебе**", – то, что и детей делает любезными. Если и ныне, когда несомненно воскресение, дети любезны потому, что сохраняют память об умерших родителях, то тем более тогда. Потому и проклятие (друга его) становится сильным; проклиная, он не сказал: да погибнут дети, но: "**память о нем с земли**", т.е. сыновья и дочери (Иов.18:17). Выражением память она опять нарочно напоминает ему о детях того н другого пола. Если же ты, говорит, не заботишься о них, то обрати внимание хотя на мое положение: "**болезни и труды чрева моего, которые я тщетно болезненно переносила**". Смысл слов ее следующий: я, много потерпевшая, подвергаюсь за тебя страданиям; труды понесла, а плодов лишилась. Она не указывает прямо на потерю имущества, но смотри, как и не умалчивает о ней и не проходит мимо, а намекает на нее, насколько возможно было сказать чувствительнее. "**А я**", говорит, "**скитаясь и служа, переходя с места на место и из дома в дом**", намекая и на потерю (имущества), и открывая свои великие страдания; самые выражения достаточно увеличивают несчастье: я, говорит, хожу по чужим домам, и не только прошу милостыни, но и блуждаю, служу, занимаюсь незнакомой и новой для меня работой, и скитаюсь везде, нося на себе и знаки несчастья и открывая всем свои бедствия; а что всего прискорбнее, постоянно перехожу из дома в дом. Не окончив и этим свои сетования, она присовокупляет: "**ожидаю, когда зайдет солнце, чтобы отдохнуть от трудов моих и болезней, удручающих ныне меня**". Для других, говорит, приятно видеть лучи солнца, а для меня тяжело; для меня вожделенны ночь и тьма, потому что она одна дает мне успокоение от трудов, она приносит мне утешение в несчастьях. "**Но произнеси хулу на Господа и умри**" (2:9).

5. Видишь ли и здесь коварство? В жалобе своей она не тотчас предложила пагубный совет, но наперед горько описала несчастье и распространилась в исчислении бедствий, а потом в кратких словах предлагает совет и не прямо высказывает его, но прикровенно, предлагая весьма вожделенную для него перемену, обещая смерть, которой он особенно желал. Заметь и здесь коварство диавола. Зная любовь Иова к Богу, он не внушает жене ропота на Бога, чтобы (Иов) тотчас же не отверг ее, как врага. Потому она нигде не упоминает о Боге, а только изображает случившееся. Прибавь к вышесказанному и то, что это советовала жена – сильный оратор, чтобы обольщать невнимательных. Многие и без несчастий пали от одного совета жен. Что же этот блаженный муж, твердейший адаманта? Сурово взглянув на нее, он одним взглядом, еще прежде слов, разрушил ее козни. Она

ожидала, что заставит его пролить потоки слез, а он оказался сильнее льва; исполнившись гнева и негодования не на то, что сам терпел, а на ее диавольский совет, и обнаружив гнев своим взором, он делает ей умеренный упрек, – так как и в несчастиях он был благоразумен. Что же говорит он? "**Почему ты говоришь, как одна из безумных женщин?**" (2:10). Не тому, говорит, я учил тебя, не так воспитывал тебя; не узнаю в тебе моей супруги, – потому что слова твои свойственны жене безумной, совет твой приличен сумасшедшей. Видишь ли, как умерен ответ его, как удар его достаточен для уврачевания ее болезни? Затем, после упрека, он предлагает и совет, также достаточный для ее утешения и исполненный великого благоразумия: "**если доброе**", говорит, "**мы получаем от руки Господа, то худого не перенесем ли?**" Вспомни, говорит, о прежнем (благоденствии), помысли об его виновнике, и ты мужественно перенесешь настоящее (несчастье). Видишь ли смиренномудрие этого мужа? Своего терпения он не приписывает своему мужеству, но говорит, что оно в порядке вещей. За что Бог даровал нам прежние блага, за что вознаградил нас ими? Ни за что, а единственно по Своей благости; они были дар, а не награда, благодать, а не воздаяние; будем же мужественно переносить и настоящее. Мужи и жены, запишем для себя и начертаем в своей душе слова эти и им предшествовавшие; изобразив в уме своем, как бы на картине, повесть его страданий, как-то: потерю имущества, погибель детей, язвы тела, оскорбления, насмешки, козни жены, коварство диавола и вообще все подробности страданий праведника, устроим себе надежнейшее пристанище, чтобы, перенося все мужественно и с благодарностью, мы могли и в настоящей жизни отогнать от себя всякую печаль и (в будущей) получить награды за такое благомыслие, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 29

"Не хочу оставить вас, братия, в неведении и о дарах духовных. Знаете, что когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам так, как бы вели вас" (1Кор.12:1-2).

1. Все это место весьма неясно; неясность происходит от неизвестности предметов и от оскудения событий, которые тогда были, а теперь не бывают. Почему же они теперь не бывают? Вот, причина неясности подала нам повод к другому вопросу: почему они тогда были, а теперь не бывают? Но оставим это до другого времени, а теперь скажем о том, что тогда было. Что же было тогда? Когда кто-нибудь принимал крещение, то внезапно начинал говорить на разных языках, и не только на разных языках, но многие даже пророчествовали, а некоторые совершали и другие еще большие знамения. Так как обращавшиеся из идолопоклонства не знали ничего ясно, не будучи сведущи даже в ветхозаветных книгах, а между тем по крещении тотчас получали Св.Духа, которого не видели, – потому что Он невидим, – то благодать давала некоторое чувственное доказательство действия (Духа): один вдруг начинал говорить на персидском, другой на римском, третий на индийском, а иной на каком-нибудь другом языке; для внешних (язычников) это служило свидетельством того, что в говорящем действует Дух Святый. Потому (апостол) и говорит: "**но каждому дается проявление Духа на пользу**", называя проявлением Духа дары Его. Как апостолы прежде всего получили это знамение, так и верующие получили тот же дар языков, и не только это, но и многое другое. Так, многие воскрешали мертвых, изгоняли бесов, совершали много и других подобных чудес. Впрочем, одни имели меньше даров, другие больше. Чаще всего был у них дар языков.

Это и послужило поводом к несогласию между ними не по свойству самого дела, а по неразумию получавших дары. Получившие больше даров превозносились пред получившими меньше; а эти скорбели и завидовали получившим больше, как показывает

далее сам Павел. Нарушая чрез это взаимную любовь, они получали смертельную рану, которую он с великим тщанием старается исцелить. То же самое случилось и в Риме, только иначе. Потому он и в послании к Римлянам касается этого предмета, но прикровенно и кратко, выражаясь так: "**ибо, как в одном теле у нас много членов, но не у всех членов одно и то же дело, так мы, многие, составляем одно тело во Христе, а порознь один для другого члены. И как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то , имеешь ли пророчество, пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение, пребывай в служении; учитель ли, – в учении**" (Рим.12:4-7). А что они также впадали оттого в гордость, он намекнул на это в начале, когда сказал: "**по данной мне благодати, всякому из вас говорю: не думайте о себе более, нежели должно думать; но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил**" (ст.3). Так он беседовал (с римлянами), у которых болезнь несогласия и гордости была не велика; а здесь – с большей силой, потому что болезнь была гораздо сильнее. И не это одно производило в них смятение, но кроме того между ними было много гадателей, так как город их еще держался языческих обычаев, и это, между прочим, также соблазняло и смущало их. Потому (апостол) здесь прежде всего показывает различие между гаданиями и пророчеством. Для того они получили и дар различения духов, чтобы различать и знать, кто говорит от Духа чистого и кто от нечистого. Так как невозможно было объяснить сказанных слов из них самих, – потому что пророчество свидетельствует о своей истинности не в то время, когда произносится, но когда исполняется, – так как не легко было распознавать, кто подлинно пророчествует и кто лжет, – потому что нечистый дух вредил пророчествовавшим, восставляя лжепророков, которые будто бы также предсказывали будущее, – и так как невозможно было доказать истину сказанного, пока еще не исполнилось предсказанное, и легко могли быть опровержения, – потому что только конец показывает, кто лжет и кто говорит правду, – то, чтобы слушатели не обманывались и прежде конца, (апостол) дает им такое знамение, которое еще прежде исполнения (сказанного) способствовало к различению того и другого. Начав отсюда свою речь, он потом переходит к благодатным дарованиям и разрешает возникавший отсюда спор. Прежде всего о гадателях он говорит так: "**не хочу оставить вас, братия, в неведении и о дарах духовных**". Духовными он называет знамения, потому что они – действия одного Духа, а человеческие усилия нисколько не содействуют к их совершению. Начиная беседовать об этом, он прежде всего, как я сказал, показывает различие между гаданием и пророчеством и говорит так: "**знаете, что когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам так, как бы вели вас**". Смысл слов его следующий: в капищах идольских, когда кто бывал одержим нечистым духом и прорицал, то, как бы ведомый и связанный, был увлекаем духом и нисколько не сознавал того, что говорил. Гадателю свойственно быть в исступлении, терпеть принуждение и насилие, увлекаться и неистовствовать, как бесноватому. А пророк не таков, но он говорит все с трезвой душой и здравым рассудком, зная, что он говорит. Так различай гадателя и пророка еще прежде исполнения (сказанного). И смотри, как (апостол) устраняет при этом всякое подозрение: он призывает в свидетели их самих, знавших это по опыту. Что я, говорит, не лгу, не клевещу и не измышляю на язычников, как враг их, тому свидетели вы сами: знаете, как, будучи язычниками, вы были тогда водимы и увлекаемы. Если же кто станет считать и их, как верующих, (свидетелями) подозрительными, то я докажу вам это и (свидетельствами) внешних (язычников). Послушай Платона, который (в апологии Сократа) говорит так: "прорицатели и гадатели говорят много и хорошо, но сами вовсе не знают того, что говорят". Послушай и другого поэта, который выражает то же самое. Когда кто-нибудь разными обрядами и волхвованиями вводил в человека беса, тогда этот человек начинал прорицать и прорицая рвать и терзать себя, не будучи в состоянии выносить насилия беса, и таким образом мог растерзать себя и погибнуть: подобным волхвователям он и говорил: "развяжите же, смертный не может более сносить царя бога"; и еще: "развяжите мне венки, окропите мои ноги чистой водой и изгладьте черты, чтобы я

мог идти". Все это и тому подобное, – ведь можно было бы сказать гораздо более, – доказывает и принуждение, с каким бесы удерживаются и служат, и насилие, какое терпят люди, однажды предавшие себя им и лишающиеся в это время здравого смысла. Также и Пифия, – нахожу нужным сказать теперь и о другом постыдном деле их, о котором лучше было бы молчать, потому что нам неприлично говорить об этом, но чтобы яснее видеть бесстыдство их, нужно упомянуть, чтобы вы уразумели отсюда, как безумны и смешны прибегающие к волхвователям, – эта женщина Пифия садилась, говорят, на треножнике Аполлоновом, расставив голени: затем лукавый дух, проникая снизу и входя в нее чрез детородные части, приводил ее в исступление, и она, распустив волосы, начинала бесноваться, испускать изо рта пену, и в таком исступлении изрекать неистовые слова. Вижу, что вы стыдитесь и краснеете, слыша это; а они еще превозносились таким бесстыдством и безумием!

2. Итак, намекая на все это и тому подобное, Павел сказал: "**знаете, что когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам так, как бы вели вас**". Так как он говорил к понимавшим дело, то и не излагает всего подробно, чтобы не отяготить их, но, только напомнив им и приведя все на ум, тотчас оставляет это и поспешает к своему предмету. Что же значит: "**к безгласным идолам**"? Гадатели ходили к ним, как бы ведомые. Если же идолы безгласны, то как те пользовались ими? Для чего бес приводил их, как пленников и узников, к истуканам? Между прочим для того, чтобы сделать обман правдоподобным. Чтобы не подумали, что идол есть камень безгласный, он старался привязать людей к идолам, чтобы принадлежащее первым приписывали последним. Но у нас не так. Впрочем (апостол) не объясняет нашего, то есть того, что касается пророков, так как им (коринфянам) это было известно, и между ними (были пророки, которые) пророчествовали, как следовало, с рассудком и совершенной свободою. Они властны были говорить и не говорить; они не были принуждаемы, но вместе с честью сохраняли и волю. Потому и Иона убегал, потому и Иезекииль уклонялся, потому и Иеремия отрицался. Бог же не принуждал их насильно, но советовал, убеждал, угрожал, не помрачая рассудка. Бесу свойственно производить помешательство, неистовство и большое помрачение, а Богу – просвещать и сознательно учить тому, чему должно. Вот первое различие между гадателем и пророком! Второе (апостол) излагает далее так: "**потому сказываю вам, что никто, говорящий Духом Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса**": и еще: "**никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым**" (ст.3). Когда, говорит, ты увидишь, что кто-нибудь не произносит имени Иисуса или даже анафематствует Его, то он – гадатель; а когда увидишь другого, который обо всем говорит с именем Его, то знай, что он – духовный. Что же, спросишь, сказать об оглашенных? Если никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым, то что сказать о них, которые произносят имя Его, но Духа не имеют? Не о них теперь говорит (апостол), – так как (коринфяне) были тогда не оглашенные, – а о верующих и не верующих. Но разве никакой бес не именует Бога? Не говорили ли бесноватые: "**знаю Тебя, кто Ты, Святый Божий**" (Мар.1:24)? Не говорили ли они и Павлу "**сии человеки – рабы Бога Всевышнего**" (Деян.16:17)? Говорили, когда были мучимы и вынуждаемы, а добровольно и не мучимые никогда. Здесь можно спросить: для чего бес говорил это, а Павел запретил ему? (Павел) подражал своему Учителю; и Христос запрещал бесам говорить, не желая получать от них свидетельство. А для чего бес делал это? Он хотел произвести замешательство, лишить апостолов чести и склонить многих слушать его самого. Если бы это было допущено, то бесы оказались бы достойными вероятия и легко стали бы вводить, что им угодно. Потому, чтобы этого не было и чтобы обман не получил даже начала, (апостол) заграждает им уста и тогда, когда они говорили правду, для того, чтобы никто совершенно не внимал им во лжи, но всякий отвращал слух свой от всего, что бы они ни говорили. Показав таким образом первый и второй признак гадателей и пророков, (апостол) далее беседует о чудесах, приступая к этому предмету не просто, но

так, чтобы прекратить происходившее отсюда несогласие и убедить тех, которые получили меньше, не скорбеть, а тех, которые получили больше, не превозноситься. Потому начинает так: "**дары различны, но Дух один и тот же**" (ст.4). Прежде всего он вразумляет того, кто получил меньший дар и из-за этого скорбит. О чем, говорит, ты скорбишь? О том, что не получил столько, сколько другой? Но вспомни, что это – дар, а не долг, и получишь утешение в скорби. Потому он прямо и выразился так: "**дары различны**". Не сказал: знамения, или чудеса, но: дарования, названием дара убеждая не только не скорбеть, но и чувствовать благодарность. Вместе с тем, говорит, представь и то, что хотя ты получил дар меньшей меры, но удостоившись получить его оттуда же, откуда и получивший больше, ты имеешь одинаковую с ним честь; ты не можешь сказать, что ему даровал Дух, а тебе ангел; и тебе и ему даровал Дух. Потому и прибавляет: "**но Дух один и тот же**".

3. Хотя есть различие в даре, но нет различия в Даровавшем: из одного источника получили и ты и он. "**И служения различны, а Господь один и тот же**" (ст.5). Чтобы усилить утешение, (апостол) приводит и Сына и Отца. Самые дары называет здесь другим именем, желая и чрез это доставить большее утешение. Потому и говорит: "**служения различны, а Господь один и тот же**". Услышав о даровании, получивший меньше, может быть, стал бы скорбеть; но, услышав о служении, не станет, потому что это слово означает труд и работу. Что ты скорбишь, говорит, если Бог другому повелел трудиться больше, а тебя пощадил? "**И действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. Но каждому дается проявление Духа на пользу**" (ст.6-7). Что такое, скажешь, действие? Что такое – дарование? Что такое – служение? Только различные названия, а предметы одни и те же. Он называет и дарование и служение действием. "**Исполняй**", говорит, "**служение твое**" (2Тим.4:5); и: "**я прославляю служение мое**" (Рим.11:13); также к Тимофею: "**по сей причине напоминаю тебе возгревать дар Божий, который в тебе**" (2Тим.1:6); и к Галатам: "**ибо Содействовавший Петру в апостольстве содействовал и мне у язычников**" (Гал.2:8). Видишь ли, как он не полагает никакого различия между дарами Отца (и Сына) и Св. Духа, не смешивая Их ипостасей, – да не будет! – но показывая равночестие существа? Что дарует Дух, говорит он, то производит Бог (Отец), а распределяет и назначает Сын. Если бы одно было меньше другого, то он не сказал бы этого так и не стал бы таким образом утешать скорбящего. Далее утешает его еще другим образом, именно тем, что сообщенная ему мера дарований, хотя и малая, служит ему в пользу. Сказав: "**Дух один и тот же**", "**Господь один и тот же**", "**Бог один и тот же**", и тем успокоив его, присовокупляет еще другое утешение в словах: "**но каждому дается проявление Духа на пользу**". Чтобы кто-нибудь не сказал: чтож из того, что один и тот же Дух, один и тот же Господь, один и тот же Бог, когда я получил меньше? – (апостол) говорит, что, это на пользу. Явлением Духа он называет знамения, и справедливо. Мне верующему известно, кто имеет Духа, – именно тот, кто крещен; а для неверующего это ниоткуда не видно, как только из знамений. И отсюда опять следует не малое утешение: хотя дарования различны, но обнаружение одинаково; хотя бы ты имел много, хотя бы мало, ты равно обнаруживаешься, так что, если хочешь показать, что ты имеешь Духа, для этого ты имеешь достаточно. Итак, если один есть Даровавший, и данное тебе дар, и обнаружение может быть, и это наиболее полезно тебе, то не скорби, как будто бы ты был презрен. Не в бесчестие тебе, не для унижения тебя пред другим Бог поступил так, но из снисхождения к тебе и желания тебе пользы. Получить больше и не быть в состоянии вынести – вот что бесполезно, и пагубно, и достойно скорби! "**Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом**" (ст.8-9). Видишь ли, как он везде прибавляет: "**тем же Духом**"? Он знает, что в этом и заключается великое утешение. "**Иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков**" (ст.10). Так как последним они более всего гордились, то

он и поставляет это на конце и присовокупляет: "**все же сие производит один и тот же Дух**" Дух (ст.11). Вот всеобщее врачевство утешения: все мы получаем от одного и того же корня, из одной и той же сокровищницы, из одного и того же источника! Поэтому-то он непрестанно употребляет это слово и тем уравнивает мнимое неравенство и утешает. Выше он говорил, что и Дух и Сын и Отец подают дарования; а здесь говорит только о Духе, чтобы ты и отсюда познал, что у них одно и то же достоинство. Что же значит: слово премудрости? То, которое имел Павел, которое имел Иоанн, сын грома. А слово разума? То, которое имели многие из верующих, хотя имевшие знание, но не бывшие в состоянии учить и удобно передавать другому то, что сами знали. Другому же вера: не вера в догматы, но вера чудодейственная, о которой Христос говорит: "**если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: „перейди отсюда туда", и она перейдет**" (Мф.17:20). И апостолы о ней просили, когда говорили: "**умножь в нас веру**" (Лк.17:5). Она – мать чудотворений. Но иметь чудотворения, и дарования исцелений – не одно и то же. Кто имел дар исцелений, тот только врачевал, а имевший чудотворения мог и наказывать; от чудотворения не только врачевание, но и наказание, как например Павел ослепил, Петр поразил смертью. "**Иному пророчество, иному различение духов**". Что значит: "**различение духов**"? Знание того, кто духовный и кто не духовный, кто пророк и кто обманщик, как говорит он и Фессалоникийцам: "**пророчества не уничижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь**" (1Фес.5:20-21). В то время была великая опасность от лжепророков, потому что диавол всячески старался противопоставить ложь истине. "**Иному разные языки, иному истолкование языков**". Иной сам знал, что говорил, но другому истолковать не мог; а иной имел способность к тому и другому, или к чему-нибудь одному из двух.

4. Этот дар (языков) почитался великим, потому что его и апостолы прежде всего получили и из коринфян многие имели, а дар учения – не так. Потому (апостол) поставляет тот прежде, а об этом (говорит) после. Между тем и тот для этого, равно как и все прочее, и пророчества, и чудотворения, и разные языков, и истолкование языков; и ничто не может равняться с ним, как он сам говорит: "**достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении**" (1Тим.5:17); и еще в послании к Тимофею: "**занимайся чтением, наставлением, учением. Не неради о пребывающем в тебе даровании**" (1Тим.4:13-14). Видишь ли, как он называет и это дарованием? Далее то же утешение, которое он предложил выше в словах: "**Дух один и тот же**", повторяет и здесь, говоря: "**все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно**".

И не только утешает, но и заграждает уста противнику словами: "**разделяя каждому особо, как Ему угодно**", потому что утешая надобно и вразумлять, как он поступает и в послании к Римлянам, когда говорит: "**ты кто, человек, что споришь с Богом?**" (Рим.9:20). Так и здесь: "**разделяя каждому особо, как Ему угодно**". Вместе с тем показывает, что принадлежащее Отцу принадлежит и Духу. Как об Отце сказал: "**а Бог один и тот же, производящий все во всех**", так и о Духе: "**все же сие производит один и тот же Дух**". Но производит, скажешь, под влиянием Бога?

Нигде (апостол) не сказал этого, а ты сам это выдумываешь. Когда он говорит: "**производящий все во всех**", говорит это о людях, а вовсе не считает с людьми и Духа, хотя бы ты тысячу раз, как безумный, повторял это. Так как он выше сказал: Духом (δια του πνευματος), то, чтобы ты не подумал, что это выражение означает унижение (Духа) или зависимость (действий Его от другого), присовокупляет, что Дух действует, а не побуждается к действию, и действует, "**как Ему угодно**", а не как повелевают Ему. Как об Отце Сын говорит, что Он "**воскрешает мертвых и оживляет**", равно и о Себе самом, что Он "**оживляет, кого хочет**" (Ин.5:21), так и о Духе в одном месте сказано, что Он

делает все со властью и ничто Ему не препятствует, – слова: "**дышит, где хочет**" (Ин.3:8), хотя сказаны о ветре, именно это и доказывают, – а здесь говорится, что Он "**все производит, как Ему угодно**". Из другого места можешь видеть, что Он не из тех, чрез кого действуют, но сам действует: "**ибо кто из человеков знает**", говорит (апостол), "**что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия**" (1Кор.2:11). Дух человека, т.е. душа, не имеет нужды в постороннем воздействии, чтобы знать свое; это всякому известно; следовательно и Дух Святый – чтобы знать Божие: потому и говорит, что Дух Святый знает тайны Божии так же, как душа человеческая свои тайны. Если же в этом случае Он не побуждается к действию (кем-нибудь другим), то зная глубины Божии и действуя без постороннего влияния в раздаянии даров апостолам, Он тем более сам не находится в зависимости. Кроме того скажу и то, что я говорил прежде. Что именно? То, что если бы Дух был меньше и не единосущен (Отцу и Сыну), то не было бы никакого утешения в словах, что действует один и тот же Дух. Получивший что-нибудь от царя имеет великое утешение в том, что (царь) сам дал ему; а получивший от раба может еще более печалиться, что ему принес это посторонний. Таким образом и отсюда ясно, что Дух Святый не рабского, а царского существа: Апостол утешает коринфян как словами: "**служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же**", так и вышесказанными: "**Дары различны, но Дух один и тот же**", и последующими: "**все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно**". Не будем же, говорит, унывать, скорбеть и говорить: почему я то получил, а этого не получил? Не будем требовать отчета от Святого Духа. Если ты знаешь, что Он подает по своему промышлению, и сознаешь, что, по тому же промышлению, Он подает в известной мере, то будь доволен и радуйся тому, что получил; не огорчайся тем, чего не получил, но еще воздавай благодарность за то, что не получил выше сил своих.

5. Если же касательно духовных (благ) не должно быть слишком пытливым, то тем более касательно вещественных должно оставаться спокойным и не исследовать, почему такой-то богат, а такой-то беден. Не всякий богат от Бога, но многие и от неправды, грабительства и любостяжания. Разве Тот, кто повелел не собирать богатства, подаст то, чего не велел приобретать? А чтобы еще более заградить уста возражающих, обратимся к древним временам, когда богатство давалось от Бога. Отвечай мне: почему Авраам был богат, а Иаков нуждался даже в хлебе? Не был ли последний так же праведен, как и первый? Не равно ли о троих говорил Господь: "**Я Бог Авраама, Исаака и Иакова**" (Исх.3:6)? Почему же один был богат, а другой трудился, как наемник? Почему даже Исав – нечестивец и братоненавистник – был богат, а он (Иаков) был рабом столь долгое время? Почему опять Исаак жил всегда спокойно, а Иаков в трудах и бедствиях, вследствие чего и говорил: "**малы и несчастны дни жизни моей**" (Быт.47:9)? Почему Давнд, пророк и царь, постоянно жил в трудах, а Соломон, сын его, сорок лет прожил спокойнее всех людей, наслаждаясь глубоким миром, честью н удовольствиями всякого рода? Почему из пророков иной больше, а иной меньше терпел скорби? Потому, что каждому свое было полезно.

Потому в отношении каждого следует сказать: "**судьбы Твои - бездна великая**" (Пс.35:7). Если же мужей великих и дивных Бог назидал не одинаковым образом, но иного бедностью, другого богатством, иного спокойствием, другого скорбью, то тем более ныне надобно то же думать. Вместе с тем надобно помнить и то, что многое случается не по Его намерению, а от нашей злобы. Не говори же: почему один богат, несмотря на то, что порочен, а другой беден, несмотря на то, что праведен? Очень легко можно дать на это ответ и сказать: праведник не терпит никакого вреда от бедности, напротив еще более прославляется, а злой человек ведется богатством к мучению, если не переменится: и еще прежде наказания богатство часто бывало для него причиной многих зол и ввергало его в

бесчисленные пропасти. Бог же попускает это, с одной стороны, в знак свободы (человеческой) воли, с другой – для научения прочих не бесноваться и не гоняться за деньгами. А что, скажешь, если человек порочный богат и не терпит ничего худого? Если он добродетелен и богат, это справедливо; а если порочен, то что нам сказать? То, что и в таком случае он жалок: богатство, присоединяясь к пороку, увеличивает зло. А если он добродетелен и беден? Это нисколько не вредит ему. А если порочен и беден? Значит, он терпит это справедливо и по достоинству, и даже с пользой для себя. Но такой-то, скажешь, получил богатство от предков и расточает его на блудниц и тунеядцев и не терпит ничего худого. Что ты говоришь? Он блудодействует, а ты говоришь, что он не терпит ничего худого? Он пьянствует, а ты думаешь, что он наслаждаетея? Он проживается на дела непотребные, а ты считаешь его достойным подражания? Что может быть хуже человека, погубляющего свою душу? Если у кого-нибудь искажено и изуродовано тело, то ты считаешь его достойным безмерных слез; а видя, что вся душа его искажена, ты считаешь его даже блаженным? Но он, скажешь, не чувствует этого? Потому-то самому он еще более жалок, подобно сумасшедшим. Кто знает, что он болен, тот конечно будет искать врача и примет лекарство; а кто не сознает своей болезни, тот не может и освободиться от нее. И, скажи мне, такого-то ты считаешь блаженным? Впрочем это нисколько не удивительно; люди большей частью неопытны в любомудрии. Оттого мы и подвергаемся крайнему осуждению, наказываемся и не бываем свободны от мучения, оттого у нас непрестанные неудовольствия, огорчения и беспокойства, что мы, оставляя указанную нам Богом жизнь беспечальную, т.е. жизнь добродетельную, пролагаем себе другой путь – обогащения и любостяжания, исполненный бесчисленных зол: мы поступаем так же, как если бы кто, не понимая красоты телесной, но полагая все достоинство в одежде и навешенных украшениях, оставил без внимания женщину благоразумную и красивую от природы, а некрасивую, безобразную и уродливую, но только одетую в красивые одежды, взял бы себе в жены. Подобным же образом поступают ныне многие и касательно добродетели и порока: к гнусному по природе (пороку) прилепляются за внешние его украшения, а от прекрасной и благообразной (добродетели) отвращаются за непокрытую ее красоту, за которую тем более надлежало бы возлюбить ее.

6. Стыжусь, что между несмысленными язычниками есть люди, любомудрствующие так, если не на деле, то по крайней мере в мыслях, и знающие скоротечность настоящего, а у нас некоторые и этого не знают, даже имеют превратнос суждение, и притом тогда, как Писание непрестанно повторяет нам: "**тот, в глазах которого презрен отверженный, но который боящихся Господа славит**" (Пс.14:4); "**страх Господень все превосходит**" (Сир.25:14); "**бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека**" (Еккл.12:13); "**не ревнуй злодеям**" (Пс.36:1); "**не бойся, когда богатеет человек**" (Пс.48:17); "**всякая плоть - трава, и вся красота ее - как цвет полевой**" (Ис.40:6). Слыша это и тому подобное каждый день, мы однако прилепляемся к земле. Как дети еще не совсем выучившиеся азбуке, когда приказывают им называть буквы не по порядку, часто называют одни вместо других, и тем возбуждают большой смех, так и вы, когда исчисляем вам все по порядку, кое-как еще следите, а когда спросим вас порознь, какую вещь надобно поставить на первом месте, какую на втором, и так далее, то вы не знаете, что сказать, и становитесь смешными. Подлинно, не крайне ли смешно, скажи мне, что люди, ожидающие бессмертия и благ, которых "**не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**" (1Кор.3:9), гоняются за благами здешними и считают их достойными состязания? Если ты еще имеешь нужду учиться тому, что богатство не представляет ничего великого, что настоящее есть тень и сон, что оно рассеивается и разлетается, подобно дыму, то стой вне святилища и оставайся в преддверии, потому что ты еще не достоин войти в горние царские чертоги. Если ты еще не умеешь рассудить, что (настоящее) по существу своему непостоянно и скоропреходяще, то как ты сможешь

презирать его? А если скажешь, что умеешь, то перестань исследовать и спрашивать, почему такой-то богат, а такой-то беден. Спрашивать об этом значит делать то же, как если бы ты ходил и спрашивал, почему такой-то бел, а такой-то черен, или почему у такого-то нос загнутый, а у такого-то тупой. Как в подобных вещах нам безразлично, так ли это, или иначе, – так должно быть и в том, беден ли кто или богат, и даже гораздо менее в последнем, нежели в первом. Все зависит от способа употребления: хотя бы ты был беден, ты можешь жить благодушно, если будешь любомудр: хотя бы ты был богат, ты несчастнее всех, если чуждаешься добродетели. Нам важно то, что добродетельно; а без этого все прочее совершенно бесполезно. Оттого и происходят эти частые вопросы, что многие считают бесполезное для них полезным, а о полезном нисколько не заботятся. Полезное для нас – это добродетель и любомудрие. Но вы слишком далеки от них; оттого у вас и смятение помыслов, многие волны и буря, потому что кто удаляется от горней славы и любви к небу, тот обращается к благам настоящим и делается их рабом и пленником. Отчего же. скажешь, мы стремимся к ним? Оттого, что не слишком стремимся к благам небесным. А отчего это происходит? От нерадения. А нерадение откуда? От невнимательности. А невнимательность откуда? От неразумения, оттого, что останавливаемся на благах настоящих и не хотим тщательно исследовать существо вещей. Отчего же опять это происходит? Оттого, что не читаем Писаний, не беседуем с святыми мужами, а ищем общества людей порочных. Потому, чтобы не было этого всегда, чтобы волны, подхватывая нас одна за другою, не увлекли в море зол, не потопили и не погубили совершенно, восстанем, пока есть время, и, утвердившись на скале, т.е. на догматах и слове Божием, будем взирать на бурю настоящей жизни. Таким образом мы и сами избавимся от нее и, спасая других, подвергающихся кораблекрушению, удостоимся будущих благ, благодатию и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 30

Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос" (1Кор.12:12).

1. Утешив (коринфян) тем, что всякое дарование есть дар благодати, что все подается одним и тем же Духом и подается на пользу, что (Дух) открывается и в меньших дарованиях, и вместе заградив им уста тем убеждением, что должно покоряться власти Духа, – "**все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно**", и потому не должно быть слишком пытливым, – (апостол) утешает их еще иным общеизвестным сравнением, обращаясь к природе, как он обыкновенно делает. Так, беседуя о волосах мужей и жен, он между прочим употребил такой же способ учения и сказал: "**не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестье для него, но если жена растит волосы, для нее это честь?**" (1Кор.11:14). Рассуждая об идольских жертвах и запрещая касаться их, также употребил сравнение, заимствованное из языческих обычаев, напомнив об олимпийских играх и сказав: "**бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду**" (1Кор.9:24); кроме того указывал и на примеры пастырей, воинов и земледельцев. Точно так и здесь приводит общеизвестное сравнение, которым старается доказать, что никто (из христиан) не унижен пред другими, – как ни странно и ни трудно было доказывать это, – и которое могло убедить даже самых простых людей, то есть сравнение с телом. Человека малодушного и получившего меньше других ничто так не утешает и не располагает оставить скорбь, как убеждение, что он не унижен пред другими. Потому (апостол) и доказывает это: "**ибо как**", говорит, "**тело одно, но имеет многие члены**". Видишь ли его глубокую мудрость? Он доказывает, что одно и то же есть единое и многое. Раскрывая еще более этот предмет, присовокупляет: "**и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело**". Не сказал: многие члены

принадлежат одному телу, но: "**составляют одно тело**" многое, и многие члены его есть одно. Если же многое есть единое и единое многое, то где различие, где преимущество, где унижение? "**И все**", говорит, "**составляют одно**": не просто одно, но, будучи рассматриваемы собственно в отношении к составу тела, все они – одно; а когда они рассматриваются порознь, тогда – различие, и притом различие во всех их. Ни один из них не может сам по себе составить тела, и каждый одинаково недостаточен к тому, чтобы составить тело, а необходимо для этого их соединение; когда многие сделаются единым, тогда и составляется одно тело. Выражая это, он и говорит: "**все члены тела, хотя их и много, составляют одно тело**". Не сказал: высшие и низшие, но: "**хотя их и много**", что относится ко всем вообще. Как же они могут быть одно? Когда, оставив различие их, как членов, будешь рассматривать их по отношению к телу. Что глаз, то же и нога, в том отношении, что они – члены и составляют тело; в этом между ними нет никакого различия. Не можешь сказать, что один какой-нибудь член составляет тело сам по себе, а другой нет; в этом отношении они все равны, и все – одно тело.

Сказав и ясно доказав это по общему всем здравому смыслу, (апостол) присовокупляет: "**так и Христос**". Надлежало бы сказать: так и Церковь, – это именно следовало из предыдущего, – но он не сказал так, а вместо Церкви наименовал Христа, употребив выражение более возвышенное и более пристыдив слушателя. Смысл слов его следующий: так и тело Христово, которое есть Церковь. Как тело и голова составляют одного человека, так и Церковь и Христос, говорит, есть одно; потому и именует вместо Церкви Христа, разумея здесь тело Его. Как наше тело есть нечто единое, хотя состоит из многих членов, так и в Церкви все мы составляем нечто единое; хотя она состоит из многих членов, но эти многие суть одно тело. Таким образом, успокоив и ободрив общеизвестным примером того, кто считал себя униженным, (апостол) оставляет обыкновенные предметы и переходит к другому предмету – духовному, который мог доставить еще больше утешения и ясно показать равенство чести (у членов Церкви). Какому же? "**Ибо все мы одним Духом**", говорит, "**крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные**" (ст.13). Смысл слов его следующий: один Дух составил из нас одно тело и возродил нас, потому что не иным Духом крещен один, а иным другой. И не только крестивший нас (Дух) есть един, но и то, во что Он крестил, то есть для чего крестил, есть едино, так как мы крестились не для того, чтобы составлять различные тела, но чтобы все мы в точности составляли одно тело в отношении друг к другу, то есть крестились для того, чтобы всем нам быть одним телом.

2. Таким образом и составивший нас един, и то, во что он составил нас, едино. И не сказал (апостол): чтобы мы принадлежали одному телу, но: "**мы все в одно тело**": он всегда старается употреблять самые точные выражения. Хорошо также сказал: мы все, включив и себя самого. И я, апостол, не имею, говорит, пред тобой никакого преимущества в этом отношении; и ты тело так, как я, и я так, как ты, и все мы имеем одну и ту же Главу и родились одинаковым рождением, потому и составляем одно и то же тело. Но что я указываю, говорит, на иудеев? И язычников, которые были так далеки от нас, Бог привел в состав единого тела. Потому, сказав: "**все мы**", он не останавливается на этом, но прибавляет: "**Иудеи или Еллины, рабы или свободные**". Если же мы, бывшие прежде столь далекими друг от друга, соединились и стали едино, то тем более после соединения нам не следует скорбеть и унывать, так как уже нет места различию. Если Он удостоил одного и того же и язычников и иудеев, и рабов и свободных, то, удостоив, станет ли разделять нас, тогда как самое сообщение дарований служит к совершеннейшему единению? "**И все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих**" (ст.13-14). Т.е. все мы приступаем к одному и тому же таинству, вкушаем от одной и той же трапезы. Почему же он не сказал: мы питаемся одним и тем же телом и пьем одну и ту же кровь? Потому что, наименовав Духа, он означил то и другое, и кровь н плоть; чрез то

и другое мы напояемся единым Духом. Впрочем, мне кажется, что он говорит здесь о том наитии Духа, которое совершается над нами при крещении, еще прежде таинства причащения. Напоены – сказал он потому, что это переносное выражение весьма прилично настоящему предмету, как будто бы он говорил о растениях и саде, что все дерева орошаются одним и тем же источником, одной и той же водой. Так точно и мы все, говорит, напояемся одним и тем же Духом, сподобляемся одной и той же благодати. Итак, если единый Дух составил нас, и в едино тело соединил всех нас, – а это означают слова: "**крестились в одно тело**", – и одну трапезу даровал, и одно и то же орошение сообщил всем, – а это означают слова: "**напоены одним Духом**", – а столь далеких между собой соединил вместе и многие только тогда составляют тело, когда становятся едино, то о каком твердишь ты различии? Если же скажешь, что членов много и они различны, то знай, что это самое и удивительно и составляет особенность тела, а именно, что в нем многое и различное составляет одно; а если бы не было множества, то не было бы так удивительно и чудно, что тело одно; или лучше, тогда не было бы и тела. Впрочем, это (апостол) объясняет после, а теперь пока обращается к самым членам и говорит: "**если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу?**" (ст.15-16). Если бы то, что один меньше, а другой больше, препятствовало входить в состав тела, то не стало бы и всего тела. Потому не говори: я не тело, потому что я меньше других: и нога занимает низшее место, но и она в составе тела. Быть или не быть в составе тела зависит не от положения в том или другом месте, – это производит только различие в месте, – но от слития или раздела; быть или не быть телом зависит от соединения с ним или несоединения. И заметь мудрость (Павла), с какой он представляет ваши члены произносящими эти слова. Как выше он говорил: "**это приложил я к себе и Аполлосу**" (4:6), так и здесь, чтобы сделать речь свою еще более кроткой и удобоприемлемой, представляет говорящими самые члены, чтобы (читатели), слыша ответ себе от самой природы, обличаясь самым опытом и общим здравым смыслом, не могли более противоречить. Хотя бы, говорит, и вы говорили то же самое и сколько бы ни возражали, вы не можете быть вне тела, потому что как закон природы, так и еще более сила благодати все соблюдает и сохраняет. И смотри, как он избегает излишества: говорит не о всех членах. а только о двух, и притом крайних, о самом высшем – глазе, и самом низшем – ногах. Кроме того представляет ногу говорящей не с глазом, но с рукой, которая немного выше ее, а ухо – с глазом. Как мы обыкновенно завидуем не тем, которые слишком превосходят нас, а тем, которые немного выше нас, так и он делает свое сравнение. "**Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние?**" (ст.17). Так как он указал на различие членов, упомянул о ногах, руках, глазах и ушах, и тем подал мысль о низшем и высшем достоинстве, то, смотри, как опять утешает и показывает, что это полезно, что оттого преимущественно и бывает тело телом, что члены у него многие и различные. Если бы они все были одно, то и не составили бы тела; потому он и говорит: А "**если бы все были один член, то где тело?**" (ст.19). Впрочем это говорит он после; а теперь выражает нечто еще большее, именно, что в таком случае не только не было бы тела, но не было бы и прочих членов: "**если все слух**", говорит, "**то где обоняние?**"

3. Далее, так как (слушатели) еще могли смущаться, он и здесь делает то же, что сделал выше. Как там, утешив указанием на пользу, совершенно заградил им уста, сказав: "**все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно**" (ст.11), так и здесь, доказав, что все устроено так с пользою, он опять приписывает все воле Божией и говорит: "**но Бог расположил члены, каждый в [составе] тела, как Ему было угодно**" (ст.18). Как о Духе сказал: "**как Ему угодно**", так и здесь: "**как Ему было угодно**". Поэтому не спрашивай, почему так, и почему не так. Хотя бы мы могли представить тысячи причин, мы ничем не можем столько же сильно доказать, что это

хорошо, сколько словами: как восхотел высочайший Художник, так и сделалось, потому что Он хочет так, как полезно. Если же не должно быть слишком пытливым касательно членов в нашем теле, то тем более – в Церкви. И заметь мудрость (апостола): он указывает не на различие членов по природе или по деятельности, а на различие по местному положению: "**но**", говорит, "**Бог расположил члены, каждый в [составе] тела, как Ему было угодно**". Хорошо он сказал: каждый, выразив пользу всех их. Ты не можешь сказать, что такой-то член устроил Господь, а такой-то нет; но каждый поставлен так по Его воле; и ноге полезно быть на таком именно месте, а не одной только голове; и если бы (какой-нибудь член) переменил положение, оставил свое место и перешел на другое, то хотя по-видимому занял бы лучшее место, но погубил бы и расстроил все; он потерял бы свое место и не достигнул бы чужого. "**Если бы все были один член, то где тело? Но теперь членов много, а тело одно**" (ст.19-20). Довольно заградив уста указанием на распоряжение Божие, он опять представляет суждения; вообще он не употребляет постоянно того или другого, но меняет и разнообразит речь свою. Кто только заграждает уста, тот смущает слушателя; а кто приучает его требовать на все объяснения, тот вредит его вере. Потому Павел постоянно делает то и другое, чтобы они и не ослабевали в вере и не смущались; заградив уста, опять предлагает объяснение. И посмотри на его искусство в состязании и превосходство его победы: из чего они заключали о неравенстве чести, – т.е. что между ними было большое различие, – из того самого он доказывает, что они имеют равную честь. А как? Вот как: "**если бы все были один член, то где тело?**" Смысл этих слов следующий: если бы не было между вами великого различия, то вы не были бы телом; не будучи телом, вы не были бы едино; а не будучи едино, вы не имели бы равной чести: если бы вы все имели равную честь, то не были бы телом; не будучи телом, вы не были бы едино; а не будучи едино, как вы имели бы равную честь? Теперь же, так как вы все имеете не одно дарование, то и составляете тело; а будучи телом, вы все составляете едино и ничем не различаетесь друг от друга в том отношении, что составляете тело. Следовательно, это именно различие и производит равенство чести. Потому он и присовокупляет: "**но теперь членов много, а тело одно**". Представляя себе это, оставим и мы всякую зависть; не будем ни завидовать тем, которые имеют больше дарований, ни презирать тех, которые имеют меньше. Так угодно было Богу; не будем же противиться. Если же ты еще смущаешься, то подумай, что другой часто не в состоянии исполнить твоего дела, и потому, хотя ты меньше его, но в этом отношении превосходишь его; а он, хотя и больше тебя, но в этом отношении меньше, и таким образом вы равны. И в теле члены, по-видимому, маловажные совершают немаловажные действия, но часто причиняют погибель и важным, если будут отделены от них. Что, например, в теле маловажнее волос? Но если уничтожишь их на бровях и ресницах, то отнимешь все благообразие у лица, и глаз уже не будет так красив; хотя потеря не важная, но от ней теряется все благообразие, и не только благообразие, но в большой степени и употребление глаз. Члены наши имеют каждый и свою частную деятельность и общую; равно и красота их есть и частная и общая; и тогда как они по-видимому разделены между собою, на самом деле тесно соединены, так что с повреждением одного повреждается и другой. Смотри: пусть будут у кого-нибудь глаза светлые, щеки улыбающиеся, уста розовые, нос прямой, брови стройные; но, если повредишь что-нибудь из этого, то исказишь общую красоту всего; все будет безобразным, и казавшееся прежде прекрасным представится отвратительным. Если например исказишь только край носа, то во всем произведешь великое безобразие, хотя искажен один только член; и с рукой, если оторвешь хотя ноготь одного пальца, произойдет то же самое.

4. А если желаешь видеть это на деятельности (членов), то отними один палец, и увидишь, что и прочие будут менее деятельны и не так будут исполнять свое назначение. Если же повреждение члена есть общее безобразие и сохранение есть общая красота, то не будем превозноситься и завидовать ближним. Важный член бывает красив и благообразен чрез

член маловажный, и глаз украшается бровями; потому тот воюет против самого себя, кто воюет против брата, потому что не только ему вредит, но не малый ущерб наносит и себе самому. Итак, чтобы этого не было, будем заботиться как о себе самих, так и о ближних; подобие тела приложим и ныне к Церкви, и будем пещись о всех, как о собственных членах. И в Церкви есть многие и различные члены, и одни из них важнее, другие маловажнее; так, есть лики девственниц, есть общества вдовиц, есть братства сияющих в целомудренном браке, и много степеней добродетели. Также и в делах милосердия: один раздает все, другие довольствуются только необходимым и сверх того ничего не ищут, иные подают от избытка; но все они взаимно украшают друг друга. Если больший станет унижать меньшего, то всего больше повредит себе самому; так, если дева станет поносить брачную, то не мало потеряет мзды своей; и раздавший все, если станет поносить не сделавшего этого, много потеряет заслуг своих.

Но что я говорю о девах, вдовицах и людях нестяжательных? Что уничиженнее просящих милостыни? Однако и они приносят в Церкви великую пользу, находясь постоянно при дверях храма и составляя великое украшение, так что без них не была бы совершенна полнота Церкви. Это видели и апостолы, и потому в самом начале постановили правила как о всем прочем, так и о вдовицах, и прилагали о них такое попечение, что поставили (для служения) им семь диаконов. Когда я исчисляю членов Церкви, то, называя епископов, пресвитеров, диаконов, девственниц н воздержных, призываю также и вдовиц, потому что и они исполняют не маловажную службу. Ты приходишь (в церковь), когда захочешь; а они день и ночь здесь присутствуют и поют, делая не для одной только милостыни, потому что если бы они только этого хотели, то могли бы ходить на торжище и просить на перекрестках; но они имеют не мало и благочестия. Посмотри, в какой они печи бедности, и между тем ты не услышишь. чтобы они когда-нибудь роптали, или выражали огорчение, как делают многие из богатых; иные из них часто бывают голодные, другие постоянно зябнут от холода, и однако проводят жизнь в благодарении и славословии. Подашь ли им овол, они благодарят и высказывают подавшему тысячи благожеланий; не дашь ли ничего, они не огорчаются, но и тогда благословляют и сохраняют любовь, довольствуясь насущным пропитанием. Но, скажешь, они терпят по необходимости, хотя бы и не хотели этого. Почему так, скажи мне? Для чего произнес ты эти горькие слова? Разве нет постыдных ремесл, прибыльных для стариков и для старух? Разве они не могли бы, если бы не хотели вести честную жизнь, получать н оттуда пропитание с великим избытком? Разве не видишь, сколько в этом возрасте людей, развращающих и пособствующих разврату, или имеющих другие подобные занятия, которые доставляют им пропитание и даже роскошь? Но они не таковы, а готовы скорее умереть с голода, нежели посрамить свою жизнь и потерять спасение; они сидят целый день, предлагая тебе средство к спасению. Не так успешно врач, простирая руку и прилагая железо, очищает гнилые раны, как нищий, протягивая руку и получая милостыню, изглаждает струпы язв; и, что особенно удивительно, он без боли и страданий совершает это превосходное врачевание. Не менее нас, сидящих пред народом и поучающих вас полезному, поучает и он своим молчанием и видом, сидя у дверей церковных. Мы каждый день внушаем вам: не высокомудрствуй, человек; скоротечно п непостоянно естество человеческое; юность спешит обратиться в старость, красота в безобразие, сила в немощь, честь в бесчестие, здоровье в болезнь, слава в посрамление, богатство в бедность; все наше подобно быстрому потоку, который не может нигде остановиться, но быстро стремится вниз.

5. То же самое и еще больше того внушают и они своим видом и примером, и внушение их есть самое ясное. Сколько сидящих теперь вне (храма) красовались в юности и совершали великие дела? Сколько из этих безобразных превосходили многих и крепостью тела н красотой лица? Не сомневайтесь и не смейтесь: жизнь исполнена множества таких

примеров. Если многие из бедных и низких часто делались царями, то что удивительного, если иные из великих и славных стали низкими и бедными? Первое гораздо более удивительно, а последнее весьма обыкновенно. Потому следует не сомневаться в том, что некоторые из них отличались искусствами, воинскими делами или богатством, но жалеть о них с великим состраданием и опасаться самим за себя, чтобы и нам не потерпеть когда-нибудь того же; ведь и мы – люди и подлежим той же скоротечной перемене. Но, может быть, кто-нибудь из неразумных и склонных к смешливости станет недоумевать и смеяться над вами, и скажет: когда ты перестанешь говорить о бедных и нищих, предсказывать нам несчастья, проповедовать нищету и стараться сделать нас нищими? Нет, не нищими стараюсь я сделать вас, когда говорю это; но стараюсь доставить вам небесное богатство, подобно как напоминающий здоровому о больных и описывающий их страдания говорит это не для того, чтобы сделать его больным, но чтобы сохранить его здоровье и страхом их несчастий предохранить его от беспечности. Для вас бедность кажется чем-то страшным и ужасным даже по одному названию; но потому мы и бедны, что боимся бедности, хотя бы имели тысячи талантов. Не тот беден, кто не имеет ничего, но тот, кто страшится бедности, подобно как и между несчастными мы оплакиваем и называем жалкими не тех, которые терпят великие бедствия, но тех, которые не умеют переносить даже невеликих; напротив, кто умеет переносить их, тот достоин похвал и венцов. А что это так, скажи, кого мы хвалим из ратоборствующих: тех ли, которые, получая множество ударов, не унывают и стоят с поднятой головой, или тех, которые обращаются в бегство при первых ударах? Не тех ли мы увенчиваем, как доблестных и мужественных, а над этими не смеемся ли, как над робкими и трусливыми? Так же будем поступать и в делах житейских: того, кто переносит все легко, подобно мужественному и все претерпевшему подвижнику (Иову), будем увенчивать, а того, кто трепещет и боится несчастий и еще прежде, нежели получит удар, умирает от страха, будем оплакивать. И в ратоборствах, если кто прежде, нежели поднимет свою руку, и едва только увидит поднятую руку противника, обращается в бегство, хотя еще не получил удара, то такой подвергается осмеянию, как слабый, изнеженный и неискусный в подобных подвигах. То же самое бывает и с теми, которые боятся бедности и не могут вынести даже одного ее ожидания. Следовательно, не мы делаем вас несчастными, а вы сами себя. Как не посмеяться над тобой диаволу, когда он видит, что ты еще прежде удара боишься опасности и трепещешь? Или лучше сказать, если для тебя так страшно опасение, то он даже не почтет нужным поражать тебя, но, предоставив обладать богатством, одним опасением потерять его сделает тебя мягче всякого воска. Мы, так сказать, уж от природы таковы, что, испытав что-нибудь, чего боимся, потом считаем это не так страшным, как раньше, до опыта. Потому, чтобы ты не приобрел и этой добродетели, диавол держит тебя в сильном страхе, истощая тебя, как воск на огне, опасением бедности прежде, нежели ты испытаешь ее на деле. Подлинно мягче всякого воска и несчастнее по жизни самого Каина тот, кто боится за то, что приобрел любостяжанием, скорбит о том, чего не имеет, и трясется над тем, что имеет, заключив у себя богатство, как неблагодарного раба, и сам будучи осаждаем разнообразными и постыдными страстями. Постыдное пожелание, разнообразный страх, беспокойство и трепет обуревают его со всех сторон, и он уподобляется кораблю, отовсюду гонимому противными ветрами и подвергающемуся частым треволнениям. Гораздо лучше было бы такому человеку умереть, нежели терпеть непрестанную бурю, подобно как и Каину лучше было бы умереть, нежели непрестанно трепетать.

Итак, чтобы и нам не потерпеть того же, будем противиться козням диавола, расторгать его сети, притуплять острие тяжкого копья его и заграждать ему всякий доступ к нам. Если ты будешь презирать любостяжание, то он не будет иметь места, где бы поразить тебя, не будет иметь возможности приступить к тебе, потому что ты исторгнул корень зла; а когда нет корня, то не произрастет и дурной плод. Мы постоянно говорим и не

перестанем говорить это; а имеют ли слова наши какой-нибудь успех, это покажет тот день, который откроется огнем, обнажит дела каждого и обнаружит, у кого светильники светлы и у кого не таковы. Тогда откроется, у кого есть елей и у кого нет. Впрочем, да не останется никто тогда чуждым этого утешения, но да окажутся все богатыми человеколюбием и, имея светлые светильники, войдут вместе с Женихом! Нет ничего страшнее и прискорбнее слов, которые услышат тогда от Жениха отходящие отсюда без щедрой милостыни: "**не знаю вас**" (Мф.25:12). Да не услышим мы этого, но да услышим сладчайшие и вожделеннейшие слова: "**приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**" (Мф.25:34). Таким образом мы станем жить блаженной жизнью и удостоимся всех благ, превосходящих самый ум человеческий, которых и да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь. ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 33

"Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится" (1Кор.13:4).

1. Доказав, что без любви нет большой пользы ни от веры, ни от знания, ни от пророчества, ни от дара языков, ни от дара исцелений, ни от других даров, ни даже от совершенной жизни и мученичества, (апостол) описывает, как и необходимо было, беспримерную красоту ее, украшая ее изображение, как бы какими-нибудь красками, различными родами добродетели и тщательно соединяя все его части. Потому, возлюбленный, будь внимателен к сказанному и вникни в каждое слово с великим тщанием, чтобы видеть и совершенство предмета и искусство живописца. Смотри, с чего он начал, и что поставил первой причиной всех благ. Что же именно? Долготерпение; оно – корень всякого любомудрия; потому и Премудрый говорит: "**у терпеливого человека много разума, а раздражительный выказывает глупость**" (Притч.14:29); и далее, сравнивая эту добродетель с крепким городом, говорит, что она крепче его. Это – несокрушимое оружие, непоколебимый столп, легко отражающий все нападения. Как искра, упавшая в море, не причиняет ему никакого вреда, но сама тотчас потухает, так все неожиданное, поражая долготерпеливую душу, скоро исчезает, а ее не возмущает. Долготерпение тверже всего; укажешь ли на войско, на деньги, на коней, на стены, на оружие, и на что бы то ни было, ничто не может сравниться с долготерпением. Кто обладает чем-нибудь подобным, тот часто бывает побежден гневом, падает, подобно слабому ребенку, и все наполняет шумом и смятением; а долготерпеливый, как бы пребывая в пристани, наслаждается глубоким спокойствием; причинишь ли ему вред, не подвинешь этого камня; нанесешь ли ему обиду, не потрясешь этого столпа; нанесешь ли ему удары, не сокрушишь этого адаманта; потому он и называется долготерпеливым (μακρόθυμος), что имеет как бы долгую и великую душу, а долгое называется и великим. Между тем эта добродетель рождается от любви, и тем, которые приобрели ее и пользуются ею, доставляет великую пользу. Не говори мне, что люди потерянные, делая (долготерпеливому) зло и не претерпевая за то зла, становятся хуже; это происходит не от его долготерпения, а от тех самих, которые пользуются им не так, как должно. Потому не говори мне о них, а вспомни о людях более кротких, которые получают оттого великую пользу; когда они, делая зло, не претерпевают за то зла, то, удивляясь терпению страждущего, получают величайший урок любомудрия. Впрочем, (апостол) не останавливается на этом, но присовокупляет еще другие совершенства любви: она, говорит, милосердствует. Так как есть люди, которые употребляют долготерпение не на собственное любомудрие, а на мщение тем, кто оскорбляет их, терзаясь внутри себя самих, то он говорит, что любовь не имеет и этого недостатка; потому и присовокупляет:

милосердствует. Любящие не для того поступают кротко с пламенеющими гневом, чтобы усилить пламень гнева, но чтобы укротить его и погасить, и не только мужественным терпением, но и угождением и увещанием врачуют рану и исцеляют язву гнева. Не завидует. Случается, что иной терпелив, но завистлив, отчего добродетель его теряет свое совершенство. Но любовь далека и от этого. Не превозносится, т. е. не поступает безрассудно. Она делает любящего благоразумным, степенным и основательным. Безрассудство свойственно людям, любящим постыдно; а любящий истинной любовью совершенно свободен от этого; когда нет в сердце гнева, то не может быть и безрассудства и дерзости; любовь, пребывая в душе, как бы какой-нибудь искусный земледелец, не допускает вырастать ни одному из этих терний. Не гордится. Мы видим, что многие гордятся самыми своими добродетелями, т. е. тем, что они не завистливы, не злы, не малодушны, не безрассудны; эти пороки соединены не только с богатством и бедностью, но и с самыми добрыми по природе качествами; а любовь совершенно очищает все. Заметь: долготерпеливый не всегда еще милосерд; если же он не будет милосердым, то его доброе качество становится пороком и может обратиться в памятозлобие; но любовь, доставляя врачество, т. е. милосердие, сохраняет добродетель чистой. Также милосердый часто бывает легкомыслен; но любовь исправляет и этот недостаток. "**Любовь**", говорит, "**не превозносится, не гордится**". Милосердый и долготерпеливый часто бывает гордым; но любовь истребляет и этот порок.

2. Смотри, как (апостол) представляет в похвалу ее не только то, что она имеет, но и то, чего не имеет: она, говорит, с одной стороны производит добродетели, с другой уничтожает пороки, или, лучше, не допускает им и зародиться. Не сказал: хотя у ней бывает зависть, но она побеждает зависть, или: хотя бывает гордость, но она укрощает эту страсть, а: "**не завидует, не превозносится, не гордится**"; и что особенно удивительно, она без усилий делает добро, без борьбы и сопротивления воздвигает трофей. Кто имеет ее, того она не заставляет трудиться, чтобы достигнуть венца, но без труда доставляет ему награду, потому что, где нет страсти, противоборствующей добродетельному расположению, там какой может быть труд? "**Не бесчинствует**" (ст.5). Что я говорю, продолжает (апостол), что она не гордится? Она так далека от этой страсти, что, и терпя крайние бедствия за любимого, не считает этого бесчестием. Не сказал опять, что хотя терпит бесчестие, но мужественно переносит его, а что даже нисколько не чувствует бесчестия. Если сребролюбцы, терпя всякого рода неприятности для своего прибытка, не только не стыдятся, но еще радуются, то тем более имеющий достохвальную любовь для блага любимых не откажется ни от чего подобного, и не только не откажется, но даже и не стыдится, когда терпит что-нибудь. Впрочем, чтобы нам не приводить в пример порочного дела, посмотрим в этом отношении на Христа, и увидим истину сказанного. Господь наш Иисус Христос подвергался оплеванию и бичеванию от жалких рабов, и не только не считал этого бесчестием, но еще радовался и вменял в славу; разбойника и человекоубийцу Он вместе с Собой прежде других ввел в рай, беседовал с блудницей, притом в присутствии всех обвинителей своих, и не считал этого постыдным, а даже позволил ей целовать Свои ноги, орошать слезами Свое тело и отирать волосами, и все это пред глазами врагов и противников, потому что любовь не бесчинствует. Поэтому и отцы, хотя бы они были мудрее и красноречивее всех, не стыдятся лепетать вместе с детьми, и никто из взирающих на это не осуждает их, а, напротив, это кажется настолько хорошим делом, что даже удостоивается похвалы; если опять дети бывают порочны, то они терпеливо стараются исправить их, наблюдают за ними, удерживают их от дурных поступков и не стыдятся, потому что любовь не бесчинствует, но как бы какими золотыми крыльями прикрывает все проступки любимых. Так и Ионафан любил Давида, а потому, выслушав слова отца: "**сыне девок**" блудниц, женовоспитанный[1] (1Цар.20:30), не устыдился, хотя слова исполнены великой укоризны; они именно означают следующее: сын блудниц, неистово пристрастных к мужчинам и предающихся всем проходящим,

изнеженный, слабый, не имеющий в себе ничего мужеского и живущий к бесчестию своему и родившей тебя матери. Что же? Огорчился ли он этим, устыдился ли и отстал ли от любимого? Совсем напротив, даже хвалился своей любовью; хотя (Саул) был тогда царем, Ионафан – сыном царя, а Давид – беглецом и скитальцем, но при всем этом он не стыдился своей любви, потому что любовь не бесчинствует. Подлинно, в ней достойно удивления то, что она не только не допускает скорбеть и огорчаться в случае обиды, но еще побуждает радоваться; потому и Ионафан после всего того, как бы получив венец, пошел и обнял Давида, потому что любовь не знает бесчестия и даже хвалится тем, чего другой стыдится. Для нее стыд – не уметь любить, или любя не подвергаться опасностям и не терпеть всего за любимых. Впрочем, когда я говорю: все, то не подумай, будто разумею и вредное, например, если бы кто стал помогать юноше в (преступной) любви к женщине, или просил бы сделать что-нибудь другое вредное. Такой человек не любит, как я доказал вам прежде примером египтянки. Тот только любит, кто любимому желает полезного; а кто не ищет добра, тот, хотя бы тысячу раз говорил, что любит, враждебнее всех врагов. Так некогда и Ревекка, будучи сильно привязана к сыну, решилась даже на воровство, не стыдилась и не опасалась быть обличенной, – а предстояла немалая опасность, – но даже, когда сын возражал ей, сказала: "**на мне пусть будет проклятие твое, сын мой**" (Быт.27:13).

3. Видишь ли в жене апостольскую душу? Как Павел, – если можно сравнивать малое с великим, – желал подвергнуться анафеме за иудеев, так и она решалась даже подвергнуться проклятию, только бы сын ее получил благословение. Благо она предоставляла ему, – так как сама не могла участвовать с ним в благословении, – а зло готова была принять на одну себя, и притом радовалась, спешила, тогда как угрожала опасность, и огорчалась медленностью дела, опасаясь, чтобы Исав, предварив Иакова, не сделал напрасным мудрое ее распоряжение. Потому и выражается кратко, побуждает юношу и, не опровергая слов его, высказывает мысль, достаточную для его убеждения; не сказала: ты напрасно говоришь это и напрасно боишься, отец твой стар и не имеет зрения, – но что? "**На мне пусть будет проклятие твое, сын мой**"; только не расстраивай дела, не выпускай добычи, не теряй сокровища. И сам Иаков не был ли работником в продолжение двух семилетий у своего родственника? Не подвергался ли кроме рабства еще осмеянию после обмана? Что же? Чувствовал ли он осмеяние, считал ли бесчестием для себя, что он, будучи свободным, происходя от свободных родителей и получив благородное воспитание, был рабом у своих родственников, тогда как это особенно и бывает оскорбительно, если кто терпит поношение от близких? Нет, – и причиной тому была любовь, которая даже делала для него долгое время кратким: "**они показались**", говорит (Писание), "**ему за несколько дней**" (Быт.29:20). Так он был далек от того, чтобы оскорбляться и стыдиться своего рабства! Потому справедливо говорит блаженный Павел: "**любовь не бесчинствует: не ищет своего, не раздражается**". Сказав: не бесчинствует, он показывает и то, каким образом она не терпит бесчестия. Каким же? Она не ищет своего. Любимый составляет для нее все, и она вменяет себе в бесчестие, когда не может избавить его от бесчестия, так что, если можно собственным бесчестием помочь любимому, то не считает и этого бесчестием для себя: любимый для него – то же, что сам он. Любовь такова, что любящий и любимый составляют уже не два отдельных лица, а одного человека, чего не может сделать ничто, кроме любви. Потому не ищи своего, чтобы тебе найти свое; кто ищет своего, тот не находит своего. Потому и Павел говорил: "**никто не ищи своего, но каждый пользы другого**" (1Кор.10:24). Польза каждого заключается в пользе ближнего, а польза ближнего в его пользе. Как закопавший собственное золото в доме ближнего, если не захочет сходить поискать и откопать его там, никогда не увидит его, так и здесь, кто не хочет в пользе ближнего искать собственной пользы, тот не получит венцов.

Бог устроил так для того, чтобы мы были привязаны друг к другу. Когда кто побуждает ленивое дитя следовать за братом, а оно не хочет делать этого само собой, то дает в руки брату что-нибудь любимое и приятное для дитяти, чтобы оно, желая получить это, следовало за ним, что действительно и бывает, – так и здесь полезное для каждого Бог даровал ближнему, чтобы мы имели общение друг с другом и не разделялись. Если хочешь, можешь видеть это и на нас – проповедующих: полезное для меня заключается в тебе, а полезное для тебя – во мне; например для тебя полезно знать угодное Богу; но это вверено мне, чтобы ты от меня получал это, а потому ты принужден прибегать ко мне; а для меня полезно, чтобы ты сделался лучшим, – я получу за то великую награду, – но это зависит от тебя: потому я имею нужду следить за тобой, чтобы ты сделался лучшим и таким образом я получил бы от тебя полезное для меня. Потому и Павел говорил: "**ибо кто наша надежда? Не и вы ли?**" (1Фес.2:19). И еще: вы "**наша надежда, и радость, и венец похвалы**" моей (ст.19). Итак, радостью Павла были ученики, а они радовались его радостью; потому он и плакал, когда видел погибающих. С другой стороны их польза заключалась в Павле; потому он и говорил: "**за надежду Израилеву обложен я этими узами**" (Деян.28:20). И еще: "**посему я все терплю ради избранных, дабы и они получили спасение**" (2Тим.2:10). То же можно видеть и в делах житейских: ни "**жена**", говорит (апостол), "**не властна над своим телом**", ни муж, но жена мужа, и муж жены (1Кор.7:4). Так и мы, когда хотим связать несколько людей между собой, делаем то же: не позволяем никому распоряжаться собой, но, составив из них цепь, заставляем одного зависеть от другого, а другого от третьего. Не то же ли можешь видеть и в правительстве? Судья садится судить не для себя самого, а для пользы ближнего; подчиненные угождением, послушанием и всеми другими способами доставляют пользу начальству; воины для нас берут оружие, потому что за нас подвергаются опасностям; а мы трудимся для них, потому что от нас они получают содержание.

4. Если ты скажешь, что каждый поступает так, ища собственной пользы, то и я говорю то же, – только собственная польза достигается посредством чужой. Если бы воин не сражался за тех, которые доставляют ему содержание, то никто не оказывал бы ему этой услуги; и наоборот, если бы они не доставляли содержания воину, то никто не стал бы защищать их. Видишь ли, как любовь простирается на все и устрояет все? Но не поленись рассмотреть всю эту золотую цепь. Сказав: "**не ищет своего**", (апостол) опять говорит о благах, происходящих от любви. Какие же это блага? "**Не раздражается, не мыслит зла**". Смотри опять, как она не только истребляет пороки, но даже не дозволяет им получить начало. Не сказал: хотя раздражается, но преодолевает раздражение, а: "**не раздражается**": не сказал также: не делает зла, но: "**не мыслит**"; не только не совершает, но даже и не замышляет ничего худого против любимого. И действительно, как она может делать зло, или раздражаться, когда не допускает даже худой мысли? А здесь и есть источник любви. "**Не радуется неправде**" (ст.6), то есть, не радуется, когда другие терпят зло; и не только это, но есть в ней и гораздо большее: "**а сорадуется истине**", то есть, радуется о тех, которые благоустроены в жизни, как говорит Павел: "**радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими**" (Рим.12:15). Потому она и не завидует, потому и не гордится: блага других она признает своими. Видишь ли, как любовь делает питомца своего почти ангелом? Если он не имеет гнева, чист от зависти и свободен от всякой пагубной страсти, то очевидно, что он уже выше природы человеческой и достиг бесстрастия ангелов. Впрочем (Павел) не довольствуется этим, но находит сказать еще нечто большее; важнейшее он всегда излагает после. Любовь, говорит, "**все покрывает**" (1Кор.13:7), по своему долготерпению и кротости, что бы ни случилось прискорбное и тяжкое, хотя бы то были обиды, хотя бы побои, хотя бы смерть, или что-нибудь подобное. Это также можно усмотреть из примера блаженного Давида. Что может быть тяжелее, как видеть сына, возмутившегося, ищущего властн и жаждущего крови своего отца? Но блаженный (Давид) перенес и это, не хотел даже произнести укоризненного слова против

отцеубийцы, а, предоставив все прочее военачальникам, повелел сохранить его жизнь: так крепко было у него основание любви! Потому и (говорит апостол): "**все покрывает**". Этими словами он выражает силу любви, а дальнейшими доброту ее: "**всего**", говорит, "**надеется, всему верит, все переносит**". Что значит: "**всего надеется**"? Не отчаиваясь ожидает от любимого человека всего доброго, и хотя бы он был худ, не перестает исправлять его, пещись и заботиться. "**Всему верит**": не просто надеется, но с уверенностью, потому что сильно любит; и хотя бы сверх чаяния не происходило добра, и даже любимый становился бы еще хуже, она переносит и это: все, говорит, переносит. "**Любовь никогда не перестает**" (ст.8). Видишь ли, чем он завершил и что особенно превосходно в этом даре? Что именно значит: "**никогда не перестает**"? Не прекращается, не ослабевает оттого, что терпит, потому что любит все. Кто любит, тот никогда не может ненавидеть, что бы ни случилось: в этом величайшее благо любви. Таков был Павел; потому он и говорил: "**не возбужу ли ревность в сродниках моих по плоти**" (Рим.11:14), и не переставал надеяться; и Тимофея увещевал так: "**рабу же Господа не должно ссориться, но быть приветливым ко всем, учительным, незлобивым, с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины**" (2Тим.2:24-25). Как, скажешь, неужели не должно ненавидеть даже врагов и язычников? Должно ненавидеть, но не их, а их учение, не человека, а порочную жизнь и развращенную волю. Человек есть дело Божие, а заблуждение – дело диавола. Потому не смешивай Божьего с диавольским. Иудеи хулили, гнали, оскорбляли Христа и говорили о Нем много злого, но ненавидел ли их Павел, который любил Христа более всех? Нет; напротив, он любил их и делал все для них; то он говорил: "**желание моего сердца и молитва к Богу**" о них "**во спасение**" (Рим.10:1); то: "**я желал бы сам быть отлученным от Христа**" за них (Рим.9:3). Так и Иезекииль, видя погибель их, говорил: "**о, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля?**" (Иез.9:8). И Моисей также говорил: "**прости им грех их**" (Исх.32:32). Почему же Давид говорит: "**мне ли не возненавидеть ненавидящих Тебя, Господи, и не возгнушаться восстающими на Тебя? Полною ненавистью ненавижу их: враги они мне**" (Пс.138:21-22). Не все в псалмах Давидовых сказано самим Давидом; так в них говорится: "**живу у шатров Кидарских**" (Пс.119:5); и еще: "**при реках Вавилона, там сидели мы и плакали**" (Пс.136:1), – между тем он сам не видал ни Вавилона, ни селений Кидарских. С другой стороны, от нас (христиан) требуется ныне высшее любомудрие; так, когда ученики просили, чтобы сошел огонь, как во время Илии, то Христос сказал: "**не знаете, какого вы духа**" (Лк.9:55).

5. Тогда иудеям заповедано было ненавидеть не только нечестие, но и самих нечестивых, чтобы дружба с ними не послужила им поводом к беззаконию; потому им запрещено было вступать в родственные связи с язычниками и смешиваться с ними, и со всех сторон поставлены были между ними преграды; но теперь, когда (Бог) привел нас к высшему любомудрию и поставил выше подобной опасности, то заповедует входить в общение и беседовать с ними, потому что нам от них нет вреда, а им от нас бывает польза. Что же, скажешь, делать? Должно не ненавидеть, а оказывать милость; ведь, если ты будешь ненавидеть, то как можешь обратить заблуждающегося, как будешь молиться за неверного? А что надобно молиться за него, о том, послушай, как говорит Павел: "**итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков**" (1Тим.2:1); но тогда не все были верующими, как всякому известно. И далее: "**за царей и за всех начальствующих**" (ст.2); но они были нечестивые и беззаконные, как тоже известно. Потом, показывая причину, почему нужно молиться, присовокупляет: "**ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины**" (ст.3-4). Потому же, когда случится язычнице-жене быть в супружестве с верующим, он не расторгал брака; между тем что ближе мужа к жене? "**Будут**", говорит (Писание), "**одна плоть**" (Быт.2:24), и оттого бывает между

ними великая любовь и горячая привязанность. Если мы станем ненавидеть нечестивых и беззаконных, то, простираясь далее, будем ненавидеть и грешников; а идя таким путем, мало-по-малу отделимся от большей части братий, или, лучше, от всех, потому что нет никого без греха. Если должно ненавидеть врагов Божиих, то должно ненавидеть не только нечестивых, но и грешников; а в таком случае мы будем хуже зверей, отвращаясь от всех и надмеваясь гордостью, подобно фарисею. Но Павел заповедал не так, – а как? "**Вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем**" (1Фес.5:14). Как же, скажешь, он говорит: "**если же кто не послушает слова нашего в сем послании, того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним**" (2Фес.3:14)? Правда, это сказано о братиях; но не просто, а тоже с кротостью; не оставляй без внимания и последующего, прибавь и то, что сказано далее. А именно, сказав: "**не сообщайтесь**", он присовокупил: "**но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата**" (ст.15).

Видишь ли, как он повелевает ненавидеть худое (дело), а не человека? Дело диавола – отторгать нас друг от друга; он сильно старается истребить любовь, чтобы пресечь путь к исправлению, и удержать его в заблуждении, а тебя во вражде, и таким образом заградить ему путь ко спасению. Если врач будет ненавидеть и убегать больного, а больной отвращаться от врача, то может ли больной выздороветь, когда он не будет призывать врача, и врач не будет приходить к нему? Почему же, скажи мне, ты отвращаешься и убегаешь от него? Потому ли, что он нечестив? Но потому и надобно приходить и врачевать, чтобы восстановить больного. Хотя бы он страдал неисцельной болезнью, тебе повелено делать свое дело. Иуда также одержим был неисцельной болезнью, но Бог не переставал врачевать его; потому и ты не ослабевай. Хотя бы при всем старании ты не мог освободить его от нечестия, все же ты получишь награду, как бы освободил его, и расположишь его удивляться твоей кротости, и таким образом всячески прославится Бог. Хотя бы ты творил чудеса, хотя бы воскрешал мертвых, хотя бы делал что-нибудь другое подобное, язычники никогда не будут удивляться тебе столько, сколько видя тебя кротким, добрым и обходительным; а это немаловажное дело, потому что таким образом многие могут наконец отстать от порока. Ничто не может привлекать так, как любовь. Из-за другого, то есть знамений и чудес, могут завидовать тебе, а из-за нее (любви) станут удивляться и любить, любя же примут мало-по-малу и истину. Впрочем, если (язычник) и нескоро сделается верующим, ты не удивляйся, не спеши, не требуй всего вдруг, но пусть он пока хвалит, любит, а потом мало-по-малу дойдет и до этого. Но чтобы ты видел ясно, насколько это важно, послушай, как сам Павел оправдывался, представ пред неверным судьей: "**почитаю себя счастливым**", говорил он, "**что сегодня могу защищаться перед тобою**" (Деян.26:2), говорил не из лести, – нет, – но желая достигнуть пользы кротостью; и отчасти достиг, пленил судью тот, кто был подсудимым, и эту победу провозгласил сам плененный, сказав громким голосом в присутствии всех: "**ты немного не убеждаешь меня сделаться христианином**" (Деян.26:28).

6. Что же Павел? Он еще более распростирает сеть и говорит: "**молил бы я Бога, чтобы не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз**" (ст.29). Что говоришь ты, Павел: кроме уз? Какое же ты будешь иметь дерзновение, если стыдишься их, избегаешь, и притом пред таким множеством народа? Не хвалишься ли ты ими везде в посланиях, называя себя узником и везде указывая нам на эти узы, как на диадему? Почему же ныне уклоняешься от уз? Не уклоняюсь, говорит, и не стыжусь, но снисхожу к слабости других, потому что они еще не могут принять того, чем я хвалюсь; а я научился у Владыки моего не приставлять заплаты новой к одежде старой (Мф.9:16); потому я и сказал так. Они еще худо понимают наше учение и враждуют против креста; следовательно, если я приложу еще узы, то ненависть их еще более увеличится; потому я и отделил их, чтобы сделать удобоприемлемым учение. Для

них кажется позорным делом быть связанным, потому что они еще не вкусили нашей славы; потому надобно быть снисходительным. Когда они научатся любомудрствовать, тогда познают красоту цепей и славу уз. Беседуя с другими, он называет страдания даром благодати: "**вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него**" (Флп.1:29); а в настоящем случае надлежало желать только того, чтобы слушатели не стыдились креста; потому он и простирается вперед постепенно. Когда кто-нибудь вводит другого в царские чертоги, то не показывает ему внутренних комнат прежде, нежели он рассмотрит передние и внешние, потому что иначе не покажутся ему (чертоги) удивительными, если он, простираясь внутрь, не узнает всего. Так и мы будем обращаться с язычниками, снисходительно, с любовью; она – великая наставница; она может и отклонить от заблуждения, и исправлять нравы, и приводить к любомудрию, и из камней делать людей. Если ты хочешь знать силу ее, то представь человека робкого, боязливого и трепещущего пред тенью, или гневливого, грубого и похожего более на зверя, нежели на человека, или похотливого, сластолюбивого и преданного всем порокам, и отдай его в руки любви, введи его в это училище, и скоро увидишь, как этот боязливый и робкий сделается мужественным, великодушным и отважным на все; и, что всего удивительнее, это произойдет не потому, чтобы изменилось существо его, но потому, что любовь обнаруживает свою силу в самой робкой душе; здесь бывает то же, как если бы кто, сделав меч не из железа, а из свинца, и не изменяя существа свинца, довел его до возможности делать то же, что и железо. Смотри: Иаков был человек скромный, сидел дома, не знал трудов и опасностей, проводил жизнь спокойную и беззаботную и, как девица в тереме, так и он большей частью оставался хранить дом свой, а от торжища, от всякого шума и всего, бывающего на торжище, удалялся и постоянно жил вдали от хлопот и беспокойств. Что же? Когда огонь любви воспламенил его, этого скромного и не выходившего из своего дома человека, то, смотри, как он сделался смел и трудолюбив; послушай об этом не от меня, а от самого патриарха. Укоряя тестя, он говорит: "**вот, двадцать лет я был у тебя**" (Быт.31:38). И в каком положении был он двадцать лет? "**Я томился**", присовокупляет он, "**днем от жара, а ночью от стужи, и сон мой убегал от глаз моих**" (ст.40). Таков был муж скромный, не выходивший из своего дома и проводивший прежде спокойную жизнь. А что он был робок, видно из того, что он, ожидая свидания с Исавом, смертельно боялся. Потом, смотри, как тот же боязливый сделался от любви отважнее льва: став впереди всех, как бы какой-нибудь оплот, он готов был первый встретить жестокого и дышащего, как он думал, убийством человека, и собственным телом защитить жен своих; кого боялся и страшился, с тем первый хотел ратоборствовать, потому что любовь к женам была сильнее страха. Видишь ли, как робкий вдруг сделался отважным не потому, чтобы переменил нрав свой, но потому, что был укреплен любовью? Он был робок и после, как видно из того. что он переходил с места на место. Впрочем пусть никто не думает, что это сказано в укоризну праведнику; робость – не порок; она происходит от природы, предосудительно лишь делать что-нибудь непристойное по робости. Можно и робкому по природе сделаться мужественным по благочестию. Каков был Моисей? Не убоялся ли он одного египтянина, не убежал ли и не удалился ли за пределы (Египта)? Между тем этот беглец, не перенесший угрозы одного человека, после того, как вкусил сладость любви, смело и без всякого принуждения готов был погибнуть с возлюбленными: "**прости им**", говорил он, оставиши "**грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал**" (Исх.32:32). С другой стороны, что любовь делает жестокого кротким и невоздержного целомудренным, на это нет нужды приводить и примеров; это всем известно. Хотя бы кто был свирепее всякого зверя, от любви он делается смиреннее всякого агнца. Кто например был свирепее и неистовее Саула? Но когда дочь его отпустила врага его, он не сказал ей даже грубого слова; убивший за Давида почти всех священников, узнав, как дочь выпустила его из дома, не оскорбил ее даже словом, тогда как хитрость употреблена была против него самого; это потому, что он был удержан сильнейшей уздой – любовью (к

дочери). Делая кроткими, любовь точно также делает людей и целомудренными; кто любит свою жену так, как должно любить, тот, хотя бы был крайне сластолюбив, из любви к ней не станет смотреть на другую: "**крепка**", говорит (Писание), "**как смерть, любовь**" (Песн.8:6). Следовательно, распутство происходит не от чего иного, как от недостатка любви. Итак, если любовь есть виновница всякой добродетели, то будем насаждать ее со всем тщанием в душах своих, чтобы она принесла нам многие блага, и чтобы нам постоянно собирать обильные плоды ее, всегда цветущие и никогда не увядающие; тогда достигнем и вечных благ, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Греч. υιε κορασιων αυτομολουντων="сыне девок перебежчиц" – слово "женовоспитанный" отсутствует; здесь просматривается намек на похищение жен-иноплеменниц коленом Вениаминовым (Суд.21). В синод. пер. "сыне негодный и непокорный"

БЕСЕДА 34

"Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится" (1Кор.13:8).

1. Доказав превосходство любви тем, что в ней имеют нужду и дарования и житейские подвиги, исчислив все ее совершенства и показав, что она есть основание истинного любомудрия, (апостол) еще с иной – третьей – стороны показывает ее достоинство. Он делает это как для убеждения считавших себя униженными, что они могут получить самое главное знамение и иметь нисколько не менее тех, которые получили дарования, и даже гораздо более их, если имеют любовь, так и для смирения имевших великие дарования и тем гордившихся и для внушения им, что они не имеют ничего, если не имеют любви. Таким образом они должны были бы любить друг друга, как скоро уничтожились между ними зависть и гордость, а любя друг друга, они далеко отогнали бы от себя эти страсти, потому что "**любовь не завидует, не гордится**". Так он оградил их со всех сторон несокрушимой стеной и разнообразными побуждениями к единодушию, которое истребляет все болезни и само оттого приобретает большую силу. Потому он и привел множество доказательств, которые могли утешить их в скорби: тот же, говорит, Дух дает, и дает на пользу, и разделяет как Ему угодно, и разделяет по благодати, а не по долгу; хотя ты получил мало, но и ты входишь в состав тела и также пользуешься великой честью; получивший больше имеет нужду в тебе, получившем меньше; а величайшее дарование и превосходнейший путь есть любовь.

Этими словами он хотел соединить их друг с другом двояким образом, – той мыслью, что при любви они не ниже других, и той, что прибегающие к ней и содержащие ее в себе уже не подвергаются никаким слабостям человеческим, как потому, что имеют корень дарований, так и потому, что уже не могут завидовать другим, хотя бы сами не имели ничего; кто однажды пленен любовью, тот чужд зависти. Потому, показывая им, какие блага они получают от любви, и изображая плоды ее, он самыми похвалами ей облегчает их болезни; каждое слово его служит достаточным лекарством для исцеления их ран. Так: "**долготерпит**", говорит он, против имеющих распри друг с другом; "**милосердствует**" – против несогласных и тайно враждующих между собой; "**не завидует**" – против завидующих имеющим больше их; "**не превозносится**" – против разделившихся; "**не**

гордится" – против тщеславных; "**не бесчинствует**" – против не хотящих снисходить к другим: "**не ищет своего**" – против презирающих других; "**не раздражается, не мыслит зла**" – против оскорбляющихся обидами; "**не радуется неправде, а сорадуется истине**" – опять против завидующих; "**все любит**" – против огорчающихся наветами; "**всего надеется**" – против отчаивающихся; "**все терпит, никогда не перестает**" – против тех, которые легко впадают во вражду. Когда таким образом со всех сторон и со всей силой он показал величие любви, тогда делает то же с другой важнейшей стороны, превозносит ее достоинство посредством другого сравнения и говорит: "**хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут**". Если эти два дара были ниспосланы для веры, то с распространением ее повсюду употребление их уже излишне. Но любовь друг к другу не прекратится, а еще более будет возрастать и здесь и в будущем веке, и тогда еще более, нежели теперь. Здесь многое ослабляет любовь, – деньги, (житейские) дела, телесные страсти, душевные болезни; а там не будет ничего такого. Впрочем, в том, что упразднятся пророчества и языки, нет ничего удивительного; а что упразднится знание, это кажется странным, а он именно и присовокупил: "**и знание упразднится**". Как? Неужели мы тогда будем жить в неведении? Нет, тогда-то в особенности и должно увеличиться знание, как и он сказал: "**тогда познаю, подобно как я познан**" (ст.12). Потому, чтобы ты не подумал, что и оно упразднится подобно пророчествам и языкам, он, после слов: "**и знание упразднится**", не остановился, но показал и способ упразднения, тотчас присовокупив: "**отчасти знаем, и отчасти пророчествуем**". "**Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится**" (ст.9-10). Следовательно, упразднится не знание, а неполнота знания, потому что мы будем знать не только это, но и гораздо большее. Так, – поясню это примером, – теперь мы знаем, что Бог существует везде, но как, не знаем; знаем, что Он сотворил все существующее из ничего, а каким образом, не знаем; знаем, что Он родился от Девы, а как, не знаем. Тогда же узнаем об этом более и яснее. Потом он показывает и то, какое различие (между тем и другим знанием), и что (теперь) недостает не мало: "**когда**", говорит, "**я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое**" (ст.11). И далее объясняет то же другим примером: "**теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло**" (ст.12).

2. Далее, так как тусклое стекло все же несколько представляет видимый предмет, он присовокупляет: "**гадательно**", чтобы показать, что настоящее знание в высшей степени неполно. "**Тогда же лицом к лицу**", – не потому, будто Бог имеет лицо, но чтобы выразить яснее и удобопонятнее. Видишь ли, как возрастут все наши познания? "**Теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан**". Видишь ли, как он двояким образом смиряет гордость их, – тем, что знание неполно, и тем, что даже и такое знание они имеют не сами от себя? Не я, говорит, познал Его, но Он сам познал меня. Как Он сам наперед познал меня теперь и сам снизошел ко мне, так и я достигну до Него тогда гораздо больше, нежели теперь. Сидящий во мраке, прежде нежели увидит солнце, не сам приходит к прекрасным лучам его, но они являют ему себя, когда засияют; а когда он примет сияние их, тогда уже и сам стремится к свету. Такой же смысл в словах: "**подобно как я познан**", – не тот, будто мы познаем Его так, как Он нас, но как Он сам снизошел к нам ныне, так и мы достигнем до Него тогда, узнаем многое такое, что ныне сокровенно, и сподобимся блаженнейшей беседы и премудрости. Если же Павел, знавший столько, был младенцем, то представь, каково (будущее знание); если (настоящее есть) тусклое стекло и гадание, то пойми отсюда, каково самое лицо. Чтобы хотя немного объяснить тебе это различие и ввести в душу твою хотя некоторый луч разумения этого предмета, припомни теперь, когда воссияла благодать, о временах подзаконных. До благодати тогдашнее казалось чем-то великим и удивительным; но после благодати, послушай, что говорит о том Павел: "**то прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы**" (2Кор.3:10). Но чтобы сказанное мной сделалось

еще более ясным, возьмем какое-нибудь одно из тогдашних священнодействий, и ты увидишь различие; представим, если хочешь, пасху ветхозаветную и новозаветную, и ты поймешь преимущество (последней пред первой). Иудеи совершали ее, но совершали как бы в зеркале и гадании; неизреченных же тайн они даже и на уме никогда не имели, и не знали, что прообразовали их действия; они видели закланного агнца, кровь бессловесного и помазанные ею двери; а что воплотившийся Сын Божий будет заклан, избавит всю вселенную, даст в снедь грекам и варварам Кровь Свою, отверзет для всех небо, предложит тамошние блага человеческому роду, вознесет окровавленную плоть выше неба и неба небес и вообще выше всех горних воинств – ангелов, архангелов и прочих сил, и посадит ее на самом царском престоле одесную Отца в сиянии неизреченной славы, – этого никто из них и даже никто из других людей не знал тогда и не мог представить в уме своем. Но что говорят люди, дерзкие на все? Говорят, будто слова: "**теперь знаю я отчасти**", сказаны (апостолом) о делах домостроительства; а о Боге будто бы имел он совершенное знание. Как же он называет себя младенцем, как – видящим в зеркале и гадании, если он имел полное знание? Почему он приписывает такое знание исключительно Духу и никакой другой сотворенной силе, когда говорит: "**ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия**" (1Кор.2:11)? И Христос также приписывает это Себе одному, когда говорит: "**это не то, чтобы кто видел Отца, кроме Того, Кто есть от Бога; Он видел Отца**" (Ин.6:46), называя видением самое ясное н совершенное знание. И как знающий существо (Божие) может не знать дел домостроительства Его? Ведь знание первого выше последнего. Следовательно, скажут, мы не знаем Бога? Нет, мы знаем, что Он есть, но не знаем, что такое Он по существу Своему. Чтобы тебе убедиться, что слова: "**теперь знаю я отчасти**", (апостол) сказал не о делах домостроительства, выслушай, что далее он присовокупил: "**а тогда познаю, подобно как я познан**"; а он познан не делами домостроительства, но Богом. Итак, пусть никто не считает этого преступления маловажным и незначительным, но двойным, тройным и многократным, потому что безрассудно не только то, что они хвалятся знанием, свойственным одному Духу н единородному Сыну Божию, но и то, что они считают себя достигшими всего посредством собственных умствований, тогда как и Павел не мог даже этого разумения отчасти иметь без откровения свыше; и не могут они указать, чтобы в Писании где-нибудь было сказано нам об этом. Впрочем, оставим их безумие и перейдем к последующим словам о любви. Не довольствуясь вышесказанным, (апостол) присовокупляет: "**а теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше**" (ст.13).

3. Вера и надежда прекращаются, когда являются блага, составляющие предмет веры и надежды. Павел объяснил это, когда сказал: "**надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо если кто видит, то чего ему и надеяться?**" (Рим.8:24). И еще: "**вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом**"[1] (Евр.11:1). Потому они прекращаются, когда те являются; а любовь тогда особенно и возрастает и делается сильнейшей. Вот новая похвала любви. Не довольствуясь прежде сказанным, (апостол) старается найти в ней еще нечто иное. Смотри: он сказал. что любовь есть великий дар и превосходнейший путь к дарам; сказал, что без нее дарования не приносят большой пользы; начертал ее образ обильно; а теперь хочет иначе возвысить ее и показать величие ее тем, что она не прекращается. "**А теперь**", говорит, "**пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше**". Почему же любовь больше? Потому, что те проходят. Если же такова сила любви, то он справедливо далее присовокупляет: гонитесь за любовью (14:1); нужно гнаться и сильно стремиться к ней: так она улетает от нас, и столько препятствий стремлению к ней! Потому нам нужны великие усилия, чтобы достигнуть ее. Чтобы выразить это, Павел не сказал: ищите любви, но: гонитесь за ней, побуждая нас и воспламеняя к ее достижению. И Бог от начала принимал множество мер,

чтобы насадить ее в нас. Он даровал всем нам одну главу – Адама. Для чего все мы не происходим из земли? Для чего не (происходим) совершенными, как он? Для того, чтобы рождение, воспитание и происхождение друг от друга привязывали нас друг к другу. Потому Он не сотворил и жены из земли. Так как единства природы было бы недостаточно для побуждения нас к единодушию, если бы мы не имели одного прародителя, то Он сделал и это. Если мы ныне, разделяясь одними только местами, чуждаемся друг друга, то тем более было бы так, если бы род наш имел два начала. Потому Он и соединил как бы одной главой все тело человеческого рода. И так как в начале, по-видимому, было два лица, то смотри, как Он опять соединил их и совокупил в одно посредством брака: "**потому**", сказал Бог, "**оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть**" (Быт.2:24). Не сказал: жена, но: человек, потому что в нем привязанность бывает сильнее; а сильнейшей сделал ее для того, чтобы силой этой любви превосходнейшее существо преклонить и привязать к слабейшему. Так как надлежало установить и брак, то Он сделал жене мужем того, от кого она произошла. Для Бога все ниже любви. Если и при этом первый человек скоро впал в такое безумие и диавол посеял такую вражду и зависть, то чего не сделалось бы, если бы они происходили не от одного корня? Далее, устраивая, чтобы один повиновался, а другой повелевал, – так как равенство чести часто производит вражду, – Он учредил не народное правление, но царское, и подобно как в войске, такой же порядок можно видеть в каждом доме. Муж занимает место царя; жена – место правителя и военачальника; дети получили власть третьей степени; затем власть четвертой степени принадлежит рабам, – потому что и они имеют власть над низшими, и часто который-нибудь один бывает поставлен над всеми, заменяя господина, будучи, впрочем сам рабом; потом и между ними опять есть еще другие степени власти: иная у жен, иная у детей, и у самих детей также различные, сообразно с возрастом и полом, потому что и у детей женский пол имеет власть неодинаковую (с мужским). Везде Бог устроил степени и разнообразие власти, чтобы все пребывало в единодушии и великом согласии. Потому и прежде размножения рода нашего, когда были только два первых человека, Он повелел одному начальствовать, а другой подчинятъся. Чтобы (первый) не стал презирать и не отверг (последней), как низшей, смотри, как Бог почтил и соединил ее с ним еще прежде сотворения: "**сотворим ему помощника**" (Быт.2:18), сказал Он, выражая, что она сотворена для его пользы, и таким образом соединяя его с тою, которая для него сотворена, так как мы бываем особенно расположены к тому, что сделано для нас. Чтобы опять не стала превозноситься она, как назначенная в помощь ему, и не расторгла этих уз, Бог сотворил ее из ребра его, внушая, что она есть часть целого тела. А чтобы и муж не стал превозноситься этим, дальнейшее Он не предоставил ему одному, как принадлежало ему одному предыдущее, но сделал противное тому, устроив деторождение, в котором хотя отдал предпочтение мужу, однако не все предоставил ему.

4. Видишь ли, сколько Бог устроил уз любви? Во всем этом заключаются естественные залоги единодушия. Подлинно, к нему приводит единство природы, – так как "**всякое животное любит подобное себе**" (Сир.13:19), – происхождение жены от мужа, и детей от них обоих. Отсюда происходят многие роды любви: одного мы любим как отца, другого как деда, одну как мать, другую как кормилицу, одного опять как сына, внука, или правнука, другую как дочь, или внуку, одного как брата, другого как племянника, одну как сестру, другую как племянницу. Впрочем для чего исчислять все виды родства? (Бог) употребил и другое побуждение к любви: запретив браки между родственниками, Он обратил нас к чужим, а их расположил к нам. Так как они не соединены с нами естественным родством, то Он соединил иначе – посредством брака, совокупляя посредством одной невесты целые дома и сводя целые роды с родами. Не бери в жены, сказал Он, сестры твоей, ни сестры отца, ни иной девицы, имеющей с тобою такое родство, которое препятствует браку, – перечислив поименно виды подобного родства

(Лев.18). Довольно для любви твоей к ним того, что ты родился из одной с ними утробы, или связан с ними другим образом. Для чего же и стеснять широту любви? Для чего более надлежащего усиливать расположение к любви здесь, тогда как можешь получить иной повод к любви, взяв жену из чужих и с нею ряд родственников, – мать, отца, братьев и их ближних? Видишь ли, сколь многими способами (Бог) соединил нас? Но Он не удовольствовался и этим, а устроил еще, что мы имеем нужду друг в друге, чтобы и таким образом соединить нас, так как нужда особенно производит общение. Для того Он не попустил, чтобы все находилось всюду, чтобы и этим заставить одних иметь общение с другими. Устроив так, что мы имели нужду друг в друге, Он сделал также и сношения удобными. Если бы этого не было, то опять возникли бы неприятности и затруднения; если бы например имеющий нужду во враче, плотнике или другом ремесленнике должен был совершать далекое путешествие, то все погибло бы. Потому Он и устроил города, и собрал всех вместе. А чтобы и к живущим далеко мы могли отправиться удобно, Он распростер между (городами) море и послал быстрые ветры, сделав таким образом сообщения удобными. В начале же Он поселил всех в одном месте и рассеял не прежде, как первые люди, получившие этот дар, злоупотребили согласием. Так Он соединил нас всеми способами – и природой, и родством, и языком, и местом! Он не хотел, чтобы мы лишились рая, – ведь, если бы хотел, то не поселил бы в нем первозданного человека, – но виновен в том нарушивший заповедь; не хотел также, чтобы мы были разноязычными, – а иначе сделал бы это в начале, – но тогда "**на всей земле был один язык и одно наречие**" (Быт.11:1). Поэтому и когда надлежало истребить живущих на земле, Он даже тогда не создал нас из другого вещества и не переселил (на небо) праведника, но, оставив его среди потопа, как бы какую искру вселенной, опять возжег род наш от блаженного Ноя. В начале Он установил одну власть, поставив мужа над женой; но когда род наш пришел в великое расстройство, то Он учредил и другие (власти) – господ, правителей; и это также для любви. Злоба развращала и погубляла род наш, – потому Он посадил среди городов судей, как бы каких врачей, чтобы они, истребляя злобу, как бы какую заразу любви, собирали всех в одно. А чтобы не только в городах, но и в каждом доме было великое согласие, Он почтил мужа властью и преимуществом, а жену вооружил страстью, и между обоими поставил дар чадородия, употребив кроме того и другие связи любви. Не все Он предоставил мужу, и не все – жене, но все разделил между обоими, вручив ей дом, а ему торжище, предоставив ему снискивать пропитание, – он именно возделывает землю, – а ей устраивать одежду, – именно пряжа и ткание дело жены, ей дал Он искусство прясть. Но да погибнет сребролюбие, нарушающее такой порядок! Изнеженность многих обратила и мужей к пряже и дала им в руки ткацкие челноки, уток и кросна. Впрочем и при этом сияет промышление божественного домостроительства. И жена весьма нам нужна в других вещах необходимейших, и низшие нужны нам для поддержания нашей жизни: потребность эта такова, что хотя бы кто был богаче всех людей, однако не может чуждаться общения с другими и не нуждаться в беднейшем. Не только бедные имеют нужду в богатых, но и богатые в бедных, и первые даже более в последних, нежели последние в первых.

5. Чтобы тебе видеть это яснее, построим, если угодно, два города, один состоящий из богатых, а другой – из бедных; пусть в городе богатых не будет ни одного бедного, а в городе бедных ни одного богатого человека; отделим тщательно один от другого и посмотрим, который из них более будет в состоянии удовлетворить себе. Если найдем, что город бедных может сделать это, то очевидно, что богатые более будут нуждаться в них. В городе богатых не будет ни одного ремесленника, ни строителя, ни плотника, ни сапожника, ни хлебопекаря, ни земледельца, ни кузнеца, ни веревочника, – ни одного из подобных людей. Да и кто из богатых захочет когда-нибудь приняться за такие дела, если и сами занимающиеся ими, когда разбогатеют, не переносят трудностей таких работ? Как же будет существовать этот город? За деньги, скажешь, богатые купят все это у бедных?

Следовательно, они не удовлетворяют сами себе, если нуждаются в бедных. Как они будут строить дома? Или купят и их? Но это невозможно по существу дела. Потому необходимо пригласить сюда ремесленников и нарушить закон, который мы постановили вначале, когда населяли город; помните, мы сказали, чтобы не было в нем ни одного бедного. Но вот нужда, против нашей воли, призвала и поселила их здесь. Отсюда видно, что городу невозможно существовать без бедных; и если город будет продолжать не принимать никакого из них, то он уже не будет городом и погибнет. Итак, он не удовлетворит себе, если не соберет у себя бедных, как бы каких спасителей. Посмотрим теперь на город бедных, будет ли и он так нуждаться, лишившись богатых. Но наперед определим богатство и объясним, в чем оно состоит. Что же такое – богатство? Золото, серебро, драгоценные камни, шелковые, пурпуровые и золотые одежды. Объяснив, что такое богатство, извергнем его из города бедных, если хотим устроить чисто город бедных; пусть здесь даже во сне не видится золото и золотые одежды, а если хочешь, то и серебро и серебряные вещи. Что же, скажи мне, в нужде ли будут жить обитатели этого города? Нет. Нужно ли построить дом, для этого требуется не серебро, золото и жемчуг, но искусство и руки, и не просто руки, а мозолистые, пальцы заскорузлые, великая сила, дерево и камни; нужно ли выткать одежду, для этого опять требуется не золото и серебро, но руки, искусство и способные к работе женщины; нужно ли копать и возделывать землю, для этого также кто нужен – богатые или бедные? Очевидно, что бедные. Если надобно будет ковать железо, или делать что-нибудь другое подобное, для этого особенно требуется нам такой народ. Когда же нам могут быть нужны богатые? Уж не тогда ли, когда бы потребовалось разрушить город? Подлинно, если с их появлением эти любомудрые люди, – любомудрыми я называю тех, которые не ищут ничего лишнего, – впадут в страсть к золоту и жемчугу, предадутся праздности и роскоши, то они погубят все. Если же, скажешь, богатство бесполезно, то для чего оно дано Богом? А откуда известно, что богатство от Бога? Писание, скажешь, говорит: "**Мое серебро и Мое золото**", и кому хочу, дам его (Агг.2:8). Здесь, если бы не было стыдно, я засмеялся бы громким смехом, в посмеяние говорящих это; как малые дети, сидящие за царской трапезой, вместе с такой пищей кладут в рот все, что случится, так и они, вместе с словами божественных Писаний, приводят и свои вымыслы. Я знаю, что слова: "**Мое серебро и Мое золото**" сказаны пророком; но слова: и кому хочу, дам его не прибавлены, а привнесены этими невеждами. А для чего они сказаны, я объясню вам. Пророк Аггей часто обещал иудеям, что, по возвращении их из Вавилона, храм будет восстановлен в прежнем виде, но некоторые не верили словам его и считали почти невозможным, чтобы дом (Божий) опять явился таким же из пепла и праха; потому он, чтобы уничтожить их неверие, говорит им от лица Божия как бы так: чего вы страшитесь? Почему не веруете? "**Мое серебро и Мое золото**"; Я не имею нужды занимать у других, чтобы украсить дом Свой. В подтверждение этого он присовокупил: "**слава сего последнего храма будет больше, нежели прежнего**" (Агг.2:10). Итак, не будем вплетать паутинных тканей в царскую одежду: ведь если тот, кто был бы обличен в примешивании к багрянице негодных нитей, подвергся бы жестокой казни, то тем более в предметах духовных подобный поступок есть немаловажный грех. Но что я говорю о прибавлении и убавлении? От одной точки и от одного неправильного чтения (Писания) часто рождались многие нелепые мысли.

6. Откуда же, скажешь, богатые? Ведь сказано: "**бедность и богатство – от Господа**" (Сир.11:14). Но спросим возражающих нам: всякое ли богатство и всякая ли бедность от Господа? Кто может сказать это? Мы видим, что многие собирают великое богатство хищением, гробокопательством, чародейством и другими подобными способами, и, владея им, даже недостойны жизни. Что же, отвечай мне, можно ли сказать, что это богатство от Бога? Нет. Откуда же? От греха. Блудница, оскверняя свое тело, обогащается; благообразный юноша, часто продавая красоту свою, постыдно приобретает

золото; гробокопатель, разрывая могилы, собирает неправедное богатство; также – и вор, подкапывая стены. Итак всякое ли богатство от Бога? Что же, спросишь, скажем мы на упомянутое изречение? Наперед выслушай, что бывает и бедность не от Бога, а потом обратимся к упомянутому изречению. Когда какой-нибудь невоздержный юноша растратит богатство на блудниц, на чародеев, или на какие-нибудь другие подобные прихоти, и сделается бедным, то не явно ли, что это произошло не от Бога, но от собственного его невоздержания? Также, если кто сделается бедным от праздности, если кто впадет в нищету от безрассудства, или от того, что предпринимал дела опасные и беззаконные, то не совершенно ли явно, что никто из них и им подобных не введен в эту бедность Богом? Итак, Писание говорит ложь? Да не будет! Но заблуждаются те, которые не исследуют всего написанного с надлежащим тщанием. Ведь если известно, что Писание не ложно, и если доказано, что не всякое богатство от Бога, то недоумение происходит от вины невнимательных читателей. Здесь, освободив Писание от нареканий, нам следовало бы остановиться, чтобы тем наказать вас за небрежение к Писанию; но так как я весьма жалею вас и не могу долго видеть вас в смущении и беспокойстве, то теперь же предложу и разрешение, объяснив наперед, кто сказал упомянутые слова, когда и кому. Бог не одинаково беседует со всеми, подобно как и мы не одинаково говорим с детьми и с людьми взрослыми. Когда же это сказано, кем и кому? Соломоном, в Ветхом Завете, иудеям, не знавшим ничего, кроме предметов чувственных, и по ним судившим о силе Божией. Они говорили: "**Может ли Он дать и хлеб?**" (Пс.77:20). И еще: "**какое знамение**" покажешь нам? "**Отцы наши ели манну в пустыне**" (Ин.6:30-31). "**Их бог – чрево**" (Флп.3:19). Таким образом они судили о Боге; потому (Премудрый) говорит им, что для Него возможно и это, – делать и богатыми и бедными, не потому, будто Он непременно делает это, но может делать, когда хочет. Так (пророк) говорит: "**запретит Он морю, и оно высыхает, и все реки иссякают**" (Наум.1:4); но этого никогда не было. Как же пророк говорит об этом? Не как о бывающем всегда, но как о том, что Он может сделать. Какую же Он посылает бедность и какое богатство? Вспомни патриарха и узнаешь, какое богатство посылается Богом. Он сделал богатым Авраама и после него Иова, как этот последний сам говорит: "**неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?**" (Иов.2:10). И богатство Иакова происходило отсюда. Бывает от Него и бедность, достойная одобрения, которую некогда Он предлагал богатому в следующих словах: "**если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и приходи и следуй за Мною**" (Мф.19:21); также – ученикам, когда давал им следующую заповедь: "**не берите с собою ни золота, ни серебра, ни двух одежд**" (Мф.10:9-10). Итак, не говори, что Он дает всякое богатство; известно, что оно собирается и убийствами, и хищением, и множеством других способов. Но возвратимся к прежнему вопросу. Если богатые нисколько не полезны нам, то для чего они и существуют? Что сказать на это? То, что бесполезны те богатые, которые такими способами сами сделали себя богатыми, а обогащенные Богом весьма полезны. Это можешь узнать из самых дел их. Авраам владел богатством на пользу всех странников и имевших нужду. Когда пришли к нему три, как думал он, человека, то он заколол тельца и замесил три меры пшеничной муки; вспомни, как он, сидя у ворот во время полудня, щедро и усердно разделял со всеми свое имущество, предлагая кроме имущества и телесное служение, и притом в такой старости; он был пристанищем странников и терпевших нужду, и не считал своим ничего, даже собственного сына, – по повелению Божию, отдал и его; отдал вместе с сыном и себя и весь дом, когда поспешал спасти племянника; притом делал это не для приобретения имущества, но единственно по человеколюбию, так как, когда спасенные им сделали его распорядителем добычи, он отказался от всего, "**даже нитки и ремня от обуви**" (Быт.14:23).

7. Таков же был блаженный Иов. "**Двери мои**", говорит он, "**я отворял прохожему**" (Иов. 31:32); "**я был глазами слепому и ногами хромому; отцом был я для нищих**" (29:15-

16); и "**странник не ночевал на улице**" (31:32); "**отказывал ли я нуждающимся в их просьбе?**" (ст.16) "**позволял ли немощному выходить из моих дверей с пустой пазухой?**"[2] (31:34). И гораздо больше этого, – чтобы нам теперь не исчислять всего, – он постоянно делал, употребляя все свое богатство на нуждающихся. А не хочешь ли посмотреть на тех, которые сделались богатыми не от Бога, и узнать, как они пользовались богатством? Посмотри на (богача, упомянутого) с Лазарем, даже не уделявшего крупиц; посмотри на Ахаава, присвоившего виноградник; посмотри на Гиезия; посмотри на всех подобных людей. Приобретающие праведно, получив (богатство) от Бога, употребляют его согласно с заповедями Божиими; а оскорбляющие Бога в приобретении делают то же и в употреблении, расточая его на блудниц и праздных нахлебников, или закапывая и запирая, а не уделяя ничего бедному. Почему же, скажешь, Бог попускает таким людям делаться богатыми? Потому, что Он долготерпелив и хочет привести нас к покаянию; потому, что Он уготовал геенну и назначил день, в который будет судить вселенную. Если бы Он тотчас наказывал обогащающихся неправедно, то Закхей не имел бы времени раскаяться и отдать вчетверо больше того, что похитил, с приложением половины собственного имущества; Матфей не мог бы перемениться и сделаться апостолом, если бы не имел надлежащего времени, и многие другие подобные. Потому Он долготерпит, призывая всех к покаянию. Если же они не захотят (покаяться) и будут продолжать то же, то о них сказал Павел, что они "**по упорству твоему и нераскаянному сердцу**", собирают себе гнев "**на день гнева и откровения праведного суда от Бога**" (Рим.2:5). Чтобы нам избежать этого гнева, будем собирать богатство небесное и искать бедности, достойной одобрения. Тогда мы получим и будущие блага, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Здесь синодальный текст совсем не выражает той мысли, которая содержится в оригинале. Славянский перевод: "**есть же вера уповаемых извещение, вещей обличение невидимых**" – значительно ближе, но тоже не совсем точен. Вообще это место очень трудно для перевода. Гр. ελεγχος, переданное в слав. как "обличение", Златоуст понимает в смысле "отвержение", в противоположность υποστασις – слав. "извещение". В целом мысль можно перефразировать так: "действие веры состоит в утверждении вещей ожидаемых и устранении невидимого", т. е. превращении в видимое

[2] Перев. проф.Юнгерова

БЕСЕДА 35

"Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать" (1Кор.14:1).

1. Обстоятельно показав (коринфянам) все достоинство любви, (апостол) наконец убеждает их ревностно стремиться к ней; потому и говорит: достигайте (διώκετε). Гонящийся за чем-нибудь видит только то, чего старается достигнуть, устремляет к тому все внимание и не отстает, пока не достигнет. Когда он не может достигнуть сам собой, то старается остановить бегущего при помощи находящихся впереди его, с великим усердием убеждая находящихся вблизи задержать бегущего и задержав не выпускать, пока он сам не достигнет до него. Так же будем поступать и мы: если не достигаем до любви, то будем просить находящихся близко к ней задержать ее, пока мы не

приблизимся к ней; а когда достигнем, то постараемся не опускать ее, чтобы она опять не убежала от нас. Она часто удаляется от нас, потому что мы обращаемся с ней не надлежащим образом и предпочитаем ей все другое. Потому надобно употреблять все меры, чтобы крепко держать ее. Если будет так, то мы без большого или, лучше, без всякого труда, а напротив с радостью и торжеством, будем идти по узкому пути добродетели. Потому (апостол) и говорит: держитесь ея. Далее, чтобы не подумали, будто он вел речь о любви для того, чтобы унизить дарования, присовокупляет: "**ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать**". "**Ибо кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу; потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом; а кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение**" (ст.2-3). Здесь он сравнивает дарования, и поставляет ниже других дар языков, доказывая, что он и не совсем бесполезен, и не очень полезен сам по себе. Коринфяне много превозносились им и считали его великим дарованием, – считали великим потому, что апостолы получили его прежде всего и с такой торжественностью. Но это не делало его превосходнее других. Почему апостолы получили его прежде всего? Потому что должны были ходить повсюду. Как во время столпотворения один язык разделился на многие, так тогда многие языки часто принадлежали одному человеку, и один и тот же говорил на персидском, на римском, на индийском и на многих других языках, по внушению Духа. Такое дарование называлось даром языков, потому что (владевший им) мог говорить вместе на многих языках. Смотри же, как (апостол) и уничижает его и возвышает; словами: "**ибо кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу; потому что никто не понимает его**", уничижает, показывая, что это дарование не очень полезно; а далее словами: "**он тайны говорит духом**", опять возвышает, чтобы оно не показалось излишним, бесполезным и напрасно данным. "**А кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение**". Видишь ли, с какой стороны он доказывает превосходство этого дарования? Со стороны его общеполезности. И везде он предпочитает то, что приносит пользу многим. А те, скажи мне, разве не людям говорили? Но не с таким назиданием, увещанием и утешением.

Иметь вдохновение от Духа одинаково свойственно обоим, и пророчествующему и говорящему языками; но первый, т. е. пророчествующий, имеет преимущество пред последним в том, что он еще полезен слушателям. Говорящих языками не слышали не имевшие этого дарования. Что же? Неужели они не назидали никого? Да, говорит, только самих себя. Потому (апостол) и присовокупляет: "**кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя**" (ст.4). Каким же образом, если он не знает, что говорит? Но здесь (апостол) беседует о тех, которые знали, что говорили, знали сами, но не могли передать другим. "**А кто пророчествует, тот назидает церковь**". Какое различие между одним и церковью, такое же различие между первым и последним. Видишь ли мудрость (апостола), как он не обращает этого дара в ничто, а показывает, что он, хотя приносит пользу, но малую, и достаточен только для обладающего им? Потом, чтобы не подумали, будто он по зависти к ним унижает языки, – а дар этот имели многие, – он отклоняет их подозрение и говорит: "**желаю, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали. Ибо пророчествующий превосходнее того, кто говорит языками, разве он притом будет и изъяснять, чтобы церковь получила назидание**" (ст.5). Выражения: лучше и превосходнее означают не противоположность, но преимущество.

2. Отсюда также видно, что он не порицает дарования, но руководит слушателей к лучшему, показывая и свое попечение о них, и свою душу, чуждую всякой зависти. Не сказал: двое или трое; но – "**желаю, чтобы вы все говорили языками**", и не только этого желаю, но и того, чтобы вы пророчествовали, и последнего более, нежели первого, "**ибо пророчествующий превосходнее**". Когда уже объяснил и доказал предмет, тогда и объявляет свое желание, впрочем не просто, но с прибавлением: "**разве он притом будет**

и изъяснять"; если он будет способен и к этому, т. е. к истолкованию, тогда, говорит, он делается равным пророку, потому что тогда многие получают пользу. Надобно особенно заметить, как он во всем ищет ее (пользы) прежде всего. "**Теперь, если я приду к вам, братия, и стану говорить на незнакомых языках, то какую принесу вам пользу, когда не изъяснюсь вам или откровением, илипознанием, или пророчеством, или учением?**" (ст.6)? Но что, продолжает он, говорить о других? Пусть говорящим языками будет Павел: и тогда не будет никакой пользы слушателям. Говорит это с целью показать, что он ищет полезного для них, и что он не питает вражды к имеющим этот дар, если не отказывается признать его бесполезным даже в собственном своем лице. Неприятное он всегда прилагает к собственному лицу, как и в начале послания сказал: "**кто Павел? Кто Аполлос? Кто Кифа?**" (1Кор.3:5). То же делает и здесь: и я, говорит, не принесу вам пользы, "**когда не изъяснюсь вам или откровением, или познанием, или пророчеством, или учением**". Смысл слов его следующий: если я не скажу вам чего-нибудь такого, что может быть для вас удобопонятным и ясным, а только покажу, что я имею дар языков, то, выслушав языки, вы отойдете, не получив никакой пользы. "**И бездушные вещи, издающие звук, свирель или гусли, если не производят раздельных тонов, как распознать то, что играют на свирели или на гуслях?**" (ст.7). Какая польза от слов, которых вы не понимаете? И что я говорю, продолжает он, что это бесполезно у нас, что полезно только ясное и понятное для слушателей? То же можно видеть и на бездушных музыкальных инструментах: если например будешь дуть в свирель, или ударять в гусли без надлежащего ритма и гармонии, но смешанно и как попало, то не доставишь удовольствия никому из слушателей, потому что и от нечленораздельных (инструментов) требуется некоторая ясность, и если будешь ударять в гусли или дуть в свирель неискуссно, то не сделаешь ничего. Если же от бездушных (предметов) мы требуем такой ясности, стройности и раздельности, если бессмысленным звукам мы стараемся и усиливаемся придать великий смысл, то тем более требуется осмысленность от одушевленных и разумных людей и духовных дарований. "**И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению?**" (ст.8). От вещей не необходимых (апостол) переходит к необходимейшим и полезнейшим и говорит, что можно видеть то же не только на гуслях, но и на трубе. И от нее бывают стройные звуки, указывающие то на войну, то на что-нибудь другое, то призывающие к нападению, то – к отступлению; и кто не знает этого, тот подвергается крайней опасности. Чтобы объяснить это и указать эту опасность, он и говорит: "**кто станет готовиться к сражению?**" А кто не делает этого, тот погубляет все. Как же, скажете вы, это относится к нам? К вам это особенно и относится: потому он и присовокупляет: "**так если и вы языком произносите невразумительныеслова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер**" (ст.9), т. е. не скажете ничего, будете говорить ни для кого. Везде он доказывает бесполезность (дара языков). Но, скажешь, если он бесполезен, то для чего и дан был? Для того, чтобы он был полезен получившему его; а чтобы он был полезен и другим, для того нужно было соединять с ним истолкование. Все это говорит (апостол), желая соединить их друг с другом, чтобы один, не имеющий дара истолкования, призывал на помощь другого, имеющего такой дар, и посредством него делал полезным свой дар. Потому он везде и доказывает несовершенство дара, чтобы хотя таким образом соединить их между собой; и кто думает, что этот дар достаточен для него самого, тот не столько возвышает, сколько унижает его, не устраивая, чтобы он сиял светло при помощи истолкования. Хорош и необходим этот дар, но тогда, когда кто-нибудь объяснит сказанное. И палец – необходимый член, но если отделишь его от прочих, то он будет не столько полезен; необходима и труба, но если она попусту издает звуки, то бывает даже тягостна. Не проявится искусство, если не будет материала; не обработается и материал, если ему не будет сообщена форма. Поставь же голос на место материала, а ясность на место формы, без которой не может быть никакой пользы от материала. "**Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения**" (ст.10), т. е. столько

языков, столько наречий, скифов, фракиан, римлян, персов, мавров, индийцев, египтян, и многих других народов! "**Но если я не разумею значения слов, то я для говорящего чужестранец**" (ст.11).

3. Не думай, говорит, будто это случается только с нами; то же бывает и со всеми. Таким образом, говоря это, я не порицаю языка, но показываю, что он бесполезен для меня, пока бывает не ясен. Потом, чтобы обличение не было тяжким, он уравнивает вину: буду, говорит, "**для говорящего чужестранец, и говорящий для меня чужестранец**", не по свойству языка, но по причине нашего незнания. Видишь ли, как он мало-по-малу довел речь до существенного? Так он обыкновенно делает: заимствует примеры издалека и оканчивает тем, что собственно относится к предмету. Сказав о свирели и гуслях, в примере которых было много недостаточного и ненужного, он перешел к трубе, (инструменту) полезнейшему, а потом наконец и к самому языку. Так и прежде, когда доказывал, что апостолам не запрещено получать (содержание от учеников), он начал с земледельцев, пастырей и воинов, а потом обратил речь на ближайшее к предмету, на ветхозаветных священников. Заметь, как он везде старается показать, что самый дар не заслуживает порицания, а переносит вину на получивших его; не сказал: буду чужестранец, но: "**для говорящего чужестранец**"; и далее не сказал: говорящий чужестранец, но: "**говорящий для меня чужестранец**". Что же, скажешь, должно делать? Должно не только не порицать, но и увещевать и поучать, как и он сам поступает. Он именно, обличив, укорив и показав бесполезность дара, наконец предлагает совет и говорит: "**так и вы, ревнуя о дарах духовных, старайтесь обогатиться ими к назиданию церкви**" (ст.12). Видишь ли всегдашнюю его цель, как он постоянно и во всем ищет в виду одно, – нужду многих, пользу церкви, поставляя это как бы каким правилом? И не сказал: чтобы вам получить дарования, но: чтобы "**обогатиться**", т. е. чтобы иметь их в великом изобилии. Я, говорит, не только далек от желания, чтобы вы не имели их, я напротив желаю, чтобы вы имели их в избытке, если только вы будете употреблять их на общую пользу. А как может быть это, он объясняет далее: "**А потому**", говорит, "**говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования. Ибо когда я молюсь на незнакомом языке, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода. Что же делать? Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом**" (ст.13-15). Здесь (апостол) показывает, что от них зависит получить дарование: "**пусть молится**", говорит, т. е. пусть приложит то, что в его власти. Если усердно будешь просить, то получишь. Итак проси, чтобы тебе иметь не один только дар языков, но и дар истолкования, чтобы тебе быть полезным для всех, а не заключить дара в одном себе. "**Ибо когда**", говорит, "**я молюсь на незнакомом языке, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода**".

Видишь ли, как (апостол) мало-по-малу доводит речь до того, что такой человек бесполезен не только для других, но и для самого себя, так как и его ум остается без плода? Если бы кто говорил только на персидском языке, или на каком-либо другом иностранном, н не знал, что говорит, то он был бы чужестранцем и для себя самого, а не только для других, потому что не разумел бы силы слов. В древности было много таких, которые вместе с даром языков имели дар молитвы; они молились, язык их произносил молитву на персидском или римском наречии, но ум не разумел произносимого. Потому он и говорит: "**я молюсь на незнакомом языке, то дух мой молится**", т. е. дарование, данное мне и приводящее язык в движение, "**но ум мой остается без плода**". Что же лучше и полезнее, и как нужно поступать или чего просить у Бога? Того, чтобы молиться и духом, т. е. дарованием, и умом. Потому он и говорит: "**стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом**". И здесь он выражает то же, т. е. чтобы и язык говорил, и ум не оставался неведущим сказанного. Если же этого не будет, то может произойти и другое замешательство: "**ибо если**", говорит, "**ты будешь**

благословлять духом, то стоящий на месте простолюдина[1] как скажет: "аминь" при твоем благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь. Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается" (ст.16-17). Смотри, как неуклонно и здесь он идет к своей цели, везде имея в виду назидание церкви. Невеждой он называет простолюдина и доказывает, что и он терпит немаловажный вред, когда не может сказать: аминь. Смысл слов его следующий: если ты будешь благословлять на языке иностранном, не зная, что говоришь, и не умея истолковать, то простолюдин не может отвечать: аминь; не слыша окончательных слов: во веки веков, он не скажет: аминь. Потом он опять смягчает речь, чтобы не показалось, будто он слишком унижает дар (языков), и как выше говорил, что (такой человек) говорит тайны, говорит Богу, себя назидает, молится духом, предлагая в этом немалое утешение, так и здесь говорит: ты хорошо благодаришь, – так как говоришь по внушению Духа, – но тот, кто ничего не слышит и не понимает сказанного, стоит, не получая большой пользы.

4. После того, как (апостол) против имеющих дар языков сказал, что в этом нет ничего великого, далее, чтобы не подумали, будто он унижает их потому, что сам лишен его, смотри, что он говорит: "**Благодарю Бога: я более всех вас говорю языками**" (ст.18). То же он делает и в других случаях. Так, намереваясь низложить тщеславные притязания иудейства н показать, что оно уже ничтожно, он наперед изъясняет, что и сам имел (эти притязания) и притом в высшей степени, а потом называет их тщетой: "**если**", говорит, "**кто другой думает надеяться на плоть, то более я, обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, Еврей от Евреев, по учению фарисей, по ревности – гонитель Церкви Божией, по правде законной – непорочный**" (Флп.3:4-6). Затем, когда доказал, что сам имел все эти преимущества, говорит: "**но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою**" (ст.7). Так он поступает и здесь: "**я более всех вас**", говорит, "**говорю языками**"; потому не превозноситесь, как будто вы одни имеете этот дар; и я имею его, и притом гораздо больше вас. "**Но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить**" (1Кор.14:19). Что значит. "**сказать умом моим, чтобы и других наставить**"? Говорить то, что понимаю, что могу истолковать и другим, говорить с сознанием и поучать слушателей. "**Нежели тьму слов на незнакомом языке**". Почему? "**Чтобы и других наставить**", говорит. Первое доставляет только показную славу, а последнее – великую пользу. Везде он ищет одного – общей пользы. Хотя дар языков был необыкновенным, а дар пророчества обыкновенным, древним, и принадлежал уже многим, между тем как тот стал известен тогда в первый раз, однако (Павел) считал его не очеиь желательным для себя, и даже не пользовался им, не потому, чтобы не имел его, но потому, что искал более полезного. Он был чужд всякого тщеславия и имел в виду только одно, как бы сделать лучшими слушателей. Потому он и мог видеть полезное и для себя и для других, что был свободен от тщеславия; а кто поработил себя этой страсти, тот не может видеть полезного не только для других, но и для себя. Таков был Симон, который, руководясь тщеславием, не видел полезного и для себя (Деян.8); таковы были иудеи, которые потому же предали диаволу собственное спасение.

Отсюда произошли идолы, и внешние (языческие) мудрецы, побуждаемые тем же безумием, впали в нелепые учения. И посмотри, как превратна эта страсть; по ее побуждению одни из них делались бедными, другие собирали богатство. Власть ее такова, что она выражает силу свою даже в вещах противоположных: один тщеславится целомудрием, другой напротив распутством, один – правдой, другой – неправдой, невоздержанием и постом, кротостью и дерзостью, богатством и бедностью. Некоторые из внешних, и имея возможность брать (с других), не брали для того, чтобы им удивлялись. Но апостолы были не таковы: они были чисты от тщеславия и доказали это своими делами. Когда называли их богами и готовы были принести им в жертву увенчанных

волов, они не только остановили это, но и разодрали свои одежды (Деян.14). Когда они исцелили хромого и все удивлялись им, они сказали: "**что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит?**" (Деян.3:12). Те избирали бедность между людьми, удивлявшимися бедности; а они – между людьми, презиравшими бедность и прославлявшими богатство, и тем, что получали, продовольствовали нуждавшихся. Так они все делали не из тщеславия, но по человеколюбию! А те, напротив, во всем, равно и с имуществом, поступали, как враги и губители всей природы. Один, как безумный и сумасшедший, напрасно и без пользы потопил в море все свое имущество: другой оставил невозделанным все свое поле. Так они все делали из честолюбия! Но не так поступали апостолы: они и принимали предлагаемое, и раздавали это бедным с такой щедростью, что сами непрестанно терпели голод. Если бы они искали славы, то не поступали бы так, не принимали бы и не раздавали бы, опасаясь, чтобы не навлечь на себя какого-нибудь подозрения. Ведь, кто бросает свое из тщеславия, тот тем более не возьмет чужого, чтобы не показаться имеющим нужду в других и не навлечь на себя подозрения. Они же, как видишь, и служили и сами просили для нуждавшихся. Так они были любвеобильнее всех отцов! Посмотри, как и заповеди их соразмерны и чужды тщеславия: "**имея**", говорит (апостол), "**пропитание и одежду, будем довольны тем**" (1Тим.6:8), не так, как тот Синоплянин (Диоген), который без всякой нужды одевался в рубище и жил в бочке, удивлял многих, но пользы не принес никому. А Павел не делал ничего подобного, потому что не руководился честолюбием, но и одевался со всей благопристойностью, и жил всегда в доме, и был совершен в других добродетелях, которые упомянутый киник презирал, проводя жизнь распутную, поступая бесстыдно пред всеми и увлекаясь безумной страстью тщеславия. В самом деле, если бы кто спросил, для чего он жил в бочке, то не нашел бы никакой другой причины, кроме одного тщеславия.

5. Павел давал даже плату за дом, в котором жил в Риме (Деян.28:30). Если он переносил гораздо труднейшее, то тем более мог бы также (жить вне дома). Но он не искал славы, этого дикого зверя, злого демона, язвы вселенной, ядовитой ехидны. Как ехидна расторгает зубами чрево матери, так и эта страсть терзает питающего ее. Где же найти лекарство против этой разнообразной болезни? Нужно помышлять о тех, которые преодолели ее, и, взирая на пример их, согласно с тем устроять собственную жизнь. И патриарх Авраам... Но пусть никто не обвиняет нас в тождесловии за то, что о нем мы вспоминаем часто и при всяком случае. Это особенно и делает его удивительным, а не подражающих ему лишает всякого оправдания. Если бы мы показали некоторую часть добродетели в одном, и часть в другом (человеке) добродетельном, то иной сказал бы, что добродетель неудобоисполнима, так как не легко одному совершить все то вообще, что по частям совершил каждый из святых. Но когда находится один и тот же имеющий все, то какое получат оправдание те, которые после закона и благодати не могут сравниться с жившими прежде закона и благодати? Как же этот патриарх преодолел и победил этого зверя, когда имел распрю с племянником? Будучи обделен и не получив лучшей части, он не скорбел; а вы знаете, что в таких случаях стыд бывает хуже убытка для малодушных, особенно когда человек бывает господином всего, как был тогда он (Авраам), и когда сам, наперед оказав честь, не будет взаимно удостоен чести. Но ничто из всего этого не оскорбило его: получив худшую часть, он остался доволен и, будучи обижен старший младшим, дядя племянником, не вознегодовал и не огорчился, а напротив по прежнему оказывал ему любовь и попечение. Опять, одержав победу в великой и страшной войне и силой прогнав варваров, он не торжествовал победы и не поставил трофея, потому что хотел только спасти (других), а не показать (себя). Опять, когда он принимал странников, и тогда не тщеславился, но сам выходил им на встречу и кланялся, не как благодетельствующий, но как благодетельствуемый, называл пришельцев господами, не зная, кто они, и заставлял жену служить им. И прежде того в Египте, оказавпшсь столь

удивительным, получив обратно жену свою и удостоившись такой чести, он ни перед кем не хвалился. Туземцы называли его царем, а он заплатил им даже за могилу (Быт.23). Также, когда он посылал избрать невесту своему сыну, то не приказывал говорить о себе чего-нибудь великого и славного, а просто – привести невесту. Не хочешь ли посмотреть и на живших во времена благодати и видеть, как они были чужды этой страсти даже тогда, когда великая слава учения их распространилась повсюду?

Посмотри на того самого (апостола), которого слова мы слушаем, как он постоянно все приписывает Богу, как он часто вспоминает о грехах своих, а о подвигах никогда; если же бывает принужден сделать это в назидание ученикам, то называет это дело безумием, уступает первенство Петру, не стыдится работать у Прискиллы и Акилы и везде старается показать себя смиренным, не величаясь на торжище и не окружая себя толпами народа, но помещаясь в ряду незнатных. Потому он и говорил: "**в личном присутствии слаб**" (2Кор.10:10), т. е. не важен и чужд всякого великолепия; и еще: "**молим Бога, чтобы вы не делали никакого зла, не длятого, чтобы нам показаться, чем должны быть**" (2Кор.13:7). И что удивительного, если он презирает эту (земную) славу? Если он презирает вышнюю славу, царство и геенну, для угождения Христу, – а он именно желает отлучен быти от Христа для славы Христовой, и хотя говорит, что желает подвергнуться этому за Иудеев, но говорит так, чтобы кто-нибудь из безумных не подумал, что данные им обетования он присвояет себе, – если, говорю, он был готов презреть это, то удивительно ли, что он презирает славу человеческую? Но нынешних (людей) губит все, не только желание славы, но и противное тому: оскорбление и опасение бесчестия; если кто станет хвалить тебя, ты надмеваешься, а если станет порицать, ты падаешь духом. Как слабые тела терпят вред и от незначителыных причин, так и низкие души; их губит не только бедность, но и богатство, не только печаль, но и радость, и даже приятное более, нежели печальное, потому что бедность заставляет быть воздержным, а богатство часто доводит до великого зла. И как одержимые горячкой бывают недовольны всем, так и испорченные души от всего терпят вред.

6. Зная это, не будем избегать бедности и удивляться богатству, но будем устроять душу свою так, чтобы она была готова ко всему. Кто строит дом, тот заботится не о том, чтобы на него не лился дождь и не падали (солнечные) лучи, – это и невозможно, – но чтобы он мог вынести все. И кто строит корабль, тот заботится и старается не о том, чтобы его не поражали волны и не касалась морская буря, – это и невозможно, – но чтобы стены корабля были способны вынести все. И кто укрепляет тело, тот также старается не о том, чтобы не было воздушных перемен, но чтобы тело легко переносило все это. Точно так будем поступать и с душой, будем стараться не о том, чтобы избегать бедности, или сделаться богатыми, но чтобы принимать то и другое безопасно для себя самих. Не заботясь о них, будем уготовлять душу пригодной и к богатству и к бедности. Ведь хотя бы и не случилось ничего свойственного людям, – что бывает слишком редко, – и в таком случае не ищущий богатства и умеющий легко переносить все гораздо лучше, чем живущий всегда в богатстве. Почему? Во-первых, такой (человек) имеет опору спокойствия внутри себя, а не вне; как воин, полагающийся на крепость тела и воинское искусство, лучше того, который надеется только на силу оружия, так и огражденный добродетелью лучше того, кто надеется на деньги. Во-вторых, богатый, хотя бы и не впал в бедность, не может быть спокойным, потому что богатство причиняет много бурь и беспокойств. А добродетель напротив доставляет только радость и спокойствие; она делает человека недоступным для коварных врагов, богатство же напротив делает его доступным и удобопреклонным. Из животных олени и зайцы легче всех могут быть уловляемы по своей природной боязливости, а кабан, бык и лев не легко попадают в руки охотников; то же можно видеть на богатых и на живущих в добровольной бедности; последний подобен льву и быку, а первый – оленю и зайцу. Кого в самом деле не боится

богатый? Уж не разбойников ли? Не властителей ли? Не завистников ли? Не клеветников ли? Но что я говорю о разбойниках и клеветниках, когда он с подозрением смотрит на самих домашних? И что я говорю (о том времени), когда он еще жив? Даже и по смерти он не свободен от козней хищников; и самая смерть не может доставить ему безопасности, но и мертвого его грабят злодеи. Так опасно богатство! Не только подкапываются жилища, но разрываются и могилы и гробницы. Что же может быть хуже того, если самая смерть не доставляет ему безопасности, но даже лишившись жизни несчастное тело его не освобождается от житейских зол, если злодеи восстают даже против пыли и праха, и притом с большей жестокостью, нежели при его жизни? Тогда, входя в кладовую и разламывая сундуки, они по крайней мере не касались тела и не брали столько, чтобы обнажить самое тело; а теперь нечистые руки гробокопателей не воздерживаются и от этого, но сдвигают с места (и тело), переворачивают его и посмеиваются над ним с великой жестокостью. Когда оно бывает предано земле, то они, лишив его и покрова земли и одежд, оставляют его брошенным в таком виде. Кто же враждебнее богатства, которое при жизни губит душу, а по смерти подвергает поруганию тело и не дает ему покоя в земле, чего не лишены даже осужденные и тяжкие преступники? И с преступниками, наказав их смертью, законодателн ничего более не делают; а их богатство и по смерти подвергает жесточайшему наказанию – быть обнаженными к лишенными погребения: ужасное и жалкое зрелище! Подлинно, участь их тяжелее участи тех, которые подвергаются тому же по определению и гневу судей; последние, пробыв не погребенными один или два дня, предаются земле; а первые, когда бывают преданы земле, тогда именно и обнажаются и подвергаются поруганию. Если воры уходят, не взяв самого гроба, то и этим он обязан не богатству, а бедности; она сохраняет его, так что, если бы мы и гроб покрыли богатством, или устроили бы его не из камня, а из золота, то лишились бы и его. Так неверно богатство! Оно не столько принадлежит имеющим его, сколько занимающимся хищничеством. Потому напрасно было бы доказывать, что невозможно удержать богатство, тогда как имеющие его не находят безопасности даже в день смерти. С умершим кто не примиряется, хотя бы то был зверь, демон, или кто бы ни был? Достаточно одного взгляда на умершего, чтобы тронуться человеку железному и безжалостному; когда кто смотрит на мертвого, хотя бы в нем видел врага и неприятеля, то плачет вместе с ближайшими его друзьями; гнев погасает вместе с жизнью и вместо его является соболезнование; при выносе и погребении никто не различит врага и неврага: так все почитают общую природу и установленные для нее законы! Но богатство, будучи чуждо этого, внушает гнев против имеющих его и делает врагами умершего людей, нисколько не обиженных им, потому что обнажать мертвое тело свойственно жестоким врагам и неприятелям. Природа примиряет с ним тогда и врагов; а богатство вооружает против него и тех, которые не могут ни в чем обвинить его и терзают тело, совершенно уединенное. Многое здесь могло бы склонить на милость, и то самое, что оно мертво, неподвижно, готово обратиться в землю и тление и беспомощно; но ничто подобное не трогает злодеев, преданных преступной страсти. Страсть корыстолюбия, как бы какой жестокий тиран, настоятельно требует от них исполнения своих бесчеловечных повелений и, обращая их в зверей, ведет к гробницам. Нападая на умерших, как дикие звери, они не отказались бы и от тел, если бы (телесные) члены могли принести им пользу. Такие-то плоды мы получаем от богатства: по смерти подвергаемся поруганию и лишаемся могилы, которой удостоиваются даже тяжкие преступники! Неужели после этого, скажи мне, мы будем еще любить такого врага? Нет, братие, нет, увещеваю вас, побежим от него, не оглядываясь назад; если оно и само придет в наши руки, не будем удерживать его у себя, но свяжем его руками бедных; эти узы гораздо лучше могут удержать его; из этих хранилищ оно никогда не убежит, и неверное сделается наконец верным, тихим и кротким, чрез подаяние милостыни. Итак, когда оно придет к нам, будем употреблять его на это дело; если же не придет, не будем искать, изнурять себя и считать блаженными имеющих его. Какое это блаженство? Разве назовешь блаженными занимающихся

борьбой с дикими зверями за то, что такие борцы, заключив у себя дорого стоющих животных, стерегут их, между тем как сами не смеют приступить и прикоснуться к ним, боятся их и трепещут. Нечто подобное испытывают и богатые, заключив богатство в своих хранилищах, как дикого зверя. и каждый день получая от него тысячи ран, только не так, как от зверей. Звери, когда бывают выпущены, тогда и причиняют вред встречающимся с ними; а богатство, когда бывает заперто и хранимо, тогда и погубляет приобретших и хранящих его. Сделаем же этого дикого зверя кротким. А он будет кроток, когда мы не станем запирать его, но будем передавать его в руки всех нуждающихся. Таким образом мы получим от него величайшие блага, и настоящую жизнь будем проводить безмятежно и с доброю надеждою, и в будущий день предстанем с дерзновением, которого да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

---

[1]Гр. του ιδιωτου – невежды

БЕСЕДА 36

Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни (1Кор.14:20).

1. После многих объяснений и доказательств (апостол) справедливо употребляет теперь речь более сильную, соединенную с великим обличением, и приводит пример, сообразный с предметом. Дети недоумевают и изумляются при виде малых вещей, а при весьма великих не приходят в такое удивление. Подобным образом и имевшие дар языков, который был последним из всех, думали, что они имеют все; потому он и говорит: не дети бывайте, т.е. не будьте неразумными там, где следует быть разумными, но будьте простыми детьми там, где неправда, где тщеславие, где гордость. Кто младенец на злое, тому должно быть и мудрым; как мудрость со злобой не была бы мудростью, так и простота с неразумием не была бы простотой; в простоте надобно избегать неразумия, и в мудрости — злобы. Как лекарства более надлежащего горькие или сладкие не приносят пользы, так и простота и мудрость сами по себе. Потому и Христос, повелевая соединять то и другое, сказал: **будьте мудры, как змии, и просты, как голуби** (Мф.10:16). Что же значит — младенствоватъ злобою? Даже и не знать, что такое зло; такими быть он желал им, когда говорил: **есть верный слух, что у вас *появилось* блудодеяние** (1Кор.5:1). Не сказал: допускается, но: слышится. Вы верно, говорит, знаете это, потому что слышали о том некогда. Он хотел, чтобы они были и мужами и детьми, детьми на злое, а мужами по мудрости, и муж тогда будет мужем, когда вместе с тем будет младенцем; а пока он не будет младенцем на злое, то не будет и мужем, потому что злой не может быть совершенным, а бывает неразумным. **Иными языками и иными устами буду говорить народу сему; но и тогда не послушают Меня, говорит Господь** (1Кор.14:21). В законе нигде этого не написано; но он, как я сказал прежде, всегда называет законом все ветхозаветное Писание, и пророческие и исторические книги. Приведенное свидетельство он заимствует из пророка Исаии, чтобы опять ограничить славу дара (языков), для пользы слушателей; и здесь впрочем, говорит о нем с похвалой. Слова **но и тогда** показывают, что чудо было достаточно для того, чтобы тронуть их; если же они не убедились, то это их вина. Для чего же Бог сделал это, если они не хотели убедиться? Чтобы сделать со своей стороны все нужное. Доказав пророчеством, что упомянутое знамение не очень полезно, (апостол) продолжает: **итак языки суть знамение не для верующих, а для**

неверующих; пророчество же не для неверующих, а для верующих. Если вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить *незнакомыми* языками, и войдут к вам незнающие или неверующие, то не скажут ли, что вы беснуетесь? Но когда все пророчествуют, и войдет кто неверующий или незнающий, то он всеми обличается, всеми судится. И таким образом тайны сердца его обнаруживаются, и он падет ниц, поклонится Богу и скажет: "истинно с вами Бог" (ст. 22-25). Сказанное здесь может возбудить в ком-нибудь большое недоумение. Если языки служат знамением для неверных, то как он говорит: если неверные увидят вас говорящими на языках, то скажут, что вы беснуетесь? И если пророчество не для неверных, но для верующих, то как получат от него пользу и неверные? **Но когда**, говорит, **все пророчествуют, и войдет кто неверующий или незнающий, то он всеми обличается, всеми судится**. И не только этот, но, кроме того, и другой здесь рождается вопрос: языки опять, по-видимому, больше пророчества, потому что если языки служат знамением для неверных, а пророчество для верных, то дар, обращающий и делающий своими чужих, больше дара, назидающего своих. Что же означают сказанные слова? Они не затруднительны, не темны и не противоречат предыдущему, но весьма согласны с ним, если мы вникнем. Пророчество полезно для тех и других, а языки нет.

Потому, сказав о языках, что они в знамение суть, (апостол) присовокупил: не верующим, но неверным, и притом в знамение, т.е. более для удивления, нежели для назидания. Но, скажешь, и о пророчестве он выразился точно также в словах: а пророчество не неверным, но верующим; верующий не имеет надобности видеть знамение, а нуждается только в научении и назидании; как же ты утверждаешь, что пророчество полезно для тех и других, тогда как он говорит: не неверным, но верующим? Если тщательно исследуешь, то поймешь слова его. Он не сказал, что пророчество не полезно для неверных, но что оно не служит знамением, как языки, т.е. не также бесполезно. И языки не есть что-нибудь полезное для неверных: они производят только одно изумление и смущение. Знамение принадлежит к числу безразличного; так Псалмопевец, сказав: **сотвори со мною знамение**, прибавляет: **во благо** (Пс.85:17); и еще: **для многих я стал как бы чудом** (Пс.70:7), т.е. в знамение.

2. Чтобы ты убедился, что знамение здесь не означает чего-нибудь, всегда приносящего пользу, (апостол) присовокупляет и то, что оно производит. Что же такое? **То не скажут ли**, говорит, **что вы беснуетесь?** Это зависит не от свойства знамения, но от неразумия тех, (которые рекут). Под словом неверные не всегда разумей одинаковых людей, но иногда неисцельно больных и остающихся неисправимыми, а иногда могущих перемениться, каковы были те, которые удивлялись апостолам, глаголавшим величия Божия; таковы же были домашние Корнилия. Итак, смысл слов его следующий: пророчество имеет силу и между неверными и между верующими, а слыша языки, неверные и неразумные не только не получают пользы, но и смеются над говорящими на языках, как над беснующимися. (Языки) служат им только в знамение, т.е. только приводят их в изумление.

Если бы впрочем они имели ум, то получили бы и пользу, для которой дано знамение; ведь (и при апостолах) не только были насмехавшиеся над ними, как бы над опьяневшими, но многие и удивлялись им, как глаголющим величия Божия; так насмехавшиеся были неразумные. Потому и Павел не просто сказал: **не скажут ли, что вы беснуетесь**, но присовокупил: **незнающие или неверующие**. Пророчество же не просто служит в знамение, но нужно и полезно для веры и назидания тех и других. Впрочем, это он выразил не тотчас, но объяснил в дальнейших словах: **он всеми обличается, всеми судится. И таким образом тайны сердца его обнаруживаются, и он падет ниц, поклонится Богу и скажет: истинно с вами Бог**.

Таким образом пророчество выше не только потому, что имеет силу между теми и другими, но и потому что обращает бесстыднейших из неверных. Не одинаково было чудо, когда Петр обличил Сапфиру, — это было действием пророчества, — и когда говорил языками; тогда все устрашились, а когда он говорил языками, то даже принят был за беснующегося. Итак, сказав, что языки не приносят пользы, и, оставив между тем обличение вины иудеев, (апостол) далее показывает, что они даже причиняют вред. Для чего же, скажешь, и даны они? Для того, чтобы употреблялись вместе с истолкованием, без которого случается и противное у неразумных. **Если**, говорит, **вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить [незнакомыми] языками, и войдут к вам незнающие или неверующие, то не скажут ли, что вы беснуетесь?** Так и апостолы были приняты за опьяневших: **иные, насмехаясь, говорили: они напились сладкого вина** (Деян.2:13). Но причина не в знамении, а в неразумии (говоривших это); потому он присовокупил: **незнающие или неверующие**, т.е. мнение их происходит от неразумия и неверия. Он старается, как я сказал прежде, поставить дар (языков) в ряд предметов не совершенно достойных отвержения, но не очень полезных, и притом с целью смирить слушателей и внушить им необходимость искать истолкования. Так как они не заботились об этом, но многие через упомянутый дар старались показать себя и удовлетворить своему честолюбию, то он особенно и отклоняет их от этого, доказывая, что они напротив вредят своей славе, навлекая на себя подозрение в бесновании. Так всегда поступает Павел: когда хочет кого отклонить от чего-нибудь, то доказывает, что он терпит вред от того самого, к чему имеет пристрастие; так поступай и ты: отклоняя от удовольствий, покажи, что они исполнены горечи; отклоняя от тщеславия, покажи, что оно причиняет бесчестье.

Так и Павел поступал. Отклоняя богатых от любви к деньгам, он говорит, что богатство не только вредит, но и подвергает искушениям: **желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу** (1Тим.6:9). Так как богатство, по-видимому, не избавляет от напастей, то он утверждает противное тому, что думали богатые.

Другие имели пристрастие к внешней мудрости, как будто бы она служила им для объяснения догматов; а он доказывает, что она не только не приносит пользы кресту, но и унижает его.

Иные хотели судиться у чужих, считая недостойным судиться у своих, как будто бы внешние (язычники) были мудрее; а он доказывает, что судиться у внешних постыдно. Иные вкушали идольские жертвы, как бы желая показать в себе совершенное знание; а он доказывает, что неумение устроять благо ближних есть признак несовершенного знания. Так и здесь: (коринфяне) по честолюбию восхищались даром языков, а он доказывает, что это особенно и посрамляет их, не только лишая славы, но и подвергая подозрению в бесновании. Впрочем, он не вдруг сказал это, но, предварительно сказав очень многое, и тем приготовив их к принятию слов своих, потом и высказывает мысль крайне неожиданную. Такой у него обыкновенно образ речи.

Подлинно, кто хочет поколебать утвердившееся мнение и переменить его на противоположное, тот не должен тотчас высказывать противоположное: иначе он будет осмеян теми, которые предзаняты противоположным мнением; очень неожиданное не может быть принято вдруг без предварительной подготовки; наперед нужно иными доводами хорошо поколебать мнение других и тогда уже внушить им противоположное.

3. Так же он поступил, когда говорил о браке. Многие имели расположение (к браку), как бы доставляющему спокойствие; а он хотел доказать, что спокойствие заключается в безбрачном состоянии; если бы сказал это вдруг, то слова его не были бы

так хорошо приняты; теперь же, высказав это после многого другого и предложив благовременно, он сильно тронул слушателей. Так же он поступил касательно девства. Сказав предварительно многое, он уже после того говорит: **аз же вы щажду** (в русском переводе этих слов нет) (1Кор.7:28); и еще: **а я хочу, чтобы вы были без забот** (1Кор.7:32). Точно так он поступает и касательно дара языков, доказывая, что он не только лишает славы, но и посрамляет имеющих его перед неверными. А пророчество, напротив, и не подвергает посрамлению перед неверными, и доставляет величайшую славу и пользу; по поводу пророчества никто не скажет, **что вы беснуетесь**, и не станет смеяться над пророчествующими, но напротив всякий будет изумляться и удивляться им, потому что обличается всеми, то есть, все, что у него на сердце, обнаруживается и представляется всем. Не одно и то же — кому-нибудь войдя услышать одного говорящим по-персидски, другого по-сирски, или войдя, с какой бы то ни было целью, для искушения

и с лукавым намерением, или простосердечно, услышать тайны своего сердца, такие-то и такие-то свои деяния и намерения; последнее более первого возбуждает страх и приносит пользу.

Потому (апостол) и говорит, что по поводу языков скажут, **что вы беснуетесь**; впрочем говорит это не сам от себя, но как суждение других: **то не скажут ли**, говорит, **что вы беснуетесь?** Здесь же он основывается и на существе самого дела и на убеждении получающих пользу: **он всеми обличается, всеми судится. И таким образом тайны сердца его обнаруживаются, и он падет ниц, поклонится Богу и скажет: истинно с вами Бог**.

Видишь ли, как это несомненно? Там действие подвергается различным суждениям, и иной из неверных может приписать его беснованию; а здесь не бывает ничего такого, а напротив он удивляется и поклоняется, исповедуя прежде делами, а потом и словами. Так поклонился Богу и Навуходоносор, который сказал: **истинно Бог ваш есть Бог богов и Владыка царей, открывающий тайны, когда ты мог открыть эту тайну!** (Дан.2:47). Видишь ли, как сила пророчества изменила (человека) грубого, научила его и привела к вере? **Итак что же, братия? Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, - все сие да будет к назиданию** (ст. 26). Видишь ли основание и правило христианства? Как дело зодчего — строить, так дело христианина — всеми способами приносить пользу ближним. Так как (апостол) весьма сильно восставал против дара (языков), то, чтобы он не показался излишним, — а восставал он единственно с намерением смирить гордость их, — он опять поставляет его в числе других (духовных дарований) и говорит: **у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык**. В древности и составляли псалмы по дарованию, и учили по дарованию. Но все это, говорит, пусть клонится к одному — к назиданию ближнего; пусть ничто не делается напрасно; если ты приходишь не для назидания брата, то для чего и приходишь? Для меня не очень важно различие дарований; мои заботы только об одном и старания клонятся к одному — чтобы все делалось для назидания; тогда даже имеющий малое дарование превзойдет имеющего великое, если будет употреблять его с назиданием. Дарования для того и даются, чтобы каждый получал назидание; если же этого не будет, то дарование послужит даже к осуждению получившего его; скажи мне в самом деле, какая польза пророчествовать, какая польза воскрешать мертвых, если никто не получает назидания? Если же в этом состоит цель дарований, которой можно достигнуть и другим способом без дарований, то не превозносись знамениями и не считай себя несчастным, не имея дарований. **Если кто говорит на [незнакомом] языке, [говорите] двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй. Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, а говори себе и Богу** (ст. 27, 28). Что говоришь ты? Сказав столько о даре языков, что он и бесполезен и

излишен, если нет истолкователя, ты опять повелеваешь говорить языками? Не повелеваю, говорит, но и не запрещаю. Как в том случае, когда говорит: **если кто из неверных позовет вас, и вы захотите пойти** (1Кор.10:27), он не заповедует идти, но и не удерживает, так и здесь. **Говори себе и Богу**. Если, говорит, ты не можешь молчать, если ты так честолюбив и тщеславен, то говори про себя. Таким дозволением он еще более запрещает, потому что приводит в стыд.

4. Так же поступает он и в другом месте, когда беседует об отношениях к жене: **впрочем это сказано**, говорит, **по невоздержанию вашему** (1Кор.7:5,6). Но не так он говорит о пророчестве, — а как? Повелительно и решительно: **кто говорит на [незнакомом] языке, [говорите] двое, или много трое**; и при этом нигде не требует истолкователя и не заграждает уста пророчествующему, подобно как там говорил: **если же не будет истолкователя, то молчи**. Говорящий языками сам по себе недостаточен: потому, если кто имеет оба дарования, то пусть говорит; если же не имеет, а хочет говорить, то пусть делает это при истолкователе. И пророк есть истолкователь, но Божий, а ты — человеческий. **Если же не будет истолкователя, то молчи**; ничего не должно делать напрасно и по честолюбию. **Говори себе и Богу**, т.е. в уме, или тайно и без шума, если хочет. Здесь он не заповедует, но, может быть, более запрещает посредством такого дозволения, подобно как когда говорит: **а если кто голоден, пусть ест дома** (1Кор.11:34), где, по-видимому, дозволяет, но тем самым сильнее пристыжает. Не для того вы собираетесь, говорит, чтобы показать, что имеете дарование, но чтобы назидать слушателей, как говорил он и в начале: вся же к созиданию да бывают. **И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают** (ст. 29), — и более не прибавил ничего такого, что (говорил) о языках. Но что он говорит?

Не выражает ли он, что и пророчество само по себе недостаточно, если другим предоставляет рассуждать! Нет, оно весьма достаточно: потому он и не заградил уст пророчествующему, подобно как тому (говорящему языками), когда нет истолкователя; и между тем как о последнем сказал: **если же не будет истолкователя, то молчи**, о первом не сказал: если нет рассуждающего, то пусть не пророчествует, но только предложил наставление слушателю.

Он сказал это для предостережения слушателей, чтобы между ними не случился волхвователь. Остерегаться этого он повелевал и в начале, когда показывал различие между волхвованием и пророчеством, и теперь повелевает различать и наблюдать тоже самое, чтобы не вкралось что-нибудь диавольское. **Если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи. Ибо все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение** (ст. 30, 31). Что означают эти слова? Если, говорит, в то время, когда ты пророчествуешь и говоришь, дух другого возбудит его, тогда ты замолчи. Как прежде касательно языков, так и здесь он требует, чтобы это было по части (порознь), но здесь высшим образом; не сказал: по части но: **если же другому из сидящих будет откровение**.

И для чего первому продолжать речь, когда другой возбуждается к пророчеству? Но не следовало ли (говорить) обоим? Это неуместно и произвело бы беспорядок. Не следовало ли первому? И это неуместно, потому что для того Дух и возбуждал другого, когда говорит первый, чтобы и он сказал что-нибудь. Потом, в утешение тому, которому заповедует молчать, говорит: **все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение**. Видишь ли, как он опять приводит и причину, почему все так заповедует? Если имеющему дар языков он совершенно запрещает говорить, когда нет истолкователя, потому что речь была бы бесполезна, то справедливо повелевает прекращать и пророчество, когда оно не приносит пользы, но может

произвести замешательство, смятение и неуместный беспорядок. **И духи пророческие послушны пророкам** (ст. 32).

Видишь ли, как он сильно и страшно пристыжает? Чтобы человек не возражал и не противился, он говорит, что самое дарование повинуется: духом здесь он называет действие. Если же дух повинуется, то тем более ты, получивший его, не имеешь права возражать. Потом доказывает, что и Богу так угодно: **потому что Бог не есть [Бог] неустройства, но мира. Так [бывает] во всех церквах у святых** (ст. 33). Видишь ли, какими доводами он побуждает к молчанию и утешает уступающего другому? Во-первых тем, что в таком случае и он не исключается: **все один за другим**, говорит, **можете пророчествовать**; во-вторых, тем, что это свойственно Духу: **и духи пророческие послушны пророкам**; далее тем, что это согласно с волей Божией: **потому что**, говорит, **Бог не есть [Бог] неустройства, но мира**: в-четвертых, тем, что это правило простирается на всю вселенную, и что он не заповедует ничего нового: **так [бывает]**, говорит, **во всех церквах у святых**. Может ли быть что-нибудь изумительнее этого? Церковь тогда была небом; Дух устроял все в народе, руководил и вдохновлял каждого из

предстоятелей. А теперь у нас одни только знаки тогдашних дарований. И ныне мы говорим и по двое, и по трое, и порознь, и один умолкает, когда начинает другой; но все это только знаки и памятники прежнего. Потому-то, когда мы начнем говорить, народ отвечает: *Духови твоему*, выражая, что в древности говорили так не по собственной мудрости, но по внушению Духа.

А теперь не то, впрочем я высказываю свое мнение.

5. Ныне церковь подобна жене, лишившейся прежнего богатства, сохраняющей во многих местах только знаки первоначального благоденствия и показывающей сундуки и лари от золотых (сокровищ), а самого богатства не имеющей; такой жене уподобилась ныне церковь. Говорю это, имея в виду не дарования, — не было бы слишком прискорбно, если было бы только это, — но и жизнь и добродетель. Тогда сонм вдов и лик девственниц составляли великое украшение церквей; а теперь это вывелось и упразднилось; остаются только знаки. Есть и ныне вдовы, есть и девы, но они не составляют того украшения, каким должны быть посвятившие себя на такие подвиги. Отличительный признак девы есть попечение об одних делах Божиих и непрестанная усердная молитва; и признак вдовы состоит не столько в том, чтобы не вступать во второй брак, сколько другом, — в делах страннолюбия, нищелюбия, прилежания в молитвах, и во всем, что с великой точностью предписывает Павел в послании к Тимофею (1Тим.5).

Есть у нас и жены, которые в супружестве соблюдают великую скромность; но не это только требуется, а и тщательное служение нуждающимся, чем особенно отличались жены древние, — не так, как многие из нынешних. Тогда украшались вместо золота красотой милостыни; а ныне, оставив это, обвешивают себя со всех сторон золотыми цепями, сплетенными из множества грехов. Сказать ли еще о другом хранилище, утратившем прародительское украшение? В древности все сходились и пели вместе, — это мы делаем и ныне но тогда во всех **было одно сердце и одна душа** (Деян.4:32), а ныне даже в одной душе не видно такого согласия, но везде великая брань. И ныне предстоятель церкви желает мира всем, как бы придя в дом отеческий, но тогда как имя мира повторяется часто, самого дела нет нигде. Тогда и дома были церквами, а ныне и церковь стала домом, или даже хуже всякого дома. В доме можно видеть великое благочиние: госпожа дома сидит на седалище со всем благоприличием, служанки прядут в молчании и каждый из домашних имеет в руках вверенное ему. А здесь великий шум, великий беспорядок; собрание наше ничем не отличается от гостиницы; здесь такой же

смех, такой же шум, как в банях, как на торжищах, где все кричат и производят смятение. И это бывает только здесь; а в других местах не позволяется сказать в церкви даже слова близ стоящему, хотя бы кто встретил давно не виденного друга, но делается это вне, — и весьма справедливо.

Церковь не цирюльня, не лавка с благовониями, не мастерская, подобная находящимся на торжище, но место ангелов, место архангелов, царство Божие, само небо. Если бы кто-нибудь отверз небо и ввел тебя в него, то ты не осмелился бы разговаривать, хотя бы увидел отца, хотя бы брата; так точно и здесь не должно говорить ни о чем другом, кроме предметов духовных, потому что и здесь небо. Если не веришь, то посмотри на эту трапезу, вспомни, для кого и для чего она поставлена, подумай, кто приходит сюда, и страшись даже прежде времени. Кто увидит только трон царя, тот возбуждается в душе своей, ожидая выхода царя; так точно и ты, еще прежде страшного времени, страшись и бодрствуй, и еще прежде, нежели увидишь поднятые завеси и предшествующий сонм ангелов, возносись к самому небу. Но этого не знает непосвященный, — потому для него необходимо сказать нечто другое. Мы не затруднимся сказать и ему то, что может возбудить и возвысить его. Итак ты, незнающий этого, когда услышишь слова пророка: сия глаголет Господь, отрешись от земли, вознесись на само небо, помысли, Кто через него вещает тебе. Между тем ныне, когда смехотворствует какой-нибудь шут и бесчинствует блудница, весь театр сидит, соблюдая для речей их совершенное безмолвие, и это когда никто не заставляет молчать, не бывает ни разговора, ни крика, ни малейшего шума; а когда Бог с небес вещает о таких страшных тайнах, тогда мы бываем бесстыднее псов, не оказывая Богу даже такого внимания, какое оказываем распутным женщинам.

6. Вы ужасаетесь, слыша это? Лучше ужасайтесь, делая это.

Тем, которые пренебрегли бедных и одни вкушали пищу, Павел сказал: **разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию и унижаете неимущих?** (1Кор.11:22)?

Позвольте и мне сказать тем, которые здесь шумят и разговаривают: разве вы не имеете домов для пустословия? Или нерадите о церкви Божией и развращаете желающих сохранять целомудрие и спокойствие? Но, скажете, нам весело и приятно разговаривать со знакомыми. Я не запрещаю этого; но пусть это будет дома, на торжище, в банях; церковь же есть место не разговоров, а учения. Между тем ныне она нисколько не отличается от торжища, и, может быть, если не оскорбительно сказать, даже от театра: так нецеломудренно и подобно тамошним блудницам украшаются собирающиеся здесь жены! Потому они и сюда привлекают многих невоздержных. Кто искушает или хочет соблазнить женщину, тот, кажется, не считает для себя никакого места удобнее церкви. Если нужно что-нибудь купить или продать, то церковь считается для этого удобнее рынка; здесь об этом бывает больше разговоров, нежели в самих лавках. Кто хочет злословить или слушать злословие, тот найдет и этого здесь более, нежели вне, на торжище. Хочешь ли слышать о делах гражданских, или о домашних, или о военных, — не ходи в судилище, не сиди в лечебнице, есть и здесь, есть люди, которые подробнее всех расскажут обо всем этом; здесь — место скорее всего другого, только не церковь. Быть может, я слишком резко коснулся вас? Не думаю; если вы не перестаете делать одно и тоже, то как мне знать, что слова мои коснулись вас? Потому необходимо опять коснуться того же. Итак, можно ли стерпеть? Можно ли снести? Мы каждый день стараемся и усиливаемся, чтобы вы уходили отсюда, научившись чему-нибудь полезному; но никто из вас не уходит с какой-нибудь пользой, а даже скорее с вредом. Подлинно, вы собираетесь и себе на осуждение, не имея никакого оправдания в грехе своем, и более благоговейных изгоняете, отовсюду беспокоя их своим пустословием. Но что говорят многие? Не слышу,

говорят, что читается, не понимаю, что говорится. Потому, что ты разговариваешь, потому, что шумишь, потому, что не приходишь с душой, исполненной благоговения. Не понимаю, говоришь ты, что читается? Но потому самому и следует быть внимательным.

Если неясное не пробуждает души твоей, то тем более ты не обратил бы внимания, если бы читаемое было ясно. Для того и не все ясно, чтобы ты не предавался беспечности, и не все не ясно, чтобы ты не приходил в отчаяние. Евнух, хотя был и варвар, не говорил ничего такого, но даже среди множества дел и будучи на пути, держал в руках книгу и читал; а ты, среди множества учителей, и тогда, как другие читают тебе, представляешь мне оправдания и отговорки. Ты не понимаешь того, что говорится? Молись же, чтобы тебе понять; или лучше сказать, невозможно, чтобы ты не понимал всего, потому что многое само по себе понятно и ясно; или лучше, хотя бы ты не понимал всего, и в таком случае следует молчать, чтобы не изгнать слушающих внимательно и чтобы Бог, видя твое молчание и благоговение, сделал неясное для тебя ясным. Но ты не можешь молчать? Тогда выйди вон, чтобы не причинять вреда другим.

В церкви всегда должен быть слышим один голос, так как она есть одно тело. Потому и чтец читает один; и сам, имеющий епископство, ожидает, сидя в молчании; и певец поет один; и когда все возглашают, то голос их произносится как бы из одних уст; и беседующий беседует один. Когда же многие разговаривают о многом и различном, то для чего мы напрасно и утруждаем вас? Если бы вы не думали, что мы напрасно утруждаем вас, то вы не стали бы в то время, как мы говорим о таких предметах, разговаривать о предметах совершенно непристойных. От того у вас не только в жизни, но и в самом суждении о вещах крайний беспорядок; о ненужном вы заботитесь, истину оставляете, а за тенями и сновидениями гоняетесь.

Подлинно не тень ли и сновидения все настоящее, и даже не хуже ли тени? Оно, лишь только является, как и улетает, и прежде, нежели улетит, производит великое смятение и большее, чем (доставляемое им) удовольствие. Хотя бы кто приобрел и закопал здесь бесчисленное богатство, он, по прошествии ночи (настоящей жизни), отходит отсюда нагим, — и весьма естественно. Как обогащающиеся во сне, встав с постели, не имеют ничего, что воображали иметь во время сна, так и любостяжательные, или даже не так, а гораздо хуже. Обогащающийся во сне не имеет денег, которые воображал иметь, но встает без всяких дурных последствий от такого воображения; а тот и богатства лишается, и отходит отсюда исполненным грехов, происходящих от богатства, владея богатством в воображении, а зло, происходящее от богатства, испытывая уже не в воображении только, а в самой действительности; удовольствие было как бы во сне, а наказание за удовольствие бывает уже не во сне, а на самом опыте; или лучше сказать, даже прежде будущего наказания и еще здесь он подвергается величайшему наказанию, изнуряя себя при самом собирании богатства множеством скорбей, забот, огорчений, препятствий, неприятностей и беспокойств. Потому, чтобы нам избавиться и от этих сновидений и от зол, которые бывают уже не в сновидениях, возлюбим вместо любостяжания милостыню, вместо хищения — человеколюбие. Таким образом мы сподобимся и настоящих и будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 37

Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит (1Кор.14:34).

1. Обличив беспорядок, происходивший от языков и от пророчеств, и поставив законом, чтобы не было смятения, чтобы говорящие языками делали это порознь, а из пророчествующих один молчал бы, когда начнет другой, (апостол) переходит далее к беспорядку, производимому женщинами, пресекает неуместное их дерзновение, — и весьма благовременно. Если имеющим дарования не позволительно говорить без порядка и когда они захотят, хотя ими руководит Дух, то тем более (не позволительно) женщинам пустословить напрасно и без пользы. Потому он с великой властью удерживает их от пустословия, ссылается притом на закон, и таким образом заграждает уста их.

Здесь он не только увещевает и советует, но и повелевает с силой, приводя о том древний закон. А именно, сказав: **жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит**. Где говорит об этом закон? **К мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою** (Быт.3:16). Видишь ли мудрость Павла, как он привел такое свидетельство, которое повелевает им не только молчать, но и молчать со страхом, и притом с таким страхом, с каким надлежит безмолвствовать рабе? Потому и сам, после слов: **не позволено им говорить**, не сказал: молчать, но употребил, вместо — молчать, более значащее выражение — **а быть в подчинении**. Если же они должны быть таковы в отношении к мужьям, то тем более в отношении к учителям и отцам и общему собранию церкви. Но, скажешь, если они не могут ни говорить, ни спрашивать, то для чего им и присутствовать? Для того чтобы слушать, что следует, а о сомнительном узнавать дома у мужей. Потому он и продолжает: **если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают [о том] дома у мужей своих** (ст. 35). Им, говорит, не позволительно в церкви не только самим говорить открыто, но и спрашивать о чем-нибудь. Если же не должно спрашивать, то тем более не позволительно говорить напрасно. Почему же он поставляет их в таком подчинении?

Потому, что жена есть существо слабейшее, непостоянное и легкомысленное. Потому он и поставляет им в учители мужей и доставляет пользу тем и другим: жен делает скромными, а мужей внимательными, так как они должны с совершенной точностью передавать женам то, что услышат. Далее, так как у них считалось честью говорить в собрании, он опять доказывает противное и говорит: **ибо неприлично жене говорить в церкви**; доказывает это сначала законом Божиим, а потом общечеловеческим суждением и обычаем, как поступил он и тогда, когда беседовал с ними о волосах: или, говорил он, **не сама ли природа учит вас** (1Кор.11:14)? И везде можно видеть такой его образ речи, — что он обличает не только божественным Писанием, но и общеизвестными обычаями. Кроме того, он заимствует обличения от согласия всех и от повсюдности заповедей, как делает и здесь: **разве от вас**, говорит, **вышло слово Божие? или до вас одних достигло?** (ст. 36)? Здесь он выражает, что прочие церкви соблюдают тот же закон, и таким образом пресекает беспорядок указанием на нововведение, и делает слова свои более убедительными ссылкой на голос всех. Потому и в других местах он говорил: **послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе, как я учу везде во всякой церкви** (1Кор.4:17). И еще: **потому что Бог не есть [Бог] неустройства, но мира. Так [бывает] во всех церквах у святых** (1Кор.14:33). И здесь: **разве от вас вышло слово Божие? Или до вас одних достигло?** Т.е., вы не первые и не вы одни верные, но (такова) вся вселенная. Тоже он сказал и в послании к Колоссянам, беседуя о благовествовании: **которое пребывает у вас, как и во всем мире** (Кол.1:6). Поступает он и иначе, для увещания слушателей, указывая иногда на что-нибудь, как на принадлежащее сначала им и сделавшееся известным у всех. Так в послании к Фессалоникийцам он говорит: **от вас пронеслось слово Господне не только в Македонии и Ахаии, но и во всяком месте прошла [слава] о вере вашей в Бога** (1Фес.1:8). Также к Римлянам: **вера ваша возвещается во всем мире** (Рим.1:8). И то и другое, и похвала от других и указание на согласие с другими

в образе мыслей, может убеждать и ободрять. Потому и здесь он говорит: **разве от вас вышло слово Божие? Или до вас одних достигло?** Вы, говорит, не можете сказать: мы были учителями других и нам не следует учиться у других, или: здесь только утвердилось учение веры и нам не следует подражать примеру других. Видишь ли, как много (доводов) он привел в их обличение? Привел закон, показал постыдность дела, представил в пример прочие церкви.

2. Потом, (апостол) приводит крайний, самый сильный довод: и ныне, говорит, Бог повелевает это через меня. **Если кто почитает себя пророком или духовным, тот да разумеет, что я пишу вам, ибо это заповеди Господни. А кто не разумеет, пусть не разумеет** (ст. 37, 38). Для чего он присовокупил это? Чтобы показать, что он не принуждает и не хочет состязаться; так выражаются те, которые не свои желания стараются исполнить, но имеют в виду пользу других. Потому он и в другом месте говорит: **а если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая, ни церкви Божии** (1Кор.11:16). Впрочем не везде он поступает так, но только там, где проступки были не очень велики, притом и в таких случаях более пристыжает; когда же говорит о других (преступлениях), то выражается не так, — а как? **Не обманывайтесь: ни блудники, ни малакии Царства Божия не наследуют** (1Кор.6:9); и еще: **вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа** (Гал.5:2). Но здесь, так как у него была речь о молчании, он не очень сильно укоряет (слушателей), и тем самым еще более располагает их к себе. Далее, как он всегда делает, возвращается к прежнему предмету, который подал ему повод говорить об этом, и продолжает: **итак, братия, ревнуйте о том, чтобы пророчествовать, но не запрещайте говорить и языками** (ст. 39). Так он обыкновенно поступает: занимается не одним предметом, но, отступая от него, дает наставление и о том, что каким-нибудь образом кажется ему прикосновенным, а потом опять обращается к прежнему, чтобы не показалось, что он уклоняется от предмета. Например, беседуя о единодушии при трапезах, он сделал отступление, начав говорить о приобщении тайн, и, предложив о них наставление, опять обратился к прежнему и сказал: **посему, братия мои, собираясь на вечерю, друг друга ждите** (1Кор.11:33). Так и здесь, сказав о благочинии в употреблении дарований и о том, что не должно ни скорбеть при малых дарованиях, ни гордиться при великих, он потом делает отступление, начиная говорить о благопристойности, приличной женщинам, и, предложив об этом наставление, возвращается к прежнему предмету: **итак**, говорит, **братия, ревнуйте о том, чтобы пророчествовать, но не запрещайте говорить и языками**. Видишь ли, как он до конца соблюдает различие (между этими дарованиями), и как внушает, что первое весьма необходимо, а последнее не так необходимо? О первом говорит: ревнуйте, а о последнем: **не запрещайте**. Потом, как бы в совокупности предлагая все наставления, присовокупляет: вся же благообразно и по чину да бывают (ст. 40). Здесь он опять укоряет тех, которые имеют суетное желание производить бесчиние, безрассудно домогаются славы и не соблюдают собственного места.

Ничто так не созидает, как благочиние, как мир, как любовь, а все противоположное им производит разрушение. Это можно видеть не только на предметах духовных, но и на всех других. Если нарушишь порядок в хоре (поющих), или на корабле, или на колеснице, или в войске, если большее отклонишь от его положения и поставишь на место его меньшее, то расстроишь и низвратишь все. Не будем же и мы расстраивать порядка, не будем ставить голову внизу, а ноги вверху. А это бывает тогда, когда здравый разум мы повергаем вниз, а порочные пожелания — раздражительность, гнев, сластолюбие — ставим выше разума, отчего и происходит великое смятение, сильное волнение, неукротимая буря, и все покрывается мраком. Но, если угодно, посмотрим наперед, какой происходит отсюда стыд, а потом — какой вред. Чем бы нам объяснить это и сделать совершенно очевидным? Представим себе человека, одержимого любовью к блуднице и

преданного этой безумной страсти, и тогда увидим, как он смешон. Что в самом деле может быть позорнее для человека, как стоять перед жилищем блудницы, получать удары от развратной женщины, плакать, рыдать и унижать честь свою? Если хочешь видеть и вред, то представь трату денег, крайние опасности, борьбу с соперниками, удары и раны, получаемые в таких состязаниях. Тоже бывает и с теми, которые преданы страсти к деньгам, или даже они терпят еще больший вред. Те бывают преданы заботам об одном теле; а сребролюбцы разведывают одинаково об имуществе всех, и бедных и богатых, и домогаются даже вещей несуществующих, что особенно и служит признаком безумной страсти. Они не говорят: мы желали бы иметь богатство такого-то, и только такого-то, а хотят, чтобы стали золотом и горы, и дома, и все видимые вещи, простираются далее пределов мира, страдают этой болезнью бесконечно и нигде не останавливаются в своих желаниях. Какое слово изобразит бурю таких помышлений, эти волны, этот мрак? А где волны и такая буря, там какое может быть удовольствие? Не может быть никакого, а напротив — смятение, страдания и мрачные облака, приносящие вместо дождя великую скорбь. Тоже обыкновенно бывает и с любящими чужую красоту. Потому совсем не предающиеся любви наслаждаются большим удовольствием, нежели предающиеся ей. Против этого возражать никто не станет. Я же скажу, что и любящий, но удерживающий страсть свою, больше получает удовольствия, нежели тот, кто постоянно обращается с блудницей. Хотя очень трудно, однако надобно постараться объяснить это; трудно не по существу самого предмета, но потому, что нет достойных слушателей такого любомудрия.

3. Что, скажи мне, приятнее для любящего, подвергаться ли презрению от любимой женщины, или пользоваться уважением и пренебрегать ею? Очевидно, последнее. Кого же, скажи мне, более будет уважать блудница, того ли, кто раболепствует ей и уже сделался ее пленником, или того, кто избегает ее сетей и парит выше стрел ее? Очевидно, последнего. Кому она окажет более внимания, тому ли, который пал, или тому, который еще не пал? Конечно тому, который еще не пал. Кого более она будет стараться привлечь к себе, побежденного или еще не плененного? Конечно, еще не плененного. Если не верите, то я представлю доказательство из вашего опыта. Какую жену более любит муж, ту ли, которая легко уступает и отдается ему, или ту, которая возражает и с трудом ему уступает? Очевидно, последнюю, потому что в этом случае пожелание сильнее воспламеняется. То же самое бывает и с женщинами: более уважения и удивления они окажут тому, кто пренебрегает ими. Если же это справедливо, то равным образом справедливо и то, что более уважаемый и любимый наслаждается большим удовольствием.

Военачальник скоро оставляет город, уже взятый, а твердо стоящий и сопротивляющийся осаждает всеми силами; и охотник пойманного зверя запирает и держит во мраке, как блудница своего любовника, а за убегающим гоняется. Но, скажешь, первый получает желаемое удовольствие, а последний не получает.

А не подвергаться позору, не раболепствовать самовластным приказаниям блудницы, не позволять ей водить себя, как пленного раба, и при этом не терпеть заушений, заплеваний, ударов в голову, неужели, скажи мне, ты считаешь малым удовольствием? Подлинно, если бы кто тщательно исследовал и имел возможность собрать вместе все их оскорбления, укоризны, постоянные неудовольствия, происходящие от душевной раздражительности и от телесного расслабления, ссоры, и все прочее, что знают только испытавшие, то увидел бы, что во всякой войне бывает более перемирий, нежели в их несчастной жизни. О каком же, скажи мне, ты говоришь удовольствии? О том ли, кратком и мгновенном, которое (происходит) от удовлетворения страсти? Но за ним тотчас следует борьба, волнение, раздражение и опять тоже неистовство. Все это мы говорим, как бы беседуя с невоздержными юношами, которые не очень любят слушать слова о

царстве (небесном) и геенне; но если мы представим и это, тогда невозможно будет выразить словами, как велико удовольствие целомудренных, когда они воображают себе венцы, награды, беседы с ангелами, прославление по вселенной, дерзновение, благие и бессмертные надежды. Но удовлетворение страсти заключает в себе некоторое, удовольствие, — это часто повторяют, — а целомудренный не может постоянно бороться с силой природы. Напротив, блудник более подвергается насилию и борьбе: в его теле бывает великое смятение; его состояние гораздо хуже всякого волнующегося моря; его страсть никогда не успокаивается, но постоянно тревожит его, подобно беснующимся и непрестанно терзаемым злыми духами. А целомудренный, постоянно преодолевая ее, как мужественный подвижник, вкушает радость превосходнее и приятнее тысячи подобных наслаждений, всегда восхищается своей победой, спокойной совестью и славными трофеями. У того, если он после удовлетворения страсти несколько успокаивается, такое спокойствие бывает ничтожно, потому что скоро опять наступает буря, опять волнение. А любомудрствующий не дозволяет даже начинаться этому смятению, даже волноваться этому морю, даже поднимать рев этому зверю. Хотя и он переносит некоторую борьбу, удерживая такое стремление, но (не такую, какую) тот, постоянно мятущийся, возбуждающийся и не выносящий раздражения. Он бывает подобен человеку, который удерживает уздой дикого коня, разъяренного и сопротивляющегося, и останавливает его с великим искусством, а кто уступает ему, избегая такого труда, того конь увлекает и носит повсюду. Пусть никто не осуждает, если все это я сказал яснее надлежащего; я хочу отличаться не чистотой слов, но сделать слушателей чистыми.

4. Потому и пророки не избегают ни одного из таких слов, желая прекратить развращение иудеев, но обличают их еще откровеннее, нежели мы теперь в нами сказанном. Врач, желая исцелить гнилую рану, не заботится о том, чтобы сохранить руки свои чистыми, но чтобы избавить больного от гниения; желающий сделать гордого смиренным наперед сам смиряется; старающийся поразить злоумышленника обагряет кровью и себя вместе с ним, и тем заслуживает большую честь; и воина, возвращающегося с войны, если кто увидит обрызганным (человеческими) соками, кровью и мозгом, то не будет презирать его, не отвратится он него за это, но еще более станет удивляться ему. Так будем поступать и мы: когда увидим, что кто-нибудь, умертвив похоть, идет обагренным кровью, то будем еще более удивляться ему, примем участие в его борьбе и победе и скажем преданным сладострастию: покажите нам, какое удовольствие от страсти.

Целомудренный получает (удовольствие) от победы, а ты ниоткуда. Вы указываете на (удовольствие), происходящее от удовлетворения страсти; но то (удовольствие) очевиднее и продолжи тельнее. Ты получаешь от удовлетворения страсти (удовольствие) кратковременное и даже незаметное, а он от своей совести — высшую, непрестанную и сладчайшую радость. Подлинно, не обращение с женщиной, а любомудрие может сохранить душу невозмутимой и окрылить. Таким образом он, как я сказал, ясно обнаруживает перед нами удовольствие; на тебе же скорбь поражения вижу, а удовольствие желаю видеть, но не нахожу. В какое время думаешь ты найти это удовольствие? Прежде ли удовлетворения страсти? Но нет; тогда — время неистовства, бешенства и умоисступления; скрежет зубов и исступление не служат знаком удовольствия; если бы тогда было время удовольствия, то не происходило бы с тобой того, что испытывают страждущие; ведь зубами скрежещут вступившие в борьбу и поражаемые, да еще тоже самое делают рожающие жены, мучимые болезнями рождения; следовательно это не составляет удовольствия, но скорее неистовство, исступление и смятение. Или это время после того (удовлетворение страсти)? Но и тогда нет; о жене родившей мы не можем сказать, что она чувствует удовольствие, но она только освобождается от болезней рождения; это — совсем не удовольствие, а скорее слабость и изнеможение; но велико различие между тем и другим. Какое же, скажи мне, время этого

удовольствия? Нет никакого, а если и есть, то оно так кратко, что даже незаметно. Сколько мы ни старались найти и уловить его, не могли. Но удовольствие целомудренного не таково: оно продолжительно и очевидно для всех или, лучше, вся жизнь его проходит в удовольствии, потому что у него совесть торжествует, волнение успокоилось, и никакое смятение не тревожит его ниоткуда. Итак, если он более наслаждается удовольствием, а сластолюбец подвергается скорби и смятению, то будем избегать невоздержания и хранить целомудрие, чтобы нам сподобиться и будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 38

Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли, в котором и утвердились, которым и спасаетесь, если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам, если только не тщетно уверовали (1Кор. 15:1-2).

1. Окончив речь о духовных (дарованиях, апостол) переходит к предмету самому важному, к учению о воскресении, потому что (коринфяне) и в этом отношении были весьма немощны. Как в телах, когда горячка коснется самых основных частей его, т.е. нервов, жил и первых стихий, зло делается неисцельным, если не приложишь великого попечения, так и здесь предстояла подобная опасность, потому что зло простерлось до самых оснований благочестия. Потому Павел и прилагает великое попечение; ему нужно было говорить уже не о житейских предметах, не о том, что один впал в прелюбодеяние, другой в корыстолюбие, третий покрывал свою голову, но о самом главном благе, потому что (коринфяне) разногласили касательно самого воскресения.

Так как в нем заключается вся наша надежда, то диавол сильно восставал против него, и иногда совершенно отвергал воскресение, а иногда говорил, что оно уже было. В послании к Тимофею, Павел назвал это нечестивое учение гангреною и указал распространителей его: **и слово их, как рак, будет распространяться. Таковы Именей и Филит, которые отступили от истины, говоря, что воскресение уже было, и разрушают в некоторых веру** (2Тим.2:17,18). Иногда они это говорили, а иногда — будто тело не воскреснет, и будто воскресение есть очищение души. Такое учение внушал им злой демон, желая не только отвергнуть воскресение, но и представить басней все, совершенное для нас. Если бы поверили, что нет воскресения тел, то он мало-помалу убедил бы, что и Христос не воскрес, а отсюда простираясь далее, вывел бы, что (Христос) не приходил и не совершал того, что Он совершил.

Такова злоба диавола! Потому Павел называет действия его кознями (Ефес.6:11), так как он не обнаруживает прямо того, что хочет совершить, чтобы не быть изобличенным, но, принимая на себя некоторую личину, производит нечто другое, подобно как коварный враг, приступив к городу и стенам, тайно подкапывается снизу, чтобы таким образом не быть замеченным и успеть в своем предприятии. Но этот чудный и великий муж всегда открывал такие сети его и преследовал злые козни его: **чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы** (2 Кор.2:11).

Так и здесь он открывает все лукавство его, показывает все его хитрости, обнаруживает все его намерения и преследует все с великим тщанием; потому и говорит об этом предмете после других, что он самый важный и составляет для нас все. И посмотри на мудрость (апостола): он утверждает наперед своих, а потом, продолжая речь, сильно заграждает уста и внешним (язычникам). Своих он утверждает не рассудочными доказательствами, но указанием на события, на то, что они сами уже приняли и чему

уверовали, как действительному. Это было весьма поразительно и достаточно для их убеждения: ведь если бы они после того не стали верить, то не стали бы верить уже не Павлу, а самим себе, это же послужило бы к осуждению их, принявших однажды и потом отступивших. Потому он и начинает отсюда речь, показывая, что нет нужды в других свидетелях для доказательства истины слов его, кроме их самих, впадающих в заблуждение. Но чтобы сказанное мной было яснее, надобно выслушать сами слова (апостола). Какие же это (слова)? **Напоминаю вам,** говорит, **братия**, **Евангелие, которое я благовествовал вам**. Видишь ли, с какой кротостью он начинает? Видишь ли, как в самом начале внушает, что он не преподает ничего нового или странного? Кто говорит о чем-нибудь уже известном, но забытом впоследствии, тот словами своими только напоминает о том.

Называя их братиями, он и этим самым немало подтверждает слова свои. Мы стали братьями не иначе, как через домостроительство воплощения Христова. Таким названием он с одной стороны смиряет и успокаивает их, а с другой напоминает им о бесчисленных благах. И следующее выражение также служит подтверждением. Какое же это? Благовествование. Сущность благовествований состоит в том, что Бог соделался человеком, был распят и воскрес. Об этом благовествовал Гавриил Деве; это возвещали вселенной пророки и все апостолы. **Которое вы и приняли, в котором и утвердились, которым и спасаетесь, если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам, если только не тщетно уверовали**. Видишь ли, как он призывает их самих в свидетели слов своих? Не говорит: что вы слышали, но: **приняли**, требуя от них как бы некоторого залога и выражая, что к принятию этого убедились не только словом, но и делами, знамениями и чудесами, и потому должны твердо держать это.

2. Напомнив о прежнем, (апостол) далее указывает на настоящее: **в котором и утвердились**, говорит, предупреждая их, что они не могут отвергнуть того, хотя бы весьма хотели. Потому и в начале он не сказал: научаю вас, но: **благовествовал** вам, т.е. то, что уже известно. Как же он колеблющихся называет стоящими? Он показывает вид незнания, для пользы их, подобно как поступает и в отношении к галатам, только иным образом. Там неудобно было показать вид незнания и потому он говорит иначе: **все, утверждающиеся на делах закона, находятся под клятвою** (Гал.3:10). Не говорит: *ничто другое разумеете*, — потому что их заблуждение было известно и очевидно, — но ручается за будущее; и, хотя оно неизвестно, но (делает это), чтобы более расположить их к себе. Здесь же показывает вид незнания и говорит: **в котором и утвердились**; затем (напоминает) о пользе: **и спасаетесь, если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам**, — следовательно, предлагаемое теперь наставление есть только пояснение и истолкование. Вы, говорит, не имеете нужды в том, чтобы я преподал вам самый догмат, но чтобы напомнил вам о нем и исправил; говорит это, не желая вдруг пристыдить их. Что значит: **как я благовествовал вам**? Каким образом я, говорит, проповедовал вам действительность воскресения; что воскресение было, в этом вы, кажется, не сомневаетесь; но вы, может быть, желаете только яснее уразуметь сказанное; это я и сделаю; а сам догмат, как я вижу ясно, вы содержите. Далее, чтобы после слов его: **в котором и утвердились**, они не сделались беспечными, он опять внушает им страх: **если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам, если только не тщетно уверовали**, и тем показывает, что зло касается главного предмета, что дело идет не о чем-нибудь маловажном, но о целой вере. Здесь он говорит об этом кратко, а далее, воспламеняясь, взывает открыто и говорит: **если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших**. Но в начале не так (говорил), потому что полезнее было идти вперед спокойно и мало-помалу. **Ибо я первоначально преподал вам, что и**

[сам] принял (ст. 3). И здесь не говорит: я вам сказал, или: я научил вас, но опять употребляет тоже выражение: **преподал вам, что и [сам] принял**. И не говорит также: я научился, но: **принял**, внушая две мысли, — ту, что ничего не должно вводить от себя, и ту, что они убеждались в истине не одними словами, но и делами; и таким образом, мало-помалу делая слова свои достоверными, относит все ко Христу и показывает, что из догматов нет ни одного человеческого. Что значит: **первоначально преподал вам**? Т.е. в начале, а не теперь. Здесь он указывает как на свидетеля на время и внушает, что крайне постыдно изменять вере после того, как верили столь долгое время, и не только это, но и то, что догмат необходим; потому он и преподан между первыми и в самом начале. Что же, скажи мне, ты предал?

Но это объясняет он не вдруг, а наперед говорит: **что и [сам] принял**.

Что же ты принял? **Христос умер за грехи наши**. Не говорит прямо: будет воскресение тел наших, но доказывает это издалека и посредством других (истин): **что**, говорит, **Христос умер**, и тем полагает великое основание и непоколебимую опору учения о воскресении. И не просто говорит: **что Христос умер**, хотя и это служит достаточным доказательством воскресения, но с прибавлением: **что Христос умер за грехи наши**.

Впрочем, прежде надобно выслушать, что говорят об этом зараженные манихейской (ересью), враги истины, восстающие против собственного спасения. Что же говорят они? Смертью, говорят, Павел называет здесь не что иное, как пребывание во грехе, а воскресением — освобождение от грехов. Видишь ли, как заблуждение бессильно, как оно уловляется собственными своими сетями и не требует постороннего нападения, но поражает само себя? Смотри, как и эти люди поражают сами себя собственными своими словами. Если точно в этом состоит смерть, и если, как вы думаете, Христос не принял тела, и однако умер, то следует, по вашему, что Он был во грехе. Я утверждаю, что Он принял тело, и говорю, что смерть Его была телесная; а ты, отвергая это, по необходимости должен утверждать сказанное.

Если же Он был во грехе, то как Он говорит: **кто из вас обличит Меня в неправде?** (Ин.8:46), и еще: **идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего** (Ин.14:30); и еще: **надлежит нам исполнить всякую правду** (Мф.3:15)? И как Он умер за грешников, если сам был во грехах? Умирающему за грешников нужно быть самому безгрешным, потому что кто сам грешник, тот как умрет за других грешников? Если же Христос умер за грехи других, то Он умер, будучи сам безгрешен; а если Он умер, будучи безгрешен, то умер не смертью греха, — как это могло быть с безгрешным? — но смертью телесной.

Потому и Павел сказал не просто: **умер**, но присовокупил: **за грехи наши**, и тем заставляет их невольно признать телесную смерть (Иисуса Христа) и показывает, что Он и прежде смерти был безгрешен, так как тому, кто умирает за чужие грехи, следует самому быть безгрешным. Не останавливаясь и на этом, (апостол) присовокупляет: **по Писанию**, подтверждая этим еще более истинность слов своих и показывая, о какой он говорит смерти. Писание везде говорит о (смерти Христовой) телесной; например, оно говорит: **пронзили руки мои и ноги мои** (Пс.21:17), и еще: **воззрят на Того, Которого пронзили** (Ин.19:37).

3. Не станем исчислять порознь всех других мест, из которых одни словами, а другие преобразованиями, в них заключающимися, доказывают, что Христос умер плотью и что Он умер за грехи наши. **За преступления**, говорится (в Писании), **народа Моего претерпел казнь**; и еще: **Господь возложил на Него грехи всех нас**; и еще: **Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши** (Ис.53:8,6,5).

Если же ты не хочешь верить Ветхому Завету, то послушай Иоанна, который, взывая, показывает ясно то и другое, и смерть телесную и ее причину: **вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира** (Ин.1:29): послушай Павла, который говорит: **не знавшего греха Он сделал для нас [жертвою за] грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом** (2Кор.5:21); и еще: **Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою** (Гал.3:13); и еще: **отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору** (Кол.2:15); и весьма многие другие места доказывают, что смерть Христова была телесная и притом за грехи наши. Так сам Он говорит: **и за них Я посвящаю Себя** (Ин.17:19); также: **князь мира сего осужден** (Ин.16:11), и тем выражает, что Он умер, не имея греха. **И что Он погребен был** (ст. 4). И это подтверждает вышесказанную мысль, потому что погребение, конечно, свойственно телу. Здесь (апостол) не прибавил: **по Писанию**; хотя мог бы, однако не прибавил. Почему? Или потому, что гроб всем известен и тогда и теперь, или потому, что слово: **по Писанию** относится ко всему вообще. Почему же далее он прибавляет — **по Писанию**: **и что воскрес в третий день, по Писанию**, — а не довольствуется первым, сказанным о всем вообще? Потому, что и это многим было неизвестно; здесь он указывает на Писание по вдохновению, внушая мудрую и божественную мысль. Не то же ли самое Он делает и касательно смерти? И там крест был всем известен, потому что Христос распят на глазах всех, а причина не всем была известна; что Он умер, это все знали, а что Он претерпел смерть за грехи вселенной, этого многие еще не знали; потому (апостол) и приводит свидетельство из Писаний. Впрочем это уже достаточно объяснено сказанным нами. Где же в Писаниях сказано, что Христос будет погребен и в третий день воскреснет? В прообразе Ионы, на который указывает сам (Христос), когда говорит: **как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи** (Мф.12:40); в прообразе купины в пустыне: как она горела и не сгорала, так и тело (Христово) было мертво, но не удержано смертью навсегда (Исх.3); в прообразе змия, бывшего при Данииле: как он, приняв пищу, данную ему пророком, расселся, так и ад, приняв тело (Христово), распался, потому что тело расторгло чрево его и воскресло. Если же ты хочешь и в словах слышать то, что видишь в прообразах, то послушай Исаию, который говорит: **Он отторгнут от земли живых** (Ис.53:8); и еще: **Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда же душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит потомство долговечное, и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его. На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет** (Ис.53:10,11); также — Давида, который еще прежде сказал: **Ты не оставишь душу мою в аду и не дашь преподобному Твоему видеть тление** (Пс.15:10). Потому и Павел отсылает тебя к Писаниям, чтобы ты знал, что это совершилось не просто и не напрасно. Да и могло ли быть так, если столь многие пророки преднаписали и предвозвестили это, и если Писание, упоминая о Владычной смерти, нигде не говорит о смерти греховной, но везде о телесной, и таком же погребении и воскресении? **и что явился Кифе** (ст. 5): прежде всех указывает, на свидетеля самого достоверного. **Потом явился более нежели пятистам братий в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили; потом явился Иакову, также всем Апостолам; а после всех явился и мне, как некоему извергу** (ст. 6-8). Приведя доказательства из Писаний, (апостол) присовокупляет доказательство от событий, после пророков приводит в свидетели воскресения апостолов и других верных людей. А если бы под воскресением он разумел освобождение от греха, то излишне было бы говорить: **явился** такому-то и такому-то; говорить так свойственно доказывающему телесное воскресение, а не беседующему об освобождении от греха.

4. Потому он не однажды сказал: **явился**, хотя достаточно было употребить это выражение и однажды о всех вообще, но повторяет его два и три раза и почти о каждом из

видевших: **явился**, говорит, **Кифе**, **явился более нежели пятистам братий в одно время**, **явился и мне**. Как же в Евангелии напротив говорится, что (Христос) прежде всех явился Марии? Но из мужей — прежде всех (Петру), который особенно желал видеть Его. О каких одиннадцати апостолах говорит здесь (Павел), когда Матфий избран уже после вознесения Христова, а не тотчас после воскресения? Но, вероятно, Он являлся и после вознесения; следовательно этот самый апостол после вознесения и избран и видел Его. Павел не указывает времени, а просто и неопределенно исчисляет явления» которых, вероятно, было много; потому и Иоанн говорит: **уже в третий раз явился** (Ин.21:14). Потом **явился более нежели пятистам братий**.

Некоторые говорят, что слово: **более** (επάνω) означает свыше, с небес, — то есть явился им, не по земле шествуя, но вверху, над их головой, потому что Он хотел уверить их не только в своем воскресении, но и вознесении, Другие же утверждают, что более пяти сот значит: более нежели пятистам. **Из которых большая часть доныне в живых**; хотя, говорит, я повествую о прошедших событиях, но имею свидетелей еще живущих. **А некоторые и почили**; не сказал: умерли, но: **почили**, утверждая также и этим выражением истину воскресения. **Потом явился Иакову**, — мне кажется, брату своему; его, говорят, Он сам рукоположил и поставил первым епископом в Иерусалиме. **Также всем Апостолам**, потому что были и другие апостолы, именно семьдесят. **А после всех явился и мне, как некоему извергу**; это говорит он более по смиренномудрию. Не потому Христос явился ему после других, будто он был ниже всех; хотя он называет себя последним, но оказался славнее многих, призванных прежде него, и даже — всех; и пятьсот братии не лучше Иакова потому, что Христос явился им прежде него. А почему Христос не явился всем вместе? Чтобы предварительно посеять семена веры. Кто первый видел Его и совершенно удостоверился, тот говорил о том другим; потом сказанное распространялось, производило в слушающих ожидание этого великого чуда и пролагало путь вере в (Его) явление. Потому Христос и явился не всем вместе и не многим в начале, но прежде всех одному только, именно верховному из всех и вернейшему. Самой верной душе надлежало первой сподобиться такого явления. Те, которые увидели после того, как видели другие и когда уже слышали от них, в свидетельстве их имели немалое пособие, располагавшее к вере и предуготовлявшее душу, а кто первый сподобился видеть Господа, тому, как я сказал, нужна была великая вера, чтобы не смутиться от необычайного зрелища. Потому Христос явился прежде всех Петру. Кто первый исповедал его Христом, тот справедливо первый удостоился видеть и воскресение Его. И не поэтому только (Христос) явился прежде всех ему одному, но и потому, что он отрекся; чтобы совершенно утешить его и показать, что он не отвергнут, (Христос) удостоил его Своего явления прежде других, и ему первому вверил овец. Потому и женам Он явился первым; так как пол их подвергался унижению, то он первый сподобился благодати и при рождении и при воскресении (Христовом). После Петра (Христос) явился и каждому порознь, и немногим, и многим, чтобы они сделались друг для друга свидетелями и учителями в этом деле, и чтобы апостолы были проповедниками достоверными. **А после всех явился и мне, как некоему извергу**. Что хочет он сказать здесь такими смиренномудрыми словами, и по какому поводу? Если он хочет показать себя достоверным и причислить себя к свидетелям воскресения, то следовало бы сделать противное, следовало бы превознести и возвеличить себя, как он делает во многих местах, когда требуют обстоятельства. И здесь он уничижает себя потому, что намеревается сделать тоже самое, только не вдруг, а со свойственным ему благоразумием. А именно, уничижив наперед себя и высказав по отношению к себе много укоризн, он потом возвеличивает дела свои. Для чего? Для того чтобы когда он скажет о себе великое и высокое изречение: **но я более всех их потрудился**, слова его были несомненными и приняты, как бы сказанные по ходу речи, а не преднамеренно. Так и в послании к Тимофею, намереваясь сказать о себе нечто великое, он наперед излагает свои проступки.

Кто говорит что-нибудь великое о других, тот говорит смело и дерзновенно: а кто принужден хвалить самого себя, особенно когда представляет себя в свидетели, тот стыдится и краснеет. Потому и этот блаженный (муж) наперед уничижает, а потом возвеличивает себя. Он делает это как для того, чтобы смягчить неприятность самовосхваления, так и для того, чтобы через то придать достоверность последующим словам своим; сказав неложно о том, что достойно осуждения, и не скрыв ничего такого, например, что он гнал церковь, что истреблял веру, он делает через то несомненными и достохвальные дела свои.

5. И, смотри, как велико его смиренномудрие. Сказав: **а после всех явился и мне**, он не удовольствовался этим, — так как **многие же**, говорит (Господь), **будут первые последними, и последние первыми** (Мф.19:30), — но присовокупляет: **как некоему извергу**; и на этом не останавливается, но присоединяет собственное суждение и приводит причину: **ибо я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию** (ст. 9). Не сказал: только двенадцати, но — и всех прочих. Все это он говорит как по смирению, так и с тем намерением, о котором я сказал, т.е. чтобы расположить (слушателей) к скорейшему принятию последующих слов. Если бы он вместо этого сказал: вы должны верить мне, что Христос воскрес, потому что я видел Его, и я достовернее всех (свидетелей), потому что потрудился более всех, то мог бы такими словами оскорбить слушателей. А теперь, изображая наперед обстоятельства, служащие к его уничижению и осуждению, он и смягчает речь свою и пролагает путь к вере в его свидетельство. Потому, как я сказал, он не просто представляет себя последним и недостойным наименования апостола, но приводит причину: **потому что гнал церковь Божию**. И хотя все это было прощено ему, однако он сам отнюдь не забывает того, желая показать величие благодати; потому и продолжает: **но благодатию Божиею есмь то, что есмь** (ст. 10). Видишь ли опять, как велико и здесь его смиренномудрие? Недостатки он приписывает самому себе, а добродетели не себе, но Богу. Далее, чтобы слушатель не сделался от того беспечным, говорит: **и благодать Его во мне не была тщетна**, — и опять (говорит) со смирением. Не сказал; я показал ревность, достойную благодати, но: **не была тщетна**. **Но я более всех их потрудился**.

Не сказал: почтен, но: **потрудился** и, имея право указать на смертные опасности, ограничивается названием труда. Потом, с обычным смиренномудрием, и об этом тотчас перестает говорить и приписывает все Богу: **не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною**. Что может быть удивительнее этой души?

Столько уничижив себя и сказав только об одной своей заслуге, он и ее не называет своей, всячески ослабляя величие сказанного выражения как предыдущими, так и последующими словами, и притом тогда, как высказал это по необходимости. Смотри, как он изобилует словами смиренномудрия: **а после всех**, говорит, **явился и мне**, — таким образом ни с кем другим не равняет себя, и: **как некоему извергу**, — признает себя последним из апостолов и даже недостойным такого наименования. Не довольствуясь этим, но желал показать, что он смиренномудрствует не на словах только, приводит причины и доказательства: изверг — потому, что после всех видел Иисуса; недостоин наименования апостола — потому, что гнал церковь. Кто смиряется только на словах, тот не так поступает; а кто приводит и причины, тот говорит все от сокрушенного сердца. Он упоминает о том же и в другом месте: **благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик** (1Тим.1:12,13). Почему же он произнес те высокие слова: **более всех их потрудился**? Обстоятельства побуждали его к тому. Если бы он не сказал этого, а только уничижил бы себя, то как он мог бы с дерзновением приводить себя в свидетели, ставить себя наряду с другими и сказать: **по**

славному благовестию блаженного Бога, которое мне вверено (ст. 11)? Свидетелю нужно быть человеком достоверным и великим. А как он потрудился более их, это он объяснил выше, когда говорил: **или мы не имеем власти есть и пить как и прочие Апостолы?** И еще: **для чуждых закона - как чуждый закона, - не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, - чтобы приобрести чуждых закона** (1Кор.9:4,21). Где надлежало показать ревность, там он превзошел всех; и где надлежало оказать снисхождение, там он опять был превосходен. Впрочем некоторые говорят, что он послан был к язычникам и обошел большую часть вселенной; потому и получил большую благодать.

Подлинно, если он более потрудился, то благодать была больше; а большую получил он благодать потому, что показал более ревности. Видишь ли, как то самое, чем он старается и усиливается прикрыть свои дела, доказывает, что он был первый из всех?

6. Слыша это, будем и мы недостатки свои открывать, а о добродетелях умалчивать; если же потребуют обстоятельства, то будем говорить о них скромно, и все приписывать благодати, как делает апостол: прежнюю свою жизнь он изображает подробно, а все последующее приписывает благодати, чтобы во всем показать человеколюбие Бога, Который спас такого (грешника), и спасши сделал его таким (праведником). Потому пусть никто из порочных не отчаивается, и никто из добродетельных не надеется на себя, но пусть и последний будет осторожен, и первый ревностен. Как беспечный не может устоять в добродетели, так и ревностный не может быть бессильным в избежании порока.

Пример того и другого — блаженный Давид: он, как скоро допустил небольшую беспечность, глубоко пал; а когда предался сокрушению, то опять взошел на прежнюю высоту. То и другое, и отчаяние и беспечность, одинаково худо; одно скоро низвергает с самой высоты небесной, а другое не позволяет восстать лежащему. Потому о первом Павел сказал: **посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть** (1Кор.10:12); а о втором: **ныне, если голос Его услышите, не ожесточайте сердец ваших** (Пс.94:7,8); и еще: **укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени** (Евр.12:12). Потому и покаявшегося кровосмесника он скоро ободрил, **дабы он не был поглощен чрезмерною печалью** (2Кор.2:7). Итак, человек, для чего ты скорбишь о других вещах? Если и в отношении к грехам, где скорбь единственно полезна, неумеренность причиняет великий вред, то тем более в остальном. О чем же скорбишь ты? О том ли, что потерял имущество? Но представь тех, которые не имеют даже насущного хлеба, и ты тотчас получишь утешение. И при каждом бедствии не печалься о том, что случилось, а благодари за то, чего не случилось. Ты владел имуществом и лишился его? Не плачь о потере, а благодари за то время, в которое пользовался им.

Скажи с Иовом: **неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать** (2:10)? Вместе с тем размысли и о том, что, хотя ты потерял имущество, но тело твое пока еще здорово, и при бедности ты еще не страдаешь расстройством тела. Или тело твое также потерпело расстройство? И это не край бедствий человеческих, но еще ты находишься пока в середине их; многие при бедности и телесном расстройстве бывают еще одержимы бесом и скитаются в пустынях; иные же терпят другие тягостнейшие (бедствия). Не дай Бог нам терпеть все, что возможно терпеть! Таким образом, помышляя всегда об этом, представляй тех, которые терпят тягчайшие (бедствия), и не скорби ни о чем подобном; когда согрешишь, тогда только сокрушайся, тогда плачь; этого я не запрещаю, напротив — требую; впрочем и тогда — с умеренностью, помня, что есть обращение, есть примирение. Но ты видишь других в роскоши, в светлых одеждах и в великолепии, а себя в бедности? Не на это только смотри, но и на происходящие от того

неприятности; равно и в бедности принимай в соображение не только нищету, но и происходящие от нее приятности.

Богатство имеет только наружность светлую, внутри же исполнено мрака; а бедность напротив. Если бы открылась перед тобой совесть каждого, то в душе бедного ты увидел бы великое спокойствие и безопасность, а в душе богатого смятение, смущение, волнение. Ты скорбишь, видя богатого, а он гораздо больше тебя скорбит, видя того, кто богаче его; сколько ты боишься его, столько же он боится другого, — в этом отношении он не имеет никакого преимущества перед тобой. Видя начальника, ты скорбишь, что ты человек частный и подчиненный? Но подумай о дне, когда все переменится, и еще прежде

того дня представь смятения, опасности, труды, ласкательства, бессонницы и все другие неприятности его. Впрочем, все это мы говорим тем, которые не знают любомудрия; если бы ты знал его, то мы могли бы утешить тебя другими высшими побуждениями; но теперь пока нужно представлять тебе побуждения низшие. Итак, когда ты видишь богатого, то представь и того, кто богаче его, и увидишь, что он в таком же положении, как и ты. Затем представь того, кто беднее тебя, и сколько людей засыпают голодными, теряют отцовские имения, живут в темнице и каждый день желают смерти. Ни бедность не рожает печали, ни богатство — удовольствия; но то и другое зависит обыкновенно от нашего рассуждения. Начнем снизу и посмотрим.

Мусорщик скорбит и сетует, что не свободен от своего, по-видимому, тягостного и бесчестного занятия; но, если освободишь его от этого и доставишь ему достаток в предметах необходимых, он опять станет скорбеть о том, что не имеет более чем необходимо; если доставишь ему больше, он опять захочет иметь вдвое и потому будет печалиться не менее прежнего; если дашь ему вдвое или втрое, он вновь будет скорбеть, что он не чиновник; если доставишь ему и это, он будет почитать себя несчастным, что не принадлежит к числу сановников; получив и это достоинство, будет сетовать о том, что он не правитель; когда сделается правителем, — о том, что управляет не целым народом; когда и целым народом, — о том, что не многими народами; когда многими народами, — о том, что не всеми; когда сделается главным правителем, станет опять скорбеть, что он не царь; если сделается царем, — о том, что он не один; если будет один, — о том, что он не царствует также над варварами и над всей вселенной; если бы над всей вселенной, — о том, почему и не над другим еще миром? Таким образом замыслы его, простираясь в бесконечность, никогда не дозволят ему быть довольным.

7. Видишь ли, что, сделав даже царем человека низкого и бедного, не избавишь его от скорби, если не исправишь наперед его души, преданной любостяжанию? Теперь изображу тебе противное и покажу, что благоразумный человек, хотя бы ты низверг его с высоты вниз, не предастся скорби и печали. Будем, если угодно, нисходить по той же лестнице. Низведи мысленно правителя с седалища и лиши его этого звания; он нисколько

не будет скорбеть, если захочет представлять сказанное мной, потому что будет представлять не то, чего лишился, а то, что еще остается у него, именно честь свойственную власти; если отнимешь и ее, он будет представлять себе людей частных, никогда не достигавших такой власти, и найдет достаточное утешение в своем богатстве; если лишишь его и этого (богатства), он будет смотреть на тех, которые имеют немного; если отнимешь и немногое и оставишь ему только самое необходимое для пропитания, он будет представлять себе тех, которые и того не имеют, но непрестанно терпят голод и живут в темнице; если ввергнешь его и в это жилище, он будет представлять себе одержимых неисцелимыми болезнями и невыносимыми страданиями, и найдет, что сам он в гораздо лучшем состоянии. Как тот, занимающийся очисткой мусора, даже

сделавшись царем, не найдет спокойствия, так этот, даже сделавшись узником, никогда не будет испытывать скорби. Следовательно, не от богатства зависит удовольствие, и не от бедности скорбь, а от наших помыслов, от того, что душевные очи наши нечисты, что на чем бы они ни остановились, не успокаиваются, а стремятся в бесконечность. Как здоровое тело, хотя бы питалось одним хлебом, не подвергается болезням и добреет; а больное, хотя бы наслаждалось роскошной и разнообразной пищей, тем более слабеет, — так обыкновенно бывает и с душой. Малодушные и в диадеме и в неизреченных почестях не могут хорошо себя чувствовать, а любомудрые и в узах, и в оковах, и в бедности наслаждаются чистым удовольствием. Потому, представляя себе это, будем постоянно взирать на тех, которые ниже нас. Есть и другое утешение, но только свойственное любомудрым и превышающее понятия многих. Какое же? То, что и богатство ничто, и бедность ничто, и бесчестье ничто, и честь ничто, что все это кратковременно и различается одно от другого одним только названием. Кроме того есть еще иное, большее, состоящее в том, чтобы представлять себе будущие страдания и блага, страдания истинные и блага истинные, и отсюда получать утешение. Но многие, как я сказал, весьма далеки от такого образа мыслей; потому мы и принуждены остановиться на вышесказанных мыслях, чтобы тех, которые примут их, постепенно возвести и к высшим.

Итак, представляя все это, будем всячески благоустроять себя и никогда не станем скорбеть о вещах случайных. Если бы мы увидели богатых на картине, то, конечно, не стали бы называть их блаженными, равно и бедных, изображенных там же, не стали бы называть несчастными и жалкими. Между тем они гораздо долговечнее наших богачей; на картине богатый остается гораздо долее, нежели в действительности; первый часто остается в таком виде до ста лет, а последний иногда, не насладившись даже один год своим богатством, вдруг лишается всего. Потому, помышляя о всем этом, будем отовсюду ограждать душевное спокойствие от безрассудной скорби, чтобы нам и настоящую жизнь провести с удовольствием, и сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 39

Итак я ли, они ли, мы так проповедуем, и вы так уверовали (1Кор.15:11).

1. Превознеся апостолов и уничижив себя, потом опять поставив себя выше их, чтобы доказать свое равенство с ними, — а он доказал равенство, сказав, что он и ниже и выше их, — и таким образом представив себя достоверным учителем, (Павел) и еще продолжает говорить (об апостолах) и опять поставляет себя наряду с ними, выражая единодушие о Христе. Впрочем делает это не так, как будто бы он присоединен к ним, но так, что он оказывается имеющим одинаковое с ними достоинство; этого и требовала польза проповеди. Он равно заботится как о том, чтобы не подумали, что он унижает (апостолов), так и о том, чтобы воздаваемой им честью не унизить себя перед подчиненными. Потому теперь он опять ставит себя наравне с ними: **итак я ли**, говорит, **они ли, мы так проповедуем**; у кого, говорит, хотите учиться, у того и учитесь; мы ничем не различаемся. Не сказал: если не хотите верить мне, то верьте им; но представляет и себя достойным веры и говорит, что как он сам по себе заслуживает этого, так и они сами по себе; различие лиц, при равных достоинствах, ничего не значило. Тоже он делает и в послании к Галатам, обращаясь (к апостолам) не потому, чтобы имел в них нужду, и утверждая, что он и сам по себе не имеет недостатка: **в знаменитых чем-либо, какими бы ни были они когда-либо, для меня нет ничего особенного**, и однако я желаю быть в согласии с ними, **подали мне и Варнаве руку общения** (Гал.2:6,9). Если бы достоверность Павла зависела от других и утверждалась на свидетельстве других, то

отсюда произошел бы крайний вред для учеников. Следовательно, он превозносит себя не из тщеславия, но из опасения за проповедь. Потому и здесь ставит себя наравне (с апостолами): **я ли, они ли, мы так проповедуем**. Хорошо сказал: **проповедуем**, выражая великое дерзновение; мы, говорит, не тайно и не скрытно проповедуем, но вещаем громче трубы. Не сказал: проповедовали; но и теперь — **так проповедуем**. **И вы так уверовали**; здесь не сказал: веруете, но: **уверовали**. Так как (коринфяне) колебались, то он обращается к прежним временам и представляет свидетелями их самих. **Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых** (ст. 12)? Видишь ли, как он превосходно рассуждает и доказывает воскресение (мертвых) воскресением Христовым, подтвердив наперед последнее многими доводами? О нем, говорит, предвозвестили пророки, и сам (Христос) засвидетельствовал явлениями Своими, и мы проповедуем, и вы веровали; таким образом он соединяет четыре свидетельства — пророков, сами события, апостолов и учеников; даже пять, потому что и то самое, что (Христос) умер за грехи других, доказывает истину Его воскресения. А когда это доказано, то очевидно следует и другое, т. е. что воскреснут и прочие мертвые.

Потому он укоряет их за сомнение в этом, как предмете несомненном, и с недоумением спрашивает: **если Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых?** Так он опять низлагает дерзость противников. Не сказал: как говорите вы, но: **то как некоторые из вас говорят**; не всех укоряет, и укоряемых не открывает, чтобы не ожесточить их, опять же и не скрывает их совершенно, чтобы исправить их. Для того он, отделив их от всех, устремляется против них, и таким образом с одной стороны обессиливает и поражает их, а с другой утверждает других в истине для борьбы с ними, не допуская (верующих) уклоняться к тем, которые старались развратить их. Он приготовился применить сильную речь. Потом, чтобы не сказали, что хотя воскресение Христово известно и очевидно всем и никто в нем не сомневается, однако отсюда не следует необходимо и воскресение людей, — так как воскресение Христово было предвозвещено, сбылось и засвидетельствовано явлениями, а наше только еще в надежде, — смотри, что Он делает: опять с другой стороны доказывает то же самое (воскресение Христово), чем и делает речь свого весьма сильной. **Как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых?** Этим ведь опровергается и Христово воскресение. Потому и продолжает: **если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес** (ст. 13). Видишь ли, с какой силой и непреодолимым искусством Павел старается доказать не только посредством известного сомнительное, но и посредством сомнительного для противников известное? Он делает это не потому, чтобы самое событие требовало доказательства, но чтобы внушить, что одно достоверно не менее другого.

2. Но какая, скажешь, здесь последовательность? Если Христос не воскрес, то следует, что и другие не воскреснут; а если другие не воскреснут, то можно ли основательно заключать, что и Христос не воскрес? Так как это, по-видимому, не совсем последовательно, то, смотри, как Он делает это весьма последовательным, бросив семена еще издалека и основываясь на самом предмете проповеди, т.е. что (Христос) воскрес, умерев грех наших ради, и что Он есть начатой умершим. Начаток чьим был бы начатком, если не воскресающих? И как Он был бы начатком, если не воскреснут те, которых Он начаток? Следовательно, как они не воскреснут? Если же они не воскреснут, то для чего воскрес Христос? Для чего Он пришел, для чего принял плоть, если не имел намерения воскресить плоть? Ведь Он не имел в ней нужды для Себя, но для нас. Впрочем об этом (апостол) рассуждает после, а теперь пока говорит: **если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес**: так одно соединено с другим!

Если бы Он не имел воскреснуть, то не сделал бы вышесказанного. Видишь ли, как этими словами и неверием в воскресение мало-помалу ниспровергается все домостроительство Божие? Впрочем, он пока ничего не говорит о воплощении, а только о воскресении, потому что не воплощение, а смерть (Христова) разрушила смерть; когда Он пребывал во плоти, то владычество смерти еще продолжалось. **А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна** (ст. 14). Хотя следовало бы сказать: если (допустите, что) Христос не воскрес, то будете противоречить очевидной истине, столь многим пророкам и сами событиям, — но он выражается гораздо разительнее: **то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша**. Он хочет потрясти души их.

Мы, говорит, все потеряли, все погибло, если (Христос) не воскрес. Видишь ли таинство домостроительства? Если Христос, умерев, не смог воскреснуть, то и грех не истреблен, и смерть не побеждена, и клятва не разрушена, и не мы только тщетно проповедовали, но и вы тщетно уверовали. И не только таким образом показывает нелепость этих нечестивых мыслей, но еще сильнее продолжает: **притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, если, [то есть], мертвые не воскресают** (ст. 15). Если же это нелепо, как хула и клевета на Бога, и однако вы будете говорить, что Бог не воскресил Христа, то отсюда произойдут еще другие нелепости. Здесь он опять утверждает тоже и повторяет: **ибо если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес** (ст. 16). Если бы Христос не имел сделать это, то и не пришел бы. Впрочем (апостол) не говорит этого, а указывает только на конец, на воскресение Его, и тем убеждает всех. **А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна** (ст. 17). С известным и признанным за несомненное он неоднократно соединяет воскресение Христово, чтобы посредством твердо исповедуемого сделать твердым и очевидным и то, что казалось слабым и сомнительным. **Вы еще во грехах ваших**. Если Христос не воскрес, то и не умер; если же не умер, то и не истребил греха, потому что смертью Его истреблен грех: **вот Агнец Божий**, говорится (в Писании), **Который берет [на Себя] грех мира** (Ин.1:29). Каким образом **берет**? Смертью. Потому Он и назван агнцем, что был заклан. Если же Он не воскрес, то и не был заклан; если не был заклан, то грех не истреблен; если грех не истреблен, то вы еще во грехе; если вы еще во грехе, то мы тщетно проповедали; если мы тщетно проповедали, то вы тщетно уверовали. С другой стороны и смерть еще остается бессмертной, если (Христос) не воскрес; если Он сам удержан смертью и не расторг ее утробы, то как Он избавил всех других (от смерти), будучи сам удержан ею? Потому (апостол) и продолжает: **поэтому и умершие во Христе погибли** (ст. 18). Что я, говорит, указываю на вас, когда в таком случае погибли бы и все те, которые все окончили и не подлежат более неизвестности будущего? Выражение — **умершие во Христе** означает или умерших в вере, или за Него претерпевших многие опасности и великие страдания, шедших путем тесным. Где же теперь нечестивые уста манихеев, которые говорят, что **воскресением** (апостол) называет здесь освобождение от греха? Эти многочисленные, непрерывные и превратные умозаключения доказывают совершенно не то, что говорят они, но что говорим мы. Так как — *восстание* говорится и о том, кто упал, то он повторяет часто не только — *восстал*, но и с прибавлением: от мертвых. Притом коринфяне сомневались не в отпущении грехов, а в воскресении тел. И что за необходимая связь: если люди не безгрешны, то и Христос тоже? Если бы Христос не имел воскресить нас, то последовательно ли было бы говорить, для чего Он пришел, принял плоть и воскрес? Но при нашем (разумении) напротив. Грешат ли люди, или не грешат, Бог всегда пребывает безгрешным; о нашем состоянии нельзя заключать по его состоянию, и обратно по нашему о Его состоянии, как это делается касательно воскресения тел. **И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков** (ст. 19).

3. Что говоришь ты, Павел? Как **если мы в этой только жизни надеемся**, если тело не воскреснет, когда душа остается и пребывает бессмертной? Так, хотя бы душа осталась и тысячу раз была бессмертна, — какова она и есть, — но без тела она не получит неизреченных благ, равно как и мучений. **Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить [соответственно тому], что он делал, живя в теле, доброе или худое** (2Кор.5:10). Потому он и говорит: **и если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков**. Если не воскреснет тело, то и душа останется неувенчанной, — вне блаженства небесного; если так, то мы тогда совершенно ничего не получим; если же тогда ничего не получим, то награды наши — в настоящей жизни.

Потому, говорит, может ли что быть несчастнее нас? Говорит это, как для того, чтобы утвердить (коринфян) в истине воскресения тел, так и для того, чтобы уверить их в бессмертной жизни, чтобы они не думали, будто все наши надежды ограничиваются настоящей жизнью. Достаточно доказав то, что хотел, вышесказанными словами: **если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес**, **а если Христос не воскрес**, то мы погибли и еще остаемся **во грехах**, — он присовокупляет еще и это, с целью низложить их гордость. Когда он хочет предложить какой-либо необходимый догмат, то сначала страхом потрясает грубые сердца их.

Так он поступает и здесь. Посеяв выше такие же мысли и приведя их в сокрушение, как лишающихся всего, он теперь, чтобы они более почувствовали скорбь, иным образом делает тоже самое и говорит: **мы несчастнее всех человеков**, если, после таких браней, смертных опасностей и тысячи бедствий, лишимся таких благ и все наши (надежды) ограничатся только настоящим, потому что все зависит от воскресения. Таким образом и отсюда очевидно, что он говорит не о грехах, но о воскресении тел, о жизни настоящей и будущей. **Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших** (ст. 20). Показав, сколько зла может произойти от неверия в воскресение, он опять повторяет: **но Христос воскрес из мертвых**, постоянно присовокупляя: **из мертвых**, чтобы заградить уста еретиков. **Первенец из умерших**.

Если Он **первенец**, то и они должны воскреснуть. Но если бы (апостол) под именем воскресения говорил об освобождении от грехов, а без греха нет никого, — и сам даже Павел говорит: **хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь** (1Кор.4:4), — то кто же воскреснет, по вашему мнению? Очевидно, что у него речь о (воскресении) тел. А чтобы сделать это несомненным, он постоянно указывает на Христа, воскресшего во плоти; потом приводит и причину, потому что, как я сказал, когда что-нибудь утверждается, но не приводится причина, то учение не так скоро принимается многими. Какую же причину? **Ибо, как смерть через человека, [так] через человека и воскресение мертвых** (ст. 21). Если человеком, то без сомнения имеющим тело. И посмотри на мудрость (апостола), как он доказывает еще с иной стороны необходимость (предложенной истины): побежденному, говорит, должно самому восстановить свое падшее естество и самому победить, потому что таким только образом может загладиться его бесчестье. Посмотрим же, о какой он говорит смерти? **Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут** (ст. 22). Что же, скажи мне, все ли умерли в Адаме смертью греховной? Как (умер) Ной, праведный в роде своем? Как Авраам? Как Иов? Как все другие (праведники)? И все ли, скажи мне, оживут во Христе? Где же те, которые будут ввержены в геенну? Если это сказано о теле, то сказано верно; а если о праведности и о грехе, то неверно. Далее, чтобы ты, слыша слова: **все оживут**, не подумал, что и грешники спасутся, он присовокупляет: **каждый в своем порядке** (ст. 23). Слыша о воскресении, не подумай, что все получат равное воздаяние; если наказание не все понесут равное, но весьма различное, то тем более между грешниками и праведниками будет великое

различие. Начаток Христос, потом же Христовы, т.е. верующие и благочестивые. **А затем конец** (ст. 24). Когда (умершие) воскреснут, тогда всему будет конец; а не так, как теперь, по воскресении Христовом, когда дела остаются еще без окончательного воздаяния.

Потому (апостол) и присовокупляет: в пришествии его, чтобы ты знал, что он говорит о будущем времени. **Когда Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу**.

4. Здесь тщательно внимайте мне и смотрите, чтобы не опустить чего-нибудь из сказанного. У нас борьба с врагами, и потому прежде всего нам надобно постараться довести их до нелепости, как и Павел часто делает: таким образом слова их представятся нам в яснейшем свете. Итак, во-первых, спросим их, что значит: **когда Он предаст Царство Богу и Отцу**? Если мы будем принимать это просто, а не богоприлично, то следует, что (Христос) после того уже не будет иметь царства, так как кто отдает что-нибудь другому, тот сам уже перестает владеть. И не одна только эта следует нелепость, но и та, что принявший также не имел прежде, нежели получил, т.е., по их мнению, ни Отец не был прежде царем и только еще ожидает царства над нами, ни Сын после того не останется царем. Как же Он сам говорит об Отце: **Отец Мой доныне делает, и Я делаю** (Ин.5:17)? А о Нем как (говорит) Даниил: **царство, которое вовеки не разрушится** (2:44)? Видишь ли, сколько выходит нелепостей и противоречий Писаниям, если принимать слова (апостола) по-человечески? Также об упразднении какого начальства он говорит здесь? Ангелов? Нет. Верующих? Тоже нет.

Какого же? Начальства демонов, о котором он же говорит: **брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего** (Еф.6:12). Теперь оно еще не совершенно упразднено, потому что часто они еще действуют; а тогда перестанут (действовать). **Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои** (ст. 25). И здесь опять выйдет иная нелепость, если мы будем принимать и это не богоприлично, потому что слово: **доколе** означает конец и предел, а этого нет в Боге. **Последний же враг истребится - смерть** (ст. 26). Как последний? После всех, после диавола, после всего прочего, также как и в начале смерть вошла после всего: прежде совет диавола, потом преслушание, а затем смерть. Сила ее и теперь упразднена, но действие прекратится тогда. **Потому что все покорил под ноги Его. Когда же сказано, что [Ему] все покорено, то ясно, что кроме Того, Который покорил Ему все. Когда же все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем** (ст. 27, 28). Но прежде (апостол) не говорил, что Отец покорит Ему, а что Он сам упразднит: **когда упразднит всякое начальство и всякую власть**; и еще: **Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои**. Как же здесь он приписывает это Отцу?

И не только это, по-видимому, несообразно, но и то, что он выражает как бы неуместный страх, делая оговорку: **покорится Покорившему все**, как будто кто может подумать, не покорится ли когда-нибудь и Отец Сыну. Может ли что быть несообразнее? И однако он делает оговорку. Что же это значит? И далее представляется много вопросов: обратите же все ваше внимание.

Прежде всего нам нужно показать цель и главную мысль Павла, которая бы везде ясно обнаруживалась, и тогда уже обратиться к разрешению; это поможет нам представить разрешение.

Какая же главная мысль Павла и какой у него прием? Он иначе говорит, когда беседует об одном Божестве (Христе), и иначе, когда ведет речь о домостроительстве (Божием). Когда

он беседует о (Христе во) плоти, то без опасения говорит все уничиженное, будучи уверен, что все сказанное может относиться к Нему. Посмотрим же и здесь, об одном ли Божестве он беседует, или вместе, имея в виду домостроительство, говорит о Нем то, что говорит? Впрочем, предварительно скажем, где он поступает так, как я сказал. Где же он так поступает? В послании к Филиппийцам: **Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его** (2:6-9). Видишь ли, как он, рассуждая об одном Божестве, приписывает Ему великое, т.е. что Он есть образ Божий, что Он равен Отцу, и усвояет Ему все; а изображая тебе Его во плоти, говорит опять уничиженно? Итак, если ты не будешь делать такого различия, то выйдет великое затруднение. Если (Христос) равен Богу, то как (Бог) превознес того, кто равен Ему? Если Он образ Божий, то **и дал Ему имя**? Дающий дает неимущему, и возвышающий возвышает уничиженного; потому окажется, что (Христос) был несовершенным и неимущим, прежде нежели вознесен и получил имя, — и множество произойдет отсюда других нелепых заключений. Если же ты будешь иметь в виду вместе и домостроительство, то сказанное будет справедливо. Так рассуждай и здесь, и с такими мыслями принимай сказанное.

5. Объясним после того и другие причины. Между прочим и то нужно заметить, что Павел говорит о воскресении, которое считалось делом невозможным и которому совершенно не верили, и что он пишет коринфянам, у которых было много философов, которые всегда смеялись над такими истинами. Касательно других предметов они разногласили между собой, а против этого все, как бы одними устами, утверждали, что не будет воскресения. Защищая такую истину, которой так мало верили и над которой смеялись, сколько по предрассудку, столько же и по трудности самого предмета, и желая доказать возможность воскресения, (апостол) доказывает это сначала воскресением Христовым. Доказав (эту истину) свидетельствами пророков, очевидцев и веровавших, и доведя противное мнение до нелепости, он доказывает наконец и (воскресение) людей: **если нет**, говорит, **воскресения мертвых, то и Христос не воскрес**. Далее, после неоднократных подтверждений в предыдущих словах, он вновь доказывает тоже иным образом, называя (Христа) первенцем и утверждая, что Он упразднит всякое начальство, власть и силу и после всего смерть. Как же, говорит, она упразднится, если прежде не лишится тел, которыми владела? Когда таким образом он сказал о Единородном нечто великое, т.е. что Он передаст царство, что Он сам совершит это, сам одержит победу и все низложит под ноги Свои, то, чтобы уничтожить неверие многих, присовокупляет: Ибо **ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои**. **Доколе** — сказал он не в том смысле, чтобы означить конец царствования, но чтобы сделать сказанное несомненным и внушить надежду. Когда говорит, ты слышишь, что (Христос) низложит всякое начальство, власть и силу, диавола и такие бесовские полчища, скопища неверных, владычество смерти и все злое, — не опасайся, что у Него недостанет на то силы; Ему надлежит царствовать, доколе Он совершит все это, не в том смысле, будто после того Он уже не будет царствовать, но в том, что, хотя это будет не теперь, однако непременно будет; царство Его не прекращается; Он владычествует, управляет и пребывает дотоле, пока устроит все. Такой образ выражений можно находить и в Ветхом Завете. Так например, говорится: **во век слово Твое, Господи** (Пс.118:89); и еще: **а Ты - тот же, и лета Твои не оскудеют** (Пс.101:28). Это и тому подобное пророк говорит тогда, когда беседует о событиях, которые совершатся спустя долгое время и совершатся непременно, желая тем уничтожить опасение грубых слушателей. А что слова: **доколе**, **до**, когда они применяются к Богу, не означают конца, послушай, что говорит (Писание): **от века и до века Ты существуешь** (Пс.89:3); и еще: **и до старости вашей Я тот же буду, и до седины вашей Я же буду** (Ис. 46:4).

Смерть (апостол) поставляет последней для того, чтобы неверующий, слыша о победе над другими врагами, скорее принял и эту истину, потому что если (Христос) низложил диавола, произведшего смерть, то тем более разрушит дело его. Когда таким образом он приписал (Христу) все: упразднение начальства и власти, устроение царства, т.е. спасения верующих, мира вселенной, истребления зол, — а устроить царство и значит истребить смерть, — и между тем не сказал, что Отец через Него, но что сам Он упразднит, сам низложит под ноги Свои, а нигде не упомянул об Отце, то далее, опасаясь, чтобы какие-нибудь неразумные не сделали заключения, будто или Сын больше Отца, или есть какое-либо другое нерожденное начало, он постепенно объясняет и смягчает чрезмерность сказанного, и говорит: **все покорил под ноги Его**. Здесь он приписывает эти дела Отцу не потому, будто Сын бессилен, — может ли быть таким тот, о котором (апостол) выше привел такое свидетельство и приписал все сказанное? — но как по той самой причине, о которой я сказал, так и для того, чтобы показать, что все совершенное для нас общее Отцу и Сыну. Что Он сам собой может покорить себе все, об этом послушай еще, как говорит Павел: **Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, [которою] Он действует и покоряет Себе все** (Флп.3:21). Далее он употребляет оговорку: **когда же сказано, что [Ему] все покорено, то ясно, что кроме Того, Который покорил Ему все**, и тем опять воздает немалую славу Единородному; если бы Он был ниже и бессильнее, (апостол) никогда не выразил бы такого опасения. Не довольствуясь и этим, (апостол) присовокупляет еще нечто другое. Чтобы кто не подумал и не сказал: что из того, что Отец не покорится? это нисколько не препятствует Сыну быть сильнее (Отца), — он, опасаясь такой нечестивой мысли и имея в виду, что сказанное прежде не было достаточно для опровержения ее, весьма ясно присовокупляет следующее: **когда же все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится**, выражая как совершенное согласие Его с Отцом, так и то, что Родивший столь могущественного и совершающего такие дела есть начало и первая причина всех благ.

6. Если же он сказал больше, нежели требовала сущность дела, ты не удивляйся; он сделал это, подражая своему Учителю, Сам (Христос), желая показать Свое согласие с Отцом и то, что Он пришел не против воли Его, уничижает Себя не столько, сколько требовалось для доказательства согласия, а сколько требовала слабость присутствовавших; Он молится Отцу не почему иному, как поэтому, и сам объясняет причину, когда говорит: **Я познал Тебя, и сии познали, что Ты послал Меня** (Ин.17:25). Итак, подражая ему, (апостол) употребляет здесь усиленное выражение не для того, чтобы внушить тебе мысль о принужденном подчинении (Христовом), — нет, — но чтобы, как можно сильнее, опровергнуть нелепые мнения. Когда он хочет исторгнуть что-нибудь с корнем, тогда употребляет речь весьма сильную. Так, говоря о жене верующей и муже неверующем, соединенных между собой законом брака, и желая внушить жене, что она не

оскверняется от сожития и от сношений с неверующим, он не сказал, что жена не делается через это нечистой, или не терпит никакого вреда от неверующего, но сказал гораздо более, то есть что даже неверный святится через нее (1Кор.7:14); этим он не хочет выразить того, будто язычник делается через нее святым, но старается таким сильным выражением скорее уничтожить ее опасение. Точно так и здесь, стараясь сильным выражением уничтожить нечестивое учение, он сказал то, что сказал. Почитать Сына слабым — есть крайнее нечестие; потому он и опровергает это словами: **все покорил под ноги Его**; а еще нечестивее почитать Отца меньшим (Сына); потому он опровергает и это с великой силой. Смотри, как он выражается; не сказал просто: **кроме Того**, но: **ясно, что**; хотя это и известно говорит, однако я подтверждаю. А чтобы ты знал, что именно такова причина сказанного, я спрошу тебя: неужели увеличится тогда покорность Сына? Не нелепо ли это и недостойно Бога? Ведь величайшая покорность и послушание уже в том, что Он, будучи Богом, принял образ раба. Как же Он тогда покорится? Очевидно, что

(апостол) выразился так, чтобы опровергнуть нелепую мысль, и притом с надлежащим благоразумием. Покорится так, как прилично Сыну — Богу, и не по-человечески, но свободно и с полной властью. Иначе как Он сидит на престоле вместе (с Отцом)? **Как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет** (Ин.5:21)? Как все, принадлежащее Отцу, принадлежит и Ему, и принадлежащее Ему принадлежит и Отцу (Ин.17:10)? Это показывает нам совершенную власть Его наравне с Отцом. Что же значит: **когда Он предаст Царство**? Из Писания известны два царства Божии, одно по усвоению, другое по сотворению. По сотворению Он царствует над всеми, над язычниками, иудеями, демонами, врагами; а по усвоению царствует над верующими, добровольно подчиняющимися, послушными. Об этом последнем царстве говорится, что оно имеет начало; так о нем сказано во втором псалме: **проси у Меня, и дам Тебе народы в наследие Твое** (Пс.2:8); о нем и сам (Христос) сказал ученикам: **дана Мне всякая власть** от Отца Моего (Мф.28:18), где приписывает все Отцу, не потому, чтобы сам Он не имел чего-нибудь, но чтобы показать, что Он есть Сын, а не нерожденный. Это то царство Он и предаст, то есть устроит. Но почему, скажешь, (апостол) не сказал ничего о Духе? Потому, что не о том у него теперь речь; он не смешивает всего сразу. Так и тогда, когда говорит: **один Бог Отец и один Господь Иисус Христос** (1Кор.8:6), Он умалчивает о Духе не потому, чтобы признавал Духа меньшим, но потому, что еще не было нужды говорить о Нем. Иногда Он упоминает об одном Отце, но мы не станем поэтому отвергать Сына; иногда только о Сыне и о Духе, но мы не станем поэтому отвергать Отца. Что значит: **да будет Бог все во всем**? Чтобы все зависело от Него, чтобы никто не воображал двух начал безначальных или другого отдельного царства. Когда враги будут низложены под ноги Сына, и Он, имея их под ногами своими, не будет действовать против Отца, но сохранит совершенное единение с Ним, — тогда (Бог) будет все во всем. Некоторые говорят, что под этими словами (апостол) разумеет истребление зла, так что все наконец покорятся, никто не будет противиться и делать зло, — то есть, когда не будет греха, тогда, очевидно, Бог будет все во всем. Но если не воскреснут тела, то будет ли это справедливо? Злейший из всех врагов — смерть останется и будет делать, что хочет. Нет, скажешь, тогда уже не будут грешить. Но что из этого? (Апостол) говорит здесь о смерти не душевной, а телесной. Как же она истребится? Победа состоит в том, чтобы возвратить взятое и удержанное. Если же тела останутся в земле, то, значит, власть (смерти) будет продолжаться, потому что они удержаны (в земле), а других тел, в которых бы она была побеждена, нет. Если же сказанное Павлом сбудется, как и действительно сбудется, то откроется славная победа, в которой Бог всемогуществом Своим воскресит тела, плененные смертью. Так и врага побеждают тогда, когда отнимают у него добычу, а не тогда, когда оставляют ее у него; если же никто не осмеливается взять ее у него, то можно ли сказать, что он побежден?

7. Таким же образом и Христос в Евангелии выражает победу, когда говорит: **как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильного? и тогда расхитит дом его** (Мф.12:29), потому что иначе не видно будет победы.

Как в смерти духовной, хотя умерший греху оправдался (Рим.6:7), однако мы не можем назвать этого победой, — потому что не тот победил, кто не прилагает зла ко злу, а тот, кто уничтожил прежний плен страстей, — так и здесь, не то можно назвать славной победой, что смерть перестала поглощать тела, но то, что у нее отняты тела, уже плененные ею. Если еще станут спорить и говорить, что это сказано о смерти духовной, то (я спрошу): как она испразднится последняя? Ведь она уже упразднена в каждом крещенном. Если же разуметь это о теле, то сказанное, то есть, что (смерть) испразднится последняя, будет иметь место. Может быть, кто-нибудь придет в недоумение, почему (апостол), говоря о воскресении, не указал на тела, воскресшие при Господе? На это мы скажем, что такое указание не послужило бы в пользу воскресения; указать на

воскресших, которые опять умерли, не значило бы доказывать, что смерть истребится совершенно. Потому он и сказал, что она истребится последняя, чтобы ты не подумал, что она еще восстанет. Когда истребится зло, то тем более прекратится смерть, потому что невозможно оставаться реке, когда иссякнет ее источник, или быть плоду, когда засохнет корень. Итак, если в последний день враги Божии истребятся вместе со смертью, диаволом и демонами, то не будем скорбеть, видя врагов Божиих благоденствующими: **враги же Господни, во время прославления и превозношения их, исчезли, как дым исчезли** (Пс.36:20). Когда ты видишь врага Божия богатым, окруженным телохранителями и множеством льстецов, то не унывай, а вздыхай, плачь и моли Бога, чтобы Он обратил его в число друзей своих; и чем более враг (Божий) успевает в делах своих, тем более оплакивай его.

Грешников должно оплакивать всегда, особенно же, когда они наслаждаются богатством и великим благоденствием, как больных, когда они пресыщаются и упиваются. Между тем некоторые даже из слушающих эти слова находятся в столь жалком состоянии духа, что горько плачут о себе и говорят: я достоин слез, потому что не имею ничего. Справедливо говоришь ты, что не имеешь ничего, не потому, что не имеешь того, что имеет другой, а потому, что в этом поставляешь блаженство; потому ты и достоин безмерных слез. Кто, будучи здоров, станет называть блаженным больного, лежащего на мягкой постели, тот гораздо несчастнее и злополучнее его, потому что нисколько не чувствует собственного благополучия. То же происходит и с этими (людьми); потому и наполнилась вся наша жизнь смутами и беспорядками. Такие слова погубили тысячи (людей), предали их диаволу и сделали их несчастнее истаивающих от голода. Подлинно те, которые желают большего, беднее самих нищих, потому что страдают большей и жесточайшей душевной скорбью, как можно видеть из следующего.

Некогда постигло наш город бездождие; все трепетали за жизнь свою и молили Бога избавить их от этого ужаса. Тогда можно было видеть **небеса твои, которые над головою твоею, сделаются медью**, как говорит Моисей (Втор.28:23), и смерть, всех родов смерти ужаснейшую, и каждый день ожидаемую. Но после, слава человеколюбивому Богу, сверх всякого чаяния полился свыше чрезвычайно обильный дождь, и все стали радоваться и торжествовать, как бы выйдя из самих врат смерти. Между тем, среди таких благодеяний Божиих и при всеобщей радости, один из богатейших людей ходил прискорбный и унылый, как бы омертвевший от горя, и, когда многие спрашивали его, по какой причине при всеобщей радости он один печален, тогда он, не в состоянии будучи даже скрыть своей мучительной страсти, побуждаемый силой этой болезни, открыто объявил причину: имея, говорил он, множество мер пшеницы, я не знаю, как мне теперь сбыть ее. Неужели, скажи мне, мы будем ублажать его после таких слов, за которые надлежало бы побить его камнями, как человека, жесточе всякого зверя, и общего врага? Что говоришь ты, человек? Ты скорбишь о том, что не погибли все, чтобы тебе собрать золото?

Разве ты не слышал, что говорит Соломон: **кто удерживает у себя хлеб, того клянет народ** (Прит.11:26)? И ты еще бродишь, общий враг благоденствия вселенной, противник человеколюбия Владыки Господа вселенной, друг, или лучше, раб мамоны? Не следовало ли отсечь такой язык? Не следовало ли исторгнуть сердце, произнесшее такие слова?

8. Видишь ли, как золото не позволяет людям быть людьми, но делает их зверями и демонами? Что может быть презреннее богача, который ежедневно вымаливает голод, чтобы у него было золото? Страсть производит у него совершенно противное: он не радуется обилию приобретенных плодов, но потому самому скорбит, что приобрел слишком много. Тогда как надлежало бы радоваться, что он имеет много, он потому самому печалится. Видишь ли, что богатые, как я сказал, не столько чувствуют

удовольствия от благ полученных, сколько терпят скорби от благ еще не полученных? Имевший бесчисленное множество мер пшеницы скорбел и сокрушался более алчущего; тогда как имевший только насущный хлеб радовался, веселился и благодарил Бога, владевший таким богатством скорбел и считал себя погибшим. Итак, не изобилие доставляет удовольствие, а любомудрое настроение; без него, хотя бы кто захватил все, будет в таком же состоянии духа, будет так же скорбеть, как и лишенный всего. И тот человек, о котором мы говорим теперь, если бы продал свою пшеницу за такую цену, за какую хотел, опять стал бы скорбеть, что не продал за большую; если бы мог продать за большую, то опять стал бы желать еще большей; если бы за каждую меру взял по золотой монете, то и тогда опять стал бы сокрушаться, что не продавал за эту цену каждой полумеры. А что он не с самого начала назначил бы такую цену, не удивляйся; и предающиеся пьянству не тотчас воспламеняются, но когда уже помногу наполнятся вином, тогда и возжигают в себе сильнейший пламень. Так и эти, чем более имеют у себя, тем большую чувствуют нужду, и чем более приобретают, тем более впадают в бедность. Это говорится мной не по отношению к нему только, но и к каждому из одержимых подобной болезнью, возвышающих цену на товары и ввергающих ближнего в нищету. Никогда не бывает речи о человеколюбии, но всегда во время продажи страсть корыстолюбия руководит многими; и пшеницу, и вино один продает скорее, другой медленнее, не для общего блага, но один для того, чтобы получить больше, а другой для того, чтобы не получить меньше, когда уже испортился самый товар.

Так Бог, видя, что многие не внимают заповедям Божиим и держат у себя все под запором, и, желая иным образом побудить их к человеколюбию, чтобы они хотя по необходимости делали что-нибудь доброе, внушает им страх большей потери, и самим плодам земным не дозволяет сохраняться долго, чтобы люди, по крайней меру из опасения убытка от порчи, невольно предлагали нуждающимся то, что по злобе закопали и хранят дома. И однако некоторые столь ненасытны, что не вразумляются и этим. Многие выливали целые бочки (вина), а не давали ни одного стакана нищим и ни одной монеты нуждающимся; выливали все на землю, когда оно делалось прокислым и сами бочки повреждались вместе с плодом. Другие не давали ни одного куска хлеба алчущему, а целые житницы вываливали в реку. Они не слушали Бога, повелевающего подавать нуждающимся, потому гнилость повелевала им, против воли, предавать (все содержимое) гибели и совершенному истреблению; таким образом они подвергали себя великому осмеянию и навлекали на свою голову, вместе с убытком, многие проклятья. И это здесь; а что будет там, какое выразит слово? Как они здесь пшеницу, сгнившую и сделавшуюся негодной, бросают в реки, так и их, делающих это и потому самому делающихся негодными, Бог ввергнет в реку огненную. Как пшеницу съедает червь и тление, так их душу — жестокость и бесчеловечие. Причиной этого — привязанность к благам настоящим и пристрастие только к настоящей жизни. Потому такие люди и мучатся безмерной тоской; страх смерти уничтожает все, что ни представишь приятного, и такие люди умерли еще при жизни. Нисколько не удивительно, если этому подвергаются неверующие; но если вкусившие таких таинств и так любомудрствующие о благах будущих, пристращаются к (благам) настоящим, то могут ли они удостоиться прощения? Отчего же происходит это пристрастие к (благам) настоящим? От того, что предаются роскоши, утучняют плоть, развращают душу, налагая на нее тяжкое бремя, глубокий мрак и грубое покрывало. От роскоши лучшая часть (душа) делается рабой, а худшая — госпожой; первая совершенно ослепляется, повреждается и влечется, а последняя влечет и ведет всюду, тогда как самой ей надлежало бы подчиняться водительству. А между душей и телом находится тесная связь, которую Создатель устроил для того, чтобы никто не вздумал ненавидеть тело свое, как бы что-нибудь чужое.

9. Бог повелел любить и врагов; но диавол стал столь силен, что убедил некоторых ненавидеть даже собственное тело. Кто говорит, что (тело) от диавола, тот выражает именно такое убеждение. Это крайне безумно. Если оно от диавола, то откуда у него такое согласие с душой, что оно во всех от ношениях способно к делам ее любомудрия? Если же оно, скажешь, способно к этому, то как оно ослепляет душу? Нет, человек, не тело ослепляет душу, а роскошь. Отчего же мы предаемся роскоши?

Не от того, что имеем тело, — нет, — а от злой воли. Тело требует пищи, а не роскоши; тело нуждается в том, чтобы его питали, а не в том, чтобы его обременяли и утучняли. Роскошь пагубна не только для души, но и для утучняемого тела. Из крепкого оно делается слабым, из твердого нетвердым, из здорового болезненным, из легкого тяжелым, из плотного изнеженным, из красивого безобразным, из благовонного зловонным, из чистого нечистым, из стройного расстроенным, из полезного бесполезным, из молодого старым, из сильного бессильным, из гибкого медленным и ленивым, из совершенного уродливым. Если бы оно было от диавола, то не могло бы повреждаться от того, что принадлежит диаволу, т.е. от порока. Нет, ни тело, ни пища не от диавола; от него только роскошь. Через не этот злой демон успевает совершать множество зол. Так он погубил целый народ (израильский): **и утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел** (Втор.32:15). За это громы поразили жителей Содома, что выражает Иезекииль, когда говорит: **вот в чем было беззаконие Содомы, сестры твоей и дочерей ее: в гордости, пресыщении и праздности, и она руки бедного и нищего не поддерживала** (16:49).

Потому и Павел сказал: **а сластолюбивая заживо умерла** (1Тим.5:6). Отчего так? Оттого, что она носит, как гроб, тело свое, обремененное множеством зол. Если же тело подвергается такому повреждению, то что бывает с душой? Какого смятения, каких волн, какой бури исполняется она? Она делается неспособной ни к чему, не может легко ни говорить, ни слушать, ни хотеть, ни делать ничего должного; как кормчий, когда буря возьмет верх над его искусством, утопает с самим кораблем и плывущими на нем, так и душа вместе с телом погружается в страшную бездну бесчувствия. Бог дал нам желудок, как бы какую мельницу, сообщил ему соразмерную силу и назначил определенную меру, сколько он должен перемолоть в каждый день; потому, если кто положит в него более надлежащего, то оставшееся непеределанным причиняет вред всему (телу).

Отсюда происходят болезни, немощи и безобразие. Подлинно, роскошь не только расслабляет, но и делает даже красивую (женщину) безобразной; когда она беспрестанно производит неприятную отрыжку, выдыхает запах испортившегося вина и становится красной сверх должного, то нарушает приличную женщине благопристойность и теряет всякое благообразие; когда тело ее делается обвислым, ресницы кровяными и распухшими и вся она чрезмерно жирной и тучной, то представь, какое получается отсюда безобразие! Я слышал от врачей, что роскошь многим сильно препятствует даже достигнуть надлежащего роста; когда жизненная сила обременяется множеством яств и занимается их сварением, тогда то, чему надлежало бы обратиться в рост, тратится на сварение излишнего, Говорить ли еще о происходящих отсюда подаграх, распространяющихся по всему телу ревматизмах, других проистекающих отсюда болезнях и всякой нечистоте? Нет ничего столько неприятного, как женщина чрезмерно откармливаемая. Потому-то среди бедных можно видеть больше красоты, — никакие излишки у них не остаются и не привходят в их состав без нужды и напрасно, как бы какая посторонняя грязь; ежедневное упражнение, труды, работы, умеренная пища и строгая диета доставляют им крепкое здоровье, а отсюда большую красоту. Не говори мне об удовольствии роскоши; оно не простирается далее гортани; как скоро пища миновала язык, она тотчас пропадает, оставляя за собой много неприятного. Не смотри на роскошествующих только тогда,

когда они возлежат, но посмотри на них тогда, когда они встанут, последуй за ними, и увидишь, что они более походят на скотов и бессловесных, нежели на людей. Ты увидишь, как они страдают головокружением, расслаблением и неповоротливостью, нуждаются в ложе и постели и глубокой тишине, мечутся как бы во время сильного волнения, требуют помощи других и желают прийти в то состояние, в каком были прежде, чем насытились.

Они ходят, подобно беременным женщинам, с отягченным чревом, едва переступают, едва видят, едва говорят, и все едва (делают). Если же случится им немного заснуть, то им видятся нелепые сны и бессмысленные грезы. Говорить ли еще о неистовстве их другого рода, т.е. сладострастии? И оно проистекает из того же источника. Они, как неистовые кони, будучи возбуждаемы опьянением, бросаются на всех, устремляясь еще с большим безумием и бешенством, нежели эти бессловесные, и делают другие бесстыдства, о которых и говорить неприлично, потому что они уже не понимают, что делается с ними и что делают они. Не таков человек, не предающийся роскоши: он находится в пристани, взирая на кораблекрушения других, и наслаждается чистым и постоянным удовольствием, проводя жизнь, достойную свободного человека. Итак, зная это, будем избегать порочных удовольствий роскоши и соблюдать умеренность в трапезе, чтобы нам быть здоровыми по душе и по телу, совершать всякие добродетели и сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 40

Иначе, что делают крестящиеся для мертвых? Если мертвые совсем не воскресают, то для чего и крестятся для мертвых? (1 Кор.15:29).

1. (Апостол) приступает теперь к другому доказательству, подтверждая (учение о воскресении) то том, что творит Бог, то том, что делают сами (верующие). И это немало служит к защите истины, когда дела самих противников приводятся в свидетельство сказанного. Что же говорит он? Но, если хотите, я наперед скажу, как искажают эти слова зараженные болезнью Маркиона. Знаю, что это будет весьма смешно, однако скажу, — особенно для того, чтобы вы еще более остерегались их болезни. Когда у них умирает кто-нибудь из оглашенных, то они, спрятав живого под одром умершего, приступают к мертвому, говорят с ним и спрашивают: желает ли он принять крещение?

Так как он ничего не отвечает, то спрятанный под одром отвечает за него, что он желает принять крещение; и таким образом крестят его вместо умершего, разыгрывая как бы представление на зрелище. Такую силу имеет диавол над душами беспечных! Потом, когда их осуждают за это, они указывают на слова апостола, который, говорят они, сказал: **крестятся для мертвых**. Видишь ли, как это смешно? Потому стоит ли и опровергать их? Не думаю; иначе нужно было бы спорить и с безумными о том, что они говорят в припадке сумашествия.

Впрочем, чтобы никто из самых простых не был увлечен ими, надобно сказать что-нибудь и против них. Если точно Павел говорит это, то для чего Бог угрожает не крещающемуся? При такой выдумке невозможно, чтобы кто-нибудь не крестился, и в противном случае вина падает не на умершего, а на живого. К кому, скажи мне, относятся слова (Спасителя): **если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни** (Ин.6:53), — к живым или к умершим? И еще: **если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие** (Ин.3:5). Если допустить сказанное, если нет нужды в намерении приемлющего и в расположении его еще при жизни, то что

препятствует сделаться верными и язычникам и иудеям, когда другие после их смерти сделают это за них? Но не будем слишком много трудиться напрасно, разрывая такую паутину, а раскроем теперь смысл самого изречения. Что же говорит Павел?

Но прежде я хочу привести вам на память слова, которые повелевают вам произносить в тот вечер совершители таинства, и потом обращусь к изречению Павла; тогда оно будет понятнее для вас. После всего прочего мы присовокупим и то, что теперь говорит Павел. Я хотел бы выразить это ясно, но не смею по причине (присутствия) непосвященных; они затрудняют нас при объяснении, поставляя в необходимость или говорить неясно, или открывать им сокровенное; впрочем, буду говорить, сколько могу, прикровеннее. По произнесении тех таинственных и страшных слов и после страшных внушений откровенных с неба догматов, мы, наконец, приступая к крещению, присовокупляем и эти слова, повелевая произносить следующее: верую в воскресение мертвых. В такой вере мы и крещаемся, — после исповедания этого вместе с прочим, мы сходим в источник тех священных вод. Это самое припоминая, Павел говорит: если нет воскресения, то для чего ты и крестишься мертвых ради, т.е. тел? Ведь при крещении ты веруешь воскресению мертвого тела, — тому, что оно уже не останется мертвым. Ты словами исповедуешь воскресение мертвых, а священник, как бы в образе, показывает тебе самим делом то, чему ты веровал и что исповедал словами; ты веруешь без знака, а он тогда же представляет тебе знак; ты делаешь зависящее от тебя, а Бог тогда же удостоверяет тебя.

Как и каким образом? Водой. Схождение и погружение в воду, а потом выхождение от воды есть знак нисхождения в ад и восхождения оттуда. Потому Павел и называет крещение гробом, когда говорит: **мы погреблись с Ним крещением в смерть** (Рим.6:4). Этим он удостоверяет и в несомненности будущего, т.е. воскресения тела, потому что изгладить грехи гораздо труднее, нежели воскресить тело, как и Христос объяснил, когда сказал: **что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи?** Первое, говорит, труднее последнего; но вы не верите тому, как делу неясному, и менее важное проявление моей силы считаете более важным, поэтому я не откажусь представить вам и это доказательство. Тогда глагола расслабленному: **встань, возьми постель твою, и иди в дом твой** (Мф.9:5,6).

2. Как трудно, скажешь ты, когда это возможно и царям и начальникам, которые прощают и прелюбодеев и человекоубийц?

Напрасно ты говоришь это, человек; прощать грехи возможно одному Богу; начальники и цари хотя прощают прелюбодеев и человекоубийц, но они освобождают их только от настоящего наказания, а самих грехов их не очищают; и хотя бы они возвели прощенных в высшие звания, хотя бы облекли их в порфиру, хотя бы возложили на них диадему, и тогда они сделают их царями, но от грехов не освободят; это совершает один Бог. Он совершает это в бане пакибытия; благодать касается самой души и с корнем исторгает из нее грех. Потому душа прощенного царем может быть нечистой, а душа крещенного — нет; она чище самих солнечных лучей, и такова, какой была в начале, или даже гораздо лучше, потому что она получает Духа, Который совершенно воспламеняет ее и делает святой. Как ты, переплавляя железо или золото, делаешь его опять чистым и новым, так точно и Дух Святой, переплавляя душу в крещении, как бы в горниле, и истребляя грехи, делает ее чище и блистательнее всякого чистого золота. Отсюда также ты можешь убедиться в истине воскресения тел. Так как грех ввел смерть, то по истреблении корня, без всякого сомнения, истребится и плод его. Потому ты и говоришь наперед об оставлении грехов, а потом исповедуешь и воскресение мертвых, переходя от первого к последнему; далее же, так как слово: воскресение еще не доказывает всего, — многие ведь воскресшие опять умерли, как, например, (воскресшие) в Ветхом Завете, как Лазарь, как

(воскресшие) во время крестной смерти Христовой, — то тебе повелевается говорить: и в жизнь вечную, чтобы никто не думал, что смерть будет и после того воскресения. Таким образом, припоминая эти слова, Павел и говорит: **что делают крестящиеся для мертвых?** Если нет, говорит, воскресения, то эти слова — шутка; если нет воскресения, то как мы убеждаем других верить тому, чего не даем? Если бы кто, требуя от другого расписки в получении того-то и того-то, не дал ничего, в ней написанного, а потом, получив расписку, стал бы требовать прописанного, то как бы поступил подписавшийся сделав себя должником, а между тем не получив того, в чем сознал себя должным? Тоже и (апостол) говорит здесь о крещающихся: **что делают**, говорит, **крестящиеся**, подписывала под истиной воскресения мертвых, а между тем не получая и обманываясь?

Какая вообще нужда и в самом исповедании, если бы за ним не следовало дело? **Для чего и мы ежечасно подвергаемся бедствиям? Я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашею, братия, которую я имею во Христе Иисусе, Господе нашем** (ст. 30, 31). Смотри, чем еще он старается подтвердить догмат, — собственным решением, или, лучше, не своим только, но и прочих апостолов. И это немаловажное доказательство — указывать на учителей, вполне уверенных в истине и подтверждающих ее не только словами, но и делами. Потому он не просто говорит: и мы убеждены в этом, — одного этого недостаточно было для убеждения, — но представляет доказательство от дел и как бы так говорит: исповедовать это словами, может быть, кажется вам нисколько не удивительным; но если мы представим вам доказательство от дел, то что вы скажете против этого? Послушайте же, как мы проповедуем это каждый день своими страданиями. Не сказал: я, но: **мы**, имея в виду всех апостолов вместе и таким образом с одной стороны показывая свое смирение, а с другой делая достоверными слова свои.

Что вы можете сказать? То ли, что обманываем мы вас, проповедуя это, и из тщеславия учим так? Но допустить такое мнение не позволяют (наши) страдания: кто стал бы непрестанно подвергаться страданиям тщетно и напрасно? Потому и говорит: **для чего и мы ежечасно подвергаемся бедствиям?** Из тщеславия, может быть, кто-нибудь решился бы на это один или два раза, но не во всю жизнь, подобно нам; а мы посвятили на это всю жизнь свою. **Я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашею, братия, которую я имею во Христе Иисусе, Господе нашем**. Похвалою здесь он называет преуспевание (коринфян). Указав на многие страдания и желая показать, что он говорит об этом не с сожалением, присовокупляет: я не только не скорблю, но еще хвалюсь тем, что терплю для вас. Хвалится же он двумя обстоятельствами: тем, что страдает для них, и тем, что видит в них преуспевание. А потом, так как он сказал о делах великих, по обыкновению своему приписывает то и другое Христу. Как же он умирает **каждый день**? Ревностью и готовностью к тому. А для чего он говорит это? Опять для того, чтобы и таким образом подтвердить истину воскресения. Кто решился бы, говорит, подвергаться столь многим родам смерти, если нет воскресения и будущей жизни? Если и для верующих воскресению нужно великое мужество, чтобы за него подвергаться опасностям, то тем более, неверующий не решился бы подвергаться столь многим и столь тяжким родам смерти. И, смотри, как он постепенно усиливает (речь). Сказав: **подвергаемся бедствиям**, он присовокупляет: **ежечасно**; потом говорит: **каждый день**; и далее говорит, что не только — подвергаюсь опасностям, но и — **умираю**; наконец показывает и то, какими родами смерти: **по [рассуждению] человеческому**, говорит, **когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза** (ст. 32)?

3. Что значит: **по человеческому**? Сколько возможно человеку, я боролся с зверями. Бог избавил меня от опасностей; но что в том? Потому, если кто особенно должен скорбеть, то это — я, который претерпел столько опасностей и еще не получил никакой награды. Если

не придет время воздаяния и все наши дела ограничиваются настоящим, то мы терпим большой вред; вы уверовали без опасностей, а мы закалаемся каждый день.

Впрочем, все это он говорит не потому, чтобы не было для него пользы в самих страданиях, но по немощи многих, чтобы их утвердить в истине воскресения, — и не потому, чтобы он подвизался для награды; для него достаточным было воздаянием — делать угодное Богу, Равным образом и прежние слова: **и если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков** (1Кор.15:19) он сказал также для слушателей, чтобы страхом столь бедственной участи потрясти их неверие воскресению, и из снисхождения к их немощи. Подлинно, великая награда уже в том, чтобы во всем угождать Христу, и помимо возмездия великое воздаяние уже в том, чтобы за Него подвергаться опасностям. **Станем есть и пить, ибо завтра умрем**. Этими словами (апостол) теперь пристыжает их и говорит не от себя, но приводит слова велеречивого пророка Исаии, который, говоря о некоторых беспечных и отчаянных людях, сказал так: **Но вот, веселье и радость! Убивают волов, и режут овец; едят мясо, и пьют вино: "будем есть и пить, ибо завтра умрем!" И открыл мне в уши Господь Саваоф: не будет прощено вам это нечестие, доколе не умрете, сказал Господь, Господь Саваоф** (Ис.22:13,14).

Если же в то время так рассуждавшие не были прощаемы, то тем более во время благодати. Потом, чтобы не сделать слов своих слишком тяжкими, он не долго останавливается на доказательстве нелепости (такого образа мыслей), но опять начинает увещание и говорит: **не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы** (ст. 33). Этими словами он с одной стороны укоряет (коринфян), как неразумных, — потому что под благовидным названием благих нравов он разумеет здесь удобопреклонные, — а с другой, сколько можно, извиняет их в прежних заблуждениях, снимая с них большую часть вины и возлагая на других, чтобы и таким образом обратить их к покаянию.

Тоже он делает и в послании к Галатам, когда говорит: **а смущающий вас, кто бы он ни был, понесет на себе осуждение** (5:10). **Отрезвитесь, как должно, и не грешите** (ст. 34), — (говорит) как бы опьяневшим и неистовствующим, потому что опьяневшим и неистовствующим свойственно выпускать все вдруг из рук своих, не видеть того, что прежде видели, и не верить тому, что прежде исповедовали. Что значит: **как должно**? С пользой и назиданием, потому что можно быть трезвенным и неправедно, когда кто-нибудь пробуждается ко вреду своей души. Хорошо также прибавил он: **не грешите**, показывая, что отсюда происходили у них семена неверия. Он во многих местах выражает, что развратная жизнь порождает худые мысли, — например, когда говорит: **корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры** (1Тим.6:10).

Многие, сознавая свои пороки и не желая понести наказание, от страха перестают верить и воскресению; напротив, делающие много доброго желают увидеть его каждый день. **К стыду вашему скажу, некоторые из вас не знают Бога**. Смотри, как (апостол) опять слагает вину на других. Не сказал: вы не знаете, но: **некоторые из вас**. Не верить воскресению свойственно тому, кто не имеет совершенного понятия о непобедимой и вполне достаточной на все силе Божией. Ведь если Он сотворил сущее из не сущего, то тем более может воскресить разрушившееся. Сильно укорив и крайне пристыдив их обличением в невоздержании, неразумии и бесчувственности, (апостол) потом смягчает слова свои и говорит **к стыду вашему скажу**, то есть, чтобы исправить, чтобы вразумить, чтобы вы, устыдившись, сделались лучшими. Он опасался, чтобы, поразив более надлежащего, не отвратить их от себя.

4. Но не будем думать, что это сказано им одним только (коринфянам); это относится теперь и ко всем тем, которые страдают подобными болезнями и ведут развратную жизнь. Ведь не те только, которые держатся худых мыслей, но и те, которые преданы тяжким грехам, находятся в состоянии опьянения и неистовства. Потому и к ним справедливо можно сказать: **отрезвитесь**, особенно же к тем, которые отягчены недугом корыстолюбия и совершают злое стяжание, — а есть и доброе стяжание — приобретение небес, не причиняющее никому вреда. В отношении имущества невозможно быть одному богатым без того, чтобы наперед другой не сделался бедным; в благах же духовных не так, а совершенно напротив: невозможно никому сделаться богатым без того, чтобы не обогатить другого, потому что, если ты никому не принесешь пользы, то и сам не сделаешься богатым. В (благах) телесных от раздаяния происходит уменьшение, но в духовных от раздаяния происходит умножение, а нераздаяние причиняет великую скудость и подвергает крайнему наказанию. Доказательством тому — (раб) скрывший талант.

Так, кто имеет дар мудрости, тот, передавая другому, умножает это богатство, делая мудрыми многих; а кто скрывает ее в себе, тот лишает себя богатства, не принося пользы другим. Также, кто имеет другие дары, тот, врачуя многих, умножает свой дар; сам не теряет от передачи, и многих других исполняет духовных дарований. Это правило остается неизменным во всех духовных (благах). Так бывает и с царством (небесным): кто делает многих своими соучастниками в царстве, тот тем более будет пользоваться им; а кто не желает иметь участником никого, тот и сам лишится многих благ. Если чувственная мудрость не истощается, когда многие приобретают ее, и художник не теряет

своего искусства, когда делает художниками многих, то тем более приобретающий царство не уменьшает его, а напротив тогда и будет у нас богатство больше, когда мы многих призовем к нему.

Будем же приобретать то, что не истощается, но от раздаяния умножается; будем приобретать то, против чего никто не клевещет, чему никто не завидует. Если бы было такое место, откуда бы, как из источника, непрестанно истекало золото, и тем более истекало, чем более было бы почерпаемо, а другое место было бы такое, в котором закопано какое-нибудь сокровище, то откуда ты захотел бы получать богатство? Не из первого ли?

Конечно, оттуда. Но чтобы нам не описывать этого только словами, примените сказанное к воздуху и солнцу: они поглощаются всеми и наполняют все, и, однако, остаются одинаковыми и не уменьшаются, хотя бы пользовались ими, хотя бы не пользовались. А то, о чем я говорю, гораздо больше. Мудрость духовная не остается одинаковой, хотя бы она была раздаваема, или же не раздаваема, но более умножается именно тогда, когда бывает раздаваема. Если же кто не убеждается сказанным и не перестает прилепляться к скудным вещам житейским, приобретая подлежащее уменьшению, тот пусть вспомнит еще о пище из манны и устрашится этого примера наказания. Что было с манной, тоже и теперь случается с корыстолюбцами. Что же было тогда? Она обращалась от излишества в червей.

Тоже случается и теперь (с корыстолюбцами). Мера питания для всех одна, — один мы наполняем желудок; но у тебя, предающегося роскоши, гнили больше. Как там собиравшие манну в дома свои больше положенного собирали не манну, а множество червей и гнилости, так точно и предающиеся объедению и пьянству собирают в роскоши и пресыщении не большие удовольствия, а большую гниль. Впрочем, нынешние даже хуже тогдашних; те, однажды испытав такое зло, образумились; а эти, каждый день внося

в дома свои гораздо более опасных червей, не чувствуют и не насыщаются. Что одно похоже на другое по бесплодности труда, — потому что со стороны возмездия одно много тяжелее другого, — можешь видеть из следующего. Чем отличается богатый от бедного? Не одинаковое ли он одевает тело? Не одинаковый ли питает желудок? Чем же он превосходит его? Заботами, издержками, преслушанием Бога, растлением плоти, развращением души. Вот в чем он превосходит бедняка! Если бы он насыщал множество желудков, то может быть он мог бы сказать что-нибудь, например, что у него больше потребностей, что для него необходимы большие издержки. Но, скажешь, и теперь богатые могут возразить, что они насыщают многих, то есть, слуг и служанок? Да ведь это делается не по нужде и не по человеколюбию, а только по гордости, и потому не может служить для них оправданием.

5. Для чего иметь множество слуг? Как в отношении к одежде и пище надобно заботиться только о необходимом, так и в отношении к слугам. И какая в них нужда? Нет никакой. Одному господину надлежало бы иметь только одного слугу, или, лучше, двоим и троим господам одного слугу. Если это неприятно (слышать), то вспомни о тех, которые не имеют ни одного, и, однако, не остаются без прислуги» гораздо лучшей, потому что Бог сотворил людей достаточно способными к служению самим себе и даже к служению ближним. Если не веришь, то послушай Павла, который говорит: **сами знаете, что нуждам моим и [нуждам] бывших при мне послужили руки мои сии** (Деян.20:34), Так учитель вселенной, достойный небес, не стыдился служить тысячам (людей); а ты считаешь постыдным, если не окружишь себя толпами рабов, не понимая, что, напротив, это самое особенно и служит для тебя бесчестьем. Бог для того дал нам руки и ноги, чтобы мы не имели нужды в слугах; и не нужда ввела сословие рабов, — иначе вместе с Адамом был бы сотворен и раб, — но это есть следствие греха и наказание за преслушание. А Христос, придя, прекратил и это: о Христе Иисусе **нет раба, ни свободного** (Гал.3:28). Потому нет нужды иметь рабов; если же нужно, то разве одного, а много двух. И к чему толпы слуг?

Точно какие продавцы овец или торговцы невольниками, расхаживают богачи по баням и по торжищам. Впрочем, я ничего не говорю против: пусть будет у тебя и другой слуга; но если ты собираешь их множество, то делаешь это не из человеколюбия, а из роскоши; если бы ты заботился об их благе, то не заставлял бы никого из них служить тебе, но, купив и научив их ремеслам, чтобы они могли продовольствовать сами себя, отпустил бы их на волю. Если же ты бичуешь их, если налагаешь на них оковы, то это уже не дело человеколюбия. Знаю, что я говорю неприятное для слушателей; но что мне делать? На то я поставлен и не перестану это говорить, хотя будет какая-нибудь польза, хотя нет. К чему ты, в самом деле, так гордо выступаешь на торжище? Разве ты ходишь среди зверей, что разгоняешь встречающихся? Не бойся: никто из мимоходящих и приближающихся к тебе не кусается. Но ты считаешь за бесчестье идти вместе со всеми? Как безумно, как странно, — когда близ тебя идет лошадь, не считать этого бесчестьем, а когда человек не прогнан от тебя на тысячи стадий, считать это бесчестьем! К чему ты еще окружаешь себя жезлоносцами, поступая с людьми свободными, как бы с рабами, или, лучше, сам проводя жизнь бесчестнее всякого раба? Подлинно, кто ведет себя с такой гордостью, тот презреннее всякого раба: не увидят истинной свободы те, которые поработили себя столь гибельной страсти. Если ты хочешь очистить себе дорогу и идти вперед, то отгоняй не проходящих, а гордость, не через слугу, а через себя самого, не таким бичом, а духовным. Теперь же слуга твой гонит проходящих, а тебя сверху гонит гордость с большим бесчестьем, нежели слуга твой — ближнего. Если ты, сойдя с коня, прогонишь гордость смиренномудрием, то займешь высшее место и доставишь себе больше чести, нисколько не нуждаясь для того в слуге. Когда ты будешь смиренно идти по земле, то воссядешь на колесницу смиренномудрия, которая, имея крылатых коней, вознесет тебя до небес; а

когда, ниспадя с нее, взойдешь на колесницу гордости, то будешь нисколько не лучше пресмыкающихся животных, ползающих по земле, и даже гораздо хуже и несчастнее их, потому что их заставляет ползать недостаток телесный, а тебя — болезнь гордости: **всякий, возвышающий сам себя, унижен будет** (Лк.18:14). Итак, чтобы нам не унизиться, а возвыситься, будем восходить на эту высоту; таким образом мы найдем и покой душам нашим, по божественному обетованию (Мф.11:29), и достигнем истинной и высочайшей чести, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 41

Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут? Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет (1 Кор.15:35,36).

1. Будучи всегда весьма кротким и смиренным, апостол здесь говорит весьма строго по причине упорства противников, — к не довольствуется этим, но представляет и доказательства и примеры, чтобы таким образом укротить и самых упорных спорщиков. Выше он говорил: **как смерть через человека, [так] через человека и воскресение мертвых** (15:21); а здесь опровергает возражение, представляемое язычниками. Впрочем, смотри, как он опять смягчает силу укоризны. Не сказал: но может быть вы скажете, а неопределенно указывает на возражателя, чтобы прямым резким указанием не слишком поразить слушателей. Он приводит два недоумения: касательно образа воскресения и касательно качества тел, потому что возражавшие сомневались в том и другом и говорили: как воскреснет разрушившееся, и в каком явятся теле? Что значит: **в каком теле**? Т.е., в этом ли истлевшем, разрушившемся, или в каком-нибудь другом? Потом, внушая, что они спрашивают не о чем-либо сомнительном, но о том, что достоверно известно, он тотчас обращается к ним со строгими словами и говорит: **безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет**. Так обыкновенно поступаем и мы с теми, которые противоречат чему-нибудь достоверно известному. А почему он не тотчас указывает на силу Божию? Потому, что рассуждает с неверующими. Когда он говорит с верующими, то не очень прибегает к умозаключениям; так и в другом месте, сказав: **Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его**, и, открыв здесь нечто более воскресения, он не привел сравнений, а вместо всякого доказательства указал прямо на силу Божию, прибавив следующее: **силою, [которою] Он действует и покоряет Себе все** (Флп.3:21). Здесь же он употребляет и умозаключения. Доказав истину словами Писаний, он теперь с силой направляет речь против неверующих Писаниям и говорит: **безрассудный! то, что ты сеешь**, т.е. ты сам у себя имеешь доказательство воскресения в том, что делаешь ежедневно, и еще ли сомневаешься? Безумным я называю тебя за то, что не знаешь совершаемого ежедневно самим тобой и, тогда как ты сам бываешь виновником воскресения (семян), сомневаешься в том по отношению к Богу. Весьма выразительно говорит: **то, что ты сеешь**, т.е. ты, смертный и разрушающийся. И, смотри, как сами выражения его соответствуют настоящему предмету: **не оживет, если не умрет**. Не употребляя выражений, относящихся к семенам, как-то: прозябает, произрастает, сгнивает, истлевает, он приводит соответствующие плоти нашей: **не оживет, если не умрет**, — что свойственно не семенам, а телам. И не сказал: оживет после того, как умрет; но, — что выражает больше, — потому оживет, что умрет. Видишь ли, что он, как я часто замечал, всегда выводит противное? Из чего другие выводили заключение против воскресения, то самое он обращает в доказательство воскресения. Они говорили, что тело не воскреснет, потому что умерло. Что же он говорит вопреки этому? Если бы оно не умерло, то и не воскресло бы, потому и воскреснет, что умрет. Так и Христос яснейшим образом показывает тоже

самое, когда говорит: **если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода** (Ин.12:24). Отсюда же и Павел, заимствуя это сравнение, не сказал: не будет жить, но: не оживет, указывает опять на силу Божию и внушает, что не земная природа, но сам (Бог) совершает все. А почему он не указал на то, что было ближе к предмету, т.е. на семя человеческое, — так как и наше рождение, подобно пшенице, начинается тлением? Потому что (тот и другой пример) не равны, но первый важнее. Апостол хочет указать на что-нибудь всецело истлевающее, а семя человеческое только часть (человека); потому он и указывает (на пшеницу). С другой стороны, семя человеческое выходит из живого человека и падает в живую утробу; а здесь семя бросается не в тело, а в землю, и в ней истлевает подобно умершему телу. Таким образом приведенный пример прямее относится к делу. **И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее** (ст. 37). Сказанное доселе относится к тому, как (мертвые) воскреснут; а это к тому недоумению, в каком явятся теле. Что значит: **не тело будущее**? Не колос целый и не пшеницу новую. Здесь говорится уже не о действительности воскресения, но об образе воскресения, т.е. каково будет тело, имеющее воскреснуть, — такое ли, как прежде, или лучшее и превосходнейшее. То и другое (апостол) выводит из одного и того же примера и доказывает, что оно будет лучше.

2. Еретики же, не понимая ничего такого, возражают и говорят: иное тело умирает и иное тело воскреснет. Но что это за воскресение? Ведь восстание (воскресение) относится к тому, что упало. И где та чудная и славная победа над смертью, если одно падает, а другое восстает. Тогда уже не будет явно, что она возвратила то, что держала в своем плену. Как же это сравнение идет к предмету? Не иное существо сеется, а иное возрастает, но (возрастает) тоже самое в лучшем виде. Иначе и Христос, бывший начатком воскресающих, воскрес не в том же самом теле, но, по вашему, одно тело Он оставил, хотя оно было без всякого греха, а другое принял. Откуда же Он взял другое? То от Девы, а это откуда? Видишь ли, до каких нелепостей доводит такое мнение? Для чего также Он показал язвы гвоздиные?

Не для того ли, чтобы доказать, что это самое (тело) и ко кресту было пригвождено и оно же воскресло? И что значит прообраз Ионы? Без сомнения, не иной Иона был поглощен, а иной извергнут на землю. И еще, почему (Христос) говорил: **разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его** (Ин.2:19)? Он, конечно, воздвиг тот самый храм, который разрушен; потому евангелист и присовокупил: **а Он говорил о храме тела Своего** (ст. 21). Итак, что означают слова: **сеешь не тело будущее**? Т.е. не колос, потому что он тот же и не тот же: тот же потому, что одного существа с (семенем); не тот же потому, что он лучше; существо осталось тоже, но явилось большей благолепие, и Он восстал в новом виде. А если бы не так, то не было бы нужды и в воскресении, когда бы тело не могло воскреснуть лучшим; для чего разрушать дом, если не строить его лучшим?

Это (апостол) сказал против тех, которые думают, что (тело) истлевает. А далее, чтобы кто не подумал, что отсюда произойдет другое тело, он разрешает недоумение и сам изъясняет сказанное, не дозволяя слушателю выводить какое-нибудь несообразное заключение. К чему же тогда и наши слова? Послушай, как он сам говорит и изъясняет, что значит: **сеешь не тело будущее**; он именно тотчас присовокупляет: **а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое**. Не тело будущее, т.е. не так одетое, не имеющее стебля и колосьев, **а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое**. **Но Бог дает ему тело, как хочет** (ст. 38). Так, скажешь; но здесь действует природа. Какая, скажи мне, природа? И здесь все совершает Бог, а не природа, не земля и не дождь. Потому-то (апостол), не упоминая ни о земле, ни о дожде, ни о воздухе, ни о солнце, ни о руках земледельца, говорит: **но Бог дает ему тело, как хочет**. Не исследуй же и не допытывайся, как и каким образом, когда слышишь, что это — дело силы и воли

Божией. **И каждому семени свое тело**. Где же чужое тело? Дает свое. Потому, когда (апостол) говорит: **сеешь не тело будущее**, утверждает не то, будто вместо одного воскреснет другое существо, но — воскреснет в лучшем, славнейшем виде. **И каждому семени свое тело**. Отсюда наконец он выводит и различие (тел) при будущем воскресении. Из того, что сеется пшеница и из нее восходят все колосья, не заключай, будто и при воскресении (тела) будут равночестны. Даже и из семян происходят (колосья) не одинакового достоинства, но одни лучше, другие хуже. Потому (апостол) и присовокупляет: **и каждому семени свое тело**.

Впрочем, не довольствуясь этим, он выражает еще другое различие, большее и яснейшее. Чтобы ты, как я сказал, услышав, что все воскреснут, не подумал, что все получат и одну честь, он еще прежде посеял семена своей мысли, сказав: **каждый в своем порядке** (15:23). То же самое еще яснее он выражает и здесь, продолжая так: **не всякая плоть такая же плоть** (ст. 39). Что я указываю, говорит, на семена? Тоже самое мы можем видеть на телах, о которых теперь идет у нас речь. Потому и продолжает: **но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц. Есть тела небесные и тела земные; но иная слава небесных, иная земных. Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе** (ст. 40, 41).

3. К чему здесь эти слова? Для чего (апостол) от воскресения тел уклонился к речи о звездах и солнце? Не уклонился он и не отступил от предмета, — нет, — а еще продолжает говорить о нем. Доказав истину воскресения, он теперь доказывает, что великое будет тогда различие в славе, хотя воскресение одно, и разделяет все на две части — на тела небесные и на земные. Примером пшеницы он доказал, что тела воскреснут; а здесь доказывает, что не все они будут в одинаковой славе. Как неверие воскресению делает людей сонливыми, так и то мнение, что все удостоятся одинаковой участи, делает их беспечными. Потому он исправляет то и другое; о первом сказал выше, а о последнем начинает говорить теперь. Разделив всех на два разряда, на праведников и грешников, он потом разделяет эти два разряда на многие части, показывая, что праведники и грешники получат не одинаковую участь, также — что ни праведники все не будут равны с праведниками, ни грешники с грешниками. Первое деление — на праведников и грешников — он делает в словах: телеса небесная и телеса земная, разумея под земными последних, а под небесными первых. По том показывает различие между самими грешниками в словах: **не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц**; хотя все они — тела, но одни более, другие менее маловажны, как в образе жизни, так и в самом устройстве. Сказав об этом, он опять обращается к небу и говорит: **иная слава небесных, иная земных**. Как в земных телах есть различие, так и в небесных, и различие не малое, но простирающееся даже до последних (звезд); есть различие не только между солнцем и луной, между луной и звездами, но и между самими звездами; хотя все они на небе, но одни имеют более, другие менее славы. Чему же мы научаемся отсюда? Тому, что, хотя все праведники будут в царстве (небесном), но не все получат одинаковое блаженство; и грешники, хотя все будут в геенне, но не все будут одинаково мучиться. Потому он и присовокупляет: **так и при воскресении мертвых** (ст. 42). Что — **так**? Будет такое же великое различие. Далее, оставив этот предмет, как достаточно доказанный, он опять обращается к доказательству и к образу самого воскресения и говорит: **сеется в тлении, восстает в нетлении**. И посмотри на мудрость его: о семенах он употребляет выражения приличные телам: **не оживет, если не умрет**; а о телах употребляет выражения приличные семенам: **сеется в тлении, восстает в нетлении**. Не сказал: произрастает, чтобы ты не приписал этого действию земли, но: **восстает**. Сеянием же здесь он называет не зачатие наше в утробе матери, но погребение в земле мертвых тел, разрушение, прах. Потому, сказав: **сеется в тлении, восстает в нетлении**, он продолжает: **сеется в уничижении** (ст. 43), так как что

безобразнее мертвого, разрушившегося (тела)? **Восстает в славе**. **Сеется в немощи**. Не проходит и тридцати дней, как все разрушается; плоть не может поддержать сама себя и продолжить даже на день. **Восстает в силе**. Тогда уже ничто не преодолеет ее. Для того и нужны были приведенные примеры, чтобы многие, слыша, что тела восстанут в нетлении, славе и силе, не подумали, будто не будет никакого различия между воскресшими. Хотя все воскреснут в силе и нетлении и в славе нетления, но не все в одинаковой чести и степени. **Сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное** (ст. 44). Что говоришь ты? А это тело разве не духовно? Оно духовно, но то будет гораздо больше. Теперь великая благодать Св. Духа часто отлетает, когда кто впадает в тяжкие грехи, и тогда, как Дух пребывает в душе, (отлетает) жизнь плоти, — а без первого и последняя ничтожна, — но тогда не так, а напротив (Дух) будет непрестанно пребывать в плоти праведников и станет господствовать в ней, хотя и душа будет присутствовать.

Таким образом (апостол) разумел или что-нибудь подобное, когда сказал: духовное, или то, что оно будет легче, тоньше, и будет способно носиться даже по воздуху, или лучше — то и другое.

Если же не веришь сказанному, то посмотри на тела небесные, столь светлые, неизменные и никогда не стареющие, и веруй, что Бог может и тленные тела сделать нетленными и гораздо лучшими видимых. **Так и написано: первый человек Адам стал душею живущею; а последний Адам есть дух животворящий** (ст. 45). Первое действительно написано (Быт.2:7), а последнего не написано: как же (апостол) сказал: **так и написано**? Он вывел это из событий, как и часто делает. Так обыкновенно поступают и пророки; например, пророк сказал, что Иерусалим наречется град истинный (Зах.8:3), однако он не назывался так. Что же?

Неужели пророк сказал неправду? Нет, он говорит, делая вывод из событий. Также: Христос наречется Еммануил (Ис.7:14), и однако Он не назывался так; но дела дают Ему это название.

Так и здесь: **а последний Адам есть дух животворящий**.

4. (Апостол) сказал это для того, чтобы ты знал, что уже есть знамения и залоги как настоящей, так и будущей жизни: настоящей — Адам, а будущей — Христос. Так как лучшие (блага) он поставляет в надеждах, то теперь доказывает, что начало их уже пришло, что корень и источник их уже явились.

Если же корень и источник для всех очевидны, то не должно сомневаться и о плодах. Потому он и говорит: **последний Адам в дух животворящ**; и в другом месте: **оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас**. (Рим.8:11).

Следовательно, животворить — дело Духа. Потом, чтобы кто не сказал: почему худшее прежде, и почему душевное сбылось все, а не в начатке только, духовное же только в начатке, — (апостол) выражает, что таков порядок того и другого. Но не прежде, говорит, духовное, но душевное, потом же духовное (ст. 46).

Не говорит — почему, но довольствуется указанием на распоряжение Божие, имея свидетелем превосходства домостроительства Божия опыт событий и через то доказывая, что все с нами происходит к лучшему, а вместе с тем придает еще более достоверности словам своим. Если сбылось худшее, то тем более надобно ожидать лучшего.

Итак, если нам предстоят такие блага, то постараемся поставить себя в тот разряд (праведников) и будем оплакивать не умирающих, а тех, которые оканчивают жизнь во зле. Земледелец, когда видит пшеницу разрушающейся, не плачет; напротив, когда видит, что она в земле остается твердой, боится и трепещет; а когда видит ее разрушающейся, тогда радуется, потому что разрушение есть начало будущего ростка. Так и мы будем радоваться, когда тленный дом распадается, когда человек сеется. Не удивляйся, что (апостол) назвал погребение сеянием; это — лучшее сеяние. За тем (сеянием) следуют смерти, труды, опасности, заботы, а за этим, если будем жить праведно, венцы и награды; за тем — тление и смерть, а за этим — нетление, бессмертие и бесчисленные блага; при том сеянии — совокупление, похоть и сон, а при этом — только глас, сходящий с небес, и вдруг все совершается, и восстающий вступает не в жизнь многотрудную, но туда, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания. Если же ты (жена) нуждаешься в защите и потому плачешь о муже, то прибегни к общему для всех Защитнику, Спасителю и Благодетелю — Богу, к этой необоримой помощи, готовому подкреплению, надежному покрову, вездесущему и отовсюду нас ограждающему. Но привычное обращение с ним, скажешь, вожделенно и приятно? И я знаю это; но если ты умеришь страсть свою рассудком и размыслишь о том, Кто взял его, и что ты, перенес твердо, принесешь свою волю в жертву Богу, то будешь в состоянии избежать и этой волны, и то, что совершает время, совершит твое любомудрие; если же ты будешь малодушничать, то хотя время прекратит твою скорбь, но ты не получишь никакой награды. Вместе с этими мыслями припомни и примеры, как из настоящей жизни, так и из божественных Писаний; вспомни, как Авраам заклал сына своего, и не плакал, не произнес жалобного слова. Но, скажешь, это был Авраам? А ты призвана еще к большим подвигам. Иов, хотя скорбел, но столько, сколько свойственно отцу чадолюбивому и заботливо пекущемуся об умерших; а то, что ныне делаем мы, свойственно врагам и неприятелям. В этом деле, если бы ты стал плакать и рыдать о ком-нибудь, введенном в царские чертоги и увенчанном, то я не назвал бы тебя его другом, а явным врагом и неприятелем. Но, скажешь, я оплакиваю не его, а себя?

И это несвойственно любящему — желать, чтобы он еще беспокоился о тебе и подвергался неизвестности (твоего) будущего, тогда как ему следует быть увенчанным и идти к пристанищу, или чтобы он обуревался волнами, тогда как ему можно быть в пристани. Но я не знаю, скажешь, куда отошел он? Как не знаешь, скажи мне? Он жил или праведно или нет; поэтому известно, куда отойдет он. Потому самому, скажешь, я и сокрушаюсь, что он умер грешником? Это — одна отговорка и предлог; если бы ты поэтому оплакивала умершего, то тебе надлежало бы исправлять и усовершать его при жизни; но ты заботишься только о себе, а не о нем. Впрочем, если он умер грешником, то и в таком случае надобно радоваться, что прекратились грехи его и что он не приложил еще зла ко злу, и помогать ему, сколько возможно, не слезами, а молитвами, молениями, милостынями и приношениями. Все это установлено не напрасно; не напрасно мы совершаем при божественных таинствах поминовение об умерших и ходатайствуем за них, умоляя предлежащего Агнца, вземшего грехи мира, но для того, чтобы им было от того некоторое утешение; не напрасно предстоящий перед жертвенником, при совершении страшных таинств, взывает: о всех во Христе усопших и память о них творящих. Если бы о них не совершались поминовения, то и не произносились бы эти слова. Наши действия — не сценические представления, — да не будет — они совершаются по устроению Духа.

5. Будем же помогать им и совершать о них поминовение.

Если детей Иова очищала жертва отца, то почему ты сомневаешься, что, когда и мы приносим жертву за умерших, им бывает некоторое утешение? Бог часто подает благодать

одним за других. Это объяснил Павел, когда сказал: **дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за** (2 Кор. 1:11).

Не поленимся же помогать умершим приносить за них молитвы, потому что предстоит общее очищение вселенной. Потому мы и молимся тогда с дерзновением о всей вселенной и именуем их вместе с мучениками, исповедниками и священниками. Мы все одно тело, хотя члены — одни других превосходнее. Так, отовсюду возможно снискивать им прощение, и от молитв, и от приносимых за них даров, и от призываемых вместе с ними.

Почему же ты скорбишь, почему плачешь, когда столько можешь снискать прощения умершему? Потому ли, что ты осталась одна и потеряла защитника? Не говори этого; ты не потеряла Бога и, доколе имеешь Его, Он сам будет для тебя больше и мужа, и отца, и сына, и зятя, так как и при их жизни Он же делал для тебя все. Так-то помышляй и говори подобно Давиду: **Господь просвещение мое и Спаситель мой: кого убоюсь?** (Пс.26:1). И еще: **Отца сирот и Судии вдов** (Пс.67:6).

Моли Его о помощи; Он теперь сравнительно с прежним временем тем более будет промышлять о тебе, чем в большем ты находишься затруднении. Или ты (отец) потерял сына? Не потерял; не говори так. Это сон, а не смерти переселение, а не потеря, переход от худшего к лучшему. Не раздражай Бога, но умилостивляй Его; если перенесешь мужественно, то отсюда будет некоторое утешение и умершему и тебе; если же нет, то ты

еще более прогневаешь Бога, подобно как если бы, видя, что господин наказывает раба, ты озлобился на него, то раздражил бы господина еще более против себя самого. Не поступай же так, но благодари Бога, чтобы таким образом рассеялось облако твоей печали; скажи подобно блаженному (Иову): **Господь дал, Господь и взял** (Иов.1:21); представь, как многие, более тебя угодившие Богу, даже вовсе не имели детей и не назывались отцами. И я, скажешь, не желал бы (иметь их), потому что лучше не испытывать удовольствия, нежели, испытав, лишиться. Нет, увещеваю тебя, не говори так, не раздражай этим Владыку; но благодари и за то, что получил, благословляй и за то, чего не удержал до конца. Не говорил Иов: лучше было бы не иметь, как говоришь ты неблагодарный, но и за то благодарил: **Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно**. И жене, заграждая уста и вразумляя ее, он сказал такие чудные слова: **неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?** (2:10). И после, когда он подвергся еще тягчайшему искушению, также не поколебался, но терпел столь же мужественно и славословил (Бога). Так поступай и ты и помышляй в себе самом, что не человек взял (сына твоего), но Бог, Который сотворил его, Который более тебя печется о нем и знает, что ему полезно, а не враг какой-нибудь или человек недоброжелательный. Вспомни, как многие (дети), оставшись в живых, делали родителям жизнь не в жизнь.

Но, скажешь, добродетельных разве ты не видишь? Вижу и их; но состояние твоего сына надежнее, нежели их; они теперь заслуживают похвалу, но конец их неизвестен; а за него тебе уже не надобно бояться и трепетать, чтобы чего-нибудь с ним не случилось, чтобы какая-нибудь не произошла с ним перемена. Так же рассуждай и о жене доброй и домовитой, и за все благодари Бога. Если бы ты лишился и жены, благодари Его; может быть, Бог хочет привести тебя к воздержанию, призывает к большим подвигам, хочет освободить тебя от уз. Любомудрствуя таким образом, мы и здесь приобретем душевное спокойствие, достигнем и будущих венцов, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 42

Первый человек - из земли, перстный; второй человек - Господь с неба (1Кор.15:47).

1. Сказав, что первый человек душевен, а второй духовен, теперь (Павел) представляет иное различие, называя одного перстным, а другого небесным. Прежнее различие относилось к жизни настоящей и будущей, а это ко времени до благодати и после благодати. Представляет же он такое различие для того, чтобы внушить добродетельную жизнь. Чтобы слушатели, как я сказал, надеясь на воскресение, не стали пренебрегать жизнью и благочестием, он и здесь опять призывает их на подвиги и увещевает быть добродетельными: **первый человек**, говорит, **из земли, перстный; второй человек - Господь с неба**, называя того и другого вообще человеком, но в одном указывая высшую его сторону, а в другом низшую. **Каков перстный, таковы и перстные**, — также погибнут и умрут; и: **каков небесный, таковы и небесные**, — также пребудут бессмертными и светлыми (ст. 48).

Но и последний разве не умер? Умер, однако не только не потерпел от того никакого вреда, но еще таким образом разрушил смерть. Видишь ли, как здесь (апостол) самой смертью подтверждает учение о воскресении? Когда есть, как я прежде сказал, начаток и глава, то не сомневайся и касательно всего тела.

Притом здесь он предлагает превосходное увещание к добродетельной жизни, представляя образцы как высокой и любомудрой, так и противоположной тому жизни, и указывая начатки той и другой, первой во Христе, а второй в Адаме. Потому не просто сказал: от земли, но: **перстный**, т.е. плотян, привязан к настоящему; а о Христе напротив: **Господь с неба**. Если же некоторые из выражения: **с неба** выводят такое заключение, будто Господь не имеет тела, то для заграждения уст их и прежде сказанное достаточно, и теперь ничто не препятствует опровергнуть их. Что же значит: **Господь с неба**? О существе ли говорит апостол, или о высшей жизни? Очевидно, что о жизни.

Потому и присовокупляет: **и как мы носили образ перстного**, т.е. как делали зло, **будем носить и образ небесного**, т.е. будем делать добро (ст. 49). Кроме того я желал бы спросить тебя, о существе ли сказано в словах: **из земли, перстный**, и: **Господь с неба**? Да, говорить ты. Как же, разве Адам был только **перстный**, или он имел еще какую-нибудь другую сущность, сродную с существами высшими и бесплотными, которую Писание называет душой и духом? Без всякого сомнения, (имел) и ее. Следовательно и Господь был не только свыше, хотя и говорится, что Он **с неба**, но принял и плоть. Смысл слов (апостола) следующий: как мы носили образ земного — злые дела, так будем носить и образ небесного — небесную жизнь. А если бы здесь говорилось о существе, то дело не требовало бы убеждения и совета; и потому очевидно, что здесь говорится о жизни. Потому (апостол) и говорит об этом в виде увещания и указывает на образ, а тем самым опять показывает, что он говорит о деятельности, а не о существе; мы от того сделались перстными, что стали совершать злые дела; мы перстны не потому, что так были сотворены, но потому, что согрешили, так как прежде грех, а потом смерть: **прах ты и в прах возвратишься** (Быт.3:19); отсюда же произошло и множество страстей. Не происхождение только из земли делает человека перстным, — потому что и Господь был из того же тела и того же состава, — но совершение земных дел; равно и небесным делает жизнь, достойная неба. Впрочем, для чего напрасно трудиться, доказывая это? (Павел) сам, продолжая речь, раскрывает нам свою мысль и говорит так: **но то скажу [вам], братия, что плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления** (ст. 50).

Видишь ли, как он объясняет сам себя, избавляя нас от затруднения? Так он часто поступает. Плотью здесь он называет злые дела, как и в других местах, когда, например, говорит: **вы не по плоти живете** (Рим.8:9); и еще: **живущие по плоти Богу угодить не могут** (Рим.8:8); так что, когда он говорит: **но то скажу**, в словах его содержится не иное что, как следующее: я сказал это для того, чтобы ты знал, что злые дела в царство не вводят. От воскресения он тотчас переходит к царству и присовокупляет: **и тление не наследует нетления**, т.е. зло не наследует славы и нетленных благ. Таким именем он часто называет зло; например: **сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление** (Гал.6:8). Если бы он говорил о теле, а не о порочной деятельности, то не назвал бы его тлением; он нигде не называет тела тлением: оно не тление, а тленное. Потому и далее, рассуждая о нем, не называет его тлением, а тленным: **тленному сему надлежит облечься в нетление**, Окончив увещание касательно жизни, далее он по своему всегдашнему обыкновению, соединяя один предмет с другим, переходит опять к учению о воскресении тел и говорит: **говорю вам тайну** (ст. 51).

2. О страшном и неизреченном, о том, что не все знают, намеревается говорить (апостол), и оказывает им великую честь, беседуя с ними о предметах неизреченных. Что же это такое?

Не все мы умрем, но все изменимся. Смысл слов его следующий: не все мы умрем, но все изменимся, даже и те, которые не умрут, несмотря на то, что и они смертны. Итак, когда умираешь, не бойся из-за этого, как будто не воскреснешь; есть, несомненно есть такие, которые избегнут смерти, но для воскресения им будет того недостаточно, а необходимо, чтобы тела и тех, которые не умрут, изменились и сделались нетленными.

Вдруг, во мгновение ока, при последней трубе (ст. 52). После многого, сказанного о воскресении, он теперь благовремение открывает в нем весьма дивное. Не то только удивительно, говорит, что тела сперва сгниют и потом восстанут, и не то, что восставшие после гниения будут лучше нынешних, и не то, что перейдут в гораздо лучшее состояние, и не то, что каждый получит собственное, а не чужое тело, но и то, что столь многие и столь великие дела, превосходящие всякий ум и всякое разумение, совершатся: вскоре, т.е. в мгновение времени, или, как он яснее выражает это, в мгновении ока, — (так же быстро), как мигают ресницы. Потом, так как он сказал нечто великое и изумительное, т.е. что столь многие и столь великие дела совершатся так скоро, приводит и доказательство в удостоверение истины события: **ибо вострубит**, говорит, **и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся**. Слово — **мы** здесь он относит не к себе, а к тем, которые тогда окажутся живыми. **Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление** (ст. 53). Чтобы кто-нибудь слыша, что плоть и кровь царствия Божия не наследят, не подумал, что тела не воскреснут, он присовокупляет: **тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие**. Тленное — это тело, и мертвенное тоже тело; тело остается, потому что оно есть то, что облекается, исчезают же смертность и тленность, когда оно облекается в бессмертие и нетление. Потому не сомневайся на счет того, как тело будет жить бесконечно, когда слышишь, что оно будет нетленно. **Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою** (ст. 54). Так как он сказал о делах великих и неизреченных, то еще подтверждает слова свои пророчеством: **поглощена смерть победою**, т.е. окончательно, так что не останется ни следов ее, ни надежды на возвращение, когда тление будет поглощено нетлением. **Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?** (ст. 55). Видишь ли величие души его?

Как бы торжествуя победу, он воодушевляется и, созерцая будущее, как бы уже совершившееся, восхищается и попирает ногами низложенную смерть, и над главой

поверженной издает победный клик, громко взывая: **смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?** Прошла, погибла и исчезла совершенно, — все сделано тщетным. (Господь) не только обезоружил и победил смерть, но истребил ее и обратил в ничто. **Жало же смерти - грех; а сила греха - закон** (ст. 56). Видишь ли, что здесь идет речь о смерти телесной? Следовательно и о воскресении телесном. Если (тела) не воскреснут, то как будет поглощена смерть? И еще: каким образом сила греха закон? Что жало смерти — грех, который даже тяжелее ее, и что в нем она имеет силу, это известно; а как силу греха составляет закон? Без закона грех был слаб; он был совершаем, но не мог так подвергать осуждению, потому что зло (до закона) хотя существовало, но не обнаруживалось с такой ясностью. Потому закон немало содействовал, как большему познанию греха, так и увеличению наказания. Если же он, имея целью ограничить грех, сделал его более тяжким, то вина лежит не на враче, а на том, кто худо пользовался врачеством. Так и пришествие Христово послужило большим бременем для иудеев; но мы не обвиняем его за это, а напротив еще удивляемся ему, и тем более осуждаем их, что они получили вред от того, от чего следовало получить пользу. Что не сам (закон) сообщил силу греху, (видно из того, что) Христос исполнил все, и однако был чужд греха. Смотри, как и через это (апостол) доказывает воскресение: если грех есть причина смерти, а Христос, придя, разрушил грех и нас избавил от него через крещение, с грехом же прекратил и закон, в нарушении которого состоит грех, то как после этого сомневаться в воскресении? Чем теперь будет сильна смерть? Законом? Но он прекращен. Грехом? Но он разрушен. **Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!** (ст. 57).

3. Трофей воздвигнул сам (Христос), а венцов удостоил и нас, не по обязанности, а по одному человеколюбию. **Итак, братия мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы** (ст. 58). Справедливо и благовременно это увещание: ничто столько не колеблет, как мысль, что трудишься тщетно и напрасно. **Всегда преуспевайте в деле Господнем**, т.е. в чистой жизни. Не сказал: делая добро, но: **преуспевайте**, т.е. чтобы добро было совершаемо обильно и выше предписанных пределов. **Зная, что труд ваш не тщетен пред Господом**. Что говоришь ты? Опять труд? Но этот труд удостаивается венцов и (совершается) для небес. Первый, после рая — наказание за грехи; а этот — основание будущих наград. Потому его можно бы и не называть трудом — как поэтому, так и потому, что он удостаивается великой помощи свыше. Потому (апостол) и присовокупляет: **пред Господом**. Первый для того, чтобы нам понести наказание, а последний для того, чтобы получить будущие блага. Не будем же, возлюбленные, предаваться сну: невозможно, совершенно невозможно сподобиться царства небесного беспечным, равно и преданным роскоши и невоздержанию.

Скорее, изнуряя и изможда свое тело и перенося бесчисленные труды, мы можем получить небесные блага. Разве вы не видите, какое расстояние между небом и землей, какая предстоит брань, как склонен человек ко злу, как окружает грех и какие расставляет сети? Для чего же мы навлекаем на себя столько забот, кроме естественных, причиняем себе так много беспокойств и возлагаем на себя столь великие бремена? Разве не довольно нам забот о желудке, об одежде и о доме? Разве не довольно попечений о (вещах) необходимых? Между тем Христос удаляет от нас и эти (заботы): **не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться** (Мф.6:25). Если же не должно пещись о необходимой пище и одежде, и даже о наступающем дне, то будут ли когда-нибудь в состоянии воспрянуть те, которые налагают на себя столь великое бремя и под ним погребают себя? Разве вы не слышали, что говорит Павел: **никакой воин не связывает себя делами житейскими** (2Тим.2:4)? А мы предаемся роскоши, объедению и пьянству, сильно трудимся над предметами посторонними, а касательно предметов небесных оказываемся слабыми. Разве не знаете, что обещанное

нам выше человеческого? Ходящий по земле не может взойти на высоты небесные; а мы даже не стараемся жить по-человечески, но стали хуже самых бессловесных. Разве не знаете, какому предстанем мы судилищу? Разве не помните, что нам должно отдать отчет в словах и помышлениях? А мы не заботимся даже о делах! **Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением**, говорит (Господь), **уже прелюбодействовал с нею в сердце своем** (Мф.5:28); а люди, которые должны отдать отчет даже за нескромный взгляд, не стесняются сгнивать в самом этом грехе. **Кто скажет: "безумный", подлежит геенне огненной** (Мф.5:22); а мы не престаем срамить братьев своих бесчисленными оскорблениями и различными клеветами. Любящий любящего ничем не лучше язычника (Мф.5:46); а мы ненавидим и любящих. Какое же мы получим прощение, когда, будучи обязаны превышать пределы, предписанные древним, проводим свою жизнь даже ниже этих пределов? Что скажем в свое оправдание? Кто предстанет и поможет нам, когда мы подвергнемся наказанию? Никто: но с воплями и рыданиями, скрежеща зубами и терзаясь, мы неизбежно будем ввергнуты в непроницаемую тьму, в (место) неотвратимых мучений и невыносимых казней. Потому увещеваю, прошу и, касаясь колен ваших, умоляю: пока остается еще краткий срок жизни, примите с сокрушением слова мои, обратитесь, исправьтесь, чтобы там по смерти, подобно богатому, не плакать бесполезно и не скорбеть безнадежно. Отец ли твой, или сын, или друг, или кто иной будет иметь дерзновение перед Богом, никто тогда не избавит тебя от (мучений), заслуженных собственными твоими делами. Таково тамошнее судилище: оно судит по делам только, и иначе спастись там невозможно. Говорю это не для того, чтобы опечалить, или привести в отчаяние, но для того, чтобы мы, питая в себе тщетные и холодные надежды и полагаясь на того или другого, не стали нерадеть о собственной добродетели. Если мы будем беспечны, то нас не защитит никто — ни праведник, ни пророк, ни апостол; если же будем ревностны, имея достаточную защиту в собственных делах, то с дерзновением удостоимся и благ, уготованных любящим Бога, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 43

При сборе же для святых поступайте так, как я установил в церквах Галатийских (1Кор. 16:1).

1. Окончив учение о догматах и намереваясь излагать учение нравственное, (Павел) оставляет все прочее и переходит к главнейшему из благ, именно говорит о милостыне. Сказав об этом одном предмете, он оканчивает (речь) между тем в других посланиях нигде не делает этого, но заключает их беседой и о милостыне, и о воздержании, и о кротости, и о долготерпении, и о всех прочих добродетелях. Почему же здесь он занимается одной только частью нравоучения? Потому, что и в прежде сказанном было весьма много нравственного, именно в том, чем он наказывал блудника, чем вразумлял судившихся у внешних (язычников), чем приводил в страх преданных пьянству и чревоугодию, чем обличал возмутителей, состязателей и властолюбцев, чем угрожал предать нестерпимому наказанию недостойно приступающих к таинствам, чем объяснял вечерю любви. Потому теперь он упоминает об одном только том, что особенно нужно было, т.е. о пособии святым. И посмотри на мудрость его: он беседует об этом уже тогда, когда убедил их в истине воскресения и возбудил ревность. Правда, он беседовал с ними об этом и прежде, когда говорил: **если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное?** и еще: **кто, насадив виноград, не ест плодов его?** (1Кор.9:11,7). Но так как он знал величие предлагаемой добродетели, то не оставляет сказать о ней и в конце послания. Милостынею он называет сбор для того, чтобы тотчас

же с самого начала представить это дело легким, потому что если она должна собираться со всех, то такое установление для каждого становится легким.

Впрочем, начав говорить о сборе, он не тотчас сказал: **каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает**, хотя это и следовало; но наперед сказал: **как я установил в церквах Галатийских**, а потом присовокупил и то; указанием на совершаемое другими он возбуждает их к соревнованию, предлагая им это в виде повествования. Так он поступил и в послании к Римлянам, где, объясняя им причину своего отправления в Иерусалим, говорит между прочим и о милостыне: **а теперь я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым, ибо Македония и Ахаия усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми в Иерусалиме** (Рим.15:25,26). Одних побуждает примером македонян и коринфян, а других — примером галатийцев: **поступайте так, как я установил**, говорит, **в церквах Галатийских**; им стыдно было бы оказаться ниже галатийцев. Не сказал: я убеждал и советовал, но: **установил**, чем выражается большая власть; привел в пример не один город, не два и не три, но целый народ, как делал он и в отношении к догматам: **так**, говорит, **во всех церквах у святых** (1Кор.14:33); если же такое убеждение сильно для веры в догматы, то еще сильнее для подражания в делах. Что же, скажи мне, устроил ты? **В первый день недели**, т.е. в день воскресный, **каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние, чтобы не делать сборов, когда я приду** (ст. 2). Смотри, как он убеждает их самим временем: этот день сам по себе достаточно располагает к милостыне. Вспомните, говорит, чего вы сподобились в этот день: неизреченные блага, корень и источник нашей жизни получили начало в этот день, и не поэтому только это время располагает к человеколюбию, но и потому, что оно доставляет отдых и свободу от трудов; душа, облегченная от бремени трудов, бывает удобопреклоннее и способнее к милосердию. Кроме того, и причащение в этот день страшных и бессмертных таин производит великую готовность (к подаянию). Итак, в этот день, **каждый из вас**, не только тот или другой, но **каждый**, беден ли он или богат, жена или муж, раб или свободный, да полагает у себе сохраняя. Не сказал: пусть приносит в церковь, чтобы им не стыдно было приносить малое, но — пусть, сберегая мало-помалу, увеличивает приношение, и потом покажет его, когда я приду; а до того времени, говорит, отлагай у себя, и дом свой делай церковью, ковчегом, сокровищницей; будь стражем священного имущества, самопоставленным домоправителем бедных; человеколюбие дает тебе это священное право. Знаком этого остается и доныне сосудохранительница. Но знак остается, а дела нет. Знаю, что многие из присутствующих опять будут укорять нас и, слыша слова наши, говорить: не будь, просим тебя, не будь тяжел и обременителен для слушателей; предоставь это их произволу, отдай на волю слушателей; ты так стыдишь нас и заставляешь краснеть! Но я не перестану говорить об этом; и Павел не стыдился непрестанно повторять это и настаивать, подобно просящим милостыни.

Если бы я говорил: отдай мне и принеси в мой дом, то, может быть, слова мои были бы постыдны; впрочем и тогда — нет, потому что служащий алтарю, говорит (апостол), со алтарем делится (1Кор.9:13).

2. Но, может быть, кто будет укорять меня, что я говорю о самом себе. Нет, я теперь предлагаю просьбу о нуждающихся, или, лучше, не о нуждающихся, а о вас — подающих; потому и говорю смело. И что за стыд — сказать: подай Господу алчущему, одень Его, ходящего нагим, прими Его — странника?

Владыка твой перед целой вселенной не стыдится говорить: **ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть** (Мф.25:42), тогда как Он ни в чем не имеет недостатка и никакой нужды, — и я ли буду стыдиться и колебаться? Нет, такой стыд — от диавольских козней. Потому я не стыжусь, но смело говорю: подавайте нуждающимся, и буду говорить громче, нежели

сами нуждающиеся. Если бы кто мог доказать и уличить, что, говоря это, мы привлекаем вас к самим себе, и под предлогом бедных имеем в виду собственную пользу, то это было бы достойно не только стыда, но и тысячи громов, и тем, которые делают это, не следовало бы жить; если же, по милости Божией, мы о себе нисколько не заботимся, но предлагаем вам благовестив безвозмездно, трудясь, хотя не так, как Павел, однако довольствуясь своим, то я со всем дерзновением говорю: подавайте нуждающимся, и не перестану говорить это, а неподающих буду осуждать строго.

Если бы я был военачальником и имел у себя воинов, то, конечно, не стыдился бы выпрашивать пищи своим воинам; так же много я пекусь и о вашем спасении. Но чтобы слова мои были действительнее и сильнее, для этого, став под руководство Павла, буду говорить вам вместе с ним: **каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние**. Смотри опять, как это не трудно. Не сказал: столько-то или столько-то, но: **сколько позволит ему состояние**, много ли, мало ли. Не сказал также: сколько кто приобретет, но: **сколько позволит ему состояние**, выражая, что приобретение — от Бога. И не этим только способом он делает совет свой удобоисполнимым, но и тем, что не повелевает вносить все в одно время, так как если собирать мало-помалу, то служение и расход делаются нечувствительными.

Потому он и повелевает не тотчас принести, но назначает продолжительный срок и приводит причину: **чтобы не делать сборов, когда я приду**, говорит, тогда собрания бывают, т.е. чтобы не делать сборов тогда, когда наступит время взноса. И не без цели предлагает им такое внушение: ожидание Павла должно было возбуждать в них более усердия. **Когда же приду, то, которых вы изберете, тех отправлю с письмами, для доставления вашего подаяния в Иерусалим** (ст. 3). Не сказал: кого-нибудь, но: **которых вы изберете**, т.е. кого изберете, чтобы служение было несомнительно. Дело избрания тех, которые отнесут милостыню, он предоставляет самим (коринфянам); не так будет, говорит, что жертвовать станете вы, а избирать имеющих отнести — не вы. А чтобы не показалось, будто он себя устраняет от них, он прилагает и свои послания: **которых**, говорит, **вы изберете, тех отправлю с письмами**; как бы так сказал: и я буду с вами, и я приму участие в служении посредством посланий. Не сказал: пошлю их отнести милостыню вашу, но: благодать вашу, чтобы показать, что они совершают великое дело, чтобы внушить, что и сами они от этого получают пользу. В других местах он называет (такое подаяние) благословением и общением (2Кор.8; Фил.1), первым — для того, чтобы слушатели не сделались нерадивыми, а последним — для того, чтобы они не возгордились; но нигде не назвал милостыней. **А если прилично будет и мне отправиться, то они со мной пойдут** (ст. 4). Здесь он опять располагает их к щедрости: если говорит, будет столько собрано, что понадобится и мне идти, то и я не откажусь. Но прямо не обещал этого и не сказал: когда приду, то сам отнесу, потому что не столько расположил бы их к увеличению подаяния, если бы сказал это в самом начале, а после такое прибавление хорошо и благовременно. Потому-то он и не прямо это обещал, и совершенно не умолчал об этом, но, сказав наперед: **отправлю**, потом упомянул и о себе. И в этих словах: **а если прилично будет и мне отправиться** он опять предоставляет дело на их волю, т.е., что от них зависит собрать много и столько, чтобы не стыдно было и ему предпринять путешествие. **Я приду к вам, когда пройду Македонию; ибо я иду через Македонию** (ст. 5). Он сказал тоже и прежде, но тогда с гневом, прибавив: **но я скоро приду к вам, если угодно будет Господу, и испытаю не слова возгордившихся, а силу** (1Кор.4:19); а теперь благосклоннее, чтобы они желали его прибытия. А чтобы они не сказали: для чего ты предпочитаешь нам македонян? — он не сказал: когда пойду, но: **когда пройду Македонию; ибо я иду через Македонию**. **У вас же, может быть, поживу, или и перезимую** (ст. 6); хочу не мимоходом зайти к вам, но остановиться и пожить у вас. Он писал это зимой, находясь в Эфесе. Потому и говорит: пребуду же в

Ефесе до Пентикостии, потом пойду в Македонию; и, пройдя ее, летом приду к вам, быть может, проведу у вас и зиму.

3. Но почему он сказал: **может быть**, а не утвердительно?

Потому, что не все предвидел Павел, и потому, что это было полезно. Поэтому он и не утверждает прямо, чтобы, если бы этого не случилось, иметь оправдание в том, что говорил тогда неопределенно, равно и в том, что его направлял Дух по своей власти, куда хотел, а не куда желал сам (Павел). Также он поступает и во втором послании, когда оправдывается в своем замедлении: **или, что я предпринимаю, по плоти предпринимаю, так что у меня то "да, да", то "нет, нет"** (2Кор.1:17). **Чтобы вы меня проводили, куда пойду**. И это — слова любви и великого благорасположения. **Ибо я не хочу видеться с вами теперь мимоходом, а надеюсь пробыть у вас несколько времени, если Господь позволит** (ст. 7). Здесь он выражает свою любовь и вместе устрашает грешников, впрочем, не прямо, а под видом дружеского расположения. **В Ефесе же я пробуду до Пятидесятницы** (ст. 8). Не напрасно он говорит обо всем этом с точностью, но открывает им, как друзьям, потому что дружбе свойственно — объявлять причину, почему не приходит, почему медлит и где находится.

Ибо для меня отверста великая и широкая дверь, и противников много (ст. 9). Если же (дверь) велика, то откуда сопротивнии? От этого самого и много противников, что велика вера, что велик и широк вход. Что же значит: дверь велика? Многие готовы принять веру; многие готовы приступить и обратиться; широк у меня вход, потому что души приступающих охотно принимают послушание веры. Сильной злобой дышал тогда диавол, видя, что многие от него отступают. Поэтому (Павлу) надлежало остаться там по двум причинам: потому что велика была польза, и потому что велик был подвиг. Такой речью он тоже ободрял (коринфян), сообщая им, что, наконец, слово повсюду действует и

удобно возрастает. А что много было противников, то и это означает успех евангельской проповеди. Злой демон никогда так не свирепеет, как когда видит, что многие из его сосудов расхищаются. Потому и мы, когда захотим совершить что-нибудь великое и доблестное, будем смотреть не на то, что дело представляет много труда, а на его пользу. И Павел, смотри, не теряет бодрости и не убегает потому, что много противников, но остается и напрягает свои силы, потому что велика была дверь.

Это, как я сказал, было знаком разоружения диавола. Этого злого зверя не может раздражить тот, кто сделал что-нибудь малое и незначительное. Потому не удивляйся, когда видишь, что праведный муж, совершающий великие подвиги, терпит множество бедствий; надлежало бы дивиться противному, т.е. если бы диавол, будучи часто поражаем, оставался в покое и кротко переносил (наносимые ему) раны. Не удивительно, если змий, получая непрестанные удары, свирепеет и бросается на ударяющего. А диавол, пресмыкаясь, свирепствует против всех злее всякого змия и нападает, выставив жало, подобно скорпиону. Это не должно смущать нас; возвращающемуся с войны, после, сражения и победы, необходимо быть в крови, а нередко и иметь раны. Поэтому и ты, когда видишь, что кто-нибудь подает милостыню и совершает множество других добрых дел, и таким образом сокрушает силу диавола, а между тем подвергается искушениям и бедствиям, не смущайся этим; потому он и подвергается искушениям, что сильно поражает диавола. Но для чего, скажешь, Бог попускает это? Для того чтобы он удостоился больших венцов, а диавол получил сильнейшее поражение. Подлинно, когда он, делая добро и испытывая зло, за все благодарит Бога, тогда диавол и поражается. Великое (дело) быть милосердным и добродетельным тогда, как обстоятельства благоприятны; но гораздо важнее не отступать от доброй деятельности и во время

бедствий. В последнем случае человек действует собственно для Бога. Итак, возлюбленные, будем ли мы находиться в опасности или терпеть что-нибудь прискорбное, станем тем с большим усердием совершать подвиги добродетели, потому что еще не время воздаяния. Не будем искать венцов здесь, чтобы во время (раздаяния) венцов нам не уменьшить своей награды. Как у художников работающие на собственном иждивении получают большую плату, а проживающие на счет нанявшего их получают плату гораздо меньшую, так и из святых кто совершает много добра и терпит много зла, тот получает полную награду и гораздо большее воздаяние — не только за добро, которое он сделал, но и за зло, которое он претерпел; а кто наслаждается здесь, живя в удовольствиях и роскоши, тот получает там не столь светлые венцы. Потому не будем искать воздаяния здесь, но особенно тогда и будем радоваться, когда мы, делая добро, терпим зло, потому что там Бог готовит нам награду не только за добрые дела, но и за претерпеваемые искушения.

4. Чтобы сказанное было яснее, представим двух людей богатых, которые оба милосердны и подают бедным. Потом, пусть один останется при своем богатстве и наслаждается полным благоденствием, а другой пусть впадет в бедность, подвергнется болезням и несчастьям и между тем благодарит Бога. Когда они отойдут отсюда, то который из них получит большую награду?

Не явно ли, что подвергшийся болезням и скорбям, так как он и в благоденствии и в злополучии не впал в человеческие слабости? Без сомнения, он. Такой человек, подлинно, есть столп адамантовый, раб верный. Если же всякое добро надобно делать, имея в виду не царство, а волю Божию, которая больше всякого царства, то чего удостоится тот, кто нерадит о добродетели, потому что здесь не получает за нее воздаяния? Потому не будем смущаться, когда видим, что кто-нибудь, охранявший вдовиц и часто угощавший бедных, лишается своего дома от пожара, или испытывает другое подобное несчастье; он и за то получит награду. Так и Иову не столько удивляются за его милостыни, сколько за следовавшие потом страдания; а друзья его за то и осуждаются и почитаются ничего не стоящими, что они требовали воздаяний в настоящей жизни и поэтому несправедливо судили о праведнике. Итак, терпя бедность и нищету, не будем искать воздаяния в здешней жизни; крайне постыдно — домогаться здешних благ тогда, как нам предложено небо и блага вышенебесные. Не будем же поступать так, но какое бы из неожиданных обстоятельств ни встретилось с нами, будем постоянно обращаться к Богу и следовать блаженному Павлу; устроим в своем доме ковчежец для бедных, который пусть находится около того места, где ты становишься на молитву, и всякий раз, как приступаешь к молитве, наперед положи милостыню, и потом воссылай молитву. Как ты не начинаешь молитвы, не умыв рук, так же (не начинай ее) и без милостыни. Положить милостыню не меньше значит, чем повесить Евангелие близ своей кровати; если ты, повесив Евангелие, сам ничего не будешь делать, то не получишь столько пользы, а устроив такой ковчежец, ты имеешь оружие против диавола, окрыляешь свою молитву, освящаешь свой дом, сохраняя в нем царское брашно.

Пусть стоит этот ковчежец у твоей кровати, и ночь твоя будет без мечтаний; только не полагай в него ничего от неправедных стяжаний; дело твое — милостыня, а милостыня не может происходить от жестокосердия. Хотите ли, я укажу вам и источники, откуда заимствовать такие приношения, чтобы таким образом сделать их легкими? Ремесленник, например, сапожник, кожевник, медник, или какой бы то ни было другой, продав что-нибудь из произведений своего ремесла, пусть приносит начаток цены Богу, пусть отлагает некоторую малую часть туда и этой малой частью поделится с Богом; не многого требую, но столько, сколько приносили сыны иудейские, исполненные бесчисленных зол, столько же будем отлагать и мы, чающие неба. Впрочем, не поставляю этого законом, не

запрещаю отлагать и больше, но только прошу отлагать не менее десятой части. Тоже самое делайте не только при продаже, но и при покупке. То же правило пусть соблюдают и владетели полей, при собирании с них доходов; то же и все, приобретающие праведно; не говорю о ростовщиках, равно и о воинах, которые притесняют других и обогащаются от чужих несчастий, — от них Бог не примет ничего, — а говорю о людях, собирающих имущество трудами праведными. Если мы утвердимся в такой привычке, то потом совесть будет укорять нас, как скоро мы не станем исполнять этого правила; когда же сами испытаем, что это дело не трудное, то перейдем мало-помалу к высшим добродетелям и, научившись презирать богатство и исторгнув в себе корень зол, проведем спокойно жизнь настоящую и достигнем жизни будущей, которой да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 44

Если же придет к вам Тимофей, смотрите, чтобы он был у вас безопасен; ибо он делает дело Господне, как и я (1Кор.16:10).

1. Может быть, кто подумает, что такое увещание не достойно мужества Тимофея; но это сказано не для Тимофея, а для слушателей, чтобы они через какие-нибудь действия против него не причинили вреда самим себе. Он всегда был готов на опасности: **потому что**, говорит (Павел), **он, как сын отцу, служил мне в благовествовании** (Фил.2:22); но чтобы они, оскорбляя ученика, не оскорбили учителя и сами не сделались хуже, (апостол) заблаговременно предостерегает их и говорит: **чтобы он был у вас безопасен**, т.е. чтобы кто-нибудь из бесстыдных не восстал против него. Ему, может быть, предстояло сделать им замечание за то, о чем писал Павел, для чего он и был послан, как выразил (апостол) в словах: **для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе, как я учу везде во всякой церкви** (1Кор.4:17). Итак, чтобы они, надеясь на знатность, на богатство, на защиту от народа и на мирскую мудрость, не напали на него, не стали оскорблять его и строить против него козни, негодуя на его обличения, или на вразумления учителя, и желая отомстить последнему в лице первого, (апостол) говорит: **чтобы он был у вас безопасен**. Не ссылайтесь, говорит, на внешних — язычников и неверующих; требую этого от вас, для которых писано все послание. Им он внушал страх еще в начале, во вступлении; потому и здесь говорит: **у вас**. Затем внушает им доверие (к Тимофею) по самому его служению: **ибо он делает дело Господне**. Не смотри на то, говорит, что он не богат, не образован и не стар, а на то, что поручено ему и что он исполняет: **ибо он делает дело Господне**; это заменяет ему и знатность, и богатство, и старость, и мудрость. Не довольствуясь этим, присовокупляет: **как и я**; и выше (говорил): **для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына, который напомнит вам о путях моих во Христе** (4:17). Так как он был молод и ему одному поручено было исправление такого общества, а потому то и другое могло быть причиной пренебрежения к нему, то (апостол) справедливо продолжает: **посему никто не пренебрегай его** (ст. 11); и не только этого требует для него, но еще большей чести: **проводите же**, говорит, **его с миром**, т.е. безопасно, без ссор и словопрений, без вражды и ненависти, но с покорностью и почтительностью к нему, как к учителю. **Чтобы он пришел ко мне, ибо я жду его с братиями**; и этим он внушает им страх, чтобы они, зная, что он расскажет (апостолу) все, с ним случившееся, были более кроткими; для того и присовокупляет: **ибо я жду его**. А с другой стороны этим он также внушает доверие (к Тимофею), выражая, что он сам, намереваясь отправиться, ожидает его, и вместе свидетельствует любовь свою к ним, показывая, какого полезного он послал к ним человека. **А что до брата Аполлоса, я очень просил его, чтобы он с братиями пошел к вам; но он никак не хотел идти**

ныне, а придет, когда ему будет удобно (ст. 12). Этот, как видно, был образован и старше Тимофея; потому, чтобы они не сказали, почему он не послал к ним этого мужа, а (прислал) вместо него молодого человека, — смотри, как апостол и касательно него успокаивает их, называя его братом и сообщая, что он много просил его (отправиться к ним). И опять, чтобы не подумали, будто он предпочел ему Тимофея и потому не послал его, и чтобы не возбудить в них большей зависти, говорит: **я очень просил его, чтобы он с братиями пошел к вам**. Что же? Он не согласился и не послушался, но воспротивился и отказался?

(Павел) не говорит этого, но чтобы и его не обвинить и себя оправдать, замечает: **но он никак не хотел идти ныне, а придет, когда ему будет удобно**. Затем, чтобы не сказали, что это только отговорка и предлог, присовокупляет: **придет, когда ему будет удобно**. Таким образом он и его оправдал, и их, желавших видеть его, успокоил надеждой на его прибытие. Далее, внушая, что они должны полагать надежду спасения не в учителях, а в себе самих, он говорит: **бодрствуйте, стойте в вере** (ст. 13), не в мудрости внешней, — потому что в ней невозможно стоять твердо, не колеблясь, — а в вере, в которой можно стоять твердо. **Будьте мужественны, тверды. Все у вас да будет с любовью** (ст. 14). В этих словах он, по-видимому, предлагает увещание, а между тем укоряет их за беспечность; и потому говорит им: **бодрствуйте**, как спящим, **стойте**, как колеблющимся, **будьте мужественны, тверды**, как малодушным, **все у вас да будет с любовью**, как не имеющим взаимного согласия; одно направлено против обольстителей: **бодрствуйте, стойте**: другое против оскорбителей: **будьте мужественны**; третье против возбуждающих несогласие и распри: **все у вас да будет с любовью**, — любовью, которая есть союз совершенства, корень и источник благ. Что же значит: **все у вас да будет с любовью**? Обличает ли кто, начальствует ли кто, или повинуется, учится ли кто, или учит, все (должно быть) с любовью, потому что и все упомянутое (зло) произошло от пренебрежения ею. Если бы (любовь) не была пренебрегаема, то они не гордились бы и не говорили бы: **"я Павлов"; "я Аполлосов"** (1Кор.1:12); если бы она была между ними, то они не судились бы у внешних (язычников), или лучше, не судились бы вовсе; если бы она была между ними, то (блудник) не жил бы с женой своего отца, они не презирали бы немощных братий, не имели бы разделений, не тщеславились бы духовными дарованиями. Потому он и говорит: **все у вас да будет с любовью. Прошу вас, братия (вы знаете семейство Стефаново, что оно есть начаток Ахаии и что они посвятили себя на служение святым)** (ст. 15).

2. Еще в начале послания он упомянул об этом, когда сказал: **крестил я также Стефанов дом** (1Кор.1:16), и теперь называет его начатком не только Коринфа, но и всей Греции.

Немаловажная честь — первым приступить ко Христу. Потому и в послании к Римлянам, похваляя за это некоторых, он сказал: **прежде меня еще уверовавших во Христа** (Рим. XVI, 7).

Не сказал здесь: первые уверовали, но: **есть начаток**, выражая, что вместе с верой они показали и прекрасную жизнь, как ее плод, и оказались достойными во всех отношениях.

Подлинно, начаток должен быть лучше прочего, чего он есть начаток, — это Павел и засвидетельствовал об них таким выражением. Они, как я сказал, не только искренне уверовали, но и на деле показали великое благочестие, высокую добродетель и ревность в делах милосердия. И не только этим он доказывает их благоговение, но и тем, что весь дом был исполнен благочестия. А как они были ревностны в добрых делах, это (апостол) показывает в дальнейших словах: **они посвятили себя на служение святым**. Слышите ли, какую он воздает похвалу страннолюбию? Не сказал: служат, но: **и что они**

посвятили себя на служение святым; такую жизнь они избрали себе навсегда, об этом заботятся. **Будьте и вы почтительны к таковым** (ст. 16), т.е. содействуйте им и денежными пожертвованиями и телесным служением, имейте с ними общение, — потому что и труд для них сделается легче, если они будут иметь сотрудников, и действия благотворительности будут простираться на большее число людей. Не просто сказал: содействуйте, но: повинуйтеся (*в русском переводе этого слова нет*) им, что бы они вам ни повелели, внушая самое строгое повиновение. Но чтобы не показалось, будто он угождает им, присовокупляет: **и ко всякому содействующему и трудящемуся**.

Пусть, говорит, этот закон будет общим; я говорю не об них исключительно, но и всякий, подобный им, пусть получает тоже. Потому, еще начиная говорить о них, он призывает в свидетели самих (коринфян): **прошу вас, братия**, говорит, **вы знаете семейство Стефаново**. Вы, говорит, сами знаете, как они трудятся, и не имеете нужды слышать об этом от нас. **Я рад прибытию Стефана, Фортуната и Ахаика: они восполнили для меня отсутствие ваше, ибо они мой и ваш дух успокоили. Почитайте таковых** (ст. 17, 18). Так как они могли иметь неудовольствие против этих лиц, потому что это были те самые, которые пришли и возвестили (Павлу) об их смутах, и через которых было писано ему о девстве и о браке, — то, смотри, как он еще в начале послания

успокаивал их, когда говорил: **ибо от [домашних] Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры** (1:11), где, указывая на них, вместе с тем и

скрыл их, — а о них, конечно, он упоминает здесь, — теперь же говорит: **восполнили для меня отсутствие ваше, ибо они мой и ваш дух успокоили**, и тем показывает, что они пришли к нему вместо всех и за них решились предпринять такое путешествие. Но как это

частное действие их может сделаться общим? Если ваше отсутствие вы вознаградите добрым расположением к ним, если станете почитать их, если будете принимать их, если покажете участие в их добром деле. Потому он и говорит: **будьте и вы почтительны к таковым**. Похваляя пришедших к нему, он вместе с тем воздает похвалу и другим, с посланными соединяет пославших: **ибо они**, говорит, **мой и ваш дух успокоили**. **Будьте и вы почтительны к таковым**, — потому что для вас они оставили отечество и дом свой. Видишь ли мудрость (апостола)? Не Павлу только, говорит, они оказали услугу, но им, потому что представили в лице своем весь город; а через это он и посланных делал достойными доверия, и пославшим не дозволял отделяться от них, так как они были представителями всех перед Павлом. **Приветствуют вас церкви Асийские** (ст. 19). Он всегда в своих приветствиях сближает и соединяет членов (Церкви). **Приветствуют вас усердно в Господе Акила и Прискилла с домашнею их церковью**. У них он жил, как скинотворец. **С домашнею их церковью**. И это немаловажная заслуга — обратить дом свой в церковь. **Приветствуют вас все братия. Приветствуйте друг друга святым целованием** (ст. 20). Такое прибавление — лобзанием святым — он делает только здесь. Почему? Потому что (между коринфянами) было великое разделение; они говорили: **"я Павлов"; "я Аполлосов"; "я Кифин"; "а я Христов"** (1Кор.1:12); одни из них терпели голод, а другие упивались; между ними происходили ссоры, распри и тяжбы: даже из-за самих даров благодати у них была великая зависть и великая надменность. Примирив их своим увещанием, он справедливо повелевает им соединяться и святым целованием; оно могло соединить их и сделать единым телом, — оно свято, если чуждо коварства и лицемерия. **Мое, Павлово, приветствие собственноручно** (ст. 21): выражает, что это послание писано им с великим тщанием; потому присовокупляет и следующее: **кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маранафа** (ст. 22).

3. Одним этим изречением он приводит в страх всех тех, которые делали члены свои членами блудницы, которые соблазняли братию вкушением жертв идольских, назывались по именам людей, не веровали воскресению, — и не только приводит в страх, но и указывает путь к добродетели и источник пороков. Как любовь (ко Христу), когда она сильна, изгоняет и истребляет все виды грехов, так точно она, когда слаба, позволяет произрастать им. **Маранафа**. Для чего сказано это, и притом на еврейском языке? Так как причиной всех зол была надменность, которая происходила от внешней (языческой) мудрости, и эта надменность была главным злом, которое преимущественно разделяло коринфян, то (апостол), желая низложить их надменность, употребляет не греческое, а еврейское выражение, показывая тем, что он не только не стыдится простоты, но, напротив, очень любит ее. Что значит — **Маранафа**? Господь наш пришел. Для чего же он говорит это? Чтобы подтвердить учение о домостроительстве Божием, так как преимущественно в этом заключаются семена воскресения, и еще для того, чтобы пристыдить их, — как бы так говорит: общий Владыка всех благоволил уничижить Себя до такой степени, а вы еще остаетесь в том же положении и продолжаете грешить? Вас не поражает чрезмерная любовь Его, важнейшее из всех благ? Помните только это одно, говорит, и вы будете в состоянии преуспевать во всякой добродетели и истреблять всякий грех. **Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами** (ст. 23). Учителю свойственно помогать не только советами, но и молитвами. **И любовь моя со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь** (ст. 24). Чтобы они не подумали, что он из лести к ним делает такое заключение, говорит: **во Христе Иисусе**; (любовь его) не имеет в себе ничего человеческого, ничего плотского, но есть духовная, и потому самая искренняя; выражения его обнаруживают сильную любовь. Будучи отделен от них по месту, он как бы простирает свою десницу и обнимает их руками любви: любы моя, говорит, с вами; как бы так говорит: я сам со всеми вами. Это показывает, что написанное им происходило не от раздражительности и не от гнева, но от попечения (о коринфянах), если он и после таких обличений не отвращается от них, по любит и обнимает их, несмотря на далекое расстояние, и изливает перед ними (свою душу) в писаниях и посланиях. Так следует поступать всякому, исправляющему других; если он будет делать это с одним только гневом, то будет удовлетворять свою страсть; а если, обличив грешника, окажет и любовь к нему, то докажет, что и укоризны его происходили от любви. Будем же и мы таким образом вразумлять друг друга: и обличающий пусть не гневается, потому что гнев обнаруживает страсть, а не желание исправить; и обличаемый пусть не огорчается, потому что делаемое ему обличение есть врачество, а не что-нибудь враждебное. Если врачей, когда они делают прижигания, не упрекают, хотя часто они ошибаются в успехе дела, но даже сами больные, подвергаемые прижиганиям и разрезам, считают своими благодетелями причиняющих им такие страдания, то тем более принимающему обличение нужно иметь такое расположение, слушать вразумляющего, как врача, а не как врага. И мы, обличая кого-нибудь, будем приступать к нему с великой кротостью и с великим благоразумием. Если ты видишь согрешающего брата, то обличи его не всенародно, но как повелел Христос: **между тобою и им одним** (Мф.18:15), притом не понося и не нападая на лежащего, но соболезнуя и сокрушаясь; будь и сам готов выслушать обличение, если ты согрешишь в чем-нибудь. Но чтобы сказанное было яснее, представим это посредством примера; впрочем, я не желаю, чтобы такие примеры были в действительности. Положим, что какой-нибудь брат живет вместе с девицей; пусть он будет человек благонравный и целомудренный, но при всем том идет об нем худая молва. Когда до тебя дойдет молва о таком его сожитии, то не оставляй этого без внимания и не говори: разве у него нет своего ума? Разве он сам не знает, что ему полезно?

Без причины люби, но не допускай ненависти без причины (говорит пословица): для чего же мне напрасно навлекать на себя вражду? Такие безумные слова свойственны диким зверям или лучше, демонам. Кто хочет исправить другого, тот не навлекает на себя

ненависти напрасно, но действует для достижения великих благ и неизреченных венцов. А против того, что говоришь ты: разве у него нет своего ума? — я скажу тебе, что действительно нет, потому что он опьянен страстью. Если в мирских судилищах подсудимые, будучи волнуемы гневом, бывают не в состоянии говорить сами за себя, хотя, впрочем, такая чувствительность и не ставится им в вину, то во сколько раз хуже состояние человека, преданного порочной страсти? Потому я и говорю, что хотя бы он был тысячу раз умен, но при всем том у него нет бодрственного ума. Кто был благоразумнее Давида, который говорил: **неизвестное и тайное премудрости Твоей Ты явил мне** (Пс.50:8)? Но когда он взглянул нескромными очами на жену воина, то испытал тоже, что обыкновенно случается с людьми, плывущими по бурному морю, как он сам говорит: **и вся мудрость их пропала** (Пс.106:27); и он имел нужду, чтобы другие исправили его, и даже не чувствовал, в какой находился глубине зол; потому, оплакивая грехи свои, он и говорил: **ибо беззакония мои превысили голову мою, подобно тяжелому бремени отяготели на мне. Воссмердели и согнили раны мои от безумия моего** (Пс.37:5, 6).

4. Итак, кто грешит, у того нет ума, потому что он опьянен и омрачен. Потому не говори так, и к словам своим: какая мне нужда? — не прибавляй еще: **каждый понесет свое бремя** (Гал.6:5). Ты навлекаешь и на себя величайшую ответственность, если, видя заблудшего, не хочешь помочь ему.

Если законом иудейским запрещалось оставлять без внимания даже скот врага (Втор.22:1), то какое будет иметь оправдание оставляющий без внимания не скот и не врага, а погибающую душу друга? Не может оправдать нас то, что у него есть свой ум, потому что и мы, многократно преподававшие наставления другим, часто в отношении к себе оказывались несостоятельными и не могли помочь самим себе. Также рассуждай и о другом заблуждающемся, что он скорее может получить добрый совет от тебя, нежели от себя, и не говори: какая мне до него нужда? Вспомни с ужасом о том, кто первый сказал такие слова; они означают тоже, что и слова (Каина): **разве я сторож брату моему?** (Быт.4:9). От того и происходят все роды зла, что мы считаем чужим принадлежащее нашему собственному телу. Что говоришь ты? Тебе нет никакой нужды до брата? Но кому же будет до него нужда?

Неужели неверующему, который радуется его бедствию, поносит его и старается вредить ему? Или диаволу, который преследует его и расставляет ему сети? И почему ты говоришь так?

Потому, скажешь, что мои благонамеренные слова и советы не будут иметь успеха. Но откуда известно, что они не будут иметь успеха? И это опять крайне безумно — не зная последствий, делать себя виновным в явном нерадении. Сам Бог, которому известно будущее, часто говорил без успеха, и однако не переставал говорить, хотя и знал наперед, что Его не послушают.

Если же Тот, Кто наперед знал, что Он ничего не сделает, не переставал принимать меры к исправлению людей, то какое оправдание будешь иметь ты, который совершенно не знаешь будущего, и предаешься беспечности и нерадению? Многие, принимаясь за это дело, имели успех, и когда менее всего надеялись, тогда особенно и успевали. Если же и не сделаешь ничего, то, по крайней мере, исполнишь свой долг. Потому не будь бесчеловечен, несострадателен и нерадив. Слова твои происходят от жестокости и нерадения, как можешь видеть из следующего. Когда у тебя страдает какой-нибудь из членов телесных, то почему ты не говоришь: какая мне до него нужда? И почему ты знаешь, что, если употребишь врачевание, то он выздоровеет? Однако ты принимаешь все

меры, чтобы, если и не будешь иметь никакого успеха, то, по крайней мере, не обвинять себя самого, что ты опустил сделать что-нибудь полезное. Так мы заботимся о членах телесных: почему же нерадим о членах Христовых? Какое после того мы будем иметь оправдание? А если тебя не преклоняют слова мои: позаботься о собственном своем члене, — то я напомню тебе о теле Христовом, чтобы ты, хотя из страха, сделался лучше. В самом деле, не ужасно ли видеть тело Его покрытым язвами, и оставаться равнодушным? Когда у тебя слуга или даже осел бывает поражен язвами, ты не остаешься равнодушным; а когда видишь тело Христово в гнойных струпах, то как проходишь мимо? Не достойно ли это тысячи громов? От того у тебя все и извратилось, — от такого бесчеловечия, от такого нерадения!

Итак, увещеваю, оставим эту жестокость: приди к тому, кто живет вместе с девицей, скажи ему по-братски какую-нибудь похвалу, сложив ее из тех достоинств, какие в нем находятся, и такой похвалой, как бы теплой водой, омочи и смягчи опухоль его раны; признайся ему, что и ты находишься в жалком состоянии, представь виновность всего рода человеческого, объясни, что все мы во грехах, попроси прощения, что ты принимаешь на себя дело, которое выше сил твоих, но что любовь побуждает тебя решиться на все; затем и предложи совет, высказывая не повелительно, а по-братски. Когда посредством всего этого ты успокоишь его горячность и смягчишь боль, какая должна будет произойти от действия обличения, и когда, так сказать, свяжешь его неоднократными извинениями и просьбами, чтобы он не гневался, тогда и наноси ему удар, не слишком сильный и не слишком слабый, чтобы в первом случае он не отскочил от тебя, а в последнем не остался невнимательным.

Если ты нанесешь удар недостаточно сильный, то ничего не сделаешь; а если поразишь слишком сильно, то он удалится от тебя. Потому и после всего этого, приступая к обличению, ты опять присоединяй к обличению похвалы; но так как поведение его само по себе не может назваться похвальным, — ведь жить с молодой девицей дело не похвальное, — то ты обратись к намерению живущего с ней и скажи: я знаю, что ты делаешь это для Бога, что ты подал руку помощи этой несчастной, видя ее одинокой и беззащитной. Хотя бы он на самом деле и не руководился такими намерениями, ты говори так, а потом, попросив опять извинения, в дополнение к прежнему скажи: я говорю тебе это не как приказание, но как напоминание; я знаю, что ты делаешь это ради Бога, но посмотрим, не произойдет ли отсюда какое-нибудь зло; если не произойдет никакого, то держи ее у себя и продолжай оказывать ей доброе дело, — никто не препятствует; но если отсюда может произойти вред важнее пользы, то, увещеваю тебя, будем осторожны, чтобы, стараясь доставить спокойствие одной душе, не соблазнить тысячи. Впрочем не представляй ему прямо тех наказаний, какие ожидают соблазнителей, но прими его самого в свидетели и скажи: ты не имеешь нужды узнавать об этом от меня, ты сам знаешь, какому подлежит наказанию тот, **кто соблазнит одного из малых сих** (Мф.18:6); и, таким образом усладив слова свои и успокоив его горячность, прилагай наконец врачество исправления. Если же он опять будет ссылаться на ее одиночество, то и тогда ты не прямо обличай этот предлог, но скажи ему: это нисколько не должно устрашать тебя; достаточным для тебя оправданием будет опасение — соблазнить других, так как ты

оставишь эту заботу не по беспечности, а по желанию блага другим.

5. Притом советы твои пусть будут кратки, потому что он не нуждается в длинных нравоучениях; извинения же пусть будут неоднократны и часты, а больше всего ссылайся на любовь, прикрывая ею строгость речей своих и оставляя дальнейшее на его волю; скажи: я только предлагаю и советую тебе это, а послушаться зависит от тебя; я не заставляю и не принуждаю тебя, но предоставляю все собственному твоему рассуждению.

Если таким образом мы будем приниматься за обличение, то мы легко сможем исправлять согрешающих. А то, что мы делаем теперь, свойственно более диким зверям и бессловесным животным, нежели людям. Ныне иные, как скоро услышат о каком-нибудь подобном грешнике, ему не говорят ничего, а сами между собой шепчутся, как пьяные старухи, и уже здесь, кажется, никогда не имеет места пословица: без причины люби, но не допускай ненависти без причины. Когда хотят кого-нибудь злословить, то вовсе не думают, чтобы не навлечь напрасно на себя ненависти, и даже наказания, — это же влечет за собой не только ненависть, но и наказание, — а когда нужно кого-нибудь исправить, то приводят и эту отговорку и множество других предлогов. Тогда-то именно, когда ты злословишь, когда ты клевещешь, и следовало бы держать в уме правила: не навлекай на себя напрасно ненависти, или: не будет никакого успеха, или: мне нет нужды до другого. Между тем теперь в первом случае ты сильно и ревностно хлопочешь, не взирая на происходящую отсюда ненависть и множество зол; а когда нужно позаботиться о спасении брата, тогда ты остаешься без действия и не хочешь быть тягостным для другого. Злословие ненавистно перед людьми и перед Богом, но ты не слишком заботишься об этом; а за совет наедине и за подобные обличения ты приобретаешь себе любовь и от самого обличаемого и от Бога. Если же он возненавидит тебя, то тем более Бог будет любить тебя за это. Впрочем, и он не будет ненавидеть тебя так, как возненавидел бы за злословие; напротив, тогда он стал бы отвращаться от тебя, как от недоброжелателя и врага, а теперь он будет уважать тебя более отца. Хотя по наружности он и огорчится, но внутренне, наедине, воздаст тебе великую благодарность.

6. Итак, помня это, будем пещись о наших членах, а не изощрять язык друг против друга и не говорить речей пагубных, подрывая честь ближнего и, как бы на войне и в сражении, нанося и получая удары. Какая после того будет нам польза от поста или бдения, если язык наш предается невоздержанию, питается пищей сквернее мяса псов, делается кровожадным, извергает грязь и превращает уста наши в поток нечистот, или даже еще хуже? Вытекающее из этих потоков оскверняет тело; а извергаемое им часто заражает душу. Говорю это, жалея не о тех, о ком распространяют дурную молву напрасно, — они даже заслуживают венцов, если переносят клеветы великодушно, — а об вас, распространяющих такую молву. Того, о ком худо говорят напрасно, Писания ублажают; а того, кто худо говорит о другом, лишают святых таинств и даже изгоняют из самых недр (Церкви): **тайно клевещущего на ближнего своего - сего я изгонял**, говорит (Псалмопевец) (Пс.100:5), и даже считает такого человека недостойным читать священные книги: **зачем**, говорит, **ты проповедуешь уставы Мои и содержишь завет Мой устами твоими?** (Пс.49:16); потом приводит и причину: **сидя (в собрании) на брата твоего ты клеветал** (ст. 20). Здесь не определено, справедливое ли что-нибудь будет говорено, или несправедливое; а в другом месте определено и это и сказано, что, хотя бы ты мог говорить и правду, и в таком случае тебе говорить не следует: **не судите**, говорит (Господь), **да не судимы будете** (Мф.7:1). Потому и (фарисей), порицавший мытаря, был осужден, хотя порицал его справедливо. Как же, скажешь, если встретится какой-нибудь человек дерзкий и развратный, — неужели нам не следует обличать его и исправлять? Следует обличать и исправлять, но так, как я выше сказал; а если ты будешь порицать его, то смотри, чтобы тебе не уподобиться фарисею и не потерпеть того же, что потерпел он. Ведь от этого не бывает никакой пользы ни тебе говорящему, ни тому, кто слушает тебя, ни тому, кто порицается; а напротив последний делается еще бесстыднее: он, пока еще не обнаружен, может и стыдиться, а когда делается известным и обесславленным, тогда свергает с себя и последнюю узду; тот же, кто слушает, терпит еще большой вред: если он сознает за собой какие-нибудь достоинства, то укоризны против другого возбуждают в нем гордость и надменность, а если сознает недостатки, то охотнее склоняется на зло; наконец и сам говорящий заслуживает дурное о себе мнение от того, кто слушает его, а тем более навлекает на себя гнев Божий. Потому, увещеваю, оставим всякое злословие и

будем говорить только доброе и служащее к назиданию. Или ты желаешь отомстить кому-нибудь? Но для чего вместо него мстишь себе самому? Стараясь отомстить кому-нибудь, оскорбившему тебя, ты мсти так, как повелевает мстить Павел: **если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его** (Рим.12:20). Если же ты не поступаешь так, а только клевещешь, то ты поднимаешь меч на самого себя. Потому когда другой худо говорит о тебе, то мсти ему одобрением и похвалами: таким образом ты и ему отомстишь, и себя избавишь от худого о тебе мнения. Кто огорчается дурной о себе молвой, о том обыкновенно думают, что его мучит нечистая совесть; а кто смеется над такой о себе молвой, тот представляет яснейшее доказательство, что он не знает за собой ничего худого. Итак, если порицаниями ты не приносишь пользы ни слушающему тебя, ни себе самому, ни тому, кого порицаешь, а только поднимаешь меч на самого себя, то вразумись

хотя этим. Тебе следовало бы находить побуждения в учении о царстве небесном и воле Божией; но так как ты еще слишком груб и угрызаешь других, как дикий зверь, то вразумись хотя этим, чтобы, сделавшись благоразумнее от вышесказанного, ты мог руководиться единственно волей Божией и, став выше всякой страсти, достигнуть небесных благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том X

Книга 2

Беседы на 2-е послание к Коринфянам

БЕСЕДА ПЕРВАЯ на 2Кор.1:1-4. Для чего апостол написал второе послание к коринфянам. - Смиренномудрие Павлово. - Бог всегда утешает. - Как следует поступать в скорбях.

БЕСЕДА ВТОРАЯ на 2Кор.1:6-7. Добродетель праведника в скорбях просиявает и возрастает. - Сила молитвы. - Молитвы за оглашенных. - Природа греха.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ на 2Кор.1:12. Утешение, доставляемое чистою совестью. - Непреложность Божиих обетований. - Вера и добродетель Авраама. - Его твердость.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ на 2Кор.1:23. Мудрость Павла. - Его любовь к ученикам. - Признак добрых учеников. - Способы очищения грехов.

БЕСЕДА ПЯТАЯ на 2Кор.1:12-13. Величайшая добродетель - все приписывать Богу. - Никто не может скрыться от очей Божиих. - Не нужно молиться о погибели врагов. - Проклятия против врагов смешны.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ на 2Кор.3:1. В чем состоит жизнь души. - Великое зло - говорить срамное и постыдное.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ на 2Кор.3:7-8. Каким образом закон причиняет смерть. - Закон окончился со Христом. - Дух Святый по достоинству равен Отцу. - Настоящая жизнь подобна буре. - Способ искоренения похоти.

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ на 2Кор.4:1. Заблуждение маркионитян и манихеев. - Каким образом апостолы покорили вселенную.

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ на 2Кор.4:8. Польза от искушений. - Воскресение Христа утверждает всеобщее воскресение. - Доказательство будущего страшного суда

БЕСЕДА ДЕСЯТАЯ на 2Кор.5:1. Учение о воскресении. - Изображение страшного суда.

БЕСЕДА ОДИННАДЦАТАЯ на 2Кор.5:11. Каким образом для христиан все стало новым. - Достоинство апостолов. - Величие искупительной жертвы.

БЕСЕДА ДВЕНАДЦАТАЯ на 2Кор.6:1-2. Благодать не ведет ко спасению, если нет чистой жизни. - В чем состоит истинное богатство. - Бедняки счастливее богачей.

БЕСЕДА ТРИНАДЦАТАЯ на 2Кор.6:11-12. Любовь Павла ко всем. - Его благоразумие и смиренномудрие. - Милостыня не должна делаться напоказ. - В делах, относящихся ко спасению, бедные имеют преимущество пред богатыми.

БЕСЕДА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ на 2Кор.7:2-3. Благоразумие Павлово. - Как нужно относиться к согрешающим братиям.

БЕСЕДА ПЯТНАДЦАТАЯ на 2Кор.7:8. Печаль о грехах полезна. - Начальнику необходима любовь к подчиненным. - Амаксовии, номады и гимнософисты. - Свойства начальства церковного, его превосходство пред гражданским.

БЕСЕДА ШЕСТНАДЦАТАЯ на 2Кор.7:13. Похвала за Тита. - Увещание к милосердию. - Подаяние милостыни важнее, чем воскрешение мертвых.

БЕСЕДА СЕМНАДЦАТАЯ на 2Кор.8:7. Мудрость Павла. - Нуждаться в помощи ближнего не постыдно. - Как следует относиться к ближним.

БЕСЕДА ВОСЕМНАДЦАТАЯ на 2Кор.8:16. Кто разумеется под братом, "егоже похвала во Евангелии". - Похвала Павлу. - Почему Моисей принял совет своего тестя.

БЕСЕДА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ на 2Кор.9:1. О щедрой милостыне.

БЕСЕДА ДВАДЦАТАЯ на 2Кор.9:10. Не какая-нибудь нужна милостыня, а щедрая. - Сравнение милостыни с жертвой, а тех, кому она подается, с жертвенником.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ на 2Кор.10:1-2. Долг учителя. - Нужно подражать Павлу. - Ересь Маркиона и Манихея.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ на 2Кор.9:1. Ничего нет противнее, как если кто хвалит себя самого. - Как некоторые порицали Павла, и как он оправдывался.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ на 2Кор.11:1. Почему Павел говорит о себе различным образом. - Почему любостяжание называется корнем всех зол.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ на 2Кор.11:13. Делать что-нибудь только для вида значит делать по-диавольски. - Вред от зависти.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ на 2Кор.11:21. Делать что-нибудь только для вида значит делать по-диавольски. - Вред от зависти.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ на 2Кор.12:1. Самохвальство не приносит пользы. - С умножением страданий за Христа умножается и утешение. - Александр, признанный тринадцатым богом со стороны сената. - Гробы мучеников блистательнее царских дворцов.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ 2Кор.12:11. Апостол хвалит себя для спасения учеников. - Многосторонность апостольской любви. - Ничего нет бесполезнее человека, не умеющего любить. - Зависть - невыносимое зло.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ 2Кор.12:16-18. Ограждение от подозрений в корыстолюбии. - Учитель соболезнует о несчастиях учеников. - Добродетель страшна для ее противников.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ на 2Кор.13:1. Различные виды "немощи". - Восхваление Павла. - Каким путем достигается слава.

БЕСЕДА ТРИДЦАТАЯ на 2Кор.13:10. Дух Святый единосущен Отцу и Сыну.

Беседы на Послание к Галатам

БЕСЕДА ПЕРВАЯ Побуждение к написанию Павлом послания. – Павел был призван самим Христом. – Власть Сына и Святого Духа одна и та же. – Разрешение возражения аномеев. – Против аномеев и ариан. – Против христиан иудействующих. – Вопрос о том, следует ли обрезываться христианам. – Смирение Павла.

БЕСЕДА 1

"Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, и Тимофей брат, церкви Божией, находящейся в Коринфе, со всеми святыми по всей Ахаии: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих!" (2 Кор. 1:1-4).

1. Прилично прежде рассмотреть, для чего апостол к первому посланию прилагает второе, и почему начинает его указанием на щедроты Божии и на утешение. Итак, для чего он пишет второе послание? Так как в первом он сказал: "**приду к вам, и испытаю не слова возгордившихся, а силу**" (1 Кор. 4:19), и в конце его опять в более мягких словах обещал то же самое, говоря: "**приду к вам, когда пройду Македонию; ибо я иду через Македонию. У вас же, может быть, поживу, или и перезимую**" [**прииду же к вам, егда Македонию преиду: Македонию бо прохожду: у вас же, аще случится, пребуду, или и озимею**] (1 Кор. 16: 5,6), между тем, после того прошло много времени, а он еще не приходил, даже и назначенный срок уже прошел, а он еще собирался и медлил, будучи удерживаем Духом для других гораздо нужнейших дел, то он и почел поэтому нужным (написать) второе послание, в котором не было бы нужды, если бы он не долго промедлил. Впрочем, не одна эта была причина, но еще и та, что после первого послания коринфяне сделались лучшими. Именно соблудившего, которому прежде рукоплескали и которым гордились, они отсекли и отлучили совершенно от Церкви верующих, как это видно из следующих слов апостола: "**Если же кто огорчил, то не меня огорчил, но частью, - чтобы не сказать много, - и всех вас. Для такого довольно сего наказания от многих**" **[аще ли кто оскорбил, не мене оскорби, но отчасти, да не отягчу всех вас. Довольно таковому наказание сие, еже от многих]** (2 Кор. 2: 5, 6). И далее, продолжая послание свое, (апостол) опять указывает на то же, когда говорит: "**Ибо то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие, какие извинения, какое негодование [на виновного], какой страх, какое желание, какую ревность, какое взыскание! По всему вы показали себя чистыми в этом деле**" **[се бо сие самое, еже по Бозе оскорбитися вам, колико содела в вас тщание; колики извинения, и негодование, и страх, и желание, и ревность, и строгость. Во всем представисте себе чисты быти в сем деле]** (7:11). Равным образом и милостыню, которой он просил у них, они начали собирать с великим усердием, почему и сказал: "**знаю усердие ваше и хвалюсь вами перед Македонянами, что Ахаия приготовлена еще с прошедшего**

года" [вем усердие ваше, имже о вас хвалюся Македоняном, яко Ахаия готова еще от прошедшаго лета] (2 Кор. 9:2). И Тита, которого послал (апостол), они приняли со всею благосклонностью, на что и указывает опять словами: "**сердце его весьма расположено к вам, при воспоминании о послушании всех вас, как вы приняли его со страхом и трепетом" [и сердце его чрезвычайно расположено к вам, воспоминающаго всех вас послушание, яко со страхом и трепетом приясте его]** (2 Кор. 7: 15). По всем этим причинам он и пишет второе послание. Да и нужно было, чтобы он как согрешивших их тогда упрекал, так исправившихся теперь похвалил и принял в свое благоволение. Потому-то и все это послание чуждо угроз и упреков, за исключением некоторых только мест к концу послания, которые были нужны потому, что и между коринфскими христианами были некоторые из иудеев, высоко о себе мудрствовавшие и порицавшие Павла, как человека хвастливого и не заслуживавшего никакого уважения. Так они говорили: "**в посланиях он строг и силен, а в личном присутствии слаб, и речь [его] незначительна**" [**послания убо тяжки, а пришествие тела немощно, и слово уничижено**] (2 Кор. 10:10), то есть, когда он приходит, то оказывается ничего не стоящим, потому что это (и означают слова): "**в личном присутствии слаб" [пришествие тела немощно]**; отшедши же, высоко превозносишь себя в своих посланиях, что (означают слова): "**в посланиях он строг и силен**" **[послания тяжки]**. А чтобы показать себя достойными уважения, они притворялись нелюбостяжательными, на что и намекает (апостол) словами: "**дабы они, чем хвалятся, в том оказались [такими же], как и мы" [да, о немже хвалятся, обрящутся, якоже и мы]** (2 Кор. 11:12). Вместе с тем, имея дар слова, они весьма этим превозносились, почему (апостол) и называет себя **невеждою**, показывая, что он не стыдится этого, и не считает (дар слова) за какое-то великое приобретение, а напротив, вменяет в ничто. А так как естественно было некоторым из верующих (слыша такие отзывы об апостоле) поколебаться в доверенности к нему, то он, сперва похвалив верных за то, в чем они исправились, и посрамив безумие горделивых, требовавших соблюдения иудейских обрядов, - потому что не время уже было исполнять их, - потом и за это делает упрек. Итак, вот, мне кажется, причина настоящего послания, как может это заметить всякий, слегка прочитав его. Обратимся теперь к началу послания, и исследуем, для чего (апостол), после обыкновенного своего приветствия, начал послание указанием на щедроты Божии. Прежде всего нужно сделать замечание о самом начале и узнать, почему он здесь присовокупляет к себе Тимофея, говоря: "**Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, и Тимофей брат" [Павел посланник Иисус Христов, волею Божиею, и Тимофей брат]** (ст. 1). Между тем, в первом послании он обещался послать его к ним, и убеждал их, говоря: "**если же придет к вам Тимофей, смотрите, чтобы он был у вас безопасен" [аще же приидет Тимофей, блюдите, да без страха будет у вас]** (1 Кор. 16:10). Как же здесь в начале (послания) говорит, что он с ним? Это потому, что (Тимофей), пришедши к ним, по обещанию учителя ("**для сего я послал к вам**, - писал Павел, - **Тимофея, который напомнит вам о путях моих во Христе" [послах бо к вам**, **Тимофеа, иже вам воспомянет пути моя, яже о Христе]** – 1 Кор. 4:17), и исправив все порученное, возвратился назад, так как и посылая его, (апостол) наказывал: "**проводите его с миром, чтобы он пришел ко мне, ибо я жду его с братиями" [проводите его с миром, да приидет ко мне: жду бо его с братиею]** (1 Кор. 16:11).

2. И вот, так как (Тимофей) возвратился к своему учителю, и (апостол), исправив вместе с ним нужное в Асии ("**в Ефесе же я**, -говорит, - **пробуду до Пятидесятницы" [пребуду бо во Ефесе до Пентекостии]** – 1 Кор. 16:8), опять перешел в Македонию, то естественно и упоминает (о Тимофее), как уже находящимся с ним, потому что прежнее послание препроводил он из Асии, а настоящее из Македонии. Поставил же вместе с собою (Тимофея), чтобы проявить ему этим больше уважения, а в себе показать глубокое смиренномудрие, потому что хотя (Тимофей) и был ниже его, но любовь все сочетавает.

Потому он везде и равняет его с собою, - то говорит о нем: **как сын отцу, служил мне [якоже отцу чадо, со мною поработал]** (Филип. 2:22); то: "**ибо он делает дело Господне, как и я**" **[дело Господне делает, яко же и аз]** (1 Кор. 16: 10); а здесь и "**братом**" его называет. Таким образом представляет его по всем отношениям достойным уважения коринфян, - и тем более, что он, как я сказал, был уже у них, и показал опыты своих добродетелей. "**Церкви Божией, находящейся в Коринфе" [Церкви Божией, сущей в Коринфе]**. (Апостол) опять называет коринфян Церковью, желая этим собрать и совокупить всех их воедино. Иначе и не может быть единая Церковь там, где составляющие ее разделяются между собой и враждуют друг на друга. "**Со всеми святыми по всей Ахаии" [Со святыми всеми, сущими по всей Ахаии]**. Этими словами (апостол) оказывает и предпочтение коринфянам, когда чрез послание, писанное к ним, приветствует всех прочих, и вместе всю от язык собранную Церковь побуждает к миру и согласию. Наименованием же святых показывает, что нечистым не принадлежит это приветствие. Но почему (апостол), пиша здесь к главной Церкви, вместе с нею пишет и ко всем прочим, между тем как он не всегда так делает? Так послания к фессалоникийцам он не посылал вместе и к македонянам; равным образом, пиша к ефесянам, не обращался вместе и ко всей Асии; и послание к римлянам не послано вместе и к прочим жителям Италии. Но здесь он делает то же, что и в послании к Галатам. И это послание он посылает не одному, не двум или трем городам, но всем вообще живущим в той стране, когда говорит: "**Павел Апостол, [избранный] не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцем, воскресившим Его из мертвых, и все находящиеся со мною братия - церквам Галатийским: благодать вам и мир" [Павел апостол ни от человека, ни человеком, но Иисус Христом и Богом Отцем, воскресившим Его из мертвых, и иже со мною вся братия, церквам Галатийским: благодать вам и мир]** (Гал. 1:1-3). Равно и евреям он написал для всех одно послание, не разделяя их по городам. Какая же этому причина? Мне кажется, причиною тому были общие господствовавшие там болезни. Для того он и посылает общее ко всем послание, что все требовали общего исправления. Все ведь и галатяне страдали одной болезнью, и евреи. То же я думаю и о коринфянах. Итак, соединив всех воедино, и сделав общее приветствие, по принятому им обыкновению приветствовать всех: "**благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа**" (ст. 2), - слушай, как сообразно с избранным им предметом он начинает послание: "**благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения" [благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец щедрот и Бог всякия утехи]** (ст. 3). Но какая тут, скажешь ты, сообразность с избранным предметом? Самая близкая. Посмотри же. Коринфян очень опечалило и обеспокоило то, что апостол не пришел к ним, несмотря на то, что обещал придти, но все это время провел в Македонии, и как будто предпочитал им других. Итак, имея в виду это беспокойство, он сказывает им причину, почему не пришел. Впрочем, не тотчас открывает ее, и не говорит: "Я помню, что обещался придти, но меня задержали случившиеся со мною скорби, почему простите меня, и не обвиняйте в каком-нибудь презрении, или нерадении о вас", но ведет к тому иным способом, гораздо величественнее и с большим убеждением, стараясь наперед утешить их, чтобы они уже и не спрашивали о причине, почему он не пришел. И это делает он точно так же, как если бы кто, обещавшись придти к своему другу, и, по преодолении весьма многих бедствий, пришедши, сказал: "Слава Тебе, Боже, что Ты показал мне возлюбленного друга моего! Благословен Ты, Господи, - от каких бед Ты избавил меня!" Такое славословие пришедшего есть вместе и оправдание пред намеревающимся обвинять его, и не попускает этому последнему жаловаться на замедление первого. Ему стыдно уже звать на суд приносящего Богу благодарение за избавление от стольких зол и требовать у него отчета в медлительности. Потому и (апостол), начиная речь словами "**благословен Бог щедрот**", указывает тем на изведение и избавление его от великих бедствий. Подобным образом и Давид не везде одинаково называет Бога, и не от одних и тех же свойств

производит имена Его; но когда рассуждает о войне и победе, говорит: "**Возлюблю тебя, Господи, крепость моя! Господь - твердыня моя" [возлюблю Тя, Господи, крепость моя, Господь защититель мой]** (Пс. 17:2,3); когда же воспоминает об избавлении его от скорби и мрака, одержавшего душу его, говорит: "**Господь - свет мой и спасение мое" [Господь просвещение и Спаситель мой]** (Пс. 26:1). Иногда заимствует наименования Его от человеколюбия, иногда от правды Его, иногда от нелицеприятного Его суда, - сообразно обстоятельствам, в которых он находился. Так и Павел здесь в начале послания называет (Бога) со стороны Его человеколюбия, говоря: "**Бог щедрот**", - т. е. явивший столь великие щедроты, что извел нас из самых врат смерти.

3. Подлинно, миловать так преимущественно пред всеми свойственно и сродно Богу. Поэтому он и называет Его Богом щедрот. Но заметь и здесь смиренномудрие Павлово. Претерпевая беды ради проповеди, не говорит он, что по достоинству от них спасается Богом, но ради щедрот Божиих. Но об этом еще яснее сказал он ниже. А теперь, продолжая речь свою, говорит: "**утешающий нас во всякой скорби" [утешаяй нас во всякой скорби]**. Не сказал: не попускающий нам впадать в скорби, но – утешающий нас в скорби, потому что это и показывает силу Божию, и укрепляет терпение скорбящих. "**От скорби**, - говорит он (в другом месте), - **происходит терпение [скорбь терпение соделовает]** (Рим. 5:3)[1]. Это выразил и пророк словами: "**в тесноте Ты давал мне простор" [в скорби распространил мя еси]** (Пс. 4:2). Не сказал: "Ты не попустил впасть мне в скорбь", или "Ты тотчас рассеял скорбь" но – "в продолжение скорби Ты распространил меня", – то есть, великую дал прохладу и отдохновение. То же самое было и с тремя отроками. Он не возбранил ввергнуть их в пещь, и, когда они были ввержены, не угасил пламени; но, когда пылала пещь, подал им прохладу.

Так и всегда обыкновенно делает Бог. Намекая на это, и Павел говорит: "**утешающий нас во всякой скорби**" (ст. 4). Но этим он показывает еще нечто новое. Что же такое? То, что Бог не однажды, не дважды, но всегда так поступает. Не так, чтобы ныне утешал, а в другое время оставлял; но всегда и во всякое скорбное время подает утешение. Поэтому и сказал (апостол): "**утешающий"[утешаяй]**, а не – утешивший, и: "**во всякой скорби**"; не в той или другой, но – **"во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать находящихся во всякой скорби тем утешением, которым Бог утешает нас самих" [во всякой, яко возмощи нам утешити сущия во всякой скорби, утешением, им же утешаемся сами от Бога]**. Видишь ли, как он предуготовляет себе оправдание, напоминая слушателю о великой скорби? А вместе с тем и смиряет себя, когда говорит, что самая эта милость оказана не ради его достоинства, но ради тех, которые от него должны принимать назидание. Для того, говорит, и утешил нас Бог, чтобы мы другу друга утешали. Но в этих же словах дает чувствовать и достоинство апостолов, когда показывает, что, получив утешение и отдохновение, он не предается беспечности, как мы, но приступает к возбуждению, укреплению и восстановлению других. Некоторые же еще дают словам (апостола) и такой смысл, что утешение наше есть вместе утешение и для других. А мне кажется, что он здесь в виде введения направляет речь свою еще и против лжеапостолов, напрасно хвалящихся, сидящих дома и предающихся неге. Впрочем, на это намекает он не прямо, но как бы мимоходом; главная же цель его была та, чтобы оправдать себя в своем замедлении. "Если для того, - говорит, - мы сами утешаемся, чтобы утешать и других, то не упрекайте нас за то, что мы не пришли к вам, потому что все это время мы употребили на отвращение воздвигаемых на нас злоумышлений, нападений и различных зол". "**Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше" [Зане якоже избыточествуют страдания Христова в нас, тако Христом избыточествует и утешение наше]** (ст. 5). Чтобы не привести в уныние учеников слишком сильным описанием своих бедствий, он показывает и великое богатство утешения, и таким образом ободряет их дух; и не только

этим ободряет их, но еще и тем, что напоминает о Христе, говоря о своих страданиях, что они страдания Христовы, и, таким образом, прежде всякого другого утешения, извлекает утешение из самих скорбей. В самом деле, что может быть приятнее, как быть общником Христу, и ради Его терпеть страдания? Что может равняться с этим утешением? И не этим только, но и других образом он восставляет души скорбящих. Чем же? Тем, что говорит: "**умножаются**" **[избыточествуют]**. Не сказал: "как постигают нас страдания Христовы", но: "**как умножаются**" **[якоже избыточествуют]**, показывая тем, что (апостолы) претерпевают не только страдания Христовы, но еще большие. Мы претерпели, говорит, не только те страдания, которые Он претерпел, но и преизбыточествующие. Христос был гоним, преследуем, биен, умер. Но мы, говорит, более того претерпели. Этого одного уже достаточно для утешения. И никто не подозревай здесь преувеличения. Вот он и в другом месте говорит: **"ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей" [ныне радуюся во страданиях моих, и исполняю лишение скорбей Христовых во плоти моей]** (Колос. 1:24). И ни в том, ни в другом месте нет ни дерзости, ни самохвальства. Подобно тому, как (апостолы) совершили большие знамения, нежели сам Христос ("**верующий в Меня,** -говорит Господь, - **и больше сих сотворит**" **[веруяй бо в Мя больша сих сотворит]** – Иоан. 14:12), - хотя все это совершает Он же, действуя в них, - так и пострадали больше Его, - хотя это опять же принадлежит одному Господу, Который утешал их и давал им силы к перенесению приключавшихся зол.

4. Вот почему и Павел, чувствуя сам, как много он сказал, смотри, как опять смягчает сказанное, говоря: "**умножается Христом и утешение наше**" **[тако Христом избыточествует и утешение наше]**; он все приписывает Господу, прославляя и этим Его человеколюбие. Не только, говорит, насколько скорбим, настолько и утешаемся, но гораздо более. Не сказал, что утешение равно страданиям, но: "**умножается утешение**" **[избыточествует утешение]**, так что время подвигов есть вместе время и новых венцов. В самом деле, скажи мне, что может равняться с тем, как терпеть бичевание за Христа и удостоиться за то беседования с Богом, быть сильнее всех, торжествовать над своими гонителями, быть выше целой вселенной, и чаять таких благ, каких "**не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**" **[их же око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша]** (1 Кор. 2:9)? Что может равняться с тем, как терпеть скорби ради благочестия, и за то сподобиться бесчисленных утешений от Бога, получить отпущение стольких грехов, удостоиться Духа, освящения и оправдания, никого не бояться и не трепетать, и среди самых напастей быть славнее всех? Итак не будем унывать во время искушений. Никто из любящих увеселения, беспечно почивающих и услаждающихся, никто из проводящих жизнь изнеженную и рассеянную не может быть общником Христу. Но кто проводит жизнь среди скорбей и искушений и ходит тесным путем, тот близок к Нему. Он ведь и Сам шествовал тем же путем, - почему сказал: "**Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову**" **[Сын человеческий не имать где главы подклонити]** (Мф. 8:20).

Итак, не печалься, если терпишь скорби, помышляя, кому ты через них приобщаешься, как ты очищаешься чрез искушения и какую великую получаешь от них пользу. Подлинно, нет ничего тяжкого и печального, кроме оскорбления Бога. Если же этого нет, то ни скорби, ни козни, ни что другое не может опечалить богомудрой души. Напротив, как малая искра, брошенная в великую морскую бездну, тотчас же угасает, так точно и всякая печаль, даже самая великая, приразившись к благой совести, легко рассеивается и тотчас исчезает. Потому-то и Павел всегда радовался, что всегда подвизался в делах, угодных Богу, и даже не замечал постигавших его великих зол; хотя он и чувствовал скорбь, как человек, но не падал духом. Так и великий патриарх не переставал радоваться, хотя и постигали его многие огорчения. Посмотри: он лишился отечества, принужден был предпринять длинное и многотрудное путешествие; пришедши на чужую землю, не имел

на ней и одной пяди собственности; здесь, опять, встретил его голод и заставил переселяться с одного места на другое; за голодом последовали похищение жены, страх смерти, бесчадие, война, опасности, злоумышление соседей, и наконец сильнейшая из всех скорбей – тяжкое и нестерпимое заклание единородного и любимого сына. Беспрекословно он повиновался Богу; но не подумай поэтому, что он и переносил все это равнодушно. Хотя бы он был и в высшей степени праведник, каков он был и действительно, все же он был человек и подвержен немощам естества человеческого. И однако ничто не могло сразить его; он устоял, как мужественный ратоборец, после каждого искушения увенчиваясь победным венцом. Так и блаженный Павел, видя тучи искушений, каждодневно на него находящих, среди них, как бы среди рая, утешался, радовался и веселился. Но как радующийся этою радостью не может быть пленен унынием, так напротив, не стяжавший ее делается легко уловимым для всякой скорби, и претерпевает то же, что и худо вооруженный, которого и легкий удар уязвляет. Напротив, тот, кто хорошо отовсюду вооружен, удобно отражает всякий направленный против него удар. Радость же по Боге сильнее всякого оружия, и кто имеет ее, того ничто не может привести в уныние и малодушие; напротив, он все переносит мужественно. Что может быть хуже огня, что лютее непрестанных мучений? Хотя бы кто лишился бесчисленных богатств, или детей, или другого чего подобного, но это (огонь и мучения) нестерпимее всех скорбей. "**Кожу**, - сказано, - **за кожу, а за жизнь свою отдаст человек все, что есть у него" [Кожу за кожу, и вся, елика имать человек, даст за душу свою]** (Иов. 2:4). Так, ничего нет тягостнее мучений; но радость по Боге и для слуха нестерпимые мучения делает сносными и даже приятными. И если бы ты снял с дерева или со сковороды едва-едва дышащего мученика, ты нашел бы в нем такую радость, какой и изобразить невозможно. Но скажут: "как могу я страдать теперь, когда прошло время (подвигов) мученичества? Что ты говоришь? Разве теперь прошло время мученичества?" Оно никогда не проходит, напротив – всегда перед нашими глазами, если только мы бодрствуем. Ведь не повешение только на дереве делает мучеником. Если бы так было, то Иов остался бы без венца мученического. Он не стоял пред судилищем, не слыхал голоса судии, не видал мучителя, не был строгаем по ребрам, повешенный и поднятый на дерево. И однако он страдал более, нежели многие мученики; сообщения вестников, приходивших друг за другом, нестерпимее всякого удара поражали его и прободали со всех сторон; а уста червей лютее множества палачей отовсюду терзали его.

5. Итак, с каким мучеником не может он сравняться? Подлинно (он равен) с бесчисленно многими. Он отовсюду выдерживал борьбу и собирал венцы - и от потери имущества, и от погибели детей, и гниения тела, и от укоров жены, и от друзей, и от врагов, и даже от рабов своих, - потому что и те плевали на лице его, - и от голода, и от сновидений, и от мучительной боли, и от зловония. Вот почему я и сказал, что он может равняться не с одним, не с двумя, не с тремя, а с бесчисленным множеством мучеников. Кроме сказанного, и самое время дает великое преимущество венцам его, потому что он терпел эти скорби прежде закона и благодати, терпел в продолжение многих месяцев, и все в высшей степени, притом же все эти несчастия обрушились на него вдруг, тогда как каждое из них и само по себе нестерпимо, не исключая даже и потери стяжаний, которая, по-видимому, (не)сноснее других зол. В самом деле, многие перенесли удары, а потери имущества не перенесли; напротив, предпочитали лучше терпеть бичевание и множество других мучений, нежели уступить что-нибудь из своих стяжаний, так что потерю их считали для себя самым тяжким ударом. Таким образом, и потеря имущества есть некоторый род мученичества для того, кто мужественно ее переносит. Но как, скажешь, перенести мужественно такие потери? Ты научишься этому, когда узнаешь, что через одно слово благодарности ты приобретешь больше, чем потерял. В самом деле, если, услышав о погибели наших благ, мы не смутимся, а скажем: "Благословен Бог", - то этим приобретем гораздо большее богатство. И действительно, не столько ты получишь

пользы, тратя свое богатство на неимущих, всюду обходя и ища бедных, расточая все, что имеешь, алчущим, сколько приобретешь одним этим словом. Вот почему я не столько удивляюсь Иову, отверзавшему для бедных дом свой, сколько изумляюсь и с удивлением восклицаю, видя, как он с благодарением переносил потерю своих стяжаний. То же самое можно приложить и к потере детей. И здесь ты можешь получить не меньшую награду, чем и тот, который возложил на жертвенник и готов был заклать сына своего, если, видя умирающим свое детище, будешь благодарить человеколюбивого Бога. В самом деле, поступающий так чем будет ниже Авраама? Авраам еще не видел (сына своего) лежащего мертвым, но только готовился к этому, так что если он и имеет преимущество в том отношении, что хотел принести в жертву (сына своего), протянул руку и взял нож, то, с другой стороны, он уступает в том отношении, что здесь лежит уже мертвый сын. Кроме того, Авраама ободряла уверенность, что он совершает доблественный поступок, и что славный этот подвиг есть дело собственного его мужества; да и глас с неба, им слышанный, воодушевлял его к этому подвигу; здесь же, напротив, нет ничего подобного. Вот почему тому, кто видит распростертого и лежащего во гробе единородного сына своего, воспитанного в богатстве и подававшего добрые надежды, нужно иметь адамантовую душу, чтобы кротко перенести постигшее его несчастие. И если таковой, укротив естественное волнение, сможет без слез сказать с Иовом: "**Господь дал, Господь и взял**" **[Господь даде, Господь отъят]** (1:21), то за одно это слово встанет в ряд с Авраамом и вместе с Иовом будет прославляем. И если, остановив вопли жен и воспретив клики плачущих, обратит всех к славословию Бога, то получит бесчисленные почести и от Бога и от людей: люди будут ему удивляться, ангелы рукоплескать, Бог увенчает его славою.

6. Но как могу я не плакать, скажешь ты, когда я человек? (Можешь), если подумаешь о том, что и патриарх, и Иов, будучи оба людьми, ничего подобного не испытали, и притом еще живя оба прежде закона и благодати, и не зная еще тех богомудрых законов, какие у нас; если сообразишь, что умерший переселился в лучшую страну и перешел к лучшему наследию, и что ты не потерял сына, а только препроводил его в безопаснейшее жилище. Итак, не говори: "Я не могу уже называться отцом". Почему тебе не называться отцом, когда сын твой жив? Разве ты потерял детище? Разве ты погубил сына? Напротив, приобрел его, и с большею безопасностью владеешь им. Чрез это ты не здесь только будешь называться отцом, но и на небе, и не только не потерял имени отца, но приобрел право на еще большее наименование: ты будешь называться отцом уже не смертного сына, но бессмертного, отцом мужественного воина, вечно пребывающего в доме Божием. Не думай, что он уже и погиб, если не стоит пред тобою. Ведь если бы он находился теперь в путешествии, то его телесное отсутствие не прекратило бы между вами родственной связи. Не останавливай же своих взоров на лице лежащего, потому что возбудишь этим в себе страдание; но возведи мысль твою от лежащего к небу. Не этот лежащий труп есть сын твой, но тот, который отлетел и восшел на неизмеримую высоту. Итак, когда видишь закрытые глаза, сомкнутые уста и неподвижное тело, не о том помышляй, что эти уста уже не говорят, эти глаза уже не видят, эти ноги уже не ходят, и все обращается в тление, - не так говори, а совершенно напротив: эти уста будут говорить лучше, эти глаза увидят больше, эти ноги понесутся на облаках, это разрушающееся тело облечется в бессмертие, и я опять получу сына, но светлейшего. Если же видимое тобою печалит тебя, то скажи себе: это – одежда, и он скинул ее для того, чтобы опять получить ее же, но более многоценную, это – дом, но он разрушается для того, чтобы стать светлее. Подобно тому как мы, когда хотим очистить дом, не дозволяем оставаться внутри его живущим в нем, чтобы предохранить их от пыли и от шума, но велим на некоторое время выйти; когда же совсем устроим дом, тогда опять безбоязненно вводим их, - так делает и Бог: разрушив гнилую храмину усопшего, Он взял его в Свой отеческий дом, даже к Себе, чтобы после, как она разберется и вновь перестроится, опять отдать ему ее в лучшем и

светлейшем виде. Итак, не говори, что он погиб, и что не будет его более; это слова неверующих; но говори: он спит и восстанет; он отправился в путь и возвратится с Царем. Кто так говорит? Тот, кто имеет в себе говорящим Христа. "**Ибо, если мы веруем,** - говорит (апостол), - **что Иисус умер и воскрес** и живет, **то** и **умерших** чрез Иисуса **Бог приведет с Ним" [Аще бо веруем, яко Иисус умре и воскресе тако Бог и умершия приведет с ним]** (1 Фес. 4:14). Итак, если ты ищешь сына, ищи его там, где находится Царь, где воинство ангелов, не в гробе, не в земле, чтобы, тогда как он вознесен на такую высоту, тебе самому не остаться поверженным на земле. Если мы таким образом будем любомудрствовать, то легко преодолеем всякую подобную печаль. Бог же щедрот и Отец всякия утехи утешит сердца всех нас, и подобными скорбями и другими печалями одержимых, дарует нам избавление от всякого уныния, и сподобит нас стяжать духовную радость и получить будущие блага, которых и да сподобимся все мы достигнуть благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] В книге – Рим. 4:2.

БЕСЕДА 2

"Скорбим ли мы, [скорбим] для вашего утешения и спасения, которое совершается перенесением тех же страданий, какие и мы терпим. И надежда наша о вас тверда" (2 Кор. 1: 6-7).

1. Предложив одно и главное побуждение к утешению (именно общение со Христом), (апостол) присовокупляет еще другое, именно то, что (скорби, претерпеваемые апостолами) содействуют к устроению спасения самих наставляемых в вере. "Итак, не падайте духом, - говорит он, - не смущайтесь, и не предавайтесь страху оттого, что мы терпим скорби; напротив это-то самое и должно исполнять вас бодростью и упованием. В самом деле, если бы мы не подвергались скорбям, это привело бы всех нас к погибели. Как же и почему? Потому что, если бы мы по малодушию и из опасения бедствий не стали вам проповедывать слово, чтобы научить вас истинному знанию, то спасение ваше подверглось бы крайней опасности". Видишь ли опять силу и твердость Павла? Чем они смущались, тем он утешает их. "Чем тягостнее, - говорит, - становятся наши гонения, тем более должна в вас умножаться добрая надежда, потому что тем более открывается и средств к вашему спасению, случаев к утешению. В самом деле, что может принести вам столько утешения, как те великие блага, которые вы получаете от нашей проповеди?" Потом, чтобы не подумали, что он всю похвалу в этом случае приписывает только себе одному, посмотри, как он и их делает общниками тех же похвал. Сказав: "**Скорбим ли мы, [скорбим] для вашего утешения и спасения" [аще ли скорбим, о вашем утешении и спасении]**, он присовокупляет: "**которое совершается перенесением тех же страданий, какие и мы терпим" [действующемся в терпении тех же страданий, яже и мы страждем]**. Яснее то же самое выражает он ниже, говоря: "**вы участвуете как в страданиях наших, так и в утешении" [якоже общницы есте страстем, такожде и утешению]**, здесь же пока выразил это, обобщая свою речь словами: "**тех же страданий**". Смысл его слов таков: "Не мы одни были виновниками вашего спасения, но и вы сами. Как мы, проповедуя, терпим скорби, так и вы, принимая наше слово, то же самое терпите: мы, чтобы передать вам то, что сами получили, а вы, чтобы принять передаваемое и не потерять". С чем можно сравнить такое смиренномудрие Павла, когда он и столь далеко отстоящих от него в добродетели поставляет на одной с собой степени терпения? Именно

он говорит: "**которое совершается перенесением тех же страданий" [действующемся в терпении техже страданий]**, то есть, не тем только устрояется спасение ваше, что веруете, но и тем, что вы так же страдаете и терпите, как и мы.

Как ратоборец, хотя возбуждает удивление и тогда, когда только показывается зрителям, и дает видеть свою телесную крепость и искусство, которым он владеет; но несравненно более покрывается славою тогда, когда борется со врагом, выдерживает удары его и ему самому наносит удары, - потому что тогда особенно обнаруживается его сила и высказывается на деле высота его искусства, - так и спасение ваше тогда особенно действуется, т. е. делается явным, возрастает и возвышается, когда бывает соединено с терпением, страданиями и мужественным перенесением всех зол. Таким образом, действительная сила спасения состоит не в том, чтобы не делать зла, но в том, чтобы (самим мужественно) терпеть зло. И не сказал: "которое совершаем" [действующем], но: "которое совершается" **[действующемся]**, показывая тем, что наряду с их собственным рвением много совершила и благодать, действующая в них. "**И надежда наша о вас тверда" [И упование наше известно о вас]** (ст. 7). То есть, хотя вы терпите и бесчисленные бедствия, однако мы уверены, что вы не отпадете даже и тогда, когда вас будут гнать. Мы не только не имеем подозрения, чтобы вы смутились нашими страданиями, но и уповаем, что вы пребудете тверды и тогда, когда сами подвергнетесь опасностям. Видишь, какой плод принесло в них первое послание (Павла)! Здесь же он гораздо более восхвалил их, нежели сколько в первом послании хвалил и превозносил македонян. За тех он опасался, и потому говорил: "**и послали** к вам **Тимофея, чтобы утвердить вас и утешить в вере вашей, чтобы никто не поколебался в скорбях сих: ибо вы сами знаете, что так нам суждено" [послахом** к вам **Тимофеа, утвердити вас и утешити в вере, яко ни единому смущатися в скорбех сих: сами бо весте яко на сие истое учинени есмы]**. И опять: "**посему и я, не терпя более, послал узнать о вере вашей, чтобы как не искусил вас искуситель и не сделался тщетным труд наш" [сего ради и аз ктому не терпя, послах разумети веру вашу, да не како искусил вы искушаяй, и вотще будет труд наш]** (1 Сол. 3: 2, 3, 5). О коринфянах же ничего подобного не говорит, а напротив, пишет: "**И надежда наша о вас тверда. Утешаемся ли, [утешаемся] для вашего утешения и спасения, зная, что вы участвуете как в страданиях наших, так и в утешении" [упование наше известно о вас. Аще ли утешаемся, о вашем утешении и спасении: ведящи, зане якоже общницы есте страстем, такожде и утешению]**. Что ради них апостолы терпели скорби, это уже показал он выше, когда сказал: "**скорбим ли мы, [скорбим] для вашего утешения и спасения" [аще ли же скорбим, о вашем утешении и спасении]**, а теперь хочет показать, что (апостолы) и утешались для них же. И выше он говорил об этом, хотя и не так определенно, когда сказал: "**благословен Бог, утешающий нас во всякой скорби нашей" [благословен Бог, утешаяй нас во всякой скорби, яко возмощи нам утешити сущия во всякой скорби]**. И здесь говорит опять то же другими словами, но гораздо яснее и назидательнее. "**Утешаемся ли, [утешаемся]**, говорит, **для вашего утешения и спасения" [Аще ли утешаемся, о вашем утешении]**. Смысл этих слов такой: "Наше утешение обращается вам в успокоение, даже и тогда, когда бы нам не случилось утешать вас словами. Если мы получим только малую отраду, то и этого довольно к утешению вашему. И хотя бы нам одним случилось получить утешение, и это уже утешит вас, потому что как страдания наши вы принимаете, точно свои собственные, так и утешение наше вы должны считать своим собственным. Если в скорбях наших вы участвуете, почему же не будете участвовать в радостях? Если же вы во всем имеете общение в нами – и в скорби и в утешении, то не обвиняйте меня за то, что так долго медлю придти к вам, - ведь и скорбим мы для вас, и утешаемся для вас". Чтобы не показалось кому тяжким сказанное, что для вас мы терпим скорби, он присовокупляет, что "для вас мы и

утешаемся; и не одни мы терпим бедствия, потому что и вы, - говорит, - участвуете с нами в тех же страданиях".

2. Таким образом, принимая их в соучастники в бедствиях, и относя к ним причину бедствия своего, (апостол этим самым) смягчает свое слово. "Итак, строит ли нам ковы, - говорит, - будьте тверды духом, потому что мы терпим это для того, чтобы ваша вера делалась сильнее. Дается ли нам утешение, и вы радуйтесь этому, потому что мы ради вас получаем его, чтобы и вам отсюда могло быть некоторое утешение, как участникам в нашей радости". А что он действительно говорит теперь о том роде утешения, которое получил он, не только будучи утешен коринфянами, но еще и узнав, что они чувствуют облегчение в скорбях, - послушай об этом далее, где он ясно открыл это, говоря: "**зная, что вы участвуете как в страданиях наших, так и в утешении" [ведяще, зане якоже общницы есте страстем, такожде и утешению]**. То есть, как тогда, когда преследует нас, вы скорбите, как бы сами терпели гонение, так мы уверены, что и тогда, когда мы получаем утешение, вы принимаете его так, как бы вы сами им наслаждались. Что может быть смиренномудреннее таковой души? Тот, кто столько претерпел бедствий, называет соучастниками в них тех, которые не претерпели и малейшей их части; а говоря об утешении, всю причину его приписывает им, а не своим трудам. Потом, так как он говорил о скорбях неопределенно, то далее называет и место, где их претерпел: "**Ибо мы не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Асии" [не бо хощем вас не ведети, братие, о скорби нашей, бывшей нам во Асии]** (ст. 8). "Возвещаем вам, - говорит, - об этом, чтобы вы не были в неведении о случившемся с нами. Мы желаем, чтобы вы знали все, что с нами происходит, и весьма об этом заботимся". А это служит величайшим доказательством любви его к ним. То же говорил он и в первом послании: "**ибо для меня отверста великая и широкая дверь, и противников много" [дверь бо ми отверзеся велика и поспешна, и сопротивнии мнози]** в Ефесе (1 Кор. 16: 9). Итак, желая сделать известными им свои скорби и все, что он потерпел, говорит: "**не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Асии" [не хощу вас не ведети о скорби, бывшей нам во Асии]**. Подобное писал он и в послании к ефесянам; посылая к ним Тихика, представил ту же самую причину его посольства: "**А дабы и вы знали**, - говорит, - **о моих обстоятельствах и делах, обо всем известит вас Тихик, возлюбленный брат и верный в Господе служитель, которого я и послал к вам для того самого, чтобы вы узнали о нас и чтобы он утешил сердца ваши" [да увесте же и вы яже о мне, что делаю, вся скажет вам Тихик, возлюбленный брат и верен служитель о Господе: его же послах к вам на сие истое, да увесте яже о нас, и да утешит сердца ваша]** (Ефес. 6: 21, 22). То же самое делает он и в других посланиях. И это было не излишне, а напротив, весьма нужно, как по побуждению великой любви его к ученикам, так по причине непрестанных искушений, при которых величайшим утешением было знать взаимное состояние друг друга, чтобы, если оно будет скорбное, приготовиться к подвигу и вооружиться мужеством против опасностей, если же радостное, то вместе разделять радость. Здесь, впрочем, он говорит вместе и о нападении искушений, и об освобождении от них: "**потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы" [яко попремногу отяготихомся паче силы]** – подобно кораблю, обремененному сверх меры каким-нибудь грузом и готовому потонуть. По-видимому, (апостол) выражает одно и то же словами – "**чрезмерно" [попремногу]** и "**сверх силы" [паче силы]**; на самом деле, однако, это не одно и то же. Именно чтобы кто не сказал: "Как ни чрезмерна была опасность, но она не велика была для тебя", (в предупреждение этого апостол) присовокупил, что она и велика была, и превышала силы наши, и притом настолько превышала, "**яко не надеятися нам и жити**", то есть, мы не чаяли уже и в живых остаться. Что Давид называет **"вратами ада", "болезнями смертными" и "сению смерти"** (Пс. 87), то же самое выражает и апостол, говоря, что мы подверглись такой опасности, которая несомненно угрожала смертью. "**Но сами в себе**

имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых" [Но сами в себе осуждение смерти имехом, да не надеющеся будем на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя] (ст. 9). Что же такое значит – "**приговор к смерти" [осуждение смерти]**? Значит - приговор, определение, ожидание смерти. Так говорили дела, такой приговор произносили случившиеся обстоятельства, т. е. что мы непременно должны умереть. Впрочем, этого не случилось на самом деле, но ограничилось только нашим ожиданием. Хотя положение вещей предвещало такой конец, но сила Божия не допустила этому приговору придти в исполнение, допустив совершиться ему только в нашей мысли и ожидании. Потому и говорит: "**сами в себе**", а не на самом деле, "**имели приговор к смерти" [осуждение смерии имехом]**. Для чего же попустил Бог подвергнуться такой опасности, что мы даже потеряли надежду и отчаялись в жизни? "**Чтобы надеяться**, - говорит, - **не на самих себя, но на Бога**" [**Да не надеющеся будем на ся, но на Бога]**.

3. Впрочем, Павел сказал это не потому, чтобы сам был так настроен. Нет; но он, под видом повествования о себе самом, хотел только вразумить других, а притом сказал так по свойственному ему смирению. Подобно говорит он и ниже: "**дано мне жало в плоть** (разумея искушения) **удручать меня, чтобы я не превозносился [дадеся ми пакостник плоти (разумея искушения), да не превозношуся]** (12:7), показывая впрочем, что Бог и не для того попустил эти искушения, но по другой причине. По какой же именно? Чтобы тем более просияла в нем сила Божия. "**Довольно для тебя**, - говорит, - **благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи" [Довлеет бо ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается]** (12 :9). Но, как я уже сказал, он никогда не оставляет своего обыкновения – ставить себя наряду с худшими людьми, которых нужно много учить и исправлять. В самом деле, если и для вразумления обыкновенных людей довольно бывает одного или двух искушений, то как же тот, который подвигами целой жизни стяжал особенное пред всеми людьми смиренномудрие, и столько претерпел, сколько никто другой, по истечении стольких лет и по достижении любомудрия, достойного небес, мог иметь нужду в столь тяжком вразумлении? Отсюда ясно, что и здесь он только по смирению и для приведения к тому же смирению тех, кто много мечтает о себе и гордится собою, говорит: "**чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога" [да не надеющеся будем на ся, но на Бога]**. И смотри, как он и этим врачует их: "Бог, - говорит, - попустил найти на нас искушениям для вас. Вот сколько вы драгоценны у Бога!" "**Скорбим ли мы**, - говорит, - **[скорбим] для вашего утешения и спасения [Аще бо скорбим, о вашем утешении и спасении]**; а избыток искушений попущен собственно для нас, чтобы не думали много о себе". " **Потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы**… **для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых" [Яко попремногу и паче силы отяготихомся, да не надеющеся будем на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя]**. Здесь опять напоминает им о воскресении, о котором так много говорил в первом послании, и настоящими обстоятельствами утверждает его истину. Потому и присовокупил: "**который и избавил нас от столь [близкой] смерти" [иже от толиких смертей избавил ны есть]** (ст. 10). Не сказал: "от стольких опасностей" [от толиких опасностей] - как для того, чтобы показать этим непреодолимую силу искушений, так и для того, чтобы еще более уверить в истине своего учения, которое предлагал прежде. Так как воскресение мертвых есть еще дело будущее, то он показывает здесь, что оно и каждодневно бывает. Когда Бог человека, отчаявшегося и дошедшего до врат адовых, исторгает оттуда, то что другое делает Он, как не воскрешает мертвого, изымая их самых уст смерти впадшего в них? Потому-то при неожиданном освобождении какого-нибудь человека из отчаянного состояния, как-то: от жестокой болезни, или от невыносимых бедствий, у многих вошло в обыкновение говорить: "На этом человеке мы видели воскресение из мертвых". "**Надеемся, что и еще избавит, при содействии и вашей молитвы за нас, дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие**

возблагодарили за нас" [Уповахом же, яко и еще избавит, споспешествующим и вам по нас молитвою, да от многих лиц еже в нас дарование многими благодарится о нас] (ст. 11). Так как слова: "**чтобы надеяться не на самих себя" [да не надеющеся будем на ся]** могли показаться общим обвинением и обличением, а потому падали и на некоторых из коринфян, то он опять смягчает сказанное, приписывая молитвам их великое предстательство, и вместе показывает, что нам непрестанно должно подвизаться в продолжение всей жизни. Именно в словах "**надеемся, что и еще избавит" [уповахом же, яко и еще избавит]** содержится предсказание, что еще много будет искушений, и в них опять не будем оставлены, а получим помощь и содействие свыше. Затем, чтобы они, услышав, что им непрестанно должно бороться с бедствиями, не пали духом, он показал наперед пользу бедствий, состоящую в том, что они удерживают нас в непрестанном смиренномудрии – "**чтобы надеяться не на самих себя" [да не надеющеся будем на ся]**, что ими соделовается спасение наше и еще другие многие блага, как-то: общение с Христом – "**умножаются в нас**, - говорит, - **страдания Христовы**" [**избыточествуют страдания Христова в нас]** (ст. 5), страдания в пользу верующих – "**Скорбим ли мы**, - говорит, - **[скорбим] для вашего утешения и спасения" [аще бо скорбим, о вашем утешении и спасении]**, большая очевидность (спасения верующих) – "**которое совершается**, - говорит, - **перенесением тех же страданий" [действующемся в терпении тех же скорбей]**, укреплении (в терпении) и, сверх того, ясное и как бы пред глазами поставленное доказательство воскресения – "**который и избавил нас от столь [близкой] смерти" [от толиких смертей избавил ны есть]**, утверждение нас в подвигах и непрестанном взирании на Бога – "**надеемся**, - говорит, - **что и еще избавит" [уповахом бо, яко и еще избавит]**, наконец приучение к прилежной молитве – "**при содействии и вашей молитвы за нас" [споспешествующим и вам по нас молитвою]**. Показав, таким образом, пользу скорбей, и вдохнув в них мужество, (апостол) вновь воспламеняет их сердца и внушает им большую готовность и ревность к добродетели тем, что приписывает великую силу их молитвам, так как ими они и Павлу споспешествовали: "**при содействии**, - говорит, - **и вашей молитвы за нас" [споспешествующим и вам по нас молитвою]**. Что же значат слова его: "**дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас" [да от многих лиц еже в нас дарование многими благодарится о вас]**? "**Избавил нас**, - говорит, - **от столь [близкой] смерти**… **при содействии и вашей молитвы за нас" [Избавил ны есть… от смертей оных, споспешествующим и вам молитвою]**, т. е. по ходатайству всех вас в молитвах за нас, потому что **дарование, еже в нас**, т. е. спасение наше, Бог восхотел даровать всем вам, чтобы многие возблагодарили его, так как и благодать получили многие.

4. Это сказал он как для того, чтобы побудить их к молитве за других, так и для того, чтобы приучить их всегда благодарить Бога и за избавление других от бедствий, показывая вместе, что и Бог особенно желает этого, потому что молящиеся и благодарящие за других тем более сделают то и другое в отношении к себе самим. Кроме того, (апостол) научает их и смиренномудрию и возбуждает к более горячей любви. В самом деле, если он сам, будучи несравненно выше их, приписывает свое спасение их молитвам, и дар, полученный им от Бога, их ходатайству, то подумай, как они должны были смиряться и уничижаться. Заметь здесь еще и то, что когда Бог и по милости дарует что-нибудь, и здесь молитва много содействует. Так, хотя в начале послания (Павел) приписал спасение свое щедротам Божиим: "**Бог щедрот**, - говорит, - **избавил нас" [Бог щедрот, говорит, той избавил ны есть]**, но здесь приписывает он и молитвам. Так и раба, который должен был десять тысяч талантов, тогда только помиловал господин его, когда тот упал к ногам его, хотя и сказано, что "**умилосердившись, долг простил ему" [милосердовав прости его]** (Мф. 18: 24, 26). Равно и хананейской жене (Господь) не прежде даровал здравие дочери ее, как после долгого и неотступного ее моления и терпения, хотя и по милости только исцелил ее (Мф. 15: 22-28). Отсюда мы научаемся, что

и тогда, когда хотим милости от Бога, должны прежде показать себя достойными этой милости, потому что хотя Он и милостив, однако ищет достойных, и не без разбора разделяет Свои милости всем, даже и ожесточенным. "**кого помиловать**, - говорит, - **помилую, кого пожалеть - пожалею [Помилую, егоже аще помилую, и ущедрю, его же аще ущедрю]** (Исх. 33: 19; Рим. 9: 15). Смотри, что и здесь говорит (апостол): "**при содействии и вашей молитвы за нас" [споспешествующим и вам молитвою]**. Не все и им приписывает, чтобы не довести их до надменности, но и не совсем лишает их заслуги, чтобы возбудить их усердие, сделать их ревностнейшими и привести их в союз любви между собою. Потому и сказал: "вам даровал Бог спасение мое", что часто единодушная и согласная молитва многих преклоняет Бога. Потому и пророку Ионе сказал Он: "**Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек?" [Аз же не пощажду ли града сего, в немже живут множайшии, неже дванадесять тем человек]** (Ион. 4: 11). А чтобы ты не подумал, что только на множество взирает (Бог), говорит: "**Ибо, хотя бы народа у тебя, Израиль, [было] столько, сколько песку морского, только остаток его обратится" [аще будет число Израиля, яко песок морский, останок спасется]** (Ис. 10: 22). Почему же спас ниневитян? Потому что здесь не множество только было, но множество обратившихся к добродетели: "**каждый обратился от злого пути своего" [возвратися во кийждо от пути своего лукаваго]** (Ион. 3: 8), и Спасающий их сказал, что они "**не умели отличить правой руки от левой" [не познаша десницы, ниже шуйцы]** (Ион. 4: 11). Отсюда ясно, что и грешили они прежде более по неведению, нежели по развращению; это оправдывается и тем, что они немногих слов послушались и покаялись. Если же довольно было двенадцати тем для их спасения, то что и прежде препятствовало спасти их? И почему не сказал Бог пророку: "Я ли не пощажу град сей, столь искренно покаявшийся", а выставляет на вид эти десятки тысяч? Ужели напрасно сказано так? Нет! Покаяние их известно было пророку, а число и простота их не были известны. Итак, отовсюду (апостол) старается научить коринфян смиренномудрию, потому что и множество имеет силу только тогда, когда оно соединено с добродетелью.

То же самое и в другом месте подтверждает Писание, говоря: "**церковь прилежно молилась о нем Богу" [молитва же бе прилежна, бываемая от Церкве к Богу о нем]** (Деян. 12: 5). Молитва эта была так сильна, что, несмотря на то, что и двери темницы были заперты, и узы связывали апостола, и с обеих сторон около него спали стражи, извела его из темницы и освободила от всех этих опасностей. Но насколько сильно множество в соединении с добродетелью, настолько же ничтожно, когда оно исполнено нечестия. Так и те израильтяне, о которых говорит пророк (Ис. 10), что "**народа у тебя, Израиль, [было] столько, сколько песку морского" [число их было яко песок морский]**, все погибли. Равно и во дни Ноевы много, даже бесчисленное множество было людей; однако это не принесло им никакой пользы, потому что одно множество само по себе не имеет никакой силы, но сильно только в соединении с добродетелью. Итак, будем тщательно сходиться на молитву и станем молиться друг за друга, как коринфяне за апостолов. Делая это, мы и заповедь исполним, и в любви преуспеем (когда же я называю любовь, то разумею здесь все добродетели), и научимся усерднее благодарить Бога. Ведь кто за благодеяния, оказанные другим, благодарит Бога, тот тем более будет благодарить Его за свои. Так поступал и Давид, который говорит: "**Величайте Господа со мною, и превознесем имя Его вместе" [возвеличите Господа со мною, и вознесем имя Его вкупе]** (Пс. 33: 4). Того же требует везде и апостол. То же и мы должны делать - проповедовать пред всеми благодеяния Божии, чтобы всех возбудить к прославлению Бога. Если, возвещая всем благодеяния, получаемые от людей, мы сильнее располагаем их к себе, то тем более, возвещая всем благодеяния Божии, мы привлечем на себя большее Его благоволение. И если, будучи облагодетельствованы людьми, побуждаем и других благодарить своих благодетелей, то тем более благодарящих за нас должны приводить к

Богу. И если Павел так делает, сам имея великое дерзновение к Богу, то тем более мы должны так делать.

5. Итак будем молить святых, чтобы они благодарили за нас Бога, и сами будем делать то же друг за друга. Правда, это преимущественно долг священников, как дело особенной важности. Приступая к Богу, мы прежде приносим благодарение за вселенную и за общие блага. Если же всех вообще касаются благодеяния Божии, то в числе всех и ты получил спасение. Поэтому, один ли ты получил благодеяние, ты должен благодарить за всех, все ли вместе получили его, справедливо можешь благодарить за себя. Так, хотя Господь и не для тебя одного, а для всех возжег солнце, однако и ты пользуешься им столько же, сколько и все видят, так что и ты обязан такою же благодарностью Богу, какую должны воздавать Ему все вместе. Потому справедливо и ты должен благодарить и за общие благодеяния, равно как и за добродетели других людей, так как и за добродетели других мы получаем многие блага. Так, если бы хотя десять праведников нашлось в городах Содомских, они не потерпели бы того, что потерпели. Потому и за дерзновение, какое другие имеют у Бога, будем благодарить Бога. Это – древний закон, свыше насажденный в церкви. Так и Павел благодарит Бога за римлян, за коринфян и за всю вселенную. Не говори же мне теперь: "Это не мое дело". Хотя бы и не твое было, и тогда ты должен благодарить, потому что это сочлен твой. Притом же ты делаешь его своим посредством (общего) славословия, и, таким образом, становишься участником в наградах, и сам получишь благодать.

Вот почему законы церковные повелевают творить молитвы не только за верных, но и за оглашенных. Так, церковный закон побуждает верующих молиться и за не посвященных еще в таинства веры. Когда диакон говорит: "**о оглашенных усердно помолимся**", он делает не что иное, как возбуждает весь народ верных к молитвам о них, хотя оглашенные еще и чужды верующим, так как не принадлежат еще к телу Христову, еще не имеют общения в таинствах, еще отделены от стада духовного. Если же о них должно молиться, то тем более мы должны молиться о наших членах. Для того и говорит: "**усердно помолимся**", чтобы ты не отринул их как чуждых, не забыл как чужестранцев. Они еще не получили заповеданной и данной Христом молитвы, еще не стяжали дерзновения, но имеют нужду в помощи посвященных в таинства. Они еще стоят вне царских чертогов, далеко от священной ограды. Поэтому они и высылаются, когда приносятся те страшные молитвы. Потому диакон и приглашает тебя молиться за них, чтобы они сделались твоими членами, и не были уже чужестранными и отчужденными: слово "**помолимся**" обращается не к священникам только, но относится вместе и к народу; когда говорит диакон: "**станем добре, помолимся**", то приглашает этими словами всех к молитве. Потом, начиная прошение, говорит: "**да всемилостивый и щедрый Бог услышит моления их**". Чтобы ты не сказал: "К чему нам молиться? Они чужды нам, еще не соединены с нами - как я могу умолить Бога? Как могу преклонить Его, чтобы явил им милость Свою и простил их?", чтобы ты не смущался такими вопросами, смотри как он разрешает твое недоумение, говоря: "**да всемилостивый и щедрый Бог**". Слышишь ли: "**всемилостивый Бог**"! Не сомневайся же более, потому что всемилостивый всех милует – и грешников и друзей. Итак, не говори: "Как за них приступлю к Богу? Сам услышит моления их". В молитве же об оглашенных о чем лучше молиться, как не о том, чтобы им не оставаться навсегда оглашенными? Далее показывает и самый образ молитвы. Какой же? "**Да отверзет уши сердец их**", которые заключены еще и ожесточены. Впрочем, не о чувственных ушах здесь говорится, но об умственных. "Да услышат, чего **не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило на сердце человеку" [Да услышат, яже око не виде и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша]** (1 Кор. 2: 9). Они еще не слышали неизреченных тайн, потому что стоят вдали и отдельно от верных, а если и слышат что, то не разумеют слышанного, поскольку здесь не довольно одного слышания, но требуется

еще и большое разумение; а они не имеют еще внутреннего слуха. Вот почему для них и испрашивается пророческий дар. И пророк так же говорит о себе: "**Господь Бог дал Мне язык мудрых, чтобы Я мог словом подкреплять изнемогающего" каждое утро Он пробуждает, пробуждает ухо Мое, чтобы Я слушал [Бог дает мне язык научения, еже разумети, егда подобает рещи слово**, зане сам отверзает уста мои, даде ми рано, **приложими ухо, еже слышати]** (Ис. 50: 4). Подобно тому, как пророки иначе слышали, нежели другие люди, так и верные иначе слышат, нежели оглашенные. Отсюда и оглашенный научается не от людей ожидать научения и отверзтия слуха ("**не называйтесь**, - говорит, - **учителями [не нарицайте,** говорит**, учителя на земли]** – (Мф. 23: 8), но свыше – с небес: "**И все** … **будут научены Господом [будут вси научены Богом]** (Ис. 54: 13). Потому (диакон) и говорит далее: "**огласит их словом истины**", т.е., чтобы излил истину в сердца их, потому что они еще не знают слов истины так, как должно знать. "**Да всеет страх свой в них**". Однако, этого еще недостаточно, потому что одно семя пало при пути, а другое на камне.

6. А мы не того просим. Мы просим, чтобы как плуг разверзает борозды на тучной земле, так было бы и здесь, т. е., чтобы обновленные приняли в глубину сердца всеянное слово и верно сохраняли все слышанное. Поэтому диакон и присовокупляет: "**и утвердит веру свою в сердцах их**", т. е., чтобы она оставалась не на поверхности, а пустила свой корень в глубину. "**Да откроет им евангелие правды**". Здесь он указывает на двоякое покрывало: одно, которое покрывает умственные их очи; другое, которым закрыто от них Евангелие. Вот почему прежде просил он: "**да отверзет уши сердец их**", теперь же просит: "**да откроет им евангелие правды**", т. е., да соделает их мудрыми и способными к принятию его, да научит их и посеет семена Евангелия. Иначе, хотя они и будут способны, но если Бог не откроет им, не получат от того никакой пользы. И обратно: хотя бы и открыл Бог, но если они не примут открытого, опять угрожает та же опасность. Вот почему мы и просим того и другого - чтобы и сердца отверз, и Евангелие открыл. Так, и царское украшение ничего не представляет для глаз, хотя бы на него и смотрели, если оно закрыто, равно как и наоборот, нет никакой пользы и от того, что оно открыто, если не будут смотреть на него глаза. Но то и другое может быть достигнуто, когда (люди) сами наперед пожелают того. Какое же это "**Евангелие правды**"? То, которое делает людей праведными. Чрез то он возбуждает в них желание крещения, показывая, что это Евангелие не только разрешает от грехов, но и делает праведными. "**Да даст им ум божественный, целомудренный помысл и добродетельное жительство**". Пусть выслушают это те из верных, которые прикованы к житейским заботам. Если для непосвященных еще нам повелевается просить этого, то подумай, каковы должны быть мы, которые просим этого для других? Жизнь наша должна быть сообразна с Евангелием. Вот почему и порядок молитвы от догматов идет к жизни. А именно, сказав: "**да откроет им Евангелие правды**", прибавляет: "**да даст им божественный ум**". Что значит "божественный"? Значит, чтобы Бог обитал в нем, как и говорится: "**и поставлю жилище Мое среди вас** … **и буду ходить среди вас [вселюся в них, и похожду]** (Лев. 26: 12). Когда ум бывает чист, когда совлекается грехов, тогда он делается домом Божиим. Когда же Бог вселяется в него, то уже ничего не остается в нем человеческого. И таким образом он делается божественным, все вещающим от Бога, как дом живущего в нем Бога. Отсюда очевидно, что срамословящий не имеет божественного ума; равно как и любящий веселье и смех. "**Целомудренный помысл**". Что же значит – иметь "**целомудренный помысл**"? Значит – стяжать здравие душевное. Тот, кто одержим наклонностью ко злу и прилепился к настоящим благам, не может быть назван целомудренным, т. е. здравым. И как больной желает и вредного себе, так и этот. "**И добродетельное жительство**" - потому что догматы веры требуют от нас добродетельной жизни. Выслушайте это те, которые приходите к крещению при конце жизни. Мы молимся, чтобы вы после крещения имели и доброе жительство; а ты всячески стараешься, чтобы умереть, не имея добродетельной

жизни. Положим, что ты и получишь оправдание, но одною верою; а мы просим, чтобы ты и делами заслужил дерзновение пред Богом. "**Всегда Божие мыслити, Божие мудрствовати и об угождении Ему пещися**". Целомудренного помысла и добродетельной жизни мы просим тебе не на один день, не на два и не на три, но на целую жизнь, и, как основания всех благ, просим у Бога, чтобы ты угодное Ему мудрствовал. Многие ведь ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу (Филип. 2:21). Как же это может быть? Ведь к молитве должно присоединяться и собственное старание, если мы будем пребывать в законе Его день и ночь. Потому и в прошении далее говорит: "**в законе Его пребывати**". И как выше он сказал – "**всегда**", так и здесь говорит: "**день и ночь**". Вот почему я и стыжусь за тех, которые едва и один раз в год показываются в церкви. В самом деле, какое могут иметь оправдание те, которым заповедано день и ночь не просто заниматься законом, но пребывать, т. е. возрастать и жить в нем, и которые, между тем, даже малейшей части жизни не посвящают на то, чтобы помнить заповеди Его и хранить оправдания Его?

7. Видишь ли, какая здесь превосходная цепь, и как каждое звено ее тесно связано и согласовано с другим крепче и красивее всякой золотой цепи? В самом деле, после прошения о даровании божественного ума, сказывает, как и стяжать его. Как же? Заботясь всегда об угождении Ему. А это как? Путем непрестанного внимания к закону Божию. Как же могут увериться в этом люди? Если будут хранить заповеди Его. Вернее же сказать, от внимания к закону Божию является и соблюдение заповедей, подобно тому как от мудрствования по Боге и стяжания божественного ума рождается забота и попечение об угодном Ему. Каждая из сказанных добродетелей такую имеет силу, что и создает другую и сама созидается от нее, поддерживает другую и сама поддерживается от нее. "**Еще прилежнее помолимся о них**". Так как продолжительное слово обыкновенно утомляет душу, то он опять возбуждает ее. Он намеревается просить чего-то великого и высокого, почему и говорит: "**еще прилежнее помолимся о них**". Чего же именно? Да "**избавит их от всякого злого и несовместного дела"**. Здесь мы просим, чтобы Господь не допустил их впасть в искушение и избавил от всякого навета – телесного и духовного. Потому и присовокупляет еще: "**от всякого** греха диавольского, и от всякого нападения противника", указывая этим на искушения и грехи.

Грех весьма близок к нам, отовсюду окружает нас – и спереди и сзади, и потому легко низлагает нас. Так как выше он говорил о том, что нам должно делать с своей стороны, т. е. пребывать в законе Божием, помнить заповеди Его, хранить оправдания Его, то теперь наконец убеждает, что всего этого недостаточно, если сам Бог не будет присутствовать с нами и помогать нам. "**Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его" [Аще бо не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии]** (Пс. 126 :1); и особенно это невозможно для тех, которые еще подчинены диаволу и находятся под его властью. Вы, посвященные в таинства, знаете уже это. Итак, припомните те слова, которыми вы отрекались владычества диавола, когда с преклонением колен добровольно прибегли к Царю своему, произнося те страшные слова, научающие нас ни в чем и никогда не слушаться диавола. Называет же его противником и диаволом, т. е. клеветником, потому, что он клевещет и на Бога людям, и на нас Богу, и нам самим друг на друга. Так он клеветал некогда Богу на Иова, говоря: "**разве даром богобоязнен Иов?" [еда ту не чтит Иов Господа]** (Иов. 1:10). И опять Иову на Бога: "**огонь Божий упал с неба" [огнь спаде с небесе]** (1:16). Подобным образом он клеветал Адаму на Бога, когда говорил, что отверзутся очи их (Быт. 3: 5). И ныне многим из людей клевещет, говоря: "Не промышляет Бог о мире, но вверил вашу судьбу демонам". Также многим из иудеев клеветал он на Христа, называя его льстецом и волхвом. Может быть кто пожелает знать, как он действует на человека? Когда не находит в человеке ума божественного и души целомудренной; когда человек забывает заповеди Божии и не

хранит оправданий Божиих, тогда диавол уводит его в плен. Так, если бы Адам помнил заповедь, гласящую: " **от всякого дерева в саду ты будешь есть" [от всякаго древа снеси]** (Быт. 2: 16), если бы сохранил повеление, которое говорит: "**в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь" [в онь же аще день снесте, смертию умрете]** (ст. 17), то не потерпел бы того, что потерпел. "**Да сподобит их во время благопотребно бани пакибытия, оставления грехов**". Мы просим и настоящего и будущего; и рассуждаем о купели (крещения), и показываем им в прошении силу ее. В самом деле, прошение дает им ясно разуметь, что дело в возрождении, и что мы, как рождаемся из утробы матери, так возрождаемся от воды, - чтобы кто из них не сказал с Никодимом: "**Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?" [како можем кто родитися стар сый? Еда может внити во утробу матери своея, и паки родитися]** (Иоан. 3: 4). Так как он сказал об оставлении грехов, то далее удостоверяет в истине этого, говоря: "**и одежды нетления**", потому что кто усыновляется Богу, тот, очевидно, уже делается и нетленным. Что же значит: "**во время благопотребно**"? Когда, т. е., готовящийся к крещению хорошо расположил себя, когда с усердием и верою приступает к принятию его, потому что для верующего такое время и есть благопотребное. "**Да благословит входы их и исходы, все житие их**". Здесь дозволяется им просить и телесных благ, как слабым еще в вере. "**Домы их и живущих в них**", т. е. слуг их, сродников и других близких к ним, кого имеют. Все это было в числе наград в ветхом завете, и ничто не казалось столь страшным, как вдовства, бесчадие, преждевременная смерть, голод, неуспех в делах. По этой-то причине церковь на время дозволяет и оглашенным просить телесных благ, понемногу возводя их к совершенству. Так делает и Христос, делает и Павел, приводя на память своим ученикам данные древним благословения. Так Христос говорит: "**Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю" [блажени кротцыи, яко тии наследят землю]** (Мф. 5: 5). А Павел: "**Почитай отца твоего и мать … и будешь долголетен на земле" [чти отца твоего и матерь твою: и будеши долголетен на земли]** (Еф. 6: 2, 3)..

8. "**Да умножив чада их, благословит, и в меру возраста привед, умудрит**". Здесь опять (просит) и телесного и духовного, как еще несовершенным. Далее же только духовного: "**да направит все предлагаемое на пользу им**", не просто предлагаемое, но на пользу. Так, часто предлагается, напр., путешествие, но не приносит пользы; или что-нибудь другое подобное, но так же без пользы. Отсюда они научаются за все благодарить Бога, потому что все направляется к их пользе. После всего этого наконец (диакон) повелевает им восстать. Доселе он держал их как бы поверженными на земле; по испрошении же им вышесказанных благ, когда они и сами получили дерзновение и веру, он восставляет их от земли и повелевает и самим уже приносить молитвы к Богу. Сперва мы просим за них, потом и им повелеваем просить за себя, отверзая им двери молитвы, подобно тому, как детей сперва мы учим говорить, а потом им самим велим за нами говорить. Так мы говорим: "**ангела мирна просите оглашеннии**". Есть ангел мучитель, как говорит Писание: "**посольство злых ангелов" [послание ангелы лютыми]** (Пс. 77: 50). Есть также ангел губитель (2 Цар.24 :16). Поэтому и повелеваем им просить ангела мирного, и вместе научаем их прежде всего искать мира, как союза всех благ, чтобы они были свободны от всякой вражды, всякой брани и всяких распрей. [**Мирна вся прилежаша вам]**, - потому что и тяжкое при посредстве мира делается легким. Вот почему и Христос сказал: "**Мир Мой даю вам**" (Иоан. 14: 27). Подлинно, ничто не доставляет диаволу столь сильнаго оружия, как раздоры, вражды и брани. "**Настоящаго дне мирна и вся дни жизни вашея просите**". Видишь, как опять всю жизнь повелевает проводить добродетельно. "**Христианской вашей кончины**; **а наипаче всего доброго и полезного**", - так как что не хорошо, то и не полезно. У нас другое понятие о полезном, нежели какое имеет большая часть людей. "**Сами себе живому Богу и Христу Его предадите**". Мы еще не требуем от них, чтобы они молились за других, но считаем

достаточным, если они и о себе могут молиться. Видишь ли полноту и совершенство молитвы, объемлющей и догматы веры и правила для жизни? В самом деле, когда говорим о Евангелии, об одежде нетления, о бане пакибытия, то называем все догматы; когда же говорим о божественном разуме, целомудренном помысле и о прочем вышеуказанном, то указываем этим на жизнь. Вслед затем мы повелеваем им преклонить главы в знак того, что молитвы их услышаны, и Бог благословляет их. Подлинно, не человек благословляет, но рукою и устами человека мы подклоняем главы предстоящих Царю небесному, и тогда все взывают: "Аминь". Для чего же все это говорил я? Для того, чтобы научить, что мы должны искать пользы других; чтобы не думали верные, что их нисколько не касаются молитвы об оглашенных. Не стенам же ведь говорит диакон: "**о оглашенных помолимся**". Несмотря на то, некоторые до того несмысленны, безумны и рассеянны, что не только во время молитвы оглашенных, но и во время молитвы верных стоят и разговаривают. Вот отчего у нас все не в порядке, вот отчего все идет к погибели - оттого, что мы и тогда, когда более всего должно умилостивлять Бога, прогневляем Его, и так уходим из церкви. Нам повелевается здесь, в присутствии верных, молить человеколюбца Бога о епископах, о пресвитерах, о царях, о властях, о земле и море, о воздухах, о всей вселенной. Итак, если мы, которые должны иметь дерзновение молиться о других, не молимся и о себе с должным вниманием, то какое будем иметь оправдание, какое извинение? Потому, размысливши обо всем этом, прошу помнить время молитвы, быть возвышеннее духом, отрешаться от земли и воспарять в самые выси небесные, да возможем умилостивить Бога и получить обетованные блага, которых и да сподобимся все мы достигнуть благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 3

"Ибо похвала наша сия есть свидетельство совести нашей, что мы в простоте и богоугодной искренности, не по плотской мудрости, но по благодати Божией, жили в мире" (2 Кор. 1:12).

1. Здесь (апостол) открывает нам еще другое, не только немаловажное, напротив очень важное средство к утешению, могущее ободрить душу, потопляемую бедствиями. Так как он сказал: "Бог **избавил нас**"(**избавил ны есть**), и все дело приписал щедротам Божиим и молитвам коринфян, то, чтобы не сделать чрез это своих слушателей беспечными, если они будут возлагать упование свое только на милосердие Божие и молитвы других, он далее показывает, что и сами (апостолы) немало сделали со своей стороны. На такое участие свое (апостол) и выше указал, когда говорил: "**Ибо по мере, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше**" (**якоже избыточествуют страдания Христова, избыточествует и утешение наше**) (ст. 5). Но здесь он высказывает еще другую свою добродетель. Какую же? Ту, что: "Мы, – говорит, – где ни жили, везде поступали по чистой и искренней совести. А это немало служит к успокоению и утешению нашему, и не только к утешению, но и к другому, что гораздо более утешения, – к похвале". Так говорил (апостол верующим) как для того, чтобы и их научить не упадать духом в скорбях, но радоваться, если только будут иметь чистую совесть, так, отчасти, и для того, чтобы обличить пред ними лжеапостолов. И как в первом послании говорил он: "**Христос послал меня не крестить, а благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова**" (**посла мене Христос благовестити не в премудрости слова, да не испразднится крест Христов**) (1 Кор. 1: 17), и: "**чтобы вера ваша [утверждалась] не на мудрости человеческой, но на силе Божией**" (**да вера ваша не в мудрости человеческой, но в силе Божией будет**) (1 Кор. 2: 5), так и здесь говорит: "**не в мудрости, но благодатию Божиею**". Кроме того, словом

"**не в мудрости**" он намекает и на нечто другое, т. е. не обманом и обольщением; и таким образом посрамляет мирское научение. "**Похвала наша**, – говорит, – **есть свидетельство совести нашей**", т. е., когда совесть наша не имеет причины осуждать нас как преступников, преследуемых за худые дела. "Хотя бы, – говорит, – мы терпели бесчисленные бедствия, хотя бы нам отовсюду угрожали нападения и опасности, для нашего утешения, и не только для утешения, но и для получения венца, достаточно одного свидетельства чистой совести – что мы терпим эти бедствия не какое-нибудь преступление, но за угодное Богу, за добродетель, за истинное любомудрие и за спасение многих". Итак, первое утешение (о котором выше говорил апостол) проистекало от Бога; а это (о котором теперь говорит) от них самих, и было плодом чистой их жизни. Потому-то и похвалою он называет это утешение, что оно было плодом их добродетели. В чем же эта похвала и что свидетельствует нам совесть наша? "**в простоте и богоугодной искренности**" **(Яко в простоте и чистоте**), – т. е., ничего не делали коварно, или лицемерно, или притворно, или из лести, или злонамеренно, или для обмана и обольщения, или по другим подобным побуждениям; но поступали всегда со всякой свободою, простотою, истиною, в чистоте и незлобии сердца, с бесхитростною душою, не имели ничего, что бы нужно было скрывать, ничего зазорного. "**не по плотской мудрости**" **(не в мудрости плоти**), т. е., без коварства и лукавства, без изысканных слов и хитросплетенных умствований – это именно он и называет плотскою мудростью. Итак, чем (лжеапостолы) надмевались, то именно он отвергает и презирает, явно показывая этим, что плотское мудрование недостойно похвалы, и что сам он не только не ищет его, но еще стыдится и отвращается. "**но по благодати Божией жили в мире**" **(но благодатию Божиею жихом в мире)**. Что значит: "**по благодати Божией**"? Значит – премудростью и силою, данными нам от Бога, проявляемыми в чудесах и победе над мудрецами, риторами, философами, царями и народами, несмотря на то, что мы люди грубые и ничего не заимствовали от мирской мудрости. И немаловажное это было утешение и похвала – в сознании, что они действовали не человеческою силою, но совершали все благодатью Божией. "**В мире**". Так было не в Коринфе только, но и по всей вселенной. "**Особенно же у вас**" **(Множае же у вас)**. Что " **Особенно ж у вас** "? – "**По благодати Божией жили**". "У вас мы совершали, – говорит, – больше чудес и знамений, большую соблюдали осторожность и заботились о безукоризненном образе жизни". (Апостол) и это называет благодатью Божией, ей же приписывая и собственные подвиги. Там (в Коринфе) он совершил сверхдолжный подвиг, когда, щадя слабость коринфян, проповедывал у них Евангелие без всякого со стороны их возмездия. "**Мы пишем вам не иное, как то, что вы читаете или разумеете**" **(Не иная бо пишем вам, но яже чтете и разумеваете)** (ст. 13). Так как (апостол) высказывал себе великие похвалы, и, по-видимому, свидетельствовал только сам о себе, что могло показаться неудобным, то он приводит в свидетели того, что говорил, опять самих коринфян. "Пусть, – говорит, – никто не думает, что слова мои самохвальство, неоправданное делами: я передаю вам только то, что вы сами знаете, и, что я не лгу, в том мне свидетелями прежде других должны быть вы. Читая послания наши, вы видите, что в них написано то же самое, что вам известно о нас же на самом деле, и что ваше свидетельство не противоречит нашим посланиям, напротив – то, что вы прежде знали о нас, совершенно согласно с тем, что читаете о нас в посланиях". "**Так как вы отчасти и уразумели уже**" **(Якоже и разумеете нас отчасти)** (ст. 14), т. е., "Вы не по слуху знаете о наших делах, но из самого опыта". Слово же "**отчасти**" (апостол) употребил из скромности. Таков уже у него обычай: лишь только скажет о себе что-нибудь великое, по требованию необходимости (иначе он этого не делает), как тотчас старается смягчить возвышенность слов своих. "**Надеюсь, до конца уразумеете**" **(Уповаю же, яко и до конца уразумеете)** (ст. 13).

2. Видишь ли, как он на бывшем основывает надежду на будущее – и не только на бывшем, но и на силе Божией; не просто выразил уверенность, но все возложил на Бога и

надежду на Него. "**Мы будем вашею похвалою, равно и вы нашею, в день Господа нашего Иисуса Христа" (Яко похваление вам есмы, якоже и вы нам в день Господа нашего Иисуса Христа)** (ст. 14). Здесь (апостол), представляя коринфян участниками и сообщниками в славе его деяний, предупреждает зависть, которая могла родиться в них от прежних его слов. "Похвала моя, – говорит, – принадлежит не мне одному, но от меня переходит и к вам, и взаимно от вас ко мне". Так как он превознес себя, указав на прошедшие свои дела и обещав такие же впредь, то, чтобы слушатели не вздумали упрекать его как человека высокомерного и не увлеклись, как я сказал, чувством зависти, он разделяет с ними славу свою, усвояя и им этот венец похвал. "Если, – говорит, – мы будем действительно таковы, то наша похвала будет и вашей славой, подобно тому, как, наоборот, когда и вы имеете добрую славу, мы радуемся, торжествуем и увенчиваемся". И здесь опять слова (апостола) показывают великое его смиренномудрие – он говорит не как учитель с учениками, а как ученик с равными учениками. Так он умеряет речь свою! И смотри, как он возводит коринфян к высшему и приучает их к любомудрию, когда устремляет мысли к великому дню Господню. "Не сказывайте мне, – говорит, – о настоящем, т. е. о поношениях, оскорблениях, насмешках, которые терпим от многих; земное ничто не важно – ни радости, ни печали, ни порицания, ни похвалы человеческие; но вспоминайте тот страшный и ужасный день, в котором все будет открыто. Тогда и мы прославимся в вас, и вы в нас, если откроется, что у вас были такие учители, которые ничему человеческому не учили, и, ведя жизнь непорочную, не подавали никакого повода к соблазну; а у нас были такие ученики, которые поступали не так, как обыкновенные люди – не колебались, но с готовностью принимали все и ни в чем не противомудрствовали. И ныне открыто это имеющим ум Христов, а тогда откроется всем. Итак, если мы и скорбим ныне, то не малое имеем и утешение, как от доброй совести, так и от ожидаемого тогда откровения. Ныне одна совесть наша знает, что мы во всем поступаем по благодати Божией, как и вы это знаете, и еще узнаете; а тогда и все люди узнают и наши и ваши дела, и увидят, как мы прославляемся друг за друга". Таким образом, чтобы (коринфяне) не подумали, что вся слава от похвалы принадлежит только одному ему, он представляет и им случай к похвалению, и тем отвлекает (их внимание) от настоящих скорбей. И как поступил относительно утешения, сказав: "**утешаемся для вашего утешения" (утешаемся о вашем утешении)**, так и здесь поступает, говоря: "мы хвалимся вами, так же как и вы нами", делая их, таким образом, участниками себе во всем – в утешении, в страданиях и в самом спасении своем, поскольку и это спасение приписывает их молитвам, когда говорит: "**при содействии и вашей молитвы за нас, избавил нас Бог" (споспешествующим и вам молитвою, избавил ны есть Бог**). Так же точно и похвалу свою делает общею (с коринфянами). Как там говорил: "**зная, что вы участвуете как в страданиях наших, так и в утешении" (ведяще зане якоже общницы есте страстем нашим, такожде и утешению)** (ст. 7), так и здесь говорит: "**мы будем вашею похвалою, равно и вы нашею, в день Господа нашего Иисуса Христа. И в этой уверенности я намеревался придти к вам ранее" (похваление вам есмы, якоже и вы нам. И сим упованием хотех к вам приити прежде)** (ст. 15). Какая это "**уверенность**"? "То, – говорит, – что я надеюсь на вас, что вы будете моею похвалою, а я вашею, что я от сердца люблю вас, что я не сознаю в себе ничего худого и уверен, что у вас все духовно, и что свидетелями в этом будете для нас вы". "**Намеревался придти к вам … и через вас пройти в Македонию" (Хотех к вам приити и вами проити в Македонию)**. Но в первом послании (апостол) дал противное этому обещанию: "**Я приду к вам, –** говорит, – **когда пройду Македонию; ибо я иду через Македонию" (прииду к вам** … **егда Македонию прейду; Македонию бо прохожду)** (1 Кор. 16: 5). Итак, почему же он говорит здесь противное? Нет, не противное. Правда, это противоречит тому, что он писал прежде, но не противоречит его желанию. Поэтому он и не сказал здесь: "я писал вами пройти в Македонию", но: "**намеревался**". "Если, – говорит, – я и не так написал, но я все же прежде старался и желал придти к вам; до такой степени, – говорит, – не хотелось мне

придти к вам позже, нежели как обещал, что даже хотел придти ранее". "**Чтобы вы вторично получили благодать" (Да вторую благодать имате)**. Что такое "**вторую благодать**"? Т. е. сугубую – одну от послания, другую от присутствия. "**Благодатью**" же здесь называет он радость. "**И через вас пройти в Македонию, из Македонии же опять придти к вам; а вы проводили бы меня в Иудею. Имея такое намерение, легкомысленно ли я поступил?" (И вами проити в Македонию, и паки от Македонии приити к вам, и вами проводитися во Иудею. Сие же хотя, еда что убо легкотою деях?)** (ст. 16 и 17).

3. Здесь (апостол) уже прямо снимает с себя упрек в замедлении и неисполнении своего обещания придти (к коринфянам). Смысл слов его такой: "Я хотел придти к вам. Почему же не пришел? Не по легкомыслию ли и непостоянству? (А таково значение слов "**легкомысленно ли я поступил?" (еда что убо легкотою деях)**. Нет. Почему же? Потому что, "**что я предпринимаю,** не **по плоти предпринимаю" (яже совещаваю,** не **по плоти совещаваю)**. Что же значит: "не **по плоти**"? Не как плотской человек. "**У меня то "да, да", то "нет, нет?" (Да будет у мене, еже ей ей, и еже ни ни?)**. Но и это еще не ясно. Что же такое он говорит? "Человек плотской, – говорит, – т. е. прикованный только к настоящему, в настоящем всегда живущий и не находящийся под влиянием Духа Божия, может пойти всюду и блуждать, где вздумает; напротив, служитель Духа Божия и им водимый и управляемый, не может всегда быть господином своей воли, завися от власти Духа. С ним бывает то же, что с верным рабом, который только исполняет приказания господина своего, и не имеет власти над собою, и не знает отдыха даже на малое время; он иногда обещает что-либо своим товарищам, но после не исполняет своего обещания, когда оно окажется противным воле господина его". Вот что значат слова (апостола): "не **по плоти предпринимаю" (**не **по плоти совещаваю)**, то есть: "Я нахожусь под управлением Духа Божия, и не имею власти идти, куда хочу: я подчинен власти и повелениям Утешителя, и Его голос руководит и управляет мною. Потому я и не мог придти к вам; это не угодно было Духу Божию. Подобное часто бывало и судя по Деяниям Апостольским (Деян. 16: 6-9): когда апостолы намеревались идти вместе, Дух повелевал им идти в другое место. "Итак, что я не пришел к вам, несмотря на свое обещание, это зависело не от легкомыслия моего или непостоянства, но от Духа, которому я подчинен и должен повиноваться". Видишь ли и здесь обычный образ его умствования? Из того, что, по мнению других, служило доказательством, что он рассуждает по плоти, т. е., что он не исполнил своего обещания, – из этого самого он показывает, что он располагает собою всецело по Духу, совершенно противно предпринимаемому по плоти. "Что же, – скажет кто-либо, – разве (апостол) не по внушению Духа Божия обещался (придти)?" Нет (не по внушению Духа). Я и прежде говорил, что Павел не все предвидел будущее и имеющее совершиться успешно. Вот почему и в первом послании он говорит: "**чтобы вы меня проводили, куда пойду" (да вы мя проводите, аможе аще пойду)** (1 Кор. 16: 6), – конечно, из опасения, чтобы, сказавши "в Иудею", после не быть принужденным отправиться в другое место; здесь же, после того как этого не случилось, говорит уже: "**а вы проводили бы меня в Иудею" (и вами проводитися во Иудею)**. Так как обещание придти к ним (в Коринф) было делом любви его к ним, то он и сказал об этом ясно. А желание его отправиться от них в Иудею нисколько их не касалось; потому он и сказал раньше об этом неопределенно. Но после, когда удостоверился и в этом, говорит здесь уже прямо, что пойдет в Иудею. И это сделано для пользы, чтобы кто-нибудь из них не подумал о нем более надлежащего. В самом деле, если бы (апостолы) не показали в себе никаких знаков немощи человеческой, то до какого бы нечестия могли дойти люди, когда, несмотря и на эти знаки, хотели принести в жертву им волов? И что ты удивляешься тому, что Павел не всегда знал будущее, если иногда не знал и того, о чем лучше молиться? "**Ибо мы не знаем,** – говорит, – **о чем молиться, как должно" (О чесом бо помолимся, яко же подобает, не вемы**) (Рим. 8: 26). И не только это говорит, чтоб показать свою

скромность, но еще указывает и самый случай, когда он не знал, о чем лучше ему надлежало молиться. Когда же он не знал этого? Тогда, как молился об удалении от него искушений. "**Дано мне**, – говорит, – **жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился. Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но [Господь] сказал мне: довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**" (**Дадеся ми пакостник плоти, ангел сатанин, да ми пакости деет. О сем трикраты Господа молих. И рече ми: довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается**) (2 Кор. 12: 7-9). Видишь ли, как не знал (апостол), чего ему лучше надлежало просить? А потому и не получил, хотя и неоднократно молил о том. "**Верен Бог, что слово наше к вам не было то «да», то «нет»**" (**Верен же Бог, яко слово наше, еже к вам, не бысть ей и ни**) (ст. 18). Здесь (апостол) прекрасно разрешает возникавшее возражение. "Если ты, – могли ему сказать, – обещавшись придти к нам, отложил намерение, и у тебя нет "**да да**" и "**нет нет**", напротив, ты впоследствии переменяешь прежде сказанное тобою, как поступил касательно твоего путешествия к нам, – то – горе нам! – не случалось ли того же и в самой проповеди?" Итак, чтобы этого не подумали и не смущались, он говорит: "**Верен Бог, что слово наше к вам не было то «да», то «нет»**". "В проповеди, – говорит, – этого не было, а бывало это только в дороге и путешествиях. В проповеди наши слова всегда верны и неизменны", – "**словом**" же здесь называет он проповедь. Далее представляет неоспоримое доказательство этого, относя все дело проповеди к Богу. Слова его имеют такой смысл: "обещание придти было мое, т. е., я от себя обещал это; проповедь же не мое дело и не человеческое, но Божие; а что от Бога, то недоступно для лжи и обмана. Поэтому и сказал: "**верен Бог**", т. е. истинен. Итак, не заподазривайте того, что происходит от Бога, и в чем нет ничего человеческого". Упомянув же о "**слове**", (апостол) далее присовокупляет и объяснение, о каком слове он говорит.

4. Итак, какое же это "**слово**"? "**Ибо Сын Божий**, – говорит, – **Иисус Христос, проповеданный у вас нами, мною и Силуаном и Тимофеем, не был «да» и «нет»**" (**Ибо Сын Божий, иже у вас нами проповеданный, мною и Силуаном и Тимофеем, не бысть ей и ни**) (ст. 19). Здесь он выводит на сцену и других учителей для того, чтобы этим указанием не на слушателей только, но вместе и на учителей, еще более подтвердить достоверность своего свидетельства. Правда, (те, на кого указывает апостол), были ученики же; но он, по своему смирению, причисляет и их к чину учителей. Что же значит: "**не был «да» и «нет»**? "Я не извращал, – говорит, – смысла первой моей проповеди; не проповедывал вам ныне так, а завтра иначе, потому что это свойственно только заблудившемуся разуму, а не вере. "**Но в Нем было «да»**" (**Но в Нем самом ей бысть**), т. е., слово проповеди остается непоколебимо и твердо". "**Ибо все обетования Божии в Нем «да» и в Нем «аминь», - в славу Божию, через нас**" (**Елика бо обетования Божия, в том ей, и в том аминь, Богу к славе нами**) (ст. 20). Что значит: "**все обетования Божии**" (**елика обетования Божия**)? Много обетований содержит проповедь Евангельская, и о многих обетованиях благовествовали и проповедовали (апостолы). Они говорили и о воскресении, и о восхищении на небо, и о бессмертии, и о великих наградах в будущей жизни и неизреченных там благах. Эти-то обетования (апостол) называет непреложными и говорит, что в них не было – ей и ни. Смысл его слов такой: "Что я вам говорил об этих обетованиях, то не было иногда истинно, а иногда ложно, как мое обещание придти к вам, но всегда истинно". И, прежде всего, защищает догматы веры и слово о Христе, говоря: "И слово мое, и проповедь моя **не было то «да», то «нет» (не бысть ей и ни)**; потом уже самые обетования: "**ибо все обетования Божии в Нем «да»**" (**елика бо обетования Божия, в том ей)**. Если же верны обетования Божии, и нет сомнения, что Бог исполнит их, то тем более верен Он сам, и слово о Нем твердо, и нельзя сказать, что иногда Он есть, иногда же нет Его, но всегда есть, и один и тот же.

Что же значит: "**в Нем «да» и в Нем «аминь» (в том ей, и в том аминь)**? Этими словами он показывает, что обетования Божии непременно сбудутся, поскольку и существование, и исполнение их зависит от Бога, а не от человека. Итак, нечего бояться: обещает не человек, которого можно подозревать в неверности, но Бог, Который говорит и творит. "**В славу Божию, через нас" (Богу к славе нами**). Что значит: "**в славу через нас**"? Он исполнит обетования Свои чрез нас, т. е., изливая благодеяния Свои на нас, к славе Его. Это и значит: "**В славу Божию**". А если исполнение обетований служит к славе Божией, то они непременно исполнятся, потому что Бог не может презреть Своей славы, хотя бы и презрел наше спасение, равно как и в силу беспредельного Его человеколюбия. Кроме того, спасение наше тесно соединено с Его славою, которая открывается в исполнении обетований Его. Итак, если исполнение обетований служит к славе Божией, то, конечно, совершится и наше спасение. То же самое постоянно внушает (апостол) и в послании к Ефесянам, когда говорит: "**в похвалу славы Его**" (Ефес. 1: 14); и везде употребляет такие выражения, желая показать необходимость исполнения обетований Божиих. То же говорит и здесь, т. е., что обетования Божии непреложны, так как исполнение их служит не только к нашему спасению, но вместе и к славе Божией. "Итак, не беспокойся, – говорит, – о том, что обетования эти через нас возвещены, и не сомневайся в верности их исполнения, потому что исполнение их зависит не от нас, а от Бога, Которому они и принадлежат, так как мы возвестили вам не свои, а Его обетования". "**Утверждающий же нас с вами во Христе и помазавший нас [есть] Бог**: и запечатлевший и давший **залог Духа в сердца наши" (Извествуяй же нас с вами во Христа и помазавый нас, Бог**, и запечатлевший и давший **обручение Духа в сердца наши)** (ст. 21, 22). Опять из бывшего утверждает истину будущего. "Если, –говорит, – сам Бог утверждает нас во Христе, т. е., не попускает нам колебаться в вере во Христа, и сам помазал нас и даровал Духа в сердца наши, то как не дарует нам благ, обетованных в будущей жизни? Если он даровал уже начало и основание, корень и источник благ, т. е. истинное познание о Нем и причастие Св. Духа, то как же Он не даст тех благ, которые проистекают отсюда? Подлинно, если и настоящие блага, которыми пользуемся, даны ради тех, которых ожидаем еще, то тем более даровавший эти блага дарует и ожидаемые. И если первые блага Он даровал нам тогда, когда мы были еще врагами Его, то тем более дарует нам вторые, когда мы сделались уже любезными Ему. Потому-то (апостол) и не сказал просто – "Духа", но прибавил – "**залог" (обручение)**, чтобы этим уверить нас в получении всего обещанного Богом. Действительно, если бы Бог не хотел даровать нам всего, что обещал, то не благоволил бы дать и залога, чтобы не потерять его попусту и напрасно. И смотри, какое благомыслие у Павла! "Что еще, – говорит он, – должно сказать в подтверждение того, что истина обетований зависит не от нас, когда и то самое, что вы твердо и непоколебимо стоите в вере, зависит не от нас, но от Бога? **Утверждающий (Извествуяй же) (βεβαιών** – утверждающий) вас, – говорит, – **Бог**, т. е., не мы утверждаем вас, потому что и мы сами имеем нужду в утверждающем. Итак, никто не должен думать, что истина проповеди чрез нас подвергается опасности. Сам (утверждающий нас в вере) все принял на Себя, сам о всем печется".

5. Что же значит: "**помазавший** и запечатлевший"? Значит – даровавший Духа, чрез Которого совершил и то и другое – помазание и запечатление, соделав нас вместе и пророками, и священниками, и царями, потому что в древности были помазываемы получавшие эти достоинства. Но мы ныне имеем не одно которое-нибудь из этих достоинств, но все три, и притом в высшей мере, так как мы и царство надеемся получить, и соделываемся священниками, когда приносим тела наши в жертву Богу, (по наставлению апостола, который) говорит: "**представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу" (представите** члены ваши **жертву живу, благоугодну Богови)** (Рим. 12: 1), наконец мы делаемся и пророками, потому что чего " **не видел глаз, не слышало ухо" (око не виде и ухо не слыша)**, то открыто нам (1 Кор. 2: 9). Но царями

мы можем быть еще и иначе, именно – если будем обуздывать неуместные помыслы. Что такой (обуздывающий свои помыслы) действительно есть царь, и даже более чем облеченный только в диадему, это я теперь же покажу вам. Царь имеет много войска, а мы и более того имеем помыслов. В самом деле, невозможно исчислить необъятного множества помыслов наших. Впрочем, можно видеть не только многочисленность наших помыслов, но и то, что в этом множестве их есть и полководцы, и тысячники, и сотники, и стрелки, и пращники. Что еще отличает царя? Одежды. Но и он (обуздывающий свои помыслы) облекается еще в лучшую и драгоценнейшую одежду, которой ни моль не снедает, ни время не истребляет. Он имеет и многовидный славный венец – венец милосердия Божия, как сказано: "**благослови душе моя Господа … венчающего тебя милостию и щедротами**" (Пс. 102: 1, 4); венец славы – "**славою и честию увенчал Его**" (Пс. 8: 6); венец благоволения Божия – "**благоволением, как щитом, венчаешь его" (яко оружием благоволения венчал еси нас)** (Пс. 5: 13); венец благодатей – "**прекрасный венок для головы твоей" (венец бо благодатей приимеши на твоей главе)** (Притч. 1: 9). Видишь ли, как разнообразно украшена эта диадема, и насколько она великолепнее обыкновенной. Но исследуем тщательнее и глубже принадлежности этих царей. Обыкновенный царь, имея во власти своей копьеносцев, всем им дает повеления, и все они повинуются и служат ему. Но я покажу тебе, что другой царь имеет бóльшую власть. Что касается числа подвластных, то оно у обоих равное, или даже у последнего и больше; остается только рассмотреть покорность (тому и другому оказываемую). Не представляй мне здесь в пример (царей) лишившихся царства, или умерщвленных собственными их телохранителями. Нет, не таких (царей) выведем на сцену, но с той и другой стороны поищем таких, которые благополучно управляли своими царствами. Итак, представь со своей стороны кого угодно, а я всякому, кого ты представишь, противопоставлю одного патриарха (Авраама).

Подумай, какое множество помыслов должно было восстать в душе его, когда ему повелено было принести в жертву сына? Однако все эти помыслы он покорил, и все они повиновались ему с бóльшим страхом, чем какому-нибудь царю его телохранители. Одним взором он укротил все помыслы, так что ни один из них не осмелился показать ни малейшего знака противоречия, но все преклонились пред ним, и покорились ему, как царю, хотя по природе они весьма непокорны и даже неукротимы. Не так страшны острия копий, прямо устремленных многочисленными воинами, как страшны были тогда эти помыслы. Естественная любовь отца к сыну не острее ли самых копий? Потому она могла и уязвлять душу отца гораздо глубже, чем самое изощренное острие копья. Не бывало столь острого копья, как остры были стрелы помыслов, изощряемые в глубине души родительскою любовью к сыну и пронзавшие сердце праведника. Там потребны и время, и намерение, и удар, и чувство мучительной боли, а затем уже следует смерть. Здесь же ничего подобного не требовалось; следовательно, и раны наносимы были несравненно скорее и глубже. Но, несмотря на то, что против него ополчилось тогда такое множество помыслов, в душе его была великая тишина; и все помыслы, предстоя пред ним в стройном чине, более украшали его, нежели устрашали. Итак, посмотри на этого праведника в ту минуту, когда он извлек нож, и противопоставляй ему каких тебе угодно царей – Августов, Кесарей. Ты, верно, не представишь ничего столь высокого, и никогда не найдешь образца столь величественного и столь достойного небес. Этот праведный муж восторжествовал тогда над самовластием самым могущественным, потому что нет ничего самовластнее природы. Поэтому хотя бы ты представил тысячи мужей, которые умертвили тиранов, ты не укажешь нам ни одного подобного мужа. Поистине, это была победа, свойственная ангелу, а не человеку. Смотри. Природа повержена долу со всем ее оружием, со всем воинством; а он твердо стоит, простерши руки не с венцом, но с ножом, который блистательнее всякого венца; и сонмы ангелов рукоплещут ему, и сам Бог с небес провозглашает его победителем. Так как он был гражданином неба, то оттуда же он

получил и провозглашение. Итак, что может быть славнее этого? Или, лучше, что могло бы равняться этой награде? Если бы и на олимпийских играх одержавшего победу не глашатай, стоящий внизу, но сам царь, вверху сидящий, встав, провозгласил победителем, то не почел ли бы он такое провозглашение наградою, блистательнейшею самых венцов, и не обратил ли бы на себя внимания всех зрителей? Скажи же теперь, на какой степени славы и величия должно поставить этого святого мужа, которого не земной царь, но сам Бог с неба во всеуслышание провозглашает победителем, – не на олимпийском зрелище, но на зрелище целого мира, пред сонмами ангелов и архангелов? Если угодно, выслушаем и самое провозглашение. В чем же состояло это провозглашение? – "**Авраам! Авраам! … не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня**" **(Авраме, Авраме, да не возложиши руки твоея на Исаака, ниже да сотвориши ему что: ныне бо познах, яко боишися ты Бога, и не пощадел еси сына твоего возлюбленнаго Мене ради)** (Быт. 22: 12). Что же это значит? Ужели Тот, Который знает все вещи прежде бытия их, только теперь узнал (Авраама)? Ведь и человеку даже была очевидна богобоязненность этого мужа: столько показал он примеров своего повиновения Богу – напр., когда Бог сказал ему: "**пойди из земли твоей, от родства твоего**" **(изыди от земли твоея и от рода** твоего**)** (Быт. 12: 1), когда для Бога и из благоговения к Нему предоставил племяннику своему избрать плодоноснейшую страну, когда избавил его от великих и многих опасностей, когда по повелению Божию не усомнился идти в Египет, и не огорчился, когда там лишился было жены, и во многих других случаях. По этим примерам, как я сказал, богобоязненность (Авраама) мог знать и человек, не только Бог, Который не имеет нужды выжидать самых дел, чтобы видеть их последствия. Притом как же (Бог) и оправдал его, если не знал его? "**Поверил**, – говорится, – **Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность**" **(Верова Авраам и вменися ему в правду)** (Рим. 4: 3).

6. Итак, что же значит: "**теперь Я знаю**" **(ныне познах)**? Сирийский переводчик передает эти слова так: "**теперь ты показал**", т. е. людям. "Я сам, – говорит, – давно знал тебя, еще прежде всех Моих тебе повелений". Но почему же и людям (показал только) теперь? Разве прежние примеры недостаточны были показать его богобоязненность? Без сомнения, достаточны. Но этот последний пример, несомненно, настолько превосходит все прежние, что те в сравнении с ним кажутся ничего не значащими. Итак, "**теперь Я знаю**" сказано с тем намерением, чтобы превознести этот последний подвиг (Авраама) и поставить его выше всех других. Это обыкновенный образ выражения и у многих людей в случаях особенной важности и превосходящих прежние. Например, если кто получит от другого дар, несравненно больше прежних, то он обыкновенно говорит: "Теперь я узнал, что такой-то любит меня", выражая этим не то, чтобы он прежде не знал этого, а желая показать, что настоящий дар более всех (прежде полученных). Так и Бог, беседуя (с Авраамом) человеческим языком, говорит: "**теперь Я знаю**", желая показать не что иное, как превосходство настоящего его подвига, а не то, чтобы в это время только узнал его богобоязненность, или как велика эта богобоязненность. Так и тогда, когда Он сказал: "**сойду и посмотрю**" **(приидите, сошедши узрим)** (Быт. 18: 21), сказал так не потому, чтобы Ему нужно было сходить – ведь Он все наполняет, и все ясно видит – но для того, чтобы нас вразумить, что Он не без причины что-либо определяет. Также, когда Давид говорит: "**Господь с небес призрел**" **(Господь с небесе приниче)** (Псал. 13: 2), то этой метафорой, взятой от людей, означает в Боге точное познание. Так и здесь: "**теперь Я знаю**" для того сказал (Бог), чтобы показать, что этот подвиг выше всех прежних; и в подтверждение этого присовокупляет следующие слова: "**не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня**" **(яко не пощадел еси сына твоего возлюбленнаго Мене ради)**. Не сказал просто – "**сына**", но присовокупляет еще – "**единственного**" **(возлюбленнаго)**. В самом деле, (Авраам) с твердостью подвизался здесь не только против природы, но и против той любви к сыну, которая была особенно велика в нем, как

в силу собственной добродетели, так и в виду многих добродетелей сына. Если же отцы неравнодушно переносят смерть и преступных детей, но и их оплакивают, то кто выразит высоту любомудрия этого отца, который решился заклать собственными руками сына, – сына настоящего, единородного, возлюбленного Исаака? Подлинно, этот подвиг блистательнее целых тысяч диадем и бесчисленных венцов. У того, кто носит обыкновенный венец, может отнять его не только внезапная смерть, но и прежде смерти еще тысячи неблагоприятных обстоятельств; напротив, у того, кто украшен этою необыкновенною диадемою, отнять все и после смерти не может никто – ни свой, ни чужой. Рассмотри же, прошу, и драгоценнейший камень в этой диадеме, потому что наверху она закрепляется как бы драгоценным камнем. Чем же это? Словом: "**Для Меня**" **(Мене ради)**. В самом деле, не то удивительно, что не пощадил сына, но то, что – ради Него. О, блаженная десница! Какой чудный нож ты восприняла? О, дивный нож! Какая чудная десница тебя восприняла? О, дивный нож! На какое употребление ты назначен, какое ты совершил служение, и сколь чудным образом послужил? Как это – и обагрился ты кровью, и не обагрился? Я не знаю уже, что и сказать: так страшно было это таинство! Нож не коснулся тела отрока, не прошел чрез гортань этого святого, не обагрился кровью праведника; а если справедливее сказать, то и коснулся, и прошел, и обагрился кровью, и потоплен был в ней, и не был потоплен. Может быть, вам кажется, что я противоречу сам себе, как потерявший рассудок. И действительно, рассудок мой теряется при размышлении о чуде, случившемся с этим праведником; однако я нисколько не противоречу себе. Действительно, рука этого праведника вонзила уже нож в гортань сына, но рука Божия и вонзенному ножу не допустила обагриться кровью. Не Авраам только держал нож, но и Бог. И тогда как Авраам наносит удар решением воли, Бог останавливает его Своим гласом. Один и тот же глас и вооружил десницу праведника и удержал ее, и рука, управляемая Богом, как бы вождем, все делала по Его мановению, и во всех движениях повиновалась Его гласу. Смотри, в самом деле: Бог сказал: "заколи" – и она тотчас вооружилась; сказал: "не заколай" – и она тотчас отлагает оружие. Так искусно устроено было все. Таким образом, Бог показал в нем всему миру – вождя и воина, сонмам ангелов – венценосного священника, царя, увенчанного диадемою, или лучше сказать – ножом, с победным знамением в руке, героя, победителя без сражения. Подобно тому, как какой-нибудь военачальник, выставив вперед искусного и мужественного воина, одним вращением оружия, одним видом и быстротою движения его часто приводит в страх врага своего, так и Бог одним только произволением, одним только видом и положением праведника поразил и обратил в бегство всеобщего нашего врага диавола, который, я думаю, тогда бежал в страхе и ужасе. "Но, –скажет кто-нибудь, – почему же Бог не попустил деснице праведника обагриться кровью (сына), чтобы тотчас воскресить закланнаго?" Потому что Богу несвойственно принимать такие кровавые жертвы: они служат трапезою только для проклятых демонов. Здесь же (в жертвоприношении Авраамовом) открылись вместе – и человеколюбие Владыки, и верность раба. Прежде (Авраам) вышел только из земли своей; а теперь отказался даже от своей природы. Потому-то и получил сверх сына еще и другое несравненно большее, – и весьма справедливо. В самом деле, он решился не называться отцом, лишь бы перед Богом явиться верным рабом, и за это не только остался отцом, но сделался еще и священником. И так как он отказался от своего для Бога, за это и Бог, возвратив, что было его, даровал ему и Свое. Притом, когда враги строят козни праведникам, Бог попускает дойти искушениям до самого дела и тогда творит чудеса, – так было, напр., в печи вавилонской и во рве львином; когда же сам повелевает им что-либо, то повеление Его останавливается на готовности их исполнить его.

7. Скажи же теперь, чего еще недоставало к этой доблести? В самом деле, разве Авраам предвидел, что будет? Разве мог предугадывать человеколюбие Божие? Правда, он был пророк, но и пророк не все знает. Иначе, заклание (Исаака) было бы излишне и

недостойно Бога. Если же ему нужно было узнать, что Бог силен воскресить и из мертвых, то это он гораздо убедительнее узнал в разрешении неплодия Сарры, или даже еще прежде этого примера, потому что веровал. Ты же должен не удивляться только этому праведнику, но и соревновать ему. Видя, как он во время такого великого возмущения и обуревания волн плывет как бы при ясной и тихой погоде, и ты, подобно ему, возьми в руки кормило послушания и мужества. Не о том только рассуждай, что он устроил жертвенник и приготовил дрова, но вспомни и то, что говорил ему сын его, и размысли, сколько страшных полчищ устремилось на него, когда он, отец, услышал от сына слова: "**где же агнец?" (где овча?)** (Быт. 22: 7). Подумай, сколько тогда восстало на него помыслов, вооруженных не железом, но огненными копьями, которые поражали и пронзали сердце его со всех сторон? Если и теперь многие, даже не будучи отцами, сокрушаются об этом и проливают слезы, не зная, чем кончилось это дело; многие же, и зная это, плачут, как я вижу, то какие страдания должен был вытерпеть тот, который родил, воспитал и, будучи уже в старости, имел только одного этого сына, которого теперь видит пред собою, слышит эти слова, и готовится тотчас умертвить? С другой стороны, какое благоразумие в словах (сына)! С какой кротостью он выслушивает ответ (отца)! И кто же тут действовал? Неужели диавол, чтобы еще более разжечь сердце (Авраама)? Нет, тут действовал Бог, чтобы еще более испытать и очистить златую душу этого праведника. Когда говорила жена Иова, тогда действовал диавол, потому что таков был совет (Иов. 2: 9). Но Исаак не произнес ни одного богохульного слова; напротив, все говорил весьма благочестиво и благоразумно. Необыкновенно трогательны были слова его, и как мед сладкие истекали из его спокойной и кроткой души. Каменное сердце могли смягчить такие слова; но они нисколько не тронули и не поколебали того адаманта (Авраама). Он не сказал: "Для чего ты называешь отцом того, кто немного спустя не будет твоим отцом; того, кто лишился уже этой чести?" Но для чего сын спрашивает (отца)? Конечно, не просто из любопытства и не по излишней любознательности, но потому, что и он заботился об исполнении предпринятого (жертвоприношения). Он так рассуждал с собою: "Если бы отец не хотел сделать меня участником (жертвоприношения), то не оставил бы рабов при подошве горы, а меня не взял бы одного (на гору)", вот почему он и спрашивает отца тогда, когда они были одни, и никто не мог слышать их разговора. Вот как благоразумен был этот сын! Мужи и жены, не воспламеняется ли сердце у всех вас? Не каждый ли из вас мысленно готов обнять и облобызать этого отрока? Кто из вас не дивится его благоразумию и не изумляется той благоговейной покорности его, по которой он и в то время как (отец) связывал его и возлагал на дрова, не испугался, не вскочил, не стал обличать отца, как бы сумасшедшего; напротив, позволил ему связать себя, вести и возложить на дрова, и все это перенес молча, как какой-нибудь агнец, или – лучше – как общий всех Владыка? И действительно, Исаак подражал Ему в послушании и кротости, и был образом Его: "**как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен" (яко овча на заколение ведеся и, яко агнец пред стригущим его, безгласен)** (Ис. 53: 7). Правда, отрок этот говорил; но говорил также и Владыка его. Как же он был безгласен? То есть ничего не говорил дерзко и грубо, но все так скромно и уступчиво, что слова его более, чем молчание, обнаруживали покорность и кротость его. Точно также и Христос хотя ударившему Его в ланиту и сказал: "**если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?" (аще зле глаголах, свидетельствуй о зле; аще ли добре, что Мя биеши?)** (Иоан. 18: 23), но этими словами еще более обнаружил Свою кротость, чем, если бы промолчал. И как Исаак произносил имя отца у жертвенника, так и Христос с креста взывал, говоря: "**Отче! прости им, ибо не знают, что делают" (Отче, отпусти им: не ведят бо что творят)** (Лук. 23: 34). Что же патриарх? "**Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой**" (Быт. 22: 8). Оба они произносят естественные имена, один – отца, другой – сына. Жестокая война и сильная буря поднимается с обеих сторон, а кораблекрушения нет ни на которой из них. И это потому, что всем управляет любомудрие. Потом, лишь только услышал Исаак имя Бога,

ни слова уже не говорил более, чтобы не любопытствовать напрасно. Так благоразумен был этот отрок в самом цвете возраста! Итак, видишь, сколько воинств и в скольких сражениях победил этот царь? Подлинно, варвары, часто нападавшие на Иерусалим, не были так страшны для этого города, как (для Авраама) помыслы, отовсюду на него восставшие. И, однако, он восторжествовал над всеми ими. Желаешь ли видеть в нем и священника? Доказательство не далеко. В самом деле, когда ты видишь его с огнем и ножом в руках стоящим у жертвенника, почему после этого будешь сомневаться в его священстве? Если хочешь видеть и жертву, им принесенную, можешь видеть – даже сугубую. Он принес сына, принес и овна, а прежде всего – свою волю. Кровью овна он освятил свою десницу, а закланием сына – свою душу. Таким образом, он рукоположен во священника кровью единородного и принесением в жертву агнца, подобно тому, как и (подзаконные) священники освящаемы были кровью (жертв) приносимых Богу. Желаешь ли, наконец, видеть (в Аврааме) и пророка? "**Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался**", – говорит (Христос) (Иоан. 8: 56). Так точно и ты в купели крещения соделываешься царем и священником и пророком: царем – повергнув долу все злые дела и умертвив греховные пожелания; священником – через посвящение себя Богу, чрез принесение тела своего в жертву Ему и чрез духовное заклание самого себя, (по словам апостола, который) говорит: "**если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем**" (2 Тим. 2: 11); наконец, соделываешься и пророком, – так как познаешь будущее, делаешься богодухновенным и запечатленным. Подобно тому, как воины запечатлеваются печатью, так и верующие – Духом Святым, чтобы всякому ты был заметен, если выйдешь из строя. Иудеи имели печатью обрезание, а мы – "**залог Духа" (обручение Духа)**. Итак, узнав это и размыслив о высоком достоинстве, полученном нами в крещении, покажем в себе жизнь, достойную этой благодати, чтобы получить нам и будущее царство, которого все мы да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 4

"Бога призываю во свидетели на душу мою, что, щадя вас, я доселе не приходил в Коринф" (2 Кор. 1:23).

1. Что ты говоришь, блаженный Павел? Щадя их, не пришел ты в Коринф? Нам кажется, что, говоря так, ты противоречишь самому себе. Выше ты сказал, что не пришел потому, что ничего не предпринимаешь по плоти, не имеешь власти над собою, но идешь туда, куда велит тебе Святый Дух. Притом, как на препятствия к этому, указывал ты и на скорби свои. А теперь говоришь, как будто не придти зависело от тебя, а не от власти Духа. "**Щадя вас**, – говоришь, – **доселе (ктому) не приидох в Коринф**". Что же должно сказать на это? Или то, что и это самое случилось по воле Духа, который тогда, как (апостол) хотел идти, внушил ему отложить это путешествие, представляя необходимость щадить их; или он говорит о другом путешествии, и этим дает им знать, что он хотел идти к ним еще прежде, нежели написал первое послание, но удержался от этого по любви к ним, чтобы не застать их не исправившимися. Впрочем, вероятно и то, что (апостол) по той же причине после и сам решился остаться на месте, когда писал второе послание, хотя Дух уже и не удерживал его идти. И такое предположение гораздо вероятнее, т. е., что вначале его удерживал Дух, а после и сам он остался, рассудив, что так будет лучше. А ты смотри, как (апостол) опять упоминает о себе, – чего замечать я не перестану, – извлекая для себя защиту из самых нареканий, какие бы могли ему сделать. Коринфяне могли возыметь подозрение и сказать ему: "Ты возненавидел нас, потому и не хотел к нам придти". (Предупреждая такое подозрение, апостол) представляет противную причину, почему не пришел, именно – ту, что любил их. Что же значит: "**щадя вас**"? "Я слышал, –

говорит, – что некоторые из вас блудодействовали; потому и не хотел придти к вам, чтобы не опечалить вас. Находясь у вас, я бы был поставлен в необходимость сам разбирать и исследовать это дело и многих наказать. Итак, я почел за лучшее не быть у вас, чтобы дать вам время раскаяться, нежели, пришедши к вам, наказывать вас, и самому понести от вас еще большую скорбь". Эту мысль он ясно изложил под конец послания, когда сказал: "**чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и [чтобы] не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали" (боюся, еда како пришедша мя смирит Бог мой у вас, и восплачуся многих прежде согрешших, и не покаявшихся о нечистоте и блуждении, яко содеяша)** (12: 21). То же разумеет он и здесь, и хотя говорит это как бы в оправдание себя, но вместе с тем сильнейшим образом обличает и устрашает их самих. (Самым оправданием себя пред ними) он дает им разуметь, что они подлежат еще наказанию, и могут что-нибудь потерпеть, если не поспешат исправиться. И это опять он высказывает в конце послания, говоря: "**когда опять приду, не пощажу" (аще прииду паки, не пощажду)** (13: 2). Различие только в том, что в конце послания говорит об этом прямо, а здесь – как еще в начале послания – не так открыто и с некоторым снисхождением, и даже мало того, далее смягчает и поправляет и этот образ выражения. В самом деле, так как (апостол) сказал, как прилично говорить только имеющему великую власть, – а щадить других может только тот, кто властен их и наказывать, – то, чтобы смягчить и несколько прикрыть то, что могло казаться резким, он говорит далее: "**не потому, будто мы берем власть над верою вашею" (не яко обладаем верою вашею)** (ст. 24), – т. е.: "когда я сказал, что, щадя вас, не пришел, то сказал так не потому, чтобы хотел властвовать над вами". Не сказал даже – "над вами", но – "над **верою**", что и гораздо благосклоннее, и согласнее с истиною. Ведь не желающего верить кто властен принудить к вере? "**Но мы споспешествуем радости вашей" (Но споспешницы есмы вашей радости)**. "Так как ваша радость, –говорит, – есть вместе и наша, то я не пришел к вам, чтобы не ввергнуть вас в уныние, и тем не увеличить своей печали; и остался для того, чтобы дать вам случай радоваться своему исправлению только от (заочной моей) угрозы. Мы все делаем для вашей радости и только о ней и заботимся, потому что и мы сами имеем общение в ней". "**Ибо верою вы тверды" (Верою бо стоите)**. Смотри, с какою опять осторожностью говорит он. Он опасается снова упрекать их, потому что достаточно сильно уже обличил их в первом послании, и они после того показали уже некоторую перемену (в жизни). Если бы и после этой перемены они услышали те же упреки, какие и прежде, то это могло бы погубить их. Вот почему настоящее послание и написано с большею легкостью, чем первое. "**Рассудил сам в себе не приходить к вам опять с огорчением" (Судих же в себе, не паки скорбию к вам приити)** (2: 1). Слово "**опять" (паки)** показывает, что (апостол) уже огорчен был (коринфянами), и, по-видимому, защищаясь перед ними, он незаметно упрекает их же самих. Представь же, как велика должна была быть скорбь (апостола), если уже раз огорчили его и опять готовы были огорчить. Но он не говорит им прямо: "вы огорчили меня", а дает понять им это другими словами, именно говоря: "я не пришел к вам для того, чтобы не огорчить вас". Это равносильно тому, что я сказал, между тем было удобоприемлемее и удобовыносимее. "**Ибо если я огорчаю вас, то кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною?" (Аще бо аз скорбь творю вам, то кто есть веселяяй мя, точию приемляй скорбь от мене?)** (ст. 2). Какая тут последовательность? Очень большая. В самом деле, смотри. "Не хотел, – говорит, – придти к вам, чтобы не огорчить вас новыми упреками, негодованием и отвращением". Далее, так как и это было очень резко, и уличало (коринфян), будто они образом своей жизни огорчают Павла, то он, желая смягчить сказанное, говорит: "**Ибо если я огорчаю вас, то кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною?**" Смысл же слов его такой: "Если мне довелось испытать и огорчения, когда я принужден был упрекать вас и видеть вашу скорбь от того, то и это самое доставило мне радость. Это именно было признаком

величайшей ко мне любви вашей, когда я так много значил для вас, что и одно негодование мое могло уязвлять вас".

2. И заметь мудрость (апостола). Ученики обыкновенно досадуют и скорбят, когда их упрекают, а он представляет эти упреки как благодать какую для них. "Никто, – говорит он, – так не радует меня, как тот, кто уязвляется от слов моих, и скорбит, видя меня огорченным". Правда, следовало бы сказать так: "Если я опечаливаю вас, то кто же может обрадовать вас?" Но он не говорит этого, а, желая исправить их, говорит обратное: "Хотя я и заставляю вас скорбеть, но вы, уязвляясь скорбию от моих слов, доставляете мне великую радость". "**Это самое и писал я вам" (И писах вам сие истое)** (ст. 3). Что же такое? "То, что я не пришел, именно щадя вас". Когда же (апостол) писал об этом? Разве в первом послании, когда говорил: "**не хочу видеться с вами теперь мимоходом" (не хощу вас ныне в мимохождении видети)** (16: 7)? Нет, а я думаю, что в том же послании, когда сказал: "**чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой" (да не паки пришедша мя смирит Бог мой у вас)**. Итак, "**Это самое**, – говорит, – **и писал я вам**, в конце послания, **чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и [чтобы] не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде" (да не паки пришедша мя смирит Бог мой, и восплачуся многих прежде согрешших)** (12: 21). Для чего же ты писал? "**Дабы, придя, не иметь огорчения от тех, о которых мне надлежало радоваться: ибо я во всех вас уверен, что моя радость есть [радость] и для всех вас" (Да не пришед скорбь прииму, о нихже подобаше ми радоватися, надеяся на вся вы, яко моя радость всех вас есть)** (2: 3). Так как (апостол) сказал: "Я радуюсь, когда вы скорбите", а эти слова могли еще показаться слишком тяжкими и жестокими, то он опять выразил то же самое иначе, и последующими словами сделал сноснее сказанное. "Я для того, – говорит, – прежде написал вам, чтобы, к прискорбию моему, не найти вас не исправившимися. И когда я сказал: "**дабы … не иметь огорчения" (да не скорбь прииму**), то сказал так, имея в виду не свою, но вашу пользу. Я уверен, что вы радуетесь, если видите меня радующимся, и сами исполнитесь печали, когда увидите меня печальным". Смотри теперь, какую тесную связь имеет все сказанное. Теперь для нас будут понятны слова его. "Для того, –говорит, – не пришел я, чтобы не опечалить вас, если найду еще не исправившимися. Поступил же так, имея в виду не свою, но вашу пользу. От вашего огорчения я получаю немалое удовольствие, когда вижу, что вы так обо мне заботитесь, что и сами скорбите, и печалитесь, когда видите меня скорбящим: "**кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною?" (кто бо есть веселяяй мя, точию приемляй скорбь от мене?)** Однако, несмотря и на такое расположение моего духа, я, поскольку ищу вашей пользы, "**это самое и писал я вам … дабы не иметь огорчения" (писах вас сие истое, да не скорбь прииму)**, и в этом случае опять ища не своей, но вашей пользы. Я ведь знаю, что вы сами будете скорбеть, увидев меня скорбящим; равно как, наоборот, возрадуетесь, когда увидите меня радующимся". Смотри же, какое здесь благоразумие. Прежде он сказал: "Я не пришел, чтобы не огорчить вас, хотя, – говорит, – я и радуюсь". Потом, чтобы не подумали, что он радуется только их огорчению, говорит: "Потому я радуюсь, что еще имею место в сердцах ваших. Иначе я бы сугубую понес скорбь – и оттого, что был бы принужден огорчить упреками вас, которые столько любите меня, и оттого, что сам бы скорбел, чем увеличил бы еще более и вашу скорбь". Смотри же теперь, как с похвалою сказал и эти слова: "**о которых мне надлежало радоваться" (о нихже подобаше ми радоватися)**. Они свидетельствуют об искренности его и великой любви к ним. Так мог бы сказать какой-нибудь отец к детям, для которых он делал много добра и много потрудился. "Итак, – говорит, – если я только пишу и не иду к вам сам, то не иду потому, что устраиваю что-нибудь лучшее о вас, а не по ненависти к вам, не потому, чтобы отвращался вас, но потому, что очень люблю вас". Далее, чтобы ввиду слов, что кто скорбит, то радует его, не сказали ему: "Так ты заботишься только о том, чтобы тебе самому радоваться и показать всем, какую великую ты имеешь у нас силу?",

он присовокупил следующее: "**От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам" (от печали бо многия и туги сердца написах вам многими слезами, не яко да оскорбитеся, но любовь да познаете, юже имею изобильно к вам)** (ст. 4).

Что может быть любвеобильнее этой души? Этими словами (апостол) показывает, что он скорбел о согрешивших не только не менее, напротив, даже гораздо более, чем скорбели сами согрешившие. Он не просто говорит – "от печали", но – "**от великой скорби**"; не слезами только, но – "**многими слезами** и **от стесненного сердца (от туги сердца)**", т. е.: "Я был угнетаем и подавляем печалью, и, будучи не в состоянии вынести этого облака печали, я решился писать к вам, – не для того, впрочем, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, – говорит, – какую я в избытке имею к вам". Надлежало бы сказать так: "Не для того, чтобы оскорбить вас, но чтобы исправить", потому что для этого (апостол) и писал; но он не говорит так, а, желая сделать речь более приятною и крепче привязать их к себе, он, вместо напоминания об исправлении, уверяет их в любви своей, по которой все делает. И не просто говорит: "Имею к вам любовь", но: "**любовь, какую я в избытке имею к вам" (юже имам изобильно к вам)**. Желает и этим привлечь их к себе, показав, что он более всех любит их, и расположен к ним, как к избранным ученикам. Потому-то он и прежде говорил: "**если для других я не Апостол, то для вас Апостол" (аще иным и несмь апостол, но обаче вам есмь)** (1 Кор. 9: 2); и в другом месте: "**хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов" (аще бо и многи пестуны имате, но не многи отцы)** (1 Кор. 4: 15); или еще: "**по благодати Божией, жили в мире, особенно же у вас" (благодатию Божиею жихом в мире, множае же у вас**" (2 Кор. 1: 12); и ниже (в конце настоящего послания) пишет: "**чрезвычайно любя вас, я менее любим вами" (и излишше вас любя, меньше любим есмь)** (12: 15); наконец и здесь говорит: "**любовь, какую я в избытке имею к вам" (юже имам изобильно к вам)**.

3. Таким образом, хотя слова (апостола) и полны были гнева, но этот гнев происходил от великой любви и скорби. "И пиша послание, – говорит, – я страдал и скорбел не о том только, что вы согрешили, но и о том, что я поставлен был в необходимость огорчить вас, и все это от любви, – подобно отцу, который, будучи поставлен в необходимость отсекать или прижигать гнилые члены у любимого сына, вдвойне страдает – и оттого, что сын болеет, и от необходимости самому отсекать. Таким образом, что вы почитаете признаком недоброжелательства к вам, служит признаком величайшей к вам любви. Если же огорчить вас меня побуждала любовь, то тем более радоваться – ваша скорбь". Итак, защитив себя (он и часто так защищается, и не стыдится этого, потому что если и Бог это делает, говоря напр.: "**Народ Мой! Что сделал Я тебе?" (людие Мои, что сотворих вам)** (Мих. 6: 3), – то тем более мог делать это Павел), – итак, защитив себя самого, (апостол) переходит теперь к защищению впадшего в блудодеяние. Так как (апостол) сам же прежде изъявил гнев на него, а теперь требует простить его, то, чтобы не перетолковали в худую сторону его повеление как противоречащее первому и не стали упорствовать – смотри, каким образом предуготовил их к этому как вышесказанным, так и нижеследующим. Что именно он говорит далее? "**Если же кто огорчил, то не меня огорчил" (Аще ли кто оскорбил, не мене оскорби)** (ст. 5). Сначала похвалив их за то, что они имеют с ним одни радости и одни скорби, и, сказав наперед: "**моя радость есть радость и для всех" (всяко моя радость всех вас есть)** (ст. 3), (апостол) начинает после этого уже речь о кровосмеснике. "Если, – говорит, – радость моя есть вместе и ваша радость, то вы должны и теперь вместе со мною радоваться, точно так же, как и тогда вместе со мною скорбели. Как тогда своею скорбью вы доставили мне удовольствие и радость, так и теперь сделаете то же вашей радостью, если только примете участие в моей радости". (Апостол) не сказал: "Моя скорбь есть скорбь и для всех вас", но он высказал то же в других местах другими

словами, а здесь упомянул только о том, что было нужно, именно о радости, сказав, что "**моя радость есть радость и для всех вас**". Вслед за этим он напоминает и прежде сказанное им, говоря: "**Если же кто огорчил, то не меня огорчил, но частью, - чтобы не сказать много, - и всех вас" (аще ли кто оскорбил, не мене оскорби, но отчасти, да не отягчу всех вас)**. "Знаю, – говорит, – что и вы со мною огорчились и вознегодовали на впадшего в блудодеяние, и что случай этот отчасти огорчил всех вас. Впрочем, "**отчасти**" сказал я не потому, что ваше огорчение было меньше моего, но чтобы не отягчить впадшего в блудодеяние. Итак, не меня только огорчил он, но и вас в равной мере, и я только по снисхождению к нему сказал – "**отчасти**". Видишь, как скоро (апостол) смягчил гнев их, сказав, что и они были общниками в его скорби? "**Для такого довольно сего наказания от многих" (Довольно бы таковому запрещение сие, еже от многих)** (ст. 6). Не говорит: "впадшему в блудодеяние", но опять, как и в первом послании: "**таковому**", хотя и по другой уже причине; тогда говорил так по отвращению от соделанного греха, а здесь по снисхождению к согрешившему. Здесь он совсем не упоминает о содеянном грехе, потому что время уже было защищать виновного. "**Так что вам лучше уже простить его и утешить, дабы он не был поглощен чрезмерною печалью" (Темже сопротивное паче вы да даруете и утешите, да не како многою скорбию пожерт будет таковый)** (ст. 7). (Апостол) повелевает здесь не только разрешить положенное наказание, но и возводит виновного в прежнее его состояние, потому что если кто, наказавши виновного, просто отпускает его, без всякого утешения, то не делает ему никакой пользы. Но смотри опять, как (апостол) удерживает и виновного, чтобы он, получив прощение, не сделался хуже. Он показывает ему, что хотя он и исповедал свой грех и раскаялся в нем, однако получает прощение не столько за раскаяние, сколько по милости и снисхождению, почему и говорит: "**Так что вам лучше уже простить его и утешить" (да даруете и утешите)**. Это же видно и из дальнейших слов. "Не потому, – говорит, – разрешаю простить виновного, что он достоин этого, или что он показал достаточное раскаяние; но потому, что он слаб", – почему и присовокупил: "**дабы он не был поглощен чрезмерною печалью" (да не како многою скорбию пожерт будет таковый**). Говоря так, (апостол) свидетельствует и о великом раскаянии виновного, и не допускает его дойти до отчаяния. Что же значит: "**дабы он не был поглощен" (пожерт будет)**? Или то, что он поступит так же, как Иуда, или, что, оставшись жить, сделается еще хуже. "Хотя, – говорит, – он и не таков, чтобы не мог более переносить скорби продолженного наказания, но, потеряв терпение и надежду, легко может посягнуть на свою жизнь, или предаться, в конце концов, большему нечестию. Поэтому нам нужно быть осмотрительными, чтобы рана не сделалась более тяжкой и чтобы неумеренностью (в наказании) не погубить того, что уже сделали доброго".

Говоря так, (апостол), как я и прежде заметил, хотел и обуздать и вразумить (виновного), чтобы он, получив прощение, не сделался еще нерадивее. "Я принял его, – говорит, – (в прежнее мое расположение) не потому, чтобы он совершенно очистился от скверны, но боясь, чтобы он не сделал чего-нибудь хуже". Отсюда мы научаемся, что меру покаяния надобно назначать не только по свойству грехов, но и сообразуясь с расположением и состоянием самих грешников. Так и тогда поступил апостол, так как и его устрашила слабость грешника. Потому он и сказал: "**дабы он не был поглощен" (да не пожерт будет)** – как бы зверем каким-нибудь, или волнами, или бурею. "**И потому прошу вас" (Тем же молю вы)** (ст. 8). Не повелевает уже, но просит, – не как учитель, но как равный, и, предоставив им восседать на судейском седалище, сам стал на месте защитника. Так как он достиг уже, чего хотел, то от радости не знал меры своему смирению. О чем же ты просишь, скажи мне? "**Оказать ему любовь" (Утвердите к нему любовь)**, – т. е.: "С крепкою любовью, а не просто и как случилось, примите его". Говоря это, (апостол) опять усваивает им величайшую добродетель. Те самые, которые прежде так любили согрешившего и так защищали его, что даже гордились этим, до такой степени

отвратились от него, что Павлу стоило великого труда заставить их принять его с крепкою любовью. Вот похвальное качество в учениках, вот совершенство в учителе – когда ученики так послушны, а учитель образует таких (послушных учеников). Если бы и ныне так было, то согрешающие не были бы так нечувствительны к своим грехам. И никого не должно ни безрассудно любить, ни отвращаться без причины. "**Ибо я для того и писал, чтобы узнать на опыте, во всем ли вы послушны" (На сие бо и писах** вам, **да разумею искусство ваше, аще во всем послушливы есте)** (ст. 9), т. е., не только в отсечении согрешившего, но и в присоединении его. Видишь, как и здесь опять (апостол) поставляет их в необходимость решиться на этот подвиг? Как тогда, когда (виновный) согрешил, (апостол) представил им, какая опасность грозит им, если они не отсекут его, сказав, что "**малая закваска квасит все тесто" (мал квас все смешение квасит**) (1 Кор. 5: 6), и многое другое, так точно и здесь опять представил им всю опасность непослушания. "Подобно тому, как прежде, – как бы так говорил, – я должен был заботиться не о нем только, но и о вас, так и теперь не столько забочусь о нем, сколько о вас, чтобы кто не почел вас за людей упорных, бесчеловечных, и не во всем послушных". Поэтому и говорит: " **Ибо я для того и писал, чтобы узнать на опыте, во всем ли вы послушны**". То (удаление виновного из общества) могло показаться и делом ненависти и жестокости, а это (принятие его в любовь) особенно докажет искренность послушания, а вместе и готовность к делам человеколюбия.

В том и заключается признак добрых учеников, что они повинуются своему учителю не только в первом (его требовании), но и тогда, когда он повелевает и обратное (этому требованию). Потому-то (апостол) и сказал: "**во всем**", желая показать, что коринфяне в случае непослушания постыдят не столько его, сколько себя, заслужив славу непокорных. Делает же это он для того, чтобы и этим побудить их к послушанию, почему и говорит: "**Я для того и писал вам" (на сие бо и писах вам)**. Хотя он и не для того писал, так как главная цель его была спасение согрешившего, однако говорит "**для того**", чтобы тем более расположить их в пользу виновного. Впрочем, этим он и себе не вредит в достижении главной цели, и коринфянам делает приятное. Словами же "**во всем**" он напоминает им о первом их послушании и выставляет его здесь на вид с намерением похвалить их. "**А кого вы в чем прощаете, того и я" (Ему же аще что даруете, и аз)** (ст. 10). Видишь, как опять унижает себя перед ними, поставляя их на первом месте, а себя на втором; и все это для того, чтобы смягчить ожесточенные души и преклонить грубые сердца. Затем, чтобы не подать повода думать, что все дело предоставлено их власти, и чтобы они не стали упорствовать в прощении (виновного), опять побуждает их к этому, говоря, что и сам он даровал ему прощение. "**Ибо и я, если в чем простил кого, простил для вас" (Ибо и аз, аще что даровах, еже даровах, вас ради)**. "И это самое, – говорит, – сделал я для вас". И в первый раз, когда повелевал отсечь виновного, он не дал им власти простить его, сказав: "**уже решил … сделавшего такое дело … предать сатане" (уже судих предати таковаго сатане)**, а потом допустил и их к участию в этом приговоре, когда сказал: "**в собрании вашем … предать" (собравшимся вам предати таковаго)** (1 Кор. 5: 3-5). Он поступил так, имея в виду две важные вещи: чтобы и приговор произнести, и не без согласия коринфян, чтобы не огорчить их. И таким образом, ни сам один не произнес приговора, чтобы коринфяне не подумали о нем, как о человеке гордом и презирающем их, ни им не присвоил всей власти, чтобы они, сделавшись полновластными судиями, преждевременно не даровали прощения виновному и чрез то не погубили его. Точно так же поступает он и здесь, когда говорит: "Я даровал уже прощение – я, который в первом послании осудил его". Потом, чтобы коринфяне не оскорбились, как бы пренебреженные (апостолом), он говорит: "**вас ради**". Что же это? Ужели он простил согрешившего для людей? Нет, – почему и присовокупил: "**от лица Христова" (о лице Христове)**. Что же значит: " **от лица Христова** "? Или – по воле Божией, или – во славу Христа. "**Чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не**

безызвестны его умыслы" (Да не обидими будем от сатаны: не неразумеваем бо умышлений его) (ст. 11). Видишь, как он то присваивает (коринфянам) власть суда, чтобы смягчить их, то снова отнимает ее, чтобы истребить в них всякую гордость. Впрочем, не этого только хочет он достигнуть своими словами; он хочет еще и показать, что в случае их непослушания вред будет общий для всех. Так поступил он и вначале. Как тогда он говорил: "**малая закваска квасит все тесто**" (1 Кор. 5: 6), так и теперь говорит: "**чтобы не сделал нам ущерба сатана**"; и везде усвояет прощение согрешившего как себе, так и им (коринфянам).

5. Пересмотри же снова (все, что он говорил): " **Если же кто огорчил,** – говорит, – **то не меня огорчил, но частью, - чтобы не сказать много, - и всех вас" (аще же кто оскорбил**, **не мене оскорби, но от части, да не отягчу всех вас)**; затем далее: "**для такого довольно сего наказания от многих**". Таков его приговор и определение. Впрочем, на этом приговоре он не остановился, но призывает опять к участию в нем и коринфян, говоря: "**Так что вам лучше уже простить его и утешить … И потому прошу вас оказать ему любовь" (темже сопротивное паче вы да даруете и утешите. Темже молю вы, утвердите к нему любовь)**. Но, предав виновного в их руки, опять переходит к утверждению свой власти, говоря: "**Ибо я для того и писал, чтобы узнать на опыте, во всем ли вы послушны" (на сие бо и писах вам, да разумею искусство ваше, аще во всем послушливи есте)**. Затем опять приписывает прощение согрешившего коринфянам, говоря: "**вам лучше уже простить его" (емуже аще что даруете)**; а потом себе: "**и я**, –говорит, **– простил" (и аз … аще что даровах)**; наконец им и себе вместе: "**ибо и я,** – говорит, – **если в чем простил кого, простил для вас от лица Христова" (ибо и аз**, **аще что даровах, вас ради, о лице Христове**", - т. е., или во славу Христа, или потому, что сам Христос повелел (простить согрешившего). Эти последние слова особенно убедительны были для коринфян, так как они боялись уже отказать в прощении, которое служило к славе (Иисуса Христа) и было Ему угодно. Вслед за тем опять поставляет на вид коринфянам общий для всех вред в случае их непослушания, говоря: "**чтобы не сделал нам ущерба сатана" (да не обидими будем (πλεονεκτηθώμεν) от сатаны)**. Здесь он очень кстати употребил слово хищение (**πλεονεξίαν**), так как диавол берет уже не свое, а похищает наше. Не говори мне того, что один только согрешивший мог бы сделаться добычею этого зверя, но представляй и то, что угрожает опасность всему стаду уменьшением числа его, и особенно теперь, когда можно возвратить то, что потеряно. "**Ибо нам не безызвестны его умыслы" (Не неразумеваем бо умышлений его)**, т. е., что (сатана) и путем благочестия может привести к погибели. Он может погубить не только тем, что доводит до блудодеяния, но и противоположным способом может ввергнуть в погибель, именно: безмерною печалью во время покаяния. Таким образом, если (сатана) вместе со своею собственностью захватывает и нашу, когда и того, кого доводит до греха, погубляет, и того, кому мы повелеваем спасительное покаяние, у нас похищает, то как же назвать это, если не хищением? Для него недостаточно, что он низлагает нас чрез грех; он и чрез покаяние делает то же, если мы не бываем осторожны. Вот почему (апостол) весьма справедливо и назвал хищением тот случай, когда (сатана) побеждает нас нашим же оружием. Ему свойственно овладевать нами чрез грех, а не чрез покаяние, потому что последнее есть наше оружие, а не его. Итак, если (сатана) и чрез покаяние может овладевать нами, то рассуди сам, как постыдно для нас это поражение, как он будет насмехаться и издеваться над нами, как над бессильными и немощными, если победит нас нашим же оружием? И подлинно, в высшей степени смешно и крайне постыдно, если он нашими же лекарствами причиняет нам раны. Потому-то (апостол) и сказал: "**ибо нам не безызвестны его умыслы" (не неразумеваем бо умышлений его)**, т. е. насколько лукав, коварен, злокознен и исполнен он злобы, и какой вред причиняет нам даже под видом благочестия. Итак, помышляя об этом, не будем никогда ни презирать никого (из согрешающих), ни сами, согрешая, предаваться отчаянию, равно как

и оставаться в беспечности; напротив, будем сердечно сокрушаться о своих беззакониях, не на словах только раскаиваясь в них. В самом деле, я знаю многих, которые хотя говорят, что они оплакивают свои грехи, ничего, однако ж, важного не делают. Правда, они постятся и носят грубые одежды, но в то же время имеют жадность к деньгам гораздо большую, чем торгаши, предаются более сильному гневу, чем звери, и находят удовольствия в злословии более, чем другие в похвале. Это не составляет покаяния; это только призрак и тень покаяния, а не самое покаяние. Потому-то и этим (грешникам) прилично сказать: "Смотрите, **чтобы не сделал нам ущерба сатана, ибо нам не безызвестны его умыслы (да не обидими будем от сатаны: не неразумеваем бо умышлений его)**. Одних он губит чрез грехи, других чрез покаяние, и этих еще и другим образом, – когда не дает им воспользоваться плодами покаяния. Когда сатана не находит случая прямо погубить кого-нибудь, он подходит к нему другим путем, побуждая человека усугубить труды, но не давая ему воспользоваться плодами трудов своих, и стараясь уверить его, что он все необходимое уже сделал, и потому может не заботиться ни о чем другом. Итак, чтобы нам не изнурять себя напрасно трудами, побеседуем немного с теми женами, с которыми так бывает, потому что женщины преимущественно подвержены этому недугу. Прекрасно, конечно, и то, что и ныне вы делаете, т. е. пост, лежание на земле и посыпание пеплом главы. Но все эти дела не принесут никакой пользы, если к ним не присоединятся другие. Бог показал, как Он прощает грехи. Для чего же вы, оставив указанный путь, пролагаете себе другой? Согрешили некогда ниневитяне, и сделали то же, что и вы теперь делаете. Но посмотрим, что послужило к их спасению. Как для излечения больных врачи, хотя употребляют многие средства, но благоразумный смотрит не на то, что принимал больной, а на то, что послужило к его исцелению, так точно и здесь надобно смотреть. Итак, что же спасло тех ниневитян? На язвы свои они возложили пост, и строгий пост, лежание на земле, одежды из вретища, пепел и слезы, и вместе с этим переменили и образ жизни.

6. Посмотрим же, какое из перечисленных лекарств уврачевало их. "Но как мы узнаем это?" – скажет кто. Узнаем, если придем ко Врачу, или спросим Его самого. Он не утаит от нас; напротив, со всею готовностью откроет это. Он даже в книге записал это лекарство, исцелившее их, чтобы всякий знал его и не имел нужды спрашивать о нем. Что же это за лекарство? " **И увидел Бог**, –говорит (пророк), – **дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них" (Виде Бог, яко обратишася от путей своих лукавых и раскаяся о зле, еже глаголаше сотворити им)** (Ион. 3: 10). Не сказал: "видел пост, вретища и пепел". Я говорю это не с тем, чтобы отвергать пост, – нет, – а для того, чтобы убедить вас делать то, что лучше поста – воздерживаться от всякого зла. Согрешил и Давид: посмотрим же, как и он каялся. Три дня он сидел во прахе. Однако он сделал это не для заглаждения греха своего, но молясь о (больном) детище, не истрезвившись еще от упоения страстью. Грех же свой очистил он иначе, именно: самоуничижением, сокрушением сердечным, скорбью душевною, строгим воздержанием от подобных грехов, непрестанным памятованием сделанного греха, благодушным перенесением всех постигших его скорбей, пощадою своих оскорбителей, наконец, тем, что не только сам не мстил врагам, поносившим его, но не позволял мстить и другим за него, когда они хотели того. Так, когда Семей осыпал его бесчисленными проклятиями, и когда военачальник, находившийся (при Давиде), вознегодовал на это, тогда он сказал: "**пусть он злословит, ибо Господь повелел ему злословить Давида" (оставите его проклинать мя, яко Господь повеле ему)** (2 Цар. 16: 10). Он имел сокрушенное и смиренное сердце, и это-то особенно и очищало грехи его, потому что в этом и состоит исповедание, это и есть покаяние. Напротив, если, постясь, мы остаемся высокомерными, то не только не получим никакой пользы, но еще потерпим и вред. Итак, смири сердце твое и ты, чтобы умилостивить Бога: "**Близок Господь к сокрушенным сердцем (Близ Господь**

сокрушенных сердцем) (Пс. 33: 19). Видишь, как жившие в светлых чертогах переносили бесчестие, как они, поносимые и от последних из рабов своих, не прекословили, но терпели поношения за бесчестие, которым покрыл их грех. Так поступай и ты. Если поносит тебя кто – не ожесточайся, но плачь и стенай, не о том, что тебя поносят, но о грехе, который подверг тебя такому бесчестью. Плачь и стенай, когда согрешишь, не о том, что будешь наказан, так как это ничего не значит, но о том, что ты оскорбил своего Владыку, который столь кроток, столько тебя любит, столько заботится о твоем спасении, что и Сына предал за тебя. Вот о чем плачь и стенай, и делай это непрестанно, потому что в этом и состоит исповедание. Не будь ныне весел, завтра печален, потом опять весел, а всегда пребывай в плаче и сокрушении. "**Блаженны**, – говорит (Господь), – **плачущие**" (Мф. 5: 4), т. е. те, которые непрестанно это делают. Непрестанно и ты делай это, всегда внимай себе и сокрушай сердце твое, наподобие того, как сокрушался бы тот, кто потерял любимейшего сына. "**Расторгните (Раздирайте)**, – говорит (Господь), – **сердца ваша, а не ризы ваша**" (Иоил. 2: 13). А расторгнутое не воздымается уже, сокрушение не восстает более. Потому-то и говорит (Писание) в одном месте: "**расторгните**", а в другом: "**сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит**" (Пс. 1: 19). Итак, мудрец ли ты, или богатый, или сильный, расторгни сердце твое, т. е. не попускай, чтобы оно высокомудрствовало и надмевалось, потому что расторгнутое не надувается, хотя бы и было чем надуваемо: оно не может вынести этого надувания, потому что расторгнуто. Так и ты смири свое сердце. Помысли, что мытарь за одно слово был оправдан, хотя то, что говорил он, было даже не столько смирение, сколько истинное признание. Если же и истинное признание имеет такую силу, то насколько более смиренномудрие? Прости обиды тем, кто погрешил против тебя, потому что и это служит к прощению грехов твоих. О первом (сетовании и скорби о грехах) сказано: "Я видел, что **пойде дряхл** (печален) **и исцелил пути его**" (Ис. 77: 17, 18). Это же прекратило гнев Божий и на Ахаава (3 Цар. 21: 29). А о втором (прощении обид) говорится: "**прощайте, и прощены будете**" **(отпущайте, и отпустят вам)** (Лук. 6: 37). Есть еще и другой способ, которым обретается это врачевство, это – осуждение себя в своих беззакониях: "**говори ты, чтоб оправдаться" (глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися)** (Ис. 43: 26). Равным образом и благодарное чувство, с которым мы переносим скорби, заглаждает грехи наши, более же всего милостыня. Перечти же целительные средства для уврачевания твоих язв и прикладывай все их одно за другим непрестанно: самоуничижение, исповедание, непамятозлобие, благодарение за посылаемые на тебя скорби, вспомоществование бедным деньгами и вещами, наконец, непрестанную молитву. Неотступным молением вдовица умилостивила жестокого и немилосердного судию (Лук. 18: 5). Если же эта вдова умилостивила неправедного судию, то тем более ты умилостивишь Судию кроткого. Кроме этих способов (к очищению грехов) есть еще и другой – заступление обидимых. "**Защищайте**, – говорится, – **сироту, вступайтесь за вдову … Тогда придите - и рассудим … Если будут грехи ваши, как багряное, - как снег убелю; если будут красны, как пурпур, - как волну убелю" (Судите сиру, и оправдите вдовицу, и приидите, и истяжимся: и аще будут грехи ваши яко багряное, яко снег убелю**) (Ис. 1: 17, 18). Итак, будем ли ты достойны какого-либо извинения, когда, имея столько путей, возводящих на небо, и столько средств для уврачевания язв душевных, остаемся в этих язвах даже и после крещения? Не будем же закосневать в них. И те, которые еще не пали, пусть стараются сохранить невредимо красоту свою, мало того – пусть еще более приумножают ее, потому что хотя они и теперь непорочны, но упомянутые добродетели еще более украсят их. Что же касается нас, которые много уже нагрешили, то потщимся воспользоваться предложенными средствами к очищению грехов наших, чтобы нам предстать судищу Христову со многим дерзновением, которое все мы и да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 5

"Придя в Троаду для благовествования о Христе, хотя мне и отверста была дверь Господом, я не имел покоя духу моему, потому что не нашел [там] брата моего Тита" (2 Кор. 2: 12, 13).

1. Эти слова кажутся недостойными Павла, так как показывают, что он из-за отсутствия брата пренебрег случаем споспешествовать спасению. Притом же они, по-видимому, не имеют и связи с (прежде сказанным). Что же прежде хотите, чтобы я вам доказал? То ли, что (апостол) не сказал здесь ничего недостойного себя, или то, что сказанное им имеет тесную связь с предыдущим? Мне кажется, прежде должно доказать последнее, потому что тогда и первое будет для нас удобопонятнее и яснее. Итак, какую же связь имеют эти слова с тем, что сказано прежде? Припомним прежде сказанное, тогда поймем и теперь сказанное. Что же прежде он говорил? То, что говорил в начале послания, а именно: "**не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Асии, потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы" (не хощу вас не ведети о скорби, бывшей нам во Асии, яко по премногу и паче силы отяготихомся)** (1: 8). Потом показывает, как он избавился от угрожавшей опасности, и, высказав далее промежуточные мысли, служащие к его оправданию, наконец опять дает знать, что он имел и другую скорбь. Какую же, и каким образом? Ту, что не нашел Тита. Поистине, и претерпенные (апостолом) искушения составляли для него немалую скорбь и могли повергнуть душу его в уныние. А когда не нашлось и того, кто мог бы его утешить и через участие облегчить тяжесть скорби, то, естественно, душевная буря должна была возрасти еще более. А этот Тит есть тот самый, о котором ниже говорит (апостол), и который приходил к нему (от коринфян), и от него обратно был посылаем к ним, и о котором он так много говорил с великою похвалою. Итак, желая показать, что он и об отсутствии Тита скорбел из-за них же, (апостол) и сказал вышеуказанные слова. Отсюда очевидно, что эти слова имеют тесную связь с прежде сказанным. А что слова эти и не недостойны Павла – я попытаюсь доказать и это. В самом деле, он не говорит, что отсутствие воспрепятствовало спасению желавших присоединиться к верующим; не говорит и того, что из-за этого он презрел верующих; а говорит только, что он не имел покоя, т. е. скорбел и печалился об отсутствии брата, желая показать этим, что значит отсутствие брата, и по этой причине вышел из Троады. Что же значат слова: "**Придя в Троаду для благовествования " (пришед в Троаду во благовестие)**? "Не без намерения, – говорит, – пришел я, но для того, чтобы проповедовать. И все-таки, несмотря на то, что с таким намерением пришел я (в Троаду), и там нашел весьма много дела: "**хотя мне и отверста была дверь Господом, я не имел**, – говорит, – **покоя духу моему" (двери отверзене ми бывшей о Господе, не имех покоя)**. Впрочем, это не помешало делу проповеди. Как же говорит: "**но, простившись с ними, я пошел" (отрекся им изыдох)**? То есть: "Я не мог там остаться на долгое время по причине стеснения и скорби сердечной"; а может быть, и потому, что самое отсутствие (Тита) служило препятствием делу. А это также немало служило к успокоению коринфян. "Если, – говорит, – потому только, что не нашел брата (в Троаде), я должен был поспешно удалиться оттуда, хотя там мне отверзта была дверь для проповеди, для которой я и приходил туда, то тем более вы должны извинить нас теснотою обстоятельств, которые всюду нами управляют и не позволяют нам, как бы мы хотели, ни уходить откуда-либо, ни проводить где-либо более времени, по нашему желанию". Вот почему, как выше он усвоял свои путешествия Духу Божию, так и здесь приписывает Богу, присовокупляя слова: "**Благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте" (Богу же благодарение всегда победители нас творящему о Христе, и воню разума Его являющу нами во всяком месте)** (ст. 14). Чтобы не подумали, что (апостол) сетует и ропщет на принуждение от Бога быть там или

в другом месте, он воссылает благодарение Богу. Смысл же слов его такой: "Повсюду скорби, повсюду теснота! Пришел я во Асию – там отягчен был сверх сил; пришел во Троаду – тут не нашел брата; не пошел к вам – и это причинило мне немалое, даже весьма большое огорчение, как потому, что многие из вас согрешили, так и потому, что я по этой причине не мог видеть вас". "**Щадя вас**, – говорит, – **я доселе не приходил в Коринф**" **(Щадя вас ктому не приидох в Коринф)** (1: 23). Итак, чтобы, говоря таким образом, не показаться ропщущим на Бога, (апостол) присовокупляет, что: "В этих скорбях мы не только не унываем, но еще радуемся; и что главное – радуемся не только ради будущих наград, но и ради настоящих, так как перенесением скорбей мы еще и в этой жизни приобретаем себе похвалу и славу. Поэтому мы так далеки от сетования и ропота, что случающияся с нами скорби называем даже торжеством и хвалимся ими". В этом смысле и сказал (апостол): "**Благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе" (Богу же благодарение всегда победители нас творящему)**, т. е., делает нас для всех славными. Хотя для других кажется бесчестием то, что мы всюду терпим гонение, но для нас это является величайшей честью. Вот почему не сказал: "делающему нас известными", но: "**победители творящему**", желая показать, что эти гонения служат для нас по всей земле вместо славных памятников непрестанных побед, одержанных над диаволом. Указав же на Дающего победы, далее сказывает и причину (этих побед) и тем ободряет слушателей. "Не только, – говорит, – от Бога даются нам победы, но и **о Христе**", т. е. через Христа и проповедь. "А одерживая победы, – говорит, –нельзя и не прославиться нам, носящим знамение победы, так как мы именно носим его. Оттого мы и известны и сильны везде. "**Благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте" (И воню разума его являющу нами во всяком месте)**.

2. Выше (апостол) сказал: "**всегда победители нас творящему**"; теперь говорит: "**во всяком месте**", указывая этим на то, что всякое место и время наполнены апостольскими подвигами. При этом он употребляет новую метафору, заимствованную от благовонного запаха. "Мы так же, – говорит, – делаемся всем известны, как и носящие многоценное миро", называя многоценным миром познание (о Христе). И не сказал просто – "познание" (разум), но – "**благоухание познания**" **(воню разума)**, потому что именно таково нынешнее наше познание: не совсем ясно и не совершенно открыто. Потому-то и в первом послании он говорил: "**теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно**" **(видим убо ныне зерцалом в гадании)** (13: 12), и здесь познание о Христе называет "**благоуханием познания**" **(вонею разума)**. Кто обоняет благоухание, тот знает, что где-то находится благовонное миро; но каково это миро само в себе, этого не может знать, если прежде не имел случая видеть его. Точно так же и мы: знаем, что Бог есть; а что Он по существу – этого не знаем. "Итак, мы, – говорит, –подобны царской кадильнице; и куда бы ни пошли, всюду источаем небесное миро и духовное благоухание". Говоря так, (апостол) имел двоякое намерение: во-первых, хотел показать силу проповеди – именно то, что через врагов, строящих козни, они только еще более прославляются, поскольку гонения дают возможность всей вселенной видеть их победы и обонять благоухание их проповеди; во-вторых, желал убедить коринфян мужественно переносить скорби и искушения, потому что через это они приобретут неизреченную славу еще прежде воздаяния (на небе). "**Ибо мы Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих**" **(Яко Христово благоухание есмы Богови в спасаемых и в погибающих)** (ст. 15). "Спасается ли кто, – говорит, – или погибает, проповедь Евангельская всегда сохраняет свое достоинство". Как свет и тогда, когда ослепляет слабых зрением, остается светом, хотя ослепляет; или как мед, хотя бы казался горьким для больных, не перестает быть сладким по природе, так точно и благовестие (о Христе) всегда сохраняет свое благоухание, хотя неверующие и погибают. Губит их не благовестие, но собственное их ожесточение. И погибелью нечестивых даже особенно обнаруживается благоухание проповеди. Таким образом, сила благовестия

обнаруживается не только в спасении добрых, но и в погибели нечестивых. Так и солнце потому особенно и ослепляет взоры слабых, что светит очень ясно. Также и Спаситель, хотя "**лежит Сей на падение и на восстание многих" (лежит на падение и на востание многим)** (Лук. 2: 34), однако не перестает быть Спасителем и тогда, когда бесчисленное множество людей падают. И хоть пришествие Его на землю более послужило в наказание для неверующих, несмотря на то, оно всегда пребывает спасительным. В этом смысле и Павел говорит: "**мы Христово благоухание Богу" (благоухание есмы Богови)**; т. е., "хотя некоторые из слышащих благовестие и погибают, однако мы не перестаем быть тем, что мы есть". И не просто сказал – "**благоухание**", но – "**Богу**". Если же мы благоухание Богу и сам Бог так определяет о нас, то кто еще будет противоречить? И слова "**Христово благоухание**", по моему мнению, имеют двоякое значение. Этим (апостол) хочет сказать или то, что они, повседневно умирая (1 Кор. 15: 31), приносят себя в жертву Богу, или, что они – благоухание смерти Христовой точно так же, как бы кто-нибудь сказал: "этот фимиам точно благоухание такой-то жертвы". Итак, или в этом последнем значении употребил он слово "**благоухание**", или в первом мною сказанном, т. е., что (апостолы) повседневно приносили себя в жертву Богу, для Христа. Видишь ли, до чего он возвысил искушения, назвав их своим торжеством, и благоуханием, и жертвою, приносимою Богу? Далее, так как он сказал: "**мы Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих" (благоухание есмы и в погибающих)**, то, чтобы ты не подумал, что и погибающие угодны Богу, присовокупил: "**для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь" (овем убо воня смертная в смерть, овем же воня животная в живот)** (ст. 16), т. е., обоняя это благоухание, одни спасаются, а другие погибают – так, впрочем, что если кто погибает, тот бывает сам виною своей погибели, потому что и благовонное миро, говорят, удушает свиней, и свет, как я прежде сказал, ослепляет слабых зрением. И таково свойство благ, что они не только усовершают сродное им, но и губят противное; и в этом последнем случае особенно обнаруживается их сила. Так и огонь, не тогда только, когда светит или очищает золото, оказывается огнем и обнаруживает свойственную ему силу; но еще более тогда, когда пожигает терние. И Христос явит свое величие, когда "**убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего" (убиет антихриста духом уст Своих, и упразднит явлением пришествия Своего)** (2 Сол. 2: 8). "**И кто способен к сему?" (И к сим кто доволен?)** Так как (апостол) сказал много великого и необычайного, называя себя и жертвою и благоуханием Христовым, и усваивая себе повсеместное торжество, то он опять старается умерить сказанное, относя все это к Богу. Поэтому и говорит: "**И кто способен к сему?**". "Все это, – говорит, – Христово, и нет ничего нашего". Видишь ли его отличие от лжеапостолов? Последние хвалятся, что они в проповедь о Христе приносят нечто свое; а он, напротив, ставит в похвалу себе то, что ничего не называет своим. "**ибо похвала наша**, – говорит, – **сия есть свидетельство совести нашей, что мы в простоте и богоугодной искренности, не по плотской мудрости, но по благодати Божией, жили в мире" (Похваление наше сие есть, свидетельство совести, яко не в мудрости плоти, но благодатию Божиею жихом в мире)** (2 Кор. 1: 12). И как те приобретение земной мудрости вменяли в похвалу себе, так он, напротив, вменяет себе в похвалу незнание ее. Потому и здесь говорит: "**И кто способен к сему?**" А если мы сами по себе недостаточны для этого, то все происходящее (с нами и чрез нас) есть дело благодати. "**Ибо мы не повреждаем слова Божия, как многие" (Несмы бо, якоже прочии нечисто проповедающии слово Божие)** (ст. 17).

3. "Хотя мы, – говорит, – и возвещаем много великаго, однако ничего не присваиваем себе, напротив, все относим ко Христу. Мы не хотим подражать лжеапостолам, которые много присваивают себе самим. Это значило бы поступать подобно торгашу, когда он подделывает вино, или продает за деньги то, что надлежало бы давать даром". В самом деле, мне кажется, что (апостол) здесь осмеивает и любостяжание (лжеапостолов), и опять

намекает на то, о чем я прежде говорил, т. е. что они проповедуют божественное с примесью своего собственного. Обличая тот же порок, и Исаия говорил: "**корчемницы твои мешают вино с водою**" (1: 22). Хотя это сказано о вине, но не будет погрешности, если кто отнесет это и к учению. "Не так, – говорит, – поступаем мы; но что вверено нам, то и предлагаем другим, и преподаем учение чистое – без всякой примеси – почему и присовокупил еще: "**но проповедуем искренно, как от Бога, пред Богом, во Христе**" **(но яко от чистоты, но яко от Бога, пред Богом, во Христе глаголем)**. "Мы, – говорит, – не с тем проповедуем, чтобы обманывать вас, как бы свое даруя вам что-нибудь, или от себя что-нибудь привнося и примешивая, но "**как от Бога**", т. е.: "не говорим, будто от себя что-нибудь даруем вам, но утверждаем, что все даровал Бог". Выражение "**как от Бога**" именно и значит – ничем не хвалиться как своим, но все приписывать Богу. "**Во Христе проповедуем**" **(Во Христе глаголем)**, – т. е., "все говорим не от нашей мудрости, но просвещаемые силою Христовою". Напротив, любящие хвалиться не так проповедуют, но как бы привнося что-нибудь свое. Потому и в другом месте (апостол), обличая таких проповедников, говорит: "**Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?**" **(Что имаши, егоже неси приял? Аще же и приял еси, что хвалишься, яко не прием)** (1 Кор. 4: 7).

Самая высокая добродетель – приписывать все Богу и ничего не почитать своим, ничего не делать для приобретения славы человеческой, но все – для благоугождения Богу, потому что Он (а не другой кто) потребует от нас отчета. В наше же время порядок этот извращен. Ныне мы не столько боимся Того, кто некогда воссядет на судилище и потребует от нас отчета в делах наших, сколько страшимся тех, которые вместе с нами предстанут на суд. Откуда же у нас эта болезнь? Откуда проникла в наши сердца? От редкого помышления о будущем и крайней привязанности к настоящему. Оттого мы так легко впадаем и в злые дела; и даже если делаем что-нибудь доброе, то делаем только напоказ, так что и отсюда для нас происходит вред. Ты не один раз глядел бесстыдными глазами на женщину, и утаил это как от той, на которую посмотрел, так и от спутников твоих; но ты не скроешь этого от Ока, никогда не дремлющего. Еще прежде, чем человек совершит грех, Оно уже видело в душе его преступную похоть, и внутреннее неистовство, и бурное и необузданное движение помыслов. Тот, кто все видит, не имеет нужды в свидетелях и доказательствах. Итак, смотри не на подобных тебе рабов. Если и похвалит дела твои человек, для тебя нет в том никакой пользы, как скоро не примет их Бог; равным образом, если и похулит их человек, нет в том для тебя никакого вреда, как скоро не похулит Бог. Напротив, высоко ценя мнение подобных тебе рабов, а не страшась и не трепеща негодования Судии, смотри, не прогневай Судию. Итак, презрим похвалу человеческую. Доколе станем унижаться и пресмыкаться по земле? Доколе будем порываться к земле, когда Бог влечет нас на небо? Браться Иосифа не сделали бы умысла убить своего брата в пустыне, если бы, как должно, имели пред очами своими страх Божий (Быт. 37). Равным образом и Каин, если бы боялся суда Божия, как надлежало бояться, не сказал бы Авелю: "**иди, и пойдем на поле**" (Быт. 4: 8). В самом деле, для чего ты, жалкий и несчастный, отлучил брата своего от отца и увел в пустыню? Разве Бог не видит и на поле твоего дерзкого преступления? Как ты не научился из случившегося с твоим отцом, что Бог все видит и присутствует при всех наших делах? Но почему, когда (Каин) не признавался в своем преступлении, Бог не сказал ему: "от Меня ли Вездесущего и знающего даже тайные помышления ты скрываешь?" Потому, что он не мог еще хорошо понимать этих свойств Божиих. Что же сказал ему Бог? "**Голос крови брата твоего вопиет ко Мне**" **(Глас крове брата твоего вопиет ко Мне)** (Быт. 4: 10). Слова эти не то значат, чтобы кровь имела голос, а сказаны в том же смысле, как и мы говорим о случаях явных и очевидных: самое дело говорит. Итак, всегда должно иметь пред очами суд Божий – и все зло угаснет. Таким же образом и во время молитв мы можем удерживать трезвенное внимание, если будем помнить, с кем беседуем, если будем представлять, что

приносим жертву, имеем в руках нож, и огонь и дрова; если, мысленно отверзши двери неба, там остановимся, и, взяв духовный нож, вонзим его в жертвенное животное, и пожрем Ему трезвенное внимание, и прольем пред Ним слезы. Такова кровь этой жертвы; таковым закланием должен быть обагрен этот жертвенник! Смотри же, не позволяй ни одному помыслу занимать в это время твою душу.

4. Припомни, что и Авраам при своем жертвоприношении не позволил быть ни жене, ни рабу, ни другому кому. Так и ты не оставляй при себе никакой страсти, свойственной рабам, а не свободным, но один взойди на ту гору, на которую он всходил, и на которую никому другому всходить не позволено. Если же какие из недостойных помыслов и будут усиливаться, чтобы взойти с тобою на гору, запрети им это, как господин их, и скажи: "**останьтесь вы здесь с ослом, а я и сын пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам" (сядите зде, аз же и детищ поклонившеся возвратимся)** (Быт. 22: 5). Все, что есть бессловесного и неразумного – и осла и рабов – оставь при подошве горы; взойди, взяв с собою только разумное, как он – Исаака. И ты, как он, устрой жертвенник, отрешившись от всего человеческого и став выше своей природы – ведь и он, если бы не стал выше своей природы, не решился бы заклать сына. Наконец, ничто пусть не возмущает тебя в это время, но будь выше самых небес. Горько плачь, принеси в жертву исповедание (грехов), потому что сказано: "**говори ты, чтоб оправдаться" (глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися)** (Ис. 43: 26). Принеси в жертву сокрушение сердечное. Такие жертвы не превращаются в пепел, не исчезают с дымом; не нужны для них ни дрова, ни огонь, нужно только сокрушенное сердце. Это дрова, это огонь, который объемлет дрова пламенем, а не сжигает их. Кто с пламенным усердием молится, тот горит и не сгорает – подобно золоту, испытываемому огнем, делается только чище и светлее.

Вместе с этим наблюдай и то, чтобы не говорить в молитве ничего, что может прогневить своего Владыку: не приступай к Нему с молитвою о погибели врагов. Если иметь врагов уже преступление, то подумай, какое преступление, если молишься о погибели их? Ты должен просить прощения и в том, что имеешь врагов; а ты хочешь еще обвинять их? И как ты можешь получить прощение, когда обвиняешь других, и притом в такое время, когда сам имеешь нужду в великой милости? Ты ведь приходишь сюда за тем, чтобы молиться о прощении своих грехов; итак, не припоминай чужих грехов, чтобы не припомнили твоих. Если ты, молясь Богу, говоришь: "порази врага", то заграждаешь этим себе уста, и связываешь себе язык, во-первых, потому, что в самом начале молитвы тотчас приводишь в гнев Судию, во-вторых, потому, что просишь совсем не того, о чем, по-видимому, молишься. В самом деле, если ты молишься об отпущении грехов, то почему же просишь о наказании? Совсем напротив надлежало бы поступать тебе – молиться и за самих врагов, чтобы с дерзновением молиться и за себя. А ты теперь, требуя казни грешников, осуждением их присваиваешь себе место Судии, что и делает тебя недостойным никакого помилования. Когда же будешь молиться за врагов, то, хотя бы ты ничего не говорил в молитве о своих грехах, ты все исполнил. Припомни, сколько жертв указано в законе. Жертва хвалы, жертва исповедания, жертва спасения, жертва очищения и другие бесчисленные; ни одной нет против врагов, но каждая за свои грехи или даже за добродетели. Разве ты приступаешь с молитвою к другому Богу? Ты приступаешь к тому же Богу, Который сказал: "**молитесь за врагов ваших**" (Мф. 5: 44). Как же ты вопиешь против них? Как дерзаешь просить Бога, чтобы Он нарушил собственный Свой закон? Эта личина неприлична молящемуся рабу.

Всякий должен молиться не о погибели другого, но о своем спасении. Для чего же ты принимаешь на себя вид молящегося раба, а говоришь как обвинитель? Притом, когда мы о себе молимся, то и почесываемся, и зеваем, и развлекаемся бесчисленными помыслами; а о погибели врагов молимся со всем вниманием. Так как диавол знает, что мы в это время

поднимаем меч на себя самих, то он нисколько нас и не развлекает и не останавливает, чтобы таким образом больше повредить нам. Но меня обидели и огорчили, скажешь ты? Так молись о погибели диавола, который несравненно более всех обижает нас. Об этом тебе и предписано молиться так: "**избавь нас от лукаваго**" (Мф. 6: 13). Подлинно, он один непримиримый наш враг, а человек, чтобы он ни делал, всегда друг и брат наш. Итак, на диавола все мы должны обращать гнев свой, о его погибели должны молить Бога, и говорить: "сокруши сатану под ноги наши", потому что он и людей делает врагами нам. Если же ты будешь молиться о погибели врагов, то будешь молиться о том, чего хочет твой непримиримый враг, между тем как молитва за врагов есть молитва против него самого. Итак, для чего ты, оставив настоящего твоего врага, терзаешь собственные члены, и таким образом делаешься лютее зверей? Ты скажешь: "он обидел меня", или: "отнял у меня имение". Но и в этом случае о ком более должно плакать – о том ли, кто потерпел обиду, или о том, кто обидел? (Об обидевшем, потому что) тот, кто обогатился чужим имением, лишился благоволения Божия, и потерял несравненно более, нежели сколько приобрел – он, следовательно, и есть обиженный. Вот почему не против него, но за него должно молиться, чтобы Бог был милостив к нему.

5. Смотри, сколько несчастий потерпели три отрока, не сделавшие никакого зла: лишены были отечества и свободы, отведены в плен и стали рабами в стране чужой и варварской, наконец, без вины и напрасно приговорены были на смерть – за сновидение (которого волхвы не могли припомнить и объяснить Навуходоносору – Дан. гл. 1 и 2). Что же предпринимали эти три отрока вместе с Даниилом? О чем молились Богу, что говорили? Сокруши Навуходоносора? Сорви с него диадему? Низвергни его с престола? Нет, ничего такого (они не говорили); но – "**просили милости у Бога" (щедрот прошаху у Бога)** (Дан. 2: 18). Также поступали они и тогда, когда ввержены были в печь огненную. Не так поступаете вы; но терпя несравненно менее, нежели те три отрока, и притом часто по заслугам, вы не престаете в молитве всячески проклинать врагов. Один говорит: "низвергни (Господи) врага моего, как вверг ты в море колесницы фараоновы". Другой говорит: "порази плоть" (врага); иной еще говорит: "воздай ему на детях его". Ужели не узнаете, что это ваши слова?

Отчего же вы смеетесь? Видишь, как смешны (проклятия твои), когда в спокойном состоянии вспоминаешь о них! И всякий другой грех оказывается столь же постыдным, когда будешь рассматривать его, отложив страсть к нему. Человеку, увлекшемуся гневом, после напомни слова, произнесенные им во гневе; он покраснеет от стыда, будет смеяться над самим собою, и скорее решится терпеть что угодно, нежели согласится признать их своими. Или, приведи распутного к блуднице, с которой он пал; он с отвращением будем смотреть на нее, как на женщину непотребную. Так и вы теперь, будучи свободны от страсти, смеетесь над своими словами. Они и достойны смеха, потому что свойственны пьяным старухам и малодушным женщинам. Иосиф, проданный братьями, сделавшись рабом и ввержен в темницу, не говорил против оскорбивших его ничего оскорбительного. Что же он говорил? "**я украден из земли Евреев" (Крадением украден бых из земли Еврейския)** (Быт. 40: 15). Не упомянул даже, через кого был украден. Он стыдился за злых братьев своих более, нежели они сами, сделавшие это. Такие же чувства должны иметь и мы, и причиняющих нам обиды должны жалеть более, нежели они сами, потому что весь вред переходит на них. Подобно тому, как вбивающие гвозди и тем гордящиеся достойны сожаления и слез за свое безумие, точно так же и обижающие тех, которые не сделали им никакого зла, достойны более сострадания и слез, нежели проклятий, потому что погубляют свои души. Подлинно, нет ничего презреннее души, которая в молитве проклинает других, и сквернее языка, который приносит (Богу) такие жертвы. Ты человек – не изливай же из уст твоих яда аспидов. Человек ты – не будь же зверем. Уста даны тебе не для того, чтобы уязвлять, но чтобы исцелять язвы других.

"Вспомни, –говорит Бог, – что Я внушал тебе: оставлять и прощать (согрешения). А ты умоляешь Меня, чтобы и Я был тебе сообщником в нарушении Моих же повелений, и снедаешь брата, обагряешь кровью язык свой, подобно бешеным, которые своими зубами терзают свои же члены". Думал ли ты о том, как радуется и смеется диавол, когда слышит такие молитвы? Помышлял ли, напротив, как гневается, как отвращается и как ненавидит Бог, когда ты так молишься? Что может быть преступнее того, что ты делаешь? В самом деле, если и тому, кто имеет только врагов, не следует приступать к таинствам, то как не должно возбранить приближаться даже к преддверию храма тому, кто не только имеет врагов, но еще и молится о погибели их? Итак, сообразив сказанное и припомнив, что виновник жертвы (нами приносимой) принес Себя в жертву за врагов, постараемся не иметь врагов. Если же имеем, то будем молиться за них, чтобы и мы, получив прощение грехов наших, с дерзновением могли предстать на суд Христа, Которому слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 6

"Неужели нам снова знакомиться с вами? Неужели нужны для нас, как для некоторых, одобрительные письма к вам или от вас?" (2 Кор. 3:1)

1. Так как некоторые могли сказать, что (апостол) сам себя выхваляет, то в предупреждение такого обвинения он и говорит так. Хотя он и раньше несколько раз исправлял такую мысль, когда говорил: "**И кто способен к сему?**", и: "**проповедуем искренно, как от Бога" (от чистоты глаголем)** (2 Кор. 2: 16, 17), тем не менее он не удовлетворяется; таков его обычай, чтобы как можно дальше отстранять от себя ту мысль, будто он сам о себе говорит что-нибудь великое. Он избегает этого с величайшим старанием и заботливостью. А ты, со своей стороны, заметь и здесь великую мудрость (апостола). В самом деле, обстоятельства, казавшиеся сами по себе неприятными – я разумею его бедствия – он так возвысил и представил в таком блеске и свете, что из его описания могло родиться подобное подозрение. То же делает он и далее (в послании). Перечислив бесчисленные бедствия, огорчения, тесные обстоятельства, крайнюю нужду и тому подобное, он присовокупил: "**Не снова представляем себя вам, но даем вам повод хвалиться нами" (не себе хвалим, но вину даем вам похваления)** (5: 12). Но там он говорит это гораздо сильнее и с бóльшим негодованием. Здесь слова его: "**Неужели нужны для нас, как для некоторых, одобрительные письма к вам или от вас?" (или требуем, якоже нецыи, извещавательных посланий?)** выражают любовь, – там, как это было нужно и полезно, – слова его исполнены и особенной силы и негодования: "**Не снова**, – говорит, – **представляем себя вам, но даем вам повод хвалиться нами" (не паки себе хвалим, но вину даем вам похваления)**; и еще: "**Не думаете ли еще, что мы [только] оправдываемся перед вами? (паки ли мните, яко ответ вам творим?)** Потому что **мы говорим пред Богом, во Христе (пред Богом во Христе глаголем)… Я опасаюсь, чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю, также чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете" (Боюся же, еда како пришед, не яцех же хощу, обрящу вас, и аз обрящуся вам, якова же не хощете)** (12: 19, 20). Чтобы не подвергнуться укоризне в лести и домогательстве от них похвалы, говорит им: "**я опасаюсь, чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю, также чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете**". Но все это говорит он с большою укоризною; вначале же говорит не так, но гораздо снисходительнее. Что же значат слова его? Выше говорил он об искушениях, опасностях и о том, что Бог во Христе повсюду творит его победителем, и вся вселенная знает о победах его. Сказав, таким образом, о себе нечто великое, он и предлагает себе этот вопрос: "**Неужели нам снова знакомиться с вами?" (зачинаем ли паки нас самех извещавати вам?)** Слова его имеют такой смысл: может быть кто-нибудь скажет нам:

"Что это значит, Павел? Для чего ты так говоришь о самом себе, для чего превозносишь себя?" – в предупреждение подобного возражения он и говорит: "нет, мы не хотим хвалиться и превозносить себя пред вами; мы столько далеки от того, чтобы просить одобрительных о себе к вам писем, что вы сами служите для нас вместо письма": "**Вы**, – говорит, – **наше письмо" (послание бо наше вы есте)** (ст. 2). Что же значит: "**Вы - наше письмо**"? "Если нужно будет нам рекомендовать себя пред другими – мы вас выставим на середину вместо одобрительного письма". То же говорил он и в первом послании: "**печать моего апостольства - вы в Господе" (печать бо моего апостольства вы есте)** (1 Кор. 9: 2). Но здесь он сказал не просто, а с некоторою иронией, чтобы придать своей речи более силы: "**Неужели нужны для нас**, – говорит, – **одобрительные письма к вам или от вас? (или требуем извещавательных посланий?)** И имея в виду лжеапостолов, присовокупил: "**как для некоторых, одобрительные письма к вам или от вас**, к другим". Потом, так как сказанное было тяжко для слуха, то далее он смягчает слова свои, говоря: "**Вы - наше письмо, написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое всеми человеками; вы показываете собою, что вы - письмо Христово" (послание наше вы есте, написанное в сердцах наших, знаемое от всех: являеми, яко есте послание Христово**) (ст. 2). Здесь он не только выражает свою любовь к ним, но и свидетельствует о их добродетельной жизни, т. е., что они своими добродетелями могут доказать пред всеми достоинство своего учителя. Таков смысл слов: "**Вы - наше письмо**". Что сделали бы ваши письма, в которых стали бы вы одобрять и прославлять нас, То самое вы исполняете своею жизнью по вере, которую все видят и слышат. Добродетели учеников служат наилучшим украшением для их наставника, и одобряют его лучше всякого письма. "**Написанное в сердцах наших**", т. е., которое всем известно, потому что мы везде носим вас с собою и содержим в сердце нашем. Как бы так он говорил: "Вы служите нам одобрением пред другими, и мы всегда имеем вас в сердце своем, и перед всеми возвещаем о ваших добродетелях. А потому не только мы не имеем нужды в одобрительных от вас письмах к другим, потому что вы служите одобрением нашим, но и для вас самих мы не имеем нужды в свидетельстве других, потому что мы сильно любим вас. Одобрительные письма нужны к незнакомым, а вы находитесь в сердцах наших". И не просто сказал: "находитесь", но – "**написаны**", т. е. так, что не можете изгладиться из сердец наших. Как читая послания наши, так и уверяясь из сердец наших, все знают любовь нашу, которую имеем к вам.

2. Итак, если письма употребляются для того, чтобы показать, что такой-то мне друг и пользуется моею доверенностью, то все это для нас заменяет ваша любовь. А потому, к вам ли мы идем – не имеем нужды брать одобрение от других, так как это вполне заменяет ваша любовь к нам, или к другим – опять не имеем нужды брать и от вас одобрительных писем, потому что вместо них для нас и здесь довольно той же любви. Мы носим послание в сердцах наших. Потом, возводя их к высшему разумению, называет их посланием Христовым, говоря: "**вы показываете собою, что вы - письмо Христово" (являеми, яко есте послание Христово)** (ст. 5). И сказав это, он извлекает отсюда повод говорить о законе; и опять называет их посланием своим, но в другом смысле. Выше он называл их посланием потому, что они служат для него одобрением; а здесь называет их посланием Христовым, как имеющих в себе написанным закон Божий. "Что Бог благоволил открыть всем и вам, все это, – говорит, – написано в сердцах ваших; а мы приготовили вас к принятию этих письмен. Как Моисей обделал камни и скрижали, так и мы приготовили души ваши. Потому и говорит: "**через служение наше" (служеное нами)**. Но скажут, что и те, и другие скрижали равны, потому что и те написаны Богом, и эти Духом (Божиим). Где же между ними различие? "**Написанное**, – говорит, – **не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца" (Написано не чернилом, но Духом Бога жива; не на скрижалях каменных, но на скрижалех сердца плотяных)**, а каково различие между Духом и

чернилами и скрижалями каменными и плотяными, таково же различие между теми и другими письменами: тем же различаются и послужившие (письменам новозаветным) от послужившего (ветхозаветным). Но чтобы не подумали, что он сказал о себе слишком много, он тотчас и поясняет себя, говоря: "**Такую уверенность мы имеем в Боге через Христа" (надеяние же таково имамы Христом к Богу)**. И таким образом опять все приписывает Богу, и виновником всего называет Христа. "**Не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя" (Не яко довольни есмы от себе помыслити что, яко от себе)** (ст. 5). Смотри, вот и еще он умеряет речь свою. И это оттого, что он владел добродетелью смирения в высшей степени. И потому, как скоро говорил что-нибудь великое о себе, тотчас старался опять всеми способами смягчить сказанное. Это делает он и здесь, когда говорит: "**не потому, чтобы мы сами способны были помыслить что от себя, как бы от себя**". То есть, я не сказал: "**Такую уверенность мы имеем**, по которой одно усвояем себе, а другое Богу; напротив, такую, по которой все возлагаем на Бога и Ему вменяем, потому что **способность наша от Бога. Он дал нам способность быть служителями Нового Завета" (довольство наше от Бога, иже и удоволи нас служители быти нову завету)** (ст. 6). Что значит – "**удоволи**"? То, что Бог сделал нас способными к такому служению. Не малое дело – сообщить вселенной такие скрижали и письмена, которые гораздо важнее первых. Потому и присовокупил: "**не буквы, но духа" (не письмене, но Духу)**. Вот еще новое различие (ветхих и новых скрижалей). Какое же? Разве ветхий закон не был духовен? Как же говорит (тот же апостол): "**мы знаем, что закон духовен" (вемы, яко закон духовен есть)** (Рим. 7: 14)? Он был духовен, но не подавал Духа, потому что Моисей принес не Дух, а письмена, а мы уверены, что подаем Духа. Показывая это яснее, далее и говорит: "**буква убивает, а дух животворит" (писмя убивает, а Дух животворит)**. И говорит это не без цели, но для того, чтобы обличить тех, которые тщеславились исполнением иудейских обрядов. "Буквой" (письменем) он называет здесь закон, угрожающий наказанием согрешающим, а духом – благодать, через таинство крещения животворящую умерщвленных грехами. Показав, таким образом, различие тех и других скрижалей из самого их существа, он не останавливается на этом; но продолжает далее раскрывать это различие и притом с такой стороны, с которой сильнее может увлечь слушателя – т. е., со стороны животворности и легкости (последних). "Новый завет, – говорит он, – и не труден, и дарует большую благодать". Если он, рассуждая о Христе, выставляет особенно то, что более принадлежит Его человеколюбию, нежели достоинству, или что принадлежит и тому и другому вместе, то тем более он должен так говорить, рассуждая о Его завете. Итак, что значат слова: "**буква убивает**"? Прежде он сказал, что один завет написан на скрижалях каменных, а другой – на сердцах плотяных. Но ему показалось, что такое различие еще не велико, а потому присовокупил, что прежний завет написан был буквами и чернилами, а новый – Духом. Но так как и это различие еще не вполне могло возбудить его слушателей, то он указывает, наконец, нечто такое, что могло окрылить их, – именно то, что "**буква убивает, а дух животворит** ".

3. Что же это значит? По (ветхому) закону грешник подвергается наказанию; а здесь (по новому) грешник прибегает к крещению и становится праведным, сделавшись же праведным, он оживает, освобождается от смерти греха. Закон, если поймает убийцу, то осуждает его на смерть, а если благодать настигнет убийцу, то освящает и оживляет его. Но что я говорю об убийце? Закон и того схватил и побил камнями, который собирал дрова в субботу (Числ. 15: 32-36). Вот что значит: "**буква убивает**"! Напротив, благодать ловит бесчисленных человекоубийц и разбойников, и, омывая их водами крещения, разрешает от прежних зол. Вот что значит: "**Дух животворит**"! Закон кого поймает, того из живого делает мертвым; а благодать соделывает живым преступника из мертвого. "**Придите ко Мне**, – говорит она, – **все труждающиеся и обремененные, и Я** , – не говорит – "накажу вас", но – **успокою вас" (Приидите ко Мне вси труждающиися и**

обремененнии, и Аз упокою вы) (Мф. 11: 28). В крещении погребаются грехи, заглаживаются прежние неправды, человек оживает, и всякая благодать напечатлевается в его сердце, как на скрижали. Итак, помысли, сколь велико преимущество Духа, когда и скрижали Его превосходнее первых, когда Он показывает и нечто высшее даже самого воскресения. В самом деле, та смерть, от которой Он освобождает, гораздо опаснее первой смерти, и настолько опаснее, насколько душа превосходнее тела, и естественная жизнь держится тою жизнью, которую дает Дух. Если же Он может даровать эту высшую жизнь, то тем более может дать низшую; эту последнюю давали и пророки, а той никогда, – потому что никто не может отпускать грехов, кроме одного Бога (Лук. 5: 21). Но и низшей жизни пророки не могли бы сообщать без того же Духа. И не только то удивительно, что Дух животворит, но и то еще, что Он даровал и другим силу животворить. "**Примите Духа Святаго" (Приимите Дух Свят)**, – говорит (Господь) (Иоан. 20: 22). Для чего же? Разве без Духа нельзя было? Бог говорит это для того, чтобы показать, что (Дух) имеет высочайшую власть, ту же царскую сущность и ту же силу. Для того и присовокупляет: "**Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся" (имже отпустите грехи, отпустятся, и имже держите, держатся)** (ст. 23). И вот, так как (Дух Святый) животворил нас, то и сохраним эту жизнь, и не станем опять возвращаться к прежней мертвости. "**Христос …, уже не умирает … Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха" (Христос ктому уже не умирает. Еже бо умре, греху умре единою)** (Рим. 6: 9, 10). И не хочет, чтобы мы всегда ожидали спасения только от благодати: иначе мы будем лишены всего; Он хочет, чтобы и с нашей стороны привнесено было что-нибудь. Позаботимся же привнести что-нибудь, и соблюдем жизнь души.

А в чем состоит жизнь души, это можешь узнать из жизни тела. Тело мы называем живым тогда, когда оно находится в здоровом состоянии. Когда же оно находится в расслаблении и имеет беспорядочное движение, то хотя оно, по-видимому, и живет и движется, но такая жизнь бывает хуже всякой смерти. Также если (человек) ничего не говорит здравого, но произносит слова свойственные безумным, и превратно видит предметы, то опять имеющий такое тело гораздо более достоин сожаления, нежели умерший. Так и душа, если не имеет ничего здравого, если, например, смотрит на золото не как на золото, но как на нечто великое и важное, если ни мало не помышляет о будущем, но пресмыкается долу и делает то, чего не надлежало бы ей делать, – такая душа хотя бы и казалась живою, она умерла. Из чего мы познаем, что имеем душу? Не из действий ли, свойственных душе? Но если она не делает того, что ей свойственно, то не умерла ли она? Если, напр., она не заботится о добродетели, но похищает чужое и беззаконничает, то почему я могу сказать, что ты имеешь душу? Потому ли, что ты ходишь? Но это свойственно и неразумным животным. Потому ли, что ешь и пьешь? Но и звери едят и пьют. Потому ли, что ты стоишь в прямом положении и на двух ногах? Но из этого я более вижу, что ты зверь в человеческом образе. В самом деле, когда ты по всему прочему сходен с зверем, и отличаешься от него только прямым положением, то этим ты только еще более возмущаешь и поражаешь меня, и я, смотря на тебя, скорее сочту тебя за чудовище. Если бы я увидел зверя, говорящего человеческим языком, то не сказал бы по одному этому, что он человек, но почел бы его по этому самому более странным пред другими зверями. Итак, откуда же могу я узнать, что ты имеешь душу человеческую? Когда ты лягаешься как осел, когда злопамятен как верблюд, когда кусаешься как медведь, когда хищен как волк, когда крадешь как лисица, когда коварен как змей, когда бесстыден как пес – как я могу узнать, что ты имеешь человеческую душу? Хотите, я покажу вам душу мертвую и живую? Обратимся опять к древним мужам, и, если угодно, представим того богатого, который жил во дни Лазаря, чтобы узнать нам, в чем состоит смерть души. Что этот богач имел душу мертвую, это видно из дел его. Он не сделал ничего, что показывало бы в нем разумную душу; а только ел, пил и веселился.

4. Есть и ныне такие же немилосердные и жестокие люди. И они, подобно этому богачу, имеют мертвую душу – потому что они убили в себе всю ту теплоту, какая происходит от любви к ближним, и душа их мертвее бездушного тела. Но не таков был нищий: он просиял, как взошедший на самый верх любомудрия. Борясь непрестанно с голодом, и не имея даже самой необходимой пищи, он не произнес на Бога ни одного хульного слова, но все переносил великодушно. А это немаловажное дело души, и даже самое сильное доказательство ее крепости и здравия. Когда же не видно в душе таких добродетелей – явный признак, что они пропали от ее мертвости. Не должны ли мы, скажи мне, называть мертвою ту душу, которая, когда нападает на нее диавол, бьет ее, терзает, грызет, топчет, всего этого не чувствует, спит, как мертвая, и не скорбит о расхищении своего достояния: диавол терзает ее, а она остается неподвижною, подобно бездыханному телу, и не чувствует этого. Когда в душе нет страха Божия и попечения о своем спасении, то она необходимо делается таковою, и еще хуже всякого трупа. Душа не превращается подобно телу в гнилую жидкость, в грязь и в прах, но, что еще отвратительнее, в пьянство, в злобу, любостяжание, в гнусную любовь, в преступные пожелания. Если же ты еще яснее хочешь видеть гнусность порочной души, то очисти душу твою, и тогда ясно увидишь, как отвратительна (душа) осквернённая и нечистая. Теперь ты увидеть этого не можешь потому, что, когда мы остаемся с привычкой к нечистоте, тогда не чувствуем ее; но когда станем питаться духовными глаголами, тогда поймем, как велико это зло – нечистота душевная, хотя для многих это и кажется безразличным. Я не буду говорить теперь о геене; но, если угодно, посмотрим на порочного человека еще здесь – на земле, и притом не на того, который гнусно делает, но который только говорит гнусное – как он смешен, сколько он обижает прежде всего самого себя, и как он, подобно изблевывающему из уст тину, делает себя отвратительным. Если же струя так отвратительна, то подумай, как отвратителен должен быть источник этой тины: "**Ибо от избытка сердца говорят уста**" (Мф. 12: 34). Но я не об этом только скорблю, а еще больше о том, что некоторым это даже не кажется и постыдным. Отсюда-то и умножается всякое зло, т. е., когда мы грешим, и между тем думаем, что не грешим.

Итак, хочешь ли знать, сколь великое зло – говорить срамное и постыдное? Всмотрись, как краснеют от твоего бесстыдства те, которые тебя слушают. В самом деле, что может быть хуже и презреннее человека, бесстыдно срамословящего? Такие включают себя в разряд скоморохов и распутных женщин. Вернее же сказать, и распутные женщины имеют больше стыда, чем вы. Как же можешь научить целомудрию жену, когда бесстыдными глазами возбуждаешь ее идти в распутство? Лучше извергать гнилость изо рта, нежели сквернословие. Если у тебя дурно пахнет изо рта, то ты не прикасаешься к общей трапезе; но когда в душе твоей такой смрад, скажи мне, как ты дерзаешь приступать к тайнам Господним? Если бы кто, взяв нечистый сосуд, положил его на твоей трапезе, такого ты, избив палками, прогнал бы; скажи теперь, ужели ты не думаешь прогневать Бога, когда на трапезу Его (а уста наши и есть трапеза Божия, когда мы приобщаемся таинства евхаристии) приносишь слова гнуснейшие всякого нечистого сосуда? Да и как может быть иначе? Ничто так не прогневляет Его, Святейшего и Чистейшего, как такие слова; ничто не делает людей столь наглыми и бесстыдными, как когда они говорят и слушают подобные слова; ничто так легко не расстраивает нервы целомудрия, как возгорающийся от таких слов пламень. Бог вложил в уста твои благовоние, а ты влагаешь в них слова, зловоннее всякого трупа, убиваешь самую душу и соделываешь ее нечувствительною. В самом деле, когда ты поносишь кого-нибудь, это голос не души, но твоего гнева; когда срамословишь, то не она так говорит, но твое безрассудство; когда злословишь – это говорит ненависть; когда обманываешь – это дело любостяжания: все это не душе принадлежит, но страстям и болезням души. Подобно тому, как тление не принадлежит собственно телу, но смерти и страстям, живущим в теле, так и эти пороки принадлежат прившедшим в душу страстям. Если хочешь слышать голос

души живой, то послушай, что говорит Павел: "**Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. Великое приобретение - быть благочестивым и довольным" (Имеюще пищу и одеяние, сими довольни будем. Есть же снискание велие благочестие)** (1 Тим. 6: 8, 6). Также: "**для меня мир распят, и я для мира" (мне мир распяся, и аз миру)** (Гал. 6: 14). Послушай, что говорит и Петр: "**серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе" (сребра и злата несть у мене: но еже имам, сие ти даю)** (Деян. 3: 6). Послушай Иова, который благодарит Бога, и говорит: "**Господь дал, Господь и взял" (Господь даде, Господь отъят)** (Иов. 1: 21). Вот слова души живой, которая выражает в них ей принадлежащие силу и действие. Подобным образом и Иаков говорил: "**и даст мне хлеб есть и одежду одеться" (аще даст ми Господь хлеб ясти, и ризы облещися)** (Быт. 28: 20); так же говорил Иосиф: "**как же сделаю я сие великое зло и согрешу пред Богом?" (како сотворю глагол злый сей, и согрешу пред Богом?)** (Быт. 39: 9). Но не так говорила та пьяная и неистовая жена, когда сказала: "**ложись со мной" (ляги со мною)** (Быт. 39: 12). Итак, узнав все это, поревнуем душе живой и будем убегать души мертвой, чтобы таким образом получить нам жизнь будущую, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, которому слава во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 7

"Если же служение смертоносным буквам, начертанное на камнях, было так славно, что сыны Израилевы не могли смотреть на лице Моисеево по причине славы лица его преходящей, то не гораздо ли более должно быть славно служение духа?" (2 Кор. 3:7, 8).

1. (Апостол) сказал, что Моисеевы скрижали были каменные и начертаны буквами, а (новозаветные скрижали, т. е.) сердца апостолов плотяные и написаны Духом; сказал также, что "**буква убивает, а Дух животворит**". Оставалось, наконец, присоединить к этому сравнению еще нечто немаловажное, именно о славе лица Моисеева, каковой славы никто не видел в новом завете телесными очами. Потому первая и казалась великою славою, так как поражала чувства и созерцаема была телесными очами, хотя вместе была и недоступна. А слава Нового Завета есть духовна. Но постижение этого превосходства последней недоступно было для немощных; потому та (ветхозаветная) слава более восхищала и привлекала их к себе. И так как он допустил уже такое сравнение, то старается показать и превосходство (новозаветной славы). Но так как это было очень трудно по причине немощи слушателей, то смотри, что он делает и какой способ употребляет для достижения своей цели: сперва он показывает это различие и превосходство чрез умозаключения, которые извлекает из вышесказанного. Если то (ветхозаветное) служение, говорит, было служение смерти, а это (новозаветное) есть служение жизни, то несомненно, что и слава последнего служения больше славы первого. Так как он не мог представить ее (новозаветной славы) очам телесным, то превосходство ее и показал чрез умозаключение, говоря: "**Если же служение смертоносным буквам, начертанное на камнях, было так славно … то не гораздо ли более должно быть славно служение духа?" (аще ли же служение смерти бысть во славу: како не множае паче служение Духа будет в славе)**, разумея под служением смерти закон. И смотри, какую великую осторожность наблюдает он в сравнении, чтобы не подать какого-нибудь повода еретикам. Он не сказал: (закон) виновник смерти, но: "**служение смерти**", так как закон служит к смерти, а не породил смерти. Виновник смерти был грех; а закон подверг осуждению за грех, и только обнаружил грех, а не произвел его; он яснее открыл зло, и только наказывал за зло, а не побуждал к злу; и служил не для того, чтобы производить грех или смерть, но чтобы наказывать того, кто грешит. А таким образом он был вместе и истребителем греха.

В самом деле, когда он показывал грех столь страшным, то, очевидно, этим заставлял и убегать его. Как тот, кто берет в руки меч и умерщвляет осужденного, служит только орудием судьи, произносящего приговор, и хотя он умерщвляет, однако, не есть убийца, равно как и тот, кто произносит приговор и осуждает виновного, но виною смерти есть преступление наказываемого – так и здесь не закон умерщвляет, но грех. Он и умерщвлял и осуждал; закон же, наказывая преступника, отнимал силу у греха, укрощая его страхом наказания. Но (апостол) не удовлетворился одним только этим сравнением, чтобы убедить в превосходстве (Нового Завета), но присовокупил и другое нечто, сказав: "**начертанное на камнях" (писмены образовано в каменех)**. Смотри, как он опять низлагает иудейскую гордость. В самом деле, закон был не что иное, как письмена. А письмена никакой помощи, вроде того как бывает в крещении, не доставляли и не сообщали находящимся под законом; но скрижали и начертания приносили смерть преступающим письмена. Видишь ли, как он исправляет иудейское любопрение, и самыми наименованиями отнимает превосходство у закона, называя его то "**камнем**", то "**буквами**", то "**служением смерти**", и еще "**образованным**" или "**начертанным**". Этим он показывает или то, что закон привязан к известному только месту, а не так, как дух, который присутствует везде, и во все вдыхает великую силу; или то, что письмена дышат великими угрозами, и такими угрозами, которые не могут быть уничтожены, но всегда остаются как вырезанные на камне. Потом, хотя, по-видимому, и хвалит древний (закон), но тут же вместе и обличает опять грубость иудеев. Сказав: "**начертанное на камнях, было так славно**", присовокупил: "**что сыны Израилевы не могли смотреть на лице Моисеево**", что обличало в них великую слабость и плотяность. И опять говорит, что (иудеи) не могли взирать не ради славы скрижалей, но "**по причине славы лица его преходящей**". Этими словами он показывает, что не скрижали прославлены были славою, а тот, кто принес скрижали. Он не сказал, что они не могли взирать на скрижали, а говорит: "**на лице Моисеево**", равно как и не ради славы скрижалей, но: "**по причине славы лица его**". Но превознесши эту славу, смотри, как он опять унижает ее словом "**преходящей**". Впрочем, этим словом он не унижает Моисея, а только показывает временность славы его. Он не сказал, что она есть какая-нибудь нечистая или худая, но сказал только, что она престающая и имеющая конец. "**То не гораздо ли более должно быть славно служение духа?" (Како не множае паче служение Духа будет в славе?)**. Теперь он уже с дерзновением высказывает превосходство Нового Завета, как уже не подлежащее сомнению. И смотри, что он делает – камень противополагает сердцу, а письмена духу. Потом, указав на следствия, которые должны произойти от того и другого (завета), он еще не сказывает, что действительно произошло от того и от другого; но показав следствие буквы (письмени), т. е. смерть и осуждение, умалчивает еще о плодах Духа – жизни и правде, а говорит только о самом Духе, что подало ему случай к большому распространению речи. Новый Завет не только даровал жизнь, но и сообщил Духа, дающего жизнь, что важнее самой жизни. Поэтому он и сказал: "**служение Духа**". Потом опять возвращается к тому же, говоря: "**Ибо если служение осуждения славно" (аще бо служение осуждения слава)** (ст. 9).

2. Показывая яснее значение слов: "**буква убивает**", (апостол) говорит то, что мы именно сказали уже выше, т. е., что закон только открывает грех, а не производит его. "**То тем паче изобилует славою служение оправдания" (Множае паче избыточествует служение правды в славе)**. Те скрижали открывали только грешников, и наказывали их; а это (служение правды) не только не наказывает грешников, но и делает их праведными, потому что крещение дарует это (оправдание). "**То прославленное даже не оказывается славным с сей стороны, по причине преимущественной славы" (Ибо не прославися прославленное в части сей, за превосходящую славу)** (ст. 10). Сперва он показал, что и это (служение оправдания) в славе, и не только в славе, но и преизбыточествует (славою). Он не сказал уже (как выше): "не гораздо ли более служение Духа будет в славе?"; но –

"**изобилует славою" (избыточествует в славе)**, выводя это их вышесказанных умозаключений. Теперь показывает уже, и как велико это превосходство, говоря: "Если я сравню эту (славу) с тою (ветхозаветною), то слава Ветхого Завета не будет даже славою. Однако этим он не вовсе отнимает славу (у Ветхого Завета); но так говорит о нем сравнительно, почему и присоединил: "**с сей стороны" (в части сей)**, т. е. сравнительно. И говоря так, он не охуждает Ветхого Завета, напротив, еще одобряет его, потому что сравниваются обыкновенно вещи, в чем-нибудь сродные. Далее он приводит еще другое умозаключение, иным образом показывающее превосходство (Нового Завета). Какое же именно? Заимствованное от времени: "**Ибо, если преходящее славно, тем более славно пребывающее" (аще бо престающее славою, много паче пребывающее в славе)** (ст. 11). То (ветхозаветное служение) прекратилось, а это постоянно пребывает. "**Имея такую надежду, мы действуем с великим дерзновением" (Имуще убо таково упование, многим дерзновением действуем)** (ст. 12). Так как слушатель, услышав столь много важного о Новом Завете, желал бы и видеть эту славу собственным очами, то смотри, как он обращает его к будущему веку. Для этого он и выставляет на вид надежду, говоря: " **Имея такую надежду** ". "**Такую**" – какую же? То, что мы удостоились бóльшаго, нежели Моисей, и не только мы – апостолы, но и все верующие. "**Действуем с великим дерзновением" (Многим дерзновением действуем)**. Пред кем, скажи? Пред Богом, или пред учениками? "Пред вами, – говорит, – которым проповедуем мы", т. е.: "мы везде проповедуем с свободою, ничего не скрывая, безо всякого притворства, ничего не опасаясь, но говоря ясно, и не боимся поразить ваши взоры, подобно тому как Моисей поражал взоры иудеев". А что он именно это хотел сказать, увидим далее. Но прежде надобно рассказать самую историю, потому что и сам (апостол) постоянно обращается к ней. Какова же это история? Когда Моисей, получивши в другой раз скрижали, сошел с горы, то некоторая слава, исходящая от лица его, так сияла, что иудеи не могли приблизиться к нему и говорить с ним, доколе он не положил покрывала на лицо свое. Об этом в книге Исхода написано так: "**Когда сходил Моисей с горы Синая, и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, то Моисей не знал, что лице его стало сиять лучами … и боялись подойти к нему. И призвал их Моисей, … и разговаривал Моисей с ними … И когда Моисей перестал разговаривать с ними, то положил на лице свое покрывало. Когда же входил Моисей пред лице Господа, чтобы говорить с Ним, тогда снимал покрывало, доколе не выходил" (Сходящу Моисею с горы, обе скрижали в руку его, и Моисей не ведяше, яко прославися зрак плоти лица его: и убояшася приступити к нему. И воззва их Моисей, и глагола к ним. И егда преста глаголя к ним, возложи на лице свое покров. Егда же вхождаше глаголати пред Господа, снимаше покров, дондеже исхождаше)** (Исх. 34: 29-34). Приведя на память эту историю, (апостол) говорит: "**а не так, как Моисей, [который] полагал покрывало на лице свое, чтобы сыны Израилевы не взирали на конец преходящего" (и не якоже Моисей полагаше покрывало на лице своем, за еже не мощи взирати сыном Израилевым на конец престающаго)** (ст. 13). Эти слова его имеют такой смысл: "Нам не нужны покрывать себя подобно Моисею: вы можете смотреть на ту славу, которою мы окружены, хотя она гораздо более и светлее той (Моисеевой)". Видишь ли преуспеяние (учеников)? В первом послании он сказал: "**Я питал вас молоком, а не [твердою] пищею" (млеком вы напоих, не брашном)** (3: 2); а здесь говорит: "**мы действуем с великим дерзновением" (многим дерзновением действуем)**, и выводит на сцену Моисея, продолжая говорить о нем сравнительно, и таким образом, возводя слушателей к высшему. И во-первых, он поставляет их выше иудеев, когда говорит, что мы (апостолы) не имеем нужды в покрывале, как Моисей пред народом своим. А потом возводит их и в одно достоинство с (ветхозаветным) законодателем, или даже еще и выше. Послушаем же теперь, что он говорит далее. "**Но умы их ослеплены: ибо то же самое покрывало доныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом" (Но ослепишася**

помышления их: даже бо до сего дне тожде покрывало во чтении ветхаго завета пребывает не откровенно, зане о Христе престает) (ст. 14). Смотри, к чему он направляет речь свою. Что тогда однажды произошло с Моисеем, то навсегда осталось на законе его. Впрочем, сказанное относится не к обвинению закона, равно как и не к обвинению Моисея, что он тогда покрывал себя, но (к обвинению) грубости иудеев. Закон имеет свойственную ему славу, но иудеи не могли видеть ее. Итак, чему вы удивляетесь, говорит, если они не могут видеть благодатной славы, когда они не видели меньшей славы Моисея, не могли смотреть на лицо его? Что смущаетесь, если они не веруют во Христа, когда они не верят и закону? Потому они и не познали благодати, что не познали ни Ветхого завета, ни славы его. Слава же закона – приводить ко Христу.

3. Видишь ли, как он и здесь низлагает гордость иудеев? В самом деле, в чем они думали иметь преимущество в славе лица Моисеева, то самое он обращает в обличение их невежества и грубости. Итак, пусть они не хвалятся этим: какая похвала и слава для иудеев в том, чем они не могли наслаждаться? Вот почему он так часто и обращается к этому предмету – то говоря, что "**то же самое покрывало доныне остается неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом" (тожде покрывало во чтении ветхаго завета пребывает не откровенно, зане о Христе престает)**; то, что "**доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их" (даже до днесь, внегда чтется Моисей, тожде покрывало на сердце их лежит)** – показывая, что оно лежит и на чтении и на сердце их. А выше он сказал еще: "**не могли смотреть на лице Моисеево по причине славы лица его преходящей" (яко не мощи взирати сыном Израилевым на лице Моисеово славы ради лица его престаюшия)**. Что может быть хуже этого, когда они не могут взирать на славу не только преходящую, но даже в сравнении с новозаветною почти не существующую, когда он сокрыта от них, чтобы они не видали кончины преходящего, т. е. закона, который имеет конец? "**Но умы их ослеплены" (Но ослепишася помышления их)**. "А какая связь этого (ослепления) с тогдашним покрывалом?" – скажет кто-нибудь. Та, что оно предзнаменовало будущее. Не только тогда они не видели закона. Но и ныне не видят его. И причина этого в них самих, потому что ослепление зависит от нечувствительного и грубого сердца. Только мы теперь видим закон, а от них сокрыты – не только благодать, но и самый закон. "**Ибо то же самое покрывало доныне**, –говорит, – **остается неснятым при чтении Ветхого Завета, потому что оно снимается Христом" (Ибо даже до сего дне тожде покрывало во чтении ветхаго завета пребывает не откровено, зане о Христе престает)**. Слова его имеют следующий смысл: (иудеи) не знают, что это покрывало уничтожилось, потому что не веруют во Христа. В самом деле, если оно через Христа уничтожено, как и действительно уничтожено, о чем предсказал еще наперед и самый закон, то каким образом не принявший Христа, Который отменил закон, могут узнать, что этот закон отменен? Но если они не знают этого, то, очевидно, не знают и силы самого закона, который говорит об этом, и всей его славы. Но ты спросишь: "Где же сказал закон, что он во Христе имеет конец?" Он не только сказал об этом, но и на самом деле показал. И во-первых, показал тем, что все жертвы и всякое освящение заключил в одном месте – в храме, и этот самый храм после разрушил. В самом деле, если бы он не хотел отменить эти жертвы и все законы о жертвах, то он сделал бы одно из двух: или не разрушил бы храм, или, и разрушив его, не запретил бы приносить жертвы в других местах. Теперь же он сделал невозможными такие священнодействия как во всей вселенной, так и в самом Иерусалиме. Назначив местом для них только один храм Иерусалимский, а после и тот разрушив, закон самым делом показал, наконец, что постановления законные прекратились во Христе – Христос осудил и храм на разорение. Если же ты из самых слов желаешь видеть, как закон должен получить конец чрез Христа, то послушай самого законодателя, который так говорит: "**Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, - Его слушайте … воздвигну им Пророка из**

среды братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему … а кто не послушает слов Моих, которые [Пророк тот] будет говорить Моим именем, с того Я взыщу" (пророка вам воздвигнет Господь от братии вашея, якоже мене, того послушайте по всему, елика аще речет к вам: и будет, всяка душа, яже аще не послушает пророка онаго, потребится от людей) (Втор. 18: 15, 18; Деян. 3: 22, 23). Видишь ли, каким образом закон показал, что он во Христе имеет конец? Этот пророк, т. е. Христос по плоти, Которого Моисей велел слушать, отменил и субботу, и обрезание, и все ветхозаветные обряды. И Давид, предвозвещая то же самое, сказал о Христе: "**Ты священник вовек по чину Мелхиседека" (Ты иерей во век по чтну Мельхиседекову)** (Псал. 109: 4), а не чину Ааронову. Потому и Павел, толкуя это место, ясно сказал, что "**потому что с переменою священства необходимо быть перемене и закона" (предлагаему священству, по нужде и закону пременение бывает)** (Евр. 7: 12). И в другом месте говорит еще: "**жертвы и приношения Ты не восхотел … Всесожжения и [жертвы] за грех неугодны Тебе. Тогда Я сказал: вот, иду" (жертвы и приношения не восхотел еси, всесожжений и жертвы о гресе не благоволил еси. Тогда рех: се иду)** (Евр. 10: 5-7). Кроме этих, можно привести и многие другие свидетельства из Ветхого Завета, которые показывают, каким образом закон получает конец во Христе. Таким образом, когда ты оставляешь (ветхий) закон, тогда хорошо разумеешь закон; а пока продолжаешь держаться его и не веруешь во Христа, то не знаешь и самого закона. Потому-то (апостол), желая показать это яснее, и говорит далее: "**Доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их**" (ст. 15). Так как (апостол) сказал, что в чтении Ветхого Завета остается покрывало, то, чтобы кто не подумал, что эти слова означают темноту закона, он и прежде, хотя и другими словами, старался показать это (именно словами: "**умы их ослеплены**" он показывает, что виноваты сами иудеи), и теперь в самом этом изречении показывает то же. В самом деле, он не сказал, что на буквах пребывает покрывало, а – "**при чтении**", чтение же есть дело тех, кто читает; равно как говорит: "**когда они читают Моисея**" **(внегда чтется Моисей)**. Всего же яснее он показал это, сказав прямо, что это "**покрывало лежит на сердце их**". Так точно оно и на лице Моисея лежало не ради Моисея, но по причине грубого и плотского разумения иудеев.

Итак, довольно обличивши их, (апостол) показывает им и способ исправления. Какой же именно? "**но когда обращаются**, –говорит, – **к Господу**, – т. е., оставит закон, – **тогда это покрывало снимается" (Внегда же** обратится **ко Господу, взимается покрывало)** (ст. 16). Видишь ли теперь, что то покрывало было не для лица Моисеева, но для глаз иудеев? Оно положено было не для того, чтобы скрыть славу Моисея, но для того, чтобы они не смотрели на нее, потому что не были способны к тому. Они сами, следовательно, были виновны в том. И оно не от Моисея скрывало что-нибудь, но от иудеев. И хотя он не сказал прямо: когда оставят закон, однакоже ясно указал на это, сказав: "**но когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается**". Таким образом, (апостол) до конца выдержал историю. И Моисей, когда говорил с иудеями, покрывал лицо свое, когда же обращался к Богу, снимал с себя покрывало. А это прообразовало имеющее быть впоследствии, т. е., когда мы обратимся к Господу, тогда узрим славу закона, и непокровенное лица законодателя, и мало того – станем даже наряду с Моисеем. Видишь ли, как он вызывает иудея к вере, показывая, что он не только может видеть Моисея, приходя к благодати, но и стать на одном ряду с этим законодателем? "Ты не только, – говорит, – будешь созерцать ту славу, которой тогда не видал, но и сам приобщишься той же славы, и даже гораздо лучшей – такой, пред которою первая не есть даже и слава. Как же и каким образом? Так, что ты, обратившись к Господу и получив благодать, будешь наслаждаться такою славою, в сравнении с которою слава Моисея так мала, что не есть и слава. Однако, как она ни мала и как ни далеко отстоит от той (благодатной славы), ты, оставаясь иудеем, и ее бы не удостоился (как не видели ее ни тогдашние иудеи, ни

нынешние); сделавшись же верующим, ты удостоишься созерцания гораздо лучшей славы". Когда (апостол) обращал речь свою к верным, то говорил: "**То прославленное даже не оказывается славным" (не прославися прославленное)**; а здесь сказал напротив: "**но когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается**". Таким образом, мало-помалу возводит (иудея) на высоту; сперва поставляет его на ряду с Моисеем, а потом уже делает участником и большего. Действительно, когда ты увидишь Моисея в славе, тогда уже обратишься и к Богу, и будешь наслаждаться славою лучшею и высшею (Моисеевой). Итак, пересмотри с самого начала, сколько он указал отличительных признаков того и другого завета, различающих их между собою и показывающих превосходство нового пред ветхим, а не разногласие и противоречие одного другому. Он сказал, что ветхий есть "буква" (письмя), камень, служение смерти, и имеет конец, и однако иудеи не были удостоены и такой славы его; Новый же завет написан на скрижалях плотяных, и есть дух, правда, и пребывает вечно; и мы все удостаиваемся славы его, а не один кто-нибудь, как Моисей тогда один удостоился и меньшей славы. "**Мы же все**, – говорит, – **открытым лицем, как в зеркале, взирая на славу Господню" (Мы вси откровенным лицем на славу Господню взираем)**, а не на славу Моисея. Но так как некоторые, вопреки твердому исповеданию, думают, что эти слова – "**когда обращаются к Господу** " – сказаны о Сыне, то исследуем это изречение тщательнее и точнее, начав с того, на чем они думают основать свое мнение. Что же это? Они говорят: в каком смысле в Писании говорится "**Дух Бог**" (**πνευμα ο Θεός**), в таком же смысле сказано и здесь – "**Господь Дух**". Но (апостол) не сказал: "Господь Дух" (**πνε˜υμα ο Κύριος**), но Господь Дух есть (**ο Κύριος τό πνε˜υμά εστι**). А между этим и тем соединением слов большое различие. Когда Писание хочет совершить так, как ты говоришь, тогда оно к придаточному имени не прилагает члена. Впрочем, и другим образом можно узнать, о ком (апостол) говорил все, что говорил выше. Напр., когда он говорил: "**буква убивает, Дух животворит**"; и опять: "**написано не чернилами, но Духом Бога жива**", – о Сыне ли говорил это, или о Духе? Очевидно, что о Духе, потому что к Нему от "буквы" возводит он иудеев. Но чтобы кто-нибудь, услышав о Духе, и, рассуждая сам с собою, что Моисей обращался к Господу, а этот к Духу, не подумал отсюда, что (апостол) ниже (Моисея), то он, предупреждая такую мысль, говорит: "**Господь есть Дух** " (ст. 17), т. е., и Дух есть Господь. А чтобы ты знал, что он говорит об Утешителе, присовокупил: "**, там свобода" (идеже Дух Господень, ту свобода)**, – так что тебе нельзя уже сказать, что слова его то же значат, что – "где Господь Господень". О свободе он упомянул здесь в противоположность прежнему рабству. Потом, чтобы ты не подумал, что он говорит о будущем еще времени, присовокупляет: "**Мы же все открытым лицем … взирая на славу Господню" (мы же вси откровенным лицем славу Господню взирающе)** (ст. 18), т. е., не ту преходящую, но пребывающую, "**преображаемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа" (в той же образ преобразуемся от славы в славу, якоже от Господня Духа)**.

Видишь ли, как он опять поставляет Духа на месте Бога, а их (коринфян) на одну степень с апостолами? Он и выше сказал: "**вы - письмо Христово" (вы есте послание Христово)** (ст. 3), и теперь говорит: "**мы же все открытым лицем**", хотя одни апостолы, подобно Моисею, ходили нося с собою закон. "Но как мы, – говорит, – не имели нужды в покрывале, так и вы, принявшие (евангелие). Хотя (новозаветная) слава гораздо больше (ветхозаветной), потому что она не есть слава нашего лица, но Духа, тем не менее и вы одинаково с нами можете смотреть на нее. Иудеи и при посреднике не могли видеть; вы же и без посредника можете созерцать гораздо бóльшую славу. Они и на славу Моисея не могли взирать, а вы можете созерцать и славу Духа". Итак, если бы Дух был ниже, то он не поставил бы новозаветного выше ветхозаветного.

5. Что же значит: "**взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ" (славу Господню взирающе, в той же образ преобразуемся)**? Это тогда было яснее, когда действовали дарования чудес; впрочем, кто имеет очи веры, тому и ныне нетрудно уразуметь это. Как скоро мы крещаемся, то душа наша, очищенная Духом, делается светлее солнца; и мы не только бываем способны смотреть на славу Божию, но еще и сами получаем от нее некоторое сияние. Как чистое серебро, лежащее против солнечных лучей, и само испускает лучи не только от собственного естества, но и от блеска солнечного, так и душа, очищенная Духом Божиим и соделавшаяся блистательнее серебра, принимает луч от славы Духа и отражает его. Потому и говорит (апостол): "**взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ от славы Духа в славу** нашу, которой удостаиваемся, в славу такую, в какую надлежит **от Господня Духа**".

Видишь, как и здесь он называет Духа Господом. Но и в других местах можно видеть, что Он Господь. Так – "**Когда они служили**, – говорится, **– Господу и постились, Дух Святый сказал: отделите Мне Варнаву и Савла** (Деян. 13: 2). Для того и сказано – "**Когда они служили … отделите Мне**", чтобы показать Его равночестность. Еще, опять, Христос говорит: "**раб не знает, что делает господин его**" (Иоан. 15: 15). Но Дух так же знает Божие, как человек знает ему принадлежащее, и притом без научения; иначе не было бы подобия (1 Кор. 2: 11). И то самое, что Он действует, как хочет (1 Кор. 12: 11), показывает Его власть и господство. Он преобразует нас; Он не допускает нас сообразоваться веку этому; Он же есть и Творец такого творения. И подобно тому, как говорится: "**созданы во Христе Иисусе**" (Еф. 2: 10), так точно же говорится: "**Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня" (сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей)** (Пс. 50: 12). Хочешь ли, я покажу тебе это ощутительнее на апостолах? Подумай только о Павле, одежда которого имела (чудное) действие; о Петре, тень которого обнаруживала (чудодейственную) силу. Если бы они не носили в себе образа Царя, и от них не исходило некоторое несравнимое блистание, то одежды и тени их не обнаруживали бы такой силы. Ведь одежды царские страшны и для злодеев. Хочешь ли видеть, как тот же образ отражался и на теле их? "**смотря**, – говорится, – на лицо **Стефана, видели лице его, как лице Ангела" (Воззревше … на него … видеша яко лице ангела)** (Деян. 6: 15). Но это еще ничто в сравнении с славою, которая сияла внутри. Что Моисей имел на лице своем, то самое они носили в душе своей, лучше же сказать – гораздо даже большее, потому что слава Моисеева была чувственная, а эта невещественная. И как тела, имеющие способность отражать свет, освещаясь светящимися телами, и сами разливают отражающийся в них свет на другие ближайшие к ним тела, так бывает и с верными. Вот почему те, которые достигают этого, оставляют уже все земное, и живут одним небесным. А мы что? Нам остается только горько стонать по поводу того, что, удостоенные столь высокого звания, мы не знаем даже того, что говорят нам о нем, потому что слишком скоро погубляем в себе (духовные) предметы и привязываемся к чувственным. Эта неизреченная и страшная слава остается в нас не более, как на один или на два дня; а потом мы опять погашаем ее, обуреваясь житейскими делами, и затеняя густыми облаками ее сияние.

Житейские дела – это действительно ненастье, и даже страшнее ненастья. Хотя от них не происходит ни стужи, ни дождя, ни грязи, ни глубокого болота; но зато, что всего хуже, от этих дел является геена со всеми ее мучениями. И как во время сильной стужи все члены цепенеют и замирают, так и душа, оледеневшая от хлада греховного, не может отправлять дел своих, будучи скована, как морозом, совестью. Действительно, что для тела мороз, то для души худая совесть. Отсюда происходит и боязливость. Никто столько не страшится, как прилепившийся к житейскому. Он живет жизнью Каина, трепеща каждый день от страха. И нужно ли говорить о (его опасениях) смерти, потерях, распрях, коварствах и лести? Он и без того боится тысячи превратностей. И хотя сокровищница его полна

золота, но душа не свободна от страха бедности. Это и очень естественно, потому что все его желания устремлены к предметам скорогибнущим и скоропреходящим. Если сам он и не испытал еще превратности, то, видя ее на других, почитает себя уже погибшим; оттого он весьма боязлив и малодушен. И не в одних только опасностях так он боязлив; он таков и во всех других случаях. Если нападает на него страсть сребролюбия – он не отражает ее нападения, как поступает человек, свободный от этой страсти, но делает все, как купленный раб, в угождение жестокой своей госпоже – сребролюбию. Видит ли благообразную девицу – он тотчас пленяется ею, трепещет и бежит за нею, подобно взбесившемуся псу; между тем как надлежало бы поступить иначе.

6. Когда ты видишь красивую женщину, не о том помышляй, как бы удовлетворить своей похоти, но как бы освободиться от этой похоти. "Да как же это, – скажешь ты, – возможно? Любить ведь не от меня зависит". А от кого же, скажи мне? От наветов диавола? Пусть так, обвиняй в этом одного диавола; борись же с диаволом и противься страсти. "Но я не могу", – скажешь ты. Ну, тогда и мы первым делом скажем тебе, что твоя страсть произошла от твоего нерадения, и что ты сам, еще прежде нежели получил страсть, дал доступ к себе диаволу. Но и теперь, если бы ты хотел, очень легко мог бы прогнать его от себя. Скажи мне, что заставляет прелюбодеев прелюбодействовать – желание ли себе бед, или любовь? Очевидно, что любовь. Что же, должно ли их поэтому извинять? Никак. Почему же? Потому что этот грех зависит от них. "Но для чего мне такие умствования, – скажешь ты, – я сознаю в себе желание освободиться от этой страсти, но не могу, потому что она сильно нападает на меня, терзает и жестоко мучит меня". Согласен, что ты желаешь освободиться от этой страсти, но не то делаешь, чем бы можно было отогнать ее; ты делаешь то же, что делает одержимый горячкою, когда пьет холодную воду, и так же говорит: сколько я ни придумываю средств избавиться от горячки, не только ничего не успеваю, напротив, еще более усиливаю в себе жар.

Итак посмотрим: желая погасить свою страсть, не делаешь ли ты чего, что более разжигает ее? "Нет", – скажешь ты. Скажи же, какие ты употребляешь средства для того, чтобы погасить свою страсть? И что вообще увеличивает эту страсть? Хотя и не все мы подвержены этой страсти, потому что более можно найти зараженных любовью к деньгам, нежели плотскою любовью, – но и тем и другим предлагается общее лекарство. И та и другая любовь равно гнусны; последняя только сильнее и пагубнее. Итак, когда мы преодолеваем сильнейшую, то очевидно и слабейшую легко можно истребить. Но если любовь плотская сильнее, то отчего же, скажешь ты, не все бывают заражены этим пороком, напротив большинство до безумия любят деньги? Это, во-первых, оттого, что последняя страсть многим кажется безопасною, а еще от того, что любовь плотская, хотя и сильнее, но она скорее проходит. Иначе, если бы она была столько же постоянна, как и страсть к деньгам, то каждого зараженного ею приводила бы к погибели. Итак, рассмотрим же внимательнее плотскую любовь, и узнаем, что усиливает эту страсть. Тогда увидим, от нас ли она зависит, или не от нас. Если от нас, то мы должны употребить все усилия, чтобы освободиться от нее; если же не от нас, то для чего напрасно и мучить себя? Для чего будем обвинять, – не следует ли скорее извинять тех, которые бывают пленены (этой страстью)? Итак, отчего же рождается эта любовь? "От красоты лица, – скажешь ты, – то есть, когда красива и благовидна будет та, которая уязвляет". Но ты несправедливо и безрассудно говоришь это. В самом деле, если бы красота лица привлекала к любви, то такую девицу любили бы все. Если же не все любят ее, то и любовь эта зависит не от естества и не от красоты лица, а от бесстыдных глаз. Когда ты, пристально смотря на нее, чрезмерно удивляешься ей и разжигаешься в сердце своем, то ты уже уязвлен. "Но кто же может, – скажешь, – при взгляде на красивую женщину не похвалить ее? Если, следовательно, не от нашей воли зависит удивляться в таких случаях, то не от нас зависит и любовь". Не спеши, человек. Для чего ты все смешиваешь и, бродя

всюду, не хочешь видеть корня этого зла? Я много знаю таких, которые удивляются и хвалят, между тем не любят. Как же возможно удивляться красоте, и не любить? Не тревожься, я об этом и хочу теперь говорить, но потерпи и послушай, как Моисей удивляется сыну Иакова, говоря: "**Иосиф же был красив станом и красив лицем" (и бяше Иосиф добр образом и красен взором зело)** (Быт. 39: 6). Неужели же говоривший так вместе и любил? Совсем нет. Ты скажешь, что Моисей не видал того, кого хвалил. Однако, мы впадаем в любовную страсть не только, когда видим красоту, но, случается, и тогда, когда слышим о ней. Но чтобы ты более не спорил с нами об этом, я спрошу тебя: Давид не был ли благообразен и весьма доброзрачен, особенно по красоте своих глаз? А что более всего составляет властную черту в благообразии лица, это именно красота глаз. Что же? Увлечен ли был кто-нибудь страстною любовью к нему? Никто. Следовательно, любовь не связана неразрывно с удивлением. Многие имели также матерей, цветущих телесною красотою. Что же? Неужели дети любили их страстною любовью? Да не будет! Хотя они и дивятся тому, что видят, однако не впадают в постыдную любовь. Но (ты опять скажешь, что) здесь удерживает закон природы? Скажи мне, какой закон природы? "Тот, – скажешь, – что они – матери". Но разве ты не слыхал, что персы, без всякого постороннего принуждения, живут с матерями своими, как с женами, и не один или два из них так поступают, но целый народ? Впрочем, и без того уже видно, что любовная страсть происходит не просто от красоты только телесной и благовидности, а от расслабления и заблуждения души. Много было и таких, которые, много раз пройдя мимо тысяч благообразных женщин, отдавались безобразным. Отсюда ясно, что любовь зависит не от красоты лица. В противном случае они избирали бы красивых, а не безобразных. Итак, где же причина (страсти)? "Если не от красоты лица эта любовь, то откуда же, – спросишь ты, – она происходит, и где искать ее источника? От злого демона?" Точно, она и отсюда. Но мы не того доискиваемся; вопрос в том, не причиной ли и мы? Действительно, она не есть только навет диавола, вместе с ним и прежде всего сами мы виновники ее. Подлинно, эта злая болезнь ни от чего так легко не рождается, как от привычки, от льстивых слов, от праздности, лености и от того, что у нас нет никакого дела.

7. Велика власть привычки, истинно велика, до такой степени, что она даже обращается в необходимость природы. Но если привычка рождает ее, то очевидно, что она же может и погасить ее. Многие, увлеченные любовью, освобождались от нее тем, что не видели более любимых ими лиц. Сначала это кажется тяжело и очень неприятно, но со временем делается приятным, а наконец, даже и при желании, невозможно уже становится вызвать опять страсть. "А это отчего, – ты скажешь, – что я и без привычки еще пленяюсь при первом взгляде?" И это также происходит или от праздности телесной, или от роскоши, или от беспечности о своих обязанностях, или оттого, что человек вовсе не занимается даже необходимыми для него делами. Такой (человек), повсюду блуждая, точно заблудившийся в пути, легко увлекается всяким злом; и его душу, как душу рассеянного юноши, всякий, кто хочет, увлекает в рабство. Так как существенное свойство души – непрестанно быть в действии, то если ты прекратишь ее деятельность в добром, – она, как не могущая оставаться в бездействии, по необходимости устремляется к другому (роду деятельности). Подобно тому как земля, если остается не засеянной и не насажденной, сама собою производит траву, так и душа, когда не занимается необходимыми для нее делами, как стремящаяся по природе своей непрестанно к деятельности, по необходимости предается злым делам. И как глаз не может перестать смотреть, и потому необходимо увидит худое, когда не имеет пред собою хорошего, так и помысл, когда отвлекается от предметов необходимых, непременно начинает вращаться около предметов бесполезных. А что непрестанное упражнение и бодрствование могут отогнать и первое нападение страсти, это известно из многих примеров. Итак, если ты при взгляде на красивую женщину почувствуешь к ней страсть, то более не смотри на нее – и освободишься (от страсти). "Но как я могу, – скажешь ты, – не смотреть на нее, будучи

увлекаем страстью?" Займись другими полезными предметами, привлекающими душу, читай книги, заботься о своих нуждах, ходатайствуй, защищай обижаемых, молись, размышляй о будущем веке, – к этим предметам устремляй душу. Поступая таким образом, ты освободишься не только от новой еще раны, но легко можешь излечить даже отвердевшую и застаревшую. Если худая молва, по пословице, убеждает иногда влюбившегося отказаться от своей любви, то тем более эти духовные напевы могут подавить зло, лишь бы только мы сами захотели оставить его. Но если мы всегда обращаемся и беседуем с теми, которые поражают нас стрелами этой страсти, и даже в отсутствие говорим о них сами, и слушаем рассказы других, то мы сами питаем болезнь свою. Как же ты хочешь погасить огонь, каждый день раздувая пламень? Всем, что мы сказали доселе о привычке, пусть воспользуются юноши. Что же касается до мужей и тех, которые умеют размышлять, то для них более всего в этом случае нужен страх Божий, память о геене и желание небесного царствия. Этого достаточно, чтобы погасить пламень преступной любви. Но кроме этого, представляй себе и то, что видимое тобою есть не более, как влага, кровь и гной разложившейся пищи. "А светлый цвет лица?" – скажешь ты. Но нет ничего светлее цветов земных; а и они увядают и сгнивают. Так и здесь смотри не на цвет, но проникай мыслию в глубь, и, оставив без внимания красоту кожи, размышляй о том, что кроется под нею. И у страдающих водяною болезнью тело светло, и снаружи не имеет ничего безобразного; но при мысли о кроющейся внутри влаге не мы не можем любить таковых людей. А нежный и резвый глаз, красиво расположенные брови, черные ресницы, кроткая зеница ока, веселый взгляд? Но знай опять, что и это все не что иное, как нервы, жилы, перепонки и артерии. Представь только этот красивый глаз больным, состарившимся, иссохшим от печали или пылающим гневом: как он покажется тебе безобразным, как вся прелесть его вдруг пропадет и тотчас исчезнет! Вместо того устремляй лучше мысль твою к истинной красоте. "Но я не вижу, – скажешь, – красоты душевной". Напрасно: если захочешь, увидишь. Подобно тому, как можно, и не видя глазами, мысленно удивляться отсутствующим красивым лицам, так точно – видеть и красоту душевную без помощи глаз. Не воображал ли ты себе иногда какого-нибудь красивого лица, и не ощущал ли чего-нибудь к этому созданному тобою образу? Так точно воображай себе и красоту души, и наслаждайся ее благообразием. Ты скажешь: "Я не могу видеть бесплотного". Но умом мы еще лучше созерцаем бесплотное, нежели тела. Таким образом мы удивляемся и ангелам и архангелам, хотя их и не видим, равно как и добрым нравам и душевным добродетелям. Итак, когда увидишь кроткого и степенного человека, то подивись лучше ему, нежели обладающему красивым лицом; и если заметишь, что кто-нибудь без огорчения переносит напрасные обиды, то дивись и вместе полюби его, хотя бы он был и старец. Красота души именно такова, что и в старости имеет многих любящих, потому что никогда не увядает и всегда цветет. Итак, чтобы и нам приобрести такую красоту, станем уловлять и любить тех, которые имеют ее. Таким образом, мы и сами, получив ту же красоту, сможем достигнуть вечных благ, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 8

"Посему, имея по милости [Божией] такое служение, мы не унываем; но, отвергнув скрытные постыдные дела…" (2 Кор. 4:1).

1. Так как (апостол) сказал много великого, и поставил себя и всех верных выше Моисея, то, сознавая всю силу и важность сказанного, смотри, как он опять умеряет свое слово. Действительно, ему надлежало и возвысить себя ради лжеапостолов, равно как и своих слушателей, и опять умерить эту высоту, на которую поставил себя, не отказываясь, впрочем, от нее совершенно, потому что отказаться значило бы шутить. Для этого он

употребляет такой оборот речи, которым показывает, что все зависит не от собственных его совершенств, но от человеколюбия Божия, почему и говорит: "**имея … такое служение" (имуще убо служение сие)**. "Мы ничего, – говорит, – не привнесли своего, мы только были служители у Бога и исполнители данных от Него наставлений". Вот почему он и называет (свое апостольское делание) не начальствованием, не водительством, а только "**служением**"; и даже этим не довольствуется, а присовокупляет еще: "**по милости Божией" (якоже помиловани быхом)**, – то есть, "и то самое, что мы поставлены служителями, зависит только от милости и человеколюбия (Божия)". Правда, дело милости есть избавлять от зол, а не такие раздавать блага, какие даны были (апостолам); впрочем, Божией милости и это свойственно. "**Мы не унываем" (Не стужаем си)**, то есть, "и то, что мы не унываем, надлежит приписать Его человеколюбию". Выражение: "**по милости Божией" (якоже помиловани быхом)** должно именно относить как к служению, так и к словам: "**мы не унываем**". Смотри же, как он старается смягчить прежде сказанное о себе: он говорит, что кто удостоился столь великих и многих благ, и удостоился только по милости и человеколюбию, – тот ничего не делает великого, сколько бы ни трудился, каким бы ни подвергался опасностям, и какие бы ни терпел искушения. "Оттого мы не только не унываем, – говорит, – но еще радуемся и дерзаем". Сказав именно: "**Мы не унываем**", он присовокупил еще: "**но, отвергнув скрытные постыдные [дела], не прибегая к хитрости и не искажая слова Божия" (но отрекохомся тайных срама, не в лукавствии ходяще, ни льстяще словесе Божия)** (ст. 2). Что же значит: "**скрытные постыдные дела" (тайных срама)**? "Мы не так возвещаем, – говорит, – что на словах обещаем многое, а на деле показываем другое, как поступают лжеапостолы, – почему он и говорил: "**На личность ли смотрите?" (яже пред лицем зрите)** (2 Кор. 10: 7), – но мы таковы же и на деле, каковыми вы нас видите, потому что мы не имеем ничего двусмысленного, и ничего не говорим и не делаем, что бы от стыда надлежало скрывать и оставлять во мраке". И желая высказать это еще яснее, прибавляет: "**не прибегая к хитрости" (не в лукавствии ходяще)**. Что те (лжеапостолы) почитали похвальным, то он (апостол) называет постыдным и достойным смеха. Что же значит – "**к хитрости" (в лукавствии)**? Те (лжеапостолы) славились как нелюбостяжательные, а между тем брали дары, только тайно; почитались за святых и за истинных апостолов, а на самом деле имели множество пороков. "Мы же, – говорит, – все это отвергнули (т. е. то, что он и называет "**постыдными делами**"); мы и в самом деле таковы, каковыми кажемся, и не имеем ничего скрытого как в жизни нашей, так и в самом проповедании". Это и означают слова: "**не искажая слова Божия, а открывая истину" (ни льстяще словесе Божия, но явлением истины)**, т. е., не наружно и для вида, но самым делом. "**Представляем себя совести всякого человека" (Представляюще себе ко всякой совести человечестей)**. "Мы известны не только верным, но даже и неверным, потому что представляем себя на суд всякому, кто хочет испытывать наши дела. Так мы представляем себя, а не прикрываясь и показывая только светлую личину. Мы говорим, что не принимаем никаких для себя даров, – и вас же самих призываем в свидетели этого; утверждаем, что мы ничего худого за собою не знаем, – и в этом опять свидетельствуемся вами же самими. Мы не делаем, как они, прикрывая дела свои, чтобы обманывать других. Напротив, мы и жизнь свою предлагаем всем на рассмотрение, и учение преподаем без всякого прикрытия, так что все могут разуметь его". Но так как неверные не уразумели силы этого учения, то он присовокупляет, что "это не по нашей вине, а по причине бесчувствия их самих". Поэтому и говорит: "**Если же и закрыто благовествование наше, то закрыто для погибающих для неверующих, у которых Бог века сего ослепил умы" (аще ли же и есть покровено благовествование наше, в гибнущих есть покровено, в нихже Бог века сего ослепи разумы неверных)** (ст. 3, 4). Здесь он говорит то же самое, что он и прежде сказал: "**для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь" (овем убо воня смертная в смерть, овем же воня животная в живот)** (гл. 2: 16).

2. Кто же это – "**Бог века сего**"? Последователи заблуждения Маркиона говорят, что это сказано только о Творце правосудном, а не благом: они утверждают, что есть другой какой-то Бог, правосудный только, без благости. Манихеи же, безумно желая ввести другого творца твари кроме истинного, говорят, что здесь говорится о диаволе, потому что Писание часто называет богом не по достоинству называемого, но по бессилию подчиненных его. Так оно и "**мамону**" называет господином (**κύριον**); (Мф. 6: 24) и чрево – богом (Филип. 3: 19). Однако ни чрево по этому самому не бог, ни мамона – господь, но так названы они из-за тех, которые им подчиняют себя. Мы же думаем, что это сказано и не о диаволе, но о Боге всяческих. И должно читать это место так: "Бог ослепил разумы неверных века сего" (**τών απιστων του αιώνος τούτου ετύφλωσεν ο Θεός τά νοήματα**), потому что не будущий, а только настоящий век имеет неверных. Если же кто и так будет читать: "Бог века сего" (**ο Θεός τού αιόνος τόύτου**), то и такое чтение не представляет никакого затруднения, потому что не показывает еще, что Он – Бог только настоящего века. Он называется и Богом неба; однако не есть Бог одного только неба. Мы называем Его также и Богом настоящего дня; однако, говоря так, мы не ограничиваем власти Его только этим днем. Равным образом называется Он и Богом Авраама, и Богом Исаака, и Богом Иакова, и, однако, Он не есть Бог только их одних. Много и других подобных доказательств можно находить в Писании. Как же Он ослепил их? Не содействием к тому, – да не будет, – но оставлением и попущением. В Писании часто употребляются такие выражения. Так оно говорит: "**предал их Бог превратному уму" (предаде их Бог в неискусен ум)** (Рим. 1: 28). Так как язычники прежде сами не поверили и сделали себя недостойными познания таин Божиих, то и Бог уже потом оставил их. Что же другое надлежало бы с ними делать? Насильно влечь и открывать тайны не желающим знать их? Но они еще более презрели бы и отказались знать их. Потому-то (апостол) и присовокупил: "**чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа" (во еже не возсияти им свету благовествования славы Христовы**, – не для того, чтобы не веровали в Бога, но для того, чтобы неверующие, как неспособные, не видели внутренних таин. То же и нам заповедал Господь, повелев не метать бисера пред свиньями (Мф. 3: 6). Иначе, если бы Он открыл и неверующим, то болезнь (неверия) только еще более усилилась бы в них. Так и больного глазами если бы кто насильно заставил смотреть на солнце, то еще больше только усилил бы его болезнь. Вот почему врачи и содержат таких больных в темноте, чтобы не усилить болезнь. Точно таким же образом и здесь представляй, т. е., что неверующие сделались такими по своей воле, а, сделавшись неверующими, они уже не могли созерцать неизреченных таин Евангелия, так как и Бог уже сокрыл от них сияние света евангельского. Об этом и (Господь) говорил ученикам: "**потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат" (сего ради в притчах глаголю им, яко слышаще не слышат)** (Мф. 13: 13). Но чтобы еще лучше объяснить на примере то, о чем я говорю, представь себе какого-нибудь эллина, который считает за басни наши таинства: больше ли пользы получил бы он, когда бы пошел к нам и увидел наши таинства, чем когда бы вовсе не входил? В таком же смысле и (апостол) говорит: "**чтобы для них не воссиял свет" (во еже не возсияти им свету)**, продолжая все еще держаться истории Моисея. Что именно случилось с иудеями при Моисее, то же самое происходит и со всеми неверными во времена евангельские. А что от них сокрыто и неизвестно им, об этом послушай самого (апостола), который говорит: "**чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога" (во еже не возсияти им свету благовествования славы Христовы, иже есть образ Бога)**, – т. е., что крест есть спасение вселенной и Его слава, что этот самый Распятый на нем опять имеет придти с великою славою, и все другое, настоящее и будущее, видимое и невидимое, неизреченная слава ожидаемых (благ). Вот почему он и сказал: "**воссиять**", чтобы ты не всего искал здесь в этой жизни, потому что слава, даруемая теперь, есть только некоторое сияние Духа. На это (апостол) указал и выше, когда упоминал о **благоухании**, равно как о **залоге**, – показывая тем, что большее остается там (в будущей

жизни). Но все это сокрыто от неверующих; сокрыто же за то, что сами прежде не захотели поверить. Далее, чтобы показать, что не познавшие славы Христовой не знают не только Христовой славы, но и славы Отца, прибавил: "**Который есть образ Бога**". Нельзя ведь остановиться на одном только Христе, потому что, подобно тому, как чрез Христа ты видишь Отца, так, не познав славы Христовой, не познаешь и славы Отца. "**Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы - рабы ваши для Иисуса" (Не себе бо проповедуем, но Христа Иисуса Господа, себе же самех рабов вам Иисуса ради)** (ст. 5).

3. Какая здесь связь? И как это относится к вышесказанному? Здесь он указывает или на тех, которые гордились собою, и заставляли учеников своих называть себя их именами, как о том он говорил в первом послании: "**«я Павлов»; «я Аполлосов»" (аз есмь Павлов, аз же Аполлосов)** (1: 12), – или на другое что, более важное. На что же? Так как (лжеучители) сильно восставали (на апостолов), и со всех сторон нападали на них, то он и говорит: "Против нас ли вы вооружаетесь и восстаете, или против Проповедуемого нами? Ведь мы не себя проповедуем. Я раб, я служитель даже тем, которые принимают эту проповедь, я тружусь для другого, т. е. для Господа, и все делаю для Его славы, так что враждующие против нас восстают против Господа. Я столько далек от того, чтобы искать себе каких-нибудь выгод от проповеди Евангелия, что не отказываюсь быть и вашим рабом для Христа, – когда Ему угодно было столько почтить вас, когда Он столько возлюбил вас, и все для вас сделал". Поэтому и говорит: "**мы - рабы ваши для Иисуса**" **(себе же самех рабов вам Иисуса ради)**. Видишь ли душу ни мало не заботящуюся о славе? Он говорит: "Мы не только не присваиваем себе того, принадлежит Господу, но даже и вам служим для Него". "**Потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца" (Яко Бог рекий из тмы свету возсияти, возсия в сердцах наших)** (ст. 6). Видишь ли, как он опять желающим находить превосходство в славе Моисеевой показывает другую славу, сияющую с излишком пред Моисеевой? Он говорит, что как (тогда слава) озарила лицо Моисея, так (ныне слава) воссияла в сердцах ваших. Из всего созданного в начале прежде он упоминает о чувственном свете и осязательной тьме, показывая тем превосходство их пред другими творениями. Но когда (Бог) повелел из тьмы воссиять свету? При самом начале творения, как говорит (Моисей): "**тма** была **верху бездны. И рече Бог: да будет свет**" (Быт. 1: 2, 3). Но тогда Он сказал: "**да будет**", и сделалось, а ныне Он не сказал, но сам стал для нас светом; не – "**рече**", но сам "**воссиял**". Потому и мы при сиянии этого света видим не чувственные предметы, но самого Бога чрез Христа. Видишь ли здесь нераздельность Св. Троицы? В самом деле, о Духе Святом (апостол) говорит: "**Мы же все открытым лицем взирая на славу Господню, преображаемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа" (мы же вси откровенным лицем славу Господню взирающе, в тойже образ преобразуемся от славы в славу, якоже от Господня Духа)** (3: 18); о Сыне: "**чтобы для них не воссиял свет благовествования о славе Христа, Который есть образ Бога " (во еже не возсияти им свету благовествования славы Христовы, иже есть образ Бога)** (4: 4); об Отце: "**повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить [нас] познанием славы Божией в лице Иисуса Христа" (рекий из тмы свету возсияти, возсия в сердцах** ваших **к просвещению разума славы Божия о лице Христове)** (ст. 6). И как сказавши: "**благовествования славы Христовы**", он присовокупил: "**Который есть образ Бога**", показывая тем, что (не познавшие славы Христовой) лишены и славы Бога Отца, так и после слов: "**разума Божия**" прибавил: "**о лице Христове**", показывая тем, что мы через Христа познаем Отца, подобно тому, как и через Духа приводимся к Нему. "**Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была [приписываема] Богу, а не нам" (Имамы же сокровище сие в скудельных сосудех, да премножество силы будет Божия, и не от нас)** (ст. 7). Так как (апостол) сказал много великого и высокого о неизреченной славе (верующих), то чтобы кто не

сказал: "Почему же мы, получив такую славу, остаемся в смертном теле?", говорит, что это-то особенно и удивительно и представляет величайшее чудо силы Божией, что скудельный сосуд может вмещать в себе такой свет и хранит такое сокровище. Удивляясь и сам этому, он сказал: "Да премножество силы будет Божия, а не от нас"; и опять указывает на тех, которые хвалятся о себе. И величие даров, и слабость получивших их показывают силу (Божию), не только тем, что (Бог) даровал столь великие блага, но и тем особенно, что даровал людям слабым. Под скудельным сосудом он именно разумеет слабость нашей смертной природы и немощь нашей плоти потому, что плоть наша нисколько не крепче скудельного сосуда – она столь же удобосокрушима и также легко разрушается – и смертью, и болезнями, и воздушными переменами, и другими бесчисленными (причинами). И это сказал он как для того, чтобы постыдить высокомерие их, так и для того, чтобы всем показать, что в делах наших нет ничего человеческого.

4. Подлинно, тогда-то особенно и бывает видима сила Божия, когда она совершает великие дела чрез слабые орудия. Потому-то и в другом месте (Господь) сказал: "**ибо сила Моя совершается в немощи" (сила бо моя в немощи совершается)** (2 Кор. 12: 9). Так в ветхом завете чрез мошек и мышей (Господь) сокрушал целые полчища варваров (Исх. 8 и 10; 1 Цар. 5 и 6), – почему Он и гусениц называл великою Своею силою (Иоил. 2: 25), – и некогда чрез одно смешение языков разрушил строение великой вавилонской башни (Быт. 11). А на войне в одно время тремястами человек рассеял бесчисленное войско (Суд. 7); в другое – одним звуком труб разрушил город (Нав. 6); впоследствии же посредством малого и ничтожного отрока Давида обратил в бегство все варварское войско (1 Цар. 17). Так и в Новом завете, послав только двенадцать человек, покорил вселенную, и притом, несмотря на гонения и преследования, которым подвергались эти двенадцать. Итак, подивимся силе Божией, почудимся ей и поклонимся! Спросим иудеев, спросим эллинов: кто убедил всю вселенную оставить отеческие обычаи и переменить образ жизни? Рыболов или скинотворец? Мытарь или некнижный и простой человек? Но имело ли бы это (разумный) смысл, если бы не действовала чрез них Божия сила? Что же они говорили, когда убеждали? – "Крестись во имя Распятого". Какого? Того, Которого они не знали и не видали. И, однако, говоря и проповедуя это, они убедили мир, что прорицатели и так называемые по преданию боги не суть боги. А пригвожденный ко кресту Христос привлекал к себе всех, несмотря на то, что распятие Его и погребение известны были всем, о воскресении же Его знали только немногие. Но и в этом они убедили даже тех, которые не видали этого, и уверили не только в том, что Он воскрес, но и в том, что Он вознесся на небо и придет судить живых и мертвых.

Итак, скажи мне: откуда такая сила убедительности в этих речах? Не откуда более, как от силы Божией. И, прежде всего, самая новость была противна всем: если кто в такого рода вещах вводит новое, для того дело становится очень трудным, потому что он ниспровергает основания древнего обычая, и в корне подрывает законы. К тому же и самые проповедники казались не заслуживающими доверия, потому что были из народа, всеми ненавидимого, бедные и неученые. Каким же образом они покорили вселенную? Как могли посрамить и низложить вас и ваших предков, славившихся мудростью, даже и с богами вашими? Не ясно ли это показывает, что они имели Бога себе помощником? Не человеческой силе свойственно производить такие действия, но неизреченной силе Божией. "Нет, – скажут, – не Божией силе, но волхвованию". Но если волхвованию, то в таком случае надлежало бы еще более возрасти власти демонов и распространиться служению идолам. Отчего же прекратились и исчезали ложные служения, а наше служение восторжествовало над ними? Не ясно ли опять и отсюда, что все это произошло по определению Божию, не только в отношении проповеди, но и самой жизни (проповедников). В самом деле, когда явилась на земле повсюду такая любовь к девственной жизни? Когда стали презирать богатства, жизнь и другие всякие (блага)?

Люди бесчестные и волхвы ничего такого не могли бы произвести; они сделали бы все напротив. Между тем апостолы научили нас жизни ангельской; и не научили только, но и насадили и утвердили эту жизнь не только в нашей стране, но и у варваров, и на самых отдаленных концах земли. Отсюда ясно открывается, что все это повсюду произвела сила Христова, повсюду сияя и быстрее всякой молнии озаряя умы человеческие. Итак, размыслив все это и в точном исполнении совершавшегося имея верный залог имеющих исполниться обетований, поклонитесь вместе с нами непобедимой силе Распятого, чтобы избежать вам тяжких наказаний и наследовать вечное царствие, которого да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 9

"Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены" (2 Кор. 4:8).

1. (Апостол) продолжает еще доказывать, что все сказанное им выше есть дело силы Божией, низлагая таким образом гордость тех, которые хвалятся самими собою. "Не то одно, – говорит, – только чудно, что мы храним это сокровище в скудельных сосудах, но и то, что, подвергаясь бесчисленным бедствиям и, будучи отовсюду поражаемы, сберегаем его, а не теряем. Между тем, как и адамантовый сосуд не мог бы ни носить такого сокровища, ни устоять против стольких наветов, ныне (и скудельный сосуд) вмещает его и остается невредим по благодати Божией". "**Мы отовсюду притесняемы**, – говорит, – **но не стеснены" (Во всем скорбяще но не стужающе си)**. Что значит – "**отовсюду" (во всем)**? Т. е., "Отовсюду мы терпим скорби – от врагов, от друзей, от недостатка самого необходимого, и от других нужд, от недоброжелателей и от своих, – но остаемся нестесненными". И смотри, какие он указывает противоположности, чтобы и здесь показать силу Божию: "**притесняемы (скорбяще)**, – говорит, – **но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся" (но не стужающе си: не чаеми, но не отчаяваеми)**, т. е., "не теряем до конца надежды. Мы часто скорбим и не получаем, чего ищем, однако не так, чтобы теряли уже надежду получить то, к чему стремимся, потому что Бог попускает такие искушения не для того, чтобы поразить нас, но чтобы усовершить нас". "**Мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем" (Гоними, но не оставляеми: низлагаеми, но не погибающе)** (ст. 9). "Хотя постигают нас искушения, но не постигают следствия этих искушений; и это все происходит действием силы и благодати Божией". В других местах он говорит, что такие (искушения) Бог попускает и для того, чтобы смирить их самих и предостеречь других. Так, "**чтобы я не превозносился**, – говорит, – **дано мне жало в плоть" (да не превозношуся, дадеся ми пакостник)** (2 Кор. 12: 7). И еще: "**чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня" (да не како кто вознепщует о мне паче, еже видит мя, или слышит что от мене)** (ст. 6). И в другом месте: "**чтобы надеяться не на самих себя" (да не надеющеся будем на ся)** (там же, 1: 9). А здесь (говорит): "дабы явилась сила Божия".

Видишь, какая польза от искушений? Чрез них становится очевиднее действие силы и благодати Божией: "**довольно для тебя**, – говорит, – **благодати Моей" (довлеет ти благодать Моя)** (2 Кор. 12: 9). Они одних привели к смиренномудрию, а других, по крайней мере, заставили умерить свою гордость, и сделали более великодушными: "**от терпения**, – говорится, – **опытность, от опытности надежда" (терпение соделывает искусство, искусство же упование)** (Рим. 5: 4). Те, которые подвергались бесчисленным бедствиям, и освобождались от них только надеждою на Бога, научались чрез это и во всяком другом случае всего более держаться этой надежды. "**Всегда носим в теле**

мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем" (Всегда мертвость Господа Иисуса в теле носяще, да и живот Иисусов явится в теле нашем) (ст. 10). Что же значит – "**мертвость Господа Иисуса**", которую они носили? Ежедневно угрожающие различные роды смерти, которые указывали вместе и на воскресение. "Если кто не верит, – говорит, – что Иисус умер и воскрес, такой пусть уверится в истине воскресения, видя нас ежедневно умирающими и воскресающими". Видишь, как он нашел еще и другую причину искушений? Какую же именно? "**Чтобы и жизнь Иисусова**, – говорит, – **открылась в теле нашем" (Да и живот Иисусов явится в теле нашем)**, т. е., когда Господь исторгает нас из опасностей смерти, так что то самое, что показывает, по-видимому, бессилие (апостолов) и оставление их (от Господа), ясно проповедует Его воскресение. "Сила Его, – говорит, – не так бы была видима, если бы мы не терпели никаких страданий, как она видима теперь, когда мы страдаем, но остаемся непобедимыми". И "**мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей" (мы бо живии в смерть предаемся Иисуса ради, да и живот Иисусов явится в** нас **в мертвенной плоти нашей)** (ст. 11). Когда (апостол) говорит что-нибудь неясно, он всегда присовокупляет объяснение своих слов. Это самое он сделал и здесь, поясняя сказанное им выше. "Для того, – говорит, – мы предаемся, т. е., носим мертвость Его, чтобы открылась в нас сила жизни Его, когда Он не попускает смертной плоти нашей, столько страждущей, быть побежденною множеством зол". Можно и иначе понимать эти слова. Как же? Так, как в другом месте говорит: "**если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем" (аще с Ним умрохом, с Ним и оживем)** (2 Тим. 2: 11). "Подобно тому как мы носим Его смерть, и решаемся заживо умереть для Него ныне, так и Он благоизволит умерших нас оживить тогда. Если мы, пренебрегая жизнью, идем на смерть, то и Он приведет нас от смерти к жизни". "**Так что смерть действует в нас, а жизнь в вас" (Темже смерть в нас действует, а живот в вас)** (ст. 12). Здесь он рассуждает уже не о смерти, но о бедствиях и утешениях. "Мы, – говорит, – в бедствиях и искушениях, а вы наслаждаетесь покоем, и наши бедствия доставляют вам жизнь. Мы подвергаемся опасностям, а вы наслаждаетесь благополучием, потому что вы не претерпеваете подобных искушений". "**Но, имея тот же дух веры, как написано: я веровал и потому говорил, и мы веруем, потому и говорим, зная, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас" (Имуще же тойже дух веры, по писанному: веровах, темже возглаголах; и мы веруем, темже и глаголем, яко воздвигий Господа Иисуса, и нас чрез Иисуса воздвигнет)** (ст. 13, 14). Здесь он припомнил нас псалом (115: 1), который заключает в себе много любомудрия, и весьма может утешить в несчастье, потому что эти слова были произнесены праведником, когда он находился среди великих бедствий, от которых нельзя был освободиться иначе, как только при помощи Божией.

2. Так как (апостол) знал, что в подобных (несчастиях) подобные же (утешения) особенно облегчают душу, то и сказал – "**имея тот же дух**", т. е., "тою же помощью, которою тот избавился от бедствий, и мы спасаемся, и тем же Духом, которым он говорил, и мы говорим". Вместе с тем он показывает здесь и то, что между ветхим и новым заветом находится большое согласие, что один и тот же Дух действовал в обоих заветах; также, что не мы одни подвергаемся бедствиям, но и все древние подвергались им, и что более надо утверждаться в вере и надежде, а не искать тотчас же избавления от постигающих нас (бедствий).

Доказав таким образом, чрез умозаключения, воскресение и жизнь, и что бедствие не есть признак бессилия и оставления от Бога, (апостол) переходит, наконец, к вере, и к ней все направляет. Но и для утверждения этой веры он опять указывает на воскресение Христово, говоря: "**и мы веруем, потому и говорим" (и мы веруем, темже и глаголем)**. Чему же веруем? "**Зная, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и**

нас и поставит перед [Собою] с вами. Ибо все для вас, дабы обилие благодати тем большую во многих произвело благодарность во славу Божию" (Яко воздвигий Иисуса, и нас воздвигнет и предпоставит с вами. Вся бо вас ради, да благодать умножившаяся, множайшими благодарении избыточествует в славу Божию) (ст. 15). Опять внушает (коринфянам), чтобы они полученные благодеяния не приписывали людям, т. е. лжеапостолам, потому что все от Бога, Который благоволит изливать благодеяния Свои на многих для того, чтобы большее число людей благодарили Его. "Для вас, – говорит, – Его воскресение и все прочее. Не для одного только человека Он столько совершил, но для всех". "**Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется" (Темже и не стужаем си: но аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни)** (ст. 16). Каким образом "**тлеет**"? Когда терпит бичевания, гонения и другие бесчисленные бедствия. "**То внутренний обновляется по вся дни**". Как "**обновляется**"? Верою, надеждою, ревностью. Потому надо быть мужественными в бедствиях. Действительно, чем более страдает тело, тем более душа имеет благих надежд и тем более просветляется, как золото, много испытанное действием огня. И смотри, как он отнимает силу у скорбей настоящей жизни. "**Ибо кратковременное легкое страдание наше**, – говорит, – **производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое" (Еже бо ныне легкое печали по преумножению в преспеяние** вечную **тяготу славы соделывает, не смотряющим нам видимых, но невидимых)** (ст. 17, 18). Все дело полагает он в надежде. И как в послании к Римлянам говорил: "**Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда" (упованием спасохомся, упование же видимое несть упование)** (Рим. 8: 24), к тому же и здесь приводит слушателя, когда настоящее противополагает будущему, временное – вечному, легкое – трудному, скорбь – славе. И не довольствуясь этим противоположением, он прибавляет еще другое выражение с усугублением его, и говорит: "**производит в безмерном преизбытке" (по преумножению в преспеяние) (καθ υπερβολήν εις υπερβολήν**). Потом показывает и способ, как облегчится тяжесть скорбей. Как же? "**Когда мы смотрим**, – говорит, – **не на видимое, но на невидимое" (Не смотряющим нам видимых, но невидимых)**. Если таким образом мы будем отвращать взор свой от видимого, то настоящее будет для нас легко, а будущее велико: "**ибо видимое временно**" **(видимая бо временна)**; следовательно, и скорби (временны). "**А невидимое вечно**" **(Невидимая же вечна)**; следовательно, и венцы таковы же. Не сказал он: "одни скорби временны", но все видимое, хотя бы то была скорбь, хотя бы радость, – чтобы и в радости мы не расслабевали, и скорбями не тяготились. Потому же, говоря и о будущем, он не сказал: "царствие вечно", но: "**невидимое вечно**", хотя бы то было царствие, хотя бы мучение, – чтобы мы этого последнего страшились, а к первому стремились. И так как видимое временно, а невидимое вечно, то к невидимому и будем простирать наши взоры. В самом деле, чем мы извиним себя, если временное предпочтем вечному? Положим, что и временное приятно, но оно непродолжительно; а мучения за него не будут иметь ни конца, ни пощады. Какой ответ дадут те, которые, будучи удостоены Духа Божия и получив столь великий дар Божий, обратили взоры свои долу и ниспали к земному? Слышу, как многие говорят весьма смешные слова: "Дай мне нынешний день и возьми себе завтрашний". Если в будущем веке действительно так, как говорите, то пусть будет одно за одно, а если там вовсе нет ничего такового, то два за ничто. Что может быть законопреступнее и безумнее таких слов? Мы рассуждаем о небе и о неизреченных тамошних благах; а ты предлагаешь нам слова, употребляемые только на конских ристалищах. И ты не стыдишься и не закрываешь лица, говоря то, что свойственно говорить безумным? Не краснеешь от стыда, так сильно прилепившись к настоящему? Не перестаешь безумствовать, говорить против здравого смысла, и болтать как юноша? Неудивительно, если это говорят язычники, но людям верным можно ли простить такое безумие? Ужели ты совсем не веришь тем надеждам, какие обещают тебе в вечности?

Ужели все это для тебя сомнительно? Может ли быть для этого какое-нибудь оправдание? "Но кто, – скажут, – пришел оттуда и возвестил, что там есть?" Правда, из людей никто не приходил; но Бог, Который более всех достоин нашей веры, открыл это. Ты не видишь, что там? Но ты не видишь и Бога; однако, ужели потому, что не видишь, скажешь, что нет Бога? "Напрасно, – скажешь, – я очень верю (что Бог есть)".

3. Итак, если кто-нибудь из неверных спросит тебя: "А кто приходил с неба, и возвестил тебе это?" – что ты ответишь ему? Откуда ты узнал, что Бог есть? "Из вещей, – скажешь, – видимых, из благоустройства, какое усматриваем во всем творении, и из того, что это всем известно". А если так, то с такою же верою прими и слово о суде. "Как же?" – скажешь ты. А вот как: я буду тебя спрашивать, а ты отвечай мне. Правосуден ли этот Бог, в Которого ты веруешь, и каждому и воздает по заслугам, или напротив – Он хочет, чтобы злые благоденствовали и веселились, а добрые страдали? "Никак, – отвечаешь, – потому что и человек этого не потерпит. Где же будут наслаждаться благами те, которые жили здесь добродетельно? Где, напротив, злые получат наказание, если не будет другой жизни, после настоящей, если не будет воздаяния?" Видишь ли, что пока уже есть одно за одно, если не два за одно. А я покажу тебе, что праведным будет не только одно за одно, но и два за одно; для грешников же, которые здесь утешаются, все напротив. Действительно, проведшие здесь свою жизнь в увеселениях и удовольствиях не получили и одного за одно, а живущие добродетельно, напротив, получают два за одно. Кто, в самом деле, и здесь наслаждается блаженным спокойствием – те ли, которые во зло употребили настоящую жизнь, или те, которые любомудрствовали? Ты, может быть, скажешь, что первые; а я докажу тебе, что последние, призывая в свидетели тех самых, которые думали насладиться настоящими благами; и они не будут столько бесстыдны, (чтобы стали говорить против того), что я намерен сказать. Они часто проклинали виновников брака, и тот день, в который убраны были брачные чертоги их, и называли счастливыми тех, кто не вступал в брак. Многие юноши, вступившие в брачный возраст, отказались от него единственно по причине забот, соединенных с брачною жизнью. Впрочем, я говорю это не в укоризну брака, – который честен, – но (в укоризну) тех, кто худо воспользовался им. Если же вступившие в брак часто считают свою жизнь невыносимой, то что сказать о тех, которые низверглись в ров распутства, и чрез то попали в состояние рабства гораздо более жалкого, нежели рабство какого бы то ни было пленника? Что сказать о тех, которые от невоздержания сгнили, и тела свои подвергли бесчисленным болезням? "А слава, – скажут, – разве не приносит удовольствия?" Напротив, нет ничего несноснее такого рабства. Ищущий суетной славы и желающий всем угодить раболепствует хуже всякого последнего слуги. Напротив, кто презрел эту славу и не заботится о том, чтобы другие прославляли его, тот выше всех. Скажешь: "Иметь богатство вожделенно"? Но мы несколько раз уже доказывали, что богаты и благоденствуют гораздо более те, которые свободны от этого бремени, и ничего не имеют. И упиваться вином приятно. Но кто бы сказал это? Итак, если гораздо приятнее не иметь богатства, нежели иметь его; не вступать в брак, нежели вступать в него; не искать славы, нежели искать ее; удаляться роскоши и неги, нежели утопать в них, – то и здесь еще более имеют те, которые не прилепляются к земным благам. Я не говорю уже о том, что такой человек, хоть бы подвергся бесчисленным бедствиям, имеет еще утешительную надежду, которая его поддерживает, между тем как прилепившийся к земному, хотя бы наслаждался бесчисленными удовольствиями, смущается страхом будущего и портит себе этим все удовольствие. Действительно, и это немалый род наказания; равно как и противный – проистекающий из самых удовольствий и радостей земных. Но есть для них еще и третий род наказания. Какой же это? Тот, что утешения житейские даже и тогда, когда они бывают, не открываются (в полной мере), так как и природа их и время обличают (их ничтожество). Между тем утешения небесные не только истинны, но и пребывают неизменны. Итак, видишь ли, что мы можем представить тебе не только два за ничто, но и

три и пять и десять и двадцать и бесчисленное множество за ничто? Но чтобы ты яснее мог узнать это на примере, то вот пример богатого и Лазаря: один наслаждался благими настоящей жизни, а другой предвкушением благ будущих. Ужели ты думаешь, что одно и то же – вечно терпеть мучение и в короткое время претерпеть голод? Ужели все равно: терпеть болезни в тленном теле, и в нетленном страшно мучиться в пламени; быть увенчанным и торжествовать в бессмертной жизни за кратковременную болезнь в здешней жизни, и мучиться там без конца за кратковременное наслаждение земными удовольствиями? И кто мог бы сказать это? Чего ж еще хочешь? Того ли, чтобы мы показали качество и количество того и другого, суд Божий и определение Божие о том и другом? Доколе вы будете говорить слова приличные только тем, которые подобны жукам, ничего более не знающим, как только копаться в навозе? Разумным людям несвойственно губить за ничто столь драгоценную душу, тогда как немного лишь стоит потрудиться, чтобы получить небо.

Если хочешь, я и иначе докажу тебе, что будет страшный суд по смерти. Открой дверь твоей совести, и посмотри на судию, сидящего в твоей душе. Если же ты, несмотря на самолюбие, осуждаешь себя самого и не допускаешь, чтобы был произнесен неправедный суд, то не гораздо ли более Бог попечется о Своем правосудии и беспристрастно произнесет суд о всем? Или Он оставит все на произвол и без внимания? Но кто отважится сказать это? Никто. Напротив, с нашим мнением согласны и эллины и варвары, стихотворцы и философы, и вообще весь род человеческий, – хотя и не в равной мере, так как допускают некоторого рода судилища в аде. До такой степени это для всех ясно и несомненно. Но скажут: для чего же здесь не наказывает Бог? Для того, чтобы показать Свое долготерпение, и чрез покаяние доставить нам спасение, чтобы в противном случае не истребить совершенно нашего рода, и чтобы не лишить спасения тех, которые чрез перемену порочной жизни на лучшую могут еще спастись. Если бы Он тотчас наказывал каждого за грехи его, то как бы спасся Павел, как бы Петр, эти верховные учители вселенной? Как бы Давид чрез покаяние получил спасение? Как бы (получили спасение) галатяне и многие другие? Вот почему Он не всех наказывает здесь, но из всех только некоторых, и не всех там, но одного (наказывает) здесь, а другого там, – чтобы, здесь наказывая одних, чрез то возбудить и самых бесчувственных (от усыпления греховного) и, не наказывая других, заставить ожидать будущего наказания. Ужели ты не знаешь, что многие наказываются и здесь, как, например погребенные под развалинами башни (Лук. 13: 4), или те, кровь которых Пилат смешал с их жертвами (Лук. 13: 1), или те из коринфян, которые умирали внезапною смертью за то, что недостойно причащались таин (1 Кор. 11: 30), как фараон, как те из иудеев, которые побиты были некогда варварами, и как многие другие, как тогда, так и ныне, и всегда? И другие, хотя и много нагрешили, но умерли, не получив здесь наказания, как например богач (живший) во дни Лазаря, и многие другие.

4. Так поступает (Господь) с одной стороны для того, чтобы возбудить веру в тех, которые не верят будущему, с другой стороны для того, чтобы и верующих, но живущих беспечно, сделать более ревностными. Бог судия праведный и сильный и долготерпеливый и не наводит гнева на всякий день (Псал. 7: 12). Но если мы будем во зло употреблять Его долготерпение, то придет время, когда Он нисколько уже не потерпит, но тотчас накажет. Итак, не будем предаваться мгновенным удовольствиям, – а настоящая жизнь и есть мгновение, – чтобы не навлечь на себя вечного наказания; но лучше – мгновение потрудимся, чтобы после вечно торжествовать. Ужели вы не видите, что и в делах житейских многие так поступают, и предпринимают малый труд ради долговременного спокойствия, хотя часто и выходит наоборот? Здесь выгоды бывают соразмерны с трудами, но часто и то бывает, что труд требуется необычайный, а польза от него очень малая, часто и той не бывает. Но не так в царствии небесном: там труд небольшой, а

наслаждение обильно и беспредельно. Вот смотри: здесь земледелец трудится целый год, и часто под самый конец лишается и одежды и плода многих трудов своих. Опять, мореплаватель и воин проводят жизнь до глубокой старости в борьбе и трудах, но часто и тот и другой оставляют свое поприще так, что первый лишается богатого своего груза, а второй вместе с победою теряет и самую жизнь. Итак, скажи мне, какое мы будем иметь оправдание, когда предпочитаем тяжкие труды в делах житейских, предпринимаемые для кратковременного успокоения, или даже совсем напрасно, – потому что надежда в них очень сомнительна, – а в делах духовных поступаем напротив, и за кратковременное нерадение навлекаем на себя страшное наказание? Потому прошу вас всех, – хоть поздно, но позаботьтесь высвободить себя из этого оцепенения. Ведь в то время никто уже нас не избавит – ни брат, ни отец, ни сын, ни друг, ни сосед, ни другой кто, но если дела наши осудят нас, то все будет потеряно, и мы непременно погибнем. Какие вопли испускал богач, как он умолял патриарха, и просил послать Лазаря? Но послушай, что отвечал ему Авраам: "**между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят" (пропасть между вами и нами, яко да хотяще прейти отсюду к вам не возмогут)** (Лук. 16: 26). Сколько девы умоляли своих подруг, чтобы они уделили им немного елея? Но послушай, что и те говорят: "**чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас" (еда како не достанет нам и вам)** (Мф. 25: 9). И никто не мог ввести их в чертог Жениха. Размышляя об этом, позаботимся и сами о своей жизни. На какие бы труды ты ни указал, какие бы ни представил мучения, все это ничего не значит в сравнении с будущими благами. Представь, если угодно, огонь, железо, зверей или что-нибудь еще более страшное: все это не составит даже и тени будущих мучений. В самом деле, здешние мучения, когда усиливаются, тогда особенно и делаются легкими, потому что ускоряют минуту освобождения, когда тело не может более выносить ни жестокости, ни продолжения казни. Но там будет не так. Там соединяются и продолжительность, и чрезмерность, как в радостном состоянии, так и в плачевном. Итак, пока есть время, "**предстанем лицу Его со славословием " (предварим лице Его во исповедании)** (Псал. 94: 2), чтобы тогда нам узреть Его кротким и милостивым, чтобы избежать тех грозных сил. Посмотри здесь на воинов, служащих своим начальникам, как они влекут виновных, как вяжут, как бичуют, как прокалывают бока, как, для умножения мук, подносят факелы, как отсекают члены тела. Но все это игрушка и смех в сравнении с будущими мучениями. Эти мучения временны, а там "**червь их не умирает и огонь не угасает" (ни червь не умирает, ни огнь не угасает)** (Марк. 9: 48), потому что и тело нетленно. Не дай Бог нам узнать это на опыте, но пусть эти ужасы останутся для нас только на словах; не дай Бог, чтобы мы были преданы тем мучителям, но чтобы здесь исправились. Сколько тогда будем мы говорить в обвинение самих себя! Сколько будем плакать, сколько рыдать! Но все будет уже бесполезно. Так и кормчие не помогут уже кораблю, когда он разрушился и погрузился на дно, ни врачи – когда больной умер. После только говорят, что то и то надлежало бы сделать; но все тщетно, все напрасно. Тогда надлежит обо всем и говорить, и все делать, пока еще есть надежда исправить дело. А когда не осталось ничего в нашей власти и все погублено, тогда напрасно уже и говорить, и делать. Тогда и иудеи скажут: "**благословен грядущий во имя Господне**" (Иоан. 12: 13), но это восклицание нисколько не поможет им, чтобы избежать вечного наказания, потому что, когда надобно было говорить это, они не говорили. Итак, чтобы и с нами, в соответствии с образом нашей жизни, не случилось того же, переменим отныне нашу жизнь, чтобы предстать пред судилище Христово со всяким дерзновением, которое и да сподобимся получить все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава (ныне и присно и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 10

"Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный" (2 Кор. 5:1).

1. (Апостол) опять возбуждает ревность коринфян, среди многих скорбей их. И легко ведь им было ослабеть среди них по причине отсутствия (апостола). Что же он говорит? "Не должно удивляться тому, что мы терпим скорби, и смущаться от этого, потому что от них мы получаем великую пользу". В чем заключается эта польза, он сказал уже и раньше, а именно: "(терпя скорби), мы носим мертвость Иисуса (4: 10), и представляем в себе неоспоримое свидетельство силы Его" (именно говорит: "**чтобы преизбыточная сила была [приписываема] Богу" (да премножество силы будет Божия)** – 4: 7), и ясное доказательство воскресения: "**чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей" (да живот Иисусов явится в мертвенной плоти нашей)** – 4: 11. Но так как он сказал, кроме того, что через скорби и внутренний наш человек делается лучшим: "**если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется" (аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни)** (4: 16), то, чтобы показать опять, как полезно терпеть бичевания и гонения, присовокупляет еще, что когда страдания достигают последнего предела, тогда для претерпевших их произрастают безчисленные блага. Чтобы ты, слыша, что внешний твой человек тлеет, не стал скорбеть, он говорит, что когда это случится вполне, тогда-то ты больше всего и возрадуешься, и перейдешь к лучшему жребию. Таким образом, тому, кто ныне отчасти тлеет, не только не следует скорбеть, а, напротив, должно еще и желать этого тления в полной его мере, потому что оно более всего и ведет тебя к нетлению. Поэтому-то (апостол) и говорит: "**Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный" (вемы бо, яко аще земная наша храмина тела разорится, создание от Бога имамы, храмину нерукотворенну, вечну на небесех)**. Так как (апостол) раскрывает опять учение о воскресении, относительно которого они особенно хромали, то присоединяет в качестве основания суд об этом самих слушателей, и таким образом утверждает это (учение), – впрочем не прямо, как прежде, но как бы приведенный к этому рассуждению другими размышлениями, потому что они были уже прежде наставлены (в этом учении). "**Ибо знаем**, – говорит, – **что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный**". Некоторые под земною храминою разумеют этот мир, но я думаю, что (апостол) скорее намекает здесь на наше тело. Смотри же, как он самыми наименованиями показывает превосходство будущего пред настоящим. Сказав: "**земной дом" (земная храмина)**, он противоположил ей небесную; сказав: "храмина тела" **(хижина)**, тем указал на ее удоборазрушимость и кратковременность, противоположив ей храмину вечную. Слово "**хижина**" действительно часто означает кратковременность, – почему и Господь сказал: "**В доме Отца Моего обителей много" (в дому Отца Моего обители многи суть)** (Иоан. 14: 2). Если же Св. Писание и называет иногда места успокоения святых хижинами, то не просто, а с прибавлением (какого-нибудь другого слова). Так Господь не сказал: "чтобы приняли **в кровы** свои" (хижины – **σκηνάς**), но: "**в вечные кровы**" (**εις τάς αιωνίους σκηνάς**, – Лук. 16: 9). (Апостол) назвал будущую нашу храмину еще "**нерукотворенною**", чем как бы указал на храмину рукотворенную. Что же? Неужели тело наше есть рукотворенное? Никак. Но он указывает или на здешние рукотворенные дома, или, если не так, то назвал будущее тело нерукотворенною храминою не для противоположения, но для того, чтобы более возвысить его достоинство и усугубить его славу. "**От того мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище" (Ибо о сем воздыхаем, в жилище наше небесное облещися желающе)** (ст. 2). Скажи мне, в какое жилище? В нетленное тело. Отчего же ныне воздыхаем? Оттого, что то тело гораздо лучше. Небесным же называет его по причине нетления. Этим словом он выражает не то, будто это тело низойдет на нас с неба, а указывает только на благодать, посылаемую с неба. Итак, мало того, что не должно скорбеть, когда постигают нас

некоторые искушения, но должно желать, напротив, всевозможных (искушений). Как бы так сказал (апостол): "Ты воздыхаешь, что тебя гонят, что твой внешний человек тлеет. Воздыхай о том, что тебя не со всею жестокостью гонят, что твой внешний человек не истлеет еще совершенно". Видишь ли, как он дал речи противоположное направление, показав, что не о том надобно воздыхать, что постигают нас некоторые искушения, но о том, что они недостаточны. (Апостол) не назвал (будущее наше тело) хижиною, но "**жилищем**"; и весьма справедливо, потому что хижина легко разрушается, а жилище пребывает вечно. "**Только бы нам и одетым не оказаться нагими" (Аще же (εί γε) и облекшеся[1], не нази обрящемся)** (ст. 3). То есть, хотя и сложим с себя это тело, однако не без тела там явимся, но с тем же самым телом, которое сделается тогда нетленным. Некоторые же читают: "**аще точию (είπερ) и облекшеся, не нази обрящемся**", – и весьма рассудительно. Чтобы не все полагались на воскресение, (апостол) и говорит: "**аще же (είγε) и облекшеся**, – то есть в нетление, и получив нетленное тело, – **не нази обрящемся**" – славы и известности спасения. О том же говорит он и в первом послании, то есть, что хотя и все воскреснем, "**кийждо же во своем чину**"; и: "**есть телеса небесная, и телеса земная**" (15: 23, 40). Воскресение будет для всех, но слава не для всех. Одни воскреснут в чести, а другие в бесчестии; одни для царствия, а другие для мучения. То же самое он хотел показать и здесь, когда сказал: "**аще точию и облекшеся, не нази обрящемся. Ибо сущии в теле сем воздыхаем, понеже не хощем совлещися, но пооблещися**" (ст. 4).

2. Здесь он ясно и совершенно заграждает уста еретиков, показав, что говорит не просто о том или о другом теле, но о тлении и нетлении. "Мы не о том, – говорит, – воздыхаем, чтобы освободиться от тела (потому что мы не желаем сложить его с себя), но страстно желаем только освободиться от тления, которое в нем находится". Потому и говорит, что мы хотим не совлечься тела, но только облечь его в безсмертие. Потом сам же объясняет свои слова: "**чтобы смертное поглощено было жизнью" (да пожерто будет мертвенное животом)**. Так как для многих казалось тягостным разлучение с телом, и он шел против всеобщего голоса, говоря, что мы воздыхаем потому, что не желаем от него освободиться ("Если душа, – могли сказать ему, – так страдает и скорбит, разлучаясь с телом, то как же ты говоришь, что мы воздыхаем потому, что долго не освобождаемся от него?"), то, предупреждая такое возражение, (апостол) и говорит: "И я не утверждаю, что мы о том воздыхаем, как бы сложить с себя (никто без скорби не слагает его, почему и о Петре говорит Христос: "**и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь" (возьмут тебя и поведут, аможе не хощеши)** (Иоан. 21: 18), а о том как бы облечь его в нетление. Оттого мы и тяготимся телом, т. е. не оттого, что носим тело, но оттого, что носим тело тленное и страстное. Это-то и производит в нас скорбь. Но наступающая жизнь истребит и уничтожит тление, – именно тление, а не тело". "А как же, – скажешь ты, – это произойдет?" Не спрашивай о том, – Бог это делает, – не любопытствуй. Потому и присовокупил: "**На сие самое и создал нас Бог" (сотворивый же нас в сие истое Бог)** (ст. 5). Этими словами он показывает, что это прежде было определено о нас. Не теперь только это стало благоугодно Богу, но в начале еще, – когда Он образовал нас из земли и создал Адама, а создал его не с тем, чтобы он умер, но чтобы соделать его бессмертным. Потом, чтобы более удостоверить в этом, присовокупил: "**и дал нам залог Духа" (иже и даде обручение Духа)**. Как тогда Он для этого (бессмертия) сотворил человека, так и теперь через крещение возсоздал его для той же цели, и в удостоверение этого дал нам немаловажный залог, Святого Духа. О залоге (апостол) упоминает часто – как для того, чтобы показать себя должником, так и для того, чтобы через это придать бóльшую достоверность своим словам во мнении людей более слабых. "**Итак мы всегда благодушествуем" (Дерзающе убо всегда и ведяще)** (ст. 6). "**Благодушествуем" (Дерзающе)** – т. е., среди гонений, озлоблений и непрестанных опасностей смерти. Он как бы так говорит: "Гонит ли кто тебя, преследует ли, умерщвляет ли – не унывай. Все это к

твоему благу. Не бойся, дерзай. То, о чем ты воздыхаешь и скорбишь, т. е. что ты работаешь тлению, – это самое тление исхитит тебя из среды тления, и тем скорее освободит от этого рабства". Потому и говорит: "**всегда благодушествуем" (дерзающе убо всегда)**, т. е., не только в благоприятное время, но и во время скорбей. "**Ибо мы ходим верою, а не видением, то мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа" (И ведяще, яко живуще в теле, отходим от Господа: верою бо ходим, а не видением: дерзаем же и благоволим паче отъити от тела, и внити ко Господу)** (ст. 7, 8). Что всего важнее и выше, он поставил на конце – потому что со Христом быть лучше и выше, нежели получить нетление. Слово же его имеет такой смысл: "Гонящий и убивающий нас не отнимает у нас жизни; поэтому не бойся, но дерзай и тогда, когда рассекают тебя на части. Это не только освобождает тебя от тления и тяготящего на тебе бремени, но и тотчас же отсылает тебя к Господу". Потому и не сказал: "сущии (**όντες**) в теле", что мы находимся в нем, как странники в гостинице. "**И как знаем, что, водворяясь в теле, мы устранены от Господа, ибо мы ходим верою, а не видением, то мы благодушествуем и желаем лучше выйти из тела и водвориться у Господа" (Ведяще** убо, **яко живуще в теле, отходим от Господа: дерзаем же и благоволим паче отъити от тела и внити ко Господу)**. Видишь ли, как он, умолчав о неприятных именах смерти и кончины, заменил их вожделеннейшим наименованием – "**водворения у Бога**"; и напротив, оставив наименование, кажущееся приятным, именно – жизни, употребил неприятное, назвав здешнюю жизнь "**устранением" (удалением) от Господа**". Это он сделал для того, чтобы никто не только не услаждался настоящим, напротив, даже тяготился бы им; и чтобы никто, приближаясь к смерти, не скорбел, а напротив, радовался, потому что переходит к лучшим благам. Но чтобы кто-нибудь, услыша, что мы (находясь в этом теле) "**отходим от Господа**", не сказал: "Что ты говоришь? Неужели мы, живя здесь, находимся в удалении от Него?", – он отклонил это возражение, сказав: "**верою ходим, а не видением**". И здесь мы имеем познание о Нем, но не столь ясное, а точно " **как бы сквозь [тусклое] стекло, гадательно" (в зерцале** и **в гадании)**, как говорит он в другом месте (1 Кор. 13: 12). "**Благодушествуем и желаем" (Дерзаем же и благоволим)**. Вот до чего он довел речь! До сильнейшего желания кончины: слово "**благоволим**" у него то же значит, что и "сильно желаем". Чего желаем? "**Выйти из тела и водвориться у Господа" (Отъити от тела и внити ко Господу)**. Так-то он всегда делает, о чем я и прежде замечал – обращает в противную сторону слова противников. "**И потому ревностно стараемся, водворяясь ли, выходя ли, быть Ему угодными" (Темже и тщимся, аще входяще, аще отходяще, благоугодни Ему быти)** (ст. 9). "Но там ли, здесь ли мы находимся, – говорит, – наше дело – только заботиться о том, чтобы жить сообразно с Его волею, потому что в этом наша главная обязанность. Таким образом, с этим благоугождением ты уже без сомнения наследник царствия". Но чтобы (верующие), приобретя такое страстное желание (отойти ко Господу), не сетовали на замедление этого отшествия, (апостол) здесь уже дает им то, что составляет главное из всех благ. Что же это такое? То, чтобы благоугождать (Господу): не просто отойти отсюда – хорошо, но отойти благоугодивши; через это последнее хорошим становится и первое. Равным образом, не просто жить здесь тяжко, но тяжко жить оскорбляя (Бога).

3. Итак, не думай, что для вечной жизни достаточно одного разлучения с телом. Везде нужна добродетель. Вот почему, как, рассуждая о воскресении, он не дал основания полагаться только на него, сказав: "**только бы нам и одетым не оказаться нагими" (аще** же **и облекшеся, не нази обрящемся)**, так точно, говоря и о разлучении (с телом), чтобы ты не подумал, что этого только достаточно тебе для спасения, присовокупил, что надобно еще быть благоугодным Богу. Возбудив, таким образом, ревность многоразличными благами, (апостол) не забыл побудить их и страхом угрожающих зол, так как блаженство наше состоит и в стяжании благ, т. е. царства (небесного), и в избежании зол, т. е. геенны. Но желание избежать мучений сильнее действует, и если бы

вред ограничивался только лишением вечных благ, то многие легко бы на это согласились; если же он соединен с мучениями, то едва ли (кто согласится); конечно, первое надлежало бы считать более несносным, но для многих, по причине слабости их и привязанности к земному, последнее представляется более тяжким. Итак, ввиду того, что большинство слушателей не столько возбуждается обещанием благ, сколько угрозою наказаний, (апостол) и счел необходимым здесь заключить речь свою так: "**ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово" (всем бо явитися нам подобает пред судищем Христовым**) (ст. 10). Но опять, устрашив и возбудив слушателя напоминанием об этом суде, он и здесь не оставил скорби без утешения, и присовокупил нечто приятное, сказав: "**чтобы каждому получить [соответственно тому], что он делал, живя в теле, доброе или худое" (да приимет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла)**. Этими словами (апостол) и живущих добродетельно, а между тем гонимых, укрепляет надеждами, и ослабевших делает более ревностными страхом наказания, вместе с тем подтверждает также и учение о воскресении тел. "Тело, – говорит, – которое служило добродетели или пороку, не будет исключено от участия и в воздаяниях: вместе с душою одни тела будут преданы мучениям, а другие увенчаются наградами". Между тем некоторые из еретиков говорят, что тело восстанет не прежнее, но другое. Как же это, скажи мне? Одно тело грешило, а другое за то будет наказываться? Одно жило непорочно, а другое увенчается? И что вы скажете Павлу на слова его: "**не хотим совлечься, но облечься" (не хощем совлещися, но пооблещися)**? Как же тленное поглощается жизнью? Он не сказал: "чтобы поглощено было смертное или тленное тело телом нетленным", но – "чтобы тление – **жизнью" (животом)**. А это будет тогда, когда воскреснет то же самое тело. Если же прежнее тело будет оставлено, а вместо него устроено другое, тогда тление не будет поглощено, но пребудет во всей силе. Потому и не будет этого, но "**тленному сему**, – т. е. телу, – **надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие" (подобает тленному сему облещися в нетление**) (1 Кор. 15: 53). Настоящее тело находится между (тлением и нетлением): ныне оно тленно, а после будет нетленно. И ныне оно в этом состоянии (тления) находится потому, что нетлению несвойственно разрушение: "**и тление**, – говорит, – **не наследует нетления" (тление нетления не наследствует)** (1 Кор. 15: 50), – иначе как будет нетление? Но, напротив, тление поглощается жизнью. Тление побеждается нетлением, но последее первым – никогда. Как огонь расплавляет воск, но воск не расплавляет огня, так и нетление истребляет и поглощает тление; но тление никак не может одержать победы над нетлением. Итак, слыша Павла, говорящего, что "**всем нам должно явиться пред судилище Христово" (нам подобает явитися пред судищем Христовым)**, вообразим мысленно этот суд и представим, что он уже совершается теперь и что требуется отчет. Я намерен подробнее изобразить его, так как Павел, как говоривший о скорбях и не желавший возбуждать в них еще новых скорбей, не продолжил далее слова (об этом суде), но высказав кратко суровый приговор: "**каждому получить [соответственно тому], что он делал" (кийждо приимет, яже содела)**, тотчас перешел (к другому рассуждению). Итак представим, что этот суд уже наступил. Пусть каждый испытает совесть свою, и вообразит, что уже пришел Судия, и все открывается и делается явным, – потому что мы не только будем предстоять, но и будем изобличены (на суде). Не краснеете ли вы? Не смущаетесь ли?

Но если и ныне, когда еще не наступил день суда, когда мы просто напомнили о нем, и только мысленно его представили, мы казнимся совестью, то что будет с нами, когда действительно он наступит, когда вся вселенная предстанет на суд, все ангелы и архангелы, и другие (небесные) силы, когда люди будут стекаться от всех концов земли, восхищаемые на облаках, когда все будут объяты страхом, когда повсюду вострубят трубы и будут раздаваться неумолкаемые звуки? Подлинно, если бы и не было геены, то быть отверженным в присутствии столь светлого собрания и отойти с безчестием – каким

великим было бы наказанием! Если и ныне, когда выступает царь со своею свитою, каждый из нас, сознавая свое убожество, не столько получает удовольствия от этого зрелища, сколько печали от того, что нисколько не может участвовать в великолепии, окружающем царя, и не находится близ него, то что будет тогда? Неужели ты почитаешь маловажным наказанием – не быть включенным в этот сонм, не быть удостоенным неизреченной славы, быть отлученным куда-то далеко и надолго от этого торжества и неизреченных благ? Но когда и мрак, и скрежет зубов, и неразрешимые узы, и червь неумирающий, и огнь неугасающий, и скорбь, и теснота, и страждущий в пламени язык, – как это случилось с богатым, – будут уделом человека; когда мы будем испускать вопли, и никто не будет нас слышать, будем стонать, терзаться от невыносимых болезней, и никто не будет внимать нам, будем всюду озираться, и ниоткуда не получим утешения, – то с чем сравнить жребий бедствующих таким образом? Что может быть несчастнее этих душ? Что может быть более достойно сожаления?

4. Если мы, входя в темницу и видя в ней одних иссохшими (от печали), других – обремененными оковами и страдающими от голода, иных заключенными во мраке, – приходим в ужас, цепенеем и всячески остерегаемся, как бы не попасть сюда, то что будет с нами, когда насильно повлекут нас для истязаний в самую геенну? Там оковы не из железа, но из огня никогда неугасающего; и не одного рода с нами будут там у нас приставники, которых можно часто привести в сострадание, но ангелы, на которых страшно будет и взглянуть, потому что они будут пылать великим гневом на нас за нашу непокорность Владыке. Там не так, как здесь: для облегчения бедствия твоего не принесут тебе – один серебра, другой пищи, иной утешительного и отрадного слова; там все будут чужие. Даже и Ной, Иов и Даниил, хотя бы увидели кого из своих родных страдающими, не согласятся тогда ходатайствовать за несчастных. Тогда отнимется у нас всякое сострадание, свойственное теперь природе нашей. Так как благочестивые родители порой имеют нечестивых детей, и благочестивые дети нечестивых родителей, то, чтобы радость праведников всегда была чистая и чтобы наслаждающиеся благами не возмущались состраданием, – для этого, повторяю, и самое сострадание отнимется, и они вместе с Владыкой воспылают гневом даже против единокровных своих. В самом деле, если и теперь самые обыкновенные родители иногда отказываются от детей своих, и исключают их из своего родства, когда видят их живущими распутно, тем более так поступят тогда праведники. Пусть поэтому никто не надеется иметь утешение в той жизни, если не сделал ничего доброго в здешней, хотя бы и имел бесчисленное множество праведных предков: "**каждому получить [соответственно тому], что он делал, живя в теле**" **(кийждо бо приимет, яже с телом содела)** (ст. 10). Мне кажется, что (апостол) здесь разумеет и блудников, и как их, так и всех других грешников желает привести в страх ожидающими их наказаниями. Послушаем же и мы! Если тебя палит огонь плотской похоти, противопоставь ему тот огонь (геенский), и огонь похоти твоей тотчас погаснет и исчезнет. Хочешь ли сказать что-нибудь гнусное, помысли о том скрежете зубов, – и страх обуздает язык твой. Желаешь ли сделать какое хищение, послушай, что повелевает и говорит Судия: "**связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю**" **(свяжите ему руце и нозе, и вверзите его во тьму кромешную)** (Мф. 22: 13), – и таким образом изгонишь и эту страсть. Если ты предан пьянству и ведешь жизнь невоздержную, то послушай, что говорил богач: пошли Лазаря, чтоб концом перста своего освежил горящий в пламени язык мой, – и не получил помощи (Лук. 16: 24, 25), – и отстанешь от страсти (невоздержания). Если ты любишь увеселения, рассуждай о тесноте и скорбях, имеющих быть там; после этого ты и думать о них не станешь. Если ты жесток и немилосерден, то припоминай тех дев, которые за то, что погасли их светильники, оказались вне чертога Жениха, – и ты скоро сделаешься человеколюбивым. Нерадив ты и беспечен? Размышляй о судьбе скрывшего талант свой, – и ты сделаешься быстрее огня. Тебя снедает страсть, как бы завладеть достоянием ближнего твоего? Воображай

непрестанно неумирающего червя – и легко освободишься и от этой болезни, и все прочие (слабости) исправишь. (Бог) ничего не заповедал нам трудного и тяжкого. Отчего кажутся нам тяжкими заповеди Его? От нашего расслабления. Как самое трудное при нашем старании и ревности становится легким и удобоисполнимым, так и легкое от нашей лености делается тяжким. Итак, рассуждая обо всем этом, будем смотреть не на то, как некоторые предаются роскоши и невоздержанию, а на то, каков будет их конец. (Конец же их) в здешней жизни – гной и утучнение плоти; а в будущей – червь и огонь. Равным образом, будем смотреть не на то, как некоторые хищничают, а на конец их жизни; их в настоящей жизни снедает беспокойство, страх и мучения совести, а в будущей ожидают неразрешимые узы. Будем рассуждать не о (людях) славолюбивых, а о том, что следует за славолюбием; но за ним последуют – пресмыкательство и лицемерие здесь, а там невыносимое мучение в вечном пламени. Если мы будет таким образом размышлять сами с собою и противопоставлять такие и подобные (размышления) нашим злым пожеланиям, то скоро изгоним из себя и любовь к настоящим благам, и возжем в себе любовь к будущим. Итак, возжем, воспламеним эту любовь. Если одна мысль о благах небесных, даже неясная, доставляет нам столько удовольствия, то подумай, сколько радости должно принести самое наслаждение ими. Блаженны, и трижды и бессчетно блаженны, наслаждающиеся теми благами; напротив, достойны сожаления и трижды несчастны те, которые претерпевают мучения. Итак, чтобы нам быть в числе первых, а не последних, возлюбим добродетель. Таким образом мы наследуем и будущие блага, которые все мы и да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] **Ενδυσάμενοι**; По-видимому, Златоуст читал здесь – **Εκδυσάμενοι**, как показывают дальнейшие слова беседы.

БЕСЕДА 11

"Итак, зная страх Господень, мы вразумляем людей, Богу же мы открыты; надеюсь, что открыты и вашим совестям" (2 Кор. 5:11).

1. Итак, говорит, зная это, т. е., тот страшный суд, мы делаем все так, чтобы не подать вам никакого повода даже ложно подозревать нас в неискренности нашего действования. Видишь ли строгую точность в исполнении обязанностей, и заботливость души, пекущейся (о благе других)? "Мы, – говорит, – подлежим осуждению, не только тогда, когда, в самом деле, сделали бы что худое, но подвергаемся ему и тогда, когда, ничего худого не сделавши, бываем подозреваемы в худом и, будучи властны удалить подозрение, не заботимся о том". "**Не снова представляем себя вам, но даем вам повод хвалиться нами" (Не паки себе хвалим, но вину даем вам похвалению о нас)** (ст. 12). Смотри, как он всегда предупреждает подозрение в мнимом самохвальстве, – потому что ничто так не оскорбляет слуха слушателей, как рассказ чего-либо великого и необычайного о себе самом. Но так как он вынужден был сказать о себе нечто такое, то и поправляет себя, говоря: "Мы делаем это для вас, а не для себя, – чтобы вы имели, чем хвалиться, а не мы"; но и это не без цели, а по причине лжеапостолов, почему и прибавляет: "**тем, которые хвалятся лицем, а не сердцем" (к хвалящимся в лице, а не в сердцы)**. Видишь ли, как он отвлек их от лжеапостолов и привлек на свою сторону, показав, что и сами коринфяне желают воспользоваться случаем, чтобы защитить его и отвечать за него тем, которые его порицали? "Не для того, – говорит, – чтобы нас хвалили,

говорим это, но для того, чтобы вы могли свободно говорить за нас, – что доказывает вместе и великую любовь его к ним, – и не для того, чтобы вам хвалиться только, но чтобы вас не обманывали более". Так, впрочем, открыто он этого не сказал, а выразил то же другими словами, более умеренными, и не делая им упрека, говоря: "**дабы имели вы" (да имате)**, чем похвалиться "**тем, которые хвалятся лицем" (к хвалящимся в лице)**. И это он заповедует им делать не просто и без всякой нужды, но когда лжеапостолы будут превозноситься, потому что он везде соображается с обстоятельствами. Итак, не для своей славы он говорит это, но чтобы заградить уста лжеапостолам, ко вреду коринфян хвалящимся своими делами. Но что значит – "**в лице**"? Хвалиться наружными делами, совершаемыми напоказ. А лжеапостолы были действительно таковы, и все делали из любочестия; будучи пусты в душе, – хотя имели вид благочестия, и казались достойными почтения, – были чужды добрых дел. "**Если мы выходим из себя, то для Бога; если же скромны, то для вас" (Аще бо изумихомся, Богови: аще ли целомудрствуем, вам**) (ст. 13). "Если, – говорит, – мы возвещаем что-либо великое о себе (это называет он "**изумлением",** или, как в других местах, "**безумием**"), то делаем это для Бога, чтобы вы, считая нас немощными, не возгордились и не погибли; если же говорим что смиренно и с уничижением, то делаем это для вас, чтобы вы научились смиренномудрствовать". Или слова его имеют такой смысл: "Если кто считает нас безумными, мы надеемся за то получить награду от Бога, за Которого мы подпадаем такому подозрению, если же кто почитает нас смиренномудрыми, тот и сам пусть научится от нас смиренномудрию". И еще иначе: "Если кто считает нас безумными, тот пусть знает, что мы для Бога так безумствуем". Поэтому и присовокупляет: "**ибо любовь Христова объемлет нас, рассуждающих так" (ибо любы Божия обдержит нас суждших сие)** (ст. 14). "Не только, – говорит, – страх будущего, но и то, что уже совершилось, не позволяют нам быть беспечными и предаваться сну, но восставляют нас и побуждают трудиться для вас". Что же такое, что уже совершилось? То, что "**если один умер за всех, то все умерли" (аще един за всех умре, то убо вси умроша**). "Следовательно, все погибли", – говорит. Если бы не все умерли, то (и Христос) не за всех бы умер, потому что здесь, а не там средства ко спасению. Поэтому и говорит: "**любовь Христова объемлет нас" (любы Божия обдержит нас)**, и не позволяет нам молчать, и крайнее будет несчастие, жесточе самой геенны, если после того, как Бог совершил такое дело, некоторые останутся не получившими никакого плода от такого промышления Его о нас". Подлинно, дело преизобильной любви – умереть за всю вселенную, и притом лежащую во зле. "**Чтобы живущие уже не для себя жили, но для умершего за них и воскресшего" (Да живущии не ктому себе живут, но умершему за них и воскресшему)** (ст. 15). "Итак, если мы должны жить не для самих себя, то, – говорит, – вы не должны смущаться и беспокоиться от надвигающихся на вас бедствий и смертей". И представляет очевидную причину, почему так должно поступать. "Если, – говорит, – мы живем Умершим за нас, то должны и жить для Того, которым живем". И хотя сказанное им содержит, по-видимому, одну причину, однако, если тщательно рассмотрим, то найдем следующие две: первую ту, что мы Им только живем, вторую ту, что Он умер за нас. Каждая из них, отдельно взятая, достаточна для того, чтобы соделать нас покорными. Подумайте же, сколько мы должны быть обязаны, когда соединим обе вместе. Но еще и третья причина скрывается в его словах, именно та, что для тебя (Господь) воскресил и вознес на небо начаток нашего естества, – почему и прибавлено: "**для умершего за них и воскресшего" (умершему** за нас **и воскресшему)**. "**Потому отныне мы никого не знаем по плоти" (Темже мы от ныне ни единаго вемы по плоти)** (ст. 16). Если все умерли и все воскресли, и умерли так, как осудило умереть владычество греха, воскресли же банею пакибытия и обновления Духа Святого, то он справедливо говорит, что мы "**никого**" из верующих "**не знаем по плоти**". Что, в самом деле, до того, если они находятся еще во плоти? Прежняя плотская жизнь уже кончилась, и мы свыше возродились Духом, и познали другое жительство, и пребывание, и жизнь, и устроение, именно – небесные. И всего этого виновником

(апостол) называет Христа, почему и прибавил: "**если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем" (аще же и разумехом по плоти Христа, но ныне ктому не разумеем)**.

2. Что же, скажи мне, разве сложил Он с Себя плоть, и теперь без тела? Нет, Он и теперь находится во плоти, потому что сказано: "**Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом" (сей Иисус вознесыйся от вас на небо, такожде приидет)** (Деян. 1: 11). Как "**таким же образом" (такожде)**? Во плоти, с телом. Как же он говорит: "**если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем**"? В приложении к нам, "**по плоти**" значит то же, что быть во грехах, а "**не по плоти**" – то же, что не быть во грехах. В приложении же ко Христу, "**по плоти**" не другое что означает, как быть причастным немощей человеческого естества, как-то: жажды, алкания, утомления, сна; потому что Он "**не сделал греха, и не было лжи в устах Его" (греха не сотвори, ни обретеся лесть во устех Его)** (Ис. 53: 9; 1 Петр. 2: 22), почему и говорил: "**Кто из вас обличит Меня в неправде?" (кто от вас обличает Мя о гресе?)** (Иоан. 8: 46); и еще: "**идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего" (грядет сего мира князь, и во Мне не имать ничесоже)** (Иоан. 14: 30); а "**не по плоти**" означает то, что Он освободился уже и от этих немощей, а не то, чтобы Он находился теперь без плоти. Именно с плотию, только уже непричастною страданиям и бессмертною, Он придет судить вселенную. В такое состояние придем и мы, когда тело наше будет "**сообразно телу славы Его**" (Филип. 3: 21). "**Итак, кто во Христе, [тот] новая тварь" (Темже аще кто во Христе, нова тварь)** (ст. 17). Доселе (апостол) заимствовал от любви побуждения к добродетели, теперь возводит к ней из рассмотрения самых дел. Потому присовокупил: "**кто во Христе, [тот] новая тварь**". "Кто, – говорит, – уверовал в него, тот соделался другим созданием, потому что таковой родился свыше чрез Духа. И по этой, следовательно, причине мы должны, – говорит, – жить для Него, – не потому только, что мы не свои (1 Кор. 6: 19), и не потому только, что Он умер за нас, и воскресил начаток нашего естества, но и потому, что мы перешли в другую жизнь". Смотри, сколько он приводит причин на то, что надо жить добродетельно. А чтобы показать, как важен этот переход и как много значит такая перемена, он дает и многозначительное наименование этому исправлению (жизни). Потом, чтобы более объяснить сказанное и показать, как мы делаемся новою тварию, он говорит: "**древнее прошло, теперь все новое" (древняя мимодидоша, се быша вся нова)**. Что же такое "древнее"? Или грехи и разные роды нечестия, или все иудейские (обряды); а лучше – то и другое вместе. "**Теперь все новое. Все же от Бога" (Се быша вся нова. Всяческая же от Бога)** (ст. 18). А от нас – ничего. И оставление грехов, и усыновление, и нетленная слава – все от Него нам даровано. Таким образом, он возбуждает их к добродетели не только уже будущими благами, но и настоящими. Смотри же, каким образом. Он сказал, что мы воскреснем некогда, перейдем в нетление и получим храмину вечную. Но так как для убеждения тех, которые не так верят будущему, как нужно верить, настоящее имеет больше силы, чем будущее, то он показывает им и то, что они уже получили, и каковы они были тогда, когда получили. Каковы же они были, когда получили? Они были все мертвые ("все, – говорит, –умерли, и Христос за всех умер: так всех равно возлюбил Он"), все одряхлели, застарели в беззакониях.

Но вот теперь и душа новая (потому что очищена), и тело новое, и служение новое, и новые обетования, и завет, и жизнь, и трапеза, и одежда, и все вообще новое. В самом деле, вместо земного Иерусалима, мы получили вышний престольный град; вместо чувственного храма узрели храм духовный; вместо каменных скрижалей получили плотяные; вместо обрезания – крещение; вместо манны – тело Владычне; вместо воды из камня – кровь из ребра; вместо жезла Моисеева или Ааронова – крест; вместо обетованной земли – царство небесное; вместо бесчисленных иереев – Единого Архиерея; вместо агнца бессловесного – Агнца духовного. Представляя все эти и подобные блага,

(апостол) и сказал: "**все новое**". И все это от Бога чрез Христа и Его благодать. Потому и присовокупил: "**примирившего нас с Собою и давшего нам служение примирения**" **(примирившаго нас Себе Христом и давшаго нам служение примирения)**, потому что все блага даны нам чрез Христа. Тот, кто соделал нас друзьями Своими, есть виновник и всех других (благ), которые Бог даровал друзьям Его, потому что, не врагами нас оставив, Он оделил нас такими дарами, но соделав друзьями Себе. Но когда я называю Христа виновником нашего примирения, то разумею вместе и Отца; когда же говорю, что Отец даровал (это примирение), то опять разумею и Сына. "**Все чрез Него начало быть" (Вся Тем быша)** (Иоан. 1: 3); следовательно, Он – виновник и этого. Не мы обратились к Нему, но Он сам призвал нас к Себе. Как же призвал? Смертью Христа. "**И давшего нам служение примирения**". Здесь (апостол) опять указывает на достоинство звания апостольского, показывая, сколь великое дело поручено им, и как велика любовь Божия к нам. В самом деле, и после того, как люди не послушали пришедшего ходатая, (Бог) не отвергнул и не оставил их, но продолжает звать их как сам, так и чрез других. Кто достойно может надивиться такому попечению о нас! Сын, пришедший для примирения, Сын приискренний и единородный умерщвлен; но Отец, не взирая и на это, не отверг убивших Его, и не сказал: "Я послал Сына Моего совершить Мое посольство, а они не только не хотели послушать Его, но еще убили и распяли, потому праведно отвергнуть уже их". Но поступил совсем напротив: по отшествии от нас Сына, Он вверил нам дело примирения: "**давшего нам служение примирения. Потому что Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя [людям] преступлений их " (Зане Бог бе во Христе мир примиряя Себе, не вменяя им согрешений их)** (ст. 19). Видишь ли любовь, превосходящую всякое слово, всякий ум? Кто был обижен? Сам (Бог). Кто первый пришел для примирения? Он же. "Но, – скажешь, – Он послал Сына, а не сам пришел?" Да, Он послал Сына, но не один Сын призывал нас, а вместе с Ним и чрез Него действовал и Отец. Поэтому (апостол) и сказал, что "**Бог во Христе примирил с Собою мир" (Бог бе примиряя Себе мир во Христе)**, т. е. чрез Христа. Этими словами он поясняет выше сказанные слова: "**давшего нам служение примирения**", и как бы так говорит: "Не подумайте, что мы виновники этого дела, – мы только служители; виновник же всего есть Бог, примиривший с Собою вселенную чрез Единородного". Как же Он примирил? Удивительно ведь не только то, что Он соделался другом, но еще более то, что так соделался другом. Как же? Оставив им согрешения: иначе не был бы и друг. Потому (апостол) и сказал далее: "**не вменяя [людям] преступлений их" (не вменяя им согрешений их)**. Действительно, если бы Он захотел требовать отчета во грехах наших, то все мы погибли бы, потому что все умерли. Но при таком множестве грехов наших, Он не только не потребовал нам наказания, но и примирился с нами; не только оставил грехи наши, но даже и не вменил их нам. Так и мы должны прощать врагов своих, чтобы и самими получить такое же прощение. "**И дал нам слово примирения" (И положив в нас слово примирения)**. "И мы, – говорит, – не для того пришли теперь, чтобы возвещать что-нибудь тяжкое, но чтобы сделать всех друзьями Богу". "Если мне, – говорит (Господь), – они не поверили, то вы не переставайте увещевать их, пока не убедите". Потому и говорит далее: "**и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: примиритесь с Богом" (по Христе убо молим, яко Богу молящему нами: молим по Христе, примиритеся с Богом)** (ст. 20).

3. Смотри, до чего он возвысил это дело, представляя самого Христа просящим о примирении, и не только Христа, но и самого Отца. Смысл же слов его такой: Отец послал Сына Своего увещевать (людей), и исполнить посольство от Его имени к роду человеческому. Но так как Он, будучи умерщвлен, отошел отсюда, то теперь нам передано это посольство, потому и просим вас от имени Христа и Отца Его. Для Него столь дорог человеческий род, что Он предал за него Сына Своего, наперед зная, что Он будет умерщвлен, и сделал нас апостолами для вас, – так что справедливо сказал

(апостол): "**все для вас**" (1 Кор. 3: 22). "**От имени Христова просим" (По Христе убо молим)**, то есть, "вместо Христа, потому что нам передано дело Его". Если же тебе это кажется преувеличенным, то послушай еще далее, где он говорит, что они делают это не только вместо Него, т. е. Христа, но и вместо Отца. Потому и прибавил: "**и как бы Сам Бог увещевает через нас" (яко Богу молящему нами)**. "Не чрез Сына только, – говорит, – (Бог) призывает людей, но и чрез нас, которым передано дело Его. Итак, не думайте, – говорит, – чтобы мы вас просили, – сам Христос чрез нас просит вас, и даже сам Отец Христа". Что может равняться с таким преизбытком (благости)? Будучи неблагодарно обижен за бесчисленные благодеяния (от Него нам данные), Он не только не осудил нас, но еще дал Сына Своего, чтобы примирить нас с Собою; и когда те, к которым Он пришел, не только не примирились, но и убили Его, Он послал опять других посланников для призывания, и чрез них сам просит. О чем же просит? "**Примиритесь с Богом**". Не сказал: "Примирите с собою Бога", потому что не Бог враждует против нас, но мы против Него. Бог же никогда не враждует. Потому, как посланный посредник, оправдывая Его, говорит: "**Ибо не знавшего греха Он сделал для нас [жертвою за] грех" (неведевшаго бо греха по нас грех сотвори)** (ст. 21). "Я не говорю уже о том, что прежде было – что вы показали себя крайне неблагодарными против Того, кто не причинил вам никакой обиды, напротив, облагодетельствовал вас; не говорю и о том, что Он не осудил вас за это, и что первый, будучи обижен, первый и просит; пусть все это покрыто будет молчанием. Только того благодеяния, которое Он сделал для вас ныне, не достаточно ли к тому, чтобы вы примирились с Ним?" Что же Он сделал? "**не знавшего греха Он сделал для нас [жертвою за] грех" (Неведевшаго бо греха по нас грех сотвори)**. Если бы Он сделал только одно это, и ничего другого, то подумай, каково было и это одно, что Он предал Сына Своего за оскорбивших Его? А Он много еще и других благодеяний сделал для нас, и сверх всего еще – не сделавшего никакой неправды осудил на страдания за неправедников. Но (апостол) не сказал этого, а указал на нечто гораздо большее. Что же именно? То, что "**не знавшаго греха**" – Того, Который есть самосущая правда – "**сделал [жертвою за] грех" (грех сотвори)**, т. е., допустил быть осужденным, как бы грешнику, и умереть, как бы проклятому, потому что "**проклят … [всякий] повешенный [на дереве]" (проклят висяй на древе)** (Втор. 21: 23). Действительно, умереть на древе гораздо более значило, нежели просто умереть, на что указывая и в другом месте, он говорит: "**быв послушным даже до смерти, и смерти крестной" (послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя)** (Филип. 2: 8). Такая смерть не только вменялась в наказание, но и в бесчестие. Итак, подумай, как много даровал тебе Бог. Великое дело, когда и грешник умирает за кого-нибудь; но когда праведник страдает таким образом и умирает за грешников, и не просто умирает, но умирает как злодей, и не только вменяется с злодеями, но еще своею смертью дарует нам великие блага, которых мы и не ожидали – потому что говорится: "**чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом (да мы будем правда Божия о Нем)**, – то какое слово, какой ум может достойно обнять и изобразить это? "Праведника, – говорит, – (Бог) сделал грешником, чтобы грешников сделать праведными. Но он и не то еще сказал, а гораздо более, именно указал не состояние только, а самое качество. Он не сказал: "сделал грешником", но – "**сделал для нас [жертвою за] грех" (грех сотвори)**; и не только не согрешившего, но и "**не знавшего греха**"; чтобы и мы были, не сказал – "праведными", но – "**правда**", и "**правда Божия**". И действительно, эта правда есть Божия. Когда мы оправдываемся не от дел, – потому что иначе надлежало бы быть без всякого порока, – но благодатью, которая одна всякий грех уничтожает. А это и от гордости удерживает нас, – так как все нам даровано от Бога, и вместе с тем показывает всю важность дарованного нам. Первая правда от закона и от дел, а эта последняя – "**Божия правда**". Итак, обсудив все это, убоимся сказанного более, нежели самой геенны, почтим дела (Божии) выше, нежели самое царство небесное, и утвердимся в мысли, что страшно – не мучения терпеть, но грешить. Если бы (Бог) и не наказал нас, то нам самим надлежало бы просить себе наказания за то, что мы так

неблагодарны оказались к своему Благодетелю. Если сгорающий любовью к женщине, не получив взаимной любви от нее, часто убивает самого себя; а когда и получит, но в чем-нибудь погрешит против возлюбленной, считает себя недостойным жизни, – то, оскорбляя столь человеколюбивого и милосердого (Бога), не должны ли мы сами себя повергнуть в огонь геенский? Скажу еще нечто странное, чудное и, может быть, для многих невероятное: более будет утешения тому, кто за оскорбление такого Человеколюбца терпит наказание, если только он имеет ум и любит Владыку, как должно любить, нежели тому, кто не понесет наказания.

4. Что это так, можно видеть из общего у нас обычая. В самом деле, когда кто-нибудь обидит любимого человека, то более всего успокаивается тогда, когда сам попросит себе наказания и перетерпит какую-нибудь обиду. Так об этом и Давид говорил: "**вот, я согрешил, я поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они? пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего" (аз** пастырь **есмь согрешивый, и аз есмь пастырь зло сотворивый, а сии овцы что сотвориша? Да будет рука Твоя на дому отца моего)** (2 Цар. 24: 17). И когда он лишился Авессалома, то искал себе жесточайшего наказания, – хотя сам был и не обидевший, а обидимый; но так как сильно любил погибшего, то сам себя предал мучениям скорби, находя утешение себе в этом. Так и мы должны наказывать самих себя, когда согрешаем против Того, против Которого не должно грешить. Видите, как лишившиеся любимых детей терзают себя, рвут на себе волосы, находя облегчение своей скорби о возлюбленных в наказании самих себя? Если же и тогда, когда мы ничем не оскорбили возлюбленных наших, наше только злострадание о том, что они зло пострадали, приносит нам утешение, то, когда мы сами оскорбили их и совершили против них неправду, не гораздо ли более должно успокоить нас несение наказания, чем освобождение от наказания? Это всякому известно. Кто любит Христа, как должно любить, то понимает, что я говорю, т. е., что он сам не потерпит остаться без наказания, хотя бы (Христос) и простил его, так как одно оскорбление Его составляет уже величайшее наказание. Знаю, что я говорю невероятное для многих; однако, дело обстоит именно так, как я сказал. Если мы любим Христа, как должно любить Его, то сами себя будем наказывать за грехи свои. Для любящих прискорбно не то, что за оскорбление любимого они терпят какое-нибудь зло, но, прежде всего самое оскорбление любимого. И если этот последний, прогневавшись, не накажет первого, то этим еще более будет мучить его; а если накажет, то, напротив, успокоит и утешит его. Итак, будем страшиться не геенны, а оскорбления Бога, потому что когда Бог, в гневе Своем, отвратится от нас, то это будет тягчее геенны, хуже всего, страшнее всего. А чтобы тебе более увериться, насколько это худо, размысли о том, что я скажу. Если бы какой царь, видя наказываемого какого-нибудь разбойника или другого преступника, отдал за него на смерть возлюбленного, единородного, кровного и законного сына своего, с тем, чтобы вместе со смертью и вина разбойника перенесена была на невинного сына его, и чтобы виновный чрез то и от наказания был освобожден, и от бесчестия избавлен; если бы сверх того он возвел его на высшую степень достоинства; а столь необычайно получивший спасение и почтенный такою славою после оскорбил бы своего благодетеля, – то не пожелал ли бы он, если только не потерял ума, лучше тысячу раз умереть, чем оставаться виновным в такой неблагодарности? Так будем рассуждать и мы теперь, и горько плакать о том, что так неблагодарно оскорбляем Благодетеля своего. Не будем беспечно надеяться на то, что Он оскорбляемый долготерпит; напротив, поэтому-то еще более и будем сокрушаться. И у нас – людей, если кто ударившему в правую щеку подставит и левую, мстит этим больше, нежели когда бы взаимно ударил его тысячу раз; равным образом и терпящий поношение, когда не только взаимно не поносит, но и благословляет поносящего, этим гораздо сильнее уязвляет его, нежели взаимными бесчисленными поношениями. Если же мы так стыдимся людей, великодушно переносящих наши обиды, то не тем ли более должны бояться Бога, когда непрестанно

согрешаем, но не терпим за то никакого наказания? Поистине страшное наказание соблюдается на главу таковых. Итак, помышляя об этом, прежде всего убоимся греха, так как от него мучение, от него геенна, от него всякое зло. И не только убоимся, но и будем убегать его, и стараться всегда благоугождать Богу. В этом и состоит царствие, в этом жизнь, в этом тысячи благ. Таким образом, мы еще и в этой жизни приобщимся царствия небесного и будущих благ, которые все мы и да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 12

"Мы же, как споспешники, умоляем вас, чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами. Ибо сказано: во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе. Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения". (2 Кор. 6: 1, 2).

1. Так как (апостол) сказал, что Бог призывает, а мы только посланники от Него, которые молим, чтобы вы примирились с Богом, то, чтобы (коринфяне) не предались беспечности, он снова устрашает их и возбуждает, говоря: "**умоляем вас, чтобы благодать Божия не тщетно была принята вами" (молим, не вотще благодать Божию прияти вам)**. "Не будем, – говорит, – предаваться беспечности потому, что Бога нас призывает, и послал к нам посланников. Напротив, поэтому-то самому и будем всячески стараться угодить Богу, и собрать сокровища духовные (о чем он и выше говорил, когда сказал, что "**любовь Божия обдержит нас**", т. е. побуждает, заставляет, нудит), – чтобы, после такого попечения, предавшись беспечности и не показавши ничего доброго, не лишиться вам столь великих благ. Итак, не думайте, что, если (Бог) послал призывающих, это призывание продолжится вечно. Оно продолжится только до второго пришествия; Он будет призывать, доколе мы находимся только здесь, а после того суд и мучение. Это-то, – говорит, – и побуждает нас призывать вас". Он часто возбуждает верующих не только величием благ и человеколюбием (Божиим), но и краткостью времени. Так в других посланиях он говорит: "**ныне ближе к нам спасение" (ныне бо ближайшее нам спасение)** (Рим. 13: 12); и еще: "**Господь близко**" (Филип. 4: 5). А здесь еще более делает: побуждает верующих не только краткостью данного времени, но еще и тем, что это только время и благоприятно для спасения. "**Вот**, – говорит, – **теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения" (Се ныне время благоприятно, се день спасения)**. Не будем же терять благоприятного времени, но покажем достойное данной нам благодати попечение. "Потому, – говорит, – и мы сами спешим, зная и краткость, и благоприятность времени". Вот почему он сказал: "**умоляем вас" (споспешествующе же и молим)**. " **Как споспешники** вам", потому что "Мы помогаем более вам, нежели Богу, от Которого мы посланы. Он ни в чем не имеет нужды; все спасение распространяется на вас". Впрочем, этим не отвергается и то, что (апостолы) были споспешники и Богу, как и говорит в другом месте: "**Ибо мы соработники у Бога" (Богу есмы споспешницы)** (1 Кор. 3: 9). "К этому-то спасению, –говорит, – мы и призываем вас: "**умоляем**". Когда же Бог призывает ко спасению, то не просто призывает, но представляя на то права Свои, именно то, что Он дал Сына-праведника, не ведавшего греха, и за нас грешников соделал Его грехом, чтобы мы сделались праведными. Тому, Кто имеет столько прав и есть Бог, не следовало бы и призывать, и притом людей непокорных; напротив, нам бы надлежало призывать Его каждый день. И, однако, Он призывает мы же, – говорит, – призывая, не можем от себя представить вам никакого права или благодеяния, разве то одно, что умоляем вас именем Бога, открывшего вам столько благодеяний. Умоляем же для того, чтобы вы приняли Его благодеяние и не отвергли дара. Итак, послушайте нас – и не напрасно примите предлагаемую вам благодать". Чтобы (слушатели) не подумали, что примирение состоит только в том, чтобы веровать в Призывающего, он требует еще

исправления жизни, потому что, получивши прощение грехов и, примирившись (с Богом), жить опять по-прежнему значит то же, что снова возвратиться к вражде и, в рассуждении жизни, напрасно принять благодать.

Благодать не спасет нас при нечистой жизни; напротив, еще более повредит нам и усугубит грехи наши, если мы после такого познания и дара возвратимся к прежним беззакониям. Впрочем (апостол) ясно пока еще не говорит этого, чтобы не сделать слова своего тяжким; а говорит только, что иначе мы не получим никакой пользы. Потом напоминает пророчество, убеждая тем и побуждая (коринфян) подвигнуться, чтобы получить спасение. "**Ибо сказано**, – говорит, – **во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе. Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения" (Глаголет бо: во время приятно послушах тебе, и в день спасения помогох ти. Се ныне время благоприятно, се день спасения)** (ст. 2). "**Время благоприятное**". Какое это время? Время дара и благодати, в которое не отчета в грехах требуют, не осуждение произносят, но с прощением грехов предлагают и наслаждение бесчисленными благами, – оправдание, освящение и все другие. Сколько надлежало бы трудиться, чтобы дождаться такого времени? Но вот без всякого с нашей стороны труда пришло это время, неся с собою оставление всех прежде бывших грехов. Поэтому и называют его благоприятным, так как (Господь) принимает ныне и величайших грешников, и не только принимает, но еще удостаивает их высочайших почестей. Когда Царь пришел, то уже не суда время, но милости и спасения. Потому и называет это время благоприятным, доколе мы находимся в подвиге, доколе работаем в винограднике, доколе остается одиннадцатый час.

2. Итак, приступим к подвигу, покажем жизнь добродетельную; к тому же это и легко. Подвизающемуся в такое время, в которое излились столь великие дары, столь великая благодать, легко получить награду. И у земных царей, во время торжеств, когда они являются в царских одеждах, и мало потрудившийся получает великие дары; между тем как в дни, когда они судят, требуется большая исправность и великое усилие (чтобы получить что-нибудь). Поэтому и мы будем подвизаться в столь благоприятное время, в которое дается дар. Ныне время благодати, Божией благодати, когда легко можем получить венцы. Если (Бог) принял нас обремененных столькими грехами и простил, то не тем ли более примет нас, когда мы прощены уже, и когда привносим нечто и от себя. Далее, как и всегда делает (апостол), выставляя самого себя на сцену, чтобы с него брали пример, так делает он и здесь. Поэтому и присовокупляет: "**Мы никому ни в чем не полагаем претыкания, чтобы не было порицаемо** наше **служение" (ни едино ни в чем же дающе претыкание, да служение** наше **безпорочно будет)** (ст. 3), – заимствуя убеждение не от времени только, но и от примера тех, которые подвизались как должно. И смотри, как скромно это делает. Не сказал: "Глядите на нас, а мы таковы-то"; но, как бы защищаясь против обвинения, исчисляет свои (подвиги). И полагает два отличительных признака беспорочной жизни, первый: "**ни в чем не полагаем претыкания**" – не сказал "обвинения", но что гораздо маловажнее – "**претыкания**", – т. е., никому не подавая и повода к укоризнам против нас, – "**да служение** наше **безпорочно будет**", – чтобы кто не стал нападать (на это служение); и не сказал опять, чтобы кто не стал порицать или обвинять, но чтобы оно не подавало и случайного повода к тому, чтобы кто-нибудь мог порицать в чем-нибудь. Второй признак: "**но во всем являем себя, как служители Божии" (но во всем представляюще себе, якоже Божия слуги)** (ст. 4). Это гораздо выше (предыдущего). Действительно, не одно и то же – быть свободным от обвинения, и устроить себя так, чтобы из всего видно было, что мы Божии слуги; и не одно и то же – избежать порицания, и быть достойным похвал. Не сказал: "являясь" (**φαινόμενοι**), но: "**являем себя" (представляюще себе)** (**συνιστώντες**), т. е. показывая (себя таковыми на деле). Далее говорит и о том, каким образом они сделались таковыми. Каким же? "**В**

терпении, – говорит, – **многом**". Терпение он положил основанием благ, почему и не просто сказал – "в терпении", но – "**в терпении многом**", чтобы показать его важность. Действительно, перетерпеть одну какую-нибудь беду или две – еще не великое дело; потому и перечисляет множество скорбей и искушений, говоря: "**в скорбях, в бедах**" (**ανάγκαις**). Но скорбь еще более увеличивается, когда нельзя уклониться от несчастий, и когда точно неизбежная какая необходимость требует злостраданий. "**в тесных обстоятельствах**" **(В теснотах)**, – т. е., или в теснотах голода и других необходимых потребностей, или просто в теснотах искушений. "**Под ударами, в темницах, в изгнаниях**" **(В ранах, в темницах, в нестроениих)** (**ακαταστασίαις**) (ст. 5). И каждое из них само по себе тяжко: тяжко терпеть бичевание, тяжко быть в узах, тяжко не иметь покоя от гонений – это именно и значит "**в нестроениих**"; но когда постигают все эти скорби и притом сразу, то подумай, какая для этого потребна душа! Потом ко внешним скорбям присовокупляет и те, которые от него собственно зависели: "**в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте**" **(в трудех, в бдениих, в пощениих, в очищении)** (**αγιότητι**)". Этими словами он указывает на те труды, которыми обременял себя, переходя с места на место; и делая своими руками, – на те ночи, в которые учил, или трудился для себя, и со всем тем не забывая и поста, хотя и одни эти (подвиги) стоили не одной тысячи постов. А под "**чистотой**" **(очищением)** здесь он разумеет или целомудрие, или чистоту во всем, или же нелюбостяжательность, или же то, что он даром проповедовал Евангелие. "**В благоразумии**" **(В разуме)** (**γνώσει**) (ст. 6). Что такое "**в благоразумии**"? В мудрости, даруемой от Бога, которая истинно есть ведение, а не как мнимые мудрецы, хвалящиеся внешним образованием, а этой истинной мудрости лишенные. "**В великодушии, в благости**" **(В долготерпении, в благости)**. И это важное свидетельство мужественной и благородной души – великодушно переносить поражения и удары, отовсюду наносимые. Далее, чтобы показать, как он сделался таковым, присовокупил: "**в Духе Святом**". "Чрез Него, – говорит, – мы все это совершаем". Но смотри, где он поставил помощь от Св. Духа, – после уже исчисления своих подвигов. Мне кажется, он хотел показать этим и нечто еще другое. Что же такое? То, что "мы обильно исполнены Духа Святого, и свое апостольство оправдываем и тем, что удостоились духовных дарований", так как, хотя это зависит и от благодати, тем не менее, и сам он был причиною, своими делами и подвигами привлекши на себя благодать. Если же кто думает, что сверх сказанного (апостол) выражает этими словами еще и то, что он, в употреблении благодатных даров, не подавал никому никакого соблазна, – думаю, и тот не погрешит против смысла. Действительно, некоторые (из коринфян), получив дар языков и возгордившись, тем подали повод к осуждению себя, потому что получивший духовные дары может и злоупотребить ими. "Мы же, –говорит, – не таковы, но и "**в духе**", – т. е. в дарованиях, – пребыли беспорочными. "**В любви нелицемерной**".

3. Вот что было причиною всех благ (им приобретенных); вот что сделало его таковым, и сохраняло в нем Духа, действием Которого все у него совершалось. "**В слове истины**" (ст. 7), о чем он часто упоминает, т. е. что мы возвещали слово Божие без обмана и без подделки. "**В силе Божией**". Как всегда он поступает, – т. е. ничего не относит к самому себе, но все усваивает Богу и Ему приписывает все свои действия, – так делает и здесь. Так как он сказал о себе много великого, именно то, что проводил жизнь неукоризненную во всем, и показывал в себе высочайшую мудрость, то все это усвояет Духу и Богу. Действительно, сказанное им было необычайно. Если и живущему в тишине трудно сделаться добродетельным и непорочным, то подумай, какая должна быть душа у того, кто обуреваемый столь многими скорбями, всегда сияет. Но он не это только претерпел, а и гораздо более того, как увидим далее. И не только то удивительно, что он пребыл беспечален, обуреваемый такими волнами, и мужественно перенес все, но еще более то, что все это (перенес) с радостью, – как на это он ясно указывает далее, говоря: "**с оружием правды в правой и левой руке**" **(оружии правды десными и шуими)**. Видишь

ли, какое присутствие духа, и какая сильная душа? Он показывает, что скорби – это оружия, которые не только не низлагают (терпящих их), но и ограждают и укрепляют. "**левыми**" **(Шуими)** же он называет мнимые (**δοκούντα**) скорби, потому что и эти имеют свою награду. Почему же он так называет их? Или потому, что говорит, сообразуясь с понятиями других, или потому, что Бог повелел молиться и о том, чтобы не впасть в искушение. "**В чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах" (Славою и безчестием, гаждением и благохвалением)** (ст. 8). "Что ты говоришь? Почитаешь за великое то, что пользуешься славою? Подлинно так", – говорит. Почему же? Казалось бы, терпеть бесчестие – великое дело; а для наслаждения славою требуется невеликая душа? Напротив, великая и весьма великая, – чтобы, пользуясь славою, не впасть в гордость. Вот почему он и о славе думает так же, как о бесчестии, потому что он равно сиял в том и другом случае. Но каким же образом (слава) бывает оружием правды? Таким, что многие, видя учителей благочестия в славе, и сами возбуждаются к благочестию; она свидетельствует о добрых делах их; такою славою прославляется и Бог. И это есть дело премудрости Божией, – чтобы проповедание Евангелия совершалось противными средствами. Смотри, – вот Павел был связан. И это было допущено для пользы Евангелия: "**обстоятельства мои**, – говорит, – **послужили к большему успеху благовествования: и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие" (яже о мне паче во успех благовествования приидоша: и множайшии братия надеявшиися о узах моих, паче дерзают без страха слово глаголати)** (Филип. 1: 12, 14). Был он и в славе. И это опять усугубляло ревность верующих. "**В чести и бесчестии" (Славою и безчестием)**. Он переносил мужественно не только телесные скорби, которые исчислил выше, но и собственно душевные. А и эти скорби обыкновенно сильно возмущают дух. Иеремия перенес много искушения; а от этих изнемог, и когда его злословили, говорил: "Не стану пророчествовать, и **не буду более говорить во имя Его" (не воспомяну имене Господня)** (Иерем. 20: 9). И Давид часто жалуется на злословия. А Исаия, после многих других утешений, успокаивает (иудеев) еще так: "**Не бойтесь поношения от людей, и злословия их не страшитесь" (не бойтеся укорения человеча, и похулению их не покаряйтеся)** (Ис. 51: 7). И Христос говорит ученикам: "**когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня, радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах" (егда рекут всяк зол глагол на вы лжуще, радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех)** (Мф. 5: 11, 12), а в другом месте прибавляется еще: "**и взыграйте**" (Лук. 6: 23). Он не положил бы такой награды, если бы подвиг этот не был велик. В телесных страданиях болезнь души разделяет и тело, потому что и тело и душа страдают вместе; а здесь (страдает) одна душа. Потому-то многие пали от одних душевных скорбей и погубили души свои. Оттого и для Иова укоризны друзей его казались тяжелее ран и червей (Иов. 19). Поистине, нет ничего тягостнее для мучимых скорбями, как слово, уязвляющее душу. Потому-то и (апостол), перечисляя труды и подвиги свои, полагает и этот, говоря: "**славою и бесчестием**". Так многие и из иудеев не хотели веровать (в Господа), только из опасения лишиться славы в народе. Они боялись не казней, но того, чтобы не выгнали их из сонмищ (Иоан. 5: 42). Потому (и Господь) говорил им: "**Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу" (како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще)** (Иоан. 5: 44)? И многих можно бы указать, которые, презрев все страдания, побеждены были славою. "**Нас почитают обманщиками, но мы верны" (Яко лестцы, и истинни)** (ст. 8). Это – то же, что и "**при порицаниях и похвалах" (гаждением и благохвалением)**. "**Мы неизвестны, но нас узнают" (Яко незнаеми, и познаваеми)**. Это – то же, что и "**славою и бесчестием**". Для одних они были знаемы и достоуважаемы, для других недостойны и того, чтобы знать их. "**Нас почитают умершими, но вот, мы живы" (Яко умирающе, и се живи есмы)**, т. е., как приговоренные и осужденные на смерть, что также составляло род бесчестия.

4. А это сказал он для того, чтобы показать и неизреченную силу Божию, и их терпение. "(Смотря по тому), – говорит, – как и до чего злобствовали против нас враги наши, нам непременно надлежало бы умереть; так и все думали; но Бог спасал нас от погибели". Далее, чтобы показать для чего Бог попускает это, (апостол) продолжает: "**нас наказывают, но мы не умираем" (яко наказуеми (παιδευόμενοι), а не умерщвляеми**". Здесь он показывает, какая польза проистекает от искушений, еще прежде наград, и как сами враги невольно делаются их благодетелями. "**Нас огорчают, а мы всегда радуемся**" **(Яко скорбяще, присно же радующеся)** (ст. 10). "Другие, смотря на нас, думают, что мы скорбим, между тем как мы не только не скорбим, но ощущаем самое высшее удовольствие". И не просто сказал: "радующеся", но прибавил – "**присно**", т. е. всегда. Что может сравниться с такою жизнью, в которой по мере несчастий увеличивается радость? "**Мы нищи, но многих обогащаем" (Яко нищии, а многи богатяще)**. Некоторые думают, что здесь говорится о богатстве духовном, а я нахожу возможным присовокупить и видимое богатство, потому что они и им обладали, поскольку чудным некоторым образом имели отверстыми для себя все дома. Это (апостол) и подтверждает далее, говоря: "**мы ничего не имеем, но всем обладаем" (яко ничтоже имуще, а вся содержаще)**. Но как это возможно? Как возможно совместить две вещи совершенно противные? Обладающий многим не имеет ничего; а ничего не имеющий владеет всем! Однако не только в этом, а и в других вещах часто одно противное производит другое противное. Если же тебе все еще кажется удивительным, как возможно иметь все тому, кто ничего не имеет, то я представлю в пример самого (апостола), который повелевал всей вселенной, и был господином не только их имения, но и самых очей. "**Если бы возможно было**, – писал он, – **вы исторгли бы очи свои и отдали мне" (Аще бы было мощно, очеса ваша извертевше дали бысте ми)** (Галат. 4: 15). Все же это говорит для того, чтобы научить нас не смущаться человеческими о нас суждениями, – хотя бы нас называли льстецами, хотя бы не хотели и знать о нас, хотя бы считали нас преступниками, осужденными на смерть, хотя бы скорбящими, бедными, ничего не имеющими, хотя бы (считали нас) находящимися в унынии и тогда, когда мы радуемся, – потому что и для слепых солнце не светит, и безумным неизвестны удовольствия мудрых. Одни только верные умеют справедливо ценить дела, и радуются и скорбят не о том, о чем другие. Если бы кто, не имея никакого понятия о состязаниях, увидел бойца, хотя украшенного венцом, но имеющего раны, то, не зная того удовольствия, которое приносит бойцу венец, конечно, стал бы думать только о том, что тот испытывает мучительную боль по причине ран. Так и те знают только то, что мы претерпеваем, а того не знают, за какую цену претерпеваем, и потому естественно думают, что мы только страдаем; они видят только борьбу и бедствия, а наград, венцов и основания подвигов не видят. Итак, что же это было, чем владел Павел, когда говорит: "**мы ничего не имеем, но всем обладаем**"? Блага земные и духовные. В самом деле, кого как ангела принимали города, для кого готовы были исторгнуть и отдать свои очи, за кого готовы были положить свои головы, – как тот не был господином и всего им принадлежащего? Если же хочешь видеть его духовные блага, то увидишь, что он и ими был весьма богат. Кто так близок был к Царю всяческих, что Владыка ангелов сообщил ему сокровенные тайны, – тот как не превосходил всех и обилием (духовных благ), и как же не имел всего? Иначе ему так не повиновались бы демоны, и не стали бы убегать от него с такою поспешностью болезни и недуги. Так и мы, если что несем ради Христа, должны нести не только мужественно, но и с радостью. Постимся ли мы – будем веселы, как пиршествующие. Терпим ли поношение – будем ликовать, как осыпаемые похвалами. Истрачиваем ли мы имение – постараемся быть в таком расположении духа, как будто приращаем его. Отдаем ли что бедным – будем думать, что мы приобретаем, потому что кто не с таким расположением дает, тот нелегко и дает. Итак, когда ты хочешь раздавать от своего имущества, то не о том только думай, что ты расточаешь, но и о том, что гораздо более приобретаешь; и о последнем даже прежде (думай), чем о первом. И не только при раздаче милостыни, но и во всякой

добродетели помышляй не о суровости трудов, но о сладости наград; а прежде всего имей в виду Господа нашего Иисуса, для Которого предпринимаешь те или другие подвиги, – и ты легко выйдешь на подвиги, и в радости проведешь все время жизни. Подлинно, ничто не приносит такого удовольствия, как добрая совесть. Вот почему Павел, и каждодневно уязвляемый скорбями, радовался и веселился, а ныне живущие, и во сне не претерпевая ничего подобного, скорбят и унывают, – не от чего иного, как только оттого, что не имеют любомудрой души. Иначе, скажи мне, о чем ты плачешь? О том ли, что ты беден и терпишь недостаток в необходимых вещах? Но в таком случае больше о тебе нужно плакать – не потому, что ты беден, а потому, что ты так малодушен; не потому, что у тебя нет денег, а потому, что ты так дорого ценишь их. Павел умирал каждый день (1 Кор. 15: 31), и не только не плакал, но еще и радовался. Он непрестанно боролся с голодом, и не только не скорбел, но и хвалился.

5. А ты оттого, что не имеешь всего годового запаса, плачешь и терзаешь себя? "Да, – скажешь, – потому что он имел попечение только о себе, а я о рабах, и о детях, и о жене" Напротив, он и один заботился о нужном не для себя, но для всей вселенной. Ты заботишься об одном доме, а он о таком множестве бедных в Иерусалиме, в Македонии и о всех неимущих, – повсюду; заботился притом и о тех, которые давали, не менее, чем о тех, которые принимали. У него была двойная забота о вселенной: и чтобы никто не терпел нужды в вещах необходимых, и чтобы все обогащались духовными дарами. И тебе не причиняют такой скорби твои голодные дети, какую причиняли ему дела всех верующих. Что я говорю – верующих? Он не был чужд заботы и о неверующих, напротив, до того был снедаем заботою о них, что молился за них, и желал быть отвергнутым сам ради их спасения (Рим. 9: 3). А ты, хотя бы в тысячу раз увеличился голод, не решился бы умереть ни за кого. И ты заботишься об одной жене; а он о всех церквах в целом мире; у меня, говорит, "**попечение всех церквей**" (2 Кор. 9: 28). Итак, доколе будешь шутить, сравнивая себя с Павлом, и скоро ли перестанешь страдать таким малодушием? Не тогда должно плакать, когда мы бедны, но когда грешим. Только это одно достойно слез, а все прочее достойно даже смеха. "Но я не об этом одном печалюсь, –скажешь, – а еще и о том, что такой-то облечен властью, а я в бесчестии и презрении". Что же из этого? И блаженный Павел для многих казался бесчестным и достойным презрения. "Но то был Павел", – скажешь. Значит, следовательно, печаль твоя происходит не от свойства вещей, а от недостатка рассуждения. Итак, ты должен оплакивать не бедность свою, но себя, что находишься в таком (жалком ослеплении). Вернее же – не плачь и о себе, а лучше исправься: не богатств ищи, а старайся о приобретении того, что более, нежели бесчисленные богатства, делает нас радостными, то есть любомудрия и добродетели. При них и бедность будет безвредна; а без них нет никакой пользы и от богатства. В самом деле, скажи мне, какую пользу получают те, которые изобилуют богатством, а души имеют бедные? Не столько ты почитаешь себя несчастным, сколько такой богач считает себя таковым потому, что не имеет у себя (богатства) всех. Пусть он не плачет так, как ты; но загляни в его сердце, и ты увидишь там вопли и воздыхания.

Хочешь ли, я покажу тебе твое богатство, чтобы ты перестал почитать блаженными имеющих большое богатство? Видишь ли это небо, как оно прекрасно, как величественно, на какой высоте поставлено? Красотою его и он наслаждается не более твоего, и не может тебя лишить его, и все присвоить себе, потому что оно создано сколько для него, столько же и для тебя. А что сказать о солнце? И это блестящее и светозарное светило, увеселяющее взор наш, не для всех ли смертных открыто, и не все ли равно наслаждаются им, как богатые, так и бедные? И свод звездный, и круг луны – не всем ли равно принадлежат? Даже, странно сказать, мы бедные пользуемся им более, нежели они. Они, предаваясь безмерному пьянству и проводя жизнь в пиршествах и непробудном сне, часто и не замечают их, находясь всегда под кровлею и любя жить во мраке; напротив, бедные

находятся в таком положении, что более всех наслаждаются приятностями этих стихий. Равным образом, если будешь рассматривать воздух, повсюду разлитый, то увидишь, что бедные и им пользуются в большем количестве и гораздо чистейшем виде. Путешественники и земледельцы более наслаждаются им, нежели живущие в городах; а в этих последних опять ремесленники более, чем те, кто по целым дням предается пьянству. А что сказать о земле? Не всем ли она равно открыта? Нет, говоришь. Почему же, скажи мне? Потому что богатый и в городе, получив во владение большее количество десятин земли, окружает их длинными стенами, и в полях отрезает себе большие участки. Что же? Ужели потому, что он отрезывает их одному себе, один он и пользуется ими? Никак, хотя бы он владел тысячами участков. Плоды их он поневоле должен разделять между всеми; пшеницу, вино и елей он тебе готовит, и везде для тебя служит. И огромные ограды и здания, сопряженные с несказанными издержками, трудами и беспокойствами, он воздвигает для твоей же пользы, полчая от тебя за такую свою услугу только малое количество серебра. То же самое всякий может увидеть и в банях, и везде, т. е. что богатые тратят и большие деньги, и обременены трудами и заботами, а бедные легко и спокойно пользуются плодами трудов их за несколько оволов. Таким образом (богатый) ничем не более твоего пользуется землею, и не десять желудков наполняет и он, но один, как и ты. Но он питается роскошнейшими яствами? И это не большое преимущество; напротив, и здесь ты найдешь для себя предпочтение. В самом деле, это обилие и богатство стола возбуждают в тебе зависть тем, что доставляют много удовольствия; но у бедного удовольствия еще больше; и сверх того он наслаждается также здоровьем. Разве тем только богатый превосходит бедного, что делает свое тело более слабым, и собирает в себе большие источники тяжких болезней, потому что у бедного все делается согласно с природою, а у богатого, который не знает меры, все ведет к расслаблению и болезням.

6. Если угодно, рассмотрим это на примере. Если бы нужно было натопить печь, и один накидал бы в нее шелковых одежд и тонких, искусно вытканных занавесок, а другой, напротив, наложил бы дров дубовых и сосновых, то чем лучше сделал бы первый сравнительно с последним? Ничем – напротив, даже хуже. Что же (мы можем несколько и изменить этот самый пример)? Если бы один стал топить печь дровами, а другой телами – у какой печи остановился бы ты с бóльшим удовольствием, у той ли, которую топили бы дровами, или у той, которую телами? Без сомнения у той, которая топилась бы дровами, потому что она топится естественным образом, и тем представляет приятное зрелище для зрителей; а та, напротив, гарью и смрадом, дымом и зловонием костей прогнала бы от себя всех. Ты ужасаешься, слыша это, и чувствуешь отвращение к такой печи? Но таковы и утробы богатых. В них ты найдешь еще больше, чем в той печи, и смрада, и зловонных испарений, и отвратительного запаха, потому что все тело их и каждая часто его от пресыщения отзываются большою несваримостью желудка. Ведь когда естественная теплота обессилена, не может переварить всей пищи, то последняя пробивается на поверхность тела, подобно дыму, и производит отвратительный запах. С чем бы еще сравнить утробы богатых? А вы не оскорбляйтесь моими словами; но если говорю неправду, изобличайте меня. Итак, с чем же бы еще сравнить их? Сказанного же еще недостаточно для полного изображения того, как они жалки. Вот я нашел и другое сравнение. Какое же? Как в сточных канавах, когда непрестанно умножающиеся наносы навоза, травы, тростнику, камней и тины производят в них завалы, поток грязи вырывается, наконец, на поверхность, – так точно бывает и с утробами богатых: вследствие стеснения их внизу, бóльшая часть таких зловонных потоков устремляются наверх. Но не так у бедных. Напротив, утробы их так же чисты от таких зловонных излишеств, как источники, разливающие чистые воды и наполняющие ими сады и луга. Совсем не таковы утробы богатых или – лучше – предающихся пиршествам. Они исполнены вредной влаги, мокрот, желчи, испорченной крови, гнилых испарений и других подобных вещей. Потому-то никто из живущих роскошно не может быть

здоровым даже на краткое время, но проводит жизнь среди непрестанных болезней. Ввиду этого я желал бы спросить их: для чего нам даны различные снеди? Для того ли, чтобы мы погибали от них, или для того, чтобы ими питались? Для болезней, или для здравия? Для расслабления, или подкрепления? Очевидно, что для питания, здоровья и подкрепления. Для чего же вы злоупотребляете ими, создавая чрез них для своего тела болезни и расслабление? Напротив, бедный, питаясь простою пищею, приобретает здоровье, крепость и силу. Итак, не плачь, находясь в бедности, этой матери здоровья; напротив, радуйся. И если хочешь быть богатым, презирай богатства. Подлинно, не в том состоит богатство, чтобы иметь богатство, но в том, чтобы не заботиться о снискании его. Если мы так устроим себя, то и здесь будем богаче всех богатых, и там насладимся будущими благами, которых все мы да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Который Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 13

"Уста наши отверсты к вам, Коринфяне, сердце наше расширено. Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно" (2 Кор. 6: 11, 12).

1. (Апостол) сказал о своих искушениях и скорбях: "**В терпении**, – говорит, – **в скорбях, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях**"; показал, как они важны и благодетельны: "**нас огорчают**, – говорит, – **а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем" (яко скорбяще, присно же радующеся: яко нищи, а многи богатяще: яко ничтоже имуще, а вся содержаще)** (ст. 10); назвал их оружием: "**нас наказывают**, – говорит, – **но мы не умираем" (яко наказуеми, а не умерщвляеми)** (ст. 9); обнаружил в них великое о нас попечение Божие и Его силу: "**чтобы преизбыточная сила**, – говорит, – **была [приписываема] Богу, а не нам" (да премножество силы будет Божия, а не от нас)** (4: 7); изобразил опасность своих подвигов: "**всегда**, – говорит, – **мертвость Его носим**" (ст. 10); и что эта мертвость служит ясным доказательством воскресения: "**чтобы и жизнь Иисусова**, – говорит, – **открылась в теле нашем" (да и живот Иисусов явится в мертвенней плоти нашей)** (ст. 11); сказал, чего он удостоен от Господа, и какое служение ему было вверено: "**и как бы Сам Бог**, – говорит, – **увещевает через нас; от имени Христова просим" (по Христе молим яко Богу молящему нами)** (5: 20); и чего он был служитель, т. е. "**не буквы, но Духа**" (3: 6); и что не только поэтому он достоин уважения, но и ради самых скорбей: "**Богу**, – говорит, – **благодарение, всегда победителями нас творящему**" (2: 14). После всего, наконец, он приступает к обличению (коринфян) в том, что они мало имеют расположения к нему. Впрочем, не тотчас начинает обличать их, но сперва говорит им о той любви, которую он всегда обнаруживал к ним, а потом уже приступает и к обличению. Хотя бы обличающий и по своим добродетелям заслуживал уважение слушателей, но его слово принимают охотнее, когда он вместе показывает и любовь свою к обличаемым. Вот почему и апостол, упомянув сперва о своих искушениях, трудах и подвигах, переходит к слову о любви своей к ним, и потом уже начинает обличать их. Как же он свидетельствует любовь свою к ним? "**Уста наши**, – говорит, – **отверсты к вам, Коринфяне" (Уста наша отверзошася к вам, коринфяне)** (ст. 11). Что же это за свидетельство любви? И что вообще значат эти слова? "Мы не хотим, – говорит, – молчать пред вами, но всегда желаем говорить и беседовать с вами. А так поступают обычно любящие. И что для тела объятие рук, то для души дружественная беседа". Вместе с этим он намекает здесь еще и на нечто другое. Что же именно? "То – (говорит), – что мы откровенно беседуем с вами, как с возлюбленными, ничего не утаивая от вас и ничего не скрывая". Так как он приступает к обличению их, то как бы просит у них извинения в том, делая самое обличение, смело высказанное, доказательством

сильной любви к ним. И самое наименование ("**коринфяне**") выражает великую любовь, расположение и горячность (чувства). Известно, чтоб мы часто повторяем и одни имена тех, кого любим. "**Сердце наше расширено" (Сердце наше распространися)**. Как теплота расширяет (предметы), так и любви свойственно расширять (сердце), потому что она есть такая добродетель, которая и горяча, и разгорячает. Она разверзла и уста Павловы, и расширила сердце его. "Не устами только, – говорит, – люблю вас, но (с устами) согласуется и сердце. Потому я и говорю смело, открытыми устами и от всего сердца".

Подлинно, нет ничего пространнее сердца Павлова; оно так горячо любило всех верных, как кто-нибудь (любит) своего друга, не раздробляя на части своей любви и оттого ослабевая, но пребывая в каждом всецело. И удивительно ли, что Павел имел такую любовь к верным, когда сердце его обнимало всю вселенную, и даже неверных? Вот почему он и не сказал: я люблю вас, но гораздо выразительнее: "**Уста наши отверсты, … сердце наше расширено" (уста наша отверзошася, сердце наше распространися)**; мы всех имеем в сердце и не кое-как, но с большим простором, потому что в таком случае любимый без всякой опасности помещается в сердце любящего". Поэтому и говорит: "**Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно" (не тесно вмещаетеся в нас, утесняетеся же во утробах ваших)** (ст. 12). Смотри, как он щадит и в самых обличениях. А это – свойство сильно любящих. Не сказал: "вы не любите нас", а (говорит только): "не в такой мере (любите, как мы)", – потому что не хочет сильно упрекать их. Перечитывая его послания, желающий и везде может увидеть, до чего он любил верующих. К римлянам, например, он пишет: "весьма **желаю** (**επιποθώ**) **видеть вас**" (1: 11); и еще: "**многократно намеревался придти к вам" (множицею восхотех приити к вам)** (ст. 13); также: "**чтобы воля Божия когда-нибудь благоспешила мне придти к вам" (аще убо благопостешен буду приити к вам)** (ст. 10). А к галатам пишет: "**Дети мои, для которых я снова в муках рождения" (чадца моя, имиже паки болезную** (4: 19). И опять к Ефесеянам: "**Для сего преклоняю колени мои** за вас" **(сего ради преклоняю колена моя за вас)** (3: 14). К филиппийцам же (написал так): "**Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы?" (кто бо ми есть упование или радость, или венец похваления? Не и вы ли?)** (1 Сол. 2: 19, Филип. 4: 1), – и говорил, что он носит их "**в сердце и во узах**" (Филип. 1: 7). А к колоссянам: "**Желаю, чтобы вы знали, какой подвиг имею я ради вас … и ради всех, кто не видел лица моего в плоти, дабы утешились сердца их" (хощу же вас видети, колик подвиг имам о вас, и елицы не видеша мя во плоти, да утешатся сердца ваша)** (2: 1); и к фессалоникийцам: "**подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими … так мы, из усердия к вам, восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши" (якоже доилица греет своя чада, тако желающе вас благоволихом подати вам не точию благовествование, но и души своя)** (1 Сол. 2: 7, 8). Или Тимофею: "**вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости" (поминая слезы твоя, да радости исполнюся)** (2 Тим. 1: 4); также Титу: "**истинному сыну" (присному** (**αγαπητώ**) **чаду)** (1: 4). Подобным же образом и к Филимону.

2. Много подобного пишет он и к евреям, не переставая утешать их подобно матери, уговаривающей печальных детей своих: "**еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит" (еще мало елико елико грядый приидет, и не укоснит)** (Евр. 10: 37). С тою же любовью и к ним (коринфянам) говорит: "**Вам не тесно в нас" (не тесно вмещаетеся в нас)**. Притом говорит, что не только он их любит, но что и они любят его, желая этим еще более привлечь их к себе. То же самое свидетельствует он о них, когда говорит, что пришел Тит, "**поведая нам ваше желание, ваше рыдание, вашу ревность**" (2 Кор. 7: 6, 7). То же и галатам: "**если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне** (4: 15); и фессалоникийцам: "**какой вход имели мы к вам**" (1 Сол. 1: 9); и

Тимофею: "**вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости** " (2 Тим. 1: 4). И везде в посланиях его всякий может найти свидетельства любви его к ученикам своим и их любви к нему, хотя и не равной. Так и в настоящем послании говорит он: "**чрезвычайно любя вас, я менее любим вами" (аще и излишше вас любя, менше любим есмь)** (12: 15). Но так как говорит он уже в конце (послания); а здесь еще сильнее: "**Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно" (не тесно вмещаетеся в нас, утесняетеся же во утробах ваших)**. "Вы приемлете, – говорит, – одного, а я – целый город и столь многочисленный народ". Не сказал опять – "не приемлете нас", но – "**в сердцах ваших тесно" (утесняетеся)**; этими словами он указал на то же, но только снисходительнее, чтобы обличение было не слишком жестоко. "**В равное возмездие, - говорю, как детям, - распространитесь и вы" (Тожде же возмездие, якоже чадом глаголю, распространитеся и вы)** (ст. 13). И хотя не одно и то же – прежде самому быть любимым, а потом уже любить других, потому что возлюбивший после, хотя бы и равною платил любовью, по тому уже самому стоит ниже, что другой предварил его любовью, – но я не вхожу, – говорит, – в строгое разыскание; для меня довольно, если вы, взяв с меня пример, покажете ту же меру любви, каковою я люблю вас". Потом, чтобы показать, как это нужно для них, и как слова его чужды всякого ласкательства, прибавляет: "**говорю, как детям**". Что же значит: "**как детям**"? Это значит – "ничего более не прошу от вас, кроме вашей любви ко мне, как отцу".

И заметь благоразумие и смиренномудрие (апостола). Он не говорит уже здесь о бедствиях, какие претерпел за них, о своих трудах, о смертных опасностях, хотя бы и много мог сказать – так он чужд гордости! – но говорит только о любви своей, и просит от них взаимной любви, – "за то, что я, – говорит, – отец ваш, и сильно люблю вас". Пользующегося любовью иногда очень раздражает то, что ему напоминают о благодеяниях, – потому что он видит в этом упрек себе. Поэтому Павел и не делает так, а только говорит: "Возлюбите меня как дети отца", – что гораздо ближе к природе (человеческой), и составляет долг каждого в отношении к отцу. Потом, чтобы кто не подумал, что он говорит это для своей пользы, показывает далее, что он для их же блага желает снискать любовь их к себе, – почему и присовокупляет: "**Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными" (не бывайте преложни ко иному ярму, якоже невернии)** (ст. 14). Не сказал – "не смешивайтесь с неверными"; но, чтобы сильнее обличить их как нарушителей правды, говорит: не уклоняйтесь (на их пути). "**Какое общение праведности с беззаконием?" (Кое бо причастие правде к беззаконию?)** Здесь он делает различение уже не между своею любовью и любовью тех, которые растлевали коринфян, но между благородством последних и низостью первых. От этого и речь его сделалась важнее и сообразнее с его достоинством, а для коринфян привлекательнее. Если бы сыну, не почитающему своих родителей и предающемуся людям развратным, кто-нибудь сказал: "Что ты делаешь, дитя? ты презираешь своего отца, и предпочитаешь ему людей развратных и преданных всякому нечестию? Ужели ты не знаешь, сколько ты лучше их и благороднее?" – то такими словами он лучше бы отклонил его от общения с ними, чем когда бы стал восхвалять только отца. Так, если бы он сказал: "Ужели ты не знаешь, насколько отец твой лучше их?" – то этим ничего бы не сделал. Напротив, если он, оставив отца, укажет на превосходство пред ними самого сына, говоря: "Неужели ты не знаешь, кто ты и кто они? Как ты не подумаешь о своем благородстве и свободном происхождении, а их низости? Что у тебя общего с такими ворами, прелюбодеями, разбойниками?" – то, как бы окрылив его такими похвалами, он легко расположит его к тому, чтобы он оставил сообщество с ними. Первые увещевания он не так легко примет потому, что восхваление отца будет служить уже обвинением, поскольку именно в этом случае он представляется оскорбителем не только отца, но и такого именно отца; здесь же он ничего подобного не услышит. Притом, кто не любит похвалы? И потому самое обличение, соединенное с похвалою слушателя, бывает удобоприемлемее. Оно смягчает,

возвышает дух и заставляет гнушаться сообществом с худыми людьми. Но здесь достойно удивления не только такое различение, но и то, что придумал нечто большее для возбуждения в них страха. Сперва именно он ведет речь свою чрез вопросы, что обыкновенно бывает тогда, когда говорится о чем-нибудь для всех известном и очевидном; потом же распространяет ее многими и различными наименованиями. Не одно, в самом деле, не два и не три, но многия наименования (сравниваемых) вещей полагает пред глазами слушателей, чтобы с одной стороны изобразить высоту добродетелей, а с другой – крайнюю низость порока, и чрез великое, даже бесконечное между ними расстояние показывает, что дело не требует более никакого доказательства. "**Какое общение**, – говорит, – **праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным? Какая совместность храма Божия с идолами?" (Кое бо причастие правде к беззаконию? Кое же общение свету ко тьме? Кое же согласие Христови с Велиаром? Или кая часть верну с неверным? Или кое сложение церкви Божией со идолы?**" (ст. 15, 16).

3. Смотри, какие простые, а между тем достоточные слова употребляет (апостол) для отвращения (коринфян он ярма неверных). Не сказал он: "(какое общение у праведности) с противозаконием (**παρανομία**)", но гораздо сильнее ("с беззаконием" – **ανομία**). Равным образом не сказал: "(какое общение) у находящихся во свете с пребывающими во тьме", но противополагает самые вещи, противные между собой и одна другую отвергающие, т. е. свет и тьму. Не сказал также: "(какое согласие) между последователями Христа и чадами диавола", но – что гораздо бóльшую обнаруживает противоположность – между Христом и Велиаром, – еврейским именем назвав этого отступника. "**Какое соучастие верного с неверным?" (Или кая часть верну с неверным?)** Чтобы кто не подумал, что он просто лишь обвиняет зло и похваляет добродетель, он здесь указывает уже и лица, хотя и неопределенно. И не сказал: "какое общение", но – какие награды, назвав их "частию" (**μερίς**). "**Какая совместность храма Божия с идолами? Ибо вы храм Бога живаго" (Кое сложение церкви Божией со идолы? Вы бо есте** церковь **Бога жива)**. Смысл этих слов такой. "Царь ваш не имеет ничего общего с диаволом ("**Какое согласие между Христом и Велиаром?**"); ничего общего не имеют между собою и дела их ("**Что общего у света с тьмою?**"). Потому и у вас не должно быть никакого общения с ним (диаволом?)". Апостол прежде указывает на царя, а потом уже на них, – чтобы тем скорее отвлечь их от диавола. Далее, сказав: "**Какая совместность храма Божия с идолами?**" и присовокупив: "**Ибо вы храм Бога живого**", (апостол) почел нужным привести и свидетельство на это, желая показать, что эти слова не простая лесть, – так как кто хвалит, не представляя на то причин, о таком могут подумать, что он льстит. Какое же (он приводит) свидетельство? "**Вселюся в них и похожду**", – т. е. "вселюсь в храмах этих и в них буду ходить", показывая тем великое к ним благоволение, – "**и буду вашим Богом, а вы будете Моим народом" (и будут Мне в людие, и Я буду им в Бога)**. (Лев. 26: 12). "Для чего же, – говорит, – ты, нося в себе Бога, бежишь к идолам, – Бога, Который не имеет с ними ничего общего? Такой поступок достоин ли какого-нибудь извинения? Помысли, кто в тебе живет и обитает с тобою". "**И потому выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я прииму вас" (Темже изыдите от среды их и отлучитеся, и нечистот не прикасайтеся: и аз прииму вы, глаголет Господь)** (ст. 17). Не сказал: "не творите нечистоты"; но, требуя от них большой точности, сказал: "даже не прикасайтесь и не приближайтесь к ней". Что же составляет нечистоту плотскую? Блуд, прелюбодеяние и всякое плотоугодие. А душевную? Нечистые помыслы, сладострастный взор, памятозлобие, обманы и тому подобное. Он желает, чтобы мы были чисты и от той и от другой нечистоты. Смотри, вот и награда за то, – отделение от нечестивых и соединение с Богом. Но послушай еще далее: "**И буду вам Отцем, и вы будете Моими сынами и дщерями, говорит Господь" (и буду**

вам во отца, и **вы будете Мне в сыны и дщери, глаголет Господь)** (Иерем. 3: 19). Видишь, как пророк издревле уже предсказал о настоящем благородстве нашем, т. е. о возрождении благодатию. "**Итак, возлюбленные, имея такие обетования**" **(Сицева убо имуще обетования, о возлюбленнии)** (7: 1). Какие? То, что мы сделались храмами для Бога, сынами и дщерями Его, что Он вселяется и обитает в нас, что мы стали Его народом и Его именем Богом и Отцом своим. "**Очистим себя от всякой скверны плоти и духа** – не будем прикасаться к нечистоте", – это именно и означает "**скверна плоти**", – и к тому, что грязнит душу, – это именно и значит "**скверна духа**". Этим одним, однако, он еще не довольствуется, и потому присовокупляет: "**совершая святыню в страхе Божием**". Одно неприкосновение к нечистому еще не делает чистым; чтобы сделаться нам святыми, для этого потребно и нечто другое, – именно ревность, бодрствование и благочестие. И хорошо сказал он: "**в страхе Божием**", потому что можно сохранять целомудрие и не в страхе Божием, но для суетной славы. Впрочем, он имел еще и другое в виду, когда сказал: "**в страхе Божием**, именно – способ, которым достигается святость. Действительно, как ни велика сила похоти, но если ты оградишь себя страхом Божиим, то победишь ее неистовство. Под "**святынею**" же он разумеет здесь не одно целомудрие, но и удаление от всякого греха, потому что свят тот, кто чист, а чист не тот, кто не творит только блуда, но кто чужд вместе и сребролюбия, и зависти, и надменности, и тщеславия, – особенно же тщеславия, которого и всегда нужно убегать, а более всего при подаянии милостыни. Милостыня, зараженная этой болезнью, перестает быть уже и милостыней, а является хвастовством и жестокосердием.

Действительно, когда ты подаешь милостыню не из милосердия, но для того, чтобы показать себя, тогда она не только не есть милостыня, но даже является обидой, потому что ты выставляешь на позор своего брата. Милостыня состоит не в том, чтобы только давать деньги, но чтобы давать с чувством милосердия. И на зрелищах дают деньги – и распутным отрокам и другим, появляющимся на сцене; но это не милостыня. И блудники дают деньги блудницам; но это – дело не человеколюбия, а пьяного бесчинства. Им-то подобен и тот, кто (подает милостыню) из тщеславия. Подобно тому, как оскверняющийся с блудницею дает ей награду за наносимую ей обиду, так и ты, подавая милостыню из тщеславия, только награждаешь принимающего ее от тебя за причиняемую ему обиду, и чрез это создаешь и себе и ему худую славу, а отсюда невыразимый вред. Как лютый зверь и бешеный пес нападают на всех, так этот злой недуг бесчеловечия похищает у нас наши блага. Такая милостыня, подлинно, есть бесчеловечие и жестокость, или еще хуже того. Жестокосердый только сам не дает просящему, а ты хуже его делаешь, – ты препятствуешь подавать желающим подать. В самом деле, когда ты всем выставляешь напоказ свое подаяние, то этим приводишь в сомнение бедность принимающего дар твой, и тем удерживаешь от подаяния намеревающегося подать, особенно если он человек легкомысленный. Такой человек уже не подает просящему, как уже получившему подаяние и не особенно нуждающемуся, и мало того, – еще будет порицать его и обличать в бесстыдстве, когда он, получив от тебя милостыню, придет и к нему просить.

4. Итак, какая это милостыня, когда ты бесчестишь ею и себя и того, кто получил ее, а еще более Того, кто повелел творить ее, так как не довольствуешься тем, что сам (Бог) видит милостыню твою, и требуешь еще, чтобы и глаза собратий твоих обращены были на нее, и таким образом преступаешь данную от Него заповедь, запрещающую поступать так. Желал бы я побеседовать с вами и о других добрых делах, и о посте, и о молитве, – чтобы показать, как и здесь пагубно тщеславие; но я вспомнил, что в прошедшей беседе не совсем окончил предложенное там, очень нужное слово. О чем же там было слово? Рассуждая о здоровье и удовольствиях, я говорил там, что бедные имеют преимущество пред богатыми в потребностях жизни, и это доказано было ясно. Теперь покажем, что бедные преимуществуют пред богатыми не только в житейских вещах, но и в духовных. В

самом деле, что вводит в царствие Божие – богатство или бедность? Послушаем, что говорит об этом сам небесный Владыка. О богатых он говорит, что удобнее верблюду пройти сквозь иглиные уши, нежели богатому в царствие Божие (Мф. 19: 24); а о бедных сказал напротив: "**если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах" (аще хощеши совершен быти, продаждь имение твое, и даждь нищим, и гряди в след Мене: и имети имаши сокровище на небесах)** (Мф. 19: 21). Но если угодно, мы и с другой стороны покажем истину сказанного. "**Узкий и тесный путь**, – говорит (Писание), – **вводящий в жизнь**" (Мф. 7: 14). Но кто идет узким путем: тот ли, кто проводит жизнь в удовольствиях, или кто в бедности? Тот ли, кто идет без всякой ноши, или тот, кто несет на себе тысячу тяжестей? Изнеженный и беспечный, или заботливый и старательный? Но что пользы в умствованиях? Лучше перейдем к примерам. Лазарь был беден, и очень беден, а богатый проходил мимо него, когда он лежал у ворот (богатого). Кто же из них взошел в царство (небесное), и обрел покой в недрах Авраамовых? Кто, напротив, мучился в огне, и не мог испросить даже капли воды? Но ты скажешь, что и из бедных многие погибнут, и из богатых многие будут наслаждаться теми неизреченными благами. Напротив, должно знать, что только малое число богатых спасется, а бедных гораздо более. Рассмотри и исследуй тщательнее препятствия (к спасению) со стороны богатства и пороки бедности, хотя те и другие, собственно, зависят ни от богатства, ни от бедности, а от тех, которым достались в удел богатство или бедность; но посмотрим все же, какое оружие удобнее. Итак, какой порок кажется свойственным бедности? Ложь. Какой (свойственнее) богатству? Гордость, которая есть мать пороков, от которой и диавол сделался диаволом, не будучи таковым прежде. Опять, корень всех зол сребролюбие (1 Тим. 6: 10). Но кто стоит ближе к этому корню – богатый или бедный? Не очевидно ли, что богатый? Ведь чем большим кто окружен (богатством), тем большего еще желает. Опять, тщеславие губит бесчисленные добродетели. А богатый и к нему тоже обитает поблизости. Но почему же ты, скажут, ничего не говоришь о скорбях и стесненном состоянии бедного? Потому, что это удел и богатого и даже еще более, чем бедного, так что несчастия, соединенные, по-видимому, с бедностью, общи и бедным и богатым, между тем как несчастия богатого угнетают его одного. "Но что (можно ответить), – скажут, –на то, что бедный от недостатка необходимых потребностей совершает много злодеяний?" То, что никто из бедных, никто не делает столько злодеяний от бедности, сколько совершают их богатые, из желания большего богатства и из опасения, чтобы не потерять уже хранящегося у них. В самом деле, не столько бедный желает необходимого для себя, сколько богатый излишнего, да и столько сил опять к совершению зла он не имеет, сколько богатый. Таким образом, если богатый и больше желает зла и больше может сделать его, то очевидно, что он и действительно больше сделает. Не так бедный боится голода, как богатый трепещет, как бы не лишиться своих сокровищ, и мучится оттого, что еще не завладел богатствами всего мира. Итак, когда богатый близок к тщеславию, гордости и сребролюбию, которое есть корень всех зол, то какую будет иметь он надежду на спасение, если не покажет в себе великого любомудрия? Как он решится шествовать тесным путем? Не будем же, поэтому, идти за мнением толпы, а будем исследовать самые вещи. Если мы не доверяемся другим, когда дело идет о деньгах, а сами пересчитываем и пересматриваем их, то не безрассудно ли было бы просто следовать мнению других в определении достоинства дел наших, – и притом не взирая на то, что мы имеем для этого верные весы, верный образец и верное правило – суд божественных законов? Потому прошу и умоляю всех вас, – не обращая внимания на то, как об этом думает тот или другой, узнавайте все это из святых Писаний, и, узнав из них, в чем состоит истинное богатство, будем стараться о снискании его, чтобы чрез то достигнуть нам и вечных благ, которых и да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 14

"Вместите нас. Мы никого не обидели, никому не повредили, ни от кого не искали корысти. Не в осуждение говорю; ибо я прежде сказал, что вы в сердцах наших, так чтобы вместе и умереть и жить" (2 Кор. 7: 2, 3).

1. (Апостол) опять говорит о любви, умеряя строгость обличения. Так как он обличил и укорил их в том, что, будучи любимы им, они не отвечают ему такою же любовью, напротив, отпали от любви его, и предались людям зловредным, – то теперь смягчает строгость укоризн своих, говоря: "**вместите нас**", т. е., "любите нас"; просит у них маловажной милости, которая приносит более пользы оказывающим ее, нежели принимающим. И не сказал – "любите нас", но, как бы вызывая сострадание, говорит: "**вместите**". "Кто, – говорит, – нас удалил? Кто исторгнул из мыслей ваших? Почему вытесняете нас из сердец ваших?" Выше он сказал: "**в сердцах ваших тесно**" **(утесняетеся во утробах ваших)** (6: 12), а здесь выражает то же самое яснее словами: "**вместите нас**". И этим опять привлекает их к себе, потому что ничто так не возбуждает любви, как наблюдение любимого, что любящий сильно желает любви его. "**Никого не обидели**" **(Ни единаго обидехом)**. Смотри, он опять умалчивает о своих благодеяниях, но другим образом и смягчает, и вместе усиливает свое слово. Вместе с тем, говоря: "**Мы никого не обидели, никому не повредили, ни от кого не искали корысти (ни единаго обидехом, ни единаго истлихом, ни единаго лихоимствовахом)**, он указывает и на лжеапостолов. Что значит: "**повредили**"? То есть, никого не обольстили, как и в другом месте говорит: "**чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились" (да не како, якоже змий Еву прельсти, тако истлеют разумы ваша)** (2 Кор. 11: 3). "**Ни от кого не искали корысти" (Ни единаго лихоимствовахом)**, то есть, ни у кого ничего не похитили, ни с кем не поступали коварно. Не говорит еще: "мы оказали вам те и другие благодеяния", но чтобы более пристыдить их, говорит: "**не обидели**". Как бы так говорит: "Если бы мы и никакого не оказали вам благодеяния, и тогда вам не надлежало бы отвращаться от нас, потому что вы ни в малом, ни в большом не можете обвинить нас". Но, чувствуя, что сказанное им может показаться тяжким, он опять смягчает (свое слово). Впрочем и не совсем умолк (от обличения), потому что тогда он не исправил бы их; и не оставил слова своего несмягченным, чтобы не оскорбить их чрез меру. Что же говорит? "**Не в осуждение говорю" (Не на осуждение глаголю)**. Из чего же это видно? "**Ибо я прежде сказал, что вы в сердцах наших, так чтобы вместе и умереть и жить" (Прежде бо рех, яко в сердцах наших есте, во еже умрети с вами и сожити)**. Подлинно весьма велика такая любовь, что, будучи даже ими презираем, готов и умереть и жить вместе с ними. "Не просто, – говорит, – вы находитесь в сердцах наших, но так, как я сказал. Можно и любить, и избегать опасностей; но не так любим мы".

Смотри, сколько и здесь дивного благоразумия! Он не упомянул о том, что сделал уже для них, чтоб не сочли этого опять за упрек, но обещает им благодеяния в будущем. "Ежели бы, –говорит, – постигло вас какое бедствие, то я готов все терпеть за вас. Для меня ни смерть, ни жизнь, сами по себе, не важны; но быть там, где вы, для меня предпочтительнее; с вами и смерть лучше жизни, и жизнь лучше смерти". Что умереть за другого есть дело любви, это несомненно; но жить – кто этого не пожелает, даже и не будучи другом? Почему же он и желание жить выставляет как дело великое? Потому что и действительно оно весьма великое. В самом деле, о страждущих друзьях своих многие соболезнуют; а когда они благоденствуют, то уже не радуются с ними, но еще и завидуют. "Мы же не таковы, – (говорит апостол). – Если вы подвергнетесь бедствию, мы не устрашимся разделить с вами ваше несчастие; если будете благоденствовать, не станем завидовать". Потом, ввиду того, что выше он непрестанно повторял одно и то же, говоря: "**Вам не тесно в нас**"; "**в сердцах ваших тесно**"; "**вместите нас**"; "**распространитесь и**

вы"; и: "**мы никого не обидели**"; а все это, по-видимому, клонилось к их осуждению, – то смотри, какой новый способ употребляет он, чтобы смягчить тяжесть (этих укоризн). "**Я много надеюсь на вас**" **(Много ми дерзновение к вам)** (ст. 4). "Потому, – говорит, – я осмеливаюсь на это, что говорю не к осуждению вашему, но по великой надежде на вас". То же самое выражает он и выше, говоря: "**много хвалюсь вами" (многа ми похвала о вас)**. "Не подумайте, что когда я говорю так, то говорю, совсем уже осуждая вас, потому что я весьма горжусь и хвалюсь вами; напротив, говорю это из заботливости, желая, чтобы вы больше успели в добродетели". То же говорит он после многих обличений и евреям: "**Впрочем о вас, возлюбленные, мы надеемся, что вы в лучшем [состоянии] и держитесь спасения, хотя и говорим так**" **(надеемся же о вас лучших, и придержащихся спасения, аще и тако глаголем)** (Евр. 6: 9). "**Желаем же, чтобы каждый из вас, для совершенной уверенности в надежде, оказывал такую же ревность до конца**" **(Желаем же, да кйждо вас являет тожде тщание, к извещению упования даже до конца)** (6: 11). Так точно и здесь говорит: "**много хвалюсь вами**", т. е. "я хвалюсь вами пред другими". Видишь, как искренно утешает! "И не просто, – говорит, – хвалюсь, но и очень хвалюсь". Потому и присовокупил: " **исполнен утешением**" **(исполнихся утехи)**. Какой же утехи? "Которую получил от вас; вы, исправившись, утешили меня делами своими". Любящему свойственно и делать упреки, что он не любим, и страшиться, чтобы излишними укорами не опечалить. Поэтому и говорит: "**исполнен утешением, преизобилую радостью**" **(исполнихся утехи, преизбыточеству радостию)**.

2. Но скажут: "Это, по-видимому, противоречит сказанному прежде". Нимало; напротив, очень даже согласно, потому что сказанное теперь делает удобоприемлемым то, что было сказано раньше, и настоящая похвала делает более действительной пользу прежних обличений, уничтожая их горечь. Вот почему он весьма кстати и щедро и расточает эти слова. Не сказал: "я исполнен радости", но – "**изобилую**"; и не только "изобилую", но – "**преизизобилую**", чем опять обнаруживает горячность любви, по которой хотя и столько любим ими, что может радоваться и веселиться, все же, однако не почитает еще себя любимым в той степени, в какой бы следовало его любить, и не думает, что все от них получил. Так ненасытима была любовь его к ним! И малая взаимная любовь от тех, кого любим, доставляет великую радость, по причине нашей сильной к ним любви. Таким образом, и это послужило новым доказательством его любви. Говоря об утешении, он сказал: "**исполнен**", т. е. "получил, что надлежало"; а говоря о радости, сказал: "**преизизобилую**", т. е.: "Я много боялся за вас, но вы довольно удовлетворили и утешили меня, и не только отняли у меня предлог к скорби, но еще доставили мне обильную радость". Показывая затем, как велика эта радость, не только выражает это словами: "**преизизобилую радостью**", но и тем, что присовокупляет: "**при всей скорби нашей**" **(о всякой печали нашей)**. "Так велико было доставленное вами удовольствие нам, что оно не затмилось и великою печалью, а напротив, избытком своей великости преодолело все постигшие нас скорби, и не дозволило нам даже почувствовать их". "**Ибо, когда пришли мы в Македонию, плоть наша не имела никакого покоя**" **(Ибо пришедшим нам в Македонию, ни единаго име покоя плоть наша)** (ст. 5). Упомянув выше о печали, сказывает, какая то была печаль, и представляет ее в большем виде, желая показать, как велики доставленные ими утешение и радость, если они рассеяли и такую скорбь. "**Мы были стеснены отовсюду**" **(Но во всем скорбяще)**. Как это во всем? "**отвне – нападения**" **(Вне уду брани)** – от неверных, "**внутри – страхи**" **(внутрь уду боязни)** – за немощных в вере, чтобы не увлеклись в заблуждения, что случалось не у одних коринфян, но и у других. "**Но Бог, утешающий смиренных, утешил нас прибытием Тита**" **(Но утешаяй смиренныя, утеши нас пришествием Титовым)** (ст. 6). Так как он много сказал в похвалу (коринфян), то чтобы не показаться льстецом, приводит в свидетели брата Тита, который пришел от них к Павлу после первого его послания, извещая об их

исправлении. А ты заметь, как высоко ценит он везде прибытие Тита. Так и раньше говорит о нем: "**Придя в Троаду для благовествования о Христе … я не имел покоя духу моему, потому что не нашел [там] брата моего Тита" (пришед же в Троаду, во благовестие, не имех покоя духу моему, не обретшу ми Тита брата моего)** (2: 12, 13); и здесь опять говорит: "**пришествием Титовым** мы утешились". Этим он желает внушить им доверие и любовь к Титу. И смотри, как достигает того и другого. Словами "**не имел покоя духу моему**" он показывает высоту его добродетели; а сказав: "в скорби нашей пришествие его достаточно было к утешению, **и не только прибытием его, но и утешением, которым он утешался о вас" (не токмо же пришествием его, но и утешением, имже утешися о вас)**, – снискивает Титу благорасположение коринфян, потому что ничто так не возбуждает и не утверждает дружбы, как добрый и благоприятный о ком-нибудь отзыв. А о Тите свидетельствует (апостол), что, возвратившись, он привел нас в восхищение от удовольствия, когда рассказал о вас так много (приятного). Потому-то пришествие его и обрадовало нас. Не только пришествием его мы были обрадованы, но и "**утешением**", которые он получал от вас. Чем же он утешился? "Вашею добродетелью, вашим исправлением". Поэтому и присовокупляет: "**пересказывая нам о вашем усердии, о вашем плаче, о вашей ревности по мне" (поведая нам ваше желание, ваше рыдание, вашу ревность по мне)** (ст. 7). Вот что утешало и радовало (Тита)! Видишь, как и его представляет весьма расположенным (к коринфянам), так как он добрую их славу почитает для себя утешением и, пришедши, хвалится ею пред Павлом, как собственным благом. И смотри, с каким жаром выражает это (апостол): "**ваше желание, ваше рыдание, вашу ревность**". Действительно, им должно было и плакать и скорбеть о том, что блаженный Павел так прогневался на них, и так долго не был у них. Поэтому и сказал не просто – "слезы", но – "**рыдание**", и не просто – "желание", но – "**сильное желание" (επιπόθησιν**), и не – "гнев", но – "**ревность**", и ревность за апостола, как против блудника, так и против осуждавших (Павла). "Получивши мое послание, – говорит, – вы воспламенились и воспылали ревностью". Он избыточествует радостью, исполнился утешения, потому что сильно тронул их. Мне кажется, однако, что это сказано не только для утешения за прежнее, но и для большего возбуждения исполнивших требуемое. Хотя некоторые, как я думаю, и подлежали прежним обличениям и не заслуживали такой похвалы, однако он не отделяет их, напротив, и хвалит, и укоряет всех вместе, предоставляя совести слушателей избрать каждому свое. А таким образом и укоризны не делались невыносимыми, и похвалы возбуждали к большей ревности.

3. Так и ныне должны вести себя обличаемые – плакать и рыдать, так же искать себе наставников, так же любить их более, нежели отцов, – потому что отцы дают нам только жизнь, а наставники жизнь добродетельную. Так должно сносить отеческие наказания, так вместе с предстоятелями должно соболезновать о согрешающих, потому что не от них одних все зависит, но и от вас. В самом деле, если согрешивший видит, что отец обличает, а братья потворствуют, то становится еще нерадивее. Напротив, когда отец укоряет, гневайся с ним и ты, или как заботящийся о брате, или как негодующий с отцом, но только показывай великую заботу и сожалей не о том, что он наказан, но о том, что согрешил. Если же я буду созидать, а ты станешь разорять, то что приобретем, кроме трудов? Мало того, – этим не ограничится для тебя вред, но ты навлечешь на себя еще и наказание. Тот, кто препятствует уврачевать рану, заслуживает не только меньшее наказание с нанесшим ее, но еще и большее, потому что нанести рану и препятствовать ее уврачеванию – не одно и то же, – последнее непременно причиняет смерть, а первое не совсем. Говорю же это вам для того, чтобы и вы негодовали вместе со своими начальниками на тех, на кого они справедливо негодуют, чтобы, видя наказываемого, все вы отвращались от него еще более, чем сам наставник. Пусть погрешивший боится вас больше, нежели начальников. Если он будет бояться одного только учителя, то скоро

опять согрешит, а если будет опасаться стольких глаз и стольких уст, то сделается гораздо осторожнее. И как, не исполняя этого, подвергнемся крайнему наказанию, так, исполняя, будем участвовать в плодах исправления.

Будем же так поступать! Кто скажет, что христианину прилично быть человеколюбивым к брату, тот пусть знает, что человеколюбив гневающийся, а не тот, кто прежде времени снисходит к нему, и не дает даже почувствовать греха. Скажи мне, кто оказывает сострадание находящемуся в горячке или в безумии: тот ли, кто укладывает его в постель, связывает, удерживает от вредной для него пищи и питья, или тот, кто позволяет ему напиться вина, оставляет его на воле, дозволяя делать все, что делают здоровые? Этот последний, под видом человеколюбия, не растравляет ли болезнь, а первый, напротив, не врачует ли ее? Так будем рассуждать и здесь. Долг человеколюбия требует не во всем угождать больным, и не потворствовать неразумным их желаниям. Коринфского блудника никто так не любил, как Павел, повелевший предать его сатане, и никто так не ненавидел его, как ободрявшие его и снисходившие к нему. Это и оправдалось впоследствии. Последние воспламенили его дух и произвели большее воспаление, а Павел унял жар, и дотоле не оставил больного, пока не привел в совершенное здравие. Те к настоящей болезни присоединили новую; а Павел изгнал и ту, которая была в нем сначала. Этим-то правилам человеколюбия научимся и мы. Когда ты видишь, что конь несется к стремнине, то накидываешь на него узду, со всею силою удерживаешь его и часто бьешь. И хотя это – наказание, однако, такое наказание есть мать спасения. Так поступай и с согрешающими. Свяжи согрешившего, пока не умилостивит он Бога, и не оставляй несвязанным, чтобы он не был еще более связан гневом Божиим. Если я свяжу, то Бог уже не свяжет его; если же я не свяжу, то его ожидают неразрешимые узы: "**ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы" (аще бо быхом себе осуждали, не быхом осуждени были)** (1 Кор. 11: 31). Итак, не почитай такого отношения жестоким и бесчеловечным, напротив, (почитай) делом крайней снисходительности, превосходного врачевания и великой попечительности. Ты скажешь: "Довольно уже времени терпели они наказание". А скажи, сколько? Год, два, или три? Но у меня вопрос не о продолжительности времени, а об исправлении души. Покажи же мне (исправление); если они пришли в сокрушение, если переменились, то все сделано; а если нет этого, не поможет время. Не спрашиваем и о том, часто ли была перевязываема рана, но – принесло ли перевязывание какую пользу. Если принесло желаемую пользу, и в короткое время, то оставь; если же не принесло никакой пользы, то и после десяти лет продолжай (перевязывать). Уврачевание связанного пусть будет сроком к разрешению. Если мы так будем заботиться и о самих себе и о других, и не станем смотреть на человеческую славу или бесславие, но, имея в мысли будущее мучение и поношение, а более всего – страх оскорбить Бога, усугубим врачебные средства покаяния, то скоро достигнем и совершенного здравия, и получим будущие блага, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 15

"Если я опечалил вас посланием, не жалею, хотя и пожалел было" (2 Кор. 7: 8).

1. Так как (коринфяне) загладили свой грех, и потому без опасения можно было говорить с ними ласковее, то (апостол) извиняется пред ними за прежнее свое послание и показывает его пользу. То же делал он и выше, говоря: "**От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам**" (2 Кор. 2: 4). То же делает и здесь, но только выражает это пространнее. И не сказал: "Прежде я раскаивался,

но теперь не раскаиваюсь"; но как? "**не жалею** теперь, **хотя и пожалел было**" **(Не раскаюся**, **аще и раскаялбыхся)**. "Хотя бы, – говорит, – написанное мною было и таково, что превышало меру (должного) обличения, и побуждало меня раскаяться, но великая польза, происшедшая от того, не дозволяет мне раскаиваться. Сказал же это не потому, что в самом деле сверх меры обличал их, но чтобы увеличить похвалу их. Вы, – говорит он, – показали такое исправление, что если бы мне случилось и слишком строго наказать вас, так что я был бы должен обвинять себя в том, однако ж, взирая на последствия, я стал бы теперь хвалить себя". Подобно тому, как мы безбоязненно ласкаем детей после того, как к ним применен уже какой-нибудь трудный способ лечения, как, например разрез или прижигание, или горькое питье, так точно поступает и Павел. "**Вижу, что послание то опечалило вас, впрочем на время. Теперь я радуюсь не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию**" **(Вижду бо, яко послание оно, аще и к часу, оскорби вас. Ныне радуюся, не яко скорбни бысте, но яко оскорбистеся в покаяние)** (ст. 8, 9). Сказавши – "не раскаиваюсь", представляет и причину на то, показывая пользу от послания, благоразумно оправдываясь и говоря: "**впрочем, на время**" **(аще и к часу)**, потому что печаль была краткая, а польза вышла продолжительная. Следовало бы сказать: "Если я и оскорбил вас на время, но чрез то доставил вам радость и пользу навсегда". Однако он не говорит этого; но прежде, чем сказать о пользе, начинает опять хвалить их и показывать свое попечение о них, говоря: "**Теперь я радуюсь не потому, что вы опечалились (ныне радуюся, не яко скорбни бысте)**, – да и какая мне польза от вашей печали? – **но что вы опечалились к покаянию (но яко оскорбистеся в покаяние)**, т. е., что ваша печаль принесла плод". Подобно, как и отец, когда видит, что сыну делают разрез, радуется не тому, что сын терпит боль, но тому, что исцеляется, так точно радуется и он. И заметь, как он весь успех дела относит к ним: печаль приписывает посланию, когда говорит: "**послание то опечалило вас, впрочем на время**" **(аще и к часу оскорби вас)**, а пользу от него ставит им в заслугу. Не сказал: "потому что послание исправило вас", хотя так и было на деле, но: "**вы опечалились к покаянию; ибо опечалились ради Бога, так что нисколько не понесли от нас вреда**" **(яко оскорбистеся в покаяние. Оскорбесте бо по Бозе, да ни в чемже оттщетитеся от нас)**. Замечаешь ли его неизреченное благоразумие? "Если бы мы не сделали этого, – говорит он, – то нанесли бы вам вред", – исправление приписывает им, а себе вред, который бы произошел от его молчания. "Если бы мы не обличили вас, когда можно было исправить обличением, то мы нанесли бы вам вред, и ущерб был бы не для вас только, но и для нас. Подобно тому, как тот, кто не дает купцу средств к плаванию, делает вред ему, так и мы сделали бы вам вред, если бы не дали вам повода к покаянию". Видишь ли, что не обличать грешников вредно и учителю и ученику? "**Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению**" **(Печаль бо, яже по Бозе, покаяние во спасение нераскаянно соделовает)** (ст. 10). "Вот почему, – говорит, – хотя я и раскаивался, прежде нежели увидел весь плод и пользу от послания, но теперь не раскаиваюсь". Таким (плодом) была печаль по Бозе. Рассуждая теперь о печали, он показывает, что она не всегда бывает горькою, а только когда делается печалью по миру. А что значит: "печаль по миру"? Когда печалишься об имуществе, о славе, об умершем, – все это печаль по миру. Потому она и причиняет смерть. Кто печалится о славе, тот завидует, и по необходимости часто доходит до гибели. Такою печалью печалились Каин и Исав. Итак, под печалью по миру он разумеет ту, которая вредит самим скорбящим. Только одна печаль о грехах полезна; и это ясно видно из следующего. Скорбящий о потере богатства не вознаграждает тем убытка; скорбящий об умершем не воскрешает его; скорбящий по причине болезни не только не избавляется от болезни, но еще усиливает ее. Только скорбящий о грехах приобретает пользу от скорби, потому что истощает и истребляет грехи. Печаль есть врачевство, приготовленное на этот один случай; поэтому здесь только имеет она силу и оказывает пользу, в других же случаях вредит.

2. "Но и Каин, – скажут, – печалился потому, что Бог не благоволил к нему". Нет, не по этой причине, а потому, что видел брата своего сияющим (добродетелями). Иначе, если бы он сетовал по той причине, ему надлежало бы соревновать и сорадоваться брату; а он, напротив, в скорби своей обнаружил печаль по миру. Не так скорбели Давид, Петр, и каждый из праведников, почему и угодили Богу, скорбя о грехах или своих, или чужих. Правда, что тяжелее печали? Но когда она бывает печалью по Боге, то является гораздо лучше мирской радости: эта последняя обращается в ничто, а та "**производит неизменное покаяние ко спасению**". В ней и то достойно удивления, что никто из скорбящих ею никогда не раскаивался, тогда как раскаяние наиболее свойственно мирской печали. В самом деле, что вожделеннее родного сына? И что горестнее смерти его? Однако же отцы, которые во время сильной горести не принимали никакого утешения и сами себя терзали, после раскаиваются в том, что без меры скорбели, поскольку сознают, что не только не получили оттого никакой пользы, но еще более себя расстроили. Не такова печаль по Боге! Напротив, она имеет двоякое преимущество: во-первых, то, что не заставляет сожалеть о том, о чем скорбишь, и, во-вторых, то, что самая печаль обращается во спасение. Обоих этих преимуществ лишена печаль мирская. В ней скорбят ко вреду, и после сильной скорби осуждают себя же, а это и служит сильнейшим доказательством того, что скорбящие ею только вредят себе. Совсем противоположны (следствия печали) по Боге; а потому сказал (апостол), что она "**производит неизменное покаяние ко спасению**". Никто не станет осуждать себя за то, что скорбел, плакал и сокрушался о грехе. Вот почему и блаженный Павел, говоря об этом, не имел нужды приводить посторонние примеры в подтверждение сказанного и из ветхозаветной истории представлять скорбевших, а указывает на самих коринфян и из того, что они делали, заимствует доказательство, чтобы вместе с похвалами дать им и наставление, а равно и более привлечь к себе. "**Ибо то самое**, – говорит он, – **что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие?" (Се бо сие самое, еже по Бозе оскорбитися вам, колико содела в вас тщание?)** (ст. 11). "Печаль ваша, – говорит он, – не только не довела вас до раскаяния, как напрасно скорбевших, а напротив, сделала еще более заботливыми о себе". Потом показывает признаки тщания: "**но ответ** (извинение) предо мною; **но негодование** на согрешившего; **но страх**", – такое усердие и весьма скорое исправление показывали, что они очень устрашились. И чтобы не подумали, что он хвалит самого себя, смотри, как тотчас смягчил речь, сказав: "**какое желание" (но вожделение)**, – т. е. ко мне; – **но ревность**, – т. е. к Богу; – **какое взыскание (но отмщение)**, так как вы наказали нарушивших закон Божий". " **По всему вы показали себя чистыми в этом деле" (Во всем представисте себе чисты быти в вещи)**, то есть, не только тем, что сами не посмели (сделать такого же преступления), – в чем не было сомнения, – но и тем, что сделавшему не потворствовали. Так как в первом послании он сказал – "**И вы возгордились**" (1 Кор. 5: 2), то здесь говорит: "вы очистили себя и от этого подозрения, когда не только не похвалили согрешившего, но и выразили ему ваше порицание и негодование". "**Если я писал к вам, то не ради оскорбителя и не ради оскорбленного" (Аще убо и писах вам, не обидевшаго ради, ниже обидимаго ради)** (ст. 12). Чтобы не сказали: "зачем же ты обличаешь нас, когда мы чисты в этом деле?", – (апостол), имея в виду такое возражение и предупреждая его, и употребил приведенные слова: " **не жалею, хотя и пожалел было** ". "Я, – говорит, – весьма далек от того, чтобы раскаиваться теперь в написанном вам тогда; напротив, я более раскаивался тогда, нежели теперь, когда вы показали себя исправными". Видишь ли опять его уменье состязаться и принуждать к согласию? Видишь ли, как речи своей он дал противный оборот? Чем думали пристыдить его, именно как бы напрасными порицаниями, в виду (оказанного ими) успеха, тем самым он доказывает, что в праве был поступить с ними так свободно. Он не отказывается уже смело говорить им и приятное, когда это стало возможно. Прежде он говорил, что "**совокупляющийся с блудницею становится одно тело [с нею]" (прилепляяйся сквернодейце, едино тело есть)** (1 Кор. 6: 16); и: "предайте **такового сатане во**

изможение плоти" (1 Кор. 5: 5); также: "**всякий грех, какой делает человек, есть вне тела**" **(всяк грех, егоже аще сотворит человек, кроме тела есть)** (1 Кор. 6: 18), и тому подобное. Как же здесь он говорит: "**не ради оскорбителя и не ради оскорбленного**" **(не обидевшаго ради, ниже обидимаго ради)**? И здесь он не противоречит себе, а напротив, весьма согласен сам с собою. Каким же образом согласен? Ему очень желалось показать свою любовь к ним. Он не отрицает, таким образом, что заботился о блуднике; но вместе показывает, как замечено мною, и ту любовь, какую имел к ним, равно как и то, что он еще больше страшился за всю церковь, так как боялся, чтобы зло не распространилось и, идя далее, не обняло всей Церкви. Потому и говорил: "**что малая закваска квасит все тесто** " (1 Кор. 5: 6). Но это (сказал) тогда; теперь же, когда они исправились, то же самое выражает не так, но иначе; и хотя ту же выражает мысль, но с большею приятностью, говоря: "**чтобы вам открылось попечение наше о вас**" **(за еже явитися тщанию нашему, еже о вас)**, "к вам, – то есть, – чтобы видели вы, как люблю вас". Это одно и то же с прежним, но, будучи иначе выражено, по-видимому, имеет другое значение. А чтобы видеть, что это одно и то же, разбери мысль его, и не найдешь никакого различия. "Так как я вас очень люблю, – говорит он, – то и опасался, чтобы вы от этого (соблазнительного примера) не потерпели неприятности, и сами за себя не были принуждены скорбеть". Подобным образом, когда сказал: "**О волах ли печется Бог?**" **(еда о волех радит Бог)** (1 Кор. 9: 9), не разумел, что Бог не промышляет о волах, потому что ни одна вещь не может существовать без промысла Божия; а то, что Он дал заповедь преимущественно не ради волов. Так и здесь: "Я писал, во-первых, для вас, а потом и для него. Я любил вас внутренне еще и прежде моего послания; но чрез это послание хотел показать любовь мою и вам, и всем вообще". "**Посему мы утешились**" **(Сего ради утешихомся)** (ст. 13), – т. е. потому, что "мы и попечение свое о вас показали, и все исполнилось по нашему желанию". Подобно этому и в другом месте говорит: "**ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе**" **(ныне живи есмы, аще вы стоите о Господе)** (1 Сол. 3: 8); и еще: "**Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли?**" **(кто бо нам упование, или радость, или венец похваления? Не и вы ли?)** (1 Сол. 2: 19). Преуспеяние учеников для благоразумного учителя есть жизнь, и утешение, и отрада.

3. Действительно, ничто столько не выказывает с хорошей стороны начальника, как любовь к подчиненным. Так и для того, чтоб быть отцом, не довольно только родить, но, родив, надобно любить. А если любовь требуется там, где (действует) природа, то тем более она нужна там, где (действует) благодать. Так просияли все древние, так достигли славы все прославляемые у евреев. Так показал себя великим Самуил, когда говорил: "**и я также не допущу себе греха пред Господом, чтобы перестать молиться за вас**" **(мне же да не будет согрешити Богу, еже оставити молитися о вас)** (1 Цар. 12: 23). Так Давид, Авраам, Илия, так и каждый из праведников как в ветхом, так и в новом завете. Так Моисей из любви к подчиненным оставил великие богатства и неисчислимые сокровища, предпочтя страдать вместе с народом Божиим, и еще до избрания своего показал себя в делах правителем народа. Потому-то и крайне безрассудно сказал ему тот евреянин: "**кто поставил тебя начальником и судьею над нами?**" **(кто тя постави князя и судию над нами?)** (Исх. 2: 14). Что говоришь? Видишь дела, а в наименовании сомневаешься? Это похоже на то, как если бы кто, увидев искусного врача, делающего надрез и помогающего больному члену тела, сказал: "Кто тебя поставил врачом и приказал резать?" – "Искусство, любезнейший, и болезнь твоя". Так и Моисея сделало таковым его знание. Ведь и начальствование есть искусство, а не достоинство только, и притом искусство высшее всех искусств. Но если внешнее (гражданское) начальствование есть искусство и знание лучшее всех (искусств и знаний), то тем более это (духовное). Это начальствование настолько превосходнее внешнего, насколько это последнее превосходит другие искусства или даже и гораздо более. Если угодно, исследуем это подробнее. Есть

искусство земледельческое, ткацкое, строительное; и все они весьма необходимы и более всего поддерживают нашу жизнь. Прочие (искусства): кузнечное, плотничное, скотоводственное только служат им на помощь. Но и из этих искусств необходимее всех искусство земледелия, которое поэтому Бог и ввел первым по сотворении человека. В самом деле, без обуви и без одежды можно жить, но без земледелия немыслимо.

Таковы, сказывают, амаксовии (живущие в кибитках), номады у скифов, гимнософисты у индийцев. Они оставили искусства строить, ткать, шить обувь, и занимаются только земледелием. Постыдитесь же вы, пользующиеся для своей жизни излишними мастерами – поварами, хлебниками, златошвеями и тысячами других. Постыдитесь, введшие в жизнь человеческую суетные художества. Постыдитесь, верные, этих варваров, не нуждающихся в искусствах. Бог устроил так, что природа наша вполне может быть довольна и малым. Впрочем, я не принуждаю и не узакониваю так жить, но (по крайней мере так живите) как просил Иаков. Чего же он просил? "**если Бог … даст мне хлеб есть и одежду одеться**" **(Аще даст ми Господь хлеб ясти и ризу облещися)** (Быт. 28: 20). Так и Павел заповедал: "**Имея пропитание и одежду, будем довольны тем**" **(имеюще же пищу и одеяние, сими доволни будем)** (1 Тим. 6: 8). Итак, земледелие есть первое искусство, ткачество – второе, строение домов – третье, а делание обуви – последнее из всех; и у нас есть много слуг и земледельцев, которые живут без обуви. Итак, вот искусства полезные и нужные! Теперь сравним их с искусством начальствования. Для того ведь я и привел важнейшие из всех искусств, чтобы, когда искусство начальствования окажется лучшим из них, за ним и осталось бесспорная победа над прочими. Но чем же мы докажем, что оно (искусство начальствования) нужнее всех искусств? Тем, что без него и от прочих нет никакой пользы. Если угодно, то, оставив прочие, возьмем в пример одно земледелие, которое выше и необходимее всех. Итак, какая будет польза от множества земледельческих рук, когда люди станут воевать между собою и грабить друг друга? Теперь удерживает их страх пред начальником, и охраняет добываемое ими. А если отнимешь начальство – напрасен будет труд. Но кто вникнет глубже, тот найдет и другое начальство, которое есть матерь и союз начальства внешнего. Какое же это начальство? То, по которому каждый должен сам собою владеть и сам над собою начальствовать, укрощая в себе низкие страсти, а питая и возращая в себе со всевозможным тщанием все отрасли добродетели. Начальство бывает различных родов: одно то, которым люди начальствуют над народами и городами, устраивая гражданскую жизнь; на него указывал Павел, говоря: "**Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога**" **(всяка душа властем предержащим да повинуется, несть бо власть, аще не от Бога)** (Рим. 13: 1), причем, показывая пользу этого начальства, присовокупил, что "начальник **Божий слуга есть во благое**", и далее: "**Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое**" **(Божий слуга есть отмститель в гнев злое творящему)** (Рим. 13: 4). Другое же начальство – то, которым каждый разумный (человек) начальствует над самим собою; и на это последнее указал (Павел) словами: "**Хочешь ли не бояться власти? Делай добро**" **(Если же хощеши не боятися власти, благое твори)** (Рим. 13: 3), – говоря о человеке, начальствующем над самим собою.

4. Но у нас есть еще и иное начальство, гораздо высшее начальства гражданского. Какое же? Начальство в церкви, о котором также упомянул Павел, сказав: "**Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет**" **(повинуйтеся наставникам вашим и покаряйтеся; тии бо бдят о душах ваших, яко слово воздати хотяще)** (Евр. 13: 17). Это начальство настолько превосходнее гражданского, насколько небо выше земли, и даже гораздо более. И, во-первых, оно преимущественно имеет в виду не то, как наказать за соделанные грехи, но как не допускать до грехов. Затем, если они совершены уже, то старается не страждущего отлучить, но (грехи) уничтожить. Житейским занимается оно совсем немного, напротив,

вся забота его о небесном. "**Наше же жительство - на небесах**" (Фил. 3: 20), и жизнь наш там, "потому что, – говорит, – **сокрыта со Христом в Боге** " (Кол. 3: 3). И награды наши там, и подвиги наши из-за тамошних венцов, потому что эта жизнь наша не прекращается со смертью, но тогда (по смерти) еще более просиявает. Вот почему имеющие это начальство облечены большею честью не только в сравнении с высшими начальниками, но и с самими одетыми в диадемы, так как образуют людей в высшем и для высшего. Но ни стремящийся к начальству гражданскому, ни ищущий духовного начальства не смогут хорошо править, если не научатся прежде начальствовать над самими собою, как должно, и не будут во всей точности исполнять законы гражданские и духовные. Как начальство над многими бывает двоякое, так и начальство каждого над самим собою тоже двояко. Опять же, как выше показано, и здесь духовное начальство выше гражданского. Но можно видеть, что и некоторые искусства имеют вид начальства, особенно же земледельческое. Земледелец есть как бы начальник над растениями: одни обрезывает и препятствует (им расти), за другими ухаживает и помогает (их росту), подобно как и искусные начальники наказывают и отсекают людей злых и наносящих вред другим, а добрых и кротких возвышают. Потому и Писание уподобляет начальников виноградарям. Что, в самом деле, в том, если растения не издают звука, подобно тому, как и обижаемые в городах? Они самым видом своим свидетельствуют об обиде, когда увядают, будучи стеснены вредными травами. И как у людей порок наказывается законами, так и здесь с помощью земледельческого искусства исправляется и дурное качество земли, и грубость и дикость растения. И все, что есть в нравах человеческих, ты найдешь и здесь – грубость, нежность, робость, наглость, непостоянство; одни из растений пышно разрастаются прежде времени и ко вреду соседних, другие терпят недостаток и обиды, когда напр. или ограда разрастается во вред ближайшим к ней растениям, или когда другие бесплодные и дикие дерева, вытягиваясь в высоту, препятствуют росту находящихся под ними. И как начальники и цари имеют противников своей власти и врагов, так и земледелец терпит от набега зверей, от неблагоприятных перемен воздуха, от града, росы, ливней, засухи и тому подобного. Все же это бывает для того, чтобы ты всегда возлагал надежду свою на Бога. Другие искусства своим успехом обязаны бывают и старательности людей; но земледелие бóльшую часть (успеха) имеет от воли Божией, и зависит от нее почти всецело. Для него нужны и дожди свыше, и надлежащая соразмерность времен года, и, прежде всего, нужен промысл (Божий), потому что "**и насаждающий, и поливающий есть ничто, а [все] Бог возращающий**" (1 Кор. 3: 7). Как и у людей, бывают здесь и смерть, и жизнь, и болезни при родах, и рождения. Растения посекаются, приносят плод, умирают, и умершие опять начинают жить, чем земля многообразно и ясно напоминает нам о воскресении. В самом деле, когда корень износит плод или семя дает росток, не воскресение ли это? И если кто все это рассмотрит подробно, то увидит великий промысл и премудрость Божию, бодрствующие над этим начальством. Но я хотел вам сказать, что это начальство простирается на землю и растения, а наше имеет в виду врачевание душ. И насколько велика разность между душою и растением, настолько и начальство над душою превосходнее начальства над растениями. Начальники, опять, над земною жизнью настолько ниже начальников над жизнью духовною, насколько лучше властвовать над вольными, нежели над невольными. Такое начальство сообразнее и с природою (человеческою). В самом деле, там все делается по страху и по необходимости; а здесь по свободному произволению и по рассуждению. И не этим только духовное начальство выше гражданского, но и тем, что оно не просто есть начальство, но и отеческая, можно так сказать, власть, потому что имеет и кротость отеческую, и действует больше убеждениями. Гражданский начальник говорит: "Если впадешь в прелюбодеяние, то наказан будешь смертью"; а духовный угрожает величайшими наказаниями и за то, если посмотришь бесстыдными глазами. Потому и достойно всякого уважения это судилище; оно исправляет не только тело, но и душу.

5. Итак, насколько отличается душа от тела, настолько и духовное начальство отстоит от гражданского. Это последнее судит только явные преступления, вернее же и те не все, но только уличенные, а часто прикрывает и эти последние; напротив, духовное судилище научает входящих в него, что Судящий нас все обнажит, объявит пред лицом целой вселенной, и от Него невозможно укрыться. Таким образом, христианство гораздо лучше внешних законов держит в порядке нашу жизнь. В самом деле, если и страх за скрытные грехи делает человека более осторожным, нежели опасение только за явные, и требование отчета даже в малых проступках более возбуждает к добродетели, нежели наказание за важные вины, то очевидно, что и начальство такого рода более всякого другого утверждает нашу жизнь. Но если хочешь, рассмотрим и то, как поставляются те и другие начальники. И здесь увидишь великое различие. В самом деле, получить духовное начальство может не тот, кто дал деньги, но то, кто показал примерный образ жизни. Поставленный вводится в это начальство не для славы человеческой, не для собственного своего спокойствия, но для трудов и пота, и для пользы многих. Потому-то он получает и великую помощь свыше от Духа. Там начальство ограничивается только тем, чтобы приказывать, что надобно делать; а здесь оно само содействует молитвами и благодатью. Сверх того, там нет и слова о любомудрии; нет никого, кто бы учил, что такое душа, что такое мир, что будет с нами после настоящей жизни, куда мы переселимся отсюда, и как достигать добродетели; там только и говорят о договорах, о союзах, о деньгах, а об этих предметах вовсе нет никакой заботы; между тем в церкви о них только всегда и говорят. Вот почему весьма справедливо будет назвать церковь и судилищем, и врачебницею, и училищем любомудрия, и воспиталищем души, и школою, где она опытно учится востекать к небесам. А что духовное начальство есть вместе и самое кроткое, несмотря на бóльшую его взыскательность, это видно из следующего. Гражданский начальник, если поймает прелюбодея, тотчас же наказывает его. Между тем, какая от того польза? Это значит не порок истреблять, но отринуть уязвленную душу. Духовный же начальник, найдя виновного, спешит не наказывать его, но изгнать из него страсть. Ты делаешь то же, как если бы при случившейся в голове боли не болезнь стал унимать, а отсек бы голову. Я же не так действую, а отсекаю самую болезнь. Я удаляю такового от Таин и священной ограды, а когда он восстанет, очистится от греха и исправится чрез покаяние, принимаю опять. "Но как можно, – скажешь, – изгнать грех прелюбодеяния?" Можно, и очень можно, если кто подчинит себя (церковным) законам. Церковь, подлинно, есть духовная баня, многоразличными способами покаяния омывающая не нечистоту тела, но скверну души. Ты, если отпускаешь (грешника) ненаказанным, делаешь его еще худшим, и если наказываешь, оставляешь неизлеченным, а я и не оставляю без наказания, и не наказываю, как ты, но вместе и налагаю наказание, какое мне прилично, и исправляю то, что им сделано. Хочешь ли еще более узнать, как ты, и, обнажая меч над преступниками, и, указывая им на пламень, невеликое производишь в них уврачевание, тогда как я и без этого привожу к совершенному здравию? Мне не нужны здесь рассуждения и слова; я представляю в свидетельство море и землю, и самую природу человеческую. Исследуй, каковы были человеческие дела, пока еще не было этого судилища; тогда не знали даже и по имени тех добродетелей, какие совершаются ныне. Кто отваживался на смерть? Кто пренебрегал богатством? Кто презирал славу? Кто, убежавши от мирских треволнений, возлюблял горы и пустыню – матерь любомудрия? Где тогда (известно) было имя девства? Все это и многое другое еще важнейшее было следствием этого судилища, делом этого начальства. Итак, видя все это и зная, что отсюда – все полезное для жизни и исправления всей вселенной, приходите чаще в здешние собрания для слушания слова Божия и для молитвы. И если так себя устроите, то, явив жизнь достойную неба, сможете получить обетованные блага благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 16

"Посему мы утешились утешением вашим; а еще более обрадованы мы радостью Тита, что вы все успокоили дух его" (2 Кор. 7:13).

1. Смотри, как (апостол) опять восхваляет (коринфян), и выражает свою любовь к ним. Сказав выше о своей радости, что (первое) его послание имело такой успех и принесло такую пользу, – "**я радуюсь**, – говорит, – **не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию**", – и, выразив свою к ним любовь: "**если я писал к вам**, – говорит, – **то не ради оскорбителя и не ради оскорбленного, но чтобы вам открылось попечение наше о вас** ", теперь представляет другую черту из благорасположения, которая приносит также им великую похвалу и показывает искренность их любви. "**мы утешились**, – говорит, – **утешением вашим; а еще более обрадованы мы радостью Тита**". По-видимому, это не показывает сильной любви его (к коринфянам), потому что он радуется больше о Тите, нежели о них. "Нет, – говорит, – я радовался не столько за Тита, сколько за вас". Потому-то указывает далее и причину, говоря: "**что вы все успокоили дух его" (яко покоися утроба его от всех вас)**. Не сказал – "успокоили его", но – "**дух его**", т. е. "любовь его к вам". Как же "**успокоили**"? "**От всех**", потому что и это величайшая похвала. "**Если чем-либо о вас похвалился перед ним" (Яко аще что ему похвалитися о вас)** (ст. 14). Велика похвала, когда учитель хвалится: "**я не остался в стыде (не посрамихся)**, – говорит. – Потому я возрадовался, что вы показали себя лучшими, и на самом деле оправдали мои слова. Таким образом, мне выходит двойное украшение: и вы показали себя более совершенными, и я не явился лжецом против истины". "**Но как вам мы говорили все истину, так и перед Титом похвала наша оказалась истинною" (Но яко вся воистинну глаголах вам, тако и похваление наше, еже к Титу, истинно бысть)**. Здесь подразумевает он и нечто другое, именно: "Как у вас говорил я одну истину, – а вероятно он много хвалил им и Тита, – так равно и сказанное мною о вас Титу оказалось истинным". "**И сердце его весьма расположено к вам" (И утроба его излиха к вам есть)** (ст. 15). Это относится уже к похвале (Тита), что он к ним сильно расположен и привязан. И не сказал: "любовь его", но: "**сердце его**". Потом приводит, как и везде делает, причину такого расположения, чтобы не показаться льстецом и чтобы с одной стороны, как сказал я, избегнуть подозрения в лести, а с другой и их самих больше возбудить к добродетели, относя всю похвалу к ним самим и, показывая, что они сами подали (Титу) повод и причину к такой любви. Сказав именно: "**сердце его весьма расположено к вам**", присоединяет: "**при воспоминании о послушании всех вас" (воспоминающаго всех вас послушание)** (ст. 15).

Этим (апостол) выражает и признательность к благотворителям Тита, который разлучился с ними, напечатлевши всех в душе своей, и всегда вспоминает о них, непрестанно имеет на устах и в сердце, а вместе с тем еще более хвалит и коринфян, что отпустили (Тита), оказав ему такой усердный прием. Далее упоминает и об их послушании, возбуждая тем их ревность, – почему и присовокупляет: "**как вы приняли его со страхом и трепетом" (яко со страхом и трепетом приясте его)**, то есть, не только с любовью, но и с великой честью. Видишь ли, как он свидетельствует о двойной их добродетели, – то есть, что они и возлюбили (Тита) как отца, и убоялись как начальника, – что в них ни страх не помрачил любви, ни любовь не ослабила страха? То же и выше выражал он: "**то самое, что вы опечалились ради Бога, смотрите, какое произвело в вас усердие, какой страх, какое желание!" (еже по Бозе оскорбитися вам, колико содела в вас тщание, но страх, но вожделение)** (ст. 11). "**Итак радуюсь, что во всем могу положиться на вас" (Радуюся убо, яко во всем дерзаю в вас)** (ст. 16). Видишь ли, что апостол радуется более о них? Он говорит: "Вы ни в чем не посрамили своего учителя, и не оказались недостойными моего свидетельства". Следовательно, он радовался не столько за Тита, что

он получил такую честь, сколько за них, что они показали такое благородство духа. Но, чтобы не почли его радующимся более за Тита, смотри, как и здесь представляет причину радости; как выше сказал: "**не остался в стыде, если чем-либо о вас похвалился перед ним**", так и здесь говорит: "**радуюсь, что во всем могу положиться на вас**". "Нужно ли вас укорить, не страшусь, чтобы вы за то отложились, нужно ли похвалиться вами, не опасаюсь быть обличенным в напрасной похвале: **могу положиться на вас**, буду ли хвалить вас как покорных, или как любвеобильных, или как ревностных. Я сказал: "отсеките", – и вы отсекли; сказал: "примите", – и вы приняли; сказал Титу, что вы велики, достойны удивления и умеете почитать учителей, – и вы доказали это на самом деле; и не столько от меня он узнал это, сколько от вас самих. Поэтому-то и возвратился ко мне, исполнившись к вам сильной любви, так как вы показали на деле больше, чем я говорил ему". "**Уведомляем вас, братия, о благодати Божией, данной церквам Македонским" (Сказую же вам, братие, благодать Божию, данную в церквах Македонских)** (8: 1).

2. Ободривши (коринфян) похвалами, (апостол) опять приступает к увещанию. Этими похвалами он растворяет свое обличение для того, чтобы, прямо переходя от обличения к увещанию, не сделать неудобоприемлемыми для них своих наставлений. Напротив, смягчая слух их похвалами, пролагает путь увещанию. Он хочет беседовать о милостыне; в виду этого предварительно и сказал: "**радуюсь, что во всем могу положиться на вас**", – возбуждая таким образом прежними их добродетелями, которые они уже показали, их усердие и к милостыне. Впрочем, не сказал вдруг: "Итак, подавайте милостыню", но заметь, с каким благоразумием издалека и с высоты ведет слово. "**Уведомляем вас, братия**, – говорит, – **о благодати Божией, данной церквам Македонским**". Дела милосердия называет благодатью, чтобы они не возгордились; и, сообщая о делах македонян, похвалами им возбуждает ревность в коринфянах. И двоякую или лучше троякую похвалу приписывает македонянам – и за то, что терпеливо переносят искушение, и за то, что умеют творить милостыню, и за то, что показали щедрость в милостыне, будучи сами бедны. Действительно, их имения были расхищены, как на это указал сам же (Павел), когда в послании к ним писал: "**вы, братия, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев" (вы подобницы бысте церквам Божиим, сущим во Иудеи: зане таяжде и вы пострадасте от своих сплеменник, якоже и тии от Иудей)** (1 Сол. 2: 14). Послушай, что он писал потом и в послании к евреям: "**и расхищение имения вашего приняли" (и разграбление имений ваших с радостию приясте)** (Евр. 10: 34). Благодатью же называет милостыню не только для того, чтобы удержать их в смирении, но и для того, чтобы вызвать к милостыне, и слово свое сделать не ненавистным. Для того наименовал их и братиею, чтобы пресечь всякую зависть, потому что хочет хвалить (македонян) чрезвычайно. Выслушай же похвалы. Написав: "**Уведомляем вас о благодати Божией**", не говорит – "данную в том или другом городе", но хвалит целый народ, говоря: "**в церквах Македонских**". Потом описывает и самую благодать: "**ибо они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью" (яко во мнозем искушении скорби избыток радости их)** (ст. 2). Видишь ли благоразумие его? Сначала говорит не то, что хочет, а нечто другое, чтобы не подумали, что он нарочито об этом начал говорить, но чтобы, начав с другого, естественным образом дойти и нужного предмета. "**Среди великого испытания скорбями**". То же говорил и в послании македонянам: "**Вы сделались подражателями нам и Господу, приняв слово при многих скорбях с радостью Духа Святаго**; и далее: **так что вы стали образцом для всех верующих в Македонии и Ахаии. Ибо от вас пронеслось слово Господне не только в Македонии и Ахаии, но и во всяком месте прошла [слава] о вере вашей в Бога" (Вы сделались подобницы Господу, приемше слово в скорби мнозе с радостию Духа Святаго от вас промчеся слово Господне не токмо в Македонии и Ахаии, но и во всяко место вера**

ваша, яже к Богу, изыде) (1 Сол. 1: 6, 8). Что же значат слова: "**они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью" (во мнозем искушении скорби избыток радости их)**? То, что у них в избытке было и то, и другое – и скорбь, и радость. И что весьма странно, такое обильное удовольствие произрасло для них из такой скорби. Скорбь – и притом скорбь тягчайшая – не только не породила в них печали, но еще была для них причиной веселья. Говоря это, (апостол) имел в виду научить (коринфян) быть мужественными и непоколебимыми в скорбях, – потому что и македоняне не просто скорбели, но в скорби сделались и искуснейшими чрез терпение; впрочем, не говорит – чрез терпение, но – что гораздо выше терпения – радость; и не просто радость, но избыток радости, потому что действительно радость их была велика и неизреченна. "**Глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия" (И яже во глубине нищета их избыточествова в богатство простоты их)**. Опять то и другое с избытком. Как великая скорбь произвела великую радость и избыток радости, так и великая нищета породила великое богатство милостыни. Это самое и выразил (апостол), сказав: "**преизбыточествует в богатстве их радушия**", так как щедрость ценится не по мере подаяния, но по расположению подающих. Потому он нигде и не говорит: богатство подаваемого, но – "**богатство их радушия**". Смысл его слов таков: нищета не только не воспрепятствовала им быть щедрыми, но еще и послужила причиной обилия, подобно тому, как скорбь – причиной радости. Чем беднее были сами, тем делались щедрее, и усерднее подавали. Потому-то и весьма удивляется им, что при такой нищете показали такую щедрость. "**Глубокая нищета их**", т. е. великая и несказанная, показала их простоту. Впрочем, не сказал – "показала", но – "**преизбыточествует**", равным образом не сказал – "простоту", но – "**богатство простоты**", т. е. простоту, равную их убожеству; или – лучше сказать – они показали даже гораздо больший перевес щедрости. Далее он выражает то же самое яснее, говоря: "**я свидетель" (яко по силе свидетельствую)** (достоверный свидетель), "**и паче силы**", – т. е. "**преизбыточествует в богатстве их радушия" (избыточествова в богатство простоты их)** (ст. 5). И не этими только, но и всеми последующими словами объясняет то же, именно говорит: "**доброхотны**" (ст. 4). Вот и другое превосходство. "**Со многим молением**" – вот и третье, и четвертое. "**Моляще нас**" – вот еще и пятое. "И будучи сами в скорби и нищете" – вот шестое. И седьмое – "с избытком подали".

3. Далее, так как главною его целью было довести коринфян до того, чтобы они подали милостыню по свободному расположению, то он особенно останавливается на этом, говоря: "**весьма убедительно просили нас" (со многим молением моляще) нас**". Не мы их просили, а они нас. О чем же "**просили нас**"? –"**принять дар и участие [их] в служении святым" (Благодать и общение служения, еже ко святым)**. Видишь ли, как он превозносит опять милостыню, называя ее священными именами? Так как (коринфяне) ревновали о делах духовных, то называет милостыню "**благодатию**", чтобы прибегали к ней, и "**общением**", чтобы знали, что они не только дают, но и сами получают. "Они, – говорит, – просили нас, чтобы мы приняли такое служение". "**И не только то, чего мы надеялись" (И не якоже надеяхомся)** (ст. 5). Это он говорит и в отношении к качеству (милостыни) и к скорбям. "Мы не надеялись, говорит, чтобы находящиеся в таких скорбях и в такой нищете стали нас убеждать и столько просить". И в прочих делах (апостол) показал их тщательность, сказав: "**но они отдали самих себя, во-первых, Господу, [потом] и нам по воле Божией" (но себе вдаша первее Господеви, и нам волею Божиею)**. "Во всем они были послушны более, чем мы надеялись, и, помогая бедным, не пренебрегали других добродетелей, **но они отдали самих себя, во-первых, Господу**". Что же значит: "**отдали самих себя Господу**"? Посвятили себя Ему, показали себя искусными в вере, явили в искушениях великое мужество, благочиние, кротость, любовь, готовность и усердие ко всем другим добродетелям. Что же значит: "**и нам**"? – "Были нам послушны, возлюбили нас и покорились нам, как исполняя Божии законы, так и с нами

соединяясь любовью". Смотри же, как и здесь словами – "**отдали самих себя Господу**" показывает необычайную ревность их (к Богу). Они не покорились частью Богу, а частью миру, но все и самих себя всецело предали Богу. Помогая бедным, они не возносились, напротив, творили милостыню с великим смиренномудрием, с великим послушанием, с великой почтительностью, с великим любомудрием. Что же значит: "**по воле Божией**"? Так как он сказал: "**отдали … самих себя нам**", то (и указывает), что и это они сделали не по человеческим расчетам, а по воле Божией. "**Поэтому мы просили Тита, чтобы он, как начал, так и окончил у вас и это доброе дело" (Во еже умолити нам Тита, да якоже прежде начат в вас, такожде скончает и благодать сию)** (ст. 6). Какая же здесь связь с предыдущим? Весьма большая и тесная. "Так как мы узнали, – говорит, – твердость и ревность (македонян) во всем – в искушениях, в милостыне, в любви к нам, в неукоризненной чистоте всей их жизни, то и послали к вам Тита, чтобы и вы сравнились с ними". Хотя (апостол) так и не сказал, но мысль выразил такую. И заметь преизобилие любви его. "Когда, – говорит он, – те просили и убеждали нас, мы заботились о вас, чтобы вам не отстать от них. Поэтому и послали мы Тита, чтобы вы, возбужденные и наведенные этим на мысль, соревновали македонянам", – потому что Тит был там, когда было писано это послание. При этом показывает, что (Тит) еще до увещания Павлова начал это дело, как видно из слов: "**чтобы он, как начал**". Потому-то и высказывает великие похвалы Титу, как в начале послания говоря: "**я не имел покоя духу моему, потому что не нашел [там] брата моего Тита**" (2: 13), так и здесь, кроме всего вышеуказанного, прибавляя и эти последние слова. Немалая ведь похвала заключается в том, что он прежде начал, – это было знаком горячей и ревностной души. Для того и послал Тита, чтобы самое присутствие его послужило (для коринфян) побуждением к подаянию милостыни. Выхваляет же его для того, чтобы сильнее расположить к нему коринфян, так как и то имеет великую убедительную силу, если убеждаемые расположены к убеждающему. Упоминая же о милостыне в первый, второй и третий раз, прекрасно называет ее благодатью: "**Уведомляем вас, братия, о благодати Божией, данной церквам Македонским**"; и опять: "**доброхотно … весьма убедительно просили нас принять дар и участие [их] в служении святым**"; и еще: "**чтобы он, как начал, так и окончил у вас и это доброе дело**".

4. И действительно, милостыня есть благо и Божий дар; и подаяние милостыни уподобляет нас по силе возможности самому Богу. Это больше всего и делает человека человеком. Вот почему некто, представляя образец человека, сказал между прочим: "**Многие хвалят человека за милосердие, но правдивого человека кто находит?" (велика вещь – человек, и драгая – муж творяй милость)** (Притч. 20: 6). Благодать эта важнее дара воскрешать мертвых. Напитать алчущего Христа гораздо важнее, чем именем Иисусовым воскрешать мертвых. Там ты благодетельствуешь Христу, а здесь Он тебе. И награда тому, кто сам делает добро, а не тому, кто принимает его от другого. Здесь, при совершении чудес, ты сам делаешься должником Богу, а в деле милостыни ты одалживаешь Бога. Милостыня же является таковою только тогда, когда ты подаешь ее охотно, щедро, когда ты думаешь, что не даешь, а сам принимаешь, когда ты признаешь ее для себя благодеянием и приобретением, а не потерею. Иначе она и не благодать. Тот, кто оказывает другому милость, должен радоваться, а не печалиться. Не безрассудно ли, в самом деле, облегчая скорбь другого, самому скорбеть? Тогда ты делаешь свое подаяние уже не милостыней. Если ты печалишься о том, что избавил другого от печали, то подаешь пример крайней жестокости и бесчеловечия. Лучше уже не избавлять, чем так избавлять. Да и о чем, в сущности, ты печалишься, человек? О том ли, что уменьшится у тебя золото? Но если у тебя такое расположение, то совсем и не давай. Если не веришь, что отлагается тебе на небе великое сокровище, то не уделяй. Но ты хочешь воздаяния здесь. Для чего? Оставь милостыне быть милостынею, а не куплею. Правда, многие получили воздаяние и здесь, но это не значит, что они будут иметь больше тех, которые

здесь не получили. Напротив, некоторые из них (получили вознаграждение здесь), как немощнейшие, потому что еще не сильно возжелали будущих благ. Как люди жадные, не знающие приличия и рабствующие чреву, будучи призваны на царскую трапезу и не дожидаясь надлежащего времени, подобно малым детям, лишают себя истинного удовольствия, когда хватают вперед и наполняют чрево худшими яствами, так и те, которые ищут награды здесь и получают ее, уменьшают будущую свою награду. Давая в заем, ты желаешь обратно получить отданное по прошествии долгого времени, а не вскоре, – чтобы таким замедлением увеличилась прибыль. А в деле милостыни тотчас требуешь воздаяния, – и притом зная, что не здесь, а там будешь жить вечно, что не здесь будешь судим, а там отдашь отчет. Если бы кто построил тебе дом там, где ты не думаешь жить, то ты счел бы такое дело потерей для себя: как же ты желаешь быть богатым здесь, откуда еще до наступающего вечера можешь не один раз отойти? Разве ты не знаешь, что мы подобно странникам и пришельцам пребываем здесь на чужой стороне? Разве не знаешь, что пришельцев изгоняют, когда они ни ожидают, ни думают? Такой участи подлежим и все мы на земле. Потому-то, что ни приготовляем здесь, здесь же и оставляем. Настроим ли мы домов, или накупим полей, рабов, сосудов или чего другого тому подобного, – всего этого Владыка не позволяет нам при отшествии отсюда брать с собою. И не только не позволяет, отходя отсюда, брать с собою, но не дает за то и платы, потому что наперед сказал тебе: не собирай и не трать чужого, но собирай и трать только свое. Для чего же ты, оставив свое, трудишься над чужим и тратишь чужое, чтобы погубить и труд и награду, и после подвергнуться крайнему наказанию? Не делай этого, молю тебя. Но если мы пришельцы по естеству, то будем пришельцами и по произволению, чтобы там не быть пришельцами презренными и отверженными. Если мы здесь пожелаем сделаться гражданами, то не будем гражданами ни здесь, ни там. Если же останемся пришельцами, и будем жить, как свойственно жить пришельцам, то получим права граждан и здесь, и там. Праведник, даже ничего не имея, и здесь располагает всем как своим, и, перешедши на небо, узрит вечные свои кровы; здесь не потерпит он никакой неприятности, потому что никто не может сделать странником того, для кого вся земля отечество, а, достигнув своего отечества, он получит истинное богатство. Итак, чтобы нам воспользоваться и теми и другими благами – как настоящими, так и будущими, будем пользоваться настоящими как должно. Таким образом станем и гражданами небесными, и получим великое дерзновение, которого все мы и да сподобимся благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцем и Св. Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 17

"А как вы изобилуете всем: верою и словом, и познанием, и всяким усердием" (2 Кор. 8:7).

1. Смотри, как опять (апостол) с похвалами соединяет увещание достигать больших похвал. Не сказал: "якоже даете", но – "**изобилуете … верою" (якоже избыточествуете верою)**, т. е., дарами веры, "**и словом**", т. е., словом мудрости, "**и разумом**", т. е., познанием догматов веры, "**и всяким усердием**", т. е., ревностью к прочим добродетелям, "**и любовью вашею к нам**", т. е. "любовью, о которой я говорил уже и которой представил доказательство". "**Так изобилуйте и сею добродетелью" (Да и в сей благодати избыточествуете)**. Видишь ли, что для того он начал речь свою с таких похвал, чтобы, идя по порядку, возбудить в них такую же ревность и к милостыне? "**Говорю это не в виде повеления" (Не по повелению глаголю)** (ст. 8). Смотри, как он везде к ним снисходителен, не делает обременения, насилия и принуждения. Особенно же старается, чтобы в словах его не было обременения и принуждения. Так как он непрестанно увещевал их, и очень хвалил македонян, то, чтобы подаяние милостыни (коринфяне) не почли необходимым, говорит: "**Говорю это не в виде повеления, но**

усердием других испытываю искренность и вашей любви" (не по повелению глаголю, но за иных тщание, и вашея любве истинное искушая), – "говорю не как сомневающийся – этого и не видно здесь – но как желающий сделать любовь вашу для всех видимою и открытою, и еще более крепкою; говорю это для того, чтобы возбудить вас к такой же ревности; я упомянул об усердии (македонян), чтобы просветлить, очистить и пробудить ваше расположение". Далее переходит он к другому высшему роду убеждения, не оставляет ни одного способа к увещанию, но всем пользуется и употребляет разные обороты слова. Так увещевал их, то хваля других: "Вы знаете **благодать Божию, данную в церквах Македонских**"; то, хваля их самих: "**вы изобилуете всем: верою и словом, и познанием**", – ведь очень чувствительно для человека видеть, что он стал ниже не только других, но и себя самого. Наконец переходит к тому, что составляет верх и венец увещания: "**Ибо вы знаете**, – говорит, – **благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою" (весте бо благодать Господа нашего, яко** нас **ради обнища, богат сый, да** мы **нищетою Его обогатимся)** (ст. 9). "Представьте себе, – говорит, – благодать Божию, подумайте и размыслите о ней, и не мимоходом обратите на нее внимание, но вникните во все ее величие и обширность: и тогда не пощадите ничего из своего достояния. Он истощил славу (Свою), чтобы вы обогатились не богатством, но нищетою Его. Если не веришь, что нищета производит богатство, то вспомни своего Владыку, и не будешь более сомневаться. В самом деле, если бы Он не обнищал, ты не сделался бы богатым. Подлинно удивительно, что нищета обогатила богатство". Богатством же он называет здесь познание благочестия, очищение грехов, оправдание, освящение и прочие бесчисленные блага, какие (Христос) даровал, и обещал нам даровать. И все это приобретено для нас чрез нищету. Какую же нищету? Ту, что Он принял плоть, стал человеком и претерпел страдания; хотя Он и ничем не был должен тебе, но ты Ему должен. "**Я даю на это совет: ибо это полезно вам" (И совет** вам **даю о сем на пользу)** (ст. 10). Смотри, как он опять заботится, чтобы не быть в тягость, и как смягчает свою речь этими двумя выражениями: "**совет даю**", и: "**на** вашу **пользу**". "Я не принуждаю, – говорит он, – не делаю насилия и не требую против воли; а говорю это, имея в виду не столько пользу приемлющих милостыню, сколько вашу собственную". Потом и в пример представляет их же самих, а не других: "**вам, которые не только начали делать сие, но и желали того еще с прошедшего года" (иже не точию, еже творити, но и еже хотети, прежде начасте от прошедшаго лета)**. Смотри, как он показывает, что и они добровольно и без увещаний дошли до того же. Так как он засвидетельствовал о солунянах, что они доброхотно и со многим молением приступили к подаянию милостыни, то желает показать, что и коринфян есть то же совершенство. Потому и сказал: " **не только начали делать сие, но и желали**"; и: "не теперь только вы начали, но **еще с прошедшего года**. Потому и умоляю вас исполнить то, к чему вы сами предварительно себя возбудили со всем усердием". "**Совершите же теперь самое дело" (Ныне же и сие творити скончайте)** (ст. 11). Не сказал – "сделайте", но – "положите конец". "**Дабы, чего усердно желали, то и исполнено было" (Да якоже бысть усердие хотети, тако будет и исполнити от сего, еже имате)**; т. е., чтобы это прекрасное дело не остановилось на одном усердии, но, будучи действительно исполнено, получило и награду. "**Ибо если есть усердие, то оно принимается смотря по тому, кто что имеет, а не по тому, чего не имеет" (Аще бо усердие предлежит, по елику аще кто имать, благоприятен есть, а не по елику не имать)** (ст. 12).

Какая несказанная мудрость! Прежде заметил, что солуняне поступили сверх сил, и похвалил их за то, сказав: "**свидетельствую о них**", и: "**сверх сил**"; а теперь, когда увещевает подавать милостыню только по силам, предоставив примеру солунян произвести в них свое действие, – так как знал, что не столько увещание, сколько соревнование побуждает к подражанию в подобных делах, – он говорит: "**Ибо если есть**

усердие, то оно принимается смотря по тому, кто что имеет, а не по тому, чего не имеет". "Не страшись, – говорит, – сказанного мною (о солунянах) – я сказал это в похвалу их щедролюбия; Бог же требует посильного подаяния, по мере того, кто что имеет, а не по мере того, чего не имеет". Слово "благоприятен" то же здесь означает, что "требуется". Надеясь на силу представленного примера, он смягчает (свои слова) и тем еще сильнее склоняет их к подаянию. Потому и присовокупил: "**Не [требуется], чтобы другим [было] облегчение, а вам тяжесть" (не бо да иным отрада, вам же скорбь)** (ст. 13).

2. Правда, Христос, напротив, похвалил вдовицу, что она все пропитание свое истощила, и подала от скудости (Марк. 12: 44). Но (апостол) говорил коринфянам, в бытность свою у которых предпочитал лучше голодать: "**для меня лучше**, – говорит, – **умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою" (добре бо мне паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднит)** (1 Кор. 9: 15). Поэтому дает и наставление умеренное, хвалит подающих милостыню сверх сил своих, но не принуждает делать то же – не потому, чтобы он не желал, но потому, что они были еще слабы. Иначе для чего бы и хвалить (македонян), что "**они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью; и глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их** радушия", и что они сверх силы подавали милостыню? Не явно ли – для того, чтобы (и коринфян) побудить к тому же? Следовательно, если он, по-видимому, и соглашается на меньшее, то делает это для того, чтобы примером (солунян) побудить их к большему. Смотри, как и последующими словами незаметно направляет к тому же. А именно, к сказанному он прибавляет: "**ваш избыток в [восполнение] их недостатка" (ваше избыточествие во онех лишение)** (ст. 14). Как выше сказанными, так и этими словами он хочет облегчить заповедь свою; даже не этим только, но и представлением награды делает ее более легкою, и говорит о них более, чем сколько они стоят. "**Их избыток в [восполнение] вашего недостатка, чтобы была равномерность" (Да будет равенство в нынешнее время, и онех избыток в ваше лишение)**. Что же хочет он сказать? "Вы богаты деньгами, а те чистотою жизни и дерзновением к Богу. Итак, дайте им от ваших имений, которых у вас обилие, а они не имеют, чтобы самим получить от них взамен дерзновение к Богу, в котором они богаты, а вы ощущаете недостаток". Видишь ли теперь, как он неприметным образом убеждает (коринфян) подавать и сверх силы, и от недостатка? "Если хочешь, – говорит он, – получить только от избытка, то и подавай от избытка. Если же хочешь все приобрести, то подавай и от недостатка, и сверх силы". Впрочем, не говорит этого явно, а предоставляет слушателям дойти до этого собственным заключением. Сам же продолжает пока предположенное и сообразное с его целью увещание, присовокупляя, что, по-видимому, и следовало сказать: "**чтобы была равномерность" (яко да будет равенство в нынешнее время)**. Как же будет это равенство? Так, что "мы и они будем взаимно уделять друг другу избытки, и восполнять недостатки". Но какое тут равенство – за плотское платить духовным? Ведь последнее много превосходит первое. Почему же называет это равенством? Он назвал это равенством только в отношении или к избытку и лишению, или к настоящей жизни, почему, и сказав: "**равенство**", присовокупил: "**в нынешнее время**". А сказал это для того, чтоб низложить гордость богатых и показать, что, по отшествии отсюда, жившие духовно будут иметь более преимущества. В настоящей жизни все мы во многом равночестны; но тогда произойдет большое разделение, окажутся величайшие преимущества, потому что праведные воссияют светлее солнца. Потом, так как он показал, что (коринфяне) не только дают, но и сами взаимно получают еще большее, то хочет и другим образом возбудить их усердие, показывая именно, что если они не уделят своего другим, не больше будут иметь у себя, хотя бы и все забрали; и приводит в пример древнее сказание: "**как написано: кто собрал много, не имел лишнего; и кто мало, не имел недостатка" (яко же есть писано: иже многое, не преумножил есть, и иже малое, не умалил)** (ст. 15; Исх. 16: 18). Так было при собирании

манны: одни собирали больше, другие меньше, но те и другие находили у себя по равной мере; этим Бог наказывал за ненасытность. (Апостол) указал на это для того, чтобы и устрашить (коринфян) древним событием, и убедить никогда не желать большего, равно как не скорбеть, если имеют мало. И не только было так с манною, но то же самое, как можно видеть, бывает и ныне в житейских делах. Все мы одинаково наполняем желудок, живем одно определенное время, и все облечены в одинаковое тело; поэтому ни у богатого ничего не прибудет от избытка, ни у бедного не убудет от нищеты. Для чего же ты трепещешь нищеты? Для чего гонишься за богатством? "Боюсь, – говоришь ты, – чтоб не заставила нужда идти к чужим дверям и просить у ближнего". Я часто слышу, что многие даже молятся об этом и говорят: "Не попусти мне когда-нибудь нуждаться в помощи человеческой". Слыша это, я очень смеюсь, потому что такой страх приличен только детям. В самом деле, ежедневно и во всем, так сказать, мы нуждаемся в помощи друг друга. А потому такие слова свойственны только нерассудительному и надменному человеку, который не знает хорошо положения дела. Разве не видишь, что мы все имеем нужду друг в друге? Воин – в ремесленнике, ремесленник – в купце, купец – в земледельце, раб – в свободном господине, господин – в рабе, бедный – в богатом, богатый – в бедном, ничего не зарабатывающий – в подающем милостыню, подающий – в принимающем, – ведь и принимающий милостыню удовлетворяет величайшей нужде, высшей всех нужд. Если бы не было нищих, то многое бы утратилось для нашего спасения, потому что нам некуда было бы сбывать свое имущество. Таким образом, и нищий, который, по-видимому, всех бесполезнее, оказывается всех полезнее. Если же для тебя стыдно иметь нужду в другом, то тебе остается только умереть, потому что кто стыдится этого, тому нельзя и жить. "Но я не могу, – говоришь, – вынести гордого взгляда". Для чего ты, обвиняя другого в гордости, себя самого стыдишь таким же обвинением? Ведь и то гордость, если не терпишь надменности гордого человека. Зачем же ты боишься, трепещешь того, что не стоит никакого внимания, и из-за этого ужасаешься и нищеты? Как бы ты ни был богат, все будешь нуждаться во множестве людей, худших тебя; чем более ты богатеешь, тем более подвергаешь себя этой беде.

3. Итак, ты сам не знаешь, о чем молишься, когда просишь богатства для того, чтобы ни в ком не иметь нужды. Ты поступаешь подобно тому, как если бы кто, уходя в море, где нужны и пловцы, и корабль, и многое снаряжение, стал бы молиться о том, чтобы ему ни в ком не иметь нужды. А если ты действительно желаешь не очень нуждаться в других, то проси себе нищеты. Будучи нищим, если у кого и попросишь, то только хлеба или одежды. А сделавшись богатым, будешь нуждаться и в селах, и в домах, и в оброках, и в достоинстве, и в безопасности, и во славе; тебе понадобятся и начальники, и не только они, но и подчиненные им жители городов и сел, купцы и мелкие продавцы. Видите ли, что такие речи крайне неразумны? Во всяком случае, сколько бы тебе ни казалось страшным иметь в ком-либо нужду, всецело избавиться от этого никак не возможно. А если хочешь избежать шумной толпы – что позволительно – то беги в спокойную пристань нищеты, отрешись от множества житейских дел, и не почитай стыдом иметь нужду в другом. Так устроил Бог по неизглаголанной премудрости Своей! В самом деле, если мы нуждаемся друг в друге, самая необходимость во взаимной помощи не соединяет ли нас узами дружбы? А если бы мы сами могли удовлетворять своим нуждам, то не сделались ли бы неукротимыми зверями? Потому Бог силою и необходимостью покорил нас друг другу, и мы ежедневно сталкивается друг с другом. А если бы Он снял эту узду, кто бы стал искать дружбы ближнего? Итак, не будем почитать этого постыдным, не станем молиться и говорить: не дай нам иметь нужду в помощи другого; напротив будем молиться, говоря так: "Не попусти, чтобы во время нужды нашей отказали нам могущие подать помощь". Не нуждаться в помощи другого, а похищать принадлежащее другому – тяжело. Между тем об этом мы никогда не молимся и не говорим: "Не попусти мне пожелать чужого". Напротив, нуждаться в другом кажется для вас ужасным. Павел много

раз бывал в нужде, и не стыдился, а напротив – даже радовался и хвалил оказывавших ему услуги, говоря: "**и раз и два присылали мне на нужду" (яко и единою, и дващи в требование мое посласте)** (Фил. 4: 16); и еще: "**Другим церквам я причинял издержки, получая от них содержание для служения вам" (от иных церквей уях, прием оброк к вашему служению)** (2 Кор. 11: 8). Итак, стыдиться этого свойственно не разумно-свободной, но изнеженной, испорченной и несмысленной душе. Да и Богу так угодно, чтобы мы имели нужду один в другом. Итак, не мудрствуй чрез меру. Ты говоришь: "Не могу переносить многократно умоляемого и непреклонного человека". Но как же Бог (переносит) тебя, – которого Он многократно просил и не был услышан, хотя просил о том, что для тебя же полезно? "**И как бы Сам Бог увещевает через нас**, – говорит (апостол),– **от имени Христова просим: примиритесь с Богом**" (2 Кор. 5: 20). Ты говоришь: "Я – раб Его". Что ж из того? Если ты – раб Его – упиваешься, а Он – Владыка твой – алчет, и не имеет необходимой для Себя пищи, то защитит ли тебя имя раба? Напротив, оно еще более обременит тебя – когда ты живешь в трехэтажных палатах, а Он не имеет и необходимого крова; когда ты почиваешь на мягком ложе, а Он не имеет возглавия. Ты говоришь: "Я подал". Но не должно прекращать подаяний. Тогда только ты можешь иметь извинение, когда сам не имеешь, когда сам ничем не обладаешь. Доколе же у тебя что-нибудь есть, то хотя бы ты подал и тысяче нищих, но пока есть другие алчущие, тебе нет извинения. Если же ты еще запираешь пшеницу, возвышаешь на нее цену, и измышляешь новые неслыханные способы к получению прибыли, то какую будешь иметь надежду на спасение? Тебе заповедано даром давать алчущему, а ты не хочешь дать и за умеренную цену. Христос истощил для тебя славу Свою, а ты не уделяешь Ему и куска хлеба. Пес у тебя объедается, а Христос изнемогает от голода; раб твой от пресыщения расседается, а твой и его Владыка не имеет нужной пищи. Где так поступают друзья? "**Примиритесь с Богом**", – потому что это дело врагов и самых злых неприятелей. Итак, постыдимся ради тех благодеяний, которые мы получили и еще имеем получить. И если придет к нам нищий просить милостыни, примем его со всем благорасположением, утешим, ободрим словом, чтобы и самим получить то же от Бога и от людей.

"**Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними" (Елика бо аще хощете, да творят вам, и вы творите им)** (Матф. 7: 12). Этот закон не имеет в себе ничего тяжкого и неудобоносимого. Чего хочешь себе, говорит, то и делай. Воздаяние равное. Не сказано – "Не делайте того другим, чего не хотите себе", но предписывается гораздо больше; то удерживало бы только от зла, а это требует делать добро; в последнем заключается и первое. И не сказано – "Так и вы желайте", но – "**творите им**". Какая же польза? – "В этом закон и пророки". Хочешь получить прощение? Прощай и ты. Не хочешь слышать худого? И не говори худого. Желаешь, чтоб тебя хвалили? Сам хвали (других). Хочешь, чтоб у тебя не похищали? Сам не похищай. Видишь ли, как он доказал, что добро свойственно нам по природе, и что мы не имеем нужды ни во внешних законах, ни в наставниках? Тем уже самым, что желаем или не желаем себе чего-нибудь от ближнего, мы налагаем на себя закон. Таким образом, если себе не желаешь, а другому делаешь, или себе желаешь, другому же не делаешь, то сам на себя произносишь суд, и ничем уже не можешь оправдаться, будто бы не знаешь и не понимаешь, что должно делать. Итак, молю вас, восстановите сами в себе этот закон, и читайте эти ясные и краткие начертания; будем для ближних такими, какими желаем иметь их для себя, чтобы насладиться нам и в настоящей жизни спокойствием, и достигнув будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 18

"Благодарение Богу, вложившему в сердце Титово такое усердие к вам" (2 Кор. 8:16).

1. Опять (апостол) хвалит Тита. Так как он говорил о милостыне, то хочет теперь сказать и о тех, которые примут от коринфян подаяния, и отнесут их. Это нужно было для умножения сбора и для возбуждения большей готовности в подававших. Тот, кто уверен в честности служащего, и не относится с подозрением к принимающим, подает с большей щедростью. Слушай же, как он и здесь, чтобы достигнуть этого, хвалит отправляемых с милостынею, в числе которых Тит был первым. Он говорит: "**Благодарение Богу, вложившему в сердце Титово такое усердие к вам**". Что значит – "такое"? "Такое же, какое он имел о фессалоникийцах, или какое имею я". И заметь мудрость его. Показав, что это есть дело Божие, он приносит благодарение давшему, чтобы и тем возбудить (коринфян). "Если Бог воздвиг и послал его к вам, то сам Он и просит чрез него. Итак, не почитайте случившегося делом человеческим". Но откуда видно, что сам Бог его наставил? "**Ибо, хотя и я просил его, впрочем он, будучи очень усерден, пошел к вам добровольно" (Яко моление убо прият. Тщаливейший же сый, своею волею изыде)** (ст. 17). Смотри, как показывает, что (Тит) исполняет свое дело, и не требует побуждений от других. Воздав благодарение Богу, (апостол) однако не приписывает всего Богу, а говорит, что (Тит) и сам по доброй воле вызвался на дело, чтобы и этим опять внушить им большую любовь к нему. " **он, будучи очень усерден, пошел к вам добровольно**", т. е. "восхитил себе дело, поспешил к сокровищу, вменил в собственную свою пользу служить вам, и так сильно любит вас, что не имел даже и нужды в увещаниях с моей стороны. Хотя я и просил его, но не этим он был возбужден, а собственным произволением и благодатью Божией". "**С ним послали мы также брата, во всех церквах похваляемого за благовествование" (Послахом же с ним и брата, его же похвала во евангелии по всем церквам)** (ст. 18).

Кто же этот брат? Одни разумеют Луку, по причине евангельской истории, им написанной, другие Варнаву, так как (апостол) и устную проповедь называл евангелием. Почему же он не называет их имен, тогда как Тита и по имени называет, и упоминает о содействии его в проповедании Евангелия – он столько был полезен, что в его отсутствие Павел не мог совершить ничего великого и важного: "**я не имел покоя духу моему**, – говорит он, – **потому что не нашел [там] брата моего Тита** " (2: 13), и говорит о любви его к ним: "**и сердце его весьма расположено к вам**" (7:15), и о ревности его в собирании милостыни: "**пошел к вам добровольно**"; а этих, напротив, не хвалит подобным образом и даже имен их не упоминает? Что сказать на это? Может быть, они неизвестны были (коринфянам), поэтому и не распространяется в похвалах им, так как добродетелей их (коринфяне) еще не изведали, но говорит об них, сколько нужно было, чтобы внушить о них доброе мнение и удалить подозрение. Однако посмотрим, за что он хвалит и этого самого брата. Итак, за что же хвалит? Во-первых, за проповедь и за то, что не только проповедовал, но даже проповедовал как должно и с надлежащим тщанием. Не сказал, что проповедующего и благовествующего, но – "**похваляемого за благовествование**". И чтобы не подумали, что льстит ему, приводит в свидетели не одного, не двух, не трех человек, но все церкви, говоря: "**по всем церквам**". Потом обращает ему в честь суд рукоположивших его, – что также немаловажно. Потому-то вслед за словами: "**во всех церквах похваляемого за благовествование**", присовокупил: "**не только же**" (ст. 19). Что значит – "**не только же**"? Он достоин уважения не только потому, что за проповедь все одобряют его и хвалят, но и потому, что он "**избран от церквей сопутствовать нам" (освящен от церквей с нами)**. Отсюда догадываюсь, что (апостол) разумеет Варнаву. Далее означает великое достоинство его, указывая, для чего он рукоположен: "**сопутствовать нам для сего благотворения, которому мы служим" (с нами ходити, со благодатию сею служимою нами)**. Видишь ли, сколько похвал приписывает ему? Он прославился проповедью Евангелия, и свидетельство об этом имел от всех церквей.

"**Освящен с нами**", – то есть на то же служение, на какое и Павел, и везде был ему общником – и в искушениях, и в бедах, как это показывает слово – "**сопутствовать**". Но что значат слова: "**для сего благотворения, которому мы служим" (со благодатию сею служимою нами)**? То, что он избран возвещать слово и проповедовать евангелие или служить при собирании милостыни; вернее же, как мне кажется, (апостол) указывает на то и другое вместе. Потом присовокупляет: "**во славу Самого Господа и [в] [соответствие] вашему усердию" (к самого Господа славе и усердию вашему)**. Смысл этих слов следующий: "Мы упросили, – говорит он, – чтобы его избрали вместе с нами, и поручили ему должность эконома священных имуществ и диакона, – эта должность была не маловажна: "**выберите**, – сказано, – **из среды себя семь человек изведанных" (усмотрите бо мужи от вас свидетельствовани седмь)** (Деян. 6: 3), – и он избран был церквами по согласию всего народа". Что же значат слова: "**к самого Господа славе и усердию вашему**"? То, "чтобы и Бог прославлялся, и вы стали усерднее к подаянию, когда принимающие эти подаяния будут люди испытанные, так что на них никто не может иметь никакого, даже ложного, подозрения".

2. "Для того мы и приискали таких мужей, и, чтобы отдалить и такое подозрение, не одному вверили все, но послали Тита и другого с ним". Затем, изъясняя те же самые слова: "**к самого Господа славе и усердию вашему**", присовокупляет: "**остерегаясь, чтобы нам не подвергнуться от кого нареканию при таком обилии приношений, вверяемых нашему служению" (блюдущеся того, да не кто нас поречет в обилии сем служимем нами)** (ст. 20). Какой же смысл этих слов? Достойный добродетели Павловой, и вместе показывающий великое его попечение и снисхождение. "Чтобы, – говорит он, – не стал кто-нибудь подозревать нас, и не возъимел хотя малейшего повода укорять нас, будто бы мы присваиваем что-либо себе из вручаемых нам подаяний, послали мы этих (мужей), и не одного только, но двоих и троих". Видишь ли, как освобождает их от всякого подозрения? (Освобождает) не только тем, что они проповедники Евангелия, избраны церквами, но и тем, что они мужи испытанной честности, и за эту самую честность избраны, чтобы не было места подозрению. И не сказал – "чтобы вы не стали укорять", но – "**да не кто** другой". Хотя он сделал это ради них, на что и намекнул словами: "**самого Господа славе и усердию вашему**", однако не хочет уязвить их, и говорит иначе: "**остерегаясь того** сделать". И даже этим не довольствуется; но, желая успокоить их еще более, говорит далее: "**при таком обилии приношений, вверяемых нашему служению" (в обилии сем служимем нами)**, – и таким образом тяжкое для слуха их смягчает похвалою. И чтобы они не оскорбились и не стали говорить: "Итак, ты подозреваешь нас, и мы так несчастны, что не заслуживаем твоего доверия", он, предупреждая их, говорит: "Много денег вами переслано, и самое обилие", т. е. "Большое количество милостыни может возбудить в злых людях подозрение, если не примем предосторожности". "**Ибо мы стараемся о добром не только пред Господом, но и пред людьми" (Промышляюще добрая не токмо пред Богом, но и пред человеки)** (ст. 21).

Что может сравниться с Павлом? Он не сказал: "Пусть будет несчастным и пусть погибнет тот, кто станет подозревать в чем-либо подобном; доколе не обличает меня совесть, мне нет дела до подозревающих". Напротив, чем они были слабее, тем более снисходил к ним. Не негодовать нужно на больного, но помогать ему. Между тем, от какого греха мы столько далеки, сколько он далек от таковых подозрений? Если бы кто был подобен даже демону, и тот не мог бы подозревать блаженного (апостола) в этом служении. И все же, как ни далек он был от худых подозрений, он все делает и устраивает так, чтобы не оставить и малейшей тени для тех, которые захотели бы хотя сколько-нибудь подозревать его в худом. Он избегает не только обвинения, но и худого мнения, малейшей укоризны и простого подозрения. "**Мы послали с ними и брата нашего** " (ст. 22). Вот и еще одного присовокупляет, – и этого с похвалою и с одобрением, как своим собственным, так и

многих других свидетелей: "**которого усердие много раз испытали**, – говорит, – **во многом и который ныне еще усерднее по великой уверенности в вас** ". Похвалив его за собственные его заслуги, хвалит и за любовь к ним, – и что сказал о Тите, что он "**будучи очень усерден, пошел к вам добровольно**", – то же говорит и об этом: "**который ныне еще усерднее**", т. е. после того, как (Павел) посеял в них семена любви к коринфянам. Потом, показав их добродетели, располагает и коринфян в их пользу, говоря: "**Что касается до Тита, это - мой товарищ и сотрудник у вас** " (ст. 23). Что значит: "**Что касается до Тита** "? "Если, – говорит, – нужно сказать что-нибудь о Тите, то скажу, что он "**товарищ**" мой, "**и сотрудник у вас**". Или это разумеет (Павел), или то, что "если вы сделаете что для Тита, сделаете это не для обыкновенного человека, потому что он **товарищ** мой". И, по-видимому, похваляя его этим, хвалит вместе и их, показывая в них такое к себе расположение, что они почитают достаточным основанием уважать человека, как скоро известно, что он Павлов общник. Не довольствуясь, однако, этим, (апостол) присовокупляет еще: "**и сотрудник у вас**" (**и к вам споспешник)**. Не просто споспешник, но в делах, касающихся до вас: в вашем преуспеянии, совершенствовании, в любви и тщании о вас. А это более всего могло привлечь их к нему. "**А что до братьев наших " (Аще ли братия наша)**. "Если, – говорит, – желаете знать что-либо и о других, то и они имеют величайшие права на ваше расположение, потому что и они **братья наши и посланники церквей**, т. е. от церквей посланы". Затем, что всего важнее, они "**слава Христова**", потому что к Нему относится все, что с ними ни делается. "Итак, хотите ли принять их как братьев, или как посланников церквей, или как делающих все для славы Христовой, – во всяком случае имеете много побуждений оказать им свое расположение. Если о Тите могу сказать, что он общник мой и любит вас, то и об этих (скажу), что они братья, посланники церквей, слава Христова".

3. Видишь ли, как и отсюда ясно, что эти последние не были известны (коринфянам)? Иначе он и их похвалил бы за то же, за что хвалил Тита, т. е. за любовь к ним. Но так как они еще были незнакомы им, то и говорит: примите их как братьев, как посланников церквей, как делающих все для славы Христовой. Потому присовокупляет: "**Перед лицем церквей дайте им доказательство любви вашей и того, что мы [справедливо] хвалимся вами" (показание убо любве вашея и нашего хваления о вас, к ним покажите, в лице церквей)** (ст. 24). "Теперь покажите, – говорит, – как вы нас любите, и что мы не тщетно и не напрасно хвалимся вами. А докажете это, если окажете им свою любовь". Потом придает слову своему особенную силу, говоря: "**в лице церквей**", т. е. для славы и чести церквей. "Если, – говорит, – почтите их, то почтите пославшие церкви. Не к ним только относится ваша честь, но и к пославшим, которые их избрали, а еще прежде – к славе Божией, потому что, когда воздаем честь служителям (Божиим), чрез них воздается похвала самому (Богу)". Ко всем церквам, – немаловажно и это, потому что велика сила собора, или церквей. Посмотри, какую великую силу имел собор. Молитва церкви освободила Петра от уз, отверзла уста Павлу. Приговор их важен – возводит на духовные степени приступающих к ним. Вот почему и готовящийся рукополагать испрашивает при этом и их молитв, и они подают свой голос и возглашают известное освященным, а неосвященным не все можно открывать. Но есть случаи, в которых священник не отличается от подначального, например, когда должно причащаться страшных Таин. Мы все одинаково удостаиваемся их; не так, как в ветхом завете, где иное вкушал священник, иное народ, и где не позволено было народу приобщиться того, чего приобщался священник. Ныне не так; но всем предлагается одно тело и одна чаша. И в молитвах, как всякий может видеть, много содействует народ. Так, напр., о бесноватых и о кающихся совершаются общие молитвы священником и народом, и все читают одну молитву – молитву, исполненную милосердия. Равным образом, когда изгоняем из священной ограды недостойных участвовать в святой трапезе, нужна бывает другая молитва, – и мы все вместе повергаемся на землю, и все вместе встаем. Когда опять

наступает время преподания и взаимного принятия мира, все равно друг друга лобзаем. При самом также совершении страшных Таин священник молится за народ, а народ молится за священника, потому что слова: "**со духом твоим**" означают не что иное, как именно это. И молитвы благодарения также общие, потому что не один священник приносит благодарение, но и весь народ. Получив сперва ответ от народа, и потом согласие, что достойно и праведно совершаемое, начинает священник благодарение. И что удивительного, если вместе со священником взывает и народ, когда он возносит эти священные песни совокупно с самими херувимами и горними силами? Все же это сказано мною для того, чтобы каждый и из подначальных трезвился, чтобы мы знали, что все мы едино тело, и столько же различаемся один от другого, сколько член от члена; и чтобы мы не все возлагали на одних священников, но и сами пеклись обо всей церкви, как о теле, всем нам общем. Это послужит и к большему утверждению, и нас побудит к большему преуспеянию (в добродетели). Послушай, как иногда и апостолы привлекали к участию в своих решениях подчиненных. Так, когда они поставляли семь диаконов, то сообщили об этом прежде народу. Когда Петр избирал Матфея, то предложил о том всем тогда с ним бывшим – и мужам, и женам. И это потому, что здесь (в церкви) нет ни высокомерия начальствующих, ни раболепства подчиненных, а есть власть духовная, которая находит для себя более всего приобретение в том, чтобы принимать больше трудов и заботы о вас, а не в том, чтобы искать больших почестей. В церкви должно жить, как в одном доме; как составляющие одно тело, – все должны быть расположены друг к другу, поскольку и крещение одно, и трапеза одна, и источник один, и творение одно, и Отец один. Итак, для чего же разделяемся, когда столько связей, нес соединяющих? Для чего разрываемся? Вот и опять принуждены мы оплакивать то, о чем многократно я плакал. Слез достойно настоящее наше состояние. Так далеко мы отторглись друг от друга, между тем как надлежало бы изображать собою союз одного тела. Тогда бы и меньший мог приносить пользу большему. В самом деле, если Моисей от тестя своего узнал нечто полезное, чего сам не знал, то тем более было бы так в церкви. И что была за причина, по которой духовный человек не знал того, что знал неверный? Та, чтобы все тогда бывшие вразумились, что (Моисей) – человек и имеет нужду в Божием содействии, хотя и море разделил, хотя и камень рассек, и что действия эти совершены не человеческою, но Божиею силою. И ныне, если один не говорит полезного, пусть другой встает и говорит.

Хотя бы он был и меньший, но если предлагает что-нибудь полезное – предпочти его мнение; хотя бы он был даже последний – не оставь без внимания. Никто ведь из них не отстоит так от ближнего, как от Моисея отстоял тесть его, а между тем Моисей не только удостоил выслушать, но и принял совет его, последовал ему, вписал его в книги, не устыдился даже передать его истории, в низложение гордости многих. Таким образом, как бы на столпе начертавши все это, он оставил потомству, так как знал, что история эта для многих будет полезна. Не будем же презирать тех, кто дает нам полезные советы, хотя бы они были из подчиненных, хотя бы из людей низких. Не будем непременно почитать достойным предпочтения то, что предлагаем сами, но то, что окажется полезным, это пусть и одобряется всеми. Многие, при слабом зрении, распознают иное лучше имеющих острое зрение, потому что тщательно и внимательно рассматривают. Не говори: "Для чего призываешь меня на совет, если не слушаешь, что я говорю?" Такие замечания приличны не советнику, а властолюбивому человеку. Советник властен только предлагать свое мнение. Если же будет дан другой совет, более полезный, а он станет требовать, чтобы сделали так, как ему хотелось, то он уже не советник, а, как я сказал, властолюбец. Не будем так делать; но, очистивши душу от всякой гордости и тщеславия, будем искать не того, чтобы только наши мнения были уважаемы, но чтобы всегда предпочитаем был полезный совет, хотя бы он дан был и не нами. Хотя и не сами найдем полезное, немало, однако ж, получим пользы, если примем придуманное другими, – и от Бога получим великую награду, и удостоимся тем большей славы, потому что как сказавший полезное

называется мудрым, так и мы, принявшие слова его, заслужим похвалу за благоразумие и благомыслие. Так (созидаются) дома и города; так созидаясь, и Церковь получит большее приращение; так и мы, устроив наилучшим образом настоящую жизнь, сподобимся будущих благ, которые да получим все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава и честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 19

"Для меня впрочем излишне писать вам о вспоможении святым" (2 Кор. 9: 1).

1. Так много сказав об этой (службе), теперь говорит: "**излишне писать вам" (лишше ми есть писати вам)**. И не в том только открывается его мудрость, что, сказавши уже многое, говорит – "**излишне писать вам**", но и в том еще, что опять говорит о ней же. То, что пред этим только что было им сказано, он говорил о тех, которые приняли собранные деньги, чтобы они пользовались большим уважением; а что раньше еще этого говорил о македонянах, что "**глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия" (во глубине нищета их избыточествова в богатство простоты их)**, и все прочее, было говорено о человеколюбии и милостыне. И все-таки, несмотря на то, что и прежде сказал уже много, он опять намерен рассуждать о том же предмете, и говорит: "**излишне писать вам**". А делает это для того, чтобы более привлечь их. Ведь человеку, о котором идет такая слава, что для него не нужны советы, стыдно показать себя ниже доброго о себе мнения и потерять его. Так поступает он большею частью и при обличениях, употребляя оборот речи, называемый умалчиванием (**παράλειψις**), потому что он имеет большую силу. Так, например, судья, когда видит великодушие обвинителя, уже не подозревает его, рассуждая: "Если этот человек не говорит многого такого, что мог бы сказать, то будет ли он вымышлять то, чего не было?" И тем (обвинитель) заставляет судью предполагать в деле нечто большее того, что им самим сказано, а себе приобретает имя честного человека. Так поступает (и апостол), когда он дает советы, или хвалит кого. Сказал: "**излишне писать вам**"; но смотри, как дает советы: "**ибо я знаю усердие ваше и хвалюсь вами перед Македонянами" (вем бо усердие ваше, имже о вас хвалюся Македонянам)** (ст. 2). Много значит и то, что сам знает; но гораздо важнее, что сообщает о том другим. Это имеет особенную силу, потому что они не захотели бы остаться посрамленными пред таким числом людей. Видишь ли мудрость его совета? Он убеждал их примером других, т. е., македонян: "**Уведомляем вас, братия, о благодати Божией, данной церквам Македонским" (сказую вам благодать Божию в Церквах Македонских)** (8: 1); убеждал собственным их примером: "**вам, которые не только начали делать сие, но и желали того еще с прошедшего года" (иже не точию еже творити, но и еже хотети прежде начасте от прешедшаго лета)** (8: 10); убеждал примером самого Господа: "**вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас" (весте благодать Господа нашего, яко вас ради обнища богат сый)** (8: 9). Потом опять прибегает к сильнейшему способу убеждения – к примеру других, потому что люди склонны к соревнованию. Пример Господа и обещанные награды более бы должны были подействовать на них; но так как они были еще немощны, привлекает их примером подобных им, потому что ничто так сильно не действует, как соревнование. И смотри, в каком новом виде предлагает им то же самое увещание. Не сказал: "подражайте им"; но что? "**Ревность ваша поощрила многих" (Яже от вас ревность раздражи множайших)** (ст. 2). Что говоришь? Недавно сам сказал (о македонянах): "добровольно **со многим молением моля нас**". Как же теперь говоришь: **ваша** (коринфян) **ревность (яже от вас ревность)**? "Да, – отвечает (апостол), – мы не советовали им, не убеждали их, а только вас хвалили и вами хвалились, – и этого довольно было к их убеждению". Видишь ли, как он возбуждает их взаимным друг друга

примером: коринфян – примером македонян, а македонян – примером коринфян, и это соревнование еще более усиливает присоединенною к тому великою похвалою? А чтобы не дать им повода к гордости, с особенным искусством выражается: "**и ревность ваша поощрила многих" (и яже от вас ревность раздражи множайших)**. Представь же, каково тем, которые были для других побудительною причиною такой щедрости, самим отстать от них в благотворительности! Вот почему не сказал: "подражайте им" – потому что не возбудил бы этими словами такого соревнования; а как сказал? "Они вам подражали; вы, учители, не окажитесь хуже учеников". И смотри, как для большего возбуждения и воспламенения их показывает вид, что вступается за них, и защищает их дело, как будто идет о том спор и состязание. Как выше он говорил: "**они весьма убедительно просили нас принять дар и участие [их] в служении святым … поэтому мы просили Тита, чтобы он, как начал, так и окончил у вас и это доброе дело" (яко доброхотни, со многим молением** приступили к нам, **во еже умолити нам Тита, да якоже прежде начат, такожде и скончает благодать сию)** (8: 4, 6), так и здесь говорит: "**Братьев же послал я для того, чтобы похвала моя о вас не оказалась тщетною в сем случае" (послах братию, да не испразднится похваление наше)** (ст. 3). Видишь ли, в каком он беспокойстве и страхе? Чтобы все, что он сказал, не показалось сказанным только для убеждения, а не потому, что и на деле так было, говорит: "**послал братьев**" – "я столько забочусь о вас, **чтобы похвала моя о вас не оказалась тщетною**". По-видимому, наибольшее участие принимает он в коринфянах, хотя и обо всех равно печется. А смысл слов его такой: "Весьма много хвалюсь вами, всем говорю о вас с восхищением, хвалился и македонянам. Поэтому, если вы окажетесь ниже похвалы, стыд будет общий". Но выражается об этом осторожно, именно присовокупил: "**в сем случае" (в части сей)**, а не во всем. "**Чтобы вы, как я говорил, были приготовлены" (Да, якоже глаголах, приготовани будете)**. Говорил о них (македонянам) не то, что они будут готовы, но что у них все уже приготовлено, и нет ни в чем недостатка. "Потому, – говорит, – желаю, чтобы вы показали это на самом деле". Потом еще более обнаруживает свое беспокойство, говоря: "**чтобы, когда придут со мною Македоняне и найдут вас неготовыми, не остались в стыде мы, - не говорю "вы", - похвалившись с такою уверенностью" (да не како, аще приидут со мною Македоняне, постыдимся мы (да не глаголем, вы) в части сей похваления)** (ст. 4).

2. Больше будет стыда, когда будешь иметь многих зрителей, и притом слышавших о деле. И не сказал: "веду с собою македонян", или: "македоняне идут со мною", – чтобы не подумали, что делает это намеренно; а как сказал? "**Чтобы, если**[1] **придут со мною Македоняне" (Да не како, аще приидут со мною Македоняне)**. Может случиться, что они придут. Таким образом (апостол) отдалил от себя и подозрение. А если бы сказал иначе, то, может быть, довел бы их и до ожесточения. Смотри, как действует на них не духовными только, но и человеческими (побуждениями). "Если вы, – говорит, – мало смотрите на меня, в твердой надежде, что прощу вас, то подумайте о македонянах – "**чтобы, когда придут со мною Македоняне и найдут вас неготовыми" (да не како, аще приидут, и обрящут вас)**". Не сказал: "не желающими", но – "**неготовыми**", т. е., не все еще исполнившими. "Если же и поздно подать уже стыдно, то подумайте, какой стыд вовсе не подать милостыни, или подать меньше надлежащего". Далее, кратко и вместе с силою, указывает и последствия, имеющие произойти отсюда, говоря так: "**чтобы … не остались в стыде мы, - не говорю «вы»" (постыдимся мы, да не глаголем, вы)**. И словами: "**похвалившись с такою уверенностью" (в сей части похваления)** опять смягчает речь свою, – не для того, впрочем, чтобы сделать их беспечными, но чтобы показать, что прославившиеся другими (добродетелями) должны отличиться и этой. "**Посему я почел за нужное упросить братьев, чтобы они наперед пошли к вам и предварительно озаботились, дабы возвещенное уже благословение ваше было готово, как благословение, а не как побор" (Потребно убо умыслих предпослати**

братию, да предуготовят благословение ваше сие готово быти, тако якоже благословение, а не яко лихоимство) (ст. 5). Опять говорит о том же в других словах. И чтобы не показалось, что говорит так без особенного намерения, объясняет, что не по другой причине идут братия, а единственно по той, чтобы (коринфянам) не остаться в стыде. Видишь ли, что слова: "**Для меня … излишне писать вам**" были началом к увещанию? Видишь ли, сколько рассуждает он об этом служении? Кроме того, можно сказать и то, что, дабы не подумали, будто (апостол) противоречит сам себе, когда, сказав – "**излишне**", рассуждает о том же предмете, он сверх того, что говорил о скорости, щедрости и радушии при подаянии милостыни, и этим оборотом речи достигает той же цели. Он требует этих трех качеств, и поставил их главными в самом начале. Так, когда он говорит: "**они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью; и глубокая нищета их преизбыточествует в богатстве их радушия**" **(во мнозем искушении скорби избыток радости их, и яже во глубине нищета избыточествова в богатство простоты их)** (8: 2), выражает не другое что, как то, что (македоняне) сделали великие приношения, и сделали с радостью и поспешностью, что они не скорбели, не только подав много, но и находясь в искушениях, а это тяжелее, нежели подавать милостыню. Равным образом и выражение: "**они отдали самих себя… нам**" **(себе вдаша нам)** (8: 5) показывает и их радушие, и твердую их веру. Опять и здесь имеет ту же цель. Так как щедрость и радушие бывают между собою противоположны и иной, подав много, часто скорбит о том, а иной, чтобы не скорбеть, подает менее, то смотри, как (апостол) заботится и о том и о другом со свойственною мудростью. Не сказал: "лучше давать немного, но охотно, нежели по принуждению", так как он хотел, чтобы они подавали и много и с охотою. А как же (сказал)? "**Дабы возвещенное уже благословение ваше было готово, как благословение, а не как побор**" **(Да предуготовят благословение ваше готово быти якоже благословение, не яко лихоимство)**. Сперва начинает с приятнейшего и легчайшего – подавать непринужденно, так как "(подаяние), – говорит, – есть **благословение**". Видишь, как в самом увещании показывает тотчас и плод, приносимый (подаянием), т. е., что подающие исполняются благословения. Самым этим словом он уже привлекал их к радушию, потому что никто не дает благословения с огорчением. Впрочем, и этим он не ограничился, а присовокупил: "**не как побор**". "Не думайте, – говорит, – чтобы мы из корыстолюбия брали у вас милостыню, напротив, желаем быть для вас источниками благословения. Корыстолюбие свойственно тем, которые подают принужденно, так что, кто принужденно подает милостыню, тот подает скупо". От этой мысли далее опять переходит к прежней, т. е., к тому, чтобы подавали щедро. "**Се же глаголю**", т. е., "при этом скажу и то". Что же? "**Кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет**" **(Сеяй скудостию, скудостию и пожнет; а сеяй о благословении, о благословении и пожнет)**[2] (ст. 6). Не сказал – "скупо", но употребил благороднейшее наименование бережливого (**φειδωλού**); и самое действие назвал сеянием, чтобы ты тотчас вспомнил о воздаянии, представил себе жатву, и понял, что (подавая другим) более получаешь сам, нежели даешь. Потому не сказал – "дающий", но – "**сеющий**". Не сказал также – "если вы сеете", но употребляет общее выражение. Не сказал опять – "щедро", но, что гораздо важнее – "**о благословении**". И снова возвращается к прежнему приятному способу подаяния: "**Каждый [уделяй] по расположению сердца**" **(кийждо якоже изволение имать сердцем)** (ст. 7), потому что получивший полную свободу делает больше принуждаемого. Потому и останавливается на этом; сказав именно – "**по расположению сердца**" **(якоже изволение имать)**, присовокупляет: "**не с огорчением и не с принуждением**" **(не от скорби, ни от нужды)**; и этим еще не ограничивается, но приводит свидетельство из Писания, говоря: "**ибо доброхотно дающего любит Бог**" **(доброхотна бо дателя любит Бог)**. Видишь ли, сколько раз он повторяет это? "**Говорю это не в виде повеления**" **(Не по повелению глаголю)** (8: 8); "**Я даю на это совет**" **(совет даю о сем)** (8: 10); "**как благословение, а не как побор**" **(якоже благословение, а не яко лихоимство)** (9: 5); "**не с огорчением и не с**

принуждением" (не от скорби, ни от нужды) (ст. 7); "**доброхотно дающего любит Бог" (доброхотна бо дателя любит Бог)**. По моему мнению, доброхотным он называет здесь щедрого, хотя употребил это слово с тем, чтобы побудить (коринфян) к радушному подаянию. Так как пример македонян и все прочее достаточно было, чтобы побудить их к щедрому подаянию, то не говорит уже об этом много, а (ведет речь к тому), чтобы подавали не с принуждением. И подлинно, если милостыня есть добродетель, а всякое дело, сделанное по принуждению, теряет свою награду, то (апостол) справедливо поступает так. И он не только советует, но, что всегда делает, и молит за них (Бога), говоря: "**Бог же силен обогатить вас всякою благодатью" (силен же Бог всяку благодать изобиловати в вас)** (ст. 8).

3. Этою молитвою удаляет от них помысел, противоборствующий щедрости, который и ныне для многих служит препятствием. Действительно, многие боятся подавать милостыню, говоря: как бы мне самому не сделаться бедным и не нуждаться в помощи других. Итак, чтобы рассеять этот страх, он присоединяет молитву, говоря: "**обогатить вас всякою благодатью**", – не исполнить только, но "**обогатить**". Что же значит: "**обогатить благодатью" (благодать изобиловати)**? "Обогатить вас настолько, чтобы вы могли изобиловать при такой щедрости". "**Чтобы вы, всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело" (Да о всем всегда всяко довольство имуще, избыточествуете во всяко дело благо)**. Смотри, и в самой молитве его какая мудрость. Не богатства просит им (у Бога), и не излишества, но всякого довольства. И не это одно в нем удивительно, но то особенно, что, как не просит излишества, так равно не причиняет им и огорчения, и, снисходя к их слабости, не принуждает их подавать от недостатка; а просит довольства, и вместе показывает, что даров Божиих не должно употреблять во зло. "**Чтобы вы… были богаты на всякое доброе дело" (Да избыточествуете во всяко дело благо)**. "Для того, – говорит, – прошу вам довольства, чтобы вы и другим уделяли". И не сказал – "уделяйте", но – "**чтобы вы… были богаты" (да избыточествуете)**. В благах телесных просит для них довольства; а в благах духовных – не в одном милосердии, но и во всех прочих – просит им избытка. Таков смысл слов: "**на всякое доброе дело" (во всяко дело благо)**. Потом вводит советником пророка, приискав свидетельство, побуждающее их к щедрости, и говорит: "**как написано: расточил, раздал нищим; правда его пребывает в век" (якоже есть писано: расточи, даде убогим; правда его пребывает во век)** (ст. 9; Псал. 3: 9). Вот что значит – "**чтобы вы… были богаты" (да избыточествуете)**. Слово "**расточил" (расточи)** не что другое означает, как щедрость в подаянии. Если поданного и нет уже более, но плоды подаяния остаются. То и удивительно, что сберегаемое гибнет, а расточаемое пребывает, и пребывает вечно. Правдою же называет здесь человеколюбие, потому что оно делает людей праведными, и, как огонь, истребляет грехи людские, когда обильно изливается. Итак, не будем скупы; напротив, будем расточать щедрою рукою. Разве не видишь, сколько другие раздают комедиантам и распутным женщинам? Подай Христу хотя половину того, что они дают плясунам. Подай хотя столько алчущему, сколько они из тщеславия дают представляющим на зрелищах. Они множеством золота украшают тело распутных; а ты и в простую одежду не хочешь облечь плоть Христову, даже видя, что она обнажена. Есть ли для этого какое-нибудь извинение? Не стоит ли это, напротив, всякого наказания, когда иной столько дает той, которая губит его и бесславит, а ты и малейшей части не даешь тому, кто тебя спасает и прославляет? Истощая свое богатство на удовлетворение чреву, на пьянство и распутство, ты не хочешь и вспомнить о бедности. Если же нужно облегчить чью бедность, ты считаешь себя беднее всех. Когда кормишь нахлебников и льстецов, радуешься, как будто расточаешь на них из неистощимых источников; а когда увидишь бедного, тотчас нападает на тебя страх бедности. За это-то самое некогда мы осудим и сами себя и будем осуждены другими, как преуспевшими (в добродетели), так и грешниками. Скажут тебе: "Почему ты не был

великодушным, где должно? Вот он, давая любодейце, не представлял таких извинений; а ты, подавая Владыке, заповедавшему "не пещись", приходишь в страх и трепет? И можешь ли быть достоин какого-нибудь извинения?" Если человек, получив благодеяние, не пренебрегает им, но воздает благодарностью, то тем более Христос. Если Он и не получив дает, то ужели не воздаст получивши? "Почему же, – скажешь, – иные, расточивши много, не только сами не получили, но просят еще милостыни у других?" Ты указываешь на раздавших все свое имение, сам не подавши и обола. Обещай раздать все – и тогда спрашивай и о них. А доколе ты бережлив, и подаешь малость из своего имущества, к чему представляешь мне извинения и предлоги? Ведь не на самый верх нестяжания ведем мы тебя, просим только, чтобы ты отсек лишнее, и возлюбил только довольство, а довольство ограничивается самым нужным, без чего жить нельзя. Никто этого у тебя не отнимет, никто не запрещает тебе иметь дневную пищу, – пищу, говорю, а не роскошь, – одеяния, а не украшения. Вернее же сказать, если внимательно вникнем, в этом более всего и заключается роскошь. Смотри же, кого справедливее назвать роскошествующим: того ли, кто, питаясь овощами, здоров и не страдает никакой болезнью, или того, кто имеет самый богатый и роскошный стол, но страдает бесчисленными болезнями? Очевидно, что первого. Итак, не будем желать ничего излишнего, если хотим и роскошествовать и наслаждаться здоровьем, и этим ограничим довольство. И кто может быть доволен и здоров, питаясь одними бобами, пусть не ищет ничего больше. Если же кто слабее, и имеет нужду в употреблении огородных овощей, тому пусть и это не будет возбранено. Если кто еще слабее, и для него потребуется умеренное употребление мяса, мы не запрещаем ему и этого. Не для того ведь даем мы эти наставления, чтобы доводить людей до смерти, или расстраивать их здоровье, но чтобы отсечь излишество; а излишне все то, что сверх необходимости, так как если и без этого можем жить здорово и благопристойно, то без сомнения это прибавлено излишне.

4. Так будем рассуждать и об одеждах, и о столе, и о жилище, и о всем прочем; везде будем искать только нужного, а излишнее не нужно. Когда ты научишься ограничиваться довольством, тогда, если ты захочешь подражать евангельской вдовице (Лук. 21: 1-4), поведем тебя к высшему. Ты недостоин еще любомудрия этой жены, когда заботишься о довольстве. Она была выше и этой заботы, потому что все средства своего пропитания повергла (в сокровищницу). Итак, неужели будет останавливать тебя мысль о необходимом? Неужели не постыдишься быть ниже жены, и не только не поревнуешь ей, но и очень далеко отстанешь от нее? Она не говорила, как вы рассуждаете сами с собой: "Что будет, если, истратив все, принуждена буду просить милостыни у других?", но со всем усердием отдала, что имела. А что сказать еще о ветхозаветной (вдовице), жившей во дни пророка Илии? Ей угрожала не только бедность, но смерть, и угрожала не ей одной, но и детям. Она уже ожидала не помощи от других, но скорой смерти. Ты скажешь: "Она увидела пророка, и оттого сделалась щедрою". Но разве не видите и вы бесчисленного множества святых? И что говорю – святых? Вы видите просящим даже Владыку пророков, и не только не делаетесь человеколюбивыми, напротив, имея сокровищницы, переполненные благами, не подаете и от такого избытка. Что ты говоришь: к ней пришел пророк, и это побудило ее к такому великодушию? То и достойно особенного удивления, что она поверила, что (Илия) велик и чуден. Почему она не сказала, как естественно было бы сказать жене-язычнице и иноплеменнице: "Если бы этот человек был пророк, то не стал бы просить у меня помощи; если он друг Божий, то не оставил бы его (Бог). Пусть иудеи за грехи подверглись такому наказанию; а он почему подвергся и за что?" Но она ничего такого не подумала, а напротив, открыла ему дом свой, и еще прежде дома – сердце свое, предложила все, что имела, не вняла естественному чувству, забыла детей своих, всему предпочла странника. Подумай же теперь, какое наказание должно постигнуть нас, когда окажемся ниже и малодушнее жены-вдовицы, бедной, иноплеменницы, язычницы, матери детей, нимало не знавшей того, что мы теперь знаем.

Если мы имеем только крепкое тело, то еще не значит, что мы мужественны. Только тот имеет эту доблесть, кто имеет внутреннюю крепость, хотя бы он лежал на одре. А без этой крепости, хотя бы кто телесной силой своей мог и гору сдвинуть, я никак не соглашусь назвать его мужественнее отроковицы или дряхлой старухи. Тот борется с духовными искушениями, а этот не смеет и взглянуть на них. И если желаешь увериться, что в этом именно состоит истинное мужество, можешь узнать это из приведенного примера. В самом деле, что может быть мужественнее этой женщины, которая с твердостью устояла против требований самой природы, против силы голода, против ужасов смерти, и все это преодолела? Послушай, как прославляет ее Христос: "**Много** , – говорит, – **вдов было в Израиле во дни Илии, и ни к одной из них не был послан** пророк**, а только** к сей" **(многи беша вдовицы во дни Илиины, и ни ко единой послан бысть**, **токмо ко вдове в Сарепту Сидонскую)** (Лук. 4: 25, 26). Скажу нечто великое и странное: эта (вдовица) оказала большее гостеприимство, нежели отец наш Авраам. Она побежала не к стаду, подобно тому (Аврааму), но с одной горстью муки превзошла всех прославившихся гостеприимством. Авраам превзошел тем, что сам вызвался на гостеприимство; а она тем, что для странника не пощадила и детей, и притом, когда ничего не ожидала себе в будущем. А мы, когда и царство готово, и геенна угрожает, и, что всего важнее, когда Бог столько для нас сделал, когда Он веселится и радуется (видя дела милосердия) – мы остаемся холодны. Не будем, молю вас, (так делать), но расточим, отдадим бедным, как должно отдать, Бог же многое и малое ценит не по мере подаваемого, а по достатку подающего. Поэтому может случиться, что, положивши сто золотых монет, мы положишь меньше того, кто положил только один маленький обол, потому что ты положил от избытка. Впрочем, делай хотя и так, и ты скоро сделаешься более щедрым. Расточай богатство, чтобы приобрести правду. Не с богатством приходит правда; хотя через него, но не с ним приобретается. Невозможно любостяжанию и правде обитать вместе; их жилища разделены. Итак, не усиливайся соединить несоединяемое, но изгони мучителя – сребролюбие, если хочешь получить царицу. Правда – царица, она изводит (людей) из рабства в свободу. Совершенно иначе действует сребролюбие. Итак, со всем тщанием будем бегать сребролюбия, а возлюбим правду, чтобы и здесь наслаждаться нам свободою, и там получить небесное царство, которого все мы да сподобимся достигнуть благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Как видно, согласно толкованию Златоуста, правильнее здесь было бы употребить не слово "когда", как в Синодальном переводе, а слово "если", как в церковно-славянском.

[2] В этом стихе синодальный перевод не согласуется с толкованием Златоуста.

БЕСЕДА 20

"Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей" (9:10)

1. Особенно можно подивиться мудрости Павла в том, что как убеждения заимствовал он и от духовного и от плотского, так, говоря и о воздаянии, делает то же самое, т. е., указывает на двоякие (духовные и плотские) воздаяния. Так слова: "**расточил, раздал нищим; правда его пребывает в век" (расточи, даде убогим, правда его пребывает во век)** указывают на воздаяние духовное; а слова: "**подаст обилие посеянному вами" (да умножит семя ваше)** – на воздаяние плотское. Однако на этом он не останавливается, но

опять переходит к воздаяниям духовным, и всегда ставит их одни с другими попеременно. Именно слова: "**умножит плоды правды вашей" (да возрастит жита правды вашея)** означают воздаяние духовное. Делает же это и разнообразит речь свою для того, чтобы искоренить в них боязливые и малодушные помыслы, и чтобы различными способами и указанием на настоящий пример рассеять в них опасение бедности. В самом деле, если засевающим землю Бог подает, если питающим тело свое дает Он обильно, то тем более (Он дает) тем, которые возделывают небо и пекутся о душе своей. И Ему угодно, чтобы такие (попечения) состояли под особенным Его промыслом. Но (апостол) излагает это не в виде умозаключения, и не так, как я сказал, а в виде молитвы, причем делает ясным свое умозаключение, и возводит их к большему упованию не только указанием на повседневные примеры, но и самою этою молитвою. "**Подаст**, – говорит, – **обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей" (Да подаст и умножит семя ваше, и да возрастит жита правды вашея"**. И здесь опять незаметно внушает щедрость, что дает разуметь словами: "**подаст обилие и умножит плоды правды вашей" (умножит и возрастит)**; а вместе с тем словами: "**и хлеб в пищу" (и хлеб в снедь)** не позволяет желать ничего кроме необходимого к поддержанию жизни. И особенно удивительно (в Павле), что, как и раньше внушал он, рассуждая о необходимом для жизни, не позволяет домогаться чего-либо сверх нужды, а, рассуждая о благах духовных, советует собирать их в большом избытке.

Потому он и выше говорил: "**во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело" (да довольство имуще, избыточествуете во всяко дело благо)** (ст. 8), и здесь говорит: "**Дающий же … хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами" (даяй хлеб в снедь, да умножит семя ваше)**, т. е. духовному. Так как он требует не просто милостыни, но милостыни щедрой, то постоянно называет ее семенем. Подобно тому, как семя, брошенное в землю, произращает тучную жатву, так и милостыня приносит полные рукояти правды и произращает бесчисленные плоды. Пожелав им такого обилия, он показывает опять, на что должно тратить **(иждивать)** его, говоря: "**чтобы вы всем богаты были на всякую щедрость, которая через нас производит благодарение Богу" (да о сем богатящеся во всяку простоту, яже содевает нами благодарение Богу)** (ст. 11). Тратьте **(иждивайте)** богатство ваше не на то, на что не должно, а на то, чем приносится великое благодарение Богу. Бог отдал многое в нашу власть, и, Себе предоставив меньшее, нам уступил важнейшее. Так заботиться о чувственной пище нашей предоставил Себе самому, а попечение о духовной вверил нам, и в нашей власти соделать цветущими мысленные нивы наши. Они не требуют ни дождей, ни благорастворенного воздуха; было бы только одно произволение, и они возрастут до самого неба. Щедрость же называет здесь "**простотою, которая через нас производит благодарение Богу**", потому что отсюда происходит не одна милостыня, но и повод к великому благодарению, и не только к благодарению, но и ко многому другому. Это и перечисляет (апостол) в следующих словах, чтобы, показав многие добрые последствия щедрости, возбудить их тем к большему усердию. Какие же это многие плоды? Послушай, что сам он говорит: "**Ибо дело служения сего не только восполняет скудость святых, но и производит во многих обильные благодарения Богу; ибо, видя опыт сего служения, они прославляют Бога за покорность исповедуемому вами Евангелию Христову и за искреннее общение с ними и со всеми, молясь за вас, по расположению к вам, за преизбыточествующую в вас благодать Божию" (яко работа сего служения не токмо есть исполняющая лишения святых, но избыточествующая многими благодареньми Богови: искушением служения сего славяще Бога о покорении исповедания вашего в благовествовании, и о простоте сообщения к ним, и ко всем, и о тех молитве о вас, возжелеющих вас за премногую благодать Божию на вас)** (ст. 12-14). Слова эти имеют такой смысл: "Во-первых, вы не только восполняете скудость святых, но и производите у них обилие, т. е., подаете им больше, чем для них нужно; затем, чрез них вы воссылаете

благодарение Богу, потому что они прославляют Его за покорность исповеданию вашему". А чтобы не подать мысли, что они благодарят потому только, что получают благодеяния, смотри, сколько возвышенными представляет их. "Что в послании к Филиппийцам сказал я о себе: "**не потому, чтобы я искал даяния" (не ищу даяния)** (4: 17), то же свидетельствую и о них. Хотя они радуются о том, что вы восполняете их недостатки и облегчаете их бедность, но еще более радуются о том, что вы так покорны Евангелию, о чем свидетельствуют ваши щедрые подаяния, предписанные Евангелием". "**И за искреннее общение с ними и со всеми" (и о простоте сообщения к ним и ко всем)**. "Они прославляют Бога и за то, что вы так щедры не только к ним, но и ко всем". И это благодарение Бога за подаваемое другим служит опять к их похвале. "Они, – говорит, – не только хорошо управляют свои дела, но заботятся и о чужих, несмотря на то, что сами находятся в крайней бедности. Это показывает высокую их добродетель. В самом деле, никто так не завистлив, как бедные; а они между тем чисты от этой страсти, и не только не завидуют, видя ваши благодеяния другим, но даже радуются не меньше, чем если бы сами их получили". "**Молясь за вас, по расположению к вам" (И о тех молитве о вас)**. "За тех, – говорит, – они благодарят Бога, а за вашу любовь к ним самим и общение молят Его, чтобы сподобил их видеть вас. И желают этого не ради вашего имущества, но чтобы видеть благодать, дарованную вам".

2. Видишь ли мудрость Павла, как он, восхвалив (коринфян), все приписал Богу, когда назвал дело их благодатью? После того как он сказал о них много великого, назвал их служителями, превознес до небес, – поскольку они служили бедным, а он передавал то, чем они служили; – назвал их искусными, теперь показывает, что виновник всего этого – Бог, и сам вместе с ними возносит благодарение (Богу), говоря: "**Благодарение Богу за неизреченный дар Его!" (благодарение же Богови о неисповедимем Его даре)** (ст. 15). Даром называет здесь или те многочисленные блага, какие получают чрез милостыню и принимающие ее и получающие, или те неизреченные блага, которые прещедро дарованы всему миру пришествием (Христовым), – и эти последние преимущественно следует разуметь здесь. Чтобы смирить их гордость и сделать их более щедрыми, он напоминает им о том, что они получили от Бога. Такое (напоминание о благодеяниях Божиих) имеет особенную силу для побуждения к какой бы то ни было добродетели. Потому и здесь (апостол) заключил свою речь (этим напоминанием). Если же дары (Божии) неисследимы, то что может равняться безумию тех, кто усиливается постигнуть сущность (Божию)? И не только дары Его неисследимы, но и мир, которым Бог примирил горнее с дольним, превышает всякий ум. Итак, сподобившись такой благодати, постараемся показать достойную ее доблесть жизни, и особенно будем заботиться о милостыни. А этого мы достигнем, если будем избегать невоздержания, пьянства, пресыщения. Ведь и пищу, и питие дал нам Бог не для неумеренности, а для пропитания. И не вином производится пьянство. А если бы так было, то надлежало бы всем упиваться. "Но не надлежало ли бы, – скажешь, – чтобы вино, и в большом количестве употребляемое, не вредило?" Так говорить свойственно пьяницам. В самом деле, если в большом количестве вино наносит вред, и ты нимало не отстаешь от неумеренного употребления; если пьянство так постыдно и пагубно, и ты все-таки не оставляешь дурной страсти – то до чего простерлась бы твоя неумеренность, если бы можно было и много пить, и не терпеть никакого вреда? Тогда не захотел ли бы ты, чтобы и реки текли вином? А тогда не погубил ли бы ты и не истребил ли бы всего? Если есть мера в употреблении пищи, и, преступая эту меру, мы вредим себе, но тебя не удерживает эта узда, ты расторгаешь ее и хватаешь все у всех, чтобы угодить гнусному твоему мучителю – сластолюбию, то чего бы ты ни сделал, когда бы природа не положила такой меры? Не стал ли бы ты тогда тратить все время жизни на это (удовлетворение своему чреву)? Итак, неужели надлежало усилить гнусную похоть, и не остановить вреда, происходящего от неумеренности? И сколько других бедствий проистекло бы отсюда! До какого безумия доходят те, которые в пьянстве и другого рода

распутствах валяются как в грязи, а когда несколько образумятся, ничего иного не делают, как только сидят и толкуют: для чего столько истрачено на такое дело? – тогда как им надлежало бы посудить о своих грехах! Вместо того чтобы говорить: "Для чего (Бог) положил всему пределы? Почему не делается все без порядка?", скажи так: "Почему мы не перестаем упиваться? Почему не знаем сытости? Почему мы бессмысленнее бессловесных?" Вот о чем надлежало бы рассуждать нам друг с другом; надлежало бы послушать апостольского слова, увидеть, сколько благ, по его свидетельству, проистекло для коринфян от милостыни, и восхитить себе такое сокровище. В самом деле, презрение богатства, как сказал (апостол), и соделывает людей искусными, и ведет к прославлению Бога, и воспламеняет любовь, и делает нас великодушными, и поставляет иереями, возводя на священство, приносящее великую награду. Милостивый не облекается в подир, не носит позвонков, не возлагает на себя венца; но облечен в одежду человеколюбия, которая святее священнической одежды, помазан елеем, который составлен не из чувственного вещества, но возделан Духом Святым, имеет венец, сплетенный из милосердия, как сказано в Писании: "**венчает тебя милостью и щедротами**" **(венчающаго тя милостию и щедротами)** (Псал. 102: 4), а вместо того, чтобы носить златую дщицу с именем Божиим, сам делается подобен Богу. Каким образом? "Будьте, – говорит, – подобны "**Отцу вашему Небесному**" **(Отцу вашему, иже есть на небесех)** (Матф. 5: 45).

3. Хочешь ли видеть и жертвенник (милосердного)? Не Веселеил соорудил его, и не другой кто, но сам Бог; не из камней, но из вещества, которые светлее самого неба – из разумных душ. Но иерей входит во святое святых? Можно и тебе, совершающему жертву (милосердия), войти в святилище еще более страшное, где никто не присутствует, кроме Отца твоего, который видит тебя в тайне (Матф. 6: 6), где никто другой не видит. "Но как, – скажешь, –можно не видеть, когда жертвенник стоит открыто?" То и достойно удивления, что тогда двойные двери и завесы делали (святилище) безлюдным, а ныне, принося жертву среди народа, можно приносить ее как бы вступив во святое святых, и даже с большим страхом. В самом деле, если ты делаешь это не на показ людям, то, хотя бы и вся вселенная видела, никто не видал, потому что ты так сделал. (Господь) не просто сказал: "**не творите милостыни вашей пред людьми**", но присовокупил: "**с тем, чтобы они видели вас" (не творите пред человеки да видими будете ими)** (Матф. 6: 1). Жертвенник этот создан из самых членов Христовых; и тело самого Владыки служит тебе жертвенником. Благоговей пред Ним: на теле Владычнем ты совершаешь жертву. Этот жертвенник страшнее и этого нового, а не только древнего жертвенника. Однако ж не смущайтесь. Этот (жертвенник) чуден по причине предлагаемой на нем жертвы, а тот (жертвенник милосердного) удивителен и потому, что сооружается из той самой жертвы, которая его освящает. Чуден опять этот (жертвенник) потому, что, будучи по природе камнем, делается святым, так как принимает тело Христово, а тот чуден потому, что сам есть тело Христово. Таким образом, страшнее этого жертвенника тот, пред которым предстоишь ты, мирянин. Что в сравнении с этим будет для тебя Аарон? Что кидар? Что звонцы? Что святое святых? Да и нужно ли сравнивать (жертвенник милосердного) с древним жертвенником, когда он и в сравнении с этим жертвенником оказывается столь блистательным? А ты между тем почитаешь этот жертвенник, потому что он принимает тело Христово, и унижаешь тот (жертвенник), который есть самое тело Христово, и не обращаешь внимания, когда он разрушается. Такой жертвенник ты можешь видеть везде – и на улицах, и на площадях, ежечасно можешь приносить на нем жертву, потому что и здесь освящается жертва. И как иудей предстоит (пред жертвенником), призывая Духа, так и ты призываешь Духа, только не словами, а делами. Ничто так не поддерживает и не возжигает огнь Духа, как этот елей, обильно изливаемый. Если же хочешь знать и то, что бывает с возлагаемым на жертвенник, то иди, я и это покажу тебе. Итак, какое курение, какое благоухание восходит от этого жертвенника? Слава и благодарение. Куда восходит?

До неба ли? Нет, – выше неба, и "**неба небеси**", возносится к самому Царскому престолу. "**Молитвы твои**, – сказано, – **и милостыни твои пришли на память пред Богом" (Молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша пред Бога)** (Деян. 10: 4). Чувственное благовоние не далеко проникает в воздух; а это проходит самые небесные своды. И хотя ты молчишь, однако же, дело твое вопиет, и делается жертвою хвалы; не телец закалается, и не кожа сожигается, но разумная душа приносит ей свойственное. А такая жертва достохвальнее всякого человеколюбия. Итак, когда ты видишь бедного из верных, представляй, что видишь жертвенник. Когда видишь такого нищего, не только не оскорбляй, но и отнесись с почтением; и если видишь, что другой его оскорбляет, останови, защити. Таким образом, и сам ты можешь надеяться, что будешь помилован от Бога и получишь обещанные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа (Которому слава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 21

"Я же, Павел, который лично между вами скромен, а заочно против вас отважен, убеждаю вас кротостью и снисхождением Христовым. Прошу, чтобы мне по пришествии моем не прибегать к той твердой смелости, которую думаю употребить против некоторых, помышляющих о нас, что мы поступаем по плоти" (2 Кор. 10:1, 2).

1. Кончив все, что надлежало сказать о милостыне, показав, что он более любит коринфян, чем они его любят, и вспомянув о своем терпении и искушениях, (апостол) благовременно переходит теперь к обличительной речи, в которой указывает на лжеапостолов, обращается (к коринфянам) с угрозами, и говорит в защиту себя самого. То же делает он и во всем послании, и, сознавая это, часто сам себя поправляет, как, например в словах: "**Неужели нам снова знакомиться с вами?" (зачинаем ли паки нас самех извещавати вам)** (3: 1); далее: "**Не снова представляем себя вам, но даем вам повод хвалиться нами" (не паки себе хвалим пред вами, но вину даем вам к похвалению)** (5: 12), затем: "**Я дошел до неразумия, хвалясь; вы меня [к сему] принудили" (бых несмыслен хваляся, вы меня понудисте)** (12: 11), и многие другие в том же роде употребляет оговорки. И не погрешит тот, кто назовет это послание похвальным словом Павла: так пространно рассуждает он и о дарах благодати (Божией) и о своем терпении! Так как среди коринфян были такие, которые много думали о себе, и, ставя себя выше апостола, говорили о нем, что он только величается, а ничего не значит и ничему здравому не учит (что и было особенным признаком их развращения), то смотри, как он начинает обличать их. "**Я же, Павел" (Сам же аз Павел)**. Замечаешь ли, сколько тут веса, сколько достоинства? Хочет же сказать он следующее: "Прошу вас, не заставьте и не допустите меня употребить власть мою против тех, которые унижают нас и думают, что мы живем по плоти". Это выражено здесь сильнее, нежели сказанное в угрозу им в первом его послании: "**Чего вы хотите? с жезлом придти к вам, или с любовью и духом кротости?**"; **(с палицею ли прииду к вам, или с любовию и духом кротости?)** "**Как я не иду к вам, то некоторые [у вас] возгордились**"; **(Яко не грядущу ми к вам разгордешася нецыи)**; "**приду к вам … и испытаю не слова возгордившихся, а силу" (Прииду же, и разумею не слово разгордевшихся, но силу)** (4: 21, 18, 19). И здесь выражает он то и другое: и власть свою, и любомудрие, и терпение, когда с такою заботливостью просит не доводить его до необходимости придти и показать над ними грозную власть свою, т. е., поразить их, истязать и подвергнуть крайнему наказанию. Это именно дает он понять словами: "**Прошу, чтобы мне по пришествии моем не прибегать к той твердой смелости, которую думаю употребить против некоторых, помышляющих о нас, что мы поступаем по плоти" (молю же, да не присущ дерзаю надеянием, имже помышляю смети, на некия непщующия нас, яко по плоти**

ходящих). Но обратимся опять к первым словам: "**Я же, Павел" (сам же аз Павел)**. Много силы и веса в этих словах. Подобные выражения употребляет он и в других местах, например: "**Вот, я, Павел, говорю вам**" (Гал. 5: 2); или еще: "**как я, Павел старец" (якоже Павел старец)** (Филим. ст. 9); или в другом месте: "**ибо и она была помощницею многим и мне самому" (сия заступница многим бысть, и самому мне)** (Рим. 16: 2). Так и здесь: "**Я же, Павел**". Важно уже и то, что он сам просит; но гораздо важнее присовокупляемое: "**кротостью и снисхождением Христовым" (кротостию и тихостию Христовою)**. Желая сильнее пристыдить их, но упоминает о кротости и снисходительности, и тем придает своему прошению еще большую силу. Он говорит как бы так: "Устыдитесь самой кротости Христовой, которою умоляю вас". Сказал же это с намерением вместе показать, что, хотя они и тысячекратно вынуждают его к строгости, но сам он более склонен к кротости, и не наказывает их не потому, чтобы не имел силы, но потому, что кроток, и потому, что так делал Христос. "**Который лично между вами скромен, а заочно против вас отважен" (Иже в лице убо смирен в вас, не сый же дерзаю в вас)**. Что он хочет сказать этим? Или говорит иронически собственными их словами, так как они говорили о Павле, что когда он лично присутствует, то не заслуживает никакого уважения, ничтожен и достоин презрения, а в отсутствии гордится, ведет себя величаво, нападает на нас и угрожает. На это намекает он и далее, говоря: "**Так как [некто] говорит: в посланиях он строг и силен, а в личном присутствии слаб, и речь [его] незначительна" (яко послания убо, рече, тяжки, а пришествие тела немощно, и слово уничижено)** (ст. 10). Итак, или говорит иронически, показывая великое огорчение: "Я человек смиренный и ничего не значащий при личном свидании, как они говорят, а в отсутствии высокий", – или, если и говорит о себе с важностью, то не по высокоумию, а по доверию к ним. "**Прошу, чтобы мне по пришествии моем не прибегать к той твердой смелости, которую думаю употребить против некоторых, помышляющих о нас, что мы поступаем по плоти" (Молю же, да не присущ дерзаю надеянием, имже помышляю смети, на некия непщующия нас, яко по плоти ходящих)**. Замечаешь ли, какое негодование выражается в этих словах, и какое ясное обличение? "Прошу вас, – говорит, – не заставляйте меня доказывать, что я, и лично находясь у вас, силен и имею власть. Так как некоторые у вас говорили, что я, не находясь у вас, – выражаясь их же словами, – дерзок и величав, то прошу, не заставьте меня употребить мою силу". Такой именно смысл имею слова: "**твердой смелости**". И не сказал: "которую я приготовил", но – "**которую думаю употребить**". "Я еще не решился на это, а вы сами подаете мне повод; но, несмотря и на это, я не желаю". А так поступал он, не себя только защищая, но и Евангелие. Если же и тогда, когда нужно защитить проповедь (евангельскую), он не является строгим, но уступает, выжидает, и просит не доводить его до такой необходимости, то тем более никогда не поступил бы строго, защищая себя самого.

2. "Итак, сделайте мне милость, – говорит, – не вынуждайте меня показать вам, что и при личном свидании могу поступить смело, с кем должно, т. е., подвергнуть истязанию и наказанию". Видишь ли, как он был не честолюбив, не делал ничего из тщеславия, как, и при необходимости (поступать строго), называет строгость смелостью? "**Прошу**, – говорит, – **чтобы мне по пришествии моем не прибегать к той твердой смелости, которую думаю употребить против некоторых" (Молю же да не присущ дерзаю надеянием, имже помышляю смети на некия)**. Главный долг учителя – не тотчас наказывать, но исправлять, и всегда выжидать и быть медленному в наказаниях. Кто же эти "**некоторые" (некия)**, которым он угрожает? "**Помышляющие о нас**, – говорит, – **что мы поступаем по плоти (Непщующия нас яко по плоти ходящих)**. Они клеветали (на Павла), будто бы он лицемерен, лукав и горд. "**Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем" (Во плоти бо ходяще, не по плоти воинствуем)** (ст. 3). Здесь уже и устрашает наказанием. "Правда, что мы облечены плотию, – говорит он, – не отвергаю

этого; но не по плоти живем". Впрочем, и этого не сказал, но скрывает до времени, потому что это относится к похвале его жизни, а рассуждает о проповеди, показывая, что она не человеческое дело и не имеет нужды в земной помощи. Потому не сказал: "не по плоти живем", но (говорит): "**не по плоти воинствуем**", т. е., "мы ведем войну и вступили в брань, но сражаемся не плотским оружием, не с помощью человеческих сил". "**Оружия воинствования нашего не плотские" (Оружия бо наша не плотская)** (ст. 4). А какое плотское оружие? Богатство, слава, власть, красноречие, важность, происки, ласкательства, лицемерие, и тому подобное. "Но наши оружия не таковы". Каковы же? "**Сильные Богом**". Не сказал: "мы не плотские", но: "**оружия наши**", потому что, как я заметил, он рассуждает пока о проповеди, и всю силу ее приписывает Богу. И не говорит: "(оружия наши) духовные", хотя бы и так надлежало сказать в противоположность плотскому, – но "**сильные**", давая чрез это разуметь и то, (что они духовны), а вместе с тем показывая, что оружия его противников слабы и бессильны. Смотри же, как он чужд гордости. Не сказал: "мы сильны", но: "**оружия наша сильны Богом**", – "не мы сделали их такими, а сам Бог". Так как они были мучимы, изгоняемы, претерпевали бесчисленные и жесточайшие бедствия, а все это обнаруживало их слабость, то, желая показать силу Божию, говорит: "**но сильны Богом**". "Сила Его в том особенно и открывается, что Он побеждает ими. Таким образом, если и мы носим эти оружия, то сражается и действует ими сам (Бог)". Далее (апостол) распространяется в похвалах этому оружию, говоря: "**на разрушение твердынь" (на разорение твердем)**. И чтобы кто-нибудь, слыша о твердынях, не вообразил чего-либо чувственного, присовокупляет: "**[ими] ниспровергаем замыслы" (помышления низлагающе)**. Иносказанием он придает силу речи, а изъяснением его показывает, что брань их духовна. Твердыни эти поражают души, а не тела. И так как они гораздо крепче твердынь вещественных, то и оружие требуется лучшее. Твердынями же называет он гордость эллинов, и силу их софизмов и силлогизмов. И, однако, все это орудия, употребляемые против них, (Бог) низложил. "**[Ими] ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия" (Помышления низлагающе, и всяко возношение взимающееся на разум Божий)** (ст. 5). Держится иносказания, чтобы придать большую силу речи. Хотя бы то были твердыни, или башни, или что другое, говорит он, – все уступает этому оружию. "**И пленяем всякое помышление в послушание Христу" (И пленяюще всяк разум в послушание Христово)**. Слово "пленение" имеет невыгодный смысл, потому что пленение есть отнятие свободы. Почему же (апостол) употребил это слово? Он употребил его в другом значении. Слово "пленение" имеет двоякое значение: оно означает и потерю свободы, и такое отнятие силы, после которого нельзя уже восстать. В этом последнем значении употребил его (апостол). Подобно тому как, когда говорит: "**Другим церквам я причинял издержки" (от иных церквей уях)** (11: 8), он не разумеет, что взял тайно, но что явно отнял, все взял, так и здесь говорит: "**пленяем**", – поскольку борьба не равна, но весьма легка. Не сказал: "**ниспровергаем (низлагаем)** одно или два", но – "**всякое превозношение" (всяко возношение)**; равным образом не сказал только: "мы побеждаем и одерживаем верх", но – "**пленяем**", подобно тому, как и прежде не сказал: "выдвигаем орудия против твердынь", но – "разоряем (твердыни), потому что у нас великое изобилие орудий; мы сражаемся не словами, но делами против слов, не мудростью плотскою, но духом кротости и силы". "Поэтому, какая мне нужда, – продолжает он, – превозноситься, величаться на словах и угрожать посланиями, – как они клеветали, говоря, что "**в посланиях он строг и силен" (послания тяжки)**, – когда сила наша состоит вовсе не в этом?"

3. Так как в выражении: "**и пленяем всякое помышление в послушание Христу" (пленяюще всяк разум в послушание Христово)** слово "**пленяем**" тяжело, то иносказание он тотчас объяснил словами: "**в послушание Христу**", то есть, от рабства к свободе, от смерти к жизни, от погибели к спасению. "Мы пришли, – говорит он, – не для

того только, чтобы низложить противников, но чтобы привести их к истине. "**И готовы наказать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится" (И в готовности имуще отмстити всяко преслушание, егда исполнится ваше послушание)** (ст. 6). Здесь (апостол) устрашает не только тех (клеветавших на него), но и их (коринфян). "Мы, – говорит он, – ожидаем вас, чтобы, когда вы по нашим наставлениям и угрозам исправитесь, очиститесь и прекратите общение с ними (клеветниками), тогда, отделивши их одних, подвергнуть наказанию только неисцельно страждущих, как скоро совершенно узнаем, что вы от них отстали, потому что хотя и теперь повинуетесь, но не вполне. Скажешь: "Если бы ты это сделал теперь, то больше бы принес пользы?" Нисколько; если бы теперь я сделал это, то и вас подверг бы наказанию. "Должно было, – (скажете), – наказать их, а нас пощадить?" Но если бы я пощадил вас, то могли бы подумать, что я поступил так с вами только по снисхождению. Теперь же не того желаю, а прежде – исправить вас, и потом уже приступить к наказанию тех". Что можно представить снисходительнее этой милости? Так как видит, что близкие ему вошли в общение с противниками, то хочет нанести удар, но щадит и удерживает гнев, доколе они не отделятся от противников, чтобы этих только и наказать, или лучше – и их не наказывать. Для того он угрожает и близким, для того и говорит, что одних их желает возвратить себе, чтобы и те, исправленные страхом, переменились, и, таким образом, ни на кого не излился бы гнев его. Во всем он поступал как искусный врач, как общий всем отец, покровитель и защитник: столько заботился обо всех! Повсюду устранял препятствия, усмирял (людей) зловредных, везде бывал сам. И не борьбою достигал своей цели, но, как бы идя на легкую и готовую победу, воздвигал победные памятники, ниспровергал, разрушал, рассыпал твердыни диавола и козни демонов, и всех пленных переводил в воинство Христово. Даже и на малое время не давал себе покоя, быстро переходил от одних к другим, а от этих опять к иным, и, как опытный вождь, ежедневно, или, лучше, – ежечасно, воздвигал победные памятники. В одном только хитоне вступив в воинские ряды, он брал города противников вместе с их жителями. Луком, корьем, стрелами и всем был язык Павлов. Он говорил только, и речи его поражали противников сильнее всякого огня; он изгонял демонов, а людей, ими одержимых, приводил к себе. Когда изгнал он злого духа (в Ефесе), собралось пятьдесят тысяч человек, занимавшихся тайными знаниями, сожгли волшебные книги и обратились к истине. И как на брани, когда падают стены крепости или низложен тиран, все находящиеся при нем бросают оружие и переходят к вождю противной стороны, так было и тогда. Как только изгнан был злой дух, все содержимые им в осаде, бросивши книги, или, лучше сказать, истребивши их, прибегли к ногам Павловым. А он, сражаясь с целою вселенной, как бы с одним воинством, нигде не останавливался, но, точно носимый на крыльях, делал все: то исцелял хромого, то воскрешал мертвого, то наказывал слепотою, – я разумею волхва (Деян. 13). Даже и будучи заключен в темницу, не оставался в бездействии, но и там привлек к себе стража темницы, продолжая захватывать людей в этот прекрасный плен.

4. Итак, будем и мы по возможности подражать ему. Но что говорю – "по возможности"? Всякому, кто только пожелает, можно приблизиться к нему, высмотреть его искусство и перенять его мужество. Ведь и доселе еще делает он то же: "**ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия" (помышления низлагающе, и всяко возношение, взимающееся на разум Божий)**. И хотя многие из еретиков задавались намерением терзать его, но, и расторгнутый по членам, являет он великую силу. Пользовались им и Маркион и Манихей, но – рассекши на части; однако и самыми этими частями они обличаются. Так, и одна рука доблестного этого мужа, находясь у них, гонит их с величайшею силою, и одна нога, находясь у других, преследует их и низлагает, чтобы ты познал богатство силы его, равно как и то, что, и на части рассеченный, он силен истребить всех противящихся ему. "Но это, – скажешь, – показывает неискренность, если препирающиеся между собою все пользуются тем же

(Павлом)". Да, неискренность, но не Павлову, а тех, кто пользуется им. У самого (Павла) нет запутанности и неопределенности; он прост и ясен; напротив они перетолковали слова его по своим понятиям. Но для чего же он говорил так, что подал повод любящим споры? Не он подал, а собственное их безумие, потому что они употребили слова его не так, как должно. Так, и весь этот мир дивен и велик, и явно открывает в себе Божию премудрость, и "**небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь; день дню передает речь, и ночь ночи открывает знание" (небеса поведают славу Божию, и день дни отрыгает глагол, и нощь нощи возвещает разум)** (Псал. 18: 1, 2), и, однако, многие преткнулись и об это, и имели противные одно другому (заблуждения). Иные дивились ему сверх меры до того, что почли его за Бога; а другие так мало признавали в нем красоты, что не почитали его делом достойным Божия творения, и приписывали большую часть его какой-то злой материи. Между тем Бог и тех и других предохранял (от заблуждения), создав мир с одной стороны прекрасным и великим, чтобы не могли почитать его несоответствующим Его премудрости, с другой – и имеющим недостатки, и не самодовлеющим, чтобы не почитали его за Бога. И, однако, люди, ослепившись своими помышлениями, впали в противные мнения; обличая и порицая друг друга, они защищают и Божию премудрость, и те умствования свои, которые увлекли их в заблуждения. Но что говорю о солнце и небе? Сколько чудес видели у себя пред глазами иудеи, и вскоре поклонились тельцу! Или – видели они, что Христос изгонял бесов, и, однако, называли Его бесноватым (Иоан. 8: 48). Но это служит не в предосуждение Изгонявшему (бесов), а в обвинение ослепленных умом. Поэтому не осуждай и Павла за мнения тех, которые во зло употребляли слова его, но постарайся вполне узнать его сокровище и раскрыть его богатство; и тогда, огражденный его оружием, ты мужественно противостанешь всем, сможешь заградить уста и эллинам и иудеям. "Чем же, – спросишь, – когда они не верят ему?" Указанием на то, что он совершил для них, и для исправления целой вселенной. В самом деле, не человеческая сила могла произвести столь великие дела, но сила Распятого, одушевлявшая (Павла), соделала его таким, что он стал сильнее и риторов, и философов, и тиранов, и царей, и всех властителей. И он мог не только облекаться в оружие и низлагать противников, но и других делать победителями. Итак, чтобы стать полезными и для себя самих и для других, будем непрестанно иметь его в руках и услаждаться его писаниями, как бы прекрасным лугом или садом. Таким образом сможем и избавиться порока, и возлюбить добродетель, и получить обещанные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 22

"На личность ли смотрите? Кто уверен в себе, что он Христов, тот сам по себе суди, что, как он Христов, так и мы Христовы" (2Кор.10:7).

1. Что особенно достойно удивления в Павле при всем другом – это то, что, будучи поставлен в большую необходимость хвалить себя, он достигает двоякой цели: т. е., и себя хвалит, и вместе такою похвалою самому себе не делается обременителен для других. Это можно видеть особенно в послании к Галатам. И там, коснувшись того же предмета, он заботится, – что особенно трудно, и требует большого благоразумия, – о том и о другом, т. е., и скромность соблюдает, и говорит о себе нечто великое. Но смотри, с каким величием и здесь делает это: "**На личность ли смотрите?" (яже пред лицем зрите?)**. Замечай и здесь благоразумие. Обличивши тех, кто обольстил их (коринфян), он не останавливает на них своего слова, но переходит от обольстивших и к обольстившимся. Так поступает он и всегда – обличает не только виновников заблуждения, но и введенных в заблуждение. Если бы он не подверг ответственности и этих последних, то их не так бы легко исправило сказанное другим; они даже возгордились бы, как не подвергшиеся

обвинению. Поэтому и их обличает. И не это только достойно удивления (в Павле), но и то, что он употребляет обличения, какие приличны тем и другим. Послушай, что говорит (вдавшимся в обман): "**На личность ли смотрите?" (яже пред лицем зрите?)**. Не малое, но очень большое обвинение! Почему? Потому что род человеческий очень легко впадает в обман. Смысл же слов его таков: "Вы судите по наружности, по плотским, по телесным (отношениям)". Что значит "по наружности"? Если кто богат, если кто надмевается, если кого окружает толпа льстецов, если кто хвалит сам себя, ищет пустой славы, если кто лицемерно притворяется добродетельным, не имея в себе добродетели – это и означают слова: "**На личность ли смотрите?" (яже пред лицем зрите?)**. "**Кто уверен в себе, что он Христов, тот сам по себе суди, что, как он Христов, так и мы Христовы" (Аще кто надеется себе Христова быти, да помышляет паки от себе, зане якоже он Христов, такоже и мы)**. (Апостол) не хочет вдруг показать себя строгим, но мало-помалу усиливает и возвышает (речь). И смотри, какая здесь резкость в выражении и многознаменательность. Выражением: "**сам по себе" (от себе)** он хочет сказать следующее: "Пусть не ожидает узнать от нас, т. е. из нашего ему выговора, но пусть судит о том сам по себе, что как он Христов, так и мы, – не потому, чтобы он был так Христов, как и тот, но "**что, как он Христов, так и** я Христов. В этом мы одинаковы, и нельзя сказать, что он Христов, а я принадлежу кому-то другому". Но, показав это равенство, выставляет на вид и преимущество, говоря: "**Ибо если бы я и более стал хвалиться нашею властью, которую Господь дал** мне **к созиданию, а не к расстройству вашему, то не остался бы в стыде" (аще бо и лишше что похвалюся о власти, юже даде … Господь в создание, а не на разорение, не постыжуся)** (ст. 8). Посмотри, как он смягчает речь свою, намереваясь сказать о себе нечто великое.

Действительно, ничто так не противно для многих из слушателей, как похвала самому себе. Поэтому, устраняя неприятность, (апостол) и говорит: "**если бы я и более стал хвалиться" (аще бо и лишше что похвалюся)**. Не сказал: "если кто уверен в себе, что он Христов, пусть рассудит, что он далеко еще отстоит от нас, потому что я получил от Господа столь великую власть, что могу наказать и предать смерти, кого хочу". А что сказал? "**Если бы я и более стал" (Аще и лишше что)**. Хотя и выразить нельзя, сколь великую имел он (власть), но в словах своих он уменьшает ее. Не сказал также: "хвалюсь", но: "**если бы стал хвалиться" (аще похвалюся)**, – "если захочу (похвалиться)". А таким образом соблюдает вместе и скромность, и показывает свое преимущество. "**Ибо если бы я и более стал**, – говорит, – **хвалиться властью, которую Господь дал**" мне **(Аще бо похвалюся о власти, юже даде … Господь)**. Опять все приписывает Богу, и дар делает общим, говоря: "**к созиданию, а не к расстройству" (в создание, а не на разорение)**. Видишь ли, как он опять успокаивает зависть, какую мог бы возбудить похвалою себе, и привлекает к себе слушателя, указывая на пользу, для которой получил он власть? А как же он говорит: "**ниспровергаем замыслы" (помышления низлагающе)**? Это особенно является одним из видов созидания – уничтожать препятствия, обличать гнилое, и утверждать одно истинное. "**К созиданию" (В созидание)**. "Итак, для того получили мы власть, чтобы созидать. Если же кто будет упорствовать, сопротивляться и не подавать никакой надежды на исправление, то употребим и другую силу: низложим и ниспровергнем его". Поэтому и присовокупляет: "**не остался бы в стыде" (не постыжуся)**, т. е., "не оказался бы ни лжецом, ни тщеславным". "**Впрочем, да не покажется, что я устрашаю вас [только] посланиями. Так как [некто] говорит: в посланиях он строг и силен, а в личном присутствии слаб, и речь [его] незначительна, - такой пусть знает, что, каковы мы на словах в посланиях заочно, таковы и на деле лично" (Но да не явлюся, яко страша вас, яко послания убо, рече, тяжки и крепки, а пришествие тела немощно, и слово уничижено: сие да помышляет таковый, яко яцы же есмы словом посланий отстояще, таковии и ту суще делом)** (ст. 9, 10). Смысл этих слов такой: "Я мог бы похвалиться; но чтобы не стали опять

говорить, будто в посланиях я величаюсь, а при личном свидании ничего не значу, то не буду говорить о себе ничего великого". Правда, впоследствии он говорил, но не о силе, по которой он был страшен, а об откровениях, и еще более об искушениях. "Итак, чтобы не показалось, что я устрашаю вас, **такой пусть знает, что, каковы мы на словах в посланиях заочно, таковы и на деле лично" (сие да помышляет таковый, яко яцы же есмы словом посланий отстояще, таковии и ту суще делом)**. Так как о нем говорили, что в посланиях своих он пишет о себе много великого, а при личном свидании не стоит никакого внимания, то он и говорит эти (приведенные выше слова), но впрочем, опять с большою скромностью. Не сказал: "Как пишем к вам о великих делах, так и находясь лично с вами, делаем великие дела", но выразился гораздо скромнее. Когда обращал речь к тем, (которые почитали его человеком плотским), тогда употребил сильные выражения: "**Прошу, чтобы мне по пришествии моем не прибегать к той твердой смелости, которую думаю употребить против некоторых" (молю же**, **да не присущ дерзаю надеянием**, **имже помышляю смети на некия)** (ст. 2). А обращаясь к этим, поступает снисходительнее, почему и говорит: "каковы мы лично с вами, таковы и заочно, т. е., мы смиренны, скромны, ничем не тщеславимся". И это видно из последующих слов: "**Ибо мы не смеем сопоставлять или сравнивать себя с теми, которые сами себя выставляют" (не смеем бо присовокупляти или прикладовати себе иным хвалящим себе самех)** (ст. 12).

2. Здесь (апостол) показывает, что они и тщеславны, и много говорят о себе, и укоряет их за то, что сами себя хвалят. "А мы, – говорит, – ничего такого (не делаем), а если что великое и сделали, то все приписываем Богу, и равняем себя друг с другом". Поэтому и присовокупляет: "**они измеряют себя самими собою и сравнивают себя с собою неразумно" (но сами в себе себе измеряюще, и прилагающе себе самим себе, не разумевают)**. Смысл этих слов такой: "Мы не с ними равняем себя, но друг с другом". Так он и ниже говорит о себе: "**у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов" (ничимже лишихся первейших апостол)** (12: 11); равно как и в первом послании: "**я более всех их потрудился" (паче всех их потрудихся)** (15:10); и еще: "**признаки Апостола оказались перед вами всяким терпением" (знамения апостолова содеяшася в вас во всяком терпении)** (12:12). "Так, мы сравниваем себя сами с собою, а не с ними, которые ничего не имеют. А такое высокоумие их свойственно только безумию". Итак, он говорит это или о себе, или о них, т. е., что "мы не смеем сравнивать себя с теми, которые друг с другом препираются, тщеславятся, и между тем не разумеют (что делают), т. е. не видят, как они смешны, когда так тщеславятся и превозносятся друг пред другом. **А мы не без меры хвалиться будем" (Мы же не в безмерная похвалимся)** (ст. 13), как они". Вероятно, в похвалу свою они говорили: "Мы обратили вселенную, мы доходили до пределов земли", и много другого подобного разглашали о себе. "Но мы, – говорит (апостол), – не так, **но по мере удела, какой назначил нам Бог в такую меру, чтобы достигнуть и до вас" (но по мере правила, егоже раздели нам Бог меру, достизати даже и до вас)**. И, таким образом, с двух сторон открывается его смиренномудрие, с одной – в том, что он не говорит о себе ничего более того, что сделал, с другой – в том, что и это (сделанное им) приписывает Богу: "**По мере удела" (правила)**, – говорит, – **какой назначил нам Бог в такую меру, чтобы достигнуть и до вас" (егоже раздели нам Бог меру, достизати даже и до вас)**. "Как земледельцам разделяет (Бог) виноградные сады, так и каждому из нас назначил свой удел. А потому мы и хвалимся не большим чем-либо, но тем, чего дано нам достигнуть". "**Ибо мы не напрягаем себя, как не достигшие до вас, потому что достигли и до вас благовествованием Христовым" (Не яко бы не досяжуще до вас, паче простираем себе: даже и до вас достигохом благовестием Христовым)** (ст. 14). "Не только были мы у вас, но и благовествовали, проповедовали, убеждали, исправляли". Вероятно, порицавшие Павла просто только приходили к ученикам апостольским, и вследствие этого одного прихода весь успех дела

приписывали себе. "Но мы, – говорит (апостол), – не так поступили: никто не может сказать нам, что мы не могли придти к вам, и что только на словах распространяем похвалу свою и до вас, потому что мы и вам проповедовали слово (веры)". "**Мы не без меры хвалимся, не чужими трудами, но надеемся, с возрастанием веры вашей, с избытком увеличить в вас удел наш, так чтобы и далее вас проповедывать Евангелие, а не хвалиться готовым в чужом уделе" (Не в безмерная хвалящеся, не в чуждих трудех, упование же имуще, растущей вере, в вас величатися по правилу нашему изобильно, во еже и в дальших вас благовестити, не чужим правилом в готовых похвалитися)** (ст. 15, 16). В этих словах (апостол) высказывает сильное обвинение (своим порицателям), что они и хвалились без меры, и хвалились чужим, и что, хотя весь труд принадлежал апостолам, они хвалились их трудами. "Но мы, – говорит (апостол), – доказали это делами. Итак, не будем подражать им; а станем напротив говорить то, о чем свидетельствуют самые дела. И что говорю: "**достигли и до вас" (достигохом до вас)**? Имею надежду, что с возрастанием веры вашей, – не прямо утверждает, но, следуя своему обыкновению, говорит, – надеюсь, что, когда вы возрастете в вере, – удел наш и далее распространится, и будем проповедовать Евангелие дальним. Мы пойдем и далее, – говорит он, – чтобы проповедовать и потрудиться, а не тщеславиться тем, над чем трудились другие". Прилично назвал он труд свой правилом (уделом) и мерою, как вступивший в обладание вселенною, и получивший прекрасное наследие, показывая тем, что все это есть дело Божие. "Итак, – говорит, – имея таковые дела и ожидая еще больших, мы не тщеславимся, подобно тем, которые ничего не имеют, и ничего не приписываем себе, но все (приписываем) Богу". Поэтому и присовокупляет: "**Хвалящийся хвались о Господе" (хваляйся же, о Господе да хвалится)** (ст. 17). "И то (чтобы хвалиться), – говорит он, – дается нам от Бога: "**Ибо не тот достоин, кто сам себя хвалит, но кого хвалит Господь" (не хваляй бо себе, сей искусен, но егоже Господь восхваляет)** (ст. 18). Не сказал: "мы (достойны похвалы)", но – "**кого хвалит Господь**". Видишь ли, с каким смирением говорит он? А если далее он начинает говорить о себе возвышеннее – не удивляйся. И в этом видно благоразумие Павлово. Если бы он всегда стал говорить о себе со смирением, то так не устрашил бы их, и не освободил бы учеников своих от заблуждения. Бывает, что и тот, кто не во время скромен, причиняет вред; и напротив, тот, кто во время говорит о себе нечто удивительное, приносит пользу. Так поступал и он. Действительно, опасность была немалая, если бы ученики поверили какому-нибудь дурному слуху о Павле. И не потому это, чтобы Павел искал славы человеческой; если бы он ее искал, то не стал бы молчать столь долгое время о великих и дивных событиях, случившихся с ним за четырнадцать лет; равно как не стал бы так медлить и неохотно говорить об этом, когда была даже нужда. Очевидно, что и тогда он не сказал бы этого, если бы не видел крайней нужды.

Итак, не славы человеческой искал он, когда говорил это, но заботился об учениках. Так как на него клеветали, что он самохвал, величается только на словах, а делами ничего не может доказать, то он находит необходимым наконец сказать о бывших ему откровениях. Хотя он мог бы убедить их и самыми делами, когда говорил это, однако ограничивается одними словесными угрозами, так как он особенно был чужд тщеславия, что показывает вся его жизнь, и прежняя и последующая. Потому-то он так внезапно и обратился к вере во Христа, и своим обращением изумил иудеев, и презрел все почести, какими пользовался у них, хотя был главою и представителем их. Но ни о чем этом он не подумал, как скоро нашел истину, а (всю славу) променял на обиды и бесчестие от них. Он имел в виду спасение многих (людей), и предпочитал это всему. Да и мог ли гоняться за славою человеческою тот, кто и геенну и царство, и бесчисленные миры считал ни за что в сравнении с любовью ко Христу? Без сомнения, не мог. Напротив, он весьма смиренен, когда только можно; и сам выставляет на показ прежнюю свою жизнь, называя себя хулителем, гонителем и обидчиком (1 Тим. 1: 13). Ученик его Лука многое о нем

повествует, очевидно, узнав от него самого, рассказывавшего о прежней своей жизни не меньше, чем и о последующей.

3. Говорю же это не для того только, чтобы слышали, но и чтобы назидались. Если Павел помнил грехи свои, соделанные до крещения, хотя они и совершенно были изглажены, то какое можем получить прощение мы, которые не помним грехов и по крещении сделанных? Что ты говоришь, человек? Ты оскорбил Бога, и забываешь его? Это новое оскорбление, новая вражда! В каких же грехах просишь себе прощения? В тех ли, которых не знаешь и сам? Истинно так. Ты, конечно, не заботишься и не помышляешь о том, как дать отчет во грехах, когда не стараешься даже и помнить о них, но шутишь тем, над чем не должно шутить. Но придет время, когда не пойдут уже нам на мысль шутки. Ведь нам непременно должно умереть (в виду крайней бесчувственности многих приходится говорить и об известном), непременно должно и воскреснуть, непременно должно и на суд предстать, должно и мучению подвергнуться. Впрочем, последнее не непременно, если захотим. В первом, т. е., в смерти нашей, в воскресении и в суде, властны не мы, но Владыка наш; а чтобы подвергнуться наказанию, или нет, зависит от нас, потому что это принадлежит к области возможного. Если захотим, сделаем и невозможным, как сделали Павел, Петр и все святые, поскольку им невозможно уже подвергнуться мучению. Так вот, если захотим, и нам равным образом невозможно будет пострадать что-нибудь. Хотя бы мы обременены были бесчисленными грехами, можно еще исправиться, пока живем здесь. Итак, постараемся исправить себя. И кто достиг старости, пусть представляет себе, что скоро переселится отсюда, и что довольно уже насладился приятностями жизни (хотя какое удовольствие проводить жизнь в грехе? но я говорю так, соображаясь с его образом мыслей), пусть затем помыслит, что и в короткое время можно ему омыть все свои скверны. Пусть и юноша опять представит себе неизвестность смертного часа, и что, когда часто многие из старцев пребывают еще здесь, юноши прежде их похищаются смертью. Чтобы мы не злоупотребляли временем нашей кончины, оно оставлено для нас неизвестным. Потому и один премудрый в увещание наше говорит: "**Не медли обратиться к Господу и не откладывай со дня на день" (не медли обратитися ко Господу, и не отлагай день от дне)** (Сир. 6: 8): "**потому что не знаешь, что родит тот день" (не веси бо что породит находяй день)** (Притч. 27: 1). Отлагательство производит опасение и страх, а немедленно обращение (к Богу) – верное и надежное спасение. Итак, держись добродетели; в таком случае, хотя бы ты в юности переселился отсюда, переселишься безопасно; хотя бы ты достиг старости, переселишься обогащенный, и во всю жизнь будешь иметь сугубый праздник, и как воздержавшийся от порока, и как возлюбивший добродетель. Не говори: "Будет еще время, когда должно обратиться"; такие слова весьма прогневляют Бога. Почему? Потому что Он обещал тебе бесконечные веки, а ты не хочешь потрудиться и в продолжение настоящей жизни, краткой и скоропреходящей, и оказываешься так нерадив и малодушен, что ищешь даже этой кратчайшей жизни. Не те же ли самые у тебя ежедневно пиршества? Не те же ли столы? Не те же ли блудницы? Не те же ли зрелища? Не те же ли деньги? Долго ли будешь любить это, как нечто вечное? Долго ли будешь иметь ненасытную похоть ко греху? Помысли, что сколько раз ты соблудил, столько же раз осудил сам себя, потому что таково именно свойство греха: едва он совершен, как судия произносит уже приговор. Ты упивался, предавался пресыщению, похищал чужое? Остановись же, наконец, обратись на противный путь, воздай благодарение Богу, что не восхитил тебя из среды живых при самом совершении грехов, и не желай, чтобы дано было тебе еще время делать зло. Многие лишились жизни в то самое время, как предавались корыстолюбию, и отошли на явное мучение. Бойся, чтобы и тебе не подвергнуться тому же без всякой надежды на оправдание. Но многим, скажешь, Бог дал время и в самой глубокой старости раскаяться. Что же? Разве и тебе даст? "Может быть, даст", – говоришь ты. Что за слова: "может быть, когда-то, часто"? Подумай только, что дело идет о душе твоей; представь же себе и

противное, размысли и скажи: "А что, если не даст?" Но ты опять говоришь: "А что, если даст?" Положим, что и дал бы (Бог); но немедленное обращение и безопаснее и полезнее позднего. В самом деле, если ты уже начал его, то во всяком случае для тебя это полезно, получишь ли, или не получишь отсрочку. Если же ты всегда откладываешь, то, может быть, за это самое не получишь (отсрочки). Отправляясь на войну, ты не говоришь: "Не нужно делать духовного завещания – может быть, возвращусь"; собираясь жениться, не говоришь: "Возьму жену бедную – многие, несмотря и на это, сверх чаяния сделались богатыми"; намереваясь строить дом, не говоришь: "Построю на гнилом основании – многие дома стояли и так". А когда идет дело о душе, утверждаешься на чем-то гнилом: на "может быть", "часто", "когда-то", и вверяешь себя неизвестному. "Не неизвестному, – скажешь ты, – но Божию человеколюбию, потому что Бог человеколюбив". Знаю это и я; но и при человеколюбии Своем Он изъял (из среды живых) тех, о ком я сказал. А что, если ты, и долго проживши, останешься таким же? Ведь кто беспечен теперь, тот и в старости будет таков же. Нет, говоришь ты. Но рассуждающий так, прожив до восьмидесяти лет, отложит до девяноста, а прожив до девяноста, отложит до ста, а после ста лет будет еще беспечнее. И таким образом вся жизнь твоя истрачена будет попусту, и на тебе исполнится то, что сказано было об иудеях: "**И погубил дни их в суете " (исчезоша в суете дние их)** (Псал. 77: 33). И хорошо еще, если только в суете, а не во зле. Если же отойдем туда с тяжким бременем грехов (а это и значит – во зле), то доставим пищу огню и обильную трапезу червю. Поэтому прошу и молю вас – стать, наконец, мужественно, и отстать от греха, чтобы получить нам обетованные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцем и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 23

"О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию! Но вы и снисходите ко мне" (2 Кор. 11: 1).

1. Намереваясь говорить в похвалу себе, (апостол) употребляет много оговорок. И не раз или два оговаривается, хотя достаточно оправдывали его как самая необходимость дела, так и то, что многократно говорил он прежде. В самом деле, и то, что он поминал о своих грехах, которых не помянул Бог, и то, что называл себя за них недостойным даже наименования апостольского, и для самых нечувствительных делало очевидным, что он не для прославления своего будет говорить то, что намерен теперь сказать. Похвала себе самому, хотя и странно сказать, всего более повредила бы его славе, притом она оскорбительна для многих. И, однако, он не посмотрел ни на что, но имел в виду только одно – спасение слушателей. Итак, чтобы, восхваляя себя, не соблазнить тем нерассудительных, он часто употреблял множество таких оговорок, и здесь говорит: "**О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию! Но вы и снисходите ко мне" (о да бысте мало потерпели** меня**, но и потерпите)**. Видишь ли благоразумие его? Сказать: "**о, если бы вы несколько были**" **(о да бысте)** – значит, предоставить дело на их волю; а сказать утвердительно "**снисходите**" (**потерпите**) свойственно твердо надеющемуся на их любовь, и показывает уже, что он любит их, и ими взаимно любим. И не просто по обыкновенной какой-нибудь любви, но по любви самой пламенной и неудержимой: говорит, что они должны потерпеть даже и его безрассудствующего. Поэтому и присовокупил: "**Ибо я ревную о вас ревностью Божиею" (ревную бо по вас Божиею ревностию)** (ст. 2). Не сказал: "люблю вас", но употребил гораздо сильнейшее (выражение). Ревнивы те души, которые сильно пламенеют к любимым ими; и ревность может рождаться не иначе, как от сильной любви. Притом, чтобы не подумали, что он ищет их любви для власти, или чести, или денег, или

чего-нибудь подобного, присовокупил: "**Божиею ревностию**". И Богу приписывается ревность не для того, чтобы ты представлял в Боге какую-нибудь страсть (Божество бесстрастно); но чтобы все знали, что Бог все делает не ради чего-либо другого, а ради тех самих, о ком ревнует, и не для того, чтобы получить самому какую-нибудь прибыль, а чтобы их спасти. Не такова ревность человеческая; она имеет целью собственное успокоение, не то, чтобы не были оскорблены любимые, но чтобы любящие не потерпели чего, и не потеряли уважения, или не унизились в глазах любимых. Здесь же иначе. "Я не о том забочусь, – говорит (апостол), – чтобы мне не унизиться в вашем мнении, но о том, чтобы не увидеть вас растленными (от лжеучителей). Такова ревность Божия, такова и моя ревность – она сильна, и вместе чиста". Затем следует и необходимая тому причина: "**потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою**" **(обручих бо вас единому мужу деву чисту)** – "Поэтому ревную не для себя, но для Того, кому обручил вас". Настоящее время есть время обручения, а время брачных чертогов другое, т. е., когда скажут: "восстал жених". Какая новость! В мире девы обыкновенно бывают только до брака, а после брака они уже не девы. А здесь не так. Хотя бы до брака и не были девами, но после брака делаются девами. Таким образом, вся Церковь есть дева, потому что (апостол) говорит это ко всем – и к женатым, и к замужним. Посмотрим же, что принес он, когда обручил нас, какие дары? Не золото или серебро, но царство небесное. Потому и сказал: "**Итак мы - посланники от имени Христова**" **(по Христе посольствуем)** (2 Кор. 5: 20). И он молит, когда хочет взять невесту. Образом этого служило то, что была с Авраамом. И тот также посылал верного раба для обручения языческой девы. И здесь Бог послал слуг Своих, чтобы они обручили Сыну Его церковь, а прежде посылал пророков, которые говорили: "**Слыши, дщерь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей**" **(слыши, дщи, и виждь, и забуди люди твоя и дом отца твоего, и возжелает царь доброты твоея)** (Псал. 44: 11, 12). Видишь ли пророка обручающего? Видишь ли и апостола, с великим дерзновением повторяющего то же и говорящего: "**потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою**" **(обручих вас единому мужу деву чисту представити Христови)**? Замечаешь ли опять благоразумие (апостола)? Сказавши: "вы должны снизойти ко мне", не прибавил: "потому что я ваш учитель", или: "ради себя говорю"; но употребил выражение, которое делало им особенную честь, представил себя в виде невестоводителя, а их – в виде невесты. И потом говорит: "**Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, [уклонившись] от простоты во Христе (боюся же, да не како, якоже змий Еву прельсти лукавством своим, тако истлеют разумы ваши от простоты, яже о Христе)** (ст. 3). Хотя погибель угрожает вам собственно, но скорбь общая". Смотри – и здесь какое благоразумие! Он не сказал этого открыто, хотя они уже действительно были растленны, как можно видеть из слов: "**когда ваше послушание исполнится**" **(егда исполнится ваше послушание)**, также: "**чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили**" **(восплачуся многих прежде согрешших)** (10: 6; 12: 21); между тем, не попускает им оставаться и в ожесточении. Потому и говорит: "чтобы не" **(да не како)**. И не осуждает, и не умалчивает, поскольку и то и другое – и явно сказать, и совсем скрыть – равно небезопасно. Потому он и соблюдает средину, говоря: "чтобы не" **(да не како)**. Так именно свойственно говорить тому, кто ни слишком осуждает, ни слишком доверяет, но держится средины между тем и другим. Этими словами, таким образом, он успокаивал их; историческим же напоминанием (о Еве) приводил их в несказанный страх и отнимал у них всякий повод к извинению. Ведь хотя и змий был злобен, и Ева несмысленна, однако ничто не спасло жену (от обвинения).

2. "Итак, смотрите, – говорит (апостол), – не подвергнитесь и вы тому же: тогда ничто не защитит вас. И змий тем и обманул, что обещал много". Отсюда видно, что и лжеучители, хвалясь и надмеваясь, обольщали (коринфян). Об этом же можно заключать не только

отсюда, но и из дальнейших слов: "**Ибо если бы кто, придя, начал проповедывать другого Иисуса, которого мы не проповедывали, или если бы вы получили иного Духа, которого не получили, или иное благовестие, которого не принимали, - то вы были бы очень снисходительны" (аще бо грядый инаго Иисуса проповедает, егоже не проповедахом, или духа инаго приемлете, егоже не приясте, или благовествование ино, еже не приясте, добре бысте потерпели)**. Не говорит: "чтобы вам не прельститься, как Адам"; но показывает, что они, как женщины, подверглись обольщению, потому что женщинам свойственно обольщаться. И не сказал: "так и вы обольщены"; но, продолжая иносказательную речь, говорит: "**чтобы… и ваши умы не повредились, [уклонившись] от простоты во Христе" (да не како истлеют разумы ваши от простоты, яже о Христе)**. "От простоты, – говорю, – а не от лукавства; не от злонамеренности, не от неверия вашего, но от простоты". Впрочем, и в этом случае не заслуживают извинения обольщаемые, как показал пример Евы. Если же это (обольщение) не заслуживает извинения, то тем более – кто впадает в обольщение по тщеславию. "**Ибо если бы кто, придя, начал проповедывать другого Иисуса, которого мы не проповедывали" (Аще бо грядый инаго Христа проповедает, егоже не проповедахом)**. Отсюда видно, что коринфяне не сами были причиною своего растления, но что посторонние обольстили их. Поэтому и говорит: "**придя" (грядый)**. "**Или если бы вы получили иного Духа, которого не получили, или иное благовестие, которого не принимали, - то вы были бы очень снисходительны [к тому]" (то уместно было бы снисхождение ваше) (Аще духа инаго приемлете, или благовествование ино, еже не приясте, добре бысте потерпели)**. Что ты говоришь? Галатам сказал: "**кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема" (аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет)** (1: 9); а теперь говорит: "**вы были бы очень снисходительны [к тому]" (добре бысте потерпели)**? Именно поэтому-то самому и надлежало бы не терпеть, а бежать. Если бы они говорили то же (что и ты), надлежало бы потерпеть. Как же ты говоришь: "когда говорят то же, не должно терпеть"? А если бы говорили иное, должно было бы терпеть? Вникнем (в слова апостола). Пред нами великая опасность и глубокая пропасть: если оставим без исследования, то сказанное выше откроет вход всем ересям. Итак, какая же мысль заключается в этих словах? Лжеучители хвалились, что апостолы учат несовершенно, а они, напротив, привносят нечто большее. Вероятно, они, пустословя о многом, внесли в догматы (веры) бессмысленные добавления. Потому-то (апостол) упомянул и о змие и о Еве, обольщенной чаянием большего. На это намекал он и в первом послании, говоря: "**вы уже обогатились, вы стали царствовать без нас" (се обогатистеся, без нас воцаристеся)** (4: 8), и еще: "**Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе" (мы буи Христа ради, вы же мудри о Христе)** (4: 10). И так как они, пользуясь внешнею мудростью, вероятно, много пустословили, то (апостол) и говорит: "Если бы они сказали что-нибудь лишнее, и проповедовали другого Христа, которого не должно проповедовать, а мы умолчали бы, "**вы были бы очень снисходительны" (добре бысте потерпели)**". С этим намерением он и присовокупил: "**которого мы не проповедывали" (егоже не проповедахом)**. А если у них те же основания веры, то какое преимущество? "Сколько бы они ни говорили, не скажут больше того, что мы уже сказали". И смотри, с какою точностью говорит об этом. Не сказал: "если бы пришедший стал говорить нечто большее, нежели мы", потому что (лжеучители) говорили нечто большее, с большею властью и с большею красотою в словах. Поэтому и не сказал так, а что (говорит)? "**Если бы кто, придя, начал проповедывать другого Иисуса" (грядый инаго Иисуса проповедает)**, – для чего не было нужды в красивом наборе слов, – "**или если бы вы получили иного Духа" (или духа инаго приемлете)**, – то есть, обогащает вас большими дарами благодати, для чего также не было нужды в красивых словах, – "**или иное благовестие, которого не принимали" (или благовествование ино, еже не приясте)**, – что точно также не требовало изящества слова, – "**вы были бы очень снисходительны [к тому]" (добре бысте потерпели)**. Смотри же, какое строгое

наблюдается везде разграничение, из которого ясно видно, что они ничего лишнего и большего (пред апостолами) не сказали. Сказавши: "**Ибо если бы кто, придя, начал проповедывать другого Иисуса" (аще грядый инаго Иисуса проповедает)**, прибавил: "**которого мы не проповедывали" (его же не проповедахом)**; и к словам: "**или если бы вы получили иного Духа" (или инаго духа приемлете)**, присовокупил: "**которого не получили" (егоже не приясте)**; также сказавши: "**или иное благовестие" (или благовествование ино)**, присоединил: "**которого не принимали" (еже не приясте)**. А всем тем показывает, что: "Должно смотреть не просто на то, сказали ли они что-нибудь большее, но на то, сказали ли они что-нибудь большее, что надлежало сказать, а нами было опущено. Если же они говорили, о чем не надлежало говорить, о чем потому и мы не сказали, то для чего и слушаете их?"

3. Но скажешь: "Если они говорят то же самое, почему запрещаешь им говорить?" Потому, что, прикрываясь лицемерием, они вводят другое учение. Впрочем, этого он пока еще не говорит, а высказывает впоследствии, когда говорит, что они преобразуются в апостолов Христовых (ст. 13). Теперь же употребляет легчайшие способы, чтобы ослабить в учениках уважение к ним, и делает это не по зависти к ним, но для безопасности учеников. Иначе, почему он не запрещает Аполлосу, мужу красноречивому и сведущему в Писании, а напротив, даже просит и сам обещает прислать его? Конечно потому, что (Аполлос) при своих познаниях сохранял и правоту догматов; а те (коринфские учители) – напротив. Потому (апостол) и вооружается против них, и порицает учеников за то, что они с удивлением слушают их, говоря: "Если мы опустили что-нибудь, о чем бы надлежало сказать, а они это дополнили, то не препятствуем вам слушать их; если же все нами сделано и ничего не опущено, то что вас влечет к ним?" Поэтому и говорит далее: "**Но я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов" (непщую бо ничимже лишитися предних апостол)** (ст. 5), сравнивая себя не с ними (коринфскими учителями), но с Петром и другими (апостолами). "Таким образом, если, – говорит, – больше меня знают, то больше и их (высших апостолов)". Смотри, какая и здесь скромность. Не сказал: "апостолы не больше сказали, чем я", – но как? "**Непщую**", т. е., "я так думаю, что я ни в чем не отстал от высших апостолов". Так как, вероятно, в унижение (Павлу) обращали и то, что предшествовавшие ему по времени (апостолы) имели пред ним более громкое имя и большую славу, и (коринфские лжеучители) вздумали равнять себя с ними, то и сравнивает себя (с апостолами) приличным ему образом; потому и отзывается о них с похвалою, не просто называя апостолами, но "высшими" **(предними)**, имея в виду Петра, Иакова и Иоанна. "**Хотя я и невежда в слове, но не в познании" (Аще бо и невежда словом, но не разумом)** (ст. 6). Так как развратители коринфян гордились тем, что они не неученые люди, то он упоминает и об этом, показывая, что он не только не стыдится своей неучености, но еще и хвалится ею. Не сказал, однако: "если я невежда словом, то и другие (апостолы) также", потому что это показалось бы порицанием апостолам и похвалою лжеучителям. Напротив, он уничтожает самое преимущество – т. е. внешнюю мудрость. Точно так же и в первом послании он сильно нападет на нее, говоря, что она не только не содействует (евангельской) проповеди, но еще и помрачает славу креста. "**Я приходил … братия**, – говорит он, – **… не в превосходстве слова или мудрости (Приидохом не по превосходному словеси, или премудрости)**, к вам, **чтобы не упразднить креста Христова" (да не испразднится крест Христов)**, и многое другое тому подобное (1 Кор. 2: 1 и 1: 17), чем показывается, что (лжеучители) были невежды познанием, и что это есть крайняя степень невежества.

Итак, когда надлежало сравнивать в важном, он сравнивает себя с апостолами; а когда (нужно было) показать, что недостаток только мнимый – не делает сравнения, но обращает внимание на самое дело, и показывает его превосходство. И когда не было никакой нужды хвалить себя, он называет себя меньшим из апостолов, и даже

недостойным имени (апостольского) (1 Кор. 5: 9); а здесь, когда потребовали обстоятельства, говорит, что он ничем не меньше высших апостолов, – потому что знал, что это особенно будет полезно для учеников. Потому и далее говорит: "**мы во всем совершенно известны вам" (но во всем явленны есмы во всех к вам)**. И здесь опять обличает лжеапостолов, что они действуют лукаво. Но о себе и прежде говорил тоже, что он не лицемерил, без обмана и бескорыстно проповедовал слово (Божие). Лжеапостолы иными были на самом деле, и иными показывали себя; но он не таков. Потому и хвалится везде, что ничего не делает для славы человеческой, и не скрывает дел своих. Так и прежде говорил: "**открывая истину, представляем себя совести всякого человека" (явлением истины представляюще себе во всякой совести человечестей)** (2 Кор. 4: 2), и теперь говорит: "**мы во всем совершенно известны вам" (во всем явленны есмы к вам)**. Что же это значит? "Мы невежды, – говорит он, – и не скрываем этого; берем у некоторых, и не умалчиваем об этом. Так и от вас пользуемся, и не притворяемся, что ничем не пользуемся, как делают эти пользующиеся от вас; напротив, мы все открыто делаем пред вами". А так мог говорить только вполне полагающийся на них (коринфян), и во всех словах соблюдающий правду. Потому и ссылается на них, как на свидетелей – и теперь, когда говорит: **во всем к вам**, и прежде, когда говорил: "**мы пишем вам не иное, как то, что вы читаете или разумеете" (не иная бо пишем к вам, но яже чтете и разумеваете)** (2 Кор. 1: 13). Защитив себя таким образом, (апостол) далее начинает уже говорить гораздо сильнее: "**Согрешил ли я тем, что унижал себя, чтобы возвысить вас?" (или грех сотворих себе смиряя, да вы вознесетеся)** (ст. 7). И объясняя это, продолжает: "**Другим церквам я причинял издержки, получая [от них] содержание для служения вам" (от иных церквей уях, приим оброк, к вашему служению)** (ст. 8). Смысл этих слов таков: "Я жил у вас в крайней нищете"; это именно значит – "**себя смиряя**". "Итак, это ли ставите мне в вину? И потому ли превозноситесь предо мною, что я смирял себя у вас, просил милостыню, терпел тесноту и голод, чтобы вас возвысить?" Как же они возвышались, когда он был в крайности? Так, что они более получали назидания, а не повода к соблазну. Между тем, особенно могло служить к их обвинению и к обличению их слабости то, что (апостол) не мог иначе вести их (к совершенству), как смирившись прежде сам. "Итак, в том ли обвиняете меня, что я смирил себя? Но чрез это вы возвысились". Так как он и прежде говорил, что на него клеветали, будто при личном свидании он смиренен, а в отсутствии смел, то теперь, защищая себя, опять поражает их, говоря: "это я сделал для вас": "**другим церквам я причинял издержки" (от иных церквей уях)**. Отсюда начинаются уже упреки; впрочем, сказанное прежде делает их сносными. Он сказал: "**если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию" (потерпите мало безумию моему)**. И прежде других своих заслуг, во-первых, хвалится этим (презрением земных благ). Мирские люди больше всего ищут этого; этим хвалились и противники (Павловы). Поэтому он и начинает свою речь не с опасностей, равно и не с чудес, а с презрения земных благ, так как этим особенно гордились (лжеучители); а вместе с тем неприметно обличает их и в любостяжании.

4. Но достойно удивления то, что (апостол), хотя мог сказать, что собственными руками снискивал себе пропитание, не сказал этого, а говорит то, что особенно стыдило их (коринфян), и даже ему не служило к похвале, именно, что он получал от других. И не сказал: я получал, но – "**причинял издержки" (уях)**, т. е., "взял последнее и сделал их бедными". И что еще важнее, брал не для избытка, но для удовлетворения необходимых потребностей. Под словом "**содержание" (оброк)** разумеет именно: "необходимое к пропитанию". И самое важное – "**для служения вам" (к вашему служению)**, т. е., "мы вам проповедовали, и когда от вас должно было получать пропитание, я получал его от других". Обвинение двойное, или даже тройное, поскольку, и находясь у них, и служа им, и имея нужду в необходимом содержании, получал его, однако, от других. Эти другие, таким образом, имели великое преимущество пред ними. Они оставались беззаботными, а

те показали ревностную заботу, издалека посылали ему, тогда как они не могли пропитать его, когда он и у них находился. Но таким образом строго их укорив, (апостол) опять неприметно смягчает укоризну, и говорит: "**будучи у вас, хотя терпел недостаток, никому не докучал" (пришед к вам, и в скудости быв, не стужих ни единому)**. Не сказал: "вы не давали мне", но: "я не брал". Он еще щадит их. Однако и при самом смягчении речи своей опять неприметно поражает их. Слова "**будучи у вас" (пришед)** и "**терпел недостаток" (в скудости быв)** весьма выразительны. Чтобы они не сказал: "Что нам было делать, когда ты имел у себя?", он присовокупил: "**хотя терпел недостаток, никому не докучал" (и в скудости быв, не стужих вам)**. Здесь опять слегка укоряет их в том, что они медленно, и как бы неохотно, делали такия пособия. Вслед за тем показывает и самую причину, весьма для них укоризненную, и вместе побуждающую их к соревнованию. Потому и представил эту причину не прямо, но как бы объясняя, откуда и от кого он получал пропитание, чтобы, не вызывая в них никакого подозрения, опять побудить их к милостыне. "**Ибо недостаток мой**, – говорит, – **восполнили братия, пришедшие из Македонии" (Скудость бо мою исполниша братия, пришедшие от Македонии)** (ст. 9). Видишь, какой чувствительный удар опять наносит им, представив тех, которые послужили ему? Сперва он возбудил (в коринфянах) желание узнать, кто такие были они, сказав: "**другим церквам я причинял издержки" (от иных церквей уях)**, потом уже и называет их. А это побуждало их к тому, чтобы подавать милостыню. Унизивших себя тем, что не пропитали апостола, он убеждает, по крайней мере, не унижать себя в оказании вспомоществования бедным. Об этом писал он и к самим македонянам, говоря: "в нуждах моих **и раз и два присылали мне на нужду в начале благовествования" (посласте ми и единою и дващи, и в начале благовествования)** (Филип. 4: 16, 15), что и послужило им в величайшую похвалу, потому что в самом начале так отличились. Но заметь, что (апостол) везде выставляет свою нужду, и нигде не говорит об изобилии. Словами "**будучи у вас" (пришед)** и "**терпел недостаток" (в скудости быв)** он показал, что пропитание надлежало ему получить от коринфян; а словами "**недостаток мой восполнили" (скудость мою исполниша)** показывает, что он этого и не требовал, объясняя вместе и причину тому, хотя не настоящую. Какую же? Ту, что от других получил. "**Недостаток мой**, – говорит, – **восполнили пришедшие" (Скудость бо мою исполниша пришедшие)**. "Потому, – говорит, – **никому не докучал**, а не потому, чтобы не надеялся на вас". А в самом деле поступил так по последней причине, что и показывает далее, хотя говорит об этом не прямо, но прикровенно, предоставляя (догадываться) совести слушателей, и незаметно указывая на то следующими словами: "**да и во всем я старался и постараюсь не быть вам в тягость" (и во всем без стужения себе соблюдох и соблюду)**. "Не думайте, чтобы я говорил это с намерением получить что-нибудь от вас". Слово же "**постараюсь" (соблюду)** еще сильнее указывает на то, что он не только теперь не надеется на них, но раз и навсегда отказался взять что-нибудь у них. Вместе с тем показывает и то, что они считали для себя тягостным помогать ему, почему и сказал: "**во всем я старался и постараюсь не быть вам в тягость" (без стужения соблюдох и соблюду)**. Подобно этому говорит он и в первом послании: "**…написал это не для того, чтобы так было для меня. Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою" (не писах, да тако будет о мне: добрее бо мне умрети, нежели похвалу мою кто да испразднит)** (9: 15). И здесь опять: "**я старался и постараюсь не быть вам в тягость" (без стужения вам себе соблюдох и соблюду)**. Потом, чтобы они не подумали, что говорит это для снискания себе большей от них благосклонности, присовокупляет: "**по истине Христовой во мне" (есть истина Христова во мне)** (ст. 10). "Не подумайте, чтобы я говорил это с намерением получить или более привлечь вас к себе. **По истине**, – говорит, – **Христовой во мне [скажу], что похвала сия не отнимется у меня в странах Ахаии" (Есть истина Христова во мне, яко похваление сие не заградится в странах Ахайских)**. Чтобы опять кто-нибудь не подумал, что он печалится об этом, или говорит так в гневе, он называет поступок свой

похвалою. Подобно этому и в первом послании – и там не в оскорбление им говорит: "**За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно" (кая убо ми есть мзда? Да благовествуяй без мзды положу благовестие Христово)** (9: 18). И как в первом послании называет это наградой, так здесь похвалою, чтобы не слишком пристыдить их словами своими, как будто они не доставляли (ему пропитания), хотя он и просил. "Что ж, – говорит, – и вы готовы бы дать; но я не беру". Слова "**не отнимется" (не заградится)**" употреблены в переносном значении: они взяты с (преграждаемой) реки, и означает, что слава о нем, что он не берет, разливается всюду (как река): "Вы не заградите подаянием своим моей свободы". Не сказал, однако: "вы не отнимете" (заградите), что было бы более тяжко для них, но: "**не отнимется у меня в странах Ахаии" (не заградится в странах Ахайских)**. И это опять могло их страшно поразить, и весьма достаточно было для того, чтобы повергнуть их в уныние и опечалить – т. е., что одних только их он отвергает. В самом деле, если он хвалится этим, то ему везде бы надлежало хвалиться; а если у вас одних хвалится, то быть может, по вашей немощи. Итак, чтобы они от такой мысли не впали в уныние, смотри, как он смягчает сказанное. "**Почему же [так поступаю]? Потому ли, что не люблю вас? Богу известно!" (Почто? Зане не люблю ли вас? Бог весть)** (ст. 11). Скоро и легко дал решение. Впрочем, и тем не освободил их от вины. Не сказал: "вы не слабы, вы сильны"; но – "люблю вас"; а это больше всего увеличивало их вину. От великой любви его к ним происходило то, что он ничего не брал у них, потому что они очень обижались этим.

5. Так он по одной и той же любви совершал противоположные дела – т. е., и принимал, и не принимал, а эта противоположность зависела от различного расположения дающих. И не сказал: "из-за того не беру, что очень люблю вас", потому что этим обвинил бы их в слабости и поверг бы в сомнение, но представил другую причину. Какую же? "**Чтобы не дать повода ищущим повода, дабы они, чем хвалятся, в том оказались [такими же], как и мы" (Да отсеку вину хотящим вины, да о немже хвалятся обрящутся, якоже и мы)** (ст. 12). Так как (лжеапостолы) о том только заботились, чтобы найти какой-нибудь предлог, то надлежало и его отнять. А они хвалились только этим (бескорыстием). Итак, чтобы им нечем было хвалиться, апостолу надлежало на деле доказать тоже (свое бескорыстие), так как во всем прочем они были ниже. А к назиданию мирских людей, как я говорил уже, ничто так не служит, как то, чтобы ничего не брать у них. Потому и лукавый диавол бросил им эту именно приманку, желая причинить им зло в другом. Впрочем, мне кажется, что и это (в лжеапостолах) было делом лицемерия. Поэтому (апостол) и не сказал: "чем они отличались"; но что говорит? "**чем хвалятся" (о немже хвалятся**. Этими словами он осмеивал их тщеславие, потому что они лишь хвалились, а на деле не были такими. Благородно мыслящему человеку не должно хвалиться не только тем, чего не имеет, но и тем, что имеет. Так поступал и этот блаженный (апостол); так – и патриарх Авраам, который говорит: "**я прах и пепел" (аз же есмь земля и пепел)** (Быт. 18: 27). Так как он не имел грехов, о которых бы мог сказать, а сиял добродетелями, то, рассмотревши все и не нашедши никакого важного предлога к обличению самого себя, обратился к своей природе. И так как слово "**прах" (земля)** в некотором отношении еще почтенно, то и присовокупил слово "**пепел**". Потому же и другой некто сказал: "**Что гордится земля и пепел? (почто гордится земля и пепел?)** (Сирах. 11: 9). Не говори мне ни о цвете лица, ни о вытянутой шее, ни об одежде, ни о коне, ни о свите, но размысли и скажи: чем все это оканчивается? Если ты указываешь на внешнюю видимость, то я покажу тебе то же на картинах, и еще в гораздо более блистательном виде. Но как мы не удивляемся изображенному (на картинах), зная, что все это в существе своем грязь, так нет причины и этому удивляться. Поистине, и это грязь, – и даже прежде, чем разрушится и обратится в пыль. Покажи мне эту вытянутую (шею), когда человек страдает горячкою и находится при последнем издыхании; тогда я побеседую с тобою, и спрошу: что сталось с этою великою красотою, куда девалось множество льстецов и услужливых рабов, обилие

богатства и стяжаний? Какой ветер нашел и развеял все это? Но скажешь, что он, и лежа на одре, имеет при себе знаки богатства и знатности, облечен в великолепные одежды, окружен бедными и богатыми, и прославляется народом. Но ведь и это один только смех; кроме того, все это тотчас, подобно цвету, опадет и развеется. Лишь только мы выйдем за ворота города, и, предавши тело червям, возвратимся, куда, спрошу опять тебя, идет эта многочисленная толпа? Где прежний вопль и шум? Где светильники? Где лики женщин? Не сновидение ли все это? Что значили эти вопли? Где те бесчисленные голоса, которые кричали и убеждали (умершего) не страшиться, потому что смерти нет? Не теперь надлежало говорить ему об этом, не теперь, когда уже не слышит, но в то время, когда похищал, предавался любостяжательности, – тогда надлежало бы говорить ему, немного изменив слова: не надобно слишком надеяться, никто не бессмертен на земле, удержись от своего безумия, угаси похоть, не надейся на неправедное (стяжание). Теперь говорить ему о том свойственно не доброжелателю, а насмешнику, потому что этим заставишь его не надеяться, а страшиться и трепетать. Но если бесполезно это для сошедшего уже с поприща, то, по крайней мере, пусть услышат те из богатых, которые больны тою же болезнью, и сопровождают гроб. Они, будучи упоены богатством, ничего такого не представляли себе прежде, но в настоящее время, когда самый вид лежащего пред ними уверяет их в истине наших слов, пусть образумятся и научатся, что через некоторое время и они будут отведены к страшному отчету, чтобы принять наказание за все, что они похищали и неправедно приобретали". "Но какое, – скажешь, – отношение имеет это к бедным?" Для многих весьма приятно и то, когда они видят притеснителя наказанным. "Но нам, – скажешь, – это неприятно, а (приятно) самим не потерпеть зла". Весьма хвалю и одобряю вас, что не радуетесь несчастиям других, а заботитесь о собственной безопасности. Хорошо – я обещаю вам и безопасность. Когда мы терпим оскорбление от людей, – этим уменьшаем не малую часть нашего долга, если только переносим великодушно. Итак, в этом случае мы не терпим никакой обиды. Бог вменяет нам терпение скорбей в уплату долга, не потому, чтобы так и надлежало, но по Своему милосердию. Поэтому самому Он и в древности не (всегда) отмщал за терпевших зло. Скажешь: "Откуда это известно?" Страдали некогда иудеи от вавилонян, и Бог не препятствовал этому; напротив, отводимы были в плен и дети и женщины. Но впоследствии это пленение, по мере страдания за грехи, служило иудеям в утешение. Поэтому Бог говорил Исаии: "**Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш; говорите к сердцу Иерусалима … ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои" (утешайте, утешайте люди моя, священницы: глаголите в сердце Иерусалиму, яко прият от руки Господни сугубы грехи своя)** (40: 1, 2); и еще: "**Ты даруешь нам мир; ибо и все дела наши Ты устрояешь для нас" (даждь нам мир, вся бо воздал еси нам)** (26: 12). И Давид говорит: "**Посмотри на врагов моих, как много их, и прости все грехи мои" (виждь враги моя, яко умножишася, и остави вся грехи моя** (Псал. 24: 19, 18). И когда Семей проклинал его, он терпел, говоря: оставь его, чтобы видел Господь смирение мое и воздал мне за этот день (2 Цар. 16: 12). Когда (Господь) не отмщает за причиняемые нам обиды, тогда-то мы особенно и получаем пользу, потому что Он вменяет нам это в заслугу, если переносим с благодарностью.

6. Поэтому, когда видишь, что богатый грабит бедного, оставь терпящего обиду, а плачь о грабителе. Первый очищается от скверны, а второй еще более оскверняется. Так случилось и с отроком Елисея за Неемана. Хотя он и не похитил, но взял обманом – была та же обида. Что же случилось? Вместе с неправдою он получил и проказу. Обиженный получил пользу, а обидевший потерпел величайший вред. То же и ныне бывает с душою. И терпение обид имеет такую силу, что часто оно одно умилостивляло Бога. Хотя бы терпящий неправду и недостоин был помощи (Божией), но если он чрезмерно страдает, то это одно преклоняет Бога к прощению его и к наказанию обидевшего. Вот почему и язычникам некогда говорил Бог: "Я предал их за немногое, **они усилили зло (они же**

налегоша в злая) (Зах. 1: 15), и за это потерпят величайшие бедствия". Ничто, ничто не прогневляет так Бога, как грабительство, насилие и лихоимство. Почему же? Потому что очень легко удержаться от этого греха. Он происходит не от естественной нудящей похоти, но от беспечности.

Как же апостол называет этот грех корнем зол? И я утверждаю то же. Но этот корень от нас, а не от свойства вещей. Если угодно, сделаем сравнение и посмотрим, какая похоть более насильственна – похоть ли сребролюбия, или плотская? Которая из них окажется настолько сильною, что может побеждать великих людей, та и будет тяжелее. Итак, посмотрим, кого из великих людей одержала похоть сребролюбия? Никого, а только людей ничтожных и отверженных, – Гиезия, Ахаава, Иуду и священников иудейских. Между тем похоть плотская победила и великого пророка Давида. Говорю это не с тем, чтобы извинять плененных плотскою похотью; напротив, чтобы еще более побудить их к бдительности. Когда я доказываю, как сильна эта страсть, то вместе с тем показываю, что они особенно не будут иметь никакого извинения. В самом деле, если бы ты не знал этого зверя, то ты мог бы прибегнуть (к извинению этим незнанием). Теперь же, когда знаешь и попадаешься ему, не можешь уже иметь никакого извинения. После Давида, и сыном его еще более овладела (та же страсть). И хотя не было человека мудрее его, хотя он имел все другие добродетели, однако он так жестоко был пленен этою страстью, что получил даже смертельную рану. Отец его восстал, опять одержал победу, и снова получил венец; а этот не показал ничего подобного. Потому и Павел говорит: "**лучше вступить в брак, нежели разжигаться" (лучше есть женитися, нежели разжизатися)** (1 Кор. 7: 9). И Христос сказал: "**Кто может вместить, да вместит" (могий вместити да вместит)** (Мф. 19: 12). О богатстве же не так сказал, но: "**кто оставит домы… или земли ради имени Моего, получит во сто крат" (кто оставит имение свое, сторицею приимет)** (Мф. 19, 29). "Как же, – спросишь, – сказано о богатых, что они с трудом достигнут царства небесного (Мф. 19: 23)?" Этими словами Христос опять указывает на их малодушие, не на тиранию сребролюбия, но на чрезмерное их раболепство. Это видно и из советов Павла. От страсти к богатству он отвлекает, говоря: "**А желающие обогащаться впадают в искушение" (а хотящии богатитися впадают в напасти)** (1 Тим. 6: 9); в отношении же к плотской похоти этого не делает, но, разлучив только на время, и то по согласию, советует опять сходиться. Он опасался, чтобы волны похоти не произвели ужасного кораблекрушения (1 Кор. 7: 5). Эта страсть сильнее даже гнева. Гневаться невозможно, когда никто не раздражает. А плотская похоть нудит, хотя бы и лица, возбуждающего ее, не было в виду. Вот почему и гнев не вовсе запретил (Христос), а только гнев **всуе** (Мф. 5: 22); равно и не самую плотскую похоть отверг (апостол), а только похоть незаконную. "По причине похоти, – говорит он, – **каждый имей свою жену" (кийждо свою жену да имать)** (1 Кор. 7: 2). Напротив, собирать сокровища не позволено ни напрасно, ни не напрасно. Те страсти привиты к нам по нужде. Похоть плотская для чадорождения, а гнев для оказания помощи терпящим обиды. Но страсть сребролюбия ни к чему не годна, потому она и не врожденна. Поэтому, если ты будешь пленен ею, тем бесславнее это для тебя. Вот почему Павел, дозволяя второй брак, требует строгой точности в удалении от сребролюбия, говоря: "**Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения?" (почто не паче обидими есте? почто не паче лишени бываете)** (1 Кор. 6: 7). Рассуждая о девстве, он говорит: "**не имею повеления Господня" (повеления Господня не имам)**, и: "**говорю это для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы" (на пользу вам глаголю, не да сило вам наложу)** (1 Кор. 7: 25, 35), а когда у него речь о богатстве, говорит: "**Имея пропитание и одежду, будем довольны тем" (имеюще пищу и одеяние, сими довольни будем)** (1 Тим. 6: 8). "Почему же, – спросишь, – многие больше уловляются этой страстью?" Потому, что не столько остерегаются ее, сколько разврата и блуда. Если бы и любостяжательность казалась им столь же ужасною, то не так бы легко уловлялись ею. Так и юродивые девы были изгнаны

из брачного чертога по той причине, что, низложивши сильнейшего противника, низложены были слабейшими и ничтожными. Сверх того должно сказать и то, что если кто, преодолевая плотскую похоть, побеждается страстью сребролюбия, то часто не удерживается и от плотской похоти, разве уже от природы имеет такое свойство, что не сильно возмущается этой страстью. Ведь не все равно склонны к ней. Итак, зная это и имея непрестанно пред глазами пример юродивых дев, будем бегать этого лютого зверя. Если и девство не принесло никакой пользы, напротив, после бесчисленных трудов и подвигов (юродивые девы) погибли от сребролюбия, то кто избавит нас, когда впадем в эту страсть? Потому молю вас употреблять все усилия, чтобы не быть плененными этой страстью, и, попавши в плен, не оставаться в нем, но скорее разорвать тяжкие эти оковы. Поступая таким образом, сможем достигнуть неба и получить бесчисленные блага, которых все мы и да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 24

"Ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых" (2 Кор. 11: 13).

1. Что ты говоришь? Неужели те, которые проповедуют Христа, не берут денег, не вводят иного благовестия, лжеапостолы? "Да, – говорит, – и поэтому именно самому больше всего (они лжеапостолы), что все это делают лицемерно, для обмана".

Лукавые делатели" (делатели льстивии). Они трудятся, но исторгают насажденное. Так как они знают, что иначе не нашли бы себе доступа, то, принявши на себя личину истины, скрывают под нею дело обольщения. "И денег, – говорит (апостол), не берут для того, чтобы получить больше, чтобы погубить душу". Вернее же, и это ложь: они и брали (деньги), но только тайно, что и показывает (апостол) далее. Он и выше сделал уже намек на это, сказав: "**дабы они, чем хвалятся, в том оказались [такими же], как и мы" (да о немже хвалятся, обрящутся якоже и мы)**; но впоследствии яснее указал на это, сказав: "**вы терпите, когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится" (приемлете бо, аще кто вас поядает, аще кто отъемлет, аще кто величается)** (ст. 20). Теперь же обличает их в другом, говоря: "**принимают вид" (преобразующеся)**. У них только личина; их покрывает овчая кожа. "**И неудивительно: потому что** если **сам сатана принимает вид Ангела света,** то что великого, **если и служители его принимают вид служителей правды" (И не дивно**, потому что если **сам сатана преобразуется во ангела светла**, **аще и служителие его преобразуются яко служители правды)** (ст. 14, 15). Итак, если должно удивляться, то сатане должно удивляться, а не служителям его. Когда учитель их дерзает на все, то нисколько не удивительно, что и ученики ему следуют. Что же значит: "**ангела света" (ангела светла)**? Ангела, имеющего дерзновение беседовать с Богом, предстоящего Богу. Но есть и ангелы тьмы, служители диавола – темные и свирепые. И многих диавол обольстил таким образом, т. е., преобразуясь в ангела света, а не делаясь таковым. Так точно и эти носят на себе личину апостолов, но не самую силу, потому что не могут.

Нет ничего столь диавольского, как делать что-нибудь только для вида. Кто же такие "**служители правды**"? "Это – мы, – говорит, – проповедующие вам Евангелие, заключающее в себе правду". Или это разумеет он, или то, что и те (лжеапостолы) присваивают себе славу людей праведных. Как же нам узнавать их? От дел их, как сказал Христос (Мф. 7: 20). Это вынуждает (апостола) сравнить собственные свои заслуги и их худые дела, чтобы чрез такое сличение обнаружились незаконные (учители). И опять,

намереваясь хвалить себя, он обличает прежде их (лжеапостолов), чтобы показать необходимость, по которой он касается этого предмета, и чтобы никто не мог укорять его, зачем говорит о самом себе. Он продолжает: "**Еще скажу" (паки глаголю)**. И прежде уже делал он много оговорок, "но не довольствуясь, – говорит, – сказанным прежде, я снова повторяю: **не почти кто-нибудь меня неразумным" (да никтоже мнит мя безумна быти)** (ст. 16). Так делали они (лжеапостолы) – хвалились без всякой причины. А ты заметь, что всякий раз, как (апостол) намеревается говорить в собственную похвалу, наперед оговаривается. "Дело безумия, – говорит он, – хвалиться; но я, не безумствуя, делаю это, а по нужде. Если же вы не поверите, но и видя необходимость, будете осуждать меня, я и в таком случае не отрекусь (от своего дела)". Видишь ли, как он показал, что велика была нужда говорить? В самом деле, если он и такого подозрения не устрашился, то рассуди, какое насилие должен был употребить он, чтобы говорить, как мучился и принуждал себя, когда говорил? Однако и в этом случае со скромностью приступил к делу. Не сказал: "чтобы похвалиться", но, намереваясь сколько-нибудь похвалиться, употребил опять другую оговорку, сказав: "**Что скажу, то скажу не в Господе, но как бы в неразумии при такой отважности на похвалу" (еже глаголю, не по Господе глаголю, но яко в безумии, в сей части похвалы)** (ст. 17). Видишь ли, что хвалиться не есть дело по Господе? "**Когда**, – сказано, – **исполните все … говорите: мы рабы ничего не стоящие" (Егда сотворите вся, глаголите, яко раби неключими есмы)** (Лук. 17: 10). Но хотя хвалиться само по себе не есть дело по Господе, однако становится таким делом в зависимости от намерения. Поэтому и сказал: "**что скажу" (еже глаголю)**, осуждая не причину, но слова. Цель так высока, что и самые слова делает достойными уважения. Так убийца, хотя убийство строго запрещено, часто хвалится по намерению. И обрезание, хотя не по Господе, однако, бывает таковым по расположению сердца. Подобным образом можно и хвалиться. Почему же он не говорит об этом обстоятельно? Потому что спешит к другому предмету, и из множества предметов даже желающим слушать его говорит об одном том, что полезно. И сказанного им достаточно было к отклонению всякого подозрения.

"**Как бы в неразумии" (Но яко в безумии)**. Прежде сказал: "**О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию" (о, да бысте мало потерпели безумию моему)**; а теперь говорит: "**Как в неразумии" (яко в безумии)**. Чем далее идет, тем яснее делает речь свою. Потом, чтобы ты не подумал, что он все делает "**как в неразумии**", прибавил: "**при такой отважности на похвалу" (в сей части похвалы)**. Так и в другом месте сказал: "**чтобы не остались в стыде мы" (да не постыдимся)**, а потом прибавил: "**похвалившись с такою уверенностью" (в части сей похваления)** (9: 4). Еще и в другом месте, сказав: "**Или, что я предпринимаю, по плоти предпринимаю, так что у меня то «да, да», то «нет, нет»?" (или, яже совещаваю, по плоти совещаваю, да будет у мене еже ей, ей, и еже ни, ни?)** (2 Кор. 1: 17), и показав, что не может везде исполнить того, что обещает, потому что предпринимает не по плоти; чтобы кто не возъимел такого же сомнения и об учении его, говорит: "**Верен Бог, что слово наше к вам не было то «да», то «нет»" (верен Бог, яко слово наше, еже к вам, не бысть ей и ни)** (ст. 18).

2. И смотри, как, после всего вышесказанного, он опять приводит новые оправдания, присовокупляя и говоря: "**Как многие хвалятся по плоти, то и я буду хвалиться" (понеже мнози хвалятся по плоти, и аз похвалюся)** (ст. 18). Что значит – "**по плоти**"? Внешними (преимуществами): благородством, богатством, мудростью, – тем, что имеют обрезание и прародителей евреев, тем, что у многих пользуются славою. И заметь благоразумие (апостола)! Указал на такие (преимущества), которые, как он доказывает, суть ничто, и потом уже называет (похвалу) безумием. Действительно, если безумно хвалиться действительными благами, то тем более – ничего не значащими. И это-то самое называет он "**не по Господе**", потому что быть евреем, и все подобное тому, не доставляет

пользы. "Итак, не думайте, – говорит апостол, – чтобы я почитал это за добродетель. Но так как они хвалятся, то я принужден и в этом сравнить себя с ними". Так поступает он и в другом месте, говоря: "**Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я" (аще кто мнится надеятися во плоти, аз паче)** (Фил. 3: 4). И там говорит это для полагавших надежду на то (плотское свое происхождение). Если бы кто, знаменитый родом, но избравший для себя любомудрую жизнь, увидел, что другие гордятся благородством, и захотел посрамить их надменность, то он принужден был бы сказать и о своей знаменитости, не в похвальбу себе, но в их унижение. Так делает и Павел. Потом, оставивши их (лжеучителей), слагает всю вину на коринфян, говоря: "**охотно терпите неразумных" (любезно приемлете безумныя)** (ст. 19). "Таким образом, вы виновны в этом, и даже более, нежели они. Если бы вы не терпели их, и сами не были заражены тем же, чем они, то я ничего бы не сказал. Но я забочусь о вашем спасении, и поступаю снисходительно". И смотри, как он и самую укоризну растворяет похвалою. Сказав: "**охотно терпите неразумных" (любезно приемлете безумныя)**, прибавил: "**вы, люди разумные" (мудри суще)**. Действительно, безумному только свойственно хвалиться и этим. И хотя надлежало бы запретить и сказать: "не принимайте людей безумных", но он делает это с большим искусством. Если бы (он сказал) так, то могли бы подумать, что он запрещает потому, что не имеет их преимуществ. А теперь, показав, что он и по этим (преимуществам) выше их, и, однако же, почитает их за ничто, тем гораздо более исправляет их. Между тем, прежде, чем начинает хвалить себя и сравнивать (с лжеучителями), порицает коринфян за их крайнее раболепство (лжеапостолам) и за то, что до такой степени подчинились им. И смотри, как упрекает их. "**Вы терпите**, –говорит, – **когда кто вас объедает" (Приемлете бо аще кто вас поядает)** (ст. 20). Как же ты сказал: "**дабы они, чем хвалятся, в том оказались [такими же], как и мы" (да о нем же хвалятся, обрящутся, якоже и мы)**? Видишь ли, теперь показывает, что (лжеапостолы) берут, и не только берут, но и сверх меры? Это и значит – "**объедать" (поядать)**.

"**Когда кто вас порабощает" (Аще кто вас порабощает)**. "Вы, – говорит, – предали и имущества свои, и плоть свою, и свободу. Стать господами не имений только ваших, но и вас самих, значит уже гораздо больше, нежели брать". На это указывает и прежде, говоря: "**Если другие имеют у вас власть, не паче ли мы?" (аще инии власти вашея причащаются, не много ли паче мы?)** (1 Кор. 9: 12). Потом присовокупляет, что еще важнее: "**когда кто превозносится" (аще кто величается)**. "Рабство ваше нелегко, говорит он; у вас не кроткие повелители, но тяжкие и нестерпимые".

"**Когда кто бьет вас в лицо" (Аще кто по лицу биет вы)**. Видишь ли опять крайнюю степень тирании? Сказал же это не потому, что (лжеапостолы) в самом деле били их по лицу, а потому, что они презирали их и бесчестили, вследствие чего и присовокупил: "**К стыду говорю" (по досаждению глаголю)** (ст. 21). "Вы терпите не меньше тех, которых бьют по лицу. Что же может быть хуже этого? Какое господство несноснее того, когда отнявшие у вас и имения, и свободу, и честь, даже не смотря и на это, не делаются кроткими, и даже не хотят обходиться с вами как с рабами, но поступают презрительнее, чем с последним невольником?"

"**На это у нас недоставало сил" (Зане аки мы изнемогохом)**. Эти слова не ясны. Так как обвинение было для них тягостно, то (апостол) и выразился таким образом, чтобы неясностью прикрыть жестокость. А то, что он хочет сказать, состоит в следующем: "Разве и мы не можем делать того же? Однако не делаем. Итак, для чего же их принимаете, точно мы не можем сделать того же? Заслуживает порицания – даже и глупых людей терпеть, а терпеть людей, которые вас презирают, грабят, превозносятся, бьют – это ничем не может быть ни извинено, ни оправдано. Это новый род обольщения. Другие обольстители сами дают и льстят; а эти и обольщают, и берут, и оскорбляют.

Поэтому вы не заслуживаете и малейшего извинения, когда тех, которые смиряются для вас, чтобы вас возвысить, презираете, а дивитесь тем, которые возвышаются над вами, чтобы вас унизить. Разве и мы не могли бы сделать того же? Но не хотим, потому что заботимся единственно о вашей пользе; они же напротив, расточая ваше, наблюдают свои (выгоды)". Видишь ли, как он всегда, о чем может смело говорить с ними, тем самым и устрашает их? "Если вы, – говорит он, – почитаете их за то, что они бьют вас и издеваются над вами, то и мы можем делать это, порабощать вас, бить, превозноситься над вами".

3. Видишь ли, как слагает на них вину и за высокомерие (лжеапостолов), и за мнимое свое безрассудство? "Не для того, чтобы показать себя более славным, но чтобы вас избавить от этого тяжкого рабства, я вынужден несколько похвалиться. Надобно вникать не в одни слова, а брать во внимание и причину". И Самуил многое сказал в похвалу себе, когда помазывал Саула, говоря: "**у кого взял я вола, у кого взял осла, кого обидел и кого притеснил?" (еда у кого от вас осля взях, или тельца, или обущу, или кого утесних)** (1 Цар. 12: 3). Но никто не обвинял его в этом. И не по той причине говорил он, чтобы самому похвалиться, а потому, что, намереваясь поставить им царя, он в виде оправдания желал научить последнего быть кротким и снисходительным. И заметь благоразумие пророка, или, лучше – человеколюбие Божие. Когда он хотел отклонить народ (от намерения иметь царя), то перечислял многие тягости, говорил о будущем царе, что он сделает жен их хлебницами, мужей – пастухами и конюхами (подробно описывал всю царскую службу); когда же увидел, что ничто не отвращает их от намерения и что они одержимы неизлечимою болезнью, то все же щадит их, и употребляет меры, чтобы царь был кроток. А для этого приводит самого (царя) в свидетели. Тогда никто (с Самуилом) не судился, и не вызывал его к ответу, так что он говорил это единственно для того, чтобы сделать (царя) лучшим. А чтобы смирить его гордость, присовокупил еще: "Если послушаете вы и царь ваш, то получите такие и такие-то блага; а если не послушаете, то постигнет вас зло". А (пророк) Амос говорил: "**я не пророк и не сын пророка; я был пастух и собирал сикоморы. Но Господь взял меня от овец" (не бех пророк, ниже сын пророчь: но пастырь бех, ягодичия обирая. И поя мя Бог)** (7: 14). Но не в похвалу себе говорил это, а чтобы заградить уста тем, которые не считали его пророком, и показать, что он не обманывает и не от себя говорит, что говорит. И другой (пророк), выражая опять то же самое, говорил: "**А я исполнен силы Духа Господня, правоты и твердости" (Но я исполнен силы Господней в Духе и могуществе)** (Мих. 3: 8). Также Давид, когда рассказывал о медведице и льве, говорил не в похвалу себе, но имел в виду нечто великое и чудное. Так как ему не верили, чтобы он, будучи безоружен и не способен носить оружие, мог преодолеть врага, то надобно было ему представить доказательства своего мужества. И когда отрезал он край одежды Сауловой, то не для того, чтобы показать себя, говорил сказанное им при этом случае, но чтобы отклонить от себя худое мнение, которое распространяли о нем, будто бы он имел намерение убить (царя). Итак, везде должно доискиваться причины. Кто заботится о пользе слушающих, тот, хотя бы и хвалил сам себя, не только не заслуживает порицания, но и достоин венца. А если бы умолчал о себе, в таком случае был бы достоин осуждения. Так и Давид, если бы умолчал о себе, когда хотел сразиться с Голиафом, то его не допустили бы выйти на сражение, и он не одержал бы славной победы. Вот почему он и принужден был говорить о себе, и не только братьям, но и царю. Братья не хотели ему верить, потому что зависть заграждала им слух. Поэтому, оставивши их, он обратился к (царю) еще незараженному завистью.

4. Опасна, весьма опасна зависть. Она заставляет презирать даже собственное спасение. Так погубил себя Каин, а еще прежде Каина диавол, погубивший отца его. Так Саул привлек злого демона на свою душу; а, привлекши, опять стал завидовать своему врачу. Таково уже свойство зависти. Саул знал, что спасен (Давидом), но хотел лучше погибнуть, чем видеть во славе своего спасителя. Что может быть лютее этой страсти? Не погрешит,

кто назовет ее порождением диавола. В ней не только плод тщеславия, но и самый корень. Эти два порока обыкновенно рождают друг друга взаимно. Так Саул завидовал уже, когда говорили: "**Саул победил тысячи, а Давид - десятки тысяч!" (победи Давид со тьмами)** (1 Цар. 18: 7). Что может быть безумнее этого? В самом деле, скажи мне, чему ты завидуешь? Тому ли, что один похвалил другого? Но этому скорее должно радоваться, а может быть, ты и не знаешь, справедлива ли похвала. И о том ли ты скорбишь, что похвалили не стоящего похвалы? Но тебе скорее надобно было бы пожалеть его. Если он добрый человек, то никто не завидует хвалимому, но и сам хвалит вместе с хвалящими; если же не таков, что огорчаешься? Для чего обращаешь меч на самого себя? Потому ли, что ему дивятся люди? Но они ныне живы, а завтра их уже не будет. Или потому, что он пользуется славою? Какою, скажи мне? Не той ли, о которой пророк говорит, что она есть **"цвет полевой" (цвет травный)** (Ис. 40: 6)? Итак, не тому ли завидуешь, что и ты не отягчен (подобно ему), и не носишь такого же бремени травы? Если он кажется тебе ради этого достойным соревнования, то почему же не достойны твоего соревнования дровосеки, которые ежедневно носят тяжести и входят с ними в город? Его ноша не лучше этой, но еще хуже. Эта угнетает только тело, а та часто вредит душе и приносит более скорби, нежели удовольствия. Если он славится даром слова, то он имеет больше зависти, чем похвалы, притом, похвалу имеет кратковременную, а зависть – непрестанную. Но он в почете у начальников? И здесь опять зависть и опасность: как ты чувствуешь к нему зависть, так и многие другие. Но его постоянно хвалят? Это составляет для него горькое рабство. В самом деле, он не посмеет без страха ничего сделать по собственной воле, чтобы не оскорбить прославляющих его. Знаменитость для него служит тяжкими оковами. Таким образом, чем больше известен он, тем больше имеет над собою властелинов, тем больше тяготеет над ним рабство, так как всюду видит господ своих. И слуга, когда он не на глазах у господина, отдыхает и наслаждается полною свободою; а знатный везде встречает своих властелинов. Он раб всякого, кто ни появится в народном собрании. Хотя бы была и крайняя нужда ему, он не смеет вступить в собрание без сопровождения слуг, без коня и без других знаков пышности, чтобы не подпасть осуждению своих властелинов. Если даже увидит искреннего друга, не осмеливается побеседовать с ним как с ровней, опасаясь владык своих, чтобы они не низринули его с высоты славы. Таким образом, чем он славнее, тем больше порабощен. Если же он терпит какую неприятность, то оскорбление тем чувствительнее для него, чем больше свидетелей, и чем несообразнее оно кажется с его достоинством. И таково для него не только оскорбление, но и несчастие. Многие радуются его несчастию; равным образом, когда он пользуется каким благом, весьма многие ненавидят, завидуют ему и стараются низвергнуть его. Итак, скажи мне, неужели это благо? Неужели это слава? Нет; это, напротив, бесславие, рабство, узы, и все, что можно назвать тягостным. Если же и при всем том для тебя людская слава вожделенна, и тебя сильно тревожит всякий, кто вызывает восторги толпы, то, как скоро увидишь удостоившегося рукоплесканий, перенесись умом в будущий век, и представь вечную славу. И, как спеша убежать от нападающего зверя, ты, войдя в пристанище, запираешь двери, так и теперь беги к будущей жизни и неизреченной ее славе. Таким образом ты легко пренебрежешь временную славу и получишь вечную, насладишься истинною свободою и вечными благами, которых и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 25

"А если кто смеет [хвалиться] чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я" (2 Кор. 11: 21).

1. Смотри, как он опять уклоняется, употребляет извинения и оговорки, хотя и раньше уже много сказал подобного. Например: "**О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию!" (о да бысте мало потерпели безумию моему)**; и еще: "**не почти кто-нибудь меня неразумным; а если не так, то примите меня, хотя как неразумного… Что скажу, то скажу не в Господе, но как бы в неразумии при такой отважности на похвалу. Как многие хвалятся по плоти, то и я буду хвалиться" (да никтоже мнит мя безумна быти. Аще ли ни, поне яко безумна приимите. Еже глаголю, не по Господе, но яко в безумии. Понеже мнози хвалятся по плоти, и аз похвалюся).** И здесь опять: "**А если кто смеет [хвалиться] чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я" (о нем же аще кто дерзает, несмысленно глаголю, дерзаю и аз)**. Он называет дерзостью и безумием говорить о себе что-либо важное, даже когда настоит в том нужда, научая нас всеми силами избегать похвальбы. Если и после того, как сотворим все, мы должны называть себя непотребными (Лук. 17: 10), то без всякой побудительной причины превозносящийся и хвалящийся может ли быть достоин какого-нибудь извинения? За это и фарисей был осужден, и в самой пристани потерпел крушение, приразившись к скале (самохвальства). По этой-то причине и Павел, видя тысячи нужд, отговаривается (хвалить себя) и непрестанно повторяет, что это дело безумное; и только тогда, наконец, осмелился, когда представил в свое оправдание крайнюю необходимость. Тогда говорит: "**Они Евреи? и я. Израильтяне? и я" (евреи ли суть? И аз. Израилите ли суть? И аз)** (ст. 22). Не все евреи были израильтяне, так как и аммонитяне и моавитяне тоже происходили от евреев. Поэтому в подтверждение благородства происхождения присовокупил: "**Семя Авраамово? И я. Христовы служители? В безумии говорю: я больше" (семя Авраамле ли суть? И аз. Служителие ли Христовы суть? Не в мудрости глаголю, паче аз)** (ст. 23). Для него не довольно было прежнего извинения, но и здесь опять извиняется: "**В безумии говорю: я больше" (не в мудрости глаголю, паче аз)**, т. е.: "Я лучше их и превосходнее". И хотя имел ясные доказательства своего превосходства, но все же и при таком условии называет это дело безумием. Однако же, если они были лжеапостолы, то ему надлежало не сравнивать свое преимущество, но опровергнуть то, что они служители. Он уже и опроверг это, сказав: "**лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых" (лживи апостоли, делатели льстивии, преобразующеся во апостолы Христовы)**. Теперь то же самое, но делает не так, потому что намеревается войти в исследования; напротив, сперва посредством сравнения извлекши из сущности самого дела опровержение, показывает истину, которая от этого получает большую твердость. Или иначе, наперед представляет мнение их самих (противников), а не свое суждение, говоря: "**Христовы служители" (служителие Христовы суть)**; а в словах "**я больше" (паче аз)** делает сравнение, и доказывает, что он сохраняет характер апостольства, хотя и не объявляет о том, а показывает только самыми делами. И умалчивая о чудесах, начинает с искушений, и говорит: "**Я гораздо более [был] в трудах, безмерно в ранах" (в трудех множае, в ранах преболе)**. Последнее, т. е. терпеть побои и бичевание, выше первого.

"**Более в темницах" (В темницах излиха)**. Здесь опять усиление речи.

"**Многократно при смерти" (В смертех многащи)**. "**Я каждый день**, – говорит, – **умираю" (По вся дни умираю)** (1 Кор. 15: 31). Здесь разумеет смерть и на самом деле, потому что часто подвергался опасностям, угрожавшим смертью.

"От Иудеев пять раз дано мне было по сорока [ударов] без одного" (От Иудей пять краты четыредесять разве единыя приях) (ст. 24). Почему "**без одного" (разве единыя)**? (У иудеев) был древний закон, по которому получивший более сорока ударов считался у них бесчестным (Втор. 25: 3). Поэтому, чтобы бьющий в запальчивости и увлечении не нанес лишнего числа (ударов) и тем не обесчестил наказываемого,

положили давать (сорок) ударов без одного, чтобы бьющий не превысил сорока, хотя бы и лишний раз ударил, но, всегда оставаясь в пределах узаконенного числа, не мог нанести бесчестия наказываемому.

"**Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение" (Трищи палицами биен бых, единою каменми наметан бых, трикраты корабль опровержеся со мною)** (ст. 25). Как последнее относится к Евангелию? Так, что он предпринимал отдаленные путешествия, и притом по морям.

"**Ночь и день пробыл во глубине [морской]" (Нощь и день во глубине сотворих)**. Одни объясняют это в том смысле, что он целые сутки находился среди моря, а другие, что (по разбитии корабля) сутки плавал во глубине морской; последнее согласнее с истиною, а первое не заслуживает и удивления, и (апостол) не поставил бы этого выше кораблекрушения.

"**В опасностях на реках" (Беды в реках)**, потому что принужден бывал переплывать реки.

"**В опасностях от разбойников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне" (Беды от разбойник, беды в граде, беды в пустыне)**. "Везде предстояли мне подвиги, в различных местах, странах, городах, пустынях".

"**В опасностях от язычников, в опасностях между лжебратиями" (беды от язык, беды во лжебратии)** (ст. 26). Заметь новый род ратоборства. Не только враги нападали, но имевшие личину братства; и много в этом случае требовалось напряжения, много благоразумия.

"**В труде и в изнурении" (В труде и подвизе)**. Труды сменялись бедами, беды трудами, следуя непрерывно одни за другими и не давая ему ни малейшего покоя.

"**Много раз [был] в путешествиях… в голоде и жажде и в наготе"(В путных шествиих множицею, во алчбе и жажди и наготе)** (ст. 27), "**кроме посторонних [приключений]" (кроме внешних)** (ст. 28).

2. Сравнительно с тем, что перечислено, еще более опущено. Но даже и перечисленного невозможно описать подробно, потому что апостол не означил каждого искушения порознь, но вспомнил только о тех, число которых было невелико, и могло удержаться в памяти, говоря: "**три раза, однажды" (трищи**, **трикраты, единою)**; о прочих же искушениях и этого не сказал, потому что много раз претерпевал их. И не говорит, какие были плоды его подвигов, что он стольких-то и стольких-то обратил; но описывает, что только претерпел за проповедь, с одной стороны – наблюдая скромность, с другой – желая показать, что хотя бы и ничего из этого не вышло, но для труждающегося не остается без пользы, поскольку дело, достойное награды, и в таком случае исполнено.

"**У меня ежедневно стечение [людей]" (Нападение, еже по вся дни)**. Бунты, мятежи, утеснение от народа и нападение целых городов. В этом отношении больше всего обнаруживали вражду свою к нему иудеи, потому что он более всех посрамлял их, и служил наибольшим обличением их безумия вследствие внезапного своего обращения (ко Христу). Великая война воздвигалась против него от своих, от чужих, от лицемерствующих; везде для него были волны и стремнины – в обитаемых и необитаемых местах, на суше и на море, вне и внутри. Он не имел в достатке даже необходимой пищи, нуждался в самой простой одежде; подвижник целой вселенной подвизался нагой и

боролся голодный. Так далек он был от того, чтобы собирать сокровища! И не только не скорбел, а и воздавал еще за то благодарение Подвигоположнику.

"**Забота о всех церквах" (Попечение всех церквей)** (ст. 28). Это главнее всего – т. е., что и душа его терзалась, и сердце раздиралось. В самом деле, если бы внешних (скорбей) даже и не было, то достаточно было и внутренней брани, постоянно сменяющихся волн, тучи забот, борьбы помыслов. Если пекущийся об одном доме, имея у себя слуг, приставников и домоправителей, часто не знает покоя от забот, хотя никто его не тревожит, то представь, что должен был терпеть (Павел), который имел попечение не об одном доме, но о городах, о народах, о племенах, о целой вселенной, и в делах столь важных, при таком множестве (врагов), старавшихся вредить ему, трудился один, и был так чувствителен, так заботился, как не заботится даже и отец о детях. А чтобы ты не сказал: "хотя и заботился, но заботился слегка", он показал, как велика была его забота, говоря: "**Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал?" (кто изнемогает, и не изнемогаю)**. Не сказал: "Я не принимаю участия в скорби", но (говорит): "Я так беспокоюсь и скорблю, как бы сам находился в том же недуге, страдал тою же болезнью".

"**Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?" (Кто соблазняется, и аз не разжизаюся)** (ст. 29). Смотри опять, до какой степени велика скорбь его, как это показывает слово "**воспламенялся" (разжизаюся)**. "Воспламеняюсь, сгораю", – говорит он; и эта скорбь подлинно больше всех прочих. Другие скорби хотя и были тяжки, но скоро проходили и приносили неувядаемое удовольствие; а эта скорбь – терпеть столько страданий за каждого немощного, кто бы он ни был, угнетала, стесняла, уязвляла его сердце. Не о высших ведь только страдал он, оставляя низших в небрежении, напротив, и непотребного считал в числе потребных. Поэтому и сказал: "**кто изнемогает**", показывая, что разумеет всякого, кто бы он ни был; как бы в одном себе заключая целую вселенскую церковь, болезновал он о каждом члене ее.

"**Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею" (Аще хвалитися подобает, о немощи моей похвалюся)** (ст. 30). Видишь ли, что он никогда не хвалится чудесами, а всегда гонениями и искушениями? "Это именно, – говорит он, – и есть знак немощи". Вместе с тем показывает и то, насколько разнообразная предстояла ему брань. Действительно, на него ополчались иудеи, восставали язычники, с ним препирались лжебратья, его оскорбляли немощные и соблазняемые братья. Отовсюду ему доставлялось смущение и беспокойство – и от своих, и от чужих. Таково отличительно свойство апостольства. Чрез это утверждается благовествование.

"**Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа… знает, что я не лгу. В Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня" (Бог и Отец Господа нашего Иисуса весть, яко не лгу. Языческий князь (εθνάρχης) Аревы царя стрежаше Дамаск град, яти мя хотя)** (ст. 31, 32). Почему он здесь подтверждает и удостоверяет свои слова, тогда как прежде нигде этого не делал? Потому, может быть, что это было уже давно и мало известно; указанное прежде, как, например, попечение о церквях и все прочее, было им известно. Итак, смотри, какова была брань, если (этнарх) ради него стерег город. Когда же говорю о брани, разумею ревность Павлову. Если бы он не дышал таким огнем ревности, то не воспламенил бы такого неистовства в этнархе. Таково свойство души апостольской – столько терпеть и никогда не колебаться, но все, что ни случится, переносить мужественно, однако, не вдаваться безрассудно в опасности и не бежать им навстречу. Смотри, в самом деле, на какое средство согласился он, чтобы избегнуть осады: "**я в корзине был спущен из окна" (Оконцем в кошнице свешен бых)**. Хотя он и желал переселиться из этой жизни, однако искал и спасения человеческого, почему неоднократно изобретал и подобные средства, чтобы сберечь себя для проповеди,

и не отказывался пользоваться человеческими мерами, когда требовали того обстоятельства. Так он был осторожен и бдителен. Где бедствия были неизбежны, там прибегал к одной благодати; а где искушение не превышало (человеческих сил), там многое и от себя придумывал. Но и здесь опять все приписывал Богу. И как искра неугасимого огня, упавшая в море, хотя и поглощается множеством волн, но потом опять восходит на поверхность столь же светлою, так и блаженный Павел – то как бы в бездну погружался, обуреваемый бедствиями, то освобождался и являлся блистательнейшим, оставаясь победителем в своих злостраданиях.

3. Вот славная победа, вот победное знамение Церкви. Так низлагается диавол нашими злостраданиями. Когда мы злостраждем, он делается пленником, и терпит зло; между тем как хочет сделать его нам. Так было и с Павлом. Диавол, чем больше наводил на него напастей, тем больше был поражаем. Он уготовлял ему искушения не одного какого-нибудь рода, но многообразные и многоразличные. Ввергал его то в труды, то в скорбь, то в страх, то в болезнование, то в заботу, то в стыд, то во все вдруг. Но (Павел) во всем оставался победителем. Подобно воину, который один сражается против целой вселенной, окружен рядами неприятельскими, и никакого не терпит зла, и Павел, один являясь у варваров, у эллинов, повсюду – на суше и на море – оставался непобежденным. И как искра, упавшая в солому или сено, превращает все сгорающее в одно с собою естество, так и он, к кому ни являлся, всех приводил к истине, проходя всюду наподобие потока, разрушающего преграды. Как борец какой-нибудь, который один и борется, и преследует, и поражает, или как воин, который и осаждает стены, и сражается на суше и на море, так (и Павел) вступал во всякий род брани, дышал огнем, для всех был неприступен, одним телом обнимал целую вселенную, одним языком всех рассеивал. Не с такою силою множество труб поколебало каменные стены города Иерихона и разрушило их, с какою глас Павлов ниспровергал своим звуком твердыни диавольские и привлекал к нему противников. А, собравши множество пленников, он сам вооружал их, составлял из них свое воинство, и с помощью его дивно побеждал. Давид низложил Голиафа одним только камнем; но если рассмотришь подвиги Павловы, то подвиг Давидов покажется детским делом, и увидишь такое же различие (между Давидом и Павлом), какое между пастухом и военачальником. Павел не Голиафа низлагал, бросая камень, но одним словом поражал весь строй диавольский. И как лев, рыкающий и испускающий из уст пламень, он для всех был нестерпим. Непрестанно он являлся всюду, приходил к одним, спешил к другим, появлялся у тех, переносился к этим, налетал быстрее ветра. И управляя вселенною, как одним домом, или одним кораблем, он то извлекал утопающих, то укреплял изнемогающих, то давал приказания корабельщикам, то сидел на корме, осматривал руль, натягивал канаты, управлял веслом, снимал паруса, смотрел на небо, сам был все – и корабельщик, и кормчий, и парус, и корабль – все терпел, чтобы только других освободить от зла. И заметь, он претерпел кораблекрушение, чтобы остановить кораблекрушение вселенной; ночь и день пробыл во глубине морской, чтобы извлечь (людей) из глубины заблуждения; был в трудах, чтобы дать покой трудящимся; терпел язвы, чтобы уврачевать изъязвленных диаволом; сидел в темницах, чтобы сидящих в узах и во мраке извести на свет; многократно бывал при смерти, чтобы избавить других от лютой смерти. Пять раз получал он по сорока ударов без одного, чтобы избавить от бичей диавольских тех, которые его бичевали; был бит палками, чтобы других привести под жезл и палицу Христову; наметан был камнями, чтобы освободить от бесчувственных камней; был в пустыне, чтобы извести из пустыни; был в путешествиях, чтобы остановить заблуждающихся и открыть путь, ведущий к небу; подвергался опасностям в городах, чтобы указать горний град; терпел голод и жажду, чтобы избавить от лютейшего голода; был в наготе, чтобы непристойно ходящих облечь в одежду Христову; терпел нападение от народа, чтобы отвести от нападения демонского; воспламенялся, чтобы угасить раскаленные стрелы диавола; был спущен в корзине в окно по стене, чтобы поднять

поверженных долу. Будем ли еще говорить, когда не знаем даже всего, что перетерпел Павел? Упоминать ли об имуществе, о жене, о городе, о свободе, когда видим, что он тысячекратно презирал самую жизнь? Мученик умирает однажды, а этот блаженный одним телом и одною душою претерпел столько бед, что они смогут и адамантовую душу привести в трепет. И что все святые пострадали каждый в таком множестве тел, все это претерпел он в одном (теле). Вступив во вселенную, как бы на некоторое поприще, и совлекшись всего, стоял он мужественно. Он знал, что с ним сражаются демоны. Потому вдруг, в самом начале, показал себя славным; и от самого начала до последнего конца пребыл одинаков; или, лучше сказать, еще усилил преследование врага, когда приближался к победному венцу. Удивительно также, что, не взирая на то, что столько претерпел и так много сделал, он умел соблюдать глубокое смирение. Даже когда нужда заставляла рассказывать о своих заслугах, он касался их слегка; и хотя мог бы написать тысячи книг, если бы захотел распространяться о каждом предмете, перечислять церкви, о которых заботился, говорить о темницах и о подвигах своих в них, о подробностях каждого подвига, в частности, о нападениях на него, однако же, не захотел этого. Итак, зная это, научимся и мы смиряться и никогда не хвалиться ни богатством, ни другими житейскими благами, напротив, будем хвалиться одними оскорблениями за Христа, – да и ими тогда только, когда потребует нужда. Если же ничто не понуждает нас к этому, не будем вспоминать и о них, чтобы не возгордиться, а будем помнить только грехи свои. Таким образом мы и от них легко освободимся, и умилостивим Бога, и достигнем вечной жизни, которой и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 26

"Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним" (2 Кор. 12: 1).

1. Что это значит? Сказавши так много, говорит: "**Не полезно хвалиться мне**" **(похвалитися не пользует ми)**. (В том ли смысле говорит это), что ничего еще не сказал? Нет, не в том смысле, что ничего еще не сказал; но так как он намерен перейти к другому роду похвалы, которая, хотя не ведет к такой же награде, как и прежние, но, по-видимому, более прославляет его в глазах многих, не умеющих вполне вникнуть в дело, то и говорит: "**Не полезно хвалиться мне" (похвалитися же не пользует ми)**. В самом деле, велики вышеисчисленные предлоги к похвале, т. е. искушения. Но он может представить и другого рода основания, именно, откровения и неизреченные тайны. Для чего же говорит: "**не полезно мне" (не пользует ми)**? "Для того, – отвечает он, – чтобы мне не впасть в высокоумие". Что ты говоришь? Разве ты не знаешь этого, хотя бы и не сказал? Но не одинаково бывает наше превозношение, когда мы сами только знаем причину к тому, и когда сообщаем ее другим. Надмевают нас обыкновенно не заслуги сами по себе, но то, что многие о них свидетельствуют и знают. Поэтому и говорит (апостол): "**не полезно мне**", чтобы не дать повода слушателям думать о нем выше надлежащего. Лжеапостолы рассказывали о себе и то, чего не бывало; он же, и что было, скрывает, даже когда самая нужда требовала не скрывать. "**Не полезно мне**", – говорит он, научая всех всячески избегать самохвальства. Действительно, оно не приносит никакой пользы, а только вред, если не побуждает к похвальбе какая-либо необходимая и полезная причина. Итак, упомянувши об опасностях, искушениях, злоумышлениях, досадах и кораблекрушениях, приступает теперь к другому роду похвалы, говоря: "**Знаю человека … который назад тому четырнадцать лет (в теле ли - не знаю, вне ли тела - не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю - в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова,**

которых человеку нельзя пересказать. Таким [человеком] могу хвалиться; собою же не похвалюсь " (вем человека прежде лет четыренадесяти (аще в теле, не вем; аще ли кроме тела, не вем; Бог весть) восхищена бывша таковаго до третияго небесе. И вем, яко восхищен бысть в рай (аще в теле, не вем, или кроме тела, не вем), и слыша неизреченны глаголы, ихже не леть есть человеку глаголати. О таковем похвалюся; о себе же не похвалюся) (ст. 2-5). Велико это откровение. И не одно оно было, а и многия другие; но он упоминает об одном из многих. А что их было много – послушай, как о том сам он говорит: "**чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений" (за премногая откровения, да не превозношуся)** (ст. 7). Но скажет кто-нибудь: "Если (Павел) хотел скрыть, то ему надлежало вовсе и намека не делать, и не говорить ничего подобного; если же хотел сказать, то надлежало говорить ясно". Итак, для чего же он и ясно не сказал, и не умолчал? Для того чтобы и этим показать, что он неохотно приступает к делу. Поэтому определил и время – за четырнадцать лет. Не без причины он упомянул об этом, но, желая показать, что, молчавши столько времени, и теперь не сказал бы, если бы не было великой нужды, напротив умолчал бы, если бы не видел погибающих братий. А если Павел был таков, что в самом начале, когда не имел еще таких заслуг, удостоился высокого откровения, то подумай, каков он стал чрез четырнадцать лет. Но смотри, как и в данном случае он скромен: об одном говорит, а о другом сознается, что не знает. Сказал, что был восхищен; "а в теле, или вне тела, – говорит, – не знаю". Довольно было бы сказать о восхищении, умолчав о прочем; но он по скромности и то присовокупляет. Итак, что же? Ум ли только и душа были восхищены, а тело оставалось мертвым? Или и тело было восхищено? Этого нельзя определить. Если не знает сам Павел, который был восхищен, и удостоился столь многих и столь неизреченных откровений; то, тем более, не знаем мы. Что он был в раю, это знает; что был на третьем небе, и то ему небезызвестно; но как был восхищен, того не знает ясно. Посмотри и с другой стороны, как он был чужд тщеславия. Рассказывая о случившемся с ним в Дамаске, он подтверждает слова свои (именем Божиим), а здесь не делает этого, потому что не имел намерения сильно уверять в этом, а хотел только сказать, и сделать намек. Потому и присовокупляет: "**Таким человеком могу хвалиться" (о таковем похвалюся)**, не то выражая, чтобы восхищенный был кто другой, но дает такой оборот речи, чтобы и сказать, что прилично и что можно, и вместе избежать необходимости говорить о себе открыто. Иначе какая было бы сообразность, рассуждая о самом себе, вводить другое лицо? Почему же так выразился? Потому, что не одно и то же значит – сказать: "я был восхищен", и: "знаю (человека), который был восхищен"; или: "о себе хвалюсь", и: "о таковом похвалюсь". А если кто скажет: "Как возможно восхищену быть с телом?" Последнее даже труднее первого, если рассуждать по разуму, а не покориться вере. А для чего восхищен был (Павел)? Для того, как думаю, чтобы его не почитали меньшим других апостолов. Те были вместе со Христом, а он не был; поэтому (Господь), в изъявление славы его, и его восхитил в рай. А слово "рай" многозначительно, и везде было известно.

2. Поэтому и Христос сказал (разбойнику): "**ныне же будешь со Мною в раю" (днесь со Мною будеши в раи)** (Лук. 23: 43).

"**Таким человеком могу хвалиться" (О таковем похвалюся)**. Для чего? Если другой был восхищен, чем ты хвалишься? Отсюда явно, что это (апостол) говорит о себе. Если же он присовокупил: "**собою же не похвалюсь" (о себе же не похвалюся)**, то это значит только, или что он без нужды, напрасно и легкомысленно не сказал бы ничего подобного, или что он хотел, насколько возможно, прикрыть сказанное. А что всю речь ведет о себе самом, это видно и из последующего. Именно, он прибавляет: "**Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен, потому что скажу истину" (аще** же и **восхощу похвалитися, не буду безумен; истину бо реку)** (ст. 6). Как же прежде говорил: "**О, если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумию" (о да бысте мало**

потерпели безумию моему), также: "**Что скажу, то скажу не в Господе, но как бы в неразумии" (еже глаголю, не по Господе глаголю, но яко в безумии)**; а здесь, напротив, говорит: "**если захочу хвалиться, не буду неразумен" (аще бо и восхощу похвалитися, не буду безумен)**? Это надобно разуметь не в отношении к похвале, но в отношении к справедливости того, чем хвалится, потому что если хвалиться свойственно безумному, то тем более лгать. В этом последнем отношении и говорит он: "**не буду неразумен" (не буду безумен)**. Потому и присовокупляет: "**потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня" (истину бо реку; щажду же, да не како кто вознепщует о мне паче, еже видит или слышит что от мене)**. Вот истинная причина. Действительно, за великие знамения его (и Варнаву) почли даже за богов (Деян. 16: 11). Подобно тому, как Бог создал стихии мира и немощными и славными, чтобы они чрез одно проповедали Его могущество, а чрез другое удерживали людей от заблуждения, так (и апостолы) были вместе и чудны и немощны, чтобы самыми делами научать неверных. В самом деле, если бы они, пребывая всегда чудными и не показывая в себе примеров немощи, стали одним словом убеждать людей не думать о них больше надлежащего, то не только не успели бы в этом, но еще и произвели бы противное. Их словесные увещания скорее были бы приписаны смирению, и заставили бы еще более им удивляться. Потому-то немощь их действительно обнаруживалась и в самых делах их. То же самое можно видеть и на примерах ветхозаветных мужей. Так, Илия был человек чудный, но некогда изобличал себя в боязливости (3 Цар. 19). Велик был и Моисей, но и он по той же самой немощи предался бегству (Исх. 2). А подвергались они этому, когда Бог отступал от них, и попускал, чтобы изобличалась в них (немощь) человеческой природы. В самом деле, если израильтяне, когда их вывел из Египта Моисей, говорили: "где Моисей?", то чего бы они ни сказали, если бы он и ввел их (в обетованную землю)? Поэтому (Павел) и говорит: "**удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более" (щажду же, да не како кто вознепщует о мне)**. Не сказал: "скажет", но – "даже не подумает обо мне более, нежели чего я достоин". Так и отсюда видно, что вся речь идет о нем. Потому и вначале сказал: "**Не полезно хвалиться мне" (похвалитися не пользует ми)**. Этого он не сказал бы, если бы то, что сказано им, он намеревался говорить о другом, – да и почему не полезно было бы хвалиться другим? Но он сам удостоился этих (откровений). Потому и говорит далее: "**И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился" (и за премногая откровения, да не превозношуся, дадеся ми пакостник плоти, ангел сатанин, да ми пакости деет)** (ст. 7). Что говоришь? Ужели ты, ни за что почитавший царство и геенну в сравнении с любовью ко Христу, почитал за что-нибудь честь от людей, так что превозносился и имел нужду в непрестанном обуздании? Ведь не сказал: "чтобы впредь мучил меня", но: "пусть мучит меня" **(да ми пакости деет)**. И кто бы мог сказать это? Что же значат слова его? Когда мы откроем, кто такой этот пакостник, и кто ангел сатанин, тогда и это скажем. Некоторые говорили, что он разумеет какую-то головную боль, производимую диаволом. Но этого нельзя допустить. Тело Павлово не могло быть отдано в руки диавола, если сам диавол уступал тому же Павлу по одному его повелению. (Павел) полагал ему законы и пределы, – когда, например, предал ему блудника в изможднение плоти (1 Кор. 5); и (диавол) не дерзал преступать их. Итак, что же значит сказанное? Сатана на еврейском языке значит – "противник". И Писание в третьей книге Царств (5: 4) называет этим именем противников. Повествуя именно о Соломоне, говорит: не было сатаны во дни его, то есть сопротивника, который бы воевал с ним, или беспокоил его. Поэтому слова (апостола) имеют такой смысл: "Бог не благоволил, чтобы проповедь наша распространялась беспрепятственно, желая смирить наше высокое о себе мнение, но попустил противникам нападать на нас". Этого действительно достаточно было к низложению гордых помыслов; а головная болезнь не могла этого произвести. Таким образом, под именем ангела сатанина он разумеет Александра ковача, сообщников

Именея и Филита, и всех противников слова, которые вступали с ним в состязания и противоборствовали ему, ввергали его в темницу, били и влачили, так как они делали дела сатанинские. Подобно тому как (Писание) называет сынами диавола иудеев за то, что они ревновали делам его, так и ангелом сатаны называет всякого сопротивника. Потому слова "**дано мне жало в плоть удручать меня" (дадеся ми пакостник, да ми пакости деет)** означают не то, что Бог сам вооружал противников, или наказывал и обуздывал чрез них (апостола), – да не будет! – а только то, что Он дозволял и попускал на время. "**Трижды молил я Господа о том" (О сем трикраты Господа молих)** (ст. 8), то есть многократно.

3. И это показывает великое смирение (апостола), когда он не скрывает того, что не выносил вражеских наветов, но изнемогал и молился об освобождении от них. "**Но [Господь] сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»" (И рече ми: довлеет ти благодать Моя, сила бо Моя в немощи совершается)** (ст. 9), то есть: "Довольно для тебя, что ты воскрешаешь мертвых, исцеляешь слепых, очищаешь прокаженных и творишь другие чудеса. Не домогайся жить в безопасности без страха и проповедовать без труда. Но ты скорбишь и печалишься? Не приписывай Моей немощи того, что многие коварствуют против тебя, бьют тебя, гонят и бичуют. Это-то самое и показывает Мою силу. **Ибо сила Моя совершается в немощи (Сила бо Моя в немощи совершается)**, – то есть, когда вы, гонимые, одерживаете верх над гонителями, когда вы, преследуемые, побеждаете своих преследователей, когда вы, связываемые, обращаете в бегство связывающих. Итак, не желай излишнего". Замечаешь ли, как (апостол) представляет одну причину, а Бог другую? Тот говорит: "**Чтобы я не превозносился, дано мне жало в плоть" (да не превозношуся, дадеся ми пакостник плоти)**; а Бог сказал, что попускает это для явления силы Своей. "Поэтому ты просишь не только излишнего, но даже помрачающего славу Моего могущества". Именно слова: "**довольно для тебя" (довлеет ти)** показывают, что не нужно уже ничего другого прибавлять, но что все сделано. Таким образом, и отсюда видно, что здесь говорится не о головной боли, – больные не проповедовали, да и не могли бы проповедовать, – но о том, что (апостолы) гонимые и преследуемые все превозмогли. Услышав такой ответ, (Павел) говорит: "**потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами" (сладце убо похвалюся в немощех моих)**. Чтобы (коринфяне) не пали духом, видя, что лжеапостолы хвалятся совсем противным, а истинные (апостолы) терпят гонения, (Павел) показывает, что чрез гонения он делается еще славнее, что в этом особенно обнаруживается сила Божия, и что совершающееся с ним достойно того, чтобы хвалиться. Поэтому и говорит: "**охотнее буду хвалиться" (сладце убо похвалюся)**. "Не от скорби сказал я исчисленное мною выше, или упоминаемое теперь, то есть, что "**дано мне жало в плоть" (дадеся ми пакостник)**; напротив, я этим украшаюсь, и привлекаю на себя еще большую силу (от Бога)". Потому и присовокупляет: "**чтобы обитала во мне сила Христова" (да вселится в мя сила Христова)**. Здесь он дает разуметь и нечто другое, именно: в какой мере усиливались искушения, в такой мере умножалась и пребывала в нем благодать.

"**Посему я благодушествую в немощах** многих" **(Темже благоволю в немощех)**. В каких же, скажи мне? "**В обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях" (В досаждениих, в изгнаниих, в бедах, в теснотах)** (ст. 10). Видишь ли, как ясно открыл теперь все? Говоря о роде немощей, он назвал не горячку, не повторяющуюся какую болезнь или другую телесную немощь, но обиды, гонения и притеснения. Видишь ли, какая благопокорная душа! Он желал избавиться от бедствий. Но когда услышал от Бога, что этому не должно быть, не только не пал духом, не получив просимого, но еще и радовался. Потому и сказал: "**благодушествую (благоволю)**, радуюсь, желаю терпеть обиды, гонения и притеснения за Христа". Сказал же это, желая и тех (лжеапостолов) смирить, и их (коринфян) ободрить, чтобы они не стыдились Павловых страданий, потому что такое терпение скорбей может сделать славнее всех. Потом выставляет и другую

причину: "**ибо, когда я немощен, тогда силен" (егда бо немощствую, тогда силен есмь)**. "Чему дивишься, если в немощах обнаруживается сила Божия, и я тогда бываю силен? Тогда ведь особенно и действует благодать Божия".

По мере того как умножаются в нас страдания (Христовы), умножается и утешение наше (2 Кор. 1: 5). Где скорбь, там и утешение; где утешение, там и благодать. Когда потерпел кораблекрушение, и занесен был в варварскую страну, тогда особенно прославился. Когда связанный вошел в судилище, тогда победил самого судию. Так бывало и в ветхом завете: среди искушений процветали праведники. Так три отрока, так Даниил, Моисей и Иосиф, – все чрез искушения сделались славными и удостоились великих венцов. Подлинно, тогда душа и очищается, когда терпит скорби ради Бога. Тогда она получает большую помощь, потому что имеет нужду в большем содействии (от Бога), и достойнее большей благодати. А, делаясь любомудрою, приобретает себе великие блага, не говоря уже о тех наградах, какие отложены для нее у Бога. В самом деле, скорбь искореняет высокомерие, отсекает всякое нерадение, приучает к терпению, обнаруживает ничтожество дел человеческих и приводит к великому любомудрию. Ей уступают все страсти: зависть, ревность, похоть, властолюбие, пристрастие к богатству, плотская любовь, гордость, высокомерие, гнев, и весь остальной рой (душевных) недугов. И если хочешь на самом деле видеть это на примерах – одного ли человека, или целого народа, то я могу тебе показать как живших в скорби, так и проводивших жизнь в благополучии, и научить, какая происходила польза от скорбей, и какая беспечность от недостатка их.

4. Так евреи, когда подвергались страданиям и гонениям, тогда стенали, призывали Бога, и получали свыше великую помощь; а когда утучнялись, тогда оставляли (Бога). Также ниневитяне, когда жили безмятежно, до того прогневали Бога, что Он угрожал истребить до основания весь город; а когда смирились, услышав проповедь (Ионы), тогда показали всякое любомудрие. А если хочешь видеть пример на одном человеке, то вспомни о Соломоне. Когда он с заботой и беспокойством размышлял о том, как управлять народом, тогда удостоился Боговидения; а когда стал жить среди удовольствий, то впал в самую бездну нечестия. А что сказать об отце его? Когда он был чуден и удивителен? Не тогда ли, как был в искушениях? Авессалом не тогда ли только вел себя благоразумно, пока находился в бегстве? А, возвратившись, не сделался ли мучителем и отцеубийцею? Что скажем об Иове? Правда, он славе был и во время благополучия; но еще славнее он оказался после скорбей. Но нужно ли говорить о давнем и древнем? Если кто рассмотрит и настоящие наши дела, тот увидит, как велика польза скорбей. Ныне, наслаждаясь миром, мы ослабели, обленились, и наполнили Церковь тысячами зол. Когда же терпели гонения, тогда были целомудреннее, благонравнее, ревностнее и усерднее как к этим собраниям, так и к слушанию. Что огонь для золота, то скорбь для души: она стирает с нее скверну, делает ее чистою, светлою и ясною. Скорбь вводит в царство, а беспечальная жизнь – в геенну. Вот почему пусть к царству тесен, а в геенну пространен. Потому (и Христос), как бы предлагая нам какое-нибудь великое благо, сказал: "**В мире будете иметь скорбь" (в мире скорбни будете)** (Иоан. 16: 33). Итак, если ты ученик (Христов), иди путем тесным и скорбным; не ропщи и не унывай. Если ты (для Господа) не хочешь терпеть скорби, то все же будешь терпеть скорби по другим причинам, но без всякой для себя пользы. Так и завистник, и корыстолюбец, и привязавшийся к блуднице, и тщеславный, и преданный всякому другому пороку, терпит многия печали и скорби, и скорбит не меньше плачущих. Если же не проливает слез и не плачет, то от стыда и бесчувствия. А если бы ты проник в душу его, то увидел бы, что она обливается бесчисленными волнами. Итак, если и той и другой жизнью живущим необходимо должно скорбеть, то почему мы не избираем жизни, которая вместе со скорбью доставляет бесчисленные венцы? Всех святых Бог вел этим путем, – путем скорбей и тесноты, как

для их собственной пользы, так и для предохранения других, чтобы последние не думали о них выше их достоинства.

Действительно, от того и идолопоклонство сделалось господствующим, что дивились людям сверх их достоинства. Так римский сенат признал Александра тринадцатым богом, – сенат же имел такую власть производить и включать в число богов. Когда стали известны все дела Христовы, начальствовавший над (иудейским) народом послал спросить, не угодно ли будет и Его включить в число богов? Но сенат не соизволил, гневаясь и досадуя, что прежде его приговора и определения просияла сила Распятого и привлекла к почитанию всю вселенную. Впрочем, не по их воле устроилось, что не человеческим определением провозглашено божество Христа, и что Он не признан был одним из многих, произведенных в боги (римским сенатом). Сенат ведь признал богами и кулачных бойцов и любимца Адрианова, отчего и город Антиной получил свое название. Так как смерть свидетельствует о смертной природе людей, то диавол изобрел другой путь, именно воспользовался бессмертием души, и, присоединив к этому непомерную лесть, многих ввел в нечестие. И смотри, какая злокозненность! Когда мы рассуждаем о бессмертии с надлежащею целью, диавол внушает сомнения против истины; а когда сам хочет употребить ту же истину во вред, то всячески старается подтвердить ее. И если бы кто спросил: "Почему Александр бог? Не умер ли он, и даже жалким образом?" – (диавол) скажет: "Душа бессмертна". Теперь ты рассуждаешь о бессмертии и любомудрствуешь, чтобы отвлечь нас от Бога всяческих. А когда мы скажем, что бессмертие есть величайший дар Божий, тогда ты станешь уверять нас, как будто заблуждающихся, что мы низки, пресмыкаемся долу, и ничем не лучше бессловесных. Когда мы скажем, что Распятый жив, тотчас следует смех, хотя вся вселенная вопиет о том – и древле, и ныне; древле – чудесами, а ныне – обращением к Нему многих, так как такие дела не мертвому свойственны. А если кто скажет, что Александр жив, ты веришь этому, хотя не можешь представить ни одного знамения. "Да, – скажешь, – он сделал много великого во время жизни: покорил народы и города, одержал победы во многих войнах и сражениях и воздвиг победные памятники".

5. Но если я представлю нечто такое, о чем ни он во время жизни, ни другой кто-либо из прежде бывших людей и помыслить не мог, то какого еще другого потребуешь доказательства воскресению? В самом деле, если царь, имеющий войско, при жизни счастливо ведет войны и одерживает победы, то в этом нет ничего удивительного, ничего странного и нового. Но после крестной смерти и погребения произвести везде, и на суше и на море, такие великие дела – это в высшей степени поразительно, и свидетельствует о божественном и неизреченном могуществе. Александр по смерти своей не восстановил разделенной и совершенно исчезнувшей державы своей. Да и как мог сделать это мертвый? Напротив, Христос тогда особенно и утвердил державу свою, когда умер. Но что говорить о Христе, когда и ученикам Своим Он дал силу прославляться по смерти? Скажи мне, где гроб Александра? Укажи мне и скажи, в какой день он умер? А рабов Христовых и гробы славны, так как находятся в царственном городе, и дни кончины известны, так как составляют торжество для целой вселенной. Александрова гроба не знают и свои; а гроб Христов знают и варвары.

И гробы рабов Распятого блистательнее царских дворцов, не только по величине и красоте строений, – хотя и в этом отношении они превосходнее, – но, что гораздо важнее, по ревности стекающихся к ним. Сам облеченный в багряницу приходит лобызать эти гробы, и, отложивши гордость, стоит пред ними, и молит святых, чтобы предстательствовали за него пред Богом. В предстательстве умерших скинотворца и рыбаря имеет нужду облеченный в диадему. Итак, скажи мне, ужели дерзнешь называть мертвым их Владыку, когда рабы Его и по смерти предстательствуют за царей вселенной?

И это может всякий, кому угодно, видеть не только в Риме, но и в Константинополе. И здесь сын Константина Великого почитал великой честью для родителя положить его в преддверии рыбаря. И что во дворцах царей привратники, то при гробах рыбарей цари. Рыбари, как владетели места, занимают внутренность, а цари, как присельники и соседи их, пожелали, чтоб им отведено было место у (наружных) дверей, а чрез это и неверующим показывают, что в воскресении рыбари будут иметь преимущество. Ведь если здесь в гробницах такое (предпочтение), то тем более в воскресении. Так изменяется порядок вещей! Цари заменяют место слуг и рабов, а подчиненные облекаются саном царей, или даже еще и более славным, а что в этом нет лести, в том уверяет самая истина. От гробов рыбарей и царские гробницы стали славнее, потому что эти гробы почитаются более, нежели все другие царские гробницы. Там глубокая пустыня, а здесь великое стечение народа. А если хочешь сравнить эти гробы и с царскими дворцами, то первенство опять на стороне первых. Из дворцов многие гонят народ, а сюда многие призывают и влекут богатых и бедных, мужчин и женщин, рабов и свободных. Там великий страх, а здесь неизреченное наслаждение. Приятно видеть царя, облеченного в золотую одежду и в венец, и видеть окружающих его военачальников, правителей, центурионов, трибунов и преторов. Но здесь все столько внушает уважения и благоговения, что первое в сравнении с этим не больше, как тень или детская забава. Едва ты переступаешь порог, самое место возносит мысль твою к небу, к горнему Царю, к воинству ангельскому, к престолу высокому, к неприступной славе. Здесь (на земле) начальнику предоставлено право одного из подданных разрешать от уз, а другого связывать; кости же святых имеют не эту жалкую и низкую власть, а гораздо высшую. Они предают суду и подвергают истязаниям демонов, разрешают связанных жестокими их узами. Какое судилище страшнее этого? Тогда как никого не видно, никто не давит демона, мы слышим вопли, терзания, бичевания, истязания, языки палимые, потому что демон не может сносить этой дивной силы. Те, которые были облечены в плоть, побеждают бесплотные силы. Прах, кости и пепел мучат существа невидимые. Вот почему для того, чтобы видеть царские дворцы, никто бы никогда не предпринял путешествия; напротив, многие цари часто путешествовали для такого зрелища. И это потому, что храмы святых мучеников представляют знамения и образы будущего суда, так как здесь демоны мучатся, и люди наказываются и освобождаются. Видишь, какова сила святых и после смерти? Видишь, каково бессилие грешников даже и при жизни? Итак, убегай порока, чтобы тебе иметь верх над порочными, и со всем тщанием следуй добродетели. Ведь если настоящее так велико, то подумай, каково будущее. И непрестанно возбуждаемый такою любовью к добродетели, старайся восхитить вечную жизнь, которой все мы да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 27

"Я дошел до неразумия, хвалясь; вы меня [к сему] принудили. Вам бы надлежало хвалить меня" (2Кор.12:11).

1. Окончив речь о похвалах себе самому, (апостол) не остановился на этом, но снова защищается, и просит извинения в сказанном, говоря, что это сделал он по необходимости, а не по собственной охоте. Впрочем, несмотря и на необходимость, называет себя несмысленным. Вначале говорил: "**примите меня, хотя как неразумного**" **(яко безумна приимите мя)**, или: "**как бы в неразумии**" **(яко в безумии)**; а теперь, отбросив "как", прямо называет себя несмысленным. Он достиг своею речью желаемого, и потому уже смело и без пощады нападает на этот недостаток, научая всех никогда не хвалиться без нужды, когда уже он, Павел, даже и по нужде похвалившись, назвал за то

себя несмысленным. Потом и всю вину сказанного слагает не на лжеапостолов, но на учеников: "**вы меня**, – говорит, – **[к сему] принудили (вы мя понудисте)**. Если бы (лжеапостолы) хвалились, но тем не вводили бы вас в заблуждение и погибель, то я не дошел бы до того, чтобы дозволить себе такие слова. Но так как они растлили всю церковь, то, заботясь о вашей пользе, я принужден был сделаться несмысленным". И не сказал: "Я опасался, чтобы они, восхитивши над вами первенство, не посеяли у вас своего учения"; об этом сказал он прежде: "**боюсь, чтобы, как змий хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились" (боюся, да не како, якоже змий Еву прельсти, тако истлеют и разумы ваша)**; а здесь говорит не так, но с большим достоинством и с большею властью, сделавшись смелее вследствие сказанного.

"**Вам бы надлежало хвалить меня" (Аз бо должен бых от вас хвалим бывати)**. Потом представляет на это и причину; и говорит опять не об одних откровениях, или чудесах, но и об искушениях.

"**Ибо у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов" (Ничим же бо лишихся первейших апостолов)**. Смотри, как и здесь опять говорит с большею властью. Раньше он говорил: "**я думаю, что у меня ни в чем нет недостатка" (непщую ничимже лишитися)**; а здесь говорит уже положительно, потому что как я уже заметил, после представленных доказательств стал смелее. Впрочем, все еще не отступает от умеренности и от своего обычая. Но как сказавший нечто необычайное и высшее своего достоинства, потому что сопричислил себя к апостолам, опять употребляет скромное выражение, и присовокупляет: "**хотя я и ничто, признаки Апостола оказались перед вами" (аще и ничтоже есмь, знамения апостолова содеяшася в вас)** (ст. 12). "Смотри, – говорит, – не на то, что я незначителен и мал, но на то, получил ли ты от меня, что надлежало получить от апостола". И не сказал: "незначителен", но – что еще ниже: "**ничто" (ничтоже)**. Какая, в самом деле, польза быть великим, и никому не приносить пользы? Так нет пользы и от искусного врача, который не вылечил ни одного больного. "Итак, – говорит, – не рассуждай о том, что я ничего не значу; но смотри на то, что во всем, служившем к вашему благу, я не отстал от других, а, напротив, дал доказательство моего апостольства. Поэтому мне не было нужды говорить самому о себе". Говорил же это не для того, чтобы действительно искал похвалы – как мог нуждаться в похвалах тот, кто самое небо почитал малым в сравнении с любовью ко Христу? – но потому, что желал спасения (учеников своих). Затем, чтобы не сказали: "Что нам, если ты и ничем не ниже первейших апостолов?", он присовокупил: "**Признаки Апостола оказались перед вами всяким терпением, знамениями, чудесами и силами" (знамения апостолова содеяшася в вас, во всяком терпении и в знамениих и чудесех)**. О, какую бездну совершенств выразил он в немногих словах! И смотри, что ставит на первом месте. Терпение – потому что признак апостола – все переносить великодушно. И о терпении выразился кратко, одним словом, между тем как о знамениях, которые совершены были не его собственною силою, выразился несколькими словами. Но представь себе, сколько уз, сколько ударов, сколько опасностей, сколько наветов, какое множество искушений разумел он здесь, сколько браней внутренних и внешних, сколько печалей, сколько нападений выразил он одним словом – "**терпение**". А словом "**знамения**" не изобразил ли опять того, сколько им воскрешено мертвецов, сколько исцелено слепцов, сколько очищено прокаженных, сколько изгнано демонов? Слыша это, научимся и мы, если даже нас заставляет необходимость говорить о своих заслугах, не распространяться о них, как поступил и сам (Павел).

2. Потом, чтобы кто-нибудь не сказал: "Хотя ты велик и сделал много, однако, не столько, сколько апостолы в других церквах", (Павел) присовокупил: "**Ибо чего у вас недостает перед прочими церквами?" (что бо есть, егоже лишистеся паче прочих церквей?)**

(ст. 13). "И вы, – говорит, – в сравнении с прочими церквами причастны не меньшей благодати". Но, может быть, кто-нибудь скажет: "Для чего он переводит речь на апостолов, оставив борьбу с лжеапостолами?" Для того, чтобы больше возбудить их внимание и показать, что он не только лучше их (лжеапостолов), но и не ниже великих апостолов. Вот почему, рассуждая о них (лжеапостолах), он говорит: "**я больше" (паче аз)**; а когда сравнивает себя с апостолами, то считает достаточным для себя быть не ниже их, хотя и более их потрудился. Вместе с тем он показывает чрез это, что (коринфяне) обижают и самих апостолов, когда равного им ставят ниже лжеапостолов.

"**Разве только того, что сам я не был вам в тягость?" (Разве точию, яко аз сам не стужих вам)**. Апостол опять делает (коринфянам) строгий упрек; а последующие слова еще сильнее: "**Простите мне такую вину" (дадите ми неправду сию)**. Но и при всей строгости, в них выражается любовь и похвала (коринфянам), если только и сами они считают для себя обидою, что апостол не соглашался ничего брать у них, и не осмеливался получать от них себе пропитания. "Если, – говорит, – вы обвиняете меня в этом, то (не сказал: "несправедливо обвиняете", но гораздо благосклоннее) прошу извинения, простите мне этот грех". И заметь, какое благоразумие! Так как этот упрек, часто повторяемый, наносил им бесчестие, то он каждый раз смягчает его. Так, выше сказав: "**По истине Христовой во мне [скажу], что похвала сия не отнимется у меня" (есть истина Христова во мне, яко похваление сие не заградится о мне)** (11: 10), вслед затем говорит: "**Потому ли, что не люблю вас? Богу известно! …чтобы не дать повода ищущим повода, дабы они, чем хвалятся, в том оказались [такими же], как и мы" (не люблю ли вас? Бог весть; но да отсеку вину хотящим вины,** и **да о немже хвалятся, обрящутся якоже и мы)** (ст. 11, 12). И в первом послании: "**За что же мне награда? За то, что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно" (кая убо ми есть мзда? Да благовествуяй без мзды положу благовестие)** (9: 18). И здесь опять говорит: "**Простите мне такую вину" (дадите ми неправду сию)**. Везде он старается не показать, что не берет по причине их немощи. Поэтому и здесь говорит: "Если вы это ставите мне в вину, то прошу прощения". А, говоря таким образом, он и наносит им рану, и врачует ее. Не говори: "Если хочешь нанести удар, то для чего извиняешься? Если хочешь врачевать, то для чего наносишь удар?" В том и состоит благоразумие, чтобы и рассечь, и перевязать рану. Потом, чтобы не подумали, как я и прежде сказал, что (апостол) часто обращается к одному и тому же с намерением получить что-нибудь от них, он отклоняет такое подозрение, подобно тому, как и в первом послании, когда говорил: "**написал это не для того, чтобы так было для меня. Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою" (не писах же, да тако будет о мне; добре бо мне паче умрети, нежели похвалу мою кто да испразднит)** (9: 15). (То же самое, только) приятнее и благосклоннее, (выражает он) и здесь. Как же именно? "**Вот, в третий раз**, – говорит он, **– я готов идти к вам, и не буду отягощать вас, ибо я ищу не вашего, а вас. Не дети должны собирать имение для родителей, но родители для детей" (Се, третие готов приити к вам, и не стужу вам; не ищу бо ваших, но вас. Не должни бо суть чада родителем снискати имения, но родители чадом)** (ст. 14). Смысл его слов такой: "Не прихожу к вам не потому, что не беру; напротив, я приходил уже в другой раз, и в третий готов идти, и опять не буду вас в тягость". И причина тому уважительная. Не сказал: "Не хочу быть вам в тягость, потому что вы скупы, потому чтобы этим обременитесь, потому что вы немощны". Но что говорит? – "**Ибо я ищу не вашего, а вас" (Не ищу бо ваших, но вас)**. А ищу большего: вместо денег – душ, вместо золота – спасения". Потом, так как оставалось еще место подозрению, что он огорчен ими, он представляет и рассуждение. Они естественно могли сказать: "Разве нельзя искать и нас, и нашего?" Поэтому он оправдывает их с великою благосклонностью, говоря: "**Не дети должны собирать имение для родителей, но родители для детей" (не должни бо суть чада родителем снискати имения, но родители чадом)**. Вместо наименований "учителя и ученики",

употребляет слова "родители и дети", и показывает, что вменяет себе в обязанность и то, к чему не был обязан, так как Христос не дал такого повеления, а (апостол) из снисхождения (к коринфянам) говорит это. Потому же присовокупляет и нечто большее: сказал не только то, что дети не должны снискивать для родителей имения, но еще и то, что родители обязаны это делать. Итак, если родители обязаны давать, то "**Я**, – говорит, – **охотно буду издерживать [свое] и истощать себя за души ваши**" **(аз в сладость иждиву, и иждивен буду по душах ваших** (ст. 15). "Родителям собирать имение для детей повелел закон природы, а я, – говорит, – не только это исполняю, но даже отдаю самого себя". Верх щедрости – не только ничего не брать, но и отдавать свое, и отдавать не просто, но с великим усердием, даже при недостатке. Не это и указывает (апостол) выражением "**истощать себя**" **(иждивен буду)**. "Хотя бы нужно было изнурить самую плоть, не пощажу ее ради вашего спасения". Следующие за этим слова выражают и любовь, и упрек: "**несмотря на то, что, чрезвычайно любя вас, я менее любим вами**" **(аще и излишше вас любя, менше любим есмь)**. "И это, – говорит, – я делаю для тех, которых я люблю, и которые не любят меня в той же мере". Итак, смотри теперь, сколько здесь степеней: надлежало брать, а он не брал – это первая заслуга; не брал, находясь в бедности – это вторая; не брал, когда им проповедовал – это третья; сам дает им – это четвертая; и не просто дает, но с избытком – это пятая; отдает не имение только, но и самого себя – это шестая; отдает себя за тех, которые не очень его любят – это седьмая; и которых он весьма любит – это восьмая.

3. Будем же и мы соревновать ему. Велик грех – (ненавидеть и) не иметь любви; но еще больший грех, если кто на любовь не отвечает любовью. Если любящий любящего не имеет никакого преимущества пред мытарями, то не имеющий и этого хуже самых зверей. Что ты говоришь, человек? Ты не любишь любящего? Для чего же ты живешь? К чему ты после этого годен? К каким делам – к общественным или к частным? Ни к чему. Подлинно, нет ничего бесполезнее человека, не умеющего любить. Закону любви часто покорялись и разбойники, и убийцы, и воры; вкусив только вместе соли, делались они другими, и за общим столом переменяли свой нрав. А ты, имея общение с другим не только за солью, но в словах и делах, во входах и исходах, не любишь его? Предающиеся постыдной любви расточают все свое имущество на бесчестных женщин; а ты, имея честную любовь, так холоден, немощен, бессилен, что не в состоянии любить даже и тогда, когда это не стоит никаких издержек? "Но кто же, – скажешь, – будет так жалок, кто так звероподобен, что мог бы отвращаться и ненавидеть любящего?" Хорошо делаешь, что, по причине несообразности дела, не веришь. Но если я укажу тебе многих людей такого рода, то как нам стерпеть тогда такой стыд? В самом деле, когда ты злословишь любящего тебя, когда, слыша о нем худые речи, не защищаешь его, когда завидуешь его доброй славе, то что это за любовь? Конечно, и не завидовать – еще не достаточное доказательство дружбы, равно как и не враждовать и не преследовать; надобно поддерживать любящего нас, и споспешествовать его выгодам. Когда же человек все говорит и делает, чтобы еще и погубить ближнего, то что может быть несчастнее такой души? Вчера и сегодня утром ты был другом, разделял с ним беседу и стол, а затем вдруг, увидев, что член твой благоуспевает, ты сбрасываешь с себя личину дружбы, враждуешь, даже безумствуешь, – потому что явное ведь безумие терзаться благополучием ближнего. Это свойственно только одуревшим и бешеным собакам; подобно им, и раздраженные завистью набрасываются на каждого. Лучше иметь змею, клубящуюся в утробе, нежели зависть, внутри гнездящуюся. Змею можно еще или изблевать при помощи лекарства, или усмирить пищею; но зависть не в утробе гнездится, а живет в самых недрах души, и есть болезнь, с трудом излечиваемая. Змея, находящаяся во внутренности, когда есть для нее другая пища, не трогает тела человеческого; зависть же, хотя бы предложили ей тысячу снедей, пожирает самую душу, со всех сторон ее грызет, терзает и рвет; для нее нельзя найти никакого успокоительного средства, которое

сокращало бы ее неистовство, кроме одного только – несчастия с благоденствующим. Тогда она успокаивается. Вернее же сказать, и то (средство) недействительно. Пусть этот и злостраждет; но, видя другого благоденствующим, она снедается теми же муками; для нее отовсюду раны, отовсюду удары, потому что, живя на земле, невозможно не видеть счастливых. И так велика сила этой болезни, что подверженный ей, хотя бы заключился и внутрь дома, завидует прежним, уже умершим людям. Велико зло, что страждут завистью люди, живущие в мире, хотя это и не так еще страшно; но когда этой же болезнью одержимы люди, уже освободившиеся от треволнений – это тяжелее всего. Желал бы я молчать; но если бы молчание уничтожало и стыд, причиняемый делами, то полезно было бы не говорить. А если, хотя я умолчу, самые дела будут вопиять громче моего языка, то вреда от моих слов никакого не будет, поскольку пороки выставляются нами на позор, и какая-нибудь выгода и польза, может быть, произойдет. Эта болезнь коснулась и церкви, все извратила, расторгла союз тела, и, вооружаемые завистью, мы восстаем друг против друга. Отсюда произошло великое развращение. В самом деле, если и при общем всех созидании не легко достигнуть, чтобы твердо стояли назидаемые, то какой же будет конец, когда все будем разрушать?

4. Что ты делаешь, человек? Ты считаешь полезным разрушать благосостояние ближнего; но прежде него ты разрушаешь свое собственное. Не видишь ли, как и садовники, и земледельцы, – все стремятся к одной цели? Один копает землю, другой насаждает растение, иной прикрывает корень, иной поливает посаженное, иной ограждает и обносит стеною, иной отгоняет скот – и все заботятся об одном – чтобы оберечь растение. А тут не так. Напротив, я насаждаю, а другой колеблет и ослабляет насажденное. Дай, по крайней мере, хорошо укрепиться ему, чтобы оно приобрело силу противиться навету. Ты не мое дело губишь, а свое расстраиваешь. Я насадил, тебе надлежало поливать. Если же ты станешь потрясать насажденное, выдернешь и самый корень, то тебе нечего будет и поливать. Но ты видишь, что насаждающий пользуется почетом? Не бойся, – ни ты, ни я ничего не значим, потому что "**и насаждающий, и поливающий есть ничто" (ни насаждаяй, ни напаяяй есть что)** (1 Кор. 3: 7); все дело принадлежит одному Богу, так что ты восстаешь и враждуешь на Бога, если исторгаешь насажденное. Итак, надобно, наконец, образумиться, придти в сознание. Я не столько боюсь внешней войны, сколько борьбы внутренней. Если корень хорошо укреплен в земле, то не потерпит вреда от ветров; а если шатается, потому что внутри подточен червем, то дерево упадет, хотя бы никто его не трогал. Долго ли будем и мы, подобно червям, подтачивать корень церкви? Подлинно, от земли рождаются таковые помыслы, или лучше сказать – и не от земли, а от нечистот, потому что имеют матерью своей гнилость, и недалеко отстоят от самых отвратительных женских отправлений. Сделаемся когда-нибудь доблестными мужами, станем подвижниками любомудрия, отразим сильное стремление этих зол! Я вижу, что многочисленные чада церкви повержены ныне долу, подобно мертвому телу. И как в теле, недавно умершем, хотя можно еще видеть и глаза, и руки, и ноги, и шею, и голову, однако ни один член не исправляет своего дела, – так и здесь присутствующие. Здесь все – верные, но вера их бездейственна. Мы погасили ревность, и тело Христово соделали мертвым. Страшно выговорить это; но гораздо страшнее видеть на самом деле. По имени мы братья, а по делам враги; все называемся членами одного тела, а чужды друг другу как звери. Говорю это не для того, чтобы выставить на позор дела наши, но чтобы пристыдить и отвратить от них. Кто-нибудь вошел в дом, принят с честью; надлежало бы благодарить Бога за то, что член твой пользуется почтением, и в нем прославляется Бог, а ты поступаешь напротив: говоришь о нем худо тому, кто почтил его, чтобы обоих свалить, да и на себя навлечь стыд. Для чего, несчастный и жалкий человек, ты скорбишь, слыша, что брата твоего хвалят или пред мужами, или пред женами? Приложи и свои похвалы, тогда и себе доставишь похвалу. Если же отрицаешь похвалу, то, прежде всего, сам о себе говоришь худо, навлекая на себя худую славу, а его еще более возносишь. Когда

слышишь похвалы другому, старайся сделать, чтобы они относились и к тебе, если не за жизнь и добродетель твою, то, по крайней мере, за то, что радуешься совершенствам в брате. Один похвалил, и ты удивляйся: тогда и тебя он похвалит как человека благонамеренного и правдивого. Не опасайся, что унизишь себя, хваля другого; скорее приведет к тому твое осуждение. Люди своенравны, и когда видят, что ты говоришь худо, упорствуют в похвалах, желая тем уязвить тебя, а обвинителей выставить лжецами и в собственных их глазах, и пред другими. Видишь ли, какой позор навлекаем мы сами на себя, как губим и разгоняем паству? Сделаемся же, наконец, членами, составим одно тело. Кого хвалят, тот пусть отказывается от похвал и пусть относит их к своему брату; а кто слышит похвалу другому, пусть радуется об этом. Если мы будем находиться в таком тесном союзе, то привлечем к себе и Главу тела; если же будем разъединены, то лишимся Ее помощи; а без Нее тело, не будучи поддерживаемо свыше, потерпит великий вред. Итак, чтобы этого не случилось с нами, отвергнем ненависть и зависть, и, презрев людскую славу, облобызаем любовь и согласие. Таким образом сделаемся причастниками и настоящих, и будущих благ, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 28

"Положим, [что] сам я не обременял вас, но, будучи хитр, лукавством брал с вас. Но пользовался ли я [чем] от вас через кого-нибудь из тех, кого посылал к вам? Я упросил Тита и послал с ним одного из братьев: Тит воспользовался ли чем от вас? Не в одном ли духе мы действовали? Не одним ли путем ходили?" (2Кор.12:16-18).

1. Очень неясно сказаны эти слова Павлом, но не без цели и не напрасно. Так как речь идет о деньгах, и (апостол) защищается, что он ничего не берет, то и прилично ему было прикрыть свои слова. Что же, однако, значит сказанное? Раньше (апостол) сказал, что он ничего не брал, напротив – даже готов отдать и издержать свое, и много рассуждал о том, как в этом послании, так и в первом. А теперь говорит нечто другое – как бы вводит слова из сделанного ему возражения и предварительно разрешает его. Вот смысл сказанного им: "Я не искал от вас прибытков, но, может быть, иной скажет, что, хотя сам я и ничего не брал, но, как человек хитрый, настроил посланных мною от своего лица просить у вас чего-нибудь, и от них сам получал, а, таким образом, получая чрез других, отклонял от себя подозрение, что беру сам. Но и этого никто не может сказать. Свидетели тому вы сами". Вот почему он и ведет речь вопросами, говоря: "**Я упросил Тита и послал с ним одного из братьев: Тит воспользовался ли чем от вас? (умолих Тита, и с ним послах брата. Еда лихоимствова чим вас Тит?)** Не так же ли он приходил к вам, как и я?" То есть, и он ничего не брал. Видишь ли, с каким тщанием старался он не только себя сохранить чистым от корыстолюбия, но и посылаемых им поставить так, чтобы не подать и малого предлога желавшим порицать его? Это гораздо выше того, что сделал патриарх (Авраам). Этот последний, возвращаясь с победы, когда царь давал ему часть военной добычи, отказался взять больше того, что съели его домочадцы; а он (Павел), как сам не пользовался, так и сотрудникам своим не позволял пользоваться даже необходимою пищею, чтобы таким образом совершенно заградить уста бесстыдных. Поэтому он не сам от себя говорит, что они ничего не брали, но, что гораздо важнее, представляет в этом свидетелями самих коринфян, чтобы свидетельство шло не от собственного его лица, но утверждалось на их приговоре. Так обыкновенно поступаем мы, когда дело идет о чем-нибудь очевидном и не подлежащем никакому сомнению. "Скажите, – говорит (апостол), – разве кто-нибудь из посланных нами обогатился чем от вас?" Не говорит: "Разве кто взял что-нибудь у вас?" Но называет такое дело лихоимством, укоряя их тем, приводя в стыд, и показывая, что брать у кого-нибудь против воли его есть лихоимство. И не сказал:

"Тит", но: "кто-нибудь", то есть: "Вы не можете и того сказать, что хотя один не брал, но брал другой. Напротив, не брал ни один из посланных".

"**Упросил Тита" (Умолих Тита)**. И это сказано с укоризной. Не сказал: "я послал Тита", но – "**упросил" (умолих)**, показывая тем, что если бы он и взял что у них, то взял бы по праву; однако он и при всем том остался чистым. Поэтому опять спрашивает их: "**Тит воспользовался ли чем от вас? Не в одном ли духе мы действовали?" (еда лихоимствова чим вас Тит? Не тем же ли духом ходихом?)** Что значит: "**в одном духе" (тем же духом)**? То, что он все приписывает благодати, и показывает, что все достойное похвалы совершено не нашими трудами, но есть дело дара Духа и благодати. Подлинно, величайшая была благодать, когда терпевшие во всем недостаток и голодавшие ничего не брали ради назидания наставляемых.

"**Не одним ли путем ходили?" (Не теми же ли стопами?)** То есть: "Они нисколько не отступили от принятой мною осторожности, но сохранили то же правило".

"**Не думаете ли еще, что мы [только] оправдываемся перед вами?" (Паки ли мните, яко ответ вас творим?)** (ст. 19). Видишь ли, с каким апостольским благоразумием часто повторяет это? Так раньше сказал: "**Не снова представляем себя вам, но даем вам повод хвалиться нами" (не паки себе хвалим пред вами, но вину даем вам похвалению)** (5: 12), и в начале послания: "**Неужели нужны для нас… одобрительные письма к вам или от вас?" (или требуем извещавательных посланий)** (3: 1). "**И все это, возлюбленные, к вашему назиданию" (Вся же о вашем созидании)**. Опять успокаивает их. Но даже и здесь не говорит ясно: "Мы не брали у вас по причине вашей немощи, но для вашего назидания", хотя, правда, яснее, чем прежде высказал, что огорчило его, впрочем, без укоризны. Именно, не сказал: "по причине немощи вашей", но – "чтобы вы получили назидание".

"**Ибо я опасаюсь, чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю, также чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете" (Боюся бо, еда како пришед, не яцех же хощу, обрящу вас, и аз обрящуся вам, якова же не хощете)** (ст. 20). (Апостол) хочет сказать нечто важное и для них неприятное; потому и представляет оправдание, говоря: "**все это к вашему назиданию" (вся же о вашем созидании)**, а присовокупляя: "**опасаюсь" (боюся)**, смягчает то, что намерен был сказать. Это уже показывает не высокомерие или учительскую власть, но отеческую попечительность, когда он страшится более, чем сами согрешившие, и с трепетом приступает к их исправлению. Но даже и так не нападает на них и говорит не прямо, а в виде сомнения: "**чтобы мне, по пришествии моем**, **не найти вас такими, какими не желаю " (еда како пришед**, **не яцех же хощу)**. Не сказал: "добродетельными", но: "**какими не желаю" (не яцех же хощу)**, везде употребляя слова, выражающие дружескую любовь. И слово "**найти" (обрящу)** выражает нечто неожиданное, равно как и "**вам не найти меня" (обрящуся вам)**, поскольку то и другое – дело не произвольное, но необходимое, имеющее начало в вас самих. Поэтому говорит: "**чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете" (обрящуся, якова же не хощете)**. Не сказал и здесь: "каковым я не хочу", но гораздо разительнее – "**таким, каким не желаете" (якова же не хощете)**. Это было уже в его воле, хотя не главным образом, однако же, в его воле. Он мог опять сказать: "каковым я не хочу", и тем показать свою любовь; но не хочет, чтобы ослабевал слушатель; притом и речь его в таком случае была бы гораздо строже. А теперь он и им сильнее дал почувствовать, и себя показал более кротким. Так свойственно действовать его благоразумию – чтобы и рана была глубже, и удар легче. Потом, ввиду того, что сказанное было неясно, он раскрывает это, говоря: "**чтобы [не найти у вас] раздоров, зависти, гнева, ссор, клевет, ябед, гордости, беспорядков" (да не како**

рвения, зависти, ярости, клеветы, шептания, кичения). Таким образом, что надлежало сказать в начале, он говорит в конце, потому что они восставали против него. Итак, не желая подать вида, что главным образом ищет своего, говорит сначала вообще.

2. Действительно, все вышеуказанное – клеветы, обвинения, разногласия – порождено было завистью. Зависть, как вредный корень, порождала раздражение, осуждение, высокомерие, и все прочее, а чрез них и сама еще более возрастала.

"**Чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой" (Да не паки пришедша смирит мя Бог мой у вас)** (ст. 21). В слове "**опять" (паки)** – новый упрек. "Довольно и прежнего", – говорит он, о чем и вначале говорил: "**щадя вас, я доселе не приходил в Коринф" (щадя вас, не приидох в Коринф)** (1: 23). Видишь, как он выказывает и негодование и сердоболие? Что же значит слово "**уничижит" (смирит)**? Обвинять, наказывать, требовать отчета, восседать в качестве судьи, составляет, по-видимому, славу, а он называет все это смирением. Он не только не стыдился этого смирения – того, что пришествие тело его немощно и слово уничижено, но даже желал всегда быть таковым, и просил, чтобы не дойти до противного состояния. Об этом дальше он говорит яснее, показывая, что считает для себя наибольшим смирением дойти до необходимости карать и наказывать. Но почему он не сказал: "да не пришед смирюсь", но: "**чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой" (да не пришедша смирит мя Бог мой)**? "Если бы это было не для Бога, – говорит он, – я не обратил бы на то внимания, не беспокоился бы о том, потому что я не самовластно и не самовольно налагаю наказание, но по (Божию) повелению". Выше он то же самое выразил, сказав: "**чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете" (обрящуся, якова же не хощете)**; а здесь ослабляет речь и говорит с большею снисходительностью и кротостью: "**чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде" (восплачуся многих согрешших)**, – не просто "**согрешили" (согрешших)**, но "**не покаялись" (не покаявшихся)**. И не сказал: "всех", но – "**многих**", причем и этих многих не объявляет по имени, облегчая и этим для них возврат на путь покаяния и давая знать, что покаяние может исправить их преступления; оплакивает только не раскаивающихся, неисцелимо больных, остающихся в язвах. Итак, представь себе, какова добродетель апостола, если он, не зная за собою ничего худого, плачет о чужих грехах и смиряется за преступления других. В этом преимущественно и состоит долг учителя, чтобы соболезновать о несчастиях учеников, чтобы плакать и рыдать о язвах людей, ему подначальных. Потом исчисляет и роды греха: "**в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали" (о студоложствии и нечистоте, яже содеяша)**. Хотя сам (апостол) разумеет здесь блуд, но если тщательно вникнуть в дело, то можно назвать этим именем и всякий род греха, потому что хотя блудник и прелюбодей по преимуществу называются нечистыми, но и другие грехи производят нечистоту в душе. Вот почему и Христос называет иудеев нечистыми, обвиняя их не в одном блуде, но и в других пороках. Потому и говорит, что они очистили только внешнее (Мф. 23: 26), и что "**не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека" (не входящее сквернит человека, но исходящее)** (Мф. 15: 11). И в другом месте сказано: "**Мерзость пред Господом всякий надменный сердцем" (нечист пред Господем всяк высокосердый)** (Притч. 16: 5). И вполне справедливо, потому что ничего нет чище добродетели, и ничего грязнее – порока. Добродетель светлее солнца, а порок смраднее навоза. И это могут засвидетельствовать сами погрязшие в навозе и живущие во тьме, если кто-нибудь хотя несколько откроет им глаза. Доколе они остаются сами с собою и упиваются страстью, до тех пор, пребывая как бы во тьме, они бесстыдно погрязают в мерзостях порока, и хотя чувствуют свое положение, но не совершенно. Когда же кто-нибудь из добродетельных обличает их, или только является пред ними, тогда они яснее видят свое жалкое положение, и, как бы освещаемые солнечным лучом, скрывают свою гнусность и стыдятся знакомых, хотя один раб, а

другой свободный, один царь, а другой подданный. Так устыдился Ахав, увидев Илию, и, раньше, чем последний сказал что-нибудь, уловлен был его одним взором. Обвинитель молчал, а он сам произнес осуждающий его приговор, говоря, как попавшийся в плен: "**нашел ты меня, враг мой" (обрел еси мя, враже мой)** (3 Цар. 21: 20). Так сам Илия безбоязненно говорил тогда мучителю. Так Ирод, не снося стыда от обличений (а великий и трубный глас пророческого языка явно укорял его), вверг в темницу Иоанна. Как бы будучи обнаженным, он хотел погасить светильник, чтобы опять остаться во мраке. Или, лучше – сам не дерзнул погасить, но поставил в дому, как бы под спудом, а жалкая и несчастная женщина принудила его сделать это. Но и таким образом они не могли скрыть обличения, а только еще более обнаружили его, так как и спрашивавшие: "За что Иоанн посажен в темницу?" – узнавали причину, а впоследствии и все населяющие море и сушу, все, сколько доселе было, есть и будет людей, ясно узнали и будут узнавать об их гнусных делах, то есть о распутстве и убийстве, и никакое время не сможет истребить памяти об этом преступлении.

3. Такова добродетель! Так бессмертна память ее! Так одним словом поражает она своих противников! Действительно, за что (Ирод) заключил (Иоанна) в темницу? Почему не оставил его без внимания? Ужели бы (Иоанн) повлек его в судилище? Ужели бы наказал за прелюбодеяние? Все сказанное (Иоанном) не состояло ли в одном обличении? Чего же (Ирод) боялся и трепетал? Не простая ли это была речь, не одни ли только слова? Но они уязвляли его сильнее самого дела. (Иоанн) не повел его в обыкновенное судилище, но предал его на иной суд, суд собственной совести, и всех поставил над ним судиями, все в сердце своем полновластно произносили тогда над ним приговор. Потому-то тиран и трепетал, не снося сияния добродетели. Видишь ли, какова сила любомудрия? Оно узника сделало славнее тирана, так что последний страшился и трепетал первого. Но (Ирод) заключил только в оковы (Иоанна); а беззаконная (Иродиада) подвигла и на убийство. Между тем, (Иоанново) обвинение падало больше на него, потому что не ей говорил тогда (Иоанн): "Для чего ты живешь с тираном?" Не обличал же ее не потому, чтобы она не подлежала ответственности (могло ли это быть?), но потому, что он хотел исправить все (начав с Ирода). Поэтому и укорял его одного, и мало того – даже и его укорял не строго. Не говорил: "Скверный и гнусный, беззаконный и мерзкий! Ты попрал закон Божий, презрел заповеди Божии, и силу свою сделал для себя законом". Он не сказал ничего такого, но и в обличениях его видна большая умеренность и кротость: "**не должно тебе иметь**, – говорил он, – **жену брата твоего" (не достоит тебе имети жену Филиппа брата твоего)** (Мрк. 6: 18). Такие слова более приличны учащему, нежели обличающему; вразумляющему, нежели наказывающему; руководствующему, нежели позорящему; исправляющему, нежели нападающему. Но, как я сказал, вору враждебен свет, грешникам ненавистен праведник, даже и при одном своем появлении: "**Тяжело нам и смотреть на него" (тяжек нам и к видению)** (Прем. 2: 15). (Грешники) не могут сносить лучей его, как больные глаза – лучей солнечных. А многим грешникам тяжело не только видеть праведника, а даже и слышать о нем. Вот почему и та скверная и гнусная женщина, наставница, или, лучше сказать, убийца своей дочери, хотя сама даже не видела (Иоанна) и не слыхала его речей, устремилась на убийство, и распутно воспитанную дочь заставила распутно идти на убийство. Так сильно боялась она (Иоанна)! И что говорит? "**Дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя" (Даждь ми зде на блюде главу Иоанна Крестителя)** (Мф. 14: 8). Бедная и несчастная, в какую несешься ты пропасть? Разве пришел твой обличитель? Разве он пред тобою, и беспокоит тебя? Иные говорили: "**Тяжело нам и смотреть на него" (тяжек есть нам и к видению)**; а ей, как сказал я, тяжек был и для слуха, почему и она говорит: "**дай мне здесь на блюде голову Иоанна" (даждь ми зде на блюде главу Иоанна)**. За тебя (Иродиада, Иоанн) в темнице, за тебя заключен в оковы; ты можешь тщеславиться любовью царя и говоришь: "Я овладела им, но и всенародно обличенный не охладел ко мне, не перестал меня любить, не отверг

любодеяния со мною, но даже и обличителя заключил в оковы". Что же ты бесишься и неистовствуешь, когда и по обличении греха имеешь мужа? Для чего ищешь трапезы фурий и готовишь пир для убийц – демонов? Видишь ли, как ничтожна, как робка, как бессильна злоба, как она чем более одолевает, тем становится слабее? (Иродиада) не столько беспокоилась, когда Иоанн еще не был заключен в темницу, сколько тревожится, когда он уже связан. И потому настоятельно просит: "**Дай мне здесь на блюде голову Иоанна**". Для чего же – "**здесь**"? "Боюсь, – говорит она, – чтобы не обманули ложным известием об убиении, чтобы кто-нибудь не избавил (Иоанна) от гибели". Но почему просишь не всего мертвеца, а одну главу? "Страстно желаю, – говорит, – видеть безмолвным язык, оскорбивший меня". Но, бедная и несчастная! Ты увидишь противное (как то и случилось): отсеченная голова будет говорить еще громче прежнего. Тогда Иоанн вопиял в одной только Иудее, а теперь его глас дойдет до пределов вселенной; и где ни войдешь в церковь, у мавров ли, или у персов, или даже на британских островах – везде услышишь вопиющего Иоанна: "**Не должно тебе иметь жену Филиппа, брата твоего**". Но (Иродиада) не умела рассуждать; она неотступно просит, требует, понуждает несмысленного тирана совершить убийство, боясь, чтобы он не одумался. А ты и отсюда познай опять силу добродетели. Не выносит праведника, когда он заключен даже в темницы, находится в оковах, молчит. Видишь ли, как порок бессилен и как нечист? Вот вносят на блюде человеческую главу вместо снедей. Что отвратительнее, что порочнее, что бесстыднее этой девицы? Что она сказала на диавольском зрелище, на демонском пиршестве? Видишь ли язык, и еще язык – один доставляет спасительные врачества, а другой носит на себе яд и уготовляет диавольское пиршество. Но почему она не велела обезглавить его среди самого пиршества, что доставило бы ей более удовольствия? Опасалась, чтобы (Иоанн), представши на пиршестве, своим видом и дерзновением не преклонил к себе всех. Потому и требует главы, желая воздвигнуть блистательный памятник любодеянию: "**а она отнесла матери своей" (И даде матери своей)** (Мрк. 6: 28).

4. Видишь ли награду за пляску? Видишь ли добычу диавольских козней? Я разумею не главу Иоанна, но самого мужа (Ирода). В самом деле, кто тщательно вникнет, тот увидит, что над царем одержана победа, что победительница сама побеждена, а обезглавленный увенчан, провозглашен победителем, и по смерти своей еще сильнее поражает страхом сердца грешников. А что сказанное – не пустые слова, спроси самого Ирода. Когда он услышал о чудесах Христовых, то говорил: "**это Иоанн Креститель; он воскрес из мертвых, и потому чудеса делаются им" (сей есть Иоанн; той воскресе от мертвых и сего ради силы деются о нем)** (Мф. 14: 2). Так сильно он боялся и непрестанно трепетал, и никто не мог освободить его от страха совести; напротив – судия этот оставался неподкупным, мучил его, и каждодневно наказывал за убийство. Итак, зная это, убоимся не претерпевать, но делать зло. Одно есть победа, а другое – поражение. Потому и Павел говорил: "**Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? Но вы [сами] обижаете и отнимаете, и притом у братьев" (почто не паче обидими есте? Но вы сами обидите и лишаете, да еще братию)** (1 Кор. 6: 7, 8). Терпящему зло готовы венцы, награды и прославление. И это можно видеть на всех святых. Если же все таким образом увенчаны и провозглашены победителями, то и мы пойдем тем же путем; будем молиться, чтобы не впасть в искушение; а если оно придет, то, вооружившись мужеством, покажем должную ревность, чтобы получить нам будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 29

"В третий уже раз иду к вам. При устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово" (2Кор.13:1).

1. Любомудрие Павла и его отеческое сердоболие можно видеть из многого другого, а преимущественно – из того, что он в увещаниях обилен и строг, а в наказаниях мягок и медлителен. Он не тотчас наказал согрешивших, но двукратно увещевал их; мало того, даже и после того, как они преслушали его увещания, не наказывает, но опять увещевает, говоря: "**В третий уже раз иду к вам (се третицею гряду к вам)**, а до пришествия пишу еще послание". А чтобы медленность не произвела беспечности, смотри, как и это предотвращает, непрестанно угрожая, напрягая удар и говоря: "**когда опять приду, не пощажу" (аще прииду паки, не пощажду)**; и еще: **чтобы опять, когда приду… не оплакивать мне многих" (да не пришед, восплачуся многих)**. Так поступает он и говорит, подражая в этом случае Владыке всех. И Бог, хотя непрестанно угрожает и многократно увещевает, но не часто карает и наказывает. Так поступает и он. Потому и прежде говорил: "**щадя вас, я доселе не приходил в Коринф" (щадя вас, ктому не приидох в Коринф)** (1: 23). Что значит – "**щадя вас**"? Т. е., "чтобы, нашедши вас согрешившими и не исправившимися, не подвергнуть вас каре и наказанию". И здесь, говоря: "**В третий уже раз иду к вам. При устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово" (третицею се гряду к вам: при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол)**, прилагает ненаписанное к написанному. Так поступил он и в другом случае, сказав: "**совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею, ибо сказано: два будут одна плоть" (прилепляяйся сквернодейце, едино тело есть: будета бо, рече, оба в плоть едину)** (1 Кор. 6: 16). Хотя последние слова сказаны о законном браке, но он удачно ими воспользовался для своего предмета, чтобы тем более устрашить. Так поступает и здесь, вместо свидетелей представляя свои пребывания (в Коринфе) и свои увещания. Слова его имеют такой смысл: "Раз, и другой говорил я вам, когда приходил к вам; говорю и теперь на письме. И если вы послушаете меня, то исполнено мое желание; если же не послушаете, то надобно уже будет сделать сказанное мною и наложить наказание". Поэтому и говорит: "**предварял и предваряю, как бы находясь у вас во второй раз, и теперь, отсутствуя, пишу прежде согрешившим и всем прочим, что, когда опять приду, не пощажу (прежде рех и предглаголю, яко у вас быв второе, и отсутствуя ныне пишу прежде согрешившим и прочим всем, яко аще прииду паки, не пощажду)** (ст. 2). Если **при устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово (при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол)**, – а я уже два раза был у вас и говорил, теперь же говорю на письме, – то мне надобно будет сдержать свое слово. Не думайте, чтобы послание мое к вам было маловажнее личного моего у вас присутствия. Как, будучи у вас я говорил, так и, находясь в отсутствии, пишу". Видишь ли отческую заботливость? Видишь ли подобающую учителю попечительность? Он и не смолчал, и не наказал; несколько раз предваряет, и не перестает грозить. Но наказание откладывает; если же и после этого не исправятся, тогда уже угрожает действительным наказанием. Что же ты прежде говорил, будучи в Коринфе, и что пишешь теперь, находясь в отсутствии? "**Когда опять приду, не пощажу" (Яко аще паки прииду, не пощажду)**. Сперва сказал, что не может этого сделать, если не будет к тому принужден, и необходимость наказывать назвал плачем и смирением для себя: "**чтобы опять**, – говорит, **– когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и [чтобы] не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись" (да не паки пришедша мя смирит Бог мой у вас, и восплачуся многих прежде согрешших и не покаявшихся)**; даже оправдывался пред ними, что уже раз, и два, и три предварял их, что все делает и придумывает, как бы обойтись без наказания и исправить их словесными только угрозами; и после этого только уже произносит грозные эти слова: "**когда опять приду, не пощажу**". Не сказал: "отмщу, накажу, предам истязанию", но и о самом наказании опять выражается отечески, показывая свою к ним любовь и сострадательность, по

которым, щадя их, доселе отлагал (наказание). Потом, чтобы они и теперь не подумали, что (наказание) опять будет отложено, и угрозы только на словах, он как выше сказал: "**При устах двух или трех свидетелей будет твердо всякое слово" (при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол)**, так и здесь присовокупляет: "**когда опять приду, не пощажу**". Слова эти значат: "Я уже не отложу (наказания), если, – чего не дай Бог! – найду вас не исправившимися, но непременно накажу, и исполню, что сказал". Вслед за тем, с великим гневом и с сильным негодованием на тех, которые смеялись над ним, как над человеком слабым, и о прибытии его (в Коринф) шутя говорили: "**в личном присутствии слаб, и речь [его] незначительна" (пришествие немощно и слово уничиженно)** (10: 10), – как бы обращая к ним речь свою, говорит: "**Вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне?" (понеже искушения ищете глаголющаго во мне Христа)** (ст. 3). Это сказал он, чтобы нанести и удар (лжеапостолам), и вместе дать почувствовать всем им (коринфянам). Смысл же слов его такой: "Так как вы хотите испытать, обитает ли во мне Христос, требуете от меня доказательств, и потому смеетесь надо мною как над человеком низким и презренным, не имеющим в себе силы Христовой, то узнаете, что я не лишен ее, если подадите к тому случай, чего, впрочем, да не будет". "Что же, – скажи мне, – за то ли хочешь наказать, что они ищут доказательства?" "Нет, – говорит, – если бы я искал случая наказать их, то с самого же начала наказал бы согрешивших, и не стал бы медлить". А что он точно не желает наказывать, это он ясно показал впоследствии словами: "**Молим Бога, чтобы вы не делали никакого зла, не для того, чтобы нам показаться, чем должны быть; но чтобы вы делали добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть" (молюся же не сотворити вам ни единаго зла, не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите, мы же яко неискусни будем)** (ст. 7).

2. Итак, он говорит это не в виде причины, но выражая скорее свое негодование, и, желая дать почувствовать это тем, которые его презирали. "Я не хочу, – говорит он, – показать над вами такого опыта. Если же сами вы подадите случай и захотите вызвать меня на то, то узнаете на самом деле". И смотри, с какою суровостью говорит он. Не сказал: "так как вы стараетесь искусить меня", но: "**Христос ли говорит во мне**", показывая тем, что они против Него согрешили. Не просто сказал: "обитает ли во мне Христос", но – "**Христос ли говорит во мне**", показывая тем, что слова его внушены Духом Святым. И если (Христос) не обнаруживает силы Своей и не наказывает, – апостол для того переносит речь от себя (ко Христу), чтобы сделать угрозы более страшными, – то не по немощи, так как Он всемогущ, но по долготерпению. Итак, никто пусть не почитает терпения (Господня) немощью! Чему ты, в самом деле, дивишься, если (Господь) не произносит теперь же суда на грешников и не подвергает их наказанию, но медлит и долготерпит, когда Он благоволил быть распятым на кресте, и, терпя крестные страдания, не наказывал? Потому (апостол) и присовокупил: "**Он не бессилен для вас, но силен в вас. Ибо, хотя Он и распят в немощи, но жив силою Божиею" (иже в вас не изнемогает, но может в вас. Ибо аще и распят бысть от немощи, но жив есть от силы Божия)** (ст. 3, 4). Слова эти очень неясны и смущают немощных. Поэтому нужно раскрыть их яснее, и показать истинное значение этого выражения, заключающего в себе неясность, чтобы никто и из простых не соблазнялся.

Итак, требуется объяснить, какой смысл сказанного, что значит слово "**немощь**" (**ασθένεια**), и в каком значении оно употреблено. Ведь одно и тоже слово имеет многие значения. Так, немощью называется болезнь телесная, почему и сказано в Евангелии о Лазаре: "**вот, кого Ты любишь, болен" (се, егоже любиши, болит)** (немощствует – **ασθενει**) (Иоан. 11: 3). И сам (Христос) сказал: "**эта болезнь** (немощь – **ασθένεια**) **не к смерти" (сия болезнь не к смерти)** (ст. 4). И Павел об Епафродите сказал: "**он был болен** (**ησθένησε**) **при смерти; но Бог помиловал его" (болé близ смерти, но Бог помилова**

его) (Филип. 2: 27); и о Тимофее: "**употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов**" (**ασθενείας**) **(мало вина приемли, стомаха ради твоего и частых твоих недугов)** (1 Тим. 5: 23). Во всех приведенных местах слово "немощь" означает телесный недуг. Немощью называются также нетвердость, колебания и несовершенство в вере. В таком смысле Павел говорил: "**Немощного в вере принимайте без споров о мнениях" (изнемогающаго в вере приемлите, не в сомнение помышлений)** (Рим. 14: 1). И в словах: "**Ибо иной уверен, [что можно] есть все, а немощный ест овощи" (ов бо верует ясти вся, а изнемогаяй зелия да яст)** (Рим. 14: 2), разумея немощного в вере. Вот два значения слова "**немощь**". Но и еще нечто называется немощью. Что же такое? Гонения, наветы, оскорбления, искушения, бедствия. И в таком смысле Павел говорил: "**Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но [Господь] сказал мне: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»" (о сем трикраты Господа молих. И рече ми: довлеет ти благодать Моя, сила бо Моя в немощи совершается)** (2 Кор. 12: 8, 9). Что значит "**в немощи**"? В различных родах смерти. И в том же смысле (апостол) сказал: "**Посему я благодушествую в немощах**" **(темже благоволю в немощи)** (12: 10). Показывая затем, о какой говорит немощи, не упомянул о горячке или о сомнении в вере; но что сказал? "**чтобы обитала во мне сила Христова… благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо, когда я немощен, тогда силен" (В досаждениих, во изгнаниих, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, да вселится в мя сила Христова. Егда бо немощствую, тогда силен есмь)** (12: 9, 10; 11: 23). "Когда, – говорит, – меня преследуют, когда гонят, когда против меня злоумышляют, **тогда силен**, тогда больше всего побеждаю и превозмогаю злоумышляющих помощью живущей во мне обильной благодати". В этом-то третьем значении Павел и употребил слово "**немощь**". И вот смысл сказанного. (Апостол) клонит речь к тому же, что говорил прежде, именно – что (коринфяне) почитали его низким и презренным. Так как он не хотел хвалиться, не хотел, чтобы и другие разумели его таким, каков он был на самом деле, не хотел показать силу, которую имел для наказания непокорных, то и почитали его ничего не значащим. И так как думавшие таким образом оставались в крайней беспечности и нечувствительности и не исправлялись от грехов, то (апостол), пользуясь благоприятным случаем, в выражениях весьма сильных рассуждает и о них, показывая, что он ничего не сделал им не по немощи, но по долготерпению. Потом, как я уже сказал, переносит речь от себя ко Христу и тем умножает страх, увеличивает угрозу. Слова же его имеют такой смысл: "Если и сделаю что, накажу и покараю согрешивших, то разве я буду карать и наказывать их? Накажет Христос, Который обитает во мне. Если же не верите тому, и хотите видеть доказательство, то скоро узнаете из действий Живущего во мне, так как Он **не бессилен для вас, но силен в вас" (не изнемогает в вас, но может)**. Для чего (апостол) прибавил "**для вас**", когда (Христос) везде силен? Захочет ли Он наказать неверных, или демонов, или кого другого – Он все может. Что же значит это прибавление? (Апостол) или хочет пристыдить их тем, что они сами уже испытали, или выражает то, что (Христос) теперь показывает силу в вас, которые должны исправиться. Так и в другом месте сказал: "**Ибо что мне судить и внешних?" (что бо ми и внешних судити?)** (1 Кор. 5: 12).

3. "Внешних, – говорит он, – будет судить Бог в день суда; а вас хочет наказать еще ныне, чтобы избавить от будущего наказания". Но смотри, как при всей своей попечительности, происходящей от отеческого сердоболия, (апостол) дает место страху и великому гневу, говоря: "**Он не бессилен для вас, но силен в вас. Ибо, хотя Он и распят в немощи, но жив силою Божиею" (Иже в вас не изнемогает, но может в вас. Ибо аще и распят бысть от немощи, но жив есть от силы Божия)**. Что значат слова: "**хотя Он и распят в немощи" (аще и распят бысть от немощи)**? То, что хотя (Христос) благоизволил пострадать, что имело вид немощи, но это нисколько не уменьшает Его силы. Сила Его пребывает непобедимою, и то, что имело вид немощи, нимало не повредило ей; напротив,

оно-то наиболее и показало Его крепость в том, что и страдание претерпел Он, и сила Его чрез то не сократилась. Итак, да не смущает тебя слово "**немощь**", потому что и в другом месте (апостол) говорит: "**потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков" (буее Божие премудрее человек есть, и немощное Божие крепчае человек есть)** (1 Кор. 1: 25); хотя в Боге нет ничего немудрого **(буиего)**, ничего слабого, но так (апостол) назвал крест, представляя мнение о нем неверных. Послушай, как сам он толкует слова свои: "**Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, - сила Божия" (слово бо крестное погибающим убо юродство есть, а спасаемым нам сила Божия есть)**. И еще: "**а мы проповедуем** Бога **распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость" (мы же проповедуем Христа распята, Иудеем убо соблазн, Еллином же безумие, самим же званным Иудеем же и Еллином Христа, Божию силу и Божию премудрость)** (1 Кор. 1: 18, 23, 24). И в другом месте: "**Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием" (душевен же человек не приемлет, яже Духа; юродство бо ему есть)** (2: 14). Смотри, как везде он излагает мнение неверных, почитающих крест юродством и немощью. Так и здесь говорит не о действительной немощи, но о воображаемой неверующими. Итак, (апостол) не то говорит, что (Христос) распят по немощи, – да не будет этого! – ведь Он во всем показал, что мог быть и не распят – то повергнув ниц на землю (пришедших с Иудою, Иоан. 18: 6), то помрачив солнце, то иссушив смоковницу, то ослепив очи хотевших взять Его, и сотворив другие бесчисленные чудеса. Что же значит выражение "**в немощи" (от немощи)**? То, что хотя Христос был и распят, претерпел бедствия и наветы, – а мы уже доказали, что наветы и бедствия называются немощью, – однако Он не понес никакого вреда. И все это (апостол) сказал для того, чтобы применить к самому себе. Так как (коринфяне) видели, что (апостолы) были гонимы, преследуемы, презираемы, и Бог не отмщал за них, и сами они не вступались за себя, то, чтобы научить их, что они терпят все это не по немощи, и не потому, чтобы не могли отмстить за себя, указывает на пример Владыки. "Так, – говорит, – и сам (Господь) был распят, связан, терпел бесчисленные мучения, но не мстил за Себя; напротив, понес все, что казалось немощью, и в этой немощи явил силу свою, – потому что не потерпел никакого вреда, хотя и не мстил, и не вступался за Себя. Крест не пресек жизни Его, не воспрепятствовал воскресению; напротив – (Христос) воскрес, и живет. А когда слышишь о кресте и жизни, разумей это о домостроительстве спасения, потому что о нем идет вся речь". А когда (апостол) говорит: "**силою Божиею" (от силы Божия)**, он не разумеет, что (Христос) не мог сам оживотворить плоти Своей, а показывает только, что безразлично – сказать ли: "силою Отца", или: "силою Сына"; и потому, сказав: "**силою Божиею" (от силы Божия)**, то же сказал, что и "Своею силою". А что (Христос) действительно сам воздвиг и воскресил плоть Свою – послушай, как Он сам говорит о том: "**разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его" (разорите церковь сию, и аз треми денми воздвигну ю)** (Иоан. 2: 19). Если же (Христос) принадлежащее Ему называет принадлежащим Отцу, не приходи от этого в смущение. "**Все**, – говорит Он, – **что имеет Отец, есть Мое" (Вся елика имать Отец, Моя суть)** (Иоан. 16: 15); и в другом месте: "**И все Мое Твое, и Твое Мое" (Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя)** (17: 10). "Итак, – говорит (апостол), – как (Христос), будучи распят, не потерпел никакого вреда, так и мы, когда нас гонят и вооружаются на нас, (не терпим вреда)". Потому и присовокупляет: "**и мы также, хотя немощны в Нем, но будем живы с Ним силою Божиею " (ибо и мы немощствуем в Нем, но живи будем в Нем от силы Божия)**. Что значит: "**немощны в Нем" (немощствуем в Нем)**? Подвергаемся гонениям, притеснениям, и терпим крайние бедствия. А что значит – "**в Нем**"? То, что терпим за проповедь и за веру в Него. Если же терпим за Него все скорбное и тягостное, то, несомненно, получим и радостное. Поэтому (апостол) и говорит далее: "**но будем живы с Ним силою Божиею в вас. Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследывайте. Или вы не знаете самих себя, что**

Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть. О нас же, надеюсь, узнаете, что мы то, чем быть должны" (но живи будем в Нем от силы Божия. Себе искушайте, аще есте в вере, себе искушайте. Или не знаете себе, яко Христос в вас есть, разве точию чим неискусни есте? Уповаю же, яко разуметь имате, яко мы несмы неискусни) (ст. 5, 6). (Апостол) выше доказал, что, если не наказывает (коринфян), то не потому, чтобы не имел в себе Христа, но потому, что подражает Его долготерпению, так как сам (Господь) был распят, и не отмстил за Себя. И теперь доказывает то же, но другим образом и гораздо убедительнее, извлекая доказательство из примера учеников. "Что мне говорить о себе – учителе, который имеет столько попечений, которому вверена целая вселенная, который совершил столько чудес? И вы сами, находящиеся в числе учеников, если захотите испытать самих себя, усмотрите, что и в вас обитает Христос. Если же в вас, то тем более в учителе. Если вы имеете веру, то и Христос в вас". И это самое сказано им о таких верующих, которые творили чудеса, потому что верующие в то время чудодействовали. Поэтому (апостол) и прибавляет: "**Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследывайте. Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть**. **(себе искушайте, аще есте в вере, себе искушайте. Или не знаете себе, яко Христос в вас, разве точию чим неискусни есте?)** Если же в вас, то тем более – в учителе". Мне кажется, что (апостол) здесь говорит о вере чудодействующей. "Если вы имеете, – говорит он, – эту веру, то Христос в вас; **разве только вы** сделались **не тем, чем должны быть**".

4. Видишь ли, как опять он устрашает, и со всею ясностью показывает, что Христос с ним? Здесь, мне кажется, он указывает (коринфянам) и на жизнь. Так как одна вера недостаточна к получению духовной силы (чудотворения); а он сказал, что если вы пребываете в вере, то имеете в себе Христа, между тем как многие, имея веру, не имели этой силы чудодейственной, – то, разрешая недоумение, он и говорит: "**разве только вы не то, чем должны быть" (разве точию чим неискусни есте)**, то есть: "разве порочна жизнь ваша".

"**О нас же, надеюсь, узнаете, что мы то, чем быть должны" (Уповаю же, яко разумети имате, яко мы несмы неискусни)**. Следовало сказать: "Если вы сделались и неискусны, все же мы не неискусны". Но не так он говорит, чтобы не оскорбить их, а выражает это прикровенно; не говорит утвердительно – "вы неискусны"; не предлагает и в виде вопроса: "Разве вы неискусны?" Но, оставляя это, выражает то же самое скрытным образом, говоря: "**О нас же, надеюсь, узнаете, что мы то, чем быть должны" (уповаю же, яко разумети имате, яко мы несмы неискусни)**. И здесь опять сильная угроза, великий страх. "Если вы хотите, – говорит, – чтобы я доказал вам это, наказав вас, то мы не затруднимся дать вам такое доказательство". Впрочем, он не так говорит, но с большею строгостью и угрозою: "**О нас же, надеюсь, узнаете, что мы то, чем быть должны" (уповаю же, яко разумети имате, яко мы несмы неискусни)**. "Вам и без этого, – говорит он, – надлежало знать нашу силу и то, что в нас говорит и действует Христос; но так как вы хотите испытать это на самом деле, то узнаете, что **мы то, чем быть должны" (мы несмы неискусни)**. Потом, ввиду того, что он простер угрозу далеко, поставил наказание у самых уже дверей, привел (коринфян) в трепет и заставил ожидать казни, – то смотри, какою сладостью опять растворяет свое слово, как умеряет их страх и показывает свою невзыскательность, попечительность об учениках, любомудрие, высоту, и свободу от тщеславия. Все это он выражает в следующих далее словах: "**Молим Бога, чтобы вы не делали никакого зла, не для того, чтобы нам показаться, чем должны быть; но чтобы вы делали добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть. Ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину. Мы радуемся, когда мы немощны, а вы сильны; о сем-то и молимся, о вашем совершенстве" (молюся же к Богу, не сотворити вам ни единаго зла, не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе**

сотворите, мы же яко неискусни будем. Ничто же бо можем на истину, но по истине. Радуемся бо, егда мы немощствуем, вы же сильны бываете. О сем бо и молимся, о вашем совершении) (ст. 7- 9).

Где можно найти душу, подобную (Павловой)? Его презирали, унижали, осмеивали, над ним издевались, как над человеком ничтожным, ничего не значащим, хвастливым, который величается только на словах, а на деле нисколько не может показать своей силы; а он не только медлит, не только не хочет наказывать, но еще молит Бога, чтобы не дойти до такой необходимости. "Молюся же, – говорит он, – **чтобы вы не делали никакого зла, не для того, чтобы нам показаться, чем должны быть; но чтобы вы делали добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть" (не сотворити вам ни единаго зла, не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите, мы же яко неискусни будем)**. Что значат эти слова? "Прошу и молю Бога, – говорит он, – чтобы мне никого не найти не исправившимся, никого не найти не раскаявшимся, и не только об этом молю, но и о том, чтобы вы и не начинали грешить, – **чтобы вы не делали**, – говорит он, – **никакого зла (не сотворити вам ни единаго зла)**; а если согрешите, то чтобы вы спешили покаяться, предварили меня исправлением, и предотвратили всякий гнев. Я забочусь не о том, чтобы явиться пред вами искусным, но совершенно напротив, – о том, чтобы нам не явиться искусными. Если, – говорит, – вы пребываете во грехах нераскаянными, то необходимо нужно наказать вас, подвергнуть истязанию ваши тела, как поступлено было с Сапфирою и с волхвом (Деян. 5: 13, 14; 8: 11), над которым мы явили опыт нашей силы. Но мы не об этом молимся, а напротив, чтобы нам не показывать себя искусными в таком деле, то есть, чтобы не делать опыта силы, какая в нас, наказывая вас и карая согрешающих и болящих неисцельно. Но о чем (молимся)? **Чтобы вы делали добро (да вы доброе сотворите)**; молимся о том, чтобы вы всегда пребывали в добродетели, всегда были исправны; **хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть (мы же яко неискусни будем)**, не обнаруживая в себе карающей силы". И не сказал: "**неискусны** (будем)", так как не стал бы неискусным, хотя бы и не наказал; напротив, чрез это самое и показал бы себя искусным. "Но, если некоторые, – говорит, – и почитают нас презренными и недостойными уважения, потому что не показываем силы своей, то мы нимало об этом не заботимся. Лучше нам навлечь на себя от них такое мнение, нежели проявлять данную нам от Бога силу в наказании людей с неисправимой душой. **Ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину" (Ничто же бо можем на истину, но по истине)**. Чтобы не показалось, будто он делает так из угождения им (что чуждо для души, не знающей тщеславия), а напротив – что делает то, чего требует самое свойство дела, (апостол) и присовокупил: "**Ибо мы не сильны против истины, но сильны за истину" (ничто же бо можем на истину)**. "Если, – говорит, – найдем вас благоустроенными, сложившими с себя грехи чрез покаяние, и имеющими дерзновение к Богу, то нам, хотя бы мы и захотели, нельзя будет наказать вас, и если бы решились на то, Бог не будет нам содействовать. Он для того дал нам силу, чтобы мы произносили приговор верно, праведно, а не вопреки истине". Видишь ли, как он везде смягчает слово свое и умеряет тяжесть угрозы? И сколько заботился об этом, столько желает показать и свое к ним благорасположение. Потому и присовокупил: "**Мы радуемся, когда мы немощны, а вы сильны; о сем-то и молимся, о вашем совершенстве" (радуемся бо, егда мы немощствуем, вы же сильни бываете. О сем же и молимся, о вашем совершении)**. "Тому особенно радуемся, – говорит он, – что ничего не можем против истины, т. е. не можем наказывать вас, когда вы благоугождаете (Богу). А так как не можем, то и не хотим, даже желаем противного. Но потому-то самому особенно и радуемся, когда не находим, что вы подаете нам причину показать силу нашу в наказании вас. И хотя и чрез то явились бы мы славными, искусными и сильными, но желаем противного, т. е., чтобы вы были искусны и непорочны, а мы отсюда не приобрели себе славы". Потому и говорит: "**Мы радуемся, когда мы немощны" (радуемся бо, егда мы**

немощствуем). Что значит – "**немощны" (немощствуем)**? "Когда нас почитают немощными; не когда мы немощны, но когда почитаемся немощными". А таковыми почитали (апостолов) враги за то, что не обнаруживали карающей своей силы. "И все же мы радуемся, когда вы так живете, что не подаете нам повода наказывать вас. И для нас приятно, что почитают нас в этом отношении немощными, только бы вы были неукоризненны". Потому и прибавляет: "**а вы сильны" (вы же сильни бываете)**, т. е. искусны и добродетельны. "И мы не только желаем, но и молимся об этом – чтобы вы были непорочны, совершенны, и не подавали нам никакого повода (наказывать вас)".

5. Подлинно отеческая любовь – предпочитать спасение учеников личной своей славе! Вот душа, в которой нет места тщеславию. А свобода от тщеславия больше всего освобождает от оков телесных и возносит от земли к небу. Напротив, тщеславие ведет ко многим грехам. Да и невозможно стать высоким, великим и благородным не очистившему себя от тщеславия; оно необходимо пресмыкается долу, и многое портит, раболепствуя этому гнусному повелителю, более жестокому, чем всякий варвар. В самом деле, что может быть свирепее тщеславия, которое тогда наиболее и свирепствует, когда наиболее ему услуживают? Такого свойства не имеют даже и звери – напротив, они смягчаются, когда за ними ухаживают. А тщеславие совершенно напротив: когда его презирают – оно укрощается, а когда чествуют – свирепеет, и вооружается на своих почитателей. Служившие тщеславию иудеи жестоко наказаны; а ученики (Христовы), презиравшие его, увенчаны. Но что говорю о наказании и венцах? Даже к тому самому, чтобы сделаться славным, всего более содействует презрение тщеславия. И отсюда видно также, что почитающие тщеславие сами себе вредят; а презирающие его приобретают пользу. Ученики (ничто не мешает воспользоваться опять тем же примером), презревшие тщеславие, предпочтившие славу Божию, сияют светлее солнца, стяжав себе бессмертную память и по кончине. Напротив, поработившиеся тщеславию иудеи не имеют теперь ни города, ни домов, стали бесчестными, изгнанниками, пресельниками, ничтожными, презренными.

Так и ты, если хочешь достигнуть славы, отвергай славу; а если будешь гоняться за славою, лишишься славы. Если же угодно, покажем то же самое и на делах житейских. Кого мы преследуем насмешками и остротами? Не тех ли, которые домогаются славы? Они-то, следовательно, всего более и лишены ее, имея тысячи обвинителей и находясь у всех в бесчестии. А кому, скажи, удивляемся? Не тем ли, которые презирают славу? Они-то, следовательно, и пользуются ею. Подобно тому, как богат не тот, кто во многом имеет нужду, но кто ни в чем не нуждается, так и славен не тот, кто ищет славы, но кто презирает ее. Ведь земная слава только тень славы. Видя написанный на картине хлеб, никто не прикасается к картине, хотя бы мучился ужасным голодом. Не гоняйся же и ты за тенью, – ведь это тень славы, а не слава. А чтобы тебе увериться, что это так – размысли о том, что славолюбие всеми считается за нечто худое, чего надобно избегать, по мнению всякого, даже желающего славы; и снискал ли уже кто славу, или только домогается ее, – стыдится, когда называют его славолюбцем. "Откуда же, – спросишь, – желание славы, и отчего происходит эта страсть?" От малодушия (нужно не обличать только погрешности, но и исправлять), от несовершенного смысла, от детского понятия. Перестанем же быть детьми, и станем мужами; будем не за тенью гоняться, но искать везде истины – и в богатстве, и в удовольствиях, и в наслаждениях, и в славе, и в могуществе, – и эта болезнь прекратится, а вместе с нею и другие многие. Гоняться за тенью свойственно безумному. Потому Павел и сказал: "**Отрезвитесь, как должно, и не грешите" (истрезвитеся праведно и не согрешайте)** (1 Кор. 15: 34). Пристрастие к славе есть своего рода безумие, которое гораздо сильнее безумия, производимого в человеке бесом или обнаруживаемого при сумасшествии. Последнее извинительно, а первое не имеет никакого оправдания, потому что здесь самая душа повреждена, и ее суждения

неправильны, погибельны. Сумасшествие часто происходит от злохудожного разума. Как самая жестокая и неисцелимая горячка есть та, которая поражает твердое тело, свирепствует в нервах и скрывается в жилах, так и это неистовство ужасно, потому что свирепствует в разуме, извращает и ослабляет его. В самом деле, не ясное ли и очевидное сумасшествие, не болезнь ли всякого сумасшествия жесточе – презирать постоянно пребывающее, и с великим тщанием гоняться за скоропреходящим? Скажи, если бы кто стал догонять ветер или захотел схватить его, не назвали ли бы того безумным? Или, если бы кто стал гоняться за тенями и презирать действительные предметы, возненавидел бы жену свою и вместо нее обнимал тень ее, или стал бы отвращаться от своего сына, а любить опять тень его, то потребуешь ли ты еще яснейшего доказательства его сумасшествия? Но таковы все пристрастные к настоящим вещам. Все ведь настоящее – тень; укажешь ли ты на славу, или на могущество, на почести, на богатство, на удовольствие, или на что бы то ни было другое житейское. Потому-то и пророк сказал: "**человек ходит подобно призраку; напрасно он суетится" (убо образом ходит человек, обаче всуе мятется)** (Пс. 38: 7), и еще: "**Дни мои - как уклоняющаяся тень" (дние наши яко сень уклонишася)** (Пс. 101: 12). И в другом месте все человеческие (замыслы) он называет дымом и цветом травным (Пс. 101: 4, 5). Но не одно только приятное есть тень, а также и прискорбное, как-то: и смерть, и бедность, и болезнь, и тому подобное. Что же постоянно как из приятного, так и из прискорбного? Вечное царствие и нескончаемое мучение, потому что ни червь не умрет, ни огонь не угаснет, и праведники воскреснут в жизнь вечную, а грешники в муку вечную. Итак, чтобы нам избежать нескончаемого мучения, а наследовать вечное царствие, – оставив тень, со всею ревностью обратимся к предметам действительным. Таким образом достигнем царствия небесного, которого и до сподобимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 30

"Для того я и пишу сие в отсутствии, чтобы в присутствии не употребить строгости по власти, данной мне Господом к созиданию, а не к разорению" (2 Кор. 13:10).

1. (Апостол) сознавал, что сказанное им, особенно к концу послания, строго. Выше он говорил: "**Я же, Павел, который лично между вами скромен, а заочно против вас отважен, убеждаю вас кротостью и снисхождением Христовым. Прошу, чтобы мне по пришествии моем не прибегать к той твердой смелости, которую думаю употребить против некоторых, помышляющих о нас, что мы поступаем по плоти" (сам же аз Павел молю вы кротостию и тихостию Христовою, иже в лице убо смирен в вас, не сый же у вас дерзаю в вам. Молю же, да не присущ дерзаю надеянием, им же помышляю смети на некия непщующия нас, яко по плоти ходящих)**; и: "**и готовы наказать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится" (в готовости имуще отмстити всяко преслушание, егда исполнится ваше послушание)** (10: 1, 2, 6): и еще: "**Ибо я опасаюсь, чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю, также чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете: чтобы [не найти у вас] раздоров, зависти, гнева, ссор, клевет, ябед, гордости, беспорядков, чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и [чтобы] не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали" (боюся же, еда како пришед, не яцех же хощу обрящу вас, и аз обрящуся вам, якова же не хощете: да не паки пришедша мя смирит Бог мой у вас, и восплачуся многих прежде согрешших и не покаявшихся о нечистоте и блуждении, яже содеяша)** (12: 20, 21); и потом: "**Я предварял и предваряю, как бы находясь [у вас] во второй раз, и теперь, отсутствуя, пишу прежде согрешившим и**

всем прочим, что, когда опять приду, не пощажу. Вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне" (прежде рех и предглаголю, яко у вас быв второе, и отсутствуя ныне пишу, яко еще прииду паки, не пощажду; понеже искушения ищете глаголющаго во мне Христа) (13: 2, 3). Итак, ввиду этого, равно как и многого другого, что сказано было им в их устрашение, посрамление, укоризну и порицание, он, желая оправдать себя во всем, говорит: "**Для того я и пишу сие в отсутствии, чтобы в присутствии не употребить строгости" (сего ради не сый у вас сия пишу, да не пришед безщадно сотворю)**. "Я желаю – (говорит), – чтобы строгость моя была только на словах, а не на деле; желаю, чтобы послания были строги, чтобы угрозы продолжались, но не приводились в исполнение". Но и в самом этом оправдании он опять делает речь свою грозною, показывая, что не он будет наказывать их, но Бог, именно, он присовокупил: "**по власти, данной мне Господом" (по власти, юже Господь даде ми)**; и вместе давая опять разуметь, что не желает употребить власть свою для наказания их, тоже присовокупил: "**к созиданию, а не к разорению" (в созидание, а не на разорение)**. Впрочем, теперь хотя и сделал об этом намек, как сказал я, однако оставил им самим на размышление, что, если они не исправятся, то наказать не исправляющихся есть также созидание. А что это действительно так, сам он знал, и показал то на деле.

"**Впрочем, братия, радуйтесь, усовершайтесь, утешайтесь, будьте единомысленны, мирны, - и Бог любви и мира будет с вами" (Прочее, братие, радуйтеся, совершайтеся, утешайтеся, тожде мудрствуйте, мир имейте, и Бог любве и мира будет с вами)** (ст. 11). Что значит: "**Впрочем, братия, радуйтесь" (прочее, братие, радуйтеся)**? Ты опечалил, устрашил, поверг в скорбь, заставил трепетать и бояться; как же велишь радоваться? "По этому самому, – говорит, – и велю радоваться. В самом деле, если вы, со своей стороны, будете соответствовать тому, что я обязан сделать, со своей стороны, то не будет препятствия к радости. А с моей стороны все сделано: я долготерпел, медлил, не отлучал вас, убеждал, увещевал, устрашал, угрожал, чтобы как-нибудь произвести в вас плоды покаяния. Теперь вам должно сделать свое дело, – и радость ваша не помрачится".

"**Усовершайтесь" (Совершайтеся)**. Что же значит – "**Усовершайтесь" (совершайтеся)**? Будьте совершенны и восполните, чего не достает.

"**Утешайтесь**". Так как искушений было много, и опасности были велики, то ищите утешения друг в друге, и в нас, и в собственном исправлении. Если радость ваша происходит от (чистой) совести, и если вы совершенны, то ничего не достает к вашему благодушию и утешению, потому что ничто не доставляет столько утешения, как чистая совесть, хотя бы вы окружены были бесчисленными искушениями.

"**Будьте единомысленны, мирны" (Тожде мудрствуйте, мир имейте)**. Об этом просил он и в начале первого послания. Случается, что люди имеют одни и те же мысли, однако не имеют мира, например, – когда в догматах веры согласны, а друг против друга враждуют. Напротив, Павел здесь требует того и другого (и единомыслия и согласия).

"**И Бог любви и мира будет с вами" (И Бог любве и мира будет с вами)**. Не только увещевает и советует иметь мир, но и молит о том Бога; и подлинно, здесь он или молит, или предсказывает будущее, а вернее, то и другое вместе. "Если, – говорит он, – будете так поступать, то есть, одно и то же мудрствовать и иметь мир между собою, то и Бог будет с вами, потому что Бог есть Бог любви и мира, Он этому радуется, и об этом веселится. Отсюда – от любви Его – и в вас будет мир. Отсюда – избавление от всех зол. Эта любовь спасла вселенную, она прекратила застарелую на земле вражду, она соединила землю с небом, она сделала людей ангелами. Возлюбим же ее и мы, потому что

она – матерь бесчисленных благ. Ею мы спасены, через нее нам дарованы все неизреченные блага". Затем, возводя их к любви, (апостол) говорит: "**Приветствуйте друг друга лобзанием святым" (целуйте друг друга лобзанием святым)** (ст. 12). Что значит – "**святым**"? Не притворным, не коварным, каким Иуда облобызал Христа. Для того и дано лобзание, чтобы возбуждать любовь, чтобы воспламенять искреннее расположение, чтобы мы так любили друг друга, как братья братьев, как дети отцов, и отцы детей, или еще и больше, – потому что эта (любовь) – от природы, а наша – от благодати. Чрез лобзание соединяются между собою души. Вот почему, и возвращаясь из путешествий, мы целуем друг друга, когда души наши приходят во взаимное общение. Поцелуй уст особенно выражает расположение души нашей.

2. Можно сказать и еще нечто об этом святом лобзании. Что же такое? Мы – храм Христов. Поэтому, лобзая друг друга, мы лобзаем преддверия и вход храма. Не видите ли, как многие лобызают двери и этого храма[1], одни преклоняя главу, другие, прикасаясь рукой и поднося руку к устам? И этими вратами и дверьми[2] входил и входит к нам Христос, когда мы причащаемся. Вы, причастники таинства, понимаете, что я говорю. Не простой чести сподобляются уста наши, приемлющие тело Владычне. Потому-то здесь, по преимуществу, мы и лобзаем друг друга. Пусть слышат это предающиеся сквернословию и злословию, – и да ужаснутся при мысли, как они скверняют уста свои. Пусть слышат это срамно лобызающиеся. Послушай, что Бог вещал устами твоими, – и береги их от осквернения. Он вещал ими о жизни будущей, о воскресении, о бессмертии, о том, что смерть уже не смерть, и о многих других неизреченных (тайнах). В самом деле, приступающий к таинству приближается к устам иерея, как к прорицалищу. Послушаем, как они страшны. Приступающий погубил жизнь свою еще в прародителях, и приходит взыскать ее и просить совета, как найти и приобрести ее. Тогда Бог вещает устами иерея, как найти ее; и уста иерея бывают страшнее самого очистилища. Это последнее никогда не издавало такого гласа, а прорекало о предметах гораздо низших, о земных войнах и о земном мире; напротив, эти уста вещают о небе, о будущей жизни, о вещах новых и превосходящих разум. Сказавши же: "**Приветствуйте друг друга лобзанием святым" (целуйте друг друга лобзанием святым)**, (апостол) присовокупил: "**Приветствуют вас все святые" (целуют вы святии вси)**, и этим подавая им радостную надежду. Это он написал вместо лобзания, соединяя их между собою этим взаимным приветствием, потому что от тех же уст происходит и лобзание и слова. Видишь ли, как он соединяет между собою всех – удаленных по плоти и близких, первых – посредством писания, а последних – посредством лобзания?

"**Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца, и общение Святаго Духа со всеми вами. Аминь**" (ст. 13). Таким образом, соединив их между собою и приветствиями, и лобзаниями, опять заключает слово молитвою, а чрез нее всемерно старается соединить их и с Богом.

Где теперь утверждающие, что Святый Дух не единосущен Отцу и Сыну потому, что о Нем не упоминается в начале посланий? Вот теперь (апостол) наименовал и Его вместе с Отцом и Сыном. Кроме того, должно сказать и то, что (апостол) в послании к колосянам, сказав: "**благодать вам и мир от Бога Отца нашего**" (Кол. 1: 2), умолчал о Сыне, и не прибавил, как в прочих посланиях: "**и Господа Иисуса Христа**". Ужели поэтому и Сын будет не единосущен (Отцу)? Но утверждать это есть крайнее безумие. Напротив, то самое и показывает Его единосущие, что Павел в различных местах различно упоминает (о лицах). А что сказанное мною не одна догадка, – послушай, как он упоминает о Сыне и о Духе, а умалчивает об Отце. Так в (первом) послании к Коринфянам говорит: "**но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего" (но омыстеся, но освятистеся, но оправдастеся именем Господа**

Иисуса Христа, и Духом Бога нашего) (6: 11). Итак, скажи, неужели они не крестились во имя Отца? Тогда они и не омылись, и не освятились. Но они крестились (во имя Отца), так как действительно крестились. Почему же не сказал, что омылись именем Отца? Потому, что для него безразлично – один раз упомянуть об одной ипостаси, в другой раз – о другой. То же найдешь и во многих местах посланий. Так в послании к Римлянам говорит: "**умоляю вас, братия, милосердием Божиим" (молю убо вас щедротами Божиими)** (Рим. 12: 1), хотя щедроты принадлежат и Сыну. И в другом месте: "**умоляю вас… любовью Духа" (молю вы любовию Духа)** (15: 30), хотя любовь принадлежит и Отцу. Почему же он не упомянул о Сыне, когда говорит о щедротах, и об Отце, когда говорит о любви? Он умолчал об этом, как для всех явном и несомненном. Найдешь также и то, что (апостол) и самые дары приписывает (лицам Св. Троицы) в обратном порядке. Так, сказав здесь: "**благодать Христа, и любовь Бога и Отца, и общение Святаго Духа**", в другом месте общение приписывает Сыну, а любовь Духу, говоря: "**умоляю вас… любовью Духа" (молю вы любовию Духа)**, а в (первом) послании к Коринфянам: "**Верен Бог, Которым вы призваны в общение Сына Его" (верен Бог, им же звани бысте во общение Сына Его)** (1: 9). Так все, принадлежащее Троице, нераздельно! И где общение Духа, там и общение Сына, и где благодать Сына, там благодать Отца и Святаго Духа. Так (апостол) сказал: "**благодать вам от Бога Отца**"; а в другом месте, исчисливши многие виды благодати, присоединил: "**Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно" (вся же сия действует един и тойжде Дух, разделяя властию коемуждо, якоже хощет)** (1 Кор. 12: 11). Говорю же это не потому, что смешиваю ипостаси, – нет! – напротив, знаю как то, чем они различаются и разделяются, так и единство их сущности.

3. Итак, будем и догматы эти содержать со всею точностью и привлекать к себе любовь Божию. Бог прежде возлюбил нас, когда мы еще ненавидели Его, и примирил с Собою, когда мы еще были врагами Его; и теперь хочет любить нас, уже любящих Его. Будем же постоянно любить Его, чтобы и Он любил нас. Если мы, пользуясь любовью сильных людей, для всех бываем страшны, то тем более, когда будем (в любви) у Бога. И если из любви к Нему нужно будет отдать имущество, тело свое, даже самую душу, не пощадим ничего. Не достаточно свидетельствовать любовь свою к Нему только на словах; нужно показать ее и делами, так как и Он сам явил Свою любовь к нам не словами только, но и делами. Так и ты покажи любовь к Нему на самом деле, и твори угодное Ему. В таком случае сам же ты опять получишь пользу. Сам, ведь, Он ни в чем нашем не нуждается. Это-то и служит особенным доказательством искренней любви Его к нам, что, не нуждаясь в нашей любви, Он все делает для того, чтобы мы Его любили. Потому и Моисей говорил: "**чего требует от тебя Господь, Бог твой? Того только, чтобы ты … ходил всеми путями Его, и любил Его" (что бо ищет Господь Бог у вас, точию еже любити Его, и готову быти** тебе **еже ходити в след Его)** (Втор. 10: 12). Таким образом, когда Он повелевает тебе любить Его, тогда особенно показывает, что любит тебя, потому что ничто так не доставляет нам спасения, как любовь к Нему. Смотри, и все заповеди Его клонятся к нашему успокоению, спасению и прославлению. Так, когда Он говорит: "**блаженны милостивые, блаженны чистые сердцем, блаженны кроткие, блаженны нищие духом, блаженны миротворцы**" (Мф. 5: 3-9), сам Он никакой пользы отсюда не получает, а заповедует это для того, чтобы нас украсить и настроить. Равным образом, когда говорит: "**алкал Я" (взалкахся)** (Мф. 25: 42), не имеет нужды в нашей помощи, но тебя побуждает к человеколюбию. Он и без тебя мог бы пропитать бедного, но, даруя тебе величайшее сокровище, заповедал это. Если солнце, будучи творением, не нуждается в наших очах (оно ведь так же стало бы блистать, хотя бы и никто не смотрел на него), но мы получаем пользу, когда наслаждаемся лучами его, то тем более применимо это к Богу. Но чтобы тебе еще более увериться в этом, послушай: какое, ты думаешь, различие между Богом и нами? Такое ли, как между нами и комарами, или гораздо большее? Очевидно,

что гораздо и даже беспредельно большее. Итак, если мы, тщеславные, не нуждаемся в помощи или в славе от комаров, то тем более не нуждается Бог, бесстрастный и ни в чем не имеющий нужды. Поэтому в той только мере получает от нас пользу Бог, в какой благотворит нам, в какой радуется о нашем спасении. Часто даже оставляя Свое, Он ищет твоего. "**Если какой брат**, – сказано, – **имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее" (Аще кто жену имать неверну, и та благоволит жити с ним, да не оставляет ея)** (1 Кор. 7: 12). "**Кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать" (А отпущаяй жену разве словесе любодейнаго, творит ю любодействовати)** (Мф. 5: 32). Видишь ли несказанную благость? "Если, – говорит, – жена твоя любодействует, не принуждаю тебя жить с нею; если же она неверующая, не препятствую. Опять, если кто оскорбил тебя, повелеваю оставить приносимый Мне дар и идти к оскорбившему". "**Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой" (Аще бо принесеши дар твой, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя, остави дар твой пред алтарем, и шед, прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой)** (Мф. 5: 23, 24). И притча о должнике не то же ли самое показывает? В самом деле, когда он расточил десять тысяч талантов, господин умилосердился над ним и отпустил ему; когда же он потребовал от своего сораба сто динариев, господин назвал его лукавым и предал наказанию (Мф. 18: 24). Столь много печется Господь о твоем спокойствии! Варвар замыслил грех против жены праведника, – и (Господь) говорит ему: "**удержал тебя от греха предо Мною" (пощадех тя, да не согрешиши ко Мне)** (Быт. 20: 6). Павел гнал апостолов – и (Господь) говорит ему: "**что ты гонишь Меня (что Мя гониши)** (Деян. 9: 4)**?**" Другие алчут, а Он называет Себя алчущим, и нагим, и странником (Мф. 25: 35), желая пристыдить тебя и побудить тем к подаянию милостыни. Итак, представляя себе любовь, какую Бог доселе во всем нам оказывал и оказывает, – а Он благоволил сообщить нам ведение о Себе, что составляет величайшее и главное благо, свет ума, и учение добродетели, дал нам закон добродетельной жизни, сделал для нас все, дал нам и Сына Своего, и обещал царствие, и призвал нас к неизреченным благам, и приуготовил нам блаженнейшую жизнь, – будем все делать и говорить так, чтобы нам явиться достойными и любви Его, и получить будущие блага, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Храма, в котором Златоуст произносил свою беседу

[2] Нашими устами.

Толкование на послание к Галатам

ГЛАВА 1

"Павел Апостол, [избранный] не человеками и не через человека, но Иисусом Христом и Богом Отцем, воскресившим Его из мертвых, и все находящиеся со мною братия - церквам Галатийским: благодать вам и мир от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа" (ст. 1-3).

1. Начало послания исполнено великого гнева и вместе великой мудрости; да и не одно только начало, но и все, можно сказать, послание. Это потому, что беседовать с наставляемыми всегда с кротостью, хотя бы даже по отношению к ним и была необходима строгость, свойственно скорее не учителю, а губителю и недоброжелателю. Вот почему и Господь, беседовавший в большинстве с учениками с кротостью, в некоторых случаях употребляет строгость в слове, и иногда ублажает их, а иногда порицает. Так, сказав Петру: "**блажен ты, Симон, сын Ионин" (блажен еси, Симоне, вар Иона)** и обещав на исповедании его положить основание Церкви (Мф. 16: 17), спустя немного после этих слов говорит: "**отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн!" (иди за Мною, сатано, соблазн ми еси)** (ст. 23); а в другом месте снова говорит: "**неужели и вы еще не разумеете?" (единаче ли и вы без разума есте)** (Мф. 15: 16). И, наконец, внушил им такой страх, как замечает Иоанн, что увидевши Его беседующим с женою самарянкою, они напоминали Ему только относительно пищи, но ни один не осмелился сказать: "О чем Ты говоришь?", или: "Чего требуешь от нее?" (Иоан. 9: 27). Зная это, и Павел, следуя по стопам Учителя, также разнообразил свое слово соответственно нужде наставляемых, в одних случаях применяя как бы прижигание и отсечение, а в других – прилагая как бы смягчающие лекарства. Так, коринфянам он говорит: "**Чего вы хотите? с жезлом придти к вам, или с любовью и духом кротости?" (что хощете, с палицею ли прииду к вам, или с любовию и духом кротости)** (1 Кор. 4: 21), а галатам сказал: "**О, несмысленные Галаты!" (о несмыслении Галате)** (Гал. 3: 1), и не один только раз, но и в другой употребил тот же самый упрек (ст. 3). И в конце (послания), так же упрекая их, сказал: "**Впрочем, никто не отягощай меня" (труды да никто же ми дает)** (6: 17). Но, с другой стороны, он и утешает их, когда, например, говорит: "**Дети мои, для которых я снова в муках рождения" (чадца моя, ими же паки болезную)** (4: 19), и многое другое подобное этому. А что действительно послание исполнено гнева, это каждому станет ясно и после беглого прочтения его.

Но необходимо сказать, что раздражило его против учеников: без сомнения, это было не маловажное что-нибудь и не стоящее внимания, потому что в таком случае он не сделал бы им столь сильного упрека. Ведь раздражаться по поводу незначительных случаев свойственно людям малодушным, жестоким и удрученным горем; равно как проявлять равнодушие в делах важных свойственно ленивым и сонливым. Но Павел был не таков. Итак, что же это был за проступок, возмутивший его? Великий и весьма тяжкий, притом отчуждавший всех их от Христа, как он сам говорит далее: "**Вот, я, Павел, говорю вам: если вы обрезываетесь, не будет вам никакой пользы от Христа" (се аз Павел глаголю вам, яко аще обрезаетеся, Христос вас ничтоже пользует)**; и опять: "**Вы, оправдывающие себя законом… отпали от благодати" (иже законом оправдаетеся, от благодати отпадосте)** (5: 2, 4). Итак, что же это значит? Это требует более подробного разъяснения. Некоторые из уверовавших иудеев, находившиеся еще под влиянием воззрений иудейства, а вместе надменные честолюбием, желая присвоить себе достоинство учителей, явившись к галатам, стали учить, что необходимо обрезываться, соблюдать субботы и новомесячия, и не принимать Павла, который отвергал все это. "Ведь Петр, Иаков и Иоанн, – говорили они, – эти первоверховные апостолы, бывшие со Христом, не запрещали этого". И действительно, они не запрещали; но поступали так не потому, чтобы признавали необходимость всего этого, а лишь по снисхождению к слабости уверовавших из иудеев. Павел же, проведывавший среди язычников, не находил нужды в подобном снисхождении, между тем как, когда находился в Иудее, он и сам делал такое снисхождение. Но лжеучители, не указывая причин, по которым как он, так и те (апостолы) допускали такое снисхождение, обольщали людей более простых, говоря, что не должно слушать Павла, так как он явился только вчера или сегодня, тогда как Петр и сущие с ним суть первейшие из апостолов; притом, он – ученик апостолов, а те – ученики Христовы; он один, а тех много и они – столпы Церкви. Они, кроме того,

обвиняли (Павла) и в лицемерии, говоря, что и сам он, отвергая обрезание, в других случаях, несомненно, исполняет иудейские обряды; и что он иначе проповедует им, и иначе – другим. Вот почему, увидав, что весь народ воспламенился и в Церкви галатийской возгорелся опасный пожар, что здание ее колеблется и угрожает падением, (апостол), объятый справедливым гневом, а также и скорбью (он ведь объявил и это, сказав: "**Хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой" (хотел бых приити к вас ныне, и изменити глас мой)** [Гал. 4: 20]), пишет послание, отвечая на все обвинения. И прежде всего, в самом начале, он возражает на то, что говорили унижавшие его достоинства, а именно, что прочие апостолы были учениками Христа, а он – ученик апостолов. Вот почему он и начал послание так: "**Павел Апостол, [избранный] не человеками и не через человека" (Павел апостол, ни от человек, ни человеком)** (ст. 1). Как я сказал выше, те лжеучители утверждали, что Павел – последний из всех апостолов и что он от них уже научился вере. Петр же, Иаков и Иоанн и призваны были прежде, и занимают первое место между учениками, и догматы веры приняли от самого Христа, а потому и верить следует более им, чем первому. Названные же апостолы не воспрещают ни обрезываться, ни соблюдать закон (Моисеев).

2. Говоря это и подобное этому и тем унижая Павла и возвышая достоинство тех (апостолов), впрочем, не с целью прославления их, а для того, чтобы обольстить галатян, они несвоевременно уже внушали им соблюдать закон. Итак, (апостол) вполне справедливо начал (послание) подобным образом. В самом деле, так как они унижали учение его, говоря, что оно от человек, тогда как учение Петра от Христа, то (апостол) в самом начале тотчас же и опровергает это, говоря, что он апостол (избранный) "не человеками и не чрез человеков". Правда, его крестил Анания (Деян. 9: 17), но не он вывел его из заблуждения и привел к вере, а сам Христос воззвал к нему свыше тем чудесным гласом и таким образом уловил его, Петра и брата его, а равно и Иоанна с братом – последнего Господь призвал, ходя при море, Павла же – после вознесения на небеса. И подобно тому, как те не имели нужды во вторичном призвании, но оставивши сети и все прочее, тотчас последовали за Ним, – точно так же и этот от первого призвания взошел на самый верх совершенства, и тотчас приняв крещение и вступив в непримиримую борьбу с иудеями, тем самым много превзошел еще и апостолов: "**я более всех их**, – говорит он, –**потрудился" (паче их потрудихся)** (1 Кор. 15: 10). Но в настоящем случае он не касается этого, а лишь довольствуется указанием на свое равенство (с другими апостолами). Ведь для него здесь важно было не то, чтобы показать свое превосходство пред ними, но уничтожить причину соблазна.

Итак, слова "**не человеками" (не от человек)** относились ко всем (проповедникам), так как проповедь евангельская имеет начало и основание свое свыше; слова же "**не через человека" (ни человеком)** относились исключительно к апостолам, так как Христос призвал их не чрез людей, но непосредственно сам. Но почему он не упомянул о призвании и не сказал: "Павел, званный не человеками", но упоминает об апостольстве? Потому, что в этом заключалось все дело. Ведь (обольстители) говорили, что право учения передано ему от людей – апостолов, и потому он должен следовать им. Но что это право получено им не от людей – это засвидетельствовал Лука, сказавши: "**Когда они служили Господу и постились, Дух Святый сказал: отделите Мне** Павла и Варнаву" **(служащим же им и постящимся Господеви, рече Дух Святый: отделите Ми Варнаву и Савла)** (Деян. 13: 2). Отсюда ясно, что власть Сына и Духа Святого – одна и та же. В самом деле, будучи послан Духом Святым, (апостол) говорит, однако, что он послан Христом. Это показывает он и в другом месте, приписывая Духу (Святому) то, что приличествует Богу. Так, в беседе милетскими пресвитерами он говорит: "**внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас** пастырями и блюстителями" **(внимайте себе и стаду, в немже вас Дух Святый постави епископы пасти Церковь)**

(Деян. 20: 28), хотя в одном из других посланий говорит: "**иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками,** далее – пастырями и учителями" **(овых убо положи Бог в Церкви первее апостолов, второе пророков, третие учителей)** (1 Кор. 12: 28). Таким образом, он безразлично пользуется словами, усваивая Духу то, что принадлежит Богу, и наоборот – свойственное Духу приписывая Богу. Но он и другим еще образом заграждает уста еретиков, когда говорит: "**Иисусом Христом и Богом Отцем**". Так как говорят, что подобное выражение употреблено по отношению к Сыну, как имеющее меньшую важность, то посмотри, что он делает: он поставляет его перед названием Отца, научая нас этим не полагать законов для непостижимого естества и не определять меры божественности между Сыном м Отцом, так как сказав: "**Иисусом Христом**", он присоединил: "**и Богом Отцем**". Ведь если бы он, упомянув отдельно только об Отце, употребил это выражение – "чрез Которого", то, может быть, они прибегли бы и к уловке, сказав, что выражение "чрез Которого" приличествует Отцу, так как действия Сына относятся к Нему; теперь же, упомянув вместе о Сыне и об Отце и употребив по отношению к Ним одинаковое выражение, он совершенно уже не оставляет места для подобного измышления, так как он делает это не для того, чтобы приписать принадлежащее Сыну – Отцу, но с целью показать, что это выражение не допускает никакого различия в Их существе. Что же теперь скажут и те, которые измышляют какое-то уменьшение (божеских ипостасей) в крещении на том основании, что крещение совершается во имя Отца и Сына и Святого Духа? Ведь если Сын по своему достоинству ниже Отца только потому, что Он поставляется после Отца, то что они скажут теперь, после того, как апостол, начавши со Христа, потом уже переходит к Отцу? Но мы не будем говорить ничего богохульного. Вступая в состязание с ними, мы не должны отступать от истины, но если бы даже они тысячу раз безумствовали, нам и в таком случае необходимо держаться в пределах благочестия. Вот почему как здесь, только на основании того, что (апостол) упомянул о Христе прежде, мы не назовем Сына большим Отца, – ведь это было бы верхом безумия и всякого нечестия, – так и там, (в заповеди о крещении), на основании того, что Сын поставлен после Отца, мы не должны считать Сына меньшим Отца.

"…**Воскресившим Его из мертвых**". Что ты делаешь, Павел? Желая привести к вере иудействующих, ты не выставляешь на вид ни одного из великих и блистательных свойств Его подобно тому, как ты писал к филиппийцам, говоря, что (Он) "**будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу" (во образе Божии сый, не восхищением непщева равен Богу)** (Филипп. 2: 6); как затем в послании к евреям громогласно возвестил, что Он есть "**сияние славы и образ ипостаси Его**" (Евр. 1: 3); или как провозгласил о Нем в начале своего Евангелия сын грома: "**В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог" (в начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово)** (Иоан. 1: 1); или как, наконец, сам Иисус часто объявлял иудеям, говоря, что Он обладает равным могуществом с Отцом и имеет ту же самую власть (Иоан. 5: 17, 19 и след.). Ты не говоришь ничего подобного, но, оставив все это, упоминаешь о том, что совершилось над плотию Его, указывая на крест и смерть? "Да, – говорит он. – Ведь если бы речь была обращена к людям, не знающим ничего великого о Христе, то было бы прилично сказать о Нем это; но так как против нас поднимают мятеж люди, которые думают, что они подвергнутся наказанию, если отступят от закона, то поэтому и упомянуто об обстоятельстве, которым совершенно отменяется необходимость закона, то есть о благодеянии, происшедшем для всех от креста и воскресения". Если бы он сказал, что "в начале было Слово", или что Оно было во образе Божии и соделало Себя равным Богу, и тому подобное, то этим он показал бы божественность Слова, но нисколько не помог бы в настоящем деле; сказав же: "**воскресившим Его из мертвых**", он этим самым напомнил о самом главном благодеянии, оказанном нам, а это принесло ему немалую пользу в данном случае. Ведь большинство людей обыкновенно не столько

внимательно слушают слова, доказывающие величие Божие, сколько беседы, раскрывающие благодеяния Его к людям. Вот почему, отложив беседу о первом, он и говорит об оказанном нам благодеянии.

3. Но еретики возражают, говоря: "Смотри, Отец воскрешает Сына!" Так как они однажды заразились болезнью еретичества, то становятся притворно глухими к тому, что касается высоты догматов, а выбирают только относящееся к состоянию уничижения (Христа), сказанное во внимание или к человечеству Его, или к чести Отца, или по какому другому устроению (Божию), и, рассматривая подобные места в отдельности, причиняют вред сами себе (не скажу – Писанию). Я охотно спросил бы у них, для чего они говорят это? Неужели для того, чтобы представить Сына слабым и не имеющим силы для воскрешения даже тела? Но одна вера в Него производила то, что и тень веровавших в Него воскрешала мертвых (Деян. 5: 15). Итак, люди верующие в Него, будучи сами смертными, одною тенью своих перстных тел и одеждами своими, облекавшими эти тела, воскрешали мертвых, – а Он не мог воскресить самого Себя? Не явное ли это сумасшествие и высшая степень безумия? Ты не слышал, что говорит Он: "**разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его" (разорите церковь сию, и треми денми воздвигну ю)** (Иоан. 2: 19), и еще: "**Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее" (область имам положити** душу Мою, **и область имам паки прияти ю)** (Иоан. 10: 18)? Итак, почему же говорится, что Отец воскресил Его? Потому же, почему и многое другое, что творит (Сын), приписывается (Отцу). Это сказано в честь Отца и ради немощи слушателей.

"… **И все находящиеся со мною братия" (И иже со мною вся братия)**. Почему нигде в других посланиях он не прибавляет этого? Там он или полагает одно только свое имя, или называет по имени еще двоих или троих; здесь же назвал все множество, а потому и не упомянул ни о ком по имени. Для чего же он делает это? Его упрекали за то, что он только один проповедует так и вводит новое учение в догматы веры. Желая поэтому уничтожить такое подозрение и показать, что он имеет многих единомышленников, он присоединил братию, давая тем понять, что то, что он пишет, он пишет согласно с их мнением.

"… **Церквам Галатийским**". Ведь пламя заблуждения объяло не один город, не два и три, но весь народ галатийский. Обрати внимание и здесь на великое негодование (апостола). Он не сказал: "возлюбленным", не сказал также: "святым", но – "**Церквам Галатийским**". Это было признаком сильно скорбящего и обнаруживающего печаль свою – что не приветствовал их ни именем любви, ни именем чести, но именем только их общества, и что не прибавил даже: "церквам Божиим", но просто сказал – "**Церквам Галатийским**". Вместе же с тем он спешит в самом начале привести к единству их разделение, а потому и прибавил имя Церкви, желая этим пристыдить их и собрать воедино. В самом деле, будучи разделены на многие части, они и не могли называться этим именем, так как имя Церкви есть имя согласия и единодушия.

"**Благодать вам и мир от Бога Отца и Господа Иисуса Христа**". Он полагает необходимым везде употреблять это (приветствие), в особенности же теперь, посылая послание к галатам. Так как они находились в опасности отпасть от благодати, то он и желает им снова утвердиться в ней. Они сделались противниками Богу, а потому он и просит Бога, чтобы Он привел их к прежнему миру с Собою.

"…**Бога Отца**". И этими словами снова легко побеждаются еретики. Они утверждают, что Иоанн, говоря в начале своего Евангелия: "**и Слово было Бог" (и Бог бе Слово)**, употребил слово "Бог" без члена (**καί Θεός ήν ο Λόγος**) потому, что желал представить божество Сына меньшим (божества Отца); и что опять, когда Павел говорит, что "Сын был образом Бога" (Филип. 2: 6), говорит это не об Отце, потому что это слово (**Θεου**) и

здесь поставлено без члена; что же они скажут теперь, когда Павел говорит не "**από του Θεου**" – "от Бога" (употребляя это слово с приставкой члена **του**), но "**από Θεου Πατρός**" – "от Бога Отца" (без прибавления члена)? Бога же называет он здесь Отцом, не льстя им, но напротив, сильно упрекая их этим и приводя на память причину, по которой они сделались сынами. Ведь не чрез закон, но банею пакибытия они удостоились такой чести. Вот почему он везде и в начале посланий своих многократно делает указания на проявления благости Божией, говоря почти так: "Рабы, враги и отверженные, как это вы (будучи таковыми) вдруг называете Бога Отцом? Разве закон даровал вам это высокое родство? Зачем же, в таком случае, вы, оставив Того, Кто так приблизил вас к Себе, снова обращаетесь к пестуну?" И не только имя Отца, но и наименования, применяемые по отношению к Сыну, достаточны для того, чтобы показать им эту благость. "Потому, – сказано, – и наречется имя Ему Иисус, что Той **спасет людей Своих от грехов их (спасет люди своя от грех их)** (Мф. 1: 21); название же Христос приводит на память помазание Духом".

4. "… **Который отдал Себя Самого за грехи наши" (давшаго Себе по гресех наших)** (ст. 4). Смотри, Он не рабское и не принужденное понес служение, и никто не предавал Его, но Он сам предал Себя, а потому, когда услышишь Иоанна, говорящего, что Отец отдал Сына Своего Единородного за нас (Иоан. 3: 16), то не умаляй на этом основании достоинства Единородного и не подумай о Нем чего-нибудь человеческого. Хотя и говорится, что Отец предал Его, но не для того, чтобы ты считал служение (Сына) рабским, а для того, чтобы ты узнал, что это служение было угодно и Отцу. Это именно и здесь показал Павел, сказав: "**по воле Бога и Отца нашего**" – не по повелению, но – "**по воле**". В самом деле, так как воля у Отца и Сына одна, то, чего желал Сын, того же желал и Отец.

"… **За грехи наши" (по гресех наших)**. "Мы погрязли, – говорит он, – в бесчисленных беззакониях и достойны были жесточайшего наказания. Закон же не только не избавлял нас, но еще и осудил, сделав более явным наши согрешения и будучи не в состоянии освободить нас и утишить гнев Божий; а Сын Божий сделал возможным и это невозможное, разрешив и наши грехи, и поставив нас, бывших врагов, в разряд друзей, и даровав нам другие бесчисленные блага". Потом говорит: "**чтобы избавить нас от настоящего лукавого века" (яко да избавит нас от настоящаго века лукаваго)**. Опять другие еретики пользуются этим выражением, чтобы оклеветать настоящую жизнь и привести (в доказательство этого) свидетельство Павла. "Вот, – говорят они, – Павел называет настоящий век лукавым". Но скажи мне, что такое век? Время, состоящее из дней и часов. Итак, что же? Неужели продолжение дней и течение солнца лукавы? Но никто никогда не скажет этого, хотя бы он дошел до крайнего безумия. Ты скажешь, что (апостол) назвал лукавым не время, а настоящую жизнь? Но эти слова означают не то, и ты основываешься не на словах Павла, сплетая обвинение на настоящую жизнь, а произвольно составляешь свое толкование. Позволь же в таком случае и нам истолковать сказанное (апостолом), тем более, что наше толкование и благочестиво, и имеет основание. Итак, что же мы скажем? То, что никакое зло никогда не может быть причиною добра, а настоящая жизнь служит причиною бесчисленных венцов и величайших наград. Вот почему и сам блаженный Павел безмерно восхваляет эту жизнь, говоря так: "**Если же жизнь во плоти [доставляет] плод моему делу, то не знаю, что избрать" (аще же, еже жити ми телом, сие мне плод дела, и что изволю, не вем)** (Филип. 1: 22). И предоставляя себе выбор – жить ли здесь, или разрешиться и быть со Христом, он предпочитает пребывание здесь. А если бы настоящая жизнь была злом, он не сказал бы этого о себе; и никто никогда не может воспользоваться ни злом для достижения добра, ни блудом для целомудрия, ни завистью для благожелательства. И когда Павел говорит о плотских помышлениях, что они не покоряются закону Божию, да

и не могут (Рим. 8: 7), он говорит тем самым, что порок, оставаясь пороком, не может быть добродетелью. Поэтому, когда ты услышишь о лукавом веке, то разумей под этим лукавые дела, развращенную волю. И Христос пришел не для того, чтобы умертвить нас и таким образом вывести из настоящей жизни, но для того, чтобы оставив нас в мире, сделать нас достойными жизни небесной. Вот почему и в беседе Своей с Отцом Он говорил: "**они в мире, а Я к Тебе иду" (и сии в мире суть, и Аз к Тебе гряду)**. И еще: "**Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла" (не молю, да возмеши их от мира, но да соблюдеши их от неприязни)**, т. е. от порока (Иоан. 17: 11, 15). Если же ты не принимаешь этого объяснения, но продолжаешь утверждать, что настоящая жизнь есть зло, то не осуждай и самоубийц. В самом деле, подобно тому как человек, освобождающий себя от порока, заслуживает не порицаний, а наград, точно так же, по вашему мнению, и прекращающий свою жизнь насильственной смертью, чрез удавление или иным каким-либо способом, не будет достоин осуждения. Но в действительности и Бог подвергает таких большему наказанию, чем человекоубийц, да и все мы с ужасом отвращаемся от них, и это вполне справедливо, потому что если преступно убивать других, то тем более – самого себя. Если же настоящая жизнь есть зло, то человекоубийц надобно награждать за то, что они избавляют нас от зла. Кроме того, говорящие это опровергают и самих себя. В самом деле, признавая солнце, а вместе с ним и луну божеством и поклоняясь им как виновникам многих благ, они противоречат сами себе. Ведь они (солнце и луна), а равно и другие звезды, совершенно бесполезны для чего-нибудь другого, а приносят пользу нам для настоящей, лукавой, как утверждают они, жизни, питая и освещая тела и содействуя созреванию плодов. Каким же образом эти, по вашему мнению, боги содействуют такому устроению лукавой жизни? Но ни звезды, – не боги, ни в коем случае, а дела Божии, сотворенные для нашей пользы, – ни самый мир не является злым. Если же ты укажешь мне на человекоубийц, прелюбодеев и грабителей могил, то все это нисколько не говорит против настоящей жизни, потому что грехи эти зависят не от жизни нашей во плоти, но от развращенной воли. Если бы они зависели от настоящей жизни и были как бы необходимо связаны с нею, то никто не был бы свободным и чистым от них. Смотри, ведь никто не в состоянии избежать необходимых нужд плотской жизни. Какие же это нужды? Есть, пить, спать, расти, алкать, жаждать, рождаться, умирать, и все другие подобного рода. И от этих нужд никто не может избавиться – ни грешник, ни праведник, ни царь, ни простолюдин, но все мы подлежим этой необходимости природы. Точно так же, если бы и делание зла являлось по самой природе неизбежною участию жизни, то никто не избежал бы этого, подобно тому как невозможно избежать и тех естественных нужд. Не говори мне, что редкие ведут добродетельную жизнь. Такого, кто победил бы необходимые естественные потребности, совсем не найдешь. Поэтому до тех пор, пока найдется хоть один, преуспевающий в добродетели, истина нашего слова останется непреложной. Что ты говоришь, несчастный и жалкий, неужели лукава настоящая жизнь, в которой мы познали Бога, любомудрствуем о будущем, сделались из людей ангелами и составляем один сонм с горними силами? Какое же еще другое найдем мы доказательство против вашего злого и развращенного разума?

5. "Почему же, – говоришь ты, – Павел назвал настоящий век лукавым?" Он сказал так по обычному употреблению этого слова. Так и мы обыкновенно говорим: "Сегодня был для меня плохой день", обвиняя этим не время, но дела и обстоятельства. Точно так же и Павел, осуждая злые влечения сердца, употребил общепринятое выражение и показывает, что Христос и освободил нас от прежних грехов, и поставил нас в безопасность от них на будущее время. Сказав: "**который отдал Себя Самого за грехи наши" (давшаго Себе по гресех наших)**, он показал первое, прибавлением же слов: "**чтобы избавить нас от настоящего лукавого века" (яко да избавит нас от настоящаго века лукаваго)** он указал безопасное пристанище и на будущее время. Закон был бессилен для

(освобождения и от них) одних из названных грехов, а благодать имела силу для (очищения) тех и других.

"…**По воле Бога и Отца нашего**". Так как они думали, что они оказывают неповиновение Богу, давшему закон, и боялись, оставивши древний закон, последовать новому, то (апостол) исправляет и это предубеждение их, говоря, что это угодно и Отцу. И он сказал не просто – "Отца", но – "**Отца нашего**", да и часто делает такое прибавление, для того, чтобы постыдить их указанием на то, что Своего Отца Христос сделал и нашим Отцом.

"… **Ему же слава во веки. Аминь**" (ст. 5). И это нечто новое и необычайное. Сло́ва "аминь" мы не встречаем нигде в начале и в предисловии посланий, а обыкновенно оно поставляется уже после многих (рассуждений). Здесь же, желая показать, что и сказанное заключает в себе достаточное обличение галатов, и что речь его совершенно закончена, он поставил это (слово) в начале послания. Очевидные проступки не требуют продолжительных приготовлений (для обличения). Поэтому, вспомянув о кресте и воскресении, об искуплении грехов, о безопасности от них на будущее время, о воле Отца и согласии Сына, о благодати, мире и о всяческих дарах Божиих, он заключил речь свою славословием. И не поэтому только он поступил так, но также и от чрезмерного изумления пред величием дара и преизбытком благодати, и от представления того, каковыми мы были, и чем соделал нас Бог сверх нашего чаяния и в самое короткое время. Не будучи в состоянии выразить этого словом, он и заключил речь свою славословием, воссылая за всю вселенную хвалу Богу, – не такую, которая была бы достойна Его, но которая была возможна для него. Вот почему после этого он еще с большею силою продолжает речь свою, воспламенившись, как бы от сильного пламени, от представления благодеяний Божиих. Сказав: "**Ему же слава во веки. Аминь**", он начинает затем еще сильнее свое обличение, следующими словами: "**Удивляюсь, что вы от призвавшего вас благодатью Христовою так скоро переходите к иному благовествованию" (чуждуся, яко тако скоро прелагаетеся от звавшаго вы благодатию Христовою, во ино благовествование)** (ст. 6). Так как они соблюдением закона думали угодить Отцу, подобно тому как и иудеи преследованием Христа, то он прежде всего показывает, что, поступая таким образом, они оскорбляют не только Христа, но и Отца. "Делая это, – говорит он, – вы отлагаетесь не только от Христа, но и от Отца, потому что как ветхий завет принадлежит не только Отцу, но и Сыну, точно так же и благодать есть дар не только Сына, но и Отца, и все у Них общее: «все, что принадлежит Отцу, есть Мое» (Иоан. 16: 15)". Показав, таким образом, что они отступают и от Отца, он возлагает на них две вины: отступление и весьма скорое отступление. Конечно, они были бы достойны обвинения и в том случае, если бы отпали спустя много времени, но здесь речь идет об обольщении. Ведь достоин обвинения и тот, кто отступает спустя долгое время, падающий же при первом нападении и еще от издали пускаемых стрел показывает собою пример крайней слабости. В этом обвиняет (апостол) и галатов, как бы говоря: "Что такое значит, что обольщающие вас не имеют нужды даже и во времени, но и одного первого приступа довольно для них, чтобы покорить всех вас и пленить? Какое же вы можете иметь извинение?" Если и по отношению к друзьям подобный поступок является виною, и оставивший прежних и полезных друзей своих достоин осуждения, то подумай, какому наказанию подлежит тот, кто оставил Бога, призвавшего его? Когда же он говорит: "**удивляюсь" (чуждуся)**, то этим словом не упрекает их только за то, что они, после столь обильных дарований, после столь великого прощения грехов и столь великого человеколюбия Божия, добровольно предались игу рабства, но вместе и показывает, какое имеет он о них мнение, т. е. высокое и отличное. В самом деле, он не дивился бы случившемуся, если бы считал их слабыми и легко обольщаемыми, "но так как, – говорит он, – вы были из числа искренно уверовавших и много потрудившихся, то поэтому я и

удивляюсь". Этого довольно было для их обращения и приведения в прежнее состояние. Это же изъяснил он и в середине послания, сказав: "**Столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы!" (толика пострадасте туне, аще точию и туне)** (3: 4).

"… **Переходите" (прелагаетеся)**. Не сказал – "перешли" (преложились), но – "**переходите" (прелагаетеся)**, то есть: "я не верю еще и не думаю, чтобы это обольщение имело совершенный успех", – чем опять показывает надежду обратить их. Это же он яснее выразил и впоследствии, сказав: "**Я уверен о вас в Господе, что вы не будете мыслить иначе" (аз надеюся о вас, яко ничтоже ино разумети будете)** (5: 10).

"… **От призвавшего вас благодатью Христовою" (от звавшаго вы благодатию Христовою)**. Призывание, конечно, есть дело Отца, причиною же призывания является Сын, так как Он примирил нас и дал дар благодати, – ведь не от дел праведных мы получили спасение. Лучше же сказать – принадлежащее Сыну принадлежит и Отцу, и принадлежащее Отцу принадлежит и Сыну. "**Все Мое**, – говорит Он, – **Твое, и Твое Мое" (Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя)** (Иоан. 17: 10). И не сказал: "вы переходите (прелагаетесь) от благовествования", но – "**от призвавшего вас" (от звавшаго вы)**, т. е. Бога. Он употребил выражение, которое было более грозно для них и скорее могло поразить их страхом. Люди, хотевшие обольстить галатов, делали это не сразу, но изменяя мало-помалу сущность проповеданных им истин, не изменяя их наименований. Такого же рода и обольщения диавола – и он незаметно расставляет свои сети. Если бы они стали говорить: "Отрекитесь от Христа", – то галаты остерегались бы их как обманщиков и развратителей, теперь же, оставив их до времени в вере и прикрыв свой обман наименованием благовествования, они с большею смелостью подкапывали здание, прикрывая, подобно подкапывающим стены, как бы некоторою завесою, этими именами проповедуемое учение.

6. Итак, ввиду того, что они называли свое ложное учение благовествованием, (апостол) весьма кстати вступается и за самое наименование и действует прямо, говоря: "**к иному благовествованию, которое [впрочем] не иное" (во ино благовествование, еже несть ино)** (ст. 7). Прекрасно (сказано), потому что оно действительно не иное. Но, подобно тому, как это случается с больными, которые терпят вред и от здоровой пищи, так и маркиониты потерпели здесь то же самое. Они воспользовались этими словами и говорили: "Вот и Павел сказал, что нет другого благовествования", – так как они принимают не всех евангелистов, но только одного, и притом многое отсекши и изменивши в нем по произволу. Что же в таком случае значат сказанные тем же апостолом слова: "**о благовествованию моему и проповеди Иисуса Христа" (по благовествованию моему и проповеданию Иисус Христову)** (Рим. 14: 24)? Итак, слова их заслуживают великого посмеяния; но хотя бы они были и смешны, однако, необходимо обличить их ложь ради тех, которые легко соблазняются. Что же мы скажем? То, что хотя бы и весьма многие писали Евангелия, но если они будут писать одно и то же – в таком случае и многие Евангелия будут представлять одно, и множество пишущих нисколько не воспрепятствует ему быть одним, подобно тому как и наоборот, хотя и один кто писал, но стал бы говорить противное, – написанное им не будет одним. В самом деле, одно или не одно (Евангелие), – это определяется не числом пишущих, но тождеством или разностью содержания. Отсюда ясно, что и четыре Евангелия представляют собою одно Евангелие. Ведь когда четверо говорят одно и то же, то это не будет разным только благодаря различию лиц, но является одним в силу согласия написанного ими. И Павел говорит здесь не о числе проповедующих, но о несогласии проповедуемого. Поэтому, если по силе написанного и по правильности догматов евангелие Матфея представляет одно, а Луки – другое, то (маркиониты) справедливо приводят слова Павла; если же (эти Евангелия

представляют) совершенно одно и то же, то пусть перестанут они безумствовать, притворяясь не знающими того, что вполне ясно и малым детям.

"**Только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово" (Точию нецыи суть смущающии вы, и хотящии превратити благовествование Христово)** (ст. 7). Это значит: "До тех пор, пока вы будете здравы умом и будете обращать внимание лишь на правое, а не извращенное, измышляя то, чего нет, вы не признаете другого Евангелия". Подобно тому как поврежденный глаз видит одно вместо другого, точно также и ум, возмущенный приливом злых помыслов, обыкновенно подвергается точно такой же болезни. Вот почему и страдающие сумасшествием представляют одно вместо другого. Но это безумие опаснее того, так как причиняет вред в познании не чувственных предметов, но духовных, производит расстройство не в зрачке плотских глаз, но в очах ума.

"… **И желающие превратить благовествование Христово" (и хотящии превратити благовествование Христово)**. Правда, они прибавили еще только одну или две заповеди, установив вновь заповедь об обрезании и соблюдении дней; но, желая показать, что и незначительное нарушение закона разрушает все, он и сказал, что ниспровергается Евангелие. Подобно тому как тот, кто хотя бы незначительно испортит в царских монетах печать, делает негодной всю монету, точно так же и тот, кто извратит и малейший догмат правой веры, все уже подвергает разрушению, постепенно переходя от одного повреждения к другому, худшему.

Итак, где осуждающие нас в любопрении за несогласие с еретиками? Где говорящие, что нет никакого различия между нами и ими, но что существующий раздор происходит от любоначалия? Пусть они услышат, что говорит Павел, а именно, что ниспровергают Евангелие и те, которые привносят в него вновь даже что-нибудь и маловажное. Они же вводят вновь не маловажное, потому что может ли быть маловажным, когда они называют Сына Божия творением? Разве ты не слышал, как и в ветхом завете некто, собиравший дрова в субботу и тем нарушивший одну заповедь, и притом не самую важную, подвергся жестокому наказанию (Числ. 15: 32-36), или о том, что Оза, хотевший поддержать угрожавший падением ковчег завета, тотчас умер, за то, что присвоил не соответствующее ему служение (2 Цар. 6: 6, 7)? Итак, если нарушение субботы и прикосновение к падающему ковчегу привели Бога в такое негодование, что дерзнувшие на то и другое не получили ни малейшего помилования, то извращающий страшные и неизреченные догматы веры неужели получит оправдание и помилование? Нет ему помилования, нет никакого! Это-то самое и служит причиною всех зол, именно – что мы не беспокоимся о малых проступках. Потому-то и возникли более тяжкие грехи, что малые остаются без надлежащего исправления. И подобно тому как в отношении к телам пренебрегающие врачеванием ран производят этим горячки, гниение и смерть, точно так же и по отношению к душам – не обращающие внимания на незначительные погрешности впадают в большие. "Такой-то, – говорят, – погрешает против поста, и тут нет ничего важного"; другой тверд в православной вере, но, лицемеря в угоду времени, не с таким дерзновением исповедует ее, – "и это, – говорят, – не представляет очень большого зла"; иной, будучи раздражен, грозил отступить от правой веры, – но и это будто бы не заслуживает наказания, "так как он, – говорят, – согрешил в гневе и раздражении". И бесчисленное множество подобного рода грехов, как каждый может видеть, ежедневно вторгается в Церковь. Поэтому мы и сделались достойными посмеяния в глазах иудеев и эллинов, (видящих), как Церковь разделяется на бесчисленные части. Если бы те, которые покушаются отступить от божественных законов и сделать в них какое-нибудь маловажное изменение, подвергались соответственному порицанию, то не появилась бы

настоящая зараза и не объяла бы Церкви столь великая буря. Итак, смотри, почему Павел называет обрезание ниспровержением Евангелия.

7. А ныне многие у нас и постятся в один день с иудеями, равным образом и субботы соблюдают; мы же терпим это с мужеством, или, лучше, с унижением. Да что я говорю об иудейских (обычаях)? Даже некоторые из нас соблюдают многие языческие обычаи, волхвования, гадания, предзнаменования, наблюдение дней, суеверные приметы при рождении и исполненные всякого нечестия письмена, которые они, к несчастию, возлагают на головы только родившихся детей, научая их с первых дней жизни презирать труды из-за добродетели и подчиняя участь их обманчивому господству судьбы, управляющей ими. Но если и обрезывающимся не будет никакой пользы от Христа (Гал. 5: 2), то может ли вера сколько-нибудь послужить во спасение тем, которые вводят такое нечестие? Правда, обрезание было установлено Богом, но, ввиду того, что оно, будучи соблюдаемо не во время, вредило Евангелию, Павел сделал все, чтобы прекратить его. Неужели же после того, как Павел приложил такое старание к прекращению иудейских обычаев потому только, что соблюдение их было несвоевременно, мы не уничтожим обычаев языческих? Какое же мы будем иметь оправдание? Вот почему все у нас теперь в таком смятении и смешении; и наставляемые, преисполненные великой гордости, ниспровергли порядок, и все извратилось. Теперь если кто и немного их укорит, они презирают своих начальников, потому что мы плохо их воспитывали. А между тем, если бы начальники и действительно были негодны и преисполнены бесчисленных пороков, то и в таком случае ученику было бы не позволительно оказывать им неповиновение. В самом деле, если об иудейских учителях сказано, что они, как сидевшие на Моисеевом седалище, заслуживали того, чтобы их слушали наставляемые, хотя дела их был настолько злы, что (Господь) приказывал ученикам не подражать им и не соревновать в них (Мф. 23: 2, 3), то какого извинения будут достойны те, которые насмехаются и презирают предстоятелей Церкви, по благодати Божией благочестиво живущих? Ведь если не позволительно осуждать друг друга, то тем более нельзя осуждать учителей.

"**Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема" (Но аще и аз или ангел с небесе благовестит вам паче еже благовестихом вам, анафема да будет)** (ст. 8). Замечай благоразумие апостола! Чтобы кто-нибудь не сказал, что он по тщеславию составляет свои собственные догматы, но подверг проклятию также и самого себя. А так как они опирались еще на достоинство Иакова и Иоанна, то ввиду этого он упомянул и об ангелах. "Чтобы ты не указал мне, – говорит он, – на Иакова и Иоанна, (я и говорю): хотя бы даже кто из первых ангелов с неба стал повреждать проповедь евангельскую, – да будет анафема". И не напрасно он сказал – "**с неба" (с небесе)**, но с тою целью, чтобы ты, на основании того, что и священники называются ангелами (в словах): "**Ибо уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа" (понеже устне иереовы сохранят разум, и закона взыщут от уст его, яко ангел Господа Вседержителя есть)** (Малах. 2: 7), – не подумал, что здесь говорится об этих ангелах, он прибавлением слов "**с неба**" указал на горние силы. И не сказал: "если будут проповедовать противное", или – "ниспровергнуть все", но – "если бы и маловажное что стали благовествовать несогласно с тем, что благовествовали мы, да будут анафема".

"**Как прежде мы сказали, [так] и теперь еще говорю" (Якоже предрекох, и ныне паки глаголю)** (ст. 9). Для того чтобы ты не подумал, что предыдущие слова произнесены в гневе, или сказаны преувеличенно, или вырвались как-нибудь невольно, он снова повторяет их. Ведь если кто скажет что-нибудь, будучи возбужден гневом, тот скоро раскаивается в своих словах; кто же в другой раз говорит то же самое, показывает тем, что он сказал так подумавши, и что прежде решив в уме своем, он произнес сказанное именно

так, (как решил). Авраам, умоляемый (богатым), чтобы послал Лазаря, сказал: "У них есть Моисей и пророки; если не послушают их, то не послушают и воскресших из мертвых" (Лук. 16: 29, 31). Христос, представляя Авраама говорящим это, желает показать, что Он хочет, чтобы более верили Писанию, чем восстающим из мертвых. А Павел (когда же я называю Павла, я разумею вместе и Христа, потому что Он сам действовал в душе его) предпочитает (Писание) и ангелам, сходящим с неба; и вполне справедливо. В самом деле, ангелы, хотя и велики, но они – рабы и слуги, а все Писание ниспослано нам, будучи написано не рабами, но Владыкою и Богом всяческих. Вот почему он и говорит: "Если кто будет благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам". Он не сказал: "такой-то или такой-то", – что весьма разумно и не тягостно. Для чего, действительно, нужно было упоминать об именах тому, кто обладал таким превосходством, что обнимал всех – и горних и дольних? Произнесши проклятие на благовестников и ангелов, он тем обнял всякое достоинство, а произнесши проклятие и на самого себя – всякое сродство и дружество. "Не говори мне, – говорит он, – что это проповедуют твои собратья – апостолы и друзья, потому что я и самого себя не пощажу, если будут проповедовать противное. Впрочем, это он говорит не для осуждения других апостолов, как бы извращавших проповедь (евангельскую); нет: "мы ли, – говорит он, – они ли, мы так проповедуем" (1 Кор. 15: 11); но этим он хотел только показать, что достоинство лиц не принимается во внимание, когда речь идет об истине.

"**У людей ли я ныне ищу благоволения, или у Бога? людям ли угождать стараюсь? Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым**" **(Ныне бо человеки препираю, или Бога? Или ищу человеком угождати? Аще бо бых еще человекам угождал, Христов раб не бых убо был)** (ст. 10). "Если бы, – говорит, – я и мог обмануть вас своими словами, то неужели я был бы в состоянии обмануть Бога, Который знает все тайные помышления и непрестанно угождать Которому составляет предмет единственной моей заботы?" Видишь ли дух апостольский? Видишь ли высоту евангельскую? То же самое говорил он и в своем послании к коринфянам: "мы не защищаемся пред вами, **даем вам повод хвалиться нами" (но вину даем вам похвалению)** (2 Кор. 5: 12); и еще: "**Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или [как] [судят] другие люди" (мне же не велико есть, да от вас истяжуся, или от человеческаго дне)** (1 Кор. 4: 3). Так как он, будучи учителем, принужден защищаться пред учениками, то хотя и терпеливо переносит это, но вместе с тем и негодует; впрочем, не по гордости, – да не будет, – но из-за легкомыслия обольщаемых и из-за того, что они мало верят его словам. Вот почему он и сказал это, почти так говоря: "Разве у меня с вами дело? Разве люди будут судить меня? У меня дело с Богом, и я делаю все, чтобы оправдаться там, пред Его судом; да я еще и не дошел до такого несчастия, чтобы, готовясь дать ответ в проповеди моей пред Владыкою всяческих, стал повреждать догматы".

8. Итак, он сказал вышеприведенные слова частью в защиту себя, частью же желая дать им отпор. Ведь наставляемым следовало не судить своих учителей, но верить им; "но раз порядок уже извращен, – говорит он, – и вы воссели на место судей, то знайте, что я очень мало забочусь об оправдании пред вами, но все делаю для Бога, чтобы пред Ним и оправдаться в проповедуемых догматах". Кто хочет снискать благоволение людей, тот употребляет много лукавства и хитрости, пользуется обманом и ложью, чтобы склонить на свою сторону и расположить к себе слушателей; напротив, кто хочет снискать себе благоволение у Бога и старается угодить Ему, тому нужен только здравый и чистый ум, так как Божество не поддается обману. "Из этого очевидно, – говорит он, – что и мы пишем это не из любоначалия, и не для того, чтобы иметь учеников, а равно и не потому, чтобы добивались славы у вас, так как мы стараемся угодить не людям, но Богу. Если бы я хотел угождать людям, то и теперь был бы на стороне иудеев, и теперь бы еще

преследовал Церковь. Но так как я презрел целый народ и друзей и родственников и высокую славу и предпочел всему этому гонения, вражду, брани и каждодневную смерть, то очевидно, что все, что я говорю теперь, я говорю не для приобретения славы человеческой". Сказал же он это потому, что намеревается рассказать и свою прежнюю жизнь, и внезапную перемену, и очевидным образом доказать, что он стоит за истину, чтобы они не подумали, что он делает это желая оправдаться пред ними, и не возгордились. Поэтому он и сказал наперед: "**У людей ли я ныне ищу благоволения?" (ныне бо человеки ли препираю?)** Он знал, что для исправления наставляемых иногда бывает благовременно предложить что-нибудь высокое и великое. Хотя он мог представить доказательства истины своего проповедания и из другого источника, – например, доказать это на основании знамений, чудес, опасностей, темниц, ежедневных смертей, голода и жажды, наготы и на основании другого подобного этому, но так как он говорит теперь не о лжеапостолах, но об апостолах, – а последние и сами участвовали в этих опасностях, – то он приступает к решению вопроса с другой стороны; в других же случаях, когда он обращает речь свою к лжеапостолам, он употребляет сравнение, выставляя на вид свое терпение в скорбях и говорит: "**Христовы служители? (В безумии говорю:) я больше. Я гораздо более [был] в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти (служителие ли Христовы суть?" (Не в мудрости глаголю) паче аз: в труде множае, в ранах преболе, в темницах излиха, в смертех многащи)** (2 Кор. 11: 23). Теперь же он рассказывает о своем прежнем образе жизни, и говорит: "**Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа" (сказую же вам, братие, благовествование, благовещенное от мене, яко несть по человеку. Ни бо аз от человека приях е, ниже научихся, но явлением Иисус Христовым)** (ст. 11 и 12). Смотри, как он отовсюду представляет доказательства того, что был учеников Христа, Который сам, без посредства человеческого, благоволил открыть ему разумение всего. Но как же возможно доказать неверующим, что сам Бог, без посредства человеческого, открыл тебе те неизреченные тайны? "Это доказывает, – говорит он, – мой прежний образ жизни (и внезапное обращение): ведь если бы не Бог открыл мне эти тайны, я не мог бы так внезапно перемениться". Для тех, кто учится у людей, в том случае, если они твердо и пламенно держатся своих убеждений, бывает нужно время и много стараний, чтобы убедиться в противном; кто же так внезапно переменился и, находясь на самой высокой ступени безумия, пришел к такому искреннему сознанию, тем ясно показывает, что он так внезапно возвратился к здравомыслию благодаря божественному откровению и наставлению. Вот почему он и вынужден упомянуть о своей прежней жизни и призвать их во свидетели бывшего с ним. "Конечно, вы не знаете, – говорит он, – того, что единородный Сын Божий непосредственно сам призвал меня (гласом Своим) с небес, – потому что как вы можете знать это, раз вы не были при этом; – но вы хорошо знаете, что я был гонителем. Ведь слух о моей жестокости достиг и до вас, не смотря на громадное расстояние между Палестиною и Галатией; а такой слух обо мне не распространился бы так далеко, если бы моя жестокость не была слишком велика и для всех несносна". Поэтому он и говорит: "**Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее" (слышасте бо мое житие иногда в жидовсте, яко по премногу гоних Церковь Божию и разрушах ю)** (ст. 13). Видишь ли, с какою силою выражает каждое (слово) и не стыдится? Ведь он не просто гнал, но гнал со всею жестокостью, и не только гнал, но и опустошал, то есть, старался уничтожить, разорить, низложить и истребить Церковь; поступать же так свойственно опустошителю.

9. "… **И преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий" (и преспевах в жидовстве паче многих сверстник моих в роде моем, излиха ревнитель сый отеческих моих**

преданий) (ст. 14). Чтобы ты не подумал, что такая деятельность его была следствием гнева, он поясняет, что все это он делал по ревности, хотя и в неведении, и гнал не из тщеславия, и не по вражде, но – "**будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий" (ревнитель сый отеческих моих преданий)**. А слова эти значат следующее: "Если то, что я делал против Церкви, я делал не по побуждениям человеческим, а по ревности божественной, правда, ошибочной, но во всяком случае – ревности, то как же теперь, подвизаясь за Церковь и познав истину, я могу делать это по тщеславию? Ведь если во время заблуждения мною не обладала такая страсть, но побуждала меня к подобному образу действий ревность по Боге, то тем более, когда я познал истину, несправедливо было бы подозревать во мне подобное тщеславие. Действительно, лишь только я обратился к догматам Церкви и отказался от всех иудейских заблуждений, я проявил еще большую ревность здесь, нежели там, а это служит доказательством того, что я истинно переменился и объят божественной ревностью. Если же не это, то что ж другое, скажи мне, могло расположить меня к такой перемене и променять честь на поношение, покой – на опасности, безопасность – на страдание? Не было никакой другой причины, кроме одной только любви к истине".

"**Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, - я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью" (Егда же благоволи Бог, избравый мя от чрева матере моея, и призвавый благодатию Своею, явити Сына Своего во мне, да благовествую Его во языцех, абие не приложихся плоти и крови)** (ст. 15, 16). Смотри, как он старается здесь показать, что и то время, в продолжение которого он оставался в заблуждении, находилось в зависимости от некоторого неисповедимого усмотрения (Божия). В самом деле, если он от чрева матери своей избран быть апостолом и предназначен к этому служению, призван же после и притом, будучи призван, послушался (Призывающего), то очевидно, что Бог медлил призванием его по какой-нибудь неисповедимой причине. Какое же могло быть здесь смотрение (Божие)? Может быть, вы сначала от меня хотите услышать, почему (Бог) не призвал его вместе с двенадцатью (апостолами); но, чтобы, отступив от занимающего нас предмета, не продолжить слова далее надлежащего, я умоляю вашу любовь не всему учиться от меня, но и самим исследовать и молить Бога, чтобы Он открыл вам. К тому же об этом было нами сказано нечто и тогда, когда я рассуждал с вами о перемене его имени, и почему он, носивший имя Савла, был назван Павлом; если же вы забыли, то справившись в той книге, узнаете все это. Теперь же по порядку будем продолжать свою речь, и заметим, как он снова показывает, что случившееся с ним не было делом человеческим, но что Бог устроил все относительно его по особенному промышлению.

"… **И призвавший благодатью Своею" (и призвавый благодатию Своею)**. "Бог, – говорит он, – призвал его за его добродетель". "**Он есть Мой избранный сосуд**, – сказал Он Анании, – **чтобы возвещать имя Мое перед народами" (Сосуд избран Ми есть пронести имя Мое пред языки и царьми)** (Деян. 9: 15), то есть, "он способен для служения и совершения великого дела". Такую причину призвания его указывает (Бог); сам же (апостол) везде приписывает все благодати и неизреченному человеколюбию Божию, говоря так: "Но я помилован не потому, что я способен был или достоин, но для того, чтобы во мне Он показал все долготерпение в пример тем, которые будут веровать в Него в жизни вечной" (1 Тим. 1: 16). Видишь ли высоту смирения? "Для того я, – говорит он, – и помилован, чтобы никто не отчаивался, после того, как худший из всех людей удостоился человеколюбия Божия". Ведь именно это хочет показать он словами: "для того, чтобы во мне показал все долготерпение в пример тем, которые будут веровать в Него".

"… **Открыть во мне Сына Своего" (явити Сына Своего во мне)**. А Христос в одном месте говорит: "Никто не знает Сына, кроме Отца, и никто не знает Отца, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть" (Мф. 9: 27). Видишь ли, что и Отец открывает Сына, и Сын Отца? Тоже самое происходит и по отношению к славе. Сын прославляет Отца и Отец Сына: "Прославь Меня, – говорит Он, – чтобы и Я прославил Тебя"; и еще: "как Я прославил Тебя" (Иоан. 17: 1, 4). Но почему Он не сказал: "явить Сына Своего мне", но – "**во мне**"? Для того, чтобы показать, что он не только чрез слова узнал то, что относилось к вере, но и преисполнился Духа Святого, потому что, когда откровение озарило его душу, он имел в себе говорящим и Христа.

"… **Чтобы я благовествовал Его язычникам" (да благовествую Его во языцех)**. Не только самое обращение его к вере, но и призвание (к апостольству) было делом Божиим: "Ведь Он открыл мне Себя с тою целью, чтобы я не только познал Его, но возвестил о Нем и другим". И он не сказал просто – "другим", но: "**чтобы я благовествовал Его язычникам" (да благовествую Его во языцех)**, уже этим самым предуготовляя немалое основание для своей защиты именно от самого происхождения учеников. Ведь для него не одинаково являлось необходимым проповедовать иудеям и язычникам.

"… **Я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью" (абие не приложихся плоти и крови)**. Здесь он указывает на апостолов, называя их по естеству. Но если он говорит это и о всех людях, мы не противоречим и этому.

"… **И не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам" (ниже взыдох во Иерусалим к первейшим мене апостолом)** (ст. 17). Если кто будет рассматривать эти слова в отдельности, может подумать, что они исполнены великого хвастовства и совершенно не согласны с духом апостольским. В самом деле, решать что-нибудь самому с собою и никому не открывать своих мыслей – может быть принято за гордость. "**Видал ли ты**, – сказано, – **человека, мудрого в глазах его? На глупого больше надежды, нежели на него" (Видех мужа, непщевавша себе мудра быти, упование же имать безумный паче его)** (Притч. 26: 4, 12); и: "**Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою!" (горе, иже мудри в себе самех и пред собою разумни)** (Ис. 5: 21); и сам (Павел) говорит: "**не мечтайте о себе" (не бывайте мудри о себе)** (Рим. 12: 16).

10. Итак, кто слышал подобные наставления от других и сам учил тому же других, не мог, конечно, впасть в такое самомнение, – не только Павел, но и какой-нибудь (простой) человек. Но, как я сказал, это изречение, будучи рассматриваемо в отдельности, может ввести в сомнение и поколебать некоторых из слушателей; если же мы приведем причину, по которой это было сказано, то все будут рукоплескать и удивляться сказавшему. Итак, сделаем это. Ведь не должно рассматривать отдельно взятые слова, так как это повлечет за собою много погрешностей; равным образом не должно исследовать и отдельно взятого изречения, но необходимо обращать внимание на намерение пишущего. И в наших разговорах, если мы не будем употреблять этого способа и доискиваться истинной мысли говорящего, то мы возбудим много недоразумений, и весь смысл речи извратится. Да и что говорить о словах, когда и в делах, раз мы не будем следовать этому правилу, все придет в совершенный беспорядок? В самом деле, и врачи режут тело и рассекают некоторые кости, но то же самое делают часто и разбойники. Какое же было бы несчастье, если бы мы не могли отличить разбойника от врача! Равным образом, человекоубийцы и мученики, предаваемые мучительной смерти, претерпевают одинаковые страдания, но между теми и другими несомненно великое различие. Если же мы не будем соблюдать указанного правила, если будем исследовать одни только дела, не принимая во внимание намерения делающих, то мы не будем в состоянии видеть указанного различия, но

назовем человекоубийцами и Илию, и Самуила, и Финееса, а Авраама назовем, пожалуй, и детоубийцею. Исследуем же мысль Павла, с какою он написал эти слова; узнаем цель его и то, каковым он являлся всегда по отношению к апостолам, – и тогда узнаем, с каким намерением он сказал это. Конечно, как это, так и предыдущее он сказал не для того, чтобы восхвалить себя, – как, в самом деле, мог он это сделать, когда и сам себя подвергал проклятию (ст. 8)? – но затем, чтобы повсюду сохранить безопасность Евангелия. Так как разрушавшие Церковь говорили, что нужно следовать тем апостолам, которые не запрещают этого, а не Павлу, который это запрещает; а благодаря этому незаметно проникало иудейское заблуждение; то он вынужден был решительно восстать против этого, не думая говорить что-либо худое об апостолах, но желая низложить гордость несправедливо возносящихся. Вот почему он и говорит: "**я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью" (не приложихся плоти и крови)**. И было бы крайней нелепостью, если бы тот, кто научился от Бога, стал бы советоваться еще с людьми. Кто получает учение от людей, тот вполне справедливо и опять прибегает к советам людей; но тот, кто удостоился того божественного и блаженного слова и научился всему от Того, Кто владеет самым сокровищем мудрости, для чего стал бы еще советоваться с людьми? Такой человек по справедливости должен не учиться у людей, но учить людей. Итак, он сказал эти слова не по гордости, но чтобы показать достоинство своей проповеди. "**И не пошел**, – говорит он, – **в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам" (ниже взыдох к первейшим мене апостолом)**. Так как они говорили, что прочие (апостолы) были и старше его, и призваны прежде его, то поэтому, говорит, он и не пошел к ним. Если бы ему нужно было вступить в соглашение с ними, то Открывший ему слово проповеди повелел бы ему сделать и это.

Итак, что же, он не ходил туда? Конечно, ходил, и не просто, но чтобы узнать нечто от них. Кода же? Когда в городе Антиохии, обнаружившем с самого начала великую ревность к Церкви, возникло недоумение о том же предмете, о котором и мы теперь рассуждаем, и (апостолы) хотели узнать, нужно ли обрезывать уверовавших из язычников, или же совсем не следует принуждать их подвергаться тому. Тогда сам Павел и Сила ходили (в Иерусалим). Как же в таком случае он говорит, что не ходил и не советовался? Во-первых, потому, что он не по своей воле ходил туда, но был послан другими; а во-вторых, не для того, чтобы учиться, но чтобы убедить других. А сам он с самого начала держался того мнения, которое впоследствии утвердили и апостолы, – именно, что не должно обрезываться; но так как они до сих пор не считали его достойным доверия и более слушались тех, которые находились в Иерусалиме, то он и ходил туда, не для того, впрочем, чтобы самому узнать что-нибудь большее, но чтобы убедить противников, что и находящиеся в Иерусалиме согласны с этим. Таким образом, он с самого начала видел, что нужно делать, и не имел никакой нужды в учителе; и в том, что апостолы имели утвердить после долгого рассуждения, он непоколебимо был утвержден свыше еще прежде их рассуждения. Лука, изъясняя это, сказал, что у Павла было большое и продолжительное состязание с ними по этому предмету еще прежде путешествия его в Иерусалим (Деян. 15: 2). Но так как братьям угодно было узнать об этом (и от остальных апостолов), то он и пошел туда, для них, а не для себя. Если же он говорит: "**и не пошел" (ниже взыдох)**, то в объяснение этих слов можно сказать то, что он не ходил туда и в начале своей проповеди, да и тогда, когда ходил туда, ходил не для того, чтобы учиться. Ведь именно на обе эти мысли указывает он в словах: "**не стал тогда же советоваться с плотью и кровью" (абие не приложихся плоти и крови)**. Он не сказал просто: "**не стал советоваться" (не приложихся)**, но – "**тогда же" (абие)**. Если же после ходил туда, то не за получением чего-нибудь.

"… **А пошел в Аравию" (но идох во Аравию)**. Смотри, какая пламенная душа! Он старался занять страны еще не возделанные и остававшиеся в диком состоянии. Если бы

он оставался вместе с апостолами, не имея ничего, чему бы от них научиться, то остановилось бы дело проповеди, тогда как им надлежало везде распространять учение. Вот почему этот блаженный, пламенея духом, тотчас же приступил к делу учения людей не наученных еще и диких, избрав жизнь многотрудную и сопряженную со многими опасностями.

11. И смотри, какое у него смирение! Сказав: "**пошел в Аравию" (идох во Аравию)**, он прибавил: "**и опять возвратился в Дамаск" (и паки возвратихся в Дамаск)**. Он не говорит ничего ни о своих подвигах, ни о том, кого и скольких он научил, между тем как тотчас по крещении обнаружил такую ревность, что смутил иудеев и возбудил к себе такую ненависть как в них, так и в язычниках, что они подстерегали его и хотели умертвить; а этого не случилось бы, если бы он не приобрел великого множества верующих. Так как они были побеждены учением его, то им и оставалось только обратиться к убийству, а это было ясным доказательством победы Павла. Но Христос не попустил ему умереть, сохраняя его для проповеди. И несмотря на это, он ничего не говорит об этих своих подвигах, а потому все, что он ни говорит, он говорит не из честолюбия и не для того, чтобы его считали бóльшим в сравнении с другими апостолами; а равно и не потому, чтобы он огорчался тем, что его унижают пред ними, но из опасения, чтобы отсюда не произошло какого-нибудь вреда для проповеди. Ведь он сам называет себя и извергом, и первым из грешников, и последним из апостолов, и даже недостойным такого названия (1 Кор. 15: 8, 9; 1 Тим. 1: 15); и это говорит тот, кто потрудился больше всех, – что является особенным доказательством его смирения. В самом деле, кто, не признавая за собою ничего доброго, говорит о себе смиренно, тот, конечно, благоразумен, но его нельзя назвать смиренным; кто же, несмотря на столько венцов, говорит о себе так, тот умеет быть скромным.

"… **И опять возвратился**, – говорит он, – **в Дамаск" (и паки возвратихся в Дамаск)**. И как много, по всей вероятности, он совершил там! Об этом городе он говорит, что этнарх (областной правитель) царя Ареты стерег этот город, желая схватить блаженного (2 Кор. 11: 32); а это служило самым явным доказательством того, что он весьма сильно нападал там на иудеев. Но здесь он ничего не говорит об этом, да и там он не упомянул бы об этом, если бы не видел, что в то время самые обстоятельства требуют этого рассказа; но умолчал бы точно так же, как и здесь: говоря о том, что он приходил и ушел, он ничего более не говорит о том, что было там.

"**Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром" (Потом же по триех летех взыдох во Иерусалим соглядати Петра)** (ст. 18). Что может быть смиреннее подобной души? После столь великих и столь многих подвигов, не имея никакой нужды в Петре, ни в его слове, но будучи равночестен ему, – больше ничего не скажу пока, – он все-таки приходит к нему, как бы к большему и старейшему, и причиною путешествия туда указывает только то, чтобы увидеться с Петром. Видишь ли, как он воздает прочим апостолам должную честь и не только не считает себя лучше их, но даже и не равняет себя с ними? И это ясно видно из предпринятого им путешествия. В самом деле, подобно тому как в настоящее время многие из наших братий отправляются к святым мужам, точно так же и Павел потому же расположению ходил тогда к Петру, но только с гораздо большим смирением. В настоящее время предпринимают путешествия для пользы, а блаженный (Павел) отправился не для того, чтобы чему-нибудь научиться и не для исправления какой-нибудь своей погрешности, но исключительно ради того, чтобы видеть (Петра) и почтить его своим присутствием: "**видеться**, – говорит он, – **с Петром" (соглядати Петра)**. И не сказал – "видеть Петра", но "видеться (**ιστορήσαι**) с Петром" (т. е. узнать его), как обыкновенно говорят люди, рассматривающие великие и знатные города. Так он считал достойным особенного старания и одно то, чтобы видеть этого мужа. То же самое

ясно показывают и дела его. Действительно, когда он пришел в Иерусалим после того, как обратил многих из язычников и совершил такие дела, каких не совершил никто из других (апостолов), после того, как обратил Памфимлию, Ликаонию, народ Киликийский и всех живущих в этой части земли и привел их ко Христу, – он сначала приходит к Иакову с великим смирением, как бы к старшему и почтенному большею честью. Затем он выслушивает его советы, и притом противные тому, что сам он говорит теперь. "Видишь ли, брат, – сказал (Иаков), – сколько тысяч уверовавших иудеев. Но остриги себе волосы и очистись" (Деян. 21: 20, 24), – и он остригся и совершил все иудейские обычаи. Там, где не было вреда для благовестия, он являлся уступчивее всех; где же он видел, что от уступчивости произойдет для некоторых вред, он не пользовался этим преизбытком смирения, потому что это уже не значило бы быть смиренным, но губить и развращать наставляемых.

"… **И пробыл у него дней пятнадцать" (И пребых у него дний пятьнадесять)**. Предпринятое путешествие (ради Петра) было доказательством великого уважения к нему (Павла), пребывание же в течение стольких дней показывало дружественное расположение и искреннюю любовь их между собою.

"**Другого же из Апостолов я не видел [никого], кроме Иакова, брата Господня" (Иного же от апостол не видех, токмо Иакова брата Господня)** (ст. 19). Смотри, какое великое расположение имеет он к Петру: ради него он предпринял путешествие, у него и пребывал. Говорю же об этом я так часто и желаю сохранить это у вас в памяти для того, чтобы, когда вы услышите слова, произнесенные, по-видимому, против Петра, никто из вас не подозревал апостола. В предупреждение этого он и сам говорит о посещении Петра, чтобы, когда он скажет: "я противостал Петру" (2: 11), никто не считал этих слов проявлением вражды и соревнования; и действительно, он почитает этого мужа и любит больше всех. Ведь и в Иерусалим пришел он, по его словам, не ради кого-нибудь другого из апостолов, но единственно ради него. "**Другого же из Апостолов я не видел**, – говорит он, – **кроме Иакова, брата Господня" (Иного же от апостол не видех, токмо Иакова)**. "Видел, – говорит, – но не учился у него ничему". Но заметь, с каким почтением наименовал он и этого. Не сказал он просто – "Иакова", но прибавил и достославное наименование его – "брата Господня", – так он был чужд какой бы то ни было зависти! Если бы он хотел только указать на того, о ком говорил, то мог бы сделать это понятным, употребив другой отличительный признак, и назвать его сыном Клеопы, как сказал и Евангелист (Иоан. 19: 25). Однако он не сказал так, но так как считал почетные наименования апостолов и своими наименованиями, то, как бы превознося себя самого, так величает и его. Ведь он не назвал его так, как я сказал, но как же? Братом Господним. Хотя он и не был на самом деле братом Господним по плоти, но лишь считался таковым, однако и это не остановило (апостола) признать достоинство этого мужа. Да и во многих других местах он показывает, что был расположен ко всем апостолам так искренно, как ему было прилично.

"**А в том, что пишу вам, пред Богом, не лгу" (А яже пишу вам, се пред Богом, яко не лгу)** (ст. 20). Видишь ли смирение этой святой души, одинаково сияющее повсюду? Он, как бы состязаясь на судилище и готовясь подвергнуться истязанию, заботился о подобном защищении себя.

"**После сего отошел я в страны Сирии и Киликии" (Потом же приидох в страны Сирския и Киликийския)** (ст. 21), – после свидания с Петром. Снова начинает он слово проповеди и предлежащий подвиг, не касаясь иудеев, как потому, что был послан к язычникам, так и потому, что не хотел строить на чужом основании. Вот почему он не

встречался, даже и случайно, с другими апостолами; это ясно видно и из дальнейших слов.

"**Церквам Христовым в Иудее лично я не был известен**, – говорит он, – **а только слышали они, что гнавший их некогда ныне благовествует веру, которую прежде истреблял" (Бех же не знаем лицем Церквам Иудейским. Точию же слышаще бяху, яко гоняй нас иногда, ныне благовествует веру, юже иногда разрушаше)** (ст. 22, 23). Что может быть скромнее такой души? В самом деле, все, что служило к его обвинению, как, напр., то, что он гнал Церковь и опустошал ее, он изложил с особенною силою и подробностью, обнаруживая таким образом свою прежнюю жизнь; а то, что могло выставить его с светлой стороны, обходит (молчанием). И имея возможность, если бы захотел, пересказать все свои подвиги, он не говорит ни об одном из них, но, перешедши одним словом неизмеримое море и сказав: "**отошел я в страны Сирии и Киликии" (приидох в страны Сирския и Киликийския)**, и: "**слышали они, что гнавший их некогда ныне благовествует веру, которую прежде истреблял" (слышаще бяху, яко гоняй нас иногда, ныне благовествует веру, юже иногда разрушаше)**, ничего более не прибавил. Что же он хотел сказать словами: "**Церквам… в Иудее лично я не был известен" (не знаем бех церквам Иудейским)**? (Хотел), чтобы ты знал, что он так далек был от того, чтобы проповедовать им обрезание, что даже и в лицо не был известен им.

"… **И прославляли за меня Бога" (и славяху о мне Бога)** (ст. 24). Заметь и здесь правило его смирения, и с какою строгостью он выполняет его. Он не сказал: "дивились мне, хвалили меня, изумлялись мне", но показал, что все это было делом благодати. "И прославили, – говорит он, – за меня Бога".

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том XI

Книга 1

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ЕФЕСЯНАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

БЕСЕДА 1 на Еф. 1:1-2. Что требуется для - святости . - Благость - источник благодати.

БЕСЕДА 2 на Еф. 1:11-14. Почему проповедь называется благовествованием спасения. - Грех не есть дело необходимости. - Добродетель согласна с природой, а порок противоположен природе. - Клятвы не нужны. - Лихоимство бесполезно.

БЕСЕДА 3 на Еф. 1:15-20. На какую высоту Господь возвел человека. - Лишение царства небесного хуже геенны. - Как и в какое время нужно приступать к причащению тела Христовая.

БЕСЕДА 4 на Еф. 2:1-3. Опровержение манихеев. - Без милосердия нельзя войти в царство небесное.

БЕСЕДА 5 на Еф. 2:11-12. Что значит мудрование плотское.

БЕСЕДА 6 на Еф. 2:17-22. О доблестях ап. Павла.

БЕСЕДА 7 на Еф. 3:8-11. Обилие смиренномудрия ап. Павла. - Как должно любить врагов.

БЕСЕДА 8 на Еф. 4:1. Быть узником за Христа славнее сидения одесную Его. - Страдание за Христа выше всех блат. - О страже темницы, в которую заключен был Павел. - Почему попустил Бог погибнуть тем, которые стерегли Петра в темнице. - Оковы и страдания послужили к прославленно Павла. - Против одержимых жадностью и любостяжанием. - О трех отроках.

БЕСЕДА 9 на Еф. 4:1-4. Высокое достоинство Павла, выходящего из темницы. - Что значит достойно ходить звания. - О любви. - Таинственность - следствие охлаждения любви.

БЕСЕДА 10 на Еф. 4:4. Губительность тщеславия.

БЕСЕДА 11 на Еф. 4:4-7. Почему в церкви один получает больше, а другой - меньше. - Смирение необходимо для единства тела церкви. - Епископ поставлен для научения словом. - Производить разделения в церкви - не меньшее зло, чем впадать в ереси.

БЕСЕДА 12 на Еф. 4:17. Деньги - суетны, когда их расточают на удовольствия. - Против огнепоклонников. - Против веры в судьбу и в переселение душ.

БЕСЕДА 13 на Ефес. 4:17-19э Что следует разуметь под нечистотой. - Кто может считаться праведным. - О монахах и Девственницах, посвящающих себя Христу. - Добродетели и пороки женщин.

БЕСЕДА 14 на Еф. 4:25-27. Дурные последствия вражды и способ ее обуздания. - Как нужно подыматься языком. - Вред от злоречия.

БЕСЕДА 15 на Еф. 4:31. Следует воздерживаться от крика, брани в побоев.

БЕСЕДА 16 на Еф. 4:31-32.Нужно насаждать добродетель и искоренять пороки. - Лучшая месть - воздаяние добром за зло.

БЕСЕДА 17 на Еф. 4:32; 5:1-2. Сладострастие - меньшее зло, чем гнев.

БЕСЕДА 18 на Еф. 5:5- 6. Любостяжание есть идолослужение. - Нужно исправлять своего ближнего.

БЕСЕДА 19 на Еф. 5:15-17. Что такое лукавство дня. - Нужно благодарить Бога и в несчастии. - Причины многих естественных вещей неизвестны. - Относительно предметов божественных пытливость неуместна. - В чем истинное побуждение к повиновению.

БЕСЕДА 20 на Еф. 5:22-24. Счастливы муж и жена, друг друга любящие. - Сила любви. - Чего нужно искать в жене. - Добрые качества жены. - Супружеский союз - символ нашего единения с Христом. - Нужна снисходительность к недостаткам жены. - Как должен поступать муж в отношении к жене. - Советы бедным супругам. - Как нужно устраивать дом и семью. - Истинные достоинства молодой девушки. - Каких нужно выбирать жен и как относиться к ним.

БЕСЕДА 21 на Еф. 6:1-3. Пороки при царском дворе. - Восхваление монаха Юлиана. - При каких условиях богатство наносить вред.

БЕСЕДА 22 на Еф. 6:5-8. Об обязанностях слуг. - Разделен из господ и работ, произошло вследствие греха. - Греховные деяния в Писании называются иногда миром. - Богатство и почести составляют оружие дьявола.

БЕСЕДА 23 на Еф. 6:14. Еретические учения о материи. - Собирающий сокровища па земли приготовляет пищу вечному червю.

БЕСЕДА 24 на Еф. 6:14-17. В чем состоят оружие христианина и с кем он должен бороться. - Об Анне, матери Самуила.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ФИЛИППИЙЦАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

БЕСЕДА 1 на Фил. 1:1-2. Названия епископа, пресвитера и диакона вначале были общие. - При совершении добродетели действует Бог и мы вместе с Богом. - Побуждение к милостыне.

БЕСЕДА 2 на Фил. 1:8-11 Любовь и дружба должны быть разумными. - Откуда происходить зависть. - Тягота от богатства.

БЕСЕДА 3 на Фил. 1:18-20. Любовь и твердость ап. Павла. - Роды жизни. - Любомудрие ап. Павла. - Кого из умерших нужно оплакивать. - Поминовение умерших при совершении таинств.

БЕСЕДА 4 на Фил. 1:22-26. Похвала ап. Павлу. - Нет ничего приятнее Богу, как милостыня.

БЕСЕДА 5 на Фил. 2:1-4. О перенесении обид. - Нет ничего несвойственнее душе христианской, как гордость.

БЕСЕДА 6 на Фил. 2:5-8. Опровержение заблуждений Савелия, Мариона, Маркелла, Фотина, Софрония и Ария.

БЕСЕДА 7 на Фил. 2:5-11. Против Маркионитов и Павла Самосатского, - Мы не почитаем Христа достойно, если не подражаем Ему в жизни. - Христианину подобает смирение.

БЕСЕДА 8 на Фил. 2:12-16. О страхе Божьем. - Не нужно роптать.

БЕСЕДА 9 на Фил. 2:19-21. Служившие ап. Павлу. - Должно служить святым. - Увещание к подаянию.

БЕСЕДА 10 на Фил. 3:1-3. Обрезание плотское и духовное. - Любовь к деньгам убыточна. - Против роскоши. - Бедность - залог царствия.

БЕСЕДА 11 на Фил. 3:7-10. В чем истинное приобретение для христианина. - Грех удаляет от Бога, добродетель приближает.

БЕСЕДА 12 на Фил. 3:13-14. Нужно стремиться к усовершенствованию. - Обязанности учителя и ученика. - Нет ничего превосходнее добродетели.

БЕСЕДА 13 на Фил. 3:18-21. Знамение креста в крещении и рукоположении.

БЕСЕДА 14 на Фил. 4:4-7. О непамятозлобии.

БЕСЕДА 15 на Фил. 4:10-14. Милостыня введена не для принимающих, а для подающих. - Смирение ап. Павла. - Польза от скорби. - Бедствия царей.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К КОЛОССЯНАМ

БЕСЕДА 1 на Кол. 1:1-2. Время написания и содержание послания. - Различные роды дружбы. - Противопоставление трапезы для богатых с трапезой для бедных. - Описание роскошного пира. - Зло пресыщения.

БЕСЕДА 2 на Кол. 1:9-10. Призвание в царство Сына Божья - величайшее благо. - Настоящая жизнь похожа на птичье гнездо. - Землетрясения и разрушение городов. - Опровержение учения о судьбе.

БЕСЕДА 3 на Кол. 1:15-18. О достоинств Сына Божья и о том, что Он не создан. - Павел Самосатский и его последователи.

БЕСЕДА 4 на Кол. 1:21-22. Похвала Моисею. - Почему Христос позже его пришел в мир.

БЕСЕДА 5 на Кол. 1:26-28. Тайна воплощения и ее следствия. - Против отвергающих воскресение.

БЕСЕДА 6 на Кол. 2:6-7. Суеверные наблюдения дней. - Об уничтиженном рукописании.

БЕСЕДА 7 на Кол. 2:16-19. Об обрядовых постановлениях. - В крещении бывает и рождение и истление. - Суетность богатства и причиняемое им иногда бесчестие. - Гнев императора Феодосия против антиохийцев. - Порицание роскоши.

БЕСЕДА 8 на Кол. 3:5-7. Все добрые дела без любви ничтожны. - Благодарить Бога нужно всегда. - Волшебный повязки. - Почему прекратились чудеса. - Против суеверий.

БЕСЕДА 9 на Кол. 3:16-17. Каким способом можно проявлять благодарность к Богу. - Следует читать Свящ. Писание.

БЕСЕДА 10 на Кол. 3:18-25; 4:1. О взаимоотношениях мужей, жен, родителей, детей, господ, и слуг. Пример молитвы одного снятого мужа. - Узы не помеха проповеди. Восхваление уз Павловых. - Против излишества в женских украшениях.

БЕСЕДА 11 Кол. 4:5-6. Скромность ап. Павла. - Как нужно поступать с врагами. - Завистник восстает против Бога и церкви.

БЕСЕДА 12 на Кол. 4:12-13. Павел - образец всех добродетелей. - Развратные женщины на брачных торжествах. - Каковы должны быть браки.

БЕСЕДЫ НА ПОСЛАНИЕ К ЕФЕСЯНАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эфес — главный город (Малой) Азии. Он был посвящен Артемиде, где она и пользовалась особенным уважением, как высшая богиня. И благоговение пред ней её почитателей было так велико, что они не хотели обнаружить имени того, кто сжег храм её; а он был сожжен. Здесь долгое время жил блаженный Иоанн Евангелист, который сюда был сослан (в заточение), здесь и скончался. Апостол Павел здесь оставил, после себя, Тимофея, о чем он говорит в послании к нему: "**Я просил тебя пребыть в Эфесе**" (1 Тим. 1:3). Здесь были и многие философы, особенно из славившихся в Азии. Говорят, что здесь был и Пифагор, потому что Самос, откуда он происходил, был остров Ионийский. Тоже можно сказать о Пармениде, Зеноне и Демокрите; да и теперь ещё можно найти там многих философов. Об этом мы замечаем не без цели, но чтобы показать, что много нужно было (апостолу) Павлу тщания, когда он писал к ним (ефесянам) своё послание. Говорят, что он, когда ещё (изустно) оглашал их, уже доверил им глубочайшие истины

(веры). По крайней мере, само послание исполнено возвышенных созерцаний и догматов. Писано оно из Рима, где (Павел) находился в узах, как он и сам говорит: "**Молитесь обо мне, дабы мне дано было слово - устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, для которого я исполняю посольство в узах**" (Еф. 6:19). Оно исполнено весьма возвышенных и необъятных созерцаний; в нем он объясняет то, о чем почти нигде не говорил, напр., когда говорит: "**дабы ныне сделалась известной через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божья"** (Еф. 3: 10); и в другом месте: **"и воскреси с Ним, и посади на небесах нас**" (Еф. 2:6); и еще: "**которая не была возвещена прежним поколениям сынов человеческих, как ныне открыта святым Апостолам Его и пророкам Духом Святым, чтобы и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками обетования Его во Христе Иисусе**" (Еф. 3:5,6).

БЕСЕДА 1

"Павел, волею Божьей (δία δελήματος θεού) Апостол Иисуса Христа, находящимся в Эфесе святым и верным во Христе Иисусе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа"(Еф. 1:1,2).

1. Вот, (апостол) и к (Богу) Отцу прилагает: δια (через). Что же? Назовем ли мы Его меньшим? Нисколько. "**Святым**", – пишет он, – "**находящимся в Эфесе и верным во Христе Иисусе". Вот, святыми называет мужей, которые имеют и детей, и жен, и слуг. А что он их разумеет здесь, видно из конца послания, где он говорить: "Жены, повинуйтесь своим мужьям**" (Еф. 5:22), и в другом месте: "**Дети, повинуйтесь своим родителям"** (Еф. 6:1), и еще: **"Рабы, повинуйтесь господам своим**" (Еф. 6:5). Подумаем же, какая теперь царить беспечность, как сильно ослабела ревность к добродетели, и как было много добродетельных тогда, если и миряне назывались святыми и верными! "**Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа**". Сказал о благодати и призвал Бога Отца, потому что это (призывание) есть знак (преподания) благодати. Каким образом? Послушай, что он говорить в другом месте: "**А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: Авва, Отче!**" (Гал. 4:6). "**И Господа Иисуса Христа**", – потому что для нас Христос родился и явился во плоти. "**Благословен**", – пишет он, – "**Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа**". Вот, Он – Бог воплотившегося, или иначе: Отец Бога Слова. "**Благословивший нас во Христе всяким духовным благословением в небесах**" (ст. 3). (Апостол) намекает здесь на благословение Иудеев, потому что и это–благословение, но не духовное. Что в самом деле было сказано им? "**Благословит тебя Бог. Благословит плод чрева твоего**" (Вт. 7:13), и благословит вход твой и исход твой. Здесь же не так. Как же? "**Всяким духовным благословением**". Чего же еще тебе недостает? Ты стал бессмертным, свободным, сыном, праведным, братом, сонаследником; будешь вместе царствовать, вместе прославишься; все тебе даровано: "**как с Ним**", – говорит, – "**не дарует нам и всего?**" (Рим. 8:32). Величие твое прославляется ангелами, херувимами и серафимами. Чего еще недостает? "**Всяким духовным благословением**": о телесном здесь (не говорится) ничего. Напротив, для того, чтобы отклонить от всего телесного, и направить нас к духовному, (еще Спаситель) говорил: "**В мире будете иметь скорбь**" (Иоан. 16:33). Как владеющие телесным не могут слышать о духовном, так точно ищущие духовного не могут его достигнуть, пока наперед не оставят телесного. Что значить: "**духовным благословением в небесах**"? Значить то, что не земные (обещаются им блага), как иудеям (которым обещано было), что благая земли снедут, что наследят землю, кипящую медом и молоком, и что благословить Бог землю их (Ис. 1:19; Исх. 33:3; Пс. 84:13; Вт. 15:4). Здесь (не обещается) ничего такого. Что же? "**кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое**", и Я и Отец "**придем к нему и обитель у него сотворим**" (Иоан. 14:23). "**Итак всякого, кто**

слушает слова Мои сии и исполняет их", уподоблю "**мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне**" (Мф. 7:24,25). Что другое означает этот камень, как не небесные предметы, не подлежащие никакому изменению? "**Итак всякого**", – говорить (Спаситель), – "**кто исповедает Меня**", – говорит Спаситель, – "**пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным**"; и "**кто отречется от Меня, отрекусь от того и Я**" (Мф. 10:32,33); и в другом месте: "**Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят**"; и еще: "**Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное**"; и опять: "**Блаженны изгнанные за правду, ибо велика ваша награда на небесах**" (Мф. 5:8, 3,10,12). Видишь ли, везде небеса, и нигде ни земли, ни того, что на земле? И опять: "**Наше же жительство – на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа**" (Фил. 3:20); и еще: "**о горнем помышляйте, а не о земном**" (Кол. 3:2). "**Об Иисусе Христе**", т. е. чрез Христа Иисуса, а не чрез Моисея–это благословение; а потому не только качеством, но и посредником (благословения) мы превосходим иудеев, о чем он говорит и в послании к Евреям: "**И Моисей верен во всем доме Его, как служитель, для засвидетельствования того, что надлежало возвестить; а Христос – как Сын в доме Его; дом же Его – мы**" (Евр. 3:5,6). "**Так как**", – говорит, – "**Он избрал нас в Нем прежде создания мира, чтобы мы были святы и непорочны пред Ним**" (ст. 4). Слова эти значат: чрез кого Он благословил нас, чрез того и избрал. Итак, сам Он здесь дарует нам все это; сам будет судьей и скажет: "**Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**" (Мф. 25:34); и в другом месте: "**хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною**" (Иоан. 17:24).

2. И во всех почти посланиях (апостол) старается показать, что не новость какая-нибудь сделанное для нас; но что издревле так было предъизображено, и не по причине изменения намерения (Божьего это случилось), но так именно было предустроено и предопределено. И это – дело великого попечения (Божьего). Что значит: "**избрал в Нем**"? Значит – Христос чрез веру в Него совершил это прежде, чем мы родились, или лучше–прежде, чем мир сложен. И прекрасно назвал (апостол сотворение мира) сложением (καταβολή – низвержение с высоты), показывая этим, что мир как бы низвержен с какой-то великой высоты. Подлинно, велика и неизреченна высота Божья, – не в отношены к месту, но в отношении к безграничности природы (Божественной), – и велико расстояние между тварью и Творцом. Да посрамятся еретики, слыша это! Для чего избрал? Для того, чтобы быть нам святыми и непорочными пред Ним. А чтобы ты, услышав, что Он избрал, не подумал, что достаточно одной веры, (апостол) указывает и на жизнь: для того, говорить он, избрал нас, и на то, чтобы мы были святы и непорочны. Избрал Он некогда и иудеев. Каким образом? Народ этот, сказано, избрал Я из народов (Вт. 7:6;14:2). Если же люди, при выборе, избирают лучшее, то тем более Бог.

И избрание служить свидетельством с одной стороны человеколюбия Божьего, с другой – добродетели избранных. Без сомнения, Он избрал тех, которые заслуживают этого; Он сделал нас святыми, но нужно, чтобы и мы были достойны быть святыми. Свят всякий, приобщающийся вере; непорочен же тот, кто проводить жизнь непорочно. И не простой святости, не простой непорочности Он требует, а такой, которая бы и пред Ним показалась именно такой. Есть ведь святые и непорочные, почитаемые за таковых людьми, на самом же деле уподобляющиеся гробам поваленным, или (волкам) ходящим в одежде овечьей. Но не таковых Он избирает, а тех, о которых говорить пророк: "**и по чистоте рук моих**" (Пс. 17:25). Какой (святости Он ищет)? Святости "**пред очами Его**", т. е. такой, которую видит око Божье. Сказав о добродетелях их (избираемых), потом опять переходить к благодати и говорить: "**в любви предопределив усыновить нас**" (ст. 5),– потому что не за добрые только дела бывает это (избрание), но по любви (к нам), и не по

одной – любви, Но и за нашу добродетель. Если бы достаточно было одной любви, Тогда все должны были бы быть спасены; если же с другой стороны достаточно нашей добродетели, то излишне было бы явление Его (Сына Божьего) в мире и (излишне было бы) все домостроительство Его. Итак, это делается и не по одной любви и не за нашу только добродетель, но под условием той и другой вместе. "**Избрал нас**", – говорить (апостол); избирающий же знает, что Он избирает. "**В любви**", – говорит, – "**предопределив усыновить нас**". Не будь любви (Божьей), добродетель никого бы не спасла. Скажи мне: много ли бы пользы получил Павел, много ли бы он совершил, если бы не быль призван свыше, и если бы Возлюбивший его не привлек его к Себе? Или другими словами: дарование столь великих благ есть плод любви (Божьей к нам), а не нашей (только) добродетели. Быть добродетельным, веровать и приближаться (к Богу) – это хоть дело и Призвавшего, но, однако, и наше. А приблизившихся удостоить стольких почестей, чтобы из состояния вражды перевести их в состояние усыновления, – это подлинно дело преизобилующей любви. "**В любви**", – говорит, – "**предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа**" (ст. 5). Замечаешь ли, как ничего – без Христа и ничего – без Отца? Этот пред нарек, Тот приводить. И это он утверждает, возвышая бывшее, как и в другом месте говорит: "**И не довольно сего, но и хвалимся Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа**" (Рим. 3:11). Великие, конечно, дарованы блага, но они становятся гораздо многоценнее вследствие того, что дарованы чрез Христа, потому что к нам – рабам Бог послал не кого-нибудь из рабов, но своего Единородного. "**По благоволению**", – говорит, – "**воли Своей**" (κατά την εϋδοκίαν τού θελήματος αυτοΰ), т. е. потому, что имел сильное желание, или – если угодно – потому, что это составляло Его главное стремление. Εύδοχία (благоволение) везде означает главное желание (основу других желаний). Есть и другие желания, – первое, напр., чтобы не погибли грешники; второе, чтобы сделавшиеся грешниками погибли, потому что мучиться будут они не по необходимости, а по воле (Божьей). Это можно видеть и у Павла, напр., когда он говорит: "**Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я**" (1 Кор. 7:7); и в другом месте: "**я желаю, чтобы молодые вступали в брак, рождали детей**" (1 Тим. 5:14). Таким образом, под ύδοχία он разумеет первое желание, сильное желание, желание с вожделением, повадку. Я не откажусь употребить, даже вульгарное выражение, лишь бы уяснить это для простецов; так мы, означая непреодолимое желание, говорим – κατά τό πείσμα ημών (по нашей повадке). Таким образом, сказанное (т. е. по благоволению хотения своего) значить, что Он сильно желает, сильно хочет нашего спасения.

Для чего Он так любит нас, и где источник такой любви? (Источник) – единственно Его благость, потому что благодать от благости. Потому-то Он и предопределил нас во усыновление, желая и сильно желая, чтобы тем явить славу благодати Своей. "**По благоволению**", – пишет он, – "**воли Своей в похвалу славы благодати Своей, которою Он облагодатствовал нас в Возлюбленном**" (ст. 6), т. е., чтобы показать славу благодати Своей, которою Он сделал нас любезными Себе в Возлюбленном.

3. Итак, если Он " **облагодатствовал в похвалу славы благодати Своей**", чтобы, т. е. проявить благодать Свою, то и мы постараемся пребыть в ней. "**В похвалу славы**". Что это значить? То ли, чтобы кто восхвалял Его? Чтобы кто прославлял? Мы, ангелы, архангелы и вся тварь? Что же это? Нет! Божество ни в чем не нуждается. Итак, для чего же Он желает, чтобы мы восхваляли и прославляли Его? Для того чтобы чрез это сделать теплее нашу любовь к Нему. Не требует Он от нас ни служения, ни прославления, ничего другого; Он желает одного – спасения нашего, и все делает для этого. В самом деле, славословящий и благоговеющий пред благодатью, явленной в Нем, будет внимательнее и рачительнее (к своему спасению). "**Которою Он облагодатствовал нас**", – не сказал: (благодать) которую даром дал (έχαφίσατο), но – которою облагодатил нас (έχαρίτωοεν ημάς), т. е. не только от грехов избавил, но и сделал любезными Себе. Представим себе:

если бы кто, взявши чесоточного, покрытого язвами, удрученного болезнью, старостью, бедностью и голодом, вдруг преобразил его в благообразного юношу, красота которого привлекала бы к себе всех людей, щеки сияли бы, взоры, при каждом мановении, бросали бы солнечные и лучи; потом, если бы оставил его навсегда в этом цветущем возрасте, а сверх того облек его в багряницу, в диадему и во все царские украшения: вот так именно и преобразил (Бог) нашу душу, сделав ее и красивой, и привлекательной, и любезной, так что на такую душу желают взирать ангелы, архангелы и все другие (небесные) силы. Так Он сделал нас любезными и вожделенными Себе: "**И возжелает**", – сказано, – "**Царь красоты твоей**" (Пс. 44:12). Заметь, какие горькие (речи) мы прежде высказывали, и какие благодатные теперь говорим! Мы дивимся не (земным) сокровищам, не тому, что здесь, а небесным, тому, что на небесах. О дитяти, которое, при красоте лица, умеет еще приятно говорить, не говорим ли мы: какой это милый ребенок! Таковы именно верные. Послушай, какие речи они говорят, когда приобщаются таинств. Что может быть вожделеннее тех уст, которые, произнося дивные речи, с великим блеском и дерзновением, с чистым сердцем и нескверными (губами) приобщаются таинственной трапезы? Что вожделеннее тех слов, которыми мы отрицаемся дьявола и сочетаемся Христу, того исповедания – пред купелью и после купели? Подумаем же, как многие растлили (благодать) крещения, и в покаянии вздохнем, чтобы нам опять воспринять ее. "**В Возлюбленном**", – говорит, – "**в Котором мы имеем искупление Кровью Его**" (ст. 7). Не то только здесь удивительно, что предал Сына Своего, но и то, что Возлюбленный быль заклан. Великое преизобилие (любви)! Предал Возлюбленного за ненавистных. Смотри, как Он ценит нас! Если же, когда мы Его ненавидели и были врагами, Он предал Возлюбленного, то чего же Он не сделает, когда мы удостоимся, чрез благодать, примирения с Ним? "**Прощение грехов**", – говорит (апостол). От высшего нисходить к низшему. Сказавши наперед об усыновлении, святости и непорочности, потом уже говорить о страдании, не уменьшая и не низводя речи от предметов важных к малым, а от малых восходя к великим. В самом деле, нет ничего столько великого, как пролитие за нас крови Божьей; что Бог Сына Своего не пощадил, это важнее и усыновления и других даров. Великое, бесспорно, дело – отпущение грехов, но оно становится еще больше, когда совершается кровью Владычной. А что это далеко выше всего, смотри, как сильно выражается здесь (Павел), говоря: "**по богатству благодати Его, каковую Он в преизбытке даровал нам**". И то богатство, но это гораздо большее. "**Каковую Он в преизбытке даровал**", – говорит, – "**нам**". Богатство было, и Он его еще преумножил, т. е. излил неизреченно (обильно). Невозможно словом представить, что сделано для нас. Нам (даровано) богатство, богатство необъятное, богатство не человеческое, но божественное, так что слово совершенно бессильно выразить его. Желая же показать, как даровал (благодать) в преизобилии, прибавляет: "**во всякой премудрости и разумении, открыв нам тайну Своей воли**", то есть, Он сделал нас мудрыми и разумными истинной мудростью и истинным разумом.

4. О, какая любовь! Сказал нам тайны Свои – "**Своей воли**", или, говоря другими словами, открыл нам то, что у Него в сердце. Такая тайна, в самом деле, исполнена всякой мудрости и разума. Что назовешь ты равным такой мудрости? Нас, ничего нестоящих, Он взыскал, чтобы возвести в богатство. Что сравнится с такой изобретательностью? Тот, кто был врагом, (существом) мерзким, вдруг возводится горе. И не в этом только премудрость, но и в том, что совершается в такое время, и в том, что чрез крест. Долго нужно объяснять, сколько явлено в этом премудрости и как Он чрез это снова сделал нас мудрыми. "**По Своему благоволению**", – продолжает (апостол), – "**которое Он прежде положил в Нем**" (ст. 9), т. е. это было сильное и сердечное желание Его – как-нибудь сказать нам тайну (воли Своей). Какую же? Ту, что Он желает человека посадить горе. Это (желание) исполнено. "**В устроении полноты времен, дабы все небесное и земное соединить под главою Христом**" (ст. 10). Небесное и земное были отторгнуты одно от

другого и не имели одной главы. В отношении творения был один Бог, а в отношении объединения этого не было, потому что, когда разлилась языческая прелесть, люди отторглись от повиновения. "**В устроении**", – пишет, – "**полноты времен**". Исполнением времен он назвал самое (домостроительство). Заметь, как отчетливо он выражается. Показывая, что начало (спасения нашего), предложение, желание и первое стремление – в Отце, а исполнение его на деле – чрез Сына, он нигде, однако же, не называет Его (Сына) слугой. Избрал, говорит, "**нас в Нем прежде создания мира, предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа в похвалу славы благодати Своей, в Котором мы имеем искупление Кровью Его, которое Он прежде положил в Нем, в устроении полноты времен, дабы все соединить под главою Христом**", – и нигде не назвал Его слугой. Если скажешь, что частицы εν (в), δια (чрез) указывают на (звание) слуги, то заметь, как он здесь употребляются. В самом начале послания (апостол) сказал: "**Волею Отца**" (δια τοῦ δελήματος τοῦ Πατρός). Отец, говорит, восхотел, Сын (хотение) исполнил. Здесь нет того, чтобы Сын лишен был действования, потому что Отец восхотел, или чтобы Отец лишен был хотения, потому что Сын действовал; у Отца и Сына все общее. "**И все Мое Твое, и Твое Мое**", – говорить (Сын) (Иоан. 17:10). Исполнением времен было Его пришествие. Итак, когда Он все сделал чрез ангелов, пророков и закон, и нисколько не успел, напротив находился еще в опасности (раскаяться), что напрасно сотворил человека, что напрасно привел (к бытию) того, кто слишком (имел) преуспевать во зле; когда все без разбору погибали и погибали в большем количестве, чем при потопе,– тогда Он нашел домостроительство посредством благодати, так что (оказалось) Он не безрассудно и не напрасно сотворил его. Это исполнение времен он называет и премудростью. Почему? Потому, что люди тогда были спасены, когда всего больше они могли погибать. Возглавить, пишет. Что это значить: возглавить (ἀνακεφαλαιώσασθαι)? Значит: соединить. Впрочем постараемся быть, как можно, ближе к самой истине. У нас оглавлением (ἀνακεφαλαίωσις) обыкновенно называется представление в кратких выражениях того, о чем надобно говорить долгое время, или сокращенное изложение всего, о чем было говорено пространно. Итак слово это может значить и следующее: устраиваемое столь долгое время домостроительство (нашего спасения) возглавил в Себе, т.е. сократил, или, говоря кратко, – с соблюдением впрочем истины, – и то обнял и новое присоединил. Вот, что значит оглавление! Но есть нечто и другое, что также означается (этим словом). Что же это? В Христе по плоти Бог положил одну главу для всех, для ангелов и людей, т. е. одно дал (верховное) начало и ангелам и людям, одним – (Христа) по плоти, другим – Бога Слова. Как если бы кто сказал о доме, что одно в нем гнило, другое крепко, и возобновил бы дом, т. е. сделал бы крепче, подложив более крепкое основание, так и здесь всех привел под одну главу. Тогда только и возможно единение, тогда только и будет этот совершенный союз, когда все, имея некоторую необходимую связь горе, будет приведено под одну главу. Итак, сподобившись такого дара, такой чести, такого человеколюбия, не посрамим Благодетеля, не сделаем тщетной такую благодать, покажем ангельское житие, ангельскую добродетель и образец жизни. Я прошу и молю о том, чтобы все это не было нам в суде и осуждение, но в получение благ, которых да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава и (честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 2

"В Нем мы и сделались наследниками, быв предназначены к тому по определению Совершающего все по изволению воли Своей, дабы послужить к похвале славы Его нам, которые ранее уповали на Христа. В Нем и вы, услышав слово истины, благовествование вашего спасения, и уверовав в Него, запечатлены обетованным Святым Духом, Который есть залог наследия нашего, для искупления удела Его, в похвалу славы Его" (Еф. 1:11–14)

1. Павел везде, сколько мог, старался показать неизреченное человеколюбие к нам Божье. Что он не в состоянии был показать во всей полноте, об этом послушай, как сам он говорит: "**О, бездна богатства и премудрости и ведения Божья! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!**" (Рим. 11:38)! Впрочем, сколько мог, показывает. Что же говорить он? "В Нем мы и сделались наследниками, быв предназначены к тому". Выше сказал: "**Избрал нас**"; здесь же говорит: "**сделались наследниками**"(ἐχληρώδημεν от χληρόω получаю наследство по жребию). Но так как жребий есть дело случая, а не свободной воли или заслуг, не может быть предусмотрен и зависит от стечения обстоятельств, так что нередко не удостаиваются его и люди добродетельные, напротив люди, не заслуживающие никакого внимания, выводятся на сцену,– то заметь, как (апостол) дополняет это: "**быв предназначены к тому**", – говорит, – "**по определению Совершающего**", т. е. не просто мы "**сделались наследниками**", как не просто и избрал Он нас. Так как избравший есть Бог, то не случаю, значить, обязаны мы избранием; так как сотворивший нас наследниками – Бог, то, значить, (не случайно) мы получили наследство, а по прозрению. И в послании к Римлянам, рассуждая об этом, он говорит: "**Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил. А кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил**" (Рим. 8:29,30). Сказавши прежде о том, что есть званные по предуведению, и между тем желая относительно других показать нечто большее, он говорить также и о наследстве по жребию, чтобы не отнять (от Бога) самовластия. Таким образом, он утверждает то, что в особенности доставляет блаженство: ведь наследство по жребию не есть (награда) за добродетель, а, так сказать, дело случая, – как если бы кто-нибудь сказал: Он избрал нас, бросивши жребий. В самом же деле здесь все сделано преднамеренно, т. е. избрав пред нареченных (по прозрению), Он отделил их Себе самому, потому что Он усмотрел нас прежде, чем сделал наследниками. Изумительно божественное предвидение, усматривающее все прежде исполнения! Кроме того, обрати внимание и на то, как (апостол) везде старается объяснить, что все эти дела (устроились) не по причине раскаяния, но что так именно они были предопределены издревле, и что все совершено Им согласно с этим (предопределением), так что мы, в этом случае, ничем не меньше иудеев. Но как же, скажешь, сам Христос говорит: "**Я послан только к погибшим овцам дома Израилева**" (Мф. 15:24); и еще апостолам Он говорил: "**на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите**" (Мф. 10:5); и сам Павел опять говорил: "**вам первым надлежало быть проповедану слову Божьему, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычника**м" (Деян. 13:46)? Все это сказано для того, чтобы кто-нибудь не подумал, что это сделано в виде ненужной прибавки. "**По определению**", – говорит, – "**Совершающего все по изволению воли Своей**", т. е. Он все предопределил искони, и кроме этого не сделал ничего. Таким образом Он действовал до конца по совету воли Своей. И значит, Он призвал язычников вовсе не потому, что иудеи не послушались Его; Он не был к этому приведен или вынужден последними. "**Дабы послужить**", – говорит, – "**к похвале славы Его нам, которые ранее уповали на Христа. В Нем**", т. е. через Него, "**и вы, услышав слово истины, благовествование вашего спасения**". Заметь: везде он представляет Христа истинным виновником всего, и нигде не называет Его подчиненным или слугой. Подобно этому, он и в другом месте говорит, именно в послании к Евреям: "**Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне**", т. е. чрез Сына. "Слово истины", – говорит, – но не (слово) образа или подобия.

"**Благовествование вашего спасения** ". И хорошо называет это благовествование (благовествованием) спасения нашего, указывая этим с одной стороны на закон, с другой на будущее наказание. Что в самом деле другое означает проповедь, как не благовествование спасения, т. е., что достойных погибели Он уже не погубляет? "и

уверовав в Него, запечатлены обетованным Святым Духом, Который есть залог наследия нашего". Опять великое промышление показывает это запечатление, – не отделение, не наследие только, но именно – запечатаете. Как если бы кто доставшихся ему по жребию отметил (известным знаком), чтобы после узнавать их, так точно и Бог отделил для принятия веры в Него, и запечатлел в наследие будущих (благ).

2. Видишь ли, как (Бог) с течением времени делает их дивными? Доколь они были только в предвидении, до тех пор никому не были известны; а когда получили запечатление, сделались известными, но не как мы, потому что они будут известны, выключая немногих. Получали запечатление и израильтяне, но чрез обрезание, подобно скотам и бессловесным; запечатлены и мы, но как сыны, Духом. Что значит: "**обетованным Святым Духом**"? Значить, что мы приняли Его по обетованию. Обетований было два, одно чрез пророков, другое от Сына. (Я сказал): чрез пророков; послушай, что говорит Иоиль: "**Излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения**" (Иоил. 2: 28). Послушай затем, что и Христос говорит: "**примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли**" (Деян. 1: 8). Хотя следовало верить Ему, как Богу, но Он на этом очень не настаивает, а производить исследование, как бы (он говорил) о человек. Как в послании к Евреям он говорит: "**Дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу солгать, твердое утешение имели мы**", так и здесь то, что уже было даровано, представляет в доказательство исполнения обетования о будущих (благах). Потому то он и называет (Духа Св.) "**залогом**" (залогом нашего спасения). Залог бывает обеспечением для всего. Он купил нам наше спасете, и пока дал только залог. Почему же не даровал всего тотчас же? Потому что мы, с своей стороны, еще не исполнили всего. Мы уверовали, это лишь начало, и Он даровал залог. А когда веру покажем в делах, тогда представить нам и все. Он отличил нас и другим образом, даровав нам собственную кровь, и обещал еще другую честь. Как во время войны народы дают друг другу заложников, так точно Бог даровал нам Своего Сына – залог мира и примирения, и из Него (τό εξ αυτού) Святого Духа. Приобщившиеся (благодати) Духа, без сомнения, знают, что это залог наследия нашего. Таков быль Павел, который здесь еще предвкушал то, что там (т. е. на небе), который стремился и желал оставить здешний мир, и вздыхал, потому что он, весь ум свой переселив туда, смотрел уже другими глазами. Ты не оправдываешь (веры) делами, – этим сам себя исключаешь из слов (обетований). Если бы мы все приобщились Духа, как следует приобщиться, то и небо узрели бы и свое будущее там состояние. "**Залог**" чего? "**искупления, удела**". Совершенное избавление совершится в будущей жизни, потому что теперь мы живем среди мира и много человеческого привходить в нас, и с нечестивыми обращаемся. Когда же не будет ни грехов, ни человеческих страстей, когда мы не будем в вперемешку со всеми (нечестивые вместе со святыми), – тогда уже наступить совершенное избавление; а теперь (дань только) залог. Впрочем, нам и теперь должно удаляться земного, потому что наше отечество не на земле; и теперь мы должны быть свободны от того, что здесь, потому что мы еще странники. "**К похвале славы Его** ", – это он постоянно повторяет; для чего же? Для того чтобы вполне убедить слушателей. Боли бы Он искупил нас для нас же, как бы так говорит (апостол), то искушение наше не было бы еще несомненно. Если же Он сделал это для Себя, то есть, чтобы показать Свою благость, то это служить уже основанием, или как бы ручательством, что обещанное так и случится, как обещано. Мы видим, что и у израильтян часто встречаются подобные выражения: "**Со мною же твори ради имени Твоего**" (Пс. 108:21). В другом месте сам Бог говорит: "**Ради Себя Самого делаю это**" (Ис. 48:11). И Моисей (взывает): "**Сотвори ради Твоего имени**", если не ради чего другого. Итак он самым действительным образом убеждает и обнадеживает слушателей, научая их, что (Бог) ради Своей собственной благости исполнить все, что

обещает. Но не будем из-за этого предаваться беспечности. Конечно, Он все делает ради самого Себя; но, однако же, и от нас требует (соответствующих действий). Если Он говорить, что "**Я прославлю прославляющих Меня, а бесславящие Меня будут посрамлены**" (1 Цар. 2: 30), то мы должны понять, что и с нашей стороны ничто требуется. Похвала славы Его – в том, чтобы спасти врагов, но эти враги после того, как они сделались друзьями, должны и пребыть друзьями; если же они опять возвратятся в прежнее состояние вражды, то все для них будет бесполезно и тщетно.

3. Другой бани паки бытия нет; нет и вторичного приведения; но есть "**но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников**" (Евр. 10:27). Это именно ожидает и нас, если мы, всегда враждовавшие с Ним, будучи удостоены прощения, и после этого не перестанем еще враждовать, будем продолжать предаваться похотям и делаться хуже прежнего; если останемся слепыми и по пришествию Солнца правды. Хочешь воспринять луч, просвещающий твои очи? Сделай их чистыми, здравыми и зоркими. Он показал тебе свет истинный; но если ты, убегая света, устремишься к тьме, – какое тогда обретешь ты оправдание, какое прощение? Подлинно, никакого, потому что это обнаружить в тебе невыразимую ненависть. Когда бы ты, еще не познав Бога, враждовал с Ним, тогда ты имел бы еще некоторое извинение. А теперь, когда ты вкусил благоволения и сладости (божественной), и, оставляя их, возвращаешься на свою блевотину, то этим обнаруживаешь не что иное, как только знаки великой ненависти и презрения. Не правда, – скажешь, – природа принуждает меня (к греху); я люблю Христа, но природа поставляет меня в необходимость (грешить). Если бы в самом деле ты грешил по принуждению и против воли, – для тебя было бы еще снисхождение; если же ты падаешь от нерадения, тогда не может быть никакого. Впрочем, рассмотрим это самое, т.е., что бывает причиной грехов нужда ли и неволя, или леность и совершенная беспечность? Сказано, напр.: "**не убей**". Какая необходимость, какое насилие делать это? Напротив, чтобы убить, нужно употребить (над собой) насилие. Кто в самом деле из нас (без насилия над собой) решится вонзить меч в гортань ближнего и обагрить кровью свою руку? Никто. Не видишь ли, что напротив, чтобы совершить этот грех, нужно много принуждения и насилия над собою. Бог вложил в нашу природу силу, побуждающую любить других. "**Всякое животное**", – сказано, – "**любит подобное себе, и всякий человек – ближнего своего**" (Сир. 13:19). Смотри, для добродетели сама природа дала семена; пороки же противны природе, так что, если они более господствуют над нами, то это самое служить признаком большой с нашей стороны лености. А что блуд? К нему какая влечет необходимость? Конечно, скажут, тиранство похоти. Как так, скажи мне? Разве нельзя иметь собственную жену, и этим уничтожить это тиранство? Но какая-то (страстная) любовь, скажет кто-нибудь, обуяла меня к жене ближнего. Это еще не есть необходимость, потому что любовь не есть дело необходимости; никто не любить по необходимости, а по своему произволению и доброй воле. Иметь совокупление – это, может быть, и необходимость; но любить ту или другую – это уже не есть дело необходимости. И (прелюбодеяние) не есть следствие стремления к совокуплению, следствие тщеславия, чувственного раздражения и чрезмерного сладострастия. Что, скажи мне, сообразнее с разумом: иметь ли свою жену – общницу рождения детей, или искать какой-нибудь неизвестной? Разве не знаете вы, что привычка порождает дружбу? Итак, блуд не есть дело природы. Я не обвиняю вожделения, но вожделение дано нам для брака и для деторождения, а не для распутства и растления. И законы гражданств, как известно, снисходительно относятся к невольным преступлениям. Но греха собственно нет ни одного, который бы проистекал из необходимости, – все они зависят от испорченной воли. Бог не так создал природу, чтобы необходимо должно было грешить; если бы это было так, тогда не было бы и наказания о том, что действительно делается по необходимости и принуждению, мы не заводим и речи, и Бог не взыщет за это, потому что Он человеколюбив и благ. Что же? Уж и воровство не есть ли дело необходимости? Да,

скажут, к нему понуждает бедность. Нет, бедность скорее заставляет трудиться, а не красть. Таким образом, бедность производить противное; воровство происходить от лености; а бедность порождает обыкновенно не леность, а трудолюбие. Итак, оно (воровство) есть следствие нерадения. Заметь это! Притом, скажи мне, что труднее, что неприятнее, – проводить ли ночи без сна, проламывать отцы, бродить во тьме, постоянно тревожиться и готовиться к убийству, дрожать и умирать со страху, или ежедневно посвящать себя труду, и вместе с довольством наслаждаться безопасностью? Конечно, последнее легче. А так как оно легче, то большая часть людей и решается лучше на него, чем на первое.

4. Видишь ли, что добродетель сообразна с природой, а порок противен ей, как (противны между собою) болезнь и здоровье. Еще: какая, например, необходимость заставляет лгать и божиться? Никакой нет необходимости, никакой неволи; но мы это делаем по доброй воле. Нам не верят, – скажете вы. Не верят, потому что мы того желаем; ведь нам следовало бы приобретать доверие более своим поведением, чем клятвами. Отчего, скажи мне, одним мы не верим и тогда, когда они клянутся, а других считаем людьми, заслуживающими доверия и без клятвы? Значит, в клятвах нет никакой необходимости. Словам такого-то, говоришь, я верю и без клятв, тебе же не верю, несмотря на твои клятвы. Значит, клятвы излишни, и более свидетельствуют о недоверии, Чем о доверии. Кто склонен к клятвам, тот, нельзя сказать, чтобы делал честь своему благородству. И кто решительно при всяком случае употребляет клятву, тот никогда не имеет в ней настоятельной нужды; между тем, кто никогда не прибегает к клятве, тот может извлечь из нее пользу. Может быть, клятва нужна для уверения (других)? Нисколько! Мы видим, что не клянущиеся пользуются большим доверием. Еще: есть ли какая-нибудь необходимость досаждать другим? Конечно, скажешь. Внутренний жар возбуждается, воспламеняется и не дает душе покоя. Нет, человек, не от внутреннего жара происходить досада, а от малодушия. Если бы (досада происходила) от сердечной горячности, то все бы люди досаждали (друг другу), и непрестанно бы досаждали. Мы имеем горячность (ревность) в сердце не для того, чтобы досаждать ближним, но чтобы обращать согрешающих, чтобы восставать самим (по падении), чтобы не быть ленивыми. Внутренний жар вложен в нас, как некоторое жало, чтобы мы скрежетали зубами против дьявола, чтобы устремлялись на него, а не чтобы восставали друг против друга. Мы имеем орудие, но для того, чтобы воевать с самими собой, а чтобы употреблять его в войне с неприятелем. Ты гневлив? Будь таков по отношению к своим грехам, бей свою душу, бичуй свою совесть, будь строгим судьей и грозным карателем своих собственным грехов. Вот польза гнева; для этого Бог и вложил его в нас. Еще: лихоимства бывает ли следствием необходимости? Нет! Какая нужда, какая сила, скажи, понуждает грабить? Бедность заставляет, – скажешь ты, – и страх (не иметь) самого необходимого. Но поэтому-то тебе и не должно быть лихоимцем; такого рода богатство не прочно. Ты делаешь тоже самое, как если бы кто-нибудь, будучи спрошен, для чего он на песке полагает основание дома, отвечал: (чтобы укрываться) от холода и от дождя, но для этого-то, именно, и не следовало бы ставить (дома) на песке, потому что дождь, бури и ветер скоро разрушать его. Поэтому, если ты хочешь разбогатеть, то не лихоимству; если хочешь оставить детям богатство, приобретай (богатство) честное, – если только таковое бывает. Такое богатство твердо и прочно; иное же скоро погибает и уничтожается. Скажи мне: ты желаешь разбогатеть, и для этого берешь принадлежащее другим? Но ведь это не богатство; богат тот, кто пользуется собственным, у кого же в руках чужое, тот не богат. Иначе, продающие шелковые одежды, берущие на время одежды других почитались бы богаче и изобильнее всех. Однако, несмотря на то, что вещи в их руках, мы не называем их богатыми. Почему? Потому что у них чужое. Если даже одежды принадлежат им, все-таки деньги, которых стоять одежды, не их, а если и деньги их, то и это не составляет еще их богатства. Итак, если полученное в займы не делает богатыми, так как скоро может

быть потребовано назад, то каким образом от лихоимства можно быть богатым? Если ты желаешь разбогатеть во что бы то ни стало (потому что это не есть дело необходимости), то чем особенно ты хотел бы пользоваться? Не более ли продолжительной жизнью? Но таковые (грабители) большей частью бывают недолговечны; они часто получают, в наказание за хищение и лихоимство, преждевременную смерть, и таким образом мало того, что не наслаждаются богатством, но отходят (от мира), чтобы воспринять геенну; нередко также они погибают, получая болезни или от сладострастия, или от трудов, или от излишних забот. Хотел бы я знать при этом, для чего люди так много заботятся о богатств? Ведь Бог назначил природе меру и границы, чтобы мы не имели никакой необходимости искать богатства. Он повелел, напр., одевать тело одной или двумя одеждами, а затем лишняя не нужна для защиты (тела). Для чего же тысячи одежд, эта молеедина? Положена также мера и в принятии пищи, и употребленное более этой меры необходимо вредит всякому живому существу: для чего же эти стада, пастбища и скопление мяса? Нам нужен только один кров: для чего же эти хоромы, эти многоценные жилища? Чтобы в них обитали коршуны и галки в то время, как бедные люди лишены всякого крова? Какой геенны не заслуживает это? многие нередко в местах, которых никогда не видали, воздвигают из гранитных столбов и дорогого мрамора великолепные здания (чего только не выдумают?); но ни сами, ни кто другой не пользуются ими. Пустынность места не дозволяет жить в этих зданиях, которые таким образом остаются без употребления. Видишь ли, что не по необходимости они воздвигаются? Но причиной всего этого – безумие, глупость и тщеславие, которых, умоляю, будем избегать, чтобы мы смогли избегнуть и других зол, и удостоиться благ, обещанных любящим Его во Христе Иисусе, Господе нашем.

БЕСЕДА 3

"Посему и я, услышав о вашей вере во Христа Иисуса и о любви ко всем святым, непрестанно благодарю за вас Бога, вспоминая о вас в молитвах моих, чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения к познанию Его, и просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых, и как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его, которою Он воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых" (Еф. 1:15–20)

1. Нет ничего, с чем бы можно было сравнить апостольское благорасположение, – что было бы подобно тому сочувствию и той нежной любви, которыми был исполнен блаженный Павел, во всех своих молитвах поминавший целые города и народы. "**Благодарю за вас Бога, вспоминая о вас в молитвах моих**", – так он обыкновенно писал всем. Представьте же, сколь многих он имел в мыслях своих! Даже и помнить было трудно, – так много было людей, о которых он молился, благодаря Бога за всех, как будто те величайшие благодеяния (какие они получили), получил он сам. "Ради этого", говорит, т. е. ради будущих благ, которые ожидают право верующих и живущих. Впрочем, должно благодарить Бога за все, что Он сделал для рода человеческого и до этого и после того, – должно благодарить Его и за веру верующих. "**Услышав**", – говорит, – "**о вашей вере во Христа Иисуса и о любви ко всем святым**". Везде он соединяет и сближает веру и любовь, как некую дивную двоицу; о любви же их говорит не к туземцам только, но ко всем (христианам). "**Непрестанно благодарю за вас Бога, вспоминая о вас в молитвах моих**". О чем же он просить, о чем молить? О том, "**чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения**". Двум истинам Он хочет научить их, как следует к чему они призваны, и каким образом избавлены от исконных (зол). Между тем сам говорить, что этих (истин) три. Каким же образом их три? Начнем с будущего. Из уготованных благ мы узнаем неизреченное и

переизбыточествующее богатство Его. А из знания о том, каковы мы и как уверовали, узнаем силу и могущество Его – обратить к Богу бывших столь долгое время в отчуждении. "**Немощное Божье сильнее людей**" (1 Кор. 1:25). Той же самой силою, которою воскресил Христа, Он и нас привлек к Себе. И сила Его выказалась не только в воскресении, но и в гораздо большем: "**И посадив одесную Себя на небесах, превыше всякого Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого не только в сем веке, но и в будущем, и все покорил под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем**" (ст. 20–23). Подлинно великих и неизреченных таинств сделал Он нас участниками, – таинств, которые понимать могут только приобщившиеся Святого Духа и удостоившиеся великой благодати. Потому-то и Павел начинает свою молитву словами: "**Отец славы**", т. е. (Отец), даровавший нам великие блага. Он всегда называет Его сообразно предмету (о котором говорится), как, напр., когда говорит: "**Отец милосердия и Бог всякого утешения**" (2 Кор. 1:3), и как еще пророк (сказал): "**Господь – твердыня моя и прибежище мое**" (Пс. 17:3). "**Отец славы**". (Апостол) не находить такого слова (которым бы мог вполне изобразить уготованные Богом блага), и везде называет их славой, как словом, обозначающим для нас всякого рода величие. Смотри: (Бога Отца апостол называет) Отцом славы и Богом Христа. Что же? Разве Сын имеет меньше славы? Нет, никто, даже безумный, этого не скажет. "**Дал вам**" (духа премудрости), т. е. возвысит и воскрылить ваш ум, потому что иначе нельзя познать этого. "**Душевный человек не принимает того, что от Духа Божья, потому что он почитает это безумием**" (1 Кор. 2:14). Значить, чтобы понимать духовное, видеть сокровенное, – нужна и мудрость духовная. Дух открывает все и разъясняет самим тайны Божьи. Знание тайн Божьих принадлежит одному Духу, который "**проницает и глубины Божьи**" (1 Кор. 2:10), и ни ангел, ни архангел, ни иная какая сотворенная сила не подаст, т. е., не доставит вам этого дарования. Если же это есть плод откровения, в таком случае излишни все умствования, потому что углубившийся в (созерцание) Бога и познавший Его ни в чем не усомнится, не будет говорить: вот это возможно, а это невозможно; не будет рассуждать, каким образом то или другое могло случиться. Если бы и мы познали Бога, как должно, если бы познали от того, от кого следует познавать, от самого Духа, то мы уже ни в чем более не сомневались бы. Потому-то (апостол) и говорит: "**к познанию Его, и просветил очи сердца вашего**". Наученный, что есть Бог ни в обетованиях не усомнится, ни обнаружить неверия в то, что уже было. Вот почему он и молится о даровании им духа премудрости и откровения. Впрочем, сам (апостол), что можно, доказывает и посредством умозаключений, (заимствуя основания для них) от того что уже совершено. Так как он намерен говорить с одной стороны уже о совершившемся, а с другой еще о не совершившемся, то тем, что совершено, он утверждает веру в то, что еще не совершено, как это видно из следующего: "**Дабы вы познали**", – говорит, – "**в чем состоит надежда призвания Его**", – (надежда) пока еще неизвестная, говорит, но не для верных, – "**и какое богатство славного наследия Его для святых**", – тоже пока еще неизвестное. Что же известно? То, что мы веруем, что Он "Своей силой" воскресил Христа. Возбудить веру в душах гораздо удивительнее, чем воскресить мертвого. Как так? Постараюсь сделать это ясным. Послушай, в самом деле: Христос сказал мертвому: "**Лазарь! иди вон**" (Иоан. 11:43), и (мертвец) тотчас повиновался. Сказал Петр Тавифе: "**Тавифа! встань**" (Деян. 9:40), и та не противоречила. Скажет Господь в последний день – и все восстанут, притом с такой быстротой, что остающиеся еще в живых не предупредят умерших, и все это совершится и окончится в самое краткое время, – в одно мгновение ока.

2. Но не так бывает в деле обращения к вере. А как же? Послушай опять, что говорить (Господь): "**Многие поищут войти, и не возмогут**" (Лк. 13:24). Теперь понимаешь, что труднее? Потому-то (апостол верой) и доказывает все. В самом деле, гораздо труднее, – даже по человеческим соображениям, – убедить свободу человека, чем создать природу.

Причина же заключается в том, что Бог желает, чтобы мы сами добровольно делались добрыми. Таким образом (апостол) совершенно справедливо видит "**и как безмерно величие могущества Его в нас, верующих**". Когда пророки ничего не помогли, когда (не помогли) ангелы и архангелы, вся видимая и невидимая тварь, – видимая, будучи выведена на сцену, не смогла руководить, а невидимая во многом успела, – тогда благоволил явиться сам (Бог), показывая этим, что в деле (обращения к вере) нужна сила Божественная. "**Богатство славного**", т. е. славу неизреченную. В самом деле, чье слово в состоянии представить ту славу, которой сподобятся некогда святые? Конечно, ничье. Чтобы уразуметь это, поистине нужна благодать, – нужно воспринять хоть малый луч (духовного света). Было известно нечто (из Божественных истин) и прежде; но ныне Он восхотел научить большему и совершеннейшему ведению. Видишь ли, что Он совершил? Воскресил Христа; и это уже немаловажное дело; но смотри, что и еще (Он сделал): посадил Его одесную Себя. Какое слово может изобразить это? Сущего от земли, того, кто был безгласнее рыб, кто был игрушкой (подвергался искушениям) демонов, – вдруг возвел на высоту. Поистине, преизобильно велите силы Его!

И смотри, куда Он возвел Его. Посадил Его "**на небесах**" превыше всякого сотворенного естества, превыше всякого начальства и власти. "**Превыше**", – говорит, – "**всякого Начальства**". Потому, поистине, нужен Дух (благодати), нужен ум просвещенный, чтобы познать Его, – словом, для этого нужно откровение. Представь, как велико расстояние между человеческой и божественной природой; между тем Он от этого (человеческого) ничтожества возвел Его в ту (Божественную) честь. Не одну, не две, не три степени нужно перейти для этого. Потому-то и (апостол) не просто сказал: выше, но – превыше. Превыше вышних сил – один Бог. И туда-то Он возвел сущего от нас, – от крайнего уничижения Он возвел на крайнюю степень власти, за которою уже нет другого (высшего) достоинства. "**Всякого Начальства**", – говорит, т. е. (превыше) не того или другого, но всякого "**Начальства, и Власти, и Силы, и Господства, и всякого имени, именуемого**"; что бы ни было на небе, Он сделался превыше всего. Все это (говорил апостол) о Воскресшем из мертвых, и все это достойно удивления, а никак не о Боге-Слове. Ведь, что комары в сравнении с человеком, то вся тварь в сравнении с Богом. И что я говорю: комары? Если все люди пред Богом не более, как капля и как пылинка на весовой чашке (Ис. 40:15), то с комарами (в этом случае) можешь сравнивать невидимые силы. Итак, не о Боге-Слове говорил так (апостол), а о Том, Кто от нас. Это подлинно велико и чудно, – что Он из преисподних земли возвел Его. Если все народы (пред Богом) как капля, то один человек лишь малейшая частичка капли. И между тем Бог сделал Его выше всех "**не только в сем веке, но и в будущем**", – значит, имена некоторых сил (небесных) нам не объявлены еще и неизвестны, – "**и все покорил под ноги Его**". Не просто сказал: сделал "**Его выше**" (всего), чтобы предпочесть им, – не в смысле сравнения употребил это слово; но поставил его как бы господином над рабами. О, подлинно дивные дела! Через то, что Боге Слово вселился (в наше естество), человеку вся сотворенная сила сделалась рабыней. Но, может быть, есть кто-нибудь выше (Его), у кого, хотя нет подчиненных, но кто обладает большим достоинством? Здесь и это неприложимо: "**и все покорил под ноги Его**", не просто покорил, но покорил до совершенного подчинения, так что большего подчинения быть не может. Потому-то (апостол) и сказал: "**под ноги Его, и поставил Его выше всего, главою Церкви**". О, и Церковь, куда Он возвел! Как бы некоторой машиной поднявши ее, Он возвел ее на высоту великую, и посадил ее на том же престоле, потому что где глава, там и тело, нет никакого перерыва между главой и телом, и если бы (связь между ними) прерывалась, то не было бы ни тела, ни главы. "**Выше всего**", – говорит. Что значит – "**выше всего**"? Или – что Христос выше всего видимого и созерцаемого умом, или – что высшее из всех благодеяний, оказанных Им, то, что Сына Своего сделал главою, не оставив при этом никого выше – ни ангела, ни архангела, ни другого кого-нибудь. Не одним только тем (преимуществом Бог) почтил нас, что сущего от нас возвел горе, но еще

и тем, что предуготовил то, чтобы весь вообще человеческий род последовал за Ним, имел тоже, что Он и наследовал Его (славу). "**Которая есть Тело Его**". Чтобы ты, услышав слово „главу", не принял его в значении только власти, но в смысле собственном, не счел Его только начальником, но видел в Нем как бы телесную (действительную) главу, (апостол) прибавляет: "**полнота Наполняющего все во всем**". Он считает как бы недостаточным (название главы для того), чтобы показать родство и близость (Церкви ко Христу), и что говорить? Церковь есть исполнение Христа, точно так же, как голову дополняет тело и тело дополняется головой. Видишь, каким оружием пользуется апостол, как он не останавливается ни пред каким оборотом речи, чтобы представить Божью славу. "**Полнота**", – говорит, т. е., как глава пополняется телом, потому что тело составляется из всех (своих) членов, и каждый член необходим для другого. Видишь, как (апостол) представляет, что (для Христа, как главы) нужны все вообще члены, потому что если бы многие из нас не были – один рукой, другой ногой, третий иным каким-либо членом, то тело Его было бы не полно. Итак, тело Его составляется из всех (членов). И значить: тогда только исполнится глава, тогда устроится совершенное тело, когда мы все вместе будем соединены и скреплены самым прочным образом.

3. Видишь ли "**богатство славного наследия**"? Видишь ли "**безмерно величие могущества Его в нас, верующих**"? Видишь ли "**надежда призвания**"? Почтим же нашу Главу; подумаем о том, какой Главы мы тело, – которой все покорено. Сообразно с этим образцом мы должны быть лучше самих ангелов и выше архангелов, как удостоенные большей чести, нежели все они. "**Не Ангелов**" Бог принял естество, как говорить (апостол) в послании к Евреям, но "**семя Авраамово**" (Евр. 2:16). Не власти, не начала, не господства, не другой какой силы, а наше принял Он естество и посадил горе. И что я говорю: посадил? Сделал Своею одеждой, и не это только, но и все покорил под ноги Сто. Сколько бы раз сам ты ни умирал, сколько бы, – хотя бы тысячи и более, – раз ты ни полагал душу свою, но ты не скажешь, чтобы сделал, хотя что-нибудь равное (тому, что Христос сделал). Он совершил два великих дела: сам снизошел до последней степени уничижения, и человека возвел на великую высоту. (Апостол) прежде сказал о Его уничижении; здесь же говорит о деле еще высшем, истинно великом и главном. Если бы мы и не были превознесены (чрез Его уничижение), было бы довольно (того, что Он сделал для нас); или если бы и были удостоены (столь высокой чести), но без Его жертвы (то этого тоже было бы довольно). Но когда Он совершил и то и другое, то, для изображения всего этого, самое богатое слово остается недостаточным и бессильным. Самое воскресение представляется уже не столь великим, когда подумаю об этом. Не о Боге-Слове, а о Нем (Христе уничиженном) говорит: "**Бог Господа нашего Иисуса Христа**". Почтим же близость родства; убоимся, чтобы не отсекся кто от этого тела, чтобы не ниспал, кто и не явился недостойным. Если бы кто-нибудь на нашу голову надел диадему, золотой венец, – скажите, чего бы мы не сделали, чтобы показать себя достойными этих бездушных камней? Здесь же не диадема покрывает нашу голову, а сам Христос сделался нашей Главой, что гораздо выше, – а между тем мы не придаем этому никакой цены. Ангелы, архангелы и все (небесные) силы благоговеют пред нашей Главой, а мы – тело Её ужели не почтим, но ни за Её уничижение, ни за наше возвышение? Какая же после этого останется у нас надежда на спасение?

Напечатлей в уме своем этот царский трон, помни всегда преизбыточество чести. Это, можно сказать, больше геенны должно устрашать нас. Если бы и не было геенны, то для нас, – удостоенных столь великой чести, и потом оказавшихся недостойными её и злыми, – (лишение этой чести) какое было бы наказание, какое мучение? Представь, близ кого восседит твоя Глава, – одного этого совершенно довольно для всего, – одесную кого она находится? Она восседит превыше всякого начальства, и власти и силы: а тело Её и бесы попирают? Но да не будет! Если бы было так, то не было бы уже и тела. От Главы твоей в

благоговении отступают самые почетнейшее из рабов: неужели же тело ты отдашь на поругание? Какого наказания не будешь ты достоин в таком случае? Если бы кто ноги, царя заковал в цепи, и надел на них кандалы, разве такой не был бы повинен самому жестокому наказанию? А ты все тело Его отдаешь лютым зверям и не содрогаешься? Но так как у нас зашла речь о теле Господнем, то вот вспомним и то тело, которое было распято, пригвождено, и приносится в жертву. Если ты – тело Христово, то неси крест, потому что Он нес; перенеси оплевания, заушения, прободение гвоздями; таково было Его тело, хотя оно было безгрешно: "**не сделал греха**", – сказано, – "**и не было лжи в устах Его**" (Ис. 53:9). Руки Его действовали только для благодетельствования нуждающихся. Уста Его не произнесли ничего неприличного; "**не бес ли в Тебе**?", говорили Ему, а Он и здесь не сказал ничего вопреки (Иоан. 7:20). И так как мы говорим о теле Его, то приобщающиеся тела и пьющие кровь Его – помните, что мы приобщаемся тела нисколько не различного от того тела, которое восседит горе, которому покланяются ангелы, которое находится близ нетленной Силы, – это именно (тело) мы вкушаем. О, сколько открыто нам путей ко спасению! Он сделал нас Своим телом, дал нам Свое тело, – и все это не отвлекает нас от зла. О, омрачение! О, великое унижение! О, бесстыдство! "**Ищите горнего**", – сказано, – "**где Христос сидит одесную Бога**" (Кол. 3:2); а между тем одни заботятся о богатстве, другие пленяются страстями.

4. Разве вы не видите, что если у нас на теле появляются лишние и ненужные наросты, то мы их срезаем и отнимаем прочь? В особенности бесполезны для тела наросты безобразные, омертвение, или сгнившие, от которых, между тем, может заразиться и все тело. Но мы не решимся утверждать, чтобы существо наше состояло из одного тела. Если же тело, несмотря на то, что оно вещественно, подвергается, однако, отсечению, то какие ужасы должно будет испытать нам, если духовная наша сторона не пребудет здравой? Когда тело наше не принимает пищи, когда проходы закрыты, – оно умирает; когда засорены каналы, – оно повреждается. Так точно бывает и с душой: когда мы закрываем уши (к слушанию слова Божьего), – она повреждается. Когда мы не воспринимаем духовной пищи, когда некоторые худые наклонности, подобно испорченным жидкостям, наполняют нас и начинают вредить нам, – тогда все это производить болезнь, болезнь жестокую, оканчивающуюся совершенным изнурением. В этом случай для спасения нужно прибегнуть или к прижиганию, или же к отсечению, потому что Христос никому с таким (испорченным) телом не дозволить войти в чертог Свой. Если Он вывел и изгнал вон одевшихся в нечистые одежды, то чего Он не сделает, каких мер не употребить против того, кто допустить нечистоту в теле?

Замечаю, что многие просто, как случится, больше по обычаю и заведенному порядку, чем с рассуждением и сознательно, приобщаются тела Христовая. Настало, говорят они, время св. четыредесятницы, или день Богоявления, всем, – каков бы кто ни был (по внутреннему расположению), – должно приобщиться тайн. Но время не дает права приступать (к таинству), потому что не праздник Богоявления и не четыредесятница делают приступающих достойными, но светлость и чистота души. С этими качествами приступай всегда; без них – никогда. "**Ибо всякий раз**", – говорит (апостол), – "**когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете**" (1 Кор. 11:26), т. е. совершаете воспоминание о своем спасении и о Моем благодеянии. Припомни, с каким страхом приступали к участию в древних жертвоприношениях. Чего не делали, чего не совершали предварительно? Они всегда наперед очищались; ты же, приступая к жертв, которой ангелы трепещут, определяешь совершение этого дела известным временем? Как предстанешь ты после того пред судилище Христово, ты, который нечистыми устами и руками осмаливаешься принимать тело Его? Ты и царя не осмелишься облобызать, когда изо рта у тебя дурной запах: как же ты со зловонной душой дерзаешь лобызать Царя небесного? Такой поступок – оскорбление для Него. Скажи мне, дерзнул ли бы ты с

немытыми руками приступить к жертве? Не думаю. Напротив ты скорее решишься вовсе не приступать. Чем (приступить) с нечистыми руками. А между тем, в малом покачивая такую осмотрительность, ты приступаешь и дерзаешь касаться (великой жертвы), имея нечистую душу? Ведь в руках она бывает только временно, а душу совершенно проникает. Притом, разве ты не видишь, как чисто вымыты и как ярко блистают (священные) сосуды? Души же наши должны быть еще чище, святее и светлее. Почему так? Потому, что сосуды так (вымываются и очищаются) для нас; они не впитывают в себя, не чувствуют того, что в них; мы же – напротив. Как же после этого ты, который наверно не захотел бы (при богослужении) употребить неочищенный сосуд, приступаешь (к таинству) с неочищенного душой? Великую вижу здесь несообразность. В другие времена, бывая (в душе) чище, вы однако не приобщаетесь; в Пасху же, хотя бы на вас лежало преступление, вы приобщаетесь. О, обычай! О, предрассудок! Напрасно приносится ежедневная жертва, напрасно предстоим мы пред алтарем Господним, – никто не приобщается! Впрочем это я говорю не с тем, чтобы вы только приобщились; но с тем, чтобы вы приготовляли себя самих к достойному приобщению. Если ты не достоин приобщения, то недостоен и участия (в литургии верных), и значит – в молитвах. Ты слышишь, как диакон (χύρυξ) возглашает: елицы в покаянии (όσοι εν μετάνοία), изыдите все. Которые не приобщаются, те в покаянии; если и ты в покаянии, то ты не должен приобщаться, потому что не приобщающийся бывает из числа кающихся. Для чего после этого (диакон) говорить: изыдите немогущие молиться, а ты продолжаешь бесстыдно стоять? Но ты ведь из числа не их (кающихся), а могущих приобщаться? И однако не обращаешь на это никакого внимания и как бы считаешь это Дело ничтожным?

5. Посмотри, умоляю тебя: вот стоить царская трапеза; ангелы служат трапезе; сам Царь здесь присутствует. А ты стоишь небрежно, нет у тебя никакой мысли, и к тому же – в нечистых одеждах. Но одежды твои чисты? В таком случае приступи и приобщись. Сам (Царь) каждый раз приходить видеть присутствующих здесь; со всеми беседует; вот и теперь в вашей совести говорит вам: други, как вы здесь стоите, не имея брачного одеяния? Не сказал (Господь не имевшему брачной одежды) (Мф. 22:12): для чего ты возлег? – но сказал, что он недостоен быль приглашения и (значить) входа; не сказал же: для чего тебя пригласили, но – для чего ты вошел? То же самое говорит Он теперь, обращаясь и ко всем нам, бесстыдно и дерзко стоящим. Всякий, кто не приобщается св. тайн, стоит бесстыдно и дерзко; потому-то, прежде всего, изгоняются те, которые – во грехах (кающиеся). Как во время трапезы в присутствии господина низшим слугам не позволяется участвовать в ней, и они высылаются вон, так должно быть и здесь. Когда износится жертва и в жертву предлагается Христос – это Владычное овча; когда слышишь: помолимся все вместе; когда видишь, что поднимается завеса, – то представляй себе, что разверзаются небеса, и свыше нисходят ангелы. Как никому из непросвещенных нельзя бывает присутствовать, так равно нельзя присутствовать и нечистым, хотя бы и просвещенным. Если бы кто, будучи позван на пир, изъявил на это согласие, явился, и уже приступил бы к трапезе, но потом не стал бы участвовать в ней, то – скажи мне – не оскорбил ли бы он этим звавшего его? И не лучше ли было бы таковому вовсе не приходить? Точно так и ты пришел, пел песнь, как бы признавая себя вместе со всеми достойными (св. тайн), потому что не вышел с недостойными. Почему же ты остался, а между тем не участвуешь в трапезе? Я недостоен, говоришь ты. Значить: ты недостоен общения и в молитвах, потому что Дух нисходить не только тогда, когда предложены (дары), но и когда поются (священные) песни. Разве ты не видел, как паши слуги сначала обмывают губкой стол, очищают дом, и потом уже ставят блюда? (В храмах) это самое совершается молитвами, возносимыми диаконом (χύρυξ), которыми, как губкой, мы омываем церковь, чтобы совершить предложение в чистой церкви, чтобы не было здесь ни одного пятна, ни одной пылинки. А действительно бывают в церкви такие, которых глаза недостойны видеть (то, что здесь представляется взорам), которых уши недостойны

слышать (то, что здесь возглашается). Если скот прикоснется к горе, сказал (некогда Господь), будет побить каменьями (Исх. 19:13). И (израильтяне) не удостоены были и восхода (на гору), хотя после они восходили и видели, где стоял Господь; им можно было после приходить и видеть. Удались и ты, когда (Бог) здесь присутствует тебе еще более непозволительно быть здесь, чем оглашаемому. Ведь не все равно – никогда не приобщаться тайн, и – после того, как удостоился их, пренебрегать ими, оскорблять их и делать себя недостойным их. Можно было бы сказать и еще большее и страшнейшее; но, чтобы не отяготить вашего ума, довольно и этого. Если это не образумить вас, то и большее (не будет иметь успеха). Итак, чтобы не постигло вас большее осуждение, умоляю вас не о том, чтобы вы не приходили сюда, – нет, – но о том, чтобы вы воли себя так, чтобы быть достойными входить сюда и присутствовать здесь. Если бы какой-нибудь царь приказал следующее: кто сделает то или другое, тот не будет удостоен моей трапезы, то, – скажи мне, – ради этого не сделали ли бы вы тогда всего? (Бог же) призвал нас на небеса, к трапезе Царя великого и дивного, – а мы отказываемся, медлим, не спешим воспользоваться этим призывом? Какая после этого у нас надежда на спасение? Нельзя в этом обвинять немощь, – нельзя обвинять природу. Беспечность – вот что делает нас недостойными, как это и было сказано нами. Умиляющий сердца и подающий дух умиления пусть умилить и ваши сердца и насадить в них глубоко семена (благочестия), чтобы вам принять их в душу свою со страхом, возродить в себе дух спасения и иметь дерзновение приступать (к таинству причащения). "**Сыновья твои**", – сказано, – "**как масличные ветви, вокруг трапезы твоей**" (Пс. 127:4). Пусть не будет в нас ничего ветхого, ничего дикого и грубого, ничего недозрелого! Такие только новонасаждения способны дать плод, плод дивный, разумею – масличный, и могут присутствовать окрест трапезы, и притом не просто и не как попало собираться сюда, но со страхом и трепетом. Тогда и там мы будем взирать на самого Христа с дерзновением, и удостоимся небесного царствия, которое и да получим все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 4

"И вас, мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления, между которыми и мы все жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие" (Еф. 2:1–3)

1. Есть смерть телесная, есть и духовная. Подвергнуться первой – не грешно и не страшно, потому что это – дело природы, а не доброй воли; явившись вследствие первого грехопадения, смерть телесная потом сделалась необходимой для нашей природы, хотя и она скоро упразднится. Другая же смерть – духовная, – так как происходить от доброй воли, подвергает ответственности и не имеет никакого извинения. Но посмотри, как Павел, – показав прежде самым ясным и убедительным образом, что исцелить умерщвленную (грехами) душу гораздо труднее, чем воскресить мертвого, – теперь опять говорит об этом великом (деле человеколюбия Божьего), и излагаешь его следующим образом. "**И вас**", – говорить он, – "**мертвых по преступлениям и грехам вашим, в которых вы некогда жили, по обычаю мира сего, по воле князя, господствующего в воздухе, духа, действующего ныне в сынах противления**". Замечаешь ли ты кротость Павла, с какой он увещевает слушателя, нисколько не устрашая его? Сказавши, что вы дошли до крайней степени зла (а быть мертвым это именно и значить), он затем, чтобы не слишком опечалить их (так как люди обыкновенно смущаются, если им выставляют на вид их прежние преступления, будь это преступления гибельные, или не заключающие в

себе ничего особенно опасного), указывает им на помощника (который содействовал им дойти до такой степени зла), и на помощника сильного; и это делает с той целью, чтобы они не подумали, будто они одни во всем виноваты. Кто же этот помощник? Дьявол. Подобным же образом (апостол) поступает и в послании к Коринфянам. Сказав: "**Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители**", и затем перечислив и других грешников и прибавив: "**Царства Божьего не наследуют**", потом говорить: "**И такими были некоторые из вас**". Не сказал просто: "**были**", но: "**были некоторые**", т. е. такими когда-то и вы были.

Тут сильно восстают па нас еретики, которые утверждают, что все это должно быть приписано Богу, и, не удерживая необузданного своего языка, усваивают Богу то, что составляет дело одного дьявола. Чем же мы заградим их уста? Их же словами. Вы признаете же (скажем мы), что Бог правосуден; если же Он это сделал, то это не только не свидетельствует о Его правосудии, а напротив показывает крайнюю несправедливость и беззаконие. А беззаконным, без сомнения, Бог никогда не мог быть. Почему (апостол) называет дьявола князем этого века? Потому, что природа человеческая почти всецело предалась ему и все служат ему добровольно и намеренно. Христу, хотя Он обещает бесчисленные блага, никто не внимает; а ему, – хотя он ничего подобного не обещает, а напротив препровождает в геенну, – повинуются все. Он властвует в этом веке, у него слуг больше, нежели у Бога, и ему, за исключением немногих, охотнее повинуются, чем Богу; и все это происходить от нашей беспечности. "**По воле князя**", – говорит, – "**господствующего в воздухе, духа**". Это говорить (апостол) с тем, чтобы показать, что (дьявол) обитает в поднебесной, что духи воздушные суть бестелесные силы, которые и помогают ему в его действиях. А что власть его (дьявола) есть власть временная (ή αρχή αιώνιος), т. е. что она прекратится вместе с настоящим веком, – послушай, что говорить об этом (апостол) в конце послания. "**Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего**" (Еф. 6:12). Для того же, чтобы, услышав, как (апостол) именует (дьяволов) миродержителями, ты не почел их несотворенными, он прибавляет: "**тьмы века**". Также и в другом месте, где вовсе нет и речи о творениях, он называет развращенное время "**лукавого века**" (Гал. 1:4). Мне кажется, что, будучи начальником в поднебесной (прежде, до падения), дьявол не лишился этого начальства и по падении. "**Действующего**", – говорит, – "**ныне в сынах противления**". Видишь ли, что не насильно, не тирански как-нибудь, но чрез убеждение он привлекает к себе? Указывая на "**противление**" (απείθεια), (апостол) как бы хочет сказать, что (дьявол) увлекает всех лестью и убеждением. И не этим только (апостол) ободряет, что указывает на сообщника их, но и тем, что самого себя поставляет вместе с ними. "**Между которыми**", – говорит, – "**и мы все жили некогда**"; "**все**", потому что нельзя сказать, чтобы хоть кто-нибудь составлял исключение. "**По нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и были по природе чадами гнева, как и прочие**", т. е., не помышляя ни о чем духовном. Но чтобы кто-нибудь не стал подозревать, что это говорится с намерением клеветать на плоть и чтобы не подумал, что вина её в этом слишком уже велика, смотри, как (апостол) предупреждает: "**исполняя**", – говорит, – "**желания плоти и помыслов**", т. е. увлекаясь похотями и удовольствиями. Раздражили, говорить затем (апостол), мы Бога, прогневали Его, – стали только предметом гнева (Божьего), и ничем другим. Как дитя человеческое, уже по своей природе, бывает человеком, точно так же и мы были чадами, гнева. "**Как и прочие**". Значить, никто не был свободен (от гнева), но все мы, по делам своим, были достойны гнева. "**Бог, богатый милостью**" (ст. 4); не просто говорить: милостив, но: "**богатый**"; подобным образом и в другом месте говорится: "**по множеству милости Твоей**" (Пс. 68:17), и еще: "**Помилуй меня по великой милости Твоей**" (Пс. 50:1). "**По Своей великой любви, которою возлюбил нас**" (ст. 4). Здесь указывает (апостол) на источник любви (Божьей) к нам. Все наши дела были достойны не любви, а гнева и жесточайшего

наказания; значит: (если Он возлюбил нас, то единственно) по великой своей милости. "**И нас, мертвых по преступлениям, оживотворил с Христом**" (ст. 5); опять посредник – Христос, и следовательно дело это вполне верно. Если начаток жив, – и мы (будем живы); если Бог Его оживотворил, – (оживотворить) и нас.

2. Видишь ли, что все это (апостол) говорил о Христе во плоти? Видишь ли переизбыточествующее "**величие могущества Его в нас, верующих**"? Он оживил тех, которые были мертвы, которые были чадами гнева. Видишь ли "**надежда призвания**"? "**Воскресил с Ним, и посадил на небесах**" (ст. 6). Видишь ли славу достояния Его? Да, скажешь ты; что Он воскресил нас, это ясно; а чем доказывает (апостол) то, что Он посадил "**посадил нас на небесах во Христе Иисусе**" (ст. 6)? Тем же, чем (доказывает то, что Он) воскресил. Никто бы и никогда бы не восстал, если бы не воскресла Глава; а когда Глава наша воскресла, воскрешены и мы, – подобно тому, как, когда кланялся Иосифу Иаков, кланялась и жена. Точно таким же образом Он нас и посадил. Когда Глава сидит, сидит вместе и тело. Потому-то (апостол) и прибавил: "**во Христе Иисусе**". Или, – если посмотреть на это с другой стороны, – Он воскресил нас чрез купель крещения; как же после этого Он посадил? "**Если терпим**", – говорит (апостол), – "**то с Ним и царствовать будем**" (2 Тим. 2:12). Если вместе умерли, вместе и оживем. Подлинно, нужен дар Духа и откровения, чтобы уразуметь глубину этих тайн! Потом, чтобы ты не остался неверующим, смотри, что он присоединяет: "**Дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей в благости к нам во Христе Иисусе**" (ст. 7). Так как прежде он говорил все о Христе, и во всем сказанном прямо относящегося к нам не было ничего, – что, скажешь ты, в самом деле, нам оттого, что Христос воскрес? – то, показав предварительно, что это должно относиться и к нам, – потому что Спаситель соединен с нами, – теперь Он говорить о том, что собственно к нам относится: "**и нас, мертвых по преступлениям воскресил с Ним, и посадил**". Итак, как я говорил, веруй (что Он посадил нас с Собою), убеждаясь в этой истине тем, что сказано было прежде, тем, что сказано о Главе, и тем еще, что Он хочет проявить к нам свою благость. Как, в самом деле, Он проявить ее, если этого нет (т. е., если Он не посадил нас с Собою)? И "**дабы явить в грядущих веках**". Что же явить? Что блага уготованные Им и велики и совершенно достойны веры. Теперь эти блага кажутся для неверных несбыточными; а тогда все их узнают. Если желаешь узнать и то, как Он посадил нас, послушай, что сам Христос говорить ученикам: "**сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых**" (Мф. 19:28); и в другом месте: "**но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит, но кому уготовано Отцом Моим**" (Мф. 20:23). Итак, это уже уготовано. И хорошо сказал (апостол): "**В благости к нам во Христе Иисусе**". Воссесть одесную – это честь высшая всякой чести, за которой нет уже другой. Говоря это (т. е. "**в благости к нам**"), (апостол) показывает, что и мы воссядем. Сидеть с Христом это поистине невыразимое богатство, это подлинно преизобилующее величие силы Его! Если бы ты имел тысячи душе, неужели ты не положил бы их за это? Если бы потребовалось идти в огонь, не следовало ли бы быть совершенно готовым и на это испытание? Сам (Христос) говорит: "**Которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною**" (Иоан. 17:24; сн. 12:26). За такую честь если бы каждый день приходилось быть рассекаемую, то не должно ли было бы и это переносить с радостью? Подумай, где восседает Он? "Превыше всякого Начальства, и Власти". А с кем вместе ты воссядешь? С Ним. Но кто же ты? Мертвый, – по естеству чадо гнева. Что ты сделал правого? Ничего. Теперь, поистине, благовременно воскликнуть: "**О, бездна богатства и премудрости и ведения Божьего!**" (Рим. 11:33)! "**Ибо благодатью**", – говорит (апостол), – "**вы спасены**" (ст. 8). Чтобы величие благодеяний не надмило тебя, смотри, как он тебя смиряет, говоря: "**благодатью вы спасены**". Но чтобы не уничтожить и твоего участия, он прибавляет и то, что требуется от нас ("**через веру**"). Потом снова как бы уничтожает это наше свободное участие, когда говорит: "**И сие не от вас**". И вера, говорит он, не от

нас; если бы (Христос) не пришел, если бы Он не призвал нас, как бы мы могли уверовать? "**Как веровать в Того**", – сказано, – "**о Ком не слыхали?**" (Рим. 10:14)? Таким образом, и вера – не наше достояние: "**Божий**", – говорит, "**дар не от дел**" (ст. 9). Вера, говорить (апостол), недостаточна для спасения; но чтобы не спасать нас без всякого нашего участия, Бог требует её от нас. Сказал, что вера спасает, но (не сама собою, а) через Бога; Бог хочет, и вера спасает. Скажи мне: как спасет тебя вера без дел? Она сама – дар Божий, "**Чтобы никто не хвалился**" (ст. 9), а всякий напротив сделается благодарным к благодати. Итак, спросишь ты, (апостол) сам запретил снискивать оправдание делами? Вовсе нет! Он говорит только, что дела никого не оправдают, и говорить это для того, чтобы показать благодать и человеколюбие Божье. Имеющих за собою дела (Бог) не отвергает от Себя, но тех, которые погибли бы и с делами, Он спасает благодатью, так что после этого решительно никто не имеет права хвалиться.

3. Затем, чтобы, услышав, что "**не от дел**", но верой совершается (наше спасете), ты не остался беспечен, посмотри, что далее говорить (апостол): "**Ибо мы – Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять**" (ст. 10). Заметь, что сам он проповедует: он намекает здесь на воссоздание. Действительно, (наше спасение есть) второе творение: (через искупление) мы точно из небытия приведены к бытию. В том состоянии, в каком мы были прежде, т. е. в состоянии ветхого человека, мы были мертвы; теперь же сделались тем, чем прежде не были. Значит, это дело есть действительно творение, и притом творение, гораздо превосходнейшее первого. Тем творением мы призваны к жизни, этим же сделаны способными к жизни доброй. "**На добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять**", – то есть, от нас требуется добродетель постоянная, продолжающаяся до последнего часа жизни. Если бы мы, предприняв путешествие в царскую столицу и совершив большую его часть, вдруг потом разленились и остановились, не окончив пути, то такое путешествие не принесло бы нам никакой пользы. Точно также "надежда призвания" не может доставить нам, участвующим в этом уповании, какой-либо пользы, если мы не станем ходить достойно Призвавшего. Мы, призванные на дела благая, должны и пребыть в них, доколь не совершим всех их. Не для того, без сомнения, мы призваны, чтобы совершить одно какое-либо доброе дело, но чтобы (совершить) все. Подобно тому, как у нас есть пять чувств и всеми ими мы должны пользоваться надлежащим образом, так точно должны совершать и все добродетели. Если кто целомудрен, но не милостив, или милостив, но лихоимец, или хоть и не берет чужого, но не раздает и своего, – для такого все напрасно. Одна какая-нибудь добродетель не даст нам права с дерзновением предстать престолу Христову; для этого нужны многие, разнообразным и разнородные добродетели, или вернее, все добродетели. Послушай, что Христос сказал ученикам своим: "**Итак идите, научите все народы, уча их соблюдать все, что Я повелел вам**" (Мф. 28:19); и в другом месте: "**Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших, тот малейшим наречется в Царстве Небесном**" (Мф. 5:19), т. е. в воскресении. Значить, такой не войдет в царство, – потому что Он обыкновенно время воскресения называет царством. "**Итак, кто нарушит**", – говорит, – "**одну из заповедей, тот малейшим наречется**". Следовательно, нам нужно соблюдать все (заповеди).

Смотри; без милосердия нельзя войти (в царствие небесное), и мы отойдем в огонь, если у нас не будет доставать хоть одной этой добродетели. "**Идите от Меня**", – скажет (Спаситель), – "**проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его**" (Мф. 25:41). Почему же и за что это? "**Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня**" (ст. 42). Видишь ли, Он ни в чем другом не обвиняет их, и за одно только это (отсутствие милосердия) они погибают? И (юродивые) девы за одно только это были изгнаны из чертога; хотя они имели целомудрие, но так как у них недоставало милосердия, то они и не были допущены в чертог. "**Старайтесь иметь мир**", –

заповедуется, – "**со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа**" (Евр. 12:14). Итак, помни же, что без целомудрия нельзя узреть Господа, хотя не всегда это можно и при целомудрии, потому что другое что-нибудь может воспрепятствовать. Но (вы скажете): мы все исполнили, только не оказывали помощи ближнему; неужели же за одно это мы не войдем в царствие? Откуда это видно? (Из притчи) о рабах, которым вверены были таланты. Они выполняли все добродетели, не опускали ни одной; но так как (один) был ленив, и не заботился о преумножении, то за это справедливо был изгнан. Есть указание и на то, что за одно только злословие будут ввергнуты в геенну. "**Кто скажет**", – сказано, – "**своему брату: `безумный', подлежит геенне огненной**" (Мф. 5:22). Пусть иной сохранил все заповеди, но был только досадителем, и такой не войдет (в царствие Божье). И пусть никто не обвиняет Бога в строгости за то, что Он так согрешающих лишает небесного царствия. Ведь и у людей, если кто совершить что-нибудь противозаконное, то уже царю на глаза не допускается, хотя бы он преступил одно какое-нибудь постановление, – например, если произнесет несправедливый приговор на кого-либо в суде, он теряет власть свою; если сблудит и будет взять на месте преступления, он уже обесчещен и, хотя бы совершил тысячу деле законных, погибает; если совершить убийство и будет уличен в этом, и этого одного вполне достаточно, чтобы подвергнуть его строгому наказанию. Если же человеческие законы охраняются так строго, то не гораздо ли больше (должны охраняться) законы Божьи? Но Бог благ, скажешь ты. О, до каких пор мы будем произносить эти безрассудные слова? Безрассудным я называю здесь не то, что мы веруем в благость Божью; но то, что мы дозволяем себе злоупотреблять этой верой, – несмотря на то, что мы уже тысячи раз говорили против этого. Послушай, что говорится в Писании: "**Не говори: "милосердие Его велико, Он простит множество грехов моих**" (Сир. 5:6). (Писание) не запрещает нам говорит, что "**милосердие Его велико**", – вовсе нет, – не к этому оно побуждает, напротив оно советует нам постоянно говорить об этом, – к этому и Павел направляет все свои речи; но как видно из последующего, (Писание) порицает, когда удивляются человеколюбию Божьему для того, чтобы грешить и говорить при этом: "**милосердие Его велико, Он простит множество грехов моих**".

4. И мы так часто и много беседуем о благости не для того, чтобы, надеясь на нее, делать (что угодно), – потому что в таком случае благость будет причиной утраты нашего спасения, – а для того, чтобы мы не отчаивались в грехах и приносили покаяние. "**Благость Божья ведет тебя к покаянию?**" (Рим. 2:4), а не на большее закоснение во зле. Если ты пребудешь злым ради благости, то через это ты оклевещешь ее пред людьми, – а многих я вижу подобным образом клевещущих на Божье долготерпение! – и дашь ответь за то, что воспользовался (благодатью) не надлежащим образом. Бог человеколюбив, но Он и правосуден; прощает грехи, но воздает каждому по делам его; превосходить неправды, отъемлет беззакония, но творить и суд. Не противоречить ли это одно другому? Нисколько, если только мы будем обращать внимание на времена. Он отъемлет беззакония здесь и через купель крещения и через покаяние, – и накажет за все беззакония там огнем и муками. Итак, может быть, ты скажешь после этого: если и за малое зло, если даже за один грех я буду извержен и лишен царствия, то почему же мне не делать в таком случае зол всякого рода? Речи эти – речи неблагоразумного раба! Но впрочем, рассмотрим их. Не твори зла, если хочешь спасти себя. Все мы (если сотворим зло) одинаково лишимся царствия; но наказание в геенне потерпим не все одно и тоже; а одни – большее, другие – меньшее. Если ты или кто-нибудь другой презирали заповеди Божьи, и один презрел больше заповедей, другой меньше, – оба вы равно не войдете в царствие. Но если не одинаково презирали, а один больше, другой меньше, то и в геенне ощутите различие. Что это значить, – спросишь ты, – за что такие прещения на не оказавших милосердия, – за что они отсылаются в огонь, и притом не просто в огонь, но "**в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его**"? За что это и почему? Потому что ничто столько не оскорбляет Бога, как обида, делаемая друзьям. Мы должны любить и

врагов; поэтому отвращающийся любящих его и являющийся таким образом хуже самих язычников какого не будет достоин наказания? Итак, по важности греха, такой справедливо должен отойти (в геенну) с дьяволом. Горе, сказано, не творящему милостыни. Если в ветхом завете так было, то тем более (так должно быть) в новом; если там, где позволено было приобретать, наслаждаться, заботиться (о земном), так много обращали внимания на помощь бедным, то не тем ли более (должно поступать так) здесь, где заповедуется оставлять все? В самом деле, чего не делали израильтяне? Отдавали десятины; потом предоставляли еще другие десятины на вспомоществование сиротам, вдовам и прозелитам. Мне некто с удивлением говорил: такой-то дает десятины. Как нам не стыдно! Мы – христиане удивляемся тому, что не было удивительным у иудеев? Тогда опасно было не раздавать десятины: представь же, каково это (т. е. не гораздо ли опаснее) теперь! Пьянство также не наследит царствия. Но при этом, что, обыкновенно, говорить большая часть людей? (Они говорят): что же, если и я и он вместе будем терпеть одно и тоже, то в этом уже не малое утешение. Что нам сказать на это? Прежде всего должно сказать, что ты и он понесете наказание не одно и тоже; а кроме того (должно прибавить, что) здесь ровно никакого нет утешения, потому что одинаковость страданий в том только случае может быть утешением, когда беды еще не превосходят меры, но когда он превосходят ее, когда повергают нас в ужас, тогда уже (никакое сравнение своих бед с бедами других) не доставить утешения. В самом деле, скажи осужденному на сожжете, – в то время, когда он стоить уже в огне, – что вот и такой-то терпит тоже: ты этим не доставишь ему ровно никакого утешения. Не все ли вместе погибали израильтяне? Однако какое утешение принесло им это? Напротив не более ли это печалило их? Потому-то они и восклицали: погибли, убиты, умерщвлены мы. Итак, есть ли в этом какое-нибудь утешение? Напрасно же мы утешаем себя подобными надеждами. Одно только и есть утешение, это – чтобы не впасть в этот неугасимый огонь; а впавшему уже нельзя получить никакого утешения там, где скрежет зубов, где плач, где неусыпающий червь, где неугасающий огонь. Притом, находясь в такой скорби и тесноте, способен ли ты будешь понять какое-нибудь утешение? Останется ли в тебе хоть сколько-нибудь присутствия духа? Прошу и умоляю, не будем обольщать себя понапрасну, не будем утешать себя подобного рода рассуждениями, но будем делать то, что сможет спасти нас. Тебе предлежит воссесть с Христом, а ты между тем предаешься подобному любопрению. Если бы не было никакого другого греха, то за одни эти речи какому наказанию следует подвергнуть нас? Мы так нерадивы, так ленивы, так беспечны, что говорим подобные речи тогда, когда нам предлагается столь великая честь. О, как горько воз стенаешь ты, когда услышишь, что жившие благочестиво будут с честью призываться в царствие Божье; когда увидишь, что в царстве славы будут возлежать и рабы и люди низкого происхождения, – люди, которые здесь о малом заботились, а там между тем будут участвовать в царском престоле! Подобное (зрелище) не хуже ли будет всякого наказания? Если и теперь, когда видишь, что кто-нибудь блаженствует, – хотя сам и не терпишь ничего худого, – считаешь это хуже всякого наказания и от этого одного приходишь в расстройство, страдаешь, плачешь, и думаешь, что это стоить тысячи смертей, – то, скажи, что ты тогда должен будешь вытерпеть? Пусть не будет геенны: одна мысль о царстве (которого ты лишился и которым другие наслаждаются) разве не может поразить тебя и расстроить окончательно? А что действительно будет так, в этом могут достаточно убедить тебя жизнь и опыт. Итак, перестанем яге попусту утешать себя подобными рассуждениями; будем лучше внимательны и усердны к нашему спасению; поревнуем о добродетели и возбудим себя к деланию добрых дел, чтобы удостоиться столь высокой чести во Христе Иисусе, Господе нашем.

БЕСЕДА 5

"Итак помните, что вы, некогда язычники по плоти, которых называли необрезанными так называемые обрезанные плотским обрезанием, совершаемым руками, что вы были в то время без Христа, отчуждены от общества Израильского, чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники в мире" Еф. 2:11,12)

1. Много есть доказательств человеколюбия Божьего к нам: во-первых, Он сам Собою Спас нас, и Спас столь дивным образом; во-вторых, Он Спас нас, когда мы были в таком состоянии (уже мертвы и чада гнева по естеству); в-третьих, Он возвел нас (на необыкновенную высоту). Все это заключает в себе величайшее доказательство человеколюбия Божьего, и все это Павел изображает в настоящем послании. Выше он сказал, что нас, "**мертвых по преступлениям и чад гнева**", (Бог) спас; теперь показывает, кому равными Он сделал нас. "**Итак**", – говорит, – "**помните**", Когда от великой бедности мы переходим в противоположное состояние, или сподобляемся какой-нибудь еще большей чести, то, наслаждаясь славой своего нового положения, о прежнем обыкновенно все мы и не вспоминаем. Имея это в виду, (апостол) и говорит: "**Итак, помните**". Что же должно помнить? Что мы созданы на дела благая. Этого достаточно для того, чтобы побудить нас заботиться о добродетели. "**Помните**", – потому что такое памятование может сделать нас благодарными к Благодетелю. "**Что вы, некогда язычники**". Заметь, как (апостол) низлагает те преимущества, которыми гордились иудеи, и удивляется недостаткам язычников, – которые однако не были недостатками (делающими для них невозможным спасение во Христе), – и для тех и других извлекает увещания из образа их поведения и жизни. "**Которых называли необрезанными**". Честь была только на словах и преимущество (от обрезания) относилось только к плоти, потому что ни необрезание, ни обрезание ничего не значат. "**Так называемые**", – продолжает (апостол), – "**обрезанные плотским обрезанием, совершаемым руками, что вы были в то время без Христа, отчуждены от общества Израильского, чужды заветов обетования, не имели надежды и были безбожники в мире**". Вас так – необрезанием – называют только иудеи. Но почему же, намереваясь показать, что в приобщении язычников к иудеям первым оказано благодеяние, (апостол) не унижает достоинства последних, а напротив возвышает его? Те качества (иудеев), которые остались необходимы (для них и для христиан из язычников), возвышает, а те, которых (язычники, обратившиеся в христианство) могли не иметь, унижает. Потому-то он далее говорит: "**сограждане святым и свои Богу**" (2:19). Смотри, как не унижает. Это, говорить, безразлично. Не думайте, говорить, что есть какая-нибудь разница в том, что вы не получили обрезания и находитесь в необрезании; страшно (не это, а) вот что: быть без Христа, быть отчужденными от жития Израилева, – а первое к житию не относится, – быть вне завета обетования, не иметь надежды на будущее и быть в этом мире безбожными, каковы именно и были язычники. (Прежде апостол) говорил о вещах небесных; (теперь) говорит о земных, так как иудеи очень высоко ценили их. Так и Христос, утешая учеников, после того как сказал: "**Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное**" (Мф. 5:10), присоединяет меньшее (утешение) и говорит: "**Так гнали и пророков, бывших прежде вас**" (ст. 12). Последнее ободрение в сущности менее велико; но в отношении приведения (к спасению), в отношении веры оно и достаточно, и велико, и заключает в себе большую силу, так как взято из жизни и опыта. Не сказал (апостол): отлученные (χεχωριομένοι), но: отчужденные (άπηλλοτριωνοι) жития; не сказал также: не держащиеся обетований (ου προέχοντες), но: не имеющие (ουδέ μετέχοντες) и чуждые (ξένοι). Великое различие в значении этих слов, указывающее и на великое расстояние (язычников от иудеев). И израильтяне не вели жизни истинно доброй, но не потому, что были отчуждены (т. е. неспособны), а потому, что были беспечны; и от обетований они ниспали, но не как чуждые им. Каше же были заветы обетования? "**Тебе**", – сказано, – "**и потомству твоему отдам Я землю сию**" (Бт. 12:7), а также и нечто другое было им обещано. "**Не имели надежды**", – говорит (апостол), – "**и были безбожники**".

Хотя язычники и поклонялись богам, но были, однако же, безбожии, потому что идолы ничего не значат. "**А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки Кровью Христовой. Ибо Он есть мир наш, сделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотью Своей**" (ст. 13, 14). Важно уже и то, говорить (апостол), что мы пришли к иудейскому житию. Как это? Он возглавил все на небе и на земле, а ты еще говоришь о израильтянах? Но, говорить, подлинно так! То нужно принимать верой; а это оправдывать делами. "**А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко**", – говорит, – "**стали близки**" по жизни, – потому что быть далеко или близко зависит единственно от свободы. "**Ибо Он есть мир наш, сделавший из обоих одно**".

2. Что значить: "**из обоих одно**"? (Апостол) этим показывает не то, что Бог даровал нам с иудеями одинаковое благородство; но то, что и нас и их Он возвел в лучшее (состояние). Впрочем благодеяния (Божьи) к нам даже выше; тем (иудеям) дарованы были обетования и они были к Богу ближе нас, нам же не дано было никаких обетований и мы отстояли дальше. Потому-то и сказано: "**А для язычников – из милости, чтобы славили Бога**" (Рим. 15:9). Израильтяне получили обетования, но оказались недостойными их; нам же ничего не было обещано, мы были чужды обетований; ничего общего у нас с ними не было, и Он соединил нас воедино, не так, впрочем, чтобы нас присоединил к ним, но нас и их совокупил воедино. Представим пример: вообразим две статуи, одна серебряная, другая оловянная; эти две статуи расплавлены и из них образовались две золотых: вот эти две стали одинаковы. Или возьмем иной пример: пусть один будет раб, другой – усыновленный; оба они долженствовали служить Ему (т. е. Богу); но один объявлен был лишенным наследства, другой бежал прочь и не знал Отца, а потом оба сделаны наследниками и законными детьми. Они удостоились одинаковой чести, два сделались едино, с тем только различием, что один пришел издалека, другой изблизи, и что ближайший прежде прибыл к Отцу. "**Разрушивший**", – говорит, – "**стоявшую посреди преграду**". Что должно разуметь под "**стоявшей посреди преградой**", он сам объясняет это, когда говорит: "**упразднив вражду Плотью Своей, а закон заповедей учением**". Некоторые говорят, что средостением был закон, который не дозволял иудеям смешиваться с язычниками. А я думаю, что он разумел под средостением (не закон, но) вражду плоти, которая была как бы промежуточной стеной, отделявшей нас от Бога, как и пророк говорит: "**Но беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим**" (Ис. 59:2)? И справедливо. Такая преграда, как вражда плоти, была преградой к Богу, как для язычников, так равно и для иудеев, потому что закон не только не уничтожал, а напротив увеличивал (вражду): "**ибо закон**", – говорит (апостол), – "**производит гнев**" (Рим. 4:15). И как в словах: "**ибо закон производит гнев**" апостол не закон собственно поставляет причиной (гнева), но наше неповиновение ему и преступление его, так и здесь называет закон средостением, потому что преступающий его вступает во вражду (с Богом). Закон был и оградой, – оградой для утверждения (в добре), – оградой же он назван потому, что мог ограждать (от зла). Послушай, что говорить пророк: "**Он обнес его оградою**" (Ис. 5:2); и еще: "**разрушил Ты ограды ее, так что обрывают ее все, проходящие по пути**" (Пс. 79:13), – здесь говорить об утверждении; и еще: "**отниму у него ограду, и будет он опустошаем**" (Ис. 5:5); и еще: "**Обращайтесь к закону**" (Ис. 8:20); и в другом месте: "**Господь творит правду и суд. Он сынам Израилевым – показал дела Свои**" (Пс. 102:6,7). А средостение существовало не для того, чтобы охранять, а для того, чтобы отделять их от Бога. Таково различие средостения от ограды. Показывая же, каково оно, и прибавляет: "**упразднив вражду Плотью Своей, а закон заповедей учением**" (ст. 15). Каким образом? (Упразднил), прекратив и разрушив вражду (с Богом). И не этим только образом Он упразднил (закон), но и тем, что Сам сохранил его. Что же, спросишь ты, лишь только мы избавились от первого преступления, как снова принуждены сохранять закон? Это

конечно и было бы опять, (но дело в том, что Он) и самый закон уничтожил. "**Упразднив закон заповедей**", – говорит, – "**учением**". О, человеколюбие! Он дал нам закон, чтобы мы сохранили его; потом, когда мы не сохранили его и за это должны были быть наказаны, Он и закон упразднил. (Это походить на то), как если бы кто, вверив своего ребенка воспитателю и потом заметив, что он не слушается, освободил и увел его от воспитателя. О, какое великое человеколюбие! Что значит: "**упразднив учением**"? (Апостол) полагает большое различие между заповедью (εντολή) ученьми (δόγματα). Учением он называет здесь или веру, потому что мы спасаемся только Верой, или определения (Божьего), подобные тому, о которых Христос изрек: "**Ибо истинно говорю вам**": не гневайтесь совершенно (Мф. 5:12). Значит: если веруешь, что Бог воздвиг его из мертвых, – спасешься. И еще: "**Близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоем**" (Рим. 10:8).

3. "**Не говори в сердце твоем: кто взойдет на небо? Или кто сойдет в бездну? то есть Христа из мертвых возвести**" (Рим. 10:6,7). Вместо жизни Он ввел веру, чтобы не пропало даром дело спасения; сам принял наказание, а от них требует веры в догматы. "**Дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека**" (ст. 15). Видишь, язычник не сделался иудеем, но тот и другой пришли в новое состояние. Не для того Он упразднил закон, чтобы одного преобразовать в другого, а для того, чтобы воссоздать обоих. И хорошо (апостол) употребляет слово – "**дабы создать**"; он не сказал: переменить, – чтобы показать особенную силу этого действия, и то, что хотя это созидание совершалось видимым образом, но все же оно не меньше первого творения и наконец то, что нам не должно уклоняться от предметов естественных. "**Дабы из двух**", – говорит, – "**создать в Себе Самом**", т. е. через Себя. Не поручил кому-нибудь иному; но сам Собою, предварительно как бы расплавив того и другого (т. е. эллина и иудея), создал одного дивного (т. е. христианина), сам сделавшись и первым творением этого рода, которое гораздо выше прежнего творения. "**В Себе Самом** " может значить также и то, что Он первый представил нам образец и пример (новой твари). При этом занимая сам средину, Он одной рукой привлекает иудея, другой – эллина, и, смешав их, и уничтожив все, что отчуждало их между собою, преобразил свыше огнем и водой, не водой и землей, но водой и огнем. Преобразил и иудея, который был обрезан и находился под проклятием, и эллина, который находился вне закона, "**в одного нового человека**", высшего обоих – и иудея и эллина. "**Устраивая мир**" (ст. 15) и в отношении к Богу и в отношении друг к другу. Оставаясь иудеи иудеями, эллины эллинами, они никогда не соединились бы между собою; не оставляя своего собственного положения, как каждый из них мог бы придти в лучшее состояние? иудей тогда лишь сближается с эллином, когда делается и верным. (Это походить ни то), как воли двое занимают внизу два отдельных помещения и вверху имеют одно общее, прекрасное и обширное: они до тех пор не могут видеться между собою, пока не поднимутся наверх. "**Устраивая мир**" – преимущественно с Богом, как это видно из последующего. Что именно он говорить далее? "**И в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста**" (ст. 16). Не сказал: умирить (χαταλλάξη), но – " **примирить**" (άποχαταλλάξη), т. е. снова примирить, показывая через это, что и прежде человеческое естество было способно к примирению (с Богом), как у святых еще до закона. "**В одном теле**", – говорит, – Своем "**с Богом**". Каким образом Он совершил это? Сам, говорить, понесши на крест должное наказание. "**Убив вражду на нем**" (ст. 16); внушительнее и точнее этих выражений быть не может. Смерть Его, говорит (апостол), убила, пронзила и уничтожила вражду; не другому кому Он поручил это дело, и не только сам действовал, но и страдал. Не сказал: разрешив, не сказал также: отняв, но употребил самое сильное выражение – "**убив**", так что (вражда) никогда уже не восстанет. Да и как бы она могла восстать? Разве благодаря великой нашей злобе. А доколь мы пребудем в теле Христовом, доколь будем находиться в соединении с Ним, – она не восстанет, но будет лежать мертва. Собственно же говоря, она никогда не восстанет, и мы можем лишь

произвести другую (вражду), но отнюдь уже не прежнюю, которая убита и умерщвлена. И значит – ты уже породишь эту другую (вражду). "**Плотские помышления**", – сказано, – "**суть вражда против Бога**". Если мы не будем мудрствовать ничего плотского, то этой новой (вражды) никогда не родится, а всегда будет "**мир**" (сн. ст. 15).

4. Подумай только, как ужасно снова вступить нам во вражду с Богом после того, как Он так много сделал для нашего примирения, и действительно примирил нас! Эту (вражду) ожидает уже не купель крещения, но геенна, не прощение, но наказание. "**Плотские помышления**", это – невоздержание, объедение; "**плотские помышления**", это – лихоимство и всякий вообще грех. Почему называется плотским мудрованием? Ведь тело ничего не может сделать без души? (Апостол) не клевещет на плоть, как он не клевещет и на душу, когда говорит: "**душевный человек**"; но (он показывает этим), что ни тело, ни душа сами по себе, – если не получать помощи свыше, – не в состоянии совершить ничего великого и доблестного. Потому он называет душевным то, что душа сама собою делает; и плотским называет то, что тело само собою делает, – не потому впрочем, что все это – по природе (φυσικά), но потому, что, не получив охраны свыше, погибшим. Так и хорошие глаза, но без света, причиняют много бед; зависит же это не от природы их, а от слабости. Если бы все естественное было злом, тогда мы не должны бы были употреблять его даже на должное. Напротив нет зла естественного. Что же именно называется мудрованиями плоти? Грехи. Когда она (плоть), возомнив о себе, захватывает власть над возницей, тогда производить бесчисленное множество зол. Добродетель плоти – повиноваться душе, напротив порок – властвовать над душой. Как хороший и крепконогий конь не обнаруживает достоинства, когда не повинуется вознице, так и плоть тогда лишь хороша, когда мы обуздываем ее порывы. Впрочем, и возница должен обладать знанием своего дела; а без знания и он наделает много бед Знание везде необходимо. Дух, научающий этому, делая возницу сильнее, тем и душу, и тело украшает. Как душа, доколь она в теле, придает ему красоту, а когда душа перестает животворить тело и отлетает, тогда (происходить зрелище) подобное тому, какое бывает, когда какой-либо живописец перемешивает свои краски, – именно является великое безобразие, каждый член стремится к тлению и разрушению, – точно такое же, иди еще худшее и большее бывает безобразие, когда дух оставляет впусте душу и тело. Итак, если тело ниже души, – ты не порочь его за это. Ведь и я берегусь, чтобы не порочить душу за то только, что она без духа ничего не может. Но если что нужно сказать, так это то, что душа достойна еще большего обвинения. Тело без души ничего не в состоянии было бы сделать дурного, а душа и без тела многое может сделать. Она многое делает и тогда, когда тело бывает истощено и кровь в нем уже не кипит. Это видим мы на чародеях, волхвах, на составителях зелий и на завистниках, у которых тело большей частью бывает истощено. Даже и объедение бывает не по нужде тела, а вследствие невнимательности души; для тела нужна пища, а не объедение. Если хочу крепче править лошадью, то взнуздываю ее; тело же не может принудить душу вдаться в пороки. Почему же (апостол) называет (грех) мудрованием плоти? Потому что он всецело принадлежит плоти. Когда она берет себе власть, когда пренебрегает внушениями ума и властью души, тогда грешит. И значить добродетель тела заключается именно в повиновении его душе, потому что само по себе тело ни хорошо, ни худо. Но может ли тело сделать что-нибудь само собою? По связи (доводов), тело если хорошо, то хорошо только в отношении к подчинению (душе); а само по себе оно ни хорошо, ни худо, способно и к тому и к другому, может склонится и на ту, и на другую сторону. Тело желает, но не блуда, или прелюбодеяния, а совокупления; тело желает, но не сластолюбия и обжорства, а пищи, не пьянства, а питья. Что пьянство не составляет пожелания тела, смотри: оно лишнего не удерживает (т. е. извергает назад), когда ты преступаешь меру и переходишь за границу тела. Подлинно, все остальное (кроме необходимых потребностей тела) принадлежит душе; особенно когда она делается плотской, и так сказать, одебелевает. Правда, и хорошее тело все же значительно ниже

души; но, с другой стороны, как олово, хотя оно и ниже золота, все же нужно для спайки (последнего), так точно и для души нужно тело. Или как дитя самое благородное нуждается однако же в воспитателе, так и душа нуждается в теле. Не удивляйся, что мы приводим такие примеры, говорим детские вещи, не применяясь к возрасту (слушателей): так именно о теле и должно говорить. Но можно, если захотим, и не быть в теле, – как можно не быть и на земле, – а пребывать на небе и в дух. "Быть где" – это выражение может быть употребляемо для означения не одного местопребывания, а также и состояния (душевного). О многих людях, бывших в известном месте, мы говорим, что они не были, выражаясь: такой-то не сюда приходил. И что я говорю это? Часто мы выражаемся: ты вне себя, или: я вне себя. Что для каждого может быть ближе и нераздельнее его самого? Между тем мы говорим, что он вне себя. Будем же в себе самих, в небе, в дух; пребудем в мир и в благодати Божьей, – чтобы, оставив все плотское, мы смогли достигнуть обещанных благ во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 6

"И, придя, благовествовал мир вам, дальним и близким, потому что через Него и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе. Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божье Духом" (Еф. 2:17–22).

Не через другого кого-либо, говорит (апостол), Бог возвестил нам ото, но собственно сам. Не послал для этого ни ангела, ни архангела, потому что исправить столько зол и возвестить о сделанном мог только Он сам, явившись на земле, и никто другой. Владыка принял на Себя должность слуги и почти раба, пришел и возвестил, говорить (апостол), "**мир вам, дальним и близким**", т. е. иудеям, которые сравнительно с нами были ближе (к Богу), и язычникам, которых, как чуждых заветов обетования, он называет дальними. "**Потому что через Него и те и другие имеем доступ к Отцу, в одном Духе. Примирить обоих с Богом**", – говорит, потому что (Христос) примирил нас (с Богом). Об этом сам Он говорил: "**Мир оставляю вам, мир Мой даю вам**" (Иоан. 14:27); и в другом месте: "**Мужайтесь: Я победил мир**" (Иоан. 16:33); и еще: "**Если чего попросите во имя Мое, Я то сделаю**" (Иоан. 14:14); также: "**ибо Сам Отец любит вас**" (Иоан. 16:27). Все это признаки мира и для тех и для этих. Откуда же видно, что и для этих? "**Потому что через Него**" (δί αυτού) "**и те и другие имеем доступ к Отцу**", – сказано, – "**в одном Духе**" (εν ένί Πνεύματι), не так, чтобы вы меньше, а они больше, но одной и той же благодати (удостоены). Вражду разрушил Он смертью, а любезными нас сделал Отцу через Духа. Вот, смотри, опять частицы: εν (в), δια (через). Через Себя самого и через Духа Он привел нас к Богу. "**Итак, вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым**". Видишь ли, что мы приписаны к городу не просто иудеев, но мужей великих своей святостью, каковы Авраам, Моисей и Илья, и в этом городе некогда явимся? "**ибо те, которые так говорят**" (т. е. называвшие себя странниками и пришельцами), – сказано, – "**показывают, что они ищут отечества**" (Евр. 11:14); а вы уже сограждане святых, а не странники и не пришельцы. Пришельцы – те, которые не имеют получить небесных благ. "**Сын**", – сказано, – "**пребывает вечно**" (Иоан. 8:35). "**И свои Богу**", – говорит (апостол). Что древние приобретали за столько трудов, то вам дарует благодать Божья. "**Быв утверждены на основании Апостолов и пророков**": вот на чем утверждается упование (нашего) звания! Смотри, как (апостол) смешивает всех вместе: язычников, иудеев, апостолов, пророков, Христа; и, чтобы показать тесную связь между всеми ими, представляет их всех то телом, то зданием. "**Быв утверждены**", – говорит, – "**на**

основании Апостолов и пророков", т. е. апостолы и пророки служат основанием здания. Апостолов же ставить прежде, – хотя они были после пророков, – чтобы показать этим, что и те и другие одинаково служат основанием, что все составляет одно здание и имеет один корень. Но помни, что и язычники своим основанием имели патриархов. Представляя это под образом здания, апостол гораздо определеннее выражает (мысль о соединении язычников и иудеев), чем если бы подставил это под образом привития. Затем (апостол) присовокупляет: "**имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем**", показывая, что Христос все содержит, так как краеугольным камнем называется то, что поддерживает и стены и основания. "**На Котором все здание**". Заметь, как апостол соединяет это: иногда представляет Его свыше содержащим и властвующим над всем телом, иногда же снизу носящим на Себе все здание, – главным основанием. (Апостол) для того и сказал выше: "**Дабы создать одного нового человека**" (Еф. 2:15), чтобы показать, что Он Собою собственно соединил об стены здания, и, с другой стороны, что в Нем все воссозданы. "**Рожденный**", – сказано (о Нем), – "**прежде всякой твари**" (Кол. 1:15), т. е. Он все носит. "**На котором все здание, слагаясь**": таким образом, на что бы ты ни указал, на кровлю ли, на стены ли, или на что другое, Он все носит. В другом месте он называет (Христа) основанием: "**Ибо никто не может положить другого основания**", – говорит, – "**кроме положенного, которое есть Иисус Христос**" (1 Кор. 3:11). "**На Котором**" (εν ψ), – говорит, – "**все здание, слагаясь**". Здесь еще яснее оттеняет и показывает, что не иначе можно сделаться (храмом Божьим), как проводя жизнь со всем вниманием. "**Возрастает**", – говорит, – "**в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь**". Очень часто (апостол) говорит о созидании: "**в святой храм, в жилище Божье Духом**". Для чего же происходило это созидание? Для того чтобы в этом храм обитал сам Бог. Каждый из вас, и все вы вместе, есть храм, и обитает как в теле Христовом, обитает как в храме духовном. Поэтому (апостол) не сказал: вход, но: "**имеем доступ**" (ст. 18), т. е. не сами собою мы пришли, но приведены Им. "**Никто**", – сказал (Спаситель), – "**не приходит к Отцу, как только через Меня**"; и в другом месте: "**Я есмь путь и истина и жизнь**" (Иоан. 14:6). "**Слагаясь стройно, возрастает в святой храм**".

(Апостол) опять возвращается к прежде приведенному им примеру и соединяет их с (ветхозаветными) святыми, и (самих святых в свою очередь) не допускает разъединяться с Христом. Значить, домостроительство спасения нашего началось еще до пришествия (Христа); значить, имея это в виду, Павел и сказал: "**как мудрый строитель, положил основание**" (1 Кор. 3:10), и в другом месте: "**Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос**". Видишь ли, что примеры нужно понимать не просто, но должно отыскивать в них подразумеваемое? (Апостол) говорит здесь при помощи примеров, как и Христос, когда представлял Отца земледельцем, а Себя корнем. "**Для сего-то я, Павел, сделался узником Иисуса Христа за вас язычников**" (3:1). Прежде (апостол) говорил о великом промышлении Христовом, теперь же говорить о своем усердии, малом и ничтожном в сравнении с Его (промышлением), которое само по себе достаточно для приведения (к спасению). "Для сего-то я", – говорит, нахожусь в узах, потому что если Владыка мой претерпел за вас распятие, то тем более я должен потерпеть узы. Не только сам Он был связан, но благоволил, чтобы и рабы Его потерпели за вас – язычников – узы. Великий смысл (заключается в этих словах): не только мы не отвращаемся вас, говорить он, а еще терпим за вас узы, и я, между прочим, удостоился такой милости. "**Как вы слышали о домостроительстве благодати Божьей, данной мне для вас**" (ст. 2). Здесь (апостол) намекает на предсказание, возвещенное о нем Анании в Дамаске, когда (Господь) сказал: "**Иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями**" (Деян. 9:15). Смотрением благодати Он называет именно это откровение. Смысл следующий: не от человека я узнал; Он удостоил меня, когда я был один, откровения относительно вас, потому что сам Он сказал мне: "**Иди; Я пошлю тебя далеко к**

язычникам" (Деян. 22:21). И справедлив (апостол) назвать это смотрением; подлинно, великое было смотрение, когда тот, кого нельзя было убедить никаким образом, призывается свыше, словами: "**Савл, Савл! что ты гонишь Меня?**" (Деян. 9:4), и при этом теряет зрение от неизреченного света. "**Потому что**", – говорит, – "**мне через откровение возвещена тайна (о чем я и выше писал кратко)**" (ст. 3). Может быть, он объявил им об этом через кого-нибудь, а может быть немного прежде и сам писал им. Здесь показывает он, что все от Бога, что мы от себя ничего не привносим. В самом деле, скажи мне, сам Павел, – великий и дивный Павел, сведущий в законе, воспитанный со тщанием при ногах Гамалиила, – разве не благодатью спасен? Справедливо (апостол) называет это и тайной; подлинно тайна, каким образом язычники вдруг приведены в большее благородство, чем каково было благородство иудеев. "**О чем я и выше**", – говорит, – "**писал кратко**", т. е. кратко, "**то вы, читая, можете усмотреть**" (ст. 4); итак – увы – он не обо всем писал и не обо всем том даже, о чем нужно было писать. Впрочем здесь это зависело от свойства обстоятельств, тогда как в других случаях, как напр., в отношении к евреям, к коринфянам, это зависело от их пороков. "**То вы, читая**", – говорит, – "**можете усмотреть мое разумение тайны Христовой**" (ст. 4), т. е. (можете узнать) как я понял и как уразумел, или вообще откровение Божье, или собственно ту истину, что Он (Сын) сидит одесную (Отца). Потом (апостол) указывает на особое преимущество, говоря, что не со всяким народом Бог так поступал. Какой же это народ, для которого Бог сделал так много? (Апостол) показывает это, говоря: "**Которая не была возвещена прежним поколениям сынов человеческих, как ныне открыта святым Апостолам Его и пророкам Духом Святым**" (ст. 5). Итак, скажи мне, неужели чего-нибудь не знали пророки? Каким же образом после этого Христос сказал, что Моисей и пророки писали это обо Мне? И в другом месте: "**Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне**" (Иоан. 5:46). И еще: "**Исследуйте Писания, ибо вы думаете через них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют обо Мне**" (Иоан. 5:39). (Апостол) говоря это, указывает или на то, что не всем людям было открыто, потому что прибавляет: "**Которая не была возвещена прежним поколениям сынов человеческих, как ныне открыта**", или на то, что это не так обнаружилось в их делах и поступках: "**Которая не была возвещена прежним поколениям сынов человеческих, как ныне открыта**". Подумай и в самом деле: Петр не пошел бы к язычникам, если бы не услышал указания от Духа. Вот послушай, что он говорит: "**Итак, если Бог дал им**" Духа Святого, "**как и нам**" (Деян. 11:17). Слова (апостола Павла): "**Духом Святым**" (εν Πνεύματι) значат то, что Бог через Св. Духа удостоил их участия в благодати. Говорили об этом и пророки, но (люди) никогда бы с такой ясностью не узнали этого, как узнали, услышав апостолов, которые превзошли всякий человеческий ум и общие ожидания. "**Чтобы и язычникам быть сонаследниками, составляющими одно тело, и сопричастниками**" (ст. 6).

Что значит – быть сонаследниками, сопричастниками обетования и стелесниками? Значение этих слов высоко: они означают то, что (язычники и иудеи) соединены в одно тело, в тесный союз. Что (язычники) будут призваны, это известно было и прежде; но что к этому именно они будут призваны, никто не знал. Потому-то (апостол) и называет это "**тайной обетования**". Израильтяне и прежде были причастниками обетования Божьи; теперь сопричастниками сделаны и язычники. "**Во Христе Иисусе посредством благовествования**" (ст. 6), т. е. (язычники сделались сопричастниками обетования) через то, что к ним посланы были (благовестники), и они им поверили. Итак, не просто (сделались сопричастниками обетования), но через благовествование. Впрочем, это еще но велико и не важно; (апостол) открывает нам большое и важнейшее, именно, что не только люди, но ни ангелы, ни архангелы, ни иная какая сотворенная сила не знали этого. Это было вполне тайной, никому неизвестной. "**Усмотреть**", – говорит, – "**мое разумение**" (ст. 4). Быть может, этими словами (апостол) намекает на то, о чем сказал им в Деяниях, на некоторое его убеждение в том, что и язычники должны быть призваны;

такое разумение тайны он выразил выше, сказав, что (Христос) "**дабы из двух создать одного нового человека**" (2:15). И он, и Петр через откровение были научены, что не должно отвращаться язычников; (об откровении же) он говорит с целью защитить себя. "**Которого служителем сделался я по дару благодати Божьей, данной мне действием силы Его**" (ст. 7). Сказав, что он (за язычников) терпит узы, (апостол) снова относить все к Богу, говоря: "**по дару благодати Божьей**", – так как по силе этого дара он удостоен этой чести. Но дар был бы недостаточен, если бы вместе с ним не влагалась и сила (Божья).

Поистине (для благовествования) недостаточно одного человеческого усердия, а нужна высшая сила. (Апостол) внес в дело своего благовестия следующие три качества: пылкую и неустрашимую ревность, душу, готовую претерпеть решительно все, разум и мудрость. Но недостаточно было бы отваги, недостаточно было бы безукоризненной жизни, если бы он не получил силы Духа. Для этого посмотри на него самого, или лучше послушай, что он пишет: "**чтобы не было порицаемо**" наше "**служение**" (2 Кор. 6:3); еще: "**Ибо в учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых побуждений, ни лукавства; ни видов корысти**" (1 Фес. 2:3,5). Видишь ли, как беспорочно (служение апостольское)? И еще: "**Пекитесь о добром перед всеми людьми**", а не пред лицом только Господа (Рим. 12:17). Затем обрати внимание на следующие слова: "**Я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашей, братия, которую я имею во Христе Иисусе**" (1 Кор. 15:31); и еще: "**Кто отлучит нас от любви"** Христовой? **"скорбь, или теснота, или гонение**" (Рим. 8:35)? еще: "**В великом терпении, в бедствиях**", в гонениях, "**в нуждах, в тесных обстоятельствах**" (2 Кор. 6:4). Потом касательно своего благоразумия он говорить: "**Для Иудеев я был как Иудей, для подзаконных был как подзаконный, для чуждых закона – как чуждый закона**" (1 Кор. 9: 20, 21). Подвергает себя опасностям и творит бесчисленные (подвиги). Но что самое главное, в нем всегда действовала сила святого Духа. "**Ибо не осмелюсь**", – говорит он, – "**сказать что-нибудь такое, чего не совершил Христос через меня**" (Рим. 15:18); еще: "**Ибо чего у вас недостает перед прочими церквами**" (2 Кор. 12:13)? еще: "**Ибо у меня ни в чем нет недостатка против высших Апостолов, хотя я и ничто**" (2 Кор. 12:11). Без этих качеств он не мог бы (иметь успеха). Итак, не через знамение он обращал к вере, не чудеса его были причиной того, и не ими он хвалился, и другим и (своими качествами). (Благовестник) должен быть безукоризненным по жизни, и мудрым, и готовым на все опасности, и учительным; эти качества преимущественно и отличали его действия. Если бы и у нас были они, то не нужно было бы и чудес. Вот мы видим, что он прежде, Чем совершил какое-либо знамение, уже сделал бесчисленные подвиги этого рода. А мы теперь, не имея ни одного из этих качеств, хотим между тем, чтобы все нам повиновалось. Впрочем, если бы даже и были в нас эти качества, но не все, то нам они не принесли бы пользы. Что, в самом деле, пользы в твоей готовности терпеть опасности, если жизнь твоя подает повод к парениям? "**Итак, если свет, который в тебе, тьма**", – сказал (Спаситель), – "**то какова же тьма**" (Мф. 6:23)? Какую пользу принесет жизнь самая безукоризненная, если ты беспечен и сонлив? "**И кто не берет креста своего и следует за Мною**", – говорит (Спаситель), – "**тот не достоин Меня**" (Мф. 10:38). (Тот не добрый пастырь) кто не положить душу свою за овцы (Иоан. 10:11). Какая будет польза от обоих этих качеств, если не будет при них мудрости, чтобы знать, как ответить каждому? Если знамений и нет в наше время, то эти качества должны быть. Впрочем (апостол), показавши эти свои качества, все приписывает благодати: это признак благодарного раба. И мы никогда бы не узнали о его подвигах, если бы обстоятельства не поставили его в необходимость (говорить о них). После этого достойны ли мы хоть вспоминать Павла? Он, имя благодать, споспешествовавшую ему, не думал однако же, что этого уже и достаточно, но сам себя подвергал тысячам опасностей; мы же, не имеющие такого дерзновения, из какого, скажи мне, источника почерпнем надежды, что сохраним души, вверенные нашему попечению, и

что привлечем не вошедших еще (в Церковь)? (Каким образом можем надеяться на это мы) люди, которые заботимся только об удовольствиях, ищем всегда одного только – покоя, не можем, или лучше, не хотим подвергаться опасностям даже во сне, которые по мудрости так же далеко отстоим (от Павла), как небо от земли? Потому-то и пасомые нами так много ниже тогдашних. Тогдашние ученики были лучше теперешних учителей: среди народа и тиранов им грозили, у них везде были враги, и, однако, ничто не могло преклонить и поколебать их хотя бы на короткое время.

Послушай, что говорить (апостол) в послании к Филипийцам: "**Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него**" (1:29). И еще в послании к Фессалоникийцам: "**Ибо вы сделались подражателями церквам Божьим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее**" (2:15,16). И в послании к Евреям он пишет: "**И расхищение имения вашего приняли с радостью**" (10:34). О колоссянах в послании к ним свидетельствует следующее: "**Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге**" (3:3); и о других многих опасностях, которым они подвергались, он оставил свидетельство. К галатам писал он: "**Столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы!**" (3:3). Видишь ли, тогда все о том только и думали, чтобы совершать доброе. Потому-то тогда и благодать действовала с такой силою; потому-то тогда и жизнь проводили в подвигах. Но послушай, что он пишет к коринфянам, которых он обвинял в бесчисленных преступлениях. Не с похвалою ли он отзывается и о них, говоря об их "**усердии и желании**" (2 Кор. 7:11)? Между тем и того, что он хвалить в коринфянах, никто не заметит даже в учителях настоящего времени. Итак, все погибло и пропало. Причина же этого в том, что охладела любовь, и что согрешающие не несут должного наказания. Послушай, что он писал к Тимофею: "**Согрешающих обличай перед всеми**" (1 Тим. 5:20), – а ныне (грехами) страдают начальники. А когда голова нездорова, может ли быть здоровым остальное тело? Притом посмотри, какой теперь неестественный порядок деле. Правильно живущие и как-нибудь сохранившие еще дерзновение (к Богу) занимают вершины гор, – они удалились из среды нас, как общества чуждого им и враждебного, а не родственного. Беззаконники же, обремененные тысячей преступлений, вторглись в Церковь; откупщики сделались настоятелями. Отсюда происходят тысячи зол, и нет никого, кто бы исправил, кто бы вразумил. Напротив это бесчиние получило некоторый законный вид и свободно распространяется. Согрешил ли кто и обвиняется? Таковой не о том старается, чтобы доказать свою невинность, а о том, как бы найти сообщников для своих преступлений. О, с каким ужасом представляю себе, что угрожает нам геенна! Поверьте мне, если бы Бог не готовил нам наказания там, мы видели бы каждый день страшные зрелища, ужаснее бед, перенесенных иудейским народом. Что в самом деле творится у нас? Впрочем, никто не сердись: я никого не назову по имени. Если бы кто-нибудь, придя в церковь и став посреди вас, находящихся теперь с нами, произвел испытание, или даже не теперь это сделал, а в день св. пасхи, – захотел бы тщательно испытать всех, пришедших сюда и приготовившихся приступить к тайнам, – захотел, говорю, испытать для того, чтобы узнать подробно все, содеянное ними, – то сколько бы он нашел зол, гораздо более тяжких, чем беззакония иудеев? Он нашел бы гадающих по полету и крику птиц, прибегающих к чарам, к наговорам и припевам, нашел бы блудников, прелюбодеев, пьяниц и хулителей. Я не хочу уже упоминать о любостяжателях, чтобы не коснуться кого-либо из здесь стоящих. Что же после этого, если бы кто-нибудь исследовал всех, приходящих в храмы целой вселенной, – какого преступления он не встретил бы? Он увидел бы начальников жадных до денег, увидел бы, что должности приобретены ими через куплю, увидел бы между ними много завистливых, склонных к клевете, тщеславных, преданных ненасытному корыстолюбию, раболепствующих деньгам. При столь великом нечестии можно ожидать всякого зла. И чтобы вам узнать, какого наказания заслуживают преданные этим грехам, припомните древние события. Один воин

украл часть священных сокровищ, – и стали погибать все. Вы знаете, без сомнения, эту историю? Я говорю об Хармии, укравшем часть военной добычи, посвященную Богу (Иис. Нав. 7,22). Некогда пророк говорил, что страна их исполнена волхований, как будто страна чужеземная (Ис. 2:6). Теперь же все и везде исполнено зла, и никто не страшится! Между тем следовало бы страшиться: Бог наказывает и праведных вместе с нечестивыми, как это было с Даниилом, с тремя отроками, как это было со многими другими, как, наконец, случается и ныне на войнах. Праведные через эти бедствия, ниспосылаемые на них свыше, свергают с себя ту тяжесть грехов, какую они имеют; нечестивые же нет. Вследствие всего этого будем внимательны к самим себе. Не видите разве браней? Не слышите разве о бедствиях? Или вас ничто это уже не вразумляет? Народы и целые города погибли и разрушены; тысячи попались в рабство к варварам. Если геенна не вразумляет вас, вразумитесь хоть этими бедствиями. Может быть, вы думаете, что это не прещения (Божьи), что это просто обыкновенные события? Погибшие понесли великое наказание; но мы понесем еще большее, если не образумимся при виде стольких бедствий. Знаю, жестоки мои слова; но если вы вникнете в них, они принесут пользу. Хотя сказанное, конечно, не преподает вам благодати, – этого никогда и ждать нельзя, – но оно всегда в состоянии смирить и вразумить душу. А это послужить залогом будущих благ, которых да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 7

"Мне, наименьшему из всех святых, дана благодать сия – благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово и открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, скрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом, дабы ныне сделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божья, по предвечному определению, которое Он исполнил во Христе Иисусе, Господе нашем" (Еф. 3:8–11)

Кто посещает лечебницу, посещает ее не просто, но с тем намерением, чтобы научиться врачеванию и употребление лекарств. Так и мы, собравшись здесь, не просто собрались, не чтобы познать обилие смиренномудрия Павла. Что именно? Намереваясь сказать о величии благодати Божьей, послушай, что он говорит: "**Мне, наименьшему из всех святых, дана благодать сия**". Выказал он смиренномудрие и тем, что оплакивал прежние грехи, уже исправленные, помнил об них, и был скромен до того, что называл себя хульником, гонителем и обидчиком; но с тем (что он говорить теперь) ничего и сравнить нельзя. Прежде, говорить, я был таким-то, и называет себя извергом; но когда теперь, совершенно исправившись, все еще уничижает себя и называет себя меньше всех, – это подлинно великая и необыкновенная скромность. "**Мне, наименьшему из всех святых**". Не сказал: (меньшему) апостолов, – так что употребил выражение уничиженнее этого последнего. В ином месте он сказал: "**и я недостоен называться Апостолом**" (1 Кор. 15:9); здесь же называет себя даже меньшим всех святых: "**Мне**", – говорит, – "**наименьшему из всех святых, дана благодать сия**". Какая? "**Благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово и открыть всем, в чем состоит домостроительство тайны, скрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом, дабы ныне сделалась известною через Церковь начальствам и властям на небесах многоразличная премудрость Божья**". Пусть это не было открыто людям, – но неужели ты просвещаешь и ангелов, и архангелов, и начала, и власти? Просвещаю, говорить, потому что в Боге было это сокрыто, в Боге, "**создавшем все Иисусом**". И ты дерзаешь это сказать? Да, дерзаю, – говорить. Но как же это сделалось известным ангелам? Через Церковь. И притом не просто сказал: да (скажется) различная

премудрость Божья, во – "**многоразличная**". Итак что же? В самом деле, ангелы не знали ее? Вовсе не знали: если начала не знали,

то тем более ангелы не знали. Что же, не знали и архангелы? Не знали и они: откуда они могли узнать? Кто мог им открыть? Когда узнали мы, тогда узнали и они через нас. Послушай, что ангел говорить Иосифу: "**наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их**" (Мф. 1:21). Он (Павел) был послан к язычникам, а те (другие апостолы) к обрезанным. Потому-то особенно удивительны и поразительны его слова: "**Мне, наименьшему, дана**". Но и это было делом благодати, что меньшему были поручены истины величайшие, что он был их благоветником, – ведь сделавшийся благовестником величайшего через это становится велик и сам. "**Благовествовать язычникам неисследимое богатство Христово**". Если богатство (Христа) остается неисследованным даже и после Его явления, то тем более неисследованно существо Его. Если и теперь еще есть здесь тайна, то тем более была она прежде, нежели узнали ее. Тайной же называете это (богатство любви Христовой) потому, что оно не было известно ни ангелам, ни кому другому. "**И открыть всем**", – говорит, – "**в чем состоит домостроительство тайны, скрывавшейся от вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом**". Ангелы знали только то, что "**ибо часть Господа народ Его**" (Вт. 32:9). Притом же в другом месте сказано: "**князь царства Персидского стоял против меня**" (Дан. 10:13). Потому неудивительно, если они не знали этого. Если не знали того, что касалось возвращения (израильтян), то тем более они не могли знать этого (богатства любви Христовой), так как оно открылось через евангелие. "**Он**", – говорит, – "**спасет Своих людей Израиля**". Здесь ничего не говорится о язычниках; но о них открывает Дух. О призвании их было известно, но что при этом они воссядут и на престоле Божьем, этого кто мог ожидать, кто мог этому поверить? "**Скрывавшейся**", – говорит, – "**в Боге**". Впрочем это "**домостроительство**" (о спасении язычников) яснее раскрывает в послании к Римлянам. "**В Боге**", – говорит, – "**создавшем все Иисусом Христом**". Хорошо он сделал, что, вспоминая о творении, сказал: "**Иисусом Христом**". Ведь сотворивший все через Него и это открывает через Него: "**И без Него**", – сказано, – "**ничто не начало быть**" (Иоан. 1:3). Сказавши о началах и о властях, сказал и о горнем и о дольнем. "От вечности". Ныне, говорить, совершилось, но не ныне определено, а предначертано издревле. "**От вечности в Боге, создавшем все Иисусом Христом**", – то есть, по предведению веков, наперед зная будущее, грядущие века, потому что он знал, что будет, и согласно с тем определил. "**От вечности**", – конечно тех, которые сотворил Иисусом Христом, потому что через Христа "**Все начало быть**" (Иоан. 1:3). "**В Котором мы имеем**", – говорит, – "**дерзновение и надежный доступ через веру в Него**" (ст. 12). Не как пленники, говорить, мы приведены, не как удостоенные прощения, не как согрешившие: "**мы имеем**", – говорит, – "**дерзновение и надежный доступ через веру**", т. е. со смелостью (надеемся). Почему же так? По вере в Него. "**Посему прошу вас не унывать при моих ради вас скорбях, которые суть ваша слава**" (ст. 13). Почему же о них? И почему (скорби его) составляют их славу? Потому что Бог так возлюбил их, что отдал за них Сына, и предал на страдания Своих рабов (апостолов). В самом деле, и Павел был в узах для того, чтобы они получили такие блага. Так велика к ним любовь Божья! Тоже говорит Бог и о пророках: "**бил их словами уст Моих**" (Ос. 6:5). Как же они "**унывали**", когда другой скорбел? Это значит, что они приходили в страх, смущались. Обь этом он пишет и Фессалоникийцам, говоря: "**чтобы никто не поколебался в скорбях сих**" (Фес. 3:3). Должно не только не скорбеть, но и радоваться. Впрочем, если вас может утешить предсказание, то предсказываем вам, что мы здесь испытаем скорби. Почему же? Потому что так повелел Владыка. "**Для сего преклоняю колени мои пред Отцом Господа нашего Иисуса Христа, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле**" (ст. 14 – 15). Здесь (апостол) показывает отличительную черту своей молитвы за них. Не сказал просто: "**молю**", но сказал: "**преклоняю колени мои**", и тем

выразил свое усиленное моление о них. "**От Которого именуется всякое отечество**". Уже не говорить (об отечестве, которое было разделено) "**по числу сынов Израилевых**" (Вт. 32:8), но о Том, Кто сотворил и горние, и дольние колена, – не такие, каковы иудейские. "**Да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верой вселиться Христу в сердца ваши**" (ст. 16 – 17). Смотри, с какой ненасытностью просить им благ для того, чтобы они не колебались. А каким образом это совершается? "**Духом Его во внутреннем человеке**" вашем "**верой вселиться Христу в сердца ваши**". Как именно? "**Чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову**".

О чем молился (апостол) вначале, о том и теперь. О чем же он говорил вначале? "**чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения к познанию Его, и просветил очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его, и какое богатство славного наследия Его для святых, и как безмерно величие могущества Его в нас, верующих по действию державной силы Его**" (Еф. 1:17 – 19). И теперь говорить тоже самое: "**чтобы вы могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота**", т. е. (да возможете) с точностью познать тайну домостроительства нашего спасения. Широтой и долготой и глубиной и высотой он называет познание богатства любви Божьей, – того, как она повсюду распространилась. Описывает же се телесными чертами, приспособляясь к понятиям человеческим; (для того и говорить) что она обняла и верхнее и нижнее и находящееся по сторонам. Мы сказали, говорить, что этому может научить не наше слово, а Святой Дух. Ним "**крепко**", – говорит, – "**утвердиться**" против искушений и обольщений, – потому что не иначе можно утвердиться в добре, как через испытания и при помощи благодати Божьей. А о том, каким образом Христос обитает в сердцах, послушай, что говорить Он сам: "**Я и Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим**" (Иоан. 14:23). Обитает же не просто, но в сердцах верующих, которые утверждены и не колеблются в любви к Нему. "**Чтобы вы могли**", – говорит, – т. е. нужно много силы. А для чего нужна эта сила, объясняя это, прибавляет: "**чтобы вы, укорененные и утвержденные в любви, могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всей полнотой Божьей**" (ст. 18 – 19). Это значит: хотя любовь Христова и выше всякого человеческого познания, однако вы познаете ее, если в вас будет обитать Христос, – и не только познаете, но "**дабы вам исполниться всей полнотой Божьей**". Под исполнением же Божьим он или разуметь познание того, как во Отце и Сыне и Св. Духе воздается поклонение Богу, или побуждает к тем подвигам, через которые можно было бы исполниться таких добродетелей, какими исполнен Бог. "**А Тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем**" (ст. 20). Хорошо сказал: "**силою**", потому что силе свойственно получать то, чего мы никогда и не ожидали. А что (Бог) делает для нас более, чем мы "**просим или помышляем**", это видно из написанного самим (апостолом). Я, говорить он, колюсь; а Он и без моей молитвы сделает больше наших прошений, – и не просто только больше или обильнее, но "**несравненно больше всего**", – выражение, которое показывает особенную великость дара. Откуда же это видно? Из силы, говорить, действуемой в нас, – потому что мы никогда этого не просили и не ожидали. "**Тому слава в Церкви во Христе Иисусе во все роды, от века до века. Аминь**" (ст. 21). Хорошо сделал (апостол), что заключил свое слово молитвой и славословием: должно прославлять и благословлять. Даровавшего нам такие блага. Достойно удивления также и то, что за дары, полученные нами от Бога, славит (Его) о Христе Иисус. Хорошо сказано и это: "**Тому слава в Церкви**", – потому что известно, что Церковь будет существовать всегда. А так как она всегда пребывает, то (апостол) хочет,

чтобы и мы прославляли Бога до окончания мира, – что и объяснил он, сказавши: "**Во все роды**". Необходимо сказать еще, что такое – отечествия (πατριαί)? Здесь (на земле) под словом отечествия (поколения) разумеются роды; но каким образом будут роды на небе, где никто не родится один от другого? Вероятно (апостол) называет здесь отечествиями небесные сонмы, так как и в Писании поколение Мерарино называется сонмом (Числ. 4:33). Не всего (апостол) просит от Бога, но требует и от них веры и любви, и не просто любви, но любви, вкоренившейся в нас и твердой, такой любви, которой бы и ветры не поколебали, и иное что не разрушило. (Апостол) сказал, что скорби составляют славу; если же таковы мои скорби, тем более таковы ваши собственные.

Итак, скорби еще не служат признаком того, будто мы оставлены (Богом): явивший к нам такую благость, конечно, не оставить нас. Если же (апостолу) Павлу нужна была молитва и помощь Духа для того, чтобы он мог узнать любовь Божью, то кто после этого познает существо Христово, руководясь одними умствованиями? А разве, в самом деле, так трудно познать, что Бог любить нас? Очень трудно, возлюбленный! Одни не знают даже и этого – отчего, как говорят, и случаются в мире тысячи зол, – а другие не знают меры (этой любви). Павел не отыскивает этой меры и не хочет измерять ее (любовь); да и как бы он мог это сделать? Но говорить, что превосходное и великое дело познать (богатство любви), и что он это самое может доказать познанием, которого мы удостоились. Что выше того, чтобы "**крепко**" и "**утвердиться**" иметь в себе Христа? Многого, говорить, мы и просим (у Бога); но Он может сделать для нас гораздо больше, нежели сколько мы просим, – чтобы мы не только любили Его, но и сильно любили. Постараемся же, возлюбленные, познать любовь Божью. Это важно для нас: ничто другое не приносить нам столько пользы, ничто столько не возвышает нас. Познание этой любви может действовать на души более, чем страх геенны. Откуда же мы ее узнаем? И из сказанного, и из того, что каждодневно совершается. Для чего в самом деле сотворено все это? Для какой нужды? Ни для какой. Причина бытия и горних и дольних существ – одна любовь (Божья). Но особенно эта любовь видна из того, что Он благотворить людям, сам наперед ничего не получив от них. Потому, в подражание Ему, будем и мы благотворить врагам, – не отвергнем тех, кто ненавидит нас и отвращается от нас. Это уподобляет нас Богу. Если, сказано, ты любишь любящего, какая польза? Это и язычники делают (Мф. 5:46, 47). Но что служит признаком истинной любви? Любовь к ненавидящему. Я хочу привести пример, и, – простите мне, – не находя его в области предметов духовных, заимствую его из плотской жизни. Не видите ли вы любовников? Сколько они терпят от любовниц обид, сколько коварства, сколько вреда, как бывают мучимы и иссушаемы ими, – и тем не мене они любят их более своей души, проводя ночи у дверей их. Научимся этим примером, конечно, не тому, чтобы любить этих распутных женщин, но чтобы так любить врагов. В самом деле, скажи мне, не хуже ли всех врагов поступают (любовницы с пристрастившимися к ним)? Не расточают ли он их имущества, не наносят ли им личных оскорблений и не повелевают ли ими с большей властью, чем своими рабами? Однако (любовники) не отстают от них. И никто не имеет такого врага, какого имеет любовник в своей любовниц, потому что любовница и гордится им, и бесчестит его, и часто злоупотребляет им, и поступает с ним тем презрительнее, чем более бывает любима им. Что звероподобнее души с таким настроением? Однако любят (любовники своих любовниц). Впрочем, сейчас найдем такую любовь и у духовных (людей), – не нынешних, потому что ныне она охладела, – а у древних, великих и дивных мужей.

Блаженный Моисей превзошел и тех, которые имеют страстную любовь. Как и каким образом? Во-первых, покинув царский двор с его роскошью, почести и славу, он предпочел лучше быть с израильтянами. А этого другой не только не сделал бы, напротив покраснел бы, если бы кто уличил его в родстве не только с рабами, но и с людьми, которых считают за преступников. Он же не только не устыдился родства, но и показал

себя самым ревностным защитником (израильтян) и за них сам подвергся опасности. Как? Видя, сказано, что один обижает другого, он защитил обижаемого и убил обидчика. Но это еще он сделал не для врагов. Правда, велик и этот поступок, но не так, как то, что после случилось. На другой день он увидел тоже самое, и видя, что обижает тот, за которого он отомстил (вчера), убеждал его не делать обиды. А этот человек, по своей крайней непризнательности, и говорить (ему): "**кто поставил тебя начальником и судьей над нами?**" (Исх. 2:3)? Кого не раздражили бы такие слова? Если бы прежнее дело было совершено под влиянием гнева и безрассудной раздражительности, то и этого человека (Моисей) убил бы. Тот, для которого это было бы сделано, не донес бы на него. Но он, – говорит (Писание), – сказал так потому, что они были в родстве между собою; напротив, будучи сам обижаем, не говорить ничего такого: "**кто поставил тебя начальником и судьей над нами?**" Почему же ты не говорил так вчера? Обида, нанесенная тобою, и твоя жестокость и поставили меня князем и судьей. Но, заметь, ныне некоторые говорить это и Богу. Они желают, чтобы (Бог) быль жесток к тем, которые их обижают, и обвиняют Его в долготерпении к ним, – хотя сами, обижая других, этого не делают. Что оскорбительнее таких слов? Однако, и после этого, когда был посылаем к непризнательным и неблагодарным, (Моисей) пошел и не отказался. Мало того; когда после знамений и чудес, совершенных им, намеревались побить его камнями, и он избегал рук их, – оставаясь однако же, предметом постоянного их ропота, – (пророк) любил их такой любовью, что, после совершения народом известного тяжкого греха, говорил Богу: "**Прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал**" (Исх. 32:32). Лучше желаю, говорить, с ними погибнуть, чем без них спастись. Вот поистине – не рассуждающая, какая-то страстная любовь! И что ты говоришь? Ты не дорожишь небом? Не дорожу, говорить, потому что люблю согрешивших. Хочешь быть изглаженным? Как же и быть иначе? Я люблю, говорить. Между тем, что последовало далее? Послушай, что говорить Писание в другом месте: и озлоблен быть Моисей их ради "**и Моисей потерпел за них**" (Пс. 105:82). Сколько раз они оскорбляли его! Сколько раз оставляли и его и его брата! Сколько раз хотели возвратиться в Египет! И после всего этого он горел и пламенел (любовью), и готов был пострадать за них. Так должно любить врагов! Подвергаясь их нападениям, мучениям, терпя от них лишения, должно желать им спасения. Да и Павел, скажи мне, не желал ли быть ввергнутым в геенну, вместо них (израильтян)? Но нельзя при этом не привести в пример и самого Владыку, – как Он поступил, когда сказал: "**Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми**" (Мф. 5:45). Он (Спаситель наш) приводить в пример Отца; а мы приведем Его – Христа. Он пришел к нам, – разумею Его домостроительство, – сделался рабом ради нас, смирил Себя, истощил, принял зрак раба; придя (на землю), хотя сам не пошел на путь языков, во повелел это ученикам, и не только это сделал, но и обходил (различные места), врачуя всякую болезнь и всякую немощь.

Что же? Все дивились, и в недоумении говорили: "**Откуда же у Него все это?**" (Мф. 13:56)? А т, которые получили от Него благодеяния, говорили: "**Он одержим бесом**" (Иоан. 10:20), Он хульник, безумец и обманщик (Мф. 9:3, 27:63). Что же, отогнал ли Он их от Себя? Нет; напротив, слыша это, благотворил еще более, шел к тем, которые намерены были распять Его, как будто им-то Он и должен быль послужить во спасение. И будучи распять, что Он говорил? "**Отче! прости им, ибо не знают, что делают**" (Лк. 23:34). И прежде, и после того терпя зло, Он до последнего издыхания все делал для них и молился за них. И после распят чего не совершил для них? Не послал ли апостолов? Не явил ли знамений? Не поколебал ли и земли, для них? Так должно любить врагов из подражания Христу! Так поступал и Павел: побиваемый камнями, претерпевая тысячи страданий, все делал для них (врагов своих). Послушай, что он говорит: "**Желание моего сердца и молитва к Богу во спасение**"; и еще: "**Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге**" (Рим. 10:2); и опять: "**Если ты, дикая маслина, привился на место их и стал**

общником корня и сока маслины" (Рим. 11:17). С какой нежной любовью говорит он эти слова, с каким благорасположением? Этого невозможно и высказать, поистине невозможно! Так должно любить врагов. Любовь к врагам есть любовь к Богу, даровавшему заповеди и законы, есть подражание Ему. Знай же, что, оказывая благодеяния врагам, ты благотворишь не им, а себе, не их любишь, а повинуешься Богу. Итак, зная это, утвердимся во взаимной любви, чтобы, в точности выполнив ее, получить обетованные блага о Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 8

"Итак я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью" (Еф. 4:1).

Достоинство учителей состоит не в том, чтобы стараться о приобретении чести и славы у своих учеников, но в том, чтобы вести их ко спасению, и все свои Действия направлять к этой цели. Если бы какой учитель заботился только о первом (своей чести и славе), – он был бы не учителем, а тираном. И Бог поставил тебя над ними не для того, чтобы ты наслаждался большим почетом, но для того, чтобы, забывая себя, помышлял только о том, что относится к ним, Таков долг учителя. Таким был блаженный Павел; он был чужд всякой гордости и вел себя наравне с другими, – даже так, как будто он был меньше других: называл себя их рабом, и очень много наставлений преподавал в вид просьбы. Вот, смотри, и теперь пишет не повелительным, не властным тоном, а кротко и смиренно: "**Итак я, узник в Господе, умоляю вас**", – говорит, – "**поступать достойно звания, в которое вы призваны**". Скажи мне, для чего ты просишь? Для того ли, чтобы тебе самому получить что-нибудь? нет, говорить, а для того, чтобы спасти других. Но кто просить, тот просить о полезном для него самого? И мне это полезно, говорить, как я и написал об этом в другом месте: "**Ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе**" (1 Фес. 3:8). Так всегда сильно желал спасения ученикам своим! "**Итак я, узник в Господе**". Подлинно, великая и важная честь (быть в узах ради Господа), – она выше и царского, и консульского, и всякого другого достоинства.

Об этом же (узах своих) говорить и в послании к Филимону: "**Как я, Павел старец, а теперь и узник Иисуса Христа**" (Флм. 9). В самом деле, нет ничего так славного, как узы ради Христа, как оковы, возложенные на эти священные руки. Быть узником ради Христа славнее, чем быть апостолом, учителем и благовестником. Кто любить Христа, тот понимает эти слова. Кто неудержимо стремится к Владыке и горит любовью к Нему, тот знает силу уз. Павел предпочел бы узничество ради Христа жизни на небесах. Его (скованные) руки для них (учеников его) казались светлее всякого золота, всякого царского венца. Не столько блестит на голове повязка с драгоценными камнями, сколько железные оковы ради Христа. Тогда темница бывает светлее царских чертогов. Что говорю – царских? Светлее и самого неба, потому что содержит в себе узника Христова. Кто любить Христа, тот знает это достоинство, знает эту добродетель, знает, сколько благ принесло роду человеческому узничество ради Него. Быть может, узы ради Него славнее сидения одесную Его, досточтимее восседания на двенадцати престолах. И что сказать мне (после этого) о человеческих (благах)? Стыжусь сравнивать богатство и золотое украшение с узами. Но, переставши говорит о величии уз, (скажу), что если бы узы ради Христа ничем не награждались, то все же велика была бы награда, достаточно воздаяние уже в том одном, что эти страдания претерпеваются ради любимого. Слова эти понятны любящим, если не Бога, то людей, – тем, которые более радуются, терпя страдания ради своих возлюбленных, чем получая от них почести. Понятны они были и священному сонму апостольскому. В самом деле, послушай, что говорить блаженный Лука: "**Они же**

пошли из синедриона, радуясь, что за имя" Христа "удостоились принять бесчестие" (Деян. 5:41). Иным кажется смешно – бесчестие считать достоинством и обращать в предмет радости. Но знающие Христову любовь считают это (бесчестие) выше всякого блаженства. Если бы кто давал мне или все небо, или эти оковы, я предпочел бы их. Если бы кто хотел поместить меня или в горних с ангелами, или с Павлом, заключенным в узы, я избрал бы темницу. Если бы кто делал меня одной из тех сил, которые окружают небо и престол (Божий), или таким узником, я предпочел бы сделаться этим узником. И справедливо, нет ничего блаженнее этих оков. Я желал бы теперь быть в тех местах, где, говорят, еще хранятся эти узы, посмотреть их и подивиться людям, имевшим столь сильную любовь к Христу. Я желал бы видеть оковы, которых ужасаются и трепещут демоны, которые почитаются ангелами. Нет ничего лучше злострадания ради Христа. Я не столько ублажаю Павла за то, что он был восхищен в рай, сколько за то, что был ввергнуть в темницу. Не столько ублажаю его за то, что слышал неизреченные глаголы, сколько за то, что был в узах. Не столько ублажаю его за то, что восхищен был на третье небо, сколько – за узы. А что узы больше всего этого, он знал это и сам. Вот послушай: он не сказал: молю вас аз, слышавший неизреченные глаголы. А что? "**Итак я, узник в Господе, умоляю вас**".

Неудивительно, если он не употребляет этих слов во всех посланиях, – ведь он был в узах не всегда, а по временам. Для меня доблестнее терпеть зло за Христа, чем принимать от Него почести. Это – великая честь, это – слава, выше которой нет ничего. Если Он, сделавшись для меня рабом и ни во что вменивши славу, ничего не считал для Себя столько славным, как распинаться за меня, то чего не должен я претерпеть? Послушай, что говорить Он сам: "**Отче! прославь Сына Твоего**" (Иоан. 17:1). Что говоришь? Тебя вместе с разбойниками и грабителями ведут на крест, чтобы подвергнуть позорной смерти; Ты терпишь заушения и заплевания, – и Ты это называешь славой? Называю, говорить. Так как Я страдаю за любимых Мною, то и считаю (эти страдания) славой. Если же Он, возлюбивши достойных сожаления и несчастных, называет страдания славой; если для Него слава состояла не в том, чтобы быть на престол Отчем, не в славе, а в бесчестии, и последнее Он предпочитал первому, – то тем более я должен считать это славой. О, блаженные узы! О, блаженные руки, украшенные этими узами! Не столько были почтенны Павловы руки, когда они поставили на ноги и даровали способность ходить хромому в Листре (Деян. 14), сколько тогда, когда находились в узах. Если бы я жил в те времена, то по преимуществу лобзал бы их, и прилагал бы их к своим зеницам. Я непрестанно лобзал бы руки, удостоившиеся быть в узах ради моего Владыки. Ты дивишься Павлу, что ехидна, коснувшись его руки, ничего ему не сделала? Не дивись: она устрашилась оков; их страшилось и целое море, – потому что тогда он был в оковах. Если бы кто давал мне силу воскрешать мертвых, я избрал бы не ее, а оковы. Если бы я не имел забот по церкви и мои телесные силы были крепки, то не отказался бы совершить столь дальнее путешествие для того, чтобы только видеть Павловы оковы и темницу, в которой он был заключен. Хотя везде встречаются памятники его чудес, но они не производят такого впечатления, как памятники его язв. И в Писаниях он не столько радует меня, когда совершает чудеса, сколько тогда, когда злостраждет, когда его бьют, влачат. Справедливо пользуются почитанием платки и полотенца, от которых совершались чудесные действия, – они тоже достойны удивления, но не такого, как те (апостольские страдания). Сказано: бивше его, и "**дав им много ударов, ввергли в темницу" (Деян. 16:28); еще: "узники воспевали Бога**" (Деян. 16:25); еще: "**побили**" его "**камнями и вытащили за город, почитая его умершим**" (Деян. 14:19).

Если хотите узнать, как много значат оковы, ради Христа налагаемые на тело (Его) раба, – послушайте, что сам Христос говорит: "**Блаженны вы**". Когда? Когда будете воскрешать мертвых? нет. Когда же? Когда будете врачевать слепых? И не в этом случай. А когда?

"**Когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня**" (Мф. 5:11). Если же одно поношение доставляет столько блаженства, то чего не сделает злострадание? Послушай, что говорить сам блаженный (Павел) в другом месте: "**А теперь готовится мне венец правды**" (2 Тим. 4:8). Но узы славнее этого венца. Только бы их мне удостоиться, о другом же я и не рассуждаю. Без всякого воздаяния мне довольно одного страдания ради Христа. Пусть только мне дана будет возможность сказать, что я исполняю "**недостаток в плоти моей скорбей Христовых**" (Кол. 1:24), и мне ничего более не нужно. И Петр удостоился таких оков. Он, сказано, "**спал между двумя воинами, скованный двумя цепями**" (Деян. 12:4 – 6). Он так был спокоен в узах и так мало скорбел об этом, что мог уснуть: не овладел бы им глубокий сон, если бы он находился в большом беспокойстве. Он спал между воинами, – "**И вот, Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу. Ангел, толкнув Петра в бок, пробудил его**" (ст. 7). Если бы кто мне сказал: чем хочешь ты быть – ангелом ли, толкнувшим Петра, или спасенным Петром? Я предпочел бы быть Петром, для которого приходил и ангел. Мне были бы сладостны эти узы. А зачем же, скажет кто-нибудь, он молится (по освобождении из темницы), как будто он освободился от величайшей беды? Не дивись этому. Он молится потому, что боялся умереть. Умереть же боялся потому, что хотел еще жить для страданий. Послушай, что говорит об этом и сам блаженный Павел: "**Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше, а оставаться во плоти нужнее для вас**" (Фил. 1:23, 24). Это же далее он назвал и даром: "**Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него**" (ст. 29). Таким образом последнее больше первого, – потому что "**вам дано**". Поистине это величайший дар, и больший всех (других даров), – и дара остановить солнце и луну, и дара подвигнуть мир. Это больше власти над демонами, или силы изгонять демонов. Они не столько страдают, когда мы изгоняем их верой, сколько тогда, когда видят, что мы ради Христа терпим бедствия и бываем в узах. Это дает нам большее дерзновение (к Христу). Хорошо быть в узах ради Христа не потому, что они доставляют нам царство, а потому, что это бывает ради Христа. Не потому я ублажаю узы, что они (как бы) наперед открывают путь к небу, а потому, что они претерпеваются ради Владыки неба.

Знать (апостолу), что он претерпевал узы ради Христа, – сколько в этом утешения для него! Сколько радости! Сколько чести! Сколько славы! Я сам желал бы всегда говорить об этом, желал бы хотя прикоснуться к этим оковам; но как я лишен этого счастья на деле, то по крайней мере мысленно, через искреннее желание заключаю в них свою душу. Вследствие землетрясения, сказано, поколебалась темница со связанным Павлом, "**и у всех узы ослабели**" (Деян. 16:26). Видишь ли свойство уз разрешать узы? Как смерть Господа умертвила смерть, так и Павловы узы разрешили узников, поколебали темницу, отворили двери. Впрочем естественная сила уз не такая, а (совершенно) противоположная – крепко содержать узника и не расторгать пред ним стен (темницы). А то свойство, (о котором мы говорим), принадлежит не простым узам, но узам ради Христа. "**Страж в трепете припал к Павлу и Силе**" (ст. 29). Этого не делают обыкновенные узы, связавших не приводят к ногам связанных, а напротив подчиняют последних первым. А теперь свободный был у ног узника; связавший просил связанного, чтобы этот освободил его от страха. Скажи мне, не ты ли связал его? Не ты ли заключил его во внутреннюю темницу? Не ты ли наложил на ноги его колодку? Что же трепещешь? Что смущаешься? Что плачешь? Зачем обнажил меч? Никогда, говорить, не случалось мне вязать таких (людей); я не знал, что такова сила узников Христовых. Что говоришь ты? Они получили власть отверзать небеса: ужели они не отворять темницы? Они разрешали связанных демонами: ужели железо будет сильнее их? Ты не знал этих мужей, потому и достоин извинения. Связанный – Павел, которого чтут все ангелы, – Павел, платки и убрусы которого прогоняли демонов и исцеляли болезни. А демонские узы много крепче и неразрывнее железных, потому что первыми оковывается душа, а последними – тело.

Итак, освобождающий связанные души неужели не мог освободить своего тела? Расторгавший узы демонов ужели не расторг бы железных уз? Разрешавший тех узников и освобождавши от власти демонов посредством своих одежд разве не освободился бы сам собою? Он был прежде связан; потом разрешил связанных, чтобы показать тебе, что рабы Христовы связанные имеют гораздо более силы, чем свободные от уз. Не было бы так удивительно, если бы он это сделал, будучи свободным от уз. Значить, узы были причиной не слабости, а большей силы. Так сила святого блистательнее открывается тогда, когда, и связанный, он повелевает свободными от уз, когда – сам узник – он освобождаешь не только себя, но и других узников. Какая польза от стен? Какая (польза) от того, что он был ввергнуть во внутреннюю темницу, когда отворил и наружную? Но почему это совершилось ночью и с землетрясением? Впрочем я уклонился от апостольских слов, слишком много занялся апостольскими делами; но будьте не сколько снисходительны ко мне, и позвольте мне усладиться Павловыми узами, – позвольте еще долее остановиться на них. Я взялся за узы, и – никто меня не отогнет от них. Я теперь связан любовью, чем он тогда оковами. Этих уз никто не разорвет, потому что он – от любви Христовой. Их не могут разрешить ни ангелы, ни царство небесное. Послушаем, что говорить об этом сам Павел: "**Ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви**" Христовой (Рим. 8:38, 39).

Для чего же это совершилось среди ночи, для чего с землетрясением? Внимайте Божью домостроительству и дивитесь. Узы ослабли у всех и отворились двери. Но это было сделано только для темничного стража, не для того, чтобы показать (ему силу уз), а для его спасения. Узники не знали, что они разрешены, как это видно из Павлова восклицания. Что именно говорится? "**Но Павел возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь**" (Деян. 16:28). Не были бы все (в темнице), если бы знали, что двери отворены, и сами они освобождены от уз. Те, которые разламывают стены, проникают через кровли и заборы, и решаются на все, будучи в оковах, не остались бы, когда и узы были разрешены, и двери отворены, и сам темничный страж спал. Но вместо уз железных на них были узы сна. Так устроено было для того, чтобы и дело совершилось, и от чуда не произошло никакого вреда для темничного стража, который должен был спастись. Притом узники особенно крепко связываются ночью, а не днем. Поэтому можно было их видеть опять связанными с большим старанием и погруженными в сон. Если же бы это совершилось днем, то произошло бы большое смятение. Для чего же было потрясено здание? Для того, чтобы темничный страж пробудился и увидел совершившееся, так как он один был достоин спасения.

Здесь, прошу тебя, посмотри на обилие благодати Христовой. Говоря о Павловых узах, благовременно вспомнить о благодати Христовой, тем более, что самые узы составляют дело благодати Божьей. Некоторые осуждают за то, что спасен был темничный страж, тогда как в этом случае и должно бы подивиться человеколюбию Божьему. И неудивительно. Таково свойство (людей) немощных, что они порицают даже питательность пищи, которую следовало бы хвалить, и медь называют горьким. (Людей) больных глазами ослепляет свет, который должен бы был светит им, хотя это зависит не от естественного свойства света, но от немощи тех, которые неспособны пользоваться им, как должно. Что же они говорят? Тогда как следовало бы удивляться, что он (апостол) спас человека, впавшего в крайнее бедствие, и сделал его лучшим, – они говорят: каким образом (страж) не счел этого делом волшебства и чародейства, и еще более не стерег их и закричал на них? Но он при этом многое сообразил: во-первых, то, что слышал, как они воспевали Бога, – чародеи не стали бы петь таких песнопений, а он, сказано, слышал их воспевающих Бога (Деян. 16:25); во-вторых, то, что о не только не убежали, но и не допустили его убить себя. Если бы они для самих себя сделали это, то не оставались бы

темниц, но первые освободились бы сами. Велико и человеколюбие их: они воспрепятствовали умертвить себя тому, кто сказал их, как бы так говоря ему: ты весьма крепко стерег нас, заключивши во внутреннюю темницу и связавши тяжкими оковами, – для того, чтобы самому тебе освободиться от тягчайших уз. Каждый (человек) связан узами своих грехов. Эти последние узы достойны проклятий, а т (узы) – блаженные и заслуживающие того, чтобы их испрашивать великими молитвами. Апостол чувственным образом показал, как последние (вещественные) узы освобождают от первых (уз духовных). Ты видел, как они освободились от железных уз, которыми были связаны? Увидишь, что и ты сам разрешен от других тяжких уз. Эти узы, – разумею не Павловы, а узников, – происходят от греховных уз. В темнице были двоякого рода узники, и сам страж был узником. Те были связаны жезлом и грехами, а он – только грехами. Павел освободил их в удостоверение его, – так как узы были видимы. И Христос поступил также, или лучше – наоборот. Там было двоякое расслабление. Какое именно? Греховное и телесное. Что же он делает? "**Дерзай**", – говорит, – "**чадо! прощаются тебе грехи твои**" (Мф. 9:2). Сначала исцелил от расслабления душу, потом переходить и к телу. А именно, когда "**некоторые из книжников сказали сами в себе: Он богохульствует. Иисус же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите худое в сердцах ваших? ибо что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи? Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – тогда говорит расслабленному": встав, "возьми постель твою, и иди в дом твой**" (Мф. 9:4 – 6). Он подтвердил умственное чувственным, телесным доказал то, что относилось к душе. Для чего Он поступил так? Чтобы исполнилось сказанное: "**Твоими устами буду судить тебя, лукавый раб!**" (Лк. 19: 22). Что же (говорят) они? "**Никто кроме Бога не имеет власти прощать грехи**", т. е. ни ангел, ни архангел, ни другая сотворенная сила Вы сами признали это. Что же Ему должно было сказать? Если будет показано, что Я отпускаю грехи, то ясно, что Я – Бог? Но Он не сказал этого, а что? "**Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – тогда говорит расслабленному: встань, возьми постель твою, и иди в дом твой**". Итак, когда Я, говорить, сделаю более трудное, тогда, очевидно, уже не должно оставаться никакого неверия и спора о том, что гораздо легче. Потому-то и совершил Он прежде духовное исцеление, что много было противоречивших. А здесь (апостол) к чувственному пришел от умственного. Итак, вера (темничного стража) была не легкомысленна. Он видел узников и ничего не видел и не слышал худого от них. Он видел, что дело было совершено не посредством волшебства, – так как они воспевали Бога; видел в происходившем дело их великого человеколюбия, – так как они не мстили ему, хотя и могли. Они могли бы уйти (из темницы), освободив как самих себя, так и других узников, и если не узников, то, по крайней мере, самих себя; но не сделали этого. Итак он почувствовал уважение (к апостолу) не за чудо только, но и за самое его поведете. Как он (Павел) воскликнул? "**Не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь**". Видишь ли, как он, в самом деле, чужд тщеславия и гордости и какой исполнен любовью? Не сказал, что это случилось для нас, но точно один из узников говорит: "**ибо все мы здесь**". Между тем, если бы они (Павел и Сила) не прежде этого и не посредством чуда освободились, им надлежало бы молчать и освободить всех узников. А если бы они молчали и не остановили его рук громким воззванием, то (страж) пересек бы себе горло мечем. (Апостол) и потому сделал это воззвание, что был заключен в самое дальнее отделение темницы. Ты, говорить, поступил во вред себе, ввергнув во внутреннюю темницу тех, которые освободят тебя от опасности. Но они не подражали тому, что он делал. И если бы он умертвил себя, то все узники разбежались бы.

Ты видишь, что (апостолы) лучше захотели оставаться в узах, чем видеть погибель темничного стража. Потому он и размышлял сам с собою: если бы они были чародеи, то выпустили бы всех (других узников), и сами бы освободились от уз. Вероятно, многие и

из таких (людей) бывали ввергаемы в темницу. А удивился он потому, что хотя и часто принимал (к себе) чародеев, но не видел ничего подобного. Чародей не потряс бы оснований (темницы): этим можно разбудить стража и более затруднить для себя бегство. Но обратим, наконец, внимание на веру темничного стража. "**Он потребовал**", – сказано, – "**огня, вбежал в темницу и в трепете припал к Павлу и Силе, и, выведя их вон, сказал: государи мои! что мне делать, чтобы спастись?**" (Деян. 16:29, 30)? Он имел в руках огонь и меч и говорил: "**Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой**" (ст. 31). Чародеям несвойственно, говорить он, преподавать такое учение; в их словах нет и помину о демон. Видишь ли, как был он достоин спасения? Увидевши чудо и освободившись от страха он не забыл самого важного и при такой опасности заботился о спасении души и приступил к учителям так, как должно было приступить, – припал к их ногам. "**И проповедали слово Господнее ему и всем, бывшим в доме его. И, взяв их в тот час ночи, он омыл раны их и немедленно крестился сам и все домашние его**" (ст. 32, 33). Видишь ли пламенное рвете этого человека? Не отложил дела до времени, не сказал: „вот придет день, тогда увидим, подумаем", но с истинным усердием крестился сам и весь дом его. Он поступил не так, как поступают многие ныне, не обращая внимания на то, что и рабы, и жены, и дети их еще не освящены (крещением). Подражайте, молю вас, темничному стражу. Говорю это, не приказывая, а выражая свое желание. Что пользы в приказании, когда и желание не имеет силы? Да, – человек грубый, жестокий, живший вместе с тысячами злодеев, всегда имевший их пред глазами, вдруг сделался так сострадателен, так попечителен! "**Он омыл раны**" их, – сказано. Обрати опять внимание и на пламенную ревность Павла: после уз и бичевания он благоветвует. О, блаженные оковы! Какие порождения породили они в эту ночь! Каких чад родили! И о них можно сказать: их "**которых родил я в узах моих**" (Флм. 10). Видишь ли, как он (апостол) радуется, и как хочет этими (узами) придать больше достоинства рожденным чадам? Видишь ли, как велика слава уз, когда она озаряет своим Сиянием не только узника, но и рожденных им в это время? Рожденные Павлом в узах имеют нечто большее, не в отношении, говорю, к благодати, – благодать одна и та же, – и не в отношении к отпущению грехов, – и отпущение для всех одно то же, – но в том отношении, что с самого начала научаются радоваться и увеселяться такими подвигами. "**И, взяв их**", – сказано, – "**в тот час ночи, он омыл раны их и немедленно крестился сам**". Обрати внимание, наконец, и на плод. Он тотчас воздал им (за духовные блага) видимыми. "**И, приведя их в дом свой, предложил трапезу и возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога**" (ст. 34). И чего бы не сделал он, когда отворенные двери темницы отверзали ему небо? Он обмыл учителя, предложил ему трапезу и радовался сам. Оковы Павловы вошли в темницу и все находящееся здесь превратили в церковь, всех сделали телом Христовым, предложили духовную трапезу, и родили чад, которым радуются ангелы. Итак не правду ли я говорил, называя темницу светлее неба? Она ведь была причиной радости и для неба. Если о едином кающемся грешнике бывает радость на небесах, если где собраны двое во имя Христа, там и Он посреди их, – то тем более все это было здесь, где были и Павел, и Сила, и темничный страж, и весь его дом, и такая вера. Посмотри, в самом деле, какая твердость веры! Но эта темница напомнила мне другую темницу. Какую же? Ту, в которой был Петр. Но здесь не было ничего такого, – он был "**приказал четырем четверицам воинов стеречь его**" (Деян. 12:3), и не пел, не бодрствовал, но спал, и хотя не терпел ударов, однако опасность была более. Там уже все было сделано, – они уже потерпели наказание, – а здесь еще нет. Потому здесь хотя удары не причиняли боли, зато устрашало ожидание будущего. Но посмотри на чудо и здесь. "**И вот**", – сказано, – "**Ангел Господень предстал, и свет осиял темницу. Ангел, толкнув Петра в бок, пробудил его и сказал: встань скорее. И цепи упали с рук его**" (Деян. 12:7). Чтобы Петр не подумал, что совершившееся есть только действие света, (ангел) толкнул его. Никто не видел света, а только он, и считал это привидением. Так спящие не чувствуют благодеяний Божьих! "**И сказал ему**", – сказано,

– "**Ангел: опояшься и обуйся. Он сделал так. Потом говорит ему: надень одежду твою и иди за мною. Петр вышел и следовал за ним, не зная, что делаемое Ангелом было действительно, а думая, что видит видение. Пройдя первую и вторую стражу, они пришли к железным воротам, ведущим в город, которые сами собою отворились им: они вышли, и прошли одну улицу, и вдруг Ангела не стало с ним**" (Деян. 12:8, 9, 10).

Почему же здесь не было того, что было с Павлом и Силою? Потому что их намеревались разрешить от уз, – поэтому Бог и не восхотел освободить их так же, как Петра. Что же касается блаженного Петра, то ему назначена была смертная казнь. Что же, говорят, не большее ли было бы чудо, если бы он, взятый из темницы и преданный в руки царя, здесь без всякого вреда был избавлен от великих опасностей? В таком случай не погибли бы и воины. Здесь много непонятного. Каким образом, говорят, Бог спас Своего раба с наказанием и погибелью других? Что же нам отвечать на это? Во-первых, что (Бог) не желал погибели других; во-вторых, что это (гибель их) произошло не от того, что так было предопределено, а от жестокости судьи. Как? Бог расположил обстоятельства так, чтобы не только не погибли стражи, но и Петр спасся, – что видим мы и здесь в отношении к темничному стражу; но судья не воспользовался обстоятельствами, как следует. "**По наступлении дня**", – сказано, – "**между воинами сделалась большая тревога о том, что сделалось с Петром**" (Деян. 12:18). Что же потом? Ирод делает исследование о случившемся и, допросивши стражей, "**велел казнить их**" (ст. 19). Если бы он не допросил их, то имел бы некоторое извинение. Теперь же он потребовал их к суду, допросил, узнал, что (Петр) был в узах, что темница была крепка, что стражи стояли у дверей, стена не проломлена, дверь не отворена, и нет никакого другого признака злодеяния. После этого ему ничего более не оставалось, как удивляться силе Божьей, которая похитила (Петра) из среды этих опасностей, и поклоняться Тому, Кто мог совершить такое дело. Он же "велел казнить их". Как же после этого винить Бога? Если бы Он расторг стены и таким образом освободил (апостола), то можно было бы почесть это делом их небрежности. Если же, по устроению (Божьему), в случившемся было видно не человеческое злодеяние, а божественное чудотворение, то для чего он (судья) поступил так? Если бы (Петр) хотел убежать, то убежал бы, как был, – в оковах. Если бы хотел бежать от страха, то не показал бы такой предусмотрительности, не взял бы сандалий, а оставил их. В настоящем же случай и ангел говорит ему: "**Обуйся**", чтобы было известно, что, не как задумавший убежать, а очень спокойно он поступил здесь. Находясь в узах и между двумя воинами, он не имел бы столько досуга, чтобы разрешить узы, и будучи при том во внутреннем отделении темницы. Таким образом стражи наказаны по несправедливости судьи. Почему этого не сделали иудеи? Здесь я припоминаю другую темницу, – первую в Рим, вторую в Кесарии, настоящая же была в Иерусалим. Почему архиереи и фарисеи, когда услышали от посланных ими в темницу, чтобы вывести из нее Петра, что "**не нашли их в темнице**", но что двери заперты, и стражи стоят перед дверьми – не умертвили стражей, а "**недоумевали, что бы это значило**" (Деян. 5)? Если они, при всем желания умертвить их, не додумались ни до чего такого, то тем более должен был бы так поступить ты, – ты, который все делаешь в угоду им (фарисеям и книжникам). За это скоро и постигло его (судью) наказание. Если ты после того порицаешь (Бога), то порицай Его и за убийства на дорогах, за тысячи других несправедливых лишений жизни, и даже за детей, избитых ради Христа. Ведь и в их избиении, по твоим словам, должен быть виновен Христос. Но, на самом деле, (виною их смерти был) не Христос, а скорее безумие и жестокость Иродова отца. Если ты скажешь: почему же (Бог) не исхитил его из рук Ирода? – то и это Он мог сделать, но не было бы от того никакой пользы. Сколько раз и Христос уходил от их рук? Но принесло ли это какую-нибудь пользу неблагодарным? А здесь от совершившегося происходить большая польза верным. Когда при существовании памятников о каком-нибудь событии, оно подтверждается и врагами, тогда свидетельство не подлежит никакому сомнению. И вот

как там, так и здесь уста врагов заграждены ничем иным, как рассказом пришельцев о случившемся. Почему же темничный страж не сделал ничего такого, между тем как виденное им ничем не меньше того, что видел Ирод? Если обращать внимание на поразительность случившегося, то узнать, что узник вышел, когда двери были заперты, нисколько не меньше, чем видеть отворенные двери. Последнее скорее может показаться видением, а первое – нет, если о нем точно будет рассказано. Поэтому и он (страж), если бы был злой, убил бы Павла, как Ирод – воинов. Но он не был таков. Если бы мы захотели опровергнуть и тех, которые говорят: зачем Бог дозволил избить детей? – то наше к вам слово вышло бы из пределов, назначенных ему сначала. Теперь, воздавши великую благодарность узам Павловым за то, что они были для нас причиной стольких благ, в заключение нашего слова, просим вас не только не скорбеть, если кому придется потерпеть за Христа, но и радоваться, подобно апостолам, и хвалиться, подобно Павлу: "**И потому я гораздо охотнее**", – говорил он, – "**буду хвалиться своими немощами**" (2 Кор. 12:9). За это и сказано было ему: "**довольно для тебя благодати Моей**". Павел хвалится узами, – а ты превозносишься своим богатством? Апостолы радовались тому, что сподобились принять раны, – а ты ищешь неги и роскоши? Как же ты хочешь получить одинаковые с ними (блага), когда идешь совсем иным с ними путем? "**И вот, ныне**", – говорит (апостол), – "**я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святый по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня**" (Деян. 20:22, 23) Для чего же идёшь, если тебя ожидают узы и скорби? Именно для того, говорит, чтобы быть связанным за Христа, чтобы умереть за Него. Я готовь принять не только узы, но и смерть за имя Господа нашего Иисуса Христа.

Нет ничего блаженнее этой души! Чем он хвалится? Узами, скорбями, цепями, ранами. "**Я**", – говорит, – "**ношу язвы Господа Иисуса**" (Гал. 6:17), – как какой великий трофей, – "**на теле моем**"; и еще: "**ибо за надежду Израилеву**", – говорит, – "**обложен я этими узами**" (Деян. 28:20); еще: "**Для которого я исполняю посольство в узах**" (Еф. 6:20). Что же это значить? Как тебе не стыдно? Как ты не боялся, – после того, как претерпел узы, – обходить вселенную? Как не боялся того, что кто-нибудь назовет бессильным твоего Бога? Что поэтому иные не захотят иметь с тобою общения? Не таковы, отвечает он, мои узы. Они могут блистать даже в царских чертогах. "**Так что узы мои**", – говорит, – "**о Христе сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большей смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божье**" (Фил. 1:13,14). Видишь ли, что узы имеют более силы, чем воскресение мертвых? Они видели (апостола) в узах и получили еще более дерзновения. Ведь где узы, там должно совершиться нечто великое. Где скорбь, там непременно и спасение, там непременно успокоение, там наверное и великие дела. Так дьявол, когда хочет нанести удар, сам бывает поражен; когда связывает рабов Божьих, тогда еще более распространяется слово (Божье). И смотри, – это везде так бывает. Он был в узах, и вот что сделал в темнице: "в" самых "**узах**", – говорит, – "**моих**" (Фил. 1:7). Был скован в Рим, и там весьма многих обратил к вере. Это оттого, что не только сам он имел дерзновение, но и многие другие получали дерзновение через него Он был в узах в Иерусалиме, и проповедь узника изумила царя и привела в страх начальника. Устрашившись же, сказано, отпустил его, и связавший не устыдился принять от связаннаго учение о грядущем. В узах он совершал плавание, не погиб во время кораблекрушения и укротил бурю. Когда он был в узах, его коснулось ядовитое животное и, не причинив ему никакого вреда, отстало от него. Он был узником в Рим и, проповедуя в узах, привлек к себе тысячи, вместо всего предлагая (своим слушателям) это самое, т. е. узы.

Ныне нет случаев быть заключенным в оковы, но есть другого рода оковы, если того желаем. Какие же? Это – сдерживать руки, чтобы не быть склонным к любостяжанию. Свяжем этими оковами. Вместо железа пусть послужить нам страх Божий. Разрешим связанных бедностью и скорбью. Не одно и то же – отворить двери темницы и дать свободу душ человека, стесненного нуждой. Не одно и то же – разрешить оковы узников и "**отпустить измученных на свободу**" (Лк. 4:18). Последнее больше первого, потому что за то нет награды, а за это – бесчисленные. Длинны были Павловы оковы и долго задержали нас. И на самом деле они длинны, и прекраснее всякой золотой цепи. Эти оковы, наподобие какой-то машины, влекут узников своих на небо, и как бы какая золотая цепь, простирающаяся (до неба), увлекают на небо. И удивительно то, что, связывая узников долу, они влекут их горе. Не таково, впрочем, их естественное свойство. Потому, если Бог устраивает так, (как мы видели теперь), то здесь не на естественное свойство и порядок вещей обращай внимание, а на то, что выше и того и другого. Научимся же отсюда в скорбях не упадать духом и не печалиться. Посмотри, в самом деле, на этого блаженного. Он потерпел удары, и удары сильные: "**дав им**", – сказано, – "**много ударов**" (Деян. 16:23). Он был заключен в узы, и в узы крепкие: (страж) "**ввергнул**" его "**во внутреннюю темницу**" (ст. 24), и в темницу весьма прочную. Однако и в таких обстоятельствах, в полночь, – когда, под влиянием сна, этих сильнейших уз, спят даже те, которых усиленно будят, – они (Павел и Сила) пели и хвалили Господа. Что может быть тверже этих душ? Они знали, что и отроки пели в огне и в пещи. Быть может, они (Павел и Сила) думали: мы еще не потерпели ничего такого. Но слово, правильно развиваясь, привело нас еще и к другим узам, в другую темницу.

Что же делать? И хотелось бы умолкнуть, но не могу. Я нашел другую темницу, которая более удивляет и изумляет, чем эта. А вы воспряньте, как бы теперь только начиналось слово, и приникните к нему с оживленным вниманием. Хочу прервать слово, но не удается. Как пьющий человек не отрывается от чаши, что бы ему ни говорили, так и я, взявшись за чудную темничную чашу узников Христовых, не могу перестать, не могу умолкнуть. Если в самом деле он и в темнице, и ночью, и в ранах не молчал, – умолкну ли я, сидя днем, пользуясь для собеседования полным спокойствием, – умолкну ли, когда не дозволили себе молчать находившиеся в узах, битые палками, в полночь?

Отроки не молчали в пещи и в огне: не стыдно ли будет нам молчать? Итак посмотрим и ату темницу. И здесь били заключены в узы, но тотчас в самом начале оказалось, что они должны не сгореть, а как бы войти в темницу. Для чего (иначе) ты и связываешь тех, которые должны быть сожжены? Они были связаны, как Павел, и по рукам и по ногам, связаны с такой же жестокостью; и он (Навуходоносор) вверг их во внутреннюю темницу и потом повелел сильно разжечь печь. Но посмотрим на последовавшее за тем. Когда пели те (Павел и Сила), поколебалась темница и отворились двери. Когда пели и эти (отроки), оковы спали с их рук и ног, отворилась темница, и открылись отверстия печи, – потому что шумно врывалась роса духа (Дан. 3:8). Но мне представляется такое множество предметов, что я не знаю, о чем говорить прежде, о чем – после: потому прошу не требовать от меня порядка. И в том и другом событии много сродного между собою. Те, которые были вместе с ними (Павлом и Силою) в узах, освободились от уз и, однако, спали. Здесь же вместо этого было нечто другое: сгорели ввергнувшие их в печь. Но я хотел сказать, что царь увидел их свободными от уз и поклонился им (Дан. 3:95); услышал их пение, увидел четырех ходящих и позвал их. Итак, подобно Павлу, который мог, но не вышел из темницы, пока не позвал и не вывел его тот, кто заключил в нее, и три отрока не вышли, пока царь не повелел им выйти. Чему же мы научаемся отсюда? Не спешить на страдания, не торопиться принимать скорби и не оставаться в них; когда нас освобождают от них. Царь поклонился им; мог бы и войти туда, где были святые, но, подошедши к отверстию, остановился: он не осмелился войти внутрь темницы, в которой приготовил

для них сожжете. И замечай слова. Тот сказал: "**Господи, что мне делать, чтобы спастись?**" Этот, хотя не с таким смиренномудрием, однако сказал не менее приятные слова: "**Седрах, Мисах и Авденаго, рабы Бога Всевышнего! выйдите и подойдите!**" (Дан. 3:93). Великая честь! "**рабы Бога Всевышнего! выйдите и подойдите!**". Как они выйдут, царь, когда ты бросил их связанными в огонь, когда они уже столько времени находятся в огне? Даже если бы они были адамантовыми, если бы состояли из металла, и тогда не погибли ли бы в продолжение того времени, как пели весь свой гимн? Но потому они и спаслись, что пели. Огонь убоялся их радости, убоялся и их удивительной песни, их гимна. Как же ты зовешь их? „Я предварительно сказал: "**рабы Бога Всевышнего!**", потому что рабам Божьим все возможно. Если бывают и у людей такие слуги, которые в делах своих господ не меньше имеют силы и власти, не меньше распоряжаются, чем сами господа, то тем более это возможно для рабов Божьих". Это – приятнейшие для них слова. Царь знал, что этими словами он доставить им особенное удовольствие. В самом деле, если они пошли в огонь для того, чтобы остаться рабами Божьими, то для них никакие другие слова не были приятнее этих. Если бы он назвал их царями, владыками вселенной, то не обрадовал бы так, как обрадовал, сказавши: "**выйдите и подойдите**". И что удивительного? Павел, когда писал к великому городу, владевшему вселенной, и гордившемуся своими достоинствами, противопоставил это (достоинство раба Божия), как равное его достоинству, даже как много, несравненно большее и консульства, и царства, и владычества над вселенной: он написал: "**Павел, раб Иисуса Христа**" (Рим. 1:1). "**Рабы Бога Всевышнего!**". Если они, говорить (царь), столько стараются о том, чтобы быть рабами, то убедим их в этом вполне. Теперь посмотри на благодушие отроков. Они не вознегодовали, не прогневались, не противоречили, а вышли. Если бы они считали обидой то, что были брошены в печь, то негодовали бы на бросившего. Здесь же мы не видим ничего такого: они вышли (из печи) так, как бы сходили с самого неба. Не погрешит тот, кто сказал бы о них то же, что сказал пророк о солнце: "**выходит, как жених из брачного чертога своего**" (Пс. 18:5). Почему? Потому, что они исходили тогда с большей славой, чем исходить солнце. Солнце является для озарение земли чувственным светом, а они освещают ее иначе, т. е. духовно. Ради их царь тотчас послал предписание в таких словах: "**Знамения и чудеса, какие совершил надо мною Всевышний Бог, угодно мне возвестить вам. Как велики и как могущественны!**" (Дан. 3:99). Таким образом, они вышли (из огня), распространяя от себя самые светлые лучи, которыми озарились и самые страны, и которые должны были посредством царских указов распространиться везде и рассеют повсюдный мрак. "**выйдите и подойдите**". Не повелел он погасить пещи, – и такой уверенностью, что они могут не только ходить внутри ее, но и выйти из нее, несмотря на ее жгучий пламень, он сделал им особенную честь.

Но посмотрим, если угодно, и на слова темничного стража. "Господи, что мне сделать, чтобы спастись"? Что приятнее этих слов? Они заставляют ликовать самих ангелов. Для того, чтобы услышать такие слова, сделался рабом Единородный (Сын) Божий. Эти же слова говорили Петру первые верующие: что нам делать, чтобы спастись? Что же он сказал? "**Уверуйте и креститесь**" (Деян. 2:33). Из-за желания спасения и послушания иудеев, Павел охотно низринулся бы и в геенну, чтобы услышать от них такие слова. И смотри: ничего не требует себе, а все предоставляет им. Но посмотрим на последующее. Царь не говорить: да спасусь; но сильнее всяких слов то, что он учить (других). Он тотчас же делается проповедником. Не нуждается в оглашении, как темничный страж. Но что? Прославляет Бога и исповедует Его силу. „Я вполне вижу, что Бог ваш есть Бог богов и Господь господ, – что Он послал ангела своего и извлек вас из пещи". И что далее? Не один страж, но многие оглашаются царским посланием, зная совершившееся. Что царь не мог обманывать, это, конечно, очевидно для всякого. Он не захотел бы засвидетельствовать этого о пленниках и тем унизить образ своих действий. Он не захотел

бы принять на себя бесславия за такое безумие, – так что если бы истина не была весьма очевидна, он не написал бы такого указа, тем более, что тут так много было свидетелей. Видите ли, какова сила уз? Какова сила песнопения во время скорби? Они от гонения не предались унынию, не упали духом, но тогда-то особенно и были бодры, тогда-то особенно и благодушествовали. И справедливо так поступали они. Остается еще одно: почему в темнице узники были освобождены, а в пещи сожжены служители казни, тогда как надлежало бы потерпеть это царю? Ведь не столько согрешили те, которые их заключали в оковы и ввергали в пещь, сколько тот, кто приказывал это сделать. Итак, почему же они погибли? Здесь нет надобности говорить много (чтобы объяснить дело). (Погибли) потому, что были нечестивы. Для того это так было устроено, чтобы очевидна была сила огня и большее было чудо. Если в самом деле огонь пожрал с такой силою тех, которые были вне пещи, то как он оставил невредимыми тех, которые находились в самой пещи? (Это произошло так для того) чтобы очевиднее была сила Божья. И пусть никто не удивляется, что я сопоставил царя с темничным стражем: он поступил одинаково с последним. Царь не был славнее стража: оба одинаково получили пользу. Но праведники, как я говорил, тогда-то особенно и бывают бодры духом, когда находятся в скорби, когда бывают в оковах, потому что страдать за Христа – приятнее всякого удовольствия. Хотите ли я напомню вам еще о другой темнице? Нам необходимо от этих уз перейти к другой темнице. К какой же вы хотите? К той ли, в которую заключен был Иеремия? Или к темнице Иосифа? Или – Иоанна? Благодарение узам Павленым: как много они указали нам темниц! Хотите ли слышать о темнице, в которую был заключен Иоанн? И он был некогда в узах за Христа и за (Тожественный закон. Что же он? Оставался ли в заключении праздным? Не отсюда ли из этого заключения, он послал учеников своих, сказав им: пойдите, скажите Христу: "**Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?**" (Мф. 11:3). И находясь там, он поучал других, не был нерадив. А Иеремия, исполняя свой долг, не предрек ли (в темнице) о вавилонском пленении? А Иосиф? Не был ли в заключении тринадцать лет? Однако ж, и тут (в темнице) не забыл о добродетели. Скажем еще об одних узах и окончим наше слово. Был в узах и Владыка наш, разрешивший вселенную от грехов; были связаны руки, сделавшия бесчисленное множество добра: связавше, сказано, – "**отвели Его к Каиафе**" (Мф. 26:57). Был в узах Тот, Кто совершил столько чудесь. Размышляя об этом, не будем никогда скорбеть, но и в узах будем радоваться. Мы, и без оков, все же как бы связаны. Видишь ли, какое благо – узы? Зная все это, вознесем за все благодарение Богу, во Христе Иисусе, Господе нашем.

БЕСЕДА 9

"Итак я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство духа в союзе мира" (Еф. 4:1 – 4).

1. В этих словах открыта для нас великая и более (всяких) отличий блистательная сила Павловых уз. И (Павел) не напрасно, как кажется, и не без цели показывает эту силу, но чтобы ею более пристыдить их. Что он говорить? "**Итак, я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны**". Как (ходить)? "**Со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг к другу любовью**". Значит, хорошо быть узником, но не просто, а ради Христа; потому он и сказал: "**узник в Господе**", т. е. ради Христа. С этим ничто не может сравниться! Но узы (Павла), отвлекая нас от настоящего предмета речи, привлекают (к себе), и, будучи не в силах противиться этому влечению, мы говорим о них как бы невольно, а вернее – и с охотой и с молитвой. О, если бы всегда можно было беседовать об этих узах! Но будьте терпеливы: я хочу сказать еще о том, что бывает предметом внимания у многих, и о чем говорят так: если скорби благое дело, то как же он, защищаясь пред Агриппою, сказал: "**молил бы я Бога,**

чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме этих уз" (Деян. 26: 29)? Он так говорил не потому, что считал скорби унизительным для себя делом, – нет; если бы это было так, если бы в самом деле они были унизительны, то он не похвалился бы ни узами, ни заключением под стражу, ни другими бедствиями, и не сказал бы: "**я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами**" (2 Кор. 12:9). Что же это значить? То, что он считал великим делом узничество. Но как к Коринфянам писал: "**Я питал вас молоком, а не твердой пищей, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах**" (1 Кор. 3: 2), так и здесь (случилось, что) не могли слушать его учения о красоте, величии и пользе узничества: потому он и сказал: "**кроме этих уз**". Напротив к Евреям он писал не так, а советовал им разделять узы с узниками. Поэтому и сам радовался за узы, отдавался в оковы и с узниками был отводим под стражу. Велика сила Павловых уз! Вместо всех зрелищ довольно одного этого – видеть Павла связанным и ведомым из темницы. Что может быть выше удовольствия видеть его в узах и сидящим в темнице? Как оценить мне это удовольствие?

Не видите ли вы царей и консулов, едущих на колесницах, убранных в золото, и их телохранителей, также имеющих на себе все золотое, – золотые копья, золотые щиты, золотом убранную одежду, в золотых попонах коней? Но сколько первое зрелище приятнее последнего! Я бы желал лучше однажды взглянуть на Павла, с узниками выходящего из темницы, нежели тысячи раз видеть этих людей в сопровождении их копьеносцев. Сколько ангелов, думаете вы, предшествовало (Павлу), когда таким образом выводили его? Что я не лгу, это может подтвердить вам пример из древней истории. Елисей пророк, которого вы, быть может, знаете, во время войны сирийского царя с израильским, сидя дома, открывал придворные совещания царя сирийского со своими советниками и делал безуспешными его действия, наперед высказывая его тайные намерения, и таким образом не допускал (израильтян) впадать в те сети, которые расставлял им этот царь. Это беспокоило и устрашало последнего, и он был в большом недоумении оттого, что не знал, кто обнаруживает все его мысли, следить за ним и делает безуспешными его замыслы. Но когда царь находился в этом неведении и старался узнать причину (неуспешности своих предприятий), один из телохранителей сказал ему, что в Самарии живет пророк, по имени Елисей, и что он-то и разрушает планы царя тем, что открывает их. Царь думал, что он все узнал, но на самом деле ничто не могло быть печальнее его положения. Смотри в самом деле: вместо того, чтобы почтить этого человека, удивляться ему и устрашиться той силы, по которой он, находясь на таком большом расстоянии, знает, без чьей бы то пи было передачи, все тайные планы царя, – вместо этого он приходить в раздражение и, увлекаясь только гневом, собирает всадников и воинов и посылает их схватить пророка. У Елисея был ученик, который находился еще, так сказать, в преддверии пророчества и не удостоился таких откровений (какие получал его учитель). Явились воины царя, чтобы связать пророка. Опять встречаемся с узами! Что мне делать? Отовсюду они вплетаются в нашу речь. Увидев множество войска, ученик испугался и, дрожа от страха, прибежал к учителю с известием об этом, по его мнению, несчастии и говорил, что им угрожает неизбежная опасность. Пророк усмехнулся тому, что (ученик его) устрашился того, что не было страшно, и советовал ему ободриться; но последний, как еще несовершенный, не убедился его словами и пораженный тем, что видел, все еще трепетал. Что же пророк? "**Господи!**" – говорит он, – "**открой ему глаза, чтоб он увидел**", что на нашей стороне больше, чем на их. И вдруг видит он: вся гора, на которой жил пророк, наполнена огненными конями и колесницами (4 Цар. 6:17). А это было не что иное, как воинство ангельское.

2. Если Елисея, для такого только случая, окружало воинство ангельское, то что сказать о Павле? Пророк Давид говорит: "**Ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его**"

(Пс. 33:8), и еще: "**На руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногой твоей**" (Пс. 90:12). Но что я говорю об ангелах? Сам Владыка был с ним, когда он выходил (из темницы). Его не видал и Авраам. Он не был и с Авраамом; но (теперь) Он сам дал обетование: "**Я с вами во все дни до скончания века**" (Мф. 28:20). Явившись Павлу, сказал: "**Не бойся, но говори и не умолкай, ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла**" (Деян. 18:9,10). И во сне Он явился ему и сказал: "**Поспеши и выйди скорее из Иерусалима, потому что здесь не примут твоего свидетельства обо Мне**" (Деян. 22:11). Так дивные святые и всегда исполнены великой благодати, а особенно тогда, когда подвергаются опасности за Христа, когда делаются узниками (за Него). Как на доблестного воина приятно смотреть и во всякое время, а особенно, когда он стоить и сражается подле самого царя, так представляй себе и Павла, которого можно было видеть учащим и в узах. Здесь расскажу то, что, между прочим, пришло теперь мне на мысль. И блаженный мученик Вавила был в узах за то же, за что и Иоанн, – за обличение царя в беззаконии, и, умирая, приказал положить эти узы вместе со своим телом, похоронить себя в узах, и теперь оковы лежат вместе с прахом: такова была любовь его к узам ради Христа! "**в железо вошла душа его**" (Пс. 104:18), сказал пророк об Иосифе. Да и женщинам случалось испытать узничество. А мы не хотим связать самих себя! Я советую принять не это (узничество Павлово), – так как теперь не такое время, – но ты, не связывая рук, свяжи свой ум. Есть и еще узы, и кто не носить одних, понесет другие. Слушай, что говорить Христос: "**Связав ему руки и ноги**" (Мф. 22:13). Чтобы не подвергнуться этому узничеству, возложим на себя те узы. Потому (Павел) и сказал: "**Итак, я, узник в Господе, умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны**". И опять: глава у нас Христос. Он совоскресил и спосадил нас на небесных, несмотря на то, что мы так враждебны Ему и сделали столько зла. Велико это звание и к великому (направлено оно)! Велико не потому только, что (Он призвал нас) из такого состояния, но и потому, что призвал на такие дела и таким образом.

Как же достойно ходить (этого звания)? "**Со всяким смиренномудрием**". Кто таков, тот достойно проходить (это звание): смиренномудрие есть основание всякой добродетели. Если ты имеешь смирение и помнишь, кто ты и как спасен, то воспоминание об этом служите для тебя побуждением к добродетели. Ты не станешь гордиться ни узами, ни даже тем, что я сказал; но, зная, что все у тебя есть дар благодати, будешь смиряться. Смиренный человек может быть слугой, помнящим благодеяния и признательным за них. "**Что ты имеешь**", – говорит, – "**чего бы не получил?**" (1 Кор. 4:7)? Послушай и еще, что он говорит: "**но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божья, которая со мною**" (1 Кор. 15:10). "**Со всяким**", – говорит, – "**смиренномудрием**", – т. е. не в словах и не в делах только, но и в наружных приемах и в тоне речи. Не обращайся с одним смиренно, а с другим дерзко; сохраняй смирение со всяким, друг ли он твой, или враг, знатный, или ничтожный человек: в этом состоит смирение. Также и в других делах наблюдай смирение, потому что Христос говорит: "**Блаженны нищие духом**", – и это (блаженство) ставить прежде других, Потому-то (апостол) и скапали: "**со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением**". В ином есть смирение, но он горяч и раздражителен: тогда смирение не приносит ему пользы; часто, под влиянием гнева, он все теряет. "**Снисходя**", – говорит, – "**друг ко другу любовью**". Как можно терпеть тому, кто раздражителен и клеветник? (Апостол) указал способ: "**любовью**", – говорит он. Если у тебя нет терпения по отношению к твоему ближнему, то как будет терпеть тебя Бог? Если ты нетерпелив пред своим сорабом, то как потерпит тебя Владыка? Где есть любовь, там все можно перенести. "**Стараясь**", – говорит, – "**сохранять единство духа в союзе мира**". Свяжи свои руки узами кротости. Так светлое слово – узы – опять нас озарило; мы оставили его, а оно опять пришло к нам. Хороши и те узы, хороши и эти; но первые – плод последних. Соедини себя с братом: все легко для людей, связанных между собою узами любви. Привяжи себя к нему и его к себе: тогда ты будешь господином не над собою

только, но и над другим, сможешь сделать другом своим всякого, кого захочешь. Благодушно "**стараясь**": дает разуметь, что это дело не простое и не случайное. "**Стараясь**", – говорит, – "**сохранять единство духа**".

3. Что такое единение духа? Как в теле душа все объемлет и сообщает какое-то единство разнообразно, происходящему от различия членов телесных, так и здесь. Но душа дана еще и для того, чтобы объединять (людей), неодинаковых между собою по происхождению и по образу жизни. Старец и юноша, бедный и богатый, отрок и взрослый, муж и жена, и всякое существо, одаренное душой, есть что-то единое и – это единство более единства телесного. Первое сродство выше последнего, (духовное) единство совершеннее. Союз духовный тем совершеннее, чем проще и однообразнее. А как он сохраняется? "**В союзе мира**". Его нет там, где вражда и разделение. "**Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы? и не по человеческому ли обычаю поступаете?**" (1 Кор. 3:3)? – Как огонь, попадая на сухие деревья, обращает их в один горящий костер, а над влажными не оказывает никакого действия и не соединяет их между собою, – так бывает и здесь: холодность душевная не способствует к соединению, а большей частью теплота. Отсюда происходить и теплота любви. (Апостол) хочет соединить всех нас узами любви. Подобно тому, – говорит он, – как, желая привязать самого себя к другому человеку, ты не иначе можешь сделать это, как, привязавши его к себе самому, и если желаешь сделать этот союз взаимным, нужна его привязанность к тебе, – так и здесь он хочет того чтобы мы связаны были между собою не одним миром, но одной любовью, но чтобы у всех была одна душа. Это – прекрасные узы: этими узами мы соединяемся и между собою и с Богом. Эти узы не обременяют и не стесняют связанных ими рук, напротив дают им большую свободу, открывают им большее пространство для деятельности и делают узников веселее, чем бывают не связанные. Сильный, находясь в союзе со слабым, укрепляет его и не допускает до погибели, а беззаботного он возбуждает к деятельности. "**Брат от брата помогаем**", – говорит (Премудрый), – "**яко град тверд**". Этого союза не может нарушить ни расстояние, ни небо, ни земля, ни смерть, ни что другое; он выше и сильнее всего. Проистекая из единства души, он в одно и то же время может обнимать многих. Слушай, что говорить Павел: "**Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно. В равное возмездие, – говорю, как детям, – распространитесь и вы**" (2 Кор. 6:12,13). Что разрушает этот союз? Сребролюбие, властолюбие, честолюбие и многое другое ослабляет и разделяет членов этого союза. Как же устранить этот разрыв? Если не будет этих (страстей), не будет и препятствий для любви. Вот что говорить Христос: когда умножится беззаконие, "**во многих охладеет любовь**" (Мф. 24:12). Ничто столько не противодействуете любви, как грех, – я разумею не только любовь к Богу, но и к ближнему. Как же, спросят, разбойники живут между собой мирно? Но, скажи мне, когда? Во всяком случае, когда они не ведут разбойнической жизни. Но если они не соблюдают справедливости в разделе добычи и не отдают каждому законной части, то и их видишь во вражде и войне между собою. Так нельзя найти мира там, где злодеяние; но всегда можно найти его там, где живут справедливо и добродетельно. Что еще? Соперники живут ли между собою мирно? Вовсе нет! На кого же прикажешь указать мне? Скупой со скупым никогда не могут иметь мирных отношений. Если бы они были справедливы и уступчивы и не оказывали несправедливости друг другу, то и не было бы этого рода людей. Как два диких голодных зверя, за недостатком добычи, пожирают друг друга, так бывает в обществе (людей) скупых и злых. Таким образом, без добродетели не может быть мира. Составим, если угодно, целое общество из людей любостяжательных, пусть будут все они пользоваться равенством чести, никто не будет их обижать, а они сами будут несправедливы друг к другу: может ли существовать такое общество? Совсем нет! Живут ли мирно любодейцы? Не найдешь и двух согласных между собою. И причина опять та же – охлаждение а охлаждение любви следствие умножения беззакония. Оно ведет к

себялюбию, оно разрывает и рассекает тело, ослабляет и разрушает его. Напротив, от добродетели происходят совершенно противные действия. Добродетельный человек выше денег. Если бы бесчисленное множество (людей) жило в бедности, они могли бы оставаться в мире между собою. А скупцов, хотя бы сошлось только двое, они никогда не могут сохранять мирных отношений друг к другу.

4. Итак, если в нас есть добродетель, то любовь не погибнет, потому что добродетель от любви, а любовь от добродетели. Объясню – каким образом. Добродетельный человек не предпочитает денег дружбе, он не помнить зла, не оказывает несправедливости ближнему, не наносить ему обид и сам все переносить великодушно. Из этого состоит любовь. Опять, кто любит, тот имеет все эти (качества). Таким образом одно созидается другим. Отсюда видно, что любовь от добродетели, – на что и указывал (Господь), когда говорил: когда умножится беззаконие, "**во многих охладеет любовь**". А что добродетель от любви, об этом говорить (апостол): "**любящий другого исполнил закон**" (Рим. 13:8). Потому необходимо быть одному из двух: или сильно любить и быть любимым, или быть в высшей степени добродетельным. Кто имеет одно, у того необходимо есть и другое; и наоборот, не имеющий любви делает зло, и делающий зло не знает любви. Будем же стремиться приобрести любовь: она предохранить нас от зла. Свяжем себя (узами любви). Пусть не будет у нас ни обмана, ни лукавства. Ничего этого нет там, где есть дружба. Об этом так сказал некий мудрец: "**Если ты на друга извлек меч, не отчаивайся, ибо возможно возвращение дружбы. Если ты открыл уста против друга, не бойся, ибо возможно примирение. Только поношение, гордость, обнаружение тайны и коварное злодейство могут отогнать всякого друга**" (Сир. 22:23 – 25). Раскрытие тайны, говорит, удаляет его. Впрочем, если все мы будем дружно жить между собою, то не будет нужды и в тайнах. Как никто не имеет тайны от себя и ничего не может скрывать от самого себя, так – и от друзей. А когда не будет тайн, не возможен будет и разрыв из-за них. Тайны у нас – следствие того, что мы не можем положиться на верность каждого; тайны – плод охлаждения любви. В самом деле, какая может быть у тебя тайна? Хочешь несправедливо поступить со своим ближним? Или – воспрепятствовать ему в получении какого-нибудь блага, и потому скрываешься от него? Или этого ничего нет, но ты стыдишься (высказаться)? А это не признак ли того, что ты не доверяешь ему? При любви не будет ни измены тайне, ни порицания ее. В самом деле, скажи мне, кто и когда поносит сам себя? А если это и бывает, то для пользы. Мы делаем выговоры и детям для того, чтоб исправить их. И когда Христос укорял города (Хоразин и Вифсаиду), говоря: "**Горе тебе Хоразин! горе тебе Вифсаидо!**", – то (делал это для того), чтоб избавить их от бесславия. Ничто ведь не имеет такого влияния на душу, ничто столько не способно восстановить ее и исправить ее непостоянство (как обличение). И мы не без намерения обличаем друг друга. В самом деле, за что ты станешь укорять ближнего? За деньги? Не станешь, если свое собственное считаешь общим достоянием. За грехи? Но это не укор, а скорее исправление. "**Коварное злодейство**", – сказано. Что же, станет ли кто губить и узвлять себя самого? Никто. Итак, будем стремиться к любви. Не просто сказано: возлюбим, но будем гнаться (за любовью), т. е. должно употребить большие усилия. (Любовь) скоро исчезает, быстро уходить от нас: так много препятствий встречает она для себя в этой жизни. Если мы гонимся за ней, то она не будет так поспешно оставлять нас, и мы скоро ее привлечем. Любовь Божья соединила небо с землей; любовь Божья посадила человека на царский престол; любовь Божья явила Бога на земли; любовь Божья сделала Владыку рабом; любовь Божья предала Возлюбленного за врагов, Сына за ненавистников, Владыку за рабов, Бога за людей, Свободного за невольников. Но и этим она не ограничилась, а призвала нас еще, к большему. Не только освободила нас от прежнего зла, но и обетовала нам даровать гораздо большее благо. Возблагодарив за все это Бога, постараемся стяжать всякую добродетель, а более всего будем преуспевать в любви, чтоб удостоиться обетованных благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с

Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 10

"Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания" (Еф. 4:4).

1. Когда блаженный Павел желает расположить (христиан) к чему-нибудь особенно высокому, то, будучи исполнен мудрости и духовности, он побуждает к этому предметами небесными – примером самого Господа. Так в одном месте он говорит: "**И живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас**" (Еф. 5:2), и еще: "**Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божьим, не почитал хищением быть равным Богу**" (Фил. 2:5, 6). Точно также поступает и здесь. Когда бывают указаны великие примеры, у человека рождается сильная ревность и желание (подражать им). Итак, что же он говорить, побуждая нас к единению? "**Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение**" (ст. 4, 5). Что же такое "**одно тело**"? Верные всех месть вселенной, живущие, жившие и имеющие жить. Угодившие (Богу) до пришествия Христова тоже составляют одно тело. Почему? Потому, что и они познали Христа. Откуда это видно? "**Авраам, отец ваш**", – сказано, – "**рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался**" (Иоан. 8:56); еще: "**Ибо если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне, потому что он писал обо Мне**" (5:46). Действительно, не стали бы писать о том, о ком не знали, что сказать. Если же знали, то без сомнения и почитали. Потому-то и они составляют одно тело. Тело не отделяется от духа, иначе оно не было бы телом, – потому что у нас о предметах, соединяемых между собою и имеющих большую связь, обыкновенно говорится: одно тело. Так точно и сами мы в соединении составляем одно тело, при одной главе. При единстве же того и другого, тело хотя состоит и из разных членов, важных и неважных, однако ни лучший из них не вооружается против члена ничтожного, ни первый не подвергается зависти со стороны последнего. И хотя не все (члены) имеют одинаковое отправление, а каждый подчиняется определенному требованию необходимости, однако, поэтому самому, – что все совершается ими по необходимости, или по требованию различных нужд, – все они равно достойны уважения. Впрочем есть между ними одни высшие, а другие низшие, как напр., голова господствует над всем телом, в ней заключаются все чувства и самое господство души, – вследствие чего без головы никому нельзя жить, тогда как, по отсечении ног, многие надолго еще остаются в живых. Таким образом, голова лучше прочих (членов) не только по своему положению, но и по своей деятельности и значению. Но для чего я говорю об этом? И в Церкви много есть таких, которые достигли такой же высоты, как и голова, созерцают небесное, как глаза в голове, весьма удалены от земли и не имеют ничего общего с ней. Иные же занимают место ног, попирая землю, – ног, впрочем, здоровых. Ведь ногам вменяется в преступление не то, что они попирают землю, а то, что они уклоняются на путь нечестия, что "**Ноги их**", – как сказано, – "**бегут ко злу**" (Ис. 59:7). Итак, ни глаза но должны презирать ног, ни ноги завидовать глазам. В противном случае, каждый член теряет собственное достоинство, и надлежащее употребление его бывает затруднительно. И справедливо: злоумышляющий на ближнего своего тем самым, прежде всего, злоумышляет на себя самого. Так, если ноги не захотят носить головы, когда нужно бывает передвижение с одного места на другое, то своей недеятельностью и неподвижностью они вредят и себе самим. Равным образом, если бы и голова не захотела иметь никакого попечения о ногах, то этим она, прежде всего, повредила бы себе самой. Но он (т. е. голова и ноги), как и следует, не враждебны друг другу, потому что так устроены природой. Каким же образом человеку можно не восставать против человека? Никто (скажешь) не восстает против ангелов, так как и они не восстают против

архангелов; животные также не могут одержать верх надо мной; а где природа одинакового достоинства, где одинаковые дарования и никто не имеет более другого, – почему же нельзя восставать одному против другого? Но это-то самое и не дает тебе права восставать против ближнего. Если все общее, и ни один против другого не имеет ничего большого, то на каком основании можно превозноситься одному пред другим? Мы наделены одинаковой природой, сходны по душ и по телу, дышим одним и тем же воздухом и употребляем одинаковую пищу: почему же будем восставать (друг против друга)? Правда, возможность через добродетельную жизнь стать выше бесплотных сил может вести к высокому мнению о себе; но это еще не было бы высокомерием. Ведь я по праву ставлю себя высоко и очень высоко в сравнении с демоном. Смотри, каким образом и Павел ставил себя выше демона. Когда много удивительного говорил о нем демон, то он заставлял его молчать, не поддаваясь обольстителю. Так, когда отроковица, имевшая дух пытлив, говорила: "**Сии человеки – рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения**" (Деян. 16:17), – он, после строгого воспрещения, связал ему его бесстыдный язык. И еще в другом месте он же пишет следующие слова: "**Бог же мира сокрушит сатану под ногами вашими вскоре**" (Рим. 16:19). Не следствие ли это различия природы?

2. Разве ты не видишь, что значение имеет не различие природы, а свободная воля? Следовательно по свободной воле они (демоны) хуже всех. Но против ангела, ты говоришь, я не восстаю, потому что между мною и им большое расстояние.

Но также ты не должен восставать и против человека, как и против ангела. Как ангел отличен от тебя по природе, что, впрочем, не должно служить для него ни похвалою, ни охуждением, так и человеке отличается от другого человека не по природе, но по внутреннему настроению и делается между людьми ангелом. Поэтому, если не вооружаешься против ангелов, то тем более (ты не должен вооружаться) против людей, которые в человеческой природе делаются ангелами. При том человеке так же добродетельный, как ангел, для тебя гораздо лучше ангела. Почему? Потому, что он собственной волей исправил свою природу, и еще потому, что ангел удален от тебя местом и обитает на небе, а тот живет с тобой и возбуждает в тебе соревнование. Впрочем, и он далек от тебя – даже более, чем тот: "**Наше же жительство**", – говорит, – "**на небесах**" (Фил. 3:20). А (чтобы убедиться тебе) что он, действительно, далек от тебя, – выслушай, где обитает его глава: на троне царственном, говорить он. Но чем дальше от нас этот трон, тем далее и он от нас. Но ты говоришь: я вижу, что он пользуется честью и это производить во мне зависть. Зависть-то и была причиной бесчисленных беспорядков во всем творении и горнем и дольнем, и не только на земле, но и в самой Церкви. Как бурный и противный ветер, устремляясь к спокойной пристани, делает ее опаснее всякой скалы и всякого плавания на море, так точно и любовь к славе, овладевая (человеком), все разрушает и приводит в беспорядок. Вы часто бывали при пожаре больших домов. Видали, как дым поднимается к небу, и как огонь, мало-помалу, истребляет все, потому что никто не заботится о том, как бы прекратить несчастье, а каждый думает только о себе. Нередко сходится целый город, собирается множество народа посмотреть на бедствие; но защиты и помощи нет ни от кого. Можно при этом видеть, как собравшиеся ничего не делают; каждый из них только протягиваете руку, чтобы указать вновь туда пришедшему или на то, как пламя постоянно исторгается из окон, или как обваливаются потолки, и целые стены падают со своих оснований на землю. Бывает, впрочем, много людей смелых и небоящихся опасности, которые не страшатся ближе подходить к горящим зданиям, но не для того, чтобы содействовать прекращению бедствия, а чтобы более насладиться зрелищем, и вблизи рассмотреть все, чего издали часто не видно. Если же это бедствие постигло дом знаменитый и великолепный, то, кажется, зрелище достойно особенного сожаления и больших слез. В самом деле, печальное зрелище –

видеть, как главы колонны превращаются в пепел, как многие из них разбиваются в дребезги, иные от действия огня, а другие собственными руками своих строителей (делающих это для того), чтобы не дать большей пищи огню; (печальное зрелище) – видеть статуи, служившие, под защитой кровли, украшением здания, после падения кровли, без защиты, стоящими под открытым небом, в крайне безобразном вид. Еще что? Кто исчислит богатство, заключавшееся в этих зданиях, – золотые одежды и серебряные сосуды? И куда входил только один господин с своей супругой, где была кладовая для многочисленных, одежды и ароматов, где было хранилище драгоценных камней, – всюду, как скоро начался пожар, проникают банщики, мусорщики, бродяги и все другие им подобные. И вот все, что ни находилось внутри, превратилось в воду, огонь, грязь, пыль и обожженные бревна. Но зачем я так широко раскинул пред вами эту картину? Не просто пожар дома хочу я описывать, – что мне за нужда в этом? – а хочу представить вашему взору, насколько возможно, бедствия Церкви. В самом деле, точно пожар какой, или молния, несясь с высоты, ринулась на самый кров Церкви, и между тем это никого не трогает! Когда горит отцовский дом, мы спим глубоким и непробудным сном. Кого не коснулся этот пламень? Каких изображений, стоявших в Церкви, не тронул он? И подлинно, Церковь есть не что иное, как дом, выстроенный для наших душ. Впрочем не все, что вошло в состав этого здания, одинаково по своему достоинству: из составных его камней иные блестящие и великолепны, иные же хуже и темнее, хотя все-таки гораздо лучше остальных. Можно видеть здесь много из них и таких, которые занимают место золота, – золота, украшающего кровлю: иные, как видно, служат таким же украшением, как статуи в домах; а многие стоять на подобие колон. Принято ведь и людей называть колоннами не только за их силу, но и потому, что, имя золотой головной убор, они своим красивым видом украшают (свое место). А в многочисленности народа можно видеть как бы большое и пространное протяжение стен: множество народа занимает место камней, из которых сооружаются стены.

3. Но нужно перейти к более блестящей картин. Эта Церковь сооружается не из (простых) камней, но из золота, серебра, драгоценных камней, оправленных в золото. Но, увы, какая жалость! Все это сожжено господством тщеславия, – этим всепожирающим пламенем, – и никто не пересилил его действия. Мы стоим и удивляемся пожару, но не имеем сил потушить зло. Да хотя бы и потушили его на короткое время, – пройдет два, три дня, и тлящаяся в золе искра низвращает все, чего прежде и не касалась. Так и здесь делается то же самое, что случается, обыкновенно, на пожаре. Причина этого заключается в том, что когда у нас не стало опор для самых церковных колонн, то огонь объял (эти колонны), поддерживавшие кров и сообщавшие крепость всему зданию; а через это ему открылся удобный доступ и к стенам. Если пламень истребить в здании деревянный части, то он устремляется на каменные. Но когда им разрушены и низвергнуты колонны, тогда он не имеет нужды истреблять остальное, – потому что, как скоро ниспадают столпы и подпоры верхних частей (здания), остальное само собою, без всякого препятствия, подвергается той же участи. Так точно ныне случилось и с Церковью: огонь объял всех. Ищем почестей у людей, воспламеняемся славолюбием и не слушаем слов Иова: "**То я боялся бы большого общества, и презрение одноплеменников страшило бы меня**" (Иов 31:34). Видишь ли, добродетельную душу? Я не устыдился, говорить, пред множеством народа рассказать невольные грехи. Если же он не устыдился, то тем более нам следовало поступать так. "**Припомни Мне**", – говорит (пророк), – "**говори ты, чтоб оправдаться**" (Ис. 43:26). Велика была сила этого зла: все она низвратила и истребила. Мы сделались рабами почести, оставив Бога. Мы не можем воспрещать этого своим подчиненным, будучи сами одержимы той же горячкой. Мы сами нуждаемся во врачестве, хотя и поставлены Богом для врачевания других. Какая же остается надежда на спасете, когда и сами врачи имеют нужду в помощи других? Это я сказал не без причины и не напрасно выражаю сетование, но для того, чтобы все мы вместе с женами и детьми, посыпавшись

пеплом и облекшись во вретище, наложили на себя пост и просили Бога явить нам помощь и удалить от нас опасность. Подлинно наша помощь в Его великой и дивной деснице. От нас требуется больше, чем от ниневитян. "**Еще сорок дней**", – сказано, – "**и Ниневия будет разрушена**" (Ион. 3:4). Страшное и весьма грозное объявление! И как было не (устрашиться ниневитянам) в ожидании того, что, по прошествии трех дней, их город для них же сделается гробом, и они все погибнуть от одинакового наказания? Если когда случалось в одно время и в одном доме погибнуть двум детям, то это было бедствием невыносимым. И если Иову казалась самым невыносимым бедствием – погибель всех (его детей) вследствие того, что над ними обрушилась кровля, то каково же было бы видеть не один дом, не двух детей, но целый народ, в количестве ста двадцати тысяч, погребенным под обрушившимися кровлями? Видите, какое бедствие! Подобная же угроза недавно была направлена и против нас не голосом пророка, – мы не достойны слышать такой, голос, – но некоторым горним вещанием, огласившим нас громче всякой трубы. Опять повторяю сказанное: "**Еще сорок дней и Ниневия будет разрушена**". Поистине страшная угроза! Но ныне – совсем не то. Уже не три дня прошло и не погибель Ниневии угрожает нам, а много дней протекло с того времени, как на земле Церковь разрушена и повержена долу, как все одинаково рабствуют греху, а особенно те, на которых лежит ответственность управления. Чем сильнее зло, тем больше настоит нужда. Поэтому не удивляйтесь, если я убеждаю вас сделать в некотором отношении больше, чем сделали ниневитяне. Я проповедую вам не только пост, но и показываю то врачество, которое предохранило от падения этот город. Почему так? Потому, что когда Господь увидел (дела ниневитян), "**они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел**" (Ион. 3:10). Сделаем это и мы с вами. Будем удаляться от корыстолюбия и славолюбия, прося Бога явить нам Свою помощь и восстановить падших наших братий. Мы не того должны страшиться (что угрожало Ниневии). Тогда имели ниспадать камни и бревна, и погибать тела; нон нет ничего такого, но зато души имеют быть преданы огню геенскому. Призовем же (Бога), прославим Его; за прошедшее испросим у Него прощение, а на будущее будем молить Его, чтобы, освободившись от этого лютого и сильного врага (греха), нам быть достойными воссылать хвалу человеколюбивому Богу и Отцу, с Которым Сыну со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 11

"Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас. Каждому же из нас дана благодать по мере дара Христова" (Еф. 4:4 – 7).

1. Павел требует от нас такой любви, которая бы связывала нас между собою, делая неразлучными друг от друга, и – такого совершенного единения, как бы мы были членами одного тела, потому что только такая любовь производит великое добро. Словами: "**Одно тело**" он требует, чтобы мы сострадали друг другу, не желали благ ближнего своего и участвовали в радостях один другого; все это он выразил вместе. Потом весьма кстати прибавил: "**и один дух**", – научая, чтобы при одном теле был у нас один дух, так как может быть одно тело, но не один дух, – когда, например, кто-нибудь будет другом еретиков. Или этими словами ("**один дух**") он хотел побудить к взаимному согласию, как бы так говоря: так как вы получили одного Духа и пили от одного источника, то между вами не должно быть раздоров. Или, может быть, под словом – дух – он разумеет здесь расположение, (προδυμίαν). Дале говорить (апостол): "**как вы и призваны к одной надежде вашего звания**". Та есть: Бог призвал всех нас к одному и тому же; никому ничего не предоставил больше против другого; всем даровал бессмертие, всем жизнь вечную, всем неувядаемую славу, всем братство, всем наследие, для всех сделался общей

главой, всех совоскресил и спосадил. Итак, имея такое равночестие в духовном, для чего высокомудрствуете? Потому ли, что такой-то из вас богат, а такой-то силен? Но не смешно ли это? Скажи мне, в самом деле, если бы царь, избрав десять человек, облек их всех в порфиру, посадил на царском престол и всем им даровал одну и ту же честь, – посмел ли бы кто-нибудь из них поносить другого – потому, что был бы богаче его и знаменитее? Отнюдь нет! Но этим сравнением я еще не все высказал, так как расстояние здесь не так еще велико. Итак, ужели мы, будучи равны на небе, будем превозноситься друг пред другом земными (отличиями)? "**Один Господь, одна вера, одно крещение**". Вот упование (нашего) звания. "**Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас**" – один и тот же. Или Он для тебя наименовался большим, а для того – меньшим? Ты спасся от веры, а тот – от дел? Тебе отпущены (грехи) в крещении, а тому – нет? Прочь (с такими мыслями)! "**Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас. Который над всеми**", то есть, выше всего; "**и через всех**", то есть, обо всем промышляет, всем управляет; "**и во всех нас**", то есть, во всех обитает. Это же приписывается (в Писании) и Сыну: следовательно это не означает меньшинства Сына: иначе того же не было бы сказано и об Отце. "Каждому же из нас дана благодать". Для чего же, говорят, и почему дарования различны? Это именно всегда приводило, как их самих (ефесян), так и коринфян и многих других, то к гордости, то к малодушию и зависти. Потому-то (апостол) и указывает нам везде на пример тела. Потому и теперь он предложил этот (пример), что хотел говорить о различных дарованиях. Впрочем подробнее он исследует это в послании к Коринфянам, так как там особенно господствовал этот недуг. А здесь он теперь сделал на это только намек, – и смотри, что он говорить. Не сказал – по вере каждого, – чтобы не повергнуть в печаль тех, которые не получили великих (даров); но – что? "**По мере дара Христова**". Что, говорить, всего главнее, то общее всем, как-то: крещение, спасете через веру, (право) иметь Бога Отцом и всем иметь причастие в Том же Дух. Если же иной имеет нечто большее в (своем) даровании, то ты этим не огорчайся, потому что и трудов у него больше; помни и то, что с получившего пять талантов пять и взыскано было, а тот, кто получил два, два и принес, и отнюдь не получил за то воздаяния меньше первого. Потому и здесь от того же доказательства он заимствует утешение для слушателя: "**К совершению**", – говорит, – "**святых, на дело служения, для созидания Тела Христова**" (Еф. 4:12). Потому и сам он говорил: "**горе мне**", – как и всякому, кто получил дар апостольства, – "**если не благовествую!**" (1 Кор. 9:16). Но потому и горе ему, что он получил; а ты свободен от подобной опасности. "**В меру**". Что такое – "**в меру**"? То есть, не за наши заслуги, так как (за заслуги) никто не получил бы того, что получил; но все мы (что получили, то) получили как дар.

2. Для чего же один (получил) больше, а другой – меньше? Это, говорить он, не имеет никакого значения, но дело безразличное: каждый (из получивших) способствует к созиданию. И потому показываете, что не ради собственного достоинства один получил больше, а другой меньше, но – для других, сколько кому сам (Христос) распределил. Так и в другом месте он говорит: "**Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно**" (1 Кор. 12:18). И не говорить о причине (такого распределения), чтобы не смутить мысли слушателей. "**Посему и сказано: восшед на высоту, пленил плен и дал дары человекам**" (ст. 8). Как бы так говорил он: что ты высокомудрствуешь? Все было делом Божьим. Пророк говорить в псалме: "**Принял дары для человеков**" (Пс. 67:19); а он говорит: "**дал дары человекам**". Последнее тождественно с первым. Таково же и следующее затем: "**А `восшел что означает, как не то, что Он и нисходил прежде в преисподние места земли? Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все**" (ст. 9, 10). Когда слышишь это, то не разумей (под этим) перехождения. Здесь он делает то же самое, что и в послании к Филиппийцам. Как там, убеждая к смиренномудрию, он указывает на примерь Христа (Фил. 2:5 – 9), так точно и

здесь, говоря: "**Нисходил прежде в преисподние места земли**". Иначе, излишни были бы слова его: "**Быв послушным даже до смерти**" (ст. 8). От понятия о восхождении приводить к мысли о нисхождении. А дальнейшими странами земли он называет смерть согласно с понятиями человеческими, как и Иаков говорил: "**сведете вы седину мою с горестью во гроб**" (Бт. 44:29); как еще в псалме сказано: "**уподобился нисходящим в могилу**" (Пс. 142:7), то есть, умершим. Для чего упоминается здесь об этой (дольней) стране? И о каком он говорит плен? О плене дьявола. Господь пленил этого тирана, разумею дьявола, и смерть, и клятву, и грех. Видишь ли добычу и корысти? "**А `восшел что означает, как не то, что Он и нисходил прежде**"? Это направлено против последователей Павла самосатского. "**Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все**". Нисшел, говорит, в самые дольние отделения земли, за которыми уже нет других. И восшел превыше всего, далее чего уже нет ничего другого. Это означает Его силу и власть, потому что и прежде все Им наполнялось. "**И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова**" (ст. 11, 12). Что говорит он в другом месте: "**Посему и Бог превознес Его**" (Фил. 2:9), то же высказывает и здесь словами: "Нисшедший, Он же есть и восшедший". Ни мало не повредило Ему нисшествие в дольнейшие страны земли и отнюдь не воспрепятствовало Ему быть превыше небес. Таким образом, чем более кто смиряется, тем более тот возвышается. Как на воде – чем кто глубже погрузится в нее, тем сильнее она поднимает его наверх, и чем с (близшего) расстояния будет пущена стрела, тем вернее попадает в цель, так бывает и в смирении. Впрочем, когда мы говорим о восхождении Бога, необходимо прежде представлять Его нисшествие; а по отношению к человеку этого не нужно. Далее (апостол) указывает нам на (божественное) промышление и премудрость и говорит: Тот, Кто сделал столь многое, и показал такую силу, и не отказался низойти ради нас даже в дольнейшие страны, не сделал бы без причины такого разделения дарований. В другом месте он говорит, что это сделал Дух, именно: "**В котором Дух Святой**", – говорит он, – "**поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа**" (Деян. 20:28). И тогда как здесь он говорит, что (сделал это) Сын, в другом месте говорит, что – Бог. И опять: "**И Он поставил одних Апостолами, других пророками**", а в послании к Коринфянам говорит: "**Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог**" (1 Кор. 3:6). И опять: "**Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду**" (ст. 8). Так и здесь: что в том, что ты меньше приносишь (плодов)? Столько получил ты (и даров). Первое (поставил Бог) апостолов, так как они имели все. Второе – пророков, так как некоторые не были апостолами, но были пророками, например Агав. Третье – благовестников: это – те, которые не обходили всех стран, а только проповедовали, как Прискилла и Акила. Потом – пастырей и учителей, которым был вверен весь народ. Что же? Ужели пастыри и учители меньше прочих? Конечно так: по сравнении с теми, которые обходили землю и проповедовали, те были меньше, которые сидели (дома) и имели занятие в одном месте, как Тимофей, Тит. Впрочем, из этого места нельзя вывести такого подчинения и предпочтения (одних по отношению к другим), но (это видно) из другого послания (1 Кор. 12:28). "**Он**", – говорит, – "**поставил**": не противоречь же. А может быть, благовестниками он называет и написавших евангелие. "**К совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова**".

3. Видишь ли достоинство (каждого)? Каждый созидает, каждый устраивает, каждый служит. "**Доколе**", – говорит, – "**все придем в единство веры и познания Сына Божья, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова**" (ст. 13). Возрастом он называет здесь совершенное познание. Как человек в зрелом возрасте бывает тверд и постоянен в мыслях, а дети непостоянны, так точно и между верующими. "**В единство**", – говорит, – "веры", то есть, пока окажемся все имеющими одну веру. Единение веры то и

означает, когда мы все будем одно, когда все одинаково будем понимать этот союз. До тех пор должно тебе трудиться, если ты получил дар назидать других. Смотри, не совратись сам, завидуя другому. Бог почтил тебя и поставил на то, чтобы ты руководил к совершенству другого. Для этого был поставлен и апостол, для этого и пророк, который пророчествует и увещевает, для этого и благовестник, который проповедует, для этого не пастырь и учитель: всем поручено было одно дело. Не говори же мне о различии дарований: все они имели одно дело. Когда мы все веруем одинаково, это и есть единение (веры). Ясно, что он это называет (возрастом) совершенного мужа. Впрочем, в другом месте он называет нас детьми и в том случае, если бы мы были совершенны; но там он имеет в виду иное. Там он назвал нас детьми по отношению к будущему нашему знанию. Сказав именно, что мы "**теперь знаю я отчасти**", присовокупил: "**гадательно**" (1 Кор. 13:12), и тому подобное. А здесь он говорить не об этом, а о постоянстве. Вот и в другом месте он говорит: "**Твердая же пища свойственна совершенным**" (Евр. 5:14). Видишь ли, как и там назвал он совершенных? Посмотри и здесь, как он назвал их прикровенно, говоря: "**Дабы мы не были более младенцами**" (ст. 14). Он говорить о той небольшой мере (дарования), которую мы получили, чтобы мы сохраняли ее со всем усердием, твердо сию и постоянством. "**Дабы мы не были более**". Этим выражением указывает на то, что некогда они были такими, и даже самого себя подчиняет условию исправления, исправляя других. Для того, говорить, и было столько строителей, чтобы здание было непоколебимо и защищено отовсюду, чтобы камни были сложены плотно. Волноваться, увлекаться и колебаться свойственно детям. "**Дабы мы не были более**", – говорит, – "**младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения**" (ст. 14). "**Увлекающимися**", – говорит, – "**всяким ветром**". Он употребил это подобие, желая показать, в какой опасности находится всякая душа, преданная сомнению. "**Всяким**", – говорит, – "**ветром учения, по лукавству** (κοβεία) **человеков, по хитрому искусству обольщения**". Κυβευταί – так называются занимающиеся шахматного игрой. Это бывают люди хитрые, так как они обыкновенно выбирают для себя людей простых. И они-то все передвигают и переставляют. (Апостол) коснулся здесь мирских обычаев. "**Но истинною любовью все возращали в Того, Который есть глава Христос, из Которого**", то есть Христа, "**все тело, составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей, при действии в свою меру каждого члена, получает приращение для созидания самого себя в любви**" (ст. 15, 16). Довольно неясно он изложил свои мысли – оттого, что хотел высказать все вдруг. Вот что означают слова его: как дух, выходя из головного мозга, не просто сообщает, посредством нервов, чувствительность всем членам, но – сообразно с каждым из них – тому, который способен принять больше, и сообщает больше, а который меньше, тому меньше (потому что дух есть корень жизни), так и Христос. Так как наши души так же зависимы от Него, как члены (от духа), то Его промышление и раздаяние даров, сообразно с мерой того или другого члена, производят возращение каждого. Но что такое – "**посредством всяких взаимно скрепляющих связей**"? То есть, посредством ощущения (αίσδηοιως). Этот дух, распределяющийся по членам от головы, прикасаясь к каждому из них, таким образом производить на них свое действие. Можно и так сказать: тело, воспринимая это воздействие (духа) соразмерно своим членам, возрастает таким образом. Или иначе: члены, получая соразмерное себе воздействие (духа), так возрастают. Или и еще: дух, изливаясь обильно сверху, прикасаясь ко всем членам и распределяясь по ним, сколько каждый из них может принять в себя, так возращает. Но почему он прибавил слово – "в любви"? Потому, что этот дух иначе не может сообщиться. В самом деле, если бы случилось рук отделиться от тела, дух, (истекающий) из головного мозга, ища продолжения и не находя его там, не срывается с тела и не переходить на отнятую руку, но если не найдет ее там, то и не сообщается ей. То же бывает и здесь, если мы не связаны между собою любовью.

4. Все это сказано им для того, чтобы внушить смирение. Что, говорить, в том, что такой-то получил больше? Он получил Того же самого Духа, ниспосылаемого от той же самой главы, одинаково действующего, одинаково прикасающегося, "составляемое и совокупляемое" (со всем телом), т. е. имеющего о нем великое попечение. Не как-нибудь, но очень искусно должно быть расположено тело, так что, если в нем что-нибудь не на своем месте, то оно уже расположено не так. Таким образом, должно не только быть соединенным с телом, но и занимать там свое место, – иначе, если ты нарушишь это, то не будешь соединен с ним и не получишь Духа. Не видишь ли ты, что бывает при перемещении костей, происходящем от какого-нибудь несчастного случая, когда (одна кость) оставить свое место и заиметь другое, – как это вредить всему телу и часто бывает причиной смерти? А бывает и так, что (кость) оказывается негодной, чтобы еще удерживать ее (в теле): в таких случаях многие вырезывают ее и оставляют ее место пустым, потому что излишество во всем есть зло. И элементы (тела), когда они, потерявши свою пропорциональность, делаются изобильными до излишества, вредят целому. Вот что значить: "составляемое и совокупляемое посредством всяких взаимно скрепляющих связей", то есть, чтобы все (в теле) занимало свое место и не вторгалось в другое, ему несвойственное. Размысли об этом, сколько возможно. Ты соединяешь члены, а Он свыше всем распоряжается. И как в теле есть известные воспринимающие органы, так и у духа, который всецело есть небесный корень (жизни). Именно сердце (есть корень) духа, печень – крови, селезенка – желчи, и другие органы – других элементов; но все они зависимы от головного мозга. Согласно с этим и Бог поступил, удостаивая человека особенной почести: не желая покинуть его, сам Он сделался для него (конечной) виною всего, учредив в то же время сотрудников для Себя и одним из них поручив то, другим – иное. Так, апостол есть самый удобный сосуд тела (т. е. Церкви Христовой), принимающий от него все. Как бы посредством жил и артерий, он посредством слова способствует к сообщению всем жизни вечной. Пророк предсказывает будущее: и он (апостол) делает то же самое. Тот соединяет кости, а этот сообщает им жизнь – "**к совершению святых, на дело служения**". Любовь воссоздает, соединяет, сближает и сопрягает нас между собою. Итак, если хотим получить Духа от Главы, будем в союзе друг с другом. Есть два рода отделения от Церкви: один, когда мы охладеваем в любви, а другой, когда осмеливаемся совершить что-нибудь недостойное по отношению к этому телу (Церкви). В том и другом случае мы отделяемся от целого. Если же еще нам поручено созидать и других, и мы не созидаем, но сами первые производим разделения, то чего не придется потерпеть за это? Ничто не может столько производить разделений в Церкви, как любоначалие; ничто так не оскорбляет Бога, как разделения в Церкви. Хотя бы мы совершили тысячу добрых дел, подвергнемся осуждению не меньше тех, которые терзали тело Его, если будем расторгать целость Церкви. Первое совершено было для пользы всего мира, хотя и не с тем намерением; а последнее не доставляет никому никакой пользы, напротив составляет великий вред. Сказанное мною относится не к начальствующим только, но и к подчиненным. Один святой муж сказал нечто такое, что могло бы показаться дерзким, если бы не им было сказано. Что же именно? Он сказал, что такого греха не может загладить даже кровь мученическая. В самом деле, скажи мне, для чего ты принимаешь мучения? Не для славы ли Христовой? Итак, будучи готов положить свою душу за Христа, как решаешься ты разорять Церковь, за которую положил душу Христос? Послушай, что говорить о себе Павел: "**Недостоен называться Апостолом, потому что гнал церковь Божью**" (1 Кор. 15:9). Вред (от разделений) не меньше того, какой причиняют враги, а гораздо больше. Там доставляется (Церкви) еще больший блеск, между тем как тут она сама себя роняет в главах врагов, когда против нее воюют ее собственные дети. А это потому, что у них (врагов) считается за сильное доказательство обмана, когда т, которые родились в Церкви, в ней воспитаны, хорошо узнали ее тайны, – вдруг, изменившись, восстают против нее, как враги.

5. Сказанное мною направлено против тех, которые без разбора пристают к людям, отделяющимся от Церкви. Если эти последние содержать противные (нам) догматы, то потому самому не должно с ними иметь общения; если же они мыслят одинаково с нами, то еще больше (должно избегать их). Почему так? Потому что это недуг любоначалия. Не знаете разве, что случилось с Кореем, Дафаном и Авироном? Но одни ли они потерпели? Не вместе ли с ними (погибли) и их сообщники? „Что говоришь ты? У них та же самая вера, и они также православны". Если так, отчего же они не с нами? "**Один Господь, одна вера, одно крещение**". Если у них хорошо, то у нас худо; а если у нас хорошо, то у них худо. "**Младенцами**", – говорит, – "**колеблющимися и увлекающимися всяким ветром**". Скажи мне: ужели вы считаете достаточным то, что их называют православными, тогда как у них оскудела и погибла благодать рукоположения? Что же пользы во всем прочем, если у них не соблюдена эта последняя? Надобно одинаково стоять как за веру, так и за нее (благодать священства). А если всякому позволительно, по древней пословице, наполнять свои руки, быть священником, то пусть приступят все, и напрасно устроен этот жертвенник, напрасно (установлен) церковный чин, напрасно лик иереев: ниспровергнем и уничтожим это. Этого, говорят, не должно быть. Но не вы ли делаете это, а потом говорите: так не должно быть? Что еще говоришь ты: не должно быть, когда так на самом деле? Я говорю это и свидетельствую, имея в виду не свою выгоду, но ваше спасете. Если кто смотрит па это дело безразлично, такой пусть бы (внимательнее) взглянул. Если же ему нет об этом заботы, то нам она есть. "**Я насадил**", – говорит (апостол), – "**Аполлос поливал, но возрастил Бог**". Как перенесем мы насмешки язычников? Если они укоряют нас за ереси, то чего не скажут по поводу их (расколов)? Если, говорят, одни у них догматы, одни таинства, то ради чего у них один предстоятель (церкви) нападает на другую церковь? Смотрите, говорят, у христиан все исполнено тщеславия. У них и любоначалие, у них и обман. Отнимите у них народ, пресеките болезнь, то есть, развращение народа, – и они останутся ничем. Хотите ли, я скажу вам, что говорят они о нашем городе, как они укоряют нас в легкомыслии? У них, говорят, всякому, кто только пожелает, можно найти людей без твердых правил, и никогда у них в таких людях не было недостатка. Какое посмеяние! Какой стыд! Но вот и еще – достойное посмеяния и служащее к нашему стыду. Если у нас кто-нибудь будет обличен в самых постыдных делах и на него захотят наложить какую-нибудь епитимью, то все весьма беспокоятся и боятся, как бы, – говорят, – он не отделился от нас и не пристал к другим. Пусть отделяется хоть тысячу раз, и пусть пристает к ним; я говорю не о согрешивших только, но хотя бы кто и вовсе был безгрешен, – если хочет отложиться, пусть отложится. Хотя я печалюсь и страдаю, огорчаюсь и мучусь внутренне, лишаясь в таком как бы собственного члена, но огорчаюсь не так, чтобы опасение всего этого могло принудить меня сделать что-нибудь недолжное.

Мы не повелеваем, возлюбленные, вашей вере, не деспотически приказываем вам это. Мы поставлены для поучения вас словом, а не для начальствования и самовластия над вами; наше дело советовать вам и увещевать. Советник говорить, что ему должно, но не принуждает слушателя, предоставляя ему полную свободу – принять или не принять советь. Он будет виновен только в том, если не скажет того, что ему поручено. Потому-то и мы говорим все это, обо всем этом напоминаем, чтобы вам уже нельзя было сказать в тот (последний) день: никто нам этого не говорил, никто не объяснил, мы этого не знали и вовсе не считали грехом. Итак, я говорю и свидетельствую, что производить разделения в Церкви не меньшее зло, как и впадать в ереси. Скажи мне: если бы подданный какого-нибудь царя, не переходя к другому царю и не передаваясь во власть другого, взял в свои руки порфиру своего царя и, спустивши ее всю от застежки, разорвал на несколько частей, – меньше ли бы он был наказан, чем и тот, кто передался бы другому (царю)? Но что, если бы после этого он схватил за горло своего царя, заколол его и разрубил на части его тело, – какому бы наказанию следовало подвергнуть его, чтобы отплатить по достоинству?

Если же тот, кто так поступить с царем, таким же рабом (по отношению к Богу), как и он сам, совершить преступление, превосходящее всякое наказание, – то какой геенны заслуживает тот, кто закалает самого Христа и рассекает на части? Ужели – этой, какой грозят нам? Мне кажется, что какой-нибудь другой, еще более ужасной. Расскажите же вы (женщины), какие находитесь здесь, – ведь этот порок большей частью замечается в женщинах, – расскажите этот пример отсутствующим и возбудите в них страх. Если же кто думает огорчить нас и мстить нам таким образом, то такой пусть знает, что он напрасно делает это. Если тебе хочется мстить нам, то я покажу тебе способ, как ты можешь мстить без вреда для себя, или лучше, не без вреда, а с меньшим, по крайней мере, вредом: ударь меня по лицу, оплюй публично, нанеси мне раны.

6. Ты содрогаешься, слыша это? Когда я говорю: ударь меня, то ты содрогаешься, – и между тем ты терзаешь своего Владыку без содрогания? Разрываешь Владычни члены и не трепещешь? Церковь – это отчий дом: "**Одно тело и один дух**". Но если ты хочешь мстить мне, то против меня и восставай. Зачем же, вместо меня, мстишь Христу? Или лучше: зачем ты наносишь удары по гвоздям? И вообще мстить ни в каком случай неодобрительно; но, вместо виновного, нанести обиду другому – гораздо хуже. Ты потерпел от нас обиду? Для чего же, в таком случай, огорчаешь того, кто тебе не сделал никакого зла? Это крайне безрассудно. Вот что я скажу на этот счет, и не шутя, не просто, но как думаю и как чувствую. Именно, я желал бы, чтобы всякий из тех, кто вместе с вами питает к нам неприязнь и ради этого вредит себе самому, удаляясь от нас к другим, нанес нам удар в самое лицо и, обнажив нас, стал бичевать без жалости, справедливо ли бы или несправедливо мы были обвинены, и лучше на нас выместил свой гнев, чем решался на то, на что решается теперь. Если бы это случилось, то не было бы в том никакой важности, потому что пострадал бы в этом случае ничтожный человек, нестоящий никакой цены. С другой стороны, потерпев от вас обиду и бесчестие, я помолился бы за вас Богу и Он простил бы вам ваши грехи, – не потому, что я имею такое дерзновение, по потому что, когда человек, которому сделана обида, молится за обидевшего, то получает великое дерзновение. "**Если**" кто "**согрешит против человека**", сказано, – "**помолятся о нем**" (1 Цар. 2:25). Если же бы я сам не мог (этого сделать), то поискал бы других святых мужей и упросил бы их, и они сделали бы это. А теперь кого и просить нам, когда мы оскорбили Бога? Посмотри, какая у них (производящих расколы) несообразность. Из тех, которые так поступают по отношению к Церкви, одни вовсе никогда не приходят сюда, или же однажды в год и то без порядка и как случится; другие приходят чаще, но также беспорядочно для пустых разговоров и ничтожной болтовни. Иные представляются усердными, это – те, которые производить такие бедствия (в Церкви). Итак, если и вы ради этого обнаруживаете такое усердие, то лучше бы вам быть в числе нерадивых; а еще гораздо лучше, если бы те не были нерадивы, а вы не были такими. Я говорю не о вас, находящихся здесь, но о тех отступниках. Такое дело есть как бы прелюбодеяние. Если же тебе не хочется слышать этого об них, то (не слушай и того, что они говорят) об нас, – так как здесь что-нибудь одно из двух должно быть противозаконно. Если вы нас подозреваете в этом, то мы готовы уступить свою власть, кому вы хотите, – только пусть будет Церковь едина. Если же мы поставлены законно, то убедите низложить тех, которые противозаконно заняли кафедру. Говорю это, не приказывая вам, но предохраняя и предостерегая вас. Так как каждый из вас имеет возраст и дает отчет в своих поступках, то я прошу вас о том, чтобы вы, все слагая на нас, не считали невинными самих себя и таким образом в обольщении не повредили напрасно самим себе. Мы дадим ответь за ваши души, но только тогда, когда что-нибудь будет опущено с нашей стороны, когда мы не будем упрашивать вас, не будем увещевать, не будем свидетельствовать против вас. После этого, позвольте и мне сказать: "**Чист я от крови всех**" (Деян. 20:26), и: "**избавит**" Бог душу мою (2 Тим. 4:18). Скажите, чего вы хотите, укажите справедливую причину, по которой вы отступаете, и я буду оправдываться. Но вы не говорите. Поэтому я прошу вас

и самим твердо основаться здесь, и отложившихся привести, чтобы нам воспослать единодушную благодарность Богу, Которому слава во веки. Аминь.

БЕСЕДА 12

"Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего, будучи помрачены в разуме" (Еф. 4:17).

1. Учитель должен назидать и исправлять души учеников не только советом и вразумлением, но и страхом и напоминанием о Боге. Ведь когда слова человека, как такого же раба, не в состояние подействовать на душу, тогда уже необходимо напомнить и о самом Господе. Так делает и Павел. Сказавши о смиренномудрии и единении, равно как и о том, что не должно восставать одному против другого, послушай, что (потом) он говорит: "Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы". Не сказал: "чтобы вы более не поступали" вы ходите, – так как это могло бы уязвить их, – но указал на других, хотя выразил то же самое. Также поступает он и в послании к Фессалоникийцам, когда говорит: "**а не в страсти похотения, как и**" прочие "**язычники**" (1 Фес. 4:5). Вы оставили, говорить он, их (языческие) верования; по это всецело зависло от Бога; а я требую того, что зависит от вас, – именно: жизни и хождения по Богу. Это ваш долг; а я призываю Господа в свидетели своих слов, – что я не умолчал, но сказал, как вам должно вести себя. "**По суетности**", – говорит, – "**ума своего**". Что такое суета ума? Занятие суетными предметами. А что суетно, как не все настоящее, о чем говорит Екклесиаст: "**Суета сует, – все суета!**" (Еккл. 1:2)? Но скажет кто-нибудь: если (то или другое) суетно и ведет к суете, то для чего же оно существует? Если при том это – дело Божье, то как же оно может быть суетно? И много возражений касательно этого предмета. Но послушай, возлюбленный! Не дела Божий назвал (Екклесиаст) суетными, – нет; не небо суетно, не земля суетна, – нет; не солнце, не луна, не звезды, не тело наше. Все это – "**очень хорошо**". Что же суетно? Послушаем, что говорить сам Екклесиаст: "**Посадил себе виноградники, сделал себе водоемы, приобрел себе крупного и мелкого скота, собрал себе серебра и золота, завел у себя певцов и певиц. И сказал я в сердце моем, что и это – суета**" (Еккл. 2:6 – 11); опять: "**Суета сует, – все суета!**". Послушай, что говорить и пророк: "**Собирает (человек) "и не знает, кому достанется то**" (Пс. 38:7). Поэтому суета сует – великолепные здания, обилие и избыток золота, толпы слуг, шумно бегущих по площади, гордость и тщеславие, высокомерие и надменность. Все это – суета, потому что произошло не от Бога, но произведено людьми. Почему, однако ж, это суетно? Потому, что не имеет никакой доброй цели.

Суетны деньги, когда их расточают на удовольствия; но не суетны он, когда их употребляют на вспомоществования бедным. Когда ты тратишь их на удовольствия, – посмотрим, какое отсюда происходить следствие. Тучность тела, отрыжки, ветры, обилие кала, головная боль, телесное расслабление, жар и изнеможете. Как тот, кто стал бы наливать воду в просверленный сосуд, трудился бы напрасно, так и человек, предающийся удовольствиям, наливает воду в просверленный сосуд. Еще суетными называют несбыточные честолюбивые замыслы: они действительно суетны, ненадежны, тщетны; вообще суетным называют то, что ни к чему не пригодно. Посмотрим же, не таковы ли (дела) человеческие? "**Станем есть и пить, ибо завтра умрем!**" (1 Кор. 15:32). Какое же отсюда последствие, скажи мне? Тление. Мы облекаемся в дорогие одежды и наряды: а что пользы от этого? Никакой. Так умствовали и некоторые из эллинов, но вотще. Они вели строгую жизнь, но по-пустому, не имея в виду никакой полезной цели, поступая так из тщеславия, для снискания почета от толпы. Но что такое честь, которую нам оказывает толпа? Ничто. Если и сами, воздающие нам честь, погибают, то тем более – эта честь. Кто

воздает честь другому, должен наперед прибрести ее сам. Если же он не прибрел ее для себя, то как же доставить ее другому? А между тем мы домогаемся чести от бесславных и презренных людей, бесчестных и позорных: что же это за честь?

2. Видишь ли, что все суета сует? Поэтому и сказал (апостол о язычниках): "**По суетности ума своего**". Но не такова ли у них и вера? В самом деле, не кланяются ли они деревьям и камням? (Бог) создал солнце, чтобы оно служило нам вместо светильника. Кто же поклоняется своему светильнику? Солнце дает от себя свет; когда же оно не может светить, тогда светить светильник. Итак, почему же ты не поклоняешься светильнику? Да, скажет иной, я поклоняюсь огню. Нельзя удержаться от смеха, слыша о таком бесчестии; и ты не стыдишься? Опять же: для чего ты гасишь то, чему поклоняешься? Для чего губишь, для чего умерщвляешь своего бога? Почему ты не даешь ему наполнить собою всего твоего дома? Если огонь – бог, то поднеси к нему свое тело, а не подкладывай бога подобно горшка или котла. Внеси его в твою кладовую, внеси туда, где твои шелковые одежды. Но ты не только не вносишь его, напротив, если он куда-нибудь случайно проникнет, ты гонишь его отовсюду, созываешь всех, плачешь, стенаешь, как будто зашел к тебе какой-нибудь зверь; и когда таким образом твой бог посетить тебя, ты называешь это величайшим несчастьем. Я имею Бога, и делаю все для того, чтобы воспринять Его на свою грудь, и считаю блаженством для себя не только то, когда Он посетить мой дом, но и то, когда я привлеку Его в свое сердце. Вовлеки же и ты огонь в свое сердце. Смешно это и суетно! Огонь хорош для употребления, а не для поклонения, для служения и рабского повиновения мне, а не для господства надо мною. Он создан для меня, а не я для него. Если ты поклоняешься огню, для чего же сам почиваешь на ложе, а своего повара заставляешь предстоять пред твоим богом? Сам займись поварством, сделайся пекарем или, если угодно, кузнецом, – для тебя ничего не должно быть почетнее этих занятий; так как за ними наблюдает сам твой бог. Почему ты почитаешь бесчестным то занятие, где так много твоего бога? Для чего поручаешь его рабам и не оставляешь за собою этой чести? Огонь – хорошая вещь, так как сотворен благим Творцом, но он – не бог. Он называется делом Божьим, но не богом. Разве ты не видишь, как он неукротим, как он, охвативши дом, не останавливается нигде? Если ему попадает непрерывный ряд каких-нибудь предметов, он уничтожает все, пока руки плотников или других людей не уймут его неистовства; он не знает ни друзей, ни врагов, но одинаково поступает со всеми. Итак, такой-то твой бог, – и ты не стыдишься? Подлинно, хорошо сказал (апостол): "**По суетности ума своего**". Но, говорят, наш бог – солнце. А скажи мне, почему это и из-за чего? Что оно много дает от себя свету? Но разве ты не видишь, как его побеждаюсь облака, как оно подчинено закону естественной необходимости, подвержено затмениям, закрывается луной и облаками? Хотя облако бессильнее его, однако ж часто берет перевесь; и это также дело премудрости Божьей. Бог должен быть вседоволен, солнце же имеет нужду во многом; а это несвойственно Богу. Так (солнце) нуждается в воздухе для того, чтобы светить, и при том в тонком воздухе, потому что слишком густой воздух не пропускает лучей сквозь себя. Нуждается и в воде или в чем-нибудь другом, что ограничивало бы его действие, чтобы ему не произвести пожара. Если бы не было источников, ни озер, ни рек, ни морей, которые посредством испарений, выходящих из них, производят некоторую влажность, то солнце могло бы все попалить. Итак видишь ли, что это за бог? Какое безумие! Какой смех! Так как, говорят, оно может вредить, то оно – бог. Напротив, потому-то оно и не бог, что для того, чтобы произвести вред, не нуждается ни в чьем содействии, а чтобы быть полезным, имеет нужду во многом другом. Богу несвойственно производить вред, – отнюдь, – Ему свойственно благотворить. Если же о солнц надобно сказать противное, то как же оно будет богом? Не видишь ли, что ядовитые лекарства производясь вред, и (для этого) им не нужно больше ничего; но для того, чтобы доставить пользу, им нужно многое (другое)? Для тебя солнце создано и прекрасным и вместе бессильным: прекрасным, чтобы (по нему) ты познал Владыку, бессильным, чтобы

ты не называл его своим владыкой. Но оно, говорят, питает растения и семена. Что же: ужели поэтому и навоз – бог? Ведь и он также питает растения. Для чего же уж не присоединить к этому серпа и рук земледельца? Укажи мне, где бы солнце одно произрастило (растения), но нуждаясь для этого ни в земле, ни в воде, ни в трудах земледельца; пусть оно само посеет семена и, согрев их лучом своим, произведет нам колосья. Если же. это зависать не от него одного, а и от дождя, то почему же вода – не бог? Но пока не об этом речь. Почему земля – не бог? Почему навоз и заступ – не боги? Уже ли ж, скажи мне, всему этому должно поклоняться? Какое безумие! А между тем колос скорее вырастет без солнца, чем без земли и воды, равно как и деревья и все другое. Без земли не может быть ни одного (растения). Если же кто-нибудь, всыпав земли в глиняный сосуд, – как это делают дети и женщины, – и прибавив туда нужное количество навоза, становит этот сосуд под кровлей, то вырастают растения, хотя и слабые. Таким образом, существенное значение имеют земля и навоз, и их надобно почитать больше, чем солнце. Для того чтобы солнце не производило вреда, нужно небо, нужен воздух, нужно столько вод, которые бы обуздывали его дикую силу и не позволяли лучу его, точно какому неукротимому коню, проникать всюду. Но, скажи мне еще, где бывает солнце ночью? Куда скрывается этот твой бог? Богу не свойственно подлежать стеснению и ограниченно; это именно свойственно только телам. Но, говорят, в нем есть какая-то сила и оно движется. Что же, скажи мне, эта сила – бог? Отчего же она является недостаточной и не сдерживает огня? Я опять повторяю прежнее. Что это за сила? Есть ли это сила светящая, или она светит посредством солнца, сама не принимая в этом никакого участия? В таком случае солнце превосходнее ее. Впрочем довольно нам вращаться в этом лабиринте.

3. А вода, говорят, ужели и она не бог? Вот и еще спор, подлинно достойный смеха! Как же не бог, говорят, вода, когда мы имеем в ней нужду в столь многих случаях? То же самое говорят и о земле. Вот уж именно говорящие это – "**по суетности ума своего, помрачены в разуме**". Впрочем, здесь (апостол) так выразился об их жизни. Язычники предаются блуду и прелюбодеянию. И понятно: изобретая себе таких богов, они согласно с этим поступают и во всем. Если только они могут скрыть (свои поступки) от взоров людей, то нет уже ничего, что могло бы удерживать их (от худых Дел). Может ли, в самом деле, иметь для них какую-нибудь силу учение о воскресении, когда они считают его басней? А о мучениях в аду? Для них и это – басни; и заметь здесь внушение сатанинское. Когда им рассказывают о распутстве их богов, они не называют этого баснями, но верят. А когда им говорят о наказаниях, то они возражают: все это поэты выдумывают для того, чтобы повсюду расстроить счастливый порядок жизни.

Но философы, говорят они, изобрели нечто, вполне заслуживающее внимания и лучшее этих (басней). Какие же это философы? Ужели те, которые выдумали судьбу и утверждают, что все существует без Провидения, нет зиждительного Промысла, все сложилось из атомов? Но, говорят, другие признали Бога действительным бытием (οὠμα). Какие же это, скажи мне? Те, которые производят души человеческие от душ собак и уверяют людей, что в известное время тот или другой из них был собакой, львом, рыбой? Доколь не перестанете пустословить, "**помрачены в разуме**"? И подлинно они как в рассуждении догматов, так и касательно жизни, все говорят и делают так, как бы находились в темноте; человек, окруженный мраком, не видит ничего пред собой, он веревку принимает за ползущего змея, или, зашедши в тесное место, думает, что его схватил человек или демон. И сколько тут страха и беспокойства! Подобных же вещей боятся (и язычники). "**Там убоятся они страха**", – сказано, – "**где нет страха**" (Пс. 13:5), а чего бы следовало страшиться, того они не страшатся. Подобно тому, как дети, находясь на руках у своих кормилиц, неразумно протягивают руки к огню, и смело порываются к зажженному светильнику, а между тем боятся человека в одежде из козьей шерсти, так и

эти эллины – настоящие младенцы, как и сказал об них некто: „**эллины – всегда дети**". Того, что не составляет греха, они боятся, как-то: телесной неопрятности, похорон, катафалков, тяжелых дней и тому подобного. А того, что составляет настоящий грех, как-то: сладострастной любви к отрокам, прелюбодеяния блуда, – они и не думают считать за грех. Ты можешь видеть как (язычник) обмывается после мертвеца, но от мертвых дел он не омывается никогда. Он много прилагает старания о приобретении денег, и в то же время думает, что одно пения петуха может разрешить всякое (недоумение). Так они "". Душа их преисполнена множества примет. Например, такой-то, – говорят, – первый встретился со мной, когда я выходил из дому: непременно случится тысяча неприятностей для меня. Сегодня ненавистный слуга, подавая мне обувь, поднес наперед левую: быть большим бедам и напастям. Сам я, выходя из дому, ступил за порог левой ногой: и это предвещает несчастья. Это – домашние неудачи. Когда же я вышел из дому, у меня правый глаз мигнул: быть слезам. Равным образом и женщины, – когда тростниковые прутья, ударившись о ткальное древко, издадут звук, или сами он оцарапают себя гребнем, – принимают это за худое предзнаменование; опять, когда он заденут основой о гребень И очень сильно, потом верхние прутья, ударившись о древко, от напряженного удара издадут звук, то и это считают за предвестие несчастья, и тысячи других у них достойных смеха (суеверий). Закричит ли осел, или петух, чихнет ли кто, и вообще, что бы ни случилось, все их тревожить, так что они, – как я сказал, – точно скованы тысячами уз, точно находятся во мраке, во всем подозревают (худое) и гораздо больше порабощены, чем тысячи невольников. Но не будем мы такими, напротив, осмеявши все такие (суеверия), – как живущие в свете, как небесные граждане, не имеющие ничего общего с землей, – будем считать для себя страшным один только грех и оскорбление Бога. Если все это пустяки, то и посмеемся над этим, равно как и над первым виновником этого – дьяволом. Возблагодарим Бога и будем стараться, чтобы нам самим никогда не впасть в такое рабство, а если кто из наших друзей будет пленен, разорвем его узы, освободим его от этого несносного и постыдного заключения, сделаем его способным для восхождения к небу, выпрямим его опустившиеся крылья и научим его любомудрию касательно жизни и веры. Возблагодарим Бога за все и будем умолять Его, чтобы нам не оказаться недостойными врученного нам дара; с тем вместе позаботимся и о том, что от нас зависит, именно, чтобы нам поучать других не только словами, но и делами. От этого мы сможем получить бесчисленные блага, которых и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 13

"Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего, будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божьей, по причине их невежества и ожесточения сердца их. Они, дойдя до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытимостью" (Еф. 4:17 – 19).

1. Это сказано не ефесянам только, но теперь говорится также вам, и не нами, но Павлом, или лучше, ни нами, ни Павлом, но благодатью Духа. Итак нам должно внимать словам этим, как словам Духа. Что же сказано? Послушай: "**Посему я говорю и заклинаю Господом, чтобы вы более не поступали, как поступают прочие народы, по суетности ума своего, будучи помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божьей, по причине их невежества и ожесточения сердца их**". Итак, если (такое их состоите было следствием) невежества и окаменевая, то за что же обвинять их? Несведущего должно научить тому, чего он не знает, но несправедливо подвергать его упреку и взысканию. Но смотри, как (апостол) тотчас же лишает их такого извинения: "**Они**", – говорит, – "**дойдя до**

бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытимостью. Но вы не так познали Христа" (ст. 20). Здесь он показывает, что причиной их окаменения была их жизнь; жизнь же их была такой по их собственной беспечности и небрежению. "**Они**", – говорит, – "**дойдя до бесчувствия, предались распутству**". Итак, когда ты услышишь, что "**предал их Бог превратному уму**" (Рим. 1:28), то припомни и настоящее изречете, что они сами "**предались распутству**". Как же предал их Бог, когда они сами предали себя? Если же предал их Бог, то как они сами себя предали? тебе кажется, что здесь есть противоречие? Но слово – "**предал**" значить здесь – "**попустил**". Видишь ли, что где нечистая жизнь, там такого же рода придумываются и догматы. "**Ибо всякий, делающий злое**", – сказано, – "**ненавидит свет и не идет к свету**" (Иоан. 3:20). В самом деле, каким бы образом человек нечистый, валяющийся среди тел всяких женщин, гораздо больше, чем сколько свиньи валяются в грязи, жадный до денег и нисколько не любящий целомудрия, мог решиться на такую (добродетельную) жизнь? У них, говорить (апостол), такой образ действий обратился как бы в правило. От этого-то (и происходить) их окаменение, от этого – помрачение ума. И при сиянии света для нас может быть темно, если наши глаза больны; больными же они бывают от прилива дурных соков и излишнего накопления мокрот. Так и здесь: когда многочисленное стечение житейских деле помрачает ясность нашего ума, мы находимся в темноте. И подобно тому, как, погрузившись глубоко в воду, мы не можем видеть солнца оттого, что над нами изобильная вода составляет как бы какую стену, – так и в мысленных очах происходить окаменение сердца, когда никакой страх не тревожить души. "**Нет**", – говорит, "**страха Божья пред глазами его**" (Пс. 35:2). И еще: "**Сказал безумец в сердце своем: `нет Бога`**" (Пс. 13:1). Окаменение происходить не от иного чего, как от бесчувственности; при атом заграждаются поры. Так, когда сгустившиеся мокроты сосредоточатся в одном месте, тот член мертвеет и делается бесчувственным; хотя бы ты стал его жечь или резать, что бы ни делал с ним, он (ничего) не чувствует. Так и они (язычники) после того, как раз навсегда впали в беспечность, что им ни говори, грози им хотя бы огнем или мечем, – на них ничто не подействует, ничто не убедить их. У них раз навсегда омертвил член (сердце). И пока ты не уничтожишь в нем этого бесчувствия, пока твое прикосновение к нему не будет так же ощутительно, как к здоровым членам, до тех пор все твои усилия будут тщетны. "**С ненасытимостью**", – говорит: этим словом (апостол) преимущественно устраняет от них возможность оправдания. Ведь им можно было бы, если бы они захотели, не предаваться корыстолюбию, не быть беспечными, не служить чреву и не вести изнеженной жизни; можно было бы пользоваться умеренно и деньгами, и удовольствиями, и отдохновением. Но так как они не соблюдали в этом умеренности, то и испортили все. "Делают", – говорит, – "всякую нечистоту". Видишь ли, как (апостол) лишает их извинения, сказавши о делании нечистоты? Не по случайному, говорит, увлечению они грешили, но совершали все эти преступные действия, сами заботясь об них. "**Делают всякую нечистоту**".

Нечистота всякая – это любодеяние, блуд, сладострастная любовь к отрокам, зависть, всякая страсть и невоздержание. "**Но вы не так познали Христа; потому что вы слышали о Нем и в Нем научились, – так как истина во Иисусе**" (ст. 20 – 21). Выражение: "**потому что вы слышали о Нем**" – не означает, будто он говорит с сомнением, напротив показывает полную его уверенность: подобным образом он и в другом месте выражается: "**Ибо праведно пред Богом – оскорбляющим вас воздать скорбью**" (2 Фес. 1:6). То есть, вы не для таких деле познали Христа. "**Потому что вы слышали о Нем и в Нем научились, – так как истина во Иисусе, – отложить прежний образ жизни ветхого человека**" (ст. 22). Познание Христа в том и состоит, чтобы вести праведную жизнь. Кто ведет дурную жизнь, тот не знает Бога и Бог его не знает. Послушай, как об этом (апостол) говорит в другом месте: "**Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются**" (Тит. 1:16). "**Так как истина во Иисусе, – отложить прежний**

образ жизни ветхого человека", – то есть, вы не на таких условиях заключили договор (чтоб оставаться при прежней жизни). То, что мы имеем, не есть суета, но истина; как наши догматы, так и наша жизнь – истинны. Суета – грех и заблуждения, а праведная жизнь – истина. Она и цель имеет высокую, беспорядочная же жизнь приводить к ничтожному концу. "**Истлевающего**", – говорит, – "**в обольстительных похотях**" обольщения его. Как пожелания его истлевают, так и сам он.

2. Каким же образом истлевают его пожелания? Смерть все разрушает. Так пророк говорить: "**В тот день исчезают [все] помышления его**" (Пс. 145:5). Впрочем, не одна только смерть, много есть и других причин (этого изменения). Так красота изменяется, увядает и пропадает от болезни и с наступлением старости. От тех же (причин) погибает и сила телесная. Чувственные удовольствия в старости уже не так привлекательны. На это мы имеем указание и в примере Верзеллия, – без сомнения, вы знаете эту историю (2 Цар. 19:32 – 35). А с другой стороны, похоть растлевает и губить самое существо человека. Как шерсть от чего рождается, от того же и погибает, так точно и ветхий человек. Пагубно для него славолюбие, многих погубили удовольствия, обманула похоть. Впрочем, все это не составляет удовольствия в собственном смысле, но есть горечь, обман, подлог и тень. Наружная сторона этих предметов приманчива, но сами по себе они – не что иное, как тяжелое бремя, влекущее за собою великую нищету, пустоту и бедность. И если ты снимешь с них эту личину, откроешь их настоящее лицо, то увидишь обман. В том ведь и состоит обман, когда что-нибудь показывается нам не тем, что оно есть, но представляется тем, чего в нем нет. Отсюда проистекают и ложные суждения (о том или другом предмет). (Апостол) изображает нам четырех человек и, если хотите, я вам представлю это изображение. В настоящем послании (он изображает) двух, когда говорит: отложившись "**ветхого человека**", обновитесь "**духом ума вашего и**" облекитесь "**в нового человека**" (ст. 23, 24); а в послании к Римлянам – других двух, когда говорит: "**Но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих**" (Рим. 7:23). Эти последние имеют сродство с теми первыми, именно с внутренним – новый человек, а с внешним – ветхий; но трое из них растлились. Или лучше, и теперь их трое: новый, ветхий и этот существенный (ουσιώδης) или естественный. "**Обновиться**", – говорит, – "**духом ума вашего**" (ст. 23). Чтобы кто не подумал, будто он измышляет иного человека, когда говорить о ветхом и новом человеке, смотри, что он говорит: "**обновиться**". Обновление происходить тогда, когда обветшавшее молодеет, принимает другой вид, так что предмет остается один и тот же, но происходить перемена в его случайных свойствах. Как тело остается тем же, хотя происходить перемена в случайных его свойствах, так и здесь. Как же должно произойти это обновление? "**Духом**", – говорит, – "**ума вашего**". Поэтому, кто станет совершать что-либо ветхое, тот не сделает ничего: дух не потерпит ветхих деяний. "**Духом**", – говорит, "**ума вашего**", то есть, духом, который в вашем ум. "**И облечься в нового человека**". Видишь ли, что предмет один, а одежды две: одна, которая совлекается, и другая, в которую облекаются? "**В нового**", – говорит, – "**человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины**" (ст. 24). Почему он представляет человека под именем добродетели, и почему под именем порока? Потому что нельзя определить (свойство) человека, не указав на его деятельность. Таким образом (действия человека) не меньше, чем естественные его свойства, показывают, добр он, или не добр. Как легко раздеть человека, так же легко по добродетели или пороку видеть (свойства его). Человек новый (т. е. молодой) силен. Будем же и мы сильны в делании добрых дел. Он не имеет морщин: не будем иметь их и мы. Он не подвержен и нелегко поддается болезням: не будем и мы. "Созданного". Смотри, как он называет здесь осуществление (οὐσίωσιν) добродетели созданием, то есть приведением из небытия в бытие. Что же? А тот (порок) не есть создание по Богу? Никак, но по дьяволу, который есть виновник греха. Почему? Потому что (новый) человек создан не из воды, не из земли,

но в правде и преподобии истины. Что значит это? То, говорить, что (Бог) тотчас же – во время крещения, которое существенно необходимо для нашего возрождения, сделал его Своим сыном. Хорошо сказал (апостол): "**В праведности и святости истины**". Была некогда правда, было и преподобие у иудеев, но – не истины; то была праведность прообразовательная. Так, телесная чистота была образом чистоты, а не истинной чистотой; был образ праведности, а не истинная праведность. "**В праведности**", – говорит, – "**и святости истины**". Может быть, это сказано и касательно ложной праведности, потому что многие у неверующих считают себя праведными, но они обманываются.

Праведностью называется добродетель всеобъемлющая. Послушай, что говорить Христос: "**Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**" (Мф. 5: 20); и в другом месте праведным назван тот, кто греха нетворит (1 Иоан. 3:9). Так и в судах мы называем правым того, кто терпит обиды, а сам не обижает. О, если бы и нам на страшном суд показаться правыми и получить некоторое снисхождение! Ведь пред Богом невозможно (оказаться совершенно праведным), какие бы мы ни представили оправдания: пред Ним всякая праведность несостоятельна, как и пророк говорил: "**и победишь, когда будешь судить**" (Пс. 50:6). Но если мы не будем нарушать взаимных прав, то будем правы; если сможем доказать, что нам была сделана несправедливость, и в таком случае мы будем правы. Что это значит, что (апостол) говорить им: "**облекитесь**", когда они уже облеклись? Здесь он говорить о жизни и делах. Тогда они облеклись в крещении, а теперь (апостол повелеваете им облещись) в своей жизни и делах, чтобы уже не жить им больше по влечению обольстительных похотей, но по заповедям Божьим: Но что такое "**преподобие**"? Что чисто и согласно с требованием долга. Потому-то мы и употребляем это выражение (οσιον) о тех, которые освободились от суда, – то есть, (говорим): я уже больше ничего им не должен, я уже ничему не повинен. Так у нас в обычай говорить: я отделался (άφωσιωσάμην), и тому подобное, то есть, я больше уже ничего не должен.

3. Итак, наш долг – не совлекать с себя этой одежды оправдания, которую пророк называет одеждой спасения (Ис. 59:10), чтобы нам сделаться подобными Богу, Который облекся в правду. Облечемся же в эту одежду. А облечься значить не что иное, как то, чтобы уже не совлекаться. Послушай, что говорить пророк: "**Да облечется проклятием, как ризою, и да войдет оно**" в него (Пс. 108:18). И еще: "**Оденься в свет, как в ризу**" (Пс. 103:21). И у нас в обычае говорить о людях: такой-то надел на себя (личину) такого-то. Таким образом (апостол) хочет, чтобы мы не один день, не два, не три, но всегда пребыли в добродетели и никогда не снимали с себя этой одежды. Не так непристойно человеку быть нагим по телу, как быть обнаженным от добродетели. При телесной наготе его непристойное положение видят такие же (как он) рабы, а там – это видит Владыка и ангелы. Скажи мне, если бы ты увидел кого-нибудь идущего нагим по площади, не оскорбило ли бы это тебя? Что же сказать о тебе, когда ты ходишь без этой одежды? Не видал ли ты тех нищих, которых мы обыкновенно называем флейтщиками, как они расхаживают и возбуждают в нас жалость к себе? Однако ж и они не заслуживают никакого извинения. Мы не прощаем им того, что они проигрывают в кости свои одежды. Как же простить пас Бог, если мы погубим эту одежду? Когда дьявол видит кого-нибудь обнаженным от добродетели, тотчас марает и чернит его лице, наносить ему раны, делает и еще большие насилия. Обнажим себя от денег, чтобы не обнажиться от преподнести. Облачение, состоящее в деньгах, повреждает эту одежду (оправдания): это – облачение из терний, и эти терния таковы, что чем больше мы покрываемся ими, тем более совлекаемся (истинной одежды). Чувственные наклонности также лишают нас этой одежды: он огонь, а такой огонь сжигает эту одежду. Богатство также есть моль: как моль поедает все и не щадить даже шелковых одежд, так и богатство. Итак, оставим все это, чтобы нам быть

праведными, чтобы облечься в нового человека. Не оставим у себя ничего ветхого, ничего преходящего, ничего тленного. Добродетель не тяжела, не неудобоисполнима.

Не видишь ли тех, которые проводить жизнь в горах? Они оставляют и свои дома, и жен, и детей, и все свои служебные занят, и, удалившись из мира, облекаются во вретище, посыпаются пеплом, возлагают на шею вериги, заключают себя в тесной келье и, на этом не останавливаясь, изнуряют себя постом и постоянным голодом. Если бы теперь я вам предложил все это, не отказались ли бы все вы? Не назвали ль бы такого дела трудным? Но я не говорю, что вы непременно обязаны это делать. Я только желаю этого, но не узаконяю. Далее что скажу еще? Пользуйся и банями, имей попечение и о теле, ходи и на площадь, имей у себя дом, имей и слуг, употребляй и яства и напитки, – изгони только отовсюду корыстолюбие, потому что оно составляете грех, когда выходить из надлежащих границ законного приобретения. Итак, корыстолюбие – не что иное, как грех. И смотри: когда наш дух возмутится больше надлежащего, тогда, выйдя из себя, мы начинаем злословить, тогда во всем поступаем несправедливо. (То же бывает) и с любовью к телу, к деньгам, к славе и ко всему другому. И не говори мне, что т (отшельники) имели особенные силы (к такой строгой жизни): многие гораздо тебя слабее и богаче и изнеженнее вступили в эту суровую и скорбную жизнь. И что говорю я о мужах? Девы, еще не достигшие двадцатилетнего возраста, проводившие все время в своих побоях, воспитанные в неге, почивавшие на мягком ложе, пропитанные благовониями и дорогими мазями, нежные по природе и еще более сделавшиеся изнеженными от этих усердных об них попечений, не знавшие в продолжение целого дня другого занятия, как только – украшать свою наружность, носить на себе золотые уборы и предаваться неге, не делавшие ничего даже сами для себя, но имевшие у себя множество приставленных к ним прислужниц, носившие на себе одежды еще более нежные, чем самое их тело, употреблявшие тонкие и мягкие покрывала, постоянно наслаждавшиеся запахом роз и подобных благовоний, – эти (девы), будучи внезапно объяты огнем Христовым, оставили всю эту роскошь и пышность и, забывши о своей изнеженности, о своем возрасте, расстались со всеми этими удовольствиями и, подобно храбрым борцам, вступили на поприще подвигов. И быть может, покажется невероятным, что я скажу, – однако же, это истинно. Именно я слышал, будто эти столь нежные девы достигли такой строгости в жизни, что надевали на свои нагие тела самые грубые власяницы, что ноги их оставались босыми; и они имели своим ложем тростниковые прутья; преимущественно же большую часть ночи они проводили без сна и уже не думали ни о благовонных мазях, ни о чем-либо другом из прежних прихотей, и даже оставляли в небрежении свою голову, обыкновенно составляющую особенный предмет их попечений, так что волоса заплетали просто и как-нибудь, лишь бы не нарушить благопристойности. Трапеза у них бывает только вечером, и на этой трапезе нет ни овощей, ни хлеба, а только мука, бобы, горох, елей и смоквы. Постоянно они заняты прядением шерсти и имеют еще занятия, гораздо труднейшие, чем какие (имеют) дома у них служанки. Именно: они взяли на себя труд лечить тела больных, носить их постель, умывать им ноги. Многие из них занимаются и приготовлением пищи. Такую имеет силу огонь Христов! Так благое изволение превышает самую природу! Однако ж ничего такого я не требую от вас, потому что вы сами хотите, чтобы женщины опередили вас (на поприще благочестивой жизни).

4. По крайней мере, делайте то, что нетрудно: удержите свою руку (от недозволенного) и глаза от бесстыдных (взглядов). Что в этом трудного, скажи мне, что тяжелого? Будьте справедливы, никому не делайте обиды – никто, ни бедный, ни богатый, ни продавец, ни наемник. Ведь и между бедными могут происходить взаимные обиды. Разве не видите, какие они производят между собой раздоры и все разрушают? Вступай в брак, имей детей; сам Павел давал наставления таковым (ведущим брачную жизнь) и писал к ним. Велик тот подвиг, высока та скала, так что высота ее близка к небу, и ты не в состоянии подняться

до нее? Имей же, хотя меньшее и достигни нижайшего. Ты не можешь раздать своих денег? Не похищай же, хотя чужих и не обижай. Ты не можешь поститься? Не предавайся же, по крайней мере, излишеству. Ты не можешь лежать на тростниковом ложе? Не устраивай же, но крайней мере, себе постели, отделанной серебром, но употребляй постель простую и ложе, сделанное не на показ, а для отдохновения, равно не устраивай постели и из слоновой кости: ограничивай себя. Для чего наполняешь корабль своим несчетным имуществом? Если будешь вести скромную жизнь, то не будешь бояться ничего, ни зависти, ни воров, ни козней. Ты ведь богат не столько деньгами, сколько заботами; изобилуешь не столько стяжаниями, сколько беспокойствами и опасностями. "**А желающие обогащаться**", – сказано, – "**впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти**" (1 Тим. 6:9). Вот что терпят те, которые желают обладать многим. Я не говорю (тебе): прислуживай больному; прикажи, по крайней мере, это своему слуге. Видишь ли, как это не тяжело? Иначе как могли бы так далеко превзойти нас в этом слабые девы? Устыдимся, прошу вас, того, что в мирских делах мы нигде им не уступаем, ни в войне, ни в боях; а в духовных подвигах он успевают больше нас, первые похищают награду и воспаряют на большую высоту, подобно орлам; мы же, подобно галкам, постоянно находимся внизу около дыму и чадных паров. Подлинно это свойственно галкам и жадным до лакомств псам – постоянно думать о поварах и приготовлении кушаний. Послушай о древних женах: то были великие жены, великие и достойные удивления, каковы: Сарра, Ревекка, Рахиль, Деввора, Анна и те, которые жили при Христе. Но он никогда не превосходили своих мужей, а занимали второе место за ними. А теперь напротив: жены превосходят и затмевают нас. Какой смех! Какой стыд! Мы занимаем место главы, и ужели над нами должно одержать верх тело? Мы поставлены начальствовать над женами не для того только, чтобы пользоваться правами начальствования, но чтобы первенствовать и в добродетели. Начальствующий должен главным образом показывать свое преимущество в том, чтобы превосходить добродетелью. А если его самого превосходят, то он уже не начальник.

Видите ли, какова сила пришествия Христова? Как оно уничтожило клятву? Теперь между женщинами больше девственниц, больше у них целомудрия, больше вдовствующих между ними. Ныне женщина не скоро произнесет какое-нибудь непристойное слово. Для чего же, скажи мне, срамословишь ты? Женщины любят наряды, и это их слабость. Но вы, мужья, и в этом их превосходите, надмеваясь как их нарядом, так и своим. Мне кажется, что не столько жена тщеславится своими золотыми украшениями, сколько муж нарядом своей жены; не столько гордится он своим золотым поясом, сколько тем, что жена носит золотые уборы. Таким образом вы виновны в этом, так как вы воспламеняете эту искру, вы разжигаете этот пламень. С другой стороны, такая страсть не столько грешна в женщине, сколько в мужчине. Ты поставлен распоряжаться ею; ты везде хочешь иметь пред нею первенство. Покажи же и здесь своими действиями, что ты выше страсти к роскоши. Женщине более извинительно заниматься нарядами, чем мужчине. Итак, когда ты сам не избегаешь (этой страсти), то, как же будет избегать ее она? Правда, у женщин есть некоторое тщеславие; но тоже и у мужчин. Те склонны к гневливости; и эти также. А в чем женщины имеют преимущество, то уже не общее у них с мужчинами: я разумею скромность, теплоту (души), стыдливость, любовь к Христу. Почему же, говорят, (апостол) возбранил им учительскую кафедру? И это знак того, что существует большое расстояние между ними и мужами и что (жены) были тогда велики. Следовало ли бы, скажи мне, приступать женам к этому делу в то время, как учили Павел и Петр, и те святые (мужи)? А ныне мы дошли до такого зла, что оказывается естественным вопрос, почему жены не занимаются учительством? Таким образом, мы снизошли на степень их слабой природы. Я сказал это не потому, чтобы желал возвысить их, но чтобы возбудить стыд в нас, и нас научить, нас побудить к тому, чтобы мы снова приняли принадлежащее нам начальство, не в смысле преобладания, но в смысле попечения и руководства, в

смысле преуспеяния в добродетели. Таким образом, и тело будет иметь приличное благоустройство, когда будет иметь лучшего правителя над собой. Пусть же будет дано всем, как женам, так и мужам, пожить согласно с волей Божьей, чтобы всем нам сподобиться в тот страшный день милосердая Владыки и получить обетованные блага во Христе Иисусе Господе нашем.

БЕСЕДА 14

"Посему, отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему, потому что мы члены друг другу. Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем; и не давайте места дьяволу" (Еф. 4:25 – 27).

1. Представив общее учение о ветхом человеке, (апостол) потом изображает его подробно, потому что учение о каком-либо предмете, изложенное в подробностях, бывает удобопонятнее. Что же говорить он? "**Посему, отвергнув ложь**". Какую ложь? Не разумеет ли он идолов? нет. Хотя и идолы – ложь, но здесь речь не о них, так как (ефесяне) не имели никакого общения с идолами. Он говорить им о лжи по отношению друг к другу, т. е. о лукавстве и обманах: "**Говорите истину каждый ближнему своему**", – и представляет сильное побуждение к этому: "**Потому что мы члены друг другу**"; поэтому никто пусть не обманывает своего ближнего. Об этом и Псалмопевец повсюду говорить: "**уста льстивы, говорят от сердца притворного**" (Пс. 11:3). Ничто, решительно ничто столько не производить вражды, как ложь и обман! Заметь же, как везде (апостол) пристыжает их, указывая на (взаимную верность членов) тела. Глаз, говорить он, не обманывает ноги, ни нога – глаза. Если бы, например, случился глубокий ров, а поверх его положены были да земле прутья и закрыты землей, так что глазам обманчиво представлялась бы здесь твердая земля, не воспользуется ли (глаз) ногою, чтобы узнать, пустое ли пространство внизу, или же место твердое, на котором можно удержаться? Солжет ли при этом нога, не откроет ли того, что есть? А если глаз увидит змия, или зверя, обманет ли он ногу? Не даст ли тотчас знать ей об этом, чтобы она, узнавши это от него, шла осторожно? Точно также, когда ни глаз, ни нога не имеют средств узнать вредного яда, но все будет зависть от обоняния, ужели обоняние солжет устам? Никак. А почему? Потому что в таком случай оно погубить и себя. Напротив, как ему (обонянию) представится, так оно и говорить. А язык разве обманывает желудок? Не выбрасывает ли он того, что находить противным, и не глотает ли приятного? Вот каков взаимный обмен услуг (между членами тела). Замечай же, как верно, и при том, так сказать, чистосердечно производится это взаимное предостережение. Так и мы не будем лгать, если мы члены одного тела. Это будет знакомь нашего дружества, а противное этому – вражды. Но как же быть, говорят, когда такой-то строить против меня ковы? Познавай истину: если он строить тебе ковы, то он уже не член (тела). А (апостол) сказал: не обманывайте член члена. "Гневаясь, не согрешайте". Заметь мудрость: он говорит о том, как нам не согрешать, потом не оставляет и не послушавших этого наставления: так он дорожить своим духовным порождением! Как врач, давши наставления больному касательно того, как ему должно вести себя, не оставляет его своим попечением и тогда, когда больной не исполнить его наставлений, но, убедивши его пользоваться данным наставлением, снова врачует его, – так точно поступает и Павел. Врач, заботящийся только о собственной славе, оскорбляется, когда (больные) пренебрегают его наставлениями; но кто всегда заботится о здоровье больного, тот имеет в виду одно только то, как бы поднять его с постели. Таков именно и Павел. Он сказал: не лгите. Если же случится, что ложь подвигнет кого-нибудь на гнев, то он и против этого предлагает врачество. Что же говорить он? "**Гневаясь, не согрешайте**". Хорошо не гневаться; но если кто впадет в эту страсть, то, по крайней мере, не на долгое время: "**Солнце**", – говорит, – "**да не зайдет во гневе вашем**". Ты не можешь удержаться от гнева? Гневайся

час, два, три; но да не зайдет солнце, оставив нас врагами. Оно по благости (Господа) взошло, – да не зайдет же, Сиявши на недостойных. Если Владыка послал его по многой своей благости и сам оставил тебе согрешения, а ты не оставляешь их своему ближнему, то подумай, какое это большое зло. При том от него может происходить и другое зло. Блаженный Павел опасается, чтобы ночь, захвативши в уединении человека, потерпевшего обиду и еще пламенеющего (гневом), не разожгла огня еще более. Днем, пока еще многое раздражает тебя, тебе позволительно дать в себе место гневу; но когда наступает вечер, примирись и погаси возникшее зло. Если ночь застанет тебя (во гневе), то следующего дня уже не довольно будет для погашения зла, которое может возрасти в тебе в продолжение ночи. Если даже большую часть его ты и уничтожишь, то не в состоянии будешь уничтожить всего, и в следующую ночь дашь возможность более усилиться оставшемуся огню. Как солнце, если дневной теплоты его не довольно бывает для осушения и очищения воздуха, наполнившегося облаками и испарениями в продолжение ночи, дает этим повод быть гроз, когда ночь, захвативши остаток этих паров, прибавляет к ним еще новые испарения, – так точно бывает и в гнев. "**Ныне давайте места дьяволу**". Итак, враждовать друг против друга значить давать место дьяволу. Тогда как должно нам соединиться вместе и восстать против него, мы, оставивши вражду против него, позволяем себе обратиться друг на друга. Подлинно, ничто так не способствует дьяволу находить место среди нас, как вражда.

2. Тысячи зол рождаются отсюда. Как камни до тех пор, пока они сплочены и не имеют пустоты, трудно раскалываются, а как скоро окажется в них скважина, хотя бы такая малая, как острие иглы, или сделается трещина, в которую можно лишь продеть один волос, распадаются и разрушаются, – так и при (нападениях) дьявола. Пока мы будем тесно соединены и сближены между собой, до тех пор он не сможет ввести (в среду нас) ни одного из своих (злых наветов). Но когда хотя немного он разделит нас, тогда вторгается подобно бурному потоку. Везде ему нужно только начало, – это для него самое трудное; когда же начало сделано, тогда он уже сам собой все подвигает вперед. Так, лишь только он открыл (твой) слух для клевет, и лжецы уже приобретают (твое) доверие, потому что (враждующие) руководствуются своей ненавистью, (все) осуждающей, а не истиной, право судящей. Как при дружбе даже справедливым нехорошим слухам не хочется верить, так при вражде напротив и ложные слухи принимаются за истину. Другой тогда бывает у нас ум, другое судилище, выслушивающее не со спокойствием, но с большим пристрастием и предубеждением. Как положенный на весы свинец все перетягивает, так и тягчайшая свинца тяжесть вражды. Потому, прошу вас, будем всячески стараться о том, чтобы нам до захождения солнца погашать свою вражду. Когда ты не обуздаешь своей вражды в первый и в следующей день, то часто продолжишь ее и на целый год, и, наконец, она сама собою усилится до того, что уже не будет нуждаться ни в чьем (возбуждении). Она заставляет и олова, которые говорятся в одном смысл, принимать в другом, заставляет заподозривать движения и все, что ни есть, перетолковывать в худую сторону, и тем ожесточает и раздражает (человека), делая его хуже бесноватых, так что он не хочет ни называть, ни слышать имени того, против кого враждует, но произносить (против него) всякие бранные слова. Как же мы смягчим свой гнев? Как погасим этот пламень? Если помыслим о своих собственных грехах и о том, насколько мы виновны пред Богом; если помыслим, что мы мстим не врагу, но самим себе; если помыслим, что (враждой) мы доставляем радость дьяволу, этому врагу, истинному врагу нашему, ради которого мы наносим обиду своему собрату. Ты желаешь злопамятствовать, враждовать? Будь врагом, но против дьявола, а не против своего собрата. Для того и дал нам Бог в оружие гнев, чтобы мы не собственные тела поражали мечем, но чтобы вонзали все его острие в грудь дьявола. А это произойдет тогда, когда мы будем щадить друг друга, когда будем миролюбиво расположены друг к другу. Пусть я лишусь денег, пусть я погублю свою славу и честь: мой член всего для меня дороже. Так

будем говорить друг другу; не будем оскорблять своей природы для приобретения денег, для снискания славы. "**Кто крал**", – говорит, – "**вперед не кради**" (ст. 28). Видишь, какие члены у ветхого человека? Ложь, памятозлобие, воровство. Почему он не сказал: крадый да будет наказан, да подвергнется пытке и истязанию, но – да не крадет? "**А лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся**" (ст. 28). Где те, которые называют себя чистыми, которые, будучи исполнены всякой нечистоты, дерзают называть себя так? Ведь для того, чтобы снять с себя обвинение, нужно не отстать только от греха, но и сделать что-либо доброе. Смотри, как должно заглаживать грехи: они крали, – это значить совершить грех; не крали, – это не значить загладить грех; по как (могли бы это сделать)? Если бы они трудились и помогали другим, то этим они загладили бы грех. Апостол хочет, чтобы мы не просто делали, но чтобы трудились, чтобы отдавали другим. И тот, кто крадет, также делает, но делает зло. "**Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших**" (ст. 29). Какое это слово – "**гнилое**"? То, которое в другом месте он называет словом праздным, злословием, срамословием, суесловием, буесловием. Видишь ли, как он посекает самые корни гнева – ложь, воровство, необдуманные речи? Слова: "**вперед не кради**" он сказал не столько для того, чтобы оказать снисхождение тем (кравшим), сколько для того, чтобы потерпевшим от этого внушить кротость и убедить их удовольствоваться тем, что они уже больше не подвергнутся этому. Кстати учить он и относительно слов, потому что не только за дела, но и за слова мы дадим ответ. "**А только**", – говорит, – "**доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим**" (ст. 29). То есть, говори только то, что назидает ближнего, и ничего излишнего.

3. Бог дал тебе уста и язык для того, чтобы ты благодарил Его и назидал ближнего. Если же ты разрушаешь здание, то лучше молчать и ничего не говорить. И руки художника, назначенные для построения стен, но вместо того навыкшие разрушать их, справедливо было бы отсечь. Так и Псалмопевец говорить: "**истребит Господь все уста льстивые**" (Пс. 11:4). Язык – причина всех золь, или лучше, не язык, а те, которые худо им пользуются. Отсюда – обиды, злословия, хулы, страсть к удовольствиям, убийства, любодеяние, воровство, все рождается отсюда. Каким же образом, говорят, отсюда – убийства? От оскорбительного слова ты придешь в гнев, разгневанный начнешь драться, от драки недалеко до убийства. Каким образом – любодеяние? Тебе скажут, что такая-то особенно расположена к тебе, она отзывается о тебе с отличной стороны; эти слова поколеблют твою твердость, а затем в тебе возникнут и нечистые пожелания. Потому-то и сказал Павел: "**только доброе**". Так как слов великое множество, то он справедливо выразился неопределенно, повелевая касательно их употребления, и давая правило, как вести речь. Какое же правило? "дабы оно доставляло благодать", – сказал он. Иначе сказать: (говори так), чтобы слушающий тебя был благодарен тебе. Например, твой брат соблудил: не поноси его обидными словами, не насмехайся над ним. Ты не доставишь этим ни мало пользы слушающему, но решительно повредишь ему, если будешь язвить его (своими словами). Если яге ты будешь увещевать его, как он должен поступать, то этим заслужишь от него великую благодарность. Если ты научишь его иметь доброречивые уста, научишь не злословить, то этим ты многому его обучишь и заслужишь его благодарность. Если будешь говорить с ним о раскаянии, о стыдливости, о милостыне, все это будет смягчать его душу. За все это он выскажет тебе свою благодарность. Если же ты возбудишь сметь, произнесешь непристойное слово, а тем более, если похвалишь порок, то ты все расстроишь и погубишь. Так можно понимать слова (апостола). Или же слова эти значат: чтобы их (слушающих) сделать облагодатствованными. Ведь подобно тому, как миро подает благодать помазующимся им, так и доброе слово. Потому и сказал некто: "**имя твое – как разлитое миро**" (Песн. Песн. 1:2). Оно (доброе слово) наполняешь (слушающих) своим благовонием. Видишь ли: о чем внушает он везде, о том говорить и теперь, когда повелевает каждому назидать

ближнего по мере своих сил? Итак, увещевая других поступать таким образом, тем более (располагай к этому) себя самого. "**И не оскорбляйте**", – говорит, – "**Святого Духа**". Это – слова, приводящие в страх и ужас, которые (апостол) повторяет и в послании к Фессалоникийцам. И там он выразил нечто подобное, сказав: "**Итак, непокорный непокорен не человеку, но Богу"** (1 Фес. 4:4, 8). Так и здесь: если ты скажешь оскорбительное слово, если огорчишь брата, то огорчишь не его, а оскорбишь Духа Святого. При этом (апостол) указываете еще и на благодеяние (полученное от Святого Духа), чтобы тем сильнее было обвинение: "**И не оскорбляйте**", – говорит, – "**Святого Духа Божьего, Которым вы запечатлены в день искупления**" (ст. 30). Он (Святой Дух) сделал нас пажитью царевою, освободил нас от всех прежних (зол), не оставил нас в числе тех, которые подлежать гневу Божьему, и – ты оскорбляешь Его? Смотри, какой там (внушается) страх: "**Итак, непокорный**", – говорит, – "**непокорен не человеку, но Богу**", а здесь – он пристыжает словами: "**И не оскорбляйте Святого Духа Божьего, Которым вы запечатлены**". Пусть эти слова, как печать, лежать на твоих устах; не уничтожай этих знаков. Уста, запечатленные Духом, ничего такого (непристойного) не изрекают. Не говори: не важно, если я произнесу дурное слово, если оскорблю того или другого. Потому-то это и великое зло, что ты почитаешь его ничтожным. Зло, которое почитают ничтожным, легко оставляют в пренебрежении, а оставленное в пренебрежении оно усиливается, усилившись же, становится неизлечимым. У тебя уста запечатлены Духом? Вспомни, какое слово произнес ты сейчас, по своем рождении, вспомни о достоинств твоих уст. Ты называешь Бога своим Отцом и в то же время поносишь своего брата? Помысли о том, почему ты называешь Бога своим Отцом. (Потому ли, что Он Отец) по природе? Но поэтому ты не мог бы (называть Его так). За добродетель? нет, и не за то. Почему же? По одному человеколюбию (Божьему), по Его благосердию, по Его великой милости. Итак, когда ты называешь Бога Отцом, то имей в мысли не только то, что, оскорбляя (своего брата), ты поступаешь недостойно этого благородства, но и то, что ты имеешь это благородство по благости (Божьей). Не срами же своего благородства, – которое сам ты получил по милости, – жестоким обращением со своими братьями. Называешь Бога своим Отцом, и оскорбляешь (своего ближнего)? Это не свойственно сыну Божьему! Дело сына Божьего – прощать врагам, молиться за своих распинателей, проливать кровь за ненавидящих его. Вот что достойно сына Божьего: своих врагов, неблагодарных, воров, бесстыдных, коварных – сделать своими братьями и наследниками, а не то, чтобы своих братьев оскорблять, точно каких невольников.

4. Подумай, кагал слова произносили уста твои, какой они удостаиваются трапезы; подумай, к чему они прикасаются, что вкушают, какую принимают пищу. Ты полагаешь, что, злословя своего брата, ты не делаешь важного преступления? Как же, в таком случае, ты называешь его братом? А если он тебе – не брать, то как же ты говоришь: "**Отче наш**"? Ведь слово – наш указывает на множественность лиц. Подумай, с кем ты стоишь во время тайнодействий: с херувимами, с серафимами. Серафимы не злословят, но их уста имеют одно только занятие – славословить и прославлять Бога. Как же ты будешь вместе с ними говорить: "**Свят, свят, свят**", – после того как произносил своими устами злословия? Скажи мне: если бы царский сосуд, всегда наполнявшийся царскими кушаньями и назначенный на такое употребление, кто-нибудь из слуг употребил для нечистот, посмел ли бы он после этого опять ставить вместе с другими, употребляющимися при царском столе, сосудами, и этот, наполненный нечистотами? Отнюдь нет. Таково же и злословие, таково и оскорбленье (ближнего)! "**Отче наш**". И то ли одно ты произносишь? Вникни и в следующие слова: "**сущий на небесах**". Сейчас ты сказал: "Отче наш, сущий на небесах", – и эти слова возбудили тебя, окрылили твою мысль, внушили, что ты имеешь Отца на небесах. Не делай же ничего, не говори ничего земного. Они вознесли тебя в горний чин, присоединили тебя к небесному лику. Зачем же ты низвергаешься долу? Предстоишь пред престолом Царским, и произносишь злословия! Ужели ты не боишься, что Царь почтет

твой поступок за оскорбление себе? Когда раб, пред нашими глазами, наносить удары другому рабу и поносить его, то, хотя бы он делал это и по праву, мы тотчас взыскиваем, принимая такой поступок за обиду себе; а ты, поставленный вместе с херувимами пред престолом Царя, поносишь своего брата? Видишь ли, эти святые сосуды? Они имеют одно назначение: кто же осмелится употребить их на другое? А ты святее их и гораздо святее: зачем же ты оскверняешь себя и мараешь грязью? Стоишь на небесах, и предаешься злословии? Живешь с ангелами, и злословишь? Удостоился лобзания Владычного, и произносишь злословия? Бог украсил твои уста столькими ангельскими песнопениями, удостоил их брашна не ангельского, но свыше ангельского – Своего лобзания и Своих объятий, и ты предаешься злословии? Оставь это, прошу тебя. Такое поведете производить великие бедствия и не свойственно душе христианской. Ужели мы не убедили тебя своими словами, не пристыдили? В таком случае необходимо устрашить тебя. Послушай же, что говорить Христос: "**Всякий кто скажет брату своему: `безумный, подлежит геенне огненной**" (Мф. 5:22). Итак, если он угрожает геенной тому, кто скажет самое легкое (из обидных слов), то чего заслуживает тот, кто произносить более дерзкие укоризны? Научим свои уста доброречию. Отсюда происходить великая польза, а от злоречия – великий вред. Здесь не нужно тратить денег, – приставим только (кустам) дверь и запор, будем угрызать самих себя, как только с нашего языка сорвется оскорбительное слово, будем умолять Бога, будем упрашивать оскорбленного нами, чтобы нам не страдать безвинно, – ведь мы огорчили себя, а не его, – обратимся к лекарству, к молитв и к примирение с обиженным. Если мы должны наблюдать такую осторожность в словах, то тем более – в делах будем к себе строги. Будут ли это твои друзья, будет ли другой кто, кого ты злословил и поносил, извинись пред ними и испроси у них себе наказания. Будем знать, по крайней мере, что злословие есть грех. Если будем это знать, то скорее отстанем от него. Бог же мира да сохранить ваш ум и язык и да оградить твердой стеной – Своим страхом, во Христе Иисус и Господь нашем, с Которым слава Отцу и Святому Духу.

БЕСЕДА 15

"Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякой злобой да будут удалены от вас" (Еф. 4:31).

1. Как рои пчел никогда не садятся в нечистый сосуд, и потому люди, опытные в этом, приготовляют для них место, окуривая его курениями, мастиками и всякого рода благовониями, обрызгивают ароматными винами и всякими другими составами корзины, в которые они должны садиться, отроившись из ульев, и делают все это для того, чтобы неприятный запах, противный пчелам, не заставил их лететь прочь, – так все это применимо и к Святому Духу. Наша душа есть как бы какой сосуд или корзина, в которой могут помещаться рои духовных дарований; но, если она наполнена желчью, горечью и гневом, то эти рои отлетают от нее прочь. Поэтому-то этот блаженный и мудрый домохозяин тщательно очищает наши сосуды, не употребляя для этого ни ножа, ни другого какого железного орудия. Он призывает нас в этот духовный улей и, устраивая его, очищает его молитвами, трудами и всякими другими средствами. Посмотри, как он очищает паше сердце: отгоните, говорить, ложь, отгоните гнев; и при атом показывает, как можно истребить зло с корнем: да не будем, говорить, гневливы духом. С нашей желчью обыкновенно бывает, что если ее немного, то и движете ее не сильно, когда расторгнется вместилище, но когда ее едкость и острота доведены до слишком сильной степени, то заключавшее ее доселе вместилище, будучи уже не в состоянии доле задерживать ее в себе и лопая как бы от сильного огня, действительно больше не удерживает ее в надлежащих границах; треснув от чрезмерного напряжения, он извергает ее себя и она расходится по всему телу. И дикий и лютый зверь, приведенный в город,

пока находится и огражденном месте, никому не может сделать вреда, сколько бы ни бесновался и ни кричал; но если, разъярившись, он перескакивает ограду, то производить страх и тревогу в целом город и заставляет всех бежать от себя: таково же и естественное свойство желчи. Пока она находится в своих границах, то не производить в нас никакого важного вреда; но когда лопнет ее оболочка, и ей уже ничто не мешает разлиться по всему телу, тогда-то она, несмотря на свое крайне незначительное количество, по причине своей качественной силы проникает собою все элементы тела и портит их своей дурной примесью. Так, касаясь крови, к которой она близка и по месту и по качеству, разгорячает ее и все, что ни есть вблизи ее, делает излишне влажным и обращает в желчь; затем производить беспорядок и в других частях тела и, таким образом, все перепортив собою, лишает человека употребления языка и доводить его до смерти, изгоняя из тела душу. Но для чего мы говорим обо всем этом с такой подробностью? Для того, чтобы нам, через сравнение с чувственной желчью, лучше понять весь нестерпимый вред желчи духовной, – как она, производя совершенное расстройство в нашей душ, от которой рождается, причиняет ей совершенную погибель, – и чтобы, зная это, мы береглись, как бы не испытать на себе (ее вредного действия). Как та (желчь вещественная) производить воспаление в телесном составе, так эта (духовная) разжигает наши мысли и низводить того, кем овладевает, в геенскую пропасть. Итак, чтобы нам, после того как мы все это тщательно рассмотрели, избежать этого зла, обуздать этого зверя, а лучше – чтобы с корнем вырвать, для этого послушаем слов Павла: "**Всякое раздражение**", – не сказал: да очистится, – "**да будет удалено от вас**". В самом деле, какая мне надобность удерживать ее при себе? Для чего мне держать у себя зверя, которого можно удалить из души и прогнать далеко прочь? Послушаем же слов Павла: "**Всякое раздражение да будет удалено от вас**". Но, к сожалению, вот какое у нас замешательство. Тогда как следовало бы всячески стараться об этом, некоторые так неразумны, что считают за счастье для себя такое зло, гордятся им, тщеславятся и возбуждают зависть в других. Такой-то, говорят, человек желчный, настоящий скорпион, змей, ехидна: его страшно боятся! Что боишься ты, возлюбленный, желчного человека? Боюсь, говорить, чтобы он не сделал мне вреда, не оскорбил меня. Я неопытен в коварстве, как он, и потому боюсь, чтобы он не завлек меня в свои сети, как человека простого и неспособного проникать в его замыслы, и не опутал нас своими ковами, приготовленными для нашего обмана. Смешно! Почему? Потому что такие слова приличны детям, которые боятся того, что нисколько не страшно. В самом деле, никто столько не заслуживает презрения, никто столько не достоин посмеяния, как желчный и злой человек. Ведь ничего нет бессильнее злобы: она делает (человека) бессмысленным и безумным.

2. Разве вы не видите, что злоба слепа? Разве вы не слышали, что копающий яму ближнему роет ее для себя? Но как же, скажут, не бояться человека, предавшегося гневу? Если должно бояться демонов и сумасшедших, то должно бояться и гневливых людей, как безумцев, все делающих без рассуждения. Соглашаюсь и я с этим, но отнюдь не согласен с тем, будто в делах надобно прибегать к помощи таких людей. Для успешного ведения дел всего больше необходимо благоразумие; коварство же, злоба и лукавство более всего препятствуют нам сохранять благоразумие. Не видите ли, каковы бывают тела, в которых разливается желчь, как они бывают невзрачны, совершенно потеряв естественный свой цвет? Как они бывают слабы, немощны и ни к чему не способны? Таковы же и души, одержимые этой болезнью. Коварство – это не что иное, как желчная болезнь души. Итак, коварство ни мало не сильно, отнюдь нет. Хотите ли я опять уясню для вас свои слова примером, представив вам образец (человека) коварного и простого? Авессалом был коварен и всех привлек на свою сторону. Смотри же, каково было это коварство. Он ходил, как сказано, (близ врать) и всякому говорил: "**Некому выслушать тебя**" (2 Цар. 15:3), – желая привлечь этим на свою сторону. А Давид был прост. Что же? Смотри, каков был успех того и другого, смотри, как тот оказался безрассудным. Так как он имел в виду

только то, как бы вредить своему отцу, то и был слеп относительно всего остального. Но Давид не так, потому что "**Кто ходит в непорочности, тот ходит безопасно**" (Прич. 10:9), – то есть, кто ничего не замышляет на других, не готовить никому зла. Итак, послушаемся блаженного Павла и пожалеем о злонравных людях, будем оплакивать их и всячески стараться употреблять все миры к тому, чтобы освободить их душу от этого зла. И не безрассудно ли это, – что мы стараемся ослаблять силу желчи, – хотя она и необходимый элемент (в теле), так как без нее человек не может жить – я разумею желчь стихийную, – не безрассудно ли говорю, что мы стараемся ослаблять ее силу, несмотря на то, что она весьма полезна для нас, и между тем нисколько не заботимся и не стараемся о том, чтобы подавлять в себе желчь душевную, которая ни к чему не полезна, напротив производить столько зла? "**Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем**", – сказано, – "**тот будь безумным, чтобы быть мудрым**" (1 Кор. 3:18); или как еще говорить св. Лука: "**принимали**" (верующие) "**пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога и находясь в любви у всего народа**" (Деян. 2:46). Не видим ли мы и теперь, что люди простые и нековарные пользуются от всех общим уважением? Никто таким людям не завидует в счастье, никто не нападает на них в несчастии; но все радуются их благополучию и сожалеют об них, если их постигает несчастье. Напротив, когда благоденствует человек злонравный, то все скорбят об этом, как бы о каком несчастии; а если он впадает в несчастье, то все этому радуются. Пожалеем же о таких людях, потому что они везде, на каждом шагу, имеют у себя врагов. Иаков был простосердечен, но победил злонравного Исава, потому что "**В лукавую душу не войдет премудрость**" (Прем. 1:3). "**Всякое раздражение да будет удалено от вас**", так чтобы ее уже нисколько не оставалось. Иначе этот остаток, если будет возбужден, то, подобно искре, произведет внутри целый пламень. Итак, тщательнее рассмотрим, что такое эта горесть: ей подвержен человек коварный, хитрый, злокозненный, подозрительный; от нее всегда рождается гнев и ярость, потому что невозможно такой душе оставаться в спокойствии. Горесть – корень гнева и ярости. Такой (человек) угрюм, никогда не отдыхает душой, всегда задумчив, всегда мрачен, потому что, как я сказал, эти люди первые испытывают на себе дурные последствия своего злого нрава. "**И крик**". Что это? И почему (апостол) запрещает "**крик**"? Потому что таков должен быть (человек) кроткий. Крик – это конь, имеющий своим всадником гнев. Смири коня и победишь всадника. Пусть выслушают это с особенным вниманием женщины, потому что они особенно любят кричать и шуметь во всяком деле. В одном только случае полезно говорить громко, это – в проповедовании и учении, а более нигде, ни даже в молитве. Если ты хочешь проверить наши слова на деле, то воздерживайся всегда от крика, и ты никогда не придешь в гнев. Вот способ укрощения гнева! И как невозможно разгневаться тому, кто удерживается от крика, так невозможно не придти в гнев тому, кто кричит. Не говори мне здесь о людях враждующих, злопамятных, злобных и раздражительных: у нас теперь идет речь о немедленном погашении этой страсти.

3. Итак, если мы приучим себя воздерживаться от крика и брани, то это немало может способствовать нам к укрощению души. Подави крик, и ты этим отнимешь крылья у своего гнева, укротишь волнение сердца. И как невозможно, не поднимая рук, вступить в кулачный бой, так невозможно, не поднимая крика, предаться гневу. Свяжи руки у бойца и вели ему биться, – он не в состоянии будет этого делать; точно также не может и гнев. Крик яге возбуждает гнев даже и тогда, когда его нет. Особенно скоро, в подобном случае, (гнев) овладевает женщинами. Когда женщина прогневается на своих служанок, то весь дом наполняет своим криком. И как часто случается, что дом бывает выстроен на тесной улиц, то все мимоходящие слышать ее брань и вопли служанки. Что может быть постыднее, как слышать чьи-либо вопли? Все тогда начинают подслушивать и спрашивать: что такое там случилось? Такая то, говорят, бьет свою служанку. Как это безобразно, какой стыд! Но что же, (скажут), ужели вовсе не нужно прибегать к наказаниям? Я этого не говорю: нужно, но только не беспрестанно, не без меры, не из

желания выместить на других свою досаду, даже и не за неисправность, как я постоянно говорю, но лишь тогда, когда она вредит своей душе. Если ты по этому побуждению взыскиваешь с нее, то все будут хвалить тебя, и никто не осудить. Если же (ты бьешь ее) по своей прихоти, то все признают твою горячность и жестокость. И что всего постыднее, некоторые так бывают жестоки и безжалостны, до того бичуют (своих служанок), что раны не сходят с них целый день. Он обнажают девиц и, при содействии мужа, часто привязывают их к стульям. Увы, скажи мне, ужели в это время тебе не приходить на память геенна? Но ты обнажаешь девушку, и показываешь мужу: ты не стыдишься того, что они тебя осудить? Напротив ты, как можно сильнее, побуждаешь его к жестокости, настаиваешь связать ее, и, прежде всего, осыпаешь бедную и несчастную тысячей бранных слов, называя ее фессалинкою[1], беглянкой, проституткой. Гнев не щадит твоих уст, имя в виду одно, как бы досадить виновной, хотя бы с позором для себя. После всего этого, прогневанная садится на своем месте, подобно тирану, призывает отроков и, давши приказ глупому мужу, употребляет его вместо палача. Должно ли это происходить в христианских домах? Но, говорят, так поступают с людьми лукавыми, бессовестными, бесстыдными и неисправимыми. Знаю это и я. Но их можно бы исправлять иным образом, напр., страхом, угрозами, словами и при том такими, которые бы могли подействовать на них и в то же время не унижали тебя. Ты, будучи благородной женщиной, произносишь постыдные слова и этим ты не столько ли же бесчестишь и себя, сколько ее? Потом, если ей понадобится пойти в баню, то раны на ее обнаженной спине не будут ли свидетельствовать о твоей жестокости? Но, говорят, рабы делаются негодными, если их предоставить самим себе. Я и это знаю; но исправляй их, как я уже говорил, иначе, не бичами только, не страхом, но и лаской, и добрым обращением. Она стала твоей сестрой, если она верующая. Помни, что ты ее госпожа, она тебе служить. Если она склонна к пьянству, отними у ней возможность пьянствовать, призови мужа, увещевай. Ужели ты не понимаешь, как тебе неприлично бить женщину? Законодатели, установившие много наказаний для мужчин, и костры и пытки, редко приговаривают к этому женщину, но простирают строгость только до сечения розгами. Они так снисходительны к их полу, что в необходимых случаях даже освобождают их от тяжелых наказаний, особенно когда они бывают беременными. Неприлично мужчине бить женщину; если же (неприлично это) мужчин, то тем более той, которая с ней одного пола. Это делает и жен ненавистными для своих мужей. Но что делать, говорят, если она предается распутству? Выдай ее замуж, пресеки повод к распутству, не позволяй развратничать. Но что, если она ворует? Наблюдай и присматривай за ней. О, скажешь, что за претензии? мне быть сторожем? Какое безумие! Отчего же, скажи, и не быть тебе ее сторожем? Разве у тебя не такая же душа, как и у нее? Разве она не удостоена тех же (даров) от Бога? Не к одной ли она приступает с тобой трапез? Не разделяет ли она и твоего (духовного) благородства? Что же, говоришь ты, если она бранчива, сварлива, склонна к пьянству? А сколько есть таких и между свободными женами? Господь повелел мужам переносить все недостатки жен. Пусть только, говорить, твоя жена не будет прелюбодейкой, и ты сноси все другие ее недостатки. Если она склонна к пьянству, если бранчива и сварлива, если завистлива, если расточительна, если любить пышные наряды, – тебе необходимо исправлять ее. Для того ты ее глава. Исправляй же, делай для этого то, что от тебя зависит. Если она остается неисправимой, если ворует, – храни свое имущество, но не наказывай ее так жестоко. Если она сварлива, загради ее уста. Это (правило) высшего любомудрия. А между тем некоторые доходят до такого бесстыдства, что срывают у служанок покрывала с головы и таскают их за волосы.

4. Что вы все покраснели? У нас речь не обо всех, но только о тех, которые предаются такой зверской жестокости. Жена да не будет непокровенна (1 Кор. 11:6), говорить Павел; а ты совершенно лишаешь ее покрывала? Видишь ли, как ты оскорбляешь саму себя? Если она явится к тебе с непокрытой головой, ты называешь это оскорблением; а между

тем сама, обнажая ее, ты не считаешь своего поступка непристойным? Потом ты говоришь: что мне делать, если она не исправляется? Вразуми ее розгой и ударами. При том (подумай), сколько и у тебя самой недостатков, и ты не исправляешь их? Говорится теперь это не в защиту их (служанок), а для вашей пользы, свободные женщины, чтобы вы не делали ничего неприличного и унизительного, чтобы не вредили себе. Если ты дома приучишь себя к тихому и кроткому обращению со служанкой, то тем более такой будешь по отношению к своему мужу. Если ты даже там, где ты свободна в своих поступках, не будешь делать ничего подобного, то тем более не будешь делать этого там, где есть к тому препятствие. Таким образом благоразумное обращение со служанками весьма много может вам способствовать к приобретению благосклонности у своих мужей. "**Какой мерой мерите**", – сказано, – "**такой и вам будут мерить**" (Мф. 7:2). Обуздай свои уста. И если ты научишься твердо переносить строптивость служанки, то ты не будешь огорчаться и тогда, когда потерпишь обиду от равной себе; когда же ты не будешь огорчаться этим, то ты достигнешь высокого любомудрия. Но иные в гневе употребляют даже проклятия: ничего не может быть хуже, как выражать свой гнев таким образом. Что же мне, скажешь ты, делать, если она (служанка) любит украшать свою наружность? Удержи ее от этого, и я одобрю, но удержи, начавши с себя самой, не столько страхом, сколько своим примером. Будь ей во всем первым образцом. И "**злоречие**", – говорить (апостол), – "**да будет удалено от вас**". Замечай, как происходить зло: горесть рождает гнев, гнев – ярость, ярость – крик, крик – хулу, т. е. бранные слова, затем хула – удары, удары – раны, раны – смерть. Но ничего подобного Павел не хотел сказать, а сказал только: "**Со всякой злобой да будут удалены от вас**". Что такое – "**со всякой злобой**"? Всякая злоба ведет к этому концу. Есть (люди, которые) подобны тем хитрым собакам, что не лают и не нападают прямо на проходящих, но притворяясь смирными и кроткими, схватывают неосторожных и вонзают в них свои зубы. Такие гораздо хуже нападающих прямо. Так как и между людьми есть собаки, которые, не прибегая к крику, к гневу, к оскорблениям и угрозам, строят тайные ковы и приготовляют другим тысячу зол, мстя им делами, то (апостол) указал и на таких. "**Да будут удалены от вас**", – говорит, – "**со всякой злобой**". Не мсти и делами, если щадишь слова. Для того я удержал твой язык, остановил крик, чтобы в тебе не возгорелся сильнейший пламень. Если же ты и без крика делаешь то же самое, таишь внутри себя пламень и угли, то что пользы в твоем молчании? Разве ты не знаешь, что те пожары хуже, которые таятся внутри и не бывают видны снаружи? Не также ли и раны, которые не выходят наружу, а производясь воспаление внутри? Так и тот (скрытый) гнев хуже и вреднее для души. Но и он, говорить (апостол), "**со всякой злобой да будут удалены от вас**", как малой, так и великой. Будем же послушны ему и изгоним из себя всякую горесть, всякую злобу, чтобы нам не оскорбить Святого Духа. Истребим горесть с корнем, отсечем ее от себя. Ничего доброго не может быть душе, наполненной горечью, ничего полезного, но от нее все несчастья, все слезы, все вопли и стенания. Не видите ли, как мы отвращаемся от тех зверей, которые кричать, именно от львов, от медведей, но не от овцы, так как у ней нет крикливости, а тихий голос? Равным образом из музыкальных инструментов т, которые издают крикливые звуки, неприятны для слуха, как, например, тимпаны, трубы, а те, которые обладают тихими звуками, приятны, каковы: флейта, цитра и свирели. Итак, настроим свою душу удерживаться от крика, и этим мы сможем подавить в себе гнев. А когда мы отгоним от себя (гнев), то сами первые насладимся спокойствием и приплывем в тихую пристань, куда да будет дано всем нам достигнуть во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Фессалинки в древности слыли за чародеек, как это можно видеть у Аристофана и его комментаторов, также у Свиды и других. У латинских поэтов и писателей это было общим местом.

БЕСЕДА 16

"Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякой злобой да будут удалены от вас; но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас (Еф. 4:31, 32).

1. Если нужно получить царство небесное, то недостаточно освободиться от греха, но нужно еще много упражняться и в добродетелях. От порочных действий нужно удерживаться для того, чтобы освободиться от геенны; а чтобы наследовать царство (небесное), необходимо стяжать добродетель. Разве вы не знаете, что так бывает и в светских судилищах, когда происходить исследование какого-либо дела и в собрание стекается весь город? И там был древний обычай – увенчивать золотым венцом не того, кто не сделал зла городу, – потому что за это он только не подвергается наказанию, – но того, кто оказал много благодеяний. Таков путь к этой, почести! Но я не знаю, как случилось, что едва не ускользнуло от меня то, что преимущественно необходимо было сказать вам; я восстановлю первую часть этого отдела, сделав в нем небольшую поправку. Когда я говорил, что для того, чтобы не впасть в геенну, достаточно нам воздерживаться от худого, то, пока я говорил, мне пришла на мысль некоторая страшная угроза, обещающая наказание не тем, кто дерзнул (сделать) какое-либо зло, но тем, которые опустили (сделать) что-либо доброе. Что же это за угроза? Когда наступить, сказано, и придет страшный Господний день, то Судья, воссевши на седалище, и поставивши овец с правой стороны, а козлищ с левой, скажет овцам: "**Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть**" (Мф. 25:34, 35). Это прекрасно, – потому что следовало им за такое великое милосердие получить такое воздаяние. Но когда те, которые не уделяют нуждающимся из того, что имеют сами, наказываются не только лишением благ, но и посылаются в огонь геенский, – какой в этом смысл? Конечно, и здесь не мене благоприличный смысл, чем в предыдущем. Через это именно мы научаемся, что творящие благое насладятся благами на небесах; а т, которых нельзя обличить ни в чем худом, но которые (опустили) сделать что-либо доброе, повержены будут в огонь геенский вместе с творившими злое. Можно сказать, что не делать добра – есть уже отчасти ало, потому что показывает леность, а леность есть (составная) часть зла, или вернее, не часть, а повод к злу и корень зла. Ведь всякому злу научила праздность. После этого не безрассудно ли задаем мы вопросы, в роде того: какое займет место ничего не сделавший худого, и ничего доброго? Не делать добра значит – делать зло. Скажи мне, в самом деле, если есть у тебя какой-нибудь слуга, не вор, не наглец, не грубиян, к тому же воздерживающийся от пьянства и от всего прочего, но который постоянно сидит праздным и ничего не делает такого, что слуга обязан исполнять для господина, – разве ты его не подвергнешь бичеванию и истязаниям? Конечно, скажешь ты. А между тем он ничего не сделал дурного. Значить, это-то самое и худо (что он ничего не делал доброго). Но, если угодно, поведем речь и о другом образе жизни. Возьмем в пример земледельца: пусть он нисколько не причиняет ущерба нашему имуществу, не клевещет, не ворует, а только, сложа руки, сидит дома, – не сеет, не проводить борозд, не запрягает волов, не ухаживает за виноградником, вообще не прилагает никакого попечения о земле. Разве мы не накажем такого"? И, однако, он не сделал никакой неправды, и нам не в чем обвинить его. Но этим самым (бездействием) он и совершил неправду, потому что, по общему понятию, неправедно поступает тот, кто не принимает со своей стороны участия в общем деле. Что, скажи мне, если бы каждый из художников и ремесленников нисколько не

делал вреда ни тому, кто занимается отличным от него ремеслом, ни тому, кто – одинаковым, а только находился бы в бездействии, не была ли бы для вас погублена и утрачена таким образом целая жизнь его? Если угодно, мы распространим свою речь и на тело: так, пусть рука не бьет головы, не вырывает языка, не выкалывает глаза и вообще не делает никакого подобного зла, а только остается праздной и но исполняет своей службы всему телу: разве несправедливо будет отсечь ее, вместо того, чтобы носить ее праздной и вредной для всего тела? Или, если рот не съедает рук, не кусает груди, а только не делает ничего, что ему следовало бы делать, – не гораздо ли лучше зажать его? Итак, если и по отношению к рабочим, и по отношению к художникам; и по отношению ко всему телу большая несправедливость – не только совершение какого-либо зла, но даже и бездействие в добре, – то тем более это бывает (несправедливо) со стороны (членов) тела Христова.

2. Потому-то и блаженный Павел, отвлекая нас от неправды, ведет к добродетели. Да и что пользы, скажи мне, в том, если будут вырваны все терния, но не будут посеяны полезные семена? Труд опять послужить нам к такому же вреду, если останется недовершенным. Потому-то и Павел, усильно заботясь о нас, дает нам заповеди не только об отсечении и удалении злых деле, но и побуждает в скором времени показать насаждение деле добрых. Сказавши: "**Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякой злобой да будут удалены от вас", он присовокупил: "но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга**", – потому что это – навыки и расположения, и недостаточно удалиться от одного навыка, чтобы вместо него приобрести другой (противоположный), но нужно снова некоторое движение и стремление, не меньшее, чем при удалении от злых дел, для того, чтобы стяжать дела добрые. И в отношении к телу, черный, освободившись от этого качества, еще не вдруг делается белым. Впрочем, не станем говорить о предметах физических, но приведем пример из мира нравственного. Тот, кто не враг, не есть и полный друг: есть нечто среднее между враждой и дружбой, в каковых отношениях к нам большая часть людей преимущественно и находится. Тот, кто не плачет, еще не всегда смеется, но есть состояние среднее. Так и здесь, кто не досадителен, тот еще не совершенно добр, и кто не гневлив, тот не совсем участлив. Но нужно еще особое старание, чтобы стяжать такое благо. И смотри, как по требованиям лучшего земледелия блаженный Павел очищает и возделывает землю, вверенную ему Земледельцем: он выбросил гнилые смена, потом увещевает приобрести надлежащие растения. "Будьте добры", – говорит он. Если после того, как терния будут вырваны, земля будет оставаться праздной, то снова возрастить бесполезные травы. Поэтому нужно наперед отдых и праздное состояние ее сменить посевом добрых семян и растений. (Апостол) уничтожил гнев, – положил доброту; уничтожил досаду, – положил сострадательность; вырвал злобу и злоречие, – насадил помилование. Слова: "**прощайте друг друга**" – это именно и означают. Будьте, говорить он, склонны к прощению (обид), потому что такая милость больше (той, какая оказывается) в делах денежных. Тот, кто прощает деньги сделавшему у него заем, делает прекрасное и достойное удивления дело; но такая милость (касается) тела, хотя он и приемлет себе воздаяние сокровищами духовными и относящимися к душе. Но тот, кто простил грехи, принес пользу душе – и своей собственной, и того, кто получил прощение, потому что таким образом действий он сделал более кротким не только себя, но и его. Мы не столько, преследуя обидевших нас, уязвляем их души, сколько, прощая их, приводим их в смущение и стыд. Между тем (поступая мстительно) мы не приносим пользы ни самим себе, ни им, а напротив и им, и себе вредим, "**теряя мзду**" (Ис. 1:21), подобно начальникам иудейским, и возжигая гнев во врагах. Если же за несправедливость мы заплатим кротостью, то, утоливши весь гнев его (врага), мы через это при нем самом как бы воссели на судилище, решающее дело в нашу пользу и сильнее осуждающее его, чем нас. Он сам обвинит себя и осудит, и будет искать всякого случая, чтобы отплатить за

оказанную ему долю великодушия еще большей мерой, зная, что если он отплатить равной, то окажется ниже, потому что не первый начал, но получил пример от нас, и потом принес меньше (нас). Итак, он будет стараться превысить меру, чтобы недостаток, какой потерпел он оттого, что вторым пришел к отплате, уничтожить чрезмерностью отплаты, и чтобы ущерб, который от времени потерпел тот, кто прежде подвергся страданиям (от обиды), сделать общим посредством чрезвычайной кротости. Люди, если они благодарны, не столько сетуют о зле, сколько о добре, которое получают от обиженных ими, потому что и нечестиво, позорно и смешно, получая благодеяния, не воздавать тем же. Когда потерпевший зло не воздает тем же, это привлекает ему похвалы, рукоплескания и одобрение от всех; потому-то в особенности (получающие такие благодеяния) и уязвляются этим. Итак, если хочешь мстить, мсти этим способом; воздавай добром за зло, чтобы сделать его (врага) должником и одержать дивную победу. Потерпел ты зло? Делай добро, и таким образом мсти врагу. Если ты его преследуешь, то все порицают равно и тебя, и его; если же ты перенесешь (обиду), то, наоборот, тебе будут рукоплескать и удивляться, а его обвинять.

3. Что может быть неприятнее для врага, как видеть, что сопернику его все удивляются и рукоплещут? Что горче для врага, как видеть, что его все охуждают в глазах его неприятеля? Если ты ему отомстишь и, может быть, обвинишь его, ты отомстишь один; а если простишь ему, то все отомстят ему за тебя, а это (то есть) – иметь врагу стольких мстителей – тягостнее, чем терпеть зло. Если ты откроешь уста, замолчать они; если же замолчишь ты, то поразишь его не одними устами, но тысячами других, и так отомстишь гораздо более. Когда ты станешь порицать (врага), то многие тебя осудят, именно скажут, что это – слова страсти; а когда ничем не обиженный станет осыпать его порицаниями, тогда мщение совершенно чисто от всякого подозрения. И действительно, когда те, которые не потерпели ничего неприятного, по причине чрезмерной твоей кротости, вместе с тобою скорбят, как обиженные, то это мщение свободно от всякого подозрения. Что же, скажут, неужели никто не мстить? Быть не может, чтобы люди были каменные, так что не удивились бы, при виде такого любомудрия. И хотя бы в то время они и не отомстили, но впоследствии, будучи в состоянии (это сделать), сделают: насмеются над ним и охулят его. Да если и никто другой не удивится тебе, он сам вполне удивится, хотя и не скажет этого. Ведь понятие о добре, хотя бы мы впали в самую бездну зла, остается у нас невредимым и несокрушимым. Почему, думаешь ты, Господь наш Христос говорит: "**Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую**" (Мф. 5:39)? Не потому ли, что чем более кто будет великодушен, тем более и себе и ему принесет великой пользы? Для того повелел Он обратить и другую (ланиту), чтобы исполнить пожелание разъяренного. Кто такой зверь, чтобы не пришел наконец в себя? Говорят, что и собаки так поступают: когда они залают и нападут на кого-нибудь, то стоит тому упасть навзничь, и они ничего не сделают, и это потушает всю их ярость. Итак, если и они стыдятся того, кто выказывает готовность потерпеть от них зло, то тем более – род человеческий, который разумнее. Но стоит упомянуть о том, что пришло на память не много прежде и приведено было в доказательство. Что же это? Мы говорили о иудеях и их начальниках, что они обвиняются (Богом), как гонящие "**мзду**" (Ис. 1:23). Хотя им и дозволял это закон: "**Око за око, зуб за зуб**" (Лв. 24:20), но не для того, чтобы они выкалывали друг другу глаза, а чтобы по страху потерпеть (тоже взаимно) удерживали дерзость, не делали ничего худого другим и сами не терпели того же от других. (Слова): "**Око за око**" сказаны для того, чтобы связать руки его, а не для того, чтобы направить против него твои, – и не для того, чтобы обезопасить от вреда только твои глаза, но и для того, чтобы сохранить целыми и его глаза. Но, как я уже спрашивал, для чего, если мщение было позволено, те, которые употребляли его на деле, подвергались обвинению? Что это значить? Это направлено против злопамятства. Потерпевшему зло позволялось тотчас действовать (сообразно с ним), для того, как я сказал, чтобы удержать обидчика; но

отнюдь не позволялось помнить зла. Злопамятство есть дело не гнева и не пылкого увлечения, но обдуманной злобы. Бог снисходить тем, кто внезапно подвергся оскорблению и устремился на мщение; потому и говорится: "**Око за око**". А в другом месте: "**На пути зла – смерть**" (Прич. 12:28). Если же, несмотря на то, что дозволено вырвать око на око, полагается такое наказание злопамятным, то не тем ли большее (потерпят) те, которым повелено быть готовыми к перенесению зла? Итак не будем злопамятны, но погасим гнев, чтобы сподобиться милости от Бога. "**Какой мерой мерите**", – говорит Он, – "**такой и вам будут мерить**" (Мф. 7:2). Будем же человеколюбивы, и сострадательны к сорабам, чтобы и в настоящей жизни избежать сетей, и в день будущий получить от Него прощение, благодарю и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 17

"Будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас. Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные, и живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное" (Еф. 4:32; 5:1–2).

1. То, что прошло, имеет большую силу и представляется более дивным и вероятным, чем то, что имеет случиться. Потому-то и Павел делает увещание на основании того, что было, – так как оно имеет большую силу, по причине Христа. Сказать: отпусти, и отпустится тебе, и: если не отпущаете, не отпустится и е вам, – такие слова много могут значить для людей любомудрых и верующих в будущее. Но Павел усовещивает не только этим (будущим), но и тем, что уже случилось, потому что (убеждаться) тем значить бегать наказания, а этим – быть причастником какого-либо блага. Подражай, говорит, Христу: этого одного достаточно для увещания к добродетели, т. е. для того, чтобы подражать Богу. Это убедительнее тех слов: "**Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф. 5:45). Он не просто сказал, чтобы мы подражали Богу, но выражает желание, чтобы в отношении к тому, чем мы наслаждаемся, мы выказывали друг к другу отеческое расположение. Расположением же этим называется милосердие и соболезнование. И так как людям невозможно не огорчать и не огорчаться, то он нашел другое лекарство – чтобы мы прощали друг другу: "**Прощайте**", – говорит, – "**друг друга**". Но в этом нет ничего похожего (на прощение Божье), потому что если ты кому простишь, то и он тебе простить, а Богу ты ничего простить не можешь. При том ты (прощаешь) сорабу, а Бог – рабу и врагу и ненавидящему Его. "**Как и Бог**", – говорит, – "**во Христе простил вас**". И эти слова весьма загадочны; впрочем, вот что он говорить. Не просто, говорить, без всякой опасности простил, но – с опасностью для Сына, потому что, для помилования тебя, принес в жертву Сына. А ты, хотя тебе и часто представляется безопасное и ничего нестоящее помилование, не делаешь его. "**Итак, подражайте Богу, как чада возлюбленные, и живите в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное**". Чтобы ты не подумал, что это было делом необходимости, послушай, что не просто он сказал, но: "**предал Себя**", как бы говоря: Владыка возлюбил тебя, когда ты быль врагом; люби же ты друга; а если ты не можешь этого, делай, по крайней мере, что можешь. О, что может быть благостнее этих слов? Назовешь ли ты царство, или другое что-либо, – ничто не будет равняться с ними. Ты подражаешь Богу, ты уподобляешься Богу, когда вместе с Ним прощаешь. Грехи нужно прощать скорее, чем долги денежные, потому что если ты простишь деньги, ты этим не будешь подражать Богу, а если будешь прощать грехи, ты будешь подражать Богу. Во всяком случае, как ты можешь говорить: я беден и не могу простить, – когда не

прощаешь и того, что можешь? Если же и прощение грехов ты будешь почитать для себя делом убыточным, то что ж произойдет, когда дело коснется твоего богатства, имущества, пожитков? "**Итак, подражайте Богу**". А вот и еще прекраснейшее увещание: "**Как**", – говорит, – "**чада возлюбленные**". У вас есть и другая необходимость подражать Ему, – не только потому, что вы Им облагодетельствованы, но и потому, что сделались чадами. "**Как чада возлюбленные**". Так как не все сыновья подражают отцам, но только возлюбленные, то и говорит: "**Как чада возлюбленные, и живите в любви**". Вот и основание всего: если будет любовь, то не будет ни ярости, ни гнева, ни крика, ни брани, – все это будет уничтожено. Потому он и поставляет главнейшее на конце. Почему ты сделался чадом? Потому, что тебе прощено. На том же основании, на каком удостоен ты столь высокой чести, и сам ты прощай ближнему. Скажи мне: если бы кто-нибудь тебя, узника и виновного в бесчисленных злодеяниях, возвел на царство.... А лучше, оставим это. Если бы кто тебе, когда ты быль и горячке и боролся со смертью, помог каким-нибудь лекарством, – но превознес ли бы ты выше всего этого человека и даже самое название лекарства? Если к временам и местам, с которыми связано получение пользы, мы тяготеем как к собственной душе, – то тем более – к самым действиям. Будь привержен к любви, потому что через нее ты спасен, через нее сделался сыном (Божьим); и если в состоянии будешь спасти другого, то ужели ты не воспользуешься тем же лекарством и не станешь всех увещевать: отпустите, чтобы отпущено было вам (Лк. 6:37)? Так поступать – дело душ признательных, свободных и благородных. "**Как и Христос**", – говорит, – "**возлюбил нас**". Ты милуешь друзей, а Он – врагов; следовательно, то, что сделал Владыка, гораздо важнее. Да и как иначе слово – "**как и**" удержит свой смысл? Не ясно ли, что (в таком только случае), если мы будем благотворить врагам? "**И предал Себя за нас в приношение и жертву Богу, в благоухание приятное**". Видишь ли, что страдание за врагов есть благоухание приятное и жертва угодная? Хотя бы ты и умер, и тогда будет жертва: вот что значит подражать Богу. "**А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым**" (ст. 3). Сказав о грубой страсти – о гневе, (апостол) переходит к меньшему злу. А что сладострастие есть меньшее зло, послушай, как и Моисей в законе говорить сначала: "**не убей**", – что относится к гневу, – а потом: "**не прелюбодействуй**", – что относится к сладострастию. Как горечь, и крик, и всякое зло, и злоречие и все подобное происходят от гневливости, так блуд, нечистота, любостяжание – от (сладострастного) пожелания, потому что и любовь к деньгам, и любовь плотская – одна и та же страсть. И как там он уничтожил крик, эту колесницу гнева, так теперь отсекает сквернословие и шутки, колесницу распутства. "**Также сквернословие**", – говорит, – "**и пустословие и смехотворство не приличны вам, а, напротив, благодарение**" (ст. 4). Не произноси слов ни шутливых, ни постыдных, и не приводи их в действие, и ты угасишь пламя. "**Не должны даже именоваться**", – говорит, – "**у вас**", то есть, чтобы отнюдь даже не казалось (будто это есть у вас). То же говорил он, и пиша к Коринфянам: "**Есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние**" (1 Кор. 5:1), то есть, будьте все чисты, потому что слова ведут к делам. Потом, чтобы не показаться тяжелым и суровым, и пресекая наклонность к шуткам, присовокупил и причину, говоря: "**Не приличны вам**", т. е. они нисколько (неприличны) для нас, "**а, напротив, благодарение**".

2. Что пользы сказать шутку? Только возбудишь ею смех. Скажи мне, сапожник возьмется ли за какое-нибудь дело, непринадлежащее к ремеслу его, или станет ли приобретать какой-нибудь (ненадлежащий) инструмент? Никак, – потому что чего мы не употребляем, то ничего для нас не стоить. Пусть не будет ни одного слова праздного, так как от празднословия можно перейти к неприличному (разговору). Теперь время не увеселения, но плача, скорбен и рыданий. А ты шутишь? Какой боец, вышедши на арену, оставляет борьбу с противником и произносить шутки? Близ тебя дьявол ходить вокруг, рыкая, чтобы поглотить тебя, все воздвигает и все обращает на твою голову, замышляет, как бы

выгнать тебя из твоего убежища, скрежещет зубами, воет, раздувает огонь против твоего спасения, – а ты сидишь и произносишь шутки, пустословишь и говоришь неприличные речи? Можешь ли же ты успешно одолеть его? Мы забавляемся по-детски, возлюбленные! Хочешь узнать образ жизни святых? Послушай, что говорить Павел: "**Я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас**" (Деян. 20:31). Если же он употреблял такое попечение о милетянах и ефесянах, – не шутки говорил, а со слезами преподавал учение, – то что ты скажешь о других? Послушай, что он говорить и к Коринфянам: "**От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами**" (2 Кор. 2:4); и еще: "**Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?**" (11:29). Послушай, что он говорить еще в другом месте, ежедневно, так сказать, желая переселиться из мира: "**Ибо мы, находясь**" в храмине, "**воздыхае**м" (5:4). А ты смеешься и забавляешься? Время войны, – а ты занимаешься тем, что свойственно плясунам? Не видишь ли ты лиц людей воюющих, как они суровы, как строги, как брови их страшны и полны ужаса? У них ты видишь лице суровое, сердце бодрое, ум отважный, быстрый, сдержанный, осторожный и беспокойный, большое благочиние, большую стройность и великое молчание в рядах; не говорю уже, что они не произносят постыдного слова; они вовсе ничего не говорят. Если же они, сражаясь с врагами чувственными и не будучи в опасности потереть какой-либо вред от слов, наблюдают столь великое молчание, то ты, который должен вести войну и за слова, и даже большую часть войны, – как ты допускаешь этой твоей части оставаться обнаженной? Разве ты не знаешь, что мы здесь подвергаемся многим наветам? Шутишь и забавляешься, говоришь остроты, возбуждаешь смех, и нисколько не думаешь о деле? Сколько от шуток происходить клятвопреступлений, сколько вреда, сколько сквернословия! Но, говорят, эти шутки не таковы. Однако, послушай, – (апостол) изгоняет всякие шутки, Ныне время войны и битвы, бдения и бодрствования, вооружения и приготовления к борьбе. В теперешнее время вовсе не может быть места смеху, потому что это – время мира. Послушай, что говорить Христос: "**Мир возрадуется; вы печальны будете**" (Иоан. 16:20). Христос распялся на крест из-за твоих злодеяний, а ты смеешься? Он потерпел заушения и столько пострадал из-за твоих бедствий и объявшей тебя бури, а ты веселишься? И разве не тем более ты этим Его раздражаешь? Но так как иным это дело кажется безразличном и таким, от которого трудно уберечься, то рассудим немного об этом и покажем, насколько велико это зло. Это дело дьявола – нерадеть о безразличных (поступках). И, во-первых, если бы это было и безразлично, и в таком случае не должно этим пренебрегать, зная, что от этого происходить много зол, которые возрастают и часто оканчиваются любодеянием. А что это не безразлично, видно из следующего. Посмотрим, откуда (этот порок) происходить. Или лучше, посмотрим, каков должен быть святой. Он должен быть тихим, кротким, скорбящим, плачущим, сокрушенным. Следовательно, кто говорит шутки, тот не святой, какой, будь он хотя и эллин, смешон. Это позволительно только играющим на сцене, где гнусность, там и шутки; где безвременный смех, там и остроты. Послушай, что говорить пророк: "**Служите Господу со страхом и радуйтесь [пред Ним] с трепетом**" (Пс. 2:11). Шутливость делает душу слабой, ленивой, вялой; она возбуждает часто ссоры и порождает войны.

3. Что же? Разве ты принадлежишь не к числу мужей? Оставь же то, что свойственно детям. Тебе не нравится, если твой раб говорит на площади что-либо бесполезное; а ты, называя себя рабом Бога, произносишь на площади шутки? Прекрасно, если душа трезвенная, – ее нельзя увлечь; а рассеянной кто не увлечет? Она будет обманута сама собою и не нужно ей будет козней и нападений дьявола. А чтобы тебе лучше узнать (дело), обрати внимание на самое название. Шутником (ευτράπελος) называется человек непостоянный, на все готовый, нетвердый, изменчивый, бывающий всем. Но это – несвойственно тем, которые служат Камню. Такой человек легко изворачивается и переменяется, потому что он должен подражать и изменению лица, и словам, и смеху, и

походке (других) и всему; при том ему нужно выдумывать остроты, потому что для него и это необходимо. Но играть комедии несвойственно христианину. При том охотнику до шуток необходимо терпеть сильную вражду со стороны осмеиваемых им, присутствуют ли они при этом, или услышать со стороны. Если это дело хорошее, то зачем оно предоставляется мимическим актерам? Ты делаешься таким актером, и не стыдишься? Для чего вы не позволяете этого свободным вашим (женщинам)? Разве этим вы не свидетельствуете, что это нечестный обычай и неблагопристойное дело? Много зол гнездится в пристрастной до шуток душе, большая рассеянность и пустота: расстраивается порядок, ослабляется благоустройство, исчезает страх, отсутствует благочестие. У тебя язык не для того, чтобы передразнивать другого, а чтобы благодарить Бога. Разве ты не видишь, так называемых, смехотворов, клоунов? Вот они – шутники. Изгоните, умоляю вас, из душ своих это непривлекательное удовольствие: это дело паразитов, мимических актеров, плясунов и публичных женщин. Пусть будет оно далеко от души свободной и благородной, даже и от рабов. Если кто бесчестен, если кто мерзок, тот и охотник шутить. Многим это дело кажется даже добродетелью, и это достойно слез. Как похоть мало-помалу доводить до любодеяния, так и наклонность к шуткам кажется привлекательной, а между тем менее всего привлекательна. Послушай, что говорить Писание: "**Грому предшествует молния, а стыдливого предваряет благорасположение**" (Сир. 32:12). Но ничего нет бесстыднее шутника; потому уста его исполнены не приятности, а горечи. Изгоним этот обычай из-за трапез. Есть некоторые, которые учат этому даже бедняков. О, нелепость! Шутами делают тех, которые окружены горестями! Где нет этой болезни? Она вошла и в Церковь, она уже коснулась и Писаний. Сказать ли нечто, чтобы показать чрезмерность зла? Стыжусь, а все-таки скажу. Я хочу показать, до чего дошло зло, чтобы не подумали, что я занимаюсь мелочами и рассуждаю с вами о чем-нибудь маловажном, чтобы, хотя этим способом мне можно было отвлечь вас от заблуждения. Пусть никто не полагает, что я выдумываю: я скажу то, что слышал. Случилось кому-то быть у одного из тех, которые тщеславятся ученостью, – я знаю, что возбужу смех, а все же скажу; поставивши стол, этот сказал: „хватайте, дети, чтобы не распалился желудок". Равным образом иные говорят: „горе тебе, мамона, и тому, у кого нет тебя". И много таких нелепостей привнесла шутливость, как, наприм., когда говорят: „теперь нет рождения". Я говорю это, показывая нелепость постыдного обычая, потому что подобные выражения (происходят из) души, чуждой благочестия. Не достойны ли такие (слова) молний? Можно бы найти много и других подобных выражений. Потому, умоляю, изгнавши отовсюду этот обычай, будем говорить то, что нам прилично, и пусть снятия уста не произносят слов, свойственных устам бесчестным и позорным. "**Какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмой?**" (2 Кор. 6:14)? Лучше, если мы, удалившись от всего неприличного, в состоянии будем воспользоваться обещанными благами, чем если, занимаясь этим, погубим через то трезвенность ума. Человек шутливый скоро делается злоречивым; а злоречивый способен к бесчисленному множеству и других пороков. Итак, упорядочивши эти два душевные состояния и подчинивши их разуму, как послушных коней, – я разумею похоть и гнев, – поставим над ними возницей ум, чтобы получить награду вышнего звания, которой да сподобимся все мы во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 18

"Ибо знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога. Никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления (Еф. 5:5,6).

1. Были, как кажется, и у наших предков такие, которые дозволяли народу своевольствовать, приводили в исполнение дела, упомянутые у Иезекииля, даже делали то, что свойственно лжепророкам, – которые "**бесславят**" Бога "**пред народом**" Его "**за горсти ячменя**" (Иез. 13:19). То же, я думаю, и теперь иные делают. Так, когда мы говорим, что назвавший брата уродом подлежит геенне, некоторые спрашивают: ужели назвавший брата уродом подлежит геенн? Нет! – отвечают. И когда говорим, что лихоимец есть идолослужитель, – и над этим опять смеются, говоря, что это выражение преувеличено; и все заповеди унижают подобным образом. Их-то имея в виду, и писал тогда к Ефесянам блаженный Павел, говоря: "**Ибо знайте, что никакой блудник, или нечистый, или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имеет наследия в Царстве Христа и Бога**". Потом присовокупляет: "**Никто да не обольщает вас пустыми словами**". Суетные слова – те, которые имеют временную прелесть, но никогда не выказываются в делах, потому что дело их – обман. "**Ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления**". За прелюбодеяние, говорить, за любостяжание, за нечистоту, или и за это и за обман, так как они недобросовестны. Непокорливыми сынами называет весьма упорных, которые не слушают (Бога). "**Итак, не будьте сообщниками их. Вы были некогда тьма, а теперь – свет в Господе**" (ст. 7, 8). Смотри, как мудро сделал увещание, – сперва Христом, т. е. любите друг друга, и никого не обижайте; потом опять – наказанием и геенной. "**Вы были некогда тьма**", – говорит, – "**а теперь – свет в Господе**". Это же говорит и в послании к Римлянам: "**Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь**" (6:21)? И напоминает им прежние пороки, – то есть: размыслите, говорить, что некогда вы были, и что теперь; не обращайтесь к прежнему нечестию, и не пренебрегайте Божьей благодатью. "**Вы были некогда тьма, а теперь – свет в Господе**". Не за вашу, говорить, добродетель, но по благодати Божьей это с вами произошло, – то есть: и вы некогда были того достойны, но более уже нет. Потому "**поступайте, как чада света**" (ст. 8). А что значит: "**чада света**", – он объясняет, непосредственно за этим прибавляя: "**потому что плод Духа состоит во всякой благости, праведности и истине. Испытывайте, что благоугодно**" Господу (ст. 9, 10). "**Во всякой**", – говорит, "**благости**": это против гневливых и жестоких. "**И истине**": это против любостяжательных. "**И истине**": это против ложного удовольствия. Не о том, говорить, заботьтесь, о чем я сказал, но о противоположном. "**Во всякой**", – то есть, плод духовный должен обнаруживаться во всем. "**Испытывайте, что благоугодно**" Господу. Следовательно то свойственно детскому и несовершенному разумению. "**И не участвуйте**", – говорит, – "**в бесплодных делах тьмы, но и обличайте. Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить. Все же обнаруживаемое делается явным от света, ибо все, делающееся явным, свет есть**" (ст. 11, 12, 13). Сказал, что вы – свет; свет же открываете все то, что бываете во тьме; так что, если вы, говорить, будете добродетельны и достойны удивления, – нечестивые не будут иметь возможности таиться. Подобно тому, как в то время, когда стоить светильник, освещаются все, и разбойник не можете приблизиться, так, при сиянии света от вас, обличаемые нечестивцы будут поражены. Следовательно, должно изобличать. Но каким же образом говорить (Христос): "**Не судите, да не судимы будете**" (Мф. 7:1)? Обличать, сказал (апостол), т. е. вразумлять, а не осуждать. И, кроме того: "**Не судите, да не судимы будете**" – сказано о самых незначительных грехах. Сообразно с этим и присовокупил (Христос): "**И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь?**" (ст. 3). А слова (апостола) означают следующее: как рана телесная до того времени, пока таится, будучи прикрыта снаружи, и пока углубляется далее, не пользуется никаким лечением, так и грех, доколь скрывается как бы во мраке, до тех пор продолжает действовать весьма смело; но как скоро будет обнаружен, – делается светом; не самый грех, – как это возможно? – но тот, кто сделал его. Если он будет выведен на средину (собрания), если будет вразумлен, если покается, если получит отпущение, то не разогнал ли ты тьмы его? Не исцелил ли тогда его раны? Не вызвал ли плод вместо бесплодия? Или

это он говорит, или то, что ваша жизни, будучи открытой, есть свет, – потому что никто не скрывает безукоризненной жизни все же то, что скрывается, скрывается потому, что помрачено. "**Посему сказано: `встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос**" (ст. 14). О спящем и мертвом говорит – таком, который в грехах, потому что и он издает дурной запах, как мертвец, и он неподвижен, как спящий, и он подобно спящему ничего не видит, но бредит и мечтает. Иные читают: "**И прикоснёшься**" (ἐπιψαόσεις) "**к Христу**"; другие: "**осветит тебя**" (ἐπιψαόσει σοι) "**Христос**". Но это последнее, лучше. Восстань от греха, и сможешь увидеть Христа. "**Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету**" (Иоан. 3:20). Итак, кто не делает (зла), тот приходит (к свету).

2. Но не о неверных только он это говорит, потому что многие и из верных нисколько не менее неверующих привязаны к нечестию; есть даже тате, которые и гораздо более. Потому-то и к ним необходимо сказать: "**Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос**". Прилично сказать к ним и это: "**Бог не есть Бог мертвых, но живых**" (Мф. 22:32). Итак, если не мертвых, то будем жить. Некоторые говорят, что выражение: лихоимец есть идолослужитель – преувеличено. Но оно не преувеличено, напротив – совершенно верно. Как и каким образом? Таким, что лихоимец отдаляется от Бога, подобно тому, как идолослужитель. А чтобы ты не подумал, что это сказано неосновательно, – вот Христово изречение, которое гласить: "**Не можете служить Богу и мамоне**" (Мф. 6:24). Те, которые работают мамоне, удалили себя от служения Богу; те же, которые отреклись Его владычества и служат бездушному золоту, явно идолослужители. Но я не делал, говорит (любостяжатель), идола, не ставил жертвенника, не приносил в жертву овец, не возливал вина, – я ходил в церковь, и руки воздевал к Единородному Сыну Божьему, и в таинствах участвую, и имею общение в молитве и во всем другом, что прилично христианину. Итак, каким образом я поклоняюсь, говорит, идолам? Это-то самое и удивительно, что ты, испытавши и вкусивши Божьего человеколюбия, и увидевши, что Господь благ, – оставил Благого и принял на себя (владычество) жестокого тирана; говоришь, будто не работаешь ему, а на самом деле подверг самого себя жестокому и невыносимому игу сребролюбия. Ты мне не сказал о каком-либо своем добром деле, но только – о дарах Владыки. Скажи мне, спрашиваю я, на основании чего судим о воине? На основании того ли, что он служить телохранителем царя, от него получает содержание и украшается его именем, – или того, что он не думает о делах его, но показывает только вид, что держит его сторону и заботится о его делах, сам же способствует успеху его неприятелей? Явно – того, что он телохранитель царя. Поэтому и достоин он более жестокого наказания, нежели в том случай, если бы отвергся явно служения царю и передался врагам. Потому и ты дерзко восстаешь против Бога, как идолослужитель, не одними твоими устами, но обидой бесчисленного множества людей. Но (лихоимец) не есть, говорят, идолослужитель. А когда эллины говорят: христианин – лихоимец, тогда уже не один он себя посрамляет делами, но и обиженных заставляет часто это говорить. Если же не говорят, так это должно считать следствием их осторожности. Разве не видим мы, что дело бывает именно таким образом? Что такое идолослужитель? Разве не тот, кто поклоняется страстям, вместо того, чтобы владеть страстью? Например: когда мы говорим, что такой-то поклоняется идолам, он говорить: нет – не им, но Афродите и Аресу. И если мы скажем: кто сама Афродита? – более знающие из них говорят: удовольствие. А кто Арес? Гнев. Так и ты (отвечаешь) о мамоне. Если скажем: что такое мамона? Любостяжание, – и ты ему поклоняешься. Не поклоняюсь, говоришь. Почему? Потому что себя не сгибаешь? Но ты гораздо более воздаешь поклонения Делами и поступками, потому что такое поклонение важнее. И чтобы ты убедился в этом, смотри, по отношению к Богу, кто достойнее Ему поклоняется, – те ли, которые просто стоять на молитве, или те, которые исполняют Его волю? Явно, что последние. Так и по отношению к мамоне, – те, которые творят его волю, более

поклоняются ему. При том же, поклоняющиеся страстям (олицетворенным) часто бывают свободны от (собственных) страстей. Так, посмотри на почитателя Ареса, – он часто владеет гневом. В тебе же не то, – ты сам себя делаешь невольником страсти. Но ты не закалаешь овец? За то – людей и души разумения, иные – голодом, другие – клеветой. Ничего нет неистовее подобной жертвы! Кто видел, чтобы когда-нибудь души закололись? Проклят жертвенник любостяжания! Если придешь к жертвеннику идолов, почувствуешь от него запах крови козьей и крови быков; если же подойдешь к жертвеннику любостяжания, почувствуешь тяжелый запах человеческой крови. А если остановишься здесь, то не заметишь сжигаемых крыльев птиц, ни запаха от того и поднимающегося дыма, но – умерщвленные человеческие тела. Иные бросились с крутизны, другие накинули на себя петлю, иные перерезали ножом горло. Ты видел жертвы грубые и бесчеловечные? Хочешь ли посмотреть еще на более жестокие, сравнительно с этими? Я покажу тебе не только человеческие тела, но и души человеческие, которые там закалаются. Ведь и душу закалать можно закланием, соответствующим душ, потому что как для тела есть смерть, так и для души. "**Душа согрешающая**", – говорить (Писание), – "**та умрет**" (Иез. 18:4). Смерть души не такова, какова смерть тела, но гораздо тяжелее. Та смерть – телесная, разлучивши душу и тело друг от друга, одно избавляет от многих заботь и трудов, другую же препровождает в известное место; а потом (тело), разлученное на время и удаленное, опять соединяется с нетлением, и снова получает свою душу.

3. Такова эта смерть; смерть же души страшна и ужасна. Она не переводить души (в известное место), как бывает с телом, по разлучении ее с ним, но связанную опять нетленным телом ввергает в огонь неугасимый. Такова-то смерть души! Итак, подобно тому, как есть смерть души, есть и заклание души. В чем состоит заклание тела? В умерщвлены и в отнятии силы душевной. В чем – заклание души? И это – тоже умерщвление. В чем же умерщвление души? Как тело тогда умирает, когда душа оставляет его лишенным своей силы, так и душа тогда умерщвляется, когда Дух Святой оставляет ее без Своей силы. Эти заклания особенно и совершаются на жертвенник любостяжания. Не удовлетворяются они, не останавливаются на крови человеческой, но если вы не принесение самой души, жертвенник любостяжания не насыщается, – если не приметь душ обоих, души приносящего жертву и приносимого. Ведь необходимо прежде быть принесенным в жертву тому, кто ее приносить, и таким образом он совершает жертвоприношение и, будучи мертвым, приносит в жертву живого. Если ты клевещешь, поносишь и негодуешь, не есть ли это раны души неисцелимые? Видишь, что выражение не преувеличено?

Хочешь и еще послушать и узнать, каким образом любостяжание есть идолослужение, – и тяжелее идолослужения? Идолослужители кланяются творению Божьему. "**И поклонялись**", – говорит (апостол), – "**и служили твари вместо Творца**" (Рим. 1:25); ты же поклоняешься своему собственному творенью. Бог не сотворил любостяжания, но изобрела его твоя безмерная ненасытность. И смотри, как это безумно и достойно смеха. Те, которые поклоняются идолам, чтут тех, которым кланяются, и если кто скажет об этих идолах худо, если будет над ними смеяться, они защищают их. Ты же, как бы в каком опьянении, поклоняешься предмету, который не только не свободен от порицания, по и полон нечестия. Итак, ты гораздо хуже их, потому что не можешь сказать в свою защиту, что это не зло. Если и те весьма неизвинительны, то ты еще более, как несчетное число раз порицающий любостяжание и осмеивающий тех, которые служат ему, раболепствуют пред ним, предаются ему. Но не угодно ли, – мы исследуем, откуда явилось идолослужение? Один мудрый муж говорить (Прем. 14:15), что некто богатый человек, снедаемый преждевременной потерей сына, и, не имея никакого утешения в скорби, хотел утолить страдание тем, что, сделав бездушное изображение умершего, и затем смотря на

него, думал изображение принимать за самого умершего. Некоторые же льстивые люди, которым бог чрево, служа в его честь пред изображением, ввели обычай идолослужения. Итак, оно введено слабостью души, неразумным обычаем, невоздержанием. Любостяжание же не так. И оно от слабой души, но только от худшей. Не потерял кто-либо сына, не ищет утешения в скорби, не понуждается льстецами. Но как? Я вам скажу. Каин обманул Бога, потому что-то, что следовало дать Ему, удержал у себя, а то, что следовало оставить себе, принес Ему, и начал зло с Бога. Если сами мы – Божьи, то тем более – первые плоды наших стяжаний. От любостяжания, в свою очередь, родилось стремление к женщинам. Увидели дщерей человеческих, и предались похотению (Бт. 6:3). От них – опять к деньгам, так как желание иметь средств к жизни больше, нежели сколько у ближнего, происходить не от иного чего, как от того, что любовь охладела. Желание иметь больше бывает не от чего другого, а только от безумия, человеконенавистничества и высокомерия. Разве не видишь, как велика земля? Как несравненно больше, чем нужно, воздуха, неба? Бог устроил творение в таком объеме для того, чтобы погасить твое любостяжание. Но ты и при всем том грабишь и, слыша, что любостяжание есть идолослужение, не ужасаешься даже пред этим? Хочешь овладеть землей? Но разве нет на небе наследства, которого ты себя через то лишаешь?

4. Скажи мне, если бы кто предоставил тебе право взять все, – разве ты не захотел бы? А можно, если хочешь. Некоторые говорят, что они скорбят, если наследство переводят на других, хотели бы лучше истребить его, нежели видеть других его владетелями. Я тебя не извиняю и в этой слабости, потому что и это свойственно немощной душе. Но пусть будет так. Поставь же в завещании наследником Христа. Ведь (наследнику) должно быть живому; это будет свидетельствовать и о прекрасно направленной воле, к тому же ты, хотя по необходимости, станешь щедрее. Христос повелел давать нищим для того, чтобы нас живых сделать любомудрыми, чтобы убедить презирать деньги, чтобы научить не уважать земного. Не в этом состоит презрение денег, что, умирая и не будучи господином, ты предоставляешь их то тому, то другому. Не добровольно даешь остаток, но по крайней необходимости. Смерти – благодарность, не тебе! Это не есть дело нежной любви, но – нужды. Впрочем пусть будет и так, но освободись же хоть тогда от страсти. Подумай, сколько ты похитил, сколько приобрел обманом? Все возврати четверицею, и таким образом оправдаешь себя пред Богом. Но некоторые дошли до такого безумия и испорченности, что даже и тогда (пред смертью) не понимают должного, а поступают так, как будто бы старались сделать тяжелее для себя суд Божий. Потому-то блаженный тот (Павел) говорить в послании: "**Поступайте, как чада света**". Любостяжатель же преимущественно живет во тьме, и на всех распространяет великий мрак. "**Не участвуйте**", – говорит, "**в бесплодных делах тьмы, но и обличайте. Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить. Все же обнаруживаемое делается явным от света, ибо все, делающееся явным, свет есть**".

Послушайте, увещеваю всех, кто не хочет напрасно негодовать. Он похищает, и ты не обличаешь? Ты опасаешься гнева? Хотя не напрасно негодование, хотя ты обличаешь справедливо, а все же боишься гнева? Обличи брата, выкажи вражду, по любви ко Христу, по любви к нему самому; останови его, если он идет в пропасть. Общение в трапезе, в добрых речах, приветливость и нежность – небольшое дело любви. Мы даем друзьям такие дары, которые избавили бы душу их от гнева Божьего. Восставим их, видя повергнутыми в печь нечестия. Но, говоришь, он не исправляется? А ты сделай свое, и будешь правь пред Богом. Не скрывай таланта. Для того ты имеешь разум, для того – язык и уста, чтобы исправлять ближнего. Одни бессловесные не заботятся о ближнем и не имеют никакого понятия о других. Ты же, называя Бога Отцом, и ближнего – братом, видя его совершающим множество зол, предпочитаешь расположенность к нему его пользе? Да не будет этого, умоляю вас. Нет больше доказательств любви, как не презирать

заблуждающих братьев. Увидел враждующих? Помири. Увидел обманом приобретающих имущества? Помешай. Увидел обижаемых? Защити. Этим ты к себе первому выкажешь любовь, а не к ним. Для того мы и друзья, чтобы друг другу приносили пользу. Друг иначе слушает друга, иначе кого-нибудь постороннего. Постороннему он, быть может, не будет и доверять, равно как и учителю, а другу не так. "Ибо о том, что они делают тайно, стыдно и говорить. Все же обнаруживаемое делается явным от света". Что он хочет этим сказать? Говорит это потому, что одни из грехов совершаются здесь тайно, а другие явно. Там же будет не так, потому что нет никого, кто бы не сознавал за собою греха. Потому говорит: "**Все же обнаруживаемое делается явным от света**". Что же, не о идолослужении ли, скажешь, говорится и здесь? нет; речь здесь о жизни и грехах. Все являемое, говорит, свет есть. Потому, умоляю, не отказывайтесь ни других обличать, ни сами досадуйте, будучи обличаемы. Доколь что совершается во мраке, совершается с большей смелостью; по как скоро имеет многих свидетелей происходящего, тогда освещается. Потому будем делать все наиболее для того, чтобы удалить мертвость от братьев своих, чтобы рассеять мрак, чтобы приблизить Солнце правды. Если много будет светочей, то и для нас будет удобен путь добродетели, да и те, которые во мраке, лучше будут обличены, так как свет, распространяясь, прогоняет и мрак. А если не будем так поступать, то можно опасаться, что они угаснуть от преобладания над светом мрачной и греховной тьмы, которая отгоняет блеск света. Итак, будем стараться и о других, как о самих себе, чтобы всеми (делами своими) воссылать славу человеколюбивому Богу, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 19

"Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы. Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божья (Еф. 5:15-17).

1. Снова (апостол) искореняет горечь, снова отсекает повод к гневу. Что в самом деле говорит он? "смотрите, поступайте осторожно". Он знал Учителя своего, что Он, посылая учеников, как овец среди волков, заповедовал им еще быть подобными голубям. "**Будьте просты**", – говорит, – "**как голуби**" (Мф. 10:16). Так как с одной стороны (христиане) были среди волков, а с другой – были наставлены не мстить за себя, но переносить обиды, то поэтому они и нуждались в подобном наставлении. И прежнего уже достаточно было к тому, чтобы сделать их мужественнее; а когда к двум сделано прибавление, то пойми, что (наставление дано) уже чрезмерное. Смотри же, с каким тщанием он их предостерегает, говоря: "**Смотрите, поступайте осторожно**". Целые города вели войну против них (апостолов); эта война перешла и в дома. Отец вооружался на сына, сын на отца, мать на дочь, дочь на мать. Что же? Откуда эти разделения? Они слышали, что Христос говорил: "**Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня**" (Мф. 10:37). Итак, чтобы не подумали, что Он напрасно вводит войны и распри, так как могла произойти великая вражда, если бы они и сами вздумали вооружаться, для этого (апостол) и говорит: "**смотрите, поступайте осторожно**", т. е. исключая проповеди, ничем другим не давайте себе повода к вражде против вас, – одна она пусть будет основанием вражды. Пусть никто не обвиняет вас в чем-нибудь другом, оказывайте почтение и всякое повиновение, если ничто не вредить проповеди, если ничто не препятствует благочестию, – потому что "**Итак, отдавайте**", – сказано, – "**всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь**" (Рим. 13:7). А когда увидят вас покорными другим, то сами устыдятся. "**Не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем**". Увещевает так, желая не того, чтобы мы были изворотливыми и ловкими, но слова его означают следующее: время не ваше; ныне вы странники и пришельцы, чужеземцы и

посторонние; не ищите почестей, не ищите славы, не ищите могущества, не будьте и мстительны; все переносите, и этим искупайте время; много платите, все, чего бы от вас ни захотели. Это сказано темно: попытаюсь уяснить примером. Представим, что кто-нибудь имеет великолепный дом, потом, что некоторые приходят, чтоб его разорить, и он много им раздает и тем избавляет себя: тогда говорим, что он искупил себя. Подобным образом и у тебя великий дом и истинная вера; приходят, чтобы взять все; отдай же все, кто бы что от тебя ни потребовал, только главное спаси, т. е. веру. "**Потому что**", – говорит, – "**дни лукавы**".

Что такое лукавство дня? Порочность дня должна быть свойственна дню. Если ты узнаешь, что такое порочность в окружающем нас, узнаешь и то, что такое порочность дня. Что такое порочность тела? Болезнь. А что – порочность души? Злоба. Что – порочность воды? Горечь. И всякого рода порочность есть неустройство в природе того предмета, которому порочность приписывается. Итак, если и день может иметь порочность, то она заключается в самом дне, в часах, в свете. Так и Христос говорит: "**довольно для каждого дня своей заботы**" (Мф. 6:34). Через это мы можем понять и то. Итак, в каком же смысле он называет дни лукавыми? В каком – время лукавым? Не сущность, не создание (так называет он), а то, что в продолжение их делается. Подобно тому и у нас есть обычай говорит: "тяжелый день провел я, дурной". Между тем, каким бы образом он мог быть тяжелым, как не в зависимости от того, что случилось в течение его? А то, что в течение его случается, – доброе от Бога, злое же от порочных людей. Следовательно, люди творцы того, что бывает порочного во времени, и потому говорят: "злые времена". Так и мы называем времена порочными. "**Итак**", – говорит, – "**не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля**" Господня. "**И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство**" (ст. 17, 18), – так как невоздержание и в этом делает нас вспыльчивыми и дерзкими и стремительными, раздражительными и несносными. Вино дано для веселья, а не для пьянства. А ныне не напиваться – считается делом женоподобным и смешным. Какая же надежда на спасете? "Смешно, говоришь ты, не напиваться", тогда как пьянство более всего должно быть осмеяно. Весьма хорошо и частному человеку быть чуждым пьянства; а гораздо более – воину, который имеет дело с оружием, с кровью, со смертоубийствами; гораздо более – военачальнику, когда, и без того, гнев его воспламеняется от власти, от управления, от того, что он постоянно живет среди засад и битв. Хочешь знать, где вино хорошо? Послушай слов Писания: "**Дайте секиру погибающему и вино огорченному душой**" (Прич. 31:6). И справедливо: оно ведь имеет силу смягчать огорчение и тоску и удалять печаль. "**Вино веселит сердце человека**" (Пс. 103:15). Как же от вина происходит пьянство? Ничто не может производить противоположных действий. Значить пьянство не от вина, но от неумеренности. Вино дано нам не для чего-нибудь другого, как для здоровья тела; но и этому препятствует невоздержание. Послушай же и того блаженного, который пишет и говорит Тимофею: "**Употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов**" (1 Тим. 5:23).

2. Для того Бог и сотворил тела наши соразмерными, требующими немногого для своего насыщения, чтобы отсюда уже научить нас, что мы созданы для другой жизни. Такую жизнь Он и хотел даровать нам сначала; но так как мы сами сделались недостойными ее, то Он отсрочил ее и во время отсрочки не позволяет нам наслаждаться без меры. Небольшого стакана вина и одного хлеба достаточно для наполнения желудка человеческого. Владыку всех бессловесных (Бог) создал нуждающимся гораздо менее сравнительно с ними, и дал небольшое тело, указывая этим не иное что, как то, чтобы мы стремились к другой жизни. "**Не упивайтесь**", – говорит, – "**вином, от которого бывает распутство**". Оно не спасает, а губить не только тело, но и душу. "**Но исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными,**

поя и воспевая в сердцах ваших Господу, благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа, повинуясь друг другу в страхе" Христовом (ст. 18 – 21). Хочешь, говорит, веселиться? Хочешь провести день? Я даю тебе питье духовное. Пьянство уничтожает благозвучие речи, заставляя наш язык заикаться; равным образом извращает и глаза, и все. Учись петь псалмы, и увидишь сладость этого дела, – потому что поющие псалмы исполняются Духа Святого, а поющие сатанинские песни – духа нечистого. Что означают слова: "**В сердцах ваших Господу**"? Это значит – со вниманием приступай к этому делу, потому что невнимательные поют без пользы, произнося только слова, тогда как сердце их блуждает в другом месте. "**Благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа, повинуясь друг другу в страхе**" Христовом. То есть: пусть восходят к Богу прошения ваши с благодарением; ничто так не радует Бога, как то, когда кто-нибудь благодарить Его. Преимущественно же мы можем выражать свою благодарность удалением нашей души от вышесказанного, очищением ее от того, о чем сказал (апостол). "**Но исполняйтесь**", – говорит, – "**Духом**". В нашей ли это власти? Да, в нашей. Когда будем очищать душу свою от лжи, жестокости, блуда, нечистоты и любостяжания, когда сделаемся добродушны, сострадательны, заботливы о себе, когда не будет в нас кощунства, когда сделаем себя достойными, – тогда что воспретит Св. Духу приблизиться и прилететь к нам? И Он не просто приблизится, но наполнить сердце наше. Когда же внутри нас будет такой свет, то после того добродетель не будет уже нам трудна, но – легка и приятна. "**Благодаря**", – говорит, – "**всегда за все**". Как же? Должно благодарить за все, что ни случится? Подлинно так, – хотя бы то была болезнь, хотя бы бедность. Если и в ветхом завете некоторый мудрец советовал, говоря: "**Все, что ни приключится тебе, принимай**" радостно, "**и в превратностях твоего уничижения будь долготерпелив**" (Сир. 2:4), то тем более это должно быть в новом. Хотя бы ты и не понимал причины чего-нибудь, благодари: в том-то и заключается благодарность. Ничего нет важного, ни удивительного в том, если ты благодаришь, когда облагодетельствован, здоров, все тебе удается и ты счастлив. Нужно, чтобы ты благодарил в несчастьях и скорбях. Не говори ничего, кроме слов: благодарю Тебя, Владыка! Но что я говорю о бедствиях, которые случаются здесь (на земле)? За самую геенну, за наказания, за муки, которые будут там (за гробом), должно благодарить Бога. Если мы будем внимательны, – это дело принесет нам великую пользу, когда именно страх геенны будет налагать узду на сердца наши. И не только за явные благодеяния, но и за тайные, посылаемые против желания, мы должны благодарить. (Бог) много благодетельствует нам, когда мы не хотим или не видим этого. Если не врите, я вам разъясню это дело. Подумай, не все ли приписывают солнцу и идолам своим беззаконные и безбожные эллины? Что ж? Разве Он не посылает благодеяний и им? Не Его ли промыслу обязаны они жизнью, здоровьем, детьми и другим подобным? А так называемые маркиониты? А манихеи? Разве не хулят Его? Что же? Разве не благодетельствует Он и им каждый день? Если же тем, без их ведома, благодетельствует, то тем более нам. И что другое свойственно Богу, как не благодетельствовать человеческому роду и в наказаниях и в благодеяниях?

Итак, не в счастии только мы должны благодарить, потому что тут нет ничего важного. Это знал и дьявол; потому и говорил: "**разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? но простри руку Твою и коснись всего, что у него, – благословит ли он Тебя?**" (Иов. 1:9-11). Но злодею этому (дьяволу) не было от того никакой пользы, и пусть не случится, чтобы и относительно нас было ему что-нибудь большее. Когда постигают нас бедность, болезни, несчастья, тогда-то и должно сильнее благодарить. Я разумею благодарность не на словах, но на языке, а в поступках, делах, мысли и сердце. Всей душой будем благодарить Его. Ведь Он любить нас более, нежели наши родители, и любовь Божья настолько различна от любви родительской, насколько благость отстоит от лукавства.

3. Это не мои слова, но любящего нас Христа. Послушай, что говорит Он: "**Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него**" (Мф. 7:9-11)? И опять послушай, что говорит Он в другом месте: "**Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя, – говорит Господь**" (Ис. 49:15). Если он не любить нас, то для чего сотворил? Разве это Ему было необходимо? Разве мы делаем что-нибудь Ему полезное и нужное? Разве Он нуждается в ком-либо из нас? Послушай слов пророка: "**Ты – Господь мой; блага мои Тебе не нужны**" (Пс. 15:2). Но не понимающие и не чувствующие этого говорят: при благости Божьей должно быть равенство для всех. Но скажи мне, неблагодарный человек, в чем ты видишь отсутствие благости Божьей, и что называешь равенством? Один, говорят, с детства калека, другой безумствует и одержим демоном, иной всю жизнь до глубокой старости провел в бедности, иной в жестоких болезнях. Таковы ли дела Промысла? Один глух, другой нем, третий беден, иной же зол и беззаконен, исполнен бесчисленных пороков, а имеет деньги, содержит блудниц и нахлебников, приобрел великолепный дом, ведет беззаботную жизнь. И много говорят подобного, сплетая длинное слово осуждения на Промысел Божественный. Что же? нет, стало быть, Промысла? Что нам сказать против них? Если бы это были эллины и сказали нам: кем управляется мир? – мы спросили бы их в свою очередь: что же? нет Промысла? Зачем же вы почитаете богов, поклоняетесь демонам и героям? Ведь если есть Промысел, то он бодрствует над всеми. Если между христианами и эллинами найдутся отчаивающиеся и сомневающиеся, – что им сказать? Скажи мне, ужели от случая произошло столько благ: ежедневный свет, благоустройство в существующем, хор звёзд, равномерное течение дней и ночей, последовательность природы в растениях, животных и людях? Кто, скажи мне, управляет этим? Если нет никого пекущегося, а все поддерживается случайно, то кто над землей и водами, опрокинувши, распростер такой прекрасный, такой величественный шатер, – я разумею небо? Кто дал плодоносящие времена? Кто вложил такую силу в семена и растения? Все случайное бывает совершенно беспорядочно, между тем как все благоустроенное художественно. Что у нас из случайного, скажи мне, бывает свободно от великой неурядицы, великого замешательства, беспорядка? Я уже не говорю о том, что происходить без причины, но даже о том, кто делает, но берется за дело без умения. Пусть, например, будет дерево, камни и известь; пусть возьмет их человек, не знающий домоустройства, и начнет строить и трудиться. Не все ли он погубить и , испортить? Опять же, пусть будет корабль без кормчего со всем, что нужно иметь кораблю, кроме кормчего, не говорю – не оснащенный, но даже оснащенный: он не в состоянии будет плыть. Эта земля, стоящая на воде, могла ли бы, скажи мне, простоять столько времени без поддерживающей силы? И есть в этом смысл? И мнение такого рода не стоит осмеять тысячи раз? Если при этом (вода) носить и небо – вот другая тяжесть. Но на вод ли держится небо – другой вопрос. Все это – дело Промысла. Все, носящееся на вод, не должно быть вогнутым, но выпуклым. Почему? Потому что тело выпуклое, как например в корабле, остается наружу и стремится вверх, а тело вогнутое все погружается в воду. Итак, для него (неба) нужно тело упругое, твердое, способное выдержать напор и вынести наложенную тяжесть. Не воздух ли поддерживает небо? Но он гораздо жиже, рыхлее воды и вещам даже самым легким не может противопоставлять достаточного сопротивления, а тем более такой громаде. Целого века нам недостаточно было бы, если бы мы стали рассматривать все дела Промысла, как в общем, так и в частностях. Спрошу настоящего совопросника: от Промысла все это произошло, или случайно? – и, если бы он сказал: нет Промысла, – опять спрошу: как же это произошло? И не найдется он указать ни на одну причину. "Отсюда уже тем более ты не должен разузнавать и усиливаться разгадывать вопросы,

касающиеся жизни человека. Почему? Потому что человек превосходнее всего этого и все это произошло для человека, а не человек для этого.

4. Итак, если ты не понимаешь премудрости и порядка, заключающихся в промышлении о нем (человек), как можешь постигнуть причины, заключающиеся (в Боге)? Да, скажи мне, почему (человек) сотворен столь малым, до того удаленным от высот небесных, что сомневается в являющемся свыше? Почему северные и южные страны необитаемы? Почему, скажи мне, зимой ночь бывает больше, летом меньше? К чему стужи, жар, почему тело смертно? Я предложу тебе бездну и других вопросов, даже, если хочешь, не перестану спрашивать, и во всем ты будешь безответен предо мной. В том-то главным образом и состоит Промысел, что причины для нас непостижимы. Если бы это не превышало нашего разумения, то, пожалуй, кто-нибудь и в самом деле счел бы человека причиной всего. Такой-то, говорит, беден, а бедность есть зло. Что такое также болезнь, или слепота? Все это – ничто, человек! Одно только несчастье – грешить, и об этом одном нам и должно рассуждать. Оставивши исследования относительно причин действительных бедствий, мы слишком много хлопочем о постороннем. Отчего никто из нас никогда не старается узнать, почему он грешил? В моей ли власти грешить, или не в моей? нет нужды тут много говорит, поищу ответа в самом себе. Не победил ли я когда-нибудь страстных влечений, не восторжествовал ли над гневом из стыда, или из страха пред людьми? Когда найду такие случаи, то заключу отсюда, что грешить в моей власти. Никто об этом не любопытствует, никто не берет на себя труда это узнать; но без размышления, по словам Иова, смертный "**пустой мудрствует**" (Иов. 11:12). Что тебе за нужда до того, что один слеп, другой беден? Не об этом Бог повелевает рассуждать тебе, а о том, что сам ты делаешь. Если ты сомневаешься, промышляет ли какая-нибудь сила о мир, ты самый безрассудный человек; если же ты убежден в этом, то зачем сомневаешься, что должно угождать Богу? "**Благодаря всегда**", – говорит, – "**за все Бога**" (ст. 20). Войди в лечебницу и, когда там бывает раненый, посмотри, как врач режет и жжет его. Впрочем, я говорю это не по отношению к тебе, – ты войди в мастерскую плотника. И не добьешься ты смысла, ничего почти не поймешь из того, что там делается; многое покажется тебе бестолковым, когда, например, он сверлить, или стругает дерево. Если я приведу тебя к другому, более простому искусству, например к живописи, то и здесь ты растеряешься. Скажи мне, не напрасным ли тебе покажется делать то, что делает (живописец)? К чему для него служат начертания и переплетения линий? Когда же он положить краски, тогда бросится тебе в глаза красота искусства и все-таки, и после этого, ты не в состоянии будешь ничего понять в точности. Но зачем я говорю о плотниках, живописцах, таких же рабах, как и мы? Расскажи мне, как пчела делает соты, и тогда говори о Боге. Изучи искусство муравьев, паука, ласточки, и после этого говори о Боге. Объясни мне это, если ты умен; но ты не в состоянии. Итак, ужели не перестанешь ты, человек, искать излишнего, – а это поистине излишне, – не перестанешь безрассудно любопытствовать? нет ничего мудрее такого незнания, и признающиеся в полном незнании в этом случае оказываются умнее всех, а суемудрствующие неразумнее всех. Таким образом, заявление о своем знании не всегда показывает мудрость, а иногда и глупость. Скажи мне, если бы из двух человек один объявил, что измерит протянутыми веревками воздух, простирающийся от земли до неба, а другой, осмеивая первого, признавался бы, что он этого не знает, – кого мы, скажи, осмеяли бы, называющего себя знающим, или незнающего? Очевидно, – именуемого знатока. Итак, незнающий мудрее того, кто выдает себя за знающего. Еще: если бы кто объявил, что знает, сколько стаканов (воды) содержит в себе морс, а другой – что не знает, – здесь опять незнание не мудрее ли знания? Конечно. А почему? Потому что это незнание шире (чем знание). Признающийся в незнании знает кое-что. Именно что? То, что нечто сокрыто от человека; а это немаловажно. Тот же, кто говорит, что знает, в особенности не понимает того, о чем говорит, будто знает; потому-то он и заслуживает осмеяния. Увы, сколько мы имеем

побуждений обуздывать неуместную пытливость и любопытство, – и все же не удерживаемся, но мешаемся в жизнь других (и спрашиваем): почему тот беден, почему этот слеп? С такими вопросами мы впадем и в другие бредни, – почему, например, это женщина, почему не все мужчины, почему это осел, почему бык, почему собака, почему волк, почему камень, почему дерево, – и вопросы продлятся в бесконечность. Поэтому-то Бог и положил меру нашему знанию и (положил основание ей) в нашей природе. Посмотри со мной на весьма любопытное явление. Когда мы смотрим с земли на небо, на такую высоту, то ничего тяжелого не чувствуем, а когда взойдем на какую-нибудь высокую башню и захотим, несколько наклонясь, посмотреть вниз, то вдруг ощущаем кружение и помрачение головы. Скажи мне причину этого; но ты не найдешь, почему глаз имеет большую силу (чем другие чувства), и перестает действовать на значительнейших расстояниях

5. И в отношении слуха можно видеть подобное. Никто не сможет наполнить криком весь воздух, окидываемый глазом, или слышать на таком расстоянии. Почему не все члены имеют одинаковую честь, не отправляют одинакового назначения и не занимают одного места? И Павел любопытствовал об этом, или лучше, не любопытствовал, – потому что он был мудр, – но, пришедши к этому вопросу, сказал: "**Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно**" (1 Кор. 12:18). Все он приписал воле Божьей. Прекративши изыскания, будем же и мы только благодарить за все. Потому, говорит, "**Благодаря всегда за все**". Это свойственно рабу мудрому, благоразумному и рачительному, а то (пустое любопытство) – болтливому, ленивому, мешающемуся не в свое дело. Не знаешь ли, что между слугами самые пустые и ни к чему негодные бывают говорливы, болтливы и стараются разузнать тайны, скрываемые господами, а благоразумные, усердные только и смотрят, как бы выполнить свою службу? Кто много говорит, тот ничего не делает; кто много делает, тот ничего не говорит неуместного. Поэтому и Павел говорил, пиша о вдовах: "**Приучаются не только праздны, но и болтливы**" (1 Тим. 5:13).

Скажи мне, где больше различия: между возрастом нашим и детским, или между Богом и людьми? Между нами и комарами, или между нами и Богом? Очевидно, между нами и Богом. Итак, зачем же ты такой любопытный? Благодари за все. Но скажешь: что я буду отвечать, если меня спросить эллин и захочет от меня узнать, есть ли промысел, а сам он говорит, что нет никого промышляющего? Спроси и ты его в свою очередь. Но он говорит, что нет никого промышляющего? Что промысел есть, это ясно из сказанного; относительно же непостижимого (укажи на то), что мы не понимаем его значения. Если в делах человеческих мы многого не понимаем, как что делается, и хотя многое нам кажется неуместным, однако уступаем, – то тем более (должно так поступать) по отношении к Богу. В Боге для верующих и не кажется и нет ничего неуместного. Поэтому будем благодарить за все, за все будем прославлять Его. "**Повинуясь**", – говорит, – "**друг другу в страхе Божьем**". Если ты повинуешься из-за подчинения, из-за денег, или из-за стыда, то тем более (повинуйся) из-за страха Божьего. Пусть будет взаимное воздаяние за рабство и подчинение; тогда уже не будет рабства. Пусть не занимает исключительно один место свободного, другой – раба, но лучше, если господа и слуги взаимно служат друг другу. Гораздо лучше так быть рабом, нежели иным образом быть свободным. Вот доказательство: пусть кто-нибудь имеет сто слуг и никто из них ему не служить; пусть с другой стороны будет сто друзей, взаимно служащих друг другу. Кто из них будет лучше жить, у кого будет больше радости, больше веселья? Там нет ни гнева, ни досады, ни раздражения к ничего подобного, здесь страх и рабство; здесь все по необходимости, там все по свободному избранию; здесь служат по принужден, там по любви друг к другу. Так восхотел и Бог, – поэтому омыл ноги учеников. Еще более: и господа, если хочешь рассудить тщательно, обязаны вознаграждать друг друга взаимным служением. Что

произошло бы, если бы гордость не допустила оказывать взаимных воздаяний? Когда кто отправляет плотское служение, ты питаешь его тело, заботишься о пище, одежд, обуви, и это есть один из видов служения. Если ты не выполняешь своего служения, то он не будет выполнять и своего; никакой закон не заставить его служить, если ты не кормишь его. Если так бывает по отношении к рабам, то что неуместного, если также случится и со свободными? "**В страхе**" Христовом, – говорит, – "**повинуясь**". Что же это за милость, когда (за службу) имеем и воздаяние? Но он не хочет тебе подчиняться? Подчиняйся ты ему, и не просто повинуйся, но подчиняйся. Служи всем, как господам, и скоро ты будешь иметь их слугами, порабощенными властью, сильнейшею власти суровейшего тирана. Еще более ты приобретешь их, если, не получая от них ничего, будешь отдавать им свое. "**Повинуясь друг другу в страхе**" Христовом – значит, чтобы мы обуздывали все страсти, служили Богу, питали любовь друг к другу, и тогда мы сможем удостоиться человеколюбия Божьего, благодатью и щедротами (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 20

"Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем" (Еф. 5:22–24).

1. Некоторый мудрый муж, перечислив многие блага, поставил в числе их и согласие (между мужем и женой): "**И жена и муж**", – сказал он, – "**согласно живущие между собою**" (Сир. 25:2). Подобным образом, и в другом месте, в числе же благ он поставляет единомыслие между мужем и женой (25:11). При том известно, что и изначала Бог прилагал особенное попечение об этом союзе, и, говоря об обоих, Он выражается как об одном: "**Бог мужчину и женщину сотворил**" (Мк. 10:6); и еще: "**Нет мужеского пола, ни женского**" (Гал. 3:28). В самом деле, не может быть такой близости у мужа с мужем, какая у жены с мужем, если только кто законно сочетался с нею. Потому-то один блаженный муж, выражая чрезмерную любовь и оплакивая одного из любимых им и сердечно ему преданных, берет для этого в пример любовь не отца или матери, ни дитяти или брата, ни друга, – но чью? Падет "**любовь твоя**" на меня, – говорил он, – как "**любовь женская**" (2 Цар. 1:26). Поистине, любовь эта насильственнее всякой тирании. Сильны и другие (страсти); но эта страсть имеет такую силу, которая никогда не ослабевает. В самой природе нашей есть какое-то страстное влечение, непонятное для нас, которое соединяет эти тела (мужа и жены). Вот и вначале жена произошла от мужа, а после от жены и мужа муж и жена. Замечаешь ли союз и единство? Почему (Бог) не попустил превзойти сюда другой сущности отвне? И смотри, как Он устроил: Он дозволил человеку иметь женой сестру, еще более – не только сестру, но и дочь, и не только дочь, но нечто, ближе дочери, – собственную плоть. Все же это Он устроил изначала, соединяя их в одно, как бы на каменном основании. Не от вне Он жену сотворил, для того, чтобы муж не смотрел на нее, как на чуждую; а с другой стороны не ограничил брачного сожития только ею, чтобы он, стесняя и принуждая себя, не отделился вовсе от других. И как между растениями те особенно красивы, которые имеют один ствол, разветвляющийся на многие ветви, а те, которых ветви разветвляются беспорядочно, каждая вырастая от особенного корня, не представляются красивыми, так и здесь, Бог из одного Адама произрастил весь род (человеческий), поставивши его через то в совершенную невозможность разъединиться или разделиться. Потом, для большего также единения, запретил вступать в брак с сестрами и дочерьми, чтобы через это мы не сосредоточивали всей любви своей на одном (роде), и тем не отделялись от других. Потому и сказал (Христос): "**Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их**" (Мф. 19:4).

Много от этого бывает зла, много и добра и для семейств, и для обществ. Ничто так не укрепляет нашу жизнь, как любовь мужа и жены. Ради ее многие берутся за оружие, а иные не щадят и своей жизни. Итак, не просто и не напрасно Павел выказал великую заботливость об этом деле, когда сказал: "**Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу**". Почему? Потому что, если они единомысленны, то и дети их воспитываются хорошо, и слуги благоустроены, и соседи, и друзья, и сродники, как бы насаждаются их благовонием. Если же где бывает напротив, то там во всем беспорядок и замешательство. И как, если военачальники и мире друг с другом, то все идет, как следует, а если между ними возникнет распря, то там уже не бывает порядка, – так и здесь. Потому и говорит: "**Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу**". Увы! А как же в другом месте сказано: если кто не оставить жены или мужа, не может следовать за Мной (Лк. 19:26; сн. Мф. 10:36,37)? Если (жена) должна повиноваться (мужу), как Господу, то как же говорится, что ей должно оставить его ради Господа? И подлинно, должно. Впрочем, слово: "**как**" не везде означает совершенное равенство. (Апостол) или разумеет следующее: "**как**" знающие, что тужите Господу, как и в другом месте говорит, что (они должны повиноваться) если не ради мужа, то, в особенности, ради "**Господа**" (Кол. 3:18); или: если повинуешься мужу, то думай, что ты повинуешься, как работающая Господу. Если противящийся даже внешним общественным властям противится "**повелению Божьему**" (Рим. 13:2), то тем более – не повинующаяся мужу. Этого Бог требовал от начала. Итак, поставим мужа в качестве главы, а жену в качестве тела. Потом, доказывая умозаключениями, что муж есть глава жены, (апостол) говорит: "**Как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуется Христу, так и жены своим мужьям во всем**". Сказав, что муж есть глава жены, "**как и Христос глава Церкви**", он затем присовокупил: "**И Он же Спаситель тела**", – потому что от головы зависит благосостояние тела. Таким образом, он предложил мужу и жене, как основание их счастья, взаимную любовь и заботливость, указав каждому подобающую область, – ему начальство и попечение, а ей – повиновение.

2. Итак, как Церковь, составляемая из мужей и жен, повинуется Христу, так и жены должны повиноваться мужьям, как Богу. "**Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь**" (ст. 25). Ты слышал о великом послушании; ты доволен Павлом и рад, что он, как некий дивный и духовный учитель, учит нас порядку в жизни. Хорошо! Но послушай, чего он требует и от тебя: тот же самый пример он приводить и далее. "**Мужья**", – говорит он, – "**любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь**". Видел меру послушания? Послушай же и о мере любви. Хочешь, чтобы жена повиновалась тебе, как Христу повинуется Церковь? Заботься и сам о ней, как Христос о Церкви. Хотя бы нужно было пожертвовать за нее жизнью, хотя бы нужно было тысячекратно быть рассеченным, или потерпеть и пострадать что бы то ни было, но отказывайся; но и хотя бы ты потерпел все это, не думай, что ты сделал что-нибудь подобное тому, что сделал Христос. Ты терпишь это, будучи уже в союзе с женой; а Он (страдал за Церковь) отвращавшуюся от Него и ненавидевшую Его. Как Он, когда она отвращалась, ненавидела, презирала Его и была развратна, по великому Своему снисхождению покорил ее под ноги Свои, не прибегая ни к угрозам, ни к порицаниям, ни: к устрашениям и ни к чему подобному, – так и ты поступай в отношении к своей жен: хотя бы ты видел, что она пренебрегает тобою, что развратна, что презирает тебя, умей привести к своим ногам твоим великим о ней попечением, любовью и дружбой, нет уз крепче этих, особенно для мужа и жены. Слугу можно иногда связать страхом, – а скорее и его этим не свяжешь, он отскочить и сбежит, – но общницу жизни, мать детей и виновницу всех радостей нужно привязывать к себе не страхом и угрозами, но любовью и расположенностью. Что за супружество, когда жена трепещет мужа? Каким удовольствием может насладиться муж, который сожительствует с женой, как с рабой, а не как со свободной? Если бы и случилось потерпеть что за нее, не ропщи: Христос этого

не делал. "**И предал Себя за нее**", – говорит, – "**чтобы освятить ее**" (ст. 25, 26). Значить она была нечиста; значить, на ней были грязные пятна; значит, была безобразна и ничего не стоила. А ты какую бы ни взял жену, твоя невеста была не такова, какой Христос обрел Церковь; она не так отлична от тебя, как была отлична Церковь от Христа. При всем том Он не возгнушался ею и не возненавидел ее за ее чрезмерное безобразие. Хочешь знать, как она была безобразна? Послушай, что говорит Павел: "**Вы были некогда тьма**" (Еф. 5:8). Видишь черноту ее? Что чернее тьмы? Но посмотри и дерзость ее: "**Жили в злобе**", – говорит, – "**и зависти**" (Тит. 3:3). Посмотри и нечистоту: "**Несмысленны, непокорны**". Что еще сказать? Она была и безумна, и богохульна. Однако, несмотря на то, что в ней было так много дурного, Он и за безобразную предал Себя как за прекрасную, как за возлюбленную, как за достойную дивной похвалы. Недоумевая пред этим, Павел и говорил: "**Ибо едва ли кто умрет за праведника**" (Рим. 5:7); и еще: "**Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками**" (ст. 8). И принявши ее такой, Он украшает ее и омывает и не отказывается от этого. "**Чтобы освятить ее**", – говорит (апостол), – "**очистив баней водной посредством слова; чтобы представить ее Себе славной Церковью, не имеющей пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна**" (ст. 26, 27). Баней омывает ее нечистоту. "**Посредством слова**", – говорит. Каком? Во имя Отца и Сына и Святого Духа. И не только украсил ее, но и сделал славной, не имеющей "**пятна, или порока, или чего-либо подобного**". Итак, будем и мы искать этой красоты, и мы сможем стать ее творцами. Не требуй от жены того, чего у ней нет. Видишь, что Церковь все получила от Владыки? Через Него она сделалась славной, через Него беспорочной. Не отвращайся же и ты от жены из-за ее непривлекательности. Послушай, что говорит Писание: "**Мала пчела между летающими, но плод ее – лучший из сластей**" (Сир. 11:3). Она Божье создание: не ее ты порицаешь, но Того, Кто создал ее. Чем виновата жена?

Не хвали ее и за красоту. Развратным душам свойственны такая похвала и такая ненависть, да и самая (страстная) любовь. Ищи красоты душевной; подражай Жениху Церкви. Телесная красота производить великую наглость и много неразумного; она возбуждает ревность и нередко заставляете подозревать тебя в гнусных поступках. Но она, скажешь, доставляет удовольствие? Один месяц или два, много, если год, но не далее; от привычки диво это скоро теряет свою прелесть. А то, что вследствие красоты бывает дурного, остается навсегда: ослепление, безумие, высокомерие. В (удовольствии же), доставляемом не этой (красотой), ничего нет подобного; там любовь, начавшаяся надлежащим образом, остается постоянной, как любовь к красоте душевной, а не телесной.

3. Скажи мне, что прекраснее неба? Что прекраснее звезд? Скажешь: тело, – но оно не так бело; укажешь на глаза, – но они не так блестящи. Когда созданы были небеса, им удивились ангелы; и мы ныне удивляемся им, хотя и не так, как сначала. Это от привычки, что мы ныне уже не так поражаемся ими. Не тем ли более (можно сказать это) по отношению к жене? А если приключится болезнь, то тотчас все улетает. Будем же искать в жене благоразумия, умеренности, кротости: таковы признаки (истинной) красоты, – а телесной красоты не будем искать, и не станем укорять ее за то, что не от нее зависит, или лучше, и вовсе не станем укорять, потому что это свойственно дерзости, не будем огорчаться и негодовать. Или не видите, сколько таких, которые жили и с красивыми женами, но бедственно окончили свою жизнь; напротив сколько таких, которые имели жен не очень благообразных, но в полном благополучии дожили до глубокой старости? Истребим внутреннюю скверну, исторгнем внутренние недостатки, уничтожим пятна душевные. Бог желает такой красоты. Уготоваем ее (жену) прекрасной для Бога, а не для себя самих. Не станем искать денег, ни внешнего благородства, но благородства душевного. Пусть никто не думает разбогатеть через жену, постыдно и позорно такое

богатство; и вообще пусть никто не ищет здесь богатства, потому что "**А желающие обогащаться**", – сказано, – "**впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу**" (1 Тим. 6:9). Не ищи от жены больших денег, и ты легко найдешь все другое. Кто, скалки мне, оставив важнейшее, станет заботиться о маловажном? Но, увы, мы всегда так поступаем. Если у нас есть сын, то мы не о том стараемся, чтобы он был хорош, но как бы найти ему богатую жену, не о том, чтоб был благонравен, а о том, чтоб был богат. И если начертываем образ жизни, то также не о том заботимся, как бы е нам жить безгрешно, но о том, как бы нам приобретать больше прибытков. Деньги стали значить все. Оттого и повредилось все, что мы одержимы этой страстью. "**Так должны мужья**", – говорит (апостол), – "**любить своих жен, как свои тела**" (ст. 28). Что это значить? Значить, что он переходить к убедительнейшему и к сильнейшему примеру; и мало того, к примеру более близкому и ясному, и к новой причине. То не казалось весьма необходимым, и чтобы не сказал кто-нибудь: Он был Христос, был Бог, и сам Себя предал, – (апостол) иным способом доказывает то же, говоря: "**так должны**"; итак это – не милость, а долг. Сказавши: "**как свои тела**", он присовокупил: "**Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее**" (ст. 29), т. е. заботится о ней с великим тщанием. Но каким образом (жена) – плоть мужа? Послушай: "**вот, это**", – говорил (Адам), – "**кость от костей моих и плоть от плоти моей**" (Бт. 2:23). И не только это, но сказано еще: "**и будут одна плоть. Как и Христос возлюбил Церковь**": обращается к прежнему примеру. "**Потому что мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его**" (ст. 30). Каким образом? Он произошел от нашего естества, как и Ева есть плоть от плоти Адама. Он кстати упомянул о костях и о плоти, потому что это в нас главнейшее – плоть и кости. Одно как бы основание, а другое как бы здание. То, впрочем, очевидно; а это каким образом? Как там существует великая близость, так, говорит, и здесь. Что значит: "от плоти Его"? Значит – истинно от Него. Но как через это мы бываем членами Христовыми? Так, что мы родились подобно Ему. Каким образом от плоти? Это знаете вы, которые приобщаетесь тайнам: ведь через это мы тотчас прообразуемся. Но как? Пока послушай, что говорит блаженный (Павел): "**А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные**" (Евр. 2:14). Но здесь Он нам приобщился, а не мы – Ему: каким же образом мы – "**от плоти Его и от костей Его**"? Некоторые говорят в этом случае о крови и о воде, но это неверно; Он впрочем благоволил показать это, именно – как Он, без соития, родился от Святого Духа, так и мы рождаемся в купели. Смотри, сколько примеров побуждают верить тому рождению! О, безумие еретиков! Что рождено от воды, это они признают истинным рождением, – то, что рождается, а что мы становимся Его телом, этого не принимают. Но если мы не делаемся им, то как согласить с этим слова: "от плоти Его и от костей Его"? И заметь: Адам создан, Христос родился; из ребра Адамова произошло тление, из ребра Христова проистекла жизнь; в раю прозябла смерть, на кресте она уничтожена.

4. Итак, подобно тому, как Сын Божий – нашего естества, так и мы – Его сущности; и как Он имеет нас в Себе, так и мы имеем Его в себе. "**Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть**" (ст. 31). Вот и третья причина. Он показывает, что, когда кто-либо, оставивши родителей, от которых произошел, совокупляется с женой, то после того отец, мать и дитя их – одна плоть, составленная из взаимного соединения, потому что вследствие смешения семени рождается дитя, так что трое они – одна плоть. Таким же образом и мы делаемся с Христом одна плоть, по причастию, и мы гораздо более, чем дитя (в отношении к родителям). Почему это? Потому, что так было изначала. Не говори же мне, что (жена твоя) такая-то и такая-то. Разве не видишь, что и в плоти много бывает недостатков? Один хром, у другого кривые ноги, у третьего сухие руки, у четвертого страдает иной какой-либо член. И однако (такой человек) не скорбит, не отсекает его, и часто заботится о нем

более, чем о других. И справедливо, – так как он его член. Итак, какую каждый из нас питает любовь к себе, такую же хочет (апостол), чтоб мы питали и к жене. И это не потому, что мы с нею одной природы, но у нас в отношении к жене гораздо более важная причина, именно – что (муж и жена) не два тела, а одно: он – глава, а она – тело. Но как же в другом месте говорит он: "**а Христу глава – Бог**" (1 Кор. 11:3)? Это говорю и я, то есть, что как мы одно тело, так и Христос и Отец – одно. Оказывается таким образом, что и Отец глава наш. (Апостол) выставляет два сравнения, т. е. с телом и с Христом. Потому и присовокупляет: "**Тайна сия велика; я говорю по отношению к Христу и к Церкви**" (ст. 32). Что это значить? Называет (брак) великой тайной, потому что на нее указывал, как на нечто великое и дивное, и блаженный Моисей, или лучше – Бог. При том, "**я говорю**", – говорит, – "**по отношению ко Христу**", так как и Он, оставивши Отца, сошел и пришел к невесте и сделался "**один дух**" с ней: "**соединяющийся с Господом есть один дух с Господом**" (1 Кор. 6:17). Хорошо сказал: тайна велика есть, – как бы указывая на то, что иносказательное доказательство не уничтожает необходимости любви. "**Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа**" (ст. 33). Подлинно, это – таинство, и великое таинство, потому что человек, оставив произведшего его, родившего, воспитавшего, и ту, которая зачала его, в болезнях родила, (оставивши) тех, которые столько благодетельствовали ему, к которым он привык, – сочетается с той, которой прежде не видал, которая ничего не имеет с ним общего, и предпочитает ее всему. Подлинно, это – таинство. И родители не печалятся, когда так делается, но напротив печалятся, когда этого не бывает, и, в знак радости, не жалеют денежных издержек и расходов. Поистине, это – великое таинство, заключающее в себе какую-то сокровенную мудрость. Это показал и древний пророк Моисей; об этом и ныне вопиет Павел, говоря: "**По отношению ко Христу и к Церкви**". Впрочем, так сказано не по отношению только к мужу, но и к жене, чтобы он согревал ее, как плоть свою, как и Христос Церковь, а жена чтобы боялась мужа. Говорит не только о любви, – но что? "**Да боится своего мужа**". Жена – вторичная власть; значить не должна требовать равенства (с мужем), так как стоить под главой; и он не должен высокомерно смотреть на нее, как на подчиненную, потому что она – тело его, а если голова станет пренебрегать телом, то пропадет и сама; взамен послушания она должна привносить любовь. Как глава, так и тело: тело отдает в услужение глав руки, ноги и все прочие члены; а глава заботится о теле, посвящая ему все свое разумение. Нет ничего лучше такого супружества. Но какая, скажут, может быть, любовь там, где страх? Там-то собственно она и будет. Которая боится, та и любить: любя, она боится, как главы, и любить, как член, потому что и голова есть член всего тела. Для того он и подчиняет ее, а мужа возносить над нею, чтобы быль мир. Где равенство, там не может быть мира, народное ли то будет управление, или все будут повелевать, – необходимо, чтобы было одно начальство. Так всегда бывает с существами телесными; если бы люди были духовные, тогда был бы мир. Было некогда пять тысяч душ, и "**никто ничего из имения своего не называл своим**", но всем делились друг с другом (Деян. 4:32). Вот – знак мудрости и страха Божьего. Таким образом (апостол) показал образ любви, но образ страха – нет.

5. Замечаешь ли, как он распространяется о любви, приводить в пример Христа, упоминает о собственной плоти, говорит: "**Посему оставит человек отца своего и мать**", а о страхе не распространяется? Почему это? Потому что хочет, чтобы преобладала любовь. Если будет она, то за нею последует все остальное; а если будет страх, то – не вполне. Кто любить свою жену, тот, хотя бы она была и не очень послушна, все перенесет; но если (супруги) не связаны силою любви, то единомыслие между ними – дело неудобное и трудное. Страх же совсем не производить такого действия. Потому (апостол) и останавливается преимущественно на том, что сильнее. И жена, хотя ей, по-видимому, наносится ущерб тем, что предписывается страх, ничего не теряет, потому что мужу предписывается то, что особенно важно – любовь. Но, скажут, что, если жена не будет

бояться мужа? Ты люби, ты исполняй свой долг; пусть другие не исполняют того, что следует, – мы должны исполнять. Укажу пример: "**Повинуясь**", – сказано, – "**друг другу в страхе**" Христов (Еф. 5:21). Что же? Пусть иные не повинуются, – ты покоряйся закону Божьему. Так и здесь: хотя бы муж и не любил своей жены, она должна бояться его, чтобы не быть ей в долгу у него; равным образом и наоборот, если бы жена и не боялась мужа, он должен любить ее, чтобы ему не быть в долгу у нее. Каждый имеет свои обязанности. Таков брак о Христе, брак духовный и рождение духовное, не от кровей, не от болезней рождения. Таково и рождение Исаака. Послушай, что говорит Писание: "**И обыкновенное у женщин у Сарры прекратилось**" (Бт. 18:11). И брак не вследствие страсти или телесного влечения, но всецело духовный, в котором душа соединяется с Богом неизреченным союзом, как Он один знает. Потому и сказано: "**Соединяющийся с Господом есть один дух с Господом**" (1 Кор. 6:17). Видишь, с каким тщанием он говорит и о плотском соединении, и о единении духовном? где (после того) еретики? Если бы брак был делом нечистым, то он не назвал бы (брачущихся) женихом и невестой, не привел бы для увещания слов: "**оставит человек отца своего и мать**", и не присовокупил бы, что это сказано "**по отношению к Христу и к Церкви**". О ней говорит и Псалмопевец: "**Слыши, дщерь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей**" (Пс. 44:11,12). Потому и Христос говорил: "**Я исшел от Отца и пришел в мир**" (Иоан. 16:28). Но когда я говорю, что Он оставил Отца, ты не представляй при этом, по-человечески, перемены места: говорится, что Он исшел, не потому, что Он вышел, но потому, что воплотился: так точно (понимай) и слова: оставил Отца. Отчего не сказано и о жене: прилепится к мужу своему? Почему это? Потому, что о любви уже было говорено, и говорено мужу. Жене же (апостол) внушает страх и при этом говорит: "**Муж есть глава жены**", и еще: "**И Христос глава Церкви".** С мужем он рассуждает о любви и вручает ему то, что (имеет отношение) к ней; говорит ему о любви, соединяя и сочетая его (с женой). В самом деле, оставивший отца для жены и потом оставляющий ее и отпускающий от себя может ли быть достоин какого-нибудь снисхождения? Видишь, какой, по воле Божьей, она должна пользоваться честью, когда Бог, отвлекая тебя от отца, соединяет с нею? Но что же, скажут, если мы исполняем все, что следует, а она нет? "**Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится**" (1 Кор. 7:15). В этих делах брать или сестра не подчинены рабству. А когда ты слышишь о страх, то требуй страха, приличного свободной, а не как от рабы: ведь она – твое тело. А если будешь поступать не так, то опозоришь себя самого, бесчестия свое тело. Что же это за страх? Чтобы она не противоречила, чтобы не выходила у тебя из послушания, чтобы не стремилась к первенству. Довольно возбуждать только такого рода страх. Если же ты любишь, как тебе указано, то достигнешь гораздо большего, и достигнешь этого не столько угрозами, сколько собственно любовью. (Женский) пол весьма слабь; ему нужна большая помощь, особенное снисхождение. Что же скажут те, которые соединяются вторым браком? Не в осуждение говорю, – да не будет, – и апостол дозволяет это. Но снисходя к ее немощи, доставляй ей все, все ради нее делай и терпи: это необходимо тебе. В этом случае (апостол) не благоволить давать совета на основании внешних примеров, как это он часто делает. Достаточно было великого и сильного примера Христова, в особенности для доказательства (необходимости) повиновения. "**Оставит**", – говорит, – "**отца своего и мать**". Вот, это указание внешнее. Однако ж не сказал: и будет жить вместе (с женой), но: "прилепится", означая этим теснейшее единение, сильнейшую любовь. Не удовольствовался и этим, но через наведение так изъяснил подчиненность (жены), что двое уже не представляются двумя. Не сказал: в дух; но сказал: в душу, – так как это очевидно и вполне возможно, – но (сказал, что они соединяются) так, что бывают "**одна плоть**".

6. Хотя жен принадлежит также власть в доме, именно вторая, хотя она имеет начальство и равночестна мужу, – но при всем том, муж имеет нечто большее, именно –

преимущественное попечение о доме. Соответственно со Христом, он получил и то, чтобы не только любить (свою жену), как должно, но и благоустроить (жизнь ее). "**Дабы она была**", – говорит, – "**свята и непорочна**". Когда говорится – "**плоть**", разумеется любовь; равным образом, когда говорится – "**прилепится**", также разумеется любовь. Если ты сделаешь ее святой и непорочной, то за этим последует все. Ищи того, что Божье, а человеческое последует весьма легко. Управляй женой, и дом твой будет благоустроен. Послушай, что говорит Павел: "**Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих**" (1 Кор. 14:35). Если мы так будем управлять своими домами, то будем способны и к управлению церковью, потому что дом есть малая церковь. Таким образом, если хороши будут мужья и жены, то все будет превосходно. Вспомни об Аврааме, о Сарре, об Исааке, о трехстах восемнадцати домочадцах: как благоустроен был весь дом их, как он весь был полон благочестия! (Сарра) исполняла апостольскую заповедь и боялась мужа. Послушай, что она говорила: "**мне ли, когда я состарилась, иметь сие утешение? и господин мой стар**" (Бт. 18:12). И (Авраам) так любил ее, что слушал ее во всем, что она ни приказывала. И сын их был добродетелен, и самые домочадцы достойны удивления, так что не усомнились пойти и на опасность с господином своим, не колебались и не требовали объяснения. А один из них, начальствовавший над другими, был настолько дивный муж, что ему вверен был брак единородного сына и отлучка в чужую землю. Как, если военачальник хорошо устроил войско, то ни откуда не ворвется враг, так и здесь: когда муж, жена, дети и слуги заботятся об одном и том же, в таком доме бывает великое единомыслие. Если же, напротив, бывает не так, то часто от одного дурного слуги все низвращается и разоряется, часто один все губить и портить. Итак, будем прилагать особенное попечение о женах, детях и рабах, зная, что этим мы себе сделаем удобным начальство над ними, и снисходительный и благосклонный потребуется от нас отчет (в этом начальстве), – мне скажем: "**Вот я и дети, которых дал мне Господь**" (Ис. 8:18). Если муж хорош и глава добрая, то и во всем теле не будет никакого беспорядка.

А каковы должны быть добрые отношения между женой и мужем, это (апостол) выразил точным образом, сделав увещание ей – бояться мужа, как главы, а ему – любить ее, как жену. Но каким образом, скажешь, это может быть? Что это должно быть, он показал; а как это может быть, я вам скажу. Именно, если будем презирать деньги, если будем смотреть только на одно – на душевную добродетель, если будем иметь пред очами страх Божий. Что сказал он, рассуждая о рабах: "**Чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое**" от Господа (2 Кор. 5:10), то же и здесь. Не столько ради ее самой должно любить ее, сколько ради Христа. Имея это в виду, (апостол) и сказал: "**Как и Господь**". Итак, делай все из повиновения Господу, и как бы ты все делал ради Него. Этого достаточно для побуждения и убеждения, и для того, чтобы не допустить никакого соблазна или беспорядка. Ни один верный не должен клеветать жен на мужа; но и муж не должен верить наветам на свою жену, точно так, как и жена не должна по-пустому следить за входами и выходами (своего мужа). Впрочем, и муж отнюдь не должен подавать повод к какому-либо подозрению на себя. Для чего, скажи мне, весь день ты проводишь с друзьями, а с женой только вечер, и через это ни ее не можешь удовлетворить, ни отдалить подозрение? Если жена укоряет тебя, не печалься: это – по дружбе, а не по дерзости. Упреки – плод горячей любви, страстного расположения и опасения. Она боится, чтобы кто не похитил у нее ее ложе, чтобы кто не повредил ей в важнейшем благе, чтобы кто не отнял у нее главы, чтобы кто не разорил (брачного) ложа. Есть и еще повод к несогласии. Никто сверх меры не должен привязываться к слугам, ни муж к служанке, ни жена к служителю, так как этого достаточно, чтобы родились подозрения. Припомним еще о тех праведниках. Сама Сарра повелела патриарху взять Агарь; сама приказала, никто не принуждал; не настаивал и муж. Но хотя и много времени прожил он бездетным, однако лучше согласился вовсе не

быть отцом, чем опечалить жену. И после всего этого, что говорит Сарра? "**Господь пусть будет судьей между мною и между тобою**" (Бт. 16:5). Если бы кто был другой (на месте Авраама), разве не пришел бы в гнев? Разве не поднял бы он рук и не сказал бы, например, так: что ты говоришь? Я не хотел иметь связи с этой женщиной, все произошло от тебя самой, – и ты еще упрекаешь меня? Но Авраам не сказал ничего подобного, – а что? "**Вот, служанка твоя в твоих руках; делай с нею, что тебе угодно**" (ст. 6). Выдал общницу ложа, чтобы не опечалить Сары. А ничто не может быть столь сильной причиной расположенности. В самом деле, если общение в трапезе производит то, что разбойники бывают расположены к своим врагам (и Псалмопевец говорит: "**который вместе со мною наслаждался пищею**" – Пс. 54:15), то тем более способно привязать единение плоти, – а это и есть общение ложа. Но ничто подобное не могло поколебать праведника: он выдал ее жене, показывая, что все случилось не по его вине, и, что особенно важно, отпустил ее беременной. Кто не сжалился бы над той, которая зачала от него ребенка? Но праведник не поколебался, потому что любовь к жене предпочитал всему.

7. Будем и мы подражать ему. Пусть никто не упрекает ближнего в бедности, пусть никто не будет привязан к деньгам, и – все будет решено. Пусть не говорит жена мужу: о, ты малодушный и робкий, неповоротливый, трус и сонливый! Вот такой-то и незначительный человек, низкого происхождения, но он презирал опасности, предпринимал странствования, и за то приобрел большое имение, теперь жена его ходить в золоте, выезжает в повозке, запряженной белыми мулами, везде принимается, имеет толпы слуг и множество евнухов; а ты прячешься от страха и живешь понапрасну. Пусть жена не говорит этого и ничего подобного, потому что она – тело, долг ее не управлять главой, но слушаться и повиноваться. Но как можно, скажут, перенести бедность? Откуда почерпнуть утешение? Пусть в таком случай она представить себе тех, которые гораздо беднее ее; пусть вспомнить, сколько почтенных и благородных девиц не только ничего не получили от своих мужей, но передали им и израсходовали на них все свое имущество; пусть подумает о беспокойствах, происходящих от таких богатств, и довольствуется жизнью безмятежной. Вообще, если она искренно расположена к мужу, то ничего такого не скажет, и лучше будет желать иметь его при себе, хотя бы он ничего не приобретал, чем, если бы он приобрел тысячи талантов золота, но жить вдали от него с печалью и заботой, которые всегда бывают у женщин вследствие долгой разлуки. Но и муж, который слышит это, как имеющий власть, пусть не прибегает к брани и ударам, но пусть увещевает, уговаривает, убеждает ее, как менее основательную в суждениях, но отнюдь не налагает рук, – это неприлично душе свободной, – не употребляет ни брани, ни упреков, ни поношения, но пусть руководить ею, как менее разумной. Но как это может быть? Когда узнает истинное богатство и ознакомится с высшим любомудрием, то ни в чем таком не провинится. Пусть он научит ее, что бедность вовсе не есть зло; пусть научить не слонами только, но и образом действий; пусть научить ее пренебрегать славой, – и жена ничего подобного не скажет и не пожелает. Как получивший драгоценное сокровище, он с самого того вечера, как введет ее в спальню, должен учить ее целомудрию, кротости, чтобы она жила честно и с самого начала и при первом вход в его дом покинула любовь к деньгам; пусть наставляет ее в любомудрии и увещевает, чтобы не было у нее золотых подвесок в ушах, над щеками и на шее, чтобы не было их в ее комнат, чтобы не лежали там золотые и многоценные одежды, – чтобы были на ней украшения изящные, однако ж, не такие, которых изящество предосудительно. Оставивши то, что свойственно играющим на сцене, укрась дом с большим благоприличием, чтобы он был полон лучше целомудрия, чем какого-либо благовония. От этого произойдут два или три блага. Первое – не будет печалиться невеста оттого, что, растворивши брачный чертог, каждому станут показывать одежды, и золотые и серебряные сосуды. Второе – жених не будет беспокоиться о покраже и о сохранении того, что там собрано. А еще третье, главное благо – то, что во

всем этом он покажет свое настроение, именно, что он не восхищается ничем этим, что он уничтожить и все прочее, и что никогда не дозволит быть у себя пляскам и бесстыдным песням. Знаю, что, предписывая такие правила, я кажусь, может быть, кому-нибудь смешным. Но если поверите мне, то, по прошествии времени, когда сами увидите от этого пользу, вы поймете выгоду, и смех кончится; вы станете смяться уже над нынешними обычаями, увидите, что нынешние обычаи свойственны только неразумным детям и людям пьяным; а то, к чему убеждаю я, исполнено целомудрия и любомудрия и свойственно высшему образу жизни. Что же, говорю я, нужно? Изгони с брака все постыдные сатанинские песни, неблагопристойные припевы, сходбища бесстыдных юношей, – и это будет весьма назидательно для невесты. Тотчас она скажет сама себе: о, какой это муж! Он человек любомудрый; эту жизнь он считает за ничто; он ввел меня в дом свой для рождения и воспитания детей, для ухода за домом. Но это будет неприятно невесте? Может быть, один или два дня, но никак не далее; она почувствует величайшее удовольствие оттого, что ей не будет никакого повода к подозрению. Ведь тот, кто даже во время брака не допустил ни музыки, ни танцев, ни безобразных песен, тем более в другое время не позволит себе сделать или сказать что-либо постыдное, после же того, когда все это ты удалишь с брака, в отношении к самой невесте веди себя благопристойно, будь скромен в течение долгого времени и не скоро переставай быть таким. Хотя бы девица была и не так застенчива, но она сумеет себя сдерживать до времени, из уважения к мужу и по новости дела. Итак, не вскоре теряй эту скромность, как это делают люди бесстыдные, но храни ее долго. Это тебе принесет большую по пользу; да и невеста твоя не обвинить тебя за это, не станет жаловаться на такое твое поведение.

8. Итак, во все то время, пока стыд, как некая узда, наложенная на душу, не допускает никакого укора или упрека за твое поведете, – во все это время предлагай своей жене правила жизни. Если же (вместо этого стыда) будет дерзость, тогда не будет никакого опасения, и во всем может произойти беспорядок и замешательство. Поистине нет столь удобного времени для образования жены, как-то, когда она еще осторожна с мужем, боится его и стыдится. Тогда-то и должно излагать ей все правила, и она, волей или неволей, всему будет покорна. Но каким образом, спросят, сохранить эту стыдливость? Если ты будешь казаться стыдливым не менее ее, мало будешь говорит с ней, и то с большой важностью и рассудительностью. Тогда ты предлагай ей слова любомудрия, потому что тогда их принимает душа; тогда приводи и ее в наилучшее состояние, то есть, в состояние скромности. Если хотите, то я для примера скажу, о чем нужно с ней разговаривать. Ведь если Павел не усомнился сказать: "**Не уклоняйтесь друг от друга**" (1 Кор. 7:5), и высказал слова, произносимые обыкновенно женщиной, приставленной к невесте, или лучше, не ее слова, но духовной души, – то тем более не усомнимся сказать мы. Итак, что же нужно говорит ей? С великой любовью нужно говорит ей: мы взяли тебя, детушка, в спутницы жизни и сделали тебя своей общницей в том, что всего честнее и необходимее, в деторождении и управлении домом. О чем же нам просить тебя? Впрочем, лучше, если прежде этого ты поговоришь с ней о любви, потому что ничто так не способствует к убеждению слушателя в том, чтобы он принял слова наши, как уверенность его, что они говорятся с великой любовью. Как же тебе выразить свою любовь? Если скажешь: многих можно было мне взять, и богаче тебя, и знатного рода, но я не взял их, а полюбил тебя, твой образ жизни, твою кротость, скромность, целомудрие. Потом от этого тотчас старайся повести речь о любомудрии и нападай на богатство, но с некоторой осторожностью, потому что, если поведешь речь прямо против богатства, то покажешься слишком суровым. Но если воспользуешься поводом, то покончишь все, потому что будет казаться, что ты делаешь это в виде защиты, а не как какой-нибудь человек жестокий, неприятный и придирчивый; а если она подаст тебе повод, и ты им воспользуешься, то она даже порадуется. Итак, говори (необходимо опять повторить сказанное), что, хотя бы я мог взять за себя с состоянием и богатую, но я не захотел этого.

Почему? Не просто и не без рассуждения, но потому, что я хорошо научен, что богатство не есть какое-либо приобретение, но вещь достойная презрения, которая есть и у разбойников, и у блудниц, и у гробокопателей.

Поэтому, оставив его, я пошел к твоей душевной добродетели, которую предпочитаю всему золоту. Благоразумная и благородная молодая девушка, ревнующая при том о благочестии, (в моих глазах) стоит целой вселенной. Потому-то я и привязался к тебе и люблю, и считаю тебя дороже души моей. Настоящая жизнь ничего не значить, и я прошу, и умоляю, и всячески стараюсь сподобиться нам так устроить настоящую свою жизнь, чтобы можно было и там, в будущем веке, совершенно безбоязненно встретиться друг с другом. Настоящее время коротко и ненадежно; если же сподобимся перейти эту жизнь, благоугодив Богу, то будем пребывать вечно и с Христом и друг с другом в великой радости. Я всему предпочитаю твою любовь, и ничто не может быть для меня так тяжело, как когда-нибудь разлучиться с тобою. Хотя бы мне предстояло все потерять, сделаться беднее Ира, подвергнуться величайшим несчастиям, словом – потерпеть что бы то ни было, я ничего не устрашусь, все перенесу, пока будет продолжаться твоя расположенность ко мне; и дети для меня лишь тогда будут вожделенны, когда ты будешь искренно расположена к нам. Так тебе будет нужно сделать. Потом вставь и апостольские слова о том, какого тесного единения и благомыслия требует от нас Бог. Скажи ей: послушай, что говорит Писание: "Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей". Пусть же не будет у нас никакого повода к неудовольствию. Пусть и деньги, и множество слуг, и внешние почести имеют свое значение; но для меня это (семейное согласие) всего дороже. Не будут ли такие слова убедительнее для жены, чем изобилие золота или сокровищ? Не бойся, что возлюбленная твоя когда-нибудь изменить тебе; смело признайся, что ты ее любишь. Публичные женщины, которые сегодня выражают страсть к одним, а завтра к другим, справедливо восстают на своих любовников, когда слышат от них такие речи. Но свободная женщина и благородная девушка никогда не разгневается по поводу таких слов, а скорее – будет убеждена ими. Показывай, что ты дорого ценишь ее общество и предпочитаешь быть для нее дома, а не на площади; предпочитай также ее всем друзьям и Детям, родившимся от нее: и их люби из-за нее. Если она сделает что-нибудь хорошо, хвали и удивляйся; если же – что-нибудь неуместное и свойственное молодости, убеждай и увещевай. Всячески нападай на богатство и расточительность; указывай ей украшение в скромности и честности, и постоянно учи тому, что нужно.

9. Молитвы у вас пусть будут общие; каждый пусть ходить в церковь, и муж пусть спрашивает на дому у жены отпеть в том, что там говорилось и читалось, а она – у мужа. Когда постигнет бедность, припомни святых мужей – Павла, Петра, которые прославились более всех царей и богачей, а жили как? – в голоде и жажде. Учи свою жену, что ничто так не страшно в жизни, как оскорбить Бога. Если кто женится, так и для этой цели, то он не многим меньше монахов, и женившийся – не женившихся.. Если же хочешь сделать обед или устроить пиршество, то не зови никого бесчестного, никого неприличного, но если найдешь какого-нибудь святого бедняка, который может благословить дом ваш, может, ступя к вам ногою, принести всякое благословение Божье; призови его. Скажу еще нечто другое. Никто из вас пусть не старается жениться на такой, которая богаче вас, но лучше на такой, которая беднее. Вошедши с деньгами, она принесет не столько удовольствия, сколько скорби своими упреками, своими излишними требованиями, своей бранью, расточительностью, грубостью. Она, может быть, будет говорить: ты еще ничего не истратил на меня; я одеваюсь на свои деньги, которыми наградили меня родители. Но что ты говоришь, женщина, будто ты одеваешься еще в свое? Что несмысленне таких слов? Не имеешь своего тела, а имеешь свои деньги? После брака вы уже не две плоти, но сделались "одна плоть", а имений два, а не одно? О,

сребролюбие! Оба вы сделались одним человеком, одним живым существом, а ты все говоришь: это мое? От дьявола привнесено это проклятое и пагубное слово. Все, что гораздо необходимее этого, Бог сотворил общим для нас, а это – не общее? Нельзя сказать: мой свет, мое солнце моя вода; все важнейшее – у нас общее, а деньги – не общие? Тысячекратно пусть погибнут деньги, или лучше не деньги, а душевные расположения, которые мешают разумно пользоваться деньгами, и побуждают предпочитать их всему. Между прочим, учи свою жену и этому, только с великой любовью. Так как увещание к добродетели само по себе заключает много тягостного, особенно для нежной и молодой девицы, то, когда будут разговоры о любомудрии, придумывай больше ласковых выражений, и в особенности исторгни из души ее понятия: "мое, твое". Если она скажет: мое, то скажи ей: что ты называешь своим? Я не знаю, я не имею ничего своего. Как ты говоришь: мое, когда все твое? Приласкай ее этими словами. Не видишь ли, что мы так поступаем в отношении к детям? Когда дитя схватить что-нибудь, что мы держим, и захочет еще взять что-нибудь другое, мы ему уступаем и говорим: да, это и то твое. Также станем поступать с женой, – так как разум ее скорее детский, – и когда скажет: мое, говори: все твое и я твой. Эти слова – слова не лести, но великого благоразумия. Этим ты можешь угасить гнев ее и потушить досаду. Лесть состоит в том, когда кто поступает неблагородно по злому расположению; а это – величайшее любомудрие. Итак, говори: и я твой, детушка. В этом меня убедил Павел, который сказал: "**Муж не властен над своим телом, но жена**" (1 Кор. 7:4). Если же я не имею власти над собственным телом, но – ты, то тем более – над деньгами. Говоря так, ты успокоишь ее, угасишь огонь, посрамишь дьявола, сделаешь ее рабой, покорной более, чем купленная за деньги; этими словами свяжешь ее. Таким образом посредством того, что ты говоришь, научи ее никогда не говорит: мое, твое. И не просто зови ее, но с лаской, с честью, с большой любовью. Уважай ее, и она не будет нуждаться в уважении от других, не будет нуждаться в одобрении других, если будет пользоваться твоим (уважением и одобрением). Предпочитай ее всем, во всех отношениях, и в отношении красоты, и благоразумия, хвали ее. Таким образом, ты убедишь ее не внимать никому постороннему, но пренебрегать всеми чужими. Учи ее страху Божьего, и все потечет к тебе, как из источника, и дом твой будет исполнен многочисленных благ. Если станем искать нетленного, то придет и это тленное: "**Ищите же**", – сказано, – "**прежде Царства Божьего и правды Его, и это все приложится вам**" (Мф. 6:33). Каковы будут дети от таких родителей? Каковы слуги у таких господ? Каковы все приближенные к ним? Не будут ли и они исполнены бесчисленных благ? Ведь и слуги, по большей части, воспринимают обычаи своих господ и подражают их стремлениям: то же любят, что и они; говорит о том, что узнали от них; тем же и занимаются. Итак, если подобным образом будем направлять самих себя и внимать Писанию, то многому от него научимся, и через это сможем угодить Богу, и всю настоящую жизнь провести в добродетели, и получить блага, обещанные любящим Его, которых да сподобимся все мы благодатно и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 21

"Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость.
Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле" (Еф. 6:1–3).

1. Как художники, изображая тела, начинают с головы, потом переходят к шее, и наконец к ногам, – точно так поступает блаженный Павел в своих речах. Сказав прежде о муж, потом о жен, второй власти, наконец последовательно приступает к третьей, – говорит о детях, – потому что над женой господствует муж, а над детьми муж и жена. Итак, слушай,

что он говорит: "**Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, это первая заповедь с обетованием**". Здесь не беседует ни о Христе, ни о (других) возвышенных предметах, потому что умы, к которым обращает свою речь, еще нежны; поэтому же и увещание делает краткое, так как дети не могут следить за длинным словом. По этой же причине и о царствии (Божьем) не говорит, – не такому возрасту слушать об этом, – но чего больше всего и особенно желает слышать младенческая душа, о том и говорит, именно, что она будет долголетна. Если же кто станет доискиваться, отчего (апостол) не говорит детям о царствии, а предлагает заповедь из закона (Моисеева), – тем мы скажем, что (он поступил так с ними потому, что) они еще очень молоды, и потому еще, что весьма хорошо понимал, что если муж и жена верны будут тому закону, который он им изложил, то для них не будет стоить большего труда подчинить и детей тому же закону. Когда дело получает доброе начало и имеет верное и прочное основание, тогда оно идет и направляется весьма легко. Но положить основание и поставить опору – в этом-то и заключается немаловажная трудность. "**Дети**", – говорит он, – "**повинуйтесь своим родителям в Господе**", т. е. по воле Господа, – Бог, говорит, повелел так. Но как поступать, если бы приказания были непристойные? Правда, едва ли какой-нибудь отец, даже самый бесчестный, станет приказывать своим детям что-либо непристойное. Однако ж и для подобного случая (апостол) дает наставление, сказав: "**В Господе**", т. е. так, чтобы (исполнением воли родителей) тебе не оскорбить Бога. Например, если отец будет язычник, или еретик, то уже не следует слушаться его, потому что это не "**в Господе**". Но в каком смысле сказано: "**это первая заповедь**"? Первыми следовало бы назвать: "**Не убей, не прелюбодействуй**". (Апостол) называет эту заповедь первой не в отношении к порядку, а в отношении к обетованию. Одни заповеди, как направленные против зла и в отвращение зла, не соединены с наградой, а к другим, как руководящим к совершению добра, прилагается и обетование. Заметь, какое удивительное основание для добродетели полагает (апостол), – и справедливо, – в почитании и уважении родителей! Запретив худые поступки и намереваясь приступить (к учению) о добрых делах, он заповедует, прежде всего, почтение к родителям, так как они для нас после Бога главные е виновники жизни; поэтому справедливо они же первые имеют право вкусить от нас добрых (плодов), а потом и все прочие люди. Если же кто непочтителен к родителям, тот будет ли когда-нибудь таковым в отношении к сторонним лицам? Сделав увещание, какое нужно было, детям, (апостол) переходить к отцам, говоря: "**И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем**" (ст. 4). Не сказал: любите их; к этому влечет их, хотя бы они этого не хотели, самая природа, а потому излишне было полагать закон касательно этого предмета. Но что говорит? "**Не раздражайте детей ваших**", как это делают многие родители, лишая детей своих наследства, оставляя их без призрения, обращаясь с ними жестоко, как с рабами, а не как со свободными. Поэтому говорит: "**Не раздражайте детей ваших**". Затем, что самое главное, указывает, как сделать их послушными, и говорит, что это всецело зависит от главы и начальника. Как причину послушания жены он указал в ее муж, с которым потому и говорит о многом, умоляя его, между прочим, привлекать к себе жену силою любви, так и в настоящем случай в нем же полагает причину (послушания детей), когда говорит: "**Но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем**". Видишь ли, что, когда есть духовное (добро), за ним явится и плотской? Хочешь ли, чтобы сын твой был послушен? С детства воспитывай его "**в учении и наставлении Господнем**". Не думай, чтобы слушание Божественных Писаний было для него делом излишним. Там он услышит прежде всего: "**Почитай отца твоего и мать**" – слова, направленные к твоей пользе. Не говори: это (слушание Писаний) дело монахов; ужели мне сделать его монахом? нет надобности быть ему монахом! Что это в тебе за страх, – боишься того, что преисполнено многих выгод? Сделай его христианином. И мирянам весьма нужно внимать учению, заключающемуся здесь (в Писании), а особенно детям. Дети в этом возрасте многого не знают, к незнанию же присоединяется еще то, что они узнают нечто из сочинений языческих, изучая в них

жизнь дивных, по их понятиям, героев, которые служили страстям и боялись смерти, каков, например, Ахиллес, безутешный и умирающий за наложницу, или другой, предающийся пьянству, и проч. в этом роде. Итак, он (сын твой) нуждается в этих лекарствах.

2. Не безрассудно ли учить детей искусствам, посылать их для этого в училище, ничего не жалеть для этого, а о воспитании их "в учении и наставлении Господнем" не заботиться? Сами же мы первые и пожинаем плоды такого воспитания детей своих, видя их дерзкими, невоздержными, непослушными, развратными. Не будем же поступать таким образом и послушаем увещания блаженного (Павла): станем воспитывать их "**в учении и наставлении Господнем**", подадим им пример, заставим их с раннего возраста упражняться в чтении Писаний. Увы! Я постоянно говорю это, только, мне думается, понапрасну. Но, при всем том, я не перестану исполнять свой долг. Отчего, скажите мне, вы не подражаете древним? Особенно вы, женщины, должны бы ревновать дивным древним женам. Родилось у тебя дитя, – подражай Анне. Послушай, как поступила она: она тотчас привела его в храм. Кто из вас не пожелал бы, чтобы его сын лучше был однажды Самуилом, чем тысячу раз царем всей вселенной? Скажете: как это можно? А почему же невозможно? Потому только невозможно, что ты не желаешь и не поручаешь его Тому, кто может сделать его таковым. Кто же, спросите, может это сделать? Бог. Потому она (Анна) Ему и поручила (своего сына). Сам Илий не очень был способен к тому, чтобы образовать его; да и как он мог это сделать, когда не в силах был (управиться) со своими собственными детьми? Но вера женщины и ее усердие всего достигли. Родив первенца, одного, и еще не зная, будут ли у нее другие дети, она не говорила: подожду; вот вырастет ребенок; пусть насладится жизнью; позволю ему у себя принести отроческие годы. Нисколько не думая об этом, она помышляет об одном, как бы посвятить от начатков этот образ духовный Богу. Устыдимся мы, мужчины, такого любомудрия женщины: она представила его Богу, и там его оставила. Это прославило и супружеский союз ее, потому что, принесши первый плод (Богу, она этим показала, что) искала, прежде всего, духовного; поэтому-то и чрево ее сделалось благоплодным, и она имела потом других детей; поэтому же она видела, каким почетом в мире пользовался (сын ее). Если и люди за почтение платят почтением, то не гораздо ли более Бог, Который впрочем нередко делает это, и не будучи сам почитаем? Доколь же мы будем оставаться плотскими? Доколь будем пресмыкаться по земле? Все у нас должно быть второстепенным в сравнении с заботой о детях и с тем, чтобы воспитывать их "в учении и наставлении Господнем". Кто, прежде всего, научится быть любомудрым, тот через это приобретет богатство, превосходящее всякое богатство, и величайшую славу. Не так полезно образовать сына, преподавая ему искусство и внешнее знание, посредством которых он станет приобретать деньги, как – научить его искусству презирать деньги. Если хочешь сделать его богатым, поступай таким образом. Богат не тот, кто нуждается в большом имуществе и владеет многим, а тот, кто ни в чем не имеет нужды. Это внушай твоему сыну, этому учи его; в этом – величайшее богатство. Не заботься о том, чтобы сделать его известным по внешней учености и доставить ему славу, но старайся, чтобы научить его презирать славу настоящей жизни; от этого он будет славнее и знаменитее. Это возможно сделать и богатому и бедному; этому научаются не от учителей и не при пособии наук. а из Божественных Писаний. Не заботься, чтобы сын твой здесь пожил долго, но чтобы там удостоился жизни беспредельной и нескончаемой. Давай ему великое, а не малое. Внимай словам Павла: "воспитывайте их в учении и наставлении Господнем". Не ритором старайся сделать его, но научи его любомудрствовать. Если он не будет ритором, отсюда не произойдет еще никакого вреда; а при отсутствии любомудрия, самое обильное риторство не принесет никакой пользы. Нужно благоповедение, а не остроумие нравственность, а не сила речи, дела, а не слова: вот что доставляет царство, дарует действительный блага. Не язык изощряй, но душу очищай. Говорю это не с тем,

чтобы запретить образование, но – чтобы не привязывались к нему исключительно. Не думай, будто одним монахам нужны наставления от Писаний; весьма многие из этих наставлений потребны и для тех детей, которые должны вступить в эту (мирскую) жизнь. Как при снаряжении корабля нужен бывает кормчий и полное число пловцов не тому, кто всегда стоить на пристани, но тому, кто постоянно занимается мореходством, точно то же (должно сказать) и относительно монаха и мирского человека. Первый, как бы находясь на необуреваемой Пристани, проводить жизнь беззаботную и огражденную от всякого волнения; а последний постоянно обуревается и плывет среди моря, сражаясь со множеством треволнений. Хотя бы он сам (мирской человек) и не имел нужды (в наставлении), но ему оно может быть нужно, чтобы, если случится, он был в состоянии заградить уста других.

3. Поэтому, кто, чем большим пользуется почетом в настоящей жизни, тем более, нужно для него такое образование. Вращается ли кто в царском дворце, – там много эллинов, философов, людей надутых временной славой, – здесь точно место, наполненное страдающими водянкой. Таков именно царский двор. Там все напыщены и надуты, а кто нет, те стараются сделаться такими. Каково же, подумай, если сын твой, вступивши туда, входить, как самый лучший врач, с инструментами, которые в состоянии укротить надменность каждого, подходить к каждому и разговаривает, врачует больное тело, прикладывает лекарство из Писаний, расточает любомудрые речи. Инок с кем будет говорит? Со стеной (своей кельи) или с кровлей? С пустыней или дебрями? С горами или деревьями? Итак, для него не очень необходимо подобное учение; несмотря на то, он старается усовершить себя в нем, не с тем, чтобы других наставлять, а самого себя. Что же касается людей, живущих в этой (мирской) жизни, то им весьма нужно такое учете, потому что мирскому человеку более представляется соблазнов к греху, нежели монаху. И, если тебе угодно, знай, что он (с таким образованием) и в свете будет самым приятным человеком. Все станут уважать его за такие речи, когда увидят, что он не вспыльчив и не домогается власти; впрочем, он получить власть и не домогаясь ее, и у царя будет в большом почете. Ведь такому нельзя укрыться: здоровый среди множества здоровых может остаться незамеченным; но если между множеством больных найдется один здоровый, то слух о нем скоро достигнет ушей царских, и ему будет поручено начальство над многими народами. Зная это, "**воспитывайте их в учении и наставлении Господнем**". А если кто-нибудь беден? Пусть останется бедным. Что он не будет находиться при дворе, этим он нисколько не будет ниже того, кто служить при двор; напротив может сделаться предметом удивления, и скоро получить власть, какую ему угодно, а не ту, какая достается по назначению. Если эллины, люди, стоящие не более трех оболов, циники (κύνες – собаки), принявши такую же, стоящую не более трех оболов, философию (подлинно такова эллинская философия), или вернее – не самую философию, а только ее имя, облекшись в мантию и отрастивши волосы, посрамляют многих, – то не к большему ли способен истинный философ. Если ложная личина, только кажущаяся тень философии так возвышает, то что, когда мы полюбим истинную светлую философию? Не все ли станут уважать ее? Не поручать ли таким (философам), без всякого опасения, и дома, и жен, и детей? Но нет, нет ныне таких философов! А потому нельзя найти и примера. Есть, впрочем, между монахами, между мирянами же нет. Что между монахами находятся такие примеры, в доказательство можно привести многих; но я укажу на одного из многих.

Вероятно, вы знаете, слыхали, а некоторые, конечно, и видали человека, о котором я намерен говорит теперь: я разумею дивного Юлиана. Это был человек простого звания, смиренный; родился он в незнатном месте и вовсе несведущ был в светской мудрости, но преисполнен истинного любомудрия. Когда он являлся в городе, – что случалось редко, – то около него столько стекалось народа, что ни около риторов, ни около софистов, ни

около другого кого не бывало подобного стечения. Что же сказать об этом? Не более ли всех царей прославляется имя его и поныне? Итак, если столько (возвышены истинные любомудры) в этом мире, где Владыка не обещал нам никакого блага, – в мире, в котором, по Его словам, мы чужие, – то размыслим, какие блага уготованы для них на небесах? Если здесь, где они пришельцы, такая им честь, то какой славой они будут наслаждаться там, где они – граждане? Если здесь, где обещана скорбь, таков им почет, то каково будет успокоение их там, где общаются действительные почести? Хотите ли, чтобы мы указали и на (любомудрствующих) мирян? Но теперь их нет у нас. Правда, и между мирянами есть люди благоговейные, но они не восходят на высоту любомудрия А потому представлю вам примеры из древних и святых. Сколь многие из тех, которые имели жен и воспитывали детей, были ничуть не хуже, повторяю, ничуть не хуже упомянутых нами! Но теперь их уже нет, вследствие наступившей нужды, как говорит этот блаженный. О ком же, хотите, чтобы я вам сказал? О Ное, или об Аврааме? О сыне последнего, или о сыне первого? Или об Иосифе? Или вы хотите послушать о пророках – Моисее, или Исайи?

4. Но, если угодно, остановим слово на Аврааме, на которого особенно все указывают нам постоянно. Не имел ли он жены? Не было ли у него детей? Скажу вам и сам то же самое, что вы говорите нам. Он имел жену, но не это сделало его знаменитым, что у него была жена. Имел богатство, но не через богатство сделался угодным Богу. Родил детей, но и не за то был ублажаем, что имел детей. Приобрел триста восемнадцать домочадцев, но и не поэтому сделался предметом удивления. Хочешь ли знать, что (его прославило)? То, что он любил странников, презирал богатство, был скромен. Скажи мне, какое свойство философа? Не презирать ли богатство и славу? Не стоять ли выше зависти и всякой страсти? Теперь поставим на средину Авраама, разоблачим его и посмотрим, каков он был философ? Во-первых, он не дорожил отечеством: "**Пойди**", – сказал ему (Господь), – "**из земли твоей, от родства твоего**" (Бт. 12:1), – и он тотчас вышел. Его не удержал в этом случае ни родительский дом, ни узы дружбы, и ничто другое, – иначе он бы не вышел. Потом, он нисколько не дорожил ни славой, ни богатством; так, когда на войне он обратил в бегство неприятелей, и ему предлагали взять добычу, он с презрением отверг ее. Равным образом и сын его не через богатство свое сделался достойным удивления, но за страннолюбие, не потому, что имел детей, но потому, что был послушен, и не потому, что имел жену, а потому, что жена его была неплодная. (Оба они, Авраам и Исаак) считали за ничто настоящую жизнь, не искали богатства и всем пренебрегали. Скажи мне, какие из растений самые лучшие? Не те ли, которые сами в себе содержать силу, и ни от дождя, ни от града, ни от стремления ветров, ни от других каких-нибудь подобных причин не терпят вреда, но стоя открыто, и не имея нужды ни в кровле, ни в ограждении, как бы все презирают? Таков истинный философ, таково его богатство! Он ничего не имеет, и все имеет; все имеет, и ничего у него нет. Стена не внутри, а извне, и ограда не от природы, а отвне воздвигается. Еще, скажи мне также, какое тело бывает особенно крепко? То ли, которое здорово, которое удобно переносить голод, не требует пресыщения, не терпит от стужи, равно как и от жара, – или то, которое неспособно переносить всего этого, и, кроме того, для своего здоровья нуждается в поварах, ткачах, охотниках и врачах? Подлинно, только истинный философ, который не нуждается ни в чем подобном, есть богач. Поэтому-то блаженны и (Павел) и говорил: "воспитывайте их в учении и наставлении Господнем". Итак, не во внешних благах ищите ограждения (для детей своих): в этом богатство, в этом слава. Когда (временная слава и богатство) пройдут, – а он непостоянны, – то (люди, обладавшие ими) бывают подобны беспомощному, поврежденному растению, которое не только не приносило никакой прибыли в прошедшем, но еще производило убыток. Так защита, которая должна была ограждать от стремления ветров, теперь вдруг произвела падение.

Значить, богатство скорее вредит, если делает нас неподготовленными к перенесению превратностей жизни. Итак, образуем детей так, чтобы они могли переносить все, и знали, как должно поступать среди несчастий, воспитаем их "**в учении и наставлении Господнем**", – и нам воздастся великая награда. В самом деле, если люди, делающие изваяния царей и пишущие их портреты, пользуются большим почетом, то мы, которые украшаем образ Царя небесного (потому что человек есть образ Божий), не будем ли наслаждаться гораздо большими благами за то, что восстановляем Божье подобие? Именно с этим может сравниться добродетель души, когда научим детей быть добрыми, нераздражительными, непамятозлобными, готовыми на благодеяния, человеколюбивыми (что все свойственно Богу), и когда наставим их не дорожить земными благами. Итак, образовать и упорядочить себя и их – вот наша обязанность! Иначе, как мы дерзнем предстать престолу Христову? Ежели тот, у кого дети необузданны, недостоин епископства, то тем более (он недостоин) царства небесного. Но что ты говоришь? Ужели, если наши жены и дети будут беспорядочны, ее то мы будем подлежать за них ответу? Да, если (это случится) от непринятая нами строгих мере, потому что для спасения недостаточно нам собственной добродетели. Если не употребивший в дело одного таланта не только не получил никакой е! награды, но еще наказывается известным образом, то ясно, что собственной добродетели недостаточно для спасения, а требуется еще (добродетель) другого. Итак, позаботимся о женах, будем особенно предусмотрительны в отношении к детям, домашним и к себе самим; когда же начнем приводить в порядок и себя и их, то станем молить Бога, чтобы Он помог нам в трудах наших. И Он поможет, когда увидит, что мы об этом стараемся, к этому прилагаем свои заботы; если же мы ничем не заняты, то и Он не подаст нам Своей помощи. Ведь не тогда Бог дарует нам помощь, когда мы спим, но когда и сами мы трудимся. Помощник помогает не праздному, а тому, кто и сам работает. Впрочем благой Бог силен сам Собою совершить дело, чтобы все мы сподобились наследовать обетованные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 22

"Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимой только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божью от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам, зная, что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный" (Еф. 6:5–8).

1. Итак, не муж только, не жена, не дети, но и слуги со своими добродетелями входят в состав дома и обусловливают его благоустройство. Поэтому блаженный Павел и этой части не оставил без внимания, но напоследок приступает к ней, так как и по достоинству она занимает последнее место. И с ними (рабами) много рассуждает он, и уже не как с детьми, но гораздо возвышеннее. Он не дает им здесь обетования, а указывает на последствия: "**Зная**", – говорит он, – "**что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал**". Учит даже любомудрствовать, потому что хотя они по достоинству ниже детей, но смысла имеют больше их. "**Рабы**", – говорит он, – "**повинуйтесь господам своим по плоти**". Тотчас ободрил опечаленную душу, тотчас утешил ее. Не скорби, как бы так он говорит, что твоя доля ниже положения жены и детей: это рабство только по имени, и господство по плоти, следовательно господство временное и непродолжительное, потому что все плотское скоропреходяще. "**Со страхом**", – говорит, – "**и трепетом**". Видишь ли, что неодинакового страха требует от жены и от рабов. Там просто сказал: "**Жена да боится своего мужа**", а здесь, усиливая речь, говорит: "**со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу**". Часто он повторяет это.

Но что говоришь ты, блаженный Павел? Он (раб) – брат (своему господину); он получил одинаковые с ним блага, одинаковое тело, а что всего важнее – сделался братом не только своего господина, но самого Сына Божьего, наслаждается равными с ним благами, и ты говоришь: "**Повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом**"? Но поэтому-то я и говорю так, отвечает (апостол). Если свободным повелеваю подчиняться друг другу ради страха Божьего, как выше сказано: "**Повинуясь друг другу в страхе Божьем**", если жене приказываю бояться своего мужа, хотя она имеет равную с ним честь, то тем более слуге. В этом нет бесчестия, напротив, это высокое благородство – уметь уничижаться, вести себя скромно, уступать ближнему. И свободные служили свободным с большим страхом и трепетом. "**В простоте сердца**", – говорит. Хорошо сказано, так как можно служить со страхом и трепетом, однако ж, не с добрым расположением, но кое-как. Есть много таких, которые втайне весьма много делают зла господам своим. Такое-то худое поведение (апостол) и старается устранить, говоря: "**В простоте сердца вашего, как Христу, не с видимой только услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божью от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам**". Видишь ли, как много требовал (Павел), когда внушал добро словами: "**с благоразумием и от души**"? Мы видим, что многие служат своим господам "**со страхом и трепетом**", и к этому много побуждает строгость господина. Но покажи, говорит он, что ты служишь как раб Христов, а не как раб человека; сделай так, чтобы (твои служебные занятия) были у тебя добродетелью, а не следствием необходимости. Как того, кто терпит обид от другого, (Христос) убеждает и научает, как увидим ниже, принимать обиду, как благо для себя, и терпеть ее по собственному изволению, точно так же и рабов (учит апостол). Ударивший в ланиту решился на такой поступок не по мыслям того, кого он ударил, а по собственной злобе, – и, однако ж, что сказано? "**Обрати к нему и другую**" (Мф. 5:39), чтобы ты мог показать, что и первая не против воли тобой подставлена. Решившийся потерпеть лишний раз удар обратил и то, что было не его делом, в свое дело, когда дал поразить и другую ланиту, а не ограничился одним перенесением обиды: последнее, пожалуй, можно счесть за следствие страха, но в первом много любомудрия. Итак, ты показал бы (тогда), что перенес это ради любомудрия. Так и теперь ты покажи в свою очередь, что несешь это рабство добровольно, а не как человекоугодник. Человекоугодник – не раб Христов, и раб Христов – не человекоугодник. Кто в самом деле, будучи рабом Божьим, захочет угождать людям? Напротив, кто, угождая людям, может быть рабом Божьим? "от души", – говорит, – "служа с усердием". Хорошо это сказано, так как можно служить в простоте и без злобы, однако ж, не всеми силами, а только выполняя долг. Поэтому говорит: по усердию, а не по необходимости, по доброй воле, а не по принуждению. Если будешь служит, таким образом, именно: по доброй воле, с благоразумием, от души, ради Христа, – то ты не раб. Такое рабство несет и Павел, человек свободный, когда, взывая, говорит: "**Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса**" (2 Кор. 4:5).

2. Видишь ли, как у твоего рабства отнимается бесчестие? Подобно тому, как если бы какой-нибудь человек, после того, как у него отняты деньги, прибавил бы еще от себя своему похитителю, не может почитаться обнищавшим, но достаточным, не может почитаться обнищавшим, но достаточным, не может быть причислен к потерпевшим зло, но к делающим добро, и таким благодеянием он покрыл бы (своего грабителя) еще большим позором, нежели какой он навлек на себя своим грабительством, – так точно и в настоящем случае: если раб в самых изнурительных трудах ведет себя великодушно, показывая, что он не чувствует насилия, то от этого больший стыд для его господина. Итак, будем служить господам ради Христа. "**Зная**", – говорит (апостол), – "**что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный**". Так как вероятно между господами было много неверующих, которым этот стыд был

неизвестен, и которые потому не воздавали своим слугам за послушание, то вот (апостол) утешает рабов, чтобы они не отчаивались в воздаянии, но ободряли себя (ожиданием высшей) награды. Как люди облагодетельствованные, и не воздающие благодарности своим благодетелям, тем самым обязывают воздавать им за себя самого Бога, так точно и господа, пользующиеся твоими услугами, если не награждают тебя, то тем самым доставляют тебе большую награду, делая должником твоим Бога. "**И вы, господа**", – говорит, – "**поступайте с ними так же**" (ст. 9). Что такое – "**так же**"? Благосклонно служите. Хотя (апостол) не сказал: "**Служите**", но словом: "**так же**" он выразил эту мысль, потому что и господин служит. "**Не как человекоугодники**", – говорит, – "**со страхом и трепетом**", т. е., со страхом Божьим, опасаясь, как бы когда-нибудь Он не осудил нас за нерадение о рабах. "**Умеряя строгость**". Не будьте, говорит, жестокими и строптивыми. "**Зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь**". Увы! Какой намек! Как сильно устрашил! То есть: "**Какой мерой меришь, отмерится и тебе**". Чтобы тебе не услышать: "**Злой раб! весь долг тот я простил тебе**" (Мф. 18:32). "**У Которого нет лицеприятия**". Не подумай, говорит, что за обиду, причиняемую рабу, (Бог) простить потому, что она причинена рабу. Внешние законы, как законы человеческие, допускают еще различие по происхождению, но закон общего Владыки не знает никакого различия, так как благодетельствует всем вообще и наделяет всех одним и тем же.

А если кто станет спрашивать: откуда же рабство, и зачем оно явилось в жизни человеческой, – как многие, я знаю, с любопытством спрашивают об этом, и желают знать это, – то я вам скажу: от любостяжания произошло рабство, а также от зависти, от ненасытной алчности. Ной не имел рабов, ни Авель, ни Сиф, ни другие после них. Это состояние произвел грех, состоящий в неуважении к родителям. Пусть знают дети, что они достойны быть рабами за непочтение к родителям! (Кто не почитает своих родителей) тот лишается своего благородства, потому что презирающий отца своего более уже не сын его. Если же презирающий (земного) родителя уже перестает быть его сыном, то как останется сыном Отца нашего (небесного) тот, кто Его презирает? Он исключен из благородного сословия, он оскорбил свою природу. Потом (к появление рабского состояния) способствовали войны, сражения, где стали брать пленных. Но, скажут, и Авраам имел рабов? Да, имел; но известно, что он обращался с ними не так, как с рабами. Так (апостол) все направляет к глав: жену, чтобы муж, как сказано, любил ее, – детей, чтобы воспитывал их "в учении и наставлении Господнем", – рабов, "зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь". Этим как бы так говорит: так как и сами вы тоже рабы, то будьте человеколюбивы и снисходительны. Далее, если вам угодно будет выслушать, мы и о слугах скажем то же самое, что прежде сказали о детях: учите их быть благоговейными, и они сделаются такими. Но ныне иной, отправляясь в театр или идя в баню, тащить с собою туда же и всех детей, а в церковь не берет их, – не заставляет их ходить туда, чтоб слушать христианское учение. Как же раб услышит, когда ты, господин, прислушиваешься совсем к другому? Ты прибрел, купил раба? Приказывай ему прежде всего жить по воле Божьей, чтобы он был кроток в отношении к своим товарищам, чтобы особенно заботился о добродетели. Дом каждого есть как бы город, и каждый хозяин есть начальник над собственным домом. Что действительно так, это хорошо видно при взгляд на дом людей богатых, где есть и поля, и управители, и начальники над начальниками. Впрочем, и дом бедного я уподобляю также городу. И здесь есть власти, именно: муж управляет женой, жена – слугами, слуги – своими женами, а мужья и жены – своими детьми. Итак, не представляется ли тебе, что (глава семейства) есть как бы некий царь, у которого находится в подчинении столько начальников? И не следует ли ему быть всех искуснее и опытнее в управлении домом? Кто отлично сведущ в этом деле, тот сумеет выбрать для себя способных начальников, и точно – выберет блистательных. А жена все-таки останется другим царем в дом, хотя без диадемы, и кто умнеть избирать этого царя,

тот и остальное все хорошо устроить. "**Наконец, братия мои, укрепляйтесь Господом**" (ст. 10). (Апостол) когда намеревается окончить речь, всегда употребляет это выражение.

3. Не хорошо ли я сказал в начал, что дом каждого есть целое войско? Кто поставил всех начальников, тот же в свою очередь вооружает их и ведет на войну. Если никто не похищает власти у другого, а каждый остается на своем месте, тогда все будет в хорошем состоянии. "**Укрепляйтесь**", – говорит, – "**Господом и могуществом силы Его**", то есть, в надежде на Него, через Его помощь. Так как он повелел многое и при том должное, то и говорит: не бойтесь, возложите надежду на Господа, и Он все облегчить для вас. "**Облекитесь во всеоружие Божье, чтобы вам можно было стать против козней дьявольских**" (ст. 11). Не сказал: против сражений, против войн, но: "**Против козней**". Врать наш не просто и не открыто воюет с нами, но с коварством. Что такое – козни (μεδοδεία)? Строить козни (μεδοδεϋσαι) значить обольстить и одолеть хитростью: это бывает и в искусствах, и в словах, и в делах, и в борьбе, когда нам случается иметь дела с обманщиками. Скажу для примера: (враг) никогда не предлагает явных грехов, не называет идолослужения, но, по своему коварству, устраивает это иначе, именно: пользуется предлогами, выставляет уважительную причину. Итак, (апостол) уже и этим ободрил воинов и заставил их трезвиться, когда научил и убедил, что у нас борьба с врагом опытным в воинских делах, что эта война против нас производится не просто и не открыто, но с великой хитростно. Сначала указанием на свойства и многочисленность врага – он побуждает учеников своих к осторожности. Он хочет не ослабить воинов, которые противостоят врагу (дьяволу), но ободрить их и подвинуть их против него. Сказав об ухищрениях врага, этим он научает трезвенности. Если бы он указал им только на силу врагов и на этом и остановился, то привел бы их в уныние. Напротив, он и прежде и после этого показывает, что возможно одолеть врага, и тем самым особенно ободряет их. Чем более мы разъясняем своим сообщникам силу наших неприятелей, тем более побуждаем их к осторожности. "**Потому что наша брань**", – говорит, – "**не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных**" (ст. 12). Представив им побуждение к особенной бдительности от свойства брани, потом внушает им бодрость указанием предстоящих подвигов. Каким образом? Сказав, что враги сильны, он навел на мысль, что и многого мы от них лишаемся. Чего же? Борьба происходить в поднебесной, и не из-за денег, не из-за славы, но из-за пленения в рабство. Стало быть, вражда становится непримиримой. Соперничество и борьба бывают сильнее, когда он происходят из-за предметов важных. В поднебесной (ἐν τοῖς ἐπουρανίοις) – это то же, что за (υπέρ) небесное. (Враги наши воюют с нами) не для того, чтобы, после победы, чем-нибудь воспользоваться, но для того, чтобы нас лишить (неба). Так, если бы кто-нибудь сказал: ἡ συνδήχη εν τινι χεϊται (договор заключается в чем-нибудь), то здесь: ἐν (в) соответствовало бы: υπέρ (за) или διά (для). Заметь, какую бдительность возбуждает в нас сила врага, и какая трезвенность происходить оттого, что мы узнаем, что действительная опасность предстоит нашему великому благу, и что также мы должны заботиться о победе из-за великого блага, – потому что враг наш старается свергнуть нас с неба. Кого это называет (Павел) "**Против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего**"? И какой тьмы? Не ночной ли? Нет, – греховной. Мы были, говорит он, некогда тьмой, – называя так грех в настоящей жизни, потому что он уже больше не будет иметь места ни на небе, ни в грядущем веке.

Миродержителями же называет (дьяволов) не потому, чтобы они держали мир, но потому, что они настоящие виновники злых дел. Греховные дела Писание обыкновенно называет миром, например, в изречении Христа: "**Потому что вы не от мира, как и Я не от мира**" (Иоан. 17:14). Разве, в самом деле, (апостолы) были не от мира? Не были ли они облечены плотью? Но принадлежали ли к находящимся в мире? И в другом месте: "**Мир Меня**

ненавидит, а вас не может ненавидеть": и здесь также миром называет злые действия. Или, быть может, здесь под миром он разумеет самих злых людей, потому что демоны на них преимущественно простирают власть свою. "**Против начальств, против властей**", – говорит, – "**против духов злобы поднебесных**". "**Началами**" и "**властями**" называет их, по подобно того, как и между небесными (духами) есть престолы, господства, начала, власти. "**Для сего примите всеоружие Божье, дабы вы могли противостать в день злой и, все преодолев, устоять**" (ст. 13). Днем лютым и этим лукавым веком называет настоящую жизнь, по причине зол, в ней бывающих, и требующих, чтобы мы постоянно были вооружены. "**И, все**", – говорит, – "**преодолев**", – то есть, победив и страсти, и непристойные пожелания, и все, что причиняет нам зло. Не просто употребил: ἐργάοασδαι (делать), но: χατεργάααβεαι (содевать, совершенно сделать, покончить), так чтобы не только одолеть, но и одолевши стоять; а то случалось, что многие, одержавши победу, тотчас падали. "**Все**", – говорит, – "**преодолев**", а не так, чтобы одно что-нибудь исполнить, а другого нет. При том после победы потребна бодрость; иначе то, что тебе удалось низложить, снова может подняться. Если мы не стоим, восстает то, что нами низложено. Когда же мы стоим, то оно не поднимается от падения. Пока мы бодрствуем, побежденный нами враг не воскресает. "**Примите всеоружие Божье**".

4. Видишь ли, как (апостол) отогнал страх? Если есть возможность одержать победу и стать, то зачем избегаешь борьбы? Стой бодро, по окончании борьбы, и ты – победитель. Не удивляйся и тому, что так много сказано о силе врагов. Знание об этом должно производить не страх и робость, но может предохранять от беспечности. "**Дабы вы могли**", – говорит, – "**противостать в день злой**", – напоминанием о времени побуждает (к бодрствованию). Непродолжительно время, как бы так говорит, а потому надобно стоять бодро во время брани; не должно ослабевать и после победы. В самом деле, если у нас идет война; если против нас составляются такие ополчения; если они состоять из бесплотных начал и миродержителей и духов злобы, – то, скажи мне, как можно предаваться неге? Как можно быть рассеянным? Можно ли победить, не будучи вооруженным? Пусть каждый размышляет об этом всякий день, когда им овладевает гнев, одолевает похоть, когда он пожелает этой изнеженной и беспорядочной жизни. Пусть каждый внимает словам блаженного Павла: "**Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей**". Эта война тяжелее войны с врагами видимыми; это борьба чрезвычайно сильная. Подумай, сколько времени он (дьявол) ведет свою борьбу, из-за чего он бьется, – веди себя осторожнее. Так, говорят; но надобно бы было изгнать дьявола из среды себя, и тогда бы все спасались. Это говорят, конечно, какие-нибудь нерадивые, старающиеся отыскать извинение своему нерадению. Тебе, человек, следует быть благодарным за то, что можешь, если захочешь, одолеть такого врага; а ты, напротив, еще досадуешь и говоришь слова, свойственные какому-нибудь беспечному и сонливому воину. Ты, впрочем, если захочешь, можешь понять и причины, почему ты так поступаешь. Но будь осторожен, ограждай себя со всех сторон: не с одним дьяволом у нас брань, но и с его силами. Как же, говорят еще, мы будем бороться со тьмой, – мы, которые сделались светом? Как нам сражаться со злыми духами, когда мы сделались благими? Злоба противоположна добру, и свет отгоняет тьму; если же мы сами стали тьмой, то мы совершенно будем побеждены. Итак, каким же образом мы победим их? Если мы постараемся быть по произволению тем, что они – по природе, то есть, если мы постараемся стать выше плоти и крови; таким образом, мы одолеем их. Так как они (ефесяне), вероятно, гонимы были многими, то не думайте, как бы так говорил (Павел), чтобы те сами по себе воевали против нас. В них действуют демоны: они-то ведут войну, и с ними у нас брань. Всем сказанным производит двоякое действие: и делает их более смелыми в отношении к воюющим на них, и ободряет их дух против врагов. И почему у нас происходит брань с ними? Потому, что мы имеем непобедимого союзника – благодать Духа; потому что мы научены такому искусству, что можем ратоборствовать не с людьми

только, но и с демонами. Впрочем, если мы захотим, то можем и не бороться: брань поскольку брань, поскольку мы ее хотим. Такова именно сила живущего в нас (Св. Духа), согласно словам: "**Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью**" (Лк. 10:19). Он дал нам всякую власть и бороться и не бороться. Но так как мы ленивы, то и боремся с ними? А что Павел не боролся, об этом послушай его собственных слов: "**Кто отлучит нас от любви Божьей: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?**" (Рим. 8:35)? И в другом месте, слушай, что он говорит: "**Бог сокрушит сатану под ноги ваши скоро**" (Рим. 16:10; Деян. 16:18). Он имел власть (над сатаной), потому и сказал: "**Именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее**" (Деян. 16:18). Но это уже не значит бороться; кто борется, тот еще не одержал победы, и кто победил врага, тот уже не ведет борьбы. Потому что такой подчинил его себе, пленил. Равным образом и Петр не боролся с дьяволом; но его дела были таковы, что превышали борьбу. Из числа верующих, слушающих, оглашенных, многие преизбытком одерживали победу над ним (дьяволом). Потому и блаженный Павел сказал: "**Ибо нам не безызвестны его умыслы**" (2 Кор. 2:11), – вследствие чего в особенности и брал над ними верх. И в другом месте, послушай, что он говорит: "**И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света**" (2 Кор. 11:14). Так он вполне знал борьбу, и ничто не укрывалось от него. И: "**Ибо тайн**а", – говорит, – "**беззакония уже в действии**" (2 Сол. 2:7). Но в отношении к нам дело требует борьбы. Затем, слушай, что говорит он в другом месте: "**Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божьей во Христе Иисусе, Господе на**шем" (Рим. 8:38-39). Не сказал просто: от Христа, но: "**от любви Христовой**". Многие ведь, хотя присоединены к Христу, но не любят Его. Не только, как бы так говорит (Павел), не убедишь меня отречься Его, но и не уменьшишь во мне любви к Нему. Если и вышние силы не могли бы этого сделать, то кто другой был бы в состоянии сделать это? Говорит же это не потому, будто бы в самом деле вышние силы решились не подобное, но по предположению. Потому и сказал: "ибо я уверен" (πέπεισμαι). Итак, он не боролся (с дьяволом): несмотря на то, боится его лукавства. Выслушай собственные слова его: "**Но боюсь, чтобы, как змий хитростью своей прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе**" (2 Кор. 11:3). Мало того, и о самом себе так выражается: "**Но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (1 Кор. 9:27). Как же ты можешь быть уверен, что тебя никто не отлучит (от любви Божьей)?

5. Видишь ли, что (апостол) говорил так по смиренномудрию и скромности? Он обитал уже на небе, почему и сам он говорил: "**Ибо хотя я ничего не знаю за собою**" (1 Кор. 4:4); и в другом месте: "**течение совершил**" (2 Тим. 4:7). Итак, дьявол не ему собственно полагал претыкание, а его ученикам. Почему же так? Потому, что они руководствовались не его наставлениями только, но вместе и собственным намерением. В этом отношении (дьявол) одерживал верх: но и здесь он одерживал верх собственное над ним, а над беспечностью невнимательных (людей). Когда они не исполняли приказаний (апостола), по лености или по чему другому, то он (дьявол) одерживал над ними победу. Если же апостол со своей стороны все делал, но те не слушались, то, значит, (дьявол) побеждал не его, но их непослушание. Так болезнь имеет силу не над врачом, а над невоздержностью больного. Когда тот со своей стороны представляет все нужное для излечения, а этот все расстраивает, то последний терпит поражение, а не первый. Итак, над Павлом (дьявол) не одержал ни малейшей победы. Впрочем к нашему благу служит то, что нам предоставляется возможность борьбы. Что касается римлян, то им не этого желает, – а чего? "**Сокрушит сатану под ногами вашими вскоре**" (Рим. 16:20). Но этим (ефесянам) желает вот чего: "**Который может все творить, Его просим и разумеем**" (ст. 3). Кто борется, тот еще встречает препятствия; за то как он счастлив, если не падет! Победа

бывает блистательнее тогда, когда была борьба. Например: если тобой овладело какое-нибудь злое пожелание, то весьма славное дело ты сделаешь, если не поддашься, а погасишь его. Но хотя бы этого совершенно нельзя было сделать, все-таки мы должны бороться и всегда укрощать себя. Если мы не падем во время этой борьбы, то мы будем победителями. Здесь не так, как у атлетов. Там до тех пор не сделаешься победителем, пока не повергнешь на землю другого; а здесь только сам не будь повергнуть и ты победитель, ты уже одолел, если тебя не опрокинули. И это правильно! Там оба бьются о победе, и если один упадет, другой получает венец. Здесь же не так: здесь дьявол старается поразить нас. Итак, если я лишу его того, о чем он заботится, то я победил. Он усиливается не низринуть только, но низринуть вместе с собою; стало быть, он уже побежден, так как он уже свергнуть и находится в состоянии погибели; он заботится о победе не с тем, чтобы потом получить венец, но с той целью, чтобы погубить меня. Итак, я победитель в том случае, когда не буду опрокинуть (дьяволом), хотя бы сам я не опрокинул его. В чем же состоит блистательная победа? В том, чтобы с крайним презрением попирать его, как поступал Павел, считая за ничто блага настоящей жизни. Будем и мы подражать (апостолу), постараемся возвыситься над земными благами, не будем ни с какой стороны доставлять ему (врагу своему) случаев к торжеству над нами.

Богатство дает ему к этому случай, а также – деньги, почести. Все это нередко восстановляло его и делало свирепым. Но что за надобность в борьбе? Какая нужда в сражении? Сражающийся не знает, когда конец сражения, и может думать еще – не быть бы самому побежденным и раненым. А кто уже попирает врага своего, тот очевидно одержал победу. Итак, будем попирать силу дьявола, будем попирать грехи, все житейское, как-то: гнев, похоть, высокомерие и все страсти, чтобы, по отшествии нашем туда, не оказалось, что мы отказались от власти, какую получили от Бога. За это удостоимся наследовать и будущие блага. Если же в этом окажемся худыми, то кто доверить нам большее? Если того, кто оскорбил (Бога), кто сам обесчещен, презрен, повержен к ногам, мы не сможем попрать, то как Отец даст нам Свое достояние? Если не победим столько униженного, то как будем иметь дерзновение войти в дом отчий? Скажи мне: если бы ты имел какого-нибудь сына, и он, оставивши честных слуг своих, вошел в сношение с теми, которые за оскорбление тебя изгнаны из дома и делают против тебя разные ухищрения, и если бы он до конца упорствовал в таком поведении, – не был ли бы он лишен за это наследства? Очевидно, что так. Подобно тому и мы, если, оставивши послушных (Богу) ангелов, которые начальствуют над нами, станем жить согласно с желаниями дьявола, то совершенно будем лишены наследства. Но да не постигнет это никого из нас; лучше же, решившись воевать против него и победивши его, при помощи Божьей, да сделаемся наследниками царства небесного. Имеет ли кто недруга, терпит ли кто обиду, питает ли кто злобу, пусть он соберет и изольет всю эту ярость и гнев на главу дьявола. В этом случае гнев будет делом добрым, негодование – полезно, злопамятство – похвально. Как в сношениях с посторонними злопамятство составляет зло, так здесь оно есть благо. Итак, если у тебя есть недостатки, – исправь их здесь; если же не можешь сам этого сделать, то делай с сочленами твоими. Тебя ударил кто-нибудь, – имей зло против дьявола и никогда не прекращай вражды с ним. Если и не ударил, – и в таком случае злобствуй против дьявола за то, что он восстал против твоего Владыки, оскорбил Его, а также за то, что вредит братьям твоим и воюет на них. Всегда будь врагом, всегда гневным, всегда непримиримым с ним. От этого он сделается смиренным, неопасным, таким, что его можно будет одолеть. Если мы сильно разъяримся против него, он не будет нам страшен. А когда станом благосклонны, тогда он сделается жестоким, – не так (мы должны обращаться с ним), как с нашими братьями. Он враг и гонитель жизни и спасения нашего и своего собственного. Коли он не любить самого себя, то как может любить нас? Итак, ополчимся и повергнем его, имея союзником великого Господа Иисуса Христа, Который возможет сделать и нас неуловимыми для его сетей и удостоить вечных благ,

которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне, и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 23

"Итак станьте, препоясав чресла ваши истиной" (Еф. 6:14).

1. Устроив такое войско, пробудив в нем воинственный дух (а нужно было и то и другое, то есть – не только воины, по и воинственный дух в них) и, ободрив его (а это также было нужно), наконец (Павел) и вооружает это войско. Ведь никакой пользы не будет от оружия, если прежде не будут собраны воины и в душах их не будет возбуждено мужество. Сначала надлежит вооружить их изнутри, а потом уже извне. Если так бывает в отношении к воинам, сражающимся против внешних врагов, то тем более так должно быть в отношении к воинам духовным, которым свойственно вооружаться не с внешней стороны, но всецело с внутренней. И (апостол) пробудил и воспламенил храбрость, придал смелости, поставил их в добром порядке, – и затем вооружает их. Но смотри, как облекает их в самое оружие. "**Итак станьте**", говорит он. Первое дело строевых – уметь хорошо стоять: от этого зависит многое. Потому (и апостол) нередко беседует о том, что должно стоять. Так, и в другом месте он говорит: "**Бодрствуйте, стойте**" (1 Кор. 16:13); и опять: "**Стойте так в Господе**" (Фил. 4:1); или еще: "**кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть**" (1 Кор. 10:12): а также: "**чтобы вы могли перенести все**". И заметь: не о простом каком-нибудь стоянии он говорит, но о стоянии стройном. Опытные в воинских делах понимают, что значить умение стоять. Если кулачникам и борцам учитель прежде всего другого преподает искусство стоять, то гораздо более нужно это в сражениях, вообще в воинских делах. Кто прямо стоит, тот стоить, не развлекаясь и ни к чему не наклоняясь. В стоянии видна строгая прямота. Итак, действительно прямые стоять. А кто не стоить, т не сохраняют прямого положения, развлекаются и предаются рассеянности. Тот, кто ищет удовольствий, находится не в прямом, а в наклонном положении, равным образом и человек сладострастный, и сребролюбец. Умеющему стоять самое стояние может служить как бы некоторой опорой, и все, касающееся борьбы, ему представится легким. "**Итак, станьте**", – говорит, – "**препоясав чресла ваши истиной".** Не о чувственном препоясании говорит (апостол); в этом месте он выражается иносказательно. И заметь, как он поступает: сначала облекает воина поясом. Что это значить? Человека рассеянного и преданного пожеланиям, у которого помыслы устремлены долу, он обуздывает посредством опоясания, не допуская его таким образом терпеть препятствие от одежд, покрывающих его голени, и давая ногам его полную свободу бежать. "**Итак станьте**", – говорит, – "**препоясав чресла ваши**". Говорит здесь о чреслах, потому что как для кораблей киль, так для нас чресла: они – опора всего тела. По словам врачей, они составляют основание, и на этом-то основании строится все (тело). Когда же он опоясывает чресла, то тем самым укрепляет нашу душу, – потому что он разумеет не телесные чресла, но чресла в смысл духовном. И как (телесные) чресла служат основанием для нижних и верхних частей тела, так точно и духовные чресла. Часто больные, опуская на них, как на какую подпору, свои руки, тем самым подкрепляют себя. Равно и пояс для того и употребляется па войне, чтобы сберечь и охранить наше основание. Чтобы нам было удобнее бежать, мы опоясываем себя: это обеспечивает пашу силу. Пусть то же, говорит (апостол), наблюдается и в отношена: к душе, и тогда во всех делах своих мы будем иметь более силы. Особенно это прилично воинам. Да, скажут, но телесные чресла мы опоясываем кожаным поясом; а здесь чем опояшемся? Главой наших помыслов, то есть, истиной. "**Препоясав**", – говорит, – "**чресла ваши истиной**". Итак, оставим всякую ложь, будем поступать во всем по истине, не будем обманывать друг друга. Славы ли станем искать, – славы истинной, жизни ли желать, – жизни истинной.

Если мы оградим себя этим, если опояшемся истиной, то никто нас не одолеет. Кто ищет истины, тот не пристращается к земле, потому что все неистинное – от земли. Это видно из того, что все внешние (язычники) служат страстям, следуя собственным мудрованиям. А потому, если мы будем трезвиться, то не будем нуждаться в учеши, заключающемся в сочинениях эллинов. Видишь ли, как они были слабы и бессильны, как не могли принять ни одного здравого и превышающего ум человеческий понятия о Боге? Они не были препоясаны истиной. Потому-то и ослабли их чресла этот приемник родотворных семян, это укрепление помыслов. Нет ничего бессильнее их.

2. Не видишь ли, с другой стороны, как манихеи дерзко говорят обо всем по своим собственным мудрованиям? Невозможно было, говорят они, чтобы Бог без материи сотворил мир. Откуда это видно? Так говорят они, пресмыкаясь долу, – от земли заимствуя это и от того, что нам (людям) свойственно. Ведь человек, говорят они, не может иначе делать. Затем послушай, что еще говорит Маркион: Бог, воспринявши плоть, не мог остаться чистым. Из чего это видно? Из того, что не бывает этого у людей. Валентин, в свою очередь, имя обращенные к земле помыслы, тоже рассуждает по земному; подобным же образом учат и Павел самосатский и Арий. Что, например, говорит (последний)? Рождающийся Бог не мог родиться бесстрастно. Почему ты осмелился сказать это, Арий? Потому, что (о Боге стал рассуждать) по-человечески. Итак, замечаешь, что у всех помыслы обращены долу, что у всех они ослаблены и дышать землей? Таковы (еретики) в отношении к учению веры. Что же касается деятельности, то они любодеи, сребролюбцы, они привязаны к земле – к славе и всему прочему. У них нет крепких чресл, – таких, чтобы, в случай болезни, можно было в них найти опору. Когда же они сделаются больными, они не кладут на них рук своих, и не стоять прямо, а ослабевают. Напротив, препоясанный истиной, во-первых, никогда не почувствует изнеможения; во-вторых, хотя бы он и утомился, все же получить подкрепление в той же истине. В самом деле, скажи мне, заставить ли страдать его бедность? Нисколько. Мысль об истинном богатств успокоить его, а бедность напомнить ему об истинной нищете (духовной). Не покажется ли ему тяжким рабство? Ни мало, потому что он знает истинное рабство. Быть может, болезнь? И она – нет. "**Да будут чресла ваши**", – говорит Христос, – "**препоясаны и светильники горящи**" (Лк. 12:36), чтобы иметь вам свет неугасимый. Это заповедано было делать и при исход из Египта, – препоясанные ли тогда пасху. Для чего, спрашивают, так было? Хотите знать основание этому из истории, или из соображений? Я скажу и то и другое, а вы запомните. Я не просто делаю это, чтобы только ответить на вопрос, но имя в виду, чтобы слова наши обратились у вас в дело. Были, повествуется, препоясаны, имея жезлы в руках своих и сапоги на ногах, и так ели пасху (Исх. 12:11). Страшное и ужасное таинство, и к тому же заключающее в себе много глубины. Если же в прообразе таинство так страшно, то тем более в самой истине. Выходят из Египта и едят пасху. Внимай: это образ странников. Иметь сапоги на ногах и жезлы в руках и есть стоя – не что другое значить, как именно это. Что вы хотите прежде выслушать – историю или соображения? Лучше историю. Итак, что говорит история? иудеи были неблагодарны и постоянно забывали благодеяния Божьи. Потому, желая хоть насильно приводить им на память (благодеяния), (Бог) узаконивает такой способ вкушения пасхи. Для чего? Для того, чтобы каждый год, по необходимости, соблюдая это узаконение, также необходимо воспоминали изведшего их Бога. Не одним временем (пасхи) Бог хотел напоминать им Свои благодеяния, но и самым образом вкушения ее. Для того и едят они опоясанные и обутые, чтобы, когда спросят их об этом, отвечали, что мы готовы были к путешествию и намеревались выйти из Египта в землю обетованную. Таково значение образа согласно истории; но вот истина: и мы также вкушаем пасху, т. е. Христа, "**Пасха наша**", – как сказано, – "**Христос, заклан за нас**" (1 Кор. 5:7). Стало быть, и мы вкушаем пасху, которая гораздо превосходнее пасхи законной. Поэтому и мы должны вкушать ее также обутые и препоясанные. Для чего? Для того, чтобы и нам быть

готовыми к путешествию, к исходу отсюда. Никто из вкушающих эту пасху не должен помышлять о Египте, напротив должен стремиться к небу, к вышнему Иерусалиму. Для того ты и вкушаешь опоясанный и обутый, чтобы ты помнил, что, начиная вкушать пасху, ты обязываешься идти в дорогу, путешествовать. Это обозначает две обязанности: во-первых, обязанность – оставить Египет и (на земле) жить так, как бы это была для нас чуждая страна, потому что сказано: "**Наше же жительство – на небесах**" (Фил. 3:20); во-вторых, обязанность – всегда, во всю жизнь быть готовыми к тому, чтобы, когда станут звать нас, немедленно сказать: "**Готово сердце**" наше (Пс. 107:2). Впрочем, так мог говорить Павел, которого совесть ничем не была запятнана. Что же касается до меня, то я не могу сказать так, потому что мне много нужно времени для покаяния. А что быть препоясанным значит – иметь бодрствующую душу, об этом послушай, как говорит Бог одному праведнику: "Препояшь ныне чресла твои, как муж: Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне" (Иов. 38:3). То же говорит Он ко всем святым, то же и к Моисею. Даже сам является препоясанным у Иезекииля. Ангелы также являются нам опоясанными, как бы они были настоящие воины. Чтобы стоять мужественно, для этого нужно опоясаться. Но с другой стороны, опоясать себя можно но иначе, как стоя. Препояшем же и мы себя. И нам также предстоять выйти, и много потом придется нам испытать трудностей. Когда мы проходим через эту область, тотчас является дьявол, начинает хитрить, употреблять все меры к тому, чтобы людей, которые избавились от Египта, перешли Чермное море, освободились от демонов и неисчислимых бед, – взять и погубить. Но, если будем бодрствовать, то и у нас будет столп огненный, – благодать Духа, Который освещает нас и осеняет, – будет манна, или лучше сказать, не манна, а то, что превосходнее манны, – будет духовное питие, а не вода, истекающая из камня, будет и стань для нас живущих и теперь в пустыне. Да! Земля, в настоящее время – совершенная пустыня, по недостатку добродетели, даже более пустыня, чем та. По какой причине бегали той пустыни? Не по той ли, что она имела и до сих пор имеет скорпионов? Но ней, говорят, не проходил человек. При всем том пустыня та все же не так была бесплодна, как человеческая природа.

3. Ныне в этой пустыне сколько скорпионов, сколько змей, сколько порождений эхиднинных, – о чем мы уже говорили! Впрочем, это не должно устрашать нас. Нашим исходом (из Египта) предводительствует не Моисей, а Иисус. Но опять под каким условием мы этого избегнем? Под тем, чтоб мы не делали того же, – тогда и не подвергнемся той же участи. Те роптали, были неблагодарны. Поэтому нам этого дозволять себе не следует. За что те все пали? За то, что вознерадели о земле, которой так сильно желали. Отчего вознерадели? Ведь они пред ней благоговели? Оттого, что вышли изнеженными и не хотели ради нее переносить неудобств (странствования). Поэтому не будем пренебрегать небом: это и есть пренебрежете. С неба нам принесен плод – не такой плод, как виноградная кисть, которую носят в корзинах, но – обручение Духа, правило небесной жизни, которому учили Павел и весь лик апостольский, эти чудные земледельцы. Не Халев, сын Иефонии, и не Иисус, сын Навина, принес эти плоды; но Иисус, Сын Отца щедрот, Сын истинного Бога, принес с Собой всякое благополучие и ниспослал нам свыше все плоды, – разумею небесные песни. То самое, что херувимы вещают горе, – и нам заповедано говорит: "свят, свят, свят". Он принес нам житие ангельское. Ангелы ни женятся, ни посягают: то же благо насаждено и здесь. Ангелы не любят денег и ничего подобного: и это посеяно у нас. Ангелы но умирают: и оно нам даровано; смерть ныне перестала быть смертью, по сделалась сном. Послушай, что говорит (Господь): "**Лазарь, друг наш, уснул**" (Иоан. 11:11). Видишь ли плоды горнего Иерусалима? И что особенно удивительно – даровал нам (Господь) все это до обетования, прежде окончания войны. Израильтянам, по вступлении в обетованную землю, предстояли воинские труды, хотя, впрочем, они могли бы и не трудиться; им стоило только повиноваться Богу, – и они без орудия и полков взяли бы все города; наприм.,

Иерихон они завоевали, имея вид более праздничный, нежели воинский. А когда мы вступим в землю обетования, т. е. на небо, то нам не нужно будет вести войны. Она продолжается только до тех пор, пока находимся в пустыне, т. е., в настоящей жизни. "**Ибо, кто вошел в покой Его, тот и сам успокоился от дел своих, как и Бог от Своих**" (Евр. 4:10). "**Делая добро, да не унываем**" (Гал. 6:9). И мы пожнем в свое время, если не ослабнем. Видишь ли, что каким путем вел Господь их (израильтян), тем же ведет и нас? О манне в пустыне сказано: "**И у того, кто собрал много, не было лишнего, и у того, кто мало, не было недостатка**" (Исх. 16:18). А нам заповедано – не собирать сокровищ на земли.

Если же собираем, то уже не чувственный червь будет истреблять их, как это было с манной, а совечный огню. Итак, употребим все меры к тому, чтобы не приготовить Пищи червям. "**И у того, кто собрал много, не было лишнего**", сказано. Это явление может повторяться и между нами каждый день. Все мы, конечно, обязаны наблюдать одну, определенную меру, при насыщении желудка, а излишнее будет только прибавлением безумных хлопот. Это именно (и Господь) хотел внушить словами: "**Довольно для каждого дня своей заботы**" (Мф. 6:34). Тому же учил Он выше. И, однако ж, Его правило не усвоено (людьми). Но мы не будем ненасытны, неблагодарны, не станем сооружать великолепных домов. У нас нет здесь постоянного жилища, мы находимся в пути. И кто помнить, что настоящая жизнь есть как бы странствование и воинская служба, что это – как некоторые выражаются – яма, тот не станет наживать себе великолепных палат. Да и в самом деле, кто, скажи мне, решится строить блестящие дома в яме, хотя бы он был страшный богач? Никто. Это было бы смешно, значило бы строить для врагов и тем больше привлекать их к себе. Если у нас есть рассудок, то и нам нужно поступать таким образом. Настоящая жизнь ничем не отлична от воинской службы и похожа на яму. Итак, умоляю вас, употребим все меры к тому, чтобы не собирать здесь сокровищ. Тогда, если и вор придет, нам легче будет уйти. "**Итак, бодрствуйте**", – говорит (Господь), – "**потому что не знаете, в который час**" тать "**придет**" (Мф. 24:42), – татем Он называет смерть. Поэтому лучше до ее прихода отправить нам все (свои пожитки) в наше отечество. Здесь же будем ходить хорошо препоясанные, чтоб одолеть врагов и за это сподобиться в тот день венцов нетленной славы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Св. Духом (слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 24

"Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиной и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божье" (Еф. 6:14–17).

1. "**Препоясав**", – говорит (Павел), – "**чресла ваши истиной**". Какое значение этих слов, об этом сказано в предыдущей беседе. Именно: мы должны сделаться столь легкими, чтобы ничто не мешало нашему странствованию. "**Облекшись в броню праведности**". Как броня хранить от поранений, так и правда (спасает нас). Правдой же называет здесь всю вообще добродетельную жизнь. Конечно, многие наносят ей раны; но поразить и низвергнуть ее никто и никогда не может, даже сам дьявол. Как бы так было сказано: внедривши в свою грудь праведные дела. О таких людях и Христос говорит: "**Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся**" (Мф. 5:6). Кто оградил свое сердце правдой, тот так же крепок, как и броня; такой человек никогда не увлечется гневом. "**И обув ноги в готовность благовествовать мир**". Выражение, не совсем понятное. Что оно значить? Приготовлением благовествования он обувает нас как бы в прекрасные

сандалии. Разумеет же здесь или готовность к благовестию, так что этому Делу должны служить ноги, равно как предустроение и ограждение евангельского пути, или, если это объяснение неверно, то он хочет сказать, чтобы они (ефесяне) готовились к неходу. Как бы то ни было, но под "**готовность благовествовать**" разумеется не что иное, как самый лучший образ жизни. Об этом еще пророк сказал: "**готовности**[1] **сердца их вняло ухо Твое**" (Пс. 9:38), то есть, сердца, которое было хорошо настроено. "**благовествовать мир**", – сказано. И правильно. Выше он упомянул о войне и сражениях, а теперь указывает на то, с кем должно вести сражения, именно – с демонами. Поэтому-то благовствование и делается благовствованием мира. Война с дьяволом прекращает другую войну – против Бога. Враждуем с дьяволом: это значит – находимся в мире с Богом. Потому, возлюбленный, не опасайся (этой войны); благовствование мира уже показывает победу. "**А паче всего возьмите щит веры**". Говорит здесь о вере, а не о знати. Да если б и не упомянул о вере, все-таки не преминул бы сказать о благодати, силою которой совершаются знамения. И справедливо называет веру щитом. Подобно тому, как щит заслоняет собой все тело, делаясь как бы стеной, – так точно и вера, потому что все ей уступает. "которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого". Ничто не в силах рассечь этого щита. Послушай, что говорит Христос своим ученикам: "**если вы будете иметь веру с горчичное зерно, и скажете горе сей: `перейди отсюда туда', и она перейдет**" (Мф. 17:20). Но каким образом мы можем приобрести такую веру? Если будем выполнять это (угашать разожженные стрелы лукавого). Стрелами же лукавого он называет как искушения, так и непристойные пожелания. Кстати прибавил он еще: разожженные. Таково именно свойство страстей; но если вера повелевает и демонами, то тем легче ей управиться с душевными страстями. "**И шлем спасения возьмите**". То есть: вашего спасения. Предохраняет их, как бы ведя на войну. "**И меч духовный, который есть Слово Божье**". Или он говорит здесь о Духе, или же разумеет меч, понимаемый в духовном смысл, – меч, которым, действительно, все посекается, все раздробляется, – которым можем отсечь даже голову дракона. "**Всякой молитвой и прошением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых и о мне, дабы мне дано было слово – устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, для которого я исполняю посольство в узах, дабы я смело проповедовал, как мне должно**" (ст. 18 – 20). Имеющий духовное дарование, то есть, глагол Божий, так же силен, как самый этот глагол, о котором сказано: "**Ибо слово Божье живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого**" (Евр. 4:12). Но заметь мудрость блаженного (Павла). Он вооружал их (ефесян) со всякой предосторожностью; в заключение же всего, научает, как нужно обращаться к Царю и просить, чтобы Он простер им руку (помощи), – говоря: "**Всякой молитвой и прошением молитесь во всякое время духом**". Можно молиться и не духом, напр., когда кто молится о суетном. "**И старайтесь о сем самом**". Иначе: трезвясь. Именно таким, то есть, неусыпным и трезвенным должно быть тому, кто вооружен и стоить при Царе. "**Со всяким постоянством и молением о всех святых и о мне, дабы мне дано было слово – устами моими**". Что говоришь ты, блаженный Павел? Ужели ты имеешь нужду в учениках? И хорошо сказано: "**Устами моими открыто**". Без всякого сомнения, он не учился долго тому, что ему говорит; но как сказал Христос: "**Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать**" (Мф. 10:18), – так он и совершал все, по вере и при содействии благодати. "**С дерзновением возвещать тайну благовествования**", то есть, чтобы, как следует, защитить мне ее. Ты окован узами: не потому ли и нуждаешься в других? Да, то отвечает он. Но и когда Петр заключен был в оковы, о нем также была и при том непрестанная молитва. "**Для которого я исполняю посольство в узах, дабы я смело проповедовал, как мне должно**" (ст. 20). Другими словами: чтобы я мог отвечать смело, мужественно и с большим благоразумием. "**А дабы и вы знали о моих обстоятельствах**

и делах, обо всем известит вас Тихик, возлюбленный брат и верный в Господе служитель" (ст. 21).

2. (Апостол сам только) упомянул о том, что он – в узах; в подробности же рассказать о своем положении поручает Тихику. Он изъяснил в своем послании все, что относится к догматам и утешению, что же касается собственно известий – это предоставил тому, кто доставить послание. Потому и прибавил: "**дабы и вы знали**", т. е., чтоб осведомились вы, "**обо мне**". А через это и показал к ним свою любовь и дал случай обнаружиться их любви к нему. "**Которого я и послал к вам для того самого, чтобы вы узнали о нас и чтобы он утешил сердца ваши**" (ст. 22). II это не просто говорит, не сказавши наперед: "**облекшись**", и: "**препоясав**", – что именно служить знакомь всегдашней и непрерывной готовности к выходу (на бой). Послушай, что говорит пророк: "**Да будет оно ему, как одежда, в которую он одевается, и как пояс, которым всегда опоясывается**" (Пс. 108:19). Пророк говорит, что сам Бог облекался в броню правды, и тем дает понять, что нам уже не на короткое время, а навсегда должно облечь себя в нее, так как и потребность войны у нас всегдашняя. И другой в ином месте говорит: "**Праведник смел, как лев**" (Прич. 28:1). Кто облечен в такую броню, тому нечего бояться вражеских полчищ. Напротив, он смело может идти в самую средину неприятелей. А Исайя говорит: "**Как прекрасны ноги благовестника**" (Ис. 52:7). Кто же после этого не решится, кто не поспешить послужить такому делу, каково благовестие мира, при том мира Божьего с людьми, – мира, который дарован нам без всяких усилий со стороны человека, а по милости содеявшего Бога? Чтобы понять, какое значение имеют слова: "**В готовность благовествовать**", послушаем еще слов Иоанна: "**Приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему**" (Мф. 3:3). Правда, он говорил это (приготовляя людей) к крещению; но ведь и после крещения требуется другое приготовление. На последнее указывает (Павел), когда говорит: "**В готовность благовествовать мир**", и тем внушает, что нам вовсе не следует делать ничего такого, что не согласно с условиями мира. Так как именем ног нередко обозначается образ жизни, то (Павел), часто говоря о жизни и делая увещание, употребляет выражения, в роде следующего: "**Итак, смотрите, поступайте осторожно**" (Еф. 5:15). Итак, будем вести себя достойно Евангелия, будем поступать так, чтобы жизнь и дела наши были чисты в течение всего нашего земного поприща. В Евангелии возвещен мир: идите же путем, устроенным по этому благовестию. Если же вы опять сделаетесь врагами, в таком случае не будет "**в готовность благовествовать мир**". Будьте же готовы и не отступайте от мира. И какую готовность вы показали относительно мира и веры, с такой же и пребывайте в них. Вера есть щит, а щит первый принимаешь вражеские удары, и сохраняет в целости оружие. Значить, если будет вера правая и жизнь добродетельная, то оружие останется неприкосновенным. О вере, равно как и о надежде, много рассуждает (Павел) и в других местах, особенно в послании к Евреям. Веруйте, говорит он там, в грядущие блага, и ни одного из благ настоящей жизни вы не потеряете. И действительно: руководись в несчастьях и трудных обстоятельствах верой и надеждой, и ты удержишь за собой (означенные блага) целыми, неприкосновенными. "**Надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает**". Вера есть щит, покрывающий тех, которые веруют не испытывая. Когда же кто станет вдаваться в мудрования, начнешь обо всем умствовать и судить по-своему, для такого вера не составляешь собой щита. Напротив, тогда мы об нее только претыкаемся. Вера все укрываешь и осеняешь: таково должно быть ее свойство. А потому нельзя ее укоротить; в противном случае ноги или другая какая-нибудь часть тела останутся открытыми. Нет; щит должен быть соразмерной величины. Разожженные. Много помыслов, волнующих душу, много сомнений и неразрешимых вопросов; но истинная вера на все дает успокоительный ответ. Много внушений, которыми дьявол, воспламеняя нашу душу, повергнешь ее в разного рода недоумения. Например, некоторые говорит: есть ли воскресение? Есть ли суд? Есть ли воздаяние? Имей только щит веры, и ты угасишь им

стрелы дьявола. Возникло ли в тебе какое-нибудь неистовое желание, запылали ль внутри тебя огнем лукавые помыслы, покажи ему вру в грядущие блага, и он более не явится, мало того – погибнет. "**Все стрелы**", а не так, чтобы одни – угасить, а другие – нет. Послушай, что говорит Павел: "**Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас**" (Рим. 8:18).

Видишь ли, сколько стрел угасили некогда праведники? Или ты думаешь, что это не разожженная стрела, когда патриарх, сгорая внутренним огнем, приносить в жертву сына? И другие праведники тоже могли угасить вся стрелы (лукавого). Воюют ли в нас помыслы, – двинем вперед веру. Обуревают ли нас неистовые пожелания, – призовем на помощь веру; находимся ли мы в трудных обстоятельствах и несчастии, – будем искать утешения в вере. Вера есть то, чем оберегается всякое оружие; если ее нет, то и оружие тотчас сокрушится. "**А паче всего**", – сказано, – "**возьмите щит веры**". Что значит – "а паче всего"? И над истиной, и над правдой, и "**в готовность благовествовать**". Иначе сказать, все это нуждается в вере. Поэтому он прибавил: "**и шлем спасения возьмите**", т. е., вы не иначе можете достигнуть окончательной безопасности и избежать всякой беды, как посредством веры. Как шлем охраняет голову от всякой опасности, потому что укрывает ее тщательно со всех сторон, так и вера, кроме того, что служить вместо щита, заменяет еще собой шлем спасения. А когда стрелы (лукавого) будут угашены, то сейчас же мы получим помыслы, которые станут охранять владычествующее в нас начало (ум) и не допустят, чтоб оно пострадало в чем-либо. В самом деле, когда угасают противные помыслы, то взамен их возникают в нас другие, которые, не так, как т, охраняют нас и внушают надежду. И как шлем голову, так они будут укрывать владычествующее в нас начало.

3. И не это только (щит и шлем) нам нужно взять, но также и меч Духа, чтобы не только обезопасить себя от (стрел) бросаемых в нас дьяволом, но поразить и его самого. Действительно, владея этим мечом, душа, будучи при этом еще ограждена от разожженных стрел, может с полной смелостью стать против врага; она в силах будет этим мечом сокрушить броню неприятеля, убить дракона и отсечь ему голову. И сам Павел тем же (мечем) разрушил и пленил умыслы дьявола. "**Который есть Слово Божье**". Глаголом Божьим он называет здесь заповедь или учение, которое завещал Иисус Христос апостолам и которое они повсюду проповедовали, совершая во имя Его чудеса. Будем же и мы наблюдать одно – как бы сохранить но всем заповеди Божьи. Исполнение их поведет нас к тому, что таким образом мы низложим и умертвим дракона – этого хитрого змия. И заметь при этом благоразумие Павла. Выше он сказал: "**Возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого**"; теперь же, чтобы не сделать их надменными, указывает на то, что в этом деле они более всего имеют нужду в помощи Божьей. Что именно он говорит? "**Всякой молитвой и прошением**". Как бы так сказал: вы этого достигнете, и все можете совершить, если станете молиться; а того никогда не будет, чтобы ты, во время молитвы, имя в виду одного себя, таким образом, привлек к себе милость Божью. "**Всякой**", – говорит, – "**молитвой и прошением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением обо всех святых**". Не ограничивайся одним известным временем дня. Слышишь, что говорит? Во всяко время приступай к молитве. Беспрестанно, говорит, молитесь. Не слышал ли ты о вдовиц, как она победила (судью), благодаря своей настойчивости? Не слышал ли, как один друг в самую полночь крепко молил и умолил (своего друга)? Не слышал ли и о хананеянке, как она своей неотступной просьбой возбудила к себе участие Владыки? Эти люди достигли цели настойчивостью. "**Молитесь во всякое время духом**". Это значить, что мы должны просить себе отнюдь не мирских или житейских вещей, а того, что угодно Богу. Нужно молиться непрестанно, мало того – с бодростью духа: "**и старайтесь о сем самом**", – сказано. Что бы ни разумел здесь (Павел) – всенощные ли

бдения или трезвость души, – я принимаю то и другое. Видишь ли, как бодрствовала хананеянка, когда, несмотря на невнимание Господа, Который не только отверг ее (сначала), но еще назвал псом, говорила: "**Так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их**" (Мф. 15:28)? И не отступала от Него до тех пор, пока не получила просимого. Как поступила вдовица, не переставшая умолять судью, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, пока усовестила его? Как хлопотал друг, который, в глухую полночь, пришел (к своему другу) и настаивал, пока не разбудил его и своей неотступной просьбой не пристыдил? Таковы плоды бодрствования! Хочешь ли и ты приучить свою душу к бодрствованию? Ступай к Анне и слушай, что она говорит: "**Господи [Всемогущий Боже] Саваоф!**" (1 Цар. 1:11). Особенно послушай, что происходило, прежде чем произнесены были эти слова. И встали, сказано, все из-за трапезы, и она тотчас пошла но ко сну и не на покой. Поэтому мне думается, что и за трапезой она ничего не вкушала и не обременяла себя какими-либо яствами. Иначе не пролила бы столько слез. Если мы и во время поста едва ли, или, лучше сказать, никогда не молимся так, как молилась Анна, то ей после трапезы вовсе не совершить бы подобной молитвы, если б она за трапезой не подражала обычаю постников. Устыдимся мы, мужчины, этой женщины! Она молилась о даровании ей сына и плакала, а мы просим о царстве (небесном), и делаем это с небрежностью. "**И стала**", – сказано, – "**пред Господом**". Что же говорит она? "**Господи [Всемогущий Боже] Саваоф!**" – слова, которые в объяснении значат: "**Господи, Боже сил**". Но слезы лились, прежде чем она могла что-нибудь выговорить. Ими она и надеялась преклонить к себе милость Божью. Где слезы, там полное сокрушение; а где сокрушение, там много любомудрия и осмотрительности. "**Если Ты призришь на скорбь рабы Твоей и дашь**" мне сына, "**то я отдам**" его "**в дар**" Господу на все время (ст. 11). Не сказала: на один год или на два, как делаем мы, и не говорила так: "Если дашь мне ребенка, я дам денег", но: "Когда родится у меня первенец, сын молитвы, я всецело отдам его вместо дара". Это поистине была дочь Авраама. У того потребовал (Бог сына), и он отдал; эта же отдает еще прежде, чем исполнилась ее просьба. Затем смотри, какое благоговение и в том, что "**уста ее**", – как сказано, – "**только двигались, и не было слышно голоса ее**" (ст. 13). С таким расположением приступает к Богу человек, искренно желающий получить просимое, у которого леность, невнимательность, рассеянность, пренебрежете, беспечность не имеют места. А без молитвы (скажет кто-нибудь) разве Бог не мог даровать (Анн сына)? Ужели в самом деле, Он не знал о желании этой женщины еще прежде, чем она стала молиться? Но если б Он даровал (ей сына) без прошения, то не открылось бы усердие жены, не сделалась бы явного добродетель ее, и она нее получила бы такой награды. Таким образом, не зависть или ненависть была причиной долгого неплодия, а (Божественная) благопопечительность.

4. Итак, когда услышишь слова Писания, что (Бог) заключил ее утробу, и что она терпла досаду от своей соперницы, то знай, что этим (Бог) хотел показать любомудрие жены. Смотри в самом деле: (у Анны) был муж, совершенно ей покорный, говоривший ей: "**Не лучше ли я для тебя десяти сыновей?**" (ст. 8)? Между тем ее соперница выводила ее из терпения своими упреками и нападками. И, однако ж, (Анна) не грозила ой, не ругалась с нею, не говорила (мужу): "так как моя соперница обижает меня, то взыщи с нее за это". У той были дети. Но ведь и эта пользовалась любовью мужа. Потому-то он и утешал ее, говоря: "не лучше ли я для тебя десяти сыновей?" Но обратимся опять к любомудрию жены. "**То Илий счел ее**", – сказано, – "**пьяной**" (ст. 13). Смотри же, что говорит она ему: "**Не считай рабы твоей негодной женщиной, ибо от великой печали моей и от скорби моей я говорила доселе**" (ст. 16). Оставить гнев и не досадовать на людей, которые укоряют нас, не огорчаться, даже не оправдывать себя пред ними – так поступать может только человек с истинно сокрушенным сердцем. Ничто столько не располагает души к любомудрию, как сокрушение. Нет ничего сладостнее, как плач по Боге. "**Ибо от великой**

печали моей и от скорби моей я говорила доселе". Будем подражать ей все. Внимайте неплодные! Внимайте нежно любящие детей своих! Внимайте мужья и жены! Ведь и мужья нередко помогали в этом случай. Послушай, что говорит Писание: "**И молился Исаак Господу о [Ревекке] жене своей, потому что она была неплодная**" (Бт. 25:21). И в самом деле, вера может производить великие дела. "**Со всяким постоянством и молением обо всех святых**", – себя ставить напоследок. Чего же ты хочешь, блаженный Павел, в заключение ставя себя самого? Вот чего, отвечает он: "**И обо мне, дабы мне дано было слово – устами моими открыто с дерзновением возвещать тайну благовествования, для которого я исполняю посольство в узах**". К кому ты посольствуешь? К людям, отвечает. Какое человеколюбие со стороны Бога! Он послал с небес посланников с вестью о себе и о мир. А люди между тем взяли их и связали, не уважив даже всеобщего закона, по которому посланник во всяком случае освобождается от какой бы то ни было неприятности. Но и в узах посольствую. Узы угрожают мне лишением свободы говорить; за то молитва ваша отверзает мои уста, "**дабы открыто с дерзновением возвещать**", то есть, чтобы сказать все, что я послан возвестить. "**А дабы и вы знали о моих обстоятельствах и делах, обо всем известит вас Тихик, возлюбленный брат и верный в Господе служитель**". Верен, значить – ни в чем не солжет, напротив, все расскажет по истине. "**Которого я и послал к вам для того самого, чтобы вы узнали о нас и чтобы он утешил сердца ваши**". О, сколько тут любви! Чтобы не было, говорит, повода, кому только и чем вздумается, устрашать вас. По всей вероятности, они находились в каком-нибудь несчастии, так как и выражение: "**Чтобы он утешил сердца ваши**" – значить: чтобы он (Тихик) не допустил вас до падения. "**Мир братьям и любовь с верой от Бога Отца и Господа Иисуса Христа**" (ст. 23). (Павел) желает им (ефесянам) мира и любви с верой. И не без цели так выразился. Он хочет, чтоб они не просто содержали слово любви, (но разумно), и не смешивались с иноверцами. Или это он имеет в виду, или то, что бы они содержали веру, чтобы ободряли себя надеждой на будущее. "**Мир**" с Богом и "**любовь**". Если есть мир, то будет и любовь. И наоборот, где любовь, там явится и мир. "**С верой**". Никакой нет пользы от любви без веры, или, лучше сказать, без веры любовь вовсе и существовать не может. "**Благодать со всеми, неизменно любящими Господа нашего Иисуса Христа. Аминь**" (ст. 24). Здесь он допустил разделение, мир поместив особо, и благодать тоже. Сказано: "**неизменно. Аминь**". Что значить: "**неизменно**"? Или: прилично, как следует, или же: с нетленными, то есть, такими, которые живут не для славы и богатства, а для благ нетленных. Ἐν (в) стоить вместо: διά (посредством). Итак – посредством нетления; все равно, как сказать: посредством добродетели, – потому что тлением называются все вообще грехи. Как о девах употребляем выражение: "такая-то подверглась растленно", так говорится и относительно души. Потому и Павел сказал: "**Так и ваши умы не повредились**" (2 Кор. 11:3). И в другом месте говорит: "**в учительстве неповрежденность**" (Тит. 2:7).

5. В самом деле, скажи мне, в чем состоит тление тела? Не в том ли, когда все оно разлагается и состав его распадается на части? Так бывает и с душой, когда в ней воцарится грех. Целомудрие и, правда, – вот красота души, а мужество и благоразумие – это здоровье для нее. Итак, тому угрожает опасность, кто гнусен и безобразен, кто предан корыстолюбию и лукавству, кто обнаруживаете малодушие, боязливость и слабость. Что грехи производят тление, – это видно прямо из того, что они делают людей срамными и слабосильными, и причиняют недуги. Когда говорим, что девство подверглось растленно, то имеем в виду не одно растление тела, но главным образом то, что подобное дело соединено бывает с нарушением закона. Самый поступок при этом состоит в совокуплении. Но если б совокупление называлось растлением, то и брак был бы тем же. Значить, не в совокуплении растление, а в грехе – в нарушении закона; он-то и делает первое постыдным. Возьмем другой примерь. Тление какого-нибудь дома, в чем другом состояло бы, как не в гниении (составляющих его частей)? Да и везде тление есть та или

другая перемена, но перемена к худшему; везде оно разрушает прежнее состояние вещей и повергает их в иное. Слушай, что говорит Писание: "**Всякая плоть извратила путь свой**" (Бт. 6:12); и в другом месте: "**В тлении невыносимом**"; еще: "**Люди, развращенные умом**" (2 Тим. 3:8). Тело у нас тленно, а душа нетленна. Как бы нам и ее не подвергнуть тлению? Первородный грех сделал это (возможным). Он даже после крещения может растлить душу и сделать ее добычей неумирающих червей. Но, с другой стороны, (черви) не могут и прикоснуться к душе, когда найдут ее нетленной. Адаманта, напр., червь не грызет; да если б и стал грызть, ничего бы не сделал. Смотри же, не растлевай души твоей, – ведь что тлеет, то полно зловония. Послушай, что говорит пророк: "**смердят, гноятся раны мои от безумия моего**" (Пс. 37:6). Впрочем самое , тление облечется в нетление, а не нетление (в теле), – потому что , где нетление, там нет тления. Таким образом, возможны тление нетленное, без конца, и смерть бессмертная. Это именно и будет, когда тела сделаются бессмертными. Потому, если отойдем туда с тлением в душе, то оно сделается для нас нетленным, и не будет иметь конца. Постоянно гореть и быть всегдашней пищей червей, это, конечно, есть тление нетленное. Подобное случилось с блаженным Иовом. Он истлевал, однако ж, не разрушался, – и так продолжалось много времени. Только и знал, что постоянно обливал "**Тело мое одето червями и пыльными струпами**" (Иов. 7:5). Нечто, похожее на это, испытывает душа в то время, когда обступят ее черви и станут пожирать, не два года, не три, десять или сто, даже не тысячи лет, а бесконечно, так как сказано: "**где червь их не умирает и огонь не угасает**" (Мк. 9:44). Устрашимся же, умоляю вас, убоимся этих слов, чтобы не испытать нам того на самом деле. Корыстолюбие есть тление – и такое тление, которое ужаснее всех видов тления: оно ведет к идолослужению. Бросим же это тление и изберем то, что нетленно. Нажил ли ты богатство на счет кого-нибудь? Нажитое потратится, а корыстолюбие останется при тебе. Опять тление служить поводом к нетлению. Удовольствие проходить, грех же остается, – потому что он не тлеет. Крайняя беда, если еще в настоящей жизни не совлечемся всего этого, – и кто отойдет туда, обремененный тяжестью грехов, тот подвергнется великому несчастью. **В аду**", – сказано, – "**кто исповедает Тебя?**" (Пс. 6:6)? Там место суда, – и каяться тогда уже будет не время. Как рыдал тогда богач? И все напрасно. Как оправдывали себя не питавшие Христа? Но и те пошли в огонь вечный. Как тогда говорили те, которые провели жизнь свою в беззаконии? "**Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли?**" (Мф. 7:22)? Но их даже не признал (Господь Своими). Правда, все это будить по смерти; но ведь тогда и помощь но в помощь, если не поможем себе настоящее время. Убоимся же, чтоб и нам не сказать тогда этих слов: "**Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили?**" (Мф. 25:37)? Станем теперь питать Его – и не один день, не два или три. Ведь сказано: "**Милость и истина да не оставляют тебя**" (Прич. 3:3), а не говорится: "сделай (какое-либо добро) один раз или два". Девы имели елей, но его не достало. Поэтому нужно запасаться большим количеством елея, и для этого надобно самим сделаться как бы плодоносными маслинами в дому Божьем. Подумаем, сколько каждый из нас имеет у себя греховной тяжести, и в соответствие с тем, сколько мы сделали грехов, столько же, а еще лучше – гораздо больше постараемся совершить подвигов человеколюбия. Тогда не только изгладятся грехи, но еще явятся праведные дела, которые послужат к нашему оправданию. В противном случай, если, то есть, наши добродетели не в состоянии будут с одной стороны загладить преступлений, а с другой сделаться для нас оправданием за опущенное, то никто не исхитит нас от мучений, от которых и да избавимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с которым Отцу и Св. Духу (слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

[1] В переводе Юнгерова – "преданности".

БЕСЕДЫ НА ПОСЛАНИЕ К ФИЛИППИЙЦАМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Филиппийцы были жители македонского города "**Филиппы**", так названного по имени основателя города – колонии (римской), по словам Луки (Деян. 16:12). Здесь обратилась "**женщина, торговавшая багряницей**", женщина весьма богобоязненная и внимательная (ст. 14); Здесь уверовал начальник синагоги; Здесь Павла вместе с Силою били палками (ст. 23); Здесь начальники испугавшись просили их удалиться из города (ст. 38 и 39). Блистательно было Здесь начало проповеди! В похвалу Филиппийцев сам (Павел) говорит много великого, называя их своим Венцом и много пострадавшими: "**Потому что вам**", – говорит он, – "**дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него**" (Фил. 1:29). Писал же он к ним тогда, как был в узах, – потому и говорит: "**Так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим**" (ст. 13), называя судищем (πραιτώριον) дворец Нерона. Впрочем от этих уз он был освобожден, что и объяснил в послании к Тимофею, говоря: "**При первом моем ответе никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им! Господь же предстал мне и укрепил меня**" (2 Тим. 4:16, 17). Следовательно он указывает на те узы, в которых находился прежде этого ответа. А что тогда не было с ним Тимофея, ясно из слов: "**При первом моем ответе никого не было со мною**". Это именно он и объясняет в послании. Если бы (Тимофей) знал это обстоятельство, то (апостол) и не написал бы ему. Когда же он писал настоящее послание (к Филиппийцам), тогда Тимофей был при нем, что показывают следующие слова: "**Надеюсь же в Господе Иисусе вскоре послать к вам Тимофея**" (Фил. 2:19); и еще: "**Итак я надеюсь послать его тотчас же, как скоро узнаю, что будет со мною**" (ст. 23). Он освобожден был от уз, и опять заключен был после того, как приходил к ним. А слова: "**Но если я и соделываюсь жертвой за жертву и служение веры вашей**" (ст. 17) – не то значат, будто бы это уже случилось, но то, что хотя бы это и случилось, я радуйся, говорит он, утешая их через это в скорби об узах его. И что тогда надеялся остаться в живых, это видно из слов его: "**Я уверен в Господе, что и сам скоро приду к вам**" (Фил. 2:24); и еще: "**И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами**" (1:25). Филиппийцы между тем посылали к нему Епафродита, чтобы он отнес ему деньги и узнал о его обстоятельствах, потому что они весьма любили его. А что действительно посылали, об этом послушай, что он сам говорит: "**Я получил все, и избыточествую; я доволен, получив от Епафродита посланное вами**" (4:18). Итак, они посылали для того, чтобы и утешить его и узнать. А что они посылали с намерением и узнать о его обстоятельствах, это он показывает в самом начале послания, где пишет о себе так: "**Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования**" (1:12); и еще: "**Надеюсь же в Господе Иисусе вскоре послать к вам Тимофея, дабы и я, узнав о ваших обстоятельствах, утешился духом**" (2:19). Слова – "**дабы и я**" явно означают следующее: как вы для совершенного удостоверения послали узнать о моих обстоятельствах, так и я (пошлю), "**я, узнав о ваших обстоятельствах, утешился духом**". А так как они долгое время не посылали к нему, но (послали только) тогда, – это именно он выражает словами: "**Вы уже вновь начали заботиться о мне**" (4:10), – и тогда только услышали, что он в узах, – ведь если они услышали о болезни Епафродита, человека не столь знаменитого, как Павел, то тем более (услышали бы) о Павле, – и так как им естественно было беспокоиться, то он в начале послания много распространяется в утешении относительно уз, показывая, что не только не надобно беспокоиться, но надобно еще радоваться. Потом дает совет касательно единомыслия и смиренномудрия, внушая им, что это составляет величайшую их крепость, и что таким образом они удобно могут побеждать врагов. Для учителей ваших не то

прискорбно, что они в узах, но то, что ученики не единодушны. Первое служить даже к распространению Евангелия, а последнее к расстройству.

2. Преподав таким образом увещание к единодушию, и показав, что единодушие происходить от смиренномудрия, он затем сильно нападает на иудеев, которые под предлогом христианства всюду вредили учению, называет их псами и злыми делателями, и увещевает беречься их; показывает, к кому должно быть внимательными, много рассуждает о нравственных предметах, настраивает и ободряет их словами: "Господь близко"; вспоминает с свойственным ему благоразумием и о присланном от них, – и таким образом много утешает их. Видно, что он пишет к ним с особенным почтением, и нигде не употребляет ничего укорительного, а это было знаком их добродетели, – то именно, что они подали учителю повод написать к ним все послание не в тоне порицания, а в тоне увещания. И как я в начале сказал, так и теперь повторю, что город этот проявил великую готовность к вере. Например, темничный страж, – а вы знаете, что эта должность сопряжена со всяким нечестием, – от одного чуда тотчас прибегнул (к Павлу), и крестился со всем домом своим. Совершившееся чудо видел он один, а пользу получил не один, но с женой и со всем домом. Да и сами начальники, бившие Павла, сделали это более вследствие общего смятения, нежели по злобе, как видно из того, что тотчас послали и отпустили его, и после испугались. Впрочем он свидетельствует не только о вере их и опасностях, но и о благотворительности, когда говорит: "**В начале благовествования ... и раз и два присылали мне на нужду**" (4:15,16), тогда как никто другой этого не сделал: "**Ни одна**", – говорит, – "церковь **не оказала мне участия подаянием и принятием**". Опущение же он приписывает более неблагоприятным обстоятельствам, нежели преднамерению: не то, чтобы вы не заботились о мне, говорит он, "**но вам не благоприятствовали обстоятельства**" (ст. 10). Этим он выражает великую свою к ним любовь. А что он весьма любил их, это ясно: "**Ибо я не имею никого**", – говорит, – "**равно усердного, кто бы столь искренно заботился о вас**" (2:20); и еще: "**Потому что я имею вас в сердце в узах моих**" (1:7).

3. Зная это и имея такие образцы любви, покажем и мы себя достойными таковых примеров готовностью пострадать за Христа. Но ныне нет гонения. Будем в таком случае подражать им, если не в другом чем, то по крайней мере в усерднейшей их благотворительности, и не будем думать, что все сделано нами, как скоро дадим раз или два. Делать это надобно во всю жизнь, – не однажды надобно угождать (Богу), а непрестанно. Состязающийся в беге, если, пробежав десять кругов, отстал на последнем, все потерял: и ми. если начав добрые дела. впоследствии ослабеем, то все погубим, все испортим. Выслушай следующее весьма полезное увещание: "**Милость**", – сказано, – "**и истина да не оставляют тебя**" (Прич. 3:3). Не сказано: сделай однажды, дважды, трижды, десять, сто раз, – но постоянно: "**Да не оставляют тебя**", сказано. И не сказано: ты не оставляй, но – он пусть не оставляют тебя, чем показывается, что мы имеем в них нужду, а не они в нас, и внушается, что мы все должны делать, чтобы удержать их при себе. "**Обвяжи ими**", – сказано, – "**шею твою**" (Прич. 3:3). Как дети богачей имеют на шее золотое украшение, и никогда не снимают его, в знак благородства, так и нам всегда должно возлагать на себя милостыню, чтобы показать, что мы дети Милосердого, Который "**повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми**" (Мф. 5:45). Но неверные не верят этому? Вот именно, если мы будем поступать так, то через это они уверятся. Если они увидят, что мы ко всем милосерды, и наставником (в этой добродетели) признаем Его, то будут заключать, что мы это делаем из подражания Ему. И не кое-как должно это делать, но со вниманием и неукоризненно, потому что сказано: милостыня и вера "**истинная**" да будет в тебе. Хорошо сказано: истинная, – не от хищения, не от воровства хочет (ее Бог). Это уже не вера, не истинная милостыня. Вору необходимо лгать и божиться, а ты, сказано, не так, но с милостыней имей и веру.

Возложим на себя это украшение. Сделаем душе золотое ожерелье, то есть, милостыню, доколь мы здесь. Ведь когда пройдет этот век, тогда уже не придется нам ею пользоваться. Почему? (Потому что) там нет бедных, там нет денег, там нет нищеты. Пока мы дети, не лишим себя этого украшения, потому что как с детей, достигших возмужалости, снимают прежний наряд, и надевают другой, – так и с нами. Там милостыня будет уже не из денег, а какая-то другая, гораздо большая. Поэтому, чтобы нам не остаться без нее, постараемся украсить ею душу. Милостыня – это великая красота и драгоценность, великий дар, или лучше, великое благо. Если мы научимся презирать деньги, то научимся и прочему. Смотри, сколько добра происходить отсюда: подающий милостыню, как должно давать, научается презирать деньги; научившийся презирать деньги исторг корень зол. Потому-то он делает добро не столько другим, сколько себе; не только потому, что милостыне предлежит воздаяние и награда, но и потому, что душа делается любомудрой, высокой и богатой. Дающий милостыню приучается не дорожить ни деньгами, ни золотом, а приучившийся к этому сделал весьма великий шаг к небу и уничтожил бесчисленные предлоги к вражде, ссоре, зависти и печали. Вы знаете, сами вы знаете, что все зло от денег, и что из-за денег бесчисленные брани. А кто научился презирать их, тот поставил себя в тихом пристанище, и уже не боится лишений: этому научила его милостыня. Он уже не желает принадлежащего ближнему: как в самом деле (может поступать так) тот, кто отказывается от своего и отдает? Он уже не завидует богатому: как в самом деле (может завидовать) тот, кто желает быть бедным? Он очищает око души своей. И это здесь; а скольких благ он сподобится там, и сказать нельзя. Он не останется вне (чертога) с юродивыми девами, но, имея горящие светильники, войдет с мудрыми и с женихом. Через милостыню станет даже выше потрудившихся в девстве тот, кто не испытал трудов этого рода. Такова сила милостыни! Ода с великим дерзновением ведет своих питомцев. Она знакома небесным привратникам, охраняющим двери брачного чертога, и не только знакома, но и в чести у них; тех, кого она признает своими почитателями, введет с большой смелостью, и никто не будет противоречить, но все уступят. Если она и Бога низвела на землю и преклонила сделаться человеком, то тем более человека сможет возвести на небо. Велика ее сила! Итак, если по милосердию и человеколюбию Бог стал Человеком, и благоволил сделаться рабом, то тем более Он введет рабов в дом Свой. Возлюбим эту добродетель, возжелаем ее не на один день и не на два, но навсегда, чтобы она признала нас. Если она признает нас, то и Господь признает; а если она не признает, то и Господь не признает, и скажет: "**Не знаю вас**" (Лк. 13:25). Но да не услышим мы этот голос, а услышим следующий блаженный: "**Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**" (Мф. 25:34), – какового царствия и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу (и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 1

"Павел и Тимофей, рабы Иисуса Христа, всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах, с епископами и диаконами: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа" (Фил. 1:1-2).

1. Здесь (апостол) пишет как бы к равночестным себе, и выставляет не учительское свое достоинство, но другое, и при том великое. Какое же именно? Называет себя рабом, а не апостолом, потому что быть рабом Христовым, быть, а не называться только, действительно великое достоинство и высшее благо. Кто раб Христов, тот без сомнения свободен от греха, а раб истинный не согласится быть рабом ни у кого другого. Иначе он был бы рабом Христовым только на половину. Так и Римлянам он писал: "**Павел, раб Иисуса Христа**" (Рим. 1:1); а в послании к Коринфянам и к Тимофею называет себя

апостолом. Почему же он это делает? Не потому, чтобы они были лучше Тимофея, нет; но потому, что он почитал и уважал их более всех, к кому писал. Этим свидетельствует о великой их добродетели. Сверх того, в других (посланиях) он имел намерение сделать многие постановления, почему и ставил на вид свое апостольское достоинство; а здесь он повелевает им только то, что они и сами по себе знали. "**Всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах**". Так как прилично было и иудеям называть себя "**святыми**" на основании древнего пророчества, в котором они назывались народом "**святым, избранным**", то он присовокупил: "**Святым у Иисуса Христа**" (Вт. 7:6; 14:2). Они одни святые, а те уже сделались нечистыми.

"**С епископами и диаконами**". Что это? Ужели в одном городе было много епископов? Нет; (апостол) так назвал пресвитеров. Тогда названия эти были еще общие; епископ назывался даже диаконом. Потому в послании к Тимофею и пишет: "**Совершай**" (διαχονίαν) "**дело благовестника, служение твое**" (2 Тим. 4:5), хотя он был епископ. И так как он был епископ, то говорит ему: "**Рук ни на кого не возлагай поспешно**" (1 Тим. 5:22); и в другом месте: (дарование) "**которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства**" (4:14). А пресвитеры не могли рукополагать епископа. Также и в послании к Титу говорит: "**Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал: если кто непорочен, муж одной жены**" (Тит. 1:5,6). Это говорит о епископе. И сказав это, тотчас присовокупил: "**Ибо епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец**" (Тит. 1:7). Итак, в древнее время, как я сказал, и пресвитеры назывались епископами и Диаконами Христовыми, и епископы – пресвитерами. Потому-то и ныне многие епископы пишут: сопресвитеру и содиакону. А впоследствии каждому присвоено особенное имя: епископа или пресвитера. "**С епископами и диаконами**", – говорит, – "**благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа**". Здесь может быть иной спросит: почему он ни в каком другом послании ни в Рим, ни в Коринф, ни в Ефес не пишет клиру, но вообще всем святым, или верным, или возлюбленным, а здесь пишет клиру? Потому что (клир) писал, благотворил и посылал к нему Епафродита. "**Благодарю Бога моего при всяком**", – говорит, – "**воспоминании о вас**". В другом послании говорил: "**Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не воздыхая**" (Евр. 13:17). Если же неисправность учеников производить (в учителе) воздыхание, то успех их – радость. Потому слова (апостола) имеют такой смысл: когда только вспоминаю о вас, (всегда) хвалю Бога. А это делает потому, что знал в них многие добродетели. И хвалю, говорит, и молюсь, потому что вы успели в добродетели; я не перестаю молиться, но постоянно молюсь о вас. "**Благодарю**", – говорит, – "**Бога моего при всяком воспоминании о вас, всегда во всякой молитве моей за всех вас принося с радостью молитву мою**" (ст. 4). Всегда, а не только тогда, когда молюсь. Хорошо прибавил: "**с радостью**", потому что можно делать это и с печалью, как он в другом месте говорит: "**От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами, не для того, чтобы огорчить вас, но чтобы вы познали любовь, какую я в избытке имею к вам. Если же кто огорчил, то не меня огорчил, но частью, – чтобы не сказать много, – и всех вас**" (2 Кор. 2:4,5).

2. Здесь (апостол) говорит в похвалу их (Филиппийцев) много, даже весьма много, сколько иной сказал бы об апостолах и евангелистах. Вы, говорит, не об одном вверенном вам городе имеете попечение, но все делаете, чтобы разделять со мною мои труды, везде присутствуете и содействуете и соучаствуете в моей проповеди. И в течение не одного, или двух, или трех лет, но всегда с того времени, как вы приняли веру, даже доныне сохраняете ревность апостольскую. Посмотри, как римляне оставили его; послушай, что

он говорит: "**Ты знаешь, что все Асийские оставили меня; в числе их Фигелл и Ермоген**" (2 Тим. 1:15)? И еще: "**Димас оставил меня**" (4:10). И опять: "**При первом моем ответе никого не было со мною**" (4:16). А они (Филиппийцы) и в отдалении от него участвовали в его скорбях, посылали к нему мужей, служили ему по силам, и вообще ни в чем не оставляли его. И делаете вы это, говорит, не только ныне, но и всегда, всяким способом помогая мне. Помогать же (апостолу) значить участвовать в благовствовании. Когда он проповедует, а ты служишь проповедующему, то участвуешь и в его венцах. И во внешних состязаниях венец принадлежит не одному борцу, но и его наставнику, и прислуживающему, и всем вообще заботящимся о борце, потому что т, которые укрепляют его и ободряют, по справедливости могут быть участниками и в победе. И в сражениях не один отличившийся, но и все служащие ему по праву могут присваивать себе трофеи и разделять славу, насколько своими услугами участвовали в его подвиг. Оказывать услуги святым – дело не маловажное, а великое: это делает нас общниками уготованных им наград. Например, иной оставил для Бога великие стяжания, всегда полагается на Бога, много подвизается в добродетели, наблюдая великую строгость во всем, даже в словах и мыслях; а ты и без такой строгости можешь участвовать в наградах, уготованных ему за таковые подвиги. Каким образом? Если послужишь ему и словом и делом; если утешишь его доставлением нужного для него, и услугой всякого рода. Ведь этим ты трудный путь сделаешь для него легче. Потому, если вы удивляетесь живущим в пустынях, избравшим жизнь ангельскую и подвизающимся в церквях подобно им; если удивляетесь и жалеете, что вы очень отстаете от них, – то вам можно сделаться их участниками другим образом – через услуги, через усердие. И это дело человеколюбия Божьего, что Он даже тех, кто мене ревностен и не в состоянии проводить жизнь суровую, трудную и строгую, иным путем возводить на ту же степень. Вот что Павел называет общением! Они, говорит, сообщают нам плотское, а мы сообщаем им духовное (Рим. 15:27). И если Бог за малое и ничтожное дарует царство, то и рабы Его за малое и чувственное воздают духовное; или лучше, через них сам (Бог) дает и то и другое. Ты не можешь поститься, жить уединенно, спать на земле, проводить в бдении целые ночи? Но тебе возможно получить за все это награду иным образом: если будешь усердствовать подвизающемуся в этом, если постоянно будешь успокаивать и ободрять его, если будешь облегчать труд его. Он стоить на сражении, он и раны получает; а ты послужи ему, когда он возвратится с поля битвы, прими его с распростертыми объятиями, осуши пот его, успокой, утешь, обласкай, ободри утружденную душу. Если мы с таким усердием послужим святым, то будем участниками наград их. Об этом и Христос говорит: "**Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители**" (Лк. 16:9). Видишь ли, как они сделались участниками? "**От первого дня**", – говорит, – "**даже доныне**". Поэтому я "**с радостью**", – говорит, – "**за ваше участие**", и радуюсь не о прошедшем только, но и о будущем, потому что по прошедшему я заключаю и о будущем. "**Будучи уверен в том, что начавший в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа**" (ст. 6).

3. Смотри, как он учить их и смирению. Так как он засвидетельствовал о великой их заслуге, то, чтобы они не потерпели чего-нибудь свойственного человеку, тотчас наставляет их относить ко Христу и прошедшее и будущее. Каким образом? Не сказал: будучи уверен в том, что как начали вы, так и закончите; но что? "**Начавший в вас доброе дело будет совершать его**". Впрочем не отнимает у них подвига, а говорит: "**С радостью за ваше участие**", конечно потому, что они подвизались; и не им только приписывает их добродетели, но особенно Богу. Надеюсь, говорит, "**в том, что начавший**", т. е. Бог, "**в вас доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа**". Так я думаю, говорит, не только об вас, но и о потомках ваших. И это не малая похвала, что Бог действует в ком-либо. Если Он нелицеприятен, каков и действительно, а помогает нам в добрых делах по расположению нашему, значить причина того, что Он

преклоняется к нам, заключается в нас. Следовательно, и таким образом (апостол) не отнимает у них похвалы, – ведь если бы Бог действовал безусловно, если бы Он двигал нас, как дерева и камни, и не требовал нашего участия, то ничто не препятствовало бы Ему действовать и в язычниках и во всех людях. Потому в словах: "**Бог совершит**" опять для них похвала, за то, что они привлекли к себе благодать Божью, которая помогла им возвыситься над природой человеческой. А с другой стороны и то похвала, что вы имеете такие добродетели, которые не есть дело человеческое, но требуют Божественного содействия. Если же Бог "**совершит**", то с нашей стороны не много потребуется труда, а должно надеяться, что при Его помощи мы все легко выполним. "**Как и должно мне помышлять о всех вас, потому что я имею вас в сердце в узах моих, при защищении и утверждении благовествования, вас всех, как соучастников моих в благодати**" (ст. 7). Здесь (апостол) выражает великую свою любовь к Филиппийцам, которых он имел в сердце, и о которых помнил даже в самой темнице, находясь в оковах. Не малая для людей похвала быть в памяти у этого святого. Любовь этого святого происходить не от предрассудка, но от здравого суждения и верных понятий. И потому быть любимым от Павла так сильно, есть верный признаке человека великого и достойного удивления. "**При защищении**", – говорит, – "**и утверждении благовествования**". И что удивительного, если он в темнице имел их (в сердце)? Даже, говорит, и в то время, как я введен был в судилище для ответа, вы не выходили из моей памяти. Любовь духовная так сильна, что не побеждается никакими обстоятельствами, но всегда владеет душой любящего, и никакой скорби, никакой болезни не допускает одолеть. Как в печи вавилонской, при столь сильном пламени, для тех блаженных отроков была роса, так и любовь, объявшая душу любящего и угождающего Богу, погашает всякий пламень и производить чудесную росу. "**И утверждении благовествования**", говорит; следовательно, узы послужили к утверждению Евангелия, к защищению. И совершенно правильно. Ведь если бы он уклонился от уз, то показал бы себя обманщиком. Теперь же, перенося все – и узы и скорби, он ясно показывает, что терпит это не за вину какую-либо, свойственную человеку, но ради Бога – мздовоздаятеля. Никто не решился бы умереть и подвергнуть себя стольким опасностям, никто не решился бы оскорбить такого царя, разумею Нерона, если бы взор его не был обращен на другого Царя, несравненно высшего. Итак, узы были утверждением Евангелия. Смотри, с каким избытком он обратил все в противную сторону! Что почитали слабостью и укоризной, то он называет утверждением, так что, если бы этого не случилось, он был бы немощным. Потом (апостол) показывает, что его любовь не есть плод предрассудка, но (здравого) суждения. Как? Я имею, говорит, вас в сердце во узах моих, и при защищении, потому что вы соучастники благодати. Что это значит? Ужели для апостола было благодарю то, что он был заключен в узы, был гоним, и терпел бесчисленные бедствия? Подлинно так, потому что сказано: "**Довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**" (2 Кор. 12:9). "**Посему**", – говорит, – "**я благодушествую в немощах, в обидах**" (ст. 10). Так как я вижу, что вы делами доказываете эту добродетель, участвуете в этой благодати, и при том с усердием, то я не без основания так сужу о вас. Я испытал и более всех знаю вас и ваши добродетели, – то, что вы и при таком от нас расстоянии стараетесь не расстаться с нами в скорбях, но участвовать в искушениях ради Евангелия, – и я по справедливости должен свидетельствовать, что вы, будучи далеко от меня, подвизаетесь ничем не мене меня, вступившего в эти подвиги. Для чего же он не сказал: общников, но: "**соучастников**"? Я и сам, говорит, состою общником другого, чтобы быть сообщником благовествования, т. е. чтобы иметь участие в благах, уготованных за благовствование. И то достойно удивления, что все они были так расположены, что могли назваться сообщниками Павловыми: "**Соучастников**", – говорит, "**моих в благодати**". Эти начатки производят во мне уверенность, что вы пребудете таковыми и до конца. Не может же быть, чтобы такое блистательное начало погасло и уничтожилось; напротив, оно будет иметь славный конец.

4. И вот, так как можно участвовать в благодати, опасностях и скорбях и иным образом, то, прошу вас, постараемся и мы быть участниками. О, как многие из стоящих здесь, или лучше, все вы хотели бы быть соучастниками Павлу в уготованных благах! А это возможно, если захотите содействовать и помогать тем, которые приняли его служение, которые терпят ради Христа какое-либо несчастье. Ты видишь брата в искушении? Протяни руку (помощи). Видишь учителя в борьбе? Помоги. Но, скажешь, нет никого равного Павлу? Это и гордость и вместе осуждение. Согласен и я, что нет никого равного Павлу; но "кто **принимает пророка**", – сказано, – "**во имя пророка, получит награду пророка**" (Мф. 10:41). И они (Филиппийцы) тем ли заслужили похвалу, что содействовали Павлу? нет, – но тем, что (содействовали) принявшему на себя проповедь. Павел потому достоин был чести, что он столько терпел за Христа. Нет никого равного Павлу. Что я говорю – равного Павлу? Даже и сколько-нибудь близкого к этому блаженному. А проповедь (и ныне) та же, какая и тогда была. И соучастниками ему были (Филиппийцы) не только тогда, как он находился в узах, но и с самого начала (проповеди). Послушай в самом деле, что он сам говорит: "**Вы знаете, Филиппийцы, что в начале благовествования, когда я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаянием и принятием, кроме вас одних**" (Фил. 4:15). И кроме искушений, учителю предстоит много труда, бодрствования, подвига в слове, учения, неудовольствий, упреков, порицания, зависти. Легко ли терпеть это от тысячи языков, когда нужно заботиться о своих делах? О, что мне делать! Я поставлен между двумя трудностями: и хочу побуждать вас и умолять о содействии и помощи святым Божьим, и боюсь, чтобы кто не предположил другого, будто я говорю это не для вас, а для них. Знайте же, что я не для них это говорю, но для вас самих; и если хотите внимать, то я для убеждения вас представляю и самые доказательства. Не одинаковая польза (от милостыни) для вас, и для них. Если вы даете, даете то, что немного спустя волей и неволей оставите, и уступите другим; а что принимаете, то гораздо важнее и больше. Или вы не уверены, что через даяние получите? Если не уверены, то и не хочу, чтобы вы давали. Таким образом, я говорю не для них. Если кто наперед не убежден в том, что он получает более, нежели дает, что он получает величайшую пользу, что бывает облагодетельствован более, нежели благодетельствует, – тот не давай; если кто думает, что он оказывает милость принимающему, – тот не давай. Не о пропитании святых я так сильно забочусь: не дашь ты, дает другой. Если я чего хочу, так именно того, чтобы вы получили облегчение ваших грехов; а кто дает не с таким расположением, тот не получить облегчения. Творить милостыню, значить не просто давать, но с усердием, с радостью и с чувством благодарности к принимающему: "**Не с огорчением**", – сказано, – "**и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бо**г" (2 Кор. 9:7). Итак, если кто дает не с таким расположением, тот лучше не давай, потому что это не милостыня, а напрасная трата. Поэтому если вы знаете, что отсюда происходить польза для вас, а не для них, то знайте, что для вас выгоднее. У них питается тело, а у вас душа делается приятной Богу. Им, когда принимают, не отпускается ни один грех, а вам прощаются многие прегрешения. Итак, будем принимать участие в их подвигах, чтобы участвовать с ними и в великих наградах. Усыновляющие себе царей не думают о том, что дают больше, нежели получают. Усынови и ты себе Христа, и будешь весьма обеспечен. Хочешь ли ты быть соучастником Павловым? Но что я говорю – Павловым, когда сам Христос принимает (твою милостыню)?

5. Знайте же что я все и говорю и делаю для вас, а не об успокоении других забочусь. Если кто из предстоятелей Церкви живет в изобилии, и ни в чем не нуждается, то, хотя бы он и святой был, не давай, но предпочти ему бедного, хотя и не так почтенного. Почему же? Потому, что и Христос этого хочет, когда говорит: "**Когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, зови нищих, увечных, хромых, слепых, что они не могут воздать тебе**" (Лк. 14:12–14). Да, не без разбора

должно приглашать, но алчущих, жаждущих, нагих, странных, впавших после богатства в бедность. (Христос) не просто сказал: вы напитали Меня, но – алчущего: видели Меня алчущего, говорит, и напитали (Мф. 25:35). (Здесь) двойная заповедь: если должно напитать всякого алчущего, то тем более алчущего святого. Если же кто и свят, но не нуждается, – не давай ему, потому что это бесполезно, и этого Христос не заповедал; да тот и не свят, кто находится в довольстве, и принимает. Видишь, что это сказано не для нашего постыдного прибытка, но для вашей пользы? Питай алчущего, чтобы тебе не питать (собою) огня геенского, – алчущий сдает часть твоего имущества, а остальное освящает. Подумай, как вдова витала Илию. Она не столько питала, сколько питалась; не столько отдала, сколько получила. И теперь бывает то же, даже гораздо большее: наградой таковым служить не мука, и не сосуд елея, – но что? сто раз большее – вечная жизнь. Будет милость Божья, и ты будешь пищей духовной, закваской чистой. Она была вдова, свирепствовал голод, и ничто ее не остановило; были у нее дети, но и это не послужило препятствием. Она была подобна положившей две лепты. Она не сказала самой себе: что я получу от него? Он просить у меня (пищи). Если бы он имел какую-либо силу, то не терпел бы голода, прекратил бы засуху, и не подпал бы тем же (бедствиям). Может быть и он оскорбил Бога? Ничего такого она не подумала. Видишь ли, как хорошо благотворить с простотой, и не быть слишком разборчивым относительно принимающего благодеяние? Если б она захотела много любопытствовать, то пришла бы в недоумение и не поверила бы. Так и Авраам, если б захотел много любопытствовать, то не принял бы ангелов, потому что не бывает, никогда не бывает, чтобы слишком разборчивый в таковых случаях принял святого, – чаще всего он попадает на обманщиков. Как это происходить, я объясню. Благочестивый не хочет казаться благочестивым, и не принимает на себя такого вида, хотя бы ему грозило подвергнуться из-за этого а обманщик, у которого обман составляет ремесло, представляется весьма благочестивым, так что его трудно распознать. От этого бывает, что тот, кто делает добро людям по-видимому неблагочестивым, попадает на благочестивых; а кто ищет почитаемых благочестивыми, часто попадает на неблагочестивых. Итак, умоляю вас, будем делать все в простоте. Положим, что пред тобою и обманщик; но тебе не велено испытывать этого. "**Всякому**", – сказано, – "**просящему у тебя, давай**" (Лк. 6:30); и еще: "**Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение?**" (Прич. 24:11). Хотя многие из подвергаемых смерти подвергаются ей потому, что пойманы в преступлениях, но ты не жалей (подать), сказано. Через это мы уподобимся Богу, через это прославимся и получим нетленные блага, которых и да удостоимся все мы (благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 2

"Бог – свидетель, что я люблю всех вас любовью Иисуса Христа; и молюсь о том, чтобы любовь ваша еще более и более возрастала в познании и всяком чувстве, чтобы, познавая лучшее, вы были чисты и непреткновенны в день Христов, исполнены плодов праведности Иисусом Христом, в славу и похвалу Божью" (Фил. 1:8–11).

1. Павел призывает Бога в свидетели не потому, будто не имели к нему доверия, но делает это по великому расположению, а также для большего убеждения и ободрения. Так как он сказал, что они (Филиппийцы) были соучастниками ему (через милостыню), то чтобы не подумали, что он за это любить их, а не просто ради их самих, – прибавил: "**Любовью Иисуса Христа**" (εν σπλάγχνοις Χρίστου). Что это значит? Что же, что – по Христе: за то, что вы верны, за то, что вы любите Христа, за любовь по Христе. Даже не сказал – по любви, но гораздо сильнее – "**любовью Иисуса Христа**", как бы так говоря: люблю вас, как отец ваш, по родству во Христе. Оно и дает нам сердце (σπλάγχνα), сердце горячее,

пламенное; такое сердце дается только истинным рабам Его. Таким-то сердцем, говорит, (я люблю вас); как бы так сказал: люблю вас сердцем не плотским, но пламеннейшим, Христовым. "**Что я люблю всех вас**", – говорит. Люблю всех, потому что и вы все любите меня; а как сильно люблю, нельзя и выразить, словами не могу изобразить любви моей, предоставляю видеть ее Богу, проникающему сердца. (Апостол) не призвал бы Бога в свидетели, если бы льстил им, потому что это небезопасно. "**И молюсь о том**", – говорит, – "**чтобы любовь ваша еще более и более возрастала**". Хорошо сказано, потому что любовь – ненасытное благо. Смотри, как он, будучи любим, хочет еще более быть любимым. Кто так любить любимого, тот не хочет, чтобы любовь последнего имела когда-либо предел. Нет меры этому благу. Потому Павел хочет, чтобы этим благом они всегда были обязаны: "**Не оставайтесь должными никому ничем**", – говорит он, – "**кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон**" (Рим. 13:8). Мера любви есть бесконечность. "**Чтобы любовь ваша**", – говорит, – "**еще более и более возрастала**". Заметь сочетание слов. Сказано: "**Еще более и более возрастала в познании и всяком чувстве**". Высоко ценит не просто дружбу, не просто любовь, но любовь происходящую от разума, то есть, не ко всем одинаковую любовь, потому что такая любовь будет не любовь, а равнодушие. Что такое – "**в познании**"? То есть, с рассуждением, с размышлением, с чувством. Есть ведь и такие, которые любят безрассудно, зря, как случится, отчего и дружба их не бывает крепка. "**В познании**", – говорит, – "**и всяком чувстве, чтобы, познавая лучшее**", то есть, полезное. Я это говорю не для себя, но для вас, говорит (апостол), потому что опасно, как бы кто, любя еретиков, не заразился от них. На все это намекает он, когда говорит таким образом. И заметь, как он располагает слова: не для себя это говорю я, но "**вы были чисты**", то есть, чтобы вы под личиной любви не приняли ложного учения. Как же он в другом месте говорит: "**Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми**" (Рим. 12:18)? Выражение: "**Будьте в мире**", не значить: любите так, чтобы от дружбы терпеть вам вред: "**Если же**", – сказано, – "**правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя**" (Мф. 5:29), – но: "**Чтобы вы были чисты**", т. е. пред Богом, "**и непреткновенны**", т. е. пред людьми. Дружба часто многим вредить; если тебе самому и не вредить нисколько, зато другой соблазняется. "**В день Христов**", то есть, чтобы вам тогда явиться чистыми, никого не соблазнившими. "**Исполнены плодов праведности Иисусом Христом, в славу и похвалу**" Божью, то есть, при правом учеши и живя праведно. Следует быть не просто праведным, но исполненным плодов правды, – потому что есть правда и не по Христе, как например обыкновенная честная жизнь, – "**плодов Иисусом Христом**", – говорит, – "**в славу и похвалу Божью**". Видишь ли, что я говорю не о своей славе, но о правде Божьей? Во многих же местах (апостол) правдой называет и милостыню. Пусть не препятствует вам любовь, говорит, познавать полезное, и пусть не надеть по любви к кому-либо. Я желаю, чтобы ваша любовь возрастала, однако ж не так, чтобы вы терпели вред; и желаю, чтобы вы не просто согласились со мною, но чтобы испытали, справедливо ли мы говорим. Он не сказал: примите мои наставления, но – искушайте, и не сказал прямо: не сближайтесь с таким-то, но – я хочу, чтобы любовь служила к вашей пользе, чтобы ваше расположение не было безрассудно. Ведь неразумно, если вы совершаете правду не для Христа, и не через Него. Вот еще выражение: через Него! Ужели он пользовался Богом, как слугой? Вовсе нет: не для того я так сказал, говорит (апостол), чтобы меня хвалили, но чтобы прославлялся Бог. "**Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования, так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочи**м" (ст. 12, 13).

2. Вероятно, (Филиппийцы) услышав, что (апостол) в узах, скорбели и думали, что проповедь прекратилась. Что же он делает? Тотчас уничтожает это предположение, и говорит: "**Чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования**". И это свойство любящего – объяснить свои обстоятельства, потому

что о них беспокоились. Что ты говоришь? Ты в узах, тебе препятствуют, – как же преуспевает Евангелие? "**Так что узы мои**", – говорит, – "**о Христе сделались известными всей претории и всем прочим**". Это не только не заградило уст другим и не сделало их боязливыми, но напротив еще сделало их больше дерзновенными. Итак, если те, которые находились близ опасностей, не потерпели никакого вреда, напротив еще больше получили дерзновения, то тем более вы должны быть дерзновенны. Если бы связанный носил узы с прискорбием, и молчал, то естественно было бы и им находиться в таком же состоянии; а как связанный действовал еще смелее, то придавал им смелости более, нежели если бы не был связан. Как же узы послужили к успеху Евангелия? Бог так устроил, говорит (апостол), что узы мои во Христе и для Христа не оставались неизвестными "всей претории", – каковым именем называли тогда дворец. И не только "**всей претории**", но и во всем городе. "**И большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большей смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божье**" (ст. 14). Этим показывает, что и прежде они поступали смело, и говорили с дерзновением; а теперь гораздо более. Итак, если другие, говорит, по причин моих уз становятся дерзновенными, то гораздо более я (сам); если я других сделал дерзновенными, то тем более сам должен быть таковым. "**И большая часть из братьев в Господе**". Так как много значило сказать, что мои узы произвели в них дерзновение, то наперед сказал: "**в Господе**". Видишь ли, как (апостол), и при необходимости похвалиться, не оставляете скромности? "**Начали с большей смелостью**", – говорит, – "**безбоязненно проповедовать слово Божье**". Словом – "**большей**" показывает, что они уже начали. "**Некоторые, правда, по зависти и любопрению, а другие с добрым расположением проповедуют Христа**" (ст. 15). Значение этих слов достойно исследования. Так как Павел быль в узах, то многие из неверных, желая, возбудить царя к жестокому гонению, и сами проповедовали Христа, чтобы распространением проповеди увеличить гнев царя, и чтобы всю ярость обратить на главу Павлову. Итак, узы произвели двоякое действие: в одних возбудили великое дерзновение, а других, ободренных надеждой моей погибели, расположили проповедовать Христа. "**Некоторые, правда, по зависти**", т. е.: завидующие моей славе и (хорошему) началу, желающие моей погибели, и состязающиеся со мною, содействуют мне, или же: думающие уменьшить сколько-нибудь мою славу для того, чтобы и самим быть в чести. "**А другие с добрым расположением**", т. е. без лицемерия, со всем усердием. "**Одни по любопрению проповедуют Христа не чисто**" (ст. 16), т. е. не без примеси (лжи), и не для самого дела, – но для чего? "**Думая увеличить тяжесть уз моих**", – думая таким образом ввергнуть меня в большую беду, они скорбь прилагают к скорби. О, жестокость! О, дьявольское действование! Видели, что он в узах и заключен в темнице, – и еще злоумышляли, хотели увеличить его несчастья и подвергнуть большему гневу. Хорошо сказал (апостол): "думая", – потому что случилось не так. Они думали через это опечалить меня; а я радовался успеху проповеди. Так-то возможно и доброе дело делать не с добрым намерением, – за что не только не будет награды, но еще наказание. Если проповедовали Христа с той целью, чтобы проповедника Христова ввергнуть в большие беды, то не только не получать награды, но будут подлежать наказанию и мучению. "**А другие – из любви, зная, что я поставлен защищать благовествование**" (ст. 17). Что значит: "**Что я поставлен защищать благовествование**"? Это значит: они облегчают мою ответственность пред Богом, и некоторым образом помогают мне в ответе. Как бы так говорит (апостол): мне заповедано проповедовать, и я должен буду дать отчет и отвечать за дело, которое мне заповедано; потому они мне помогают так, что отвечать мне стало легче; если найдется много наученных и уверовавших, то отвечать будет мне легко. "**Но что до того? Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться**" (ст. 18). Заметь благоразумие мужа: он не сильно их обвинил, а высказал то, что было. Что мне до того, говорит, так или иначе? "**Но что до того? Как бы ни проповедали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться**". Не сказал

повелительно: пусть проповедуется; но, во-первых, высказал случившееся, а во-вторых, если и повелительно сказал, то и таким образом не ввел ересей.

3. Исследуем дело, если угодно, и мы найдем, что хотя он и приказывал проповедовать так, как) они (проповедовали; однако ж от этого не произошло ереси. Почему? Потому что они проповедовали здраво, только цель и намерение, с которыми так поступали, были извращены, а самая проповедь не изменена. И весьма необходимо было ,им так проповедовать. Почему? Потому, что если бы они проповедовали иначе, нежели Павел, если б учили иначе, нежели он, то не усилили бы гнева царского. А теперь тем, что распространяли его проповедь и учили подобно ему, и таких же учеников ему приобретали, они могли вооружить царя, так как появилось великое множество учеников. Но какой-нибудь нечестивец и глупец, привязавшись к этому месту, скажет: если б они хотели огорчить Павла, то конечно действовали бы наоборот: разогнали бы и уверовавших уже, а не стали бы умножать верных. Что же мы скажем на это? То, что они имели в виду одно – подвергнуть Павла настоящим опасностям, не допустить избежать их, и этим они думали более, нежели тем, опечалить его, и прекратить проповедь. А иначе они укротили бы гнев царя, и дали бы (апостолу) выйти из заключения, и опять проповедовать; умертвив же его, они думали таким образом все с ним уничтожить. Но это постигали не многие, а некоторые жестокие и самые дурные. Потом (апостол) говорит: "**Я и тому радуюсь и буду радоваться**". Что значить: "**И буду радоваться**"? Значит: если бы больше и больше (так) делали, – потому что они против воли содействуют мне, и за труды свои потерпят наказание, а я, нисколько не помогая (им), получу награду. Что может быть злее дьявола, который додумался до того, чтобы самую проповедь обратить в причину наказания для тех, кому внушил принять эту проповедь? Видишь ли, в какую беду ввергает он своих (слуг)? За проповедь и труды придумывает им наказание и мучение. И какой бы другой неприятель и враг спасения их все так устроил? Видишь ли, что враг истины нисколько не силен, а больше уязвляет себя самого, подобно идущему против рожна? "**Ибо знаю, что это послужит мне во спасение по вашей молитве и содействием Духа Иисуса Христа**" (ст. 19). Нет ничего злее дьявола. Так он повсюду обменяет и развлекает своих бесполезными трудами, и не только не допускает получить награду, но умнеть еще сделать их достойными наказания. Он предписывает им не только проповедь, но и такой пост и девство, которые не только лишать их награды, но и причинять великое зло соблюдающим их. О них-то и говорит (апостол) в другом месте: "**Сожженных в совести своей**" (1 Тим. 4:2). Потому, прошу вас, будем за все благодарить Бога, – что Он и труды облегчил для нас, и награды умножил. Наград, какие получают у нас живущие целомудренно в браке, не получают т, которые у них соблюдают девство; соблюдающие девство у еретиков подлежать тому же наказанию, какому и блудники. Почему? Потому что они ничего не делают с доброй целью, но с целью клеветы на Божье творение и Его неизреченную премудрость. Итак, не будем беспечны; Бог назначил нам подвиги умеренные, никакого труда не требующие. Впрочем, не будем из-за этого пренебрегать ими. Ведь если еретики напрягают силы свои на труды бесполезные, то чем мы будем извиняться в том, что не хотим понести трудов и меньших, между тем сопровождающихся большей наградой? Какая в самом деле из заповедей Христовых тяжка и трудна? Ты не можешь оставаться в девстве? Можешь жениться. Не можешь **оставить всего своего имения? Можешь из того, что у тебя есть, уделять: "Ныне** ваш избыток", – говорит, – "**в восполнение их недостатка**" (2 Кор. 8:14). Трудным представляется презирать деньги и побеждать плотскую похоть, а все другое не требует никаких издержек, никакого усилия. Нужно ли, скажи мне, какое усилие, чтобы без причины не злословить и не клеветать? Нужно ли какое усилие, чтобы не завидовать благам других? Нужно ли какое усилие, чтобы не пленятся славой? Подвергаться мучениям и переносить их – это дело терпения; упражняться в любомудрии – дело терпения; переносить бедность – дело терпения; бороться с голодом и жаждой – дело

терпения. Но хотя бы и ничего такого не было, все же можно, наслаждаясь тем, что имеешь, как прилично христианину и не завидовать чужому: какое (тут) усилие? Зависть рождается не отчего другого, как от привязанности к настоящему, или лучше (отсюда) и всякое зло. Если б ты считал за ничто богатство и славу мира, то не завидовал бы тем, которые этим обладают.

4. Но так как ты смотришь на них с изумлением, высоко ценишь и боишься за них, то и тревожить тебя зависть и тщеславие. Все происходит оттого, что высоко ценят (блага) настоящей жизни. Ты завидуешь, что такой-то богат? Между тем он-то и достоин сожаления и слез. Но ты скажешь тотчас с усмешкой: я достоин слез, а не он. И ты достоин слез, не потому, что беден, но потому, что считаешь себя жалким. тех, которые горюют, не имя никакого горя, мы оплакиваем не потому, что их постигло какое-либо несчастье, но потому, что они без несчастья считают себя несчастными. Если бы кто, освободившись от горячки и совершенно выздоровевши, продолжал стонать и ворочаться, лежа на постели, – такой, скажи мне, не достоин ли был бы слез более, нежели т, которые страдают горячкой, не потому, что он в горячке (ведь он уже не в горячке), но потому, что он, будучи вне всякой опасности, думает, что еще в опасности? И ты достоин слез потому, что считаешь себя жалким, а не по бедности; ради бедности ты даже очень благополучен. Почему ты завидуешь богачу? Потому ли, что он подвергает себя большим беспокойствам и тягчайшему рабству? Что он своими стяжаниями связан, как бы какой пес бесчисленными цепями? Пришел вечер, настала ночь; но для него и это время покоя есть время смятения, неудовольствия, печали и заботы. Послышался шум? Он тотчас вскочил. Кого-нибудь ограбили? Он, не лишившись ничего, беспокоится более того, кто лишился; тот однажды потерял, и поскорбевши перестал беспокоиться; а он озабочен непрестанно, (даже когда) настает ночь, предел наших бед, облегчение наших несчастий, врачество ран. И одержимые сильной какою-либо болезнью, будучи утешаемы друзьями, родственниками и домашними, а часто и родителями, не внимали и не склонялись, но даже негодовали на их слова, потому что жестокая болезнь более всякого жара мучить наши души; но когда сон заставлял успокоиться, то не в силах были и поднять век. И как тело разгоряченное и изнуренное от борьбы с знойными лучами находить успокоение в каком-нибудь месте, орошаемом многими источниками, и прохлаждаемом легким ветерком, так ночь успокаивает во сне нашу душу, а лучше сказать – не ночь, и не сон делает это, но Бог, предвидя бедственность рода (человеческого), все это устроил.

Однако ж мы не жалеем сами себя, а, как враги самим себе, выдумали мучение, которое сильнее естественной необходимости и покоя – бессонницу от богатства. "**Забота о богатстве**", – сказано, – "**отгоняет сон**" (Сир. 31:1). Смотри, как велико попечение Божье! Он не оставил отдыха на волю и пользования сном на наш произвол, но подчинил естественной необходимости, чтобы мы и против воли получали благодеяние: ведь спать – дело естественное. А мы, как бы сильно ненавидя самих себя, как бы против других (а не против себя) враждуя и других угнетая, из-за денег выдумываем мучение, которое сильнее этой естественной необходимости. Настал день? (Богач) боится доносчиков. Настала ночь? Трепещет разбойников. Угрожает смерть? Он более смерти поражается тем, что его (стяжания) достанутся другим. Имеет дитя? Хочет быть богаче, и все-то ему кажется, что он беден. Не иметь (детей)? Еще больше скорбит. Ужели же ты почитаешь счастливым того, кого ничто не может порадовать? Тому ли, кого обуревают волны, завидуешь ты, находящийся в тихой пристани – в бедности? Подлинно и это слабость человеческой природы, что не надлежащим образом пользуются благами, но, находясь в счастии, удручаются. И это здесь. А когда перейдем туда, то послушай, что говорит богач, обладатель бесчисленных благ, как ты говоришь, хотя я не назвал бы их благами, а вещью безразличной. Итак послушай, что говорит этот обладатель бесчисленных благ и в чем имеет нужду: "**Отче Аврааме!**", – говорит, – "**пошли Лазаря, чтобы омочил конец**

перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь" (Лк. 16:24). Если этот богач не терпел ничего такого, о чем я говорил, если всю жизнь провел спокойно и без забот, – впрочем что я говорю всю жизнь? одно мгновение, потому что (жизнь) мгновение: как бы одно мгновение, говорится, весь наш век пред веком бесконечным, – итак, если все шло по его желанию, то не жалок ли он по тем словам своим, а более по своим делам? Не вино ли лилось на твоем столе? А теперь и капля воды не в твоей власти, – и в этом ты весьма нуждаешься. Не презирал ли ты бедного, покрытого ранами? А теперь желал бы увидеть его, но никто не допускает. Он был у твоих ворот, а теперь в недрах Авраамовых; ты же возлежал под пространными кровлями, а теперь в огне геенском.

5. Пусть выслушают это богатые, или лучше, не богатые, а немилосердные. Он не за то наказан, что был богат, но за то, что был немилостив; богатый же и вместе милостивый может получить всякое благо. Богач не видит никого другого, кроме того нищего (Лазаря) для того, чтобы, вспомнив дела свои, узнал, что праведно терпит это. Не великое ли множество было бедных праведников? Но ему является тот самый, который лежал пред его воротами, научая его и нас, как хорошо не надеяться на богатство. Ему бедность нисколько не воспрепятствовала получить царство, а тому богатство нисколько не помогло избежать геенны. Кто же беднее? Кто нищие? И тот, истинно не тот беден, кто ничего не имеет, но кто желает многого; и не тот богат, кто приобрел много, но кто ни в чем не нуждается. Какая польза приобрести всю вселенную, а жить печальнее ничего не имеющего? Свободная воля делает богатыми и бедными, а не изобилие стяжаний, и не скудость. Ты, бедный, хочешь быть богатым? Можешь, если хочешь, и никто не препятствует; пренебреги богатством мира; почитай его за ничто, как бы его и не было; отринь желание богатства, – и ты богат. Тот богат, кто не хочет быть богатым; и тот беден, кто не хочет быть бедным. Как болен тот, кто и при здоровья стонет, а не тот, для кого болезни легче всякого здоровья, – так и здесь: беден тот, кто не может сносить бедности, и при богатств считает себя беднее бедных, а не тот, кто лучше богатых сносить бедность, – последний гораздо богаче. Скажи меть: отчего ты боишься бедности? Отчего ты дрожишь? От голода ли, или жажды, или стужи, или не от этого? Но нет, нет человека, который бы терпел когда-либо такие недостатки. "**Взгляните на древние роды и посмотрите: кто верил Господу – и был постыжен?**" (Сир. 2:10)? И еще: "**Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их**" (Мф. 6:26). Никто не может указать нам ни одного такого, кто вдруг погиб бы от голода и стужи. Почему ж ты трепещешь бедности? Нечего тебе (на это) сказать. Если у тебя есть необходимое, то почему боишься (бедности)? Потому ли, что нет у тебя множества рабов? Это избавление от господства, это постоянное счастье, это свобода от заботь. Или потому, что не имеешь сосудов, кроватей, утвари, сделанных из серебра? Но что более тебя имеет для наслаждения тот, кто приобрел все это? Ничего. Польза (от вещей) одинакова, из того или из другого вещества он будут. Или потому, что для многих ты нестрашен? Но и не будь (таковым) никогда. Какое удовольствие в том, что некоторые дрожат и боятся тебя? Или потому, что ты боишься других? Но можно не бояться. "**Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее**" (Рим. 13:3). Но, говорят, мы в пренебрежении, и нас легко обидеть? Но не бедность, а порок наиболее производить это. В то время, как многие бедняки проводят всю жизнь без заботь, начальникам, богатым и сильным труднее избавиться от всех злодеев, разбойников и гробокопателей. Что тебе причиняет бедность, то богатому богатство. Желающие делать зло делают его как тебе из презрения, так богатому по ненависти и зависти, – и в последнем случае зла больше, чем в первом, потому что побудительная причина к злу здесь сильнее. Ненавистник делает все со всевозможным напряжением и силою, а презритель часто и щадить презираемого. Для бедного уже то самое, что он беден, что не может иметь силы, служить ко спасению. Когда мы скажем обидчику нищего: великое ли

дело ты сделаешь, если истребишь такого-то, если убьешь одного бедняка, велика ли будет твоя награда? – то этими словами укротим его гнев. А когда против богачей восстает зависть, то не прежде она утихает, как совершивши то, что хочет, и изливши яд свой. Видишь ли, что добро не в бедности и не в богатстве, но в нашем намерении? Итак, направим его к добру и сделаем благоразумным. Если ему будет дано хорошее направление, то ни богатство не сможет нас лишить царства, ни бедность причинить нам вреда; мы будем с кротостью сносить бедность, не имя (в ней) препятствия к получению будущих благ, даже и настоящих, но и настоящими благами насладимся, и небесных достигнем, которых и да сподобимся все мы (благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцом и Святым Духом слава, держава и честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 3

"Я и тому радуюсь и буду радоваться, ибо знаю, что это послужит мне во спасение по вашей молитве и содействием Духа Иисуса Христа, при уверенности и надежде моей, что я ни в чем посрамлен не буду, но при всяком дерзновении, и ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью" (Фил. 1:18 – 20).

1. Никакая скорбь из случающихся в настоящей жизни, пи вражда, ни порицания, ни клеветы, ни беды, ни козни не могут возмутить великую и любомудрую душу, – потому что она как бы убежала на вершину некоторой высокой горы, где стала безопасна от всех стрел, пускаемых снизу, с земли. Такова была душа Павлова, нашедшая себе высшее всякой вершины место – место любомудрия духовного, истинной философии. То, чем заняты люди внешние (язычники), это – только слова и детские забавы. Но теперь речь по о них, пока мы говорим о делах Павловых. Этот блаженный, будучи преследуем царем, имел еще и других врагов, которые причиняли ему различные огорчения и жестоко клеветали на него. И однако, что он говорит? Не только не скорблю об этом и не унываю, но даже "**радуюсь и буду радоваться**", т. е. не теперь только, но всегда буду этому радоваться. "**Ибо знаю, что это послужит мне во спасение**" будущее. И может ли не сбыться, когда и вражда против меня и зависть содействуют моей проповеди? "**По вашей молитве**", – говорит, – "**и содействием Духа Иисуса Христа, при уверенности и надежде моей**". Заметь смиренномудрие этого блаженного. Он подвизался на трудном поприще, совершил бесчисленное множество дел, находился уже у самого венца, – ведь это был Павел, а что еще больше можно сказать? – и однако ж он, бесчисленными добродетелями стяжавший спасение, пишет Филиппийцам, что могу спастись "**по вашей молитве и содействием**", – говорит, – "**Духа Иисуса Христа**". Что значит – "**содействием**"? Значит: чтобы за ваши молитвы удостоиться благодати. Выражение: "**содействием**" равносильно следующему: чтобы прибавлено было, чтобы более дано было мне Духа. "**Во спасение**", то есть, для освобождения, для того, чтобы мне и настоящей беды избегнуть так же, как и первой. О первой он сказал: "**При первом моем ответе никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им! Господь же предстал мне и укрепил меня**" (2 Тим. 4:16). То же и теперь уже предсказывает, говоря: "**По вашей молитве и содействием Духа Иисуса Христа, при уверенности и надежде моей**". На этом, говорит, основывается моя надежда. Чтобы мы, полагаясь во всем на молитвы других, сами не оставались без всякого участия, для этого смотри, как (апостол) указывает и на свою долю – на надежду, причину всех благ, по слову пророка: "**Да будет милость Твоя, Господи, над нами, как мы уповаем на Тебя**" (Пс. 32:22); и в другом месте: "**Взгляните на древние роды и посмотрите: кто верил Господу – и был постыжен?**" (Сир. 2:10)? И еще блаженный (Павел) сказал: "**Надежда не постыжает**" (Рим. 5:5). "**При уверенности**", – говорит, – "**и надежде моей, что я ни в чем посрамлен не буду**". Такова надежда Павлова: надеюсь, что никогда не буду посрамлен. Видишь ли,

каково надеяться на Бога? Что бы ни случилось, говорит (апостол), "**посрамлен не буду**", т. е. (враги) не одолеют меня. "**При всяком дерзновении, и ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем**". (Враги) надеялись своей сетью уловить Павла, проповеданное им учение истребить, как будто коварство их могло это сделать. Потому он говорит, что этого не будет, я умру не теперь: "**И ныне, как и всегда, возвеличится Христос в теле моем**". Как? Часто я находился в таких бедах, в которых не только все отчаивались о нас, но и мы сами о себе, – "**Но сами в себе имели приговор к смерти**" (2 Кор. 1:9); но Господь избавил нас от всего. Так "**и ныне возвеличится в теле моем**". А чтобы кто не подумал и не сказал: если ты умрешь, то неужели возвеличится? – говорит: да, я уверен, потому-то я и не сказал, что жизнью только возвеличится, но и смертью. Сперва впрочем сказал: "**Жизнью**", – не умертвят меня; но если и умертвят, то и через это возвеличится Христос. Как? Жизнью, потому что. Он спас меня; смертно, потому что и смерть не принудила меня отречься от Него, потому что Он даровал мне столько ревности, и сделал меня сильнее смерти. В первом случае Он избавил меня от бед, а в последнем не допустил меня убояться насильственной смерти. Вот как (Господь) возвеличится жизнью и смертью.

2. Говорит же это не потому, будто уже предстояла ему смерть, но чтобы они и в случае смерти его не сокрушались по-человечески. А что он сказал это не потому, будто предстояло ему умереть, – чем весьма огорчил бы их, – то смотри, как он утешает, как бы так говоря: я говорю это не как имеющий умереть. Потому и присовокупляет далее: "**И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами**". А слова: "**Я ни в чем посрамлен не буду**" значат: умереть мне нестыдно, напротив весьма полезно. Почему? Потому, что я не бессмертен, – впрочем буду в большей славе, нежели в какой быль бы, оставаясь бессмертным на земле, так как не одно и то же презирать смерть будучи бессмертным, и будучи смертным. Поэтому ни мало непостыдно умереть и теперь, хотя я и не умру. "**я ни в чем посрамлен не буду**", – т. е. буду ли жив, идя умру: то и другое приму благодушно – жить ли мне или умереть. Хорошо сказано: таково именно (свойство) христианской души. "**Но при всяком**", – говорит, – "**дерзновении**". Видишь ли, как не посрамляюсь? Если бы страх смерти отнял у меня дерзновение, то умереть было бы постыдно. Когда же и приближающаяся смерть нимало не страшить, то непостыдно. Живу ли я, мне нестыдно жить, потому что проповедую благовестие; умру ли, нестыдно умереть, потому что не страшусь. (В том и другом случае) я показываю равное дерзновение. Не почтите постыдным делом того, что я сказал об узах. Он были причиной столь великих благ для меня, что и другим придали дерзновения. Стыдно не то, чтобы быть в узах за Христа, но (стыдно) в чем-нибудь изменить Христу, убоявшись уз, так что, пока этого нет, узы производят во мне дерзновение. Я часто не избегал опасностей, и этим могу похвалиться пред неверными, а если со мною случится что-нибудь противное, тогда считайте меня посрамленным, потому что и последнее не меньше первого и дает вам дерзновение. Смотри, как (апостол) сводить это к своему лицу; это же делает он и во многих других местах, например, в послании к Римлянам говорит: "**Ибо я не стыжусь благовествования**" (Рим. 1:16), и к Коринфянам: "**Это приложил я к себе и Аполлосу**" (1 Кор. 4:6). "**Жизнью ли то, или смертью**". Говорит он это не потому, чтобы не знал, – он знал, что не тогда, а после умрет, – но заблаговременно подготовляем к этому их душу. "**Ибо для меня**", – говорит, – "**жизнь – Христос, и смерть – приобретение**" (ст. 21): и умерши, говорит, я не умру, так как имею жизнь в себе самом. Только тогда (враги) умертвили бы меня, когда бы могли страхом исторгнуть вру из моей души; доколь Христос со мною, я жив, хотя бы и смерть случилась. Даже и в настоящем веке не то составляет жизнь мою, что живу, но – Христос. Если и в этом веке не в том состоит жизнь, "**А что ныне живу во плоти, то живу верой**", то и о будущем веке я говорю, что "**и уже не я живу, но живет во мне Христос**" (Гал. 2:20). Таков должен быть христианин. Не живу, говорит, обыкновенной жизнью. Как же ты живешь, блаженный Павел? Ужели не

смотришь на солнце? Ужели не дышишь общим воздухом? Ужели не питаешься общей всем пищей? Ужели не ходишь по земле, как мы, не имеешь нужды во сне, в одежде, в обуви? Что ты говоришь: не живу? Как не живешь? Что ты хвалишься? (Нет), это не тщеславие. Если б об этом не свидетельствовали дела, то конечно можно бы назвать тщеславием. А так как дела свидетельствуют, то какое тщеславие? Исследуем же, каким образом он не живет. В другом месте он говорит: "**Которым для меня мир распят, и я для мира**" (Гал. 6:14). Итак, послушайте, в каком смысле он говорит: "**И уже не я живу**" (2:20), и еще: " **Но живет во мне Христос**".

Имя жизни, возлюбленные, многозначительно, т. е. имеет много значений, так же как и имя смерти. Есть жизнь телесная, и есть жизнь греховная, как (апостол) говорит в другом месте: "**Мы умерли для греха: как же нам жить в нем?**" (Рим. 6:2). Следовательно, можно жить жизнью греховной. Прошу вас, обратите строгое внимание, чтобы наш труд не был напрасен. Есть жизнь вечная и бессмертная, а вместе и небесная: "**Наше же жительство**", – говорит, – "**на небесах**" (Фил. 3:20). Есть также жизнь телесная, о которой сказано: "**Ибо мы Им живем и движемся и существуем**" (Деян. 17:28). Итак, он говорит не о естественной жизни, что не живет; но о жизни греховной, какой живут все люди. И справедливо (говорит). Кто не привязан к настоящей жизни, тот как живет ею? Как живет ею тот, кто стремится к другой? Как живет ею тот, кто презирает смерть? Как живет ею тот, кто не желает ничего здешнего? Как составленный из адаманта, хотя бы наносили ему тысячу ударов, никогда не поворотится, так (тверд) и Павел: "**И уже не я**", – говорит он, – "**живу**", то есть ветхий человек: и в другом месте: "**Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?**" (Рим. 7:24). Таким образом, кто не делает ничего для пищи, ничего для одежды, ничего для настоящего, как тот живет? Он не живет естественной жизнью. Кто не печется ни о чем житейском, тот не живет. Мы живем этой жизнью, так как для нее все делаем; а он не жил, так как не занимался ничем здешним. Как же он жил? Так, как и мы говорим о некоторых: такой-то не существует для меня, когда он не делает ничего до меня относящегося; или что то же опять: такой-то для меня не живет. А что он не пренебрегал и жизнью естественной, видно из другого места: "**А что ныне живу во плоти, то живу верой в Сына Божьего, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня**" (Гал. 2:20), то есть, живу некоторой новой, отличной (от обыкновенной), жизнью.

3. Все же это говорит для утешения Филиппийцев. Не думайте, говорит, о том, что меня лишать этой жизни, потому что я, и живя, не этой жизнью жил, но той, какой хотел Христос. Скажи мне в самом деле: этой ли жизнью живет, кто презирает и деньги, и удовольствия, и голод, и жажду, и беды, и здоровье, и счастье? Этой ли жизнью живет, кто ничего здесь не иметь, кто часто решается оставить ее, когда нужно, и не заботится о ней? Вовсе не этой. Это нужно пояснить вам примером. Так, представь, что какой-либо великий богач иметь рабов и золото, и ничем из этого не пользуется: богат ли он от такого богатства. Нисколько. Представь еще, что он видит, как дети его расточают имение, и живут рассеянно в праздности, и нисколько не печется о них, а если угодно, представь, что и побои переносить он без скорби: назовем ли его богатым? Никак, хотя богатство и принадлежит ему. Так и Павел говорит: "**Но живет во мне Христос**". Если хочешь исследовать жизнь мою, то Христос жизнь моя. "**И смерть – приобретение**". Почему? Потому что (по смерти) гораздо яснее познаю Его, так что умереть значит начать истинную жизнь. Никакой беды не причинят мне те, которые умертвят меня, потому что они препроводят меня к моей жизни, и избавить меня от этой мне несвойственной. Что же? Находясь здесь, разве ты не Христов? И очень. "**Если же жизнь во плоти доставляет плод моему делу, то не знаю, что избрать**" (ст. 22). Чтобы кто-нибудь не сказал: если же в том состоит жизнь, то для чего Христос оставил тебя здесь? – он объясняет, что это – "**плод делу**". значит и настоящей жизнью можно пользоваться, проводя ее как должно, а не так, как многие (проводят). Это сказано им для того, чтобы ты не подумал, что он взвел

клевету на жизнь, и не сказал: если мы здесь не приобретаем себе никакой пользы, то для чего не умерщвляем себя, не убиваем? нет, говорит, можно получить пользу и здесь, если мы живем не этой жизнью, а иной. Но может быть кто-нибудь скажет: так это-то и приносить тебе плод? Подлинно, говорит. где после этого еретики? Вот теперь – "**Если же жизнь во плоти**" (апостол) называет "**доставляет плод моему делу**", и именно "**делу**". Как плод дела? "**А что ныне живу во плоти, то живу верой". Вот почему плод дела. "то не знаю, что избрать**".

О, какое любомудрие! Как он и отринул любовь к настоящей жизни, и не оклеветал ее! Именно словами: "**И смерть – приобретение**" он отринул любовь к ней, а словами: "**Если же жизнь во плоти доставляет плод моему делу**", показал, что и настоящая жизнь нужна. Каким образом? Если пользуемся ею, как должно, если приносим плод. Если же она бесплодна, то уже не жизнь. Деревья, не приносящие плода, равно и сухие, мы бросаем и предаем огню. Жить – это нечто среднее и безразличное; а жить хорошо или худо – в нашей воле. Потому не должно нам ненавидеть жизни, так как можно жить и хорошо; если же будем злоупотреблять жизнью, то и в таком случай не должно обвинять ее. Почему? Потому что не жизнь тому причиной, но воля злоупотребляющих ею. Бог дал тебе жизнь, чтобы ты жил для Него; я ты, по наклонности ко злу живя греховно, сам себя подвергаешь всякой вине. Что ты говоришь, Павел, скажи мне? Не знаешь, что избрать? Здесь он открывает великую тайну, что в его власти было умереть, так как, когда есть выбор, то значит мы властны. "**Не знаю**", – говорит, – "**что избрать**". значит (это) в твоей вол? Да, говорит, если захочу испросить у Бога эту благодать. "**Влечет меня то и другое: имею желание**" (ст. 23). Заметь нежную любовь этого блаженного: он и тем утешает их, что видят, как он сам властен в выбор, как это зависит не от злобы человеческой, но от устроения Божья. Итак, для чего вы, говорит, печалитесь о смерти? Гораздо лучше было бы давно умереть. "**Разрешиться**", – говорит, – "**и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас**" (ст 24). Этим (апостол) подготовляем (Филиппийцев) к тому, чтобы они приближающуюся кончину его перенесли мужественно, этим научает их любомудрию. Хорошо говорит: "разрешиться и быть со Христом", потому что смерть – Вещь безразличная, не смерть – зло, но зло – после смерти мучиться. Равно смерть и не добро, но добро – по смерти быть со Христом; что бывает по смерти, то добро или зло. Итак, мы должны скорбеть не просто об умирающих, и радоваться не просто о живущих. Как же? Мы должны плакать о грешниках не умирающих только, но и живущих, а радоваться о праведниках не только живых, но и скончавшихся. Первые и при жизни умерли, а последние и по смерти живут; первые и в этой жизни жалки для всех, так как оскорбляют Бога, а последние, и туда переселясь, блаженны, так как отошли ко Христу. Грешники, где бы ни были, далеки от Царя, – потому достойны слез; а праведные, здесь ли, там ли, вместе с Царем, и там они еще гораздо ближе к Нему, не созерцанием, не верой, но, как сказано, "**лицом к лицу**".

4. Итак, будем оплакивать не просто умерших, но умерших во грехах. Они-то достойны плача, рыдания и слез. Какая, скажи мне, надежда отойти во грехах туда, где уже нельзя сложить с себя грехов? Доколь они были здесь, то очень можно было ожидать, что они переменятся, что будут лучше; а когда пошли во ад, то там нельзя получить пользы от покаяния: "**В тесноте**", – сказано, – "**ада кто будет призывать Тебя**" (Пс. 17:6)? Как же они недостойны слез? Будем плакать о тех, которые так умирают, я не препятствую; будем плакать, но без нарушения благопристойности, как-то: не будем рвать (на себе) волос, обнажать рук, терзать лице, надевать черные одежды, а только в душе будем тихо проливать горькие слезы. И без этого обряда можно горько плакать, а не шутить только: в самом деле, нисколько не отличается от шуток то, что некоторые делают. Эти публичные терзания бывают не от сострадания, но на показ, из честолюбия и тщеславия; многие (женщины) делают это по ремеслу. Плачь горько и стенай долго, где никто не видит; это

будет делом сострадания, это и тебе принесет пользу. Кто плачет так о другом, тот тем более сам будет стараться, чтоб не подвергнуться тому же, – после того и грех тебе будет страшен. Плачь о неверных, плачь о тех, которые нисколько не отличаются от них, которые умирают без крещения и миропомазания; подлинно такие достойны слез и сетования, они вне царского чертога с обвиненными и осужденными: "**Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божье**" (Иоан. 3:5). Плачь о тех, которые умерли в богатств, и из своего богатства не придумали сделать ничего к утешению душ своих, которые имели возможность очистить грехи свои, и не хотели. О них будем плакать все и порознь и вместе, только с благопристойности), не теряя степенности, так, чтобы не выставить себя на позорище. Будем плакать о них не один, не два дня, но во всю нашу жизнь. Эти слезы – следствие не безрассудной страсти, но нежной любви; а те происходят от безумной страсти, и потому скоро осушаются. Лишь то, что происходить из страха Божья, бывает постоянно. Итак, будем оплакивать их, будем помогать им по силам, придумаем для них какое-либо пособие, хотя небольшое, однако ж могущее помочь. Как и каким образом? Сами молясь, и других убеждая молиться за них, всегда подавая за них бедным. Это доставить некоторое облегчение. В самом дел, послушай, что говорит Бог: "**И защищу город сей ради Себя и ради Давида, раба Моего**" (4 Цар. 20:6). Если память только праведника была столько сильна, то как не сильны будут дела, творимые за усопшего? Не напрасно установили апостолы, чтобы при совершении страшных тайн поминать усопших: они знали, что от этого много им выгоды, много пользы. Когда весь народ и священный лик стоить с воздеянием рук, и когда предлежит страшная жертва, то как не умолим Бога, прося за них? Но это (говорим) о тех, которые скончались в вере; а оглашенные не удостаиваются этого утешения, но лишены всякой такой помощи, кроме одной. Какой же именно? За них можно подавать бедным; это доставляет им некоторую отраду, потому что Богу угодно, чтобы мы помогали друг другу. Иначе для чего бы Он повелел молиться о мир и благосостоянии мира? Для чего бы – о всех людях? Хотя здесь между всеми есть и разбойники, и гробокопатели, и воры, и исполненные бесчисленных пороков, однако ж мы молимся за всех: быть может это послужить сколько-нибудь к их обращению. Потому как мы молимся за живых, которые нисколько не отличаются от мертвых, так можно молиться и за умерших. Иов приносил жертвы о детях и очищал их от грехов. "**Может быть**", – говорил он, – "**согрешили в сердце своем**" (Иов. 1:5). Так-то пекутся о детях. Не сказал, как теперь многие люди говорят: я оставлю им имение; не сказал: передам им славу; но сказал: приобрету власть; но сказал: куплю ноля. Но что? "**Может быть согрешили в сердце своем**". Какая в самом деле польза от всего того, что остается здесь? Никакой. Умилостивлю, говорит, Царя всех для них, и тогда они ни в чем не будут иметь недостатка. "**Господь – Пастырь мой**", – говорит (пророк), – "**я ни в чем не буду нуждаться**" (Пс. 22:1). Вот великое богатство, вот сокровище! Если мы имеем страх Божий, то ни в чем у нас нет нужды; а если не имеем его, то хотя бы владели самим царством, мы всех беднее. Нет равного боящемуся Господа: "**Страх Господень**", – сказано, – "**все превосходит**" (Сир. 25:14). Приобретем его, будем делать все ради него; хотя бы надобно было положить душу и предать на смерть тело, не пощадим себя; будем делать все, чтобы приобрести этот страх. Таким образом мы будем богаче всех, и получим будущие блага во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне И присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 4

"Не знаю, что избрать. Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас. И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами для вашего успеха и радости в вере,

дабы похвала ваша во Христе Иисусе умножилась через меня, при моем вторичном к вам пришествии" (Фил. 1:22–26).

1. Не было ничего блаженнее души Павловой, так как не было ничего мужественнее ее. А ныне о всех прилично сказать напротив: нет ничего злосчастнее, нет ничего слабее. Потому-то все мы боимся смерти: одни, из числа которых и я сам, по причине множества грехов, другие по привязанности к жизни и по трудности умирать, – в числе каковых не дай Бог мне быть никогда, потому что боящиеся смерти суть люди "**душевные**". Итак, чего все мы боимся, того Павел желал, к тому стремился: "**Разрешиться**", – говорит он, – "**несравненно лучше. Но не знаю, что избрать**". Что ты говоришь? Ты преставишься отсюда на небо и будешь со Христом, а не знаешь, что избрать? нет, это не свойственно душе Павловой. И кто не избрал бы этого (быть со Христом), если бы кто-нибудь сказал ему о том, и твердо в том его уверил? Конечно – никто. Но не в нашей власти ни то, чтобы разрешиться и быть со Христом, ни то, чтобы оставаться еще здесь, когда придет время. Для Павла же И души его было возможно и то и другое. Что же ты говоришь? Знаешь и уверен, что будешь со Христом, а недоумеваешь, говоришь: "**Не знаю, что избрать**"? Мало того, – ты даже решаешься остаться здесь, т. е. пребыть во плоти. Почему бы это? Не горькую ли проводил ты жизнь? "**Не во бдениях ли**", в кораблекрушениях, "**в алчбе и жажде, в наготе**", в заботах и беспокойствах? С немощными и ты немоществовал, о соблазнявшихся сгорал. "**В великом терпении**", – говорит, – "**в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии, в великодушии, в благости, в Духе Святом, в нелицемерной любви, пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями**" (2 Кор. 6: 4–6; 11:24–26). Когда весь народ галатийский обратился к соблюдению закона, не взывал ли ты: "**Вы, оправдывающие себя законом отпали от благодати**" (Гал. 5:4)? Сколько слез тогда ты пролил, – и еще к тому же желаешь этой преходящей жизни? Да если бы и ничего такого с тобою не случилось, но все дела ты совершил бы безопасно и с удовольствием, – и тогда не надлежало ли бы тебе, убоявшись неизвестности будущего, спешить к какому-нибудь пристанищу? Какой купец, скажи мне, имея корабль, наполненный бесчисленными сокровищами, захотит еще оставаться на море, когда он у пристани, в которую может взойти и успокоиться? Какой борец захотит продолжать борьбу, когда он уже заслужил венец победный? Какой боец захотит снова вступить в бой и сломить себе голову, когда возлагают на него венец? Какой военачальник станет утруждать себя и сражаться, когда можно освободиться от войны с честью и трофеями, и вкусить покой с царем в его чертогах? Как же ты, проводя столь горькую жизнь, желаешь еще остаться здесь? Не ты ли говорил: "**Дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (1 Кор. 9:27)? Если уже не по другой какой причине, то по этой одной следовало бы тебе желать освобождения. Даже если бы настоящая (жизнь) исполнена была бесчисленных благ, и в таком случае надлежало бы желать отрешения от них для возлюбленного Христа. О, душа Павлова! Не было ей равной и не будет. Ты бесчисленными окружен бедами, и боишься будущего, и не желаешь быть у Христа? Нет, говорит он: и это для Христа, чтобы тех, которых я сделал рабами Его, еще более утвердить в добром расположении, чтобы ниву, мною насажденную, сделать плодоносной. Разве ты не слышал, что я ищу не своей пользы, но (пользы) ближних? Разве не слышал, что я желал бы быть отлученным от Христа, только бы многие обратились к Нему? Если я на это решался, то не с большим ли удовольствием решусь

пожертвовать своим замедлением и пребыванием здесь, только бы это сколько-нибудь послужило к их спасению?

"**Кто изречет могущество**" Твои, Господи (Пс. 105:2), что Ты не сокрыл от нас Павла, что явил вселенной такого мужа? Восхвалили Тебя единодушно все ангелы, когда Ты сотворил звезды и солнце, однако ж, не столько, как в то время, когда нам и всей вселенной явил Ты Павла. От этого земля стала блистательнее неба: он, будучи светлее солнечного света, испускал блистательнейшие молнии и разливал светлые лучи. И какой великий произвел он для нас плод? Он не растете утучнял, не древа питал, но и порождал и приводил в зрелость плод благочестия, а упадающий беспрестанно поднимал. И в самом деле, солнце никак не может исправить однажды загнившее плодоносное дерево; а Павел отвратил от грехов (людей), покрытых бесчисленными струпьями. Солнце уступаете ночи, а Павел победил и дьявола. Ничто его не сокрушило, ничто не одолело. Солнце, держась на высоте, простирает вниз лучи свои; а Павел, снизу восходя, не пространство между небом и землей наполнил светом, но едва отверз уста свои, как и ангелов исполнил великой радости. Каким образом? Если "**бывает радость у Ангелов Божьих и об одном грешнике кающемся**" (Лк. 15:10), то когда он первой проповедаю уловил многих, как не исполнил радости горние силы?

2. И что я говорю? Павлу довольно было заговорить только, и небеса от этого скачут и веселятся. "**Когда вышел Израиль из Египта Горы прыгали, как овны**" (Пс. 113:1,4), то когда люди переводимы были от земли на небо, какая, думаешь ты, была радость? Вот почему "а оставаться во плоти нужнее для вас". После этого чем мы будем оправдываться? Часто человек, владея малым и небогатым имением, не решается перейти в другое место, дорожа своим спокойствием. А Павел мог отойти ко Христу, и не хотел ко Христу, – ко Христу, Которого он столько любил, что для Него готов быль даже в геенну, – а остался подвизаться еще для людей. Чем же мы будем оправдываться? Но можно ли говорит просто, в общих чертах, о Павле? Смотри, что он сделал. (Сперва) он сказал, что отойти ему лучше, убеждая их не скорбеть; (потом) говорит, что если он останется, то остается единственно для них, что этого нельзя производить от злонамеренности людей коварных, А чтобы убедить их, он присовокупил и причину. Если это нужно, то я подлинно пребуду и не просто пребуду, но с вами. Таково именно значение слова: "**пребуду**", т. е. увижусь с вами. Для чего? "**Для вашего успеха и радости в вере**". Этими словами он побуждает их быть внимательными к себе, как бы так говоря: если я для вас останусь, то смотрите, не посрамите моего пребывания. Имя возможность узреть Христа, я решился остаться для вашего успеха. Так как мое присутствие споспешествует и вере и радости вашей, то я и решился остаться. Что же? Для одних ли только Филиппийцев он остался? нет, не для них только он остался, а говорит это для того, чтобы утешить их. Как же это служило к успеху их в вере? Так, чтобы вы больше укрепились, подобно птенцам, имеющим нужду в матери, доколь они не оперятся. Это – доказательство великой любви. Подобным образом и мы возбуждаем иных, когда говоримы я остался для тебя, чтобы тебя сделать добрым. "**Дабы похвала ваша**", – говорит, – "**во Христе Иисусе умножилась через меня, при моем вторичном к вам пришествии**". Видишь ли, что значение слова: "**пребуду**" – именно таково? Но заметь смиренномудрие (апостола). Сказавши – "**для вашего успеха**", он показывает, что вместе и в свою пользу. То же делает он и в послании к Римлянам, когда говорит: "**То есть утешиться с вами верой общей**" (Рим. 1:12), сказав прежде: "**Чтобы преподать вам некое дарование духовное**". Что же значит: "**Дабы похвала ваша умножилась**"? То, чтобы изобиловало служащее к похвал, именно – утверждение в вере (это и есть похвала во Христе) и праведная жизнь. Итак, во мне ли "**Дабы похвала ваша умножилась при моем вторичном к вам пришествии**"? Да, говорит он: "**Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли?**" (1 Фес. 2:19). "**Что мы будем похвалой**" нам вы есть, "**равно и** "

и мы вам (2 Кор. 1:14), т. е. чтобы мне побольше было чем похвалиться в вас. Каким образом? "**Дабы похвала ваша умножилась**". Я более могу хвалиться тогда, когда вы преуспеваете. "**При моем вторичном к вам пришествии**". Что же? Пришел ли он к ним? Сами доищитесь, пришел ли. "**Только живите достойно**", – говорит, – "**благовествования Христова**". Видишь ли, что он все говорил для того, чтобы этим побудить их к преуспеянию в добродетели? "**Только живите достойно благовествования Христова**". Что значит – "**Только**"? значит: это одно составляет предмет стремлений, и ничто другое; если это будет, то с вами не случится ничего прискорбного. "**Чтобы мне, приду ли я и увижу вас, или не приду, слышать о вас**". говорит так не потому, будто бы он переменил намерение и не хотел уже придти к ним, но на случай, если бы это произошло, прибавляет, что "**или не приду**" могу радоваться. "**Слышать о вас, что вы стоите в одном духе, подвизаясь единодушно**".

3. Это в особенности и соединяет верных, и поддерживает любовь. Потому Христос сказал: "**Чтобы они были едино**" (Иоан. 17:11), так как "**царство, разделившееся само в себе, опустеет**" (Мф. 12:25). Потому и Павел повсюду сильно убеждает к согласию. Потому же и Христос говорит: "**По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою**" (Иоан. 13:35). Итак, ожидая моего прихода, не будьте беспечны, как обыкновенно бывает с ожидающими, а если не дождетесь меня, не унывайте, потому что и весть о вас может меня столько же радовать. Что значит: "**В одном духе**"? Значит – в одном и том же даровании единомыслия и ревности. Дух один; это доказывается многими местами, где говорится об этом. Равным образом и "**подвизаясь единодушно**" значит то же, что всем иметь один дух. Словом "**единодушно**" выражается единомыслие: многие души называются одной. Так было в древности: "**У множества же**", – сказано, – "**уверовавших было одно сердце и одна душа**" (Деян. 4:32). "**Подвизаясь единодушно за веру Евангельскую**". Разве вера была сама с собою в борьбе, что он говорит: "**подвизаясь**" друг другу? Какая же у него мысль? У них не было междоусобия; следовательно, его слова значат: вспомоществуйте друг другу, подвизаясь за веру евангельскую. "**И не страшитесь ни в чем противников: это для них есть предзнаменование погибели, а для вас – спасения**" (ст. 28). Хорошо сказано: "**Не страшитесь**" (не устрашаясь), – потому что действия врагов таковы, что только устрашают. Говорит: "**ни в чем**": что бы ни случилось, опасности ли, козни ли. Таково свойство людей мужественных. Враги ничего не могут сделать (им), разве только устрашить. Так как, вероятно, (Филиппийцев) приводили в смущение бесчисленные страдания Павла, то он не говорит: не беспокойтесь, но – не устрашайтесь, и даже совершенно пренебрегайте (врагами). И если вы будете в таком расположении духа, то это будет явным признаком их погибели, а вашего спасения. Когда они увидят, что бесчисленные их козни не могут даже устрашить вас, то убедятся в своей собственной погибели. Когда гонители не преодолевают гонимых, строящие козни – тех, кому строят эти козни, властители – подвластных, то не явно ли для них бывает, что они сами гибнут, что они не имеют никакой силы, что (надежды) их тщетны, (усилия) их слабы? "**И сие от Бога, потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него**" (ст. 29). Здесь, все приписывая Богу, и страдание за Христа называя благодатно, дарованием и даром, он поучает их не думать о себе высоко. Итак, не стыдитесь дарования; оно гораздо чудеснее дара воскрешать мертвых и творить чудеса, потому что в последнем случае должник я, а в первом должником имею Христа. Потому вы, как имеющие дарование, не только не должны стыдиться, а, напротив, должны радоваться. Добродетели (апостол) называет дарованиями; впрочем не в таком смысле, как другие (дары): последние всецело от Бога, а первые и от нас. Но так как и здесь более действует Бог, то (апостол) говорит, что все – Его, не отвергая этим свободной воли, а располагая к смиренномудрию и благодарности. "**Таким же подвигом, какой вы видели во мне и ныне слышите о мне**" (ст. 30), – т. е. вы имеете и пример. Здесь теперь хвалить их.

Именно – показывает, что они везде подвизаются в том же (в чем и он), и в одинаковой борьбе, хотя отдельно и сами по себе, потому что переносят вместе с ним искушения. Не сказал: слышали, но – "**видели**", потому что он подвизался и в Филиппах. Подлинно это великая добродетель. Потому он и в послании к галатам говорил: "**Столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы!**" (Гал. 3:4); и в послании к Евреям писал: "**Вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий, то сами среди поношений и скорбей служа зрелищем для других, то принимая участие в других, находившихся в таком же состоянии**" (Евр. 10:32); и к македонянам, т. е. к Фессалоникийцам писал: "**Ибо сами они сказывают о нас, какой вход имели мы к вам**" (1 Фес. 1:9); и еще: "**Вы сами знаете, братия, о нашем входе к вам, что он был не бездейственный**" (2:1). И для всех равно одобряет одно и то же – подвиги и страдания. А теперь у нас не найдете этого, – теперь и то хорошо, если кто переносить какой-нибудь убыток в имуществе. (Современникам же своим апостол) и по отношению к имуществу приписывает великую похвалу. Одним говорит: "**Расхищение имения вашего приняли с радостью**" (Евр. 10:34); другим пишет: "**Ибо Македония и Ахаия усердствуют некоторым подаянием для бедных**" (Рим. 15:26); а третьим: "**И ревность ваша поощрила многих**" (2 Кор. 9:2).

4. Видишь ли, как (апостол) хвалить мужей того времени? А мы не терпим ни заушений, ни удара какого-нибудь; даже не переносим ни оскорбления, ни лишения в имуществе. Они сверх того были ревнители, и все подвизались до мученичества; а в нас охладела любовь ко Христу. Опять вынужден я обличать настоящие дела. Что делать? Не хотел бы, но вынужден. Если бы возможно было умолчать и, не сказав ничего о прежде бывшем, молчанием устранить настоящее, то следовало бы смолчать. Но так как напротив бывает, – при нашем молчании но только но устраняется, по делается ото тягостнее, – то необходимо говорит. Обличающий грешников, если и ничего другого не делает, по крайней мере не попускает им идти далее. Ведь нет ни одной души настолько бесстыдной и ожесточенной, чтобы, будучи непрестанно обличаема, она не устыдилась и не отстала бы от великого нечестия: есть, подлинно есть и в бесстыдных людях немножко стыда, потому что стыдливость Бог вложил в природу нашу. Так как не довольно было одного страха для того, чтобы удержать нас в порядке, то (Бог) уготовил и другие средства для отклонения нас от грехов, как-то: обличение со стороны людей, страх постановленных законов, любовь к славе, воздействие дружбы. Все это – средства для отклонения от грехов. Часто бывает, что чего не делают для Бога, то самое делают от стыда; чего не делают для Бога, то делают по страху человеческому. Сперва надобно научиться не грешить; а потом достигнем наконец и того, что не будем грешить для Бога. И действительно, почему Павел к торжеству над врагами побуждает не страхом Божьим, а ожиданием отмщения: "**Ибо, делая сие**", – говорит, – "**ты соберешь ему на голову горящие уголья**" (Рим. 12:20)? Между прочим и потому, что желает преуспеяния в добродетели. Итак, есть в нас, как я сказал, некоторая стыдливость. Впрочем много мы имеем и естественных расположений к добродетели, напр., все мы, люди, природой побуждаемся к милосердию, и нет в природе нашей другого настолько доброго свойства, как это. После этого иной, может быть, спросить: для чего особенно вложено в природу нашу трогаться, разумею, при виде слез, преклоняться и быть готовыми к милости? Никто по природе не ленив, никто по природе не тщеславен, никто по природе чужд зависти. Но милосердие вложено природой во всех, даже в грубых и жестоких. И что удивительного, если мы оказываем (милосердие) людям? Мы и зверей милуем. В таком избытке вложено в нас милосердие! И если при виде львенка мы несколько трогаемся, то гораздо более при виде однородного (с нами). Посмотри, какие калеки! – так часто мы говорим, зная, что и этого довольно для возбуждения в нас милосердия.

Ничто столько не приятно Богу, как милостыня. Вот почему и священники, и цари, и пророки были помазываемы елеем: елей принимали они, как символ человеколюбия Божья. Сверх того (таким помазанием) давалось им разуметь, что в начальнике должно быть более милосердия; это показывало, что и Дух нисходит на человека для милосердия же, так как Бог милует людей и поступает человеколюбиво: "**Ты всех милуешь**", – сказано, – "**потому что все можешь**" (Прем. 11:24). Вот для чего они помазывались елеем! Ведь и священство учреждено по милосердию, и цари помазывались елеем. И если бы кто вздумал похвалить начальника, то всего лучше похвалить, когда скажет, что он милостив: милость есть существенное свойство власти. Припомни, что и мир сотворен по милости, и подражай Владыке. "**Милость человека – к ближнему его, а милость Господа – на всякую плоть**" (Сир. 18:12). Как – "**на всякую плоть**"? О грешниках ли станешь говорит, о праведниках ли, – все нуждаемся в милости Божьей, все пользуемся ею, даже сам Павел, и Петр, и Иоанн. Послушай, что они сами говорит, и наши слова будут излишни. Что же говорит блаженный (Павел)? "**Помилован потому, что так поступал по неведению**" (1 Тим. 1:13). Итак что же? После того разве не имел он нужды в милости? Выслушай, что он говорит в другом месте: "**Но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божья, которая со мною**" (1 Кор. 15:10); и об Епафродите говорит: "**Ибо он был болен при смерти; но Бог помиловал его, и не его только, но и меня, чтобы не прибавилась мне печаль к печали**" (Фил. 2:27); и еще: "**Потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых. Но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых, Который и избавил нас от столь близкой смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит**" (2 Кор. 1:8–10); и еще: "**И я избавился из львиных челюстей. И избавит меня Господь**" (2 Тим. 4:17). И везде найдем – хвалится тем, что спасен по милости.

5. И Петр был таковым потому, что был помилован. Послушай, что говорит ему Христос: "**Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя**" (Лк. 32:31). И Иоанн таков был по милости; и вообще все апостолы. Послушай, как Христос намекает на это, говоря: "**Не вы Меня избрали, а Я вас избрал**" (Иоан. 15:16). Так, мы все имеем нужду в милости Божьей: "**Ибо милость Божья**", – сказано, – "**на всякую плоть**". Но если эти (мужи) имели нужду в милости Божьей, то что сказать о прочих? Почему, скажи мне, "**Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми**" (Мф. 5:45)? Что, если бы Он в продолжение только года удержал дождь, – не погубил ли бы всех? Что, если бы произвел наводнение? Что, если бы одождил огонь? Что, если бы послал мух? Но что я говорю? Если бы Он произвел, мглу, как некогда, – не погубил ли бы всех? Если бы потряс землю, – не все ли бы погибли? Теперь прилично сказать: "**то что есть человек, что Ты помнишь его**" (Пс. 8:5)? Если Бог только погрозить земле, то все сделаются одним гробом. "**Вот народы – как капля из ведра**", говорит (Исая), "**и считаются как пылинка на весах**" (Ис. 40:15). Как для нас легко наклонить весы, так для Него погубить все, и вновь сотворить. Потому Тот, Кто иметь такую власть над нами, видит, что мы ежедневно грешим, и не наказывает, – не по милости ли терпит? И скоты существуют и сохраняются по милости же: "**Человеков**", – сказано, – "**и скотов хранишь Ты, Господи!**" (Пс. 35:7). Он призрел на землю, и наполнил ее животным. Для чего? Для тебя. А тебя для чего сотворил? Не для благотворения ли? Ничего нет превосходнее милости. Она есть виновница света и там (на небе), и здесь (на земле). "**Напитаешь душу страдальца**", – говорит пророк, – "**тогда свет твой взойдет во тьме**" (Ис. 58:10). И в самом деле. Как елей дает свет плавающим по морю, так милостыня дает нам великий и чудный свет там. Об этом елее много сказано у Павла. Послушай, как он в одном месте говорит: "**Только чтобы мы помнили нищих**" (Гал. 2:10); в другом: "**А если прилично будет и мне отправиться**" (1 Кор. 16:4). И везде, так или иначе, увидишь его заботливость об этом. Так он говорит: "**Пусть и наши учатся**

упражняться в добрых делах" (Тит. 3:14); еще: "**Это хорошо и полезно человекам**" (ст. 8). Послушай, как и еще некто говорит: "**Милостыня избавляет от смерти**" (Тов. 4:11). Другой говорит: *если милость отнимешь, и если войдешь в суд с рабом Твоим, Господи, Господи, кто устоит* (Пс. 142:2; 129:3). Еще иной говорит: "**Многие хвалят человека за милосердие**" (Прич. 20:6). Милостивый-то и есть человек; или лучше – миловать значит быть Богом. Видишь, какая сила милости Божьей? Она произвела все, она создала мир, она сотворила ангелов, единственно по благости. И геенной угрожает Бог для того, чтобы нам получить царство (небесное); а царство получаем мы по милости. Для чего, скажи, Бог, будучи един, сотворил так много (существ)? Не по благости ли? Не по человеколюбию ли? Если ты будешь спрашивать, почему то, почему другое, – везде найдешь (что причина) благость. Итак, будем милостивы к ближним, чтобы нам и самим быть помилованными. Не столько для них, сколько для самих себя мы собираем этот елей на будущий день. Когда будет сильный пламень огненный, то этот елей[1] угасить огонь и будет для нас виною света. Таким образом через нее (милость) мы избавимся от огня геенского. В противном случай за что умилосердится и помилует нас (Бог)? Милосердие происходит от любви. И ничто так не раздражает Бога, как немилость. Приведен был к Нему некто должный тысячам и талантов, и Он умилосердившись отпустил (ему долг). Но когда он начал душить подобного себе раба, который должен был ему сто динариев, то за это Господь "**отдал его истязателям**" (Мф. 18), пока не отдает долга. Слыша это, будем милостивы к тем, которые должны нам деньгами, грехами; никто не будь злопамятен, если не хочешь обидеть себя самого. Не прощая другому, ты не столько его огорчаешь, сколько себя обижаешь. Когда ты мстишь ему, то не мстит ему Бог. Когда же ты прощаешь, то Бот или мстит ему, или твои грехи прощает. А не прощая ближнему, как ты ищешь царствия? Итак, чтобы нам не пострадать, будем прощать всем; через это и сами получим прощение; будем прощать, чтобы и Бог простил нам грехи наши, и, таким образом, чтобы мы достигли будущих благ (благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

---

[1] Слова έλαιον елей и έλεον милость св. Златоуст употребляет как тожественные.

БЕСЕДА 5

"Итак, если есть какое утешение во Христе, если есть какая отрада любви, если есть какое общение духа, если есть какое милосердие и сострадательность, то дополните мою радость: имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единодушны и единомысленны; ничего не делайте по любопрению или по тщеславию, но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя. Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других" (Фил. 2:1–4).

1. Нет ничего добре, ничего любвеобильнее духовного учителя: в благожелании он превосходить всякого естественного отца. Посмотри, наприм., как этот блаженный умоляет Филиппийцев о полезном для них. Что именно говорит он, убеждая их к единомыслию, причин всех благ? Вот, как внушительно, как убедительно, с каким сильным чувством говорит он: "**Итак, если есть какое утешение во Христе**", т. е. – если вы имеете какое-либо утешение во Христе. Как бы так сказал: если ты сколько-нибудь внимателен ко мне, если ты заботишься обо мне, если ты когда-либо получил от меня какое-нибудь благодеяние, то сделай это. Такой образ речи мы употребляем тогда, когда просим о таком предмете, который предпочитаем всему. Если чего не предпочитаем всему, того не захотим получить взамен всего, и не скажем, что через то все сделано. Мы

(в подобном случае) приводим на память плотские права. Наприм., отец сказал бы сыну: если ты имеешь какое-либо уважение к отцу, если сколько-нибудь помнишь воспитание, если сколько-нибудь любишь меня, если сколько-нибудь дорожишь честью, полученною от меня, если сколько-нибудь расположен ко мне, – то не будь врагом брату, т. е., в воздаяние за все прошу только этого. А Павел говорит иначе: он не упоминает ни о чем плотском, но все о духовном. Смысл его слов такой: если хотите доставить мне какую-либо отраду в искушениях и ободрение во Христе, какое-либо утешение любви, показать какое-либо общение в духе, если имеете какое-либо милосердие и сострадательность в сердце, – то "**дополните мою радость, если есть какое милосердие и сострадательность**". Щедротами Павел называет единомыслие своих учеников, показывая этим крайнюю опасность в том случае, когда они не будут единомысленны. Если мне, говорит, можно получить от вас утешете, если можно получить какую-нибудь отраду от вашей любви, если можно иметь общение с вами в духе, и общение с вами в Господ, если можно надеяться от вас на милосердие и сострадание, – то воздайте за все это любовью. Все это я получил, если вы любите друг друга. "**дополните мою радость**". Смотри: чтобы не показалось, что он убеждает их, как не исполняющих своего долга, для этого не говорит: сделайте для меня, но – "**дополните**", т. е.: вы начали насаждать во мне, уже успокоили меня, но я желаю достигнуть конца. Чего же ты желаешь, скажи мне? Того ли, чтобы мы избавили тебя от опасностей, чтобы снабдили тебя чем-нибудь? Ничего такого, говорит он, но "**имейте одни мысли, имейте ту же любовь**", с какой вы начали, "**единодушны и единомысленны**". О, как часто от великого расположения повторяет (Павел) одно и то же! "**имейте одни мысли**", – говорит, или лучше – да одно и то же мыслите. Это он и объясняет далее словом – "**единомысленны**", которое сильнее слова – "**имейте одни мысли**". "**Имейте ту же любовь**", т. е. не просто в вере только, но и во всем прочем, потому что можно мыслить одно и то же, и не иметь любви. "имейте ту же любовь", т. е. любите столько же, сколько вас любят. Когда пользуешься от других великой любовью, то и сам оказывай другим не меньшую, чтобы и в этом не быть тебе своекорыстным. Пусть некоторые допускают это, а ты не допускай. "единодушны", говорит, т. е., пусть во всех телах будет одна душа, не в отношении существа, – это невозможно, – но в отношении желания и мысли; пусть все происходить как бы от одной души. Что значит – "**единодушны**"? (Апостол) изъясняет это словом – "**единомысленны**": пусть будет (у всех) одна мысль, как у одной души. "**Ничего не делайте по любопрению**". Апостол внушает затем и излагает способ, как этого достигнуть. "**Ничего не делайте по любопрению или по тщеславию**". Вот что, как я всегда говорю, составляет причину всех зол; вот откуда брани и ссоры, откуда клеветы и препирательства, откуда охлаждение любви, – когда мы пристрастимся к славе человеческой, когда сделаемся рабами чести, воздаваемой толпой. Раб славы не может быть истинным рабом Божьим. Итак, скажут, как же можем мы избегнуть тщеславия? Ты еще нам не показал пути. Слушай следующее: "**но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя**". О, какое предложил он правило, исполненное всякого любомудрия, и какое руководство для нашего спасения! Если ты предполагаешь, говорит, что другой лучше тебя и уверишься в том; а еще более, если не на словах только, но и совершенно убежден в том, и честь ему воздаешь, – то не будешь чувствовать неудовольствия, видя, что другой почитает того, кому ты воздаешь честь. Итак, почитай другого не просто лучшим себя, но и высшим, – что означает великое превосходство, – и для тебя не будет ни странно, ни больно видеть (другого) почитаемым; даже, если он и обидит тебя, ты перенесешь великодушно, потому что ты признал его лучшим себя; бранить ли тебя он станет, – снесешь; зло ли какое причинить, – стерпишь молча. Когда ты однажды в душ своей совершенно убедился, что он лучше тебя, то не будешь гневаться, какое бы зло ни сделал он тебе, не будешь и завидовать ему. Тем. которые гораздо выше, никто не завидует, потому что каждый думает, что высшим все принадлежит.

2. Здесь (апостол) поучает держаться такого расположения духа. Если же, говорит он, и другой, получивший от тебя такую честь, будет в подобном же расположении к тебе, то представь, какая это будет двойная стена благодушия. Пока ты считаешь другого достойным почтения, равно и он тебя, до тех пор не произойдет ничего неприятного. Если такое поведение со стороны одного достаточно, чтобы уничтожить всякую раздражительность, то при взаимном кто разрушить такую твердыню? Ни сам далее дьявол, потому что составится тройное укрепление, четверное, и больше. Смиренномудрие есть причина всего доброго. А чтобы понять это, выслушай слова пророка: "**ибо жертвы Ты не желаешь, – я дал бы ее; к всесожжению не благоволишь. Жертва Богу – дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже**" (Пс. 50:18,19). Бог требует не просто смиренномудрия, но стремления к смиренномудрию. Как в телах разбитое никогда не может противостоять твердому, но при всяком сотрясении само разрушается прежде, нежели столкнется с другим, так и в душе: угнетаемая постоянно несчастьем, она решится лучше умереть, нежели нападать и защищаться. Доколь мы будем надмеваться гордостью, достойной посмеяния? Мы смеемся, когда видим, что дети вытягиваются и поступают величаво; смеемся, когда они то берут камень, то опять бросают. Так и глупая гордость человеческая есть плод детского размышления и несовершенного ума. "**Что гордится земля и пепел?**" (Сир. 10:9)? Человек, ты высокоумствуешь? Для чего? Какая прибыль тебе, скажи мне? Отчего ты высокоумствуешь пред теми, которые одного с тобою рода? Разве ты не того же естества? Разве в тебе не такая же душа? Разве не в равной мере ты почтен от Бога? Но ты мудр? Следовательно, должен благодарить, а не надмеваться. Первая черта неблагодарности – это гордость, потому что благодеяния она не почитает за дар. Надменный потому и надмевается, что почитает себя совершенным. А почитающий себя совершенным, неблагодарен к Даровавшему честь. Имеешь ли ты что доброе? Благодари Давшего. Послушай, что говорит Иосиф, и что Даниил. Когда царь египетский призвал (Иосифа) из темницы, и пред всем собранием спрашивал его о деле, от которого отступились все египтяне, наиболее в нем искусные, – тогда он мог бы всячески вознестись и выказать себя мудрее звездочетов, прорицателей, чародеев, волхвов и всех философов того времени, хотя был невольником, в плену и рабстве (и в этом случае слава его была бы еще больше, потому что не все равно – прославиться ли будучи уже известным, или неожиданно, – неожиданность сделала бы его более достойным удивления). однако ж что он сказал, представши пред фараоном? Да, я это знаю? нет, не то, – а что же? Не будучи никем обличаем, по великой кротости, что говорит он? "**Не от Бога ли истолкования?**" (Бт. 40:8)? Смотри: сначала он прославил Владыку; за то и сам был прославлен. А это не маловажно в отношении к славе: гораздо важнее, когда Бог ее обнаружить, нежели когда сам себе ее усвоишь. С другой стороны, через это и слова его приобрели достоверность, и получено весьма сильное доказательство его близости к Богу. А нет ничего лучше, как быть близким к Богу. "Если оправдался делами", – сказано, – "имеет похвалу, но не пред Богом" (Рим. 4:2). Кто удостоился благодати, тот иметь похвалу у Бога, потому что (Бог) любит его, и прощает ему (грехи); а кто заслужил делами, тот тоже имеет похвалу, но не у Бога, как первый. Это – доказательство великой немощи вашей. И тот, кто получил мудрость от Бога, насколько большего достоин удивления! Он прославил Бога, и сам прославлен от Него: "**Ибо Я прославлю прославляющих Меня**" (1 Цар. 2:30), говорит (Бог). Также поступил потомок (Иосифа), мудрее которого никого не было, – так как сказано: "**Вот, ты премудрее Даниила**" (Иез. 28:3)? Этот-то Даниил, когда все мудрецы вавилонские, самые даже звездочеты, прорицатели, волхвы, чародеи, все философы были не только посрамлены, но и истреблены (а истребление их указывало на то, что и прежде они обманывали), – представши (пред царем) для разрешения вопроса, не хвалится, но наперед все приписываете Богу, и говорит: "**Царь! А мне тайна сия открыта не потому, чтобы я был мудрее всех живущих**" (Дан. 2:30). "**Тогда царь Навуходоносор пал на лице свое и поклонился Даниилу, и велел принести ему дары и благовонные**

курения" (ст. 46). Видишь ли смирение? Видишь ли признательность? Видишь ли нрав, чуждый гордости? Послушай еще апостолов. В одно время они говорят: "**Что смотрите на нас, как будто бы мы своей силою или благочестием сделали то, что он ходит?**" (Деян. 3:12)? В другое время: "**И мы – подобные вам человеки**" (14:15). Если же они так отвергали воздаваемые им почести, они – люди, которые смиренномудрием во Христе и Его силою сотворили большие дела, нежели Христос, как Он сам говорит: "**Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит**" (Иоан. 14:12), – то как не бедны, как не несчастны те, которые не могут прогнать и комаров, не только демонов, – те, которые не в силах принести пользы и одному человеку, не только целой вселенной, – и при этом столько мечтают, сколько не мечтает и сам дьявол?

3. Ничего нет более несвойственного христианской душе, как гордость, – говорю – гордость, а не дерзновение, не мужество, которые хотя близки между собою, однако ж ,не одно и то же, так что иное – смиренномудрие, а иное – низость, лесть и пресмыкательство. И если хотите, то я представлю вам на все примеры. Известно, что противоположные вещи существуют каким-то образом вместе, как-то: плевелы с пшеницей, терны с розами. Но легко обмануться могут дети; а мужи совершенные, опытные в духовном делании, умеют отличать истинно доброе от худого. Пожалуй, мы представим вам примеры того из Писаний. Что такое лесть, низость и пресмыкательство? Сива безвременно льстил Давиду, и оклеветал господина своего; еще более Ахитофел льстил Авессалому (2 Цар. 16). Но Давид был не таков, а смиренномудр. Льстецы бывают лукавы. Так, напр., волхвы некогда говорили: "**Царь! вовеки живи!**" (Дан. 2:4). О Павле же в Деяниях Апостольских найдем много такого, когда он, беседуя с иудеями, не льстил, но смиренномудрствовал, потому что умел говорит и с дерзновением. Так, он говорил: "**Мужи братия! не сделав ничего против народа или отеческих обычаев, я в узах из Иерусалима предан**" (Деян. 28:17). А что слова эти происходили от смиренномудрия, то слушай, как он упрекает их далее, говоря: "**Хорошо Дух Святой сказал: слухом услышите, и не уразумеете, и очами смотреть будете, и не увидите**" (ст. 26). Видишь ли мужество? Посмотри и на мужество Иоанна Крестителя, какое он показал пред Иродом, говоря: "**Не должно тебе иметь жену брата твоего**" (Мк. 6:18). Вот дерзновение, вот мужество! А слова Семея: "**Уходи, убийца**" (2 Цар. 16:7) – не то выражают, хотя и он говорит дерзновенно. Это не мужество, а дерзость, наглость и необузданность языка. Иезавель обругала Иуя, назвав его "**убийца государя своего**" (4 Цар. 9:31); но это дерзость, а не дерзновение. Укоризненно говорил и Илия, но то было дерзновение и мужество: "не я смущаю Израиля, а ты и дом отца твоего" (3 Цар. 18:18). Еще и пред целым народом Илия говорил дерзновенно: "**Долго ли вам хромать на оба колена?**" (ст. 21). Порицать таким образом, как делали пророки, есть дерзновение и мужество; а то была дерзость. Хочешь ли слышать и слова смиренномудрия и благородства? Послушай Павла, который говорит: "**Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или как судят другие люди; я и сам не сужу о себе. Ибо хотя я ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь**" (1 Кор. 4:3,4). Вот суждение, приличествующее христианину! И опять (апостол говорит): "**Как смеет кто у вас, имея дело с другим, судиться у нечестивых, а не у святых?**" (6:1). Хочешь ли видеть лесть безрассудных иудеев? Слушай, как говорит они: "**Нет у нас царя, кроме кесаря**" (Иоан. 19:15). Хочешь ли видеть смиренномудрие? Послушай еще Павла, который говорит: "**Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса**" (2 Кор. 4:5). Желаешь ли видеть лесть и дерзость: дерзость Навала, а лесть Зифеев? Как тот поносил Давида, а эти умышленно предали его? Желаешь ли видеть любомудрие Давида, а не льстивость? Как он захватил Саула, и пощадил его? Желаешь ли видеть лесть убийц Мемфивосфея, которых Давид предал смерти? Просто, вообще и кратко сказать, дерзость – это когда кто-нибудь гневается и ругает другого без всякой причины, или мстя за себя, или чрезмерно раздражаясь; дерзновение же и мужество – когда кто отваживается на опасности и смерть, презирает и дружбу и вражду

для угождения Богу. Лесть и низость – это когда кто служит другим не ради необходимого чего-либо, но чтобы уловить что-нибудь житейское; а смиренномудрие – когда кто делает это для угождения Богу и уничижается, чтобы совершить что-либо великое и достойное похвалы. Блаженны мы, если знаем это и если делаем, потому что не достаточно знать: "**Не слушатели закона**", – сказано, – "**но исполнители закона оправданы будут**" (Рим. 2:13); даже более того, знание без деятельности и добродетелей подвергает осуждению. Итак, будем деятельны, чтобы избежать осуждения, и получить обещанные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа (с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки Аминь).

БЕСЕДА 6

"Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божьим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной" (Фил. 2:5–8).

1. Господь наш Иисус Христос, побуждая учеников Своих к великим подвигам, представляет в пример то Себя самого, то Отца Своего, то пророков. Так, Он говорит: "**Так гнали и пророков, бывших прежде вас**" (Мф. 5:12); и опять: "Если **Меня гнали, будут гнать и вас**" (Иоан. 15:20); и еще: "**Научитесь от Меня, ибо Я кроток**" (Мф. 11:29); и еще: "**Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд**" (Лк. 6:36). То же делает и блаженный Павел. Побуждая (Филиппийцев) к смиренномудрию, он представляет в пример Христа, и не здесь только, но и когда беседует о нищелюбии. Так Он говорит: "**Ибо вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас**" (2 Кор. 8:9). Великую и любомудрую душу ничто столько не поощряет к добрым делам, как сознание, что она через это уподобляется Богу. И что может быть равносильно этому для побуждения? Ничто. Зная это, Павел, при убеждении (Филиппийцев) к смиренномудрию, сперва просил их и умолял, потом сказал внушительно: "**Вы стоите в одном духе**", сказал также: "**это для них есть предзнаменование погибели, а для вас – спасения**", наконец присовокупил: "**Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божьим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба**". Внемлите, прошу вас, и воспрянете. Как меч, отточенный с обеих сторон, куда бы ни был направлен, хотя бы на многочисленные ряды войска, легко посекает и истребляет их, потому что отовсюду остр, и ничто не может устоять против острия его, – точно таковы и изречения Духа. Этими изречениями Он низложил последователей Ария александрийского, и Павла самосатского, и Маркелла галатийского, и Савелия ливийского, и Маркиона понтийского, и Валентина, и Манеса, и Аполлинария лаодикийского, и Фотина, и Софрония, и вообще все ереси. Итак, ожидая видеть такое зрелище, и столько рядов, падающих от одного удара, воспрянете, чтобы вам не лишиться удовольствия от этого зрелища. Если во время состязания колесниц на конских ристалищах всего приятнее видеть, когда кто, ударивши, опрокинет совсем колесницы с возницами, и опрокинув многие четвероконные колесницы с стоящими на них возницами, один промчится от исходного столба до конечного, – многочисленные отовсюду рукоплескания и клики поднимаются к небу, а он, как бы окрыленный этой радостью и рукоплесканиями, стремится на конях через все поприще, – то не гораздо ли больше будет удовольствия здесь, когда мы, при благодати Божьей, опровергнем вдруг и одним разом все еретические системы и дьявольские ухищрения вместе с их возницами? И если угодно, сначала представим самые ереси по порядку.

В каком порядке хотите – по нечестию, или по времени? Но порядок по времени мы знаем, а порядок по нечестию понять трудно. Итак, пусть первый предстанет Савеллий ливийский. Что же он говорит? Что Отец, Сын и Святой Дух только имена, принадлежащие одному лицу. А Маркион понтийский говорит, что Бог, устроивший все, не благ; что не Он Отец благого Христа, но другой некто праведный, и что Сын не принял плоти ради нас. Маркелл же, Фотин и Софроний говорят, что Слово не есть существо ипостасное, а сила, и что эта сила обитала в одном из потомков Давидовых. Арий признает Сыном (Иисуса Христа), но только по имени, – говорит, что Он есть творение, и гораздо ниже Отца. Иные говорят, что Он (Иисус Христос) не иметь души. Видишь ли наставленные колесницы? Смотри же и падете их, – как поражающий ниспровергает все вместе, одним ударом, вдруг. Как же ниспровергает? "**Ибо в вас должны быть**", – говорит, – " **те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божьим, не почитал хищением быть равным Богу**". От этого пали и Павел самосатский, и Маркелл, и Савелий. "**Он, будучи образом Божьим**", – говорит (апостол). Если во образе, то как ты, нечестивец, говоришь, что Он получил начало от Марш, а до того времени не существовал? Опять, как ты говоришь, что Он был сила? Сказано: "**Он, будучи образом Божьим, принял образ раба**". Скажи мне: образ раба – сила ли раба, или естество раба? Конечно, скажешь, естество раба. Следовательно и образ Бога есть естество Божье, а не сила. Вот и Маркелл галатийский, и Софроний, и Фотин пали!

2. Вот и Савелий (опровергнуть). Сказано: "**Не почитал хищением быть равным Богу**". А об одном и том же лице не говорится, что оно равно самому себе: равное бывает равно чему-нибудь. Видишь ли ипостась двух лиц, а не имена только без предметов? Ты слышал о предвечном существовании Единородного? И это против них. Что же теперь скажем против Ария, который говорит, что Сын иметь другую сущность? Скажи мне, что значат слова: "**Приняв образ раба**"? Они значат, отвечаешь, что Он сделался человеком. Следовательно слова – "**будучи образом Божьим**" значат: был Бог. И там и здесь стоить одно и то же слово: "**образ**". Если истинно первое, то и последнее. Быть в образ раба значит быть человеком по естеству, и быть в образ Божьем значит быть Богом по естеству. И не только это доказывается (сказанным), но и равенство (с Богом), подобно тому, как и у Иоанна. и то, что Сын ничем не менее Отца: "**Не почитал хищением**", – говорит, – "**быть равным Богу**". Но каково мудрование еретиков? Они говорит, что (слова эти) выражают противное. Как бы так сказал (апостол): Он (Иисус Христос), будучи в образ Божьем, не восхитил того, чтобы быть равным Богу. Но если Он действительно был Бог, то как мог восхитить? И как можно было бы это понять? Кто скажет, что такой-то, будучи человеком, не восхитил того, чтобы быть человеком? Как похитить кому-нибудь то, чем он есть? Не то, говорят они. Но будучи меньшим Богом, Он не восхитил того, чтобы равняться Богу великому, большему. значит, есть малый и великий Бог? Так вы привносите к церковным догматам языческие? У язычников действительно есть великий и малый бог, у вас есть ли, не знаю. Но в Писаниях нигде не найдешь; великого найдешь везде, а малого нигде. И в самом деле, если он малый, то что он за Бог? Если нет человека малого, и человека великого, но одно естество, а что не одного и того же естества, то и не человек, – то как можно почесть Богом малым и великим того, кто не имеет Божеского естества? Кто мал, тот не Бог, потому что в Писании Бог везде называется великим: "**Велик Господь**", – говорит (Давид), – "**и всехвален**" (Пс. 47:1). То же и о Сын, – везде называет Его Господом. Еще: "**Велик Господь наш и велика крепость [Его], и разум Его неизмерим**" (Пс. 146:5). И еще: "**Велик Господь и достохвален, и величие Его неисследимо**" (144:3). Но говорят: это сказано об Отце, а Сын малый (Бог). Это ты так говоришь, а Писание напротив: оно говорит и о Сын так же, как об Отце. Слушай, что говорит Павел: "**Ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога**" (Тит. 2:13). Неужели об Отце сказал он: "**(ожидая) явления**"? А чтоб еще более обличить вас, он прибавил: "**Явления великого**

Бога". Об Отце ли сказано это? Никак. Этого не допускают прибавленные (апостолом) слова: "**И явления великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа**". Вот и Сын велик. Итак, почему ты говоришь о малом и великом? Знай, что и пророк называет Его "**Ангелом великого совета**". Ангел великого совета ужели не велик? "**Бог великий**" – ужели не велик, а мал? Как же после этого говорят бесстыдные и дерзкие, что Он малый Бог? Я часто повторяю слова их, чтобы вы более удалялись от нет. Будучи малым Богом. говорят, Он не восхитил того, чтоб быть (на равной степени) с великим. Что это, скажи мне? (Не думайте впрочем, что это наши слова). Если Сын, по их мнению, мал, и по сил гораздо ниже Отца, то как Он мог восхитить то, чтоб быть равным Богу? Будучи меньшим по естеству, Он не мог бы похитить великого естества. Например, человек не может похитить того, чтоб быть по природе равным ангелу; конь, хотя бы и захотел, не может похитить того, чтобы быть по природе равным человеку. Кроме этого и то еще скажу: чему Павел хочет научить этим примером? Без сомнения, скажешь, он хочет побудить филиппийцев к смиренномудрию. Итак, к чему бы он привел этот пример, скажи мне? Никто ведь, желая побудить к смиренно, не говорит так: будь смирен, и почитай себя меньшим против своих равночестных, потому что такой-то раб не противился господину своему. Итак, подражай ему. Да это же, сказал бы иной, не смирение, а гордость! Вы, имеющие дьявольскую гордость, научитесь, что такое смиренномудрие. Что же такое смиренномудрие? Смиренно думать о себе; а смиренно думает не тот, кто по необходимости уничижен, но кто сам себя уничижает. Я укажу пример, а вы послушайте. Когда кто-нибудь, имя возможность думать о себе высоко, думает смиренно, то он смиренномудр. Если же кто, не имел такой возможности, думает смиренно, тот, еще не смиренномудр. Например, если царь подчиняется эпарху, он смиренномудр, потому что нисходить с высоты; но когда эпарх это делает, он еще не смиренномудр. Почему? Потому что не сам себя низвел с высоты. Смиренномудрствовать может только имеющий власть. Если необходимость заставляет смириться против воли, то это – дело не ума и воли, а необходимости; смиренномудрие же потому так и называется, что оно есть усмирение мысли.

3. Скажи мне: если кто, не имя возможности разбогатеть (на счет других), остается при том, что приобрел, – похвалим ли его за справедливость? Никак. Почему же? Потому что необходимость отняла похвалу у его доброй воли. Скажи еще: если кто, не имея возможности владычествовать и царствовать, остается частным человеком, – похвалим ли его, как неискательного? Никак. Так точно и в этом случае. О, вы несмысленнейшие из всех! Хвалят не за воздержание только от этого, но за совершение добрых дел. Первое, хотя не заслуживает порицания, но не стоит и похвалы; а последнее достойно похвалы. Смотри, как и Христос в этом смысле хвалить, когда говорит: "**Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня**" (Мф. 25:34). Не сказал: за то, что вы не присвояли чужого, за то, что не похищали (это неважно); но – за то, что увидели Меня алчущим, и напитали. И кто стал бы хвалить таким образом друзей, или врагов? Никто – даже Павла. Но что я говорю – Павла? Даже и никакого другого человека не стал бы хвалить так, как ты хвалишь Христа, т. е., что Он не присвоил Себе ненадлежащей власти. Удивляться этому значит обнаруживать в себе большую порочность. Почему? Потому что такая похвала прилична порочным, например – вору, за то, что он уже не крадет. А в отношении к добрым не так: того еще не хвалят, кто не похитил непринадлежащей ему власти и чести. И как безумно это! Да и кто, – будьте, прошу вас, внимательны, хотя и длинно слово, – кто мог бы таким образом побудить к смирению? Примеры должны быть гораздо выше того предмета, к которому убеждаем, и едва ли кто убедится (примерами) отдаленными. Так, Христос, убеждая благотворить врагам, представил великий пример в Отце Своем: "**Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф. 5:45). А убеждая к долготерпению,

представил в пример самого Себя: "**Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем**" (Мф. 11:29); и еще: "**Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны**". Видишь ли, как примеры не бывают ниже? И они нисколько но должны быть ниже; так и мы делаем. А иначе пример здесь не был бы близок. Почему? Потому что если раб, то он и меньше, и подчинен большему. А это – не смиренномудрие. Нужно было напротив представить кого-либо большего повинующимся меньшему. Но так как (апостол) в Боге не нашел этого, т. е. большего и меньшего, то и представил равного. Если же Сын меньше (Отца), то побуждение к смиренномудрию недостаточно. Почему? Потому что это не смиренномудрие, когда меньший не восстает против большего, не восхищает власти, послушлив даже до смерти. Впрочем смотри, что говорит (апостол) и кроме примера: "**Но по смиренномудрию почитайте один другого высшим себя**" (ст. 3). говорит: "**почитайте**" (считая). Так как вы одно по существу, и по чести, от Бога полученной, то это дело предоставляется вашему рассуждению. А касательно отношения низших к высшим, он не говорит – "почитайте"; но: почитайте высших себя, как и в другом месте: "**Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны**" (Евр. 13:17). Там покорность – в природе вещей, а здесь она должна зависть от нашего рассуждения. "**По смиренномудрию**", – говорит, – "**почитайте один другого высшим себя**", как поступил и Христос. Таким образом, (мудрования еретиков) ниспровергнуты. Высказавши сначала кратко их мнения, остается затем сказать нам и свое, – именно: почему (Павел), убеждая к смиренномудрию, не представил меньшего покоряющимся большему. Если бы он убеждал рабов повиноваться господам, то это было бы кстати; а так как он убеждал свободных покоряться свободным, то к чему было представлять покорность раба господину, меньшего большему? Он не сказал: меньшие покоряйтесь большим; но: будучи равночестны между собою, покоряйтесь, "почитайте один другого высшим себя". Почему же он не привел в пример отношения жены (к мужу, не сказал): как жена покоряется мужу, так и вы покоряйтесь? Если же равного и свободного не привел он в пример, потому что здесь есть некоторая, хотя малая, подчиненность, то не тем ли более он не мог представить в пример отношений раба? Прежде я сказал, что никто таким образом не хвалить никого за воздержание от пороков, даже не упоминает о таком. Например, желающий похвалить целомудренного не скажет, что он не любодействовал, а скажет, что он воздерживался от собственной жены. И никогда мы не ставим (в похвалу) одного воздержания от пороков: это было бы смешно. Я сказал также, что образ раба есть истинный, и ничем не меньше: так и образ Бога есть совершенный, и ничем не меньше. Потому (апостол) не сказал: "**образом Божьим**" бывший, но – "**сущий**". Это выражение равносильно словам: "**Я есмь Сущий**" (Исх. 3:14). Образ, как образ, показывает совершенное сходство. Не может быть, чтобы кто-нибудь имел сущность одного, а образ другого. Например, ни один человек не имеет образа ангела, никакое бессловесное не имеет образа человека. Как же Сын?

4. Далее: так как мы сложны, то образ в нас относится к телу; в простом же и совершенно несложном он относится к сущности. Если же ты скажешь, что слово (θεός) без члена не означает Бога Отца, то можно указать много мест, где это слово употребляется без члена. И что я говорю – много месте? В этом же самом месте, где сказано: "не почитал хищением быть равным Богу", (апостол) сказал без члена, а между тем говорит о Боге Отце. Хотел бы я прибавить и свое; но боюсь обременить ваши умы. Помните хотя доселе вам сказанное в опровержение еретиков. Сперва исторгнем терпение; а по искоренении терпения, когда земля несколько отдохнет, посеем и доброе семя, чтобы она, очистившись таким образом от всего худого, была более способна к принятию Божественных семян. Возблагодарим Бога за сказанное; будем просить Его, чтобы Он помог нам соблюсти и сохранить это, чтобы и вы и мы возрадовались, а еретики постыдились. Будем молить Его, чтобы Он отверз нам уста и на последующее, чтобы нам с таким же тщанием предложить и свое. Будем умолять Его, чтобы Он даровал нам жизнь достойную веры, чтобы мы жили

во славу Его, и чтобы не хулилось через нас имя Его. "**Горе вам**", – сказано, – "**имя Мое бесславится**" (Ис. 52:5)! Если мы, имя сына, – а что для нас ближе сына? – итак, если, имея сына, мы отрицаемся от него, отвращаемся и не принимаем, когда подвергаемся поношению за него, то не более ли Бог отвратится и возненавидит безрассудных рабов, хулящих и оскорбляющих Его? А кого Бог возненавидит и отринет, кто того приметь? Никто, разве дьявол и демоны. А кого возьмут демоны, какую тот будет иметь надежду на спасение? Какое утешение в жизни? Доколь находимся в руке Божьей, никто не может похитить нас, потому что она крепка. Когда же ниспадем из руки Его и лишимся Его помощи, тогда мы погибли, доступны всем на расхищение, всем на попрание, "**как наклонившаяся стена, как ограда пошатнувшаяся**" (Пс. 61:4). Когда стена слаба, тогда легко всякому разрушить ее. Не думайте, что об Иерусалиме только говорится то, что я намерен сказать; но и о всяком человеке. Что же сказано об Иерусалиме? "**Воспою Возлюбленному моему песнь Возлюбленного моего о винограднике Его. У Возлюбленного моего был виноградник на вершине утучненной горы, и Он обнес его оградою, и очистил его от камней, и насадил в нем отборные виноградные лозы, и построил башню посреди его, и выкопал в нем точило, и ожидал, что он принесет добрые грозды, а он принес дикие ягоды. И ныне, жители Иерусалима и мужи Иуды, рассудите Меня с виноградником Моим. Что еще надлежало бы сделать для винограднika Моего, чего Я не сделал ему? Почему, когда Я ожидал, что он принесет добрые грозды, он принес дикие ягоды? Итак Я скажу вам, что сделаю с виноградником Моим: отниму у него ограду, и будет он опустошаем; разрушу стены его, и будет попираем, и оставлю его в запустении: не будут ни обрезывать, ни вскапывать его, – и зарастет он тернами и волчцами, и повелю облакам не проливать на него дождя. Виноградник Господа Саваофа есть дом Израилев, и мужи Иуды – любимое насаждение Его. И ждал Он правосудия, но вот – кровопролитие; ждал правды, и вот – вопль**" (Ис. 5:1–7). Это относится и к каждой душе. Когда человеколюбивый Бог сделает все нужное, а она вместо винограда произведет терние, то Он отнимает ограду и разрушает стену, и мы предаемся на расхищение. Послушай, как еще другой пророк с плачем говорил: "**Для чего разрушил Ты ограды ее, так что обрывают ее все, проходящие по пути? Лесной вепрь подрывает ее, и полевой зверь объедает ее**" (Пс. 79:13,14). Там говорится о мидянах и вавилонянах, а здесь сказанного нельзя отнести к ним: вепрь и уединенный – это дьявол и вся его сила. (Пророк) назвал его уединенным, чтобы изобразить его лютость и нечистоту. А выражая его хищность, Писание говорит: "**Как рыкающий лев, ища, кого поглотить**" (1 Петр. 5:8). Когда же показывает его ядовитость, смертоносность и губительность, то называет его змием и скорпионом: "**Наступайте**", – говорит, – "**на змей и скорпионов и на всю силу вражью**". Наконец, когда выражает силу и вместе ядовитость, то называет его драконом, говоря: "**этот змей которого Ты создал, чтобы унизить его**" (Пс. 103:26). И драконом, змием извивающимся, и аспидом называет его (Писание) везде, – потому что зверь этот хитер, разноцветен, и имеет большую силу; он все приводить в движете, все возмущает, все извращает. Впрочем не бойтесь и не ужасайтесь; бодрствуйте только, – и он будет как воробей: "**Наступайте**", – сказано, – "**на змей и скорпионов**". Бог сделает его попранием ног наших, только бы мы захотели.

5. Итак, смотри, как смешно, как тягостно видеть, что тот, кто дан нам на попрание, становится выше головы нашей? Как же бывает это? От нас самих (зависит): если мы хотим, то он бывает велик, и если хотим, бывает мал. Если мы внимательны к себе, и находимся вместе с Царем нашим, то он умаляется, и в борьбе с нами бывает не сильнее малого дитяти; а когда мы отдаляемся (от Царя своего), тогда (дьявол) весьма надмевается, рыкает и скрежещет зубами, заметив, что мы лишились великой помощи, так как он не приближается, доколь не допустить Бог. Если дьявол не осмелился без позволения Божья войти в стадо свиное, то тем более в души человеческие. Попускает же

Бог или для вразумления, или для наказания, или для большего испытания, как было с Иовом. Помнишь ли ты, что дьявол не приступал к нему, даже не смел приблизиться, но боялся и трепетал его? Но что я говорю об Иов? И к ииуд приступая, дьявол не смел совершенно овладеть им и войти в него, доколь Христос не отлучил его от священного лика. До того времени он подходил к нему от вне, а внутрь войти не смел. Когда же увидел, что он отлучен от священного стада, то напал на него лютее всякого волка, и до тех пор не отстал, пока не умертвил его сугубой смертью. Это написано для нашего назидания. Какая однако ж прибыль знать, что один из двенадцати был предатель? Какая польза? Какая выгода? Великая. Узнав, отчего он пошел на такой пагубный совет, мы будем беречься этого, чтобы и с нами не случилось того же. Отчего же он пошел на это? От сребролюбия. Он был тать, и так упоен был этой отрастаю, что за тридцать серебренников продал Владыку вселенной. Что хуже такого безумия? Кому нет ничего равноценного, ничего равного, пред Кем "**Все народы пред Ним как ничто**" (Ис. 40:17), – Того продал он за тридцать серебренников. Тяжко господство сребролюбия; оно может довести душу до исступления. Не столько делается иной безумным от пьянства, сколько от сребролюбия; не столько от бешенства и сумасшествия, сколько от сребролюбия. За что ты продал, скажи мне? Незнатного и неизвестного – тебя Он призвал, и сделал одним из двенадцати, преподал тебе учение, обещал бесчисленные блага, дал силу творить чудеса, сделал общником Своей трапезы, путешествий, бесед, сожительства и всего, наравне с прочими (апостолами). Или это не могло удержать тебя? По какой же причин ты продал? Нечестивец, на что мог ты пожаловаться? Чем ты не был облагодетельствован? Он знал твою душу, однако ж не переставал сообщать тебе Свое. Многократно говорил: "**Один из вас предаст Меня**" (Мф. 26:21); многократно намекал, щадил тебя и, зная тебя таковым, не отлучал от лика; еще сносил, и как близкого и как одного из двенадцати, столько почитал, столько любил. Наконец, взяв полотенце Своими пречистыми руками умыл скверные ноги твои; но, – о, нечестие! – и это тебя не удержало. Ты утаивал доли нищих, – и это Он сносил, чтобы ты не впал в большее зло; но тебя ничто не убедило. Если бы ты был зверь, если бы камень, и тогда от таких благодеяний, от чудес, от учения не должно ли было тебе перемениться? Но тебя, сделавшегося таким зверем и ставшего бесчувственнее камня, Он все же призывал и утверждал чудесами. А ты и при всем том не сделался лучше. Конечно, вы удивляетесь такому безумию предателя. Страшитесь же в таком случае и его язвы: от сребролюбия, от пристрастия к деньгам он сделался таковым. Отсеки эту страсть; она рождает следующие болезни: делает нечестивыми, ведет к забвению Бога, несмотря на Его бесчисленные благодеяния. Отсеки, прошу; (эта страсть) не маловажна; она способна произвести тысячи гибельных смертей. Мы видели страсть (ииуды); убоимся, чтобы и нам самим не впасть в подобную же. Для того и написано об этом, чтобы мы не подверглись тому же. Для того все евангелисты повествуют об этом, чтобы сделать нас осторожными. Беги подальше; сребролюбие не в том только, чтобы любить множество денег, но и вообще в любви к деньгам. Желать более, чем нужно – великое сребролюбие. Разве таланты золота склонили предателя? Всего тридцать серебренников, за тридцать серебренников он продал Владыку. Помните ли сказанное мною пред этим, что корыстолюбие проявляется не только в принятии многого, но гораздо более в принятии малого? Вот какое беззаконие учинил иуда за малое количество золота, даже не за золото, а за серебренники! Нельзя, подлинно нельзя человеку сребролюбивому видеть когда-либо лице Христово; это одна из невозможностей. Сребролюбие есть корень зол. И если имеющий один порок лишается славы, то куда станет носящий в себе этот корень? Раб денег не может быть истинным рабом Христовым. Сам Христос открыл, что это – дело невозможное: "**Не можете**", – сказал Он, – "**служить Богу и мамоне**"; и еще: "**Никто не может служить двум господам**" (Мф. 6:24). Они повелевают противное: Христос говорит: щади бедных, а мамона внушает: отнимай и то, что они имеют; Христос говорит: истощай свое имение, а мамона внушает: бери и то, что у них есть.

6. Видишь ли ты противоположность? Видишь ли борьбу? Хотите ли, покажем, как нельзя повиноваться обоим, но одного должно презреть? Или не нужно говорит? Как? Не видим ли на деле, что Христа презирают, а мамону почитают? Замечаете ли вы, как даже слова эти противны? Не тем ли более дела? Но в действительности это не кажется нисколько противным, потому что нами обладает страсть. Душа, хотя немного освободившаяся от страсти, пока находится в таком состоянии, может судить правильно. Но, поддавшись опять страсти, будучи одержима горячкой, и услаждаясь предметом страсти, не может судить здраво, не может судить беспристрастно. Христос говорит: если кто "**не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником**" (Лк. 14:33); а мамона говорит: возьми хлеб у алчущего. Христос говорит: "**одень нагого**" (Ис. 58:7); а мамона говорит: раздашь нагого. Христос говорит: "**от единокровного твоего не укрывайся**" (Ис. 58:7); а мамона говорит: не жалей кровных своих, пренебреги даже матерью и отцом. И что я говорю – отцом и матерью? Самую душу твою и ту погуби. И однако ж (люди) повинуются. Увы, того, чьи повеления столь жестоки, грубы и зверски, слушают более, нежели Того, Чьи заповеди человеколюбивы и спасительны для нас. За то и геенна, за то огонь, за то река огненная, за то червь неумирающий. Знаю, что многие с неудовольствием слушают наши слова. Я и сам неохотно говорю это. Да и какая надобность говорит об этом? Я желал бы всегда беседовать с вами о царствии, о покое, о воде упокоения, о месте злачном: "**Он покоит меня**", – говорит (Давид), – "**на злачных пажитях и водит меня к водам тихим**" (Пс. 22:2). Я желал бы беседовать о том месте, где нет болезни, ни печали, ни воздыхания; желал бы поведать сладость общения со Христом. Хотя это превыше всякого слова и всякого ума, а все же, по силе возможности, я желал бы говорит об этом. Но что делать? Неприлично говорит о царстве с тем, кто страдает горячкой, и находится в худом состоянии. С ним прежде надобно поговорить о здоровье. Не кстати беседовать о чести с осужденным на казнь. Прежде нужно найти средство освободиться от суда, наказания и мучения. Если последнего не будет, как приступать к первому? Потому я и Говорю непрестанно о последнем, чтобы скорее достигнуть первого . И Бог для того угрожает геенной, чтобы никто не попал в геенну, чтобы все взошли в царство. И мы для того непрестанно напоминаем о геенне, чтобы подвигнуть вас к царству, чтобы, умягчивши страхом сердце ваше, расположить к делам достойным царства. Итак, не досадуйте на тяжесть слов; тяжесть слов облегчает души наши от грехов. И железо тяжело, и молот тяжел, но он выделывает полезные сосуды золотые и серебряные, а испорченные поправляет. Как (молот), если бы не был тяжел, не мог бы исправить испорченной вещи, так и наше тяжкое слово имеет силу устраивают душу. Итак, не будем бегать от тяжести слов, и от наносимых ими ударов. Не для того наносится удар, чтобы поразить и сокрушить душу, но чтобы исправить. По благодати Божьей мы знаем, как поражать, как наносить удар, чтобы не раздробить сосуда, но выгладить выправить, и сделать благопотребным для Владыки, – чтобы сообщить ему с блеском . крепость и прекрасный вид в тот день, когда явится река огненная, – чтобы представить его не имеющим нужды в том огне. А если мы не будем жечь вас здесь, то конечно необходимо будут жечь вас там, иначе и быть не может: "**Ибо день покажет, потому что в огне открывается**" (1 Кор. 3:13). Для вас лучше в продолжение краткого времени потерпеть жжете от наших слов, нежели вечно (страдать) от того пламени. А что так непременно будет, это ясно, и я многократно приводил вам на это неоспоримые доказательства. Надлежало бы только из Писания представить убеждения; но так как некоторые любят спорить, то мы многое опровергали умозаключениями. И теперь ничто не препятствует сказать в этом роде. Как же? Вот как: Бог правосуден; все это исповедуем – и эллины, и иудеи, и еретики, и христиане. Между тем многие грешники отходят отсюда, не будучи наказаны; и напротив, – многие добродетельные отходят, претерпевши бесчисленные бедствия. Итак, если Бог правосуден, то где Он воздаст последним награды, а первым наказания, если нет геенны и воскресения? Это доказательство всегда повторяйте и другим и себе самим, и оно не допустить вас усомниться в воскресении. А

кто верит воскресению, тот постарается жить с великим вниманием, чтобы получить вечные блага, которых все мы и да сподобимся благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 7

"Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божьим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца" (Фил. 2:5–11).

1. Нами изложены мнения еретиков; теперь время уже изложить и наше учение. Они говорят, что выражение: "**Не почитал хищением**" значит – восхитил. А мы показали, что это совершенно нелепо и неуместно, что таким образом никто не доказывает смиренномудрия, и не хвалить не только Бога, но и человека. Итак, что ж оно значит, возлюбленные? Внимайте настоящим словам. Так как многие люди полагают, что они, сделавшись смиренными, лишились бы собственного достоинства, умалились бы и унизились, то (апостол), устраняя этот страх, и показывая, что не должно так думать, говорит о Бог, что Бог, единородный Сын Отца, "**будучи образом Божьим**", имеющий нисколько не мене, чем Отец, равный Ему, "**не почитал хищением быть равным Богу**". А что это значит, послушай: если кто-либо восхитить что, и присвоить себе не по праву, то не решается оставить этого, боясь, чтобы не утратилось и не погибло, но удерживает это постоянно. Напротив, кто имеет естественное какое-либо достоинство, тот не боится стать и ниже этого достоинства, зная, что он ничего подобного не потерпит. Укажу пример: Авессалом восхитил власть, и потом не решился сложить ее с себя. Приведем и другой пример. А если примеры несильны объяснить всего, – вы не досадуйте на меня: таково уже свойство примеров, что большая часть оставляется уму для размышления. Восстал на царя и восхитил царство; он уже не решается оставить и скрыть этого дела, и если бы он хоть однажды скрыл его, – тотчас бы погубил. Обратимся еще к другому какому-либо примеру. Предположим, кто-нибудь похитил что-либо; он уже удерживает это постоянно, и как только выпустил из рук, тотчас и потерял. И вообще, завладевшие чем-либо через хищение, боятся оставить это и скрыть, боятся и на минуту расстаться с тем, чем завладели. Но не то бывает с теми, которые не через хищение чем-либо владеют. Например, человек имеет достоинство, состоящее в том, что он разумен. (Впрочем и) примера не нахожу, потому что у нас нет природной власти, ни одно из благ не зависит от природы нашей, а все они принадлежать естеству Божью. Итак, что же скажем? То, что Сын Божий не убоялся стать ниже Своего достоинства. Он не почитал Божество хищением, и не боялся, чтобы кто-нибудь отнял у Него естество или достоинство Его. Потому и отложил Его, будучи твердо уверен, что опять приметь Его; сокрыл его, не думая нисколько умалиться через это. Потому-то (апостол) не сказал: не восхитил, но: "**Не почитал хищением**", – т. е. имел власть не похищенную, но естественную, не данную, но постоянно и неотъемлемо Ему принадлежащую. Потому не отказывается принять вид даже телохранителя. Тирань боится на войн сложить порфиру, а царь делает это без всякого опасения. Почему? Потому что имеет власть не похищенную. Итак, Он не сложил ее, потому что не похитил; но сокрыл, потому что имел ее как естественную и навсегда неотъемлемую. (Достоинство) быть равным Богу у Него было не похищенное, но естественное; а потому и "**но уничижил Себя Самого**". Где говорящие, что Он покорился, что Он подчинился необходимости? (Апостол) говорит: "**но уничижил Себя**

Самого ,смирил Себя, быв послушным даже до смерти". Как умалил? "**Приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек**". Здесь слова: "**Но уничижил Себя Самого**" сказаны (апостолом) в соответствие словам: "**Почитайте один другого высшим себя**" (Фил. 2:3), – потому что если бы Он был подчинен, если бы не по собственному побуждению, и не сам по Себе решился умалить Себя, то это не было бы и делом смирения. Если Он не знал, что это должно было совершиться, то Он несовершен; если, не зная, ожидал времени повеления, то Он не знал времени; если же Он знал и то, что это должно было совершиться, и то, когда должно совершиться, то для чего стал в подчинены? Для того, скажут, чтобы показать превосходство Отца. Но это значит показать не превосходство Отца, а собственную ничтожность. И одно имя Отца не довольно ли показывает первенство Отца? А кроме этого все (что у Отца) то же есть и у Сына. Иначе говоря, одна эта честь не может перейти от Отца к Сыну; а кроме нее все у Отца с Сыном общее.

2. Здесь маркиониты, привязываясь к словам, говорят: Он по был человек, но "**сделавшись подобным человекам**". Как же можно быть в подобии человеческом? Облекшись тенью? Но это призрак, а не подобие человека. Подобием человека может быть другой человек. А что скажешь на слова Иоанна: "**И Слово стало плотью**" (Иоан. 1:14)? Да и этот самый блаженный в другом месте говорит: "**В подобии плоти греховной**" (Рим. 8:3). "**И по виду став как человек**". Вот, говорят: и "**по виду**", и: "**как человек**"; а быть как человек, и в образе человека, еще не значит быть в самом деле человеком, потому что быть человеком по образу не значит быть человеком по естеству. Видите ли, с какой добросовестностью я передаю слова врагов? Ведь блистательная и совершенная победа бывает та, когда мы не скрываем их мнений кажущихся сильными; скрывать – значит более обманывать, нежели побеждать. Итак, что они говорят? Повторим опять то же: по образу не значит по естеству, и быть "**как человек**", и "**подобным человекам**" не значит быть человеком. Следовательно, и зрак раба принять – не значит естество раба принять. Здесь возражение против тебя, – и почему бы не тебе первому разрешить его? Как то считаешь ты противоречием у нас, так и мы называем это противоречием у тебя. (Апостол) не сказал: как зрак раба, ни – в подобии зрака раба, ни – в образе зрака раба, но – "приняв образ раба". Что же это значит? И это противоречие, скажут. Противоречия нет никакого, а какое-то пустое и смешное с их стороны умствование. Говорят: Он принял образ раба, потому что, препоясавшись полотенцем, умыл ноги учеников. Это ли образ раба? Это не образ раба, а дело раба. Иное заниматься делом раба, а иное принять образ раба. Иначе – почему не сказано, что Он совершил дело раба, что было бы яснее? Да и нигде в Писании не употребляется (слово) "**образ**" вместо дела, потому что между ними большое различие: одно – принадлежность естества, а другое деятельности. И в обыкновенном разговоре мы никогда не употребляем образ вместо дела. Иначе говоря, Он, по их мнению, и дела не сделал, и не препоясывался. Если дело было мечта, то не было истиной; если Он не имел рук, то как умыл? Если не имел бедр, то как препоясался полотенцем? Да и какую "**одежду**" взял? А ведь сказано: "**Надел одежду Свою**" (Иоан. 13:12). Допустив, что здесь представляется не то, что на самом деле было, а призрак только, надобно допустить, что Он не умыл и ног ученикам. Если бесплотное естество не сделалось видимым, значит оно не было и в теле. Итак, кто ж умыл учеников? Что еще скажем против Павла самосатского? А что, спросите, он говорит? Он говорит то же: имеющему естество человеческое и настоящему человеку умыть подобных себе рабов – не есть умаление. То же самое, что мы сказали против, ариан, нужно сказать и против них. Все различие между ними состоит только в небольшом промежутке времени: и те и другие называют Сына Божья творением. Итак, что же скажем против них? Если человек умыл людей, то Он не умалил и не унизил Себя; если, будучи человеком Он не восхитил равенства с Богом, то в этом еще нет похвалы. Богу сделаться человеком – это великое, неизреченное и неизъяснимое смирение; а

человеку совершать дела человеческие – что за смирение? И где образ Божий называется делом Божьим? Если Он был простой человек и называется образом Божьим за Свои дела, то почему не говорим того же и о Петр, который сделал больше Его? Почему и о Павле не говоришь, что Он имел образ Божий? Почему Павел не представил в пример себя самого, хотя исполнял множество рабских деле, и ни от чего не отказывался, как сам говорит: "**Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы – рабы ваши для Иисуса**" (2 Кор. 4:5)? Смешно это и нелепо. "**уничижил Себя Самого**". Скажи, как Он "**уничижил**", и что это за умаление, и что за смирение? Тем ли (умалил), что творил чудеса? Но это делали и Павел и Петр, так что это не есть особенность Сына. Что же значат слова: "**сделавшись подобным человекам**"? То, что Он имел много нашего, а многого и не имел, – например: Он родился не от соития, Он греха не сотворил. А вот что имел Он, чего из людей никто не имеет. Он был не тем только, чем являлся, но и Богом. Он являлся человеком, но во многом не был подобен (нам), хотя по плоти и был подобен. Следовательно, Он не был простым человеком. Потому-то и сказано: "**сделавшись подобным человекам**". Мы – душа и тело; Он же – Бог, душа и тело. Поэтому сказано: "**сделавшись подобным**". И чтобы ты, услышавши, что Он "**уничижил Себя Самого**", не представил изменения, превращения и какого-либо уничтожения, для этого (Писание) говорит, что Он, пребывая тем, чем был, принял то, чем не был, и сделавшись плотью, пребыл Богом Словом.

3. Так как в этом отношении Он подобен человеку, то (апостол) и говорит: "**и по виду**", – чем выражает не то, будто природа изменилась, или произошло какое-либо смешение, но что Он по "**виду**" сталь (человеком). Сказавши: "**приняв образ раба**", он смело потом сказал и эти слова: "**и по виду став**", потому что они заграждают уста всем. Равно и словами: "**В подобии плоти греховной**" (Рим. 8:3) не то выражает, будто Он не имел плоти, но что плоть эта не грешила, между тем была подобна плоти греховной. Почему подобии? По естеству, а не по греховности, – потому и подобна душе грешника. Как там сказано – "**сделавшись подобным**", потому что не во всем равенство, так и здесь сказано – "**сделавшись подобным**", потому что не во всем равенство, как-то: Он родился не от соития, был без греха, не простой человек. И хорошо сказал (апостол): "**человекам**", потому что Он быль не один из многих, но как бы один из многих, – потому что Бог Слово не превратился в человека, и существо Его не изменилось, но Он явился как человек, но призрак нам представляя, но поучая смирению. Вот что выражает апостол словами – "человекам", хотя в другом месте и называет Его (прямо) человеком, говоря: "**Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус**" (1 Тим. 2:5). Вот мы сказали и против этих (еретиков); теперь нужно сказать также против тех, которые не признают, что (Христос) принял душу. Если образ Бога есть совершенный Бог, то и образ раба есть совершенный раб. Опять речь против ариан. "**Он, будучи образом Божьим**", – говорит (апостол), – "**не почитал хищением быть равным Богу**". Здесь, говоря о Божестве, не употребляет слов: стал (εγένετο), и: принял. "**уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам**". Здесь же говоря о человечестве, употребляет слова: принял, и: стал. В последнем случае – "**сделавшись, приняв**", в первом – "**будучи**". Итак, не будем ни смешивать, ни разделять (этих понятий). Един Бог, един Христос Сын Божий. А когда я говорю – един, то выражаю соединение, а не смешение, так как одно естество не превратилось в другое, но только соединилось с ним. "**Смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной**". Вот, говорят, был послушен, – значит не равен Тому, Кому послушен. О, несмысленные и неразумные! Это нисколько не делает Его меньше. И мы часто слушаемся своих друзей, но это нисколько не делает нас меньшими. Он, как Сын, покорясь Отцу добровольно, не ниспал в состояние раба, но этим самым – великим почтением к Отцу – особенно сохранил дивное сродство с Ним. Он почтил Отца не для того, чтобы ты Его бесчестил, но чтобы более изумлялся, и из этого, из того именно, что более всех почтил Отца, познал,

что Он есть истинный Сын. Никто таким образом не чтил Бога. Насколько Он был высок, настолько же смирил Себя. Так как Он больше всех, и нет никого Ему равного, то и почтением к Отцу превзошел всех, не по принуждению и не по неволе. И это есть дело Его доблести, или уж и не знаю, как сказать. О, и рабом стать – дело великое и весьма неизреченное, а подвергнуться смерти – еще гораздо большее! Но есть и другое нечто большее и удивительнейшее. Что же такое? То, что не всякая смерть была подобна (Его смерти), так как Его смерть считалась поноснейшей из всех, постыднейшей и проклятой: "**Проклят**", – сказано, – "**пред Богом [всякий] повешенный [на дереве]**" (Вт. 21:23). Для того-то иудеи и постарались умертвить Его такой смертью, и через то сделать презренным, чтобы самый род смерти отвратил всякого от Него, если бы (просто) смерть не отвратила никого. Для того-то и два разбойника были распяты с Ним, чтобы Он разделял с ними их бесчестие, и чтобы исполнилось сказанное: "**И к злодеям причтен был**" (Ис. 53:12). Но истина тем более просиявает, тем блистательнее становится. Когда столько было от врагов злоумышлений против Его славы, она тем не менее Сияет, и блеск ее даже гораздо больше проявляется. Не простым умерщвлением, но умерщвлением именно такого рода, они думали сделать Его отвратительным, представить Его отвратительнее всех; но ни мало не успели. Даже оба разбойника были настолько нечестивы (один из них обратился уже после), что и находясь на кресте, поносили Его. Ни сознание собственных преступлений, ни казнь, ни то, что они сами терпят то яге, не удержали их неистовства. Это один из них даже высказал другому, заградив уста его словами: "**Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же?**" (Лк. 23:40). Таково было их нечестие! Впрочем, это нисколько не повредило Его славе, – почему и говорит (апостол): "**Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени**".

4. Блаженный Павел когда коснулся плоти, то все уничижительное говорит уже безбоязненно. А доколь не сказал, что Он принял зрак раба, но говорил только о Божестве, смотри, как возвышенно (говорил)! Возвышенно, разумею – по силе: достоинства Его не выражает, потому что не может: "**Он, будучи образом Божьим**", – говорит, – "**не почитал хищением быть равным Богу**". Когда же сказал, что Он очеловечился, то безбоязненно уже говорит об уничижении, зная верно, что уничижительные выражения ни мало не унижают Божества, так как относятся к Его плоти. "**Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца**". Скажем против еретиков. Если это говорится не о воплотившемся, если о Боге Слове, то как "**превознес Его**"? Ужели давши что-либо большее? В таком случае Он был бы несовершен, и через нас сделался бы совершенным, а если бы Он не благодетельствовал нам, то по получил бы чести. "**И дал**", – говорит, – "**Ему имя**". Вот, по вашему, Он не имел даже и имени. Если же принял должное, то как признавать Его принявшим по благодати и дару даже "**имя выше всякого имени**"? Какое же имя, посмотрим. "**Дабы пред именем**" Иисуса Христа, – говорит, – "**преклонилось всякое колено**". Под именем сами они разумеют славу. Следовательно, эта слава выше всякой славы; слава же состоит в поклонении Ему. Далеки от величия Божья вы, думающие знать Бога, как Он знает сам Себя. И из этого уже видно, сколько далеки вы от (правого) понят о Боге, видно также и из следующего. Если (в поклонении) состоит слава Его, то скажи мне: прежде тем произошли люди, ангелы, архангелы, Он не был в славя? Если эта слава выше всякой славы, – а таково значение слов: "**выше всякого имени**", – если Он (до сотворения мира) хотя и был в славе, но в меньшей, нежели теперь, то значит все существующее Он сотворил для того, чтобы быть в славе, (сотворил) не по благости, но имея нужду в славе от нас. Видите ли неразумие? Видите ли нечестие? А когда (апостол) сказал это о воплотившемся, он имел для этого основание. Слово Божье позволяет говорит так о плоти, потому что все это не касается естества (Божья), но имеет отношение к домостроительству (воплощению). После того не остается никакого

прощения тем, которые злоумствуют, будто слова эти относятся к божеству. Потому, когда говорим: Бог сотворил человека бессмертным, я, хотя и о целом говорю, знаю, что говорю. Что же значит: "**Небесных, земных и преисподних**"? Т. е. весь мир, и ангелы, и люди, и демоны, и праведники, и грешники. "**И всякий язык исповедал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца**", т. е., чтобы все говорили это; а в этом состоит слава Отца. Видишь ли, что везде славится Отец, когда славится Сын? Так равно, когда Сын без честится, бесчестится и Отец. Если так бывает у нас, где между отцами и сыновьями много различия, то тем более у Бога, где нет никакого различия, честь и бесчестие переходят (от Сына на Отца). Если вселенная покорена Сыну, как сказано, то это слава Отца, – следовательно и в том слава Отца, когда мы говорим, что (Сын) совершен, ни в чем не имеет недостатка, что Он не меньше Отца. Это служить важным свидетельством и силы (Отца), и Его благости и премудрости, что Он родил такого Сына, Который нисколько не меньше ни по благости, ни по премудрости. Когда я говорю, что (Сын) премудр, как Отец, и ничем не меньше Его, то в этом свидетельство о великой премудрости Отца. Когда говорю, что Он всемогущ, как Отец, то в этом свидетельство о могуществе Отца. Когда говорю, что Он благ, как Отец, то в этом величайшее доказательство благости Отца, что Он родил такого Сына, Который ничем не меньше Его, и ни в чем не имеет недостатка. Когда говорю, что (родил Сына) не меньшего сущности, но равного, и не другой сущности, то и этим также восхваляю Бога и Его силу, и благость, и премудрость, что Он явил нам из Себя другого такого же, кроме того только, что Он не Отец. Таким образом все, что говорю великого о Сыне, переходить на Отца. И если это малое и ничтожное (а подлинно мало для славы Божьей, что Ему поклоняется вселенная) служить во славу Божью, то не гораздо ли более – все прочее?

5. Итак, будем веровать во славу Его и жить во славу Его. Одно без другого бесполезно, так что, если прославляем хорошо, а живем нехорошо, то весьма оскорбляем Его, потому что, признавая Его Владыкой и Учителем, презираем Его и не боимся страшного суда Его. Нечистая жизнь эллинов (язычников) ни мало неудивительна, и не заслуживает большего осуждения; но подобная нечистая жизнь христиан, участвующих в таковых таинствах, наслаждающихся такой славой, всего хуже и несноснее. Скажи мне: (Христос) быль послушлив до крайней степени повиновения, и за это получил высокую честь; Он сделался рабом, и за это Он Владыка всего, и ангелов и всех прочих. Потому и мы не должны думать, что становимся ниже своего достоинства, когда сами смиряемся. Тогда-то по всей справедливости мы и выше; тогда-то особенно и достойны почтения. А что высокий низок, смиренный же высок, – (в доказательство этого) достаточно и слов Христовых, выражающих это. Впрочем, исследуем самое дело. Что значит быть смиренным? Не то ли, что терпеть унижение, порицание и клеветы? А что значит быть высоким? Не то ли, что быть в почтении, в похвале, в славе? Хорошо. Посмотрим же, как это бывает. Сатана был ангел, и превознесся. Что же, не более ли всех унижен? Не землю ли имеет он своим жилищем? Не все ли порицают и хулят его? Павел, будучи человеком, уничижил себя. Что же, не почитают ли его? Не хвалят ли его? Не прославляют ли его? Не друг ли он Христов? Не совершил ли он дел больше тех, которые Христос сотворил? Не повелевал ли он часто дьяволу, как невольнику? Не оглашал ли его, как палача? Не смялся ли над ним? Не попирал ли головы его своими ногами? Не молился ли об этом с великим дерзновением и для других? Что об этом говорит? Вознесся Авессалом, смирился Давид: кто же из них стал высок, кто славен? Что, в самом деле, могло быть смиреннее слов, которые блаженный этот пророк произнес касательно Семея: "**оставьте его, пусть злословит, ибо Господь повелел ему**" (2 Цар. 16:11)? Если угодно, исследуем также и самые дела. Смирился мытарь; хотя поступок этот и не был смиренномудрием, но как-то кротки сказанные им слова. Вознесся фарисей. Но, пожалуй, оставим лица, исследуем дела. Пусть предстанут двое какие-нибудь, оба и богатые, и имеющие великую честь, и гордящиеся мудростью, властью и другими мирскими преимуществами. И пусть один из

них ищет от всех почестей, и, не получая их, гневается, требует сверх должного и возносится. А другой пусть пренебрегает этим, ни на кого не досадует за то, даже и воздаваемую честь отвергает Кто же из них больше – не получающий и ищущий, или же пренебрегающий и тем, что дают? Ясно, что последний. И справедливо. Ведь не иначе можно получить славу, как избегая славы: доколь мы гоняемся за нею, она убегает от нас; а когда бегаем от нее, она преследует нас. Если хочешь быть славен, не желай славы; если хочешь быть высок, не будь высок. Но есть и другая причина, почему чуждающегося чести все почитают, а ищущего ее презирают, – именно та, что род человеческий по природе как-то любить спорить и противодействовать. Итак, будем пренебрегать славой: таким образом сможем сделаться смиренными, или лучше, высокими. Чтобы быть вознесенным от другого, не возноси сам себя. Кто сам себя возносить, того не возносят другие; а кто уничижает сам себя, того другие не уничижают. Гордость – великое зло. Лучше быть глупым, нежели гордым; у первого обнаруживается лишь глупость, как недостаток ума, а у последнего хуже – глупость вместе с неистовством. Глупый – зло для самого себя; а гордый и для других язва. Гордость рождается от глупости; нельзя быть высокоумным, не будучи глупым; кто слишком глуп, тот и горд. Послушай, что говорит один мудрец: "**Видал ли ты человека, мудрого в глазах его? На глупого больше надежды, нежели на него**" (Прич. 26:12). Видишь ли, не напрасно я сказал, что это зло хуже глупости? "**На глупого**", – сказано, – "**больше надежды, нежели на него**". Потому и Павел говорит: "**Не мечтайте о себе**" (Рим. 12:16). В телах, скажи мне, какие (части) мы называем здоровыми? Те ли, которые слишком вздулись и очень наполнены воздухом и водой, или ровные и имеющие умеренную величину? Очевидно, что последние. Так и душа надменная имеет болезнь хуже водянки, а смиренная свободна от всякого недуга. А сколько доброго рождает в нас смиренномудрие? Что хочешь? Терпения ли в напастях? Незлобия ли? Человеколюбия ли? Трезвенности ли? Внимательности ли? Все эти добродетели (происходят) от смиренномудрия; а от гордости противное. Гордый необходимо бывает и обидчик, и драчун, и гневлив, и жесток, и угрюм, и более зверь, нежели человек. Ты силен и высокоумствуешь? Но поэтому тебе следует более смиряться. Для чего ты много думаешь о ничтожной вещи? Ведь и лев смелее тебя, и вепрь сильнее; а ты в сравнении с ними ничтожнее даже комара. И разбойники, и гробокопатели, и единоборцы, и собственные твои рабы, в том числе, быть может, самые глупые, сильнее тебя. Итак, стоить ли хвалиться этим, и не унижаешь ли ты сам себя, гордясь этим? Ты благообразен и красив? Это хвастовство свойственно воронам. Ты не красивее павлина, ни по цвету, ни по перьям; в этом птица имеет преимущество; она много превосходить тебя перьями, цветом. И лебедь весьма красив, и многие другие птицы, с которыми если ты сравнишь себя, то сам себе покажешься ничтожным. При том часто и дети низкого состояния, и девицы незамужние, и блудные жены, и мужи женоподобные хвалятся этим. Итак, стоить ли этим гордиться?

6. Но ты богат? Чем? Что ты приобрел? Золото, серебро, драгоценные камни? Этим могут хвалиться и разбойники, и человекоубийцы, и работающие в рудниках. значит труд осужденных для тебя похвала. Но ты украшаешься и наряжаешься? И коней можно видеть в нарядной упряжи; у персов можно видеть и верблюдов красиво убранных; а между людьми – и всех появляющихся на сцен. Итак, не стыдно ли тебе много думать о том, что у тебя общее с бессловесными животными, и рабами, и человекоубийцами, и женоподобными, и разбойниками, и гробокопателями? Но ты строишь великолепные палаты? Что ж такое? многие галки живут еще в более великолепных, привитают даже в священных (местах). Разве не видишь, что дома сумасбродных богачей, построенные на полях и пустых местах, служат пристанищем для галок? Ты гордишься голосом? однако ж ты никогда не можешь нет приятнее лебедя и соловья. Гордишься разносторонностью в искусстве? Но кто в этом отношении мудрее пчелы? Какой искусник, какой живописец, какой геометр сможет подражать работам ее? Гордишься тонкостью одежды? Но в этом

превосходят тебя пауки. Гордишься быстротой ног? И в этом преимущество принадлежит бессловесным, зайцу и серне, да и многие из домашнего скота не уступить тебе в быстроте ног. Ты путешествуешь? Но не больше птиц; они гораздо удобнее совершают путешествие, не имеют нужды ни в путевом запасе, ни во вьючном скоте, довольствуются для всего крыльями; крылья у них и корабль, и вьючный скот, и повозка, и ветер, и вообще все, что угодно. Ты имеешь острое зрение? Но не как серна, и не как орел. Ты имеешь тонкий слух? Но у осла еще тоньше. Ты имеешь обоняние? Но собака не даст тебе превзойти себя в этом. Ты способен приготовлять запасы? Но уступаешь в этом муравью. Ты носишь золотую одежду? Но не такую, как индийские муравьи. Ты здоров? Но бессловесные много превосходят нас и здоровьем и средствами; они не боятся нищеты. "**Взгляните**", – сказано, – "**на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы**" (Мф. 6:26). Итак, скажут, Бог сотворил бессловесных лучшими, нежели нас. Видишь ли, какое безрассудство? Видишь ли, какая необдуманность? Видишь ли, сколько предметов открывает нам исследование? Почитающий себя выше всех людей оказался ниже и бессловесных. Но пощадим его, подражать же ему не будем, и низведши его на степень бессловесных за то, что он возмечтал о себе выше нашего естества, не оставим его, но возведем отсюда, не ради него, – он заслужил такое состояние, – но ради того, чтобы проявилось человеколюбие Божье и та честь, которой мы удостоены. Есть, подлинно есть у нас нечто такое, к чему бессловесные вовсе непричастны. Что ж это такое? Благочестие и добродетельная жизнь. Здесь не может быть речи ни о блудниках, ни о женоподобных, ни о человекоубийцах: мы далеки от них. Что ж это такое? Мы знаем Бога, признаем Его промысел, любомудрствуем о бессмертии: в этом отношении бессловесные уступают. Мы судим об этом здраво, не сомневаясь: в этом отношении бессловесные не имеют ничего общего с нами. Мы, будучи слабее всех животных, обладаем ими. В том и состоит превосходство власти, что мы, при всех недостатках в сравнении с животными, царствуем над ними; а это для того, чтобы ты понял, что не ты виновник этого, но Бог, сотворивший тебя и даровавший тебе разум. Мы ставим для них сети и тенета, загоняем их, и овладеваем ими. У нас целомудрие, скромность, кротость, презрение к деньгам. Но так как ты, принадлежащий к числу гордых, не имеешь ни одной из этих добродетелей, то конечно ты ставишь себя либо выше людей, либо ниже и бессловесных. Такова-то гордость и дерзость: она или слишком возносится, или слишком унижается, ни в чем не соблюдая меры. Мы (своими добродетелями) равняемся ангелам; нам обещано царство и торжество со Христом. Человек терпит удары и не падает, он презирает смерть, не трепещет, не боится ее и не желает большего. Потому все, которые не таковы, хуже бессловесных. Действительно, если ты имеешь много телесных преимуществ а душевных не имеешь, то как же ты не хуже бессловесных? Представь себе кого-либо самого порочного, живущего в неге и изобилии: конь способнее его к войне, вепрь крепче, заяц быстрее, павлин красивее, лебедь благозвучнее, слон больше, орел зорче, все птицы богаче. Почему же ты достоин чести обладать бессловесными? По разуму? Но нет. Если ты употребляешь его не надлежащим образом, то опять ты хуже их, потому что когда ты, имея разум, бываешь глупее бессловесных, то лучше было бы, если б ты сначала не был разумным. Не одно и то же – принявши власть, потерять ее, и не принимать в самом начале. Для царя, который хуже оруженосцев, было бы лучше, если бы он не облекался в порфиру. Так точно и здесь. Итак, зная, что без добродетели мы хуже бессловесных, будем подвизаться в ней, чтобы быть людьми, или лучше – ангелами, и наслаждаться обещанными благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 8

"Итак, возлюбленные мои, как вы всегда были послушны, не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего, со страхом и трепетом совершайте свое спасение, потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению. Все делайте без ропота и сомнения, чтобы вам быть неукоризненными и чистыми, чадами Божьими непорочными среди строптивого и развращенного рода, в котором вы сияете, как светила в мире, содержа слово жизни, к похвале моей в день Христов" (Фил. 2:12–16).

1. Увещания должно соединять с похвалой. Тогда они и удобоприемлемы бывают, когда увещеваемым указываем па на их собственную ревность, как и Павел здесь делает. И смотри, как благоразумно: "**Итак, возлюбленные мои**", – говорит. Не сказал просто: послушайте, но сперва похвалил, и сказал: "**Как вы всегда были послушны**", т. е. прошу вас подражать не другим, а Себе самим. "**Не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего**". Почему "**гораздо более ныне во время отсутствия моего**"? Тогда могло бы показаться, что вы все делаете из почтения ко мне и из стыда; а теперь нет. Потому, если окажется, что вы теперь ревностны, то явно, что и тогда вы были таковы не для меня, а для Бога. Чего ты хочешь (Павел), скажи? Того (говорит), чтобы вы не слушали только меня, но и со страхом и трепетом делали свое спасение, так как, живя без страха, нельзя совершить ничего благородного и удивительного. И не просто сказал: "**Со страхом**", но присовокупил: "**и трепетом**", – что составляет высшую степень страха, – желая сделать (филиппийцев) более внимательными. Такой страх имел Павел. Потому он и говорил: боюсь, "**дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (1 Кор. 9:27). Действительно, если житейских дел нельзя совершать без страха, то не тем ли более духовных? Скажи мне: кто выучился грамоте без страха? Кто сделался опытным в искусстве без страха? Если же там, где не подстерегает дьявол, а только леность тяготить, нужен нам такой страх, чтобы отвратить естественное только нерадение, то при такой борьбе, при таких препятствиях, как можно спастись когда-либо без страха? Как же может родиться этот страх? Если мы будем помышлять, что Бог везде присутствует, все слышит, всевидит, не только дела и слова, но и все происходящее в сердце, и в глубине души: "**И судит помышления и намерения сердечны**е" (Евр. 4:12). Если так настроим себя, то и не сделаем, и не скажем, и не помыслим ничего худого. Вот, скажи мне, если бы ты всегда стоял близ твоего начальника, то не со страхом ли бы стоял? Как же, предстоя пред Богом, смеешься, прислоняешься (к стене), не боишься и не трепещешь? Не пренебрегай Его долготерпением, с которым Он ведет тебя к покаянию; что бы ты ни делал, – делай с мыслью о вездеприсутствии Божьем. Он действительно везде присутствует, а потому, принимаешь ли пищу, располагаешься ли спать, гневаешься ли, похищаешь ли что, предаешься ли удовольствиям, или что другое делаешь, – вспомни о присутствии Божьем, и никогда не предашься смеху, никогда не воспламенишься гневом. Если такую мысль будешь иметь постоянно, то постоянно будешь в страх и трепет, как бы стоял близ самого царя. Зодчий, хотя и опытен, хотя и очень искусен, все же стоить со страхом и трепетом, боясь упасть с здания. И ты уверовал, совершил много доброго, взошел на высоту: держи же себя крепко, стой со страхом, и смотри бодро, чтобы не упасть оттуда. Много ведь духов злобы, хотящих низвергнуть тебя. "**Служите**", – сказано, – "**Господу со страхом и радуйтесь [пред Ним] с трепетом**" (Пс. 2:11). Как же может быть радость с трепетом? Она-то одна и есть радость. Мы тогда только и радуемся, когда сделаем что-либо доброе, и такое, что свойственно делающим с трепетом. "**Со страхом и трепетом совершайте свое спасение**". (Апостол) не сказал: делайте, но: "**совершайте**", т. е. с великим старанием, с великим усердием. А так как словами: "**Со страхом и трепетом**" сделал их боязливыми, то смотри, как он смягчает боязливость. Что именно говорит? "**Потому что Бог производит в вас**". Не бойся, что я сказал: "**Со страхом и трепетом**". Я сказал не для того, чтобы ты отказался, чтобы почитал добродетель чем-то недоступным; но чтобы ты

был внимателен, чтобы не рассеивался. Если это будет, то Бог все сделает, а ты дерзай: "**Потому что Бог производит в вас**". Потому, если Он сам действует, то мы должны (с своей стороны) показывать намерение постоянно твердое, сосредоточенное, не рассеянное. "**Потому что Бог производит в вас и хотение и действие**". Если Он действует в нас "**и хотение**", то как же ты побуждаешь нас? Если Бог действует в нас "**и хотение**", то напрасно говоришь нам: "**послушны**", – мы не (сами по себе) слушаемся. Напрасно говоришь: "**Со страхом и трепетом**", потому что все есть дело Божье. Не для того я сказал: "**Потому что Бог производит в вас и хотение и действие**"; но для того, чтобы ослабить вашу боязливость. Когда ты захотишь, тогда и Он будет действовать "**и хотение**". Не бойся и не изнемогай; Он дает нам и усердие и самую деятельность. Когда мы захотим, то Он еще усилит наше хотение. Например, я хочу сделать что-либо доброе: Он совершает это доброе, Он же производить и хотение. Или (так нужно понимать слова апостола, или он) говорит это по особенной предусмотрительности, подобно тому, как и добродетели наши называет дарами (Божьими).

2. Потому, как, называя добродетели дарами (Божьими), не отнимает у нас самодеятельности, но оставляет ее в нас, так и словами: "**Бог производит**" в нас "**и хотение**" не лишает нас самодеятельности, но показывает, что через доброе действование мы приобретаем большую расположенность (к хотению). Как от делания рождается охота делать, так от неделания происходить нежелание делать. Подал ты милостыню? Более расположил себя к даянию. А не подал? Меньше стал расположен к даяния. Провел воздержно один день? Им ешь побуждение и на другой. Поленился ли? Усилил леность "**С приходом нечестивого**", – сказано, – "**приходит и презрение**" (Прич. 18:3). Следовательно, как пришедший но глубину зол нерадит, так пришедший во глубину благ тщится. Как тот, отчаявшись, делается более нерадивым, так этот, помышляя о множестве добрых дел, делается рачительнее, боясь, чтобы не потерять всего. "**По Своему благоволению**", – говорит, т. е. по любви (к Богу), для угождения Ему, чтобы совершалось приятное Ему и но Его вол. Здесь (апостол) показывает и уверяет, что точно (Бог) действует, так как Он желает, чтобы мы жили по Его воле. А если Он желает этого, и при том сам действует, то конечно и это сделает, потому что Он хочет, чтобы мы жили праведно. Видишь ли, как не отнимается самодеятельность? "**Все делайте**", – говорит, – "**без ропота и сомнения**". Дьявол, когда не в силах отвлечь нас от делания добра, тогда иным образом старается лишить нас награды: он внушает или тщеславие, или гордость, а если не это, то ропот; если же ничего такого, то сомнение. Итак, смотри, как Павел очищает это. Он сказал о смиренномудрии, что вы уже слышали, чтобы истребить гордость; сказал о тщеславии, чтобы низложить надменность. Выше говорил: "**Не только в присутствии моем**"; а здесь говорит о ропот и сомнении. Почему же он, истребляя эту страсть в коринфянах, упомянул и об израильтянах; а здесь не сказал ничего такого, но просто повелел? Потому что там (страсть) эта уже была, вследствие того нужно было нанести и удар сильнее, и сделать больший выговор;а здесь он увещевает, чтобы не было ее. Не согрешивших еще было бы излишне предостерегать укоризнами. Потому и побуждая к смиренномудрии, не предложил примера евангельского, где гордые унижены; но для убеждения представил в пример Бога, и беседует с ними, как с свободными, как с родными детьми, а не как с рабами. Ведь благоразумный и благородный побуждается к добрым делам примером добродетельных, а безрассудный – не их примером, но наказываемых; тот – честью, а этот – наказанием. Потому и в послании к Евреям вывел на сцену Исава, который за одну снедь продал первородство; и еще: "**Вот, душа надменная не успокоится**" (Авв. 2:4; Евр. 10:38). И между коринфянами много было любодействовавших, почему (апостол) и сказал: "**Чтобы опять, когда приду, не уничижил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали**" (2 Кор. 12:21). "**Чтобы вам быть**", – говорит, – "**неукоризненными и чистыми**",

т. е. беспорочны и чисты, так как ропот налагает немалое пятно. Что же значит: "**без сомнения**"? Хорошо ли ми, или нехорошо? Но рассуждайте, говорит, хотя бы труд предстоял, хотя бы скорбь, хотя бы что другое. Не сказал: да не будете наказаны, – потому что наказание полагается за дело, в послании к Коринфянам он и на это указал, здесь же ничего такого не сказал, – но: "**Чтобы вам быть неукоризненными и чистыми, чадами Божьими непорочными среди строптивого и развращенного рода, в котором вы сияете, как светила в мире, содержа слово жизни, к похвале моей в день Христов**". Видишь ли, что (апостол) научает (филиппийцев) не роптать? Ропот свойствен рабам непризнательным и бесчувственным. В самом деле, скажи мне, какой сын ропщет, трудясь на пользу отца, и трудясь для самого себя? Подумай, говорит он, что ты трудишься для самого себя, что собираешь себе самому. Роптать – дело тех, которые трудятся для других, работают на других; а тому, кто собирает для себя самого, из-за чего роптать? из-за того ли, что не увеличивается его богатство? Но это не причина. Зачем роптать тому, кто трудится добровольно, без принуждения? Лучше ничего не делать, нежели делать с ропотом, так как при этом и самое дело теряет цену. Или не видишь, что и в домах наших мы всегда говорим так: лучше бы этого не делать, нежели делать с ропотом? И часто решаемся лучше лишиться своей прислуги, нежели терпеть ропщущего. Тяжел, несносен ропот; он близок к хуле. Иначе за что бы те (роптавшие) были так наказаны? Ропот – это неблагодарность. Ропщущий неблагодарен Богу; а неблагодарный Богу подлинно есть и хульник. И что особенно важно – тогда были непрерывные искушения, и частые опасности, не было никакого покоя, никакой отрады, тысячи бед лились отовсюду; а ныне глубокий мир, ныне спокойствие.

3. Отчего же ты ропщешь? Оттого ли, что беден? Но подумай об Иове. Оттого ли что болен? Что же было бы, если бы ты и одержим был болезнью, и вместе сознавал в себе столько совершенств и добродетелей, сколько тот святой? Представь еще и то, что он долго был весь в червях, сидел на гноище и непрестанно соскабливал гной: "**И сказала**", – сказано, – "**ему жена его: ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри**" (Иов. 2:9). Но у тебя умер сын? Что ж, если бы ты, подобно ему, лишился всех, и при том лютой смертью? Вы знаете, хорошо знаете, что (для родителей) много утешения, – сидеть при больном, сомкнуть уста, закрыть глаза,, прикоснуться к щекам, услышать последние слова. Но этот праведник ничего такого не сподобился; все (его дети) вместе были засыпаны. И что я говорю это? Коли бы тебе, как блаженному тому патриарху, повелено было самому заклать своего сына, принести ее жертву и видеть его сожженным, – что бы ты сделал? А каков он был, когда созидал жертвенник, возлагал дрова и вязал отрока? Тебя некоторые поносят? Что же было бы с тобою, когда бы ты услышал это от друзей, пришедших для утешения? Ныне мы имеем много грехов, и справедливо поносят нас; а тогда "**непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла**" (Иов. 1:1) от друзей слышал противное (этим его качествам). Что же, скажи мне, если бы ты от жены услышал укоризны: "**Да померкнут звезды рассвета ее: пусть ждет она света, и он не приходит, и да не увидит она ресниц денницы**" (Иов. 2:9)? Для чего ты говоришь это, безумная? Ужели муж – виновник этого для тебя? Не он, а дьявол. "**Похули Бога**", – говорит, – "**и умри**". Разве легче было бы тебе, когда бы лежащий (муж твой) сказал, и умер? нет болезни, которая была бы тяжелее этой, хотя бы ты указал тысячи. Она (болезнь Иова) такова была, что он не мог даже оставаться в дом и под кровом, такова, что все отступились (от него). Если бы он не страдал неизлечимо, то не сидел бы вне города, будучи в худшем состоянии, нежели одержимые проказой. Эти и в дома входят, и собираются друг с другом; а он, проводя ночи под открытым небом на гноище ногой, не мог надеть на себя и одежды. Почему? Потому, вероятно, что приложилась бы болезнь к болезням. "**Тело мое одето**", – говорит, – "**червями и пыльными струпами**" (Иов. 8:5). Плоть его производила гной и червей, и это непрестанно. Видишь ли, как каждый из нас цепенеет, слыша это? Если же несносно слышать это, то сносно ли видеть? А если

несносно видеть, то тем более терпеть. однако ж праведник терпел и при том не два или три дня, но долгое время, и не согрешил даже и устами своими. Какую ты можешь назвать мне болезнь, которая была бы соединена с столь многими страданиями? Не хуже ли слепоты это было? "**Составляет отвратительную**", – говорит, – "**пищу мою**" (Иов. 6:7). И мало того, даже ночь и сон, доставляющие другим покой, ему не приносили никакой отрады, но были тяжелее всякой пытки. Послушай, что он говорит: для чего "**ты страшишь меня снами и видениями пугаешь меня**" (7:14)? При наступлении утра, я говорю: когда-то вечер? И в таких страданиях он не роптал. И не в них только было горе, но и в худом мнении многих: на него наконец стали смотреть, как на виновного в бесчисленных пороках, за которые он страдал. Даже друзья говорили ему: ты наказан по мере твоих грехов (Иов. 11:6). Поэтому и он говорил: **"А ныне смеются надо мною младшие меня летами, те, которых отцов я не согласился бы поместить с псами стад моих**" (30:1). Скольких смертей это не тяжелее? однако ж, несмотря на то, что был отовсюду обуреваем такими волнами, что отовсюду поднималась страшная непогода, тучи, буря, гром, водовороты, вихри. – он во время этих великих и страшных волн пребыл непоколебим, как бы в тихую погоду, и не роптал. И это было прежде благодати, прежде чем сказано было что-либо о воскресении, или о геенне, наказании и мучении. А мы, слыша и пророков, и апостолов, и евангелистов, видя бесчисленные примеры, и узнавши учение о воскресении, все еще негодуем, хотя никто не может сказать, что его постигли столь многие бедствия. В самом деле, если кто и лишился имущества, то не лишился еще стольких сыновей и дочерей; если же и лишился, то, быть может, за грехи. А он (лишился) внезапно, во время жертвоприношения, во время служения Богу. Если даже кто лишился и детей и вместе такого богатства, – что впрочем невозможно, – то не был весь в ранах, и не соскабливал гноя; а если и случилось так, то не имел нападающих и поносящих – что обыкновенно уязвляет нас более всего, более самых бедствий. Действительно, если мы во время бед, имея утешающих и ободряющих и возбуждающих благую надежду, так сетуем, то подумай, что было бы, когда бы мы имели еще поносящих? Если тяжело и несносно (выраженное в словах): "**ждал сострадания, но нет его, – утешителей, но не нахожу**" (Пс. 68:21), то каково – вместо утешающих найти поносящих? "**Жалкие утешители все вы!**" – говорит (Иов) (16:2).

4. Если бы мы всегда имели это пред глазами, если бы размышляли об этом, то никакие обстоятельства не огорчали бы нас при виде этого подвижника, этой адамантовой души, этого крепкого – медного сердца. Он как будто обложен был медным или каменным телом, – все переносил мужественно и терпеливо. Помышляя об этом, будем все делать без ропота и сомнения. Делаешь ты что-либо доброе, и ропщешь? Почему? Разве настоит тебе необходимость? Знаю, говорит (Павел) что многие из ближних ставят вас в необходимость – роптать (на это он намекает словами: "**среди строптивого и развращенного рода**"); но это-то и удивительно – быть раздражаемым, и нисколько того не чувствовать. Звезды блистают ночью, видятся во тьме, и нисколько не теряют своей красоты, являются даже блистательнее, а при свете являются не в таком виде: так и ты Сияешь более, когда остаешься правым среди развратных. Удивительное дело быть непорочным. А чтобы этого не говорили, – - (апостол) предварительно сам сказал это. Что значит: "**содержа слово жизни"**? значит: имя жить (в будущем веке), принадлежа к числу спасаемых. Смотри, как скоро он полагает награды. Светила, говорит, заключают причину света, а вы причину жизни. Что значит: "**слово жизни**"? значит: имя семя жизни, т. е. имя залог жизни, содержа самую жизнь, т. е. имея семя жизни в вас. Вот что называет словом жизни. Следовательно прочие все мертвы: на это именно указал он, сказав таким образом, а иначе, и прочие заключали бы слово жизни. "**К похвале моей**", – говорит. Это что значит? И я, говорит, участвую в ваших благах. Добродетель ваша такова, что не только вас спасает, но и меня прославляет. Что же за похвала тебе, блаженный Павел? За нас тебя мучат, гонять, обижают. Потому-то и говорит: "**В день Христов, что я не тщетно**

подвизался и не тщетно трудился"; но всегда имею хвалиться, говорит, "**что я не тщетно трудился. Но если я и делаюсь жертвой**" (ст. 17). Не сказал: но если и умираю, подобно как и в послании к Тимофею, где употребил то же слово, говоря: "**Ибо я уже становлюсь жертвой**" (2 Тим. 4:6). И утешает их относительно своей смерти, и научает охотно переносить смерть за Христа. Я делаюсь, говорит, как бы возлиянием и жертвой. О, блаженная душа! Жертвой называет приведение их. Подлинно, принести в жертву душу гораздо лучше, нежели принести волов. Итак, если к этому приношению и сам себя присоединю, как возлияние, то радуюсь, говорит, о смерти моей. На это он и намекает. говоря: "**За жертву и служение веры вашей, то радуюсь и сорадуюсь всем вам. О сем самом и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне**" (ст. 18). Почему сорадуешься? Видишь ли, как показывает, что и они должны радоваться? Радуюсь, говорит, потому что делаюсь воздаянием; а сорадуюсь, как приносящий жертву. Об этом же и вы радуйтесь, и сорадуйтесь, что я приношусь в жертву. Сорадуйтесь, говорит, мне радующемуся о своей смерти. Подлинно, кончина праведников достойна не слез, но радости. Если они радуются, то должно сорадоваться им. И неприлично нам плакать, когда они радуются. Но мы, говорят, желаем сожительства с ними! Это предлог, отговорка. Смотри, что завещевает он филиппийцам: "**радуйтесь и сорадуйтесь мне**". И ты желаешь сожительства с ними? Если бы ты сам здесь оставался, то справедливо бы так говорил; если же немного спустя будешь там, где отошедший, то какого сожительства желаешь? Сожительства желает тот, кто навсегда разлучен: а если от идет с тобою по одному пути, то какого сожительства желаешь? Отчего мы не оплакиваем отправляющихся в путешествие, или, немного поплакавши, спустя день, два, перестаем? Если желаешь сожительства, то плачь лишь столько, сколько нужно для обнаружения в себе природы (человеческой); а потом радуйся, как и Павел, который говорил: не чувствую ни малейшей скорби, и даже радуюсь, отходя ко Христу: "**радуйтесь**", – говорит, – "**и сорадуйтесь мне**". Будем же радоваться и мы, когда видим умирающим праведника, а более – когда видим умирающим кого-либо из отчаянных. Тот отходит с надеждой получить награду за труды свои, а этот пресекает грехи свои. Но может быть скажут: оставаясь в живых, он переменился бы? Не взял бы его Бог, если бы он намерен был перемениться. Все устраивающий для нашего спасения почему бы не оставил (в живых) того, кто намерен благоугождать Ему? Если Он оставляет не исправляющихся, то тем более исправляющихся. Итак, вовсе перестанем печалиться, вовсе перестанем плакать, будем благодарить Бога за все, будем делать все без ропота, будем радоваться и благоугождать Ему во всем, чтобы получить и будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 9

"Надеюсь же в Господе Иисусе вскоре послать к вам Тимофея, дабы и я, узнав о ваших обстоятельствах, утешился духом. Ибо я не имею никого равно усердного, кто бы столь искренно заботился о вас, потому что все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу" (Фил. 2:19–21).

1. (Апостол) сказал: "**Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования, так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим**"; и еще: "**Но если я и делаюсь жертвой за жертву и служение веры вашей**" (Фил. 1:12,13), Этим утверждал их (филиппийцев). Быть может они подумали бы, что прежнее сказано для утешения. Что ж он делает, и как отклоняет такую мысль? говорит: Тимофея посылаю к вам, – так как они сильно желали слышать обо всем касательно его. Почему же он не сказал: чтобы вы узнали о моих обстоятельствах, но – чтобы я узнал о ваших? (Потому что) о его

обстоятельствах, прежде Тимофея, мог возвестить Епафродит. Поэтому далее и говорит: "**Впрочем, я почел нужным послать к вам Епафродита**" (ст. 25). Желаю знать, говорит, о ваших обстоятельствах. Вероятно, (Епафродит) по телесной болезни долго пробыл при Павле, – потому и говорит, что непременно хочу знать о ваших обстоятельствах. Смотри, как все относить ко Христу, даже отправление Тимофея, говоря: "**Надеюсь же в Господе Иисусе**", т. е. я уверен, что Бог мне поможет в этом, "**дабы и я, узнав о ваших обстоятельствах, утешился духом**". Как вас, говорит, ободрил я известием о том, о чем вы молились касательно меня, – что евангелие преуспевает, что (враги) посрамлены, что они доставили (мне) радость тем самым, чем думали вредить, – так и я желаю знать о ваших обстоятельствах, "**дабы и я, узнав о ваших обстоятельствах, утешился духом**". Здесь показывает, что они должны радоваться об его узах, и последовать ему в этом: а действительно (узы) доставили ему великое утешение. Слова: "**дабы и я утешился духом**" значат: как и вы (благодушествуете). О, какую нужную любовь имел он к Македонии! И фессалоникийцам то же изъявляет, когда говорит: "**Мы же быв разлучены с вами на короткое время**" (1 Фес. 2:17). И здесь говорит: "**Надеюсь к вам Тимофея**", чтобы мне знать о ваших обстоятельствах. Это знак величайшего попечения. Когда сам не мот придти, то посылал учеников своих, не вынося даже и на короткое время оставаться в неведении о происходящем у них: ведь не от духа же он все узнавал. Этому и надлежало быть. Если бы ученики были уверены в том, то сделались бы бесстыдными; а теперь, в чаянии укрыться, они удобнее исправлялись. Словами же: "**Дабы и я утешился духом**" – делал их более внимательными к себе и более рачительными, так что если бы Тимофей не пришел, то он нашел бы и другого, который бы известил его. (Однажды) и сам (апостол) употребил этот способ, отложив свое пришествие для того, чтобы исправились коринфяне. Потому и писал: "**Щадя вас, я доселе не приходил в Коринф**" (2 Кор. 1:23). Любовь обнаруживается не через извещение только о своих обстоятельствах, но и через старание узнать об их обстоятельствах. Таково свойство души попечительной, души заботливой и всегда беспокоящейся. А вместе и честь им делает, посылая Тимофея. Что ты говоришь? Посылаешь Тимофея? Почему? Да, говорит: "**Ибо я не имею никого равно усердного**", т. е. подобно мне заботливого, "**кто бы столь искренно заботился о вас**". Итак, он не имел при себе никого равноусердного? Никого. Что ж это значит? То же, что – подобно мне заботящегося и искущегося о вас. Иной не так легко, говорит, решился бы по этой причине совершить столь дальний путь. А Тимофей любит вас, как я. Можно бы послать и других, но такого никого нет. Следовательно быть равноусердным – значит любить учеников, подобно ему. "**Кто бы**", – говорит, – "**столь искренно заботился о вас**", т. е. отечески. "**Потому что все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу**", т. е. своего собственного покоя и безопасности. То же говорит он и в послании к Тимофею. Для чего он скорбит об этом? В намерении научить слушающих – не быть таковыми, научить слушающих – не искать праздности. Ищущий праздности ищет "**не того, что угодно Иисусу Христу**", но "**все ищут своего**"; а мы должны быть готовы на всякий труд, на все тягостное. "**А его верность**", – говорит, – "**вам известна, потому что он, как сын отцу, служил мне в благовествовании**" (ст. 22). Не без причины говорю это; вы сами знаете, что он, как сын отцу, служил мне в благовствовании. Здесь справедливо похваляет Тимофея, чтобы они приняли его с великой честью. Это делает и в послании к Коринфянам, говоря: "**Смотрите, чтобы он был у вас безопасен; ибо он делает дело Господне, как и я**" (1 Кор. 16:10,11), – заботится не о нем, но о принимающих его, чтобы они получили за то великую награду. "**Итак**", – говорит, – "**я надеюсь послать его тотчас же, как скоро узнаю, что будет со мною**" (ст. 23), т. е., когда увижу, в каком состоянии буду, и какой конец будут иметь мои дела. "**Я уверен в Господе, что и сам скоро приду к вам**" (ст. 24). Не потому посылаю его (Тимофея), будто сам не приду, но чтобы мне ободриться, узнав о ваших обстоятельствах, и чтобы в этот промежуток времени не находиться в неведении. "**Я уверен в Господе**", говорит, т. е. ежели Богу будет угодно.

2. Смотри, как все приписывает Богу, и ничего не говорит от своего ума. "**Впрочем я почел нужным послать к вам Епафродита, брата и сотрудника и сподвижника моего**" (ст. 25). И его посылает опять с такими же похвалами, с какими и Тимофея. В этом последнем он указывает следующие два качества: что он любить их, словами: "**Кто бы столь искренно заботился о вас**", и – что он заслужил похвалу в благовестии. И Епафродита похвалил за то же, и для той же цели, для какой и Тимофея. Как? Сказать: "**брата и сотрудника**", и не остановиться на этом, но прибавить еще: "**и сподвижника**", значит показать его великое участие в бедах и засвидетельствовать о нем то же, что и о себе самом. "**сподвижника**" же больше значит, нежели "**сотрудника**". Иной мог быть сотрудником в делах легких, но не в брани и бедах; а словом: "**сподвижника**" (апостол) показал и это последнее. "**А вашего**", – говорит, – "**посланника и служителя в нужде моей, послать к вам**", – т. е., наше вам дарю. Или иначе: вашего, или – учащего нас, к вам посылаю. Потом многое присовокупляет о любви его, говоря: "**Потому что он сильно желал видеть всех вас и тяжко скорбел о том, что до вас дошел слух о его болезни. Ибо он был болен при смерти; но Бог помиловал его, и не его только, но и меня, чтобы не прибавилась мне печаль к печали**" (ст. 26,27). Здесь (апостол) внушает и другое, т. е. что и он (Епафродит) очень знает, что вы его любите. А это немалое побуждение к любви. Каким образом? Он болен был, говорит, и вы болезновали; он выздоровел, и вас избавил от печали, которую вы имели по причине его болезни. Сам однако ж был не без печали; но скорбел о том, что, выздоровевши, не видал вас. Здесь и другое внушает, – оправдывается в том, что посылает к ним спустя довольно времени: не по беспечности, говорит, но потому удерживал Тимофея, что никого не имел ("**Ибо я не имею никого**", – говорит, – "**равно усердного**"), Епафродита же – по болезни. Потом, показывая, что болезнь его была продолжительна и долго изнуряла (его), говорит: "**Ибо он был болен при смерти**". Видишь ли, сколько Павел заботится о том, чтобы отклонить от души учеников всякую мысль о беспечности и небрежении и, и чтобы они не подумали, будто он пренебрегает ими, и потому не пришел? Ничто не способно так привлечь ученика, как убеждение, что учитель и печется, и скорбит о нем. Это знак чрезвычайной любви. "**До вас дошел слух**", – говорит, – "**о его болезни. Ибо он был болен при смерти**". И что я говорю не притворяясь, то послушайте: "**Но Бог помиловал его**". Что скажешь ты, еретик? Здесь (апостол) называет милостью Божьей то, что Он сохранил человека близкого к смерти, и возвратил его к жизни. Но если мир зло, то оставлять во зле не есть милость. Впрочем с еретиком легко говорит; а что скажем христианину? Ведь и он, может быть, усомнится и скажет: если "**Разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше**" (Фил. 1:23), то для чего говорит, что (Бог) помиловал его? А я спрошу: почему он говорит: "**А оставаться во плоти нужнее для вас**" (Фил. 1:24)? Это нужно было сколько апостолу, столько же и Епафродиту, имевшему отойти к Богу с большим богатством и с большим дерзновением. И хотя этого теперь не случилось, но имело быть потом; а приобрести души, отошедши туда, уже невозможно. Павел говорит также многое и применительно к обычному понятию слушающих, и не везде любомудрствует, так как слово его было к людям мирским, которые боялись еще смерти. Потом показывает, каким у него мнением пользуется Епафродит, и через то делает его достопочтенным, называя именно его спасение настолько полезным для себя, что сам через него помилован. Впрочем и кроме того, настоящая жизнь есть добро; а если не добро, то для чего (апостол) преждевременную смерть поставляет в числе наказаний? Например, он говорит: "**Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает**" (1 Кор. 11:30). Будущая жизнь для человека злого не лучше, потому что она не добра, а для доброго лучше. "**Чтобы**", – говорит, – "**не прибавилась мне печаль к печали**" – скорбь о смерти на скорбь о болезни. Этим показывает, насколько он почитает Епафродита. "**Посему я скорее послал его**" (ст. 28). Что значит – "**скорее**"? значит – без отлагательства, без замедления, с большой поспешностью, приказавши все оставить и идти к вам, чтобы освободить от печали. Мы радуемся не столько тогда, когда слышим,

что любимые (нами) здоровы, сколько в то время, когда видим (их таковыми), и особенно если это случится сверх чаяния, как случилось тогда с Епафродитом. "**Посему я скорее**", – говорит, – "**послал его, чтобы вы, увидев его снова, возрадовались, и я был менее печален**". Как "**менее печален**"? Так, что если вы радуетесь, то и я радуюсь, и он радуется такой же радостью. "**И я был менее печален**". Не сказал: беспечален, но – "**менее печален**", показывая, что душа его никогда не была без печали. Когда в самом деле был без печали говорящий: "**Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?**" (2 Кор. 11:29)? Как бы так сказал: эту печаль отлагаю. "**Примите же его в Господе со всякой радостью**" (ст. 29). "**В Господе**" – то же, что духовно, то есть, с великим тщанием; а лучше, "**в Господе**" – значит по воле Божьей. Примите, как следует святым, и как надлежит принимать святых: "**Со всякой**", – говорит, – "**радостью**".

3. Все это делает для них самих, а не для посылаемых, потому что больше пользы делающему добро, нежели кому его делают. "**И таких имейте в уважении**", – т. е., примите его, как следует принимать святых. "**Ибо он за дело Христово был близок к смерти, подвергая опасности жизнь, дабы восполнить недостаток ваших услуг мне**" (ст. 30). Епафродит был послан филиппийцами от лица всего города, чтобы послужить Павлу, или, может быть, пришел к нему и для доставления чего-нибудь. А что он принес и деньги, на это указывает (апостол) в конце послания, говоря: "**Получив от Епафродита посланное вами**" (Фил. 4:18). Вероятно, он, пришедши в город Рим, нашел Павла в такой большой и тяжкой беде, что даже приближенным невозможно было приходить к нему безопасно, но и они приходили с опаской. Это обыкновенно бывает, особенно в больших бедах, и в случай чрезвычайного царского гнева. Когда кто, оскорбивши царя, бывает заключен в темницу, и находится под крепкой стражей, тогда воспрещается к нему приходить даже домашним, – что вероятно было тогда и с Павлом; а Епафродит, как муж неустрашимый, пренебрег всей опасностью, только бы придти и послужить (Павлу), и сделать все, что нужно было. Итак, (апостол) по двум причинам представляет его достойным почтения: во -первых, говорит, он подвергался для меня смертной опасности; а во-вторых, он потерпел это, будучи представителем города, так что награда за его опасность вменялась пославшим его, – потому что город отправил его в виде посланника. Поэтому принять его с почтением и благодарить за услуги значит – сделаться особенным участником в том, на что он отваживался. И не сказал: для меня, но, с целью большего удостоверения, говорит: "за дело" Божье. Не для меня, но для Бога он был "близок к смерти". Что же? Хотя он и не умерь, по Божью устроению, однако ж, подвергался опасности и предавал себя самого так, что не отрекся бы от служения мне, что бы ни привелось потерпеть. Если же он для служения Павлу предавал себя на смерть, те тем более сделал бы это для проповеди; или лучше – умереть для Павла было то же, что и для проповеди. Не только за отказ принести жертву (идолам) можно получить венец мученический, но и таковые случаи делают мучеником; и если что следует назвать удивительным, то скорее последние случаи, нежели первые. Кто за меньшее дело решается на смерть, тот тем более (решится) за большее. Потому и мы, когда увидим святых в бедах, то не будем щадить себя. Нерешительный никогда не может сделать ничего благородного; кто заботится о безопасности здесь, тот необходимо лишается ее в будущем. "**Дабы восполнить**", – говорит, – "**недостаток ваших услуг мне**". Что это значит? Город не был со мною, но оказал мне всякую услугу через него, прислав его. Следовательно недостаток вашего служения он восполнил. И потому он имеет право получить великую честь, так как он один сделал за вас то, что следовало сделать всем. (Апостол) указывает и на первую услугу, которую оказали бедствующим находящиеся в безопасности. Слова: "**недостаток ваших услуг**" указывают именно на нее. Видишь ли высокое чувство апостола? Оно происходить не от гордости, но от великой заботливости об них. Дело их он называет служением и лишением, чтобы они не возносились, но были

скромны; чтобы не думали, что сделали нечто великое, но смирялись. Потому не будем и мы высокоумствовать, когда что-либо даем святым, и не будем думать, что в этом случай мы им дарим. Мы обязаны делать это святым, и ничего им не дарим. Как состоящим в войске и ведущим войну остающиеся на мирном положении и не участвующие в войн обязаны доставлять содержание, – потому что те стоять за них, – так и здесь. Если бы Павел не учил, то кто бы его ввергнул тогда в темницу? Следовательно должно служить святым. Если ополчающемуся за царя земного следует доставлять все, и одежду и пищу, не в меру надобности только, но и с избытком, – то как не доставлять самого даже необходимого воинствующему за Царя небесного, и борющемуся с врагами более страшными, о которых сказано: "**Потому что наша брань не против крови и плоти**" (Еф. 6:12)? Какая непризнательность! Какая неблагодарность! Какая скупость!

4. Но, как видно, на нас действует больше страх человеческий, нежели (страх) геенны и будущих мучений. Потому-то все извратилось, – гражданские дела отправляются ежедневно с великим рачением и опущения не бывает, а о духовных нигде и мысли никакой нет. Чего требуют с принуждением и вымогательством, как от рабов и невольнnков, то выполняется с великой готовностью, а предоставляемое доброй нашей вол и свобод – все оставляется. Говорю не против всех, но против тех, которые отказывают в подаянии. Ужели Бог не может поставить этого в необходимую обязанность? Но Он не хочет: Он щадит вас более, нежели питаемых вами. Потому Он хочет, чтобы вы делали это не по принуждению, так как за то нет награды. однако ж многие из находящихся здесь ниже иудеев. Подумай, сколько иудеи давали – десятин, начатков, еще десятин, и еще других десятин, да еще иных тридесятин и сикль, – и никто не говорил, что (священники) много сдают. Чем больше они получили бы, тем больше награды (дающим). (иудеи) не говорили: много берут, объедаются, что ныне, слышу, говорят некоторые. И строящие дома, и покупающие поля представлять себя ничего не имеющими; а если кто из иереев наденет одежду посветлее, или обладает в достаточном количестве потребной пищей, или же имеет прислугу, чтобы не быть вынужденным самому делать непристойное (сану), то это считается богатством. Подлинно, и тем мы богаты, – сами они против воли это признают, – мы, хотя имеем мало, богаты; а они, хотя и всем владеют, бедны. Доколь будем поступать неразумно? Или не довольно для вас наказания за то, что вы ничего не делаете, – нужно еще прилагать наказание и за злоречие? Если бы ты даже сам дал ему то, что он имеет, то потерял бы награду, когда бы упрекнул его тем, что ты дал: вообще, если ты дал, то за что упрекаешь? Говоря, что ты дал ему то, что он имеет, этим прежде всего ты свидетельствуешь о его нищете: для чего же упрекаешь? Не нужно было давить, когда ты намерен был упрекать. Но ты говоришь так, когда другой дает? Грех еще более тяжкий, потому что, сам ничего не давши, упрекаешь тем, что другой благотворить. Какая, полагаешь ты, награда тем, которые слушают эти упреки? Та, что они терпят это для Бога. Как и почему? Они могли бы, если бы захотели, заниматься мелочной торговлей, хотя и не наследовали (этого) от предков. Еще, когда мы говорим, что такой-то беден, то слышу, многие бесстыдно говорят: если бы захотел, то мог бы быть богатым; потом язвительно прибавляют: дед его и прадед его и такой-то были таковы-то; а он вот е в какую нарядился одежду. Что ж? Скажи мне, ужели ему надлежало ходить нагим? Ты что-то очень старательно рассказываешь об этом: смотри, как бы слова твои не обратились против тебя самого. Слушай увещание Христово: "**Не судите, да не судимы будете**" (Мф. 7:1). Он мог бы, если бы захотел, заниматься торговым и купеческим делом, и конечно не терпел бы недостатка; но не захотел. Какая же отсюда для него польза, скажи, мне? Носит шелковые одежды? В сопровождении толпы, гордо расхаживает по рынку? Несется на кон? Или строить дома, имя где прожить? Если он делает это, то и я осуждаю и не щажу его, даже признаю его недостойным священства. Как в самом деле он может убеждать других, чтобы не занимались этими излишествами, когда сам себя не может убедить? Если же грешит он

тем, что имеет в изобилии необходимую пищу, то неужели следовало ему ходить по миру и просить подаяния? И не стыдно ли было бы тебе, ученику (его), скажи мне? Если бы и отец плотской это делал, ты почел бы бесчестием; а если (отец) духовный принужден это делать, ужели тебе не стыдно? Ужели не почтешь за лучшее скрыться? "**И позор детям**", – сказано, – "**мать в бесславии**" (Сир. 3:11). Что-же? Или умереть ему с голоду? Но и это несвойственно человеку благочестивому, потому что неугодно Богу. Впрочем, когда мы говорим им это, они тотчас предлагают свои умствования. Написано, говорят: "**Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха**" (Мф. 10:9,10); а они имеют по три и по четыре одежды, и убранные постели. Пришлось мне горько вздохнуть теперь; а если бы не было неприлично, то и заплакал бы. Отчего? Оттого, что мы так тщательно замечаем сучки у других, а сами, имея в глазах бревна, и не чувствуем того. Скажи мне, почему ты не говоришь этого о себе самом? Потому, говорят, что это заповедано только учителям. Следовательно, когда Павел говорит: "**Имея пропитание и одежду, будем довольны тем**" (1 Тим. 6:8), говорит одним учителям? нет, – всем людям. Это ясно будет, если прочтем это место, начав повыше. Апостол, сказавши: "**Великое приобретение – быть благочестивым и довольным**" (ст. 6), потом: "**Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него**" (ст. 7), тотчас присовокупил: "**А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу**" (ст. 9).

5. Видишь ли, что речь относится ко всем? Что же, когда говорит опять: "**Попечения о плоти не превращайте в похоти**" (Рим. 13:14), не ко всем ли вообще говорит? Что же, когда говорит: "**Пища для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое**" (1 Кор. 6:13)? Что же, когда, беседуя о вдовиц, говорит: "**А сластолюбивая заживо умерла**" (1 Тим. 5:6)? Ужели и вдовица – учитель? Не сам ли он сказал: "**А учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем**" (2:12)? Если же и вдовиц, которая по преклонным летам (а старость требует великого попечения), и по самой природе (а женский пол, как слабый, требует большего успокоения), – если той, которая и по возрасту и по природе заслуживает снисхождения, (апостол) не позволяет питаться пространно, но говорит, что таковая "**заживо умерла**" (ведь не просто сказал: не питаться пространно, но – "**а сластолюбивая заживо умерла**", и таким образом исключил ее из среды живых, потому что умершая уже исключена), – то как можно простить мужу то, за что наказывается престарелая жена? Но об этом никто и не думает, никто об этом не рассуждает. А я вынужден теперь сказать это, не с намерением избавить священников от упреков, но радея о вас. Они от вас не терпят никакого вреда, хотя заслуженно и по справедливости слышать упреки, как собиратели богатства; но говорите ли вы, или не говорите, они дадут ответ Судьи там, – а потому ваши слова ни мало не вредят им. Если же ваши слова еще и ложны, то они, будучи оклеветаны вами напрасно, получают от того пользу, а вы вредите самим себе. В отношении же к вам не так: правду ли говорите об них или ложь, все вредите себе тем самым, что говорите об них худо. Почему? Если говорите правду, то и в этом случае вредите себе, потому что осуждаете учителей и извращаете порядок, так как и брата не должно судить, тем более учителя; если же (говорите) ложь, то (вас постигнет) невыносимое наказание и мука, так как за всякое праздное слово дадите ответ Итак, мы все делаем и трудимся для вас. Но, как я сказал, никто об этом не рассуждает, никто этим не занимается, никто не говорит себе ничего такого. Хотите ли, я прибавлю и другое? "**Кто не отрешится**" (Лк. 14:33), говорит Христос, "**от всего, что имеет, не достоин Меня**" (Мф. 10:37). Что же, когда говорит: "**Трудно богатому войти в Царство Небесное**" (19:23)? Что же, когда говорит: "**Горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение**" (Лк. 6:24)? Никто не вникает в это, никто об этом не помышляет, никто не рассуждает сам с собою, а дела других все очень строго обсуживают. Но это значит делаться участником в делах осуждаемых. А чтобы

освободить для вас священников и от нарекания в том, в чем вы почитаете их виновными, – послушайте: ведь уверенность в том, что они преступают закон Божий, много преклоняет (вас) ко злу. Так вот исследуем и это. Христос сказал: "**Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни двух одежд, ни обуви**", ни пояса, "**ни посоха**" (Мф. 10:9,10). Что же, скажи мне? Петр преступал эту заповедь? Как же иначе, когда он имел и пояс, и одежду, и обувь? А что он имел их, – послушай слов ангела, обращенных к нему: "**опояшься и обуйся**" (Деян. 12:8); хотя и не очень нужна была такая обувь, – в ту пору можно было быть и необутым, а обувь особенно нужна в зимнее время, – однако ж он имел ее. А что Павел? Он в послании к Тимофею говорит: "**Постарайся придти до зимы**" (2 Тим. 4:21); потом повелевает и говорит: "**Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные**" (ст. 13). Вот о фелони сказал; а нельзя сказать, чтобы он не имел и другого, который носил. Если бы он вовсе не носил его, то излишне было бы приказывать принести тот; а если нельзя было не носить одежды, то очевидно он имел другой (фелонь). А что из того, что он целые "**два года**" (Деян. 28:30) пребыл на собственном иждивении? Ужели он преслушал Христа, он – этот избранный сосуд, который говорит: "**И уже не я живу, но живет во мне Христос**" (Гал. 2:20), о котором засвидетельствовал Христос, говоря: "**Ибо он есть Мой избранный сосуд**" (Деян. 9:15). Такое недоумение надлежало бы оставить при вас, и не давать никакого решения на вопрос, подвергнув вас этому наказанию за невнимание к Писаниям. Действительно, отсюда лес это происходить. Потому мы и бываем строгими судьями чужих грехов, а на свои не обращаем никакого внимания, что по знаем Писаний, что не изучаем законов Божественных. Итак, следовало бы вас подвергнуть этому наказанию. Но что мне делать? Я отец. А отцы много и сверх должного угождают детям, потому что родительское их сердце пламенеет к ним любовью; если они видят дитя печальным и унылым, сами больше его болезнуют, и не успокаиваются, пока не уничтожать причину скорби. Впрочем пусть бы это и случилось, пусть бы вы и поскорбели о том, что не понимали (прежде), – только бы (теперь) хорошо поняли.

6. Что же должно сказать? Нет, (апостолы) не противились, но с точностью последовали заповедям Христовым, а заповеди те были даны па время, а не навсегда. И это говорю я не по догадке, но согласно Божественному Писанию. Как? Лука повествует, что Христос сказал ученикам: "**Когда Я посылал вас без мешка и без сумы**" и без пояса "**и без обуви, имели ли вы в чем недостаток? Они отвечали: ни в чем**" (Лк. 22:35). Итак, теперь уже приобретайте. Но что следовало (делать), скажи мне? Иметь один хитон? Что же? Если нужно было вымыть его, то ужели надобно было сидеть дома нагому? Или, в случае нужды, ходить нагому и нарушать благопристойность? Подумай, каково бы было Павлу, для столь важных дел обходившему вселенную, сидеть дома за неимением одежды, и при столь многих делах встречать препятствие? Что же, если бы настала сильная стужа, и пошел сильный дождь, или заморозило, то как бы можно было обсушиться? Опять нужно было сидеть нагому? Что же, если бы холод расстроил тело, пришлось бы чахнуть, и не проповедовать? А что им даны были не адамантовые тела, – послушай, что сказано Тимофею: "**Употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов**" (1 Тим. 5:23); и еще касательно другого: "**Впрочем я почел нужным послать к вам Епафродита, брата и сотрудника и сподвижника моего, а вашего посланника и служителя в нужде моей, потому что он сильно желал видеть всех вас и тяжко скорбел о том, что до вас дошел слух о его болезни. Ибо он был болен при смерти; но Бог помиловал его, и не его только**" (Фил. 2:25–27). Следовательно и они подвержены были всяким болезням. Что же? Нужно было гибнуть? Никак. Для чего же тогда (Христос) заповедал так? Для того, чтобы показать Свою силу, что и после Он мог сделать так, но не сделал? Почему же не сделал? Апостолы были гораздо важнее израильтян, у которых не истерлась ни обувь, ни одежда, хотя они и проходили по такой Пустыне, где солнечные лучи настолько жарки, что могли разрушать и самые камни. Почему же сделал это? Для

тебя. Так как ты не (всегда) мот быть здоровым, но мог быть больным, то (Бог) дал тебе способ врачеваться. И это очевидно из следующего. Скажи мне, ужели Он сам не мог их пропитать? Если Он (все нужное) даль тебе, оскорбителю, то не тем ли более дал бы Павлу? Кто дал израильтянам – ропотникам, блудникам, идолослужителям, Тот не тем ли более дал бы Петру, который все для Него оставил? Кто попустил иметь (нужное) беззаконникам, Тот не тем ли более даровал бы Иоанну, который для Него оставил и отца? Но Он не захотел; я питает их через тебя, чтобы ты освятился. И заметь избыток человеколюбия. Он благоволил быть ученикам Своим уничиженными, чтобы ты сколько-нибудь воодушевился. Но если бы Он дал им все нужное, скажут, то они были бы гораздо почтеннее, гораздо славнее. Но в таком случае был бы ущерб твоему спасение. Потому Он восхотел, чтобы они были не славными, но более уничиженными, чтобы тебе спастись; и попустил им быть уничиженными, чтобы ты мог спастись. Не столько достопочтенен бывает учитель берущий, сколько не берущий; но ученик не получает пользы, а лишается плода. Видишь ли премудрость человеколюбивого Бога? Как Он сам не искал Своей славы, и не имел в виду Своего, но, будучи в славе, восхотел быть в бесславии для тебя, – так и в отношении к учителям. Имея силу сделать их славными, благоволил, чтобы они были презираемы для тебя, чтобы ты мог получить пользу, чтобы ты мог обогатиться. У него недостаток в житейском для того, чтобы ты имел изобилие в духовном. А что Он мог дать им все нужное, на это много доказательств; равным образом доказывается и то, что Он попустил им быть в скудости для тебя. Итак, оная это, обратимся не к осуждению, но к благотворению; будем не чужие грехи разбирать, но свои обсуживать; будем в других замечать добродетели, а в себе находить грехи, – и таким образом будем благодарить Бога. Кто смотрит и на чужие грехи, и на свои добродетели, тот вдвойне вредить себе: от этих (добродетелей) надмевается гордостью, а от тех (грехов) впадает в нерадение. Когда он представить, что такой-то согрешил, то и сам легко впадет в грех, а когда представить, что сам совершил доброе, то легко возгордится. А кто, предавая забвению свои добродетели, смотрит на одни (свои) грехи, и замечает в других не грехи, но добродетели, тот получает много пользы. Как, – слушай. Когда видит, что такой-то поступает добродетельно, то возбуждается к равной ревности; а когда видит, что сам согрешил, то проникается смиренномудрием и скромностью. Если будем так поступать и так устраивать дела свои, то сможем достигнуть обещанных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 10

"Впрочем, братия мои, радуйтесь о Господе. Писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно. Берегитесь псов, берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания, потому что обрезание – мы, служащие Богу духом и хвалящиеся Христом Иисусом, и не на плоть надеющиеся" (Фил. 3:1–3).

1. Когда печали и заботы чрезмерно угнетают душу, то отнимают у нее силу. Потому-то Павел и ободряет филиппийцев, которые находились в великой печали. А печалились они потому, что не знали, каковы обстоятельства Павловы; печалились потому, что почитали его умершим, (печалились) о проповеди, – об Епафродите. Итак, сообщая им обо всем этом удовлетворительное известие, он и присовокупляет: "**Впрочем, братия мои, радуйтесь**". Теперь, говорит он, вы не имеете причины печалиться: Епафродит, о котором скорбели, с вами, с вами же и Тимофей, и я иду, евангелие преуспевает. Чего же недостает вам? "**Радуйтесь**". Галатов (апостол) называет чадами (Гал. 4:19), а этих братьями. Когда он хочет или исправить что-либо, или показать особенную любовь, то называет чадами; а когда беседует с большим почтением, то называет братьями. "**Впрочем, братия мои**", – говорит он, – "**радуйтесь о Господе**" (Фил. 3:1). Хорошо сказал: "**О Господе**", а не

мирской (радостью), потому что последнее не значит радоваться. Самые скорби за Христа, говорит (апостол), заключают в себе радость. "**Писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно. Берегитесь псов**" (ст. 2). Видишь ли, как он предлагает совет не в начале, а тогда, когда много похвалил их, когда почтил их, – тогда это делает, и опять хвалить. Так как его речь кажется жестокой, то он отовсюду и прикрывает ее. Кого ж он называет псами? (В Филиппах) были некоторые, на кого он намекает во всех посланиях, – иудеи мерзкие и гнусные, корыстолюбивые и властолюбивые, которые, желая отторгнуть многих из верующих, проповедовали и христианство и иудейство, искажая Евангелие. Так как трудно было распознать их, то (апостол) и говорит: "Берегитесь псов". иудеи уже не чада. Некогда назывались (псами) язычники, а теперь они; почему? Потому, что как язычники были отчуждены от Бога и Христа, так и они отчуждены ныне. Этим показывает их бесстыдство и наглость, и великое удаление от чад. А что язычники некогда назывались псами, – послушай, как говорит хананеянка: "**Так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их**" (Мф. 15:27). А так как и псы бывают при столе, то чтобы они (иудеи) лишены были и этого, (апостол) присовокупляете причину, но которой и отчуждаете их, говоря: "**Берегитесь злых делателей**" (Фил. 3:2). Достойны удивления слова: "**Берегитесь злых делателей**": они действуют, говорит, на зло, и действование их гораздо хуже самого бездействия – они расстраивают благоустроенное. "**Берегитесь**", – говорит, – "**обрезания**". Обрезание у иудеев считалось важным, ему уступал и закон, и суббота была ниже его; для совершения обрезания нарушалась и суббота, а для соблюдения субботы никогда не нарушался (закон) обрезания. Обрати внимание на домостроительство Божье: обрезание ставится выше субботы; оно не оставлялось ни в какое время. Итак, если обрезание отменено, то тем более суббота. Потому-то Павел не употребляете имени (обрезания), и говорите: "**Берегитесь обрезания**" (κατατομή). Не сказал, что обрезание худо, обрезание излишне, чтоб не поразить этих людей; но поступает благоразумнее: от предмета отводить, и выражение употребляете приятное, заботясь преимущественно о деле. К галатам же не так (пишет). Так как у них была великая болезнь, то (апостол) открыто и полновластно употребляете сечение (τομή): филиппийцам же, которые ничего такого не делали, угождаете выражением. И тех и других опровергает, говоря: "**Берегитесь обрезания, потому что обрезание – мы**" (περιτομή) (Фил. 3:3). Каким образом? "**Служащие Богу духом и хвалящиеся Христом Иисусом, и не на плоть надеющиеся**". Не сказал: исследуем то и другое обрезание, которое лучше, но даже первого не назвал по имени; что яге говорит? Обрезание, то есть, сечение. Почему? Потому, что совершающие его не что иное делают, как только отсекают плоть. Когда это действие перестало быть законным, то оно – уже не что иное, как сечете и отсечете плоти. Следовательно (обрезание) он так называете или по этой причине, или потому, что покушались рассечь Церковь. И мы употребляем слово: сечение, говоря о тех, которые делают это ненамеренно, неосторожно и неискусно. Если же должно искать истинного обрезания, говорите (апостол), то найдете его у нас, "**служащие Богу духом**", т. е. служим духовно.

2. В самом деле, скажи мне, что лучше, душа или тело? Очевидно, душа. Потому и то (плотское) обрезание не лучше, но это одно (духовное) и есть обрезание. Пока оставался прообраз, до тех пор справедливо применялось сравнение. "**Снимите крайнюю плоть с сердца вашего**" (Иер. 4:4). Так и в послании к Римлянам (апостол) отвергает обрезание, говоря: "**Ибо не тот Иудей, кто таков по наружности, и не то обрезание, которое наружно, на плоти; но тот Иудей, кто внутренне таков, и то обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве**" (Рим. 2:28,20). Здесь же лишает его даже имени: не есть и обрезание, говорит. Прообраз называется так до тех пор, пока не пришла истица; когда же пришла истина, то уже не называется. Подобие мое бывает в живописи: если кто-нибудь набросал эскиз царя, то пока еще не наложены краски, не называют царем; когда же

наложатся, то прообраз закрывается истиной и невиден, – мы тогда говорим: вот царь. При том (апостол) не сказал: обрезание есть в нас, но – "**обрезание – мы**", – и справедливо: это обрезание, состоящее в добродетели, и есть человек, оно-то есть истинно человек. О них же (иудеях) сказал не так, но – "**берегитесь обрезания**", – потому что они погибали и были нечестивы. Потом, показывая, что обрезание совершается не в теле, а в сердце, говорит: "**не на плоть надеющиеся, хотя я могу надеяться и на плоть**" (Фил. 3:4). Что он выражает здесь словами: "**надеятся**", и – "**на плоть**"? Похвалу себе, дерзновение, важность. И хорошо присовокупил это. Если бы он, будучи из язычников, охуждал обрезание, и не обрезание только, но и тех, которые уже не во время принимают его, то показалось бы, что он нападает на него потому, что лишен благородного происхождения иудейского, не знал великих его преимуществ, и не имел в них участия; но когда он имеет участие и охуждает, то охуждает не потому, что не имеет участия, но потому, что не признает, – не по неведению, но вследствие совершенного знания. Смотри, что он говорит и в послании Галатам, будучи поставлен в необходимость высказать свои достоинства, (смотри) как вместе с тем показывает и смиренномудрие: "**Вы слышали**", – говорит, – "**о моем прежнем образе жизни в Иудействе**" (Гал.1:13); и еще здесь: "**Если кто другой думает надеяться на плоть, то более я**" (Фил. 3:4), и тотчас присовокупляет: "**Еврей от Евреев**". Не сказал этого прежде, но лишь после слов: "**Если кто другой**", показывая этим необходимость, показывая, что он для них сказал. Если и вы надеетесь,. говорит он, то "**то более я**". Говорю это теперь; иначе бы умолчал. Заметь легкость обличений: тем, что обличает безлично, дает им возможность уклониться от обличения. "**Если кто другой думает надеяться**". Хорошо сказал: "**думает**", – или потому, что они не имели такого надеяния, или потому, что надеяние их но было истинное надеяние, так как все было делом необходимости, а но свободной воли. "**обрезанный в восьмой день**" (ст. 5). Сперва выставляет то, чем особенно хвалились они – обрезание, потом – "**из рода Израилева**". То и другое показывало, что он ни пришелец, ни от пришельцев; из слов – "**обрезанный в восьмой день**" видно, что он не пришлец, а из слов – "**из рода Израилева**" видно, что он и от родителей не пришельцев. Но чтобы ты не подумал, что – "**из рода Израилева**" значит от десяти колен, то говорит: "**колена Вениаминова**": следовательно из почетнейшего, потому что в уделе этого колена были участки священников. "**Еврей от Евреев**". Этим он показывает, что он не пришлец, но издревле от почтенных иудеев. Можно было быть и от Израиля, но не евреем от евреев, так как многие уже привели в упадок свой род и забыли свой язык, смешавшись с другими народами. Таким образом он показывает здесь или это самое (чистоту), или особенное благородство своего происхождения. "**По учению фарисей**". Дале переходить к тому, что было делом его свободной воли. Все вышесказанное было непроизвольно, не от него зависело быть обрезанным, быть от рода Израилева и от колена Вениаминова. Впрочем и в этом отношении он имел больше преимуществ, хотя в них участвовали многие. В чем же "**более**"? Конечно и в том, что он не пришлец, что он из почетнейшего колена, и издревле от таких предков, каких не многие имели. Но так как все это было непроизвольно, то он переходить к делам произволения, в чем видно это "**более: по учению фарисей, по ревности – гонитель Церкви Божьей**" (ст. 6). Последние слова говорит он потому, что раньше сказанные недостаточно объясняют слово: "**более**". Можно быть и фарисеем, однако ж не великим ревнителем "**по правде**"; можно отваживаться на опасности и делать это по властолюбию, а не по ревности о законе, как и делали первосвященники; но он был не таков, "**по правде законной – непорочный**". Итак, если я, говорит он, превосходил всех и благородным происхождением, и ревностью, и нравом, и жизнью, то для чего я оставил эти высокие преимущества, как не для того, чтобы приобрести Христовы большие, и гораздо большие? Вот почему он присовокупляет: "**Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою**" (ст. 7).

3. Павел отвергнул образ жизни, который так тщательно проходил, начавши с первого возраста, – столь благородное происхождение, столько опасностей, столько козней, труды, ревность, – и то, что прежде было выгодно, почел убытком, чтобы приобрести Христа; а мы для приобретения Христа не презираем и денег, но готовые лучше лишиться будущей жизни, Нежели вещей настоящих, хотя они не что иное, как убыток. Действительно, если порознь исследовать все предметы богатства, то, скажи, не убыток ли они, требующий чрезвычайного труда, и не приносящий никакой пользы? Скажи мне, какая польза от многих и дорогих одежд? Какую получаем прибыль, когда надеваем их? Никакой, кроме только убытка, Почему? Потому, что и нищий в бедной и изношенной одежде, находясь на жару, ничем не труднее тебя переносить зной, даже гораздо легче, так как изношенная и при том одна одежда дает телу более свободы, нежели вновь сшитая, хотя бы она была тоньше паутины. К тому же по чрезмерному тщеславию ты носишь по две и по три одежды, часто еще и плащ, и пояс, и нижнее платье (ἀναξορίδας); а его и в одной одежде никто не осуждает, между тем он легче переносить зной. От этого-то, как мы видим, богачи потеют, а нищие ничего такого не терпят. Итак, если и бедная и ничего нестоящая одежда доставляет нищему ту же или еще большую пользу, а те при большей трате денег достигают того же, то не убыток ли ото великое излишество? По отношению к пользе и употреблению, тебе не прибавилось от них ничего, а денег истрачено больше; употребляются же и служат он также. Ты, богач, купил (одежды), может быть, за сто золотых, либо и дороже, а бедняк – за малую серебряную монету. Видишь ли убыток? Но тщеславие не позволяет тебе видеть его. Хочешь ли, поговорим и о золотых уборах, которыми украшают коней и жен? Сверх других, богатство производить в людях и эту глупость. Одной и той же чести удостаивают и жен и коней; у тех и других украшение одно; и жены хотят блистать тем же, чем и упряжь и кожаные занавесы, за которыми возят их. Скажи, какая прибыль украшать мула или коня золотом? II что особенного получает твоя жена, обремененная такой тяжестью золота и камней? Но, говорят, золотые вещи не портятся. Напротив, и это случается весьма часто, как утверждают знатоки в этих вещах, – потому что в банях и во многих местах и камни и золотые вещи много теряют цены. Но пусть будет и так, пусть они нисколько не повреждаются: какая же прибыль от них, скажи мне? Что ж, если они выпадут и потеряются, не убыток ли это? Что ж, если они возбудят зависть и злоумышление, не убыток ли? Не убыток ли, когда они для нарядившейся не приносят никакой пользы, а между тем воспламеняют глаза завистников, и даже возбуждают грабителей? Скажи, не убыток ли, когда муж, имея право употребить их на дело, приносящее прибыль, не может этого сделать вследствие больших издержек своей жены, и бывает принужден терпеть голод и крайнюю нужду, а ее видеть в золоте? Деньги для того и называются вещами употребительными (χρήματα), чтобы мы употребляли их не как выписки золотых дел мастеров, но чтобы делали из них что-нибудь доброе. Итак, если тебе не позволяет этого пристрастие к золоту, то не убыток ли все? Кто не смет пользоваться ими, как бы чужими, тот и не пользуется, и вовсе нет от них пользы. Что пользы и тогда, когда мы строим светлые и огромные дома, украшаем их колоннами, мрамором, галереями и балконами, и ставим всюду истуканы и статуи? Многие вызывают из этих истуканов и демонов; но мы не будем этого касаться. К чему и золотая кровля? Не такую же ли пользу доставляет она, как и тому, у кого скромный дом? Но, скажут, за то большое удовольствие. Да, но только на день или на два, не больше. Если и солнце не поражает нас, по привычке к нему, то тем более произведения искусства: мы занимаемся ими столько же, сколько и глиной. Что, скажи мне, придает изяществу дома множество колонн, красота статуй, и позолота стен? Ничего; это – дело только глупости, гордости, чрезмерного тщеславия и безумия. Из всего даже полезного нам должно иметь необходимое, а не излишнее.

4. Видишь ли, что это (украшение) убыток? Видишь ли, что оно излишне и бесполезно? Если оно не доставляет ни большей пользы, ни удовольствия, – так как со временем

производить пресыщение, – то не что иное, как убыток. Но тщеславие препятствует, не дает нам видеть этого. Так Павел оставил и то, что почитал выгодой, а мы не оставим и убытка для Христа? До каких пор еще будем привязываться к земле? До каких пор не будем устремлять взора на небо? Не видите ли, что старики вовсе не чувствуют прошедшего? Не видите ли, что умирают и в старости и в юности? Не видите ли, что еще при жизни лишаются имения? Зачем яге прилепляемся к непостоянному? Зачем привязываемся к непрочному? До каких пор не будем . заботиться о вечном? Чего бы не дали старики, если б им можно было избавиться от старости? Потому не крайнее ли безумие, что мы желаем возвратить прошедшую молодость, и готовы отдать все, чтоб сделаться моложе, а когда можно получить юность никогда не и старающуюся, при том юность с е великим богатством, духовнейшую, не хотим пожертвовать и малого, по жалеем и того, что и в настоящее время вовсе бесполезно? Богатство не может избавить тебя от смерти, не сильно прогнать болезни, И воспрепятствовать старости и всему тому, что необходимо и совершается по закону природы, и ты еще привязан к нему? Что за выгода, скажи мне? не отсюда ли пьянство, объедание, неприличные и разнообразным удовольствия, изнуряющие вас более, нежели жестокие господа? Вот какую только выгоду можно получить от богатства, а другой никакой, – оттого никакой, что но хотим: а если бы мы захотели, то через богатство наследовали бы и самое небо. Поэтому богатство – хорошая вещь, скажут мне? Не от богатства это зависит, а от свободной воли владеющего им. А что это зависит от воли, ты увидишь вот из чего: небо можно наследовать и бедному. Бог, как я часто говорил, смотрит не на меру подаваемого, но на намерение подающих. И будучи бедным и подавая мало, можно получить все, потому что Бог требует того, что по силам; и ни богатство не ведет к небу, ни бедность к геенне, но к тому или другому ведет добрая или злая воля. Итак, исправим ее. восстановим ее, устроим ее, и все для нас будет удобно. Как плотник, железная ли у него будет секира или золотая, одинаково обделывает бревна, и даже лучше железной, – так и здесь: добродетель гораздо удобнее совершается при бедности. Ведь о богатстве говорит Христос: "**Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божье**" (Мф. 19:24). О бедности же ничего подобного не сказал, но говорит даже противное: "**Все, что имеешь, продай и раздай нищим, и последуй за Мною**" (Мк. 10:21), так как от свободной воли зависит последование за Ним.

5. Итак, по будем убегать бедности, как бы зла, потому что она есть залог царствия: не будем также гоняться и за богатством, как бы за благом, потому что неблагоразумных оно губить; но во всяком состоянии, возводя взор свой к Богу, будем, как должно, употреблять блага, дарованные нам от Него, и телесную силу, и богатство, и все прочее. Неприлично нам, созданным Богом, употреблять эти блага на другое, а не для Создателя нашего. Он дал тебе глаза? Для Него и употребляй их, а не для дьявола. Как же употреблять для Него? Рассматривай Его творения, и прославляй Его, и не обращай взоров на женщин. Он дал тебе руки? Для Него и употребляй их, а не для дьявола; не на хищение и любостяжание, а на исполнение заповедей и на благотворения; простирай их в продолжительных молитвах и на помощь падшим. Он дал тебе уши? Для Него и употребляй их, а но для слушания шумных песен и срамных рассказов: "**И всякая беседа твоя**", – сказано, – "**в законе Вышнего**" да будет (Сир. 9:20); и еще: "**Бывай в собрании старцев, и кто мудр, прилепись к тому**" (6:35). Он дал тете уста? Пусть же не произносить они ничего неблагоугодного Ему, но поют псалмы, гимны, духовные песни: "**Дабы оно доставляло благодать слушающим**" (Еф. 4:29), в созидание, а не на разорение, на славословие, а не на злоречие, не на клеветы, но на все противное. Он дал тебе ноги для того, чтобы ты спешил не ко злу, но к добру. Он дал тебе желудок не для того, чтобы ты слишком наполнял его, но чтоб жил воздержно. Он вложил вожделение для деторождения, а не для блуда и прелюбодейства. Дал тебе ум не для того, чтобы ты хулил, не для того, чтобы поносил Его, но чтобы прославлял. Дал и деньги, чтобы мы употребляли их как должно;

дал силу, чтобы и ее употребляли как должно. Дал искусства для поддержания жизни, а не для того, чтобы мы уклонялись от духовных занятий; для того, чтоб изучали искусства не пустые, но необходимые; для того, чтобы друг другу служили, а не козни строили друг против друга. Дал кров, но для того, чтоб он защищал только от дождя, а не для того, чтоб был украшаем золотом, а бедняк погибал бы с голоду. Дал одежды для того, чтобы мы прикрывались ими, а не тщеславились; не для того, чтобы на них много было золота, а Христос умирал бы ногой. Дал дом не для того, чтобы ты жил в нем один, но чтобы принимал и других. Дал землю не для того, чтобы ты, отделивши себе большую часть ее, тратил блага Божьи на блудниц, плясунов, актеров, флейтщиков и арфистов, но на алчущих и нуждающихся. Дал тебе море, чтобы ты плавал, чтобы не утруждался от путешествия, а не для того, чтобы ты исследовал глубины его и извлекал оттуда камни и т. п., не для того, чтобы ты занимался этим. Итак, для чего яге, скажешь, камни? Скажи мне лучше ты, для чего камни, и почему они столь драгоценны? По внутреннему ли достоинству, или пользе? Но более полезны недрагоценные. Они по крайней мере годны для строения, а т ни к чему не годны; при том же они и крепче. Но, скажешь, драгоценные составляют украшение. Как? Это предрассудок. Белее ли они? нет, не белее самого благо мрамора, даже и не равняются ему. Крепче ли? Едва ли кто-нибудь это скажет. Быть может полезнее, больше? И этого нет. Почему же ими восхищаются? Не почему другому, как по предрассудку. Если они не красивее, – так как найдем светлее и белее их, – если не полезнее, не крепче, то почему же так восхищаются? Не по одному ли предрассудку? Для чего же Бог дал их? Не Он дал, а ты почел их за нечто великое. А почему, скажешь, Писание представляет их важными? Оно говорит уже сообразно твоему понятию, подобно тому, как и учитель, разговаривая с дитятей, часто представляет важным, то, к чему хочет склонить его и привлечь. Что ты ищешь красоты в одежд? Надевай на себя одежду и обувь, этим украшайся, этим довольствуйся. "**Суды Господни**", – говорит Давид, – "**вожделеннее золота и даже множества золота чистого**" (Пс. 18:11); а о красивых одеждах сказал ли где-нибудь? Не полезны они, возлюбленные! Если б он были полезны, то Бог не повелел бы пренебрегать ими. А божественное Писание говорит приспособительно к нашему понятию, – и это дело человеколюбия Божья. Для чего же, скажешь, Бог дал порфиру, и тому подобное? Это – дело величия Божья. Он благоволил явить богатство Свое и в других вещах: так, Он дал тебе одну пшеницу; а ты приготовляешь многое – пироги, разнородные и разновидные пирожки, весьма вкусные. Впрочем все это изобрело и тщеславие: тебе показалось, что это будет всего превосходнее. А если бы какой-нибудь чужестранец или сельчанин, не употреблявший их, видя, что ты ими восхищаешься, спросил тебя, почему ты восхищаешься, – что бы ты ответил? Что хороши на взгляд? нет. Итак, оставим такой предрассудок, и возлюбим непреложно истинное, а не то, что не существует, а лишь проходить подобно протекающей рек. Поэтому, прошу, поставим себя на камне, чтобы и избежать удобопревратного, и получить будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 11

"Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем не со своей праведностью, которая от закона, но с той, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере; чтобы познать Его, и силу воскресения Его" (Фил. 3:7–10).

1. В спорах с еретиками надобно препираться мыслями сильными, и непрестанно. Не давая им нисколько времени отдохнуть, можно таким образом привести их полчище в

смятение, и совершенно преодолеть. Потому, желая от писаний приготовить вас к таким спорам, чтобы вы могли и этим способом заграждать уста возражателей, я начинаю настоящую беседу свою концом прежней. Какой же, скажут, был конец той? Апостол, перечисливши все отличия иудейские, как от природы, так и от свободной волн, присовокупил: "**Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа**". На эти слова нападают еретики. Вот и то – дело премудрости Духа, что Он допустил им надеяться на победу, чтобы они предприняли борьбу. Если бы (апостол) сказал ясно, то они постудили бы с этими словами так же, как поступали с другими: бросили бы книги, отреклись бы от Писания, будучи совершенно не в сила смотреть на него. Но, как поступают при ловле рыбы, именно – то, чем можно поймать ее, не открыто ставят, а скрывают, почему она сама и набегает, – так точно случилось и здесь, когда Павел назвал закон тщетою. Закон у него назван уметами, назван тщетою: невозможно, говорит он, приобрести Христа, если бы я не почел закона тщетою. Это все заманило еретиков принять это место, как благоприятствующее им. Когда же они приняли, то со всех сторон окружены были сетями. Что говорят эти нападающие? Вот закон назван тщетою, вот назван уметами: как же вы говорите, что он Божий? Но и это самое служит в пользу закона; а как, увидим из следующего. Вникнем тщательнее в сказанное. (Апостол) не сказал, что закон тщета, но "**почел**" его "**тщетою**", говоря о приобретении, не сказал – вмених, но: "**было преимуществом**", а говоря о тщете, сказал: "**почел**", – и справедливо: первое по природе таково а последнее только по нашему мнению. Итак что же? По словам апостола, закон не тщета? Тщета, но "**ради Христа**". Но теперь он стал приобретением. Закон, говорит, не считался только, но был приобретением, – к бы так сказал: подумай, чего стоило людей, сделавшихся по природе зверями, преобразить в людей! Если бы не было закона, не была бы дана и благодать. Почему? Потому что он был (к ней) как бы мостом. Когда нельзя с весьма низкого места взойти на возвышенное, то ставится лестница; а кто взошел, тот хотя более и не имеет нужды в лестнице, однако ж поэтому не пренебрегает ею, но остается еще благодарным к ней. Она поставила его в такое состояние, что он более не имеет нужды в ней; и за это-то самое, что не имеет нужды в ней, он считает справедливым изъявить ей благодарность, потому что (без нее) не взошел бы. То же (должно сказать) и о законе. Он возвел нас на высоту, потому был приобретением; по теперь мы почитаем его убытком, – почему? Не потому, что он убыток, но потому, что благодать гораздо больше его. Голодный бедняк, доколь имеет серебро, избавляется от голода; а когда найдет золото, между тем не может обладать тем и другим вместе, то обладание первым считает убытком и, бросив его, берет золото; бросает же серебро не потому, что оно убыток, – оно неубыточно, – но потому, что ему нельзя взять и то и другое вместе, а необходимо одно оставить. Так и здесь. Следовательно убыточен не закон, а отступление от Христа по привязанности к закону; потому когда он отводить нас от Христа, тогда бывает убытком, а когда приводить к Нему, то не бывает таковым. Вот почему (апостол) говорит: "**Ради Христа тщетою**". Если же "**ради Христа**", то (закон) не по природе тщета. Почему же закон не допускает придти ко Христу? Он для того, скажешь, и Дань, и исполнение закона Христос, и "**конец закона – Христос**" (Рим. 10:4). Допускает, если мы будем верить ему. значит, кто верит закону, тот оставляет самый закон? Оставляете, если мы внимательны; а если невнимательны, то не оставляет. "**Да и все почитаю тщетою**" (Фил. 3:8). Что я отношу это к закону только, говорит (апостол)? мире разве не благо? Настоящая жизнь разве не благо? Но если они удаляют меня от Христа, то я считаю и их убытком. Почему? "**Ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего**". При солнечном освещении сидеть за свечой – убыток, – так что убытком становится (что-нибудь) от сравнения с предметом превосходнейшим. Видишь ли, что – (у апостола) сравнение? "**Ради превосходства**", – говорит он, а не за что-нибудь разнородное, так как преимущество иметь место между

предметами однородными. Таким образом, выводя по сравнению превосходство одного разумения пред другим, (апостол) вместе показывает и однородность их. "**Для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа**". "**Сор**": называет ли (апостол) закон отбросом, еще Не видно: вероятно, он называет так предметы мира. Сказавши: "**Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою**", говорит: "**Да и все почитаю тщетою**". Сказал – вся, т. е. и древнее и настоящее. Впрочем, если ты хочешь относить это и к закону, то через это он не будет поруган. Отброс есть у пшеницы, и именно грубое у пшеницы есть отброс, т. е. мякина. Поэтому прежде пшеницы нужен отброс, и мы собираем его вместе с пшеницей; и если бы не было отброса, то не было бы и пшеницы. Это же надобно сказать и о законе.

2. Видишь, как (апостол) везде называет убытком вещь не саму в себе, но Христа ради? "**Да и все почитаю тщетою**". Почему? "**Ради превосходства**", – говорит, – "**познания**" Того, "**для Него я от всего отказался**". Дале присовокупляет: потому "**и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа**". Видишь, как он везде опирается на Христа, и нигде не позволяет бесчестить и поносить закон, но отовсюду ограждает его. "**И найтись в Нем не со своей праведностью, которая от закона**" (ст. 9). Если имеющий правду (от закона) прибегнул к правде (Христовой), потому что та ничего не значит, то не гораздо ли более должны прибегать (ко Христу) те, которые не имеют ее? И хорошо он сказал: "**Не со своей праведностью**", т. е. не той, которую стяжал я потом и трудами, говорит он, но той, которую приобрел по благодати. Итак, если и добродетельный спасается по благодати, то тем более вы. Вероятно, (филиппийцы) говорили, что правда, приобретаемая трудами, важнее; поэтому (апостол) и показывает, что эта правда пред той – отбрось. Если бы я когда-либо совершил ее, то не отверг бы ее, и не прибегнул бы к той. Какая же это правда? Та, которая бывает от веры Божьей, т. е., которая дана от Бога: вот правда Божья, – она всецело дар Божий. Дар же Божий гораздо превосходнее маловажных добрых дел, совершаемых нашим старанием. А то такое вера? "**По вере**", – говорит, – "**чтобы познать Его**" (ст. 10). Итак, врою приобретается познание (о Бог), и без веры невозможно познать Его. Каким образом? Верой должно познавать силу воскресения Его. Какое в самом деле умствование убедить нас в воскресении? Никакое, а только одна вера. Если же воскресение Христово по плоти познается врою, то какими умствованиями может быть постигнуто рождение Бога Слова? Ведь воскресение мене рождения. Почему? Потому что примеров воскресения было много, а примера такого рождения ни одного; прежде Христа многие умершие воскресали, хотя воскресши и умирали, но от девы не родился никто никогда. Итак, если и то, что мене важно рождения по плоти, должно быть постигаемо врою, то как может быть постигнуто умствованием то, что гораздо важнее, бесконечно, несравненно важнее? Вот что составляет правду. Надобно верить, что это могло быть, а как могло быть, этого невозможно представить. От веры зависит и общение в страданиях. Каким образом? Если бы мы не веровали, то и не страдали бы; если бы не веровали, что спострадавши (Христу) мы будем и соцарствовать (Ему), то не терпли бы страданий. Итак, и рождение и воскресение постигается врою. Видишь ли, что нужна вера не просто, но е вера соединенная с делами? Тот преимущественно верует, что Христос воскрес, кто смело идет на опасности, кто имеет общение в Его страданиях, так как имеет общение с воскресшим, с живущим. Потому-то и сказал (апостол): "**И найтись в Нем не со своей праведностью, которая от закона, но с той, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере; чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресения мертвых**" (ст. 10,11). "**Сообразуясь**", – говорит, – "**смерти Его**", т. е. участвуя в ней, потому что как Он пострадал от людей, так и я. Вот почему (апостол) сказал, "**сообразуясь**"; и в другом месте: "**Восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых**" (Кол. 1:24), т. е. гонения и страдания мои составляют этот образ Его смерти, потому что (апостол) не своей пользы искал, но (пользы) многих. Потому и гонения, и скорби, и тесные обстоятельства

не только не должны смущать вас, но еще (должны) радовать, так как через них мы сообразуемся смерти Иисуса Христа, так сказать – изображаем (Его в себе), как и говорит (апостол) в другом месте: "**Носим в теле мертвость Господа Иисуса**" (2 Кор. 4:10). Но и это происходить от великой веры, так как мы веруем не только тому, что Христос воскрес, но и тому, что по воскресении Он иметь великую силу, – почему и идем тем же путем, которым Он шел, т. е. делаемся и поэтому братьями Ему, так сказать – делаемся и поэтому христами. О, как велико достоинство страданий! Мы веруем, что через страдания мы сообразуемся смерти Его; как в крещении мы "**спогребемся подобием смерти Его**", так здесь сообразуемся смерти Его. Правильно там сказал (апостол): "**подобием смерти Его**" (Рим. 6:5), так как мы не всецело умерли, – умерли не телом по плоти, но греху. Так как и то и другое называется смертью, Христос умер телом, а мы для греха, там умер человек, которого Он воспринял, человек в тел нашем, а здесь человек греха, – то в одном случай (апостол) и сказал: "**Подобием смерти Его**", а в другом – не подобием смерти, но самой смерти.

3. Так, Павел среди гонений умер не для греха, но самым телом; а потому претерпел такую же смерть. "**Чтобы достигнуть**", – говорит, – "**воскресения мертвых**" (Фил. 3:11). Что ты говоришь? Без сомнения и все достигнуть его: "**Не все мы умрем**", – сказал (ты сам), – "но **все изменимся**" (1 Кор. 15:51), и но только воскресения, но и нетления (достигнуть) все, одни к чести, а другие для наказания. Если же все достигнуть воскресения, и не только воскресения, но и нетления, то для чего ты, как будто желая получить что-то особенное, сказал: "**Чтобы достигнуть**" (Фил. 3:11)?

Я, говорит, для того и терплю это: "**чтобы достигнуть воскресения мертвых**"; а если им умрешь, то и не воскреснешь. Что это значит? Кажется, он делает намек здесь на что-то важное. Действительно, это было настолько важно, что он даже не решился сказать о том прямо, но говорит только: "**чтобы**". Я уверовал (как бы так говорит он) во Христа и в Его воскресение, и даже страдаю за Него; но еще не могу быть совершенно уверен в своем воскресении. О каком воскресении говорит он здесь? О том, которое ведет к самому Христу. Я, сказал (апостол), уверовал в Него и, в силу воскресения, участвую в Его страданиях и сообразуюсь смерти Его; но за всем тем я еще не совершенно уверен, – что говорит и в другом месте: "**Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть**" (1 Кор. 10:12); и еще: "**Дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (9:27). "**Говорю так не потому, чтобы я уже достиг, или усовершился; но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус**" (Фил. 3:12). "**Не потому, чтобы я уже достиг". Что такое: "уже достиг"**? Т. е. награды. Если же столько пострадавший, если гонимый, если носящий мертвость еще не совсем был уверен в том воскресении, то что скажем мы? Что значат слова: "**не достигну ли я**"? То же, что и выше сказанные – "**чтобы достигнуть воскресения мертвых**". Если я, говорит он, достигну Его воскресения, т. е. если я смогу столько же пострадать, если смогу уподобиться Ему, если смогу сделаться сообразным Ему. Так, Христос много пострадал, был оплеван, заушаем, бичеван, наконец умер. И вот поприще: через все это должны достигать Его воскресения и все подвижники (Его). Таким образом или это (апостол) выражает здесь, или следующее: если я удостоюсь достигнуть славного воскресения, соединенного с упованием, то достигну воскресения Христова; если я совершу все подвиги, то и воскресения Его достигну, и восстану со славой. Теперь, говорит, я еще недостоин: "**Стремлюсь, не достигну ли я**". Жизнь моя еще в подвигах, я еще далек от цели, еще не близок к наградам, еще бегу, еще гоню. Не сказал: бегу, но – "стремлюсь", и справедливо. Вы знаете, с каким напряжением стремится гонящий: он не смотрит ни на кого, с великим усилием отталкивает всех препятствующих, и ум, и взоры, и силу, и душу, и тело устремляет к одному, не имея в виду ничего другого, кроме награды. Если же и Павел, так гонящий, столько пострадавший, говорит еще: "**не достигну ли я**", то что скажем мы, лежащие на боку? Далее, желая показать, что это

составляет обязанность, (апостол) говорит: "**как достиг меня Христос Иисус**". Я был, говорит, из числа погибающих, утопал, был близок к погибели; но Бог спас меня, так как Он гонится за ними убегающими от Него с великой стремительностью. Все это (апостол) и выражает, именно словами: "**Как достиг меня**" указал и на ревность Бога, желающего настигнуть нас, и на наше великое отвращение от Него и заблуждение, и на то, что мы убежали от Него.

4. Потому достойно слез, что все мы пришли опять в прежнее состояние и сделались великими должниками, а между тем никто из нас не печалится (о том), никто не плачет, никто не стенает. Не подумайте, что я говорю это притворно. Как до пришествия Христова мы удалялись от Бога, так удаляемся от Него и ныне, а удаляться можно от Бога не местом, – так как Он вездесущ, – но делами. Что местом нельзя удалиться от Него, об этом послушай, как говорит пророк: "**Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу?**" (Пс. 138:7). Итак, как же можно убежать от Бога? Так же, как можно быть далеко от Него, так же, как можно удалиться от Него: "**удаляющие себя от Тебя**", – говорится, – "**гибнут**" (72:27); и еще: "**Но беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим**" (Ис. 59:2)? Как же бывает это удаление (от Бога)? Как же бывает это отлучение? Произволением и душой, а местом невозможно: кто ж может убежать от Вездесущего? Только грешник убегает от Него. Об этом говорит и Писание: "**Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним**" (Прич. 28:1). Мы стремительно убегаем от Бога, хотя Он всегда гонится за нами. Апостол стремился приблизиться к Нему, а мы стремимся удалиться от Него. Не достойно ли это плача? Не достойно ли это слез? Куда бежишь ты, бедный и несчастный? Куда бежишь ты от жизни и спасения своего? Если убежишь от Бога, то у кого будешь иметь прибежище? Если убежишь от света, то как будешь видеть? Если убежишь от жизни, то как после того жить будешь? Будем лучше убегать от врага спасения нашего. Когда мы грешим, то мы убегаем от Бога, уходим, удаляемся от Него в чужую землю, подобно тому расточителю отцовского имущества, который, отшедши в чужую страну и растратив все отцовское имение, терпел голод. И у нас есть отцовское имение. Какое? (Бог) освободил нас от грехов, даровал нам силу и крепость для совершения добродетели, даровал нам ревность и терпение, в крещении даровал нам Духа Святого. Если мы расточим это, то после будем терпеть голод. И как больные, доколь страждут от горячки и по повреждения соков, ни встать, ни заняться ничем, ни действовать не могут; а если и по освобождении их кем-либо от болезни, и по возвращении им здоровья ничем не занимаются, то это зависит уже от их собственного нерадения, – так точно бывает с нами. Мы одержимы были жестокой болезнью, сильной горячкой, и лежали не на одр, но в самом зле, погрязши в нечестии, как в навоз, покрытые ранами, смердящие, скверные, изможденные, и более статуи, нежели люди; нас окружали злые демоны, князь этого мира издевающийся и нападающий. Пришел к нам Единородный (Сын) Божий, простер лучи Своего присутствия, – и тотчас прогнал тьму; пришел к нам Царь, сый на престол Отчем, оставив Отчий престол (а когда я говорю: оставив, ты не представляй перемены места, потому что и небо и землю наполняет Он, – я говорю это только по отношению к домостроительству); пришел к врагу, который ненавидит Его, отвращается от у Него, не может видеть Его, каждодневно хулить Его. Увидел, что (враг) лежит в навозе, источен червями, одержим горячкой и голодом, подвержен всякого рода болезни. И горячка мучила его, – это похоть злая, – и от воспаления страдал он, – это гордость, – и так называемый волчий голод мучил его, – это любостяжание, – были и гнилые раны у него, – это блуд, – и слепота очей, – это идолослужение, – и глухота и помешательство ума, – это поклонение камням и деревьям и беседы с ними, – и великое безобразие, – это нечестие, нечто отвратительное и болезнь тягчайшая. Увидел, что мы говорим еще хуже беснующихся, и дерево и камень называем Богом; увидел нас в таком нечестии и – не возгнушался, не огорчился, не отвратился, не возненавидел. Так как Он Владыка, то и не возненавидел Своего творения. Но что делает?

Как наилучший врач, Он приготовляет многоценные лекарства и сам первый вкушает их: Он первый совершил добродетель, и таким образом нам преподал. И первое лекарство, как бы некоторое противоядие, Он дал нам купель, которой мы освободились от всякого зла – и все вдруг прошло: воспаление кончилось, горячка прекратилась, и гнилые раны подсохли. Все, что происходит и от любостяжания, и от ярости, и всякое другое зло истреблено Духом; отверзлись очи, отверзся слух, язык начал говорит хорошо, душа получила силу, тело получило красоту и цвет такой, какой прилично иметь Сыну Божью, рожденному от благодати Духа, – такую славу, какую прилично иметь новорожденному и воспитываемому в порфире царскому сыну. О, какое благородство даровано нам, а мы остаемся неблагодарными к так возлюбившему нас! Мы рождены, воспитаны, облагодетельствованы: зачем же мы опять удаляемся от Благодетеля? Кто вое это сделал, Тот конечно даст и силу; иначе мы, будучи подвержены болезни, не могли бы переносить ее, когда б Он не дал нам силы. Он даровал нам оставление грехов, а мы отвергли этот дар; Он даровал нам богатство, а мы растратили его, промотали все; даровал нам крепость, а мы истощили ее; даровал нам благодать, а мы погасили ее. Каким образом? Расточили ее вовсе не на должное, употребили вовсе на бесполезное. Это-то и погубило нас, и всего хуже то, что, находясь в стран чужой и питаясь рожцами, мы не говорим: возвратимся к Отцу и скажем: согрешили на небо и пред Тобою (Лк. 15:18)! – между тем как имеем Отца, Который столь нежно любить нас и сильно желает нашего возвращения. Только бы мы отстали от нечестия, только бы мы возвратились к Нему, – Он не станет потом упрекать нас за прежние грехи. Отстанем только, – возвращение – уже достаточное оправдание. Что я говорю: Он не станет упрекать? Он не только сам не упрекает, но если и другой упрекает, то Он заграждает уста, хотя бы упрекающий был и благонамеренный. Итак возвратимся: доколь будем в удалении от Него? Восчувствуем свое бесчестие, восчувствуем свою бедность: нечестие делает нас свиньями, нечестие мучить душу голодом. Войдем опять в самих себя, образумимся и возвратимся к прежнему благородству, чтобы сподобиться будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 12

"Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божья во Христе Иисусе" (Фил. 3:13,14).

1. Ничто так не делает тщетными наших добродетелей и не надмевает нас, как памятование о сделанном нами добре. Оно производить двоякое зло: делает нас беспечнейшими и гордыми. Потому-то Павел, знавший, что природа наша очень наклонна к беспечности, и много похваливший филиппийцев, смотри, как удерживает их от гордости, сверх многих других предложенных выше, особенно настоящими словами. Что они говорит? "**Братия, я не почитаю себя достигшим**". А если и Павел еще не достиг и не имеет полной уверенности в своем воскресении и в будущем, то едва ли (возможно это) для тех, которые не совершили и малейшей части его добродетелей. (Апостол) выражает своими словами следующее: я еще не считаю себя достигшим полного совершенства, – говоря так, как сказал бы кто о скороходе: он еще не достиг. Я еще не все, говорит, совершил. Правда другом месте он говорит: "**Подвигом добрым я подвизался**" (2 Тим. 4:7), а здесь: "**я не почитаю себя достигшим**", но кто прочитает оба эти места, тот поймет причину тех и других слов. Не всегда же надобно повторять одно и то же, не всегда же внушать нам все, даже и то, что эти слова им сказаны гораздо прежде, а те пред кончиной. "**Не почитаю себя**", – говорит, – "**достигшим**", но об одном только думаю, – чтобы простираться вперед; это и значат его слова: "**А только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божья во Христе Иисусе**" (Фил.

3:13,14). Смотри, как он ясно показал этими словами, что побуждало его простираться вперед. Так, кто думает о себе, что он уже совершен и что нет у него никакого недостатка для полноты добродетели, тот и перестает стремиться, как достигший всего: напротив, кто думает, что он еще далек от цели, тот никогда не перестанет стремиться к ней. Это и мы всегда должны помышлять, хотя бы мы совершили и весьма много доброго. Если Павел после бесчисленных смертей, после стольких бед помышлял об этом, то тем более мы. Я не упал (духом), говорит (апостол), и не пришел в отчаяние от того, что, совершивши такое поприще, не достиг, но еще стремлюсь, еще подвизаюсь. Я имею в виду только то, как бы успеть действительно. Так надобно поступать и нам – забывать добрые дела и оставлять их позади себя. Скороход думает не о том, сколько он пробежал поприща, но о том, сколько ему остается еще. II мы будем помышлять не о том, сколько совершили добрых дел, но о том, сколько еще остается нам (совершить). Что пользы от того, что мы сделали, когда еще остается что-либо не доделанным? И (апостол) не сказал: не помышляю, не помню, но: "**забывая**", чтобы сделать нас внимательнее, так как мы тогда делаемся ревностнейшими, когда все усердие прилагаем к тому, что еще не сделано, когда сделанное предаем забвению. "Простираясь", – говорит, мы стараемся взять что-либо прежде, нежели достигли. Кто простирается, тот старается предупредить свои ноги, еще бегущие, остальными частями тела, протягиваясь вперед и вытягивая свои руки, чтобы как-нибудь выгадать в беге. Но это происходит от великого усердия, от сильного желания. Так-то подложить стремиться тому, кто стремится, с таким-то тщанием, с таким-то усердием, а не на боку лежа; по сколько различается лежащий на боку от стремящегося сказанным образом, столько различаемся и мы от Павла. Он каждодневно умирал, каждодневно приобретал славу; не было случая, не было времени, когда бы его стремление не увеличивалось; он хотел восхитить, а не получить награду, потому что таким образом можно и получить ее. На неб пребывает Тот, Кто дает награду; на небе уготована награда.

2. Смотри, какое пространство: его-то нужно пробежать; смотри, какая высота: туда-то нужно взлететь на крыльях духа; а иначе нельзя пролететь на эту высоту. Туда должно перейти с телом; и это возможно: "**Наше же жительство – на небесах**" (ст. 20). Там наша награда. Видишь ли, как правильно живут те, которые состязаются в беге? Как они не позволяют себе ничего, что ослабляет их силы? Как они каждодневно упражняются в палестре под руководством учителя и с соблюдением правил? Подражай им и ты, а лучше – покажи усердие еще большее, так как награда неодинаковая и много препятствующих; живи по закону, так как есть много такого, что ослабляет силы; укрепи голени ног твоих, так как это возможно, и зависит не от природы, но от свободной воли. Облегчим движете, чтобы остальной груз не препятствовал быстроте ног. Приучи ноги твои ступать твердо: много ведь месть скользких, и если ты упадешь, то много потеряешь. Впрочем, если и упадешь, вставай, потому что и в таком случае можно победить. Никогда не ступай на предметы скользкие, и ты не упадешь; беги по местам твердым, головой к небу, глазами к небу, как советуют и наставники упражняющимся в бегании: таким образом укрепляется сила. Если же наклонишься, то упадешь, ослабеешь. Вверх гляди, – туда, где находится награда: самый видь награды усиливает решимость, боязнь поражения не дает чувствовать усталости, и делает то. что долгий путь представляется коротким. Какая же это награда? Не финиковая ветвь, но что? Царство небесное, вечный покой, слава со Христом, наследие, братство, бесчисленные блага, каких невозможно выразить. Нельзя изъяснить красоты этой награды: постигает ее только тот, кто получил ее, и тот, кто имеет получить ее. Она не из золота, не из драгоценных камней, но гораздо драгоценнее их: золото пред этой наградой – грязь, драгоценные камни пред красотой награды – кирпичи. Если ты, удостоившись ее, отойдешь на небо, то великой честью будешь пользоваться там; с такой наградой будут почитать тебя и ангелы, с великим дерзновением ты будешь обращаться со всеми. "**Во Христе Иисусе**" (ст. 14). Смотри, как хорошо рассуждает

(апостол). "**Во Христе Иисусе**", – говорит, я делаю это (т. е. стремлюсь к почести). Без Его содействия нельзя пройти такого пространства: для этого потребна великая помощь, великое содействие. Богу угодно, чтобы ты подвизался на земле, а венец получил на небе, не так, как здесь: земной венец дается на месть подвига, а тот венец дается в месте светлом. Да не видите ли, что и здесь тех борцов и наездников, которых особенно отличают, не увенчивают на зрелищ, внизу; но наверх призвав, там царь венчает их. Подобным образом и ты получишь награду на небе. "**Итак, кто из нас совершен**", – продолжает (апостол), – "**так должен мыслить; если же вы о чем иначе мыслите, то и это Бог вам откроет**" (ст. 15). Что такое – "**это**"? То, что заднее должно забывать, почему свойство совершенного – не считать себя совершенным. Как же ты говоришь: "**Кто из нас совершен**"? Так ли мы рассуждаем, как ты рассуждаешь, скажи мне? Если ты не достиг и не усовершился, то почему же совершенным повелеваешь мудрствовать то же, что сам мудрствуешь, не будучи еще сам совершенным? Потому, говорит, что это и составляет, совершенство. "**Если же вы о чем иначе мыслите, то и это Бог вам откроет**", т. е., если кто думает (и иначе), что он совершил все добродетели. (Апостол) предостерегает (филиппийцев), но сказал не так, – а что? "**Если же вы о чем иначе мыслите, то и это Бог вам откроет**". Смотри, как он скромно сказал это. Бог вас научить, т. е. Бог вас уверит, а не просто научит, потому что учил Павел, но вразумлял Бог; впрочем (апостол) не сказал – вразумить, но: "**откроет**", чтобы показать, что дело происходить преимущественно от неведения. Это сказано не о догматах, но о совершенств жизни, и о том, чтобы не считали себя совершенными, так как кто думает о себе, что он уже достиг всего, тот не имеет ничего. "**Впрочем, до чего мы достигли, так и должны мыслить и по тому правилу жить**" (ст. 16). "**Впрочем, до чего мы достигли**": что это значит? Это значит: а между тем будем держаться того, что мы совершили, т. е. любви, единомыслия, мира. Это мы совершили. "**Впрочем, до чего мы достигли, так и должны мыслить и по тому правилу жить**". "**Впрочем, до чего мы достигли**", т. е. это мы уже совершили. Видишь ли, что он свое учение хочет поставить правилом? Правило не терпит ни прибавлены, ни убавления: иначе оно перестает быть правилом. "**и по тому правилу**", т. е. той же верой, тем же наставлением. "**Подражайте, братия, мне и смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеете в нас**" (ст. 17). Вышесказанными словами: "**Берегитесь псов**", (апостол) отклонял (филиппийцев от злых людей), а теперь обращается к тем, кому они должны подражать. Если кто хочет, говорит, подражать нам, если кто (хочет) идти тем же путем, то помните следующее: хотя я и не с вами, но вы знаете образ моего хождения, т. е. препровождения жизни. Он учил не словами только, но и делами, – подобно тому, как в хоре и в поиске все должны последовать правящему хором или войском, и таким образом действовать стройно; а стройность может нарушиться и от остановки.

3. Итак, апостолы были образцом, заключая в себе черты, служащие как бы некоторым первообразом. Подумайте, как строга была жизнь их, когда они поставлены первообразом и примером и одушевленными законами! То самое, что говорило Писание, они показывали всем своими делами. Вот наилучший способ учения: таким образом учитель может наставить своего ученика. Но если он говорит и рассуждает хорошо, а делает худо, то он еще не учитель: рассуждать на словах легко может и ученик, потребно же наставление и руководство делами. Это и учителя делает почтенным, и ученика располагает к послушанию. Каким образом? Когда (ученик) заметить, что (учитель) только рассуждает на словах, то скажет, что он требует невозможного, а что (требует) невозможного, сам же учитель первый доказывает своим неисполнением; но если ученик увидит, что добродетель совершается на деле, то уже не может этого сказать. Впрочем, хотя бы жизнь учителя была и небрежна, нам должно быть внимательными к себе и слушать пророка, который говорит, что будут все "**будут научены Господом**" (Ис. 54:13); и: "**И уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: `познайте Господа', ибо**

все сами будут знать Меня, от малого до большого" (Иер. 31:34). Ты не имеешь добродетельного учителя? Но имеешь Учителя истинного, Кого одного и должно называть учителем. От Него учитесь. Он сказал: "**Научитесь от Меня, ибо Я кроток**" (Мф. 11:29). Так, не тому учителю внимай, но Этому и Его наставлениям. С Него бери пример, – вот тебе прекрасный образец, – с Ним соображайся. В Писании есть множество образцов добродетельной жизни, – перейди, если угодно, от учителя и к ученикам: иной прославился нищетой, другой богатством, – нищетой, наприм., Илия, богатством Авраам. Какая жизнь тебе кажется легче и удобнее, той и следуй. Еще, иной прославился супружеством, другой девством, Авраам, наприм., супружеством, а тот (Илия) девством. Иди каким угодно путем: тот и другой ведет к небу. Иной прославился постом, наприм., Иоанн, другой и без поста, как Иов. Сверх того последний заботился и о жене, и о сыновьях, и о дочерях, и о доме, и имел великое богатство, а первый не имел ничего, кроме волосяной одежды. И что я говорю о доме, о богатстве и деньгах, когда, и будучи царем, можно стяжать добродетель? В царском дворце дел гораздо более, нежели во всяком частном доме; однако ж Давид прославился и будучи царем, порфира и Диадема нисколько не расстроили его. Другой прославился и управляя целым народом – я разумею Моисея, – что еще труднее, так как здесь было больше власти, а потому больше и трудности. Ты видел, что прославлялись и при богатств и в бедности, и в супружестве и в девстве; теперь посмотри и на противоположную сторону, на погибавших и в супружестве и в девстве, и в богатстве и в бедности. Так, в супружестве погибли многие люди, наприм., Самсон, не от супружества впрочем, но от своей воли; в девстве – пять дев; в богатстве – тот богач, который презирал Лазаря; в бедности и ныне погибают весьма многие нищие. Могу показать многих, которые погибли в царском достоинстве и управляя народом. Но ты хочешь видеть, спасаются ли и в воинском звании? Посмотри на Корнилия. Спасаются ли домоправители? Посмотри на евнуха ефиоплянки. Таким образом из всех примеров видно, что когда мы пользуемся богатством, как должно, то оно нас не погубить, а если иначе, то все будет служить к погибели – и царское достоинство, и бедность, и богатство. Кто осторожен, тому ничто не может сделать вреда. Скажи мне, в самом деле, сделал ли какой вред плен? Нет. Припомни, что Иосиф, и находясь в рабстве, сохранил добродетель; припомни, что Даниил и три отрока были в плену, и между тем прославились еще более. Добродетель во всяком состоянии славна и бывает непобедима, и ничто не может быть для нее препятствием. Что я говорю о бедности, плене и рабстве? Добродетели не могут причинить вреда ни голод, ни язва, ни болезнь, – а болезнь тяжелее и рабства. Таков быль Лазарь, таков Иов, таков Тимофей, который был одержим частыми недугами.

Видишь ли, что ничто не может победить добродетели – ни богатство, ни бедность, ни власть, ни подчиненность, ни управление делами, ни болезнь, ни бесславие, ни ссылка, что она, оставив все это долу, на земле, поспешает на небо. Только имей благородную душу, и не будет препятствия быть добродетельным; когда действующий силен, то ничто внешнее не препятствует ему. И в искусствах, когда художник опытен, терпелив и совершенно знает искусство, то хотя бы постигла его болезнь, искусство при нем, хотя бы он впал в бедность, искусство при нем, хотя бы он имел в руках инструмент, хотя бы не имел, хотя бы работал, хотя бы не работал, оно нисколько не умаляется, потому что знание находится в нем самом. Так и добродетельный и преданный Богу человек равно является добродетельным, находясь и в богатстве и в бедности, и в болезни и в здравии, и в славе и в бесславии.

4. Не через все ли это прошли апостолы? "**В чести**", – сказано, – "**и бесчестии, при порицаниях и похвалах**" (2 Кор. 6:8). Готовность на все – вот что делает подвижником. Таково и свойство добродетели. Если же ты скажешь, что не могу управлять многими, что я должен жить в одиночестве, то ты оскорбил добродетель. Она может все употреблять в свою пользу, и во всяком случае обнаружиться, только пусть она будет в твоей душе.

Случается ли голод, случается ли общие, – она равно оказывает свою силу, как говорит Павел: "**Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии**" (Фил. 4:12). Нужно ли было трудиться? Он не стыдился, но два года трудился. Нужно ли было терпеть голод? Он не ослабел, не колебался. Надлежало ли умереть? Не унывал, во всех обстоятельствах показывал благоразумие, благородство и искусство. Будем же подражать ему и мы, – и для нас не будет причины печалиться. Да. и что, скажи мне, может опечалить такого человека? Ничто. Доколь никто не отнял у нас добродетели, мы будем блаженнее всех людей и здесь, не только там. Кто добродетелен, тот хотя имеет и жену, и детей, и деньги, и великую славу, при всем этом равно остается добродетельным; отними у него это, он также пребудет добродетельным, от несчастья не упадет, и от счастья не возгордится; как скала и во время морского волнения и во время тишины одинаково стоить непоколебимой, ни волнами не сокрушается, ни от тишины ничего не терпит, – так и душа твердая остается непоколебимой и во время тишины и но время волнения. И хотя дети, плывя в лодке, и пугаются, но кормчий сидит улыбаясь и спокойно, смотрит и забавляется их страхом: так и душа любомудрая, при благоразумии, как бы на корме и у руля, пребывает непоколебимой, тогда как все остальные мятутся, или же, при перемене обстоятельств, не кстати смеются. Что, скажи мне, может возмутить благоразумную душу? Смерть? Но (такая душа) знает, что смерть есть начало лучшей жизни. Бедность? Но бедность помогает ей в добродетели. Болезнь? Но она считает ее за ничто. И что я говорю о болезни? Тоже – и расслабление, и скорбь: ведь еще прежде она сама себя подвергла скорби. Бесславие? Но для нее распялся весь мир. Потеря детей? Но (такая душа) чужда страха: если она уверена в воскресении, то что может сокрушить ее? Ничто совершенно. Быть может, богатство надмевает? нет: она знает, что деньги – ничто. Так слава? Но ей внушено, что "**Всякая плоть – трава, и вся красота ее – как цвет полевой**" (Ис. 40:6). Так удовольствия? Но она слышала слова Павла, что "**сластолюбивая заживо умерла**" (1 Тим. 5:6). Когда же она ни возносится, ни унижается, то что может сравниться с ее благосостоянием? другие души однако же не таковы но меняются чаще моря и хамелеона. Потому-то и бывает весьма смешно, когда видишь, что один и тот же то смеется, то плачет, то через меру занять, то рассеян. И когда Павел говорит: "**Не сообразуйтесь с веком сим**" (Рим. 12:2), то не по другой какой-нибудь причине, а по той, что наше жительство на небе, где нет изменения (Фил. 3:20). Нам обещаны неизменяемые награды: будем же проводить такую жизнь, за которую бы получить нам вечные блага. Зачем нам бросаться в эту пучину, в эти волны, в бурю и вихрь? Пребудем в тишине. Это вовсе не зависит ни от богатства, ни от бедности, ни от славы, ни от бесславия, ни от болезни, ни от здоровья, ни от немощи, но (зависит) от души нашей. Если она тверда и хорошо наставлена в наук добродетели, то для нее все будет легко. Она и здесь уже увидит покой и тихое пристанище, а перешедши туда получить бесчисленные блага, которых и да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 13

"Ибо многие, о которых я часто говорил вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают как враги креста Христова. Их конец – погибель, их бог – чрево, и слава их – в сраме, они мыслят о земном. Наше же жительство – на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его, силою, которой Он действует и покоряет Себе все" (Фил. 3:18–21).

1. Всего неприличнее и несвойственнее христианину – искать праздности и покоя; ничто так не противно призванию нашему и воинствованию, как сильная привязанность к

настоящей жизни. Твой Владыка был распят, а ты ищешь покоя? Твой Владыка был пригвожден, а ты предаешься удовольствиям? Это ли дело благородного воина? Потому и Павел говорит: "**Ибо многие, о которых я часто говорил вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают как враги креста Христова**". Так как были люди, которые лицемерно держались христианства, а жили в праздности и неге, – что противно кресту, – поэтому (апостол) и говорит таким образом. Крест составляет принадлежность души, выступившей на борьбу, готовой на смерть, и вовсе не ищущей покоя; а они живут совсем напротив. Итак, хотя они называют себя Христовыми, но они враги креста: иначе, если бы они любили крест, то старались бы проводить и жизнь свойственную Распятому. Не распят ли был твой Владыка? Если ты не можешь так же (распяться), можешь другим образом подражать ему: распинай самого себя, хотя бы и никто не распинал тебя; распинай, говорю, себя, не для того, чтобы умертвить себя, – отнюдь нет, это и беззаконно, – а по слову Павлову: "**Для меня мир распят, и я для мира**" (Гал. 6:14).

Если ты любишь твоего Владыку, умри Его смертью: познай, как велика сила креста, какие благотворные производил он и производить действия, какое он прибежище в жизни. Им совершается все: крещение – крестом (так как должно принять печать), рукоположение – крестом, и вообще бываем ли на пути, или дома, или в другом каком месте, – крест великое благо, спасительное оружие, непреодолимый щит, неприязненный дьяволу. Итак, когда ты ратуешь против него, то уже несешь крест, но просто напечатлевая (на себе знамение креста), но претерпевая страдания креста. Христос крестом обыкновенно называет страдания, когда говорит: "**Возьми крест свой, и следуй за Мною**" (Мф. 16:24), т. е., если кто не готов на смерть. А люди чувственные, любящие жизнь и плоть, являются врагами креста; да и всякий, преданный удовольствиям и земному спокойствию, есть враг креста, которым Павел хвалится, который объемлет и с которым он старается тесно соединиться, как это видно из слов его: "**Для меня мир распят, и я для мира**". "**Теперь даже**", – говорит, – "**со слезами говорю**". Почему? Потому что зло усилилось, потому что таковые (люди) достойны слез. В самом деле достойны слез т, которые проводят жизнь в удовольствиях, которые одежду своей души, т. е. тело, утучняют, а вовсе не помышляют о наказаниях в будущей жизни. Вот ты живешь в удовольствии, вот упиваешься сегодня и завтра, и десять, и двадцать, и тридцать, и пятьдесят, и сто лет, – это невозможно, однако ж допустим, если угодно. Какой же конец? Какая польза? Никакой. А потому не достойна ли слез и плача такая жизнь? Бог поставил нас на это поприще, чтобы увенчать нас, а мы сходим с него, не сделавши ничего доблестного. Итак, Павел плачет о том, чему другие смеются, чем другие услаждаются: столько-то он сострадателен, так-то он заботится о всех людях! "**Их**", – говорит, – "**бог – чрево**". Потому бог у них – "**Станем есть и пить**" (1 Кор. 15:32). Видишь ли, как худо удовольствию? У одних бог деньги, а у других – чрево. Таковые не идолопоклонники ли, лаже не хуже ли их? "**И слава их**", – говорит, – "**в сраме**". Некоторые говорят, что этими словами указывается на обрезание; а я говорю совсем другое, именно вот что значат эти слова: они величаются тем, чего бы надлежало им стыдиться. То же говорит (апостол) в другом месте: "**Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь**" (Рим. 6:21)? Делать постыдное – тяжкий грех; грех наполовину уменьшается, если делающий стыдится; а когда кто еще хвалится постыдным, то это верх бесчувствия. Но об них ли одних сказано это? Не подлежит ли кто из присутствующих здесь с нами тому же обвинению? Или никто из вас не заслуживаете его? Никто не почитает чрева богом? Не поставляете славы своей в студе? Желаю, сильно желаю, чтобы подобного ничего нельзя было приложить к нам, желал бы даже не знать такого, кому бы сказанное можно было поставить в упреке, но боюсь, не к нам ли более, нежели к своим современникам, говорит (апостол). Ведь если кто всю жизнь тратить па то, чтобы пить и есть, нищим уделяет мало, а больше издерживает на чрево, – то не прилично ли я к такому отнести сказанное?

2. Ничто не может, более побудить стыд, и быть укорительнее этого изречения: "**Их бог – чрево, и слава их – в сраме**". Кто его такие? Те, которые "**они мыслят о земном**", которые говорит: мы построим дома. Где? На земле. говорит: купим поля, – опять на земле; получим власть, – опять на земле; достигнем славы, – тоже на земле; разбогатеем, – все на земле. Вот те, "**их бог – чрево**"! Те, которые не думают о духовном, которых все заботы и помышления ограничиваются землей, поистине имеют богом чрево, говоря: "**Станем есть и пить, ибо завтра умрем!**" (1 Кор. 15:32). И после того ты еще сетуешь, что тело твое из земли, хотя это нисколько не вредить тебе по отношению к добродетели; между тем, скажи мне, ты смеешься и забавляешься, низводя удовольствиями душу до праха, и вовсе не думая об этом? Какое же прощение получишь ты, повергнув себя в такую бесчувственность, тогда как и самое тело должно сделать духовным? И это возможно, если бы ты пожелал. Тебе дано чрево для того, чтобы питать, а не расширять его; чтобы управлять им, а не подчиняться ему; чтобы оно тебе служило для питания прочих частей, а не ты ему служил, – не для того, чтобы ты выходил из границ. Не столько золь причиняет выступившее из берегов море, сколько желудок вредит телу нашему и вместе душе. Море потопляет всю землю, а желудок (обременяет) все тело. Положи ему пределом довольство, как Бог оградил море песком. И если он волнуется, если свирепствует, – запрети ему властью тебе данной. Смотри, как Бог почтил тебя разумом, чтобы ты подражал Ему; а ты не хочешь, но, видя желудок переполненным и расстраивающим всю твою природу, и обращающимся в болото, не смеешь сдержать и сделать умеренным. "**Их бог**", – говорит, – "**чрево**". Посмотрим, как Павел служил Богу; посмотрим, как и чревоугодники (служат) чреву. Не подвергаются ли они бесчисленным смертям? Не боятся ли отказать ему в каком бы то ни было требовании? Не раболепствуют ли ему даже в невозможном? Не хуже ли они невольников? Но Павел не таков, потому он и сказал: "**Наше же жительство – на небесах**". Не будем же и мы искать покоя здесь (на земле); пожелаем сделаться славными там, где и житие наше. "**Откуда**", – говорит, – "**мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа, Который уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его**". Постепенно возводить нас: с неба, говорит, Спаситель наш, доказывая величие местом и лицом. "**Который уничиженное тело наше**", – говорит, – "**преобразит**". Тело наше ныне много терпит; его вяжут, бьют, оно претерпевает бесчисленные беды. Но и тело Христово о только же терпело. На это он намекать, говоря: "что оно будет сообразно славному телу Его". Потому, хотя тело то же самое, но облекается в бессмертие. "**Преобразит**", – говорит. Следовательно (оно будет иметь) и другой образ; или же он так назвал изменение в несобственном смысле. Сказал же – "**уничиженное тело наше**" потому, что оно ныне уничижено, подвержено тлению, болезни; ныне оно кажется ничтожным и ничем не лучше прочих (тел). "**Что оно будет сообразно**", – говорит, – "**славному телу Его**". Увы! Это тело будет сообразно тому телу, которое сидит одесную Отца, которому поклоняются ангелы, которому предстоять бесплотные силы, которое превыше всякого начальства, власти и силы, – вот какому оно сообразно будет. Итак, если вся вселенная будет слезно оплакивать (людей), потерявших эту надежду, то оплачет ли она достойно, что и при данном нам обещании – "**что оно будет сообразно**" тело наше отходить вместе с демонами? Я не упоминаю уже о геенне; что бы ты ни сказал – все почитаю за ничто в сравнении с такой потерей. Что ты говоришь, Павел? Тому ли сообразно будет? Да, говорит. А для удостоверения приводить и доказательство: "**Силою**", – говорит, – "**которой Он действует и покоряет Себе все**". Христос имеет силу, говорит (апостол), покорить Себе все, следовательно и тление и смерть, и преимущественно той же самой силой Он сделает и это. И для чего, скажи мне, потребно больше силы: покорить ли ангелов, и архангелов, и херувимов, и серафимов, и демонов, или сделать тело нетленным и бессмертным? Без сомнения гораздо более для первого , нежели для последнего. Он показал большие дела Своей силы, чтобы ты и последнему поверил. Итак, хотя вы видите (миролюбцев) в радости, хотя видите в славе, – стойте, не соблазняйтесь их примером, и

не страшитесь. Надежда (на прославление тела) сильна возбудить самого ленивого и сонливого. "**Итак, братия мои возлюбленные и вожделенные, радость и венец мой, стойте так в Господе, возлюбленные**" (4:1). "**Так**" – каким образом? Как вы стояли непреклонными. Смотри как он после увещания присовокупляет похвалы: "**радость и венец мой**". Не только радость, но и слава; не только слава, но и венец. Той славе ничего нет равного, – когда они составляют венец Павла. "**Стойте так в Господе, возлюбленные**", т. е. в надежде на Бога. "**Умоляю Еводию, умоляю Синтихию мыслить то же о Господе. Ей, прошу и тебя, искренний сотрудник, помогай им**" (ст. 2,3).

3. Некоторые говорят, что (апостол) этими словами – "**искренний сотрудник**" просить жену свою; но это несправедливо: он просит какую-то жену, или мужа одной из них. "**Помогай им**", – говорит, – "**подвизавшимся в благовествовании вместе со мною и с Климентом и с прочими сотрудниками моими, которых имена – в книге жизни**". Видишь ли, как он свидетельствует об их добродетели? Что Христос сказал (апостолам): "**Однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны**" в книге жизни (Лк. 10:20), то же свидетельство он дает им (филиппийцам) словами: "**которых имена – в книге жизни**". Мне кажется, что эти жены были важны в церкви (филиппийской), и он препоручает их мужу, конечно – достойному удивления, которого и называет сотрудником, – которому, быть может, он обыкновенно поручал как споспешнику, сподвижнику, соучастнику и брату. Это он делает и в послании к Римлянам, говоря: "**Представляю вам Фиву, сестру нашу, диаконису церкви Кенхрейской**" (Рим. 16:1). "**Сотрудник**". Так он называет или какого-нибудь брата их, или мужа одной из них; как бы так сказал: ныне ты искренний брат, ныне ты истинный муж, потому что сделался членом. "**Подвизавшимся в благовествовании вместе со мною**". Твоя честь в тебе, не в дружбе, но в добрых делах. "**Подвизавшимся вместе со мною**". Что ты говоришь? Жены подвизались вместе с тобою? Да, говорит; немало и они помогали. Хотя у него и много было сотрудников, но в числе многих содействовали и жены. Следовательно церкви тогда возрастали немало, и то, что такой честью от других пользовались почтенные мужи и жены, производило много добра, во-первых, потому, что и прочие возбуждались к равной ревности, во-вторых, через почтение они получали пользу, в-третьих, и сами они делались ревностнее и усерднее. Потому ты видишь, что (Павел) везде старается об этом, и поставляет таковых на вид; об этом он говорит и в послании к Коринфянам: "**Что оно есть начаток Ахаии**" (1 Кор. 16:15). А некоторые говорят, что имя – "сотрудник" есть собственное. Но какое бы это имя ни было, нет нужды со всей точностью изыскивать; а должно удивляться, что он повелевает воздавать им великое почтение.

4. Все для нас на небесах, и Спаситель, и град, и – что ни сказал бы кто. "**Откуда**", – говорит, – "**мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа**". И это – дело Его человеколюбия. Сам опять грядет к нам, а не нас туда влечет, и таким образом, взявши нас, отходить: и это великая честь для нас. Если Он пришел к нам, когда мы были Его врагами, то тем более (придет), когда мы сделались (Его) друзьями. Но поручает этого ни ангелам, ни рабам; но сам грядет на облаках, чтобы призвать нас в царство Свое. А может быть и те, которые Его почитают, восхищены будут на облаках: и "**мы**", – сказано, почитающие Его "**восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем**" (1 Фес. 4:17). Кто же окажется верным и мудрым рабом? Кто те, которые удостоятся таких благ? Как жалки отпавшие! Если бы мы и всегда оплакивали потерявших царство, оплачем ли достойно (участь их)? Если бы ты насказал и тысячи геенн, то не скажешь ничего равного тому мучению, какое будет терпеть душа тогда, когда потрясется вся вселенная, и прозвучать трубы, – когда будут предходить ангелы первого чина, потом второго, затем третьего, после того бесчисленные сонмы сойдут на

землю, потом херувимы, которые также многочисленны и бесконечны, далее серафимы, – когда наконец придет сам (Христос) в той неизреченной славе, – когда пришедшие вперед будут поспешно выводить избранных на средину, – когда потом Павел и все прославившиеся подобно ему, пред лицом всего небесного воинства, будут увенчаны от Царя, провозглашены и почтены. Даже если бы не было геенны, каково бы и тогда было одним получить честь, а другим бесчестие? Нестерпима геенна, признаюсь, весьма нестерпима; но лишение царства нестерпимее ее. Скажи мне, если бы какой царь, или сын царя, отправившись, окончивши множество войн и заслужив себе удивление, в сопровождении всего войска вошел в какой-нибудь город на колесниц с трофеями, с бесчисленными полками (воинов) покрытых золотом, с телохранителями, имеющими золотые щиты, и весь город был бы украшен, и при нем находились бы все властители вселенной, а за ним следовали бы всякого возраста чужеземцы, заключенные в оковы, с эпархами, сатрапами, ипатами, тиранами и архонтами, – если бы при всей этой славь он одних из встречающих его граждан и принимал и приветствовал, и подавал им руку, и позволял им говорит с полной откровенностью, или даже со всеми стоящими разговаривал как с друзьями, говорил, что весь этот путь он совершил для них, но затем одних ввел в свои царские чертоги, а других оставил, – то какому бы наказанию не было это равносильно, хотя бы (оставленные) и не были наказываемы? Если же столь горько лишиться такой славы от человека, то тем более от Бога, когда все горние силы будут с Царем, а демоны связаны и унижены, и когда сам дьявол и вся сила вражья поведется в узах, когда силы небесные, когда сам (Христос) придет на облаках. Поверьте мне, что от скорби, угнетающей мою душу при этом повествовали, я не могу докончить слова. Подумаем, какой великой славы мы лишаемся, тогда как можно бы не лишиться. Мучительно то, что ми, при всей возможности с нашей стороны – не терпеть этого, терпим. Когда (Христос) одних приметь и поведет к Отцу на небеса, а других оставить; и когда этих последних против их воли, плачущих и поникших долу, некоторые ангелы взявши повлекут в огонь геенский, наперед обличив пред целой вселенной, – какая тогда, полагаешь ты, будет скорбь? Итак, постараемся, пока есть время, и с великой ревностью позаботимся о своем спасении. Сколько можем мы сказать такого, что говорил богатый? Если бы кто теперь позволил нам, то мы надавали бы полезных советов; но никто не позволяет А что мы (много) наговорили бы, это известно не от одного (богача) того, но и от многих других. Или ты не знаешь, сколько было таких, которые находились в горячке и говорили: если бы нам выздороветь, то уже не подвергнемся таким (мучениям)? Много такого наговорим мы тогда; но подобно тому богачу услышим, что есть пропасть, что мы здесь "**получили добро**" (Лк. 16:26). Итак, умоляю вас, будем горько воздыхать; или лучше, не воздыхать только, но и жить добродетельно. Будем теперь плакать для спасения, чтобы не плакать тогда тщетно, рыдать теперь, и не рыдать тогда о нечестии. Нынешний плач (происходить) от добродетели, а будущий от бесполезного раскаяния, – будем же скорбеть ныне, чтобы не скорбеть тогда. Не все равно скорбеть здесь, или там: здесь ты скорбишь кратковременно, или лучше вовсе не чувствуешь скорби, зная, что скорбишь о благе; а там скорбь ужаснейшая, так как безнадежна, беспрерывна, бесконечна и вечна. О, если бы все мы, избегши такой скорби, получили успокоение! Но так как для того, чтобы не лишиться этого, потребно усильное старание и непрестанные молитвы, то прошу вас, будем стараться. Если мы стараемся и молимся, то достигаем; если будем прилежно молиться, то Бог подаст. Если же не просим Его и не делаем чего-либо такого, и вовсе остаемся в бездействии, то как можно спящим сделать доброе когда-либо? Никак. Довольно, что текущие, стремящиеся и сообразующиеся смерти Его, как сказал Павел, могут получать, а спящие отнюдь не могут. "**Чтобы**", – говорит, – "**достигнуть**" (Фил. 3:11). Если же Павел говорил: "**чтобы достигнуть**", то что скажем мы? Спящие вовсе не могут совершать и мирских деле, тем более духовных; спящие никогда ничего не могут получить и от друзей, не могут и от Бога; спящих и отцы не почитают, также и Бог. Потрудимся немного, чтобы всегда наслаждаться покоем. Скорбеть совершенно

необходимо, и если не поскорбим здесь, то будем скорбеть там. Для чего не решаемся скорбеть здесь, чтобы там успокоиться? О, если бы всем нам, пожившим достойно Христа, и сообразовавшимся смерти Его, сподобиться неизреченных блат во Христе Иисусе, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 14

"Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь. Кротость ваша да будет известна всем человекам. Господь близко. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом, и мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе" (Фил. 4:4–7).

1. "**Блаженны плачущие**", и: "**Горе вам, смеющиеся**" (Мф. 5:4; Лк. 6:25), говорит Христос. Почему же Павел говорит: "**Радуйтесь всегда в Господе**"? (Апостол) не противоречить Христу, – нисколько. Христос сказал: "**Горе вам, смеющиеся**", разумея смех этого мира в отношении к делам настоящим; а блаженными назвал не тех плачущих, которые оплакивают только потерю собственности, но тех, которые скорбят и плачут о своих неправдах, размышляя о грехах своих, или о чужих. Этому плачу непротивна та радость; даже более – от этого плача она и происходить, потому что оплакивающий и исповедующий свои неправды радуется. Иначе (сказать), можно плакать о грехах своих, а радоваться о Христе. И вот, так как (филиппийцы) томились под бременем страданий, – "**потому что вам дано**", – сказано, – "**не только веровать в Него, но и страдать за Него**", – то он и говорит: "**Радуйтесь всегда в Господе**". Слова эти значат не иное что, как – ведите такую жизнь, чтобы радоваться. Поэтому, когда дела для Бога совершаются у вас беспрепятственно, – радуйтесь. Итак, или это говорит (апостол), или предлог о (ἐν) употреблен (вместо с (συν); как бы так сказал: "**Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь**". Так говорит свойственно крепко уверенному, и показывающему, что пребывающий в Бог всегда радуется. Скорбит ли такой, терпит ли что, – всегда он радуется. Послушай, что повествует Лука об апостолах: "**Они же пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие**" (Деян. 5:41). Если бичи и узы, которые по-видимому всего тягостнее, производить радость, то что другое может причинить нам печаль? "**И еще говорю: радуйтесь**". Кстати он повторил слово. Так как обстоятельства были таковы, что рождали печаль, то через повторение слова показывает, что точно должно радоваться. "**Кротость ваша да будет известна всем человекам**". Выше он сказал: "**Их бог – чрево, и слава их – в сраме, они мыслят о земном**". А так как представлялось вероятным, что (филиппийцы) отнесутся недружелюбно к злым (людям), то (апостол) и увещевает, чтобы они, не имея ничего общего с таковыми, в то же время с великой кротостью обходились бы не только с братьями, но даже с врагами и неприятелями. "**Господь близко. Не заботьтесь ни о чем**". Отчего, скажите мне, вы унываете? Оттого, что восстают против вас? Оттого, что вы видите их веселую жизнь? "**Не заботьтесь ни о чем**". Уже настал суд; скоро они дадут ответ в делах своих. Но вы в скорби, а они в веселии? Это скоро кончится. Но они коварствуют и угрожают? И это не надолго будет им попущено; уже близок суд, когда все будет напротив. "**Не заботьтесь ни о чем**": уже настало (время) возмездия. Будете ли обходиться кротко с теми, которые готовят вам бедствия, постигает ли вас нищета, смерть, или другое какое-либо зло, – все прекратится. "**Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прошении с благодарением открывайте свои желания пред Богом**". Итак, первое утешение – в том, что "**Господь близко**", и в обетовании: "**Я с вами во все дни до скончания века**" (Мф. 28:20). Вот и другое утешение, которое и в скорби, и в несчастии, и во всех горестных случаях служить облегчительным лекарством. Какое же это? Молитва, и благодарение за все. Потому Он желает, чтобы в молитвах мы не только

просили, но и благодарили за то, что имеем. Да и как станет просить о будущем тот, кто не умеет благодарить за прошедшее? Но "**всегда**", – говорит, т. е. во всякой вещи, "**в молитве и прошении**". Итак, должно благодарить за все, даже и за то, что кажется прискорбным: это – свойство истинно благодарного. Первого (благодарения за все) требует самое существо вещей; а последнее (благодарение за прискорбное) происходить от души благодарной и сильно преданной Богу. Таковые молитвы приятны Богу, а другим Он не внемлет. Потому молитесь о том, что угодно Ему. Он все устраивает к нашей пользе, хотя мы и не понимаем. Даже то самое, что мы не понимаем, весьма полезно. "**И мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе**". Что это значит? "**Мир Божий**" т. е. мир, который устроил Бог с людьми, превосходит всякий ум. Кто в самом деле мог ожидать, кто мог надеятся на такие блага? Они выше не только всякого слова, но и всякого ума человеческого: за врагов своих, за тех, которые ненавидят Его, отвращаются от Него, – за них Он не пощадил предать Единородного Сына, чтобы примириться с нами. Этот-то мир, т. е. примирение и любовь Божья, "**соблюдет сердца ваши и помышления ваши**".

2. Дело учителя не только увещевать, но и молиться и молитвой помогать (ученикам), чтобы они не пали под тяжестью искушений, и не были обмануты; как бы так сказал он: кто избавил вас таким непостижимым для ума образом, Тот да сохранить и утвердить вас, чтобы вы ничего не потерпели. Итак, или это объясняет (апостол), или разумеет тот мир, о котором сказал Христос: "**Мир оставляю вам, мир Мой даю вам**" (Иоан. 14:27), – он да сохранить вас. Этот именно мир превосходить всякий ум человеческий. Если же ты спросишь: каким образом? – то слушай. Когда Господь заповедует иметь мир с врагами, которые обижают, вооружаются против нас и ненавидят нас, – не выше ли это ума человеческого? Но обратим особенное внимание на первые слова: "**Мир, который превыше всякого ума**". Если мир (превосходить всякий ум), то тем более сам Бог, податель мира, превосходить всякий ум, не только наш, но даже ум ангелов и горних сил. А что значит – "**Во Христе Иисусе**"? В Нем да сохранить, говорит, чтобы вы были непоколебимы и не отпали от веры в Него. "**Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо**" (ст. 8). Что значит: "**Наконец**"? То есть, все уже нам сказано. Это выражение свойственно тому, кто поспешает и нисколько не останавливает внимания на настоящем. "**Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте. Чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне**" (ст. 9). Что значит – "**что любезно**"? Любезное верующим, любезное Богу. "**Что только истинно**". Совершенно истинное то же, что добродетель, а ложь то же, что порок, так как и удовольствие порока ложь, и слава его ложь, и все, что в мире, ложь. "**Что чисто**" – сказано в противоположность выражению: "**они мыслят о земном**". "**Что честно**" – в противоположность: "**Их бог – чрево**". "**Что справедливо, что достославно**" – вот о чем, говорит, ("**помышляйте**"). "**Что только добродетель и похвала**". Здесь он внушает им попечение и в отношении к людям "**О том**", – говорит, – "**помышляйте**". Видишь ли, что он хочет изгнать из душ наших всякое алое помышление? Ведь от (злых) помыслов происходят злые дела. "Чему вы научились, что приняли". Вот прекрасное учение – при всех увещаниях (апостол) представляет в образец самого себя, как и в другом месте говорит: "**Которые поступают по образу**" (Фил. 3:17); и здесь опять: "**Чему вы научились, что приняли**", т. е. наставлены, "**и слышали и видели во мне**" – и из слов, и из действий, и из образа жизни. Видишь ли, что заповедь эта касается всего? Так как невозможно было подробно говорит о всем, и о входах, и об исходах, и о словах, и о наружном виде, и о дружестве, – а христианину о всем этом следует заботиться, – то он кратко и вообще сказал: "**и слышали и видели во мне**", т. е. в присутствии моем; как бы так сказал: я руководствовал вас и делами и словами. "**То исполняйте**", – не только говорите, но и делайте, – "**и Бог мира будет с вами**", т. е., если вы так это соблюдете и

будете иметь мир между собою, то пребудете в спокойствии и великой безопасности, не испытаете ничего неприятного, и ничего противного вашим желаниям. Если мы имеем мир с Богом, – а имеем его через посредство добродетели, – то тем более. Он пребудет с нами. Тот, Кто столько возлюбил нас, что пришел и к нежелавшим (пришествия Его), – не гораздо ли более покажет Свою любовь, если увидит обращающихся к Нему? Нет ничего настолько враждебного нашей природе, как порок. А каким образом порок враждебен, а добродетель дружественна, – это видно из всего. Если угодно, рассмотрим это сперва относительно одного порока – блуда. Блуд делает людей бесчестными, нищими, смешными и презренными у всех, – делает то, что свойственно делать врагам; а часто он ввергал в болезни и опасности; многие же и погибли от блудниц, и получили раны. Если же блуд производить это, то тем более прелюбодеяние. Ужели таковы следствия и милостыни? Никак; напротив она, как чадолюбивая мать, делает свое детище весьма скромным, благонравном, истинно славным, побуждает заниматься необходимым, не оставляет нас, не отвлекает от нужных дел, и делает душу разумнейшею. Ничего нет безрассуднее блудников. Впрочем не угодно ли тебе видеть любостяжание? И оно производить то же, что сделал бы для нас враг. Каким образом? И оно делает нас ненавистными для всех; оно производить то, что все нас проклинают – и обиженные и не обиженные, – последние о первых соболезнуют, а за самих себя боятся; все смотрят на них (любостяжателей), как на всеобщих врагов, как на диких зверей, как на демонов; везде бесчисленные упреки, коварства, зависть, – все, что свойственно врагам. Правда же напротив всех делает нам друзьями, всех приятелями и доброжелателями: все молятся за нас; вследствие того положение наше становится совершенно безопасным, вовсе не бывает беды, подозрения, мы засыпаем безбоязненно, спокойно, ни о чем не тревожимся, ничем не терзаемся.

3. Видишь ли, что она гораздо лучше? Что ж, скажи мне, лучше – завидовать, или сорадоваться другому? Исследуем все это, и найдем, что добродетель, как истинно чадолюбивая мать, делает безопасными; а порок, ввергая в опасности, есть вещь непадежная и опасная. Послушай, что говорит пророк: "**Господь – сила боящихся Его и завет Его (это) явит им**" (Пс. 24:14). Тот никого не боится, кто не сознает в себе никакого ала: а порочно живущий ни на кого не надеется, но трепещет даже пред рабами и смотрит на них подозрительно. Что я говорю пред рабами? Он не может сносить суда совести. Не только внешние, но и внутренние помыслы тревожат его, и не позволяют ему быть спокойным. Итак что же, скажешь? Для похвал должно жить? (Павел) не сказал: взирай на похвалу, но – делай и похвальное, впрочем не для похвалы. "**Что только истинно**": а похвалы – ложь. "**Что честно, что чисто**": честным означается внешнее, пречистым душевное достоинство. Не полагайте, говорит, претыкания и не давайте повода (2 Кор. 6:3). Так как он сказал: "**Что достославно**", то чтобы ты не подумал, что говорит просто об отношении к людям, присовокупил: "**Что только добродетель и похвала, о том помышляйте, то исполняйте**". Желает, чтобы непрестанно в этом пребывали, об этом старались, об этом помышляли. Если мы будем иметь мир между собою, то и Бог будет с нами: а если поднимем войну, то Бог мира не будет с нами. Ничто так не враждебно для души, как порок; и наоборот, ничто столько не делает ее безопасной, как мир и добродетель. Потому должно начать с того, что до нас касается, и тогда привлечем Бога к себе. Бог не есть Бог вражды и войны. Потому оставь вражду и войну и с Богом и с ближним, живи мирно со всеми. Подумай, кого спасает Бог: "**Блаженны**", – говорит Он, – "**миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божьими**" (Мф. 5:9). Таковые непрестанно подражают Сыну Божью, и ты подражай Ему: живи мирно. Чем более враждует против тебя брат, тем большая ожидает тебя награда. Послушай, что говорит пророк: "**Долго жила душа моя с ненавидящими мир**" (Пс. 119:6). Вот это добродетель, это выше ума человеческого, это приближает к Богу.

Нет ничего так приятного Богу, как непамятозлобие. Оно освобождает тебя от грехов, изглаживает твои вины; а когда бранимся и деремся, то удаляемся от Бога. От препирательства происходить вражда, а от вражды памятозлобие. Подсеки корень, и не будет плода; таким образом научимся презирать житейское. Не бывает, истинно не бывает борьбы из-за предметов духовных; но все, что – ты видишь – ни случается, борьба ли, зависть ли, и что бы кто ни назвал, случается из-за предметов житейских: всякая борьба имеет свое начало или в любостяжании, или в зависти, или в тщеславии. Потому, если мы будем жить мирно, то научимся и презирать земное. Похитил ли кто-нибудь твое имение? Он нисколько не обидел тебя, лишь бы не похитил богатства горнего. Воспрепятствовал ли твоей славе? Лишь бы не славе у Бога, а славе ничтожной, которая собственно и не слава, а только имя славы, или лучше – бесславие. Похитил ли честь у тебя? Не у тебя (похитил), а у себя. Как обидчик обижает не другого, а себя, так и коварствующий против ближнего прежде всего губит себя, потому что кто копает яму для ближнего, тот сам падает в нее. Итак, не будем коварствовать против других, чтобы не причинить вреда себе. Когда станем ниспровергать славу других, припомним, что вредим себе, что коварствуем более против себя. И действительно, хотя преодолевши (врага) повредим ему пред людьми, за то самих себя обидим пред Богом, раздражив Его. Итак, не будем вредить себе. И как, обижая ближних, мы обижаем себя, так, благодетельствуя им, благотворим себе. Потому, когда враг причинил тебе вред, в таком случае, размысливши, что он оказал тебе благодеяние, ты, если благоразумен, не только не плати ему равным злом, но еще благотвори. Но ты скажешь: удар весьма ощутителен. Подумай же о том, что ты не только не делаешь добра врагу твоему, но еще наказываешь его, а себе благодетельствуешь, – и ты тотчас начнешь благодетельствовать. Что ж? Ужели, скажешь, с таким намерением должно делать (добро)? Не с таким намерением должно делать; но когда сердце твое не может перенести (обиды), то хотя таким образом преклони его, и ты скоро решишься оставить вражду; после же того будешь благотворить врагу, как другу, – и таким образом Получишь будущие блага, которых все мы и да сподобимся достигнуть во Христе Иисусе (Господе нашем, Которому со Отцом и Святым. Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 15

"Я весьма возрадовался в Господе, что вы уже вновь начали заботиться о мне; вы и прежде заботились, но вам не благоприятствовали обстоятельства. Говорю это не потому, что нуждаюсь, ибо я научился быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке. Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе. Впрочем вы хорошо поступили, приняв участие в моей скорби" (Фил. 4:10–14).

1. Часто я говорил, что милостыня введена не для принимающих, а для подающих, так как последние приобретают наибольшую пользу. Это самое и здесь показывает Павел. Каким образом? Филиппийцы, спустя много времени, послали ему нечто, поручив это Епафродиту. Потому (апостол), намереваясь отправить его обратно с этим посланием, смотри, как и хвалить их, и показывает, что присланное принесло пользу не принимающим, но дающим. Делает же это для того, чтобы благодетельствующие не надмевались, и были ревностнее в благотворении, так как через это они приносят более пользы самим себе, а принимающие (благодеяния) не без страха бы спешили принимать, чтобы не подвергнуться осуждению, так как сказано: "**Блаженнее давать, нежели принимать**" (Деян. 20:35). Итак, что показывает он словами: "**Я весьма возрадовался в Господе**"? Я возрадовался, говорит он, не тому, чему радуются в мире и в настоящей жизни, но "**в Господе**" (возрадовался) не тому, что я успокоился, но тому, что вы преуспели, – а в этом и состоит мое спокойствие. Поэтому также сказал: "**весьма**", –

потому что радость его была не плотская, и не о покое своем радовался он, а об их преуспеянии. И смотри, как он, упрекнувши их немного за прошедшее время, тотчас это прикрыл, поучая непрестанно и всегда пребывать в благотворении. "**Что вы уже вновь**", – говорит. Выражением: "**уже вновь**" – он показывает продолжительное время. "**начали**" (ἀνεδάλετε, процвели) – говорит как бы о деревьях, которые дали ростки, потом засохли, и опять дали ростки. А этим показывает, что они прежде, процветши, увяли, потом, увядши, опять дали побеги; потому в слове – "**начали**" заключается и укоризна и похвала, так как немаловажное дело – процвети увядшему. Этим он показывает, что все случилось с ними от нерадения. "**Заботиться о мне; вы и прежде заботились**". Здесь разъясняет, что они и прежде в подобных случаях обыкновенно отличались щедростью, – почему и присовокупил: "**Заботиться о мне; вы и прежде заботились**". И чтобы ты не подумал, что их прежняя великая ревность и в других отношениях увяла, но лишь в одном этом (в отношении благотворения), – для этого смотри, как он предостерегает, говоря: "**Что вы уже вновь начали заботиться о мне**"; как бы так сказал: я говорю – "**уже вновь**" относительно к этому только, потому что в других отношениях вы не таковы. Может быть здесь спросить кто-нибудь: каким образом тот, который говорит: "**Блаженнее давать, нежели принимать**" (Деян.20:35), и: "**Нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии**" (с. 34), и который опять к Коринфянам написал: "**Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою**" (1 Кор. 9:15), – (каким образом он) теперь не видит, что уничтожает похвалу свою? Как? Принявши (посланное). Ведь если похвала состояла в том, чтобы ничего не принимать, то как теперь он принимает? Что же должно сказать? Там справедливо он не принимал по причине лжеапостолов. "**Дабы они, чем хвалятся**", – говорит, – "**в том оказались такими же, как и мы**" (2 Кор. 11:12). Апостол не сказать – суть (бескорыстны), но – "**хвалятся**", показывая через это, что они брали, только тайно. Вот почему сказал: "**чем хвалятся**". И он принимал, хотя не там. Потому он же говорил: "**Похвала сия не отнимется у меня**" (2 Кор. 11:10). И не просто сказал: "**не отнимется**", – но что? "**в странах Ахаии**"; и еще: "**Другим церквам я причинял издержки, получая от них содержание для служения вам**" (ст. 8). Из этого видно, что он принимал. Впрочем Навел, если где и принимал, правильно принимал, имя столь важное дело; а как могут брать те, которые ничего не делают? Но я, скажешь, молюсь? Это еще не дело: можно и молиться и дело делать. Но я пощусь? И это не дело. Смотри, как этот блаженный во многих местах и проповедует, и работает. "**Но вам**", – говорит, – "**не благоприятствовали обстоятельства**". Что значит: "**Но вам не благоприятствовали обстоятельства**"? Это зависело, говорит, не от вашего нерадения, но от необходимости; вы не имели в руках, сами были небогаты. Вот что значат слова: "**Но вам не благоприятствовали обстоятельства**". Эхо заимствовано от общего обыкновения; так говорит большая часть людей, когда житейские потребности текут к ним не обильно, а скудно. "**Говорю это не потому, что нуждаюсь**", т. е. я сказал: "**уже вновь**", и этим укорил (вас) не по желанию собственной пользы, и не жалуясь на скудость, будто я беден, – так как не этого искал. Откуда видно, Навел, что ты не тщеславишься? "**И мы пишем вам не иное**", – говорит он к Коринфянам, – "**как то, что вы читаете или разумеете**" (2 Кор. 1:13). И к филипийцам не сказал бы так, чтобы но бить обличенным (во лжи). Не сказал бы этого, если бы тщеславился, потому что говорил знающим (его), и от них было бы стыднее слышать обличение (во лжи). "**Ибо я**", – говорит, – "**научился быть довольным тем, что у меня есть**". Значит это – дело научения, упражнения и старания; это не легко, напротив, весьма трудно и весьма утомительно. "**Довольным тем**", – говорит, – "**что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем**", то есть, я умею и малым пользоваться, и сносить голод и бедность. "**жить в скудости, и жить в изобилии**". Да, скажут; но "**жить в изобилии**" не есть искусство, равно как и не добродетель. И очень даже добродетель, так же как "**и жить в скудости**". Каким образом? Таким, что как скудость располагает делать много зла, так и изобилие.

2. Многие, разбогатевши, часто делались нерадивее, и не умели быть счастливыми. Для многих богатство послужило поводом к праздности. Но Павел поступал иначе: принимая, он употреблял на других, издерживал на других. А в этом и состоит умение – хорошо пользоваться имуществом. Он не веселился и не радовался о своем изобилии, но был одинаков и в скудости и в изобилии, – и первой не стеснялся, и последним не надмевался. "**Умею**", – говорит, – "**насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке**". Многие не умеют "**насыщаться**", как израильтяне, которые "**разжирели и отвергли**" (Вт. 32:15). Но я, (говорит апостол), всегда остаюсь в том же расположении духа. Этим показывает, что он и теперь не веселился, и прежде не печалился; если же и скорбел, то не о себе, а об них; сам он всегда был одинаков. "**Научился**", – говорит, – "**всему и во всем**", т. е. в течение столь долгого времени я испытал все, и во всем этом усовершился. Но так как речь (апостола) могла показаться преувеличенной, то смотри, как он тотчас делает поправку, и говорит: "**Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе**". Это, говорит, не мое совершенство, но Давшего крепость. Но с другой стороны, так как благотворители, видя в принимающем не доброе расположение, а пренебрежете к подаянию, делаются нерадивее (так как они тогда щедро дают, когда вызывают благодарность и доставляют успокоение), то чтобы этого не случилось, и чтобы кто-нибудь не сказал – Павел пренебрегает успокоением, поэтому они по необходимости сделались нерадивее, – смотри, как он и это предотвращает. Предыдущими словами разрушил их мечтание, а следующими возбуждает их усердие, говоря: "Впрочем вы хорошо поступили, приняв участие в моей скорби". Видишь ли, как он и отделил себя, и опять соединил? Это знак искренней, духовной дружбы. Не подумайте, говорит, будто я не имею нужды в вашем пособии потому, что не терплю нужды; я терплю нужду ради нас. Как ж они были участниками его скорбен? Так, что он, будучи даже узником, говорил: "**Вас всех, как соучастников моих в благодати**" (Фил. 1:7), – потому что пострадать за Христа есть благодать, как и сам говорит в другом месте: "**Потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него**" (ст. 29). Слова эти, отдельно сказанные, могли опечалить (филиппийцев); поэтому (апостол) утешает, принимает их, и опять хвалить, впрочем умеренно. Именно не сказал – давши, но – "потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него", чтобы показать, что и они получили пользу, потому что сделались участниками в наградах. Не сказал – облегчая скорби мои, но – "**приняв участие в моей скорби**", что важнее.

Видишь ли смирение Павлово? Видишь ли его благородство? Он, после того как показал, что для себя не имеет нужды в их подаянии, уже безбоязненно произносить и слова уничиженные, какие употребляются и бедными: как ты обыкновенно подаешь. Он ни от чего не отказывается, ни от деле, ни от слов, только бы совершить желаемое. Что ж это значит? Не думайте, говорит, будто мой упрек и слова – "**уже вновь начали**" происходят от бесстыдства и от моей нужды. нет, я говорю это не от нужды, – но почему? По особенной надежде на вас, и вы сами виновники этой надежды. Видишь ли, как он заботится о них, и как говорит им: вы виновники, вы прежде других приступившие к этому делу, и подавшие нам смелость напомнить вам об этом? Заметь и важность (апостола): (филиппийцы) не посылают, он не укоряет их, чтобы не показалось, что он заботится о самом себе; а когда послали, тогда он укорил за прошедшее время, и они перенесли (укоризну), так как нельзя уже было думать, что он заботится о себе. "**Вы знаете**", – говорит, – "**Филиппийцы, что в начале благовествования, когда я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаянием и принятием, кроме вас одних**" (ст. 15). О, какая похвала! Коринфяне и римляне побуждаются тем, что слышать об этом от него; а филиппийцы, прежде чем началась какая-нибудь церковь (потому что говорит – "**в начале благовествования**"), показали столько усердия к этому святому, что, не имея вовсе примера, сами первые начали такое плодоношение. И нельзя сказать, будто они так делали потому, что Павел пребывал у них, или потому, что

получили от него какое-нибудь благодеяние. "**Когда**", – говорит, – "**я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаянием и принятием, кроме вас одних**". Что значит – "**принятием**"? И что значит – "**участия**"? Почему не сказал, что ни одна церковь мне не подавала, но – "**участия подаянием и принятием**"? Потому что в том именно и состоит общение. "**Если мы посеяли в вас духовное**", – говорит, – "**велико ли то, если пожнем у вас телесное?**" (1 Кор. 9:11)? И еще: "**Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка**" (2 Кор. 8:14). Видишь ли, как они имели общение – подавая телесное, а принимая духовное? Как продавцы и покупатели имеют взаимное общение, друг от друга получая и друг другу отдавая; – это и есть общение, – так точно и здесь. И нет, ничего нет полезнее этой купли и этого торга; он производится на земле, а оканчивается на неб. Покупающие находятся на земле, а покупают и заключают условие о небесном, полагая цену земную.

3. Впрочем ты не смущайся: не за деньги продаются блага небесные, не деньгами покупают их, а свободным решением дающего деньги, любомудрием, возвышением над вещами житейскими, человеколюбием и милостыней. Если бы на серебро покупались, то жена, положившая две лепты, немного получила бы; но так как не серебро, а доброе намерение имело силу, то она, показавши всю готовность, получила все. Итак, мы не должны говорит, что царство (небесное) покупается за деньги: не за деньги, но за свободное решение, обнаруживаемое через деньги. Деньги однако ж нужны, скажешь? Не деньги нужны, а решение. Имея это последнее, ты можешь и за две лепты купить небо; а без него и за тысячу золотых талантов не купишь того, что можешь купить за две лепты. Почему? Потому что, когда ты от многого дал меньшее, то хотя сотворил милостыню, но не такую какую вдова; ты подал не с таким усердием, с каким она; она сама себя лишила всего, или лучше – не лишила, а все себе даровала. Бог обещал царство не за таланты золота, но за чашу студеной воды, за усердие, не за смерть, которая не есть что-нибудь великое, но за намерение. Что в самом деле значит отдать одну душу? Отдается один человек; а один человек не равноценен царству). "**Вы и в Фессалонику и раз и два присылали мне на нужду**" (ст. 16). Опять великая похвала, – потому что он, находясь в главном город, получал содержание от города малого. И смотри: чтобы, всегда представляя себя вполне довольным, не сделать их, как я прежде сказал, беззаботными, он многократно показал, что не терпит нужды, а здесь выразил одним только словом: "**На нужду**", не прибавив даже – в мое, но просто (в требование), сохраняя свою важность; и не только здесь, но и в следующих словах. Так как (апостол) находил это выражение весьма унизительным, то и делает после поправку, говоря: "**Не потому, чтобы я искал даяния**" (ст. 17). Этими словами он выражает то же самое, что и вышесказанными: "**Говорю это не потому, что нуждаюсь**" – хотя первое (выражение) сильнее последнего. Иное ведь дело – при бедности не искать, и иное – находясь в нищете, даже и не считать себя бедным. "**Не потому**", – говорит, – "**чтобы я искал даяния; но ищу плода, умножающегося в пользу вашу**", не в мою. Видишь ли, что плод произрастает для них? Не для себя, говорит, я это сказываю, но для вас, для вашего спасения. Принимая от вас, я ничего не приобретаю; благодать принадлежит, дающим; дающим сохраняется там награда, а принимающим расточается здесь даяние. Опять, говоря и о нужд, хвалить их, и выражает свое сочувствие. Так как сказал – "**не потому, чтобы я искал**", то, чтобы опять не сделать их беззаботными, говорит: "**Я получил все, и избыточествую**" (ст. 18), т. е. через это даяние вы восполнили и прежние опущения, – что особенно возбуждало в них ревность. Ведь известно, что благотворящие чем добре бывают, тем более желают благодарности от облагодетельствованных. "**Я получил все, и избыточествую**", т. е. вы не только восполнили то, что было опущено в прошедшее время, но еще сделали более. Потом, чтобы это не показалось обличением, смотри, как он подтверждает (прежние слова). Так как сказал: "**не потому, чтобы я искал даяния**", и: "**уже вновь**", и показал, что это была обязанность (это не значит "**получил**"), то опять показывает, что они сделали

более, нежели сколько обязаны были, и говорит: "**получил**". Говорю это не просто, и не по пристрастно, – но что? "получив от Епафродита посланное вами, как благовонное курение, жертву приятную, благоугодную Богу". О, как он превознес их дар! Не я, говорит, принял, – не я, но через меня Бог. Потому, хотя я не терплю нужды, вы однако ж на это не смотрите; и Бог не имел нужды, однако ж принял, так что Божественное Писание не уклонилось сказать: "**И обонял Господь приятное благоухание**" (Бт. 8:21), а это значит, что Ему приятно было. Вы знаете, хорошо знаете, в какое расположение приводится наша душа, сколько радуется, и сколько услаждается благоуханиями. Итак, Писание не уклонилось сказать о Боге по человечески и столь уничижительно, чтобы показать людям, что их дары приятны были: делали же их приятными не запах и не дым, по намерение приносивших. Иначе и дары Каина были бы приятны. Потому (апостол) сказал, что Бог услаждается, и как услаждается; без этого люди не поняли бы. Итак, Он, не имеющий нужды, говорит, что столько услаждается (дарами), чтобы люди не сделались нерадивыми, узнав, что Он не имеет нужды. Когда же они впоследствии вознерадели о другой добродетели, понадеявшись только на жертвы, то смотри, как Он опять исправляет их, говоря: "**Ем ли Я мясо волов и пью ли кровь козлов?**" (Пс. 49:13). Подобно и Павел говорит: "**Не потому, чтобы я искал даяния. Бог мой да восполнит всякую нужду вашу, по богатству Своему в славе, Христом Иисусом**" (ст. 19).

4. Смотри, как он и молится подобно нищим. Если же Павел молится о дающих, то тем более мы, принимая (благодеяния), не должны стыдиться поступать таким образом. Мы не должны принимать, как будто сами имеем нужду, не должны и радоваться о самих себе, но о дающих. Таким образом, если мы радуемся о них, нам будет награда и тогда, как принимаем. Равным образом не будем негодовать, когда не дают, но лучше будем скорбеть о них. Таким образом сделаем и их усерднее, вразумив, что мы делаем это не для себя. "**Бог мой**", – говорит, – "**да восполнит всякую нужду вашу**", – или всякую благодать, или всякую радость. Но если разумеет всякую благодать, то говорит не об этой только земной милостыне, но о всяком добром деле; если же разумеет всякое требование (а об этом более, по моему мнению, и говорится), то он хочет объяснить следующее: так как прежде он сказал: "**Но вам не благоприятствовали обстоятельства**", то здесь присовокупляет то же, что и в послании к Коринфянам, говоря: "**Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей**" (2 Кор. 9:10). Он молится них, чтобы им быть в изобилии, и иметь что сеять, – и молится не просто о том, чтобы быть в изобилии, но – "**по богатству**" Божью. Следовательно и это сделал применительно (к их состоянию). Если бы они были подобны (Павлу), столько же любомудры, и столько распяты (миру), то он не сделал бы этого. Но так как они были люди ремесленные, бедные, имели жен, воспитывали детей, управляли домами, и из малого давали ему, и при том еще имели некоторую привязанность и к вещам настоящим, – то он молится, снисходя (к их состоянию). нет ничего неприличного молиться о том, чтобы люди так пользовавшиеся (богатством) имели довольство и обилие. Итак, смотри же, о чем он молится: не сказал – (Бог) да делает вас богатыми и пребогатыми, – но что? "**Да восполнит всякую нужду вашу**", так чтобы вам не быть в нужде, но иметь все потребное. Просить об этом заповедал и Христос в данной Им молитве, научал нас говорит: "**Хлеб наш насущный дай нам на сей день**" (Мф. 6:11). "**По богатству Своему**". Что это значит? По щедродательности, т. е. поскольку для Него удобно и возможно сделать, и при том в скором времени. И так как сказал – "**Нужду**", то чтобы не подумали, что он намерен ограничить их, присоединил: "**По богатству Своему в славе, Христом Иисусом**". Вы будете, говорит, столько изобиловать во семь, сколько употребляете во славу Его. Итак, он говорит или то, что вы не будете иметь нужды ни в чем ("**И великая благодать**", – сказано, – "**была на всех их. Не было между ними никого нуждающегося**") (Деян. 4:33,34), или побуждает их – все делать во славу Его, – как бы так сказав: пользуйтесь вашим достатком во славу Его. "**Богу же и Отцу нашему**

слава во веки веков! Аминь" (ст. 20). А эта слава принадлежит не Сыну только, но и Отцу. Когда славится Сын, то славится и Отец. И так как он сказал, что это бывает во славу Христа, то, чтобы кто-нибудь не представлял (славы) Его одного, прибавил: "**Богу же и Отцу нашему слава**", т. е. та самая, которая воздается Сыну. "**Приветствуйте всякого святого во Христе Иисусе**" (ст. 21). Немаловажно и это: и через послания приветствовать их есть знак великой любви. "**Приветствуют вас находящиеся со мною братия**". Но ты говорил: "**Ибо я не имею никого равно усердного, кто бы столь искренно заботился о вас**": как же теперь говоришь: "**Находящиеся со мною братия**"? Он или говорит о находившихся с ним братьях, показывая, что из них ни одного нет единомысленного, не касаясь тех, которые находились в город (да и какая им была нужда брать на себя дела апостольские?), или же он не отказывается называть и их братьями. "**Приветствуют вас все святые, а наипаче из кесарева дома. Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами**". Ободрил и одушевил их, показав, что проповедь дошла и до царского дома. Если находившиеся в царском дворце все презрели для Царя небесного, то гораздо более надлежало сделать это им. И то было доказательством любви Павловой, .что он рассказывал и говорил о них многое и важное, чем и в царедворцах возбудил желание приветствовать их, хотя никогда их не видали. Велика была любовь между верующими в особенности вследствие того, что они тогда находились в угнетении. Каким образом? Так, что жившие в отдалении друг от друга были взаимно соединены, и находясь вдали, точно близ живущие, приветствовали друг друга и каждый был расположен к другим, как членам своим. Бедный был расположен к богатому, так же как и богатый к бедному; и никакого не было преимущества, потому что все равно были ненавидимы и гонимы за одно и то же. Подобно тому, как какие-либо пленники, вышедшие из различных городов, собравшись в один город, тесно между собою сдружаются, потому что общее бедствие соединяет их, – так точно и (верующие в то время, когда их соединяли общие страдания и скорби, имели великую друг к другу любовь.

5. Скорбь есть какая-то неразрывная связь, усиление любви, условие сокрушения (сердечного) и благомыслия. Послушай, что говорит Давид: "**Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим**" (Пс. 118:71); и еще другой пророк говорит: "**Благо человеку, когда он несет иго в юности своей**" (Плач. 3:27); и еще: "**Блажен человек, которого вразумляешь Ты, Господи**" (Пс. 93:12); и некто иной говорит: "**Наказания Господня не отвергай**" (Прич. 3:11); и в другом месте: "**Если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению**" (Сир. 2:1). Также и Христос говорил ученикам Своим: "**В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь**" (Иоан. 16:33); и еще: "**Вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется**" (ст. 20); и еще: "**тесны врата и узок путь**" (Мф. 7:14). Видишь ли, что скорбь повсюду восхваляется, повсюду представляется необходимой для нас? Действительно, если и при внешних подвигах без нее никто не получает венца, – без того, чтобы укрепить себя трудами, отречением от пищи, правилами воздержания, бдениями и бесчисленными другими средствами, – то тем более здесь. Кого желаешь ты (представить)? Царя ли? Но и он ведет жизнь не беззаботную, напротив, полную многих скорбей и заботь. Ты смотри не на Диадему, а на бурю беспокойств, от которой рождается для него смятение, не на порфиру, а на душу его, затуманившуюся более этой порфиры. Не столько венец охватывает голову, сколько беспокойство душу. Смотри не на множество телохранителей, но на множество печалей, – нельзя Ведь найти ни одного частного дома, который быль бы исполнен таких забот, каких (исполнены) царские чертоги. Различные роды смерти каждодневно там ожидаются от своих же, и кровь видится и пред трапезой, и пред напитками. А в ночное время, как они часто вскакивают и вспрыгивают тревожимые мечтаниями, – этого и сказать нельзя! И это бывает в мирное время; а если настает война, то заботы еще более увеличиваются. Итак, что может быть жалостнее этой жизни? А

сколько беспокойства от своих – разумею подчиненных? Верно также и то, что царский помост всегда напитан бывает родственной кровью. Если угодно, я кое-что расскажу, – и вы тотчас узнаете, что это (действительно) так бывает. В особенности я скажу о (событиях) древних, впрочем хорошо сохранившихся в памяти, и о некоторых, случившихся в наши времена. Некто, говорят, подозревая жену в прелюбодеянии, привязал ее нагую к горам и предал зверям, тогда как она была уже у него матерью многих царей. Какую же, вы думайте, он вел жизнь? Если бы он но истаивал от сильной страсти, то не употребил бы такого наказания. Он же самый умертвил и сына своего; к тому же брать его умертвил сам себя с детьми своими. А говорят, что он умертвил и брата своего. Еще – один сам себя лишил жизни, будучи схвачен тираном, а другой умертвил своего племянника, имевшего с ним участие в царстве, которое сам ему предоставил. Иной видел жену свою погибшей от лекарств: она не рождала, и какая-то несчастная и бедная женщина (подлинно несчастная и бедная, потому что своим искусством надеялась доставить дар Божий), давши лекарства, и царицу погубила, и сама вместе погибла. Другой опять после того умерщвлен ядовитыми лекарствами, и чаша была уже для него не питьем, но смертью. Сыну же его, не сделавшему никакого преступления, по страху будущего, был выколоть глаз. Иной – нехорошо и сказать, насколько жалостно кончил жизнь! А из бывших после, один, как бы какой бедный и несчастный, сожжен был с лошадьми, домами и всеми другими вещами, жена же осталась вдовой. Невозможно и высказать, катя жизненные огорчения он принужден был претерпеть в то время, когда поднял оружие. И этот ныне царствующий не с того ли времени, как украшен диадемой, находится в трудах, опасностях, скорбях, печалях, напастях, и среди козней? Но царство небесное не таково: с приобретением его – мир, жизнь, радость и веселие. А (здешняя) жизнь, как я сказал, не может быть безбедной. Если состоят царское, в отношениях житейских блаженнейшее, исполнено таких несчастий, то что же сказать о состояниях частных? А сколько других зол, – и пересказать нельзя. Сколько и басен из этого составилось? Все почти трагедии, представляемые на сцене, взяты от царей, равно и мифы, в которых тоже большая часть заимствована из того, что в действительности было, почему они и доставляют удовольствие, каковы, напр., Фиестовы пиршества, и (миф о том) как весь этот дом погиб от несчастий.

6. Но это мы знаем из сочинений светских. Если же хотите, то мы скажем и от Писания. Саул первый царствовал, но вы знаете, как и он погиб, испытавши бесчисленные бедствия. После него Давид, Соломон, Авия, Езегая, Осия – также, потому что невозможно пройти настоящую жизнь без скорби, без трудов и без печали. Но мы скорбим не о том, о чем цари, а о том, от чего получаем великую пользу. "**Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению**" (2 Кор. 7:10). Об этом надлежит печалиться, об этом скорбеть, об этом сокрушаться. Так Павел сокрушался о согрешающих, о них он плакал: "**От великой скорби**", – говорит он, – "**и стесненного сердца я писал вам со многими слезами**" (2 Кор. 2:4). Так как он но имел причины скорбеть о своих грехах, то скорбел о чужих, и так скорбел, что считал их собственными. другие соблазнялись, и он воспламенялся; другие были немощны, и он сочувствовал немощам (2 Кор. 11:29). Такая печаль – благо, она лучше всякой мирской радости. Кто сетует таким образом, того я предпочитаю всем людям; даже и сам Господь ублажает этих плачущих, сострадательных. Не столько я удивляюсь Павлу, подвергавшемуся опасностям, или лучше, не мене удивляюсь ему по причин бедствий, от которых он умирал ежедневно, чем сколько это меня восхищает (т. е. что он скорбел за других). Это происходило от души боголюбивой и любвеобильной, от любви, какой сам Христос желал, от сострадания братского и отеческого, или даже гораздо большего, чем то и другое (сострадание). В таком должно быть расположении так должно плакать; такие слезы преисполнены великого веселья; такое рыдание есть условие радости. И не говори мне: какая польза от моих слез тем, о которых я плачу? Хотя мы ни мало не поможем

оплакиваемым, но самим себе без сомнения принесем пользу. Кто столько скорбит о (грехах) чужих, тот тем более будет скорбеть о собственных; кто так оплакивает чужие, тот и своих согрешений не оставить без слез, а вернее – даже не скоро и согрешит. Но, что всего ужаснее, мы, которым заповедано плакать таким образом о согрешающих, не показываем никакого раскаяния и в собственных (грехах); напротив, погибая (в беззакониях), не обнаруживаем ни малейшей скорби, и о всем заботимся более, о всем помышляем более, чем о своих согрешениях. Потому-то мы радуемся бесполезной мирской радостью, которая скоро исчезает и рождает бесчисленные горести. Итак, будем скорбеть скорбью, рождающей радость; не станем услаждаться радостью, рождающей скорбь. Прольем слезы, посевающие великое удовольствие, и не станем смяться смехом, рождающим для нас скрежет зубов. Будем печалиться печалью, от которой происходить отрада, и не будем искать увеселений, от которых рождается великая скорбь и болезнь. Потрудимся на земле мало, чтобы вкушать непрерывное веселье на небесах Будем подвергать себя скорби в этой тленной жизни, чтобы в вечности получить покой. Не будем веселиться в кратком веке, чтобы не воздыхать в вечности. Или не видите, как многие скорбят здесь о вещах житейских? Подумай, что и ты один из таковых, и переноси скорбь и болезнь, укрепляясь надеждой из будущие (блага). Ты не лучше Павла, не лучше Петра, которые никогда не имели покоя, но провели всю жизнь в голоде, жажде и наготе. Если ты хочешь получить то же, что и они, то для чего идешь противоположным путем? Если хочешь достигнуть того града, которого удостоены они, то иди путем, ведущим туда. А ведет туда путь не отрады, но скорби; первый пространен, последний тесен. Пойдем же этим последним, чтобы нам получить вечную жизнь во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДЫ НА ПОСЛАНИЕ К КОЛОССЯНАМ

БЕСЕДА 1

"Павел, волей Божьей Апостол Иисуса Христа, и Тимофей брат, находящимся в Колоссах святым и верным братьям во Христе Иисусе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа" (Кол. 1:1,2).

1. Все послания Павла святы; но те, которые он писал, находясь в узах, – каковы к ефесянам, к Филимону, к Тимофею, к филиппийцам, и каково это настоящее, – заключат в себе что-то более; а и это он послал, находясь в узах, как сам говорит: "**Дабы я открыл ее, как должно мне возвещать**" (Кол. 4:4). Но это послание, кажется, поздние послания к римлянам; последнее писал он, еще не видавши римлян, а это, когда уже видел их и приближался к концу проповеднического служения, что очевидно из следующего: в послании к Филимону он говорит: "**Не иной кто, как я, Павел старец**" (Флм. 9), и просить об Онисиме; а в этом посылает самого Онисима, как говорит: "**С Онисимом, верным и возлюбленным братом**" (Кол. 4:9), называя его верным, возлюбленным и братом. Потому в этом послании выражается уверенно: "**От надежды благовествования, которое вы слышали, которое возвещено всей твари поднебесной**" (Кол. 1:23), так как проповедь уже имела время. Послание же к Тимофею, думаю, написано позднее этого, – оно написано пред самой кончиной, ток как в нем говорит: "**Ибо я уже становлюсь жертвой**" (2 Тим. 4:6). Но все же оно старше послания к филиппийцам, так как в нем является он при начале уз в Риме. Почему же я говорю, что эти послания заключают в себе нечто более? Потому, что он писал их, находясь в узах. Как писал бы мужественный воин с поля битвы, на котором он поставил трофеи, – так делает и он. Он сам знал, что это – дело великое. Так, пиша к Филимону, он говорит: "**Которого родил я в узах моих**" (Флм. 10). И это сказал, чтобы мы не только не унывали в бедствиях, но и радовались. При

этом быль с ними Филимон, потому что и там говорит: "**И Архиппу, сподвижнику нашему**" (Флм. 2), и тут: "**Скажите Архиппу**" (Кол. 4:17). Мне кажется, что ему поручено было какое-либо церковное Дело. Павел не видел ни их, ни римлян, ни евреев, когда писал к ним. О последних упоминает он во многих местах, а о тех – послушай, что говорит: "**Ради всех, кто не видел лица моего в плоти**" (Кол. 2:1), и опять: "**Ибо хотя я и отсутствую телом, но духом нахожусь с вами**" (Кол. 2:5). Он знал, что его присутствие везде весьма важно, а потому, и не находясь у них, он всегда представлял себя как бы находящимся: так, смотри, когда он наказывает блудника, он представляет себя на судилище: "**А я**", – говорит, – "**отсутствуя телом, но присутствуя у вас духом, уже решил, как бы находясь у вас**" (1 Кор. 5:3); и опять: "**Приду к вам, и испытаю не слова возгордившихся, а силу**" (1 Кор. 4:19); и опять: "**Не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего**" (Фил. 2:12). "Павел**, волей Божьей Апостол Иисуса Христа**". Нужно сказать и о содержании, какое мы находим в послании. В чем же состоит оно? (Колоссяне) приводимы были к Богу через ангелов, держались многих иудейских и языческих обычаев: (в послании) это исправляется. Для того (Павел) в самом начале говорит: "**Волею Божьей**" (δια δελήματος θεού), при чем опять употребил δια (через). "**и Тимофей брат**". Следовательно и он был апостол; вероятно, знали и его. "В Колоссах святым". Колоссы был город фригийский и, как известно, недалеко отстоял от Лаодикии. "**И верным братьям во Христе**". Как, скажи мне, ты сделался святым? Почему называешься верным? Не потому ли, что освятился смертью Христа? Не потому ли, что веруешь во Христа? Как ты стал братом? Ведь ни в деле, ни в слове, ни в подвиге ты не показал себя верным: почему же, скажи мне, вверены тебе такие тайны? Не ради ли Христа? "**И верным братьям во Христе**". Откуда вам благодать? Откуда мир? "**От Бога Отца нашего**", – говорит. Но имени Христа он ни вносит сюда. Спрашиваю хулителей Духа: откуда Бог Отец рабов? Кто (из рабов) совершил столь великие дела? Кто сделал тебя святым? Кто – верным? Кто – сыном Божьим? Сделавший тебя достойным веры, – тот сам и виновник того, что тебе вверено.

2. Верными мы называемся не потому только, что веруем, но и потому, что Бог вверил нам тайны, которых прежде нас и ангелы не знали. Впрочем Павел полагает это безразлично. "**Благодарим Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа**". Мы кажется, он все относить к Отцу, так чтобы не вдруг обратить к ним слово. "**Всегда молясь о вас**" (ст. 3). Он показывает любовь свою к ним не только благодарением, но и непрестанной молитвой, потому что и кого не видел, и тех всегда имел в себе. "**Услышав о вере вашей во Христа Иисуса**". Выше упомянул о Господ нашем, а здесь об Иисусе Христе. Сам Он – Господь, говорит он, – не (сказал): рабы Иисуса Христа, – и вот знамения благодеяния: "**Ибо Он спасет людей Своих от грехов их**" (Мф. 1:21), сказал (евангелисте). "**Услышав о вере вашей во Христа Иисуса и о любви ко всем святым**" (ст. 4). Павел уже располагает их к себе; тот, кто возвещает это, бывает приятен. Послание отправляет он с Тихиком, которого удержал у себя. "**И о любви**", – говорит, – "**ко всем святым**", – а не к некоторым только, – следовательно и к нам. "**В надежде на уготованное вам на небесах**": говорит о будущих благах. Это – против искушений, чтобы успокоения не искать здесь. А иначе кто-нибудь сказал бы: что пользы любить святых, когда они бедствуют? Мы радуемся, говорит, что вы стяжали себе великие (блага) на небесах. "**В надежде на уготованное**": указывает на нечто безопасное. "**О чем вы прежде слышали в истинном слове**". Это – укорительное слово для них за то, что, имя с давнего времени, они изменили. "**О чем вы прежде слышали**", – говорит, – "**в истинном слове благовествования**" (ст. 5). И истину свидетельствует словом – справедливо, потому что лжи в нем нет. "**Благовествования**": не говорит – проповеди, но называет благовствованием, непрестанно напоминал им о благодеяниях Божьих, и самое напоминание им об этом делает, сперва похвалив их. "**Которое пребывает у вас, как и во всем мире**". Здесь уже (Павел) говорит приятное им. "**Которое пребывает у вас**" –

сказано метафорически: не то, что пришло оно, говорит, и удалилось, но там остается и пребывает. Потом, так как многие тогда особенно утверждаются в учении, когда имеют многих союзников, то и прибавляет: "**Как и во всем мире**". Оно везде присуще, везде владычествует, везде стоить. "**И приносит плод, и возрастает, как и между вами**". Плодоносно оно делами, растимо – тем, что многих принимает, что более утверждает; Ведь и растения тогда бывают густы, когда растение стоит твердо. "**Как и между вами**". Похвалами (Павел) наперед овладевает слушателем, чтобы он не удалился против воли. "**С того дня, как вы услышали**". Удивительно, что вы скоро пришли и уверовали и тотчас в самом начал показали плоды. "**С того дня, как вы услышали и познали благодать Божью в истине**" (ст. 6), – не в речи, не в обмане, а в самых делах. Это выражает он словом: "приносит плод", то есть богато знамениями и чудесами, которые вы тотчас приняли, как скоро познали благодать Божью. А что тотчас показывает свою силу, тому разве не тяжело не верить? "**Как и научились от Епафраса, возлюбленного сотрудника нашего**": он, вероятно, там проповедовал, – от него узнали вы евангелие. Потом, показав, что этот муж достоин доверия, говорит: "**Сотрудника нашего, верного для вас служителя Христова, который и известил нас о вашей любви в духе**" (ст. 7,8). Не сомневайтесь, говорит, касательно будущей надежды, – видите, что вселенная обращается. И нужно ли говорит, что происходить у других? Помимо этого, и происходящее у вас достойно веры, – потому что "**познали благодать Божью в истине**", то есть в делах. Этими двумя (вещами) утверждается будущее – тем, что все уверовали, и тем, что – вы. И не иное произошло, а иное говорил Эпафрас, – нет, говорит, – он "**верного**", то есть истинен. Но почему он – "**для вас служителя**"? Потому, что пошел (к Павлу): "**Который и известил нас**", – говорит, – "**о вашей любви в духе**", т. е. духовную любовь к нам. Если же он – служитель Христов, то как вы говорите, что приведены через ангелов? "**Который и известил нас**", – говорит, – "**о вашей любви в духе**": это любовь дивная и твердая, тогда как другие носят только имя любви. Некоторые бывают не таковы; но это – не дружба, а потому и легко расторгается.

3. Много есть случаев приобретать дружбу; о постыдных мы теперь упоминать не будем, – никто ведь не станет возражать против того, что они дурны, – но, если хотите, выведем наружу случаи естественные и житейские. Житейские бывают, например, те, когда кто-либо получает (от другого) нечто доброе, приобретает друга от предков, разделяет с кем-нибудь трапезу или путешествие, либо живет в соседстве. Хороши и эти случаи. К ним относится также одинаковость занятий, хотя тут не бывает искренности, тут – место ревности и зависти. Естественные же случаи дружбы, например, отца к сыну, сына к отцу, брата к брату, дела к внуку, матери к детям, – прибавим, если угодно, – и жены к мужу, – потому что все случаи брачные принадлежать к числу житейских и земных. Последние кажутся сильнее первых; говорю – кажутся, потому что часто преодолеваются первыми: иногда друзья (по житейским отношениям) бывают искреннее расположены, чем братья (к братьям) и сыновья к отцам; иной, и состоя в родстве, не поможет, а иной, не будучи и знакомь, придет и поможет. Но любовь духовная – выше всякой другой любви, она, точно какая-то царица, владычествует над своими, и потому блистательнее (их) одета; ничто земное не рождает ее, как ту, – ни привычка, ни благодеяние, ни природа, ни время; она нисходить свыше, с небес. И что удивительного, если для своего существования она не имеет нужды в благодеянии, если и от злостраданий не гибнет? А что она более той, выслушай слова Павла: "**Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих**" (Рим. 9:3). Какой отец пожелал бы (ради детей) быть в несчастии? И опять: "**Разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас**" (Фил. 1:23,24). Какая мать решилась бы сказать это, выражая пренебрежете к детям? И опять послушай, что говорит: "**Быв разлучены с вами на короткое время лицом, а не сердцем**" (1 Фес. 2:17). Там отец, будучи оскорблен, прекращает дружбу; а здесь не так здесь он идет к побивавшим его камнями, с целью

благодетельствовать им. Нет ничего, подлинно ничего столь крепкого, как узы духа. Кто становится другом, получая благодеяния, тот, если они не будут непрерывны, сделается врагом; кто стал неразлучен по привычке, тот, когда привычка прервется, погашает дружбу. Жена, когда (между супругами) происходить драка, оставляет мужа и прекращает любовь; сын, когда видит, что отец его долго живет, начинает тяготиться. Но в любви духовной нет ничего такого: она ничем таким не разрушается, так как и составь ее не таков. Ни время, ни долгий путь (жизни), ни злострадание, ни выслушивание неприятностей, ни гнев, ни оскорбление, – ничто не проникает в эту любовь и не может разрушить ее. Знай, – Моисей побиваем быль камнями (от евреев) и просил за них (Исх. 17). Какой отец сделал бы это за (сына) бросившего в него камень? Напротив, не напал ли бы он на него сам? Этой-то дружбы духовной должны мы искать, потому что она крепка и неразрывна, а не (дружбы) застольной, которую туда (в жизнь духа) и вводить возбраняется. Послушай, в самом деле, что говорит Христос в Евангелии: "**Не зови друзей твоих, ни соседей богатых, когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых**" (Лк. 14:12,13). И это справедливо, – потому что за них (назначена) великая награда. Но ты но можешь, ты не в силах пировать с хромыми и слепыми, ты почитаешь это тяжелым и скучным? Не следовало бы, конечно (избегать этого); впрочем в этом нет необходимости: если уже ты не сажаешь их с собою, то посылай к ним кушанья с своего стола. Ведь кто пригласил друзей, тот не сделал ничего великого, и здесь уже получил награду; а кто приглашает маломощного и бедного, тот иметь своим должником Бога. Итак, мы должны скорбеть не о том, что не получаем здесь (воздаяния), а о том, что получаем, потому что там уже не получим. Или, что то же, если человек воздаст, Бог не воздаст; а если не воздаст человек, воздаст Бог. Постараемся же благодетельствовать не тем, которые могут воздать нам, и благодетельствовать не с такими надеждами: это – холодный расчет. Если приглашаешь друга, то приобретаешь благодарность до вечера, следовательно эта временная дружба истрачивается скорее издержек: если яге зовешь бедного и маломощного, то благодарность никогда не гибнет, потому что (в этом случае) ты имеешь должником Бога, который всегда помнить и никогда не забывает. И как велика, скажи мне, мелочность души – не смочь посидеть с бедными! Что говоришь ты? Бедный нечисть, грязен? Так умой его, и потом веди за свою трапезу. У него изорванная одежда? Перемени же ее и дай ему чистое платье.

4. Не видишь ли, сколько тут пользы? Через него приходить к тебе Христос, и ты из-за него уничижаешь Христа? Приглашая к трапез Царя, ты в лиц бедных боишься Его? Пусть будут поставлены два стола, и один будет полон этими – слепыми, сгорбленными, хромыми, не имеющими те руки, те голени, не обутыми, покрытыми только верхней одеждой, да и то изорванной: а за другим пусть сядут вельможи, военачальники, местоблюстители, великие правители, облеченные дорогими одеждами и тонкими тканями, и опоясанные золотыми поясами. Опять, там – на трапезе бедных пусть не будет ни серебра, ни изобилия вина, а лишь сколько нужно, чтобы развеселить человека, кубки же и прочие сосуды пусть будут только стеклянные; напротив здесь – на трапезе богатых все сосуды пускай будут из серебра и золота, а полукруглый стол пусть будет такой, что одному нельзя будет и снести его, и только два прислужника едва смогут его двинуть, пусть и чаша будет вызолоченная, весом в пол-таланта, так чтобы с трудом могли нести ее два юноши, пускай также стоить здесь целый ряд амфор, блестящих не серебром, но гораздо лучше – золотом, и полукруглый стол пусть будет весь накрыть мягкой скатертью. Опять – здесь пускай стоить много слуг, разукрашенных нарядами не меньше, чем возлежащие, и пусть будут они блистательно одеты, в широких шароварах, прекрасны видом, цветущи возрастом, сильные и полнотелые; а там пускай стоять только два служителя, поправшие всякую пышность. И пред этими пусть будет поставлено много дорогих кушаний, а пред теми лишь столько, сколько нужно для утоления голода и подкрепления (человека). Довольно ли сказал я? Надлежащим ли образом приготовлены

обе трапезы? нет ли в чем недостатка? Не думаю; я коснулся и гостей, и многоценности сосудов, и убранств, и яств. Впрочем, если что и пропустили мы, то пропущенное найдем в дальнейшей речи. Итак, когда та и другая трапеза получила у нас приличный вид, – посмотрим, где вы возляжете. Я-то пойду туда, где сидят слепые и хромые; а многие из вас изберут, быть может, эту торжественную и блестящую трапезу военачальников. Посмотрим же, которая исполнена большего удовольствия. Будущего мы не станем еще исследовать, потому что в будущем-то преимуществует моя. Почему? Потому что за нею будет возлежать Христос, а за этой – люди, за той Владыка, а за этой рабы. Но об этом пока не будем говорит, а посмотрим, за которой трапезой больше удовольствия в настоящем. И с этой стороны удовольствие (сидеть с бедными) более велико: возлежание за трапезой с царем приносить конечно больше удовольствия, чем возлежание с рабами; но исключим это и исследуем дело само по себе. Я и другие, вместе со мною избравшие эту трапезу, с большой свободой и смелостью будем обо всем говорит и слушать друг друга; а вы, страшась и трепеща, и стыдясь совозлежащих, не дерзнете даже протянуть руку, точно пришли не на обед, а в школу, и точно трепещете пред жестокими господами. Не так бывает у тех. Но какая великая честь, скажешь ты! Да, я пользуюсь большей честью. Ваше ничтожество тогда-то резко и обнаруживается, когда, принимая участие в этой трапезе, вы говорите рабски, потому что раб тогда-то особенно и является рабом, когда возлежит за трапезой с господином. Находясь там, где ему не следует быть, он через это сближение не столько получает чести, сколько, подвергается унижению, – тогда именно он и бывает очень унижаем. И раба увидишь ты славным, когда он – сам по себе, и бедного славным, когда он – сам по себе, а не тогда, когда идет рядом с богатым. Низкое тогда является низким, когда стоить подле высокого: от сравнения низкое становится ниже, а не выше. Таким же образом возлежание с теми за трапезой ничтожнее делает вас, а не нас. Мы имеем преимущество пред вами в двух отношениях, – в свободе и чести, с которыми, когда Дело идет об удовольствии, ничто сравниться не может. Лучше соглашусь я питаться хлебом, наслаждаясь свободой, чем многочисленными кушаньями, терпя рабство. "**Лучше**", – говорит (Премудрый), – "**блюдо зелени, и при нем любовь, нежели откормленный бык, и при нем ненависть**" (Прич. 15:17). Ставшие в ряд нахлебников или сделавшиеся еще хуже их, что ни говорили бы, необходимо должны либо хвалить присутствующих, либо оскорблять их. Они, хотя со стыдом и досадой, все же имеют смелость говорит; а у вас нет и этого. Таково ваше ничтожество: вы боитесь и ползаете, а чести никакой. Итак, та трапеза лишена всякого удовольствия; а эта напротив исполнена всяческой утехи.

5. Но исследуем и самое свойство кушаний. Там, хотя и не хочешь, По необходимости вредишь себе множеством вина; а здесь, кто не желает, может не есть и не пить. Таким образом там и предшествующее чувство унижения, и последующая за пресыщением тягость уничтожают удовольствие, возбуждаемое качеством кушаний. А действительно, пресыщение не менее, чем голод, даже гораздо сильнее, разрушает тела и подвергает их болезням. Дай мне кого хочешь, я скорее расторгну его пресыщением, чем голодом: бесспорно последний сноснее первого . Голод можно перенести дней двадцать; а пресыщения не перенести и два дня. Непрестанно борясь с голодом, поселяне пользуются здоровьем и не нуждаются во врачах; а этого, разумею пресыщения, не могут выдержать и те, которые то и дело призывают врачей, – или, лучше сказать, тиранство его часто посрамляет их помощь. Итак, что касается до удовольствия, – трапеза бедных имеет преимущество. Если быть в чести приятнее, чем в бесчестии, иметь власть приятнее, тем подчиняться, сохранить смелость приятнее, чем трепетать и бояться, наслаждаться, сколько нужно, приятнее, чем свыше меры погружаться в волнах роскоши, – то в отношении к удовольствию это трапеза лучше той. Лучше она и по отношению к издержкам: та разорительна, а эта нет. Но что? Возлежащим ли только приятнее эта трапеза, или и приглашающему приносить она больше удовольствии, чем та? Вот то, о

чем особенно спрашивается Созывающий (знатных) приготовляется за много дней, принужден бывает хлопотать, заботиться и беспокоиться, забыть сон ночью и отдых днем, должен о многом думать сам с собою, разговаривать с поварами, с пекарями, с устроителями трапезы. Потом, когда наступил назначенный день, видишь, что он более беспокоен, чем тот, кто вступает в бой, как бы не случилось чего непредвиденного, как бы не стали говорит худо, как бы не нажить многих обвинителей. Напротив этот (приглашающий бедных), приготовляя трапезу по домашнему и не тревожась о ней за много дней, свободен от всех таких заботь и хлопот. И после этого, тот немедленно лишается благодарности, а этот имеет своим должником Бога и питается благими надеждами, находя в своей трапезе пищу для ежедневного ликования. Хлеб иждивается, а благость не иждивается, но ежедневно радует и веселит более, чем (сколько веселятся люди) обильно напояемые вином. Ничто столько не питает души, как добрая надежда и чаяние благ. Но посмотрим еще, что следует за этим. Там – флейты, цитры и свирели; здесь – ни одной неприличной песни, – а что? – гимны и псалмопения; там воспеваются демоны, здесь – Бог, Владыка всяческих. Смотри, сколько благодарности здесь, и сколько непризнательности и бесчувственности там. Скажи мне: Бог напитал тебя Своими благами, и напитавшись, надобно бы благодарить Его; а ты вводишь демонов? Ведь под свирель распеваются песни демонам. Надлежало бы сказать: благословен Ты, Господи, что напитал меня Твоими благами; а ты, будто какая не знающая чести собака, даже не помнишь (о Боге), а вводишь демонов? Да и собаки, – получают ли что, или не получают, – ласкаются к домашним; а у тебя и этого нет. Собака, и ничего не получая, ласкается к господину; а ты, и получая, лаешь на него. Опять, – собака, и благодетельствуемая чужим, не оставляет от того вражды к нему и не вступает с ним в дружбу; а ты, и терпя от демонов бесчисленные злодеяния, вводишь их на обеды. Поэтому ты вдвое хуже собаки. Кстати вспомнил я теперь о собаках, применительно к людям, благодарным за получаемое ими добро. Устыдитесь, прошу вас, собак, которые и голодая ласкаются к господам, тогда как ты, слыша, что кому-нибудь послужил демон, тотчас оставляешь Господа, о, бессмысленнейший собаки! Но блудницы, говоришь, возбуждают, когда смотрят на них, удовольствие. Какое удовольствие? Не всяческое ли бесчестие? Дом твой сделался домом непотребства, бешенства и неистовства, – и ты не стыдишься называть это удовольствием? Ведь если позволительно наслаждаться всеми удовольствиями, то величайшим срамом будет и происходящее от них огорчение. Каким образом? Не тяжко ли дом свой сделать непотребным, и наслаждаться удовольствием, подобно свиньям, валяющимся и грязи? Если же это так только по наружности, то опять великое горе, потому что воззрение – не удовольствие, когда за ним не следует дело, но большее пожелание и сильнейший огонь. А хочешь ли знать конец? Те, вставая из-за стола, уподобляются неистовым и беснующимся, обнаруживают дерзость, задорливость, и бывают смешны даже для рабов, так как и домочадцы выходят трезвыми, а они пьяными. Какой срам! Здесь же, напротив, не бывает ничего такого, – здесь обедавшие, заключив трапезу благодарением, возвращаются в свои дома и радостно засыпают, радостно пробуждаются и бывают свободны от всякого стыда я ответственности.

6. Если хочешь видеть и самих званных, то увидишь их такими же внутренне, каковы эти внешне, то есть слепыми, калеками, хромыми. И каковы у этих тела, таковы у тех души – пораженные водянкой и воспалением: такова именно надменность. После роскошного пира бывает уродство: таковы именно пресыщение и пьянство, делающие, людей хромыми и кривыми. А этих увидишь ты таковыми же по душе, каковы те по телу, т. е. светлыми, украшенными: проводя жизнь в благодарении, не ища ничего, кроме довольства, и любомудрствуя, они через это бывают всегда веселы. Посмотрим здесь и там на конец. Там необузданное удовольствие, громкий хохот, пьянство, остроты, срамословие; если сами они стыдятся произносить постыдное, то это делается через блудниц; напротив здесь – человеколюбие кротость. Того, кто зовет тех, вооружает

тщеславие; а кто приглашает этих, тот возбуждается человеколюбием и кротостью; эту трапезу устраивает человеколюбие, а ту – тщеславие и жестокость в связи с несправедливостью и любостяжанием. Та оканчивается, как я сказал, надменностью, исступлением, неистовством, – таково именно порождение тщеславия, – а эта благодарением и славой Божьей. Та больше восхваляется людьми (чем эта); тому и завидуют, а этого все, даже и не облагодетельствованные, почитают как бы общим отцом. И как не обиженные состраждут обиженным и все сообща бывают врагами (обижающих), так и не облагодетельствованные сочувствуют облагодетельствованным и вместе хвалят и прославляют сделавшего благодеяние. Там много ненависти; а здесь много попечения, много от всех молитв. Это так теперь; тогда же, когда Христос придет, этот станет с великим дерзновением и пред всей вселенной услышит: ты видел Меня алчущим, и напитал, нагим, и одел, – странником, и ввел, и т. д., а тот выслушает противное: лукавый раб и ленивый (Мф. 25:35), и опять: горе нежащимся на постелях своих и спящим на ложах из слоновой кости, пьющим процеженное вино и мажущимся первейшими мазями, как бы думали они стоять, а не бежать (Амос. 6:4,5). Это сказано нам не просто, но с тем, чтобы вы изменили свои помыслы и не делали ничего бесполезного. Почему же, скажешь, не делать мне и этого и того? Такой вопрос все то и дело повторяют Но, скажи мне, что за необходимость, имея возможность все делать с пользой, разделять (свои действия), и одни направлять не только к ненужному, но и к суетному, а другие к полезному? Скажи мне, если бы во время посева одни семена бросил ты на камень, а другие на добрую землю, – было ли бы это для тебя безразлично, и сказал ли бы ты: какой тут вред, что те семена бросили мы по пустому, а эти на добрую землю? Почему же бы все не на добрую? Для чего уменьшать пользу? Когда нужно бывает приобретать деньги, – ты не говоришь этого, но отовсюду приобретаешь; а там – не так. Когда нужно бывает пустить деньги в рост, – ты не говоришь: для чего одни давать бедным, другие богатым, но – все тем? Почему же таким образом не расчитываешь и здесь, где столько пользы, и позволяешь себе попусту тратиться и суетно растрачивать (свое имущество)? Но и в этом, говоришь, есть польза. Какая, скажи мне? Это увеличит дружбу. нет ничего холоднее людей, делающихся от этого друзьями, – от трапезы и паразитного пресыщения; нет ничего неприятнее дружбы, получившей такое начало. Не оскорбляй того дивного дела, – той любви (αγάπη), и не говори, что она есть корень твоей трапезы; иначе ты сказал бы подобное тому, кто утверждал бы, что корень дерева, приносящего золото и драгоценные камни – не таков же, но что это рождается из гнили. Хотя бы твоя дружба отсюда родилась, ничего не было бы холоднее ее. Те трапезы устанавливают дружбу не к людям, а к Богу, и (та дружба) определена постановлениями, как (и трапезы) определены ими. Кто истрачивает иное там, иное здесь, тот хотя бы и много дал, не сделал ничего великого; а кто все истрачивает здесь, тот хотя и немного дает, все совершает. Вопрос – не в том, чтобы дать много или мало, а в том, чтобы дать не меньше, чем сколько можешь. Припомним пять талантов и два таланта; припомним положившую две лепты; припомним вдовицу во времена Илии. Не сказала та, положившая две лепты: какой вред, если одну лепту удержу у себя и одну дам? Нет, она отдала все свои средства. А ты, живущий в столь великом изобилии, скупее ее. Итак, не будем нерадивы о своем спасении, но позаботимся о милостине. Ничего нет лучше ее; это покажет время будущее, это же показывает и настоящее. Будем же жить во славу Бога, и творить то, что Ему благоугодно, чтобы удостоиться нам обетованных благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 2

"Посему и мы с того дня, как о сем услышали, не перестаем молиться о вас и просить, чтобы вы исполнялись познанием воли Его, во всякой премудрости и разумении

духовном, чтобы поступали достойно Бога, во всем угождая Ему, принося плод во всяком деле благом и возрастая в познании Бога" (Кол. 1:9–10).

1. "**Посему и мы**": чего ради? Ради того, что мы слышали о вашей вере и любви. Имя добрую надежду, мы благонадежны в своих прошениях и на будущее время. Как на арене мы особенно возбуждаем тех, которые близки к победе, так и Павел особенно увещевает их, обнаруживших большие успехи в добродетели. "**Как о сем услышали**", – говорит, – "**не перестаем молиться о вас**". Не один день провели мы в молитв, не два, не три. Этим показывает он и свою любовь, и слегка намекает, что они еще не дошли до конца, – это выражается словами: "**Чтобы вы исполнялись**". И заметь благоразумие этого блаженного (апостола): нигде не говорит, что они лишены всего, но везде – что им недостает. Это значит выражение: "**Чтобы вы исполнялись**"; и опять: "**Во всем угождая, во всяком деле благом**"; и еще: "**Укрепляясь всякой силою**"; и: "**Во всяком терпении**". Говоря: "**Во всяком**", свидетельствует, что они нечто совершили, хотя и не все. "**Чтобы вы исполнялись**", говорит, а не (говорит): да примете, – потому что приняли; напоминает о недостающем – "**чтобы вы исполнялись**". Таким образом и обличение было не тяжелое, и похвала не давала им пасть и сделаться беспечными, будто все исполнено. Но что значит: "**чтобы вы исполнялись познанием воли Его**"? То, что вы должны быть приведены к Нему через Сына, а не через ангелов. Что должны быть приведены, это вы познали; теперь остается вам еще узнать, для чего послал Он Сына. Ведь если бы спастись надлежало через ангелов, Он не послал бы и не предал бы Сына. "во всякой премудрости", – говорит, – "и разумении духовном". Так как философы обманывали их, то я хочу, говорит, чтобы вы водились мудростью духовной, а не человеческой. Если же для уразумения воли Божьей нужна мудрость духовная, то для уразумения сущности ее (мудрости духовной) нужны непрестанные молитвы. И Павел показываете здесь, что с того времени он молится, и не окончил молитвы, и не оставил ее, – это и значит выражение: "**Как о сем услышали**". Таким образом он поставляет им на вид великое осуждение, если с того времени, вспомоществуемые молитвами, они не исправились. "**И просить**", – говорит, то есть, с великой ревностью, – на это указывает слово: узнали (ἔγνωτε). Но чтобы "**поступали достойно Бога**", нужно еще нечто "**познать**" (ἐπιγνώναι), – чем указывается на жизнь и дела, так как он и это всегда делает, всегда с верой соединяет образ жизни. "**Во всем угождая**". Каким же образом – "**во всем угождая**"? "**Во всем угождая**". Как Он вообще открыл Себя вам, говорит, и как такое знание вы приняли, так проявите и жизнь) достойную веры; а наша вера требует особенной жизни, гораздо высшей, чем древняя. Ведь кто знает Бога и удостоился быть рабом Божьим, даже сыном, – от того, смотри, какая требуется добродетель. "**укрепляясь всякой силою**". Здесь (Павел) говорит об искушениях и гонениях: молимся, "**чтобы вы исполнялись, укрепляясь**", чтобы, то есть, вы не предались нерадению и отчаянию. "**По могуществу славы Его**". Чтобы вы восприняли, говорит, такое рвете, какое прилично приписать сил славы Его. "**Во всяком терпении**" (ст. 11). Смысл этих слов такой: мы усиленно молимся, говорит, чтобы вы вели жизнь добродетельную и достойную вашего звания, и стояли твердо, как следует укрепляемые от Бога. Поэтому пока еще не касается догматов, но вращается в жизни, в которой не видел ничего, заслуживающего обвинения, и, похвалив их, за что надлежало, потом уже переходить к обвинению. Так поступает он и везде: когда пишет к кому-либо, намереваясь за одно обвинить, а за другое и похвалить, то прежде хвалить и потом уже переходить к обвинениям; прежде располагает к себе слушателя и ограждает обвинение от всякого подозрения, показывая, что он хотел все только хвалить, и что лишь по необходимости входить в эти обвинительные рассуждения. Так поступает он и в первом послании к Коринфянам (гл. 5): воздав им множество похвал за то, что они любят его, он потом, начав от блудника, переходить к обвинению. Но и послании к галатам – уже не так, а напротив (гл. 1); впрочем, кто глубже исследует, тот найдет, что и это обвинение предполагает похвалу. Так как в то время нельзя было сказать ни о каком

добром их поступке, а обвинение было велико, все развратились, и имели силу перенести (обвинение), то он начинает обвинением, говоря: "**Удивляюсь**" (Гал. 1:6), – что также есть похвала, – а потом хвалить их не за настоящее, а за прошедшее, говоря: "**если бы возможно было, вы исторгли бы очи свои и отдали мне**" (Гал. 4:15).

2. "**Принося плод**", – говорит, – это о делах; "**укрепляясь**", – это об искушениях. "**Во всяком терпении**", то есть, в долготерпении друг к другу, а в терпении относительно внешних, так как долготерпение бывает там, где можно бы и отомстить, а терпение там, где месть невозможна. Потому Богу никогда не приписывается терпение, а долготерпение всегда. Так говорит этот блаженный, пиша и в другом месте: "**Или пренебрегаешь богатство благости, кротости и долготерпения Божья**" (Рим. 2:4)? "**Во всяком**". Не то, что теперь только, а после уже нет. "**Во всякой**", – говорит, – "**премудрости и разумении духовном**", – так как иначе нельзя познать волю Его. Хотя и думали они, что знают волю Божью, но это была мудрость не духовная. "**Чтобы поступали**", – говорит, – "**достойно Бога**": это – путь наилучшей жизни, когда кто познал Божье человеколюбие; а познает его тот, кто может видеть преданного Сына, – он будет иметь большее рвете. Впрочем мы не о том только молимся, чтобы вы знали (волю Божью), но чтобы показывали это и самыми делами, так как знающий и не делающий будет наказан. "**Чтобы поступали**", говорит, то есть, всегда, не однажды, а во всякое время. Как ходить нам необходимо, так и правильно жить; и такую жизнь справедливо называет он хождением, показывая, что эта-то жизнь предложена нам, и что мирская не такова. И велика похвала в словах его: "**Чтобы поступали достойно Бога**", и: "**Во всяком деле благом**", т. е., чтобы вы всегда возрастали и никогда не останавливались, и метафорически: "**Принося плод во всяком деле благом и возрастая в познании Бога**", т. е., чтобы вы столько облеклись в силу Божью, сколько это возможно человеку. "**По могуществу Его**". Велико утешение. Не сказал: по сил, но – по державе, что больше. "**По могуществу**", – говорит, – "**славы Его**", так как везде владычествует слава Божья. Уже тем был утешен, что вы, терпя поношение, снова ходите достойно Господа. Это говорит он о Сын, Который владычествует всюду – и на неб, и на земле, слава Которого всюду царить. Не просто говорит: смогли, но: смогли, как свойственно рабам столь сильного Владыки. "**В познании Бога**". Вместе касается и условий знания: но знать, как надобно, Бога – это значит заблуждаться. Вы должны, говорит, возрастать в познании Бога. Если незнающий Сына не знает и Отца, то справедливо требуется познание, так как без него нет никакой пользы от жизни. "**Во всяком терпении**", – говорит, "**и великодушии с радостью, благодаря Бога**". Намереваясь потом убеждать их, он вначале не упомянул, что отложено им в будущем, а только намекнул об этом, говоря: "**в надежде на уготованное вам на небесах**"; здесь же упоминает о том, что уже было, потому что это служить причиной того. Так поступает он и во многих случаях, потому что сбывшемуся уже больше верят, и сбывшееся больше занимает слушателя. "**С радостью**", – говорит, – "**благодаря Бога**". Последовательность мыслей такова: мы не перестаем молиться о вас и благодарить Бога за прежнее. Видишь ли, как приступаете он к слову о Сыне? Ведь если благодарим с великой радостью, то велико и то, о чем говорится. Можно благодарить и по одному страху, можно благодарить и находясь в скорби, как напр., благодарил поверженный в скорбь Иов, почему и сказал: "**Господь дал, Господь и взял**" (Иов. 1:21). Пусть никто не говорит, что случившееся с ним не возбуждало в нем скорби и не повергало его в уныние; пусть никто не отнимает великой похвалы у праведника. Если же так, то не по страху, не по боязни пред властью только, а по самому свойству вещей, мы благодарим "**призвавшего нас к участию в наследии святых во свете**" (ст. 12). О великом деле сказал он. Дарованное, говорит, таково, что оно не только дано, но и сделало нас сильными для принятия (дарованного). Итак слово: "**призвавшего**" (сделавшего нас способными – τφ ίχανώσαντι) имеет здесь важное значение. Пусть бы например кто-нибудь из низкого звания сделался и царем; в его власти вверить начальство кому захотит; однако ж он в состоянии даровать только

достоинство, а не самую способность начальствовать (а часто честь делает такого человека смешным); если бы он и достоинство дал ему, и сделал его способным к чести и годным к управлению, в таком случай честь была бы на деле. То же самое говорится и здесь, что Он не только даровал нам честь, но и сделал нас сильными к принятию ее.

3. Действительно, двойная честь – дать, и приготовить способность (для принятия) дара. (Павел) сказал не просто – давшего, но: "**призвавшего**" (ἱκανώσαντι) "**нас к участию в наследии святых во свете**", то есть, поставившего нас со святыми. При том сказал не просто – поставившего, но и – позволившего наслаждаться теми же благами, так. как частью ("**к участию**") называется то, что получает каждый. Ведь можно жить в том же городе, не пользуясь теми же выгодами; не иметь ту же часть, не пользуясь теми же выгодами, нельзя. Можно принадлежать к тому же наследию, и не иметь той же части, – например, все мы принадлежим к наследию, но не ту же все имеем часть. Впрочем здесь говорит он не об этом, а о части с наследием. Для чего же называет это наследием? С целью показать, что добрыми своими льдами никто не приобретает царства, но как наследие зависит больше от счастья, так и здесь: никто не обнаруживает такой жизни, чтобы быть достойным царства, – все есть дар Божий. Потому-то говорит (евангелист): "**Когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать**" (Лк. 17:10). "**К участию в наследии святых во свете**", то есть, в знати. мне кажется, что это говорит он и о настоящем, и о будущем. Потом показывает, чего мы удостоены. Не то только удивительно, что мы удостоены царства, но – должно еще прибавить, что удостоены будучи таковыми; а это не все равно, как и говорит (апостол) в послании к римлянам: "**Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть**" (Рим. 5:7). "**Избавившего нас**", – говорит, – "**от власти тьмы**". Все зависит от Него – и это дать, и то, потому что ни у кого из нас нет доброго дела. "**От власти тьмы**", – говорит, то есть, от заблуждения и от власти дьявола. Не сказал просто: от тьмы, но от власти, так как (дьявол) над нами имеет великую силу и господствует. Тяжко быть и просто под дьяволом, а (под дьяволом) со властью – и того тяжелее. "**И введшего**", – говорит, – "**в Царство возлюбленного Сына Своего**" (ст. 13). Итак, (Господь) явил Свое человеколюбие не в освобождении только нас от тьмы. Великое конечно дело и освободиться от тьмы; но быть введенным в царство еще больше. Смотри же, как многосложен дар: Он освободил нас, лежащих на дне, и не только освободил, но и перевел в царство. "**Избавившего нас**". Не сказал – изверг, но – избавил (ἐρρύσατο, исторг), показывая с одной стороны несчастное состоите наше и плен тех, с другой – беспрепятственность силы Божьей. "**И введшего**", – говорит, как бы кто воина перевел с места на место. И не сказал – перевел, или – переместил, так как всем этим выражалось бы переложение, а не перехождение, но – переставил, – так что это было и нашим и Его делом. "**В Царство возлюбленного Сына Своего**". Не просто сказал: в царство небесное, но сообщил слову большую важность, назвав (царство небесное) царством Сына, потому что нет похвалы больше этой, как и в другом месте он и говорит: "**Если терпим, то с Ним и царствовать будем**" (2 Тим. 2:12). Того же удостоил нас, говорит, чего и Сына, и к этому еще прибавил – возлюбленного. Омраченных врагов вдруг переставил туда, где Сын, облек одинаковой с Ним честью. Не удовлетворился и этим одним, но, чтобы показать великость дара, не счел достаточным сказать – царство, а прибавил еще – Сына; и этого не довольно, – присоединил – возлюбленного; даже и этим не ограничился, но показал (божественное) достоинство Его естества. Что именно говорит? "**Который есть образ Бога невидимого**". Впрочем не вдруг пришел к этому, но привнес благодеяние к нам; чтобы ты, слыша, что все есть дело Отца, не подумал, будто Сын исключается, он все дает и Сыну, дает и Отцу: Сын переставил, а Отец подал причину. Что именно говорит? "**Избавившего нас от власти тьмы**"; а это – то же, что: "**В Котором мы имеем искупление Кровью Его и прощение грехов**", – потому что, если бы не были оставлены нам грехи, то не были бы мы и переставлены. Вот здесь опять – "**в**

Котором". И не сказал: освобождение (λύτρωσιν), а "**искупление**" (άπολότρωσιν), чтобы уже больше не падать и не делаться мертвыми. "**Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари**". Здесь мы встречаемся с возражением еретиков, а потому сегодняшнюю беседу надобно перенести на завтра, чтобы предложить ее освеженному вашему слуху. Если же сверх того надлежит сказать нечто, так это то, что большее дело есть дело Сына. Каким образом? Таким, что одно было невозможно, т. е. пребывающим во грехах даровать царство, а другое было легче, т. е. уготовить путь дару. Что ты говоришь? Он сам отпустил тебе грехи, – следовательно сам и привел тебя. Здесь уже наперед заложен корень учения.

4. Но прежде, чем скажем об этом, необходимо окончить слово. Что же это такое? То, что, пользуясь таким благодеянием, мы всегда должны о нем помнить, должны непрестанно представлять себе дар Божий и размышлять, от чего мы избавились и что получили, чтобы таким образом быть благодарными и усиливать любовь (к Богу). Что ты говоришь, человек? Призываешься в царство, в царство Сына Божья, и всецело предаешься зевоте, почесываешься и засыпаешь? Да если бы надлежало ежедневно подвергаться тысяче смертей, не следовало ли бы вытерпеть все? Для получения влиятельного места ты все делаешь; а имея приобщиться царству Единородного, неужели не устремишься на тысячу мечей, не бросишься в огонь? И не это еще страшно, а то, что, и имея отойти, плачешь и, будучи привязан к телу, любовно вращаешься среди здешних предметов. Что же это? Разве и смерть почитаешь страшным делом? Причина тут – роскошь и праздность, потому что кто проводить жизнь скорбную, тот охотно вооружился бы крыльями, чтобы улететь отсюда. Мы теперь в таком же состоянии, в каком птенцы, ослабевающие оттого, что хотят всегда оставаться в гнезде. Чем доле будем здесь пребывать, тем слабее сделаемся.

Действительно, настоящая жизнь – гнездо, слепленное из соломинок и грязи. Хотя бы ты указал мне на большие здания, хотя бы даже на царские палаты, блистающие изобильно золотом и камнями, я буду думать, что они ничем не отличаются от гнезда ласточки: когда наступить зима, все упадут сами собою. А зимою я называю тот день, который будет зима не для всех, – потому что то время и Бог называет ночью и вместе днем, – ночью для грешников, а днем для праведников. В таком же смысле и я тот день называю зимою. Если в продолжение лета мы не будем хорошо вскормлены, так чтобы по наступлении зимы могли летать, то матери не возьмут нас, но оставят умереть от голода, или, когда упадет гнездо – погибнуть. Тогда Бог, все воссозидая и поставляя в новый порядок, разорить всяческая, как гнездо, только с большей легкостью (чем разоряются гнезда). Тогда неоперенные и не могущие встретить Господа в воздух, но так скупо вскормленные, что не получили легких крыльев, потерпят все то, что естественно терпеть находящимся в таком состоянии. Итак, когда гнездо ласточки падает, птенцы ее тотчас погибают; но мы не погибнем, а будем вечно под наказанием. Тогдашнее время будет зима, но только жесточе зимы: тогда польются не потоки воды, а реки огня; будет не тьма от облаков, а тьма нерассеваемая и непроникаемая светом, так что нельзя будет видеть ни неба, ни воздуха, но придется чувствовать тесноту больше, чем чувствовали бы ее закопанные в землю. Мы часто говорим об этом, только иных не убеждаем. И не удивительно, что мы – люди слабые, когда говорим об этом, испытываем такое неверие, если то же испытывали и пророки, беседовавшие не о таких только предметах, а о войне и плене. И Седекия обличаем был Иеремией, но не устыдился. Потому пророки говорили: "**Горе тем, которые говорят: `пусть Он поспешит и ускорит дело Свое, чтобы мы видели, и пусть приблизится и придет в исполнение совет Святого Израилева, чтобы мы узнали!'**" (Ис. 5:19). Не будем удивляться этому: и живите во промена ковчега не верили, а поверили, когда уже не было пользы в вере; и содомляне не ожидали, а поверили и они, когда это ни к чему уже им не служило. Но что я говорю о будущем? Кто ожидал того, что произошло ныне в разных местах? Кто ожидал этих землетрясений, разрушения городов?

А это было вероятнее того, разуме», ковчега. Из чего видно? Из того, что т не имели в виду другого примера и не слышали Писаний; а у нас бывало их множество и в ваши времена, и прежде. Откуда же неверие в такие явления? От расслабления души: пили да ели, и потому не верили. Ведь чего кто хочет, о том и думает, того и ожидает; противоречащие этому считаются болтунами.

5. Да не приключится и с нами того же: а теперь будет уже не потоп и не смертельное наказание; теперь начало (лишь) казней есть смерть не верящих тому, что будет суд. А кто, скажешь, пришел оттуда и возвестил об этом? Если такие слова говоришь в шутку, – и то уже нехорошо; в подобных вещах шутить не следует; не над шуточными, а над опасными предметами шутим мы. Если же ты в самом деле таков и не думаешь, что будет что-либо после этой жизни, то почему называешь себя христианином? А с нехристианами я не говорю. Для чего Принимаешь ты купель? Для чего входишь в церковь? Разве мы обещаем тебе (правительственные) места? Вся наша надежда в будущем. Так для чего приступаешь, если не веришь Писаниям, если не веруешь в Христа? А будучи таким, ты, – не скажу, не-христианин, – ты хуже язычников. Почему? Потому, что признавая Христа Богом, не веруешь в Бога. То нечестие по крайней мере последовательно: кто не думает, что Христос есть Бог, тот по необходимости не верует в Него; а это нечестие даже лишено последовательности, – признает Его Богом и не почитает достоверным того, что Он сказал. Это слова пьянства, роскоши, неги: "Станем есть и пить, ибо завтра умрем!" (1 Кор. 15:32). Не завтра, но и тогда, как говорите это, вы уже умерли. Скажи мне, неужели мы ничем не отличаемся от свиней и ослов? Если нет ни суда, ни воздаяния, ни судилища, то для чего почтены мы таким даром – словом, и все имеем в подчинении? Для чего мы начальствуем, а нам подчиняются? Смотри, как дьявол теснит нас со всех сторон с целью внушить нам не признавать дара Божья. Он смешивает рабов с господами; как продавец невольников и неблагодарный слуга, старается благородного человека привести в ее одинаков ничтожество с собою – оскорбителем. По-видимому он отвергает суд; а этим отвергается бытие Бога. Дьявол всегда таков, – все предлагает с хитростью, а не прямо, чтобы мы не остерегались. Если нет суда, то Бог, судя по-человечески, несправедлив; а если Бог несправедлив, то Он и не Бог, когда же Он не Бог, – все сразу рушится: нет ни добродетели, ни порока. Но явно ничего такого не говорит он. Видишь ли помысел сатанинского духа, как из людей хочет он сделать бессловесных, или лучше – зверей, а еще лучше – демонов. Итак, не будем верить ему. Есть суд, жалкий ты и несчастный человек! Знаю, откуда приходишь ты к этим речам. Много у тебя грехов, много сделано тобою обид, открыто говорит ты не смеешь, думаешь, что вслед за твоими речами пойдет и природа вещей. До времени я не буду, говоришь, огорчать душу ожиданием геенны. Хотя бы и была геенна, я постараюсь убеждать себя, что ее нет; а между тем здесь погуляю. Для чего прилагаешь согрешения к согрешениям? Если, согрешив, будешь верить, что есть геенна, то отойдешь, очистившись от грехов только наказанием; а когда приложишь и это нечестие, – подвергнешься крайнему мучению и за самое нечестие и за этот помысел. В последнем случае кратковременно льстившее тебе холодное утешение будет для тебя причиной непрерывного мучения. Пусть так согрешил ты сам: зачем же располагаешь ко греху других, говоря, что нет геенны? Зачем обманываешь простецов? Зачем расслабляешь руки народа? По твоему, все навыворот: люди старательные не будут еще более старательными, а беззаботными, злые не отстанут от зла. Ведь если станем развращать других, – грехи наши не будут прощены нам. Не видишь ли, как дьявол вознамерился низвергнуть Адама? Было ли прощено ему? Это послужило поводом к большему наказанию. За то и он так устраивает свои сети, чтобы мы несли наказание не за собственные только, но и за чужие грехи. Не станем же думать, что, вводя других в одинаковую с нами погибель, мы сделаем судилище, в отношении к нам, более кротким; напротив, от этого будет оно строже. Зачем нам толкать себя и губить? Все это – дело сатанинское. Согрешил ты, человек? Имеешь человеколюбивого Владыку: моли Его,

проси, плачь, стенай, устрашай других и уговаривай, чтобы они не впали в т же грехи. Если в доме кто-нибудь из грубых слуг говорит своему сыну: дитя! я оскорбил господина, старайся же угождать ему, чтобы и с тобою не случилось того же, – то, скажи мне, не приготовить ли он себе сколько-нибудь прощения, не преломить ли гнева господина и не преклонить ли его? Но пусть он, оставив эти слова, скажет, например, следующие: господин мой не воздает всякому по достоянию, у него просто все перемешано – и добро и зло, в этом доме не дождаться благодарности что, по твоему мнению, господин подумает о нем? Не подвергнет ли его за его проступки еще большему наказанию? И справедливо: там душевное потрясете послужить к извинению, хотя и слабому, а здесь ничего. Итак, подражай, если не иному кому, то по крайней мере богачу в геенне, который говорит: "**Отче, пошли Лазаря" к сродникам моим, "чтобы и они не пришли в это место**" (Лк. 16:27,28), не подвергнутся тому же, – сам же он пойти не мог. Воздержимся от тех сатанинских слов.

6. А что, скажешь, если спрашивают нас язычники, – разве не захочешь помочь им? Но ввергнув в недоумение христианина под видом попечения о язычнике, ты хочешь подтвердить сатанинское учение; не убедившись в нем сам, посредством собеседования с одного душой, ты хочешь привести других в свидетели. Если же нужно разговаривать с язычником, то не с этого следует начинать разговор, а вот с чего: Христос – Бог ли и Сын ли Божий, и исповедуемые ими демоны – боги ли? Как скоро это рассмотрится, – все прочее само собою вытечет; а прежде, чем изложено будет начало, напрасно стали бы мы разговаривать о конце; прежде, чем узнаны элементы, излишне и безумно было бы приступать к концу. Не верить язычник суду, – и находится в таком же состоянии, как ты, потому что и он знает многих, которые философствовали об этом: хотя они говорили это о человеке, отрешившем свое тело от души, однако ж допускали судилище; и ясность этого дела представлялась столь сильной, что почти никого не было, кто не знал бы о том, даже и поэты, и все соглашались как относительно судилища, так и относительно суда. значит и язычник не неверит своим, и худей не сомневается в этом, и вообще ни один человек. Зачем же мы обманываем себя? Вот ты говоришь мне: что скажешь Богу, сотворившему отдельно сердце каждого из нас, знающему все, что есть в уме, живущему и действующему, и проникающему более всякого обоюдоострого меча? Скажи мне по правде: не сознаешься ли ты сам в себе, что грешишь? Есть ли (на свете) человек, который не порицал бы себя за леность? Каким же образом произошла сама собою такая великая мудрость, что грешник обвиняет сам себя? Ведь это – дело великой мудрости. Ты обвиняешь себя; а тот, кто дал тебе такой ум, – оставил все на произвол? Итак, вот что будет всеобщим правилом и определением: никто из людей, живущих добродетельно, хотя бы то быль язычник или еретик, не неверит этому слову суда; никто из людей, вращающихся в величайшем зле, кроме немногих, не принимает слова о воскресении. Это говорит и Псалмопевец: "**Суды Твои далеки для него**". Почему? Потому что "**Во всякое время пути его гибельны**" (Пс. 9:26). "**Станем есть**", – говорит, – "**и пить, ибо завтра умрем!**" (1 Кор. 15:32). Видишь ли, что говорит это свойственно людям низким? Эти слова, отвергающие воскресение, происходят от пищи и питья. Не переносить душа, не переносить суда совести, и поступает так же, как человекоубийца: сперва поставляет себя в такие обстоятельства, чтобы не поймали, а потом убивает; находясь пред судом совести, не скоро переходить к преступлению, – и знает, и притворяется, что не знает, чтобы не мучиться совестью и страхом, и не ослабить себя для убийства. Так-то и согрешающие знают, что грешить – худо, и ежедневно колеблются в злых своих поступках, не желая знать, что они злы, хотя совесть и укоряет их в этом. Но не станем на них останавливаться. Будет, непременно будет суд и воскресение, и не оставить Бог втуне столь великих деле. Потому, умоляю, будем удаляться от зла и держаться добродетели, чтобы нам принять истинное слово во Христе Иисусе Господ нашем.

При том, что легче: принять ли слово о воскресении, или слово о судьбе? Последнее полно неправды, полно бессмыслия, полно жестокости, полно бесчеловечия; а первое есть слово правды, воздающее по достоинству. И однако ж не принимают его. А причина – леность. Но последнее не принимается никем, в ком есть рассудок; и между язычниками тот лишь принимал судьбу, кто целью жизни почитал удовольствие, а любителями добродетели судьба была изгоняема, как нечто несмысленное. Если же язычники так (думали о судьбе), то тем более (должны были они склоняться) к слову о воскресении. Но смотри, как дьявол устроил две противоположности: чтобы мы нерадели о добродетели, он ввел необходимость; а чтобы усердно служили демонам, внушил два противных понятия и обоими достигал того и другого. Итак, какое оправдание сможет принести тот, кто не верит столь дивной вещи, а верит тем басням? Не питайся даже и тем утешением, что ты получишь прощение, но обратимся и подвигнемся для добродетели, и поживем истинно Богу во Христе (Которому с Отцом и Св. Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 3

"Который есть образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари; ибо Им создано все, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано; и Он есть прежде всего, и все Им стоит. И Он есть глава тела Церкви" (Кол. 1:15–18).

1. Сегодня я должен отдать вам долг, который принял на себя вчера, чтобы предложить его, когда оживится ваше внимание. Рассуждая о достоинстве Сына, Павел, как мы сказали, говорит следующее: "**Который есть образ Бога невидимого**". Чьим образом, ты думаешь, он называет Его? Если Божьим – хорошо, потому что Он – Бог и Сын Божий. Образ Божий означает неизменяемость, – поэтому и Он неизменяем. Если же ты скажешь, что (называет образом) человеческим, то я отступлюсь от тебя, как от безумного. Но почему нигде не назван ни образом, ни сыном Какой-нибудь ангел, а человек (называется) тем и другим? Отчего это? Оттого, что там, при высокой природе (ангелов), это для многих послужило бы поводом к нечестно (т. е. к обоготворению твари), а здесь ничтожество и уничиженность (нашей природы) совершенно ручаются за безопасность, и даже тому, кто желал бы, не позволяют подозревать чего-нибудь подобного и из-за этого употреблять более скромные выражения. Потому-то там, где было глубокое уничижение, Писание смело указывает на почесть; а где – высшая природа, там нет. Но он говорит: образ невидимого. Итак, если Он невидим, то и образ Его также невидим, потому что в противном случае не был бы образом. Образ, поскольку он образ, и у нас должен быть неизменным как со стороны свойств, так и сходства. Но у нас этого никак не может быть потому, что здесь – искусство человеческое, которое часто не удается, даже никогда не удается, если тщательно исследуешь; а где Бог, там никогда нет ошибки, там не бывает никакой неудачи. Если же (Сын) – творение, то таким образом Он есть образ Создателя? И конь, не может быть образом человека. Если образ не представляет неизменности Невидимого, так что препятствует и ангелам быть образом? Ведь и они невидимы, – хотя и не для себя самих, – и душа невидима; но. из-за того только, что она невидима, разве она – образ? Если и образ, то не такой, как Он. "**рожденный прежде всякой твари**".

2. Что же, говорит? значит Он создан? Почему это так, окажи мне? Потому, что он назвал Его перворожденным. Но он не сказал: первосозданный, а – перворожденный. Затем, если ты называешь Его сотворенным потому, что (апостол) назвал Его перворожденным, то что ты скажешь, когда услышишь, что Он называется братом? Действительно Писание называет Его также братом, уподобившимся по всему нам. Ужели вследствие этого мы будем отвергать даже и то, что Он – Творец, и утверждать, что Он не имеет никакого

преимущества пред нами ни по достоинству, ни по чему-нибудь другому? И кто, имея ум, может говорит это? Слово – перворожденный не показывает достоинства и чести, а выражает только время. Но если Он не имеет никакого преимущества пред нами, то в этом смысле Он – перворожденный по отношению ко всему, а в таком случае Бог Слово будет подобосущен и камням, и деревьям, и прочему. "**Рожденный прежде**", – говорит, – "**всякой твари**". Но скажешь: Он назван перворожденным, значит – создан. Да, если бы так, если бы не приписывались Ему и другие подобные свойства, как-то: "**первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство**". Скажи мне, что показывают (слова): "**Первенец из мертвых**"? Конечно не то, что Он первый воскрес; (апостол) не сказал просто, что (Он первый из) мертвых, но что Он перворожденный из мертвых, и не сказал также, что Он первый умер, но что Он воскрес, как перворожденный из мертвых, так что (апостол теми словами) показывает только то, что (Христос) быль начатком воскресения. Стало быть не иное что-нибудь (говорит он) и в настоящем месте. Затем он приступает наконец к самому догмату. Так как Он древле приводим был ангелами, а ныне (приходить) сам, то, чтобы не подумали, будто Он моложе (ангелов), (апостол) показывает, во-первых, что (ангелы) не имели Никакой силы, в противном случае не Он извел бы нас от тьмы, а потом утверждает, что Он был раньше их, и в доказательство того, что Он раньше их, приводить то, что они от Него созданы. "**Ибо Им**", – говорит, – "**создано все**".

Что скажут здесь последователи Павла самосатского? Все через Него произошло: вот ведь сказано, что "**ибо Им создано все**". И еще (апостол) сказал: "**Что на небесах и что на земле**". То, в чем можно было усомниться, он поставил наперед, а затем присоединяет: "**видимое и невидимое**"; под невидимым разумея душу, а под видимым – всех людей. То, чему все верили, он опускает, а то, в чем сомневались, он ставить на вид. Затем говорит: "**Престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли**". Слово: "**ли**" обнимает все; но ко властям он не мог сопричислить и Духа, а через высшее мог обозначить и низшее. "**Все**", – говорит, – "**Им и для Него создано**". Таким образом "**Им**" значит то же, что и "**для Него**", потому что сказавши: "**Им**" (εν αϋτψ), он прибавил: "**и для Него**" (δι αυτόν). А что значит: "**на Нем**" (εις αυτόν)? Это значит: на Нем утверждается (εις αυτόν χρέματαί) сущность всего. Он не только привел это из небытия в бытие, но и теперь содержит это, так что если бы что-нибудь изъято было из Его промысла, разрушилось бы и погибло. Но (апостол) не сказал: содержит, – это было бы несколько погрубее, – он употребил выражение более тонкое: на Нем утверждается, потому что достаточно только опереться на Него, а Он уж поддержит и крепко сдержит. Таким образом и название: "**первенец**" употребляется в том же значении, как – составляющий опору. Но это показывает не то, будто Он подобосущен тварям, а то, что все существует Им и через Него. Так и в другом месте, говоря: "**Положил основание**" (1 Кор. 3:10), говорит не о сущности, а о действии. Чтобы ты не подумал, что Он служебное орудие, (апостол) говорит, что Он это содержит, а это не мене значит, чем самое творение, для нас даже и более, так как первое соединено с искусством, а последнее нет: содержимое Им не разрушается. "**И Он есть прежде всего**", – говорит. Это свойственно Богу. где же теперь Павел самосатский? "**И все Им стоит**", т. е. все на Нем утверждено. Он постоянно вращается около этой (мысли), чтобы настойчивостью в словах, как бы частыми ударами, исторгнуть с корнем тлетворное учение. В самом деле, если даже и теперь, после того как столь много говорил об этом, и по прошествии столь долгого времени явился Павел самосатский, то не тем ли легче было ему явиться, если б об этом не было говорено? "**И все**", – говорит, "**Им стоит**". Каким образом могло состояться в том, чего нет? значит и то, что производится через ангелов, принадлежите Ему. "**И Он есть глава тела Церкви**". Сказав о достоинств, он говорит потом о человеколюбии. "**И Он**", – говорит, – "**есть глава тела Церкви**". Не сказал: полноты (πληρώματος), выражая этим то же самое, но желая показать большую близость Его к нам, так как тот, кто до такой степени высок и выше всех, присоединился к низшим.

Он везде первый: первый в горних, первый в Церкви, как ее глава, первый и в воскресении; это и означают (слова): "**Дабы иметь Ему во всем первенство**".

3. Таким образом Он первый и по бытию, и это-то особенно старается показать Павел. А как скоро будет доказано, что Он был прежде всех ангелов, то понятно будет и то, что творимое ангелами Он сам творил, как повелитель. И что удивительно, так это то, что (апостол) постарался представить Его первым в ряду последних существ, хотя в другом месте первым он назвал Адама, как и на самом деле было. Но он принимает Церковь вместо всего человеческого рода; в Церкви же Он – первый, а в ряду людей, как творения, Он первый по плоти. Вот почему здесь (апостол) представляет Его перворожденным. Что значит здесь – перворожденный? Прежде всех созданный, или прежде всех воскресший, равно как и там: "**прежде всего**" сущий? Здесь он предоставляет Его начатком, сказав: "**Он – начаток, первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство**", – выражая мысль, что и прочие таковы же, как и Он; а там Он не начаток творения, там Он – "**образ Бога невидимого**", и в этом смысле там и сказано: "**Первенец, чтобы в Нем обитала всякая полнота, и чтобы посредством Его примирить с Собою все, умиротворив через Него, Кровью креста Его, и земное и небесное**" (ст. 19 – 21). Все, что принадлежит Отцу, он приписывает и Сыну, и особенно заботится об этом потому, что Он был мертв и соединился с нами. А начатком он назвал Его как бы в смысл (начатка) какого-нибудь плода. Он не сказал: воскресение, а – начаток, показывая, что Он освятил нас всех и как бы принес жертву. "**Полнота**" – он сказал о Божестве, подобно тому, как говорит Иоанн: "**И от полноты Его все мы приняли**" (Иоан. 1:16), т. е. был ли то Сын, или Слово, но там вселилось не действие какое-нибудь, а сущность. И он не находить тому никакой другой причины, кроме воли Божьей: это и означают (слова): "**И чтобы посредством Его примирить с Собою все**". Чтобы ты не подумал, что Он принял на Себя должность раба, (апостол) прибавляет: "**с Собой**"; и в другом месте говорит, что (Христос) примиряет Богу, как в послании к Коринфянам сказал, и сказал верно: "**И чтобы посредством Его примирить**", потому что (люди) уже были примирены, а требовалось только окончательное умиротворение, так чтобы они против Него уже не враждовали. Каким образом это делается, он показывает вслед затем, не только возвещая о примирении, но и объясняя самый способ примирения: "**Умиротворив Кровью креста Его**". Одно здесь указывает на вражду, именно – "**примирить**", а другое на войну, именно – "**умиротворив**". "**Кровью**", – говорит, – "**креста Его, через Него, и земное и небесное**". Великое дело – примирение, еще более – (примирение) через Него, а еще более – (примирение) кровью Его, и не просто кровью, но, что еще больше, крестом, так что здесь пять вещей, достойных удивления: Он примирил (нас) с Богом, сам Собою, смертью, крестом. О, как вне (с другой стороны) соединил все это! Чтобы ты не подумал, будто это все одно и то же. и крест сам по себе не значит ничего, он говорит: "**через Него**". На каком основании он считает это важным? На том, что (Сын Божий) совершил все это не так, что только сказал несколько слов, а так, что предал Себя самого для примирения. Но что значит: "**небесное**"? Что касается до земного, то это понятно, потому что здесь все было наполнено враждой и разделилось на множество (частей); каждый из нас был в несогласии сам с собою и со многими другими. Но как Он умиротворил "**небесное**"? Ужели и там был раздор и несогласие? Как же мы говорим в молитве: "**Да будет воля Твоя и на земле, как на небе**" (Мф. 6:10)? Что на это сказать? Земля была отделена от неба, ангелы враждовали против людей, видя оскорбляемым своего Владыку. "**Дабы**", – говорит, – "**все небесное и земное соединить под главой Христом**" (Еф. 1:10). Как? Небесное вот так: Он переселил туда человека, возвел туда того, кто был врагом, кого там не любили. Он не только водворил мир на земле, но и возвел его (человека) к ним (ангелам), – человека, который был неприятелем и врагом. Это – глубокий мир. Ангелы опять являются на земле, потому что человек явился на небе. А мне кажется, что Павел для того и был восхищен (на небе), чтобы он увидел, что Сын взять туда. И ведь на земле

(водворен) сугубый мир: по отношению к небесным (обитателям) и по отношению друг к другу, а на небесах – только один. Если уж об одном кающемся грешник радуются ангелы, то гораздо более о таком большом их числе. И все это устроила сила Божья. Что же вы, скажут, слишком полагаетесь на ангелов? Они не только не способны привести вас (к Богу), но даже были некогда враждебны вам, и если бы сам Бог не примирил вас с ними, то вы не имели бы мира. Итак, зачем вы прибегаете к ним? Хочешь ли знать, какова была у ангелов вражда к нам, и какое они всегда питали к нам отвращение? Они были посылаемы для наказания к израильтянам, к Давиду, к содомлянам, в юдоль плача. Но теперь не так; напротив, они весьма радостно воспевали на земле; Бог низвел их к людям, а людей возвел туда.

4 При этом обрати внимание на вещь необычайную: (Господь) сначала их, низвел к нам, а потом человека возвел к ним; земля стала небом, потому что небо имело принять к себе земных (обитателей). Потому мы с благодарностью взываем: "**Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!**" (Лк. 2:14). Вот, говорит, и люди наконец стали угодными (Богу). Что значит: "**благоволение**"? Примирение. Теперь небо уже не заграждено от нас непроходимой преградой. Прежде ангелы были распределены по числу народов, а теперь уже не по числу народов, а по числу верных. Откуда это видно? Выслушай слова Христовы: "**Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного**" (Мф. 18:10). Каждый верующий имеет ангела, так как и с самого начала каждый благочестивый человек имел ангела, как говорит Иаков: "**Ангел, избавляющий меня от всякого зла, да благословит отроков сих**" (Бт. 48:16). Итак, если у нас есть ангелы, то будем вести себя осмотрительно, как бы с нами были наставники, потому что с нами есть и демон. Поэтому будем молиться и взывать, прося себе ангела мирна; мы и везде просим мира, потому что с ним ничто не может сравниться, – мира и в церквях, и в молитвах, как частных, так и общественных, и в приветствиях; предстоятель церкви подает его нам и раз, и два, и три, и много раз, произнося: "**Мир вам**". Почему так? Потому что мир есть источник всех благ: он приносить с собою радость. Поэтому-то и Христос заповедал апостолам, входя в дома, тотчас говорит о нем, как о символ всех благ: "**Входя в дом**", говорите: "**Мир дому сему**" (Мф. 10:12), так как без него ничто не имеет цены. И опять Он говорит ученикам: "**Мир оставляю вам, мир Мой даю вам**" (Иоан. 14:27), потому что им обусловливается и самая любовь. И предстоятель церкви не просто говорит: мир вам, но – "**мир всем**". Да и какая польза нам с одним иметь мир, а с другим ссориться и враждовать? Какая прибыль? И тело не может быть тогда здоровым, когда некоторые части его находятся в согласии, а другие действуют несогласно, но лишь тогда, когда во всем порядок, согласие, мир; не будь мира во всем, тогда все выйдет из своих границ, все низвратится. Подобным образом и в уме нашем, если мысли не находятся все в спокойном состоянии, мира не будет. мир – это столь великое благо, что те, которые водворяют и поддерживают его, называются сынами Божьими. И справедливо: сам Сын Божий пришел на землю умиротворить земная и небесная. Если же миротворцы- сыны Божьи, то возмутители – сыны дьявола. Что ты говоришь? Ты и в самом деле производишь раздоры и междоусобия? Неужели, скажешь, есть где-нибудь такой несчастный? Есть и много таких, которые радуются злу и с большей жестокостью терзать тело Христово, чем воины, пронзившие его копьем, чем иудеи, пронзившие его гвоздями. То зло меньше, чем это; те члены, будучи растерзаны, снова соединились, а эти, будучи отторгнуты, если здесь не соединятся между собой, то никогда не будут соединены, а останутся вне целого (церкви). Когда ты хочешь завести ссору с братом, вспомни, что ты восстаешь против членов Христовых и укроти свой гнев. Что тебе до того, если это человек нетерпимый и низкий; что тебе, если это – презренный? "**Нет**", – говорит, – "**воли Отца**" Моего "**чтобы погиб один из малых сих**" (Мф. 18:14); и опять: "**Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного**". Для него Бот сделался даже рабом и подвергся закланию; а ты

считаешь его за ничто? Через это ты восстаешь против Бога, возвышая голос наперекор Ему. Предстоятель церкви, как только входить, сейчас же говорит: "**Мир всем**"; когда начинает беседу (говорит): "**Мир всем**"; когда благословляет (говорит): "**Мир всем**": когда повелевает принести друг другу целование (говорит): "**Мир всем**"; когда совершится жертва: "**Мир всем**", и во время совершения также: "**Благодать вам и мир**". Как же не безрассудно, если мы, столько раз слыша (напоминание об обязанности) иметь мир между собою, враждуем друг против друга, если, и сами принимая, и другим преподавая, восстаем против того, кто подает нам мир? Ты говоришь: "**И духу твоему**", а выйдешь (из церкви) и начинаешь обносить его клеветой? Увы, то, что особенно дорого в церкви, стало одним внешним обрядом, а не настоящей истиной! Увы, все символы этого воинства (церкви) ограничиваются словами! Поэтому вы даже и не знаете, для чего говорится: "**Мир всем**". Но послушайте далее, что говорит Христос: "**В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете; а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится**" (Мф. 10:11-13). Мы потому и не знаем, что считаем эти слова одним образным выражением и не вникаем в смысл их. Ведь не я подаю мир, а Христос благоволить говорит через нас. Хотя бы во всякое другое время мы чужды были благодати, но теперь не чужды ее для вас. Если благодать Божья, по устроению (Промысла), действовала для пользы израильтян через осла и через волшебницу, то несомненно, что она не откажется действовать и в нас, и соизволить на это для нас.

6. Итак, никто пусть не говорит обо мне того, что я не совершен, ничего но значу и ничего не стою; и всякий пусть слушает меня со вниманием. Я тоже ведь принадлежу к числу тех (через которых действует благодать Божья). Бот обыкновенно присутствует постоянно в таких людях, для пользы многих. Знайте, что Он благоволил говорит с Каином ради Авеля, с дьяволом ради Иова, с фараоном ради Иосифа, с Навуходоносором ради Даниила, с Валтасаром ради него же. И волхвам было откровение, и Каифа пророчествовал ради достоинства священного сана, несмотря на то, что был убийцей Христа и недостойным. Говорят, что и Аарон из-за этого же не был поражен проказой. В самом деле, скажи мне, почему только она одна (сестра Ааронова) понесла наказание, тогда как они оба противоречили (Моисею)? Не удивляйся; если между светскими властями бывает так, что хотя бы в бесчисленных преступлениях обвиняли кого-нибудь, но он не прежде приводится в судилище, как по снятии с него власти, чтобы вместе с ним не нанести оскорбления и ей, то тем более в духовной власти, какова бы она ни была, благодать Божья всегда действует; в противном же случае все бы погибло. Но когда человек сложить ее с себя, тогда подвергнется тягчайшему наказанию или по отшествии (из этой жизни), или даже еще здесь непосредственно вслед затем. Не думайте, что я это от себя говорю. Божья благодать действует и через недостойного, не для нас, а для вас. Послушайте же, что говорит Христос: "**И если дом будет достоин, то мир ваш придет на него**" (Мф. 10:13). Как же он делается достойным? Если примут вас, говорит Он. Если же не примут вас, и не послушают слова вашего, "**Истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому**" (Мф. 10:15). Итак, какая польза оттого, что вы принимаете нас и не слушаете слов наших? Что прибыли, что вы почитаете нас и не внимаете тому, что мы говорим вам? Вот для нас честь, вот для нас удивительное уважение, благотворное для вас и для нас, – если вы слушаетесь нас. Послушайте и Павловых слов: "**Я не знал, братия, что он первосвященник**" (Деян. 23:5). Послушайте и Христовых слов: "**Все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте"** (Мф. 23:3). Ты не меня презираешь, а священство. Если ты видишь меня лишенным его, презирай: тогда и я не стану проявлять власть. Но доколь мы восседаем на этом престол, доколь мы имеем председательство, дотоль имеем достоинство и силу, хотя сами и недостойны. Коли седалище Моисея было столь почтенно, что из-за него слушали

восседавших на нем (Мф. 23:2,3), то тем более престол Христов. Его унаследовали мы. Мы вещаем вам с того самого (престола), с которого и Христос учредил в нас служение примирения. Посланники, каковы бы они ни были, пользуются великой честью из-за своего посольского достоинства. Посмотри в самом деле: они приходят одни во внутренность варварской земли, посреди стольких врагов; и так как закон о посольств имеет великую силу, то их все почитают, все смотрят на них с уважением, все отпускают их с безопасностью. И мы имеем значение посланников и пришли от Бога: таково епископское достоинство. Мы пришли к вам в качестве посланников, прося прекращения войны и объявляя условия, общая дать вам не города, или столько-то мере хлеба, или пленников, или золото, но царство небесное, жизнь вечную, сожительство со Христом и другие блага, которых ни мы не в состоянии высказать, ни вы выслушать, доколь находимся в этом теле и в настоящей жизни. Итак, мы исполняем должность посланников, и желаем пользоваться честью не для нас самих, – нет, мы знаем, как она ничтожна, – а для вас, чтобы вы охотно слушались слов наших, чтобы вы получали пользу, чтобы вы без рассеянности и лености внимали словам нашим. Не видите ли, как много внимания все обращают на посланников? Мы Божьи посланники у людей; если это для вас тягостно, то ведь не мы (тягостны), а самое епископство, не тот или другой (человек), а епископ. Пусть всякий не меня слушает, а сана моего. Будем же все делать так, как угодно Богу, чтобы жить во славу Божью и удостоиться благ, какие обещаны любящим Его, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 4

"И вас, бывших некогда отчужденными и врагами, по расположению к злым делам, ныне примирил в теле Плоти Его, смертью Его, чтобы представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою" (Кол. 1:21,22).

1. Здесь (апостол) показывает, что (Христос) примирил (людей), тогда как они недостойны были примирения, – выражение: были под властью тьмы – указывает на бедственное положение, в котором они находились. Но чтобы ты, услышав о темной власти, не вообразил себе какой-нибудь необходимости, он прибавляет: "**И вас, бывших некогда отчужденными**". Хотя здесь, по-видимому, он говорит то же самое, но (на самом деле) не то: не одно и то же – избавить от зла человека, который по необходимости потерпел зло, и (человека), который добровольно подвергся ему; первый достоин сожаления, а последний – отвращения. Однако же Он, по словам (апостола), освободил нас, отступивших от Него не по неволе, ни по принуждению, но добровольно, и примирил нас, несмотря на наше недостоинство. И так как (апостол) выше упомянул о небесном, то он теперь показывает, что вся вражда имеет начало отсюда, а не оттуда: они (обитатели неба) давно желали (примирения), и Бог тоже, а вы не хотели. Он делает совершенно ясным, что если бы люди до последних времен оставались врагами, то ангелы ничего не могли бы сделать: они не могли и убедить (людей) и, убедивши, освободить от дьявола. Ведь не было бы никакой пользы убедить их, не связавши властителя (дьявола), равно не было бы никакой пользы связать (властителя), когда бы содержимые (под его властью) не захотели избавиться. Надлежало сделать то и другое; (ангелы) ни того, ни другого не могли сделать, а Христос то и другое исполнил. И ведь убедить (людей) было делом более удивительным, чем разрушить смерть: последнее всецело зависло от Него, и Он один был в нем Господином; а в первом не Он один действовал, но и мы принимали участие, мы же удобнее совершаем то, что от нас самих зависит. Итак то, что было важнее, (апостол) полагает после; и он не просто сказал: враждующих, но – "**отчужденными**", что означает сильную вражду, и даже не только отчужденных, но и не ожидавших воссоединения. "**И врагами, по расположению**", – говорит он, показывая тем, что отчуждение их было не только в

намерении, – а что? – "**к злым делам**", т. е. вы и были врагами, и действовали, как враги. "**Ныне примирил в теле Плоти Его, смертью Его, чтобы представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою**". Здесь он представляет и образ примирения, – что (Христос примирил нас) "**в теле**", будучи не просто язвен, или биен, или предан, но и претерпевши самую поносную смерть. Он снова упоминает о крест, и снова указывает на другое благодеяние; не только (говорит): избавил, но намекает и здесь на то, о чем скалал выше – что сделал нас способными (к получению избавления). "**Смертью Его**", – говорит, – "**чтобы представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою**". Он не только освободил нас от грехов, но и поставил в числе прославленных. Он претерпел столько не для освобождения только от зла, но и для того, чтобы возвести нас к первоначальному состоянию, подобно тому, как если бы кто, освободив осужденного от наказания, возвел его еще в почетное состояние. И Он поставил нас в числе несогрешивших ни в чем, или лучше, в числе не только несогрешивших, а и совершивших величайшие подвиги, и что еще больше, даровал святость пред Собою. Слово же: "**неповинными**" выражает более, чем непорочность, так как название: неповинный прилагается к нам тогда, когда мы своими делами не доводим себя даже до осуждения или упрека. Но так как, сказав, что Он совершил это Своей смертью, (апостол) все приписал Ему, то, чтобы не сказал кто-нибудь, будто с нашей стороны ничего не требуется, он для этого прибавил: "**Если только пребываете тверды и непоколебимы в вере и не отпадаете от надежды благовествования**" (ст. 23). Этими словами он предохраняет их от беспечности. И не просто сказал: "**пребываете**", потому что есть пребывание шаткое и колеблющееся, и есть стояние и пребывание твердое. "**Если только пребываете**", – говорит, – "**тверды и непоколебимы**". О, какой он употребил оборот речи! Не только не колеблющиеся, говорит, но и непоколебимы. И смотри: он пока ничего не требует тяжелого, ничего трудного, а лишь веры и надежды, – как бы так говорит: если вы пребудете в вере, то надежда на получение будущих благ несомненна. Здесь возможно (не усомниться); но в добродетели невозможно хотя бы несколько не поколебаться; таким образом это нетрудно. "**От надежды благовествования**", – говорит, – "**которое вы слышали, которое возвещено всей твари поднебесной**" (ст. 23). Но что такое упование благовествования, как не Христос? Он есть мир наш, и Он все это сделал; а потому, кто приписывает это другим, тот уклонился (от истины), и если Он не верует во Христа, то все потерял. "**Слышали**", – говорит. Он опять призывает во свидетели их, а потом всю вселенную. Он не говорит: (благовествования) проповедуемого, но – "**возвещено**", в которое уже уверовали. Так он сделал и в начале, желая свидетельством многих. утвердить и их. "**Которого я, Павел, сделался служителем**" (ст. 23). И это он делает для удостоверения. "**Я**", – говорит, – "**Павел, сделался служителем**": а он имел большую важность, так как был всюду прославляем, и был учителем вселенной. "**Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь**" (ст. 24).

2. Какая здесь связь? Как будто незаметна, но в самом деле большая. И – "**служителем**", – говорит, вместо того, чтобы сказать: я ничто не ввожу сам от себя, и возвещаю учение другого; я так верю, что и страдаю из-за Него же, и не только страдаю, а и радуюсь в страданиях, взирая на то, чего ожидаем в будущем; и страдаю не за себя, а за вас. "**И восполняю**", – говорит, – "**недостаток в плоти моей скорбей Христовых**". Мне кажется, он сказал великое; но это не по дерзости, – нет! – а по сильной любви ко Христу. Он не хочет, чтобы эти скорби присваивались ему, а Христу; и сказал таким образом потому, что желал привлечь их (слушателей) ко Христу. "**И все что я страдаю**", – говорит, – "**ради Него страдаю**". Поэтому не мне воздавайте благодарность, а Ему: Он терпит это. Это подобно тому, как если бы кто, будучи к кому-нибудь послан, попросил другого, сказав: прошу тебя, поди вместо меня к такому-то, и последний после того сказал бы: я делаю это вот для кого. Так он не стыдится и эти страдания приписывать Ему, потому что (Христос)

не только умер за нас, но и после смерти готов страдать ради нас. (Апостол) желал и постарался доказать, что (Христос) и теперь собственным Своим телом подвергает Себя опасности ради Церкви. К этому направлена его речь, т. е., что вы не нами бываете приводимы, а Им, хотя делаем это мы, – мы приняли на себя не свое дело, а Его. Это все равно, как если бы какой-нибудь отряд находился в битве под защитой военачальника; а потом, в отсутствии последнего, второстепенный военачальник стал бы принимать на себя направленные против него удары до окончания сражения. А что (апостол) действительно за Него (Христа) это делал, об этом послушай, как он сам говорит: "**За Тело Его**", желая этим сказать, что я не вам угождаю, а Христу, потому что терплю за Него то, что должно было терпеть Ему. Посмотри, как много он высказывает, обнаруживая сильную любовь. Как во втором послании к Коринфянам он писал: "**Давшего нам служение примирения**" (2 Кор. 5:18), и еще: "**От имени Христова просим: примиритесь с Богом**" (ст. 20), – так и здесь, чтобы более привлечь их, говорит то же: "**Ради Него страдаю**", т. е., хотя Тот, кто должен вам, и удалился, но я отдаю Его долг. Вот и "недостаток" он говорит с целью показать, что, по его мнению, Христос еще не все претерпел. За вас, говорит, Он и по смерти страдает, если требует нужда. То же он представляет иначе и в послании к Римлянам, говоря: "**Который и молится за нас**" (8:32), показывая, что Он не удовольствовался только смертью, а и после того Делает за нас бесконечно многое. Таким образом он говорит это не для собственного превозношения, но желая показать, что Христос и доселе заботится о них, а для удостоверения в своих словах прибавляет: "**За Тело Его**". Что это действительно так, что здесь нет никакой несообразности, видно из того самого, что это делается "**За Тело Его**". Видишь, какая связь между нами и Им? Итак, зачем же вы вводите тут еще посредство ангелов? "**Которого я**", – говорит, – "**сделался служителем**". Зачем еще вводите тут других – ангелов? "**Я**" есмь "**служителем**". Затем показывает, что сам он ничего не сделал, хотя и служитель. "**Которой сделался я**", – говорит, – "**служителем по домостроительству Божью, вверенному мне для вас, чтобы исполнить слово Божье**" (ст. 25). "**По домостроительству**". Этим он или то сказал: так Он желал, чтобы, по отшествии Его, мы сделались преемниками служения в деле домостроительства, чтобы вы не остались покинутыми, – сам же Он страдал, сам и посланником был, – или выразил такую мысль: мне, жесточайшему из всех гонителю, для того и попустил (Бог) преследовать (Христа), чтобы сделаться достойным вероятия при проповедании, – или он упомянул о домостроительстве в том смысле, что требовал не дел, или подвигов, или заслуг, а веры и крещения. Ведь иначе вы не приняли бы Его учения. "**Для вас**", – говорит, – "**чтобы исполнить слово Божье**". Слово: "**исполнить**" он употребляет по отношении к язычникам, показывая, что они доселе еще колеблются: то, что язычники могли воспринять столь высокие догматы, было делом не Павла, а домостроительства Божья: я, говорит сам не имел бы силы. Указавши же на более важное, т. е., что страдания его – Христовы (страдания). он представляет затем более понятное, т. е., что и "**исполнить слово Божье для вас**" – также дело Божье. Здесь он, хотя неясно, показывает, что и в том обнаружилось домостроительство, что вы теперь признаны способными слушать слово (Божье), и это не от небрежения, а с той целью, чтобы вы сделались способными и к принятию его. Бог не вдруг все делает, но, по великому человеколюбию Своему, приспособляется к нам; и вот причина, по которой Христос пришел ныне, а не в древнее время. Так и в Евангелии (Бог) показывает, что Он для того посылал прежде рабов, чтобы (иудеи) не подвиглись на убийство Сына. Если они не устыдились Сына, когда Он пришел после рабов, то тем более, если бы пришел прежде. Если уж они не послушались меньших приказаний, то как слушались бы больших? Итак, что же говорит он? Разве иудеи и язычники до сих пор не находятся еще в худшем состоянии чем были прежде? Это наконец верх беспечности! После такого долгого времени, после стольких наставлений все еще оставаться несовершенными – это крайнее нерадение!

3. Итак, когда язычники будут спрашивать, почему только теперь пришел Христос, мы не позволим говорить им это, а сами спросим: а разве Он не исполнил Своего дела? Как в том случае, если бы Он и с самого начала пришел и не совершил Своего дела, недостаточно было бы, для оправдания Его, указать на время Его пришествия, так и теперь, когда Он совершил Свое дело, нам несправедливо было бы требовать отчета во времени Его пришествия. И у врача, который исцелил болезнь и возвратил больному здоровье, никто не станет требовать отчета касательно лечения; и у полководца, который одержал победу, никто не станет выпытывать, почему он сделал это в такое-то время и в таком-то месте. Спрашивать об этом можно было бы тогда, когда бы он не сделал этого; а если сделал, то нужно принимать. Скажи мне, что более достойно веры: твои ли выдумки и рассуждения, или выполнение самого дела? Ты мне вот что скажи: победил ли Он, или нет? Одержал ли верх, или нет? Привел ли к окончанию то, что говорил, или нет? Вот в чем должен состоять отчет. Скажи мне, ты конечно исповедуешь, что есть Бог, хотя и не признаешь Христа? Я спрашиваю тебя: ведь Бог безначален? Ты конечно подтвердишь это. Скажи же мне: почему Он не сотворил людей за тысячи лет прежде? Тогда бы они больше времени уже прожили; а если бытие составляет благо, то тем большее благо – существовать дольше. Но теперь разве они понесли какой-нибудь ущерб за то время, когда их не было? нет, ущерба не понесли; почему, – это знает Тот, Кто сотворил их. Опять спрашиваю тебя: почему Он не сотворил всех вдруг, а сделал так, что душа одного, который сотворен первым, существует уже столько лет, между тем как на долю другой, которая еще не произошла на свет, достается жить меньше? Зачем Он устроил так, что тот является на свет первым, а этот – последним? Подобные вещи действительно стоят того, чтобы исследовать их, но – не из праздного любопытства; последнее само по себе еще не составляет и исследования. Но я тебе покажу настоящую причину того, о чем начал говорит (т. е. почему Христос явился поздно). Согласись, что человеческая природа имеет свои возрасты, – что в первые времена наш род находился в состоянии младенчества, в следующие затем времена – в положении юности, а в те времена, которые приближаются к старости, в положении старца; наконец, когда, по ослаблении телесных членов и но прекращении борьбы, душа окрепла, – мы достигли и до любомудрия. Ты скажешь: напротив, мы учим детей с малых лет. Правда, учим, но только неважным предметам, а разве тому, чтобы только правильно говорить, развивая в них дар слова; да и то уже тогда, когда они начнут подрастать. Посмотри, и Бог поступал точно таким же образом с иудеями; точь-в-точь как к детям, Он приставил к иудеям учителя грамоты, Моисея, который возводил их, так же как мы детей, к постепенному изучению письменных знаков, изображая их на доске. "**Закон, имея тень будущих благ, а не самый образ вещей**" (Евр. 10:1). И как мы покупаем детям гостинцы и даем им денег, требуя от них только одного, чтобы они тотчас же шли в училище, так и Бог в то время посылал (иудеям) изобилие и довольство, желая получить от них, за такое внимание к ним, одно, чтобы только слушали Моисея. Для этого-то Он поручил их наставнику, чтобы они не пренебрегали им, а смотрели бы на него, как на нежного отца. И смотри, они и боялись только его одного, – не спрашивали: где Бог? А – где Моисей? Он наводил на них страх одним своим присутствием. Когда же они поступали худо, смотри, как он их наказывал. Бог хотел отвергнуть их, но Моисей не допустил; вернее же сказать, тут все было делом Божьим. Он изрекал угрозы так же, как отец; а Моисей, как учитель, умолял Его и говорил: предоставь мне, с этих пор я беру их на свои руки. Таким образом пустыня была настоящим училищем. И как дети, проведши несколько времени в занятиях, стараются уйти, так и они в то время постоянно стремились в Египет, плакали, говорили: мы пропали, мы прожились, мы погибли. Моисей разбил и скрижаль, на которой написал было им как бы названия (вещей). Он поступил так же точно, как и учитель, который, взяв доску и увидев на ней худое письмо, бросает и доску, желая показать этим сильный гнев; и хоть и разобьет ее, отец не будет гневаться, потому что тот старался и писал, а они не смотрели на него, звали только по сторонам и шалили. И как дети, во время занятий своих, бьют

друг друга, так и он, в то время, повелевал одним бить и убивать других. И опять, он наказывал их, как (учитель), который давал уроки и, спросив, находил их неприготовленными. (Какие это уроки) представлю пример: были такие письмена, которые указывали на силу Божью, явленную в Египте. Да, говорит, но эти письмена объявляли о казнях (египетских), о том, что Бог наказывает врагов, и заключали в себе урок, весьма поучительный (для иудеев). Чем иным было наказание врагов для вас, как не благодеянием? Да и другими способами Он вам благодетельствовал. Это все равно, как если бы кто-нибудь стал бы уверять, что он знает буквы, а когда стали бы спрашивать его в разбивку, он не в состоянии был отвечать и за то был наказан: так и они говорили, что знают силу Божью, но когда требовалось показать это знание в различных случаях, они не находились отвечать и за то были наказываемы. Ты видишь воду? Должен вспомнить при этом о воде египетской: кто превратил воду в кровь, тот может сделать и это. Все равно как мы часто говорим детям: когда увидишь в книге букву: а, помни, что это тот самый знак, какой и у тебя на дощечке. Видишь голод? Вспомни, что он истребил (в Египте) все, что ни уродилось. Видишь войны? Вспомни о потоп. Видишь, что землю населяют сильные народы? Но они не сильнее египтян, и тот, кто изъял тебя из среды их, не гораздо ли легче может спасти тебя, когда ты не в их руках? Но они не умели отвечать в перемежку на все вопросы, относящиеся до их азбуки, и за то были наказываемы. Они только и знали, что ели, пили и буйствовали. Испытавши вред от удовольствий, они не должны бы были искать их в манне Они Делали то же самое, как если бы сын свободных родителей, когда стали посылать его в – училище, захотел жить вместе с рабами и служить у них; как если бы, получая все необходимое для содержания, приличного человеку свободному, занимая место за столом своего отца, он нашел для себя приятным беспорядочный и шумный стол рабов. Так и они все стремились в Египет, хотя говорили Моисею: ей, Господи, "**все, что**" глаголешь, "**сделаем и будем послушны**" (Исх. 24:7). И как бывает с сильно распущенными детьми, что отец хотел бы иногда убить их, а учитель постоянно упрашивает его за них, так и в то время происходило то же самое.

4. Но почему об этом рассказано нам? Потому, что и мы ничем не отличаемся от детей. Хочешь ли еще слышать учение их, чтобы видеть, как много в нем детского? "**Око за око**", – говорит, – "**и зуб за зуб**" (Лв. 24:20). И это естественно. Нигде склонность к мщению не бывает так сильна, как в душе ребенка. Так как мстительность есть страсть самая безрассудная, а этому возрасту особенно свойственна нерассудительность и недостаток обдуманности, то понятно, почему гнев имеет неограниченную власть над детьми. И владычество гнева до такой степени сильно, что часто бросаются на землю и потом, вскочив, бьют себе от злости колена, или опрокидывают скамейки, к уже только после этого начинаете утихать в них мучительная страсть и остывать их бешенство. В этом роде Бог действовал, когда позволил им исторгать, око за око и зуб за зуб, или когда поражал египтян и амаликитян за обиды, наносимые им (иудеям). Бог дает позволение поступать таким образом, как отец, который, когда какой-нибудь (малютка) скажет: отец, такой-то меня прибил, – отвечает: он злой человек, мы не будем его любить. В таком же смысле и Бог говорит: е буду врагом врагов твоих, и возненавижу ненавидящих тебя. И опять, когда молился Валаам, им оказано было такое же снисхождение, как детям. Подобно тому, как бывает с детьми, что, когда они увидят что-нибудь такое, что само по себе вовсе нестрашно, – напр. шерсть, или что-нибудь подобное, – вдруг начинают пугаться, а мы, чтобы эта вещь не наводила на них страха, подносим ее к ним и даем в руки, или заставляем кормилицу показать ее, – так поступил и Бог. Так как прорицатель был для них страшен, Он превратил их страх в смелость. И как детям, отучаемым от груди, в утешение дается рожок, так и иудеям Бог не отказывал ни в чем, и посылал им полное довольство. Но дитя и после того все еще просит груди: и они также все искали Египта и египетского мяса.

Таким образом, тот не погрешит, кто назовет Моисея их учителем, воспитателем и руководителем. А это был человек весьма мудрый; ведь не одно и то же – руководить людьми, уже способными рассуждать зрело, и управлять неразумными детьми. Если угодно, можно сказать и еще что-нибудь. Как воспитатель говорит ребенку: когда пойдешь ты для естественной нужды, то будь осторожней, оберегай свое платье, пока будешь сидеть, – так поступал и Моисей. И как в детях, – у которых еще нет возницы, – господствуют все страсти: тщеславие, своенравие, безрассудство, гнев, зависть, – так и над иудеями господствовали все эти (страсти): они плевали на Моисея, они его били. И как дитя поднимает на кого-нибудь камень, и все мы кричим: не бросай, – так и они поднимали камни на своего отца, хотя впрочем он и избегал их. И как дитя, если видит на отце какие-нибудь украшения, просит их себе, потому что они ему нравятся, – так поступили и сообщники Дафана и Авирона, восставшие против священства. Они были завистливы, малодушны больше, чем всякий другой, и во всех отношениях (были люди) с недостатками. Итак, скажи мне, неужели надлежало Христу явиться в то время? Давать заповеди, имеющие такой глубокий смысл в такое время, когда они находились под властью неистовой страсти, – когда, по своему сладострастию, это были настоящие кони, – когда они были рабами корыстолюбия и чревоугодия? Он напрасно стал бы расточать уроки любомудрия, и рассуждать с людьми безумными. Они не поняли бы ни того, ни другого. Как тот, кто начал бы учить чтению прежде, чем азбуке, никогда не научил бы даже и азбуке, – так было бы и тогда. Но теперь не то: теперь, по благодати Божьей, всюду насаждена великая кротость и великая добродетель. Будем же благодарны за все и не станем предаваться праздному любопытству. Не нам знать время, а Тому, Кто сотворил время и создал века. Предоставим же все Ему. Воздавать славу Богу значит не требовать у Него отчета в Его делах. Так воздал славу Богу и Авраам, "и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное" (Рим. 4:21). Он даже и о будущем не спрашивал; а мы ищем причины тому, что уже прошло. Посмотри, какое тут неразумие, какая неблагодарность! Но оставим это наконец, – потому что от этого не будет никакой пользы, а даже еще большой вред; будем питать в душе признательность к нашему Владыке и воссылать славу Богу, чтобы, вознося благодарение за все, удостоиться Его человеколюбия, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 5

"Тайну, сокрытую от веков и родов, ныне же открытую святым Его, Которым благоволил Бог показать, какое богатство славы в тайне сей для язычников, которая есть Христос в вас, упование славы, Которого мы проповедуем, вразумляя всякого человека и научая всякой премудрости, чтобы представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе" (Кол. 1:26 – 28).

1. Сказав о том, что мы получили, и показав из величия дарованных нам (благ) человеколюбие и славу Божью, (Павел) присовокупляет еще другое дополнение, – что прежде нас никто не знал этой (тайны). То же он делает и в послании к Ефесянам, когда говорит: ни ангелы, ни начала, ни иная каким-либо созданная сила, но один Сын Божий знает (Еф. 3:5). Потому и не сказал просто: скрытую (κεκρυμμένον), но: "тайную" (ἀποκεκρυμμένον), как потому, что, хотя она и ныне совершилась, однако она древняя, так и потому, что Бог издавна восхотел этого и так предначертал. Но почему, – об этом еще не говорит. "**Сокрытую от веков**", – говорит, – "**и родов**". И справедливо назвал тайной то, чего никто не знал, кроме Бога. Где же "**тайную**"? Во Христе, как говорит в послании к Ефесянам, или, как некогда сказал пророк: "**от века и до века Ты – Бог**" (Пс. 89:3). "**Ныне же открытую**", – говорит, – "**святым Его**". Итак, все это есть дело

домостроительства Божья. "**Ныне же**", – говорит, – "**открытую**". Не сказал: совершилась, но: "**Открытую святым Его**". Если явилась одним только святым, то, значит, еще и ныне скрывается. Пусть же они (еретики) не прельщают вас: не знают, почему (апостол) сказал: (только тем) "**Которым благоволил**". Смотри, как он везде предупреждает их вопросы. "**Которым**", – говорит, – "**благоволил Бог показать**"; а воля Его не неразумна. Он сказал это для того, чтобы они более покорялись благодати, и не превозносились своими добрыми делами. "**Какое богатство славы в тайне сей для язычников**". Глубокомысленно сказал и усилил речь, приискивая от преизбытка чувства пояснения к пояснениям. Самая эта неопределенная речь: "**Богатство славы в тайне сей для язычников**" тоже содержит в себе пояснение, – потому что слава более всего является в язычниках, как и говорит в другом месте: "**А для язычников – из милости, чтобы славили Бога**" (Рим. 15:9). И в других является великая слава тайны; но в них гораздо более. Людей более бесчувственных, чем камни, вдруг возвести к достоинству ангелов, единственно посредством безыскусственных слов и одной веры, без всякого труда, – это действительно слава и богатство тайны, подобно тому, как если бы кто-нибудь пса, издыхающего от голода и паршей, гнусного и отвратительного, уже не могущего двигаться и заброшенного, вдруг сделал человеком и показал на царском престол. Смотри: они поклонялись камням и земле, – считая их лучшими неба и солнца, думая, что весь мир служить им, – были пленниками и узниками дьявола, и вдруг наступили на главу его, и стали повелевать им и бичевать его. Слуги и рабы демонов сделались телом Владыки ангелов и архангелов. Не знавшие даже, что есть Бог, вдруг стали сопрестольниками Бога. Хочешь видеть бесчисленные ступени, которые они перешагнули? Нужно было им, во-первых, узнать, что камни не боги; во-вторых, что они не только не боги, но и ниже людей; в-третьих, ниже бессловесных; в-четвертых, ниже растений; в-пятых, что они (язычники) смешали совершенно противоположные предметы, что не только камни, но ни земля, ни животные, ни растения, ни человек, ни небо, ни то, что выше неба (не есть Бот); опять, – что ни камням, ни животным, ни растениям, ни стихиям, ни горнему, ни дольнему, ни человеку, ни демонам, ни ангелам, ни архангелам, ни другой какой-либо из тех высших сил не должна поклоняться человеческая природа. Как бы черпая из некоей глубины, им надлежало познать, что Владыка всего – Он есть Бог, что Ему одному должно служить, что дивное устройство жизни есть благо, что настоящая смерть не есть смерть, а настоящая жизнь – не жизнь, что тело восстает, делается нетленным, восходить на небеса, сподобляется бессмертия, водворяется с ангелами, преселяется. Человека, стоявшего так низко, после того, как он перешагнул все эти (ступени, Христос) посадил на небесах, на троне; того, который был ниже камней, поставил выше ангелов, архангелов, престолов, господств. Действительно, хорошо сказал: "какое богатство славы в тайне сей"? Дело подобно тому, как если бы кто-нибудь глупого вдруг сделал философом. А лучше сказать, что ни говори, ничего не объяснишь, потому что и Павловы слова неопределенны. "какое", – говорит, – "богатство славы в тайне сей для язычников, которая есть Христос в вас"? Еще надлежало познать, что Тот, кто выше всех, кто господствует над ангелами и имеет власть над всеми прочими силами, нисшел долу, сделался Человеком, претерпел бесчисленные мучения, воскрес и вознесся.

2. Все это было следствием тайны, и Павел торжественно возвещает это, когда говорит: "**которая есть Христос в вас**". Если же Он в вас, то для чего вы ищете себе учителей из ангелов? "**В тайне сей**". Есть и другая тайна; но это, по преимуществу, тайна, которой никто не знал, которая досточудна, которой никто не ожидал, и она была сокрыта. "**Которая есть Христос в вас**", – говорит, – "**упование славы, Которого мы проповедуем**", приняв Его свыше. "**Которого**" (проповедуем) "**мы**", а не ангелы, "**вразумляя и научая**", а не повелевая и не принуждая: ведь и то, что люди приводятся к Богу не насильственно, есть дело человеколюбия Божья. Так как "**научая**" – слово великое, то он прибавил: и "**вразумляя**", что более свойственно отцу, чем учителю.

"**Которого**", – говорит, – "**мы проповедуем, вразумляя всякого человека и научая**" всякого человека во "**всякой премудрости**", то есть, со всякой премудростью и разумом, или – все говоря в премудрости. Поэтому, здесь нужна вся премудрость, так как познать это не всякий может. "**Чтобы представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе**". Что ты говоришь – "**всякого человека**"? Да, говорит, мы об этом заботимся. Что же, если бы это не исполнилось? Все-таки блаженный Павел старался сделать совершенным Итак, это – совершенство, а то – несовершенно. Следовательно, кто имеет не всю мудрость, тот несовершен. "**Совершенным во Христе Иисусе**": не о законе, и не об ангелах, потому что это несовершенно. "**Во Христе**", то есть, в познании Христа. Кто знает, что сделал Христос, тот постиг более ангелов. "**Во Христе Иисусе; для чего я и тружусь и подвизаюсь**" (ст. 29). Не просто стараюсь, говорит, не как случилось; но "**тружусь и подвизаюсь**" с великим тщанием, то есть, с великим бодрствованием. Если я так бодрствую для вашего блага, то сами вы должны (бодрствовать) гораздо более. Затем, чтобы показать, что это дело Божье, говорит: "**Силою Его, действующею во мне могущественно**" (ст. 29). Показывает, что это – дело Божье. Дающий мне силы для этого, очевидно, этого желает. Потому и в начале сказал: "**Волею Божьей**" (ст. 1). Итак (апостол) сказал так не только по смирению, но и по истине. "**И подвизаюсь**". Этим словом он показал, что против него воюют многие. Затем (выражает) великую любовь. "**Желаю, чтобы вы знали, какой подвиг имею я ради вас и ради тех, которые в Лаодикии**" (2:1). Чтобы не показалось, что причиной такого желания их слабость, он присовокупил и других, и еще не упрекает (их). "**Кто не видел лица моего в плоти**". Здесь ясно показывает, что они постоянно видели его духом, и свидетельствует им великую любовь свою. Потому и прибавил: "**Дабы утешились сердца их, соединенные в любви для всякого богатства совершенного разумения, для познания тайны Бога и Отца и Христа, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения**" (ст. 2, 3). Вот уже он спешит и заботится перейти к учению, и не обвиняя, и не освобождая их от обвинения. "подвиг", – говорит, – "**имею**". С какой целью? Чтобы соединиться. Это значит: чтобы они твердо стояли в вере. Но он не говорит так, устраняя все, клонящееся к обвинению. Это для того, чтобы они соединились по любви, а не по необходимости, или насилию. Он, как я сказал, неутомимо и постоянно поучал их. Потому и говорит: "**подвизаюсь**", потому что я хочу, чтобы (это сделалось) по любви и добровольно. Я хочу не того только, чтобы было собрате, не уста только, но "**дабы утешились сердца их, соединенные в любви для всякого богатства совершенного разумения**", то есть, чтобы они ни в чем не сомневались, чтобы во всем были убеждены. Он говорит о том убеждении, которое происходить от веры. Бывает убеждение и вследствие умозаключений; но оно не имеет никакой цены. Я знаю, говорит, что вы веруете; но хочу, чтобы вы были убеждены не в одном богатстве, но "**для всякого богатства**", чтобы вы были убеждены и во всем и твердо. Смотри, какое благоразумие у блаженного Павла. Он не сказал им: вы худо делаете, что не имеете убеждения, – не обвинил их; но: вы не знаете, как забочусь я о том, чтобы вы были убеждены разумно, а не безотчетно. Так как сказал о вере, то и прибавляет: не думайте, что я сказал просто и необдуманно; нет, – разумно, с любовью. "**Для познания тайны Бога и Отца и Христа**". Следовательно, привлечете (к Отцу) через Сына есть тайна Божья. "**И Христа, в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения**". Если же они в Нем, то Он премудро пришел ныне (на землю). За что же обвиняют нас некоторые неразумные? Смотри, как он говорит людям малосведущим: "**в Котором сокрыты все сокровища**": Он все знает. "**Ведения**". Не думайте же, что вы уже имеете все: "**ведения**" и от ангелов, не только от вас. Значит, у Него должно всего просить; Он дает премудрость и знание. Итак, словом: "**сокровища**" показывает множество, словом: "**все**" – что Он (все) знает, а словом: "**ведения**" – что Он один знает. "**Это говорю я для того, чтобы кто-нибудь не прельстил вас вкрадчивыми словами**" (ст. 4).

3. Видишь, говорит, я это сказал для того, чтобы вы не искали (знания) у людей. "**Прельстил**", – говорит, – "**вкрадчивыми словами**". Что же, если (кто-нибудь) говорит убедительно? "**Ибо хотя я и отсутствую телом, но духом нахожусь с вами**" (ст. 5). Последовательность требовала бы сказать: хотя я и отстою плотью, тем не менее знаю обманщиков; но теперь он оканчивает похвалой. "**Радуясь и видя ваше благоустройство и твердость веры вашей во Христа**" (ст. 5). Чином он называет благоустройство. "**И твердость веры вашей во Христа**". Это величайшая похвала. И не сказал: веру, но: "**твердость**", как будто говорит воинам, стройно и твердо стоящим. Кто тверд, того не поколеблют ни обольщения, ни искушения. Вы, говорит, не только не пали; но у вас никто не расстроил и чина. Он поставил себя между ними, чтобы они боялись его, как бы он при них находился, потому что через это сохраняется чин (благоустройство). Сплоченность – от твердости. Твердость же происходить тогда, когда ты, собрав много (вещей), склеишь их плотно и неразрывно; тогда происходить твердость, как, напр., в стене. То же делает любовь. Когда она плотно совокупить и соединить людей, живущих отдельно, она делает их твердыми. То же делает и мера, когда она не позволяет господствовать в нас размышлению, потому что как размышление разделяет и колеблет, так вера укрепляет и утверждает. Так как Бог даровал нам блага, превышаются человеческое разумение, то Он по справедливости требует веры, потому что не может быть твердым тот, кто ищет объяснений. Все наши важнейшие (догматы) чужды умствований и доступны только вере. Бог нигде и везде: что непонятнее этого для разума? И в том, и в другом содержится много необъяснимая. Он не заключается в месте, и в Нем нет места. Он не произошел (ни от кого), ни сам Себя не сотворил, и не начинал своего бытия. Какой разум принял бы это, если бы не было веры? И не показалось ли бы это смешным? А не иметь конца, – разве это не труднее всякой загадки? Он безначален, нерожден, неописуем и беспределен, – и это также непостижимо. Не можем ли мы, по крайней мере, объяснить умом бестелесность Его? Посмотрим. Бог бестелесен. Что такое – бестелесен? Одно голое слово; ум ничего не извлекает из него, и ничего себе не представляет. Если бы он представил себе что-нибудь такое, то перешел бы к вещественному, к тому, из чего образуется тело. Значит, когда уста говорят о бестелесном, ум не понимает, о чем они говорят, или понимает только то, что бестелесное – не тело. Да что я говорю о Боге? Что такое бестелесность нашей души, имеющей начало, заключенной (в теле), описуемой? Скажи, покажи! Но ты не можешь. Она воздух? Но воздух – тело, хотя и нетвердое; из многих явлений видно, что он есть жидкое тело. Она огонь? Но огонь – тело; а действие души бестелесно. Почему? Потому, что она всюду проникает. Если же она – не тело, то бестелесное в (определенном) месте; поэтому и описуема; описуемое же имеет фигуру; фигура же состоит из линий; линии же – принадлежность тел. Опять, что значит бесформенный? Не имеющий ни формы, ни вида, ни образа. Видишь, как путается мысль! Еще: природе (Божьей) несвойственно зло; но добрым каждый бывает только по своей вол; следовательно, зло свойственно ей. Но этого сказать нельзя, да не будет! Еще: по воле (Бог) имеет бытие, или по неволе? Но и этого нельзя сказать. Еще: ограничивает (Он) вселенную, или нет? Если не ограничивает, то сам ограничивается ею; если же ограничивает, то Он беспределен по природе. Еще: ограничивает ли Он сам себя? Если ограничивает, то, значит, Он и безначален не в отношении к самому Себе, а в отношении к нам; следовательно безначален не по природе. Везде приходим к противоречивым заключениям. Видишь, какой мрак и как везде нужна вера! Одна она тверда. Но, если хотите, перейдем к меньшим предметам. Существо (Божье) действует. Что же такое в нем деятельность? Движение какое-нибудь? В таком случае оно не изменяемо, потому что движущееся изменяется, из состояния неподвижности переходить в состояние движения. Однако же (существо Божье) движется и никогда не бывает в неподвижном состоянии. Какое же это движете, скажи мне? У нас есть семь различных движений: вниз, вверх, внутрь, наружу, вправо, влево и вокруг. Кроме этого бывает: увеличение, уменьшение, рождение, разругаете, изменение. Но то движете несходно ни с одним из этих движений, а совершается подобно движению ума?

Вовсе не так, – да не будет, – потому что ум движется иногда глупо. Действие (Божье) есть желание? Но Он хочет, чтобы все люди были добродетельны и спаслись: почему же это не исполняется? значит, желание – не то, что действие? В таком случае для действия недостаточно одного желания. А как же говорит Писание: "**Творит все, что хочет**" (Пс. 113:11)? Как и прокаженный говорит Христу: "**Если хочешь, можешь меня очистить**" (Мф. 8:2)? Скажу и другое, если хотите. Каким образом сущее произошло из несущего? Каким образом оно обращается в ничто? Что выше неба? И опять: что выше того высшего? И что выше этого? И что за тем? И так до бесконечности. Что ниже земли? Море. А ниже его что? И ниже этого опять что? А вправо, влево, – разве не такая же неизвестность?

4. Но это – невидимое. Хотите, скажу о предметах видимых, о том, что было? Скажи мне, как иона был во чреве зверя и не погиб? Разве это согласно с разумом? Не напрасно ли (старание) объяснить это? Как (кит) пощадил праведника? Как не задушил его жар? Как не сгноил? Если трудно быть только в глубине моря, то. гораздо труднее находиться во внутренностях (кита) и в таком жару. Как иона дышал там? Как доставало вдыхаемого воздуха для двух живых существ? Как (кит) изверг пророка невредимым? Как говорил (иона)? Как он сознавал себя и молился? Разве вероятно все это? Если будем исследовать разумом, невероятно; если же верой, то весьма вероятно. Скажу нечто более этого. Зерно в недрах земли гниет и восстает. Смотри, (тут два) противоположных чуда, и одно другого удивительнее. Удивительно и то, что зерно не истлевает, и то удивительно, что гниющее восстает.

Где неверующие воскресению и говорящие: как эта кость соединится с этой? и вводящие тому подобные басни? Скажи мне: как Илия вознесся на огненной колеснице (4 Цар. 2:11)? Огню свойственно жечь, а не возносить. Как (Илия) живет (на небе) столько времени? В каком находится месте? Для чего это случилось? Куда переселен Енох? Вкушает ли такую же пищу, как мы? Что мешает быть ему здесь? Но он не вкушает нашей пищи? Зачем он взять отсюда? Смотри, как Бог постепенно наставляет нас. Он переселил Еноха; это по очень важно: то же показал нам в вознесении Илии. Заключил Ноя в ковчеге; но и это не очень важно: тому же научил нас, заключив пророка в ките. Так и ветхозаветные события имели нужду в предтечах и прообразах. Как в лестнице первая ступень ведет ко второй, а нельзя с нее ступить на четвертую, и эта (имеете отношение) к той, чтобы та служила путем к этой, и прежде первой нельзя ступить на вторую, – так и здесь. Замечай знаки знаков, и увидишь это в лестнице, которую видел Иаков. Вверху, говорится, утверждался Господь, а внизу восходили и нисходили ангелы. Это предвозвещало, что Отец имеет Сына. Надлежало верить этому. Откуда показать тебе знаки этого? Как ты хочешь: сверху ли вниз, или снизу вверх? Нужно было показать, что (Отец) родит бесстрастно; и вот сначала родила неплодная. А лучше начнем сверху. Надлежало веровать, что (Сын рождается) от Отца. Что же? Было и это (предвозвещено), хотя неясно, как бы в образе и тени, однако же было; а с течением времени становится несколько яснее. Жена (Ева) из одного человека, и он остается целым. Кроме того, надлежало быть какому-нибудь знамению рождения от Девы. Рождает неплодная, и не однажды, но дважды, трижды и многократно. Итак, неплодная была прообразом рождения от Девы и побуждает наш разум к вере. (Рождение от неплодной) было знамением и того что Бог (Отец) один может рождать. Если человек, совершеннейшее существо, рождается и без него (бесстрастно), то тем более он рождается из существа, которое совершеннее (человека). Есть и другое рождение, которое есть образ истины, наше (рождение) от Духа. Неплодная была образом и этого рождения, потому что оно не из кровей. А это (рождение от Духа) есть образ высшего рождения (Сына от Отца). То рождение показало бесстрастие, а это – что может родиться от одного (Бога Отца). Христос есть Владыка, выше всех; надлежало веровать этому. Это показано в (образе) земли при (сотворении)

человека: "**Сотворим**", – сказано, – "**человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над**" всеми бессловесными (Бт. 1:26). Так (Бог) научил нас не словами, но делами. Рай показал различие в природе и превосходство человека пред всеми (тварями). Христу надлежало воскреснуть, – смотри же, сколько прообразов этого: Енох, Илия, Иона, отроки в печи, потоп во дни Ноя, семена, растения, рождение, как наше, так как (сомнение) о воскресении все могло подвергнуть опасности, то воскресение имело много прообразов, – гораздо более, чем все прочее. Что все происходить не без провидения, об этом можно заключать из того, как у нас бывает: у нас ничто не остается без надзора; и для стада и для всего другого нужно, чтобы кто-нибудь управлял. А что неслучайно все произошло, показывает геенна, показал потоп при Но, огонь, потопление египтян, (чудеса), совершившиеся в пустыне. Нужно было многое, что служило бы предзнаменованием крещения; и (предзнаменования) были: то, что совершено в воде, и многое другое, что было в ветхом завете, что было в купели, очищение больного, самый потоп, крещение Иоанна. Надлежало веровать, что Бог предаст (на смерть) Сына своего: наперед сделал это человек. Кто же это? Патриарх Авраам. Таким образом, мы найдем прообразы всего этого, если захотим, если поищем в Писании. Но не будем утомлять себя; ограничимся этим; будем иметь твердую вру, и постараемся об исправление своей жизни, чтобы, благодаря Бога о всем, удостоиться благ, обещанных любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 6

"Посему, как вы приняли Христа Иисуса Господа, так и ходите в Нем, будучи укоренены и утверждены в Нем и укреплены в вере, как вы научены, преуспевая в ней с благодарением" (Кол. 2:6,7).

1. Опять предваряет их собственным свидетельством, говоря: "**Посему, как вы приняли**". Мы, говорит, не вводим ничего чуждого; поэтому и вы не должны вводить. "**ходите в Нем**", потому что Он есть путь, приводящий к Отцу. Такой путь не в ангелах, – этот не ведет туда. "**Укоренены**", то есть, утверждены; не увлекаясь то на тот, то на другой путь, но "**укоренены**"; а укорененное никогда не передвигается. Видишь, какие точные выражения употребляет (Павел)! "**И утверждены**", говорит, то есть, возносясь к Нему умом. "**И укреплены**" в Нем, то есть, держась на Нем, как устроенные на основании. Показывает, что они пали, это видно из слова: "**научены**". Вера, действительно, есть здание, требующее крепкого основания и прочного построения. Оно колеблется, если кто построить его не на крепком основании; а если и на крепком построить, но не утвердить, не будет стоять. "**Как вы научены**". Словом: "**как**" опять показывает, что он ничего не говорит нового. "**Преуспевая**", – говорит, – "**в ней с благодарением**". Так поступают благомыслящие люди: я не говорю просто: благодаря, но с великим избытком, более, чем научены, если можно, и с великим соревнованием. "**Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас**" (ст. 8). Видишь, как он показал татя, чуждого и тихо входящего! Он представил его уже входящим. И хорошо сказал: "**увлек**" (συλαγωγων, обкрадет). Как иной, подкапывая снизу насыпь, не дает себя заметить, а насыпь ослабляет, так и он поступает. Итак, берегитесь: он всегда так делает, – не дает даже заметить себя. "**философией**". Но так как философствовать кажется делом похвальным, то прибавил: "и пустым обольщением". Лесть (обман) бывает и добрая; такой были прельщены многие, и ее не должны называть лестью; о ней говорит Иеремия: "**Ты влек меня, Господи, – и я увлечен**" (Иер. 20:7). Этого не должно называть лестью. Так, когда Иаков прельстил отца, – это не была лесть, а (Божье) устроение. "**Философией**", – говорит, – "**и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу**" (ст. 8).

Теперь начинает обличение в наблюдении дней, называя стихиями мира солнце и луну, подобно тому, как сказал в послании к галатам: "**Для чего возвращаетесь опять к немощным и бедным вещественным началам**" (Гал. 4:9)? И не сказал: в наблюдении дней, но: всего настоящего "**мира**", – чтобы показать ничтожество его. Действительно, если мир – ничто, то еще более ничтожны стихии его. Итак, показав сначала, сколь великие получили они благодеяния, какими великими благами насладились, потом начинает обвинение, чтобы дать ему больше силы и тронуть слушателей. Так всегда делают и пророки. Они показывают сначала благодеяния (Божьи), и тем увеличивают силу обвинения, как говорит Исайя: "**Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня**" (Ис. 1:2); и опять: "**Народ Мой! что сделал Я тебе и чем отягощал тебя?**" (Мих. 6:3); и Давид говорит: "**из среды грома Я услышал тебя**", и еще: "**открой уста твои, и Я наполню их**" (Пс. 80:8,11). И везде найдешь это. Итак, что бы ни говорили они (обольщающие), не должно верить; ныне и без (напоминания) о благодеяниях должно избегать стихийных мудрований). "**А не по Христу**", – говорит. Если бы даже и так было, что вы могли бы служить пополам и тому и другому, – и этого не должно бы быть; ныне же этого не позволяет вам то, что "**по Христу**", – оно удерживает вас от них (суеверий). Поколебав сначала эллинские суеверия, затем разрушает иудейские. У эллинов и иудеев было много суеверий, у первых они происходили от философии, а у последних от закона. (Павел) прежде обращается к тем, которые подлежать большему осуждению. Как же "**не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно, и вы имеете полноту в Нем, Который есть глава всякого начальства и власти**" (ст. 9 и 10).

2. Смотри, как, обличая их, он опровергает сказанное (заблуждение): сначала предложил решете, а потом возражение. Такое решение устраняет подозрение, и слушатель скорее соглашается, когда говорящий не о том заботится, чтобы опровергнуть возражение. В последнем случае, слушатель старается о том, чтобы не быть побежденным; а тут – не бывает этого. "**Ибо в Нем обитает**", то есть, так как Бог живет в Нем. Но чтобы ты не подумал, будто Бог заключен в Нем, как в теле, говорит: "**Вся полнота Божества телесно, и вы имеете полноту в Нем**". Некоторые говорят, что (апостол) называет здесь церковь исполненной божества Его, как в другом месте говорит: "**Полнота Наполняющего все во всем**" (Еф. 1:23), а слово: телесно значит здесь: как в голове тело. Почему же в таком случае не прибавил он: яже есть церковь? другие думают, что он говорит здесь об Отце, что полнота Божества живет в Нем. Но это несправедливо: во-первых, потому, что слово: жить не в собственном смысле говорится о Бог; во-вторых, потому, что полнота не есть то, то принимается: "**Господня земля и что наполняет ее**" (Пс. 23:1), и апостол говорит: "**Пока войдет полное число язычников**" (Рим. 11:25); здесь исполнением называется целое. Потом, что значит слово: "**телесно**"? Как в глав. Для чего же опять говорит то же: "**И вы имеете полноту в Нем**"? Что значат эти слова? То, что вы имеете столько же, сколько и Он; как жило в Нем, так и в вас живет. Павел постоянно старается приблизить нас ко Христу, например, когда говорит: "**Воскресив Его из мертвых и посадив**" нас (Еф. 1:20), и: "**Если терпим, то с Ним и царствовать будем**" (2 Тим. 2:12), и: "**Как с Ним не дарует нам и всего?**" (Рим. 8:32), и называет (нас) "**сонаследниками**" (Рим. 8:17). Затем (говорит) о достоинств: "**Который есть глава всякого начальства и власти**" (ст. 10). Ужели Тот, Кто выше всего, причина всего, не единосущен (Отцу)? Потом он прекрасно присовокупил здесь о благодеянии, даже лучше, чем в послании к римлянам: там он говорит: "**обрезание, которое в сердце, по духу, а не по букве**" (Рим. 2:29); а здесь: по Христе. "**В Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым**" (ст. 11). Смотри, как он приближается к делу. "**Совлечением**", – говорит, – не сказал: снятии. "**Греховного тела**", – говорит о прежней жизни. Это он постоянно и различно выражает, как и выше сказал: "**Избавившего нас от власти тьмы**" (Кол. 1:13), "**И бывших некогда**

отчужденными примирил, чтобы представить нас святыми и непорочными" (ст. 21, 22). Теперь, говорит, обрезание не от ножа, но от самого Христа; не рука, как там (в ветхом завете), совершает это обрезание, но дух; обрезывается не часть, но весь человек. тело и это, тело и то; но то обрезывается плотью, а это духовно, – не так, как иудеи (обрезывали), – потому что вы совлеклись не плоти, но грехов. Когда и где? В крещении. Что (Павел) называет обрезанием, то называет и гробом. Смотри, как он опять переходить к оправданию. "**Греховного**", – говорит, – "**тела плоти**", т. е., грехов, сделанных во плоти; говорит более, чем об обрезании, так как (иудеи) не отвергли того, что обрезано, но потеряли и повредили. "**Быв погребены с Ним**", – говорит, – "**в крещении, в Нем вы и совоскресли верой в силу Бога, Который воскресил Его из мертвых**" (ст. 12). Но (крещение) есть не гроб только: смотри, в самом деле, что говорит: "**в Нем вы и совоскресли верой в силу Бога, Который воскресил Его из мертвых**". Хорошо сказал, – потому что все от веры. Вы поверили, что Бог может воскресить, – и через это воскресли. Затем (присовокупляет) достоверное: "**Воскресил**", – говорит, – "**Его из мертвых**". Уже показывает воскресение. "**И вас, которые были мертвы во грехах и в необрезании плоти вашей, оживил вместе с Ним**" (ст. 13). Вы были повинны смерти. Но если вы и умирали, то не напрасно, – смерть была полезна вам. Смотри, как он опять показывает, чего они были достойны, в словах, которые присовокупляет: "**Простив нам все грехи, истребив учением бывшее о нас рукописание, которое было против нас, и Он взял его от среды и пригвоздил ко кресту; отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою**" (ст. 14 – 15). "**Простив нам**", – говорит, – "**все грехи**". Какие? Т, которые произвели смерть. И что же? Позволил им остаться? Нет; истребил их; не только даровал, но совсем истребил, чтобы они никогда не показывались. "**Учением**", – говорит. Какими учениями? Верой. Следовательно, (для спасения) достаточна вера, (Павел) присоединил не дела к делам, но дела к вере. Что же затем? К отпущению опять присоединяет истребление (грехов). "**И Он**", – говорит, – "**взял его от среды**"; но не сохранил его, а разорвал, "**и пригвоздил ко кресту; отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою**" Никогда он не говорил так сильно!

3. Пилишь, как он заботился об уничтожения рукописания? Так как все мы были под грехом и наказанием, то Он, претерпев наказание, освободил нас и от греха, и от наказания. Наказание же Он претерпел на кресте. К нему-то и пригвоздил (рукописание), а потом, как имеющий власть, и совсем разорвал его. Какое рукописание? (Павел) говорит о том рукописании, которое (израильтяне) дали Моисею, говоря: "**Все, что сказал Господь, сделаем [и будем послушны]**" (Исх. 24:3). Если же не об этом, так о том, что мы обязаны повиноваться Богу. Если же и не об этом, то о том рукописании, которое держал дьявол, которое изрек Бог Адаму в словах: "**Ибо в день, в который ты вкусишь от дерева, смертью умрешь**" (Быт. 2:17). Это рукописание было у дьявола. И Христос не отдал его нам; но сам разорвал его, как свойственно прощающему с радостью. "**Отняв силы у начальств и властей**". (Апостол) говорит это о силах дьявольских, или потому, что они были облечены человеческой природой, или потому, что (Христос) держал их как рукоятку меча, и, сделавшись человеком, обнажил их. Это и значит: "**Подверг их позору**". И хорошо это сказано, потому что дьявол никогда так не бесчинствовал. Он наделся овладеть Им (Христом), а лишился и тех, кого имел; в то время, когда тело (Христа) пригвождалось, мертвые воскресали. Тогда дьявол потерпел поражение, получив смертельный удар от мертвого тела. Как борец, считающий своего противника пораженным, сам получает от него смертельную рану, так и Он показал, что умереть с спокойным духом значит посрамить дьявола. Если бы мог, дьявол сделал бы все, чтобы уверить людей в том, что (Христос) не умирал. Но, так как доказательством воскресения служило все последовавшее затем время, а для доказательства смерти не было другого времени кроме этого, то Он и умер открыто, в виду всех, но воскрес не открыто, зная, что

последующее затем время засвидетельствует истину. Что в виду всего мира, на высоте, на древе был умерщвлен змий, – это достойно удивления. И чего не сделал дьявол, чтобы только (Христос) умер тайно? Послушай, что говорит Пилат: "**Возьмите Его вы, и распните; ибо я не нахожу в Нем вины**" (Иоан. 19:6); и потом иудеи говорили Ему: "если Ты Сын Божий, сойди с креста" (Мф. 27:40). Но Он уже получил смертельный удар; но сошел (со креста), и потому предан был гробу. Он мог тотчас же воскреснуть; но (не сделал этого), чтобы уверены были в смерти Его. И в смерти людей обыкновенных малодушие предосудительно; здесь нет его. Даже и воины "**не прибили Ему голеней**", как другим, чтобы очевидно было, что Он умер. Известны и те, которые погребли тело Его; поэтому сами же иудеи, вместе с воинами, запечатывают камень. Здесь преимущественно старались о том, чтобы (смерть Его) не была сокрыта. Свидетели – из врагов, из иудеев. Послушай, что они говорят Пилату: "**обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну; итак прикажи**" воинам стеречь "**гроб**" (Мф. 27:63). Это и сделано было; они еще запечатали гроб. Послушай, как они и после говорят это апостолам: "**Хотите навести на нас кровь Того Человека**" (Деян. 5:28). Он не попустил, чтобы образ креста Его был посрамлен. Да и ангелы ничего такого не перенесли бы. Он исполняет на кресте все, показывая, что смертью совершено великое дело. Это было похоже на единоборство: смерть поразила Христа; а Христос, пораженный ею, потом умертвил ее. Мертвым телом умерщвлен тот, кто казался бессмертным. Вселенная это видела. И, что удивительно, не поручил этого другому; дано новое рукописание, не такое, какое было прежде.

4. Смотрите, чтобы это рукописание не обвинило нас после того, как мы сказали: отрицаемся сатаны и сочетаемся Тебе, Христе! Но лучше и не называть этого рукописанием, а договором. Рукописание дается в том случае, когда кто-нибудь признает себя должником; а это договор. Он не назначает наказаний; не сказано: если то, или: если не то. Так говорил Моисей, кропя кровью завета, и Бог обещал вечную жизнь. А это все – договор. Там раб с господином, здесь друг с другом; там: "**Ибо в день, в который ты вкусишь от него**", – говорится, – "**смертью умрешь**" (Быт. 2:17), – тотчас угроза; а здесь ничего такого нет. Здесь нагота и там нагота; но там (грешник) был обнажен, потому что согрешил; а здесь обнажается, чтобы освободиться (от греха). Тогда он совлекся славы, которую имел; а ныне совлекается ветхого человека, и, прежде чем выйдет (из купели), совлекает его так же легко, как одежду. Он помазывается как борцы, выступающие на поприще; в то же время и рождается, – и не мало-помалу, как тот первый, но вдруг; у него не голова только помазывается, как у ветхозаветных священников, но гораздо более. У тех, для побуждения к послушанию и добрым делам, помазывались: голова, правое ухо и рука; а у него все, – потому что он приходить не для того только, чтобы поучаться, но чтобы посредством борьбы и подвигов сделаться новой тварью. Когда он исповедал вечную жизнь, то исповедовал и новую тварь. "**Взяв персть от земли, создал человека**"; а ныне уже не персть, но – Святого Духа: Он создает, Он образует (человека), как и самого (И. Христа) во чреве Девы. Не сказал: "**в раю**", но: "**на небе**", чтобы ты, когда будет сказано: земля, не подумал, что это происходить на земле. Ты перенесен туда – на небо; там это совершается, среди ангелов; Бог возносить твою душу на небо, пересоздает ее там, ставит тебя подле царского трона. Создается в воде, а получает дух, соответствующей душе. Когда создает (нового человека), не приводить к нему зверей, но демонов и князя их, и говорит: "**Наступать на змей и скорпионов**" (Лк. 10:19). Не говорит: "**Сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию**"; по что? – "**Дал власть быть чадами Божьими, которые ни от крови, но от Бога**", – говорит, – "**родились**" (Иоан. 1:12,13). Чтобы ты не слушал змия, сейчас же научаешься говорит: отрицаюсь тебя (сатана), то есть, что бы ты ни сказал, не послушаю тебя. Но чтобы он не уловил тебя посредством других, говоришь: и гордыни его, и служения его, и ангелов его. Поставил его (возрожденного) не рай хранить, но жить на небе. Именно, восходя (от купели), он тотчас

говорит следующие слова: "**Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе**" (Мф. 6:9,10). Пред тобою не дитя, ты видишь на дерево, не источник, но самого Владыку вдруг объемлешь, совокупляешься с телом, соединяешься с телом, находящимся горе, куда не может взойти дьявол. Это не жена, чтобы он мог подойти и обольстить, как слабейшую: "**Нет**", – говорит, – "**мужеского пола, ни женского**" (Гал. 3:28). Если ты сам не снизойдешь к нему, он не сможет взойти туда, где ты; ты на небе, а небо недоступно дьяволу. Там нет древа познания добра и зла, но только – древо жизни. Уже не от ребра твоего жена, но все мы едино от ребра Христова. Если помазанные людьми не получают никакого вреда от змей, то и тебе не приключится ничего, доколь ты сохранишь помазание, дающее тебе силы схватить и задушить змия, наступать на змей и скорпионов. Но, как велики дары, так велико и наказание: изгнанному из рая нельзя жить против рая и нельзя возвратиться туда, откуда изгнан. Что же будет? Геенна и червь неумирающий. Но, да не будет, чтобы кто-нибудь из нас подвергся этому наказанию. Будем, живя добродетельно, стараться делать угодное (Богу); будем угождать Богу, чтобы мы могли избежать наказания и сподобиться вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 7

"Итак никто да не осуждает вас за пищу, или питие, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу: это есть тень будущего, а тело – во Христе. Никто да не обольщает вас самовольным смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом и не держась главы, от которой все тело, составами и связями будучи соединяемо и скрепляемо, растет возрастом Божьим" (Кол. 2:16–19).

1. Сказав сначала загадочно: "**Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас по преданию человеческому**" (ст. 8), и еще прежде: "**Это говорю я для того, чтобы кто-нибудь не прельстил вас вкрадчивыми словами**" (ст. 4), и тем предрасположив душу их и сделав ее внимательною, упомянув потом о благодеяниях (Божьих) и тем еще более усилив внимание, наконец, (Павел) начинает обличение, и говорит: "**Итак никто да не осуждает вас за пищу, или питие, или за какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу**". Видишь, как он разрушает это. Если, говорит, вы достигли такого (величия), то для чего подчиняете себя маловажному? Дале смягчает (обличение), говоря: "**Или за какой-нибудь праздник**", так как они не все прежнее удержали. "**Или новомесячие, или субботу**". Не сказал: не сохраняйте еже, но: "**Никто да не осуждает вас**"; показал, что они преступают и разрешают, но вину сложил на других. Не подчиняйтесь, говорит, тем, которые вас осуждают. нет, впрочем, и этого: он только рассуждает с ними, а не заграждает их уст, не запрещает им рассуждать. Он и не коснулся этого. Не сказал: (в различении) чистого и нечистого, не сказал: (в соблюдении праздника) кущей, или опресноков, или пятидесятницы, но: "**За какой-нибудь праздник**", – так как они не дерзали сохранять все, а если и сохраняли, то не как праздники. "**За какой-нибудь**", – говорит, показывая тем, что большая часть уже оставлена. И если они и соблюдали субботу, то невполне. "**Это есть тень будущего**", нового , говорит, завета. "**тело – во Христе**". Некоторые ставят знаки таким образом: "**Тело – во Христе**", – истина же была во Христе; а другие так ставят: "**тело – во Христе. Никто да не обольщает вас**" (καταβραβευέτω), т. е. лишит; слово: καταβραβευδήναι употребляется в том случае, когда один одержит победу, а другой получить награду, – когда победитель бывает обмануть. Ты стал выше дьявола и греха: зачем же опять подчиняешься греху? Потому-то и говорил: "**Что он должен исполнить весь закон**" (Гал. 5:3), и еще: "**Неужели Христос есть служитель греха?**" (Гал. 2:17). Это сказал в послании к галатам. Возбудив в них словом:

"**Да обольщает**" чувство негодования, он затем начинает: "**Самовольным**", – говорит, – "**смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом**". Как – "**смиренномудрием**"? Как – "**надмеваясь**"? Показывает, что все это происходит от тщеславия. Что же означают все эти слова? Некоторые говорили, что мы должны быть приводимы (к Богу) не через Христа, но через ангелов, потому что приведете через Христа больше, чем сколько нужно для нас. Поэтому (Павел) объясняет со всех сторон сказанное о Христе: мы примирены "**Кровью креста Его**" (Кол. 1: 20), "**потому что пострадал за нас**" (1 Петр. 2:21), "**которой возлюбил нас**" (Еф. 2:4). При том, они погрешили еще в том самом, что (апостол) не сказал: приведением, но: "**Служением, вторгаясь в то, чего не видел**". Он (такой учитель) не знал ангелов, и однако же думал, что знает. Поэтому и говорит: "**Безрассудно надмеваясь плотским своим умом**". Он надмевается не действительным чем-нибудь, а своим мнением, и прикрывается одеждой смирения. (Павел) сказал как бы так: человеческое рассуждение есть дело плотского, а не духовного ума. "**И не держась главы**", – говорит, – "**от которой все тело**", т. е. откуда (тело) получает бытие и здоровье. Каким же образом ты можешь иметь члены, отрешившись от главы? Как только ты отделился от ней, ты погиб. "**От которой все тело**". Всякий, говорит, обязан главе не только жизнью, но и самым союзом своим с нею. Вся церковь, пока имеет главу, возрастает; это не есть действие безрассудства и тщеславия, не изобретение человеческого разума. Выражение – "от которой" употреблено о Сын. "**Составами и связями**", – говорит, – "**будучи соединяемо и скрепляемо, растет возрастом Божьим**": (возращение) по Богу, говорит, по наилучшему устройству жизни. "**Итак, если вы со Христом умерли**". Это он ставить в средине; а что сильнее, то – впереди и позади. "**Итак, если вы со Христом умерли для стихий мира**", – говорит, – "**то для чего вы, как живущие в мире, держитесь постановлений**" (ст. 20)? Здесь нет последовательности. Следовало бы сказать: для чего подчиняетесь стихиям, как будто живые? Но, оставив это, что он говорит? "**Не прикасайся', 'не вкушай', 'не дотрагивайся' [что все истлевает от употребления], по заповедям и учению человеческому?**" (ст. 21, 22).

2. Вы, говорит, не принадлежите к миру: зачем же покоряетесь стихиям? Зачем (подчиняетесь) тому, что соблюдает мир? И смотри, как он осмеивает их: "'**не прикасайся', 'не вкушай', 'не дотрагивайся'**", – как будто он удерживает их от чего-то важного. "что все истлевает от употребления"; посрамил надменность многих, и прибавил: "**По заповедям и учению человеческому**". Что говоришь ты? Если говоришь о законе, то с некоторого времени и он – учение человеческое. Павел сказал это или потому, что (иудеи) извратили закон, или намекает на (учение) эллинов. Все, говорит, есть учение человеческое. "**Это имеет только вид мудрости в самовольном служении, смиренномудрии и изнурении тела, в некотором небрежении о насыщении плоти**" (ст. 23). "**Вид**", – говорит, а не силу, следовательно не истину. Потому будем отвращаться того, кто имеет "**вид**" премудрости. Ведь иной кажется и благочестивым, и скромным, и презирающим тело; а в самом деле он не таков. "**В некотором небрежении о насыщении плоти**". Бог дал (телу) честь; но они пользовались им не в честь. Таким образом, когда было определение (Божье), он умел назвать честью. Они, говорит, бесчестят плоть, лишая ее (должного), отнимая у ней силу, не позволяя ей действовать без принуждения. Бог даровал честь плоти. "**Итак, если вы воскресли со Христом**". Доказав прежде, что Он умер, теперь убеждает их, и потому говорит: "**Итак, если вы воскресли со Христом, то ищите горнего**" (3:1). Там нет соблюдения. "**Ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога**". О, куда он возвел ум наш! Какой великой мыслью он исполнил их! Не удовольствовался тем, что сказал: "**Горнего**", ни словами: "**Где Христос**"; но прибавил: "**Сидит одесную Бога**", – дал понять, что оттуда нее должно смотреть на земное. "**О горнем помышляйте, а не о земном**" (ст. 2). "**Ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге**" (ст. 3). "**Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь**

с Ним во славе" (ст. 4). Жизнь настоящая, говорит, не ваша; ваша жизнь иная некая. Он уже спешить перенести их (от земли), старается показать, что они находятся на небе, что уже умерли, давая из того и другого понять, что не должно искать здешнего (земного). Если вы умерли, то вам не должно искать (здешнего); если вы на небе, то не должны искать (земного). Не является Христос; значит и жизнь ваша еще не наступила, – она в Боге, на небе. Итак, что же? Когда мы будем жить? Когда явится Христос – жизнь ваша, тогда ищите и славы, и жизни, и радости. Это сказано с тою целью, чтобы удержать их от развлечений и праздности. (Павел) обыкновенно так делает, – доказывая одно, переходить к другому. Так, напр., говоря о тех, которые предваряли трапезу, он вдруг перешел к соблюдению таинств. Ведь обличение бывает сильнее, когда оно неожиданно. "**Сокрыта**", – говорит, от вас. "**Тогда и вы явитесь с Ним**". Стало быть ныне не являетесь. Смотри, как он перенес их в самое небо. Он, как я сказал, всегда старается показать, что они имеют то же, что и Христос. Во всех посланиях своих он говорит об этом, чтобы показать, что они (верующие) имеют во всем общение с Ним. Для этого он говорит и о глав, и о теле, и делает все, служащее к объяснению этого. Итак, если мы явимся тогда, то не будем скорбеть, если теперь не наслаждаемся славой. Если настоящая жизнь – не жизнь, если жизнь сокровенна, то мы должны проводить настоящую жизнь как мертвые. "**Тогда**", – говорит, – "**и вы явитесь с Ним во славе**". Не без цели сказал: "**Во славе**": и жемчужина скрыта, пока она в раковин. Итак, оскорбляют ли нас, другое ли что терпим, не будем скорбеть, так как настоящая жизнь – не наша жизнь: мы странники и пришельцы. "**Итак, умертвите**", – говорит. Кто настолько безрассуден, чтобы для мертвого и погребенного тела покупать рабов, или строить дома, или приготовлять драгоценные одежды? Никто. Потому и мы не должны поступать так. Мы обыкновенно желаем только одного: не быть обнаженными; и здесь также будем искать только одного. Наш первый человек погребен; не в земле погребен, но в вод; не смерть победила его, но Победителем смерти он погребен; не по закону природы, но по повелению власти, более сильной, чем природа. Что бывает по законам природы, то еще может разрушить кто-нибудь, но того, что происходить по Его повелению, – никто. Ничего нет блаженнее этого погребения. О нем радуются все: и ангелы, и люди, и Владыка ангелов. Для этого погребения не нужно ни одежд, ни гроба, и ничего подобного. Хочешь видеть прообраз? Я тебе покажу купель, в которой один был погребен, а другой восстал. В Красном море египтяне потонули, а израильтяне вышли из него. От одного и того же может произойти погребение одного и рождение другого.

3. Не удивляйся, что в крещении бывает и рождение, и истление. Разве, скажи мне, разложение не противоположно соединению? Это очевидно для всякого. А огонь производить и то, и другое: воск он растопляет и уничтожает, а золотоносную руду сплавляет и делает золотом. Так и здесь (в крещении): огненная сила, расплавив восковую статую, обнаружила вместо нее золотую. В самом деле, до крещения мы были глиняные, после крещения – мы золотые. Откуда это видно? Послушал, что говорит сам (Павел): "**Первый человек – из земли, перстный; второй человек**" – небесный "**с неба**" (1 Кор. 15:47). Я сказал, какое расстояние между глиняным и золотым, нахожу, что еще большое различие между небесным и земным; не столько отличается глина от золота, сколько земное от небесного. Мы были восковые и глиняные и от пламени пожелания мы таяли гораздо более, чем воск от огня, и встретившееся искушение сокрушало нас гораздо более, чем камень – глиняные вещи. Изобразим, если хотите, прежнюю жизнь. Не все ли в ней было земля, и вода, и ветер, и пыль, непостоянно и преходяще? Рассмотрим, если угодно, не прежнее, а настоящее. Не найдем ли, что все существующее – прах и вода? О чем еще желаешь – сказать тебе? О начальствах и властях? В настоящей жизни ничего, кажется, не домогаются с таким старанием, как этого. Но скорее увидишь пыль, неподвижно стоящую в воздухе, чем постоянство в этом, особенно в наше время. Кому не подчинены (начальники)? Тем, которые любят их, Енухам, делающим все за деньги, злобе народа,

гневу более сильных. Тот, кто вчера стоял на верхних ступенях трона, имел глашатаев, взывавших громким голосом, множество передовых слуг, гордо выступавших на площади, тот сегодня мал, низок и лишен всего этого; все исчезло, как пыль, поднятая ветром, как унесшаяся волна. И как наши ноги поднимают пыль, так властителей производят те, у которых деньги в руках; они во всю жизнь свою делают то же, что ноги наши (поднимая пыль). Поднявшаяся пыль занимает много места в воздухе, а сама невелика; такова и власть. Как пыль ослепляет глаза, так гордыня власти помрачает зрение ума.

Что же? Ты хочешь, чтобы я рассмотрел вожделенный предмет – богатство? Пожалуй, – рассмотрим его по частям. В нем есть удовольствия, есть почести, есть власть. Сначала, если хочешь, исследуем удовольствия. Разве они не пыль? Разве они проходят не скорее пыли? Сладость приятна, пока она на языке; а когда наполнен желудок, тогда и на языке нет ее. За то почести приятны, говоришь ты. Но есть ли что-нибудь неприятнее той чести, которая приобретается посредством денег? Если честь приобретена не усилием воли, не доблестью душевной, то не ты пользуешься честью, а богатство: такая честь делает богача бесчестнее всех. Если бы ты, имея друга, пользовался общим уважением, и все открыто говорили бы, что сам ты ничего не стоишь, что они принуждены уважать тебя из-за друга твоего, скажи мне: могли ли бы они чем-нибудь более бесчестить тебя? Следовательно, богатство, когда его чтут более, чем обладателей его, есть причина бесчестия нашего, свидетельство слабости, а не могущества. Не глупо ли, в самом деле, если нас не считают достойными этой земли и пепла, а таково золото, получать нам почтение из-за него? Подлинно, лучше не пользоваться честью, чем приобретать ее таким способом. Но так но бывает с тем, кто презирает богатство. Если бы кто-нибудь сказал тебе: я не считаю тебя достойным никакой чести, но уважаю тебя за твоих слуг, – скажи, – какое бесчестье было бы для тебя хуже этого? Если постыдно приобретать честь через рабов, имеющих одинаковую с нами душу и природу, то еще постыднее (приобретать ее) посредством того, что гораздо ничтожнее, – я разумею стены домов, дворы, золотые сосуды, одежды. Это, действительно, смешно и постыдно! Лучше умереть, чем пользоваться такой честью. Скажи мне: если бы ты, гордящийся своим величием, подвергся опасности, и какой-нибудь незначительный и презренный человек захотел бы избавить тебя от ней, – что могло бы быть для тебя хуже этого? Что вы рассказываете друг другу о городе (Антиохии), о том же я хочу сказать вам. Некогда наш город оскорбил императора, и император приказал уничтожить его весь до основания, и мужей, и детей, и жилища. Так цари гневаются! Они пользуются властью, как хотят. Таково-то зло власть! Итак, (город наш) был в крайней опасности. Соседний приморский город отправил к царю ходатаев за нас. А жители нашего города говорили, что это хуже, нежели истребление города. Такая честь хуже бесчестья. Смотри же, где честь имеет свой корень. Нас делают почетными и руки поваров, которых мы обязаны благодарить за это, и свинопасы, доставляющие богатый стол, и ткачи, и поденщики, и делатели металлов, и пирожники, и устроители трапез.

4. Итак, не лучшее ли не пользоваться честью, чем быть обязанным благодарностью за нее таким людям? Но и без этого я постараюсь ясно показать, что приобретение богатства соединено с великим бесчестием. Оно душу делает гнусной, – а что бесчестнее этого? Скажи мне: если бы к благообразному и красивейшему телу подошло богатство и объявило, что оно сделает его гнусным, вместо здорового – больным, вместо хорошо сложенного – опухшим, и, наполнив все его члены водяной болезнью, вздуло бы лице, растянуло бы его во все стороны, раздуло бы ноги и сделало бы их тяжелее бревен, вспучило бы живот так, что он был бы больше всякой бочки, и затем объявило бы, что, если кто захочет исцелить его, – оно не позволить, – в этом его воля, – если бы, наконец, дошло до такого своеволия, что подвергало бы наказанию всякого, приближающегося к телу для его исцеления, – скажи мне: какая жестокость могла бы быть больше этой? Если

же богатство поступает так с душой, какое же оно добро? Но власть его тяжелее болезни. Если больной не слушается предписаний врачей – это хуже болезни. А богатство именно это производит, отовсюду воспаляя душу и не позволяя врачам приблизиться к ней. Не будем же считать богачей блаженными за их власть, но пожалеем об них. Если я увижу одержимого водяной болезнью, употребляющего напитки и вредные мяса, какие хочет, и никто не может запретить ему, – я не назову его счастливым за власть его. Власть, равно и почести, не всегда благо, потому что они надмевают душу. Ты, без сомнения, не согласишься, чтобы тело получило с богатством такую болезнь: как же ты нерадишь о душе, которая принимает (с богатством), кроме болезни, и другое наказание? Ее отовсюду жгут горячки и воспаления, и никто не может угасить этот жар; богатство не позволяет этого, считая приобретением то, что в самом деле есть потеря, то есть, ничему не подчиняться и все делать по своему произволу. Ничья душа не наполнена столь многими и столь безрассудными пожеланиями, как (души) желающих обогащаться. Каких сумасбродств они не представляют себе? Всякий согласится, что они измышляют гораздо более, чем те, которые измышляют иппокентавров, химер, зверей с змеями вместо ног, скилл и чудовищ. Если ты захочешь представить себе какое-нибудь из их пожеланий, – увидишь, что это такое страшилище, в сравнении с которым и скилла, и химера, и иппокентавр – ничто; найдешь, что оно совмещает в себе всех зверей. Кто-нибудь, пожалуй, подумает, что я сам имел большие богатства, когда так верно изображаю жизнь богачей. Рассказывают, что какой-то, – в подтверждение слов своих, я сначала приведу нечто из эллинских песнопений, – рассказывают, что какой-то царь их до того обезумел от роскоши, что приказал сделать из золота платановое дерево выше неба, и сидел под ним в то время, когда воевал с неприятелями, искусными в военном деле. Разве такая прихоть не стоить иппокентавров или скилл? Другой бросал людей внутрь деревянного быка. Разве это не скилла? А некоего из древнейших царей и воинов (богатство) сделало женщиной вместо мужчины, – да что я говорю женщиной? – зверем бессмысленным, и еще хуже того, потому что звери, когда они находятся под деревьями, удерживают свои природные склонности и ничего больше не желают, а тот и природу зверей превзошел. Итак, не крайнее ли безумие – собирать богатства? А всему причиной неумеренность пожеланий. Но, скажете, богачу многие удивляются? Да; за то они и подвергаются такому же смеху, как и он. Не богатство здесь представляется глазам, а безумие. Выросшее из земли платановое дерево не гораздо ли лунно того полотого? Все, согласное с природой, приятнее того, что противно природе. На что хотелось тебе золотого неба, безумец? Видишь, как большое богатство доводить людей до безумия? Как надмевает их? Я думаю, что оно еще не знает моря, и скоро захочет по нем ходить. Разве это не химера? Разве это не иппокентавр? Есть и ныне такие, которые ничем не уступают, даже более безумствуют. Чем, скажи мне, отличаются по безумию от золотого платана те, которые делают золотые кувшины, горшки и сосуды? Чем отличаются от него те женщины, которые – стыдно, а необходимо сказать! – делают серебряные ночные горшки? Надлежало бы стыдиться вам, делающим это. Христос алчет, а ты так роскошничаешь, или, лучше сказать, безумствуешь. Какого наказания не заслуживают они? И ты еще спрашиваешь, отчего разбойники, отчего убийцы, отчего бедствия, когда дьявол так овладел вами? И блюда серебряные иметь несвойственно любомудрой душе, – все это роскошь, – а делать из серебра нечистые сосуды – разве не роскошь? Не скажу: роскошь, а безумие, и не безумие, а бешенство, даже хуже бешенства.

5. Я знаю, что многие за это смеются надо мной. Но я не перестану говорит, лишь бы только принести пользу. Подлинно, богатство делает (людей) безумными и бешеными. Если бы у них была такая власть, они пожелали бы, чтобы и земля была золотая, и стены золотые, а пожалуй, чтобы и небо и воздух были из золота. Какое сумасшествие! Какое беззаконие! Какая горячка! Другой, созданный по образу Божью, гибнет от холода, а ты заводишь такие (прихоти)! О, гордость! Может ли безумный сделать больше этого?

Извержения свои ты так почитаешь, что собираешь их в серебро! Знаю, что вы приходите в ужас от моих слов; но должны ужасаться жены, которые так делают, и мужья, которые потворствуют таким недугам. Это необузданность, свирепость, бесчеловечие, зверство, наглость. Какая скилла, какая химера, какой дракон, или лучше какой демон, какой дьявол стал бы поступать так? Какая польза тебе от Христа? Какая польза от веры, когда иной эллин (язычник) сноснее, даже не эллин, а демон? Если голову не должно украшать золотом и камнями, то может ли ожидать прощения тот, кто употребляет серебро на такие грязные надобности? Разве не довольно того, что другие вещи, – хотя и это несносно, стулья, скамейки – все из серебра? Безумно и это; и везде чрезмерная пышность, везде тщеславие; нигде (нет соответствия) нужде, всюду излишество. Я опасаюсь, чтобы женщины, продолжая такое сумасшествие, не сделались похожими на чудовищ. Можно ведь ожидать, что он захотят иметь и волоса золотые. Можете ли вы сказать, что нимало не сочувствуете ничему из сказанного, что оно не трогает вас, не возбуждает пожелания? Если бы не удерживал стыд, вы не отперлись бы. Если вы позволяете себе и поступки более нелепые, то тем более я могу думать, что появляется желание иметь золотые и волоса, и губы, и брови, и все (члены) обмазать растопленным золотом. Если вы этому не верите и думаете, что я шутя говорю это, то расскажу вам, что я слышал, что даже и теперь есть. У персидского царя золотая борода, искусные слуги вплетают в волоса ее, как в уток, золотые пластинки и он лежит точно чудовище. Слава тебе, Христе! Каких великих благ исполнил Ты нас! Как все устроил Ты, чтобы сохранилось здравее (души) нашей! От какой чудовищности, от какого безумия избавил Ты нас! Теперь предуведомляю, уже не увещеваю, но приказываю и объявляю, – кто хочет, пусть слушает, а кто не хочет, пусть не исполняет: если вы будете продолжать такую жизнь, я не потерплю более; я не приму вас; не позволю переступить этот порог. Что мне до того, что больных много? Что же будет, если, уча вас, не воспрепятствую прихотям? Павел запретил и золото, и жемчуг. Эллины смеются над нами; наше учение им кажется баснею. Внушаю это мужам. Ты вошел в училище, изучаешь духовную философию? Прекрати эту пышность. Внушаю это и мужам, и женам. Пусть кто-нибудь поступает иначе; я не стану более терпеть. Двенадцать было учеников; а послушай, что говорит им Христос: "**Не хотите ли и вы отойти?**" (Иоан. 6:67). Если мы будем все поблажать, – когда же исправим вас? Когда принесем пользу? Но есть, говоришь, другие ереси; переходят и туда. Это слова пустые. Лучше один, творящий волю Господню, чем тысяча беззаконников. А сам ты, скажи мне, чего бы хотел: иметь ли тысячу слуг беглецов и воров, или одного благоразумного? Итак, я увещеваю и приказываю: эти украшения для лиц и эти сосуды сокрушить и раздать бедным и не безумствовать так. Пусть кто хочет уходить (от меня), кто хочет осуждает, – я никому не буду поблажать. Когда я буду судиться пред престолом Христовым, вы будете стоять в сторон; ваша любовь не поможет мне, когда я буду давать отчет. Все портят эти слова: лишь бы, говорят, не отступил, не перешел в другую ересь; он слаб; окажи ему снисхождение. Но до чего же? До какого времени? Один раз, два, три раза; но не всегда же. Итак, я опять объявляю и свидетельствуюсь словами блаженного Павла, что "**Что, когда опять приду, не пощажу**" (2 Кор. 13:2). Когда исправитесь, узнаете тогда, какое приобретение, какая польза (в этом). Да, советую нам, прошу вас, я не отказался бы обнять колена ваши и умолять об этом. Какая изнеженность! Какая роскошь! Какая наглость! Да, это не роскошь, – это именно наглость! Какое безумие! Какое неистовство! Так много нищих стоить около церкви; а церковь, имя столько чад и столько богатых чад, не может помочь ни одному бедному. Один голодает, а другой напивается; один употребляет серебро даже для нечистот своих, а у другого нет и хлеба. Что за неистовство, что за зверство такое! Пусть же мы не будем доведены до искушения наказывать непослушных и делать это с досадой, но пусть они все это выполнять добровольно и с терпением, чтобы жить нам в славе Божьей, избежать будущего наказания, и сподобиться благ, обещанных любящим Его, благодатью и

человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 8

"Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение, за которые гнев Божий грядет на сынов противления, в которых и вы некогда обращались, когда жили между ними" (Кол. 3:5–7).

1. Знаю, что многие оскорбились предшествовавшей беседой. Но как мне быть? Слышали, что повелел Владыка? Виноват ли я? Что мне делать? Разве вы не видите, как заимодавцы ввергают в оковы несостоятельных должников? Вы слышали, что сегодня Павел возвестил? "**Итак, умертвите**", – говорит, – "**земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение**". Что хуже этого лихоимания? Оно несноснее того, о чем я говорил, – того бешенства, того сумасбродства в употреблении серебра. "**И любостяжание**", – говорит, – "**которое есть идолослужение**". Видите, где оканчивается зло? Не огорчайтесь же! Я не хочу иметь врагов по своей вол и безрассудно; но я желаю вам достигнуть такой степени добродетели, чтобы мне слышать об вас, что должно. Но по самомнению, и не по власти (я говорил), но по скорби и печали. Простите мне, простите. Говоря о таких вещах, я не желаю нарушать приличие; но нужда заставляет. Не ради скорби бедных говорю это, но ради вашего спасения, потому что погибнуть не напитавшие Христа, погибнуть. Важное ли дело, если ты питаешь бедного? Но когда ты так нежишься, так роскошествуешь, – все это прихоти. Не того от тебя требуют, чтобы ты дал много; но чтобы дал по своему состоянию, – кто дает менее, тот забавляется. "**Итак, умертвите**", – говорит, – "**земные члены ваши**". Что ты говоришь? Не ты ли сказал: вы погребены, спогребены, обрезаны, мы совлеклись тела греховного плоти? Как же ты опять говорит: "**умертвите**"? Не шути: ты говоришь так, как бы эти (уды) в нас были? Тут нет противоречия. Если бы кто-нибудь, очистив загрязненную статую, или даже перелив ее и сделав совершенно блестящей, сказал, что ее точит и губит ржавчина, и стал бы советовать снова постараться очистить ее от ржавчины, – он не противоречил бы себе, потому что он советовал бы очистить не от той ржавчины, которую уже счистил, но от той, которая показалась после. Так (и Павел) говорит не о прежнем умерщвлении, не о прежних блудодеяниях, но о последующих. Но вот, говорят еретики, Павел осуждает творение; прежде сказал: "**О горнем помышляйте, а не о земном**" (3:2), и опять говорит: "**Итак, умертвите земные члены ваши**". Но здесь выражением – "**земная**" указывается на грех, а не осуждается творение. Самые грехи он так называет: "**земные**", или потому, что они совершаются по земному мудрованию и на земле, или потому, что показывают земляность грешников. "**Блуд, нечистоту**", – говорит. Он не упомянул о тех делах, которые и назвать непристойно; но указал все словом: "**нечистоту, страсть**", – говорит, – "**и злую похоть**". Вот он сказал вообще обо всем, потому что все похоть злая – зависть, гнев, уныние. "**И любостяжание**", – говорит, – "**которое есть идолослужение, за которые гнев Божий грядет на сынов противления**". Разными способами он удерживал их (от греха): оказанными благодеяниями, будущими бедствиями, от которых мы, будучи такими, избавились, и почему, и – прочим всем, как-то: кто мы были, в каких (обстоятельствам), что мы от них избавились, как, каким способом и почему: этого достаточно, чтобы удержать от греха. Но это (гнев Божий) сильнее всего. Неприятно это говорит, но вовсе не бесполезно; напротив – полезно. "**За которые**", – говорит, – "**гнев Божий грядет на сынов противления**". Не сказал: "**На вас**", но: "**на сынов противления, в которых и вы некогда обращались, когда жили между ними**". Для возбуждения в них стыда сказал: "**Когда жили между ними**"; но тут же и похвала, – что ныне они не живут (в. них), что это можно сказать только о прежнем. "**А теперь вы отложите все**" (ст. 8). Он всегда говорит и вообще и в частности; это

происходит от расположенности: "**Гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу**". Выразительно говорит: "**Сквернословие уст ваших**", потому что оно грязнить (уста). "**Совлекшись ветхого человека с делами его облекшись в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его**" (ст. 9 и 10). Здесь уместно спросить: почему он, назвав члены, и человека и тело, растленною жизнью, опять то же самое называет добродетельною? И, если грехи и человек – одно и то же, то как говорит он: "**С делами его**"? Он сказал однажды о ветхом человек и показал, что не это человек, но другое, потому что свобода (в человек) важнее сущности; первая более человек, нежели последняя. Не сущность ввергает в геенну, не она вводить в царство (Божье), но одна свобода. И мы любим, или ненавидим кого-нибудь не за то, что он человек, но за то, что он такой-то человек. Итак, если тело есть сущность, а сущность ни в том, ни в другом случае не подлежит ответственности, то как он тело называет злом?

2. О чем же он говорит: "**с делами**"? О свобод с делами. Ветхим же называет его, желая показать его гнусность, безобразие и слабость. "**В нового**" , – как бы так говорит: не ожидайте, чтобы и с этим случилось то же; напротив, чем более он живет, тем более приближается не к старости, а к юности, которая лучше прежней. Чем больше он приобретает звания, тем большего удостаивается, и более цветет, и более имеет силы, не от юности только, но и от образа, к которому приближается. Потому-то наилучшая жизнь называется тварью – по образу Христа; это и значит "**по образу Создавшего его**", так как и Христос умерь не в старости, а Он имел тогда такую красоту, что и выразить нельзя. "**Где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос**" (ст 11). Вот третья похвала этого мужа! Он не различает ни по племени, ни по достоинству, ни по предкам. Он не имеет ничего внешнего и не нуждается в нем. Обрезание и необрезание, раб и свободный, эллин, то есть, пришлец, и иудей, то есть, природный, – все это внешнее. Если ты имеешь только это, то и достигнешь того же, чего достигли другие, имеющие это. "**Но все**", – говорит, – "**и во всем Христос**", – то есть, Христос да будет для вас все, – и достоинство, и род, и во всех вас – Он сам. Или же нечто другое говорит, именно: все вы сделались одним Христом, будучи телом Его. "**Итак облекитесь, как избранные Божьи, святые и возлюбленные**" (ст. 12). Показывает легкость добродетели, чтобы они непрестанно имели ее, и пользовались ею, как величайшим украшением. Увещание (соединено) с похвалой, так как от этого оно получает больше силы. Они были святыми, но не были избранными; а ныне и избранные, и святые, и возлюбленные. "в утробы щедрот". Не сказал: в милосердие, но гораздо выразительнее, двумя словами. И не сказал: вы должны иметь расположение (друг к другу), как братья, но: как отцы к детям. Чтобы ты не сказал мне, что он ошибся, для этого он прибавил: "**в утробы**". И не сказал: в щедроты, – чтобы не унизить их, – но: "**В утробы щедрот: в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы**" (ст. 12 и 13). Опять говорит по частям; от благости смиренномудрие, а от смиренномудрия долготерпение. "**Снисходя**", – говорит, – "**друг другу**", то есть, прощая друг другу. И смотри, как он показал ничтожность этого, назвав "**жалобу**". Затем прибавляет: "**Как Христос простил вас**". Великий пример! (Павел) всегда так делает, убеждает их примером Христа. "**Жалобу**", – говорит. Выше показал, что это ничтожно; но когда привел пример, утверждает, что если бы мы имели и важные обвинения, должны прощать. Слова: "**как Христос**" означают это; и не это одно, но и то, что должно прощать от всего сердца; и даже не это только, но и то, что должно любить (оскорбляющих нас). Христос, представленный в пример, научает всему этому, и еще тому, что (должно прощать обиды), хотя бы они были велики, хотя бы мы ничем наперед не оскорбили обидевших нас, хотя бы мы были люди великие, а обидевшие нас – незначительны, хотя бы они и после прощения намеревались оскорбить нас, и наконец – что должно душу свою полагать за них. Слово: "как" требует этого; оно

(показывает) еще, что должно стоять (за обидевших нас) не только до смерти, но, если возможно, и после смерти.

"**Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства**" (ст. 14). Видишь, он говорит это самое. Так как можно простить, но не любить, то он говорит: да, и любить (непременно должно), и показывает путь, который может привести к прощению. Путь этот – если кто бывает и добр, и кроток, я смиренномудр, и долготерпелив, и нераздражителен. Потому-то он и сказал прежде: "**утробы щедрот**", и "**любовь**", и "**милость. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства**" Он вот что хочет сказать: те (качества) души бесполезны; все они ослабевают, если не соединены с любовью, – все они только ею укрепляются. Все, чтобы ты ни называл благом, без любви не имеет никакой цены, – скоро исчезает. Это подобно тому, как для корабля бесполезны были бы большие стены, если бы он не имел обшивки, равно как и для дома, если бы не были положены перекладины, или как в теле бесполезны были бы большие кости, если бы они не имели связок. Какие бы ни были у кого добрые дела, без любви все они ничтожны. Не сказал, что она (любовь) есть вершина, но, что гораздо важнее – "**союз**"; это более необходимо, чем то. Вершина означает пределе совершенства; а связь, подобно корню, есть удержание того, что составляет совершенство. "**И да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле, и будьте дружелюбны**" (ст. 15).

3. мир Божий – это твердый и прочный мир. Если ты имеешь мир от людей, то он скоро разрушится; но если от Бога, то – никогда. Он сказал о любви вообще; а теперь переходить опять к частностям. Есть и неумеренная любовь, как, например, если кто-нибудь по великой любви (к одному) напрасно обвиняет (другого), вступает в борьбу и отвращается. Не сказал: я не хочу этого, но: как Бог примирился с вами, так и вы делайте. Как же Он примирился? Сам восхотел, не получив ничего от нас. Что значит: "**Да владычествует в сердцах ваших мир Божий**"? Когда борются (в тебе) два помышления, не останавливайся на том, которое возбуждает гнев, или имеет целью возмездие; а на том, которое преклоняет к миру. Положим, напр., что кого-нибудь несправедливо обидели. От обиды у него родились два помышления, из которых одно требует мщения, а другое терпения, и борются они между собою. Если бы явился пред ними мир Божий с наградой, – он дал бы ее тому, которое требовало терпения, а другое пристыдил бы. Каким образом? Уверив, что Бог есть мир, что Он примирился с нами. Не без намерения показывает великую борьбу в этом деле. Пусть, говорит, определяет награду не гнев, не соперничество, не человеческий мир, потому что человеческий мир происходить из того, что мы не мстим, из того, что ничего тяжелого не терпим. Не этого, говорит, мира я хочу, но того, который сам Христос оставил нам. В душе, в помыслах Он устроил поприще, и состязание, и борьбу, и раздаятеля наград. Затем опять побуждение: "**К которому вы и призваны**", – говорит, т. е. ради него вы и призваны были. Напомнил, сколько благ произошло от мира. Ради него (Бог) призвал тебя, призвал так, что, вероятно, ты получишь награду. Для чего Он устроил едино тело? Не для того ли, чтобы владычествовал мир? Не для того ли, чтобы мы имели возможность жить в мире? Для чего все мы – едино тело? И как мы – едино тело? Для мира мы – едино тело, и для того, чтобы было едино тело, мы находимся в мир. Почему же он не сказал: мир Божий да побеждает, но: "да владычествует"? Чтобы сделать его (мир) более достоверным. Он не позволил злому помышлению бороться с миром, но поставил его ниже; а именем награды (без борьбы) возбудил внимание слушателя. Если бы он дал награду доброму помышлению, когда то (злое) боролось со всей наглостью, – это не принесло бы ему никакой пользы. А теперь то (злое) помышление, зная, что оно не получить награды, что бы ни делало, как бы ни усиливалось, как бы ни были стремительны его нападения, – оставить бесполезные труды. Хорошо также прибавил: "**и будьте дружелюбны**". Быть благодарным и

чувствительно благодарным, значит – поступать подобно сорабам: раб чтит господина, как Бога, во всем соглашается с ним, повинуется ему, за все благодарить, хоть бы оскорбил кто, хоть бы ударил. Кто благодарить Бога за понесенную обиду, тот не мстить обидящему; а мстящий не благодарить (Бога). Не будем же поступать по примеру того, который требовал ста динариев, чтобы и нам не услышать: "**Раб лукавый**". нет ничего хуже такой неблагодарности. Итак. те неблагодарны, которые мстят. Почему он опять начал говорит о блуд? Сказав: "**умертвите земные члены ваши**", тотчас прибавляет: "**блуд**", и это почти везде делает. Потому, что эта страсть более всего господствует. То же он сделал и в послании к фессалоникийцам, даже – что достойно удивления – когда и Тимофею говорит: "**Храни себя чистым**" (1 Тим. 5:22), и еще в другом месте: "**Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа**" (Евр. 12:14). "**Умертвите**", – говорит, – "**члены ваши**". Вы знаете, каково мертвое: гнусно, отвратительно, гнило. Когда умертвишь, – мертвое уже не будет (жить); тотчас начнет тлеть, как тело. Итак, угаси похоть, – и будет мертва. Показывает, что он делает то же, что и Христос в крещении. Потому-то он и называет членами, как будто представляет какого-нибудь героя, и тем делает речь более выразительной. И хорошо сказал: "**Земные**". Они (члены) здесь находятся, здесь и тлеют, гораздо более, чем эти (телесные) члены. Не столько тело из земли, сколько землян грех. Тело бывает иногда и красиво, а он – никогда. И возжелают эти члены всего, что на земле. Если таков глаз, то он не видит того, что на небе, также и слух, и рука, и все прочие члены. Глаз видит тела, красоту, формы земных вещей, – этим и наслаждается; а слух – нежным пением, цитрой, свирелью, сквернословием. Все это земное. Итак, поставив их (верующих) горе, пред престолом, (Павел) говорит: "**Умертвите земные члены ваши**". Нельзя с этими членами стоять горе; там нет предметов для них. Эта глина (из которой они состоять) хуже той. Та бывает золотом: "**Когда же**", – сказано, – "**тленное сие облечется в нетление**" (1 Кор. 15:54); а эту глину нельзя и переплавить. Эти (члены) более на земле, нежели те. Потому-то он и не сказал: "**от земли**", но: "**земные**", так как эти могут быть и не от земли. Этим необходимо быть на земле, а тем не необходимо. Если слух не внимает ничему здешнему (земному), но только небесным речам, если глаз не смотрит ни на что здешнее, но только на горнее, – они не на земле; если уста не говорят ни о чем здешнем, – они не на земле; если руки не делают ничего худого, – они принадлежать не к тому, что на земле, но к тому, что на небе.

4. Это говорит и Христос: "**Если же правый глаз твой соблазняет тебя**", то есть, если ты смотришь бесстыдно, "**вырви его**", то есть, худую мысль (Мф. 5:29). Мне кажется, что слова: блуд, нечистота, страсть, похоть – означают одно и то же, именно блуд, что всеми этими названиями он отвращает нас от (скверного) дела. Это, действительно, страсть; и как тело страдает, безразлично – от лихорадки ли, или от раны, так и это. И не сказал: обуздывайте, но: "**умертвите**", чтобы они и не могли восстать. "**И отложите**". Мы отлагаем мертвое; если, напр., на теле есть мозоли, мы срезываем их, как тело мертвое. Если ты обрежешь живое тело, тебе больно; если же мертвое, боли вовсе не чувствуешь. То же должно сказать и о страстях: они делают бессмертную душу нечистой, страстной. Мы не раз говорили, почему любостяжание называется идолослужением. Над родом человеческим более всего владычествуют: любостяжание, невоздержание и похоть злая. "**За которые гнев Божий грядет на сынов противления**" (ст. 6). Называет сынами противления, чтобы лишить их прощения и показать, что, по причине непослушания, они принадлежать к числу таковых. "**В которых**", – говорит, – "**и вы некогда обращались**" и покорились: показывает, что они еще находятся в числе таковых. Говоря так, он и хвалить их: "**А теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие**" (ст. 8). Не к ним, но к другим обращает речь, чтобы не поразить их. Хулением он называет ругательства, также как яростью называет нечестие. А в другом месте, с целью пристыдить, говорит: "**Потому что мы члены друг другу**" (Еф. 4:25). Он представляет их как бы творцами людей, отвергающими одного и принимающими другого. Там сказал:

"**члены**"; здесь перечисляет все: сердце – ярость, уста – хуление, глаза – блуд, любостяжание, руки и ноги – ложь, самую мысль и ветхий ум. У него один царский образ – образ Христа. Показывая, что члены, велики ли они или малы, имеют один царский образ, он, мне кажется, имеет в виду преимущественно (христиан) из язычников. Как земля делается золотом, лишившись прежнего вида своего – вида песка, как шерсть, какая бы она ни была, принимает другую форму, потеряв прежнюю, так и верующий. "**Снисходя**", – говорит, – "**друг другу**", – показал, в чем справедливость: прими ты его, и он тебя (приметь), что и в послании к галатам говорит: "**Носите бремена друг друга**" (Гал. 6:2). "**И будьте**", – говорит, – "**дружелюбны**". Этого он везде требует больше всего, так как это – верх добрых дел.

5. Итак, будем благодарить (Бога) во всех случаях: в этом и состоит благодарение. Благодарить в счастье нетрудно, здесь самая природа вещей побуждает к тому; достойно удивления то, если мы благодарим, находясь в крайних обстоятельствах. Если мы за то благодарим, за что другие злословят, от чего приходят в отчаяние, – смотри, какое здесь любомудрие: во-первых, ты возвеселил Бога; во-вторых, посрамил дьявола; в-третьих, показал, что отучившееся (с тобою) ничто. В то самое время, когда ты благодаришь, и Бог отъемлет печаль, и дьявол отступает. Если ты приходишь в отчаяние, то дьявол, – как достигший того, чего хотел, становится возле тебя; а Бог, как оскорбленный хулой, оставляет тебя и увеличивает твое бедствие. Если же ты благодаришь, то дьявол, как не получивший никакого успеха, отступает; а Бог, как приявший честь, в воздаяние награждает тебя большей честью. И не может быть, чтобы человек, благодарящий в несчастии, страдал. Душа его радуется, делая благое, имя чистую совесть, – она услаждается своими похвалами, а (душе) веселящейся нельзя быть печальной. Там (в отчаянии), вместе с бедствием, еще наказывает совесть; а здесь она венчает и провозглашает нет ничего святее того языка, который в несчастьях благодарит Бога, он, поистине, ничем не отличается от языка мучеников и получает такой же венец, как и тот. Ведь и у него стоить палач, принуждающий отречься от Бога богохульством, стоить дьявол, терзающий мучительными мыслями, помрачающий (душу) скорбью. Итак, кто перенес скорбь и благодарил Бога, тот получил венец мученический. Если, наприм., болит дитя, а (мать) благодарит Бога, это – венец ей. Не хуже ли всякой пытки скорбь ее? Однако же она не заставила ее сказать жестокое слово. Умирает дитя, (мать) опять благодарить (Бога). Она сделалась дочерью Авраама. Хотя она не заклала (дитяти) своей рукой, но радовалась над закланной жертвой; а это все равно; она не скорбела, когда брали у ней дар (Божий). Заболело другое (дитя)? Она не сделала волшебных повязок, и это вменено ей в мученичество, потому что мыслью она принесла сына в жертву. Что за дело до того, что эти (повязки) не приносят никакой пользы, что это – дело обмана и насмешки? Есть и такие, которые верят, что он полезны. Но она лучше согласилась видеть свое дитя мертвым, чем предаться идолослужению. И, как эта (мать) есть мученица, с собою ли она, с дитятею ли поступила так, с мужем, или с кем бы то ни было из наиболее любимых, так другая есть идолослужительница, потому что она, очевидно, и жертву принесла бы, если бы только могла принести, а лучше сказать, она уже сделала то, что составляет жертву. Ведь эти повязки, сколько бы ни мудрствовали употребляющие их, утверждая, что мы призываем Бога, а больше ничего не делаем, и тому подобное, что (повязывающая) старуха – христианка и верная, все же представляют собою идолослужение. Ты верная? Перекрестись; скажи: вот единственное мое оружие, вот мое лекарство, другого не знаю. Скажи мне: если бы врач, придя (к больному), вместо того, чтобы употребить медицинские средства, начал напевать, – назвали ли бы мы его врачом? нет, потому что мы не видели бы врачебных пособий. Так и здесь (в употреблении повязок) ничего нет христианского. Другие еще вешают (на шею) названия рек и множество подобного позволяют себе. Вот я объявляю и предупреждаю всех вас: не буду более щадить, если о ком-нибудь узнаю, что он делал повязку, или заклинание, или другое

что, относящееся к этому искусству. Что же, скажешь, умереть дитяти? Когда оно станет жить от этих средств, тогда оно умерло; а когда умрет без них, тогда ожило. Если бы ты увидела, что (сын твой) пошел к блудницам, ты скорее пожелала бы, чтобы он был погребен; ты сказала бы: какая польза, что он живет? А видя, что он находится в опасности лишиться спасения, ты хочешь, чтобы он жил? Разве ты не слышала, что сказал Христос: "**Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее**" (Мф. 10:39). Веришь ты сказанному, или оно тебе кажется баснею? Скажи мне: если бы кто-нибудь сказал тебе сведи меня в капище, я буду жив: согласилась ли бы ты? Нет, говоришь. Почему же? Потому что он заставляет служить идолам. Но здесь, скажешь, нет идолослужения, а просто – заклинание. Это сатанинская мысль, это дьявольская хитрость – скрывать заблуждение и в мед подавать яд. Когда дьявол увидел, что тем способом не убедил тебя, он пошел этим путем – повязками и бабьими баснями. И вот, крест пренебрегают, (суеверные) надписи предпочитают ему. Христа изгоняют и вводят пьяную сумасбродную старуху. Таинство наше попрано; а дьявольское заблуждение торжествует. Так почему же, говоришь, Бот не обличить? Он часто обличал (мнимую) помощь от этих средств; но ты не поверил. Наконец, Он оставил тебя при твоем заблуждении: "**Предал их**", – сказано, – "**Бог превратному уму**" (Рим. 1:28). Этим средствам не поверил бы и рассудительный эллин. Говорят, что в Афинах один демагог пользовался ими; но какой-то философ, учитель его, встретившись с ним, укорял его, бранил, язвил и осмеял. А мы, несчастные, верим этим (предрассудкам)!

Отчего же, скажешь, нет ныне таких, которые бы воскрешали мертвых и совершали исцеления? Отчего? – не скажу пока. А отчего нет ныне таких, которые бы презирали настоящую жизнь? Отчего мы служим Богу из-за награды? Когда природа человеческая была слабее, когда вера только насаждалась, тогда много было и таких людей; ныне же (Бог) не хочет, чтобы мы зависли от этих знамений, но чтобы готовы были к смерти. Почему же ты дорожишь настоящей жизнью? Почему не смотришь на будущее? Для настоящей жизни ты решаешься на идолослужение, а для будущей и поскорбеть не хочешь? Потому-то и нет ныне таких людей, что мы презираем будущую жизнь и ничего для ней не делаем, а для настоящей на все решаемся. А что сказать о других смешных (суевериях) – о золе, саже, соли? И опять – эта старуха тут. Подлинно, смех и стыд! От глазу, говорит, погибло дитя.

6. Доколь же будут продолжаться эти сатанинские (да)? Как не смяться эллинам? Как не издеваться, когда мы говорим им: велика сила крестная? Поверят ли они нам, когда видят, что мы ожидаем помощи от того, над чем они смеются? Для этого Бот дал врачей и лекарства. Но что же, если они не помогают, а дитя отходить? Куда отходить, скажи мне, бедный ты и несчастный? К демонам что ли отходить? К тирану какому-нибудь отходить? Не на небо ли отходить? Не к Владыке ли своему? О чем же ты скорбишь? О чем плачешь? О чем сокрушаешься? Зачем ты любишь дитя больше Владыки своего? Не Он ли даровал тебе дитя? Зачем же ты столь неблагодарен, что дар любишь более, чем Даровавшего? Но я слаб, говоришь, и не переносу страха Божьего. Но если в телесных болезнях большей (болью) подавляется меньшая, то тем более и душе; от страха, если бы он быль в ней, рассеялся бы страх и от печали печаль. Дитя было красиво? Но каково бы оно ни было, оно не красивее Исаака; тот был к тому же единородный. Твое родилось в старости? И тот также. Прекрасно было дитя? Но каково бы оно ни было, оно не прекраснее Моисея, который даже в варварском взгляд возбудил любовь к себе, будучи в таком возрасте, когда красота еще не раскрывается. Однако же родители бросили в реку своего возлюбленного (сына). Ты и лежащее дитя видишь, и гробу предаешь, и ходишь к памятнику; а они не знали, чьей пищей он сделается – рыб ли, собак ли, или какого-нибудь из зверей, живущих в мор, и это совершили, ничего еще не зная ни о царстве (Божьем), ни о воскресении. Дитя твое не единородное; но оно умерло после смерти

многих (других детей)? Все же это не было так ужасно и горестно, как бедствие Иова. Не падала храмина (твоя), не во время пиршества (детей это было), пред тем не получал ты известий о своих потерях. Твое любимое было (дитя)? Не более же, чем Иосиф, пожранный зверем; однако же отец перенес горе и в этом случай и в бывшем затем. Он плакал, но не поступил нечестиво; сетовал, но не предался отчаянию; был столько тверд, что говорил: "**Иосифа нет, и Симеона нет, и Вениамина взять хотите, – все это на меня!**" (Бт. 42:36). Видишь, как сильный голод заставил его пожертвовать детьми! А на тебя страх Божий столько не действует, сколько голод. Плачь – я не запрещаю; но не богохульствуй – ни словом, ни делом. Каков бы ни был сын твой, все же нельзя сравнить его с Авелем; но Адам ничего такого не сказал, несмотря на то, что несчастье его было весьма велико, – что, в самом деле, ужаснее братоубийства? Кстати, я вспомнил о других братоубийцах; напр. Авессалом убил первенца Амнона (2 Цар. 13:28,29). Царь Давид любил отрока, сидел во вретище и пепле (во время его болезни); однако не позвал ни гадателей, ни заклинателей, – а они были тогда, как показывает Саул, – но молился Богу. Так и ты Делай; что сделал праведник, то делай и ты; те же слова говори, когда умрет дитя (твое): "**Я пойду к нему, а оно не возвратится ко мне**" (2 Цар. 12:23). Вот что свойственно любомудрию и нужной любви! Как ты ни любил бы свое дитя, ты не столько любишь, сколько он тогда, несмотря на то, что (отрок его) был плод беззакония. Блаженный Давид весьма любил мать его; а взаимная любовь родителей переходить, как вам известно, на детей. Он так любил отрока, что, хотя и худо о нем говорили, все же хотел, чтобы он остался жив. Однако же он благодарил Бога. Как, думаешь ты, страдала Ревекка, когда брать угрожал смертью Иакову? Однако же она по опечалила мужа, а велела (Иакову) бежать. Когда постигнет тебя какое-нибудь горе, думай о больших бедствиях и получишь достаточное утешение. Подумай: что, если бы пришлось умереть на войне? Что, если бы в огне? Если будем думать о несчастьях больших, чем те, которые мы терпим, то получим достаточное утешение. Будем размышлять или о тех более тяжких бедствиях, которые другие терпли во все времена, или о тех, которые мы сами терпели когда-нибудь прежде. Такое и Павел дает наставление, когда говорит: "**Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха**" (Евр. 12:4); и в другом месте: "**Вас постигло искушение не иное, как человеческое**" (1 Кор. 10:13). Итак, находясь в бед, будем размышлять о больших бедствиях, а найдем такие, – и тогда будем благодарны. Но более всего будем усердно благодарить Бога за все. Таким образом и несчастья прекратятся, и жить мы будем в славе Божьей, и получим обещанные блага, которых да удостоимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, вынь и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 9

"Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякой премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу. И все, что вы делаете, словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца" (Кол. 3:16,17).

1. Убедив (колоссян) быть благодарными, (Павел) показывает им и способ к этому. Какой же именно? Тот, о котором мы уже беседовали с вами. Какими словами (показывает)? "**Слово Христово да вселяется в вас обильно**". Или лучше – не этот только (способ), но и другой. Я сказал, что надобно представлять себе тех, которые претерпели более ужасные страдания, тех, которые перенесли более тяжелые, чем наши, бедствия, и благодать, что не случилось того же с нами; а что говорит сам он? "**Слово Христово да вселяется в вас обильно**", то есть, (да вселяются) учение, догматы, убеждения, по силе которых, говорит, настоящая жизнь и ее блага -ничто. Если бы мы видели это, то никакой

неприятности не поддались бы. "**Да вселяется**", – говорит, – "**в вас**" – не просто, но – "**обильно**", с великим изобилием. Послушайте все вы, люди мирские и пекущиеся о жене и детях, как и вам внушает (апостол) больше читать Писание, – и не просто, как случится, а с великим старанием. Ведь подобно тому, как богатый деньгами может перенести убыток и неудачу, так и имеющий достаточные познания в любомудрии легко перенесет не только бедность, но и все несчастья. И последний еще легче, чем первый, потому что там, когда оказывается убыток, богатый необходимо становится беднее и это делается известным для других, и если он терпит это часто, то уже нелегко ему бывает переносить свои потери; а здесь не так: когда нам случается переносить, чего бы мы и не хотели, мы не теряем здравого рассудка, но сохраняем его постоянно. И заметь мудрость этого блаженного. Не сказал: "**Слово Христово**" да будет в нас, просто, – но что? "**Да вселяется**", и – "**обильно, со всякой премудростью; научайте и вразумляйте друг друга**". Премудростью называет добродетель. И справедливо, потому что действительно и смиренномудрие, и милостыня, и все подобное есть мудрость. Следовательно, противное этому будет глупость, так как от глупости происходит жестокость. Отсюда часто всякий грех называется безумием. "**Сказал**", – говорит, – "**безумец в сердце своем: `нет Бога'**" (Пс. 13:1); и опять: "**Смердят, гноятся раны мои от безумия моего**" (Пс. 37:6). Что, скажи мне, несмысленнее того человека, который возлагает на себя дорогие одежды, а братий своих, не имеющих одеяния, презирает; кормит собак, а на образ Божий в алчущем ближнем смотрит с презрением; совершенно убежден в ничтожеств земных вещей, а привязан к ним, будто к нетленным? Но как нет ничего, несмысленнее такого (человека), так нет ничего мудрее подвижника добродетели. Посмотри, говорит, как он мудр: уделяет из своего имущества, является милосердым, человеколюбивым; он уразумел общность естества, уразумел значение денег, то есть, что они ничего не стоять, что более должно беречь свои тела, чем деньги. Потому кто презирает почести, тот и любомудр он знает дела человеческие, а в знании-то дел Божеских, а человеческих и состоит любомудрие. Итак, зная, какие дела – Божьи и какие – человеческие, он от одних воздерживается, а другие совершает. Знает он это и за все благодарить Бога; настоящую жизнь он вменяет ни во что, и потому, как не радуется в счастии, так не скорбит и в несчастии. И не ожидай другого учителя; есть у тебя слово Божье, – никто не научить тебя так, как оно. Ведь другой учитель часто многое скрывает то из тщеславия, то из зависти. Послушайте, прошу вас, все привязанные к этой жизни, приобретайте книги – врачество души. Если не хотите ничего другого, приобретите по крайней мере Новый Завет, Деяние апостолов, Евангелие – постоянных наших наставников. Постигнет ли тебя скорбь, приникай к ним, как к сосуду, наполненному целебным веществом. Случается ли утрата, смерть, потеря ближних – оттуда почерпай утешение в своем несчастии. Или лучше – не приникай только к ним, но принимай их всецело и храни в своем ум. От незнания Писания – всякое зло. Мы выходим на войну без оружия, – и как нам спастись? Легко спасаться с Писаниями, а без них невозможно. Не возлагайте всего на нас: вы, конечно, овцы, но не бессловесные, а разумные. Павел многое внушает и вам. Научаемые не всегда проводят время в приобретении познаний, потому что не всегда учатся; если всегда будешь только /учиться, то никогда не выучишься; не с тем приходи сюда, то будто тебе самому всегда нужно только учиться, – иначе никогда не будешь знать, – а с тем, что тебе нужно выучиться и потом учить другого. Скажи мне, не определенное ли время все посвящают наукам и всяким вообще искусствам? все мы назначаем для этого известный срок. А если всегда учишься, – это знак, что ты ничего не знаешь.

2. Укоряя за это иудеев, Бог сказал: "**Принятые Мною от чрева, носимые Мною от утробы матерней: и до старости вашей**" (Ис. 46:3). Если бы не всегда ожидали вы этого, не шло бы все так назад. Если бы оказывалось, что одни уже научились, а другие имеют научиться, то дело у нас простиралось бы вперед: тогда вы приступили бы к другим и помогли бы нам. Скажи мне: те, которые ходят к учителю, но постоянно сидят над

азбукой, не доставляют ли больших трудов для учителя? Доколь нам беседовать с вами об (этой) жизни? У апостолов так не бывало: они всегда миновали тех учеников, которые учились у них прежде, поставляя их учителями других желающих учиться. Потому-то они и могли обойти вселенную, что не были привязаны к одному месту. Подумайте, сколько нужно преподать учения братьям вашим по деревням и самим учителям их? А вы держите меня, приковали к себе, потому что прежде чем хорошо будет настроена голова, не следует идти к прочим членам. Вы все возлагаете ни нас, тогда как только бы вам надлежало учиться у нас, а женам вашим у нас, детям тоже у вас; напротив, вы все оставляете нам. Оттого-то и много труда. "**Научайте**", – говорит, – "**и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями**". Смотри, как снисходителен Павел. Так как чтение утомительно и может наскучить, – он располагает не к повествованиям, а к псалмам, чтобы ты вместе и увеселял душу пением, и не замечал трудов. "**Славословием**", – говорит, – "**и духовными песнями**". А ныне ваши дети любят сатанинские песни и пляски, подражая поварам, пекарям и танцовщикам; псалма же никто ни одного не знает, – ныне такое знание кажется неприличным, унизительным и смешным. В этом-то и все зло; на какой земле стоит растете, такой приносить и плод: на песчаной и сланцовой – такой, на доброй и тучной – другой. Итак, учение есть как бы какой благотворный источник. Научи сына петь те преисполненные любомудрия псалмы, например: сначала о воздержании, или прежде всего о несообщении с нечестивыми, т. е. псалом в самом начал книги [с этой-то целью и пророк начал отсюда, говоря: "**Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых**" (Пс. 1:1); и опять: "**не сидел я с людьми лживыми**" (Пс. 25:4); и еще: "**Тот, в глазах которого презрен отверженный, но который боящихся Господа славит**" (Пс. 14:4)], об обращении с добрыми [это тоже найдешь там, и многое другое], о воздержании чрева, об удержании рук, о нестяжательности, о том, что и деньги, и слава, и все подобное – ничто. Если научишь его этому с детства, то постепенно возведешь его и выше. Псалмы заключают в себе все, а затем гимны – ничего человеческого; когда он будет сведущ в псалмах, тогда узнает и гимны, представляющие собою дело более святое, так как вышние силы гимнословят, а не псалмословят: "**Неприятна**", – сказано, – "**похвала в устах грешника**" (Сир. 15:9); и опять: "**Глаза мои на верных земли, чтобы они пребывали при мне**" (Пс. 100:6); и опять: "**Не будет жить в доме моем поступающий коварно**" (Пс. 100:7); и опять: "**Кто ходит путем непорочности, тот будет служить мне**" (Пс. 100:6). Таким образом, вы должны опасаться, как бы они не завели связей не только с друзьями, но и с слугами: бесчисленное бывает зло для свободных, если приставляем к ним развратных рабов. Если едва спасаются они, пользуясь попечением и любомудрием отца, то что из них будет, когда вверим их беспечности слуг? Слуги будут смотреть на них, как на врагов, в той мысли, что господствование их будет кротче, если они сделают их бестолковыми, глупыми и ничего нестоящими. Итак, станем заботиться об этом более всего другого. Я возлюбил, говорит, возлюбивших закон Твой (Пс. 118): будем же, подражая ему, и мы любить их. А чтобы дети были воздержны, пусть послушают, что говорит пророк: "**внутренность моя насыщена позором**" (Пс. 37:8); и опять: "**Ты истребил всякого любодействующего от Тебя**" (Пс. 72:27). Также, чтобы они не были сластолюбивы, пусть опять послушают: "**Убил**" , – говорит, – "**тучных их ,еще пища была в устах их**" (Пс. 77:30,31). Равным образом, что они не должны быть побеждаемы дарами, научатся из следующего: "**Когда богатство**", – говорит, – "**умножается, не прилагайте к нему сердца**" (Пс. 61:11); что надобно стоять выше славы, найдут следующее: "**Не пойдет за ним слава его**" (Пс. 48:18); что не должно завидовать лукавым: "**Не ревнуй злодеям**" (Пс. 36:1); что властвование надобно вменять ни во что: "**Видел я нечестивца грозного, расширявшегося, подобно укоренившемуся многоветвистому дереву; но он прошел, и вот нет его**" (Пс. 36:35,36); что настоящее должно почитать ничтожным: "**Блажен народ, у которого это есть. Блажен народ, у которого Господь есть Бог**" (Пс. 143:15); что не безнаказанно грешим мы, но будет воздаяние: "**Ты воздаешь каждому по делам**

его" (Пс. 61:13); почему же не воздает ежедневно? – потому, говорит, что "**Бог – судия праведный, [крепкий и долготерпеливый]**" (Пс. 7:12); что смиренномудрие – благо: "**Господи!**" – говорит, – "**не надмевалось сердце мое**" (Пс. 130:1); что высокомерие – зло: "**Оттого**", – говорит, – "**гордость, как ожерелье, обложила их**" (Пс. 72:6); и опять: "**Бог гордым противится**" (Иак. 4:6); и опять: "**Выкатилась как от жира неправда их**" (Пс. 72:7); что милостыня – благо: "**Он расточил, роздал нищим; правда его пребывает во веки**" (Пс. 111:9); что милосердие похвально: "**Добрый человек милует и взаймы дает**" (Пс. 111:5). Найдешь там и много других догматов любомудрия, – например, что злословить не должно: "**Тайно клевещущего на ближнего своего изгоню**" (Пс. 100:5). Верные знают, каков гимн вышних сил, что говорят херувимы, что говорили ангелы на земле. "**Слава Богу на небесах**". Потому, после псалмопения, гимны – дело более совершенное. "**Псалмами**", – говорит, – "**славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу**". (Павел) этим говорит или что Бог даровал им это для благодати, или что песни их были благодатные, или что они должны были вразумлять себя и научать благодатью, или что в них благодатно были эти дары, или же это есть объяснение. От благодати Духа, говорит, "**Воспевая в сердцах ваших Господу**": не просто, говорит, устами, но со вниманием. Это последнее и значит петь Богу, а то первое – воздуху, так как голос попросту разливается (в воздухе). Не для того, чтобы выказать себя, говорит. Будь ты хоть из торговой площади, – можешь сосредоточиться в себе и петь Богу, не будучи никем слышим. Ведь и Моисей так молился, и был услышан. Что взываешь ко Мне, говорит ему Бог? А он ничего не высказал, но взывал мысленно, с сокрушенным сердцем. Потому и Бог слышал его один. Не мешает и во время пути молиться сердцем и быть гор. "**И все**", – говорит, – "**что вы делаете, словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца**". Если мы будем так поступать, то там, где призывается Христос, не найдется ничего мерзкого, ничего нечистого. ешь ли, пьешь ли, женишься ли, отправляешься ли в путь, – все делай во имя Божье, т. е. призывая Бога на помощь. Берись за дело, прежде всего помолившись Богу. Хочешь ли что произнести? Поставь это наперед. Потому-то и мы в своих письмах впереди поставляем имя Господа. Где – имя Господа, там все благополучно. Если имена консулов скрепляют грамоты, то тем более – имя Христово. Или же то разумеет Павел, что все говорите и делайте по-божески; не вводите ангелов. Ешь? Благодари Бога, с решимостью то же делать и после. Спишь? Благодари Бога, с решимостью то же делать и после. Идешь на площадь? То же делай. (Пусть не будет) ничего мирского, ничего житейского; все совершай во имя Господне, и все у тебя будет благоуспешно. Что ни запечатлеешь именем Божьим, все выйдет счастливо. Если оно изгоняет демонов, устраняет болезни, то тем более облегчает совершение деле. И что значит – "**Что вы делаете, словом или делом**"? Этим указывает или на допускающего, или на делающего что-либо подобное. Послушай, как Авраам во имя Божье посылал раба. Давид во имя Божье умертвил Голиафа. Дивно и велико имя Его. Потом опять Иаков, посылая детей, говорит: "**Бог же Всемогущий да даст вам найти милость у человека**" (Бт. 43:14). Кто делает это, тот помощником имеет Бога, без Которого не дерзал ничего делать. Таким образом, чествуемый призыванием (Бог) воздает обратно честь дарованием успеха в делах. Призывай Сына, благодари Отца; призывая Сына, ты призываешь и Отца, а благодаря Отца, благодаришь и Сына. Будем учиться исполнять это не одними словами, но и делами. Этому имени нет ничего равного; оно всегда дивно: "**Имя твое**", – говорится, – "**как разлитое миро**" (Песн. Песн. 1:2). И кто произнес его, тот Вдруг исполнился благоухания. "**Никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым**" (1 Кор. 12:3). Вот как столь много совершается этим именем! Если слово. "**Во имя Отца и сына и Святого Духа**" ты произнес с верой, то ты все совершил. Смотри, сколько ты сделал: ты воссоздал человека, и произвел все прочее, в таинстве крещения. Таким же образом это страшное имя владычествует и над болезнями. Потому, завидуя нам в чести, дьявол ввел подобающее ангелам. Таковы

демонские напевы. Но будет ли то ангел, или архангел, или херувим, – не терпи этого; ведь и эти силы не примут тебя, но отвергнуть, когда увидят, что Владыка бесчестится. Я почтил тебя, говорит, и сказал: призывай Меня. А ты бесчестишь Его? Если бы ты пел этот напев с врою, то прогонял бы и болезни, и демонов. А если бы и не прогнал болезни, то не по бессилию, а вследствие того, что (болезнь) полезна. По величию твоему, говорит, и хвала твоя. Этим именем обращена вселенная, разрушено тиранство, попран дьявол, отверзлись небеса. Но что я говорю – небеса? Этим именем возрождены мы, и если не оставляем его, то просияваем. Оно рождает и мучеников, и исповедников. Его должны мы держать, как великий дар, чтобы жить в славе, благоугождать Богу и сподобиться благ, обетованных любящим Его, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 10

"Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе. Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы. Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу. Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали. Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа им, как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога. И все, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человеков, зная, что в воздаяние от Господа получите наследие, ибо вы служите Господу Христу. А кто неправо поступит, тот получит по своей неправде, у Него нет лицеприятия. Господа, оказывайте рабам должное и справедливое, зная, что и вы имеете Господа на небесах" (Кол. 3:18–25; 4:1).

1. Почему (Павел) повелевает это не везде и не во всех посланиях, но здесь, и в посланиях к ефесянам, к Тимофею и Титу? Потому что в этих городах, вероятно, происходили несогласия, или потому, что иное в них, быть может, было исполняемо хорошо, а в этом они погрешили, – так что надлежало им слышать и об этом. Справедливее же будет оказать, что (апостол) говорит это сколько к ним, столько же и ко всем (христианам). Послание это весьма сходно с посланием к ефесянам. В других местах он не делает того же – или потому, что мужам, уже умиротворенным, которые, как не знавшие высоких догматов, должны были учиться им, писать об этом не следовало, или потому, что получившим утешение в искушениях излишне было слышать об этом. Эти соображения позволяют мне догадываться, что здесь Церковь была уже тверда и что он говорит это при конце (своей жизни). "**Жены, повинуйтесь мужьям своим, как прилично в Господе**", вместо – повинуйтесь для Бога, так как это украшает вас, говорит, а не их. Повиновение же я разумею не (рабское) к господам и не то, которое зависит от природы, но которое бывает для Бога. "**Мужья, любите своих жен и не будьте к ним суровы**". Смотри, как он увещевает соблюдать взаимные отношения. Как там внушает страх и любовь, так и здесь, потому что и любящему можно огорчаться. Итак, слова его значат: не враждуйте; нет ничего огорчительнее той вражды, которой подвергается жена от мужа; вражда, направляемая против любимых лиц, бывает самая горькая; она показывает, что огорчение велико, когда кто восстает против своего члена. Итак, любить – дело мужей, а уступать – дело жен. Потому, если всякий будет исполнять свой долг, то все будет крепко; видя себя любимой, жена бывает дружелюбна, а встречая повиновение, муж бывает кроток. Смотри, так устроено это и в природе, чтобы муж любил, а жена была послушна. Когда начальствующий любить подначальное, тогда все благоустроено. Любовь не столько требуется от подначального, сколько от начальствующего к подначальному, а от подначального (требуется) послушание. Да и то, что красота – в жене, а пожелание – в муже, показывает не иное что, как устроение для любви. Потому, когда подчиняется жена, – не величайся; и ты жена, когда тебя любить муж, – не надмевайся; ни дружба мужа

пусть не возбуждает превозношения в жене, ни подчинение жены пусть не надмевает мужа. Бог подчинил ее тебе для того, чтобы она была более любима; а любить тебя, жена, внушил Он мужу для того, чтобы легче было тебе подчиняться. Не бойся подчинения; подчиняться любящему нисколько нетрудно. Не бойся любви; (жена твоя) уступчива пред тобою. Союз не иначе возможен. Ты имеешь власть, необходимую по природе; имей же и союз по любви, (этот же союз) позволяет терпеть слабейшую. "**Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу**". Опять полагает – "**Господу**", полагает законы послушания, усовещивает, смиряет. "**Ибо это**", – говорит, – "**благоугодно Господу**". Смотри, как хочет, чтобы мы все делали не по одной природе, но сверх того и по воле Божьей, чтобы нам получить награду. "**Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали**". Вот и здесь опять – подчинение и любовь. Не сказал: любите детей, – потому что это было бы лишнее (слово), к этому влечет сама природа; а исправил то, что надлежало, именно, что любовь здесь бывает сильнее, насколько и послушание больше. Ведь нигде не полагает он примера мужа и жены, – но что? Послушай, что говорит пророк: "**Как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его**" (Пс. 102:13); и опять говорит Христос: "**Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? и когда попросит рыбы, подал бы ему змею?**" (Мф. 7:9,10)? "**Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали**". Что особенно, знал он. будет чувствительно для отцов, то и полагает и повеление дружелюбно преподает сам, нигде не приводя Бога; этим возбуждает он чувство родителей и смягчает сердце их. Выражение же: "**не раздражайте**" значит: не делайте их спорщиками. Есть случаи, в которых вы должны уступать им. Потом переходить к третьему (предмету) власти: "**Рабы**", – говорит, – "**во всем повинуйтесь господам вашим по** плоти". Здесь хотя и есть нечто, относящееся к любви, но эта любовь предписывается не природой, как было выше, а обычаем, и требуется с одной стороны властью, с другой делами. Здесь таким образом начало любви уменьшено, а начало послушания усилено, и этим выражается желание, чтобы то, что первые имеют по природе, последние воздавали им из послушания, – так что здесь (Павел) беседует не за господ с одними рабами, но за самих (рабов), чтобы господам сделались они желанными. Впрочем, выражает это не явно; иначе привел бы их в недоумение. "**Рабы**", – говорит, – "**во всем повинуйтесь господам вашим по плоти**".

2. И смотри, как всегда ставить имена – жены, дети, рабы – в смысл обязанности повиноваться; а чтобы ты не скорбел, прибавляет: "**Господам вашим по плоти**". Лучшее твое, говорит, твоя душа свободна; рабство же временно. Подчини же ему свое тело, чтобы не рабствовать необходимости. "**Не в глазах только служа им, как человекоугодники**". Сделай, говорит, так, чтобы рабство от закона было рабством от страха Христова. Если бы даже господин и не видел, что ты совершаешь должное и для его чести, – все же ты совершаешь ради недремлющего Ока. "**Не в глазах только**", – говорит, – "**служа им, как человекоугодники**", так как (работая только пред очами) вы подвергаетесь вреду. Послушай, что говорит пророк: "**Бог рассыпал кости человекоугодников**" (Пс. 52:6). Смотри, как он щадить их и упорядочивает. "**Но в простоте сердца**", – говорит, – "**боясь Бога**", потому что одно иметь в сердце, а другое делать, иным казаться в присутствии господина, и иным в отсутствии, – это не простота, а притворство. Потому не просто сказал: "**но в простоте сердца**", но – "**боясь Бога**". Это именно и значит бояться Бога, когда мы не делаем ничего худого, хотя бы никто не видел нас; если же делаем, то боимся не Бога, а людей. Видишь ли, что он упорядочивает их? "**И все, что делаете**", – говорит, – "**делайте от души, как для Господа, а не для людей**". Этим хочет избавить их не только от притворства, но и от лености. Если они не имеют нужды в надзор со стороны господ, то через это он делает их вместо рабов свободными. "от души" – значит с благорасположением, не с рабской необходимостью, а свободно и добровольно. И какая награда? "**Зная**", – говорит, – "**что в воздаяние от Господа**

получите наследие, ибо вы служите Господу Христу", следовательно от Него получите и награду. А что Господу работаете, видно из следующего: "**А кто неправо поступит**", – говорит, – "**тот получит по своей неправде**". Здесь (Павел) подтверждает сказанное прежде: чтобы слова его не показались лестью, говорит: "**Тот получит по своей неправде**", то есть, получить наказание, потому что у Бога нет лицеприятия. Что, если ты и раб? Не стыдись. Однако ж это следовало сказать господам, как и в послании к ефесянам; но здесь под именем господ, мне кажется, разумеются язычники. Что, если он – язычник, а ты христианин? Испытываются не лица, а дела, – так что и в этом случае должно работать с благорасположением и от души. "**Господа, оказывайте рабам должное и справедливое**". А что такое правда, что – уравнение? Доставлять им все в изобилии и не допускать, чтобы они в чем-либо нуждались, но вознаграждать их за труды, так как, если я сказал, что они от Бога получать награду, то из этого не следует, чтобы ты лишал их мзды. И в другом месте сказал: "**Умеряя строгость**" (Еф. 6:9), – желая сделать более кроткими, так как те были совершенны. То есть: "**Какой мерой мерите, такой и вам будут мерить**" (Мф. 7:2). Да и слова: "нет лицеприятия" – к ним же относятся, приложены же они к тем, чтобы они приняли это, так как когда касающееся одного мы говорим другому, тогда исправляем не столько его, сколько виновного. "**И вы**" с ними, говорит. Здесь рабство делает он общим. "**Зная**", – говорит, – "**что и вы имеете Господа на небесах. Будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней с благодарением**". Так как пребывание в молитвах часто бывает причиной нерадения, то и говорит – "**бодрствуя**", то есть трезвясь, а не вертясь туда и сюда. Дьявол знает, хорошо знает, какое великое благо – молитва, и потому тяжело налегает (на молящегося). Знает и Павел, насколько беспечны многие молящиеся, и потому говорит: "**Будьте постоянны в молитве"**, как в деле трудном, "**бодрствуя в ней с благодарением**". Это, говорит, пусть будет вашим делом – в молитвах благодарить и за явное и за неявное, и за те блага, которые (Бог) совершил для вас по вашему желанию, и за те, которые дарованы вам против желания, и за царство, и за геенну, и за скорбь, и за облегчение ее. Так обыкновенно молятся святые и благодарят за общие благодеяния.

3. Знаю я одного святого мужа, который молился так, что прежде этого слова ничего не говорил, но прямо взывал: "благодарим за все Твои благодеяния, оказанные нам недостойным с первого дня нашей жизни до настоящего, – благодарим за все, что знаем и чего не знаем, за все явное и неявное, обнаруживающееся делом и словом, совершившееся по воле и против нашей воли, за все с нами недостойными бывшее, за скорбь и ослабление скорби, за геенну, за мучение, за царство небесное. Молим Тебя сохранить нашу душу святой, чистой, совестливой и вполне достойной Твоего человеколюбия. Возлюбивший нас до того, что предал за нас Единородного Твоего, удостой нас быть достойными любви Твоей. Даруй нам в слове Твоем мудрость, и в страхе Твоем, "Единородный Христе, вдохни в нас исходящую от Тебя силу. Давший за нас Единородного и пославший Духа Твоего Святого во отпущение наших грехов, прости нас и не осуди, если в чем согрешили мы волей или неволей. Помяни всех, призывающих имя Твое в истине. Помяни всех, хотящих и не хотящих нам добра, потому что все мы люди". Потом, присоединив молитву верных и вознесши моление, как бы некое возглавие и общий голос всех, он замолкал. В самом деле, Бог творить для нас много благ вопреки нашей воле, а много и еще больше совершает их помимо нашего сознания. Когда мы молим Его о чем-нибудь, а Он делает противное тому, – тогда, очевидно, Он делает блага помимо нашего сознания. "**Молитесь также и о нас**". Смотри, каково смиренномудрие: себя полагает после их. "**Чтобы Бог отверз нам дверь для слова, возвещать тайну Христову**". (Молитву) называет входом и основанием дерзновения. О, такой подвижник не сказал: да избавлюсь от уз, но, находясь в узах, просил других, и просил о деле великом, чтобы получить дерзновение! Здесь две великие вещи: качество лица, и качество дела. О, какое достоинство! "**Тайну**", – говорит, – "**Христову**", показывая, что для него нет ничего желательнее проповеди о ней. "за

которую я и в узах, дабы я открыл ее, как должно мне возвещать. С великим, говорит, дерзновением и ничего не умалчивая. Видишь ли, узы проявляют его, а не скрывают. С великим, говорит, дерзновением. Скажи мне: ты связан и просишь других? Да, говорит; но узы дают мне большее дерзновение, и я требую только Божьей помощи, – потому что слышал слово Христово: "**Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать**" (Мф. 10:19). И смотри, как иносказательно говорит: "**Чтобы Бог отверз нам дверь для слова**". Смотри, как он чужд надменности, как смиренно провещевает в узах, чтобы, то есть, смягчить сердца их. И сказал так не для себя, – так смиренномудренно выразился, чтобы внушить дерзновение нам; он просить себе того, что уже имел. Называя в этом послании (ветхий завет) тенью, он этим самым показывает, почему Христос пришел не тогда: "**Тело – во Христе**" (Кол. 2:17), говорит он, так что к тени надлежало привыкнуть. вместе с этим он обнаруживает и величайшее доказательство любви своей к ним. Чтобы вы, говорит, слышали о моих узах. Опять поставляет на вид узы, которые я очень люблю, которые е возбуждают мое сердце и всегда приводят к желанию видеть Павла связанным и в узах пишущим, проповедующим, крещающим, оглашающим. Ему связанному доносилось о всех Церквях, и он связанный назидал тысячи (христиан). Тогда скорее был он отрешен (от уз). Слушай, что он говорит: "**И большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большей смелостью, безбоязненно проповедовать слово Божье**" (Фил. 1:14). Он же опять свидетельствует об этом, говоря: "**Когда я немощен, тогда силен**" (2 Кор. 12:10). Потому и сказал: "**Но для слова Божья нет уз**" (2 Тим. 2:9). Он был в узах с злодеями, с заключенными, с человекоубийцами, был связан учитель вселенной, всходивший на третье небо, слышавший глаголы неизреченные. Но тогда бег его был тем быстрее. Связанный тогда был разрешен, а несвязанный – связан; тот, что хотел, делал, а этот и ему не помешал и собственного намерения не исполнил. Что ты делаешь, безумный? Разве это плотской гонец? Разве на нашем поприщ подвизается он? Он обитает на небе. Бегущего на небе не может связать и удержать земное. Разве не видишь этого солнца? Наложи узы на его лучи и останови его бег. Но ты не можешь. Так (но сможешь удержать) и Павла, и еще менее, чем солнце, – потому что он охраняется большим промыслом, чем последнее, – ведь и свет он приносить нам не такой (вещественный), но истинный. Где теперь те, которые ничего не хотели потерпеть ради Христа, – но что я говорю, потерпеть? – не хотели даже и жертвовать деньгами? Вязал некогда и Павел и ввергал в темницу; но как скоро сделался рабом Христовым, стал хвалиться уже не действованием, а страданием. И таково чудо проповеди, что она была возбуждаема и возрастала не от (деятельности) злодействующих, а от (страдания) терпящих. Где виданы тате подвиги? Злостраждущий побеждаете, а злодействующий испытывает поражение. Первый выходить славнее последнего и проповедует посредством уз. Не стыжусь, а напротив хвалюсь, говорит, проповедуя Распятого. Подумай только: вся вселенная оставляет несвязанных и приходить к узникам, отвращается от вяжущих и чтить заключенных в оковы, ненавидит распинателей и поклоняется Распятому.

4. Не то только дивно, что проповедниками были рыбари, люди простые, но и то, что встретились и другие препятствия, препятствия по природе, и однако ж дело шло успешно. Простота не только не мешала, но она-то особенно и делала проповедь заметной. Послушай, что говорит Лука: "**И приметив, что они люди некнижные и простые**" (Деян. 4:13). И узы также не только не мешали, но еще делали (апостолов) более дерзновенными. Не столько дерзали ученики, когда Павел быль свободен, как тогда, когда он находился в узах: "**И говорили**", – говорит, – "**слово Божье с дерзновением**". где возражатели, говорящие, что эта проповедь была не Божественная? Разве простота оказалась недостаточной для обличения их? Разве в этом состоянии они не должны были испугаться? Ведь вы знаете, что простой народ водится двумя чувствованиями: тщеславием и робостью. Простота не позволяла им стыдиться; опасности же, конечно,

должны были внушить им робость. Но они, говорят, творили чудеса. Так вы верите, что они творили чудеса. А если не творили? Вот чудо больше тех, какие творили, – что без чудесь приводимы были (люди ко Христу).

Связан был и Сократ эллинами. Что же? Не тотчас ли ученики его ушли в Мегару? Конечно, – потому что не принимали учения о бессмертии. Но смотри, как здесь. Связан был Навел, и ученики его стали тем дерзновеннее. Так и следовало, – потому что они видели, что это не препятствует проповеди, – языка связать нельзя, а язык особенно и ускоряет ее. Как не помешаешь ты бежать гонцу, если не свяжешь ему ног, так не помешаешь и бегу благовестника, если не свяжешь ему языка; и как тот быстрее бежит и мчится, когда подвяжешь ему бедра, так и этот больше проповедует и с большим дерзновением, когда на нем узы. Боится узник, если смотрит только на узы; а кто презирает смерть, того как связать? Они сделали то же, как если бы например связали тень Павла и заградили ей уста. Это была борьба с тенью. Имя на себе узы, как воздаяние за мужество, (Павел) и для своих стал вожделеннее, и для врагов почтеннее. Венец украшает главу и делает ее славне, а не посрамляет. Узами своими они нехотя увенчали его. Скажи мне: железо может ли устрашить того, кому не страшны были адамантовые врата смерти?

Поревнуем этим узам, возлюбленные. все вы, жены, украшающиеся золотыми ожерельями, возжелайте уз Павловых. Не столько Сияют эти украшения на ваших шеях, сколько блистает красота железных уз на его душ. И кто желает последних, пусть возненавидит первые, потому что какое общение малодушия с мужеством, телесного украшения с любомудрием? Эти узы уважаются ангелами, а на т смотрят они, как на детские игрушки. Эти узы обыкновенно влекут от земли на небо, а т – с неба низводят на землю. Поистине, эти узы не то, что т: эти – украшение, а те – узы; те вместе с телом сокрушают и душу, а эти вместе с телом украшают и душу. Хочешь ли узнать, что эти – действительно украшение? Скажи мне, кто больше привлекал зрителей, – ты или Павел? Но что я говорю – ты? Сама царица, вся покрытая золотом, не может привлечь к себе более зрителей. Если бы случилось в одно и то же время войти в церковь и Павлу в узах, и царице, – все направили бы свои глаза от последней на первого . Да так и следовало бы, потому что видеть мужа, стоящего выше человеческой природы, не имеющего ничего человеческого, но являющегося ангелом на земле, – любопытнее, чем видеть наряженную женщину. Последнюю можно видеть и в театрах, и в торжественных собраниях, и в банях, и в других местах, а человека заключенного в узы, почитающего их величайшим украшением и не страшащегося уз, – такого человека видеть – значит быть на зрелищ не земном, но достойном неба. Душа, которой тело увешано драгоценностями, наблюдает, кто смотрит на них, кто не смотрит, пополняется надменностью, обнаруживает беспокойство и волнуется множеством других чувств; напротив, отягощенный узами не надмевается, душа его покойна, свободна от всякой заботливости, весела и смотрит на небо, как окрыленная. Если бы кто отдал мне на волю видеть Павла сходящим с неба и изрекающим слово, или выходящим из темницы, то я предпочел бы исхождение его из темницы, потому что, когда он был в темнице, – с неба к нему нисходили. Узы Павла – это союз проповеди; его кандалы – это основание. Пожелаем и мы этих уз.

5. Но как это возможно, скажешь? Если сокрушим и переломаем (те украшения). От этих уз нет никакой пользы, а скорее – вред. Они сделают нас узниками там; а узы Павловы разрешать нас там от уз. Душа, связанная этими узами здесь, будет связана по рукам и ногам нетленными узами там; а связанная узами Павла будет иметь их на себе тогда, как украшение. Разреши же и себя от уз, и бедного от голода. Что ты вяжешь цепи грехов? Как, скажешь? Так, что ты накопляешь золото, а другой погибает; ты для приобретения суетной славы бережешь массу золота, а другому и есть нечего. Этим разве не грехи вяжешь ты? Облекайся во Христа, а не в золото. где мамона, там нет Христа, а где

Христос, там нет мамоны. Ужели ты не хочешь облечься в Царя всяческих? Если бы кто дал тебе порфиру и диадему, – не принял ли бы ты этого вместо всякого золота? Я даю тебе не царское украшение, а предлагаю облечься в самого Царя. Но как облечься во Христа, скажешь? Послушай, что говорит Павел: "**Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись**" (Гал. 3:27); Послушай и увещания апостольского: "**Попечения о плоти**", – говорит, – "**не превращайте в похоти**" (Рим. 13:14). Итак, облекается во Христа тот, кто не угождает плоти до похотения. Если облечешься во Христа, то и демоны будут бояться тебя; а если в золото, то и люди станут смеяться над тобою; если облечешься во Христа, то и люди будут уважать тебя.

Хочешь ли казаться прекрасной и благопристойной? Довольствуйся тем образом, какой дал тебе Творец. Что привешиваешь золото, как бы поправляя образ Божий? Хочешь ли казаться благопристойной? Облекись в милосердие, облекись в человеколюбие, облекись в целомудрие, в смирение. Все это дороже золота; все это и красивую делает еще благопристойнее, и некрасивую благообразной. Кто взглянет на лицо, выражающее доброту, тот произнесет свое мнение от любви, а злое (лицо), хотя бы оно было и красиво, никто не может назвать прекрасным: возмущенное сердце правильного мнения не произносит. Украшена была та египтянка, украшен был и Иосиф; но кто красивее? Но говорю о том времени, когда первая была в царском дворце, а последний – в темнице. Этот был наг, но облекался одеждой целомудрия; а та била одет, но оказалась постыднее обнаженной, потому что не имела целомудрия. Когда ты, женщина, слишком украшаешься, тогда бываешь постыднее обнаженной, потому что снимаешь с себя благоприличие. Была нага и Ева; но она стала постыднее, когда оделась, потому что, будучи нагой, украшалась славой Божьей, а облекшись в одежду греха, сделалась постыдной. Так и ты, надев на себя принадлежности щегольства, являешься более постыдной, потому что роскошная одежда не в состоянии обнаружить благообразие; напротив, одетая в нее может быть срамнее обнаженной. Спрашиваю: если бы ты надела когда-нибудь принадлежности флейтщицы или танцовщицы, – не стыдно ли было бы тебе? Хотя эти одежды и золотые, но оттого-то тебе и стыдно, что золотые, так как сценическая роскошь приличествует трагикам, комикам, мимикам, танцовщикам и гладиаторам; а жене верной дана от Бога иная одежда, – сам единородный Сын Божий. "**Все вы**", – говорит, – "**во Христа крестившиеся, во Христа облеклись**". Скажи мне: если бы кто дал тебе царскую одежду, а ты взяла бы и сверх ее надела рубище илота, – не понесла ли бы за это, кроме срама, и наказание? Ты облеклась во Владыку неба и ангелов, и еще вращаешься около земли? Это сказано мною с целью – показать, что щегольство и само по себе великое зло, хотя бы из него не происходило ничего другого и хотя бы можно было позволять его себе безопасно. Но оно располагает к тщеславию и надменности, а потом из прикрас рождается и многое другое, – явные подозрения, неблаговременные издержки, порицания, поводы к лихоимству. Для чего ты украшаешься, скажи мне? Чтобы нравиться мужу Так делай это дома. А здесь выходить противное. Если хочешь нравиться своему мужу, – другим не нравься; а когда нравишься другим, – не можешь нравиться своему. Итак, выходя на площадь, или вступая в церковь, ты должна была отложить всякое украшение. При том, не тем нравься мужу, чем нравятся и блудницы, но особенно тем, чем нравятся жены честные. Чем, скажи мне, отличается жена от блудницы? Тем, что эта смотрит только на одно, – как бы красотой тела привлечь любимого; а та и управляет домом, и обращается с детьми, и (заведывает) всем другим. Имеешь ты дочурку: смотри, как бы не позаимствовала она от тебя чего вредного: дети любят подделываться под нравы воспитателей и подражать нравам матерей. Будь для твоей дочери примером целомудрия; украшайся этим украшением, а тем, смотри, пренебрегай. Это ведь и есть действительное украшение, а то – безобразие. Довольно сказанного. Бог, создавший красоту и давший нам украшение души, да украсит нас и

облечет Своей славой, чтобы все мы Сияли добрыми делами и, живя во славу Его, воссылали славу Отцу и Сыну и Святому Духу.

БЕСЕДА 11

"Со внешними обходитесь благоразумно, пользуясь временем. Слово ваше да будет всегда с благодатью, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому" (Кол. 4:5,6).

1. То, что Христос говорил ученикам, внушает теперь и Павел. Что же говорил Христос? "**Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби**" (Мф. 10:16), т. е. бывайте осторожны, не подавая им никакого повода уловить вас. Ведь для того и прибавлено: "**Со внешними**", чтобы мы знали, что по отношению к своим членам нам не столько нужно осторожности, как по отношению к чужим. Где братья, там бывает больше и снисходительности и любви. Но и здесь нужна осторожность, а тем более между чужими, потому что жить между неприятелями и врагами не то, что между друзьями. Так как (своими словами апостол) устрашил, то посмотри, как он потом снова ободряет. "**Пользуясь**", – говорит, – "**временем**", т. е. настоящее время непродолжительно. Это он сказал, не того желая, чтобы они были переменчивы и лицемерны, – такие качества свойственны не мудрости, а безумно, – но что? Вы не давайте, говорит он, улавливать себя в таких делах, которые не наносят вреда. Это он говорит и в послании к римлянам: "**Итак отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь**" (Рим. 13:7). Пусть, говорит, только из-за проповеди будет у тебя борьба с ними; ни от какой другой причины она не должна происходить, – потому что если у нас будет с ними вражда и из-за чего-нибудь еще другого, например, если не станем платить податей, если не будем воздавать приличных почестей, если не будем смиренны, то и нам не будет награды, и они сами (враги наши) сделаются хуже, и их обвинения против нас будут казаться справедливыми. Не видишь ли ты, как был уступчив Павел, когда что нисколько не вредило проповеди? Послушай его слов, сказанных Агриппе: "**Почитаю себя счастливым, что сегодня могу защищаться перед тобою во всем, в чем обвиняют меня Иудеи, тем более, что ты знаешь все обычаи и спорные мнения Иудеев. Посему прошу тебя выслушать меня великодушно**" (Деян. 26:2,3). А если бы он считал необходимым говорит начальнику оскорбительный слова, то испортил бы все дело. Послушай также, с какой умеренностью отвечают иудеям те, которые были с блаженным Петром: "**Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам**" (Деян. 5:29). Хотя люди, решившиеся положить свою душу, могли бы и говорит дерзости и делать все, что угодно, но ведь они решились жертвовать жизнью не по тщеславию (это именно было бы тщеславием!), а для того, чтобы проповедовать и чтобы о всем говорит смело, тщеславие же показывает недостаток скромности. "**Слово ваше да будет всегда с благодатью, приправлено солью**", т. е. ваша любезность пусть не доходить до того, чтобы она употреблялась без разбора: можно говорит любезно, но нужно делать это с должным приличием. "**Дабы вы знали, как отвечать каждому**". Итак, не со всеми должно говорит одинаковым образом, т. е., с эллинами и с братьями; нет, – это было бы большим безрассудством. "**О мне все скажет вам Тихик, возлюбленный брат и верный служитель и сотрудник в Господе**" (ст. 7). О, каково благоразумие Павлово! Он помещает в своих посланиях не все, а что необходимо, в чем настоятельная нужда. Это потому, во-первых, что не хотел слишком распространять (послания); во-вторых, с целью предоставить больше чести лицу, отходившему (с посланием), чтобы ему было что рассказать; в-третьих, показывая, как сам он к нему расположен, потому что в противном случае не поручил бы ему этого. Наконец, было что-нибудь и такое, чего нельзя было объявлять письменно. "**Возлюбленный брат**", – говорит он. Если возлюбленный, то он знал все, и (Павел) ничего не скрывал от него. "**И верный служитель и сотрудник в**

Господе". Если он верен, то ни в чем не солжет; если сотрудник, то участвовал в искушениях. Таким образом, (апостол) изобразил все то, что делало его достойным доверия. "**Которого я для того послал к вам**" (ст. 8). Здесь (апостол) показывает сильную любовь, так как по этому побуждению он и послал его и это было причиной его отправления в путь. То же говорил он, когда писал и к фессалоникийцам: "**И потому, не терпя более, мы восхотели остаться в Афинах одни, и послали Тимофея, брата нашего**" (1 Сол. 3:1,2). Того ж самого и но той же причине он посылает и к ефесянам (Еф. 6:22). "**Чтобы он узнал**", – говорит он, – "**о ваших обстоятельствах и утешил сердца ваши**" (ст. 8). Смотри, что он говорит: не говорит: чтобы узнать вам о моих делах, но – чтобы мне узнать о ваших; и вообще он нигде не выставляет на вид то, что касается собственно его. Он указывает также и на то, что они находятся в искушениях, говоря: "**С Онисимом, верным и возлюбленным братом нашим, который от вас. Они расскажут вам о всем здешнем**" (ст. 9). Это тот Онисим, о котором он говорил в послании к Филимону: "**Я хотел при себе удержать его, дабы он вместо тебя послужил мне в узах за благовествование; но без твоего согласия ничего не хотел сделать**" (Флм. 13–14). Он присовокупляет нечто и в похвалу городу, чтобы они не только не стыдились, но и ставили себе это в честь: "**Который от вас**", – говорит он. "**Они расскажут вам о всем здешнем. Приветствует вас Аристарх, заключенный вместе со мною**" (ст. 9, 10).

2. Нет ничего выше такой похвалы. Это тот человек, который был вместе с ним уведен из Иерусалима. (Апостол) сказал более, чем пророки: те называли себя странниками и пришельцами, а он (называет себя) даже пленником, потому что его, как пленника, водили и волочили, и всякий мог наносить ему оскорбления. А лучше сказать – ему было даже хуже (чем пленникам), потому что, когда враги захватят, то прилагают затем большое попечение, заботясь как о своей собственности; а его, как врага и неприятеля, все гнали и преследовали – побоями, мучениями, оскорблениями, клеветами. А для них (его учеников) это служило утешением; когда и учитель находится в подобных же обстоятельствах, то для учеников получается более утешения. "**И Марк, племянник Варнавы**" (ст. 10). Он хвалить и этого (Марка) за его родство, так как Варнава был великий муж. "**О котором вы получили приказания: если придет к вам, примите его**" (ст. 10). Что же? Ужели без этого они и не приняли бы его? Конечно (приняли бы); но (апостол) выражает желание, чтобы они сделали это с большим усердием, и тем показывает, что этот человек был великий муж. Но откуда они приняли заповеди, он не говорит. "**Также Иисус, прозываемый Иустом**" (ст. 11). Может быть, это был коринфянин. Высказавши приличное каждому в отдельности одобрение, (апостол) наконец воздает общую всем хвалу: "**Оба из обрезанных. Они – единственные сотрудники для Царствия Божья, бывшие мне отрадою**" (ст. 11). Смотри, как он выставляет это на вид и ободряет их, чтобы, сказавши – "**заключенный вместе со мною**", не ослабить духа в слушателях: "**Сотрудники для Царствия Божья**", – говорит он; таким образом участвующие (с ним) в искушениях участвуют и в царстве (Божьем). "**Бывшие мне отрадою**". Отсюда видно, что это были великие люди, как скоро они служили утешением для Павла. Но обратим внимание на благоразумие Павла. "**Со внешними**", – говорит он, – "**обходитесь благоразумно, пользуясь временем**", т. е. время это – не ваше, а их; поэтому вы не ищите владычества, а искупайте время. И он не сказал просто: покупайте, но – искупайте время, давая понять, что таким поведением вы иначе приобретаете его себе. Ведь крайне безрассудно выдумывать различные предлоги к ссорам и вражде. Кроме того, что вы без нужды и без пользы подвергаете себя опасностям, от этого происходить и другой вред, – что эллины не присоединяются к нам. Когда ты находишься между братьями, то справедливо не имеешь опасений; но между чужими не так должно быть. Видишь, как он повсюду эллинов называет чужими. Поэтому и в послании к Тимофею он говорил: "**Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних**" (1 Тим. 3:7); и опять: "**Со внешними**", – говорит, – "**обходитесь**

благоразумно". Они – внешние потому, что, хотя живут в одном и том же с нами мире, но находятся вне царствия и отеческого дома. Называя их внешними, (апостол) через это выражает вместе и ободрение для своих, как высказал он это выше: "**Жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге**" (Кол. 3:3). Тогда, говорит, вы ищите славы, почестей, и всего другого, а теперь не ищите, но все им предоставляйте. Затем, чтобы ты не подумал, будто он говорит о деньгах, он прибавляет: "**Слово ваше да будет всегда с благодатью, приправлено солью, дабы вы знали, как отвечать каждому**". Пусть, говорит, в нем не будет притворства, потому что это не будет благодать и не будет растворено солью. Например: если тебе приходится оказать кому-нибудь услугу, и это будет безопасно (для спасения), то не отказывайся; если обстоятельства требуют вежливого разговора, то не считай этого дела за льстивость. Делай все, относящееся к чести, без вреда для благочестия. Не видишь ли ты, как служил нечестивому человеку Даниил? Не видишь ли, с каким благоразумием обращались с царем три отрока, показывая мужество и дерзновение, но ничего дерзкого и оскорбительного? Последнее происходить не от дерзновения, а от тщеславия. "**Дабы вы знали**", – говорит, – "как отвечать каждому", потому что иначе (должно отвечать) начальнику и иначе подчиненному, иначе богатому и иначе бедному. Почему так? Потому что у людей богатых и у начальников души бывают слабее, вспыльчивее и раздражительнее, так что здесь требуется сдержанность; а у людей бедных и находящихся под властью душа крепче и сосредоточеннее, так что здесь можно допустить и более свободы (в речи), имея в виду одну цель – назидание. Нужно уважать одного более, другого мене – не потому, что один богат, а другой беден, но по причине немощи с первым должно обращаться терпеливо, а с последним не так. Например: когда ты не имеешь повода, то не называй эллина нечестивым и не Делайся обидчиком; но если тебя спросят об учеши веры, то отвечай, что это безбожно и нечестиво; когда же тебя никто не спрашивает и не заставляет говорит, то не следует без причины поднимать вражду. Да и какая необходимость напрасно вооружать против себя? Опять: если ты наставляешь кого-нибудь вере, то говори, что относится к предмету, потом молчи. Если слово твое будет растворено солью, то хотя бы оно попало и в раздражительную душу, произведет в ней нежную привязанность, и хотя бы в жестокую, умягчить ее суровость. Будь обходителен и не будь груб, но опять – и не слишком слаб, а имей твердость, соединенную с приятностью. Если будешь без меры строг, то сделаешь более вреда, чем пользы; если будешь чрезмерно любезен, то доставишь более печали, чем радости. Так должна быть мера во всем. Не будь суровым и угрюмым, потому что это неприятно; не будь и излишне веселым, потому что через это можно подпасть пренебрежешь и презрению; но усваивая то, что составляет совершенство в том и другом, избегай недостатков, подобно пчел заимствуя от одного веселость, а от другого – важность. Если врач неодинаково обходится с телом каждого, то тем более учитель. Но тело еще легче выдержит негодное для него лекарство, чем душа – слово. Например: приходить эллин и становится тебе другом. Ты не говори ему об этом ничего, доколь он не сделается твоим другом окончательно; а когда сделается, то (веди речь) постепенно.

3. Посмотри, с какой речью обратился к ним (т. е. к эллинам) сам Павел, когда прибыль в Афины. Он не говорил им: о, беззаконники и нечестивцы! Но что (сказал)? "**Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны**" (Деян. 17:22). Но опять он не отказался и упрекнуть, когда это было нужно, и с большим жаром говорил Елиму: "**О, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын дьявола, враг всякой правды**" (Деян. 13:10). Ведь как порицать (афинян) было безрассудно, так точно оставить без упрека (Елима) было бы малодушием. Опять, – являешься ли ты к начальнику по какому-нибудь делу? Окажи ему приличную почесть. "**О мне все скажет вам**", – говорит он. Для чего, спросишь, они не пришли вместе? А что значит: "**О мне все скажет вам**"? Это значит: (скажут) об узах и о всем другом, что меня удерживает. Итак, при моем желании видеть вас, я, отправляя других, и сам не замедлил бы (к вам), если бы важная

необходимость но удерживала меня. И это разве не должно было утешить их? И очень должно было утешить известие о том, что он подвергся искушениям и мужественно перенес их, должно было успокоить их и ободрить их души.

"**С Онисимом**", – говорит, – "**верным и возлюбленным братом нашим**". Раба Павел называет братом, – и справедливо, потому что и себя он называет рабом верных. Отложим же все гордость и подавим в себе высокомерие. Павел, который стоит вселенной и тысячи небес, называет себя рабом, и ты ли много о себе думаешь? Тот, кто всем распоряжался и действовал, как хотел, кто имеет преимущества в царстве небесном, кто был увенчан, кто взошел на третье небо, называет рабов братьями и сорабами. где безумная гордость? Где высокомерие? Вот сколько достоин был доверия Онисим, что ему и это было поверено. "**И Марк**", – говорит, – "**племянник Варнавы [о котором вы получили приказания: если придет к вам, примите его]**". Может быть, они от Варнавы приняли заповеди. "**Оба из обрезанных**". Он укрощает гордость иудеев, а их ободряет тем, что "**оба из обрезанных**" немного, а большая часть (верных) – из язычников. "**Бывшие мне отрадой**", – говорит. Он показывает, что находится в великих искушениях. Итак, это не малое дело, когда мы утешаем святых и присутствием, и: словом, и постоянной заботливостью об них, когда вместе с ними переносим несчастья (с узниками, говорит он, как бы узники); если мы принимаем на себя их страдания, то будем участниками их и в венцах. Ты не приведен на поприще? Ты не вышел на борьбу? Другой сражается; но если захочешь, будешь участником и ты: ободряй его в борьбе, будь ему друг и сотрудник, провозглашай о его подвигах, возбуждай его силы, укрепляй дух. Так следует поступать в отношении ко всем другим: ведь сам Павел не имел нужды (в таком участии), а говорил об этом (о своих искушениях) с целью их ободрить. Так и ты относись ко всем другим: заграждай уста тем, кто захотел бы злословить (находящегося в искушениях брата), приобретай ему друзей и, если он выйдет – принимай его с особенным усердием: таким образом ты будешь участником и венцов, и сланы. Хотя бы ты ничего больше не сделал, а только стал бы радоваться о том, что делается, – и то уже ты принял участие, и не какое-нибудь, потому что сказал любовь, которая есть главнейшее из всех благ. Если плачущие, представившись разделяющими чужую скорбь, одними своими слезами много утешают и значительно облегчают горесть, то тем более удовольствия должен доставлять другим тот, кто радуется с ними. А как велико несчастье – не видеть к себе сострадания, об этом послушай пророка, который говорит: ждах соскорбящего, и не бе "**Ждал сострадания, но нет его**" (Пс. 68:21). Поэтому и Павел говорит: "**Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими**" (Рим. 12:15). Усиливай радость; если видишь, что брать твой пользуется доброй славой, не говори: "ведь слава принадлежит ему, из-за чего же мне-то радоваться?" Так говорит может не брать, а враг. Если угодно, эта слава – не его, а твоя; от тебя зависит увеличить ее, как скоро ты от этого не сделаешься угрюмым, а будешь радоваться, веселиться и торжествовать. А что это действительно так, видно из следующего. Завистники завидуют не только тем людям, которые пользуются добрым мнением, но и тем, которые радуются их доброй славе; значит они понимают, что и эти последние тоже заслуживают доброго мнения, – как и действительно, их-то особенно и стоить уважать. Один даже краснеет, когда выслушивает большие себе похвалы, а другой получает от этого особенное удовольствие и возвышается в собственных глазах. Разве не знаете, как бывает у борцов: один удостаивается венка, другой его не удостаивается, а печаль и радость от этого бывает их друзьям и врагам: они скачут и прыгают. Видишь, что значит не иметь зависти: иной трудится, а ты получаешь удовольствие; иному надевают венок, а ты прыгаешь и ликуешь. Скажи мне: победу иной одержал, – зачем же ты торжествуешь? Но и они (завистники) хорошо понимают, что это дело общее. Потому завистники не восстают против того (человека, который одержал победу), а стараются унизить его победу, и ты слышишь от них такие слова: я уничтожил тебя, или: я посрамил тебя, – хотя дело не твое, а похвала тебе. Боли же в отношении к внешним так хорошо бывает не иметь

зависти и близко принимать к сердцу блага другого, то тем более в отношении победы над дьяволом, потому что тогда именно он большей яростью дышит против нас, когда очевидно, что мы больше веселимся. Хотя он и погряз во зле, ясно однако ж видит, что эта радость больше. Хочешь ли заставить его печалиться? Веселись и радуйся. Хочешь ли порадовать его? Будь уныл; своим унынием ты облегчаешь скорбь, которую причинила ему победа твоего брата; вместе с ним становишься противником твоего брата; делаешь зло большее, чем он. Но все ведь равно – будучи врагом, действовать по-вражески, и – будучи приятелем, стоять за врагов; этот (последний) и вот самый ненавистный враг. Если брат твой приобрел себе добрую славу своим ли словом, умением ли держать себя, или своими поступками, ты разделяй с ним его добрую славу, покажи, что он – часть твоя.

4. Но как же? – скажешь ты: ведь не обо мне идет хорошая слава? Не говори никогда так, закрой уста. Если бы ты был подл меня и стал говорит так, я закрыл бы тебе уста рукой, чтобы не услышал враг. Часто мы враждуем друг с другом, но не подаем виду пред врагами; а ты обнаруживаешь это дьяволу. Не говори так, не имей даже и такой мысли; напротив (говори): он часть моя, слава от него переносится и на все тело. Но скажешь: зачем же внешние не имеют таких расположений? Этому виною – ты. Когда они видят, что ты чуждаешься их радости, то и сами чуждаются. Если бы они видели, что ты считаешь (их радость) своей, то не посмели бы (вести себя так). Но впрочем и ты так же славен, (как и брать твой). Ты не приобрел славы красноречием, зато участием в чужой радости ты заслужил ее в большей степени, чем тот. Если любовь есть дело важное и вершина всего, то ты приобрел венец за любовь: он – за искусство красноречия, а ты – за сильную любовь; он выказал силу слова, а ты делом победил зависть, подавил недоброжелательство, и за это по справедливости увенчан более, чем он. Твой подвиг славнее; ты не только подавил зависть, но сделал и нечто другое; он имеет один только венец, а ты – два, и оба они блистательнее, чем (его) один. Каме же это (венцы)? Один, который ты приобрел (в борьбе) против зависти, другой, которым увенчался за любовь. Сорадование служить доказательством не только того, что ты чист от зависти, но и того, что в сердце твоем укоренилась любовь. Его часто отягощает и человеческая страсть тщеславия, а ты свободен от всякой страсти, потому что, если бы в тебе было тщеславие, ты не радовался бы счастию другого. Скажи мне: он возвысил Церковь, увеличил собрание (церковное)? Опять похвали его: ты имеешь двойное право на венец, потому что победил зависть и украсился любовью. Да, я прошу и умоляю. Хочешь ли услышать и о третьем венец? Ему рукоплещут люди – на земле, а тебе ангелы – на небе. Ведь не все равно – отличаться красноречием, и побеждать страсти. За первое похвала временная, за последнее – вечная; за первое – от людей, за последнее – от Бога. Тот (кто славится красноречием) увенчивается явно, а ты увенчиваешься втайне, где видит тебя Отец твой. Если б можно было, отрешившись от тела, видеть душу каждого, то я показал бы тебе, что этот последний почтеннее, чем первый, и сияет больше против него. Будем же, возлюбленные, подавлять в себе завистливые побуждения; воспользуемся выгодами, отсюда происходящими; возложим венец сами на себя.

Завистник идет против Бога, а не против того (кому он завидует). Когда он видит, что кто-нибудь пользуется добрым расположением (у людей), е и огорчается этим, и желает разорить Церковь, он идет не против этого человека, а против Бога. Скажи, в самом деле, если бы кто стал украшать царскую дочь, чтобы этим убранством сделать ее почтеннее и доставить ей возможность пользоваться между людьми уважением, а другой кто-нибудь захотел бы обезобразить ее и его лишить возможности украсить ее, то против кого он восстал бы, против него ли, или против нее и отца ее? Так и ты, завистник, идешь против Церкви, восстаешь против Бога; как скоро с доброй славой твоего брата соединена польза самой Церкви, то с уничтожением первой необходимо разрушается и последняя, так что через это, действуя во вред телу Христову, ты совершаешь сатанинское дело. Ты

досадуешь на того, кто не причинил тебе никакого оскорбления, а еще более – на самого Христа. Что Он сделал тебе, что ты не даешь Его телу процвети красотой, не даешь Его невесте явиться в своем убранстве? Но посмотри, какое и наказание. Ты радуешь врагов своих, и даже того, кто приобрел добрую славу и кому ты, по зависти, стараешься причинить огорчение, заставляешь напротив радоваться, потому что своей завистью еще очевиднее доказываешь, что он действительно возбудил хорошее о себе мнение (иначе тебе нечему было бы и завидовать), еще яснее обнаруживаешь, что для тебя это сущее наказание. мне стыдно представлять вам такие доводы; но, так как мы находимся в таком опасном положении, то хотя бы после таких вразумлений избавиться нам от этой пагубной страсти. Ты досадуешь, что он приобрел добрую славу? Зачем же ты еще увеличиваешь славу его своей завистью? Ты желаешь отомстить ему? Зачем же показываешь, что сам ты мучешься? Зачем вызываешь наказание скорее на себя, чем на того, чьей славы ты не терпишь? Наконец, для него будет двойная радость, а для тебя – (двойное) наказание: прежде всего ты своей завистью не только свидетельствуешь о его больших достоинствах, но и доставляешь ему другое удовольствие, потому что караешь сам себя; а потом еще он радуется тому, что тебе причиняет досаду, и радуется именно вследствие твоей зависти. Видишь, какие жестокие удары наносим мы сами себе, и нечувствуем. Но он враг. А почему враг? Какую обиду он нанес? Однако же славе врага мы придаем новый блеск, а самих себя более мучим. Опять, мы находим сами себе наказание в том, когда чувствуем, что ему это известно. Он ведь, может быть, и не радуется; а мы, думая, что он радуется, этим тоже мучемся. Итак, перестань завидовать. Зачем наносить раны себе самому? Возлюбленные! Будем иметь в виду все это, – и двоякий венец для людей независтливых, т. е. похвалу от людей и от Бога, и то зло, какое происходить от зависти, – и тогда мы в состоянии будем умертвить этого зверя, приобрести славу у Бога, и получить то же самое, чего достигают люди, удостоившиеся славы. Быть может, и получим: а если и не получим, то для нашей же пользы не получим; ведь и без того нам можно будет пожить во славу Божью и сподобиться благ, обещанных любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Св. Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 12

"Приветствует вас Епафрас ваш, раб Иисуса Христа, всегда подвизающийся за вас в молитвах, чтобы вы пребыли совершенны и исполнены всем, что угодно Богу. Свидетельствую о нем, что он имеет великую ревность и заботу о вас и о находящихся в Лаодикии и Иераполе" (Кол. 4:12-13).

1. И в начале послания (апостол) рекомендует этого человека со стороны любви; а о любви свидетельствует и то, что, в похвалу ему, сказал он сначала: "**Который и известил нас**", – говорит, – "**о вашей любви в духе**" (1:8). О любви также свидетельствует и любовь к нему возбуждает и то еще, что он молится за них. А рекомендует его он с целью споспешествовать его проповеди, – потому что, когда наставник человек почтенный, то это полезно и для учеников, и опять же словами: "**вас**" внушается им то, что они должны гордиться таким человеком, тем, что из них выходить такие люди. "**Всегда**", – говорит, – "**подвизающийся за вас в молитвах**". Но просто сказал: который молится, но – "**подвизающийся**", с трепетом и страхом. "**Свидетельствую о нем**", – говорит, – "**что он имеет великую ревность и заботу о вас**". Достоверный свидетель! "**Что он имеет**", – говорит, – "**великую ревность и заботу о вас**", т. е. что он вас пламенно любит, что имеет к вам сильную привязанность. "**И о находящихся в Лаодикии**", – говорит, – "**и Иераполе**". И этим его рекомендует. Но откуда они могли это знать? Конечно, они могли слышать; но достоверно узнали, когда стали читать это послание: "**Распорядитесь**", – говорит он, – "**чтобы оно было прочитано и в Лаодикийской церкви**" (ст. 16). "**Чтобы**

вы пребыли", – говорит, – "**совершенны**". Здесь он в одно и то же время и обличает их, и слегка убеждает, и подает им совет. Ведь возможно и быть совершенным, и не стоять, когда кто знает все, а между тем еще колеблется. Возможно и не быть совершенным и стоять, когда кто знает только часть, а стоить, хоть и нетвердо. Но он желает и того и другого, "**чтобы вы пребыли**" (ίνα στητέ – да станете), говорит, "**совершенны**". Посмотри, как он снова напомнил им слово об ангелах, и о жизни. "**И исполнены**", – говорит, – "**всем, что угодно Богу**". Недостаточно – исполнять лишь волю (Божью). Вполне узнавший (волю Божью) не допустить, чтобы у него была другая воля; иначе он не вполне узнал ее. "**Свидетельствую**", – говорит, – "**о нем, что он имеет великую ревность**". "**Ревность**", да еще "**великую**"; тут каждое слово имеет вес; так и о себе в послании к коринфянам он говорит: "**Ибо я ревную о вас ревностью Божьей**" (2 Кор. 11:2). "**Приветствует вас Лука, врач возлюбленный**" (ст. 14). Это – евангелист. Он ставить его после (Епафраса), не унижая его этим, а только возвышает Епафраса. Конечно, были ведь и другие, которые носили это же имя. "**И Димас**". Сказав: "**Приветствует вас Лука, врач**", прибавил: "**Возлюбленный**". И это – немаловажная похвала, а напротив слишком большая – быть возлюбленным Павла. "**Приветствуйте братьев в Лаодикии, и Нимфана, и домашнюю церковь его**" (ст. 15). Посмотри, как он их сближает, как привязывает их друг к другу: он не только посылает им с этой целью свой привет, но и ведет с ними переписку. А потом еще он показывает расположение свое (к Нимфану) тем, что обращается к нему особо. Делает же это не без намерения, но чтобы и в других пробудить соревнование: ведь что-нибудь да значит, когда отличают кого от других. Между тем посмотри, – из слов его видно, что это был человек знаменитый, так как дом его служил церковью. "**Когда это послание прочитано будет у вас, то распорядитесь, чтобы оно было прочитано и в Лаодикийской церкви**" (ст. 16). мне кажется, что здесь было написано что-нибудь такое, что нужно было слышать и этим (лаодикийцам) и для них отсюда проистекала тем большая польза, когда из обличения, направленного против других, они узнавали свои собственные недостатки. "**А то, которое из Лаодикии, прочитайте и вы**" (ст. 16). Некоторые утверждают, что (здесь разумеется) не послание Павла к ним (лаодикийцам), а их послание к Павлу; и самом деле, он не сказал: написанное к лаодикийцам, а говорит: "**Скажите Архиппу: смотри, чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе**" (ст. 17). Зачем он не пишет к нему? Вероятно в этом не было нужды, а нужно было только одно легкое напоминание, чтобы он был ревностнее. "**Приветствие моей рукой, Павловой**" (ст. 18). Вот доказательство близости и приязни, – что они, видя его письма, питали к ним какое-то особенное чувство. "**Помните мои узы**" (ст. 18). О, какое утешение! Этого было довольно, чтобы заставить их делать все, что угодно, чтобы вдохнуть в них благородную решимость на все подвиги; и не только это придавало им мужества, но и теснее соединяло их между собою. "**Благодать со всеми вами. Аминь**".

2. Большая похвала, – даже больше всякой другой похвалы, – что он об Епафрасе выражается таким образом: "**Приветствует вас раб Иисуса Христа**". Он называет его еще служителем их, подобно тому, как и самого себя называет служителем Церкви, когда говорит: "**Которой сделался я служителем**" (1:25). В это же достоинство он возводить и этого человека: выше он называл его сорабом, здесь – рабом. "**Приветствует вас**", говорит. Как будто он беседует с матерью и говорит ей: ведь от твоей утробы! Но эта похвала могла породить зависть. Поэтому он рекомендует его не с этой только стороны, а и со стороны того, что относилось уже собственно к ним. И там он устраняет зависть, и здесь. "**Всегда**", – говорит, – "**подвизающийся за вас**": не теперь только у нас – чтобы показать себя, и не у вас только – чтобы показать себя вам. Сказав: "**подвизающийся**"; он выразил этим особенное усердие (Епафраса). Затем, чтобы не показалось кому, будто он им льстить, – он присовокупил: "**Что он имеет великую ревность и заботу о вас и о находящихся в Лаодикии и Иераполе**". Равным образом и слова: "чтобы вы пребыли

совершенны" также не заключают в себе нисколько лести, а напротив, как нельзя более естественны в устах достопочтенного наставника. "**Исполнены**", – говорит, – и "**совершенны**". Первое он дал им (т. е. исполнил их познаниями веры), а последнего (совершенства), по его словам, у них недостает еще. И не сказал: чтобы вы не колебались, но: чтобы стояли. Между тем приветствия, получаемые ими от многих, успокаивали их уверенностью, что о них помнят не только свои люди, из числа их же самих, но и другие. "**Скажите Архиппу: смотри, чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе**". Он подчиняет их ему. Они уже не могли более жаловаться на него, зачем он обличает их, когда сами все приняли: ведь это неправильно, если ученики судят о своем учители. Чтобы заградить им уста, он и пишет это. "**Скажите Архиппу**", – говорит, – "**смотри**" (βλέπε, смотри). Это слово всегда заключает в себе предостережете, – как напр., говорится: "**Берегитесь псов**" (Фил. 3:2); "**Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас**" (Кол. 2:8); "**Берегитесь однако же, чтобы эта свобода ваша не послужила соблазном для немощных**" (1 Кор. 8:9); и вообще всегда так говорят, когда предостерегают. "**Смотри**", – говорит, – "**чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе**". Не позволяет ему быть господином, как и о себе сказал: "**Ибо если делаю это добровольно, то буду иметь награду; а если недобровольно, то исполняю только вверенное мне служение**" (1 Кор. 9:17). "чтобы тебе исполнить служение", – постоянно прилагая свое старание. "**Которое ты принял в Господе**". Вот опять – "**в Господе**" значит то же, что – через Господа. Он, то есть, возложил на тебя эту обязанность, а не мы. И их он подчиняет ему, показывая, что он дан им самим Богом. "**Помните мои узы. Благодать со всеми вами. Аминь**". Он уничтожил страх. Если учитель и в узах, – за то благодать его разрешает. II это дело благодати, – что она попустила ему сделаться узником. Послушай, как говорит Лука: апостолы возвратились "**радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие**" (Деян. 5:41). И действительно, чтобы принять (за Христа) бесчестие и узы, – этого нужно еще сподобиться. Если тот, у кого есть любимый человек, считает находкой для себя – потереть что-нибудь из-за него, то тем большее (счастье страдать) за Христа.

Не будем же досадовать на оскорбления за Христа, но будем и мы вспоминать узы Павловы, – пусть это (воспоминание) будет служить для нас ободрением. Положим, например, – ты убеждаешь кого-нибудь подавать бедным Христа ради: напомни этим (людям) узы Павловы, скажи им, что вот мы с тобою – люди несчастные, если он предал свое тело узам ради Его (Христа), а ты не хочешь поделиться и пищей. Или ты уже стал велик по своим делам? Вспомни узы Павловы, вспомни, что ты не потерпел еще ничего подобного, – и ты перестанешь превозноситься. тебе захотелось того, что имеет твой ближний? Вспомни узы Павловы, и ты увидишь, какая тут несообразность, – когда он в несчастии, а ты живешь в свое удовольствие. Но все-таки тебе сильно хочется удовольствий? Так приведи же себе на память темницу Павлову. Ты ученик его, ты – соратник его. Есть ли тут здравый смысл – когда твой соратник в узах, а ты наслаждаешься удовольствиями? Или тебя постигло огорчение, ты считаешь себя покинутым? Послушай слов Павловых, и ты увидишь, что терпеть огорчения еще не значит быть покинутым. тебе желательно носить толковое платье? Вспомни узы Павловы, и все это тебе покажется презреннее самого грязного рубища. Ты хочешь надеть золотые украшения? Приведи на память узы Павловы, и тогда покажется тебе, что все это нисколько не лучше старой веревки. Или ты захотела убрать свои волосы и казаться красавицей? Подумай о том, какой жалкий вид имел Павел в темниц, и поверь, – ты воспламенишься (любовью) к той красоте, а эту будешь считать крайним безобразием, и тяжело будешь вздыхать об этих вожделенных узах. Хочешь подкрасить себя притираниями, румянами и еще чем-нибудь в этом род? Подумай об его слезах: три года, день и ночь, он плакал беспрестанно. Вот этим украшением лучше укрась свои щеки; эти слезы придадут им блестящую красоту. Я не требую, чтобы ты плакала о других, –

хотелось бы правда и этого, но это превышает твои силы, – по крайней мере прошу тебя плакать о своих грехах. Ты приказала связать своего слугу, ты разгневалась, разгорячилась? Вспомни об узах Павловых, и у тебя в ту же минуту пройдет гнев. Припомни только, что мы сами принадлежим к числу связанных, а не тех, которые вяжут, – к числу сокрушенных сердцем, а не тех, которые приводят в сокрушение. Ты слишком развеселилась, расхохоталась? Приведи себе на мысль его рыдания и вздохни; эти слезы сделают тебя несравненно прекраснее. Увидала пирующих и пляшущих? Вспомни его слезы: какой источник выпустил из себя столько потоков, сколько эти глаза – слез? Помните, говорит он (Деян. 20:31), мои слезы, подобно тому, как здесь – узы. И справедливо он сказал им это, когда призвал их из Эфеса в Милет. Он говорил с наставниками: от тех требовал он того, чтобы они собирали (верующих), а от этих только, чтобы переносили опасности.

3. Какой источник ты хотел бы сравнить с этими слезами? Тот, который был в раю и орошал всю землю? Но между тем и другим нет никакого сравнения, потому что этот источник слез напаял души, а не землю. Если бы кто показал нам Павла плачущего и вздыхающего, то не правда ли, что гораздо приятнее было бы смотреть на него, чем на бесчисленный сонм (людей), украшенных блестящими венцами? Не говорю уже о вас; но ели бы даже кто привел из театра, прямо со сцены какого-нибудь самого необузданного человека, воспламененного до безумия плотской любовью, и показал ему непорочную девицу в самом цвете лет, которая превосходит своих сверстниц и красотой лица, и стройностью прочих частей, и другими достоинствами, которая имеет взор нежный и томный, слегка углубленный, слегка рассеянный, взор влажный, кроткий, ясный, улыбающийся, полный робкой стыдливости и вместе великой прелести, взор, увенчанный сверху и снизу темными ресницами, – показал бы девицу что называется с душой, у которой ясное чело, а ланита под челом с розовым оттенком, которая стройна, точно вытесанная из мрамора, – а потом показал бы мне Павла в слезах, – я оставил бы ее и бросился бы смотреть на него, так как в его глазах сияла бы духовная красота. Та красота приводить души молодых людей в восторг, воспламеняет их, сжигает, а эта напротив укрощает; кто смотрит в глаза этого человека, тот делает глаз своей души прекраснее, укрощает чрево, исполняется любомудрия, становится человеком в высшей степени сострадательным, и может смягчить даже адамантовое сердце. Этими слезами орошается Церковь, ими возращаются души. Будь огонь, даже чувственный и плотской, эти слезы могут погасить его, эти слезы погашают разожженные стрелы лукавого . Так будем же вспоминать об его слезах, и тогда все в настоящей жизни покажется нам смешным. Эти слезы ублажал Христос, когда говорил: блаженны плачущие, блаженны рыдающие, потому что они будут смяться. Эти слезы проливал Исайя, проливал и Иеремия; один говорил: "**Оставьте меня, я буду плакать горько**" (Ис. 22:4), а другой взывал: "**О, кто даст голове моей воду и глазам моим – источник слез**" (Иер. 9:1)? – как будто естественного (источника) было мало. нет ничего сладостнее этих слез; он приятнее всякого смеха. Пусть же будет известно тем, е которые проливают слезы, как много утешения в них заключается. Мы не должны считать их чем-нибудь для себя неприятным, а напротив крайне желательным. Будем же вспоминать эти слезы, эти узы, не для того, чтобы другие грешили, а для того, чтобы нам, чувствовать сокрушение при вид их грехов. Может быть, эти слезы текли отчасти и вследствие уз: чувствовать удовольствие от уз ему не позволяла смерть тех погибших (людей), которые наложили на него эти узы. И о них он соболезновал: ведь это быль ученик Того, Кто оплакивал иудейских священников не потому, что они имели Его распять, но потому, что они сами погибали. А этот (Учитель) не сам только поступает таким образом, но убеждает к тому и других словами: "**Дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне**" (Лк. 23:28). Эти глаза видели рай, видели третье небо; но я называю их блаженными не столько потому, что они это видели, сколько – за эти слезы, за которые они узрели Христа, а это – действительно блаженство! Он и сам

ставить это для себя за большую честь, когда говорит: "**Не видел ли я Иисуса Христа, Господа нашего?**" (1 Кор. 9:1). Но еще большее блаженство заключается в этом плаче. Того видения удостаивались многие, да и тех, которые не сподобились его, Христос все же называет блаженными, когда говорит: "**Блаженны невидевшие и уверовавшие**" (Иоан. 20:29); а это (плакать ради Христа) доставалось не многим. Если оставаться ради Христа здесь нужнее для спасения других, чем разрешиться, чтобы потом быть с Ним, то естественно, что и видеть Его – дело не такой важности, как соболезновать о других. Если даже быть в геенне ради Него – большее благо, чем быть с Ним, и отделиться от Него ради Него – гораздо привлекательнее, чем быть постоянно с Ним, – это самое и разумел (Павел), когда говорил: "**Я желал бы сам быть отлученным от Христа**" (Рим. 9:3), – то тем более (желал он) проливать ради Него слезы. "**Непрестанно**", – говорит он, – "**со слезами учил каждого из вас**" (Деян. 20:31). Почему? Не потому, что боялся опасностей, но – подобно тому, кто сидит при больном и, не зная исхода болезни, плачет вследствие сильной привязанности к нему, из опасения, чтобы он не умер – и он, когда видел больного (духовно) и не имел возможности вразумить его, начинал плакать. Так и Христос поступал для того, чтобы по крайней мере постыдились Его слезь. Например, если кто согрешал, Он сначала вразумлял его; но если вразумляемый плевал на Него и отходил прочь, – тогда, Он плакал, чтобы хоть этим способом привлечь его к Себе.

4. Будем вспоминать эти слезы. Будем воспитывать таким образом своих дочерей и своих сыновей, – проливая слезы, когда видим их дурное поведете. Которые хотят, чтобы их любили, пусть вспоминают слезы Павловы, – и сокрушаются сердцем. Если вы считаетесь счастливыми, если живете в чертогах, если пользуетесь удовольствиями, – вспоминайте эти слезы. Если вы испытываете горе, – прогоняйте слезы слезами; он плакал не об умерших, а об живых, которые шли на погибель. Укажу вам еще и на другие слезы. И Тимофей проливал слезы, потому что он был ученик его (Павла). Потому (Павел) и писал ему: "вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости" (2 Тим. 1:4). Многие плачут навзрыд и от радости; следовательно слоям бывают и следствием радости, и при том самой сильной радости. После этого, конечно, не бывают тяжелы и слезы, если они происходить от такой радости; но и эти слезы, происходящие от мирской радости, далеко не так сладостны, как те. Послушай, что говорит пророк: "**Услышал Господь голос плача моего**" (Пс. 6:9). И могут ли быть такие случаи, чтобы слезы не были полезны – во время молитвы и при увещаниях? Мы порицаем их; но это потому, что он у нас идут не на то, для чего даны. Когда мы уговариваем брата, живущего в грехе, – следует плакать, если только мы соболезнуем и вздыхаем об нем. Когда кого убеждаем, а тот не слушает и идет на погибель, – нужно плакать. Это слезы разумные. Но если кто сделается беден, или заболит телесно, или умрет, – плакать не следует, потому что это не стоить слез. Так, подобно тому, как порицаем мы смех, если он бывает не ко времени, мы порицаем и слезы, когда они являются не ко времени. Тогда только ведь и открывается истинное достоинство каждого, когда он стремится к соответствующим действиям; а когда – не к соответствующим, то совсем напротив. Напр., вино дано для увеселения, а не для пьянства; хлеб для питания; супружеская жизнь для деторождения. И как это подвергается порицанию вследствие злоупотреблений, так бывает и со слезами. Будь такой закон, чтобы слезы проливались только на молитве и при увещаниях, – посмотри, как привлекательна сделалась бы тогда эта вещь? Ничто так хорошо не может загладить грехи, как слезы; и даже самый телесный облик представляется от слез привлекательным; он располагают зрителя к милосердию и придают человеку вид, внушающий нам уважение. Ничто так сильно не располагает, как глаза, проливающие слезы. Это у нас благороднейший и прекраснейший член, это (орган) души. Нас трогают они до такой степени, что как будто мы видим самую душу в слезах. Все это говорится вам не без цели, но для того, чтобы вы не присутствовали при свадебных увеселениях, плясках и сатанинских сборищах. Ведь посмотри, что выдумал дьявол! Так как от сцены и от тех

гнусностей, какие там бывают, женщины удалены самой природой, он проник с театральными (мерзостями) в жилище женщины, – я говорю об изнеженных и развратных женщинах. Эту язву принес с собою закон супружества, или лучше не супружества, – да не будет! – а нашей беспечности. Что делаешь ты, человек? Ты сам не знаешь, что делаешь. Жена предназначается для целомудренной жизни и для чадородия: для чего же тут развратные женщины? Для того, говоришь ты, чтобы веселее было. Разве же это не безумие? Ты оскорбляешь невесту, оскорбляешь приглашенных. Если в этих (вещах) они находят для себя удовольствие, то – это оскорбление. если это придает несколько блеску, когда смотрят из бесчинства развратниц, так зачем уж ты не тащишь сюда и невесту, чтобы и она посмотрела? Во всяком случае срам и позор приводить в дом распущенных мужчин и плясунов со всей их сатанинской пышностью. "**Помните**", – говорит он, – "**мои узы**". Брак есть узы, и узы, установленные Богом; развратная женщина разрывает и уничтожает эти узы; иным способом можно достигать того, чтобы брачное торжество было веселье, – например: приготовлять богатый стол и роскошное платье; я не возбраняю этого, чтобы не показаться слишком строгим. Правда, Ревекке было довольно одного покрывала; но я не возбраняю. Можно для торжества надеть лучшее платье, могут явиться на это торжество почтенные люди – мужчины и женщины. Но зачем заводишь ты эти забавы, эти причуды? Ну, скажи же, что от них выслушиваешь? тебе стыдно сказать? Если стыдно, так зачем же заставляешь их это делать? Если это хорошо, так почему и сам ты не делаешь того; а если это скверно, – зачем другого заставляешь делать? Все должно быть проникнуто скромностью, благопристойностью и хорошим вкусом. Между тем я вижу теперь совершенно противное: скачут, как верблюды или как мулы. Для девицы нужна лишь одна спальня. Ты скажешь, она бедна? Но потому уже самому, что бедна, должно вести себя благоприлично. Пусть вместо богатства у нее будет добрый нрав. Она не имеет приданого? Но зачем же ты отнимаешь у ней и другие достоинства, развращая ее душу? По моему хорошо, что приходят девицы почтить свою сверстницу, – приходят также и женщины почтить ту, которая вступает в их общество. Это хороший обычай. Тут два кружка: один состоит из девиц, другой из женщин; те отдают, эти принимают; невеста между ними – не девица и не женщина. Оттуда она выходить, а в это общество поступает.

Но для чего же тут распутные женщины? Вместо того, чтобы укрываться и спасаться от них, когда случится брак, – потому что распутство есть порча брака, – мы приводим их на брак. Ведь когда что-нибудь другое вы делаете, – вы даже и на словах остерегаетесь того, что вредить делу. Наприм., когда у тебя посев, или когда ты переливаешь вино, только что выжатое, ты даже не скажешь, что значит закваска. А тут, где совершается такое целомудренное дело, (брак), у тебя является закваска, – потому что развратная женщина – настоящая закваска. Когда вы приготовляете благовонную мазь, вы заботитесь о том, чтобы даже и вблизи не было ничего такого, что издает дурной запах. А брак – благовонная мазь. Как же ты туда, где приготовляешь благовонную мазь, приносишь смрадную грязь? Что ты говоришь? Девица веселится и ей не до того, чтобы стыдиться своей сверстницы? Да ей-то и нужно быть почтенне, чем последняя. Но ведь она вышла из рук (родительских), а не из палестры (школы борцов). Лучше уже девице вовсе и не показываться на брачном торжеств.

5. Разве не знаешь ты, как бывает в царском дворца, как допускаются там внутрь и окружают царя только те, кто заслужил эту честь, а кто не заслужил, тот стоит на дворе? И ты будь внутри – около невесты; но будь чистой в дом; не бесславь девства. Здесь присутствуют родные с обеих сторон: одни показывают, какую отдают, а другие – имеют соблюдать ее: зачем же ты наносишь бесчестие девству? Ведь если ты такая, – жених в праве думать так же точно и об невесте. Если ты хочешь быть любимой, то и торговка, и зеленщица, и ремесленница того же (хотят). И это не срам? Конечно срам, если ты ведешь себя беспорядочно, хотя бы ты была царская дочь. Не скажешь ли ты, что мешает

бедность, или ремесло? Но будь девица даже рабой, – все же должна жить в целомудрии: "**Нет раба, ни свободного во Христе Иисусе**" (Гал. 3:28). Ведь брак не зрелище. Это – таинство и образ великой вещи. Если тебе не стыдно перед ним самим, постыдись хоть того, образом чего он служить. "**Тайна сия**", – говорит (апостол), – "**велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви**" (Еф. 5:31). Это – образ Церкви и Христа а ты приводишь развратных женщин? Но если, скажешь, не будут танцевать ни девицы, ни женщины, так кто ж будет танцевать? Никто. Что за необходимость – танцы? Пляска (уместна) в таинствах эллинов, а в наших тишина и благопристойность, скромность и сдержанность. Великое таинство совершается: вон развратных женщин, вон нечистых! Какое же таинство? Соединяются два человека и делается из них один. И почему в то время, как входить (невеста). не бывает ни пляски, ни кимвалов, а наблюдается глубокая тишина и спокойствие, а когда соединятся они, составляя не бездушный образ, не образ чего-нибудь земного, а самого Бога, ты поднимаешь такой шум, нарушаешь спокойствие присутствующих, срамишь и возмущаешь душу? Приходят те, которые будут единым телом. Вот опять таинство любви! Если двое не будут одно, они, пока останутся двоими, не произведут многих; а когда достигнуть соединены, тогда только и начинают производить. Какое отсюда вытекает заключение? То, что единство имеет большую силу. Творческая премудрость Божья с самого начала разделила одного на два и, желая показать, что и по разделении остается одно, устроила так, что одного недостаточно бывает для рождения. Ведь кто еще не объединился (узами брака), тот не составляет и целого, а половину. Это видно из того, что он не производить детей, по прежнему. Видишь ли тайну брака? Из одного Он сделал двоих, а потом из двоих сделал и до сих пор делает одного, так что и теперь человек рождается от одного, – потому что жена и муж – не два человека, а один человек. И в этом можно убедиться из многих месть, как-то из примера Иакова, Марии, матери Христовой, из слов: "**Мужчину и женщину сотворил их**" (Бт. 1:27). И если он глава, а она тело, так каким же образом их двое? Поэтому-то ей предназначено быть ученицей, а ему учителем; он должен быть начальником, она – подчиненной. И из самого образования тела видно, что они – одно, – потому что (жена) произошла от ребра мужа и оба они составляют как бы две части одного целого. Для того-то Он называет ее и помощницей, чтобы показать, что они одно. Для того-то Он супружеское сожительство поставляет выше отца и матери, чтобы показать, что они одно. И отец одинаково радуется, выходить ли замуж дочь, или женится сын, точно одно тело влечется к другому, как своей части; нужды нет, что тут бывают такие большие издержки, такая трата денег, – все же для него невыносимо видеть их безбрачными. Каждый из них в отдельности неполон, как будто бы у него отнята какая-нибудь часть тела, и не в состоянии ни рождать детей, ни устроить, как следует, настоящую жизнь. Потому-то и пророк говорит: "**Пребывал превосходный дух**" (Мал. 2:15). А каким образом они бывают в плоть едину? Все равно, как если бы ты отделил самое чистое золото и смешал его с другим золотом, – и здесь происходить нечто подобное: жена принимает плодотворное вещество в то самое мгновение, как жар наслаждения приводить его как бы в расплавленное состояние, и, приняв, питает и согревает его, привносить к нему, что нужно, и с своей стороны, – и производить человека. И ребенок служить чем-то в роде мостика, так что тут уже трое составляют одну плоть, потому что дитя соединяет об стороны одну с другой. Все равно как два города, разделенные рекой, составляют один город, если есть мост, который поддерживает между ними взаимное сообщение, – и здесь то же, или еще больше, так как этот мостик устроен из существа их обоих. В этом отношении они одно так же, как голова и туловище составляют одно тело: они, правда, отделяются шеей, но не столько отделяются, сколько соединяются; это средина, которая связывает их друг с другом. Это все равно, как если хороводь, разделенный (на две части), составит одно, взяв одну часть свою отсюда, а другую – с другой стороны. Или еще это подобно тому, как если люди, которые стоять, опустив руки, потом их протянут, и все же каждый составляет одно лицо, потому что протянутые руки еще не делают из одного

(человека) двух. Потому-то он и выразился точно, – не сказал: будут одна плоть, а – "**Одним телом**", то есть, соединятся в плоть младенца. Что же, если младенца не будет, – и тогда они не будут составлять два лица? Конечно. Ведь это (единство) происходить от совокупления, которое соединяет и смешивает тела обоих. Все равно, как если ты в масло вольешь благовонные капли, у тебя изо всего выйдет одно, – так бывает и здесь.

6. Знаю, что многие стыдятся того, о чем я говорю; причиной тому неумеренность и невоздержность. Это дело унижено оттого, что браки совершаются у нас таким образом, – оттого, что их портят, между тем как "**Брак у всех да будет честен и ложе непорочно**" (Евр. 13:4). Что за стыд – дело честное? Зачем краснеть от того, что чисто? Это свойственно только еретикам, да тем еще, которые приводят распутных женщин. Потому-то мне и хочется очистить (брак), возвести его на ту степень благородства, какая ему приличествует, и этим заградить уста еретикам. Осрамлен дар Божий, корень нашего бытия! А все оттого, что около этого корня много навоза и грязи. Вычистим же его своим разумом. Потерпите немного, – ведь и тот, у кого есть грязь, терпит ее зловоние. Мне хочется показать вам, что этого не нужно стыдиться, а нужно стыдиться того, что вы делаете. А ты между тем не думаешь стыдиться последнего, а стыдишься первого , и таким образом осуждаешь Бога, который так устроил. Скажу и то еще, что это – таинственное изображение Церкви. Христос пришел к Церкви, из нее произошел, и с нею соединился духовным общением. "**Потому что я обручил**", – говорит (апостол), – "**вас единому мужу чистой девой**" (2 Кор. 11:2). А что мы от Него происходим, послушай, как об этом он говорит: мы все от удов его и от плоти его (Еф. 5:30). Подумаем же обо всем этом и не станем стыдиться такого таинства. Брак есть образ того, как Христос присутствует (в Церкви), а ты напиваешься? Скажи мне: если бы ты увидал образ царя, стал ли бы ты его стыдиться? Конечно, нет. То, что делается у нас при совершении брака, кажется делом безразличным, и между тем служит виною больших зол. Тут все – нарушение закона. "**Сквернословие**", – говорит (апостол), – "**и пустословие и смехотворство**" не должны исходить из уст ваших (Еф. 5:4). А все это (что делается на браках) и есть сквернословие, и буесловие, и кощунство, да еще в высшей степени, потому что ото сделалось искусством и большую славу доставляет тем, кто упражняется в нем. Пороки сделались искусством! Мы не как-нибудь (ненамеренно) впадем в них, а с особенным старанием и умением; тут есть и предводитель – дьявол, управляющий своим воинством. Действительно, где пьянство, где бесчинство, где сквернословие, там непременно присутствует дьявол, который присовокупляет нечто и от себя. Скажи же мне: ты пируешь с ними, совершаешь таинство Христово и призываешь дьявола? Вероятно, вы считаете меня человеком тяжелым. Ведь и то бывает от крайнего развращения, что, если кто станет вразумлять (других), он подвергается осмеянию, как человек суровый. Разве не слышите, что говорит Павел: что ни делаете вы, "**едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божью**" (1 Кор. 10:31)? А вы напротив – (делаете все) к бесславию и к посрамлению. Не слышите ли, что говорит пророк: "**Служите Господу со страхом и радуйтесь [пред Ним] с трепетом**" (Пс. 2:11). А вы совершенно забываетесь. Разве нельзя и повеселиться, но без вреда для себя? Ты хочешь послушать приятных песен? Но лучше бы не слушать. Впрочем, если угодно, я уступаю тебе; но слушай не сатанинские, а духовные (песни). Хочешь посмотреть ликующих, – смотри на лик ангелов. Ты скажешь: как возможно их видеть? Если ты удалишь эти (беспорядки), то придет к тебе на такое брачное торжество и сам Христос; а если где присутствуем Христос, там, конечно, является и лик ангелов. Если хочешь, и ныне Он совершит чудо, как тогда (в Кане Галилейской), и ныне претворить воду в вино, а что еще гораздо удивительнее – остановить нескромную веселость, обуздаете холодную страсть и обратить ее на предметы духовные: это значит сделать из воды вино. Но где флейтщики, там решительно нет Христа; если же Он и придет, то сначала выгонит их, а потом уже совершит чудо. Что может быть ненавистнее сатанинской роскоши, где все

как-то нескладно, все без толку, а если и есть в чем-нибудь стройность, так за то все гнусно, все отвратительно.

7. Нет ничего приятнее добродетели; нет ничего сладостнее благопристойности, нет ничего привлекательнее скромности. Начни кто-нибудь устроить брак так, как я говорю, – он увидит, как это будет приятно. А как устраивать брак, послушайте. Прежде всего ищи для девицы мужа, настоящего мужа и покровителя, – ведь ты хочешь приставить к телу голову, ведь хочешь отдать ему не рабыню, а дочь свою. Не ищи денег, ни знатности по роду, ни высокого происхождения, – все это неважно, – а ищи душевного расположения, кротости, истинного благоразумия и страха Божьего, если хочешь, чтобы твоей дочки приятно было жить с ним. Если ты (мать) будешь искать побогаче, ты не только не принесешь ей никакой пользы, но причинишь еще вред, потому что сделаешь ее из свободной рабой. От золотых украшений она не получить столько удовольствий, сколько огорчений доставить ей ее рабское положение. нет, ты не этого ищи, а всего лучше ищи ровню; если же нельзя, скорее ищи беднее себя, чем богаче, если только не хочешь отдать свою дочь господину, а хочешь отдать мужу. Когда достоверно разузнаешь о нравственных достоинствах человека и порешишь отдать, – призови Христа, чтобы Он присутствовал при этом деле. Он не почтет этого для Себя унизительным, если брак таинственно изображает Его присутствие (в Церкви). И тут-то всего больше проси Его, чтобы Он дал тебе именно такого жениха. Не будь хуже Авраамова раба: хотя того отправили в такое дальнее путешествие, он знал однако ж, куда нужно было ему обратиться, и потому-то нашел все. И ты, когда начинаешь хлопотать и искать мужа, молись; скажи Богу: кого Ты хочешь, того и определи мне; поручи Ему это дело, и Он наградить тебя за то, что ты предоставишь Ему такую честь. Двух правил тут надобно держаться: доверить это дело Ему и искать такого, какого желает Он, – скромного и честного. Итак, ты (мать), когда выдаешь замуж (дочь), не ходи по домам и не бери зеркал и платьев; ведь не на показ делается это дело, и не на выставку ты выводишь свою дочку; но украсивши дом тем, что есть, позови соседей, друзей, родных. Зови тех, которые известны тебе, как люди кроткого нрава: проси быть довольными тем, что есть. Музыкантов пусть не будет ни одного, потому что с ними лишние и пустые издержки. Но прежде всех позови Христа. Знаешь ли, как Его позвать? Если кто сотворить, говорит Он, "**Одному из сих меньших, Мне**" сотворит (Мф. 25:45). Не думай, что звать нищих ради Христа – дело неприятное. Неприятно только звать распутных женщин. Если звать бедных, – это ведет к богатству, а то – к распутству. Украшай невесту не этими украшениями из золота, но кротостью, скромностью и обычными платьями, – вместо всякого украшения и плетений пусть украшением для нее будут стыдливость, застенчивость и совершенное равнодушие к украшениям первого рода. Пусть не будет тут ни малейшего шума и никакой тревоги. Пусть позовут жениха, – и он возьмет девицу. Обиды и ужины не должны изобиловать пьянством, а духовным весельем. От такого брака будет весьма много добра и житейские дела будут упрочены. А от нынешних браков (если только можно назвать их браками, а не церемонией) смотри – сколько происходить зла? Через них в столовых – разгром, сейчас же забота и опасение, как бы из вещей, взятых на подержание, что-нибудь не пропало, и веселье сменяется несносной тоской. Это – мучение для родных, но нельзя сказать, чтобы и невеста была от него свободна; что следует после того, все падает на саму невесту. Видеть, как все рушится, – тут есть о чем пожалеть; смотреть на запустевшие дома, – тут есть отчего придти в уныние. Там Христос, здесь сатана; там веселье, а здесь заботы: там удовольствие, здесь печаль; здесь издержки, там их отсутствие; здесь беспорядок, там благоприличие; здесь зависть, там радушие; здесь пьянство, там воздержность, там спасенье, там благоразумие. Подумаем же обо всем этом и поставим предел злу, чтобы нам угодить Богу и удостоиться получить блага, обещанные любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса

Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том XI

Книга 2

ТОЛКОВАНИЕ НА 1-е ПОСЛАНИЕ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ

(Эти беседы произнесены святителем в Константинополе в 399 г.)

БЕСЕДА 1 на 1 Фес. 1-3. О необходимости бодрствования. - При каких условиях молитвы бывают полезными.

БЕСЕДА 2 на 1Фес. 1:8-10. Об Александре Македонском. - Подвиг проповедника. - Признаки истинного друга. - Пример христианской дружбы.

БЕСЕДА 3 на 1Фес. 2:9-12. Обязанность учителя. - Не должно смущаться искушениями. - Заговоры и повязки с целью врачевания больных. - О гадателях. - Не следует заботиться о деньгах.

БЕСЕДА 4 на 1Фес. 3:5-8. Попечительность ап. Павла об учениках. - Всякий грех - нечистота и всякая добродетель - чистота. Целомудрие Иосифа. - Не нужно помнить об обидах.

БЕСЕДА 5 на 1Фес. 4:1-3. Чистота в браке. - Не нужно юношам медлить со вступлением в брак. - Осторожность Златоуста при рассуждении о нескромных предметах.

БЕСЕДА 6 на 1Фес. 4:9-10. Не следует скорбеть об умерших. - Причина такой скорби - неверие.

БЕСЕДА 7 на 1Фес. 4:13. Доказательства воскресения. - Переселение душ у греков.

БЕСЕДА 8 на 1Фес. 4:15-17. Обстоятельства будущего воскресения. - Вечные награды и наказания. - Состояние страны на месте Содома и Гоморры. Доказательства существования геенны.

БЕСЕДА 9 на 1Фес. 5:1-2. Кончина мира неизвестна для пользы живущих. - Всякий грех есть душевное опьянение. - Изнеженность ведет к погибели.

БЕСЕДА 10 на 1Фес. 5:12-13. Полезный способ мести - платить добром за зло. - Против любостяжателей и хищников.

БЕСЕДА 11 на 1Фес. 5:19-21. Средство избежать злоречия. - История одной рабыни. - Особые приемы нищих с целью добыть пропитание. - Призыв к милосердию.

ТОЛКОВАНИЕ НА 2-е ПОСЛАНИЕ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ

(Беседы эти произнесены святителем в Константинополе в 400 г.)

БЕСЕДА 1. Введение. - Мнение о том, что воскресение мертвых уже было. - Признаки пришествия антихриста. - Человеческие дела подобны сну.

БЕСЕДА 2 на 2 Сол. 1:1-2. Любовь должна распространяться на всех. - Не следует радоваться наказанию наших врагов. - Какую силу имеет страх наказания. - Полезно беседовать о геенне. - Ап. Павел из любви ко Христу ни во что вменял геенские мучения. - Богатство не есть добро, и бедность не есть зло.

БЕСЕДА 3 на 2 Сол. 1:9-10. О прославлении в будущей жизни. - Об антихристе. - Нужно читать Свящ. Писание.

БЕСЕДА 4 на 2 Сол. 2:6-9. Нерон, как прообраз антихриста. - Почему Бог допустил пришествие антихриста. - Церковное предание должно быть признаваемо достоверным - Златоуст о своем епископском звании. - Его смирение.

БЕСЕДА 5 на 2 Сол. 3:3-5. Как нужно подавать милостыню. - Пример жизни - лучший учитель.

ТОЛКОВАНИЕ НА 1-е ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ

(Беседы эти произнесены святителем, вероятно, в Антиохии около 397 года.)

ВВЕДЕНИЕ. Почему ап. Павел писал только к Титу и Тимофею.

БЕСЕДА 1 на 1 Тим. I:1-2. Величие апостольского звания. - Где вера, там не нужно исследования. - Против верования в рок и судьбу.

БЕСЕДА 2 на 1 Тим. 1:5-7. Откуда произошли ереси. - Как нужно пользоваться законом. - Истинная слава. - Истинное удовольствие.

БЕСЕДА 3 на 1 Тим. 1:12-14. Смиренномудрие ап. Павла. - О воздаянии добром за зло.

БЕСЕДА 4 на 1 Тим. 1:15-16. Смиренномудрие ап. Павла. - Как нужно прославлять Бога.

БЕСЕДА 5 на 1 Тим. 1:18-19. Каких следует избирать священников. - Против тех, которые недостойно или однажды только в год приступают к причащению св. таин.

БЕСЕДА 6 на 1 Тим. 2:1-4. Христианин должен быть выше всех. - Великое зло - проклинать ближнего. - Следует молиться за врагов.

БЕСЕДА 7 на 1 Тим. 2:2-4. Три вида войны. - Увещание к милостыне. - Ничтожество денег.

БЕСЕДА 8 на 1 Тим. 2:8-10. Где нужно молиться. - О приличном убранстве. - Об одеждах девственниц.

БЕСЕДА 9 на 1 Тим. 2:11-15. Женщинам не подобает говорить в церкви. - Как нужно воспитывать детей.

БЕСЕДА 10 на 1 Тим. 3:1-4. Об епископстве. - Каков должен быть епископ. - О добрых примерах.- Почему язычники не принимают веры.

БЕСЕДА 11 на 1 Тим. 3:8-10. Обязанности диаконов. - Как нужно пользоваться деньгами.

БЕСЕДА 12 на 1 Тим. 4:1-5. Еретики, постоянно заблуждаясь, впадают в погибель. - Манихеи, энкратиты, маркиониты. - Когда идоложертвенное бывает нечисто.- Против корыстолюбцев.

БЕСЕДА 13 на 1 Тим. 4:11-14. Обязанности епископа. - Против стремления к наслаждениям.

БЕСЕДА 14 на 1 Тим. 5:8. Обязанность заботиться о родных.- О вдовицах. - Описание жизни монахов.

БЕСЕДА 15 на 1 Тим. 5:11-15. Праздность научает всякому злу. - Изменчивость и скоротечность земной жизни.

БЕСЕДА 16 на 1 Тим. 5:21-23. Нравственные наставления.

БЕСЕДА 17 на 1 Тим. 6:3-7. Обязанности учителя. - Гордость порождается невежеством. - Сребролюбие - корень зла.

БЕСЕДА 18 на 1 Тим. 6:13-16. Нужно придерживаться не человеческих мудрований, но веры. - Человеческие дела скоротечны.

ТОЛКОВАНИЕ НА 2-е ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ

(Беседы эти произнесены святителем, вероятно, в Антиохии около 397 года.)

БЕСЕДА 1 на 2 Тим. 1:1-2. Побуждение и время написания. - Похвала Тимофею. - Человеку невозможно прожить без скорбей. - О милостыни.

БЕСЕДА 2 на 2 Тим. 1:8-10. О делах божественных нельзя судить по соображениям человеческим. - Достоинство евхаристической жертвы зависит не от приносящего ее человека. - В евхаристии - истинное тело Христово.

БЕСЕДА 3 на 2 Тим. 1:13-18. Нужно бояться суда Божия.

БЕСЕДА 4 на 2 Тим. 2:1-7. Воздаяние за учительство. - На земли нет ни истинной славы, ни истинных благ. - Сравните Павла с Нероном.

БЕСЕДА 5 на 2 Тим. 2:11-14. Угрызения совести возмущают наш покой. - Страх суда, - Иногда и в настоящей жизни Бог карает нечестивых.

БЕСЕДА 6 на 2 Тим. 2:20-21. Рабу Божию следует уклоняться от состязаний. - Кто уловлен диаволом хотя бы отчасти, тот находится в его власти всецело. - Увещание к милостыни.

БЕСЕДА 7 на 2 Тим. 3:1-7. Развращение в последние дни. - О дружбе Ионафана с Давидом. - Наставление вдовицам.

БЕСЕДА 8 на 2 Тим. 3:1-4. Свойства человека неблагодарного. - Неизбежность скорбей и печали для благочестивых. - Почему в настоящей жизни Бог иногда наказывает порочных, иногда не наказывает.

БЕСЕДА 9 на 2 Тим. 3:16-17. Труды и подвиги ап. Павла.

БЕСЕДА 10 на 2 Тим. 4:9-13. Почему не все апостолы исцеляли от болезней. - Как можно привлечь благодать Духа. - Богатство Божие.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ТИТУ

(Беседы эти произнесены святителем в Антиохии между 393 и 397 годами.)

БЕСЕДА 1 на Тит. 1:1-4. Время написания послания. - Каково бывает познание истины по вере. - Нужно проповедовать с дерзновением. - Обязанности и трудности епископского служения.

БЕСЕДА 2 на Тит. 1:5-6. Труды апостолов. - Долг пастыря. - Павел сделал больше, чем Платон. - Пренебрежение славой и честью трудно для человека. - Не нужно искать почестей в здешней жизни.

БЕСЕДА 3 на Тит. 1:12-14. Объяснение слов Павла и его ссылки на языческих писателей. - Почему волхвы направляемы были звездой. - Способы обличения и исправления. - О чистом и нечистом. - Грех есть нечистота, которой нужно избегать.

БЕСЕДА 4 на Тит. 2:2-5. Недостатки старости. - Согласие супругов - великое благо. - Свойства доброго слуги. - Иосиф в Египте. - Добрые нравы привлекательны.

БЕСЕДА 5 на Тит. 2:11-14. Действенность благодати Божией. - В чем состоят мирские похоти. - Вред корыстолюбия. - Против говорящих, будто Сын меньше Отца. - Нужно воздерживаться от укоризн. - История Андрогея.

БЕСЕДА 6 на Тит. 3:8-11. Нужно избегать споров с еретиками. - Нужно заботливо отыскивать бедных. - Подающий милостыню приобретает более, чем принимающий ее. - Тесный путь. - Богатство есть терние. - Нужно терпеливо переносить скорби. - История двух мучеников.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ФИЛИМОНУ

(Беседы эти произнесены святителем в Антиохии между 393 и 397 годами.)

Предисловие.

БЕСЕДА 1 на Филим. 1-3. О милосердии и сострадании. - Некоторые обращают больше внимание на людей, нежели на Бога.

БЕСЕДА 2 на Филим. 4-6. Господа не должны быть слишком взыскательными к слугам. - Побуждение к любви мы должны находить для себя в любви Христовой.

БЕСЕДА 3 на Филим. 17-19. Молитва бывает великим благом тогда, когда мы совершаем дела, достойные ее. - Если Бог требует отчета и наказывает, то это не значит, что Он не есть благ.

ТОЛКОВАНИЕ НА 1-е ПОСЛАНИЕ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ

БЕСЕДА 1

"Павел и Силуан и Тимофей - церкви Фессалоникской в Боге Отце и Господе Иисусе Христе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. Всегда благодарим Бога за всех вас, вспоминая о вас в молитвах наших, непрестанно памятуя ваше дело веры и труд любви и терпение упования на Господа нашего Иисуса Христа пред Богом и Отцем нашим" (1Сол.1:1–3).

1. Почему (апостол), когда писал послание к Ефесянам[1], хотя имел при себе Тимофея, не упомянул о нем вместе с собою, несмотря на то, что он был известен им и пользовался их уважением ("**его верность вам известна**", – говорит, – "**потому что он, как сын отцу, служил мне в благовествовании**" (Фил. 2:22) **–** и еще: "**Ибо я не имею никого равно усердного, кто бы столь искренно заботился о вас**". (Филип. 2:20), а здесь ставит его наряду с собою? Мне кажется, потому, что он имел намерение немедленно послать его (Тимофея); поэтому излишним было писать от лица того, кто вскоре должен был получить самое послание для отнесения: "**Итак я надеюсь", –** говорит, "**послать его тотчас же**" (Филип.2:23). **А** теперь не то: (Тимофей) недавно возвратился от фессалоникийцев, – следовательно, прилично было и ему писать: "**теперь же**", – говорит, – "**когда пришел к нам от вас Тимофей**" (1Сол. 3:6). Но почему он ставит Силуана прежде его (Тимофея), хотя сам свидетельствует о бесчисленных достохвальных свойствах его и предпочитает его всем? Вероятно, (Тимофей), по своему глубокому смирению, сам хотел того и просил об этом Павла; когда видел **в** своем учителе столь великое смиренномудрие, что он ставит наряду с собою ученика, то тем более мог пожелать явить в себе подобное свойство. Итак, говорит (апостол): "**Павел и Силуан и Тимофей - церкви Фессалоникской**". Здесь он ничего не ставит пред своим именем, ни **–** апостол, ни – раб. Не выставляет своего достоинства, мне кажется, потому, что они (фессалоникийцы) были новооглашенные, еще не узнали его коротко; может быть даже, только еще начиналась проповедь его к ним. "**Церкви", –** говорит, – "**Фессалоникской**". Прекрасно сказано. Так как, вероятно, общество (солунян) было немногочисленно и еще неустроенно, то названием Церкви он утешает их. Там, где Церковь существовала давно и состав ее был значителен, он не употребляет этого слова. Между тем он дает это название (фессалоникийцам) потому, что слово Церковь обыкновенно имеет значение множества и собрания людей, уже тесно с собою соединившихся. "**В Боге", – говорит – "Отце и Господе Иисусе Христе".** Церкви фессоланикской**,** говорит**,** которая есть "**В Боге".** Вот опять слово Бог пред именами Отца и Сына. " В Боге" же говорит потому, что много было церквей и иудейских, и эллинских. Велико и ни с чем несравнимо достоинство Церкви, если она "**в Боге".** О, если бы и эта Церковь могла быть так названа! Но я боюсь, чтобы она не сделалась недостойной этого названия. Если кто раб греха, то о нем нельзя сказать что он " в Боге"**.** "**Благодать вам и мир".** Видишь ли, что послание начинается прямо похвалами? "**Всегда благодарим Бога за всех вас, вспоминая о вас в молитвах наших ".** Благодарением за них

Бога (апостол) свидетельствует о великом их преуспеянии, когда не только хвалит их, но и благодарит Бога, как совершителя всего их преуспевания. Но вместе с тем он научает их и смирению, как бы говоря, что все это есть дело силы Божией. Итак, он говорит о благодарении по причине их добрых дел, а о воспоминании их в молитвах **–** по своей любви к ним. Потом, желая показать, что он вспоминает о них не только в молитвах, но и помимо молитвы, говорит, подобно как и во многих других местах: "**непрестанно памятуя ваше дело веры и труд любви и терпение упования на Господа нашего**

Иисуса Христа пред Богом и Отцем нашим". Что значит "**постоянно помня"?** Или то, что памятуя пред Богом и Отцом, или – памятуя труд любви, сущий пред Богом и Отцом нашим. Не сказал просто: "**непрестанно памятуя (дело веры)",** но – "**ваше".** И опять, чтобы ты не подумал, что самое это: "**ваше**" сказано без цели, прибавил **–** "**пред Богом и Отцом нашим".** Так как никто из людей не прославлял их подвигов, никто не воздавал им награды, то он и присовокупил это, как бы говоря: дерзайте **–** вы подвизаетесь пред Богом. Что же такое **–** "**дело веры"!** Это значит: ничто не поколебало вашего постоянства. Вот что есть дело веры! Если веруешь, все терпи; а если не терпишь, то и не веруешь. Разве не таковы (данные нам) обетования, что они могут склонить верующего к перенесению тысячи смертей? Нам обещаны небесное царство, бессмертие, вечная жизнь. Итак, кто верует, тот все перенесет, потому что вера показывается делами. Справедливо поэтому так сказал (апостол), желая выразить: вы не только показали веру, но оправдали ее делами, постоянством, усердием. "**И труд любви".** Что за труд кое-как любить? Нет никакого. Но любить в собственном смысле **–** труд великий. В самом деле, когда восстают бесчисленные искушения, чтобы отвлечь нас от любви, между тем мы твердо противостоим всему, **–** не труд ли это, скажи мне? А чего не потерпели (фессалоникийцы), чтобы не изменить любви? Не приступили ли враги проповеди к принявшему в дом свой Павла, и, не нашедши (апостола), не повлекли ли самого Иасона к городским начальникам (Деян.17: 5 – 6)? Малый ли это труд, скажи мне, перенести такую бурю, такие искушения, когда семена проповеди еще не успели укорениться? И требовали от него удостоверения. И когда, говорится, было дано удостоверение, он отослал Павла (Деян.17:9). Малый ли это подвиг, – скажи мне? Не подвергал ли он даже себя самого опасности для него (апостола)? Вот это и называет (апостол) трудом любви, **–** до такой степени простиралась преданность (к нему фессалоникийцев).

2. Заметь при том: прежде он говорит об их подвигах, а потом уже о своих, чтобы не показалось, что он превозносится и что не полюбил их прежде обнаружения их любви. "**И терпение",** говорит,**–** потому что упомянутое преследование было не однократное, но непрерывное, и гонители враждовали не только против учителя, Павла, но и против научаемых. Если они были так враждебны к тем, кто творил чудеса, к людям, внушавшим благоговение, то как, ты думаешь, смотрели они на тех, кто жил вместе с ними, принадлежал к их обществу и вдруг потом отделился от них. Именно на это и указывает (апостол), говоря: "**сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее**" (1Сол. 2: 14). И "**упования", –** продолжает далее, – "**на Господа нашего Иисуса Христа, пред Богом и Отцом нашим".** Справедливо сказал он так. Все это произошло от веры и упования, так что в случившемся выразилось не только мужество их, но и то, что они с полным убеждением уверовали в обетованные награды. А Бог попустил немедленно быть гонениям на них для того, чтобы кто не сказал, что проповедь Христова утвердилась случайно, или чрез обман, **–** чтобы обнаружилась теплота их веры, и явно было, что не убеждение человеческое, но сила Божия дала такую крепость душам верующих, что они готовы были перенесть даже тысячу смертей; а этого не могло бы быть, если бы проповедь вскоре же не укоренилась глубоко и не сделалась непоколебимою. "**Зная избрание ваше, возлюбленные Богом братия; потому что наше благовествование у вас было не в слове только, но и в силе и во Святом Духе, и со многим удостоверением, как вы [сами] знаете, каковы были мы для вас между вами** " (ст. 4 и 5). Что такое говорит он: "**знаете, каковы были мы для вас между вами**". Здесь он и своих касается подвигов, но прикровенно; главным же образом хочет их похвалить. Смысл его слов такой: мы знаем, что вы принадлежите к числу благородных и великих, к числу избранных; поэтому-то и мы терпим все ради вас; слова: "**каковы были мы для вас**" и означают то, что мы с великим усердием и великим мужеством готовы были положить за вас и души свои, и однакоже за это благодарность не нам, а вам; так как вы избранные. Потому он и в другом месте говорит: "**Посему я все терплю ради**

избранных" (2 Тим.2:10). Подлинно, **за** возлюбленных Божиих чего бы кто не согласился потерпеть? И, упоминая о себе, он говорит как бы так: если вы и возлюбленные и избранные, то нам и должно терпеть все. Таким образом служили ободрением для них не только похвала, но и напоминание о том, что и сами (апостолы) являли мужество соответствующее их ревности. Далее говорит: "**И вы сделались подражателями нам и Господу, приняв слово при многих скорбях с радостью Духа Святаго**" (ст.6). Смотри, какая похвала! Ученики вдруг сделались учителями. Они не только вняли учению, но и достигли высоты одинаковой с Павлом. Но это ничто в сравнении **с** тем, что следует далее. **В** самом деле, посмотри, куда возводит их, говоря: "**сделались подражателями Господу".** Каким же образом? "**Приняв слово при многих скорбях с радостью Духа Святаго".** Не просто –при скорбях, но –при многих. И это можно видеть в Деяниях Апостольских, – какое гонение воздвигли против них. Встревожили, говорится там, всех градоначальников, и весь город подвигли против них (Деян.17:8). Не довольно было сказать: вы скорбели и среди бедствий не переставали веровать; но: вы веровали с великой радостью. Так поступили и апостолы: "**радуясь**", – говорится о них, – "**что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие**" (Деян.5:41). Это именно и удивительно. Если уже и то не мало, чтобы переносить скорби как-нибудь, то переносить их с радостью свойственно тем, кто выше человеческой природы, кто имеет тело как бы бесстрастное. Чем же они соделались "**подражателями Господу**"? Тем, что и Он сам претерпевал великие страдания и не предавался скорби, но радовался. Он для того и пришел добровольно, для того и истощил Себя за нас, чтобы претерпеть заплевание, заушение и распятие; и претерпевая все это, так радовался, что говорил Отцу своему: "**прославь Меня**" (Ин.17:5). "**С радостию", –** говорит**, –** "**Духа Святого".** Чтобы кто не сказал: как ты говоришь о скорби и вместе о радости, – как та и другая могут быть совместны?– он прибавил: "**с радостью Духа Святого**". Скорбь в них, как в телесных, а радость, как в духовных. Как же это? Обстоятельства скорбны, а то, что они производят, не таково, так как Дух не попускает этого. Оттого можно не радоваться среди страдания, когда кто страдает за грехи, но можно и веселиться среди бичевания, когда кто страдает за Христа.

3. Такова-то радость Духа! Вместо кажущихся печалей Дух Божий производит радость. Вас, говорит, огорчали и преследовали; но Дух не оставлял вас и тогда, и как три отрока орошаемы были в огне, так и вы в скорбях. Но как там орошение было действием не естества огня, но Духа прохлаждающего, так и здесь не естество скорби производит радость, но страдание за Христа и Дух, орошающий и чрез пещь искушений приводящий к прохладе и покою. Не просто говорит: "**с радостью**", но: "**великою**", так как это именно означают слова: "**Духа Святого**". "**Так что вы стали образцом для всех верующих в Македонии и Ахаии**" (ст.7). Хотя он приходил к ним проповедовать позже, нежели к другим, но говорит: вы так просияли, что сделались учителями принявших веру прежде вас. И это – апостольское достоинство. В самом деле он не сказал: так что стали образцом для имеющих уверовать, но – стали образцом уже верующим, то есть, вы, вступив с самого начала в борьбу, научили этим, как должно веровать в Бога. "**И в Ахаии",** говорит, то есть, в Элладе. Видишь ли, как много значит усердие? При усердии, не нужно ни времени, ни промедления, ни отлагательства; достаточно только приняться за дело, и все будет приведено в исполнение. Оттого-то и они, приняв проповедь после других, сделались учителями принявших ее прежде. Итак, пусть никто не отчаивается, хотя бы, и много потратив времени, ничего не сделал. И в короткое время он имеет возможность сделать столько, сколько не сделал бы во всю прежнюю жизнь. Если неверовавший прежде так просиял в самом начале, то тем более (могут достигнуть этого) уже уверовавшие.

Впрочем, имея это в мысли, – что в короткое время можно вознаградить все,– пусть никто не остается беспечным. Будущее неизвестно, и день Господень, как тать, внезапно застигнет нас спящих. Если же мы не будем спать, то он не застигнет нас, как тать, и не представит (на суд) неприготовленными. Если мы будем бодрствовать и трезвиться, то он придет к нам не как тать, а как царский вестник, призывающий нас к уготованным для нас благам. Если же будем спать, то он предстанет как тать. Итак, пусть никто не спит, пусть никто не будет ленивым в добродетели; а это и есть сон. Ужели не знаете, как небезопасно наше имущество, когда мы спим, – как легко бывает тогда делать покушения на него? Когда бодрствуем, тогда нам нет надобности в особенных предосторожностях. Напротив, когда спим, то и при всех предосторожностях часто погибаем. Есть и двери, и запоры, и стражи, и караульные; между тем вор успевает войти. Но к чему я говорю это? К тому, что если мы будем бодрствовать, то не будем нуждаться в помощи других, а если будем спать, то помощь других не принесет нам никакой пользы, но и при ней можем погибнуть. Хорошо уповать на молитву святых, но – тогда, когда мы и сами трудимся. Для чего же нужна мне, скажет кто-нибудь, молитва других, когда я сам буду деятелен и таким образом не доведу себя до нужды в ней? И я не желаю вам того; но если судить здраво, то мы всегда испытываем эту нужду. Павел не говорил: что мне за нужда в молитве других? Хотя молившиеся за него не были достойнее его, и даже не были равны ему; а ты говоришь: какая мне нужда в молитве других? Петр не говорил: что мне за нужда **в** молитве? – молитва**,** сказано, "**церковь прилежно молилась о нем Богу**" (Деян.12:5); а ты говоришь: зачем мне нужна молитва других? Затем тебе нужна, что ты считаешь ее для себя ненужною. Хотя бы ты был равен Павлу, ты имеешь нужду в молитве. Не возносись, чтобы не унизиться. Но, как я уже сказал, только тогда приносят нам пользу молитвы за нас, когда мы и сами трудимся. Послушай, что говорить Павел. "**Ибо знаю", – говорит, – " что это послужит мне во спасение по вашей молитве и содействием Духа Иисуса Христа**" (Флп.1:19), **–** и еще: " **при содействии и вашей молитвы за нас, дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас** " (2 Кор.1:11). **А** ты говоришь: какая мне нужда в молитве? Конечно, если мы сами будем беспечны, никто не в состоянии будет помочь нам своими молитвами. Какую пользу принес Иудеям Иеремия? Не троекратно ли он приступал к Богу и не троекратно ли слышал: "Н**е возноси за них молитвы и прошения, и не ходатайствуй предо Мною, ибо Я не услышу тебя**" (Иер.7:16)? Какую пользу оказал Саулу Самуил? Не до последнего ли дня он плакал о нем, а не просто молился только? Какую пользу принес он израильтянам? Не говорил ли он: "**и я также не допущу себе греха пред Господом, чтобы перестать молиться за вас**" (1Цар.12:23)? И не погибли ли они все? Итак, скажут, молитвы не приносят никакой пользы? Приносят, и большую, но – когда и мы делаем что-нибудь; молитвы (других) содействуют и помогают, а содействовать кто -либо и помогать может только тому, кто уже сам действует; если же сам останешься в бездействии, то не получишь большой пользы.

4. Действительно, если бы молитвы (других), при бездействии с нашей стороны, имели силу вводить нас в царствие, то почему не все эллины – христиане? Не за весь ли мир мы молимся? Не делал ли того же и Павел? Не молимся ли мы, чтобы все обратились к спасению? Почему же, скажи, нечестивые не делаются благочестивыми? Не оттого ли, очевидно, что они ничего не хотят привнести со своей стороны? Итак, молитвы (других) доставляют великую пользу, когда и сами мы привносим к ним то, что требуется от нас. Хочешь ли знать, как бывали полезны молитвы? Вспомни о Корнилие (Деян.10:4), о Тавифе (Деян.9:36). Послушай также, что говорил Иаков Лавану: "**Если бы не был со мною Бог отца моего, Бог Авраама и страх Исаака, ты бы теперь отпустил меня ни с чем**" (Быт.31:42). Послушай еще, что говорит Сам Бог: "**Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего**" (4Цар.19:34). Но когда это? При Езекии, который был праведен. Между тем если бы молитвы имели силу и для

великих нечестивцев, то почему, и во время нашествия Навуходоносора, Бог не сказал того же, а предал город? Потому, что тогда более усилилось нечестие. Опять, тот же самый Самуил молился об израильтянах, и имел успех. Но когда? Когда и сами они благоугождали пред Богом, тогда Бог прогонял врагов их. Какая же мне нужда, скажет кто-нибудь, в молитве другого, когда я живу богоугодно? Никогда не говори этого, человек! Есть нужда, и нужда во многих молитвах. Послушай, что говорит Бог о друзьях Иова. Он "помолится", – говорит, – "за вас", и отпустится вам согрешение (Иов42:8), потому что, хотя они и согрешили, но не велик был их грех. **А** этот же самый праведник, спасший тогда молитвою друзей своих, во время иудейского царства не мог спасти иудеев от погибели. И чтобы тебе это понятно было, послушай, что говорит Бог чрез пророка: "**и если бы нашлись в ней сии три мужа: Ной, Даниил и Иов, не спасли бы ни сыновей, ни дочерей**" (Иез.14:14–18), потому что превозмогло нечестие. И опять: "**хотя бы предстали пред лице Мое Моисей и Самуил**" (Иер.15:1). И заметь, как это говорится двум пророкам, потому что оба они предстательствовали за иудеев, но не имели успеха. Так как Иезекииль говорил: "**о, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля?**" (Иез.9: 8), то Бог, давая знать, что делает это праведно, и не по небрежению **к** Нему не принимает его ходатайства за них, указывает ему на их грехи, как бы говоря: и эти уже грехи достаточно могут уверить тебя, что Я не по небрежению к тебе не принимаю твоего предстательства, но по множеству их грехов, **–** при всем том прибавляет и эти слова: "**и если бы нашлись в ней сии три мужа: Ной, Даниил и Иов**". И в особенности нужно было сказать к нему эти слова, потому что он сам много пострадал для израильтян. Ты сказал мне, Господи, говорит он, чтобы я ел в нечистотах, и я ел; Ты сказал мне, и я обрился; Ты сказал мне, и я лежал на одном боку; Ты сказал мне с ношею пройти сквозь стенное отверстие, и **я** прошел; Ты взял у меня жену и запретил мне плакать, и я не плакал, но претерпел благодушно. Я сделал тысячи и других самопожертвований ради их, и вот я умоляю Тебя о них, **–** а Ты не внимаешь! Итак, Бог, показывая, что делает это не по небрежению к нему, говорит: хотя бы был Ной, хотя бы Иов, хотя бы Даниил, и стали умолять о сынах и дщерях, **Я** не послушаю. И опять, что говорить Бог Иеремии**,** менее страдавшему вследствие повелений Божиих, но гораздо более от нечестия иудеев? "**Не видишь ли, что они делают**" (Иер.7:17)? Правда, говорить пророк, они творят; но Ты сделай ради меня. На это Бог говорить ему: "**хотя бы предстали пред лице Мое Моисей и Самуил**". Моисей – первый законодатель, много раз избавлявший их от опасностей, сказавший: "**прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал".** (Исх. 32:32), – если бы даже он был теперь и говорил это, то и он не успел бы, равно как и Самуил, также избавлявший их и с самых малых лет заслуживший у них великое уважение. О первом Я сказал, что беседовал с ним, как друг с другом, а не в притчах, а о последнем, что Я в отрочестве его явился ему и, преклонившись на просьбу его, отверз заключенный дар пророчества: "**Слово Господне**", – сказано, – " **было редко в те дни, видения [были] не часты**" (1Цар.3:1). Итак, если бы оба они предстали, не имели бы никакого успеха. Равным образом говорится и о Ное: "**Ной был человек праведный и непорочный в роде своем**" (Быт.6:9)**, –** и об Иове, что он "**был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла**" (Иов1: 1). Но если бы и они предстали, и Даниил, которого халдеи почитали даже как Бога, то не могли бы, говорит Бог, избавить сынов и дщерей их. Итак, зная это, не будем ни пренебрегать молитвами святых, ни полагаться на них всецело. Соблюдем последнее для того, чтобы не обленитьсяи не проводить жизни в праздности, а первое для того, чтобы не лишиться великой пользы. Напротив, будем и их просить, чтобы они молились о нас и помогали нам, и сами – пребывать в добродетели, чтобы быть в состоянии достигнуть благ, обещанных любящими Бога, благодати и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Следовало сказать "**к Филиппийцам**", судя по приводимым ниже местам из послания к Филиппийцам**.** Между тем в послании к Филиппийцам имя Тимофея поставлено наряду с именем апостола Павла, а в послании к Ефесянам этого, действительно, нет. Это могло произойти от того, что святитель, приводя тексты из послания к Филиппийцам на память, почел их принадлежащими посланию к Ефесянам.

БЕСЕДА 2

"Ибо от вас пронеслось слово Господне не только в Македонии и Ахаии, но и во всяком месте прошла [слава] о вере вашей в Бога, так что нам ни о чем не нужно рассказывать. Ибо сами они сказывают о нас, какой вход имели мы к вам, и как вы обратились к Богу от идолов, [чтобы] служить Богу живому и истинному и ожидать с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева" (1 Сол.1:8-10).

1. Как благовонное миро не удерживает благоухания в себе самом, но разливает его далеко и, растворяя им воздух, услаждает чувства близ стоящих, так точно благородные и досточтимые мужи не могут скрыть своих доблестей в себе самих, но чрез распространяющуюся о них славу многим приносят пользу, делая их лучшими. То же самое совершилось и тогда (с фессалоникийцами). Поэтому (апостол) и сказал: "**вы стали образцом для всех верующих в Македонии и Ахаии. Ибо от вас пронеслось слово Господне не только в Македонии и Ахаии, но и во всяком месте прошла [слава] о вере вашей в Бога**" (1 Сол.1:7-8). Вы, говорит, представили собой поучительный пример для всех, живущих близ вас, и исполнили удивления всю вселенную: слова: "**во всяком месте**" такой именно имеют смысл. И не сказал он: распространилась вера ваша, но пронеслось, внушая тем, что подобно тому, как глас звучащей трубы наполняет все окрестные места, так и слава о вашей доблести, громкая точно звук трубный, наполнила всю вселенную и повсюду до всех достигла с равною силою. Великие деяния там, где они совершаются, громогласно бывают прославлены, а в отдалении, хотя и прославляются, но не так. Но с вами иначе: слава о вас с одинаковою силою разнеслась по всей земле. И пусть никто не думает, что в этих словах есть преувеличение. Народ этот, народ македонский, был знаменит еще до пришествия Христова и повсюду славился более римлян. Сами римляне тем знамениты, что покорили его.

То, что совершил царь македонский, выше всякого слова: выступив в поход из незначительного государства, он овладел всею вселенною. Вот почему пророк его видит под образом летучего барса, изображая этим скорость, силу, пылкость и ту быстроту, с которою он промчался чрез всю вселенную со своими трофеями и победою. Говорят, что он, услышав от некоего философа о существовании бесчисленного множества миров, горько жалел, что, несмотря на их бесчисленность, он не завоевал даже и одного. Так он был предприимчив и велик душою и так был славен по всей земле! Но со славою царя соединялась и слава народа: ведь Александра называли македонянином. Поэтому вместе со славою о нем самом, естественно, распространялась повсюду слава и о событиях его царства, так как ничто знаменитое не может оставаться в неизвестности. Итак, деяния македонян были не менее славны, как и деяния римлян. "**Во всяком месте**", – говорит, – "**прошла [слава] о вере вашей в Бога**" Смотри, что он говорит как бы о чем-то одушевленном, употребляя слово: "прошла". И этот образ выражения внушен, конечно, силою их (веры). Потом, желая показать, что они точно обнаружили веру крепкую и действенную, прибавляет далее: "**так что нам ни о чем не нужно рассказывать. Ибо сами они сказывают о нас, какой вход имели мы к вам**". То есть, - нигде не ждут

услышать наше повествование о вас, но люди, не посещавшие вас и не видевшие ничего, предваряют своими рассказами о вас тех, которые у вас были и видели ваши подвиги. Так всюду по слухам сделалась известною ваша вера! Итак, нам нет надобности рассказывать о ваших делах, для возбуждения в других подобного же соревнования, – потому что о чем надлежало бы слышать от нас, о том они, предупреждая нас, рассказывают сами. Хотя при таких случаях в людях часто действует зависть, но ваше превосходство победило и ее, они сделались провозвестниками ваших подвигов. Несмотря на то, что они и отстали от вас, они все – таки не молчат, но даже прежде других рассказывает о вас. Если же так поступают они, то нельзя не доверять нашим словам. Что значит: "**какой вход имели мы к вам?**" То, что он был соединен с опасностями, с тысячею смертей, и однако ничто вас не возмутило, напротив, – вы обращались с нами так, как будто бы ничего не случилось, вы приняли нас после этого так, как будто не претерпели никакого зла, а насладились бесчисленными благами. Упоминаемый здесь вход был вторичный. Именно, (апостол и его спутники) _отправились (из Фессалоники) в Веррию, будучи преследуемы, и впоследствии, пришедши опять (к фессалоникийцам), так были приняты ими, что и сами (фессалоникийцы) были почтены (апостолами), так что эти последние готовы были положить за них свою душу. Следовательно, значение выражения: "**какой вход имели мы к вам**" – обоюдно: оно содержит в себе похвалу и апостолу с его спутниками и фессалоникийцам, но апостол обратил его в похвалу фессалоникийцев. "**Как", –** говорит он**, – "вы обратились к Богу от идолов, [чтобы] служить Богу живому и истинному** ", то есть, – вы обратились весьма легко, с большой готовностью, и не чувствовали нужды в особенном усилии для того, чтобы решиться служить Богу живому и истинному. К этому (апостол) присоединил и увещание, делая чрез это свою речь менее тяжелой. "**И ожидать**", – говорит, – " **с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева** ". "**И ожидать с небес Сына Его**" – Того, Который был распят, Который был погребен, поэтому, поясняя сказанное, он прибавляет: "**Которого Он воскресил из мертвых**". Видишь все вместе: и воскресение, и вознесение, и второе пришествие, суд, воздаяние праведным и наказание злых? "**Иисуса", –** говорит, **– " избавляющего нас от грядущего гнева".** Здесь и ободрение, и утешение, и наставление для них. Если (Бог) воскресил Его из мертвых, если Он на небесах, и придет оттуда (а вы уверовали, что это действительно так, потому что, не уверовав, вы не перенесли бы таких страданий), то в этом заключается уже достаточное ободрение. А если еще и гонители непременно будут наказаны, о чем говорит (апостол) и во втором послании (2Сол.1: 8,9), то вы имеете и другое, также не малое ободрение. С другой стороны, он сказал об ожидании Сына Его с небес и для того, чтобы показать, что бедствия на лицо, а блага в будущем, когда Христос придет с небес. Смотри же, сколько надобно иметь надежды, – надейся, что Распятый воскрес, что Он вознесся на небеса, что придет судить живых и мертвых. "**Вы сами знаете, братия, о нашем входе к вам, что он был не бездейственный; но, прежде пострадав и быв поруганы в Филиппах, как вы знаете, мы дерзнули в Боге нашем проповедать вам благовестие Божие с великим подвигом**" (1Сол.2:1,2).

2. Велики и ваши подвиги; но и мы не человеческое проповедовали слово. Здесь (апостол) хочет выразить то, что и выше говорил, именно, что свойства проповеди обнаруживаются с обеих сторон – как со стороны чудес и решимости проповедников, так и со стороны ревности и усердия принимающих. "**Вы сами знаете, братия** ", – говорит, – "**о нашем входе к вам, что он был не бездейственный**", то есть, не обыкновенный, не случайный. Едва избавившись от великих опасностей, от смертей, от поражений; мы тотчас же впали в новые опасности. Но "**но, прежде пострадав**", – говорит, – "**и быв поруганы в Филиппах, как вы знаете, мы дерзнули в Боге нашем проповедать**". Видишь ли, как опять все приписывает Богу? "**Проповедать вам благовестие Божие с великим подвигом**". Нельзя, говорит, сказать, чтобы там мы подвергались опасностям, а здесь –

нет. Знаете и вы, какова эта опасность и каков нужен был подвиг – быть у вас. (Апостол) говорит это и коринфянам в послании к ним: "**И был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете**" (1 Кор.2:3)."**Ибо в учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых [побуждений], ни лукавства; но, как Бог удостоил нас того, чтобы вверить [нам] благовестие, так мы и говорим, угождая не человекам, но Богу, испытующему сердца наши**" (ст. 3–4). Видишь ли, что, как я уже сказал, от твердости проповедников заимствуется доказательство Божественности их проповеди? Если бы, значит, проповедь наша была не такова, если бы она была обманом, то мы не подвергли бы себя таким бедствиям, которые не дают нам и вздохнуть свободно. Что же из этого следует? Если бы нас не одушевляло нечто, ожидаемое в будущем, если бы мы не уверены были, что надежда наша несомненна, то мы не оставались бы столь бодрыми среди страданий. В самом деле, кто решился бы ради здешних благ потерпеть столько бедствий и проводить жизнь страдальческую и полную опасностей? Да и кого бы убедил такой проповедник? Не достаточно ли было бы для устрашения учеников одного того, что они видели бы учителей своих постоянно в опасностях? Но с вами не случилось этого. "**Ибо в учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых [побуждений], ни лукавства**". Дело наше, говорит, не обман, не обольщение, в которое бы мы вдались, не из рода дел темных, каковы дела чародеев и волшебников, – это выражается словом: "от нечистых побуждений", – не злонамеренное, не мятежническое какое-нибудь, как дело Февды: "**Но, как Бог удостоил нас того, чтобы вверить [нам] благовестие, так мы и говорим, угождая не человекам, но Богу, испытующему сердца наши**". Видишь ли, что это не тщеславие? "**Но Богу**" – говорит, – "**испытывающему сердца наши**". Мы ничего, говорит, не делаем из угождения людям; да и для чего мы стали бы делать что-нибудь такое? Похвалив таким образом самих себя, в словах: не потому, чтобы мы хотели угождать людям, или домогались от людей чести, – апостол продолжает: "**Но, как Бог удостоил нас того, чтобы вверить [нам] благовестие**". Если бы Бог не знал, как бы так говорит он, что мы совершенно отреклись от всего житейского, то не избрал бы нас. Как Он искусил нас, такими мы и остаемся. "**Испытующему**", – говорит, – "**сердца наши**", то есть, (Бог) искусил нас и вверил нам благовествование. Итак, как оказались мы пред Богом безукоризненными, такими и остаемся. Доказательством подобного достоинства нашего служит то, что нам вверено благовествование. Если бы в нас было что-нибудь дурное, то Бог не искусил бы нас. Слово же – искусил (…..) употреблено здесь в смысле – нашел стоящими доверия (…..) и вверил, а не в смысле – испробовал, потому что мы только действуем вследствие испытания, а Бог не имеет нужды в испытывании. Таким образом, мы говорим так, как свойственно искушенным от Бога и признанным достойными благовествования. "**И говорим, угождая не человекам**", то есть, не ради вас все это делаем. Так как он пред этим похвалил их, то, чтобы не навлечь на свои слова подозрения, продолжает: "**Ибо никогда не было у нас перед вами ни слов ласкательства, как вы знаете, ни видов корысти: Бог свидетель! Не ищем славы человеческой ни от вас, ни от других. Мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы**" (ст.5–7). "Никогда не было", – говорит, – "**у нас пред вами слов ласкательства**", – то есть, мы не льстили, как это делают обманщики, люди, ищущее корысти или власти. Нельзя сказать, что мы льстили, чтобы достигнуть власти или что мы решились на это для денег. В свидетели этого, хотя это было очевидно, он призывает, наконец, их самих. Льстили ли мы, говорит, вы знаете. В свидетели же того, что было неочевидно, то есть, проповедовал ли он ради любостяжания, призывает самого Бога. "**Не ищем славы человеческой ни от вас, ни от других. Мы могли бы явиться с важностью, как апостолы Христовы",** то есть не требуя почестей, не тщеславясь и не окружая себя копьеносцами, хотя, если бы мы и делали это, не сделали бы ничего странного. Если посланники царя пользуются честью, тем более можно нам. И не сказал: мы терпели бесчестие, или: не пользовались честью, что значило бы упрекать (фессалоникийцев), но: мы не искали. Итак, если мы не искали славы, хотя и можно было

искать, и самая проповедь того требовала, то каким образом мы делаем что-нибудь для славы? Между тем, если бы мы и искали, то и того нельзя было бы поставить нам в вину, потому что тем, которые посланы к людям от Бога, по всей справедливости надлежит, как явившимся ныне с неба вестникам, пользоваться большою честью. И, несмотря на все это, мы не делаем ничего подобного, чтобы заградить уста противников.

3. И нельзя сказать, будто мы с вами поступали так, а с другими иначе. В самом деле, (апостол) то же говорил и в послании коринфянам: "**Вы терпите, когда кто вас порабощает, когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится, когда кто бьет вас в лицо**" (2 Кор.11:20). И еще: "**в личном присутствии слаб, и речь [его] незначительна**" (2 Кор.10:10). И еще: "**Простите мне такую вину**" (2 Кор.12:13). Таким образом и там показывает, что он был весьма смиренным, потому что перенес много (бедствий). А здесь говорит и о деньгах: "**Мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы, но были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими. Так мы, из усердия к вам, восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши, потому что вы стали нам любезны**" (ст. 7,8) "**Но были**", – говорит, – "**тихи**", то есть, мы не обнаружили ни грубости, ни притеснения, ни высокомерия, ни хвастовства; а слова: "**среди вас**" означают то же, как если бы кто сказал: мы такие же, как и вы, и не получили никакого высшего жребия.

"**Как кормилица**", – говорит, – "**нежно обходится с детьми своими**". Таким должно быть учителю. Льстит ли кормилица дитяти, чтобы заслужить у него славу? Ищет ли она денег от малюток? Бывает ли высокомерна с ними и сурова? Напротив, не бывает ли она нежнее самих матерей? Здесь (апостол) обнаруживает в себе нежную любовь. "**Так**",– говорит, – "**из усердия к вам**" то есть, усердствуя к вам; мы, говорит, преданы вам до такой степени, что не только ничего не берем от вас, но, если бы нужно было, не отказались бы отдать вам и свои души. Итак, человеческий ли это расчет, скажи мне? Но кто будет столько безрассуден, чтобы сказать это? "**Восхотели передать**", – говорит, – "**вам не только благовестие Божие, но и души наши**". Последнее, следовательно, труднее первого. А что больше приносит пользы? От благовествования действительная польза для них; но предать душу – подвиг больший по своей трудности. В самом деле, не все равно – проповедовать только, и – отдать душу. Первое само по себе досточтимее, последнее гораздо труднее. Мы готовы были, говорит, если бы это было нужно, и души свои истощить для вас. Так как (апостол) и прежде хвалил и теперь хвалит (фессалоникийцев), то и говорит поэтому: мы делаем это не для выпрашивания денег, не из лести, не для снискания у вас славы. Обрати однако внимание! Так как (фессалоникийцы) оказали много подвигов, и их следовало безмерно хвалить и им удивляться, чтобы они явили себя еще более непреклонными, то похвала такого рода могла показаться подозрительною. Поэтому, устраняя всякое подозрение, он говорит о своих бедствиях. С другой стороны, опасаясь, чтобы не подумали, что он говорит о бедствиях с целью показать, как он трудился для них и какою, следовательно, честью должен у них пользоваться, он, сказав о бедствиях, прибавил: "**потому что вы стали нам любезны** ", показывая таким образом, что мы даже охотно отдали бы вам свои души, потому что были вам совершенно преданы. Итак, благовествование мы возвещаем вам потому, что Бог повелел нам это; но, со своей стороны, мы вас столько любим, что, если бы нужно было, отдали бы вам даже свои души. Так-то должен любить истинно любящий. Он не откажет даже в своей душе, если бы у него потребовали ее и если бы это было возможно. Но что я говорю: потребовали? Он сам вызовется на такое пожертвование. Ничего, подлинно ничего не может быть сладостнее такой любви. Для нее ничто не представляется прискорбным. Верный друг поистине – услада жизни. Верный друг поистине – твердый покров.

Чего, в самом деле, не сделал бы искренний друг? Какого не доставил бы он удовольствия? Какой пользы? Какой безопасности? Укажи ты на бесчисленные сокровища, и все это – ничто в сравнении с искренним другом. Но скажем прежде, сколько удовольствия заключает дружба в себе самой. Взирающий на друга просветляется от радости, тает от удовольствия и соединяется с ним по душе каким-то особенным союзом, заключающим в себе неизъяснимое наслаждение. Он оживает духом и окрыляется даже при одном только воспоминании о нем. Я говорю о друзьях искренних, единодушных, готовых умереть друг за друга, горячо любящих друг друга. Не думайте опровергнуть мои слова, воображая себе обыкновенных приятелей, сообщников застольных, друзей по одному имени. Кто имеет такого друга, о каком говорю я, тот поймет мои слова. Хотя бы он видел его каждый день, он не пресытится; он желает ему того же, чего и себе самому, Я знал одного человека, который, призывая в молитве за друга святых Божиих мужей, молил их предстательствовать прежде за него, а потом уже за себя. Друг так мил, что даже места и времена становятся любезны от него. Как светлые тела разливают свет на окружающие предметы, так и друзья самим местам, в которых случалось им бывать, сообщают свою приятность. И часто бывает, что, посетив эти места без друзей, мы плачем, вспоминая о тех днях, в которые были здесь вместе, и рыдаем. Невозможно однако словами выразить, сколько удовольствия доставляет присутствие друзей; это понимают только те, которые испытали. От друга можно без зазрения и просить услуги, и принимать услугу. Когда они приказывают нам, мы им благодарны, – и скорбим, когда они стесняются. У нас нет ничего, что не принадлежало бы им. Часто, презирая все здешнее, мы однако не хотим расстаться с здешнею жизнью только для них. Они вожделеннее нам самого света.

4. И действительно, друг вожделеннее самого света. Я говорю о друге искреннем. И не дивись этому. В самом деле, лучше для нас, чтобы солнце померкло, чем лишиться друзей; лучше проводить жизнь во тьме, нежели жить без друзей. И я скажу, почему это. Многие, взирающие на солнце, находятся во тьме, а богатые друзьями никогда не бывают скорбны. Я говорю о друзьях духовных, ничего не предпочитающих дружбе. Таков был Павел, который, охотно отдавая (друзьям) свою душу, хотя они и не просили его о том, охотно бросился бы за них в геенну. Так надобно любить пламенною любовью! Я хочу представить пример дружбы. Друзья дороже отцов и сыновей, – друзья о Христе. Не говори мне о друзьях нынешних, потому что вместе со многим другим утрачено ныне и это благо; но вспомни, что при апостолах, – не говорю о первостоятелях, а о самих даже веровавших, – у всех, как сказано: "**было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее.** И **каждому давалось, в чем кто имел нужду**" (Деян.4:32,35). Тогда не было моего и твоего. Вот дружба, когда кто не почитает своего своим, но принадлежащим ближнему, а собственность ближнего считает чуждой для себя, – когда один так бережет жизнь другого, как свою собственную, а тот платит ему взаимно таким же расположением. Но где же, скажут, можно теперь отыскать такого друга? Именно, нигде нельзя, потому что мы не хотим быть такими, а если бы захотели, было бы даже очень можно. Если бы это было в самом деле невозможно, то Христос не заповедал бы этого и не говорил бы так много о любви. Великое дело дружба, и в какой мере великое, этого никто не может понять, этого не выразит даже никакое слово, разве кто узнает по своему опыту. Непонимание ее произвело ереси; оно заставляет эллинов доселе еще оставаться эллинами. Любящий не желает ни повелевать, ни начальствовать; но рад лучше сам находиться под начальством и принимать приказания. Он желает лучше благодетельствовать, нежели принимать благодеяния, потому что он любит и, следовательно, всегда находится в состоянии человека, как бы не удовлетворившего своему желанию. Он не столько радуется, принимая благодеяние, сколько делая благодеяние, потому что желает лучше обязать другого, нежели быть обязанным ему, лучше же сказать – хочет и быть обязанным ему и

его иметь своим должником. Он и хочет благодетельствовать и не хочет показать, что благодетельствует, но представляет себя как бы должником другого. Думаю, что многие из вас, может быть, не понимают сказанного; поэтому считаю необходимым опять повторить то же. Он хочет и начать благодеяние и не казаться начинающим, а только как бы платящим за одолжение. Так и Бог поступил с людьми. Он восхотел даровать за нас Сына Своего; однако, чтобы не показать, что (единственно по благодати) дарует Его, но – как бы отдает нам долг, Он повелел Аврааму дать (Себе) своего сына, чтобы казалось, что Он, делая нечто великое, ничего не делает великого. Когда нет дружбы, то мы ставим в укор другим наши благодеяния, превозносим их даже при всей их незначительности. А когда есть дружба, мы скрываем их, и великие хотим выдать за малые, чтобы не показать, что друг у нас в долгу, но – что мы сами одолжены ему тем, что он позволил нам одолжить его. Знаю, что многие не понимают того, о чем я говорю; причина этого в том, что я говорю о такой вещи, которая имеет место теперь только на небе. Если бы я стал говорить о каком-нибудь растении, прозябающем в Индии, которого никто здесь не знает по опыту, то, сколько бы я ни говорил, слово было бы не в состоянии вполне изобразить его: так и в настоящем случае, сколько я ни стану говорить, буду говорить напрасно, потому что никто не в состоянии будет понять. На небе насаждено это растение; ветви его отягчены не жемчугами, но плодом гораздо приятнейшим – жизнью добродетельной. Какое хочешь, представь себе удовольствие – низкое ли, благородное ли – сладость дружбы будет выше всех их. Укажи даже на сладость меда, но и мед делается приторным; а друг никогда, пока остается другом, напротив – любовь к нему более и более возрастает, между тем проистекающее из нее удовольствие никогда не производит пресыщения. Друг милее этой временной жизни. Потому-то многие по кончине друзей не желали более жить. С другом иной с удовольствием может жить и в ссылке; а без друга и дома жить не захотел бы. С другом и бедность не тяжела, а без него в тягость и здоровье и богатство. Имеющий друга имеет другого себя. Жалею, что не могу объяснить этого примером, так как сознаю, что все сказанное будет гораздо менее того, что следовало бы сказать. Вот что значит дружба для этой жизни. А у Бога уготована ей такая великая награда, что и выразить нельзя. Он дает нам награду для того, чтобы мы любили друг друга. Люби, говорит, и прими за это награду, – между тем как мы за это должны бы воздавать награду. Молись, говорит, и получи за это награду, – тогда как мы должны бы принести воздаяние, потому что мы просим у Него благ. За то, что просишь, говорит; получи награду. Постись, и получи награду. Будь добродетелен, и получи награду, хотя ты сам должен бы вознаградить. Истинно, как отцы, когда сделают своих детей благонравными, дают им тогда награды, потому что считают себя должниками за то, что (дети) доставили им удовольствие, так и Бог. Получи, говорит, награду, если ты добродетелен, потому что ты радуешь Отца, и Я должен тебя за это наградить. А если ты зол, нет тебе ничего, потому что ты оскорбляешь Родившего тебя. Не будем же оскорблять Бога, но постараемся радовать Его, чтобы сподобиться царства небесного во Христе Иисусе Господе нашем (с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 3

"Ибо вы помните, братия, труд наш и изнурение: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедывали у вас благовестие Божие. Свидетели вы и Бог, как свято и праведно и безукоризненно поступали мы перед вами, верующими, потому что вы знаете, как каждого из вас, как отец детей своих, мы просили и убеждали и умоляли поступать достойно Бога, призвавшего вас в Свое Царство и славу" (1Фес.2:9–12).

1. Учитель ничего не должен считать для себя обременительным, что клонится к спасению учеников. Если блаженный Иаков днем и ночью до изнурения трудился на страже овец, то тем более должен делать все тот, кому вверены души, (хотя бы) занятия его были изнурительны или унизительны, имея в виду только одно – спасение поучаемых и проистекающую отсюда славу Божию. Смотри поэтому, как и Павел, будучи проповедником и апостолом вселенной и удостоившись столь высокой чести, работал собственными руками, чтобы не отяготить поучаемых. "**Ибо вы помните**", – говорит, – "**братия, труд наш и изнурение**". Выше сказал он: " **мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы** " (ст. 7). То же говорит и в послании коринфянам: " **Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища? что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника? Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования** ". (1Кор.9: 13,14). Но я, говорит, не хотел этого, а трудился сам. И не просто трудился, но с великим старанием. И смотри, что говорит: "**вы помните**",– не сказал: благодеяния мои, но: "**труд наш и изнурение: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедывали у вас благовестие Божие**". Но коринфянам говорит иное: "**Другим церквам я причинял издержки, получая [от них] содержание для служения вам**". (2 Кор. 11: 8). Там он тоже работал, но не упомянул об этом, а употребил другое (выражение), более язвительное, как бы говоря: вам служа, я питался от других. Но здесь (говорит) не то, – а что же? – "**ночью и днем работая".** Хотя и там он говорит: "**Будучи у вас, хотя терпел недостаток, никому не докучал", и:** "**Другим церквам я причинял издержки, получая [от них] содержание для служения вам**"(2Кор.11:9), но здесь показывает, что люди (которым он пишет) находятся в бедности, а там нет. Поэтому-то он постоянно призывает их самих в свидетели: "**Вы",** – говорит, – "**свидетели и Бог",** доставляя чрез это словам своим большую степень достоверности и присовокупляя (доказательство), которое особенно могло их убедить, так как первое для несведущих может показаться неверным, а последнее не оставляет никакого сомнения. И ты не удивляйся этому,– потому что (апостол) не обращал внимания на то, что он, Павел, говорит это, а на то, что он очень желал убедить их. Поэтому говорит: "**Свидетели вы и Бог, как свято и праведно и безукоризненно поступали мы перед вами, верующими**". Нужно было опять похвалить их: поэтому он предпосылает то, что достаточно могло уверить их (в его бескорыстии). Он рассуждает так: если я, находясь в нужде там, ничем не пользовался, то тем более – теперь. "**Как свято и праведно и безукоризненно поступали мы перед вами, верующими, потому что вы знаете, как каждого из вас, как отец детей своих, мы просили и убеждали и умоляли ".** Сказав выше о своем обращении с ними, здесь говорит о своей любви к ним, и в этом выражалось более, нежели одно покровительство. И сказанное им чуждо надменности: "**как отец детей своих, мы просили и убеждали и умоляли[1] поступать достойно Бога, призвавшего вас в Свое Царство и славу**". Сказав: "**и умоляли**" он упомянул об отцах, показывая тем, что хотя мы "**и умоляли",** однако не употребляли при этом насилия, а (поступали) как отцы. "**С каждым из вас".** Удивительно! При таком множестве не пропустить никого – ни малого, ни великого, ни богатого, ни бедного! "**Умоляли**", – сказал он,– о чем? О перенесении всего. "**И утешали и свидетельствовали**". "**Умоляли**": следовательно (апостолы) не искали славы; и "**свидетельствовали",** следовательно не льстили. "**Жить достойной жизнью перед Богом, призывающим вас в свое Царство и в свою славу**". Смотри опять, как (апостол), повествуя (о прежде случившемся), и учит и убеждает: если (Бог) призвал в царство, то должно переносить все. Мы молим не о том, чтобы вы дали нам что-нибудь, но о том, чтобы вы получили царство небесное. "**Посему и мы непрестанно благодарим Бога, что, приняв от нас слышанное слово Божие, вы приняли не [как] слово человеческое, но [как] слово Божие, - каково оно есть по истине, - которое и действует в вас, верующих**" (ст. 13). Нельзя сказать, говорит он, что мы одни поступали во всем безукоризненно, а вы делали нечто несообразное с тем, как мы с вами

обращались, потому что вы слушали нас не с таким расположением, с каким слушают людей, но внимали нам так, как будто наставлял (вас) сам Бог. Откуда это видно? Подобно тому, как он, (ссылаясь) на свои искушения, свидетельства фессалоникийцев и совершенные им дела, доказывает то, что проповедовал не из лести и не ради пустой славы, так и то, что они приняли слово его надлежащим образом, он доказывает искушениями (которым они подвергались). Как бы вы, говорит, стали переносить такие опасности, если бы не внимали словам нашим, как словам самого Бога? Впрочем, посмотри и на доказательство. "**Ибо вы," – говорит, – " братия, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев, которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся, которые препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись, и через это всегда наполняют меру грехов своих; но приближается на них гнев до конца** " (14–16).

2. "**Вы", – говорит, – "братья, последовали примеру Божьих церквей в Иудее".** Утешение великое! Нет ничего удивительного, говорит, если (ваши единоплеменники) с вами так же поступают, как те (иудеи) со своими единоплеменниками. Но если и иудеи решились с терпением перенести все, то это служит немаловажным доказательством того, что проповедь истинна. "**И вы то же", –** говорит, **–** "**претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев** ". Говоря: и те во Иудеи, он хочет сказать нечто особенное, именно указывает на то, что (иудеи) повсюду радовались тому, что подвизались. Поэтому-то и говорит: "**вы то же претерпели** ". И опять, что удивительного, если они с вами (так поступали), когда дерзнули восстать против самого Господа? Видишь, как (апостол) ввел то, что содержит в себе великое утешение? И к этой мысли он постоянно возвращается, так что, при внимательном исследовании, во всех почти посланиях найдешь, как он, говоря об искушениях, всегда, каким бы то ни было образом, упоминает о Христе. Вот и здесь, обвиняя иудеев, приводит им на память Господа и страдания Господни. До такой степени уверен был он, что в этом заключается величайшее утешение! "**Которые убили и Господа**", - говорит он. Но, может быть, иудеи не познали Его? Напротив, они знали Его очень хорошо. Да что? Не они ли убили и камнями побили своих пророков, которых писания повсюду носят с собою? Конечно, они поступали так не из любви к истине. Итак, он не только предлагает утешение в искушениях, но и убеждает не думать, будто иудеи так поступают из любви к истине, и не смущаться этим. "**И нас", –** говорит, – "**изгнали**", – т. е. и мы претерпели от них бесчисленные напасти. "**И Богу не угождают, и всем человекам противятся, которые препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись". "Противятся", –** говорит**, –** "**всем человекам ".** Каким образом? Таким, что если должно проповедовать всей вселенной, а они препятствуют, то они общие враги вселенной. Они убили Христа и пророков, оскорбляют Бога; они – общие враги вселенной; они и нас, пришедших на дело спасения, гонят; что же удивительного, если они поступили и с вами так же, как и в Иудеи? "**Препятствуют нам ", –** говорит**, –** "**говорить язычникам, чтобы спаслись**". Подлинно, (одной) зависти свойственно препятствовать спасению всех. "**И через это всегда наполняют меру грехов своих; но приближается на них гнев до конца".** Не будет уже более того, что было прежде, не будет возврата, не будет предела, наступает гнев неизбежный. Из чего же это видно? Из предсказания Христова. Ведь утешительно не только иметь соучастников в скорбях, но и слышать о казни своих притеснителей. Если же опечаливает их замедление (грядущего гнева), то да послужить утешением то, что притеснители уже более не восстанут. При том, сказав слово: "**гнев**", (апостол) сократил даже самое замедление, снова показывая, что он (гнев) должен последовать, так как предназначен и предсказан. "**Мы же, братия, быв разлучены[2] с вами на короткое время лицем, а не сердцем, тем с большим желанием старались увидеть лице ваше**" (ст. 17). Не сказал: разлучившись, но:

осиротевши, что гораздо сильнее. Выше говорил о лести, доказывая, что не льстит, что не ищет славы; здесь говорит о любви. Так как выше сказал: "**как отец детей, как кормилица**", то здесь говорит и другое: **осиротевши**, что свойственно детям, ищущим родителей. Да при том, они ли осиротели? Не они, говорит, а мы. В самом деле, кто исследовал это чувство, (тот знает), что подобно тому, как малые дети, беззащитные, подвергшиеся безвременному сиротству, сильно тоскуют о своих родителях, не в силу самой природы только, но и вследствие одиночества, – так точно и мы. Этим он показывает и печаль свою, в которой находился по причине разлуки. И того, говорит, нельзя сказать, чтобы мы разлучены были на продолжительное время, но – ко времени, и при том только "**лицем, а не сердцем**": ведь мы всегда имеем вас в мысли. Смотри, какая любовь! Хотя всегда имел их в сердце, но желал и личного их присутствия. Не говори мне, что это излишнее мудрствование. Воистину, таково свойство пламенной любви, что она желает и видеть, и слушать любимых, и говорить с ними; и это много содействовало (появлению такого желания). "**С большим**", - говорит, - "**желанием**". Что же значить – "**с большим**"? Полагать можно – или то, что мы весьма дорого ценим вас, или, как вероятно, то, что мы, разлучившись на короткое время, старались опять видеть ваше лицо. Смотри, как блаженный Павел, не имея возможности сам лично исполнить свое желание, исполняет его через других; так, посылая Тимофея к филиппийцам и опять его же к коринфянам, он пребывает с ними при посредстве других, когда не может быть лично. Он любил как бы до исступления, и в чувствах дружества был неудержим и неукротим. "**Очень хотели прийти к вам**". Таково свойство любви! Впрочем, говорит, я не нахожу никакого к тому другого побуждения, кроме того, чтобы видеть вас. "**И потому мы, я Павел, и раз и два хотели прийти к вам, но воспрепятствовал нам сатана**" (ст. 18).

3. Что ты говоришь? "**Воспрепятствовал сатана"?** Так точно, потому что это не было дело Божие. В послании к римлянам он говорит, что Бог воспрепятствовал (Рим.15:22); и Лука в одном месте говорит, что не допустил их Дух идти в Асию (Деян.16:6); и к коринфянам говорит, что это было дело Духа, – и только здесь, что это дело сатаны. Какое же он разумеет препятствие от сатаны? Какие-нибудь внезапные и сильные искушения. "**Когда же**", – говорится, – "**по случаю возмущения, сделанного против него Иудеями** ", он удерживаем был в Элладе три месяца (Деян.20:3). Но иное дело медлить ради устроения чего-нибудь, и при том добровольно, и иное вследствие препятствий. Там именно (апостол) говорит: " **Ныне же, не имея [такого] места в сих странах** " (Рим.15:23), и: "**щадя вас, я доселе не приходил в Коринф".** (2 Кор.1:23). Здесь же он не говорит ничего такого, – а что? "**Сатана препятствовал**. **Я Павел", -** говорит, "**и раз и два".** Смотри, какое он обнаруживает честолюбие, как хвалит себя, когда хочет показать, что он любил их больше всех. Говорит: "**Я Павел**", вместо того, чтобы сказать: я не как другие; другие только желали придти к вам, а я и решался. "**Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли пред Господом нашим Иисусом Христом в пришествие Его?**" (ст.19)? Одни ли македоняне упование твое, скажи мне, блаженный Павел? Не одни они, отвечает. Поэтому-то он присовокупил: "**Не и вы ли? Ибо кто", –** говорит, – "**наша надежда, или радость, или венец похвалы"?** Не узнаете ли (здесь) языка женщин, пламенеющих нежнейшею любовью, и разговаривающих с малыми детьми? "**Или венец**", - говорит, **-** "**похвалы**". Одного слова: **венец** ему недостаточно было, чтобы показать блеск (своего украшения), но еще присовокупил и – похвалы. Какая пламенность! Мать и отец, сойдясь вместе и слив свою любовь, никогда не могли бы выразить любви своей наравне с Павлом. "**Радость**", – говорит, **–** "**или венец**",– т. е. я более, говорит, радуюсь о вас, нежели о венце. И подлинно, представь, насколько возможно, всю Церковь, насажденную и утвержденную Павлом: кто бы не возрадовался о таком ее многочадии и благочадии? Итак, и это не лесть; он не просто сказал: **вы**, но: **и вы** вместе с другими. "**Ибо вы – слава наша и радость!**" (ст. 20). "**И потому, не терпя более, мы восхотели остаться в Афинах одни**" – это сказал он вместо: мы решились. "**И**

послали Тимофея, брата нашего и служителя Божия и сотрудника нашего в благовествовании Христовом" (3:1,2). И это говорит, не Тимофея возвышая, а им воздавая честь тем, что послал к ним сотрудника и служителя благовествования, говоря как бы так: отвлекши от дел, мы послали к вам служителя Божия и споспешника нашего во благовестии Христовом. Потом показывает и причину: "**чтобы никто не поколебался в скорбях сих: ибо вы сами знаете, что так нам суждено**" (ст. 3). Что здесь говорит (апостол)? Так как искушения учителей смущают учеников, а он тогда находился среди многих искушений, как и сам говорит: "**сатана нам препятствовал**", – то говорит это для их ободрения. Смысл его слов такой: и раз и два хотел я идти к вам, но не мог, потому что встречалось много препятствий. И это, вероятно, смущало их, так как ученики смущаются не столько от собственных искушений, сколько от искушений учителей, подобно тому, как воин не столько приходить в смущение от своих собственных искушений, сколько тогда, когда увидит раненым своего вождя. "**Укрепить вас**", - говорит. Следовательно, посылал Тимофея для того, чтобы они не смущались, а не потому, что будто заметил какой-либо недостаток в вере их, или нужду научить их чему-либо. "Утвердить вас и утешить в вере вашей, чтобы никто не поколебался в скорбях сих: ибо вы сами знаете, что так нам суждено" (ст. 3–4). Не должно, говорит, смущаться, потому что ничего необыкновенного и неожиданного не случается с нами. И этого довольно было для ободрения их. Видишь ли, что и Христос для того же предсказывал ученикам Своим? Послушай, в самом деле, что говорит Он: "**И вот, Я сказал вам [о том], прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется**" (Ин.14:29). Много, поистине много (служит) к утешению учеников, когда они слышат от наставников о том, что с ними случится. Как больной, если наперед услышит от врача, что с ним будет то и то, не слишком смущается; а если случится с ним что-нибудь неожиданно, так что и сам врач приходит в недоумение, и болезнь превышает его искусство, то больной тоскует и смущается, – так и здесь. Павел, предвидя это, предсказал им: "**будем страдать**", – говорит, – "**как и случилось, и вы знаете**". Не о том только говорит (апостол), что случилось, но и о том, что он предсказывал многое другое, что также сбылось. "**Так нам суждено".** Следовательно, не только прошедшими искушениями не должно тревожиться и беспокоиться, – а это и значит: смущаться, – но и будущими, если бы таковые случались. "**Так нам суждено".**

4. У кого из нас есть уши слышать, пусть слышит: на это предназначен христианин. "**Так нам суждено",** – (апостол) говорит о всех верующих. "**Так нам суждено**", – а мы, точно предназначенные к неге, избегаем страданий. Почему же однакож мы избегаем страданий? В самом деле, нас не постигло ни время скорби, ни искушение, кроме как человеческое (1 Кор.10:13). Благовременно и к вам сказать: "**Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха**" (Евр.12:4); или лучше, не это благовременно к вам сказать, – а что? То, что вы еще не отрешились от привязанности к имуществу. Тем (евреям), которые лишились всего своего достояния, действительно, уместно было сказать это; но тем, которых имение цело, скажу следующее: у кого из вас разграблено имущество за Христа? Кто бит был палицами? Кто обижен, даже словами? Чем ты можешь похвалиться? На что можешь надеяться? Христос столько претерпел за нас "**бывших некогда отчужденными и врагами**" (Кол.1: 21); а мы на какие можем указать страдания, которые претерпели за Него? Страданий за Него мы не переносили никаких, между тем блага, которые получаем от Него, бесчисленны. Откуда у нас возьмется дерзновение в "**оный день**" (2 Тим.1:18)? Ужели вы не знаете, что и воин тогда только может заслужить внимание царя, когда покажет ему множество ран и язв? Если же не может показать ни одного отличного подвига, то, хотя бы не нанес никакого оскорбления, будет считаться в ряду последних. Но теперь, скажут, не время брани. А если бы оно было, то, скажи мне, кто бы стал сражаться? Кто бы напал (на врагов)? Кто бы разогнал полчище? Вероятно, никто. В самом деле, когда я вижу, что ты не презираешь имущества для Христа, то как я

поверю тебе, что ты ни во что вменишь язвы? Скажи, благодушны ли вы к оскорбляющим вас и благословляете ли их? Ты этого не делаешь и не повинуешься. Ты не делаешь того, что не соединено с опасностью: будешь ли переносить, скажи мне, удары, причиняющие столь великую боль и скорбь? Ужели вы не знаете, что во время мира надобно упражняться в военном искусстве? Не видите ли, как эти воины и тогда, когда вовсе не угрожает война, а царствует глубокий мир, вычистивши оружие, вместе с своими вождями, обучающими их военному искусству, почти каждый день выходят на открытые и широкие поля, и с величайшим тщанием упражняются в военном деле? Делал это кто из воинов духовных? Ни один. Вот почему на войне мы робки и нерадивы, и всякий удобно может нас захватить в плен. И какое безрассудство не считать настоящего времени временем войны, когда Павел взывает: "**Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы** " (2 Тим.3:12), и когда сам Христос говорит: "**В мире будете иметь скорбь**" (Ин.16:33), и когда тот же блаженный Павел громогласно взывает: "**Наша брань не против крови и плоти**", и еще: "**станьте, препоясав чресла ваши истиною**" (Ефес.6:12,14)? И никто из них не сказал тогда: зачем ты нас вооружаешь, когда нет войны? Зачем понапрасну налагаешь на нас труды, – облекаешь воинов в броню, когда можно покоиться и отдыхать? А если бы кто сказал так, то получил бы в ответ: тогда-то особенно и нужно заботиться о войне, когда ее еще нет. В самом деле, кто заботится о войне во время мира, тот страшен будет и во время войны; а кто неопытен в военном деле, тот и во время мира больше будет тревожиться. Почему? Потому что он станет плакать над своим имуществом и жалеть, что не в состоянии защитить его, так как имущество человека робкого, неопытного и непривыкшего к сражениям принадлежит всякому храброму и умеющему воевать. Итак, во-первых, я вооружаю вас по этой причине, а потом – потому, что все время нашей жизни есть время борьбы. Как и каким образом? Диавол нападает всегда. Послушай, что о нем сказано: он ходит, рыкая как лев, желая поглотить (1 Пет.5:8). На нас устремляется бесчисленное множество плотских страстей, которые нам необходимо указать (здесь), чтобы напрасно не обольщаться. Скажи мне: что не ведет войны с нами? Богатство, красота, удовольствие, сила, власть, зависть, слава, высокомерие? Против нас воюет не только наша собственная слава, препятствуя нам нисходить до смиренномудрия, но и слава других, возбуждая в нас зависть и ненависть. А что сказать про противоположные (состояния): бедность, незнатность, бесславие, уничижение, совершенное бессилие? Но это (зарождается) в нас; а со стороны других людей (восстают против нас) злоба, коварство, козни, клеветы, бесчисленные обманы. Тоже и со стороны демонов: начальства, власти, миродержители тьмы века сего, духи злобы. Иными бываем в радости, иными – в печали; то и другое может отклонять от прямого пути, равно как и здоровье и болезнь. Откуда не дается повода к греху? Если хотите, я, начав и от Адама, расскажу вам с начала? Что погубило первозданного? Удовольствие, яства и страсть любоначалия. Что – следующего за ним сына его? Зависть и ненависть. Что современников Ноя? Плотские удовольствия и происходящие от них пороки. Что – сына его? Наглость и дерзость. Что – содомлян? Наглость, распутство и пресыщение (Иез.16:49). А часто и бедность производит это. Вот почему один мудрец сказал: "**нищеты и богатства не давай мне**" (Прит.30:8). Вернее сказать – не богатство и не бедность, а наша воля, которая не умеет пользоваться ни тем, ни другим. "**Знай**", - говорит мудрый, - "**что ты посреди сетей идешь**" (Сир.9:18).

5. Чудно сказал блаженный Павел: "**Так нам суждено**". Не сказал просто: мы терпим искушения, но: "**Так нам суждено**", вместо: мы на это родились. Это наш долг, это наша жизнь, – и ты ищешь покоя? Перед тобой нет палача, терзающего ребра твои и принуждающего принести жертву; но стоит перед тобой сильное желание богатства и корыстолюбие, исторгающее у нас глаза. Никакой воин не возжег для нас костра, и не положил нас на (раскаленную) решетку; но разжжение плотское сильнее того воспаляет душу. Не предстоит царь, обещая бесчисленные блага и угрожая муками; но предстоит

неистовая страсть к славе, которая сильнее его прельщает нас. Подлинно (нам предстоит) великая, и очень великая борьба, если мы захотим бодрствовать: и настоящее время имеет венцы. Послушай, что говорит Павел: "**А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его**"(2 Тим.4:8). Если ты лишился сына любимого, единородного, воспитанного в великом богатстве, подававшего о себе добрые надежды, и единственного твоего наследника, то не сокрушайся, но благодари Бога, и прославляй взявшего (его), и в этом отношении ты будешь ничем не ниже Авраама: как тот отдал сына Богу, когда Он повелел, так и ты не сокрушался, когда Он взял у тебя.

Ты впал в тяжкую болезнь, и многие приходят к тебе и убеждают унять боль – одни заговорами, другие привязками, третьи иным чем-либо? Но ты, ради страха Божия, перенес (болезнь) мужественно и непоколебимо, и решился лучше претерпеть все, нежели позволить сделать что-нибудь идольское? Это доставляет тебе мученический венец; и не сомневайся в этом. Как это и каким образом? Я скажу тебе. Как тот мужественно переносит боль, причиняемую пытками, чтобы не поклониться кумиру, так и ты переносишь страдания, причиняемые болезнью, чтобы только не нуждаться ни в чем таком, что она предлагает и не исполнять ее повелений. Но первые (страдания) сильнее? Зато последние продолжительнее; следовательно, равносильны. А часто даже последние бывают сильнее. В самом деле, скажи мне, когда внутренний жар мучит и палит, и ты, несмотря на убеждения других, отверг нашептывания, то не мученический ли венец возложил на себя? Еще: лишился кто-нибудь денег? Многие советуют идти к гадателям; но ты, по страху Божию, так как это запрещено, решился лучше не получить денег, нежели преступить заповедь Божию? Ты имеешь равную награду с тем, кто раздал деньги бедным. Если, лишившись (денег), ты будешь благодарить (Бога) и, имея возможность идти к гадателям, решишься лучше не получить их, нежели получить таким образом, то равную будешь иметь прибыль с тем, кто расточил их для Бога. Ведь как этот, по страху Божию, раздал их нуждающимся, так и ты, по страху же Божию, не получил их обратно от похитивших. В нашей власти и обижать себя самих и не обижать; а другой никто не властен. И если хотите, мы объясним это самым (случаем с) воровством. Вор проломал стену, вломился в сокровищницу, унес многоценные золотые (сосуды) и дорогие камни, словом: все сокровище похитил, – и не был пойман. Случай неприятный, по-видимому наносящий вред, но на самом деле нет, – и от тебя зависит обратить это или во вред, или в прибыль. Но каким образом, скажут, это может быть прибылью? Попытаюсь показать, каким образом. Если ты хочешь, будет великою прибылью, а если не хочешь, будет вредом, тягчайшим прежнего. Подобно тому, как между художниками опытный в искусстве употребляет данное вещество как должно, а неопытный только портит и делает себе убыток, так бывает и в (подобного рода) обстоятельствах. Итак, каким образом будет прибылью? Если ты будешь благодарить Бога, если не будешь горько плакать, если будешь говорить словами Иова: "**наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял**" (Иов.1:21). Что ты говоришь: "**Господь взял**"? Вор взял: и как же, говоришь, ты можешь сказать: "**Господь взял**"? Не удивляйся. И Иов о том, что отнял дьявол, говорил: Господь взял. Если же он дерзнул так сказать, то как же не сказать тебе, что Господь взял то, что взял вор? Скажи мне, кому ты (более) удивляешься? Тому ли, кто истощил свое имение на бедных, или Иову – за эти слова. Ужели он, не подавая тогда (т. е. среди страданий) милостыни, заслуживает менее в сравнении с тем, кто подавал? Не говори: я не заслуживаю милости; это случилось не по моей воле; вор взял, когда я и не знал, и не хотел того; какая будет мне награда? И у Иова взял, когда он не знал и не хотел. Тем не менее он совершил подвиг. И тебе можно получить такую же награду, какую получил бы ты, раздав свое имущество добровольно. И мы по справедливости более удивляемся тому, кто переносит обиды с благодарением, нежели тому, кто добровольно раздает (имение). Почему? Потому что один находит утешение в

похвалах и (в свидетельстве своей) совести и имеет благие надежды, и, когда уже наперед мужественно решился на то, чтобы лишиться денег, тогда жертвует ими; а другой, будучи еще привязан к деньгам, насильно лишен был их. А не все равно, наперед решившись оставить деньги, потом расточить их, и лишиться, еще владея ими. Если ты будешь говорить те же слова, какие Иов, то получишь блага, гораздо большие и важнейшие, нежели он. Он получил вдвое здесь; а тебе Христос обещал воздать сторицею. Ты, по страху Божию, не богохульствовал, не прибегал к гадателям, воздавал благодарение (Богу), претерпевая обиды? Ты уподобился тому, кто презирает (свое богатство), так как этого не было бы с тобою, когда бы ты наперед не презрел его. При том не одно и то же презирать деньги, по долговременном размышлении, и перенесть лишение, внезапно случившееся. Так потеря обращается в прибыль, и дьявол не только не повредит тебе, но еще послужит к пользе.

6. Но когда происходить тяжкий вред? Тогда, когда ты причиняешь вред (своей) душе. В самом деле, скажи мне, вор лишил тебя денег? Но для чего ты сам себя лишаешь спасения? Для чего, жалуясь на обиды, которые терпишь от других, сам себя ввергаешь в большие напасти? Вор, может быть, поверг тебя в бедность; а ты, как злодей, вредишь себе в деле, особенно важном для тебя. Он лишил тебя внешних благ, которые впоследствии и против твоей воли оставили бы тебя; а ты отнимаешь у себя вечное богатство. Опечалил ли тебя диавол, отнявши деньги? Опечаль и ты его, воздав (Богу) благодарение, и не дай ему порадоваться. Если ты ходил к гадателям, то возвеселил его; если возблагодарил Бога, то нанес ему смертельный удар. И гляди, что происходит: несмотря на то, что ты сходишь к гадателям, ты не найдешь денег, потому что не их дело знать (где твои деньги), а если бы случайно и сказали – где, то ты и свою душу погубишь, и подвергнешься осмеянию своих братий, и снова дурным образом их (деньги) потеряешь. Демону, зная, что ты неравнодушно переносишь потерю (денег), из-за них отрицаешься и Бога, возвращает тебе их опять для того, чтобы вновь иметь повод обольстить тебя. Но не удивляйтесь, если бы и сказали гадатели (где деньги). Демон бестелесен, он всюду обходит, сам он вооружает грабителей, – такие дела происходят не без демона. Следовательно, если он вооружает их, то знает, где прячут (деньги), – ему нельзя не знать своих слуг. Это и неудивительно. Если увидит, что ты скорбишь о потере, то причиняет тебе и другую. Если же увидит, что ты посмеиваешься и презираешь, то уступит с этого пути. Подобно тому, как мы стараемся врагам своим сделать то, что причиняет печаль, и, если увидим, что они не опечаливаются, то, не имея возможности уязвить их, отступаем от них, так и дьявол.

Да что говорить? Разве ты не знаешь, как плывущие по морю не только не заботятся о деньгах во время бури, но даже и бросают, что имеют. И никто не скажет: что ты делаешь, человек? Ты помогаешь буре и кораблекрушению? Прежде нежели волна отняла у тебя богатство, ты сам делаешь это собственными руками? Зачем ты прежде кораблекрушения подвергаешь себя кораблекрушению? Пожалуй, и сказал бы это какой-нибудь простец, вовсе незнакомый с морскими опасностями; но мореплаватель, хорошо знающий, что производит тишину, и что возбуждает бурю, посмеется над тем, кто говорит такие слова. Я, скажет он, для того-то и бросаю, чтобы не погрузиться в волнах. Так точно и человек, искушенный опасностями и напастями жизни, когда видит наступающую бурю и духов злобы, желающих произвести кораблекрушение, бросает и остальные деньги. У тебя случилась покража? Подавай милостыню, и этим ты облегчишь корабль. Тебя ограбили разбойники? Отдай остальное Христу. Таким образом утешишься и в прежней потере. Облегчи корабль, не удерживай оставшегося, чтобы судно не потонуло. Те (мореплаватели), для спасения тел, выбрасывают груз и не дожидаются, пока набежавшая волна опрокинет судно; а ты, для спасения душ, ужели не остановишь кораблекрушения? Сделайте опыт, если не верите, умоляю вас, – сделайте опыт, и узрите славу Божию.

Когда постигнет тебя что-либо прискорбное, подай тотчас милостыню, возблагодари (Бога) за то, что случилось, – и ты увидишь, какая радость наполнит душу. Польза духовная, хотя бы и малая, такова, что может покрыть всякий вещественный ущерб. Пока ты имеешь (что-либо) подать Христу, ты богат. Скажи мне, если бы к тебе ограбленному подошел царь и протянул руку, желая что-нибудь принять от тебя: ужели ты не почел бы себя богаче всех, когда и при такой бедности царь не стыдится тебя? Чтобы не быть ограблену, победи только самого себя, – и победишь козни дьявола. Ты можешь получить великую прибыль. Презрим богатство, чтобы не презреть души. А как можно презреть его? Разве вы не знаете, что бывает с прекрасными телами и с теми, которые пленяются ими? Пока они находятся пред глазами, то (в душе) воспламеняется огонь и возгорается яркий пламень; но как скоро кто удалить их от глаз, все погаснет и успокоится. То же бывает и с богатством. Пусть никто не приобретает ни золота, ни дорогих камней, ни ожерельев: находясь перед глазами, они обольщают взор. А если хочешь быть богатым, то подобно древним собирай не золото, а необходимые вещи, чтобы от готового уделять и другим. Не будь пристрастен к украшениям. Такое богатство привлекает козни разбойников и нам причиняет заботы. Не приобретай золотых и серебряных сосудов; но пусть будут у тебя житницы, наполненные хлебом, вином и елеем, не для того, чтобы через продажу получить серебро, а для того, чтобы раздавать нуждающимся. Если мы будем удаляться от этих излишеств, то приобретем небесные блага; которые да получим все мы во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] "**мы просили и убеждали и умоляли**" в точном переводе (славянском) "моляще и утешающе и свидетельствующе".

[2] В оригинале – "осиротевши" (απορφανισθεντες).

БЕСЕДА 4

"Посему и я, не терпя более, послал узнать о вере вашей, чтобы как не искусил вас искуситель и не сделался тщетным труд наш. Теперь же, когда пришел к нам от вас Тимофей и принес нам добрую весть о вере и любви вашей, и что вы всегда имеете добрую память о нас, желая нас видеть, как и мы вас, то мы, при всей скорби и нужде нашей, утешились вами, братия, ради вашей веры; ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе" (1Фес.3:5–8).

1. Сегодня предстоит нам вопрос, задаваемый многими и выводимый из многих мест (Писания). Какой же это вопрос? "**Посему**", – говорит, – "**и я, не терпя более, послал узнать о вере вашей**". Что ты говоришь? Ужели тот, кто так много знал, кто слышал неизреченные глаголы, кто восходил до третьего неба, не знал, даже находясь в Афинах, когда и небольшое было расстояние и недавно с ними разлучился, как сам говорит: "**быв разлучены с вами на короткое время**". Следовательно, и он не знал, что происходило с фессалоникийцами и был вынужден послать Тимофея, чтобы узнать о вере их: "**как не", –** говорит, **– искусил вас искуситель и не сделался тщетным труд наш**"? Что ж, если кто и сказал, что и святые не все знали? Что действительно они не все знали, в этом каждый может удостовериться из многих примеров, как древних, так и позднейших. Так Елисей не знал о жене (4 Цар.4); так Илия говорил Богу: "**остался я один, но и моей души ищут**" (3Цар.19:10), и потому услышал от Бога: "**оставил между Израильтянами семь тысяч [мужей]**" (3Цар.19:18); так опять Самуил, посланный помазать Давида, говорит: "**Господь**

сказал Самуилу: не смотри на вид его и на высоту роста его; Я отринул его; Я [смотрю не так], как смотрит человек; ибо человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце" (1Цар.16:7). И это бывает по особенному попечению Божиему. Для чего и каким образом?

И для самих святых и для верующих в них. Подобно тому, как Бог попускает, чтобы были гонения, так и не дает им (святым) знать о многом, чтобы они смирялись. Потому-то и Павел говорил: "**дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился**" (2 Кор.12:7). Опять же для того, чтоб и другие не слишком много о них воображали. В самом деле, если их считали богами из-за чудес, то тем более (так думали бы об них), если бы они всегда все знали. И об этом сам же (Павел) опять говорит: "**чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня".** (2 Кор.12:6). Еще послушай, что говорит Петр, когда он исцелил хромого: "**что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит**" (Деян.3:12)? Если же, несмотря на то, что они так говорили и действовали, и при том в то время, когда они совершали немногие и маловажные чудеса, рождались о них неправые толки, то тем более (это могло случиться) при великих чудесах. Это было допускаемо и по другой причине. Именно, чтобы кто-нибудь не сказал, что они, как будто перестав быть людьми, совершали те подвиги, которые совершали, и чтобы оттого не предались все беспечности, – Бог являет, что и они немощны, чтобы чрез это у желающих оставаться в заблуждении отнять всякий предлог к бесстыдству. Вот почему (Павел) не знает; вот почему, и после многократных обещаний (придти), не приходит, чтобы узнали, что и он многого не знал. От этого немалая была польза. Ведь были, еще и такие, которые утверждали, что он – великая сила Божия, другие же говорили, что он такой-то и такой. Если бы этого не было (в Павле), то чего бы еще не подумали? Таким образом, хотя это и кажется в них (святых) недостатком, но если кто тщательно вникнет, для того ясно откроется и дивная сила их, и чрезмерность искушения. Каким же образом? Внимай. Если ты (Павел) выше сказал им: "**Так нам суждено**", и: "**чтобы никто из вас не поколебался**" – то для чего после этого посылаешь Тимофея, как бы опасаясь, чтобы чего не случилось вопреки твоему желанию? Но он делает это от преизбытка любви: любящие от пламенной ревности опасаются и за то, что безопасно, а это (происходит) от множества искушений. Правда, я сказал: "**Так нам суждено**"; но чрезмерное множество зол устрашило меня. Потому-то он не сказал, что, заметив в вас нечто худое, посылаю, но – "**когда я не мог уже больше терпеть",** что собственно происходило от любви. Что значит: "**не искусил ли вас искуситель**"? Видишь ли, что смущение в скорби есть действие диавола и его коварства? Когда он не может (поколебать) нас самих, то чрез нас колеблет слабейших, – что и служит признаком их крайнего и ничем неизвиняемого бессилия. Так поступил он с Иовом, возбудив (против него) жену. "**Похули", -** сказала она, - "**Бога и умри".** (Иов.2:9). Смотри, в какое искушение ввел ее. Но почему (апостол) не сказал: поколебал, а: **искусил**? Потому, говорит, что я опасался только, не подвергались ли вы искушению. Искушения от диавола он не называет колебанием, потому что тот только поколебался, кто уже принял обаяние его. О, как велика сердобольность Павлова! Он не заботился о скорбях и наветах (которым сам подвергался). А я думаю, что в это время он там находился (среди искушений), так как Лука говорит, что в Элладе он пробыл "**пробыл он три месяца. Когда же, по случаю возмущения, сделанного против него Иудеями**" (Деян.20:3).

2. Итак, он заботился не об опасностях, ему (угрожавших), но об учениках. Видишь ли, что он превзошел всякого отца по плоти? Мы в скорбях и опасностях перестаем помнить обо всех, а он так боялся и трепетал за детей, что даже того, кто был единственно для него утешением – Тимофея, сообщника и споспешника своего, послал к ним, (находясь сам) посреди опасностей. "**И не сделался тщетным ", –** говорит, **–** "**труд наш**". Почему? Ведь

если бы они и совратились, то не по твоей вине, не по твоему нерадению. Но все же и в этом случае, по причине сильной братской любви, я считал бы труд мой потерянным. "**Чтобы как не искусил вас искуситель**". Он искушает, не зная, одолеет ли. Но хотя бы он наступал и не зная, а мы знали бы, что мужественно преодолеем, – ужели мы не должны трезвиться? А что нападает на нас, не зная (одолеет ли), это показал на Иове. Злой тот дух говорил Богу: "**Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле; но простри руку Твою и коснись всего, что у него, - благословит ли он Тебя?** " (Иов.1:10,11). Искушает и, если видит нечто слабое, нападает, а если – сильное, отступает. "**И не сделался ли тщетным", –** говорит**, –** "**труд наш**". Послушаем все, как трудился Павел. Не сказал: **дело**, но: **труд**; не сказал: и вы погибнете, но: **труд наш**. Поэтому, если бы что-нибудь и случилось, то (случилось бы) то, что было вероятным; но так как не случилось ничего, то большое диво. Мы, говорит, ожидали того, а случилось противное. Мы не только не получили от вас никакого усиления печали, но даже утешение. "**Теперь же", –** говорит**, –** "**когда пришел к нам от вас Тимофей и принес нам добрую весть[1] о вере и любви вашей** ". "**И добрую весть**", - говорит. Видишь ли великую радость Павла? Не сказал: "возвестил", но: благовествовал, "принес добрую весть" – столь великим благом он считает их твердость в вере и любовь! И необходимо, чтобы усиливалась последняя, когда пребывает непоколебимою первая. Потому он и радовался о любви их, что она была признаком их веры. "**И что", –** говорит**, –** "**вы всегда имеете добрую память о нас, желая нас видеть, как и мы вас**", – то есть с похвалами. Не только когда мы находились у вас и когда совершали чудеса, но и теперь, когда мы пребываем вдали от вас, терпим побои и переносим бесчисленные бедствия, вы имеете о нас добрую память. Послушайте, как восхваляют и как ублажают учеников, сохраняющих добрую память о своих наставниках. Будем подражать им: (чрез это) мы доставим пользу себе самим, а не тем, которых любим. "**Желая ", –** говорит, **–** "**нас видеть, как и мы вас ".** И это их радовало. Для любящего ведь весьма приятно и утешительно, если любимый знает, что он любим. "**То мы, при всей скорби и нужде нашей, утешились вами, братия, ради вашей веры; ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе".** Что может сравниться с Павлом, который спасение ближних считал за свое собственное, имея такое же отношение ко всем, какое тело к членам? Кто бы мог ныне говорить таким языком? Или лучше: кто бы мог когда-либо помыслить так? Он не хотел, чтобы они изъявляли благодарность ему за перенесенные им ради их искушения; но им изъявляет благодарность за то, что не поколебались по причине искушений, с ним случившихся, говоря как бы так: вам предстояло более опасности от искушений, чем нам; вы более подвергались искушениям, нежели мы, – хотя вы и не страдали во время страданий наших. С тех пор, говорит далее, как Тимофей принес нам радостную весть, мы не чувствуем никакой горести, но "**при всей скорби и нужде нашей, утешились вами**", и не в скорби только, но и "**при нужде**" говорит. И подлинно, доброго учителя ничто не может смутить до тех пор, пока дела учеников текут по желанию его. "**Утешились вами**", т. е. вы нас подкрепили. Между тем, было наоборот, так как то, что они не изнемогли от страданий, а мужественно перенесли их, содействовало укреплению учеников. Но Павел представляет все с противоположной стороны, и обращает это в похвалу им: вы, говорит, нас умастили, вы нам дали вздохнуть, вы не допустили нас до того, чтобы мы чувствовали искушения. И не сказал: мы воодушевились, не сказал также: мы утешились,– а что же? Мы "**теперь живы**", показывая этим, что и искушением и смертью для себя считает не иное что, как их преткновение, почему и жизнью (считает для себя) их преспеяние. Каким образом кто-либо иной высказал бы (так) и печаль о немощи учеников, и радость? Не сказал: радуемся, но: "**ибо теперь мы живы**", разумея жизнь будущую.

3. Итак, без этого жизнь не считаем жизнью. Таковы должны быть расположения наставников и учеников, – и тогда не будет ничего неуместного. Потом, распространяя эту

мысль, смотри, что он говорит: "**Какую благодарность можем мы воздать Богу за вас, за всю радость, которою радуемся о вас пред Богом нашим, ночь и день всеусердно молясь о том, чтобы видеть лице ваше и дополнить, чего недоставало вере вашей?**" (ст. 9-10). Вы, говорит, были для нас виновниками не только жизни, но и великой радости, – столь великой, что мы не в силах и возблагодарить достойно Бога. Успех ваш мы считаем, говорит, даром Божиим. Вы столько облагодетельствовали нас, что мы считаем это (делом совершившимся) по внушению Божию, или лучше – делом самого Бога, так как столь возвышенные чувствования несвойственны человеческой душе и заботливости. "**Ночь и день всеусердно молясь** " И это признак радости. Как земледелец, слыша о своем поле, которое он возделал, что оно изобилует плодами, нетерпеливо желает видеть сам то, что ему доставляет такое удовольствие, так и Павел – Македонию. "**Ночь и день всеусердно молясь ".** Заметь гиперболу! "**Чтобы видеть лице ваше и дополнить, чего недоставало вере вашей ".** Здесь возникает важный вопрос. Если ты теперь жив, потому что (фессалоникийцы) устояли, и Тимофей благовестил тебе их веру и любовь, и ты исполнен столь великой радости, что не можешь достойно возблагодарить Бога, – то как здесь говоришь ты о недостатке в их вере? Те слова не составляют ли лести? Никак, – да не будет! Выше он свидетельствовал, что они оказали великие подвиги и не менее перенесли, чем и церкви, находящиеся в Иудеи. Что же это значит? То, что они еще не всем учением воспользовались и не всему научились, чему надлежало научиться; и это он поясняет к концу (послания). А быть может, между ними были и состязания о воскресении, и много было таких, которые смущали их уже не искушениями и опасностями, но тем, что выдавали себя за учителей. Это-то он и называет: "недостаток веры", – и потому-то и выразился таким образом; не сказал: "**утвердить**", но: "**дополнить**". Когда он страшился за самую веру, то "**послали**", – говорит, – "**Тимофея утвердить вас**"; а здесь говорит: "**дополнить, чего недоставало вере вашей",** что более относится к научению, нежели к утверждению, подобно тому, как и в другом месте говорит: "**да усовершит вас во всяком добром деле**" (Евр.13:21). Совершенное же – то, чему не достает немногого, и оно восполняется. "**Сам же Бог и Отец наш и Господь наш Иисус Христос да управит путь наш к вам. А вас Господь да исполнит и преисполнит любовью друг к другу и ко всем, какою мы исполнены к вам**" (ст. 11,12). Молиться не только внутренно, но и излагать молитву в послании, это – свойство чрезвычайной любви, свойство души пламенной и поистине непреоборимой, а также свидетельство о том, что молитвы приносились за них и там (в Элладе), и вместе оправдание в том, что они не пришли не по собственному произволу или нерадению. Он говорит как бы так: сам же Бог да прекратит искушения, отовсюду препятствующие нам иметь прямой к вам путь. "**А вас Господь да исполнит и преисполнит**". Видишь ли неудержимый порыв любви, выражающийся в этих словах? "**А вас Господь да исполнит**", – говорит он, **–** "**и преисполнит**" – вместо: да возрастит. Как бы с преизбытком, так можно сказать, он желает быть любимым от них. "**Какою**", – говорит, – "**мы исполнены к вам",** т. е. с нашей стороны уже есть (любовь к вам); желаем, чтобы была и с вашей. Видишь, куда хочет распространить эту любовь? Не только друг к другу, но и ко всем. В том поистине обнаруживается любовь по Богу, что (она стремится) обнять собою всех . Если же ты одного любишь, а другого нет , то твоя любовь – человеческая. Но наша не такова. "**Какою мы исполнены к вам, чтобы утвердить сердца ваши непорочными во святыне пред Богом и Отцем нашим в пришествие Господа нашего Иисуса Христа со всеми святыми Его**" (ст.13). Показывает, что эта любовь приносит пользу им самим, а не тем, которых любят. Хочу, говорит, чтобы эта любовь преизбыточествовала настолько, чтобы не было никакого порока. Не сказал: утвердить вас, но: "**сердца ваши**", – "**из сердца исходят злые помыслы**"(Мф.15:19). Можно быть злым, не делая никакого зла, как-то: иметь ненависть, неверие, быть коварным, радоваться несчастьям, быть недружелюбным, держаться превратного учения: все это – дело сердца. Быть чистым от всего этого составляет святость. Правда, святостью главным образом и по преимуществу

называется целомудрие, так же как и нечистотою блуд и прелюбодеяние; но, вообще, всякий грех есть нечистота, и всякая добродетель чистота: "**Блаженны**", – говорит (Спаситель), – "**чистые сердцем**" (Мф.5:8), разумея под чистыми чистых по всему.

4. Знаю, что и другие пороки не менее оскверняют душу. Что (вообще) порок оскверняет душу, послушай, что говорит пророк: "**Смой злое с сердца твоего, Иерусалим**" (Иер.4:14), и еще: "**Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши**" (Ис.1:16). Не сказал – (перестаньте) блудодеяния, потому что не один блуд, но и прочие пороки оскверняют душу, "**чтобы утвердить сердца ваши непорочными во святыне пред Богом и Отцем нашим в пришествие Господа нашего Иисуса Христа со всеми святыми Его".** Судиею тогда будет Христос; но мы не пред Ним, а и пред Отцом будем предстоять во время суда. Или здесь (апостол) разумеет то, что нам должно быть непорочными пред Богом, о чем и я всегда говорю, что именно – не пред лицом людей, а пред лицом Божиим,– в этом и состоит истинная добродетель. Итак, любовь делает непорочными, и при том воистину непорочными делает она. И когда я некоторому человеку однажды изъяснял это и говорил, что любовь делает нас непорочными, и что любовь к ближнему заграждает всякий вход греху, равно и о многом другом подробно рассуждал и говорил, – тогда один мой знакомый, подошедши ко мне, сказал: „а что же блуд? Разве нельзя и любить и блудодействовать? Ведь и это происходить от любви. Любостяжание, прелюбодеяние, зависть, коварство и прочее тому подобное может удалить нас от любви к ближним; но блуд каким же, говорит, образом?" Я сказал, что любовь может отсечь и это. Кто полюбит распутную женщину, тот будет стараться удалять ее и от других мужчин и сам не предаться греху с нею. Поэтому только тому, кто весьма ненавидит блудницу, свойственно творить с нею блуд, а истинно любящему ее – отклонять ее от этого постыдного дела. И нет, решительно нет ни одного греха, которого бы, подобно огню, не истребляла сила любви. Удобнее слабому хворосту устоять против сильного огня, нежели естеству греха против силы любви. Возрастим же эту любовь в душах своих, чтобы стать со всеми святыми. Ведь и они все благоугодили (Богу) любовью к ближнему. Отчего Авель убит, а не убил? Конечно оттого, что, сильно любя брата, не мог и помыслить об этом. Откуда Каин воспринял яд зависти? Впрочем я не хотел бы называть его и братом Авеля, так как не утвердились в нем незыблемо основания любви. Чем заслужили похвалу два сына Ноевы? Не тем ли, что сильно любили отца и не могли видеть наготы его? А за что один подпал проклятию? Не за то ли, что не любил? Чем также Авраам прославился? Не любовь ли, с какою он заботился о племяннике, и тем, что ходатайствовал о содомлянах? Святые были весьма любвеобильны и сострадательны. Представь, как размягчается от любви Павел, даже огнь ни во что вменявший, адамантовый, твердый, непоколебимый, всегда сильный, проникнутый страхом Божиим, непреклонный! "**Кто",** – говорит он, – "**отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?** (Рим.8:35)? Но и он, который так дерзает против всего этого и на суше и на море, который посмеивается, и адамантовым вратам ада, которого решительно ничто не останавливало, – этот адамант, когда увидел слезы некоторых возлюбленных, до того был сокрушен и растроган, что не мог скрыть сильного душевного волнения и тотчас сказал: "**что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое**" (Деян. 21:13)? Что ты говоришь, скажи мне? Эту адамантову душу могла сокрушить слеза? Да, отвечает, против всего могу устоять, кроме любви. Она одолевает меня и порабощает. Так угодно Богу. Бездна вод не сокрушила его, а немногие слезы сокрушили: "**что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое"?** Подлинно, велика сила любви! Хочешь ли видеть его опять плачущим? Послушай, что говорит он в другом месте: "**три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас**" (Деян.20:31). От великой любви он боялся, чтобы не приключилось какого-либо вреда. И еще: "**От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами**" (2 Кор.2:4). Что же Иосиф, скажи мне, этот твердый, устоявший против такого насилия,

проявивший столько доблести против такого пламени любви, так славно подвизавшийся и преодолевший такое неистовство госпожи? Что тогда не соблазняло его? И красивое лицо, важность сана, многоценность и великолепие одежд, благовоние ароматов, – ведь и это может разнеживать душу, – слова самые нежные.

5. Вы знаете, что (женщина) любящая, и при том так сильно, не откажется ни от чего унизительного, приняв вид умоляющей (рабыни). До того поражена была страстью эта жена, носящая златотканные одежды и имевшая почти царское достоинство, что припадала может быть к коленам пленного раба, а может быть, и с плачем умоляла его, обнимая колена; и делала это не однажды, не дважды, а много раз. Тогда можно было видеть и ее весьма блестящий взор. Конечно, и украшалась она не кое-как, а с величайшею изысканностью, потому что старалась разными сетями уловить агнца Христова. Прибавь к этому и многие волхвования. И однако этот непреклонный, крепкий, твердый как камень, когда увидел братьев, которые его продали, ввергли в ров, предали, хотели убить, были виновниками его заключения в темницу и возвышения, когда от них услышал слова, опечалившие отца, – скажем, говорится, что он был пожран зверями (Быт.37:20),–поколебался, размягчился, смутился и заплакал, и, будучи не в силах преодолеть душевного волнения, выходя (к братьям), "**скрепился**" (Быт.43:31), т. е. обтер слезы. Что это? Ты плачешь, Иосиф? Но предстоящее не слез достойно, а гнева и ярости, негодования и строгого наказания и отмщения. У тебя в руках враги, братоубийцы; ты можешь вполне удовлетворить своему гневу. При том, это не будет несправедливостью, потому что не ты начнешь наносить обиды, а (только) отмстишь обидевшим . Не обращай внимания на свой сан: это случилось не по их намерению, а по воле Бога, изливающего на тебя милость Свою. Почему плачешь? Но он сказал бы: не дай Бог, чтобы я, приобрев у всех добрую славу, потерял все это чрез такое памятозлобие. Подлинно, (теперь) время слез. Я не лютее зверей: и те поступают согласно своей природе, какое бы зло ни потерпели. Я плачу, говорит, потому что меня это совершенно растрогало. Будем и мы подражать ему и станем оплакивать обидевших нас, а не гневаться на них, – они подлинно достойны слез, потому что соделывают себя повинными осуждению и наказанию. Я вижу, как вы теперь плачете, как радуетесь, удивляясь Павлу и изумляясь Иосифу, и ублажая (того и другого). Но если кто имеет врага, тот пусть его теперь приведет себе на память, пусть представит его в уме, чтобы сердце, пока еще оно согревается воспоминанием об этих святых, могло отложить ярость гнева и смягчить свою суровость и жестокость. Знаю, что по выходе отсюда, после того, как я перестану говорить, хотя и останется (в вас) некоторый жар и рвение, но уже не столь сильный, как теперь во время слушания. Итак, если кто покрылся инеем, то пусть отряхнет его. А памятозлобие действительно – иней и лед. Но воззовем к Солнцу правды, будем умолять Его, да ниспошлет лучи Свои и не будет более жестокого инея, а будет вода утоляющая жажду. Если огонь Солнца правды коснется нашей души, то ничего не останется в ней затверделого, ничего жестокого, ничего жгучего, ничего бесплодного. Все явится зрелым, все сладким, все исполненным великой приятности. Если будем любить друг друга, то этот луч низойдет (на нас). Дайте мне (возможность), умоляю, говорить об этом с усердием; пусть я услышу, что вы от этих слов получили некоторую пользу, что кто-нибудь из вас, выйдя отсюда, тотчас простер обе руки своему врагу, обнял его, прижал, облобызал, заплакал! Если бы он был даже зверь, если бы камень, если бы что-нибудь другое, то и тогда он смягчился бы от такого дружелюбия. Отчего в самом деле он твой враг? Поносил тебя? Но не причинил никакой обиды. Не из-за денег ли ты презираешь враждующего брата? "Прости его", – прошу – "прекратим всё". Время в нашем распоряжении, будем пользоваться им, как должно; разорвем греховные узы; прежде нежели предстанем на суд, сами разсудим друг друга. "**Солнце**", сказано, "**да не зайдет во гневе вашем**" (Еф. 4:26). Пусть никто не медлит. Замедление производит закоснение. Если промедлишь сегодня, будет больше стыда; еще больше, если отложишь до завтра; несравненно больше, если до послезавтра. Не будем же

срамить самих себя, но отпустим, чтобы отпустилось нам. А если отпустится, то мы наследуем все блага небесные во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веков. Аминь.

---

[1] Точный перевод: "благовествовал нам о вере вашей".

БЕСЕДА 5

"За сим, братия, просим и умоляем вас Христом Иисусом, чтобы вы, приняв от нас, как должно вам поступать и угождать Богу, более в том преуспевали, ибо вы знаете, какие мы дали вам заповеди от Господа Иисуса. Ибо воля Божия есть освящение ваше" (1Фес.4:1–3).

1. Довольно побеседовав о том, что не терпело отлагательства и было как бы под руками, и затем намереваясь уже приступить к тому, что постоянно (заслуживает внимания) и о чем всегда нужно слушать, (апостол) предпосылает такое слово: "За сим" т.е. всегда и непрестанно, "**просим и умоляем вас Христом Иисусом**". Смотри! Он не признает себя даже достойным умолять от своего имени, между тем как кто был в такой мере достоин этого? Он представляет Христа: Богом умоляем вас, говорит, – это именно и значит слово: "**о Господе".** То же говорил и коринфянам: Бог вас молит чрез нас (2 Кор.5:20). "**Чтобы вы, приняв от нас**" Выражение: "**приняв**" относиться не к словам только, но и к делам. "**Как должно вам поступать".** Этим указывает на весь образ жизни. "**И угождать Богу, более в том преуспевали",** т. е. чтобы вы, при умножении усердия, не останавливались на исполнении заповедей, но восходили бы и выше. Это и значит слово: "**преуспевали**". В предыдущей беседе он выхваляет твердость их веры, а здесь научает преуспевать в жизни. Преспеяние же состоит в том, чтобы превосходить заповеди и постановления: тогда уже все совершается не по понуждению от наставника, а по собственной воле. Подобно тому, как земля должна производить не то только, что в нее брошено, так и душа должна не останавливаться на заповедях, ей предложенных, но восходить выше. Видишь ли, как справедливо сказал он – превосходить? Ведь добродетель совмещает в себе две стороны: уклонение от зла и делание добра. Поэтому, чтобы быть добродетельным, не довольно только уклоняться от зла, – в этом состоит начало (совершенства) и как бы путь, ведущий к добродетели; кроме того, еще нужно много усилий. Поэтому, правила касательно того, чего должно избегать, предлагает им в виде повеления. И справедливо, – потому что делание того, чего должно, избегать, влечет за собою наказание, а неделание не заслуживает вовсе похвалы. Между тем дела добродетели, как напр. раздаяние имущества и тому подобные, предлагает уже не в виде повеления, – а как? " **Кто может вместить, да вместит**" (Мф.19:12). Вероятно в этом послании (апостол) напоминает им о том же, о чем говорил уже со многим опасением и страхом, – о святости. Поэтому не излагает самых повелений, а только напоминает им об них. "**Ибо вы знаете,**" – говорит, – "**какие мы дали вам заповеди от Господа Иисуса. Ибо воля Божия есть освящение ваше".** Заметь, что он никогда ни на что иное так часто не намекает, как на это. И в другом месте пиша, заповедует: " **Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа**" (Евр.12:14). И что удивляться, если он везде пишет об этом ученикам, когда даже в послании Тимофею сказал: "**Храни себя чистым**"(1 Тим.5:22)? И во втором послании к коринфянам говорил: "**в великом терпении, в постах, в чистоте**"(2 Кор.6:4,5,6). И во многих местах можно найти это – и в послании к римлянам, и во всех других посланиях. И подлинно, это зло для всех пагубно. Как свинья, извалявшаяся в грязи, куда бы ни вошла, все наполняет зловонием, и поражает чувство отвратительным

запахом, так и блуд; зло это омывается с трудом. Когда же делают это и имеющие жен, то какое это крайнее безумие? "**Ибо воля, " –** говорит**, – "Божия есть освящение ваше, чтобы вы воздерживались от блуда".** Много видов бесчиния, многообразны и многоразличны любострастные наслаждения, о которых и говорить несносно. Сказав же: от всякого блуда, оставляет (перечисление видов) знающим. "**Чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения, как и язычники, не знающие Бога**" (ст. 4, 5). "**Чтобы каждый из вас**", – говорит, – " **умел соблюдать свой сосуд в святости и чести**" Следовательно, надобно учиться, и много, чтобы не предаваться нечистоте. Следовательно, когда сосуд чист, и пребывает в святости, мы владеем им; когда же нечист, тогда владеет им грех. И действительно, – потому что он делает тогда не то, чего мы хотим, но то, что повелевает грех. "**Не в страсти похотения** ", – говорит. Здесь показывает и способ, как должно уцеломудряться, т. е. отсекая страсти похотения. Действительно, и роскошь, и богатство, и леность, и нерадение, и праздность, – все это приводит нас к гнусной похоти. "**Как**",– говорит, – "**и язычники, не знающие Бога** "; язычники же таковы потому, что не ожидают будущего наказания. "**Чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим противозаконно и корыстолюбиво**" (ст. 6).

2. Хорошо сказал: "Чтобы ни в чем не поступали". Бог каждому дал жену и положил пределы природе, именно совокупление с одною. Поэтому совокупление с другою есть уже преступление, и разбой, и лихоимство, даже ужаснее всякого разбоя, потому что мы не столько скорбим тогда, когда похищают у нас деньги, сколько тогда, когда окрадывают брак. Называешь братом, и причиняешь обиду в том, в чем (преимущественно) не должно? Здесь (апостол) говорит о прелюбодеянии, а выше говорил о всяком блуде. Так как он намеревался сказать о том, чтобы не поступать с братом противозаконно и корыстолюбиво, то, предупреждая (ложное толкование), он говорит: не подумай, что я говорю это только о братьях; нет, любодействовать не должно ни с чужими женами, ни с незамужними, и (вообще) не должно иметь жен общих; должно хранить себя от всякого блуда, – почему и прибавляет: "**Потому что Господь - мститель за все это".** Сперва он умолял, заставлял краснеть, говоря: "**Как это делают язычники**"; потом посредством доводов показал гнусность дела, употребив выражение: "**обманывать брата**"; наконец присовокупляет главное: "**Потому что Господь - мститель за все это, как и прежде мы говорили вам и свидетельствовали".** Делая это, мы не останемся без наказания и не испытаем такого удовольствия, которое бы равнялось ожидающему нас мучению. "**Ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости**" (ст. 7). Так как он сказал: (Чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим противозаконно, и присовокупил, что "**Господь – мститель**", то этими словами внушает, что нанесший обиду не останется без наказания и тогда, когда претерпевший ее будет неверный. Смысл его слов такой: Бог накажет тебя не с целью отомстить за него, но потому, что ты в нем оскорбил самого Бога; Он тебя призвал, а ты Призвавшего оскорбил. Поэтому (апостол) присовокупил: "**Итак непокорный непокорен не человеку, но Богу, Который и дал нам Духа Своего Святаго**" (ст. 8). Таким образом, говорит, одинаковое совершишь преступление, когда растлишь царицу или же рабу твою замужнюю. Почему? Потому что (Бог) мстит не за лица, тобою оскорбленные, но за Себя; а ты одинаково осквернил себя, одинаково оскорбил Бога. Ведь и то и другое есть прелюбодеяние, так как и то и другое – брак. Хотя ты и не прелюбодействуешь, а блудодействуешь, хотя блудница и не имеет мужа, однако же Бог отмщает, так как Он мстит за Себя. Делая это, ты оказываешь презрение не столько к мужу, сколько к Богу; это видно из того, что от мужа, по крайней мере, скрываешь это, а о Боге, Который видит, и не думаешь. Скажи мне, если бы царь удостоил кого-либо багряницы и многих иных почестей, а тот, получив приказание жить сообразно с саном, пошел и осквернился с какою-либо женщиною, – кого бы он оскорбил: женщину, или царя, удостоившего его награды? Оскорблена была бы, конечно, и она, но не столько. Поэтому, умоляю, будем хранить себя от этого греха. Подобно тому, как мы наказываем

жен, когда они, живя с нами, отдают себя другим, так и мы сами будем наказаны, если не по законам римским, то от Бога,– потому что и это есть прелюбодеяние. Прелюбодеяние, ведь, бывает не только тогда, когда прелюбодействует (женщина) связанная браком с другим, но и тогда, когда прелюбодействует женатый. Внимательно слушай, о чем я говорю. Хотя для многих и тяжко, что я говорю, но сказать об этом необходимо, чтобы впоследствии исправиться. Не то только прелюбодеяние, когда растлеваем замужнюю женщину, но и то также прелюбодеяние, когда, сами будучи женаты, (совершаем блуд) с отпущенною и свободною. Что из того, что прелюбодействующая не сопряжена с мужем? Ты сопряжен, ты закон преступил, ты обидел свою плоть. За что, в самом деле, скажи мне, наказываешь ты жену свою, когда она сотворит блуд со свободным и не имеющим жены мужчиною? За прелюбодеяние (скажешь), так как хотя соблудивший с нею не имеет жены, но она замужняя. Следовательно, если и ты женат, то и твой поступок одинаково прелюбодеяние. "**Кто разводится с женой", –** говорится, – "**кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует**" (Мф.5:32). Если женящийся на отпущенной прелюбодействует, то не тем ли более виновен в прелюбодеянии тот, кто согрешает с нею, имея свою жену? Конечно, это для всякого очевидно. Но для вас, мужья, довольно будет того, что сказано; а о таковых и Христос говорит: "**червь их не умирает и огонь не угасает**" (Мр.9:44). Однако надобно говорить к вам ради юношей, или лучше не столько ради их, сколько ради вас; не к ним это идет, а к вам. Как именно – сейчас скажу. Не узнавший блуда, не будет знать и прелюбодейства; а осквернившийся с блудницами, скоро дойдет и до этого и будет творить блуд если не с замужними женами, то с отпущенными.

3. Итак, какое преподам вам наставление? Чтобы отсечь самые корни (зла), пусть те, которые имеют детей, находящихся в юношеском возрасте, и намереваются ввести их в мирскую жизнь, скорее соединяют их узами брака. Так как еще в юности возмущают их страстные пожелания, то до времени брака воздерживайте их увещаниями, угрозами, страхом, обещаниями и другими бесчисленными средствами; а когда наступит пора брака, – пусть никто не медлить связывать детей своих брачными узами. Не правда ли, что я говорю, точно сваха; но я не стыжусь говорить это, потому что и Павел не стыдился, когда говорил: "**Не уклоняйтесь друг от друга**" (1 Кор.7:5). Этого, по-видимому, более надлежало стыдиться, однако он не стыдился, потому что обращал внимание не на слова, а на поступки, которые (хотел) исправить при помощи слов.

Итак, когда сын возрастет, то прежде, чем вступить в воинское звание, или в другой род жизни, позаботься об его супружестве. И если он будет знать, что ты скоро приведешь ему невесту и что уже немного остается времени до брака, то в состоянии будет терпеливо переносить пламень (страсти). Если же он узнает, что ты нерадишь об этом, и медлишь, и выжидаешь, когда он будет получать большие доходы, чтобы тогда женить его, то, пришедши в отчаяние от долгого ожидания, легко устремится к блуду. Но, – увы, – и здесь корень зла составляет сребролюбие! И так как никто не заботится о том, чтобы сделать сына целомудренным и скромным, а все с неистовством прилепляются к золоту, ради которого никто и не имеет попечения (о целомудрии), то умоляю вас прежде всего заботиться об их душах. В самом деле, если он вступит в брак с невестою непорочною, если будет знать только ее тело, то и любовь будет пламеннее, и страха Божия будет больше, и брак будет подлинно честный, связывая тела чистые и нескверные, и рождаемые будут исполнены всякого благословения; и будут угождать друг другу – жених и невеста, так как, будучи оба незнакомы с привычками других людей, будут взаимно подчиняться друг другу. А кто с юных лет начал вести жизнь распутную и ознакомился с обычаями блудниц, тот в первый и второй вечер будет любоваться своею женою, а затем скоро обратится к прежнему распутству, к чрезмерному и бесчинному

смеху, – будет искать речей, исполненных бесстыдства, телодвижений страстных и всякой другой мерзости, о которой нам и говорить неприлично. Жена же благородная не допустить этого, и не позволит осквернять себя. Она вышла замуж для сожительства и для деторождения, а не для распутства и смеха, – для того, чтобы беречь дом, чтобы научить и мужа быть честным, а не для того, чтобы воспламенять в нем сладострастие. Но тебе приятными являются телодвижения блудницы? Знаю. И Писание говорит об этом: "**ибо мед источают уста чужой жены**" (Прит.5:3). Для того я и говорю все это, чтобы ты не отведывал этого меда, так как он тотчас обращается в желчь. То же самое говорит и Писание: "**но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый**" (ст. 3, 4).

Что ты говоришь (скажете)? Будьте снисходительны ко мне, если я говорю нечто, так сказать, нечистое, не стыдясь и не краснея. Не по доброй воле делаю это, а вынуждаюсь говорить такие слова для тех, которые не стыдятся таких дел. Много подобного мы видим и в Писании. Так Иезекииль, укоряя Иерусалим, много говорит подобного, – и не стыдится. И справедливо. Ведь не по собственному желанию говорил он это, но из благопопечительности. Хотя мои слова, по-видимому, неприличны, но цель не неприлична, а даже весьма хороша для того, кто хочет истребить нечистоту души. Действительно, если не услышит таких слов бесстыдная душа, то не устрашится. Как врач, желая пресечь гниение, сперва влагает персты в раны и, если прежде не осквернит целебных рук, то не сможет уврачевать, так и я. Если сперва не оскверню уст, исцеляющих ваши страсти, то не смогу вас исцелить. Лучше же сказать, здесь уста точно так же не оскверняются, как там руки. Почему именно? Потому, что это не есть нечистота естественная, и не от нашего тела происходит она, подобно как и там – не от рук врача, но от чужих (ран). Если же там он не отказывается вкладывать свои руки в чужое тело, то здесь, где наше тело, скажи мне, откажемся ли мы? А вы – наше тело, хотя больное и нечистое, но все же наше.

4. Итак, что же значит то, что я говорю, и для чего я сделал такое наставление? Одежды, которую носит раб, конечно, ты не согласишься когда-либо надеть, гнушаясь ею по причине нечистоты, но лучше согласишься быть нагим, нежели пользоваться ею; а тело нечистое и скверное, которым пользуется не только раб твой, но и другие без числа, ты будешь употреблять во зло и не будешь им гнушаться? Вам стыдно стало слышать это. Стыдитесь дел, а не слов. Я умалчиваю обо всем остальном, о развращении и нечистоте нравов, и о прочем, что есть рабского и низкого в жизни. Скажи мне, не к одной ли и той же (ходишь) и ты, и раб твой? И, о, если бы только раб, – но ведь и палач! Ты не решился бы взять палача за руку; между тем ту, которая была с ним одно тело, обнимаешь и лобызаешь, – и не трепещешь, не боишься? Не стыдишься? Не краснеешь? Не смущаешься? Говорил я вашим отцам, что скорее надобно вас женить; впрочем, и вы не изъяты от наказания. Если бы не было много других юношей, целомудренно живущих и прежде и ныне, то, может быть, нашлось бы для вас какое-нибудь оправдание; но так как они существуют, то как можете сказать, что мы не были в силах подавить пламя вожделения? Те, которые могли (преодолеть), будут вашими обвинителями, потому что они одной с вами природы. Послушайте, что говорить Павел: "**Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа**" (Евр.12:14). Ужели эта угроза не может устрашить вас? Видишь, что другие всю жизнь хранят целомудрие и живут в чистоте; а ты до юношеских лет не хочешь потерпеть? Видишь, что другие тысячекратно препобеждали похоть; а ты и однажды не устоял? Если хотите, я скажу причину. Не молодость тому причиною, потому что тогда все юноши были бы невоздержны; но мы сами себя повергаем на костер. В самом деле, когда ты войдешь в театр и сядешь там, услаждая взор свой обнаженными членами женщин, то, конечно, сначала будешь чувствовать удовольствие, но потом сильный воспламенишь в себе жар. Когда видишь

женщин, являющихся как бы в образе (обнаженного) тела; когда и зрелище, и песни не что иное выражают, как только одну гнусную любовь, именно: такая-то, говорят, полюбила такого-то, и не имела успеха и удавилась; когда предаются даже преступной любви к матерям; когда все это принимаешь в себя и чрез слух, и чрез женщин, и чрез образы, и даже чрез стариков мужчин (ведь и из них многие, надев на себя маски, представляют нам женщин), – то как, скажи мне, можешь ты после этого быть целомудренным, когда такие рассказы, такие зрелища, такие слухи обдержат твою душу и потом уступят место таким же сновидением, потому что душе прирождено видеть во сне призраки многих таких вещей, которых она днем ищет и желает? Итак, если там и дела видишь срамные, и речи слышишь еще срамнейшие, если раны получаешь, а лекарства не принимаешь, – то как, в самом деле, не увеличиться гнилости? Как не усилиться болезни, и притом в гораздо большем размере, нежели это бывает в телах наших? Воля, если только захотим; легче принимает исправление, нежели тело. Там нужны и лекарства, и врачи, и время; а здесь довольно захотеть, чтобы быть или добрым или злым. Поэтому в тебе усилилась болезнь. Итак, если мы собираем только то, что вредить нам, а о том, что приносит пользу, нимало не помышляем, то как можем мы быть здоровыми? Потому-то Павел и сказал: "**как и язычники, не знающие Бога**". Если язычники, незнающие Бога, часто бывают целомудренны, то какой стыд и страх должен овладеть нами? Мы хуже их, и потому должны стыдиться. Проводить жизнь в целомудрии легко, если захотим, если будем удаляться от того, что вредит. Если же не захотим, то и блуда не легко избегнуть. Что легче, как ходить на площадь? Но, по причине великой изнеженности, и это сделалось трудным, не для женщин только, но даже и для мужчин. Что легче сна? Но и это сделали мы трудным. Много богачей всю ночь ворочаются с боку на бок, потому что ложатся спать, не дожидаясь, когда появится потребность сна. И вообще ничто не трудно при нашем желании, равно как ничто не легко при нашем нежелании. Мы над всем властны. Потому-то и (говорит) Писание: "**Если захотите и послушаетесь";** и еще**: "если же отречетесь и будете упорствовать**" (Ис.1:19,20), – так что все зависит от желания, или нежелания, и в зависимости от этого мы и заслуживаем наказания или похвалы. О, если бы мы, находясь в числе заслуживших похвалу, сподобились получить обещанные блага, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцем и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 6

"О братолюбии же нет нужды писать к вам; ибо вы сами научены Богом любить друг друга, ибо вы так и поступаете со всеми братиями по всей Македонии. Умоляем же вас, братия, более преуспевать" (1Фес.4:9,10).

1. Что это значит, что (апостол), много побеседовав с ними о целомудрии и намереваясь столь же пространно говорить о том, что должно трудиться и не скорбеть об умерших, главу всех благ – любовь как бы отлагает в сторону, говоря: не имеем нужды, писать вам? Это тоже проистекает из великого благоразумия и духовной, его мудрости. Он чрез это достигает двух целей: во-первых, показывает, что эта добродетель до того необходима, что ненужно и учиться ей, так как всякому известно то, что имеет особенную важность для всех; во- вторых, выражаясь таким образом, он больше вразумляет их, чем в том случае, если бы обратился к ним прямо с назиданием. Предполагая, что они ведут жизнь праведную, – хотя бы они и не жили так, – и потому не побуждая их к этому, он скорее приводит их (к такой жизни). И заметь, не говорит о любви ко всем, но о любви к братии. Не имеем нужды, писать вам. Конечно, если не было нужды, то надлежало молчать и не говорить ничего. Но теперь, говоря, что нет нужды, он сделал более, нежели когда бы сказал (т. е. о любви) "**Ибо вы сами научены Богом**". Смотри, какую воздает им честь, говоря, что сам Бог учит их этому! Вам ненужно, говорит, учиться у человека. Об этом и

пророк говорит: "**И все сыновья твои будут научены Господом**" (Ис. 54:13; ср. Ин. 6:45). "**Ибо вы сами научены Богом любить друг друга, ибо вы так и поступаете со всеми братиями по всей Македонии** ": и ко всем другим, говорит. Это служит сильным побуждением исполнять (долг любви). И не без основания говорю, что "**вы сами научены Богом**", но знаю это из дел ваших. Так и об этом он многое сказал им. "**Умоляем же вас, братия, избыточествовать** (изобиловать, преуспевать) **более**", то есть более преуспевать**", "и усердно стараться о том, чтобы жить тихо, делать свое [дело] и работать своими собственными руками, как мы заповедывали вам; чтобы вы поступали благопристойно перед внешними и ни в чем не нуждались**" (ст. 11,12). Здесь дает разуметь, скольких зол причиною бывает праздность, и напротив скольких благ – трудолюбие, и объясняет это, ссылаясь на то, что бывает между нами. Он часто поступает так и делает очень благоразумно, потому что таким образом легче вразумляются люди, нежели при помощи умозрений. Долг любви к ближним состоит в том, чтобы не от них принимать, но им давать. Заметь его благоразумие: намереваясь наставлять и увещевать их, он начинает говорить о том, что видит хорошего у них, чтобы они ободрились после прежних увещаний и упрека (выраженного) в словах: "**Итак непокорный непокорен не человеку, но Богу** ", и чтобы таким образом не отпали. А это зависит от трудолюбия – чтобы не принимать (от других ничего) и не жить в праздности, но трудясь давать другим: "**блаженнее**", – сказано, – "**давать, нежели принимать**" " (Деян.20:35). "**И работать", –** говорит, – "**своими руками".** Итак, где пребывают ревнующие только о духовном подвиге? Видишь, как он отнял у них всякий предлог к извинению себя, сказавши: "**своими руками".** Совершает ли кто руками пост? Всенощное бдение? Возлежание на голой земле? Конечно, никто не скажет этого; он говорит о труде духовном, потому что давать другим от своих трудов есть подвиг подлинно духовный, и ничего нет равного ему. "**Чтобы вы", –** говорит**, –** "**поступали благопристойно**". Видишь ли, каким образом он обращается с ними? Не сказал: не срамите себя, нищенствуя; но дал понять то же самое, хотя и употребил снисходительный способ выражения, чтобы и дать почувствовать им (как это неприлично) и не слишком огорчить их. В самом деле, если собратия наши соблазняются таковыми, то внешние, которые изыскивают тысячу обвинений и укоризн, тем более соблазняются, когда видят, что человек здоровый, могущий прокормить себя, просит милостыни и нуждается в пособии других. За то и называют нас христопродавцами: этим, говорит, "**имя Божие хулится** " (Рим.2:24). Но он ничего такого не выставил на вид, а только то, что особенно могло тронуть их, именно – неблагочиние. "**Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды**" (ст. 13).

2. Их, как и всех людей, особенно сокрушали эти два бедствия – бедность и скорбь. Смотри же, как он врачует их. Бедность произошла у них от разграбления их имущества. Если же питаться трудами он заповедует тем, у которых было разграблено имущество за Христа, то тем более другим. А что их имущество было разграблено, это видно из слов: "**Вы, братия, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее** "(1 Сол.2:14). Чем? Тем; что, пиша к последним, (он тоже) сказал: "**И расхищение имения вашего приняли с радостью**" (Евр.10:34). Потом здесь говорит о воскресении, – и для чего? Разве он не говорил им об этом? Но здесь имеет в мысли некую другую тайну. Какую же именно? "**Мы", –** говорит**, –** "**живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших".** Конечно, слово о воскресении может утишить скорбящих, а сказанное теперь может соделать воскресение достоверным. Но мы прежде должны сказать о том, о чем и сам (апостол) сказал: "**Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших[1], дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды**". Смотри, как и здесь говорит кротко! Не сказал им, как коринфянам: вы столь бессмысленны, столь безрассудны, что, зная о воскресении, скорбите, как неверующие; но

сказал весьма кротко: "**не хочу**", из уважения к другой их добродетели. И не сказал: "об умерших", – тотчас, в самом начале подавая утешение.

"**Дабы вы не скорбели**", – говорит, – "**как прочие, не имеющие надежды**". Следовательно, скорбеть об отшедших свойственно неимущим упования. И подлинно. Душа, совершенно не зная о воскресении и эту смерть почитая смертью, естественно скорбит (об умерших), как о погибших, сетует и безутешно плачет; а ты, чающий воскресения, для чего плачешь? Итак, плакать свойственно неимущим упования. Послушайте, жены, которые любите плакать и предаетесь безмерной скорби: вы поступаете по-язычески. Если же скорбеть об умерших свойственно язычникам, то, скажи мне, кому прилично сокрушаться и терзать ланиты? Зачем плачешь ты, если веруешь, что умерший воскреснет, что он не погиб, что смерть есть сон и покой? Затем, говоришь, что я лишилась в нем супруга, защитника, попечителя и помощника во всех делах и нуждах. Но когда ты лишилась сына в младенческом возрасте, который еще ничего не мог для тебя сделать, тогда о чем плачешь, о чем жалеешь? Он, говоришь, подавал добрые надежды, и я ожидала, что он будет иметь обо мне попечение. Вот почему я сожалею о муже, вот почему о сыне, вот почему терзаюсь и рыдаю, – не потому, чтобы я не веровала в воскресение, но потому, что стала беспомощной и лишилась покровителя, сожителя, сообщника во всем, утешителя. Вот почему плачу я. Знаю, что он воскреснет, но не могу переносить и временной разлуки. Множество угрожает мне неприятностей: всякий, кто бы ни захотел, может обидеть меня; рабы, прежде боявшиеся, теперь презирают и наносят оскорбление; кто был облагодетельствован умершим, тот забыл его благодеяния; кто был им обижен, тот по злобе к нему изливает гнев на меня. Вот почему я не могу равнодушно переносить вдовства и не плакать горько, вот почему терзаюсь, вот почему плачу. Итак, чем утешим их? Что скажем? Чем утолим печаль их? Во-первых, я постараюсь доказать им, что плач их происходит не от этих причин, а от безрассудной страсти. В самом деле, если ты по этим причинам скорбишь, то тебе надлежит по умершем скорбеть беспрестанно. Если же по прошествии одного года ты до того забываешь его, что как будто ничего не случилось с тобою, то очевидно оплакиваешь не умершего, и не покровительство его. Но ты не можешь перенести разлуки и прекращения супружества? Что же скажут вступившие во второй брак? Конечно, они уже не жалеют о прежних мужьях. Впрочем, не к ним мы обратим слово, а к тем, которые питают искреннюю привязанность к умершим. Почему плачешь ты о сыне, почему о муже? О первом, говоришь, потому, что он не принес мне ожидаемой радости, а о втором потому, что я надеялась долее делить с ним радости. Но не дело ли крайнего неверия думать, что муж или сын защитят тебя, а не Бог? Как тебе не придет на мысль, что ты этим оскорбляешь Бога? Для того ведь Он часто и отнимает их, чтобы ты не была привязана к ним до такой степени, чтобы на них единственно возлагать свои надежды. Бог ревнив и хочет, чтобы мы более всего любили Его, и это происходит из того, что Он весьма любит нас. Вы ведь знаете, что таково свойство пламенно любящих: они крайне ревнивы и скорее согласны потерять жизнь, нежели видеть торжество своих соперников. Поэтому Бог и отнял его, – именно по этим причинам.

3. В самом деле, почему, скажи мне, в древности не было преждевременного ни вдовства, ни сиротства? Почему Аврааму и Исааку (Бог) позволил жить долгое время? Конечно потому, что (Авраам), еще когда жил (Исаак), предпочел ему Бога. Бог сказал: заколи, и он заколол. Почему лета Сарры Он продолжил до такой старости? Потому, что во все время ее жизни Авраам слушался более Бога, нежели ее. Поэтому-то Бог и сказал ему: (послушай Сарры жены твоей) (Быт.21:12). Тогда никто не навлекал на себя гнева Божия ни любовью к мужу, ни любовью к жене, ни заботливостью о сыне. Ныне же, так как мы пристрастны к земному и глубоко пали, и мужья больше любят жен, нежели Бога, а жены больше почитают мужей, нежели Бога, то Он против воли нашей хочет заставить нас

любить Себя. Не люби мужа больше, чем Бога, и никогда не испытаешь вдовства, а хотя бы оно и постигло тебя, не почувствуешь его (тяжести). Почему? Потому что покровителем ты имеешь Бессмертного, более любящего тебя. Если ты Бога любишь больше, то не плач: более Любимый бессмертен и не попустит сокрушаться о потере того, кого ты меньше любишь. Поясню тебе это примером. Если бы ты имела мужа, во всем поступающего по твоему желанию, почтенного, любящего тебя, если бы ты была с ним счастлива и прижила с ним дитя, которое потом, не достигши зрелого возраста, умерло бы, – то, скажи мне, неужели бы ты стала сокрушаться от скорби? Нет, – потому что потерю его восполнил бы более тобою любимый (муж). Так и в настоящем случае, если ты больше любишь Бога, нежели мужа, то Он, конечно, не скоро возьмет его, а если бы и взял, то ты не стала бы горько скорбеть. Поэтому-то и блаженный Иов нисколько не предался горести, услышавши о внезапной смерти детей, – потому что больше любил Бога, нежели их. Следовательно эта потеря не могла опечалить его, потому что жив был Тот, Кого он любил. Что говоришь ты, жена? Муж или сын был бы тебе защитою? А Бог разве не печется о тебе? А его самого кто дал тебе? Не Он ли? А тебя кто сотворил? Не Он ли? Ужели Тот, который привел тебя из небытия в бытие, вдохнул в тебя душу, вложил ум, благоволил даровать тебе познание о Себе, и который Сына своего единородного не пощадил для тебя, не жалеет тебя, а пожалеет тебя такой же, как и ты, раб? Какой великий гнев возбуждают слова эти! Что подобное получила ты от мужа? Ничего не можешь указать. Если он и оказал тебе какое-либо благодеяние, то сделал это, будучи наперед облагодетельствован тобою. Но о Боге никто ничего подобного сказать не может: Бог не потому благотворит нам, чтобы воздать за наши прежде оказанные Ему благодеяния, но, не имея ни в чем нужды, по одной Своей благости благотворить роду человеческому. Он обещал тебе царство, даровал жизнь вечную, славу, братство, усыновление, сделал сонаследницею Единородного; а ты после стольких благ воспоминаешь еще о муже? Что такое он даровал тебе? (Бог) повелел взойти солнцу Своему, послал дождь, питает плодами ежегодно произрастающими. Горе нам крайне неблагодарным! Для того Бог и отнимает мужа, чтобы ты не была (исключительно) привязана к нему, а ты, еще и по смерти его, желала бы иметь его, и оставляешь Бога, тогда как должна благодарить Его и всецело обратиться к Нему. Что получала ты от мужа? Болезни чадородия, труды, оскорбления, часты укоризны, выговоры и огорчения, – не это ли (терпят жены) от мужей? Но с другой стороны есть, говоришь, и выгоды. Какие же это? Он наряжал тебя в дорогие одежды? Возлагал на лицо твое золотые украшения? Заставлял всех уважать тебя? Но если ты захочешь, то (Бог) украсит тебя украшением гораздо лучшим, нежели умерший. Честность более украшает женщину, нежели золотые уборы. Есть и у этого Царя одежды, но не такие, а гораздо лучшие. В эти-то одежды, если хочешь, нарядись. Какие же это? Это риза, с рясны златыми, которою, если хочешь, облеки душу. Но при нем я не была в презрении у людей? Что ж в этом важного? За то вдовство воспрепятствует тому, чтобы ты подвергалась поруганию от демонов. Тогда ты управляла рабами своими, если подлинно управляла; а теперь, вместо прислуги домашней, ты имеешь власть над бесплотными силами, началами, властями, – над миродержителем. Кроме того, ты не говоришь о неприятностях, которые ты с ним разделяла, каковы, напр., опасение начальников, предпочтение ему сверстников? Теперь ты свободна от всего этого – от страха и боязни. Но ты заботишься, кто будет кормить оставшихся детей? Отец сирот! Кто дал их, скажи мне? Не слышишь ли, что Христос говорит в Евангелии: "**Душа не больше ли пищи, и тело одежды**" (Мф.6:25)?

4. Видишь ли, что причина плача не во вдовстве, а в неверии? Но после смерти отца дети становятся не столь знаменитыми? Почему же? Бога имеют отцом, – и становятся менее знаменитыми? Сколько укажу тебе воспитанных вдовами, и приобретших известность! Сколько напротив таких, которые воспитались при отцах, и между тем погибли! Если ты с юных лет будешь воспитывать их, как должно воспитывать, то это для

них будет гораздо благодетельнее, нежели если бы они пользовались покровительством отца. А что действительно воспитывать детей обязаны вдовы, послушай, что говорит Павел: "**если она воспитала детей**" (1 Тим.5:10), и еще: "**впрочем спасется через чадородие**" – не сказал: мужа ради, – "**если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием**" (1 Тим.2:15). С юных лет внушайте им страх Божий, – и он сохранит их лучше всякого отца, он будет стеною нерушимою. Ведь когда этот страж обитает внутри нас, то нам не нужны никакие внешние ограждения; а когда нет его, тщетно все внешнее. Он будет для них и богатством, и славою, и украшением; он сделает их славными не на земле только, но и на небесах. Не смотри ни на опоясанных золотыми поясами, ни на тех, которые ездят на конях, которые за заслуги предков блистают в царских чертогах и которые ходят с провожатыми и пестунами. Может быть, это заставляет вдов плакать над судьбою сирот, – потому что каждая из них думает, что вот и мой сын, если бы у него жив был отец, наслаждался бы таким же счастьем, а теперь он в унижении и неизвестности, так что никто даже не хочет с ним говорить. Но не об этом, женщина, думай, а воспари мыслью за врата небесные, рассмотри там царские чертоги, воззри на сидящего там Царя, помысли, могут ли эти земные счастливцы быть там славнее твоего сына – и тогда скорби. А об этом не нужно и думать, что кто-либо знаменит на земле. Он может, если хочешь, соделаться воином на небесах, может в это записаться воинство. Записанные там не на конях ездят, а носятся на облаках, не по земли ходят, а восхищаются на небо, и провожатыми имеют не рабов, а самих ангелов. Они предстоят не царю смертному, а бессмертному, Царю царствующих и Господу господствующих; не кожаными поясами опоясаны по чреслам, но тою неизреченною славою, ради которой они становятся знаменитее самих царей и вообще всех людей, когда-либо прославившихся. В тех царских чертогах требуется не богатство, не благородство, и не другое что-либо, а только добродетель, и, если есть она, то ничего больше не нужно для того, чтобы стать в ряду первых. Если будем судить правильно, то ничего не найдем такого; что бы могло нас огорчать. Посмотри на небо и гляди, насколько оно блистательнее крова царских чертогов. Если же подножие горних царских чертогов до такой степени величественнее дольних, что последние в сравнении с первыми можно почесть грязью, то каким блаженным почел бы себя тот, кто удостоился бы подробно рассмотреть самые эти царские чертоги? "**Истинная**", – говорит, – "**вдовица и одинокая надеется на Бога**" (1 Тим.5:5). К кому это сказано? К тем, которые имеют детей, потому что они более достойны почтения и больше имеют средств угождать Богу, так как у них расторгнуты все узы. Некому удерживать их, некому принуждать их, чтобы они влачили эти цепи. Ты разлучена с мужем, но соединена с Богом; не имеешь собеседником равного тебе раба, но имеешь Господа. Когда молишься, то не с Богом ли беседуешь, скажи мне? Когда читаешь, то внимай, как Он с тобою беседует. Но что Он говорит тебе? Слова, несравненно сладостнейшие, чем говорит муж. Если муж и говорит ласково, то невеликая бывает честь,– потому что он такой же раб (как и ты); но когда Господь говорит ласково к рабе, то это признак высочайшего благоволения. Как же Он утешает нас? Послушай, в каких словах Он выражает это. "**Придите",** – говорит, – "**ко мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас**" (Мф. 11:28). И еще чрез пророка взывает, говоря: "**Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя**" (Ис.49:15). Какая нужная любовь в этих словах! И еще: "**обратись ко Мне**"; и в другом месте: "**Ко Мне обратитесь, и будете спасены**" (Ис. 45:22 и 44:22). Если же кому угодно заимствовать (изречение) из книги Песнь Песней, то, читая эти таинственнейшие песни, он услышит, как Господь говорит преданной Ему душе: "**возлюбленная моя, прекрасная моя**" (Песн.2:10)! Что сладостнее этих слов? Видишь, как Бог говорит с людьми? Что же, скажи мне? Разве не знаешь, сколько у этих блаженных жен умерло детей и покоятся в гробах, – как многие из них потерпели еще большие несчастья, лишившись вместе с мужьями и детей? На это будем обращать внимание, об этом будем помнить, – и ничего скорбного не будет для нас, но

будем проводить все время в духовной радости, и насладимся вечных благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава с Отцом и Святым Духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 7

"Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших (усопших)[1], дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды" (1 Фес.4:13).

1. Многие предметы повергают нас в скорбь потому только, что мы не знаем их, когда же хорошо узнаем их – отлагаем скорбь. Указывая на это, Павел и сказал: **"Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об усопших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды"**. Чего не хочешь ты, чтобы они не знали? Учения, говорит, о воскресении. Но почему не говоришь о наказании, которое ожидает людей за незнание учения о воскресении? Потому, что это (само собою) открывается из этого учения и всеми признается. Между тем и от этого будет немаловажная польза. Он говорить с ними так, не потому что они не верили в воскресение, но потому что, несмотря на эту веру, они оплакивали (умерших). Именно, иначе он говорит с неверующими, иначе – с ними; а они, как видно из того, что исследовали времена и лета, знали (о воскресении). **"Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и усопших в Иисусе Бог приведет с Ним"** (ст. 14). Где отвергающие плоть? Если он не принял плоти, то и не умер; если же не умер, то и не воскрес. Каким же образом он приводит этим нас к вере? Не подумают ли они о нем, что он обманщик и льстец? Если смерть есть следствие греха, а Христос не согрешил, то каким образом это может служить для нас назиданием? При том, почему сказал он: **"Как и прочие, не имеющие надежды"**? Он рассуждал как бы так: кого вы, люди, оплакиваете, о ком скорбите – о грешниках ли, или просто об умирающих? Те (не имеющие надежды) оплакивают (умерших), потому что все умершие – для них ничто. **"Первенец"**, - говорит, – **"из мертвых"** (Кол.1:18), т. е. начаток. Следовательно должны быть и другие. Заметь притом, что здесь не приводит ни одного доказательства от разума, – потому что они были люди простые. Между тем, когда писал к коринфянам, он сперва много привел доказательств и от разума, и потом уже присовокупил: **"Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет"** (1 Кор.15:36). (Сказанное здесь) более имеет силы тогда, когда беседа ведется с верным; но какую это может иметь силу для неверующего? **"Так Бог"**, – говорит, –**"и усопших во Иисусе приведет с Ним"**. Опять усопшие, – нигде не говорит: умершие. Но о Христе сказал: умер, потому что присовокупил: и воскрес, а здесь: усопшие во Иисусе, разумея или усопших в вере Иисусовой, или то, что чрез Иисуса (Бог) приведет усопших, то есть верных. Еретики говорят, будто здесь он разумеет крещенных. Но отчего употребил выражение – тако? Ведь Иисус не уснул чрез крещение. Почему же говорит: усопшие? Потому что рассуждает не о всеобщем, а о частном воскресении. **"Усопших во Иисусе приведет"**, говорит он, и во многих местах говорит таким образом. **"Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших"** (ст. 15). Говоря о верных, сказал: **"И усопшие во Христе" и еще: "мертвые ...восстанут"** Потом говорит не о воскресении только, но о воскресении и о чести, какою будут они окружены, находясь в состоянии прославления. В воскресении, говорит, все будут участвовать; но в славе не все, а только усопшие во Христе. И так как он хочет утешить их, то утешает не только говоря им о воскресении, – они уже знали о нем, – но и о великой чести и быстроте (с какою последует воскресение). Желая утешить их ожидающею их честью, далее говорит: **"и всегда с Господом будем"**, и еще: **"восхищены будем на облаках"**. Как же верные умирают во Иисусе? Очевидно, имея Христа в себе. А слова: **"приведет с Ним"** дают разуметь, что будут собраны из многих мест. **"Ибо сие", – говорит, – " говорим вам словом Господним".** Намеревался сказать

нечто необыкновенное и потому присовокупил удостоверение. "**Словом Господним"** говорит, то есть, мы говорим не сами от себя, но узнавши от Христа, **"мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших".** Тоже говорит и в послании к коринфянам: **"вдруг, во мгновение ока"** (1 Кор.15:52); но здесь в удостоверение воскресения представил способ (каким должно оно совершиться).

2. И так как дело представляется трудноисполнимым, то он показывает, что столь же удобно могут быть восхищены умершие, как и живые. Употребив выражение – мы, он имеет в виду не себя, так как не располагал оставаться (в живых) до воскресения, но разумеет верных. Поэтому присовокупил: **"мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших".** Он как будто говорил так: когда слышишь, что живущие тогда не предварят истлевших, в прах обратившихся, умерших за несколько тысяч лет, то не представляй себе в этом какой-нибудь трудности, – Бог творить это, а для Него столь же легко привести оставшихся целыми, как истлевших. Есть правда такие, которые не верят этому, потому что не знают Бога. Но скажи мне, что легче, из небытия ли привести в бытие, или снова восставить истлевшее? Что однакож они говорят? Такой-то потерпел кораблекрушение и утонул; утонувшего схватили многие рыбы и каждая из рыб съела по части. Потом из этих самых рыб одна поймана в одном, другая в другом заливе и съедена одна одним (человеком), а другая другим. И опять, эти люди, съевшие рыб, пожравших человека, умерли в различных странах, и сами, может быть, съедены зверями. Как же после такого смешения и рассеяния опять оживет человек? Кто соберет этот прах? Но для чего это говоришь, человек? Для чего сплетаешь цепи пустых вымыслов и полагаешь, что этого нельзя разрешить? Если бы даже человек и не упал в море, если бы не был поглощен рыбою, и эта рыба опять не была се едена тысячами людей, но при погребении он был бы положен во гроб, и ни черви, ни иное что-либо не коснулось бы его, – то как, скажи мне, воскреснет разрушившееся? Как свяжется прах и пепел? Откуда потом возьмется цвет тела? Разве это объяснимо? Если будут сомневаться в этом эллины, то мы можем сказать им весьма многое. Что же именно? Есть у них такие, которые (учат) переселению душ и в растения, и в деревья, и в собак. Скажи мне, что легче, свое ли воспринять тело или чужое? Другие еще говорят, что (тела) в огне истлевают и что потом последует восстановление одежд и обуви, – и не смеются над ними! Иные вводят атомы. Но мы не к ним обращаем нашу речь, а к верным, если только должно называть верными вопрошающих; впрочем укажем на то апостольское (учение), что всякая жизнь возникает из тления, все растения, все семена. Не видишь ли, какой большой ствол имеет смоковница, какие большие побеги, и сколько листьев, сучьев и ветвей, сколько корней, так расширившихся и углубившихся в землю? И до такой степени высокою и широкою она становится из зерна, брошенного в землю и при том сгнившего. Если бы оно не сгнило и не разрушилось, то ничего бы и не выросло. Скажи мне, как это бывает? Так и виноград, столько приятный для взора и вкуса, родится из этого же безобразного зародыша. Кроме того, скажи мне, не одинаковая ли вода падает сверху? Каким же образом она изменяется во столько видов? Это удивительнее воскресения. Там какое семя обращает на себя (твое внимание), такое же (возникает), – и видишь растение и совершенное сходство (зерна с растением); а здесь, скажи мне, каким образом то, что имеет одинаковые качества и одинаковую природу, превращается во столько видов? В виноградной лозе (вода) делается вином, и не вином только, но и листьями и соком, потому что ею не только кисть питается, но и прочие части виноградной лозы; в маслине делается маслом, – и многим другим, чего нельзя и пересказать. И – чудное дело! Здесь делается влажным, там сухим, здесь сладким, там кислым, – то вяжущим, то горьким. Каким же образом она превращается в столько видов? Укажи причину. Но ты не в силах. Да и в тебе самом,– это ближе, – скажи мне, как извергаемое семя устрояется и преобразуется в глаза, как в уши, как в руки, как в сердце, как в столь многие члены? Не бесконечное ли в теле разнообразие видов, величины, свойств, положения, сил, составов?

Сколько нервов, жил, мышц, костей, перепонок, артерий, членов, желез; сколько еще кроме них такого, что входит в состав нашей природы, о чем подробно говорят врачи, – и все это от одного семени! Разве не покажется для тебя гораздо непонятнее то, каким образом влажное и нежное превращается в твердую и холодную кость, – как оно делается теплою и влажною кровью,– как холодным и нежным нервом, – как холодною и влажною артериею? Как это, скажи мне? Не понимаешь этого? Не усматриваешь ли каждый день воскресения и смерти в возрастах? Куда девалась юность? Откуда взялась старость? Каким образом состарившийся, который самого себя не может сделать юным, рождает другого – дитя, самое юное, и чего не может дать себе самому, то дает другому?

3. То же самое можно видеть и в деревьях и в животных, несмотря на то, что по-видимому кто дает другому что-либо, прежде сам должен иметь то, что дает. Но этого требует только человеческий разум. Когда же созидает Бог, тогда ничего не нужно. Если же это в такой степени неудобоизъяснимо и даже больше, нежели неудобоизъяснимо, то как безумствуют те – они теперь пришли мне на мысль – которые силятся постигнуть бестелесное рождение Сына! Того, что совершается ежедневно, что находится под руками и уже тысячу раз было исследовано, никто и никогда не мог еще уразуметь: как же, скажи мне, можно надеяться постигнуть неизреченное и непостижимое рождение? Разве не приходит в изнеможение ум их от тщетных этих усилий? Разве не запутывал он самого себя в безчисленных недоумениях? Разве не безмолвствовал (от изумления)? И однако они не вразумляются этим. Будучи не в силах сказать что-либо определенное о винограде и смоковнице, разсуждают о Боге. В самом деле, скажи мне, каким образом из этого зерна виноградной ягоды развиваются листья и ветви? Ведь в нем прежде этого не было и не замечалось? Но они говорят, что это происходить не от зерна, а от земли. А отчего же без него земля сама собою ничего не может произвести? Перестанем безумствовать! Это происходит не от земли и не от зерна; а от Того, кто есть Господь и земли и семян. Поэтому Он и устроил так, чтобы это происходило и при посредства их и без них (семян), чтобы таким образом с одной стороны проявить Свое могущество, ради чего и сказал: "**да произрастит земля зелень, траву**" (Быт.1:11), с другой – чтобы, вместе с проявлением Своего могущества, научить нас трудолюбию и деятельности. Для чего же все это сказано нами? Не без цели, но для того, чтобы мы и в воскресение веровали, и чтобы, мы не огорчались и не досадовали, если опять, несмотря на наше желание постигнуть что-либо умом, не будем иметь возможности достичь этого, но – благоразумно обуздывая и смиряя ум свой, находили успокоение в том, что Бог может все сделать и ни в чем не находить препятствия. Итак, узнавши это, обуздаем наши мысли и не будем переступать пределов и границ познания, которые положены для нас. "**Потому что", – говорит, – "мы все имеем знание; но знание надмевает, а любовь назидает"** (1 Кор.8:1). Я говорю не о Боге только, но и о всякой вещи. Что, например, желаешь узнать о земле? Что знаешь, – скажи мне? Как велико ее протяжение? Какая величина? Какое положение? Какая природа? Какое место? Где она утверждена и на чем? Но ты ничего не можешь ответить на это; а можешь только сказать, что она холодна, суха и черна,– больше ничего. А о море? И тут встретишь недоумение, которого не можешь разрешить,– не знаешь ведь, где оно начинается, где оканчивается, на чем носится, на чем держится дно его, какое оно занимает место, твердая ли земля за ним, или оно оканчивается водою и воздухом? Знаешь ли что-либо о том, что находится в нем? Спрошу ли еще о воздухе, о стихиях? Ничего не скажешь. Но оставим лучше это. Если хочешь, выберем самое малое растение. Скажи мне, как рождается этот злак, не приносящий плодов, который мы все видим? Не составляют ли его сущности вода, земля и навоз? Отчего же он является так прекрасным на вид и отчего имеет такой удивительный цвет? Отчего эта красота вянет? Конечно, это не есть действие воды или земли. Видишь ли, как везде необходима вера? Как рождает земля? Каковы болезни ее рождения, скажи мне? Но ты ничего не можешь на это сказать. Изучай же, человек, то, что находится долу – здесь, и не трудись по-пустому,

не любопытствуй много о небе, – и если бы только о небе, а то и о Владыке неба! Скажи, ты не знаешь земли, от которой родился, на которой воспитан, на которой живешь, по которой ходишь, без которой и дохнуть не можешь, а любопытствуешь знать о таких отдаленных предметах? Поистине человек – суета! Если бы кто велел спуститься в глубину и узнать, что находится на дне моря, – ты отверг бы приказание; а сам, без всякого принуждения, хочешь наследовать неисследимую пучину. Не мудрствуй, прошу тебя. Будем плавать по поверхности, не будем следовать влечению мудрования; иначе скоро утомимся и утонем. Но пользуясь божественным Писанием, как бы некоторым кораблем, распустим паруса веры. Если мы будем плавать на нем, то и кормчим у нас будет слово Божие; если же станем плавать на мудрованиях человеческих, то не будет (кормчего). Кому в самом деле из плавающих таким образом помогает кормчий. Следовательно, нам будет угрожать двойная опасность: с одной стороны та, что не будет корабля, с другой та, что не будет кормчего. Если же судно без кормчего подвержено опасности, то какая надежда на спасение, «когда нет ни того, ни другого? Итак, не будем подвергаться явной опасности, но будем плавать в безопасном месте, утверждаясь на священном якоре., Таким образом, несмотря на тяжелый груз, с совершенною безопасностью достигнем тихой пристани и получим блага, уготованные любящим Его во Иисусе Господе нашем с Которым Отцу со Святым Духом слава (во веки веков. Аминь).

---

[1] В синодальном переводе неточность. В оригинале "усопших" – κοιμώμενων.

БЕСЕДА 8

"Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, 16 потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; 17 потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем"(1 Сол.4:15—17).

Пророки, желая показать достоверность того, о чем намеревались говорить, прежде всего другого, говорят: **"Видение Исаии, сына Амосова, которое он видел"** (Ис.1: 1); или: **"Слова Иеремии, к которому было слово Господне"** (иер.1:1); и еще: **"Ибо так говорил мне Господь"** (Ис.8:11),— и тому подобное. Многие видели и самого Бога сидящего (Ис.6:1), насколько им возможно было видеть. Но Павел, который не сидящего видел, а имел в себе самом Христа говорящего, вместо того, чтобы сказать: **"Ибо так говорил мне Господь"**, говорил: или **"Вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне"**(2 Кор.13:3), и еще: **"Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа"** (2 Кор.1: 1),— показывая, что он ничего не говорит от себя, потому что посланник передает только слова пославшего. И еще: **"думаю, и я имею Духа Божия"**(1 Кор.7:40). Впрочем, все это он изрекал по внушению Духа; между тем то, что говорит теперь, он слышал от Бога словесно, подобно тому, как он слышал тайно то, что сказал в беседе с ефесскими старейшинами: **"блаженнее давать, нежели принимать"**. (Деян.20:35). Посмотрим же, что здесь говорит он : **"сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, 16 потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба"**. То же и Христос в свое время говорил: **"силы небесные поколеблются"** (Мф.24:29). Почему же в трубе? Потому что и на Синае мы видим это, и ангелов тоже. Но какое значение имеет глас архангела? Такое же, как и то, что было сказано о девах: **"жених идет, выходите навстречу ему"** (Мф.25:6). Или об этом он здесь говорит, или о

том, что тогда, когда ангелы будутъ служить при воскресении, совершится нечто подобное тому, что бывает при царе. Именно, (Бог) скажет: да воскреснут мертвые! — и это будет приведено в исполнение не силою ангелов, а — Его слова, — подобно тому, как если бы царь повелел и сказал: пусть выйдут заключенные, и пусть слуги изведут их, то они исполнили бы это не своею властью, а вследствие повеления царского. Обь этом и въ другом месте говорит Христос: **"и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их"** (Ме.24:31), — и повсюду видишь ангелов, поспешающих исполнить повеление Божие. Следовательно, архангел, как полагаю, есть начальник посланных, который будет взывать (к ним): готовьте всех, Судия предстоит. Что значит: в последней трубе? Значит то, что труб будет много, и что Судия сойдет при (звуке) последней трубы. **"И мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем. Итак, утешайте друг друга сими словами"** (ст. 16-18). **Если** (Господь) намерен сойти, то для чего мы будем восхищены? Чести ради. Ведь и тогда, когда царь въезжает в город, почетные граждане выходят к нему на встречу, а преступники внутри ожидают судию; и тогда, когда возвращается нежный отец, дети и те, которые заслуживают название детей, въезжают на колеснице (к нему навстречу), чтобы видеть и приветствовать его, а те из домочадцев, которые оскорбили его, остаются дома. Мы понесемся на колеснице Отца. Как Он подъял самого (Господа) на облаках (Деян.1:9), так и мы восхищены будем на облаках. Видишь, какая честь? Мы и встретим Сходящего, и, что всего радостнее, **"ибо вовек милость Его. Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его"** (Пс.105:2)? Каких великих благ удостоил Он род человеческий! Прежде восстанут умершие, и таким образом все вместе встретят его. Авель, умерший прежде всех, выйдет тогда навстречу вместе с оставшимися в живых, так что они при этом не будут иметь никакого преимущества, и истлевший, столько лет лежавший в земле — встретит его вместе с живыми, равно как и все прочие. Если они ждали нас, чтоб и мы увенчались, как говорит (апостол) в **другом** месте: **"Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства"** (Евр.11:40), то тем более должны мы подождать их. Или лучше: они нас ждали, а мы их не будем, потому что воскресение произойдет вдруг, **"во мгновении ока"** (1 Кор.15:52) Слово же — соберутся показывает, что воскреснут повсюду, собраны же будут ангелами. Следовательно, воскресить есть дело всемогущего Бога, повелевающего земле возвратить вверенное, без всякого содействия слуг, подобно тому, как было и тогда, когда Господь воззвал къ Лазарю: "**Лазарь! иди вон"** (Иоан.11:43); а привести (воскресших) будет дело слуг. Но если ангелы повсюду будут обтекать (землю) и собирать (воскресших), то как же говорится здесь, что (воскресшие) восхищены будут? Они восхищены будут после того, как (Господь) сойдет, после того, как (все народы) собраны будут. Все это произойдет вдруг, и при том так, что никто наперед не будет знать. Только когда увидят, что земля колеблется, что прах опять соединяется в один состав, в то же время повсюду восстают тела, без всякого с чьей-либо стороны содействия, а только по велению (Господню), которого одного довольно, чтобы землю, преисполненную (мертвых тел), освободить от этого бремени, — представь въ самом деле, что все умершие, сколько ни будет их, от Адама и до пришествия (Господня), восстанут тогда с женами и детьми, — когда, говорю, увидят такое на земле смятение, тогда только узнают (что наступил конец Мира). Поэтому как они ничего наперед не могли предвидеть касательно рождения по плоти (Господа), так и тогда (ничего наперед не узнают).

2. Итак, когда это произойдет, тогда будет и глас архангела, повелевающего ангелам и взывающего, и будут трубы, или лучше звук труб. Какой страх, какой ужас обнимет тогда оставшихся на земле! "О**дна берется, а другая оставляется.** (Мф.24:41); и "**один возьмется, а другой оставится"** (Лук.17: 36). Каково будет состояние душ их, когда

увидят, что другие будут восхищены, а они будут оставлены! Не больше ли всякой геенны приведет это их в ужас? Представим себе в мысли, что это уже теперь совершается. Если внезапная смерть, разрушение городов от землетрясения и другие ужас наводящие события столько поражают наши души, то каково бvдет состояние нашей души тогда, когда увидим, что земля разверзается и ее поверхность покрывается всеми умершими, — когда услышим звук труб и глас архангела, который громче всякой трубы, — (когда увидим) что небеса свиваются и грядет Царь всяческих — Бог? Вострепещем, умоляю вас, и убоимся так, как будто это уже ныне свершается; не станем успокаивать себя тем, что это еще не скоро будет; ведь если это неминуемо должно быть, то замедление нисколько нам не поможет. Какой тогда будет страх, какой ужас! Видали ли вы когда-нибудь ведомых на смертную казнь? Каково бывает, полагаете вы, состояние их душ, когда они проходят путь до места казни? Не мучительнее ли оно всякой смерти? Чего бы не решились они и сделать, и претерпеть, чтобы только избавиться от этой мрачной участи? Я слышал отъ многих, которые, по милосердию царскому, возвращены были назад с места казни, что они в то время и людей не узнавали: в таком смятении, ужасе и трепете находилась их душа. Если же телесная смерть так ужасает нас, то что будем ощущать, когда наступит смерть вечная? Но что я говорю о ведомых на казнь? Их окружает в то время толпа народа, изъ которого многие даже не знают их. Но если бы кто проник в души их, то, конечно, он не остался бы ни столько жестоким, ни столько безжалостным, ни столько неустрашимым, чтоб не возмутиться самому и не почувствовать страха и скорби. Поэтому, если в такой степени приходят в смущение совершенно посторонние люди тогда, когда другие умирают смертью, ничем не отличающеюся от сна, то каково будет наше состояние, когда мы сами подвергнемся гораздо большим (мучениям)? Невозможно, поверьте, невозможно словами изобразить (этого) страдания. Правда, говорят; но Бог человеколюбив и ничего подобного не случится. Следовательно, напрасно об этом и написано? нет, говорят, но это только угроза, чтобы мы вразумились. Если же мы не вразумимся, а будем коснеть во зле, то, скажи мне, ужели (Бог) не пошлет наказания? Следовательно, Он и добродетельным не воздаст награды? Воздаст, говорят, потому что Ему свойственно благотворить и сверх заслуг. Таким образом это на самом деле и непременно последует; а наказаний вовсе не будет, и говорится об них только ради угрозы и внушения страха. Не знаю, чем мне уверить вас. Если скажу, "**что червь их не умрет и огонь не угаснет"** (Марк, 9:44); если скажу, что пойдут в огонь вечный; если укажу на богача, уже претерпевающего наказание, — вы скажете, что все это только угроза. Чемъ же мне уверить вас? Поистине, это — сатанинская мысль, тщетно ласкающая милосердием и повергающая в безпечность! Как же нам истребить ее? Если ириведем что-нибудь из Писаний, вы скажете, что это сказано в виде угрозы. Но так можно разсуждать о будущем, а о том, что уже сбылось и вполне совершилось, вовсе нельзя. Все вы слышали о потопе. Неужели и об этом сказано в виде угрозы? Неужели его на самом деле не было? И допотопные люди много подобного говорили, и в продолжение ста лет, когда строился ковчег, сплачивались деревья и проповедовал праведник, никто не нашелся, кто бы поверил. Но так как они не поверили угрозе на словах, то понесли наказание на деле. То же будет и с нами, если не станем верить. Потому-то Господь и сравнивает Свое пришествие со днями Ноя: подобно тому, как некоторые не верили тому потопу, так и ныне не верят многие потопу геенскому. Ужели это только угроза? Ужели на самом деле этого не было? Ужели Тот, кто послал тогда такое неожиданное наказание, тем более не пошлет его ныне? Ведь то, что делается теперь, нисколько не извинительнее того, что было тогда. Почему? Потому, что тогда вошли, сказано, сыны Божии къ дщерям человеческим (Быт.2:2), и это смешение было тяжким (преступлением), а ныне нет ни одного вида зла, на который бы (люди) не решились. Итак, верите ли вы, что потоп был, или вам кажется это баснею? Но и горы, на которых остановился ковчег, я разумею горы Армении, свидетельствуют о нем.

3. Впрочем из великого множества (свидетельств) я приведу и другое, которое будет яснее указанного. Путешествовал ли кто-нибудь из вас когда по Палестине? Я уже не буду больше доказывать посредством слов, а посредством событий, хотя первые и достовернее последних, так как то, что говорит Писание, достовернее того, что мы видим. Итак, путешествовал ли кто-нибудь из вас когда по Палестине? Думаю, что путешествовал. Что же? Пусть те из вас, которые видели те места, будут мне свидетелями пред теми, которые там не были. Выше Аскалона и Газы, при самом устье реки Иордана, есть некоторая обширная и плодоносная страна, или лучше сказать — была, потому что теперь она не такова. Эта страна действительно была похожа на рай. "**Лот возвел очи свои", — сказано, " — и увидел всю окрестность Иорданскую, что она… вся до Сигора орошалась водою, как сад Господень" (**Быт.13:10). Эта-то страна, цветущая, не уступающая никаким странам, равняющаяся плодородием раю Божию, теперь пустыннее всех пустынь. Правда, растут там деревья и приносят плод; но этот плод — памятник гнева Божия. Там растут гранатовые яблоки — разумею и дерево и плод, которые имеют прекрасную наружность, и незнающему подают многие надежды; но когда возьмет кто-либо их в руки, то разломив не найдет никакого плода, а прах и пепел, обильно в них накопившийся. Такова там и вся земля; даже если возьмешь камни, то и те, найдешь, превращены в пепел. Но что я говорю о камне, о деревьяхъ и земле? Там и самый воздух и вода подверглись такой же бедственной участи. Подобно тому как тело, которое подверглось действию огня и сгорело, хотя и сохраняет среди огня прежний вид, и образ, и величину, и соразмерность частей, но жизни вовсе не имеет, — так точно и там видишь землю, но в ней нет ничего свойственного земле, а все — прах; видишь деревья и плоды, но они ничего не имеют свойственного деревьям и плодам; видишь воздух и воду, но они не имеют ничего свойственного ни воздуху, ни воде, потому что и они превратились в пепел. Как же мог сгорать воздух? Как могла сгореть вода, оставаясь водою? Сожигать можно только деревья и камни, а воздуха и воды никак невозможно. Невозможно для нас, а для Сотворившего их возможно. Итак, воздух там не что иное, как огонь, и вода — огонь: все бесплодно, все пусто, все служить образом гнева прежде бывшего, знамением грядущего. Неужели и это угрозы только на словах? Неужели и это пустой звук слов? Для меня не невероятно и прежде сказанное, и невиданное мною столь же достоверно, как и виденное; а неверующего может убедить только это последнее. Кто не верит в геенну, тот пусть подумает о Содоме, пусть вспомнит о Гоморре, об этом прежде бывшем и еще до сих пор продолжающемся наказании. Это служит предзнаменованием тому, что мучения будут вечны. Тяжела эта речь? А разве это не тяжело, когда ты говоришь, что нет геенны, но Бог только угрожает ею, — когда ты развязываешь руки у народа? Ты сам своим неверием принуждаешь меня сказать это. Если бы ты верил словам Христовым, то я не был бы вынужден приводить тебя к вере, ссылаясь на события. Но так как ты уклоняешься от первых, то волею или неволею должен будешь поверить последним. В самом деле, что ты можешь сказать о Содоме? Хочешь ли знать и причину, ради которой случилось это? Был один грех, конечно, тяжкий и проклятия достойный, — однакож один: жившие тогда пылали неистовою страстью къ отрокам, и за это потерпели такое наказание. А ныне совершается множество грехов и равных этому, и тяжелее его. Ужели же Тот, Который за одно прегрешение излил такой гнев и не обратил внимания ни на мольбы Авраама, ни на живущего в том городе Лота, который для сохранения чести рабов (Его) отдавал на поругание собственных дочерей, — пощадит нас, когда мы совершаем столько грехов? Подлинно (такая мысль) есть насмешка и пустословие, заблуждение и диавольское обольщение. Хочешь ли, я приведу тебе и другой пример? Конечно, ты слышал о фараоне, египетском царе, — следовательно, знаешь и о казни, какая постигла его, равно как и о том, как он потонул в Чермном море со своими колесницами, конями и со всем своим воинством. Хочешь ли знать еще другие примеры? Он, может быть, был нечестив, и даже не только — может быть, а действительно был нечестив. Хочешь ли знать, что наказание постигает и тех,

которые хотя и веруют в Бога и внимают Его учению, однако живут неправедно? Послушай, что говорит Павел: **"Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи. Не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали и погибли от змей. Не ропщите, как некоторые из них роптали и погибли от истребителя" (**1 Кор. 10: 8—10). Если блуд и ропот были столь гибельны, то чего не произведут наши (грехи)? Если же Бог не посылает теперь наказания, — не удивляйся, — потому что те не знали о геенне, и потому немедленно подвергались наказанию; а ты, когда согрешишь, хотя бы здесь и не подвергся никакому наказанию, будешь там наказан. Затем, ужели Тот, Кто подверг столь строгому наказанию тех, которые менее были опытны и не так много согрешали, простит нас? Это было бы несогласно с разумом. Мы заслуживаем большего наказания, хотя бы совершили такие же грехи, как и они. Почему? Потому что мы сподобились большей благодати. А когда мы согрешаем и больше и тяжелее их, то какому наказанию мы должны подвергнуться? Те (впрочем, пусть никто не думает, что я, говоря так, удивляюсь им, или извиняю их, — нисколько: когда Бог наказывает, то тот, кто держится противоположного мнения, делает это по наущению от диавола; следовательно, я говорю это не с тою целью, чтобы хвалить или извинять их, но чтобы показать собственное наше развращение), те, говорю, если и роптали, то (делали это) когда странствовали по пустыне; а мы ропщем, живя в отечестве и пребывая в собственных домах. Те, если и блудодействовали, то (делали это) когда едва удалились от египетских мерзостей и почти еще не слыхали этого закона; а мы блудодействуем, приняв от предков спасительные заповеди; следовательно, достойны большего наказания. Хочешь ли знать и другие казни, какие они претерпели в Палестине — голод, мор, войну, плен как у вавилонян, так и у ассириян, бедствия от македонян, при Адриане и Веспасиане? Хотелось бы мне, возлюбленный, рассказать тебе еще нечто; но боюсь, чтоб ты не удалился от меня, — и потому прежде того расскажу другое. Был некогда голод, говорит (Писание), и царь обходил городские стены; тогда жена некая, приступив к нему, сказала следующие слова: царь, "**та женщина говорила мне: "отдай своего сына, съедим его сегодня, а сына моего съедим завтра. И сварили мы моего сына, и съели его. И я сказала ей на другой день: "отдай же твоего сына, и съедим его. Но она спрятала своего сына"** (4 Цар.6:28—29). Что ужаснее этого несчастья? Еще в другом месте **говорит пророк: "Руки мягкосердых женщин варили детей своих"** (Плач.4:10). Итак, ежели иудеи понесли такое наказание, то не подвергнемся ли мы гораздо большему?

4. Хочешь ли знать и о других бедствиях (которые постигли) их? Прочти Иосифа (Флавия), и узнаешь всю их плачевную историю. По крайней мере этим, может быть, уверим тебя, что геенна существует. Посуди сам: если иудеи подвергались наказанию, то почему мы должны остаться ненаказанными? Или: как это возможно, чтобы мы не были наказаны, хотя больше их согрешили? Не потому ли (так думаем), что наказание только, ожидает, нас впереди? Но, если угодно, я покажу и то, как наказываемы были разные лица порознь. Каин убил брата. Подлинно ужасное преступление: кто станет отрицать это? За то он понес наказание и тяжкое, и равняющееся бесчисленным смертям, — такое, которому он тысячу раз предпочел бы смерть. Послушай, что он сам говорит: " **теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня"** (Быт.4:14). Но, скажи мне, не делают ли многие и теперь того же, что он? Не то ли самое делаешь, когда убиваешь брата — не плотского, а духовного? Не убиваешь ли ты его, хотя не оружием, а иным образом, когда, будучи в состоянии утолить его голод, ты пренебрег этим? Итак, что же? Разве ныне никто не завидует брату? Разве никто не подвергает опасности его жизнь? Правда, они здесь не несут за это наказания; но будут наказаны. Затем, один, который не знал ни письменного закона, ни пророков, не видел великих знамений, подвергается такому тяжкому наказанию; а другой, который совершил такое же

преступление и даже не вразумился такими примерами, неужели останется ненаказанным? Где же правда Божия? Где Его благость? Еще: некто, собиравший дрова в субботу, былъ побит за то камнями, несмотря на то, что заповедь (о субботе) не столь важна и ниже обрезания. Итак, собиравший дрова в субботу был побит камнями; между тем другие, которые часто совершали бесчисленные противозаконные поступки, отойдут без наказания? Поэтому, если нет геенны, то где правосудие, где беспристрастие? При том (Господь) подверг подобному наказанию многих других, которые не хранили суббот. Еще: другой, некий сын Хармиев (Ахар), за то, что украл вещь, принесенную в дар Богу, был побит камнями со всем родом. Что же? Ужели после того не было ни одного святотатца? Еще: Саул, пощадивший (врага) вопреки Божию повелению, понес тяжкое наказание: ужели же после того никто не щадил (врагов)? О, если бы мы только это совершали и не пожирали — став лютее зверей — друг друга вопреки Божию повелению! Однако никто не пал за это на брани. Еще: сыновья Илия потерпели самое тяжкое наказание вместе с своим отцом за то, что вкушали (мяса) прежде каждения. Но ужели (после того) не было ни одного отца, нерадеющего о детях, или не было детей развратных? Однако никто не понес наказания. Когда же они понесут, если нет геенны? Можно привести еще безчисленное множество других примеров. Что же? Разве Анания и Сапфира не тотчас были наказаны за то, что утаили часть из того, что посвятили Богу? Но ужели после того никто не сделал ничего подобного? Отчего же они не понесли равного наказания? Итак, убеждаешься ли ты, что есть геенна, или нужно тебе больше примеров? Обратимся же к тому, что не предано письмени, а свершается теперь в жизни: нам ведь нужно отовсюду обозреть этот предмет, чтобы вследствие неблагоразумного снисхождения не нанести себе самим вреда. Не видишь ли многих в несчастии, изувеченных, претерпевающих многоразличные бедствия между тем как другие наслаждаются благополучием? Почему одни наказываются за убийства, а другие нет? Послушай, что говорит Павел: **"Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых (открываются) впоследствии"** (1 Тим.5:24). Сколько смертоубийц избежало наказания! Сколько расхитителей гробниц! Но оставим это. Сколько неизвестно тебе таких людей, которые претерпевают жестокие наказания! Одни подвержены долговременной болезни, другие беспрестанным мукам, иные иным бесчисленным бедствиям. Поэтому, когда ты увидишь, что какой-либо человек дерзнул совершить подобное тому, что они (сделали), или еще большее, и не понес наказания, то не согласишься ли даже против воли, что геенна существует? Представь себе тех, которые здесь до тебя тяжко были наказаны; помысли, что Богъ нелицеприятен, и что ты, совершив безчислениые преступления, не потерпел никакого наказания — в твоем уме родится мысль о геенне. Бог так глубоко всеял ее в нас, что никогда не было ни одного человека, который бы не имел понятия о ней. И поэты, и философы, и баснописцы, и все вообще люди разсуждали о воздаянии за гробом и говорили о наказании многих в аде. Если же сказанное ими баснословно, то небаснословно то, что мы сказали. Это я говорил вам не потому, чтобы только навести на вас страх и привести в уныние ваши души, но чтобы соделать их и более воздержными, и кроткими. Я сам, даже больше других, желал бы, чтобы не было наказания. Почему же? Потому что каждый из вас страшится только за свою душу; а я буду подлежать ответственности и за это предстоятельство, так что мне более всех невозможно избежать геенны. Но быть не может, чтобы не было наказания и геенны. Что мне делать? Опять рождается сомнение, опять говорят: где же Божие человеколюбие? Везде! Но об этом я более поговорю в другое время, чтобы не затемнить слова о геенне. Теперь же пусть не пропадает польза, какую ныне мы получили из сказанного о геенне, — так как немаловажная польза убедиться въ существовании геенны. Памятование сказанного о ней, постоянно пребывая въ наших мыслях, как некое едкое лекарство, будет истреблять всякую злобу. Воспользуемся же этим лекарством, чтобы, очищая им свое сердце, мы сподобились увидать, чего ни око не видело, ни ухо не слышало, ни на сердце человеку не входило (1 Кор.2: 9), чего и да сподобимся все мы

благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 9

"О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия, ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью" (1 Фес. 5:1-2).

1. Ни в чьей, кажется, природе нет столько пытливости и жадности к знанию невидимого и сокрытого, как в человеческой. Это в ней обыкновенно обнаруживается тогда, когда ум еще несовершен и необразован. Так неопытные дети неотступно беспокоят и воспитателей, и наставников, и родителей множеством вопросов, в которых нет ничего, кроме как: когда бывает то-то и когда то-то. Это же случается и (с возрастными) от неги, или от того, что им нечего делать. Итак, ум наш сильно желает узнать и постигнуть многое, а особенно время кончины (Мира). И что удивительного, если это занимает нас, когда и самих святых апостолов это всего более занимало? Так прежде страдания (Христова) они приступили къ Христу с словами: **"скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века"** (Мф.24:3)?

II после страдания и воскресения Его из мертвых также говорили Ему: **"не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю"** (Деян, 1:6)? – и ни о чем ином прежде этого не спрашивали Его. Но не так было после. Когда они сподобились Духа Святого, то не только сами не спрашивают и не скорбят о таком неведении, но удерживают от этого и других, страдающих таким неуместным любопытством. Послушай, что говорит теперь блаженный Павел: "**О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия". Почему не сказал** он, что никто того не знает? Почему не сказал, что это не открыто, но – **"нет нужды писать к вам, братия"**? Потому, что теми словами он более опечалил бы их; напротив этими успокоил. Словами: "нет нужды" он воспретил им спрашивать об этом, как о чем-то излишнем и бесполезном. В самом деле, какая была бы польза (знать это), скажи мне? Положим, что кончина последует через двадцать лет, через тридцать, через сто лет: какое это имеет к нам отношение? Не составляет ли для каждого кончины века конец его жизни? Отчего много любопытствуешь о всеобщей кончине и отчего причиняешь себе этим печаль? Но что бывает с нами в других (случаях), то же и в настоящем. Как в других (случаях) мы, не обращая внимания на собственные дела, беспокоимся о чужих, говоря: такой-то блудник, такой-то прелюбодей, тот украл, этот обидел, а о своих не говорим ни слова, напротив больше печемся о поступках всех других людей, нежели о своих собственных, – так и здесь каждый из нас, оставив заботу о своем конце, желает узнать об общей кончине. Что ты имеешь общего с нею? Если ты хорошо приготовишься к своей кончине, то от всеобщей не потерпишь никакого зла. Будет ли она далеко, будет ли близко, – это нисколько к нам (не относится). Потому-то и не сказал о ней Христос, то есть потому, что это было бесполезно. Почему же, скажут, бесполезно? Тот, Кто сокрыл это, сам знает, почему бесполезно. Послушай, что говорит Он апостолам: **"не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти"** (Деян.1:7). Для чего же любопытствовать вам? Вотъ что услышали находившиеся с Петром, верховным (апостолом), пожелав узнать более, нежели сколько нужно было им знать. Да, скажут, но тогда можно было бы заграждать уста эллинам. Как, скажи мне? Так как они, скажете, учат, что этот мир есть Бог, то, зная время разрушения его, мы этим заградили бы им уста. Конечно; но чтобы заградить уста эллинам, нужно ли доказать то, что мир разрушится когда-нибудь, или то, когда именно он разрушится? Если желаете заградить им уста, то скажите, что мир будет иметь конец. Если они этим не убедятся, то не убедятся и тем. Послушай, что говорит Павел: "**ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью"**, не только день всеобщий, но и каждого

собственный. Этот последний уподобляется первому, потому что имеет сходство и сродство с ним. Какое значение имеет первый для всех в совокупности, такое же последний для каждого в частности. Время всеобщей кончины началось с Адама, а конец жизни каждого из нас есть образ этой кончины,– даже не погрешил бы тот, кто назвал бы его всеобщею кончиною. В самом деле, если каждый день люди умирают тысячами, если все умершие ожидают того дня и прежде его никто не воскресает, то не следует ли отнести этого к кончине всеобщей? Если же хотите знать, для чего сокрыт этот день и почему он придет как тать ночью, то я, как мне кажется, справедливо скажу вам: никто никогда во всю жизнь свою не стал бы заботиться о добродетели, если бы этот день был известен и не был сокрыт, но всякий, зная последний день свой, совершал бы бесчисленные преступления и уже в тот день приступал бы к купели, когда бы стал отходить. Если и теперь, когда страх неизвестности потрясает души всех, все, которые порочно вели прежнюю свою жизнь, позволяют себя крестить только при последнем издыхании, то если бы люди определенно знали последний день свой, кто тогда позаботился бы когда-нибудь о добродетели? Если при этом постоянном страхе многие отошли без крещения, – если даже и такой страх не научил их позаботиться в течение своей жизни об угождении Богу, то когда бы страх этот был отнят, кто был бы тогда целомудрен, кто кроток? Никто. С другой стороны теперь иного удерживает от зла не только великий страх смерти, но и любовь к жизни. А если бы каждый знал, что он завтра непременно умрет, то пред этим днем он ни от чего не стал бы удерживаться, напротив – стал бы убивать, кого бы только захотел, и наделал бы тысячи злодейств, мстя врагам.

2. Человек развратный, потеряв надежду на продолжение здешней жизни, ни во что ставит даже облеченного въ порфиру. Тот, кто был бы уверен, что ему непременно должно умереть, старался бы отомстить врагу, и тогда уже, насытивши наперед свою душу, восприял бы смерть. Скажу, в-третьих, и еще нечто иное: люди, привязанные къ жизни и слишком пристрастные к здешним благам, истаивали бы от уныния и печали. Например, если бы кто-нибудь из юношей знал, что скончается прежде (нежели достигнет) старости, то мучился бы так, как мучатся ожиданием смерти самые робкие животные, когда их поймают. Кроме того и самые неустрашимые мужи тогда не заслуживали бы награды. Въ самом деле, если бы они знали, что именно после трех лет должны умереть, а прежде не могут, то какое право имели бы они на награду за то, что решались на опасные подвиги? Тогда им мог бы всякий сказать: вы надеетесь жить три года, поэтому и подвергаетесь опасностям, зная, что вам невозможно прежде умереть. Тот только совершенно ясно обнаруживает мужество и презрение к здешней жизни, кто в каждой опасности видит для себя смерть и знает, что он останется жив, если не решится на опасность, но потеряет жизнь, если отважится на нее. Объясню вам это примером. Скажи мне, имел ли бы патриарх Авраам какое-нибудь право на награду, если бы возложил сына на (жертвенник), зная наперед, что не заколет его? Что еще? Возбуждал ли бы Павел в нас удивление, если бы он презирал опасности, заранее зная, что не умрет? Ведь и самый робкий пошел бы в огонь, если бы нашел в ком-либо достоверного поручителя в том, что избегнет опасности. Но не таковы были три отрока. Что же именно? Послушай, что говорят они: царь, **"Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавит. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся"** (Дан.3:17–18). Видите ли, какую великую пользу приносит нам незнание времени смерти? Есть еще и другая, больше этой, но пока довольно знать и это. Для того, как тать в ночи так придет, чтобы мы не предавались порокам, чтобы не были нерадивы, и чрез то не лишились награды. "Сами", – говорит, – "знаете". Зачем же вам и исследовать это, когда сами достоверно знаете? А что будущее неизвестно, познай из того, что сказал Христос. А что Он действительно для того сказал это, послушай, что Он говорит: **" Итак бодрствуйте, потому что не знаете, в**

который час Господь ваш приидет" (Мф.24: 42). Для того и Павел говорил: **Ибо, когда будут говорить**: "**мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами (постигает) имеющую во чреве, и не избегнут**" (1 Сол.5: 3). Здесь (апостол) указал на то, о чем сказал и во втором послании. Так как (фессалоникийцы) находились в скорби, а враги их въ покое и удовольствии, то он утешал их в настоящих злостраданиях словом о воскресении, а враги оскорбляли их, распространяли мнения своих предков и говорили: когда это будет? Поэтому, подобно тому, как пророки говорили: горе "которые говорят: **"пусть Он поспешит и ускорит дело Свое, чтобы мы видели, и пусть приблизится и придет в исполнение совет Святаго Израилева, чтобы мы узнали!"** (Ис.5:19) или еще: "**Горе желающим дня Господня!**" – имея в виду не просто желающих, но желающих по неверию, – а также: "**день Господень**", – говорит (пророк), – " **он тьма, а не свет**" (Ам.5:18),–так (и апостол) сказал здесь это. И смотри, как он утешает их. Он как бы так говорит: из того, что они находятся в счастии, пусть не заключают, что не будет суда: он так и застигнет их. Стоит однако обратить внимание на следующее обстоятельство: если придет антихрист, если придет Илия, то каким же образом, когда скажут: "**мир и безопасность"**, внезапно нападет на них всегубительство? Эти события, как признаки пришествия (Христова), не позволят не знать об этом дне. Но (апостол) и этого времени, то есть, антихристова, не указывает и не говорит, что день его пришествия будет знамением пришествия Христова; но (утверждает), что (Христос) не будет давать предзнаменования о Себе, а придет внезапно и неожиданно. Так и беременной, говорит, не нечаянно приходит время (родить), – она знает, что чрез девять месяцев будут роды. Между тем (время это) ей очень неизвестно, потому что иные рождали чрез семь месяцев, иные же чрез девять, а день и час родов во всяком случае неизвестны. Итак, вот к чему Павел говорит об этом. И верное сравнение! Действительно, немного бывает признаков времени рождения; от этого многие, не предвидя его, рождали на дорогах и вне дома. Но (апостол) хотел указать в этом сравнении не на одну только неизвестность (времени), а вместе и на жестокость страдания. Как рождающая, играя, смеясь, ничего совершенно не предвидя, внезапно бывает объята невыразимыми страданиями и терзается муками рождения, так точно (будут поражены) души по наступлении того дня. "**И не избегнут**". Показывая далее, что он говорит это не о них (фессалоникийских христианах), "Но вы, братия, не во тьме, чтобы день застал вас, как тать. (ст. 4).

3. Здесь он говорит о темной и нечистой жизни, так как развратные и злые люди все делают ночью, скрываясь от всех и окружая себя тьмою. Скажи мне в самом деле, не вечера ли поджидает прелюбодей, и не ночи ли–вор? И тот, кто грабит могилы, не ночью ли приводит в исполнение свое предприятие? Итак что же? Ужели последний день не постигнет их, какъ тать? Ужели не настанет он для них неожиданно? Ужели они вперед узнают о нем? Каким же образом (апостол) говорит: "**нет нужды вам писать"**? Здесь онъ намекает не на неизвестность времени, а на соединенное съ ним злополучие, то есть – последний день придет не к их злополучию: и для них он наступит внезапно, однако не принесет им никакой скорби. "День Господень так придет",– говорит, – "как тать ночью". Как вор не может сделать никакого вреда бодрствующим и пребывающим во свете, хотя бы и успел войти к ним, так точно и тот день – достодолжно живущим; напротив, он уходит, вполне лишив всего тех, которые опять и уповают на здешние блага. Потом (апостол) применяет к ним и другое выражение, – именно, продолжает: "**все вы - сыны света и сыны дня"** (ст. 5). Но как можно, скажете, сделаться сынами дня? Так же, как сынами погибели, как сынами геенны. Поэтому Христос говорил фарисеям: "**Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас"** (Мф23:15),– а равно и Павел: "**за которые гнев Божий грядет на сынов противления"** (Кол.3:6), т. е. на творящих достойное геенны, на творящих дела противления. Подобно

тому, как сыны Божии – те, которые делают угодное Богу, так и сыны дня, и сыны света – те, которые делают дела света. "**Итак, не будем спать, как и прочие, но будем бодрствовать и трезвиться. Ибо спящие спят ночью, и упивающиеся упиваются ночью. Мы же, будучи (сынами) дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения,** (ст. 6–8). Здесь (апостол) показывает, что от нас зависит пребывание среди дневного света. И здесь – я говорю об обыкновенном дне и ночи – это не зависит от нас, но и ночь приходит против нашей воли, и сон является против нашего желания; напротив с тою ночью и тем сном бывает не так, но можно непрестанно бодрствовать, можно постоянно пребывать среди дня. Смежать очи духовные и предаваться греховному усыплению есть дело не природы, а произволения. "**Но будем бодрствовать"**, – говорит**, – "и трезвиться".** И тот, кто бодрствует, если не будет творить добра, может спать; поэтому и присовокупил:"**и трезвимся".** Подлинно, и днем, если кто бодрствует, но не трезвится, тот может подвергнуться бесчисленным опасностям. Итак, трезвость есть усиление бодрствования.

"Ибо спящие", – говорит, – "спят ночью, и упивающиеся упиваются ночью". (Апостол) говорит об опьянении не только от вина, но и от всякого греха; опьянение души составляют и любостяжание, и пристрастие к деньгам, и плотская любовь,– и все, о чем бы ты ни упомянул в этом роде, есть опьянение души. Но почему он сном назвал грех? Потому, во-первых, что (грешник) не имеет силы на добродетель, далее потому, что он беспрестанно увлекается воображением и ничего не видит в истинном свете, напротив исполнен грез и часто безрассудных мечтаний, а если бы, наконец, и видел что хорошее, то не извлекает отсюда ничего твердого и неизменного. Такова настоящая жизнь! Она исполнена только грез и мечтаний. Богатство, слава и все подобное есть сонное мечтание. Спящий не видит того, что есть и действительно существует а о том, чего вовсе нет, грезит как о существующем. Таков грех, и такова греховная жизнь! Она не видит существенного, то есть духовного, небесного, неизменного, а только то, что течет, улетает и скоро нас оставляет. Впрочем не довольно бодрствовать и трезвиться; надобно и быть вооруженным. Если кто не имеет оружия, то хотя бы он был бодр и трезв, его могут тотчас умертвить разбойники. Итак, если необходимо и бодрствовать, и трезвиться, и быть вооружену, а мы будем оставаться без оружия, будем наги и еще – спать, то кто помешает вонзить в нас меч? Поэтому, показывая, что для нас нужно оружие, (апостол) прибавил: "**Мы же, будучи (сынами) дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения"** (ст. 8).Веры и любви, говорит, указывая здесь на жизнь и правые догматы. Смотри, как он объяснил, что значит бодрствовать и трезвиться, именно (это значит) иметь броню веры и любви. Не какую-нибудь веру, но пламенную, искреннюю, соделывающую непобедимыми тех, которые ограждены ею. Подобно тому, как ничто не может скоро рассечь броню, и она составляет оплот для груди, так и ты огради душу верою и любовью, и ни одна из разженных стрел диавола не в состоянии будет вонзиться в нее. Подлинно, где сила души будет ограждена оружием любви, там напрасны и суетны все покушения злоумышляющих. Ни злость, ни вражда, ни зависть, ни лесть, ни лицемерие и ничто другое не в состоянии будет коснуться такой души. Не сказал просто: в любовь; но сказал, что надобно облечься в нее, как в крепкую броню. Сказавши это, далее прибавляет: "**и в шлем надежды спасения"**. Как шлем охраняет самое важное в нас, то есть голову, окружая и покрывая ее со всех сторон, так и упование не дает упасть нашему уму, но держит его прямо, как голову, не попуская ничему постороннему упасть на него. А до тех пор, пока на нее ничто не падает, и мы не наклоняемся вниз. В самом деле, тому, кто огражден этим оружием, невозможно никогда упасть: "пребывают", – сказано, – " **сии три: вера, надежда, любовь"** (1 Кор.13:13). Потом, сказавши: облекитесь и вооружитесь, (апостол) приготовляет оружие и показывает, откуда рождаются вера, надежда и любовь, и как они соделываются самым крепким оружием, когда присовокупляет: **"потому что Бог определил нас не на гнев, но к получению**

спасения через Господа нашего Иисуса Христа, умершего за нас, чтобы мы, бодрствуем ли, или спим, жили вместе с Ним" (ст. 910).

4. Итак, Бог призвал нас не для того, чтобы погубить, но – чтобы спасти. Откуда видно, что Он именно этого хочет? **"Отдал Сына", – сказано, – "Своего Единородного"** (Ин.3:16). Он столько желает нашего спасения, что дал Сына своего, и не просто дал, но на смерть. Из таких размышлений рождается надежда. Не отчаивайся же, человек, приходя к Богу, который не пощадил даже Своего Сына ради тебя. Не страшись настоящих бедствий. Тот, Кто предал Единородного, чтобы спасти тебя и исхитить из геенны, пожалеет ли чего-нибудь еще для твоего спасения? Следовательно, надобно ожидать всего доброго. Ведь мы не устрашились бы, если бы нам надлежало предстать пред судьею, имеющим судить нас, который показал бы такую любовь к нам, что заклал бы за нас своего сына. Итак, будем ждать всего доброго и великого, потому что главное мы получили, если веруем. Но мы видим пример; будем поэтому и мы любить (Его). Ведь было бы крайним безумием не любить Того, Кто столько возлюбил нас. **Да еще говорит: "бодрствуем ли, или спим, жили вместе с Ним. Посему увещавайте друг друга и назидайте один другого, как вы и делаете"** (ст. 10–11). То же говорит и в другом месте: "**бодрствуем ли, спим ли "[1]**(ст. 6). Но под сном он разумеет иное там, и иное здесь. Здесь он разумеет телесную смерть, а там нерадение о жизни. Сказанное здесь имеет такой смысл: не бойтесь опасностей; если мы и умрем, то будем живы. Не приходи в отчаяние оттого, что бедствуешь: ты имеешь верный залог. Он не предал бы своего Сына, если бы не имел к нам чрезвычайной любви. Следовательно, хотя и умрешь, будешь жив, потому что и сам Он умер. Итак, умрем ли мы, или будем жить, вместе с Ним жить будем. Я не нахожу в этом ни малейшего различия; мне все равно, жив ли я, или умру, потому что с Ним мы будем жить. Будем поэтому делать все для той жизни; будем все исполнять, устремляя взор к ней. Возлюбленный! Порок есть тьма, есть смерть, есть ночь; (вследствие его) мы не видим того, что нужно, не делаем того, что должно. Как мертвые безобразны и зловонны, так и души погрязших во зле исполнены великой нечистоты. Глаза их закрылись, уста сжаты; они лежат неподвижно на одре порока и достойны гораздо большего сожаления, нежели те, с которыми приключилась (смерть). Эти последние мертвы для всего; а они для добродетели бесчувственны, но живы для зла. Мертвого хотя бы кто и ударял, он не чувствует, не мстит, но (лежит) как засохшее дерево; столько же воистину бесчувственна душа, которая лишилась жизни. Каждый день она получает бесчисленные раны, и ни одной не ощущает, остается бесчувственною ко всему. Не погрешил бы тот, кто сравнил бы таких людей с бешеными, с опьянившими, или сумасшедшими. Между тем порок имеет в себе все это и есть хуже всего этого. Бешеный встречает великое снисхождение у зрителя, потому что его болезнь не есть следствие произволения, а одной только природы; но в ком найдет снисхождение пребывающий во зле? Итак, откуда зло? Отчего так много злых? Ты спрашиваешь откуда? Скажи мне сам, откуда происходят злые болезни? Откуда сумасшествие? Откуда тяжелый сон? Не от беспечности ли? Если естественные болезни берут свое начало от произволения, то тем более преднамеренные. Откуда пьянство? Не от душевного ли невоздержания? Сумасшествие не от излишества ли жара? А этот жар не от преумножения ли в нас жизненных начал (στοιχείων)? Преумножение же этих начал не от невнимания ли? В самом деле, когда мы или чрез оскудение, или чрез преумножение чего-либо в нас приводим в несоразмерность (части нашего состава), тогда возжигаем этот огонь. Опять, если остаемся невнимательны после того, как уже возгорится этот пламень, то производим тогда в самих себе пожар, которого погасить уже не можем. Так бывает и со злом. Когда в начале мы не поставляем ему препятствий и не отсекаем его, то впоследствии уже не можем приостановить его, – напротив оно становится выше сил наших. Поэтому, умоляю вас, будем всегда поступать так, чтобы никогда не заснуть. Ужели вы не видали, что часто продолжительное стояние на страже оставалось

бесполезным потому, что стерегущие на малое время предавались сну? Чрез этот короткий (сон) они губили все, дав покушающемуся на воровство большую смелость. Подобно тому, как мы не столько обращаем внимание на воров, сколько они подсматривают за нами, так и диавол более всего следит за нами, подстерегает и скрежещет зубами. Итак, не будем засыпать; не будем говорить: ни с этой стороны ничто (нам не угрожает), ни с этой. Часто мы бываем ограблены, откуда и не думали. Так и по отношению ко злу: можем погибнуть, откуда и не ожидали. Будем все тщательно осматривать, не станем упиваться – и не заснем; не будем пресыщаться – и не задремлем; не станем безумно бросаться на внешние блага – и пребудем трезвенны. Оградим самих себя со всех сторон. Как ходящим по натянутому канату нельзя быть даже и мало беспечными, потому что от этого малого происходит великое зло, – оступившись, они тотчас упадают вниз и погибают, – так и нам не должно оставаться беспечными. Мы идем путем узким, с одних сторон окруженным стремнинами, на котором не могут стоять обе ноги вместе. Видишь, сколько нужно нам осмотрительности? Ужели не видишь, что те, которые идут путем, окруженным стремнинами, не только осторожно ступают ногами, но и внимательно смотрят глазами? Хотя бы идущий ступал в известном месте по-видимому и осторожно, и хотя бы нога его твердо стояла, но глаз, помутившись оттого, что посмотрел в пропасть, может низвергнуть его: ему надобно думать и о себе и о том, как ступать, – почему и сказано: **"ни направо, ни налево"** (Притч.4:27). Глубока пропасть зла, велики стремнины, густ мрак внизу, узок путь. Будем внимать себе со страхом, будем идти с трепетом. Идя по такому пути, никто не предается смеху и не обременяет себя пьянством, – идет по такому пути трезвенно и со вниманием. Идя таким путем, никто не несет ничего лишнего. И счастлив тот, кто, будучи хорошо препоясан, может благополучно пройти, и никто в таком случае не связывает себе ног, но оставляет их свободными.

5. Мы же, связывая самих себя бесчисленными заботами и возлагая на себя бесчисленные житейские бремена, будучи невнимательны и рассеянны, как можем надеяться, что пройдем по столь узкому пути? Не просто сказал: узок (путь), но выражая изумление: что узок путь! то есть, весьма узок, – как делаем и мы, говоря о предметах весьма изумительных. И еще: **"тесны врата и узок "**, – говорит, – "**путь, ведущие в жизнь,** (Мф.7:14). И справедливо сказал: **узок**. Когда мы должны отдать отчет и в словах, и в мыслях, и в делах, и во всем, то поистине (такой путь) узок. А мы делаем его еще уже, утучняя и расширяя самих себя и ступая небрежною ногою. Узкий путь труден для всякого, но особенно для тучного; между тем, напротив, истощающий себя даже не будет чувствовать тесноты, – кто научился стеснять себя, тот не будет жаловаться на стеснение.

Итак, пусть никто не ожидает при неге увидеть небо, – этого нельзя! При роскоши пусть никто не надеется пройти узким путем,– это невозможно! Пусть никто из идущих по широкому пути не надеется (достигнуть) жизни. Итак, если ты увидишь, что кто-нибудь услаждает себя ваннами, дорогим столом или (многочисленною) прислугою, то не почитай себя несчастным ради того, что не имеешь этого, а пожалей о нем, потому что он идет путем погибели. В самом деле, какая польза от этого пути, когда он оканчивается скорбью? Напротив, какой вред от той тесноты, когда она вводит в покой? Скажи мне, если бы кто-нибудь, будучи позван в царские чертоги, шел узкими, скользкими проходами, а другой кто-либо, обреченный на смерть, влечен был срединою площади, то кого почли бы мы счастливым и о ком пожалели бы? Не о том ли, кто шел бы по пути широкому? Так и в настоящем случай, будем почитать счастливцами не тех, которые живут в роскоши, но тех, которые не живут в роскоши. Эти последние спешат на небо, а те в геенну. Может быть, многие из них будут и смеяться над нашими словами; но потому-то особенно я и плачу, потому-то и рыдаю, что они не знают, над чем нужно смеяться и о чем всего более надобно плакать, но спутывают, извращают и искажают все.

Потому-то я и плачу о них. Что говоришь ты, человек? Имея воскреснуть, отдать отчет в своих делах и понести строжайшее наказание, ты на это не обращаешь ни малейшего внимания, а заботишься о пресыщении и пьянстве, и сверх того еще смеешься? Но я плачу о тебе, зная, какие ожидают тебя несчастья, и какое должно постигнуть тебя наказание, – потому-то особенно и плачу, что ты смеешься. Плачь же со мною, рыдай со мною о своих бедствиях. Скажи мне, если бы погиб кто-нибудь из твоих домашних, то не отворотился ли бы ты от смеющихся над его кончиною и не почел ли бы их врагами; напротив, не полюбил ли бы тех, которые вместе с тобою плакали бы и сетовали? Итак, когда бы жена твоя лежала мертвою, ты отворотился бы от того, кто стал бы смеяться; а когда умерла в тебе душа, ты отворачиваешься от плачущего о ней, а сам смеешься? Видишь ли, как диавол расположил нас к тому, чтобы мы самим себе были врагами и неприятелями? Воспрянем же когда-нибудь, откроем глаза, пробудимся, займемся вечною жизнью, прервем долговременный сон! Есть суд, есть наказание, есть воскресение и испытание дел. Господь грядет на облаках, "**пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря", –** говорит (Псалмопевец) (Пс.49:3). Река огненная течет пред Ним, – червь не умирающий, огнь не угасающий, тьма кромешная, скрежет зубов. Хотя бы вы тысячекратно досадовали на это, я не перестану об этом говорить. Если пророки, будучи побиваемы камнями, не умолкали, то тем более нам должно переносить неудовольствия и не говорить беседу в угоду вам, чтобы за обольщение вас самим не быть рассеченными. Там мука вечная, безотрадная, – защитника не будет. "**Кто пожалеет о заклинателе ужаленном змеей?**"[2] (Сирах, 12:13)? Когда мы сами себя не помилуем, кто помилует нас, скажи мне? Если бы ты увидел кого-либо, пронзающего себя мечом, то мог ли бы ты пощадить его когда-нибудь? Нет! Тем более, когда мы имеем возможность исправиться, и не исправляемся, кто пожалеет нас? Никто! Помилуем же самих себя. Когда мы молимся Богу, говоря: помилуй мя Господи, – будем говорить это и самим себе, и самих себя помилуем. В нашей власти то, чтобы Бог нас помиловал. Он сам даровал нам это. Если будем делать достойное помилования, достойное Его человеколюбия, то Бог нас помилует. Если же мы самих себя не помилуем, то кто пожалеет нас? Помилуй ближнего, и будешь помилован от самого Бога. Как много людей ежедневно подходят к тебе, говоря: помилуй меня, – а ты и не оборачиваешься! Сколько нагих, сколько увечных, – а мы и не преклоняемся к их мольбам, но отвращаемся! Как же ты хочешь быть помилован, не делая сам ничего достойного помилования? Будем сострадательны, будем милостивы, чтобы таким образом угодить Богу и сподобиться благ, обещанных любящим Его, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Вероятно, Златоуст имел в виду именно слова ст. 6: "**не спим, но да бодрствуем**".

[2] Так у Златоуста, в синодальном переводе: "Кто пожалеет об ужаленном заклинателе змей?"

БЕСЕДА 10

"Просим же вас, братия, уважать трудящихся у вас, и предстоятелей ваших в Господе, и вразумляющих вас, и почитать их преимущественно с любовью за дело их; будьте в мире между собою (1 Сол.5:12–13).

1. Начальник по необходимости имеет много причин к тому, чтобы огорчать (других). Подобно тому, как врачи часто бывают принуждены во многом огорчать больных,

приготовляя им и пищу и лекарства, которые не имеют приятности, хотя приносят великую пользу, или подобно тому, как отцы бывают часто суровы к своим сыновьям, так и учители, и даже гораздо больше. Врач, хотя на него и негодует больной, встречает однако ласковый прием у его родных и друзей, а часто и у самого больного. Равным образом отец, основываясь на естественных и внешних законах, весьма легко может пользоваться властью над сыном. Хотя бы этот последний и неохотно выслушивал от него уроки и обличения, никто не помешает ему (давать их), и даже он сам (сын) не посмеет выразить неудовольствие во взоре своем. Напротив, у священника множество затруднений. И во-первых, он должен управлять так, чтобы ему повиновались добровольно и были ему благодарны за его управление. А этого не скоро можно достигнуть, потому что тот, кого обличают и укоряют, каков бы он ни был, вообще вместо благодарности чувствует досаду. Так же будет поступать и тот, к кому обращаемся с советом, вразумлением и просьбою. Поэтому, если я скажу: раздай деньги нищим, то скажу ничто неприятное и тягостное. Если скажу: укроти гнев, погаси ярость, обуздай постыдную похоть, умерь сколько-нибудь роскошь, то все это покажется тягостным и неприятным. Если накажу беспечного, выведу его из церкви, или возбраню (участвовать) в общественной молитве, то он будет скорбеть, не потому, что удален от этого, а потому, что всенародно посрамлен. Между тем это есть усиление болезни, когда мы, будучи удаляемы от духовных благ, скорбим не о том, что лишаемся их, а о том, что посрамлены пред глазами людей, – не боимся, не ужасаемся самого дела. Потому-то в разных местах Павел много говорит об этом. И сам Христос до того признавал необходимою зависимость их (поучаемых), что сказал: **"на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте"** (Мф.23:2,3). И еще, когда исцелил прокаженного, сказал: **"смотри, никому не сказывай, но пойди, покажи себя священнику и принеси дар, какой повелел Моисей, во свидетельство им"** (Мф.8:4). Но Ты же (Господи) говоришь: **"делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас"** (Мф.23:15)? Потому-то, говорит, и прибавил Я: что они творят, не творите. Таким образом, Христос отнял у подчиненного всякий предлог (к непослушанию). А (Павел) говорит и в послании к Тимофею: "**Достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь"** (1 Тим.5:17); и в послании к Евреям говорит: "**повинуйтесь наставникам вашим и покоряйтесь"** (Евр.13:17); и здесь опять: **"Просим же вас, братия, уважать трудящихся у вас, и предстоятелей ваших в Господе, и вразумляющих вас**". Так как он сказал: "**Посему увещевайте друг друга и назидайте один другого"** (ст. 11), то чтобы они не заключили, что их самих возводит он в достоинство учителей, он присовокупил эти слова, как бы так говоря: я и вам поручаю назидать друг друга, так как учителю сказать всего невозможно. **"Трудящихся**", – говорит он, – **"у вас, и предстоятелей ваших в Господе и наказывающих вас"**. Но уместно ли это, скажешь? Что ты говоришь? Если кто-нибудь предстательствует за тебя пред человеком, то ты делаешь для него все, изъявляешь ему полную признательность. А этот (священник) предстательствует за тебя пред Богом, и ужели ты не будешь чувствовать к нему признательности? Но как он предстательствует, спрашиваешь? Так, что он молится за тебя, что подает тебе духовный дар, сообщаемый чрез крещение, надзирает за тобою, поучает, вразумляет тебя, – в полночь, если позовешь, идет. Он ничего за это (не получает), разве только то, что подвергается твоему злословию, и должен сносить твои укоризны. Какая ему нужда? Хорошо он сделал или худо? Ты имеешь жену, наслаждаешься удовольствиями, занят житейскими выгодами; а священник на то только посвятил себя, – для него нет другого занятия в жизни, кроме (служения) Церкви. "И **почитать их", –** говорит, – " **преимущественно с любовью за дело их; будьте в мире между собою".** Видишь ли, как он знал встречающиеся (в жизни) огорчения? Не просто говорит: любите, но: "**по преимуществу"**, как дети родителей, потому что чрез них вы родились рождением вечным, чрез них получили царство, их руками совершается все, чрез них отверзаются вам

врата небесные. Пусть никто не противится, пусть никто не прекословит! Кто любит Христа, тот будет любить и священника, каков бы он ни был, потому что чрез него сподобился страшных тайн. Скажи мне, если бы ты, пожелав видеть царские чертоги, повсюду блистающие золотом и сияющие драгоценными камнями, нашел человека, у которого от них ключи, и он, по твоей просьбе, тотчас отворил бы их и пустил тебя внутрь, то не предпочел ли бы ты его всем? Не полюбил ли: бы его, как свои очи? Не целовал ли бы его? А этот (священник) отверз тебе небо, и ты его не любишь и не обнимаешь? Если: ты имеешь жену, то не любишь ли более всех того, кто доставил тебе ее? Так, если любишь Христа, если любишь царство небесное, то уважай тех, чрез кого ты получил его! Вот почему (апостол) говорит: **"за дело их; будьте в мире между собою. Умоляем также вас, братия, вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем"** (ст. 14).

2. Здесь он обращает речь к начальникам, "Вразумляйте", – говорит, – "бесчинныя", то есть, не со строгостью и надменностью делайте им выговоры, но с снисхождением, с кротостью. Утешайте малодушных, заступайте немощных, долготерпите ко всем. Ведь тот, кому делают строгие выговоры, ожесточившись, становится более дерзким, и пренебрегает ими: поэтому чрез увещание надлежит сделать лекарство приятным. Но кто эти бесчинные? Конечно те, которые поступают против воли Божией. Церковный чин стройнее чина воинского; вследствие того и ругатель бесчинен, и пьяница бесчинен, и любостяжатель, и все согрешающие: они идут в строй не чинно, а в беспорядке, почему и нарушают строй. Но есть и другого рода зло, которое хотя не так велико, однако не перестает быть злом. Какое это? Малодушие. И оно бывает причиною погибели, подобно беспечности. Малодушен не переносящий обид, малодушен не переносящей искушений: он именно и есть посеянный на камни. Есть и еще иного рода зло, – немощь. Заступайте, говорит, немощных, разумея немощных по вере, потому что и по отношению к ней бывает немощь. Но смотри, как он не допускает того, чтобы их презирали. Так и в другом послании он сказал: "**Немощного в вере принимайте без споров о мнениях"** (Рим. 14:1). Ведь и в наших телах мы не даем погибнуть немощному члену. Долготерпите, говорит, ко всем. Что же это? И к бесчинным? Именно так, потому что нет лекарства более приличного учителю и столько полезного подчиненным, как это. Им (священник) может вполне обратить, вполне пристыдить самого грубого и самого бесстыдного.

"Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло (ст. 15). Если не должно воздавать злом за зло, то тем более – злом за добро, тем более воздавать злом, когда наперед не сделано зла. Но такой-то, говоришь, человек злой; он оскорбил меня и много причинил обид. Ты хочешь мстить ему? Не мсти. Оставь его без наказания. Довольно ли будет этого? Нет! **"Но всегда ищите добра и друг другу и всем"** (ст.15). В том состоит высшее любомудрие, чтобы не только не платить злом за зло, но (платить) добром. Поистине это такое мщение, которое приносит и вред другому и пользу тебе, вернее же сказать – великую пользу и ему, если он захочет. И чтобы ты не подумал, что это сказано по отношению к одним только верным, для этого (апостол) сказал: и друг к другу и ко всем. "**Всегда радуйтесь"** (ст. 16). Это сказано об искушениях, которые причиняют скорбь. Послушайте все, кого постигла бедность, все, кого постигло несчастье: Вот чем порождается радость! Именно, когда мы имеем такую душу, что никому не мстим, но всем благодетельствуем, тогда каким образом, скажи мне, может проникнуть в нее жало скорби? Каким образом вообще может быть опечален тот, кто столько радуется в злострадании, что причинившему зло платит благодеяниями? Но как это возможно, говорят? Возможно, если захотим. (Апостол) показал далее и путь к этому: **"Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе"** (ст. 17, 18). Всегда благодарить есть свойство любомудрствующей души. Ты потерпел какое-нибудь зло? Но если хочешь, оно вовсе не будет злом. Возблагодари Бога, и зло обратится

в добро. Скажи и ты подобно Иову: "**да будет имя Господне благословенно"** (Иов.1:21). В самом деле, скажи мне, что такое потерпел ты? Тебя постигла болезнь? Но в этом нет ничего необыкновенного, потому что тело наше смертно и подвержено болезням. У тебя случился недостаток в деньгах? Но их можно и приобресть, и потерять, и они остаются здесь. Против тебя злоумышляют и клевещут враги? Но виновники этого не нам причиняют обиду, а самим себе. **"Душа же"**, – сказано, – **"согрешающая, та и умрет"** (Иезек.18:20). А согрешил не тот, кто потерпел зло, но тот, кто причинил зло. Следовательно, должно не мстить умершему, а молиться за него, чтобы исхитить его у смерти. Не видите ли, что пчела, ужаливши, умирает? Чрез это насекомое Бог научает нас тому, чтобы мы не оскорбляли ближних, потому что в таком случае сами наперед подвергнемся смерти. Уязвляя их, мы, может быть, причиняем им некоторую боль; но сами, подобно этому насекомому, уже не останемся живы. Хотя Писание и похваляет пчелу, когда говорит: "**как она трудолюбива,; её труды во здравие употребляют и цари и простолюдины**" (Притч. 6:8), однако ничто не может избавить ее от смерти и она непременно должна погибнуть. Если же и ее не спасает превосходство в других отношениях, когда она делает зло, то тем более – нас.

3. Подлинно, одним только лютейшим зверям свойственно наперед наносить обиду, когда еще никто не обижал тебя; или лучше, это даже и зверям несвойственно. В самом деле, они, если ты оставишь их обитать в пустыне и нападением не доведешь их до крайности, никогда не причинят вреда, не придут, не укусят, но пойдут своей дорогой. А ты, будучи человеком, существом разумным, будучи почтен такою властью, честью и славою, даже зверям не подражаешь в обращении с соплеменными тебе, но обижаешь и снедаешь брата? Чем же ты можешь оправдаться? Не слышишь ли, что говорит Павел: **"Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы [сами] обижаете и отнимаете, и притом у братьев"** (1 Кор.6:7, 8). Видишь ли, что злополучие состоит в делании зла, а благополучие в перенесении зла? В самом деле, скажи мне, если кто злословит начальников, если кто оскорбляет властителей, то кого он обижает – себя, или их? Очевидно, себя. Если же оскорбляющий начальника не его оскорбляет, а себя, то оскорбляющей человека не оскорбляет ли чрез него Христа? Нисколько, говоришь. Что ты говоришь? Кто бросает камни в изображения царя, тот в кого бросает? Не в самого ли себя? Итак, если бросающий камни в изображение царя земного побивает самого себя, то оскорбляющий образ Христов,– а человек есть образ Божий, – не обижает ли самого себя? До каких пор будем мы любить деньги? Я не перестану вопиять против них, потому что они причиною всех зол. Когда же мы насытим эту ненасытную страсть? Что привлекательного имеет в себе золото? Я прихожу в изумление от этого. Подлинно, это (есть следствие) какого-то обаяния, что золото и серебро ценятся у нас так высоко. О душах наших у нас нет попечения, между тем о бездушных идолах великая забота. Откуда вошел этот недуг во вселенную? Кто может совершенно искоренить его? Какое слово может поразить и совершенно убить этого лютого зверя? Страсть эта внедрилась в сердца даже таких людей, которые, по-видимому, благочестивы. Устыдимся евангельских заповедей: слова содержатся только в Писании, а в делах наших совсем не проявляются. Но какое благовидное объяснение приводят многие? У меня, говорить, дети, и я боюсь, чтобы и мне не встретилась необходимость (переносить) голод и бедность, чтобы я сам когда-нибудь не имел нужды в помощи других: мне стыдно просить милостыни. Так поэтому - то ты заставляешь других просить милостыни? Не могу, говоришь, голодать. Так поэтому ты других подвергаешь голоду? Ты знаешь, как страшно просить милостыни, как мучительно томиться голодом. Пощади поэтому своих братьев. Скажи мне, терпеть голод тебе стыдно, а грабить не стыдно? Ты боишься умереть с голоду, а заставлять других, чтобы они умирали с голоду, не боишься? Напротив, в этом нет ни стыда, ни преступления, чтобы самому быть голодным; между тем как подвергать других голоду – дело, влекущее за собой не только стыд, но и

тягчайшее наказание. Но все это выдумка, обман и пустословие. Что действительно вы делаете это не для детей, тому свидетели те из вас, которые хотя детей не имеют и иметь не будут, однакоже столько трудятся, изнуряют себя и собирают такое богатство, как будто бы надобно оставить его бесчисленному множеству детей. Не забота о детях делает тебя жадным до денег, а душевный недуг. Вследствие такого недуга многие и не имея детей, до безумия пристрастны к деньгам; тогда как другие и при многосемейности презирают даже и то, что у них есть. Они обвинят тебя в тот день. В самом деле, если бы нужды детей заставляли тебя копить деньги, то и им надлежало бы иметь тоже желание, ту же страсть. Если же они ее не имеют, то мы до безумия пристрастны к деньгам не от многосемейности, а по сребролюбию. Но кто, скажете, имея детей, презирает деньги? Многие, и повсюду; если хочешь, укажу даже на древних. Не двенадцать ли сынов имел Иаков? Не в наемниках ли проводил он жизнь? Не терпел ли он обид от тестя? Не часто ли тесть обманывал его? А разве многосемейность заставляла его желать того, чего не должно? Или Авраам? Не имел ли, кроме Исаака, многих других детей? Но что же? Не для странников ли приобретал он имущество? Видишь ли, что он не только не обижал, но еще уступал из своего имущества, не только оказывая благодеяние, но и добровольно перенося обиды от племянника? А переносить ради Бога расхищение имущества гораздо более значит, нежели благотворить. Почему? Потому, что это последнее есть плод (расположения) души и доброй воли, – оттого оно и легко, а то – наглость и насилие. Иной легче добровольно отдал бы тысячи талантов и не почел бы этого какою-нибудь потерею для себя, нежели кротко перенес бы, чтобы у него против его воли отняли три обола. В этом-то особенно и состоит любомудрие души. И это-то на самом деле видим мы в Авраме: "**Лот возвел очи свои", –** сказано, – "**и увидел всю окрестность Иорданскую, что орошалась водою, как сад Господень, и избрал ее"** (Быт.13:10,11). И (Авраам) ни мало не прекословил ему. Видишь ли, что он не только не обижал, но еще сам быль обижаем? Отчего же ты, человек, ссылаешься на своих детей? Не для того Бог даровал нам детей, чтобы мы похищали чужое. Смотри, не прогневи Бога, говоря это. Если, как ты говоришь, они виновники твоего хищения и корыстолюбия, то я боюсь, чтобы тебе не лишиться их, как вредных и злоумышляющих. Бог даровал тебе детей для того, чтобы они имели попечение о тебе в старости, чтобы научались от тебя добродетели.

4. Он для того восхотел так устроить род человеческий, чтобы предуготовить чрез это две важнейшие вещи: во-первых, поставить отцов учителями (детей), во-вторых, породить большую любовь. В самом деле, если бы люди просто появлялись на свет, то никто не имел бы расположения ни к кому. Если уже теперь, когда есть отцы, дети и внуки, многие не имеют попечения о многих, то тем более тогда. Вот для чего Бог даровал тебе детей. Итак, не слагай вину на детей. Если же те, у кого есть дети, не имеют никакого извинения, то что скажут в свое оправдание те, которые, не имея детей, изнуряют себя трудами для приобретения богатства? Впрочем, и у них есть некоторое оправдание, которое, конечно, нисколько их не оправдывает. Какое же именно? Мы хотим, говорят, вместо детей оставить по себе памятником богатство. Поистине, весьма смешно! Вместо детей, говоришь, дом будет вечным памятником моей славы. Не славы твоей, человек, он будет памятником, а твоего любостяжания. Или ты не видишь, как многие теперь, проходя мимо великолепных домов, говорят между собою: сколько такой- то лихоимствовал, сколько он награбил, чтобы выстроить этот дом! Теперь сам он стал пеплом и прахом, а этот дом его достался в наследство другим! Итак, ты оставляешь по себе памятник не славы своей, а любостяжания. Тело твое уже сокрыто в земле, но памяти о твоем любостяжании, которая могла бы истребиться в течение времени, ты не даешь погибнуть, и своим домом невольно возобновляешь и поддерживаешь ее, так что до тех пор, пока он будет стоять, нося твое имя и называясь домом такого-то, уста всех непременно будут отверсты против тебя. Видишь ли, что лучше ничего не иметь, чем подпасть такому осуждению? И это только здесь; а там что будем делать, скажи мне, обладая здесь таким богатством и никому из

него ничего не уделяя, или уделяя весьма мало? Как мы оправдаемся в любостяжании? Ведь тот, кто хочет искупить любостяжание, не малое дает из многого, но гораздо более того, что награблено, и вместе с тем еще перестает грабить. Послушай, что говорит Закхей: "**воздам вчетверо, если кого чем обидел"** (Лук.19:8). А ты, отнимая десятки тысяч талантов, если и отдаёшь несколько драхм, да и то с трудом, – думаешь, что возвратил все, и успокаиваешься, как будто отдал более чем должно, между тем как надлежало бы отдать не только то, что награблено, но и прибавить из своего имущества. Как вор не оправдывается тем только, что отдает украденное, но часто отдает еще сверх того свою жизнь, или освобождается тем, что отдает в нисколько раз более украденного, так и любостяжатель. Ведь и любостяжатель – вор и разбойник, даже хуже, потому что бесчеловечнее. (Вор) не настолько, по крайней мере, дерзок, он таится и налагает руку ночью, как бы стыдясь и боясь греха; напротив любостяжатель, поправ всякий стыд, с открытым лицом среди площади грабит всех, будучи в одно и то же время и вором, и мучителем. Он не подкапывает стен, не гасит светильника, не открывает сундука, не разламывает печатей. Но что? Он поступает более дерзко, нежели те: на глазах обижаемых он выкидывает все вон, с дерзостью открывает все и заставляет их самих выкладывать свое имущество. Это верх насилия! Он тем гнуснее (воров и разбойников), чем бесстыднее и бесчеловечнее. Потерявший что-нибудь вследствие обмана, хотя и скорбит, но немало утешается тем, что обидевший его, по крайней мере, боится его самого, а тот не только претерпел зло, но еще подвергся презрению, не имея возможности противиться наглости, так как (возбудил бы) только больший смех. Скажи мне, если бы один скрытно соблудил с женою, а другой сделал это в глазах мужа, то который из них более оскорбил бы его и более в состоянии был бы его уязвить? Не последний ли? Он не только сделал зло, но и выказал презрение; а тот, если не другое что-либо показал, то, по крайней мере – то, что боится обиженного. То же должно сказать в рассуждении денег: похитивший их тайно показал некоторого рода уважение тем самым, что тайно взял; а тот, кто взял явно и всенародно, вместе с убытком нанес и бесчестие. Перестанем поэтому похищать чужое, и бедные и богатые, – не к богатым только я обращаю свое слово, но и к бедным. Действительно, и они грабят у тех, кто беднее их, – и ремесленники, более достаточные и зажиточные, обманывают менее достаточных и беднейших, и лавочники – лавочников, и все торгующие. Поэтому я отовсюду хочу изгнать неправду. Не в количестве похищенного и украденного состоит преступление, но в намерении ворующего. А что те, которые и малым не пренебрегают, в большей степени воры и любостяжатели, об этом, – знаю и помню, – я говорил вам, если только и вы помните. Впрочем, не будем распространяться об этом: пусть и они живут так же, как (должны жить) богатые. Приучим наконец сердца свои не желать большего, не домогаться многого. Пусть желание приобретать больше на небесах не находить себе предела, и там пусть каждый постоянно стремится дальше; но на земле всякий пусть довольствуется тем, что необходимо и что удовлетворяет наши нужды, и больше пусть никто ничего не ищет, чтобы таким образом мы могли достигнуть истинных благ, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 11

"Духа не угашайте. Пророчества не уничижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь. Удерживайтесь от всякого рода зла" (1 Фес. 5:19–22).

1. Какая-то густая мгла, мрак и туман разлиты над всею землею. Указывая на это, апостол говорил: "**Вы были некогда тьма",** и еще: "**Но вы, братия, не во тьме, чтобы день застал вас, как тать**" (Ефес.5:8 и 1 Сол.5:4). Итак, вследствие того, что теперь ночь, так сказать, безлунная и мы среди этой ночи ходим, Бог дал нам ясную лампаду, возжегши в

душах наших благодать Святого Духа. Но, приняв этот свет, одни соделали его более ярким и ясным, как, например, Павел как Петр, как все святые; а другие погасили, как пять дев, как те, которые претерпели кораблекрушение в вере, как коринфский блудник, как отпадшие галаты. Поэтому Павел говорит теперь: духа не угашайте, то есть, дара, – потому что так обыкновенно называет он дар Святого Духа. Погашает же его нечистая жизнь. Подобно тому, как тот, кто нальет воды, или бросит земли на этот свет в светильнике, или, даже ничего такого (не делая), только выльет из него масло, тушит свет, так бывает и с даром благодати. Если ты привнес земное, если ты предался заботам о текущих делах, то ты уже погасил дух, или, хотя бы ты не сделал ничего подобного, но если откуда-нибудь со стороны пришедшее искушение сильно устремилось на тебя, подобно некоторого рода ветру; и если пламень в тебе несильно горел или много было для него масла, или ты не закрыл отверстие (в светильнике), или не притворил дверей, то все погибло.

Что же составляете это отверстие? Подобно тому, как в светильнике, так и в нас (есть отверстие); это – глаз и ухо. Не попускай вторгаться в эти отверстия сильному духу лукавства, – иначе он погасит светильник – но огради их страхом Божиим. Двери – это наши уста; затвори, загради их, чтобы и свет чрез них проходил и они отражали нападение отвне. Например, если кто-либо обидел тебя или оскорбил словами, ты затвори уста, потому что, – если откроешь их, то воздвигнешь бурю. Разве не видишь в домах, когда две противоположные двери стоять одна прямо против другой, и когда поднимется сильный ветер, то, как скоро затворишь, одну из дверей и сквозного ветра не будет, ветер ничего не сделает, напротив потеряет много силы? Так и здесь две двери: твои уста и уста оскорбляющего тебя и злословящего. Если закроешь уста свои и не откроешь воздуху свободного течения с противоположной стороны, – уничтожишь всю (силу) ветра; если же откроешь их, то он сделается неукротимым. Итак, не будем угашать его (духа). Но случается часто, что этот пламень погасает и без всякой посторонней причины. Когда не достает елея, когда не творим милостыни, дух угасает. Так как он сам пришел к тебе по милости Божией, то когда не находит в тебе этого плода, отлетает от тебя, потому что он не пребывает в душе немилостивой. А что бывает после того, когда дух угасает, об этом знают из вас те, которые ходили в безлунную ночь. И если трудно идти ночью путем, ведущим с земли на землю, то как можно идти безопасно путем, ведущим от земли на небо? Ужели не знаете, сколько демонов на этом разстоянии, сколько зверей, сколько духов лукавства? Но если мы имеем в себе тот свет, то они не будут в силах повредить нам; а если погасим его, немедленно они уловят нас, немедленно отнимут у нас все. Так и разбойники сперва гасят светильник, и тогда уже грабят: они видят в этой тьме, потому что делают дела тьмы; а мы непривычны к такому свету. Итак, не будем угашать его. Всякое злое дело погашает этот свет: и злоречие, и обида, и всякий грех, какой бы ты ни указал. Как бывает с огнем – что все чуждое ему уничтожает его, а все сродное с ним его усиливает, так и с этим светом: что сухо, что жарко, что пламенно, то усиливает пламень духовный. Итак, не будем привносить к нему ничего холодного, ничего влажного; это истребляет его. Впрочем, есть другое изъяснение (приведенного из послания места). В те времена многие пророчествовали, одни истинно, другие ложно. Об этом (апостол) упоминает и в послании к Коринфянам, (говоря), что по этой причине Бог дал различение духов (1 Кор. 12:10). Именно диавол, будучи лукав, хотел чрез этот дар пророчества низвратить все в Церкви. Вследствие того и тот и другой предсказывали будущее – и демон и дух, хотя первый ложно, а второй истинно, и неоткуда было взять признака, по которому можно было бы отличать одного от другого, так как и те и другие (пророки) учили, не давая отчета, подобно Иеремии, или Иезекиилю. Но с течением времени (лживые пророки) были обличены и дарована была (способность) различать духов. Поэтому, так как в то время у фессалоникийцев многие пророчествовали, на что и в другом месте намекает (апостол), говоря: "**не спешить**

колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов" (2 Сол.2:2), то, сказавши: духа не угашайте, он благовременно присовокупил и следующие слова: **"пророчества не уничижайте".** Итак, он хочет здесь выразить следующую мысль: по той причине, что у вас есть несколько лжепророков, вы ради их не противодействуйте пророкам истинным и не отвращайтесь от них, – не угашайте их, то есть, "**пророчества не уничижайте".**

2. Видишь, что значат слова его: вся искушайте. Так как он сказал: "п**ророчества не уничижайте"**, то чтобы не подумали, что он всем дает право пророчествовать, он говорит: "**все испытывайте, хорошего держитесь**", то есть, истинные пророчества. **"Удерживайтесь от всякого рода зла"**, – не только от той или другой, но от всякой. Испытывайте и ложное и истинное, чтобы со знанием дела отличать вам одно от другого, и от первого удаляться, а держаться последнего. В самом деле, мы только тогда будем особенно ненавидеть первое и любить последнее, когда станем делать все не просто и без испытания, но после точного исследования. "**Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа"** (ст. 23). Заметь любовь учителя. К увещанию он присоединяет и молитву, и при том еще в послании, так как нужны и наставления и молитва. Потому – то и мы, преподав сначала наставление, потом молимся за вас, – и это знают посвященные в тайны. Правда, Павел по праву делал это, имея великое дерзновение пред Богом, а мы –находясь в уничижении и не имея дерзновения; но так как мы поставлены на это, то и делаем то же самое, несмотря на то, что мы недостойны, и ходатайствовать и даже занимать место последних учеников. Именно, вследствие того, что благодать действует и чрез недостойных, не ради их, но ради ищущих пользы, – и мы присоединяем наши (молитвы). – "**Да освятить вас", – говорит**, – "**во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа".** Что обозначает он здесь словом – дух? Дар (Святого Духа). Если мы выйдем с горящими светильниками, то войдем в брачный чертог; а если с погасшими, то – нет. Поэтому-то говорит: всесовершен ваш дух; когда всецело сохраним в себе дарование (Святого Духа), тогда и наш дух останется невредим. И душа, говорит, и тело, – никакое зло не коснется ни души, ни тела. "**Верен Призывающий вас, Который и сотворит [сие]"** (ст. 24). Смотри, какое смиренномудрие! После того, как он произнес молитву, он сказал: не подумайте, что это исполнится вслед моих молитв, но вследствие – того намерения, по которому Бог призвал вас. Если Он призвал вас к спасению, а Он истинен, то несомненно спасет, потому что желает этого. **"Братия! молитесь о нас"** (ст. 25). О, какое смиренномудрие! Но если он сказал это по смиренномудрию, то мы не по смиренномудрию, а ради великой пользы и вследствие желания приобресть чрез вас нечто великое, говорим: **"молитесь и о нас"**. Если вы и не получили от нас значительной пользы, ничего такого, что было бы достойно удивления, то по крайней мере (молитесь за нас) ради самого нашего сана, ради самого имени. Некто имел детей, и хотя они не получили от него никакой пользы, но так как он был отцом их, то он обратил в укоризну им то, (что и они также не принесли ему пользы), сказав: даже в продолжение одного дня вы меня не называли отцом. Поэтому и мы говорим: молитесь и о нас; и говорим это не ради того только, чтобы говорить, но искренно желая ваших молитв. Если я принял на себя обязанность ходатайствовать о всех вас и должен буду дать отчет в этом, то тем необходимее становится для меня ваша молитва. Ради вас я принял на себя большую ответственность; следовательно, и вы должны подавать мне большую помощь. "**Приветствуйте всех братьев лобзанием святым"** (ст. 26). О, какая теплота! О, какие мысли! Так как он, будучи в отсутствии, не мог сам приветствовать их лобзанием, то приветствует чрез других. Так и мы делаем, когда говорим: поцелуй его за меня. Так и вы сохраняйте в себе огонь любви, – расстояние не составляет для нее препятствия, напротив она наполняет собою разделяющее

пространство и везде находится. **"Заклинаю вас Господом прочитать сие послание всем святым братиям"** (ст. 27). И здесь не столько наставление, сколько любовь: чтобы, таким образом, говорит, мне и с ними беседовать. "**Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами, аминь**" (ст. 28). И не просто повелевает он (прочитать послание всем), но с заклинанием, делая и это по влечению пламенного своего сердца, – чтобы они, если бы и не захотели обратить внимание на его просьбу, ради заклятия исполнили то, что было им заповедано. Тогда весьма боялись этого; а ныне и это попрано. И часто бывает, что наказываемый раб, заклиная и Богом и Христом Его, говорит: дай Бог тебе умереть христианином, – и никто не слушает, никто не обращает на это внимания; если же будет заклинать (наказывающего) собственным его сыном, то всякий тотчас, хотя против воли, хотя с скрежетом зубов, уменьшает однако свою ярость. Опять иной, которого влекут и ведут на средину площади, в присутствии эллинов и иудеев, заклинает влекущего самыми страшными клятвами, – и никто не слушает его. Чего не скажут эллины, когда верный заклинает верного и христианина, и это не приносит ему никакой пользы, напротив мы еще больше обнаруживаем к нему презрение?

3. Хотите ли, я расскажу вам одно происшествие, о котором сам слышал? Говорю не выдуманное мною, а слышанное от лица, заслуживающего доверия. Одна рабыня выдана была замуж за человека злого, преступного, бродягу. Муж ее наделал много зла, и госпожа решилась продать его, потому что проступки его были непростительны, между тем госпожа была вдова, не состоянии была сама наказывать человека, разоряющего дом ее, вот и решилась его продать. Но, считая делом нечестивым – разлучать мужа с женою, она вместо того, чтобы развести их, надумала продать вместе и жену, несмотря на то, что эта рабыня была ей полезна. Тогда рабыня, видя себя в затруднительном положении, пришла к одной почтенной, коротко знакомой с ее госпожой, особе, которая и рассказывала мне об этом, и, припавши к коленам ее, со многими слезами, умоляла заступиться за нее пред ее госпожою. Истощивши множество слов, она, наконец, присоединила одно страшное заклятье, надеясь при посредстве его более всего убедить ее. Заклятие было такого рода: не презри моего прошения, чтобы и Христос не презрел тебя в день судный. Сказав это, она удалилась. Но женщина, которую рабыня просила, будучи озабочена какими-то не терпящими отлагательства делами, обыкновенно встречающимися в домашней жизни, забыла (о ее просьбе). Потом в самый полдень вдруг пришло ей на память то страшное заклятие. Она весьма встревожилась, отправилась немедленно, с полным усердием ходатайствовала, и дело устроила. В ту же ночь она вдруг увидала отверстые небеса и самого Христа; впрочем видела настолько, насколько возможно женщине видеть. И именно потому она удостоилась такого видения, что всецело обратила внимание на это заклятие, – потому, что убоялась его. Я рассказал об этом для того, чтобы мы не пренебрегали заклятиями, особенно когда кто-либо умоляет нас о делах добрых, о милостыни, о человеколюбии. Но вот сидят нищие, лишенные ног, и смотрят, когда ты проходишь мимо их. Так как они не в состоянии идти за тобою, то надеются удержать тебя страхом заклятия, как бы некоторого рода удочкою, и, простирая к тебе руки, заклинают подать один или два обола; а ты, несмотря на то, что тебя заклинают твоим Господом, проходишь мимо. Когда тебя заклинают твоими очами, отсутствующим мужем, сыном или дочерью, – ты тотчас уступаешь, твое сердце приходит в сильное движение, согревается; а когда заклинают тебя Господом, – проходишь мимо. Я знал многих (женщин), которые, услышавши имя Христа, проходили мимо; но, когда подходящие к ним хвалили их красоту, они смягчались, таяли от удовольствия и протягивали руку. Таким образом, они сами заставляли несчастных нищих решаться на это смеха достойное дело. Так как они, употребляя сильные и скорбные выражения, не трогали их души, то должны были прибегнуть к такому средству, чрез которое могли доставить им особенное удовольствие.

Таким образом, великое наше нечестие принудило и убогого, и томимого голодом говорить, когда он просит милостыни, похвальные речи нашей красоте.

И, о, если бы только это! Но, что еще несноснее, это заставило бедных сделаться фиглярами, срамословцами и шутами. Когда нищий, потрясая и повертывая в руках чашечки, стаканчики, или ковшички, звенит ими, или, имея свирель, играет на ней срамные и сладострастные песни и припевает голосом, между тем его обступает толпа, и подают ему, кто – кусок хлеба, кто – обол, кто – что-нибудь другое, держат его долго и забавляются нм, как мужчины, так женщины, – то что может быть несноснее этого? Не достойно ли это горьких слез? Конечно, это мелочи, – они и считаются за мелочи; но они порождают в наших нравах великие пороки. Ведь всякое постыдное слово, всякая соблазнительная песнь расслабляет сердце и растлевает самую душу. Нищего, который призывает Бога и испрашивает вам бесчисленных благ, вы не удостаиваете и слова; а кто вместо этого представляет какие-нибудь ребячества, на того вы глядите с удивлением. Но я скажу вам то, что мне пришло теперь на мысль сказать вам. Что же это такое? Когда ты подвергнешься бедности, или болезни, тогда не от иного кого, а именно от нищих, скитающихся по переулкам, научишься благодарить Владыку. Всю жизнь свою проводя в нищенстве, они не богохульствуют, не досадуют, не ропщут, но всегда говорят о своей бедности с благодарением, называя Бога великим и человеколюбивым. Истаивающи от голода называет Бога человеколюбивым; а ты, живя в достатке, если не присвоишь себе того, что принадлежит всем, называешь Его жестоким! Насколько же (нищий) превосходнее тебя! Как он осудит нас тогда! Бог определил, чтобы нищие были во всем мире – общими для нас учителями и утешением в несчастии. Может быть, ты претерпел что-нибудь такое, чего бы не хотел? Но этого нельзя сравнить с тем, что терпит он. Ты лишился глаза? А он обоих. Ты страдаешь от продолжительной болезни? А он одержим болезнью неисцелимою. Ты лишился детей? А он – и собственного телесного здоровья. Ты потерпел великий убыток? Но ты не дошел еще до того, чтобы нуждаться в других. Поэтому благодари Бога. Ты видишь, что они, находясь в самой крайней бедности, просят у всех, но получают от немногих. Когда ты молишься до изнеможения и не получаешь просимого, то подумай, сколько раз ты слышал, как просил у тебя нищий, и ты не внимал ему, между тем он не досадовал, не оскорбил тебя. Ты поступал так по жестокосердию; но Бог по человеколюбию делает и то, что не внемлет тебе. Итак, если ты не считаешь себя заслуживающим порицания за то, что по жестокосердию не внимаешь подобному тебе рабу, то можешь ли порицать Владыку, когда Он не внимает рабу Своему по человеколюбию? Видишь ли, какое неравенство, какая несправедливость?

4. Будем постоянно размышлять об этом, – о низших, о тех, которых постигло большее, нежели нас, несчастие, – и в этом будем находить побуждение благодарить Бога. В жизни весьма много таких поучительных примеров. Бдительный и внимательный человек многому может научиться, взирая тоже на молитвенные дома. В самом деле, в церквах и при гробницах мученических для того сидят в преддверии нищие, чтобы мы, глядя на них, получали великую пользу. Именно, подумай, что мы, когда входим в земные царские чертоги, не можем видеть ничего подобного, – отовсюду выходят тебе навстречу мужи важные, знаменитые, богатые и разумные; а в чертогах поистине царских, то есть, в церкви и молитвенных домах, устроенных над гробами мучеников – бесноватые, убогие, нищие, старые, слепые и увечные. Для чего же это? Для того, чтобы ты, глядя на них, научался, во-первых, тому, что, если входишь (во храм) с некоторою надменностью, ты должен, при виде их, оставить надменность, привести в сокрушение свое сердце и тогда уже входить и слушать то, что читают, – потому что молящиеся с гордостью не может быть услышан, – далее тому, что ты, увидев старца, не должен гордиться молодостью, – потому что и эти старики были молоды, – еще тому, что ты, когда слишком тщеславишься

воинским званием и властью, предоставленною тебе от царя, должен подумать, что и в числе их есть люди, которые некогда были знатными при дворах царей, наконец, тому, что ты, когда надеешься на телесное здоровье, должен, обратив на них внимание, смирить свою гордость. Таким образом, постоянно приходя сюда, здоровый не будет много мечтать о своем здоровье, а больной получить немалое утешение. Впрочем не для того только они садятся здесь, но и для того, чтобы ты становился милосерднее и преклонялся на милость, еще для того, чтобы ты благоговел пред человеколюбием Божиим, – потому что если Бог не гнушается ими, но поставил их в преддверии дома Своего, то тем более ты (не должен гнушаться ими), – наконец для того, чтобы ты не слишком гордился великолепными чертогами земными. Итак, не стыдись, когда нищий зовет тебя по имени, и не отталкивай его, когда он подойдет к тебе и обнимет твои колени, ведь они в некотором смысле достойные удивления собаки царских чертогов. Я назвал их собаками не потому, чтобы хотел унизить их, – нет, – наоборот, чтобы воздать им великую похвалу. Они стерегут дворец Царя небесного; поэтому питай их; этим можешь воздать честь самому Царю. Там, то есть, в земных чертогах царских, все – гордость; здесь все – смиренномудрие. От самых уже преддверий ты вполне узнаешь, что все человеческое ничтожно; от сидящих там ты научаешься, что богатством нельзя благоугодить Богу. Их сидение и собрание служит некоторого рода назиданием для всего человеческого рода, громогласно вещая, что дела человеческие – ничто, что они – тень и дым. Если бы богатство было добро, то Бог не посадил бы нищих в преддверии Своего дома. А если Он и богатых допускает сюда, то не удивляйся, потому что не для того допускает их, чтобы они оставались богатыми, но чтобы отложили гордость. Послушай, что говорит им Христос: **"Не можете служить Богу и маммоне"** (Мф.6:24); и еще: "**Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное"; и еще говорит им Христос: "удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие"** (Мф.19:23–24). Он для того принимает здесь богатых, чтобы они слышали слова эти, чтобы возлюбили богатство вечное, чтобы возжелали благ небесных. И что удивительного в том, что Бог не почитает нищих недостойными сидеть в Своих преддвериях? Он не считает их недостойными того, чтобы они были призваны к Его духовной трапезе и соделались причастниками вечери Его; напротив хромой и увечный, одетый в рубище, грязный и неопрятный старик, вместе с красивым юношею, даже с облеченным в багряницу и имеющим на главе своей диадему, приступает приобщиться к трапезе и удостаивается духовной вечери, – те и другие сподобляются одного и того же, и нет никакого различия.

5. Таким образом, Христос не считает их недостойными того, чтобы они были призваны к Его трапезе вместе с царем, – и они и он призываются вместе, – а ты, может быть, считаешь унизительным для себя, если другие увидят, что ты подаешь нищим, или говоришь с ними? О, какое высокомерие, какая надменность! Смотри, чтобы нам не претерпеть того же, что никогда претерпел богач. Он тоже не хотел и взглянуть на Лазаря и не давал ему ни пристанища, ни крова, и Лазарь лежал вне его дома, за воротами, и не удостаивался от него ни одного слова. Но смотри, как он, когда имел крайнюю нужду в его помощи, тоже не получил ее. Если мы стыдимся тех, кого не стыдится Христос, то стыдимся Христа, стыдясь друзей Его. Пусть наполнится трапеза твоя хромыми, увечными; Христос приходит в лице их, а не в лице богатых. Ты, может быть, смеешься, слыша это. Поэтому, чтобы ты не подумал, что это мои слова, послушай, что говорит сам Христос, и не смейся, а трепещи. "**Когда делаешь обед или ужин**", – говорит Он, – "**не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя когда не позвали, и не получил ты воздаяния. Но, когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных**" (Лук. 14:12–14). Здесь и славы больше, если ты любишь ее. В самом деле, от первых и зависть, и ненависть, и

пересуды, и злословие, и большое опасение, как бы не случилось чего-нибудь неприличного; при том, если званные будут важнее тебя, ты стоишь перед ними, как раб пред господином, опасаясь с их стороны укоризн и злословия. А со стороны последних ничего такого не бывает; но что бы ты ни подал им, они все принимают с удовольствием, и за все – великая благодарность, громкая слава и глубокое уважение. Все, которые узнают об этом, не столько хвалят тех (кто угощает знатных), сколько этих (кто угощает бедных). Если не веришь этому ты, богач, созывающей вождей и правителей, то сделай опыт, созови бедных, наполни ими трапезу, – и увидишь, не все ли будут хвалить тебя, не все ли будут тебя любить, не все ли будут считать тебя за отца. От тех угощений нет никакой пользы, а за эти уготовано небо и небесные блага, – коих и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТОЛКОВАНИЕ НА 2-е ПОСЛАНИЕ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ

ВВЕДЕНИЕ. БЕСЕДА 1

1. Сказав в первом послании, что **"день и ночь молимся о том, чтобы видеть вас"**, и что, **"не терпя более, мы остались в Афинах одни, и я послал Тимофея"** (1 Фес.3:10, 1–2), (апостол) во всех этих (местах) выражает (пред фессалоникийцами) свое желание, которое он имел – придти к ним. Но так как, вероятно, он еще не имел возможности отправиться к ним и восполнить недостатки их веры, то по этой причине присовокупил это второе послание, желая посланиями заменить для них недостаток своего личного присутствия. А что он не ходил к ним, об этом можно догадываться из того, что он в (этом) послании к ним говорит: "**Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа"** (2 Фес. 2:1). Между тем в первом послании он им говорил, что **"О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия"** (1 Фес.5:1). Итак, если бы он был у них, то не имел бы надобности писать. Но так как исследование (этого вопроса) обращало на себя особенное внимание, то он и прибавил (к первому) это послание, подобно тому, как он говорит и в послании к Тимофею, что иные **"отступили от истины, говоря, что воскресение уже было, и разрушают в некоторых веру".** (2 Тим.2: 18).

Это они делали с тою целью, чтобы верующие, не ожидая в будущем ничего великого или светлого, отказались от своих подвигов.

Так как эта надежда укрепляла их и не позволяла изнемогать им (в борьбе) с настоящим, то диавол, желая исхитить у них этот якорь, – здесь он, не будучи в состоянии уверить их в том, что будущее ложно, пошел к цели другим путем, – и воздвигнув некоторых злонамеренных людей, покушался обольстить легковерных тем, что будто все эти великие и светлые (надежды) уже исполнились. Итак, прежде эти люди говорили, что было уже воскресение мертвых, а теперь они утверждали, что уже приближается суд и пришествие Христово, чтобы таким образом и на самого Христа взвести обвинение во лжи и, доказав, что в будущем нет ни воздаяния, ни суда, ни наказания, ни мучений для тех, которые творили зло, одних соделать еще более дерзкими, а других повергнуть в уныние. Но, что хуже всего, одни из них покушались только возвещать слова, будто бы сказанные Павлом, а другие даже выдумывали подложные послания, будто бы им написанные. Потому, преграждая им всякий путь, (апостол) говорит: **"не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного"** (2 Фес. 2:2). **"Ниже духом"**, – говорит, указывая этим на лжепророков. Но откуда узнаем это, спросит кто-либо? Из того, что прибавлено ниже; для того (апостол) и присовокупил:

"**Приветствие моею рукою, Павловою, что служит знаком во всяком послании; пишу я так: 18 благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь"** (2 Фес.3: 17,18). Он не то говорит, что слова эти служат признаком, – вероятно, и другие могли – подражать ему в этом, – но то, что я пишу приветствие моею собственною рукою, как это и теперь у нас бывает: по подписи можно узнать того, кто посылает письмо. (В этом послании апостол) утешает (фессалоникийцев), которые были очень угнетаемы бедствиями, с одной стороны, похваляя их за настоящее (подвиги), с другой – обращая (их внимание) на будущее, на наказание и награды праведных, уготованные им. По этому поводу он довольно ясно и подробно рассматривает этот вопрос, не открывая впрочем самого времени, хотя и указывает на признак этого времени – на антихриста. Душа немощная преимущественно тогда убеждается, когда не только услышит о чем-либо, но еще узнает нечто более. Так и Христос имел об этом великое попечение, когда, сев на горе, с точностью изложил ученикам своим все, что касалось кончины (мира). Для чего? Для того, чтобы не нашли для себя места те, которые вводят антихристов и лжехристов. И Он тоже указал на много признаков, и в числе их на важнейший, сказав: когда проповедано будет между всеми народами евангелие (Мф. 24:14), и на другой – чтобы не обольщались относительно Его пришествия: **"как молния", –** сказал Он, придет (Мф. 24:27), которая не скрывается в каком-либо углу, но сияет повсюду. Не будет нужды в вестнике (Его пришествия), – так оно будет блистательно, – подобно тому, как и молния не имеет нужды, чтобы кто-либо возвестил об ее появлении. Он сказал также в другом месте и об антихристе, когда говорил: **"Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете"** (Иоан. 5:43).

Он сказал также, что признаком этого времени будут служить непрерывные и невыразимые бедствия, и что должен придти Илия. Итак, фессалоникийцы недоумевали тогда относительно этого предмета, между тем их недоумение доставило нам пользу. Не только им, но и нам это полезно, чтобы отстать от детских сказок и болтовни старух. Разве вы не слыхали часто, еще в детстве, как некоторые много рассказывали об имени антихриста и о том, что он преклонит свои колени? Диавол старался посеять эти вымыслы в наши еще незрелые умы для того, чтобы это лжеучение росло вместе с нами и чтобы потом ему легче было обольстить нас. Не забыл бы сказать об этом Павел, говоря об антихристе, если бы это было полезно. Поэтому не будем заниматься исследованием этого. Он (антихрист) придет не так, не преклоняя колени, но "**противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога"** (2 Фес.2:4). Подобно тому, как диавол пал от гордости, так и тот, кто будет орудием его, будет напитан гордостью.

2. Поэтому, умоляю вас, постараемся все удаляться от этой страсти, чтобы нам не подпасть одинаковому с ним осуждению, чтобы не подвергнуться одинаковому с ним наказанию, чтобы не соделаться причастниками его мучений. **"Не [должен быть]",– говорит, – " из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом".** (Тим.3:6). Следовательно, возгордившийся несет равное с диаволом наказание. Начало гордости, сказано, незнание Господа (Сир.10:14); начало греха – гордость, первое побуждение и движение ко злу; впрочем, может быть, и корень, и основание. Начало может означать или первое побуждение ко злу, или – основание его. Так, воздержание от непристойных зрелищ может быть названо началом целомудрия, т. е. первоначальным побуждением. Но если мы назовем началом целомудрия пост, то здесь начало будет означать основание или опору. В таком смысле и гордость есть начало греха. С нее и начинается всякий грех и в ней находит свою опору. Сколько бы мы ни совершили добрых дел, этот порок не позволяет им укрепиться в нас и неразлучно с нами пребывать, но, подобно какому-либо корню, препятствует им оставаться в нас непоколебимыми. Это видно из следующего. Смотри, сколько (добрых дел) творил фарисей; между тем это не

принесло ему ни малейшей пользы, потому что он не отсек корня, который и разрушил все. От гордости происходить презрите к бедным, страсть к деньгам, властолюбие и славолюбие. Гордый человек расположен мстить за обиды. Гордый не может равнодушно переносить обиды ни от высших, ни от низших; а кто не переносит спокойно обиды, тот не в состоянии переносить и несчастие. Вот каким образом гордость есть начало греха. Но как началом гордости может быть незнание Бога? Очень просто. Кто знает Бога так, как нужно знать, кто знает, до какой степени Сын Божий смирил Себя, тот не превозносится, а кто не знает этого, тот превозносится. Гордость ведет к надменности. Скажи мне: отчего враждующие на Церковь Божию говорят, что они знают Бога? Не от гордости ли? Видишь ли, в какую пропасть ввергло их незнание Бога? Если Бог любит дух сокрушенный, то напротив Он противится гордым, а смиренным дарует благодать. Итак, нет зла равного гордости. Она превращаете человека в демона, наглого, богохульствующего, клятвопреступника; она возбуждает в нем жажду убийства. Человек надменный постоянно сокрушается скорбью, постоянно досадует, постоянно сетует. Ничто не может утолить его страсти. Если бы даже он видел, что царь униженно преклоняется и благоговеет пред ним, то и тогда не удовлетворился бы этим, но еще более воспламенился бы. Подобно тому, как сребролюбцы, чем больше приобретают, тем большего желают, так и гордые: чем большею пользуются честью, тем больше домогаются ее. Страсть их постепенно возрастаете, – а это действительно (есть страсть), – страсть же не знает предела, но прекращается только тогда, когда убьете того, кто одержим ею. Разве не видишь, что преданные пьянству постоянно сгорают от жажды? Страсть не есть естественная потребность, но в некотором роде все извращающая болезнь. Разве не видишь, что люди, одержимые так называемым волчьим голодом, постоянно голодают? Это страсть, как утверждают врачи, преступившая естественные пределы. Подобным образом и люди, неумеренно любознательные и любопытные, сколько бы они ни узнавали, не останавливаются ни на чем; это у них страсть, не имеющая границ. Опять те, которые находят наслаждение в любодеянии, не умеют положить конца своим пожеланиям: **"Блуднику сладок всякий хлеб; он не перестанет, доколе не умрет"** (Сир.23:23). Это тоже страсть. Впрочем, хотя страсти и составляют некоторого рода недуг, однако они не неизлечимы; напротив они способны к уврачеванию и даже больше, нежели телесные недуги. Если только мы захотим, то можем потушить их. Как же можно потушить гордость? Нужно для этого познать Бога. Если она происходит от незнания Бога, то когда познаем Его, от нас удалится всякая гордость. Подумай о геенне, подумай о тех, которые гораздо лучше тебя, подумай о том, насколько ты виновен пред Богом. Если подумаешь об этом, то скоро укротишь свой разум, скоро смиришь его. Но ты не можешь этого сделать? Ты очень слаб? Подумай о настоящем, о природе самого человека, о том, как ничтожен человек. Когда увидишь человека мертвого, которого несут чрез площадь, его осиротевших детей, провожающих его, плачущую вдову, рыдающих слуг и скорбных друзей, то размысли при этом о ничтожестве всего настоящего, о том, что оно ничем не отличается от тени и сновидения. Но ты не хочешь этого (сделать)? Подумай о людях, владевших великими богатствами, которые совершенно разорились во время войны. Посмотри на домы великих и знаменитых людей, теперь обращенные в развалины. Подумай, как сильны были эти люди, а теперь исчезла и память об них. Каждый день, если захочешь, ты можешь находить подобные примеры: смену правителей, отобрание в казну имущества богатых. **"Многие из властелинов сидели на земле, тот же, о ком не думали, носил венец"** (Сир.11:5). Не каждый ли день случается подобное? Не походит ли судьба наша на колесо? Прочти об этом, если хочешь, и наши сочинения, и то, что написано у языческих писателей, – ведь и их сочинения полны такого рода примеров – если по гордости презираешь наши. Если ты уважаешь одни только произведения философов, то приступи к ним, – и они тебя научат, рассказывая о несчастьях, которые постигли древних, – и поэты, и ораторы, и софисты, и вообще все писатели. Везде, если хочешь, найдешь такого рода примеры. Если же не хочешь заняться всем этим, то

размысли о собственной природе нашей, об ее происхождении и конце, ее ожидающем. Подумай, что значишь ты в то время, когда спишь? Не может ли в это время умертвить тебя самое малое животное? Со многими часто даже случалось, что небольшое животное, упавши с кровли, лишало их зрения, или было причиною другого несчастья. Что же? Разве ты не ниже всех животных? Что скажешь против этого? То, что ты наделен разумом? Но вот у тебя и разума нет, потому что гордость – признак неразумия. Отчего же ты после этого превозносишься, скажи мне? Может быть – здоровым состоянием своего тела? Но в этом отношении преимущество остается на стороне бессловесных. Это свойство находим и у воров, и у убийц, и у грабящих могилы. Благоразумием ли своим? Но гордость несвойственна благоразумию, напротив чрез нее ты лишаешь себя права носить название благоразумного. Поэтому обуздаем наши помыслы, будем скромны, смиренномудры, кротки. Таких особенно ублажает Христос, говоря: "**блаженны нищие духом"** (Мф.5:3); и опять, взывая, говорит: "**научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем"** (11:29). Для того и умыл Он ноги своим ученикам, чтобы показать нам пример смиренномудрия. Постараемся из всего этого извлечь для себя пользу, чтобы мы могли получить блага, обещанные любящим Его, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки. Аминь).

БЕСЕДА 2

"Павел и Силуан и Тимофей – Фессалоникийской церкви в Боге Отце нашем и Господе Иисусе Христе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа" (2 Фес. 1:1–2).

1. Большая часть людей все делает и предпринимает с тою целью, чтобы заслужить себе расположение и начальников, и тех, которые знатнее их, – и они высоко ценят это (расположение) и считают себя счастливыми, когда достигают того, чего желают. Но если так важно заслужить расположение подобных себе людей, то, что же значит снискать благодать у Бога? Поэтому-то (апостол) всегда в начале своих посланий полагает (такого рода благожелания) и молится об этом, зная, что где есть благодать Божия, там не может иметь места никакое несчастье, но как бы ни были велики наши бедствия, все они прекратятся. И чтобы научить вас этому (приведу следующее): Иосиф находился в рабстве, был молод, неопытен и простосердечен, – и вдруг вручено ему было управление домом, и он давал отчет в этом египетскому вельможе. А вы знаете, какой это вспыльчивый и несговорчивый народ; при том, так как к этому еще присоединялась власть и могущество, то и гнев его, возбуждаемый сознанием своего могущества, становился еще сильнее. Это видно даже из того, как он поступил впоследствии. (Иосиф) пострадал вследствие обвинения госпожи, – хотя вероятнее было то предположение, что подвергся насилию не тот, кто имел в руках одежду, но тот, у кого она отнята. Поэтому следовало сказать к ней: если бы ты возвысила голос, то он убежал бы и, сознавая свою виновность, не дожидался бы прихода господина. Но он (египтянин) ничего этого не взял во внимание, напротив; безрассудно увлекшись гневом, бросил (Иосифа) в темницу. Так безрассуден был этот человек. Хотя он имел возможность из других обстоятельств выводить заключение о благонамеренности и рассудительности этого человека, однако по своему крайнему неблагоразумию он ничего этого не принял в соображение. Итак, тот, кто находился во власти столь злого господина, кому вверено было управление целым домом, кто был пришельцем, одиноким и неопытным, после того, как Бог обильно излил на него свою благодать, – перенес все искушения так, как будто они ничего не значили: и клевету госпожи, и опасность смерти, и темничное заключение, и, наконец, приблизился к царскому престолу. Итак, видел этот блаженный (Павел), какое значение имеет благодать Божия, и потому молит о ниспослании ее на них. Впрочем, он имеет здесь в виду еще и нечто другое. Именно, желая расположить их в пользу того, о чем намеревался писать в

послании, – чтобы они, если бы даже он обличал и укорял их, не отступили от него, – с этою целью, прежде всего, приводит им на память благодать Божию, и таким образом смягчает их сердце, чтобы они, если бы даже испытали какое-либо огорчение, вспомнив о благодати Божией, которою спасены от больших зол, не пришли в уныние, подвергаясь меньшим, но в ней находили для себя утешение. Подобно тому и в другом послании он пишет: "**Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его"** (Рим.5: 10)."**Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. Всегда по справедливости мы должны благодарить Бога за вас, братия, потому что возрастает вера ваша,** (ст. 2– 3). Заметь избыток смирения! Сказав: **"мы должны благодарить Бога за вас"** дает им заметить и понять, что если другие, взирая на их подвиги, удивляются прежде всего не им, а Богу, то тем более мы (должны так поступать). С другой стороны, он ободряет их сердца тем, что по поводу переносимых ими страданий надлежит не плакать и рыдать, а благодарить Бога. И если Павел благодарит (Бога) за чужие блага, то что должно постигнуть тех, которые не только не благодарят, но еще терзаются завистью? "П**отому что возрастает вера ваша, и умножается любовь каждого друг ко другу между всеми вами"** (ст. 3). Как же, ты спросишь, может возрастать вера? Как? Когда мы терпим ради нее какие-нибудь бедствия. Поэтому много значит оставаться непреклонным (в вере) и не колебаться помыслами; когда усиливаются порывы ветров, когда идут проливные дожди, когда со всех сторон поднимается жестокая буря, когда сгущаются волны, и мы, несмотря на это, остаемся непоколебимыми, то это служит признаком не чего-либо другого, как только того, что возросла и превозросла и более возвышенною соделалась (наша вера). Подобно тому как при наводнении все ровные и низменные места скоро покрываются водою, а возвышенные остаются недостижимыми для нее, так и вера, которая достигла известной высоты, уже не ниспадает. Вот почему (апостол) не сказал: возрастает, но: "**возрастает вера ваша, и умножается любовь каждого друг ко другу между всеми вами"**. Видишь ли, что в скорбях помогает нам и то, когда мы взаимно ограждаем и поддерживаем друг друга? Это доставляет также великое утешение. Итак, слабую любовь и веру скорби колеблют, а твердую соделывают более крепкой. Действительно, душа немощная, находясь в скорби, ничего не может перенести; напротив душа крепкая тогда особенно и обнаруживает силу. Обрати внимание на любовь (фессалоникийцев). Они не так поступали, чтобы одного любить, а другого нет; напротив их любовь была равна ко всем, – на это именно указал (апостол), когда говорит: **"возрастает вера ваша, и умножается любовь каждого друг ко другу между всеми вами"**, – потому что их любовь в равной мере простиралась на всех, как на членов одного тела. Правдами в наше время мы находим любовь между многими, но такую любовь, которая бывает причиною раздора. В самом деле, когда мы будем по два, или по три соединяться, между собою, и эти два, или три, или четыре будут находиться между собою в большом согласии, а от всех прочих будут отделяться, так что между теми и другими уже не будет взаимного содействия и во всем доверия, – то это будет расторжение любви, а не любовь. Скажи мне: если глаз то попечение, какое он имеет о всем теле, перенесет на одну руку и, оставив без внимания все прочие члены, только о ней одной будет заботиться, то не повредит ли он этим всему телу? Без сомнения. Так и мы, если любовь, которая должна распространяться на всю Церковь Божию, сосредоточим на одном или двух только, то повредим этим и самим себе, и им, и вообще всем. Это свойственно не любви, а разобщению, разъединению и раздору. Так, если бы я взял от целого человека оторванную какую-либо часть, то хотя эта оторванная часть сама по себе составляла бы нечто единое, связное и стройное, однако она оставалась бы оторванною частью, потому что не находилась бы в связи с целым телом.

2. Какая польза оттого, что такого-то ты любишь весьма сильно? Это любовь человеческая. А если не человеческая, и ты любишь его для Бога, то люби всех, потому

что Бог заповедал столько же любить и врагов. Если же Он заповедал любить врагов, то насколько более тех, которые нас ничем не огорчили? Но я люблю (и врагов), скажешь, хотя и не так сильно. Скажи лучше, что ты вовсе не любишь их. Когда ты осуждаешь (врага), когда завидуешь ему, когда злоумышляешь, против него, то как (можешь сказать, что) ты его любишь? Я ничего такого не делаю, говоришь ты. Но когда ты слышишь про него что- нибудь дурное и не заграждаешь уста говорящему, не отказываешься верить тому, что говорят, не прекращаешь (таких речей), то ужели это признак любви? **"Умножается", – говорит, – "любовь каждого друг ко другу между всеми вами, так что мы сами хвалимся вами в церквах Божиих"** (ст. 4). В первом послании он говорил, что все Церкви Македонии и Ахаии распространили о них молву, узнавши об их вере: "**нам ни о чем не нужно"**, – говорит, – **"рассказывать. Ибо сами они сказывают о нас, какой вход имели мы к вам"** (1 Фес.1:8, 9); а здесь говорит: "**мы сами хвалимся вами в церквах Божиих"**. Что же значат эти слова? Там (апостол) говорит, что (иные) не нуждаются в том, чтобы мы им рассказывали (о ваших подвигах); а здесь он не говорит, что мы рассказываем об них, но хвалимся и превозносимся ими. Поэтому, если мы и благодарим Бога за вас и хвалимся вами пред людьми, то тем более вы должны поступать так относительно того, что доставляет нам утешение. Если ваши добрые дела удостаиваются того, чтобы другие хвалились ими, то возможно ли сказать (что они составляют) для нас причину скорби? **"Мы сами хвалимся",– говорит, – "хвалимся вами в церквах Божиих, терпением вашим и верою".** Здесь он указывает на то, что уже много прошло времени (от начала их страданий), потому что терпение обнаруживается в течение долгого времени, а не в два или три дня. И не просто говорит только о терпении. Конечно, терпение выражается уже и в том, когда человек не наслаждается обещанными ему благами; но в настоящем случае он говорит о большем терпении. О каком же это? О таком, которое рождается вследствие гонений. Что он именно на это намекает, видно из того, что он дальше присовокупляет и говорит: **"во всех гонениях и скорбях, переносимых вами"**. Они постоянно жили среди врагов, которые старались со всех сторон наносить им вред, и, несмотря на то, они обнаруживали непреклонное и непоколебимое терпение. Пусть устыдятся поэтому те, которые ради покровительства человеческого переменяют свои убеждения. Еще в самом начале (евангельской) проповеди, люди бедные и жившие дневным трудом вступили во вражду с людьми, которые управляли государством и занимали в нем первые места, – когда еще ни один царь и ни один правитель не находился в числе верующих, – выдержали они непримиримую брань, и несмотря на то не отказались (от своих убеждений). "**Доказательство того, что будет праведный суд Божий"** (ст. 5). Смотри, как он одно утешение прилагает к другому. Он сказал, что благодарим Бога, сказал, что хвалимся пред людьми, – и это уже утешительно; но то, чего всего больше ищет страждущий, состоит в освобождении от бедствий и в наказании тех, которые причиняли ему зло. Действительно, душа, когда бывает немощна, больше всего желает этого; напротив душа любомудрая и того даже (не желает). Что же значат слова: "**Доказательство того, что будет праведный суд Божий"**? Этим (апостол) указал на двоякое воздаяние: одно для тех, которые делают зло, а другое для тех, которые переносят его. Он как будто так говорил: чтобы открылась в этом правда Божия, что Он вас увенчает, а тех накажет. Вместе с этим он утешает их, показывая, что они будут увенчаны за свои труды и заботы, согласно с требованием справедливости. Но прежде он говорит то, что касается их самих. Действительно, хотя бы кто и сильно желал отомстить за себя, однако прежде всего ищет он награды себе. Поэтому-то (апостол) и присовокупил: "**чтобы вам удостоиться Царствия Божия, для которого и страдаете"**. Итак, причина их страданий заключается не в том, что их гонители сильнее их, но в том, что этим именно путем они должны войти в царствие». "**Многими"**, – говорит, – "**скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие**" (Деян.14: 22). "**Ибо праведно пред Богом - оскорбляющим вас воздать скорбью, а вам, оскорбляемым, отрадою вместе с нами, в явление Господа Иисуса с неба, с Ангелами**

силы Его" (ст. 6, 7). "Ибо"[1] (εἴπερ) поставлено здесь вместо "как" (ἐπεί), – подобно тому как и мы употребляем (это выражение), говоря о предметах, которые считаем несомненными и неоспоримыми. Вместо того, чтобы сказать: весьма справедливо, он говорит: если справедливо пред Богом то, чтобы они подверглись мщению, то Он несомненно отомстит, – подобно тому как если бы кто сказал: если Бог заботится о предметах (мира), если Бог имеет попечение. Так и (апостол) употребил выражение "если", говоря о том, на что все были согласны, подобно тому, как если бы кто сказал: если Бог ненавидит злых людей, – употребляя это выражение с тою целью, чтобы заставить других сказать, что ненавидит, – а такого рода суждения не подлежат ни малейшему сомнению, потому что они сами знали, что это справедливо. "**Оскорбляющим вас", – говорит, – "воздать скорбью, а вам, оскорбляемым, отрадою вместе с нами".**

3. Что же? Ужели воздаяние будет равняться (поступкам)? Нет. Напротив, смотри, как из того, что он говорит после, открывается, что и наказание будет гораздо суровее, и награда гораздо значительнее. Вот и другое утешение (апостол говорит), что участвовавшие в страдании будут иметь одинаковый удел и в воздаянии, – это именно значит выражение: с нами, – уравнивая их таким образом в венцах с теми, которые совершили бесчисленные и гораздо большие подвиги. Далее он прибавляет к этому указание на время воздаяния, и посредством описания (самого события) возводит их мысли, как бы отверзая своим словом небеса и представляя их взору, и окружает Его (Господа) ангельским воинством, начертывая таким образом блестящее изображение как самого места, так и того, что на нем находится, чтобы через это дать им (фессалоникийцам) возможность несколько придти в себя. **"А вам, оскорбляемым, отрадою вместе с нами, в явление Господа Иисуса с неба, с Ангелами силы Его, в пламенеющем огне совершающего отмщение не познавшим Бога и не покоряющимся благовествованию Господа нашего Иисуса Христа"** (ст. 8). Если те, которые не слушаются Евангелия, подвергнутся наказанию, то чего не испытают те, которые при этом непослушании еще оскорбляют вас? Но заметь, прошу, мудрость (апостола). Он не сказал здесь: оскорбляющим вас, но: не послушающим. Следовательно, если не в отмщение за вас, говорит, то в отмщение за самого Себя (Господь) необходимо должен подвергнуть их наказанию. Таким образом, это сказано для большего удостоверения в том, что, во всяком случае, (гонители) должны быть наказаны, а предыдущее – для удостоверения в том, что (гонимые) удостоятся чести. Итак, удостоверение в неизбежности наказания приводит их к вере, а утешение – в том, что (гонители) подвергнутся этому страданию в отмщение за причиняемые верующим обиды. Хотя это было сказано к ним (фессалоникийцам), однако может иметь отношение и к нам. Поэтому когда будем находиться в несчастии, будем размышлять об этом.

Не будем радоваться наказанию других потому, что мы отмщены, но будем радоваться тому, что мы сами избежали такого наказания и взыскания. В самом деле, какая нам польза от того, что другие подвергнутся наказанию? Не будем поэтому, умоляю вас, питать в себе такого душевного расположения; пусть мысль о царствии побуждает нас вести добродетельную жизнь. Правда, тот, кто вполне доβродетелен, руководствуется не страхом и не желанием приобресть царство, но самим Христом, подобно тому, как делал Павел. Но мы будем помышлять о благах в царстве и о мучениях в геенне, и по крайней мере таким образом будем правильно образовывать и воспитывать себя, будем таким образом побуждать себя к исполнению того, что должны исполнить. Когда в настоящей жизни увидишь что-либо хорошее и великое, тогда подумай о небесном царстве, – и убедишься, что виденное тобою ничтожно. Когда (увидишь) что-либо страшное, то подумай о геенне, – и ты посмеешься над тем. Когда овладеет тобою плотская похоть, подумай об огне, размысли о самом удовольствии от этого греха, что оно ничтожно и что даже не приносить собою удовольствия. Если опасение преступить законы, которые здесь

изданы, имеет такую силу, что удерживает нас от злодеяний, то тем более памятование о будущем, непрестанное мучение, наказание вечное. Если страх пред земным царем удерживает нас от стольких преступлений, то тем более страх пред Царем вечным. Каким же образом мы можем постоянно возбуждать в себе этот страх? Если будем всегда внимательны к словам Писания. В самом деле, если один вид мертвеца до такой степени смиряет наш ум, то насколько более геенна и огонь неугасающий, насколько более червь неумирающий? Если бы мы постоянно помышляли о геенне, то не скоро низринулись бы в нее. Для этого-то Бог и угрожает наказанием. Если бы размышление о геенне не приносило нам великой пользы, то Бог и не угрожал бы ею; но так как память о ней может способствовать надлежащему исполнению великих дел, то Он как бы некоторое спасительное лекарство посеял в наших душах грозную мысль о ней. Поэтому не будем пренебрегать великою пользою, которая отсюда рождается, но сделаем ее постоянным предметом разговора во время утреннего и вечернего стола. Разговор о приятных предметах не приносит ни малейшей пользы для нашей души, напротив соделывает ее более немощною, между тем, беседа о предметах печальных и скорбных отсекает от нее всякую рассеянность и изнеженность, обращает ее на истинный путь и воздерживает даже тогда, когда она покорилась немощи.

Кто рассказывает о театрах и актерах, тот не доставляет этим нашей душе ни малейшей пользы, напротив еще более разжигает ее и соделывает более легкомысленною. Кто занимается чужими делами и любопытствует узнавать их, тот часто чрез такое любопытство подвергает ее опасности. А тот, кто говорит о геенне, не подвергается никакой опасности и в то же время соделывает душу свою более целомудренною. Может быть, ты боишься таких страшных речей? Не думаешь ли ты, что погасишь геенну, если не будешь говорить о ней? Или – что воспламенишь ее, если будешь говорить? Будешь ли ты говорить, или нет, – огонь (геенский) все же будет гореть. Постоянно говори о ней для того, чтобы никогда не впасть в нее. Невозможно, чтобы душа, постоянно занятая мыслью о геенне, скоро согрешила. Выслушай поэтому превосходное наставление: **"Во всех делах твоих помни о конце твоем, и вовеки не согрешишь"** (Сир.7:39). Быть не может, чтобы душа, которая боится быть призванною к отчету в своих поступках, не была ленивою к преступлениям. Страх, укрепившись в нашем уме, не оставляет в нем места ничему мирскому. Если речь о геенне, только по временам занимающая нас, так смиряет и укрощает, то мысль о ней, постоянно пребывающая в душах, не лучше ли всякого огня очищает душу? Не столько будем помнить о царствии, сколько о геенне, потому что страх имеет больше силы над нами, чем обетования, – и я знаю, что многие пренебрегли бы тысячью благ, если бы только остались свободными от наказаний; так и для меня теперь довольно только того, чтобы я не подвергся взысканию, чтобы я не был наказан. Никогда не впадет в геенну тот, кто всегда имеет ее пред глазами. Никогда не избежит геенны тот, кто презирает ее. Подобно тому как у нас тех людей, которые боятся судилища, не влекут на судилища, напротив те, которые ими пренебрегают, чаще всего подвергаются им, – так и там. Если бы ниневитяне не убоялись погибели, то они погибли бы; но так как они убоялись, то и не погибли. Если бы жившие при Ное устрашились потопа, то и не погибли бы в потопе. И содомляне, если бы убоялись, не были бы потреблены огнем. Великое зло – пренебрегать угрозами. Кто пренебрегает угрозами, тот вскоре на опыте узнает их следствия. Ничего не может быть полезнее беседы о геенне; она соделывает наши души чище всякого серебра. Послушай, что говорит пророк: "**ибо все заповеди Его предо мною, и от уставов Его я не отступал"** (Пс17:23). И Христос постоянно беседовал о геенне, потому что хотя это опечаливает слушателя однако и приносит ему величайшую пользу.

4. Такие (свойства) имеет все то, что полезно, – и не удивляйся этому. Ведь и лекарства, и яства бывают сначала неприятны для больного, но потом приносят ему пользу. Если же

мы не можем перенести неприятных для нас речей, то, очевидно, что не будем в состоянии перенести тяжких испытаний на деле! Если никто из нас не в состоянии переносить слова о геенне, то, очевидно, что если бы нас постигло гонение, никто из нас| не был бы в состоянии устоять против огня, против меча. Будем упражнять наш слух, чтобы не сделаться нам изнеженными: от слов можем перейти и к делам. Если привыкнем слушать страшное, то привыкнем и переносить страшное. А если до того будем изнеженны, что не будем в состоянии даже переносить слов, то как устоим против событий? Видишь ли, как блаженный Павел презирал все случающееся в здешнем мире, даже опасности? Отчего это? Оттого, что он научился презирать даже геенну для тех, которых возлюбил Бог. Из любви к Христу он ни во что вменял перенесение мучений в геенне; а мы для своей собственной пользы не можем переносить даже речи о ней. Теперь, немного послушав, вы отойдете (отсюда); но я умоляю вас, если только есть в вас сколько-нибудь любви, постоянно заниматься разговорами о подобных предметах. По крайней мере, это нисколько вам не повредит, если уже не доставит пользы; но, без сомнения, доставит и пользу. Смотря по тому, какова наша беседа, такова становится и душа. "**Худые сообщества", – сказано, – "развращают добрые нравы**" (1 Кор.15:33). Следовательно, благие беседы приносят пользу, – следовательно, беседы, внушающие страх, делают целомудренными. Душа наша подобна воску. Если будешь вести холодные речи, то сделаешь ее твердою и жесткою; а если пламенные, то умягчишь ее. А, умягчивши, можешь дать ей такой вид, какой будет тебе угодно, и начертать на ней царский образ. Заградим поэтому слух наш от праздных разговоров: они немалое составляют зло, от них происходить всякое зло. Если бы наш ум научился внимать Божественным словам, то он не обращал бы ни на что другое внимания; а не обращал внимания на что-либо другое, он никогда не решился бы на худые поступки. Слово есть путь к делам, – сначала мы думаем, потом говорим, потом действуем. Часто многие, даже целомудренные люди, от постыдных слов переходили к постыдным делам. Наша душа по природе ни добра, ни зла; но то и другое в ней зависит от свободной воли. Подобно тому как парус, куда подует ветер, туда подвигает корабль, или лучше – как руль направляет корабль, если дует попутный ветер, так и наш ум, если благоприятный ветер доносит до него добрые речи, плывет безопасно, а если дуют противные ветры, то нередко утопает. Что для кораблей ветры, то для души слова. Куда хочешь, туда и можешь подвинуть и направить ее. Поэтому некто, поучая нас, сказал: "и всякая беседа твоя – в законе Вышнего" (Сир.9:20). Поэтому, умоляю вас, отнимая детей от матерней груди, не будем научать их басням старух; но пусть (дитя) с младенческого возраста узнает, что есть суд; пусть вкоренится в уме его мысль, что есть наказание; этот страх, когда укоренится в нем, принесет великую пользу. В самом деле, душа, привыкшая с раннего возраста трепетать от ожидания такой участи, не легко может освободиться от этого страха, но подобно удобоуправляемому коню, имея водителем мысль о геенне, будет шествовать правильно, будет говорить и принимать участие в беседе только о предметах полезных. Ни юность, ни богатство, ни сиротство, ни иное что не будет в состоянии причинить ей вреда, – так тверд будет ее ум и так она будет способна устоять против всего. Такими речами будем назидать и самих себя, и своих жен, и рабов, и детей, и друзей, и даже, если можно, врагов. Помощью таких речей мы будем в состоянии и пресечь множество грехов, и (предпочтем) лучше жить в скорбных, чем в благоприятных обстоятельствах. Это можно видеть из следующего. Скажи мне: если бы ты вошел в дом, где празднуется брачное торжество, то на один час ты почувствовал бы удовольствие от этого зрелища; но потом, вышедши оттуда, не стал ли бы ты сокрушаться скорбью о том, что у тебя нет того же? Но если бы ты вошел в дом плачущих, хотя и весьма богатых людей, то, вышедши оттуда, ты скорее почувствовал бы успокоение. Ты вынес бы оттуда не зависть, а утешение и ободрение – для своей бедности.

Ты на опыте видишь, что и богатство не есть добро, и бедность не есть зло, но что и то и другое сами по себе безразличны. Так и в настоящем случае: если будешь заниматься разговором об удовольствиях, то еще более опечалишь свою душу, которая не наслаждается этими удовольствиями; но если среди удовольствий ты заведешь речь о геенне, то это послужит для тебя источником радости и великого утешения. В самом деле, когда ты размыслишь, что эти удовольствия нисколько не могут помочь нам против этого огня, то не будешь искать их; а когда подумаешь, что обыкновенно они еще сильнее разжигают этот огонь, то не только не будешь искать их, но почувствуешь к ним отвращение и отвергнешь их. Не будем поэтому избегать речей о геенне, чтобы избежать геенны. Не будем избегать напоминания о наказании, чтобы не подвергнуться этому наказанию. Если бы тот богач помышлял о том огне, то не согрешил бы; но так как он никогда не приводил себе его на память, то и впал в него. Скажи мне, человек, когда настанет для тебя время явиться пред судилище Христово, ужели и тогда ты будешь говорить о всем, только не об этом (не о геенне)? Когда у тебя есть дело в суде, часто даже не стоящее того, чтобы о нем говорить, то ты и ночью и днем, во всякое время и всегда ни о чем больше не будешь говорить, как только об этом деле; между тем, имея дать пред Богом отчет в целой жизни и подвергнуться ответственности, ты не можешь перенести даже того, чтобы другие напоминали тебе о суде? Оттого – то все и стремится к погибели и растлению, что мы, когда приготовляемся предстать пред судилище человеческое, по поводу житейских дел, – все приводим в движение, ко всем обращаемся с просьбою, постоянно беспокоимся об этом, все делаем, что только нужно для этого; между тем, имея в скором времени предстать на суд Христов, мы ничего не делаем ни сами лично, ни чрез других, не умоляем Судию. Несмотря на то, Он дает нам много времени (для приготовления) и не призывает нас внезапно – среди грехов; напротив дает нам возможность освободиться от них, и Его благость и человеколюбие не оставляют без внимания ничего такого, что с Его стороны можно было бы сделать. Мы же с нашей стороны ничего больше не делаем, и потому подвергнемся большому наказанию. Но да не будет этого! Поэтому, умоляю, образумимся по крайней мере теперь. Будем иметь пред глазами геенну, будем помышлять о неизбежном будущем наказании, чтобы, размышляя об этом, мы и зла избежали, и стяжали добродетель, и сподобились получить блага, обещанные любящим Его, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки. Аминь).

---

[1] То, что в синодальном переводе переведено как "ибо", на самом деле переводится как "если". Об этом Златоуст и говорит далее.

БЕСЕДА 3

"Которые подвергнутся наказанию, вечной погибели, от лица Господа и от славы могущества Его, когда Он приидет прославиться во святых Своих и явиться дивным в день оный во всех веровавших, так как вы поверили нашему свидетельству" (2 Фес.1:9,10).

1. Есть много людей, которые возлагают добрые надежды не на то, что они воздерживаются от грехов, а на то, что полагают, будто геенна не так страшна, как говорят о ней, но слабее той, какою угрожают нам, и при том временна, а не вечна, и много умствуют по этому поводу. Между тем я могу представить много доказательств и даже вывести из самых слов (Писания) о геенне, что она не только не слабее того, как ее представляют в угрозах, а еще гораздо ужаснее. Впрочем, теперь я не буду заводить об

этом речи. Довольно и того опасения, какое возбуждают в нас одни слова (о геенне), если мы даже не будем раскрывать их смысла. А что она не временна, послушай, что говорить здесь Павел о людях, не ведущих Бога и не верующих в Евангелие, именно, что они подвергнутся наказанию, вечной погибели. Итак, каким образом вечное может соделаться временным? От лица, говорит, Господня. Что это значит? (Апостол) хочет этим выразить то, что это легко может совершиться. Так как люди богатые тогда очень превозносились, то он и говорит, что для этого не нужно великих усилий, а довольно будет только придти и явиться Богу, и всех (виновных) постигнет наказание и мука. Пришествие Его для одних принесет радость, а для других мучение. **"И от славы", – говорит, – "могущества Его, когда Он приидет прославиться во святых Своих и явиться дивным в день оный во всех веровавших, так как вы поверили нашему свидетельству".** Что говоришь ты? Ужели Бог прославится? Да, – во всех, говорит, святых Своих. Каким образом? Когда те, которые ныне превозносятся, увидят, что те самые, кого они мучили, презирали и подвергали осмеянию, соделались близкими к Нему, тогда откроется слава Его, или, правильнее говоря, в этом будет состоят и Его слава, и слава этих последних , – Его слава, потому что Он не оставил их, но окружил большим блеском, их слава, потому что они удостоились такой чести. Подобно тому, как Его богатство состоит в том, что находятся верные, так и слава Его состоит в том, что есть такие люди, которые соделываются причастниками Его благ. Слава доброго заключается в том , что Он имеет, на кого изливать Свои благодеяния. **"И явиться дивным", –** говорит, – " **во всех веровавших".** То есть, чрез верующих. Вот опять "в" (ἐν) значит то же, что "чрез" (ὅτά). Чрез них (Бог) проявит свое дивное (величие). Действительно, когда злосчастных, и уничиженных, и перенесших тысячи страданий, и сохранивших веру Он сподобит такой славы, тогда обнаружится сила Его, – потому что хотя здесь верующие были, по-видимому, Им оставлены, однако там удостоятся великой славы. В этом-то особенно открывается вся слава и сила Божия. А как именно, послушай, что (апостол) говорит далее: "**Для сего и молимся всегда за вас, чтобы Бог наш соделал вас достойными звания и совершил всякое благоволение благости и дело веры в силе"** (ст. 11). То есть, когда предстанут посреди (судилища) те, которые перенесли бесчисленные бедствия, будучи понуждаемы отступить от веры, и не отступили, но пребыли верными, тогда прославится Бог; в это же время откроется и их слава. Поэтому, так как многие притворяются верующими, то прежде смерти никого не ублажай: в этот день обнаружится, кто (истинно) уверовал. "**Для сего и молимся всегда за вас**", – говорит, – "**чтобы Бог наш соделал вас достойными звания и совершил всякое благоволение благости и дело веры в силе"** (ст.11). Поэтому и прибавил: **"и совершил всякое благоволение благости".** Зван был и в скверные ризы одетый, но не остался среди званных, напротив, более всего по этой причине он был извержен из числа званных в брачный чертог. Званы были тоже и пять дев: восстаньте, сказано им было, **"жених грядет"** (Мф.25:6), и они приготовились, но не вошли. Поэтому, объясняя, о каком звании он говорит, (апостол) прибавил: "**и совершил всякое благоволение благости и дело веры в силе".** Такого-то призыва, говорит, будем домогаться. Смотри, как незаметно он смиряет их. Чтобы они, как люди, совершившие великие подвиги, не возгордились от избытка похвал и не предались лености, он говорит, что до тех пор, пока они находятся в этой жизни, им недостает чего-то. Подобно тому и в послании к Евреям он говорить: **"Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха"** (Евр.12: 4). Всякое, говорит, благоволение то есть благоугождение, удостоверение, удовлетворение. Как бы так сказал: чтобы вполне удостоверился Бог, что вам уже ничего более недостает для того, чтобы вы соделались такими, как Он желает. "**И дело**", – говорит, – "**веры в силе**". Что это значит? Это он говорит о перенесении гонений, чтобы мы не изнемогали. "**Да прославится имя Господа нашего Иисуса Христа в вас, и вы в Нем, по благодати Бога нашего и Господа Иисуса Христа**" (ст. 12).

2. Смотри: прежде (апостол) восхвалял их, и теперь тоже говорит о прославлении их. Прежде сказал, что их так прославляют, что и он сам хвалится ими; сказал еще больше – что они прославляют (своими делами) Бога; сказал, что они соделаются причастниками этой славы, – но и здесь высказывает (то же самое). Ведь когда прославляют владыку, тогда прославляют и его рабов. Поэтому (рабы), которые прославляют владыку, гораздо больше сами бывают прославляемы, как вследствие того (что прославляют владыку), так и независимо от того. Слава состоит в страдании за Христа, и (апостол) везде называет славою подобного рода подвиг. И чем большее мы терпим бесчестие, тем большей сподобляемся славы. Потом, опять желая показать, что и это также зависит от Бога, говорит: по благодати Бога нашего и Господа Иисуса Христа. То есть, сам Бог даровал нам эту благодать, чтобы прославиться в нас и чтобы мы прославились в Нем. Каким образом Он прославляется в нас ? Таким, что мы ничего не предпочитаем Ему. Каким образом мы прославляемся в Нем? Таким, что мы получаем от Него силу не ослабевать среди постигающих нас несчастий. Когда случается с нами какое-либо искушение, тогда одновременно прославляется и Бог и мы. Именно Его прославляют за то, что Он нас соделал такими крепкими, а нам удивляются за то, что мы соделали себя достойными этого. Но все это зависит от благодати Божией. "**Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему, не спешить колебаться умом** (2: 1). Не сказал, когда будет воскресение, но сказал, что оно не теперь последует. "**И нашем", –** говорит, – **"собрании к Нему"**. И это тоже немаловажно. Видишь ли, как опять наставляет (соединяется) с похвалою и ободрением (проистекающим из того), что непременно вместе с нами явится и Господь, и все святые? Здесь он говорить о пришествии Христовом и о нашем собрании; то и другое последуют одновременно. (Апостол) возбуждает их внимание, говоря, чтобы они не спешили колебаться. "**Не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов** (ст. 2). Мне кажется, что здесь он указывает на то, что среди них встречались люди, которые составили подложное послание будто от Павла и, показывая его, утверждали, что уже настал день Господень, чтобы таким образом обольстить многих. Поэтому, чтобы они не впали в заблуждение, Павел предостерегает их, когда говорит и пишет: "**не смущаться ни от духа, ни от слова".** Смысл этих слов такой: хотя бы кто-нибудь, имея дух пророчества, сказал вам это, не верьте. Когда я был у вас, я объяснил вам все (относящееся к этому предмету); поэтому вам не следует переменять своего убеждения касательно того, чему вы были научены. Или духом. Он так называет лжепророков, говоривших по внушению нечистого духа то, что они говорили. Они, желая внушить к себе больше доверия, старались вводить других в заблуждение не только путем убеждения, – на это именно указывает (апостол), говоря: ниже словом, – но показывали еще подложное послание, будто бы от Павла, где говорилось о том же. Потому-то, указывая на это, (апостол) и прибавил: **"ни от послания, как бы нами посланного"**.

Предохраняя их таким образом со всех сторон, он так излагает свою собственную мысль и говорит: "Да не обольстит вас никто никак: [ибо день тот не] [придет], доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога" (ст. 3, 4). Здесь он говорит об антихристе и открывает великие тайны. Что такое – отступление? Отступлением он называет самого антихриста, так как он имеет погубить многих и привести к отступлению: "чтобы прельстить", – сказано, – "если возможно и избранных" (Мф. 24:24). Называет его и человеком беззакония, потому что он совершит тысячи беззаконий и побудит других к совершению их. А сыном погибели называете его потому, что и он сам погибнет . Кто же он будет ? Ужели сатана? Нет, – но человек некий, который воспримет всю его силу (ένέργεταν). "И откроется", – говорит, – "человек греха, сын погибели, противящийся и

превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею". Он не будет приводить к идолослужению, а будет богопротивником (άντίθεος), отвергнет всех богов и велит покланяться себе, вместо Бога, и будет восседать в храме Божием , – не в иерусалимском только, но и повсюду в церквах . "Выдавая", – говорит, – "себе за Бога". Не сказал, что он будет называть себя Богом, но – что он будет стараться показать себя Богом. Он совершить великие дела и покажет чудесные знамения. "Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это" (ст. 5)?

3. Видишь ли, что необходимо постоянно говорить об одном и том же предмете и возобновлять в памяти одни и те же слова? Вот они слышали, как он говорил об этом, когда был у них, и опять имели нужду в напоминании. Подобно тому, как они, несмотря на то, что слышали о скорбях, – "**Ибо мы и тогда", – говорит, – "как были у вас, предсказывали вам, что будем страдать"** (1 Фес.3: 4), – забыли об этом, и он опять ободрял их посредством послания, так и теперь, несмотря на то, что они слышали о пришествии Христовом, опять имели нужду в послании, которое вразумило бы их. Поэтому он приводит им на память и показывает, что он теперь ничего необыкновенного не говорит им, но то же, что и всегда говорил. Подобно тому, как бывает у земледельцев: они однажды бросают в землю семена, но последние не всегда остаются там, напротив, имеют нужду в великом попечении, и если кто не покроет посеянного распаханною землею, то значит, он сеял для птиц, подбирающих семена, – так и мы, если не будем постоянным воспоминанием согревать посеянного в нас, то все (наши слова) будут как бы брошены на ветер: их и диавол похищает, и наша леность погубляет, и солнце иссушает, и дождь потопляет, и терние заглушает. Поэтому недостаточно только того, чтобы однажды посеять и потом оставить семена без внимания; напротив, тот, кто хочет собрать плоды, должен иметь великое попечение и заботливость, отгоняя птиц, истребляя терние, утучняя множеством земли каменистую почву, останавливая, преграждая и уничтожая все то, что может вредить. Впрочем, на (обыкновенной) ниве все зависит от земледельца, потому что сама она бездушна и приготовлена только к тому, чтобы на нее обращена была деятельность других; между тем на этой духовной ниве – не так. Здесь не все зависит от учителей, но если не больше, то, по крайней мере, в половину – и от учеников. Наша обязанность состоит в том, чтобы сеять семя, а ваша – в том, чтобы исполнять сказанное нами, чтобы, помня об этом, посредством дел являть в себе плоды, с корнем исторгать из себя терние. Подлинно, богатство есть терние, которое вовсе не приносит плода, видом безобразно, неприятно в употреблении, уязвляет того, кто дотрагивается до него, и не только само не приносит плодов, но препятствует и развивающимся (растениям) приносить их. Таково-то богатство: оно не только само не приносит плода вечного, но и для желающих стяжать его составляет препятствие. Терние служит пищею для неразумных верблюдов, – оно снедь для огня и совершенно бесполезное произведение (природы). Равным образом и богатство ни на что не бывает полезно, но служить только к тому, чтобы разжигать пещь (геенскую), воспламенять тот день, который будет гореть подобно раскаленной печи, – чтобы питать в вас безумные страсти: злопамятство и гнев. Таков именно и верблюд, питающийся тернием. Люди сведущие рассказывают, что нет ни одного животного до такой степени злобного, яростного и мстительного, как верблюд. Такие же (свойства) имеет и богатство: оно питает бессмысленные пожелания души, а разумные убодает и уязвляет точно тернием. Растение это жестко и колюче и произрастает само собою. Посмотрим же, где оно и растет, чтобы вырвать его. (Оно растет) на местах стремнистых, каменистых и сухих, где нег влаги. Итак, если кто бывает жестким и крутым, т. е. несострадательным, – в том растет терние. Но когда земледельцы хотят истребить терние, то делают это не помощью железа, – но как? Разводят огонь и таким образом извлекают из земли все дурное. Так как недостаточно того, чтобы сверху срезать терние, тогда как внизу корень остается (невредим), ни даже того, чтобы вырвать корень, – потому что нечто вредное будет еще оставаться в земле, подобно тому, как от

всякой язвы, которая поражает тело, остаются в нем вредные следствия, – то огонь, сверху втягивая в себя всю влагу, которою пропитано терние, как бы какой яд, при содействии теплоты извлекает из недр земли. Подобно тому, как банка, употребляемая для пускания крови, будучи приставлена, притягивает к себе из тела все вредное, так и огонь высасывает (из земли) все вредное, содержащееся в тернии, и соделывает ее чистою. Но к чему я говорил все это? К тому, что надобно повсюду истребить страсть к богатству. И у нас есть огонь, который исторгает из души это зло – разумею огонь духовный. Если разведем этот огонь, то будем в состоянии не только иссушить терние, но и влагу, от него рождающуюся, так что если бы даже оно укоренилось (в нас), то и тогда обратилось бы в ничто. Смотри, в самом деле, как входит сюда богатый мужчина, или богатая женщина? Не заботится о том, чтобы слушать слово Божие, а о том, как бы показать себя, как бы с величавостью и великою гордостью занять здесь место, как бы превзойти всех прочих великолепием одежды, и своею наружностью, взглядом и поступью возбудить в других большее к себе уважение. И вся забота ее и попечение состоит в том: видела ли ее такая-то? Удивлялась ли ей она? Хорошо ли я оделась? Но не об этом только она имеет попечение, а еще и о том, как бы не измялось, как бы не разорвалось ее платье. И в этом только состоит вся ее забота. Подобным образом входит и богатый мужчина, имея намерение показать себя бедняку, привести его в страх богатством своих одежд и тем, что он имеет множество слуг, которые стоят около него, отгоняя толпу. Сам он, по чрезмерной гордости, не благоволит сделать и этого, но до такой степени считает это дело недостойным свободного человека, что, несмотря на чрезмерную свою гордость, не дерзает сам делать этого, а поручает рабам, сопровождающим его, – впрочем, поступать так действительно свойственно только людям рабского, бесстыдного нрава. Потом, когда он сядет, тотчас им овладевают заботы о доме, развлекая его внимание во все стороны, его охватывает гордость, поработившая себе его душу. Он думает, что оказал милость и нам, и народу, и, может быть, самому Богу – тем, что вошел в храм Божий. Может ли когда-либо исцелиться столь горделивый человек?

4. Скажи мне, если бы кто вошел в лечебницу и не у врача стал бы искать милости, но подумал бы, что он сам делает ему милость, и вместо того, чтобы просить себе лекарства от раны, стал бы заниматься своим платьем, то получил ли бы он, по выходе оттуда, какую-либо пользу? Я не думаю. Если хотите, я скажу вам причину всего этого. Приходя сюда, они думают, что приходят к нам, думают, что от нас они слышат то, что слышат. Не обращают внимания на то, не думают о том, что они приходят к Богу, что Он сам говорит здесь с ними. В самом деле, когда чтец, восстав, говорит: "**Это говорит Господь**", и когда диакон, стоя, побуждает всех к молчанию, тогда он это говорит не для того, чтобы оказать этим честь чтецу, но для того, чтобы воздать честь Тому, Кто через него обращает ко всем речь. Если бы они знали, что Бог говорит это через пророка, то отложили бы всякую гордость. Если они, когда с ними говорят властители, воздерживаются от всякой невнимательности, то тем более (должны так поступать), когда говорит с ними Бог. Возлюбленные! Мы только служители, мы говорим не свои слова, но слова Божии. Здесь читаются послания, ежедневно ниспосылаемые с неба. Скажи мне, прошу тебя: если бы теперь, когда мы все собраны, вошел человек, украшенный золотым поясом, и грозно и горделиво объявил, что он прислан царем земным и принес на имя всего города послание по самому необходимому делу, то разве не все вы обратились бы к нему? Разве не воцарилось бы здесь совершенное молчание, даже без приглашения со стороны диакона? Я думаю, что так, – я слышал, как читаются здесь царские послания. Итак, когда кто-либо приходить сюда от царя, вы все слушаете его со вниманием; между тем от Бога приходит, и с неба вещает пророк, и никто его не слушает? Разве вы не верите, что все говорится от Бога? Эти послания посланы от Бога. Будем, поэтому, приходить в церкви с должным почтением и будем со страхом слушать то, что говорится в них. Зачем, говоришь, мне приходить, если я не слышу никакого проповедника? Вот это именно губит и растлевает

все. Откуда явилась нужда в проповеднике? Нужда эта явилась вследствие нашего нерадения. Какая надобность в проповеди? Все ясно и просто, что говорится в Божественных Писаниях; все необходимое понятно. Но так как вы любите слушать для своего только развлечения, то и ищете этого. В самом деле, скажи мне: говорил ли когда Павел велеречиво? И, однако, он обратил вселенную. Или Петр, который был неученый?

Но, говоришь ты, я не знаю того, что содержится в Священном Писании. Почему же ты не знаешь этого? Разве на еврейском, или на римском, или на каком-нибудь иностранном языки они написаны? Разве не греческим языком говорится там? Но неясно, говоришь ты. Что же там неясно, скажи мне? Разве это не повествования? Ты ведь знаешь то, что ясно сказано там, для того, чтобы спросить о том, что неясно. В Писании содержится множество историй: расскажи мне одну из них. Но ты не расскажешь. Все это только предлог и пустые слова. Каждый день, говоришь ты, приходится слушать одно и то же. Что же? – скажи мне. Разве в театрах не одно и тоже ты слышишь? На конских ристалищах разве не одно и то же видишь? И не все ли вещи всегда одни и те же? Не одно ли и то же всегда восходит солнце? Не одну ли и ту же всегда мы употребляем пищу? Желал бы я испытать тебя, так как ты говоришь, что каждый день слышишь одно и то же; скажи мне, из какого пророка заимствовано прочитанное место, из какого апостола, из какого послания? Но ты не можешь сказать мне этого; тебе кажется, что ты слышал нечто неизвестное тебе. Итак, когда хочешь оправдать свою леность, ты говоришь, что слышишь все одно и то же; а когда тебя спросят, то ты приходишь в такое смущение, как будто ты никогда не слыхал этого. Если одно и то же (читается всякий раз), то следовало бы знать, а ты не знаешь. Все это достойно слез,– слез и стенаний, потому что вотще трудится сребрековач. Потому-то и следовало бы быть внимательным, что одно и то же (ты всегда здесь слышишь), что мы не причиняем вам ни малейшего труда, не говорим ничего нового и отличного от прежнего. Итак, что же? Так как ты говоришь, что (в книгах Писания читается всегда) одно и тоже, то, по крайней мере, проповедуемое нами не есть всегда одно и то же, напротив; всякий раз мы говорим нечто новое. Ужели вы внимаете этому последнему? Нисколько. А если мы спросим: отчего вы не помните и сказанного нами? – вы ответите: мы слышим всего один только раз, как же возможно нам запомнить? Если же мы спросим: почему вы не внимаете тому (что читается в книгах Писания)? – вы ответите: всякий раз повторяют одно и тоже. И все это внушает вам леность и есть одна отговорка. Однакож не всегда это будет продолжаться, но настанет время, когда мы тщетно и без всякой пользы будем плакать об этом. Да не попустит этого Господь, но лучше потщимся здесь перемениться, будем с должным усердием и благоговением внимать тому, что здесь говорится, с полною заботливостью посвятим себя добрым делам и исправлению нашей жизни, чтобы мы могли получить блага обетованные любящим Его, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 4

"И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только [не совершится] до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет Духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего, того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными" (2 Фес.2:6–9).

1. Справедливо всякий может, во-первых, спросить, чтоб такое удерживающее (τό κατέχον), и потом обнаружить желание узнать, почему так неясно говорит об этом Павел? Что же такое "**не допускает[1] открыться ему**" то есть, "препятствующее"? Одни

говорят, что это благодать Св. Духа, а другие – римское государство; с этими последними я больше согласен. Почему? Потому что, если бы (апостол) хотел говорить о Духе, то не выразился бы об этом неясно, но (сказал бы) определенно, что теперь препятствует ему явиться благодать Св. Духа, т. е. (чрезвычайные) дарования. Кроме того, надлежало бы уже ему придти, если тогда он должен придти, когда оскудеют (чрезвычайные) дарования, потому что они давно оскудели. Но так как (апостол) говорит это о римском государстве, то понятно, почему он только намекает на это и до времени говорит прикровенно. Он не хотел навлечь на себя чрезмерной вражды и бесполезной опасности. В самом деле, если бы он сказал, что в непродолжительном времени разрушится римское государство, то тогда немедленно его, как возмутителя, стерли бы с лица земли, и (вместе с ним) всех верующих, как живущих и подвизающихся для этого.

Вот почему он не употребил такого выражения; не сказал также и того, что это скоро последует, хотя (прикровенно) он и говорит это всегда. Но что? "**Не допускает**", – говорит, – "**открыться**, **ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии**". Здесь он указывает на Нерона, как на прообраз антихриста, потому что и он хотел, чтобы его считали богом. Хорошо сказал он – тайна, потому что (Нерон) не так явно и бесстыдно (выдавал себя за бога), как антихрист. Итак, если еще прежде того времени, говорит, нашелся человек, который немного в злобе уступал антихристу, то что удивительного в том, если со временем явится (настоящий антихрист)? Говорил таким образом прикровенно и не хотел прямо указать на него (Нерона), не из страха, но чтобы научить нас тому, что мы не должны навлекать на себя чрезмерной вражды, когда ничто нас к этому не принуждает. Так же точно говорить он и здесь: "**только [не совершится] до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий** (ὸ κατέχων) **теперь**". То есть: когда прекратится существование римского государства, тогда он (антихрист) придет. И справедливо, – потому что до тех пор, пока будут бояться этого государства, никто скоро не подчинится (антихристу); но после того, как оно будет разрушено, водворится безначалие, и он будет стремиться похитить всю – и человеческую и божескую – власть. Подобно тому как прежде того разрушены были царства, именно: мидийское – вавилонянами, вавилонское – персами, персидское – македонянами, македонское – римлянами, так и это последнее разрушено будет антихристом, а он сам будет побежден Христом и более уже не будет владычествовать. И все это с большою ясностью передает нам Даниил. **"И тогда", –** говорит, – **"явится беззаконник"**. Что же потом? Тотчас за этим следует утешение: (апостол) прибавляет: **"которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего того, которого пришествие, по действию сатаны"**. Подобно тому, как огонь, когда только приближается, еще прежде пришествия своего приводит в оцепенение и уничтожает малых животных, которые даже вдали находятся, так точно и Христос одним Своим повелением и пришествием убьет антихриста. Достаточно явиться Ему, и все это погибнет. Едва только явится (Господь), и уже положит конец обольщению. Объясняя затем, кто таков тот, "**которого пришествие, по действию сатаны"** говорит: **"будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными"** (ст. 9). То есть, он обнаружит великую силу; но в этом ничего не будет истинного, напротив, цель всего будет составлять обольщение. (Апостол) предрек это, чтобы не прельстились, жившие тогда. И в чудесах, говорит, ложных: или обманчивых, или вводящих в обман. "**И со всяким неправедным обольщением погибающих**" (ст. 10). Для чего, ты скажешь, Бог попустит быть всему этому? И какое Его намерение? Какая польза от пришествия антихристова, если оно будет к нашей погибели? Не бойся, возлюбленный, но послушай, что говорить апостол: (антихрист) возобладает только над погибающими, которые, хотя бы он и не пришел, не уверовали бы. Какая же отсюда будет польза, ты скажешь? Та, что будут заграждены уста тех, которые осуждены на погибель. Каким образом? Они не уверовали бы во Христа, хотя бы антихрист и не пришел; но он придет с тою целью, чтобы изобличить их. Для того, чтобы они тогда не сказали: так как

Христос называл Себя Богом, – хотя Он сам нигде не сказал этого ясно, а только проповедали те, которые после Него были, – то мы по этой причине и не уверовали в Него, потому что мы слышали, что Бог един, от Которого все, и вследствие того мы не поверили, – этот их предлог (к оправданию) отнимет у них антихрист. Когда он придет и, несмотря на то, что он не заповедует ничего праведного, а только одно беззаконие, они уверуют в него, единственно ради ложных его чудес, тогда заградятся их уста. В самом деле, если ты не веруешь Христу, то тем более не должен верить антихристу. Первый говорил, что Он послан Отцом, а этот последний (будет говорить) совсем другое. Потому-то Христос и говорил: **"Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете"** (Иоан.5:43). Но мы, скажут, видели знамения? И от Христа совершено было много великих (чудес); поэтому гораздо более следовало уверовать в Него. Кроме того, об антихристе много было предсказано, – что он беззаконник, что он сын погибели, что пришествие его по действу сатанину; тогда как, напротив, о Христе – что Он Спаситель и принесет бесчисленные блага. "**И со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду"** (ст. 10–12).

2. "**Да будут осуждены**". Не сказал: да получат наказание, так как и без того их ожидало наказание, но: "да будут осуждены", т. е. подвергнутся осуждению на том страшном судилище, чтобы им быть безответными. Кто же это будет? (Апостол) сам изъяснил это, говоря: "**не веровавшие истине, но возлюбившие неправду**". А любовью истины он называет Христа: "**за то**", – говорит, "**что они не приняли любви истины**". Христос был и то и другое, и приходил ради того и другого: по любви к людям и чтобы открыть истинное значение всего. "**Но возлюбившие**", **–** говорит, – "**неправду**". Антихрист придет на погибель человеческую, чтобы наносить людям обиды. В самом деле, чего он не сделает в то время? Все приведет в смятение и в замешательство, как посредством своих повелений, так и посредством страха. Он будет страшен во всех отношениях – и своею властью, и жестокостью, и беззаконными повелениями. Но не бойся: он будет иметь силу, говорит (апостол), только над погибающими. И Илия тогда придет, чтобы поддержать верующих. Об этом говорит Христос: "**Илия должен придти прежде и устроить все"** (Мф.17:11). Потому об Иоанне сказано, что он (предъидет пред Господом) "**в духе и силе Илии**" (Лук.1:17), так как он не творил ни знамений, как Илия, ни чудес. "**Иоанн**", **–** сказано, – "**не сотворил никакого чуда, но все, что сказал Иоанн о Нем, было истинно**" (Ин10:41). Что же значат слова: "**в духе и силе Илии**"? То, что (Иоанн) будет проходить то же самое служение. Как Иоанн был предтечею первого пришествия (Христа), так Илия будет предтечею второго и славного Его пришествия, и блюдется для этого. Не будем поэтому бояться ничего: (апостол) встревожил умы слушателей, но не сделал того, чтобы они считали настоящее свое положение несчастным, напротив, показал, что за это надлежит благодарить (Бога). Потому и присовокупил: "**Мы же всегда должны благодарить Бога за вас, возлюбленные Господом братия, что Бог от начала, через (в) освящении Духа и веру истине, избрал вас ко спасению**" (ст. 13). Как избрал к спасению? Это объяснил (Апостол), когда сказал: "**через[2] освящение Духа**", то есть, освятил вас духом и истинною верою, от чего и зависит наше спасение, а не от дел, ни от подвигов, но от истинной веры. Вот опять "**в**" (ἐν) употреблено вместо "через" (διά). "**В освящение**", – говорит, – "**Духа**, **к которому и призвал вас благовествованием нашим, для достижения славы Господа нашего Иисуса Христа**" (ст. 14). И того нельзя считать маловажным, если Христос наше спасение признает Своей славой. Слава человеколюбца – в том, чтобы как можно больше было спасающихся. Велик, поэтому, Господь наш, если Он в такой мере желает нашего спасения. Велик и Дух Святый, совершающий наше освящение. Почему (апостол) сказал наперед не о вере, но об освящении? Потому, что и

после освящения мы имеем в ней великую нужду, чтобы нам не совратиться. Видишь ли, как (апостол) дает им заметить, что ничто не зависит от них, но все от Бога?

"Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим" (ст. 15). Отсюда очевидно, что (апостолы) не все предали чрез послания, но многое сообщали и без письмени; между тем и то и другое равно достоверно. Поэтому мы должны признавать достоверным и церковное предание. Есть предание, больше не ищи ничего. Здесь (апостол) показывает, что многие колеблются (в вере). "**Сам же Господь наш Иисус Христос и Бог и Отец наш, возлюбивший нас и давший утешение вечное и надежду благую во благодати, да утешит ваши сердца и да утвердит вас во всяком слове и деле благом"** (ст. 16–17). Опять за увещанием следует молитва: в этом воистину состоит помощь. "**Возлюбивший**", – говорит, – "**и давший утешение вечное и надежду благую во благодати**" Где ныне те, которые уничижают Сына потому, что Он именуется после Отца (при сообщении) благодати крещения? Вот здесь, напротив, (апостол) прежде говорит: Господь наш Иисус Христос, а потом уже: Бог и Отец Господа нашего. "В**озлюбивший нас и давший утешение вечное"**. Какое это утешение? Надежду будущих (благ). Видишь ли, как он путем молитвы старается ободрить их сердца, представляя ручательства и знамения неизреченного промышления Божия о них? **"Да утешит", – говорит, – "ваши сердца и да утвердит вас во всяком слове и деле благом"**, т. е. посредством всякого доброго дела и слова. Утешение христиан состоит в том, что они не только желают делать что-нибудь доброе, но еще сверх того угодное Богу. Смотри, как он смиряет их высокомерие. "**Давший утешение", –** говорит, –" **надежду благую во благодати."** И вместе подает добрые надежды относительно будущего. Если Бог даровал им так много по благодати, то тем более (дарует им) будущие блага. Конечно, говорит, сказал это я, а все зависит от Бога. Да утвердит, да укрепит вас, чтобы вы не колебались, не уклонялись. Это зависит сколько от нас, столько же и от Него. Следовательно, (сказанное им) относится и к догматам веры и к правилам деятельности. Утешение в том состоит, чтобы мы оставались непоколебимыми. Тот, кто не колеблется, – все, что ни пришлось бы ему перенесть, переносит с великим долготерпением; напротив тот, чей ум колеблется, – не в состоянии совершить ни одного доброго или доблестного поступка; подобно какому-нибудь расслабленному, колеблется и душа, когда в ней нет убеждения, что она достигнет доброй цели. "**Итак, молитесь за нас, братия, чтобы слово Господне распространялось и прославлялось, как и у вас,** (3:1).

3. Итак, прежде он молился об них, чтобы им утвердиться (в вере). Теперь обращается к ним с просьбою, побуждая их помолиться о нем, – не о том, чтобы он не подвергался опасностям (он на это обрек себя), но о том , **"чтобы слово Господне распространялось и прославлялось, как и у вас".** Просьба соединена с похвалою: "**как", –** говорит, – "**и в вас**". **И чтобы нам избавиться от беспорядочных и лукавых людей, ибо не во всех вера"** (ст. 2). Этим он указывает и на свои собственные опасности, что особенно и утешало их. "О**т беспорядочных"**, – говорит, – **" и лукавых людей, ибо не во всех вера"** Может быть, это он говорить; о тех, которые опровергали его проповедь, восставали и враждовали против догматов веры: на это намекает он, говоря: "**Ибо не во всех вера"**. Мне кажется, что он говорит здесь не об опасностях, а о людях, которые противоречили и противодействовали его проповеди, как Именей, как Александр ковач. **"Сильно"**, – говорит, – "**противился нашим словам"** (2 Тим.4:15). Подобно тому, как если б кто говорил об отцовском наследстве, что не все удостоятся служить в царском воинстве, так и он говорит о лукавых людях, от которых он же лает избавиться, что это такие люди, которым дано не веровать. Говоря это, он в то же время ободряет их (фессалоникийцев). Следовательно, между ними были великие люди, если они имели такое дерзновение, что могли даже освободить от опасности своего учителя и облегчить для него проповедь.

Поэтому и мы то же самое к вам говорим. Пусть никто не упрекает нас в гордости; пусть никто из вас, по чрезмерному смирению, не лишает нас столь великой помощи. Мы не с таким намерением говорим это, с каким говорил Павел. Он говорил это, желая утешить своих учеников; а мы – чтобы собрать от этого некоторый великий и добрый плод. И мы сильно веруем, что, если бы все вы пожелали единодушно простереть к Богу руки (с молитвою) о нашей смиренности,– мы имели бы успех во всем. Поэтому вооружимся молитвою и молениями против врагов. Если древние таким образом боролись с теми, которые были вооружены, то тем более нам должно бороться так с невооруженными врагами. Так Езекия обратил в бегство ассириян, так Моисей – Амалика, так Самуил – жителей Аскалона, так Израиль – тридцать двух царей. Если там, где нужно было употребить оружие, боевой строй, где нужно было сражаться, они, оставив оружие, прибегли к молитве, то не тем ли более должно молиться здесь, где молитвами нужно содействовать исполнению (начатого) дела? Но там, скажете вы, молились вожди за народ, а ты хочешь, чтобы народ молился за своего вождя? Знаю это и я. Но там подчиненные были люди злосчастные и презренные; потому они и спасались только дерзновением и добродетелью вождя. А ныне, когда благодать Божия приумножилась, и между подчиненными находим много, или лучше, большую часть таких, которые во многих отношениях превосходят того, кто ими управляет, – вы не должны лишать нас своего содействия. Поддержите наши руки, чтобы они не ослабели; отверзите нам уста, чтобы они не были заграждены; молите Бога, молите Его об этом. При том только некоторая часть из того, что совершается, служит нам на пользу, между тем все совершается ради вас: мы поставлены для вашей пользы, заботимся о ваших выгодах. Молитесь каждый и наедине, и во время общественной молитвы. Смотри, что говорит Павел: **"дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас"** (2 Кор.1:11), т. е., чтобы многим Он даль благодать. Если у людей, когда народ, собравшись, станет просить за осужденных и ведомых на смерть преступников, царь, будучи тронут мольбою множества народа, отменяет приговор, то тем более Бог тронется вашими молитвами, не ради вашей многочисленности, но ради ваших добродетелей. А мы имеем сильного врага.

В самом деле, из вас каждый печется и заботится только о самом себе, мы же обо всех вместе. Мы поставлены в таком месте на поле битвы, которое более других подвержено опасности. Диавол нападает на нас сильнее. Так и на войне неприятель старается, прежде всех других, поразить военачальника. Поэтому туда, где он находится, устремляются дружно все воины. От этого там большое происходить смятение, так как каждый (из врагов) старается его погубить, между тем как (свои) со всех сторон окружают его щитами, желая спасти его голову. Послушайте, что говорит Давиду весь народ (говорю это не с тою целью, чтобы сравнивать себя с Давидом, – я не столько безумен, – а хочу только показать любовь народа к своему вождю): "**не выйдешь"**, – говорят, – " **ты больше с нами на войну, чтобы не угас светильник Израиля"** (2 Цар. 21:17). Смотри, как они щадили старца? Я имею великую нужду в ваших молитвах. Пусть никто из вас, как я сказал, по излишнему смирению, не лишает меня этого содействия и помощи. Если мы будем преуспевать, то и ваше положение сделается блистательнее. Если будет приумножаться наше учительство, то богатство перейдет к вам. Послушай, что говорить пророк: **"и пасли пастыри самих себя"** (Иез.34:3)? Видишь ли, как Павел усильно требует этих молитв? Слышал ли ты, что Петр изведен был из темницы вследствие того, что о нем приносима была непрестанная молитва? Я вполне уверен, что и ваша молитва, приносимая с таким единодушием, будет иметь великую силу. Насколько, вы думаете, превосходит нашу смиренность дело предстательства пред Богом и молитвы за стольких людей? Если я не имею дерзновения молиться за самого себя, то тем более за других. Ведь только тому, кто сам заслуживает одобрение и кто снискал Божие к себе благоволение, приличествует молить Бога о милосердии к другим. Напротив, как может ходатайствовать

пред Ним за другого тот , кто сам оскорбил Его? Но так как я объемлю вас отеческою любовью, так как любовь дерзает на все, то не только в церкви, но и у себя дома, прежде всего, творю молитву о вашем душевном и телесном здравии. Подлинно, никакая другая молитва столько не приличествует священнику, как та, в которой он больше молится и ходатайствуете пред Богом о благе народа, нежели о своем. Если Иов, вставая от сна, тотчас творил столь обильные (молитвы) о своих плотских детях, то не тем ли больше мы должны делать то же ради наших духовных чад?

4. Но к чему я говорю это? К тому, что, если мы творим молитвы и прошения за всех вас, несмотря на то, что мы так мало соответствуем важности этого призвания, то тем более справедливо, чтобы и вы делали то же для нас. В том, что один молится за всех, обнаруживается великая дерзость и чрезмерная самоуверенность, но когда многие вместе собираются для молитвы об одном, тогда в этом нельзя найти ничего предосудительного. Каждый делает это, полагаясь не на свою добродетель, а на многочисленность и единодушие (молящихся), которое всегда более всего умилостивляет Бога. "**Ибо, где**", – говорится, – "**двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них**" (Мф.18:20). Если там, где только двое или трое соберутся вместе, (Христос) бывает посреди их, то тем более (Он будет находиться) посреди вас. Чего не может получить тот, кто один молится сам за себя, то он получит, молясь в собрании многих. Почему? Потому что, если не его собственная добродетель, то общее единодушие будет иметь великую силу. "**Ибо, где**", – говорит, – "**двое или трое собраны**". Для чего сказал Он – два? Отчего там, где будет один во имя Твое, Ты не будешь пребывать вместе с ним? Потому что хочу, чтобы все были вместе соединены и не отделялись друг от друга. Соединимся поэтому друг с другом, свяжем себя взаимно узами любви, – пусть ничто не разлучает нас. Если кто обвиняет другого, или опечален кем-либо, пусть не таит этого в душе своей, ни пред ближним, ни пред нами. Я прошу вас этой милости, –приходите к нам, обличайте, и получите от нас оправдания. **"Расспроси",** – сказано, – **"друга твоего, может быть, не сделал он того; а если сделал, то пусть вперед не делает. Расспроси друга, может быть, не говорил он того; а если сказал, то пусть не повторит того"** (Сир.19:13,14)). Мы или оправдаемся, или, будучи осуждены, попросим прощения и постараемся впредь уже не делать того же. Это будет полезно и вам, и нам. Вы, обвиняя нас может быть и несправедливо, когда узнаете истинное положение дела, исправитесь; а мы, согрешая по неведению, можем тоже исправиться. Невнимание к этому вам не принесет пользы, – потому что предстоит наказание тем, кто скажет какое-либо праздное слово; между тем мы могли бы избавить себя от обвинений, как ложных, так и истинных: от ложных тем, что докажем их ложность, от истинных тем, что впредь не будем того же делать. В самом деле, тот, кто должен иметь попечение о столь многих, по необходимости многого не знает, и по незнанию погрешает. Если у вас каждый, кто имеет свой дом, жену, детей, рабов, которыми он управляет, – много ли их будет у него, или мало, – все равно много погрешает против этих людей, несмотря на то, что их так легко можно перечесть, не потому, чтобы сам хотел того, но потому, что бывает принужден к этому или неведением, или желанием исправить что-нибудь, – то тем более можем погрешать мы, предстоятельствуя над столь многочисленным народом. Пусть и еще умножит вас Господь, и благословит вас, малых и великих. Хотя и большое потребно попечение о множестве людей, тем не менее, мы непрестанно молимся о том, чтобы увеличилась для нас эта забота, и чтобы еще больше размножился этот народ и соделался многочисленным и несметным. Так и отцы, несмотря на то, что множество детей и причиняет им часто заботы, не желают однако лишиться ни одного из них. Во всем у нас с вами равные преимущества, и главнейшие из благ у нас с вами одни и те же. Я не в большем количестве, и вы не в меньшем приобщаемся священной трапезы, но одинаково приступаем к ней – как я, так и вы. И если я приступаю первый, то этого нисколько не должно считать чем-нибудь важным, потому что и между детьми старший первый

простирает руку к яствам, между тем ничего больше от этого не происходит: все (преимущества) у нас для всех равны. Спасительная и укрепляющая наши души жизнь подается всем с равной честью. Не от одного агнца я, а от другого – вы, но от одного и того же приобщаемся все. Все имеем одно и то же крещение; все сподобились одного и того же Духа; в одно и то же мы с вами стремимся царство; все мы равно братья Христовы; все у нас общее. В чем же состоит мое преимущество пред вами? В заботах, трудах, беспокойствах, в скорби об вас. Но нет для нас ничего приятнее этой скорби. Так и мать, печалясь о своих детях, радуется своей печали; заботится о своих детях и радуется этим заботам. Хотя забота сама по себи неприятна, но когда она бывает о детях, то доставляет великое удовольствие. Я многих из вас родил, но и после этого страдаю муками рождения. Плотские матери прежде испытывают муки рождения, а потом уже рождают; здесь же даже до последнего издыхания нашего – муки рождения и (опасение), как бы и после рождения не оказался кто-либо неблаговременно родившимся. И, несмотря на то, я сильно желаю (переносить такие страдания). Хотя бы и другой, как это часто бывает, родил кого-нибудь (в жизнь духовную), тем не менее, я беспокоюсь (о рожденном), потому что мы рождаем не сами от себя, но все принадлежит благодати Божией. Если же и я, и другой – рождаем от одного и того же Духа, то не погрешит тот, кто рожденных мною назовет его детьми, и рожденных им – моими. Обо всем этом помышляйте и простирайте руки, чтобы и вы послужили к прославлению нашему, и мы – к вашему, в день Господа нашего Иисуса Христа, который да сподобимся все мы с дерзновением встретить во Христе Иисусе Господе нашем.

---

[1] Точный перевод: "удерживающее".

[2] В греческом тексте стоит "в освящении".

БЕСЕДА 5

"Но верен Господь, Который утвердит вас и сохранит от лукавого. Мы уверены о вас в Господе, что вы исполняете и будете исполнять то, что мы вам повелеваем. Господь же да управит сердца ваши в любовь Божию и в терпение Христово" (2 Фес. 3:3–5).

1. Мы не должны, с одной стороны, все предоставляя молитвам святых, сами коснеть в праздности и стремиться к пороку и не исполнять ничего такого, что приводит к добродетели, а, с другой стороны, делая добро, не должны пренебрегать и этою помощью. Великую, поистине великую силу молитва, которую о нас (приносят Богу), но только когда и мы сами подвизаемся. Потому и Павел, молясь о них, опять удостоверяет (в успехе) тем, что даны были обетования, и говорит: "**Но верен Господь, Который утвердит вас и сохранит от лукавого**". Если Он избрал вас к спасению, то не солжет и не позволит вам совершенно погибнуть. Но чтобы этим не привести их к беспечности и чтобы они сами, полагая, что все зависит от Бога, не предались сну, – смотри, как (апостол) и с их стороны требует содействия, когда говорит: "**Мы уверены о вас в Господе, что вы исполняете и будете исполнять то, что мы вам повелеваем**". Итак, говорит, верен Бог и, дав обетование спасти вас, несомненно, спасет; но – как обещал. А как Он обещал? Если мы сами захотим, если будем повиноваться Ему, а не просто, не тогда, когда будем пребывать в бездействие подобно деревьям и камням. Правильно употребил (апостол) и это выражение: "уповаем па Господа", т. е. уповаем на Его человеколюбие. Опять низлагает их (гордость), показывая, что все зависит (от Бога). Если бы он сказал, что мы верим вам, то хотя в этом заключалась бы великая для них похвала, но зато он не показал

бы того, что они поставляют все в зависимости от Бога; напротив, если бы он сказал: мы уповаем на Господа, что Он сохранить вас, и не прибавил того выражения – о вас, и (другого) – "**что мы вам повелеваем**", и творите и сотворите, то, возложив всю (надежду) на силу Божию, он соделал бы их более преданными лености. Хотя мы должны все относить к Богу, однакож и сами должны быть деятельными, должны брать на себя труды и подвиги. Здесь (апостол) показывает также, что хотя добродетель и одна достаточна, чтобы спасти нас, однако необходимо, чтобы она достигла надлежащей степени совершенства и пребывала вместе с нами до последнего нашего издыхания. "**Господь же да управит сердца ваши в любовь Божию и в терпение Христово**". Опять хвалит их и молится о них, обнаруживая в этом свое попечение о них. Так как он намерен потом приступить в обличению, то предварительно смягчает их сердце и тем, что говорить: я уверен в вашем послушании, – и тем, что просит у них молитв о себе, – и тем, что опять молится сам (о ниспослании им) бесчисленных благ. "**Господь же**", – говорит, – "**да управит сердца ваши в любовь Божию**". Много есть таких предметов, которые отвращают нас от любви, и много есть путей, которые насильно влекут нас оттуда. И, во-первых, порок любостяжания, как бы охватывая нашу душу своими, так сказать, бесстыдными руками, и крепко держа ее, даже против нашей воли влечет и удаляет ее оттуда. Потом отвлекают тщеславие, и скорби, и часто также искушения. Поэтому мы нуждаемся в помощи Божией, как бы в некотором ветре, чтобы наш парус, точно каким сильным дуновением, подвигаем был к любви Божией. Не говори мне поэтому, что ты любишь Бога даже больше, нежели самого себя. Это одни слова: докажи мне посредством дел, что ты подлинно любишь Его больше себя самого. Возлюби Его больше, нежели деньги, – и тогда я поверю, что ты любишь Его больше самого себя. В самом деле, как может презирать самого себя тот, кто не презирает денег ради Бога? Но что я говорю – денег? Если ты не презираешь любостяжания, что надлежало бы исполнять и без повеления Божия, то как станешь ты презирать самого себя? "**И в терпение**", – говорит, – "**Христово**". Что значит: в терпение? То, что мы должны терпеть так, как терпел Христос, или что мы должны поступать так (как Он), или что мы должны с терпением ожидать Его, т. е. быть готовы (к принятию Его). Так как Он дал нам много обетований и сам придет судить живых и мертвых, то мы должны ожидать Его и быть терпеливы. Впрочем, везде, где (апостол) говорить о терпении, всегда намекает на скорби. В том и состоит любовь к Богу, чтобы терпеть и не приходить (от этого) в смущение. "**Завещаем же вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас**" (ст. 6). То есть: не мы говорим это, но Христос: такое именно значение имеют слова: "**именем Господа нашего Иисуса Христа**". Говоря таким образом, он показывает, с каким страхом (должно взирать) на это повеление. Повелеваем, говорит, именем Христа. Следовательно, Христос нигде не заповедал нам предаваться недеятельности. "**Удаляться**", – говорит, – "**вам от всякого брата**". Не говорит мне, что он богат, или что беден, или что он свят, это – бесчиние. "**Ходяща**", – говорит, т. е. живущего. "**А не по преданию, которое приняли от нас**". Говорит о предании, преподанном чрез дела, и в собственном смысле он всегда называет это преданием. "**Ибо вы сами знаете, как должны вы подражать нам; ибо мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас"** (ст. 7, 8). Если бы я и ел у кого, то это было бы не даром: **"Достоин"**, – сказано, – **"трудящийся пропитания"** (Мф.10:10). Но **"ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас, не потому, чтобы мы не имели власти, но чтобы себя самих дать вам в образец для подражания нам. Ибо когда мы были у вас, то завещевали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь"** (ст. 8–10).

2. Заметь, как в первом послании он рассуждает. Об этом несколько снисходительнее, – например, когда говорит: "**Умоляем же вас, братия, более преуспевать и усердно**

стараться о том, чтобы жить тихо, делать свое [дело] и работать своими собственными руками, как мы заповедывали вам" (1 Фес.4:10–11), и нигде (не говорит им): повелеваем, не говорит также и того – во имя Господа нашего Иисуса Христа – что внушало страх и указывало на опасность, но: преуспевать, говорит, и усердно стараться, что прилично было говорить тому, кто увещевал их вести жизнь добродетельную: "**чтобы поступали**", – говорит, – "**благопристойно**"(1 Фес.4:12). А здесь ничего подобного (он не говорит), но: "**если кто не хочет трудиться, тот и не ешь**". В самом деле, если Павел, который не имел необходимости, а имел возможность не трудиться, взяв на себя такое великое дело, несмотря на то трудился, и не просто трудился, но ночь и день, так что мог и другим давать пособие, то тем более другие должны были так поступать. "**Но слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся**" (ст. 11). Так (говорит он) здесь, а там, в первом послании: "**чтобы вы поступали**", – говорит, – "**благопристойно**". Почему? Может быть, потому, что до сих пор ничего подобного не было; и действительно, в другом месте, увещевая, он сказал: "**блаженнее давать, нежели принимать**" (Деян.20:35). А слова: "**чтобы вы поступали благопристойно**" сказаны не по поводу какого-либо бесчиния. Поэтому он и прибавил: "**чтобы ни в чем не нуждались**" (1 Фес.4:12). Между тем здесь он указывает и на другую потребность (ради которой нужно трудиться), именно на ту, что следует делать доброе и полезное для всех, почему далее говорит: "**Вы же, братия, не унывайте, делая добро**" (ст.13), так как вообще человек, который может трудиться и. между тем остается праздным, по необходимости становится суетливым. А милостыня предназначена только для тех, которые не имеют силы трудами рук своих удовлетворять своих нужд, или для наставников, всецело посвятивших себя делу учения. "**Не заграждай рта волу, когда он молотит**" (Втор.25:4), и: "**ибо трудящийся достоин пропитания**" (Мф. 10:10). Следовательно, он нисколько не остается праздным, но получает мзду за труд, и при том за великий труд. А поститься и молиться, оставаясь праздным, не составляет труда рук. Трудом (апостол) называешь здесь то, когда кто трудится руками. И чтобы ты не предполагал ничего такого, он прибавлял: "**ничего не делают, а суетятся**" Таковых увещеваем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом (ст. 12). Так как он сильно уязвил их, то, желая сделать речь свою более кроткою, прибавил: "**Господом**", опять показывая этим, что (слово его) заслуживает доверия и должно внушать им страх. "**Чтобы они, работая в безмолвии, ели свой хлеб**". Почему не сказал: если они не бесчинствуют, то пусть питаются от вас; но требует от них и того и другого, – чтобы они и оставались в безмолвии, и трудились? Потому что он хочет, чтобы они, трудясь, сами себя пропитывали. Это именно значат слова: "**ели свой хлеб**", т. е. от своих трудов, а не чужой, добываемый выпрашиванием подаяния. "**Вы же, братия, не унывайте, делая добро**" (ст. 13). Смотри, как скоро смягчилось отеческое сердце, – он не мог дальше продолжать обличение, но опять сжалился над ними. И заметь, с какою мудростью (он поступает). Не сказал: впрочем, оказывайте им снисхождение до тех пор, пока они исправятся, – но что? "**Вы же не унывайте, делая добро**" Отделяйтесь, говорит, от них и обличайте их, однако не презирайте умирающих от голода. А что, скажет кто-нибудь, если получающий от нас все в изобилии останется праздным? Против этого, говорит, я указал вам хорошее лекарство, именно: отделяйтесь от такого человека, т. е. не придавайте ему дерзновения, показывайте, вид, что вы гневаетесь на него. Это (наставление) немаловажно. Так именно мы должны наказывать брата, если действительно желаем того, чтобы Он исправился. Мы должны знать, каким образом можем наказывать. Скажи мне, если бы ты имел брата по плоти, то неужели бы ты оставил его без помощи тогда, когда он умирал бы с голоду? Я не думаю, – вероятно, ты позаботился бы об исправлении его. "**Если же кто не послушает слова нашего в сем послании**" (ст. 14). Заметь смиренномудрие Павла. Он не сказал: кто не повинуется, тот мне не повинуется; но слегка намекает на это. "**Того имейте на замечании**". Следовательно, заповедует творить это, чтобы не были скрываемы (такого рода поступки). "**Не сообщайтесь с ним**". И это немалое наказание. И

опять потом (прибавляет): "**чтобы устыдить его**" (ст. 14). Таким образом, он не позволяет, чтобы (наказание) простиралось сверх меры. Как выше, сказав: "**если кто не хочет трудиться, тот и не ешь**", из опасения, чтобы те не погибли с голоду, прибавил: "**Вы же не унывайте, делая добро**", – так и (теперь), сказав: "**того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним**", потом из опасения, чтобы это самое совсем не отделило его от общества братий (а действительно, усомнившись тогда в самом себе, он мог бы вскоре погибнуть, если бы ему было отказано в ободрении), прибавил: "**Но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата**" (ст. 15). Этим показывает, что он назначил (виновному) великое наказание, так что оно могло лишить его всякого дерзновения.

3. В самом деле, если надлежит стыдиться тому, кто получает (милостыню) в присутствии многих (других), то какую обиду наносят ему тогда, когда подают ее еще с упреком и отворачиваясь от него? Как могут уязвить этим его душу? Если те, которые только не так охотно подают милостыню, или подают ее с ропотом, приводят в ярость получающих ее (не говори мне о бесстыдных просителях, но о верующих), то что пробуждают в них тогда, когда решаются упрекать, подавая им милостыню? Какое они должны за это понести наказание? Но мы не так (поступаем); напротив, так сильно оскорбляем просящих и с таким отвращением смотрим на них, как будто они причинили нам величайшую обиду. Ты ничего не даешь ему: отчего же ты досадуешь? Вразумляйте их, как братьев, сказал (апостол), а не оскорбляйте, как врагов. Кто вразумляет своего брата, тот делает это не всенародно, не выставляет его торжественно на позор, но втайне и с большою осторожностью, скорбя и сокрушаясь, и со слезами, и с плачем. Будем поэтому давать (милостыню) с братским усердием, будем вразумлять с братскою любовью, не о том скорбя, что даем милостыню, но скорбя о том, что он преступает заповедь. Какая будет тебе из этого польза? Если ты, дав ему милостыню, нанесешь оскорбление, то лишишься удовольствия (доставляемого тебе твоею) щедростью. А если ты и не дашь ему ничего, и оскорбишь его, то какого зла не причинишь этому жалкому и злосчастному (человеку)? Он пришел к тебе, надеясь получить от тебя милостыню, – и ушел, получив от тебя смертельную рану, и еще больше слез прольет после этого. Так как бедность заставляет его просить милостыни, между тем ему наносят оскорбление за то, что он просит, то смотри, какое наказание постигнет оскорбляющих его. "**Кто теснит бедного**", – сказано, – "**тот хулит Творца его"** (Притч,14:31). Скажи мне: Он попустил, чтобы тот нищенствовал ради тебя, чтобы ты мог уврачевать себя, и ты оскорбляешь того, кто переносит ради тебя нищету? Какая жестокость! Какая неблагодарность в этом поступке! **"Вразумляйте",** – говорит (апостол), – **"как братьев"**. И после подаяния он заповедует нам вразумлять его. Если же мы, ничего не дав ему, станем наносить ему обиды, то что после этого скажем в наше оправдание? **"Сам же Господь мира да даст вам мир всегда во всем"** (ст. 16). Смотри, как он, когда заповедует им то, что надлежит исполнять, запечатлевает свои увещания молитвою, налагая молитвы и моления, как бы некоторую печать, на то, что было отложено для хранения. "**Да даст вам", – говорит, – "мир всегда во всем".** Так как, вероятно, из этого могли произойти распри, потому что одни стали бы более настойчивы, а другие уже не стали бы давать таким столько, сколько прежде, то не без основания (апостол) молится теперь говоря: **"да даст вам мир всегда"**. Об этом именно они должны были заботиться, чтобы всегда сохранять мир. Что значит: во всяком месте? Он хочет, чтобы везде был мир, чтобы нигде нельзя было найти причины раздора. Мир везде хорош, даже и в отношении к внешним (язычникам). Послушай, что говорит он в другом месте: "**Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми**". (Рим.12:18). Ничто столько не способствует надлежащему исполнению всего того, чего мы желаем, как пребывание в мире и тишине, как то, когда мы удаляемся от всякой вражды и не имеем у себя ни одного врага. "**Господь со всеми вами! Приветствие моею рукою, Павловою, что служит знаком во всяком послании; пишу я так: благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь"** (ст. 16–18). Он говорит, что

пишет это во всяком послании, чтобы никто не имел возможности составлять подложные послания, когда (в каждом из них) будет находиться его подпись, как достоверный признак. А целованием называет он молитву, показывая, что тогда исполнялись все духовные (обязанности) и что, когда надобно было сделать приветствие, то это соединяемо было с пользою, и что молитва была тогда не одним только знаком любви. Молитвою начал (апо-тол), молитвою и заключил (свое послание), с обеих сторон ограждая великими стенами сказанное, – положив твердое основание, присовокупил и твердый конец. "**Благодать**", – говорит, – "**вам и мир**". И опять: **"благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь".** Это завещал и Господь, когда сказал ученикам: "**и се, Я с вами во все дни до скончания века**" (Мф.28:20). Но это бывает только тогда, когда мы желаем того. Он вовсе не будет с нами, если мы сами станем удаляться от Него. С вами, говорит, пребуду во век. Не будем поэтому отгонять от себя этой благодати. (Апостол) хочет, чтобы мы удалялись от всякого брата, бесчинно ходящего. Быть отлученным от целого общества братий тогда считалось великим бедствием. Поэтому, (апостол) подвергает всех этому наказанию. Так в другом месте, именно в послании к Коринфянам, он сказал: "**с таким даже и не есть вместе**" (1 Кор.5:11). А теперь большая часть людей считает это неважным, и все теперь смешалось и пришло в расстройство: мы без разбора, как случится, вступаем в общение с прелюбодеями, о блудниками, с лихоимцами. Если надлежало удаляться от того, кто только питался не своим трудом, то насколько больше от прочих? И, чтобы ты узнал, какой страх внушало отлучение от общения с братиею и какую пользу оно приносило тем, кто благомысленно принимал такое наказание, послушай, как тот, который гордился своим грехом, который дошел до последней степени порока, который совершил блуд, не именуемый даже у язычников, который оставался нечувствительным к своей ране (а в этом состоит крайняя степень развращения), – как этот самый человек, который был столь порочным, до того смирился и укротился, что Павел сказал потом о нем: "**Для такого довольно сего наказания от многих, И потому прошу вас оказать ему любовь**" (2 Кор.2:6, 8). (Такой человек) тогда был то же, что член, оторванный от остального тела.

4. Причина же, почему тогда это внушало такой страх, была та, что тогда считалось великим благом быть в обществе верующих. Тогда (верующие) так жили в каждой Церкви, как (живут между собою) люди, обитающие в одном доме, которые подвластны одному отцу и участвуют в одной трапезе. Поэтому, какое несчастье составляло для каждого удаление от такой великой любви? А теперь это не кажется чем-либо важным, потому что мы не считаем чем-либо важным и того, когда мы находимся во взаимном общении. Что прежде считалось в ряду наказаний, то ныне, вследствие охлаждения любви, случается и помимо наказания, и мы отделяемся друг от друга без причины, из равнодушия. Подлинно причину всех зол составляет отсутствие любви; оно разрушило и уничтожило все великое и славное в Церкви, все то, ради чего должно радоваться. Великое дерзновение (внушает) учителю (та мысль), что он может, (ссылаясь на) свои праведные дела, делать увещания своим ученикам. Поэтому Павел и сказал: "**ибо вы сами знаете, как должны вы подражать нам"**. Учитель должен больше научать жизнью, чем словом. Пусть никто не думает, что (апостол сказал) это, желая неумеренно похвалить себя: необходимость заставила его сказать это, и при том ради общей пользы. "**Ибо**", – говорит, – "**мы не бесчинствовали у вас**". Разве не усматриваешь в этом смиренномудрия, что он (будто) не по заслугам называет это благочинием? **"Не бесчинствовали**", **–** говорит, – "**ни у кого не ели хлеба даром**". Здесь он указывает и на то, что, вероятно, они были бедны. И не говори мне (против этого); но не все были они бедные – потому что он говорит о бедных и о тех, которые не иначе могли снискивать себе необходимое пропитание, как трудами рук. Он не сказал: пусть получают (пропитание) от своих отцов, но: "**трудящийся**", – говорит, – "**достоин пропитания**". Если я, говорит он, проповедник словес учения, побоялся отяготить вас, то тем более

(должен бояться) тот, кто вам не приносит никакой пользы. Это, в самом деле – отягощение. Отягощением будет также и то, когда кто дает другому что-либо не с великим усердием. Но (апостол) не на это намекает, а на тех, которые как бы по собственному желанию (принадлежали к числу) неимущих. В самом деле, отчего ты не трудишься? Бог дал тебе руки не для того, чтобы ты принимал от других, но чтобы ты сам давал другим. "**Господь же**", **–** говорит, – "**с вами**". Об этом и мы можем просить для себя, если только будем исполнять то, что заповедал Господь. Послушай, что говорит Христос своим ученикам: "**Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь**" (Мф.28:19,20). Это сказано не только к ним, но и к нам. Что не им только обещано это, но и всем тем, кто будет идти по их следам, видно из слов: "**до скончания века**". Но для чего сказал он это и не к учителям? Каждый из вас, если захочет, может сделаться учителем, – если не для другого, то для самого себя. Научи прежде самого себя. Когда научишься всему тому, что Господь заповедал тебе соблюдать, тогда ты приобретешь себе через это многих подражателей. Подобно тому, как светильник, когда горит, может возжечь от себя множество (других), а когда будет погашен, и для самого себя не будет источать света и не будет в состоянии возжечь других светильников, так и жизнь праведная: когда в нас пребывающий свет будет светел, тогда мы, представляя в себе другим пример, можем образовать (из них) множество учеников и учителей. Не столько могут слушателям доставить пользы мои слова, сколько – наша жизнь. В самом деле, если будет, положим, какой-нибудь человек, угодный Богу и добродетелью сияющий и имеющий жену, – ведь может быть угоден Богу и тот, кто имеет и жену, и детей, и слуг, и друзей, – то скажи мне, не больше ли пользы может принести всем такой человек, чем я? Меня слушают раз или два в месяц, или даже ни разу, и то, что услышат, сохраняют в (памяти), быть может, только до церковного порога, и потом немедленно забывают; между тем, постоянно взирая на жизнь его, великую от этого получают пользу. В самом деле, если он, получив оскорбление, не воздает за это оскорблением, то своею кротостью не возбуждает ли и не напечатлевает ли он стыда в душе нанесшего ему оскорбление? Хотя этот последний вследствие озлобления, или чувства стыда и душевного расстройства, и не тотчас сознает эту пользу, однакож он может скоро образумиться; и невозможно, чтобы самый дерзкий человек, хотя бы он был зверь, вступая в столкновение с человеком незлобивым, отошел от него, не получив великой пользы. Мы, хотя и не делаем добра, однако все хвалим добро и удивляемся ему. Равным образом и жена, видя кротость своего мужа и постоянно с ним пребывая вместе, получает от того великую пользу; тоже и дитя. Таким образом, всякий может быть учителем. "**Посему увещевайте**", – говорит, – "**друг друга и назидайте один другого, как вы и делаете**" (1 Фес.5:11). Смотри в самом деле. В доме твоем случилась потеря? Жена, как более немощная и пристрастная к роскоши, приходит от этого в смущение? Но если муж любомудр и смеется над этой потерей, то он утешит ее и убедит великодушно перенести (потерю). Итак, скажи мне, не гораздо ли больше он принесет ей пользы, чем наши слова? Говорить ведь всякому нетрудно, но действовать, когда нужно, весьма трудно. Оттого-то обыкновенно человеческая природа больше может быть исправляема примером. Превосходство добродетели настолько велико, что часто даже раб наравне с господином приносит пользу целому дому.

5. В самом деле, не напрасно и не без основания Павел постоянно повелевает им (рабам) совершенствоваться в добродетели и быть послушными своим господам, заботясь не столько о том, чтобы они служили господам, сколько о том, чтобы не было хулимо слово Божие и (евангельское) учение. А когда его не будут хулить, тогда вскоре станут удивляться ему. И я знаю многие дома, которые получили великую пользу от добродетели рабов. Если же раб, находящийся под властью, может вразумлять своего господина, то тем больше господин – своих рабов. Разделите со мной, прошу вас, это служение. Я говорю ко

всем вообще, а вы (говорите) каждому в частности. И пусть каждый содействуете спасению ближнего. Чтобы убедиться в том, что отцы семейств должны руководить в этом (своих домашних), послушай, куда отсылает Павел жен: **"Если же,** – говорит, – **"они хотят чему научиться, пусть спрашивают [о том] дома у мужей"** (I Кор.14:35), – а не отправляет их к учителю. Подобно тому, как в училищах есть и между учениками учители, так и в Церкви. (Апостол) хочет, чтобы не все утруждали учителя. Почему? Потому что от этого проистекут великие блага: вследствие того не только труд учителя становится легким, но и каждый из учеников, будучи прилежным, если будет иметь попечение, в скором времени может сделаться учителем. В самом деле, смотри, какую услугу приносит тебе жена. Она смотрит за домом, печется обо всем в доме, распоряжается служанками, одевает своими руками, бывает причиною того, что ты нарицаешься отцом семейства, удерживает тебя от зазорных домов, помогает тебе вести жизнь целомудренную, утоляет чрезмерную силу естественных пожеланий. Но и ты окажи ей благодеяние. Каким образом? Протяни ей руку (помощи) в делах духовных. Когда ты услышишь что-нибудь полезное, тогда, подобно ласточкам, сберегая это в устах своих, принеси и вложи в уста и матери, и птенцов. Не неразумно ли, в самом деле, что ты, во всем другом присвояя себе первенство и занимая место главы, в деле учения оставляешь свойственное тебе место? Начальствующий должен превосходить подчиненных не честью, а добродетелями. Последнее есть долг начальника, а первое – подчиненных. В этом заключается достоинство самого начальника. Если ты пользуешься великою честью, то это вовсе не от тебя зависит: это ты получил от других. Но если ты блистаешь добродетелью, то это всецело принадлежит тебе. Ты глава жены. Пусть же глава управляете остальным телом. Не видишь ли, что голова не столько местом возвышается над остальным телом, сколько своим попечением о нем, подобно кормчему управляя им? В голове находятся и телесные и душевные очи. Оттуда сообщается им сила зрения и способность водительства. Все остальное (в теле) назначено для служения, а голова служит для того, чтобы управлять. Все чувства в ней имеют свое начало и свой источник. Оттуда возникают органы речи, зрения, обоняния, всякое ощущение, там находится корень нервов и костей. Видишь ли, что голова возвышается (над телом) больше своим попечением о нем, чем честью? Так постараемся и мы владычествовать над женами: препобедим их не тем, что будем требовать себе от них большей чести, но тем, что будем с своей стороны больше делать им добра. Я показал, что они немало благодеяний оказывают нам; но если мы захотим воздать им за то духовными благами, то мы превзойдем их. Между телесными благами нельзя найти такого, которое равнялось бы этим последним. На что в самом деле (укажешь ты)? На то, что приобретаешь много денег? Но она хранит их. Ее попечение имеет здесь равную цену и столь же необходимо. Почему? Потому, что многие, хотя приобрели множество денег, однако, не имея у себя жены, которая хранила бы их, все потеряли. Что же касается до детей, то тут вы все делаете общими силами, и от обоих равная бывает услуга. Даже в этом случай ее служение сопряжено с большими трудами, так как она постоянно носить в себе плод и подвергается мукам рождения. Таким образом, только в духовных (предметах) ты можешь иметь над нею перевес. Не будем, поэтому заботиться о том, чтобы у нас были деньги, а о том, чтобы мы с дерзновением могли представить пред Бога души, которые были вверены нашему попечению, – потому что, наставляя их, мы и себе приносим величайшую пользу. Кто учит другого, тот, если ничего больше (не приобретает), то, по крайней мере, сам на то время, когда говорит, приходить в умиление, особенно когда видит, что он сам виновен в том, в чем обличает других. Поэтому, так как чрез это мы доставляем пользу и самим себе, и им (женам), а чрез них и всему дому, и так как это прежде всего благоугодно пред Богом, то не будем уклоняться от попечения не только о своей душе, но и о душе служащих нам, чтобы за всех получить нам воздаяние, и с великим богатством войти во святой град, матерь нашу – горний Иерусалим. О, если бы никто из нас не был извержен из него! Но все мы, воссияв светом благочестивой жизни, да сподобимся со многим

дерзновением узреть Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТОЛКОВАНИЕ НА 1-е ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ

ВВЕДЕНИЕ

Тимофей был одним из учеников апостола (Павла). Лука свидетельствует (Деян.12:2), что он был юноша, достойный удивления, заслуживший одобрение от братии в Листрах и Иконии. Он был в одно и то же время учеником и учителем, и при том был до такой степени рассудителен, что, хотя слышал, что Павел, проповедуя, не обязывал принимать обрезание, хотя и знал, что по этому поводу он противостал Петру, однако согласился не только не проповедовать против (обрезания), но даже – принять таковое: обрезал его (апостол), говорит (Лука) (Деян. 16:23), когда он был уже в таком возрасте, а потом уже вверил ему управление (Церковью). Таким образом, уже одно расположение к нему Павла в надлежащей степени показывает, какой он был муж. Он свидетельствует также о нем и в другом месте, когда пишет: "**А его верность вам известна, потому что он, как сын отцу, служил мне в благовествовании"** (Флп.2:22); и опять в послании к Коринфянам говорит: "**я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына"** (1 Кор.4:17); и еще: "**смотрите, чтобы он был у вас безопасен; ибо он делает дело Господне, как и я"** (1 Кор.16:10); и в послании к Евреям говорит: "**Знайте, что брат наш Тимофей освобожден"** (Евр.13:23). И из весьма многих других мест всякий можете видеть великую к нему любовь (апостола). Равным образом и ныне еще совершающиеся чудеса показывают его дерзновение (пред Богом).[1]

Может быть, кто-нибудь спросит: почему (апостол) пишет только к Титу и Тимофею, между тем, как и Сила принадлежал к числу достоуважаемых людей, равно как и Лука, о котором говорит он в своем послании: **"один Лука со мною"**(2 Тим.4:10); также и Климент был одним из числа его сотрудников, потому что (апостол) и об нем говорит: **" с Климентом и с прочими сотрудниками моими"** (Флп.4:3)? Итак, почему же он пишет только Титу и Тимофею? Потому, что этим последним он уже препоручил Церкви; между тем первые сопутствовали еще ему в его путешествиях; последних он поставил на видные места. (Тимофей) был наделен такими возвышенными свойствами, что даже молодость его не составляла для него ни малейшего к этому препятствия. Поэтому (апостол) и писал: "**Никто да не пренебрегает юностью твоею"** (1 Тим.4:12), и опять: "**молодых"**, – говорит, – "**как сестер"** (5:2). Когда есть добродетель, то все имеется в изобилии и ни в чем не встречается препятствия. Потому-то и рассуждая о епископах и говоря много об них, (апостол) никогда не входит в подробное исследование касательно их возраста. Если же и говорит в своем послании, что (епископу надлежит быть) "**детей содержащий в послушании со всякою честностью; и единой жены мужу**" (1 Тим.3:4,2), то высказывает это не потому, что будто ему необходимо иметь жену и детей, а потому, что если бы случилось когда-либо возвести на это место кого-нибудь из мирян, то они должны быть таковы, чтобы умели управлять и домом, и детьми, и всем прочим. Ведь если бы кто, кроме того, что был бы мирянином, оставался бы еще бесполезным человеком даже в такого рода делах, то как можно было бы поручить ему попечение о Церкви? Но зачем, скажешь ты, (апостол) пишет послание к ученику, когда он уже поставлен был на учительскую должность? Не надлежало ли прежде наставить его, и потом уже послать (на эту должность)? Но (Тимофей) имел нужду не в таком наставлении, какое нужно для учеников, а в таком, какое необходимо для учителя. Поэтому заметь, что во всем послании он преподает ему наставления, нужные для

учителя. Так даже с самого начала, в предисловии, он не сказал: не слушай тех, кто учит иначе, а как? – "**увещевать некоторых, чтобы они не учили иному**" (1 Тим.1:3).

---

[1] Вероятно, здесь святитель указывает на чудеса, которые источали мощи св. Тимофея.

БЕСЕДА 1

"Павел, Апостол Иисуса Христа по повелению Бога, Спасителя нашего, и Господа Иисуса Христа, надежды нашей, Тимофею, истинному сыну в вере: благодать, милость, мир от Бога, Отца нашего, и Христа Иисуса, Господа нашего" (1 Тим.1:1–2).

1. Звание апостола было великим, высоким и досточтимым; и мы видим, что Павел везде предварительно указывает на основания этого своего звания, (желая показать), что он не восхищает себе чести, но получил ее и обладает ею по необходимости. Когда он называет себя **званным** (Рим.1:1), и когда говорит: "**волею Божьею"** (1 Кор.1:1), и опять в другом месте: "**это необходимая [обязанность] моя"** (1 Кор.9:16), и когда говорит: "**для которого я поставлен"** (1 Тим.2:7), – всем этим устраняет (всякую мысль) о любочестии и гордости. Ведь как тот, кто домогается чести, которая не дана ему от Бога, подлежит строжайшему осуждению, так и тот, кто отстраняет от себя и отвергает ее, подлежит другого рода обвинениям – в непослушании и непокорности. Поэтому Павел и теперь, в начале послания к Тимофею, говорить о том же в таких словах: **"Павел, Апостол Иисуса Христа по повелению Бога"** Он не сказал здесь: Павел призванный, но: по повелению. Чтобы Тимофей по человеческой немощи не подумал, что (апостол) говорит с ним так же, как и с прочими учениками, он таким образом и начал (свое послание). Где же Бог даль ему это повеление? В Деяниях Апостольских находим, что Дух (Божий) говорил: "**отделите Мне Варнаву и Савла"** (Деян.13:2). И везде в своих посланиях Павел прибавляет к (своему имени) имя апостола, научая слушателя не думать, что сказанное им есть слово человеческое, – потому что посланник ничего не говорить от своего лица; следовательно, назвав себя посланником, он тотчас обращает мысль слушателя к Тому, Кто его послал. Вот почему он во всех посланиях ставит это имя напереди, делая через это достоверным свое слово, – и (здесь) говорит так: **"Павел, Апостол Иисуса Христа по повелению Бога, Спасителя нашего, и Господа Иисуса Христа"**. Между тем нигде не видно, чтобы давал ему повеление Отец, а повсюду с ним говорит Христос. Что именно говорит? **"Иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам"** (Деян.22:21), и еще: "**тебе должно предстать пред кесаря"** (27:24). Но то, что заповедует ему Сын, он называет вместе и повелением Отца, подобно как и повеление Духа именует повелением Сына. Так например, – он послан был от Духа и избран был Духом, между тем говорит, что это было повеление Бога. Итак, что же? Не унижается ли власть Сына теме, что Его апостол был послан по повелению Отца? Нисколько: смотри, как он представляет эту власть в равной степени принадлежащею Им. Сказав: по повелению Бога Спаса нашего, он прибавил: и Господа Иисуса Христа, упования нашего. Смотри, как правильно он дает им эти наименования. Так и Псалмопевец употребляет такое выражение, говоря об Отце: **"упование всех концов земли"** (Псал.64:6), и опять блаженный Павел, в другом месте пиша, говорит: "**Ибо мы для того и трудимся и поношения терпим, что уповаем на Бога живого, Который есть Спаситель всех человеков"** (1 Тим.4:10). Необходимо, чтобы учитель подвергался опасностям, и при том гораздо больше, нежели ученики. **"Поражу пастыря", – сказано, – "и рассеются овцы стада"** (Зах.13:7; Мф.26: 31). Поэтому при таком порядке вещей диавол с большею яростью нападает на учителей, потому что если они погибнут, то и все стадо

рассеется. Когда он убивает овец, он только уменьшает стадо; а если поражает пастыря, то наносит вред всей пастве. Достигая таким образом с меньшим трудом большего и в одной душе все погубляя, он более всего и нападает на них (учителей). Вот почему (апостол) тотчас в начале послания ободряет его духе, говоря: мы имеем Спасителя – Бога, и надежду – Христа. Мы много терпим, зато имеем великие надежды; мы подвергаемся опасностям, нам строят козни, но мы имеем избавителя, – не человека, а Бога. Следовательно, ни избавитель наш не изнеможет, потому что Он Бог, и, какие бы ни угрожали нам опасности, они не одолеют нас, ни надежда наша не посрамит нас, потому что наша надежда – Христос. Мы переносим несчастья, (утешая себя) двумя (мыслями), – или тем, что скоро избавимся от бедствий, или тем, что питаем себя благими надеждами. Следовательно, что бы мы ни переносили, говорит он, все настоящее ничего не значит. Но почему он нигде не называет себя апостолом Отца, а только Христа? Он все представляет общим (у Них), и самое евангелие называет Божиим. **"Тимофею, истинному сыну в вере"** И это (сказано) для утешения. В самом деле, если он показал такую веру, что сделался чадом Павла, и при том не просто, а **истинным** чадом, то он сохранит веру и относительно будущих (обетований). Вере не свойственно упадать и приходить в смущение даже тогда, когда случится что-нибудь и несогласное с обетованием. Но вот он был сыном (Павла), и сыном **истинным**, однако вовсе не был одного и того же существа. Так что же? Ужели он был иного рода?[1] Но он не от Павла произошел, скажешь ты, – следовательно, это не указывает на то, от кого он произошел. Так что же? Ужели он был иной сущности? Не указывается и это. Сказав – чадо, (апостол) нарочно прибавил слово: в вере, чтобы показать, что он был его истинным сыном и от него произошел. Он ничем не отличался от (Павла). В вере между ними не было никакого различья. И у людей по (законам) естества случается, что сын бывает похож на отца, однако не в такой мере, как (тогда, когда это сходство имеет свое основание) в Боге, – потому что тогда сходство бывает совершеннее. Здесь, хотя они по существу одно и то же, однако различаются между собою во многих других отношениях, – цветом, видом, разумом, возрастом, характером, свойствами душевными и телесными, наружными и многими другими, или отличаются друг от друга или бывают между собою сходны; а там (в Боге) ни одно из этих различий не имеет места. (Выражение): "по повелению" сильнее, нежели – "званный", как это можно узнать и из других мест. Сходное с выражением: **"Тимофею истинному чаду"**, употребил (апостол) в послании коринфянам, когда сказал: **"я родил вас во Христе Иисусе"** (1 Кор.4:15), т. е. (родил) по вере. А слово – истинному он прибавил, желая выразить этим то, что он совершенное и большее, нежели другие, имеет с ним сходство; кроме того (хотел выразить) и свою любовь и великое к нему расположение. Вот опять в (ἐν) употребляется при слове – вера: он говорит: **"истинному чаду в вере"**. Заметь также, какая в этом похвала (для Тимофея), если (апостол) называет его не только сыном своим, но и истинным сыном. **"Благодать, милость, мир от Бога, Отца нашего, и Христа Иисуса, Господа нашего"**

2. Отчего в начале других посланий он нигде не ставит (слова) милость, а только здесь? И это от великой любви его (к Тимофею): о большем он молится для своего сына, опасаясь и трепеща за него. Он до того беспокоился об нем, что, – чего никогда не делал, – писал к нему о предметах, относящихся к телесным нуждам, когда, например, говорил: **"употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов"** (5:23),– потому что наставники нуждаются в большем снисхождении. **"От Бога",** – говорит, – **"Отца нашего и Христа Иисуса Господа нашего"**. Здесь опять утешение. В самом деле, если Бог есть Отец, то Он печется (о людях), как о детях. Послушай, что говорить Христос: **"Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень"** (Мф.7:9)? **"Отходя в Македонию, я просил тебя пребыть в Ефесе"** (ст. 3). Послушай, как кротко он говорит к нему, не голосом учителя, а слуги. Не сказал: я приказал, или – повелел, или даже – убедил; но

что? **"Просил тебя"** Впрочем, не со всеми учениками мы должны так поступать, но только с кроткими и благонравными; а с другими, испорченными и не вполне преданными – иначе, как и сам он, в другом месте пиша, говорит: **"обличай" их "со всякою властью"** (Тит.2:15), или смотри, что он и здесь говорит: **"увещевать некоторых"**, не (говорит): умоли их, но – **"чтобы они не учили иному"**. Что это значит? Разве послание Павла, которое он написал к ним (ефесянам), было недостаточно? Достаточно было, но люди скорее готовы оказывать неуважение к посланиям. Поэтому или таким образом нужно объяснять это, или, может быть, (нужно полагать), что случилось это прежде, чем написано было послание (к ефесянам). Между тем и он сам долгое время подвизался в этом городе; здесь быль храм Артемиды, здесь он испытал те бедствия. И после того, как прекратилось это зрелище, он, призвав и утешив учеников своих, вслед затем отплыл и опять прибыл к ним. Прилично впрочем, спросить: не теперь ли он поставил там Тимофея (епископом)? Ведь он говорит: **"увещевать некоторых чтобы они не учили иному"**. Он не перечисляет их по именам, чтобы гласностью обличения не сделать их еще более бесстыдными. Здесь находились некоторые лжеапостолы из Иудеев, которые хотели снова привлечь верных к закону (Моисееву), – в чем повсюду в своих посланиях обвиняет их (апостол). Между тем они делали это не столько по внушению совести, сколько по тщеславию, и из желания иметь учеников, потому что они соперничали с блаженным Павлом и питали к нему зависть. Такой смысл имеют (слова): **"учили иному". "И не занимались",** – говорит, – **"баснями и родословиями бесконечными"** (ст. 4). Баснями он называет не закон, – нет, – а ложное предание, извращенные и неправильные верования. Вероятно, эти (выходцы) из иудеев вообще заводили речь о бесполезных предметах, перечисляя дедов и прадедов, чтобы пользоваться славою великой опытности и знания. **"Увещевать"**, – говорит, – **"некоторых, чтобы они не учили иному и не занимались баснями и родословиями бесконечными"**. Что значит (выражение) бесконечными? Или то, что они не назначаются ни для какой цели, или то, что (не приносят) ни малейшей пользы и неудобопонятны для нас. Видишь ли, как он порицает исследование. Действительно, где есть вера, там не нужно исследование; где ничего не нужно исследовать, зачем там заниматься исследованием? Исследование разоряет веру: кто исследует что-нибудь, тот еще не нашел; кто исследует, тот не может верить. Потому-то он и говорит: не будем заниматься исследованием, потому что, если мы исследуем, то это уже не вера; вера же действует успокоительно на ум. Как же Христос сказал: **"ищите, и найдете; стучите, и отворят вам"** (Мф.7:7), и: **"Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную"** (Ин.5:39)? В первом месте – **"ищите"** значит прошение, сильное желание; а в другом –**"исследуйте писания"** не только не налагает никакой обязанности исследования, но даже устраняет ее, потому что Он сказал: **"исследуйте Писания"**, то есть, изучайте и узнавайте их подлинный смысл не для того, чтобы вечно заниматься исследованием, а чтобы прекратить всякое исследование. И хорошо сказал: **"Увещевать некоторых, чтобы они не учили иному и не занимались баснями и родословиями бесконечными, которые производят больше споры, нежели Божие назидание в вере"** (ст. 4). Хорошо сказал: **"назидание Божие"**, –потому что Бог хотел даровать нам многое, но наш ум не объемлет величие Его домостроительства. Итак, то, что составляет величайшее лекарство для душ наших, должно совершаться при помощи веры. Наши исследования поэтому несообразны с домостроительством Божием. А что устрояется при помощи веры? То, что мы приемлем благодеяния Божия, соделываемся лучшими, ни в чем не сомневаемся, ни о чем не недоумеваем и совершенно успокаиваемся. Между тем то, что совершает и устрояет вера, разрушает наша пытливость, возбуждая множество вопросов и ниспровергая веру. **"Не занимались баснями"**, – говорит, – **"и родословиями бесконечными"**. И какой вред, скажешь ты, приносят эти родословия? Христос сказал, что чрез веру должно спастись; а они занимались исследованием и говорили, что это невозможно. Так как проповедание

(учения) совершалось в настоящем времени, а исполнение того, что проповедовалось принадлежало будущему, то и нужна была вера; но они, будучи заняты точным соблюдением обрядового закона, противодействовали вере. Я думаю также, что Он, когда говорит: **"баснями и родословиями"**, намекает здесь и на эллинов, потому что они тоже перечисляли своих богов.

3. Итак, не будем заниматься изысканиями. Ведь для того мы и называемся верными, чтобы несомненно верили тому, что нам сказано, чтобы мы ни в чем не сомневались. Если бы сказанное нам происходило от людей, тогда следовало бы заниматься исследованием его; но так как оно происходит от Бога, то нужно только благоговеть пред этим и верить. Если же не будем верить этому, то не будем убеждены и в том, что существует Бог. В самом деле, как ты можешь знать о том, что существует Бог, когда ты подвергаешь исследованию Его (слова)? Первый признак того, что ты знаешь Бога, состоит в том, чтобы ты верил сказанному им, не требуя ни объяснений, не доказательств. Об этом знали даже эллины: они верили, говорят, богам, хотя эти последние говорили, не приводя никаких доказательств. Почему? Потому что они были потомками богов. Видишь ли, что и эллины знали об этом? Но зачем я говорю о богах? Они точно так поступали с человеком, чародеем и волхвом, именно с Пифагором; (у них было выражение): он сказал (αὐτός ἔφη). И у них вверху храмов изображено было молчание, которое, перстом сдерживая уста и прижимая им губы, указывало всем проходящим, что они должны молчать. Неужели их верования до такой степени достойны уважения, а наши не столько, или даже заслуживают того, чтобы над ними смеялись? Но разве (такая мысль) не была бы признаком крайнего сумасшествия? Учение эллинов справедливо даже было бы подвергать исследованию, потому что в нем –противоречия, и недоумения, и спорные вопросы; а наше учение непричастно ничему этому. Их учение изобретено человеческою мудростью, а наше открыла нам благодать Св. Духа; первое – безумие и сумасбродство, а последнее – в собственном смысле учение мудрости. Там нет ни ученика, ни учителя, а все наравне занимаются исследованием; здесь, будет ли это учитель или ученик, всякий должен учиться у того, у кого нужно учиться, убеждаться, а не сомневаться, верить, а не умствовать. Верою прославились и древние, и без нее все развратилось.

Но зачем я говорю о предметах небесных? Если мы обратим внимание и на то, что находится на земле, то найдем, что и здесь все основано на вере, потому что ни торговля, ни ремесла, ни что-либо иное в этом роде не может без нее существовать. Если же здесь, где все исполнено лжи и обмана, она необходима, то тем более по отношению к предметам небесным. Поэтому будем держаться ее, постараемся прибрести ее; чрез это мы освободим нашу душу от всех гибельных мнений, каково, например, учение о случае и о судьбе. Если ты будешь верить, что есть воскресение и суд, то будешь иметь возможность предохранить свою душу от всех этих (заблуждений). Веруй, что Бог правосуден, – и ты не будешь верить в судьбу, которая не руководствуется справедливостью, веруй, что есть Боге, Который промышляет обо всем, – и ты не будешь верить в судьбу, которая будто бы над всем господствует; веруй, что есть наказание и царство, – и не будешь верить в судьбу, которая отнимает у нас все, что принадлежите нам, и подчиняете нас необходимости и насилию. Тебе не нужно ни сеять, ни садить, ни сражаться, ни вообще делать что-либо: волею или неволею, исполнится, что определено тебе судьбою. Какая, наконец, нужда нам и в молитве? Для чего ты хочешь быть христианином, если существует судьба? Ведь ты не будешь подлежать обвинению. Откуда искусства? Неужели тоже от судьбы? Да, говорят; и такому-то человеку судьбою определено, трудясь, сделаться мудрым. Однако укажи мне такого человека, который бы достиг знания без трудов. Но ты не можешь указать. Следовательно, знание зависит не от судьбы, а от трудов. Но отчего, говорят, такой-то человек, будучи

преступным и злым, богат, хотя от отца и не получил наследства, а другой, до бесконечности трудясь, остается бедным? Впрочем, такими вопросами занимаются те, которые все основывают только на богатстве и бедности, а не на пороке и добродетели. Но здесь ты не то говори, а скажи: сделался ли кто-нибудь злым, несмотря на то, что ревностно старался (быть добрым), или добрым – живя в совершенной беспечности? Если судьба имеете такую силу, то пусть она покажете эту власть над тем, что важнее всего, – над добродетелью и пороком, а не над богатством и нищетою. Опять – почему, говорят, один страдает от болезни, а другой наслаждается здоровьем, один находится в славе, а другой в презрении? Почему у одного все идет согласно с его желанием, а у другого бесчисленные всюду препятствия? Откажись от веры в судьбу, и ты узнаешь – почему. Твердо веруй, что есть Бог Промыслитель, и ты будешь понимать это ясно. Но не могу, говоришь, потому что неустройство в положении дел (на земле) не дает возможности предполагать существование Промысла. Если все это зависит от Бога, то как я могу верить, что Бог, будучи благ, дает богатство развратнику, преступнику и корыстолюбцу, а человеку доброму – нет? Как мне верить? Верить нужно, соображаясь с тем, что бывает на деле. Хорошо; итак это зависит от судьбы. Руководствуется ли она справедливости, или нет? Ты скажешь: она несправедлива. Кто же создал ее? Ужели Бог? Нет, скажешь, она ни от кого не произошла. Но как же она, не происшедши ни от кого, делает все это? Ведь это противоречит одно другому. Следовательно, вообще это – не Божие дело. Займемся поэтому исследованием вопроса: кто сотворил небо? Ты скажешь – судьба. Кто землю, кто море, кто времена года? Следовательно, если она в вещах бездушных учредила такой прекрасный порядок, такую стройность, то каким образом в нас, для которых и существует все это, допустила такое нестроение? Это было бы похоже на то, если бы кто-нибудь заботился о доме, желая сделать его удивительно хорошим, а о домочадцах своих не имел бы ни малейшего попечения. Кто сохраняет преемство времен года? Кто определил столь стройные законы природы? Кто дал порядок течению дня и ночи? Это выше той судьбы. Нет, говорят, это само собою произошло. Но каким образом такой порядок мог явиться сам собою? Откуда же, скажешь, эти богачи, наслаждающееся здоровьем и пользующиеся славою, (которые получили богатство) – одни с помощью корыстолюбия, другие – путем наследства, третьи – посредством насилия. Почему же Бог попускает злым благоденствовать? Потому, что воздаяние по заслугам не здесь, а в будущем веке. Поэтому ты мне там укажи что-нибудь подобное этому. Прежде дай мне, пока я еще здесь, говоришь ты; а там я ничего не стану искать. Но ты и не получаешь потому, что ищешь. Если ты, не испытав еще удовольствий, так сильно домогаешься их, что предпочитаешь их будущим благам, то тем более (ты стал бы искать этих последних), если бы ты вкусил чистейших удовольствий. Потому-то (Бог) показывает тебе, что (земные блага) ничтожны, что они составляют нечто безразличное; если бы они не были чем-то безразличным, то Он не дал бы их и тем. Скажи мне: разве не все равно – быть черным, или высоким, или небольшого роста? Так и богатство. Скажи мне: разве не в равной мере дано всем то, что нам необходимо, именно способность к добродетели, разделение духовных дарований? Если бы ты знал, каковы Божии благодеяния, то, пользуясь ими наравне с другими, ты не огорчался бы неравномерным распределением земных благ и, зная равномерное разделение первых, не домогался бы изобилия последних. Подобно тому как слуга, который, получая от господина пищу, одежду и кров и пользуясь всем прочим наравне с другими, потому только, что имел бы волоса на голове длиннее и ногти больше, стал бы думать, будто он имеет более, нежели другие, – таким же образом и тот (кто наделен земными благами) напрасно стал бы много думать о том, чем пользуется только до времени. Для того (Бог) и лишает нас (благ земных), чтобы охладить в нас страсть к ним и все наши желания отвратить от них, направить к благам небесным. А мы и этим не вразумляемся. Как отец, когда его дитя имеет какую-нибудь игрушку, которую ставит выше предметов необходимых, отнимает у ребенка игрушку, чтобы заставить его хотя бы поневоле

обратиться к предмету важнейшему, так и Бог употребляет все меры, чтобы привести нас на небо. Но ты скажешь: почему Он позволяет богатеть злым? Потому что Он не очень заботится об них. А почему добрым? Этого Он не делает, а только попускает. Впрочем, теперь говорю об этом только слегка, имея в виду таких людей, которые не знают Писаний. Если бы вы хотели верить и внимать слову Божию, то мне не нужно бы было говорить того, что сказал я теперь, потому что из слова Божия мы все бы узнали. Но чтобы ты вполне убедился, что ничего не значат ни богатство, ни здоровье, ни слава, – укажу тебе на тех многочисленных людей, которые и могли бы разбогатеть, но не приобретают ничего, и могли бы наслаждаться здоровье, но изнуряют свое тело, и могли бы пользоваться славой, но употребляют все меры, чтобы быть в презрении. Между тем, кто добр, тот никогда не стремится сделаться злым. Поэтому перестанем искать здешних благ, и будем стремиться к небесным. Таким образом мы можем и получить их и будем в состоянии насладиться вечною пищею, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу с Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] В тексте читается άλογος – животное. Но более вероятно – άλλογενής – или άλλον γένους – иного рода.

БЕСЕДА 2

"Цель же увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры, от чего отступив, некоторые уклонились в пустословие, желая быть законоучителями, но не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают. (1 Тим.1:5–7).

1. Ничто не приносит такого вреда человеческому роду, как пренебрежение дружеских отношений и малая заботливость о сохранении их; равно и наоборот – ничто не может дать такого хорошего направления, как старание поддерживать их всеми силами. На это самое указывая, Христос говорить: "**если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им**" (Мф.18:19); и еще: "**и, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь"(24:**12), Это послужило источником всех ересей. В самом деле, вследствие того, что люди не любят братьев своих, они завидуют тем, которые пользуются уважением, от зависти же происходит властолюбие, а от властолюбия проистекают ереси. Потому-то и Павел, сказав: **"Увещевать некоторых, чтобы они не учили иному",** показывает путь, каким можно достигнуть этого. Что же составляет этот путь? Любовь. Подобно тому, как, когда он говорит: **"конец закона – Христос"** (Рим.10:4), то есть, исполнение, – первое соединяется с последним, так и эта заповедь имеет опорою любовь. Цель врачебного искусства – здоровье; поэтому, когда есть здоровье, тогда немного нужно заботы; и когда есть любовь, немного нужно заповедей. Но о какой любви говорит он? Об искренней, которая не ограничивается одними словами, но проистекает из душевного расположения и благомыслия и сострадания. "**От чистого"**, – говорит, –"**сердца",** то есть, из прямодушного обращения, или искренней дружбы. Ведь и нечистая жизнь производит расколы: "**ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет** (Ин.3:20). Дружба бывает и между людьми злыми, например разбойники любят разбойников, и человекоубийцы человекоубийц; но это происходит не от доброй совести, а от злой, не от чистого сердца, а от нечистого, не от непритворной веры, а от притворной и лицемерной. Вера открывает нам то, что истинно, и от искренней веры рождается любовь, потому что тот, кто

истинно верит в Бога, никогда не согласится удалиться от любви. **"От чего**", – говорит, – "**отступив, некоторые уклонились в пустословие".** Хорошо сказал: **"отступив"**, – потому что нужно искусство для того, чтобы прямо в цель направлять удары, а не мимо ее. Поэтому необходимо, чтобы они были управляемы Духом Святым; много есть причин, которые совращают с прямого пути, – между тем только одну цель нужно иметь в виду. **"Желая "**, – говорит, – **"быть законоучителем"**. Видишь ли, есть и другая причина тому – властолюбие. Потому и Христос говорит: " **вы не называйтесь учителями"** (Мф.23:8), и опять апостол: "**не соблюдают закона, но хотят, чтобы вы обрезывались, дабы похвалиться в вашей плоти"** (Гал.6:13). Они, говорит он, домогаются почестей, и потому на истину не обращают внимания. "Н**е разумея", – говорит, – "ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают"** Здесь он обвиняет их в том, что они не знают ни цели закона, ни того, до какого времени должно было продолжаться его господство. Но отчего ты, если это происходило от неведения, называешь это грехом? Оттого, что они делали это не потому только, что хотели быть законоучителями, но и потому, что не имели любви; кроме того, и неведение отсюда получило свое начало. Действительно, когда душа предается предметам плотским, тогда притупляется ее проницательность; а когда она уклонится от любви, тогда овладевает ею желание спорить и помрачается ее умственный взор. Тот, в ком укореняется привязанность к этим скоро преходящим (предметам), будучи упоен страстью, не может уже быть нелицеприятным судьею истины. "**Не понимают", –** говорит, – **"что утверждают"** Вероятно, они рассуждали о законе и много говорили об очищениях и о других внешних обрядах. Вслед затем, оставив опровержение (их учения), – потому что оно не имело никакого значения, разве только служило сению и образом предметов духовных, – он обращается к тому, что было гораздо более приятным. К чему именно? Он восхваляет закон, называя законом десятословие. Между тем он исключает первые (обрядовые постановления) из последнего (закона), потому что если самые эти (предписания закона) наказывают преступников, и остаются для нас бесполезными, то тем более первые (обрядовые постановления). **"А мы знаем", –** говорит, – "**что закон добр, если кто законно употребляет его, зная, что закон положен не для праведника "** (ст. 8, 9). Он говорит, что (закон) хорош и нехорош. Как же это, скажешь ты, ужели он становится нехорошим оттого, что кто-либо не исполняет его, как следует? И тогда он остается хорошим; но сказанное им имеет такое значение: если кто исполняете его на деле, – выражение: **"если кто законно употребляет его"** здесь должно быть так понимаемо. Когда же изъясняют его на словах, а на деле преступают, это, значит, исполнять его не как следует. Исполняет его и этот, но не на собственную пользу.

Впрочем, и другое нечто можно сказать об этом. Что же именно? То, что если надлежащим образом будешь исполнять закон, то он приведет тебя к Христу. В самом деле, так как цель закона состоит в оправдании человека, а между тем он не в состоянии (этого сделать), то он приводит к Тому, Кто может (исполнить это). Впрочем, можно и иным образом исполнять закон, как следует, – именно, когда ты будешь соблюдать его от избытка (доброго расположения). Что же значить выражение – от избытка? Подобно тому, как говорят, что конь надлежащим образом употребляет удила, когда он не прыгает и не кусает, а просто носит их, как украшение, так и закон исполняет надлежащим образом тот, кто целомудренно живет не вследствие необходимости от буквы (закона). Итак, кто же будет надлежащим образом исполнять его? Тот, кто знает, что он не имеет в нем нужды. Кто достиг до такого нравственного совершенства, что исполняет закон не ради страха пред ним, а ради одной добродетели, тот правильно и непреткновенно исполняет его, то есть, когда кто-либо исполняет его как человек, который не боится его, а скорее с неодобрением обращает взор свой на положенные в нем наказания. С другой стороны праведником он называет здесь того, кто уже усовершился в добродетели. Следовательно, тот хорошо исполняет закон, кто не нуждается в его руководстве.

2. Подобно тому, как первые начала грамоты преподаются детям, между тем тот, кто восполняет их не от них, а из других (источников), приобретает большую опытность в учении и гораздо лучше пользуется знанием, так и тот, кто выше закона, уже не руководится законом, потому что кто исполняет его не из страха, а по любви к добродетели, тот гораздо совершеннее исполняет его. Следовательно, неодинаково исполняет закон тот, кто боится наказания, и тот, кто ищет чести; неодинаково также –тот, кто находится под законом, и тот, кто выше закона. Надлежащим образом исполнять (закон) значит жить лучше, нежели предписывает законе, потому что тот хорошо исполняет и соблюдает закон, кто делает больше, чем то, что велит законе, – кто не нуждается в руководстве его. Закон по большей части запрещает зло; между тем не чрез это, но чрез добрые дела человек становится праведным. Поэтому те, которые воздерживаются от злых дел, как рабы, еще не выполняют цели закона; следовательно, он назначен для того, чтобы наказывать преступление. Таким образом, и те тоже исполняют закон, но потому только, что боятся наказания. **"Хочешь ли не бояться власти? Доброе твори"** (Рим.13:3). Поэтому можно сказать, что (закон) одним только преступным предвозвещает наказания; между тем, какую пользу может принести закон тому, кто творит (дела), заслуживающие венцов? Таким же образом и врач полезен тому, кто имеет язвы, а не здоровому, не тому, кто находится в хорошем положении. **"Но для беззаконных", – говорит, – " и непокорливых, нечестивых и грешников"** (ст. 9). Беззаконными он называет иудеев, равно как и непокорными. "**Закон", –** говорит, – **"производит гнев"** (Рим.4:15): это относится к тем, которые делают зло. Что же (должно относить) к тому, кто достоин чести? "**Законом", – говорит, – "познается грех"** (Рим. 3:20). Каким образом это должно относить к праведнику? **"Закон"**, – говорит, – закон **"положен не для праведника"** (ст. 9). Почему? Потому что он не подлежит наказанию, – потому что он не дожидается того, чтобы (закон) научил его тому, что нужно делать, – имея внутри себя наставляющую его благодать Св. Духа. Закон дан для того, чтобы страх и угрозы удерживали (от преступления). Между тем не нужна узда для смирной лошади, и не нужно наставление тому, кто не имеет недостатка в наставнике. **"Но для беззаконных", – говорит, – " и непокорливых, нечестивых и грешников, для оскорбителей отца и матери"** (ст. 9). И не остановился на этом, не удовольствовался одним общим указанием грехов, а перечислил грехи в частности, чтобы заставить стыдиться исключительного последования закону. Затем, исчислив частные виды грехов, он сказал об них и вообще, хотя и сказанного довольно было для того, чтобы удалить (от греха). О ком же он это говорит? Об иудеях, потому что они были отцеубийцами и матереубийцами, они были неправедны и скверны; на них намекает он, когда говорит: нечестивым и грешником. Если же они были таковы, то по необходимости дан был закон. В самом деле, скажи мне, разве они не часто поклонялись идолам? Разве не покушались побить камнями Моисея? Разве руки их не были исполнены убийства самых близких сродников? Разве не обличают их в этом постоянно пророки? Между тем, кто мудрствует о небесном, для того излишними становятся все эти (обличения). **"Для оскорбителей", –** говорит, – **"отца и матери, для человекоубийц, для блудников, мужеложников, человекохищников, (клеветников, скотоложников,) лжецов, клятвопреступников, и для всего, что противно здравому учению,** (ст. 10). Хорошо сказал: "**здравому учению"**, – потому что (все эти преступления) составляют болезнь души развращенной. **"По славному благовестию"**, – говорит, – **"блаженного Бога, которое мне вверено** (ст. 11). Поэтому и ныне нужен закон для утверждения Евангелия; между тем для тех, кто верует в него, он не нужен. А благовестием славы он называет его не по другой какой причине, как ради тех, которые стыдятся гонений и Христовых страданий. Впрочем, отчасти и по другим причинам, отчасти и ради этого он называет (Евангелие) благовестием славы, показывая, что страдание Христа составляет (Его) славу, или даже (может быть) он намекает на будущие (обетования). Хотя настоящее (наше состояние) исполнено стыда и поношения, за то будущее будет вовсе не таково: между

тем благовестие относится к будущему, а не к настоящему времени. Почему же ангел говорил: **"ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь;** (Лук.2:10)? Потому что Родившийся имел в будущем соделаться Спасителем, потому что не вдруг после того, как родился, Он начал творить чудеса. "**По славному"**, –говорит, – **"благовестию блаженного Бога"**. Славы: он говорит, здесь или о богопочтении, или (выражает ту мысль), что если и в настоящем все исполнено славы Его, то тем более в будущем, когда, говорит, положены будут враги Его под ноги Его, когда ничто уже не будет сопротивляться Ему, когда праведники узрят все эти блага, которых ни око не видело, ни ухо не слышало, ни на сердце человеку не восходило. **"Хочу"**, – говорит (Христос), – "**чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне "** (Ин.17:24).

Научимся поэтому узнавать, каковы эти люди, – и ублажим их, помышляя о том, какими благами они будут наслаждаться, какой славы, какого света они соделаются причастниками. Здешняя слава ничтожна и непостоянна, и если даже остается при нас, то остается только до смерти, а потом совершенно исчезает, потому что "**не пойдет за ним",** –говорится, – " **слава его"** (Пс.48:18); а для многих она не продолжалась даже до смерти. Между тем о той славе нельзя думать ничего подобного, а совершенно напротив, она остается навсегда и никогда не будет иметь конца. Таково свойство вещей божественных,– они постоянны, не подвергаются ни переменам, ни разрушению. Слава тогда (будет зависеть) не от внешних, а от внутренних (предметов); именно эта слава будет состоять не в ризах многоценных, не в множестве прислуги, и не в колесницах, но, без всего этого, сам человек будет облечен славою. Теперь, если нет этого, то нет и славы, а там не так. В банях мы видим нагими и знатных, и незнатных, и даже преступных; и на торжищах многие нередко подвергались опасности, когда слуги их по какой-нибудь надобности оставляли их. А там славу свою (человек) будет иметь всегда при себе. И подобно тому, как ангелы, куда бы ни явились, имеют славу сами в себе, так и святые. Или еще лучше, как солнце не нуждается в одежде, не имеет надобности ни в чем другом, но как только является, вместе с ним открывается и блеск его славы, – так будет и тогда.

3. Будем поэтому стремиться к этой славе, досточтимее которой нет ничего; оставим ту, презреннее которой нет ничего. **"Не хвались"**, – говорится, – **"пышностью одежд"** (Сир.11:4), – это издревле внушаемо было детям. Действительно, и плясун, и блудница, и актер одеваются в более светлые и многоценные ризы, нежели ты. И, кроме того, ты тщеславишься такою вещью, на которую если нападет моль, то лишит тебя доставляемого ею тебе удовольствия. Видишь ли, как непостоянна слава в настоящей жизни? Ты хвалишься такою вещью, которую черви производят и истребляют, – потому что, говорят, в Индии находятся какие-то насекомые, которыми приготовляются эти ткани. Приобрети, если хочешь, одежду, которая соткана из предметов горних, – чудное и светлое одеяние, ризу воистину золотую. Только это золото не принадлежит к числу металлов, которые выкопаны руками преступников, но рождается от добродетели. Облечемся в эту одежду, которую устрояют не бедные люди и рабы, а сам Господь. Но ты скажешь, что одежда эта испещрена золотом. А какое это имеет к тебе отношение? Ведь все удивляются устроившему ее, а не тому, кто в нее облекается, – потому что, в самом деле, первый достоин удивления. Так, ведь, и относительно обыкновенной одежды мы удивляемся не дереву, на котором одежда развешивается в валяльне, но тому, кто трудится около нее, несмотря на то, что дерево носит ее и она развешивается на дереве. Подобно тому, как та развешивается не ради нужды, а для пользы самой же одежды, чтобы, как говорят, вытрясти из нее пыль и чтобы не ела ее моль, так и эта. Итак, не крайнее ли будет это безумие так много заботиться о том, что не имеет никакого значения, – придумывать для этого всевозможные средства, погублять собственное спасение, пренебрегать геенну, Богу досаждать, презирать Христа алчущего? Что еще кто

скажет о драгоценных ароматах – индийских, аравийских, персидских, сухих и влажных, о мазях и благовониях, (приобретение) которых соединено с большими и бесполезными издержками? Зачем ты, жена, умащаешь тело свое, внутри исполненное нечистоты? Зачем разоряешь себя для вещи зловонной и поступаешь так, как если бы кто благовонную мазь бросал в грязь, или бальзамом стал обливать кирпичи? Есть, если хочешь, ароматы, есть благовонная мазь, которою ты можешь умастить душу и которая приносится не из Аравии, не из Эфиопии, и не из Персии, а с самого неба, – которая покупается не за золото, а добрым расположением воли и непритворною верою. Купи себе этого благовония, запах которого может наполнить собою всю вселенную. Он распространялся от апостолов: "**Ибо мы Христово благоухание**", **–** говорит, – "**для одних запах смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь**" (2 Кор. 2:15, 16). Что же значит это? Сказывают, будто свинья задыхается от благовония. II не только тела апостолов, но и самые их одежды источали воню духовного благоухания; такое истекало благовоние от одежд Павловых, что они прогоняли демонов. Ужели это благовоние не было приятнее и полезнее всяких цветов, всяких пряных корений, всякой благовонной мази? Если оно прогоняло демонов, то чего еще другого оно не могло сделать? Будем поэтому приготовлять эту благовонную мазь; а приготовляет ее благодать Св. Духа посредством милостыни. Воню этого благоухания будем источать, когда отойдем туда, и привлекать ею к себе святых; и подобно тому, как здесь намащенные благовониями привлекают к себе всех и, когда войдет кто-либо источающий благоухание в баню или в церковь, или в какое-нибудь другое многолюдное место, то все приближаются к нему, всех привлекает он к себе, – так точно и в том мире, когда войдут туда души, от которых будет истекать воня благоухания духовного, то все будут объяты удивлением, все посторонятся. Даже здесь (к этой душе) ни демоны, ни какой бы то ни было порок не смеют подойти и пребывать с нею, потому что задыхаются. Будем поэтому окружать себя этим благоуханием. Одно благоухание распространяет об нас такое мнение, что мы изнежены; а другое – что мы мужественны и воистину достойны удивления, и дает нам великое дерзновение. Это благовоние не на земле произрастает, а рождается от добродетели; оно никогда не увядает, а всегда цветет; оно соделывает достойными уважения тех, кто обладает им. Им помазуемся мы, когда принимаем крещение; тогда от нас истекает приятное благоухание; а чтобы и потом мы источали его, это зависит уже от нашего старания. Вот почему в древности священники и были помазуемы миром, чтобы показать в этом знамение добродетели, потому что священник должен источать приятное благоухание. Между тем нет ничего зловоннее греха. Посмотри, как описывает его природу пророк: "**смердят, гноятся раны мои**" (Пс.37:6). И действительно, грех хуже и зловоннее всякой гниющей язвы. В самом деле, скажи, что может быть зловоннее блудодеяния? Если ты не чувствуешь этого в то время, когда грех совершается, то подумай о том по совершение его, и ты увидишь тогда его зловоние, отвратительную нечистоту, скверну и мерзость его.

Таков вообще грех. Прежде чем он будет сделан, он еще доставляете некоторую приятность, а после того, как уже совершится, приятность проходит и исчезает, и на место ее являются горесть и печаль. Совершенно наоборот праведность: вначале она приносить труды, а под конец – удовольствие и успокоение. Там и удовольствие не бывает удовольствием оттого, что впереди ожидает стыд и наказание; а здесь опять и труд не в труд оттого, что есть надежда на награду. Скажи мне, что такое пьянство? Не доставляете ли оно удовольствие только в то время, когда пьешь? Вернее же, даже и во время самого питья (оно не приносит удовольствия). Когда (человек) впадает в бесчувствие, и не видит никого из присутствующих, но становится хуже беснующегося, то какое уже тут удовольствие? Кроме того, и в самом блудодеянии нет никакого удовольствия. Когда душа, одержимая страстью, теряет сознание, то какое это удовольствие? Если это удовольствие, то и чесотка будет составлять удовольствие. Я называю истинным

удовольствием то, когда душа не находится в страстном состоянии, в котором тело порабощает ее себе и развлекает ее. Что за удовольствие скрежетать зубами, ворочать глазами, ощущать щекотание и воспламеняться больше, нежели прилично? Это состояние до такой степени далеко от того, чтобы быть удовольствием, что мы спешим поскорее избавиться от него, а потом, избавившись, скорбим. Если это – удовольствие, то не удаляйся от него, а продолжай наслаждаться удовольствием. Видишь ли, что здесь одно только название удовольствия? Между тем предлагаемые нами удовольствия не таковы, – напротив они воистину бывают приятны, они доставляют не исполненное жара наслаждение, но оставляют душу свободною и расточают радость и веселье. Таким удовольствием наслаждался Павел, который говорит: **"я и тому радуюсь и буду радоваться"** (Флп.1:18), – и еще: "**Радуйтесь всегда в Господе"** (4:4). То (первое) удовольствие соединяется со стыдом и осуждением, оно совершается скрытно и исполнено бесчисленных неприятностей, а последнее от всего этого свободно. Будем поэтому стремиться к нему, чтобы получить будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 3

"Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что [так] поступал по неведению, в неверии; благодать же Господа нашего (Иисуса Христа) открылась [во мне] обильно с верою и любовью во Христе Иисусе" (1 Тим.1:12–14).

1. Мы видим, что смиренномудрие приносит великую пользу, но нигде его скоро не обретаем; правда, (мы встречаем) величайшую униженность; на словах, даже больше, нежели следует, но истинного смиренномудрия нигде не находим. Блаженный же Павел до того желал стяжать его, что повсюду измышлял много причин к тому, чтобы соделывать смиренною свою душу. И так как более всего должны трудиться те, – когда они желают стяжать смиренномудрие, – которые сознают, что совершили важные подвиги, то вероятно и он терпел великое (в этом отношении) насилие от сознания сделанного им добра, которое, подобно сильному течению воды, влекло его к надменности. Поэтому смотри, что он и здесь делает. Он сказал, что мне вверено благовествование славы Божией – благовествование, коего причастниками не могут быть те, которые еще придерживаются закона. Он противопоставляет одно другому, и полагает между ними такое расстояние, что кто придерживается последнего, тот еще не достоин соделаться причастником первого, – подобно тому, как если бы кто сказал, что тех, которые нуждаются в узах и наказании, нельзя еще причислить к сонму любомудрых. И так как он (прежде) превознес себя и сказал о себе много великого, то (теперь) в одно время и себя смиряет, и других увещевает то же самое сделать. Написав: "**которое мне вверено**" (ст. 11), он немедленно смиряет самого себя, чтобы ты не подумал, что он говорил это вследствие гордости. Итак, смотри, какой он употребляет (оборот речи), чтобы поправить (прежде сказанное), когда присовокупляет и говорит: "**Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение**". Видишь ли, как всегда он скрывает свои заслуги, и все приписывает Богу, – впрочем, так, что чрез это не уничтожает свободы воли? Неверующий, вероятно, мог бы сказать: если все принадлежит Богу и мы сами от себя, ничего не привносим, но (Бог), подобно деревьям и камням, обращает нас от порока к любомудрию, то почему Он сделал таким Павла, а Иуду нет? Поэтому, смотри, с каким благоразумием выражается, предотвращая такое возражение. "**Которое**", – говорит, – **"вверено мне"**. Это составляет его заслугу и честь, но не все принадлежит ему; смотри,

что он (дальше) говорит: "**Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса**", – это относится к Богу; затем опять указывает на то, что принадлежит ему: "**что Он признал меня верным"** – конечно, потому, что он желал сам от себя содействовать этому. **"Определив"**, – говорит, – "**меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что [так] поступал по неведению, в неверии"**. Смотри, как он говорит и о том, что принадлежит ему, и о том, что принадлежит Богу; но Промыслу Божию приписывает больше, а то, что ему принадлежит, уничижает, впрочем, так, чтобы, как я прежде сказал, чрез это не уничтожить свободы воли? Что же значит: **"давшего мне силу"**? Послушай. Он подъял на себя великое бремя, и ему нужно было большое содействие свыше. Посуди, в самом деле, как трудно было устоять против ежедневных поруганий, укоризн, наветов, опасностей, споров, порицаний, смертей и не придти в уныние, не пасть духом, не поколебаться и, несмотря на то, что отовсюду каждый день бросали в него целые тысячи стрел, стоять с твердым, бестрепетным видом! Это было выше человеческих сил, хотя и не зависело от одного содействия Божия, но и от свободной его воли. Что Бог избрал его, предвидев, каков он будет, – послушай, что говорит (сам Бог) еще прежде, нежели (апостол) приступил к проповеди: "**ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми"** (Деян.9:15), Подобно тому, как те, которые носят на войне царское знамя, обыкновенно называемое лавурон (λάβοῦρον)[1], должны обладать великою силой и опытностью, чтобы не предать его врагам, так и те, которые носят имя Христово не только во время войны, но и во время мира, должны иметь много твердости, чтобы не предать его хульным устам, но мужественно держать и нести крест. Воистину великая нужна сила для того, чтобы носить имя Христово. Тот, кто говорит, или делает, или в мысли имеет что-нибудь недостойное, не носит Его имени и не имеет в себе Христа. Между тем тот, кто носит (это имя), торжественно шествует не чрез торжище, а чрез небеса; (при виде его) всех объемлет трепет, ангелы сопутствуют и удивляются ему. "**Благодарю"**, – говорит, – "**давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего"** Смотри – он благодарит Бога даже и за то, что принадлежит ему самому. За то, что он – избранный сосуд, он приносит Ему благодарность. Это же тебе принадлежит, блаженный Павел, потому что Бог нелицеприятен. Но я благодарю, говорит, за то, что Он удостоил меня этого служения, потому что это составляет признак того, что Он считает меня верным. Подобно тому, как в доме управляющий не только бывает благодарен господину за его доверие, но и поставляет последнее признаком того, что (господин) считает его более достойным доверия, нежели других, так точно и здесь. Затем смотри, как он, описывая прежнюю свою жизнь, превозносит милость и человеколюбие Божие. **"Который прежде был", –** говорит, – "**хулитель и гонитель и обидчик".** Он гораздо снисходительнее выражается даже тогда, когда говорит об иудеях, несмотря на то, что они и в это время оставались в неверии: "**ибо свидетельствую им"**, – говорит, – "**что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению" (Р**им.10:2); а о себе говорит, что он был хулителем, и гонителем, и досадителем. Видишь ли его смирение, как он несамолюбив, какая у него смиренная душа? Он не довольствуется тем, что назвал себя хулителем и гонителем; а (показывает еще), что он делал это с особенным ожесточением. Я не только, говорит, в себе укреплял зло и не довольствовался тем, что сам был хулителем, но еще преследовал тех, которые хотели жить благочестиво. (Я довел) богохульство до величайшего неистовства. "**Но помилован потому, что [так] поступал по неведению, в неверии**".

2. Почему же и другие иудеи не были помилованы? Потому что они не по незнанию, а зная и очень хорошо понимая, делали то, что делали. Чтобы вполне убедиться в этом, послушай, что говорит евангелист: "**из начальников многие уверовали в Него**, **но не исповедывали, ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию**" (Ин.12:42,43). И опять Христос говорит: "**Как вы можете веровать, когда друг от друга**

принимаете славу" (Ин.5:44)? – и еще говорит (евангелист): "**Так отвечали родители его, потому что боялись Иудеев; ибо Иудеи сговорились уже, чтобы, кто признает Его за Христа, того отлучать от синагоги"** (Ин.9:22). Кроме того, и сами иудеи говорили: "**видите ли, что не успеваете ничего? весь мир идет за Ним"** (Ин.12:19). Ими всегда руководила страсть любоначалия. И когда они сказали, что никто не "**может прощать грехи, кроме одного Бога"** (Лк.5:21), тогда (Христос) немедленно совершил то, в чем они поставляли признак (силы) Божией. Итак, все это происходило не от неведения. Где же был тогда Павел? Вероятно, скажет кто-либо, (он находился) у ног Гамалиила, который не имел ничего общего с этою мятежною толпою, так как Гамалиил был такой человек, который ничего не делал по честолюбию. Каким же образом Павел впоследствии является среди этой толпы? Он видел, что учение это распространялось и становилось господствующим, и что все последуют ему. При жизни Христа (народ) иногда приходил к Нему, а иногда к учителям (иудейским). Когда же они совершенно отделились (от последних), тогда уже он, не как другие – из властолюбия, стал действовать так, как действовал, а из ревности. Зачем же он отправлялся в Дамаск? Он считал дело (христиан) пагубным, и боялся, чтобы проповедь не распространилась повсюду. А иудеи (поступали) не так. Они все делали не из заботливости о многих, а из властолюбия. Посмотри, что они говорят: **"овладеют и местом нашим и народом"** (Ин.11:48). Какой объял их страх? Человеческий. Нужно рассмотреть и то, каким образом (Павел), будучи столь сведущ в законе, ничего не знал, – потому что он сам говорит: "**прежде обещал через пророков Своих, в святых писаниях"** (Рим.1:2). Каким же образом ты не знал этого, будучи ревнителем отеческого закона, воспитавшимся у ног Гамалиила? Проводившие жизнь на реках и озерах, и мытари притекли (к Христу) и приняли Ето; а ты, опытный в законе, Его преследуешь? Потому-то он и осуждает себя, говоря: **"и недостоин называться Апостолом"** (1 Кор.15:9). Потому-то он и сознается в неведении, которое происходило от неверия. Потому-то и говорит, что он был помилован. Что значит: "**что Он признал меня верным**"? То, что он не изменил Господу ни в чем, говорил, что все ему принадлежит, даже свое собственное называл Божиим, не присвоял себе славы Божией, – послушай, в самом деле, что говорит он в другом месте: "**мужи! что вы это делаете? И мы – подобные вам человеки**" (Деян.14:15), – вот что значит: "**Что Он признал меня верным"**. И опять в другом месте, "**но я более всех их потрудился", – говорит: – "не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною"** (1 Кор.15:10), и еще: "**производит в вас и хотение и действие по [Своему] благоволению"** (Флп.2:13). Сам он, по его словам, достоин был наказания, – потому что помилование дается именно таким (людям). И опять в другом месте говорит: "**ожесточение произошло в Израиле отчасти" (**Рим.11:25). "**Но благодать"**, – говорит, – "**Господа нашего (Иисуса Христа) открылась [во мне] обильно с верою и любовью во Христе Иисусе**". Что это значит? Чтобы ты, услышав слова: **"помилован был"**, не остановился мыслью только на этом, он говорит: "**я был хульником, и гонителем, и досадителем**", и потому достоин наказания; но не наказан, потому что помилован. Но разве это только (ты получил), разве милосердие простиралось только до того, что ты не понес наказания? Нет, – но (ты получил) и другие многие и великие (благодеяния). Бог не только освободил нас от угрожавшего нам наказания, но и сделал нас праведными, и сынами, и братьями, и друзьями, и наследниками, и сонаследниками. Поэтому-то он и говорит: "**благодать же открылась во мне**", выражая ту мысль, что дары эти превзошли (пределы) милосердия, потому что (так поступать) свойственно не милующему только, но и благоволящему и сильно любящему. Итак, сказавши много великого о человеколюбии Божием, что (Бог) помиловал его, хотя он и был хулителем и гонителем и притеснителем, и не только не ограничился этим, но удостоил его еще других великих (благодеяний), (апостол) опять подтверждает то, (что сказано против) неверных, т. е. что (не следует) говорить, что свобода воли не существует, – прибавляя (следующие слова): "**с верой и любовью, во Христе Иисусе**". Со своей

стороны, мы, говорит он, только одно принесли, именно – поверили тому, что Он может спасти.

3. Поэтому возлюбим Его (Бога) чрез Христа. Что значит чрез Христа? То, что Он нам приуготовил это, а не закон. Видишь ли, каких благ для нас виновником был Христос, а каких закон? И (апостол) не просто сказал: "**умножилась**" благодать, но: "**преумножилась**", – потому что действительно "**преумножилась**"[2], когда тех, которые заслужили тысячу казней, она внезапно приводит к усыновлению. Вот опять (здесь предлог) "в" (ἐν) значит то же, что "чрез" (διά). Нам нужна не одна только вера, но и любовь, – потому что ныне есть много таких, которые веруют, что Христос есть Бог, однакож не любят Его и не поступают так, как следует любящим Его. В самом деле, как (они любят Его), когда все предпочитают Ему – деньги, рок, судьбу, предзнаменования, гадания, волхвование? Если же мы живем так, что оскорбляем Его, то, скажи мне, какая у нас к Нему любовь? Если кто имеет друга, к которому питает горячую, пламенную любовь, то пусть, по крайней мере, столько же любит Христа, пусть, по крайней мере, столько же любит Того, Кто предал Сына Своего за врагов Своих, без всякой с нашей стороны заслуги. Что я говорю – заслуги? За тех, которые совершили величайшие преступления, которые дерзнули без всякой причины на то, на что никогда не следовало решаться. Он после бесчисленных благодеяний и попечения о нас все-таки не отверг нас; напротив, предал за нас Своего Сына, именно в такое время, когда более всего мы совершили беззаконий. Между тем мы, получив столь великие (благодеяния), соделавшись друзьями Его и сподобившись чрез Него всех этих благ, не возлюбили Его даже так, как любим друзей своих. Какая же после этого остается для нас надежда? Может быть, вы трепещете от этих слов. О, если бы (привели вас в трепет) подобные поступки! Но как это возможно, скажешь ты, ужели мы в самом деле не любим Бога даже и так, как друзей своих? Как это возможно? Я попытаюсь объяснить это тебе; правда, я молю о том, чтобы сказанное мною оказалось не имеющим никакого основанья, пустословием; но боюсь, чтобы мои слова не были согласны с действительностью. Смотри же. Для друзей, которые действительно наши друзья, многие из нас часто терпят убыток; а для Христа никто не решается не только пожертвовать чем-нибудь, но и быть довольным тем, что кто имеет. За друга часто мы подвергаемся обидам и неприязни; а за Христа никто не согласится переносить неприязни, напротив, (всякий) говорит: люби даром, но не даром ненавидь. Друга, томимого голодом, мы никогда не презираем; а Христа, который приходит к нам каждый день – не за многим, а только за одним хлебом, мы даже не допускаем к себе, и это тогда, когда с нами случается зловонная отрыжка, когда мы пресыщены больше, чем следует, когда объедаемся, когда от нас пахнет вчерашним вином, когда предаемся излишним наслаждениям, при чем одни из нас дают подарки блудницам, другие тунеядцам, иные льстецам, иные уродам, полуумным и карликам: да, (люди) обращают себе в увеселение даже эти природные недостатки. Друзьям, которые суть истинные наши друзья, мы не завидуем, и не сокрушаемся при виде их благополучия; а по отношению к Христу мы и от этой страсти несвободны. Наконец, всякий может заметить, что (у людей) дружба имеет больше силы, нежели страх Божий, так как даже лукавый и завистливый больше стыдится людей, чем Бога. Откуда это видно? Я скажу – откуда: человек, несмотря на то, что Бог видит все, что происходит у него в сердце, не перестает строить козни; между тем человек, если увидит человека, то считает себя погибшим и краснеет. Что еще сказать? К другу, который находится в несчастии, мы приходим и, если несколько замедлим, боимся, чтобы за это не подвергнуться нам осуждению; а на Христа, часто умирающего в узах, даже и не посмотрим. Да и к друзьям, которые веруют (во Христа), мы приходим не потому, что они веруют в Него, а потому, что они нам друзья.

4. Итак, видишь ли, что ничто не делается из страха Божия или из любви к Богу, а все или по дружбе, или по привычке? Мы плачем и вздыхаем, когда видим друга отправляющегося в чужую сторону; мы рыдаем, когда видим его умершим, хотя знаем, что он не навсегда разлучился с нами и что снова будет нам возвращен при воскресении; а когда Христос каждый день удаляется от нас, или лучше, когда Христа мы каждый день отгоняем от себя, – мы не скорбим, напротив, оскорбляя Его, досаждая Ему, огорчая Его, делая неугодное Ему, мы даже и не думаем, что совершаем какое-нибудь преступление. Но это еще не было бы столь ужасным, если б мы только поступали с Ним, не как с другом. А я докажу, что мы поступаем с Ним, как с врагом. Каким образом? **"Плотские помышления"**, – говорит Павел, – **"суть вражда против Бога"** (Рим.8:7). Между тем это мудрование постоянно присуще нам. Христа, Который желает придти к нам, как только Он приблизится к нашим дверям, мы прогоняем, – это именно делают злые дела, – мы оскорбляем Его каждый день своим любостяжанием и хищничеством. Хвалят человека, который пользуется доброю славою за то, что проповедует Христа и приносит пользу Церкви? И мы завидуем ему, потому что он совершает дело Божие; мы думаем, что завидуем ему, а между тем зависть наша обращается на Христа. Нет,– скажешь ты, – мы хотим, чтобы польза была от нас, а не от других, (следовательно, мы желаем этого) не для Христа, а для нас, потому что если – для Христа, то нам должно быть все равно, от нас ли это происходит, или от других. Скажи мне, если какой-нибудь врач, который имел бы сына, находящегося в опасности лишиться зрения, сам, не будучи в состоянии помочь ему, найдет другого (врача), который может это сделать, то ужели он отвергнет его? Ни в каком случае; напротив, он сказал бы так: все равно – от тебя, или от меня, только пусть будет ему польза. Почему так? Потому что он имеет в виду пользу не свою, а своего сына. Так и мы, если бы обращали внимание на то, что относится к Христу, то говорили бы так: чрез нас ли, или чрез кого иного, – только пусть совершается то, что может быть полезным: **"притворно или искренно", –** говорит (апостол), – **"Как бы ни проповедали Христа"** (Флп.1:18). Послушай, что говорит Моисей тем, которые хотели возбудить в нем гнев, когда пророчествовали Елдад и Модад: "**не ревнуешь ли ты за меня? о, если бы все в народе Господнем были пророками**" (Числ.11:29)? Все это происходит от жажды славы. Итак, не врагам ли и неприятелям свойственно так поступать?

Сказал тебе кто-нибудь дурное слово? Ты возлюби его. Но как это возможно? Возможно, и очень возможно, если захочешь. Если ты любишь того, кто говорит о тебе хорошо, то это еще не составляет заслуги, – потому что ты делаешь это не для Господа, а для своей славы. Причинит тебе кто-либо вред? Ты сделай ему добро. Если же ты станешь делать добро тому, кто тебе сделал добро, то ты не совершишь еще ничего важного. Тебя обидели и причинили тебе великий убыток? Постарайся заплатить за это противоположными действиями. Да, умоляю вас, так расположим наши поступки. Перестанем делать зло врагам и ненавидеть их. Он (Христос) повелевает нам любить врагов, а мы враждуем и на Него самого, хотя Он любит нас. Да не попустит этого (Господь), говоришь ты. На словах все мы так говорим, а на деле не все так поступаем. До того ослепляет нас грех, что даже то, что не может быть терпимо в словах, бывает терпимо в поступках. Поэтому удалимся, хотя и поздно, от тех, которые препятствуют и вредят нашему спасению, – чтобы получить нам то, что следует получить друзьям (Христовым). "**Хочу**", – говорит Он, – "**чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою**" (Ин.17:24), которую да сподобимся все мы получить благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Вероятно ошибка, вместо λάβαρον = labarum, знамя с крестом.

[2] В синодальном переводе это слово переведено как "открылась обильно".

БЕСЕДА 4

"Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый. Но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной" (1 Тим.1,15–16).

1. Благодеяния Божии так велики и до того превосходят всякое человеческое ожидание и надежду, что часто даже им не верят. Действительно, (Бог) нам даровал то, о чем не помышлял, чего не ожидал ум человеческий. Поэтому апостолы много и говорят об этом, чтобы возбудить в нас веру в те дары, которые поданы нам от Бога. Подобно тому, как при (получении) великих благ, мы приходим в такое состояние, что, не доверяя себе, говорим: не сон ли это? – так и при (получении) даров Божиих. Что же было в них такого, чему едва можно было верить? То, что враги, грешники, те, которые не нашли оправдания ни в законе, ни посредством дел, вдруг при помощи одной веры должны были получить такие преимущества. Вот почему (апостол) много рассуждает об этом предмете и в послании к Римлянам, – много также и здесь. "**Верно**", – говорит, – " **всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый**". Так как иудеи этим особенно увлекались, то он убеждает их не привязываться к закону, потому что без веры невозможно чрез него спастись. За это именно ратует (апостол), потому что казалось невероятным, чтобы человек, несмотря на то, что он всю предшествующую жизнь провел попусту и напрасно и истратил ее на злые дела, мог потом спастись чрез одну веру. Поэтому он и говорит: **"верно слово"**. Впрочем, некоторые не только не верили, но и укоряли его, подобно тому, как и ныне делают язычники, говоря: "**И не делать ли нам зло, чтобы вышло добро"** (Рим.3:8). Так как они слышали, что он говорил: "**А когда умножился грех, стала преизобиловать благодать**" (Рим.5:20), то, извращая наше (учение), проповедывали таким образом. Точно также, когда мы беседуем с ними о геенне, они возражают: как же это может быть достойно Бога? Если человек, схватив своего раба, во многом согрешившего пред ним, оставляет ему (его вину) и дает прощение, то ужели Бог будет наказывать навеки? И опять, когда говорим им о купели (крещения) и об оставлении грехов чрез нее, они возражают: достойно ли Бога, что Он оставляет грехи тому, кто совершил бесчисленные преступления? Видишь ли развращение их ума, как он во всем обнаруживает свойственную себе страсть к спорам? Именно: если отпущение грехов – зло, то наказание – добро, и наоборот, если наказание – не добро, то добро – отпущение грехов; говорю так, соображаясь с их мнением; а по-нашему – хорошо то и другое. А почему, это покажу в другое время, так как теперь этого невозможно сделать. (Предмет этот), будучи глубоким и требующим подробного исследования, в свое время должен быть предложен вашей любви; пока же обратимся к предлежащему (вопросу). **"Верно"**, – говорит, – **"слово"**. Каким образом оно верно? (Это видно) как из предыдущего, так и последующего. Смотри, как он предварительно приготовляет (своих слушателей), и потом, приготовив их, приступает к исследованию. Сказав, что его, богохульника и гонителя, помиловал (Бог), он имел в виду приготовить их. И не только, говорит, помиловал, но и соделал верующим: до такой степени, говорит, он, невозможно сомневаться в том, что Он помиловал меня. Ведь никто, видя узника, который живет в царских чертогах, не станет сомневаться в том, что он помилован; то же самое можно было видеть и на Павле. Поэтому он самого себя приводит в доказательство и не только не стыдится, называя себя грешником, но еще особенно радуется, так как чрез это он лучше всего мог показать великое чудо попечения

Божия и то, что он сподобился столь великой милости. Почему же он, сказав в другом месте о себе: "**по правде законной – непорочный**" (Флп.3:6), здесь говорит, что он грешник и первый из грешников? Потому что в сравнении с тою праведностью, которой (причастниками) соделал нас Бог и которой поистине нужно искать, грешны даже те, которые были (праведны) в законе: "**потому что все согрешили и лишены славы Божией**" (Рим.3:23). Поэтому он не просто сказал: по правде, но: **"по правде законной"**. Подобно тому, как человек, который приобрел много денег, хотя сам по себе и кажется богатым, однако по сравнению с сокровищами царскими оказывается весьма бедным, и первым бедняком, так и здесь, сравнительно с ангелами, люди – грешники, даже и праведные. Если же Павел, который по закону творил правду, есть первый грешник, то кто другой может быть назван праведным? Потому-то он говорит так не с тою целью, чтобы порицать свою жизнь, (признавая ее) бесчинной, – нет, – но, сравнивая одну (законную) праведность с другою (благодатною), показывает ничтожество (первой). И мало того, – но еще признает грешниками тех, которые стяжали законную праведность. **"Но для того я", – говорит, – "и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной".**

2. Видишь ли, как опять смиряет и уничижает себя,приводя иную, более унизительную причину? Сказав, что он помилован ради своего неведения; он указывает на то, что помилованный не очень (великий) грешник и не должен быть строго осуждаем; а, сказав, что он помилован для того, чтобы никто из согрешивших не отчаивался более, но был уверен, что и он то же самое получит, он представляет весьма великое и очень сильное (обвинение). Таким образом, когда (апостол) говорил: я первый из грешников, и хулитель, и гонитель, и досадитель, "**и недостоин называться Апостолом**" (1 Кор.15:9) и тому подобное, то и тогда ничего не сказал в такой степени унизительного (для себя). Поясним это примером. Представим себе многолюдный город, которого все жители были бы люди злые – одни меньше, другие больше, однако все достойны осуждения; но в числе этих многих один кто-нибудь больше всех заслуживал бы осуждение и наказание, и был человек, испытавший все виды преступлений. Если бы, положим, кто-нибудь сказал, что царь хочет простить их всех, то они не так легко поверили бы этому известию, пока не увидели бы, что самый преступный из всех их получил прощение: тогда уже не оставалось бы никакого сомнения. То же самое говорит и Павел, – что Бог, желая уверить людей в том, что Он все им прощает, помиловал того, кто более всех согрешил. Если я, говорит он, получил прощение, то пусть никто уже не усомнится относительно других. Это – то же, что обыкновенно всякий говорит: если Бог этого простил, то Он уже не накажет никого другого. Чрез это (апостол) показывает, что он не заслуживал прощения, но ради спасения других первый сподобился его. Поэтому пусть никто, говорит он, не сомневается в спасении, когда я спасен.

И заметь смиренномудрие этого блаженного. Он не сказал: да покажет во мне долготерпение, но – "**все долготерпение**" как бы говоря так: ни над кем другим (Бог) не явил больше Своего долготерпения, как надо мною, и не обрел другого такого грешника, который нуждался бы во всем Его милосердии, во всем Его долготерпении, а не отчасти, подобно тем, которые только отчасти согрешили. "**В пример тем**", – говорит, – "**которые будут веровать в Него к жизни вечной**", то есть, для ободрения, для поощрения их. Но так как (апостол) сказал нечто великое о Сыне, и что Он показал такую любовь, то, чтобы не подумал кто-нибудь, что Отец лишен ее, он потом воссылает и Ему славу, и говорит: "**Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Аминь**" (ст. 17). За это, говорит, не только Сына, но и Отца прославляем. Итак, спросим еретиков: вот (апостол), говоря об Отце, сказал: единому Богу: ужели Сын – не Бог? И единому нетленному: ужели Сын не нетленен? И ужели (Сын) сам не имеет

того, что в будущей жизни нам дарует? Да, говорят они, Сын – и Бог, и нетленен, но не таков, каков Отец. Что ты говоришь? Ужели не таков, ужели по существу Он менее совершен? Следовательно, и нетление в Нем менее совершенно? Что же значат (выражения) – более и менее совершенное нетление? Нетление ведь есть не что иное, как только освобождение от тления. Правда, слава может быть больше и меньше, но нетление не бывает ни больше, ни меньше, подобно тому, как и здоровье не может быть ни меньше, ни больше, потому что всякая вещь должна или истлевать, или вовсе не подлежать тлению. Так что же, скажешь, ужели и мы в такой же мере будем нетленны? Нет, нисколько. Почему? Потому что Он (Отец) имеет это по природе, а нам это дано отвне. Так, может быть, таково же (нетление) и Сына? Нисколько; напротив и Он (имеет нетление) по природе. В чем же различие? В том, что Отец, говорят, не произошел (ἐγένετο) таким ни от кого другого, а Сын от Отца. И мы то же исповедуем. И мы не отвергаем, что Сын нетленно рожден от Отца. За это, говорят, мы прославляем Отца, что Он родил таким Сына. Не видишь ли, что отец особенно тогда прославляется, когда сын совершает великие дела? То, что принадлежит сыну, относят к отцу. Поэтому, так как Он родил сильного, и такого же, каков сам, то слава Сына не больше, чем слава Отца, потому что (Он родил) самобытного, самодовольного и не лишенного могущества. А слова – "**Царю веков"** сказаны и о Сыне: "**чрез Которого и веки сотворил"** (Евр.1:2); то же самое и здесь. У нас отделяют одно от другого, именно устроение и творение, и один устрояет, работает и трудится, а другой повелевает. Почему так? Потому что (у нас) устрояющий занимает низшее место. Но там вовсе не так. Там не принадлежитъ одному господство, а другому – устроение. Поэтому, когда я слышу: "**чрез Которого и веки сотворил**", то не отнимаю у Отца творческой силы. Равным рбразом, когда слышу, что Отец есть Царь веков, то не отнимаю у Сына господства. Это столько же относится к одному, сколько и к другому, потому что обоим принадлежит и то, и другое. Отец сотворил (все) тем, что родил зиждителя – Сына; царствует Сын потому, что Он – Господь всех тварей. Не за награду Он делает, как бывает у нас, и не из повиновения другому, как делают другие, но по свойственной Ему благости и человеколюбию. Что же? Казался ли когда-либо (таким) Сын? Никто не может того сказать. Итак, что же значит: "**нетленному, невидимому, единому премудрому Богу"!** А это что значит, когда (апостол) говорит: "**ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись**" (Деян.4:12), и опять: "**и нет ни в ком ином спасения"** (Деян.4:11)? "**Честь и слава**", – говорит, – "**во веки. Аминь"**. Честь и слава воздается не словами. Поэтому, так как и Он почтил нас не словами, а самым делом, то и мы воздадим Ему честь самым делом. При этом честь (которою Бог почтил нас) имеет для нас значение; а та (которую воздаем Ему) для Него ничего не значит, потому что Он не нуждается (в чести) от нас, между тем мы нуждаемся (в чести) от Него.

3. Таким образом, если мы будем воздавать Ему честь, то чрез это себе самим доставим честь. Подобно тому, как человек, который открывает глаза для того, чтобы видеть солнечный свет, себе самому доставляет чрез это пользу, удивляясь красоте этого светила, а не ему что-нибудь дает, потому что не делает его чрез это более светлым, напротив оно остается тем же самым, – так точно, и даже гораздо больше (бывает, когда обращаемся) к Богу: кто с удивлением взирает на Бога и воздает Ему честь, тот снискивает самому себе спасение и получает величайшую пользу. Каким образом? Таким, что, усвояя себе добродетель, сподобляется от Него славы: "**Я прославлю**", – говорит Он, – "**прославлющих Меня**" (1 Цар.2:30). Но каким же образом, спросят, Он прославляется, если Он ничего не приемлет от славы, нами воздаваемой? Таким же, как говорится о Нем, что Он терпит голод и жажду: все наше Он присвояет Себе, чтобы, по крайней мере, этим привлечь нас, – и почести, и обиды, чтобы, хотя этим внушить нам страх; а мы, несмотря даже на это, не приближаемся к Нему.

Прославим же Бога, превознесем Бога и в теле, и в духе нашем. Как же, скажешь, можно прославлять в теле? И как в духе? Духом называется здесь душа, противопоставляемая телу. Как же прославляет кто-либо (Бога) в теле? И как в душе? В теле прославляет тот, кто не предается блуду, кто не упивается, кто не пресыщается, кто не печется о внешнем украшении, кто настолько показывает заботливости о себе, насколько это нужно только для здоровья, кто не прелюбодействует, равно как и та, которая не намащает себя благовониями, не расписывает красками своего лица, которая довольна тем видом, каким наделил ее Бог и ничего не прибавляет к тому искусственного. В самом деле, отчего, скажи мне, ты прибавляешь от себя нечто к тому, что создано совершенным от Бога? Неужели для тебя мало того, что сотворил (Бог)? Следовательно, ты, (считая себя) искуснейшею художницею, принимаешься исправить дело Божие? Этого ты не имеешь в виду, но ты украшаешь себя и наносишь оскорбление Творцу для того, чтобы привлечь к себе бесчисленных любовников? Что же мне делать, скажешь ты? Ведь и я не желаю того, но принуждена поступать так ради моего мужа. Обыкновенно не бывает любимою та, которая того не желает. Тебя создал Бог благообразною для того, чтобы и чрез это возбудить в нас удивление к Себе, а не для того, чтобы Ему мы наносили оскорбление. Не такими воздавай Ему за это дарами, но целомудрием и скромностью. Бог создал тебя благообразною для того, чтобы чрез это умножить для тебя подвиги скромности. Не в одинаковой ведь степени (трудно) сохранять целомудрие той, которая во всех возбуждает любовь к себе, и той, к которой никто не чувствует расположения. Слышишь ли, что говорит Писание об Иосифе? Что он был **"красив станом и красив лицем"** (Быт.39:6). Какую пользу приносит нам то, когда мы слышим, что Иосиф был красив? Ту, что мы еще больше удивляемся его красоте и скромности. Бог создал тебя благообразною? Зачем же ты безобразишь себя? Подобно тому, как если бы кто стал намазывать грязною тиною золотую статую, так поступают те, которые употребляют притиранья. Ты испещряешь себя землею, то красною, то белою. Но ты скажешь, что безобразные справедливо так поступают? Для чего, скажи мне? Для того ли, чтобы скрыть свое безобразие? Но они напрасно трудятся. Когда, скажи мне, искусство и изысканность превзошли природу? И зачем вообще печалиться по причине безобразия, когда оно не заключает в себе ничего зазорного? Послушай, что говорит один мудрец: **"не хвали человека за красоту его и не имей отвращение к человеку за наружность его"** (Сир.11:2). Поэтому больше удивляйся Богу, искуснейшему художнику, а тому (кто имеет красивую наружность, не удивляйся) нисколько, потому что случившееся не им устроено. Скажи мне, какая польза от красоты? Никакой, напротив (от нее) большие споры, величайшие огорчения, опасности и подозрения. В самом деле, не столь красивую никто и не подозревает, а красивая, если только не отличается особенною, необыкновенною скромностью, сейчас же делается предметом дурной славы, и даже муж обращается с нею недоверчиво; а что может быть тягостнее этого? И не столько испытывает он наслаждение при виде (ее красоты), сколько терпит огорчение от своей подозрительности. Да и наслаждение вследствие привычки теряет свою силу, когда самая душа приобретает славу нерадивой, рассеянной, своевольной, когда она соделывается завистливой, когда исполняется великой гордости, – потому что ко всему этому особенно приводит нас красота. Между тем мы не находим, чтобы та, которая не столь красива, имела в себе столько препятствий (вести жизнь добродетельную). И псы на нее не нападают, но подобно агнице, при которой постоянно находится пастырь, она пасется в совершенном спокойствии; ни один волк ее не тревожит и не производит на нее нападения. Не то вредно, что одна красива, а другая – нет. Вредно то, что одна блудодействует, несмотря на то, что она некрасива, а другая зла. Скажи мне, в чем состоит достоинство глаз? В том ли, что они влажны, подвижны, круглы и голубые, или в том, что они остры и проницательны? Я утверждаю последнее, и это очевидно из следующего. В чем заключается достоинство светильника? В том ли, что он ярко светит и освещает весь дом, или в том, что он красиво сделан и имеет круглый вид? Конечно, в первом, сказали бы мы, потому что последнее свойство не имеет для нас

никакого значения, и мы ищем первого. Поэтому мы и говорим всегда служанке, которой поручено это: ты худо приготовила светильник. Таким образом, назначение светильника состоит в том, чтобы светить. Так и глаз, будет ли он такой или иной, ничего не значит, только бы он вполне удовлетворительно выполнял свое назначение; равным образом он называется дурным, когда слабо видит и не имеет надлежащего устройства, потому что и о людях, которые открытыми глазами ничего не видят, мы говорим, что у них дурные глаза. Мы называем дурным все то, что не выполняет того, что ему нужно выполнять. И вот в чем заключается недостаток глаз. В чем же состоит достоинство носа, скажи мне? В том ли, чтобы он был прямой, заострен с обеих сторон, и имел соответственную соразмерность, или же в том, чтобы он был способен к обонянию, мог скоро воспринимать (впечатления) и передавать их мозгу? Последнее для каждого очевидно. Будем продолжать изыскание, и на примерах объясним дело. Скажи мне, какие клещи, какие сосуды мы назовем хорошо устроенными, те ли, которые хорошо могут захватывать вещь и хорошо держать ее, или те, которые красиво выделаны? Очевидно, что первые. А зубы – какие мы назовем хорошими? Острые и легко раздробляющие пищу, или те, которые красиво расположены? Очевидно, что первые. И вообще, если по всему телу нашему станем мысленно проводить это исследование, то найдем, что все в нем здорово и хорошо, как скоро всякий член в нем правильно исполняет свойственное ему отправление. Так и всякий сосуд, всякое животное, всякое растение мы называем хорошим не за его вид или цвет, но за его служение. Так и из слуг мы называем хорошим того, который приучен к службе, а не того, который красив и изнежен. Видишь ли, каким образом можешь сделаться красивою? Итак, когда мы в одинаковой степени пользуемся величайшими и достойными удивления (благами), то ни в чем мы не терпим обиды. А именно: благообразны ли мы или нет, мы все одинаково видим этот мир, солнце, луну, звезды, одинаково вдыхаем в себя воздух, одинаково пользуемся водой, пищею. И если нужно сказать что-либо достойное удивления, так именно то, что неблагообразные бывают здоровее благообразных. В самом деле, эти последние, чтобы сохранить свою красоту, не посвящают себя трудам, но проводят время в праздности и неге, отчего особенно ослабевает деятельность их членов; а первые ведут себя просто и смело и, так как они не имеют о своей наружности никакой заботы, то употребляют все время на труды. Итак, прославим Бога; превознесем Его в теле нашем, не станем украшать себя, – потому что это лишняя и бесполезная забота; не будем приучать своих мужей к тому, чтобы они любили одну только наружность. Если ты будешь так украшать себя, то он, привыкши к этому, (взирая) на твое лицо, легко может быть прельщен распутством. Напротив, если ты научишь его любить благонравие и скромность, то он не скоро впадет в прелюбодеяние, потому что у блудницы он не найдет этого, но найдет противное тому. Итак, не приучай его прельщаться смехом, ни свободными телодвижениями, чтобы ты чрез это не приготовила яда для самой себя. Учи его находить удовольствие в скромности; а это ты можешь сделать тогда, когда ты скромно будешь держать себя. В самом деле, если ты сама легкомысленна и сладострастна, то как можешь завести с ним благопристойную речь? Кому не покажешься ты странной и смешной? Каким поэтому образом мы можем превозносить Бога в теле своем? Когда будем упражняться в добродетели, украшать душу свою, по отношению к которой это не запрещается. Тогда прославляем Бога, когда мы во всех отношениях бываем праведны; за то и сами будем прославлены в тот день, и при том не в такой мере, но гораздо больше. "**Ибо думаю**", – говорит (апостол), – "**что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас**" (Рим.8:18), – которую да сподобимся мы все получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 5

"Преподаю тебе, сын [мой] Тимофей, сообразно с бывшими о тебе пророчествами, такое завещание, чтобы ты воинствовал согласно с ними, как добрый воин, имея веру и добрую совесть, которую некоторые, отвергнув, потерпели кораблекрушение в вере" (1 Тим. 1:18,19).

1. Звание наставника и священника весьма важно и достойно удивления, и воистину Божеское указание потребно для того, чтобы для этого был избран человек достойный. Так и было в древности; так бывает и ныне, когда мы, без человеческого пристрастия, совершаем избрание, когда не взираем ни на что житейское, ни на дружбу, ни на вражду. Хотя мы и не в такой степени причастны Духу, но довольно доброго намерения для того, чтобы привлечь на себя рукоположение Божие. Так и апостолы не были причастны Духу, когда избрали Матфея, но, предоставив дело молитве, причислили его к лику апостолов, – они не взирали на дружбу человеческую. Так должно бы совершаться это и теперь у нас. Но мы, достигнув до крайней степени нерадения, пропускаем без внимания и то, что вполне очевидно. Если же мы не усматриваем очевидного, то как Бог откроет нам неизвестное? Если в малом, говорит Он, вы не были верны, то кто поручит вам великое и истинное? Между тем в то время, так как ничто не совершалось по человеческому (пристрастию), то и священники поставляемы были чрез пророчество. Что значит – чрез пророчество? По (внушению) Святого Духа. Пророчество состоит не в том только, чтобы предсказывать будущее, но и (в том, чтобы узнавать) настоящее; так и Саул открыт был чрез пророчество, когда скрывался между сосудами, потому что Бог открывает праведным (свою волю). Пророчеством тоже были слова: "**отделите Мне Варнаву и Савла**" (Деян.13:2). Так был избран и Тимофей. Но здесь (апостол) говорит о многих пророчествах, (разумея), быть может, то (пророчество), по которому он принял его, когда обрезал, и когда рукоположил, как и сам, пиша к нему, говорит: "**Не нерадии о пребывающем в тебе даровании**" (1 Тим.4:14). Итак, чтобы возбудить его к ревности и заставить трезвиться и бодрствовать, он напоминает ему об избравшем и рукоположившем его, говоря как бы так: тебя избрал Бог, Он вверил тебе (Церковь); не по человеческому избранию ты сделался (служителем веры): не скорби же, не посрами Божественного избрания. Потом, так как он дал ему здесь заповедь, и она была очень трудна, то что говорит? **"Преподаю тебе, сын [мой] Тимофей, такое завещание"** Дает ему заповедь, как сыну, как родному. (Он говорит ему) не повелительно, не деспотически, не с властью, но отечески: "**сын (мой) Тимофей**". А выражение: "**преподаю**" показывает, что нужно точно хранить (преданное), и что оно не от нас произошло: не мы стяжали его, но Бог нам даровал, и не только – это, но и веру и благую совесть. Следовательно, что Он даровал нам, то мы должны хранить. Если бы Он (Господь) не пришел, то не было бы ни самой веры, ни чистой жизни, которую мы из детства прибретаем. Апостол как будто так говорит: не я заповедаю тебе, но Тот, Кто избрал тебя. Слова: "**сообразно с бывшими о тебе пророчествами"** такой именно имеют смысл. Внимай им, будь им послушен. Что же ты заповедуешь, скажи? "**Чтобы ты воинствовал согласно с ними, как добрый воин**" Они избрали тебя на то, на что избрали; проходи добрую службу воина. Сказал: "**добрую"**, потому что есть и злая служба воина, о которой он говорит: **"Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию"** (Рим.6:19). Они проходят службу воина под (властью) мучителя, а ты под (властью) царя. Но почему он называет службою воина это дело? Чтобы показать, что воздвигнута сильная брань вообще против всех, и особенно против учителя, что нам нужно крепкое оружие, именно трезвенность, бодрствование, неусыпная бдительность, что мы должны быть готовы на кровавые битвы, что (мы должны) ополчиться и не иметъ ни малейшей изнеженности. "**Чтобы ты воинствовал", –** говорит, – **"согласно с ними"**. Подобно тому, как в войсках не все одинаковым образом исполняют службу, но в различных чинах, так и в Церкви один занимает место учителя, другой – ученика, третий – ничего несведущего, между тем ты занимаешь первое место. Потом, чтобы кто не подумал, что этого достаточно, что говорит

он? "**Имея веру и добрую совесть**". Учитель должен сначала научить самого себя. Подобно тому, как военачальник, если бы он прежде не был отличным воином, не был бы никогда и военачальником, так и учащий. Об этом (апостол) говорит и в другом месте: "**дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (1 Кор.9:27). **"Имея"**, – говорит, – **"веру и добрую совесть"** – для того, чтобы ты мог таким образом управлять другими. Слыша это, не будем пренебрегать наставлениями тех, которые больше нас, несмотря на то, что мы учители. Если Тимофей, с которым мы все не должны сравнивать себя, принимает наставления и учится, и при том тогда, когда он сам был уже в звании учителя, то тем более мы (должны так поступать). "**Которую**", **–** говорит, – " **некоторые, отвергнув, потерпели кораблекрушение в вере**". И справедливо, – потому что, когда жизнь становится достойною осуждения, тогда возникает и такое же учение. И можно видеть многих, которые ниспали от этого в бездну грехов, и совратились в язычество. Чтобы не терзаться страхом будущего, они стараются убедить себя в душе, что все наши (угрозы) ложны. И от веры некоторые уклоняются потому, что, умствуя, все подвергают исследованию, а умствование производит кораблекрушение, вера же есть в некотором смысле надежный корабль.

2. Итак, уклоняющиеся от этого неизбежно должны потерпеть кораблекрушение, и это (апостол) указывает нам на примере: "**Таковы**", – говорит, – "**Именей и Александр**" (ст. 20). И примером их он вразумляет нас. Видите ли, что и в те времена были люди, которые превратно учили, многого доискивались, уклонялись от веры, все подвергали исследованию посредством своих умствований? Человек, претерпевший кораблекрушение, остается нагим и лишенным всего; равным образом и тот, кто отпал от веры, ничего более уже не имеет, негде ему стать, на чем утвердиться. Он не ведет такой жизни, из которой мог бы извлечь какую-нибудь пользу, потому что к чему служит остальное тело, когда повреждена голова? Если вера без жизни ничто, то тем более – наоборот (жизнь без веры). Если Бог для нас оставляет без вниманья свое, то тем более мы должны забывать для Него о своем. Вот что происходит, когда кто-либо отпадает от веры: он нигде не останавливается, но плавает туда и сюда, пока опять не погрузится в пучину. "**Которых**", – говорит, – "**я предал сатане, чтобы они научились не богохульствовать**". Видишь ли, что исследование вещей Божественных посредством умствований есть хула? И справедливо, – что имеет общего с ними человеческое умствование? Но как же сатана научает их не хулить? Ведь если он учит других не хулить, то тем больше следовало бы ему (научить этому) самого себя. Если же он доныне не может научить этому себя, то (не может) и других. (Апостол) не сказал: да научит их не хулить, но: "**чтобы они научились не богохульствовать**". Не он совершает это, но это бывает следствием (его действий). Подобным образом и в другом месте (апостол) говорит о соблудившем: "**предать сатане во изможднение плоти**" не с тою целью, чтобы спасти тело, "**чтобы дух был спасен"** (1 Кор.5:5). То есть, это (сказано) безлично. Каким же образом происходит это? Подобно тому, как палачи, будучи сами исполнены бесчисленных преступлений, вразумляют других, так и здесь (то же самое говорится) о лукавом демоне. Но для чего ты сам не наказал их, как Вариуса, как Кифа – Ананию, но предал их сатане? Не для того, чтобы подвергнуть их наказанию, но чтобы научить их. Впрочем, он и сам имел власть (наказывать), например, когда говорит: "**Чего вы хотите? с жезлом придти к вам**" (1 Кор.4:21)? и опять: "**но чтобы вы делали добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть**" (2 Кор.13:7); и еще: "**к созиданию, а не к разорению**" (2 Кор.13:10). Итак, отчего он призывает сатану для наказания? Чтобы со строгостью наказания соединить более сильный упрек; или лучше, неверующих (апостолы) сами научали, а отступников предавали сатане. Но почему Петр сам (наказал) Ананию? Потому что и Анания был неверующим, и еще испытующим. Итак, чтобы неверующие знали, что они не могут утаиться, для этого их наказывали сами (апостолы); между тем тех, которые уже знали об этом и потом отступали (от веры), они предавали сатане, показывая, что они

(отступившие) не своею силою, но их попечением были охраняемы, и что они предаваемы были (сатане), как скоро впадали в гордость. Подобно тому, как поступают цари, когда поражают врагов собственными руками, а (преступников из) своих подданных предают палачам, так и здесь. Отсюда открывается, что это совершалось вследствие попечения со стороны апостолов; при том немаловажным было иметь возможность повелевать диаволу: чрез это становилось очевидным, что диавол покоряется и, даже против воли, подчиняется апостолам. Таким образом это также не мало содействовало проявлению благодатных дарований. А как он предавал (виновного сатане), послушай. "**В собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа, обще с моим духом, силою Господа нашего Иисуса Христа**" (1 Кор.5:4). Следовательно, (виновного) тотчас извергали из общего собрания, отлучали от стада, он оставался одиноким и нагим, предавался волку. Подобно тому, как облако показывало еврейский стан, так Дух – Церковь. Поэтому, кто был извергаем из нее, тот сгорал (в огне); а извергаем был из нее (виновный) по суду апостолов. Так и Господь предал Иуду сатане, – "**И после сего куска вошел в него сатана**" (Ин.13:27). Можно, впрочем, сказать и то, что тех, кого они желали исправить, не наказывали сами, а неисправимых сами подвергали наказанию; или, если не так, то чтобы быть более страшными, они предавали (виновных) другим (для наказания). Так и Иов был предан сатане, но не за грехи, а для большего прославления своего.

3. Много подобного бывает и теперь. Именно, так как священники не знают всех грешников и людей, недостойно причащающихся святым тайнам, то Бог часто делает это, и предает их сатане. Когда случаются болезни, когда наветы, когда скорби и несчастия, когда постигают тому подобные (бедствия), – то это происходит от этой причины. И это открывает нам Павел, говоря так: "**От того многие из вас немощны и больны и немало умирает**" (1 Кор.11:30). Как же это, скажешь, когда мы приступаем (к тайнам) однажды в год? В том и состоит все зло, что не чистотою помыслов, а расстоянием времени ты измеряешь свое достоинство, приступая (к тайнам), и это считаешь признаком благочестия, что не часто приступаешь к ним, не зная того, что приступать недостойно, – хотя бы это случилось однажды, – значит оскорблять (святыню), а приступать достойно, хотя бы и часто, спасительно. Не в том состоит дерзость, что часто приступают, но в том, что (приступают) недостойно, хотя бы даже кто-либо один раз во всю жизнь сделал это. А мы до того бываем бессмысленны и жалки, что, в течение всего года, совершая тысячу беззаконий, нисколько не заботимся о том, чтобы освободиться от них, а думаем, что довольно и того, если мы не часто дерзаем приступать к телу Христову с оскорблением для Него, не помышляя о том, что и распинатели Христовы распяли Его только один раз. Ужели грех становится меньше от того, что случился только однажды? И Иуда предал (Христа) однажды. Что же? Разве это спасло его? И отчего мы измеряем это дело расстоянием времени? Пусть чистая совесть составляет для нас то время, в которое мы должны приступать, (к тайнам). Ничего большего не содержит в себе таинство, совершаемое в Пасху, пред тем, которое совершается теперь. Оно одно и то же; та же благодать Духа; оно есть всегда пасха. Знают это те из вас, которые посвящены в тайны. И в пятницу, и в субботу, и в воскресный день, и в день мучеников – совершается одна и та же жертва. "**Ибо всякий раз**", – говорит, – "**когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете**" (1 Кор.11:26). Он не ограничил жертвы пределом времени. Итак, отчего же, скажешь, тогда называется пасхою? Оттого, что тогда пострадал за нас Христос. Поэтому никто не должен приступать иначе к первой, и иначе к последней (жертве). Одна в них сила, одно достоинство, одна благодать, одно и то же тело; не более свято одно, чем другое, и последнее не ниже первого. И вы тоже знаете это, потому что не видите тогда ничего необыкновенного, кроме этих мирских завес, и блистательного, многолюдного собрания. Впрочем, эти дни имеют некоторое преимущество в том отношении, что от них ведет начало спасительный для нас день, так как в этот день заклан был Христос, кроме же того, по отношению к таинствам, они не

имеют никакого преимущества. Когда ты приступаешь даже к чувственной пище, ты моешь свои руки, полощешь рот; а, намереваясь приступить к духовной пище, ты не обмываешь своей души, но приходишь, будучи исполнен нечистоты? Как, скажешь ты? Разве сорокадневные посты недостаточны для того, чтобы очистить нас от тяжкого бремени грехов? Какая же от этого бывает польза, скажи мне? Если бы кто, намереваясь положить куда-либо благовонную мазь, очистил для этого место, и потом, вскоре после того, как поместил ее туда, прибавил бы к ней навозу, то ужели не уничтожилось бы благоухание? Так бывает и с нами. В то время, когда мы приступали (к таинству), мы были, насколько позволяли нам наши силы, достойны его, а потом опять оскверняем себя. Какая же нам от того польза? Это мы говорим даже о тех, которые могут очистить себя в течение сорока дней. Не будем же, умоляю вас, пренебрегать нашим спасением, чтобы не был напрасен труд наш. Человек, отвратившийся от своего греха, и опять возвращающийся к нему и поступающий по-прежнему, **"как пес возвращается на блевотину свою"** (Притч.26:11). Если так мы будем поступать, если так будем внимательны к себе, то мы сможем сподобиться будущих наград, которые да получим все благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Св. Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 6

"Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины" (1 Тим.2:1-4).

1. Священник есть как бы общий отец целой вселенной; поэтому прилично ему заботиться обо всех, подобно тому, как заботится Бог, Которому он посвятил себя. Поэтому говорит апостол: "**прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления".** Отсюда проистекают два блага: с одной стороны, чрез это разрушается ненависть, которую мы питаем к внешним (непринадлежащим к Церкви), – потому что никто не может питать враждебных чувств к тому, о ком творит моление, с другой – и они становятся лучше, отчасти потому, что за них возносят молитвы, отчасти и потому, что они отлагают ожесточение против нас. Подлинно ничто столько не содействует успеху учения, как то, чтобы любить и быть любимым. Подумай также о том, что значило для тех, которые злоумышляли, наносили побои, изгоняли, умерщвляли (христиан), – услыхать, что те, которые переносят такие страдания, возносят к Богу прилежные молитвы за причиняющих им (эти страдания)!

Видишь ли, в какой степени, согласно с желанием (апостола), христианин должен быть выше всех? Подобно тому, как к малым детям нисколько не уменьшается (отеческая) любовь, хотя бы даже дитя, взятое на руки, ударило своего отца по лицу, так и мы нисколько не должны уменьшать нашей любви к внешним, хотя бы мы и переносили от них удары. Что же значит: "**прежде всего**"! Значит – при ежедневном богослужении. И это знают посвященные в таинства, – как бывает у нас каждый день, и вечером, и утром, как мы творим молитву эа весь мир, за царей и за всех, которым вверена власть. Но, может быть, скажет кто-либо, что он заповедал (молиться) не за всех, а за верных. Какое же значение будут иметь тогда его слова: "**за царей**"? Тогда еще не было царей благочестивых, напротив, долгое время преемственно следовали нечестивые за нечестивыми. Кроме того, чтобы это не показалось лестью, он сказал сначала: за всех, а потом: за царей. Если бы он сказал: только за одних царей, тогда, может быть, кто-либо заподозрил бы его в этом. При том, так как было естественно, что душа христианина,

слыша это, могла придти в недоумение и не согласиться с этим наставлением, – что при совершении таинств должно приносить молитвы за язычника, – то посмотри, что он говорит и какие предлагает выгоды, чтобы хотя таким образом склонить ее к принятию его внушения. "**Да тихое**", – говорит, – "**и безмолвное житие поживем**" – т. е. их спасение доставляет нам безмятежность, – подобно тому, как ж в послании к Римлянам, убеждая их повиноваться начальникам, говорит: "**не только из [страха] наказания, но и по совести**" (Рим.13:5). Ведь Бог учредил власти для общей пользы. И разве не было бы ни с чем несообразно, если бы в то время как другие выступают в поход и облекаются в оружие с тою целью, чтобы мы пребывали в безопасности, сами мы за тех, которые подвергаются опасностям и несут бремя военной службы, не творили даже молитв? Таким образом, это вовсе не составляет лести, а делается по требованию справедливости. В самом деле, если бы они не избежали опасности и не имели успеха на войнах, то по необходимости и наши дела тогда пришли бы в замешательство и нестроение; тогда, – после того как они потерпели бы поражение, – и нам самим следовало бы идти на войну, или бежать и повсюду скитаться. Они соста-вляют, говорит он, как бы некоторого рода оплот, поставленный впереди, который охраняет спокойствие пребывающих внутри. "**Молитвы, –** говорит**, – "моления, прошения, благодарения",** – потому что нужно благодарить Бога и за те блага, которые посылаются другим, например, за то, что Он солнце сияет на злых и благих и дождит на праведных и неправедных. Видишь ли, что он соединяет и связывает нас друг с другом не только посредством молитвы, но и посредством благодарения? Ведь кто обязан благодарить Бога за блага, ниспосланные его ближнему, тот обязан и любить его, и быть к нему дружески расположенным. А если нужно благодарить за то, что ниспосылается ближнему, то тем более – за то, что совершается с нами самими, и в тайне, и по нашему желанию, и против нашей воли, – и за то, что кажется нам даже неприятным, потому что Бог все устрояет к нашему благу.

2. Итак, пусть каждая наша молитва содержит в себе благодарение. Если же нам заповедуется приносить молитвы за ближних, не только за верных, но и за неверных, то подумай, какое великое зло проклинать братьев. Что говоришь ты? Он заповедует тебе молиться за врагов, а ты ужели станешь проклинать брата? Не его проклинаешь ты, а самого себя, потому что ты навлекаешь на себя гнев Божий, произнося эти нечестивые слова: "так покажи ему, так сотвори ему, порази его, воздай ему". Этих (слов) должны избегать ученики Христовы – кроткие и смиренные. Пусть из уст, сподобившихся такого таинства, не исходит ничего горького; пусть язык, приобщившийся тела Господня, не произносит, ничего неприятного. Будем хранить его в чистоте, не будем произносить им проклятия. Если не наследуют царства оскорбители, то тем больше те, которые проклинают, потому что кто проклинает, тот непременно наносит и оскорбление. А оскорбление и молитва удалены друг от друга, – следовательно, молитва находится тоже в великом расстоянии (от проклятия), потому что осуждение и молитва тоже находятся в великом (друг от друга) расстоянии. Ты молишь Бога о том, чтобы Он был милостив к тебе, – и (в то же время) проклинаешь другого! Если ты не прощаешь, то и тебе не будет прощено; а ты не только сам не прощаешь, но еще просишь Бога, чтобы и Он не прощал? Видишь ли, до какого ты дошел озлобления? Если не прощается тому, кто сам не прощает, то, как может быт прощено тому, кто еще просит Господа, чтобы и Он не прощал? Не ему (ближнему своему) вредишь ты, а себе самому. Каким образом? Таким, что если молитва, которую ты приносишь сам за себя, и могла бы быть услышана, то теперь она никогда не будет услышана, потому что ты приносишь ее скверными устами. Воистину такие уста скверны и нечисты, исполнены всякаго зловония и всякой нечистоты. Тебе следовало бы трепетать ради своих грехов, и употреблять все усилия (чтобы получить прощение) в них, а ты приходишь к Богу с тою целью, чтобы возбудить Его против брата? Разве ты не боишься, не заботишься сам о себе? Разве не видишь, что ты делаешь? Подражай, по крайней мере, детям, которые ходят в училище. Они, когда видят, что от товарищей их

требуют отчета в том, чему они выучились, и за леность всех подвергают взысканию, что каждого из них порознь испытывают со всею строгостью и наказывают розгами, тогда они умирают от страха, и, если даже кто-нибудь из соучащихся с ними наносил им бесчисленные удары, они не думают гневаться, – потому что душею их овладевает страх, – и не дерзают жаловаться учителю, на одно только обращают внимание, как бы придти и удалиться оттуда без наказания, с нетерпением ожидают, как бы настало это время, и, когда выйдут, – подвергшись ли наказанию или не подвергшись, – от радости им уже и в ум не приходит гневаться. А ты, стоя (на молитве) и сокрушаясь о своих грехах, ужели не содрогаешься, припоминая (грехи) других людей? И как ты (дерзаешь) просить об этом Бога? Ведь когда ты призываешь правосудие Божие на своего ближнего, тогда этим самым увеличиваешь тяжесть своих грехов, и не позволяешь Ему дать прощение и тебе в твоих (грехах). Если ты хочешь, скажет Он, чтобы Я был строгим исследователем проступков, сделанных против тебя, то, как ты просишь о снисхождении к тому, в чем ты согрешил против Меня? Научимся поэтому быть когда-нибудь христианами! Если мы не умеем молиться, – что удобно и весьма легко, – то остальное как мы узнаем? Научимся молиться, как христиане. Язычникам свойственны такие молитвы, иудеям приличествуют такого рода моления. А молитвы христианина имеют противоположные свойства: (в них надлежит) просить о прощении, забвении того, в чем (другие) против нас согрешили. "**Злословят нас**", – говорит (апостол), – "**мы благословляем; гонят нас, мы терпим**" (1 Кор. 4:12). Послушай, что говорит Стефан: "**Господи! не вмени им греха сего**" (Деян.7:60). Не только не проклинал, но еще молился; а ты не только не молишься, но еще проклинаешь. Поэтому насколько он достоин удивления, настолько ты преступен. Кому удивляемся мы, – скажи мне, – тем ли, за кого он молился, или тому, кто молился? Конечно – последнему. А если мы (судим таким образом), то тем более Бог. Хочешь ли поразить врага? Молись за него, но молись не с этой мыслью – не для того, чтобы он понес наказание: оно придет само собою, но ты не с этою целью делай. Кроме того, этот блаженный (Стефан) переносил все без вины, и между тем молился (за своих врагов); а мы многое по заслугам терпим от своих врагов. Если же тот, кто страдал невинно, не дерзал не молиться (за своих врагов), то какого наказания заслуживаем мы, когда, по заслугам подвергаясь страданию, не только не молимся, но и проклинаем? Ты думаешь, что наносишь раны (своему врагу), а на самом деле обращаешь меч сам на себя, потому что не позволяешь Судье быть снисходительным и к твоим грехам, стараясь возбудить в Нем гнев к другим. "**Ибо каким судом судите**", – говорит Он, – "**[таким] будете судимы; и какою мерою мерите, [такою] и вам будут мерить**" (Мф.7:2). Итак, будем снисходительны, чтобы и мы таким (образом) же обрели Бога.

3. Я желаю, чтобы вы не только слушали это, но и соблюдали. Между тем ныне только одни слова сохраняются в памяти, а может быть, даже и того нет, так что, когда разойдемся, если кто-нибудь из не бывших здесь спросит, о чем мы говорили, то одни вовсе ничего не скажут, другие – знающие скажут только содержание того, о чем мы беседовали, – что не нужно быть злопамятным, нужно даже молиться (за врагов), – и потом прекратят речь обо всем том, что было говорено (потому что не в состоянии припомнить), третьи припомнят немного, лишь кое-что. Поэтому умоляю вас, если вы не получаете никакой пользы от того, что говорится, то не будьте прилежны к слушанию. Какая в самом деле от этого польза? Получается только большее осуждение и более тяжкое наказание за то, что, несмотря на бесчисленные увещания, пребываем в одном и том же положении. С этою именно целью Бог дал нам определенную молитву, чтобы мы не просили ни о чем житейском, ни о чем человеческом. Вы, верные, знаете, о чем надобно молиться, – каким образом всякая молитва становится общею для всех. Но там не говорится, скажут, что нужно молиться и за неверных. (Вы так говорите) потому, что не знаете силы молитвы, ни ее глубины, ни тех сокровищ, которые в ней сокрыты. А если кто внимательно разберет ее, то найдет, что в ней содержится и это. Когда молящийся

говорит: "**да будешь воля Твоя, яко на небеси и на земли**" (Мф.6:10), – не о чем другом он молится, а именно об этом. Каким образом? Таким, что на небе нет ни одного неверного, нет ни одного согрешающего. Если бы здесь (речь) была только об одних верных, то эти слова не имели бы смысла, потому что если бы одни верные должны были исполнять Его волю, а неверные нет, то воля Его уже не исполнилась бы (на земли) так, как на небе. Но что (мы говорим здесь)? Как на небе, говорим мы, нет ни одного грешника, так и на земле пусть не будет ни одного; но во всех, говорим мы, укорени страх Твой и всех людей сделай ангелами, хотя они и наши враги и супостаты. Разве не видишь, сколько раз каждый день произносится хула против Бога? Сколько раз Ему наносят оскорбление не только неверные, но и верные, не только словами, но и делами? Что же Он? Погасил ли за это солнце? Остановил ли течение луны? Разрушил ли небо? Поколебал ли землю? Иссушил ли море? Уничтожил ли источники вод? Смешал ли воздух? Нисколько, а совершенно напротив. Он воссиявает солнце, ниспосылает дождь, подает плоды, ежегодно посылает пищу богохульникам, несмысленным, презренным, гонителям, и это не день, не два, не три, а в течение всей их жизни.

Подражай Ему и ты; поревнуй Ему по мере человеческих сил. Ты не можешь воссиять солнца? По крайней мере, не злословь. Не можешь послать дождя? По крайней мере, не укоряй. Не можешь дать пищи? По крайней мере, не досаждай. Довольно будет с твоей стороны и этих даров. Бог оказывает благодеяния твоим врагам делом, а ты совершай их, по крайней мере, словом, – молись за врага; таким образом, ты уподобишься Отцу твоему, который на небесах. Тысячу раз уже я беседовал с вами об этом, – и не перестану беседовать; только бы вышла какая-нибудь польза. Мы от своих слов не приходим в оцепенение, не утомляемся и не тяготимся; только бы вы не давали повода думать, что тяготитесь, слушая нас. А подает повод думать, что тяготится, тот, кто не исполняет того, что ему говорят. Кто исполняет, тот всегда готов слушать, как человек, которого не укоряют, а хвалят. Таким образом, это происходит не от чего-либо другого, как оттого, что не исполняют того, что им говорят; от этого тягостным становится и тот, кто об этом говорит. Если, например, кто-нибудь исполняет дела милосердия, а другой заводит речь о милостыни, то он не только не оскорбляется, слушая его, но даже радуется, потому что слышит, как провозглашают и превозносят его заслуги. Таким же образом и мы. Так как у нас нет ничего общего с забвением обид, и это не исполняется нами, то по этой причине нам кажется неприятным, когда зайдет об этом речь; а когда были бы у нас дела, тогда и слова не огорчали бы нас. Итак, если вы не хотите, чтобы мы были для вас тягостны и несносны, – поступайте следующим образом: исполняйте на деле то (что мы вам заповедуем). Мы не перестанем говорить вам об одном и том же до тех пор, пока не станете исполнять этого. Мы поступаем так преимущественно из участия и любви к вам; а кроме того еще и потому, что нам самим угрожает опасность. Ведь трубач должен трубить, хотя бы и никто не выходил на сражение, – для того только, чтобы исполнить свой долг. Поэтому и мы действуем так не с тою целью, чтобы на вас навлечь большее наказание, а для того, чтобы самим избавиться от него. Кроме того, нас побуждает к этому и любовь к вам, – разрывается наша утроба, и нас снедает печаль, когда случается что-либо подобное. Но да не попустит этого (Бог). Для того, о чем мы говорили ныне, не требуется издержек, не требуется траты денег, не требуется дальнего путешествия, – нужно только захотеть, нужно слово, нужно намерение. Будем поэтому хранить уста наши, оградим их дверью и запором, чтобы не говорить ничего неугодного Богу. Это для нас самих (будет полезно), а не для тех, за кого мы будем молиться. Мы всегда так думаем, что тот, кто благословляет своего врага, благословляет себя самого, и кто проклинает его, проклинает себя, и кто молится за врага, молится за себя, а не за него. Когда мы будем поступать таким образом, тогда будем иметь возможность в самом деле достигнуть этого совершенства и получить обещанные блага благодатью и

человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 7

"Дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины" (1 Тим.2:2-4).

1. Если (апостол) желает, чтобы прекратились общественные брани и распри и смятения, и с этою целью заповедует священнослужителю творить молитвы за царей и за правителей, то тем более частные лица должны исполнять это. Три есть самых страшных вида войны. Один вид составляет обыкновенная война, когда на наших воинов нападают иноплеменники; второй, когда даже во время мира мы враждуем друг против друга; третья, когда каждый ратует с самим собою. Последний вид войны опаснее всех, потому что первый вид, то есть война с иноплеменниками, никогда не может принести нам большого вреда. В самом деле, что (она может сделать), скажи мне? Она может заколоть, убить, но душе нимало не причиняет вреда. Но и второй (вид), если мы не пожелаем того, не может повредить нам, потому что, хотя бы другие и враждовали против нас, мы можем оставаться спокойными, – послушай, что говорит пророк: "**за любовь мою они враждуют на меня, а я молюсь**" (Псал.108:4); и еще: "**Долго жила душа моя с ненавидящими мир**" (119:6). Но третьего (вида войны) мы избегаем не без труда. Когда наше тело восстает против души, и возбуждает сильные страсти, вооружает против нее плотские удовольствия, гнев, зависть, тогда невозможно, не положив конца этой брани, получить обетованные блага, и тот, кто не утишит этого смятения, неизбежно должен пасть и получить раны, которые рождают смерть в геенне. Поэтому каждый день требуются с нашей стороны особенная заботливость и старание, чтобы не возгоралась в нас эта война и чтобы возгоревшаяся не продолжалась, но была усмирена и подавлена. В самом деле, какую тебе принесет пользу то, что вселенная будет наслаждаться глубоким миром, если ты будешь вести брань сам с собою? Надобно иметь этот мир. Если будем иметь его, то ничто внешнее не может нам причинить вреда. Впрочем, не мало содействует этому и общественный мир. Поэтому и говорит он: "**дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную**". Если же кто, когда царствует мир, находится в смятении, то он очень несчастный человек. Видишь ли, что он говорит о том мире, который я поставляю на третьем месте? Поэтому, сказав: "**дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную**", он на этом не остановился, но присовокупил: "**во всяком благочестии и чистоте".** Но невозможно пребывать в благочестии и чистоте, если не будет водворен этот мир. В самом деле, когда пытливые умствования колеблют нашу веру, тогда какой может быть мир? Когда (тревожит нас) дух нечестия, тогда какое может быть спокойствие? Итак, чтобы ты не подумал, что он просто говорит об этой жизни, которую ведут вообще все люди, он, сказав: "**дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную**" присовокупил: "**во всяком благочестии и чистоте".** Тихое и безмолвное житие могут вести и язычники, и ты можешь встретить людей необузданных, невоздержных и пресыщающихся наслаждениями, которые ведут такую жизнь. Поэтому, чтобы ты знал, что он не об этой жизни говорит, он и присовокупляет: "**во всяком благочестии и чистоте**" – потому что жизнь эта исполнена и наветов, и распри, когда душа ежедневно бывает уязвляема от смятения, которое происходит в помышлениях. А что он хочет говорить об этой жизни, – это видно как из того, что он присовокупил слова ("**во всяком благочестии и чистоте**"), так и из того, что он сказал не просто: "**в благочестии**", но присовокупил еще: "**во всяком**". Говоря таким образом, он, как кажется, требует таких правил благочестия, которые не только содержались бы в учении веры, но и находили бы себе подтверждение в самом образе жизни, – потому что благочестия надобно искать как в том, так и в другом.

Иначе какая будет польза, если кто, будучи благочестив по вере, станет вести нечестивую жизнь? А что можно самой жизнью соделаться нечестивым, послушай этого блаженного, как он опять в другом месте говорит: "**Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются**" (Тит.1:16), и еще: "**тот отрекся от веры и хуже неверного**" (1 Тим.5:8), и еще: "**называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником**", таковой не почитает Бога (1 Кор.5:11) и еще: "**А кто ненавидит брата своего**" (1 Ин.2:11) "**тот не познал Бога**" (1 Ин.4:8). Видишь ли, сколько видов нечестия? Поэтому он и говорит: во всяком благочестии и чистоте. Не один только прелюбодей бесчестен, но можно назвать бесчестным и корыстолюбца, и невоздержного, – потому что и эта страсть не слабее плотского вожделения. Поэтому кто не обуздывает ее, называется человеком невоздержным, – за то именно и называют их невоздержными, что они не обуздывают страстей. Поэтому я назову невоздержным и гневливого, и завистника, и сребролюбца, и пронырливого, и всякий, кто пребывает в грехе, невоздержен, бесчестен и нечестив. "**Ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу**", говорит (апостол). Что это значит? То есть, Богу приятно, и Он желает того, чтобы молились за всех, так как Он хочет, чтобы "**все люди спаслись и достигли познания истины**".

2. Подражай Богу. Если он хочет, чтобы все люди спаслись, то, очевидно, что обо всех нужно и молиться; если Он пожелал, чтобы все спаслись, то и ты пожелай того же; а если желаешь этого, то молись, так как таким людям свойственно молиться. Видишь ли, как Он всеми средствами убеждает душу в том, что нужно молиться и о язычниках? И указывая на пользу, которая из этого проистекает, он говорит: "**дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную**", и – что гораздо важнее этого – это и Богу угодно, мы через это делаемся подобными Ему, когда желаем того же, чего и Он. Этого достаточно для того, чтобы склонить даже зверя. Итак, не бойся молиться за язычников: и Он (Бог) этого хочет. Бойся только проклинать других, потому что этого Он не хочет. А если надобно молиться об язычниках, то очевидно и об еретиках, потому что обо всех людях надобно молиться, а не преследовать их. Это и по другой причине достойно одобрения, – по той, что мы с ними одной природы. Кроме того, Бог одобряет и благосклонно приемлет нашу взаимную любовь и благодушие друг к другу. Впрочем, если сам Господь хочет дать им спасение, то какая, скажешь, нужда в молитве с моей стороны? Это много пользы приносит и им, и тебе; их располагает к любви, и тебя не допускает до ожесточения; и это имеет силу привлечь их к вере, так как много таких людей, которые вследствие раздоров между собою отступали от Бога. Это он называет теперь спасением от Бога, сказав: "**чтобы все люди спаслись**" – потому что это и есть воистину спасение, а без него другое (спасение) ничего великого не составляет, носит только имя и название спасения. "**И достигли познания**", – говорит, – "**истины**"**.** Какой истины? Именно – веры в Него. Так как еще прежде Он сказал: "**чтобы они не учили иному**", то, чтобы на них (иноверцев) не стал кто-либо взирать, как на врагов, и не заводил по этому поводу с ними ссоры, он говорит: "**чтобы все люди спаслись и достигли познания истины**". Потом, сказав это, он присовокупил: "**Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками** (ст. 5). Он сказал: "**и достигли познания истины**", выражая этим то, что вселенная еще не достигла истины. Потом сказал еще: "**Ибо един Бог**", выражая ту мысль, что не много (богов), как некоторые думают. Сказал, что (Бог) послал и Ходатая, Сына, показывая, что Он хочет, чтобы все получили спасение. Что же? Ужели Сын не Бог? Напротив, Он есть совершенный Бог. Как же он говорит: "**един**"? По противопоставлению с идолами, а не с Сыном, потому что он рассуждал об истине и заблуждении. Ходатай должен приобщаться обеим сторонам, по отношению к которым он ходатай; ходатаю свойственно, обладая тем, что принадлежит обеим сторонам, по отношению к которым он ходатай, приводить их ко (взаимному) общению. Если же принадлежащее одной стороне он имеет, а с другою разобщен, то он уже не ходатай. Следовательно, если Он не причастен природе Отца, то

Он не ходатай, но разобщен (с Ним). И подобно тому, как Он соделался причастником природы человеческой, потому что пришел к людям, так точно Он причастник и природы божественной, потому что пришел от Бога. Так как чрез Него соединялось два естества, то Он должен был быть близким к обоим естествам. Подобно тому, как какое-либо место, занимающее средину (между двумя местностями), прикасается к каждой из них, так и соединяющий между собою два естества должен быть причастником обоих естеств. Следовательно, подобно тому, как Он соделался человеком, так и был Бог. Будучи (только) человеком, Он не соделался бы ходатаем, потому что Ему надлежало беседовать и с Богом. Равным образом, будучи (только) Богом, Он не был бы ходатаем, потому что Его не приняли бы те, для которых Он служил ходатаем. И подобно тому, как в ином месте говорит он: "**Один Бог Отец и один Господь Иисус Христос**" (1 Кор.8:6), так и здесь: один и один. Не полагает двоих, потому что он беседовал о многобожии, и для этого, чтобы кто-нибудь числа два не привел в доказательство многобожия, он употребил (выражение): "**един и един**". Видишь ли, с какою великою осмотрительностью употребляет слова Писания? Один и один составляют – два; но мы не скажем этого, несмотря на то, что размышление внушает это. Здесь ты не говоришь: один и один составляют два; а между тем говоришь то, к чему не приводит размышление (именно): если родил, то и пострадал. "**Ибо един Бог", – говорит, – "един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех. [Таково было] в свое время свидетельство**" (ст. 5, 6). Что же? Ужели и за язычников, скажи мне? Да, – и, несмотря на то, что Христос умер и за язычников, ужели ты не согласишься молиться (за них)? Так почему же, скажешь ты, они не уверовали? Потому что не захотели, а с Его стороны сделано все. Об этом свидетельствует Его страдание, говорит (апостол). Он пришел, говорит он, чтобы свидетельствовать об истине Отца, и заклан был; поэтому не только Отец свидетельствует о Нем, но и Он об Отце. "**Я пришел**", – говорит Он, – "**во имя Отца Моего**" (Ин.5:43), и еще: "**Бога не видел никто никогда**" (Ин.1:18), и еще: "**да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа**" (Ин.17:3), и еще: "**Дух (есть) Бог**" (Ин.4:24). Следовательно, Он свидетельствовал даже до смерти. А слова: "**в свое время**" означают: в надлежащее время. "**Для которого я поставлен проповедником и Апостолом, - истину говорю во Христе, не лгу, - учителем язычников в вере и истине**" (ст. 7).

3. Поэтому, если Христос пострадал за язычников, и я избран учителем языков, то почему ты не молишься за них? Хорошо (он поступает) в настоящем случае, что, после того как показал, что заслуживает доверие, говорит: "**Для которого я поставлен проповедником**" т. е. избран, – потому что (прочие) апостолы весьма мало положили на это труда. Потом присовокупил: "**учителем язычников в вере и истине**". Опять: в вере; но ты не думай, услышав (выражение): "**в вере",** что в этом скрывался обман, потому что он говорит: "**и истине**". А если это истина, то не ложь. Видишь ли обильно излитую благодать? У иудеев не были приносимы за них (за язычников) молитвы, а ныне благодать распростерлась (и над ними). Поэтому он сказал о себе, что он избран и учителем языков, – намекал на то, что благодать разлилась повсюду во вселенной. "**Предавший Себя", –** говорит**, – "для искупления** ". Каким же образом это, когда Он был предан Отцом? Следовательно, это было делом Его благости. Что значит: искупление? Он намеревался наказать их, и между тем не сделал этого; они должны были погибнуть, но за них Он предал Сына своего и послал нас – проповедников, чтобы мы проповедывали о кресте. Этого достаточно было для того, чтобы привлечь всех и чтобы показать любовь Христову. Воистину велики и неизреченны (благодеяния), которые Бог оказал нам! Он принес Себя в жертву за врагов, за ненавидящих Его и отвращающихся от Него. Чего кто-нибудь другой не сделал бы ни для своих друзей, ни для своих детей, ни для братьев, то Господь сделал для рабов, при том Господь, Который (по природе) не был таков, каковы рабы, но Бог, – для людей, и таких людей, которые не заслуживали одобрения. Если бы они заслужили одобрение, если

бы они были благоугодны Ему, то не так было бы это достойно удивления. Между тем ныне это особенно поражает всякий ум, что Он умер за таких неблагодарных и несмысленных. Чего люди не делают для своих единоплеменников, то Бог сделал для нас; и мы, пользуясь плодами такой любви, еще притворяемся и не любим Христа.

Он принес Себя в жертву за нас; а мы презираем Его, когда Он нуждается даже в необходимой пище, – и не посещаем Его, когда Он болен, или наг. Какого гнева, какого наказания, какой геенны это достойно? Ведь если не что-нибудь другое, то ужели одно то, что Он благоволил присвоить Себе человеческие страдания и говорить: алчу, жажду, – не было в силах обратить всех (к Нему)? Но, увы, как сильна власть денег, или лучше сказать, как велико развращение тех, которые добровольно поработились им! Не они имеют великую силу, но мы слишком слабы и порабощены им, – мы презренны и земляны, мы плотские, мы бессмысленны; подлинно не в них содержится великая сила. Что оне могут сделать, скажи мне, будучи глухими и бесчувственными? Если даже диавол, скверный демон, который так зол и во всем производит расстройство, ничего не значит, то какую силу имеют деньги? Если увидишь серебро, то представляй себе, что это – олово. Но ты не можешь? В таком случае подумай то, что есть истина, именно, что это – земля, потому что и в самом деле земля. Но ты не убеждаешься и этим доказательством? Помысли о том, что и мы погибаем, что многие из тех, которые стяжали его, не получили от него почти никакой пользы, что бесчисленное множество людей, которые тщеславились им, соделалось прахом и пеплом, что и теперь они подвергаются ужаснейшему наказанию, становясь гораздо беднее тех, которые проводили жизнь среди скудели и стекла, и часто те, которые покоятся на ложах из слоновой кости, бывают более достойны сожаления, нежели те, которые лежат на навозе. Оно услаждает взор? Но много есть других вещей, которые еще больше могут услаждать взор. Так, и цветы, и чистый воздух, и небо, и солнце гораздо больше приносят наслаждения. Кроме того, оно имеет на себе много ржавчины, вследствие чего многие даже утверждали, что оно черно; и это можно видеть на (серебряных) изображениях, которые почернели; между тем в солнце нет ничего черного, ни в небе, ни в звездах. И в этих цветках гораздо больше приятности, чем в цвете (серебра). Следовательно, не цвет услаждает нас, а любостяжание и несправедливость; это услаждает душу, а не серебро. Отвергни любостяжание от души, и тогда увидишь, что то, что кажется теперь драгоценным, будет презреннее грязи. Отвергни страсть эту. Так и томимые горячкой, хотя бы увидели грязную лужу, стремятся к ней как к чистому источнику; между тем вполне здоровые часто не чувствуют жажды и к чистой воде. Отвергни болезнь, и увидишь вещи в таком виде, в каком они существуют. И чтобы ты знал, что я не лгу, я могу указать тебе многих, которые таким образом поступили. Потуши огонь, и увидишь, что эти вещи менее ценны, чем цветы. Золото хорошо; но оно хорошо (когда издерживается) на милостыню для вспоможения бедным, а не для бесполезного употребления, не для того, чтобы ему лежать внутри (кладовой), или быть зарыту в земле, или чтобы им обвешивать руки, ноги и голову. Не для того оно найдено, чтобы при посредстве его мы связывали узами (существа созданные) но образу Божию, но чтобы разрешали связанных. На это и употребляй золото: разрешай связанного, чтобы ты не связал той, которая разрешена от уз. Для чего, скажи мне, ничтожную вещь ты предпочитаешь всему на свете? Разве оттого, что оно золото, оно не составляет оков? Разве вещество делает оковы? Будет ли это золото, или железо – все равно, кроме того, что первое тяжелее последнего. Но что делает для нас эту вещь легкою? Тщеславие, и то, что все смотрят на связанную (золотыми) оковами, хотя этого и следовало бы больше стыдиться. А (чтобы убедиться), что это истина, свяжи и оставь ее в пустыни, где никого нет, кто бы смотрел: тогда почувствует она тяжесть этих уз, – и со скорбью станет смотреть на них. Побоимся, возлюбленные, чтобы не услыхать нам этих страшных слов: "**свяжите ему руки и ноги**" (Мф.22:13). Зачем же ты, жена, причиняешь себе это (зло)? Ни один узник не связывается по рукам и ногам; а ты зачем обвязываешь

даже голову? Разве не довольно связать руки и ноги? Зачем опутываешь шею бесчисленным множеством цепей? Я оставляю без внимания заботы по этому поводу, страх, беспокойство и споры с мужем, когда случится недостаток в этих вещах, – и смерть, которой подвергаются, если что-нибудь из этих вещей пропадет. Разве это удовольствие, скажи мне? Чтобы другой услаждал свои взоры, ты подвергаешься и узам, и заботам, и опасностям, и огорчениям, и ежедневным спорам. Разве это не заслуживает всякого обличения и осуждения? Поэтому не будем, умоляю вас, не будем больше так поступать. Разрешим всякий союз неправды, раздробим алчущему хлеб, будем исполнять и все прочее, что может даровать нам дерзновение пред Богом, чтобы мы сподобились получить обещанные блага о Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 8

"Итак желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения; чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением [волос], не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию" (1 Тим. 2:8-10).

1. "**И, когда молишься**", – говорит Христос, – "**не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно**" (Мф.6: 5–6). Как же Павел говорит: "**Итак желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения**". Но эти слова не противоречат вышеприведенным, – нет, – а напротив, совершенно согласны с ними. Как и каким образом? Сначала надобно сказать о том, что значат слова: "**войди в комнату твою**", и почему Он заповедует это, когда нужно молиться на всяком месте и неужели нельзя молиться ни в церкви, ни в другой какой-нибудь части дома, а только в одной клети? Итак, какой смысл имеют эти слова? Внушая здесь, что надобно избегать тщеславия, Христос говорит: совершай молитвы не просто только тайно, но и сокровенно. Подобно тому, как в изречении: "**пусть левая рука твоя не знает, что делает правая**" (Мф.6:3) Он говорит не просто о руках, а представляет с особенною силою необходимость избегать тщеславия, так точно и здесь Он намекает на то же самое.

Итак, не местом ограничил Он молитву, а заповедал только одно, – что не нужно быть тщеславным. А Павел говорит так, (чтобы показать) отличие от иудейских молитв. Посмотри, в самом деле, что он говорит: "**на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки**". А этого у иудеев нельзя было делать, потому что им не было позволено ни прибегать к Богу в каком-нибудь другом месте, ни приносить жертвы, ни совершать богослужение; а нужно было отовсюду по вселенной собираться в одно место, и в храме совершать все очищения. Апостол дает противоположное этому увещание и, освобождая от этой необходимости, говорит, что наши (обычаи) не таковы, каковы у иудеев. Подобно тому, как обо всех он повелевает приносить молитвы (потому что за всех умер Христос, и для всех, говорит он, я проповедую), так равным образом (научает), что молиться везде хорошо; следовательно, замечание это относится не к месту, а к тому, каким образом нужно молиться. Молись, говорит, везде; на всяком месте воздевай преподобные руки, – это одно только требуется. Но что значит: **преподобные**! Чистые. А что значит: чистые? Конечно, не водою вымытые, а чистые от любостяжания, убийств, хищения, язв. "**Без гнева и сомнения**". **А** это что значит? Разве кто-либо

гневается во время молитвы? Значит без злопамятства. Пусть душа молящегося будет чиста и свободна от всякой страсти, пусть никто не приступает к Богу с враждою, пусть никто не приступает с негодованием и размышлением. Что значит – "**без сомнения**"**?** Послушаем. Значит, что не нужно нисколько сомневаться в том, что мы будем услышаны. "И **все, чего ни попросите в молитве с верою", –** говорит (Христос), – "**получите**" (Мф.21:22); и еще: "**когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого**" (Мк.11:25). Вот что значит – без гнева и сомнения. Как же, спросит кто-нибудь, я могу быть уверен в том, что получу просимое? Если ты не просишь ни о чем несогласном с тем, что Он готов тебе дать, если (не просишь) ни о чем таком, что недостойно царя, если ни о чем житейском, если (просишь) одних только духовных (благ), если приступаешь без гнева, если имеешь чистые, преподобные руки; а преподобные руки – те, которые творят милостыню. Если таким образом приступаешь, то, во всяком случае, получишь просимое. "**Итак если вы", – говорит, –** "**будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный**" (Мф.7:11). Размышлением он здесь называет сомнение. Равным образом, говорит он, хочу, чтобы и женщины приступали к Богу без гнева, без сомнения, чтобы имели чистые руки, чтобы не следовали своим вожделениям, не грабили и не были корыстолюбивы. Какая, в самом деле, будет польза, если она сама не грабит, а делает это через мужа? Впрочем, от женщин Павел требует нечто большее. Что же именно? "**В приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением [волос], не золотом, не жемчугом", –** говорит он, **–** "**не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию**". Что он называет "**в приличном одеянии**"? То есть – платье, которое со всех сторон прикрывало бы их благопристойно, было бы прилично, но не изысканно; первое прилично, а последнее неблагопристойно. Что же скажешь ты на это? Ты приходишь молиться Богу, и между тем окружаешь себя золотыми украшениями и головными уборами? Разве ты пришла плясать? Или принять участие в брачном пире? Разве ты явилась на торжественное шествие? Там уместны золотые украшения, там головные уборы, там дорогие платья. А здесь ничего этого не нужно. Ты пришла просить, молиться о грехах своих, молитву приносить о своих преступлениях, умолять Господа, чтобы склонить Его к милосердию. Зачем же украшаешь себя? Этот наряд неприличен для той, которая молится. Как можешь ты воздыхать? Как можешь плакать? Как можешь усильно молиться, будучи одета в такой наряд? Если и будешь плакать, то слезы твои покажутся достойными смеха для того, кто будет видеть их,– потому что плачущей не следует носить золота. Это лицемерие и притворство. И в самом деле, как же не лицемерие, когда та же самая душа, от которой родилось и это великолепие и тщеславие, та же самая (душа) и слезы проливает? Удали от себя все это притворство. Над Богом нельзя смеяться. Это свойственно актерам и плясунам, которые проводят дни свои на сцене; а честной женщине все это неприлично. "**Со стыдливостью**", – говорит, – "**и целомудрием".**

2. Итак, не подражай блудницам. Они посредством такого наряда привлекают к себе многих любовников, и через это многие часто навлекали на себя дурное мнение и не получали никакой пользы от этого украшения, потому что многим чрез такое мнение нанесли вред. Подобно тому, как распутная женщина, хотя бы и пользовалась славою целомудренной, не будет иметь никакой пользы от этой славы, когда Тот, Кто судит тайное, в свое время приведет все в известность, так и целомудренная женщина, если она своим нарядом успеет приобресть славу (женщины) дурного поведения, не получит никакой пользы от своего целомудрия, потому что многие через эту славу были приведены к погибели. Но отчего же я буду страдать, скажет иная, если другой станет подозревать меня? Ты подаешь повод к тому своим нарядом, взглядом, движениями. Поэтому Павел так много говорит об одежде и о стыде. А если он отвергает то, что служит только признаком богатства, именно золото, жемчуг и многоценные ризы, то не

гораздо ли больше (отвергает) то, что (служит признаком) излишней суетности, – притиранья, подкрашивание глаз, жеманную походку, изнеженный голос, влажный взгляд, исполненный всякого блуда, изысканность, с какою накидывают на себя покрывало или надевают платье, искуснейшим образом устроенный пояс, вычурную обувь? На все это он указывает, говоря: "**в приличном одеянии**", равно как и словами: "**со стыдливостью**", – потому что все это свойственно бесстыдству и неблагопристойности. Будьте, умоляю вас, снисходительны ко мне, потому что слово мое не с тою целью содержит в себе вполне явное обличение, чтобы уязвить или опечалить вас, но чтобы удалить от стада все чуждое ему. Если он запрещает это замужним женщинам, живущим в роскоши и богатстве, то тем более тем, которые посвятили себя девству. Но какая, скажут, девственница возлагает на себя золотые украшения? Какая головные уборы? И обыкновенное платье может быть до такой степени изысканно, что даже эти (украшения) становятся ничтожны в сравнении с ним. Ведь и недорогое платье может быть наряднее того, которое обшито золотом. В самом деле, когда платье имеет слишком яркий цвет, и когда оно с особенною заботливостью прикреплено поясом около груди, как это бывает у тех, которые пляшут на сцене, так что оно ни раздается в ширину, как бы поднимаясь вверх, ни стягивается до того, чтобы казаться слишком узким, но занимает средину между тем и другим, и около груди образует множество складок, – то ужели оно не гораздо больше может прельстить, чем всевозможные шелковые платья? Что, когда (при этом) обувь, будучи черного цвета, издает необыкновенный блеск и оканчивается острием, и изящным своим видом уподобляется картине, так что не слишком поднимает вверх подошву ноги? Что, если ты, хотя не украшаешь лица притираниями, однако вымываешь его с необыкновенным старанием и вниманием и полагаешь кругом чела повязку, которая гораздо белее твоего лица, а потом сверху набрасываешь (черное) покрывало, так чтобы черный цвет при белом был заметнее? Что скажешь об этом беспрестанном поворачивании глаз? Что – о поясе и о повязке на груди, которую при опоясывании то скрывают, то показывают наружу, потому что и (грудь) оставляют часто открытою для того, чтобы видна была искусная отделка пояса, между тем как кругом всей головы полагают покрывало? А руки, подобно трагическим актерам, так старательно закрывают, что подумаешь, будто платье приросло к ним. Что сказать о походке и о прочих движениях, которые больше всякого золота могут пленять смотрящих на это? Убоимся, возлюбленные, чтобы и нам не услышать того же, что пророк говорил еврейским женщинам, которые заботились о наружном украшении: "**и вместо пояса будет веревка, и вместо завитых волос – плешь**" (Иса.3:23). Таким образом, это сильнее может привлекать, нежели золотые украшения, равно как и многие другие вещи, которые искусно устрояются для того, чтобы на них смотрели и чтобы взирающие пленялись ими. Не малый это грех, напротив, очень большой и может прогневать Бога, может погубить весь подвиг девства.

3. Христос твой Жених: зачем привлекаешь к себе любовников – людей? Он осудит тогда тебя за прелюбодеяние. Отчего не украшаешь себя украшением, которое Ему нравится, которое Ему приятно, – стыдливостью, целомудрием, честностью, благопристойною одеждою? А это платье свойственно распутным женщинам и позорно. Мы уже не можем различать распутных женщин и девственниц. Смотри, до какого посрамления они довели себя! Девственница должна быть чужда изысканности, одеваться просто и как случится. А она рачительно занимается бесчисленными (предметами) внешнего украшения. Положи конец этому безумию, женщина; обрати эту заботливость на душу, на внутреннее благообразие. Это внешнее благолепие препятствует внутреннему соделаться хорошим. Кто заботится о нем, тот пренебрегает внутренним; равно как и тот, кто презирает его, переносит всю свою заботливость на внутреннее. Не говори мне: увы! я надеваю изношенную одежду, дешевую обувь, покрывало, которое ничего не стоит; какое тут щегольство? Не обольщай самое себя. Можно, как я сказал, больше принаряжать себя в

этой одежде, нежели в иной, – больше в изношенном платье, нежели в приноровленном к телу и красиво устроенном по образу, который приличествует бесстыдству, и светло блестящем. Ты мне это говоришь; но что скажешь Богу, Который знает мысль, с какою ты это делаешь? Но ты поступаешь так не ради распутства. Так ради чего? Чтобы возбуждать удивление? И ты не стыдишься, не краснеешь, когда хочешь возбуждать удивление таким образом? Но, скажешь, я надеваю это платье так себе, и вовсе не по этой причине. Знает Бог, что ты говоришь к нам. Разве мне будешь ты давать отчет? Тому, Кто присутствует при всем, что ни происходить у нас, и Кто тогда будет оценивать, Тому, пред Кем все явно и открыто. Для того и мы ныне говорим это; чтобы не заставить вас подвергнуться такой ответственности. Убоимся, чтобы и вас не упрекал (Господь) в том, в чем упрекал через пророка еврейских женщин: пришли явиться предо Мною "**и выступают величавою поступью и гремят цепочками на ногах**" **(**Иса.3:16). Вы взяли на себя великий подвиг, для которого нужна борьба, а не щегольство, – где нужно сражаться, а не вести жизнь, исполненную неги. Разве не видишь кулачных бойцов и борцов? Разве они заботятся о походке и наружном украшении? Нисколько. Но все это, оставив без внимания и надев на себя платье, пропитанное маслом, они имеют в виду только наносить и отражать удары. Диавол стоит, скрежеща зубами, всячески стараясь погубить тебя; а ты не перестаешь заниматься этими сатанинскими нарядами. Я не хочу говорить ничего о голосе, о том, как многие стараются дать ему известное выражение, – о благовониях и о прочих предметах роскоши. Потому-то и смеются над нами светские женщины. Погибла честь девства. Никто не уважает девственницу так, как следует уважать ее, потому что они сами довели себя до того, что их стали пренебрегать. Разве не следовало бы, чтобы они так были почитаемы в Церкви Божией, как будто с неба пришедшие? Между тем ныне их презирают, – ради их самих, а не ради тех, которые умнее их, – потому что когда увидит та, которая имеет мужа и детей и управляет домом, что ты, будучи обязана пригвоздиться ко кресту, больше, нежели она, занимаешься этими нарядами, то ужели она не посмеется над тобою? Ужели она не станет презирать тебя? Разве не видишь; сколько здесь старания, сколько забот? Скудостью одежды ты препобеждаешь ту, которая наряжается в дорогие платья, потому что больше заботишься о нарядах, нежели та, которая возлагает на себя золотые украшения. Что прилично тебе, того ты не ищешь, а к тому, что тебе не прилично, стремишься, между тем как тебе надлежало бы творить дела благие. Оттого девственницы стали пользоваться меньшим уважением, нежели женщины, живущие в мире, что не являют дел, достойных девства. Это говорим мы не ко всем, или лучше сказать – и ко всем, именно – к виновным, чтобы они образумились, и к невинным, чтобы они вразумляли первых. Но смотрите, чтобы это порицание не перешло в дело. Мы сказали это не с тем, чтобы огорчить, а чтобы исправить вас и чтобы могли похвалиться вами. О, если бы мы все творили угодное Богу и жили во славу Его, и чрез это сподобились получить обещанные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Св. Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 9

"Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление; впрочем спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием". (1 Тим. 2:11-15).

1. Великой стыдливости требует блаженный Павел от женщин, великой степенности. Поэтому обращает (внимание) не только на внешний их вид и одежду, но и на голос. Что же именно говорит? Жена в безмолвии да учится. Что это значит? То, что, по его словам, жена не должна говорить в церкви; то же самое сказал он и в послании к Коринфянам:

"**ибо неприлично жене говорить в церкви**" (1 Кор.14:35). Почему же? Потому что закон, говорит он, подчинил их (власти мужа). И опять в другом месте: "**Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают [о том] дома у мужей своих**" (1 Кор. 14:35). Но тогда женщины вследствие такого наставления хранили молчание; между тем ныне (замечается) между ними великий шум, великий крик, громкий разговор, и при том нигде в другом месте столько, как здесь. Всякий может увидеть их всех разговаривающими больше здесь, нежели на площади, нежели в банях. Как будто пришедши сюда для того, чтобы провести досужное время, они ведут разговор о предметах бесполезных. От этого все приходит в расстройство, и они не хотят даже понять того, что не иначе могут они научиться чему-нибудь полезному, как только храня молчание. В самом деле, когда мы приготовляем к произнесению слово, и между тем никто не внимает тому, что говорится, то какая отсюда может быть польза? Поэтому он говорит, что женщине надлежит до того быть молчаливою, что она не должна говорить в церкви не только о житейских, но и о духовных предметах. В этом состоит для нее приличие, в этом стыдливость, это может украсить ее больше всякой одежды. Если таким образом она будет вести себя, то она будет иметь возможность совершать молитвы с великой благопристойностью. "**А учить жене не позволяю**". "**Не позволяю**", – говорит он. Какую связь имеют здесь между собою (эти слова)? Очень тесную. (Апостол) беседовал о безмолвии, о степенности, о стыдливости; сказал: не хочу, чтоб они говорили. Итак, желая отнять у них всякий повод к разговорам, говорит: пусть они и не учат, но пусть ведут себя так, как прилично учащимся, потому что, таким образом, чрез молчание, они покажут и покорность. Вообще многоречив род их, поэтому (апостол) всеми мерами старается обуздать их: "**Ибо прежде создан Адам**", – говорит, – "**а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление".** Какое, однако, это имеет отношение к нынешним женщинам? Очень большое, говорит: мужеский пол наделен большим преимуществом, он создан прежде. А в другом месте еще выше ставит его, когда говорит: "**и не муж создан для жены, но жена для мужа**" (1 Кор.11:9). Для чего он говорит это? Для того чтобы на основании многих причин предоставить первенство мужу. Мужчина, говорит он, должен иметь первенство, во-первых, потому (что он прежде создан), во-вторых, на основании того, что случилось впоследствии времени. Учила некогда жена мужа, и все ниспровергла, и сделала его виновным в преслушании. Бог за то и подчинил ее, что она во зло употребила власть, или, лучше сказать, равночестие: "**и к мужу твоему**", – говорится, – "**влечение твое**" (Быт.3:16); прежде же этого (события) не было сказано этих слов. Каким же образом Адам не был прельщен? Следовательно, он не преступил заповеди; если не был прельщен? Внимательно слушай. Жена говорит: "**змей обольстил меня**" (Быт.3:13); между тем Адам не говорит: жена прельстила меня, но: "**она дала мне от дерева, и я ел**" (Быт.3:12). Не одно и то же значит быть обольщенным от единоплеменной и сродной себе, и – от зверя, раба, подчиненного; поэтому последнее собственно есть обольщение. Итак, только в сравнении с женою (апостол) говорит о нем, что он не прельстился, потому что она была обольщена от раба и подчиненного, а он от свободной. Опять не об Адаме сказано: "**И увидела, что дерево хорошо для пищи**" (Быт.3:6), но о жене, и что она ела и дала мужу своему. Таким образом, он преступил (заповедь) не потому, что был увлечен страстью, а только повинуясь жене. Учила однажды жена, и все ниспровергла. Поэтому (апостол) говорит: да не учит. Но как это относится к другим женщинам, если одна сделала это? И очень (относится), потому что пол этот немощен и легкомыслен. С другой стороны, здесь говорится вообще о всем (женском) поле: он не сказал, что Ева прельстилась, но: жена, – а это имя скорее относится ко всему вообще полу, нежели к ней одной. Итак, что же? Ужели ради нее весь женский пол сделался преступным? Подобно тому как об Адаме сказал (апостол): "**подобно преступлению Адама, который есть образ будущего**" (Рим.5:14), так и здесь говорит: преступил (заповедь) женский пол, а не мужеский. Итак, что же? Ужели он не наследует спасения? Напротив, наследует, говорит. Какое же именно? Спасение чрез

детей. Он не об одной Еве говорил: "**если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием".** В какой вере? В какой любви? В какой святыни с целомудрием? Он как бы так говорил: вы, женщины, не сокрушайтесь о том, что пол ваш подпал осуждению; Бог даровал вам другое средство спасения, именно – воспитание детей, так что вы можете заслужить спасение не только сами чрез себя, но и через других. Смотри, сколько возникает вопросов по поводу одного и того же предмета. "**Жена, прельстившись", – говорит, –** "**впала в преступление**". Какая жена? Ева. Следовательно, она спасется чрез рождение детей? Нет, не это говорит (апостол), а то, что спасется весь женский пол. Разве она не была виновною? Конечно, была; но хотя виновной была Ева, однако спасется весь женский пол чрез рождение детей. Отчего не ради собственной добродетели? Разве это (рождение детей) лишает (силы прочие добродетели)? При том, какое отношение имеет это к девам? Какое к неплодным? Какое к вдовам, которые прежде, нежели начали рождать, лишились мужей? Разве они погибли, разве им не остается ни малейшей надежды? Между тем больше всех восхваляются девы. Итак, что же он хочет сказать?

2.Некоторые говорят, что подобно тому, как от создания (мира) весь женский пол находился в состоянии зависимости вследствие того, что случилось с первой женщиною, – Ева была создана второю и находилась в состоянии зависимости, потому, говорят, и весь женский пол должен находиться в состоянии зависимости, – так и здесь потому самому, что (Ева) совершила преступление, и весь женский пол сделался преступным. Но это не имеет никакого основания. Там все совершалось по воле Божией, а здесь было следствием греха жены. Поэтому сказанное им имеет такой смысл: подобно тому, как все люди умирают ради одного, потому что один согрешил, так и весь женский пол сделался преступным потому, что женщина совершила преступление. Впрочем, пусть она не скорбит. Бог дал ей немалое утешение, именно – рождение детей. Но это есть (дело) природы, – скажешь ты. И то (произошло от влияния) природы; ей даровано не только то (что зависит от природы), но и то, что относится к воспитанию детей. "Е**сли пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием",** то есть, если после рождения сохранят себя в любви и чистоте. В том не малая, но весьма великая будет состоять для них награда, что они воспитали ратоборцев Христу. Святынею он называет праведную жизнь, а целомудрием пристойность. "**Верно слово**" (3:1) – относится к тому (о чем говорим), а не к – "**если кто епископства желает**". Так как по этому поводу возникало сомнение, то он и говорит: "**верно слово**", что отцы и матери могут пожать плоды добродетели своих детей, когда хорошо воспитают их. Но что, если она сама будет бесчестна и исполнена бесчисленных пороков? Ужели воспитание детей принесет ей какую-либо пользу? Не будет ли более вероятным, что она воспитает их подобными себе? Он это говорит о добродетельной, а не о всякой, что она получит за то великую награду и воздаяние.

Слушайте это, отцы и матери: воспитание детей для вас не останется без награды. И далее он говорит то же самое: "**известная по добрым делам, если она воспитала детей**" (1 Тим.5:10). Между прочим, и это поставляет на вид. Подлинно, немаловажное дело посвятить Богу детей, данных от Бога. Если они положат под здание твердые опоры и основания, то будут иметь великую награду; тогда как, наоборот, за нерадение подвергнутся наказанию. Так и Илий погиб чрез своих детей, потому что ему надлежало вразумлять их; он, правда, и вразумлял, но не так, как следовало бы. Ему не хотелось огорчать их, и он и их, и себя погубил. Слушайте это, отцы. Воспитывайте детей своих в наставлении и поучении Господнем с великим тщанием. Юность неукротима и имеет нужду во многих наставниках, учителях, руководителях, надсмотрщиках, воспитателях. И только при таких (усилиях) возможно обуздать ее. Что конь необузданный, что зверь неукротимый, то же самое и юность. Поэтому если в начале и с первого возраста поставим для нее надлежащие пределы, то впоследствии не будем иметь нужды в великих усилиях; напротив, потом привычка обратится для них в закон. Не позволим же им делать того, что

приятно и вместе с тем вредно, не будем угождать им, потому что они дети; но преимущественно будем их сохранять в целомудрии, – тут более всего возможен вред юности. Об этом мы особенно должны заботиться, к этому мы особенно должны быть внимательны. Скорее будем брать для них жен, чтобы они, имея чистое и нерастленное тело, соединялись с невестами. Такая любовь особенно бывает пламенна. Кто был целомудренным до брака, тот тем более останется таким после брака. Напротив, кто до брака научился любодействовать, тот и после брака станет делать то же самое. "**Блуднику**", – говорится, – "**сладок всякий хлеб**" (Сир.23:23). Для того и возлагаются на головы венцы, – в знак победы, что они, не будучи побеждены, вступают в брачный чертог, – что они не были одолены похотью. Если же кто, увлеченный сладострастием, предался блудницам, то для чего после этого он имеет и венец на главе, когда он побежден? Это будем им внушать, этим будем их вразумлять, устрашать, угрожать, делая то одно, то другое. Нам вверен важный залог – дети. Будем же заботиться об них и употребим все меры, чтобы лукавый не похитил их у нас. Между тем теперь у нас все происходит наоборот. Мы употребляем всевозможные усилия для того, чтобы поле было хорошим и чтобы вверить его благонадежному человеку, и погонщика ослов и мулов, и надзирателя, и поверенного мы отыскиваем самого искусного; а на то, что для нас всего дороже, именно – чтобы поручить сына человеку, который бы мог сохранить его в целомудрии, не обращаем внимания, несмотря на то, что это сокровище ценнее всех прочих и ради него приходят остальные. Об имущества для них мы заботимся, а об них самих – нет. Видишь ли, какое безумие? Прежде образуй душу сына твоего, а имущество он уже после получит. Если душа у него нехороша, то он не будет иметь ни малейшей пользы от денег; и наоборот, если ей дано правильное образование, то бедность нисколько не повредить ему. Хочешь ли оставить его богатым? Научи его быть добрым. Таким образом, он может и состояние умножить; если же и не умножить его, то, по крайней мере, он ничем не будет хуже людей зажиточных. Между тем, если он будет злой, то, хотя бы ему были оставлены тобою бесчисленные сокровища, ты не оставил хранителя (этих сокровищ), а сделал его несчастнее тех, которые впали в самую крайнюю бедность. Действительно, для детей, не получивших правильного воспитания, бедность лучше богатства, потому что первая, даже помимо их воли, удерживает их в пределах добродетели, между тем последнее, хотя бы даже кто и желал того, не позволяет вести жизни целомудренной, но увлекает, ниспровергает и вводит в бесчисленное множество преступлений. Вы, матери, больше всего смотрите за дочерьми: попечение это для вас нетрудно. Наблюдайте за тем, чтоб они сидели дома; а, прежде всего, учите их быть благочестивыми, скромными, презирать деньги и не слишком заботиться о нарядах. Так и в замужество отдавайте их. Если так образуем их, то вы спасете не только их, но и мужа, который возьмет ее, и не только мужа, но и детей, и не одних детей, но и внуков. Если корень будет хорош, то и ветви будут лучше развиваться, – и за все это вы получите награду. Поэтому все будем так делать, как (прилично) заботящимся о благе не одной души, но многих чрез одну. Дочь, при вступлении в брак, должна так выходить из отеческого дома, как борец из места состязаний, то есть, она должна знать в точности всю науку, помощью которой могла бы, подобно закваске, все смешение возвести к собственной красоте. И сыновья опять в такой степени должны быть скромны, чтобы, скорее всего можно было узнавать их по их благонравию и целомудрию, и чтобы они заслужили великую похвалу и от людей, и от Бога. Пусть они научатся обуздывать чрево, воздерживаться от лишних издержек, быть расчетливыми, нежно любящими, пусть они научатся повиноваться власти. Таким образом, они могут доставить родителям великую награду. Тогда все будет ко славе Божией и нашему спасению, о Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 10

"Если кто епископства желает, доброго дела желает. Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, честен, страннолюбив, учителен, не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью" (1 Тим.3:1-4).

1. Намереваясь перейти к речи о епископстве, (апостол) показывает вообще, каков должен быть епископ, не относя своего увещания собственно к Тимофею, но беседуя с ним, как бы со всеми, и чрез него наставляя всех. Что же он говорит? "**Если кто епископства желает**", я не порицаю такого, говорит, так как это – дело управления. Если кто имеет такое желание, и при том домогается не одного начальства и власти, но (и исполнения обязанностей свойственных) управлению, то я не порицаю его: "**доброго дела желает**", говорит. Так и Моисей желал этого, но не одной только власти, – и при том желал в такой степени, что слышал (следующие слова): "**кто поставил тебя начальником и судьею над нами?**" (Исх.2:14). Кто, таким образом, желает, пусть желает. Епископство называется так потому, что представляет собою надзор над всеми (παρά τό έπισκοπείν άπαντας). "**Но епископ должен**", – говорит, – "**быть непорочен, одной жены муж**". Говорит это, не поставляя в качестве закона, как будто без этого ему нельзя было сделаться епископом, а только полагая предел неумеренности, потому что у иудеев позволено было вступать во второй брак, и в одно время иметь по две жены. "**Брак у всех [да будет] честен**" (Евр.13:4). А некоторые полагают, что сказанное здесь значит, что он должен быть мужем одной жены. "**Непорочен**". Сказавши: "**непорочен**", он назвал всякую добродетель. Таким образом, если кто сознает себя виновным в каком-нибудь преступлении, то он нехорошо делает, желая такого звания, от которого он удалил себя своими поступками, потому что такому следует не повелевать, а повиноваться. Начальник должен быть светлее всякого светильника и вести жизнь безукоризненную, так чтобы все смотрели на него и по его жизни устрояли свою собственную жизнь. И не без причины (апостол) поступает так, преподавая такое наставление. Но так как и он сам намеревался поставлять епископов, касательно чего он делает увещания и в послании к Титу, и так как, по всей вероятности, многие могли желать этого сана, то он по этому поводу и заповедует это. "**Трезв**", – говорит, то есть, он должен быть прозорливым, со всех сторон иметь тысячу глаз, – должен быть проницательным и не помрачать умственного своего взора. Действительно, много есть таких случайностей, которые не дают ясно видеть, как совершаются дела, потому что и скорби, и заботы, и бесконечные занятия, и многое другое накопляется со всех сторон.

Итак, (епископ) должен быть неусыпно бодрствующим, имеющим попечение не только о своих делах, но и о том, что касается других, – он должен бодрствовать, пламенеть духом и, так сказать, дышать огнем, в большей мере нести труды и обязанности, нежели полководец, который день и ночь обходит воинство, – обо всем иметь заботу и попечение. "**Целомудрен, благочинен, страннолюбив".** Так как и многие из подчиненных имеют такие качества (в этом отношении и они должны быть равны начальникам), то (апостол), показывая преимущества епископов, прибавил: "**учителен**". От подчиненного уже этого не требуется; но требуется более всего от того, кому вверена эта должность. "**Не пьяница**". Не о том говорит здесь, кто упивается вином, но о человеке дерзком и заносчивом. "**Не бийца".** Здесь идет речь не о тех, которые бьют руками. Что же значит: "**не бийца**"**?** Так как есть люди, которые безвременно возмущают совесть братий, то, мне кажется, он здесь намекает на них. "**Не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью**" Если, таким образом, человек, связанный узами брака, заботится о мирских делах, а епископ не должен заботиться о мирских делах, то как он говорит: "**единой жены мужу**"? Некоторые полагают, что здесь он указывает на такого епископа,

который был бы свободен от брачных уз. А если не это (должно здесь разуметь), то – что он, имея жену, может жить, как будто, не имея ее. Он справедливо в этом случае делает уступку, как бы покоряясь господствующему обычаю того времени. Всякий, кто захочет, имеет возможность из этого сделать надлежащее употребление. Подобно тому, как богатство с трудом открывает вход в царство небесное, и между тем часто люди богатые входили в него, – так точно и брак. Впрочем, что ты говоришь, скажи мне? Беседуя о епископе, сказал, что он должен быть не пьяницею, но гостеприимным, между тем как надлежало бы сказать что-нибудь более важное. Отчего, например, не сказал, что епископ должен быть ангелом, не быть подверженным ни одной человеческой страсти, не указал тех великих требований, о которых говорил Христос и которые обязаны исполнять далее подчиненные, – что нужно распять себя и постоянно в руках держать свою душу, о чем и Христос говорил: "**пастырь добрый полагает душу свою за овцы**" (Ин.10:11), и опять: "**и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня**" (Мф.10:38)], но сказал: не пьяница! Благие можно иметь надежды, если в этом нужно наставлять епископа. Отчего ты не сказал, что он должен отрешиться от земли? Но даже того ты не заповедал епископу, что заповедал мирянам. Что же он говорить к последним? "**Итак, умертвите земные члены ваши**" **(**Кол.3:5), и опять: "**ибо умерший освободился от греха**" (Рим.6:7), и еще: "**Но те, которые Христовы, распяли плоть**" (Гал.5:24). II Христос говорит тоже: "**Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником**" (Лк.14:33). Итак, почему он не сказал этого? Потому что таких немного можно было найти, между тем много требовалось епископов, которые бы предстоятельствовали в отдаленных городах.

2. Поэтому, так как впоследствии могли возникать наветы против Церкви, то (апостол) до этой причине говорит об умеренной добродетели, а не об этой возвышенной и выспренной, потому что многим свойственно – быть трезвенным, честным, целомудренным. "**Детей**", – говорит, – "**содержащий в послушании со всякою честностью**" – потому что следует на самом себе показать пример. В самом деле, кто поверит, что покорит себе чужого тот, кто сына своего не умел держать в зависимости? "**Хорошо управляющий домом своим**". Так говорят и внешние, что хороший домоправитель (ὁ οἰκονομικός), в скором времени может сделаться хорошим правителем дел общественных (πολιτικός). И Церковь есть то же самое; что малый дом, и подобно тому, как в дому находятся дети, жена, слуги, и над всеми возвышается своею властью муж, так и в Церкви не иное что, а то же самое: есть дети, жены, слуги. Если же предстоятель Церкви имеет соучастников своей власти, то и там муж имеет соучастницей жену. Но здесь должно заботиться о пропитании вдовиц и девственниц? И там тоже муж имеет на своем попечении рабов, дочерей. Впрочем, вообще домом управлять легче. Поэтому как может управлять делами церковными тот, кто и дом свой нехорошо устроил? После этого, сказав: "**ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией**" (ст. 5), присовокупляет: "**не из новообращенных (νεοφυτον)**", по буквальному значению – новонасажденного (ст. 6), разумея здесь не того, кто был бы юн возрастом, а новооглашенного: "**Я",** – говорит, – "**насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог**" (1 Кор.3:6). Следовательно, он сказал это, желая указать на этого последнего (новооглашенного). Иначе, что препятствовало сказать: не юному? Но почему же он сам, скажешь, поставил (епископом) Тимофея, несмотря на то, что он был молод, о чем и свидетельствует, говоря к нему: "**Никто да не пренебрегает юностью твоею**" (1 Тим.4:12)? Потому что знал, что он (Тимофей) обладал многими добродетелями, что он достиг великого совершенства в жизни; и, зная об этом, говорит к нему в послании: "**ты из детства знаешь священные писания**" (2 Тим.3:15). А что он соблюдал строжайший пост, это видно из следующих слов: "**употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов**" (1 Тим.5:23), – кроме многого другого и об этом писал к нему. Поэтому, если бы он не знал о столь великих его добродетелях, то и

не писал бы и не поручил бы (столь высокого служения) ученику. Итак, в виду того, что в то время многие из язычников обращались и крестились, (апостол) и говорит: новокрещенного, то есть, новооглашенного, не вдруг возводите на высоту власти. Если он прежде, нежели сделается учеником, вдруг будет поставлен учителем, то впадет в высокомерие; если, не научившись повиноваться, займет место начальника, то сделается надменным. Потому и прибавил: "**чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом",** какому тот подвергся за свою гордость. "**Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нарекание и сеть диавольскую**" (ст. 7). Справедливо: он мог подвергаться поношению с их стороны, – и, вероятно, потому самому он и сказал: "**одной жены муж**", хотя в другом месте говорит: "**Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я**" (1 Кор.7:7), то есть, в воздержании. Итак, чтобы не увеличить затруднений этому делу, если бы потребовал более совершенной жизни, он отыскал не столь возвышенную добродетель. Нужно ведь было в каждом городе поставить предстоятеля. Послушай, что он пишет к Титу: "**чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал**" (Тит. 1:5). Но что, если имеющий хорошее свидетельство и пользующийся добрым мнением на самом деле не будет таким? Конечно, (здесь можно предвидеть) великие затруднения, потому что едва ли могут люди праведные заслужить себе у врагов хорошее мнение. Впрочем, в настоящем случае он не одно это выставляет на вид. Он не сказал: надлежит ему иметь свидетельство, но: "**Надлежит ему также иметь доброе свидетельство",** то есть – между прочим и это, а не одно только это. Но что, если без всякого основания станут о нем говорить худо, из ненависти, особенно потому, что они язычники? Нет, того не бывает, потому что человека безукоризненной жизни и они уважут. Каким же образом, скажешь ты? Послушай, что он говорит о самом себе: "**в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах**" (2 Кор.6:7-8). Не жизнь его порицали, а проповедь; поэтому и сказал: при порицаниях На них (апостолов) клеветали, что они льстецы и обманщики, – ради их проповеди, – и это делали потому, что не могли ни в чем укорить их жизни. В самом деле, почему никто не сказал об апостолах, что они любодеи, нечестивцы и корыстолюбцы, но – льстецы, что относилось к одной только проповеди? Не потому ли, что они вели жизнь безукоризненную? Очевидно, потому. Поэтому и мы так должны жить; и тогда и об нас никто не станет худо говорить, хотя бы это был наш враг или неверный. Кто ведет праведную жизнь, тот и у них становится достойным уважения: истина и врагам заграждает уста. Каким же образом он может впасть в сеть? Когда часто и в те же самые будет впадать грехи, в какие и они. Если он будет таким, то диавол скоро поставит ему и другую сеть, и они скоро умертвят его. Если же должно иметь свидетельство от врагов, то тем более от друзей. А что действительно тому, кто ведет жизнь непорочную, нельзя услышать о себе худых отзывов, послушай, что говорит Христос: "**Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного**" (Мф.5:16). А если, скажешь ты, он будет оклеветан и случайно подвергнется несправедливому обвинению? Может и это случиться. Но в таком случае не должно его избирать из среды других, потому что это внушает большие опасения. "**Надлежит ему**", – говорит, – "**также иметь доброе свидетельство**" Пусть, поэтому, поступки ваши будут светлы. Подобно тому, как никто не назовет солнца темным, даже сам слепой, потому что он стыдится идти против общего мнения, так и совершенно праведного никто не станет порицать. Правда, язычники часто клеветали на них ради их верований, но праведной их жизни не порицали, напротив вместе с другими удивлялись и приходили в изумление.

3. Будем поэтому жить так, чтобы не хулилось имя Божие. Не будем ни гоняться за человеческою славою, (ни вести себя так) чтобы о нас составилось дурное мнение, но будем соблюдать надлежащую меру и в том и в другом. "**В котором вы**", – сказано, –

"**сияете, как светила в мире**" (Флп. 2:15). На то, ведь, и поставил Он нас, чтобы мы были подобны светилам, чтобы мы соделались учителями других, чтобы мы стали закваскою, чтобы мы обращались как ангелы с людьми, как мужи с малыми детьми, как духовные с людьми душевными, чтобы и те получили пользу, чтобы мы соделались семенами, чтобы приносили обильный плод. Не были бы нужны слова, если бы жизнь наша сияла в такой степени; не были бы нужны учители, если бы мы творили дела благие. Никто не остался бы язычником, если бы мы были христианами, как следует. Если бы мы соблюдали заповеди Христовы, если бы мы благодушно переносили обиды и насилия, если бы мы, будучи укоряемы, благословляли, если бы, терпя оскорбления, воздавали добром, то никто не был бы столь диким, чтобы не обратиться к истинной вере (τή εύσεβεία), если бы так все вели себя. И чтобы вы узнали это (укажу пример): один был Павел, и столько людей привлек к себе. Если бы мы все были такими, то сколько вселенных мы обратили бы? Теперь христиане многочисленнее язычников. Между тем, когда другим искусствам один может научить сто отроков, здесь, несмотря на то, что есть много учителей и что их гораздо больше, нежели учеников, никто не присоединяется. Учащиеся взирают на добродетели наставников и, если видят, что и мы того же желаем, того же ищем, (чего и они), то есть, почестей и власти, то как они могут почувствовать уважение к христианству? Они видят жизнь порочную, души земные, (видят) что мы столько же пристрастны к деньгам, как и они, и даже еще больше, перед смертью так же, как и они, трепещем, боимся бедности наравне с ними, в болезнях, как и они, ропщем, одинаково любим власть и силу и, мучась сребролюбием, стараемся уловить благоприятный случай. Итак, ради чего они станут веровать? Ради знамений? Но их уже больше нет. Ради жизни праведной? Но она уже погибла. Ради любви? Но ее и следа нигде не видно. Вот почему мы дадим отчет не только в своих грехах, но и в погибели других людей. Итак, по крайней мере, теперь воспрянем, станем бодрствовать, покажем на земле житие небесное, будем говорить: "**Наше же жительство - на небесах**" (Флп.3:20), и на земле станем совершать подвиги. Но и у нас, скажет иной, были великие мужи. Каким образом я стану веровать этому, – может возразить язычник? Я не вижу, чтоб вы делали то же самое, что они делали. Если нужно об этом рассуждать, то и мы, скажут они, имеем великих философов, по своей жизни достойных удивления. Но ты покажи мне другого Павла или Иоанна; а ты не в состоянии сделать этого. Как после этого не станет (язычник) смеяться над такими нашими речами? Как ему не остаться в своем неведении, когда он видит, что мы любомудрствуем только на словах, а не на деле? Ведь теперь за один обол каждый готов и убить, и быть убитым. За клочок земли ты заводишь бесконечные тяжбы, а за смерть сына все приводишь в смятение. Я уже оставляю без внимания все другое, над чем следует проливать слезы, именно – гадание, прорицание, наблюдение примет, судьбу, изображения, повязки, ворожбу, припевания, чародейство. Воистину велики эти (преступления) и достаточны, чтобы возбудить гнев Божий, потому что даже после того, как Он послал Сына своего, мы дерзаем совершать это. Что же остается нам делать? Ничего больше, как только плакать. Ведь едва меньшая часть мира спасается. Но погибающие радуются, слыша, что не они одни будут терпеть это, но вместе со многими другими. И чему тут радоваться, когда за самую радость они будут наказаны? Не думай, что там так бывает, как здесь, – что если имеешь соучастников в несчастии, то получаешь утешение. Откуда это видно? Я объясню тебе. В самом деле, скажи мне: если бы кто, будучи приговорен к сожжению, увидел, что вместе с ним сжигают и его сына, и обонял смрад, от его тела истекающий, – то ужели бы он не умер? Конечно, и почему так – я скажу тебе. Если те, которые не подвергаются мучениям, взирая на то, что совершается, приходят в оцепенение и теряют присутствие духа, то тем более испытывают это те, которые переносят те же страдания. И не удивляйся, – послушай, что говорить один мудрец: "**и ты сделался бессильным, как мы! и ты стал подобен нам**" (Ис.14:10). Человеческой природе свойственно сострадание, и мы сокрушаемся о несчастии других. Скажи мне: ужели отец, видя, что и сын его наравне с ним терпит наказание, находит в

этом утешение, или же напротив – увеличение своих страданий? Или муж, видя жену? Или человек – человека? Разве не больше мы тогда сокрушаемся? Да, – скажешь ты; но там нет таких страданий. Знаю это и я. Но будут другие, более жестокие. Тогда будет плач безутешный, когда все станут смотреть друг на друга, когда все будут терзаться. Скажи мне, разве те, которых изнуряет голод, получают утешение оттого, что их горе разделяют с ними другие? Или (какое утешение в том), если сын, или отец, или жена, или внуки подвергнутся одинаковому наказанию? Или, если видим друзей в несчастии, то ужели находим в этом утешение? Нет, нет; напротив, еще более усиливается наша скорбь. Кроме того, есть бедствия, которые, по самой жестокости своей, не приносят утешения, хотя и бывают общи всем. Например, положим, лежит кто-нибудь в огне, и другой – также. Каким образом они будут утешать друг друга? Скажи, прошу тебя: если когда мы страдали сильною горячкою, то ужели не исчезала тогда для нас всякая тень утешения? Без сомнения, – так. Когда несчастие одолевает нас, тогда душа не находит уже больше средства утешать себя. Или не видишь, сколько те, которые лишились мужей своих, могут насчитать других жен, которые претерпели то же самое? И между тем скорбь их от этого нисколько не уменьшается. Не будем же питать себя такою надеждою, но будем искать единственного утешения в том, чтобы принести покаяние во грехах и держаться доброго пути, ведущего на небо, чтобы мы могли получить царство небесное, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 11

"Диаконы также [должны быть] честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести. И таких надобно прежде испытывать, потом, если беспорочны, [допускать] до служения" (1 Тим.3: 8-10).

1.Сказавши о епископах и начертав их образ, и показав, что они должны иметь и чего избегать, (апостол) опускает чин пресвитеров и переходит к диаконам. Почему так? Потому, что невелико расстояние между пресвитерами и епископами. И первые получили тоже дар учительства и также суть предстоятели Церкви, – поэтому то же самое, что он сказал о епископах, применимо и к пресвитерам. Первые одним только (правом совершать) рукоположение выше последних, и в этом одном заключается их видимое преимущество перед пресвитерами. "**Диаконы также**". То есть, и им должно иметь то же самое. Что же это именно? Быть непорочными, целомудренными, гостеприимными, кроткими, не сварливыми, не сребролюбцами. А что он сказал: "**также**", желая видеть их такими, на это он указывает, когда говорит дальше: "**честны, не двоязычны**" то есть непронырливым и нехитрым. Действительно, ничто столько не делает человека бесчестным, как пронырство, и ничто столько не приносит вреда в Церкви, как хитрость. "**Не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести".** Этим вот он показывает, что такое значит – быть непорочным. Смотри, впрочем, что и здесь он говорит: не из новообращенных. Выражение: "и **таких надобно прежде испытывать",** то же значит, что сказанное им об епископах; таким образом он показывает (внутреннюю) связь, потому что тут нет ничего среднего. Поэтому употребил он и там выражение: не новообращенных. Не безрассудно ли, в самом деле, в частном доме вновь купленному рабу не прежде поручать какую-либо домашнюю работу, чем он, вследствие долговременного испытания, представит доказательства своего расположения, а в Церкви Божией извне вошедшего тотчас поставлять в числе знатнейших? Женам, т. е. диакониссам, **[должны быть] честны, не клеветницы[1], трезвы, верны во всем.** (ст. 11). Некоторые полагают, что это сказано просто о женщинах; но это несправедливо. Что, в самом деле, он мог иметь в виду, вставляя в средину своей речи несколько слов о женщинах? Говорит он здесь о таких женщинах, которые облечены званием диаконисс.

"**Диакон должен быть муж одной жены**" (ст. 12). Это прилично было сказать и о женщинах диакониссах, так как это (звание) весьма нужно, полезно и достойно уважения в Церкви. "**Диакон", –** говорит он, – "**должен быть муж одной жены**". Видишь ли, что и от диаконов он требует той же самой добродетели? Хотя они по сану и не равны епископу, однако должны быть так же непорочны, так же чисты. "**Хорошо управляющий детьми и домом своим. Ибо хорошо служившие приготовляют себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса**" (ст. 12–13). Везде он говорит об управлении детьми, чтобы прочие не имели повода к соблазну. "**Ибо хорошо служившие", –** говорит, – " **приготовляют себе высшую степень", то есть совершенство и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса**. Он как бы так говорит: те, которые показали себя трезвенными в низших (степенях), скоро достигнуть и остальных. "**Сие пишу тебе, надеясь вскоре придти к тебе, чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божием, который есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины** (ст.14–15). Чтобы, делая наставление касательно таких предметов, не повергнуть чрез это ученика в скорбь, (апостол) говорит: не потому я пишу это, что уже больше не приду к тебе; напротив, я приду; если же случится, что я замедлю, то, говорит, ты не сокрушайся об этом. Таким образом, он пишет это к Тимофею с тою целью, чтобы облегчить скорбь его, а к прочим – чтобы воздвигнуть их (от недеятельности) и сделать более ревностными, так как его присутствие, хотя бы оно было только обещано, могло сделать много. Впрочем, не удивляйся тому, что (апостол), все предвидя духом, обнаруживаете незнание, когда говорит: "**надеясь вскоре придти к тебе, если замедлю**", – потому что это свойственно незнающему. Так как он водился Духом и по своей воле ничего не делал из того, что делал, то, вероятно, и этого он не знал. "**Чтобы",** – говорит, **ты знал, как должно поступать в доме Божием, который есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины**" (Следовательно, храм этот) не таков, каким был прежний, иудейский. Этим объемлются вера и проповедь, потому что истина есть столп и утверждение Церкви. "**И беспрекословно**", – говорит, – "**великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе** " (ст. 16). То есть, домостроительство нашего спасения. Не говори мне о звонцах, ни о святом святых, ни о первосвященнике: Церковь есть столп вселенной. Помысли о тайне, – овладеет тобою трепет: это и тайна, и великая, и благочестия тайна, и непререкаемая, и не подлежит изысканию, так как она выше всякого сомнения. Так как (апостол), беседуя о священниках, ничего не сказал такого, что говорится в книге Левит, то он возводит к другому предмету и говорит: "**Бог явился во плоти",** то есть, говорит, Творец был видим во плоти. "**Оправдал Себя в Духе".** Этим он говорит, что премудрость была оправдана от сынов своих, или – что (Иисус Христос) не поступал льстиво, как сказано и пророком: "**потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его**" (Ис.53:9). "**Показал Себя Ангелам**" (ст. 16).

Следовательно, и ангелы вместе с нами увидели Сына Божия, а прежде Его не видели. Поистине, великая тайна. "**Проповедан в народах, принят верою в мире".** По всей вселенной услышали о Нем и уверовали в Него. На это указывает и пророк, когда говорит: "**Нет языка, и нет наречия, где не слышался бы голос их**" (Пс.18:4). Не подумай, что это просто слова, не имеющие никакого значения. Нет, они не таковы, напротив – исполнены сокровенного смысла. "**Вознесся во славе**", то есть, на облаках. "**Сей Иисус", –** сказано, – "**вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо".** (Деян.1:11). Обрати внимание на благоразумие блаженного Павла. Желая наставить тех, которые сподобились диаконского сана, чтобы они не предавались слишком вину, он не сказал: не (должно) упиваться, но: "**Не пристрастны к вину**". И справедливо, – потому что если входившие в святилище вовсе не прикасались к вину, то тем более им не следовало этого делать. Вино, говорит он, производит помешательство и, если даже не причиняет опьянения, ослабляет крепость сил души и приводит ее к рассеянности. Заметь, что он везде домостроительство нашего спасения

называет тайною. И справедливо, – потому что она не всем людям известна; вернее же сказать даже ангелам не была открыта; иначе как она бы открылась чрез Церковь? Поэтому говорит: "**И беспрекословно – великая благочестия тайна**". И подлинно она велика, – потому что Бог соделался Человеком и человек Богом, явился человек безгрешный, человек вознесся, был проповедан в мире; с нами увидели Его ангелы. Следовательно, это тайна. Не будем поэтому открывать тайны, не будем повсюду разглашать о ней, будем жить сообразно с достоинством этой тайны. Те, которым доверяются тайны, в некотором смысле – великие люди. Если бы царь вверил нам какую-нибудь тайну, то, скажи мне, ужели бы мы не почли этого признаком великого к нам благоволения? Между тем ныне Бог вверяет нам Свою тайну, – и мы, как будто не великое, сделано для нас благодеяние, остаемся неблагодарны к Благодетелю. Вострепещем (сознавая), что мы остаемся нечувствительны к этому благодеянию. Это тайна, которую все узнали, или, лучше сказать, которую прежде не все знали, а ныне всем она сделалась известною.

2. Соделаемся поэтому заслуживающими доверия хранителями тайны. Он вверил нам столь великую тайну, а мы Ему не вверяем даже стяжаний наших. Между тем как Он сам говорит: положите их у Меня, никто не будет в состоянии похитить их, ни моль, ни разбойник не нанесет им вреда, и обещает воздать во сто крат больше, – мы не слушаем. Если бы мы у кого-нибудь положили на хранение наше имущество, то назад не получили бы ничего больше. Напротив мы должны были бы чувствовать благодарность, если бы обратно получили все, что положили. Между тем здесь, – если бы даже вор похитил – говорит: Мне это вмени в вину; не скажу тебе: унес вор, или моль поела. Здесь Он воздает сторицею, и там еще кроме того дарует жизнь вечную, – и несмотря на то никто не полагает на хранение (своих стяжаний). Но Он слишком медленно, скажешь, воздает мне. Это именно и служит величайшим признаком Его щедрости, что не здесь, в этой тленной жизни, Он воздает нам; лучше же сказать, и здесь воздает сторицею. В самом деле, скажи мне: разве не здесь оставил Павел свой резец? Или трость и уду Петр? Или мытницу Матфей? Разве не вся вселенная была открыта пред ними больше, нежели пред царями? Разве не к их ногам полагали все свои стяжания? Разве не их делали распорядителями и властелинами всего? Разве не им поручали даже свои души? Разве не всецело поставляли себя в зависимость от их воли? Разве не все записывались в число их рабов? Да и ныне, разве мы не видим, что происходит много подобного? В самом деле, часто многие, (происходя) из низкого и малоуважаемого звания, только с мотыкою в руках, и не будучи даже обильно наделены необходимою пищею, имея одно имя монаха, более всех прославились и пользовались почетом у царей. Разве это маловажно? Но помысли, что это составляет прибавку; а главное уготовано в будущем веке. Презирай стяжания, если хочешь приобресть стяжания. Если желаешь обогатиться, сделайся бедным. Таковы-то чудные дела Божии. Не хочет Он, чтобы ты был богат вследствие собственных усилий, но по Его милости. Мне это предоставь, говорит Он, а ты заботься о духовном, чтобы ты узнал и Мое могущество; убегай рабства и ига стяжаний. Ты беден до тех пор, пока ты привязан к ним; когда станешь пренебрегать ими, сделаешься вдвойне богатым – и потому, что они со всех сторон будут стекаться к тебе, и потому, что не будешь нуждаться в том, в чем (нуждаются) многие. Ведь быть богатым не значит приобресть много, но не нуждаться во многом, так что если предстоит нужда, то и царь ничем не отличается от нищего. В том и состоит бедность, что мы нуждаемся в других. Такими образом и царь по этой причине может быть назван нищим, поскольку он нуждается в подданных; Но не таков Тот, Кто пригвоздился ко кресту: он ни в чем не имеет нужды; для пропитания Ему достаточно рук. "**Нуждам моим**", – говорит (апостол), – " **и [нуждам] бывших при мне послужили руки мои сии**" (Деян.20:34). Это говорил тот, кто в другом месте сказал: " **мы нищи, но многих обогащаем** (2 Кор.7:10), – тот, кто в Листрах был сочтен за Бога. Если хочешь прибресть мирские блага, – ищи неба. Если желаешь насладиться настоящим, –

презирай его. "**Ищите же прежде Царства Божия и, и это все приложится вам**" (Мф.6:33). Зачем ты удивляешься тому, что маловажно? Зачем жаждешь того, о чем даже говорить не стоит? До каких пор ты будешь оставаться бедным? До каких пор нищим? Воззри на небо, помысли о том богатстве, которое там обретается, посмейся над золотом, научись, какое из него нужно делать употребление. Мы пользуемся им только в настоящем, только в настоящей жизни, которая расплывчата, как песок, или лучше, что капля в сравнении с беспредельною пучиною, то настоящая жизнь в сравнении с будущим. Это не составляет приобретения, а одно только пользование; это не составляет истинного обладания: иначе отчего, когда ты находишься при смерти, другие берут все, что у тебя находится, (не взирая на то), хочешь ли ты этого или не хочешь, и сами опять передают другим, а эти опять третьим? Все мы пришельцы. Владельцем дома, можете быть, больше бывает тот, кто нанимает дом. Часто, когда первый умрет, последний остается и более продолжительное время пользуется домом. Если же последний (пользуется им) за известную плату, то и первый за плату, так как он созидал, трудился, устроял. Владение существует только по имени, а на самом деле мы все владетели чужого. То только нам принадлежит, что туда предпосылаем. А то, что здесь находится, не наше, но тех, которые живут, или лучше, даже тогда, когда живем, оно уходит от нас. То только нам принадлежит, что составляет душевные наши подвиги, именно – милостыня и человеколюбие. А прочее и у внешних называется внешним, так как существует вне нас. Постараемся поэтому сделать это внутренним достоянием. Мы не имеем возможности, взяв с собою деньги, отойти, но можем отойти, взяв милостыню. Ее и будем больше всего предпосылать туда, чтобы уготовать себе жилище в вечных обителях.

3. Название денег происходит от употребления, а не от обладания; и самое имущество состоит в пользовании, а не в господстве. В самом деле, скажи мне: скольким владельцам принадлежало каждое поле, и скольким еще будет принадлежать? Есть одна весьма мудрая поговорка, – не надобно ведь пренебрегать и народными поговорками, когда они заключают в себе какую-нибудь мудрую мысль. О поле, говорят, скольких ты имело (господ), и скольких еще будешь иметь! То же самое должно сказать и о домах, и о деньгах. Одна только добродетель способна сопутствовать нам, одна только добродетель переходит в будущую жизнь. Поэтому освободим себя и погасим в себе пристрастие к деньгам, чтобы воспламенить в себе желание небесного. Ведь не могут, эти два стремления совмещаться в одной душе. "**Ибо или одного",** – говорится, – "**будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть**" (Мф.6:24). Видишь ли ты, скажи мне, мужа, который имеет многочисленную свиту, гордо идущего по площади, одетого в шелковые одежды, разъезжающего на коне, вытягивающего шею? Не изумляйся, но смейся над ним. Подобно тому, как ты смеешься, когда, видишь детей, изображающих в играх начальников, так смейся и здесь. Ничем не отличается одно от другого; первое далее бывает приятнее, потому что есть следствие детского возраста и сопряжено с величайшим простодушием. Здесь смех и удовольствие. А там человек становится смешным и исполненным бесстыдства. Прославь Бога за то, что Он избавил тебя от такого зрелища и такой надменности. Если захочешь, то ты, который ходишь по земли, будешь выше того, который восседает на колеснице. Каким образом? Таким, что тот телом немного поднялся от земли, душою же прильнул (к земле): "**прилипла**", – сказано, – "**плоть моя к костям моим**" (Пс.101:6); а ты умом носишься на небе. Но он имеет многочисленную прислугу, которая очищает ему дорогу? Так чем же больше ему почета, нежели коню? Что может быть неразумнее того, чтобы разгонять людей, чтобы прошло свободнее животное? Но разъезжать на коне почетно? Однако и слуги принимают в этом участие. Между тем есть и такие, которые до того бывают ослеплены, что, без всякой надобности, заставляют прислужников, чтобы они шли позади их. Что бессмысленнее этого? Хотят приобресть известность чрез коней, драгоценные одежды и спутников. Что ничтожнее такой славы, которая состоит в конях и прислуге?

Если ты добродетелен, – не ищи ничего такого: носи свой собственный наряд и не украшай себя присутствием других. Это могут иметь и люди бесчестные, порочные, и невежды, и все, обильно наделенные богатством. На лошадях ездят и шуты, и плясуны; и пред ними тоже идет слуга. И, несмотря на то, они остаются шутами и плясунами, и не становятся более достойными уважения чрез лошадей и слуг. Когда у таких людей нет в душе никакой добродетели, тогда напрасно и без пользы мы стали бы прилагать что-нибудь извне. И подобно тому как полуразрушенная стена или истлевшее тело, что бы ты ни приставил к ним, они остались бы безобразными и истлевшими, так и здесь, душа не получает никакой пользы от внешних благ, но остается такою же, как прежде, хотя бы ты окружил ее бесчисленными золотыми украшениями. Не будем же удивляться всему этому, оставим временное и прилепимся к лучшему, духовному, к тому, что действительно соделывает нас достойными уважения, чтобы мы сподобились получить будущие блага (о Христе Иисусе, Которому слава во веки веков. Аминь).

---

[1] Вместо: клеветницы, у Златоуста читается: двуязычны.

БЕСЕДА 12

"Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак [и] употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением. Ибо всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением, потому что освящается словом Божиим и молитвою" (1 Тим.4:1–5).

1. Как держащиеся веры утверждаются, как бы на некотором безопасном якоре, так напротив те, которые отпали от веры, не могут ни на чем остановиться, но, постоянно блуждая туда и сюда, наконец, впадают в бездну погибели. И это (апостол) уже показал, сказавши, что некоторые уже претерпели кораблекрушение в вере. И теперь говорит то же самое: "**Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским".** О манихеях, энкратитах, маркионитах и обо всех сборищах говорит он это, - что в последние времена некоторые отступят от веры. Видишь ли, что вина всех последующих зол есть отступничество от веры? Но что значит: "**ясно**"**?** Очевидно, ясно, беспрекословно, так что вовсе не остается места сомнению. Не удивляйся, говорит он, если теперь отступившие от веры придерживаются иудейских заблуждений. Будет время, когда даже те, которые соделались причастниками веры, будут творить (дела) более достойные осуждения, подавая гибельные советы не только касательно пищи, но и касательно браков, и всех тому подобных (предметов). Не об иудеях он говорит, – какое отношение к ним могут иметь выражения: "**в последние времена**", и: "**отступят некоторые от веры**"? – но о манихеях и их главных вождях. Он назвал их духами льстивыми, – и справедливо, потому что, побуждаемые этими последними, они проповедовали (такое учение). Что значит: "**через лицемерие лжесловесников**"? То, что они лживо проповедуют не по неведению, и не потому, что не знают, напротив они знают истину, а притворяются лжецами, **сожженных в совести своей**, то есть, будучи порочной жизни. Почему же именно об этих только еретиках говорит он? Христос предсказал и о других, когда говорил: "**ибо надобно придти соблазнам**" (Мф. 18: 7). В другой раз Он предвозвестил о них в притче о сеянии пшеницы и произрастании плевел. Но подивись и Павлову пророчеству. Он прежде времени, в которое имело совершиться это, указал и самое время. Не удивляйся поэтому,

если теперь, когда полагается начало веры, некоторые покушаются вводить такие гибельные верования, – потому что некоторые отступят от веры и спустя долгое время после того, как она утвердится. "**Запрещающих**", – говорит, – "**вступать в брак [и] употреблять в пищу". О**тчего же он не сказал и о других ересях? Он и на них указывает, когда говорит: "**духам обольстителям и учениям бесовским**". Он не хотел преждевременно посеять эти (заблуждения) в душах людей, но указывает на то, что уже получило начало, именно (на заблуждения) касательно пищи. "**Что Бог сотворил**", – говорит, – "**дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением**". Отчего он не сказал: и неверным? Каким же образом (мог он сказать): и неверным, когда они, повинуясь своим законам, воздерживаются от этого? Итак, что же? Ужели сластолюбие не воспрещено? И очень. Почему же так, если что-либо и создано для того, чтобы служить пищею? Потому что и хлеб создан, между тем воспрещена неумеренность; и вино создано, между тем воспрещена неумеренность. В настоящем случае он заповедует отказываться от наслаждения не потому, что оно нечисто, а потому, что оно при неумеренности расслабляет душу. "**Ибо всякое творение Божие хорошо", –** говорит, – " **и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением**". Если создание Божие, то и добро: "**все, что Он создал, и вот, хорошо весьма**" (Быт.1:31). Выражением: "**творение Божие**" он обозначает вообще все, что может быть употреблено в пищу, и таким образом уже ниспровергает заблуждение тех, которые вводят несотвореннуио материю и говорят, что из нее произошло все прочее. Итак, если (все) добро, то что значат слова: "**освящается словом и молитвою**"? Ведь очевидно, что, будучи нечистым, освящается. Не так нужно понимать эти слова. Здесь он говорит против тех, которые считали некоторые роды пищи чем-то скверным. Поэтому он и высказывает две главные мысли: во-первых, что нет ни одного создания, которое было бы скверно; и, во-вторых, что если бы что-нибудь и было скверно, то ты имеешь против этого врачество: осени знамением (креста), возблагодари, воздай славу Богу, и всякая нечистота исчезнет.

Неужели и идоложертвенное, скажешь ты, может быть таким образом очищено? Да, когда ты не знаешь, что это идоложертвенное; а если знаешь и, несмотря на то вкусишь, то соделаешься нечистым, не потому, что это идоложертвенное, а потому что, получив заповедь не приобщаться к демонам, ты чрез это вошел с ними в общение. Следовательно, оно не по природе своей нечисто, но становится таким вследствие твоего произволения и преслушания. Что же? Ужели и свиное мясо не есть нечисто? Нисколько, когда вкушаешь его с благодарением, с крестным знамением; равным образом и все прочее не бывает нечистым. Нечисто произволение, которое не благодарит Бога. "**Внушая сие братиям, будешь добрый служитель Иисуса Христа, питаемый словами веры и добрым учением, которому ты последовал**" (ст. 6). "**Сие**": что же именно? То, о чем (прежде) говорил, – что тайна великая, что удаляться от яств – дело бесовское, что пища очищается словом Божним и молитвою. "**Негодных же и бабьих басен отвращайся, а упражняй себя в благочестии**" (ст. 7). "**Внушая сие", –** говорит. Видишь ли, что здесь нисколько он не обнаруживает власти, а только снисхождение? "Внушая", – говорит он. Не сказал: приказывая, не сказал: заповедуя, но: "внушая", то есть, как бы советуя, предлагай это и заводи речь о вере. "**Питаемый**", говорит, – указывая на постоянное внимание к такого рода предметам.

2. Подобно тому, как мы каждый день употребляем эту пищу, так, говорит, будем всегда принимать и слово о вере, всегда им питаться. Что значит – "**питаемый**"? Пережевывая, постоянно повторяя одно и то же, всегда поучаясь одному и тому же: ведь предлагается не обыкновенная пища. "**Негодных же и бабьих басен отвращайся**". О каких (баснях) он здесь говорит? Об иудейских вычислениях и наблюдениях? И их называет баснями? Да, или потому, что они измышленны, или потому, что несвоевременны. Что благовременно, то полезно; что безвременно, то не только не полезно, но и вредно. В самом деле,

представь себе: если бы человек на двадцатом году жизни прильнул к сосцам кормилицы, то до какой степени он был бы смешен из-за несвоевременности (поступка)? Видишь ли, как он называет их и негодными, и бабьими? (И называет так) частию потому, что они уже устарели, частию потому, что составляют препятствие для веры. Действительно, подчинять страху душу, которая соделалась выше всего этого, свойственно нечистым правилам. "**Упражняй себя в благочестии",** то есть, в вере чистой и жизни праведной, – потому что в этом состоит благочестие. Следовательно нам нужно упражняться в нем. "**Ибо телесное", –** говорить, – "**упражнение мало полезно**" (ст. 8). Некоторые полагают, что это сказано о посте. Но с этим нельзя согласиться: (пост) составляет не телесное, а духовное упражнение. Если бы он был телесным упражнением, то питал бы тело. Если же он истощает, утончает и иссушает тело, то, значит, не составляет телесного (упражнения). Следовательно, не о телесном упражнении говорит он. Итак, нам нужно духовное упражнение. Первого рода упражнение не приносит выгоды и только несколько пользы доставляет телу, а упражнение в благочестии приносит плод и в будущей жизни: и здесь и там доставляет утешение. Верно слово. То есть, истинно, что как здесь, так и там. Смотри, что он везде вводит это (выражение): не имеет нужды в особенном приготовлении, а выражается прямо, – потому что он обращает речь свою к Тимофею. Следовательно, и здесь мы пребываем в добром уповании. Действительно, тот, кто не знает за собой никакого преступления и творит бесчисленныя добрыя дела, радуется и в настоящей жизни. Напротив, человек порочный не только там, но и здесь несет наказание, постоянно живя в страхе, ни на кого не смея взглянуть с дерзновением, трепеща, бледнея, томясь. Разве не таковы корыстолюбцы, воры, которые не уверены в том, чем владеют? Разве прелюбодеи и человекоубийцы не ведут самой тягостной жизни, с недоверчивостию взирая на самое солнце? Неужели это жизнь? Нет, это скорее тяжкая смерть. "**Ибо мы для того", – говорит, – "и трудимся и поношения терпим, что уповаем на Бога живаго, Который есть Спаситель всех человеков, а наипаче верных**" (ст. 10). Как бы так говорит: ради чего мы изнуряем себя, если не ожидаем будущих благ? Ради чего все поносят нас? Разве не такие бедствия, говорит, мы перенесли? Разве не оскорбления, не клевету и не другие бесчисленные несчастия? Неужели все это мы напрасно переносили? Если бы мы не уповали на живого Бога, то зачем бы нам и подвергаться этому? Если здесь Он спасает неверных, то тем более там спасет верных. О каком спасении говорит он? О небесном. "**Который",** – говорит, – "**есть Спаситель всех человеков, а наипаче верных**" То есть, обнаруживает великую заботливость о верных. До сих пор он говорит о земном. Но каким образом, спросишь ты, Он есть Спаситель верных? Если бы Он не был Спаситель, то ничто не воспрепятствовало бы давно погибнуть тем, против которых все ратуют. Здесь (апостол) возбуждает Тимофея к перенесению опасности, чтобы он не падал духом, имея в Боге столь сильного помощника, и не нуждался в содействии других, но охотно все переносил с мужеством. Так и алчущие житейских благ, надеясь получить прибыль, решаются на многое. Итак, наступают уже последние времена. "**В последние времена**", – говорит, – "**отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак**". Итак, что же, спросишь ты? Разве мы не возбраняем вступать в брак? Нисколько, мы не возбраняем тем, которые желают этого, но не желающих вступать в брак уговариваем хранить девство. Иное дело возбранять, и иное – оставлять каждого господином своей воли. Тот, кто возбраняет, делает это без всякого ограничения; а тот, кто советует хранить девство, как нечто более возвышенное, не воспрещает вступать в брак, но уговаривает пребывать в девстве. "**Запрещающих вступать в брак [и] употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением".** Прекрасно сказал: "**познавшие истину**". Следовательно, прежние (запрещения) имели другое значение, так как нет ничего нечистого по природе, но становится таким вследствие убеждения приемлющего. И в самом деле, для чего многие яства были им запрещены? Для искоренения в них излишнего

пресыщения. Но если бы он сказал: не ешьте во избежание пресыщения, то они не приняли бы этого; между тем ныне обращает им это в закон необходимости, чтобы вследствие большого опасения они скорее воздерживались. Всякому известно, что рыба более нечиста, нежели свиное мясо, – и, несмотря на то, им не было запрещено употребление ее. А насколько гибельно было для них пресыщение, послушай, что говорит Моисей: "**И утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога**" (Втор.32:15). Есть впрочем, и другая причина. Именно, чтобы они, будучи приведены в стеснительное положение, наконец, обратились к волам и стали закалывать овец, он не без основания, ради Аписа и тельца, возбранил употребление всего прочего: этот последний нечист, неприятен, отвратителен и скверен.

3. Это проповедуй, этому поучайся: выражение – "**питаемый словами веры**" такое именно имеет значение. Не только других наставляй, говорит, но и сам упражняйся в этом: "**Питаемый**", – говорит, – "**словами веры и добрым учением, которому ты последовал**". "**Негодных же и бабьих басен отвращайся**". Почему он не сказал: воздерживайся от таковых, но: "**отвращайся**"? Через это он показывает, что окончательно нужно избегать их. Именно слова его имеют такой смысл: даже не принимай на себя труда когда-либо вступать в разговор с ними, но только своим заповедуй это. Действительно невозможно, чтобы состязающийся с развращенными имел когда-либо успех, кроме того случая, когда предвидим какой-либо вред оттого, что мы, будто по (сознанию) нашей немощи, отказываемся от собеседования с ними. "**Упражняй себя в благочестии**", то есть, к жизни чистой, самому лучшему поведению. Тот, кто занимается телесными упражнениями, даже и не во время состязаний, как ратоборец все делает, от всего воздерживается, вступает в борьбу, переносит тяжелый труд. Обучай себе к благочестию, говорит. "**Ибо телесное упражнение мало полезно, а благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей".** И для чего, спросишь ты, упоминает он здесь о телесном упражнении? Для того чтобы чрез сравнение показать превосходство духовных подвигов, – потому что первое (телесное упражнение), будучи соединено с большими трудами, не приносит ни пользы и ничего такого, о чем стоило бы говорить, а последнее (духовные подвиги) приносят неизменную и обильную (пользу): по-добным образом и (женщинам) заповедует он: " **украшали себя не плетением [волос], не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию.** (1 Тим.2:9,10). "**Слово сие верно и всякого принятия достойно. Ибо мы для того и трудимся и поношения терпим**". Павел переносил оскорбления, а ты негодуешь, принимая обиды? Павел трудился, а ты желаешь пресыщаться? Но и он, если бы пресыщался, не получил бы столь великих благ. Если мирских стяжаний – и временных, и тленных – никогда не приобретают люди без трудов и пота, то тем более духовных. Без сомнения, скажешь ты; но часто многие получали их по наследству. Но если и получают их таким образом, то сбережение и сохранение их не обходится без трудов, напротив, (и при этом) нужно трудиться и изнуряться не менее тех, которые приобретают их посредством труда. Между тем, я не говорю уже о том, что многие, после трудов и различных неудач, были обмануты в своих ожиданиях, при самом входе в пристань, потому что налетал откуда-то ветер и производил крушение, когда близко было осуществление надежды (на получение) благ. А у нас ничего такого не бывает, – сам Бог дает обетования и "**надежда не постыжает**" (Рим.5:5). Разве вы сами, которые занимаетесь житейскими делами, не знаете того, сколь многие после бесчисленных трудов не пользовались их плодами или потому, что часто смерть преждевременно похищала их, или вследствие перемены обстоятельств, или по причине случившейся с ними болезни, или по наущению клеветников, или по другой какой-либо причине (многое ведь случается в делах человеческих), которая оставляла их с пустыми руками?

Как, спросит кто-либо? Разве не видишь тех, которые имели успех, и без больших трудов стяжали великие блага? Какие блага? Деньги, дома, столько-то десятин земли, толпу рабов и кучи серебра и золота? Это ли называешь благами? И не совестишься, не стыдишься ты – человек, которому дана заповедь любомудрствовать о небе, а между тем ты алчешь земных стяжаний и называешь благами то, о чем не стоит даже говорить ни одного слова? Если это – блага, то конечно и тех, которые стяжали их, следует называть благими. Да и каким образом не благ тот, кто имеет нечто благое? Итак, что же, скажи мне? Если стяжавшие их бывают жадны к приобретению, похищают, то ужели назовем их благими? Если богатство есть благо и между тем оно накопляется вследствие корыстолюбия, то чем более оно будет возрастать, тем более послужит причиною того, что владеющего им будут считать благим. Ужели после этого и корыстолюбец благ? Если же богатство есть благо и умножается вследствие корыстолюбия, то тот будет лучше, кто больше, таким образом, приобретет. Замечаешь ли противоречие? Но если он не будет корыстолюбив, скажешь ты? А каким же образом это может случиться? Страсть эта пагубна, и невозможно разбогатеть тому, кто не делает несправедливости. На это и Христос указывает, говоря: "**приобретайте себе друзей богатством неправедным**" (Лук.16:9). Но что, скажешь ты, если кто-нибудь от отца получил наследство? Он получил собранное неправдою. Ведь без сомнения не от Адама предок его был богат, но, конечно, многие другие прежде него являлись на свет, и между многими мог найтись такой, который незаконно похитил и воспользовался тем, что принадлежало другим. Итак, что же? Неужели Авраам, скажешь ты, имел неправедно приобретенное богатство? И что (сказать) об Иове, который был непорочен, праведен, истинен, богобоязлив, который удалялся от всякой злой вещи? Богатство их состояло не в золоте, не в серебре, не в зданиях, а в скоте; иначе говоря, – богатство это было от Бога. А что богатство его состояло из скота, это видно из того, что писатель книги, перечисляя то, что случилось с тем блаженным, и говоря, что у него умерли верблюды, и кобылы, и ослы, не сказал, что (враги), придя, расхитили у него золотые сокровища. Кроме того, и Авраам тоже был богат, но рабами. Что же? Неужели он не купил их? Нет; поэтому и замечает Писание, что у него было триста восемнадцать домочадцев. Сверх того, ему принадлежали и овцы, и волы. Откуда же он взял золото, посланное к Ревекке? Получил дары из Египта, – не вследствие насилия или какой-либо несправедливости.

4. Поэтому, скажи мне, откуда ты приобрел богатство? От кого ты получил его? А другой откуда взял? От деда, скажешь ты, от отца. Но можешь ли ты, восходя чрез длинный ряд поколений, доказать таким образом, что имущество это законно приобретено? Никак не можешь этого сделать. Напротив, начало и корень его непременно должны скрываться в какой-нибудь несправедливости. Почему так? Потому что сначала Бог не сделал одного богатым, а другого бедным, и, приведши (людей), не показал одному многих золотых сокровищ, а другого лишил этого приобретения, но всем предоставил для возделывания одну и ту же землю. Каким же поэтому образом, когда она составляет общее достояние, ты владеешь столькими-то и столькими участками, а ближний не имеет ни клочка земли? Скажешь: мне отец передал. А он от кого получил? Тоже от предков. Но, постоянно восходя выше, непременно нужно найти начало. Иаков стал богат, но получая награду за труды. Впрочем, не стану заниматься подробными исследованиями этого. Положим, что богатство законно, приобретено без малейшей примеси грабительства. Ты не виноват в том, что отец твой награбил; правда, ты владеешь тем, что приобретено посредством грабительства, однако сам ты не грабил. Согласимся, впрочем, даже и на то, что и он не грабил, но владел золотом откуда-либо из земли добытым. Что же из этого? Ужели богатство есть благо? Нисколько. Но оно и не зло, скажешь ты. Если оно не есть плод любостяжания, то не зло, и при том, если раздают его нуждающимся; если же не раздают его, то становится злом и коварством. Но скажешь: до тех пор, пока человек не сделал зла, он не зол, хотя бы и не делал добра. Прекрасно. Но разве это не зло, что один владеет тем,

что принадлежит Господу, и что один пользуется общим достоянием? Не Божия ли земля и исполнение ея? Поэтому, если наши блага принадлежать общему Владыке, то они в равной степени составляют достояние и наших сорабов: что принадлежит Владыке, то принадлежит вообще всем. Разве мы не видим такого устройства в больших домах? Именно, всем поровну выдается определенное количество хлеба, потому что он исходит из житниц домохозяина: дом господский открыт для всех. И все царское принадлежит всем: города, площади, улицы принадлежать всем; мы все в равной мере пользуемся ими. Посмотри на строительство Божие. Он сотворил некоторые предметы общими для всех, чтобы, хотя таким образом, пристыдить человеческий род, как-то: воздух, солнце, воду, землю, небо, море, свет, звезды, – разделил между всеми поровну, как будто между братьями. Для всех Он создал одинаковые глаза, одинаковое тело, одинаковую душу; всем дал одинаковое устройство, всех из земли (произвел), всех от одного мужа, всех поставил в одном и том же доме. Но все это нисколько не послужило к нашему обращению. И другое соделал Он общим, как-то: бани, города, площади, улицы. И заметь, что касательно того, что принадлежит всем, не бывает ни малейшей распри, но все совершается мирно. Если же кто-нибудь покушается отнять что-либо и обратить в свою собственность, то происходит распря, как будто вследствие того, что сама природа негодует на то, что в то время, когда Бог отовсюду собирает нас, мы с особенным усердием стараемся разъединиться между собою, отделиться друг от друга, образуя частное владение, и говорить эти холодные слова: „это твое, а это мое". Тогда возникают споры, тогда огорчения. А где нет ничего подобного, там ни споры, ни распри не возникают. Следовательно, для нас предназначено скорее общее, чем отдельное владение (вещами), и оно более согласно с самою природою. Отчего никто никогда не заводит тяжбы о владении площадью? Не потому ли, что она принадлежит всем? Между тем видим, что о домах, об имениях все заводят тяжбы. И несмотря на то, что необходимое находится в общем владении всех, мы не наблюдаем общения во владении даже ничтожнейшими предметами. Между тем для того-то Бог и дал нам первое в общее употребление, чтобы мы научились из этого, что и последние должны быть у нас общими со всеми. Но мы и таким образом не вразумляемся. Впрочем (возвращаюсь к тому) о чем я уже прежде говорил: каким образом владеющий богатством бывает благ? Конечно, он не благ, но он становится благим, когда раздает другим (свое богатство). Когда не имеет его, тогда он благ; и когда раздает другим, тогда тоже благ; а до тех пор, пока удерживает его при себе, он не бывает благим. Итак, добро ли то, с приобретением чего люди становятся злыми, а с лишением – благими? Поэтому не в том состоит добро, чтобы иметь деньги: напротив неимение денег служит признаком доброго человека. Следовательно, не в богатстве состоит добро. Если, имея случай получить его, не возьмешь, то опять ты сделаешься добрым. Поэтому, если, имея богатство, раздаем его другим, или предложенного нам не берем, мы бываем добры, напротив, если берем или приобретаем его, становимся недобрыми, – то каким образом богатство может быть признано благом? Итак, не называй богатства благом. Ты потому не имеешь богатства, что считаешь его благом, что слишком удивляешься ему. Очисти твой помысл, приобрети здравое суждение о вещах, – и тогда будешь, благ. Узнай, что составляет истинные блага. Какия же это блага? Добродетель, человеколюбие. Благо вот это, а не богатство. Если, следуя этому правилу, будешь милостив, то чем будешь милостивее, тем лучше будешь и сам по себе, и во мнении других. Между тем, будучи богат, не приобретешь этого. Поэтому соделаемся в такой мере благими, чтобы мы на самом деле были благими и сподобились получить будущие блага о Христе Иисусе, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 13

"Проповедуй сие и учи. держись; но будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте. Доколе не приду, занимайся чтением, наставлением, учением. Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства" (1 Тим.4: 11–14).

1. При устроении человеческих дел, иногда требуется наставление, а иногда приказание. Если бы, поэтому ты стал приказывать там, где следует учить, то ты был бы достоин посмеяния. И наоборот, если бы ты начал учить там, где нужно приказывать, то случилось бы с тобою то же самое. Например: что не должно быть злым, этому следует не учить, а приказывать и запрещать с особенною силою; равно как и то следует приказывать, что не нужно придерживаться иудейских заблуждений. Если же ты намереваешься говорить о том, что должно раздавать имение, что должно хранить девство, или если думаешь беседовать о вере, то в таком случае необходимым становится учение. Поэтому и употребляет Павел оба эти выражения: "**проповедуй и учи**". Например, если кто носит привески или что-нибудь подобное и делает это, зная, что это зло, то в таком случае нужным бывает одно только приказание; а когда, не зная того, – наставление. "**Никто да не пренебрегает юностью твоею", –** говорит. Видишь ли, что священник должен и приказывать и говорить с властию, а не все учить? Так как юность вследствие общего предрассудка некоторым образом сделалась чем-то легко презираемым, то (апостол) и говорит: "**Никто да не пренебрегает юностью твоею".** Учитель не должен находиться в пренебрежении. Где же (обнаружит он) скромность, скажешь ты, где кротость, если никогда не испытает пренебрежения? В тех вещах, которы лично его касаются, пусть он подвергается пренебрежению и пусть переносит его, – таким образом, долготерпение содействует успеху учения; а в том, что касается других, – нет, потому что это уже будет не кротость, но равнодушие. Когда он мстит за обиды, нанесенные ему, или за злословие, или за наветы, тогда справедливо обвиняешь его. Когда же дело касается спасения других, тогда приказывай и распоряжайся с полной властью. Здесь уже нужна не кротость, а власть, чтобы не произошло вреда для общества. Или это хочет сказать (апостол), или следующее: пусть никто не презирает тебя из-за твоей юности, то есть, до тех пор, пока ты будешь вести жизнь приличную (твоему сану), никто не станет пренебрегать тебя за возраст, но еще больше всякий будет удивляться тебе.

Поэтому и прибавляет он следующие слова: "**но будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте";** во всем подавай собою пример добрых дел. То есть, сам будь первообразом в жизни, являясь пред другими как образ, как одушевленный закон, как правило и устав доброй жизни. Таков должен быть учитель. Словом, – чтобы без затруднения вступать в собеседование. "**В житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте" –** целомудрием. "**Доколе не приду, занимайся чтением, наставлением, учением".** Тимофею заповедует заниматься чтением. Послушаем этого все и научимся не нерадеть об изучении Божественных Писаний. Вот опять говорит: "**доколе не приду**" Видишь ли, как он утешает его? Вероятно, и он сам (Тимофей), как осиротелый, искал этого. "**Доколе не приду**", – говорит, – "**занимайся чтением**" Божественных Писаний, "**наставлением**" взаимным, "**учению**" (обращенному) ко всем. "**Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству**". Пророчеством называет здесь звание учителя. "**С возложением рук священства**". Не о пресвитерах говорит он здесь, а об епископах, потому что не пресвитеры рукополагали епископов. "**О сем заботься, в сем пребывай**" (ст. 15). Смотри, как часто он наставляет его в одном и том же, желая показать, что учителю больше всего должно стараться об этом. "**Вникай в себя**", говорит, – "**и в учение**, **занимайся сим постоянно**" (ст. 16). То есть, будь внимателен к самому себе и других учи. "**Так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя".** Хорошо сказал: "**и сам**". Тот, кто питает себя словом учения, прежде сам извлекает отсюда пользу, потому что, уча других, и себя приводит в умиление. Впрочем, не к

одному Тимофею это сказано, но ко всем. А если (апостол) дает такие наставления тому, кто воскрешал мертвых, то, что скажем мы? Но и Христос на учителей указывает, когда говорит, что царствие небесное подобно человеку "**хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое**" (Мф.13:52). И опять блаженный Павел, то же самое заповедуя, говорил: "**чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду**" (Рим.15:4). И более всех он сам исполнял это, будучи наставляем в отеческом законе, при ногах Гамалиила, так что весьма вероятно и после того он занимался чтением, и тот, кто другим давал такое наставление, прежде самого себя побуждал к этому. Разве не видишь, как он часто приводит свидетельства из пророков и разбирает их? Поэтому, если Павел занимается чтением, – а не маловажная польза проистекает от Писаний, – то ужели мы будем лениться и рассеянно слушать его? И какого наказания мы не будем достойны? "**Дабы успех твой", – говорит, – "для всех был очевиден**" (ст. 15).

2. Видишь ли, что (апостол) желал, чтобы он (Тимофей) и в этом был велик и достоин удивления? Поэтому говорит таким образом, показывая, что он еще имел в нем нужду. Что значит: "**Дабы успех твой для всех был очевиден**"? Не в жизни только, говорит он, но и в слове назидания. "**Старца**" (πρεσβυτέρω) "**не укоряй**" (5:I). Не говорит ли он здесь о сане (пресвитерском)? Не думаю, но о всяком престарелом человеке. Отчего же (не поступать с ним так), если он будет иметь нужду в исправлении? "**Не укоряй", – говорит, –** но так с ним беседуй, как бы ты относился к отцу согрешающему. "**Младших, как братьев; стариц, как матерей; молодых, как сестер, со всякою чистотою** (ст. 2). По самому существу дела это, то есть слушание замечаний, тягостно, – и в особенности, когда это случается с престарелым человеком; а если (замечания делаются) к тому же юношею, то это становится втройне безрассудным. Поэтому и нужно смягчать (обличение) кротостию и дружелюбием. Можно ведь обличать без жестокости, если кто захочет упражняться в этом: только для этого требуется большое благоразумие, – однако это возможно. "Младших", – говорит, – "как братьев". Зачем и здесь заповедует это? Опять с тою целью, чтобы припомнить свойственную этому возрасту дерзость. Итак, и в этом случае обличение должно смягчаться духом кротости. "Молодых", – говорит, – "как сестер", и прибавляет: "**со всякою чистотою**". Не только, говорит, ты должен признавать грехом, но даже, говорит, ты должен не давать повода к подозрению. Так как беседы с молодыми женщинами с трудом избегают подозрения, а между тем епископ должен и это делать, то он прибавляет: "**со всякою чистотою**", показывая тем, что говорить с ними надлежит со всякою чистотою. Что ты говоришь, скажи мне? Неужели Тимофею заповедуешь это? Да, отвечает он, потому что чрез него я говорю всему миру. Если же Тимофею заповедует это, то пусть подумают все другие, каков должен быть (епископ), чтобы не подать случая к подозрению, ни даже тени оправдания для тех, которые захотели бы клеветать. "**Вдовиц почитай, истинных вдовиц**" (ст. 3). Отчего не говорит ничего о девстве, отчего не говорить: почитай дев? Оттого, мне кажется, что тогда их и не было, или были такие, которые пали. "**Ибо некоторые", – говорит, – "уже совратились вслед сатаны**" (1 Тим.5:15). "**Вдовиц почитай, истинных вдовиц", –** говорит. Следовательно, можно не иметь мужа, и еще не быть вдовою. Подобно тому, как дева не чрез то становится девою, что она не сочеталась браком, но требуется и многое другое – непорочность, прилежание, так и вдовою делает не одна только кончина мужа, но терпение с целомудрием и совершенное уединение. Таких вдовиц он заповедует почитать, – и справедливо, потому что они достойны великого уважения, живя одинокими и не имея мужей, которые бы заступались за них. Состояние это многим кажется зазорным и достойным порицания. Поэтому он желает, чтобы она у священника пользовалась великим уважением, и не только по этой причине, но и потому, что она достойна (уважения). "**Если же какая вдовица имеет детей или внучат, то они прежде пусть учатся почитать свою семью и воздавать должное родителям**" (ст. 4). Примечай благоразумие Павла, как часто он увещает, обращаясь к человеческим соображениям.

Здесь он не упомянул о чем-либо великом и возвышенном, но о том, что для всех удобопонятно. "**И воздавать**", – говорит, – "**должное родителям".** За что? За воспитание, за возращение. Например, – ты пользовалась великим попечением; они скончались, и ты не могла заплатить им долг, – ведь в самом деле не ты их родила, не ты воспитала. Итак, заплати им во внуках, воздай долг чрез сынов. "**Пусть учатся", –** говорит, – "**почитать свою семью".** Проще сказать, он здесь говорит о добрых делах. Потом, чтобы более побудить к этому, прибавляет: "**ибо сие угодно Богу".** Так как (апостол) сказал: "**истинных вдовиц**", то теперь он показывает, кто истинная вдовица. "**Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь; а сластолюбивая заживо умерла**" (ст. 5,6). Если которая-нибудь, говорит он, будучи вдовою, не обратилась к мирской жизни, то она истинная вдовица; которая уповает на Бога, как следует, упражняется в молитве, проводит в ней день и ночь, та вдовица. Не говорит, что та, которая имеет детей не вдова, – он и ее хвалит, если она воспитает детей, как следует, – но (говорит): если которая не имеет детей, то есть пребывает в одиночестве. Далее он утешает ее в том, что она не имеет детей, говоря, что в том особенно и заключается преимущество вдовицы, что она лишена не только утешения от мужа, но и того счастия, какое приносят дети: взамен всего она имеет Бога. Та, которая не имеет детей, не хуже других; но этим утешением восполняет то, чего ей не достает вследствие того, что у нее нет детей. Поэтому сказанное имеет такой смысл: не скорби, когда услышишь, что должно воспитывать детей, и между тем у тебя их нет, и не думай, будто этим унижается твое достоинство. Ты истинная вдова. Вдова же, "**сластолюбивая заживо умерла**".

3. Так как многие женщины, имеющие детей, избирают вдовство не для того, чтобы лишить себя удовольствий жизни, а для того, чтобы более привязаться к ним, чтобы с большею независимостью делать все и больше отдаваться мирским похотям, то он поэтому говорит: "**сластолюбивая заживо умерла**". Что ты говоришь? Разве женщина-вдова не должна искать наслаждений? Нет, говорит он. Итак, если та, которая и по природе и по возрасту более немощна, не только не имеет нужды в наслаждении, но даже соделывается причастною смерти, и при том смерти вечной, то что скажут на это мужчины, которые предаются наслаждениям? Справедливо говорит: "**сластолюбивая заживо умерла".** Но чтобы тебе знать, внимательно посмотрим, какие поступки свойственны живым и какие мертвым, и куда мы должны отнести ее. Живые делают то, что имеет отношение к жизни, жизни будущей, истинной. А что имеет отношение к будущей жизни, о которой мы должны постоянно заботиться, послушай Христа, который говорит: "**приидите, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня**" (Мф.25:34,35). Живые отличаются от мертвых не тем только, что смотрят на солнце и дышат воздухом, – не этим, говорим мы, а тем, что совершают что-нибудь доброе. Если же этого не исполняют, то становятся ничем не лучше мертвых. И чтобы ты узнал это, послушай, как и мертвый может жить. "**Бог**", – говорится, – "**не есть Бог мертвых, но живых**" **(**Мф.22:32). Но это, скажешь, опять загадка. Поэтому разрешим и то, и другое. Всякий, будучи жив, становится мертвым, когда проводит жизнь в наслаждении. Отчего? Оттого, что он живет для одного чрева, а для прочих чувств – нисколько; например, – не видит того, что должно видеть, не слышит того, что должно слышать, не говорит того, что должно говорить, вообще не делает того, что делают живые; но подобно тому, как распростертый на одре, смежив глаза и закрыв веки, вовсе не ощущает того, что кругом его находится, так и этот, или скорее – не так, а гораздо хуже, потому что первый и к добру и к злу равно нечувствителен, а последний ощущает только одно, именно – зло, а для добра, подобно лежащему (мертвецу), неподвижен. Следовательно, таким образом, он и становится мертвым. Его не трогают никакие блага будущей жизни: между тем пьянство, заключив его в свои недра, как бы в какое темное и мрачное убежище и пещеру, полную всякой

нечистоты, постоянно заставляет его вращаться во тьме, как мертвых. В самом деле, когда он проводит все время или в обедах, или в пьянстве, то ужели он не во тьме пребывает? Ужели он не мертв? И даже в утреннее время, когда он, по-видимому, трезв, он не бывает вполне трезвым, отчасти потому, что вечернее вино еще не истощилось и не испарилось в нем, отчасти и потому, что им овладевает сильное желание будущих (наслаждений) и что он всегда проводит утро и полдень на пиршестве, и всю ночь и даже большую часть утра в глубоком сне. Скажи мне: ужели такого мы причислим к живым? Кто в состоянии описать ту жестокую бурю, которая поднимается вследствие пресыщения и устремляется равно на душу, как и на тело? Подобно тому, как сплошная густая туча не дает воссиять лучам солнца, так и пары, которые источают вино и пресыщение, подобно некоему утесу, ударяя в мозг и образуя там густой туман, не позволяют рассудку получить больше простора и погружают пьяного в великий мрак. Подумай, какая же воздвигается буря в душе того, кто испытывает это! Какое смятение! Как во время наводнения, когда вода начинает подниматься выше преддверий мастерских, мы видим, что живущие внутри дома приходят в смятение, и (пускают в дело) и почерпала, и амфоры, и губки, и многие другие средства придумывают для того, чтобы вычерпать (воду), чтобы она не разрушила основания (дома) и всех сосудов не сделала бесполезными, – так и в душе, когда она преисполняется излишних наслаждений, приходят в смятение помыслы, и когда не в силах удалить накопившегося, вследствие того, что опять нечто новое привходит, воздвигается жестокая буря. Не взирай, умоляю тебя, на светлое, радостное лицо, но исследуй то, что происходит внутри души, – и ты увидишь, какой великой скорби она преисполнена. Если бы можно было, выдвинув душу наружу, взглянуть на нее телесными очами, тогда, ты увидел бы душу сластолюбца уничиженною, скорбною, опечаленною и изнемогающею. В самом деле, чем больше тело питается и тучнеет, тем больше душа истощается и становится немощною. Чем больше изнеживается первое, тем глубже зарывается в землю последнее. И подобно тому, как в зенице ока, когда с наружной стороны окружающие ее покровы бывают толсты, не может отразиться предмет, подлежащий зрению, и его нельзя увидеть, потому что луч отражается от толщины покрова и вследствие этого часто происходит тьма, – так и тело, когда оно постоянно питается, очевидно, покрывается излишнею тучностию. Ты, быть может, скажешь, что мертвые гниют, истлевают и из них обильно истекает гной. Но то же самое можно видеть и в сластолюбцах: скопление дурных мокрот, флегму, насморк, одышку, рвоту, отрыжку, – остальное, о чем стыдно даже говорить, я уже оставляю без внимания. Так-то велика власть сластолюбия, – оно заставляет нас делать даже то, о чем не смеем и говорить.

4. Неужели еще станешь спрашивать, каким образом тело расплывается во все стороны? Разве (не оттого), что оно ест и пьет? Но это еще не составляет признака человеческой жизни, потому что и бессловесные едят и пьют. Когда душа лежит, как мертвая, то какую пользу приносит ей пища и питье? Подобно тому, как телу, когда оно лежит мертвым, не приносят нисколько пользы цветные одежды, покрывающие его, так и мертвая душа не получает ни малейшей пользы оттого, что ее окружает цветущее тело. В самом деле, когда она постоянно ведет речь о поварах, о прислуживающих за столом, о хлебопеках, и никогда не беседует о благочестии, то ужели она не мертва? Посмотрим, впрочем, что такое человек. Внешние говорят: человек есть животное разумное, смертное, одаренное умом и знанием. Но мы не от них позаимствуем определение, – а откуда? Из Божественного Писания. Итак, где Писание приводит определение человека? Послушай, что оно говорит. "**Был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла**" (Иов.1:1). Вот это человек. И опять другой говорит: "**Великое - человек и драгоценное - человек милосердный, но найти правдивого человека трудно**" (Притч. 20:6). Между тем тех, которые не таковы, хотя они наделены разумом и обладают беспредельным знанием, Писание не называет людьми, но псами, конями, ехиднами, змеями, лисами, волками, и всем, что только есть самого презренного между зверями.

Если поэтому таков должен быть человек, то, очевидно, сластолюбец не человек. В самом деле, как может быть человеком тот, кто не заботится ни о чем подобном? Нельзя ведь соединить вместе сластолюбие и трезвость, – одно из этих свойств уничтожается другим. И внешние говорят то же, – что толстое брюхо не рождает тонкого ума. Кроме того, Писание иногда называет (таких) людей бездушными: "**не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть**" (Быт.6:3). Конечно, они имеют душу; но так как она у них мертва, то и названы плотию. Как о добродетельных мы говорим: весь – душа, весь – дух, хотя они имеют тело, так и о порочных должно сказать противное. Поэтому и Павел говорит: "**Но вы не по плоти живете**" (Рим.8:9), так как они не творили дел плоти. Следовательно, сластолюбцы не имеют ни души, ни духа. "**Сластолюбивая заживо умерла", –** говорит. Послушайте – вы, которые все время проводите на пиршествах и в пьянстве и которые презираете бедных, томящихся и умирающих от голода в то время, когда вы постоянно умираете от наслаждений. Вы становитесь причиною двух смертей, – одной, которая постигает этих несчастных, и другой, которая убивает вас самих, и при том и та и другая есть следствие неумеренности. Напротив, если бы вы своим избытком восполнили их скудость, то вы спасли бы две жизни. Зачем ты расширяешь свое чрево пресыщением? Зачем изнуряешь бедного скудостию? Одно сверх меры утучняешь, а другое сверх меры истощаешь? Помысли, что выходит из яств, во что они обращаются и чем становятся. Но ты, даже слыша об этом, приходишь в негодование? Так зачем же ты заботишься о том, чтобы больше накопилось этого? Ведь избыток пресыщения не что иное, как умножение помета. Природа знает меру, и то, что превосходит ее, уже не пища, а скорее нечистота и помет. Питай тело, не умерщвляй его. Потому она и называется пищею, чтобы мы питали тело, а не погубляли его. Для того, я думаю, пища и испытывает такое превращение, чтобы мы не возлюбили пресыщения. А если бы этого не было, если бы это не приводило к чему-то, не приносящему никакой пользы, и не становилось бы пагубным для тела, то мы не переставали бы пожирать друг друга. Если бы чрево, принимая в себя столько, сколько бы мы ни захотели, все переваривало и передавало телу, то ты увидел бы бесчисленные войны и споры. В самом деле, если даже теперь, когда из пищи одна часть обращается в помет, а другая в бесполезную и зловредную кровь и влагу, мы предаемся сластолюбию и нередко тратим все свое состояние на один только стол, то чего бы не делали, если бы не к этому приводило нас сластолюбие? Чем больше мы предаемся сластолюбию, тем больше исполняемся зловония, когда тело, подобно меху, со всех сторон раздувается, когда отрыжка, испытываемая нами, расстраивает мозг близ стоящих, когда из тела со всех сторон истекают смрадные пары, как бы из печи, вследствие сильного накаливания, исполненной внутри зловония. Если же внешние члены в такое приходят расстройство, то что, по твоему мнению, должен испытывать внутри мозг, будучи беспрестанно помрачаем испарениями? В каком положении находятся ручьи кипящей крови, когда ей преграждают свободное обращение? Чему подвергаются другие внутренности – печень и селезенка? Что испытывают самые вместилища помета? И хуже всего то, что о (настоящих) вместилищах помета мы заботимся, чтобы они не засорялись и не извергали помета вверх, для того употребляем всевозможные меры, и шестами подталкиваем, и лопатами раскапываем; между тем вместилищ нашего чрева мы не только не очищаем, но даже засариваем и загромождаем, и никакого не обращаем внимания на то, что помет поднимается кверху, туда, где сам царь, то есть мозг, имеет свое пребывание. Мы делаем все это потому, что взираем на него не как на досточтимого царя, а как на какого-нибудь нечистого пса. Бог для того и поместил вдали эти члены, чтобы от них ничто не терпело вреда. Но мы противодействуем этому, и все растлеваем неумеренностию. И кто может исчислить другие, проистекающие отсюда бедствия? Затвори стоки вместилищ (нечистот), – и ты увидишь, что тотчас появится зараза. Следовательно, если отвне встретившееся зловоние рождает заразу, то ужели то, которое находится внутри и со всех сторон окружено тесными пределами тела и нигде не имеет стока, не причиняет

бесчисленных болезней как душе, так и телу? И ужаснее всего то, что многие негодуют на Бога, говоря: что это такое? Он сам определил, чтоб мы носили в себе помет. А между тем сами умножают помет. Но Бог для того так устроил, чтобы, по крайней мере, таким образом отвратить нас от сластолюбия, чтобы, по крайней мере, чрез это убедить нас в том, что мы не должны прилепляться к мирским благам. А ты, не взирая и на это, не только не перестаешь предаваться сластолюбию, но даже до самого горла, даже до следующего обеденного времени, даже долее, нежели продолжается самое наслаждение, продолжаешь пресыщаться. Разве не прекращается удовольствие сейчас, как скоро (пища) пройдет чрез язык и гортань? Ощущение состоят во вкушении, а после этого оно прекращается, и наступает состояние великого неудовольствия, вследствие того, что желудок или вовсе не переваривает принятую пищу, или делает это с великим трудом. Справедливо поэтому сказал (апостол): "**Сластолюбивая заживо умерла**". Действительно, душа, преданная сластолюбию, не может ничего ни слышать, ни говорить. Она становится изнеженною, вялою, робкою, несвободною, боязливою, исполненною лютости, неведения, лести, ярости, лености, – полною всех пороков, и чуждою противоположных им добродетелей. Вследствие этого и говорит (апостол): "**И сие внушай им, чтобы были беспорочны**" (ст. 7). Видишь ли, что предписание это принимает вид закона? Он не представляет этого свободе каждого, а говорит: заповедуй, чтобы не пресыщались, потому что это явный грех, так что тому, кто ведет роскошную жизнь, нельзя и вовсе неуместно быть причастником таинств. "**И сие внушай им",** – говорит, –, "**чтобы были беспорочны".** Видишь ли, что это отнесено к числу грехов? Между тем, то, что предоставляется свободе каждого, если бы даже и не соблюдалось, нисколько не препятствует быть безукоризненным. Поэтому, повинуясь Павлу, и мы будем заповедовать, что вдовицы, которыя преданы сластолюбию, должны быть исключены из числа вдовиц. В самом деле, если воин, который занимается банями, театрами и торговлею, подвергается осуждению наравне с беглецом, то тем более это должно сказать о вдовицах. Не будем же здесь искать покоя, чтобы там обрести его. Не будем здесь предаваться наслаждению, чтобы там вкусить истинного наслаждения, истинного удовольствия, которое не причиняет никакого зла и заключает в себе бесчисленные блага, коих да сподобимся мы все получить о Христе Иисусе, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 14

"Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного" (1 Тим.5:8).

1.Многие полагают, что для спасения им довольно собственной добродетели, и что если они хорошо будут располагать своею жизнию, то для спасения им уже больше ничего не будет недоставать. Но они думают неправильно. И это доказал тот, который закопал один талант, принес его не уменьшенным, но возвратил целым и таким, каким получил. То же доказывает и здесь блаженный Павел, когда говорит: "**Если же кто о своих и особенно о домашних не печется**". Попечение разумеет всякое – и о душе, и о теле, так как и последнее тоже есть попечение. Тот, кто не печется о своих, "**особенно о домашних**", то есть, принадлежащих к его роду, "**хуже неверного**". Это говорит и Йсаия, глава пророков: "**от единокровного твоего не укрывайся**" (Ис.58:7). Действительно, как может быть милостивым к посторонним тот, кто презирает людей одного с собою рода и свойственников своих? Не назовут ли все тщеславием то, когда кто, благодетельствуя чужим, презирает и не щадить своих? Или, с другой стороны, если, наставляя первых, он оставляет в заблуждении последних, несмотря на то, что благотворить последним было бы для него и удобнее и справедливее? Без сомнения. Разве не скажут тогда, что можно ли назвать милостивыми христиан, когда презирают они своих? "**И неверного**", – говорит, –

"**хуже**". Почему? Потому что последний, если и презирает чужих, то, по крайней мере, не презирает близких себе. Сказанное (апостолом) имеет такой смысл: кто нерадит о своих, тот нарушает и закон Божий, и закон природы. Если же непекущийся о присных отрекся от веры и стал хуже неверного, то куда должен быть отнесен и где займет место тот, кто обижает присных своих? Но каким образом он отрекся от веры? "**Они говорят, что знают Бога**", – говорит, – "**а делами отрекаются**" (Тит.1:16). Между тем, что заповедует Бог, в которого веруем? Не презирать тех, которые связаны с нами племенным родством. Каким же образом может веровать отрицающий это? Подумаем об этом все, которые, сберегая деньги, презираем ближних. Бог для того, и учредил родственные связи, чтобы мы имели больше случаев благотворить друг другу. Поэтому, если ты не делаешь того, что делает неверный, то ужели ты не отказался от веры? Итак, не в том состоит вера, чтобы веровать только исповеданием, но нужно еще являть праведные дела. Можно и во всяком деле веровать, и не веровать. Сказав о пресыщении и сластолюбии, (апостол) говорит, что она не оттого только погибает, что пресыщается, но и оттого, что принуждена бывает презирать ближних. И говорит это справедливо, потому что та, которая жила для чрева, оттого и погибла, что отверглась веры. Но почему становится хуже неверного? Потому что не все равно – презирать, ближнего, и дальнего. Отчего же? Оттого, что гораздо зазорнее презирать знакомого, нежели незнакомого, – друга, нежели недруга.

"**Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя, бывшая женою одного мужа, известная по добрым делам**" (ст. 9-10). (Апостол) говорил: "**пусть учатся почитать свою семью и воздавать должное родителям",** – говорил, что "**сластолюбивая заживо умерла**", – говорил, – "**Если же кто о домашних не печется, тот хуже неверного**" – говорил, что, которая этого не имеет, та не достойна занимать место в числе вдовиц. А теперь он говорит, что должна она иметь. Что же? Разве будем судить о ней по летам? Какая же в этом заслуга? Ведь не от нее зависело прожить шестьдесят лет. Не по одному возрасту только (должно судить), говорит он, так что если бы она и переступила за этот возраст, но не имела заслуг, то и тогда не должна быть причисляема (к вдовам). Почему он с такой точностию определяет возраст, причину этого указывает после, основываясь не на своем только соображении, но на положении самих вдовиц. Пока же выслушаем дальнейшия слова. "**Известная**", **–** говорит, – "**по добрым делам**". В каких делах? "**Если она воспитала детей**" (ст. 10). Поистине, немаловажное это дело – воспитать детей. Но воспитание детей не в том состоит, чтобы просто только кормить детей, а воспитать, как должно, подобно тому, как и выше сказал (апостол): "**если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием**" (1Тим.2:15). Видишь ли, как везде он ставит благодеяния, оказанные близким, выше оказываемых чужим? Прежде говорит: "**Если она воспитала детей**", а потом: "**принимала странников, умывала ноги святым, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу**" (ст. 10). Но что, если она бедна? И тогда она не лишается возможности ни воспитывать детей, ни принимать странников, ни утешать скорбных. Она не беднее той, которая положила два обола. Допустим, что она бедна, однакож она имеет дом, живет не на открытом воздухе. "**Если святым",** – говорит, – "**ноги умывала**". Это не требует издержек. "**Известная по добрым делам**". Какую заповедь здесь он дает? Он заповедует оказывать вещественное пособие, так как женщины особенно способны прислужить, постлать постель, успокоить.

2. О, какого великого совершенства требует он от вдовицы! Почти такого же, как и от лица, облеченного епископским саном, – потому что выражение: "**известная по добрым делам**" имеет такой смысл, что если она сама не могла этого сделать, то по крайней мере принимала участие, служила. Отсекая роскошь, (апостол) хочет, чтобы она была заботлива, распорядительна, постоянно пребывала на молитве. Такова была Анна. Смотри, он требует от вдовицы такого совершенства, какого не требует даже от девственниц, несмотря на то, что и от этих последних требовал великого совершенства и

высокой добродетели, – именно, сказав: "**благочинно и непрестанно [служили] Господу без развлечения".** (1 Кор.7:35), он как бы в общих чертах обозначает всякую добродетель. Видишь ли, что для того, чтобы сделаться вдовицею, не довольно не вступать во второй брак, но нужно и многое другое? В самом деле, отчего, скажи мне, убеждает ее не вступать во второй брак? Разве он осуждал это? Нет; это свойственно только еретикам. Но он хотел, чтобы она после того упражнялась в подвигах духовных и обратилась к добродетели; а брак, хотя и не нечист, однакож соединен с заботами. Поэтому сказал: "**да упражняются**" (1 Кор.7:5), не говорит: да очистятся. Действительно, брак причиняет много забот. Следовательно, если ты не вступаешь в брак потому, что хочешь упражняться в страхе Божием, и между тем не упражняешься, то не принесет тебе никакой пользы и то, что ты всячески служишь пришельцам и святым. Итак, когда ты не делаешь этого, то (очевидно) воздерживаешься от брака больше потому, что осуждаешь это дело. Так и девственница – если она не всецело сраспялась Христу – отвергает брак, потому что осуждает его, как скверный и нечистый. Видишь ли, что (апостол) гостеприимством называет не просто одно благорасположение, но соединенное со старанием, с добрым намерением, с усердием, которое так принимается за дело, как бы (готовясь) принимать самого Христа? Он хочет, чтобы служения святым они не поручали служанкам, но делали это сами лично. "**Итак, если Я", –** говорит (Господь), **–** "**Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу**" (Ин. 13:14). Хотя бы которая-нибудь из них была даже до бесконечности богата, хотя бы она достигла величайшей известности и превозносилась знатнастью рода своих предков, но и тогда не будет такого расстояния, какое было между Богом и учениками. Если ты принимаешь странника, как Христа, то нечего тебе стыдиться, напротив даже хвались этим делом; если же принимаешь его не как Христа, то лучше вовсе не принимай. "**Кто принимает вас, принимает Меня", – сказал** (Господь) (Мф.10:40). Если ты не так принимаешь, не получишь и воздаяния. Авраам, как ему казалось, принимал людей, мимоидущих путников; между тем не все нужное для принятия их поручил приготовить домочадцам, но большую часть служения и сам лично совершил, и жене приказал месить муку, несмотря на то, что имел триста восемнадцать домочадцев, между которыми, вероятно, были и служанки. Он желал вместе с женою получить награду не только за издержки, но и за служение. Так мы должны исполнять долг гостеприимства, делая все сами, чтобы мы сами освятились, чтобы и наши руки были благословляемы. И когда подаешь нищему, непогнушайся дать сам: ведь даешь не нищему, а Христу. Между тем, кто может быть столь жалок, чтобы гнушался протянуть руку Христу? Вот в чем состоит гостеприимство, вот что значит действительно делать ради Бога. А если ты с гордостию станешь распоряжаться, то хотя бы приказал (страннику) занять первое место, это не будет гостеприимством и не будет совершаться ради Бога. Странник имеет нужду и во многих услугах и в великом ободрении, так как трудно ему и после этого не краснеть. Так как дело по самой природе таково, что человек, приемлющий благодеяние, стыдится, то избытком услуг надлежит рассеивать его стыд и показывать и словом, и делом, что благотворящий не благотворит, а сам находит благо, и скорее получает благодеяние, нежели оказывает. Таким образом, заслуга увеличивается вследствие свободного намерения. Подобно тому, как тот, кто думает, что несет убыток, все теряет, равно как и тот, кто думает, что благотворит, все теряет, так и тот, кто думает, что принимает благодеяние, еще больше приобретает. "**Ибо доброхотно дающего любит Бог".** (2 Кор. 9:7). Поэтому ты должен еще благодарить нищего за то, что он берет. Если бы не было нищих, то ты не освободился бы от множества грехов: они – врачи твоих язв, их руки предлагают тебе лекарство. Не в такой мере врач приносит тебе исцеление, когда протягивает руки и прикладывает лекарство, в какой мере снимает с тебя бремя твоих грехов нищий, когда протягивает руку и принимает от тебя милостыню. Ты дал ему серебро, – и вместе с ним удалились твои грехи. Таковы и священники: "**Грехами народа Моего", – говорится, –** "**кормятся они**" (Ос. 4:8). Таким образом, ты больше получаешь,

нежели даешь, скорее принимаешь благодеяние, нежели благодетельствуешь; даешь взаймы Богу, а не людям, увеличиваешь богатство, а не уменьшаешь; уменьшаешь же, если не убавляешь его, если не даешь. "**Если принимала странников", –** говорит, – "**умывала ноги святым".** Каких именно святых? Тех, которые переносят скорби, а не вообще святых, потому что могут быть святые, пользующиеся от всех великими услугами. Не за теми ходи, которые живут в изобилии, а за теми, которых жизнь проходит в скорбях, в неизвестности, которых знают немногие. "**Так как вы сделали это**", – говорит Господь, – "**одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне.** (Мф.25:40).

3. Не предоставляй предстоятелю Церкви разделять милостыню; сама послужи, чтобы получить награду не только за издержки, но и за служение; давай собственными руками, сама засей ниву. Здесь не нужно ни водружать плуг, ни запрягать волов, ни выжидать время, ни рассекать землю, ни бороться со стужею; этот посев избавлен от всех таких заботу. Ты сеешь на небе, где нет ни стужи, ни зимы, ни чего-либо другого; ты сеешь в душах, откуда никто не похитить того, что посеяно, но где оно сохранится постоянно, и с великою заботливостию, и с великим тщанием. Сам сей. Для чего ты сам себя лишаешь награды? Великая бывает награда и за то, когда кто может распределять и достояние других. Награда бывает не только за то, когда кто дает, но и за то, когда хорошо распределяет данное другим. Почему ты именно не получаешь награды? А что и за это бывает награда, послушай, что говорить (Писание): поставили апостолы Стефана с прочими на служение вдовицам (Деян.6). Будь поэтому и ты распределителем твоих благ; на это поставляют тебя человеколюбие, страх Божий. Это избавляет от тщеславия, это утешает душу, это освящает руки, это усмиряет помысл, это учит любомудрию, это соделывает тебя более усердным, это дает тебе возможность снискивать благословение; ты отходишь, приемля на главу свою обильные благословения вдовиц. Соделайся более ревностным в молитвах, отыскивай святых мужей – истинно святых, которые сидят в пустынях, которые не могут просить, прилепившись к Богу; соверши дальний путь, подай лично сам; сам и получишь много пользы, если подашь. Видишь ли кущу и временное пристанище? Видишь ли пустыню? Видишь ли уединенное место? Часто, отправившись в путь для раздачи денег, ты всецело предал душу, и был задержан, и сталь пленником, и явился пришельцем в мире. Посещение нищих составляет тоже великое дело. "**Лучше",** – говорится, **–** "**ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира**" (Еккл.7:2). В последнем душа воспламеняется страстию, потому что если и ты можешь таким же образом пресыщаться, то получаешь побуждение к роскоши, а если не можешь, – чувствуешь печаль. Напротив, в доме плача не бывает ничего такого: там, не имея возможности пресыщаться, не огорчаешься, а когда имеешь ее, – воздерживаешься.

Воистину монастыри домы плача: там власяница и пепел, там уединение, там нет ни смеха, ни роя житейских забот, там пост, там возлежание на земле, там все удалено от запаха крови, от шума, смятения и людской суеты. Монастыри – тихая пристань. Они подобны светочам, которые, будучи помещены в пристани, с высоты светят людям, приходящим издалека, привлекая всех к своей тишине, не допуская тех, которые обращают взор свой на них, подвергнуться кораблекрушению, и тем, кто взирает на них, не позволяя пребывать во мраке. Иди к ним, дружески приветствуй, приступи, прикоснись к ногам святых: гораздо ведь почетнее прикасаться к их ногам, нежели к голове других людей. Скажи мне: если некоторые обнимают ноги статуй, потому что они вполне представляют царский образ, то ужели ты не обнимешь ног того, кто носит в себе образ Христа, чтобы получить спасение? Святы эти ноги, хотя и исхудалые; между тем у нечестивых даже голова не заслуживает уважения. Ноги святых имеют великую силу. Потому-то и ниспосылают наказание, когда отряхивают с себя прах. Когда к нам придет святой человек, мы не должны стыдиться сделать для него что-либо подобное этому. А святые – все те, которые имеют правую веру и живут благочестиво; они – святые, хотя бы

не творили знамений и не изгоняли демонов. Иди к кущам святых. Искать убежища в монастыре святого мужа значит то же самое, что удаляться от земли на небо. Там ты не видишь того, что видишь дома: место это чисто во всех отношениях, там царствует молчание и глубокая тишина, там нет твоего и моего. Если же проведешь там день или два, то почувствуешь тогда еще больше удовольствия. Наступает день, или лучше, пред наступлением дня пропел петух, – и там нет того, что бывает дома: слуги храпят, двери заперты, все спят, как мертвые, погонщик мулов звенит колокольчиками. Там нет ничего такого; но все, когда настоятель разбудит их, тотчас, с благоговением отложив сон, встают и, составив священный лик, становятся в ряд, и вдруг простирают руки горе и воспевают священные гимны. Они не нуждаются подобно нам во многих часах для того, чтобы разогнать сон и облегчить тяжесть в голове. Мы, когда встаем, сидим, долгое время, вытягиваясь, и идем за нуждою; потом умываем лицо, руки; затем надеваем обувь и платье, – и времени у нас проходит много.

4. А там нет ничего такого: там никто не призываеть слуг, потому что всякий сам себе может помочь, не требует многих одежд, не нуждается и в том, чтобы разогнать сон, но лишь только открыл глаза, вследствие трезвенной своей жизни, походит уже на того, кто долгое время бодрствовал. Действительно, когда сердце, не будучи отягчено яствами, не погружается в земное, то оно не имеет нужды в долгом времени, чтобы воспрянуть, но тотчас является трезвенным. Руки их всегда чисты, потому что и сон их бывает благопристойным: там не услышишь ни храпящих, ни зевающих, не увидишь ни раскинувшегося во сне, ни обнаженного, но все спят, лежа благоприличнее, нежели бодрствующие. Все же это происходит от доброго настроения души. Они поистине святые, – ангелы между людьми. И не удивляйся, слыша это, – великий страх пред Богом не позволяет впадать им в глубокий сон и погружать в него душу, но он (сон) как бы снаружи прикасается, только для успокоения их. А если таков их сон, то по необходимости таковы должны быть и их сновидения, – они не бывают исполнены мечтаний и страшных видений. Но вот, как я сказал, пропоет петух, – и тотчас приходит настоятель и, ногою просто толкнув лежащего, поднимает всех, потому что там не позволяется спать нагим. Встав, они тотчас становятся в ряд, и с великим согласием и мелодическою стройностию поют пророческие гимны. Ни гусли, ни свирель, ни иное какое-либо музыкальное орудие не издает такого звука, какой можно слышать в глубокой тишине и в пустыне, когда поют эти святые люди. И самые эти песни плодотворны и исполнены любви к Богу. "**Во время ночи**" – говорится, – "**Воздвигните руки ваши**" к Богу (Псал.133:2), и опять: от нощи утренюет дух мой к Тебе, Боже, зане свет повеления Твоя на земли Не скрой от меня лица Твоего; "не отринь во гневе раба Твоего. Ты был помощником моим; не отвергни меня и не оставь меня, Боже, Спаситель мой"! (Псал.29:9). (Поют они) и песни Давидовы, исторгающие обильные потоки слез. Ведь когда воспевал он их, говоря: "**Утомлен я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою**" (Псал.6:7); и опять: "**Я ем пепел, как хлеб**" (Псал.101:10); и опять: "**что [есть] человек, что Ты помнишь его**" (Псал. 8:5)? "**Человек подобен дуновению; дни его - как уклоняющаяся тень**" (Псал.143:4); также: "**Не бойся, когда богатеет человек, когда слава дома его умножается**" (Псал. 48:17); и опять: (Бог) вселяющий единомысленныя в дом "**Бог одиноких вводит в дом**"(Псал. 67:7); также: "**Семикратно в день прославляю Тебя за суды правды Твоей**" (Псал. 118:164); и опять: "**В полночь вставал славословить Тебя за праведные суды Твои**" (Псал. 118:62); также: "**Но Бог избавит душу мою от власти преисподней, когда примет меня**" (Псал.48:16); и еще: "**Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной**" (Псал.22:4); и опять: "**Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень**" (Псал.90:5, 6); и опять: "**считают нас за овец, [обреченных] на заклание**" (Псал.43:23), – тогда выражал пламенную свою любовь к Богу. А когда опять они поют вместе с ангелами

(потому что и ангелы тогда поют), говоря: "**Хвалите Господа с небес**" (Псал. 148:1), между тем как мы в это время зеваем, чешемся, храпим, или просто лежим навзничь и придумываем тысячи обманов, то какое благо приносит им то, что они в этом проводят всю ночь? Когда же начинает рассветать, тогда они, наконец, отдыхают, и в то время как мы начинаем свои дела, они имеют час отдыха. С наступлением дня, каждый из нас, позвав другого, ведет с ним речь о дневных расходах; затем один выходит на общественную площадь, является к начальнику, дрожит, боится наказаний; другой идет на зрелище; иной к своим занятиям. Между тем они, окончив утренние молитвы и песнопения, обращаются к чтению Писаний. Есть между ними и такие, которые научились списывать книги. Каждый из них, заняв одно отдельное жилище, постоянно упражняется в молчании, никто не суесловит, никто ничего не говорит. Потом совершают они третий, шестой, девятый час и вечернее молитвословие, и, разделив день на четыре части, по окончании каждой из них прославляют Бога псалмопениями и гимнами. Тогда как все прочие обедают, смеются, забавляются, преисполняют себя излишними яствами, они занимаются пением гимнов, не имея времени ни для трапезы, ни для чувственных удовольствий. И после обеда опять принимаются они за те же упражнения, подкрепив себя сперва сном. Миряне и днем спят, а те и ночью бодрствуют. Воистину они – сыны света. Первые, проведши большую часть дня во сне, становятся тяжелыми; а последние, до позднего времени оставаясь без пищи и занимаясь гимнами, все еще трезвятся. Когда же наступает вечер, первые спешат в бани и на увеселения, а последние, освободившись от трудов, наконец, садятся за трапезу, и не поднимают толпы слуг, не бегают по дому, не производят шума, не предлагают множества блюд, распространяющих запах мяса, но подают – одни только хлеб и соль, а другие прибавляют еще елея; у иных, более немощных, подаются еще травы и овощи. Потом, посидев немного времени, или скорее, завершив день пением гимнов, каждый из них опочивает на постели, приспособленной к тому, чтобы найти на ней не негу, а только успокоение. Нет там ни страха пред правителями, ни надменности, свойственной вельможам, ни рабской боязни, ни женского шума, ни детского крика; нет там множества сундуков, ни излишнего скопления риз, ни золота, ни серебра; нет у них ни внутренней, ни внешней стражи; нет ни сокровищницы и ничего такого; но все исполнено молитвы, все гимнов, духовного благоухания; там нет ничего плотского. Не боятся они нападения разбойников, потому что не имеют ничего такого, чего могли бы лишиться; денег нет, есть только тело да душа. Если бы ее отняли у них, то принесли бы им не вред, а пользу. **Ибо для меня", – говорит (апостол), – жизнь - Христос, и смерть – приобретение**" (Флп.1:21). Они отрешились от всех уз. "**Глас радости и спасения в жилищах праведников**" (Псал.117:15).

5. Не слышно там ни воплей, ни рыданий: под этим кровом нет таких огорчений, нет таких возгласов. Умирают, конечно, и у них, – потому что по телу они не бессмертны, – но смерти не почитают смертию. И отшедших провожают с гимнами, называя это сопутствованием, а не выносом. Как скоро становится известным, что кто-нибудь скончался, сейчас настает великая радость, великое удовольствие. Вернее же – никто даже и сказать не смеет, что такой-то скончался, но говорят: такой-то достиг совершенства. Потом бывает благодарение, великое славословие и веселие, при чем каждый молится, чтобы и ему иметь такую же кончину, таким же образом выйти из этой борьбы, опочить от трудов и подвигов и узреть Христа. Если же кто заболеет, то не слезы, не стенания, а опять молитвы; и часто не руки врачей, а одна вера восстановляет болящего. Но если понадобится и врач, то и тут является великое любомудрие, великое терпение. Не предстоит жена с распущенными волосами, не присутствуют дети, оплакивающие свое, еще не наступившее, сиротство, не упрашивают умирающего господина рабы, чтобы он как-нибудь обеспечил их: душа его свободна от всего этого и смотрит только на одно – на последний вздох, как бы отойти возлюбленною Богом. Если и приключается болезнь, то приключается не от обжорства и не от пьянства, но и самые причины болезней бывают

достойны похвал, а не осуждения, равно как и самые (болезни): болезни происходят или от бдения, или от усиленного поста, или от других таких же причин, почему и легко излечиваются, – для излечения всех этих недугов им довольно только не в такой степени трудиться.

6. Иной спросит: а скажи мне, умывал ли кто-нибудь ноги святых в церкви; можно ли и здесь найти таких? Можно, и очень можно; на том основании только, что мы описывали жизнь этих людей, не станем пренебрегать теми, которые пребывают в церквах. Много таких часто бывает и среди церквей; но они скрываются. Следовательно, мы не должны презирать их за то, что они ходят по домам, отправляются на торжища и занимают начальнические должности. И Бог заповедал это. "**Защищайте сироту**", – говорит Он, – "**вступайтесь за вдову**" (Ис. 1:17). Много путей добродетели, подобно тому, как многоразличны бывают и жемчужины; хотя все они называются жемчужинами, но одна светла и со всех сторон кругла, а другая этой красоты не имеет, а имеет иную. Какую же именно? Подобно кораллу, искусно обделанному, они имеют продолговатый вид, выточенные углы и другой цвет гораздо приятнее белого, именно – одни имеют зеленый цвет, который гораздо красивее всякой зелени, другие свежестию краски уподобляются цвету крови, третьи бывают синее моря, иные блистательнее пурпура; можно находить бесчисленное множество и других, которые столь же разнообразны, как цветки, и уподобляются цвету солнечных лучей. Таковы и святые, именно – одни стараются усовершенствовать самих себя, другие содействуют устроению церквей. Хорошо поэтому сказал (апостол): "**Если умывала ноги святым, помогала бедствующим**". Он сказал это с тою целью, чтобы всех побудить к подражанию. Поэтому и мы поспешим исполнить это, чтобы и мы могли похвалиться тем, что умывали ноги святых. Если же надобно умывать им ноги, то тем более следует подавать им из рук деньги и заботиться о том, чтобы это оставалось тайным. "**Пусть левая рука**", – говорит (Господь), – "**твоя не знает, что делает правая**" (Мф.6:3). Зачем берешь с собою тысячи свидетелей? Пусть не знает об этом ни слуга, ни – если можно – жена. Много бывает соблазнов со стороны лукавого. Часто случается, что прежде она никогда не препятствовала, а тут станет препятствовать, или вследствие тщеславия, или вследствие чего-либо другого. Потому-то и Авраам, несмотря на то, что у него была достойная удивления жена, намереваясь принести в жертву сына, скрыл это от нее, – хотя и не знал, что должно было произойти, так как он был уверен, что действительно принесет его в жертву. Но что сказал бы на это человек из толпы народа? Не сказал ли бы он: кто тот, который решается сделать это? Не обвинил ли бы его в бесчувственности и жестокости? Жена не сподобилась даже посмотреть на свое дитя, слышать последний его вопль, взглянуть на него, когда он будет испускать дух; он взял и повел его будто пленника. Но ни о чем таком не помышлял этот праведник, воодушевившись любовию. Он не видел ничего другого, кроме того, как бы исполнить то, что было ему заповедано, и не было там ни раба, ни жены; он даже и сам не знал, что произойдет, но старался принести вполне чистую жертву, не оскверненную ни слезами, ни противоречием. Смотри же, с какой кротостию спрашивает его Исаак и что говорит ему: "**вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?**" Что же отвечает отец? "**Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой**" (Быт.22:7,8). Это сказано было и как бы пророчески, то есть – что Бог узрит Себе Сына во всесожжение; и так тогда случилось. Но для чего, скажи, скрываешь ты это от имевшего быть закланным? Конечно, скажешь, я боялся, чтобы он не был поражен ужасом, – боялся, чтобы он не явился недостойным. Видишь ли, с какою точностью все он делал? Следовательно, хорошо сказало Писание: "**Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая**" (Мф.6:3), то есть – хотя бы мы смотрели на кого, как на собственный член, однако не должны, без крайней необходимости, спешить открывать ему свои намерения, потому что от этого происходит много бед, и кто увлекается тщеславием, тот часто встречает в этом препятствие. Потому мы должны, если можно, скрываться и от самих себя, чтобы могли стяжать обетованные

блага благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне я присно, и во веки веков.

БЕСЕДА 15

"Молодых же вдовиц не принимай, ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак. Они подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру; притом же они, будучи праздны, приучаются ходить по домам и [бывают] не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно. Итак я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом и не подавали противнику никакого повода к злоречию; ибо некоторые уже совратились вслед сатаны" (1 Тим.5:11-15).

1. Павел, сказав многое о вдовицах, определив их возраст следующими словами: "**Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя**", и показав качества вдовицы, говоря: "**если она воспитала детей, принимала странников, умывала ноги святым**" (1 Тим. 9,10), здесь опять говорит: "**Молодых же вдовиц не принимай**". Между тем касательно дев, несмотря на то, что вопрос этот был гораздо важнее, он ничего такого не заповедует. И справедливо. Почему? Потому что девы обязывались к более высокому (служению), и ради более возвышенных целей учреждалось это звание. Поэтому (такие заповеди как) "**принимала странников, умывала ноги святым**", и все тому подобные он опустил в виду усердия (дев), а также сказанного: "**незамужняя заботится о Господнем**" (И Кор.7:34). Если же он не определяет с точностью времени, то этому не удивляйся: из вышесказанного весьма ясно открывается и это. Впрочем, я уже сказал, что последние избирали девство ради более возвышенных целей. Кроме того, здесь, у первых, уже случались падения, и они сами дали повод к установлению такого закона, между тем как там ничего такого не было. Что некоторые уже пали, это явствует из следующих слов: "**ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак**"; и опять: "**ибо некоторые уже совратились вслед сатаны**". "**Молодых же вдовиц не принимай**". Почему? "**Ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак**". Что это значит: "**впадая в роскошь**"? Когда становятся распутными, изнеженными; подобно тому, как если бы кто-либо сказал честному мужу: отпусти ее, потому что она принадлежала другому. Таким образом, (апостол) показывает, что они избрали вдовство легкомысленно, не подумав хорошо. Следовательно, и вдовица своим вдовством обручается Христу: я, говорит, покровитель вдов и отец сирот. (Апостол) показывает, что они неправильно избирают вдовство, а развращаются, и однакож терпит их, хотя в другом месте говорит: "**я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою**" (2 Кор.11:2). Несмотря на то, говорит, что они посвятили себя ему (Христу), "**желают вступать в брак. Они подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру**". Верою называет обет, истину; как бы так говорит: обманули его, нарушили обет. "**Притом же они, будучи праздны, приучаются**".

Следовательно, не только мужчинам заповедует трудиться, но и женщинам, потому что праздность научает всякому злу. Не этой только вине, говорит, он подлежат они, но и другим грехам. Если же женщине неприлично ходить по домам, то тем более деве. "**Не только праздны**", – говорит, – "**но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно. Итак я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом**". Итак, что выйдет из того, когда они откажутся и от попечения о мужах, и не приложат старания о Боге? Тогда они, без сомнения, сделаются праздными, болтливыми, без нужды пытливыми. Действительно, кто не заботится о своем, тот непременно будет заботиться о чужом, равно как заботящийся о своем и говорить не

станет о чужом, и не будет иметь никакого о том попечения. "**И говорят, чего не должно".** Нет ничего в такой степени неприличного женщине, как всячески разузнавать чужие дела; впрочем не только женщине, но и мужчине, потому что это величайший признак бесстыдства и наглости. "**Итак я желаю**". Так как они сами хотят, то и я хочу, чтобы юные вдовицы вступали в брак, рождали детей, занимались хозяйством, сидели дома, потому что делать это гораздо лучше, нежели что-либо другое. Правда, следовало им иметь попечение о службе Божией, следовало хранить веру; но если этого нет, то лучше, чтобы было последнее, чем первое, потому что в таком случае и Бог не бывает отвергаем, и сами они не учатся этому. От того вдовства не будет никакой пользы; а от этого брака (может быть) много благ: вследствие него беспечный и леностный их ум может обратиться (к добру). Но отчего, спросишь ты, (апостол) не сказал, что так как вдовицы пали, то они должны употребить особенное старание, чтобы не испытать того, о чем я говорил, но заповедует вступать в брак? Оттого, что (вступать в брак) не запрещено, оттого, что он поставляет в безопасное положение; поэтому и прибавляет: "**и не подавали противнику никакого повода к злоречию**". "**Ибо некоторые уже совратились вслед сатаны**". Итак, он отвергает таких вдовиц, желая не того, чтобы оне не были молоды, но, не желая того, чтобы они прелюбодействовали, не желая, чтобы они были праздны, без нужды пытливы, чтобы говорили, чего не следует, не желая, чтобы диавол находил в них повод (к осуждению); так что, если бы этого не было, то он и не отвергал бы их. "**Если какой верный или верная имеет вдов, то должны их довольствовать и не обременять Церкви, чтобы она могла довольствовать истинных вдовиц**" (ст. 16). Видишь, как опять он истинными вдовицами называет совершенно одиноких, не имеющих ни откуда утешения? Так, действительно, было лучше. Отсюда проистекали два величайшие (блага): одни находили повод делать добро, другие были хорошо пропитываемы, и Церковь не обременялась. Кстати он прибавил: "**если какой верный**", – потому что верные не должны были получать пропитание от неверных, чтобы не казалось, будто имеют в них нужду. И смотри, как утешительна (его речь). Не сказал: да будет доставляемо им роскошное содержание, но: "**должны их довольствовать**", Церковь, "**чтобы она могла довольствовать истинных вдовиц**". Следовательно, и за такую помощь она получает награду; помогая Церкви, она не ей только помогает, но и тем (вдовицам), когда доставляет им обильное содержание. "**Я желаю молодым**" – что? Пресыщаться? Или предаваться неге? Ничего такого, но "**вступать в брак, рождать детей, управлять домом**" А чтобы ты не подумал, будто он увещевает их проводить жизнь в удовольствиях, он прибавил: "**и не подавали противнику никакого повода к злоречию**". Им надлежало быть выше житейских нужд, но так как они стали ниже их то, по крайней мере, на той степени должны были стоять. "**Достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении. Ибо Писание говорит: не заграждай рта у вола молотящего; и: трудящийся достоин награды своей**" (ст. 17,18).

2. Честию здесь называет попечение, доставление всего необходимого. Это видно из слов: "**не заграждай рта у вола молотящего"; и:** "**трудящийся достоин награды своей**" Следовательно, и в том случае, когда говорит: "**вдовиц почитай**" (1 Тим.5:3), говорит это о необходимой для них пище; "**чтобы она могла довольствовать истинных вдовиц**", – говорит он; и опять: "**почитай, истинных вдовиц",** т. е. бедных, потому что чем беднее, которая из них, тем она больше вдовица. Здесь приводит и постановление закона, и заповедь Христову, – и то и другое согласны между собою. Закон именно говорит: "**не заграждай рта у вола молотящего**". Видишь ли, каких трудов требует он от учителя? Нет, воистину нет другого труда, равного его труду. Но это – постановление закона. Какую же приводит он заповедь Христову? "**Трудящийся**", – говорит, – "**достоин награды своей**". Поэтому не на одну только награду мы должны обращать внимание, но и на то, как повелено; а он говорит: "**трудящийся достоин**" пищи "**своей**" Следовательно,

тот, кто предается удовольствиям и успокоению, не достоин ее. Кто не вол молотящий, кто не несет терпеливо ярма, не обращая внимания на жар и терние, и не прежде оставляет его, как по собрании плодов в житницу, тот не достоин ее. Поэтому надобно, чтобы учителям все необходимое было доставляемо в изобилии, чтобы они не трудились (для этого сами), не изнемогали и, занимаясь маловажным, не лишались великого, чтобы они упражнялись в духовных подвигах, нисколько не заботясь о житейских делах. Таковы были левиты: у них не было никакой заботы о житейском, потому что попечение о них имели миряне и законом определены были их доходы, как-то: десятины, известное количество златниц, начатки, молитвы, и многое другое. Но им естественно назначалось это по закону, так как они искали настоящего; а я говорю, что предстоятели не должны иметь ничего больше, кроме пищи и одежды, чтобы они не развлекались этим. Что же значит: "**сугубую честь**"**?** Сугубой по отношению к вдовицам, или по отношению к диаконам, или просто – сугубой чести, то есть, великой. Поэтому мы должны обращать внимание не только на то, что (апостол) удостаивает их сугубой чести, но и на то, что он говорит дальше: "**Достойно начальствующим**". Что же значит: "**Достойно начальствующим**"? Послушаем, что говорит Христос: "**пастырь добрый душу свою полагает за овцы**" (Ин.10:11). Следовательно, в том состоит хорошее предстоятельство, чтобы ради попечения о них не щадить ничего. "**Особенно тем**", – говорит, – "**которые трудятся в слове и учении**". Где теперь те, которые утверждают, что ненужно слова и учения? Между тем и Тимофею он дает столько увещаний, говоря: "**О сем заботься, в сем пребывай**" (1 Тим.4:15); и опять: "**занимайся чтением, наставлением; так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя**" (1 Тим.4:13,16). Равным образом он хочет, чтобы таких почитали больше, нежели всех других. И приводит причину: они, говорит, подъемлют великий труд. И справедливо. Тогда как другой и не бодрствует, и не печется, но остается без заботы и печали, тот трудится, печется, и поучается, – особенно когда бывает неопытен во внешних науках. Как же не должен он пользоваться большею честию, нежели все прочие, когда он предается столь великим трудам? При том он служит предметом бесчисленных разговоров. Один укоряет его, другой хвалит, иной насмехается, тот оскорбляет его память и намерения, – и нужна ему большая крепость духа, чтобы переносить это. Это важно и много содействует благоустроению Церкви и великую приносит пользу, когда предстоятели ее люди ученые. А когда этого нет, то в Церквах многое погибает. Вот почему к прочим (свойствам предстоятеля), к страннолюбию, к кротости, к непорочности (апостол) причисляет и это, говоря: "**учителен**". При том, почему он называется учителем? Конечно, потому, скажешь, что он своей жизнью должен научать других любомудрию. Следовательно, это становится излишним, и для преуспеяния не нужно словесного наставления. Но как же Павел говорит: "**особенно тем, которые трудятся в слове и учении**"! Ведь когда речь идет о догматах, тогда какую силу имеет жизнь? Впрочем, о каком слове говорит он? Не о хвастливом, не о том, какое отличается внешнею утонченностию, но о том, которое проникнуто великою силою духа, исполнено разума и мудрости. Поэтому ему нужны не искусство и изящные выражения, а мысли, – не изложение, а смысл. "**Обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях**" (ст. 19). Следовательно, ужели нужно принимать обвинение (взводимое) на молодого без свидетелей? Или вообще на всякого? И ужели вообще должно без исследования произносить приговоры? Что же значит сказанное им? Он говорит – ни на других, но особенно на пресвитера, потому что под именем пресвитера, он разумеет здесь не сан, а возраст, так как юноши легче погрешают, нежели старцы. Отсюда явным становится то, что Тимофею уже вверена была Церковь, или и весь народ Азии. Поэтому (апостол) и беседует с ним о пресвитерах. "**Согрешающих обличай перед всеми, чтобы и прочие страх имели**" (ст. 20). То есть, не тотчас отсекай, но все исследуй с великою точностью. Когда же ясно узнаешь, строго взыскивай, чтобы и другие вразумлялись. Как вредно бывает необдуманно осуждать, так и не наказывать явно согрешивших значит давать дорогу другим к тому, чтобы и они то же самое делали и на то

же покушались. Обличай, говорит, показывая (что нужно действовать) не кое-как, но со строгостью, потому что таким образом и другие будут бояться. Как же Христос говорит: "**пойди и обличи его между тобою и им одним**" (Ме.18:15), если он согрешил против тебя? Однакож (Христос) позволяет обличать его и в церкви.

3. Что же? Разве не больше будет соблазна, когда пред всеми станешь обличать? Каким образом? Когда грех узнают, а наказания видеть не будут, то больше станут соблазняться. Как оттого, что согрешившие остаются ненаказанными, многие согрешают, так и оттого, что они бывают наказываемы, многие исправляются. Так поступал и Бог. Он привел фараона на средину (моря) и наказал; видим также, что получили наказание и Навуходоносор, и многие другие люди и города. Следовательно, он хочет, чтобы все имели страх пред епископом, и поставляет его над всеми. Но так как многие подвергались осуждению по подозрению, то он говорит, что надобно, чтобы были свидетели, которые обличили бы его, согласно предписанию древнего закона: "**при словах двух свидетелей, или при словах трех свидетелей состоится дело**" (Втор.19:15). "**На пресвитера**", – говорит, – "**обвинение не иначе принимай**". Не сказал: не осуждай, но: даже не принимай обвинения и вовсе не призывай его на суд. Но что, если и двое свидетелей солгут? Это редко случается, при том же по расследованию на суде и это может обнаружиться. Для (обличения) грехов довольно и двух свидетелей, в виду того, что они совершаются тайно и скрытно, – так что это служит признаком строгого исследования. Но что, если грехи будут явны, а свидетелей не будет, но только подозрение в дурном? Выше я сказал, говорит он: "**Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних**" (1 Тим.3:7). Будем же любить Бога со страхом, потому что хотя "**закон положен не для праведника**" (1Тим.1:9), однако многие, упражняясь в добродетели по необходимости, а не вследствие свободного расположения воли, от страха получают много пользы, часто отсекая свои пожелания. Для того послушаем о геенне, чтобы эта угроза и этот страх доставили нам нечто важное. Если бы Тот, Кто намеревается ввергнуть в нее грешников, не высказал наперед этой угрозы, то многие попали бы в нее. В самом деле, если даже теперь, когда страх потрясает наши души, есть люди, которые так легко согрешают, как будто она и не существует, то какого зла мы не сделали бы, если бы ничего такого не говорили нам и ничем таким не угрожали? Следовательно, как всегда я говорю, геенна не менее царствия показывает попечение Божие о нас. Геенна содействует царствию (Божию), страхом подвигая людей к нему. Итак, не будем считать этого признаком излишней строгости и жестокости, но милосердия, великого человеколюбия, попечения и любви к нам. Если бы во времена Ионы не угрожала погибель, то не была бы предотвращена погибель. Если бы Бог не сказал, что "**Ниневия будет разрушена**" (Ион.3:4), то не устояла бы Ниневия. Если бы Он не угрожал нам геенною, все мы попали бы в геенну. Если бы не грозил нам огонь, никто не избежал бы огня. Он говорит, что сделает то, что несогласно с Его желанием, чтобы сделать то, чего желает. Он не хочет смерти грешника, но говорит о смерти грешника, чтобы не предать его смерти. Не только словом выражает это, но показывает и на деле, чтобы мы избежали ее. А чтобы кто-нибудь не подумал, что это только одна угроза, а не что-либо действительное, Он сделал это ясным чрез события, которые прежде здесь совершались. Не кажется ли тебе, что потоп есть образ геенны, истребление посредством дождя есть образ такого же истребления посредством огня? "**Как было** ", – говорит, – "**во дни Ноя, женились и выходили замуж**" (Мф.24:37,38), так и теперь. Задолго предсказывал Он тогда, предсказывает лет за четыреста, или более, но никто не внимает. Все полагают, что это басни, все смеются, никто не чувствует страха, никто не плачет, никто не бьет себя в грудь. Река огня кипит, пламень разгорается, а мы смеемся, предаемся удовольствиям и грешим безбоязненно. Никто никогда не приводит себе на память этого дня; никто не помышляет, что настоящее преходит, что все это временно, несмотря на то, что события ежедневно говорят о том. Преждевременная смерть, перемены обстоятельств,

совершающиеся, когда мы еще и живем, не вразумляют нас, равно как и недуги, и прочие немощи. И не в наших только телах, но и в самых стихиях можно видеть эти перемены; и (перемены), замечаемые в возрастах, ежедневно приводят нас к размышлению о смерти; и везде во всем отпечатлевается непостоянство вещей. Никогда не продолжается неизменно ни зима, ни лето, ни весна, ни осень, но все бежит, летит и течет. Но о чем бы ты желал, чтобы я говорил тебе: о цветах ли, о достоинствах ли, о царях ли, которые ныне живут, а завтра перестанут существовать? Или о богатых? Или о блестящих зданиях? Или о ночи и дне? Или о солнце и о луне? Разве не уменьшается и эта последняя? Разве самое солнце часто не затмевается и не покрывается мраком? Разве не закрывает его облако? Разве что-либо видимое пребывает неизменным? Ничто из всего того, что в нас находится, кроме души; и между тем о ней мы нерадим. Мы много печемся о том, что изменчиво, считая его постоянно пребывающим; а на то, что постоянно пребывает, на душу, как будто на нечто скоропреходящее, мы не обращаем никакого внимания. Положим, что иной имеет великую силу. Но только до завтра, а после этого она погибает; это видно из того, что бывали люди, одаренные великим могуществом, и теперь их нигде не видно. Жизнь походит на сцену и сновидение. Подобно тому, как на сцене, по снятии покровов, исчезает разнообразие изображений, и как, с появлением солнечного луча, все сновидения улетают, – так и теперь, после того как последует кончина и общая, и каждого порознь, все разрушается и исчезает. И дерево, которое ты посадил, остается; и дом, который ты построил, тоже остается; между тем художник и земледелец удаляются и погибают. И когда все это происходит, мы, несмотря даже на это, не вразумляемся, и как будто бессмертные все это устрояем, предаваясь удовольствиям и наслаждению.

4. Послушай, что говорит Соломон, который на деле испытал значение настоящих вещей. "**Построил себе домы**", – говорит он, – "**посадил себе виноградники, устроил себе сады и рощи, сделал себе водоемы**, **собрал себе серебра и золота**, **завел у себя певцов и певиц**, **также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех**" (Еккл.2:4-8). Никто не был столько предан наслаждению, никто не был так славен, никто так мудр, никто так могуществен, никто не видел, чтобы все так шло по его желанию. Что же? Ничто из этого не принесло ему пользы: но что говорит он после всего этого? "**Суета сует**", – говорит,– "**все суета**" (Еккл.1:2). Не просто суета, но суета по преимуществу. Последуем ему, умоляю вас, ему, изведавшему все на опыте; последуем ему, и обратимся к тому, в чем нет суеты, где истина, где все постоянно и неизменно, где все создано на камне, где нет ни старости, ни изменяемости, где все цветет, где все исполнено силы, где ничто не ветшает и не стареет и не приближается к разрушению. Возлюбим, умоляю вас, преискренне Бога – не из страха геенны, а из желания приобресть царствие. В самом деле, скажи мне, что может равняться с созерцанием Христа? Нет ничего такого. Что может равняться с наслаждением теми благами? Тоже нет ничего такого. И справедливо, потому что "**не видел того глаз**", – говорится, – "**не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его**" (1 Кор.2:9).

Постараемся же получить эти блага и презрим земные. Разве не до бесконечности мы уничижаем эти последние, (говоря): человеческая жизнь ничто? Зачем же заботишься о ничем? Зачем подъемлешь труды для ничего? Но ты взираешь на блестящие здания, и созерцание их прельщает тебя? Тогда взгляни тотчас на небо, обрати свой взор от камней и столпов к этой красоте, – и увидишь, что все это – дела муравьев и комаров. Почерпай мудрость из этого зрелища, восходи к небесному. Оттуда рассмотри блестящия здания, – и увидишь, что они не иное что, как игрушки малых детей. Разве не видишь, насколько тоньше, насколько легче, насколько чище, насколько светлее становится воздух, по мере того, как восходишь на высоту? Творящие милостыню там имеют домы и местопребывание. А эти (земные домы) при воскресении разрушатся, или, правильнее говоря, прежде воскресения самое время разрушит, уничтожит и истребит их; даже

прежде времени, часто в полной силе и красоте, или ниспровергает их землетрясение, или всецело истребляет пожар. Не только ведь в отношении человеческого возраста, но и в отношении к зданиям бывает преждевременная смерть. Часто те здания, которые от времени соделались ветхими, при колебании земли оставались невредимыми; между тем блестящие, прочные и недавно построенные одним ударом грома были потрясаемы и разрушаемы. И это происходит, думаю, по устроению Божию, чтобы мы не гордились нашими зданиями. Хочешь ли другим образом сохранить бодрость духа? Ступай к общественным зданиям, которыми наравне с другими и ты владеешь. Ведь нет, поистине нет дома, который, как бы блистателен ни был, превосходил бы блеском общественные здания. Пребывай там, сколько хочешь времени. Эти здания – твои, они твои столько же, как и всех прочих; они общие, а не частные. Но ты скажешь, что они не нравятся тебе. Не нравятся, во-первых, вследствие привычки, во-вторых, вследствие любостяжания. Следовательно, то, что нравится, есть любостяжание, а не красота. Следовательно, наслаждение состоит в любостяжании и в желании присвоить себе все. До каких же пор будем прилепляться к этому? До каких пор будем прикованы к земле и, как черви, будем пресмыкаться в грязи? Бог дал нам тело из земли для того, чтобы мы и его возвели на небо, а не для того, чтобы чрез него и душу низвели в землю. Оно – земное; но если я захочу, будет небесным. Смотри, какой честью Он нас почтил, предоставив нам такое дело. Я сотворил, говорит Он, землю и небо; даю и тебе творческую власть, – сотвори землю небом, ты можешь сделать это. О Боге сказано: "**Кто сотворил** [всё] **и претворяет**"(Амос.5:8). Но такую же власть Он дал и людям, подобно тому, как чадолюбивый отец, занимаясь живописью, не только сам (упражняется в этом), но и сына хочет довести до одинакового с ним совершенства. Я сотворил, говорит Он, прекрасное тело; даю тебе власть создать нечто лучшее, – соделай прекрасною душу. Я сказал: "**да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя дерево плодовитое**" (Быт.1:11). Скажи и ты: да произрастит та же земля собственный плод и произойдет то, что по Твоему желанию должно произойти. Я творю лето и мглу, утверждаю гром и созидаю дух; Я создал змия, что бы ругаться над ним, то есть диавола. Не позавидовал Я тебе и этой власти. Ругайся над ним и ты, если хочешь; можешь связать его, как птичку. Я воссияваю солнце на злых и благих; подражай и ты, – раздавай свои стяжания и добрым, и злым. Я, будучи оскорбляем, терплю, и благотворю оскорбляющим Меня; подражай и ты, – ты можешь сделать это. Я благодетельствую не ради воздаяния; подражай и ты, и делай добро не ради воздаяния и не ради награды. Я возжег светила на небе; зажги и ты светила блистательнее этих, ты можешь сделать это, – просвети заблудших. Дать познать Меня – большее благодеяние, нежели доставить возможность видеть солнце. Ты не можешь сотворить человека, но можешь сделать его праведным и благоугодным Богу. Я сотворил существо; ты укрась намерение. Смотри, как Я люблю тебя, и что Я дал тебе силу даже в более важных делах. Видите, возлюбленные, как мы почтены, и между тем некоторые несмысленные и неблагодарные говорят: для чего мы одарены свободною волею? Если бы у нас не было свободной воли, то все, о чем мы говорили, и в чем можем подражать Богу, не могло бы составлять для нас предмета подражания. Я управляю, говорит Он, ангелами; и ты – чрез Начаток. Я восседаю на царском престоле; и ты совосседаешь Мне – чрез Начаток. "**И воскресил с Ним", –** говорит (апостол), – "**и посадил на небесах во Христе Иисусе**" (Ефес.2:6). Тебе покланяются херувимы и серафимы и все ангельские силы, начала, власти, престолы, господства – чрез Начаток. Не порицай тела, которое сподобилось такой чести, пред которым трепещут даже беплотные силы. Но что скажу еще? Не этим только изъявляю Я свою любовь, но и страданиями Моими. Для тебя Я подвергся оплеванию, заушению, истощил славу, оставил Отца и пришел к тебе, ненавидящему Меня, отвращающемуся от Меня и не желающему даже слышать Мое имя. Я шел вслед за тобоио и догонял, чтобы удержать тебя; Я соединил и сочетал тебя с Собою; "**ешь Меня**", – сказал Я, – "**и пей Меня**". И горе держу тебя, и долу соединяюсь с тобою. Разве не довольно для тебя того, что начаток твой я держу горе? Разве это не

удовлетворяет твоей любви? И опять Я сошел на землю, – не просто смешиваюсь с тобою, а соединяюсь, снедаюсь, раздробляюсь на малые части, чтобы произошло великое растворение и смешение и соединение, – потому что соединяемое пребывает в своих пределах, а Я воедино слился с тобою. Я не хочу, чтобы уже было что-то среднее; хочу, чтобы мы оба были одно. Итак, зная это и великое Его о нас попечение, будем все делать, чтобы мы могли явить себя не недостойными великих Его даров, которые да сподобимся все мы получить благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 16

"Пред Богом и Господом Иисусом Христом и избранными Ангелами заклинаю тебя сохранить сие без предубеждения, ничего не делая по пристрастию. Рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах. Храни себя чистым. Впредь пей не [одну] воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов" (1 Тим.5:21-23).

1. Сказав о епископах, о диаконах, мужах, женах, о вдовицах, о пресвитерах и о всех прочих, и показав, над кем простирается власть епископа, (апостол) когда стал говорить о суде, присовокупил: "**Пред Богом и Господом Иисусом Христом и избранными Ангелами заклинаю тебя сохранить сие без предубеждения, ничего не делая по пристрастию".** Вот, наконец (он изрекает) страшное увещание, потому что не посовестился (сказать это) даже из уважения к тому, что Тимофей был его возлюбленное чадо. Тот, кто не постыдился сказать о себе: "**дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (1 Кор.9:27), тем более не устыдился и не посовестился (сказать так) и Тимофею. Впрочем, он хорошо (поступает), призывая в свидетели Отца и Сына; но для чего еще – избранных ангелов? Вследствие великого снисхождения, потому что и Моисей говорит таким же образом: "**то свидетельствуюсь вам сегодня небом и землею**" (Втор.4:26), – вследствие великого снисхождения Господня. И опять: "**слышите дебри, основания земли; Слушайте, горы, суд Господень, и вы, твердые основы земли: ибо у Господа суд с народом Своим, и с Израилем Он состязуется**" (Мих.6:2). А призывает он Отца и Сына в Свидетели сказанного им для того, чтобы в грядущий день, если бы что совершилось вопреки долга, остаться правым пред Ними, то есть, как бы снимая с себя всякую (ответственность). "**Заклинаю тебя сохранить сие", –** говорит он, – " **без предубеждения, ничего не делая по пристрастию**". То есть, ты должен быть дружелюбным и справедливым к судящимся и ожидающим от тебя приговора и никто не должен предрасполагать тебя в свою пользу и склонять на свою сторону. Но кто это избранные ангелы? Некоторые, следовательно, как будто не были таковы. Потому-то и Иаков берет себе в свидетели Бога и холм. Равным образом и мы часто берем в свидетели и важных, и незначительных лиц. Столь великое значение имеет свидетельство. Он как будто так сказал: призываю в свидетели Бога, и Сына Его, и слуг Его, что я заповедал тебе; вот пред ними заповедую тебе. Он устрашает Тимофея. Потом, сказав это, он присовокупил то, что было всего более благовременно, что преимущественно содействует устроению Церкви, – именно о рукоположениях. "**Рук**", – говорит, – "**ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах".** Что значить: "**поспешно**"? Не по первом, не по втором, не по третьем испытании, но неоднократно рассмотрев и тщательно исследовав, так как это дело не безопасное. За соделанные им грехи, как прежние, так и будущие, подвергнешься наказанию и ты, доставивший ему власть, потому что, неблаговременно отпустив ему прежние грехи, ты станешь виновным и в тех, которые он совершит впоследствии времени; именно – будешь причиною этих последних потому, что вверил ему начальство, а прежних потому, что не дал ему оплакать

их и придти в состояние сокрушения. Ты становишься соучастиком как добрых его дел, так и грехов. "**Храни себя чистым".** Здесь говорит о воздержании. "**Впредь пей не [одну] воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов**". Если же мужу, который до такой степени соблюдал посты и столько времени употреблял воду, что стал даже подвергаться болезням и частым недугам, (апостол) заповедует воздержание, и тот не огорчается, то тем более мы не должны огорчаться, когда слушаем чьи-нибудь наставления. Почему же он не исцелил его желудка? Не потому, что не мог, а потому, что хотел и отсюда извлечь какое-либо важное наставление; а тот, чья одежда воскрешала мертвых, без сомнения, мог сделать и это. Итак, зачем же не сделал он этого? Затем, чтобы мы, когда и теперь видим людей великих и добродетельных подверженными недугам, не соблазнялись этим. Таким образом, и это служило на пользу. Если ему самому дан был ангел сатанин, чтобы он не возгордился, то тем более Тимофею, – потому что знамения легко могли привести его к гордости. Поэтому (апостол) предоставил ему пользоваться правилами врачебной науки, чтобы и он сам меньше думал о себе, и другие не соблазнялись, и уразумели, что и те святые мужи, будучи одинаковой с нами природы, совершали то, что совершали. Кроме того, мне кажется, что он подвержен был недугам и от других причин; на это указывает (апостол), говоря: "**ради частых твоих недугов**", и от желудка и от других частей тела. Впрочем, он не позволил ему неумеренно напиваться вином, но, сколько нужно для здоровья, а не для удовольствия. "**Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых [открываются] впоследствии**" (ст. 24). Так как он говорил о рукоположениях, то и сказал: "**и не делайся участником в чужих грехах**". Но что, если я не знаю, скажешь ты? "**Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых [открываются] впоследствии**" У некоторых, говорит, они явны потому, что предшествуют; а у других нет, и те следуют за ними. "**Равным образом и добрые дела явны; а если и не таковы, скрыться не могут**" (ст. 25). "**Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение**" (6:1). "**Всякой чести**", – говорит, – "**достойными".** Не думай, что если ты верный, то и свободен: свобода эта состоит в том, чтобы еще больше быть рабом. Неверный, если увидит, что чрез веру люди впадают в самомнение, часто будет поносить ее, как учение, располагающее к возмущению, а если заметит, что они покорны, то тем скорее сам покорится, тем внимательнее будет к тому, что говорится. Таким образом, если верные не будут покорны, то и Бог и проповедь подвергнутся поношению. Но что, спросишь ты, если господа будут неверные? И в таком случае надобно подчиниться ради имени Божия. "**Те, которые имеют господами верных**", – говорит, – "**не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья; но тем более должны служить им, что они верные и возлюбленные и благодетельствуют [им]**" (ст. 2).

2. Он как будто так говорил: если вы удостоились такой чести, что имеете братий господами, то должны поэтому особенно повиноваться им. "**Прямо**", – говорит, – "**ведут к осуждению**", – то есть, из худых дел здесь одни скрываются, другие нет; а там не могут скрыться ни худые, ни хорошие. Что значит: "**Прямо ведут к осуждению**"! То, что когда кто грешит, – грехи уже осуждают его, если он не исправляется, или если и надеется исправиться, но не делает этого. Но для чего, и почему это сказано было? Для того, что хотя здесь некоторые и скрываются, но там не скроются: там все открыто. Между тем для праведных это служит величайшим утешением. Потом, так как он сказал: "**ничего не делая по пристрастию",** то для необходимого объяснения прибавил: "**Рабы, под игом находящиеся".** Но какое это имеет отношение к епископу, спросишь ты? Очень (близкое), – чтобы он увещевал, чтобы учил пх. Касательно них (рабов) он и здесь делает правильные наставления. Мы видим, что он везде больше заповедует рабам, нежели господам, и, показывая им, как должно повиноваться, и много об них рассуждая. Именно – он увещевает первых покоряться с великой кротостью, а последним внушает уменьшать

страх, говоря: "**умеряя строгость**" (Еф.6:9). Но для чего заповедует он это? По отношению к неверным справедливо, потому что нет причины беседовать с такими, которые не внимают. А по отношению к верным для чего? Для того, что господа больше доставляют рабам, чем рабы господам; первые и золото тратят на них, и заботятся о снабжении их необходимыми вещами, одеждою и всем прочим. Таким образом, господа оказывают им больше услуг, на что и здесь указывает (апостол), говоря: "**что они верные и возлюбленные и благодетельствуют [им]**". Они беспокоятся и трудятся ради вашего спокойствия, – и ужели не должны пользоваться великою честью от своих слуг? Если же рабам заповедал он пребывать в таком послушании, то подумайте, в какой степени мы должны быть расположены к Владыке, который привел нас из небытия в бытие, который и питает нас, и одевает. Поэтому потщимся послужить ему – если не как-нибудь иначе, то, по крайней мере, столько, сколько служат нам наши рабы. Разве не на то они посвятили всю жизнь, чтобы доставлять спокойствие своим господам? Разве не в том состоит их занятие, разве не в том их жизнь, чтобы заботиться о делах своих господ? Не заботятся ли они целый день о делах господина, между тем как для исправления своих дел у них нередко остается малая часть вечера? А мы, напротив: своими делами занимаемся постоянно, а для того, что относится к Владыке, нет у нас и малой части времени, и при том мы поступаем так тогда, когда Он не только не нуждается в наших услугах, подобно тому, как господа (нуждаются в услуте) рабов, но и самые эти услуги обращает к нашей же пользе. Там служение раба приносит пользу господину; а здесь служение раба ничего не значит для Владыки, но полезно самому же рабу. "**Блага**", – говорится, – "**мои Тебе не нужны**" (Пс. 15:2). В самом деле, скажи мне, какая будет польза Богу, если я буду праведен, и какой вред, если я буду неправеден? Разве природа Его не есть без примеси? Разве она не свободна от повреждения? Разве она не выше всякого страдания? Рабы не имеют ничего собственного, все у них господское, хотя бы они до бесконечности были богаты. Напротив, мы имеем много собственного, и не без причины мы получили такую честь от Царя всяческих. Какой господин отдал за раба своего сына? Никакой. Напротив, все предпочли бы скорее отдать рабов за сыновей. А здесь, напротив: Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас – за врагов, ненавидящих Его. Рабы, хотя бы им приказано было нечто тягостное, не досадуют, – особенно если они благонравны; а мы тысячекратно унываем. Рабам ничего такого не обещает господин, что обещал нам Бог. Но что? Освобождение от рабства в здешнем мире, что часто бывает тяжелее рабства, потому что часто случается голод, и тогда эта свобода становится хуже рабства; между тем она составляет величайший дар. А у Бога нет ничего временного, ничего тленного, – но что? Хочешь знать? Послушай. "**Я уже**", – говорит (Господь), – "**не называю вас рабами. Вы друзья Мои**" (Ин.15:15,14).

Устыдимся, возлюбленные, убоимся; ужели не послужим Владыке, по крайней мере, столько, сколько служат нам рабы, или, правильнее говоря, ужели мы даже в самой малой части не обнаружим нашего служения? Они любомудрствуют вследствие необходимости, – имея только кров и пищу; а мы, отчасти уже получив, отчасти ожидая бесчисленных благ, чрезмерною роскошью оскорбляем Благодетеля. Если не из какого-либо другого источника, то, по крайней мере, от них примем правила любомудрия. Писание обыкновенно отсылает людей не к рабам, но даже к бессловесным животным, например – когда повелевает подражать то пчеле, то муравьям. А я убеждаю вас подражать, по крайней мере, рабам. Что они делают из страха к нам, то и мы будем делать, по крайней мере, из страха к Богу; а мы не находим, чтобы вы делали это. Они из страха к нам тысячекратно подвергаются оскорблениям и невозмутимее всякого философа стоят в молчании; они получают оскорбления справедливо и несправедливо, и не противоречат, но просят прощения, нередко даже не сделав ничего худого. Не получая ничего, кроме необходимого, а часто и менее того, они довольствуются этим. Засыпая на соломенной постели, питаясь только хлебом и проводя жизнь во всех отношениях скудную, они не

жалуются и не огорчаются по причине страха, который мы им внушаем. Когда вверяются им деньги, они их полностью возвращают (не указывай мне на лукавых рабов, а на тех, которые не очень злы); когда мы погрозим им, они тотчас смиряются. Разве не в этом состоит любомудрие? Не говори мне, что это бывает вследствие необходимости, потому что и тебе предстоит необходимость впасть в геенну, и, несмотря на то ты не вразумляешься и не воздаешь Богу такой чести, какой пользуешься от рабов. Каждый слуга имеет свое определенное жилище, и не нападает на жилище ближнего, не бывает снедаем желанием приобресть больше. И всякий видит, что рабы соблюдают это из-за страха пред господами; и редко увидишь, чтобы один раб что-нибудь унес или испортил у другого. А у людей свободных происходит противное этому. Мы грызем, пожираем друг друга, не боимся Владыки; и в Его глазах грабим, окрадываем, бьем сорабов своих. Между тем раб не сделал бы этого, а если бы даже он и ударил кого-либо, то не в глазах господина; если бы и побранил кого-либо, то так, чтобы господин не слышал. А мы дерзаем делать это пред Богом, Который все видит и слышит. У них всегда пред глазами страх к господину; а у нас его никогда не бывает. Оттого-то у нас все расстроилось, все слилось и развратилось; и самим нам даже в ум не приходят наши преступления, а когда согрешают наши рабы, мы с точностию исследуем все, до малейшей подробности. Это говорю я не с тою целью, чтобы хотел сделать рабов ленивыми, но чтобы истребить нашу леность и пробудить нас самих от беспечности, чтобы мы служили Богу хотя бы так, как служат нам рабы, (служили) Сотворившему нас так, как служат нам единосущные нам и не получившие от нас ничего такого. По природе свободны и они: "**и владычествуйте над рыбами**" (Быт. I:26), сказано было и к ним. Это рабство не от природы, но произошло от случая и обстоятельств и, несмотря на то, они оказывают нам великую честь. Между тем мы, требуя себе от них услуги, устремляемся на них со всею строгостью, и в то же время Богу не уделяем ни малейшей части служения, несмотря на то, что польза от этого обращается опять к нам же. Ведь чем усерднее мы будем служить Богу, тем больше получим себе пользы, тем больше будет выгоды для нас самих. Не будем же лишать самих себя столь великого приобретения. Бог самодоволен и ни в чем не нуждается; воздаяние же и польза возвращается опять к нам. Итак, умоляю вас, постараемся приобресть такое расположение, как будто мы служим не Богу, а себе самим, и поработаем ему со страхом и трепетом, чтобы сподобиться обетованных благ во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 17

"Кто учит иному и не следует здравым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражен [страстью] к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения. Пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждыми истины, которые думают, будто благочестие служит для прибытка. Удаляйся от таких. Великое приобретение - быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести [из него]" (1 Тим.6:3-7).

1. Учителю нужно употреблять не только власть, но и великую кротость, и с другой стороны не только кротость, но и власть. И всему этому научает блаженный Павел, иногда говоря: "**Проповедуй сие и учи**" (1 Тим.4:11), а иногда: сему учи и моли. Если врачи делают увещания больным не с тою целью, чтобы им самим сделаться здоровыми, но чтобы этих последних избавить от недуга и лежащих поднять, то тем более мы, при увещании учеников, должны следовать такому обычаю. Блаженный Павел не отрицает даже того, что он их раб, говоря: "**не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы - рабы ваши для Иисуса**" (2 Кор.4:5); и опять: "**Павел ли, или Аполлос, все ваше**"

(1 Кор.3:28). И он с готовностью принимает на себя это рабство, потому что это не рабство, а лучше свободы. Тот есть, говорит (Господь), "**делающий грех, есть раб**" (Ин.8:34). "**Кто учит иному и не следует здравым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает".** Следовательно, нам случается воспаляться гордостию не от знания, а от незнания. Тот, кто знает учение, согласное с благочестием, более всех умеет смиряться; тот, кто наставлен в здравом учении, не бывает одержим болезнию. Действительно, гордость в душах есть то же самое, что воспаление в телах. Как там место, подверженное воспалению, мы не называем здоровым, так и здесь – гордых. Следовательно, можно знающему что-нибудь не знать ничего, потому что незнающий того, что должно знать, ничего не знает. А что от незнания рождается чрезмерная гордость, видно из следующего: Христос истощил Себя; поэтому тот, кто знает это, никогда не будет много думать о себе; человек не имеет ничего, чего не получил бы от Бога, и вследствие того не будет много о себе думать. "**Что ты имеешь, чего бы ни получил"?** (1Кор.4:7)? Он умыл ноги ученикам. Кто знает это, как станет превозноситься? С этою целью (Господь) сказал: "**когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие**" (Лук.17:10). Мытарь одним смиренномудрием стяжал благоволение; фарисей от гордости погиб. Следовательно, кто гордится, тот ничего этого не знает. Опять сам Христос говорит: "**если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня"?** (Ин.18:23)? "**Заражен [страстью]", –** говорит, – "**к состязаниям".** Следовательно, состязание есть недуг. "**И словопрениям".** И справедливо. Когда душа разжигается помыслами, когда они обуревают ее, тогда она занимается исследованием, а когда она находится в здоровом состоянии, тогда не исследует, но принимает на веру. Посредством исследования и споров ничего нельзя найти. Когда исследование приступает к разъяснению того, что возвещается одною верою, тогда оно и не открывает этого и не дает его уразуметь, потому что, если бы кто-нибудь, смежив глаза, хотел найти что-нибудь такое, чего бы он искал, то не мог бы (успеть в этом); равно как если бы он, открыв глаза, но, закопав себя в землю и отвратившись от солнечных лучей, стал искать на том месте, то опять не мог бы ничего найти. Так без веры ничего нельзя отыскать, а только неизбежно должны рождаться споры. "**От которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения**" – то есть, от исследований рождаются вредные мнения и учения. Мы начинаем о Боге думать то, чего не следует, когда приступаем к исследованию. "**Пустые споры**" – то есть праздные занятия или пустые рассуждения. Или следующим образом он понимает "**пустые споры**": подобно тому, как овцы, будучи заражены чесоткою, когда приходят в соприкосновение со здоровыми, и им сообщают свой недуг, так и эти злые люди. "**И чуждыми**", – говорит, – "**истины, которые думают, будто благочестие служит для прибытка**". Видишь ли, что, по его словам, рождают споры? Постыдную корысть, невежество, гордость; да, и гордость рождается от невежества. "**Удаляйся",** – говорит, – "**от таких**". Не сказал: приходи туда, но: отступай, то есть, отвращайся. "**Еретика**", – говорит, – "**после первого и второго вразумления, отвращайся**" (Тит.3:10). Показывает, что они таковы не столько от невежества, сколько от лености, которая приводит их к невежеству. В самом деле, каким образом можешь ты убедить людей, спорящих из-за денег? Иначе таковых ты не убедишь, как если не дашь опять; но и этим не насытишь их жажды приобретения. "**Глаза любостяжательного**", – говорится, – "**не насыщаются какою-либо частью**" (Сир.14:9). Поэтому от них, как от неисправимых, надобно отвращаться. Если же он тому, кому предстояла крайняя необходимость вступать в борьбу, заповедует не приходить туда и не связываться с ними, то тем более (он заповедует это) нам, которые учимся и находимся в ряду учеников. Впрочем, сказав, что они полагают, что благочестие есть приобретение, он прибавил: "**Великое приобретение - быть благочестивым и довольным", –** не тогда, когда имеет деньги, а когда не имеет их, чтобы (Тимофей) вследствие бедности не впал в уныние, он ободряет и утешает его. Думают, говорит он, что благочестие есть приобретение; конечно – есть, но не в такой степени (как думают), а в гораздо большей.

То есть, отвергнув сначала первую мысль, вслед затем превозносит последнюю. А что первого рода приобретение ничего не значит, видно из того, что оно остается здесь и не переселяется вместе с нами (в другой мир) и не сопутствует нам. Откуда это видно? Из того, что мы пришли в этот мир, не имея ничего; следовательно, и оставим его, тоже ничего не имея; нагим рождается творение, нагим и отходит. Итак, нам не нужно ничего лишнего, если мы ничего не принесли с собою и отойдем, ничего не имея. "**Имея пропитание и одежду, будем довольны тем**" (ст. 8). Надобно питаться тем и в такой мере, сколько нужно для насыщения; надобно надевать на себя то, что в состоянии только защитить нас от непогоды и прикрыть наготу, лишнего ничего не должно быть. Это может выполнить и простая одежда. Затем он побуждает указанием на то, что бывает здесь – на земле: "**А желающие", –** говорит, – "**обогащаться**" (ст. 9).

2. Не сказал просто: богатые, а "желающие", потому что и имея деньги можно хорошо распоряжаться ими, если человек будет презирать их и раздавать бедным. Следовательно, не таковых обличает он, а жаждущих приобретения. "**А желающие обогащаться", –** говорит, – " **впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей**" (ст. 9). Хорошо сказал: "**погружают**" так что и подняться наверх становится невозможным. "**В бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям**" (ст. 9,10). Вот он упоминает о двух вредных следствиях, но то, которое казалось для них более тяжким, он ставит здесь на последнем месте; то есть – "**многим скорбям".** И этого нельзя узнать иначе, как только живя близ богатых, сколько они плачут, сколько рыдают. " **Ты же, человек Божий**" (ст. 11). Великое достоинство! Правда, все люди Божии, но преимущественно праведные, – не, по той причине только, что они создания Божии, но и по причине своей близости к Богу. Если ты – человек Божий, говорит он, то не ищи излишнего и не ведущего к Богу, а напротив – "**убегай сего, а преуспевай в правде**". При том и то, и другое (исполняй) с усердием. Не сказал: отступи и приступи, но: "**убегай сего, а преуспевай в правде",** чтобы не сделаться корыстолюбивым. "**Благочестии**" – касательно догматов; "**вере**", которая противопоставляется исследованию; "**любви, терпении, кротости**". "**Подвизайся добрым подвигом веры, держись вечной жизни",** – вот и награда – "**к которой ты и призван, и исповедал доброе исповедание перед многими свидетелями**" (ст.11,12). То есть, не посрамляй того дерзновения: отчего без успеха трудишься? В какое же искушение и сеть, говорит он, впадают те, которые желают обогатиться? Это, удаляя их от веры, приводит на путь заблуждения, окружает опасностями и лишает дерзновения. "**И в похоти**", – говорит, – "**безрассудные".** Действительно, как (не назвать) бессмысленною страстью, когда люди держать у себя дурачков и карликов не из человеколюбия, а для удовольствия, когда в своих дворцах запирают рыб, когда выкармливают диких зверей, когда занимаются собаками, когда украшают коней и заботятся о них не меньше, чем о детях? Все это бессмысленно и излишне, совершенно ненужно и бесполезно. "**В похоти**", – говорит, – "**безрассудные и вредные**". Какие (страсти) бывают вредны? Когда люди разжигаются беспутною любовью, когда ищут имущества своих ближних, когда стремятся к роскоши, когда предаются пьянству, когда жаждут убийства и погибели других. Многие также вследствие привязанности к подобным вещам домогались и незаконной власти, и погибали. Воистину таковой вотще трудится или даже к вреду. И хорошо он сказал: "**уклонились от веры**", – потому что сребролюбие, привлекая к себе их глаза и понемногу закрывая их, не позволяет им видеть (истинного) пути. Как человек, который идет прямою дорогою, устремив мысль на что-нибудь другое, хотя и подвигается вперед, однако, не замечая этого, проходит мимо того города, в который спешил, потому что незаметно и бессознательного увлекают ноги, – так нечто подобное этому представляет и сребролюбие. "**И сами себя подвергли многим скорбям".** Видишь ли, на что он намекает (говоря): "**подвергли**"? То, что хочет он выразить этим оборотом речи, имеет такой

смысл. Страсти – это терние, и подобно тому, как о терние, с какой бы стороны ни прикоснуться, всякий кровянит себе руки и причиняет на них раны, так и от страстей будет терпеть то же самое всякий, кто подчинится их власти, и душу свою подвергнет страданию. Скажи мне, сколько имеют забот, сколько огорчений те, которые бывают ими уязвлены? Того даже сказать нельзя. Поэтому говорит: "**убегай сего, а преуспевай в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости**", – потому что кротость происходит от любви. Подвизайся добрым подвигом. Здесь он хвалит его дерзновение и мужество: ты, говорит он, с дерзновением на все изъявил согласие. Приводит ему на память и наставление в вере: "**держись", –** говорит, – "**вечной жизни**". Следовательно, требуется, не только исповедание, но и терпение, чтобы таким образом постоянно пребывать в исповедании, равно как по всей справедливости великие подвиги и бесконечные труды, чтобы таким образом избежать совращения, потому что много предстоит соблазнов, много препятствий. Вот почему тесен и прискорбен этот путь. Поэтому надобно отовсюду оградить себя, надобно со всех сторон надлежащим образом вооружить себя. Отвсюду появляются бесчисленные наслаждения, которые привлекают к себе душевные очи, именно – наслаждения, которые доставляют нам наши тела, деньги, пресыщение, леность, слава, гордость, власть, любоначалие, – и они являются со светлым и приятным лицом, способным привлечь к себе тех, которые подчиняются их влиянию и не очень любят истину, так как она жестка и не содержит в себе ничего приятного. Почему именно? Потому, что она все удовольствия обещает только в будущем, между тем как эти предметы уже теперь обещают почести, удовольствия, успокоение, конечно, не истинное, но имеющее только его наружный вид. Поэтому всякий сластолюбивый и изнеженный и слабодушный станет к ним прилепляться, освободив себя от трудов, сопряженных с добродетелью. Так и на языческих играх тот, кто не очень желает приобресть венцы, позволяет себе с начала предаваться пиршествам и пьянству; так именно и поступают робкие и слабодушные борцы; напротив те, которые имеют в виду стяжать венец, принимают бесчисленные удары, потому что питают и воодушевляют себя надеждою на будущие (награды).

3. Итак, будем избегать корня зол, – и избегнем всего этого. Сказано: корень есть сребролюбие; Павел изрек это, или лучше – Христос чрез Павла. Посмотришь, впрочем, как это происходит. Самый опыт подтверждает это. В самом деле, какое зло не происходит от денег, или, правильнее говоря, не от денег, а от злого намерения тех, которые не умеют пользоваться ими? Ведь деньгами можно было бы пользоваться, как следует, можно было бы при их содействии наследовать царствие. Между тем ныне то, что дано нам для вспомоществования нищим, для заглаждения грехов наших, для прославления Бога и благоугождения ему, – мы обращаем против несчастных нищих, или вернее – против нашей души, и через это оскорбляем Бога. Кто у другого отнимает деньги и ввергает его в нищету, тот себя предает смерти; другого в этом мире изнуряет нищетою, а себе приготовляет вечное наказание. Неужели одно может быть сравниваемо с другим? Итак, какое зло не происходит от них? Не отсюда ли любостяжание, хищение, вопли, вражды, брани и споры? Одержимые этою страстию разве не простирают своих рук даже на умерших, даже на отцов и братьев? Разве не ниспровергают законов природы, заповедей Божиих и вообще всего? Не ради ли них учреждены судилища? Итак, истреби в себе любовь к деньгам, – и прекратится война, прекратятся брани, прекратится вражда, прекратятся раздоры и любовь к спорам. Корыстолюбцев надлежало бы изгнать из вселенной, как губителей и волков. Подобно ведь тому, как противные и сильные ветры, подув на тихое море, потрясают его до основания, так что находящийся в глубине песок смешивается с верхними волнами, – так и люди, жадные к деньгам, все приводят в совершенное расстройство. Человек, жадный к деньгам, не знает ни одного друга. Что я говорю – друга? Он не знает даже самого Бога, так как, будучи одержим этою страстию, он приходит в неистовство. Не видите ли вы проходящих вооруженных титанов? Они

представляют собою измышленный образ неистовства. Между тем сребролюбцы не таковы, – они, в самом деле, неистовствуют и выходят из себя. И если раскроешь их душу, то найдешь ее таким образом устроенною: она вооружена не одним мечом и не двумя, а бесчисленными; она никого не признает, но бесится на всех, на всех нападает и на всех лает; она убивает не собак, а человеческие души, и громко изрыгает хулы на самое небо. Ими ниспровергнуто все, от неистовой любви к деньгам все погибло. Кого, кого мне винить, – не знаю: до такой степени это зло овладело всеми, – правда, одними в большей, другими в меньшей мере, однако – всеми. И подобно тому, как сильный огонь, будучи брошен в лес, все ниспровергает и опустошает, так и эта страсть губит вселенную: цари, правители, частные люди, нищие, женщины, мужчины, дети, – все в равной мере поработились этому злу. Как будто какой-то мрак объял вселенную, – никто не выходит из опьянения. Правда, против любостяжания слышатся бесчисленные обвинения, и в частном разговоре и среди народа; но исправления нигде не видим. Как же быть? Как погасим пламень? Можно (погасить его), хотя бы даже он поднялся до самого неба. Нам стоит только захотеть, – и мы, без сомнения, одолеем этот пламень. Как усилился он вследствие нашего желания, так от желания и уничтожится. Разве не свободная наша воля зажгла его? Следовательно, свободная воля в состоянии будет и погасить. Только пожелаем. Но каким образом может явиться в нас такое желание? Если обратим внимание на суетность и бесполезность богатства, на то, что оно не может нам туда сопутствовать, что и здесь оно оставляет нас, что хотя оно пребывает здесь, однако язвы от него идут с нами туда; если посмотрим, как велики там уготованные богатства, и что если сравним с ними земное богатство, то оно покажется ничтожнее грязи; если заметим, что оно подвергается бесчисленным опасностям, что оно доставляет временное удовольствие и при том удовольствие, смешанное с огорчением; если хорошо рассмотрим иное богатство, то есть, то, которое уготовано в вечной жизни, – будем тогда иметь возможность презреть богатство земное; если вникнем в то, что последнее нисколько не приумножает нам ни славы, ни здоровья, ни чего-либо другого, а, напротив, погружает нас в бездну погибели; если узнаешь, что, несмотря на то, что ты здесь богат и имеешь много подчиненных, отходя туда, ты отойдешь одиноким и нагим. Если мы будем часто повторять и слышать это от других, то, может быть, возвратится к нам здоровье, и мы избавимся от этого тяжкого наказания. Жемчужина – нечто прекрасное? Но подумай, что это – морская вода, первоначально попавшая в недро раковины. Золото и серебро – нечто прекрасное? Но подумай, что оно и было, и есть земля и пепел. Прекрасны шелковые платья? Но это ткань, приготовленная червями. Прекрасными их делают человеческое предположение и предзанятое мнение, а от природы красоты в себе не имеют. Что от природы прекрасно, то не имеет нужды в учителях. Если бы ты увидел медную монету, вполне окрашенную золотом, то сначала ты дивился бы ей, считая ее золотою, а потом, когда бы люди, в этом сведущие, открыли тебе обман, удивление исчезло бы вместе с обманом. Видишь ли, что золото не от природы имеет в себе красоту? Но и серебро тоже ее не имеет, потому что если бы ты увидел олово, то ты стал бы дивиться ему, думая, что это серебро, подобно тому, как ты дивился меди, считая ее золотом, и нужны учители, которые бы показали, чему надобно дивиться. Таким образом, глаза не служат для нас вполне надежным руководством при распознании вещей. Между тем цветы не таковы, но гораздо лучше золота и серебра. Если видишь розу, то не имеешь нужды в учителях, но умеешь сам собою отличить ее от анемона и от фиалки, точно также и лилию, и всякий цветок. Следовательно, это не иное что, как предзанятое мнение. А чтобы ты убедился, что эта гибельная страсть есть следствие предзанятого мнения, то вот скажи мне: если бы царю угодно было определить законом, чтобы серебро ценилось выше золота, то разве не переменилось бы наше удивление и любовь? Так-то мы всегда водимся любостяжанием и предзанятым мнением. А что это так, и что вещи ценятся по своей редкости, а не по природе (видно из следующего): есть плоды, которые у нас дешевы, а в стране каппадокийской дороги; из тех же, которые дороги у нас, иные гораздо дешевле в Китае,

откуда привозятся эти одежды. И в богатой ароматами Аравии и Индии, где находятся драгоценные камни, можно найти много таких вещей. Так-то все это есть предубеждение и предзанятое человеческое мнение, и мы ничего не делаем по рассуждению, но без внимания и как случится. Итак, воспрянем от этого опьянения; будем взирать на истинно прекрасное, на то, что прекрасно от природы, – на благочестие и справедливость, – чтобы мы сподобились получить обетованные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 18

"Пред Богом, все животворящим, и пред Христом Иисусом, Который засвидетельствовал пред Понтием Пилатом доброе исповедание, завещеваю тебе соблюсти заповедь чисто и неукоризненно, даже до явления Господа нашего Иисуса Христа, которое в свое время откроет блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих, единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и держава вечная! Аминь" (1 Тим.6:13-16).

1. Опять призывает в свидетели Бога, как и незадолго пред тем он делал это, – в одно время и умножая страх, и соделывая ученика более непоколебимым, и открывая, что это не человеческие распоряжения, – чтобы (Тимофей), принимая заповедь эту как бы от самого Владыки, и всегда имея в мысли свидетеля, от которого он слышал ее, воспоминанием об этом приводил в возбуждение свою душу. "**Завещеваю тебе**", – говорит, – "**пред Богом, все животворящим**". Здесь содержится и ободрение среди опасностей, и воспоминание о воскресении. "**И Христом Иисусом**", – говорит, – "**свидетельствовавшим пред Понтием Пилатом**". Опять (заимствует) наставление (из примера) Учителя. Сказанное им имеет такой смысл: как Он делал, так, говорит, и вы должны делать. Он для того и свидетельствовал, чтобы мы по следам Его шли в добром исповедании. То же самое (апостол) делает и в послании к Евреям, говоря: "**взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия**"; и опять: "**Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими**" (Евр.12:2,3). Это говорит он и теперь ученику, как будто выражаясь следующим образом: не бойся смерти, Ведь ты раб Бога, который может все оживотворить. Но что называет он добрым исповеданием? То, что, будучи спрошен Пилатом: "**итак Ты Царь**"? – отвечал, – "**Я на то родился**", и опять: "**на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине**" (Ин. 18:37). Вот эти слушали Меня. Итак, или поэтому так говорит, или потому, что, будучи спрошен, сын ли Он Божий? – сказал: "**вы говорите, что Я**" (Лк. 22:70). И многое другое засвидетельствовал Он и исповедал. "**Соблюсти заповедь чисто и неукоризненно, даже до явления Господа нашего Иисуса Христа**", то есть, до твоей кончины, до исхода. Впрочем, не сказал так, но сказал: "**даже до явления**", чтобы больше ободрить его. Что значит: "**Соблюсти заповедь чисто**"? Не навлечь на себя ни малейшего укора ни за верования, ни за жизнь. "**Которое в свое время откроет**", – говорит, – "**блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих, единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете**". О Ком это сказано? Об Отце ли, или о Сыне? Без сомнения, о Сыне. "**Которое в Свое время откроет блаженный и единый сильный".** И это опять (говорит) в утешение, чтобы (Тимофей) не приходил ни в удивление, ни в страх пред царями земными. "**В Свое время**", то есть, в подобающее, в должное время, чтобы не печалиться о том, что оно еще не наступило. А из чего видно, что Он явит? Из того, что Он могуществен; а Он один могуществен. Следовательно, явит

Блаженный, – (Который есть) само блаженство. Говорит же это, давая понять, что там нет ни скорби, ни огорчения. А слово: "**единый**" употребил, или противопоставляя Его людям, или для означения Его нерожденности, как и мы часто говорим о людях, которых хотим отличить. "**Единый", –** говорит, **–** "**имеющий бессмертие**". Итак, что же? Разве Сын не имеет его? Разве Он не само бессмертие? Как же это (возможно), когда Он – того же существа с Отцом? "**Обитает", –** говорит, **–** "**в неприступном свете**". Иной ли свет Он сам, и иной ли тот, в котором Он живет? Неужели и местом Он определяется? Нет. Не с тою целю, чтобы мы так думали, но чтобы показать нам непостижимость Божеской природы, (апостол) сказал, что Бог живет во свете неприступном, – настолько изъясняя учение о Боге, насколько это было для него возможным. Видишь ли, до какой степени бывает немощным язык, когда хочет провещать что-нибудь великое? "**Которого никто из человеков не видел**", – говорит, – "**и видеть не может",** как и Сына никто не видел и видеть не может. "**Ему же честь и держава вечная**. **Аминь".** Благовременно и даже по необходимости здесь (апостол) изъяснил учение о Боге. Так как он призвал Бога в свидетели, то говорит много об этом Свидетеле, чтобы больше тронуть ученика. То есть: слава Ему; мы можем это только говорить, это только делать, не испытуя, Кто Он. Если же держава Его вечная, то ничего не бойся, и хотя бы в настоящее время этого не было, честь Его всегда, держава Его всегда пребывает. "**Богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали [о] [себе]**" (ст. 17). Хорошо сказал: "в настоящее время", потому что есть и иные богатые – в будущем веке. Это заповедует он, зная, что ничто так не возбуждает надменности, гордости и высокомерия, как деньги. Потом тотчас смиряет их, говоря: "**и уповали не на богатство неверное**" (ст. 17), потому что от него рождается гордость, между тем как надеющийся на Бога не превозносится. Что ты надеешься на вещь, которая внезапно проходит, – а таково и есть богатство? И как ты надеешься на то, на что нельзя полагаться? Каким же образом, скажешь ты, они могут быть невысокомерными? Если увидят, что оно непостоянно и нетвердо; если увидят, что надежда на Бога больше всякого богатства; если увидят, что и его самого виновник есть Бог. "**Но на Бога живаго", –** говорит, – "**дающего нам все обильно для наслаждения**" (ст. 17). Хорошо сказал: "**все обильно",** указывая на перемены времен года, на воздух, свет, воду и все прочее. Видишь ли, как обильно и с какою щедростью доставляет Он нам все это? Если ты ищешь богатства, то ищи богатства пребывающего, твердого, которое происходит от совершения добрых дел. На это и (апостол) указывает, говоря: "**чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны**" (ст. 18); первое относится к деньгам, а последнее к любви. Общительным, говорить, разговорчивым, приветливым. "**Собирая себе сокровище, доброе основание для будущего**" (ст. 19). Там нет ничего ненадежного, там непоколебимое основание, там нет ничего непостоянного, но все непоколебимо, неизменно, прочно, постоянно пребывающее. "Ч**тобы достигнуть", –** говорит, – "**вечной жизни**" (ст. 19), – потому что совершение добрых дел может доставить нам наслаждение ею. "**О, Тимофей! храни преданное тебе**" (ст. 20). Не уменьшай его; оно – не твое; тебе вверено чужое; не убавляй его. "**Отвращаясь", –** говорит, – "**негодного пустословия и прекословий лжеименного знания**". 2. Хорошо он сказал таким образом! Действительно, где нет веры, там нет знания. Когда что-либо рождается от собственных наших помыслов, то это не знание. Он говорит это, может быть, потому, что некоторые тогда называли себя гностиками, как бы знавшие больше других. "**Которому предавшись", –** говорит, – "**некоторые уклонились от веры**" (ст. 21). Видишь ли, как опять он повелевает даже не сходиться в одно место с таковыми? "**Отвращаясь", –** говорит, – "**прекословий**". Следовательно, есть прекословия, на которые даже отвечать не должно. Почему? Потому что они удаляют от веры, потому что не позволяют стоять твердо и непоколебимо. Поэтому мы не должны придерживаться этого, а веры, которая есть незыблемый камень. Тогда ни реки, ни ветры, устремляясь на нас, не будут в состоянии причинить нам никакого вреда, потому что мы незыблемо стали на камни. Таким образом, и в этой жизни, – если изберем это истинное

основание, – будем стоять, не испытывая опять никакого бедствия. Кто избрал это богатство, тот не потерпит никакого бедствия, – кто (избрал) этот почет, эту славу, эту честь, это удовольствие. Все это незыблемо, не испытывает никакой перемены; между тем здесь все переменяется и подвержено превращениям, все непостоянно. Чего ты хочешь? Славы? "**Не пойдет", –** говорится, – "**за ним слава его**" (Пс.48:18), а часто даже оставляет его еще при жизни. Не таковы совершенства добродетели: они все постоянно пребывают. Здесь тот, кто стал знаменитым, достигнув власти, как скоро власть переходит к другому, становится человеком малозначительным и одним из подначальных. Богатый, – когда напали на него разбойники, клеветники, злоумышленники, – внезапно становится бедным. Но у нас не так. Если воздержный внимателен к себе, то никто не в состоянии отнять у него воздержания. Того, кто владеет и управляет самим собою, никто не сделает человеком, не имеющим власти, подначальным. А что последняя власть значительнее первой, это узнаешь из сравнения. В самом деле, скажи мне, какая польза управлять всеми народами, и быть рабом страстей? Какой вред – не управлять ни одним человеком, и быть выше господства страстей? Вот свобода, вот власть, вот царство и могущество! Другого рода власть есть рабство, хотя бы кто окружил себя тысячею диадем. Когда внутри его властвует множество господ, именно – сребролюбие, сластолюбие, гнев и другие страсти, то какая польза от диадемы? Велико могущество страстей, когда и самый венец не в силах избавить человека от этого рабства. Подобно тому, как когда бы кто-нибудь, будучи царем, попал в рабство к варварам, и они, желая в большей степени показать свою власть над ним, не сняли бы с него ни порфиры, ни диадемы, но заставляли бы его в таком виде и носить воду, и готовить кушанье, и исполнять все другие работы, чтобы таким образом доставить себе больше чести, а его подвергнуть большему поруганию, – так и в настоящем случае эти страсти обращаются с нами жесточе всякого варвара. Кто презирает их, тот будет смеяться и над варварами; а кто преклоняется пред ними, тот будет терпеть от них гораздо больше зла, чем от варваров. Варвар, когда приобретает великую силу, истязает тело; а страсти мучат и отовсюду терзают душу. Варвар, когда приобретает великую силу, предает смерти временной; а страсти предают смерти вечной. Поэтому свободен только тот, кто стяжал свободу внутреннюю; равно и раб только тот, кто покорствует бессмысленным страстям. Ни один господин, как бы жесток он ни был, не дает таких строгих и жестоких повелений (как страсти). Посрами твою душу, говорят они, без нужды и причины; оскорбляй Бога; не знай самой природы; будет ли это отец, или мать, – отложи всякий стыд, восстань против них. Таковы повеления сребролюбия. Приноси мне в жертву, говорит оно, не тельцов, а людей. Правда, и пророк говорит: "**приносите в жертву людей, ибо оскудели тельцы**"[1] (Ос.13:2); а сребролюбие не это заповедует, но: пожри человеков, хотя и есть тельцы; приноси в жертву людей; приноси в жертву не сделавших никакой неправды; убей и того, кто оказал тебе благодеяние. И опять: будь враждебен ко всем, будь общим врагом всех –и самой природы, и Бога; собирай золото – не для наслаждения, а для того, чтобы беречь его и испытывать чрез него большее мучение. Ведь невозможно сребролюбцу быть вместе и преданным наслаждению, потому что он боится, чтобы не уменьшилось золото, чтобы не оскудели сокровищницы. Бодрствуй, говорит оно, всех подозревай – и рабов, и друзей; будь стражем чужого. Если увидишь, что бедный умирает с голоду, не давай ему ничего, но, если возможно, сними с него даже самую кожу. Нарушай клятвы, лги, клянись, обвиняй, клевещи и, хотя бы надлежало идти в огонь, подвергнуться тысяче смертей, умереть от голода, бороться с болезнью, – не отказывайся. Разве не такие законы предписывает сребролюбие? Будь дерзким и бесстыдным, наглым и грубым, преступным и бесчестным, неблагодарным, бесчувственным, недружелюбным, непримиримым, безжалостным, отцеубийцею, больше зверем, нежели человеком. Превзойди всякого змия суровостью, всякого волка хищностью; превзойди жестокость животной природы. Хотя бы надлежало тебе сделаться настолько злобным, как демон, не отказывайся; не знай благодеяния. Разве не это вещает оно? И мы слушаемся его! Но Бог дает противоположные заповеди. Будь

дружен со всеми, будь кроток, всеми любим, никого напрасно и без причины не оскорбляй, чти отца, чти мать, пользуйся добрым мнением, будь не человеком, а ангелом; ничего не говори ни бесстыдного, ни ложного, даже и не помышляй о подобном; помогай нуждающимся, не навлекай на себя хлопот грабительством, не будь дерзким, ни наглым. И нет никого, кто бы слушался этого! Поэтому разве несправедливо угрожает геенна? Разве не по заслугам – огонь? Червь неумирающий? До каких пор будем блуждать по стремнинам? До каких пор будем ходить по терниям? До каких пор будем прободать себя гвоздями и благодарить за это? Мы подчиняемся жестоким мучителям и отвращаемся от милосердого Владыки, Который ничего не говорит ни оскорбительного, ни грубого, ни жестокого, ни неразумного, но заповедует все нужное, прибыльное и доставляющее нам великую пользу. Воспрянем наконец, обратимся, приуготовимся, возлюбим Бога, как должно, чтобы удостоиться благ, обещанных любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Перевод с Септуагинты.

ТОЛКОВАНИЕ НА 2-е ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ

БЕСЕДА 1

"Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, по обетованию жизни во Христе Иисусе, Тимофею, возлюбленному сыну: благодать, милость, мир от Бога Отца и Христа Иисуса, Господа нашего" (2 Тим.1:1,2).

1. Почему (апостол) пишет и второе послание к Тимофею? Прежде он говорил: "**надеясь вскоре придти к тебе**" (1 Тим.3:14), но это не исполнилось; поэтому он, вместо своего прибытия, чрез послание утешает его, может быть, скорбевшего как по этой причине, так и по случаю принятия им в то время (епископской) власти. Ведь как бы ни были велики мужи, принимающие бразды правления Церковью, но они затрудняются, будучи со всех сторон затопляемы большими волнами дел; особенно можно сказать это о тогдашнем времени, когда было начало проповеди, когда все было не возделано, все враждебно, все противодействовало. При том были ереси, порожденные иудейскими учителями, о чем (Павел) упоминал и в первом послании. Впрочем, не посланием только он утешает Тимофея, но и приглашает его к себе: "**Постарайся**", – говорит, – "**придти ко мне скоро**" и: "**Когда пойдешь, принеси книги, особенно кожаные**" (2 Тим.4:9,13).

Мне кажется, что это, послание написал он при конце своей жизни, потому что говорит: "**Ибо я уже становлюсь жертвою**", и еще: "**При первом моем ответе никого не было со мною**" (2 Тим.4: 6,16). Устроив все это, он утешает Тимофея собственными искушениями и говорит: "**Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, по обетованию жизни во Христе Иисусе**". Тотчас, в самом начале, ободряет душу его. Не указывай мне, говорит, на здешние бедствия; они доставляют нам вечную жизнь, где нет ничего такого, где нет болезни, печали и воздыхания. Не для того, говорит, Бог сделал нас апостолами, чтобы мы только подвергались опасностям, но чтобы и умирали, чтобы претерпели и это. Но так как указание на свои бедствия не только не было утешением, но еще увеличивало скорбь, то он в самом же начале предлагает следующее утешение: "**по обетованию жизни во**

Христе Иисусе". Если же она – обетование, то не ищи ее здесь, потому что "**ибо если кто видит, то чего ему и надеяться**" (Рим.8:24). "**Тимофею возлюбленному сыну";** не просто: "**сыну**", но: "**возлюбленному**". Могут быть дети и нелюбимые; но ты не таков, говорит, и потому не просто "сын**ом**" я называю тебя, но "сыном **возлюбленным".** И галатийцев он называет чадами, однако скорбит о них: "**Дети мои", –** говорит, – "**для которых я снова в муках рождения**" (Гал.4:19). Называя его возлюбленным, он свидетельствует о великой его добродетели. Каким образом? Когда любовь не от природы, то она – от добродетели. Родившиеся от нас бывают любезны нам не по своей добродетели только, но и по требованию природы; а возлюбленные по вере бывают такими не по чему иному, как по добродетели. И как может быть иначе, особенно у Павла, который ничего не делал по пристрастию? Кроме того, выражением: "**возлюбленному сыну**" он показывает, что сам не пришел к нему не потому, чтобы гневался на него, или презирал, или не одобрял его. "Б**лагодать, милость, мир от Бога Отца и Христа Иисуса, Господа нашего**". Чего желал прежде, того же и теперь желает ему. Заметь, как он в самом начале оправдывается пред ним, что сам не пришел для свидания с ним; ведь слова: "**Доколе не приду**" и еще: спешу "**надеясь вскоре придти к тебе**" (1.Тим.4:13;3:14) заставляли ожидать скорого его прибытия. В этом он тотчас же и оправдывается. Впрочем, не говорит вдруг о причине, почему не пришел, чтобы не слишком опечалить его, – причиною было то, что он задержан был кесарем, – но уже в конце, когда приглашал его к себе, открыл ее. В начале же не опечаливает его, а высказывает надежду видеться с ним: "**и желаю видеть тебя**", и: "**Постарайся придти ко мне скоро**" (2 Тим. 1: 4; 4:9). Итак, в самом начале он ободряет Тимофея и в похвалу его продолжает: "**Благодарю Бога, Которому служу от прародителей с чистою совестью, что непрестанно вспоминаю о тебе в молитвах моих днем и ночью, и желаю видеть тебя, вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости**" (ст. 3, 4). "**Благодарю Бога**", – говорит, за то, что я помню о тебе, – так я люблю тебя. Это – знак чрезвычайной любви, когда кто любить так, что сам восхищается любовью. "**Благодарю Бога**",– говорит, – "**Которому служу**". Как? "**От прародителей с чистою совестью**"; совесть его не была запятнана. Впрочем, он здесь говорит о жизни и везде называет совестью жизнь. Иначе сказать: я не изменил тем благам, которых и прежде желал, по каким-либо человеческим побуждениям, даже и тогда, когда был гонителем. Потому он и сказал: "**но помилован потому, что [так] поступал по неведению, в неверии**" (1 Тим. 1:13), и как бы так говорит: не подозревай здесь неправого дела. Кстати он изображает свой нрав, чтобы достоверны были и слова его о любви. А смысл слов его следующий: я не лгу, не иное думаю, а иное говорю. Так он вынужден был хвалить себя и прежде, как видно из книги Деяний. Когда стали порицать его, как возмутителя и нововводителя, то он говорит: Анания "**сказал мне: Бог отцов наших предызбрал тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел Праведника и услышал глас из уст Его, потому что ты будешь Ему свидетелем пред всеми людьми о том, что ты видел и слышал**" (Деян.22:14,15). Так и здесь, чтобы не составилось о нем мнение, как о человеке, чуждом дружбы и совести и забывающем ближних, он справедливо, в похвалу себе, говорит: "**непрестанно вспоминаю о тебе**", и не просто, но: "**в молитвах моих**", т. е., это входит в мою молитву, во всякое время непрестанно я исполняю это, – именно это выражают слова: **День и ночь молю Бога, желая видеть тебя".** Видишь ли пламенную привязанность? Видишь ли преизбыток любви? Видишь ли его смиренномудрие, по которому он оправдывается пред учеником? Потом показывает, что делает это не просто и не без причины; показал и выше, показывает и здесь: "**вспоминая**", – говорит, – " о **слезах твоих**". Разлучаясь (с Павлом), он, вероятно, плакал и рыдал больше, дитяти, отнимаемого от сосцов кормилицы и молока. "Д**абы мне исполниться радости", –** говорит, – "**желаю видеть тебя**". Если бы я был даже крайне бесчувствен, жесток и бесчеловечен, и тогда не отказал бы себе в этом удовольствии, – потому что припоминаемые мною слезы твои могли бы смягчить меня. Но я не из числа таких; я чисто служу Богу. Многие причины влекли меня к тебе. Итак,

Тимофей плакал. Далее Павел приводит и другую утешительную причину: "**приводя на память**", – говорит, – "**нелицемерную веру твою**" (ст. 5).

2. Далее следует другая похвала в том, что (Тимофей) был не из язычников и не из неверных, но из такого дома, который издавна служил Христу. "**Которая прежде обитала**", – говорит, – "**в бабке твоей Лоиде и матери твоей Евнике**". "**Которого мать была Иудеянка уверовавшая**" (Деян.16:1). Как иудеянки? Как верной? Она была не из язычников. Но ради отца его, который был эллин и ради иудеев, бывших в тех местах, (Павел) взял и обрезал его (Деян.16:3). Видишь ли, как начал разрушаться закон, когда были такие смешения? Смотри, сколько он предложил доказательств для убеждения, что не презирал (Тимофея). Я служу, говорит, Богу; имею чистую совесть; ты плачешь. И не за слезы только (желаю видеть тебя), но и за веру, так как ты служитель истины, и нет в тебе лицемерия. Если же и ты достоин быть любимым, как сильно любящий меня истинный ученик Христов, и я не из числа, людей, чуждых любви, но ревнующих об истине, то что могло воспрепятствовать мне придти к тебе? "**Уверен, что она и в тебе**". Издавна, говорит, ты имеешь это благо; от прародителей ты принял нелицемерную веру. Доблести предков, если мы подражаем им, принадлежат и нам; а если не подражаем, не имеют никакой силы, но еще служат к нашему осуждению. Поэтому он и прибавил: "**Уверен, что она и в тебе**"; не догадываюсь, говорит, но убежден и совершенно уверен. Если же не для чего-нибудь человеческого ты принял ее, то ничто не может поколебать тебя. "**По сей причине напоминаю тебе возгревать дар Божий, который в тебе через мое рукоположение**" (ст. 6). Видишь ли, как он выражает, что (Тимофей) был в великой скорби, в унынии? Он как бы так говорит: не подумай, что я презираю тебя; знай, что я не презираю и не забыл тебя; если не кого другого, то вспомни свою бабку и мать. Я знаю, что ты имеешь нелицемерную веру, и потому напоминаю: тебе нужно иметь ревность, чтобы воспламенять дар Божий. Как огонь требует дров, так и благодать – нашего усердия, чтобы она воспламенялась. "**Напоминаю тебе возгревать дар Божий, который в тебе через мое рукоположение**", т. е. благодать Духа, которую ты принял для предстоятельства в Церкви, для знамений и всякого служения, потому что от нас зависит и погашать и воспламенять ее. Поэтому и в другом месте он говорит: "**Духа не угашайте**" (1 Сол.5:19). От беспечности и лености он угасает, от внимания и усердия воспламеняется; он есть в тебе; но ты доставляй ему больше силы, т. е. исполняй его крепости, радости, веселья; стой мужественно. "**Ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви и целомудрия**" (ст. 7), т. е. не для того мы получили дух, чтобы сокрушаться, но чтобы иметь дерзновение. Многим Бог дает и дух страха, например, на войне, как читается в книгах Царств. "**Да нападет**", – говорит (Писание), – "**на них страх и ужас**" (Исх.15:16), т. е. Бог вложил в них страх. Напротив, тебе Он даровал дух силы и любви к Нему. Следовательно, и это от благодати, впрочем, не просто от благодати, но если и мы наперед исполним зависящее от нас, так как что побуждает нас взывать: "**Авва Отче**" (Рим.8:15), то же самое внушает нам и любовь к Нему и ближним, чтобы мы любили друг друга. Любовь происходит от силы и безбоязненности; и обыкновенно, ничто столько не разрушает любви, как страх и подозрение предательства. "**Ибо дал нам Бог**,– говорит, – "**духа не боязни, но силы и любви и целомудрия**". Целомудрием он называет или здравие ума и души, или то, чтобы мы жили целомудренно, и старается вразумить нас и отклонить от невоздержания, хотя бы случилось какое-нибудь бедствие. Итак, не будем скорбеть, подвергаясь, бедствиям; в этом состоит целомудрие. "**Не смущайся**", говорит (Премудрый), – "**во время посещения**" (**С**ир. 2:2). Многие имеют много домашних скорбей; скорби общи всем нам, только причины их различны: один терпит скорбь от жены, другой от сына, иной от слуги, тот от друга, этот от врага, тот от соседа, этот от убытков; бывает много разных причин скорбей. Вообще невозможно найти человека, который был бы свободен от горестей и скорбей; всякий испытывает скорби больше или меньше. Итак, не будем унывать и думать, будто мы только одни терпим скорбь.

3.Нет человека, который, проводя эту изменчивую жизнь, был бы без горестей; если не сегодня, то завтра, если не завтра, то после, горести приходят. Как плавающему невозможно быть без тревог, разумею плавающего по великому морю, так и живущему в этой жизни невозможно быть без скорбей, хоти бы он был и богатым. Потому самому, что он богат, у него много поводов к неприятностям. Представь даже самого царя; и он зависит от многого и не все делает по своему желанию, но часто делает угодное другим против своей воли, и вообще он чаще всех поступает не так, как хочет. Почему? Потому что есть много людей, которые хотят получить что-нибудь из принадлежащего ему. Представь же, какую великую чувствует он скорбь, когда хочет сделать что-нибудь и не может или из опасения, или из подозрения, или из-за врагов, или из-за друзей? Часто, когда он и решится исполнить какое-нибудь из своих желаний, все удовольствие от совершения дела теряется вследствие сопротивления многих недовольных им.

Что же? Ты думаешь, что люди, проводящие жизнь без трудов, свободны от скорбей? Нет. Как невозможно человеку не испытать смерти, так и – прожить без скорбей. Сколько приходится им терпеть таких неприятностей, которых невозможно выразить словом, но которые могут испытывать только они одни! Как часто просили себе смерти, жившие среди богатства и роскоши! Жить роскошно отнюдь не значит жить без горестей; напротив, самая роскошь рождает бесчисленные горести, болезни, неудовольствия; а если и нет этого, (то живущий в роскоши часто грустит) без всякой причины. Действительно, когда душа находится в таком состоянии, то может грустить и без причины. Врачи говорят, что и от слабости желудка происходят немалые скорби. Не случается ли этого и с нами, когда мы скорбим и не знаем причины грусти? Вообще, невозможно найти человека без скорби. Если же у других не столь важна причина скорби, как у нас, то каждый и из них, однако так же думает, – свое горе более чувствительно, нежели чужое. Как те, у кого болит какая-нибудь часть тела, думают, что их страдание сильнее страданий ближнего, – у кого, например, болит глаз, тот полагает, что нет другой такой боли, какая у него, или у кого болит желудок, тот считает свою боль сильнее всех болей, и всякий, чем страдает, то и считает самым мучительным страданием, – так и в скорбях душевных: каждый то горе, которое постигло его, называет самым тяжелым, потому что судит о нем по собственному опыту. Например, не имеющий детей думает, что нет ничего хуже бездетности; а имеющий много детей, при бедности, ни на что так не жалуется, как на многосемейность; имеющий одного сына полагает, что нет ничего хуже, как иметь одного: от этого, говорит, он и ленив, и огорчает своего отца, и не принимает никаких внушений, оставаясь, впрочем, постоянно любимым сыном; имеющий красивую жену говорит, что нет ничего хуже, как иметь жену красивую, потому что в этом случае бывает много подозрения и козней; а имеющий некрасивую жену говорит, что нет ничего хуже, как иметь жену некрасивую, потому что это весьма неприятно. Частный человек говорит, что нет ничего негодное и ниже такой жизни, а военный утверждает, что нет ничего труднее и опаснее военного звания, что лучше питаться одним хлебом и водою, нежели переносить такие тягости. Начальствующий говорит, что нет ничего тяжелее, как удовлетворять нуждам других, а подчиненный утверждает, что нет ничего унизительнее, как подчиняться власти других. Женившийся говорит, что нет ничего хуже, как иметь жену и соединенные с нею заботы, а не женившийся утверждает, что нет ничего хуже, как быть неженатым, – не имеешь ни дома, ни покоя. Купец называет счастливым земледельца за его спокойствие, а земледелец – купца за его богатство. Вообще род человеческий ничем не доволен, всегда жалуется и огорчается. Осуждая всех людей, говорят, что человек есть ничто, и что весь род человеческий есть вьючное и жалкое животное. Сколько таких, которые прославляют старость! Сколько таких, которые считают блаженством юность! Таким образом, много бывает горестей и от возрастов жизни. Когда мы видим, что нас осуждают за молодость, то говорим: зачем мы не старцы? А когда голова покрывается сединою, то говорим: где наша молодость? Вообще, у нас бесчисленное множество поводов к скорбям. Один только

есть путь, избавляющей от этой несообразности, – путь добродетели. И он, конечно, не чужд горестей, но горестей не напрасных, а приносящих благо и пользу. Иной согрешил и, сокрушаясь скорбью, омывает грехи свои; другой оказывает сострадание падшему брату, и в этом также находить себе немалую награду, потому что сострадание к людям, находящимся в несчастье, доставляете нам великое дерзновение пред Богом.

4. Послушай, как мудро Священное Писание говорит об Иове; послушай, что говорит Павел: "**плачьте с плачущими";** и еще: "**последуйте смиренным**" (Рим.12:15, 16). Участие в горестях других весьма сильно облегчает скорби: как содействие тому, кто один несет тяжесть, облегчает его бремя, так и во всем прочем. Между тем ныне, когда кто из наших ближних умирает, – многие окружают его, многие утешают близких к нему; и осла упавшего мы часто поднимаем; а когда падают души наших братий, – мы не обращаем внимания и думаем о них меньше, нежели об осле. Видя, что кто-нибудь бесстыдно входит в харчевню, мы не удерживаем его; напивается ли он или совершает какое-нибудь другое бесчинство, мы не только не препятствуем, но еще сами принимаем в том участие. Поэтому Павел и говорил: "**однако не только [их] делают, но и делающих одобряют**" (Рим.1:32); и многие составляют товарищества для гулянья и пьянства. Составляй, человек, товарищества для того, чтобы истреблять страсть к пьянству; такие товарищества благодетельны для узников, для находящихся в скорбях. Нечто подобное и Павел предписывал коринфянам, когда говорил: "**чтобы не делать сборов, когда я приду**" (1 Кор.16:2). Для пьянства, пированья и гулянья мы теперь делаем все – и общую постель, и общий стол, и общее вино, и общие издержки; а устроить общественную милостыню не думает никто. Во времена апостолов были такие товарищества, – тогда сносили в одно место все имущество; я же требую не всего, а какой-нибудь части. "**В первый день недели ", –** говорит (Павел)**, –** "**каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние**" (1 Кор.16:2), как бы принося дань за семь дней, и слагая ее вместе, и таким образом подавая большую или меньшую милостыню. "**И [никто] не должен являться", –** говорит (Писание), **–** "**пред лице Господа с пустыми [руками]**" (Втор.16:16). Если это было заповедано иудеям, то не тем ли более нам? Для того бедные и стоят у дверей, чтобы никто не входил "**с пустыми руками**", но вступал с милостынею. Ты входишь, чтобы получить себе милость: окажи же сам наперед милость. Кто приходит после, тот должен подать больше, потому что когда уже мы сделаем начало, то следующий должен положить больше. Сделай должником своим Бога, и потом проси Его; дай Ему в заем, и потом требуй, чтобы получить с прибытком. Бог хочет этого и не отвергает. Если ты просишь Его с милостынею, то Он благоволит к тебе; если просишь Его с милостынею, то даешь Ему в заем и получишь прибыток. Так, внушаю вам, не за воздеяние рук можно быть услышанным; простирай руки свои не к небу, а к рукам бедных. Если ты будешь простирать руки к рукам бедных, то достигнешь самой высоты неба, потому что там восседит Тот, Кто принимает милостыню; а если станешь воздевать руки без плода, то не получишь никакой пользы. Скажи мне: если бы пришел к тебе царь в порфире и стал просить тебя, то не отдал ли бы ты ему охотно всего своего имущества? Ныне же просит тебя устами бедных царь не земной, а небесный, и ты стоишь, не обращая на Него внимания, и откладываешь подаяние. Какого ты достоин за это наказания? Подлинно, не за воздеяние рук и не за множество слов, но за дела можно быть услышанным. Послушай, что говорит пророк: "**И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу**" (Ис.1:15). У кого недостаток в милости, тому следовало бы молчать и не возводить очей к небу; а он еще осмеливается многоглагольствовать! Между тем, что говорит (пророк)? "**Спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову**" и "**научитесь добро творить**" (Иса.1:17; Псал.9:39). Таким образом, мы можем быть услышаны, хотя бы и не воздевали рук наших, хотя бы ничего не говорили и ни о чем не просили. Будем же стараться об этом, чтобы нам сподобиться обетованных нам благ.

БЕСЕДА 2

"Итак, не стыдись свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника Его; но страдай с благовестием Христовым силою Бога, спасшего нас и призвавшего званием святым, не по делам нашим, но по Своему изволению и благодати, данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен, открывшейся же ныне явлением Спасителя нашего Иисуса Христа, разрушившего смерть и явившего жизнь и нетление через благовестие" (2 Тим.1:8-10).

1. Нет ничего хуже, как судить и измерять дела Божественные соображениями человеческими: таким образом можно далеко отпасть от камня веры и лишиться света. Если желающий обнять лучи солнца глазами человеческими не только не обнимет их и не достигнет цели, но еще отдалится от нее и потерпит великий вред, то тем более дерзающий протекать своими умствованиями в свет неприступный потерпит вред, оскорбляя дар Божий. Посмотри на Маркиона, Манеса, Валентина и на всех, вносивших другие еретические и пагубные учения в Церковь Божию, как они, измеряя дела Божии умствованиями человеческими, стыдились домостроительства нашего спасения. Между тем оно, – разумею крест Христов, – заслуживает не стыда, а великой хвалы. В самом деле, ничто не служит столь великим доказательством человеколюбия Божия, ни небо, ни море, ни земля, ни сотворение всего сущего из ничего, ни все прочее, как крест. Потому и Павел хвалится им: "**А я", –** говорит, **– "не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа"** (Гал.6:14). Но люди душевные, приписывающее Богу не более, как людям, отпадают от веры и стыдятся ее. Потому (апостол), убеждая своего ученика, а чрез него и всех, говорит: "**не стыдись свидетельства Господа нашего",** т. е. не стыдись того, что ты проповедуешь Распятого, но и хвались. Хотя все эти предметы – смерть, темницы, узы – сами по себе достойны стыда и порицания, но здесь, если вникнуть в причину их и внимательно рассмотреть таинство, они достойны великой хвалы и великого почитания. Эта смерть спасла погибавшую вселенную; эта смерть соединила небо с землею; эта смерть разрушила власть диавола, соделала людей ангелами и сынами Божиими; эта смерть возвела естество наше на престол царский; эти узы обратили многих. "Н**е стыдись", – говорит, – "свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника Его; но страдай с благовестием",** т.е. хотя бы ты сам потерпел это, не стыдись. Что он выражает именно это, видно как из вышесказанных слов: "**ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви и целомудрия" (2 Тим.1:7), так и из последующих. "Итак, не стыдись", говорит, –** т.е. не просто стыдись, но: не стыдись и сам испытать**.** Не сказал: не бойся, не страшись, но сильнее ободряет его словом: "**не стыдись",** выражая, что опасность как бы не существует, если преодолеть стыд. Стыд тогда только и тягостен, когда он преодолевает нас. Итак, не стыдись, если я, воскрешающий мертвых, совершающий бесчисленные знамения, обтекший всю вселенную, теперь связан. Я связан не как злодей, но ради Распятого; если Владыко мой не постыдился креста, то и я не стыжусь уз. Хорошо он, желая убедить ученика своего не стыдиться, наперед напомнил ему о кресте. Если, говорит, ты не стыдишься креста, то не стыдись и уз; если Владыка наш и Учитель претерпел крест, тем более мы (можем претерпеть) узы; а кто стыдится того, что сам потерпел, тот стыдится и Распятого. Я, говорит, не за себя несу эти узы. Итак, не потерпи чего-нибудь человеческого, но будь общником в тех же страданиях. "**Но страдай", – говорит, – "с благовестием",** не в том смысле, будто благовествование страдает, но он побуждает ученика страдать за евангелие. "**Силою Бога, спасшего нас и призвавшего званием святым, не по делам нашим, но по Своему изволению и благодати, данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен**". Так как, с другой стороны, сказать: пострадай – значило повергнуть ученика в тяжкую скорбь, то апостол опять утешает его, говоря: "**не по делам нашим",** т.е. не думай, что перенесешь это собственною силою, но – силою Божиею; твое дело избрать и показать усердие, а

облегчить и успокоить – дело Божие. Потом он представляет и доказательство силы Божией. Вспомни, говорит, как ты спасен, как ты призван; подобно как он говорит в другом месте: "**действующею в нас силою**" **(Еф.3:20).** Подлинно для того, чтобы убедить вселенную**,** нужно более силы, нежели сотворит небо. Как же он призван? "**Званием**", – говорит, – "**святым",** т.е. Бог сделал святыми бывших грешников и врагов Его; и это не от нас, **–** "**Божий дар**" (Еф.2:8). Если же он и столь силен в призвании и столь благ, что делает это по благодати, а не по долгу, то не должно страшиться. Если и тогда, когда нужно было спасти нас, бывшим врагами Его, Он спас благодатью, то не тем ли более Он будет содействовать нам, когда увидит и нашу деятельность. "**Не по делам нашим", – говорит, –** "**но по Своему изволению",** т.е. не по чьему-нибудь принуждению или совету, но по собственному изволению, побуждаемый собственною Своей благостию, Он спас нас: таков смысл слов: "**по Своему изволению и благодати, данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен",** т.е. безначально было предопределено – быть этому "**во Христе Иисусе**" Немаловажно и это, т.е., что Бог хотел этого искони, и, следовательно, не по раскаянию. Как же можно говорить, что Сын не вечен. Он и сам хотел этого от начала. "**Данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен, открывшейся же ныне явлением Спасителя нашего Иисуса Христа, разрушившего смерть и явившего жизнь и нетление через благовестие" (ст.10).**

2. Видишь ли, какая сила, видишь ли, какой дар ниспослан нам не за дела наши, но чрез евангелие? Это – предмет нашей надежды. В теле Христовом то и другое (жизнь и нетление) уже было, а в нашем еще будет. Каким образом? "**Через благовестие, для которого я поставлен проповедником и Апостолом и учителем язычников** (ст. 11). Для чего Павел так часто называет себя учителем языков? Чтобы внушить, – как я уже говорил, – что это должно быть близко и к язычникам. Итак, не огорчайся при мысли о моих страданиях; силы смерти сокрушены; я страдаю не как злодей, но для научения язычников. Вместе с тем учение его делается достоверным. "**По сей причине", –** говорит, – "**я и страдаю так; но не стыжусь. Ибо я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день**" (ст. 12). "**Но не стыжусь", –** говорит. В самом деле, скажи мне, разве постыдны эти узы, разве постыдны эти страдания? Не стыдись же и ты. Видишь ли, как он преподает учение самым делом? Я страдаю, говорит, ввержен в темницу, терплю гонение. "**Ибо я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день**" Что значит: "**залог**"**?** Вера, проповедь. Сам предавший ее, говорит, сохранит ее неизменною. Я терплю все, чтобы это сокровище не было расхищено, и не стыжусь ничего, только бы оно сохранилось в целости. Или залогом называет верующих, которых Бог вверил ему, или он предал Богу. Вот ныне, говорит, предаю вас Господу, т. е., это не будет для меня бесполезно; и сам Тимофей представляет мне плод этого "**залога".** Видишь ли, как он даже не чувствует своих страданий в надежде на учеников? Таким и должно быть учителю; так должно заботиться об учениках, – должно считать их всем для себя. "**Ибо теперь", –** говорит он, – "**мы живы, когда вы стоите в Господе**" (1 Сол.3:8); и еще: "**Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли пред Господом нашим Иисусом Христом**" (1 Сол.2:19)? Видишь ли, как он заботится о благе учеников не менее своего собственного? Учители должны превосходить плотских отцов, должны быть усерднее их. Но и дети должны питать любовь к ним. "**Повинуйтесь**", – говорит он, – "**наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет**" (Евр.13:17). Скажи же мне: почему, тогда как наставник твой подлежит такой опасной ответственности, ты не хочешь даже слушаться его, и при том – для твоей же пользы? Хотя бы все, касающееся его самого, было исправно, он беспокоится, пока все, касающееся и тебя, не будет исправно, и отдает двойной отчет. Представь, сколько ему надобно трудиться и заботиться о каждом из подчиненных. Какую же ты можешь воздать ему честь, какую услугу, которая была бы равносильна таким опасностям? Не можешь

предложить ничего равного; ты еще не положил за него души своей, а он полагает за тебя душу свою. Если же он не положит ее здесь по требованию обстоятельств, то погубит ее там, – а ты не хочешь повиноваться ему даже в словах! Вот причина всех зол: исчезло должное повиновение начальствующим, нет ни стыда, ни страха. "**Повинуйтесь**", – говорит, – "**наставникам вашим и будьте покорны";** а ныне все извращено и ниспровергнуто. Говорю это не ради начальствующих, – какую пользу получат они от нашего почитания, если даже мы будем им в высшей степени послушны? – но для вашей собственной пользы. Уважают ли их, они не получат от того никакой пользы для себя в будущей жизни, но еще могут подвергнуться большему осуждению; оскорбляют ли их, они не потерпят от того никакого вреда в будущей жизни, но еще могут иметь более оправдания. Нет, для вас же самих я желаю, чтобы так было. Когда начальствующие уважаются подчиненными, то и это обращается против них, как напр. Илию Бог говорил: "**избрал тебя из дома отца твоего**" **(**1 Цар.2:28); а когда оскорбляют их, как, например, случилось с Самуилом, то Бог говорит: "**ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня**" (1 Цар.8:7). Так оскорбление служит им в пользу, а уважение в тягость. Итак, я говорю это не ради их, но ради вас самих. Кто почитает священника, тот будет почитать и Бога; а кто стал презирать священника, тот постепенно дойдет когда-нибудь и до оскорбления Бога. "**Кто принимает вас", –** сказал Господь, – "**принимает Меня**" (Мф.10:40); священников Его, сказано в другом месте, имей в чести (Числ.18:8). Иудеи стали презирать Бога потому, что презирали Моисея, что бросали в него камни. Кто благоговеет пред священником, тот тем более будет благоговеть пред Богом. Хотя бы священник был нечестив, но Бог, видя, что ты из благоговения к Нему почитаешь даже недостойного чести, сам воздаст тебе награду. Если "**кто принимает пророка, во имя пророка**", – как говорит Господь, – "**получит награду пророка**" (Мф.10:41), то, конечно, получит награду и тот, кто уважает священника, слушается его и повинуется ему. Если в деле странноприимства, когда ты не знаешь, кого принимаешь к себе, ты получаешь такую награду, то тем более получишь, когда будешь повиноваться тому, кому повиноваться повелевает Господь. "**На Моисеевом седалище**", – сказал Он, – "**сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте**" (Мф.23:2,3). Разве ты не знаешь, что такое – священник? Он – ангел Господа. Разве свое говорит он? Если ты его презираешь, то презираешь не его, а рукоположившего его Бога. А откуда, скажешь, известно, что Бог рукоположил его? Но, если ты не имеешь убеждения в этом, то суетна твоя надежда; если Бог ничего не совершает чрез него, то ты ни крещения не имеешь, ни таин не причащаешься, ни благословений не получаешь, и, следовательно, ты – не христианин.

3. Что же, скажешь, неужели Бог рукополагает всех, даже и недостойных? Всех Бог не рукополагает, но чрез всех сам Он действует, – хотя бы они были и недостойными, – для спасения народа. Если для народа Он говорил чрез ослицу и Валаама, человека нечестивого (Числ.22), то тем более – чрез священника. Чего не делает Бог для нашего спасения? Чего не изрекает? Чрез кого не действует? Если Он действовал чрез Иуду и чрез тех пророков, которым говорит: "**не знаю вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие**" (Лк.13:27; Мф.7:23), и которые изгоняли злых духов, то тем более будет действовать чрез священников. Когда мы начинаем исследовать жизнь начальствующих, то хотим сами быть рукополагателями учителей, и таким образом извращается все, ноги становятся вверху, а голова внизу. Послушай Павла, который говорит: "**Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или [как] [судят] другие люди**" (1 Кор.4:3); и еще: "**А ты что осуждаешь брата твоего**" (Рим.14:10)? Если же не должно осуждать брата, то тем более учителя. Если бы Бог повелел тебе это, то ты поступал бы хорошо, и грешил бы, не поступая так; но если напротив, то не будь дерзким и не выходи из своих пределов. На Аарона, когда сделан был телец, восстали Корей, Дафан и Авирон (Числ.16). Что же? Не погибли ли они? Каждый заботься о своих делах. Кто преподает неправое учение, того не

слушай, хотя бы он был ангел; а если кто преподает правое учение, то смотри не на жизнь его, а на слова. Ты имеешь Павла, который научает тебя должному и делами и словами. Но, скажешь, священник не подает бедным и не хорошо управляет делами. Откуда тебе это известно? Прежде, нежели узнаешь достоверно, не порицай, бойся ответственности. Многое осуждают по подозрению. Подражай твоему Владыке; послушай, что Он говорит: "**сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю**" (Быт.18:21). Если даже ты узнал, исследовал и видел, и тогда ожидай Судию, не предвосхищай себе права Христова; ему принадлежит право – судить, а не тебе; ты – последний раб, а не господин; ты – овца; не суди же пастыря, чтобы тебе не быть наказану и за то, в чем обвиняешь его. Но как же, скажешь, мне он говорит, а сам не делает? Не сам он говорит тебе, – если ты повинуешься только ему, то не получишь награды, – тебе заповедует Христос. Что я говорю? Даже Павла не должно было бы слушаться, если бы он говорил что-нибудь от себя, что-нибудь человеческое, но должно слушаться его, как апостола, имеющего в себе Христа, который говорил чрез него. Не будем же судить чужие дела, а каждый свои; исследуй собственную жизнь. Но, скажешь, священник должен быть лучше меня. Почему? Потому, что он священник. Чего же он не имеет более, нежели ты? Трудов ли, опасностей, забот, или скорбей? Чем же он не лучше тебя, имея все это? Но если он и не лучше тебя, то для чего тебе, скажи мне, нужно губить себя самого? Слова твои происходят от гордости. Откуда ты знаешь, что он не лучше тебя? Он, скажешь, ворует и святотатствует. Откуда, человек, ты знаешь это? Зачем сам ты стремишься в пропасть? Когда кто-нибудь скажет тебе, что такой-то скрывает у себя царскую порфиру, то ты, хотя бы и знал это, затыкаешь уши, хотя бы и мог обличить его, тотчас отступаешь и показываешь вид, будто ничего не знаешь, не желая подвергаться лишней опасности; а здесь ты не только не отступаешь, но сам навлекаешь на себя лишнюю опасность. Подобные слова твои не безответственны; послушай, что говорит Христос: "**Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда**" (Мф.12:36). Во всяком случае, если ты считаешь себя лучше другого, и не воздыхаешь, не ударяешь себя в перси, не склоняешь головы, не подражаешь мытарю, то ты погубил себя, хотя бы ты был действительно лучше. Ты лучше другого? Молчи же, чтобы тебе остаться лучшим; а как скоро будешь говорить, то потеряешь все. Если будешь так думать о себе, то ты уже не таков; а если не будешь так думать, то приобретешь еще больше. Если такой грешник, исповедав грехи свои, вышел оправданным, то чего не приобретет тот, кто, не будучи столь грешным, сознает себя таким? Рассмотри собственную жизнь. Ты не воруешь? Но ты грабишь, делаешь насилия, совершаешь бесчисленное множество других подобных дел. Говорю это не с тем, чтобы похвалить воровство; нет, я готов горько плакать, если действительно найдется такой человек, чему, впрочем, не верю. Насколько великий грех – святотатство, о том и сказать нельзя; но я жалею вас, не хочу, чтобы ваши добродетели упразднились чрез осуждение других. Что, скажи мне, хуже мытаря? Верно было, что он был и мытарь и виновен во множестве преступлений, – и однако фарисею достаточно было сказать только: "**не таков, как этот мытарь**" (Лк.18:11), чтобы потерять все. А ты говоришь о священнике: я не таков, как этот святотатец, – и не теряешь ли всего? Я вынужден говорить это и опровергать подобные речи не потому, чтобы я так заботился о священниках, но потому, что боюсь за вас, как бы вы не упразднили своих добродетелей подобным самохвальством и осуждением других. Послушай увещание, которое преподает Павел: "**Каждый да испытывает свое дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом** (Гал.6:4).

4. Скажи мне: если ты, получив рану, придешь в лечебницу, то неужели, вместо того, чтобы прикладывать лекарство и лечить раны, ты станешь узнавать о враче, имеет ли он рану, или не имеет? И если он имеет, то заботишься ли ты об этом? И потому, что он имеет ее, оставляешь ли ты свою рану без врачевания и говоришь ли: ему, как врачу,

следовало быть здоровым, но так как он, будучи врачом, сам не здоров, то и я оставляю свою рану без врачевания? Так и здесь: если священник нехорош, будет ли это утешением для подчиненного? Нисколько. Он получит определенное наказание; получишь и ты должное и заслуженное. Учитель исполняет только службу. "**И будут", –** говорится, – "**все научены Богом**" (Ин.6:45). "**И уже не будут говорить: "познайте Господа", ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого**" (Иер. 31:34). Зачем же, скажешь, он председательствует? Для чего занимает такое место? Не будем, увещеваю вас, говорить худо об учителях, не будем рассуждать о них, чтобы не повредить самим себе; будем исследовать свои дела, и ни о ком не отзываться худо. Устыдимся того дня, в который он просветил нас крещением. В отце, хотя бы он имел бесчисленное множество слабостей, сын прикрывает все. "**Не ищи славы",** – говорит (Премудрый), – **в бесчестии отца твоего, ибо не слава тебе бесчестие отца. Хотя бы он и оскудел разумом, имей снисхождение**" (Сир. 3:10,13). Если так говорится о плотских отцах, то тем более надобно сказать об отцах духовных. Устыдись: он каждый день служит тебе, предлагает чтение Писания, для тебя украшает дом Божий, для тебя бодрствует, за тебя молится, за тебя предстоит и ходатайствует пред Богом, за тебя творит прошения, для тебя совершает все свое служение. Этого устыдись, это представляй и подходи к нему со всяким благоговением. Он нехорош? Но, скажи мне, что из этого? И хороший разве сам сообщает тебе великие блага? Нет; все совершается по твоей вере. И праведный не принесет тебе никакой пользы, если ты – неверующий; и нечестивый нисколько не повредит тебе, если ты – верующий. Бог действовал и чрез волов при кивоте, когда хотел спасти народ Свой (1 Цар.6). Разве жизнь священника, или добродетель его может совершить что-нибудь подобное? Дары Божии не таковы, чтобы они зависели от священнической добродетели; все происходит от благодати; дело священника – только отверзать уста, а все совершает Бог; священник же исполняет только видимые действия. Вспомни, какое расстояние между Иоанном и Иисусом; послушай, что говорить сам Иоанн: "**мне надобно креститься от Тебя**" (Мф.3:14), и еще "**Я недостоин развязать ремень у обуви его**" (Ин.1:27), – и однако, несмотря на такое расстояние (при крещении от него на Иисуса) сошел Дух, Которого не имел Иоанн. "**И от полноты Его", –** говорит Писание, – "**все мы приняли**" (Ин.1:16). И, однако, Дух не сошел прежде, нежели совершено было крещение; впрочем, и не Иоанн сделал то, что Он сошел. Для чего же так было? Чтобы ты знал, что священник совершает только видимые действия. Нет ни одного человека, который отстоял бы от другого так далеко, как Иоанн от Иисуса, – и однако Дух сошел на Него (при крещении от Иоанна), чтобы ты знал, что все устрояет Бог, что все совершает Бог.

Я хочу сказать нечто дивное, но вы не изумляйтесь и не смущайтесь. Что же такое? Приношение (в евхаристии) одно и то же, кто бы ни совершал его – Павел, или Петр; оно то же самое, которое Христос преподал ученикам; то же самое и ныне совершают священники; последнее нисколько не ниже первого, так как и это не люди освящают, а сам Тот, Кто освятил его и тогда. Как слова, произносимые ныне священником, те же самые, которые изрек Господь, так и приношение то же самое; равно и крещение то же самое, которое Он преподал. Так все зависит от веры. Дух Святой тотчас сошел на Корнилия, когда он предварительно явил то, что требовалось с его стороны, и обнаружил веру. Итак, и это приношение есть тело (Христово) так же, как и то; а кто думает, что оно ниже того, тот не знает, что Христос и ныне присутствует и ныне действует. Итак, зная это, – не напрасно же мы говорили все это, но с тем, чтобы исправить ваши мысли и сделать вас более осторожными на будущее время, – постарайтесь исполнить сказанное на деле. Если мы будем всегда слушать, а никогда не делать, то от сказанного не будет нам никакой пользы. Будем же усердно слушать, будем тщательно внимать сказанному, начертим это в уме нашем, изобразим навсегда в совести нашей, и непрестанно будем воссылать славу Отцу и Сыну и Святому Духу.

БЕСЕДА 3

"Держись образца здравого учения, которое ты слышал от меня, с верою и любовью во Христе Иисусе. Храни добрый залог Духом Святым, живущим в нас. Ты знаешь, что все Асийские оставили меня; в числе их Фигелл и Ермоген. Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих, но, быв в Риме, с великим тщанием искал меня и нашел. Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день; а сколько он служил мне в Ефесе, ты лучше знаешь" (2 Тим.1:13-18).

1.Не посланиями только (апостол) внушал ученику, что ему должно делать, но и на словах. Это он выражает и во многих других местах, когда, например, говорит: "**ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного**" (2 Сол.2:2,15); но гораздо яснее здесь. Итак, не будем думать, будто учение преподано им недостаточно; многое он преподал ученику и без письма, о чем и напоминает ему, говоря: "**Держись образца здравого учения, которое ты слышал от меня".** Что же означают эти слова? Как делают живописцы, говорит, так и я начертал тебе образ добродетели и всего угодного Богу, и как бы некоторое правило, первообраз, и начертание я вложил в твою душу. Это и имей; нужно ли будет тебе посоветоваться о вере, или о любви, или о целомудрии, оттуда заимствуй образцы; не будет тебе надобности искать образца у других, потому что там все содержится. "**Храни добрый залог**". Как? "**Духом Святым, живущим в нас".** Человеческая душа и человеческая сила не в состоянии сами по себе сохранить таких благ, вверенных им. Почему? Потому, что вокруг нас много разбойников, глубокая тьма, диавол стоит и коварствует, и мы не знаем, в какой час, в какое время он нападет на нас. Как же можем сохранить их? "**Духом Святым**", т. е., если будем иметь в себе Духа; а Он будет присущ нам, если мы не отвергнем благодати Его, потому что "**Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж**" (Пс.126:1). Он – наша стена, Он – наша ограда, Он – наше убежище. Если же Он живет в нас и сам хранить нас, то для чего наставления? Для того чтобы мы удерживали его, хранили его, и не отгоняли от себя злыми делами. Далее повествует об искушениях, не с тем, чтобы поразить ученика, но чтобы возбудить его, чтобы он, если случится когда-нибудь и ему подвергнуться таким же искушениям, не смущался, взирая на учителя и вспоминая о всем, случившемся с ним. Что же он говорит? Он тогда, вероятно, был взят под стражу и оставлен всеми, не видел ни от кого ни человеколюбия, ни милости, ни помощи, но был оставлен самими верующими и друзьями, и потому, послушай, что говорит: "**Ты знаешь, что все Асийские оставили меня**". В Риме, вероятно, было тогда много людей из азийских областей; но никто, говорит, не явился ко мне, никто не признал меня, все отшатнулись. И смотри, как любомудра душа его. Он сказал только, что было, но нисколько не укорял их; сделавшего ему добро он похвалил и пожелал ему бесчисленных благ, а им не пожелал никакого зла, – но что? "**В числе их", –** говорит, "**Фигелл и Ермоген. Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих, но, быв в Риме, с великим тщанием искал меня и нашел".** Смотри, как он везде указывает на стыд, а не на опасность, чтобы не устрашить Тимофея, хотя обстоятельства были исполнены опасностей, потому что он тогда подвергся гневу Нерона, обратив кого-то из близких к нему. Прибыв в Рим, говорит, Онисифор не только не избегал встречи со мною, но искал меня и нашел. "**Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день; а сколько он служил мне в Ефесе, ты лучше знаешь".** Таковы должны быть верующие – не удерживаться ни страхом, ни угрозами, ни стыдом, но содействовать друг другу, и как бы на войне защищать и помогать. И не столько находящимся в опасности, сколько самим себе они приносят пользу, делая себя чрез оказываемые им услуги причастниками уготованных им венцов. Например, кто-нибудь из людей, посвятивших себя Богу, подвергся скорби, терпит множество бедствий и подвизается с великим терпением; а на

тебя еще не возложен этот подвиг; но можешь и ты, если захочешь, не вступая на поприще, сделаться причастником уготованных ему венцов, присутствуя при нем, укрепляя, утешая и ободряя его. А что это действительно так, послушай, что говорит (апостол) в другом послании: "**Впрочем, вы хорошо поступили, приняв участие в моей скорби**" и еще: "**вы и в Фессалонику и раз и два присылали мне на нужду**" (Флп.4:14, 16). Но как отсутствующие приняли участие в скорби того, кого не было с ними? Как? "**Вы присылали**", – говорит, – "**и раз и два мне на нужду".** Также об Епафродите он говорит: "**был близок к смерти, подвергая опасности жизнь, дабы восполнить недостаток ваших услуг мне**" (Флп..2:30). Как у царей не только сражающиеся, но и хранящие оружие удостоиваются чести, и не какой-нибудь, но нередко получают даже равные с теми дары, хотя они не обагряли рук кровью, не брали оружия и даже вовсе не видали неприятельского войска, – так и еще гораздо более в этих (духовных) скорбях. Кто помогает ратоборцу, изнемогающему от голода, присутствуя при нем, ободряя его словами и оказывая ему всякие другие услуги, тот получает одинаковую с ратоборцем награду.

2.Разумей здесь не Павла, ратоборца непобедимого и несокрушимого, но всякого другого, который, может быть, и не устоял бы и не подвизался бы если бы не получил великого ободрения и великого утешения. Так и находящиеся вне борьбы делаются виновниками победы для вступившего в борьбу, а потому будут причастниками и уготованных за победу венцов. И что удивительного, если кто-нибудь, принимая участие в подвигах еще живых ратоборцев, удостаивается одинаковых с ними наград, когда можно принимать участие в людях, уже умерших, уже лежащих, уже увенчанных и ни в чем не нуждающихся после смерти? Послушай, в самом деле, что говорит Павел: "**в нуждах святых принимайте участие**" (Рим.12:13). Но как, скажешь, можно сделаться их причастником? Если будешь удивляться святому мужу, если сделаешь что-нибудь такое, за что он увенчан, если примешь участие в его подвигах, а потому и в венцах. "**Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день**". Он оказал, говорит, мне милость, и за это получит воздаяние в тот страшный и ужасный день, когда нам нужна будет великая милость. "**Да даст ему Господь обрести милость у Господа**". Итак, два Господа? Отнюдь нет, "**но нам един Господь Христос Иисус и един Бог**"**;** "**но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос**" (1 Кор.8:6). Зараженные Маркионовою ересью ссылаются на это выражение; но пусть они знают, что оно весьма обыкновенно в Писании, и в других местах часто можно встречать это выражение, когда, например, говорится: "**Сказал Господь Господу моему**" (Пс.109:1); и еще: "**Я сказал Господу: Ты - Господь мой**" (Пс.15:2); и еще: "**пролил Господь дождем серу и огонь от Господа с неба**" (Быт.19:24). Этим показывается единосущие Божеских лиц, а не различие существа; и (апостол) говорит так не для того, чтобы мы представляли себе два существа, различные между собою, но два лица, имеющие одно и то же существо. И заметь, как он выражается: "**да даст ему Господь**". Что? Не что иное, как **милость.** Как сам (апостол) получил милость от Онисифора, так и ему желает получить то же самое от Бога. Если же Онисифор, подвергавший себя опасностям, спасается за дела милосердия, то тем более мы. Страшный, поистине страшный предстоит нам отчет, и много мы должны оказывать человеколюбия, чтобы не услышать страшных слов: "**отойдите от Меня", –** не знаю вас, – "**делающие беззаконие**" (Мф.7:23), – чтобы не услышать опять ужасных слов: "**идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его**" (Мф.25:41), – чтобы не услышать: "**между нами и вами утверждена великая пропасть**" (Лк.16:26), – чтобы с трепетом не услышать: "**возьмите его и бросьте во тьму внешнюю**" (Мф.22:13), – чтобы с великим страхом не услышать: "**лукавый раб и ленивый**" (Мф.25:26). Страшно, весьма страшно и ужасно это судилище, хотя Бог и благ, хотя Он и милостив. Он называется Богом щедрот и Богом утешения (2 Кор.1:3); Он благ так, как никто другой, снисходителен, щедр и многомилостив; Он не хочет смерти

грешника, но чтобы он обратился и жил (Иез.33:11). Почему же, почему этот день будет исполнен такого ужаса? Огненная река потечет пред лицом его, книги деяний наших отверзутся, самый день будет подобен горящей пещи, ангелы будут носиться вокруг, и разложено будет множество костров. Как же, скажешь, Бог человеколюбив, как милостив, как благ? Так, при всем этом Он человеколюбив, и здесь-то особенно открывается величие его человеколюбия. Для того ведь Он и внушает нам такой страх, чтобы, хотя таким образом мы пробудились и стали стремиться к царствию небесному. Но смотри, как (апостол) не просто упоминает об Онисифоре, но говорит: "**многократно покоил меня".** Он, говорит, успокоивал и укреплял меня в страданиях, как бы ратоборца, изнемогающего от зноя. "**А сколько он служил мне в Ефесе, ты лучше знаешь",** не только в Ефесе, говорит, но и здесь. Таким и должен быть христианин ревностный и бодрствующий, – должен делать добро не однажды, не дважды или трижды, но во всю жизнь. Как тело наше не однажды насыщается для поддержания себя на всю жизнь, но имеет нужду в ежедневном питании, так и здесь, в благочестии, мы ежедневно имеем нужду в помощи от добрых дел. Мы имеем нужду в великой милости, и человеколюбивый Бог за грехи наши делает все, не нуждаясь Сам ни в чем, но все совершая для нас. Для того Он все сказал и изъяснил нам, и не только изъяснил, но показал и посредством дел. Хотя и одни слова его достоверны, но, чтобы кто не стал подозревать в словах его преувеличения, или одной угрозы, он присовокупляет удостоверение и посредством дел. Каким образом? Ниспосылая наказания на людей – и частные, и общие. И чтобы ты убедился самими делами, для того Он то наказывал фараона, то наводил водный потоп и всеобщее погубление, то посылал истребительный огонь. И ныне мы видим, как многие порочные наказываются и предаются мучениям. Все это – подобия геенны. 3.Так, чтобы мы не предавались сну и беспечности и не забывали слов (Господа), Он напоминает об них и возбуждает нас делами, устрояя и здесь допросы, судилища, наказания. Если люди столько заботятся о справедливости, то неужели у Бога, который есть сам законодатель, не обращается на нее никакого внимания? Можно ли поверить этому? Подлинно, везде можно видеть судилища – и в доме, и на площади. Так в доме господин ежедневно судит рабов, требует отчета в их поступках, и за одни наказывает, а за другие прощает; В селах земледелец и жена его ежедневно судятся взаимно; на кораблях судит кормчий; в войсках военачальник судит воинов; в искусствах учитель – ученика; и много можно найти судилищ. Таким образом, и в частности и вообще все судят друг друга, и нигде не увидишь, чтобы справедливость была пренебрегаема, но все и везде отдают отчет. Если же здесь так распространена забота о справедливости – и в городах, и в домах, и у каждого человека порознь, то неужели нет никакой справедливости там, где правды исполнена десница Божия (Псал.47:11), и где правда Его как горы Божии (Псал.35:7)? Но почему же, скажешь, Бог, судия праведный, всемогущий и долготерпеливый, попускает грехи и не тотчас же наказывает? Здесь уже заключается и причина: Он, говоришь ты, долготерпелив, а долго терпит Он, ведя тебя на покаяние; если же ты упорствуешь, то "**по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев** (Рим.2:4,5). Итак, если Он праведен, то воздаст по достоинству и не оставит без наказания делающих зло, потому что это свойственно праведному. Если Он всемогущ, то воздаст и по смерти, и при воскресении, потому что это свойственно всемогущему. Если же Он по долготерпению Своему медлит, то не будем смущаться и говорить: почему Он не наказывает здесь? Ведь если бы так было, если бы Он ежедневно подвергал нас наказанию за наши преступления, то род человеческий уже не существовал бы. Нет, поистине нет дня, свободного от грехов, но ежедневно мы грешим больше или меньше, так что никто из нас не мог бы достигнуть и двадцатилетнего возраста, если бы не было великого его долготерпения и благости, дающей нам достаточный срок для покаяния, для того, чтобы мы очистились от грехов. Пусть, поэтому, каждый, вникнув в дела свои правой совестию и исследовав всю свою жизнь, посмотрит, не заслуживает ли он бесчисленных мучений и казней. И когда он будет негодовать, почему такой-то, совершающий множество злых дел,

не подвергается наказанию, то пусть представит собственные свои дела, и негодование его прекратится. Грехи другого кажутся великими потому, что касаются предметов важных и явных; но если он исследует собственные дела, то, может быть, найдет их еще более великими. Так, похищать и быть любостяжательным равно грех, будет ли это касаться золота или серебра; то и другое рождается от одного и того же помысла, и похитивший малое не откажется похитить и большее; если же он не сделал этого, то так случилось не от него самого, а по стечению обстоятельств. Бедный, обижающий беднейшего, не оставил бы в покое, если бы мог, и богатого, но не делает этого по бессилию, а не по своей воле. Такой-то начальник, скажешь, похищает собственность подчиненных. А ты, скажи мне, разве не похищаешь? Не говори мне, что он похищает таланты золота, а ты – десятки оболов. И в сокровищницу другие клали золото, а вдовица положила две лепты, и, однако, внесла нисколько не меньше их. Почему? Потому, что у Бога ценится произволение, а не подаяние. Если же ты допускаешь, чтобы Бог судил так о милостыне, чтобы твое пожертвование, состоящее из двух лепт, по бедности твоей, было нисколько не меньше тех, которые пожертвовали тысячи талантов золота, то почему не допускаешь того же в любостяжании? Основательно ли это? Как вдовица, положив две лепты, по произволению своему пожертвовала нисколько не меньше других, так и ты, похитив две лепты, нисколько не лучше других похитителей, но даже, – если можно сказать нечто удивительное, – обнаруживаешь любостяжательность гораздо больше их. Как в прелюбодеянии одинаково виновен, совершил ли его кто-нибудь с женою царя или с женою бедного, или с женою раба, потому что грех судится не по различию лиц, но по злому расположению решившегося на это, – так точно и здесь. И даже я назвал бы скорее прелюбодеем того, кто совершает прелюбодеяние с какою-нибудь незначительною женщиною, нежели – с самою царицею, потому что здесь богатство, красота и многое другое могли служить обольщением, – а там нет ничего такого, и, следовательно, там прелюбодеяние бывает гораздо более. Равным образом и пьяницею я назову более того, кто упивается худым вином; равно и любостяжательным – того, кто не пренебрегает даже малым. В самом деле, похищающий большое, может быть, и пренебрежет малым; но похищающий малое никогда не откажется от большого, и потому последний есть вор по преимуществу. Кто не пренебрегает серебра, тот пренебрежет ли золотом? Итак, когда мы осуждаем начальников, то представим собственные наши дела, и увидим, что мы сами больше их виновны и в воровстве, и в любостяжании, если будем судить об этом не по делам, но по душевному расположению, как и следует судить. В самом деле, скажи мне, если будет приведен в суд кто-нибудь, похитивший у бедного, и другой, похитивший у богатого, то не одинаковое ли оба они получать наказание? Также убийца, не одинаково ли есть убийца, убьет ли он человека бедного и убогого, или богатого и властного? Итак, когда мы скажем, что такой-то у такого-то отнял имение, то подумаем о своих делах, и тогда мы не станем осуждать других, подивимся долготерпению Божию, не будем негодовать, что суд его не приходит на грешников, и сами будем менее скорыми на совершение злых дел. Когда увидим, что и мы сами виновны в том же, то уже не будем по-прежнему негодовать на других, но отстанем от грехов и сподобимся будущих благ во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому со Отцем и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 4

"Итак укрепляйся, сын мой, в благодати Христом Иисусом, и что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить. Итак переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа. Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику. Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться. Трудящемуся

земледельцу первому должно вкусить от плодов. Разумей, что я говорю. Да даст тебе Господь разумение во всем" (2 Тим. 1:1-7).

1.Ученику в море придает много бодрости то, когда учитель его потерпел кораблекрушение и спасся, потому что он уже не думает, что бури нападают на него от его неискусства, но – от естественного порядка вещей; а это немало способствует к поддержанию бодрости. Равным образом и начальнику отряда на войне служит ободрением то, когда он видит, что полководец его, будучи ранен, остается мужественным. Так и для верующих служит утешением то, что апостол потерпел много бедствий и ни от одного из них не упал духом. Иначе, если бы это было не так, (Павел) и не говорил бы о своих страданиях. Тимофей, слыша, что учитель, сделавший так много и победивший всю вселенную, находится в узах, в скорбях, оставлен своими, и, однако, не жалуется и не негодует, и сам, подвергшись таким же бедствиям, не стал бы приписывать случившегося человеческой слабости, или тому, что он ученик и менее Павла, – ведь и учитель терпел тоже, – по естественному порядку вещей. Поэтому (апостол) так и поступил, поэтому он и распространяется обо всем этом, чтобы ободрить и укрепить (Тимофея). С такою целью, рассказав о своих скорбях и искушениях, он продолжает: "**укрепляйся, сын мой, в благодати Христом Иисусом".** Что ты говоришь? Ты поразил нас страхом, ты сказал, что ты связан, что ты в скорбях, что все оставили тебя, и потом, как будто сказавши, что ты не потерпел никакого бедствия и никем не оставлен, присовокупляет: "**укрепляйся, сын мой".** И справедливо, – потому что первое гораздо более может ободрить тебя, нежели последнее. В самом деле, если я – Павел терплю такие бедствия, то гораздо более должен терпеть их ты; если терпит учитель, то тем более – ученик. Это увещание он предлагает (Тимофею) с великою любовию, называя его "**сыном**"*,* и не просто, но: "**сыном моим**". Если, говорит, ты – сын, то подражай отцу; если ты – сын, то укрепляйся тем, что я сказал; впрочем, не словами моими только, но благодатию Божиею: "**укрепляйся, сын мой, в благодати Христом Иисусом",** т. е. благодатию Христовою; стой мужественно; ты знаешь боевой порядок. Так и в другом месте, объясняя, что "**наша брань не против крови и плоти**" (Еф.6:12), он говорит это не для поражения слушателей, но для их ободрения. Итак, трезвись, говорит, бодрствуй; благодать Господа сподвизается и содействует тебе; но и ты с полною готовностию и охотою исполняй свое дело. "И **что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям**"*,* – верным, а не таким, которые любят исследовать и рассуждать. **Верным***,* т.е. каким? Таким, которые не предадут проповеданного им. "**Что слышал**"*,* а не то, что выдумал, так как "**вера от слышания, а слышание от слова Божия**" (Рим.10:17). А что значит: "**при многих свидетелях**"**?** Он как бы так говорит: ты слышал от меня не скрытно и тайно, а в присутствии многих, открыто. Не сказал: скажи, но: "**передай**"*,* как бы о сокровище, которое передается и сохраняется в безопасном месте. Так он опять внушает ученику страх и предыдущими словами и последующими. При том "**передай",** говорит, не только верным, так как что за польза, если принявший, хотя и верен, но другим передать учения не может, если он, хотя сам и не изменит вере, но не сделает такими же других? Учителю нужно иметь два качества: быть верным и учительным. Поэтому он и говорит: "К**оторые были бы способны и других научить. Итак переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа".** О, какая честь – быть воином Христовым! Вспомни, насколько важным считается у воинов находиться под начальством земных царей, если же царскому воину свойственно переносить страдания, то не переносить страданий недостойно воина. Итак, не должно скорбеть, если терпишь страдания, – это ведь свойственно воину, – но следует скорбеть, если не терпишь их. "**Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику. Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться".** Это сказано Тимофею, но чрез него говорится и всякому учителю и ученику. Пусть же никто из имеющих епископство не огорчается, слыша это, но –

огорчается, не делая этого. "**Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться".** Что значит: "**если незаконно"?** Для него не довольно того, чтобы выйти на подвиг, или намазаться, или сойтись с противником; но если он не соблюдет всех законов борьбы касательно пищи, воздержания и чистоты, самого места борьбы, и вообще если не исполнит всего, приличного ратоборцам, то не получит венца. И посмотри на мудрость Павла: он напоминает (Тимофею) о борьбе и о воинах, как для того, чтобы он был готовым на смерть, убиение и кровопролитие, так и для того, чтобы внушить ему твердость, чтобы он переносил все мужественно и постоянно был в подвиге. "**Трудящемуся земледельцу", –** говорит, – "**первому должно вкусить от плодов".** Указав на свой пример и сказав об учителе, (апостол) говорит далее о том, что случается с обыкновенными людьми, о ратоборцах, о воинах, и указывает при этом на их награды, во-первых – "**угодить военачальнику**", а во-вторых – "**увенчивается**"*;* приводит еще и третий пример, который особенно близок (Тимофею). Пример воина и ратоборца относится и к подчиненным, а пример земледельца к учителю, который должен быть не только воином и ратоборцем, но и земледельцем. Земледелец заботится не только о себе самом, но и о плодах земли, т. е., земледелец получает в плодах немалое воздаяние за труды свои.

2. Здесь (апостол), указав на общеизвестный пример, выражает и то, что Бог ни в чем не имеет нужды, и говорит о воздаянии за учительство. Как земледелец, говорит, трудится не без пользы, но сам прежде других наслаждается плодами трудов своих, так следует и учителю. Или об этом он говорит, – или о чести, воздаваемой учителям. Впрочем, последнее предположение не имеет основания; иначе, почему он говорит не просто о земледельце, но трудящемся, и не просто трудящемся, но уже потрудившемся? А чтобы никто не жаловался на замедление (воздаяния), то говорит: ты уже получаешь воздаяние, или: в самом труде есть воздаяние. После того, как он привел примеры воинов, ратоборцев и земледельцев, и все изложил кратко, он говорит: "**Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться**"*;* а сказав: "**Трудящемуся земледельцу** первому **должно вкусить от плодов**"*,* присовокупляет: "**Разумей, что я говорю. Да даст тебе Господь разумение во всем".** Для того все это и было сказано в примерах и притчах. Затем опять, по любви своей, начинает увещевать его, как бы боясь за него, точно за родного сына, и говорит: "**Помни Господа Иисуса Христа от семени Давидова, воскресшего из мертвых, по благовествованию моему, за которое я страдаю даже до уз, как злодей; но для слова Божия нет уз**" (ст. 8-9). Для чего здесь он упоминает об этом? Главным образом для того, чтобы отразить еретиков, а вместе и для того, чтобы ободрить ученика и показать пользу страданий, так как и сам учитель, наш Христос страданиями победил смерть. Помни это, говорит, и будешь иметь достаточное утешение. "**Помни", –** говорит, – "**Господа Иисуса Христа от семени Давидова, воскресшего из мертвых".** В то время некоторые уже начали извращать домостроительство нашего спасения, стыдясь величия человеколюбия Божия. Действительно, благодеяния Божии к нам так велики, что люди стыдятся приписать их Богу, и не верят, чтобы Он оказал такое снисхождение. "**По благовествованию", –** говорит, – "**моему**". Он часто повторяет в своих посланиях: "**по благовествованию моему**"*,* или потому, что следовало верить ему, или потому, что другие благовествовали иное. "З**а которое", –** говорит, – "**я страдаю даже до уз, как злодей**". Опять в собственном примере предлагает утешение, и опять – увещание, ободряя слушателя двумя способами: указанием и на свои страдания, и на то, что он подвергается им не без пользы. Таким образом, для слушателя это будет благотворно; а иначе даже вредно, потому что какая польза, если ты покажешь, что учитель страдает, но без всякой выгоды? А то достойно удивления, если он страдает с выгодою, ко благу поучаемых. "**Но для слова Божия нет уз**" (ст. 9). Если бы, говорит, мы были мирскими воинами, или вели войну чувственную, то эти узы, связывающие руки, имели бы силу; ныне же Бог сделал нас

такими, что нас ничто не побеждает. Нам связываются руки, но не язык; язык связать ничто не может, разве только страх и неверие; если в нас нет их, то хотя бы ты наложил на нас оковы, проповедь не связывается. Кто связывает земледельца, тот препятствует сеянию, потому что земледелец сеет рукою; но если свяжешь учителя, то этим не воспрепятствуешь его слову, потому что он сеет языком, а не рукою. Итак, наше слово не подчиняется узам, и когда мы связаны, оно развязано и простирается вперед. Каким, скажешь, образом? А вот – мы проповедуем, хотя и связанные. Это говорит он для поощрения тех, которые не связаны: если мы, связанные, проповедуем, то тем более надлежит делать это вам, несвязанным. Ты слышал, что я "**страдаю как злодей**"*?* Не унывай же; подлинно великое чудо – связанному делать то же, что делают несвязанные, связанному превзойти всех, связанному победить связавших его. Проповедуемое нами есть слово Божие, а не наше; человеческие же узы не могут связать слова Божия. Я терплю это, говорит, за избранных: "**Посему я все терплю ради избранных, дабы и они получили спасение во Христе Иисусе с вечною славою**" (ст. 10). Вот и другое увещание. Я терплю это, говорит, не за себя, но для спасения других. Если бы я искал только своего, то мог бы жить безбедно, мог бы не терпеть ничего такого. Для чего же я терплю это? Для блага других, чтобы другие получили жизнь вечную. И что еще прибавляет? Не просто сказал: за некоторых, но: "**ради избранных".** Если Бог избрал их, то нам должно терпеть все для них, "**дабы и они получили спасение**". Выражением: "**дабы и они**" он изъясняет и показывает, что (они получат так же), как и мы, потому что и нас избрал Бог. Как для нас пострадал Бог, так и мы должны страдать для них; и таким образом это будет воздаянием, а не даром. Со стороны Бога это было даром, потому что Он оказал нам благодеяния, еще не испытав от нас ничего доброго; а с нашей стороны это – воздаяние, потому что мы, наперед сами получив благодеяния от Бога, страдаем за тех, за кого страдаем, чтобы они получили спасение. Что ты говоришь? Какое спасение? Кто не бывает виновником собственного спасения, но губит себя, тот может ли быть виновником спасения других? Потому-то (апостол) и прибавил: не такого спасения, но "**во Христе Иисусе**" спасения истинного, "**с вечною славою**". Настоящие обстоятельства прискорбны, но они – только на земле; настоящие обстоятельства тягостны, но они временны; они исполнены неприятностей и огорчений, но только на сегодняшний и завтрашний день.

3. Истинные же блага не таковы, но они вечны, на небе. Тамошняя слава есть истинная, а здешняя – бесчестие. Послушай, возлюбленный: на земле нет славы, но истинная слава на небесах; кто хочет прославиться, тот (здесь) пусть терпит бесчестие; кто хочет достигнуть покоя, тот (здесь) пусть терпит скорби; кто хочет радоваться и блаженствовать вечно, тот пусть презирает временное. А что здесь бесчестие есть слава, а слава – бесчестие, постараемся по возможности доказать это, чтобы узнать истинную славу. Невозможно достигнуть славы на земле; если же хочешь прославиться, то – чрез бесчестие. Объясним это примером двух лиц, Нерона и Павла. Первый пользовался мирскою славою, второй терпел бесчестие. Каким образом? Нерон был государь, совершил много важных дел, ставил трофеи, имел неистощимое богатство и бесчисленное войско повсюду, большая часть вселенной была ему подвластна, столица повиновалась ему, весь сенат преклонялся пред ним, самые дворцы его имели блестящий вид. Нужно ли было вооружиться, – он выходил, облеченный в оружие, украшенное золотом и драгоценными камнями; нужно ли было оставаться в мире, – он сидел, одетый в порфиру. Он имел множество копьеносцев и щитоносцев; его называли владыкою земли и моря, самодержцем, августом, кесарем, царем и многими другими подобными именами, которые изобретают лесть и угодничество. Вообще не было у него недостатка ни в чем, что нужно для славы; даже мудрецы, повелители и цари боялись его и трепетали пред ним. Впрочем, он и слыл за человека жестокого и бесстыдного; он хотел быть даже богом, презирал всех идолов и самого (Владыку) всех Бога, и принимал божеское почитание. Что выше такой славы, или

лучше сказать, что хуже такого бесчестия? Не знаю, как уста мои, увлекаемые истиною, зашли вперед и еще прежде суда произнесли приговор. Но сначала исследуем это дело по общему суждению, по суждению неверных, по суждению лести. Что может быть выше той славы, чтобы называться даже богом? Поистине великое бесчестие – человеку дойти до такого безумия; впрочем, будем исследовать дело по общему суждению. Таким образом, не было у него недостатка ни в чем, что нужно для славы человеческой, и все служили ему, как богу. Теперь, если угодно, в противоположность ему представим Павла. Он был киликиянин; а какая разница между Киликиею и Римом, все знают; был кожевник, бедный, неопытный в мирской мудрости, умевший говорить только по-еврейски, на языке, презираемом всеми, и в особенности италийцами, которые не столько презирают людей, говорящих на языке варварском, или греческом, или каком-нибудь другом, как – на сирском; а еврейский язык имеет с ним большое сходство. И неудивительно, что они презирали этот язык; если они презирают чудный и прекрасный язык греческий, то тем более еврейский. (Павел) был человек, часто терпевший голод, ложившийся спать без покрепления пищею, не имевший одежды, чем бы прикрыться, живший, как он сам говорит, "**на стуже и в наготе**" (2 Кор.11:29), при том бывший в узах, в которые он заключен был, по приказанию того же (Нерона), вместе с разбойниками, волшебниками, расхитителями гробниц, убийцами, и был наказываем, как злодей, о чем он сам говорит (2 Тим.2:9). Кто же из них славнее? Того многие не знают даже по имени, а этого не прославляют ли ежедневно и эллины, и варвары, и скифы, и живущие у самых пределов вселенной? Впрочем, не будем говорить о том, что есть теперь, и исследуем то, что было тогда. Кто из них был знаменитее? Кто славнее? Тот ли, кто в цепях и оковах был влеком из темницы, или тот, кто в порфире выступал из царских чертогов? Конечно, узник. Почему? Потому, что тот, и имея войско и сидя в блестящей одежде, не мог сделать всего того, чего хотел; а этот узник, заключенный как злодей и одетый в бедную одежду, самовластно делал все. Как и каким образом? Тот говорил: не сей слова благочестия; а этот отвечал: не перестану сеять, потому что "**для слова Божия нет уз**" (2 Тим. 2:9); и киликиянин, узник, скинотворец, бедняк, терпевший голод, противился римлянину, богатому, царствовавшему, повелевавшему всеми, раздававшему тысячи тысячам, – и последний, при всем множестве своего войска, не мог ничего сделать. Кто же из них был славнее? Кто достойнее уважения? Побеждающий ли в узах, или побеждаемый в порфире? Стоявший ли внизу и низвергающий, или сидевший вверху и низвергаемый? Повелевавший ли и встречающий презрение, или получавший повеления и необращающий на них никакого внимания? Бывший ли одиноким и побеждающий, или окруженный бесчисленным войском и побеждаемый? Царь отступил, а узник воздвиг над ним трофей победы. Скажи же мне: в котором из этих двух положений всякий желал бы находиться? Не говори мне о последствиях, но рассмотри пока самые положения: в котором из них всякий желал бы находиться – Павловом, или Нероновом? Не говорю по отношению к вере, – это очевидно, – но по отношению к славе, знаменитости, знатности. Всякий здравомыслящий сказал бы: в Павловом. Если побеждать славнее, нежели быть побежденным, то он славен; и не то еще важно, что он победил, но то, что, будучи в таком состоянии (как Павел), он победил находившегося в таком состоянии (как Нерон). Так, опять скажу и не перестану говорить, заключенный в оковы победил облеченного в диадему!

4. Такова сила Христова: узы победили царский венец, и первые оказались славнее последнего. (Павел) был одет в нечистое рубище, как живший в темнице, но узы, которыми он был связан, привлекали всех более порфиры; он сидел на земле, в заключении и с поникшею головою, но все стекались слушать его, оставив того, кто сидел на золотой колеснице. И справедливо. Дело обыкновенное – видеть царя, сидящего на белом коне; но необыкновенно и поразительно – видеть узника, отвечающего царю с таким дерзновением, с каким царь – бедному и жалкому рабу. Множество народа стояло

вокруг, и все были слуги царя, но удивлялись не владыке своему, а тому, кто победил их владыку; один он попирал ногами того, кого все боялись и трепетали. Вот, какова слава его в самых узах! А что сказать о последующем? Неизвестна и гробница одного (Нерона), а другой (Павел) лежит славнее всех царей в той самой столице, где он одержал победу, где воздвиг трофей. О том, если и вспомнит кто-нибудь даже из близких к нему, то с отвращением, – он, говорят, был и развратник, – а об этом вспоминают с похвалами везде, не только между нами, но и между самими врагами. Когда истина воссияла, то и враги не могут упорствовать, но удивляются, если не вере (Павла), то его дерзновению, его мужеству. Этого уста всех и везде провозглашают, превознося похвалами, а того осыпают хулами и порицаниями. Кто же из них славен? Впрочем, я незаметным образом стал хвалить льва по ногтям его, вместо того, чтобы говорить о том, что действительно достойно хвалы. Что же это такое? То, что будет на небесах, – как (Павел) явится с Царем небесным, в светлом виде, и как Нерон будет стоять тогда печальный, с поникшею головою. Если слова мои тебе кажутся невероятными и смешными, то смешон ты сам, смеющийся над тем, что достойно не смеха. Если ты не веришь будущему, то поверь тому, что уже совершилось: еще не пришло время венцов, и, однако, этот подвижник уже удостоился такой чести; какой же он сподобится славы, когда придет Подвигоположник? Он был странником среди чужих, странником и пришельцем, и заслужил такое удивление: какого же блага не получит он, когда будет между своими? "**Жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге**" (Кол.3:3), и однако умерший действует и почитается более живых: чего же не получит он, чего не достигнет, когда придет самая жизнь наша? Для того-то Бог и удостоил его здесь такой чести, а не потому, чтобы он имел в ней нужду, – ведь если он еще в телесной жизни презирал славу от людей, то гораздо более по разлучении с телом. И не потому только Бог удостоил его такой чести, но и для того, чтобы неверующие будущему удостоверялись в том, по крайней мере, из настоящего. Я говорю, что Павел придет с Царем небесным, когда будет воскресение, что он сподобится наслаждения бесчисленными благами; но неверующий не верит; пусть же он поверит этому из событий настоящих. Скинотворец славнее царя, в большей чести, нежели царь; никакой римский царь не удостоивался такой чести; царь лежит где-то за городом, а он (Павел) занимает средину города, как бы царь и при том живой. Поэтому поверь и будущему. Если здесь, где он был гоним и преследуем, он удостоился такой чести, то что будет тогда, когда он явится опять? Если там, где он был скинотворцем, он сделался столь славным, то, что будет тогда, когда он придет в блеске солнечных лучей? Если после такого уничижения он достиг такого величия, то чего он не достигнет, когда придет опять? Невозможно отвергать совершившегося на деле. Кого не убедит то, что скинотворец сделался славнее того, которому удивлялись больше всех царей? если здесь совершилось событие сверхъестественное, то тем более совершится в будущем. Поверь же, человек, настоящему, если не хочешь верить будущему; поверь видимому, если не хочешь верить невидимому; или лучше сказать: поверь видимому, и ты поверишь невидимому. Если же не хочешь, то благовременно нам сказать слова апостола: чисты мы от крови вашей; мы преподали вам все, и не опустили сказать ничего, что следовало (Деян.20:26); сами вы виноваты, если сделаете себя достойными наказания в геенне. Будем же, возлюбленные дети, подражать Павлу не по вере только, но и по жизни; будем презирать здешнюю славу, чтобы получить славу небесную. Пусть ничто настоящее не увлекает нас; будем презирать блага видимые, чтобы получить блага небесные, или лучше, чтобы чрез последние получить и первые, имея впрочем, в виду преимущественно – достигнуть благ небесных, которых да сподобимся все мы.

БЕСЕДА 5

"Верно слово: если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас; если мы неверны, Он

пребывает верен, ибо Себя отречься не может. Сие напоминай, заклиная пред Господом не вступать в словопрения, что нимало не служит к пользе, а к расстройству слушающих" (2 Тим.2:11-14).

1. Многие из людей слабых отказываются от подвига веры и не переносят нескорого исполнения надежды, но стремятся к благам настоящим и по ним судят о будущих. Когда здесь предстояли смерть, мучения, узы, а (Павел) говорил своим слушателям, что они пойдут в жизнь вечную, то иной мог не верить и сказать: что ты проповедуешь, – каким образом, когда я живу, тогда умираю, и когда умру, тогда буду жить? На земле ты не обещаешь мне ничего, и предоставляешь на небе? Не даешь малого, и обещаешь великое? Поэтому, чтобы никто не думал так, (апостол) представляет несомненное тому доказательство. Он уже и прежде утверждал это и приводил свидетельства, – именно слова: "**Помни Господа Иисуса Христа, воскресшего из мертвых**" (2 Тим. 2:8) означают то, что Он воскрес после смерти, – и теперь опять объясняет то же и говорит: "**верно слово**", что имеющий жизнь небесную получит и вечную. Почему "**если мы с Ним умерли**", – говорит, – "**то с Ним и оживем**". В самом деле, скажи мне, если мы участвуем со Христом в скорбях и страданиях, то ужели не будем участвовать с Ним в благах? Этого не сделал бы и человек, – чтобы, достигнув покоя, не принять в общение с собою того, кто решился вместе с ним страдать и умереть. Когда же мы умерли вместе (с Христом)? (Апостол) говорит о смерти, как посредством купели крещения, так и посредством страданий. Так он говорит: "**носим в теле мертвость Господа**" (2 Кор.4:10); еще: "**погреблись с Ним крещением в смерть**" (Рим.6:4); и еще: **ветхий наш человек распят с Ним** (Рим.6:6); и еще: "**соединены с Ним подобием смерти Его**" (Рим.6:5). Здесь же он говорит и о смерти посредством искушений, и преимущественно об ней, так как он находился в искушениях, когда писал это. Смысл слов его следующий: если ради Него мы умерли, то ужели не оживем ради Него? В этом нет сомнения. "**Если терпим**", – говорит, – "**то с Ним и царствовать будем".** Не сказал просто: воцаримся, но: "**если терпим**", показывая, что недостаточно умереть однажды, – сам этот блаженный умирал ежедневно, – а нужно иметь много терпения, которое особенно необходимо было Тимофею. Не ссылайся, говорит, на прежние страдания, а скажи, терпишь ли ты постоянно. Затем предлагает ему увещание с другой стороны, не со стороны добрых людей, но и злых. Если бы и злые могли сделаться участниками того же (что ожидает добрых), то это не было бы утешением; и если бы терпевшие должны были воцариться со Христом, а нетерпевшие получили бы только то наказание, что не воцарились бы с Ним, то, хотя и это страшно, но для многих не было бы достаточною угрозою. Поэтому он и говорит нечто более страшное: "**если отречемся, и Он отречется от нас".** Следовательно, воздаяние постигнет не только добрых, но и злых. Представьте же, что будет терпеть тот, кто отвержен будет в царствии его. "**А кто отречется от Меня", –** говорит Он, – "**отрекусь от того и Я**" (Мф.10:33). Воздаяние не равно делу преступления, хотя, по словам его, и кажется так. Мы, отрекающиеся от Него, – люди, а Он – Бог; нужно ли говорить, какое расстояние между Богом и людьми?

2. С другой стороны, таким отречением мы вредим себе, а отнюдь не Богу, и не можем (вредить ему). Потому-то (апостол), объясняя это, и продолжает: "**если мы неверны, Он пребывает верен, ибо Себя отречься не может**" – т. е., если мы не верим, что Он воскрес, то Он не терпит от этого никакого вреда; Он истинен, Он неизменен, будем ли мы исповедывать его, или не будем. Если же Он не терпит никакого вреда, когда мы отрекаемся от Него, то значит, что Он требует исповедания нашего не для чего итого, как для нашей же пользы. Он пребывает одним и тем же, отрекаемся ли мы от Него, или не отрекаемся: **ибо** "**Себя отречься не может**", т. е. отречься от того, что Он есть. Мы можем говорить, что его нет, хотя на деле и не так. Он, по существу своему, не может не быть; это невозможно, т. е. ему невозможно обратиться в небытие; Он всегда пребывает, всегда

существует по естеству Своему. Итак, не будем думать, будто мы можем сделать Ему одолжение или повредить Ему. Далее, чтобы кто не подумал, что Тимофей имел нужду в таких (внушениях), (апостол) присовокупляет: "**Сие напоминай, заклиная пред Господом не вступать в словопрения, что нимало не служит к пользе, а к расстройству слушающих".** Страшно – говорить, приводя во свидетели Бога, потому что, если никто не решится изменить, призвав во свидетели человека, то тем более – Бога. Например, если кто составит договор, или завещание, призвав достоверных свидетелей, то кто осмелится приписать их кому-нибудь другому, постороннему? Никто; а если бы и захотел, то остережется, опасаясь достоверности свидетелей. Что значит: "**заклиная"?** Значит – призывая Бога во свидетели своих слов и действий. "**Не вступать в словопрения**"; и не поэтому только, но и "**к расстройству", –** говорит, – "**слушающих**". Отсюда не бывает не только никакой пользы, но и великий вред. Итак, "**Сие напоминай",** если же слушатели будут пренебрегать, то Бог им судья. А для чего Он увещевает не "**вступать в словопрения**"? Он знал, что это дело обыкновенное и что человеческая душа всегда склонна к состязанию и словопрению. Чтобы этого не было, он не просто говорит: "Не **вступать в словопрения**", но употребляет более страшное выражение, присовокупляя: "**к расстройству слушающих**". "**Старайся представить себя Богу достойным, делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины**" (ст. 15). Везде он увещевает избегать стыда. Почему же он так часто упоминает о стыде? Потому, что многие могли стыдиться и самого Павла, как скинотворца, и учения христианского, которого учители терпели мучения: Христос был распят, его (Павла) ожидало отсечение головы, Петр был пригвожден ко кресту вниз головою, и при том терпели это от людей ничтожных и презренных. Так как подобные люди господствовали, то (апостол) и говорит: не постыдись, т. е. нисколько не стыдись делать все, что относится к благочестию, хотя бы тебе за это надлежало подвергнуться рабству, или потерпеть что-нибудь другое. А как сделаться "**достойным**"? Будучи "**делателем неукоризненным**". Как (всякий) делатель трудится, не стыдясь ничего, так должен поступать и делатель евангелия; он должен быть готовым на все. "**Верно преподающим слово истины**". Хорошо (апостол) сказал это, потому что многие злоупотребляют и искажают слово истины, прибавляя к нему много неправого. Не сказал: управляющего, но: "**Верно преподающим**", – т.е. отделяй неправое, и все тому подобное отражай и отсекай с великою силою; как бы по натянутой нити отсекай мечом духовным все излишнее и чуждое проповеди. "**А непотребного пустословия удаляйся**" (ст. 16), потому что этим дело не ограничится; но когда привнесено что-нибудь новое, то оно постоянно порождает новые разделения; без конца блуждает тот, кто вышел из тихой пристани, и нигде не остановится. "**Еще более будут", –** говорит, **–** "**преуспевать в нечестии, и слово их, как рак, будет распространяться**" (ст. 17). Это – неудержимое зло, которое не может быть остановлено врачеванием, но заражает все. (Апостол) внушает, что пустословие есть болезнь, и даже хуже болезни; выражает также неисправимость подобных людей; они заблуждаются не случайно, а добровольно, и потому совершенно неисправимы. "**Таковы",** – говорит, – "**Именей и Филит**, **которые отступили от истины, говоря, что воскресение уже было, и разрушают в некоторых веру**" (ст. 18). Хорошо он сказал: "**будут преуспевать**". По-видимому, – это зло только само по себе; но посмотри, какие отсюда происходят последствия. Если воскресение уже было, то отсюда для нас не только тот вред, что мы лишились великой славы, но уничтожаются и суд и воздаяние; если воскресение уже было, то было и воздаяние; добрые, следовательно, не получили вознаграждения за скорби и страдания, а злые не наказаны, и хорошо, что они жили в удовольствиях. Лучше было сказать, что нет воскресения, нежели – что оно уже было. "**И разрушают**", – говорит, – "**в некоторых веру**". Не всех, а "**в некоторых",** если воскресения нет, то и вера разрушена: "**если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна**", и Христос не воскрес (1 Кор.15:13,14); а если Он не воскрес, то и не рождался и не восходил на небеса. Видишь ли, как противление, по-видимому, одному только учению

о воскресении влечет за собою много дурных последствий? Что же, скажешь, ужели не нужно делать ничего с колеблющимися (в вере)? "**Но твердое основание", –** говорит (апостол), – "**Божие стоит, имея печать сию: "познал Господь Своих"; и: "да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа**" (ст. 19).

3. Здесь показывается, что они не были тверды еще прежде, нежели поколебались; иначе не поколебались бы от первого же нападения, – подобно как Адам не был тверд прежде искушения. Твердые не только ничего не терпят от обольстителей, но еще заслуживают удивления. "**Твердое", –** говорит, – "**основание**". Так нужно быть предану вере. "**Имея печать сию: "познал Господь Своих**". Что это значит? Апостол заимствовал это из Второзакония[1]. Оно значит: твердые души стоят твердо и неподвижно. А из чего это видно? Из того, что такие слова начертаны на делах их, что Бог знает их и не попускает погибнуть, что они удаляются от неправды. "**Да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа".** Вот признаки основания! Такой человек является как бы твердым основанием. Подобно тому, как на камне делается надпись, чтобы она была признаком его, эта надпись у него выражается в делах. "**Имея**", – говорит, **начертанною печать сию: "да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа".** Следовательно, кто делает неправду, тот не имеет этого основания; и признак этой печати – не делать неправды. Итак, не будем лишать себя этой царской печати и знака, чтобы нам не остаться незапечатленными и непрочными, но стоять на основаниях, и на твердых основаниях, и не увлекаться. Вот признак людей, принадлежащих Богу, – удаляться от неправды! Как Богу, Который праведен, может принадлежать тот, кто делает неправду, противится ему своими делами и оскорбляет его своими поступками? Но опять мы осуждаем неправду и опять возбуждаем против себя множество недовольных. Страсть, как бы какой тиран, овладела душами всех, и – вот что страшно – овладела не принуждением или насилаем, но убеждением и увлечением, так что они же бывают благодарны за такое рабство.

Это поистине страшно, потому что если бы они были удерживаемы насилием, а не привязанностью, то скоро отстали бы. И отчего представляется приятным то, что само по себе весьма неприятно? Напротив, отчего правда представляется неприятною, тогда как она весьма приятна? Зависит это от наших чувствований. Так некоторые и мед находили горьким, а другое что-нибудь вредное принимали с удовольствием; причина – не в существе вещей, а в испорченности самих людей дурных. Подумай о судилище в нашей душе. Как весы неверно показывают тяжесть взвешиваемых вещей, когда отвес не утвержден надлежащим образом, так и душа не может хорошо судить о вещах, но колеблется и увлекается, когда отвес ее помыслов не утвержден и не прикреплен прочно к закону Божию. Если посмотреть внимательно, то можно видеть, что неправда очень горька, не только для тех, которые терпят от нее, но и для тех, которые делают ее, и гораздо более для последних, нежели для первых. Не станем говорить уже о будущем, а скажем только о настоящем. Не сопровождают ли ее тяжбы, суды, осуждение, зависть, злословие? Что может быть неприятнее этого? Не сопровождают ли ее ненависть, вражда, укоризны, непрестанные терзания и угрызения совести? Я желал бы, если бы можно было, извлечь из тела душу человека несправедливого, – и ты увидел бы, как она бледнеет, дрожит, стыдится, тревожится и осуждает сама себя. В какую бы глубину зла мы ни впали, судия души нашей не истребляется, но остается неподкупным, и никто прямо не скажет, что неправда есть добро, но выдумывает предлоги и употребляет все меры, чтобы, по крайней мере, словами оправдать себя; но оправдания от совести получить он не может. Между нами и красноречие, и подкупность правителей, и множество льстецов могут помрачить истину; но внутри – в совести – нет ничего такого, нет льстецов, нет денег для подкупа судьи. Этот судия внедрен в нас Богом от природы; а то, что от Бога, не может терпеть ничего такого.

4. Напротив, и неприятные сны, и призраки, и постоянное воспоминание о сделанном зле возмущают тогда покой наш. Например, присвоил ли кто-нибудь неправедно дом другого? Тогда страдает не только лишившийся, но и присвоивший, если он уверен в (будущем) суде; если он уверен в этом, то сильно скорбит и плачет; если же не верит в будущее, то и тогда стыдится и краснеет. Впрочем, нет человека, который не боялся бы суда, будет ли он язычник, или иудей, или еретик. Если он не думает о будущем, то боится и трепещет за здешнее, чтобы не испытать несчастия в деньгах, или в детях, или в домашних, или в душе, потому что много подобного посылает Бог. Так как учение о воскресении не может образумить всех, то Бог еще здесь дает и являет нам много знаков Своего правосудия. Такой-то корыстолюбец не имел детей, такой-то пал на войне, иной был изувечен, другой потерял сына. Все это он знает и представляет себе, и потому находится в постоянном страхе. Или вы не знаете, как страдают люди несправедливые, и как это неприятно? Если бы даже они и не испытывали ничего такого, то не все ли презирают их? Не все ли ненавидят? Не все ли отворачиваются? Не все ли называют их безумнейшими диких зверей, даже и сами (подобные им) нечестивцы? Если они осуждать самих себя, то еще более другого, называя его хищником, корыстолюбцем, злодеем. Что же приятного в корыстолюбии? Ничего, кроме того, что увеличивается беспокойство о сохранении богатства, умножаются заботы и печали; чем больше кто накопляет богатства, тем сильнейшую наживает себе бессонницу. А что сказать о проклятиях и жалобах обиженных? Что, если случится болезнь? Нет, подлинно нет человека, который бы, находясь в болезни и не имея возможности сделать что-нибудь, не беспокоился и не мучился, хотя бы он был безбожнейшим из всех. Пока мы живем здесь, сладострастная душа чуждается всего прискорбного; а когда наступает ей время разлучиться с телом, тогда великий страх овладевает ею, как бы вступающею в самое преддверие судилища. И разбойники, пока остаются в темнице, живут без страха, а когда приведут их к самой завесе (на место суда), тогда они теряются от страха. Действительно, когда наступит страх смерти, то он, как огонь, пожигает все другое и заставляет душу образумиться и позаботиться о будущем; ею уже не владеет тогда ни желание богатства, ни страсть корыстолюбия, ни сладострастие; все это проходит как облако, внутренний судия делается чистым, и объявшая душу скорбь смягчает ее ожесточение. Ничто так не препятствует любомудрию, как жизнь в удовольствиях; напротив скорбь способствуете любомудрию. Представь, что будет тогда с корыстолюбцем. "**Минутное страдание**", – говорит (Премудрый), – "**производит забвение утех**" (Сир.11:27). Каково ему будет вспомнить об ограбленных им, обиженных, пострадавших от его любостяжания? Каково будет видеть, как другие наслаждаются корыстию, а он сам готовится к принятию казни? Невозможно, поистине невозможно, чтобы впавший в болезнь не подумал об этом; часто в таких случаях душа, потерявшись и мучась, содрогается. Какова же, скажи мне, эта мука? Она необходимо бывает при всякой болезни. А чего не вытерпит он, увидев, как наказываются другие, как они умирают? И это здесь; а что будет там, невозможно и выразить словами, какое там будет воздаяние, какие наказания, какие мучения, какие терзания. Потому мы говорим: "**кто имеет уши слышать, да слышит**" (Лук.8:8)! Мы часто говорим об этом, не желая говорить об этом часто, но будучи к тому вынуждены. Мы хотели бы, чтоб нам не было необходимости и начинать речь об этом; если же невозможно не начинать ее, то, по крайней мере, хотели бы малым лечением избавить вас от болезни и возвратить к здоровью; но когда вы упорствуете в болезни, то было бы низко и жалко оставить лечение, даже было бы жестоко и бесчеловечно. Если врачей, отчаивающихся в исцелении тела, мы просим и говорим им: не оставляйте нас, не переставайте употреблять свои меры до самого последнего вздоха, – то не тем ли более мы должны побуждать самих себя? Может быть, иной, уже дошедши до самых врат ада и до преддверия самой глубины зол, будет в состоянии опомниться, восстать, укрепиться и получить жизнь вечную. Сколько людей, выслушав увещания десять раз, не приходят в чувство раскаяния, а потом обращались от одного увещания? Или, лучше сказать, не от одного, потому что хотя они

оставались нечувствительными при прежних десяти, однако получали от них пользу и потом зараз показали весь плод. Дерево, получив десять ударов и не упавши от десяти, вдруг все падает от одного, потом нанесенного, удара; но собственно не от одного, а от десяти происходит следствие последнего удара; кто смотрит на корень, тот видит это, а кто смотрит сверху на ствол, тот ничего такого видеть не может. Так и здесь. И врачи часто дают множество лекарств, не принося пользы, а потом кто-нибудь, давши свое лекарство, исправляет все; но это не есть дело его одного, а также и прежних, уже подействовавших на болезнь. Так и мы, если не покажем плодов слушания ныне, то покажем после; а что мы покажем их, в этом я совершенно уверен. Невозможно, поистине невозможно, чтобы осталась бесплодною такая любовь, такая ревность ваша к слушанию, – да не будет этого, но все мы, удостоившиеся слышать заповеди Христовы, да сподобимся вечных благ.

---

[1] Нужно: Числ. 16:5.

БЕСЕДА 6

"А в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и одни в почетном, а другие в низком употреблении. Итак, кто будет чист от сего, тот будет сосудом в чести, освященным и благопотребным Владыке, годным на всякое доброе дело" (2 Тим.2:20,21).

1. Многих и теперь еще смущает вопрос: почему остаются, а не погибают злые люди? Есть на это много и других причин, напр. – чтобы они покаялись, чтобы для других были примером наказания; но здесь Павел представляет причину, близкую к предмету его речи:[1] "**в большом доме", –** говорит, – "**не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные**". Этим он выражает, что как в большом доме обыкновенно бывают весьма различные сосуды, так и здесь, во всей вселенной; не о Церкви он говорить, но о всем мире. Не разумей здесь Церкви; он не желает, чтобы в ней был какой-нибудь сосуд деревянный или глиняный, но чтобы все были золотые и серебряные там, где тело Христово, где чистая дева, не имеющая скверны или порока. Смысл слов его следующий: не смущайся, что есть люди злые и нечестивые; и в большом доме бывают разные сосуды. Что же? Они, говорит, пользуются не одинаковой честью, но одни в почетном употреблении, а другие в низком. Но, скажешь, в доме и последние сосуды служат для какого-нибудь употребления, а (злые люди) в мире не так? Нет, и им Бог дает, если не такое, то другое употребление, – например, тщеславный многое строит, человек любостяжательный, купец, торговец, начальник – у всех их есть в мире дела, им свойственные. Золотой же сосуд не служит ни к чему подобному, но употребляется за царским столом. Итак, не то (апостол) говорит, что зло необходимо, – нет, – но что и злые имеют свое дело. Если бы все были золотыми и серебряными, то в тех не было бы нужды; например, если бы все были выносливы, то не было бы нужды в зданиях; если бы все чуждались сластолюбия, то не было бы нужды в изысканных кушаньях; если бы все заботились только о необходимом, то не было бы нужды в великолепных жилищах. "**Кто будет чист от сего, тот будет сосудом в чести".** Видишь ли, что быть золотым или глиняным зависит не от природы или вещественной необходимости, а от нашей воли? В природе глиняный сосуд не может сделаться золотым, и золотой не может сделаться столь низким, как глиняный; а здесь (в душах людей) бывает великая перемена и превращение. Павел был глиняным сосудом, но стал золотым; Иуда был золотым сосудом, но стал глиняным. Таким образом, нечистота делает людей глиняными; прелюбодей,

корыстолюбец – глиняные. Как же (апостол) говорит в другом месте: "**сокровище сие мы носим в глиняных сосудах**" (2 Кор.4:7), и, следовательно, не унижает глиняного сосуда, но воздает ему честь, признавая его способным вмещать в себе сокровище? В этом месте он указывает на самую природу, а не на вид вещества. Смысл слов его следующий: тело наше глиняный сосуд; как глиняный сосуд не что иное, как обожженная глина, так и тело наше не что иное, как земля, скрепляемая теплотою души. А что оно глиняный сосуд, это очевидно: как глиняный сосуд, упавши, разбивается и рассыпается, так и тело, подвергшись смерти, разрушается. Чем отличаются от черепков наши кости, которые также тверды и сухи? Чем отличается плоть от глины? Разве и она не из воды? Почему же там, как я сказал, (апостол) не унижает скудельного сосуда? Там он говорит о природе (нашего тела), а здесь о свободной воле. "**Кто", –** говорит, – "**будет чист от сего";** не сказал: будет очищать, но: "**будет чист",** т. е. очистит совершенно. "Т**от будет сосудом в чести, освященным и благопотребным Владыке".** Следовательно, те сосуды негодны, хотя и служат к некоторому употреблению. "**Годным на всякое доброе дело". Х**отя он еще и не делает, но он пригоден, способен. Итак, должно быть готовым на все, даже на смерть, даже на мученичество; должно приготовиться и к девству, и ко всему подобному. "**Юношеских похотей убегай**" (ст. 22). Юные – это похоти не только соединенные с блудом, но всякое неуместное пожелание есть "**юношеская похоть**". Пусть выслушают это старцы: им не должно делать того, что свойственно юношам. Гневлив ли кто-нибудь, или властолюбив, или корыстолюбив, или сластолюбив, или предан чему-либо, другому подобному, – все это юношеская, безрассудная похоть, свойственная нетвердому сердцу и не глубокому, но легко увлекающемуся разуму. Итак, чтобы никто не предавался этому, что внушает (апостол)? Юношеских мечтаний убегай; "**а держись правды, веры, любви, мира со всеми призывающими Господа от чистого сердца". "Правдою**" он называет вообще добродетель, благочестие в жизни, веру, любовь, кротость. Что значит: "**со призывающими Господа от чистого сердца**"? Он как бы так говорит: доверяй не всем призывающим (Господа), но только таким, которые призывают его непритворно, нелицемерно, не имеют никакого коварства, приступают с миром, не склонны к распрям; с ними сообщайся; с другими же не следует быть кротким, но – только соблюдать мир, сколько зависит от тебя самого. "**От глупых и невежественных состязаний уклоняйся, зная, что они рождают ссоры**" (ст.23).

2. Видишь ли, как (апостол) везде отклоняет (Тимофея) от состязаний? Это не потому, чтобы он не был способен опровергать их; он был способен; а если бы не был, то сказал бы ему: старайся сделаться способным к опровержению их, – подобно тому, как он сказал: "**Вникай в себя и в учение; ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя**" (1 Тим.4:16). Но (апостол) знал, что совершенно бесполезно и вступать в такие состязания, и что они оканчиваются ничем иным, как ссорою, враждою, оскорблением и злословием. Таких состязаний отрицайся. Следовательно, есть и другие состязания, напр., касательно Писаний и тому подобных предметов. "**Рабу же Господа не должно ссориться**" (ст. 24). Не должно ссориться и при состязании: рабу Божию должно быть далеким от ссор. Если Бог есть Бог мира, то раб Бога мира как может ссориться? "**Но быть приветливым ко всем. Рабу же Господа**", – говорит, – " **не должно ссориться**, **но быть приветливым ко всем".** Почему же он говорит: "**обличай** их **со всякою властью**" (Тит.2:15); н здесь опять: **Никто да не пренебрегает юностью твоею** (1 Тим.4:12); и еще: "о**бличай их строго**" (Тит.1:13)? Потому, что и это – дело кротости. Сильное обличение, когда оно делается с кротостию, особенно может трогать. Гораздо скорее можно тронуть кротостию, нежели пристыдить строгостию. "**Учительным",** т. е. для всех, желающих учиться, так как он же говорит: "**Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся**" (Тит.3:10). "**Незлобивым**". Хорошо прибавил он это: учителю особенно нужно иметь незлобие; иначе все будет тщетно. Если рыболовы, часто и целый день бросая сети и ничего не поймав, не приходят в отчаяние, то тем более (не должно отчаиваться) нам. Смотри, в

самом деле, что бывает. Часто случается, что плуг слова, действуя непрестанным внушением, входит во глубину души и истребляет овладевшую ею страсть. Кто слушал тысячу раз, тот должен что-нибудь почувствовать; невозможно, чтобы человек, слушая непрестанно, нисколько не почувствовал. Таким образом, может случиться, что человек, уже готовый убедиться, потеряет все от нашего нетерпения, и произойдет то же, как если бы кто-нибудь, неискусный в земледелии, насадив виноград и окопав его в первый год, и во второй, и в третий в надежде получить плоды, но не получив их и потеряв надежду по прошествии трех лет, оставил бы его в четвертый год, именно тогда, когда должен был получить воздаяние за труды свои. Сказав: "**незлобивым**" (апостол) не довольствуется этим, но присовокупляет: "**с кротостью наставлять противников**" (ст. 25). Здесь особенно нужно учителю поступать с кротостию; душа, имеющая нужду в наставлении, не может принять что-нибудь полезное, когда оно преподается со строгостию и бранью, и хотя готова слушать, но, будучи приведена в недоумение, не усвоит ничего. Тот, кто хочет научиться чему-нибудь полезному, прежде всего, должен быть расположен к учителю; если же это предварительно не устроено, то не может произойти ничего надлежащего или полезного; никто не может быть расположен к человеку, который сердится и бранится. А как же (апостол) говорит: "**Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся**"**?** Это он говорит о человеке неисправимом, о котором известно, что он болен неизлечимо. "**Не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю**" (ст. 26). Смысл этих слов следующий: может быть, и будет какое-либо исправление. Выражение: может быть – употребляется о предметах неизвестных в точности; следовательно, нужно отступать только от тех людей, о которых мы можем точно сказать и о которых мы убеждены, что они не исправятся, какие бы меры ни были употребляемы. "**С кротостью**", – говорит. Видишь ли, как должно приступать к желающим научиться, и не нужно оставлять собеседования с ними прежде их убеждения? "**Который уловил их в свою волю**". Хорошо сказал: "**Который уловил**", потому что они пока еще плавают в заблуждении. Заметь, как он научает смиренномудрию, Не сказал: может быть, ты будешь в состоянии, но: "**Не даст ли им Бог, чтобы они освободились",** если и произойдет что-нибудь, все принадлежит Господу; ты насаждаешь, ты поливаешь, а Он сеет и устрояет плодоприношение. Поэтому не будем думать, будто мы сами убедили кого-нибудь, хотя бы и убедили. "**Который уловил**", – говорит, – "**их в свою волю".** Это нужно разуметь не об учении только, но и о жизни, так как воля Божия та, чтобы мы жили праведно. Некоторые по жизни своей находятся в сети диавола: и о таких людях не должно отчаиваться. "**Чтобы они освободились**", – говорит, – "**от сети диавола, который уловил их в свою волю".** Слова: не даст ли выражают великое долготерпение; а не исполнять волю Божию значит быть в сети диавольской.

3.Как воробей, хотя бы он не всем телом попал в сеть, но только одною частию, напр., ногою, находится во власти поставившего сеть, так и мы находимся во власти диавола, хотя бы уловлены были им не всецело – и по вере, и по жизни, но только по жизни. "**Не всякий, говорящий Мне ",** – говорит Христос, – "**Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное**"; и еще: не знаю "**вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие**" (Мф.7: 21, 23). Видишь ли, что вера не доставляет нам никакой пользы, если нас не знает Владыка? И девам то же сказано: "**не знаю вас**" (Мф.25:12). Какая же им польза от девства и многих подвигов, если их не знает Владыка? И во многих местах мы находим, что люди, нисколько не осуждаемые за веру, наказываются только за порочную жизнь; и, напротив, иногда люди, нисколько не осуждаемые за жизнь, погибают за неправое учение потому, что то и другое держится взаимно. Видишь ли, что мы находимся в сети диавольской, когда не исполняем воли Божией? И не только за всю жизнь, но и за один порок люди часто ввергаются в геенну, если у них нет других равносильных добрых дел. Так и девы были осуждены не за блуд, или прелюбодеяние, или зависть, или вражду, или

пьянство, или неправоверие, но за недостаток елея, т. е. за то, что не творили милостыни: это именно значит елей. И те осужденные, которым сказано: "**идите от Меня, проклятые, в огонь вечный**", также были обвиняемы не в чем-нибудь подобном, но в том, что не напитали Христа. Видишь ли, что и один недостаток милосердия может ввергнуть в огнь геенский? К чему, скажи мне, будет годен тот, кто не творит милостыни? Ты постишься каждый день? Но и те девы постились, однако не получили отсюда никакой пользы. Молишься? Но что в этом? Без милостыни и молитва бесплодна. Без нее все нечисто, все бесполезно; без нее теряется большая часть добродетели. "**Не любящий брата своего",** – говорит (апостол), – "**не познал Бога**" (1 Ин.3:10;4:8); как же ты любишь его, если не хочешь поделиться с ним чем-нибудь из этих малых и ничтожных благ? Ты соблюдаешь, скажи мне, целомудрие? Почему? Потому ли, что боишься мучений? Нет, но потому, что таков ты от природы; если бы ты соблюдал целомудрие по страху мучений, преодолевая такое побуждение и такое насилие (природы), то ты гораздо более мог бы творить милостыню. Ведь не все равно – обуздывать страсть к богатству, или к телесным удовольствиям; последнее гораздо труднее. Почему? Потому, что последнее – удовольствие естественное, посеянное и насажденное в нашем теле; а страсть к богатству не такова. Милосердие и сострадание – вот чем мы можем уподобиться Богу; а когда мы не имеем этого, то не имеем ничего. Не сказал (Господь): если станете поститься, то будете подобны Отцу вашему; не сказал: если станете соблюдать девство, или: если станете молиться, то будете подобны Отцу вашему. Все это не относится к Богу, и Бог не делает ничего такого. Но что? "**Будьте милосерды", –** говорит, – "**как и Отец ваш милосерд, который на небесах**" (Лк.6:36). Это – дело Божее, если же ты не имеешь этого, то что же имеешь? "**Милости хочу",–** говорит Он, – "**а не жертвы**" (Ос.6:6). Бог сотворил небо, сотворил землю, море, – велики эти дела и достойны его премудрости. Но ничем Он так не расположил к себе человеческий род, как милосердием и человеколюбием; и это – есть дело Его премудрости, силы и благости, но гораздо более то, что Он сделался рабом. Не поэтому ли мы более удивляемся ему? Не поэтому ли более благоговеем пред Ним? И Бога ничто столько не располагает к нам, как милосердие. Об этом много говорят непрестанно все пророки. Говоря о милосердии, я разумею не то, которое соединено с любостяжанием; это не милосердие. Корень терновника никогда не производил елея, но производит его корень масличного дерева; точно так и милосердия не рождает ни корень любостяжания, ни неправды, ни хищения. Не унижай милостыни, не подавай повода всем порицать ее. Если ты похищаешь для того, чтобы благотворить, то ничего не может быть хуже такой милостыни. Когда она происходит от хищения, то она не милостыня; это – какая-то жестокость и свирепость; это – оскорбление Бога. Если Каин так оскорбил Бога, принесши в жертву маловажнейшее из своей собственности, то как оскорбит его приносящий чужое? Приношение есть не что иное, как жертва, – очищение, а не осквернение. Ты не смеешь молиться с грязными руками; неужели же не считаешь страшным – приносить Богу грязь и нечистоту хищения? Рукам ты не позволяешь оставаться в грязи и нечистоте, но сначала очистишь их, а потом уже приносишь; между тем эта грязь не составляет никакого преступления, а та достойна осуждения и порицания.

4. Итак, будем заботиться не о том, чтобы молиться и приносить чистыми руками, но и о том, чтобы приносимое было чисто. Иначе будет смешно так же, как если бы кто, вымывши поднос, наполнил его нечистыми дарами: разве это не забавно и не смешно? Пусть будут чисты руки; а они будут чисты, когда мы омоем их не только водою, но наперед и правдою: вот что очищает руки. Если же мы наполнены неправды, то, хотя бы ты омывал руки тысячу раз, не будет никакой пользы. "**Омойтесь", –** говорит (пророк), – "**очиститесь**" (Иса.1:16). И что? Прибавил ли он: идите на источники, ступайте в бани, на пруды **и** на реки? Нет, – но что? "**Удалите злые деяния ваши от очей Моих**"; это и значит: "**очиститесь**". Вот что избавляет от нечистоты, вот истинная чистота! Чистота телесная не приносит большой пользы, а чистота душевная доставляет нам дерзновение

пред Богом. Ту могут иметь и прелюбодеи, и воры, и убийцы, и сластолюбивы, и развратники, и блудники, и блудницы, последние по преимуществу: они больше всех заботятся о чистоте тела, постоянно намащая себя миром и украшая гроб свой ("**уподобляетесь окрашенным гробам**" (Мф.23: 27)); ведь их тело – гроб, внутри которого – мертвая душа. Такую чистоту и они могут иметь; внутренней же – не могут. Не важное дело, если ты вымоешь тело: это – очищение Иудейское, пустое и бесполезное, если нет очищения внутреннего. Положим, что кто-нибудь страдает гниением или ранами внутри, и пусть он омывает свое тело; какая будет польза, какие последствия? Если же имеющий гнилую рану в теле не может получить пользы от омовения и очищения поверхности, то какую пользу мы можем получить от чистоты телесной, когда гниение находится в душе? Никакой. Наши молитвы должны быть чисты; но молитвы не могут быть чистыми тогда, когда они истекают из души нечистой. Ничто не делает души столь нечистою, как любостяжание и хищение. Между тем есть люди, которые, совершив днем тысячи злых дел, вечером, вымывшись, входят в церковь и с великим дерзновением простирают руки, как бы освободившись от всех нечистот в воде для омовения. Если бы действительно было так, то мыться каждый день было бы весьма полезно; если бы действительно было так, если бы баня делала человека чистым и избавляла от грехов, то и я посещал бы ее непрестанно. Это забавно и смешно; это – шутки и детские игрушки. Бог отвращается не от нечистоты тела, а от нечистоты души: послушай, что Он говорит: **Блаженны чистые сердцем – телом ли**? – нет, но – "**чистые сердцем, ибо они Бога узрят**" (Мф.5:8). А что говорит пророк? "**Сердце чистое сотвори во мне, Боже**" (Пс.50:12); и еще: "**Смой злое с сердца твоего**" (Иер.4:14). Видишь ли, как все это маловажно и бесполезно? Великое благо – иметь навык в добрых делах. Когда душа приобрела навык, то не оставляет его и не решается приступить к молитве, прежде нежели исполнить свое обычное дело. Например: мы привыкли мыться и потом уже молиться, так что, не вымывшись, не делаем этого, и скорее не станем молиться, нежели сделаем это с немытыми руками, как бы боясь оскорбить Бога и испытать угрызения совести. Если же такая маловажная привычка имеет такую силу, что непременно исполняется каждый день, то, приучив себя к милостыне и поставив себе постоянным правилом – никогда не входить с пустыми руками в дом молитвы, мы сделали бы доброе дело. Велика сила привычки и в добрых и в злых делах; она сама влечет нас, без всякого труда с нашей стороны. Многие имеют привычку – непрестанно полагать на себе крестное знамение, и им уже не нужно, чтобы кто-нибудь напоминал об этом, и часто бывает, что тогда как ум блуждает где-нибудь, рука, побуждаемая привычкою, как бы живым учителем, сама поднимается сделать это знамение. Некоторые приучили себя не клясться, так что не сделают этого ни волею, ни неволею. Приобретем же и мы себе привычку – творить милостыню. Какие не стоило бы предпринять труды, чтобы приобрести это врачество? В самом деле, скажи мне, если бы не было утешения в милостыне, то, как горько плакали бы мы, совершив множество грехов и сделав себя достойными наказания? Не говорили ли бы мы: все мы отдали бы, если бы деньгами можно было очистить грехи; не пощадили бы имущества, если бы деньгами можно было отвратить гнев Божий? Если мы поступаем так во время болезни и при смерти говорим: если бы можно было откупиться от смерти, мы отдали бы все свое имущество, – то тем более нужно – здесь. Но посмотри, каково человеколюбие Божие: Он дал тебе возможность – откупиться от смерти не временной, а от смерти вечной. Покупай, говорит Он, не эту краткую жизнь, но ту жизнь – вечную; ту Я продаю тебе, а не эту, и не обманываю тебя. Если ты возьмешь эту, то ничего не возьмешь; я знаю, что важна та жизнь. Не так поступают торговцы и продавцы жизненных припасов; они позволяют себе обманывать, кого хотят, и дают малое за большое. Но Бог поступает не так; Он за малое дает гораздо большее. Скажи мне: если бы ты пришел к торговцу, у которого лежат два камня – один дешевый, а другой драгоценный и составляющий значительное богатство, и, отдав цену за малый, получил бы большой, то стал ли бы ты осуждать торговца? Конечно, нет, а напротив стал бы удивляться ему. Так и здесь

предстоят две жизни – временная и вечная; продает их Бог; продает нам последнюю, а не первую; неужели же мы будем жалеть, подобно неразумным детям, что получаем драгоценнейшее? Но разве можно, скажешь, купить жизнь вечную деньгами? Да, когда мы отдаем свое, а не чужое, когда не похищаем у других. Но оно, скажешь, уже мое, Нет, похищенное не твое, а принадлежит тому, у кого похищено; оно чужое, хотя бы тысячу раз ты назывался его владельцем. Когда ты получаешь что-нибудь в залог, то, пока вверивший тебе находится в отсутствии, оно не твое, хотя и лежит у тебя. Если же то, что дается нам в залог вверяющими добровольно и с благодарностью, не есть наше, даже и тогда, когда находится у нас, то тем более не наше то, что мы похищаем у других насильно и против их воли. Он, другой – владелец этого имущества, хотя бы оно тысячу раз находилось у тебя. Истинно наше есть добродетель, а богатство не только чужое, но и наше – не наше; сегодня оно наше, а завтра не наше. Добродетель же – наша; она не отнимается, как имущество, но у всех, у кого есть, остается всецело. Будем же приобретать ее, а богатство презирать, чтобы получить нам истинные блага, которых да сподобимся все мы.

---

[1] Вместо слов: „здесь Павел... речи", в одном рукописном кодексе читается: "Действительно, вследствие милосердия Божия, его долготерпения к беспечным, и предоставления им времени для покаяния и отрезвления, если бы они захотели, многие получили пользу и обратились, а равно и других привели ко спасению своим примером. Павел же предложил здесь и нечто новое, говоря так: "**в большом доме**" и т. д.

БЕСЕДА 7

"Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся. К сим принадлежат те, которые вкрадываются в домы и обольщают женщин, утопающих во грехах, водимых различными похотями, всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины" (2 Тим.3:1-7).

1. В первом послании (апостол) говорил: "**Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры**" (1 Тим.4:1), и в другом месте того же послания предсказывал нечто подобное, имеющее быть впоследствии. Здесь он опять повторяет то же самое: "**Знай же**", – говорит, – "**что в последние дни наступят времена тяжкие**", и доказывает это не только будущими событиями, но и прошедшими: "**Как",** – говорит, – "**Ианний и Иамврий противились Моисею**" (ст. 8); равно как и собственными суждениями: "в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные" (2 Тим.2:20). Для чего же он делает это? Для того чтобы Тимофей, или кто-нибудь из нас, не смущался, когда будут злые люди. Если, говорит, они были при Моисее и будут после, то нисколько неудивительно, что они бывают и при нас. "**В последние дни наступят времена тяжкие**". Не дни или времена осуждает он, но людей, которые тогда будут, Так и мы имеем обыкновение называть времена худыми и не худыми, по свойству дел, совершаемых в течение их людьми. Тотчас же он указывает и причину. Корень и источник всех зол, от которого все они происходят, – чрезмерное самолюбие. Преданный этой страсти не наблюдает даже и за своими делами. Кто не думает о ближнем, не заботится об его делах, тот будет ли заботиться о своих? Как заботящиеся о ближнем хорошо устроят вместе с

его делами и свои собственные, так презирающий дела ближнего будет презирать и свои, собственные. В самом деле, если мы – члены друг друга, то спасение ближнего касается не его только, но всего тела, и бедствие ближнего не ограничивается им одним, но причиняет боль и всему телу. Если мы – здание, то, когда страдает одна часть, повреждается и все здание, а когда она тверда, то может держаться и все прочее. Так и в Церкви. Ты оказал презрение брату? Этим ты причинил вред самому себе. Почему? Потому, что твой член потерпел немалый вред. Если не уделяющий ближнему из своего имущества ввергается в геенну, то видящие ближнего в существеннейшей опасности и не подающие ему помощи тем более подвергнется наказанию, чем важнее испытанный вред. "**Ибо люди**", – говорит, – "**будут самолюбивы**". Кто самолюбив, тот в особенности и не любит себя; а кто братолюбив, тот и любить себя гораздо более. Отсюда происходит сребролюбие. Зараза и ограниченность самолюбия сокращает и умаляет любовь, которая широка и простирается на всех. **Сребролюбцы.** Отсюда происходит гордость, от гордости – надменность, от надменности – злоречие, от злоречия – непокорность и неверие. Действительно, надмевающиеся пред людьми легко будет надмеваться и пред Богом. Так рождаются грехи; они часто восходят снизу вверх. Кто почтителен к людям, тот будет тем более благоговеть пред Богом; кто послушен подобным себе рабам, тот будет тем более покорен Владыке; а кто презирает подобных себе рабов, тот постепенно дойдет и до презрения самого Бога. Не будем же презирать друг друга. Это худая наука, которая научает нас презирать Бога; и даже тем самым, что мы презираем друг друга, мы уже оказываем презрение к Богу, который повелел нам иметь великое попечение друг о друге. Если хотите, я поясню это иначе, – примером. Каин презрел брата, и тотчас же оказал презрение и к Богу. Каким образом? Посмотри, как оскорбительно отвечает он Богу: "**разве я сторож брату моему**" (Быт.4:9)? Также Исав презрел брата, и оказал презрение и к Богу. Поэтому и сказал Бог: "**Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел**" (Рим.9:13). Потому и Павел говорит: "**чтобы не было [между вами] какого блудника, или нечестивца, как Исав**" (Евр.12:16). Презирали Иосифа братья, оказали презрение и к Богу. Презирали израильтяне Моисея, оказали презрение и к Богу. Также сыновья Илия презирали народ, оказали презрение и к Богу. Хочешь ли видеть примеры противного? Авраам был снисходителен к племяннику, был послушен и Богу, как видно из послушания его касательно сына Исаака и из всех прочих его добродетелей. Также и Авель, будучи кроток в отношении к брату, был благочестив и в отношении к Богу. Не будем же презирать друг друга, чтобы нам не научиться презирать и Бога; будем почитать друг друга, чтобы нам научиться почитать и Бога. Дерзкий в отношении к людям становится дерзким и в отношении к Богу. А когда сребролюбие, самолюбие и непокорность соединяются вместе, то чего еще не достает для совершенной погибели? Тогда все развращается и образуется огромное болото грехов. "**Неблагодарны", –** говорит. Действительно, как может быть благодарным сребролюбец? Кому будет он воздавать благодарность? Никому. Он считает всех своими врагами, желая у всех отнять все. Хотя бы ты отдал ему все свое имущество, он не изъявит тебе никакой благодарности, но будет досадовать, что ты не имел большего богатства и не сделал его обладателем большего. Хотя бы ты сделал его владыкою вселенной, он не изъявит тебе благодарности, но будет думать, что он ничего не получил. Его желание ненасытимо, потому что это – болезненное желание, а болезненные желания всегда таковы.

2. Как страдающий горячкою никогда не может напиться, но постоянно чувствует жажду и никогда не утоляет желания пить, так и одержимый страстью к богатству никогда не может насытить своего желания. А не насыщаясь никогда, он не будет и благодарен тебе, сколько бы ты ни давал ему. Он будет благодарен только тому, кто даст ему столько, сколько он желает; но этого никто не может сделать, потому что желание его безмерно; следовательно, он и не может быть никому благодарным. Нет человека столь неблагодарного, как сребролюбец; нет столь бесчувственного, как корыстолюбец; он враг

всей вселенной; он досадует, что существуют (другие) люди; он желает, чтобы везде была пустыня и чтобы он один обладал всем; и многое подобное он думает. О, если бы, говорит он, случилось в городе землетрясение, и все были бы поглощены землею, а я один остался бы и взял бы, если возможно, имущество всех; о, если бы наступила зараза, и погубила всех, не коснувшись золота; о, если бы случилось наводнение, или разлив моря! И множество подобных мыслей держит он в уме, а доброй – ни одной, и желает только землетрясение, пожаров, войн, моровых язв и тому подобного. Но скажи мне, жалкий, несчастный и презреннейший всякого раба, если бы все сделалось золотом, то не лишился ли бы ты золота, погибши от голода? Если бы случилось землетрясение, то при разрушении вселенной погиб бы и ты с своею пагубною страстью; если бы на земле не стало людей, то некому было бы приготовлять нужное и для твоей жизни. Представим, – хотя это нелепо и невозможно, – представим, что все люди во вселенной вдруг исчезли, и их золото и серебро само собою перешло к тебе и все их богатство – золото, серебро, шелковые одежды, золотые вещи сами собою перешли в твои руки: какая будет тебе польза? Тогда скоро постигла бы тебя смерть, потому что не стало бы ни хлебников, ни земледельцев, умножились бы дикие звери, и бесы овладели бы твоею душою. И теперь обладают ею многие бесы; а тогда они свели бы тебя с ума и скоро погубили бы. Нет, скажешь, я не хотел бы этого; пусть будут и земледельцы, и хлебники. Но и они должны будут издерживать на себя что-нибудь? Нет, говоришь, я не хочу, чтобы они издерживали. Так ненасытима эта страсть! Что может быть ее смешнее? Видишь ли нелепость? Он хочет иметь у себя множество слуг, и скорбит, что они употребляют пищу, и тем уменьшают его имущество. Неужели, скажи мне, ты желаешь, чтобы люди были каменные? Все это смешно; это – волны, буря, вихрь, треволнение и великое смятение в душе, которая постоянно алчет и постоянно жаждет. Не достоин ли такой человек, скажи мне, сожаления и слез? Есть телесная болезнь, подобная этому и весьма мучительная, называемая у врачей волчьим голодом, когда человек, принимая множество пищи, не перестает чувствовать голод: не достойна ли слез такая же болезнь в душе? Подлинно, сребролюбие есть волчий голод души, которая поглощает много, но никогда не удовлетворяется и постоянно мучится желанием. Если бы нужно было принимать чемерицу или испытать что-нибудь в тысячу раз неприятнейшее, чтобы избавиться от этой страсти, то не следует ли охотно решиться на все? Нет такого обилия богатства, которое могло бы наполнить ненасытное чрево. Не стыдно ли после этого нам, когда иные так неистово пристрастны к богатству, а мы не показываем даже малейшей части такой любви в отношении к Богу, так что Бог для нас малоценнее денег? Для денег люди переносят и бессонные ночи, и путешествия, и непрестанные опасности, и ненависть, и обиды, и все; а для Бога мы не хотим даже сказать слово, или навлечь на себя чей-нибудь гнев; если нужно защитить кого-нибудь из притесняемых, то, боясь гнева властителей и неприятностей, мы предаем обижаемого; получив от Бога силу – подавать помощь, мы теряем ее, не желая подвергнуться чьей-нибудь вражде или ненависти. Многие при этом ссылаются на пословицу, которая говорит: пусть любят тебя напрасно, а не ненавидят напрасно. Но здесь разве напрасной ты подвергаешься ненависти? Что может быть лучше такой ненависти? Ненависть за Бога гораздо лучше любви за Него; когда любят нас для Бога, то мы делаемся должниками Его за такую честь, а когда ненавидят нас, то Он сам делается должником, за которым остается наша награда. Сребролюбцы, сколько бы ни любили богатства, не знают меры в любви; а мы, сделав что-нибудь малое для Бога, думаем, что уже сделали все. Мы не любим Бога так, как они любят золото, и даже на малейшую часть того. Великого осуждения достойны они, что столь неистово пристрастны к золоту; великого осуждения достойны и мы, что не так же пристрастны к Богу, что не воздаем Владыке всех такой же чести, какую они воздают земле, – ведь золотой металл – та же земля.

3. Посмотрим на их безумие, и сами устыдимся. Что из того, что мы не горим страстью к золоту, если мы и Богу не молимся усердно? Для золота люди забывают о жене, о детях, о жизни и самом своем спасении, притом не зная, умножат ли они свое богатство, потому что многие, после напрасных трудов, среди самых надежд, испускали дух и умирали; а мы знаем, что получим желаемое, если будем любить Бога, как следует любить, и, однако, не любим, но оскудели во всем – и в любви к ближнему, и в любви к Богу,– в любви к Богу потому, что (оскудели) в любви к ближнему. Действительно, человек, не знающий любви не может, поистине не может иметь благородных и великодушных чувствований. Основание всего доброго есть не что иное, как любовь. На ней, говорит Господь, "**утверждается весь закон и пророки**" (Мф. 22:40). Как огонь, попавши в лес, обыкновенно очищает все, так и жар любви, если разгорится в ком-нибудь, то очищает и истребляет все, вредное для Божественного семени, и делает землю чистою для принятия этого семени. Где любовь, там истребляется все злое, там нет ни сребролюбия – корня зол, ни корыстолюбия, ни гордости, потому что может ли кто гордиться пред человеком любимым? Ничто не делает столь смиренным, как любовь. Существам любимым мы служим, как рабы, и не стыдимся, но еще благодарим их за такое рабство; для них мы не щадим своих денег, а иногда и телесных сил, – случалось, что за любимого подвергались опасностям. Где любовь, там нет ни зависти, ни злословия; мы не только сами не злословим любимых, но заграждаем уста и другим, злословящим их; там все тихо, все спокойно, нет и следа разногласие и ссор, все исполнено мира: "**любовь есть исполнение", –** говорит (апостол), – "**закона**" (Рим.13:10); при ней нет ничего, производящего неприятности. Почему? Потому, что самые грехи – любостяжание, хищение, зависть, злословие, надменность, клятвопреступление, ложь, все это исчезает там, где есть любовь. Клятвопреступники нарушают клятву, желая отнять что-нибудь у другого; но у любимого никто не станет отнимать, а отдаст ему и свое, и еще будет благодарен ему более, нежели получая от него. Это знаете вы, которые имели друзей, друзей не по имени только и по одному названию, но таких, которых любили, как должно, к которым были привязаны. А кто не знает этого, тот пусть спросит у знающих.

Я расскажу вам теперь пример дивной дружбы из Св. Писания. Ионафан, сын Саула, полюбил Давида, "**душа Ионафана прилепилась к душе его",** (1 Цар.18:1), так что Давид оплакивая его, говорит: напала на меня любовь твоя, как любовь женская: до смерти ранен мне (2 Цар.1:25,26). Что же? Завидовал ли он Давиду? Нет, хотя и имел причину завидовать. Какую? Он видел из обстоятельств, что царство перейдет к Давиду, и однако не чувствовал ничего подобного, не говорил: он лишает меня отцовского царства; но еще содействовал ему к получению власти и не щадил отца для друга. Не сочтите его отцеубийцею; нет, – он не оскорблял отца, но удерживал его от козней и несправедливостей; он более делал ему добра, нежели зла, не допуская его совершить неправедное убийство. Он неоднократно решался даже умереть за друга; не только не злословил его, но удерживал и отца от злословия; не только не завидовал, но и содействовал Давиду; не только давал ему деньги, но и спас ему жизнь. Что я говорю о деньгах? Он полагал за него душу свою. Он не боялся отца своего для друга, потому что тот решался на дела неправедные, а он не сознавал за собою ничего подобного. Такова была дружба его с праведником, таков был Ионафан! Посмотрим теперь и на Давида. Он не имел времени вознаградить Ионафана, который был похищен смертью прежде, нежели Давид получил власть; благодетель погиб прежде, нежели получивший благодеяния вступил на царство. Что же? Посмотрим, как праведник оказывал ему дружбу, насколько и чем было можно. "**Сражен Ионафан на высотах твоих. Скорблю о тебе, брат мой Ионафан; ты был очень дорог для меня; любовь твоя была для меня превыше любви женской**" (2 Цар.1:25,26). Но только ли? Не маловажно и это; но, кроме того, помня любовь отца, он часто избавлял от опасностей его сына и внука; и постоянно защищал и

сохранял потомков его, как бы своего сына. Такую любовь желаю я, чтобы имели все и к живым, и к умершим.

4. Пусть выслушают те жены, – для них особенно я и прибавил: и к умершим, – которые вступают во второй брак и оскверняют ложе умершего мужа, любимого прежде. Я не осуждаю второго брака и не считаю его распутством, когда говорю так; это запрещает мне и налагает узду на уста мои Павел, который говорит женам: "**если выйдет замуж, не согрешит**" (1 Кор.7:28). Но посмотрим, что говорит он далее. "**Блаженнее, если останется так**" (ст. 40). Последнее гораздо лучше первого. Почему? По многим причинам. Если же совершенно не вступать в брак лучше, нежели вступать, то тем более вдовство лучше второго брака. Но, скажешь, некоторые не могли перенести вдовства и подверглись опасностям? Они не: знали, что такое вдовство. Вдовство состоит не в том, чтобы не вступать во второй брак, подобно, как и девство не в том, чтобы оставаться непричастным браку. Но в чем? Как там нужна благопристойность и постоянная скромность, так и здесь – уединение, постоянство в молитвах, удаление от роскоши и сластолюбия: "**а сластолюбивая", –** говорит (апостол), – "**заживо умерла**" (1 Тим.5:6). Если ты, оставшись вдовою, хочешь иметь ту же роскошь, то же великолепие, то же одеяние, какие имела при муже, то лучше тебе выйти замуж, потому что не супружество – зло, а невоздержание. Ты же, не делая того, что само по себе не зло, делаешь то, что не безразлично, но достойно осуждения. Потому и уклонились некоторые вслед сатаны, что не умели хорошо соблюдать вдовство. Хочешь ли узнать, что такое вдова и в чем состоит достоинство вдовы? Послушай Павла, который говорит: "**если она воспитала детей, принимала странников, умывала ноги святым, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу**" (1 Тим.5:10). Если ты, по смерти мужа, окружаешь себя роскошью богатства, то поистине ты не соблюдаешь вдовства. Переведи же это богатство на небо, и бремя вдовства сделается для тебя легким. Но что, скажешь, если у меня есть дети, наследники отцовского имения? Научи и их презирать богатство; переведи свое, выделив им столько, сколько нужно; учи и их быть выше имущества. Но, скажешь, меня окружают толпы рабов, множество дел, золота и серебра: как я могу сберечь все это без помощи мужа? Все это предлог и отговорка, как видно из многих обстоятельств. Если ты не привязана к богатству и не хочешь умножать своего имущества, то твое бремя легко; сохранять богатство гораздо легче, нежели приобретать. Если ты уничтожишь одно зло – желание приобретения, и из имения своего будешь помогать нуждающимся, то Бог оградит тебя Своею десницею; и если ты говоришь это, действительно заботясь о наследстве сирот, а не предаваясь под этим предлогом сребролюбию, то Испытующий сердца знает, как сохранить в безопасности богатство их, когда Он сам повелел воспитывать детей. Не может быть, поистине не может быть, чтобы дом, утвержденный на милостыни, потерпел какое-нибудь бедствие; а если и потерпит на время, то это послужит к его благу; это будет лучше оружия и щита для всякого такого дома. Послушай, что говорит диавол об Иове: "**Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него**" (Иов.1:10)? За что? О том, послушай, как говорит сам Иов: "**Я был глазами слепому**, говорит он, – «**и ногами хромому; отцом был я для нищих**" (Иов.29:15,16). Как тот, кто не отвращается от чужих несчастий, никогда не испытает страданий на самом себе, научившись сострадать другим, так и тот, кто не хочет переносить скорби сострадания, испытает все это на себе. Как в теле, если рука не будет сострадать загноившейся ноге, очищать ее рану, прилагать лекарство и омывать гной, то сама испытает то же бедствие; если не хочет послужить другому члену, будучи свободна от страдания, то сама на себе испытает это страдание, – потому что зло, распространившись, достигнет и до нее, и ей должно будет заботиться уже не о служении другому члену, но о собственном исцелении и спасении, – так точно и здесь, кто не хочет сострадать другим, тот пострадает сам. "**Оградил его", –** говорит диавол, "**и дом его и все, что у него",** и я не смею приступить к нему. Однако, скажешь, Иов потерпел бедствие. Но эти бедствия сделались для него

причиною многих благ: сугубого имущества, большого воздаяния, высшего правосудия, светлых венцов, блистательных наград; духовные и житейские блага его умножились. Он лишился детей? Но опять получил не тех же самых, а других вместо тех, да и тех получит при воскресении. Если бы он опять получил тех же самых, то число детей его было бы меньше; а теперь, получив других вместо прежних, он представит и тех при воскресении. Все это произошло с ним потому, что он был усерден в раздаянии милостыни. Будем же так поступать и мы, чтобы нам сподобиться тех же благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

БЕСЕДА 8

"Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы " (2 Тим.3:1-4).

1. Кто скорбит о том, что ныне есть еретики, тот пусть знает, что так было и издревле, что диавол всегда примешивал ложь к истине. В начале Бог обещал блага, и диавол пришел с обещаниями; Бог насадил рай, а диавол прельстил людей, сказав: "**будете, как боги**" (Быт.3:5); не показывал ничего на деле, он много обещал на словах. Таковы все обманщики! После того были Каин и Авель, потом сыны Сифовы и дщери человеческие, далее Хам и Иафет, Авраам и фараон, Иаков и Исав, и так до конца – Моисей и волхвы, пророки и лжепророки, апостолы и лжеапостолы, Христос и антихрист. Таким образом, и прежде было то же; и при апостолах были Февда, и Симон, и последователи Гермогена и Филита. Итак, нет времени, когда бы ложь не примешивалась к истине. Не будем же скорбеть; об этом предсказано издревле. Поэтому (апостол) и сказал: "**Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны".**

Итак, неблагодарный вместе и нечестив; и справедливо. Каков, в самом деле, должен быть в отношении к другим тот, кто неблагодарен к благодетелю? Неблагодарный вероломен; неблагодарный недружелюбен. Клеветники, т. е. склонные к злословию. Люди, не сознающие за собою ничего доброго и находящие как бы утешение в порицании мнений других, много ошибаются и грешат. Невоздержны, и в языке, и в чреве, и во всем другом. Жестоки: эта жестокость и грубость бывает у того, кто сребролюбив, кто самолюбив, неблагодарен, сластолюбив. Не любящие добра, предатели, наглы. Предатели – дружбы; наглы, т. е. Не имеющие в себе ничего основательного. Напыщенны, т. е. исполненные надменности. "**Более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся**". Так и в послании к Римлянам (апостол) говорит: "**имеющий в законе образец ведения и истины**" (Рим.2:20). Но там он говорит в похвалу, а здесь представляет это из всех недостатков самым тяжким грехом. Почему же? Потому, что употребляет одно и то же слово не в одном и том же смысле. Словом: **образ** он выражает иногда подобие, а иногда нечто бездушное и ничтожное. Например, сам он говорит в послании к Коринфянам: "**Итак муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия**" (1 Кор.11:7); а пророк говорит: "**человек ходит подобно призраку**" (Пс.38:7). Также словом: **лев** Писание выражает иногда царское достоинство: "**лег, как лев и как львица: кто поднимет его**" (Быт.49:9)? – а иногда хищность: "**как лев, алчущий добычи и рыкающий**" (Пс.21:14). То же и мы делаем. Так как предметы сложны и разнообразны, то они справедливо изображаются многоразличными примерами и подобиями; например, когда мы хотим похвалить красивую женщину, то сравниваем ее

с картиною; а когда хотим похвалить картину, то утверждаем, что она говорит, изъясняется. Но в этих случаях мы делаем не одно и то же: в первом выражаем, что женщина близка к изображению, а в последнем, – что изображение близко к красоте. Так и словом: **образ** (апостол) выражает там – образец, изображение, учение, первообраз благочестия, а здесь – нечто бездушное и мертвое, одну наружность, вид, лицемерие. Итак, вера без дел есть только наружный вид без силы; и справедливо. Как тело красивое и цветущее, но не имеющее силы, подобно нарисованному изображению, так и правая вера без дел. Представим, что какой-нибудь сребролюбец, предатель, или наглый человек содержит правую веру: что в этом пользы, если он не имеет ничего приличного христианину, если он не делает ничего свойственного благочестию, но превосходит язычников своим нечестием, если он служит заразою для близких к нему и поводом к хуле на Бога, если он позорит учение своими делами? "**Таковых**", – говорит (апостол), – "**удаляйся".** Но если такие люди будут в последние времена, то как он говорит: "таковых удаляйся"? Вероятно, и тогда было несколько таких, хотя и не в такой степени нечестивых, но было. Несомненно же то, что чрез Тимофея он увещевает всех – удаляться от таких людей. "**К сим принадлежат те", –** говорит он, – "**которые вкрадываются в домы и обольщают женщин, утопающих во грехах, водимых различными похотями, всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины**" (ст. 6. 7).

2. Видишь ли, как эти люди подражают древнему обольстителю, употребляют то оружие, которое диавол употребил против Адама? "**Которые вкрадываются в домы".** Видишь ли, как словом: "**вкрадываются**" (апостол) выражает их бесстыдство, бесчестность, обман, обольщение? "**И обольщают женщин".** Итак, кто легко предается обольщению, тот – женщина, а не мужчина; предаваться обольщении свойственно женщинам, или лучше, не женщинам, а "**женщинам, утопающим во грехах**". Вот, отчего и они предаются обольщениям, – от грехов, оттого, что не знают за собою ничего доброго! И весьма точно сказал он: "**утопающим**", выражая этим множество грехов их, беспорядочность и непристойность. "**Водимых различными похотями**". Не природу он осуждает, – не просто сказал: женщин, но именно таких женщин. Что значит: различными? Здесь он разумеет многое: роскошь, бесстыдство, разврат. "**Различными**", – говорит, – "**похотьми**", т. е. корыстолюбием, славолюбием, сластолюбием, тщеславием, честолюбием; а может быть, указывает и на другие постыдные пожелания. "**Всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины**". Для чего он говорит это? Не для того, чтобы оправдать их, но чтобы сильнее обличить. Они погрязли в этих похотях и грехах, и потому отупел их разум. "**Как Ианний и Иамврий противились Моисею, так и сии противятся истине**" (ст. 8). Кто были эти волхвы при Моисее, и почему имена их не упоминаются нигде в другом месте? Вероятно, они сохранились в неписаном предании, или открыты Павлу (Святым) Духом. "**Так и сии**", – говорит, – "**противятся истине, люди, развращенные умом, невежды в вере. Но они не много успеют; ибо их безумие обнаружится перед всеми, как и с теми случилось**" (ст. 9). "**Но они не много успеют", –** говорит. Как же в другом месте он говорит: "**еще более будут преуспевать в нечестии**" (2 Тим.2:16); а здесь: "**не преуспеют**"? Там он утверждает, что еретики, начав вводить новизну и заблуждения, не останавливаются, но постоянно изобретают новые обольщения и неправые учения, потому что заблуждение никогда не останавливается. А здесь он утверждает, что они не обольстят, не увлекут (верующих), хотя сначала, по-видимому, и совращают некоторых, но сами будут обличены скоро. Это выражает он дальнейшими словами: "**ибо их безумие обнаружится перед всеми**". Каким образом? Всецело. "**Как и с теми случилось**". Заблуждения, хотя сначала и успевают, но до конца не остаются. Таково все то, что не по существу своему хорошо, а только кажется хорошим; оно на время успевает, а потом обнаруживается и погибает. Но не таково наше учение; и свидетель этому – ты (говорит апостол Тимофею); наше учение не ложь; кто ведь решится умереть за ложь? "**А ты последовал мне в учении**" (ст. 10). Потому будь

тверд; ты не просто принял его, но **последовал**. Здесь (апостол) выражает, что уже много прошло лет со времени обращения (Тимофея). "**Последовал мне в учении**", – это сказано о слове. "**В житии",** – это о жизни. "**В расположении**", – это об усердии и расположении душевном. И я сам, говорит, не учил только, не на словах только любомудрствовал, но исполнял и на деле. " **В вере, великодушии**": ничто подобное, говорит, не смущало меня. "**В любви", –** которой те люди не имеют. "**В терпении**", которого они также не имеют. "**В великодушии**", которое я, говорит, много оказывал еретикам. "**В терпении**" – в гонениях. Изгнанием, страданием. Учителя смущают два обстоятельства: то, что есть множество еретиков, и то, что трудно терпеть мучения. Но об еретиках он уже говорил много, именно, что они и прежде были и будут, что нет времени, когда бы их не было, что они не могут нисколько вредить нам, что в мире есть сосуды золотые и серебряные. Теперь же, как видишь, он беседует о страданиях. "**Постигших меня в Антиохии, Иконии, Листрах**". Почему из многих мест он упоминает только об этих? Потому, что прочие были известны этому мужу (Тимофею); а может быть, потому, что он говорит о событиях новых, а не древних; и не исчисляет их всех порознь,– потому что он не был тщеславен и честолюбив; говорит не для прославления себя, а для утешения ученика. Он говорит здесь об Антиохии писидийской и Листре, откуда происходил Тимофей. "**Каковые гонения я перенес**". Двоякое утешение: и в том, что я оказал мужественную ревность, и в том, что я не был оставлен; нельзя сказать, что Бог оставил меня, но Он уготовал мне светлейший венец. "**Каковые", –** говорит, –"**гонения я перенес, и от всех избавил меня Господь. Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы**" (ст. 11, 12),

3. Но что, продолжает (апостол), я говорю о себе? Каждый, желающий жить благочестиво, будет гоним. Под гонениями он разумеет здесь скорби, печали. Подлинно, невозможно человеку, идущему путем добродетели, быть без печали, сетования, скорби, искушений. В самом деле, как это возможно тому, кто идет путем тесным и скорбным, тому, кто слышал: **в мире** скорбь иметь **будете** (Ин.16:33),? Если Иов в свое время говорит: искушение житие человеку на земле, дни его не то же ли, что дни наемника? (Иов.7:1), то не гораздо ли больше теперь? "**Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь**" (ст. 13). Пусть тебя нисколько не смущает, говорит, если они благоденствуют, а ты подвергаешься искушениям; таков порядок вещей; из моего примера ты можешь видеть, что человеку, который борется со злом, невозможно не испытывать скорбей. Борцу невозможно предаваться неге, воину в сражении невозможно пиршествовать. Поэтому никто из находящихся в борьбе пусть не ищет покоя, не предается наслаждениям. Настоящее время есть время борьбы, сражения, скорбей, воздыханий, есть поприще подвигов. Время покоя будет после; а теперь – время усилий и трудов. Никто, раздавшись и помазавшись для борьбы, не думает о покое. Если же ты ищешь покоя, то для чего и разделся, для чего устремляешь руки против врага? А разве мне, скажешь, не устремлять их теперь? Для чего же, если ты не воздерживаешь пожеланий, если не обуздываешь насилия природы? "**А ты пребывай в том", –** говорит, – "**чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен. Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса**" (ст. 14-15). Что это значит? Как пророк Давид увещевал: "**Не ревнуй злодеям**" (Пс. 36:1), так и он увещевает: "**ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено**". Не простое, "**чему научен**" , но: "**что тебе вверено**", т. е. чему ты твердо уверовал. Чему же я уверовал? Тому, что такова – жизнь. Не смущайся же, если ты увидишь противное тому, чему веруешь; и Авраам видел противное (своей вере), однако нисколько не смущался; он слышал, что "**в Исааке наречется тебе семя**" (Быт.21:12), между тем получил повеление заклать Исаака, и однако, не смутился и не усомнился. Итак, никто пусть не соблазняется злом; о нем Писание предсказало издревле. Но что, если бы добрые веселились, а злые наказывались? Одно может быть, но другое нет; злые могут терпеть наказание, но добрым постоянно радоваться невозможно. С Павлом никто

сравниться не может; но и он проводил всю жизнь в скорби, в слезах, в рыданиях, днем и ночью. "**Три года", –** говорит он, **–** "**день и ночь непрестанно со слезами учил**" (Деян.20:31); и еще: "**был в опасности много раз**" (2 Кор.11:26). Не так он жил, чтобы сегодня радоваться, а завтра скорбеть, но не переставал скорбеть ежедневно. Как же он говорит, что "**злые же люди будут преуспевать во зле**"? Он не сказал, что они наслаждаются покоем, но "**будут преуспевать во зле**"; это – преуспеяние во зле; не сказал, что они будут благоденствовать. А когда они подвергаются наказанию, то наказываются для того, чтобы ты не думал, будто грехи остаются ненаказанными. Так как геенна не может удержать нас от зла, то (Бог), из сожаления к нам, сам удерживает и пробуждает нас.

Если бы никто из порочных не подвергался наказанию, то никто не думал бы, что над делами человеческими бодрствует Бог; а если бы все получали наказание, то никто не ожидал бы будущего воскресения, потому что все здесь получили бы воздаяние. Вот почему (Бог) и наказывает, и не наказывает.

Праведники здесь испытывают скорби потому, что они странники и пришельцы и находятся в стране чуждой. Таким образом, праведники терпят бедствия для их испытания; послушай, в самом деле, что говорит Бог Иову: "**хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя**" (Иов.40:3)? А грешники, когда терпят что-нибудь подобное, то в наказание за грехи свои. Итак, будем благодарить Бога за все, так ли Он делает, или иначе: то и другое полезно. Он ничего не делает с нами по ненависти, или по отвращению к нам, но посылает то и другое по вниманию и попечению о нас. "**Из детства", –** говорит (апостол), – "**знаешь священные писания",** т. е. ты с раннего возраста изучил Священное Писание, – а священным Писанием он называет Божественные Писания, – на нем ты воспитан; и потому вера твоя должна быть твердою, и ничто не должно вредить ей; корень ее лежит глубоко и укрепился в течение долгого времени; потому ничто не может исторгнуть его. Сказав: "**священные писания", –** он прибавляет: "**которые могут умудрить тебя",** т. е. не дозволяющие тебе делать что-нибудь неразумное, как делают многие.

4. Тот, кто знает Писания, как должно знать, не соблазняется ничем случающимся, все переносит мужественно, иное принимает верою и приписывает непостижимому домостроительству Божию, а для иного видит основания и находит примеры в Писаниях. Не исследовать всего и не домогаться познания всего, это – ясный признак знанья. Если хотите, я докажу это примером. Представим себе реку, или лучше, несколько рек, – говорю это не по предположению, а таковы действительно реки[1]; не все реки равны по глубине, но одни мелки, а другие глубоки, так что незнающий может утонуть в них; в одних есть омуты, а в других нет. Поэтому хорошо поступает тот, кто не желает испытывать все реки без исключения, и нежелание его исследовать все глубины есть немалый признак знания. А кто хочет испытать каждую часть реки, те преимущественно и не знают свойства рек, и часто погибают, отваживаясь пускаться в глубину с тою же смелостью, с какою они проходили неглубокие реки. Так и относительно Бога, кто хочет знать все и дерзает исследовать все, тот особенно и не знает, что такое – Бог. Кроме того реки по большей части безопасны, а водоворотов и омутов в них бывает немного; в Боге же большая часть сокровенна, и исследовать дела Его невозможно. Что же заставляет тебя топить самого себя? Знай только то, что Бог устрояет все, что Он промышляет обо всем, что мы свободны, что Бог иное совершает, а иное попускает, что Он не желает ничего злого, что не все бывает по Его воле, но иное и по нашей, именно все злое только от нас, а все доброе как от нас, так и от Его помощи, что от Него не укрывается ничто: так Он действует во всем! Зная это, смотри, что – доброе, что – злое, и что – безразличное, как-то: добродетель – добро, порок – зло, богатство, бедность, жизнь, смерть – безразличны.

Познав это, ты вместе с тем уразумеешь, что праведные страдают, чтобы получить венцы, а грешники – чтобы получить наказание за грехи; впрочем, не все грешники получают наказание здесь, чтобы иные не стали не верить воскресению; равным образом и праведные не все страдают, чтобы ты знал, что не порок достоин похвалы, а добродетель. Вот правила и законы; прилагай к ним, что угодно, и ты не будешь оставаться в недоумении. Как у грамматиков есть шеститысячное число, под которое все подводится и все можно определять и разлагать по этому правилу шести тысяч и около этого числа обращается все, – это знают те, которые учились грамматике, – так и здесь, кто знает эти правила, которые я опять кратко повторю, тот никогда не соблазнится. Какие же это правила? Следующие: добродетель – добро, порок – зло, а безразличны – болезни, бедность, козни против нас, клеветы и т. п.; праведные здесь страдают, а если некоторые из них и благоденствуют, то для того, чтобы добродетель не казалась страшною; злые (здесь) веселятся, чтобы получить наказание там, а если некоторые и (здесь) наказываются, то для того, чтобы зло не казалось добром и дела их безнаказанными; если же они наказываются не все, то для того, чтобы не утратилась вера в день воскресения; и между добрыми, есть люди, совершающие злые дела, за которые они здесь и отдают отчет, равно как и между злыми есть люди, совершающие добрые дела, за которые они здесь и получают воздаяние, чтобы потерпеть наказание там; дела Божии по большей части непостижимы; великое различие между нами и Богом, а какое именно, того сказать невозможно. Если мы будем рассуждать таким образом, то ничто не смутит нас; если будем постоянно слушать Писания, то найдем много тому примеров. "**Которые могут", –** говорит, – "**умудрить тебя во спасение**". В Писаниях излагается, что должно делать, и чего не должно; послушай именно, что говорит блаженный апостол в другом месте: "**ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев**" (Рим. 2:19,20).

Видишь ли, что закон есть свет для находящихся во тьме? Если же свет – тот закон, который представляет букву, убивающую букву, то каков тот, в котором – дух животворящий? Если ветхий завет есть свет, то каков новый, в котором открыто столь многое, который так отличен от ветхого, как если бы кто людям, не видевшим ничего выше земли, открыл небо и все в нем показал им. Из него мы узнали о геенне, о царствии (небесном), о суде. Не будем же верить нелепостям, каковы все предсказания волшебников. Но как же, скажешь, что они говорят, то и сбывается? Потому и сбывается, что ты веришь, если только сбывается. Волшебник овладевает тобою, делается господином твоей жизни и располагает ею, как хочет. Скажи мне: если какой-нибудь предводитель разбойников возьмет в свои руки и под свою власть царского сына, прибежавшего к нему и полюбившего пустыню и тамошнюю жизнь, то может ли этот начальник сказать ему, умрет ли он, или будет жив? Весьма может. Почему? Не потому, чтобы он предвидел будущее, но потому, что в его власти то и другое – погубить и спасти сына, который сделал его своим господином. Он может и погубить, если захочет, может также и отпустить, если захочет, потому что пленник находится в его власти. Если он скажет: ты будешь богат или беден, – то и другое находится в его власти. Так и в мире большая часть людей предали себя в руки диавола.

5. С другой стороны этим обманщикам много помогает то, когда человек привыкнет верить им, потому что никто не обращает внимания на предсказания неудачные, а только на удачные. Если они имеют какую-нибудь силу предвидения, то приведи их ко мне, верующему. Говорю это не с тем, чтобы превозносить себя: не стоит превозноситься тем, что я не верю им. Я многогрешен; но пред ними не стану смиряться и, по благодати Божией, смеюсь над всеми ими. Приведи ко мне волшебника; если он имеет какую-нибудь силу предведения, то пусть скажет, что случится со мною, что будет со мною завтра. Но он не скажет, потому что я нахожусь под властно царя, а волшебник не имеет надо мною

никакой власти и силы; я далек от его сетей и оврагов; я служу царю. Но, скажешь, такой-то украл, а один волшебник указал его. Это не всегда бывает справедливо, а по большей части смешно и ложно. Они ничего не знают; а если бы что-нибудь знали, то лучше им следовало бы говорить о своем, каким образом многие идольские приношения были украдены, каким образом множество золота было утрачено. Почему они не предсказали этого жрецам своим? Следовательно, они не знают ничего; они и за деньги не могли предсказать, когда сгорали их идольские храмы, и многие из них вместе с тем сами погибали. Почему же они не заботятся о собственном спасении? Если они и предсказывали что-нибудь, то это было только делом случая. Наши же пророки не ошибаются; они не говорят одно справедливо, а другое ложно, но все справедливо; это и есть предведение. Перестаньте же, увещеваю вас, безумствовать, если вы веруете во Христа; если же не веруете, то для чего позорите себя, для чего обманываете? "**Долго ли вам хромать на оба колена**" (3 Цар.18:21)? И для чего ты ходишь к волшебнику? Для чего спрашиваешь его? Как скоро ты пришел, как скоро стал спрашивать, то уже и сделал себя рабом его, потому что спрашиваешь, как верующий в него. Нет, скажешь, я спрашиваю, не веруя, что он говорит правду, но испытывая его. Но и испытывать, правду ли он говорит, свойственно не уверенному в том, что он лжет, а еще сомневающемуся. Для чего же ты спрашиваешь, что случится? Если бы они говорили: вот что случится, делай то-то и избегай того-то, – тогда, хотя бы также не следовало допускать такого идолослужения, но было бы не столь безумно. Если же они берутся предсказывать будущее, то слушающий не приобретает ничего, кроме лишней скорби; предсказание не сбывается, а он уже испытал скорбь, уже измучил себя. Если бы полезно было знать будущее, то Бог не скрыл бы этого от нас, как бы по зависти; Тот не завидует, кто сказал нам, что есть на небесах. "**Сказал", –** говорит Он, – "**вам все, что слышал от Отца Моего;** и еще: "**Я уже не называю вас рабами, но друзьями: Вы друзья Мои**" (Ин.15:14,15). Почему же Он не открыл нам будущего? Потому, что Он хочет, чтобы мы нисколько не заботились об этом. Он не по зависти поступил так; древним Он делась предвещания, напр., об осле и некоторых других предметах (1 Цар.9), потому что они были подобны детям; а нас Он избавил от заботы – предузнавать неизвестное, желая, чтобы мы нисколько о том не заботились. Вместо того нам что открыто? То, чего древние не знали. Все, открытое им, маловажно; а мы знаем, что мы воскреснем, будем бессмертны и нетленны, что жизнь наша не будет иметь конца, что все (настоящее) пройдет, что мы будем восхищены на облаках (1 Сол.4:17), что злые получат наказание, и, кроме того, многое другое, – и все это не ложно. Знать такие истины не гораздо ли лучше, нежели то, что осел потерявшийся найдется? Положим, что ты нашел и взял осла: какая же от того польза? Не можешь ли ты потерять его опять каким-нибудь другим образом? Если он не уйдет от тебя, то ты сам при смерти оставишь его. А то, что сказал я, мы можем иметь всегда, если захотим иметь. Будем же стремиться к этому; будем искать благ постоянных и неизменных; не станем слушать волшебников, прорицателей и гадателей, но Бога, Который ясно знает все, имеет ведение обо всем; тогда и мы будем знать все, что нужно знать, и сподобимся всех благ.

---

[1] Дальнейшие слова читаются в одной рукописи след. образом: "Подобно тому как реки не все равны, но одни мелки, а другие глубоки, так что незнающий может утонуть в них; в одних есть омуты, а в других нет, – так и вопросы относительно Бога – одни таковы, что разрешение их само собою представляется ищущим, а другие так таинственны и непостижимы, что могут даже погубить старающихся узнать что-нибудь с излишним любопытством. Поэтому хорошо поступает тот" и т. д.

БЕСЕДА 9

"Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен" (2 Тим.3:16,17).

1. Предложив (Тимофею) много увещаний и утешений всякого рода, (Павел) присовокупляет еще совершеннейшее утешение – от Писаний; и не без причины предлагает он так много утешений, но потому, что намеревался сказать нечто важное и прискорбное. Если Елисей, находившийся при своем учителе до последней минуты его жизни, увидев, что он особенным образом оканчивает свою земную жизнь, разодрал свои одежды, то что должен был чувствовать (Тимофей), столько любимый и столько любивший, услышав, что учитель его готовится умереть, и видя себя лишенным его лицезрения во время, ближайшее к его смерти, что обыкновенно бывает прискорбно больше всего? Мы ведь не так бываем благодарны за прошедшее время, если были в разлуке с умершими во время ближайшее к их смерти. Вот почему (Павел) сначала предлагает (Тимофею) множество утешений, а потом уже и говорит ему о своей предстоящей кончине, и говорит не просто, но употребляет такие выражения, которые способны утешить и исполнить радости, – представляя это событие более жертвоприношением, нежели смертью, более переселением, чем оно действительно и было, и переходом к лучшему. "**Ибо я уже", –** говорит, – "**становлюсь жертвою**" (2 Тим.4:6). Потому и здесь он пишет: "**Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления**". "**Все**", – какое? То, о котором, говорит, я сказал, – всякое Священное Писание. Здесь разумеется то Писание, о котором было говорено выше, о котором он сказал: "**ты из детства знаешь священные писания**". Итак, всякое Священное Писание богодухновенно. Поэтому нисколько, говорит, не сомневайся в нем. "**И полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен". "Для научения",** если нужно узнать что-нибудь, если случится недоумевать в чем-нибудь, о том можем узнать отсюда; если нужно обличить ложь, если нужно исправиться или вразумиться, и это можем почерпнуть отсюда; оно способствуете и к увещанию, и к утешению. "**Для исправления",** – т. е., если недостает чего-нибудь и нужно дополнить что-нибудь. "**Да будет совершен Божий человек**": для того, говорит, дано наставление Писаний, чтобы совершен был человек Божий; следовательно, без них невозможно быть совершенным. Вместо меня, говорит, ты имеешь Писания; когда пожелаешь узнать что-нибудь, то можешь узнать отсюда. Если же так сказано Тимофею, который был исполнен Духа (Святого), то не тем ли более нам? "**Ко всякому доброму делу приготовлен**" не прости принимающейся за дело, но и тщательно приготовленный. "**Итак заклинаю тебя пред Богом и Господом нашим Иисусом Христом, Который будет судить живых и мертвых**" (4:1). Здесь он разумеет или грешников и праведников, или умерших и еще живущих, так как многие останутся в живых (до последнего суда). И в первом послании он внушал Тимофею страх словами: "**Пред Богом, все животворящим, завещеваю тебе**" (1 Тим.4:13); здесь же говорит нечто более страшное: "**Который будет судить живых и мертвых**" т. е. имеющим потребовать отчет. "**В явление Его и Царствие Его**" – когда? Во время пришествия Его со славою, с царским величием. Таким образом, он говорит или то, что Господь не так придет, как ныне, или следующее: я свидетельствую тебе явление Его и царствие. Он призывает Его во свидетели, показывая, что и это преподано ему. Далее учит, как должно проповедовать учение. "**Проповедуй слово", – настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием**" (ст.2). Что значит: "**во время и не во время**"**?** Т. е. не назначай определенного времени, пусть будет тебе всегда время для этого, а не только во время мира, спокойствия или сидения в церкви; хотя бы ты был в

опасности, хотя бы в темнице, хотя бы в узах, хотя бы готовился идти на смерть, – и в это время обличай и не переставай вразумлять. Тогда и благовременно делать обличение, когда оно может иметь успех, когда представится дело (достойное обличения). "**Увещевай", –** говорит; подобно врачам, указав рану, сделав разрез, он прилагает потом и лекарство. Если что-нибудь из всего этого опущено, то прочее бывает бесполезно. Если ты будешь угрожать без обличения, то покажешься дерзким, и никто не станет слушать; если же наперед обличишь, тогда слушатель приметь угрозу, а без того он останется бесстыдным. С другой стороны, если ты станешь обличать и угрожать, хотя и с силою, но не предложишь утешения, то опять испортишь все дело. Действительно, обличение само по себе невыносимо, если оно не растворено утешением. Как при разрезе раны, хотя и спасительном, страждущие не выносит болей сечения и разреза, если не будет употреблено многих средств, смягчающих боль, так и здесь. "**Со всяким", –** говорит, **долготерпением и назиданием".** Обличающий должен иметь долготерпение, чтобы слушающий не верил без основания, и угроза должна быть соединена с утешением, чтобы она была принята. А что значит прибавленное к долготерпению слово: **и назиданием"?** Обличай не с гневом, не с ненавистью, не с злобою, не с враждою, как бы против врага, – все это должно быть оставлено, – а как? С любовью, с состраданием, скорбя больше самого обличаемого, душевно сожалея об его положении. "**Со всяким",** – говорит, – "**долготерпением и назиданием",** а не как-нибудь. Будет время, когда люди здравого учения принимать не будут. Прежде, нежели они сделаются непокорными, предупреди всех их. Потому он и сказал: и "**во время и не во время",** во всем поступай так, чтобы слушающие тебя поучались добровольно. "**Но по своим", –** говорит, – "**прихотям будут избирать себе учителей".**

2. Не может быть ничего выразительнее этого слова: "**изберать**" оно означает беспорядочную толпу учителей, которые при том будут рукополагаемы учениками. "**Будут избирать", –** говорит, – "**себе учителей, которые льстили бы слуху",** отыскивая себе людей, которые говорили бы для их удовольствия и льстили их слуху. "**И от истины отвратят слух и обратятся к басням**" (ст. 4). Предсказывает это не с тем, чтобы ученик его предался унынию, но чтобы он мужественно переносил, когда это случится. Подобным образом и Христос говорил: "**будут отдавать вас в судилища и будут бить вас**", и в синагоги поведут ради имени Моего (Мф.10:17). Так и в другом месте блаженный (апостол) говорит: "**Ибо я знаю, что, по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада**" (Деян.20:29). Он говорил это для того, чтобы они бодрствовали, чтобы надлежащим образом пользовались настоящим временем. "**Но ты", –** говорит, – "**будь бдителен во всем, переноси скорби**" (ст. 5). Видишь ли, что он именно с такою целью предсказывал это? Как Христос при конце (Своей земной жизни) говорил: "**восстанут лжехристы и лжепророки**", (Мф.24:21), так и он говорил то же, когда готовился окончить жизнь. "**Ты будь бдителен во всем, переноси скорби",** т. е. трудись, предупреждай, приведи овец в безопасное состояние прежде, нежели наступила зараза, непрестанно страдай, пока существуют волки. "**Совершай дело благовестника, исполняй служение твое".** Следовательно, дело благовестника – страдать и от себя, и от посторонних. "**Исполняй** (слав. – известно сотвори) **служение твое**" т. е. исполняй. А вот и другой повод к страданию: "**Ибо я уже", –** говорит, – "**становлюсь жертвою**" (σπένδομαι), "**и время моего отшествия настало**" (ст. 6). Не сказал: моего жертвоприношения, но нечто более, потому что от жертвы не все приносится Богу, а от возливаемого – все. "**Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил**" (ст. 7). Часто я, взяв в руки послание апостола и рассматривая это место, недоумевал, для чего Павел так превозносит себя: "**Подвигом добрым я подвизался".** Но теперь, кажется, по благодати Божией, я понял это. Для чего же он говорит так? Он желает утешить скорбящего ученика, заповедуя ему быть бодрым, потому что он отходит к венцу, как совершившие все, как достигши благого конца: радоваться, говорит, должно, а

не скорбеть. Почему? "**Подвигом добрым я подвизался",** говорит подобно отцу, который, утешая сидящего подле него и сетующего о своем сиротстве сына, говорил бы ему: не плачь, сын мой, я жил хорошо, оставляю тебя, достигнув старости, жизнь моя была безукоризненна, я отхожу со славою, и ты будешь славиться моими делами; царь оказывает мне великое благоволение. И как бы так говорит: я воздвиг трофеи, победил врагов, – говорит не из тщеславия, нет, но для ободрения сына, для того, чтобы такими похвалами внушить ему – легко переносить все случающееся, иметь благую надежду, и не считать предстоящей разлуки тяжкою. А тяжела, поистине тяжела бывает разлука. Послушай, как он сам говорит в другом месте: "**Мы же, братия, быв разлучены с вами на короткое время лицем, а не сердцем**" (1 Сол.2:17). Если же он сам скорбел, разлучившись с учениками, то как должен был скорбеть Тимофей? Если он плакал, разлучаясь с живым (учителем), как видно из слов: "**вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости**" (2 Тим.1:4), то не гораздо ли более – при его смерти? Таким образом (Павел) писал это для утешения (Тимофея), и все послание, исполнено утешения, и есть как бы некоторое завещание. "**Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, так что.** "**Подвигом**", – говорит, – "**добрым**". Прими же его на себя и ты. Оковы, темницы, смерть, – это ли добрый подвиг? Да, говорит, – потому что он совершается за Христа, доставляет великие венцы. "**Подвигом добрым";** нет ничего лучше этого подвига, не имеет конца этот венец; он не из лавровых листьев; здесь не человек распорядитель подвигов, не люди – зрители, ангелы наполняют это зрелище. Там (на обыкновенных зрелищах) в течение многих дней трудятся и утомляются, но в одну минуту получают венец, и тотчас удовольствие проходит; а здесь не так, но остаются навсегда в блеске, славе и чести. Потому должно радоваться; я иду на покой, оставляю место подвигов; ты слышал от меня, что лучше "**разрешиться и быть со Христом**" (Флп.1:23). "**Течение совершил".** Надобно и подвизаться и идти вперед: подвизаться, перенося скорби, и идти вперед не просто, но к чему-нибудь полезному. Истинно добрый подвиг тот, который не увеселяет только зрителя, но доставляет пользу; и течение истинное не то, которое ни к чему не стремится, или только обнаруживает силу и честолюбие, но то, которое влечет всех на небо. Такое течение светлее солнца; его совершал Павел на земле, или им он стремился к небу. Каким же образом он окончил это течение? Он обошел всю вселенную, начав от Галилеи и Аравии, и дошедши до пределов земли: "**так что**", – говорит он, – "**благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестности до Иллирика".** (Рим.15:19). Он протек всю вселенную, как птица, или лучше, сильнее птицы; птица пролетела бы просто, а он – не просто, но имея крылья Духа и рассекая тысячи препятствий, смертей, козней, бедствий. Таким образом, он был быстрее птицы. Если бы он был просто птицею, то утомился бы и был бы пойман; но, будучи окрыляем Духом, он перелетал чрез все сети, как бы имея огненные крылья. "**Веру",** – говорит, – "**сохранил".** Многое старалось отнять ее у него, не только близкие отношения с людьми, но и угрозы, и смертные опасности, и многое другое; но он устоял против всего. Каким образом? Трезвясь и бодрствуя. Всего этого довольно было для утешения учеников, но он прибавляет еще и о наградах. Каких? "**А теперь**", – говорит, "**готовится мне венец правды**" (ст. 8). Правдою он опять называет здесь вообще добродетель. Итак, не должно, говорит, скорбеть, потому что я отхожу получить от Христа венец, который Он возложит на мою голову; напротив, если бы я оставался здесь, тогда более следовало бы скорбеть и опасаться, чтобы я не пал и не погиб. "**Который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его".**

3. Здесь он также ободряет ученика. Если Господь воздаст **всем**, то тем более Тимофею. Но он не сказал: и тебе, а: **всем**, выражая, что если – **всем**, то тем более – ему. А каким образом, скажешь, можно возлюбить явление Христово? Если будешь радоваться пришествию Его. А кто радуется пришествию Его, тот делает достойное этой радости; он

отдаст, если нужно, и имение свое и душу, чтобы получить будущие блага, чтобы сподобиться узреть второе пришествие Его, в приличном виде, с дерзновением, во славе и свете. Вот что значит – возлюбить явление Его. Кто любить явление Его, тот будет делать все, чтобы прежде всемирного было к нему частное пришествие (Христово). Как, скажешь, это возможно? Послушай самого Христа, который говорит: любящий Меня, заповеди Мои "**соблюдет; и Мы придем к нему и обитель у него сотворим**" (Ин.14:23). Подумай, как это важно, когда имеющий явиться всем вообще, обещает явиться каждому из нас в частности: "**придем", – говорит, – "и обитель у него сотворим**". Кто любит явление Его, тот будет делать все, чтобы призвать Его к себе и удержать у себя, чтобы в нем воссиял свет. Пусть не будет в нас ничего, недостойного пришествия Его, и Он скоро поселится в нас. Явление (ἐπιφάνεια) называется так потому, что оно является горе (ἐπάνω φαινεσθαι) и воссиявает свыше. Потому будем стремиться к горнему, и мы скоро привлечем к себе горние лучи. Никто из людей, пресмыкающихся долу и зарывающих себя в землю, не может видеть солнечного света; никто из людей, оскверняющих себя житейскими делами, не может видеть Солнца правды; Оно не является никому, кто предается такой жизни. Отрезвись же хотя нисколько, восстань из этой пучины, из пропасти житейской, если хочешь увидать Солнце, если хочешь сподобиться Его пришествия. Если ты сподобишься пришествия Его ныне, то будешь с великим дерзновением взирать на Него тогда. Будь же любомудрым ныне; пусть не будет у тебя духа гордости, чтобы он не поразил тебя и не низринул; пусть не будет у тебя тьмы и сердца каменного, чтобы не разбился об него корабль твой; пусть не будет в тебе никакого лукавства; подводные камни производят самые страшные кораблекрушения. Не питай в себе диких зверей, – разумею страсти, потому что они лютее диких зверей; не полагайся на вещи скоропреходящие, подобно текучей воде, чтобы тебе стоять твердо. Никто не может стоять на воде, а на камне все могут стоять безопасно. Житейские дела – это вода: "**ибо воды", –** говорится, – "**дошли до души [моей]",** подобно вышедшему из берегов своих потоку (Пс.68:2). А Дела духовные – это камень: "**поставил", –** говорится, **–** "**на камне ноги мои**" (Пс.39:3). Житейские дела – грязь и нечистота. Отрешим себя от них, и таким образом мы можем удостоиться явления Христова. Все, что ни постигнет нас, будем переносить. Достаточное утешение во всем – страдать за Христа; будем повторять это божественное изречение, и прекратится боль всякой раны. А как, скажешь, можно страдать за Христа? Положим, что кто-нибудь оклеветал тебя просто, не за Христа. Если ты мужественно перенесешь это, если будешь благодарить, если станешь молиться за него, то все это сделаешь ты для Христа. Если же будешь проклинать, досадовать, стараться мстить, то, хотя это тебе и не удастся, ты будешь терпеть не для Христа, но еще получишь вред и лишишься плодов по своей воле. От нас зависит – получать от бедствий пользу, или вред; это зависит не от свойства самих бедствий, а от нашего произволения. Представлю пример. Иов, испытав столько бедствий, перенес их со благодарностью, и был оправдан, – не потому, что страдал, но потому, что, страдая, переносил все с благодарностью. Другой, испытывая такие же страдания, – или лучше, даже и не такие, потому что никто не страдает так, как Иов, а гораздо меньше, – гневается, досадует, проклинает весь мир, ропщет на Бога; такой человек осуждается и наказывается не потому, что страдал, но потому, что роптал на Бога; а роптал он на Бога не по необходимому требованию обстоятельств; иначе, если бы он поступал так по необходимому требованию обстоятельств, роптал бы и Иов; если же последний, испытав тягчайшие бедствия, не сделал ничего такого, то значит, все подобное случается не по необходимости, а от слабости воли. Итак, нужно нам иметь душу твердую, и тогда ничто не будет для нас трудным; напротив, для слабой души нет ничего нетрудного. От расположения нашей воли все бывает и переносимо и непереносимо для нас; укрепим ее, и тогда мы легко будем переносить все. Так и дерево, если глубоко пустит свои корни, то его не может поколебать и сильная буря; если же оно будет распростирать их не глубоко, на поверхности, то и слабый порыв ветра вырвет его с корнем. Так и с нами: если мы

пригвоздим плоть свою страхом Божиим, то ничто не поколеблет нас; если же оставим ее на свободе, то и слабое нападение может поразить и погубить нас. Потому, увещеваю вас, переносите все с полным благодушием и подражайте пророку, который говорит: "**к Тебе прилепилась душа моя**" (Пс.62:9). Вот что говорить он: "**прилепилась душа моя**" Не сказал просто: предалась, но: "**прилепилась".** И еще: "**Тебя жаждет душа моя**" (Пс.62:2); не сказал просто: пожелала, но: "**жаждет",** выражая этим словом особенную силу желания. И еще: "**Трепещет от страха Твоего плоть моя**" "**пригвозди страху Твоему плоти моя**" (Пс.118:120). Он хочет, чтобы мы постоянно так прилеплялись к Богу и соединялись с Ним, чтобы никогда не отступать от Него. Если мы будем так преданы Богу, если пригвоздим к Нему сердца наши, если будем жаждать Его сильным желанием, то получим все, чего желаем и сподобимся будущих благ, во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому со Отцем и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 10

"Постарайся придти ко мне скоро. Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику, Крискент в Галатию, Тит в Далматию; один Лука со мною. Марка возьми и приведи с собою, ибо он мне нужен для служения. Тихика я послал в Ефес. Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные" (2 Тим.4:9-13).

1. Можно спросить: как (Павел) призывает к себе Тимофея, когда ему была вверена Церковь и целый народ? Не по гордости (апостол) делает это; он сам готов был идти к нему, – послушай, что говорит он: "**если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божием**" (1 Тим.3:15). Но почему? Потому, что он находился в крайности, уже не мог ходить по собственной воле, жил в темнице, будучи заключен туда Нероном, и готовился в скором времени умереть. Потому, чтобы этого не случилось прежде свидания с учеником, он и призывает его к себе, желая видеть его пред своею кончиною и, может быть, многое передать ему. "**Постарайся**", – говорит, – "**придти до зимы**" (ст. 9, 21). "**Димас оставил меня, возлюбив нынешний век**". Не говорит: чтобы видеть тебя прежде отшествия из здешней жизни, что весьма опечалило бы (Тимофея); но: потому что я остаюсь одиноким, не имею никого, кто бы помогал мне. "**Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику",** т. е., возлюбив покой, жизнь безопасную и спокойную, захотел лучше наслаждаться дома, нежели бедствовать со мною и разделять мои настоящие опасности. Одного только Димаса он укоряет, впрочем, желая не его укорить, а нас утвердить, чтобы мы не ослабевали духом в опасностях и трудах; это и означают слова: "**возлюбив нынешний век**"; вместе с тем он хотел еще более привязать к себе ученика. "**Крискент в Галатию, Тит в Далматию**". Их он не укоряет, потому что Тит был один из весьма дивных мужей, так что Павел поручил ему (церковные) дела на острове, при том не малом, но весьма большом – разумею Крит. "**Один Лука со мною", –** он неотлучно находился при Павле; он написал Евангелие и соборные Деяния, был трудолюбив, любознателен и терпелив. О нем (апостол) говорит в другом послании: "**во всех церквах похваляемого за благовествование**" (2 Кор. 8:18). "**Марка возьми и приведи с собою**". Для чего? "**Ибо он мне нужен для служения**". Не для собственного успокоения требует этого, но для служения Евангелию, потому что и в узах он не переставал проповедовать. И Тимофея он призывает к себе не для собственных нужд, но для благовествования, чтобы между верующими не произошло никакого смятения по случаю его смерти, чтобы многочисленные ученики его, присутствуя при этом, успокаивали смятения и утешали сетующих об его кончине, а между уверовавшими в Риме, вероятно, были мужи достопочтенные. "**Тихика я послал в Ефес. Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные**".

Фелоном он называет здесь одежду; а некоторые разумеют влагалище, в котором хранились книги. Для чего нужны были книги ему, готовившемуся отойти к Богу? И очень были нужны, чтобы передать их верующим, чтобы они имели их вместо его учения. Все верующие, вероятно, чувствовали тогда великую потерю, особенно те, которые присутствовали при его кончине и наслаждались тогда его лицезрением. А фелонь требует он для того, чтобы не иметь надобности брать его у другого. Видишь, как много он заботился об этом; и в другом месте он выразил это, когда говорил ефесским (пресвитерам): "**сами знаете, что нуждам моим и [нуждам] бывших при мне послужили руки мои сии",** и еще: "**блаженнее давать, нежели принимать".** (Деян.20:34,35). "**Александр медник много сделал мне зла. Да воздаст ему Господь по делам его**" (ст. 14). Здесь он опять вспоминает об искушении, не с тем, чтобы только укорить или осудить упоминаемого человека, но чтобы воодушевить ученика на подвиги и расположить к мужественному перенесению (искушений). Хотя бы люди, причиняющие искушения, были неважны, хотя бы даже ничтожны и презренны, нужно, говорит, все переносить мужественно. Кто потерпел зло от человека важного, тот находит не мало утешения в высоком положении этого человека; а кто терпит от человека низкого и презренного, тот получает большее огорчение. "**Много сделал мне зла",** т. е. различным образом оскорблял меня. Но это, говорит, не пройдет ему безнаказанно: "**воздаст ему Господь по делам его**". Как выше он говорил: "**каковые гонения я перенес, и от всех избавил меня Господь**" (2 Тим.3:11), так и здесь утешает ученика двояким образом, – тем, что сам он испытывал оскорбления, и тем, что оскорбившему его будет воздаяние; говорит так не потому, чтобы святые радовались наказаниям (злых людей), но потому, что дело проповеди и слабейшие из верующих имели нужду в таком утешении. "**Берегись его и ты", –** говорит, – "**ибо он сильно противился нашим словам**" (ст. 15), т. е. восстает и противоречит. Не сказал: отмсти, накажи, прогони его, хотя по благодати Божией мог сделать это; ничего такого не говорит, и не вооружает против него ученика своего, а заповедует только удаляться от него, предоставляя наказание Богу. Также и для утешения слабейших он говорит эти слова: "**воздаст ему",** которые представляют более пророчество, нежели проклятие. А что он желал ободрить ученика приведенными словами, это видно и из последующего. Далее, смотри, как он повествует еще о других своих искушениях. "**При первом моем ответе", –** говорит, "**никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им**" (ст.6).

2. Видишь, как кротко говорит он о близких к нему, хотя они сделали тяжкий проступок; ведь не одно и то же – быть оставленным посторонними людьми, или своими. Видишь ли, как сильна была скорбь его? Ты, говорит, не можешь сказать, что я, подвергаясь гонению от посторонних, находил утешение, облегчение и помощь в своих, – и они изменили мне: "**все меня оставили**". Подлинно, это – немалый грех. Если на войне тот, кто оставляет товарища, находящегося в опасности, и избавляет от рук врагов только себя самого, справедливо наказывается своими, как человек, испортивший все дело и изменник, то тем более – в проповеди. Но о каком говорит он первом ответе? Он еще прежде был представляем Нерону, и избежал (казни); но когда обратил его виночерпия, тогда и отсечена ему голова. Далее опять предлагается утешение ученику: но "**Господь же предстал мне и укрепил меня**" (ст. 17). Кто оставляется людьми, тому Бог не попускает потерпеть что-нибудь бедственное. "**И укрепил меня",** т. е. даровал дерзновение, не попустил пасть. "**Дабы через меня утвердилось благовестие",** т. е. чтобы подтвердилось. Посмотри, как велико его смиренномудрие. Не потому, говорит, Бог укрепил меня, что я был достоин такого дара, но "**дабы утвердилось благовестие**", которое вверено мне. Это подобно тому, как если бы кто носил багряницу и диадему, и из-за них спасся. "**И услышали все язычники**". Что это значит? Чтобы всем, говорит, сделались известны и слава проповеди, и попечение о мне Промысла. И избавил меня от уст льва: "**И избавит меня Господь от всякого злого дела**" (ст. 18). Видишь, как он близок был к смерти; он

был в самых челюстях льва; львом же называет Нерона, по причине его зверства, могущества царства его и непреклонности. И избавил, говорит, Господь меня, и избавит. Если же опять избавит, то как он говорит: "**уже становлюсь жертвою"?** Но вникни в слова его. Избавил меня, говорит, "**от уст**" льва; и далее: "**избавит",** уже не от уст львовых, – но от чего? – "**от всякого злого дела**". Тогда Он избавил меня от опасностей; а теперь, когда для благовестия уже сделано достаточно, Он опять избавить меня – от всякого греха, т. е. не попустит мне отойти (из здешней жизни) осужденным. Подлинно, бороться с грехом до крови и не пасть, значит, избавиться от другого льва – диавола. Последнее избавление его важнее первого, когда ему предстояло быть предану на смерть. "**И сохранит для Своего Небесного Царства, Ему слава во веки веков. Аминь**" (ст. 18). Вот истинное спасение – когда мы просияем там. Что значит: "**сохранит для Своего Небесного Царства"?** Избавит, говорит, меня от всякой вины, и сохранит там. Спастись для царствия небесного значит умереть ради него здесь. "**Ненавидящий", –** говорит Господь, – "**душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную**" (Иоан.12:25). "**Ему слава во веки веков. Аминь".** Вот славословие Сыну. "**Приветствуй Прискиллу и Акилу и дом Онисифоров**" (ст. 19). Онисифор был у него в Риме, как сам он говорит: "**Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день**" (2 Тим.1:18). Таким приветствием он делает и домашних его более усердными к подобным подвигам. "**Приветствуй", –** говорит, – "**Прискиллу и Акилу**". Это – те лица, о которых он часто упоминает, у которых он и жил, которые принимали Аполлоса (Деян.18). Жену он поставляет прежде, кажется мне, потому, что она была усерднее и более предана вере – она-то и приняла тогда Аполлоса, – или он делает это безразлично. Такое приветствие было для них немалым утешением, служило доказательством почтения и любви его и доставляло им великую благодать, потому что и одно -приветствие такого святого и блаженного мужа могло исполнить великой благодати того, кто удостаивался этого приветствия. "**Ераст остался в Коринфе; Трофима же я оставил больного в Милите**" (ст. 20). О нем и Тихике мы знаем из книги Деяний, что он взял их с собою из Иудеи, и что они всегда находились при нем, может быть, потому, что были усерднее прочих.

"**Трофима же", –** говорит, – "**я оставил больного в Милите**". Почему же ты не исцелил его, а так оставил? Апостолы не все могли делать, или благодатью не все устрояли, чтобы кто не подумал о них больше, нежели что видел. То же, как мы видим, случалось и с бывшими прежде них блаженными и праведными мужами, например с Моисеем. Он был косноязычен, – почему же Бог не исцелил его косноязычности? – часто впадал в скорбь и уныние, и не вошел в землю обетованную.

3. Многое попускал Бог для того, чтобы показать немощь человеческой природы. В самом деле, если и при этом бесчувственные Иудеи говорили: где Моисей, "**который вывел нас из земли Египетской**" (Исх.32:1)? – то чего они не сделали бы, если бы он еще ввел их в землю обетованную? Если бы Бог не попустил ему чувствовать страх пред фараоном, то не признали ли бы они его богом? То же самое сделали, как известно, с Павлом и Варнавою жители Листры, которые приняли их за богов; а они "**разодрали свои одежды и, бросившись в народ, громогласно говорили: мужи! что вы это делаете? И мы - подобные вам человеки**" (Деян.14:14,15). Также и Петр, когда исцелил хромого от рождения и когда все изумлялись случившемуся, отвечал: "**мужи Израильские! что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит**" (Деян.3:12)? Послушай еще, что говорит блаженный Павел: "**дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился**" (2 Кор.12:7). Но, заметишь, он сказал это по смиренномудрию. Нет, это не так; не для того дан был ему "**ангел сатаны",** чтобы он был смиренномудр, и не по смиренномудрию только он сказал это, но и по другим причинам. Смотри, Бог в ответ ему не говорит: "**довольно для тебя благодати Моей**", чтобы ты не превозносился, – но что?

– "**ибо сила моя",** говорит, "**совершается в немощи**" (2 Кор.12:9). Таким образом, достигались две цели: и раскрывались события, и все было приписываемо Богу. Поэтому и в другом месте (апостол) говорит: "**сокровище сие мы носим в глиняных сосудах**" (2 Кор.4:7), т. е. в телах немощных и подверженных страданиям. Для чего? "**Чтобы преизбыточная сила была [приписываема] Богу, а не нам".** Если бы тела их не были подвержены страданиям, то все было бы приписано им. И в другом месте, мы видим, как он скорбит о болезни, когда говорит об Епафродите: "**Ибо он был болен при смерти; но Бог помиловал его**" (Флп.2:27); и многого другого он не знал, с пользою, как для него самого, так и для учеников. "**Трофима же", –** говорит, **– "я оставил больного в Милите",** Милит находится близ Ефеса; следовательно, (это было) или тогда, когда он отплывал в Иудею, или в другое время; а после того, как он был в Риме, он отправился в Испанию; а возвращался ли оттуда опять в эти страны, мы не знаем. Итак, он был, как мы видим, оставлен всеми. "**Ибо Димас", –** говорит он, – "**оставил меня, Крискент в Галатию, Тит в Далматию; Ераст остался в Коринфе; Трофима же я оставил больного в Милите. Постарайся придти до зимы. Приветствуют тебя Еввул, и Пуд, и Лин, и Клавдия**" (ст. 21). Об этом Лине некоторые говорят, что он был вторым после Петра епископом римской Церкви. "**И Лин", –** говорит, – "**и Клавдия**". Видишь ли, как и жены были усердны и пламенны в вере? Такова Прискилла, такова и эта Клавдия, которые уже распяли себя (для мира), уже были готовы на подвиги. Но почему из такого множества верующих (апостол) упоминает только об этих женах? Очевидно потому, что они душою уже отрешились от житейских дел и особенно славились. Ведь женский пол не препятствует (быть добродетельным). Подлинно – дело благодати Божией, что лица этого пола устраняются только от участия в делах житейских, или лучше сказать, не устраняются и там. В самом деле, и жене досталась немаловажная часть всего вообще управления делами, именно – домашняя; а без нее и гражданские дела никогда не могли бы состояться. Если бы домашние дела находились в расстройстве и беспорядке, то каждый из граждан должен был бы сидеть дома, и дела гражданские находились бы в худом положении. Таким образом, и в этих делах она участвует не менее (мужа), и в духовных. И она может тысячекратно умирать (за Христа), если захочет, – многие из них и действительно сделались мученицами, – может преуспевать в целомудрии, и даже более мужей, потому что в ней не так сильно действует пламень (страстей), – может иметь и скромность, и честность, и святость, без которой "**никто не увидит Господа**" (Евр.12:14), и презрение к богатству, если только захочет, и вообще все прочее. "**Постарайся", –** говорит, – "**придти до зимы".** Как понуждает его! И нигде не высказывает ничего прискорбного; не говорит: приди прежде моей смерти, – чтобы не опечалить его, – но: "**прежде зимы",** чтобы тебе не встретить затруднений. "**Приветствуют тебя", –** говорит, –"**Еввул, и Пуд, и Лин, и Клавдия, и все братия".** Последних не называет по имени. Видишь ли, что те были пламеннее (в вере)? "**Господь Иисус Христос со духом твоим**" (ст. 22). Нет ничего лучше такого благожелания. Не скорби, говорит, что я нахожусь далеко от тебя: Господь с тобою. И не сказал: с тобою, но: "**со духом твоим".** Сугубая помощь: от благодати Духа и от Бога, споспешествующего ей. Иначе Бог и не может быть с нами, если нет в нас благодати духовной; если она оставит нас, то как Он будет с нами? "**Благодать с**" нами. "**Аминь**". Наконец испрашивает и себе (благодати), – т. е., чтобы всегда быть благоугодными Богу, чтобы иметь благодать с дарами ее, потому что если она будет присуща нам, то не будет ничего прискорбного. Как видящий царя, и пользующейся его благоволением, не чувствует никакой скорби, так и мы, хотя бы лишились друзей, хотя бы подверглись какому-нибудь другому бедствию, не будем чувствовать никакой скорби, если благодать будет находиться при нас и ограждать нас.

4. Как же можно привлечь к себе благодать? Делая угодное Богу, во всем повинуясь Ему. И в больших домах не видим ли мы, что те слуги пользуются благоволением господ, которые от всей души и со всем усердием пекутся о нуждах не своих, а господских,

которые не по принуждению только господ, но по собственному усердию и ревности исполняют все хорошо? И не тогда ли, когда они постоянно находятся пред глазами господ, когда занимаются дома, когда не беспокоятся о своих делах и не пекутся о своих выгодах, но считают господское своим? Так, кто сделал свое господским, тот не свое сделал господским, но господское своим; он подобно господину распоряжается его собственностью, подобно ему пользуется властью; многие из других слуг боятся его больше господина; что скажет он, то и господин; и все враги страшатся его. Если же в житейских делах, кто презирает свое и заботится о господском, не лишается своего, а напротив получает большее, то тем более в духовных. Презирай свое, и получишь Божие; сам Он желает этого. Презирай землю, и получишь царство небесное; там пребывай, а не здесь; оттуда внушай страх, а не здесь. Если ты будешь внушать страх оттуда, то будешь страшен не людям только, но и бесам, и самому диаволу; если же будешь внушать страх здесь своим богатством, то будешь презираем не только ими, но часто и людьми. Чем больше ты будешь богатеть, тем больше будешь рабствовать; если же будешь презирать свойственное рабам, то сделаешься славным в доме царском. Таковы были апостолы, презревшие жилище рабов и здешнее богатство; и смотри, как они распоряжались (сокровищами) Владычными. Такой-то, говорили они, пусть исцелится от болезни, другой – от злых духов, тот пусть будет связан, этот – разрешен. На земле происходило это, но совершалось как бы на небе. "**Что вы", –** сказал (им Господь), **–** "**свяжете на земле, то будет связано на небе**" (Мф.18:18): и еще большую власть даровал им. А что я говорю правду, о том, послушай, что Он сам сказал: "**верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит**" (Ин.14:12). Почему? Потому, что в этом случае честь относится к Владыке. Так и в наших делах, когда слуга может совершать великие дела, то еще более удивляются его господину, потому что, если слуга может сделать так много, то во сколько раз больше тот, кто имеет его в своей власти? Если же кто, оставив служение господину, будет заботиться только о своей жене, о сыне, о слуге, и захочет обогащаться и собирать для них, воруя из сокровищ господина, или причиняя им вред, тот скоро погубит и себя вместе с богатством. Потому, увещеваю вас, видя такие примеры, не будем пещись о своих благах, чтобы пещись о себе; будем презирать их, чтобы получить их. Если мы станем презирать их, то сам Бог будет пещись об них; если же мы станем пещись о них, то Бог презрит их. Будем заботиться о Божием, а не о нашем, или лучше – и нашем, так как, что – Его, то – и наше. Говорю, не о небе, не о земле, не о мирских вещах; это недостойно Его, это не нам только принадлежит, но и неверным. Что же я называю Его собственностью? Славу, царство; это и Его, и вместе наше чрез Него. Каким образом? "**Если", –** говорит (апостол), **–** "**мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем**" (2 Тим.2:11 12). Мы стали сонаследниками и называемся братьями Его: для чего же мы преклоняем сами себя долу, тогда как Он влечет нас к Себе горе? Доколе мы будем так унижать себя, доколе будем так жалки? Пред нами небо, а мы пресмыкаемся по земле; пред нами небесное царство, а мы избираем себе здешнее убожество; пред нами вечная жизнь, а мы истощаем себя на дерева, камни и поля! Обогащайся, – и я того желаю, – но только в этом; собирай, приобретай, – здесь это не укоризненно; напротив, здесь укоризненно – не собирать, здесь неодобрительно – не приобретать. Как так? "**Царство Небесное", –** говорит (Господь), **–** "**силою берется, и употребляющие усилие восхищают его**" (Мф.11:12). Будь здесь усильным искателем, будь здесь хищником; расхищаемое здесь не уменьшается. Добродетель не разделяется, благочестие не уменьшается, равно как и царство небесное. Напротив добродетель умножается, когда ты расхищаешь ее; блага же вещественные уменьшаются, когда расхищаешь их. Это видно из следующего: пусть будет в городе бесчисленное множество людей; если все они будут расхищать добродетель и праведность, то умножат ее, потому что она будет в тысячах праведников; а если не будут расхищать, то уменьшат ее, потому что нигде ее не будет видно.

5. Видишь ли, как блага духовные еще более умножаются, когда расхищают их, а земные уменьшаются, когда расхищают их? Не будем же привязаны к этой бедности, но изберем это богатство. Богатство Божие состоит в том, когда многие наслаждаются царством Его. "**Богатый", –** говорит (апостол), – "**для всех**" и на всех**,** "**призывающих Его**" (Рим.10:12). Умножай же богатство Его; а умножишь его тогда, когда будешь расхищать, приобретать и усильно искать. Поистине, здесь нужно усильное искание. Почему? Потому, что здесь встречается много препятствие: жены, дети, заботы, мирские дела, кроме того, бесы, и сам начальник бесов – диавол. Потому нужно усилие, нужно терпение. Кто усиливается, тот трудится. Как? Он терпит все, он борется с необходимостью. Как? Он решается почти на невозможное. Если же так поступают усильные искатели, а мы не принимаемся даже за возможное, то когда мы достигнем, когда получим желаемое? "**Употребляющие усилие", –** сказал (Господь), – "**восхищают**" царствие небесное. Нужно усиливаться и восхищать его; оно не просто дается, и не вдруг. Кто хочет похитить что-нибудь, тот постоянно бодрствует, трезвится, заботится и беспокоится, чтобы благовременно приступить к похищению. Не видите ли, как на войне, кто хочет похитить, тот целую дочь не спит, во всю ночь не снимает с себя оружия. Если же те, которые хотят похитить житейские вещи, не спять во всю ночь и остаются вооруженными, то как же мы, желая приобрести блага, достойные гораздо большего попечения, блага духовные, беспечно спим даже днем, и остаемся всегда обнаженными и безоружными? Подлинно, кто живет во грехах, тот безоружен и наг; напротив, кто живет по правде, тот вооружен. А мы не ограждаем себя милостынею, не приготовляем себе горящих светильников, не облекаемся в духовное оружие, не изучаем пути, ведущего на небо, не трезвимся, не бодрствуем; потому и похитить ничего не можем. Кто хочет взять царство, тот не предполагает ли себе наперед бесчисленное множество смертных опасностей? Не вооружает ли себя, не изучает ли военное искусство, не принимает ли к тому все меры, и не стремится ли таким образом к цели? А мы поступаем не так, но хотим похитить (царство небесное), предаваясь сну; потому и отходим с пустыми руками. Не видишь ли, как похищающее что-нибудь бегут, как спешат, как ниспровергают все препятствия? Нужно скоро бежать. Иначе тебя настигнет диавол, и находящимся впереди прикажет задержать тебя. Но если ты будешь силен, если будешь бодр, то одного оттолкнешь ногою, другого отстранишь рукою, и уйдешь от всех, как птица. Когда же отойдешь отсюда, когда перейдешь торжище, исполненное великого шума, какова настоящая жизнь, то достигнешь того, что выше всего этого, какова будущая жизнь. Там, как в пустыне нет шума, нет никого, кто бы тревожил, кто бы задерживал. Ты приобрел что-нибудь доброе? После приобретения тебе нужно небольшое усилие, чтобы не лишиться приобретенного. Если мы будем бежать, если не будем взирать ни на что, находящееся пред нашими глазами, если не станем заботиться ни о чем другом, а только как бы избегнуть задерживающего нас, то будем в состоянии безопасно удержать у себя приобретенное. Ты приобрел целомудрие? Не стой же, беги, удаляйся от диавола; если он увидит, что не может настигнуть тебя, то не будет и гнаться. Так и мы, когда похитивших теряем из виду, то, не надеясь ничего более, и сами не преследуем их, и других не просим задержать их, но оставляем их бежать от нас. Подобным образом и ты беги скорее с самого начала. Когда ты будешь далеко от диавола, то он уже не станет преследовать тебя, и ты будешь в безопасности, безбоязненно наслаждаясь неизреченными благами, которых да сподобимся все мы, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ТИТУ

БЕСЕДА 1

"Павел, раб Божий, Апостол же Иисуса Христа, по вере избранных Божиих и познанию истины, [относящейся] к благочестию, в надежде вечной жизни, которую обещал неизменный в слове Бог прежде вековых времен, а в свое время явил Свое слово в проповеди, вверенной мне по повелению Спасителя нашего, Бога, - Титу, истинному сыну по общей вере: благодать, милость и мир от Бога Отца и Господа Иисуса Христа, Спасителя нашего" (Тит.1:1-4).

1. Из спутников Павла Тит был (человеком) опытным. Если бы он не был опытным, то Павел не вверил бы ему целого острова, не велел бы ему восполнить недостающее: "**чтобы ты довершил недоконченное**" (Тит.1:5), говорит он ему; апостол не облек бы этого мужа правом суда над столькими епископами, если бы не так решительно полагался на него. Говорят, что он был молод, так как (апостол) называет его своим чадом (Тит. 1:4); но, впрочем, отсюда это еще не явствует. Думаю, что о нем упоминается и в Деяниях (Деян.18:7), и тогда, пожалуй, он был родом из Коринфа, если только не было кого-либо другого, одноименного с ним. (Апостол) приглашает к себе Зину, и повелевает прислать Аполлоса, а его – нет (Тит.3:13); этим он засвидетельствовал, что перед императором они могли оказать более мужества и силы. Мне кажется, что Павел писал это послание во время между первым и вторым своим заключением, когда был свободен, потому что он не говорит здесь ничего об искушениях, но постоянно, и в начале и в конце, обращается с благодарностью к Богу, что было для верующих достаточным поощрением к добродетели. Понять, чего они заслуживали прежде, в какое потом приведены состояние и именно благодатью, и чего теперь удостоились, – это для них не малое ободрение. Он нападает также на иудеев. Не удивляйся, что он укоряет целый народ; то же самое он делает и с галатами, когда говорит: "**О, несмысленные Галаты**" (Гал.3:1). Это сказано им не от раздражительности, а из любви. Если бы он делал это для своих выгод, то справедливо можно было бы осуждать его; если же он делал это по своей пламенной ревности к проповеди, тогда это – не оскорбление. И Христос многократно укорял книжников и фарисеев, но не за Себя, а потому, что они губили всех других. (Апостол) пишет краткое послание, и не без основания. Это также служит доказательством добродетели Тита, что он не нуждался в длинных речах, а только в некотором напоминании. Это послание, кажется мне, предшествует посланию к Тимофею. То писал он при конце жизни, находясь в узах, а это в такое время, когда был отпущен и свободен от уз. Слова: "**поспеши придти ко мне в Никополь, ибо я положил там провести зиму**" (Тит.3:12) доказывают, что он еще не был в узах, а там он постоянно называет себя узником. Что же говорит он? "**Павел, раб Божий, Апостол же Иисуса Христа, по вере избранных Божиих**". Видишь ли, как безразлично он употребляет эти выражения, называя себя иногда рабом Божьим и апостолом Христовым, а иногда рабом Христовым: "**Павел, раб Иисуса Христа**" (Рим.1:1)? Таким образом, он не полагал никакого различия, между Отцом и Сыном. "По вере избранных Божиих и познанию истины, [относящейся] к благочестию, в надежде вечной жизни". "**По вере избранных Божиих**": т. е. потому ли, что ты уверовал, или потому, что тебе вверено? По моему мнению, он говорит о том, что ему вверены избранные Божьи. Т. е. не за свои совершенства, не за труды и подвиги я получил такое достоинство, но все сделано по благодеянию Вверившего мне. Потом, чтобы не сочли действие благодати неразумными, – ведь не все от одного Бога, иначе, почему Он не вверил того же другим? – то (апостол) прибавил: "**и познанию истины, [относящейся] к благочестию".** Благодаря этому, говорит он, и вверено мне, или вернее и это самое дано мне по благодати Его; Он – Виновник и этого моего качества (т. е. разумения истины по благочестию). Потому и сам Христос говорит: "**Не вы Меня избрали, а Я вас избрал**" (Ин.15:16). И в другом месте тот же блаженный (апостол) говорит: "**познаю, подобно, как я познан**" (1 Кор.13:12); и еще: "**не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус**" (Флп.3:12). Сначала мы были достигнуты, а потом познали; сначала – познаны, а потом достигли; сначала – призваны, а потом послушались.

Выражением: "**по вере избранных**" (апостол) приписывает все им; через них я стал апостолом, не как достойный того, а ради избранных, как и в другом месте, он говорит: "**ибо все ваше: Павел ли, или Аполлос**" (1 Кор.3:21,22). "**И познанию истины", –** говорит, – "**[относящейся] к благочестию",** – потому что есть истина практическая, а не по благочестию, например: знание земледелия, знание искусств, – это тоже истинное знание; но та истина есть истина по благочестию. Или выражение: "**по вере**" означает то, что они уверовали, подобно прочим избранным, и познали истину. Следовательно, знание – от веры, а не от разума. "**В надежде вечной жизни**". Сказав о настоящей жизни, устроенной по благодати Божьей, говорит и о будущей, представляя награды за то, чем (Господь же) нас облагодетельствовал. За то именно, что мы уверовали и избавлены от заблуждения, (Бог) желает увенчать нас. Видишь, как самое вступление наполнено указаниями на благодеяния Божьи; и все вообще это послание оказывается преимущественно таковым, поощряя к большим трудам как самого святого (Тита), так и учеников его. Ведь ничто так не полезно нам, как постоянное воспоминание о благодеяниях Божьих, общих и частных. Если мы, получив благодеяние от друга, услышав от него приятное слово или приняв добрую услугу, горячее привязываемся к нему, то тем более мы будем ревностны в послушании Богу, когда увидим, в каких опасностях мы находились, и от всех Он избавил нас. "**И познанию истины**". Об истине он говорит здесь в противоположность прообразованию. И оно было знанием и благочестием, но не истины, хотя, во всяком случае, и не лжи, однако, только – образов (истины) и подобия ее. Хорошо сказал (апостол): "**в надежде вечной жизни",** потому, что то благочестие было в надежде жизни настоящей: "**исполнивший его", –** говорит (Писание), – "**человек жив будет им**" (Рим.10:5). Видишь ли, как с самого вступления он показывает отличие благодати (от закона)? Не те – избранные, но мы. Если же и они прежде назывались избранными, то теперь уже – нет. "**Которую обещал", –** говорит, – "**неизменный в слове Бог прежде вековых времен",** т. е. не теперь за покаяние наше, но предопределено это изначала. То же он утверждает во многих других местах, например: "**избранный к благовестию Божию**" (Рим. 1: 1), и еще: "**кого Он предузнал, тем и предопределил быть**" (Рим.8:29), означая наше благородство, – то, что не ныне, но изначала Бог возлюбил нас; а быть возлюбленным издревле и от начала – немаловажно.

2. "**Которую обещал неизменный в слове Бог**". Если (Бог) неложен, то непременно исполнится то, что Он обещал; если неложен, то не должно сомневаться, хотя это и исполнится лишь после смерти. "**Которую обещал неизменный в слове Бог прежде вековых времен".** Словами: "**прежде вековых времен**" (апостол) также показывает достоверность обетования. Не потому, говорит, так совершилось, что иудеи не обратились ныне, но так предначертано издревле. Итак, послушай, что он говорит: "**а в свое время явил**". Для чего же это промедление? Из попечения о нас и для того, чтобы совершить благовременно. "**Время", –** говорит пророк, **–** "**Господу действовать**" (Пс. 118:126). "**В свое**", – т. е. в приличное, надлежащее, сообразное. "**Явил, –** говорит, – "**Свое слово в проповеди, вверенной мне по повелению",** т. е. проповедание. Оно, это благовестие, заключало в себе все – и настоящее, и будущее, жизнь, благочестие, веру, все вместе. "**Проповеданием",** т. е. явно, с дерзновением, потому что таково значение слова: "**проповеданием".** Как глашатай на зрелище провозглашает в присутствии всех, так и мы провозглашаем, и не прибавляем ничего, но говорим то, что сами слышали. Достоинство провозвестника состоит в том, чтобы сказать всем действительно бывшее, не прибавляя ничего и не убавляя.

Итак, если нужно проповедовать, то нужно проповедовать с дерзновением; иначе это не будет проповеданием. Поэтому и Христос не сказал: "**говорите на кровлях",** но: "**проповедуйте на кровлях**" (Мф.10:27), указывая на характер проповеди и местом, и способом действия. "**Вверенной мне по повелению Спасителя нашего, Бога".**

Выражениями: "**Вверенной мне**" и "**по повелению**" он отмечает свою достоверность, чтобы никто не обижался, не уклонялся, не упрямствовал. Итак, если это – повеление (Божье), то я сам не властен: я исполняю приказание. Из того, что нам должно делать, иное зависит от нас, а другое – не от нас. То, что Он повелевает нам, не зависит от нас; а то, что Он дозволяет нам, зависит от нас. Например: "**кто скажет брату своему: "безумный", подлежит геенне огненной**" (Мф.5: 22); это – повеление; и еще: "**Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой**" (Мф.5:23,24); и это – повеление, так что не исполняющий этого неизбежно подлежит наказанию. Когда же говорит (Господь): "**если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое**", и еще: "**Кто может вместить, да вместит**" (Мф.19:21,12), то это – не повеление. Здесь Он предоставляет сказанное на волю слушателя и позволяет ему свободный выбор действия. Здесь делать или не делать – в нашей власти; а повеления – не в нашей власти, но необходимо или исполнять их, или за неисполнение подвергнуться наказанию. То же выражает (апостол), когда говорит: "**нечем мне хвалиться, потому что это необходимая [обязанность] моя, и горе мне, если не благовествую**" (1 Кор.9:16). Представлю это еще яснее, чтобы для всех было очевидно. Например: кому вверено начальство в Церкви, кто почтен достоинством епископства, тот не будет невиновным, если он не объясняет народу, что должно делать; между тем мирянин нисколько к тому не обязан. Поэтому Павел и говорит: "**по повелению Спасителя нашего**" это делаю. И заметь, как самые выражения соответствуют тому, о чем я сказал. Выше он говорит: "**неизменный в слове Бог**", а здесь: "**по повелению Спасителя нашего Бога**". Если же Он – Спаситель, и сам повелел это из желания нам спасения, то, значит, это не дело властолюбия; здесь – вера и повеление Бога Спасителя. "**Титу, истинному сыну**" могут быть и неистинные сыны, как, например, тот, о котором он говорит: "**кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе**" (1 Кор.5:11). Вот тоже сын, но неистинный; он – сын, потому что некогда принял благодать и возрожден, но неистинный, потому что недостоин своего Отца, так как добровольно предал себя другому властителю. У плотских детей истинность и неистинность зависит от рождающей и рождающего; а здесь не так, но от доброй воли. Здесь можно и тому, кто был истинным сыном, не остаться истинным, и неистинному сделаться истинным, потому что это заключается не в природной необходимости, но в свободном произволении, от чего и происходят частые изменения. Онисим был истинным сыном, но стал неистинным, потому что сделался негодным; а потом опять сделался истинным, так что (апостол) назвал его своим сердцем (утробою) (Флм. 10-12). "**Титу, истинному сыну по общей вере".** Что значит: "**по общей вере".** Назвав его **чадом** и приняв на себя звание отца его, (апостол) здесь ограничивает и смягчает это почетное название и вот каким образом. Он прибавляет: "**по общей вере**", т. е. по вере я не имею ничего большего в сравнении с тобой, потому что она – общая и ею возродились как я, так и ты. Почему же он называет его своим **чадом?** Или только для того, чтобы показать свою любовь к нему, или потому, что сам он прежде него начал проповедовать, или потому, что (Тит) был просвещен им. Поэтому он называет верующих и чадами, и братьями; как возрожденные одной и той же верой, они – братья; а как возрожденные через него, они – чада. Таким образом, словами: "**по общей вере**" он указывает на братство. "**Благодать и мир от Бога Отца, и Господа Иисуса Христа Спаса нашего".** Сказав: чадо, (апостол) прибавляет: "**от Бога Отца**", чтобы возвышеннее настроить мысли (Тита) и научить, чье он чадо, а говоря не только: "**по общей вере",** но и прибавляя: "**Отца нашего",** он показывает равночестность (Тита) с ним.

3. Посмотри же, как он желает и учителю того самого, чего желает ученикам и народу, потому что и сам учитель, подобно им, имеет нужду в таких благах, и еще гораздо больше

их, поскольку больше имеет он врагов и больше у него случаев прогневить Бога. Насколько велико достоинство имеющего священство, настолько больше у него и опасностей, потому что одно исправное прохождение епископства может возвести на небо, и одна неисправность в этом деле может ввергнуть в геенну. Оставляя все другое, случающееся ежедневно, скажу вот что: если он по дружбе или по какой-нибудь другой причине предоставит епископскую власть лицу недостойному и вверит ему начальство над великим городом, то смотри, какому огню он становится повинным. Он даст отчет не только за погибающие души, – потому что неблагочестивый губит их, – но и за все, совершаемое под его начальством. Кто, будучи мирянином, неблагочестив, тот будет еще более неблагочестивым, когда получит власть. Трудно и благочестивому человеку остаться таким по получению власти. Тогда сильнее заявляют о себе и тщеславие, и корыстолюбие, и самонадеянность, – так как начальство дает к тому возможность, – равно и столкновения, оскорбления, злословия и многое другое. Поэтому кто неблагочестив, тот будет еще более неблагочестивым, сделавшись начальником. А кто поставит такого начальником, тот будет виновен во всех грехах, совершаемых им и всем народом. Если соблазняющему "**лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской**" (Мф.18:6), то соблазняющие столько душ, целые города, народы, тысячи семейств, мужей, жен, детей, граждан, земледельцев, живущих в том же городе и в других, подвластных ему, какому подвергнется наказанию? Если назовешь другое, втрое большее (наказание), то не выразишь ровно ничего: такого он достоин наказания и мучения! Таким образом, учитель особенно имеет нужду в благодати Божьей и мире. Если он без них будет управлять народом, то все распадется и погибнет, за отсутствием у него кормила. Хотя бы он и был опытным в управлении, но, если не будет иметь этого кормила – благодати и мира от Бога, то потопит корабль и плывущих. Поэтому мне приходится удивляться тем, которые домогаются такого бремени. Жалкий и несчастный человек, ужели ты не видишь, чего домогаешься? Если ты живешь сам по себе, безвестным и незнатным, то, хотя бы ты совершил множество грехов, ты отдашь отчет за одну душу, и за нее только подвергнешься наказанию; если же ты достиг такой власти, то, подумай, за сколько человек ты будешь повинен мучению. Послушай, что говорит Павел: "**Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет**" (Евр.13:17). А ты домогаешься чести и власти? И что за удовольствие от этой чести? Совсем его не вижу. Да и невозможно в подлинном смысле быть властителем. Почему? Потому, что повиновение зависит от воли самих подчиненных. Кто захочет тщательно исследовать дело, найдет, что такой человек достигает не начальства, а порабощения бесчисленному множеству господ, которые желают и требуют противного друг другу. Что хвалит один, то порицает другой; что осуждает один, тому удивляется другой. Кого же слушать, кому повиноваться? Невозможно (определить). Наемник, слыша от господина своего противоречащие приказания, может, по крайней мере, выражать свое неудовольствие; а ты, если будешь огорчаться противоречащими приказаниями этих господ, дашь ответ и за это, и уста всех откроются против тебя. Это ли честь, скажи мне, это ли начальство, это ли власть?

4. Епископ предлагает сделать денежные приношения. Кто не хочет, тот не только не приносит, но еще, чтобы показать, что он делает это не по нерадению, порицает предложившего, говоря: он крадет, расхищает, поедает достояние бедных, проживает имущество нищих. Перестань злословить; докуда ты будешь говорить это? Не хочешь делать взноса – никто и не принуждает тебя, никто не требует насильно; зачем же ты злословишь того, кто обращается к тебе с простой просьбой и советом? Но вот кто-нибудь впал в нужду и епископ не простер ему руки помощи, или потому, что не мог, или потому, что был занят другим делом: опять нет ему никакого прощения, но снова начинаются порицания, худшие прежних! Это ли начальство? И учинить расправы (епископ) не может, потому что (порицающий) есть собственная его утроба. Как утробе своей, хотя бы

она распухла и причиняла боль и голове и всему телу, мы не решаемся мстить, не берем меча и не рассекаем ее, так и подчиненному, если он таков, причиняет нам страдания и беспокойства подобными порицаниями, мы не решаемся мстить; это чуждо отеческой душе, которая по необходимости переносит огорчение, пока (огорчающий) не исцелится от своей болезни. Наемный раб имеет у себя какое-нибудь определенное дело, и после того, как исполнит его, свободно располагает сам собой; а епископа буквально тащат повсюду, и требуют от него много такого, что превышает его силы. Если он неспособен говорить красноречиво, бывает сильный ропот; если способен, опять начинаются порицания, – говорят: он – тщеславен. Если он не воскрешает мертвых, то говорят: он не заслуживает никакого внимания; такой-то благочестив, а он – нет. Если он умеренно употребляет пищу, опять порицания: ему следовало, говорят, истощать себя. Если кто увидит его моющимся, снова множество порицаний: он, говорят, отнюдь не должен даже смотреть на солнце. Если он, говорят, делает то же самое, что и я, и моется, и ест, и пьет, и одевается, и заботится о доме и слугах своих, то за что он сделан моим предстоятелем? Он и рабов имеет, которые служат ему, и на осле ездит, – за что же он сделан моим предстоятелем? Но, скажи мне, ужели он не должен иметь служителя, а сам обязан и зажигать огонь, и носить воду, и рубить дрова, и ходить на рынок? Не стыдно ли это? Святые мужи, апостолы, не хотели утруждать занимающегося учительством даже служением вдовицам, но считали это дело недостойным его (Деян.6:2); а ты возлагаешь на него службу рабов твоих? Почему ты, предписывающий ему это, сам-то не изменяешь обычного порядка жизни и не исполняешь всего этого? Признайся, не гораздо ли большее он исполняет служение тебе, чем ты, озабоченный интересами житейскими? Почему же не пошлешь своего раба для служения ему? Христос умыл ноги ученикам; ты же, если окажешь услугу учителю, великое ли дело сделаешь? Но ты не хочешь предоставить ему услугу, и даже обременяешь его. Что же? Ужели с неба он должен ожидать помощи в жизни? Но это неугодно Богу. Итак, что же? Апостолам, говоришь ты, служили свободные люди. Хочешь ли выслушать, как жили апостолы? Они совершали путешествия, а для их спокойствия свободные мужи и благородные жены полагали души и головы свои. Послушай блаженного (Павла), который, увещевая (слушателей), говорит: "**таких имейте в уважении**"; и еще: "**за дело Христово был близок к смерти, подвергая опасности жизнь, дабы восполнить недостаток ваших услуг мне**" (Флп.2:29,30). Видишь ли, что говорит он? А ты не хочешь даже сказать слова за отца своего, не только что подвергнуться такой опасности. Но мыться, говоришь ты, ему не следует. Почему, скажи мне, где запрещается это? Ведь и нечистым оставаться – нехорошо. Нигде мы не видим, чтобы это осуждалось, или похвалялось.

Есть же нечто другое, что (апостол) заповедал иметь епископу: **быть непорочен, трезв, целомудрен, честен, страннолюбив, учителен** (1 Тим.3:2; Тит.1:8). Вот чего требует апостол; этого следует требовать от начальствующего, а больше – ничего. Ты не правее Павла, а тем более не правее Духа (Святого). Если он бийца, или пьяница, или жесток и немилостив, порицай его: это недостойно епископа; если он роскошествует, это заслуживает порицания. Но если он бережет свое тело, чтобы служить тебе, если заботится, чтобы быть полезным тебе, то неужели должно порицать его за это? Разве ты не знаешь, что немощь телесная, не менее немощи душевной, вредит как нам, так и Церкви? Почему и Павел врачует ее, когда пишет Тимофею: "**употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов**" (1 Тим.5:23)? Если бы мы совершали добродетель одной душой, то нам не нужно было бы заботиться о теле. Для чего же и вообще мы так созданы? А если и тело много участвует в этом, то не крайнее ли безумие – пренебрегать им? Представим, что какой-нибудь муж, почтенный достоинством епископства и получивший предстоятельство в церковном обществе – человек и в других отношениях добродетельный и имеет все, чтобы прилично иметь лицу священному, но от великой немощи постоянно лежит в постели: какую он может принести пользу, какое

предпринять путешествие, какие сделать посещения, кого обличить, кого уговорить? Сказал я это для того, чтобы вы научились не порицать епископов без разбора и принимать их с большей благосклонностью, а если кто домогается власти, то, имея ввиду такое множество порицаний, заглушал бы в себе это желание. Поистине, велика здесь опасность и весьма нужны здесь благодать и мир, которых в обилии вы испрашивайте у Бога нам, а мы (будем испрашивать) вам, чтобы и мы и вы, преуспевая в добродетели, достигли обещанных благ, во Христе Иисусе, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 2

"Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал: как я тебе приказывал: если кто непорочен, муж одной жены, детей имеет верных, не укоряемых в распутстве или непокорности" (Тит.1:5,6).

1. У древних мужей вся жизнь была деятельна, и полна подвигов; а у нас – не так, но полна лености. Те знали, что они для того и пришли в мир, чтобы трудиться согласно с волей Давшего им бытие; а мы, как будто родившиеся для того, чтобы есть, пить и веселиться, не думаем ни о чем духовном. Говорю это не об апостолах только, но и о тех, которые были после них. Они, как видишь, ходили везде, преданные этому как своему единственному делу, и всю жизнь проводили в чужих странах, как бы не имея на земле (родного) города. Послушай, что говорит блаженный (Павел): "**Для того я оставил тебя в Крите**". Разделив между собой вселенную, как бы один дом, они управляли всем и заботились обо всем, приняв на себя один одну часть, а другой другую. "**Для того", –** говорит, – "**я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное**". Не повелительным образом требует от него этого. "**Чтобы довершил", –** говорит. Видишь, как душа его была чиста от всякой зависти, как он всегда искал пользы поучаемых, не разбирая, будет ли она достигнута им самим, или кем-нибудь другим? Там, где была опасность и великое затруднение, он исправлял все сам личным присутствием; а что доставляло более чести или славы, то поручает ученику, именно: рукоположение епископов и все другое, что имело нужду в некотором исправлении, или, так сказать, в большем упорядочении. Скажи мне, что же это говоришь ты: чтобы он исправлял твои действия? И ты не считаешь этого унизительным и постыдным для себя? Нисколько, говорит, так как я имею ввиду только общую пользу; мной ли будет сделано, или другим, для меня все равно. Таким должен быть предстоятель (Церкви), – искать не своей чести, но общей пользы. "**И поставил", –** говорит, **–** "**по всем городам пресвитеров**". Здесь он разумеет епископов, как мы сказали в другом месте. "**Как я тебе приказывал: если кто непорочен". "По всем", –** говорит, – "**городам**". Он не хотел, чтобы весь остров поручен был одному лицу, но чтобы каждый имел свою часть в своем попечении и наблюдении; таким образом, и для него самого облегчается труд, и над подчиненными будет больше наблюдения, если учитель не будет отвлекаться для предстоятельства над множеством Церквей, но будет заниматься только одной и ее благоустраивать. "**Если кто непорочен", –** говорит, – "**муж одной жены, детей имеет верных, не укоряемых в распутстве или непокорности".** Для чего он представляет такого человека? Он заграждает уста еретикам, осуждавшим брак, показывая, что это дело не дурное, но настолько честное, что при нем можно восходить даже на священный престол; вместе с тем он укоряет людей невоздержанных, не позволяя после второго брака принимать эту власть. В самом деле, кто не сохранил никакого расположения к умершей (жене), как может тот быть хорошим предстоятелем? Какому только не подвергнется он порицанию? Ведь все вы знаете, что, хотя законами и не запрещено вступать во второй брак, однако это дело подвергается многим нареканиям. (Апостол) желает, чтобы начальствующей не подавал подчиненным

никакого повода к нареканиям, потому и говорит: "**если кто непорочен",** т. е. если жизнь его свободна от нарекания, если никто не мог упрекнуть его в (дурной) жизни. Послушай, что говорит Христос: "**если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма**" (Мф. 6:23)? "**Детей имеет верных, не укоряемых в распутстве или непокорности".** Заметьте, какую великую предусмотрительность обнаруживает он и в отношении к детям, потому что кто не мог научить своих детей, тот как может быть учителем других? Если он не мог устроить тех, которых с самого начала имел при себе и воспитывал, и над которыми имел власть и по законам, и по природе, то, как он может быть полезным для чужих? Если бы не была велика беспечность отца, то он не допустил бы сделаться злыми тем, над которыми имел власть с самого начала (их жизни). Невозможно, поистине невозможно, чтобы тот, кто с самого начала был воспитан с великим тщанием и окружен попечениями, сделался злым, потому что грехи не таковы по своей природе, чтобы они могли быть сильнее такого попечения. Если же он считал воспитание детей делом второстепенным, заботясь только об имуществе и не имея о них такого же старания, то и поэтому он недостоин (священного сана). Если там, где побуждала его природа, он имел так мало любви, или был так безрассуден, что больше заботился об имуществе, нежели о детях, то, как он может быть возведен на престол (епископский) и на такую степень власти? Если он не мог (воспитать своих детей), то достоин великого осуждения за леность; а если не старался, то достоин великого осуждения за недостаток любви. Поэтому кто нерадит о своих детях, тот как будет заботиться о чужих? И далее (апостол) сказал не просто: чтобы он не был распутным, но – чтобы не подлежал и "**не укоряемых в распутстве",** чтобы не было о нем и молвы худой. "**Ибо епископ должен быть**", – говорит, – "**непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца**" (ст. 7).

2. Кто имеет внешнюю (гражданскую) власть, тот как управляющей силой закона и по необходимости, справедливо не всегда соображается с желаниями подчиненных; но кто должен начальствовать над людьми, подчиняющимися ему добровольно и чувствующими благодарность за его управление, тот, если будет поступать во всем только по своему произволу и никому не давать отчета, сделает свое правление насильственным, а не народным. "**Ибо епископ должен быть", –** говорит (апостол), **–** "**непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец".** Как может учить других обуздывать эту страсть тот, кто не научил этому самого себя? Власть поставляет человека во многие обстоятельства, которые делают и весьма кроткого тяжелым и суровым, подавая множество поводов к гневу. Потому, если он наперед не позаботился об укрощении этой страсти, то будет (для подчиненных) крайне тяжелым, повредит и погубит многое в делах своего управления. "**Не пьяница, не бийца**". Здесь он разумеет оскорбителя. Епископу следует делать все увещанием, а не порицанием и оскорблением; да и какая, скажи, необходимость оскорблять? Надобно угрожать геенной, усиливать угрозы, поражать. Оскорбляемый же делается более дерзким и презирает оскорбляющего. Ничто так не возбуждает презрения, как оскорбление, которое наносит более бесчестия самому оскорбляющему, лишая его должного уважения. Слово епископа должно быть исполнено великого благочестия, при обличении грехов напоминать о будущем суде и быть чистым от всякого оскорбления; если же кто-нибудь препятствует ему в исполнении должного, то нужно действовать со всей властью. "**Не бийца", –** говорит (апостол). Учитель есть врач душ; а врач не наносит ударов, но наносящего удары исправляет и лечит. "**Не корыстолюбец, но страннолюбив, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив, воздержан, держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здравом учении и противящихся обличать**" (ст. 8, 9). Видишь ли, какой высокой он требует добродетели? "**Не корыстолюбец**", – говорит, т. е. показывающий великое презрение к деньгам. "**Страннолюбив, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив**" т. е. раздающий все свое имущество нуждающимся; "**воздержан**" – разуметь здесь не

постника, но воздержанного от страсти и языка, и руки и бесстыдного взора; ведь в том и состоит воздержание, чтобы не поддаваться никакой страсти. "**Держащийся истинного слова, согласного с учением**". Под **верным** здесь он разумеет истинное, или преподаваемое посредством веры, не имеющее нужды в умствованиях или исследованиях. "**Держащийся",** т. е. тщательно содержащему, поставляющему это своим долгом. Поэтому, что из того, если он будет неискусен во внешнем красноречии? С этой целью сказано: "**согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здравом учении и противящихся обличать".** Таким образом, нужны не красноречивые, но здравые слова, знание Писаний и сила мыслей.

Разве не видишь, как Павел обратил всю вселенную и сделал больше, чем Платон и все другие? Но, скажешь, он сделал это посредством знамений. Не посредством знамений только; если прочитаешь Деяния Апостольские, то увидишь, что он часто побеждал учением и прежде знамений. "**Чтобы он был силен и наставлять в здравом учении",** т. е. для ограждения своих и отражения врагов. "**И противящихся обличать",** потому что, если этого не будет, то все расстроится. Кто не умеет бороться с врагами, *пленять всяк разум в послушание Христово* и низлагать мудрования (1 Кор.10:5), кто не знает, как нужно учить здравому учению, тот пусть будет далек от учительского престола. Прочие качества можно находить и в подчиненных, как-то: непорочность, держание детей в послушании, страннолюбие, справедливость, благочестие; но что особенно отличает учителя, это то, чтобы он мог оглашать (народ) учением, о чем нисколько не заботятся ныне. "**Ибо есть много и непокорных, пустословов и обманщиков, особенно из обрезанных, каковым должно заграждать уста** (ст. 10). Видишь ли, как (апостол) объясняет, от чего бывают такие люди? От желания не повиноваться, а господствовать; на это именно он намекает. Следовательно, если ты не можешь убедить их, то не предоставляй им власти, но загради им уста для пользы других. Какая от них польза, если они не убеждаются, или **непокорны?** Для чего нужно заграждать им уста? Для того чтобы другие получили от того пользу. "**Они развращают целые домы, уча, чему не должно, из постыдной корысти**" (ст. 11). Если тот, кто принял на себя обязанность учения, будет неспособен бороться с этими людьми и заграждать им, столь бесстыдным, уста, он будет виновен в погибели каждого из погибающих. Поэтому, если (Премудрый) заповедует: "**не домогайся сделаться судьею, чтобы не оказаться тебе бессильным сокрушить неправду**" (Сир.7:6), то тем более здесь можно сказать: не домогайся сделаться учителем, если ты не имеешь способности к этому делу, но уклоняйся, если бы тебя даже привлекали. Видишь, как всегда сребролюбие, или скверностяжательность, бывает этому причиной? "**Уча", –** говорит, – "**чему не должно, из постыдной корысти".**

3. Нет ничего, чему бы не вредили эти страсти. Как бурные ветры, падая на тихое море, возмущают его все с самого дна, так что песок смешивается с волнами, – так и страсти, вторгаясь в душу, превращают в ней все вверх дном и ослепляют ее мыслительную способность, особенно страсть к славе. Презирать богатство не трудно для того, кто захочет; но чтобы презирать честь от людей, для этого нужно много усилия, великое любомудрие, нужна душа как бы ангельская, достигающая самой высоты небесной, потому что нет, истинно нет другой страсти, столь же сильной и всюду господствующей, в большей, или в меньшей мере, но, во всяком случае – везде. Каким же образом мы можем преодолеть ее, если не вполне, то хотя в малейшей степени? Если мы будем взирать на небо, если будем иметь Бога перед очами своими, если устремим помыслы наши выше всего земного. Когда ты желаешь славы, то представь, что ты уже получил ее, продумай до самого конца, и ты не найдешь там ничего; представь, какой она причиняет вред, каких и скольких лишает благ, – потому что для нее ты подвергнешься трудам и опасностям, а плодов и наград от нее не получишь. Вспомни, что между людьми, (достигшими славы), есть очень много злых, и презирай их славу; поразмысли о каждом

из них, кто он, и увидишь, что эта слава достойна смеха, что она скорее позор, чем слава; и после этого возводи ум свой к горнему зрелищу. Когда ты, делая какое-нибудь доброе дело, думаешь, что нужно показать его и людям, ищешь каких-нибудь зрителей этого дела, и стараешься быть видимым, то вспомни, что тебя видит Бог, – и истребишь в себе всякое такое пожелание; отрешись от земли и устреми взор к зрелищу небесному. Люди, если и похвалят, после будут хулить, будут завидовать, будут вредить; если даже и не сделают этого, то не принесут совершенно никакой пользы тому, кого хвалят. Но не так у Бога; напротив Он радуется, восхваляя наши добрые дела. Ты хорошо сказал и удостоился рукоплесканий! Но что пользы от этого? Если рукоплескавшие получили пользу, изменились, сделались лучшими, отстали от прежних пороков, то поистине нужно радоваться, – не похвалам, а доброй и чудной перемене слушателей. Если же они, постоянно воздавая похвалы, продолжая шуметь и рукоплескать, сами не получают никакого плода от этих рукоплесканий, то скорее следует скорбеть, потому что это послужит к их осуждению. Но ты получаешь прославление за благочестие? Если ты истинно благочестив и не сознаешь за собой ничего худого, то нужно радоваться, не потому, что ты кажешься таким, но потому что ты действительно таков; если же ты, не будучи таким, желаешь славы от людей, то вспомни, что не они будут судить нас в последний день, а Тот, Кто в точности знает наше сокровенное. Если ты, сознавая за собой грехи, всеми почитаешься чистым от грехов, то не только не следует радоваться этому, но скорбеть и горько плакать, представляя непрестанно тот день, в который откроется все, в который Бог "**осветит скрытое во мраке**" (1 Кор.4: 5). Тебе воздают честь? Отвергни ее, зная, что она делает тебя должником. Никто не воздает тебе чести? Нужно радоваться этому, потому что Бог поставит тебе на вид, между прочим, и то, что ты пользовался честью. Или ты не знаешь, что между прочими благодеяниями Бог ставить в укор и это, когда говорит через пророка: "**Из сыновей ваших Я избирал в пророки и из юношей ваших - в назореи**" *(*Амос.2:11)? Таким образом, ты получишь ту пользу, что не будешь предан большему наказанию. Кто не получает чести в настоящей жизни, но терпит презрение, не пользуется никаким уважением, но подвергается оскорблению и унижению, тот, если не приобретает ничего другого, то по крайней мере освободится от ответственности за получение чести от подобных себе рабов. Между прочим, он получает отсюда и другую пользу. Он делается кротким и смиренным и, если будет более внимателен к самому себе, никогда не станет превозноситься, хотя бы и захотел. Напротив, человек, пользующейся великой честью, кроме того, что делается тяжким должником, предается надменности и тщеславию и делается рабом людей; затем, по мере умножения людской власти над ним, бывает принужден делать многое, чего не хочет.

4. Итак, зная, что для нас лучше, не будем искать почестей, и даже предлагаемые будем отвергать, а эту страсть отторгнем от себя и истребим. Говорю это и начальствующим, и подчиненным. Душа, жаждущая чести и прославлений, не увидит царства небесного. Это – не мои слова, не от себя я говорю их, но – Божественного Духа. Не увидит, хотя бы и подвизалась в добродетели: "**уже получают", –** говорит (Господь), – "**награду свою".** (Мф. 6:5). А кто не получит мзды, тот как может увидать царство небесное? Я не запрещаю искать славы, но славы истинной, той, которая от Бога: "**ему и", –** говорит (апостол), – "**похвала не от людей, но от Бога**" (Рим.2:29). Будем благочестивыми втайне, не прикрывая себя спесью, притворством и лицемерием; снимем с себя овчую кожу, или лучше, будем овцами. Нет ничего ничтожнее славы человеческой. Скажи мне: если бы ты увидел множество малолетних детей, точнее – грудных младенцев, то захотел ли бы себе славы от них? Так смотри и на всех людей в отношении к славе. Вот почему это и называется тщеславием. Видишь, какие маски надеваются играющими на сцене, – как они хороши, как блестящи, как сделаны по самым строгим требованиям внешней красоты? Можешь ли ты указать мне такие лица в действительности? Нет. Что же? Возбуждалась ли в тебе когда-нибудь любовь к ним? Нет. Почему? Потому, что это –

пустая маска; она подражает красоте, а на самом деле не красота. Так и слава (человеческая) пуста; она только подражает славе, а на самом деле не слава. Постоянна только одна слава – естественная, внутренняя; а эта, внешняя, часто прикрывает безобразие; впрочем, прикрывает от людей, и только до вечера, а, по окончании зрелища и снятии маски, каждый является тем, что он есть. Поэтому не будем обращаться с истиной так, как на сцене, и с лицемерием. Скажи мне: что хорошего в том, чтобы быть на виду у толпы? Это – тщеславие, и ничто иное; войди в дом, останься один, – и тотчас исчезает все. Ты пришел на площадь и обратил на себя внимание присутствующих? Что же далее? Ничего. Все исчезло и прошло, как рассеявшийся дым. И мы так пристрастны к вещам ничтожным? Какое безрассудство! Какое безумие! Будем же взирать только на то, как бы похвалил нас Бог; если это мы будем иметь в виду, то никогда не станем искать похвалы от людей, но, если даже это случится, станем презирать, осмеивать, гнушаться, настроим себя так, как бы мы, протягиваясь к золоту, схватились за грязь. Пусть не хвалит тебя такой-то; этим он не принесет тебе никакой пользы; а если он будет порицать, то не причинит никакого вреда, От Бога же то и другое доставляет нам пользу или вред; а от людей – все это тщетно. Таким образом мы уподобимся Богу, который не нуждается в славе человеческой**:** "**Не принимаю", –** говорит Он, **–** "**славы от человеков**" (Ин.5:41). А это, скажи мне, разве маловажно? Когда ты не расположен презирать славу, то скажи самому себе: презрев ее, я сделаюсь подобным Богу, – и тотчас станешь презирать ее. Раб славы не может не быть рабом всех, и даже раболепнее самих рабов. Мы не приказываем того своим рабам, что она – преданным ей; она заставляет нас и говорить и переносить постыдное и бесчестное; и особенно, когда видит нас послушными, тем более увеличивает свои требования. Итак, бежим, увещаю вас, бежим от этого рабства. А как, спросишь, мы можем сделать это? Если мы будем философски рассуждать о здешних благах, если будем сознавать, что все настоящее есть сновидение и тень, а ни что иное, то легко преодолеем эту страсть, и не будем предаваться ей ни в мелочах, ни в главном; если же будем допускать ее в мелких случаях, то легко подпадем под ее власть и в самых важных. Удалим от себя и источники ее, т. е. безумие и низменность душевную. Если таким образом мы будем иметь возвышенные помыслы, то будем в состоянии и презирать честь от людей, и устремить ум свой к небу и достичь небесных благ, которых да сподобимся все мы получить благодатью и человеколюбием Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 3

"Из них же самих один стихотворец сказал: "Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые". Свидетельство это справедливо. По сей причине обличай их строго, дабы они были здравы в вере, не внимая Иудейским басням и постановлениям людей, отвращающихся от истины" (Тит.1:12-14).

1. Здесь представляется много вопросов: во-первых, кто сказал это (о критянах); во-вторых, для чего Павел воспользовался этими словами; в-третьих, почему он приводит такое свидетельство, которое заключает в себе неправильную мысль? Итак, прибавив сюда и еще кое-что другое, сделаем надлежащее разрешение этих вопросов. Когда (Павел) беседовал с афинянами, он в речь свою вставил выражение: "**неведомому Богу**", и еще: "**как и некоторые из ваших стихотворцев говорили:** "**мы Его и род**". (Деян.17:23,28). Слова эти сказал Эпименид, который сам был критянин; но по какому поводу, это нужно объяснить вам; именно – по следующему: критяне имеют у себя гробницу Зевса с такой надписью: "**здесь лежит Зан, которого называют Зевсом**". За такую надпись поэт в насмешку и называет критян лжецами, а далее, еще более усиливая насмешку, говорит: "**критяне устроили тебе, царь, гробницу; но ты не умер, потому что существуешь всегда".[1]** Итак, если это свидетельство истинно, то, смотри, какая здесь опасность. Если

поэт, как говорит апостол, прав, сказав, что (критяне) лгут, называя Зевса умершим, то здесь большая опасность. Слушайте, возлюбленные, с полным вниманием. Поэт сказал, что критяне лгут, называя Зевса умершим; апостол подтвердил его свидетельство. Следовательно, по апостолу, Зевс бессмертен, потому что "**свидетельство это", –** говорит он, – "**истинно**". Что же сказать на это? Или лучше, как разрешить это недоумение? Не то сказал апостол, но он просто взял это свидетельство только в отношении к лживому нраву критян; иначе, почему он не прибавил и следующих слов: "**критяне устроили тебе, царь, гробницу"?** Таким образом, апостол говорил не об этом, а о том, что хорошо сказал такой-то, что критяне лжецы. Мы не отсюда только заимствуем доказательство, что Зевс не есть Бог; это подтверждается и многими другими доказательствами, а не одним свидетельством критян доказывается ясно. Не в этом отношении (апостол) называет их лживыми; или лучше, они были лживы и в этом отношении, так как признавали и других богов. За это апостол и назвал их лживыми.

Но спрашивается: почему он приводит свидетельства языческих писателей? Потому, что язычников мы изобличаем особенно тогда, когда приводим близкие к ним свидетельства и обвинения, когда уважаемых ими авторов представляем их обличителями. Поэтому и в другом месте он воспользовался словами: "**неведомому Богу".** Афиняне, принявшие не всех богов своих с самого начала, но впоследствии признавшие и несколько других, как например, иперборейских, также Пана и великие и малые мистерии, заключая отсюда, что, вероятно, есть еще иной бог, непознанный ими, и, желая также в отношении к нему быть благоговейными, поставили ему жертвенник с надписью: "**неведомому Богу",** как бы выразив следующее: если есть еще какой-либо неведомый Бог. Поэтому (апостол) и сказал им: "**Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам**" (Деян.17:23). А слова: "**мы Его и род**" сказаны о Зевсе Аратом, который, сказав сначала: "**Зевсом полны пути, наполнено море**", потом прибавил: "**мы его и род**", выражая этим, как думаю, то, что мы произошли от Бога. Для чего же Павел сказанное о Зевсе прилагает к Богу всего? Не о Зевсе сказанное он прилагает к Богу, а приличествующее Богу, но несправедливо и неточно приписанное Зевсу он воздает Богу; и самое имя **Бог** принадлежит только Ему одному, но беззаконно прилагается к идолам. Да и откуда ему следовало бы заимствовать доказательства в беседе с такими слушателями? Из пророков? Но они не поверили бы. Потому и иудеям он не говорит ничего из Евангелий, но из пророков: "**для Иудеев я был**", – говорит он, – "**как Иудей, для подзаконных был как подзаконный, для чуждых закона - как чуждый закона**" (1 Кор.9:20,21).

2. Так поступает и Бог; например, волхвов Он ведет не через ангела, не через пророка, не через апостола, не через евангелиста, – но как? Посредством звезды. В каком искусстве упражнялись они, тем Он и привел их. Также о коровах, которые везли кивот, говорится: "**если он пойдет к пределам своим",** то это поистине гнев Божий как полагали жрецы (1 Цар.6:9). Итак, (языческие) гадатели говорили истину? Нет, но собственными их устами Бог обличал и укорял их. То же было и с волшебницей (аендорской); так как Саул верил ей, то Бог через нее и открыл ему, что с ним случится в будущем (1 Цар.28). Почему же Павел заградил уста бесу, который говорил: "**сии человеки - рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения**" (Деян. 16:17)? Почему и Христос запрещал бесам говорить (Мрк. 25)? Там (при апостоле) это справедливо сделано, потому что бесу удавалось являть и знамения; и здесь (при Христе) не звезда была, но сам Он проповедывал о Себе; да и бесы не поклонялись (Ему). Когда говорящим был не идол, то ему не было возбраняемо; так и Валааму Бог попустил изречь благословения, а не воспретил (Числ.23). Так Он везде оказывает снисхождение. Впрочем, чему ты удивляешься? Бог сам прежде попускал иметь о Нем неточные и недостойные Его понятия, например, будто Он телесен, будто Он видим, – а потом против этого говорит: "**Бог есть дух**" (Ин.4:24); также: будто и радуется жертвоприношениям, – что

несвойственно Ему; изрекал Он и слова, несоответствующие истинному о Нем понятию; и многое тому подобное, так как Он никогда не взирает на Свое достоинство, но всегда на нашу пользу. Если отец не взирает на свое достоинство, когда лепечет вместе с детьми, называя пищу, яства и напитки не настоящими именами, но каким-то детским и варварским наречием, то тем более Бог. Так Он через пророка снисходительно укоряет (иудеев), когда говорит: "**переменил ли какой народ богов [своих]**" (Иерем.2: 11); и везде в Писаниях видно снисхождение Его и в словах, и в действиях. "**По сей причине", –** говорит (апостол), **–** "**обличай их строго, дабы они были здравы в вере**". Потому, говорит, обличай их, что они имеют нрав дерзкий, коварный и необузданный; они преданы бесчисленным порокам. Если они склонны ко лжи, коварны, чревоугодливы и беспечны, то для них нужно сильное и обличительное слово: кротостью такой человек не может быть тронут. Итак, "**обличай их**". Здесь он говорит не о чужих, но о своих. **"Строго".** Глубоко, говорит, поражай их. Ведь нужно не со всеми обращаться одинаковым образом, но различно и разнообразно, смотря по обстоятельствам. В настоящем случае он нигде не прибегает к увещаниям, потому что как, укоряя человека послушного и благородного, можно убить его и погубить, так и лаская человека, имеющего нужду в сильном обличении, можно испортить его и не довести до исправления. "**Дабы они были здравы", –** говорит, – "**в вере**". Итак, здоровье состоит в том, чтобы не вводить ничего ложного, ничего чуждого. Если те, которые соблюдают правила касательно пищи, не здоровы, но больны и немощны, – так как "**Немощного в вере**", – говорит (апостол), – "**принимайте без споров о мнениях**" (Рим.14: 1),–то, что сказать о тех, которые постятся и соблюдают субботу вместе с иудеями, или ходят на места, почитаемые священными у язычников, – разумею место в Дафне, так называемую пещеру Матроны, место в Киликии, называемое Кроновым? Могут ли они быть здоровыми? Поэтому для них нужно сильнейшее обличение. Но почему (апостол) не делает того же в отношении к римлянам? Потому, что их нравы были не такие, но благороднее. "**Не внимая", –** говорит, – "**Иудейским басням**". Иудейские обычаи – вдвойне басни и потому, что они искажены, и потому, что безвременны. Вообще они "**басни**". Раз они не должны выполняться, а при исполнении наносят вред, то они – басни, вещь бесполезная. Таким образом, не следует слушаться ни язычников, ни иудеев, потому что это значило бы не быть здоровым. Если ты содержишь веру, то для чего вводишь еще нечто другое, как будто не достаточна для оправдания? Для чего порабощаешь себя и подчиняешь закону? Или ты не осмеливаешься на деле (руководиться одной верой)? Это свойственно слабому и неверующему, – такой человек сомневается, – а душе верующей несвойственно сомневаться. "**Для чистых", –** говорит (апостол), **–** "**все чисто".** Видишь ли, к чему сказано было предыдущее? "**Для осквернённых и неверных", –** говорит, – "**нет ничего чистого**" (ст. 15).

3. Итак, не по природе своей чисты или нечисты (яства), но по произволению принимающего их. "**Но осквернены", –** говорит, **–** "**и ум их и совесть. Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и не способны ни к какому доброму делу**" (ст. 16). Следовательно, и свинья – чистое (животное). Почему же было запрещено употреблять ее в пищу, как нечистую (Лев.11:7)? Не по природе она была нечиста, потому что (по природе) все чисто; иначе нет ничего не чище рыбы, которая питается и человеческим телом, а между тем была дозволена для употребления в пищу и считалась чистой. Также не было бы ничего не чище курицы, которая ест червей, равно как и оленя, который, говорят, потому и называется оленем (ἔλαφος), что ест змей (ὄφεις); но все это употреблялось в пищу. Почему же свинья и некоторые другие подобные животные были запрещены? Не потому, чтобы они были нечисты, но чтобы более ограничить чревоугодие. Если бы Бог так (прямо) сказал это, иудеи не послушались бы; а теперь страхом нечистоты Он удержал их. Что, скажи мне, не чище вина, если исследовать его? Что не чище воды, которой они преимущественно очищались? Они не прикасались к мертвым, между тем очищали себя (в жертвах) мертвым, так как заколотое

– мертво, а они им очищались. Подлинно, детское было их учение. Посмотри еще: вино не от навоза ли получает состав свой? Ведь виноградник всасывает в себя влагу, как из земли, так и из лежащего на ней навоза. И вообще, если мы захотим подробно разбирать, все нечисто. Но если решим не разбираться, нет ничего нечистого, а все чисто. Бог не сотворил ничего нечистого; и нет ничего нечистого, кроме одного греха, потому что он касается души и ее оскверняет; остальное – человеческий предрассудок. "**А для оскверненных", –** говорит (апостол), **–** "**и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть".** В чистых может ли быть что-нибудь нечистое? А кто имеет нездоровую душу, тот оскверняет все. Если им овладеет такое настроение, постоянно разбирающее, что чисто и что нечисто, то он, пожалуй, не прикоснется ни к чему. По понятию таких людей, не будет ничего чистого, ни рыба, ни все прочее, – **осквернены", – говорит, –** "**и ум их и совесть",** но все нечисто**.** Впрочем (апостол) не сказал так, – но как? Он приписал все самим людям. Нет ничего, говорит он, нечистого, но нечисты сами они, – их ум и совесть, не чище которых нет ничего. "**Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и не способны ни к какому доброму делу. Ты же говори то, что сообразно со здравым учением**" (2:1). Вот где – нечистота; сами они – нечисты. Но ты из-за этого не умолкай; хотя бы они и не принимали (наставлений), ты исполняй свое дело; хотя бы они и не убеждались, ты увещевай и советуй. Здесь он сильнее всего обличает таких людей. Так ведь и помешанные думают, что ничто на своем месте не стоит; но это происходит не в предметах видимых, а в воспринимающих их глазах. Они сами стоят нетвердо и страдают головокружением, потому и думают, что земля вертится вокруг них, между тем как она не вертится, а стоит твердо; такая безумная мысль происходит от их собственной порчи, а не от порчи внешнего мира. Так и здесь: когда душа нечиста, она все считает нечистым. Следовательно, свойство чистоты – не воздержание от всего, но смелое принятие всего; чистый по природе дерзает на все, а оскверненный – ни на что. Это можно сказать и против Маркиона. Видишь ли, как показателем чистоты является то, чтобы быть выше всякого осквернения, а не касаться ничего служит знаком нечистоты? Так и у Бога. Если Он принял плоть, – это показатель Его чистоты; а если бы Он, боясь осквернриться, не принял ее, – это было бы знаком Его нечистоты. Кто не вкушает того, что кажется нечистым, тот нечист и немощен; а кто вкушает, тот не таков. Поэтому не будем называть таких людей чистыми: они нечисты; а кто дерзает на все, тот чист. Эту благочестивую разборчивость нужно выказывать в отношении к тому, что оскверняет душу, – это подлинно нечистота, это скверна, а все прочее – нет. Те, у кого испорчен вкус, думают, что предлагаемое им нечисто; но это происходит от их болезни. Итак, следует основательно знать, что по природе своей чисто и что нечисто.

4. Что же нечисто? Грех, злоба, корыстолюбие, лукавство. "**Омойтесь", –** говорит (пророк), "**очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих**" (Ис1:16). "**Сердце чистое сотвори во мне, Боже**" (Пс 50:12). "**Идите, идите, выходите оттуда; не касайтесь нечистого**" (Ис 52:11). Те (ветхозаветные) очищения были образами (истинного) очищения. "**К трупам", –** говорит (Писание), – "**их не прикасайтесь**" (Лев11: 8). И грех есть такая же мертвечина смердящая. "**Священник", –** говорит, – "**увидев живое мясо, объявит его нечистым; живое мясо нечисто: это проказа**" (Лев. 13:15). И грех есть также нечто пестрое и разнообразное. А что на это именно указывается здесь, видно из дальнейшего: если проказа будет постоянно и на всем теле, то человек чист; а если на одной части, то нет. Видишь ли, что нечистым бывает то, что разнообразно и переменно? И еще: "**имеющий истечение, нечист**" в душе (Лев.15:4); под изливающим семя разумеется извергающий семя. Также "**необрезанный**" – нечист (Быт.17:14). Видишь, что это не иносказания, но образы? Здесь разумеется не истребляющий зла в душе своей. Работающий в субботу побивается камнями, – т. е. тот, кто не постоянно предан Богу, погибает. Видите, сколько родов нечистоты? "**Если женщина родит", –**

сказано, – "**то она нечиста**" (Лев.12:2). Почему, скажи мне? Не сам ли Бог создал семя и рождение? Почему же такая жена нечиста? Не имелось ли здесь ввиду что-нибудь другое? Что же такое? Через это Бог внедрял в душу целомудрие, отвлекал ее подальше от прелюбодеяния, потому что, если рождающая нечиста, то тем более – прелюбодействующая. Если прикасаться к своей жене не совсем чисто, то тем более – смешиваться с чужой. Участвующий в "**погребении", –** сказано, – "**не чист**" (Лев.21:1); тем более – участвующий в убийстве и войне. И много можно найти родов нечистоты, если перечислять все. Теперь же требуется от нас не это, но все перенесено в душу. Телесное ближе к нам; поэтому при помощи его Бог прежде и наставлял (людей). А теперь не то, потому что не следовало всегда оставаться при образах и тенях, но принять истину и ее держаться.

Грех есть нечистота; его будем избегать, от него будем воздерживаться. "**Если", –** говорит (Премудрый), – "**подойдешь к нему, ужалит тебя**" (Сир.21:2). Нет ничего не чище корыстолюбия. Откуда это видно? Из самых его действий, потому что чего не оскверняет оно? Оскверняет руки, душу, самый дом, в котором хранится похищенное. У иудеев же это считается ни за что. Между тем у них Моисей нес кости Иосифа, и Сампсон пил из ослиной челюсти и ел мед из челюстей льва, и Илия питался от воронов и вдовицы. Да что, скажи мне, если бы было нужно разбирать в этом подробно, то кожи самих книг Писания не всего ли они не чище? Ведь и они от мертвых животных. Таким образом, не один только блудник нечист, но и другие еще более; и прелюбодей нечист. Но тот и другой нечист не от самого смешения, – так как иначе, по той же причине, и прикасающийся к собственной жене нечист,– но от нарушения права и от любостяжания, по которому он присвоил у брата самое необходимое. Видишь, что нечист порок? Имевший двух жен не был нечист; и имевший многих жен – Давид не был нечист; но когда он взял одну жену незаконно, тогда стал нечистым. Почему? Потому, что сделал несправедливость, потому что похитил чужое. И блудник нечист не по самому смешению, но по характеру (своего поступка), потому что он оскорбляет женственность; равно как наносят оскорбление друг другу те, которые делают женщину общей, извращая законы природы, так как ей должно быть женой одного. "**Мужчину и женщину", –** говорит (Писание), **–** "**сотворил их**" (Быт.1:27), и еще: "**и будут одна плоть**" (Быт.2:24); не многие, но два в плоть одну. Таким образом, здесь происходит несправедливость; и потому это – порочное дело. Также и гнев, когда превзойдет меру, делает человека нечистым, не от самого волнения, но от свойства его; потому и прибавлено: "**гневающийся**" – не просто, но – "**напрасно**"(Мф.5:22). Итак, стремление везде к излишеству – нечисто; от жадности и ненасытности рождается нечистота. Будем же бодрствовать, увещаю вас, будем чисты истинной чистотой, чтобы нам сподобиться узреть Бога, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] См. Феогонию Епименида. Те же выражения о критянах встречаются у поэтов: Каллимаха в гимне Зевсу (стих 8) и у Гезиода в Феогонии (стих 26).

БЕСЕДА 4

"Чтобы старцы были бдительны, степенны, целомудренны, здравы в вере, в любви, в терпении; чтобы старицы также одевались прилично святым, не были клеветницы, не порабощались пьянству, учили добру; чтобы вразумляли молодых любить мужей, любить

детей, быть целомудренными, чистыми, попечительными о доме, добрыми, покорными своим мужьям, да не порицается слово Божие" (Тит.2:2-5).

1.И старость имеет недостатки, которых не имеет юность; она имеет некоторые и из недостатков юности, но, кроме того, ей свойственны леность, медлительность, забывчивость, тупость, раздражительность. Поэтому (апостол) и заповедует: "**Чтобы старцы были бдительны**". Человека в этом возрасте многое располагает быть нетрезвенным, и, во-первых, то самое, о чем сказал я, т. е. притупление всех чувств, слабая возбудимость и неудоботодвижность. Ради этого и прибавляет (апостол): "**степенны, целомудренны**". Под целомудренными он разумеет здесь рассудительных, потому что целомудрием (σωφροσύνη) называется здравое состояние ума (τών φρενών). Есть, подлинно есть и между старцами люди неистовые и нерассудительные, иные от вина, другие от скорби: старость ведь делает (людей) малодушными. "**Здравы в вере, в любви, в терпении**". Хорошо сказал он: "**в терпении**"; это особенно прилично старцам. "**Чтобы старицы также одевались прилично святым",** т. е. самой внешностью и одеждой показывающим скромность. "**Не были клеветницы, не порабощались пьянству".** Этот недостаток особенно свойственен женам старости, так как с летами человек охлаждается, и отсюда происходит сильное расположение к вину. Вот почему (апостол) особенно предостерегает их от этого, повсюду изводя пьянство и желая, чтобы они были свободны от этой болезни и избегали происходящего от нее посрамления. С течением времени легче поднимаются испарения снизу вверх и мозговые перепонки повреждаются от старости; отсюда главным образом и происходит опьянение. Правда, этот возраст имеет особенную нужду в вине, – потому что он слаб, – но не в большом количестве вина, равно как и молодые (девы), правда не по этой причине, но потому, что у них сильно воспламеняется огонь пожелания. "**Учили добру**". Ведь учить ты запрещаешь женам? Как же ты здесь дозволяешь, сказав в другом месте: "**а учить жене не позволяю**" (1 Тим.2:12)? Но послушай, что он прибавил к этому: "**ни властвовать над мужем**". Мужам исстари предоставлено учить как мужей, так и жен; а женам он позволяет предлагать увещания дома, а отнюдь не позволяет председательствовать (в церкви), или вести продолжительную речь. Потому и присовокупляет: "**ни властвовать над мужем. Чтобы вразумляли быть целомудренными", –** говорит, – "**молодых".**

2.Видишь, как он связывает и сопоставляет людей, как подчиняет младших женщин старшим? Не о дочерях он говорит здесь, но вообще о младших по возрасту. Каждая старшая, говорит, пусть вразумляет младшую. "**Чтобы вразумляли молодых любить мужей".** Это – важнейшее из домашних благ. "**Жена**", – говорит (Премудрый), – "**с мужем согласна**" (Сир. 25:2). Когда есть это, тогда не будет ничего неприятного. Когда голова в союзе с телом и нет между ними никакого разделения, то не будет ли и все остальное умиротворенным? Когда главные члены в мире, то кто может нарушить и возмутить этот мир? Напротив, если они находятся в худых между собой отношениях, то в доме не будет ничего порядочного. Нет ничего лучше взаимного их согласия; оно полезнее богатства, благородства, власти и всего другого. Не просто сказал (апостол): должны быть в мире, но: любить мужей, потому что, когда будет между ними любовь, то не проникнет к ним никакое разногласие; от нее рождаются и прочие блага. "**Любить детей**". Хорошо сказал он. Если кто любит корень, то плоды – тем более. "**Быть целомудренными, чистыми, попечительными о доме, добрыми**". Все происходит от любви; и добрыми и попечительными о доме жены бывают от любви и привязанности к мужу. "**Покорными своим мужьям, да не порицается слово Божие**". Напротив, жена, презирающая мужа, не радит и о доме. От любви происходит постоянное целомудрие, от любви уничтожается всякий раздор; если муж будет язычник, то он скоро уверует; если – христианин, то будет лучше. Видишь ли снисхождение Павла? Тот, кто всячески старался отклонить нас от забот житейских, теперь выказывает великое попечение о делах домашних, потому что,

когда эти дела будут хорошо устроены, тогда и духовные найдут себе место, а иначе и они расстроятся. Жена, попечительная о доме, будет и целомудренной, будет и бережливой; она не станет допускать ни роскоши, ни несвоевременных расходов, ни чего-нибудь другого подобного. "**Да не порицается", –** говорит, – "**слово Божие**". Видишь ли, что он преимущественно заботится о проповеди, а не о мирских делах? Так и в послании к Тимофею он говорит: "**дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте**" (1 Тим.2:2); и здесь: "**да не порицается слово Божие**". Если верующая жена, живущая с неверующим мужем, не добродетельна, то обыкновенно происходит хула на Бога; если же она украшена добродетелью, то проповедь приобретает славу от нее и добрых дел ее. Пусть выслушают это жены, живущие со злыми, или неверными мужьями, пусть выслушают и научатся собственным примером привлекать их к благочестию. Если ты и не приобретешь никакой другой пользы, если и не привлечешь мужа к общению в правых догматах, то, по крайней мере, заградишь ему уста и не допустишь хулить христианство. А это не маловажное, но весьма большое дело – чтобы наше учение уважалось за наше поведение. "**Юношей также увещевай быть целомудренными**" (ст**.** 6). Видишь, как он везде внушает соблюдать должное. Наставление женщин он предоставил преимущественно женщинам, поручив старшим младших; а все дело наставления мужей поручает и предоставляет самому (Титу). Ничто, поистине ничто не бывает так трудно и тяжело для молодого возраста, как преодолевать постыдные удовольствия. Не столько любовь к деньгам, или желание славы, или что-нибудь другое смущает этот возраст, сколько сладострастие. Поэтому (апостол), оставив все другое, и направляет свое увещание против этого недостатка возраста. Впрочем он не оставляет без внимания и других нужд, – но что говорит? "**Во всем показывай в себе образец добрых дел, в учительстве чистоту, степенность, неповрежденность**" (ст. 7). Пусть, говорит, старшие женщины поучают младших, а сам ты поучай молодых людей целомудрию; для всех же пусть будет общим училищем и образцом добродетели твоя светлая жизнь, открытая всем, как бы некоторый первоначальный образ, заключающей в себе все достоинства и без труда дающий примеры добра для желающих в чем-нибудь сообразоваться с ним. "**Слово здравое, неукоризненное, чтобы противник был посрамлен, не имея ничего сказать о нас худого**" (ст. 8).

3. "**Противником**" (апостол) называет дьявола и всякого, кто служит ему. Когда и жизнь (учителя) светла, и слово соответствует ей, когда оно скромно, кротко, снисходительно, и не подает противникам никакого повода для придирок, то бывает великая и несказанная польза. Следовательно, весьма нужно служение слова, слова не какого-нибудь, но искусного и безукоризненного, которое не подавало бы ни в чем никакого повода к нареканию желающим этого. "**Рабов [увещевай] повиноваться своим господам, угождать им во всем, не прекословить**" (ст. 9). А выше что он сказал? "**Чтобы противник был посрамлен, не имея ничего сказать о нас худого**". Поэтому достоин осуждения тот, кто отлучает жен от мужей под предлогом воздержания, или кто отделяет слуг от господ под тем же предлогом. Такое слово не безукоризненно; оно подает неверующим большое основание к нареканию, и открывает уста всех против нас. "**Рабов [увещевай] повиноваться своим господам, угождать им во всем, не прекословить, не красть, но оказывать всю добрую верность, дабы они во всем были украшением учению Спасителя нашего, Бога**" (ст. 10). Справедливо говорит он и в другом месте: "**служа с усердием, как Господу, а не как человекам**" (Еф.6:7), потому что, хотя ты и с охотой служишь господину, но твое служение имеет свое начало в страхе. Отсюда тот, кто служит (господину) с таким страхом, получит величайшие награды. Если раб не воздерживает своей руки и не обуздывает языка, то с какой стати язычники будут удивляться нашему учению? Если же они увидят раба любомудрствующим во Христе, показывающим большее воздержание, чем их философы, и служащим с великой готовностью и усердием, то, несомненно, будут удивляться силе проповеди. Ведь

язычники судят о догматах не по учению, а по делам и жизни. Пусть же будут для них учителями и жены, и рабы – своим поведением. И у них, и везде признается, что рабы вообще грубы, необразованны, упрямы, очень невосприимчивы к наставлениям в добродетели, – не от природы, нет, но от обращения и нерадения о них господ их, так как везде владеющие ими не заботятся ни о чем другом, как только об их службе, а если иногда заботятся и об их нравах, то делают это также для своего собственного спокойствия, чтобы не вверять дел своих людям распутным, ворам, или пьяницам. Естественно, что они, будучи оставлены без всякого попечения, и не имея никого, кто бы заботился о них, погружаются в самую бездну зла. Ведь, если даже там, где наблюдают и отец, и мать, и приставник, и воспитатель, и учитель, и сверстники, где (возвышает человека) сознание о своем благородном происхождении и многое другое, если и там редко кто избегает сообщества с людьми порочными, – то, что думать о тех, которые лишены всего этого, которые соприкасаются с людьми развратными, без всякой осторожности обращаются с кем захотят, и не имеют никого, кто бы заботился об их знакомствах? Подумай, что будет с такими? Вот отчего трудно рабу быть добродетельным. А с другой стороны они не получают и наставлений ни от посторонних, ни от нас, не обращаются с людьми свободными, хорошими и заботящимися о своей чести. По всем этим причинам трудное и даже удивительное дело, чтобы раб когда-нибудь стал честным. Когда же язычники увидят, что сила проповеди, обуздав этот грубый род людей, сделала их честнейшими и скромнейшими из всех, то, хотя бы господа были самые безрассудные из людей, они получат высокое понятие о наших догматах. Очевидно, что, приняв в свою душу страх воскресения, суда и всего другого, чему мы полагаем быть после смерти, только таким образом они и имели возможность отстать от зла, (т. е.) внедрив в свою душу страх, отвлекающий от наслаждения пороками. Следовательно, не напрасно и не спроста (апостол) так часто говорит об этом, потому что, чем более злы такие люди, тем более будут удивляться силе проповеди. И врачу мы удивляемся тогда, когда человека отчаянного, не принимающего никакой помощи, не имеющего сил удержать себя от непристойных пожеланий и непрестанно предающегося им, он исцелит и исправит. И смотри, чего требует (апостол) от рабов: того, что всего более успокаивает господина. "**Не прекословить, не красть",** т. е. чтобы они оказывали великое усердие к тому, что им поручается, чтобы в отношении к господам своим были особенно добры и послушны их приказаниям.

4. Не думайте, что я напрасно распространился теперь об этом; я хочу далее обратить речь к слугам. Итак, возлюбленный, не на то смотри, что ты служишь человеку, но на то, что служишь Богу и украшаешь собой учение (Христово), – и ты сможешь исполнить все, повинуясь господину и перенося от него напрасные обиды и неприятности. Помни, что не ему ты угождаешь, но исполняешь повеление Божье, – и ты легко перенесешь все. Как я говорю всегда, так скажу и теперь: если мы будем преуспевать в делах духовных, то и блага настоящей жизни приложатся нам. Такого слугу, столь благонравного и столь послушного, не только примет Бог и удостоит светлых венцов, но и сам господин, удовлетворенный его услугами, хотя бы он был зверем, хотя бы он был каменным, бесчеловечным и жестоким, будет хвалить и уважать, окажет ему предпочтение перед всеми другими и вверит ему власть над остальными, хотя бы этот господин был даже язычником. А что слуге нужно быть таким, хотя бы господа его были язычниками, на это, если хотите, я приведу вам и пример. Иосиф был продан начальнику фараоновой кухни, и был иной веры, не египетской. Что же тот? Видя добродетель юноши, господин не думал о различии веры, но полюбил его, оказывал ему дружбу и уважение, вверил ему полное начальство над другими, и сам при нем не смотрел ни за чем в доме; слуга сделался вторым господином, или лучше, важнее самого господина, так как тот не знал своего дела, а этот знал свои обязанности лучше самого господина. И впоследствии, когда он поверил жене своей, произнесшей на Иосифа преступную клевету, мне кажется, он из уважения к

прежнему почету и достоинству честного слуги ограничил гнев свой только заключением его в темницу. Если бы он не знал хорошо этого человека и не уважал его за прежние заслуги, то немедленно умертвил бы его и пронзил бы тело его мечом. "**Потому что ревность - ярость мужа", –** говорит (Премудрый), – "**и не пощадит он в день мщения, не примет никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножал даров**" (Притч.6:34,35). Если же такова ревность всякого мужа, то тем более этого, египтянина и варвара, оскорбленного, как он думал, человеком, которого он удостоил чести. Все вы, конечно, знаете, что не все оскорбления одинаково язвят нас, но сильнее других и мучительнее те, которые бывают от людей благорасположенных к нам; зло, причиняемое нам людьми, которым мы верили и которые нам верили и получили от нас множество благодеяний, особенно мучит и огорчает нас. Египтянин не подумал сам в себе и не сказал: неужели этот человек, которого я взял в слуги, вверил ему все в доме, сделал его свободным и чуть не больше себя, отплатил мне таким воздаянием? Ничего такого он не сказал: так связало душу его прежнее уважение к слуге! И что удивительного, если Иосиф пользовался в доме его такой честью, когда и в темнице, посмотри, каким он пользовался уважением? Вы знаете, как привыкают к жестокостям те, которым поручены темницы: они извлекают для себя пользу из чужих несчастий, и кого другие питают в страданиях, тех они грабят, получая выгоды, достойные многих слез, поступая жесточе диких зверей, так как, чем можно было бы облегчить страдания заключенных, то они присваивают себе. И не одно это примем во внимание, но и то, как неодинаково они обращаются со всеми заключенными. Тех, которые подверглись клевете, осуждены и заключены по неважной причине, они, может быть, и милуют; но тем, которые заключены за постыдные, тяжкие и наглые преступления, они наносят тысячи ударов. Таким образом, темничный страж должен был обращаться жестоко не только по своему нраву, но и по той причине, по которой Иосиф был заключен в темницу. Кого не вооружил бы против себя юноша, пользовавшийся такой честью, заподозренный в покушении на честь госпожи и отплативший таким воздаянием своему благодетелю? Так, представляя все это, и (прежнюю) честь заключенного, и дело, за которое он заключен, темничный страж не стал ли бы обходиться с ним свирепее всякого зверя? Но выше всего этого была надежда Иосифа на Бога; так добродетель душевная умеет укрощать и диких зверей. Той же покорностью, которой он расположил к себе господина, он расположил к себе и темничного стража; и опять он сделался начальником, в темнице так же приобрел власть, как и в доме. Готовясь властвовать, он сначала научился как следует сам повиноваться, и, повинуясь, был начальником и правителем дома.

5. Если тому, кто приглашается к власти церковной, Павел говорит: "**ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией**" (1 Тим. 3:5)?, то и всякому, достигающему начальства, нужно прежде хорошо управлять собственным домом. Иосиф начальствовал и в темнице не как в темнице, но как в доме. Всем он облегчал несчастья, и управлял заключенными, как бы своими членами, не только оказывая им участие и помощь в их страданиях, но, если даже видел кого-нибудь задумчивым, подходил к нему и осведомлялся о причине, и не мог видеть никого печальным без того, чтобы не утешить его в скорби, хотя иной не оказал бы такой любви даже к детям. Отсюда и получили начало все благие последствия, так как наперед должно быть то, что зависит от нас, а потом будет и то, что зависит от Бога. А что Иосиф действительно оказывал сострадание и участие, об этом говорит Писание. Видя евнухов, заключенных фараоном, главного виночерпия и главного хлебодара, он спрашивал их: "**отчего у вас сегодня печальные лица**" (Быт. 40:7)? И не из этого только, но и из того, как поступили они, можно видеть добродетель этого мужа. Они, будучи царскими слугами, не презрели его и не оттолкнули его, как раздраженные скорбью, но открыли ему все свои обстоятельства, как родному брату, умеющему соболезновать им. Это все я говорю в доказательство того, что добродетельного человека, хотя бы он находился в

рабстве, хотя бы в плену, хотя бы в темнице, хотя бы под самой землей, ничто сокрушить не может. Говорю это для убеждения рабов, что, хотя бы господа их были такие же звери, как этот египтянин, хотя бы были столь жестоки, как этот темничный страж, хотя бы были язычники, как эти люди, и вообще каковы бы ни были, они смогут расположить их к себе и вскоре смягчить. Нет ничего привлекательнее добрых нравов; нет ничего приятнее и любезнее покорности, кротости и послушания. Такой человек угоден всем. Такой человек не стыдится рабства и не убегает ни от бедного, ни от больного и страждущего, потому что эта добродетель торжествует над всем и преодолевает все. Если же она имеет такую силу в рабах, то насколько более в свободных? Поэтому будем упражняться в этом все мы – и рабы, и свободные, и жены, и мужья; таким образом, мы будем угодны и людям и Богу, и людям не только добрым, но и злым, и особенно последним, потому что они особенно стыдятся и уважают таких людей. Как подчиненные более боятся кротких начальников, так и люди порочные – добродетельных, видя, чего недостает им самим. Таков плод добродетели; поэтому будем стремиться к ней, будем приобретать ее. Если мы будем иметь ее, то не будет для нас ничего тяжелого, но все легко, все удобно. Хотя бы нам предстояло пройти сквозь огонь, или воду, все уступить и преклониться перед добродетелью, даже сама смерть. Итак, будем ревновать по ней, чтобы нам сподобиться и будущих благ, во Христе Иисусе, Господе нашем.

БЕСЕДА 5

"Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке, ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, Который дал Себя за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ особенный, ревностный к добрым делам. Сие говори, увещевай и обличай со всякою властью, чтобы никто не пренебрегал тебя" (Тит.2:11-14).

1. Заповедав рабам иметь великую добродетель, – потому что подлинно великая, добродетель – украшать во всем учении Бога и Спасителя нашего и не подавать господам никакого повода к неудовольствию, даже в мелочах, – (апостол) приводит и справедливую причину, почему рабы должны быть такими. Какую же именно? "**Ибо явилась", –** говорит он, – "**благодать Божья, спасительная**". Те, которые имеют своим учителем Бога и получили отпущение бесчисленных грехов, как могут не быть такими, какими я только что изобразил их? Вы знаете, что не мало пристыжает и вразумляет душу, между прочим, и то, что она, будучи виновна в бесчисленных грехах, не подверглась наказанию, но получила прощение и множество благ. Если бы кто-нибудь, имея раба, провинившегося множество раз, не наказал его ремнями, но даровал бы ему прощение, потребовал бы от него исправления на будущее время, приказал бы ему остерегаться от тех же проступков и почтил бы его великими дарами, – то, скажи мне, ужели не исправился бы получивший такую милость? Впрочем, не подумай, будто благодать состоит не только в прощении прежних грехов, но ограждает нас и на будущее время, хотя и это зависит от благодати. Если бы она избавляла делающих зло от наказания навсегда, то она была бы не благодатью, а некоторым поводом к развращению и погибели. "**Ибо явилась", –** говорит (апостол), – "**благодать Божия, спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке, ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа".** Видишь, как наряду с наградами он ставит и добродетель? И это дело благодати, чтобы отклонять от забот житейских и возводить к небу. Здесь он указывает на два явления (Христовы); и подлинно их два – первое благодатное, а второе для воздаяния и правосудия. "**Отвергнув", –** говорит, –

"**нечестие и мирские похоти**". Вот основание всякой добродетели! Не сказал: чтобы мы избегали, но: "**отвергнув**"*;* отвержение означает большее удаление, большую ненависть, большее отвращение. С каким расположением, с какой ревностью мы отвергли идолов, с такой же, говорит, отвергнем и нечестие, и мирские похоти. Ведь и это – идолы, т. е. мирская похоть и любостяжание; и это он называет идолослужением. А мирские похоти – все то, что приносит нам пользу только для настоящей жизни; все, что исчезает вместе с настоящей жизнью, есть мирская похоть. Поэтому мы не должны иметь к этому никакого отношения. Христос пришел для того, чтобы мы отверглись "**нечестия**". Нечестием он называет (нечестивое) учение, а мирскими похотями порочную жизнь. "**Целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке**".

2. Видишь, что целомудрие, как всегда я говорю, состоит не только в том, чтобы воздерживаться от прелюбодеяния, но и в том, чтобы быть свободными и от прочих страстей? Следовательно, и любостяжательный – не целомудрен; как тот (прелюбодей) пристрастен к телесному наслаждению, так этот (любостяжательный) к богатству; даже последний невоздержаннее первого тем более, чем менее сильное влечение управляет им. Так и всадник, не тот считается особенно бессильным, который не в состоянии сдержать коня быстрого и неукротимого, а тот, который не может совладать с конем смирным и послушным. Неужели так? Неужели страсть к богатству слабее, нежели страсть к телесному наслаждению? Это всем известно и открывается из многого. Во-первых, страсть к телесному наслаждению происходит в нас необходимо; как происходящая необходимо, она и обуздывается с великим трудом, потому что она внедрена в нас от природы. Во-вторых, древние мало рассуждали о страсти к богатству, а о страсти к женщинам много, ради сохранения целомудрия. Живущего законным образом с женой даже до старости никто не станет осуждать; а корыстолюбивого (осуждают) все; и даже из внешних (языческих) философов многие презирали богатство, а женщин – никогда. Так эта страсть сильнее той. Но, так как слово наше обращено к Церкви, то будем приводить доказательства не извне, а от Писаний. О любостяжании блаженный (Павел) почти в виде заповеди говорит так: "**Имея пропитание и одежду, будем довольны тем**" (1 Тим.6:8); а о женах так: "**Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а [потом] опять будьте вместе**" (1 Кор.7:5).

И часто он преподает правила касательно законного сожития. Он позволяет удовлетворять это пожелание и вступать во второй брак, с великим попечением говорит об этом предмете и нигде не подвергает за это наказанию; а преданных корыстолюбию везде осуждает. Также и Христос касательно богатства многократно заповедал, чтобы мы убегали проистекающего от него вреда; а о воздержании от жены (говорил) не так. О богатстве, послушай, что говорит Он: "**кто не отрешится от всего, что имеет**" (Лук.14:33); но нигде не сказал: иже не отречется жены, потому что знал, какое Он этим установил бы насилие. И блаженный Павел говорит: "**Брак у всех [да будет] честен и ложе непорочно**" (Евр.13:4); между тем попечения о богатстве он нигде не называет честным, а напротив. И Тимофею пишет он: "**желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу**" (1 Тим. 6:9). Не сказал: хотящие приобретать, но: "**обогащаться**". Но чтобы вы убедились в этом и на основании общих суждений, необходимо привести и такие доказательства. Так, кто однажды лишился богатства, тот не будет волноваться страстью к нему, потому что ничто так не возбуждает страсти к богатству, как обладание им. А страсть к телесному наслаждению не такова, но многие, и оскопив себя, не уничтожали мучающего их внутреннего огня, потому что эта страсть, внедренная в нас от природы, остается в прочих членах. К чему же мы сказали все это? К тому, что любостяжательные тем невоздержнее прелюбодеев, чем менее сильной они возмущаются страстью; а, скорее всего это происходит у них не от страсти, а от нерадения

(о благах духовных). Там пожелание так естественно, что, хотя бы иной и не приближался к жене, природа действует и производит свое; а здесь так не бывает. "**И благочестиво жили в нынешнем веке**". А какая надежда? Какая награда за труды? "**Ожидая", –** говорит, – "**блаженного упования и явления**". Поистине, нет ничего блаженнее, нет ничего желаннее такой награды; ее невозможно даже выразить словом, так как будущие блага превышают ум. "**Ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего**". Где те, которые говорят, будто Сын меньше Отца? "**Великого", –** говорит (апостол), – **Бога и Спаса нашего".** Если Он спас врагов, то чего не сделает, приняв благоугождающих Ему? "**Великого Бога**". Когда он называет Бога великим, то называет великим не по отношению к чему-нибудь, но, безусловно, великим, таким, после которого уже никто не велик, потому что всякий другой велик только относительно; если же – относительно, то велик по сравнению, а не по природе; Он же велик без сравнения. "**Который дал Себя за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ особенный**" т. е. отдельных, не имеющих ничего общего с остальными. "**Ревностный к добрым делам".** Видишь ли, что и мы должны исполнять должное со своей стороны? Он не просто требует дел, но быть "**ревностными",** т. е. стремящимися к добродетели с великим рвением и с надлежащим усердием. Избавить обремененных множеством зол и исцелить неизлечимо больных – было делом Его человеколюбия; а дальнейшее есть дело и наше и Его. "**Сие говори, увещевай и обличай со всякою властью**" (ст. 15).

3. "**Сие говори, увещевай**". Посмотри, как в послании к Тимофею он заповедует: "**обличай, запрещай, увещевай**" (2 Тим.4:2), а здесь говорит: "**Сие говори, увещевай и обличай со всякою властью"?** Нравы этих людей были грубее: потому он и повелевает (Титу) обличать их строго и со всякой властью. Есть грехи, от которых нужно отклонять повелениями, как-то: презирать богатство нужно склонять убеждениями, тоже – быть послушными и т. п.; а исправлять прелюбодея, блудника и корыстолюбца нужно "**с властью";** чародея же, волшебника и тому подобных людей (нужно обличать) не просто "**с властью**", но "**со всякою властью**". Видишь, с какой силой и великой властью советует он действовать Титу? "**Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело, никого не злословить, быть не сварливыми**" (ст.1, 2).

Как? Неужели не укорять и тех, которые делают зло? "**Быть готовыми на всякое доброе дело, никого не злословить**". Послушаемся его внушения; "**никого", –** говорит он, – "**не злословить**". Уста наши должны быть чисты от укоризн, так как, хотя бы и справедливы были наши укоризны, но не наше дело высказывать их; исследовать – дело судьи; "**ты же", –** говорит (апостол), – "**что осуждаешь брата твоего**" (Рим.14:10)? Если же твои укоризны несправедливы, то смотри, какой огонь ожидает тебя; послушай разбойника, который говорит другому разбойнику: "**или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же**", и то же испытание мы проходим (Лук.23:40)? Если ты поносишь других, то скоро и сам подвергнешься тому же. Поэтому блаженный (Павел) и предлагает такое увещание: "**кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть**" (1 Кор.10:12). "**Быть не сварливыми, но тихими, и оказывать всякую кротость ко всем человекам",** к эллинам и иудеям, порочным и злым. Там (апостол) устрашает будущим: "**кто думает, что он стоит", –** говорит, – "**берегись, чтобы не упасть";** здесь же вразумляет не будущим, а прошедшим, продолжая так: "**Ибо и мы были некогда несмысленны**" (ст. 3). То же самое говорит он и в послании к Галатам: "**Так и мы, доколе были в детстве, были порабощены вещественным началам мира**" (Гал.4:3). Итак, никого не порицай, потому что и ты был таким же. "**Ибо и мы были", –** говорит, – "**некогда несмысленны, непокорны, заблуждшие, были рабы похотей и различных удовольствий, жили в злобе и зависти, были гнусны, ненавидели друг друга**". Таким образом, со всеми такого

рода людьми мы должны вести себя кротко. Бывший прежде таким и изменившийся не должен укорять подобных людей, но молиться и благодарить Дарующего ему и им освобождение от прежних зол. Никто не должен хвалиться, поскольку все согрешили. Итак, когда ты, будучи сам исправен, хочешь порицать кого-нибудь, то вспомни о своей прежней жизни и неизвестности будущего, и удержи свое негодование. Если бы ты с самого детства жил добродетельно, однако и тогда ты имел бы много грехов; а если не имеешь их, как ты думаешь, то знай, что это зависит не от твоей добродетели, но от благодати Божьей; если бы Он не призвал (к вере) твоих предков, то и ты был бы неверным. Смотри, как (апостол) исчислил все пороки. Не тысячекратно ли Бог и через пророков и всеми мерами делал нам внушения? Слушались ли мы? "**Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога**" **(**ст**.** 4). Каким образом? "**Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом**" (ст. 5). Увы, так глубоко были мы погружены во зле, что не могли уже очиститься, но имели нужду в возрождении; ведь это – подлинно новое бытие. Как под сгнивший дом никто не подставляет подпор и не приколачивает ничего к старому зданию, но, разрушив его до основания, снова воздвигает и возобновляет, так поступил и Он: не подправил нас, но переустроил заново. Это означают слова: "**и обновления Святым Духом**". Он сполна сделал нас новыми. Каким образом? Через Духа (Святого). И далее, выражая то же самое иначе, (апостол) говорит: "**Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего**" (ст. 6). Столь великую мы имеем нужду в благодати! "**Чтобы, оправдавшись Его благодатью**", – опять благодатью, а не заслугами, – "**мы по упованию соделались наследниками вечной жизни**" (ст. 7). Это вместе и побуждение к смиренномудрию, и надежда на будущее. Если Бог спас нас, бывших в таком отчаянном состоянии, что мы не имели ничего доброго, и потому нам нужно было родиться снова и спасаться благодатно, то тем более Он сделает это в будущем.

4. До пришествия Христова было всего хуже человеческое зверство; все были как будто врагами и противниками друг другу; отцы закалали своих детей, матери бесновались страстью к сыновьям; не было ничего твердого, – ни закона естественного, ни закона писанного, – но все извращено. Постоянные прелюбодейства, убийства, и что, пожалуй, хуже убийств – кражи. Некто из внешних (язычников) говорит, что все это считалось даже делом добродетельным; и неудивительно, когда они почитали и бога таким; зачастую исходили от оракула повеления убить того или другого.

Сказать ли о чем-нибудь из тогдашнего времени? Некто Андрогей, сын Миноя, придя в Афины и одержав победу в борьбе, был наказан и убит. Аполлон, врачуя зло злом, приказал принести в жертву за него дважды семь отроков. Что может быть жесточе такого насилия? И, однако, это было, и человек, приступивший к исполнению безумного повеления беса, заколол бы детей, – у язычников это заблуждение было сильно, – но так как другие восстали и отомстили за себя, то дело не исполнилось. Если бы это было дело справедливое, то не следовало бы мешать его исполнению; а если – несправедливое, как это и было в действительности, то не нужно было и сначала давать такого повеления. Они поклонялись кулачным бойцам и борцам. У них были постоянные междоусобные войны в городах, в деревнях, в семействах. Они блудодействовали с мальчиками; один философ даже узаконил не позволять рабу блудодействовать с мальчиками и натираться мазью, как будто бы это было делом благородным и заслуживающим особенного уважения. Поэтому в домах они открыто совершали такие дела; и если бы рассказать все, что делалось у них, то всякий ясно увидел бы, что они оскорбляли самую природу, – и никто у них не запрещал этого. Все их драмы полны тем же прелюбодейством, невоздержанием, распутством. Ночные собрания их были развратны, и женщины приглашались для зрелища. О, бесстыдство! На зрелищах проводили всю ночь, и девицы сидели между

страстными юношами и пьяной толпой. Их торжества были тьмой и все совершаемое ими – мерзостью. Поэтому и говорит (апостол): "**Ибо и мы были некогда несмысленны, непокорны, заблуждшие, были рабы похотей и различных удовольствий**". Один из них, говорят, имел преступную связь с мачехой, а она – с пасынком, и удавилась. О страсти же к мальчикам, которая обыкновенно называлась любовной забавой, и говорить не нужно. Но это что! Хочешь ли видеть браки сыновей с матерями? У них и это бывало и, что особенно ужасно, делалось бессознательно, и боги их не запрещали этого, а напротив снисходительно смотрели на искажение природы, совершаемое при том людьми знатными. А когда те, которым нужно было держаться добродетели, если не для чего иного, то, по крайней мере, для приобретения славы от народа, были так склонны к нечестию, тогда что должно было совершаться в народе, между людьми, живущими в неизвестности? Что может быть гнуснее такого сладострастия? Одна влюбилась в постороннего мужчину, и в угоду прелюбодею убила пришедшего к ней мужа. Может быть, многие из вас знают это происшествие. Сын убитого убил прелюбодея, заколол и изменницу; потом пришел в бешенство, как бы преследуемый фуриями; а впоследствии сам, воспламенившись страстью, убил другого и взял себе жену его. Что может быть хуже таких зол? Привожу эти примеры из внешних (языческих писателей) для того, чтобы показать язычникам, какое зло господствовало тогда во вселенной. Но, если угодно, приведем примеры и из наших (Писаний). "**И приносили", –** говорит (Псалмопевец), – "**сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам**" (Пс.105:37). Также и жители Содома погибли не за что иное, как за блудодеяние с мальчиками. И в начале земной жизни Христовой дочь царя, проплясав на пиршестве среди упившихся, не потребовала ли убийства, не потребовала ли в награду за пляску головы пророка? "**Кто изречет могущество Господа**" (Пс.105:2)? "**Были гнусны",** – говорит (апостол), **–** "**ненавидели друг друга",** так как неизбежно должна произойти великая ненависть, когда мы допустим к душе все наслаждения. Почему? Потому, что только там никто не обижает другого, где любовь соединена с добродетелью. Смотри, что говорит Павел: "**Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют. И такими были некоторые из вас**" (1 Кор.6: 9-11). Видишь, как господствовали тогда все виды зла, как велик был мрак, как нарушалась справедливость? Если имевшие у себя пророчества и видевшие столько зол, как у себя, так и у врагов своих не воздерживались, однако, но совершали множество новых злодеяний, то, что сказать о других? У них некто повелел бороться нагим девицам перед глазами мужчин. Да подаст вам Бог великие блага за то, что вы не хотите даже слышать об этом; а у них этого дела не стыдились даже философы. Другой философ, главный между ними (Платон), повелевает женщинам ходить на войну и быть общими, словно какой сводник и развратитель. "**Жили в злобе и зависти", –** говорит (апостол). Если философы их узаконивали подобные дела, то, что сказать о тех, которые не были философами? Если носившие длинные бороды и одевавшиеся в плащи говорили так, то, что сказать о других? Нет, человек, не для того сотворена жена, чтобы она была общей для всех. О, вы, извращающие все, блудодействующие с мужчинами, как с женщинами, а женщин выводящие на войну, как мужчин! Поистине это дьявольское дело – все перемешивать и извращать, колебать положенные изначала законы и нарушать то, что установил Бог в природе. Жене Бог назначил заботиться только о делах домашних, а мужу – исполнять дела общественные. Ты же ставишь голову на место ног, а ноги на место головы, вооружаешь женщин, и не стыдишься? Но что я говорю об этом? Они вводят к себе какую-нибудь женщину, даже убившую своих детей, и не краснеют и не стыдятся, передавая вслух такие мерзкие рассказы. **Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога, Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, оправдавшись Его благодатью, мы**

по упованию соделались наследниками вечной жизни. Т. е., как надеялись, так и получим, или: вы уже – наследники этого. "**Слово это верно**" (ст. 8). Так как он говорит о будущем, а не о настоящем, то прибавляет и это для удостоверения. Это истинно, говорит, и ясно из предшествующего. Тот, кто избавил нас от такого беззакония и таких зол, без сомнения, подаст нам и будущие блага, если мы пребудем в благодати, потому что все совершается одним и тем же Промыслом.

5. Итак, будем благодарить Бога, и не будем порицать и обвинять других, а лучше убеждать их, молиться за них, советовать, увещать, хотя бы они оскорбляли нас, хотя бы отвергали нас, – потому что таковы бывают больные. Пекущиеся о здоровье больных переносят все, принимают все меры, хотя бы не видели никакого успеха, чтобы после не упрекать самих себя в нерадении. Разве не знаете, как часто, когда врач отчаивается в больном, кто-нибудь из родственников говорит ему: продолжи еще лечение и не упускай ничего, чтобы после мне не жаловаться на себя, не бранить себя, не обвинять. Не видите ли, какое имеют попечение родные о своих близких? Сколько делают для них, и призывая врачей, и постоянно сидя около них? Будем подражать, по крайней мере, им, хотя здесь неодинаковы предметы попечения. Между тем, если дитя заболит телом, то никто не откажется предпринять далекое путешествие, чтобы избавить его от болезни; а когда болит душа, то никто ничего не делает, но все остаемся равнодушными, все – беспечными, все – невнимательными, не заботясь ни о детях, ни о женах, ни о нас самих, одержимых этой тяжкой болезнью; лишь позднее приходим в чувство. Представьте же, как стыдно и крайне смешно говорить после: мы не полагали, мы не ожидали этого; и не только стыдно, но и опасно. Если в настоящей жизни только неразумным свойственно – не предусматривать будущего, то тем более в отношении к жизни будущей, когда многие советуют нам и говорят, что должно делать и чего не должно. Будем же держаться этой надежды, станем заботиться о нашем спасении и во всем обращаться с молитвой к Богу, чтобы Он подал нам руку помощи. Докуда же мы будем беспечны? Докуда нерадивы? Докуда будем оставлять без внимания и самих себя и своих ближних? Он обильно излил на нас благодать Духа. Будем же помнить, какую великую благодать Он явил нам, и постараемся со своей стороны оказать такое же усердие; или, если такое невозможно, то хотя бы меньшее. Коль скоро и после такой благодати мы останемся бесчувственными, то нас постигнет величайшее наказание. "**Если бы Я не пришел и не говорил им", –** говорит (Господь), – "**то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем**" (Ин.15:22). Пусть не будет, чтобы это сказано было о нас, но пусть будет, чтобы все мы удостоились благ, обещанных любящим Его, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 6

"И я желаю, чтобы ты подтверждал о сем, дабы уверовавшие в Бога старались быть прилежными к добрым делам: это хорошо и полезно человекам. Глупых же состязаний и родословий, и споров[1] и распрей о законе удаляйся, ибо они бесполезны и суетны. Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден" (Тит.3:8-11).

1. Сказав о человеколюбии Божьем, о неизреченном Его попечении о нас и о том, каковы мы были и какими Он сделал нас, (апостол) продолжает: "И я желаю, чтобы ты подтверждал о сем, дабы уверовавшие в Бога старались быть прилежными к добрым делам", т. е. об этом беседовать и таким образом располагать к милосердию, потому что вышесказанное может расположить нас не только к смиренномудрию и к тому, чтобы мы не гордились и не порицали других, но и ко всякой другой добродетели. Так он говорит и

в послании к Коринфянам: Ибо "вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою" (2 Кор. 8:9). Напомнив о попечении Божьем и необычайном Его человеколюбии, он убеждает их быть милосердными, и притом не просто и не случайно, – но как? "Чтобы старались", – говорит, – "быть прилежными к добрым делам" т. е. и обижаемым помогать, не деньгами только, но и своим заступлением, и вдов и сирот защищать, и всем вообще бедствующим доставлять спокойствие; это и значит "быть прилежными к добрым делам". "Это хорошо", – говорит, – "и полезно человекам. Глупых же состязаний и родословий, и споров и распрей о законе удаляйся, ибо они бесполезны и суетны".

Что значит: "родословий"? В послании к Тимофею он также упоминает о них, когда говорит: "басням и родословием бесконечным" (1 Тим.1:4). И там и здесь он, вероятно, намекает на иудеев, которые, превозносясь праотцом своим Авраамом, о самих себе не радели. Поэтому он и называет такие родословия бесполезными и суетными. Действительно, безумно надеяться на вещи бесполезные. Схваток[2], т. е. споров с еретиками, он велит избегать, чтобы не трудиться напрасно, когда нет никакой пользы, потому что конец их ничтожен. Когда кто-нибудь развратился до такой степени, что ни за что не решается переменить своего мнения, то для чего тебе трудиться напрасно, рассыпая семя на камни, тогда как можно употреблять этот прекрасный труд для своих, беседуя с ними о милосердии и других добродетелях? Далее, почему (апостол) в другом месте говорит: "не даст ли им Бог покаяния" (2 Тим.2:25), а здесь: "Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден"? Там он говорит о людях, подающих надежду на исправление и только оказывающих сопротивление; а когда кто-нибудь (держится ереси) явно и открыто перед всеми, то для чего напрасно состязаться с ним, для чего бить воздух? Что значит: "будучи самоосужден"? Он не может сказать, что никто не говорил ему, никто не вразумлял его; и когда после увещания останется таким же, то он – "самоосужден". "Когда пришлю к тебе Артему или Тихика, поспеши придти ко мне в Никополь" (ст. 12). Что говоришь ты? Поставив его (Тита) в Крите, ты опять вызываешь к себе? Не с тем, чтобы отвлечь его от должности, но чтобы еще более наставить. А что, действительно, призывал его к себе не с тем, чтобы водить его с собой и иметь его всегдашним своим спутником, о том послушай, как он говорит: "ибо я положил там провести зиму". А Никополь находится во Фракии. "Зину законника и Аполлоса позаботься отправить так, чтобы у них ни в чем не было недостатка" (ст. 13). Им еще не были вверены (области), но они были в числе спутников (Павла). Особенно силен был Аполлос, муж сведущий в Писаниях и красноречивый (Деян.18:24). Но, скажешь, если Зина был законник, то не следовало ему содержаться на счет других. Здесь он называет его законником, как опытного в законах иудейских, и как бы так говорит: доставь им всякое довольство, чтобы ни в чем они не имели недостатка. "Пусть и наши учатся упражняться в добрых делах, [в] [удовлетворении] необходимым нуждам, дабы не были бесплодны. Приветствуют тебя все находящиеся со мною. Приветствуй любящих нас в вере", – говорит или о любящих его, или вообще о верующих, – "Благодать со всеми вами. Аминь" (ст. 14, 15).

2. Для чего же (апостол) велит ему заграждать уста противоречащим (Тит.1:11), если нужно отступиться от них, когда они сами делают все на свою погибель? Он велит не стараться особенно делать это именно ради их пользы, так как они не могут получить себе никакой пользы, однажды и навсегда развратившись в мыслях. Но если они станут губить других, то нужно восстать против них, бороться с ними и опровергать их с великим мужеством. Когда ты будешь поставлен в необходимость и увидишь, как развращаются другие, то не молчи, но заграждай уста развратителей, заботясь о тех, которые готовы погибнуть. А вообще человек трудолюбивый и ведущий правильную жизнь не может предаваться спорам. Следовательно, поступай так, как я сказал, потому что от праздности

и излишнего мудрования происходит то, что спорят об одних словах. Подлинно, говорить лишнее – очень вредно, когда нужно или учить, или молиться, или благодарить. Мы не должны беречь больше деньги, чем слова; напротив, (должны беречь) больше слова, чем деньги, и не доверяться всем без разбора.

Что значит: "учатся упражняться в добрых делах"? Пусть не ждут, чтобы нуждающиеся приходили к ним, а пусть сами заботливо отыскивают нуждающихся в их помощи. Так печется тот, кто истинно печется; он особенно и с великим усердием исполняет это дело. Подлинно благодеяния приносят выгоду и пользу не столько принимающими сколько подающим, так как доставляют им дерзновение перед Богом.

А там, в спорах, дело оканчивается ничем. Таким образом (апостол) разумеет здесь неисправимого еретика. Как не заботиться о тех, которые подают надежду на исправление, свойственно беспечности, так и ухаживать за неизлечимо больными свойственно недогадливости и крайнему безумию, потому что этим мы сделаем их только более дерзкими. "Пусть и наши учатся упражняться в добрых делах, [в] [удовлетворении] необходимым нуждам, дабы не были бесплодны". Видишь, как он заботится больше о них, чем о принимающих (благодеяния)? Можно было бы снарядить их и через многих других, но я, говорит, забочусь о наших, так как что пользы, скажи мне, если бы другие, собирающие сокровища, питали учителей? Нашим тогда не было бы никакой пользы; они остались бы бесплодными. Вот что скажи мне: Христос, напитавший пятью хлебами пять тысяч, и семью – четыре тысячи, разве не мог пропитать Себя и бывших с Ним? Для чего же Он принимал пищу от жен? "Следовали за Ним" жены, говорит (Писание), "и служили Ему" (Мк.15:41). Он показывает нам этим, что Он заботится о делающих благодеяния. А Павел, помогавший своими руками другим, разве не мог не принимать (пропитания) ни от кого? Но, смотри, как он и принимал, и просил, и вот для чего: "не потому, чтобы я искал даяния", – говорил он, – "но ищу плода, умножающегося в пользу вашу" (Флп.4:17). И вначале, когда верующие, продавая свои имения, полагали деньги к ногам апостолов, не видишь ли, как апостолы заботились больше о них, чем о принимающих (подаяние)? Если бы они заботились только о бедных, то не обратили бы никакого внимания на поступок Анании и Сапфиры, когда они утаили деньги (Деян.5:2); и Павел не дал бы такой заповеди: "не с огорчением и не с принуждением" (2 Кор.9:7). Что говоришь ты, Павел? Ты препятствуешь благодетельствовать бедным? Нет, говорит он; я имею в виду благо не только их, но и подающих. Обратите внимание и на пророка: когда он давал Навуходоносору свой прекрасный совет, он не о бедных только заботился, потому что не сказал просто: подавай бедным, – но что? "Искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным" (Дан.4:24). Истощай, говорит, имение не для того только, чтобы другие имели пропитание, но чтобы и сам ты избавлен был от наказания. И Христос сказал: "продай имение твое и раздай нищим; и приходи и следуй за Мною" (Мф.19:21). Видишь ли, что и здесь это заповедано для последования (Христу)? Так как богатство служит к тому препятствием, то Он и велел раздавать его нищим, научая душу быть милосердной и сострадательной, научая презирать богатство, научая устраняться от любостяжания. Тот, кто научился подавать неимущему, тот научится со временем и не принимать от имеющих. А это уподобляет нас Богу. Хотя труднее этого соблюдать девство, также поститься и повергаться на землю, но ничто не может с такой силой погашать пламень наших грехов, как милостыня. Она выше всех добродетелей; она поставляет любящих ее перед лицом самого Царя; и весьма справедливо. Ведь девство, пост и простертие по земле ограничиваются только подвизающимися в этом, а из других не спасают никого; между тем милостыня распространяется на всех и объединяет все члены Христовы; а добрые дела, распространяющиеся на многих, гораздо больше тех, которые ограничиваются только одним.

3. Милостыня есть мать любви, – любви, отличающей христианство, превосходящей все знамения, служащей признаком учеников Христовых; она – врачество против наших грехов, очищение нечистот нашей души, лестница, ведущая на небо; она служит связью тела Христова. Хотите знать, какое она благо? При апостолах все продавали свои имения и приносили к ним вырученные деньги, которые и раздавались: "и каждому давалось", – говорится, – "в чем кто имел нужду" (Деян. 4:35). Скажи мне без отношения к жизни будущей, – мы не станем говорить теперь о будущем царствии, но взглянем на настоящую жизнь, – кто приобретает больше, принимающие или дающие? Другие роптали и ссорились между собой, а они имели одну душу: у всех их, сказано, "было одно сердце и одна душа; великая благодать была на всех их" и жили они с великой для себя пользой (Деян.4:32,33). Видишь, сколько они приобретали через это? Скажи же, где желал бы ты находиться, – в числе ли покидавших свое имение и ничего не имевших, или в числе принимавших чужое? Таков плод милостыни: через нее упразднялись перегородки и препятствия, и души их тотчас соединялись; у всех их "было одно сердце и одна душа". Впрочем, и без милостыни отвержение богатства приносит великую пользу. Все это сказано мной для того, чтобы не получившие наследства от предков не скорбели и не унывали, как имеющие меньше богатых; они будут иметь больше их, если захотят. Подлинно и к милостыне они приступят с большей легкостью, как (упоминаемая в Евангелии) вдовица, и не будут иметь никакого повода к вражде с ближними, и будут свободнее всех. Такому человеку никто не может угрожать отнятием имущества, – он выше всех зол. Как людей нагих, когда они бегут, не скоро может поймать кто-нибудь, а слишком одетых и влекущих за собой множество тяжестей легко может схватить всякий, – так бывает и с богатым и бедным. Последний, хотя и будут его настигать, легко может убежать; а первый, хотя бы и не был настигнут, задерживается своими собственными путами, тысячами забот, скорбей, волнений, раздражений. Все это обрушивается на душу, и не только это, но и многое другое, что богатство навлекает на нас. И соблюдать умеренность гораздо труднее для богатого, чем для бедного; равным образом жить в простоте и быть свободным от гнева гораздо труднее для первого, чем для второго. Следовательно, скажешь, они получат и большую награду? Нисколько. Почему же, если они исполняют труднейшее? Потому, что эти трудности человек создает сам для себя; ему не заповедано собирать богатство, а напротив: он же сам себе приготовляет множество соблазнов и затруднений. Иные не только отказываются от богатства, но еще изнуряют свое тело, как идущие тесным путем; а ты не только не делаешь этого, но еще воспламеняешь очаг страстей и обременяешь себя многим другим.

Ступай же ты на путь широкий, – он принимает подобных тебе людей; а путь тесный принимает скорбящих, сетующих и не несущих с собой ничего, кроме того бремени, которое можно нести по нему, т. е. милостыни, человеколюбия, честности, кротости. Если ты будешь нести это бремя, то можешь и ты вступить на него; а так как ты несешь с собой безумие, воспаленность душевную, бремя из терний – богатство, то тебе нужен путь широкий. Тебе невозможно замешаться в толпу без того, чтобы не ушибить других заранее взятой на себя ношей, но тебе нужен широкий простор. А кто несет золото и серебро, т. е. подвиги добродетели, от того ближние не только не убегают, но и делаются близкими и соединяются с ним. Далее, если самое богатство есть терние, то, что же любостяжание? Для чего ты несешь его туда? Для того чтобы зажечь сильнейший пламень, подложив ношу под огонь? Неужели мало тебе огня геенского? Вспомни, как три отрока победили пламень печи; представь, что это геенна. Связанные и скованные, они в скорби была ввержены туда; но внутри нашли совершенный простор, в противоположность тем, которые стояли вне.

4. Подобное тому будет и ныне, если мы захотим твердо и мужественно стоять против постигающих нас искушений. Если мы возложим надежду на Бога, то мы будем в

безопасности и на свободе, а нападающие на нас погибнут, потому что "кто роет яму", – говорит (Премудрый), – "тот сам упадет в нее" (Сир.27:29). Хотя они свяжут нам руки или ноги, скорбь в состоянии будет разрешить нас. Посмотри на это чудо: кого люди связали, тех огонь разрешил. Это то же, как если бы кто-нибудь отдал рабам кого-либо из своих друзей; рабы, уважая дружбу его с господином, не только не станут оскорблять его, но и воздадут ему великую честь; так и огонь, узнав, что эти отроки друзья самого Господа, расторг оковы их, разрешил и избавил их, сделался для них подстилкой и был попираем ими; и справедливо, потому что они были ввергнуты ради славы Божьей. Будем помнить такие примеры все мы, находящиеся в скорбях. Но вот, скажешь, они избавились от скорби, а мы – нет. Так и следует. Они шли в печь не с тем, чтобы избавиться, но, твердо решившись умереть; послушай, что говорят они: "Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавит. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся" (Дан.3:17,18). А мы, как бы подчиняя своим соображениям наказания Божьи, назначаем для них и время и говорим: "если до таких-то пор не помилует нас Бог". Потому мы и не избавляемся. Вот и Авраам шел не с тем, чтобы получить сына живым, но чтобы заколоть его; и сверх чаяния получил его живым. Так и ты, когда подвергнешься скорби, не будь нетерпелив и не спеши освободиться от нее, но расположи душу свою ко всякому терпению, и тогда скоро освободишься от скорби: для того Бог и посылает ее, чтобы вразумить. Таким образом, если мы с самого начала умеем переносить скорби и не ропщем, то Он скоро освобождает нас от них, потому что все уже (с нашей стороны) исполнено. Я хочу рассказать вам один весьма полезный и назидательный пример. Какой же? Когда воздвигнуто было гонение и возгорелась жестокая война против Церкви, были схвачены два человека; один из них был готов переносить все, что угодно, а другой также мужественно готов был перенести отсечение головы, но других мучений боялся и трепетал. Смотри же устроение Божье: когда судья стал судить, то готовому на все велел отсечь голову, а того повесить и терзать, и не раз или два, но проводя по всем городам. Для чего же это было попущено? Для того чтобы слабая душа его укрепилась в страданиях, чтобы он отвергнул всякий страх, чтобы он не боялся, не колебался и не трепетал перед мучениями. И Иосиф, когда особенно усиливался выйти из темницы, тогда и оставался в ней: послушай, что говорит он: "ибо я украден из земли Евреев"; и: "и упомяни обо мне фараону" (Быт.40:15,14). Для того он и оставался там, чтобы научиться, что не должно полагаться и надеяться на людей, но все возлагать на Бога. Итак, зная это, будем благодарить Бога и делать все, ведущее к нашему благу, чтобы нам достичь будущих благ во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Ερις – схватка, ссора, спор, соперничество.

[2] См. прим. 1.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ФИЛИМОНУ

Предисловие

Прежде всего, нужно сказать о поводе к написанию этого послания, а потом и о других вопросах. Какой же был повод? Некто Филимон, один из почтенных и благородных

мужей, – а что он был муж почтенный, это видно из того, что весь дом его был верным и настолько верным, что называется даже церковью, как говорит (Павел), когда пишет: "**и домашней твоей церкви!** (Флм. ст. 2), также свидетельствует о великом его послушании и о том, что им "**успокоены сердца святых**" (ст. 7), и заповедует в том же послании приготовить для себя гостинницу (ст. 22), так как дом его, кажется мне, был пристанищем для всех святыхъ, – этот почтенный муж имел раба Онисима. Онисим, украв что-то у господина своего, убежал; а что он действительно украл, о том, послушай, как говорит (Павел): "**Если же он чем обидел тебя, или должен, я заплачу**" (ст. 18, 19). Потом, придя к Павлу в Рим, найдя его в темнице и будучи оглашен от него учением, он принял там крещение; а что он принял там дар крещения, видно из слов: "**которого родил я в узах моих**" (ст. 10). Поэтому Павел пишет послание, в котором препоручает его господину, чтобы тот во всем простил его и принял, как уже возрожденного.

Некоторые говорят, что не нужно присоединять это послание (к канону священных книг), так как оно касается маловажного дела, только одного человека; но пусть узнают высказывающие такое неодобрение, что сами они достойны многих укоризн. Не только такие малые послания и написанные о таких обыкновенных предметах следовало принять (в канон); но желательно, чтобы кто-нибудь в состоянии был рассказать нам полную, историю апостолов, чтобы не только, о том, что они писали и говорили, но и о прочем их образе жизни, что они ели и когда ели, когда сидели и куда ходили, что делали каждый день, в каких странах бывали, в какой дом входили и где плавали, обо всем этом рассказал бы подробно, – такой великой пользы исполнено все, что они делали! Но многие не знают происходящей отсюда пользы, и потому высказывают неодобрение. Если мы, взирая только на места, где они сидели, или были связаны, на места бездушные, часто обращаемся к ним мыслью, представляем их добродетели, пробуждаемся от своей беспечности и становимся более ревностными, то тем более было бы так, если бы мы слышали их слова и другие их деяния. Если о друге всякий спрашивает, где он живет, что делает, куда идет, то неужели, скажи мне, нам не следует знать все это о всеобщих учителях вселенной? Кто живет духовно, того и одежда, и походка, и слова, и дела, вообще все приносит пользу слушающим, и никакого не встречается к тому препятствия и затруднения. Впрочем, вам полезно узнать, что это послание касается предметов необходимых. Смотри же, сколько доброго в нем заключается. Во-первых (мы научаемся), что нужно быть внимательным ко всему, потому что если Павел показывает столько заботливости о беглеце, разбойнике и воре, не отказывается и не стыдится отсылать его с такими похвалами, то тем более нам не следует быть небрежными в подобных случаях. Во-вторых, что не нужно считать сословие рабов отверженным, хотя бы дошли они до крайней степени зла, потому что если вор и беглец сделался настолько добродетельным, что Павел желал иметь с ним общение и писал: "**дабы он вместо тебя послужил мне**" (ст. 13), то тем более не следует отчаиваться в людях свободных. В-третьих, что не нужно рабов отнимать от господ, потому что если Павел, будучи так уверен в благорасположении к нему Филимона, не хотел без воли господина удержать при себе Онисима, который был так нужен и полезен ему, то тем более не должны делать этого мы. Если раб – человек добродетельный, то он тем более должен оставаться в услужении и почитать власть господина, чтобы приносить пользу всем находящимся в доме. Для чего же снимать свечу со светильника «и ставить ее под сосудом (Мф.5:15)? О, если бы и тех, которые находятся вне, можно было ввести внутрь города! Но что, скажешь, если он и тогда окажется негодным? Почему же, скажи мне? Потому ли, что он войдет в город? Но подумай, что, находясь вне, он будет еще хуже; если он, находясь внутри, окажется негодным, то тем более (будет таким), находясь вне; здесь, при попечительном господине, он будет свободен от неизбежных забот, а там эти заботы, может быть, отвлекут его от предметов более необходимых и духовных. Потому блаженный Павел и дает (рабам) такой прекрасный совет: "**Рабом ли", –** говорит, – "**ты призван, не смущайся; но если и**

можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся" (1 Кор.7:21), т. е. оставайся в рабстве. А необходимее всего то, чтобы не было хулимо слово Божие, как и сам он говорит в послании: "**Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение**" (1 Тим.6:1). Даже и язычники скажут, что и раб может угодить Богу; иначе многие были бы поставлены в необходимость хулить и говорить, что христианство ниспровергает весь порядок жизни, отнимая рабов у господ и делая насилие. Сказать ли и еще нечто? (Это послание) научает нас не стыдиться рабов, если они добродетельны; если Павел, превосходнейший из всех людей, так отзывается о нем (Онисиме), то тем более мы должны (так поступать) со своими (рабами). После таких достоинств, хотя мы еще не все сказали, ужели кто-нибудь станет думать, что это послание напрасно включено (в канон)? Не будет ли это крайним безумием? Итакъ, прошу вас, выслушаем со вниманием послание, написанное апостолом; уже получив от него столько пользы, мы получим еще больше при последовательном чтении.

БЕСЕДА 1

"Павел, узник Иисуса Христа, и Тимофей брат, Филимону возлюбленному и сотруднику нашему, и Апфии, (сестре) возлюбленной, и Архиппу, сподвижнику нашему, и домашней твоей церкви: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа" (Флм. ст. 1-3).

1. Это написано о рабе к господину. С самого начала (апостол) научает его не надмеваться и не стыдиться, укрощает его гнев, называя себя самого узником, смиряет и успокоивает его, внушая, что все настоящее ничтожно. И действительно, если узы за Христа – не стыд, а слава, то тем более не постыдно рабство. Он говорит это не с тем, чтобы превознести себя, но чтобы сделать полезное и внушить доверие к словам своим, – не для себя, но для того, чтобы скорее испросить милость (другому). Он как бы так говорит: для вас я обложен этими узами, подобно как говорит он и в других местах (Ефес.3:1; 2 Тим.2:9), впрочем, там выражая свое попечение, а здесь достоверность. Для него нет выше похвалы, как называться страдальцем Христовым: "**я", –** говорит, – "**ношу язвы Господа Иисуса**" (Гал.6:17). "**Узник Иисуса Христа",** потому что он связан был за Него. Слыша об узах Христовых, кто не устыдился бы, кто не преклонился бы, кто не отдал бы самой души своей, а не только одного раба? "**И Тимофей брат**": присоединяет к себе и другого, чтобы (Филимон), слыша просьбу от многих, скорее склонился и оказал милость. "**Филимону возлюбленному и сотруднику нашему**". Если он возлюбленный, то надежда на него не есть дерзость или безрассудство, но знак великой дружбы; если он споспешник, то не только должен принимать такие просьбы, но и благодарить за них, так как чрез это он делает добро и себе самому, устрояя одно и то же дело. Таким образом, и без просьбы ты имеешь, говорит, еще другое побуждение оказать милость: если он полезен для евангелия, а ты обнаруживаешь усердие к евангелию, то тебе нужно не ожидать просьбы, а самому просить. "**И Апфии возлюбленной**". Она, кажется мне, была супругою Филимона. Посмотри на смирение Павла: он и Тимофея в своей просьбе присоединяет к себе, и просит не одного мужа, но и жену, и еще иного, вероятно, друга: "**и Архиппу", –** говорит, – "**сподвижнику нашему**". Он не приказанием хочет достигнуть этого и не обнаруживает негодования, если Филимон не тотчас послушается его повеления, но поступает как бы человек неизвестный, располагая и их сделать то же и подкрепить его просьбу, – потому что не только просьба от многих, но и просьба, обращенная ко многим, способствует к получению просимого. "**И Архиппу, сподвижнику нашему**". Если ты сподвижник, то должен принять участие и здесь. Это тот самый Архипп, о котором в послании к Колоссянам говорит: "**Скажите Архиппу: смотри, чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе**" (Кол.4:17). Мне кажется, что он был в числе клира;

потому (апостол) и к нему обращает просьбу и называешь его сподвижником, чтобы всячески содействовать (достижению). "**И домашней своей церкви".** Здесь он не опустил из виду и рабов, потому что знал, что часто и речи рабов могут убедить господина, особенно когда просьба касается раба; при том, может быть, они особенно и возбудили гнев господина. Поэтому, не желая, чтобы они впали в зависть, он и их почтил приветствием вместе с господами. Впрочем, не подал и господину повода оскорбляться. Если бы он назвал (рабов) по имени, то, может быть, тот оскорбился бы; а если бы вовсе не упомянул о них, то остался бы недоволен; потому, смотри, как мудро, упомянув (о рабах), и их почтил своим воспоминанием, и его не раздражил. А название "**Церкви**" не допускает господам оскорбляться, когда они поставляются вместе с рабами. Подлинно, Церковь не знает различия между господином и рабом; она различает того и другого по добродетелям и порокам. Итак, если (дом твой) есть Церковь, то не оскорбляйся, что раб поставляется вместе с тобою: "**во Христе Иисусе нет раба, ни свободного**" (Гал.3:28). "**Благодать вам и мир**". Напомнив о благодати, (апостол) приводит ему на память собственные его грехи. Подумай, говорит, как много грехов простил тебе Бог, как ты спасен благодатью, и подражай Владыке. Испрашивает ему мира; и справедливо, потому что мир бывает тогда, когда мы подражаем Ему, когда благодать пребывает с нами. Так и тот раб, который оказался немилосердым к подобному себе рабу, пока не требовал от него ста динариев, дотоле пользовался милостью господина; а когда стал требовать, тогда был лишен ее и предан мучителям (Мф.18:34).

2. Представляя это, будем и мы милосерды и сострадательны к согрешающим против нас. Сто динариев означают здесь грехи (других) в отношении к нам, а наши грехи в отношении к Богу – тысячи талантов. Вы знаете, что грехи против кого-нибудь судятся и по достоинству лиц. Например: оскорбивший частного человека согрешил, но не так, как оскорбивший начальника; более согрешил оскорбивший высшего начальника, а менее – оскорбивший низшего, но гораздо более оскорбивший царя. Хотя оскорбление одно и то же, но от превосходства лица оно становится больше. Если же оскорбляющий царя получает тяжкое наказание, по достоинству лица оскорбляемого, то сколькими талантами будет должен оскорбляющий Бога? Хотя бы грехи наши против Бога были те же самые, какие и против людей, но они не одинаковы; а сколько различия между Богом и человеком, столько же между теми и другими грехами. Впрочем, я нахожу много и таких грехов, которые бывают великими не только от превосходства лица, но и сами по себе. Страшны слова, которые я намереваюсь сказать, поистине страшны, но сказать их необходимо, чтобы, хотя таким образом тронуть и пробудить нашу душу, показав, что мы гораздо больше боимся людей, нежели Бога, и больше почитаем людей, нежели Бога. Вот смотри: прелюбодей знает, что Бог видит его, – и презирает Бога; а когда смотрит на него человек, то он удерживает свою похоть. Он не только предпочитает людей Богу, не только оскорбляет Бога, но, – что гораздо тяжелее, – боясь людей, презирает Бога, так как, если он видит людей, то удерживает пламень похоти. Впрочем, какой пламень? Это – не пламень, а бесчестие; если бы не было позволено иметь жену, то действительно это был бы пламень, а теперь это – бесчестие и разврат. Таким образом, если он видит людей, то укрощает свое бешенство, а о Божием долготерпении думает меньше всего. Другой, украв, сознает, что он похищает чужое, и старается обмануть людей, оправдывается против обвиняющих его и придает вид (правды) своему оправданию; а о Боге, Которого обмануть невозможно, не беспокоится, не стыдится и не почитает. Когда царь прикажет не брать чужого имущества, или даже отдать свое собственное, то мы все с готовностью приносим; а когда Бог повелевает не похищать и не брать чужого, то мы не повинуемся. Видишь, как мы предпочитаем людей Богу? Тяжелы и горьки эти слова; но докажите, что они тяжелы, воздержитесь от самого дела. Если же вы не боитесь самого дела, то как я могу поверить вам, когда вы говорите, что страшитесь наших слов и чувствуете их тяжесть? Вы сами себя обременяете своими делами, и нисколько не заботитесь; а когда я

говорю о тех делах, которые вы делаете, то негодуете. Не безумно ли это? О, если бы ложно было сказанное мною! Я желал бы лучше сам быть обвиненным во лжи в тот (страшный) день, как укорявший вас несправедливо и напрасно, нежели видеть вас осужденными за это. Но вы не только сами предпочитаете людей Богу, а принуждаете к тому и других. Многие делали принуждение многим рабам и детям: одни заставляли их вступать в брак против воли, другие – служить своим постыдным желаниям, нечистой любви, хищничеству, любостяжанию, насилиям, так что вдвойне виновны и не могут оправдываться какою-нибудь необходимостью. В самом деле, если ты не можешь представить достаточного оправдания и тогда, когда делаешь зло невольно, по приказанию начальника, то грех бывает гораздо тяжелее, когда ты принуждаешь к тому и других. Какое может быть оправдание для такого человека? Говорю это не для того, чтобы осуждать вас, но чтобы показать, какие мы должники пред Богом. Если, почитая человека наравне с Богом, мы оскорбляем Бога, то гораздо более оскорбляем Его, когда людей предпочитаем Ему. Таким образом, если те же самые грехи, которые делаем мы против людей, бывают гораздо тяжелее, когда они относятся к Богу, то не гораздо ли хуже, когда грех и по свойству своему больше и тяжелее? Пусть испытает каждый самого себя, – и увидит, что для людей он делает все. Мы весьма блаженны были бы, если бы для Бога делали столько же, сколько делаем для людей из тщеславия, страха, или уважения. Итак, если мы сами виновны в столь многих грехах, то должны со всею готовностью прощать оскорбляющих и обманывающих нас, и не помнить зла. Для того, чтобы простить грехи, не нужно ни трудов, ни издержек и ничего другого, а нужно одно только желание; не нужно ни предпринимать путешествия, ни отправляться в чужие страны, ни подвергаться опасностям и трудам, а нужно только захотеть.

3. Какое, скажи мне, мы получим прощение за неисполнение дел, кажущихся трудными, когда не исполняем и дела легкого, столь полезного и плодотворного и не требующего никакого труда? Ты не можешь пренебречь богатства? Не можешь раздать имения нуждающимся? Но разве ты не можешь пожелать ничего доброго? Разве не можешь простить оскорбившему? Если бы ты сам и не был виновен в столь многих (грехах) и только получил бы от Бога повеление – прощать других, то не должен ли ты был бы (исполнять это)? Как же теперь, будучи сам виновен в столь многих (грехах), ты не прощаешь другим, при том зная, что Он требует от тебя того же, что ты получаешь от Него? Когда мы приходим к своему должнику, он, помня свой долг, услужливо и с честью принимает нас и всячески оказывает нам свое радушие, еще не получая от нас прощения долга, а только желая сделать нас снисходительными в требовании: как же ты, будучи столь великим должником пред Богом и получив от Него повеление – прощать, с тем, чтобы и самому получить прощение, не прощаешь? Почему так, спрашиваю тебя? Увы, какое человеколюбие оказывается нам, и какую оказываем мы злобу, какую сонливость, какую беспечность! Как легка и многополезна добродетель, и как тяжело зло! Но мы, оставляя легкое, избираем то, что тяжелее олова. Здесь не нужно ни силы телесной, ни богатства, ни денег, ни власти, ни дружбы и ничего другого, а довольно одного желания, – и все будет сделано. Оскорбил ли тебя кто-нибудь, обидел, осмеял? Вспомни, что и сам ты делаешь много подобного в отношении к другим, даже в отношении к самому Владыке, – и прости и извини его. Вспомни, что ты сам говоришь: "**прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим**" (Мф.6:12); подумай, что, если ты не прощаешь (другим), то не можешь с дерзновением говорить это; а если прощаешь, то как бы требуешь должного, хотя не по существу самого дела, а по человеколюбию Дарующего (нам прощение). Да и как можно равнять прощаемое нами подобным нам рабам с грехами против Владыки, в которых мы получаем от Него прощение? Мы удостоиваемся такого человеколюбия Его потому, что Он богат милостью и щедротами. Впрочем, я докажу тебе, что и без этого, и без прощения грехов твоих, от одного прощения (другим) ты получаешь пользу. Представь, сколько такой человек имеет друзей, как везде и все

превозносят его и говорят: он человек добрый, примирительный; незлопамятный; как скоро получает обиду, тотчас же и забывает ее. Если такой человек подвергнется какому-нибудь несчастью, то кто не пожалеет его? Кто не извинит его, если он погрешит в чем-нибудь? Кто не сделает ему одолжения, если он станет просить о чем-нибудь за других? Кто не захочет быть другом и даже рабом такой доброй души? Так, увещеваю, будем для этого делать все, не только в отношении к друзьям и родным, но и к слугам: "**умеряя", –** говорит (апостол), – "**строгость, зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь**" (Еф.6:9). Если мы будем отпускать ближним согрешения, то отпустится и нам; также – если будем творить милостыню, если будем смиренны, потому что и это служит к отпущению грехов. Мытарь сказал только: "**будь милостив ко мне грешнику**" и вышел оправданным (Лук.18:13); тем более мы можем сподобиться великого человеколюбия (Божия), если будем смиренны и сокрушенны сердцем; и если мы будем исповедовать грехи свои и осуждать самих себя, то очистим множество нечистот, потому что много путей к очищению. Итак, будем всеми средствами бороться с диаволом. Я не сказал ничего трудного, ничего неприятного; прости оскорбившему, подай милостыню нуждающемуся, смири свою душу, – и, хотя бы ты был величайшим грешником, ты можешь достигнуть царствия (небесного), очищая таким образом грехи и омывая нечистоты. Да сподобимся же все мы, очистившись здесь от всякой нечистоты греховной исповеданием, получить там обещанные блага, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу слава, держава (честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 2

"Благодарю Бога моего, всегда вспоминая о тебе в молитвах моих, слыша о твоей любви и вере, которую имеешь к Господу Иисусу и ко всем святым, дабы общение веры твоей оказалось деятельным в познании всякого у вас добра во Христе Иисусе" (Флм. ст. 4-6).

1. Не вдруг и не в самом начале послания просит (Филимона) о милости, но сначала, выразив удивление к этому мужу и похвалив его за добродетели, представив немаловажное доказательство и своей любви к нему в том, что всегда вспоминает о нем в молитвах своих, и сказав, что многие находят у него покой и ко всем он оказывает кротость и веру, потом наконец (апостол) и начинает речь, и таким образом с особенною силою убеждает его. Действительно, если другие получают от него то, чего просят, то тем более (должен получить) Павел; если, пришедши прежде других, он достоин был бы получить, то тем более после других, и при том прося не для себя, а для другого. Далее, чтобы не показалось, что он пишет только поэтому, и чтобы кто-нибудь не сказал: если бы не было Онисима, то ты и не написал бы этого послания, – смотри, как он приводит и другие причины к написанию послания: во-первых, указывает на его любовь, а во-вторых, повелевает приготовить для себя гостинницу. "**Слыша**", – говорит, – "**о любви твоей**". Это достойно удивления и значит больше, нежели если бы он лично видел (эту любовь). Видно, она была чрезвычайно велика, если сделалась известною и достигла до его слуха, хотя расстояние между Римом и Фригиею было не малое, – а (Филимон) там находился, как я заключаю по имени Архиппа (упоминаемого здесь и в послании к Колоссянам). Колоссяне жили во Фригии, и в послании к ним (Павел) говорил: "**Когда это послание прочитано будет у вас, то распорядитесь, чтобы оно было прочитано и в Лаодикийской церкви; а то, которое из Лаодикии, прочитайте и вы**" (Кол.4:16,17). Лаокидия же – фригийский город. Молюсь, говорит, "**дабы общение веры твоей оказалось деятельным".** Видишь, как он сам дает раньше, чем получает, и прежде, нежели испрашивает милость, предлагает ему от себя гораздо большее? "**Дабы общение веры твоей**", – говорит, – "**оказалось деятельным в познании всякого у вас добра во Христе Иисусе",** т. е., чтобы ты достиг всякой добродетели, чтобы у тебя не было никакого недостатка. Вера бывает действенною тогда, когда сопровождается делами,

потому что "**вера без дел мертва**" (Иак.2:26). Не сказал: вера твоя, но: "**общение веры твоей",** соединяя его с собою и внушая, что они – одно тело, и тем с особенною силою убеждая его. Если ты, говорит, сообщник мой в вере, то должен быть сообщником и в другом. "**Ибо мы имеем великую радость и утешение в любви твоей, потому что тобою, брат, успокоены сердца святых**" (ст. 7). Ничто так не убеждает, как указание на благодеяния, сделанные другим, особенно если (просящий) почтеннее их. Впрочем, он не сказал: если ты делаешь для других, то тем более – для меня; но, выразив то же самое, употребил другой оборот речи, более кроткий. "**Ибо мы имеем великую радость**", т. е., ты дал мне дерзновение теми (благодеяниями), какие оказываешь другим. "**И утешение",** т. е., мы не только радуемся, но и утешаемся, потому что они – наши члены. Если же должно быть такое согласие, что находящиеся в скорбях, хотя бы сами ничего не получали, должны радоваться, видя успокоение других, так как облагодетельствовано одно тело, то тем более (мы будем радоваться), если ты успокоишь и нас. Не сказал: ты кроток, ты уступчив; но говорит сильнее и выразительнее: "**сердца святых",** как бы обращаясь к сыну, дорогому и возлюбленному для родителей. Такая любовь и привязанность доказывает, что (Филимон) был весьма любим ими. "**Посему, имея великое во Христе дерзновение приказывать тебе, что должно**" (ст. 8). Смотри, как он остерегается, чтобы и сказанное от сильной любви не поразило слушателя и не оскорбило его. Потому прежде, нежели сказал: "**приказывать тебе",** – а такое выражение было резко, хотя, сказанное от любви, весьма легко могло достигнуть цели,– он из осторожности делает оговорку: "**имея дерзновение",** и этим показывает, что Филимон был муж великий, т. е. (как бы говорит): ты сам дал нам дерзновение; при том прибавляет: "**во Христе",** и этим показывает, что он говорит так не за его знатность или силу в мире, но за веру во Христа; а потом уже присовокупляет: "**приказывать тебе",** и не только это, но еще: "**что должно",** т. е. справедливое дело. Смотри, сколькими доводами он убеждает: ты оказываешь, говорит, благодеяния другим, окажи и мне, притом ради Христа, и потому, что это дело справедливо, и потому, что этого требует любовь. Поэтому и продолжает: "**по любви лучше прошу**" (ст. 9). Он как бы так говорит: из бывших примеров я знаю, что, и повелевая с великою властью, я получу успех; но так как я особенно забочусь об этом деле, то "**молю**". Здесь он вместе выражает и то и другое: и то, что надеется на него, – почему и "**приказывает",** – и то, что особенно заботится об этом деле, – почему и "**молит". "Не иной кто", –** говорит, **– "как я, Павел старец".**

2. О, сколько убедительных доказательств! "**Павел",** – это доказательство от достоинства лица; "**старец**", – от возраста; "**узник Иисуса Христа",** – от того, что он праведнее всех. Кто не принял бы с распростертыми объятиями ратоборца, увенчанного за подвиги? Кто, видя связанного за Христа, не оказал бы ему тысячи услуг? Смягчив таким образом душу, (Филимона, апостол) не вдруг объявляет имя раба, но после такой просьбы еще медлит. Вы знаете, как велик бывает гнев господ на убежавших рабов, особенно если это сделано с покражею, как сильно раздражаются они, хотя бы были добрыми господами. Потому старается смягчить его всеми доводами; и когда наперед возбудил в нем готовность сделать все, что бы ни было, и приготовил душу его ко всякому послушанию, тогда уже и высказывает свою просьбу: "**прошу тебя",** – говорит, и при том с похвалами, – "**о сыне моем, которого родил я в узах моих**" (ст. 10). Опять для убеждения – узы; и, наконец, называет самое имя (Онисима). Таким образом, не только укрощает гнев, но и возбуждает чувство благорасположения: я, говорит, не назвал бы его сыном, если бы он не был весьма благонадежным. Как я назвал Тимофея, так (называю) и его. И часто, для выражения своей любви, он указывает на время рождения: "**которого родил я", –** говорит, – "**в узах моих".** Он значит достоин великой чести и потому, что рожден среди самых подвигов, среди искушений за Христа. "**Онисима**, **он был некогда негоден для тебя**" (ст. 10). Смотри, с каким благоразумием он объявляет грех его, и тем укрощает гнев (господина). Знаю, говорит, что он был непотребен; "**а теперь годен тебе и мне".** Не сказал: ныне же

будет благопотребен тебе, чтобы он не стал противоречить; но присоединил и свое лицо, чтобы надежды (на слугу) были достовернее. "**А теперь годен тебе", –** говорит, – "**и мне".** Если он полезен Павлу, требующему такой великой ревности, то тем более – господину. "**Я возвращаю его**". И тем еще укрощает гнев, что отдает его. Господа особенно гневаются тогда, когда ходатайство бывает за (рабов) отсутствующих, так что этим самым он еще более успокоил (Филимона). "**Ты же прими его, как мое сердце**" (ст. 12). Опять не просто употребляет его имя, но с прибавлением убедительного выражения, которое нежнее слова – сын. Таким образом, назвал его сыном, сказав: "**которого родил я",** и внушил, что его надобно любить особенно, потому что он рожден среди искушений. Известно, что мы питаем особенную любовь к детям, рожденным среди опасностей, которых мы избежали, как свидетельствует Писание, когда говорит: "**Ихавод**" (1 Цар.4:21), и когда Рахиль называет Вениамина – "**сын болезни моей**" (Быт.35:18). "**Ты же прими его, как мое сердце".** Этим он выражает великую любовь свою к нему. Не сказал: возьми, не сказал: не гневайся, но: "**приими",** т. е. он достоин не только прощения, но и чести. Почему? Потому, что он сделался сыном Павла. "**Я хотел при себе удержать его, дабы он вместо тебя послужил мне в узах [за] благовествование**" (ст. 13). Видишь, сколько он наперед употребляет доводов, чтобы потом внушить к нему уважение господина? Смотри, с какою мудростью он делает и это; смотри, как он обязывает одного и воздает честь другому. Ты видишь, говорит, что чрез него ты сам оказываешь мне услугу. Потом внушает, что он больше имел в виду его, нежели раба, – потому что оказывает ему великое уважение. "**Но без твоего согласия", –** говорит, – "**ничего не хотел сделать, чтобы доброе дело твое было не** (как бы)[1] **вынужденно, а добровольно**" (ст. 14). Человек особенно тогда склоняется на просьбу, когда и самое дело полезно, и устрояется оно согласно с его волею; тогда именно бывают два блага: и дающий получает пользу, и принимающей находится в большей безопасности. Не сказал: было не вынужденно, но: было не как бы вынужденно; хотя я знал, говорит, что ты, если бы и не был уведомлен об этом деле, а получил об нем известие нечаянно, не стал бы сердиться, но (поступил так) по особенной предосторожности, "**не** (как бы) **вынужденно, а добровольно. Ибо, может быть, он для того на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда, не как уже раба**" (ст.15,16). Хорошо сказал: может быть, чтобы господин оказал снисхождете; а с другой стороны сказал: может быть потому, что бегство было совершено по самоуправству и извращенному рассуждению, а не с добрым намерением. Не сказал: ради сего убежал, но: "**для того отлучился",** чтобы более приличным выражением скорее склонить (господина) к милости. Также не сказал: сам отлучился, но: разлучися, был разлучен, т. е. не своим умыслом отлучился по той или другой причини. Так и Иосиф, оправдывая братьев, сказал: "**Бог послал меня перед вами**" (Быт.45:5), т. е. злой умысел их обратил в хорошую сторону. "**Для того", –** говорит, **–** "**на время отлучился**". Он и время сокращает и грех исповедует, и все приписывает устроению (Божию). "**Чтобы тебе принять", –** говорит, – "**его навсегда",** – не только в настоящее время, но и будущее, чтобы тебе иметь его всегда, уже не как раба, но выше раба; оставаясь рабом, он будет предан тебе более брата, и таким образом ты сделаешь приобретение и по времени и по свойству (отношений его к тебе); он более уже не убежит. "**Чтобы тебе принять его навсегда",** т. е. удержишь. "**Не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного, особенно мне".** Ты на короткое время лишился раба, и навсегда приобретаешь брата, не твоего только брата, но и моего. Здесь (указывает Павел) на великие добродетели (Онисима). Если же он мой брат, то не стыдись его и ты. Названием "**сына**" (апостол) выразил любовь к нему, а названием "**брата**" – великое благожелание и равенство.

3. Это написано не напрасно, но для того, чтобы мы – господа – не презирали своих слуг и не были слишком взыскательными к ним, чтобы научились прощать проступки слу-гам своим и не были всегда жестокими к ним, чтобы мы не стыдились рабов и имели общение

с ними во всем, если они хороши. Если Павел не постыдился назвать раба сыном, утробою своею, братом и возлюбленным, то как будем стыдиться мы? Но что я говорю: Павел? Владыка Павла не стыдится называть рабов наших братьями Своими, – как же будем стыдиться мы? Смотри, какую Он оказывает нам честь: наших рабов Он называет Своими братьями, друзьями и сонаследниками. Вот как Он уничижил Себя! Что же делать нам, чтобы вполне достигнуть этого? Никогда мы не можем (достигнуть этого) вполне, но до какой бы степени смирения мы ни дошли, большей части его будет еще недоставать нам. Смотри: что бы ты ни делал, ты делаешь для подобного тебе раба, а Владыка твой сделал это для твоих рабов. Слушай и страшись! Никогда не превозносись своим смирением! Может быть, вам кажутся смешными слова мои, что смирение превозносится; но не удивляйтесь: оно превозносится, когда бывает неискренним. Как и каким образом? Когда оно бывает для того, чтобы показаться пред людьми, а не пред Богом, когда оно имеет в виду свое прославление и тщеславие; и тогда оно – дело диавола. Как многие тщеславятся тем, что они нетщеславны, так превозносятся и смирением по высокомерию. Например, пришел к тебе какой-нибудь брат, или слуга; ты принял его, омыл ему ноги, и тотчас же гордишься этим: я, говоришь ты, сделал то, чего не сделал никто другой, я совершил подвиг смирения. Каким же образом можно остаться смиренномудрым? Если будем помнить заповедь Христа, который говорит: "**когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие**" (Лук.17:10); также слова учителя вселенной, который говорит: "**я не почитаю себя достигшим**" (Флп.3:13). Кто убежден, что он не сделал ничего великого, что бы он ни сделал, кто не считает себя достигшим конца, тот только может быть смиренным. Многие от смирения впали в гордость, – да не будет этого с нами! Совершил ли ты какое-нибудь дело смирения? Не превозносись, иначе погубишь все. Таков был фарисей: он стал превозноситься тем, что отдавал бедным десятину, и погубил все. Но не таков был мытарь. Послушай, что еще говорит Павелъ: "**ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь**" (1 Кор.4:4). Видишь ли, как он не превозносился, но всячески уничижал и смирял себя, и при том тогда, как достиг самой высоты добродетелей? И три отрока, будучи в огне, среди пламени, что говорили? "**Ибо согрешили мы, и поступили беззаконно, отступив от Тебя, и во всем согрешили**" (Дан.3:29). Это и значит иметь сердце сокрушенное. Поэтому они и могли сказать: "**Но с сокрушенным сердцем и смиренным духом да будем приняты**" (Дан.3:39). Так они были смиренны после ввержения в печь, даже более, нежели до ввержения. Когда они увидали совершившееся чудо, то, считая себя недостойными спасения, пришли в глубокое смирение, – потому что мы тогда особенно сокрушаемся духом, когда убеждаемся, что мы получили великие благодеяния не по заслугам. Между тем какие же они получили благодеяния не по заслугам? Они допустили ввергнуть себя в печь, были отведены в плен еще в своей молодости, тогда как согрешили другие, и не роптали, не досадовали и не говорили: какая нам польза от того, что мы служим Богу? Что приобрели мы, поклоняясь Ему? Человек нечестивый сделался нашим владыкою; с идолослужителями мы терпим мучение от идолослужителя; отведены в плен, лишены отечества, свободы и всего родного, стали пленниками и рабами и служим царю варвару! Ничего такого они не говорили, – но что? "**Ибо согрешили мы, и поступили беззаконно**" (говорили они) и возносили молитву не за себя, а за других: "**И предал нас", –** говорили они, – "**царю неправосудному и злейшему**" (Дан.3:32). Также Даниил, будучи в другой раз брошен в ров, говорил: "**вспомнил Ты обо мне, Боже**" (Дан.14:38). Почему же (Бог) не помянул тебя, Даниил, когда ты прославил Его пред царем и говорил: "**А мне тайна сия открыта не потому, чтобы я был мудрее всех живущих**" (Дан.2:30)? Почему Он не помянул тебя тогда, когда ты ввержен был в львиный ров за неповиновение нечестивейшему повелению? По той же самой причине. Не за Него ли ты ввержен и теперь? Так, говорит он; это потому, что великий я должник пред Ним. Если же так говорил он при столь великих добродетелях своих, то что скажем мы? Послушай еще, что говорит Давид: "**А если Он скажет так: "нет Моего благоволения к тебе", то вот я; пусть творит со**

мною, что Ему благоугодно" (2 Цар.15:26), – хотя он мог указать на бесчисленные свои добродетели. Также Илий говорит: "**Господь самъ, еже благо пред нимъ, да сотворит**" (1 Цар.3:18).

4. Признательным рабам надлежит не только в благодеяниях, но и в наказаниях и в искушениях все предоставлять Ему. И не безрассудно ли думать, что Бог не пощадит рабов своих в наказаниях, тогда как мы дозволяем господам наказывать рабов своих, зная, что они пощадят их, потому что они – их собственные? Это выражает и Павел, когда говорит: "**живем ли; умираем ли, потому [всегда] Господни**" (Рим.14:8). Он не захочет, чтобы уменьшалось богатство Его; Он знает, как наказывать; Он наказывает собственных рабов. Никто не щадить нас более, чем Он, приведший нас из небытия в бытие, повелевающий восходить солнцу, подающий дожди, вдохнувший душу и предавши за нас Сына Своего. Будем же, – о чем я сказал и для чего все это сказал, – будем смиренномудрствовать, как должно, будем уничижать себя, как должно, чтобы смирение не послужило нам поводом к гордости. Ты смирен и даже смиреннее всех людей? Не превозносись же этим и не порицай других, чтобы не погубить тебе похвалы своей. Ты для того и смиренномудрствуешь, чтобы избежать высокомерия; а если чрез это ты впадаешь в высокомерие, то лучше тебе и не быть смиренным. Послушай, что говорит Павел: "**посредством доброго причиняет мне смерть, так что грех становится крайне грешен посредством заповеди**" (Рим.7:13). Когда придет тебе на мысль удивляться своему смирению, то представь себе Владыку своего, как Он уничижил Себя, – и ты не станешь больше удивляться себе самому, не станешь хвалить себя самого, но посмеешься над собою, как не сделавшим ничего. Признавай себя всегдашним должником и, что бы ты ни сделал, приводи себе на память ту притчу: "**Кто из вас, имея раба по возвращении его, скажет ему: пойди, садись за стол? Напротив, не скажет ли ему: приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне**" (Лук.17:7,8). Благодарим ли мы рабов своих за то, что они служат нам? Никогда. Бог же воздает благодарностью нам, которые служим не Ему, но делаем полезное для нас. Впрочем, не будем поступать так из-за того, чтобы Он воздал нам благодарностью, чтобы Он узнал об этом, но как исполняющие долг свой. Подлинно, всякое (доброе) дело есть долг наш, и все, что мы ни делаем, есть исполнение долга. Если и мы, купив рабов за деньги, хотим, чтобы они жили всецело для нас, чтобы мы обладали всем, что имеют они, – то не гораздо ли более это следует Тому, Кто привел нас из небытия в бытие и потом искупил нас честною кровью? Он дал за нас цену, которой никто не дал бы за собственного ребенка, – пролил кровь Свою. Потому, если бы мы имели каждый по тысяче душ и пожертвовали бы всеми ими, то воздали ли бы Ему равное воздаяние? Нет. Почему? Потому, что Он сделал это для нас, не будучи обязан, но совершенно по милости Своей; а мы обязаны к тому. Он, будучи Богом, сделался рабом, будучи непричастным смерти, сделался причастным ей по плоти; а мы, если и не положим за Него душ своих, то по закону природы непременно должны будем положить, – спустя немного времени поневоле расстанемся с жизнью. Так и с деньгами: если мы не отдадим их для Него, то по необходимости отдадим при смерти. Так и со смирением: если мы не будем смиренными для Него, то смирят нас скорби, несчастия, притеснения. Видишь ли, как велика благодарность Его? Он не сказал: что важного сделали мученики? если бы они не умерли за Меня, то и без этого непременно умерли бы; но воздает им великою благодарностью, так как они добровольно отдали то, что впоследствии должны были бы отдать невольно, по закону природы. Он не сказал: что важного делают раздающие свое имение? они непременно отдадут и поневоле; но воздает и им великою благодарностью и не стыдится исповедывать пред всеми, что Владыка питаем был рабами. Подлинно, и это – слава Владыки, чтобы иметь признательных рабов, и это – слава Владыки, чтобы так любить рабов Своих, и это – слава Владыки, чтобы принадлежащее им усвоять самому Себе, и это – слава Владыки, чтобы не стыдиться исповедывать это пред всеми. Устыдимся же такой любви Христовой, и сами воспламенимся любовью. Когда мы

слышим, что кто-нибудь любит нас, то, хотя бы он был незнатен и беден, мы воспламеняемся особенною любовью к нему и оказываем ему великое почтение, любим его сами; а Владыка наш любит нас так много, – и мы остаемся нечувствительными? Нет, увещеваю вас, не будем настолько беспечны к спасению наших душ, но возлюбим Его по мере сил своих, отдадим все из любви к Нему – и душу, и имущество и славу, и все прочее с радостью, с готовностью, с усердием, не считая этого полезным для Него, но для нас самих. Таков, действительно, закон любви: любящие считают счастьем для себя, когда страдают за любимых. Будем и мы так же преданы Владыке нашему, чтобы нам достигнуть и будущих благ, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Такой перевод был бы точнее ("как бы" – ως).

БЕСЕДА 3

"Итак, если ты имеешь общение со мною, то прими его, как меня. Если же он чем обидел тебя, или должен, считай это на мне. Я, Павел, написал моею рукою: я заплачу; не говорю тебе о том, что ты и самим собою мне должен" (Флм.ст.17-19).

1. Ничто так не убеждает (к исполнению просьбы), как то, чтобы не просить всего вдруг. Потому, смотри, после каких похвал, после какого приготовления, (апостол) высказал эту великую просьбу. Назвав (Онисима) сыном своим, участником благовествования, утробою, сказав: ты приобретаешь в нем брата, прими его, как брата, – он потом прибавляет: "**как меня".** Павел не постыдился сказать это. Если он не стыдился называться рабом верных, но даже сам признавал себя таким, то тем более он не мог чуждаться этого. А смысл слов его следующий: если ты мыслишь одинаково со мною, если ты стремишься к одинаковой цели, если считаешь (Меня) другом, "**то прими его как меня. Если же он чем обидел тебя**". Смотри, как и когда упомянул он о проступке: на конце, после того как многое сказал о нем. Так как потеря имущества обыкновенно раздражает людей больше всего, то, чтобы (Филимон) не стал жаловаться на это, – а оно, вероятно, было у него похищено, – (апостол) упоминает теперь об этом и говорит: "**Если же он чем обидел тебя".** Не сказал: если украл что-нибудь, – а как? "**Если же он чем обидел**". Здесь он и признал проступок, и вместе представил его проступком не раба, но как бы друга в отношении к другу, выразив его названием, означающим более несправедливость, нежели воровство. "**Считай это", –** говорит, – "**на мне",** т. е., считай этот долг за мною; я заплачу. Далее, с душевным радушием (говорит): "**Я, Павел, написал моею рукою",** – и радушно, и вместе обличительно, если бы тот отказался принять его, тогда как Павел не отказался даже написать о нем письмо. Этим весьма сильно и его тронул, и вместе избавил Онисима от опасения. "**Моею рукою", –** говорит, – "**я написал".** Нет ничего пламеннее, ничего ревностнее, ничего деятельнее этой души. Об одном человеке, смотри, как он заботится. "Н**е говорю тебе о том, что ты и самим собою мне должен**". Чтобы не показалось обидным для того, у кого просят, если бы (Павел) не решился просить за вора и не надеялся получить просимое, – он предусматривает и это: "Н**е говорю тебе", –** говорит, – "**что ты и самим собою мне должен",** т. е. должен не только своею собственностью, но и самим собою. И это (сказал он) по любви, по дружбе и великому дерзновению. Смотри, как он везде заботится о том и другом, – и о том, чтобы просить с полною уверенностью, и о том, чтобы не показаться слишком дерзновенным. "**Так, брат**" (ст. 20). Что значить: "**Так, брат"?** Т. е., прими его. Это нужно подразумевать здесь. Оставив задушевность, он опять обращается к прежнему, к делу, хотя и

предыдущее также относилось к делу, – у святых бывает деловитым и то, чем они выражают свои душевные чувствования. "**Так, брат, дай мне воспользоваться от тебя в Господе; успокой мое сердце в Господе**", т. е. окажи милость Господу, а не мне. "**Сердце**" т. е. (любовь мою) к тебе. **Надеясь на послушание твое, я написал к тебе**" (ст. 21). Какой камень не смягчился бы от этих (слов)? Какой зверь не укротился бы от них и не оказал бы готовности к точному принятию (прошения)? Приписав ему такие добродетели, (апостол) не перестает еще оправдывать себя; и оправдывается не просто, не повелевая и не требуя со властью, но: "**Надеясь", –** говорит, – "**на послушание твое**". Как в начале послания он сказал: "**дерзновение имея**" (ст. 8), так и здесь говорит то же, запечатлевая послание. "**Зная, что ты сделаешь и более, нежели говорю".** Этими словами он сильно побуждает (Филимона), потому что хотя бы он и не сделал ничего другого, но, по крайней мере, устыдился бы не сделать просимого, заслужив (пред Павлом) такое о себе мнение, что он может сделать и более, нежели сказано. "**А вместе приготовь для меня и помещение; ибо надеюсь, что по молитвам вашим я буду дарован вам**" (ст. 22). И это сказано с великою надеждою, или лучше, и это в пользу Онисима, чтобы те не были беспечными, но, зная, что (Павел) придет и узнает все касательно его, отложили всякое злопамятство и скорее оказали ему милость. Великое ведь было благоговение и почтение к Павлу присутствующему, Павлу старцу, Павлу, претерпевшему узы. С другой стороны, эти слова свидетельствуют о любви их к нему, если он говорит, что они молятся за него, и сам предоставляет им такую честь, чтобы молиться за него: хотя, говорит, я теперь и в опасности, но вы увидите меня, если станете молиться. "**Приветствует тебя Епафрас, узник вместе со мною ради Христа Иисуса**" (ст. 23). Он был прислан колоссянами (Кол.1:7,4:12), так что отсюда видно, что Филимон жил в Колоссах. Павел называет его "**узником вместе со мной**", выражая, что и он был в великой скорби. Таким образом, если не для самого (апостола), то для этого мужа (просьба) должна быть услышала, – тот, кто находится в скорби и, оставив свои дела, заботится о других, должен быть услышан. С другой стороны (апостол) здесь укоряет (Филимона) на случай, если бы он не оказал милости собственному своему рабу, тогда как согражданин его сделался "**узником вместе со мной**" (Павла) и вместе с ним терпит страдания. И еще прибавляет: "**узник вместе со мною ради Христа Иисуса",** т. е. за Христа. "**Марк, Аристарх, Димас, Лука, сотрудники мои**" (ст. 24). Почему Луку он ставит последним, между тем как в другом месте говорит: "**Только Лука один со мною",** а Димас, говорит, был один из тех, которые оставили его и возлюбили нынешний век (2 Тим.4:10)? Об этом, правда, уже сказано было в другом месте, но и здесь не следует ни оставлять без исследования, ни слушать просто и без разбора. Почему же он говорит, что приветствует их оставивший его? "**Ераст", –** как говорит он, – "**остался в Коринфе**" (2 Тим.4:20). Епафраса приводит он, как известного им и происходившего оттуда, – Марка, как дивного мужа; а почему он причисляет к ним Димаса? Может быть, этот пал духом уже впоследствии, когда увидел многие опасности. А Лука, бывший последним, сделался первым. (Апостол) приветствует (Филимона) и от лица их, чтобы скорее склонить его к послушанию, и называет их споспешниками своими, чтобы таким образом сильнее убедить его к исполнению просьбы. "**Господь Иисус Христос со духом твоим. Благодать с вами. Аминь**" (ст. 25).

2. Он заключил послание молитвою. Молитва есть великое и спасительное благо и ограждение душ наших; но она, бывает великим благом тогда, когда мы совершаем достойное ее, и когда не делаем самих себя недостойными ее. Поэтому, когда ты придешь к священнику и он скажет тебе: да помилует тебя Бог, чадо, – ты не полагайся только на слова, но приложи и дела, совершай то, что достойно милости. Бог благословит тебя, чадо, если ты будешь поступать достойно благословения, благословить, если ты будешь милостив к ближнему, – потому что чего мы хотим получить от Бога, то должны прежде дать ближним; а если мы лишаем этого ближних, то как хотим получить тоже от Бога?

"**Блаженны", –** говорит Он, – "**милостивые, ибо они помилованы будут**" (Мф.5:7). Ведь если и люди милуют таких, то тем более – Бог, а немилосердых не помилует: "**Ибо суд без милости не оказавшему милости**" (Иак. 2:13). Милосердие есть доброе дело: почему же ты не оказываешь его другому? Ты хочешь получить прощение в грехах: почему же сам не прощаешь согрешившему? Ты приступаешь к Богу, испрашивая царствия небесного, а сам не подаешь серебра просящему! Потому мы и не получаем милости, что сами не милуем. Как же, скажешь, и это разве не дело милосердия, чтобы миловать немилующих? Но будет ли милосердым тот, кто стал бы миловать человека жестокого, свирепого и причиняющего бесчисленное множество зол ближнему? Как же, скажешь, купель (крещения) разве не спасла нас, соделавших бесчисленное множество зол? Но она избавила нас от них не для того, чтобы мы снова делали их, а для того, чтобы не делали. **Мы умерли для греха:** говорит (апостол), **как же нам жить в нем? Что же? станем ли грешить, потому что мы не под законом, а под благодатью? Никак**" (Рим.4:2,15). Для того она и избавила тебя от них, чтобы ты уже не возвращался к такому бесчестью. Так и врачи больных горячкою исцеляют от болезни не для того, чтобы они, злоупотребляя здоровьем, вновь заболевали и получали расстройство, – лучше ведь оставаться больным, нежели искать исцеления для того, чтобы опять повергнуть себя на одр болезни, – но для того, чтобы они, узнав страдания болезни, не впадали в то же самое, тщательнее берегли свое здоровье и делали все, служащее к его сохранению. Где же, скажешь, человеколюбие Божие, если Он не хочет спасать злых? Часто и от многих я слышу, что (Бог) человеколюбив и непременно спасет всех. Не станем обольщать себя напрасно. Я вспомнил одно обещание (данное вам некогда), – займемся теперь этим предметом. Прежде я беседовал с вами о геенне и отложил речь о человеколюбии Божием; сегодня хорошо – исполнить это обещание. То, что будет геенна, кажется, мы достаточно доказали, представив потоп и другие прежние бедствия и сказав, что совершивший все это не может оставить ненаказанными и нынешних (грешников). Если Он так наказал тех, которые грешили прежде закона, то, конечно, не оставит без наказания тех, которые при благодати совершали гораздо большие преступления. Итак, предложен был вопрос: как же (Бог) благ, как человеколюбив, если Он наказывает? Мы отложили речь об этом, чтобы не обременить вашего внимания множеством (предметов). Вотъ, теперь отдадим этот додг и покажем, как Бог и наказывая остается благим. Эти слова могут быть у нас направлены и против еретиков, – потому слушайте внимательно. Бог создал нас, не имея в нас никакой нужды. А что Он не имел в нас никакой нужды, видно из того, что Он создал нас впоследствии (не от вечности). Если бы Он имел в нас нужду, то создал бы прежде. Если же Он существовал и без нас, а мы произошли в последующее время, то Он сотворил нас, не имея в нас нужды. Он сотворил небо, землю, море и все существующее для нас. Не есть ли это, скажи мне, дело Его благости? Много можно было бы сказать об этом, но для краткости скажем, что Он "**повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Мф.5:45). Ужели это не дело благости? Нет, скажешь. Так никогда спрооил я одного маркионита: ужели это не дело благости? Он отвечал мне: если бы Бог не требовал отчета за грехи, то это было бы делом благости; а так как Он требует отчета, то – не дело благости. Его уже нет теперь, но мы повторим сказанное тогда, и даже скажем больше того. Я решительно доказываю, что, если бы Бог не требовал отчета, то Он не был бы благ; а так как Он требует отчета, то – благ. В самом деле, скажи мне, если бы Он не требовал от нас отчета, то могла ли бы продолжаться жизнь человеческая? Не обратились ли бы мы в диких зверей? Если и теперь, когда тяготеет над нами страх суда и наказания, мы превзошли рыб, пожирая друг друга, взяли перевес над львами и волками, грабя друг друга, то какого смятения и расстройства не исполнилась бы жизнь наша, если бы Он не требовал от нас отчета и мы были бы убеждены в этом? Что был бы баснословный лабиринт в сравнении с беспорядками в нашем мире? Не увидел ли бы ты бесчисленного множества бесчинств и неурядиц? Кто стал бы, наконец, уважать отца? Кто не оскорблял бы матери? Кто не был

бы предан всяким удовольствиям и всяким порокам? А что это так, я постараюсь убедить тебя, представив в пример один только дом. Каким образом? Вот каким: если бы у кого-нибудь из вас, спрашивающих об этом, были рабы, и я объявил бы им, что, сколько бы они ни противились власти господ, хотя бы наносили им оскорбления действием, хотя бы расхитили все их имущество, хотя бы все поставили вверх дном, и обращались с ними, как враги, (господа) не будут угрожать им, не будут наказывать, не будут мучить и даже не огорчать их неприятным словом, – то, как вы думаете, было ли бы это делом благости? Я, напротив, полагаю, что было бы делом крайней жестокости – предавать на поругание не только жену и детей таким неуместным снисхождением, но еще прежде того допускать до погибели самих виновных. Они ведь сделаются и пьяницами, и развратниками, и бесстыдными, и наглыми, и бессмысленнейшими всех зверей. Это ли, скажи мне, дело благости, чтобы попирать благородство души и губить их и друг друга? Видишь ли, что самое требование отчета есть дело великой благости? Но что я говорю о слугах, которые слишком склонны к этим порокам? Если бы кто, имея сыновей, позволил им делать все и не наказывал их, то, скажи мне, кого они не сделались бы хуже? Итак, если между людьми наказание есть дело благости, а безнаказанность – жестокости, то ужели не так у Бога? Следовательно, потому Он и уготовал геенну, что Он – благ. Хотите ли, я покажу вам благость Божию и с другой стороны? Кроме всего сказанного, (страх наказания) не позволяет и добрым сделаться зльми. Если бы все ожидали одного и того же, то все сделались бы злыми; а теперь добрые и в этом находят немалое утешение. Послушай, что говорит пророк: "**Возрадуется праведник, когда увидит отмщение; омоет стопы свои в крови нечестивого**" (Псал.57:11); не радуясь этому, нет, но, страшась, чтобы самому не потерпеть того же, он будет заботиться о большей чистоте своей жизни. Таким образом, это (требование отчета) есть дело великого попечения. Так, скажешь; но следовало бы только угрожать, а не наказывать. Нет, если и тогда, когда Он полагает наказание, ты говоришь, что это одна угроза, и потому становишься более беспечным, то до какой не дошел бы ты беспечности, если бы это действительно было только угрозою? Если бы ниневитяне знали, что назначенное им наказание было одною угрозою, то не раскаялись бы; но так как они раскаялись, то угроза и осталась только на словах. Хочешь ли и ты, чтобы (назначенные грешникам наказания) были только угрозою? Это зависит от тебя самого; исправься, и они останутся только угрозою. Если же ты станешь презирать угрозу, – чего да не будетъ! – то испытаешь ее на деле. Жившие пред потопом, если бы побоялись угрозы, то не испытали бы ее на самом деле. Так и мы, если станем бояться угрозы, то не испытаем ее на деле. Да не будет этого с нами, но да подаст человеколюбивый Богь всем нам вразумиться этим и достигнуть неизреченных благ, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том XII

Книга 1

I. ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ЕВРЕЯМ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ на Евр.1:1-2.

БЕСЕДА ВТОРАЯ на Евр.1:3.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ на Евр.1:6-8.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ на Евр.2:5-7.

БЕСЕДА ПЯТАЯ на Евр.2:16-17.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ на Евр.3:7-11.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ на Евр.4:11-13.

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ на Евр.5:1-3.

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ на Евр.6:1-3.

БЕСЕДА ДЕСЯТАЯ на Евр.6:7-8.

БЕСЕДА ОДИННАДЦАТАЯ на Евр.6:13-16.

БЕСЕДА ДВЕНАДЦАТАЯ на Евр.7:1-3.

БЕСЕДА ТРИНАДЦАТАЯ на Евр.7:11-14.

БЕСЕДА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ на Евр.8:1-2.

БЕСЕДА ПЯТНАДЦАТАЯ на Евр.9:1-5.

БЕСЕДА ШЕСТНАДЦАТАЯ на Евр.9:15-18.

БЕСЕДА СЕМНАДЦАТАЯ на Евр.9:24-26.

БЕСЕДА ВОСЕМНАДЦАТАЯ на Евр.10:8-13.

БЕСЕДА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ на Евр.10:19-23.

БЕСЕДА ДВАДЦАТАЯ на Евр.10:26-27.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ на Евр.10:32-34.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ на Евр.11:3-4.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ на Евр.11:7.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ на Евр.11:13-16.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ на Евр.11:17-18.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ на Евр.11:20-22.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ на Евр.11:28-31.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ на Евр.11:37-38.

БЕСЕДА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ на Евр.12:4-7.

БЕСЕДА ТРИДЦАТАЯ на Евр.12:11-13.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ на Евр.12:14.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ на Евр.12:18-24.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ на Евр.12:28-29.

БЕСЕДА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ на Евр.13:17.

II. Одиннадцать бесед св. Иоанна Златоуста.

БЕСЕДА 1, у "древней скалы".

БЕСЕДА 2, когда в полночь царица пришла в Великую церковь...

БЕСЕДА 3, в следующий день, когда был царь в мартириуме апостола и мученика Фомы.

БЕСЕДА 4, увещательная, сказанная в храме святой Анастасии в отношении отсутствующих, и изложение состязаний и подвигов блаженного и праведного Иова.

БЕСЕДА 5, сказанная в храме святой Ирины, касательно усердия присутствующих и нерадения отсутствующих.

БЕСЕДА 6, сказанная в церкви апостолов, в день царя Феодосия, против называющих самих себя кафарами.

БЕСЕДА 7, сказанная в храме святой Анастасии.

БЕСЕДА 8, сказанная в церкви Павла, когда готы прочитали и готский пресвитер раньше сказал беседу.

БЕСЕДА 9, о том, что не должно ходить на ристалища, ни на зрелища. И огорчив их, потом на собрании, бывшем после того воскресенья, уступив сказать епископу, прибывшему из Галатии, и помолчав, также на этом (собрании) огорчив, сказал эту беседу в великой церкви на слова: "Отец Мой доныне делает, и Я делаю" (Ин. 5:17).

БЕСЕДА 10, сказанная в церкви апостола, после того как предварительно побеседовал немного епископ, на слова: "жатвы много, а делателей мало" (Мф. 9:37).

БЕСЕДА 11, его же, сказанная после того, как предварительно говорил другой, очень старый, - об Елеазаре и семи отроках.

На слова: "В начале было Слово…" (Ин. 1:1) и прочее; и что Дух испытует глубины Божия (1 Кор. 2:10); и о новопросвещённых, и против еретиков.

Его же, о кротости.

Порядок божественной литургии св. Иоанна Златоуста.

Молитва Иоанна Златоуста, когда бывает намерение читать, или слушать другого, читающего.

Вторая молитва Иоанна Златоуста.

На новое воскресенье, и на апостола Фому.

На святого Стефана.

На святую Пятидесятницу.

О терпении, кончине века и втором пришествии.

Слово о святом Григории Великом, Просветителе.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ЕВРЕЯМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. В послании к Римлянам блаженный Павел говорит: "**как Апостол язычников, я прославляю служение мое, не возбужу ли ревность в [сродниках] моих по плоти**" (Рим. 11:13-14); и в другом месте также (говорит): "**содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников**" (Гал. 2:8). Итак, если (Павел) был апостолом язычников, - как и в деяниях Бог говорить ему: "**иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам**" (Деян. 22:21), - то какое было ему дело до евреев? Для чего он написал к ним послание? При том же (евреи) питали к нему вражду, и это можно видеть из многих мест. Так, послушай, что говорит ему Иаков: "**видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев?, а о тебе наслышались они, что ты всех Иудеев,**

живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея" (Деян. 21:20-21); и много искушений часто было ему по этому поводу.

Почему же, спросит кто-нибудь, (мужа) сведущего в законе, - а он изучал закон при ногах Гамалиила и имел к этому делу великую ревность, - и потому имевшего возможность с особенною силою опровергать (противников), Бог не послал к иудеям? Потому, что они из-за этого особенно и стали бы противиться ему. Поэтому Бог, предвидя, что не примут его, говорит ему: иди к язычникам, ибо (иудеи) не примут свидетельства твоего о Мне[1], и он отвъчает: "**Господи! им известно, что я верующих в Тебя заключал в темницы и бил в синагогах, и когда проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего, я там стоял, одобрял убиение его и стерег одежды побивавших его**" (Деян. 22:19-20). Это самое, (говорит), служит знаком и доказательством, что они не поверят ему. И действительно, так обыкновенно бывает: когда кто отступает от какого-нибудь народа, то, если он из людей низших и ничего не значащих, это не очень оскорбляет тех, от которых он отступает; если же он из людей значительных, весьма ревностных и единомышленных с ними, это весьма огорчает и крайне раздражает их, так как отступивший от них своим присоединением к другим весьма сильно ниспровергает их учение. Была кроме того и другая причина неверия. Какая? Та, что Петр и другие (апостолы) обращались со Христом, видели знамения и чудеса (Его); а он не был свидетелем ничего такого, но, находясь на стороне иудеев, вдруг отступил от них и сделался одним из апостолов; это в особенности служило доказательством превосходства нашего учения. О тех могли думать, что они свидетельствуют пристрастно, и иной мог сказать, что они из любви к Учителю так проповедуют; а он слышал только один глас (Господа), и свидетельствует о воскресении. Поэтому, как видишь, (иудеи) столь сильно и враждовали против него, возмущались и употребляли все меры к тому, чтобы умертвить его. Но по таким причинам враждовали против него неверные; а почему уверовавшие (из иудеев)? Потому, что он, будучи обязан проповедовать язычникам, проповедовал чистое христианство, и, когда ему случалось находиться, в Иудее, также не стеснялся. Петр и другие с ним, проповедовавшие в Иерусалиме, где была великая ревность (о законе), принуждены были заповедовать - соблюдать закон, а он был совершенно свободен. Его (ученики) были больше из язычников, нежели из иудеев, так как находились вне (Иудеи); потому они и ослабляли закон, не питали к нему такого благоговения, что (Павел) во всем проповедовал чистое (учение). Действительно, за это, как видно, его и осуждали перед народом, когда говорили: "**видишь, брат, сколько тысяч уверовавших Иудеев**". Потому они и ненавидят и отвращаются, что "**о тебе наслышались они, что… учишь отступлению от Моисея.**" (Деян. 21:20-21).

Почему же он, не будучи учителем иудеев, пишет к ним послание? И где находились те, к кому он пишет? Мне кажется, в Иерусалиме и в Палестине. Как же он пишет? Точно так же, как он и крестил, не получив заповеди крестить: я говорить он, не был послан крестить (1 Кор. 1:17), однако же не было это и запрещено, он делал это сверх должного. Да и как он не стал бы писать к тем, за которых желал быть отлученным (Рим. 9:3)? Потому он и говорит им: "**Знайте, что брат наш Тимофей освобожден, и я вместе с ним, если он скоро придет, увижу вас**" (Евр. 13:28), - так как тогда он еще не был взят под стражу. Два года он прожил в Риме в узах; потом был отпущен; потом ходил в Испанию; потом путешествовал в Иудею, где и виделся с иудеями. Затем он опять прибыл в Рим, где и был лишен жизни по приказанию Нерона. Следовательно это послание написано прежде послания к Тимофею; там он говорит: "**Ибо я уже становлюсь жертвою**"; и еще там же говорить: "**При первом моем ответе никого не было со мною**" (2 Тим. 4:6,16). Он часто разделял с ними страдания. Так в послании к Фессалоникийцам он говорить: "**Ибо вы, братия, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее**"(1Фес. 2:14); и в послании к ним самим говорить:

"**расхищение имения вашего приняли с радостью**" (Евр. 10:34). Видишь, как они страдали? Если (иудеи) так поступали с апостолами не только в иудеи, но и тогда, когда находились между язычниками, то чего не делами с (прочими) верующими? Потому-то, как видишь, об этих верующих он особенно заботился. Когда он говорить: "**иду в Иерусалим, чтобы послужить святым**" (Рим. 15:25); также когда убеждает коринфян к благотворительности, сообщая, что македоняне уже собрали подаяние (2 Кор. 8:4), и когда говорить: "**если прилично будет и мне отправиться**" (1 Кор. 16:4), он выражает это самое; и когда, говорить: "**только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнять в точности**" (Гал. 2:10), выражает то же; и когда говорить: "**подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам [идти] к язычникам, а им к обрезанным**" (Гал.2:9), выражает то же. Говорит он это о тамошних бедных не напрасно, но чтобы и мы также участвовали в благотворительности. Мы, говорит, разделили между собою проповедь, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным, но не разделили таким же образом попечения о бедных. И везде видно, что Павел имел великое о них попечение, - это и справедливо. Между другими народами, где находились и иудеи и язычники, не было ничего подобного; а там, где (иудеи) думали еще иметь власть и самостоятельность и исполняли многое по собственным законам, - так как правление еще не установилось и еще не совершенно перешло в руки римлян, - не удивительно, что они позволяли себе делать великие притеснения. Если и в других городах, как например в Коринфе, они били начальника синагоги пред судилищем проконсула, и Галлион нисколько об этом не безпокоился (Деян. 8:17); то чего не (делали они) в Иудее?

2. В других городах, как видишь, они приводили (верующих) к начальникам и имели нужду прибегать к их помощи и к народу, а здесь они нисколько не заботились об этом, но сами составляли синедрион и убивали, кого хотели. Так они убили Стефана, так подвергли бичеванию апостолов, не отводя их к начальникам; так они хотели убить и Павла, если бы не вступился тысяченачальник (Деян. 22:29,30). Это было потому, что еще существовали священники, еще цел был храм с богослужением и жертвами. Сам Павел, смотри, подчиняется суду первосвященника и говорить: "**я не знал, братия, что он первосвященник**", и при том при начальники (Деян. 22:5), - потому что они еще имели тогда большую власть. Представь же, какие гонения должны были терпеть (верующие), жившие в Иерусалиме и Иудее. Итак, удивительно ли, если тот, кто желал быть отлучен за (иудеев) еще не уверовавших, и так служил верующим, что готов был и сам идти в случае нужды, и всегда имел о них великое попечение, увещевает и утешает их посредством писания, а падающих и лежащих исправляет? И действительно, они уже изнемогали и отчаивались от множества скорбей. Это он выражает в конце (послания), когда говоритъ: "**Итак укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени**" (Евр. 12:12); и еще: "**ибо еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит**" (Евр. 10:37); и еще: "**Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны**" (Евр. 12:8). Так как они были иудеи и от отцов своих научились ожидать доброго и злого немедленно, в настоящей жизни, а между тем тогда было напротив - доброе в надежде после смерти, а злое в настоящей действительности, и многие из них, претерпевая многое, неизбежно впадали в малодушие, то он и оказывает великое о них попечение. Впрочем, об этом мы скажем пространнее в свое время; а теперь заметим только, что ему необходимо было писать к тем, о которых он имел такое попечение; причина, почему он не был послан к ним, очевидна, но она не препятствовала ему писать к ним. А что они впадали в малодушие, это он выражает, когда говорит: "**Итак укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени и ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не совратилось, а лучше исправилось**" (Евр. 12:12,13); и еще: "**Ибо не неправеден Бог, чтобы забыл дело ваше и труд любви**" (Евр. 6:10). Душа, подвергающаяся многим искушениям, часто отпадает от веры. Потому он увещевает их внимать слышанному и не иметь сердца злого и неверного. Для того же он, в этом

особенно послании, много беседует о вере и в конце представляет многие примеры того, что и тем (древним) не были дарованы блага, обещанные немедленно. Кроме того, чтобы они не считали себя отверженными, делает им два внушения: первое - мужественно переносить все случающееся, второе - несомненно ожидать воздаяния, потому что Бог не презрит Авеля и последующих праведников, не получивших воздаяния. Утешает их тремя способами: во-первых, тем, что претерпел Христос, так как сам Он говорить: "**раб не больше господина своего**" (Иоан. 15:20); во-вторых, благами, которые уготованы верующим; в-третьих, бедствиями. И подтверждает это не только будущим, что было еще не так убедительно, но и прошедшим, - тем, что случилось с отцами их. Так поступает и Христос, внушая: "**раб не больше господина своего**", и еще: "**В доме Отца Моего обителей много**" (Иоан. 14:2), и угрожая неверующим бесчисленными бедствиями. Много также говорить (апостол) о новом и ветхом завет, потому что это весьма нужно было ему для уверения в истине воскресенья. Чтобы они, слыша о страданиях (Господа), не стали сомневаться в воскресении, он подтверждает это пророчествами, и доказывает, что заслуживает уважения не иудейское учение, а наше, и так как тогда еще и храм стоял и были жертвы, то он и говорить: "**Итак выйдем к Нему за стан, нося Его поругание**" (Евр. 13:13). Но и это самое не благоприятствовало ему; иные, справедливо могли сказать: если это - тень, если это - образ, то почему не прошло и не прекратилось при появлении истины, а еще продолжается? Он внушает, что мало-помалу исполнится и это в свое время. А что они уже давно приняли веру и терпят скорби, это он выразил в следующих словах: "**Ибо, [судя] по времени, вам надлежало быть учителями**" (Евр. 5:12); еще: "**Смотрите, братия, чтобы не было в ком из вас сердца лукавого и неверного**" (Евр. 3:12); и еще: "**дабы вы не обленились, но подражали тем, которые верою и долготерпением наследуют обетования**" (Евр. 6:12).

---

[1] Ср. "**Поспеши и выйди скорее из Иерусалима, потому что [здесь] не примут твоего свидетельства о Мне**" (Деян. 22:18).

БЕСЕДА 1

"Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил" (Евр. 1:1-2).

1. Поистине "**когда умножился грех, стала преизобиловать благодать**" (Рим. 5:20). Это выражает блаженный Павел и здесь, в начале послания к Евреям. Так как они, вероятно, были огорчены и изнурены бедствиями и, судя по этим обстоятельствам, считали себя ниже всех других (людей), то (апостол) внушает, что они получили гораздо большую и превосходнейшую благодать, и таким образом ободряет слушателей самым началом речи. Потому и говорить: "**Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне**". Почему он не противопоставляет пророкам самого себя? Он был тем больше их, чем больше было вверено ему, - однако он не делает этого. Почему же? Во-первых, потому, что он не хотел говорить о себе что-нибудь великое; во-вторых, потому, что слушатели еще не были совершенными; и в-третьих, потому, что он желал более возвысить их и показать великое превосходство (нового завета пред ветхим). Он как бы так говорит: что великого в том, что (Бог) посылал к отцам нашим пророков? К нам Он послал самого Сына своего единородного. Хорошо он начал речь словами: **многократно и многообразно**, выражая, что и сами пророки не видели Бога, а Сын видел. Выражения: **многократно и многообразно** значат: различно.

"**Я**", - говорит (Бог), - "**умножал видения, и чрез пророков употреблял притчи.**" (Ос. 12:10). Таким образом, превосходство (нового завета пред ветхим) не только в том, что к тем были посылаемы пророки, а к нам Сын, но и в том, что никто из них не видел Бога, а Сын единородный видел. Впрочем (апостол) не тотчас высказывает это, но объясняет в дальнейших словах, когда говорит об (Его) человечестве: "**Ибо кому когда из Ангелов сказал [Бог]: Ты Сын Мой**"; и: "**седи одесную Меня**" (Евр. 1:5,13)? И заметь великую его мудрость: он наперед доказывает это превосходство пророчествами, а потом, когда сделал такую истину несомненною, сам объясняет, что тем Бог глаголал чрез пророков, а нам чрез Единородного. Если же тем (Бог говорил) и чрез ангелов, - ведь и ангелы беседовали с иудеями, - то и в этом мы имеем преимущество, так как с нами говорил Владыка, а с теми рабы, - потому что и ангелы и пророки - равно рабы. Хорошо он сказал: "**в последние дни**"; это ободряет их и утешает отчаявшихся. Как в других местах он говорить: "**Господь близко. Не заботьтесь ни о чем**" (Фил. 4:5-6); и еще: "**Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали**" (Рим. 13:11), - так и здесь. Что же означают слова его? То, что всякий, изнуренный в подвигах, услышав о конце подвигов, несколько ободряется, видя, что настает конец трудов и начало отдыха. "**В последние дни сии говорил нам в Сыне**". Вот опять говорит: "**в Сыне**", (т.е.) чрез Сына, вопреки утверждающим, что это принадлежит Духу. Видишь, что "**в**" употребляется вместо чрез? А слова: "**издревле**" и "**в последние дни**" означают еще нечто другое. Что же такое? То, что по истечении долгого времени, когда мы были наказываемы, когда оскудели (духовные) дарования, когда не было надежды на спасение, когда отовсюду мы ожидали худшего, тогда и получили лучшее. И смотри, как мудро он выразил это: не сказал: говорил Христос, хотя Он был говоривший**,** но, так как души слушателей были еще слабы и не могли слышать о Христе, то он говорит: "**говорил нам в Сыне**". Что говоришь ты? Бог говорил чрез Сына? Да. В чем же преимущество? Здесь ты показываешь, что и новый и ветхий заветы принадлежать одному и тому же (Богу); следовательно между ними нет важного преимущества. Потому далее он и объясняет эти слова, говоря: "**говорил нам в Сыне**". Заметь, как Павел обобщает это и уравнивает себя самого с учениками: "**говорил**", - говорит, - "**нам**". Хотя Он говорил не ему, но апостолам и чрез них прочим, но Павел возвышает иудеев и внушает, что Бог говорил и им, а вместе с тем некоторым образом и укоряет их, потому что почти все, которым говорили пророки, были порочны и развратны. Впрочем, он теперь еще не распространяется об этом, а говорит наперед о дарах, ниспосланных от Бога. Потому и продолжаете "**Которого поставил наследником всего**". Здесь он указывает на воплощение (Христово), подобно как и Давид во втором псалме говорить: "**проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе**" (Псал. 2:8). Теперь уже не Иаков - часть Господня, и не Израиль - наследие Его, но все. Что значить: "**Которого поставил наследником всего**"? Т.е. сделал Его Господом всех, как и в Деяниях сказал Петр: "**Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса**" (Деян.2:36). Название же **наследник** (апостол) употребляет для того, чтобы выразить два понятия: истинность сыновства и неотъемлемость господства Его. "**Наследником всего**", т.е. всего мира. Затем он опять обращает речь к прежде бывшему: "**чрез Которого и веки сотворил**."

2. Где те, которые говорят: было (время), когда (Его) не было? Далее (апостол) постепенно изрекает о Нем гораздо важнейшее этого: "**Сей**" - говорит, – "**будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную престола величия на высоте, будучи столько превосходнее Ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя**" (Евр. 1:3,4). О, мудрость апостольская! Или лучше сказать, нужно удивляться здесь не мудрости Павла, но благодати Духа, потому что он изрек это не от собственного разума, и не от себя произнес такую премудрость, - как ожидать этого от скобели, от кожи, от мастерской? - но от божественной силы такие изречения. Подлинно, такие мысли произошли не от его разума, который прежде был так мал и бессилен, что нисколько не превосходил (разума)

простолюдинов, - как ожидать иного от преданного заботам о купле и кожах? - но от благодати Духа, которая, чрез кого хочет, чрез того и являет свою силу. Подобно тому, как если кто хочет возвести малое дитя на какое-нибудь высокое место, достигающее до самой высоты небесной, то делает это постепенно и мало-помалу возводит его с низших ступеней на высшие; потом, когда, поставив его вверху и приказав посмотреть вниз, увидит, что оно смущается, страшится и чувствует головокружение, то берет его и опять, низводить на место более низкое, доставляя ему возможность отдохнуть; а после, когда оно отдохнет, опять возводит, и затем опять низводит, - так точно поступает и блаженный Павел и с евреями, и везде, научившись этому от своего Учителя. Ведь и сам (Христос) поступал так же, то возводя слушателей на высоту, то низводя их, и не допуская их долго оставаться на одной и той же степени. Посмотри же, как здесь (апостол), проведши слушателей чрез несколько ступеней и поставив их на самой высоте благочестия, прежде нежели они смутились и почувствовали головокружение, опять низводит их ниже и дает отдохнуть: "**говорил**", - продолжает, - "**нам в Сыне**", и потом: "**Которого поставил наследником всего**". Имя "**Сына**" есть общее (имя); но когда разумеется истинный (Сын Божий), то оно выше всех; как бы то ни было, здесь (апостол) внушает и доказывает, что Он - высок.

Смотри же, как он наперед поставляет их на низшей степени, говоря: "**Которого поставил наследником всего**", - потому что "**поставил наследником**" означает не высокое дело, - потом на более высокой, присовокупляя: "**чрез Которого и веки сотворил**", затем на, самой высшей - такой, после которой уже нет другой: "**Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его**". Здесь он возводит их поистине к неприступному Свету, к самому сиянию. Но прежде, нежели (ум их) помрачился, смотри, как он опять мало-по-малу низводит их: "**и держа всё**", - говорит, - "**словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную престола величия на высоте**". Непросто сказал: седел, но: после очищения "**воссел**". Напоминает о воплощении, и говорит опять об уничиженном. Потом, снова, сказав нечто высокое в словах: "**одесную престола величия на высоте**", говорить опять нечто смиренное, присовокупляя следующее: "**будучи столько превосходнее Ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя**". Здесь он говорит о домостроительстве во плоти, потому что слова: "**будучи столько превосходнее**" указывают не на существо, единое с существом Отца, - оно не было, а родилось, - но на существо плоти; это - было. Впрочем он говорит теперь не о происхождении существа; но, подобно тому, как Иоанн говорил: "**Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня**" (Иоан. 1:15), выражая, что Он почтеннее и славнее, так и Павел здесь словами: - "**будучи столько превосходнее Ангелов" -** выражает, что Он выше и превосходнее, - "**сколько славнейшее пред ними наследовал имя**". Видишь, что это сказано по отношению к плоти (Христовой)? Имя: Бог-Слово Он имел всегда, а не наследовал впоследствии, и не тогда Он стал превосходнее ангелов, когда совершил очищение грехов наших, но всегда был превосходнее и несравненно превосходнее. Следовательно, это сказано по отношению к плоти. Так и мы обыкновенно, рассуждая о человеке, говорим о нем и низкое и высокое. Когда, например, мы говорим: человек - ничто, человек - земля, человек - пепел, то относим все это к низшей его части; а когда говорим: человек - существо безсмертное, человек – разумен, сроден горним (силам), то относим все это к высшей его части. Так и Павел о Христе говорит иногда с низшей стороны, а иногда с высшей, желая объяснить домостроительство, и сказать о нетленном существе Его.

3. Итак, если Он совершил очищение грехов наших, то постараемся остаться чистыми и не принимать никакой нечистоты, но ту красоту и то благолепие, которые Он сообщил нам, будем тщательно соблюдать настолько неповрежденными и неприкосновенными, чтобы в нас не было никакой скверны или нечистоты, или чего-нибудь подобного. Ведь и малые

грехи - нечистота и скверна, как напр. злословие, поношение, ложь; а лучше сказать, и эти грехи не малы, но весьма велики, - так велики, что они лишают царствия небесного. Как и каким образом? "**А Я говорю вам**", - говорит (Господь), - "**брату своему: "рака", подлежит синедриону; а кто скажет: "безумный", подлежит геенне огненной.**" (Мат.5:22). Если же так виновен называвший брата своего глупцом, - что кажется незначительнее всего и свойственно детской беседе, - то называющий его злонравным, злодеем, завистником, и осыпающий другими бесчисленными оскорблениями, какому не предан будет суду и наказанию? Что может быть ужаснее этого? Но внимайте, прощу вас, словам моим. Если творящий "**одному из сих братьев Моих меньших**" творит Ему самому, и не творящий "**одному из сих меньших**" не творит Ему самому (Мат. 25:40,45), то не то, же ли самое бывает и со злословием и поношением? Злословящий брата своего злословит Бога, и воздающий честь, брату своему воздает честь Богу.

4. Будем же приучать язык свой говорить доброе: "**Удерживай**", - говорит (Псалмопевец), - "**язык свой от зла**" (Псал. 33:14). Бог не для того нам дал его, чтобы мы злословили, чтобы поносили, чтобы клеветали друг на друга, но чтобы прославляли Бога, чтобы говорили то, что благодать внушает слушающим, что (служит) к назиданию, к пользе. Ты сказал о ком что-нибудь худое; какую же ты получаешь пользу, причиняя вред вместе с ним и себе самому? Ведь ты заслуживаешь название поносителя. Нет, истинно нет ни одного зла, которое останавливалось бы на одном претерпевающем, а не обращалось и на причиняющего зло; так, например, завистливый по-видимому строит козни другому, но наперед сам вкушает плоды злобы, терзаясь, изнуряясь и подвергаясь всеобщей ненависти; любостяжательный лишает имущества других, но вместе с тем лишает и себя самого любви, или лучше, заслуживает всеобщее порицание. Хорошая слава гораздо лучше богатства; её лишиться не легко, а потерять богатство легко; или лучше сказать, когда его нет, то не имеющий не терпит никакого вреда, а когда её нет, то человек подвергается осуждению и осмеянию, делается врагом и ненавистным для всех. Также гневливый наперед наказывает себя, терзаясь в себе в самом, а потом уже того, на кого гневается. Подобным образом и злоречивый наперед посрамляет себя самого, а потом уже того, о ком говорить худо; или даже не может и этого достигнуть, но сам заслуживает название человека дурного и ненавистного, а того делает еще более любимым. В самом деле, если тот, о ком он говорит худо, не отплачивает ему тем же, но хвалит и превозносить его, то воздает похвалу не ему, а себе самому. Как поношение ближних обращается наперед, как я прежде сказал, на самих поносителей, так и добро, сделанное ближним, доставляет наперед радость самим делающим. Делающий добро и зло непременно сам первый испытывает последствия; как вода, истекающая из источника, либо горькая, либо вкусная, и наполняет сосуды приходящих, и не уменьшает производящего её источника, так точно зло и добро, от кого происходит, того и радует или губит. Это бывает здесь.

А какое будет там добро или, зло, кто может выразить словом? Никто не может. (Тамошние) блага превышают всякий ум, не только слово; а противное им, хотя выражается словами обычными для нас, - там, говорится, огонь, мрак, узы, червь нескончаемый, - но они означают не только то, что выражают, а нечто другое, гораздо ужаснейшее. Чтобы ты убедился в этом, обрати теперь же внимание прежде всего на следующее. Если (там) огонь, то, скажи мне, каким образом (там же) и мрак? Видишь ли, что тамошний огонь гораздо ужаснее здешнего? Он не имеет света. Если (там) огонь, то каким образом он сжигает непрестанно? Видишь ли, что он гораздо ужаснее здешнего? Он не угасает, почему и называется неугасаемым. Представим же, какое мучение - быть сжигаемым непрестанно, находиться во мраке, испускать безчисленные вопли, скрежетать зубами и не быть услышанным. Если здесь человек, воспитанный благородно, попавши в темницу, только чувствовать зловоние, находиться во мраке и содержаться вместе с

убийцами считает ужаснее всякой смерти, то представь, каково быть сжигаемым вместе с убийцами вселенной, ничего не видеть и не быть видимым, но среди такого множества людей считать себя одиноким. Действительно, мрак и отсутствие света не дозволит нам распознавать даже ближних, но каждый будет в таком состоянии, как будто бы он страдал один. Если же мрак сам по себе тяготит и смущает наши души, то что будет, когда к мраку присоединятся такие мучения и сожигания? Потому, прошу, будем постоянно содержать это в своей памяти и переносить скорбь от слов, чтобы не испытать наказания на деле. А всё это непременно исполнится, и тех, кто совершит дела, достойные тамошних наказаний, не избавит никто, ни отец, ни мать, ни брат, хотя бы кто имел и великое дерзновение, и великую силу пред Богом. Брат не избавит, говорит (Писание), избавить ли человек (Псал. 48:8)? Сам (Бог) воздаст каждому по делам его, - и чрез них только можно и спастись и подвергнуться мучению.

"**И Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным**" (Лук. 16:9). Будем же повиноваться, - это заповедь Господня; будем избытки богатства разделять нуждающимся; будем творить милостыню, пока это в нашей власти, - это и значить творить "**себе друзей богатством**"; будем расточать богатство на бедных, чтобы истощить тамошний огонь, чтобы погасить его, чтобы там иметь дерзновение. Там не они (друзья) примут нас, но дела наши. А что не просто одно только приобретение друзей может спасти нас, видно из самого добавления. Почему в самом деле (Господь) не сказал: приобретайте себе друзей, чтобы приняли вас в вечные селения, но добавил и то, каким образом (сделать это)? Сказав: "**богатством неправедным**", Он выразил, что надобно приобретать друзей посредством имущества, и внушил, что одна только дружба не защитить нас, если мы не будем иметь добрых дел, если не расточим праведно богатства, собранного неправедно. Такая заповедь нам о милостыне относится не к богатым только, но и к бедным; хотя бы кто питался, выпрашивая у других, и к нему относится эта заповедь, - потому что нет, истинно нет ни одного такого бедняка, как бы он ни был беден, чтобы у него не нашлось "**две лепты**" (Марк. 12:42). Следовательно, можно и дающему из малого малое превзойти имеющих много и дающих много, как и было с тою вдовою. Величина милостыни измеряется не мерою подаваемого, но произволением и усердием подающих. Так везде нужно произволение, везде любовь к Богу. Если мы будем делать все по её побуждению, то, хотя бы мы давали немного, имея немного, - Бог не отвратить лица Своего, но примет и малое, как великое и необыкновенное. Он смотрит на произволение, а не на то, что дается; если видит, что оно велико, то обращает на него свое решение и приговор, и делает (подающих) участниками вечных благ, которых да сподобимся все мы достигнуть, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 2

"Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей,
совершив Собою очищение грехов наших..." (Евр. 1:3).

1. Всегда нужно иметь благоговейное расположение духа, особенно же когда мы говорим или слушаем что-нибудь о Боге, потому что ни язык сказать, ни ухо услышать не может ничего, соразмерного (величию) Божию. Что я говорю - язык и ухо? Самый ум, который много превосходит их, не может ничего постигнуть в точности, когда мы хотим сказать что-нибудь о Боге, потому что если мир Божий превосходить всякий ум (Фил. 4:7), и если уготованное любящим его не взошло на сердце человека (1Кор. 3:9), то тем более сам Бог мира, Создатель всего, несравненно превосходит наше разумение. Потому должно принимать все с верою и благоговением и, когда слово становится слабым и не может в

точности выразить предлагаемого, тогда в особенности и прославлять Бога, за то, что мы имеем такого Бога, который превосходить наш ум и слово. Многое из того, что мы думаем о Боге, не можем выразить словом, и многое, что выражаем словом, не можем представить умом; например, мы знаем, что Бог (присутствует) везде, но каким образом, этого не разумеем; мы знаем, что существует некоторая бестелесная сила, виновница всех благ, но каким образом она существует, не знаем. Это мы говорим, но не разумеем; я говорю, что Бог везде, но не понимаю; говорю, что Он безначален, но не постигаю; говорю, что Он рождает из Себя самого, но опять не знаю, как понимать это. А иное невозможно выразить словами, - т.е. ум представляет, а язык выразить не может. А чтобы ты знал, как и сам Павел был не в состоянии (выразить), как подобия, приводимые им, не точны, и чтобы ты после того ужаснулся и ничего не искал более надлежащего, послушай: сказав о **Сыне** и назвав Его **Творцом**, что он присовокупляет? "**Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его**". Это надобно принимать с благоговением, а нелепые мысли отвергать. "**Сияние**", - говорит, - "**славы**". Смотри, в каком смысле он принимает это, и сам принимай точно также, т.е., - что из Него (Сын - из Отца), что бесстрастно, что без уменьшения или унижения; а есть люди, которые выводят из этого подобия некоторые нелепости. "**Сияние**", - говорят они, не самостоятельно, имеет (основание) бытия в другом.

Но ты, человек, не принимай этого, не впадай в болезнь Маркелла и Фотина. (Апостол) тотчас же предлагает тебе врачевание и не дозволяет тебе принять такой мысли и впасть в такую пагубную болезнь. Что же говорит он? "**и образ ипостаси Его**"; этим прибавлением он выражает, что как Отец самостоятелен и не имеет ни в ком нужды для того, чтобы быть самостоятельным, так точно и Сын. Здесь он доказывает безразличие их (по существу) и, указывая тебе на соответственный образ первообраза, учит, что и Сын самостоятелен сам по себе. Сказав выше, что Им Бог сотворил все, здесь он приписывает власть Ему самому. Что же говорит он? "**Держа все словом силы Своей**". Отсюда мы научаемся, что (Сын) не только есть образ ипостаси (Отца), но и всем управляет со властно. Видишь, как то, что свойственно Отцу, принадлежит и Сыну. Потому он не просто сказал: держа все, не сказал также: силою своею, но: "**словом силы Своей**". Как прежде (апостол) мало-помалу то восходил с нами, то нисходил, так и теперь он, как бы по ступеням, то восходить на высоту, то опять нисходить, когда говорить: "**и веки сотворил**". Посмотри, как он и здесь пролагает два пути: предостерегая нас от новшеств Савеллия и Ария, из которых первый отвергал остальное (различие лиц) в существе Божием, а второй расторгал единое существо неравенством (Сына Отцу), он сильно опровергает то и другое. Как же он делает это? Попеременно говорит и то и другое - чтобы не думали, что (Сын) безначален, или чужд Богу. Не удивляйся сказанному, возлюбленный; ведь если и после таких доказательств находятся люди, которые почитают (Сына) чуждым (Отцу), дают Ему другого отца и даже говорят, что он противодействует (Отцу), то чего не говорили бы они, если бы не сказал этого? Когда требуется врачевать заблуждающихся, то он находит нужным сказать нечто уничиженное. Именно: "**Которого**", - говорит, - "**поставил наследником всего**", и еще: "**чрез Которого и веки сотворил**". А потом, чтобы не нанести вреда в другом отношении, он переходить от выражений, означающих уничижение, к выражениям, означающим власть, и показывает, что (Сын) равночестен Отцу, и так равночестен, что многие считали Его за Отца. И посмотри на великую мудрость (апостола): наперед он излагает первое и твердо доказывает это; когда же доказал, что Он есть Сын Божий и не чужд Отцу, тогда уже без опасения предлагает и всё высокое, что хотел предложить. Так как, предлагая о Нем высокое, можно было навести многих на вышесказанную мысль, то (апостол) наперед излагает уничиженное, а потом без опасения восходит на высоту, на какую хотел; сказав: "**Которого поставил наследником всего**", и: "**чрез Которого и веки сотворил**", он далее присовокупляет:

"**держа все словом силы Своей"**. Кто одним словом управляет всем, тот не может иметь в ком-нибудь нужды, чтобы произвести все.

2. И что это действительно так, смотри, как (апостол) в дальнейших словах приписывает Ему власть и уже не говорить: "**чрез Которого**". Сказав, что (Бог) чрез Него сотворил, что хотел, он потом оставляет это выражение и говорить: "**в начале Ты, Господи, основал землю, и небеса - дело рук Твоих**" (Евр. 1:10); уже не говорить: "**чрез Которого**", т.е., что чрез Него сотворил века. Но как же, разве не Им они сотворены? Правда, но не так, как ты говоришь, не так, как ты представляешь, не как чрез орудие, и не так, что Он не сотворил бы их, если бы Отец не подал Ему руки помощи. Как (Отец) не судит никого, но судит, сказано, через Сына (Иоан. 5:22), потому что родил Его Судиею, так и творит чрез Него, потому что родил Его Творцом. Если Отец есть начало Его, то тем более (начало) сотворенного Им.

Итак, когда (апостол) хочет показать, что (Сын) из Него, то по необходимости говорит уничиженное; а когда желает говорить высокое, то наносится удар Маркеллу и Савеллию. Но Церковь избегла крайности тех и других и идет средним путем. Не останавливается на уничиженном, чтобы не нашел убежища Павел Самосатский, и не ограничивается одним только высоким, а вместе с тем показывает великую близость (Сына к Отцу), чтобы не возражал Савеллий. Когда он сказал: "**Сына**", то немедленно восстает Павел Самосатский и говорит, что Он такой же Сын, как и многие. Но (апостол) нанес ему смертельную рану, присовокупив: "**наследником всего**". Но тот все еще бесстыдствует вместе с Арием; именно слова: "**Которого поставил наследником всего**" - они оба принимают, первый утверждая, что (эти слова) означают бессилие, а второй стараясь перетолковать и дальнейшие (слова). Павел сказал: "**чрез Которого и веки сотворил**", и тем решительно ниспровергнул бесстыдного Павла Самосатского; но Арий по-видимому еще держится крепко. Посмотри же, как (апостол) ниспровергнул и его, сказав далее: "**Сей, будучи сияние славы**". Но вот еще восстают Савеллий, Маркелл и Фотин. Всем им (апостол) нанес один удар, сказав: "**и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей**". Здесь он поражает также Маркиона, - хотя не слишком сильно, однако же поражает. Вообще во всем послании он их опровергает. Он назвал Сына, как я сказал, сиянием славы, - и хорошо. Сам Христос, послушай, что говорить о Себе: "**Я свет миру**" (Иоан. 8:12). Для того (и апостол) назвал Его сиянием, чтобы показать, что и там сказано то же самое, т.е., что (Сын от Отца) как свет от света. Впрочем не только это здесь показывается, но и то, что Он просветил наши души. Словом: сияние (апостол) выражает равенство по существу и близость к Отцу. Посмотри, какая тонкость в словах: именуя единое существо, названное ипостасью, он доказываете что (Сын и Отец) две ипостаси, подобно как он делает и в отношении к Духу. Как он говорил, что одно ведение у Отца и Духа (1Кор. 12:4,5), которое действительно одно и нисколько не различно само в себе, так и здесь он употребляет одно слово для доказательства двух ипостасей. При этом присовокупляет: "**и образ**". Образ - нечто отличное от первообраза, впрочем отличное не совершенно, но в отношении к самостоятельности; так и здесь "**образ**" означает безразличие от Того, чей образ, сходство с Ним во всем. Если же Он называется подобием и образом, то что скажут на это (еретики)? И человек, скажут, называется образом Божиим (Быт. 1:26). Но так ли, как Сын? Нет, скажут, но (отсюда и видно), что образ не означает сходства. Напротив, когда человек называется образом (είχών), то означается сходство (его с Богом), сколько возможно человеку. Что Бог на небе, то человек на земле, т. е. по владычеству; как он обладает всем на земле, так Бог обладает всем на небе и на земле. А с другой стороны, человек не называется таким же образом (χαρακτήρ), не называется таким же подобием (μορφή), не называется сиянием, чем означается существо, или сходство по существу. Как "**образ раба**" (Фил. 2:7) означает не что иное, как совершенного человека, так и образ Бога означает не что иное, как Бога. "**Сей, будучи**" - говорит, - "**сияние славы**". Посмотри, как

поступает Павел. Сказав: "**Сей, будучи сияние славы**", - он далее присовокупляет: "**воссел одесную престола величия**"; из всех употребляемых названий он не находит ни одного, которое выражало бы самое существо (Божие). Действительно, ни "**величие**", ни "**слава**" не выражают того, что он хочет сказать; вообще он не находит названия. Потому я и сказал в начале, что иное мы представляем в уме, но не можем выразить словом; и самое имя: Бог не есть название существа Его, так что совершенно невозможно найти название для выражения существа Его; Впрочем, что удивительного, если так в отношении к Богу, когда и в отношении к ангелу невозможно найти название, которое выражало бы существо его, и может быть даже в отношении к душе: мне именно кажется, что это название (душа) означает не самое существо её, но способность дышать. Потому-то называют её и душою, и сердцем, и умом: "**Сердце чистое**", - говорит (Псалмопевец), - "**сотвори во мне, Боже**" (Псал. 50:12). И не только так, но часто называется она и духом. "**И держа все словом силы Своей**". Видишь ли, что говорить (апостол)?

3. Как же, скажи мне, ты, еретик, указывая на слова Писания: "**И сказал Бог: да будет свет**" (Быт. 1:3), говоришь, что Отец повелевает, а Сын повинуется? Вот и здесь Он сам творит глаголом: "**держа**", - говорит (апостол), - "**все**", т.е. управляя, - сдерживая то, что может распасться. Держать мир не менее значит, чем и сотворить мир, или, если можно сказать нечто удивительное, даже более. Сотворить значить привести что-нибудь из небытия в быте; а держать уже существующее, но готовое обратиться в ничто, соединять противоборствующее между собою, это - дело великое и удивительное, это -знак великой силы. Словом: "**держа**" он выражает также легкость этого дела (для Господа). Не сказал: управляя, но употребил переносное выражение, заимствованное от движущих что-нибудь и обращающих одним пальцем. Вместе с тем выражает огромную великость создания, и то, что эта великость ничего не значить для Него. Далее опять выражает, что (для Господа) это дело не, составляет труда, словами: "**словом силы Своей**". Хорошо сказал: "**словом"**; у нас слово бывает бессильно, а у Бога, говорит, оно не бывает бессильно. Сказав: "**держа все словом**", - он однако не прибавил, каким образом носить словом, потому что знать это - невозможно. Затем говорит о величествии Его. Так сделал и Иоанн: сказав, что Он - Бог, присовокупил и то, что Он - Создатель тварей. Что (Иоанн) выразил словами: "**В начале было Слово**", - и: "**Все чрез Него начало быть**" (Иоан. 1:1,3), то же самое и Павел выражает, говоря: "**словом**", а также: "**чрез Которого и веки сотворил**", - выражает именно, что Он и Создатель и существует прежде всех веков. Итак, если об Отце пророк говорить: "**от века и до века Ты – Бог**" (Псал. 89:2) и о Сыне говорится, что Он существует прежде всех веков и есть Создатель всего, то что могут сказать (еретики)? Или лучше, если об Отце сказано, что Он есть сущий прежде веков, и о Сыне говорится тоже самое? Как (Иоанн) сказал: "**В Нем была жизнь**" (Иоан. 1:4), выражая, что Он сохраняет твари, что Он её есть жизнь всего, так и (Павел) говорить: "**И держа все словом силы Своей**"; а не так, как говорят язычники, которые лишают Его, сколько могут, и творчества, и промышления, и ограничивают силу Его луною. "**Собою**", говорит, "**совершив очищение грехов наших**". Сказав о делах удивительных и великих, самых высоких, (апостол) говорит потом и о попечении Его о людях. Хотя и вышесказанные слова: "**держа все**" относились ко всем, но эти означают гораздо более. Они также относятся ко всем, потому что, сколько от Него зависало, Он спас всех. Так и Иоанн, сказав: "**В Нем была жизнь**" и тем указав на промышление Его, говорит еще: "**И свет**" (Иоан. 1:5), выражая тоже самое. "**Собою**", говорит, "**совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную престола величия на высоте**". Здесь он представляет два величайших доказательств Его попечения: одно в том, что Он очистил грехи наши, а другое в том, что сделал это Собою. И часто можешь видеть, как (апостол) восхищается не только тем, что совершилось примирение с Богом, но и тем, что оно совершено Сыном. Подлинно, этот великий дар стал еще больше потому, что (сообщен) Сыном. Сказав: "**воссел одесную**", и: "**совершив Собою очищение грехов наших**", и напомнив о кресте,

(апостол) вместе с тем прибавляет о воскресении и вознесении. И посмотри на неизреченную мудрость его; не сказал: повелено Ему сесть, но: "**воссел**"; далее же, чтобы ты не подумал, будто Он стоял, присовокупил: "**Кому когда из Ангелов сказал [Бог]: седи одесную Меня**" (Евр.1:13)? "**Воссел**", - говорить, - "**одесную престола величия на высоте**". Что значить: "**на высоте**"? Не ограничивает ли он Бога каким-нибудь местом? Нет, не для внушения нам такой мысли он сказал это; но как выражением: "**одесную**" он изображает не внешний вид Его, а показывает равночестность Его с Отцом, так и выражением: "**на высоте**" не заключает Его там, а означает, что Он выше всех и превзошел все, и как бы так говорить: Он достигнул до самого престола Отчего. Как Отец "**на высоте**", так точно и Он; и соседение означает не что иное, как равночестность. Если же (еретики) будут возражать: (однако же Бог сказал Ему:) "**седи**", то мы спросим их: что же, стоящему ли (Ему Бог сказал это)? Невозможно доказать. И с другой стороны, (апостол) не говорит, что Бог повелел или приказал, но: "**сказал [Бог]: седи**", и при том для того, чтобы ты не подумал, что он не имеет начала и причины (в Боге Отце). А что это действительно так, видно из места седения; если бы нужно было выразить уменьшение, то было бы сказано не одесную, но ошуюю.

"**Будучи**", - говорит, - "**столько превосходнее Ангелов, сколько славнейшее пред ними наследовал имя**" (Евр.1:4). Слово "**будучи**" здесь употреблено вместо: явившись; иначе можно сказать: есть. Далее (апостол) и подтверждает это. Чем? Именем. Видишь ли, что имя - Сын всегда означает истинное сыновство Его? Подлинно, если бы Он не был истинным Сыном, то не было бы так сказано. Почему? Потому, что бывает истинным (Сыном) не иначе, как получая бытие из самого (Отца). Потому (апостол) и приводить такое подтверждение. А если бы Он быль Сыном по благодати, то не только не был бы преславнее ангелов, но был бы даже ниже их. Почему? Потому, что и люди праведные называются сынами (Божиими); и имя - Сын, если оно не означает истинного (Сына), не может доказывать превосходства Между тем (апостол), желая доказать, что есть некоторое различие между тварями и Творцом, послушай, что говорит: "**Ибо кому когда из Ангелов сказал [Бог]: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя?**" и опять: "**Я буду Ему Отцем, и Он будет Мне Сыном**" (Евр.1:5)? Здесь одно сказано о плоти (Христовой), именно слова: "**Я буду Ему Отцем, и Он будет Мне Сыном**" - означают воплощение Его; а другое, именно: "**Ты Сын Мой**", означает не что иное, как то, что Он из самого (Отца). Как выражение: сущий употребляется о Боге в настоящем времени, потому что оно всего более прилично Ему, так выражение: ныне, мне кажется, сказано здесь по отношению к плоти. Когда Он принял ее, то уже все подобное без опасения говорится о Нем. Плоть может получать возвышение, равно как Божество - уничижение; и если Бог не возгнушался сделаться человеком, не отрекся от дела, то станет ли Он отрекаться от наименований?

4. Зная это, не будем стыдиться, не будем и превозноситься. Если Он, будучи Богом, Владыкой и Сыном Божиим, не отрекся принять "**образ раба**" (Фил. 2:7), то тем более мы должны делать все, хотя бы то было самое уничиженное. И чем, скажи мне, превозносишься ты, человек? Благами ли житейскими? Но они тотчас исчезают, как скоро являются. Духовными, ли? Но и то есть одно из духовных благ, чтобы не превозноситься. Чем же ты превозносишься? Тем ли, что делаешь добрые дела? Но послушай Христа, который говорит: "**когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать**" (Лук. 17:10). Богатством ли ты превозносишься? Но, скажи мне, почему? Разве ты не слышал, что мы наги вошли в жизнь, наги и отойдем (Иов. 1:21)? Или лучше, разве ты не видишь, как другие отходят прежде тебя нагими и лишенными всего? Кто превозносится тем, что у него есть чужое? А кто хочет пользоваться этим для одного, собственного наслаждения, тот лишается его и против воли, часто еще прежде смерти, а при смерти непременно. Но скажут: пока мы

живы, мы пользуемся им, как хотим. Нет, - не скоро найдешь человека, который бы пользовался имуществом, как он хочет; а если бы кто и пользовался им, как хочет, то и это не важное дело, потому что время настоящее кратко в сравнении с бесконечными веками. Тем ли превозносишься, человек, что ты богат? Почему же? Богатство бывает и у разбойников, и воров, и убийц, и развратников, и прелюбодеев, и у всех людей порочных. Почему же ты превозносишься? Если ты употребляешь его, как должно, то тебе не следует превозноситься, чтобы не нарушить заповеди (Господней); если (употребляешь) не так, как должно, то тебе следует скорее сокрушаться о том, что ты сделался рабом имущества и богатства, которое обладает тобою. Скажи мне: если бы кто-нибудь, страдая горячкою, выпил много воды, которая на короткое время утоляет жажду, но потом воспламеняет огонь, то может ли он превозноситься этим? Или если бы кто-нибудь хлопотал о многом напрасно, то может ли он превозноситься этим? Чем же, скажи мне, (превозноситься тебе)? Тем ли, что имеешь над собою много господ? Тем ли, что у тебя бесчисленное множество заботь? Тем ли, что многие льстят тебе? Но это не что иное, как рабство. А чтобы ты убедился, что ты (в таком случае) делаешься рабом, выслушай внимательно следующее. Прочие страсти наши бывают иногда полезны; так часто бывает полезен гнев: "**Не может**", - говорить (Премудрый), - "**быть оправдан несправедливый гнев**" (Сир. 1:22); следовательно, можно гневаться и праведно. И еще (Господь говорить): "**всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду**" (Мат. 5:22). Также ревность и похоть бывают добром; последняя тогда, когда служить деторождению, а первая, когда направлена к соревнованию в добрых делах, как и Павел говорить: "**Хорошо ревновать в добром всегда**" (Гал. 4:18), и еще: "**Ревнуйте о дарах больших**" (1 Кор. 12:31); следовательно, то и другое полезно. А гордость никогда не бывает добром, но всегда бесполезна и вредна. И если чем можно гордиться, то скорее бедностью, нежели богатством. Почему? Потому что кто может жить малым, тот гораздо лучше и выше того, кто не может.

5. Скажи мне: если бы какие-нибудь люди были приглашены в царственный город, и одни из них не требовали бы ни коней, ни рабов, ни шатров, ни гостиниц, ни одеяний, ни сосудов, но довольствовались бы только хлебом и водою из источников, а другие стали бы говорить: если не дадите нам колесниц и мягких постелей, то мы не можем прибыть; если у нас не будет множества провожатых, если не будет нам позволено часто отдыхать и находиться в дороге только малую часть дня, если не доставить нам коней и много другого необходимого для нас, то мы не можем (отправиться), - скажи: которые из них достойны нашего уважения, первые или последние? Очевидно, что те, которые ни в чем не имеют нужды. Так точно и здесь: одни для прохождения пути настоящей жизни требуют многого, а другие - ничего; потому и превозноситься скорее следовало бы живущим в бедности, если только следовало бы. Но, скажешь, бедный часто подвергается презрению. Нет, - не он (достоин этого), а те, которые презирают его; как в самом деле я могу не презирать людей, которые не хотят уважать то, что должно (уважать)? Живописец смеётся над всеми теми, которые, будучи сами невеждами, смеются над ним, и не обращает внимания на слова их, но довольствуется собственным своим свидетельством: почему же мы поставляем себя в зависимость от мнения других? Простительно ли это?

Мы в том случае достойны презрения, когда не презираем презирающих нас за бедность и не считаем несчастными их самих. Не упоминаю о том, какие грехи происходят от богатства и катая блага от бедности; или лучше сказать, ни богатство, ни бедность не есть добро само по себе, но таковым бывает в зависимости от пользующихся. Добрый христианин обнаруживается более в бедности, нежели в богатстве. Почему? Потому, что в бедности он становится не горделивее, целомудреннее, честнее, смиреннее, благоразумнее; а в богатстве встречается множество к тому препятствий. Вспомним, что

делает богатый, или лучше, злоупотребляющий своим богатством. Он похищает, лихоимствует, притесняет. И откуда происходят преступные привязанности, незаконные связи, волшебства, чародеяния и все другие роды зла, как не от богатства? Видишь ли, что в бедности гораздо легче быть добродетельным, нежели в богатстве? Не думай, что если богатые здесь не подвергаются наказанию, то они и не грешны; нет, - если бы можно было беспрепятственно подвергать богатых наказанию, то темницы наполнились бы ими. Кроме того, богатство заключает в себе еще то зло, что неправедно приобретший его, совершая грехи безнаказанно, никогда не перестает совершать их, получает раны неисцелённые, и никто не налагает на него узды. Бедность же, если угодно, может доставить нам гораздо больше поводов к удовольствию. Почему? Потому, что она свободна от забот, ненависти, вражды, зависти, браней и бесчисленных зол. Итак, не будем усиливаться стать богатыми, и не будем постоянно завидовать тем, которые имеют много; но если имеем богатство, будем употреблять его, как должно; если же не имеем, не будем скорбеть о том, а благодарить Бога за все, и за то, что Он даровал нам возможность - при малом труде получить воздаяние, равное богатым, или, если мы захотим, даже большее, и из малого извлечь великие плоды. Принесший два таланта был почтен и удостоен награды, равной с принесшим пять талантов. Почему? Потому что, хотя ему было вверено два таланта, но он со своей стороны исполнил все должное и возвратил вверенное в двойном количестве. Для чего же нам стараться получить многое, когда можно и посредством малого прибрести то же самое, или даже большее, когда при малом труде можно удостоиться награды, гораздо большей (чем труд). Бедный гораздо удобнее расстанется с собственностью, нежели богатый, обладающий слишком многим. Разве вы не знаете, что чем больше кто имеет, тем большого желает? Потому, чтобы нам не испытать этого, не будем искать богатства, не будем сетовать на бедность, не будем стремиться сделаться богатыми, но, даже имея (богатство), будем пользоваться им так, как заповедал Павел: "**имеющие**", - говорить он, - "**должны быть, как не имеющие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся**" (1 Кор. 7:29,31), чтобы нам получить обетованные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 3

"Также, когда вводит Первородного во вселенную, говорит: и да поклонятся Ему все Ангелы Божии. Об Ангелах сказано: Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь. А о Сыне: престол Твой, Боже, в век века; жезл царствия Твоего - жезл правоты. (Евр. 1: 6-8).

1. Господь наш Иисус Христос называет пришествие свое во плоти исходом, - например, когда Он говорит: "**вот, вышел сеятель сеять**" (Мат. 13:3); И еще: "**Я исшел от Отца и пришел в мир**" (Иоан. 16:28) и во многих местах можно видеть это. А Павел называет пришествие Его входом: "…**когда**", - говорит- "**вводит Первородного во вселенную**", разумея под этим введением воплощение. Почему же они выражаются различно об одном и том же предмете, и для чего говорят так? Это видно из значения самих выражений. Христос справедливо называет пришествие свое исходом, потому что мы были вне Бога. Как узники, оскорбившие царя, находятся обыкновенно вне царских чертогов, и тот, кто желает примирить их (с царём), не вводить их внутрь (чертогов), но сам выходит наружу и беседует с ними, пока, не сделает их достойными явиться пред взоры царя, так поступил и Христос. Он, вышедши к нам, т.е. приняв плоть и преподав нам угодное Царю, ввел потом нас, очистив от грехов и примирив (с Богом). Потому Он и называет (пришествие свое) исходом. А Павел называет его входом, заимствуя это переносное выражение из примера наследников, получающих во владение какое-нибудь имущество; сказать: "**когда вводит**

Первородного во вселенную", значит показать, что (Бог) вручил Ему вселенную; Он тогда принял ее всю в свое владение, когда был познан. Это говорится не о Боге-Слове, но о воплотившемся Христе; и действительно, если Он "**В мире был,**" - как говорит Иоанн, - "**и мир чрез Него начал быть**" (Иоан. 1:10), то как иначе он мог быть введен во вселенную, как не во плоти? "**И да поклонятся Ему**" - говорит, - "**все Ангелы Божии**". Намереваясь сказать нечто великое и высокое, он предуготовляет к тому слушателей и располагает к удобнейшему принятию (истины), представляя Отца вводящим Сына. И посмотри: выше он сказал, что (Бог) говорил нам не чрез пророков, но чрез Сына, и показал, что Сын превосходнее ангелов, доказав это как самим именем (Сына), так и тем, что сам Отец ввел Сына. А здесь он доказывает то же другим образом. Каким? Поклонением, которое показывает, насколько он превосходнее ангелов, насколько именно Владыка превосходнее раба. Подобно тому, как если бы кто, вводя кого-нибудь в жилище царя, повелел предстоящим там тотчас поклониться ему, так поступает и апостол, говоря о пришествии в мир по плоти, и присовокупляя: "**И да поклонятся Ему все Ангелы Божии**". Неужели же только ангелы без прочих сил? Нет; послушай далее: "**Об Ангелах сказано: Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь**". К Сыну же: "**престол Твой, Боже, в век века".** Вот величайшее различие: они созданы, а Он не создан. Почему об ангелах сказано: творящий, а о Сыне не сказано: творящий? Потому, что таким образом ясно выражается различие между ними. Потому об ангелах и говорится: "**творящий Ангелами Своими духов**"; а о Сыне хотя говорится: Господь создал меня (Притч. 8:22), и еще: "**Бог соделал Господом и Христом Сего Иисуса**" (Деян. 2:36), но ни то не говорится о Христе Господе Сыне, ни это - о Боге Слове, а относится к воплощению. Желая показать истинное между ними различие, (апостол) разумеет не только ангелов, но и все горние служебные силы. Видишь ли, с какою ясностью он различает твари и Творца, служителей и Владыку, рабов и Наследника и истинного Сына? О Сыне говорит: "**престол Твой, Боже, в век века**"; вот знак царствия! "**жезл царствия Твоего - жезл правоты**"; вот еще другой знак царствия! Потом опять (обращается) к воплощению: "**Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой**" (Евр. 1:9). Что значить: "**Бог Твой**"? Сказав великое, (апостол) опять смягчает речь.

Здесь он опровергнул и Иудеев, и последователей Павла Самосатскаго, и ариан, и Маркелла, и Савеллия, и Маркиона. Каким образом? Иудеев - тем, что показал в одном и том же (Христе) два существа - Бога и человека; вторых, т.е. последователей Павла Самосатскаго, - тем, что сказал о вечном бытии и несозданном существе Его, так как в противоположность выражению: "**Ты творишь**", присовокупил: "**престол Твой, Боже, в век века**"; ариан - тем же самым, равно и тем, что (Сын) не есть раб, а если бы Он был тварью, то был бы рабом; Маркелла и других - тем, что (Отец н Сын) суть два лица, различные ипостасно; маркионитов - тем, что помазуется не божество, а человечество (Христово). Далее говорит: "…**более соучастников Твоих**". Кто же эти причастники, как не люди? Т.е. "**ибо не мерою**" Христос получил "**Духа**" (Иоан. 3:34).

2. Видишь ли, как (апостол) с учением о несозданном Существе везде соединяет учение о домостроительстве? Что может быть яснее этого? Видишь ли, что не одно и то же - сотворение и рождение? Иначе он не различал бы их; в противоположность выражению: "**Ты творишь**", он не прибавил бы: "**о Сыне: престол Твой, Боже,** (ὁ Θεός**) в век века**"; и не назвал бы имени - Сын преславнейшим именем, если бы оно означало то же самое (что и тварь). В самом деле, чем бы оно было преславнее? Если бы сотворение и рождение означали одно и то же, а ангелы сотворены, то (Сын) чем был бы их превосходнее? Вот опять употребляется о Нем слово: "**Бог**", с членом [1]. "**И: в начале Ты, Господи, основал землю, и небеса - дело рук Твоих; они погибнут, а Ты пребываешь; и все обветшают, как риза, и как одежду свернешь их, и изменятся; но Ты тот же, и лета**

Твои не кончатся" (Евр. 1:10-12). Чтобы ты, слыша слова: "**когда вводит Первородного во вселенную**", не подумал, будто (Сыну) впоследствии было предоставлено это, как дар, (апостол) и выше предостерегал от такой мысли, и теперь, опять предостерегает, говоря: "**в начале**", не теперь, говорит, но издревле. Здесь он также опять наносить смертельный у дар Павлу Самосатскому и Арию, приписывая Сыну то, что приписывается и Отцу. Вместе с тем он внушает нечто другое, важнейшее; именно, изображает изменение мира: "…**и все обветшают, как риза, и как одежду свернешь их, и изменятся**"; подобно как и в послании к Римлянам он говорит, что (Бог) преобразит мир. (Рим. 8). Желая выразить легкость этого дела (для Бога), говорить: "**свернешь**"; как человек свертывает одежду, так (Бог) свернет и изменит мир. Если же Он так легко совершить преобразование и изменение мира в лучшее и высшее состояние, то мог ли Он иметь нужду в ком-нибудь другом при низшем (первоначальном) образовании мира? Доколе вы не устыдитесь (говорить это)? Вместе с тем и весьма утешительно - знать, что мир не всегда будет в настоящем состоянии, но все получит преобразование и все изменится; сам же (Бог) пребывает всегда живым и беспредельно живущим. "**И лета Твои**", - говорить, - "**не кончатся. Кому когда из Ангелов сказал [Бог]: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих?**" (Евр. 1:12-13). Вот, он опять ободряет (верующих) тем, что враги их будут поражены; а враги их т же самые, что и Христовы. И опять это - знак царствия, знак равенства, знак чести, а не безсилия (Сына), что Отец гневается за (оскорбления), причиняемые Сыну; это - знак великой любви и близости Отца к Сыну. И действительно, если Он гневается за Него, то как Он может быть чужд Ему? "**Доколе положу врагов Твоих**". Так и во втором псалме говорится: "**живущий на небесах посмеется, Господь поругается им. Тогда скажет им во гневе Своем и яростью Своею приведет их в смятение**" (Псал. 2:4-5). И сам (Христос) говорит: "**врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы я царствовал над ними, приведите сюда и избейте предо мною** " (Лук. 19:27). А что это Его слова, послушай, как Он говорит в другом месте: "**сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст**" (Лук. 13:34-35); и еще: "**отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его**" (Мат. 21:43); и еще: "**кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит**" (Мат. 21:44). С другой стороны, если Он будет судить врагов там, то тем более они отдадут отчет за, оскорбления, причиняемые Ему здесь. Таким образом слова: "**доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**" сказаны единственно к чести Сына.

"**Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?**" (Евр.1:14). Удивительно ли, говорит, что они служат Сыну, если они служат и для нашего спасения? Видишь, как (апостол) возвышает умы слушателей и указывает на великую честь, оказываемую нам Богом, назначившим такое служение ангелам, которые выше нас - служение для нас; он как бы так говорить: ангелы употребляются на то, служение их состоит в том, чтобы служить Богу для нашего спасения. Таким образом дело ангелов - исполнять все к спасению братии. Хотя это дело самого Христа, но Он спасает нас, как Владыка, а они, как рабы; и мы, хотя рабы, но и сорабы ангелов. Что вы, говорит, удивляетесь ангелам? Они - рабы Сына Божию, всюду посылаются для нас, служат для нашего спасения; следовательно они - подобные нам рабы. Посмотрите, какое небольшое он полагает различие между тварями; хотя значительно различие между ангелами и людьми, но он поставляет их близ нас, и как бы так говорить: они трудятся для нас, всюду текут для нас, можно сказать - рабствуют нам. Служение их состоит в том, что они всюду посылаются для нас.

3. Таких примеров исполнен ветхий, исполнен и новый завет. Когда ангелы благовествуют пастырям, когда являются Марии, когда - Иосифу, когда сидят при гробе Христовом,

когда посылаются сказать ученикам: "**мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо?**" (Деян. 1:11) - когда освобождают Петра из темницы, когда беседуют с Филиппом, - то неясно ли, что они служат нам? Представь же, какая оказывается нам честь, когда Бог посылает ангелов служить нам, как друзьям своим, когда ангел является Корнилию, когда ангел освобождает из темницы всех апостолов и говорить: "**идите и, став в храме, говорите народу все сии слова жизни**" (Деян. 5:20). Но что я говорю о других? Самому Павлу являлся ангел. Видишь ли, как они служат нам для Бога, и служат в делах весьма важных? Потому Павел и говорить: "**или мир, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее, - все ваше**" (1 Кор. 3:22). И Сын был послан, но не как раб, не как служитель, а как Сын единородный, как хотящий того же, чего хочет Отец; или лучше сказать, Он и не был послан, потому что Он не из места одного перешел в другое, но принял плоть, а они переменяют места, оставив одни места, в которых были, переходят потом на другие, в которых не были. Это говорит (апостол) для того, чтобы ободрить их. Чего (говорит) вы страшитесь? Ангелы служат нам. Сказав, о Сыне, о делах домостроительства, сотворении и царствии, доказав равенство (Сына с Отцом) и то, что (Сын) господствует, как Владыка, не только над людьми, но и над горними силами, (апостол) далее увещевает их, внушая, что мы должны быть внимательными к сказанному, и говорит: "**посему мы должны быть особенно внимательны к слышанному**" (Евр.2:1). Здесь он хочет сказать, что надобно внимать "**особенно**" закона, но умалчивает об этом; объясняет же это в доказательствах, а не в самом увещании или совете, - потому что так было лучше. "**Ибо, если**", - говорит, - "**через Ангелов возвещенное слово было твердо, и всякое преступление и непослушание получало праведное воздаяние, то как мы избежим, вознерадев о толиком спасении, которое, быв сначала проповедано Господом, в нас утвердилось слышавшими [от Него]**" (Евр.2:2-3)? Почему же нам должно быть "особенно" внимательными к сказанному? Прежнее не так же ли от Бога, как и настоящее? Здесь он заповедует быть внимательными или "особенно" закона, или весьма; но отнюдь не осуждает (закона), - нет. Так как (евреи) имели высокое мнение о ветхом завете за древность его, то, чтобы настоящий, как новый, не подвергался презрению, он усиленно доказывает, что последнему должно внимать еще более. Как доказывает? Как бы так говорит: хотя то и другое от Бога, но не одинаково. Впрочем это он объясняет нам после; теперь пока кратко указывает на это, а после излагает яснее, когда говорит: " **Ибо, если бы первый [завет] был без недостатка**", и еще: "**ветшающее и стареющее близко к уничтожению**" (Евр. 8:7,13), - и многое другое подобное. Но в начале речи он не осмеливается сказать ничего такого, пока еще не приготовил и не расположил к тому слушателя многими доказательствами. Итак, почему, скажи, нам подобает "особенно" внимать? Да не когда, говорит, отпадем, т.е., чтобы нам не погибнуть, не отпасть. Здесь он показывает тяжесть отпадения, - как трудно отпавшее опять восстановить, когда это происходить от нерадения. А само выражение он заимствовал из Притчей: "**Сын мой!**", - говорит (Премудрый), - "**не упускай**" (Притч, 3:21), выражая и легкость отпадения и тяжесть погибели, т.е., что преслушание не безопасно для нас. Самыми же доказательствами (апостол) внушает, что наказание будет весьма велико. Впрочем это он оставляет предметом для исследования, а не дает в виде заключения. Такой образ речи делает обличение не столь резким, т.е. когда обличающий не везде сам от себя произносит решение, но оставляет на волю слушателя, чтобы он сам подал голос; это делает (слушателей) более благоразумными. Так поступает в ветхом завете пророк Нафан, а у Матфея Христос, когда говорит: "**что сделает он с этими виноградарями?**" (Мат. 21:40) - вызывая (учеников) самих произнести суд. В этом состоит величайшая победа. Далее (апостол), сказав: "**если через Ангелов возвещенное слово было твердо**", - не присовокупил: тем более глаголанное Христом; но, оставив это, сказал более кротко: "**то как мы избежим, вознерадев о толиком спасении**". И смотри, как он делает сравнение: "**если**", - говорит, - "**через Ангелов возвещенное слово**"; там – "**Ангелы"**, а здесь – "**Господом**"; там – "**слово**", а здесь – "**спасение**". Потом, чтобы кто-

нибудь не сказал: разве то Христово, что говоришь ты, Павел? - он предупреждает это и доказывает достоверность сказанного, доказывает достоверность как тем, что он слышал это от Господа, так и тем, что и ныне Бог говорит это, не гласом, просто произносимым, как было при Моисее, но посредством знамений и удостоверяющих событий.

4. Что значит: "**если через Ангелов возвещенное слово было твердо**"? Подобным образом он говорит и в послании к Галатам: "…**преподан через Ангелов, рукою посредника**" (Гал. 3:19); и в другом месте: "…**приняли закон при служении Ангелов и не сохранили**" (Деян. 7:53); и везде он говорит, что (закон) преподан чрез ангелов. Некоторые утверждают, что здесь разумеется Моисей, но это не основательно, потому что он называет здесь ангелов во множественном числе; при том говорит здесь об ангелах небесных. Что же сказать на это? То, что он или говорит об одних только десяти заповедях, - так как тогда Моисей говорил, а Бог отвечал, - или, что ангелы присутствовали, когда Бог преподавал заповеди, или говорит обо всём, сказанном и сделанном в ветхом завете, - так как ангелы принимали в том участие. Почему же в другом месте говорится: "…**ибо закон дан чрез Моисея**" (Иоан. 1:17), а здесь: ангелы? Потому что (и Моисей) говорит: и сошел Бог во мрак (Исх. 19:20). "**Ибо, если через Ангелов возвещенное слово было твердо**". Что значить: "**было твердо**"? Значит - истинно и верно, потому что все сказанное сбылось в надлежащее время. Или это он говорит, или то, что слово было твердо и угрозы приведены в исполнение, или словом называет повеления, потому что многие повеления были преподаны без закона ангелами, посланными от Бога, как например на месте плача, при судиях, при Сампсоне (Суд. 2:1; 8:3). Потому апостол и не сказал: закон, но: "**слово**". Мне кажется более вероятным, что он разумеет здесь все, устроенное чрез ангелов. Что же мы скажем? То, что тогда присутствовали ангелы, которым вверен был народ (еврейский), которые и производили трубные звуки, огонь, мрак и прочее. "…**и всякое**", - говорить, - "**преступление и непослушание получало праведное воздаяние**". Не так, чтобы одно получило, а другое нет, но: "**всякое**". Ничто, говорит, не осталось ненаказанным, но "**получало праведное воздаяние**", - ("**воздаяние**") вместо - наказания. Почему же он так выразился? Павел обыкновенно не слишком строг в выборе выражений, но иногда употребляет безразлично менее точные вместо более точных, как, например, в одном месте он говорит: "**пленяем всякое помышление в послушание Христу**" (2 Кор. 10:5); и в другом месте он употребляет "**воздаяние**" вместо наказания, так же, как здесь называет наказание "**воздаянием**": "**ибо праведно**", - говорит, - "**пред Богом - оскорбляющим вас воздать скорбью, а вам, оскорбляемым, отрадою**" (2 Фес. 1:6,7). Т.е. правда не потеряла свою силу, но Бог исполняет ее и подвергает согрешивших наказанию, хотя бывают явны не все грехи, а только те, которыми прямо нарушаются заповеди. Итак – "**как**", - говорить, - "**мы избежим, вознерадев о толиком спасении**"? Этим он выражает, что прежде было не великое спасение; и потому хорошо, присовокупил: "**о толиком**". Теперь, говорит, не от войны Бог избавит нас, не землю и земные блага даст нам, но будет разрушение смерти, погибель диавола, царствие небесное, жизнь вечная. Все это он кратко выразил в словах: "**вознерадев о толиком спасении**". Далее он говорит о достоверности сказанного: "**быв сначала проповедано Господом**", т.е. получило начало от самого источника, потому что не человек принес это (спасение) на землю, не сотворенная сила, но сам Единородный. "**В нас утвердилось слышавшими [от Него]**". Что значит: "**утвердилось**"? Т.е. верно преподано, или приведено в исполнение; мы, говорит, имеем залог; оно не истребилось, не прекратилось, но сохраняется и одерживает победу; а причиною тому - действующая божественная сила. Что значит: "**слышавшими**"? Т.е. те самые, которые слышали от Господа, утвердили нас. Это - дело великое и достоверное. Подобным образом и Лука говорит в начале Евангелия: "**как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова** " (Лук. 1:2). Как же оно утвердилось? А что, скажут, если слышавшие от себя выдумали? Чтобы опровергнуть такую мысль и доказать, что эта

благодать не от людей, (апостол) прибавляет: "**при засвидетельствовании от Бога**" (Евр. 2:4). Подлинно, Бог не свидетельствовал бы о них, если бы они сами измыслили что-нибудь. Они свидетельствуют, - а вместе и Бог свидетельствует. Как Он свидетельствует? Не словом, не голосом, хотя и это было бы верно, - а как? "…**знамениями и чудесами, и различными силами**". Хорошо он сказал: "**различными силами** ", выражая обилие дарований; у древних же не было таких и столь различных знамений. Мы поверили им не просто, но при свидетельстве знамений и чудес; следовательно поверили не им, а самому Богу. "**И раздаянием Духа Святаго по Его воле**". Как же это, когда и чародеи совершают знамения, и Иудеи говорили о Христе, что "**Он изгоняет бесов силою веельзевула**" (Лук. 11:15)? Но они совершали не такие знамения; потому (Павел) и говорит: "**различными силами**". Те знамения - не сила, а безсилие, вымысел и пустые действия; потому об этих он и говорит: "…**И раздаянием Духа Святаго по Его воле**".

5. Здесь, кажется мне, (апостол) намекает еще на нечто другое; вероятно, там было немного людей, имевших духовные дарования, которые оскудели потому, что верующие стали менее ревностны. Потому, чтобы утешить их в этом и предохранить от падения, он приписывает все воли Божией: сам (Бог), говорит, знает, кому что полезно, и таким образом распределяет благодать. То же он говорить и в послании к Коринфянам: "**Но Бог расположил члены, каждый в [составе] тела, как Ему было угодно**"; и еще: "**Но каждому дается проявление Духа на пользу**", по воли Его (1 Кор. 12:8,7,11), - доказывает, что дарования зависят от воли Отца. Часто многие не получали дарований за нечистую и нерадивую жизнь; а иногда не получали их и люди, проводившие хорошую и чистую жизнь; для чего же? Для того, чтобы они не преткнулись, чтобы не возгордились, чтобы не сделались нерадивыми, чтобы не стали слишком превозноситься. Ведь если и без дарований самое сознание чистой жизни может возбудить гордость, то тем более (это возможно), когда присоединятся благодатные дары. Потому они и были сообщаемы более людям смиренным и простым, а в особенности простым, пребывавшим, как говорит Писание, "**в веселии и простоте сердца**" (Деян. 2:46). Таким образом (увещание апостола) могло сильнее действовать на них и, если они были нерадивы, возбуждать их. Смиренный и не думающий много о себе делается более ревностным, когда получает дарование, как человек, получивший не по заслугам и считающий себя недостойным; а кто думает, что он оказал заслуги, тот считает дарование должным и превозносится. Потому Бог с пользою таким образом устраивает это дело. Это и можно видеть в Церкви: один имеет дар учительства, а другой не может даже открыть уст. Но никто пусть не скорбит из-за этого: "**каждому дается проявление Духа на пользу**". Если человек - домовладыка знает, кому что вверить, то тем более Бог, который видит ум человеческий и знает все прежде исполнения. Одно только достойно скорби - грех, а все прочее - нисколько. Не говори: почему я не имею богатства? - или: если бы я имел, то раздавал бы бедным. Ты не знаешь, если бы ты имел, не сделался ли бы еще более любостяжательным; теперь ты говоришь это, а на самом деле получив, может быть, стал бы другим. Так, когда мы сыты, то думаем, что можем поститься; а, когда пройдет немного времени, то иные у нас рождаются мысли. Также, когда мы не пьяны, то думаем, что можем преодолеть эту страсть; а когда предадимся ей, то уже не (думаем). Не говори: почему я не имею дара учительства? - или: если бы я имел, то назидал бы многих. Ты не знаешь, если бы ты имел, не послужил ли бы он к твоему осуждению, и зависть или леность не заставили ли бы тебя скрыть талант. Теперь ты свободен от всего этого, и если не дашь меры муки, не подлежишь осуждению; а тогда ты провинился бы во многом. Впрочем и теперь ты не совершенно лишен дарования. Покажи в малом, каков был бы ты, если бы имел (большее): "**неверный в малом**", - говорит (Господь), - "**неверен и во многом** …**кто поверит вам**" (Лук. 16:10,11)? Покажи, как вдовица; она имела две лепты, и пожертвовала все, что имела. Ты ищешь богатства? Покажи, что ты презираешь малое (имущество), чтобы я мог вверить тебе и большое; а если ты не презираешь и первого, то тем более не

будешь (презирать) последнего. Также и касательно дара слова покажи, что ты надлежащим образом употребишь его на увещание и убеждение. Ты не имеешь внешнего красноречия? Не имеешь обилия мыслей? Но общие (истины) ты знаешь; имеешь сына, имеешь соседа, имеешь друга, имеешь брата, имеешь родных; если ты не можешь произносить длинную речь пред народом в церкви, то можешь увещевать их наедине; здесь не нужно витийства и продолжительных, речей; покажи на них, что, если бы ты имел дар слова, то не был бы нерадивым. Если же ты не оказываешь усердия в малом, то как я поверю тебе в великом? А что действительно каждый может делать это, послушай, как Павел заповедовал это и мирянам: "**увещавайте**," - говорить он, - "**друг друга и назидайте один другого**" (1 Фес. 5:11); и еще: "**Итак утешайте друг друга сими словами**" (1 Фес. 4:18). Бог знает, сколько уделить каждому. Разве ты лучше Моисея? Но и он, послушай, как сетовал: "…**разве я**," - говорил он, - " **носил во чреве весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка?**" (Числ. 11:12). Что же Бог? Он отделил от духа его и дал другим (Числ. 11:17), показав, что, если и прежде он руководит (евреев), то это было не от собственного его дарования, но от Духа. Если бы ты имел дарование, то часто превозносился бы, часто падал бы; ты не знаешь себя самого так, как Бог знает тебя. Не будем же говорить: для чего это, и к чему это? - когда все устраивает Бог; не станем требовать от Него отчета; это крайне нечестиво и безумно. Мы -рабы, и рабы, далеко отстоящие от Владыки, не знающие даже того, что под ногами. Не будем же испытывать советов Божиих, но будем хранить то, что он даровал нам, хотя бы это было малое, хотя бы крайне малое, и тогда непременно мы заслужим похвалу; или лучше, (не будем считать) ни одного из даров Божиих малым. Ты сетуешь, что не имеешь дара учительства? Но скажи мне: какой дар кажется тебе большим, дар ли учительства, или дар исцелений? Конечно, последний. А давать зрение слепым не кажется ли тебе большим, нежели исцелять болезни? А воскрешать мертвых не кажется ли тебе еще большим? Что же, скажи мне: совершать это посредством тени и полотенцев не кажется ли тебе большим, нежели совершать это словом? Чего же ты желаешь, скажи мне, воскрешать ли мертвых посредством тени и полотенцев или иметь дар учительства? Конечно ты скажешь: воскрешать мертвых посредством тени и полотенцев.

6. Но если я докажу тебе, что гораздо больше этого дара другой дар, который ты можешь приобрести, и что, не приобретая его, ты справедливо лишаешься и прочих, - то что скажешь? При том такой дар можно приобрести не одному, или двум, но всем вообще. Знаю, что вы удивляетесь и изумляетесь, слыша, что вам можно иметь дар гораздо больший дара воскрешать мертвых, давать зрение слепым и совершать то, что было при апостолах; быть может, вы даже считаете это неправдоподобным. Какой же это дар? Любовь. Поверьте мне; это - не мои слова, но слова Христа, вещавшего чрез Павла. Что именно говорить он? "**Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший**" (1 Кор. 12:31). Что значить: "**еще превосходнейший**"? Слова его означают следующее: коринфяне превозносились тогда дарованиями и, имея дар языков, который есть самый меньший из даров, гордились пред прочими. Потому он говорит: желаете ли иметь дарования? Я покажу вам путь к дарованиям, не только лучший, но и превосходнейший. И далее говорит: "**Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я - медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею [дар] пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что [могу] и горы переставлять, а не имею любви, - то я ничто**" (1Кор. 13:1,2). Видишь ли, (какой это) дар? Старайся же приобрести его. Он значить больше, нежели воскрешать мертвых; он гораздо выше всех прочих даров. А что это действительно так, послушай, что говорить Христос в беседе с учениками: "**По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою**" (Иоан. 13:35). Объясняя, по чему узнают, не сказал: по чудесам, - но почему? "…**если будете иметь любовь между собою**". Также (в

молитве) к Отцу Он говорит: "**и они да будут в Нас едино, - да уверует мир, что Ты послал Меня**" (Иоан. 17:21); и ученикам Он говорил: "**Заповедь новую даю вам, да любите друг друга**" (Иоан. 13:34). Таким образом (человек любящий) превосходнее и славнее тех, которые воскрешают мёртвых, - и справедливо, - потому что последнее происходить всецело от благодати Божией, а первое вместе и от твоего усердия; первое свойственно истинному христианину, и доказывает, что он ученик Христов, распявшийся (для мира) и не имеющий ничего общего с землею; без этого самое мученичество не может принести никакой пользы, Чтобы тебе убедиться в этом, обрати внимание на следующее: блаженный Павел в двух отношениях достигнул высоты добродетелей, или лучше сказать, в трех, - в знамениях, в мудрости и в жизни; но без любви, говорить он, все это - ничто. А каким образом это ничто, я объясню: "**И если я раздам**", - говорить, - "**все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы**" (1 Кор. 13:2, 3), потому что и раздающий имение и расточающий деньги может не иметь любви. Об этом я достаточно сказал в том месте, где говорил о любви; туда и отсылаю желающих. Будем же, как я сказал, стараться приобрести этот дар, станем любить друг друга, и мы не будем иметь нужды ни в чем другом для преуспеяния в добродетелях, но все будет для нас удобоисполнимо без усилий, все будет у нас совершаться с великим успехом. Но, скажете, мы и теперь любим друг друга; один имеет двух друзей, другой - трех, а иной - четырех. Но это не значить любить для Бога, а для того, чтобы самому быть любимым; кто любить для Бога, тот имеет не такое побуждение к любви, а бывает расположен ко всем, как к своим братьям, - единоверных он любит, как своих родных братьев, еретиков же, язычников и иудеев жалеет, как своих братьев по природе, только как недобрых и бесполезных, сокрушается и плачет о них. Мы можем уподобиться Богу тем, если будем любить всех, даже и врагов, а не тем, если будем совершать знамения; мы и Богу удивляемся, правда, и тогда, когда Он творит чудеса, но гораздо более тогда, когда Он оказывает человеколюбие и милосердие. Если же в Боге это особенно достойно удивления, то тем более в людях, и следовательно очевидно, что это доставляет нам особенное уважение. Будем же заботиться об этом, и тогда мы будем иметь нисколько не меньше Павла, Петра и других, воскресивших множество мертвых, хотя бы мы и не могли исцелять горячки; а без любви, хотя бы совершали знамения больше самих апостолов, хотя бы подвергали себя бесчисленным опасностям за веру, нам не будет никакой пользы. Это говорю не я, но сам питомец любви знает это; ему мы должны верить. Таким образом мы сможем получить и обетованные блага, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Некоторые из ариан утверждали, что слово - Бог с членом (ὁ Θεός) употребляется в св. Писании только о Боге Отце, и отсюда заключали, что Сын Его, Иисус Христос, не есть истинный Бог. Святитель опровергает здесь и в других местах такое неправое учение.

БЕСЕДА 4

"Ибо не Ангелам Бог покорил будущую вселенную, о которой говорим; напротив некто негде засвидетельствовал, говоря: что значит человек, что Ты помнишь его? или сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты унизил его пред Ангелами" (Евр. 2:5-7).

1. Желал бы я достоверно знать, слушает ли кто-нибудь слова мои с надлежащим вниманием, не при пути ли мы бросаем семена; тогда я стал бы предлагать учение с большею ревностью. Конечно, хотя бы и никто не слушал, мы будем говорить по страху, внушаемому Спасителем. Говори, говорит (Господь), к людям сим и если не послушают, ты сам будешь невиновен (Иезек. 3). Но если бы я убедился в вашем усердии, то говорил бы не только по страху, но и с удовольствием делал бы это. Теперь же, - если никто не слушает, -хотя я сам не подвергаюсь опасности, как исполняющий свое дело, но этот труд бывает без удовольствия. Что в самом деле пользы, когда никто не назидается, хотя я и не подвергаюсь обвинению? А если бы вы были внимательны, то мы не столько бы извлекали выгоду из того, что не подвергаемся наказанию, сколько из вашего преспеяния. Каким же образом мне убедиться в этом? Заметив некоторых из вас, которые не очень внимательны, я буду спрашивать их особо, когда встречусь с ними, и если найду, что они помнят нечто из сказанного, - не говорю всё, это для вас не очень удобно, но хотя немногое из многого, - тогда, очевидно, не будет мне надобности беспокоиться о прочих. Мне следовало бы не говорить вам об этом предварительно и застать вас неприготовленными, но и то будет приятно, если таким образом я найду (помнящих сказанное); или лучше сказать, я и в таком случае могу застать вас неприготовленными. Ведь о том, что я спрошу, я говорю предварительно, а когда спрошу, этого не объявляю; может быть сегодня, может быть завтра, может быть чрез двадцать или тридцать дней, может быть менее, может быть более.

Так и Бог не объявил нам дня нашей смерти, не открыл нам, сегодня ли, или завтра, или чрез целый год, или чрез несколько лет Он придет, чтобы по неизвестности ожидаемого мы постоянно соблюдали себя добродетельными. О том, что мы умрем, Он сказал, а когда, - не сказал. Подобным образом и я о том, что спрошу, сказал вам, а когда, - не прибавил, желая, чтобы вы заботились об этом постоянно. Никто не говори: я слышал это за четыре, за пять или больше недель и не могу припомнить; я хочу, чтобы слушающий помнил так, чтобы никогда не забывал, не истреблял из памяти и не терял сказанного, так как я желаю, чтобы вы помнили не для того, чтобы пересказать мне, но чтобы получить пользу вам самим; вот о чем я забочусь. Впрочем, сказав то, что нужно было сказать для предостережения, необходимо уже начать беседу по порядку. О чем же предстоит нам говорить сегодня? "**Ибо не Ангелам**", - говорит (апостол), - "**Бог покорил будущую вселенную, о которой говорим**". Не говорит ли он о другой какой-нибудь вселенной? Нет, об этой самой: потому и прибавляет: "**о которой говорим**", чтобы не попустить уму заблуждающему искать какой-нибудь другой вселенной. Почему же он называет ее будущей? Как в другом месте он, говорит: "**который есть образ будущего**" (Рим. 5:14), рассуждая об Адаме и Христе в послании к Римлянам и называя воплотившегося Христа будущим по отношению к временам адамовым, - потому что Христос имел придти, - так и здесь, сказав: "**когда вводит Первородного во вселенную**" (Евр. 1:6), чтобы ты не подумал, будто он говорит о другой вселенной, он многократно утверждает и иным способом, самим наименованием её будущей, - потому что вселенная имела явиться, а Сын Божий был всегда. Таким образом эту вселенную, имевшую явиться, Бог покорил не ангелам, а Христу. Очевидно, говорит, что о ней сказано Сыну, и никто не может утверждать, что ангелам. Далее он приводит и другое свидетельство: "**засвидетельствовал**",- говорит, - "**некто негде**". Для чего он не назвал имени пророка, но умолчал о нем?

То же он делает и в других свидетельствах, как, например, когда говорит: "**Также, когда вводит Первородного во вселенную, говорит: и да поклонятся Ему все Ангелы Божии**" (Евр.1:6); и еще: "**Я буду Ему Отцем**" (Евр. 1:5); и еще: "**Об Ангелах сказано: Ты творишь Ангелами Своими духов и служителями Своими пламенеющий огонь. А о Сыне:…**" - и – "**в начале Ты, Господи, основал землю**" (Евр. 1:7,10). Так и здесь

говорит: "**некто негде засвидетельствовал, говоря…**". Этим самым, что он умалчивает и не называет имени сказавшего свидетельство, но приводит его, как общеизвестное и несомненное, мне кажется, он показывает, что (слушатели его) были весьма сведущи в Писаниях. "**Что значит человек, что Ты помнишь его? или сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты унизил его пред Ангелами; славою и честью увенчал его, и поставил его над делами рук Твоих, все покорил под ноги его**" (Евр. 2:6-8).

2. Это, хотя сказано о человечестве вообще, но главнее может относиться к Христу по плоти; именно слова: "**все покорил под ноги его**" относятся более к Нему, нежели к нам. Сын Божий посетил нас, существ ничтожных, и, приняв наше (естество) и соединив с Собою, соделался превыше всех. "**Когда же**," - продолжает (апостол), - "**покорил ему все, то не оставил ничего непокоренным ему. Ныне же еще не видим, чтобы все было ему покорено**" (Евр. 2:8). Значение слов его следующее: так как он сказал: "**доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**" (Евр. 1:13), и (слушатели) после этого могли еще предаваться скорби, то он, вставив потом нисколько слов, приводить такое свидетельство, которым подтверждается прежнее. Чтобы они не говорили: как же Бог положил врагов под ноги Его, когда мы подвергаемся таким бедствиям? - он и прежде указывал на это самое, -именно выражение: "**доколе**" означает исполнение не немедленное, а впоследствии времени, и здесь подробнее раскрывает то же. Из того, что они еще не покорены, говорит, не заключай, что они не будут покорены. Что они должны быть покорены, это известно, потому что и в пророчестве сказано об этом: "**Когда же**", - говорит, - "**покорил ему все, то не оставил ничего непокоренным ему**". Отчего же не все покорено Ему? Оттого, что имеет быть покорено. Итак, если все должно быть покорено Ему, хотя еще не покорено, ты не скорби и не смущайся. Если бы уже пришел конец и все было покорено, а ты подвергался таким бедствиям, то справедливо ты мог бы скорбеть; теперь же мы еще не видим всего покоренным Ему, Царь еще не совершенно вступил во власть. Для чего же ты смущаешься, претерпевая страдания? Проповедь еще не над всеми возобладала; еще не наступило время -покориться совершенно. Далее (предлагается) еще иное утешение: Тот, кто имеет покорить всех, сам умер и претерпел бесчисленные страдания. "**видим**", - говорит, - "**что за претерпение смерти увенчан славою и честью Иисус, Который не много был унижен пред Ангелами**" (Евр. 2:9). Затем опять присовокупляет нечто вожделенное: "**увенчан славою и честью**". Видишь ли, как он относит всё - к Нему? И выражение: не много более может относиться к Тому, кто был только три дня во аде, нежели к нам, которые так долго подвергаемся тлению; равным образом и выражение: "**славою и честью**" гораздо более относится к Нему, нежели к нам. (Апостол) здесь опять напоминает о кресте, стараясь сделать два дела - доказать попечение Его и убедить их переносить все великодушно, взирая на Учителя. Если, говорит, Тот, кому покланяются ангелы, потерпел умалиться немного пред ангелами для тебя, то тем более ты, который меньше ангелов, должен переносить всё для Него. Потом объясняет, что слава и честь - это крест, как и сам (Христос) называет его славою, когда говорить: "**пришел час прославиться Сыну Человеческому**" (Иоан. 12:23). Если же Он называет славою (страдания) ради рабов, то тем более ты (называй так страдания) ради Владыки.

Видишь, каков плод креста? Не бойся же его; тебе он кажется прискорбным, но он производит бесчисленные блага. Этим (апостол) доказывает пользу искушений. Потом говорит: "**…дабы Ему по благодати Божией, вкусить смерть за всех**" (Евр. 2:9). "**Дабы**" - говорит, - "**по благодати Божией**". И Он пострадал по благодати Божией к нам: "**Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас**" (Рим. 8:32). Почему? Не потому, что должен был сделать это для нас, но по благодати. И еще в послании к Римлянам говорит: "**…то тем более благодать Божия и дар по благодати одного Человека, Иисуса Христа, преизбыточествуют для многих**" (Рим. 5:15). "**…дабы Ему**

по благодати Божией, вкусить смерть": не за верующих только, но за всю вселенную, - Он умер за всех. Что в том, что не все уверовали? Он исполнил свое дело; и потому (апостол) прямо говорит: "**вкусить смерть за всех**". Не сказал: умрёт, потому что Он как действительно вкусил (смерти), так и оставался в ней малое время, вскоре воскресши. Таким образом слова: "**претерпение смерти**" означают истинную смерть Христову; а слова: "**превосходнее Ангелов**" указывают на Его воскресение. Как врач, не имея нужды вкушать лекарств, приготовленных для больного, по своей заботливости об нем, наперед сам вкушает, чтобы убедить больного смело принять предлагаемую пищу, так и Христос, зная, что все люди боятся смерти, и желая убедить их смело идти на нее, сам вкусил её, не имея в том нужды. "**Ибо идет**", - говорит Он, - "**князь мира сего, и во Мне не имеет ничего**" (Иоан. 14:30). Таким образом, слово: "**по благодати**", равно и выражение: "**вкусить смерть за всех**", внушают это самое. "**Ибо надлежало, чтобы Тот, для Которого все и от Которого все, приводящего многих сынов в славу, вождя спасения их совершил через страдания**" (Евр.2:10).

3. Здесь он говорит об Отце. Видишь ли, как и в отношении к Нему употребляет выражение: имже? Он не сделал бы этого, если бы это было унизительно и приличествовало только Сыну. А смысл слов его следующий: Бог сделал, говорит, достойное своего человеколюбия, явив Первородного славнейшего всех и как бы ратоборца мужественного и превосходящего других, представив Его образцом для прочих. "**…вождя спасения их**", т. е. виновника спасения. Видишь ли, какое различие (между Им и нами)? Хотя и Он - Сын, и мы - сыны, но Он спасает, а мы спасаемся. Замечаешь ли, как (апостол) и соединяет нас с Ним и разделяет? "**Приводящего**", - говорит, - "**многих сынов в славу**", - здесь соединяет; "**…вождя спасения их**", - здесь напротив разделяет. "**Совершил через страдания**", - следовательно, страдания - совершенство и средство к спасению. Видишь ли, что терпение страданий не есть знак отверженных?

Если же Отец почтил Сына прежде всего тем, что провел Его через страдания, то поистине принять плоть и претерпеть то, что Он претерпел, есть гораздо большее дело, нежели сотворить мир и привести его из небытия в бытие; и последнее есть дело человеколюбия, но первое - гораздо более, как и сам (апостол) объясняет это, когда говорит: "…**дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей**", "…**воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе**" (Еф. 2:7,6). "**Ибо надлежало, чтобы Тот, для Которого все и от Которого все, приводящего многих сынов в славу, вождя спасения их совершил через страдания**" (Евр.2:10). Надлежало, говорит, Ему, промышляющему о всем и приведшему все в бытие, дать Сына для спасения других, одного за многих. Впрочем он не сказал так, но говорит: "**совершил через страдания**", выражая, что страдающий за кого-нибудь не ему только приносит пользу, но и сам становится славнее и совершеннее. И это, говорит, для верующих, - для того, чтобы ободрить их. И Христос был прославлен тогда, когда пострадал. Впрочем, когда я говорю, что Он прославлен, то не подумай, будто Он получил приращение славы; ту славу, которая свойственна Ему по существу, Он всегда имел, нисколько ее не прибавляя. "**Ибо и освящающий и освящаемые, все - от Единого; поэтому Он не стыдится называть их братиями**" (Евр. 2:11). Вот как опять он соединяет их (со Христом), воздавая им честь, утешая и называя их братьями Христовыми потому, что "**все - от Единого**"; но вместе с тем определяет (слова свои) и показывает, что он говорит о Христе по плоти, выражаясь так: "**освящающий и освящаемые**". Видишь ли, какое различие (между Им и нами)? Он освящает, а мы освящаемся. И выше Он назван начальником спасения их. "**У нас один Бог Отец, из Которого все**" (1 Кор. 8:6). "**Поэтому Он не стыдится называть их братиями**". Видишь ли, как опять показывает Его превосходство? Выражением: "**не стыдится**" он показывает, что все это зависит не от

сущности предмета, но от милосердия и великого смиренномудрая того, кто не стыдится. Хотя и от единого, но Он освящает, а мы освящаемся. Великое различие! Он от Отца, как Сын истинный, т.е. из сущности Его; а мы, как твари, т.е. из ничего; следовательно между Им и нами великое различие. Потому (апостол) и говорит: "**Он не стыдится называть их братиями, говоря: возвещу имя Твое братиям Моим**" (Евр. 2:11-12). Приняв плоть, Он принял и братство; вместе с плотью превзошло и братство. Это сказано правильно; но что означают следующие слова: "**Я буду уповать на Него**" (Евр. 2:13)? И дальнейшие за ними (сказаны) не напрасно: "**вот Я и дети, которых дал Мне Бог**"; в них Он называет себя отцом, как там называл братом, когда говорил: "**возвещу имя Твое братиям Моим**". Здесь опять выражается превосходство Его и великое различие (между Им и нами), равно как и в следующих словах: "**А как дети причастны плоти и крови**" (Евр. 2:14).

Видишь ли, в чем сходство? По плоти. "…**и Он также воспринял оные**". Да устыдятся все еретики, да посрамятся утверждающие, будто Он пришел призрачно, а не истинно; (апостол) не сказал только: Он также воспринял оные, и не остановился на этом, - хотя довольно было бы, если бы он так сказал, - но выразил еще нечто большее, присовокупив: также. Не привидением, говорит, и не призраком Он явился, но истинно; иначе не должно бы быть выражения: также. Показав братство Его с нами, (апостол) далее приводит и причину такого домостроительства: "**дабы**", - говорит, - "**смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола**". Здесь он выражает ту удивительную (вещь), что чем диавол побеждал, тем и сам побежден, и каким оружием он был силён против вселенной, тем и его самого поразил Христос; также означает и великую силу Победившего. Видишь ли, какое благо произвела смерть Его? "…**и избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству**" (Евр.2:15). Для чего вы страшитесь, говорит, для чего вы боитесь упраздненной (смерти)? Она уже не страшна, - она попрана, презрена, стала ничтожною и ничего не стоящею. Что же означают слова: "**которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству**"? Что выражает ими (апостол)? То, что боящийся смерти есть раб и предпринимает все меры, чтобы не умереть; или то, что все люди были рабами смерти и, так как она еще не была побеждена, находились в её власти; или, если не это, так то, что люди жили в постоянном страхе: ожидая постоянно, что они умрут, и боясь смерти, они не могли чувствовать никакого удовольствия, потому что этот страх постоянно был в них, о чем и намекает (апостол) словами: "**через всю жизнь**". Здесь он показывает, что скорбящие, гонимые, преследуемые, лишаемые отечества, имущества и всех прочих благ проводят жизнь приятнее и свободнее, нежели те, которые постоянно живут в роскоши, не терпят ничего подобного и благоденствуют, - потому что последние во всю жизнь находятся под этим страхом и суть рабы его, а первые свободны от него и посмеиваются над теми, чего последние боятся. Подобно тому, как если бы кто-нибудь стал утучнять обильным кормлением узника, обречённого на смерть и постоянно ожидающего её, так точно и смерть в древности (поступала с людьми). А теперь происходит то, как если бы кто-нибудь, отогнав страх, побуждал подвизаться с удовольствием и, предложив подвиг, обещал вести уже не на смерть, а на царство. Скажи же, в числе которых желал бы ты находиться, - тех ли, которые утучняются в темнице, ежедневно ожидая своего приговора, или тех, которые много подвизаются и трудятся добровольно, чтобы облечься диадемою царства? Видишь ли, как (апостол) возвышает их душу и возводит их горе? При том он внушает, что не только смерть упразднена, но через нее поражен и тот, кто постоянно восстает и ведет против нас непримиримую войну, т.е. диавол, потому что кто не боится смерти, тот находится вне власти диавола. Если "**кожу за кожу, а за жизнь свою отдаст человек все, что есть у него**" (Иов. 2:4), то кто решается пожертвовать и ею, тот чьим может быть рабом? Он не боится никого, не страшится никого, выше всех и свободнее всех. Ведь кто пренебрегает собственной душой, тот тем более (пренебрежет) остальным. Когда диавол находит такую душу, то он не может выполнить на ней ни одного из своих

намерений. В самом деле, скажи мне, что (он может сделать с нею)? Будет, ли угрожать ей лишением имущества, бесчестием и изгнанием из отечества? Но все это маловажно для того, кто не дорожит даже собственною душою, подобно блаженному Павлу (Деян. 20:24). Видишь ли, что свергающий с себя тяжкую власть смерти сокрушает и силу диавола? Кто умеет безмерно любомудрствовать о воскресении, тот будет ли бояться смерти, станет ли страшиться чего-нибудь другого? Потому не скорбите и не говорите: для чего мы терпим то-то и то-то? - потому что таким образом достигается славнейшая победа; а она не была бы славною, если бы (Христос) не разрушил смертию смерть. И удивительно то, что тем самым Он и победил её, чем она была сильна, явив везде и могущество свое и мудрость. Не предадим же сообщенного нам дара: "**вы не приняли**", - говорит (апостол), - "**духа рабства**" (Рим. 8:15), "**но силы и любви и целомудрия**" (2 Тим. 1:7). Будем стоять мужественно, посмеиваясь над смертию.

5. Но мне приходится тяжко вздохнуть (при мысли), куда возвел нас Христос, и куда мы низводим сами себя. Когда я представляю вопли, раздающиеся на площади, рыдания, какие бывают по отшедшим от жизни, стоны и прочие бесчинства, - то, поверьте, я стыжусь язычников, иудеев и еретиков, которые видят это и решительно все смеются за это над нами, и что бы я ни говорил после того о воскресении, слова мои будут напрасным рассуждением. Почему? Потому что язычники обращают внимание не на то, что я говорю, а на то, что делается вами. Они тотчас скажут: сможет ли кто-нибудь из них когда-нибудь презирать смерть, если он не может видеть даже другого умершим? Прекрасно говорит Павел, прекрасно и достойно небес и человеколюбия Божия. Что же говорить он? " **И избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству**" (Евр. 2:15). Но вы не допускаете верить этому, опровергая слова его своими делами, хотя Бог употребил множество мер к тому, чтобы уничтожить ваш дурной обычай. Вот, скажите мне, что означают горящие светильники? Не провожаем ли мы умерших, как подвижников? Что (означают) песнопения? Не прославляем ли мы Бога, не благодарим ли Его, что Он наконец увенчал отшедшего, освободил от трудов, избавил от страха и принял его к себе? Не для того ли гимны, не для того ли песнопения? Все это свойственно радующимся: "**Весел ли кто, пусть поет псалмы**", - говорит (апостол) (Иак. 5:13). Но язычник смотрит не на это. Не указывай мне, говорить он, на того, кто любомудрствует, не подвергаясь скорби, - это нисколько не важно и не удивительно, - но укажи мне того, кто бы любомудрствовал среди самой скорби; тогда и я поверю воскресению. Не удивительно, когда поступают так мирские жены, хотя и это прискорбно, потому что и от них требуется любомудрие: "**Не хочу же**", - говорит Павел, - "**оставить вас, братия, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды**" (1 Фес. 4:13); он писал это не к монахам и не к посвятившим себя на всегдашнее девство, но к мирским женам, сочетавшимся браком, и к мирским мужам. Впрочем это еще не так прискорбно; а когда кто-нибудь, жена или муж, утверждающий, что распялся для мира, он рвет на себе волосы, а она рыдает неутешно, то что может быть непристойнее этого? Поверьте словам моим, что, если бы делать, как должно, то следовало бы отлучить таких людей на долгое время от порогов церковных. Если кто истинно достоин слез, то это те, которые еще боятся и трепещут смерти, которые не веруют воскресению. Но, скажешь, я не воскресению не верую, а следую обычаю. Для чего же ты, скажи мне, когда отправляешься в путь и предпринимаешь далекое путешествие, не делаешь этого? И тогда, скажешь, я плачу и рыдаю, следуя обычаю. Но там действительно ты следуешь обычаю; а здесь ты отчаиваешься в возвращении. Вспомни, что поёшь ты в то время (при погребении)? "**Возвратись, душам моя, в покой твой, ибо Господь облагодетельствовал тебя**" (Псал. 114:6); и еще: "**не убоюсь зла, потому что Ты со мной**" (Псал. 22:4); и еще: "**Ты покров мой: Ты охраняешь меня от скорби**" (Псал. 31:7). Вникни, какой смысл в этих песнопениях. Но ты не внемлешь им, а беснуешься от скорби. Будь внимателен и благоразумен хотя при погребении других, чтобы тебе найти

врачество при своем (погребении). "**Возвратись, душам моя, в покой твой, ибо Господь облагодетельствовал тебя**", - говоришь ты, и сам плачешь? Не притворство ли это, не лицемерие ли? Если ты действительно веришь тому, что говоришь, то напрасно плачешь; если же ты притворяешься, лицемеришь и считаешь это баснею, то для чего и поешь? Для чего терпишь присутствующих? Почему не выгоняешь поющих? Но, скажешь, это свойственно беснующимся. А то еще более. Впрочем, я говорю теперь об этом между прочим, но впоследствии тщательнее разберу этот предмет, потому что я очень боюсь, чтобы таким образом не вкралась в Церковь какая-нибудь тяжкая болезнь. Это рыдание мы исправим после; а теперь говорю и объявляю богатым и бедным, женам и мужьям.

Дай Бог, чтобы все вы отошли от жизни без печали, чтобы по определенному закону престарелые отцы были погребены сыновьями, и матери дочерями, внуками и правнуками, в маститой старости, и чтобы никогда не случилось с вами преждевременной смерти; дай Бог вам это, о чем и я сам молюсь и предстоятелей и всех вас увещеваю молиться Богу друг о друге и возносить к Нему общую об этом молитву; если же, - чего да не будет и да не случится! - если постигнет кого-нибудь из вас тяжкая смерть, - называю ее тяжкою не по существу, потому что смерть уже не тяжка и нисколько не отличается от сна, но называю ее тяжкою по отношению к нашему чувству, - если она приключится и кто-нибудь наймет этих плакальщиц, то, поверьте словам моим, - я говорю не иначе, как должен говорить, а кто хочет, пусть гневается, - я отлучу такого от Церкви на долгое время, как идолослужителя. Если Павел называет лихоимца идолослужителем (Кол. 3:5), то тем более можно назвать так того, кто совершает над верным свойственное идолослужителям. И для чего, скажи мне, ты призываешь пресвитеров и певцов? Не для того ли, чтобы получить утешение? Не для того ли, чтобы почтить отшедшего? Для чего же ты оскорбляешь его, для чего бесчестишь, для чего бесчинствуешь, как бы на зрелище? Мы приходим, чтобы любомудрствовать о воскресении, чтобы воздаваемою ему честью научить всех, даже и тех, которые еще не подвергаются ударам (смерти), переносить мужественно, когда случится с ними что-нибудь подобное; а ты приводишь тех, которые разрушают наши действия, сколько это возможно для них?

6. Что может быть хуже такой насмешки и такого глумления? Что может быть тяжелее такой несообразности? Постыдитесь и образумьтесь; если же вы не хотите, то мы не потерпим, чтобы такие пагубные обычаи существовали в Церкви. "**Согрешающих**", - говорит (апостол), - "**обличай перед всеми**" (1 Тим. 5:20). Потому мы чрез вас повелеваем тем жалким и презренным (плакальщицам), чтобы они никогда не приходили к погребению верных; иначе мы заставим их оплакивать собственные несчастия и научим сокрушаться более о своих бедствиях, нежели о чужих. Так любвеобильный отец, имеющий безпорядочнаго сына, не только ему запрещает иметь общение с людьми порочными, но и тем угрожает. Подобным образом и я заповедую вам, а чрез вас и им, чтобы ни вы не приглашали их, ни они не приходили (на погребение). Дай Бог, чтобы одни слова наши принесли какую-нибудь пользу и одна угроза имела силу; если же, - чего да не будет! - слова наши будут оставлены без внимания, то мы наконец принуждены будем привести угрозу в действие, - наказать вас по законам церковным, а их так, как следует (поступить) с ними. Если же и после этого кто-нибудь из дерзких не образумится, то пусть он послушает Христа, который и ныне говорит: "**Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего; если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово; если же не послушает их, скажи церкви; а если и церкви не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь**" (Мат. 18:15-17). Если (Господь) повелевает таким образом отвращаться от брата, согрешившего против меня, когда он не слушает обличений, то судите сами, как я должен поступать с тем, кто грешит против себя самого и против Бога,

- вы ведь часто осуждаете нас, что мы не снисходительно обращаемся с вами. А кто презирает запрещения, налагаемые нами, того опять пусть научить Христос, который говорит: "**что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе**" (Мат. 18:18). Хотя мы и маловажны, и ничтожны, и достойны презрения, как и действительно мы таковы, но мы не за себя взыскиваем, не гневу своему удовлетворяем, а заботимся о вашем спасении. Постыдитесь же, увещеваю, и образумьтесь. Если всякий терпеливо переносит (укоризны) друга, нападающего на него даже более надлежащего, зная цель его и то, что он делает это по благорасположению, а не по гордости, то тем более должно терпеть обличения учителя, и при том учителя, который говорит не своею властью и не как начальник, но как попечитель. Мы говорим это не для того, чтобы показать свою власть - можно ли (так думать), когда мы желаем, чтобы они даже и не испытали её? - но из сожаления и сострадания к вам. Простите же, и никто из вас пусть не презирает церковных запрещений, потому что ими связывает не человек, а Христос, даровавший нам такую власть, соделавший людей обладателями такой чести. Мы желали бы употреблять эту власть на разрешение, или лучше, не желали бы иметь нужду и в этом, потому что не хотим, чтобы кто-нибудь из нас был связанным, - мы еще не так жалки и презренны, хотя и крайне ничтожны. Но когда мы бываем вынуждены, то простите: против собственной воли и желания мы налагаем запрещение, хотя сами скорбим более вас связываемых. А кто станет презирать это, для того настанет время суда и научит его. Не хочу говорить о последующем, чтобы не возмутить души вашей. Прежде всего мы молимся, чтобы нам не быть к тому вынужденными; когда же бываем вынуждены, то исполняем свое дело, налагаем запрещение. Если кто нарушить его, то я, сделавший свое дело, не виновен; а ты должен будешь отдать отчет Тому, кто повелел мне связывать. Ведь, если в присутствии царя кто-нибудь из предстоящих оруженосцев получит приказание связать кого-нибудь из находящихся в строю и наложить на него оковы, а этот не только оттолкнет его, но и разломает самые оковы, то не оруженосец получает обиду, а гораздо более царь, давший такое приказание. Подлинно, если (Господь) усвояет себе то, что делается верующему, то тем более, когда вы оскорбите поставленных на учительство, Он примет это за оскорбление Его самого. Впрочем, не дай Бог, чтобы кто из находящихся в этой церкви подвергся необходимости быть связанным. Как хорошо - не грешить, так же полезно - переносить наказание (έπιτίμησιν). Будем же переносить обличение и постараемся не грешить, а когда согрешим, то будем переносить наказание. Как хорошо - не получать ран, а когда это случится, то полезно - прилагать к ранам лекарство, так точно и здесь. Впрочем, не дай Бог, чтобы кто нуждался в подобных лекарствах: "…**мы надеемся, что вы в лучшем [состоянии] и держитесь спасения, хотя и говорим так**". (Евр. 6:9). Мы предложили более сильное (обличение) для больного предостережения. Лучше мне почитаться от вас строгим, суровым и гордым, нежели вам делать неугодное Богу. Надеемся на Бога, что это обличение не будет бесполезно для вас и что вы исправитесь так, что слова наши послужат к вашей похвале и чести. Дай же вам Бог проводить жизнь согласно с волею Божией, чтобы всем нам удостоиться благ, обещанных Богом любящим Его, во Христе Иисусе Господе нашем.

БЕСЕДА 5

"Ибо не Ангелов восприемлет Он, но восприемлет семя Авраамово. Посему Он должен был во всем уподобиться братиям" (Евр. 2:16, 17).

1. Желая показать великое снисхождение Бога и любовь, какую Он имеет к роду человеческому, Павел после того, как сказал: "**А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные**" (Евр. 2:14), объясняет это место и говорить: "**не Ангелов восприемлет**". Не просто, говорит, выслушай сказанное и не почитай каким-нибудь

обыкновенным делом того, что Он принял нашу плоть; ведь Он не удостоил этого ангелов. Потому и выражается так: "**не Ангелов восприемлет Он, но восприемлет семя Авраамово**". Что означают слова его? Не в ангельское, говорить, естество облекся Он, но в человеческое. А что значит: "**восприемлет**"? Не ангельское, говорит, естество принял Он, но наше. Почему же он не сказал: принял, но употребил такое выражение: "**восприемлет**" (ἐπιλαμβάνεται)? Он заимствует это выражение из примера бегущих за теми, которые уходят от них, и употребляющих все меры к тому, чтобы настигнуть убегающих и удержать удаляющихся. Так и Христос сам устремился и настигнул род человеческий, бежавший от Него и бежавший далеко, - мы ведь были, говорит (апостол), без - Бога – были отчуждены далеко и были безбожники в мире (Еф. 2:12,13). Здесь он показывает, что (Бог) сделал это единственно по снисхождению, любви и попечению об нас. Как выше, когда говорит: "**Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?**" (Евр.1:14), он показывает любовь Его к роду человеческому и то, что Бог много печется о нем, так и здесь еще больше подтверждает это посредством сравнения, говоря: "**не Ангелов восприемлет**". Подлинно, великое, чудное и изумительное дело, что наша плоть сидит на небесах и удостаивается поклонения от ангелов, архангелов, серафимов и херувимов. Представляя себе это, я часто удивляюсь и высоким предаюсь мыслям о роде человеческом, потому что вижу великие и светлые начатки и многое попечение Божие о естестве нашем. И не просто сказал (апостол): от людей приемлет, но, желая возвысить их, и показать, как велик и почтенен род их, говорит: "**но восприемлет семя Авраамово**. **Посему Он должен был во всем уподобиться братиям**". Что значит: "**во всем**"? Он родился, говорит, воспитывался, возрастал, претерпел все, что следовало, и наконец умер: вот что означают слова: "**во всем уподобиться братиям**". Так как он много говорил о величии и высшей славе (Христа), то теперь ведёт речь о домостроительстве Его; и посмотри, с какою мудростью и силою доказывает, что Он приложил большое старание, чтобы уподобиться нам; это - знак великого Его попечения об нас. Сказав выше: "**А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные**" (апостол) и здесь говорит: "**во всем уподобиться братиям**", т.е. как бы так говорит: Тот, кто так велик, кто есть сияние славы и образ ипостаси, кто сотворил века и сидит одесную Отца, Тот восхотел и потщился сделаться нашим братом во всём, и для того оставил ангелов и горние силы, сошел к нам и принял нашу (плоть). И смотри, сколько Он доставил благ: разрушил смерть, освободил нас от власти диавола, избавил от рабства, почтил своим братством, и не только удостоил братства, но и других бесчисленных (благодеяний), - Он восхотел быть нашим первосвященником пред Отцом: "**чтобы быть милостивым**", - продолжает (апостол), - "**и верным первосвященником пред Богом**". Он принял, говорит, плоть нашу единственно по человеколюбию, для того, чтобы помиловать нас. Нет другой причины такого домостроительства Его, кроме одной этой; Он видел, что мы повержены на землю, погибаем и подвергаемся насилию смерти, и умилосердился. "**Для**", - говорит, - "**умилостивления за грехи народа**". Что значить: "**верным**"? Истинный, сильный, потому что один только Сын есть верный первосвященник, могущий избавить от грехов тех, которых Он первосвященник. Потому, чтобы принести жертву, которая могла бы очистить нас, Он сделался человеком. "**Пред Богом**" - присовокупляет (апостол), т.е. в отношении к Богу. Мы были, говорит, враждебны Богу, были осуждены, преданы бесчестию; не было никого, кто бы принес за нас жертву; Он видел нас в таком состоянии и умилосердился, не только доставив нам первосвященника, но сделавшись сам первосвященником верным. Потом (апостол) показывает, как Он верен, продолжая: "**для умилостивления за грехи народа. Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь**" (Евр. 2:17,18).

2. Это, по-видимому, весьма уничиженно, смиренно и недостойно Бога. "**Ибо, как Сам** ", - говорит, - "**Он претерпел**". Здесь он говорит о воплотившемся. Может быть, это

говорится и для успокоения слушателей, и во внимание к их немощи. Смысл слов его следующий: (Христос), пришедши, самым делом испытал то, что мы терпим; теперь Ему не безызвестны страдания наши; он знает не только как Бог, но и как человек, познавши и испытавшей самим делом; Он много пострадал, потому может и нам сострадать. Хотя Бог безстрастен, но здесь (апостол) говорит о воплощении, и как бы так сказал: самая плоть Христова претерпела много страданий; Он знает, что такое страдание, знает, что такое искушение, и знает не меньше нас страждущих, потому что Он сам страдал. Что же значить: "**может и искушаемым помочь**"? Иначе сказать: Он с великою готовностью подаст руку помощи, будет сострадателен. Так как (евреи) думали иметь большое преимущество пред (верующими) из язычников, то (апостол) внушает, что они имеют преимущество в том, чем Бог нисколько не унизил и (верующих) из язычников. Чем же именно? Тем, что от них спасение, что наперед к ним Он пришел, что от них принял плоть. "**Не Ангелов восприемлет Он**", - говорит, - " **но восприемлет семя Авраамово** ". Этим он и воздает честь патриарху, и показывает, что значить семя Авраамово, - напоминает им об обетовании, данном Аврааму в следующих словах: "**ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки**" (Быт. 13:15), намекая несколько и на близость (их к Нему) в том, что все произошли от одного. Но так как эта близость была незначительна, то он опять переходить к тому же (предмету), останавливается на домостроительстве Его во плоти и говорит: "**для умилостивления за грехи народа**". Самое желание - сделаться человеком есть уже знак великого попечения и великой любви, а теперь не только это, но и безсмертные блага дарованы нам от Него: "**для**", - говорит, - "**умилостивления за грехи народа**". Почему он не сказал: (грехи) вселенной, но: "**народа**" (του λαού), тогда как поистине Он взял на себя грехи всех нас? Потому, что (апостол) пока ведет речь о них (евреях), как и ангел говорил Иосифу: "**наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их**" (Мат. 1:21). Этому и следовало наперед совершиться, и для того Он пришел, чтобы спасти их, а потом чрез них и тех (язычников), хотя случилось напротив. Об этом и (другие) апостолы в самом начали говорили: "**к вам первым послал Его благословить вас**" (Деян. 3:26); и еще: "**вам послано слово спасения сего**" (Деян. 13:26). Так и здесь (апостол) показывает благородство Иудеев, когда говорить: "**для умилостивления за грехи народа**". Так он теперь говорит. А что, (Христос) отпускает грехи всех, это сам Он объяснил как при исцелении расслабленного, когда сказал: "**прощаются тебе грехи твои**" (Марк. 2:5), так и в заповеди о крещении: "**научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа**" (Мат. 28:19). Когда Павел начал речь о плоти, то потом говорит (о Нем) все уничиженное, нисколько не опасаясь; смотри именно, что говорит он далее: "**Итак, братия святые, участники в небесном звании, уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа, Который верен Поставившему[1] Его, как и Моисей во всем доме Его**" (Евр. 3:1-2). Намереваясь изобразить преимущества Его сравнительно с Моисеем, (апостол) ведет речь о законе касательно священства, потому что о Моисее все имели высокое мнение. И (здесь) он уже предуказывает семена этого преимущества; но начинает с плоти, а потом переходит к божеству, в отношении которого не могло быть сравнения. Начиная сравнивать их по плоти, он говорит: "**как и Моисей во всем доме Его**". Не вдруг доказывает преимущество (Христа пред Моисеем), - чтобы слушатели не отшатнулись и тотчас же не заткнули ушей, - потому что, хотя они были верующие, но в душе своей еще много были преданы Моисею. "**Который верен**", - говорит, - "**Сотворившему Его**". Что сотворившему? Посланника и первосвященника. Не о существе говорит он здесь, и не о божестве, но пока о преимуществах человеческих. "**Как и Моисей во всем доме Его**", т.е. в народе, или в храме. А употребляет это выражение - "**во всем доме Его**" - так, как иной выразился бы о домашних. Моисей был в народе, как попечитель и распорядитель в доме. Что здесь домом он называет народ, видно из прибавления: "**дом же Его - мы**" (Евр.3:6), т.е. мы - создание Его. Затем (показывает) преимущество: "**Он достоин тем большей славы пред**

Моисеем"; и опять (говорит) о плоти: "**чем большую честь имеет в сравнении с домом тот, кто устроил его**" (Евр. 3:3).

3. И сам (Моисей), говорит, был из этого дома. Не сказал: он был раб, а тот - Владыка, но прикровенно выразил это. Если домом был народ, а сам (Моисей) был из народа, то следует, что он был из этого дома; так и мы обыкновенно говорим: такой-то происходит из такого-то дома. Здесь под домом (апостол) не разумеет храма, потому что не Бог создал его, но люди, а устроивший его, т.е. Моисея, есть Бог. Смотри, как он прикровенно показывает превосходство (Христа пред Моисеем): "**верен**", - говорит, - "**во всем доме Его**", между тем как сам он был из этого дома, т.е. из народа. Большую имеет честь пред произведениями художник их, равно как и пред домом - устроивший его. "…**А устроивший все [есть] Бог**" (Евр. 3:4). Видишь, что не о храме говорит, но о всем народе? "**И Моисей верен во всем доме Его, как служитель, для засвидетельствования того, что надлежало возвестить**" (Евр. 3:5). Вот и другое преимущество Сына пред рабами! Видишь опять, как он указывает на близость (Христа к Богу-Отцу) наименованием Сына? "**Христос - как Сын в доме Его**" (Евр. 3:6). Замечаешь, как он отличает создание и Создателя, раба и Сына? Этот входит в отеческий дом, как Владыка, а тот, как раб. "…**Дом же Его - мы, если только дерзновение и упование, которым хвалимся, твердо сохраним до конца**" (Евр. 3:6). Здесь опять убеждает их стоять мужественно и не падать; мы будем, говорит, домом Божиим, подобно Моисею, если только упование и надежду, которою хвалимся, твердо сохраним до конца; а кто скорбит в искушениях и падает, тот не может хвалиться; кто стыдится и скрывается, тот не имеет дерзновения; кто печалится, тот недостоин похвалы. Вместе с тем и хвалит их, когда говорит: "**если только дерзновение и упование, которым хвалимся, твердо сохраним до конца**", выражая, что они начали (иметь дерзновение и упование); только нужно (сохранить) до конца, и не просто стоять, но содержать твердую надежду с несомненною верою, не колеблясь искушениями. Не удивляйся, что (о Христе) сказано нечто человеческое в словах: "**быв искушен**" (Евр. 2:18). Если об Отце, который не воплощался, в Писании говорится: "**Господь с небес призрел на сынов человеческих**" т.е. обстоятельно рассмотреть все (Псал. 13:2), и еще: "**сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю**" (Быт. 18:21), и еще: "**Господь не мог более терпеть злых дел ваших и мерзостей**" (Иер. 44:22), где священное Писание выражает величие гнева Божия, - то тем более о Христе, который пострадал во плоти, может быть сказано то, что свойственно человеку. Так как многие люди считают опыт самым верным средством к познанию, то (апостол) хочет показать, что (Христос), который сам пострадал, знает, что терпит природа человеческая. "**Итак**", - говорит, - "**братия святые**". Слово: "**итак**" - употребляет вместо: поэтому. "**Участники в небесном звании**". Итак, не ищите ничего здесь, если вы призваны туда, - потому что там награда, там воздаяние. Что же далее? "…**уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа, Который верен Поставившему Его, как и Моисей во всем доме Его**". Что значит: "**Который верен Поставившему Его**"? Т.е. пекущегося, предстательствующего за своих и не допускающего им колебаться каким - нибудь образом. "…**Как и Моисей во всем доме Его**". Т.е. познайте, кто и каков первосвященник наш, и вы не будете иметь нужды в другом утешении или ободрении. Называет Его посланником потому, что Он был послан (от Бога-Отца); называет первосвященником исповедания нашего, т.е. веры. Хорошо сказано: "**как и Моисей**"; как тому был верен народ, так и Ему - предводительство народом, хотя высшее и в делах высших. Моисей был слуга, а Христос - Сын; тот имел попечение о (людях) чуждых, а этот - о своих. "**Для засвидетельствования того, что надлежало возвестить**". Что говоришь ты? Неужели Бог принимает свидетельство от человека? Конечно, так. Если Он призывает во свидетели небо, землю и холмы, когда говорит чрез пророка: "**Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит**" (Ис. 1:2); и еще: "**Слушайте,**

горы, суд Господень, и вы, твердые основы земли: ибо у Господа суд с народом Своим" (Мих. 6:2), - то тем более - людей. Что значить: "**для засвидетельствования**"? Чтобы свидетельствовать, когда они сделаются бесстыдными: "**Христос - как Сын в доме Его**". Тот имел попечение о (людях) чуждых, а этот - о своих. "**И упование, которым хвалимся**". Хорошо сказано: "**упование**", - потому что все блага были еще в надежде; но эту надежду нужно сохранять так, чтобы хвалиться, как бы действительностью. Потому (апостол) говорит: "**упование, которым хвалимся**", и присовокупляет: "**твердо сохраним до конца**", - так как мы - "**спасены в надежде**" (Рим. 8:24). Если же мы спасаемся в надежде и ожидаем в терпении, то мы не должны скорбеть о благах настоящих и беспокоиться о тех, которые обещаны в будущем, так как "**Надежда же, когда видит, не есть надежда**" (Рим. 8:24). Если, говорит, эти блага велики, то мы не можем получить их здесь, в настоящей кратковременной жизни. Но для чего же (Бог) и предсказал нам об них, если не хотел даровать их нам здесь? Для того, чтобы обещанием привлечь наши души, чтобы надеждою укрепить наше усердие, чтобы ободрить и возвысить наше сердце. С такою именно целью сделано все это.

4. Итак, не будем смущаться; пусть никто не сетует, видя порочных людей благоденствующими. Здесь нет воздаяния ни пороку, ни добродетели; а если иногда и бывает (воздаяние) пороку и добродетели, то не по достоинству их, но слегка, как бы в предвкушении суда, чтобы неверующие воскресению образумились здесь хотя таким образом. Потому, когда мы увидим порочного богатым, не будем падать духом; когда увидим добродетельного страждущим, не будем смущаться, - потому что там венцы, там и наказания. При том нет такого порочного человека, который был бы совершенно порочным, но и в нем бывает нечто доброе; равно нет и такого добродетельного, который был бы совершенно добродетельным, но и у него бывают некоторые прегрешения. Итак, когда порочный благоденствует, то знай, что это - к погибели собственной головы его; он здесь наслаждается этим для того, чтобы, получив здесь воздаяние за свое малое добро, подвергнуться там полному наказанию. Тем более блажен тот, кто, получая наказание здесь, чтобы отдать долг за все грехи свои, отходит отсюда оправданным, чистым и неповинным. Этому поучает нас Павел, когда говорит: "**От того многие из вас немощны и больны и немало умирает**" (1 Кор. 11:80), и еще: "**предать сатане во изможднение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа**" (1 Кор. 5:5). И пророк говорит: "**ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи свои**" (Ис. 40:2), также Давид: "**Посмотри на врагов моих, как много их, и [какою] лютою ненавистью они ненавидят меня …и прости все грехи мои**" (Пс. 24:19,18); и еще иной: "**Господи! Ты даруешь нам мир; ибо и все дела наши Ты устрояешь для нас**" (Ис. 26:12). Все это доказывает, что добродетельные получают здесь наказания за грехи свои. А где (говорится), что порочные получают здесь добро, чтобы там подвергнуться полному наказанию? Послушай Авраама, который говорит богатому: "**чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь - злое**" (Лук. 16:25). Какое "**доброе**"? Употребляя выражение: воспріялъ ecu, а не: пріялъ ecu**[2]**, он показывает, что оба они получали по заслугам, один благоденствие, а другой бедствия, и говорит: "**ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь**". Итак, не будем скорбеть, когда видим здесь грешников благоденствующими, и когда сами страждем, будем радоваться, потому что это изглаживает наши грехи. Не будем искать спокойствия, потому что Христос возвестил скорби ученикам своим, и Павел говорит: "**все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы**" (2 Тим. 3:12). Никто из мужественных борцов во время борьбы не ищет бань и трапезы, обильной яствами и вином; это свойственно не ратоборцу, а человеку изнеженному; ратоборец терпит пыль, (умащение) елеем, жар солнца, многий пот, скорби и тяжесть подвигов. Таково - время борьбы, и, следовательно, получения ран, пролития крови и скорбей. Послушай, что говорит блаженный Павел: "**бьюсь не так, чтобы только бить воздух**" (1 Кор. 9:26). Будем считать всю жизнь

предназначенною для подвигов, не станем никогда искать отдохновения, не станем смотреть на страдания, как на нечто чуждое, потому что и ратоборец, когда он совершает подвиги, не считает этого чуждым для себя. Для успокоения будет другое время; достигать совершенства нам следует посредством скорбей. Если и нет ни гонения, ни притеснения, то есть другие скорби, которые случаются с нами ежедневно; если мы не переносим последних, то едва ли перенесли бы первые. "**Вас постигло искушение не иное**", - говорит (апостол), - "**как человеческое**" (1 Кор. 10:13). Будем же молиться Богу, чтобы не впасть в искушение, а когда впадем, то будем переносить мужественно. Людям благоразумным свойственно - не подвергать себя опасностям; а мужественным и любомудрым свойственно - стоять твердо, подвергшись опасностям. Потому не будем подвергать себя (опасностям) без нужды, потому что это - знак дерзости; а когда нас вынуждают и когда требуют обстоятельства, не будем уклоняться, потому что это - знак робости; если нас призывает (евангельская) проповедь, то не будем отказываться; просто, без причины без нужды и без пользы для благочестия, не будем стремиться, потому что это - хвастовство и пустое тщеславие; а если случиться что-нибудь вредное для благочестия, то не будем никогда отказываться, хотя бы надлежало претерпеть тысячи смертей. Не вызывайся на искушения, когда дела благочестия идут по твоему желанию, - зачем навлекать на себя излишние опасности, не приносящие никакой пользы?

5. Говорю это из желания, чтобы вы соблюдали заповеди Христа, который повелевает молиться, чтобы не впасть в искушение, и вместе повелевает, взяв крест, последовать Ему. Эти (заповеди) не противоречат одна другой, но весьма согласны между собою. Итак, настрой себя, как храбрый воин, будь всегда с оружием, бодрствуй, трезвись, постоянно ожидай врага; впрочем, сам не производи браней, потому что это свойственно не воину, а бунтовщику. Когда призывает труба благочестия, то немедленно выходи, не жалей души, выступай с великою готовностью на подвиги, ниспровергай ряды противников, сокрушай лице диавола, воздвигай трофей (победы); а когда благочестие не терпит никакого вреда, когда никто не искажает наших догматов, - разумею касающихся души, - и когда ничто не принуждает делать неугодное Богу, то не будь слишком рьян. Жизнь христианина должна быть полна крови, но не в смысле пролития чужой крови, а готовности - пролить собственную. Потому будем проливать собственную кровь, когда это нужно за Христа, с таким усердием, как будто бы мы проливали воду, - кровь и есть вода, протекающая в теле, - и свергать с себя плоть с такою готовностью, как будто бы мы снимали одежду. А это случится тогда, когда мы не будем привязываться к имуществу и к жилищам, когда не будем увлекаться пристрастием к (благам) настоящим. Если посвятившие себя военной жизни отказываются от всего и, куда призывает война, туда и отправляются, путешествуют и с охотою терпят все, то тем более нам, воинам Христовым, надобно быть так же готовыми и так же выходить на войну со страстями. Нет ныне гонения, и дай Бог, чтобы никогда не было; но есть другая брань, брань против любостяжания, против зависти и прочих страстей. Описывая эту брань, Павел говорит: "**наша брань не против крови и плоти**" (Еф. 6:12). Эта брань предстоит всегда; потому он желает, чтобы мы были всегда вооруженными: "**Итак станьте**", - говорит, - "**препоясав чресла ваши**", - что может относиться и к настоящему времени, - и внушает, что нужно быть всегда вооруженными. Велика брань против языка, велика против очей, велика против пожеланий: будем удерживать их. Вот почему он с этого и начинает вооружать воина Христова: "**Итак станьте**", - говорит, - "**препоясав чресла ваши**" - и прибавляет: "**истиною**" (Еф. 6:14). Почему - "**истиною**"? Потому что пожелание есть обман и ложь, как и Давид сказал в одном месте: "**ибо чресла мои полны воспалениями, и нет целого места в плоти моей**" (Пс. 37:8). Оно не составляет удовольствия, но только тень удовольствия. Поэтому, говорит, "**препоясав чресла ваши истиною**", т.е. истинным удовольствием, целомудрием, честностью.

Он знал наглость греха, и потому увещевает ограждать все наши члены. "**Не может быть**" - говорит (Премудрый), - "**оправдан несправедливый гнев**" (Сир. 2:22); и потому (апостол) заповедует нам ограждаться бронею и щитом. Гнев есть зверь, скоро нападающий на нас, и нужно нам много оград и оплотов, чтобы задержать его и преодолеть. Потому-то у нас преимущественно эту часть (грудь) Бог устроил из костей как бы из каких камней, положив ему преграду, чтобы он (гнев) когда-нибудь не расторгнул и, расторгнув, не погубил легко всего человека. Он есть огонь и великая буря, так что - другой член (тела) не вынес бы его нападения. И врачи говорят, что для того под сердце подложены легкие, чтобы сердце, ударяясь об эти мягкие части, как бы об губку, могло успокаиваться, - чтобы оно, ударяясь в твердую и жесткую, грудь, не повредилось от частых потрясений. Потому нам нужна крепкая броня, чтобы всегда удерживать этого зверя в спокойствии. Нужен нам и шлем на главу, потому что в ней пребывает разум, и от ней можно и спастись, если она будет делать должное, можно и погибнуть, если - недолжное; поэтому (апостол) и говорит: "**и шлем спасения**" (Еф. 6:17). Мозг по природе своей мягок; потому он и покрыт сверху теменем, как бы какою черепицею; он бывает у нас виновником всего доброго и злого, смотря по тому, признает ли должное или недолжное. Также и ноги и руки наши имеют нужду в оружии, - не эти руки и не эти ноги, а тоже душевные, - чтобы одни исполняли должное, а другие шли, куда следует. Итак, вооружим себя таким образом, и мы будем в состоянии преодолеть врагов и украситься венцом победы во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] В оригинале и в славянском тексте стоит "Сотворившему Его" (ποιησαντι αυτόν).

[2] В оригинале и в славянском тексте здесь присутствуют оттенки смысла. "Воспринял" – т.е. получил через кого-то (или за что-то), а "приял" – просто получил.

БЕСЕДА 6

"Почему, как говорит Дух Святый, ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота, в день искушения в пустыне, где искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня, и видели дела Мои сорок лет. Посему Я вознегодовал на оный род и сказал: непрестанно заблуждаются сердцем, не познали они путей Моих; посему Я поклялся во гневе Моем, что они не войдут в покой Мой" (Евр. 3:7-11).

1. Упомянув о надежде и сказав, что "**дом же Его - мы, если только дерзновение и упование, которым хвалимся, твердо сохраним до конца**", Павел далее доказывает, что должно иметь твердую надежду, и уверяет в этом свидетельством Писаний. Будьте же внимательны, потому что он высказал это несколько неясно и неудобовразумительно. Поэтому, сказав наперед все нужное с нашей стороны и кратко изложив вам всю сущность предмета, мы потом обратимся к тому, что написано; и как скоро вы узнаете намерение апостола, то уже не будете иметь в нас нужды. Он говорил о надежде и о том, что должно ожидать будущего и что трудившимся здесь непременно будет некоторая награда, возмездие и успокоение. Теперь он доказывает это свидетельством пророка. Что же говорить он? "**Почему, как говорит Дух Святый, ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота, в день искушения в пустыне, где искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня, и видели дела Мои сорок лет. Посему Я вознегодовал на оный род и сказал: непрестанно заблуждаются сердцем, не познали они путей Моих; посему Я поклялся во гневе Моем, что они не войдут в**

покой Мой". Он говорит, что есть три рода покоя: один - покой субботы, в который Бог успокоился от дел своих; другой - покой палестинский, когда иудеи (вступив в Палестину) должны были успокоиться от многих бедствий и трудов; трети и истинный покой - царство небесное, которого кто достиг, тот истинно успокаивается от трудов и скорбей. Таким образом он упоминает здесь о трех (родах покоя). Для чего же, рассуждая об одном, он упомянул о трех? Чтобы показать, что пророк сказал о последнем; не о первом сказал он, так как тот был уже давно; и не о втором, бывшем в Палестине, так как и этот уже окончился, а он говорит: "**не войдут в покой Мой**". Остается третий, о котором он и говорит. Впрочем нужно рассказать эти исторические события, чтобы сделать слова более ясными. (Иудеи) вышедши из Египта, совершив длинный путь и получив тысячи знамений силы Божией, в Египте, на Чермном море, в пустыни, пожелали послать соглядатаев для обозрения свойств (обетованной) земли. Когда же посланные, возвратившись, выразили свое удивление этой землей и сказали, что она обильно приносит превосходные плоды, но что ею обладают люди сильные и непобедимые, тогда неблагодарные и бесчувственные иудеи, вместо того, чтобы вспомнить о прежних благодеяниях Божиих и о том, как Он не только избавил их от опасности, когда они окружены были войсками египетскими, но и доставил им возможность овладеть добычею, также о том, как в пустыне Он рассек камень и даровал обильные потоки воды и ниспосылал манну и, вспомнив обо всех этих и других чудесах, которые Он совершил, иметь веру в Бога, - не подумали ни о чем этом, как будто ничего не было, и, предавшись страху, хотели возвратиться опять в Египет, говоря: вывел нас сюда Бог, чтобы погубить нас с детьми и женами (Исх. 17:3; Числ. 20:4). Потому Бог, разгневавшись на то, что они так скоро забыли о прошлом, поклялся, что поколение, говорившее это, не достигнет покоя, - и действительно, все они погибли в пустыне. Если же Давид впоследствии, уже после этого поколения, говорил: "**ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота**", - для чего? - чтобы вам не потерпеть того же, что потерпели ваши праотцы, и не лишиться покоя, - то ясно, что он указывал в словах своих на какой-то другой покой. Если бы он говорил о достигнутом ими покое, то для чего стал бы опять говорить им так: "**ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота**"?

Какой же это другой покой, кроме царства небесного, которого образ и подобие есть суббота? Изложив все свидетельство, которое заключается в следующем: "**ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота, в день искушения в пустыне, где искушали Меня отцы ваши, испытывали Меня, и видели дела Мои сорок лет. Посему Я вознегодовал на оный род и сказал: непрестанно заблуждаются сердцем, не познали они путей Моих; посему Я поклялся во гневе Моем, что они не войдут в покой Мой**", - (апостол) говорит далее: "**Смотрите, братия, чтобы не было в ком из вас сердца лукавого и неверного, дабы вам не отступить от Бога живаго**" (Евр. 3:12). Неверие бывает от жестокости. Как отвердевшие и грубые тела не уступают усилиям врачей, так, и ожесточившиеся души не повинуются слову Божию. Вероятно, между ними были не веровавшие в истину сказанного; потому он и говорит: "**Смотрите, братия, чтобы не было в ком из вас сердца лукавого и неверного, дабы вам не отступить от Бога живаго**". Так как речь о будущем принимается не с таким убеждением, как речь о прошедшем, то он напоминает им об исторических событиях, в которых также недоставало веры. Если, говорит, отцы ваши, не уповая так, как должно было уповать, потерпели такие бедствия, то тем более (потерпите) вы, потому что и к ним относится сказанное. Слово: "**ныне**" означает: "**всегда**", пока стоить мир. "**Но наставляйте друг друга каждый день, доколе можно говорить: "ныне""** т.е. назидайте друг друга, исправляйте себя, чтобы (и с вами) не случилось того же. "**Чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом**" (Евр.3:13).

2. Видишь ли, что грех производит неверие? Как неверие бывает причиною порочной жизни, так и наоборот, когда душа нисходит во глубину зол, то она делается непослушною, а сделавшись непослушною, не хочет и верить, чтобы заглушить в себе страх. "**И сказали**", говорит (Писание), "**не увидит Господь, и не узнает Бог Иаковлев**" (Пс. хсш,, 7); и еще: "**уста наши с нами; кто нам господин**" (Пс. 11:5)? и еще: "**Зачем нечестивый пренебрегает Бога**" (Пс. 9:34)? и еще: "**Сказал безумец в сердце своем: "нет Бога". Они развратились, совершили гнусные дела**" (Пс. 13:1); и еще: "**нет страха Божия пред глазами его**"; и еще: "**ибо он льстит себе в глазах своих, будто отыскивает беззаконие свое, чтобы возненавидеть его**"(Пс. 35:2, 3). И Христос выражает то же самое, когда говорит: "**ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету**" (Иоан. 3:20). Затем (апостол) продолжает: "**Ибо мы сделались причастниками Христу**" (Евр. 3:14). Что значит: "**сделались причастниками Христу**"? Мы сделались, говорит, причастными Ему; мы и Он стали одно; Он - Глава, а мы -тело Его, сонаследники и сотелесники; мы одно тело с Ним, от плоти Его и от костей Его. "**Если только начатую жизнь твердо сохраним до конца**". Что значит: "**начатую жизнь**"? Говорит здесь о вере, которою мы существуем, и рождены, и сделались, так сказать, единым существом (с Ним). Потом присовокупляет: "**доколе говорится: "ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота""** (Евр.3:15). Здесь он делает переход; а далее говорит так: "**Посему будем опасаться, чтобы, когда еще остается обетование войти в покой Его, не оказался кто из вас опоздавшим. Ибо и нам оно возвещено, как и тем; но не принесло им пользы слово слышанное, не растворенное верою слышавших**" (Евр.4:1, 2). "…**доколе говорится:** "**ныне, когда услышите глас Его**". Тут - "**ныне**" значит: всегда. Потом присовокупляет: "**но не принесло им пользы слово слышанное, не растворенное верою слышавших**" (Евр.4:2), - объясняя, почему слово не принесло им пользы, именно потому они не получили пользы, что не приложили (своей веры). Далее желая устрашить их, выражает то же самое в следующих словах: "**Ибо некоторые из слышавших возроптали; но не все вышедшие из Египта с Моисеем. На кого же негодовал Он сорок лет? Не на согрешивших ли, которых кости пали в пустыне? Против кого же клялся, что не войдут в покой Его, как не против непокорных? Итак видим, что они не могли войти за неверие**" (Евр. 3:16-19). Повторив свидетельство, он присоединяет вопрос, чтобы сделать слова свои ясными. "**Почему, как говорит Дух Святый**" - говорит, - "**ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших, как во время ропота**". О каких же ожесточившихся он напоминает, о каких неверовавших? Не об иудеях ли? Смысл слов его следующий: и те слышали, говорит, как мы слышим, но не получили никакой пользы. Итак, не думайте, что получите пользу от одного слышания проповеди; и те слышали, но не получили никакой пользы, потому что не веровали. А Халев и Иисус (Навин), которые не смешались с неверовавшими, т.е. не были согласны, избегли наказания, постигшего их. И, вот, что замечательно: не сказано: не согласились, но: не смешались, т.е. не приняли участия в возмущении, тогда как все прочие единогласно восстали. Здесь, мне кажется, (апостол) намекает на какое-нибудь смятение. "**А входим**", - говорит, - "**в покой мы уверовавшие**" (Евр.4:3). Потом подтверждает это, присовокупляя: "**так как Он сказал: "Я поклялся в гневе Моем, что они не войдут в покой Мой", хотя дела [Его] были совершены еще в начале мира**". Так как иной мог сказать, что эти (слова) показывают не то, что мы войдем, а что они не вошли, то как поступает (апостол)? Сначала он старается показать, что как первый покой не препятствовал другому называться покоем, так и этот не препятствует покою небесному; а потом желает показать, что (иудеи) не достигли покоя. А что он действительно так говорит, видно из следующего прибавления: "**Ибо негде сказано о седьмом [дне] так: и почил Бог в день седьмый от всех дел Своих. И еще здесь: "не войдут в покой Мой**" (Евр. 4:4,5). Видишь, как первый не препятствовал быть второму покою? "**Итак**, - говорит, - "**как некоторым остается войти в него, а те, которым прежде возвещено, не**

вошли в него за непокорность, [то] еще определяет некоторый день, "ныне", говоря через Давида, после столь долгого времени, как выше сказано: "ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших" (Евр. 4:6,7). Что означают эти слова? Так как кто-нибудь, говорит, непременно должен войти, а те не вошли, то (Бог) определяет иной трети покой. А что должно войти и кто-нибудь непременно войдет, это он, послушаем, каким образом доказывает. (Доказывает) тем, что "**после столь долгого времени**" - Давид опять говорит: "**ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших". Ибо если бы Иисус [Навин] доставил им покой, то не было бы сказано после того о другом дне**" (Евр. 4:7, 8). Очевидно, он говорит так потому, что кто-нибудь получит будущее воздаяние. " **Посему для народа Божия еще остается субботство**" (Евр. 4:9). Откуда это видно? Из заповеди: "**не ожесточите сердец ваших**". Если бы не было иного субботства, то им не было бы заповедано и не было бы повелено не делать того же, чтобы и не потерпеть того же, если бы их не ожидала такая же участь. Как же могли бы потерпеть такую же участь обладающие Палестиною, если бы не было никакого другого покоя?

3. Хорошо (апостол) заключил речь; не сказал: покой, но: "**субботство**", употребил собственно такое название, которое радовало его слушателей и нравилось им. А под субботством он разумеет царство. Как в субботу повелено было воздерживаться от всех злых дел и заниматься одними только делами служения Богу, которые были совершаемы священниками и доставляли пользу душе, и ничем другим, - так (будет) и тогда. Впрочем, он сказал не так, а как? "**Ибо, кто вошел в покой Его, тот и сам успокоился от дел своих, как и Бог от Своих**" (Евр. 4:10). Как Бог почил, говорит, от дел своих, так (почивает) и вшедший в покой Его. Так как он говорил им о покое, и весьма было желательно услышать, когда будет этот покой, то он и заключает речь таким образом.

Слово: "**ныне**"- сказал он для того, чтобы они никогда не теряли надежды. "**Но наставляйте[1]**" - говорит, - "**друг друга каждый день, доколе можно говорить: "ныне"**" - т.е. согрешит ли кто, пусть имеет надежду, доколе есть "**ныне**". Пусть никто не отчаивается, пока находится в живых. Особенно же, говорит, "**чтобы не было в ком из вас сердца лукавого и неверного**"; если же и будет, то пусть никто не отчаивается, но исправляет себя, потому что, пока мы находимся в этом мире, "**ныне**" имеет место. Здесь он говорит не только о неверии, но и о ропоте. "**Которых кости**", - говорит, - "**пали в пустыне**". Потом, чтобы кто не подумал, что тогда просто только не будет даровано покоя, он присовокупляет и наказание, говоря: "**Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные** (Евр. 4:12). Здесь он говорит о геенне и наказании. Слово Божие, говорит, проходит до сокровенных (убежищ) нашего сердца и проникает душу. Здесь будет уже не падение костей, не лишение земли, как там, но (потеря) царства небесного и предание вечной геенне, бесконечному наказанию и мучению. "**Но наставляйте** (утешайте) **друг друга**". Заметь кротость и доброту его; не сказал: укоряйте, но: "**наставляйте** (утешайте)". Так нам должно поступать с удрученными скорбью! То же он говорить и в послании к Солунянам: "**вразумляйте бесчинных**"; относительно же малодушных не так, - но как? – "**утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем**" (1 Фес. 5:14). Что значит: "**утешайте**"? Иначе сказать: не лишайте надежды, не приводите в отчаяние, потому что кто не утешает удрученного скорбью, тот приводит его в большее ожесточение. "**Чтобы кто из вас не ожесточился, обольстившись грехом**". Здесь он или разумеет обольщение от диавола, - потому что поистине обольщение - не ожидать ничего в будущем, думать, что наши дела не подлежать отчету, что мы не потерпим наказания за здешние дела свои, и что не будет воскресения, - или же здесь лесть означает беззаботность или отчаяние, - потому что в самом деле обольщение - говорит: что мне

остается? я однажды согрешил и не имею надежды исправиться. Далее (апостол) внушает им надежду: "**Ибо мы**", - говорит, - "**сделались причастниками Христу**", - как бы так говорит: Тот, кто столько возлюбил нас, удостоил нас таких благ, что соделал нас своим телом, не презрит погибающих. Помыслим, говорит, чего мы удостоились: мы и Христос - едино. Не будем же питать неверия к Нему. Здесь он опять намекает на то, что сказал в другом месте: "**если терпим, то с Ним и царствовать будем**" (2 Тим. 2:12); это именно означают слова: "**сделались причастниками**", т.е. мы имеем участие в том, что принадлежит Христу. Он заимствует убеждения то от предметов приятных: "**сделались**", - говорит - "**причастниками Христу**", то от прискорбных: "**будем опасаться, чтобы, когда еще остается обетование войти в покой Его, не оказался кто из вас опоздавшим**", - потому что это достоверно и известно. "**Искушали Меня**", - говорит, - "**и видели дела Мои сорок лет**". Видишь, что не должно требовать отчета от Бога, но веровать Ему, спасает ли Он от бедствий, или нет? И тех он укоряет теперь за то, что они искушали Бога. Ведь тот, кто желает получить доказательства силы, или промышления, или попечения (Божия), еще не верует, что Он всемогущ и человеколюбив. На это (апостол) намекает и в настоящем послании, так как они, быть может, желали получить удостоверение и доказательство Его силы и промышления о них в искушениях. Видишь, как от неверия всегда происходят раздражение и гнев? Что же он говорит (далее)? "**Посему для народа Божия еще остается субботство**". Заметь, каков порядок всей его речи. (Бог) поклялся, говорит, древним, что они не войдут в покой, - и они не вошли. Потом, спустя много времени после них, обращаясь к иудеям, сказал: "**не ожесточите сердец ваших, как во время ропота, в день искушения в пустыне, где искушали Меня отцы ваши**". Отсюда видно, что есть другой покой, потому что не о Палестине здесь говорится, - они уже владели ею, - и не о седьмом дне, - речь не об этом дне, бывшем уже давно. Следовательно, он указывает на некоторый иной, истинный покой.

4. Действительно, это такой покой, в котором нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, в котором нет ни забот, ни трудов, ни скорбей, ни страха, поражающего и потрясающего душу, но есть один страх Божий, исполненный радости. Там не слышатся слова: "**в поте лица твоего будешь есть хлеб**", и: "**терния и волчцы произрастит она тебе** " (Быт, 3:18,19); нет там терний и волчцов; не слышится: " **в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое и он будет господствовать над тобою**" (Быт. 3:16). Все там - мир, радость, веселее, сладость, благость, кротость, правда, любовь. Нет там ни зависти, ни ненависти, ни болезни, ни этой смерти телесной, ни той - душевной, ни мрака, ни ночи; все там день, все -свет, все - наслаждение; нет ни утомления, ни пресыщения, но будет постоянное желание тех же благ. Хотите, чтобы я представил вам некоторое изображение тамошнего состояния? Это невозможно; впрочем, постараюсь изобразить вам его, сколько возможно. Обратим взоры на небо, когда оно, не омрачаемое никаким облаком, являет нам венец свой; потом, после долговременного созерцания красоты его, представим, что и под нами будет не такая земля, какая теперь, но во столько раз лучшая, во сколько золотой кров лучше глиняных; представим далее следующий затем еще высший кров, потом ангелов, архангелов, неисчислимые сонмы бесплотных сил, самое царское жилище Бога, престол Отца. Но невозможно, как я сказал, изобразить всего словом; нужно испытать и познать опытом. Скажите мне: как, полагаете, жил Адам в раю? А та жизнь будет во столько раз лучше этой жизни, во сколько небо лучше земли. Но поищем другого сравнения. Если бы случилось царствующему ныне овладеть всею вселенною, затем не иметь беспокойств ни от войн, ни от забот, а только принимать почести и наслаждаться, окружать себя множеством копьеносцев, отовсюду получать потоки золота, и быть в славе, то в каком состоянии, думаете вы, была бы душа его, если бы он увидел, что войны прекратились по всей земле? Нечто подобное будет и тогда. Впрочем и это еще не дает нам достаточного изображения (будущей жизни); потому надобно поискать другого (сравнения). Представь, что царскому дитяти, которое, доколе находится в утробе, ничего

не чувствует, случилось бы, вышедши оттуда, внезапно вступить на царский престол и не постепенно, а вдруг получить все. Таково будет и тогдашнее состояние. Или (оно будет подобно состоянию) узника, который, потерпев множество зол, вдруг был бы возведен на царский престол. Но и таким образом мы еще не представляем точного изображения, потому что здесь, какие бы кто ни получил блага, хотя бы самое царство, в первый день чувствует живую радость, и во второй, и в трети, с течением же времени, хотя радость еще остается, но не такая, от привычки она всегда уменьшается, какова бы ни была; а там (радость) не только не уменьшается, но еще увеличивается. Подумай же, какова она будет, когда душа, отойдя отсюда, не, станет ожидать ни прекращения, ни изменения тех благ, а напротив приращения, и (наслаждаться) жизнью, не имеющей конца, свободною от всякой опасности, от всякой заботы и скорби, исполненною удовольствий и бесчисленных благ. Если мы, вышедши в поле и увидев там палатки воинов, одетых покровами, и копья, и шлемы, выпуклости щитов, сияющих блеском, приходим в восхищение от такого зрелища; если, удостоившись при том увидеть и царя, шествующего посреди их, или скачущего на коне с золотым оружием, думаем, что мы достигли всего, - то что, полагаешь ты, будет тогда, когда ты увидишь вечные кровы святых, утвержденные на небе, - ведь сказано: "**приняли вас в вечные обители**" (Лук. 16:9), - когда увидишь, что каждый сияет светлее солнечных лучей, не от меди и железа, но от той вечной славы, которой блеска не может видеть глаз человеческий? И это будет с людьми; а что сказать о тьмах ангелов, архангелов, херувимов, серафимов, престолов, господств, начал, властей, которых красота неизъяснима и превосходит всякое представление? Впрочем, доколе мне усиливаться изображать непостижимое? "**Не видел того глаз**", - говорит (апостол), - "**не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его** " (1 Кор. 2:9). Потому нет достойнее сожаления тех, которые лишаются этих благ, и блаженнее тех, которые получают их. Да сподобимся же и мы быть в числе этих блаженных, чтобы нам получить вечные блага во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Это слово можно также перевести как "утешайте" (παρακαλειτε), это значение ближе к толкованию Златоуста.

БЕСЕДА 7

"Итак постараемся войти в покой оный, чтобы кто по тому же примеру не впал в непокорность. Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от Него, но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет" (Евр. 4:11-13).

1. Великое и спасительное дело - вера; без неё спастись невозможно. Но она не может доставить (спасения) сама по себе, а нужна и - правая жизнь. Потому Павел и предлагает людям, уже сподобившимся таинств, такое увещание: "**Итак постараемся войти в покой оный**". "**Постараемся**", - говорит, потому что (одна) вера недостаточна, а нужно присоединить и (добрую) жизнь, нужно иметь великое тщание. Подлинно, нам нужно великое тщание, чтобы взойти на небо. Ведь если не удостоились (обетованной) земли потерпевшие столько бедствий в пустыни, если они не могли получить земли, потому что роптали и предавались блудодеянию, то как можем мы удостоиться небес, живя рассеянно и беспечно? Потому нам необходимо великое тщание. И смотри, не ту только (апостол) представляет опасность, что иначе мы не войдем (в покой), - не сказал: **"постараемся**

войти в покой", чтобы не лишиться таких благ, - но присовокупил то, что особенно трогает людей. Что же именно? "**чтобы кто по тому же примеру не впал в непокорность**", - т.е. мы должны устремлять туда ум, надежду, ожидание, чтобы не пасть таким же образом. Пример (иудеев) показывает, что мы можем пасть. "**По тому же примеру**", - говорит он; а далее, чтобы ты, услышав выражение: "**по тому же**", не подумал, будто наказание нам будет то же самое, послушай, что он присовокупляет: "**Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные**". Здесь он внушает, что и (в древности) действовало то же слово Божие, что оно живет и не погибло. Потому, когда слышишь сказанное о слове, не думай о простом слове: оно "**острее**", - говорит, - "**всякого меча**". Заметь, какое он делает приспособление, и отсюда научись, для чего и пророки имели нужду говорить об оружии, о луке и мече. "**Если [кто] не обращается**", - говорит - (Псалмопевец), - "**Он изощряет Свой меч, напрягает лук Свой**" (Пс. 7:13). Если теперь, после столь долгого времени и такого преспения, (апостол) не может тронуть одним именем слова, но имеет нужду в этих выражениях, чтобы сильнее представить сравнение, то тем более они нужны были тогда. "**Оно проникает**", - говорит, - "**до разделения души и духа**". Что это значить? Он выражает ничто страшное: или то, что оно отделяет дух от души, или то, что оно проникает самые бестелесные существа, не так, как меч, который (пронзает) только тело. Он показывает здесь, что оно и душу наказывает, и внутреннейшее испытует, и проникает совершенно всего человека. "**И судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокровенной от Него**". Этим он особенно устрашает их. А смысл слов его следующий: если, говорит, вы стоите в вере, но еще не с полным убеждением, то не предавайтесь спокойствию; оно судит сокровенное в сердце, потому что проходить и туда, чтобы испытывать и наказывать. Но что я говорю, продолжает он, о людях? Хотя бы ты указал на ангелов, архангелов, херувимов, серафимов и на какие бы то ни было сотворенные существа, - все открыто пред очами Его, все явно и ясно, ничто не может укрыться от Него. "**Но все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет**" (τετραχηλισμένα), -сказал он, заимствовав это переносное выражение от коже, снимаемых с закалаемых жертв. Когда кто-нибудь, заклав жертву, снимает с животного кожу, тогда все внутренности открываются и делаются видными для наших глаз: так и пред Богом открыто все. Заметь, как часто (апостол) употребляет вещественные образы; это зависело от немощи слушателей. А что они были немощны, это он выразил, когда назвал их "**неспособными слушать**" (медлительными) (Евр. 5:11) и имеющими нужду в молоке, а не в твердой пище. "**Все обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчет**". Что же значит: "**по тому же примеру не впал в непокорность**"? Здесь он как бы объясняет причину, почему (иудеи) не увидели земли. Они, говорит, получили залог силы Божией, но, тогда как следовало веровать, предались более страху, не помыслили ничего высокого о Боге, впали в малодушие, и таким образом погибли. Можно сказать и нечто другое, именно: они, совершив большую часть пути и будучи уже при самых вратах, у самой пристани, потерпели кораблекрушение. Того же, говорит (апостол), я опасаюсь и за вас. Вот что означают слова: "**по тому же примеру не впал в непокорность**". А что и они много терпели, об этом он свидетельствует после, когда говорит им: "**Вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий**" (Евр. 10:32). Итак, пусть никто не предается, малодушию, не отчаивается при конце подвига и не падает. А есть, подлинно есть такие люди, которые сначала с живою ревностью устремляются на подвиги, потом же, не желая приложить к ним немногого, теряют все. Предки ваши, говорит, достаточно могут научить вас не впадать в то же, чтобы не потерпеть того же, что потерпели они. Это означают слова: "**по тому же примеру не впал в непокорность**". Итак, говорит, не будем ослабевать, как он говорит им и в конце: "**Укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени**" (Евр. 12:12). "**Чтобы кто**", - говорит, - "**по тому же примеру не впал в непокорность**"; а это поистине

значит - пасть. Потом, чтобы ты, услышав: "**по тому же примеру не впал в непокорность**", не разумел здесь той же смерти, какой подверглись те (иудеи), смотри, что говорит он: "**Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого**". Слово сильнее всякого меча поражает души таких людей, наносит тяжкие удары, причиняет смертельные раны. И ни доказывать это, ни подтверждать (апостол) не имеет нужды, представляя столь ясные события. Какая в самом деле война, говорит, какой меч погубил тех (иудеев)? Не пали ли они просто сами собою? Итак, не будем предаваться беспечности потому, что мы еще не потерпели того же: "**доколе можно говорить: "ныне"**", нам нужно быть осторожными. Но высказав такие (действия слова) на душу, чтобы слушатели не остались беспечными, он присовокупляет и (действия его) на тело; подобно тому, как царь поступает с начальниками, совершившими важные преступления, - сперва лишает их военачальства, потом снимает с них пояс и звание, и наконец, призвав глашатая, наказывает их, - так действует и меч духовный. После этого, чтобы сделать слова свои более поразительными, беседует о Сыне и говорить: "**Ему дадим отчет**", т.е. Ему мы отдадим отчет в делах. Итак, не будем падать и предаваться малодушию. Сказанного достаточно для вразумления; но он не довольствуется этим, а присовокупляет еще следующее: "**имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия**" (Евр.4:14).

2. А что действительно с такою целью он сказал это, видно из дальнейшего: "**Ибо мы имеем", -** прибавляет он**,** "**не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших**" (Евр.4:15). Для того же он и выше сказал: "**Ибо, как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь**" (Евр. 2:18). Смотри, как и здесь он делает то же самое. Смысл слов его следующий: (Христос) прошел тем же путем, которым мы идем теперь, или даже труднейшим; Он испытал все человеческое. Когда (апостол) сказал: "**И нет твари, сокровенной от Него**", - то указывает на божество; а когда стал говорить о плоти Его, то опять говорит нечто уничиженное: "**Итак, имея**", - говорит, - "**Первосвященника великого, прошедшего небеса**"; - показывает великое Его попечение (о людях), о которых Он ходатайствует как о своих, и не хочет, чтобы они падали. Моисей, говорит, не вошел в покой, а Он вошел; и каким образом, это я объясню. Впрочем не удивительно, что (апостол) нигде прямо не выразил этого: он или для того, чтобы (евреи) не думали искать себе оправдания, включил (Моисея) в число других, или для того, чтобы не подумали, будто он порицает этого мужа, не выразился ясно, - потому что если они, хотя он не сказал ничего подобного, обвиняли его, будто он говорит против Моисея и закона, то гораздо более стали бы обвинять, если бы он сказал, что (покой есть) не Палестина, а небо. Впрочем он не все приписывает Первосвященнику, но требует некоторого дела и от нас, именно: исповедания. "**Итак, имея**", - говорит, - "**Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия, будем твердо держаться исповедания [нашего]**". О каком исповедании говорит он? (Об исповедании того), что есть воскресение, воздаяние и бесчисленные блага, что Христос есть Бог, что (наша) вера - правая: это мы должны исповедывать, это содержать. Истинность всего этого очевидна из того, что первосвященник вошел (в небо) (Евр. 9:24). Итак, будем исповедывать, чтобы нам не отпасть; хотя этих благ (здесь) и нет, но мы будем исповедывать; если бы они были теперь же, то были бы ложью. Истинно и то, что они отложены, потому что Первосвященник наш велик: "**мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших**". Он не не знает нашего состояния, как многие из первосвященников, которые не знают (не только) страждущих, но и того, что такое страдание. У людей невозможно знать страданий страждущего тому, кто сам не испытал и не прочувствовал их. А наш Первосвященник испытал все; для того Он наперед и испытал все, а потом восшел, чтобы смочь сопострадать. "**Который, подобно [нам], искушен во всем, кроме греха**". Как выше (апостол) сказал: также (Евр. 2:14), так и здесь: "**подобно [нам]**", т.е., Он подвергался

гонению, заплеванию, поношению, осмеянию, клевете, изгнанию, и наконец распятию. "**Подобно [нам], искушен во всем, кроме греха**". Здесь внушает и нечто другое, именно то, что и находящемуся в скорби возможно быть без греха. Когда он говорит: по подобию плоти, то говорит не в том смысле, будто (Христос принял) подобие плоти, а в том, что Он принял плоть. Почему же говорить: по подобию? Потому что имеет в виду греховную плоть; Его плоть была подобна нашей плоти; по естеству она была одинакова с нашей, а в отношении к греху не одинакова. "**Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи**" (Евр. 4:16). О каком престоле благодати говорит он? О царском престоле, о котором сказано: "**Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих.**" (Пс. 109:1). Он как бы так говорит: будем приступать с дерзновением, потому что мы имеем безгрешного Первосвященника, побеждающего вселенную: "**мужайтесь**", - сказал Он, - "**Я победил мир**" (Иоан. 16:33); это значить - потерпеть все и быть чистым от грехов. Но, скажете, если мы находимся под грехом, а Он безгрешен, то как мы будем приступать к Нему с дерзновением? Так, что (престол Его) теперь есть престол благодати, а не суда.

Для того и будем приступать с дерзновением, чтобы получить милость, которой мы желаем; а это (желаемое нами) есть именно Его милость и царский дар. "**И обрести благодать для благовременной помощи**". Хорошо сказал: "**для благовременной помощи**". Если, говорит, приступишь теперь, то получишь и благодать и милость, потому что приступишь благовременно; а если приступишь тогда, то уже не получишь, потому что тогда приступать будет неблаговременно; тогда (престол Его) уже не будет престолом благодати. Престол благодати существует дотоле, пока сидит на нем Царь, подающий благодать; а когда наступит кончина, тогда Он встанет на суд, потому что сказано: "**Восстань, Боже, суди землю**" (Пс. 81:8). Можно (здесь) сказать и нечто другое: "**да приступаем**", - говорит, - "**с дерзновением**", т.е., не имея на совести ничего худого, не предаваясь сомнению, потому что таковой (сомневающийся) не может приступать с дерзновением. Поэтому и в другом месте сказано: "**во время благоприятное Я услышал Тебя, и в день спасения помог Тебе**" (Ис. 49:8). И теперь получаемое согрешающими после купели (прощение чрез) покаяние есть дело благодати. А чтобы ты, услышав, что Он - Первосвященник, не подумал, будто Он стоит (пред Богом, апостол) здесь же представляет Его сидящим на престоле; между тем священник не сидит, но стоит. Видишь ли, что первосвященство Его есть следствие не существа Его, а благодати, снисхождения и уничижения? Это благовременно сказать теперь и нам: будем приступать и просить с дерзновением, принесём только веру, и Он подаст нам все. Теперь время дара; никто не отчаивайся. Время отчаяния тогда настанет, когда чертог заключится, когда царь войдет видеть возлежащих, когда лоно патриарха вместит тех, которые будут того достойны; а теперь еще нет, потому что подвиги еще не кончились, борьба еще продолжается, награда еще предстоит.

3. Поспешим же; и Павел говорит: "**И потому я бегу не так, как на неверное**" (1 Кор. 9:26). Нужно бежать, и неослабно бежать. Бегущий не смотрит ни на что, встречает ли он луга, или места бесплодные. Бегущий обращает внимание не на зрителей, а на награду: богаты ли они или бедны, смеется ли кто, или хвалит, поносит ли, бросает ли камни, расхищает ли дом его, увидит ли он детей, или жену, или что бы то ни было, - он никогда не обращается назад, но заботится только об одном - бежать и получить награду. Бегущий не останавливается нигде, - потому что, если покажет, хотя малое нерадение, то потеряет все. Бегущий не только не ослабевает пред концом (бега), но тогда и старается бежать с особенною силою. Это я сказал против тех, которые говорят: в юности мы подвизались, в юности мы постились, а теперь состарились. Теперь-то особенно и нужно усилить благочестие. Не исчисляй мне своих старых подвигов; но теперь особенно и будь юным и

цветущим. Кто занимается телесными подвигами, тот действительно, дожив до седины, уже не может бежать по-прежнему, потому что весь подвиг его был телесный.

Но ты почему уменьшаешь подвиги? Здесь нужна душа, бодрая душа; а душа в старости укрепляется, - тогда она более цветёт, тогда более возвышается. Как тело, когда бывает одержимо горячкою и другими болезнями, хотя бы оно и было крепко, изнуряется, а когда освободится от этой напасти, то опять приобретает свою силу, так и душа, в юности бывает одержима горячкою, ею тогда особенно обладает любовь к славе, к пресыщению, к сладострастным наслаждениям и многим другим обольщениям; когда же наступает для неё старость, тогда все эти страсти отгоняются, одни временем, другие любомудрием. Старость, ослабляя силы тела, препятствует и душе (старцев) предаваться страстям, хотя бы она и желала, но укрощая их, как каких-нибудь врагов, поставляет её на месте, свободном от волнений, производит в ней великую тишину и внушает великий страх, так как если не кто другой, то старцы знают, что они умрут и всячески, стоят близко к смерти. Таким образом, когда с одной стороны возникают мирские пожелания, а с другой является ожидание судилища, укрощающее непокорность души, то она делается более внимательною, если захочет. Но не видим ли мы, скажешь ты, стариков, которые хуже юношей? Ты указываешь мне на крайнюю порочность: ведь и бесноватых мы видим, - как они сами, без всякого (постороннего) толчка, бросаются в пропасти. Так точно крайняя порочность, когда старик страдает болезнями юношей; он уже не имеет оправдания в (ссылки на) юность, не может сказать: "**Грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай**" (Пс. 24:7). Оставаясь порочным в старости, он показывает, что в юности он был таким не по неведению, не по неопытности, не по (молодому) возрасту, а по нерадению. Только тот может сказать: "**Грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай**", кто поступает прилично старцу, кто в старости исправился; а кто и в старости бесчинствует по-прежнему, то можно ли такому человеку и называться старцем, когда он не почитает даже своего возраста? Ведь тот, кто говорить: "**Грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай**", говорит это, как человек, живущий в старости правильно.

Потому делами старости не лишай себя прощения и во грехах юности. В самом деле, не нелепо ли, не выходит ли из пределов прощения то, что совершается? Старец упивается, сидя в корчемницах; старец спешит на конские ристалища; старец приходить на зрелища, бегая с толпою, как дитя! Поистине стыдно и смешно - по наружности украшаться сединою, а внутри иметь детский смысл. Если какой-нибудь юноша оскорбить его, то он тотчас ставит на вид свои седые волосы. Постыдись же их наперед сам ты. Если же ты не стыдишься своей седины, и при том будучи старцем, то как требуешь, чтобы юноша стыдился твоих седых волос? Ты не чтишь седых волос своих, а позоришь их. Бог почтил тебя сединою, даровал тебе важное преимущество: почему же ты сам поступаешься своею честью? Как станет почитать тебя юноша, когда ты больше его предаешься сладострастию? Седина тогда почтенна, когда украшенный ею действует так, как прилично седине; а когда он бесчинствует подобно юношам, тогда бывает смешнее юношей. Как можете увещевать юношей вы, старцы, упивающиеся до бесчиния? Говорю это не с тем, чтобы укорять старцев, - да не будет, - но (чтобы исправить) юношей, потому что поступающие таким образом, кажется мне, суть юноши, хотя бы они вступили в сотый год своей жизни; равно как и юноши, хотя бы они были маловозрастными детьми, если ведут себя целомудренно, гораздо лучше старцев. Не мои это слова, но Писание полагает между ними такое различие: "ибо не в долговечности", - говорит оно, - "честная старость и не числом лет измеряется" (Прем. Сол. 4:8, 9).

4. Мы почитаем седину не потому, что предпочитаем белый цвет черному, но потому, что она - знак добродетельной жизни; взирая на нее, мы заключаем от ней к седин внутренней.

Потому те, которые совершают дела, недостойный седины, становятся еще более смешными. Мы почитаем царя, и его багряницу и диадему, потому что они - знаки власти; если же увидим, что он вместе с багряницею подвергается безчестию, оскорбляется оруженосцами, притесняется, ввергается в темницу, терзается, то, скажи мне, будем ли мы почитать багряницу его и диадему? Не будем ли напротив оплакивать самое его украшение? Так и ты не требуй себе почтения ради седины, когда сам подвергаешь ее бесчестью; она ведь тоже может потребовать от тебя отчета за то, что ты позоришь столь светлое и достоуважаемое украшение. Не о всех мы говорим это и не просто против старости направляем речь свою, - я не забылся до такой степени, - но против юных душ, позорящих старость; не о старцах мы с прискорбием это говорим, но о тех, которые бесчестят свою седину. Старец есть царь, если захочет быть им, и даже царь более облеченного в багряницу, если повелевает страстями, если низводит страсти свои в ряд оруженосцев. Если же он увлекается и низлагается с престола, если становится рабом любостяжания, тщеславия, щегольства, пресыщения, пьянства, гнева и сладострастия, если умащает волосы свои елеем и явно бесчестит возраст своими прихотями, то какого наказания не достоин такой (старец)? Впрочем не будьте такими и вы, юноши; и вам непростительно, когда вы грешите. Почему? Как старец может оказаться в юности, как находящееся в старости бывают юношами, так и наоборот; и как там убеленные волосы не спасают никого, так и здесь черные волосы не служат препятствием. Если старца бесчестят дела, о которых я сказал, то тем более юношу; и юноше они не могут быть простительны. Юноша может получить извинение, когда, призванный к управлению делами, окажется неопытным, когда будет иметь нужду во времени и опыте, но не тогда, когда он должен оказывать целомудрие и мужество, или когда должен воздерживаться от любостяжания. Есть дела, в которых юноша осуждается более старца. Этот имеет нужду в большем о себе попечении, потому что старость ослабляет силы его; а тот, имея силы, если захочет, удовлетворять своим потребностям, может ли получить прощение, когда он не хочет этого, когда похищает более старца, злопамятствует, презирает (других), не заботится (о них) более старца, говорит многое безвременно, обижает, злословит, упивается? Если он думает, что не может быть осуждаем за нарушение целомудрия, то и здесь, смотри, как много имеет он средств (к его сохранению), если захочет. Хотя похоть в нем возбуждается сильнее, нежели в старце, но есть многое такое, что он может исполнять легче старца, и укрощать этого зверя. Что же это такое? Труды, чтение, всенощные бдения, посты.

Но, (скажете) для чего ты говоришь это нам, не монахам? Мне вы говорите это? Скажите лучше Павлу, который говорит: "**бодрствуя**" во всяком терпении и молитве (Кол. 4:2), который говорит: "**попечения о плоти не превращайте в похоти**" (Рим. 13:14); а он писал это не монахам только, но всем, живущим в городах. Мирянин не должен ничем отличаться от монаха, кроме одного только сожительства с женою; на это он имеет позволение, а на все прочее нет, но во всем должен поступать одинаково с монахом. И блаженства Христовы изречены не монахам только; иначе все погибло бы во вселенной, и мы могли бы укорять Бога в жестокости. Если блаженства сказаны только для одних монахов, и мирянину достигнуть их невозможно, а между тем (Бог) дозволил брак, то Он сам погубил всех; если в брачной жизни невозможно исполнять свойственное монахам, то все исказилось и погибло, круг добродетелей стал тесен. Как будет "**Брак у всех [да будет] честен**" (Евр. 13:4), если она служит нам таким препятствием к добродетели? Что же следует сказать? Возможно, очень возможно и имеющим жен быть добродетельными, если пожелают. Каким образом? Если они, имея жен, будут, "**как не имеющие**", если не будут радоваться стяжаниям, если будут пользоваться миром, как не пользующиеся (1 Кор. 7:29-31). Если же некоторые находили в браке препятствие (к добродетели), то пусть они знают, что не брак служить препятствием, а воля, злоупотребляющая браком, подобно как не вино производить пьянство, но злая воля и неумеренное его употребление.

Пользуйся браком умеренно, и ты будешь первым в царствии небесном и удостоишься всех благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 8

"Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи, могущий снисходить невежествующим и заблуждающим, потому что и сам обложен немощью, и посему он должен как за народ, так и за себя приносить [жертвы] о грехах" (Евр. 5:1-3).

1. Теперь блаженный Павел намеревается показать, что этот (новый) завет гораздо лучше ветхого. Он делает это, развивая мысли издалека. Так как (в новом завете) не было ничего вещественного или образного, как-то: ни храма, ни святого святых, ни священника, облеченного в такие украшения, ни законных обрядов, но все высшее и совершеннейшее, не было ничего телесного, но все духовное, а духовное не так сильно действует на людей немощнейших, как телесное, поэтому (апостол) и предлагает все это учение. И посмотри на мудрость его: он начинает с первого священника, постоянно называя его архиереем, и на нем прежде всего показывает различие (между новым и ветхим заветами). Для этого он сначала определяет, что такое священник, показывает, какие свойства священника и какие знаки священства; и так как здесь встречалось недоумение в том, что (Христос) не был знатного рода, не происходил из священнического колена и не был на земле священником, и потому иные могли сказать: какой же Он священник? - то (апостол) поступает и теперь так же, как в послании к Римлянам. Там он, раскрывая неудобопонятную истину, что вера совершает то, чего не мог совершить труд законный и подвиг жизни, и желая доказать, что казавшееся невозможным исполнилось и оправдалось, указал на патриарха (Авраама) и всю речь обратил к тому времени (Рим. 4). Так точно и здесь он указывает другой путь к священству, представляя в пример тех, которые получали его прежде. Как в речи о наказании он поставляет на вид не только геенну, но и то, что случилось с праотцами, так точно и здесь сначала подтверждает истину предметами настоящими. Хотя следовало бы доказывать земное небесным, но так как слушатели были немощны, то он делает наоборот. При этом он наперед представляет то, что есть общего (между Христом и священником), а потом показывает, в чём Он имеет преимущество, так как при сравнении преимущество усматривается тогда, когда видно, в чем сходство и в чем превосходство; а если этого нет, то не может быть и сравнения. "**Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый**"; это - общее у Христа (с священником). "**Для человеков поставляется на служение Богу**", и это общее. "**Чтобы приносить дары и жертвы**" за народ; и это (общее), хотя не вполне. Но остальное уже не таково. "**Могущий снисходить невежествующим и заблуждающим, потому что и сам обложен немощью, и посему он должен как за народ, так и за себя приносить [жертвы] о грехах**". Далее присовокупляет еще нечто иное, именно, что (священник получает священство) от другого, а не сам присваивает его себе; и это - общее: "**И никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон**" (Евр.5:4). Здесь он предостерегает от другого (заблуждения) и показывает, что (Христос) был послан от Бога. То же часто говорил и сам Христос в беседе с иудеями: " **Я от Бога исшел и пришел**", и: "**Я не Сам от Себя пришел**" (Иоан. 8:42). Здесь, кажется мне, он также намекает на иудейских священников, как на неистинных священников, присвоивших себе (сан) и нарушавших закон священства. "**Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником**" (Евр.5:5). Когда же, скажете, Он был рукоположен? Аарон был рукополагаем неоднократно, именно, при прозябении жезла и при нисшествия огня, истребившего тех, которые хотели присвоить себе священство; а здесь подобные люди не

только не терпят ничего такого, а напротив пользуются доброю славою. Откуда же (священство Христово)? Это он доказывает пророчеством, (Священство Христово) не имеет в себе ничего чувственного, ничего видимого; потому он и доказывает его пророчеством и, во времени будущем: "**но Тот, Кто сказал**", - говорит, - " **Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя**". Сыну ли сказано это? Да, говорит, это сказано Сыну. Но способствует ли это к разрешению вопроса? И очень, потому что в этом заключается предуготовление к рукоположению от Бога. "**Как и в другом [месте] говорит: Ты священник вовек по чину Мелхиседека**" (Евр.5:6). Кому сказано это? Кто по чину Мелхиседекову? Никто другой, как Он, потому что все другие были под законом, все соблюдали субботу, все обрезывались: никого другого, говорит, никто указать не может. "**Он, во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти; и услышан был за [Свое] благоговение; хотя Он и Сын, однако страданиями навык послушанию**" (Евр.5:7-8). Видишь ли, что объясняет здесь не что иное, как попечение и преизбыток любви (Христовой)? Что в самом деле значить: "**с сильным воплем**"? Евангелие нигде не говорит ни того, что (Христос) молясь плакал, ни того, что Он издавал вопль. Видишь ли, что этим означается Его снисхождение? Потому (апостол) не нашел достаточным сказать, что Он молился, но и - "**с сильным воплем**". "**И услышан был**", - говорит, - "**за [Свое] благоговение**". "**Хотя Он и Сын, однако страданиями навык послушанию, и, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного, быв наречен от Бога Первосвященником по чину Мелхиседека**" (Евр.5: 8,9-10). Пусть: "**с воплем**", но для чего: "**с крепким**"? "**И со слезами принес**", - говорит, - "**и услышан был за [Свое] благоговение**". Да устыдятся еретики, отвергающие действительность плоти (Христовой). Что говорит (апостол)? Сын Божий "**и услышан был за [Свое] благоговение**". Что же сказать о пророках? И какая последовательность в словах: "**и услышан был за [Свое] благоговение**", и дальнейших: "**Хотя Он и Сын, однако страданиями навык послушанию**"? Кто может сказать это о Боге? Кто так безумен? Какой сумасшедший может утверждать это? "**И услышан был**", - говорит, - "**за [Свое] благоговение**". "**Хотя Он и Сын, однако страданиями навык послушанию**". Какому Он научился послушанию? Оказавши еще прежде этого послушание даже до смерти, как Сын Отцу, как Он после научился послушание?

2. Видишь ли, что это сказано о плоти? И почему, скажи мне, Он молился Отцу об избавлении от смерти, был прискорбен и говорил: "**если возможно, да минует Меня чаша сия**" (Мат. 26:39)? О воскресении же Он никогда не молился Отцу, а напротив сам от Себя говорит: "**разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его**" (Иоан. 2:19); и еще: "**Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее**" (Иоан. 10:18). Что это значит? Почему Он молился? И в другом месте Он говорит: "**вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть; и предадут Его язычникам на поругание и биение и распятие; и в третий день воскреснет**" (Мат. 20:18-19); а не говорит: воскресит Меня Отец. Почему же о том Он молился? Но о ком Он молился? О верующих в Него. Смысл слов (апостола) следующий: Он скоро бывает услышан. Так как (слушатели) не имели надлежащего о Нем понятия, то и говорит, что Он был "**услышан**", - как и сам Он в утешение ученикам говорил: "**Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказал: иду к Отцу; ибо Отец Мой более Меня**" (Иоан., 14:28). Почему же не сам прославил Себя Тот, кто сам истощил Себя и предал Себя (на смерть)? Он ведь отдал "**Себя**", - говорит Писание, - "**за грехи наши**" (Гал. 1:4); и еще: "**предавший Себя для искупления всех**" (1 Тим. 2:6). Что же это значит? Очевидно, что Он имел в виду плоть свою, когда говорит о Себе уничиженное. Так и здесь (апостол) говорит: "**услышан был за [Свое] благоговение**", желая показать, что это было более Его заслугою, нежели делом благодати Божией. Таково, говорит, было Его

благоговение, что и за это Бог почтил Его. "**Навык**", - говорит, - "**послушанию**". Здесь он опять показывает, какова бывает польза от страданий. "**И, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного**". Если Он, будучи Сыном, получил пользу от страданий, научившись послушанию, то тем более (можем получить) мы. Видишь ли, как много (апостол) говорить о послушании, чтобы они были покорными? Мне кажется, что они часто оказывали непокорность и не следовали тому, что им говорилось; на это он намекает словами: "**неспособны слушать**". "**Страданиями**", говорит, Он постоянно научался повиноваться Богу. "**И, совершившись**", т.е. посредством страданий. Вот в чем состоит совершенство, вот чрез что следует достигать совершенства! И не только сам Он спасся, но и для других это обильно послужило во спасение. "**И, совершившись**", - говорит, - "**сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного, быв наречен от Бога Первосвященником по чину Мелхиседека. О сем надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать, потому что вы сделались неспособны слушать**" (Евр. 5:9-11). Намереваясь говорить о различии священства, он наперед обличает их, внушая, что такой снисходительный образ речи есть млеко, что по младенчеству их он более занимается уничиженным учением о плоти и говорит о Нем, как о каком-либо праведнике. При том, смотри, он и не умолчал об этом совершенно, и не высказал всего; первое сделал для того, чтобы возвысить их ум, убедить их стремиться к совершенству и не оставаться в неведении высоких догматов, а второе для того, чтобы не обременить ума их. "**О сем**", - говорит, - "**надлежало бы нам говорить много; но трудно истолковать, потому что вы сделались неспособны слушать**". "**Трудно истолковать**" потому, что не слушают. Кто имеет дело с людьми невнимательными и не понимающими преподаваемого, тот не может вполне объяснить им учения. Может быть, кто-нибудь из вас, стоящих здесь, смущается и считает несчастьем то, что (апостол) в евреях нашел препятствие преподать совершеннейшее учение. Хотя и здесь, я думаю, за исключением немногих, немало таких же, так что и об вас можно сказать то же самое, все же я буду говорить и для немногих. Итак, точно ли он умолчал, или после объяснил, подобно тому, как он сделал в послами к Римлянам? Там он, заградив наперед уста прекословившим и сказав: "**А ты кто, человек, что споришь с Богом?**" (Рим.9:20), потом предложил разрешение. Так и здесь, кажется мне, он и не вовсе умолчал и не высказал всего, чтобы возбудить в слушателях усердие. Напомнив им, что в словах его заключается нечто великое, смотри, как он вместе с похвалою соединяет обличение. Так всегда поступал мудрый Павел, смешивая неприятное с полезным. Например в послании к Галатам он говорит: "**Вы шли хорошо: кто остановил вас**" (Гал. 5:7)? и еще: "**Столь многое потерпели вы неужели без пользы**" (Гал. 4:3); и еще: "**Я уверен о вас в Господе**" (Гал. 5:10). То же он говорит и им (евреям): "**мы надеемся, что вы в лучшем [состоянии] и держитесь спасения**" (Евр. 6:9). Таким образом он достигает двух целей: и не слишком напрягает (ум), и не дозволяет им упасть (духом). Так и должно быть: если примеры других могут ободрить слушателя и возбудить в нём соревнование, то, когда кто находит пример в самом себе, когда повелевается ему соревновать с самим собою, тогда удобоисполнимость учения открывается гораздо более. Потому он внушает и это, не дозволяет им падать (духом) от сильного обличения и не говорит им так, как будто они всегда были недобрыми, но выражает, что некогда они были и добрыми. "**Ибо, [судя] по времени, вам надлежало быть учителями**" (Евр.5:12). Здесь он показывает что они уверовали уже давно, и потому, внушает, что они должны наставлять и других. Заметь, как он часто принимается говорить о первосвященнике и постоянно откладывает это; послушай именно, как он начал: "**Итак, имея Первосвященника великого, прошедшего небеса**"; и не сказав, как – "**великого**", - далее говорит: "**всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу**"; и еще: "**Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником**". Потом сказав: "**Ты священник вовек по чину Мелхиседека**", опять откладывает речь об этом и говорит:

"**Он, во дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления** ".

3. Так как он столько раз отклонялся (от главного предмета), то, как бы оправдываясь, говорит: причина этого - в вас. Увы какая несообразность. Те, которые должны были учить других, оставались не только учениками, но и последними из учеников. "**Ибо, [судя] по времени**", - говорит, - "**вам надлежало быть учителями; но вас снова нужно учить первым началам слова Божия**". "**Первым началам слова Божия**" он называет здесь учение о человечестве (Христовом). Как во внешних науках прежде всего должно изучить письмена, так и в слове Божием прежде должно узнать учение о человечестве. Видишь ли, по какой причини Павел говорит об уничиженном? Так он поступил и с афинянами, когда беседовал с ними: "**оставляя времена неведения**", - говорил он, - "**Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых**" (Деян. 17:30-31). Потому, если он что говорит о высоком, говорит кратко; а уничиженное рассеяно во многих местах послания. Таким образом открывается и высокое, потому что весьма уничиженное никак не может быть относимо к божеству. Точно так и здесь, соблюдая точность, он излагает уничиженное в отношении к человечеству; и причина в том, что слушатели его не могли воспринять совершенного. Это он особенно выразил в послании к Коринфянам, когда сказал: "**Ибо если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы**" (1 Кор, 3:3)? И посмотри на великую мудрость его, как он всегда обращается соответственно господствующим болезням. Там слабость происходила по большей части от невежества и еще более от пороков, а здесь не только от пороков, но и от постоянных скорбей; потому он употребляет и выражения такие, которые могут показать это различие, - там он сказал: "**вы еще плотские**" (1 Кор. 3:3), а здесь, где более было скорбей, говорит: "**неспособны слушать**". Те не могли принять, потому что были плотскими; а эти могли, - словами: "**потому что вы сделались неспособны слушать**", он выражает, что некогда они были здоровы, сильны, горели ревностью, и свидетельствует, что уже впоследствии они подверглись такой болезни. "**И для вас нужно молоко, а не твердая пища**". Молоком он везде называет уничиженное учение, и здесь и там. "**По времени**", - говорит, - "**вам надлежало быть учителями** "; как бы так говорит: потому самому, отчего вы особенно ослабели и сделались немощными, вы и должны быть особенно сильными - "**по времени**". А молоком он называет уничиженное учение потому, что оно приличествует немощнейшим; совершеннейшим же оно ненужно и долго останавливаться на нем им вредно. Потому теперь не должно привносить того, что было под законом, и не должно почитать (Христа) равным (священнику) потому, что и Он первосвященник, что и Он принес жертву и молился с воплем и слезами. И смотри, как это нам кажется неудобоприемлемым; а их тогда питало и нисколько не казалось для них неудобоприемлемым. Таким образом слово Божие есть истинная пища, питающая душу. А что слово (Божие) есть пища, это видно из следующего. "**Пошлю**", - сказал (Господь), - "**на землю голод, - не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних**" (Амос. 8:11). "**Я питал вас молоком, а не [твердою] пищею**" (1 Кор. 3:2). Не сказал: накормил (а: напоил), внушая, что это - не пища; выразился так, как бы о малых детях, которые не могут питаться хлебом, для которых это не питье, но пища служит им вместо питья. Так точно и здесь. Не сказал: имеете нужду, но: "**для вас нужно молоко, а не твердая пища**", - т.е. вы хотели, вы сами довели себя до такого состояния, до такой нужды. "**Всякий, питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец**" (Евр. 5:13). Что значит: "**в слове правды**"? Здесь, мне кажется, он намекает и на образ жизни. Подобным образом и Христос сказал: "**если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев**" (Мат. 5:20). Так и он говорит: "**несведущ в слове правды**", т.е. неопытный в вышнем любомудрии, не могущий вести

высшей и совершенной жизни. Или здесь правдою он называет Христа и высокое о Нем учение. Сказав: "**неспособны слушать**", он не прибавил, отчего это, а предоставил им самим уразуметь, не желая сделать слова свои тягостными. В послании же к Галатам он выразил свое удивление и недоумение (Гал. 1:6), что гораздо более могло послужить к их утешению, когда тоже случилось с ними, как бы сверх его чаяния, - в этом и состоит недоумение. Видишь ли, что есть другое младенчество и другое совершенство (кроме телесного)? Постараемся же быть совершенными этим совершенством; можно и в детском и в юношеском возрасте достигнуть этого совершенства, потому что оно - дело не природы, а добродетели. "**Твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла**" (Евр. 5:14). Что это значит? Разве они не имели изощренных чувств и не знали, что добро и что зло? Не о жизни говорит он в словах: "**к различению добра и зла**", - знать это всякому человеку возможно и легко, - но о правых и высоких догматах, также неправых и низких учениях. Дитя не умеет различать худой и хорошей пищи, часто берет себе в рот грязь, принимает вредное и делает все без рассуждения. Но это - не совершенство. Таковы те, которые слушают все без различия и склоняют слух к нелепым учениям без рассуждения. Их он и обличает, как людей, непрестанно колеблющихся и предающихся то тем, то другим. На это он намекает и в конце послания, когда говорит: "**Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь** " (Евр. 13:9). Вот что значит: "**к различению добра и зла**". Гортань вкушает яства, а душа уразумевает учения.

4. Итак, будем учиться и мы. Если ты услышишь, что (какой-нибудь еретик) - не язычник и не иудей, то не считай его тотчас же христианином, но узнавай и все другое: ведь и манихеи и все еретики принимали на себя эту личину, чтобы таким образом обольщать людей простейших. Если же мы будем иметь чувства души, навыком приученные к различению добра и зла, то будем в состоянии отличать их. А каким образом чувства наши делаются приученными? Непрестанным слушанием, упражнением в Писании. Если мы изложим их заблуждение, если ты послушаешь сегодня и завтра, и узнаешь, что они нехороши, то всему научишься, все узнаешь; если не поймешь сегодня, поймешь завтра. "**У которых**", - говорит, - "**чувства навыком приучены**". Видишь, что нам должно упражнять слух свой слушанием божественных (Писаний), чтобы не увлекаться странными новизнами? "**Приучены**", - говорит, "**навыком**", т.е. быть опытными. Один (еретик) говорит, что нет воскресения, другой не ожидает ничего в будущем, третий говорит, что есть иной Бог, четвертый, что (Христос) имеет начало от Марии. Посмотри, как все сразу впали в заблуждения от неумеренности, одни прибавив, а другие убавив (от правого учения). Так, первая из всех ересей, Маркионова, измыслила иного Бога, которого нет: вот прибавление! За нею следующая, Савеллиева, утверждает, что Сын и Отец и Дух - одно лице. Потом Маркеллова и Фотинова проповедуют то же. Далее, Павла Самосатского, проповедует, что Он получил начало от Марии. Затем следует Манихейская, позднейшая ересь. А после них - Ариева. Есть и другие. Но мы приняли веру просто, так что не имеем нужды прилепляться к бесчисленным ересям и входить в исследования, но все то, что вздумают прибавить к ней, или убавить, считаем неправым. Как законодатели не заставляют изведывать тысячи мер, но повелевают держаться той, которая указана, так и в отношении к догматам. Но никто не хочет внимать Писаниям. Если бы мы внимали им, то не только не впадали бы в заблуждения, но и других заблуждающихся удерживали бы и избавляли от опасностей. Так, сильный воин может не только защищать себя, но оберегать и того, кто стоить подле него, и избавлять от нападения врагов. А ныне иные даже не знают, что есть Писания, между тем как Дух Святой принимал столько мер, чтобы они сохранились. Обратитесь к древности, и вы увидите неизреченное человеколюбие Божие. (Бог) вдохновил блаженного Моисея, изваял скрижали, держал его сорок дней на горе, и еще столько же других, чтобы дать закон; потом посылал пророков, потерпевших бесчисленные бедствия; когда наступила война, в

которую все были взяты в плен или истреблены, и книги сожжены, тогда Он опять вдохновил другого чудного мужа, т.е. Ездру, чтобы он изложил их, составив из остатков. После того Он устроил, чтобы они были переведены семьюдесятью (толковниками), которые и перевели их. Пришел Христос и принял их; апостолы же распространили их повсюду, после сотворенных Христом знамений и чудес. Что далее? После таких действий написали и апостолы, как Павел говорит: "**описано в наставление нам, достигшим последних веков**" (1 Кор. 10:11); и Христос сказал: "**заблуждаетесь, не зная Писаний**" (Мат. 22:29); и еще Павел говорит: "**терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду**" (Рим. 15:4); и еще: "**Все Писание богодухновенно и полезно**" (2 Тим. 3:16); и еще: "**Слово Христово да вселяется в вас обильно**" (Кол. 3:16). Также пророк (сказал): "**и о законе Его размышляет он день и ночь**" (Пс. 1:2); и в другом месте: "**всякая беседа твоя — в законе Вышнего**" (Сир. 10:20); и еще: "**Как сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устам моим,**" - не сказал: слуху моему, но**:** "**гортани моей, слова Твои! лучше меда устам моим**" (Пс. 118:103). Также Моисей (сказал): "**и говори о них, сидя в доме твоем и идя дорогою, и ложась и вставая** " (Втор. 6:7). И Павел в послании к Тимофею говорит: "**О сем заботься, в сем пребывай**" (1 Тим. 4:15). И множество (изречений) можно бы привести об этом предмете. Несмотря на то, есть люди, которые даже не знают, что существуют Писания. Оттого и не бывает у нас ничего здравого, ничего полезного. Когда кто хочет узнать военное искусство, то считает необходимым изучить военные законы; также, когда кто хочет узнать искусство кормчего или строителя, или какое-нибудь другое, то находить необходимым изучить все, относящееся к этому искусству; а здесь не видно, чтобы кто делал что-нибудь подобное, между тем как эта наука требует неусыпного изучения. Что это наука, требующая изучения, об этом, послушай, что говорить пророк: "**Придите, дети, послушайте меня: страху Господню научу вас**" (Пс. 33:12). Следовательно страх Божий действительно требует изучения. И далее говорит: "**Кто любит жизнь?**" (Пс. 33:13). Здесь он говорит о (будущей) жизни. И еще: "**Удерживай язык свой от зла и уста свои от коварных слов. Уклоняйся от зла и делай добро; ищи мира и следуй за ним**" (Пс. 33:14-15). Знаете ли вы, какой сказал это пророк, или бытописатель, или апостол, или евангелист? Не думаю (чтобы знал кто), кроме немногих; и об этих опять, если мы приведем свидетельство из другого места, можем сказать то же. Вот я приведу то же самое изречете, только выраженное другими словами; "**Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло**, **научитесь делать добро, ищите правды**" (Ис. 1:16-17), "**удерживай язык свой от зла и уста свои от коварных слов. Уклоняйся от зла и делай добро**". Видишь ли, что добродетель требует изучения? Тот говорит: "**страху Господню научу вас**"; а этот: "**научитесь делать добро**".

Итак, знаете ли вы, где находятся эти (изречения)? Не думаю (чтобы знал кто), кроме немногих. Между тем в каждую седмицу это читается вам два или три раза. Чтец, вышедши, сперва говорит, чья книга, какого именно пророка, или апостола, или евангелиста, а потом и произносит его изречение, чтобы вы лучше заметили их и знали не только содержание, но и причину написанного и то, кто сказал это. Но все напрасно, все тщетно. Все ваше усердие направлено на дела житейские; о духовных же нет никакой заботы. Потому-то и те (житейские дела) идут не по вашему желанию и встречают множество препятствий. Христос сказал: "**Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам**" (Мат. 6:33). Всё прочее, говорит, будет дано в виде прибавки. А мы извратили порядок, ищем земли и благ земных, как будто те (блага небесные) будут даны нам в виде прибавки. Потому мы и не получаем ни тех, ни других. Образумимся же когда-нибудь, и станем стремиться к благам будущим; тогда приложится и все прочее. Невозможно, чтобы ищущий благ божественных не получил и человеческих: таково определение самой истины, сказавшей это! Итак, не будем поступать иначе, но станем соблюдать заповедь Христову, чтобы нам не лишиться всего; Бог же сам силен

произвести в нас сокрушение и сделать лучшими, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 9

"Посему, оставив начатки учения Христова, поспешим к совершенству; и не станем снова полагать основание обращению от мертвых дел и вере в Бога, учению о крещениях, о возложении рук, о воскресении мертвых и о суде вечном. И это сделаем, если Бог позволит" (Евр. 6:1-3).

1. Слышите ли, как Павел укоряет евреев за то, что они желали всегда учиться одному и тому же? И справедливо. "**Ибо, [судя] по времени**", - говорит, - "**вам надлежало быть учителями; но вас снова нужно учить первым началам слова Божия**" (Евр. 5:12). Боюсь, чтобы и о вас не пришлось сказать того же: тогда как, судя по времени, вам надлежало быть учителями, вы даже звания учеников не удерживаете, но, постоянно слушая одно и то же и об одном и том же, находитесь в таком состоянии, как будто бы ничего не слышали; кто спросит вас (о слышанном), никто из вас не в состоянии отвечать, кроме весьма немногих, которые наперечет. А отсюда происходит немалый вред. Невнимательность учащихся часто не дозволяет учителю, хотя бы он и хотел, перейти к дальнейшему, коснуться предметов более таинственных и высоких. Как при изучении грамматики, если дитя, постоянно слыша о буквах, не удерживает их в памяти, то необходимо бывает непрерывно повторять ему одно и то же, и учащий не перестает (говорить о них) до тех пор, пока (ученик) не усвоит их себе в точности, - весьма ведь было бы неблагоразумно, пока он не усвоил хорошо прежнего, переходить с ним к дальнейшему, - так точно и в церкви: если вы, несмотря на то, что мы постоянно говорим вам одно и то же, нисколько более не научаетесь, то мы никогда не перестанем говорить вам об одном и том же. Если бы наше слово произносилось для славы и из честолюбия, то мы могли бы переходить от предмета к предмету и постоянно простираться вперед, нисколько не заботясь о вас, а только о рукоплесканиях ваших; но так как мы заботимся не об этом, но все старания свои направляем к вашей пользе, то мы не перестанем говорить вам об одном и том же до тех пор, пока вы не приложите этого к своей жизни. Многое можно было бы сказать об языческом суеверии, о манихеях и маркионитах, и при помощи благодати Божией поражать их; но подобные беседы теперь несвоевременны. В самом деле, можно ли говорить о таких предметах тем, которые и своего собственного не знают надлежащим образом, которые еще не убедились, что любостяжание есть зло, - можно ли преждевременно переходить с ними к чему-нибудь другому? Потому мы не перестанем говорить вам одно и то же, хотя бы вы слушали, хотя бы нет; только опасаемся, чтобы, часто повторяя вам одно и то же, если вы не будете слушать, не навлечь на неслушающих большого наказания. Не о всех я говорю это; я знаю многих, которые приходят сюда с пользою, и которые справедливо могли бы обвинять неслушающих за то, что последние задерживают их своим невежеством и невнимательностью. Впрочем, и первые от этого не терпят вреда, потому что и знающим полезно часто слышать об одном и том же: что мы знаем, то еще лучше усвоим, если часто будем слышать. Например, мы знаем, что смиренномудрие есть добродетель, и что Христос часто говорил о нем; но если мы выслушаем самые слова Его и будем размышлять о них, то они более подействуют на нас, хотя бы мы слышали их тысячу раз. Итак, благовременно и нам сказать теперь вам: "**оставив начатки учения Христова, поспешим к совершенству**". А что значить: "**начатки учения**", (апостол) сам объясняет далее: "**не станем**", - говорит, - "**снова полагать основание обращению от мертвых дел и вере в Бога, учению о крещениях, о возложении рук, о воскресении мертвых и о суде вечном**". Если же это - начало, то что иное наше учение, как не покаяние от мертвых дел и получаемая от Духа вера в

воскресение мертвых и вечный суд? Что же значить: "**основание**"? Он называет основанием не что иное, как то, если нет праведной жизни. Как приступающему к изучению грамоты нужно наперед узнать буквы, так и христианин прежде всего должен твердо узнать эти истины и нисколько не сомневаться в них. А кто не имеет познания о них, тот еще не имеет основания, потому что надобно быть твердым (в познанном), стоять и стоять неподвижно. Если бы кто, уже оглашенный и крещенный, лет через десять после того, имел нужду снова учиться вере, учиться тому, например, что нужно веровать в воскресение мертвых; то такой человек не имеет ещё основания и ищет ещё начала христианства. А что вера есть основание, прочее же - здание, об этом, послушай, как говорит сам (апостол): "**Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на [нем]; но каждый смотри, как строит. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы…**" (1 Кор.3:10,12). Потому он и говорит: "**не станем снова полагать основание обращению от мертвых дел**".

2. Что значит: "**поспешим к совершенству**"? Будем достигать, говорит, самой вершины, т.е. будем вести жизнь добродетельную. Как в азбуке все зависит от буквы а, и как от основания зависит все здание, так и чистота жизни от полноты веры. Без неё (полной веры) невозможно быть христианином, как не может быть здание без основания, и как без знания букв невозможно знать грамоты. Но как (в этих предметах), если кто будет заниматься одними буквами, или кто будет оставаться при основании, не стараясь возводить самое здание, то никогда не будет иметь дальнейших успехов, так и у нас: если мы будем всегда оставаться при начале веры, то никогда не достигнем до её совершенства. Не думай, будто вера унижается тем, что она называется началом, - в ней заключается вся сила. Когда (апостол) говорит: "**Всякий, питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец**" (Евр. 5:13), то он не веру называет молоком, но сомнение в её истинах; оно есть знак ума слабого, нуждающегося во многих доказательствах, самые же истины - здравы. Совершенным мы называем того, кто при вере проводить и жизнь правую. Если же кто, хотя имеет веру, но ведет дурную жизнь, и в самих истинах веры еще сомневается, оскорбляя этим учение, - такого мы справедливо можем назвать младенцем, едва вступившим в начало, так что и мы, хотя бы тысячу лет пребывали в вере, еще младенцы, если остаемся не твердыми в ней, если не ведём сообразной с нею жизни, если только еще полагаем основание. А их (евреев апостол) укоряет не только за жизнь, но и за нечто другое, именно - за то, что они колебались и имели нужду полагать основание покаяться от мертвых дел. Кто переходит от одного к другому, одно оставляет, а другое принимает, тому нужно отказаться от прежнего и оставить расположение к нему, потом и переходить к новому; если же он станет опять держаться первого, то как может достигнуть второго? Что же, скажете, не о законе ли это? Мы отказались от него, и не к нему ли опять возвращаемся? Но это не есть изменение; ведь и теперь мы имеем закон. "**Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем**" (Рим. 3:31). Я говорю о дурных делах; кто намеревается обратиться к добродетели, тот наперед должен отказаться от пороков, и тогда уже вступить (в жизнь добродетельную). Покаяние не могло соделать (верующих) чистыми; потому они тотчас же крестились, чтобы, чего они не могли сделать сами собою, того достигнуть благодатью Христовою. Следовательно, покаяние недостаточно для очищения, а нужно принять крещение. Ко крещению же надобно приступать, отказавшись наперед от грехов своих и осудив их. Что значит: "**учению о крещениях**"? Крещений не много, а одно: почему же он сказал во множественном числе? Потому что выше сказал: "**не станем снова полагать основание обращению от мертвых дел**". Если бы они имели нужду, чтобы он снова крестил их, снова оглашал, и снова с начала преподавал крещенным, что должно и чего не должно делать, то они всегда оставались бы неисправимыми. "**О возложении рук**". Так они получали Духа (Святаго): "**и, когда Павел**", - сказано, - "**возложил на них руки,**

нисшел на них Дух Святый" (Деян. 19:6). "**О воскресении мертвых**". Это происходит при крещении и утверждается в исповедании (веры). "**И о суде вечном**". Почему об этом говорит он? Потому, что они, вероятно, или колебались после того, как уверовали, или худо и нерадиво жили. Поэтому он и говорил: бодрствуйте. Таким образом он сказал эти слова, желая исправить их от такого нерадения и сделать более внимательными. Нельзя говорит: если мы теперь живем нерадиво, то снова окрестимся, снова примем оглашение и опять получим Духа; или так: если мы теперь отпали от веры, то снова чрез крещение сможем омыть грехи и получить то же, чего удостоились прежде. Прельщаетесь, говорит он, если так разсуждаете. "**Ибо невозможно - однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святаго, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются [Ему]**" (Евр. 6:4-6). Смотри, как он начинает речь обличительно и решительно: "**невозможно**", - говорит, т.е., и не надейся на невозможное. Не сказал: неприлично, неполезно, непозволительно, но: "**невозможно**", так что для вас, которые однажды вполне были просвещены, не остается ничего, кроме отчаяния.

3. Затем он продолжает: "**и вкусивших дара небесного**", т.е., оставления грехов, "**соделавшихся причастниками Духа Святаго**, **и вкусивших благого глагола Божия**", - здесь он говорит об учении, - "**и сил будущего века**". Какие силы разумеет он? Или (силы) творить чудеса, или залог Духа. "**И отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются [Ему]**". "**Обновлять**" - говорит, - "**покаянием**", т.е. через покаяние. Что это? Неужели отвергается покаяние? Нет, не покаяние, совсем нет, но вторичное обновление купелью (крещения). Он, сказав: "**Ибо невозможно… обновлять покаянием**", не остановился, но после слова: "**невозможно**", присовокупил: "**снова распинают в себе Сына Божия… опять обновлять**", т.е. делать новыми, а новыми делает только купель: "**обновляется**", - сказано, - "**подобно орлу, юность твоя**" (Пс. 102:5).

Действие же покаяния состоит в том, что оно соделавшихся новыми и потом чрез грехи опять обветшавших избавляет от этой ветхости и возвращает в состояние обновления; но в прежнюю светлость возвести уже не может, потому что там (в крещении) все было делом благодати. "**Когда они снова распинают в себе**", - говорит, - "**Сына Божия и ругаются [Ему]**". Смысл слов его следующий: крещение есть крест, потому что "**ветхий наш человек распят с Ним**" (Рим. 6:6); и еще: "**мы соединены с Ним подобием смерти Его**"; и еще: "**мы погреблись с Ним крещением в смерть**" (Рим. 6:5,4). Как невозможно в другой раз распять Христа, потому что это значило бы выставить его на поругание, так невозможно и креститься вторично. Если "**смерть уже не имеет над Ним власти**" (Рим. 6:9), если Он воскрес, через воскресение сделавшись победителем смерти, если Он смертию смерть попрал, то снова распинать Его значить - все прежнее представлять басней и позором. А кто крестится вторично, тот, действительно, опять распинает Его. Что же значит: "**снова распинают**"? Опять снова пригвождающих Его ко кресту. Как Христос умер на кресте, так и мы умираем в крещении, умираем не плотью, но для греха. Смотри: там смерть, и здесь смерть; Он умер плотью, а мы умираем для греха. В крещении ветхий наш человек погребается и возстаёт новый, сообразный подобию смерти Его. Таким образом, если необходимо опять креститься, то необходимо, чтобы этот (новый человек) опять умер, потому что крещение есть не иное что, как смерть погружаемого и восстание нового. И хорошо (апостол) сказал: "**снова распинают в себе**", потому что делающий это поступает как бы забывая о прежней благодати, и располагает жизнь свою безпечно, как бы надеясь на вторичное крещение. Потому надобно быть внимательным и осторожным. Что значит: "**вкусивших дара небесного**"? Значит: получивших отпущение грехов, потому что даровать такую благодать свойственно

одному Богу, и эта благодать есть всецело благодать. "**Оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак**" (Рим. 6:1). Если мы всегда будем надеяться на спасение благодатно, то никогда не сделаемся добродетельными; где одна только благодать, там мы можем предаться безпечности. Если бы мы знали, что грехи наши снова могут быть омыты (крещением), то разве перестали бы грешить? Не думаю. Много даров разумеет здесь (апостол); а какие, послушай. Ты удостоился, говорит он, столь великого прощения, ты, который сидел во тьме, быль неприятелем, врагом, отверженным, богопротивным, погибшим; будучи таким, ты вдруг просветился, сподобился Духа, дара небесного, усыновления, царства небесного, таин неизреченных и других благ, и после того не сделался лучшим, и потому, будучи достоин погибели и между тем получив спасение и честь, точно совершивши дела великие, как ты можешь креститься снова? Двумя доказательствами он подтверждает невозможность этого дела, и сильнейшее из них поставляет после: первое состоит в том, что удостоившийся таких благ и предавший все дарованное ему недостоин снова получить обновление; второе в том, что невозможно снова распять (Сына Божия), - потому что это значило бы подвергать Его поруганию. Итак нет, отнюдь нет второй купели крещения. Если бы она была, то была бы и третья, и четвертая, и последующая всегда уничтожала бы предыдущую, а ее опять другая, и так далее до безконечности. Сказав: "**и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века**", (апостол) не раскрывает всего этого, но только намекает, и как бы так говорит: жить подобно ангелам, не нуждаться ни в чём здешнем, быть уверенным, что усыновление (Богу) доставляет нам будущие блага, надеяться войти в неприступное святилище, - всему этому научает Дух. Что означает: "**и сил будущего века**"? Означает жизнь вечную, состояние ангельское. Залог этого мы уже получили от Духа чрез веру. Скажи же мне: если бы ты был введен в царские чертоги и если бы все, там находящееся, было тебе вверено, а ты потом растратил бы все, то могло ли бы оно быть вверено тебе снова?

4. Итак что же, нет, скажете, покаяния? Есть покаяние, но нет вторичного крещения. Покаяние имеет великую силу; оно может человека, сильно погрузившегося во грехи, если он захочет, освободить от бремени грехов и, когда он находится в опасности, поставить в безопасности, хотя бы он достиг самой глубины зла. Это можно видеть из многих мест (Писания). "**Разве, упав, не встают",** - говорит (пророк), - "**и, совратившись с дороги, не возвращаются**" (Иер, 8:4)? Оно может, если мы захотим, опять изобразить в нас Христа; послушай, в самом деле, что говорит Павел: "**Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!**" (Гал. 4:19); только мы должны приступить к покаянию. Посмотри на человеколюбие Божие: нас следовало бы покарать всеми родами наказания еще с самого начала за то, что, приняв закон естественный и получив тысячи благ, мы не познали Владыки и вели жизнь нечистую; но Он не только не наказал нас, а еще даровал нам безчисленные блага, как будто бы мы совершили великие подвиги.

Мы опять отпали, но Он и после того не наказывает нас, а даровал врачество покаяния, которое может уничтожить и изгладить все грехи наши, только если мы знаем, в чем состоит это врачество и как им нужно пользоваться. В чем же состоят врачество покаяния и как оно употребляется? Во-первых, (оно состоит) из сознания своих грехов и исповедания их. " **Но я открыл Тебе грех мой**", - говорит (пророк), - "**и не скрыл беззакония моего**"; и еще: "**я сказал: "исповедаю Господу преступления мои", и Ты снял с меня вину греха моего**" (Пс. 31:5); и еще: "**припомни Мне; станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться**" (Ис. 43:26); и еще: "**праведный самого себя обвиняет в первых словах**" (Притч. 18:17). Во-вторых, (покаяние состоит) из великого смиренномудрия; оно есть как бы золотая цепь, которая, если взять ее за начало, следует вся. Так точно, если ты будешь исповедывать грехи, как должно исповедывать, то душа

смирится, потому что совесть, терзая ее, делает смиренною. Со смиренномудрием должно соединять и нечто другое, чтобы оно было таково, о каком молился блаженный Давид, когда говорил: "**Сердце чистое сотвори во мне, Боже**" (Пс. 50:12); и еще: "**сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже**" (Пс. 50:19). Сокрушенное сердце не возмущается, не оскорбляет, но всегда готово терпеть страдания, а само не восстает. В том и состоит сокрушение сердца, когда оно, хотя само бывает оскорбляемо, хотя терпит зло, остается спокойным и не возбуждается к мщению. После смиренномудрия нужны напряженные молитвы и обильные слезы днем и ночью. "**Каждую ночь омываю**", - говорит (пророк), - "**ложе мое, слезами моими омочаю постель мою**" (Пс. 6:7); и еще: "**Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами**" (Пс. 101:10). А после столь усильных молитв нужно великое милосердие. Оно в особенности делает сильным врачество покаяния. Как во врачебных средствах хотя лекарство содержит в себе много трав, но главную - одну, так и в покаянии подобною многоцелебной травою бывает милосердие, и даже от него зависит все. Послушай, что говорить божественное Писание: "**Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто**" (Лук. 11:41); и еще: "**искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным**" (Дан. 4:24); и еще: "**Вода угасит пламень огня, и милостыня очистит грехи**" (Сир. 4:30). Далее, (нужно) не гневаться, не злопамятствовать и прощать всем грехи их: "**Человек питает гнев к человеку**", - говорит (Премудрый), - "**а у Господа просит прощения**" (Сир. 29:3). "**Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный**" (Мат. 6:14). Также (нужно) отклонять братию от заблуждений: "**обратившись**", - говорит (Господь)**,** - "**утверди братьев твоих**", чтобы отпущены были тебе грехи твои (Лук. 22:32). Еще (нужно) искреннее обращение с священниками: "**и если он**",- сказано, - "**соделал грехи, простятся ему**" (Иак. 5:15); (Нужно) защищать обижаемых, не гневаться, переносить все кротко.

5. Прежде, нежели вы узнали, что через покаяние отпускаются грехи, не безпокоились ли вы и не отчаивались ли в себе, зная, что нет вторичной купели крещения? Теперь же, когда мы узнали, каким образом совершается покаяние и отпущение грехов, и что мы можем избежать всего, если захотим воспользоваться им, как должно, можем ли мы получить прощение, если не станем думать о своих согрешениях? Если бы мы исполняли это, то все было бы сделано. Как вошедший в дверь уже находится внутри, так точно и помышляющий о собственных согрешениях. Кто ежедневно помышляет о них, тот непременно достигнет и до их исцеления; а кто только говорит: я грешен, но не представляет себе грехов своих порознь и не говорит: в том-то и в том-то я согрешил, - тот никогда не перестанет грешить, часто будет исповедываться, но никогда не будет думать о своём исправлении. Нужно только начать, а все прочее непременно последует затем, если только будет сделан приступ: во всём трудны начало и приступ. Итак, положим это (основание), и все будет легко и удобно.

Начнем же покаяние, увещеваю вас, один с усильных молитв, другой с обильных слёз, третий с сокрушения; и последнее ведь, как оно ни мало, не безполезно: "**Я видел пути его**", - говорит (Господь), - "**и исцелю его, и буду водить его и утешать его**" (Иса. 57:17-8). Всё же вообще (начнем) с милосердия, с оставления ближним согрешений их, с забвения обид, с воздержания от злопамятства и мстительности, смиряя таким образом души свои. Если бы мы постоянно вспоминали о грехах своих, то ничто из предметов внешних не могло бы возбудить в нас гордость, ни богатство, ни могущество, ни власть, ни слава; когда бы даже мы сидели на царском седалище, и тогда плакали бы горько. Блаженный Давид был царь, и однако говорил: "**Каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою**" (Пс. 6:7); ни багряница, ни диадема нисколько не причиняли ему вреда и не возбуждали в нём гордости, потому что он сознавал, что он человек; он имел сердце сокрушенное, а потому и плакал. Что такое дела человеческие?

Пепел и пыль, прах пред лицем ветра, дым и тень, листья и цвет, уносимые ветром, сон, мечта и басня, пустое колебание воздуха, легко возбуждаемое, перо возметаемое, течение непостоянное, и всё, что только может быть еще ничтожнее этого. Отчего же, скажи мне, ты много думаешь о себе? Какое звание ты считаешь великим? Не консула ли? Многие, действительно, не знают ничего выше этого звания. Но и тот, кто не консул, нисколько не хуже того, кто был в таком блестящем многославном звании; тот и другой имеют одинаковое достоинство, тот и другой одинаково прекратят существование спустя немного времени. Когда же тот был консулом, скажи мне, сколько времени? Два дня? Это бывает и во сне. Но здесь, скажешь, сон. Что же? Разве то, что бывает днем, не сон? Почему же, скажи мне, не можем назвать этого сном? Как сновидения, по наступлении дня, оказываются недействительными, так и совершающееся днём становится недействительным по наступлении ночи. Ночь и день продолжаются одинаково, и равно разделили между собою все время. Потому, как днём никто не восхищается тем, что было с ним ночью, так и ночью невозможно восхищаться тем, что бывает днём. Ты был консулом? И я был; только ты - днём, а я - ночью. Но что в том? Ты через это не имеешь ничего больше меня, если только не считать преимуществом название консула и удовольствие, заключающееся в одних словах. Выражу это яснее: если, например, я скажу: такой-то консул, и припишу ему это название, то как только оно сказано, уже не прошло ли? Таково и всё. Консул явился, и уже нет его. Но положим, что он был консулом год, два, три, четыре года: были ли консулы, которые консульствовали по десяти лет? Нет. Не таков Павел: он был всегда славен при жизни, не день, не два, не десять, не двадцать, не тридцать дней, и не десять лет, не двадцать и не тридцать; но и по смерти его вот уже прошло четыреста лет, а он и теперь еще славен, и даже гораздо славнее: нежели при жизни. И это еще на земле; а славу - святых на небе кто может изобразить словом? Потому, увещеваю вас, будем искать этой славы, стремиться к ней, чтобы достигнуть её, потому что эта слава - истинная слава; а от всего житейского будем удаляться, чтобы нам получить благодать и милость во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 10

"Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь и произращающая злак, полезный тем, для которых и возделывается, получает благословение от Бога; а производящая терния и волчцы негодна и близка к проклятию, которого конец - сожжение" (Евр. 6:7-8).

1. Со страхом мы должны слушать слово Божие, со страхом и великим трепетом: "**Служите**", - говорит Псалмопевец), " **Господу со страхом и радуйтесь с трепетом**" (Пс. 2:11). Если же самая радость наша и веселье должны быть с трепетом, то когда говорится что-нибудь страшное, каково (сказанное) теперь, какого не заслуживаем мы наказания, если без трепета слушаем сказанное? Показав, что отпавших невозможно крестить вторично и что им невозможно опять через купель (крещения) получить отпущение (грехов), и объяснив, как это страшно, (апостол) продолжает: "**Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь и произращающая злак, полезный тем, для которых и возделывается, получает благословение от Бога; а производящая терния и волчцы негодна и близка к проклятию, которого конец - сожжение**". Устрашимся же, возлюбленные! Не Павлова это угроза, не человеческие это слова; это - Духа Святаго, Христа, глаголавшаго в Павле. Кто чист от этих терний? Если бы даже мы были чистыми, то и тогда нам следовало бы не оставаться спокойными, а страшиться и трепетать, как бы в нас не выросли терния; а если мы все всецело состоим из терний и волчцов, то, скажи мне, как мы можем оставаться спокойными и безпечными? Что делает нас безпечными? Если думающий, что он стоит, должен бояться, чтобы не упасть, - "**кто думает, что он**

стоит", - сказано, - "**берегись, чтобы не упасть**" (1 Кор. 10:12), - то падший сколько должен заботиться, чтобы востать? Если Павел боялся, "**дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (1 Кор. 9:27), если он, столь достойный, боялся сделаться недостойным, то мы, уже сделавшиеся недостойными, какое будем иметь оправдание и прощение, не имея никакого страха, но исполняя христианские обязанности, как бы какой обычай, и только для вида? Устрашимся же, возлюбленные! "**Ибо открывается гнев Божий с неба**" (Рим. 1:18). Устрашимся, потому что он открывается не только на "**нечестие**", но и на всякую "**неправду**", малую и великую. Вместе с тем (апостол) указывает и на человеколюбие Божие; а дождем он называет учение, и что выше он говорил в словах: "**Ибо, [судя] по времени, вам надлежало быть учителями**", то же говорит и здесь. И во многих местах Писание называет учение дождем: "**и повелю облакам не проливать на него дождя**", - говорит (Господь) о винограднике (Ис. 5:6); а в другом месте то же называется гладом хлеба и жаждою воды (Амос. 8:11); и еще: "**поток Божий полон воды**" (Пс. 64:10). "**Земля**", - говорит, "**пившая многократно сходящий на нее дождь**". Здесь он выражает, что и принимали и пили слово его, и часто удостаивались слышать его, но не получили от того пользы. Если бы, говорит, ты не была возделана, если бы не получала дождей, то зло не было бы столь велико, потому что "**Если бы Я не пришел**", - говорит (Христос), - "**и не говорил им, то не имели бы греха**" (Иоан. 15:22); если же ты часто пила и принимала, то почему вместо плодов ты произрастила нечто другое? "**Ожидал**", - говорит (Господь), - "**что он принесет добрые грозды, он принес дикие ягоды** " (Ис. 5:4). Видишь ли, что Писание везде тернием называет грехи? И Давид говорит: "**я сделался страдальцем, когда вонзился в меня терн**" (Пс. 31:4). (Терн) не просто входит, а вонзается; и хотя бы его осталось немного, но если он не весь будет выдернуть, то и самая малая часть его производит боль так же, как и (весь) терн. Но что я говорю: немного? Даже после того, как он будет выдернут, в ране долго еще остается боль. Потому нужно долго лечить и пользовать, чтобы освободиться от её совершенно; недостаточно только исторгнуть грех, а нужно излечить и пораженное место. Боюсь, чтобы не относились к нам более, нежели к другим, слова (апостола): "**Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь";** мы ведь постоянно пьём, постоянно слушаем, но тотчас же, как только восходить солнце, теряем влагу, и потому произращаем тернии. Какие же это терния? Послушаем Христа, который говорит: "**забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно**" (Мат. 13:22). "**Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь и произращающая злак, полезный**".

2. Нет ничего столь благопотребного, как чистота жизни, ничего столь прекрасного, как благоустроенная жизнь, ничего столь вожделенного, как добродетель. "**И произращающая**", - говорит, - "**злак, полезный тем, для которых и возделывается, получает благословение от Бога**". Здесь он внушает, что Бог есть виновник всего, и некоторым образом обличает язычников, которые приписывали произращение плодов силе земли. Не руки земледельца, говорит, возбуждают землю к принесению плодов, но повеление Божие; потому и выражается так: "**получает благословение от Бога**". И смотри: о терниях он не сказал: рождающая "**терния и волчцы**", не употребил такого одобрительного выражения, - но что? – "**производящая терния и волчцы**", - как бы так: извергающая, выбрасывающая. "**Негодна и близка к проклятию**". О, какое утешение заключается в этих словах! "**Близка**", - говорит, - "**к проклятию**", а не сказал: проклята; т.е. еще не подверглась проклятию, а только близка к нему, но может быть и далека от него. И не только этими словами он утешает, но и следующими; не сказал: она непотребна, близка к проклятию и будет сожжена, - но что? "**которого конец - сожжение**"; выражает, что если она до конца останется такою, то потерпит и это. Следовательно, если мы исторгнем и сожжем терние, то сможем получить многие блага, сделаться благопотребными и удостоиться благословения. Справедливо называет грех

тернием в словах: "**производящая терния и волчцы**", потому что (грех), если крепко станешь держаться его, вонзается и колет, и даже на вид бывает безобразен. Итак, укорив их достаточно, устрашив и обличив, (апостол) потом утешает, чтобы не поразить их слишком много и чтобы они не сделались безпечными, потому что человек ленивый, когда его (слишком много) наказывают, делается еще более ленивым. Потому (апостол) и не за все одобряет их, чтобы они не возгордились, и не за все укоряет, чтобы не сделать их более безпечными, но сказав немного укоризны, в дальнейших словах предлагает великое утешение, чтобы таким образом достигнуть своей цели. Что же он говорить? "**Впрочем о вас, возлюбленные, мы надеемся, что вы в лучшем [состоянии] и держитесь спасения, хотя и говорим так**" (Евр.6:9), т.е., говорим это не потому, чтобы мы отчаялись в вас или считали вас исполненными терний, а потому, что боимся, как бы не случилось этого; лучше внушить вам страх словами, нежели на деле испытывать скорбь. Это особенно и показывает мудрость Павла. Он не сказал: думаем, предполагаем, ожидаем, уповаем, - но что? "**Надеемся**". Так и в послании к Галатам он говорит: "**Я уверен о вас в Господе, что вы не будете мыслить иначе**" (Гал. 5:10); не сказал: разумеете, но: "**не будете мыслить иначе**", так как (галатийцы) были тогда весьма достойны осуждения и (апостол) не мог хвалить их за дела настоящие, то хвалит за будущие: "**не будете**", - говорит, - "**мыслить иначе**". А здесь он хвалит (евреев) за дела настоящие: "**надеемся, что вы в лучшем [состоянии] и держитесь спасения, хотя и говорим так**". Но так как за дела настоящие он не мог хвалить их много, то заимствует утешение от дел прошедших и говорит: "**Ибо не неправеден Бог, чтобы забыл дело ваше и труд любви, которую вы оказали во имя Его, послужив и служа святым**" (Евр. 6:10). О, как он ободрил и укрепил души их, вспомнив о прежних делах и представив необходимость надеяться, что Бог не забыл (их подвигов)! Подлинно, кто не убежден в правосудии Божием и в том, что Он воздаст каждому по заслугам настоящей жизни, тот неизбежно грешит и говорит, что Бог неправеден. Потому он и внушил им необходимость вполне надеяться на будущее воздаяние. Кто отчаивается в настоящем и падает духом, того можно ободрить будущим. Так и в послании к Галатам (Павел) говорит: "**Вы шли хорошо: кто остановил вас, чтобы вы не покорялись истине**" (Гал. 5:7)? и еще: "**Столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы!**" (Гал. 3:4); и как здесь с обличением он соединяет одобрение, когда говорит: "**Ибо, [судя] по времени, вам надлежало быть учителями**" (Евр. 5:12), так и там: "**так скоро переходите к иному благовествованию**" (Гал. 1:6). С укоризною (высказывается) и похвала, - потому что мы удивляемся тогда когда падаёт что-нибудь великое. Видишь ли, как в самом обличении и обвинении скрывается похвала? И не от себя только одного он говорит это, но от лица всех; не сказал: надеюсь, но: "**надеемся, что вы в лучшем [состоянии]**", т.е. лучшего. Здесь он говорит или об их жизни, или о воздаянии. Сказав выше: "**негодна и близка к проклятию, которого конец – сожжение**", потом, чтобы они не подумали, что он говорит это об них, тотчас же присовокупляет: "**не неправеден Бог, чтобы забыл дело ваше и труд любви**", и тем выражает, что не об них он говорит – "**хотя и говорим так**". Если же не об нас говоришь, то для чего касаешься, называя ленивыми, и внушаешь страх, напоминая о терниях? "**Желаем же**", - говорит он, - "**чтобы каждый из вас, для совершенной уверенности в надежде, оказывал такую же ревность до конца, дабы вы не обленились, но подражали тем, которые верою и долготерпением наследуют обетования**" (Евр. 6:11-12).

3. "**Желаем**", говорит; следовательно, не на словах только хотим этого. Но чего, скажи, ты желаешь? Желаем, чтобы вы были добродетельными, - не осуждая вас за прежнее, а опасаясь за будущее. Не сказал также: осуждая не за прошедшее, а за настоящее, так как вы развратились и сделались безпечными. Но смотри, как кротко он выразил это, и не произнес, укоризны. Что же говорит он? "**Желаем же, чтобы каждый из вас, для совершенной уверенности в надежде, оказывал такую же ревность до конца**".

Удивительна Павлова мудрость: он не высказывает прямо, что они ослабили, что они пали, - потому что сказать: "**желаем же, чтобы каждый из вас**", - значит сказать: желаю, чтобы ты был тщателен всегда, чтобы, каков ты быль прежде, таким был и теперь и на будущее время; этим он делает свое обличение более кротким и удобоприемлемым. Не сказал также: хочу, что показывало бы учительскую власть, но говорит: "**желаем**", употребляя выражение, показывающее отеческую любовь и означающее больше, нежели: хочу, и. как бы так говорит: простите, если мы скажем что-нибудь неприятное. "**Желаем же, чтобы каждый из вас, для совершенной уверенности в надежде, оказывал такую же ревность до конца**". Что это значить? Надежда, говорит, переносит, она подкрепляет; не ослабевайте же и не отчаивайтесь, чтобы надежда ваша не оказалась лишнею; кто делает добро, тот и надеется на добро, и никогда не отчаивается. "**Дабы вы не обленились**" - еще только – да не будете, хотя выше он сказал: "**вы сделались неспособны слушать**" (Евр. 5:11). Но заметь, там он указал только на неспособность слушать, а здесь хотя употребляет подобное выражение, все же намекает на нечто другое: вместо того, чтобы сказать: не оставайтесь ленивыми, он сказал: "**дабы вы не обленились**". Опять виновность их отодвигает на будущее время, говоря: "**дабы вы не обленились**"; а так как будущее время еще не существует, то мы и не можем быть виновными. Тот, кого, как ленивого, убеждают быть старательным в настоящее время, может сделаться еще более ленивым; но не то бывает с тем, кого (убеждают исправиться) на будущее время. "**Желаем же**", **-** говорит, - "**чтобы каждый из вас**". Великая любовь! (Павел) равно печется о великих и малых, о всех помнит, никого не презирает, но одинаковое оказывает попечение о каждом и всем отдает равную честь; этим он еще более располагает принять слова его, несмотря на их строгость. "**Дабы вы не обленились**", говорит. Как бездействие вредит телу, так и неупражнение в добре делает душу безпечною и слабою. "**Но подражали тем, которые верою и долготерпением наследуют обетования**". Кто эти (наследники), он объясняет далее. Наперед он сказал: подражайте прежним вашим добрым делам; а потом, чтобы они не спросили: каким? - он указывает на праотца (Авраама), представляя примеры добрых дел в собственных их делах, а в доказательство того, что они не забыты, пример праотца. Это он делает для того, чтобы они не говорили, что они, как недостойные, забыты и оставлены, но знали, что проводить жизнь среди искушений есть удел особенно доблестных людей, и что Бог всегда так поступал с мужами дивными и великими. Нужно, говорит, переносить все с долготерпением, потому что это и значить веровать. Если бы я сказал: вот я даю тебе, и ты тотчас же получил бы, то чему тебе и веровать? Здесь не было бы места твоей вере, но я предупреждаю и даю по обещанию. Если же я скажу: вот я даю тебе, но дам через сто лет, и ты не будешь отчаиваться, то, значит, ты считаешь меня достойным веры и имеешь обо мне надлежащее мнение. Видишь ли, что неверие часто происходит не только от безнадежности, но и от малодушия и нетерпения, а не зависит от обещавшего? "**Не неправеден Бог**", - говорит, - "**чтобы забыл дело ваше и труд любви, которую вы оказали во имя Его, послужив и служа святым**". Важное дает он о них свидетельство, указывая не только на дела их, но и на дела усердные, подобно как он говорит и в другом месте: "**и не только то**, **чего мы надеялись, но они отдали самих себя, во-первых, Господу, [потом] и нам**" (2 Кор. 8:5). "**Оказали во имя Его, послужив и служа святым**". Смотри, как он опять утешает их, прибавляя: "**послужив и служа**"; еще и теперь вы служите, говорит он, ободряя их и внушая, что они делали это не для людей, но для Бога. "**Оказали**", - говорит, не просто для святых, но для Бога; это именно означают слова: "**во имя Его**", в которых он как бы так говорит: вы делали все во имя Его. Потому Тот, кто принял от вас такое усердие и любовь, никогда не презрит вас и не забудет.

4. Слыша это, будем служит святым, увещеваю вас. А свят всякий верующий, потому самому, что он верующий; хотя бы он был мирянин, он свят. "**Ибо**", - говорит (алостол), - "**неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается**

мужем верующим" (1 Кор. 7:14). Видишь: вера доставляет освящение. Если мы увидим и мирянина в нечестии, подадим руку помощи. Не о тех только мы должны заботиться, которые живут в горах; они, конечно, святы и по жизни и по вере, но и те святы по вере, а многие из них и по жизни. Не (будем поступать так, что), когда увидим монаха в темнице, то пойдем к нему, а когда мирянина, то не пойдем; и последний тоже свят, и тоже брат наш. Но что, скажешь, если он нечист и порочен? Послушай, что говорит Христос: "**Не судите, да не судимы будете**" (Мат. 7:1). Ты делай для Бога. Но что я говорю? Хотя бы даже язычника мы увидели в несчастии, и ему надобно оказать добро, и вообще всякому человеку, находящемуся в несчастных обстоятельствах, тем более верующему мирянину. Послушай, что заповедует Павел: "**будем делать добро всем, а наипаче своим по вере**" (Гал. 6:10). Я не понимаю, откуда взялось (противное мнение) и каким образом усилился у нас (противный) обычай. Кто отыскивает только монашествующих, хочет оказывать добро только им одним, и между ними еще делает различие и говорит: если он не достоин, если он не праведен, если он не творит знамений, я не подам ему руку помощи, - тот отнимает самую главную часть у милостыни, и все остальное со временем также уничтожит; напротив, истинная милостыня тогда и бывает, когда она оказывается грешникам или виновным; милосердие в том и состоит, что милует не тех, которые исправны, а тех, которые согрешили. А чтобы ты убедился в этом, послушай, что говорит Христос в следующей притчи. "**Некоторый человек**", - говорит Он, - "**шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам**…". Те избивши его, оставили на дороге полумёртвого. По случаю один левит шёл тою дорогою и, увидев его, прошёл мимо; так же поступил и некоторый священник, - прошёл мимо. Но после них шел один самарянин и оказал великое сострадание к нему: обвязал его раны, возлил на них масло, посадил его на осла, привез в гостиницу и сказал её содержателю: позаботься о нем и, - заметь великую любовь, - если что более издержишь, я отдам тебе. Затем (Христос) спросил: " **Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?**" И когда законник отвечал: "**оказавший ему милость**", тогда Он сказал: "**иди, и ты поступай так же**" (Лук. 10:30 - 37). Заметь эту сказанную (Господом) притчу; не сказал Он, что иудей самарянину, но что самарянин оказал такое милосердие. Отсюда мы научаемся, что должно заботиться о всех равно, а не присным только по вере делать добро, о других же не думать. Так и ты, когда увидишь кого-нибудь страждущим, не исследуй о нем ничего; он имеет право на помощь уже потому, что страждет. Если ты помогаешь ослу, когда видишь, что он издыхает, и не спрашиваешь, чей он, то тем более не должно спрашивать о человеке, чей он; он Божий, хотя бы он был язычник, хотя бы иудей. Если он и неверный, но нуждается в помощи. Если бы тебе дозволено было исследовать и судить, то ты мог бы говорить это; но теперь самое несчастие не дозволяет тебе делать исследования. Если не должно судить здоровых и исследовать чужие дела, то тем более страждущих. Иначе что (будет)? Разве ты видел его счастливым, благоденствующим, что говоришь, будто он зол и порочен? Он страждет; если же ты видишь его страждущим, то не говори, что он порочен. Когда мы видим человека благоденствующего, тогда, пожалуй, можем сказать это об нём; но когда видим человека страждущего и нуждающегося в помощи, то не следует говорить, что он порочен; это - знак жестокости, безчеловечия и высокомерия. Кто, скажи мне, был беззаконнее иудеев? Бог наказывал их, и наказывал справедливо, весьма справедливо; однако же к тем, которые сострадали им, Он благоволил, а тех, которые радовались их несчастью, наказывал. "**И не болезнуете**", - говорит (пророк), - "**о бедствии Иосифа**" (Амос. 6:6). И в другом месте говорится: "**Спасай взятых на смерть**" (Притч. 24:11). Не сказано: разведай, и узнай, кто они, хотя по большей части отводимые на смерть бывают порочны, hq сказано просто: "**спасай**", кто бы они ни были. В этом особенно и состоит милосердие. Кто благодетельствует другу, тот, без сомнения, делает это не для Бога; а кто - человеку незнакомому, тот делает исключительно для Бога. (Премудрый) говорит: не щади денег и, хотя бы все пришлось издержать, отдай; а мы, видя изнуряемых, мучимых, претерпевающих страдания, жесточе тысячи смертей, и часто несправедливо, жалеем

денег и не жалеем братий; бережем бездушное и не думаем о души. Между тем Павел повелевает "**с кротостью наставлять противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю**" (2 Тим. 2:25 - 26). "Не даст ли", - говорит: видишь ли, какого долготерпения исполнены слова его? Будем же и мы подражать ему и не считать никого безнадежным. Рыболовы, ввергая сети в море, часто ничего не вытаскивают, но бросив в последний раз, получают все. Так и мы не отчаиваемся, но надеемся, что вы вдруг явите нам зрелые плоды. И земледелец, посеяв семена, терпит один день и другой, и долго ожидает, а потом вдруг видит везде в проросшие плоды. Это, надеемся, будет и с вами, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 11

"Бог, давая обетование Аврааму, как не мог никем высшим клясться, клялся Самим Собою, говоря: истинно благословляя благословлю тебя и размножая размножу тебя. И так Авраам, долготерпев, получил обещанное. Люди клянутся высшим, и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их." (Евр. 6:13 -16).

1. Сильно тронув евреев и достаточно внушив им страх, (апостол) утешает их сначала похвалами, а потом, - что гораздо действительнее, - тем, что они непременно получат ожидаемое. Это утешение он заимствует от событий не настоящих, но прошедших, что для них было более убедительно. Как при угрозах наказанием он особенно устрашает событиями настоящими, так при обещании наград утешает событиями прошедшими, указывая на то, как Бог обыкновенно поступает, т.е. что Он не скоро исполняет обещания, но спустя долгое время. Поступает же Он так для того, чтобы представить сильнейшее доказательство своего могущества и в нас возбудить веру, чтобы люди, проводящие жизнь в скорбях и не получающие ни обещаний, ни наград, не ослабевали в подвигах. Имея возможность представить многих, (апостол) оставляет всех других и указывает на Авраама, как в виду важности лица, так особенно потому, что с ним это случилось, как и говорит он в конце послания: "**все сии, не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались …не получили обещанного, …дабы они не без нас достигли совершенства**" (Евр. 9:13, 39, 40). "**Бог, давая обетование Аврааму**", - говорит, - "**как не мог никем высшим клясться, клялся Самим Собою, говоря: истинно благословляя благословлю тебя и размножая размножу тебя. И так Авраам, долготерпев, получил обещанное".** Как же в конце он говорит: "**не получили обещанного**", а здесь: "**долготерпев, получил обещанное**?" Каким образом не получил и получил? Не об одном и том же он говорит здесь и там, но внушает двоякое утешение. Обетовал (Бог) Аврааму, и обетование, о котором здесь говорится, исполнил спустя долгое время; а то (обетование), о котором там говорится, было не таково. "**И так Авраам, долготерпев, получил обещанное**". Видишь ли, что не одно только обетование совершило все, но и долготерпение? Здесь он внушает им страх, выражая, что часто обетование не исполняется по малодушию (людей). Это доказал он примером (израильского) народа, который малодушествовал и потому не получил обетования, а примером Авраама доказывает противное. В конце он внушает еще нечто большее: говорит, что (другие) и долготерпевши, не получили, и однако не предавались унынию. "**Люди клянутся высшим, и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их. Посему и Бог, желая преимущественнее показать наследникам обетования непреложность Своей воли, употребил в посредство клятву**". Правильно. Но кто был клявшийся Аврааму? Не Сын ли? Нет, говоришь ты. Почему же так говоришь? Напротив, именно Он; впрочем я не стану спорить. Когда Он клянется тою же самою клятвою: "**аминь, аминь глаголю вам**", то не ясно ли, что это за неимением никого выше, кем бы клясться? Как клялся Отец, так и

Сын клянется самим Собою: "**аминь**", - говорит, - "**аминь глаголю вам**". Здесь (апостол) напоминает им о тех клятвах, которые часто произносил Христос, когда говорил: "(истинно, истинно говорю тебе:)[1] **верующий в Меня, не умрет вовек**" (Иоан. 11:26). Что значит: "**и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их**"? Иначе сказать: этим разрешаются недоумения во всяком спорном случае, не в таком-то или таком-то, но во всяком. Богу нужно было верить и без клятвы; но "**и Бог, желая преимущественнее показать наследникам обетования непреложность Своей воли, употребил в посредство клятву**" (Евр.6:17). Здесь (апостол) разумеет и верующих; потому и упоминает о таком обетовании, которое относилось ко всем нам вообще. "**Употребил**", - говорит, - "**клятву**". Опять и здесь он говорит о Сыне, который есть посредник между людьми и Богом. "**Дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу солгать**" (Евр.6:18). Какою и какою? Каких и каких? Тем, что сказал и обещал, и тем, что к обетованию присоединил клятву. Так как у людей считается более достоверным то, что подтверждено клятвою, поэтому и присоединил клятву.

2. Видишь ли, что (Бог) смотрит не на собственное достоинство, но, с целью убедить людей, попускает говорить о Себе и недостойное Его, именно для того, чтобы удостоверить. Касательно Авраама, (апостол) показывает, что все было делом Божиим, а не делом его долготерпения, - когда Бог благоволил присоединить клятву, когда, подобно тому как люди клянутся, поклялся и Бог самим Собою. Люди клянутся Им, как большим, а Он клялся не как большим, и однако исполнил. Клятва самим Собою не одинакова у человека и Бога, потому что человек не имеет власти над собою. Итак, видишь, это сказано (апостолом) не столько по отношению к Аврааму, сколько по отношению к нам. "**Дабы**…**твердое**", - говорит, - "**утешение имели мы, прибегшие взяться за предлежащую надежду**". Выше он сказал: "**долготерпев, получил обещанное**", и теперь говорит (**дабы**…**твердое утешение имели мы**); впрочем, не прибавил: поскольку клялся (Бог). А в чём состоит клятва, это Он объяснил словами: "**клянутся высшим**". Так как род человеческий недоверчив, то (Бог) нисходит к тому, что свойственно нам; Он клянется для нас, - хотя недоверчивость и недостойна Его, - подобно тому, как Он "**страданиями навык послушанию**" (Евр.5:8), потому что люди считают более достоврным дознанное на опыте. Что значит: "**за предлежащую надежду**"? На основании тех (обетований), говорит, мы ожидаем будущего, потому что если они спустя долгое время исполнились, то и это непременно исполнится. Так бывшее с Авраамом удостоверяет нас в будущем. "**Надежду, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее за завесу, куда предтечею за нас вошел Иисус, сделавшись Первосвященником навек по чину Мелхиседека**" (Евр.19 - 20). Нас, живущих в этом Мире и еще не отошедших от жизни, (апостол) представляет уже достигшими обещанного, потому что надеждою мы уже на небе. Надейтесь, говорит он, потому что это непременно исполнится; а в удостоверение говорит: лучше сказать, надеждою вы уже достигли этого. Не сказал: мы входим внутрь (завесы), но: она вошла внутрь, что справедливее и убедительнее. Как якорь, спущенный с корабля, не позволяет ему носиться по волнам, какие бы веры ни колебали его, но прикрепляясь к нему, делает его неподвижным, так и надежда. И смотри, какое близкое представил он сравнение; не указал на основание, которое не так здесь приличествовало бы, но на якорь. Посредством него корабль, находящейся в открытом море и по-видимому не укрепленный, стоит на воде как бы на суше; колеблется и не колеблется. О людях весьма твердых и любомудрых Христос прилично употребляет то выражение (основание): "**который**", - говорит, - "**построил дом свой на камне**" (Мат. 7:24); а о людях, не совсем твёрдых и принужденных руководиться надеждою, Павел справедливо употребил это выражение (якорь). Волнение и сильная буря колеблют судно; но надежда не позволяет ему носиться по волнам, какие бы ветры ни нападали на него, так что если бы мы не имели её, то давно утонули бы, и не только в делах духовных, но и в житейских она оказывает великую силу,

как-то: в торговле, в земледелии, на войне; кто не будет иметь её в виду, тот и не примется за дело. (Апостол) назвал её не просто якорем, но верным и твердым, чтобы показать несомненность её для спасения тем, которые утверждаются на ней; потому и прибавляет еще: "**входит во внутреннейшее за завесу**". Что это значит? То же что - достигающую до неба. Потом присовокупляет и удостоверение, - чтобы она была не только надеждою, но и надеждою совершенно истинною; после клятвы приводит еще нечто другое, именно, доказательство от дел: "**куда предтечею за нас вошел Иисус**". Предтеча есть тот, кто идет пред кем-нибудь, как например Иоанн -(предтеча) Христов. И не просто: "**вошел**", - но: "**предтечею за нас вошел**", так что и мы должны следовать за ним, потому что между предтечею и следующими за ним не должно быть большого расстояния, - иначе он не был бы предтечею. Предтеча и следующие за ним должны быть на одном и том же пути; дел первого - идти впереди, а последних -следовать за ним. "**Сделавшись**", - говорит, - "**Первосвященником навек по чину Мелхиседека**". Вот и еще иное утешение - в том, что наш первосвященник выше и гораздо лучше (первосвященников) иудейских, не только по способу (избрания), но и по месту, и по скинии, и по завету, и по личности. Впрочем это говорится (о Христе) по плоти.

3. Итак, нужно быть лучшими и для тех, у кого Он первосвященником; насколько велико различие между Ааароном и Христом, настолько же велико различие должно быть, между нами и иудеями. Смотри, мы имеем горе жертвенного агнца, горе первосвященника, горе жертву. Потому мы должны приносить такие жертвы, которые могли бы быть возложены на таком жертвеннике, - не овец и волов, не кровь и тук. Все это прекратилось, а вместо того введено словесное служение. Что такое словесное служение? Душевное, духовное, - "**Бог**", - говорится (в Писании), - "**есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине**" (Иоан. 4:24),—такое, для которого ненужно ни тела, ни орудий, ни мест; таковы: кротость, целомудрие, ми-лосердие, незлобие, долготерпение, смиренномудрие. Такие жертвы еще в ветхом завете издавна предуказаны. "**Приносите**" Богу, - говорит Давид, - "**жертвы правды**" (Пс. 4:6); и еще: "**Тебе принесу жертву хвалы**" (Пс. 115:8); и еще: "**Кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня**" (Пс. 49:23); и еще: "**Жертва Богу - дух сокрушенный**" (Пс. 50:19); и еще: "**чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить пред Богом твоим**" (Мих. 6:8)? "**Жертвы и приношения Ты не восхотел; Ты открыл мне уши; всесожжения и жертвы за грех Ты не потребовал. Тогда я сказал: вот, иду; в свитке книжном написано о мне: я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и закон Твой у меня в сердце** " (Пс. 39:7-9); и еще: "**Для чего Мне ладан, который идет из Савы**" (Иер. 6:20); и другой (пророк): "**Удали от Меня шум песней твоих, ибо звуков гуслей твоих Я не буду слушать**" (Амос. 5:23); но, вместо того, "**Я милости хочу, а не жертвы**" (Осия 6:6). .

Видишь, какими жертвами нужно благоугождать Богу? Видишь, что те жертвы давно уже прекратились, а эти введены вместо них? Их мы и будем приносить. Те - жертвы людей богатых и достаточных, а эти - жертвы добродетели; те - внешние, а эти -внутренние; те может приносить всякий, а эти - немногие. Насколько человек лучше овцы, настолько эта жертва (выше) той, потому что здесь ты приносишь в жертву свою душу. Есть и еще жертвы, поистине—всесожжения; это - тела святых мучеников; у них святы и душа и тело; они исполнены великого благоухания. И ты, если захочешь, можешь приносить такую жертву. Каким образом, когда ты не можешь предавать тела своего на сожжете? Ты можешь (предавать себя) другому огню, например, огню произвольной нищеты, огню скорби. Когда кто-нибудь, имя возможность жить роскошно и великолепно, умерщвляет себя жизнью подвижническою и прискорбною, то не есть ли это - всесожжение? Умертви тело свое и распни его, и ты также получишь венец мученичества. Что там совершает меч, то здесь пусть совершает усердие. Пусть не воспламеняется и не овладевает (тобою)

сребролюбие, но пусть дожигается и истребляется эта безумная страсть духовным огнём, пусть отсекается мечём Духа. Это - добрая жертва, для которой не нужен священник, но только сам приносящий её, - жертва прекрасная, которая совершается на земле, но тотчас же принимается на небе. Не дивимся ли мы, как в древности сошёл огонь и истребил все (3 Цар. 18:38)? Может и ныне сходить, огонь, гораздо более чудный, и истреблять все предлагаемое, или лучше, не истреблять, но возносить на небо, - так как он не в пепел превращает дары, но приносить Богу.

Таковы были приношения Корнилия: "**молитва твоя**", сказано (ему), "**и милостыни твои воспомянулись пред Богом**" (Деян. 10:11). Вот прекрасное сочетание! Тогда и мы бываем услышаны, когда сами слышим приходящих к нам нищих. "**Кто затыкает**", - говорится (в Писании), - "**ухо свое от вопля бедного**", молитвы того не послушает Бог (Притч, 21:13); "**Блажен, кто помышляет о бедном! В день бедствия избавит его Господь**" (Пс. 40:2). Это не иной какой-нибудь день, но тот день, который будет тяжким для грешников. Что значит: "**помышляет**"? Понимающий, что такое нищий, вникающий в его бедствие, - ведь кто постигнет его бедствие, тот, конечно, тотчас окажет ему милость. Когда ты увидишь нищего, то не отворачивайся от него, но тотчас подумай, каков быль бы ты сам, если бы был на его месте, чего хотел бы ты получить от всех? "**Помышляет**", - говорит. Представь, что и он свободен так же, как ты, имеет одинаковую с тобою благородную природу, и все у него общее с тобою; и между тем его, который несколько не хуже тебя, ты часто не равняешь даже с своими собаками; эти вполне насыщаются хлебом, а тот нередко засыпает голодным, так что свободный становится ниже твоих рабов. Но рабы, скажешь, оказывают нам услуги. Какие, объясни мне? Они тебе хорошо служат? Но если я докажу, что и он оказывает тебе услугу гораздо больше их, - что ты скажешь? Он предстанет в день суда, и избавить тебя от огня. Могут ли все рабы сделать что-нибудь подобное? Когда умерла Тавифа (Деян. 9), кто воскресил её? Рабы ли, окружавшие ее, или бедные? А ты не хочешь поставить свободного наравне даже с рабами. Вот сильная стужа; нищий лежит на помосте, одетый в рубище, умирая с холода, скрежеща зубами, и видом и одеждою возбуждая сострадание; но ты, одетый тепло и опьяневший, проходишь мимо (не обращая на него внимания), Как же ты желаешь, чтобы Бог избавил тебя, когда находишься в несчастии? Ты часто говоришь: если бы я был в таком положении, что кто-нибудь много согрешил бы против меня, то я простил бы его, - Бог ли не простит мне? Не говори этого; сам ты презираешь того, который даже ни в чём не согрешил против тебя, и которому ты мог бы помочь. Если же ты презираешь такого (человека), то как Бог простить тебе грехи твои против Него? Не заслуживает ли это геенны? И вот что странно: нередко тело мертвое, безжизненное, уже не чувствующее почестей, ты прикрываешь множеством разнообразных позолоченных одежд; а тело страждущее, болезненное, мучимое и изнуряемое голодом и холодом, ты презираешь; более угождаешь тщеславию, нежели страху Божию. И, о, если бы только это! Но тотчас (начинаются еще) укоризны на подходящего (бедняка). Почему, говоришь ты, он не работает? Зачем ест хлеб, не трудясь? Но ты сам, скажи мне, своими ли трудами приобрёл то, что имеешь? Не отцовское ли получил наследство? А если бы ты и трудился, то неужели поэтому ты можешь укорять другого? Разве ты не слышал слов Павла: "**Вы же, братия, не унывайте, делая добро**"? И это говорит после того, как сказал: "**если кто не хочет трудиться, тот и не ешь**" (2 Фес. 3:13, 10). Но он, говоришь ты, обманщик.

4. Что говоришь ты, человек? Из-за одного хлеба и одежды ты называешь его обманщиком? Но он тотчас продаст ее, говоришь ты. А ты сам хорошо ли распоряжаешься всем своим имуществом? Как, неужели все нищие сделались такими от праздности? Неужели никто от кораблекрушений, никто от судилищ, никто от воров, никто от несчастий, никто от болезней, никто от каких-нибудь других обстоятельств? Между тем мы, слыша бедного, жалующегося на подобные несчастья, взывающего

громким голосом, устремляющего взоры на небо, с открытою головою, с распущенными волосами, одетого в рубище, тотчас называем его обманщиком, плутом, лицемером. Не стыдно ли тебе? Кого ты называешь обманщиком? Если не хочешь ничего дать, то, по крайней мере, не поноси человека. Но, говоришь ты, он имеет средства и притворяется. Это служить к осуждение тебя, а не его; он знает, что имеет дело с людьми жестокосердыми, скорее со зверями, нежели с людьми, и что, сколько бы он ни произносил жалобных слов, никого не тронет, а потому и принужден принимать на себя вид еще более жалкий, чтобы преклонить твою душу. Когда мы увидим, что кто-нибудь подходить к нам в опрятной одежде, то говорим: он обманщик, он подходить в таком виде, чтобы показать, что он из благородных; а когда увидим кого-нибудь в противоположного свойства одежде, то укоряем и его. Что же им делать? О, жестокость! О, безчувственность! Для чего, говоришь ты, они обнажают изувеченные члены? Для, тебя. Если бы мы были сострадательны, то им ненужно было бы прибегать к таким средствам; если бы они могли трогать с первого взгляда, то не ухищрялись бы подобным образом. Какой несчастный захотел бы так вопить, принимать на себя отвратительный вид, вместе с обнаженною женою рыдать пред всеми, вмести с детьми посыпать себя пеплом? Что может быть хуже такой крайности? Но и за это мы не только не оказываем им сострадания, а еще осуждаем их. Как же после того мы можем негодовать, что Бог не внемлет нашим молитвам? Как можем роптать, что Он не удовлетворяет нашим прошениям? Не страшно ли это, возлюбленные? Но, говоришь ты, я часто подавал. А ты разве не каждый день принимаешь пищу? Разве ты отталкиваешь детей, хотя они и часто просят тебя? О, безстыдство! Ты называешь нищего безстыдным. Сам, похищая чужое, ты не считаешь себя безстыдным; а просящий хлеба безстыден? Ужели ты не знаешь, как сильна потребность желудка? Не делаешь ли ты все для него? Не оставляешь ли ты для него духовных предметов? Тебе обещано небо и царствие небесное; а ты, покоряясь насилию его (желудка), не переносишь ли все и не пренебрегаешь тем (обещанным)? Вот истинное безстыдство! Не видишь ли ты увечных старцев? Но, - о, злословие! - этот, говорите вы, дает в долг по стольку-то золотых, а тот по стольку-то, и между тем выпрашивают (милостыни). Вы рассказываете басни и сказки малых детей, которые они всегда слышат от своих нянек; я не думаю, не верю, не может быть. Такой-то дает деньги в рост, а сам при своем достатке просит милостыни? Для чего же, скажи мне? Что может быть постыднее прошения милостыни? Лучше умереть, нежели просить. Но доколе мы будем жестокосердыми? Как, неужели все они дают деньги в рост? Неужели все обманщики? Неужели нет ни одного действительно нищего? Есть, говоришь ты, и много. Почему же ты не оказываешь помощи им, если ты точно знаешь жизнь их? Нет, это - предлог и отговорка. "**Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся**" (Мат. "5:42; Лук. 6:30); "**да не будет рука твоя распростертою к принятию и сжатою при отдании**" (Сир. 5:35). Мы не поставлены быть судьями жизни других; иначе мы никому не подадим милостыни. Когда ты молишься Богу, то не говоришь ли: "**грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай**" (Пс. 24:7)? Так и о нищем, хотя бы он был великий грешник, думай то же и не поминай грехов его. Ныне время человеколюбия, а не строгого суда, - милости, а не осуждения. Он хочет есть: если желаешь, дай ему; если же не желаешь, откажи, не исследуя, почему он беден и несчастен. Для чего ты и сам не подаешь ему, и желающих подать отклоняешь? Ведь когда кто-нибудь услышит от тебя, что этот (нищий) - обманщик, а тот - лицемер, ростовщик, то не подаст ни тому, ни другому, подумав, что они все таковы. Известно, как легко мы верим худому, и как нелегко - хорошему. Мы должны быть не просто милосерды, но как "**Отец**" наш "**Небесный**" (Мат. 5:48). Он питает и блудников, и прелюбодеев, и обманщиков, и вообще всякого рода злодеев. В настоящем мире необходимо быть и такого рода многим; Он же всех одевает, и никто никогда не умирал с голоду, разве только по собственной воле.

Так и мы должны быть милосерды. Если кто просит у тебя и находится в нужде, помоги ему. Но мы ныне дошли до такого безумия, что поступаем так не только с нищими, ходящими по переулкам, но и с монашествующими: он, говорят, обманщик! Не внушал ли я вам и прежде, что если мы будем подавать всем без разбора, то постоянно будем оказывать милосердие; а если станем исследовать, то никогда не окажем милосердия? Что говоришь ты? Неужели он притворяется для того, чтобы получить хлеба? Если бы он просил талантов золота и серебра, или драгоценных одежд, или рабов, или чего-нибудь подобного, то справедливо можно было бы назвать его обманщиком; но если он не просить ничего такого, а только пищи и одежды, вещей самых умеренных, то, скажи мне, свойственно ли это обманщику? Оставим эту неуместную, сатанинскую, пагубную разборчивость. Когда кто-нибудь станет говорить, что он принадлежит к клиру, или называет себя священником, тогда, разведай, расспроси, потому что общение с таким человеком без исследования не безопасно, - здесь великая опасность. А когда кто-нибудь просит пищи, то не исследуй; здесь ты не столько даешь, сколько сам принимаешь. Вспомни, если хочешь, как Авраам оказывал гостеприимство всем приходящим. Если бы он делал исследования о приходящих к нему, то не принял бы ангелов; может быть, не считая их ангелами, он вместе с другими отказал бы и им; но так как он принимал всех, то принял и ангелов. Разве за жизнь принимающих от тебя Бог дает тебе награду? Нет, - за твоё расположение, за твое милосердие, за великое человеколюбие, за доброту. Если будет она, то и ты получишь все блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] В указанном месте Евангелия этих слов нет, они есть в других местах, напр. Иоан.8:58, 10:1, 10:7, 12:24 и т.д.

БЕСЕДА 12

"Ибо Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего, тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, которому и десятину отделил Авраам от всего, - во-первых, по знаменованию [имени] царь правды, а потом и царь Салима, то есть царь мира, без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда " (Евр. 7:1-3).

1. Павел, желая показать различие между новым и ветхим заветами, во многих местах указывает на это различие, и в самом начале говорит о нём, и далее, научая слушателей, предуготовляет их. В самом начале он указал на это, когда сказал, что "**Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках**", а нам через Сына. Потом сказав о Сыне, кто Он и что совершил, преподав увещание повиноваться Ему, чтобы не подвергнуться участи, одинаковой с иудеями, объяснив, что Он есть первосвященник по чину Мелхиседекову, неоднократно выразив желание раскрыть это различие и уже многое предуготовив к тому, обличив их за их слабости, и потом ободрив и утвердив, чтобы они не унывали, - (апостол) наконец приступает к объяснению самого различия пред ободренными слушателями: ведь человек, упавший духом, не легко может принять слышанное. А чтобы ты убедился (в справедливости этого), послушай Писания, которое говорит: "**они не послушали Моисея по малодушию**" (Исх. 6:9). Потому он, наперед разсеяв их уныние многими, и грозными и кроткими, внушениями, затем уже и приступает к раскрытию этого различия. Что же говорит он? "**Ибо Мелхиседек, царь**

Салима, священник Бога Всевышнего". И вот что удивительно: в самом прообразе он открывает великое между ними различие: он всегда, как я сказал, доказывает прообразом истину, прошедшим настоящее, по немощи слушателей. "**Ибо**", - говорит, - "**Мелхиседек, царь Салима, священник Бога Всевышнего, тот, который встретил Авраама и благословил его, возвращающегося после поражения царей, которому и десятину отделил Авраам от всего**". Изложив кратко всё событие, он рассматривает его с таинственной стороны, и прежде всего начинает с имени: "**во-первых**", - говорит - "**по знаменованию [имени] царь правды**". Справедливо: седек значит - правда, а мелхи - царь; следовательно, Мелхиседек - царь правды. Видишь ли точность в самих выражениях? Кто же этот царь правды, как не Господь наш Иисус Христос? "**Потом и царь Салима**", - от имени города, - "**то есть царь мира**", потому что салим имеет такое значение. Это опять относится ко Христу, потому что Он сделал нас праведными и умиротворил на небе и на земле. Кто из людей - царь правды и мира? Никто; таков только Господь наш Иисус Христос. Затем (апостол) представляет другую особенность: "**без отца**", - говорит, - "**без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда**". Так как ему по-видимому противоречили слова: "**ты священник вовек по чину Мелхиседека**", - ведь Мелхиседек умер и не был священником во век, - то, смотри, как он объясняет это. Чтобы никто не возразил: кто может сказать это о человеке? - он говорит: я разумею это не в собственном смысле, т.е., мы не знаем ни того, кого имел Мелхиседек отцом и кого матерью, ни того, когда он родился и когда скончался. Но что в том, скажешь (что мы не знаем)? Разве поэтому, что мы не знаем, он и не умер, или не имел родителей? Справедливо говоришь ты; он и умер и имел родителей. Почему же он без отца, без матери? Почему "**не имеющий ни начала дней, ни конца жизни**"? Почему? Потому, что об этом не упоминается в Писании. Что же это значит? То, что как он "**без отца**", поскольку нет его родословия, так Христос таков на самом деле.

2. Здесь открывается безначальность и безконечность (Сына). Как мы не знаем ни начала дней, ни конца жизни (Мелхиседека), потому что не написано, так мы не знаем этого и касательно Иисуса, но не потому, что не написано, а потому, что у Него действительно этого нет. Первый есть прообраз, и потому о нём только не написано; а последний есть истина, и потому у Него действительно этого нет. Как по отношению к именам у первого только название: "**царь правды**" и "**мира**", а у последнего самое дело, так и здесь к первому относятся только названия, а к последнему самое дело. Как же (о Сыне говорится, что) Он имеет начало? И здесь Сын называется безначальным не в том смысле, будто Он не имеет виновника, - это невозможно: Он имеет Отца: иначе как Он был бы Сыном? - но в том, что Он не имеет ни начала, ни конца своего бытия. "**Уподобляясь Сыну Божию**". В чем это подобие? В том, что мы не знаем ни начала, ни конца как того, так и другого; но первого потому, что не написано, а второго потому, что он не имеет их. Вот в чем сходство. Если бы у них было сходство во всем, то они не были бы один прообразом, а другой истиной, но были бы оба прообразами. То же самое можно видеть и в картинах; и в них есть некоторое сходство, есть и несходство (с оригиналом); в простом очертании есть некоторое сходство по виду, а когда бывают наложены краски, тогда ясно открывается различие; есть сходство и несходство. "**Видите**", - говорит (апостол), - "**как велик тот, которому и Авраам патриарх дал десятину из лучших добыч своих**" (Евр.7:4). Доселе он раскрывал прообраз; теперь с уверенностью представляет (Христа) превосходнейшим всего, что было истинного у иудеев. Если таков прообраз Христов, если он столько выше не только священников, но и самого праотца священников, то что сказать об Истине? Видишь ли, с какою силою доказывает Его превосходство? "**Видите**", - говорит, - "**как велик тот, которому и Авраам патриарх дал десятину из лучших избранных[1] своих**". Избранными называется добыча. Нельзя сказать, что дал её, как участнику в войне, потому что говорится: "**встретил Авраама и благословил его,**

возвращающегося после поражения царей"; очевидно, что он оставался дома, и что (Авраам) дал ему начатки приобретенного им самим. "**Получающие священство из сынов Левиных имеют заповедь - брать по закону десятину с народа, то есть со своих братьев, хотя и сии произошли от чресл Авраамовых**" (Евр.7:5). Таково, говорит, преимущество священства, что люди, - равночестные по происхождению и имеющие одного и того же прародителя, делаются гораздо выше других; потому и получают от них десятины. Если же найдется кто-нибудь такой, кто возьмёт с них самих десятину, то не станут ли они на ряду с мирянами, а он на ряду с священниками? При том (Мелхиседек) не был равен им и по происхождению, но происходил из другого рода; следовательно (Авраам) не дал бы иноплеменнику десятины, если бы не видел в нём высокой чести. Увы, что случилось! Здесь (апостол) выразил более, нежели в послании к Римлянам, когда он рассуждал о вере. Там он говорит, что Авраам есть праотец и нашего и иудейского состояния; а здесь говорит о нём совершенно не то, и доказывает, что необрезанный гораздо выше его. Чем же он доказывает? Тем, что сам Левий дал десятину? "**Авраам**", - говорит он, - "**дал**". Как же, скажете, это относится к нам? К вам особенно и относится, потому что вы, конечно, не станете доказывать, что левиты выше Авраама. "**Не происходящий от рода их, получил десятину от Авраама**". И не просто сказал это, но еще присовокупил: "**и благословил имевшего обетования**" (Евр.7:6). Так как это всегда считалось у иудеев важным, то он доказывает превосходство одного пред другим и применительно к общему суждению всех: "**Без всякого же прекословия меньший благословляется большим**" (Евр.7:7), т.е. всякий знает, что меньший благословляется большим. Следовательно, прообраз Христов был выше и этого, кто имел обетования. "**И здесь десятины берут человеки смертные, а там - имеющий о себе свидетельство, что он живет**" (Евр.7:8). А чтобы не сказали: для чего ты обращаешься к давним временам? - какое отношение к нашим священникам того, что Авраам дал десятину? - скажи о том, что касается нас, - для этого (апостол) продолжает: "**И, так сказать**". Прекрасно выражается не высказывая мысли своей ясно, чтобы не поразить слушателей. "**Сам Левий, принимающий десятины, в [лице] Авраама дал десятину**" (Евр.7:9). Каким образом? "**Ибо он был еще в чреслах отца, когда Мелхиседек встретил его**" (Евр.7:10), т.е. в нём был Левий и, еще не родившись, через него дал десятину. И смотри, не сказал: левиты, но Левий, с намерением - через это ещё более доказать превосходство. Видишь ли, какое различие между Авраамом и Мелхиседеком - прообразом нашего первосвященника? Здесь видно преимущество по власти, а не по необходимости. Тот дал десятину, что следует священнику; а этот благословил, что свойственно высшему. Это преимущество переходит и на потомков. Удивительно победоносно (апостол) опроверг всё иудейское; потому он и сказал прежде: "**вы сделались неспособны слушать**" (Евр. 5:11), что хотел предложить эти истины, -чтобы они не отвратили слуха. Такова мудрость Павлова: он наперед предуготовляет, а потом уже приступает к тому, что намерен говорить. Род человеческий не скоро убеждается и требует многих попечений, даже больше, нежели растения. Там свойство тел и земли, которое уступает рукам земледельцев; а здесь свободная воля, которая допускает частые перемены и избирает то одно, то другое, потому что удобопреклонна ко злу.

3. Потому нам нужно постоянно смотреть за собою, чтобы не задремать: "**Не даст Он**", - говорит (Псалмопевец), - "**поколебаться ноге твоей**", и еще: "**не дремлет и не спит хранящий Израиля**", (Пс. 120:3,4). Не сказал: не смущайся, но: "**Не даст**"; следовательно, давать зависит от нас, а не от кого-нибудь другого; если мы захотим стоять прямо и неподвижно, то не придём в смятение; это именно он выразил приведенными словами. Что же? Неужели ничто (не зависит) от Бога? Все от Бога, но не так, чтобы нарушалась и наша свобода. Если все от Бога, то за что же, скажешь, обвинять нас? Но для того я и прибавил: не так, чтобы нарушалась наша свобода. Всё здесь зависит и от нас, и от Него;

нам следует наперёд избирать доброе, а когда мы изберём, тогда и Он оказывает своё содействие.

Он не предупреждает нашего желания, чтобы не нарушилась наша свобода; когда же мы изберём, тогда Он подаёт нам великую помощь. Почему же, если это зависит и от нас, Павел говорит: "**Итак [помилование зависит] не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего**" (Рим. 9:16)? Во-первых, он приводит это не как собственную мысль, но как следствие из предыдущего и прежде раскрытого предмета - после того как сказал: "**написано**: …**кого миловать, помилую; кого жалеть, пожалею**" (Рим. 9:13, 15), он прибавил - "**[помилование зависит] не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего**". Будешь ли еще после этого говорить: за что же обвинять? Во-вторых, и то можно сказать, что кому принадлежит большая часть, тому он и приписывает всё; наше дело предъизбрать и восхотеть, а дело Божие - привести в исполнение и довершить. Так как большая часть принадлежит Богу, то (апостол) и приписывает все Ему, выражаясь по обычаю человеческому. И мы ведь так делаем, например, видим дом хорошо выстроенный и говорим: это все - дело архитектора, хотя не все принадлежит ему, но также и работникам, и господину, доставлявшему материал, и многим другим; но так как большая часть дела зависала от него то мы и говорим, что всё это - его дело. Точно, так и здесь. Подобным образом о народе, где его много, мы говорим: там все; а где немного, то говорим: нет никого. Так и Павел здесь говорит: "**не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего**". Этими словами он преподает два весьма важных урока: первый, чтобы не превозноситься добрыми делами, которые мы совершаем; второй, чтобы, совершая добрые дела, приписывать исполнение их Богу. Сколько бы, говорит, ты ни трудился, сколько бы ни старался, - не считай доброго дела своим, потому что если бы ты не получил помощи свыше, то все было бы напрасно. Если ты будешь иметь успех в своих трудах, то, очевидно, при, помощи свыше, впрочем когда и сам ты трудишься, когда обнаруживаешь желание. Не то он оказал, будто мы трудимся напрасно, но то, что мы напрасно трудимся в таком, случае, если всё считаем своим, если не приписываем большей части Богу. Бог благоволил не всё оставить Себе, чтобы не показалось, будто Он увенчивает нас напрасно, и не всё предоставил нам, чтобы мы не впали в гордость. Если, и совершая меньшую часть, мы так много превозносимся, то что было бы, если бы мы были виновниками всего? Многое сделал Бог для истребления в нас гордости. "**И рука Его еще будет простерта**", - говорит (пророк) (Ис. 5:25). Скольким страстям Он попустил овладевать нами, чтобы уничтожить нашу надменность? Сколькими окружил нас зверями? Подлинно, когда кто-нибудь говорит: что это? для чего это? - тогда говорит вопреки воле Божий. (Бог) поставил тебя среди таких ужасов, и ты не смиренномудрствуешь; но если получишь в чем-нибудь хотя малый успех, тотчас возносишься надменностью до самого неба.

4. Оттого и бывают весьма быстрые перемены и падения, - и однако мы не вразумляемся ими; оттого частые и неожиданные смертные случаи, - и однако мы живем, как будто безсмертные, как будто никогда не имеющие умереть; похищаем чужое, предаемся любостяжанию, как будто никогда не будем отдавать отчета; сооружаем здания, как будто здесь останемся вечно. Ни слово Божие, каждодневно возглашаемое нам, ни самые события не вразумляют. Нет дня, нет даже часа, в который не видно было бы похорон, - и все напрасно, ничто не трогает нашей безчувственности. От несчастий других мы не можем, или правильнее, не хотим делаться лучшими; лишь когда сами страдаем, тогда сокрушаемся, а как скоро Бог отнимет руку свою, мы опять поднимаем собственную руку. Никто не думает о горнем, никто не пренебрегает земным, никто не взирает на небо; как свиньи смотрят вниз, наклонившись к брюху и валяясь в грязи, так и многие из людей остаются нечувствительными, оскверняя себя гнуснейшей грязью. В самом деле, лучше замараться отвратительною грязью, нежели грехами, потому что замаравшийся грязью

скоро может омыться и сделаться подобным тому, кто никогда не попадал в эту нечистоту, а впавший в ров греха получает осквернение, которое не смывается водою, но требует продолжительного времени, искреннего раскаяния, слез, рыданий, плача гораздо большего и сильнейшего, нежели какой бывает при (потере) самых близких сердцу. Грязь пристает к нам отвне, потому мы скоро и очищаем ее; а нечистота греха рождается внутри, потому мы с трудом уничтожаем её и очищаемся. "**Ибо из сердца**", - говорит (Господь), - "**исходят злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства**" (Мат. 15:19). Потому и пророк говорит: "**сердце чистое сотвори во мне, Боже**" (Пс. 50:12); и другой: "**смой злое с сердца твоего, Иерусалим** " (Иер. 4:14). Видишь, что совершение доброго дела зависит и от нас и от Бога? И еще: "**блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят**" (Мат. 5:8).

Постараемся же быть чистыми по мере сил наших; очистим себя от грехов. А как можно очиститься? Этому научает пророк, когда говорит: "**омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло**" (Ис. 1:16). Что значить: "**от очей Моих**"? Иные кажутся непорочными, но только пред людьми, а пред Богом являются гробами, окрашенными. Потому (Бог) и говорит: очиститесь так, чтобы Я видел (вас чистыми). "**Научитесь делать добро, ищите правды, спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите - и рассудим, говорит Господь. Если будут грехи ваши, как багряное, - как снег убелю; если будут красны, как пурпур, - как волну убелю**" (Ис. 1:17-18). Видишь, что наперед нам самим нужно очищать себя, а потом уже и Бог очищает нас? Он сначала сказал: "**омойтесь, очиститесь**"; а потом присовокупил: "**как волну убелю**". Итак, никто из людей, хотя бы дошедших до крайней степени зла, не должен отчаиваться; хотя бы ты, говорит, приобрёл навык и даже вошёл в природу самого зла, не бойся. Для этого Он и берёт в пример краски, не легко выводимый, но входящие почти в самое существо вещей, и говорит, что Он обратит их в противоположное состояние. Не сказал просто: омою, но: "**как снег убелю**" и "**как волну убелю**", - чтобы подать нам благую надежду. Следовательно, велика сила покаяния, если оно делает нас чистыми, как снег, и белыми, как волна, хотя бы грех предварительно запятнал наши души. Итак, постараемся сделаться чистыми; (Бог) не заповедует нам ничего трудного: "**защищайте**", - говорит Он, - "**сироту, вступайтесь за вдову**". Видишь ли, как часто и много Бог говорит о милостыне и о защищении обижаемых? Будем же совершать эти добрые дела, и мы благодатью Божией достигнем будущих благ, которых да сподобимся все мы во Христе Иисусе, Господе нашем.

---

[1] В синод. переводе здесь стоит "добыч".

БЕСЕДА 13

"Итак, если бы совершенство достигалось посредством левитского священства, - ибо с ним сопряжен закон народа, - то какая бы еще нужда была восставать иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться? Потому что с переменою священства необходимо быть перемене и закона. Ибо Тот, о Котором говорится сие, принадлежал к иному колену, из которого никто не приступал к жертвеннику. Ибо известно, что Господь наш воссиял из колена Иудина, о котором Моисей ничего не сказал относительно священства" (Евр. 7:11-14).

1. "**Итак, если бы**", - говорит, - "**совершенство достигалось посредством левитского священства**". Сказав о Мелхиседеке, показав, сколько он был выше Авраама, и объяснив

великое между ними различие, теперь он начинает показывать различие самих заветов, как один из них несовершен, а другой совершен. Впрочем и теперь еще не приступает к самому делу, а сначала рассуждает о священстве и завете, потому что для неверных было более убедительным предлагать доказательства от предметов уже принятых и прежде известных. Он доказал, что Мелхиседек был гораздо выше Левея и Авраама, явившись в отношении к ним священником. Это же он доказывает теперь с другой стороны. С какой именно? Со стороны священства нынешнего и иудейского. И посмотри на великую мудрость его: чем, по-видимому, Христос отделялся от священства, так как не был "**по чину Аарона**", то самое и приводит в доказательство Его священства, а прочих исключает. Он делает это, представляя себя самого как бы сомневающимся, почему (Христос) называется священником не по чину Ааронову, и потом разрешает недоумение. И я, говорит, недоумеваю, почему Он был не по чину Ааронову. Это он выражает словами: "**если бы совершенство достигалось посредством левитского священства**". А слова: "**какая бы еще нужда была**" усиливают мысль. Если бы Христос по плоти был священником по чину Мелхиседекову прежде, а потом уже явился закон и (священство) по чину Ааронову, то справедливо иной мог бы сказать, что последнее совершеннее и, будучи введено после, упраздняет первое; но если Христос (является) после и принимает другой образ священства, то очевидно, что по причин несовершенства всего прежнего. Положим, говорит, что всё прежнее исполнилось и нет ничего несовершенного в (прежнем) священстве: для чего же нужно было ещё "**восставать иному священнику по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться**"? Для чего (Бог), оставив Аарона, вводит другое священство - Мелхиседеково? "**Если бы совершенство достигалось посредством левитского священства**", т.е., если бы посредством левитского священства достигаемо было совершенство в делах, в учении, в жизни. Заметь, как постепенно он идет вперед. Сказав, что Христос "**по чину Мелхиседека**", он доказал, что священство по чину Мелхиседекову выше, потому что сам (Мелхиседек) выше; затем он доказывает то же в отношении времени, т.е., что (Христос) после Аарона, следовательно и выше. А что означают следующие слова: "**ибо с ним сопряжен закон народа**"? Что значит: "**с ним**"? Им руководятся, через него совершают всё, и нельзя сказать, что оно было дано для других. "**С ним сопряжен закон народа**", т.е. им пользуются и пользовались, и нельзя сказать, что оно, само будучи совершенно, не руководило народа. "**Сопряжен закон народа**", т.е. им руководились. Какая же нужда в другом священстве, если бы это было совершенно? "**Потому что с переменою священства необходимо быть перемене и закона**": если нужно быть другому священнику, или лучше, другому священству, то нужно быть и другому закону. Это (сказано) против тех, которые говорят: какая была нужда в новом завете? Он мог бы привести свидетельства из пророчества: "**Вы сыны пророков и завета, который завещевал Бог отцам вашим**" (Деян. 3:25); но рассуждает пока о священстве. И смотри, как хотел внушить это. Сказав: "**по чину Мелхиседека**", он отверг чин Ааронов, так как не сказал бы: "**по чину Мелхиседека**", если бы тот был лучше. А когда введено другое священство, то должен быть и другой завет, потому что невозможно священнику быть без завета, законов и постановлений, или принявшему другое священство руководствоваться прежним заветом. Здесь представлялось возражение: как можно быть священником, не будучи левитом? Но (апостол), предуготовив ответ на это в вышесказанном, теперь уже не предлагает разрешения, а говорит об этом мимоходом: я сказал, говорит он, что священство переменено, следовательно должен быть переменён и завет; переменён не только по образу действий и постановлениям, но и по колену, так как следовало (переменить его) и по колену, Каким образом? "**Переменою**", - говорит, - "**священства**", т.е., оно перешло из колена в колено, из священнического в царское, для того, чтобы и царское и священническое составили одно. И заметь таинство: сначала было колено царское, а потом священническое, подобно как и во Христе, который был царем всегда, а священником стал тогда, когда принял плоть, когда принес жертву. Видишь ли перемену? То, что было предметом возражения,

он представляет необходимым последствием событий: "**Ибо Тот**", - говорит, - "**о Котором говорится сие, принадлежал к иному колену, из которого никто не приступал к жертвеннику. Ибо известно, что Господь наш воссиял из колена Иудина, о котором Моисей ничего не сказал относительно священства**". Смысл слов его следующий: и я знаю и говорю, что это колено не имело священства, и никто из него не был священником, - это именно означают слова: "**из которого никто не приступал к жертвеннику**", - но во всём произошла перемена. Так, нужно было перемениться закону и ветхому завету, потому что и самое колено переменено. Видишь ли, как он показывает еще иное различие (заветов) от различия колен? И не только этим он доказывает их различие, но и со стороны лица (первосвященника), и завета, и образа действий, и самого прообраза. "**Который таков не по закону заповеди плотской, но по силе жизни непрестающей**" (Евр.7:16).

2. "**Который таков**", - говорит, священником – "**не по закону заповеди плотской**", - потому что тот закон имел много плотского. И хорошо назвал его заповедью плотскою: все, что он определял, было плотское. Так, предписания: обрежь плоть, помажь плоть, омой плоть, очисти плоть, остриги плоть, свяжи плоть, питай плоть, отдыхай плотью, - все это, скажи мне, разве не плотские (заповеди)? Если хочешь знать, каковы и те блага, которые он обещал, послушай: долголетие, говорит, для плоти, молоко и мёд для плоти, покой для плоти, наслаждение для плоти. По такому-то закону Аарон получил священство; но Мелхиседек - не так. "**И это еще яснее видно [из того], что по подобию Мелхиседека восстает Священник иной**" (Евр.7:15). Что "**яснее видно**"? Неодинаковость того и другого священства, различие, преимущество того, кто был "**не по закону заповеди плотской**". Кто? Мелхиседек? Нет, - Христос. "**Который таков не по закону заповеди плотской, но по силе жизни непрестающей. Ибо засвидетельствовано: Ты священник вовек по чину Мелхиседека**" (Евр.7:16-17), т.е. не временный, не ограниченный пределом, "**но по силе жизни непрестающей**". Этим (апостол) выражает, что (Христос) стал священником собственною силою и Отчею, силою безконечной жизни. Хотя такое выражение не соответствует выражению: "**не по закону заповеди плотской**", потому что следовало бы сказать: а по (заповеди) духовной; но он под именем плотской разумеет временную, подобно как и в другом месте говорит: "**которые с яствами и питиями, и различными омовениями и обрядами, [относящимися] до плоти, установлены были только до времени исправления** (Евр. 9:10). "**По силе жизни**", т.е. потому, что Он живёт собственною силою. Апостол сказал, что "**необходимо быть перемене и закона**", и показал - каким образом; а затем приводит причину: ум человеческий более всего удовлетворяется тогда, когда знает причину, и чрез то возвышается в вере, потому что мы тогда более веруем, когда знаем и причину и основание, по которому что-нибудь бывает. "**Отменение же прежде бывшей заповеди**", - говорит, **-** "**бывает по причине ее немощи и бесполезности**" (Евр.7:18). Здесь восстают на нас еретики, которые говорят: вот и Павел назвал заповедь недоброю. Но послушай внимательно; он не сказал: потому что она не добра, или не хороша, но – "**по причине ее немощи и бесполезности**". И в другом месте он доказывает её немощь, когда говорит: "**ослабленный плотию, был бессилен**" (Рим. 8:3). Следовательно, не заповедь немощна, но мы. "**Ибо закон ничего не довел до совершенства**" (Евр.7:19). Что значит: "**ничего не довел до совершенства**"? Никого, говорит, он не довёл до совершенства, так как его не слушались. Даже если бы его и слушались, и тогда он не сделал бы никого совершенным и добродетельным. Впрочем (апостол) не говорит этого здесь, но (говорит), что он не имел силы, - и справедливо, потому что письмена его повелевали: делай то-то, и не делай того-то, предлагали только (повеления), но не сообщали силы. Не такова наша надежда. Что значит: "**отменение**"? Отмена, отвержение. А чего именно, это он объясняет, продолжая: "**прежде бывшей заповеди**": так он называет закон, потому что он уже отменён за свою немощь; он прежде был, но прошёл и устарел по своей немощи. "**Отменение**" есть отмена

того, что имело силу. Отсюда и видно, что он имел силу, но оставлен, потому что был совсем безуспешен. Итак, закон был совершенно безполезен? Нет, он был полезен, и весьма полезен, но он не мог делать людей совершенными.

Поэтому (апостол) и говорит: "**закон ничего не довел до совершенства**": все в нём было прообразом, все - тенью, и обрезание, и жертвы, и суббота, всё не могло проникать в душу, а потому прошло и отменено. "**Но вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу. И как [сие было] не без клятвы**" (Евр.7:19,20). Видишь ли, как необходима была здесь клятва? Потому (апостол) и рассуждал много о том, что Бог клялся, и клялся для большего удостоверения. "**Вводится лучшая надежда**". Что это значит? И закон, говорит, имел упование, но не такое; прежде благоугодившие (Богу) надеялись наследовать землю и не терпеть никакого бедствия, мы же, если угодим Богу, надеемся наследовать не землю, а небо; или даже, что гораздо важнее, надеемся стать близ Бога, приблизиться к самому престолу Отчему, служить Ему вместе с ангелами. И смотри, как он мало-помалу раскрывает эти (истины); прежде, он сказал: "**и входит во внутреннейшее за завесу**" (Евр. 6:19); а здесь: "**вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу. И как [сие было] не без клятвы**". Что значит: "**И как [сие было] не без клятвы**"? Т.е. не без клятвенного уверения. Вот еще иное различие. Это обещано, говорит, не просто. "**Ибо те были священниками без клятвы, а Сей с клятвою, потому что о Нем сказано: клялся Господь, и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека, - то лучшего завета поручителем соделался Иисус. Притом тех священников было много, потому что смерть не допускала пребывать одному; а Сей, как пребывающий вечно, имеет и священство непреходящее**" (Евр. 7:21-24). (Апостол) указывает два преимущества (новозаветного священства): то, что оно не имеет конца, подобно подзаконному, и то, что оно установлено с клятвою. Все это он доказывает лицом Христа, принявшего (это священство): "**по силе**", - говорит, - "**жизни непрестающей**", также клятвою, потому что Бог "**клялся**", и самым делом, потому что тот закон, говорит, отменён, так как был немощен, а этот стоит, так как имеет силу. То же он делает и со стороны священника. Каким образом? Доказывая, что Он один; а Он не был бы один, если бы не был безсмертен; как прежних священников было много, потому что они были смертны, так Он один, потому что Он - безсмертен. "**То лучшего завета поручителем соделался Иисус**": Бог клялся Ему, что Он всегда будет священником; а Бог не сделал бы этого, если бы Он не был жив. "**Посему и может всегда спасать приходящих чрез Него к Богу, будучи всегда жив, чтобы ходатайствовать за них**" (Евр. 7:25).

3. Видишь ли, что (апостол) говорит это (о Христе) по плоти? Показав, что Он священник, благовременно потом говорит, что Он ходатайствует. И в другом месте, когда Павел говорит: "**сам Дух ходатайствует за нас**" (Рим. 8:26; 1 Тим. 2:5), то разумеет, что Он ходатайствует как первосвященник. В самом деле, Тот, кто воскрешает мертвых, кого хочет, и живет так, как Отец, как может ходатайствовать, когда нужно спасать? Как может ходатайствовать Тот, во власти которого находится весь суд (Иоан. 3:19)? Как может ходатайствовать Тот, который посылает ангелов, чтобы одних ввергнуть в пещь, а других спасти (Мат. 8:8)? "**Посему**", - говорит, - "**может всегда спасать**" (Евр. 7:25). Он спасает потому, что не умирает, потому, что Он "**всегда жив**" и не имеет преемника; а если не имеет преемника, то и может ходатайствовать за всех. Здешние первосвященники, как бы они ни были славны, были только на то время, пока были, например, Самуил и все подобные, а после того уже нет, потому что умерли; а Он не таков, но спасает "**всегда**". Что значит: "**всегда**"? (Апостол) внушает некоторое великое таинство: не только здесь, говорит, но и там Он спасает "**приходящих чрез Него к Богу**". Как спасает? "**Всегда жив, чтобы ходатайствовать за них**". Видишь ли, сколько уничиженного он сказал (о Христе) по человеческой Его природе? Он не однажды, говорит, ходатайствовал и получил, но

всегда, когда нужно ходатайствовать о них; это и означает выражение: "**всегда**". "**Всегда**", т.е. не в настоящее только время, но и там в будущей жизни. Следовательно, Ему нужно непрестанно молиться? Но справедливо ли это? Даже и люди праведные часто одним прошением получали всё: как же Он будет молиться непрестанно? И для чего Он сидит вместе с Отцом? Видишь ли, что здесь говорится о Нем уничиженное по Его снисхождению? Смысл слов следующий: не бойтесь ничего, не говорите: да, Он хотя и любит нас и имеет дерзновение перед Отцом, но не может жить всегда; Он всегда жив. "**Таков и должен быть у нас Первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес**" (Евр. 7:26). Видишь ли, что всё это сказано о человечестве (Христовом)? Когда же я говорю: о человечестве, то разумею человечество, соединенное с божеством, не разделяя их, но внушая понимать это по надлежащему. Итак, видишь ли отличие первосвященника (от ветхозаветных)? Все вышесказанное (апостол) соединил в словах: "**Который, подобно [нам], искушен во всем, кроме греха**" (Евр. 4:15). "**Таков**", - говорит, - "**и должен быть у нас Первосвященник: преподобный, незлобивый**[1]". Что значит: "**незлобивый**"? Не причастный злу, не коварный. А что Он действительно таков, послушай пророка, который говорит: "**не было лжи в устах Его**" (Ис. 53:9). Может ли кто-нибудь сказать это о Боге? Кто не постыдится сказать, что Бог не коварен, не льстив? А о Христе по плоти это сказать можно. "**Преподобный**[2]", "**нескверный**[3]" и этого нельзя сказать о Боге, потому что Он по существу своему непорочен. "**Отделенный от грешников**". И это ли только одно доказывает Его превосходство? Не доказывает ли и самая жертва? Да, жертва. Каким образом? "**Который не имеет**", - говорит, - "**нужды ежедневно, как те первосвященники, приносить жертвы сперва за свои грехи, потом за грехи народа, ибо Он совершил это однажды, принеся [в жертву] Себя Самого**" (Евр. 7:27). Что - это? Здесь (апостол) начинает говорить о превосходстве духовной жертвы. Он сказал о различии между священниками (ветхозаветным и новозаветным), сказал о различии между заветами (ветхим и новым), - хотя не вполне, однакоже сказал; здесь наконец начинает говорить и о самой жертве. Когда ты слышишь, что Христос есть священник, то не думай, что Он священнодействует постоянно; Он совершил священнодействие однажды, и затем воссел (одесную Отца). Чтобы ты не думал, будто Он стоит горе и священнодействует, (апостол) показывает, что это было делом домостроительства. Как Он был рабом, так же и священником и священнослужителем; как, будучи рабом, Он не остался рабом, так, будучи и священнослужителем, Он не остался священнослужителем, - потому что священнослужителю свойственно не сидеть, а стоять. Здесь (апостол) выражает величие жертвы, которая одна, будучи принесена однажды, имела столько силы, сколько не имели все другие вместе. Впрочем он еще не об этом говорит, а пока только о следующем: "**совершил это однажды**". Что - "**это**"? "**Нужно было**", **-** говорит, - "**чтобы и Сей также имел, что принести**" (Евр. 8:3), не за Себя, - как Он, будучи безгрешен, мог приносить жертву за Себя? - а за людей. Что говоришь? Неужели Он не имеет нужды приносить за Себя и настолько силён? Да, говорит. Чтобы ты не подумал, будто в словах: "**совершил это однажды**" говорится и об Нём, послушай, что говорит (апостол) далее: "**ибо закон поставляет первосвященниками человеков, имеющих немощи**" (Евр. 7:28). Поэтому они всегда приносят жертвы и за себя самих; а Он, как сильный и не имеющий греха, для чего будет приносить за Себя? Следовательно, Он принёс жертву не за Себя, но за людей, и при том однажды. "**А слово клятвенное, после закона, [поставило] Сына, на веки совершенного**". Что значит - "**совершенного**"? Смотри: Павел не поставляет буквально противоположных выражений; после слов: "**имеющих немощи**", он не сказал: Сына сильного, но: "**совершенного**", что также, можно сказать, означает сильного. Видишь ли, что слово: "**Сына**" сказано в противоположность рабу? Под немощью же он разумеет или грех, или смерть. Что значит: "**на веки**"? Не теперь только безгрешного, говорит, но всегда. Если же Он совершен, если Он никогда не грешит, если Он верно живет, то для чего Ему и приносить жертвы за нас многократно?

Впрочем этого (апостол) пока ещё не доказывает, а доказывает только то, что не принёс жертвы за Себя. Итак, если мы имеем такого первосвященника, то будем подражать Ему и идти по стопам Его. Нет другой жертвы; одна очистила нас; а затем огонь и геенна. Для того (апостол) так часто и повторяет: один священник одна жертва, - чтобы кто-нибудь, думая, что их много, не стал грешить без опасения.

4. Потому мы, сподобившиеся этой печати, вкусившие этой жертвы, участвующее в безсмертной трапезе, будем сохранять свое благородство и честь, так как отпадение не безопасно. И те, которые еще не удостоились этого, пусть не будут самонадеянны, так как кто грешит с тем, чтобы принять святое крещение при последнем издыхании, тот часто не получает его. Поверьте мне: не для возбуждения в вас страха я скажу то, что намереваюсь сказать. Я знаю многих, с которыми это случилось, которые много грешили в ожидании просвещения (крещением); но в день кончины отошли, не приняв его. Бог дал крещение для того, чтобы разрушать грехи, а не для того, чтобы умножать грехи. Если же кто будет пользоваться им для того, чтобы свободнее предаваться большим грехам, то такой виновен в безпечности. Такой, если бы не было крещения, жил бы воздержнее, не ожидая отпущения (грехов). Видишь ли, как на нас исполняются слова: "**И не делать ли нам зло, чтобы вышло добро**" (Рим. 3:8)? Потому, увещеваю вас, которые ещё не приняли таинства: бодрствуйте; пусть не приступает никто из вас к добродетели, как наёмник, как неблагодарный, как к чему-либо тяжкому и невыносимому; напротив будем приступать к ней с усердием и радостью. Если бы не была обещана награда, то неужели не следовало бы быть добродетельным? Но будем добродетельными по крайней мере из-за награды. Не стыдно ли, не крайне ли безсовстно говорить: если не дашь мне награды, то я и не буду целомудренным? Могу сказать на это вот что: хотя бы ты и сохранял целомудрие, ты никогда не будешь целомудренным, если делаешь это из-за награды; ты ведь нисколько не ценишь добродетели, если не любишь её за неё саму. Впрочем, Бог, по великой нашей немощи, благоволит побуждать нас к ней по крайней мере наградою; но мы и при этом не делаемся добродетельными. Положим, если хотите, что какой-нибудь человек, совершивший множество грехов, отходит, сподобившись крещения, хотя это, я думаю, бывает не часто: как, скажи мне, он отойдёт туда? Он не будет осужден за дела свои, но не будет иметь и дерзновения, - и справедливо. В самом деле, если он, проживши сто лет, не сделает ни одного доброго дела, но только то, что не грешил, или даже и не это, но только то, что спасся одною благодатью, а других увидит увенчанными, прославленными и превознесенными, то, скажи мне, может ли он не унывать, хотя и не впадёт в геенну? Объясню это примером. Представим двух воинов; пусть один из них ворует, обижает, захватывает чужое; а другой пусть не делает ничего такого, но ведёт себя хорошо, оказывает много доблестей, на войне одерживает победы, обагряя руку свою кровью; после, с течением времени, пусть он из того звания, в каком был вместе с вором, будет возведён на царский престол и облечётся в порфиру, а вор пусть останется там же, где и был, но только по милости царской будет свободен от наказания за свои проступки, поставлен на последнем месте и подчинён власти царя: не будет ли этот последний, скажи мне, чувствовать скорби, видя, что тот, который был равен ему, достиг самой высоты почестей, прославился и управляет вселенной, а он остаётся в низком состоянии, и самое избавление от наказания получил не с честью, но по одной милости и человеколюбию царя? Царь простил его и освободил от осуждения, но он сам со стыдом будет вести жизнь. И другие не будут удивляться ему, потому что, при таких милостях, мы удивляемся не получившим дары, но подающим их, и чем выше эти дары, тем стыднее получающим их, если они были виновны в великих грехах. Какими глазами будет, он смотреть на тех, которые находятся в царских чертогах, показывают множество своих ран и подвигов, тогда как он сам не имеет показать ничего, но и самое избавление получил единственно по человеколюбию Божию? Как если бы какой-нибудь человекоубийца, вор, или прелюбодей, ведомый на казнь, был освобождён от неё по чьей-нибудь просьбе и

получил приказание явиться в преддверие царских чертогов, то он не в состоянии был бы смотреть ни на кого, хотя и освобождён от наказания, - так точно и он.

5. Впрочем, когда говорится о царствии, не подумайте, что все удостоятся одного и того же. Если здесь в царских чертогах бывают и епархи, и приближенные царя, и еще низшие сановники, и занимающие место так называемых десятских (δεκανών), хотя великое различие между епархом и десятским, то тем более будет так в горних царских обителях. Говорю это не от себя; но Павел полагает там еще большее различие. Какое различие, говорит он, солнца от луны и звёзд и малейшей из звёзд, такое же будет и в царствии небесном; и для всякого очевидно, что различие между солнцем и малейшею звёздою гораздо большее, нежели между так называемым десятским и епархом. Солнце вдруг освещает всю вселенную и делает её светлою, закрывает луну и звёзды; а звезда часто бывает невидима, даже и во мрак; есть много звёзд, которых мы не видим. Итак, когда мы увидим других, сделавшихся солнцами, а сами займём место малейших звёзд, которые даже невидимы, то какое нам будет утешение? Нет, увещеваю вас, не будем так безпечны, не будем так ленивы, не станем небрежно принимать подаваемое от Бога спасение, но будем делать из него куплю и умножать его. Хотя бы иной был только оглашенным, но он знает Христа, знает веру, слушает слово Божие, не далек от боговедения, понимает волю Владыки своего; почему же он медлит, для чего выжидает и откладывает?

Нет ничего лучше добродетельной жизни, и здесь и там, и у просвещенных и у оглашенных. И что, скажи мне, нам предписано трудного? Имей жену, говорит заповедь, и будь воздержан. Неужели, скажи мне, это трудно? И как (может быть это трудным), когда многие и без жены бывают воздержными, не только христиане, но и язычники? Что язычник совершает из тщеславия, того неужели ты не совершишь из страха Божия? "**Из имения твоего**", - говорит (Писание), - "**подавай милостыню**" (Тов. 4:7). Неужели это трудно? Но и здесь осудят нас язычники, расточавшие всё своё имение из одного тщеславия. Не сквернословь. Неужели это трудно? Но если бы и не было повелено, не следовало, ли бы нам самим сделать это, чтобы не показаться безчестными? Напротив сквернословие трудно, как видно из того, что человек стыдится в душе и краснеет, когда случится ему сказать что-нибудь подобное, и даже не решится сказать, если не будет в пьяном виде. Почему, сидя на торжище, ты не делаешь этого, хотя бы и делал у себя дома? Не ради ли присутствующих? Почему не вдруг сделаешь это и при жене своей? Не потому ли, чтобы не оскорбить её? Так, чтобы не оскорбить жены своей, ты не делаешь, этого; оскорбляя же Бога, не стыдишься? А Он вездесущ и слышит всё. "**И не упивайтесь вином**", - сказано (Еф. 5:18), - и хорошо (сказано), потому что само по себе пьянство разве не наказание? Не сказал: изнуряй тело, но что? "**Не упивайтесь**", т.е. не давай ему воли так, чтобы оно свергло с себя власть души. Как, неужели не нужно заботиться о теле? Нет, не это говорю я, но - не угождай его похотям. Так и Павел повелевает, когда говорит: "**и попечения о плоти не превращайте в похоти**" (Рим. 13:14). Не похищай чужого, сказано, не будь любостяжателен, не клянись. Каких трудов требует и это, каких подвигов? Не злословь, сказано, не клевещи. Трудно, ли это? А противное действительно трудно, потому что, когда ты скажешь о ком что-нибудь худое, то тотчас подвергаешься опасности и сомнению: не слышал ли тот, о котором ты сказал, хотя бы он был человек важный, хотя бы неважный; если он человек важный, то ты тотчас на самом деле испытаешь опасность; а если неважный, то он отплатит тебе тем же, и даже гораздо большим; он наскажет о тебе еще более худого. Нет, - ничего трудного, ничего тяжкого нам не заповедано, если только мы захотим; а если не захотим, то и самое легкое покажется нам трудным. Что легче еды? Но многие, по крайней изнеженности, тяготятся и этим. Я слышу, как многие говорят, что и еда составляете труд. Нет никакого труда во всём вышесказанном, если только, захочешь; в желании заключается всё, после высшей благодати. Будем же желать доброго, чтобы нам сподобиться и вечных благ, благодатью и

человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

---

[1] В синод. переводе "непричастный злу".

[2] В синод. переводе "святой".

[3] В синод. переводе "непорочный".

БЕСЕДА 14

"Главное же в том, о чем говорим, есть то: мы имеем такого Первосвященника, Который воссел одесную престола величия на небесах и [есть] священнодействователь святилища и скинии истинной, которую воздвиг Господь, а не человек" (Евр. 8:1-2).

1. Павел, всегда подражая своему Учителю, говорит то об уничиженном, то о высоком, так что уничиженное пролагает путь к высокому, а последнее руководит к первому, чтобы видящие высокое знали, что уничиженное было делом снисхождения (Христова). Так Он поступает и здесь. Сказав, что "**принеся [в жертву] Себя**" и показав, что Он есть первосвященник, (Апостол) продолжает: "**Главное же в том, о чем говорим, есть то: мы имеем такого Первосвященника, Который воссел одесную престола величия на небесах**". Это уже свойственно не священнику, но Тому, чей Он священник. "**Священнодействователь святилища**". Не просто служитель, но "**священнодействователь святилища**". "**И скинии истинной, которую воздвиг Господь, а не человек**". Видишь ли снисхождение (Христово)? Не задолго, пред этим (Апостол) отличал (Его от других), когда говорил: "**не все ли они суть служебные духи**"? и потому им не оказано: "**седи одесную Меня**" (Евр. 1:13,14). Говорит так потому, что сидящий, без сомнения, не есть служитель; следовательно (здесь называя Его служителем) говорит это об Нём по плоти. "**Скинией истинной**" Он называет здесь небо, и, желая показать отличие её от иудейской, присовокупляет: "**которую воздвиг Господь, а не человек**". Смотри, как он этими словами ободрил души уверовавших из иудеев. Может быть, они воображали, что у нас нет такой скинии; но вот, говорит Он, наш священник - великий и гораздо больший (ветхозаветного), принесший более чудную жертву. Но не одни ли это слова, не хвастовство ли и самообольщение? Для этого он наперед подтвердил (свои слова) клятвою, а потом стал говорить и о скинии. Различие скиний было очевидно уже из предыдущего, но он доказывает его ещё с другой стороны: "**которую воздвиг Господь**", - говорит, - "**а не человек**". Где те, которые говорят, что небо движется? Где те, которые утверждают, что оно шаровидно? То и другое здесь опровергается. "**Главное же в том**", - говорит, - "**о чем говорим**". Главным всегда называется самое важное. Здесь Он опять низводить речь свою: сказав о высоком, без опасения говорит теперь об уничиженном. Далее, чтобы ты знал, что слово – "**священнодействователь**" употреблено по отношение к человечеству (Христову), смотри, как он ещё объясняет это: "**всякий первосвященник**", - говорит, - "**поставляется для приношения даров и жертв; а потому нужно было, чтобы и Сей также имел, что принести**" (Евр. 8:3). Слыша, что (Христос) сидит, не подумай, что Он несправедливо назван первосвященником; первое, т.е. сидение, есть знак божеского достоинства, а последнее есть знак великого человеколюбия и попечения об нас. Потому о последнем (Апостол) распространяется и говорит более подробно, опасаясь, чтобы не уменьшить первого. Поэтому же к тому самому он склоняет речь свою и теперь, так как некоторые спрашивали: для чего

(Христос) умер, будучи священником? Священник не бывает без жертвоприношения; следовательно и Ему надлежало принести жертву. И с другой стороны, так как Он сказал, что (Христос) находится выше (небес), то теперь говорит и доказывает, что Он есть священник во всех отношениях, и по Мельхиседеку, и по клятве, и по принесению жертвы. Отсюда он составляет другое необходимое умозаключение: "**если бы Он оставался на земле**", - говорит, - "**то не был бы и священником, потому что [здесь] такие священники, которые по закону приносят дары**" (Евр. 8:4). Если, говорит, Он - священник, как и действительно, то Ему следовало быть в другом месте; будучи на земле, Он не был бы священником. Почему? Он не приносил жертв, не священнодействовал, - и справедливо, - потому что здесь были священники. (Апостол) доказывает, что (Христу) невозможно быть священником на земле. Почему? Потому что иначе, говорит, не было бы и воскресения.

Здесь необходимо сосредоточить внимание и вникнуть в мысль апостола. Он опять показывает различие священства (ветхозаветного и Христова). "**Которые**", - говорит, - "**служат образу и тени небесного**" (Евр. 8:5); Что называет он здесь небесным? Духовное; оно хотя совершается на земле, но достойно небес. Когда Господь наш Иисус Христос предлежит закланным (агнцем), когда нисходит Дух, когда сидящий одесную Отца присутствует здесь, когда (верующие) посредством купели делаются сынами и гражданами небесными, когда мы находим там свое отечество, град и гражданство, когда для здешнего становимся чуждыми, то всё это не есть ли небесное?

2. Что же? Разве песнопения не небесные? Разве не то, что поют горе божественные лики безплотных сил, согласно с ними воспеваем и мы здесь долу? Разве и жертвенник не небесный. Каким образом? Нет на нём ничего плотского; всё предлежащее духовно: не превращается в пепел, дым и смрад наша жертва, но делает всё предлежащее чистым и светлым. Разве не небесны эти священнодействия, которых служители ещё доныне слышат сказанные им слова: "**Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся**" (Иоан. 20:23)? Разве не небесны все (их священнодействия), когда они имеют и ключи неба? "**Которые**", - говорит, - "**служат образу и тени небесного, как сказано было Моисею, когда он приступал к совершению скинии: смотри, сказано, сделай все по образу, показанному тебе на горе**" (Евр. 8:5). Так как слух наш менее способен к восприятию, нежели зрение, - мы ведь не так хорошо передаём душе то, что слышим, как то, что видим собственными глазами, - то Бог показал всё (Моисею). Или об этом говорит (Апостол) в словах: "**образу и тени**", или разумеет храм, потому что прибавляет: "**смотри, сказано, сделай все по образу, показанному тебе на горе**", - а это говорится только об устройстве храма, - или разумеет и жертвы, и всё прочее; не погрешит тот, кто скажет и это (последнее), потому что Церковь небесна и есть не что иное, как небо. "**Но Сей [Первосвященник] получил служение тем превосходнейшее, чем лучшего Он ходатай завета**" (Евр.8:6). Видишь ли, насколько настоящее служение лучше того служения? То - образ и тень, а это - истина. Впрочем, это нисколько не доставляло слушателям ни пользы, ни утешения. Потому (Апостол) и присовокупляет то, что особенно могло доставить им радость: "**который утвержден**", - говорит, - "**на лучших обетованиях**". Сказав о месте, о священнике и жертве, теперь он излагает различие самих заветов. И прежде он доказывал, что ветхий завет был немощен и безполезен, и, чтобы показать его недостатки, смотри, какие употребляет доводы. В одном месте он сказал (о новом завете): "**по силе жизни непрестающей**"; в другом (о ветхом) сказал: "**отменение же прежде бывшей заповеди бывает по причине ее немощи и бесполезности**"; затем ещё (о новом) выразил нечто великое, когда сказал: "**но вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу**". Здесь же он возводит нас на небо и показывает, что вместо храма у нас небо, и что те священнодействия были прообразами наших, и таким образом возвысив служение, он,

наконец, справедливо возвышает и священство. Но, как я сказал, особенно радостное для слушателей он излагает в словах: "**который утвержден на лучших обетованиях**". Откуда это видно? Из того, что тот (ветхий) отменён, а на его место введен этот (новый), который потому и получил силу, что он лучше. Как выше (Апостол) говорил: "**если бы совершенство достигалось посредством левитского священства, - ибо с ним сопряжен закон народа, - то какая бы ещё нужда была восставать иному священнику по чину Мелхиседека**"? так и здесь он употребляет такое же умозаключение: "**ибо, если бы первый [завет] был без недостатка, то не было бы нужды искать места другому**" (Евр.8:7), т.е. если бы не имел никакого недостатка, если бы делал людей непорочными. А что именно это он говорит, выслушай следующее: "**укоряя их, говорит**"; не сказал: "**укоряя**" его (т.е. закон), но: "…**[пророк], укоряя их, говорит: вот, наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в то время, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской, потому что они не пребыли в том завете Моем, и Я пренебрег их, говорит Господь**" (Евр. 8:8-9). Так, скажешь; но откуда видно, что (ветхий завет) окончился? (Апостол) доказал это и со стороны священника; а теперь прямыми словами ещё яснее доказывает, что он отменён. Каким образом? "**На лучших**", - говорит, - "**обетованиях**". Может ли скажи мне, быть равенство между небом и землею? Заметь, как он и там не отвергает обетований, чтобы и в этом отношении не унижать ветхого завета. Прежде он сказал: "**вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу**", выражая, что и там было упование; и здесь говорит: "**вводится лучшая надежда**", выражая, что и там были обетования. Но так как (евреи) постоянно роптали, то – "**вот, наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет**"; не древний, говорит, какой-нибудь завет; а чтобы они не могли подумать этого, то определяет и время: не просто говорит: по завету, какой Я заключил с отцами их, - чтобы не подумали о бывшем при Аврааме или при Ное, - но определяет, какой, именно завет: "**не такой завет**", - говорит, - "**какой Я заключил с отцами их в то время**", жившим во время исхода; потому и присовокупляет: "**когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской, потому что они не пребыли в том завете Моем, и Я пренебрег их, говорит Господь**".

3. Видишь ли, что начало зла от нас? "**Они**", - говорит, вначале "**не пребыли**"; следовательно, нерадение от нас, а всё доброе, т.е. все благодеяния - от Бога. Здесь (Бог) как бы представляет оправдание, приводя и самую причину, почему Он оставил их. "**Вот завет, который завещаю дому Израилеву после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их; и буду их Богом, а они будут Моим народом**" (Евр. 8:10). Это говорит он о новом завете, после того как сказал: "**не такой завет, какой Я заключил**". И какое другое различие между ними, если не это? Если же кто-нибудь скажет, что этим выражается не отличие (нового завета), а то, что он дан в сердца их, что здесь показывается различие не заповедей, а способов их сообщения, - завет будет, говорить, уже не на письме, а на сердцах, - тот пусть докажет, что это когда-нибудь было у иудеев. Нельзя доказать этого: и по возвращении их из Вавилона завет дан был им опять письменный. Апостолы же, как я могу доказать, ничего не приняли на письме, но всё приняли в сердца Духом Святым. Потому Христос и сказал им: "**Когда же приидет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне**" (Иоан. 15:26). "**И не будет учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа; потому что все, от малого до большого, будут знать Меня, потому что Я буду милостив к неправдам их, и грехов их и беззаконий их не воспомяну более**" (Евр. 8:11-12). Вот и другой признак: "**от малого**", - говорит, - "**до большого, будут знать Меня**", и не будут говорить: "**познай Господа**". Когда же это сбылось, если не ныне? Наше (учение) известно, а их не известно, но заключено в углу. С другой стороны, вещь называется новою тогда, когда она вторая

(после первой) и содержит в себе что-нибудь более в сравнении со старою. Также новою называется и та вещь, от которой что-нибудь одно отделено, а другое нет. Например: если бы кто-нибудь в старом доме, готовом разрушиться, оставив всё, разобрал основание, то мы говорим, что он сделал его новым, вынув одно и вставив другое. Так и небо называется новым тогда, когда оно не остаётся медяным, но ниспосылает дождь; и земля называется новою, когда она не остаётся безплодной, но изменяется (в плодоносную); и дом называется новым, когда в нём одно уничтожается, а другое остается. Таким образом, и завет хорошо назван новым, в знак того, что прежний завет сделался ветхим, потому что не приносил никакого плода. А чтобы точнее узнать это, прочитай, что говорит Аггей, что - Захария, что - ангел (Малахия), в чём обличает (иудеев) Ездра. Каким же образом они приняли (завет новый)? Каким образом никто из них не вопрошал Господа, если они преступали завет и даже не знали его? Видишь ли, как твое (мнение) неосновательно? Я настаиваю на моём, - что именно он (наш завет) должен быть в собственном смысле назван новым. Иначе, я не допускаю и того, будто о нём сказаны слова: "**Ибо вот, Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце**" (Ис. 65:17). В самом деле, почему, когда во Второзаконии говорится: "**И небеса твои, которые над головою твоею, сделаются медью**", не делается ограничения: если послушаете, то будет новое (Втор.28:23)? Я, говорит (Бог), потому дам другой завет, что они не остались в прежнем. Это видно из следующих слов (апостола): "…**закон, ослабленный плотию, был бессилен**" (Рим. 8:3); и ещё: "**что же вы ныне искушаете Бога, [желая] возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы**" (Деян. 15:10)? " …**Они не пребыли**", - говорит, - "**в том завете Моем**". Здесь показывается, что Бог удостоил нас высшего и духовного. "**По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их**" (Пс. 18:5). Это значит: "**И не будет учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа**". И ещё: "**Ибо земля наполнится познанием славы Господа, как воды наполняют море**" (Аввак. 2:14). "**Говоря "новый", показал ветхость первого; а ветшающее и стареющее близко к уничтожению**" (Евр. 8:13). Смотри, как он раскрыл сокровенное, самую мысль пророка. Он почтил закон, не назвав его прямо ветхим; однако и выразил это, потому что, если бы тот (завет) был новым, то он не назвал бы новым установленного после него. Таким образом он выражает нечто большее и особенное, когда говорит, что тот обветшал; потому Он и отменяется, разрушается и уже не существует. Основываясь на (словах) пророка, он с большим дерзновением говорит (о ветхом завете) и с пользою показывает, что, наш (завет) теперь процветает, а тот устарел. Употребив название: "**ветшающее**" он прибавляет от себя ещё другое: "**стареющее**" и потом выводить из всего; следующее заключение: "**близко к уничтожению**". Следовательно, ветхий завет не просто заменён новым, но как устаревший, как безполезный. Потому (Апостол) и говорил: "**по причине ее немощи и бесполезности**"; и ещё: "**закон ничего не довел до совершенства**"; и ещё: "**если бы первый [завет] был без недостатка, то не было бы нужды искать места другому**". Что значить: "**без недостатка**"? Полезен, силён. Он говорит это не с тем, чтобы представить (ветхий завет) достойным осуждения, но чтобы собственно показать его недостаточность; как если бы кто-нибудь сказал: этот дом не без порока, т.е. имеет недостатки, ветх; или: эта одежда не без порока, т.е. скоро рвётся. Так и он не называет здесь (ветхого завета) худым, но только имеющим недостатки и несовершенства.

4. Так и мы новы, или лучше, были новыми, но теперь обветшали, и потому близки к истлению и погибели. Впрочем, если мы захотим, то можем уничтожить эту обветшалость. Невозможно сделать этого купелью (крещения), но покаянием здесь возможно. Итак, если есть в нас что-либо ветхое, уничтожим; если есть какая-нибудь ржавчина, какая-нибудь скверна или нечистота, изгладим и будем чистыми, чтобы Царь возжелал нашей красоты. И дошедшие до крайнего безобразия могут возвратить ту красоту, о которой говорит Давид: "**Слыши, дщерь, и смотри, и приклони ухо твое, и**

забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей" (Пс. 44: 11,12). Забвение не доставляет красоты, красоты душевной. О каком же говорит он забвении? (Забвении) грехов. Он обращает речь к церкви из язычников и увещевает её не вспоминать родителей, т.е. приносящих жертвы идолам, - а она образовалась именно из таких людей. Не сказал: не участвуй в этом, но даже, что гораздо более, не приводи себе и на память. То же он говорит и в другом месте: "**не вспомню имен их устами моими**" (Пс. 15:4); и ещё: "**Чтобы уста мои не говорили о делах человеческих**" (Пс. 16:4). Это ещё не великая добродетель; или лучше сказать, хотя и великая, но не такова, как та. Что же он говорит там? Не сказал: не говори делах отцев, но: даже не вспоминай, не приводи их себе на память. Видишь ли, как далеко он хочет отогнать от нас зло? Кто не вспоминает, тот и не думает; кто не думает, тот и не говорит; а кто не говорит, тот не будет и делать. Видишь ли, сколько путей (ко злу) он заграждает для нас, - на какое расстояние удаляет нас от самого большого (из зол)? Будем же внимать ему и мы, и забудем злодеяния наши, впрочем не грехи, совершенные нами: воспомяни о них, говорит (Господь), ты первый, и Я не воспомяну (Ефес. 5:10-13). Так, мы не только должны воспоминать о хищении, но и возвратить похищенное; это значит - приводить зло в забвение, истребить самый помысел о хищении и никогда не допускать его к себе, а то, что уже сделано, исправить. А каким образом мы можем достигнуть забвения зла? Памятованием о благодеяниях Божиих. Если мы будем непрестанно помнить о Боге, то уже не сможем помнить о зле: "**аще**", - говорит (Псалмопевец), - "**когда я вспоминаю о Тебе на постели моей, размышляю о Тебе в [ночные] стражи**" (Пс. 62:7). Хотя и всегда нужно помнить о Боге, но особенно тогда, когда ум находится в покое, когда через это памятование он может судить себя, когда он может удержать в памяти. Днём, если мы и будем вспоминать, привходящие другие заботы и безпокойства изгладят это (воспоминание); а ночью, можно помнить постоянно: тогда душа находится в мире и спокойствии тогда она в пристани и безопасности: "**о чем говорите**" - говорит (Псалмопевец), "**в сердцах своих, (о том) размышляйте на ложах ваших**" (Пс. 4:5). Следовало бы и днём помнить об этом; но так как вы находитесь в безпрестанных заботах и развлекаетесь житейскими делами, то вспоминайте о Боге по крайней мере на постели, - размышляйте о Нём в утреннее время. Если мы будем заниматься этим поутру, то без всякой опасности будем выходить на дела свои; если благоговением и молитвою наперед умилостивим Бога, то и после не встретим никакого врага, а если и встретишь, то посмеёшься ему, имя в защиту Бога. Торжище - это война; ежедневные дела - это сражение, волнение и буря. Потому нам нужно оружие; а молитва и есть великое оружие; нужны попутные ветры, нужно быть сведущим во всём, чтобы провести время дня без кораблекрушений и ран, так как много подводных камней встречается ежедневно, и часто наш корабль разбивается и тонет.

Потому нам нужно молиться, особенно утром и ночью. Многие из вас часто видали олимпийские игры, и не только видали, но ещё поощряли и одобряли ратоборцев, один того, другой - другого. Вы следовательно знаете, как во дни борьбы, и даже в самые ночи, глашатай всю ночь ни о чём другом не безпокоится и ни о чём другом не заботится, как только о том, чтобы ратоборец, вышедши, не посрамил себя; а те, которые сидят подле трубача, внушают ему, чтобы он даже ни с кем не разговаривал, чтобы, истощив дух, не возбудить смеха. Если же тот, кто намеревается ратоборствовать перед людьми, так много прилагает старания, то гораздо более следует постоянно стараться и заботиться нам, которых вся жизнь есть борьба. Итак, пусть будет у нас каждая ночь всенощным бдением; будем стараться, чтобы нам, вышедши днём, не подвергнуться осмеянию. И, о, если бы только осмеянию! Но ныне сидит одесную Отца сам подвигоположник, внимательно слушающий, не скажем ли мы чего-нибудь непристойного, или ненужного, - так как Он судья не только дел, но и слов. Будем же, возлюбленные, бодрствовать всю ночь; если мы захотим, то и у нас будут ценители, - при каждом из нас находится ангел. Между тем мы спим непробудно всю ночь, - и, о, если бы только это! Но многие делают даже и тогда

много непотребного; одни ходят в дома разврата, а другие превращают свои собственные в дома разврата, приводя к себе блудниц: так мало они заботятся о добром ратоборстве! Иные упиваются и сквернословят; иные производят шум; иные проводят всю ночь в делах порочных, совершая более зла, нежели спящие; иные высчитывают свои доходы; иные мучатся другими заботами, охотнее делая всё, нежели то, что нужно для ратоборства. Потому, увещеваю вас, оставим всё и будем заботиться только об одном, как бы нам получить награду и быть увенчанными; будем делать всё, чем можем получить обетованные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 15

"И первый завет имел постановление о Богослужении и святилище земное: ибо устроена была скиния первая, в которой был светильник, и трапеза, и предложение хлебов, и которая называется "святое". За второю же завесою была скиния, называемая "Святое-святых", имевшая золотую кадильницу и обложенный со всех сторон золотом ковчег завета, где были золотой сосуд с манною, жезл Ааронов расцветший и скрижали завета, а над ним херувимы славы, осеняющие очистилище; о чем не нужно теперь говорит подробно" (Евр. 9:1-5).

1. Доказав со стороны священника, священства и завета, что (ветхий завет) должен был окончиться, (апостол) теперь доказывает то же со стороны самого устройства скинии. Каким образом? Когда говорит о святом и святом святых. Святое есть образ прежнего времени, потому что там все совершилось с жертвоприношениями; а святое святых есть образ настоящего. Словом - святое святых (апостол) означает и небо, и завесу неба, и плоть (Христову), входящую внутрь завесы: "**открыл нам**", - говорит, - " **через завесу, то есть плоть Свою**" (Евр. 10:20). Впрочем нужно объяснить это место с самого начала. Что же он говорит? Кто "**первый**"? Завет. "**Имел постановление о Богослужении**". Что значит: "**постановление о Богослужении**"? Знаки или постановления; как бы так говорит: тогда он имел их, а теперь не имеет, - и этим уже выражает, что (ветхий завет) отменён: "**имел**", говорит, так что теперь он, хотя бы и оставался, уже не имеет (силы). Святое же людское ("**Святилище земное**"). Людским называет его потому, что всем дозволялось входить в него; в одном и том же здании назначено было место, где стояли священники, где иудеи, прозелиты, назореи. Так как оно было доступно и язычникам, то и называет его людским (κοσμικόν, мирским); иудеи же не были мирскими. "**Скиния первая**", - говорит, - "**в которой был светильник, и трапеза, и предложение хлебов**". Это - мирские знаки. "**За второю же завесою**", - следовательно, не одна была завеса, но была завеса и вне (святаго), - "**была скиния, называемая "Святое-святых**". Смотри, как он называет то и другое скинией, потому что она как бы шатром осеняла находившееся там. "**Имевшая золотую кадильницу**", - говорит, - "**и обложенный со всех сторон золотом ковчег завета, где были золотой сосуд с манною, жезл Ааронов расцветший и скрижали завета**". Все эти вещи были священны и служили ясными памятниками иудейской неблагодарности. "**И скрижали завета**", - Моисей разбил их, - "**и манну**": когда (иудеи) роптали, тогда (Моисей) и повелел, на память потомкам, положить её в золотую стамну. "**Жезл Ааронов расцветший**", - потому что они возмутились; иудеи были неблагодарны, непрестанно получая благодеяния, забывали их, потому, по повелению законодателя, всё это было положено в золотой ковчег, чтобы передать памяти потомков. "**А над ним херувимы славы, осеняющие очистилище**". Что значит: "**херувимы славы**"? Значит - или славные, или подчиненные Богу. Хорошо также он указывает, что они находились выше, выражая, что есть предметы выше тех вещей. "**О чем**", - говорит, - "**не нужно теперь говорить подробно**". Здесь он намекает, что всё это были не одни только видимые

вещи, но и знаки чего-то другого. "**О чем**", - говорит, - "**не нужно теперь говорить подробно**" - может быть, потому, что это требует продолжительного объяснения. "**При таком устройстве, в первую скинию всегда входят священники совершать Богослужение**" (Евр. 9:6). Т.е., хотя это и было, но иудеи не участвовали в этом, потому что не видели этого; следовательно, было не столько для них, сколько для тех, для кого служило прообразом. "**А во вторую - однажды в год один только первосвященник, не без крови, которую приносит за себя и за грехи неведения народа**" (Евр. 9:7). Видишь ли самые прообразы, здесь уже предложенные? Чтобы не сказали: как может быть одна жертва, как первосвященник (Христос) однажды принес её? - (апостол) показывает, что так было издревле: святейшая и страшная (жертва) была одна. Так-то (иудеи) были приготовляемы издревле: и тогда, говорит, архиерей приносил жертву однажды. Хорошо также сказано: "**не без крови**"; не без крови, хотя и не такой крови (как ныне), потому что и служение было не таково. Это означало, что настанет (жертва), которая не будет истребляться огнём, но более обнаруживаться кровью. Так как под жертвою (апостол) разумеет крест, при котором не было ни огня, ни дров, и который не был приносим много раз, но однажды принесён (обагренный) кровью, то показывает, что и ветхозаветная жертва была такова же и приносилась однажды с кровью. "**Которую приносит**", говорит, "**за себя и за грехи неведения народа**". Смотри, не сказал: о грехах, но: "**грехи неведения народа**", чтобы они не высокомудрствовали: хотя бы, говорит, ты согрешил невольно, но и при нежелании своём ты допустил неведение, и потому никто не может быть чистым. Везде он прибавляет: "**за себя**", выражая, что Христос - первосвященник, гораздо высший иудейского. Действительно, если Он был непричастен грехам нашим, то как Он мог принести жертву за Себя? Для чего же, спросишь, (апостол) и сказал это? Для указания на высшее. Доселе не было рассуждения; а далее он рассуждает и говорит: "**[Сим] Дух Святый показывает, что еще не открыт путь во святилище, доколе стоит прежняя скиния**" (Евр. 9:8). Для того, говорит, это было так устроено, чтобы мы знали, что святое святых, т.е. небо, ещё недоступно. Впрочем, на том основании, что мы не входим в него, мы не должны думать, будто его нет; мы не могли входить и во святое святых. "**Она есть**", - говорит, - "**образ настоящего времени**" (Евр. 9:9).

2. Какое время он называет наступающим? Время прежде пришествия Христова; а время после пришествия Христова уже не есть наступающее. Как в самом деле оно может быть наступающим, когда оно уже наступило и оканчивается? И еще нечто другое он выражает здесь: "**она есть**", - говорит, - "**образ настоящего времени**", т.е. было прообразом. "**В которое приносятся дары и жертвы, не могущие сделать в совести совершенным приносящего**" (Евр. 9:9). Видишь ли, как ясно он показал здесь, что значит: "**закон ничего не довел до совершенства**", и: "**если бы первый [завет] был без недостатка, то не было бы нужды искать места другому**" Как? По совъсти ("**в совести**"). Жертвы не очищали души, но касались только тела: они были по "**закону заповеди плотской**". Подлинно, они не могли очистить ни прелюбодеяния, ни убийства, ни святотатства. Вот (заповедано было): это ешь, а этого не ешь, - хотя все это безразлично. "**И которые с яствами и питиями, и различными омовениями и обрядами**". Это, говорит, пей; хотя о питии ничего не было заповедано, но (апостол) сказал так для выражения маловажности этих предметов: "**и различными омовениями и обрядами, [относящимися] до плоти, установлены были только до времени исправления**" (Евр. 9:10). Вот, в чём состоит оправдание плотское. Здесь он отвергает жертвоприношения, показывая, что они не имели никакой силы и что они существовали только "**до времени исправления**", т.е, оставались до времени, которое исправляет всё. "**Но Христос, Первосвященник будущих благ, придя с большею и совершеннейшею скиниею, нерукотворенною**" (Евр. 9:11). Здесь он разумеет плоть (Христову). И хорошо назвал её большею и совершеннейшею, так как Бог-Слово и вся сила Духа обитает в ней: "**Ибо не мерою дает Бог Духа**" (Иоан. 3:34); называет её "**совершеннейшею**", как безукоризненную и совершившую большие дела.

Сиречь, не сея твари **("Не такового устроения**"). Вот, почему она большая; она не была бы от Духа, если бы человек устроил её. Не сея твари, т.е. не такого устроения, как твари, но духовного: она устроена Духом Святым. Видишь ли, как он называет тело (Христово) и скинию, и завесою, и небом? "**Большею и совершеннейшею**", - говорит, - "**скиниею**", и далее: "**открыл нам через завесу, то есть плоть Свою**" (Евр. 10:20); и ещё: "**входит во внутреннейшее за завесу**" (Евр. 6:19); и ещё: "**Христос вошел не в рукотворенное святилище, по образу истинного [устроенное], но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие**" (Евр. 9:24). Для чего же он делает это? Чтобы научить нас, что в том и другом прообраз - одно и то же значение. Именно: небо есть завеса, потому что завеса так же отделяет святое, как и плоть скрывает божество; равно и плоть, заключающая божество, есть скиния; и небо есть также скиния, потому что там внутри пребывает священник. "**Христос вошел**", - говорит, - "**как первосвященник**"; не сказал: сделавшись, но: "**вошел**" т.е. пришедши на это самое дело и не преемствовав какому-нибудь другому, не так, чтобы наперед пришёл, а потом сделался (первосвященником), но был им вместе с тем, как пришёл. Также не сказал: пришёл священник жертвоприношений, но: грядущих благ, так как невозможно изобразить всё словом. "**И не с кровью козлов и тельцов**" (Евр. 9:12), - потому что всё изменилось. "**Но со Своею Кровию, однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление**": вот здесь он разумеет небо. "**Однажды**", - говорит, - "**вошел во святилище и приобрел вечное искупление**". Слово: "**приобрел**" выражает, что это дело - одно из весьма дивных и неожиданных, как Он одним входом приобрёл вечное спасение. Далее следует доказательство: "**Ибо если кровь тельцов и козлов и пепел телицы, через окропление, освящает осквернённых, дабы чисто было тело, то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному!** (Евр. 9:13-14). Если, говорит, кровь волов может очищать плоть, то гораздо более кровь Христова может омыть нечистоту души. Чтобы под словом – "**освящает**" ты не разумел здесь чего-нибудь важного, он объясняет и показывает. различие того другого очищения, как последнее высоко, а первое низко, - и справедливо, - потому что там была кровь волов, а здесь (кровь) Христова. Впрочем, он не удовольствовался именем (Христа), но излагает и способ принесения Им жертвы: "**Ибо если**", - говорит, - "**Духом Святым принес Себя непорочного Богу**", т.е., эта непорочная жертва была чиста от грехов. А выражение: "**Духом Святым**" показывает, что, она принесена не при посредстве огня, или чего-нибудь другого. "**Очистит**", - говорит, " **совесть нашу от мертвых дел**". И хорошо сказал: "**от мертвых дел**", потому что как там, если кто прикасался к мертвецу, осквернялся, так и здесь, если кто прикасается к мёртвому делу, оскверняется в совести. "**Для служения**", - говорит, - "**Богу живому и истинному**". Здесь он выражает, что совершающий мертвые дела не может служить живому Богу. Справедливо говорит: "**Богу живому и истинному**", означая, что и приносимое Ему должно быть таково же; следовательно, приносимое нами живо и истинно, а приносимое иудеями мертво и ложно, - и это справедливо.

3. Итак, никто, имеющий мертвые дела, пусть не приходит сюда; если прикоснувшемуся к мёртвому телу запрещалось входить (в скинию), то гораздо более - имеющему мёртвые дела, - это осквернение самое отвратительное. А мёртвые дела - это все те, которые не имеют жизни, которые издают зловоние. Как мёртвое тело неспособно ни к какому чувствованию и смущает приближающихся к нему, так и грех скоро по-ражает мыслительную способность и не оставляет в покое самую душу, но тревожит её и мучит. Говорят, что зараза, как скоро появляется, тотчас причиняет вред телам. Таков и грех: он подобен заразе, только повреждает не воздух наперёд и потом тела, но прямо вторгается в душу.

Не замечаешь ли ты, как зараженные горят, как они мечутся, какое издают зловоние, как отвратительны их лица, как все они нечисты? Таковы и грешники, хотя они и не видят этого. Не хуже ли, скажи мне, всякого одержимого горячкой преданный страсти корыстолюбия или сладострастия? Не нечистее ли он всякого такого, совершая и допуская всё постыдное? Что может быть отвратительнее корыстолюбца? На что решаются блудницы, или выступающие на зрелищах, на то (решится) и он; и даже скорее, может быть, те не решатся, нежели он. Что я говорю: решится? Он и раболепствует перед теми, перед кем не следует, и бывает дерзок там, где не следует, и никогда не держит себя ровно: часто людям порочным, неблагонамеренным, развратникам, которые гораздо хуже и ничтожнее его, он угождает и льстить, а других, благородных и вполне добродетельных людей, поносит и оскорбляет. Видишь ли в том и другом случае его неблагородство и безстыдство? Он и скромен через меру, и высокомерен. Блудницы остаются дома, виновные в том, что за деньги продают своё тело; но они представляют в своё оправдание бедность и крайний голод, хотя и это отнюдь не может оправдать их, потому что можно кормиться трудами. А корыстолюбец не остается дома, но идёт посреди города, предавая не тело, но душу свою диаволу; сообщается и совокупляется с ним, как бы с блудницею, и, вполне удовлетворив своей похоти, удаляется; и видят это не два, иди три человека, но весь город. Блудницы обыкновенно отдаются каждому, кто даёт золото; кто бы ни предложил им плату, раб или свободный, единоборец или кто-нибудь другой, они принимают; а тех, которые ничего не предлагают, хотя бы они были благороднее всех, без денег не допускают к себе. То же делают и корыстолюбцы; чистых мыслей, когда они не доставляют денег, не допускают, а мыслей грязных и действительно звероподобных держатся из-за денег и безстыдно усвояют их, погубляя таким образом красоту души своей. Как блудницы бывают безобразны, черны, грубы, толсты, нестройны, неблаговидны и вообще отвратительны, таковы и корыстолюбивые души, которые даже внешними притираниями не могут скрыть своего безобразия. Когда безобразие доходит до крайности, тогда никакие ухищрения не могут прикрыть его. Безстыдство производит блудниц, как говорит пророк: "**у тебя был лоб блудницы, ты отбросила стыд**" (Иер. 3:3). То же можно сказать и корыстолюбцу: не постыдился ты никого, не того или другого, но никого. Как именно? Он не стыдится ни отца, ни сына, ни жены, ни друга, ни брата, ни благодетеля, и вообще никого. Что я говорю: друга, брата и отца? Он не стыдится самого Бога, но считает всё баснею, смеётся (над всем), будучи упоен сильною страстью, не хочет слышать ничего, что может принести ему пользу, и даже, - о, безумие! - говорит: горе тебе, мамона, и не имеющему тебя. Здесь я разрываюсь от гнева: горе тем, которые говорят это, хотя бы они говорили в шутку. Не угрожал ли Бог, скажи мне, такою угрозою: "**Никто не может служить двум господам**" (Мат. 6:24)? А ты ослабляешь Его угрозу, дерзая говорить это к собственному вреду своему. Не говорит ли Павел, что (лихоимство) есть идолослужение, и не называет ли он лихоимца идолослужителем (Кол. 3:5; Ефес. 5:5)? А ты стоишь и смеёшься, подобно публичным женщинам, предаваясь смеху, подобно играющим на сцене.

4. Оттого всё низвратилось и пало; смехотворством сделалось у нас всё - и взаимное обращение, и вежливость; нет ничего обстоятельного, ничего твердого. Говорю это не по отношению только к мирянам, но знаю, кого разумею, - и церковь ведь наполняется смехом. Один скажет острое слово, и смех тотчас распространяется между сидящими; и к удивлению, даже во время самой молитвы многие не перестают смеяться; диавол всюду торжествует, всех связал, всеми обладает; Христос безчестится и изгоняется; церковь ставится ни во что. Ужели вы не слышите слов Павла, который говорит: "**сквернословие и пустословие и смехотворство не приличны [вам]**" да изъемлются от вас (Еф. 5:4)? Кощунство он поставляет вместе с сквернословием: а ты смеёшься? Что такое "**пустословие**"? То, что не доставляет никакой пользы. А ты все же смеёшься? И ты, монах, осклабляешь лице своё? Распявшийся (для Мира), предавшийся сетованию, скажи

мне: чему ты смеёшся? Слышал ли ты, чтобы Христос когда-нибудь делал это? Никогда, - напротив скорбел Он часто. Когда Он смотрел на Иерусалим, плакал; когда представлял себе предателя, возмущался; когда намеревался воскресить Лазаря, плакал; а ты смеёшься? Если тот, кто не скорбит о грехах других людей, достоин осуждения, то может ли удостоиться прощения тот, кто не скорбит о своих собственных грехах и смеётся? Настоящее время есть время печали и скорби, сокрушения и смирения, борьбы и подвигов; а ты смеёшся? Ужели не знаешь, как обличена была Сарра? Ужели не слышишь слов Христа, который говорит: "**Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете**" (Лук. 6:25)? То же поёшь ты каждый день. В самом деле, что, скажи мне, говоришь ты? Разве (говоришь): смеялся? Нет. А что? "**Утомлен я воздыханиями моими**" (Пс. 6:7). Но, быть может, некоторые до того рассеянны и легкомысленны, что даже смеются и при этой укоризне, именно потому, что мы говорим теперь о смехе; таково свойство легкомыслия таково - разнузданности, что даже укоризна нечувствительна.

Священник Божий стоит, вознося молитву за всех, - а ты, ничего не стыдясь, смеёшься? Он с трепетом за тебя возносит молитвы, - а ты оказываешь пренебрежение? Или ты не слышишь слов Писания, которое говорит: горе презрителям (Тов. 8)? Ужели не трепещешь и не содрогаешься? Когда ты входишь в царские чертоги, соблюдаешь приличие и в одежде, и во взгляде, и в походке, и во всём прочем; а здесь, где истинные царские чертоги, такие же, как и на небесах, ты смеёшься? Конечно, ты не видишь этого; но знай, что ангелы всюду здесь присутствуют и особенно в доме Божием предстоят Царю, и всё исполнено - этих безплотных сил. То же скажу я и жёнам, которые при мужьях не скоро, осмелятся делать это, если же и делают, то не всегда, но только во время веселья; а здесь (делают) всегда. Ты, жена, покрываешь голову, и чему смеёшься, скажи мне, сидя в церкви? Ты пришла сюда исповедать грехи свои, припасть к Богу, просить, и молиться о сделанных тобою согрешениях, и это делаешь со смехом? Как же ты можешь умилостивить Его? Но скажешь: что за зло - смех? Не смех - зло, но зло то, когда он бывает без меры, когда он неуместен. Способность смеха дана нам для того, чтобы мы употребляли её, когда увидим друзей после долгой разлуки, чтобы, когда увидим какого-нибудь изнурённого и павшего духом, ободрить его улыбкою, а не для того, чтобы хохотать и постоянно смеяться; способность смеха внедрена в нашу душу для того, чтобы душа иногда получала облегчение, а не для того, чтобы она расслаблялась. И плотская похоть лежит в нашей природе, но отсюда не следует, будто непременно нужно удовлетворять ей или употреблять её без меры; но нужно управлять ею, и мы не говорим: она внедрена в нас, потому мы и должны удовлетворять ей. Служи Богу со слезами, чтобы ты мог омыть грехи. Знаю, что многие насмехаются над нами и говорят: опять слёзы. Но поэтому-то и пора слёз. Знаю, иные с важностью говорят: "**Станем есть и пить, ибо завтра умрем**" (1 Кор. 15:32). Но вспомни, что "**суета сует, - все суета**" (Еккл. 1:2). Не я говорю это, но тот, кто испытал всё: "**построил себе домы**", - говорит он, - "**посадил себе виноградники, устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовитые дерева**" (Еккл. 2:4-6). И после всего этого, что говорит он? "**суета сует, - все суета**". Итак, будем плакать, возлюбленные, будем плакать, чтобы поистине посмеяться, чтобы поистине возрадоваться вовремя действительной радости. Настоящая радость всегда смешана с печалью и никогда не бывает чистою, а та - радость действительная, непритворная, не заключающая в себе ничего неискреннего, не имеющая никакой примеси. Будем же радоваться тою радостью, будем стараться - её получить; а получить её возможно не иначе, как избирая здесь не приятное, но, полезное, и даже испытывая некоторую скорбь добровольно, и с благодарностью перенося все случающееся. Таким образом мы сможем сподобиться и царствия небесного, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым, Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 16

"И потому Он есть ходатай нового завета, дабы вследствие смерти [Его], бывшей для искупления от преступлений, сделанных в первом завете, призванные к вечному наследию получили обетованное. Ибо, где завещание, там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя, потому что завещание действительно после умерших: оно не имеет силы, когда завещатель жив. Почему и первый [завет] был утвержден не без крови" (Евр. 9:15-18).

1. Так как, вероятно, были многие малодушные, которые потому особенно, что Христос умер, не верили обетованиям Его, то Павел, желая решительно опровергнуть такое мнение, представляет пример, заимствованный из общего обычая. Какой же это (обычай)? Потому самому, говорит он, и надобно быть уверенным. Почему? Потому что завещания бывают действительны и получают силу не при жизни завещателей, но после их смерти. Поэтому он и начинает так речь: "**Он есть**", - говорит, - "**ходатай нового завета**". Завещание составляется в последний день перед смертью. Это завещание делает одних наследниками, а других лишает наследства. Так и здесь о наследниках Христос говорит: "**Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною**" (Иоан. 17:24); и опять о лишенных наследства послушай, что Он говорит: не о всъх молю, но о върующих в Меня по слову их**[1]**. В завещании бывает относящееся к завещателю и относящееся к принимающим завещание, и говорится, что они должны получить и что сделать. Так и здесь: после безчисленных обетований (Христос) предлагает им и заповедь: "**Заповедь новую**", - говорит, - "**даю вам**" (Иоан. 13:34). Ещё: завещание должно иметь свидетелей; и послушай опять, что Он говорит: "**Я Сам свидетельствую о Себе, и свидетельствует о Мне Отец, пославший Меня**" (Иоан. 8:18); также об Утешителе говорит: "**Он будет свидетельствовать о Мне**" (Иоан. 15:26); и посылая двенадцать апостолов, Он сказал: свидетельствуйте пред Богом (Иоан. 15:17; 1 Тим. 5:21). "**И потому Он**", - говорит (Павел), - "**есть ходатай нового завета**". Что такое - "**есть ходатай**"? Ходатай не есть властелин дела, которого он посредник; дело - само по себе, а посредник сам по себе. Например: при браке бывает посредник, но он не жених, а только содействующий вступающему в брак. Так и здесь. Сын стал посредником между Отцом и нами. Отец не хотел оставить нам этого наследства; Он гневался на нас и был недоволен нами, как отступившими от Него; (Сын) стал посредником между нами и Им и умолил Его. И смотри, как Он стал посредником: Он принял на Себя обвинение и оправдание, передал нам (волю) Отца и при этом подвергся смерти. Мы оскорбили (Бога) и должны были умереть, но Он умер за нас и соделал нас достойными завета. Таким образом завет стал твёрдым, так как он заключён уже не с недостойными. Вначале Бог заключил с нами завет, как Отец с детьми; но когда мы сделались недостойными, то следовало быть не завету, а наказанию. Что же ты, говорит (апостол), превозносишься законом? Он довёл нас до такого греховного состояния, что мы никогда не спаслись бы; если бы Владыка наш не умер за нас, то закон нисколько не помог бы нам, потому что он был немощен. Впрочем, он доказывает это не одним только общим обыкновением, но и событиями ветхого завета, что в особенности могло подействовать на них. Но, скажут, там никто не умирал: каким же образом был утверждён тот (завет)? Точно таким же. Как? И там кровь, равно как и здесь кровь. Не удивляйся, что там не Христова кровь; там ведь был прообраз; потому (апостол) и говорит: "**Почему и первый [завет] был утвержден не без крови**". Что значит: "**был утвержден**"? Стал крепким, утверждён. Темже, т.е. поэтому, говорит, нужен был прообраз как завета, так и смерти.

2. Но почему, скажи мне, была окроплена книга завета? "**Ибо Моисей, произнеся все заповеди по закону перед всем народом, взял кровь тельцов и козлов с водою и шерстью червленою и иссопом, и окропил как самую книгу, так и весь народ,**

говоря: это кровь завета, который заповедал вам Бог" (Евр. 9:19-20). Почему же, скажи мне, окропляется книга завета и народ? Потому, что та кровь и всё прочее было прообразом честнейшей крови, которая была прообразована издревле. Почему с иссопом? Потому, что он, как вещество плотное и мягкое, сдерживал кровь. Для чего вода? Она была употреблена в знак очищения водою. А для чего волна? И она была употреблена для того, чтобы удерживать кровь. (Апостол) показывает, что здесь вместе были и кровь и вода, потому что крещение есть образ страдания Христова. "**Также окропил кровью и скинию и все сосуды Богослужебные. Да и все почти по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения**" (Евр. 9:21-22). Почему он сказал: "**Да и все почти**"? Почему сделал такое ограничение? Потому что там не было совершенного очищения и совершенного отпущения грехов, но было полусовершенное и даже гораздо меньшее; а здесь – "**ибо сие есть Кровь Моя**", - говорит (Господь), - "**Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов**" (Мат. 26:28). Где же книга, которая очищала их души? Они сами были книгами нового завета. Где сосуды служебные? Они сами. Где скиния? Опять: они сами. "**Вселюсь в них**", - говорит, (Бог), - "**и буду ходить [в них]**" (2Кор.6:16), Но здесь нет окропления ни волною червлёною, ни иссопом. Почему же? Потому, что это очищение было не телесное, но духовное, и эта кровь духовная. Почему? Потому, что она проистекла не из тела безсловесных (животных), но из тела, устроенного Духом. Этою кровью окропил нас не Моисей, а Христос, посредством слова, сказанного им: "**сие есть Кровь Моя**, **Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов**". Это слово, вместо иссопа напитанное кровью, окропляет всех. Там очищалось тело отвне, так как очищение было телесное, а здесь - очищение духовное, которое входит в душу и очищает, не только окропляя, но соделываясь источником в душах наших. Посвящённые в тайны знают, о чём я говорю. Там была окропляема поверхность (тела) и окроплённый опять омывался, а не всегда ходил окровавленным; здесь же не так, но кровь смешивается с самым существом души, делая её крепкой и чистой и доводя её до неописуемой красоты. Таким образом (апостол) доказывает, что смерть служила не только к утверждению, но и к очищению. Смерть, и особенно крестная, казалась чем-то пагубным; но (апостол) говорит, что она служила очищением, и очищением важным, и при том в делах высоких. Для этого, т.е. ради этой крови, были прежде жертвоприношения; для этого были агнцы, для этого было всё. "**Итак образы небесного должны были очищаться сими, самое же небесное лучшими сих жертвами**" (Евр. 9:23). Как они - образы небесных? И что он называет ныне небесным? Не небо ли? Не ангелов ли? Нет, но наши (священнодействия). Наши (священнодействия) на небесах и небесны, хотя совершаются на земле. Так и ангелы бывают на земле, но называются небесными; и херувимы являлись на земле, но они небесны. Что я говорю: являлись? Они пребывают на земле, как бы в раю, - и однако, при всём том, они небесны. "**Наше же жительство - на небесах**" (Филип. 3:20), хотя мы живём здесь. "**Образы небесного должны были очищаться сими**", т.е. по любомудрию нашему призванным туда. "**Самое же небесное лучшими сих жертвами**". Лучшее называется лучшим по отношению к чему-нибудь хорошему. Следовательно хороши были и образы небесного. Они не были нехорошими, как образы; иначе было бы нехорошо и то, чего они служат образами.

3. Итак, если мы небесны, если мы получили такое достоинство, то будем бояться, чтобы нам не остаться на земле; а и ныне, кто хочет, может не быть на земле. Быть или не быть на земле зависит от воли и образа жизни. Вот например: о Боге говорят, что он пребывает на небе. Почему? Не потому, чтобы Он был заключён в каком-нибудь месте, - да не будет, - и не потому, чтобы земля была лишена Его присутствия; но по отношению и близости Его к ангелам. Таким образом, если и мы близки к Богу, то мы - на небе. Что мне до неба, когда я созерцаю Владыку неба, когда сам становлюсь небом? "**Мы придем к нему**", - говорит (Господь), - "**и обитель у него сотворим**" (Иоан. 14:23). Сделаем же душу нашу небом. Небо по природе своей ясно, оно не делается тёмным и во время бури; тогда не оно

само изменяет вид, но собравшиеся облака закрывают его. Небо имеет солнце; и мы имеем Солнце правды. Можно, сказал я, сделаться как бы небом; ещё скажу - можно сделаться даже лучше неба. Каким образом? Когда мы будем иметь Владыку солнца. Небо везде чисто и светло и не изменяется ни во время бури, ни во время ночи; так и мы не должны подвергаться этому ни во время скорбей, ни во время козней диавола, но оставаться чистыми и светлыми. Небо высоко и далеко отстоит от земли; будем таковы и мы, отрешимся от земли и вознесёмся на эту высоту. А как мы можем отрешиться от земли? Если будем размышлять о небесном. Небо гораздо выше и дождей и бурь, и никто не может достать его; то же, если захотим, может быть и с нами. Оно кажется изменяющимся, а между тем не изменяется; так и мы, хотя и кажемся страждущими, но не должны подвергаться страданию. Как во время бури многие не видят красоты неба и думают, что оно изменилось, но любомудрые знают, что оно нисколько не изменилось, так и об нас, во время скорбей, многие думают, что мы изменились и что скорбь коснулась самого сердца нашего, но любомудрые знают, что она не коснулась нас. Будем же небом, взойдём на эту высоту, и тогда люди покажутся нам не отличающимися от муравьёв; разумею не одних только бедных и богатых, но будет ли то военачальник, или царь, мы не заметим оттуда ни царя, ни простолюдина, не различим, что золото и что серебро, какая шелковая одежда, и какая пурпуровая; все покажутся нам как бы мухами, когда мы будем находиться на этой высоте; там нет ни шуму, ни волнения, ни крика. Но как можно, скажешь, подняться на эту высоту человеку, находящемуся на земле? Не словами одними я докажу тебе это, но, если хочешь, представлю тебе людей, которые на самом деле достигли этой высоты. Кто же это? Разумею Павла и подобных ему, которые, живя на земле, были на небе. Что я говорю: на небе? Они были выше неба и другого неба, и восходили до самого Бога. "**Кто отлучит нас**", - говорит он, - "**от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч**" (Рим. 8:35)? И еще: "**мы смотрим не на видимое, но на невидимое**" (2 Кор. 4:18). Видишь ли, как он не взирал на то, что здесь? А чтобы ты убедился, что он был выше небес, послушай, как он говорит: "**Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем**" (Рим. 8:38-39).

4. Видишь ли, как мысль, прошедши всё, поставила его выше не только этого творения и этих небес, но и всяких других, если бы они были? Видишь ли высокий ум? Видишь ли, каким сделался, когда захотел, скинотворец, проводивший всю жизнь свою на площади? Нет, подлинно никакого препятствия - превзойти всех, когда мы захотим. Если мы делаем такие успехи в искусствах, которые весьма трудны для многих, то тем более в том, что не требует такого труда. Что труднее, скажи мне, как ходить по натянутому канату, как бы по ровному месту, и ходя на высоте одеваться и раздеваться, как бы сидя на постели? Не кажется ли нам это дело так страшным, что, мы не хотим на него даже смотреть, но ужасаемся и дрожим при одном на него взгляде? Что труднее, скажи мне, как поставить на лице своё шест и, посадив на него ребёнка, производить тысячи (упражнений) и забавлять зрителей? Что труднее, как играть шарами на мечах? Что труднее, скажи мне, как исследовать глубину моря? И бесчисленное множество других искусств можно было бы привести; но всех их легче добродетель и искусство - взойти на небо, если мы захотим: здесь нужно только захотеть, и всего, достигнешь. Здесь нельзя сказать: не могу, - это значило бы обвинять Создателя; ведь если Он создал нас не могущими, и между тем повелел (сделать это), то вина падает на Него. Отчего же, скажешь, многие не могут? Оттого, что не хотят. А отчего не хотят? От лености; а если захотят, то конечно смогут. Потому и Павел говорит: "**желаю, чтобы все люди были, как и я**" (1Кор.7:7); он знал, что все могут быть такими же, как он; а если бы не могли, то он и не сказал бы этого. Хочешь ли быть добродетельным? Положи только начало. Скажи мне: во всех искусствах,

когда мы хотим заняться ими, довольствуемся ли мы одним хотением, или принимаемся, и за дело? Например: кто хочет сделаться кормчим, тот не говорит только: хочу, и этим довольствуется, но принимается и за дело. Кто хочет сделаться торговцем, тот не говорит только: хочу, но принимается и за дело. Кто хочет путешествовать, тот не говорит только: хочу, но принимается и за дело. Так и во всём: не достаточно одного только хотения, но нужно присоединять и дело. А ты, желая взойти на небо, только говоришь: хочу? Но как же, возразишь, ты сам сказал, что достаточно одного хотения? Хотения вместе с делами, принимающегося за дело, деятельного. Нам содействует и помогает Бог; только мы должны решиться, только должны приступить к тому на деле, только должны приложить старание, только должны иметь душевное расположение, - и всё будет. А если будем спать и похрапывая надеяться взойти на небо, то как мы сможем получить наследие небесное? Будем же иметь хотение, увещеваю вас, будем желать. Для чего мы собираем всё для настоящей жизни, которую завтра оставим? Будем пещись о добродетели, которой достанет нам на весь век; будем постоянно соблюдать её, - и получим вечные блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

---

[1] "**Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их**" (Иоан. 17:20). "**не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои**" (Иоан. 17:9).

БЕСЕДА 17

"Ибо Христос вошел не в рукотворенное святилище, по образу истинного [устроенное], но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие, и не для того, чтобы многократно приносить Себя, как первосвященник входит во святилище каждогодно с чужою кровью; иначе надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира; Он же однажды, к концу веков, явился для уничтожения греха жертвою Своею" (Евр. 9:24-26).

1. Иудеи много превозносились храмом и скинией; потому и говорили: "**здесь храм Господень, храм Господень, храм Господень**" (Иер. 7:4). Нигде на земле не было построено подобного храма ни по драгоценности, ни по красоте, ни по чему иному, потому что Бог, заповедав построить его, повелел сделать это с большим великолепием, да и сами (иудей) были склонны и привязаны более к телесному. У него в стенах были позолоченные камни, о чем желающий может узнать из второй книги Царств и из книги Иезекииля, равно и о том, сколько талантов золота было на него издержано. Построение второго (храма) было ещё блистательнее по красоте и по всему прочему. И не поэтому только он был драгоценен, но и потому, что был один. Красота его привлекала всех, потому что туда приходили с концов земли, из Вавилонии и Эфиопии. Это выражает Лука в Деяниях, когда говорит: "**В Иерусалиме же находились Иудеи, люди набожные, из всякого народа под небом. Парфяне, и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Кирине, и пришедшие из Рима**" (Деян. 2:5,9-10). Итак, из всех стран вселенной приходили туда, и велика была слава этого храма. Что же делает Павел? Что сделал он касательно жертв, то же делает и здесь; как им он противопоставил смерть Христову, так здесь храму противопоставляет целое небо. Но не в этом только показывает различие, а и в том, что наш священник ближе к Богу: "**чтобы предстать**", - прибавляет он, - "**пред лице Божие**". Таким образом, он доказывает важность дела не только небом, но и самым входом, - потому что не через одни прообразы, как здесь, но самого Бога

(Христос) видит там. Видишь ли, что все уничиженное сказано о Нём по снисхождению Его? Удивительно ли после этого, что (Павел) представляет его ходатайствующим как первосвященника? "**Ибо Христос вошел не в рукотворенное святилище, по образу истинного [устроенное], но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие, и не для того**", - говорит, - "**чтобы многократно приносить Себя, как первосвященник входит во святилище каждогодно с чужою кровью**". Итак, это - истина, а то - прообразы; тот храм был построен по подобию неба небес. Но что говоришь? Неужели, если бы не вошёл в небо, то не явился бы (лицу Божию) Он, везде сущий и всё наполняющий? Очевидно, что всё это говорится о плоти Его. "**Чтобы предстать ныне**", - говорит, - "**за нас пред лице Божие**". Что значит: "**за нас**"? Он вошёл, говорит, с жертвою, могущею умилостивить Отца. Для чего же, скажи мне? Разве Он был врагом (Божиим)? Из числа ангелов были враги Богу, а Он не был врагом. А что ангелы были враги, об этом послушай, что говорит (апостол): "**чтобы посредством Его примирить с Собою все, умиротворив через Него, Кровию креста Его, и земное и небесное**" (Кол. 1:20). Потому справедливо сказано, что Он вошёл в небо, "**чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие**". Он и ныне предстоит, но за нас. "**Не для того, чтобы многократно приносить Себя, как первосвященник входит во святилище каждогодно с чужою кровью**". Видишь ли, сколько противоположений? Многажды, однажды; с кровью чужою, с своею. Великое различие! Христос сам и жертва и священник. "**Иначе**", - говорит, - "**надлежало бы Ему многократно страдать от начала мира**". Здесь он открывает некоторый догмат: если бы, говорит, Ему надлежало многократно приносить жертвы, то надлежало бы многократно и распинаться. "**Он же однажды, к концу веков**". Почему – "**к концу веков**"? После множества грехов; если бы всё это произошло в начале и никто не уверовал бы, то дело домостроительства осталось бы безполезным; Христу не надлежало умирать вторично, чтобы исправить и этот недостаток; когда же с течением времени явилось множество грехов, тогда благовременно Он и явился. То же (апостол) говорит и в другом месте: "**когда умножился грех, стала преизобиловать благодать**" (Рим. 5:20). "**И как человекам**", - говорит, - "**положено однажды умереть, а потом суд, так и Христос, однажды принеся Себя в жертву, чтобы подъять грехи многих, во второй раз явится не [для очищения] греха, а для ожидающих Его во спасение**" (Евр.9:27-28).

2. Доказав, что не надлежало умирать многократно, (апостол) показывает теперь и то, почему Он умер однажды. "**Человекам**", - говорит, - "**положено однажды умереть**". Итак, Он умер однажды за всех людей. Как, разве мы уже не умираем прежнею смертью? Умираем, но не остаемся в ней; а это не значит умирать. Власть смерти и истинная смерть есть та, когда умерший уже не имеет возможности возвратиться к жизни; если же после смерти он оживёт, и при том лучшею жизнью, то это не смерть, а успение. Смерть могла удержать у себя всех; потому Христос и умер, чтобы освободить нас. "**Так и Христос, однажды принеся Себя** (слав. – принесеся) **в жертву**" (Евр.9:28). Кем принесеся? Очевидно, сам собою. Здесь показывает в Нём не только священника, но и приношение, и жертву; потом присовокупляет и причину, почему Он принесеся. "**Однажды принеся Себя в жертву**", - говорит, - "**чтобы подъять грехи многих**". Почему же он сказал: "**многих**", а не: всех? Потому, что не все уверовали. Он умер за всех, чтобы спасти всех, сколько от Него зависит - смерть Его и сильна была спасти всех от погибели, - но Он вознес грехи не всех, потому что сами не захотели. Что же значит: "**подъять грехи**"? Как во время приношения, которое совершаем, мы возносим и грехи, когда говорим: остави нам согрешения, которые мы соделали волею или неволею, т.е. сначала упоминаем о них, а потом испрашиваем оставления, - так было и здесь. Когда же Христос сделал это? Послушай, как Он сам говорит: "**И за них Я посвящаю Себя**" (Иоан. 17:19). Вот, как Он вознёс грехи: взял их от людей и вознес к Отцу, не для того, чтобы постановить приговор против них, но чтобы простить. "**Во второй раз**", - говорит, - "**явится не [для очищения]**

греха, а для ожидающих Его во спасение". Что значит: "**не [для очищения] греха**"? Не с тем, чтобы взять грехи, и не за грехи придёт в другой раз, чтобы опять умереть; Он и, однажды умерь не потому, что должен был умереть. Для чего же "**явится**"? Чтобы наказать, говорит; впрочем не выражает этого (прямо), но с отрадой: "**не [для очищения] греха, а для ожидающих Его во спасение**", так как уже нет надобности в жертве, чтобы спасать их, но для этого нужны дела. "**Имея тень будущих благ**", - говорит, - "**а не самый образ вещей**" (Евр. 10:1), т.е. не самую истину. Как в живописи, пока набрасывают рисунок, получается какая-то тень, а когда положат краски и наведут цвета, тогда делается изображение, - так было и с законом. "**Закон, имея тень будущих благ, а не самый образ вещей**", т.е. жертвы, отпущения (грехов). На всякое лето: "**одними и теми же жертвами, каждый год постоянно приносимыми, никогда не может сделать совершенными приходящих [с ними]. Иначе перестали бы приносить [их], потому что приносящие жертву, быв очищены однажды, не имели бы уже никакого сознания грехов. Но жертвами каждогодно напоминается о грехах, ибо невозможно, чтобы кровь тельцов и козлов уничтожала грехи. Посему [Христос], входя в мир, говорит: жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне. Всесожжения и [жертвы] за грех неугодны Тебе. Тогда Я сказал: вот, иду, [как] в начале книги написано о Мне, исполнить волю Твою, Боже. Сказав прежде, что "ни жертвы, ни приношения, ни всесожжений, ни [жертвы] за грех, - которые приносятся по закону, - Ты не восхотел и не благоизволил", потом прибавил: "вот, иду исполнить волю Твою, Боже". Отменяет первое, чтобы постановить второе**" (Евр. 10:1-9). Видишь ли опять, какое изобилие (в речи апостола)? Эта жертва, говорит, одна, а тех много; потому они и не были сильны, что их было много.

3. Действительно, скажи мне, для чего нужно было много жертв, если бы достаточно было одной? Множество жертв и то, что они приносились непрестанно, показывает, что они никогда не очищали (приносивших). Как лекарство, когда оно сильно, полезно для здоровья и способно уничтожить всякую болезнь, совершает всё, будучи приложено однажды; то самое, что оно совершает всё, будучи приложено однажды и уже больше не прикладываясь, показывает его силу, и то, что оно больше не прикладывается, есть следствие его действия; если же оно прикладывается непрестанно, то это явный знак, что оно не имеет никакой силы, - потому что достоинство лекарства в том и состоит, чтобы прикладываться однажды, а не часто, - так точно и здесь. Почему они непрестанно лечились одними и теми же жертвами? Если бы они были свободны от всех грехов, то жертвы не были бы приносимы ежедневно, - между тем было определено приносить их за весь народ непрестанно, и вечером и днём. Таким образом совершаемое ими было обвинением во грехах, а не разрешением грехов, обличением немощи, а не знаком силы. Так как первая жертва не оказывала действия, то приносилась вторая; а так как и эта не помогала, то третья; - таким образом это и служило обличением грехов. Итак, приношение жертв было обличением грехов, а непрестанное (приношение) обличением немощи. А в деле Христовом напротив: Он принес однажды, и этого довольно навсегда. И хорошо назвал (апостол жертвы) противообразными; действительно, они были только прообразом, но не имели силы, подобно как на картинах изображение имеет образ человека, но не имеет силы его. Подлинник и образ имеют нечто общее между собою; в образе есть сходство, но нет силы. Так точно в отношении неба и скинии: она была похожим на него образом, - так как была святою, - но сила и всё прочее у неё не те. Что значит: "**явился для уничтожения греха жертвою Своею**"? Что значит: "**для уничтожения**"? Т.е. посрамление; грех уже не имеет дерзновения, потому что он посрамлён. Каким образом? Он должен был достигнуть наказания (людей смертью), но не достиг, а сам потерпел насилие; когда хотел погубить всех, тогда сам был истреблён. "**Жертвою Своею**", - говорит, - "**явился**", т.е. явился к Богу и предстал перед Ним. Итак, не думай, что если священник приносил жертвы многократно каждый год, то делал это просто и не по

причине немощи. Если не по причине немощи, то для чего же это делалось? Если бы не было ран, то не было бы нужды и в лекарствах. Вот для чего, говорит (апостол), повелено приносить жертвы непрестанно, - по причине немощи и для напоминания в грехах. Что же? Разве мы не приносим каждый день? Приносим, но мы совершаем воспоминание о смерти Его, и эта жертва одна, а не много. Как одна, а не много? Так, что она принесена однажды, подобно той, которая была приносима во святом святых. Та была прообразом её, и эта - её же образ. Мы постоянно приносим одного и того же Агнца, а не одного сегодня, другого завтра, но всегда одного и того же. Таким образом, эта жертва одна. Хотя она приносится во многих местах, но разве много Христов? Нет, один Христос везде, и здесь полный, и там полный, одно тело Его. И как приносимый во многих местах Он - Одно тело, а не много тел, так и жертва одна. Он наш Первосвященник, принесши жертву, очищающую нас; её приносим и мы теперь, тогда принесённую, но не оскудевающую. Это совершается в воспоминание бывшего тогда: "**сие творите**", - сказано, - "**в Мое воспоминание**" (Лук. 22:19). Не другую жертву, как тогдашний первосвященник, но ту же мы приносим постоянно; или лучше сказать, совершаем воспоминание жертвы.

4. Так как я упомянул об этой жертве, то хочу сказать вам, посвященным в тайны, немногое, - немногое по объёму, но заключающее в себе великую силу и пользу; слова мои не от нас, но от Духа Божия. Что же такое? Многие причащаются этой жертвы однажды во весь год, другие дважды, а иные несколько раз. Слова наши относятся ко всем, не только к присутствующим здесь, но и к находящимся в пустыне, - потому что они причащаются однажды в год, а иногда и через два года. Что же? Кого нам одобрить? Тех ли, которые причащаются однажды, или тех, которые - часто, или тех, которые -редко? Ни тех, ни других, ни третьих, но причащающихся с чистою совестью, с чистым сердцем, с безукоризненною жизнью. Такие пусть всегда приступают; а не такие - ни однажды. Почему? Потому, что они навлекают на себя суд, осуждение, наказание и мучение. Не удивляйся этому: как пища, сама по себе питательная, когда попадает в расстроенный желудок, производит вред и расстройство во всём (теле), и делается причиною болезни, так бывает и с страшными тайнами. Ты сподобляешься трапезы духовной, трапезы царской, и потом опять оскверняешь уста нечистотою? Ты намащаешься миром, и потом опять наполняешься зловонием? Скажи мне, увещеваю: приступая к причащению через год, неужели ты думаешь, что сорока дней тебе достаточно для очищения твоих грехов за всё время? А потом, по прошествии недели, опять предаёшься прежнему? Скажи же мне: если бы ты, выздоравливая в течение сорока дней от продолжительной болезни, потом опять принялся за ту же пищу, которая причинила болезнь, то не потерял ли бы ты и предшествовавшего труда? Очевидно, что так. Если же таким образом извращается естественный порядок, то тем более нравственный. Например: мы от природы одарены зрением и имеем от природы здоровые глаза; но часто по болезни наше зрение повреждается. Если же естественные свойства извращаются, то не гораздо ли более нравственные? Сорок дней ты употребляешь на восстановление здоровья души, а быть может даже не сорок, - и думаешь умилостивить Бога? Ты шутишь, человек. Говорю это не с тем, чтобы запретить вам приступать однажды в год, но более желая, чтобы вы непрестанно приступали к святым тайнам. Для того и священник возглашает тогда, призывая святых, и этим возгласом как бы испытывает всех, чтобы никто не приступал неприготовленным. Как в стаде, где много здоровых овец, а много и пораженных коростою, необходимо отделить последних от здоровых, так и в Церкви, где есть овцы здоровые и больные, этим возгласом священник отделяет последних от первых, оглашая всех таким страшным изречением, а святых вызывает и приглашает. Так как ни один человек не может знать души ближнего, - "**ибо кто из человеков знает**", - говорит (апостол), - "**что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем**" (1 Кор. 2:11)? - то и делает такой возглас после совершения всего жертвоприношения, чтобы никто без внимания и как случилось не приступал к духовному источнику. И в стаде, - ничто не

препятствует употребить опять то же сравнение,- больных (овец) мы запираем, держим в темноте, кормим другою пищею, лишая их и чистого воздуха, и свежей травы, и внешнего источника. Так и здесь, этот возглас служит как бы вместо уз. Ты не можешь сказать: я не знал, я не понимал, что такое дело угрожает опасностью, - особенно, когда и Павел засвидетельствовал это. Или скажешь: я не читал? Но это служить не к оправданию твоему, а к осуждению; каждый день ты ходишь в церковь, - и этого еще ты не узнал?

5. Впрочем, чтобы ты не мог представить и этого предлога, для того священник, как бы какой глашатай, подняв руку вверх, став на возвышении, будучи видимым для всех, при страшной тишине, громким голосом произносит грозное воззвание, которым одних призывает, а других отлучает, делая это не рукою, а словом, гораздо действительнейшим руки. Это воззвание, достигая нашего слуха, как бы рукою, одних отталкивает и отвергает, а других привлекает и представляет. Скажи мне, прошу тебя, на олимпийских играх не выходит ли глашатай, взывая громким и сильным голосом: не может ли кто обвинить в чем-нибудь этого человека, не раб ли он, не вор ли, не безнравственный ли? - хотя те подвиги не душевные и не нравственные, а требующие телесной силы? Если же там, где совершаются подвиги телесные, тщательно исследуется нравственность, то тем более это нужно здесь, где весь подвиг принадлежит душе. Так, и перед нами теперь стоит глашатай, не головы каждого касающийся и влекущий, но касающейся вдруг внутренней головы всех; не вызывает он посторонних обвинителей, но всех против самих себя; не говорит: не может ли кто обвинить этого человека, а что? - не обвиняет ли кто себя самого? Когда он говорит: **святая святым**, то говорит: кто не свят, тот не приступай. Не просто говорит: чистый от грехов, но: святой; а святым делает не одно только отпущение грехов, но и наитие Духа и обилие дел благих. Не того только хочу, говорит, чтобы вы омылись от нечистоты, но чтобы были белыми и прекрасными. Если вавилонский царь из пленных юношей избрал видных и красивых (Дан. 1:4), то тем более нам, предстоящим царской трапезе, должно быть прекрасными в душе, иметь золотое украшение, чистую одежду, царскую обувь, благообразное лице души, облекши её в это золотое украшение и опоясав истиною. Такой пусть приступает и прикасается к царским сосудам. А если кто, будучи одет в рубище, загрязнён и запылён, захочет приступить к царской трапезе, то известно, чему он подвергнется, и сорока дней ему недостаточно будет для омовения грехов, совершенных во всё (прошедшее) время. Если недостаточно для этого геенны, хотя она вечна, - а для этого она и вечна, - то тем более такого краткого времени. Ведь мы оказываем не сильное, а слабое покаяние. Предстоять царю следует преимущественно евнухам; под евнухами я разумею людей с светлою душой, не имеющих никакой нечистоты и никакого порока, возвышенных умом, имеющих око души кроткое и зоркое, строгое и бодрое, а не сонливое и дремлющее, исполненное совершенной свободы, чуждое безстыдства и наглости, бдительное, здравое, не очень прискорбное и печальное, но и не рассеянное и безпечное. В нашей власти усовершить таким образом свое око и сделать его зорким и прекрасным. Когда мы не будем устремлять его на дым и прах, - таковы все блага человеческие, - но на тонкие струи, на легкое веяние ветра, на предметы возвышенные, великие и исполненные совершенного спокойствия, чистоты и радости, то скоро приобретём такое (око) и укрепим его таким приятным созерцанием. Видишь ли человека любостяжательного и имеющего большое богатство, - не устремляй туда ока своего: это грязь, дым, дурное испарение, тьма, великая теснота, безпокойное изнурение. Видишь ли человека, упражняющегося в добродетелях, довольствующегося своим, стоящего на широком пути спокойствия, не сокрушающегося и не пекущегося ни о чём здешнем, - на нём останови (око свое), туда устреми его, и сделаешь его гораздо лучшим и светлейшим, услаждая его не земными цветами, но цветами добродетели, целомудрием, кротостью и всеми другими. Ничто так не смущает ока нашего, как нечистая совесть: смятеся, - говорит (Псалмопевец), - от ярости око мое (синод. **- "иссохло от печали око мое"**) (Пс. 6:8); ничто так не омрачает его. Избавь его от этого зла, и ты сделаешь его

чистым и крепким, всегда исполненным надежд благих. Будем же все мы, как эту, так и другие способности души устроять так, как желает Христос, чтобы, сделавшись достойными поставленной над нами Главы, нам отойти туда, куда Он хочет: "**хочу**", - говорит Он, - "**чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою**" (Иоан. 17:21), которой да сподобимся все мы во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 18

"Сказав прежде, что "ни жертвы, ни приношения, ни всесожжений, ни [жертвы] за грех, - которые приносятся по закону, - Ты не восхотел и не благоизволил", потом прибавил: "вот, иду исполнить волю Твою, Боже". Отменяет первое, чтобы постановить второе. По сей-то воле освящены мы единократным принесением тела Иисуса Христа. И всякий священник ежедневно стоит в служении, и многократно приносит одни и те же жертвы, которые никогда не могут истребить грехов. Он же, принеся одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога, ожидая затем, доколе враги Его будут положены в подножие ног Его" (Евр. 10: 8 -13).

1. В предыдущем (апостол) доказал, что жертвы безполезны для совершенного очищения, что они были только прообразом и весьма недостаточны. Так как при этом представлялось ему возражение: если они прообразы, то почему они, с принятием истины, не перестали, не прекратились, но ещё приносятся (иудеями)? - то здесь он и решает это, показывая, что они уже не приносятся, как прообразы, и Бог не принимает их. Он опять доказывает это не из нового завета, но из пророков, приводя из древности сильнейшее свидетельство на то, что (жертвы) прекратились и перестали, и что (иудеи) совершенно напрасно приносят их, всегда противясь Духу Святому. При том усиленно доказывает, что они прекратились не теперь, но с самого пришествия Христова, или лучше, ещё прежде Его пришествия, - что не Христос положил конец им, но сначала они были отменены, а потом уже Он пришёл; прежде они, прекращены, и тогда последовало Его пришествие. Чтобы они не сказали: мы могли и без этой жертвы (Христовой) благоугождать Богу, - Он ожидал, пока жертвы обличатся сами собою, и тогда уже пришёл, потому что "**ни жертвы**", - говорит, - "**ни приношения**… **- Ты не восхотел**". Этим он отвергнул всё и, сказав вообще, говорит и в частности: "…**ни всесожжений, ни [жертвы] за грех, - которые приносятся по закону, - Ты**… **не благоизволил**". Приношением же было всё прочее, кроме жертв. "**Потом прибавил:** "**вот, иду исполнить волю Твою, Боже**". О ком это сказано? Не о ком другом, как о Христе. Здесь (апостол) нисколько не обвиняет приносивших, показывая, что (Бог) не принимает жертв не за пороки их, как сказал он в другом месте; но потому, что наконец раскрылась недостаточность самого дела и обнаружилось, что оно не имеет никакой силы и уже неблаговременно. Как же согласить это с частым приношением жертв? Не только, говорит, из частого (приношения их) видно, что они немощны и не приносят никакой пользы, но и из того, что Бог не принимает их, как бесплодные и бесполезные. То же самое выражено и в другом месте, когда сказано: "**ибо жертвы Ты не желаешь, - я дал бы ее**" (Пс. 50:18). Отсюда очевидно, что не хочет их. Итак, не жертв хочет воля Божия, а отмены жертв; следовательно, нет воли (Божией) на то, чтобы они приносились. Что значит: "**исполнить волю Твою**"? Значит - предать Себя самого, - на это воля Божия. "**По сей-то воле освящены мы**". Здесь он иным образом доказывает, что не жертвы очищают людей, а воля Божия. Итак, ужели же на приношение жертв нет воли Божией? Но удивительно ли, что теперь нет на это воли Божией, если и вначале не было на то воли Его? "**Кто**", - говорит (Бог), - "**требует от вас** (жертв)" (Ис. 1:12)? Почему же Он сам учредил (жертвоприношения)? По снисхождению. Подобным образом и Павел выражается, когда говорит: "**ибо желаю, чтобы все люди были, как и я**", воздержанными (1 Кор. 7:7); а в другом месте предлагает такой совет: "**я желаю, чтобы**

молодые вдовы вступали в брак, рождали детей" (1 Тим. 5:14). Он представляет два хотения, но не оба принадлежат ему, хотя он заповедует; первое от него самого, - потому он и представляет его без причины, - а последнее не от него самого, хотя и оно не противно воли его, - потому он прибавляет и причину. Именно, сказав выше против молодых вдовиц, что они "**впадая в роскошь в противность Христу**", он потом и говорит: "**я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей**". Так точно и здесь (Бог) учредил жертвоприношения по снисхождению; а первоначально не было Его волею, чтобы приносились жертва. Так и о смерти Он говорит: "**Разве Я хочу смерти беззаконника?** …**Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив?**" (Иезек. 18:23), а в другом месте говорит, что Он не только хочет, но и сильно желает этого (ст.30), хотя то и другое (по-видимому) взаимно противоречат, так как сильное желание есть напряженное хотение. Как же Он и не хочет и желает и при том сильно желает? То же нужно сказать и здесь. "**По сей-то воле освящены мы**"; а как мы "**освящены**", сам объясняет, присовокупляя: "**единократным принесением тела Иисуса Христа. И всякий священник ежедневно стоит в служении, и многократно приносит одни и те же жертвы**". Стоять свойственно служащему; следовательно сидеть свойственно Тому, кому служат: "**Он же, принеся одну жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога, ожидая затем, доколе враги Его будут положены в подножие ног Его. Ибо Он одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых. [О сем] свидетельствует нам и Дух Святый**" (Евр. 10:12 -15). Сказав, что (жертвы) уже не приносятся, подтвердив это из Писания и не из Писания, представив и изречение пророческое: "**ни жертвы, ни приношения, ни всесожжений, ни [жертвы] за грех, - которые приносятся по закону, - Ты не восхотел и не благоизволил**", теперь говорит, что Бог уже отпустил грехи. В этом он опять удостоверяет свидетельством Писания: "**[О сем] свидетельствует нам**", - говорит, - "**и Дух Святый; ибо сказано: Вот завет, который завещаю им после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в сердца их, и в мыслях их напишу их, и грехов их и беззаконий их не воспомяну более. А где прощение грехов, там не нужно приношение за них**". (Евр. 10:15-18). Итак, (Бог) отпустил грехи, когда дал (новый) завет; а этот завет Он дал за жертву (Христову). Если же Он отпустил грехи за эту одну жертву, то уже нет нужды в другой. "…**Навсегда воссел одесную Бога, ожидая затем**…". Для чего это замедление? Да "…**доколе враги Его будут положены в подножие ног Его. Ибо Он одним приношением навсегда сделал совершенными освящаемых**". Но, быть может, скажет кто-нибудь: почему Он не тотчас положил их? Из-за верных, которые имели родиться и возродиться. И откуда видно, что они будут положены? Из того, что Он "**воссел**". Здесь (апостол) опять припоминает свидетельство, в котором говорится: "**доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих**"; а враги Его - иудеи. Далее, после того, как сказал: "**доколе враги Его будут положены в подножие ног Его**", - а (враги эти) сильно восставали, - он высказывает всё последующее, касающееся веры. Кто враги Его, как не все неверующие, также и демоны? Действительно, не одни только иудеи. И чтобы выразить высшую степень подчинения их, не сказал: подчинятся, но: "**будут положены**" под ноги Его. Не будем же в числе врагов Его; а враги Его не те только, т.е. неверующие и иудеи, но и те, которых жизнь исполнена нечистоты: "**плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут**" (Рим. 8:7), Что же, скажешь, не укоризна ли это? Укоризна, и сильная: злой человек, пока он зол, не может покоряться; но раскаяться и сделаться добрым - он может.

2. Отвергнем же плотские мудрования. А какие - плотские? Те, которые утучняют и услаждают тело, но причиняют вред душе, каковы например: богатство, роскошь, слава, любовь плотская; всё это относится к плоти. Не будем же любить приращение богатства, но будем всегда искать бедности; она - великое благо. Но, скажешь, она делает человека уничиженным и жалким? Это нам и нужно, потому что приносит нам великую пользу. "**Нищета**", - говорит Премудрый, - "**смиряет мужа**" (Притч. 10:4); также Христос

(говорит): "**блаженны нищие духом**…" (Мат. 5:3). О том ли ты скорбишь, что стоишь на пути, ведущем к добродетели? Разве ты не знаешь, что она (бедность) доставляет нам великое дерзновение? Но, скажешь, "**мудрость бедняка пренебрегается**" (Еккл. 9:16); и в другом месте сказано: "**нищеты и богатства не давай мне**" (Притч. 30:8); и ещё: изьми меня из "**горнила страдания**" (Ис. 48:10), Может ли быть злом, бедность или богатство, если "**бедность и богатство - от Господа**" (Сир. 11:14)? Почему же так сказано? Это было сказано в ветхом завете, когда богатство считалось весьма важным, а бедность была презираема, одно было проклятием, а другое - благословением. А теперь не так. Хочешь ли слышать похвалу бедности? Её переносил Христос: "…**Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову**" (Мат. 8:20); также ученикам Он говорил: "**Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои**…" (Мат. 10:9). И Павел говорит в послании: "…**мы ничего не имеем, но всем обладаем**" (2 Кор. 6:10). И Пётр сказал хромому от рождения: "**серебра и золота нет у меня**" (Деян. 3:6). И в самом ветхом завете, - когда удивлялись богатству, - кто, скажи мне были чудные мужи? Не Илия ли, не имевший ничего, кроме милости? Не Елисей ли? Не Иоанн ли? Потому никто не должен считаться низким за бедность; не бедность унижает, а богатство, заставляющее нуждаться во многом и побуждающее угождать многим. Кто, скажи мне, был беднее Иакова, который говорил: "**если Бог будет со мною** …**даст мне хлеб есть и одежду одеться**" (Быт. 28:20)? Не имели ли дерзновения Илия и Иоанн и им подобные? Не обличал ли один Ахаава, а другой Ирода? Этот говорил: "**не должно тебе иметь жену брата твоего**" (Марк. 6:18); а Илия с дерзновением говорил Ахааву: "**не я смущаю Израиля, а ты и дом отца твоего**" (3 Цар. 18:18). Видишь ли, какое дерзновение сообщает бедность? Богатый есть раб; он подвергается убыткам и представляет возможность всякому желающему причинить ему вред; неимеющий же ничего не боится (лишения имущества) ни с публичного торга, ни по судебному приговору. Если бы бедность лишала дерзновения, то Христос не заповедал бы бедности ученикам своим, посылая их на дело, требовавшее великого дерзновения. Бедный есть человек весьма сильный, неоткуда ему получить обиду или потерпеть вред; а богатый открыт, для нападений со всех сторон, и с ним бывает то же, как если бы кто тащил за собою множество длинных веревок, - его легко может поймать всякий, а человека нагого поймать не легко. Так бывает и с богатым: рабы, золото, поля, множество дел, тысячи забот, обстоятельств, нужд - делают его удобоуловимым для всех.

3. Итак, пусть никто не считает бедность причиною бесчестия. Перед добродетелью всё богатство вселенной хуже грязи, меньше соломинки. Будем же стремиться к ней, если хотим войти в царство небесное. "**Продай**", - сказал (Господь), - "**имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах**" (Мат. 19:21); и еще: "…**трудно богатому войти в Царство Небесное**" (Мат. 19:28). Видишь ли, что даже надобно искать (бедности), если нет её? Такое она составляете, благо! Она - руководительница по пути, ведущему к небу, помазание для ратоборства, великое и дивное училище, безопасная пристань. Но, скажешь, я имею нужду во многом, и не хочу ни от кого принимать милостыни? В этом отношении богатый ниже тебя. Ты, быть может, просишь милостыни для пропитания; а он бесстыдно (просит) бесчисленного множества вещей по любостяжанию. Богатые нуждаются во многих. Что я говорю: во многих? Часто даже в таких людях, которые недостойны их самих; например: они часто нуждаются в воинах и рабах. А бедный не нуждается и в самом царе; если же он в чём-нибудь и нуждается, то ему удивляются, что он сам поставил себя в такое положение, тогда как мог быть богатым. Итак, никто пусть не обвиняет бедность, как бы причину безчисленных зол, и не противоречит Христу, который назвал её совершенством добродетели, когда сказал: "**если хочешь быть совершенным**" (Мат: 19:21). Это Он выразил словами, показал и делами, преподал и через учеников. Будем же искать бедности; она - величайшее благо для внимательных. Может быть, некоторые из слушателей и предубеждены против этого. Охотно верю: так сильна эта болезнь у многих людей и так велика власть, богатства, что

многие не могут выносить отречения от него даже на словах, и относятся к нему с предвзятою мыслию. Пусть же удалится такая мысль от души христианина; нет никого богаче человека, избравшего бедность добровольно и охотно. Так ли? Я утверждаю это, и, если хотите, объясню, что добровольно избравший бедность богаче самого царя. Тот нуждается во многом, заботится и боится, чтобы не оказалось недостатка для содержания войска; а этот имеет всего вдоволь, не боится ничего, а если и боится, то не в такой степени. Кто же богат, скажи мне, тот ли, кто каждый день заботится, старается собрать, как можно больше, и боится, чтобы в чём-нибудь не оказалось недостатка, или тот, кто ничего не собирает, живёт в совершенном довольстве и ни в чём не нуждается? Добродетель и страх Божий, а не деньги, сообщают дерзновение; деньги же доводят и до рабства: "**угощения и подарки**", - говорит (Премудрый), - "**ослепляют глаза мудрых и, как бы узда в устах, отвращают обличения**" (Сир. 20:29). Смотри, как Петр, бедный, наказал богатого Ананию. Не богач ли был этот и не бедняк ли тот? Но вот, с какою властью тот обращается к нему и говорит: "**скажи мне, за столько ли продали вы землю?**" А этот с робостью отвечает: "**да, за столько**" (Деян. 5:8). Но могу ли я, скажешь, быть Петром? Можно и тебе быть Петром, если захочешь бросить то, что имеешь; раздели, отдай бедным, последуй Христу, - и будешь таким же. Как, скажешь, ведь он творил чудеса? Но это ли, скажи мне, сделало Петра дивным, или дерзновение, приобретённое жизнью? Не слышишь ли, что Христос говорит: "…**не радуйтесь, что духи вам повинуются**" (Лук. 10:20); и еще: "**если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах**" (Мат. 19:21)? Дослушай также, что говорит Пётр: "**серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе**…" (Деян. 3:6); следовательно, кто имеет золото и серебро, тот не имеет этого. Отчего же, скажешь, многие не имеют ни того, ни другого? Оттого, что они бедны не добровольно; а избирающие бедность добровольно имеют все блага. Если они не воскрешают мёртвых и не исцеляют хромых, то у них есть благо, которое важнее всего, - они имеют дерзновение перед Богом, и услышат в будущий день блаженные слова: "**приидите, благословенные Отца Моего**", - что лучше этого? – "**наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне**" (Мат. 25:34-36). Будем же избегать любостяжания, чтобы нам получить царство небесное; будем питать бедных, чтобы, напитать Христа, чтобы сделаться сонаследниками Его, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу с Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 19

"Итак, братия, имея дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа, путем новым и живым, который Он вновь открыл нам через завесу, то есть плоть Свою, и [имея] великого Священника над домом Божиим, да приступаем с искренним сердцем, с полною верою, кроплением очистив сердца от порочной совести, и омыв тело водою чистою, будем держаться исповедания упования неуклонно, ибо верен Обещавший" (Евр. 10:19- 23).

1. (Апостол) показал, какое различие между первосвященниками, жертвами, скиниею, заветом и обетованиями, и именно - великое, потому что одно временное, а другое вечное, то преходящее, а это пребывающее, то несовершенное, а это совершенное, то прообраз, а это истина: "**не по закону**", - говорит, - "**заповеди плотской, но по силе жизни непрестающей**" (Евр. 7:16); и еще: "**Ты священник вовек**" (Евр.7:17), - вот вечность нашего Священника; и о заветах говорит, что тот - ветхий: "**ветшающее и стареющее близко к уничтожению**" (Евр. 8:13), а этот - новый и имеющий отпущение грехов, тот же

вовсе не таков: "…**закон ничего не довел до совершенства**" (Евр. 7:19); и еще: "**жертвы и приношения Ты не восхотел**" (Евр. 10:5); тот рукотворённый, а этот нерукотворённый, тот имел кровь козлов, а этот кровь Владыки, тот - священника стоявшего, а этот - сидящего. Так как всё то меньше, а это больше, то (Апостол) и говорит: "…**имея дерзновение**". Почему - "**дерзновение**"? По причине отпущения грехов. Как от грехов происходит стыд, так от прощения всех их - дерзновение; и не только от этого, но и от того, что мы сделались сонаследниками (Христа) и сподобились такой любви Его. "**Входить во святилище**". Что он разумеет под этим вхождением? Вход в небо и доступ к духовным тайнам. "**Который Он вновь открыл нам**", т.е., который Он устроил и которым сам первый прошел; обновлением называется начало употребления; Он сам, говорит, устроил его и сам прошёл им. "**Путем новым и живым**": здесь он выражает полноту надежды. "**Новым**", - говорит; старается показать, что мы имеем всё высшее, так как теперь отверсты врата небесные, чего не было даже при Аврааме. Хорошо он сказал: "**путем новым и живым**": первый путь был путём смерти, низводившим в ад, а этот - путём жизни; не сказал: жизни, но назвал его "**живым**"; выражая, что он остается таким постоянно. "**Через завесу**", - говорит, - "**то есть плоть Свою**". Эта плоть первая проложила путь, который, как говорит (Апостол), Он обновил и по которому Он сам благоволил пройти. Справедливо плоть названа завесою, - потому что, когда она вознеслась, тогда и открылось небесное. "**Да приступаем**", - говорит, - "**с искренним сердцем**". Кто - "**да приступаем**"? Кто свят по вере, по духовному служению. "**С искренним сердцем, с полною верою**", - потому что здесь нет ничего видимого: и священник, и жертва, и жертвенник невидимы. Хотя и там священник не был видим, стоял внутри, а все прочие, весь и народ, вне, но здесь (Апостол) выражает не только то, что наш Священник вошёл во святое, - на это он указал словами: "**великого Священника над домом Божиим**", - но что входим и мы. Потому он говорит: "**с полною верою**"; можно ведь веровать и с сомнением, как например и ныне есть много людей, которые говорят, что для одних будет воскресение, а для других нет; это не полнота веры. Веровать должно так, как (мы уверены) в предметах видимых и даже гораздо больше; здесь, касательно предметов видимых, можно и ошибиться, а там нет; здесь мы воспринимаем чувством, а там духом. "**Кроплением очистив сердца от порочной совести**": здесь он доказывает, что требуется не только вера, но и добродетельная жизнь, и то, чтобы не сознавать за собою ничего худого. В святое не допускаются те, которые не ведут себя вполне так, - потому что оно - святое и святое святых; следовательно, сюда не входит никто из нечистых. Те омывали тело, а мы совесть; нужно и ныне омываться, но уже добродетельно. "**И омыв тело водою чистою**". Здесь он говорит о купели (крещения), которая очищает не тело, а душу. "**Ибо верен Обещавший**". Чему "**верен Обещавший**"? Тому, что нужно отойти (из здешней жизни) и войти в царство (небесное). Потому не исследуй, не требуй доказательств: наши (предметы) требуют веры. "**Будем внимательны друг ко другу, поощряя к любви и добрым делам. Не будем оставлять собрания своего, как есть у некоторых обычай; но будем увещевать [друг друга], и тем более, чем более усматриваете приближение дня оного**" (Евр. 10:24 - 25). И опять в другом месте: "**Господь близко. Не заботьтесь ни о чем**" (Фил. 4:5,6). "**Ныне ближе к нам спасение**" (Рим. 13:11); и еще: "**время уже коротко**" (1 Кор. 7:29). Что значит: "**не будем оставлять собрания своего**"? Он имеет в виду, что от собрания и взаимного общения происходит великая сила. "**Ибо**", - говорит (Господь), - "**где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них**" (Мат. 18:20); и еще: "…**которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы**" (Иоан. 17:11); и еще: у всех "… **было одно сердце и одна душа**" (Деян. 4:32). Но не поэтому только (он указывает) на собрание, а и потому, что от него умножается любовь; за умножением же любви необходимо следуют и дела по Боге. "**Церковь**", - говорится – "**прилежно молилась о нем Богу**" (Деян. 12:5). "**Как есть у некоторых обычай**". Здесь он предлагает не только увещание, но и укоризну. "**Будем внимательны друг ко другу, поощряя к любви и добрым делам**". Он знает, что и это

происходит от собрания. Как железо острит железо, так и общение друг с другом умножает любовь. Если камень, ударяясь о камень, издаёт огонь, то не тем ли более душа, сообщаясь с душою? Заметь, он, не говорит: в (поощрении) ревности, но: "**поощряя к любви**". Что значит: "**поощряя к любви**"? Чтобы более и более любить и быть любимыми. Прибавляет ещё: "**и добрым делам**", чтобы они прониклись соревнованием. И справедливо: если дела имеют больше силы для назиданья, нежели слова, то и вы, говорит, имеете многих учителей, оправдывающих учение делами. Что значит: "…**да приступаем с искренним сердцем**"? Это значит - без лицемерия: "**Горе сердцам боязливым и рукам ослабленным**" (Сир. 3:12). Пусть не будете, говорит, у вас лжи; не будем говорить одно, а думать другое, потому что это - ложь; не будем малодушествовать, потому что это несвойственно искреннему сердцу, - малодушие ведь происходит от неверия. А каким образом достигнуть этого? Если мы будем иметь в себе полную веру. "**Кроплением очистив сердца от порочной совести**". Почему он не сказал: очищенные, но: "**кроплением**"? Чтобы показать различие окроплений и то, что одно от Бога, а другое от нас: окропить и омыть совесть - от Бога, а приступить искренно и с полною верою - от нас. Далее (Апостол) укрепляет веру, указывая на истинность Обещавшего. Что значит: "…**и омыв тело водою чистою**"? Он говорит (о воде), или делающей чистыми, или не имеющей крови. Затем присовокупляет (то, что составляет) совершенство, - любовь. "**Не будем оставлять**", - говорит, - "**собрания своего**", - как делают некоторые, расторгающие собрания. Это он запрещает им - потому что "**озлобившийся брат [неприступнее] крепкого города**" (Притч. 18:20). Но "**будем внимательны друг ко другу, поощряя к любви**". Что значит: "**будем внимательны друг ко другу**"? Т.е., кто добродетелен, тому будем подражать, будем смотреть на него, чтобы любить и быть любимыми; а от любви происходят добрые дела.

2. Великое благо - собрание. Оно делает любовь пламеннее, а от неё происходят все блага; нет блага, которое не происходило бы от любви. Будем же укреплять любовь друг к другу, потому что "**любовь есть исполнение закона**" (Рим. 13:10). Не нужно нам ни трудов, ни подвигов, если мы любим друг друга; это - путь, который сам собою ведёт к добродетели. Как на большой дороге, кто найдёт её начало, тот идёт по ней, не нуждаясь в проводнике, так и в любви: улови только её начало, и сейчас же она поведёт и направит тебя. "**Любовь**", - говорит (Апостол), - "**долготерпит, милосердствует,** …**не мыслит зла**" (1 Кор. 13:4,5). Пусть каждый размыслит с самим собою, как он поступает в отношении к себе; так же пусть поступает и в отношении к ближнему. Никто не завидует себе, желает себе всех благ, предпочитает себя всему, старается делать всё в свою пользу. Если таким же образом мы будем расположены и к другим, то прекратятся все бедствия, не будет ни вражды, ни любостяжания. Кто в самом деле станет отнимать у себя самого? Никто, а скорее - совершенно напротив.

Итак, будем иметь всё общим и не перестанем собираться вместе. Если мы будем делать это, злопамятству не останется места. И действительно, кто станет злопамятствовать против себя самого? Кто станете гневаться на себя самого? Напротив, не прощаем ли мы себе всё? Если таким же образом мы будем расположены, и к ближним, то злопамятства никогда не будете. Но возможно ли, скажешь, любить ближнего, как себя самого? Если бы этого не исполняли другие, то ты справедливо мог бы думать, что это невозможно; если же исполняли, то очевидно, что у нас не бываете этого по нашему нерадению. С другой стороны, Христос не заповедует ничего невозможного, так что многие даже превзошли Его заповеди. Кто же исполнил это? Павел, Петр, весь сонм святых. Впрочем, если я скажу, что они любили ближних, то не скажу ничего важного; они любили врагов так, как другой не мог бы любить близких к себе. Кто из нас решился бы идти в геенну за близких к себе, имея возможность войти в царство? Никто. Но Павел решался на это за врагов, бросавших в него камнями, бичевавших. Какое же мы будем иметь оправдание, какое

извинение, если мы друзьям не оказываем и малейшей части той любви, какую Павел оказывал врагам? И еще прежде него блаженный Моисей за врагов, хотевших побить его камнями, желал быть изглаженным из книги Божией (Исх. 32:32). Также Давид, видя гибель врагов своих, говорит: "**вот, я согрешил, я поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они**" (2 Цар. 24:17)? - и, имея Саула в руках своих, не хотел умертвить его, но оставил в живых, тогда как сам подвергался опасности. Если же так было в ветхом завете, то какое прощение получим мы, живущие в новом, и не достигшие даже той меры любви, какой они (достигали)? Если мы не войдем в царство небесное, "**если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев**" (Мат. 5:20), то как мы войдем в него, если будем иметь меньше их? "**Любите**", - говорит (Господь), - "**врагов ваших**", и будете подобными Отцу вашему, который на небесах (Мат. 5:44, 48). Люби же врага; не ему ты (через это) благодетельствуешь, а себе самому. Как? Делая это, ты уподобляешься Богу. Он, если будет любим тобою, немного приобретет, потому что будет любим подобным себе рабом; а ты, если будешь любить подобного себе раба, то приобретешь много, потому что сделаешься подобным Богу. Видишь ли, что не ему ты благодетельствуешь, а самому себе? Награда уготована не ему, а тебе. Но что, скажешь если он порочен? Тем большая готовится тебе награда; и за самую порочность его ты должен быть благодарен, если он, несмотря на множество благодеяний, остаётся порочным; если бы он не был весьма порочным, то тебе не была бы уготована великая награда. Таким образом самый этот повод к нелюбви, возражение, что он порочен, должно быть побуждением к любви. Если не будет противника, то не будет и случая к получению венцов. Не видишь ли, как борцы наполняют мешки песком и таким образом упражняются? А тебе нет нужды прибегать к этому; жизнь полна людьми, которые могут упражнять тебя и делать крепким. Не видишь ли, как деревья, чем более колеблются ветрами, тем делаются крепче и плотнее? Будем же и мы долготерпеливыми, и сделаемся крепкими; "**У терпеливого человека**", - сказано, - "**много разума, а раздражительный выказывает глупость**" (Притч, 14:29). Замечаешь, какая похвала первому, и какая укоризна последнему? Крепко безумен, т.е. совершенно. Потому не будем малодушными в отношении друг к другу. Не от вражды это происходит, а от слабости души; если же она будет крепкою, то будет легко переносит всё, не потонет ни от чего и войдёт в тихую пристань, которой да сподобимся достигнуть все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 20

"Ибо если мы, получив познание истины, произвольно грешим, то не остается более жертвы за грехи, но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников" (Евр. 10:26, 27).

1. Деревья, которые, будучи посажены и сберегаемы со всякою заботливостью руками земледельца, не доставляют никакого вознаграждения за труды, исторгаются с корнем и бросаются в огонь. То же самое бывает и с просвещенными (крещением). Если мы, будучи насаждены Христом и сподобившись духовного орошения, окажем потом жизнь бесплодную, то нас ожидает геенский огонь и неугасимый пламень. Потому Павел, предложив увещание о любви и плодоношении добрых дел, представив к тому отрадные побуждения, - именно в том, что мы имеем вход во святое и новый туда путь, который нам открыл (Христос), - теперь опять внушает то же самое, представляя побуждения более прискорбные. Сказав: "**Не будем оставлять собрания своего, как есть у некоторых обычай; но будем увещевать [друг друга], и тем более, чем более усматриваете приближение дня оного**", - хотя и этого достаточно было для увещания, - присовокупляет: "**если мы, получив познание истины, произвольно грешим**".

Необходимы, говорит, добрые дела и очень необходимы: "**если мы, получив познание истины, произвольно грешим то не остается более жертвы за грехи**". Смысл слов его следующий: ты очистился, избавился от грехов, сделался сыном (Божиим); если и после этого возвратишься на прежнюю блевотину; то тебя ожидает уже отвержение, огонь, и тому подобное, - потому что нет второй жертвы. Здесь опять встречаются нам люди, как отвергающие покаяние, так и медлящие приступить к крещению: последние говорят, что им небезопасно приступить к крещению, если нет вторичного отпущения грехов; а первые утверждают, что небезопасно преподавать тайны согрешившим, если нет вторичного отпущения грехов. Что же нам сказать тем и другим? То, что (Апостол) говорит это не с такою целью; он не отвергает покаяния или помилования через покаяние, не отлучает падшего и не повергает его в отчаяние; он не враг нашего спасения; но что? Он отвергает вторичное крещение. Не сказал: уже нет покаяния, или: уже нет отпущения (грехов), но: уже нет жертвы, т.е. уже нет второго креста; его он называет жертвою. "**Не имеет нужды ежедневно**", - говорит, - "…**приносить жертвы** …**ибо Он совершил это однажды**", - не так, как приносились иудейские (жертвы), не часто. Потому он и говорил неоднократно о жертве, что она одна и одна, - с целью показать не только то, что она отличается от иудейских (жертв), но и предохранить слушателей, чтобы они не ожидали другой жертвы по закону иудейскому. "**Ибо если мы**", - говорит, - "…**произвольно грешим**". Замечаешь, как он снисходителен? "**Ибо если мы**", - говорит, - "…**произвольно грешим**". Следовательно, для (согрешающих) невольно есть прощение. "**Получив познание истины**". Разумеет здесь или Христа, или все догматы. "**То не остается более жертвы за грехи**". Но что? "**Но некое страшное ожидание суда и ярость огня, готового пожрать противников**". Противниками он называет не только неверующих, но и делающих противное добродетели, и внушает, что тому же огню подвергнутся и наши (грешники), которому противники. Потом, желая выразить свирепость этого огня, как бы раздувает его и говорит: "**ярость огня, готового пожрать противников**". Как дикий зверь, раздраженный, рассвирепевший и разъярившейся, не успокаивается до тех пор, пока не схватит и не пожрет кого-нибудь, так и тот огонь, точно распаляемый ревностью, кого схватит, того уже не отпускает, но пожирает и терзает. Далее (Апостол) приводит оправдание такой угрозы, - что она сообразна и справедлива. Этим самым, т.е. когда нам показывают её справедливость, мы располагаемся к вере. "**[Если] отвергшийся закона Моисеева**", **-** говорит, **-** "**при двух или трех свидетелях, без милосердия [наказывается] смертью**" (Евр. 10:28). "**Без милосердия**", - говорит; не было там никакого снисхождения, никакой милости, хотя это был закон Моисеев, который предписывал многое. Что значит: "**при двух или трех свидетелях**"? Когда, говорит, свидетельствовали два или три человека) то виновные тотчас подвергались наказанию. Если же в ветхом завете полагалось такое наказание, когда кто отвергал закон Моисея, то не тем ли более здесь? Потому он и говорит: "**то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет**" (Евр. 10:29)?

2. А каким образом попирает кто-либо Сына Божия? Если, приобщаясь Его в тайнах, он совершает грехи, то скажи мне, не попирает ли Его? Не презирает ли Его? Как попираемых людей мы ставим ни во что, так и согрешающие ставят ни во что Христа, потому и грешат. Ты стал телом Христовым, и отдаешь себя диаволу, чтобы он попирал тебя? "**И не почитает за святыню Кровь завета**", - говорит, - "**которою освящен**". (слав. – "кровь завета скверну возмнив"). Что значит: скверну? Нечистою, или нисколько не лучшею всего другого. "**И Духа благодати оскорбляет**", - потому что не принимающий благодеяния оскорбляет благодетеля. (Христос) сделал тебя сыном; а ты хочешь быть рабом? Он пришел поселиться у тебя; а ты вводишь к себе злые помыслы? Христос хочет обитать у тебя; а ты попираешь Его объедением, пьянством? Послушайте вы, недостойно приобщающиеся тайн; послушайте, недостойно приступающие к этой трапезе: "**не**

давайте", - говорит Он, - "**святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими**" (Мат. 7:6), т.е. чтобы не пренебрегли, чтобы не оплевали. Но (Апостол) сказал не так, а еще страшнее; он поражает души страхом, так как это могло подействовать на них не меньше увещания. Он показывает различие (отвержения закона Моисеева и попрания крови Христовой), а им самим предоставляет судить о наказании за последнее, как о деле очевидном. "**То сколь тягчайшему думаете**", - говорит, - "**наказанию повинен будет**"? Здесь, мне кажется, он разумеет таинства. Далее приводит и свидетельство: "**Страшно**", - говорит, - "**впасть в руки Бога живаго!**". Писано бо есть: "**у Меня отмщение, Я воздам, говорит Господь. И еще: Господь будет судить народ Свой**" (Евр. 10:30,31). Мы впадём, говорит, в руки Господа, а не в руки людей. Если не покаетесь, то впадете в руки Божии. Это страшно; а то - впасть в руки людей - ничего не значит. Когда мы видим, говорит, что кто-либо здесь наказывается, то не будем бояться настоящего, но будем страшиться будущего: по милости бо Его и гнев Его, "**и на грешниках пребывает ярость Его**" (Сир. 5:7). Словами: "**у Меня отмщение, Я воздам**" - указывает здесь и на нечто другое. Это сказано о врагах, делающих зло, а не о терпящих зло. Таким образом он здесь и утешает, как бы так говорит: Бог всегда пребывает и живёт; потому, если (враги) не получат возмездия ныне, то получат после; им должно стенать, а не нам; мы впадаем в их руки, а они - в руки Божии; не терпящий зло страдает, а делающий зло; равно и не благодетельствуемый получает благодеяние, а благодетельствующий.

Зная это, будем твердыми в терпении зла и готовыми на благодеяния. А это будет тогда, когда мы станем презирать деньги и славу. Освободившийся от этих страстей свободнее всех людей и богаче самого облечённого в багряницу. Не видишь ли, сколько бывает зла из-за денег? Не говорю, сколько от любостяжания, а сколько - от пристрастия к деньгам? Так, например, кто-нибудь потерял деньги, - и вот он живёт жизнью, которая несноснее самой смерти. О чём, человек, скорбишь ты? О чём плачешь? О том ли, что Бог освободил тебя от лишней обузы? О том ли, что ты не сидишь больше в страхе и трепете? Если кто-нибудь привяжет тебя к сокровищу и прикажет сидеть там постоянно и бодрствовать над чужим (имуществом), то ты сетуешь и негодуешь; но когда ты сам привязал себя к нему несноснейшими узами, то почему скорбишь, будучи освобождён от такого рабства? Подлинно, эти горести и эти радости - следствие предрассудка. Мы должны хранить имущество так, как будто оно у нас чужое. Теперь к женам обращаю речь свою. Когда у какой-либо жены есть одежда, истканная из золота, то она часто вытрясает её, завертывает в полотно, тщательно сохраняет дрожит над нею и не пользуется ею. Точно она умерла, или овдовела, или, если не случилось ничего такого, боится, чтобы, износив её от частого употребления, не лишиться её; если другой не лишает, то она сама лишает себя по скупости. Но уступила её другой? Это еще неизвестно; а если и уступила, то и та пользуется ею точно также. Если бы кто-нибудь осмотрел содержимое домов, то нашел бы, что самые дорогие одежды и самые лучшие вещи берегутся так, как будто бы он были живыми властителями. (Жена) не употребляет их часто, но боится и дрожит, предохраняет их от моли и других истачивающих платье насекомых, обкладывает большую часть их мазями и ароматами и не всех удостаивает взглянуть на них, - только сама с мужем часто и старательно их раскладывает.

3. Не справедливо ли, скажи мне, Павел назвал любостяжание идолослужением? Какую честь те (язычники) оказывают идолам, такую же они - одеждам и золотым вещам. Доколе мы будем заниматься грязью? Доколе будем прилепляться к глине и кирпичам? Как те (иудеи) работали царю египетскому, так мы работаем диаволу, и получаем удары бичами гораздо тягчайшие. Не прими этих слов за преувеличение: чем душа выше тела, тем тяжелее раны, которые мы наносим себе каждый день своими заботами, соединенными со страхом и трепетом. Но если мы захотим раскаяться, если захотим возвести очи к Богу, то

Он пошлёт нам не Моисея и Аарона, но слово своё и сердечное сокрушение. Оно пришедши освободит наши души от горького рабства, изведёт нас из Египта, из этих безполезных и напрасных хлопот, из этого рабства, не доставляющего никакой пользы. Те по крайней мере вышли с золотыми вещами, в вознаграждение за труды; а мы (не получаем) ничего, - и если бы только ничего! Но теперь мы получаем не золотые вещи, а египетские бедствия, - грехи, казни и мучения. Научимся же находить свою пользу, научимся терпеть потери; это достойно христианина. Будем пренебрегать золотыми одеждами; будем пренебрегать деньгами, чтобы не пренебречь нам своего спасения; будем пренебрегать деньгами, чтобы не пренебречь нам, своей души. Она понесёт наказание, она потерпит мучение; всё прочее остается здесь, а она отходит туда. Для чего же, скажи мне, для чего ты мучишь сам себя, и не чувствуешь? Говорю это любостяжательным. Нужно сказать и тем, которые терпят от любостяжания: переносите мужественно обиды от любостяжательных; они губят себя самих, а не вас; у вас они отнимают имущество, а себя лишают Божия благоволения и помощи. А кто лишился (благоволения Божия), тот, хотя бы владел всем богатством вселенной, беднее всех; равно как беднейший из всех, но имеющий (это благоволение), богаче всех. "**Господь**", - говорит (Псалмопевец), - "**Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться**" (Пс. 22:1). Скажи мне: если бы ты имела мужа великого и дивного, который бы любил тебя и заботился о тебе, и при том если бы ты знала, что он будет жив всегда и ты не умрёшь прежде него, и предоставил бы он тебе всё своё имущество, так что ты пользовалась бы им, как своим, - то захотела ли бы ты приобретать что нибудь? И даже, если бы ты лишилась всего, не считала ли бы ты себя богатою? О чём же ты скорбишь? О том ли, что не имеешь богатства? Но знай, что у тебя отнят повод ко грехам. О том ли, что лишилась имущества? Но ты приобрела благоволение Божие. Как, скажешь, приобрела? (Апостол) сказал: "**Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными**" (1 Кор. 6:7)? и еще: "**За все благодарите**" (1 Фес. 5:18); (Христос) сказал: "**Блаженны нищие духом**" (Мат. 5:3). Подумай же, какого сподобишься ты благоволения, если покажешь это на деле. От нас требуется только одно - за всё благодарить Бога, и мы будем иметь всё в изобилии. Например, ты потерял десять тысяч литр золота? Тотчас благодари Бога, и через это обращение к Нему и свою благодарность ты уже приобретаешь сто тысяч. За что, скажи мне, ты ублажаешь Иова: за то ли, что он имел столько верблюдов, стад и рабочего скота, или за сказанные им слова: "**Господь дал, Господь и взял**" (Иов. 1:21)? И диавол вредит нам не для того, чтобы только отнять у нас имущество, - он знает, что оно ничто, - но чтобы через это заставить нас сказать что-нибудь богохульное. Так и блаженного Иова он хотел сделать не только бедняком, но и богохульником. Когда он лишил его всего, то, смотри, что говорит ему через жену: "**И сказала ему жена его: ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри**" (Иов. 2:9). Да ведь ты, лукавый, уже лишил его всего! Но не того, говорит, я домогался; того, для чего я всё делал, я еще не достиг; я старался лишить его помощи Божией; для того и имущества лишил его; вот чего я хочу, - а то ничего не значит; если это мне не удастся, то он не только не потерпит никакого вреда, но ещё получит пользу.

4. Видишь, что и злой демон знает, какой вред бывает от этого? Для того, как видишь, он и строил козни через жену. Послушайте, мужья, которые имеете жён, привязанных к богатству и вынуждающих вас богохульствовать: помните Иова. Впрочем посмотрим, если угодно, на великую кротость его и на то, как он заградил уста жене. "**Ты**", - говорит, - "**говоришь как одна из безумных**" (Иов. 2:10). Подлинно, "**худые сообщества развращают добрые нравы**", (1 Кор. 15:33). Они и всегда портят, но особенно во время несчастий; тогда предлагающие дурные советы бывают сильны, потому что если душа и сама по себе склонна к нетерпению, то не гораздо ли более тогда, когда есть ещё советник? Не готова ли она тогда броситься даже в пропасть? Жена - великое благо, но и великое зло. И смотри, каким образом (диавол) старался подкопать эту крепкую стену.

Так как лишение имущества не преодолело его и все потери не произвели ничего важного, но сам (враг) был обличён, что напрасно он говорил: "…**но прострри руку Твою и коснись всего, что у него, - благословит ли он Тебя**" (Иов. 1:11), - то он вооружает против него жену. Видишь ли, чего он домогался? Но отнюдь не более помогла ему и эта хитрость. Так и мы, если будем переносить всё с благодарностью, то получим то же (что Иов); а если не получим, то нас ожидает большая награда. Так было и с этим адамантовым мужем. Когда он доблестно перенес всё, тогда (Бог) дал ему и богатство; когда он доказал диаволу, что не из-за этого он служить (Богу), тогда дал ему и это. Так поступает Бог: когда видит, что мы не привязываемся к благам житейским, тогда и даёт их нам; когда видит, что мы предпочитаем им блага духовные, тогда даёт нам и блага вещественные; не даёт же их прежде, чтобы мы не забыли о духовных. Таким образом Он, щадя нас, не даёт нам благ вещественных, чтобы хотя против воли отклонить нас от них. Нет, скажешь, напротив, когда я получу их, тогда удовлетворюсь и тем более стану благодарить (Бога). Лжешь ты, человек; тогда особенно ты и будешь лениться. Почему же, скажешь, Он многим даёт? Но откуда видно, что Он даёт? Кто же, скажешь, даёт другой? Собственное их любостяжание, грабительство. А почему Он попускает это? Потому же, почему (попускает) убийство, воровство, насилие. А что, скажешь, думать о тех, которые получают наследство от родителей, несмотря на то, что они сами исполнены бесчисленных пороков? Как Бог попускает им пользоваться этим? Так же, как Он попускает ворам, убийцам и другим злодеям. Ныне время не суда, а благоустроения жизни. Как я прежде говорил, так и теперь скажу: они подвергнутся большему наказанию, если, наслаждаясь всеми благами, не сделаются оттого лучшими. Не вес будут наказаны одинаково, но оставшиеся злыми, несмотря на благодеяния, будут мучиться больше, а жившие в бедности - меньше. Что это справедливо, о том послушай, как говорит Давид: не дал ли Я тебе, говорит, все (имущество) "**господина твоего**" (2 Цар. 12:8). Итак, когда ты увидишь, что молодой человек без трудов получил отцовское наследство и остался злым, то будь уверен, что ему готовится наказание сильнейшее и мучение жесточайшее. Потому будем подражать не такому человеку, но тому, кто наследовал добродетель, кто приобрёл духовное богатство: горе, говорит (Псалмопевец), "**надеющимся на богатство свое**" (Пс. 48:7); и еще: "**Блажен всякий боящийся Господа**" (Пс. 127:1). В числе которых, скажи мне, хочешь быть ты? Конечно, в числе ублажаемых. Подражай же им, а не тем, чтобы и тебе получить уготованные им блага, которых да сподобимся вес мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 21

"Вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий, то сами среди поношений и скорбей служа зрелищем [для других], то принимая участие в других, находившихся в таком же [состоянии]; ибо вы и моим узам сострадали и расхищение имения вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее " (Евр. 10:32-34).

1. Отличнейшие из врачей, сделав глубокий разрез и этою раною усилив боли, стараются облегчить страдания больного члена, успокоить и утешить скорбящую душу, и потому уже не делают нового разреза, но и сделанный стараются облегчить лекарствами успокоительными и способными уничтожить сильные боли. То же сделал и Павел. Потрясти их души и приведши в сокрушение напоминанием о геенне, убедив их, что непременно погибнет всякий, ругающийся над благодатью Божией, и доказав законами Моисея, что (такие люди) погибнут и подвергнутся тяжким мучениям, подтвердив слова свои и другими свидетельствами и сказав: "**Страшно впасть в руки Бога живаго!**", - теперь, чтобы поражённые сильным страхом души их не впали от скорби в отчаяние, он

утешает их похвалами и увещаниями и представляет им для соревнования собственный (их пример). "**Вспомните**", - говорит, - "**прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий**". Много значит увещание (заимствованное) от дел. Тому, кто начал дело, следует продолжать, чтобы иметь, успех. Он как бы так говорит: когда вы ещё вступали, когда были только учениками, и тогда показали такое усердие, такое мужество; а теперь не так. Кто предлагает подобное увещание, тот весьма сильно действует собственным (их примером). И смотри: не просто сказал: "**подвиг страданий**", но с прибавлением: "**великий**". И не сказал: искушения, но: "**подвиг**"; это выражение означает одобрение и величайшую похвалу. Потом входит в подробности, распространяя речь свою и высказывая многие похвалы. Как? "**То сами среди поношений и скорбей**", - говорит, - "**служа зрелищем [для других]**". Поношение сильно действует на сердце, способно взволновать душу и помрачить разум. Об этом, послушай, как говорит пророк: "**Слезы мои были для меня хлебом день и ночь, когда говорили мне всякий день: "где Бог твой?**" (Пс. 41:4)? и еще: "…**ибо не враг поносит меня, - это я перенес бы**" (Пс. 54:13). Род человеческий весьма тщеславен; потому он легко уловляется и этим. И не просто сказал: "**поношений**", но еще выразительнее: "**служа зрелищем [для других]**". Когда кто терпит поношение наедине, и тогда бывает прискорбно; но гораздо больше, когда - при всех. Представь, как тяжко было им, отказавшимся от низкого иудейства, обратившимся к лучшей жизни и презревшим отеческие (обычаи), терпеть зло от своих домашних и не иметь никакой защиты. Не могу сказать, говорит, что вы, претерпевая это, скорбели; напротив вы даже весьма радовались. Это он выразил словами: "…**принимая участие в других, находившихся в таком же [состоянии]; ибо вы и моим узам сострадали**"; здесь он указывает на апостолов. Не только, говорит, вы не посрамились перед домашними, но приняли участие и в других, терпевших то же. Этим он предлагает им и утешение. Не сказал: переносили мои скорби, сделались моими общниками, но просто: "**моим узам сострадали**". Видишь ли, что он говорит о себе и других узниках? Вы (говорит) не считали узы узами, но вели себя, как мужественные ратоборцы: не только в своих страданиях не нуждались в утешении, но служили утешением и для других. "**И расхищение имения вашего приняли с радостью**". О, какая полнота веры! Потом приводит и причину, побуждая их не только к подвигам, но и к непоколебимости в вере. Видя, говорит, расхищение своего богатства, вы терпели, потому что созерцали богатство невидимое, как видимое, - что свойственно истинной вере, которую и доказали самыми делами. Расхищение могло быть от насилия хищников, так что никто не мог воспрепятствовать этому, и отсюда ещё не видно, что вы терпели расхищение из-за веры. Впрочем, отчасти и видно: вы, если бы захотели, могли бы не подвергаться расхищению, не уверовав; но вы сделали гораздо больше, - перенесли это с радостью; это - дело вполне апостольское и достойное тех мужественных душ, которые радовались, подвергаясь бичеванию. "**Они же**", - сказано, - "**пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие**" (Деян. 5:41). Кто переносит это с радостью, тот показывает, что он уже имеет некоторую награду, и что дело его есть не потеря, а приобретение. Слово: "**принять**" указывает на их добровольное терпение. Как же вы решились и приняли? "**Зная**", - говорит, - "**что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее**". Что значить: "**непреходящее**"? Прочное, не погибающее так, как здешнее.

2. Похвалив их, он потом говорит: "**Итак не оставляйте упования вашего, которому предстоит великое воздаяние**" (Евр. 10:35). Что говоришь? Не сказал: вы потеряли дерзновение ваше, приобретите его снова, - чтобы они не впали в отчаяние, - но: вы имеете его, не теряйте, - чем сильнее воодушевляет их и придаёт им силы. Вы, говорит, имеете дерзновение, чтобы снова приобрести потерянное; для этого требуется больший труд, а не потерять имеющегося - не так. К Галатам он пишет напротив: "**Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!**" (Гал. 4:19);

и справедливо. Они оказывали беспечность, потому, для них нужна была речь более обличительная; а те (оказывали) некоторое малодушие, потому для них нужна была (речь) более снисходительная. "**Итак не оставляйте**", - говорит, - "**упования вашего**"; следовательно, они имели великое дерзновение перед Богом. "**Которому предстоит**", - говорит, - "**великое воздаяние**". Что это значит? Мы, говорит, тогда получим его. Если же оно уготовано в будущем, то не должно искать его здесь. Потом, чтобы кто-нибудь не сказал: вот с нашей стороны всё сделано, - он предупреждает такую мысль их и как бы так говорит: если вы знаете, что имеете на небесах имение лучшее, то ничего не ищите здесь; вы имеете нужду в терпении, а не в умножении подвигов, чтобы остаться при том же, чтобы не потерять данного вам; для вас не нужно ничего другого, кроме того, чтобы стоять, как стоите, чтобы, дошедши до конца, вы могли получить обещанное. "**Терпение нужно вам**", - говорит, - "**чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное**" (Евр. 10:36). Вам нужно только одно - терпеть замедление (в исполнении обещанного), а не снова подвизаться. Вы близ самого венца, перенесли все подвиги, узы, скорби, расхищение вашего имения: что же (остаётся вам)? Вы находитесь близ того, чтобы быть увенчанными; переносите только одно - замедление венца. Какое великое утешение! Он утешает их так, как если бы кто-нибудь говорил с ратоборцем, который победил всех и не имеет ни одного соперника, но, ожидая венца, теряет терпение, пока придёт начальник борьбы и возложит на него венец, и в нетерпении хочет уйти и убежать, не вынося жажды и жара. Это и он выражает, и что говорит? "**Ибо еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит**" (Евр. 10:37). Чтобы они не сказали: когда же придёт? - он ободряет их словами Писания. И в другом месте, когда говорит: "…**ныне ближе к нам спасение**…" (Рим. 13:11), он ободряет их тем, что остаётся немного времени. При том говорит не от себя, но словами Писания. Если же тогда говорили: "**немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит**", то, очевидно, что теперь Он ещё ближе. Таким образом и за ожидание получится немалая награда. "**Праведный**", - говорит, - "**верою жив будет; а если [кто] поколеблется, не благоволит к тому душа Моя**" (Евр. 10:38). Сильно то увещание, когда кто докажет, что исполнившие всё могут всё потерять из-за малой слабости. "**Мы же не из колеблющихся на погибель, но [стоим] в вере к спасению души**" (Евр. 10:39). "**Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом. В ней свидетельствованы древние**" (Евр. 11:1-2). Вот какое он употребляет выражение: "**уверенность**", - говорит, - "**в невидимом**"! Слово - "**уверенность**" употребляется о вещах, совершенно очевидных. Таким образом вера, говорит, есть созерцание неявного и ведёт к такому же полному убеждению в невидимом, как в видимом. Как невозможно не верить видимому, так невозможно быть вере, когда кто не убеждён в невидимом вполне так же, как в видимом. Предметы надежды представляются не имеющими действительности, но вера доставляет им действительность, или лучше, не доставляет, но в этом и состоит их действительность; так например воскресения ещё не было и нет в действительности, но надежда делает его действительным в нашей душе. Вот что значит: "**осуществление ожидаемого**". Итак, если (вера) есть уверенность в предметах невидимых, то как вы хотите увидеть их, чтобы отпасть от веры и праведности, - так как "**праведный верою жив будет**"? Если вы хотите увидеть их, то вы уже не верующие. Вы трудились, говорит, вы подвизались; и я говорю это; но потерпите; в этом и состоит вера; не ищите всего здесь.

3. Это сказано евреям, но увещание относится и ко многим из собравшихся здесь. Как и каким образом? К малодушным, к нетерпеливым. Когда они видят, что злые счастливы в делах своих, а они сами несчастливы, то унывают и скорбят, желая наказания и отмщения тем, или ожидая себе наград за труды свои. "**Еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит**", - говорил тогда Павел. Скажем это и мы малодушным. Наказание непременно будет, непременно придёт; воскресение и всё с ним связанное уже при дверях. Откуда, скажешь, это видно? Не говорю - из пророков, потому что у меня речь не к

христианам только; но хотя бы то был язычник, я смело обращаюсь и к нему, предлагаю доказательства и ему, и научу его; а как - послушай. Многое предсказал Христос. Если бы это не сбылось, то ты мог бы не веровать и тому; если же всё это сбылось, то почему ты сомневаешься в остальном? Труднее было поверить, пока ничего не сбылось, нежели не верить, когда всё сбылось. Но лучше поясню мысль свою примером. Христос предсказал, что Иерусалим будет взят и подвергнется такому разрушению, какого не было никогда, и что он более уже не будет восстановлен; - и предсказание оправдалось самым делом (Лук. 19:44). Предсказал, что будет великая скорбь (Мат. 24:21), - и сбылось. Предсказал, что проповедь распространится, как посеянное горчичное зерно, - и мы видим, что с каждым днём она более и более распространяется по вселенной (Лук. 13:19). Предсказал, что оставившие отца, или мать, или братьев, или сестёр, будут иметь и отцов и матерей, - и это, как видим, исполняется на деле (Мат. 19:29). Предсказал: "**В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир**" (Иоан. 16:33), т.е. никто не преодолеет вас, - и это, как видим сбылось на деле. Предсказал, что "…**создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее**", и при том гонимой, и что никто не истребит проповеди (Мат. 16:18), - и об (исполнении) этого предсказания свидетельствуют события. Такие предсказания тогда были весьма невероятны. Почему? Потому, что все они состояли в словах, а доказательств сказанному ещё не было представлено. Теперь же всё это тем больше заслуживает веры.

Предсказал, что когда "**проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец**" (Мат. 24:14), - и вот мы уже достигли кончины: большая часть вселенной уже оглашена (Евангелием), и затем предстоит кончина. Устрашимся, возлюбленные! Что, скажи мне, - тебя безпокоит это кончина? Она действительно близка, но предел жизни и кончина каждого гораздо ближе. "**Дней лет наших**", - говорит (Псалмопевец), - "**семьдесят лет, а при большей крепости - восемьдесят лет**" (Пс. 89:10). День суда близок: устрашимся хотя этого. "**Человек никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него**" (Пс. 48:8)? Во многом мы будем раскаиваться тогда; но из умерших никто не вспоминает о Тебе (Пс. 6:6). Потому Давид говорит: "**предстанем лицу Его со славословием**" (Пс. 94:2), т.е. пришествие Его. Здесь всё, что мы сделаем, имеет силу; а там уже нет. Скажи мне: если бы кто-нибудь поставил нас на короткое время в раскалённой печке, то не употребили ли бы мы всех мер к своему освобождению, хотя бы потребовалось растратить имущество, или отдать себя в рабство? Как многие, впавши в тяжкие болезни, охотно согласились бы отдать всё, чтобы освободиться от них, если бы только им предоставлен был выбор! Если же здесь непродолжительная болезнь так мучит нас, то что мы станем делать там, когда раскаяние не будет приносить никакой пользы? Скольких мы исполнены теперь пороков, и не чувствуем? Друг друга угрызаем, друг друга терзаем, оскорбляя, обвиняя, клевеща, завидуя славе ближних. И смотри, какое тяжкое зло: когда кто хочет истребить доброе мнение о ближних, то говорит: такой-то говорил мне о нём то-то, - прости мне, Господи, не осуди меня, - я передаю только слух. Для чего же и говоришь ты, если сам не веришь? Для чего передаёшь? Для чего распространением слуха делаешь его вероятным? Для чего передаешь рассказ, когда он неверен? Ты сам не веришь ему, и просишь Бога, чтобы Он не осудил тебя? Не говори же, а молчи, и избавь себя от всякого страха.

4. Не знаю, откуда вошла в людей эта болезнь: мы стали болтливы; в нашей душе не держится ничего. Послушай одного мудреца, который, увещевая, говорит: "**Выслушал ты слово, пусть умрет оно с тобою: не бойся, не расторгнет оно тебя**" (Сир. 20:10); и ещё: услышал слово безумно, и поболел, - "**как рождающая — от младенца**" (Сир. 20:11). Мы готовы на обвинения, скоры на осуждения. Если бы мы не сделали никакого другого зла, то и это одно достаточно для того, чтобы погубить нас, свести в геенну, причинить нам тысячи бед. А чтобы ты точнее узнал это, послушай пророка, который говорит:

"…**сидишь и говоришь на брата твоего, на сына матери твоей клевещешь**" (Пс. 49:20). Но не я, говоришь, а другой. Нет, - ты. Если бы ты не говорил, то другой не услышал бы; а если бы и услышал, то ты не был бы виновником греха. Недостатки ближних должно замалчивать и прикрывать; а ты под предлогом доброжелательства выставляешь их на показ, делаешься если не обвинителем, то рассказчиком, болтуном, глупцом. О, ужас! Вместе с ним ты срамишь себя самого, и не чувствуешь? Смотри, сколько зол происходит отсюда: ты прогневляешь Бога, огорчаешь ближнего, делаешь себя самого повинным наказанию. Не слышал ли, что Павел говорит о вдовицах? "**Притом же они, будучи праздны**", - говорит, - "**приучаются ходить по домам и [бывают] не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно**" (1 Тим. 5:13). Таким образом, даже и тогда, когда бы ты верил сказанному о твоём брате, не следует пересказывать, а тем более, когда не веришь. О себе ты всегда заботишься, опасаясь, чтобы не быть осуждённым от Бога? Бойся же, чтобы не быть тебе осуждённым и за болтливость. Здесь ты не можешь сказать: Бог не осудит меня за болтливость, - потому что это дело есть болтливость. Для чего ты распространяешь слух? Для чего умножаешь зло? Оно может погубить нас. Потому и говорит Христос: "**Не судите, да не судимы будете**" (Мат. 7:1). Но мы нисколько не думаем об этом, и пример фарисея не вразумляет нас. Он сказал правду: "**Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь**", сказал тогда, когда никто не слушал его, - и однако осуждён (Лук. 18:11). Если же он осуждён, высказав правду и когда никто не слушал его, то какому подвергнутся мучению те, которые всюду разглашают ложное и такое, в чём сами не уверены, подобно болтливым женщинам? Чего не потерпят они? Положим же на уста свои дверь и ограждение. От болтливости произошло бесчисленное множество зол: расстраивались семейства, разрывались узы дружбы, совершались тысячи других бедствий. Не старайся же, человек, узнавать то, что касается ближнего. Но ты болтлив, ты имеешь этот недостаток? Говори лучше о своих делах Богу, - и это не будет недостатком, а приобретением; говори о своих делах друзьям, друзьям истинным и правдивым, на которых ты полагаешься, чтобы они молились о грехах твоих. Если будешь говорить о чужих делах, то не получишь никакой пользы, никакого приобретения, но ещё повредишь; а если будешь исповедывать свои дела перед Владыкой, то получишь великую награду. "**Я сказал:**", - говорит (Псалмопевец), - "**исповедаю Господу преступления мои", и Ты снял с меня вину греха моего**" (Пс. 31:5). Ты хочешь осуждать? Осуждай себя самого; никто тебя не обвинит, если ты будешь осуждать сам себя; но обвинит, если ты не будешь осуждать сам себя; обвинит, если ты не будешь обличать сам себя; обвинит, если ты не будешь скорбеть о себе самом. Ты видишь, что кто-нибудь гневается, раздражается, или делает что-нибудь другое безрассудное? Тотчас подумай о своих делах; тогда и его не слишком будешь осуждать, и себя избавишь от бремени грехов. Если мы таким образом будем соразмерять жизнь свою, если таким образом будем благоустроять её, если будем осуждать самих себя, то конечно не допустим многих грехов, но сделаем много доброго, будем кроткими и умеренными, и получим все блага, обещанные любящим Бога, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 22

"Верою познаем, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое. Верою Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин; ею получил свидетельство, что он праведен, как засвидетельствовал Бог о дарах его; ею он и по смерти говорит еще" (Евр. 11:3-4).

1. Вера требует души бодрственной и юной, возвышающейся над всем чувственным и парящей выше немощных помыслов человеческих. Верующим невозможно быть иначе, как освободившись от общеобычного (порядка вещей). Поэтому, так как души евреев были немощны и хотя начали с веры, но потом от обстоятельств, - разумею страдания и скорби, - ослабели, впали в малодушие и колебались, то (апостол) ободрял их сначала собственными их подвигами: "**Вспомните**", - говорил он, - "**прежние дни ваши**"; затем Писанием, которое говорит: "**Праведный верою жив будет**"; потом своими соображениями: "**Вера же**", - говорил он, - "**есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом**". Теперь он (ободряет их) примером предков, тех великих и дивных мужей, и как бы так говорит: если тогда, когда блага были у ног, все спасались врою, то тем более мы. Когда душа видит другого разделяющим с нею одно и то же, то успокаивается и чувствует облегчение. Так бывает и в делах веры, так и в скорби, о чем говорит (апостол) в другом месте: "…**утешиться с вами верою общею, вашею и моею**" (Рим. 1:12). Род человеческий весьма мнителен, не может полагаться на себя самого и боится за верность своих суждений; при том заботится, и весьма много заботится о мнении других. Что же делает Павел? Он ободряет их примером предков, и прежде того - общим соображением. Вера была тогда порицаема, как дело бездоказательное и даже вводящее в заблуждение; потому он доказывает, что самые великие дела совершаются верой, а не рассуждениями. Как же он доказывает это, скажи мне? "**Верою**", - говорит, - "**познаем, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое**". Известно, говорит, что Бог сотворил из не сущего сущее, из невидимого видимое, из не существующего существующее. Но откуда известно, что Он совершил это "**словом**". Разум не внушает ничего такого, а напротив говорит, что видимое происходит от видимого же. Особенно философы утверждают, что из ничего не бываете ничего, - так как они люди душевные и ничего не предоставляют вере. Между тем они сами обличают себя, когда, говоря о чем-нибудь великом и высоком, предоставляют это вере; так, например, они говорят, что Бог безначален и не рождён, между тем разум не внушает и этого, но - противное. И посмотри на великую глупость их. Они говорят, что Бог безначален; а это гораздо удивительнее, нежели происхождение (сущего) из не сущего. Сказать, что Он безначален, что Он не рождён, что Он сам от Себя, а не рождён от другого, гораздо непонятнее, нежели сказать, что Бог сотворил сущее из не сущего. Здесь много вероятного, именно - что Он сотворил нечто, что сотворённое имеет начало, что оно сотворено всецело; а там слова: самобытен, не рождён, не имеет ни начала, ни времени, - скажи мне, не требуют ли веры? Но (апостол) не указывает на то, что гораздо важнее, а на менее важное: "**верою**", - говорит, "**познаем, что веки устроены словом Божиим**". Откуда, говорит, известно, что Бог сотворил всё "**словом**"? Разум не внушает этого, и никого не было тогда, когда это происходило. Известно по вере; это познание есть дело веры. Потому он и сказал: "**верою познаем**". Что, скажи, мы "**верою познаем**"? То, что видимое произошло от невидимого. Это - предмет веры. Сказав вообще, он потом раскрывает это, указывая на лица. Доблестный муж стоит целой вселенной, как выразился (апостол) впоследствии. Именно, указав на пример ста или двух сот лиц, и зная, что количество не важно в сравнении с качеством, он затем сказал: "**те, которых весь мир не был достоин**" (Евр. 11:38). "**Верою Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин**". Смотри, на кого он указывает прежде всех, - на пострадавшего, и при том от брата, который ничем не был обижен, но позавидовал (благоволению) Божию. Это страдание было близко к ним: "**потому что**", - говорит он, - "**и вы то же претерпели от своих единоплеменников**" (1 Фес. 2:14). Вместе с тем показывает, что и они терпели от зависти и ненависти. Тот почтил Бога и умер за то, что почтил; а воскресения еще не получил. Доброе настроение его открылось, зависевшее от него сделано; а зависящее от Бога ему ещё не предоставлено. "**Лучшую**": (так апостол) называет здесь жертву лучшую, отличнейшую, необходимейшую. Мы, говорит, не можем сказать, что она не была принята; (Бог) принял её и сказал Каину: "…**если делаешь доброе, то не поднимаешь ли**

лица" (Быт. 4:7). Следовательно, Авель и право принес, и право разделил. Однако же за это какое получил вознаграждение? Он был убит рукою брата; осуждение, которому за грех подвергся отец, первый принял на себя праведный сын, и пострадал тем тяжелее, что пострадал от брата, и первый. Он сделал праведное дело, не видя примера ни в ком. В самом деле, на кого взирая, он так почтил Бога? На отца и мать? Но они оскорбили (Бога) за Его благодеяния. На брата? Но и он не почтил Его. Таким образом он сам собою совершил доброе дело. И тогда как он был достоин чести, что он получает? Умерщвляется. Далее (апостол) воздаёт ему ещё другую похвалу: "**ею**", - говорит, - "**получил свидетельство, что он праведен, как засвидетельствовал Бог о дарах его; ею он и по смерти говорит еще**". Как же ещё иначе было засвидетельствовано, что он - праведник? Огонь, говорится (в Писании), сошёл и сожёг его жертвы. Вместо: "**И призрел Господь на Авеля и на дар его**", (один переводчик) читает: и воспламенил (Быт. 4:4). Итак, (Бог) и словами и делом засвидетельствовал, что он праведник, - и однако, видя, что он за Него умерщвляется, не воспрепятствовал, но попустил это.

2. Но у вас (говорит апостол) не так. Как же, когда вы имеете и пророков, и примеры, и множество внушений, знамений и чудес? Таким образом там поистине была вера. Какие чудеса видел тот (Авель) для того, чтобы убедиться, что в воздаяние ему будут дарованы какие-нибудь блага? Не по одной ли вере он был добродетелен? Что значит: "**ею он и по смерти говорит еще**"? Чтобы не привести их в отчаяние, (апостол) показывает, что (Авель) отчасти получил вознаграждение. Какое? То, что об нём, говорит, много воспоминают. Это именно он и выразил словами: "**ею он и по смерти говорит еще**"; т.е. (брат) убил его, но не убил вместе с ним его славы и чести. Он не умер; таким же образом не умрёте и вы, - потому что чем кто тяжелее страдает, тем больше слава его. Как же он "**по смерти говорит**"? Это и есть признак жизни, когда все прославляют, превозносят и ублажают; убеждающий других быть праведными, конечно, "**говорит**". Не столько действует слово, сколько его страдание. Как небо, делаясь только видимым, "**говорит**", - так и он, будучи воспоминаем. Если бы даже он сам проповедывал о себе, если бы имел тысячи языков и был в живых, - и тогда ему не удивлялись бы так, как теперь. Иначе сказать, (такая слава) не достигается безнаказанно и легко, и не исчезает. "**Верою Енох переселен был так, что не видел смерти; и не стало его, потому что Бог переселил его. Ибо прежде переселения своего получил он свидетельство, что угодил Богу. А без веры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздает**" (Евр. 11:5-6). Он показал веру больше Авелевой. Как? Так, что, хотя он жил и после Авеля, но случившееся с Авелем могло отвратить его (от добродетели). Каким образом? Бог предвидел, что (Авель) будете убит, потому что сказал Каину: "**у дверей грех лежит**", не прибавляй ещё (Быт. 4:7), - был почитаем от него, и однако не избавил его. Но (Энох) от этого не предался беспечности, не сказал самому себе: какая польза от трудов и опасностей? Авель почитал Бога, и (Бог) не избавил его. Какая польза умершему оттого, что брат его наказан? Какую выгоду мог он извлечь отсюда? Положим, что подверг (Каина) тяжкому наказанию; но что из того убитому? Ничего такого он не сказал и не подумал, но оставил всё это, зная, что если есть Бог, то без сомнения есть и мздовоздаятель, хотя тогда ещё ничего не знали о воскресении. Если же люди, ещё ничего не знавшие о воскресении, но видевшие здесь противное, так благоугождали, то не тем ли более (должны) мы? Те ни о воскресении не знали, ни примеров не могли видеть. То самое и сделало (Эноха) благоугодившим (Богу), что он ничего не получал. Он знал, что Бог есть мздовоздаятель; но, скажи мне, откуда? Ведь Авелю ещё не было воздаяния. Таким образом разум внушал одно, а вера - противное видимому. Так и вы, говорит (апостол), если видите, что вы не получаете здесь никакого воздаяния, не смущайтесь. Как же "**Верою Енох переселен был**"? Благоугождение - (Богу) - было причиною переселения, а причиною благоугождения - вера. В самом деле, если бы он не был убеждён, что получит воздаяние, то как стал бы благоугождать? "…**без**

веры угодить Богу невозможно". Почему? Потому что получить воздаяние может только тот, кто верует, что есть Бог и воздаяние. Отсюда и происходит благоугождение. "…**ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он <u>есть</u>**", а не тому, **<u>что</u>** Он есть. Если же то, что есть (Бог), принимается верою, а не постигается разумом, то возможно ли постигнуть разумом то, что Он есть? Если то, что Он - мздовоздаятель, требует веры, а не умственных соображений, то как можно обнять разумом свойства Его существа? Какой разум может постигнуть их? Есть же люди, которые говорят, что всё существующее существует само собою. Видишь ли, что если мы не веруем во всё, не только в воздаяние, но и в самое бытие Бога, то у нас всё погибает? Многие спрашивают, куда переселён Энох и почему переселён, почему не умер, и не он только, но и Илия, и если они живут, то как живут и в каком состоянии. Но спрашивать об этом совершенно излишне. О том, что первый переселён, а последний вознесён (на небо), Писание сказало; а где они и как существуют, этого не прибавило, - потому что оно не говорит ничего, кроме необходимого. Такое событие, - разумею переселение (Эноха), - произошло вскоре, в самом начале, для того, чтобы человечество питало надежду на прекращение смерти, на уничтожение власти диавола, на то, что смерть будет уничтожена: ведь он переселён не мёртвый, но так, что не видел смерти. Потому (апостол), сказав, что он переселён живой, прибавляет: "**угодил Богу**". Подобно тому, как иной отец, пригрозив сыну и желая привести угрозу в исполнение тотчас же, после того как высказал её, сдерживается однако и медлит, чтобы вразумить и усовестить (сына), оставляя впрочем угрозу во всей силе, так и Бог, выражаясь по-человечески, не удержался, но тотчас же показал, что смерть будет уничтожена. Он сперва попустил смерти поразить праведника, желая сыном устрашить отца. Чтобы показать, что определение Его остается во всей силе, Он подверг этому наказанию немедленно не злых людей, но даже благоугодившего Ему, т.е. блаженного Авеля; а вскоре после него переселил Эноха живым. Он не воскресил первого, - чтобы люди не предались безпечности, - а последнего переселил живым; Авелем устрашил, а Энохом внушил ревность о благоугождении Ему. Таким образом утверждающие, что всё вращается и совершается само собою, и не ожидающие воздаяния, не благоугождают (Богу) так же, как и язычники; а "**ищущим Его**" делами и ведением Он "**воздает**".

3. Итак, имея Мздовоздаятеля, будем делать всё так, чтобы нам не лишиться наград за добродетель. Не думать о таком возмездии, пренебрегать таким воздаянием, - это достойно многих слёз. Как "**ищущим Его воздает**", так не ищущим - напротив: "**ищите, и найдете**" (Мат. 7:7), сказал (Господь). А как можно обрести Господа? Вспомни, как отыскивается золото, - с великим трудом. "…**ищу Господа**", - говорит (Псалмопевец), - "**рука моя простерта ночью и не опускается**" (Пс. 76:3). Как мы ищем потерянное, так будем искать и Бога. (При искании чего-нибудь) не устремляем ли мы туда всего ума своего? Не расспрашиваем ли всех? Не предпринимаем ли путешествия? Не обещаем ли денег? Положим, у нас потерялся сын. Чего мы тогда не делаем? Какой не проходим суши, какого моря? Не считаем ли и денег, и домов, и всего другого маловажнее его отыскания? И если находим, то удерживаем, принимаем в объятия, не отпускаем от себя. Если, желая найти что-нибудь, мы употребляем все меры к тому, чтобы найти желаемое, то не тем ли более касательно Бога нам следует поступать так, как при отыскании чего-нибудь необходимого, или лучше сказать, не так, а гораздо более? Но так как мы немощны, то ищи Бога по крайней мере так, как ты ищешь своих денег, или сына. Не предпринимаешь ли ты для этого путешествий? Не путешествовал ли ты когда-нибудь для денег? Не изобретаешь ли всякие к тому средства? И когда найдешь, не бываешь ли тогда весел? "**Ищите**", - сказано, - "**и найдете**". Искание требует многих забот, особенно касательно Бога, потому что при этом (встречается) много препятствий, много недоразумений, много такого, что поражает наши чувства. Как солнце, хотя само по себе ясно и является взорам всех, и нам нет нужды искать его, но, если мы закопаем себя в землю и со всех сторон закроем себя, то потребуется много труда, чтобы нам увидеть

солнце, - так и здесь: если мы закопаем себя в глубину порочных пожеланий, во мрак страстей и дел житейских, то с трудом в состоянии будем взглянуть, с трудом - поднять голову. Зарытый в глубину чем выше будет смотреть, тем более будет приближаться к солнцу. Стряхнем же и мы с себя прах, развеем окружающую нас мглу; она густа, непроницаема и не позволяет нам смотреть вверх. А как, скажешь, мы можем разогнать это облако? Если будем привлекать к себе лучи духовного солнца, солнца правды, если будем воздевать руки к небу: "**воздеяние**", - говорит (Псалмопевец), - "**рук моих - как жертва вечерняя**" (Пс. 140:2), - если с руками будем устремлять горе и ум. Вы, посвященные в тайны, знаете, о чем я говорю; вы вероятно понимаете сказанное и соображаете, на что я намекаю. Будем же устремлять горе наш ум. Я знаю многих мужей, которые почти отдалились от земли, свыше меры воздевают руки, скорбят, что невозможно подняться ещё выше, и молятся с таким усердием! Желаю, чтобы и вы были такими же всегда; если же не всегда, то часто; если не часто, то хотя иногда, хотя по утрам, хотя по вечерам. Неужели, скажи мне, ты не можешь воздевать рук? Воздевай тогда ум, сколько хочешь; воздевай его до самого неба. Если бы ты захотел достигнуть самой вершины и, поднявшись ещё выше, там шествовать, и это возможно для тебя. Наш ум легче всякой птицы и парит выше. А когда он получит ещё благодать Духа, - о, как тогда он быстр, как стремителен, как перелетает через всё, как не легко спускается вниз и падает на землю! Устроим себе такие крылья; на них мы в состоянии будем перелетать и бурное море настоящей жизни. Быстрейшие из птиц в короткое время безвредно перелетают через горы и холмы, моря и утесы. Таков и ум: когда он бывает окрылён, когда оставляет всё житейское, тогда ничто не может удержать его, тогда он выше всего и даже разженных стрел диавола. Диавол не такой искусный стрелок, чтобы мог достигать до этой высоты, - но что? Он бросает стрелы, - потому, что безстыден, - но они не достигают цели; стрела возвращается к нему без успеха, и не только без успеха, но и на его собственную голову, потому что, будучи брошена им, она непременно должна поразить кого-нибудь. Как (стрела), брошенная людьми, или поражает то, во что брошена, - птицу, стену, одежду, дерево, - или рассекает воздух, так и стрела диавола непременно должна поразить кого-нибудь; если она не поразила того, в кого брошена, то непременно поражает бросившего. Из многих примеров можно убедиться, что когда ею не поражаемся мы, то непременно он поражается. Так, например, он строил козни Иову, и его не поразил, а сам был поражён; злоумышлял против Павла, и его не поразил, а сам был поражён. И везде можно видеть это, если мы будем внимательны. Когда он не поражает, тогда сам терпит поражение; а тем более, когда мы, вооружившись и оградив себя против него мечём и щитом веры, тщательно наблюдаем, чтобы не быть уловленными. Стрела же диавола есть порочное пожелание. В особенности гнев, - это огонь, это пламень, который схватывает, умерщвляет; сожигает. Но мы будем угашать его долготерпением, воздержанием. Как раскалённое железо, будучи опущено в воду, теряет жар свой, так и гнев, попав в душу человека долготерпеливого, нисколько не вредит долготерпеливому, а напротив приносит пользу, так что он становится ещё крепче. Ничто не может равняться с долготерпением. Такой человек никогда не оскорбляется; но как адамантовыя тела не разбиваются, так и эти души; он выше стрел. Долготерпеливый высок и так высок, что удар стрелы не достигает до него. Когда кто выходит из себя, ты смейся; смейся, впрочем, не явно, чтобы не раздражить его ещё более, но смейся в душе, про себя. Над детьми, когда они ударяют нас с гневом, как бы желая отмстить, мы смеёмся. (Так и над ним) если ты будешь смяться, то между тобою и им будет такое же различие, как между дитятей и мужем; если же станешь огорчаться, то будешь дитятей, потому что гневающийся безрассуднее детей. Скажи мне: когда кто видит, что дитя выходит из себя, то не смеётся ли? То же бывает и с гневающимися: они и малодушны, если же малодушны, то и безрассудны: "…**раздражительный**", - говорит (Премудрый), - "**выказывает глупость**" - значит он - неразумное дитя, - а "**у терпеливого человека много разума**" (Притч, 14:29). Будем же приобретать это долготерпение, от которого происходит в сохраняющих его

великое благоразумие, чтобы нам сподобиться обетованных нам благ во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 23

"Верою Ной, получив откровение о том, что еще не было видимо, благоговея приготовил ковчег для спасения дома своего; ею осудил он (весь) мир, и сделался наследником праведности по вере" (Евр. 11:7).

1. "**Верою**", – говорит, - "**Ной, получив откровение**…". Как Сын Божий, беседуя о своём пришествии говорил: "**И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж**…" (Лук. 17:26,27), так и он говорит. Благовременно напоминает он (евреям) пример, близкий к ним; а пример Еноха был только примером веры, Ноя же (пример) - и неверия. Утешение и увещание бывает совершенным тогда, когда видно не только то, что верующие удостаиваются чести, но и то, что неверующие терпят противное. Что он говорит в словах: "**Верою Ной, получив откровение**"? Что это значит? Ему говорит, предсказано было; ответом называет пророчество, как и в других местах говорится: "**Ему было предсказано Духом Святым**" (Лук. 2:26), ещё: "**Что же говорит ему Божеский ответ**" (Рим. 11:4)? Видишь ли равночестие Духа (с Отцом)? Как Бог даёт ответ, так и Дух Святый. Для чего же (апостол) так сказал? Чтобы показать, что ответ есть пророчество. "…**о том, что еще не было видимо**", - т.е. о дожде, - "**благоговея приготовил ковчег**". Разум не внушал ничего такого: и женились, и выходили замуж, и воздух был чист, и признаков никаких не было; а между тем (Ной) убоялся; потому (апостол) и говорит так: "**Верою Ной, получив откровение о том, что еще не было видимо, благоговея приготовил ковчег для спасения дома своего**". Каким образом? "…**ею осудил он (весь) мир**". Он показывает, что те были достойны наказания, которые и вследствие приготовления (ковчега) не исправились. "**И сделался наследником праведности по вере**", т.е., в том и обнаружилась его праведность, что он поверил Богу. Таково свойство души, искренно расположенной к Нему и не считающей ничего достовернее слов Его; а неверию свойственно противное. Ясно, что вера оправдывает. Как мы получили предсказание о геенне, так и он. Тогда смеялись над ним, поносили его и порицали; но он не обращал на это внимания. "**Верою Авраам повиновался призванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная, куда идет. Верою обитал он на земле обетованной, как на чужой, и жил в шатрах с Исааком и Иаковом, сонаследниками того же обетования**" (Евр. 11:8-9). Скажи мне: кого видел (Авраам), кому бы мог подражать? Отец у него был язычник и идолопоклонник, пророков он не слыхал и не знал, куда идёт. Так как уверовавшие из иудеев смотрели на них (праотцев), как на получивших бесчисленные блага, то (апостол) и говорит, что никто из них ничего не получил, что все остались невознагражденными и ни один не получил воздаяния. Тот (Авраам) оставил отечество и дом, и вышел, не зная, куда идёт. Впрочем, что удивительного, если он сам (так поступил), когда и потомство его жило так же? Видя, что обещание не исполняется, он не унывал, потому что (Господь) сказал ему: "…**всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки**" (Быт. 13:15). Он видел, как Сын его жил там же, и внук видел себя живущим в земле чужой, и нисколько не смущался. С самим Авраамом, конечно, это могло произойти, потому что обетование могло исполниться после, в потомстве его, - хотя, впрочем, и ему было сказано: "**тебе дам Я и потомству твоему**", не сказано: тебе в смени твоём, а: "**тебе дам Я и потомству твоему**", - но ни он, ни Исаак, ни Иаков не получили обещанного. Один работал за плату, другой был изгоняем, а он сам подвергался страху и едва спасся; у него одно приобретено было войною, другое погибло бы, если бы он не получил помощи от Бога. Потому (апостол) и говорит:

"**сонаследниками того же обетования**"; не он только один, говорит, но и наследники его. Далее прибавляет нечто такое, что яснее сказанного: "**Все сии умерли в вере, не получив обетований**" (Евр. 11:13). Здесь представляются два вопроса: как, сказавши, что Енох "**переселен был так, что не видел смерти**", - говорит теперь: "**Все сии умерли в вере**…"? И еще: как, сказавши: "**не получив обетований**", - говорит, что Ной получил в награду спасение своего семейства, Енох был переселён, Авель "**говорит еще**", Авраам получил землю? "**Умерли в вере**", - говорит, - "**не получив обетований**". Что же означают слова его? Нужно решить сперва одно, а потом другое. "**Все сии**", - говорит, - "**умерли в вере**". "**Все сии**", - говорит он здесь не, потому, чтобы они решительно все умерли, но потому что, за исключением Еноха, действительно умерли все, кого мы знаем умершими. А слова: "**не получив обетований**" - справедливы, так как обетование, данное Ною, не к тому относилось.

2. О каких же обетованиях он говорит? Исааку, и Иакову была обещана земля; а Ной, Авель и Енох какие получили обетования? Он говорит здесь или о последних троих, или вместе и о тех. То не было обетованием, что Авель сделался предметом удивления, Енох был переселён, Ной спасся от потопа; всё это даровано им за добродетель, и было некоторым предвкушением будущего. Бог, от начала зная, что человеческий род имеет нужду в великом снисхождении, дарует нам не только то, что в будущем, но и настоящее. Так и Христос говорил ученикам: "**И всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную**" (Мат.19:29); и еще: "**Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам**" (Мат. 6:33). Видишь ли, что и это даётся от Него в виде приложения, чтобы мы не унывали? Ратоборцы, хотя получают облегчение и в то время, когда находятся в борьбе, но, подчиняясь законам, не имеют полного отдыха, а пользуются им впоследствии; так, и Бог здесь не дарует нам полного успокоения, но, хотя отчасти и дарует, сполна сберегает его для будущей жизни. А что это так, (апостол) сам объяснил, прибавив следующее: "**а только издали видели оные, и радовались**". Здесь он намекает на нечто таинственное; указывает, что они предчувствовали всё, сказанное о будущем, о воскресении, о царствии небесном и о прочем, о чём проповедовал Христос, пришедши на землю, - это именно он разумеет под обетованиями. И так, или это он говорит, или то, что они, хотя не получили таких обетований, но окончили жизнь, уповая на них; а уповали по одной вере. "…**только издали видели**", т.е., за четыре поколения, - через столько поколений они вышли из Египта. "…**и радовались**", - говорит. Они были так уверены в этих (обетованиях), что даже приветствовали их, подобно тому, как мореплаватели, издалека увидев города, к которым стремились, прежде нежели войдут в них, обращаются к ним с приветствиями и уже считают их своими. "**Ибо он ожидал города, имеющего основание, которого художник и строитель Бог**" (Евр. 11:10). Видишь ли, что выражение: не получив означает, что они ожидали и надеялись на обетования? Если же надежда ведёт к получению, то и нам можно получить. И они, хотя не обладали (обещанными благами), но в своём стремлении к ним созерцали их. А для чего это было? Для того, чтобы пристыдить нас: они даже тогда, как им были обещаны земные (блага), не прилеплялись к ним, но желали будущего града; а нам Бог непрестанно говорит о горнем граде, но мы желаем здешнего. (Бог) говорит им, что Он даст им (блага) настоящего времени, но так как видел, или лучше сказать, они сами показали себя достойными высших (благ), то Он сподобил их получить не те, а эти, высшие, чтобы показать нам, что не прилепляющиеся к первым достойны последних, - подобно тому, как если бы кто обещал разумному человеку детские игрушки, не для того, чтобы тот принял их, но чтобы показать его любомудрие, его стремление к высшему. (Апостол) показывает, что они с такою ревностью отрешались от земли, что даже не хотели принять предлагаемого. Потому-то получают это потомки их, как люди достойные земли. Что значит: "**города, имеющего основание**" Разве

здешние (города) не имеют оснований? В сравнении с теми не имеют. "…**которого художник и строитель Бог**". О, какая похвала этому граду! "**Верою и сама Сарра**…". Этим начал с целью укорить, если бы они оказались малодушнее жены. Но, скажет кто-нибудь, как (может быть названа) верующей та, которая засмеялась? Правда, смех её от неверия, но страх - от веры; слова её: "…**я не смеялась. Ибо она испугалась**" (Быт. 18:15) происходили от веры. После того, как не стало неверия, явилась вера. "**Верою и сама Сарра (будучи неплодна) получила силу к принятию семени, и не по времени возраста родила, ибо знала, что верен Обещавший**" (Евр. 11:11). Что значит: "**к принятию семени**"? То, что она, будучи уже как бы мертвою, бесплодною, получила силу удержать семя, зачать. Неспособность её происходила от двух причин: от лет, так как она уже состарилась, и от природы, так как была бесплодна. "**И потому от одного, и притом омертвелого, родилось так много, как [много] звезд на небе и как бесчислен песок на берегу морском**" (Евр. 11:12). "**И потому**", - говорит, - "**от одного, и притом омертвелого, родилось так много**". Здесь он выражает не только то, что она родила, но и то, что она сделалась матерью такого множества, какого не имеют и плодоносные утробы. "**Как [много] звезд на небе**", - говорит. Почему же (в Писании) они часто исчисляются, между тем сказано: как никто не может исчислить звёзд небесных, так и семени вашего (Быт. 13:16)? (Писание) говорит это или преувеличенно, или имея в виду тех, которые постоянно рождаются вновь. Предков одного семейства можно исчислить, как произошёл этот от такого-то, а тот от такого-то, но тех, чей род сравнивается с множеством звёзд, (исчислить) невозможно.

3. Таковы обетования Божии, так удобоисполнимо обещанное Им! Если же обещанное Им в виде приложения так удивительно, так чудно, так блистательно, то каково то, чего оно составляет дополнение, чему оно служить избытком? Следовательно, кто блаженнее получающих эти блага и кто несчастнее теряющих? Если все жалеют человека, изгнанного из отечества, если считают жалким потерявшего наследство, то какими слезами должно оплакивать того, кто лишается неба и уготованных там благ? Но не оплакивать его только нужно: оплакивают того, кто подвергся какому-либо несчастию не по своей вине; но кто по собственной воле предаётся порокам, тот достоин не слёз, а рыданий, или лучше и он достоин скорби, потому что Господь наш Иисус Христос скорбел и плакал о Иерусалиме, который был нечестив.

Подлинно, мы достойны бесчисленных стенаний, бесчисленных рыданий! Если бы вся вселенная возвысила голос, - и камни, и дерева, и кустарники, и звери, и птицы, и рыбы, - словом, вся вселенная, - если бы, возвысив голос, она стала оплакивать наше лишение этих благ, то и этого плача и рыдания было бы недостаточно. Какое слово, какой ум может представить то блаженство, то добро, удовольствие, славу, радость, веселее, светлость, "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его**" (1 Кор. 2:9)? Не сказало просто, что (эти блага) превосходны, но что никто никогда не может и представить себе того, "**что приготовил Бог любящим Его**". В самом деле, каковы должны быть те блага, которые приготовил и устроил сам Бог? Если, сотворивши нас, Он тотчас, когда мы ещё ничего не сделали, столько даровал нам - и рай, и общение с Ним самим, обещал бессмертие, жизнь блаженную и свободную от забот, то чего Он не дарует тем, которые столько делали, трудились и терпели для Него? Единородного Он не пощадил для нас, истинного Сына своего предал за нас на смерть. Если же Он удостоил нас таких (благ), когда мы были Его врагами, то чего не удостоит, когда мы сделаемся Его друзьями? Чего не дарует, примиривши с Собою? Он беспредельно богат и безгранично желает и старается сделать нас своими друзьями; но мы нисколько не стараемся об этом, возлюбленные. Что я говорю: не стараемся? Не хотим даже принять благ Его так, как Он хочет. А что Он хочет этого более (нас), Он доказал делами своими. Мы для собственной нашей пользы едва ли

пожертвуем малою частью золота; а Он за нас отдал Сына своего. Будем же употреблять, как должно, любовь Божию, возлюбленные; Будем пользоваться дружеским Его расположением: "**Вы друзья Мои**", - сказал Он, - "**если исполняете то, что Я заповедую вам**" (Иоан. 15:14). Увы! Врагов, которые беспредельно были далеки от Него, которых Он несравненно превосходит во всём, Он сделал и называет друзьями своими! Чего же не следовало бы потерпеть для такой дружбы? Но мы, по дружбе с людьми, часто подвергаемся опасностям, а для (дружбы) с Богом не хотим даже истратить денег. Поистине, мы достойны сожаления, скорби, слёз, воплей, великого плача и сетования. Мы уклонились от надежды нашей, пали с высоты нашей, оказались недостойными чести Божией, неблагодарными и бесполезными после благодеяний; диавол лишил нас всех благ; удостоившись быть сынами, братьями и сонаследниками (Божиими), мы ничем не отличаемся от врагов Его, оскорбляющих Его. Какое после этого будет нам утешение? Он призвал нас на небо, а мы сами себя ввергли в геенну. Клятва и ложь, воровство и прелюбодеяние распространились на земле; одни смешивают кровь с кровью, другие совершают дела хуже кровопролития. Многие из обижаемых, многие из жертв любостяжания лучше желают испытать тысячи смертей, нежели переносить это, и если бы они не боялись Бога, то сами наложили бы на себя руку, - так они желают себе смерти! А это не хуже ли кровопролития? "**О горе мне!**...", - говорил плакавший пророк, - "**не стало милосердых на земле, нет правдивых между людьми**" (Мих. 7:1,2). Будем плакать теперь и мы прежде всего о себе самих; а вы примите участие в плаче моём. Но, может быть, некоторым это противно и они смеются. Поэтому ещё более нужно усилить плачь; мы так безумны и бесчувственны, что не понимаем своего безумия и смеёмся тому, о чём следует рыдать. "**Ибо открывается**", - человече, - "**гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков**" (Рим. 1:18). "…**грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря**" (Пс. 49:3). "**Пред Ним идет огонь и вокруг попаляет врагов Его**" (Пс. 96:3). "**Ибо вот, придет день, пылающий как печь**" (Малах. 4:1). Но никто не думает об этом; хуже басней считают и презирают столь страшные и ужасные вещи; никто не слушает; все смеются и хохочут. Какая же будет нам польза? Откуда мы получим спасение? Мы погибли, истощились, сделались посмешищем врагов наших и предметом поруганий для язычников и демонов.

4. Гордится, надмевается и радуется теперь диавол; ангелы же, которым мы вверены, стыдятся и скорбят. Нет никого, кто бы исправился; все труды наши напрасны, и вам кажется, что мы говорим вздор. Благовременно и ныне воззвать к небу и, так как никто не слушает, призвать во свидетели стихии: "**Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит**" (Ис. 1:2). Вы, ещё не падшие, подайте помощь, протяните руку падшим от опьянения, крепкие - немощным, здравые умом - неистовствующим, твердо стоящие - колеблющимся; пусть никто, увещеваю вас, не ставит приятность выше спасения ближнего; и укоризны, и внушения пусть клонятся к одному - к его пользе. Когда горячка овладевает господами, тогда и слуги управляют ими; когда душа господина находится в жару и расслаблении, тогда из толпы слуг, окружающих его, ни один не исполняет повелений господина ко вреду его. Образумимся, прошу вас; вокруг нас ежедневные войны, потопления, безчисленные несчастия, и гнев Божий со всех сторон окружает нас. А мы остаемся так спокойными, как будто мы делаем угодное (Богу); все мы простираем руки на любостяжание, и никто - на вспомоществование (ближним); все - на хищение, и никто - на помощь; каждый старается, как бы увеличить своё состояние, и никто - как бы помочь нуждающемуся; каждый всячески заботится, как бы собрать более денег, и никто - как бы спасти свою душу; все боятся одного, как бы не сделаться бедными, а как бы не попасть в геенну, о том никто не безпокоится и не трепещет. Всё это достойно слёз, укоризн и осуждения. Не хотел бы я говорить об этом, но скорбь вынуждает меня; простите: скорбь заставляет меня говорить многое такое, чего бы и не хотел. Я вижу рану тяжкую, несчастие неутешное, постигшие нас бедствия,

превышающие всякое утешение, - мы погибли! "**О, кто даст голове моей воду и глазам моим - источник слез! я плакал бы день и ночь**…" (Иер. 9:1)? Будем плакать, возлюбленные, плакать и рыдать. Может быть, некоторые здесь говорят: всё-то нам он говорит о плаче, все-то о слезах. Не хотел бы я, поверьте мне, не хотел бы (говорить об этом), - напротив, (хотел бы) восхвалять и прославлять; но теперь время слёз. Не плакать тяжело, возлюбленные, но делать то, что достойно слёз; не слёз должно убегать, а тех дел, которые достойны слёз. Не казни сам себя, и я не буду скорбеть; не умирай, и я не буду плакать. Когда лежит мёртвец, тогда ты призываешь всех участвовать в скорби и называешь безжалостными тех, которые не плачут; а когда погибает душа, то почему ты советуешь не плакать? Но я не могу быть отцом, и не плакать; я - нежно любящий отец. Послушайте, что говорит Павел: "**Дети мои, для которых я снова в муках рождения**…" (Гал. 4:19). Какая мать во время деторождения издаёт столь горькие вопли, как он? Если бы можно было видеть жар внутри души моей, то ты увидел бы, что я сгораю от него более всякой жены или девы, подвергшейся преждевременному сиротству. Не столько жена плачет о своём муже или мать о сыне, сколько я, о всех вас вообще. Я не вижу никакого успеха; всё обращается в клевету и осуждение. Никто не старается угождать Богу; мы только злословим то того, то другого, и говорим: такой-то недостоин быть в клире, такой-то живёт нечестиво. Тогда как нам следовало бы оплакивать собственные пороки, мы осуждаем других, между тем как не должны делать этого и в том случае, если бы мы были чисты от грехов: "**Ибо кто отличает тебя**", - говорит (апостол), - "**Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил**" (1 Кор. 4:7)? Как ты осуждаешь брата своего, будучи сам исполнен бесчисленного множества зол? Когда ты скажешь: такой-то человек злой, вредный, порочный, тогда обрати внимание на себя самого, разбери тщательно свои дела, - и ты раскаешься в словах своих. Нет, подлинно нет такого сильного побуждения к добродетели, как воспоминание о своих грехах. Если мы будем постоянно исполнять эти два (правила), то сможем получить обетованные блага, сможем очистить себя самих и омыться; только нам нужно вкоренить это в уме своём, нужно позаботиться об этом, возлюбленные. Предадимся же мысленно скорби здесь, чтобы там не испытать скорби от наказания, но чтобы насладиться вечными благами, где нет болезни, печали и воздыхания, чтобы достигнуть вечных благ, превосходящих ум человеческий, во Христе Иисусе, Которому слава во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 24

"Все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле; ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества. И если бы они в мыслях имели то [отечество], из которого вышли, то имели бы время возвратиться; но они стремились к лучшему, то есть к небесному; посему и Бог не стыдится их, называя Себя их Богом: ибо Он приготовил им город" (Евр. 11:13 -16).

1. Первая добродетель, и добродетель всеобщая состоит в том, чтобы быть странником и пришельцем в этом міре и не иметь ничего общего с здешними вещами, но быть в таком отношении к ним, как к чуждым для нас, - подобно тем блаженным ученикам, о которых (апостол) говорит: "…**скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин**" (Евр. 11:37,38). Они называли себя странниками, а Павел сказал о себе ещё нечто большее: он не только называл себя странником, но говорил, что он мёртв для міра и мір мёртв для него: "…**для меня**", - говорит он, - "**мир распят, и я для мира**" (Гал. 6:14). А мы ведём себя, как (здешние) граждане, и устрояем все дела свои в жизни так, как живые граждане. Чем праведники были для міра, т.е. странниками и мёртвыми, то мы для неба; а чем были они для неба, т.е.

живыми гражданами, то мы для міра. Потому мы и мертвы, что уклонились от истинной жизни и избрали временную; тем мы и прогневляем Бога, что не хотим отстать от земных благ, тогда как нам уготовано небесное блаженство, но, подобно червям, пресмыкаемся из одной земли в другую, а из этой опять возвращаемся в ту, и вообще нисколько не хотим опомниться и отстать от дел человеческих, но, как бы погрузившись в глубокий сон или одурев от опьянения, увлекаемся мечтами. Как люди, предающиеся сладкому сну, не только ночью, но и при наступлении утра и даже светлого дня, лежат в постели и не стыдятся предаваться такому удовольствию, обращая время труда и деятельности в время сна и лености, так и мы, с приближением дня, по прошествии ночи, или лучше сказать, уже по наступлении дня, - а сказано: делайте, "**доколе есть день**" (Иоан. 9:4), - совершаем дела, свойственные ночи, спим, видим сны, услаждаемся мечтаниями. Сомкнулись наши очи - и умственные, и телесные; мы ведём пустые речи, говорим вздор. Мы не почувствовали бы, если бы кто-нибудь нанёс нам глубокую рану, похитил всё наше имущество и зажёг самый дом; или лучше сказать, мы даже не ожидаем, чтобы другие сделали это, но сами поступаем так, каждодневно уязвляем и поражаем сами себя, бесстыдствуем, не знаем никакого приличия, никакой чести, и своих постыдных дел ни сами не скрываем, ни другим не позволяем делать это, но с полным бесстыдством делаем себя посмешищем и предметом бесчисленных поруганий для всех видящих и проходящих. Разве вы не знаете, что и сами порочные люди смеются над подобными себе и осуждают их? Бог вложил в нас судилище неподкупное и никогда неизменное, хотя бы мы впали в глубину зла; потому и сами порочные люди осуждают самих себя, и, если кто-нибудь назовёт их тем, что они на самом деле, стыдятся, гневаются, обижаются. Так, если не на деле, то на словах, они в совести осуждают свои поступки, или лучше, осуждают и на деле. Ведь если они скрытно и тайно совершают дела свои, то этим дают ясное доказательство того мнения, которое имеют они об этих делах. Зло так очевидно, что все осуждают его, даже и те, которые его совершают; а добродетель такова, что ей удивляются и те, которые не следуют ей. Блудник хвалит целомудрие, любостяжательный осуждает несправедливость, раздражительный удивляется незлобию и порицает малодушие, а развратный - распутство. Почему же, скажешь, они сами делают это? По крайнему нерадению, а не потому, чтобы они считали это добром; иначе они не стали бы стыдиться дел своих и отказываться от них, когда кто-нибудь другой обличает их. Многие, будучи обличены, не выносили стыда и умерщвляли сами себя: таково внутри нас свидетельство того, что хорошо и пристойно; так добрые дела светлее солнца, а противоположные им гнуснее всего!

2. Святые были странниками и пришельцами. Как и каким образом? Где Авраам признаёт себя странником и пришельцем? Может быть и он признавал; а что признавал себя таким Давид, это несомненно. Послушай, что он сам говорит: "…**странник я у Тебя [и] пришлец, как и все отцы мои**" (Пс. 38:13). Те, которые жили в шатрах и за деньги приобретали места для погребения, очевидно, были такими странниками, что даже не имели, где хоронить мертвецов своих. Что же? Не называли ли они себя странниками по отношению только к одной земле палестинской? Нет, по отношению к целой вселенной, - и это справедливо: они не видели в ней ничего такого, чего желали, но всё было для них странно и чуждо. Они хотели упражняться в добродетели, а здесь было множество пороков, и потому всё здешнее было для них чуждо; они не имели ни одного друга, ни одного близкого человека, кроме немногих. А как они были странниками? Они не заботились о здешнем и доказывали это не словами, а самыми делами. Как и каким образом? (Бог) сказал Аврааму: оставь мнимое отечество и иди в землю чужую (Быт. 12:1), - и он не остался там по любви к близким, но без сожаления покинул, как бы чужую землю. (Бог) сказал ему: принеси (в жертву) сына своего (Быт. 22:2), - и он принёс его так, как бы вовсе не имел сына, принёс так, как бы не был облечён человеческою природою. Имущество своё он считал общим со всеми приходящими, и ставил это ни во что; первое

место предоставлял другим, подвергался опасностям, терпел безчисленные бедствия; не строил великолепных домов, не роскошествовал, не заботился об одежде и ни о чём другом, что бывает в здешнем міре; напротив, жил жизнью горнего града, был страннолюбив, братолюбив, милосерд, долготерпелив, презирал имущество, настоящую славу и всё прочее. Таков был и сын его. Когда его гнали и нападали на него, он не противился и уступал, как находящийся в земле чужой, - ведь странники, чему бы ни подвергались, переносят всё, так как находятся не в отечестве. И лишение жены он переносил, как странник; он жил высшею жизнью, сохраняя целомудрие и всякое воздержание; родивши сына, он не имел общения с женою; а женился на ней уже тогда, когда прошёл цвет юности, - показав, что он сделал это не по страсти, но чтобы послужить исполнению обетования Божия. А Иаков? Не искал ли он только одного хлеба и одежды, таких потребностей, которые свойственны истинным странникам, пришедшим в крайнюю бедность? Будучи гоним, он не уступал ли, как странник? Не работал ли по найму? Не терпел ли безчисленных бедствий, путешествуя везде, как странник? Перенося всё это, они показывали, что ищут другого отечества. О, какое различие! Они ежедневно томились желанием освободиться отсюда и возвратиться в своё отечество; а мы - напротив. Когда случится какая-нибудь горячечная болезнь, то мы, бросив всё, подобно малым детям, плачем и боимся смерти, - и справедливо терпим это, потому что не живём здесь, как странники, и не спешим туда, как в отечество, а идём, как на казнь. Потому мы и скорбим, что не пользуемся вещами, как должно, а извратили порядок вещей; потому мы и мучимся, тогда как следовало бы радоваться; потому и трепещем, подобно каким-нибудь убийцам и разбойникам, когда им предстоит явиться на суд и когда они припоминают все дела свои, и оттого страшатся и трепещут. Не таковы были те мужи, но они сами спешили туда; а Павел даже воздыхал о том, как он сам говорит: "…**мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем**…" (2 Кор. 5:4). Таков был Авраам и подобные ему; они были, говорит (апостол), странниками для целой вселенной и искали отечества. Какого? Не того ли, которое оставили? Нет; что препятствовало им, если бы они хотели возвратиться туда и быть его гражданами? Они искали отечества небесного. Так спешили они удалиться отсюда и так угождали Богу; потому и сам Бог не стыдится называться Богом их. О, какая честь! Он восхотел называться их Богом. Но что, скажешь, важного в том, что Он не стыдится называться Богом их, когда Он называется Богом земли и Богом неба? Это важно, поистине важно, и служит знаком великого блаженства. Почему? Потому, что Он называется Богом неба и земли так же, как и Богом язычников; Он Бог неба и земли, как Творец и Устроитель их; а (Богом) тех святых Он называется не в этом смысле, а как близкий друг их. Объясню вам это примером. Например: в больших домах, когда некоторые из главнейших слуг отличаются перед другими и при том весьма отличаются, управляют всем и имеют великое дерзновение перед господами, тогда господин называется по их имени; и многие так называются. Но что я говорю? Подобно тому, как мог Он называться Богом не язычников, а вселенной, так точно мог Он называться и Богом Авраама. Вы не знаете, какая честь заключается в этом, потому что мы не имеем её. Ныне Бог называется Господом всех христиан, хотя и это выше нашего достоинства; если же Он называется Богом одного человека, то подумай, сколько в этом величия! Бог вселенной не стыдится называться Богом троих человек, - и справедливо, потому что святые равняются не только этому міру, но и бесчисленному множеству их: "**Лучше один праведник, нежели тысяча грешников**" (Сир. 17:3). Итак очевидно, что они называли себя странниками в этом смысле. Положим даже, что они называли себя странниками по чужой земле: тогда что говорит Давид? Разве он не был царём, не был пророком? Разве он жил не в своём отечестве? Почему же он говорит: "…**странник я у Тебя [и] пришлец**"? Как – "**пришлец**"? "**Как**", - говорит, - "**и все отцы мои**". Видишь ли, что и они были пресельники? У нас, говорит, ныне есть отечество, но не истинное отечество. Как - "**пришлец**"? Земли; следовательно и они были пришельцы земли. Как они, так и он, и как он, так и они.

3. Будем же странниками и мы, по крайней мере ныне, чтобы Бог не стыдился называться нашим Богом. А для Него было бы стыдно, если бы Он назывался Богом людей порочных; таких Он и сам стыдится, и напротив считает честью для себя быть Богом людей добрых, честных и упражняющихся в добродетели. И мы отказываемся называться господами наших дурных рабов и отвергаем их; когда кто-нибудь, пришедши, скажет нам: такой-то сделал много дурного, не твой ли он слуга? - тогда мы тотчас говорим: нет, чтобы отклонить от себя позор, потому что есть отношение между рабом и господином, и бесславие переходит с первого на последнего; тем более (стыдится) Бог. Но те мужи были так славны, так много имели дерзновения (перед Богом), что Он не только не стыдился называться их (Богом), но и сам говорил: "…**Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова**" (Исх. 3:6). Будем, возлюбленные, и мы странниками, чтобы не стыдился нас Бог, чтобы не стыдился и не предал геенне. Таковы были те, которые говорили: "…**Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?**" (Мат. 7:22). Но Христос, смотрите, что говорит им: "…**Я никогда не знал вас**" (Мат. 7:23), как поступили бы, чтобы отклонить от себя позор, и господа дурных слуг, прибегающих к ним. Не знаю вас, говорит Он. А как же Ты наказываешь тех, которых не знаешь? Не знаю - говорит Он в другом смысле, т.е. отвергаю вас, отказываюсь от вас. Да не услышим и мы этого грозного и страшного изречения! Если те, которые изгоняли бесов, пророчествовали, были отвергнуты за то, что вели жизнь не соответствующую словам, то не тем ли более мы? Но как, скажешь, могут быть отвергнуты те, которые пророчествовали, совершали чудеса и изгоняли бесов? Они могли впоследствии измениться и сделаться порочными; потому и прежние добродетели не принесли им никакой пользы. Нужно иметь не только начало славное, но ещё более славный конец. В самом деле, скажи мне, оратор не старается ли сделать блистательным заключение своей речи, чтобы удалиться при рукоплесканиях? Градоправитель не является ли более блистательным при конце своего правления? Ратоборец, если не явит блистательного конца и не будет победителем до конца, но, победив всех, сам будет побеждён последним, не лишается ли пользы от всех трудов своих? Кормчий, прошедший целое море, но у пристани разбивший корабль, не теряет ли всего прежнего труда своего? А врач? Если он, избавив больного от болезни, расстроит его тогда, когда мог восстановить окончательно, то не портит ли всего дела? Так бывает и с добродетелью: кто к началу её не прилагает надлежащего и соответствующего ей конца, тот губит всё и погибает. Таковы те, которые вначале весело и гордо выступили на поприще, а потом упали духом и ослабели; потому они и лишились награды и не признаны Владыкой.

Пусть слышат это те из нас, которые преданы сребролюбию. Оно - величайшее беззаконие: "**ибо корень всех зол**", - говорит (апостол), - "**есть сребролюбие**" (Тим. 6:10). Пусть слышат те из нас, которые хотят увеличить своё состояние, - пусть слышат и отстанут от любостяжания, чтобы не услышать того, что услышали те (отверженные Господом). Будем слушать теперь и соблюдать это, чтобы не услышать тогда; будем слушать теперь со страхом, чтобы тогда не услышать в наказание: "**Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие**" - даже и тогда (не знал вас), когда вы пророчествовали и изгоняли бесов. Можно думать, что в этих словах выражается и ещё нечто другое, именно то, что они и тогда вели жизнь порочную, так как вначале благодать действовала и через людей недостойных. Если она действовала даже через Валаама, то тем более могла действовать через недостойных, для тех, которые имели получить от того пользу. Если же чудеса и знамения не могли избавить от наказания, то тем более, хотя бы кто получил священный сан, хотя бы достиг высшей чести, хотя бы благодать действовала при рукоположении его и во всём прочем, для пользы нуждающихся в предстоятелях, - такой услышит: "**Я никогда не знал**…" тебя, даже и тогда, когда действовала в тебе благодать. О, какая требуется там чистота жизни! Как она одна сильна для того, чтобы

ввести нас в царствие небесное. Как без неё человек погибает, хотя бы он мог являть бесчисленные знамения и чудеса! Ничто не бывает так приятно Богу, как добродетельная жизнь: "**Если любите Меня**", - говорит (Господь), - не сказал: творите чудеса, но что? – "**соблюдите Мои заповеди**" (Иоан. 14:15); и еще: "**Вы друзья Мои**", - не тогда, когда изгоняете бесов, но - "**Если заповеди Мои соблюдете**" (Иоан. 15: 10,14). Первое - дар Божий; а последнее - и дар Божий и вместе дело нашего усердия. Постараемся же сделаться друзьями Божиими, а не остаться врагами Его. Непрестанно мы говорим это, непрестанно убеждаем к этому и себя самих и вас, - и однако нет никакого успеха. Потому я и страшусь, и хотел бы молчать, чтобы не увеличить для вас опасности, так как часто слышать и не поступать так - значить оскорблять Владыку. Но боюсь и другой опасности от молчания для меня самого, если бы я, поставленный на служение слову, стал молчать. Что же, скажете, делать нам, чтобы спастись? Начнём упражняться в добродетелях, пока есть время. Разделим для себя добродетели, как земледельцы разделяют земледелие; в один месяц преодолеем в себе склонность к злословию, дерзость, несправедливый гнев, положим для себя законом и скажем: ныне исправим это; в другой месяц поучимся терпению; в третий - ещё иной добродетели, и, приобретши в ней навык, перейдём к новой, подобно тому, как в учении мы, сохраняя прежнее, приобретаем новое. После того перейдём к презрению богатства, и, во-первых, будем удерживать руки от любостяжания, а потом, творить милостыню; не будем смешивать всего вместе, - одними и теми же руками и похищать, и подавать милостыню. Затем приступим к другой добродетели, а от неё еще к иной. "**Также сквернословие**", - говорит (апостол), - "**и пустословие и смехотворство не приличны [вам]** " (Ефес. 5:3,4). Исполним и это. Здесь не требуется ни издержек, ни трудов, ни усилий. Довольно только хотеть, - и всё сделается. Не нужно для этого предпринимать далёкого путешествия, или переплывать беспредельное море, но только постараться, оказать усердие и наложить узду на язык против неуместных оскорблений. Исторгнем из души своей гнев, порочные похоти, склонность к чувственным удовольствиям и роскоши, сребролюбие, навык к клятвам и к клятвопреступлениям. Если мы будем таким образом возделывать самих себя, сначала исторгая терние, а потом насаждая небесное семя, то сможем получить обещанные блага. Придёт Делатель, соберёт нас в житницу, и тогда мы получим все блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 25

"Верою Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака и, имея обетование, принес единородного, о котором было сказано: в Исааке наречется тебе семя. Ибо он думал, что Бог силен и из мертвых воскресить, почему и получил его в предзнаменование" (Евр. 11:17 -19).

1. Поистине, велика вера Авраама. В Авеле, Ное и Енохе происходила только борьба мыслей и нужно было стать выше человеческих помыслов; а здесь нужно было стать не только выше человеческих помыслов, но показать ещё нечто большее; здесь божественное по-видимому противоречило божественному же, вера - вере, повеление - обетованию. Так, (Бог) сказал ему: "…**пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего**… **ибо всю землю,** …**тебе дам Я и потомству твоему навеки**" (Быт. 12:1; 13:15), и однако не дал ему в ней наследия, даже ни на один шаг. Видишь ли, как события противоречили обетованию? Ещё сказал: "**в Исааке наречется тебе семя**" (Быт. 21:12), и (Авраам) поверил; и ещё: принеси мне в жертву того, который имеет наполнить всю вселенную своим потомством. Видишь ли противоречие повелений обетованию? Он повелевал противное обетованиям, и однако праведник не смущался и не считал себя обманутым. А

вы, говорит (апостол), не можете сказать, что Он обещал вам покой и послал скорбь; вам Он, что обещал, то и делает. Как это? "**В мире**", - говорил Он, - "**будете иметь скорбь**" (Иоан. 16:33); "**и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня**" (Мат. 10:38); "**Сберегший душу свою потеряет ее**"; и: "**если кто приходит ко Мне**… **не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником**" (Лук. 14:26,33); и ещё: "**и поведут вас к правителям и царям за Меня**" (Мат. 10:18); и еще: "…**враги человеку - домашние его** " (Мат. 10:36). Здесь скорби, а покой там. С Авраамом же было напротив: ему повелено было делать противное обетованиям, и однако он не смущался, не колебался и не считал себя обманутым. А вы не терпите ничего такого, что было бы чуждо обетованию, и смущаетесь. Он слышал противное обещанному от самого Обещавшего, и не смущался, но исполнял, как согласное (с обетованием); и действительно оно было согласно; оно противно было помыслам человеческим, но согласно с верою; а каким образом, это апостол сам объяснил нам, сказав: "**он думал, что Бог силен и из мертвых воскресить**…". Смысл слов его следующий: по той же вере, по которой он веровал, что Бог даст ему сына, которого у него не было, по той же вере он был убеждён, что Бог воскресит и мёртвого, воскресит закланного. Одинаково было чудно, т.е. по человеческому соображению, как то, что родится сын от утробы омертвевшей, устаревшей и уже сделавшейся неспособною к деторождению, так и то, что закланный воскреснет, - и однако он верил; прежняя вера руководила его (к вере) и в будущее. С другой стороны, он испытал приятное сначала, а прискорбное - напоследок, в старости; а с вами, говорит (апостол), происходит напротив: прискорбное прежде, а приятное после. Это сказано к тем, которые осмеливаются говорить, что Бог, обещав нам блага после смерти, быть может, обманул нас. Бог силён, говорит, и из мёртвых воскресить; если же Бог силён и из мёртвых воскресить, то конечно воздаст нам всё; и если Авраам верил за столько лет, что Бог силён воскресить из мёртвых, то тем более мы должны верить этому. Видишь ли, что Бог, как я выше сказал, ещё прежде нежели вошла смерть, возбуждал в праотцах надежду воскресения и приводил их к такому убеждению, что они, по повелению Его, приносили в жертву своих сыновей, через которых надеялись наполнить вселенную, и закалали их с готовностью? И ещё нечто другое (апостол) выражает здесь словами: Бог искушал Авраама. Что же такое? Разве Бог не знал, что он был муж терпеливый и доблестный? Совершенно знал. Если же знал, то для чего искушал его? Не для того, чтобы самому узнать, но чтобы другим показать и для всех сделать очевидным его мужество. (Апостол) показывает здесь причину искушений, чтобы не думали, будто они страдают потому, что оставлены Богом. Нам здесь неизбежно подвергаться искушениям, так как много есть гонителей и строящих козни; а там какая была нужда изобретать искушения, которых не было? Очевидно, что это искушение было по Его повелению. Другие искушения бывают по Его попущению, а это было по Его повелению. Если же искушения делают людей столь славными, что Бог и без причины подвергает им своих подвижников, то тем более мы должны переносить всё мужественно. Выразительно здесь (апостол) сказал, что "**верою Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака**"; не было никакой другой причины принесения (Исаака в жертву), кроме этой. И далее Он раскрывает ту же мысль. Не может, говорит он, никто сказать, что он имел другого сына и от него ожидал исполнения обетования, а потому смело приносил Исаака в жертву: "**имея обетование**", - говорит, - "**принес единородного**". Как – "**единородного**"? А Измаил? Он откуда? Называю единородным, говорит, по отношению к обетованию; и потому, сказав: "**единородного**", и желая показать, что в этом смысл так называет его, присовокупляет: "**о котором было сказано: в Исааке наречется тебе семя**", т.е. от него. Видишь ли, как удивителен поступок патриарха? Ему сказано было: "**в Исааке наречется тебе семя**", и однако он приносил сына в жертву. Далее, чтобы кто-нибудь не подумал, будто он сделал это в отчаянии и принятием такого повеления оставил прежнюю веру, а напротив убедился, что и этот поступок подлинно был делом веры, (апостол) говорит, что и здесь он имел веру, и хотя она по-видимому противоречила прежней, однако он не

противился, потому что не измерял силы Божией человеческими суждениями, а предоставлял всё вере. Потому он и не убоялся сказать, что "**Бог силен и из мертвых воскресить, почему и получил его в предзнаменование**", т.е. в образе, в овне. Каким образом? Закланием в жертву овна был спасён (Исаак), так что за овна он получил сына, заклавши в жертву первого вместо последнего. Это было некоторым прообразом; здесь был прообразован Сын Божий, закалаемый в жертву. И заметь, как велико человеколюбие Божие. Так как Он имел даровать людям великую благодать, то, желая сделать это не даром, а как бы должник, Он устрояет, что сперва человек отдаёт сына своего по повелению Божию, - чтобы не казалось великим делом то, что Он сам отдаёт собственного Сына, после того как человек сделал это прежде Него, - чтобы не думали, что Он делает это даром, но и по долгу. Кого мы любим, тому стараемся доставить и то, чтобы казалось, будто мы наперед получили от него какую-нибудь малость, и потом отдаём ему всё, и хвалимся не столько данным, сколько полученным от него, - не говорим: мы дали ему то-то, но: мы получили от него то-то. "…**Почему**", - говорит, - "**и получил его в предзнаменование**", т.е. в образ, так как овен был притчей Исаака, или образом. Так как жертва была совершена и Исаак был заклан в намерении (Авраама), то Бог и даровал его патриарху.

2. Видишь ли, как и отсюда открывается то, о чём я постоянно говорю? Когда мы сделаем ум свой совершенным и покажем, что мы презираем земные вещи, тогда Бог дарует нам и земное, но не прежде того, - чтобы мы, привязанные к земным благам, получивши их, ещё более не привязались к ним. Отреши себя наперёд от рабства, говорит Он, и тогда получай, - чтобы ты получил не как раб, но как господин; презирай богатство, и будешь богатым; презирай славу, и будешь в славе; презирай мщение врагам, и отмстишь им; презирай покой, и получишь его, - чтобы, получая, ты получал не как узник или раб, но как свободный. С малыми детьми мы поступаем так: когда дитя сильно желает детских игрушек, то мы тщательно скрываем их от него, например мяч, или что-нибудь другое, чтобы оно не отвлекалось от необходимых занятий; а когда оно не обращает на них внимания и не желает их, тогда мы без опасения даём их, зная, что от этого не будет ему никакого вреда и эта забава не сможет отклонить его от необходимых занятий. Так и Бог поступает с нами: когда Он видит, что мы не желаем земных (благ), то позволяет нам пользоваться ими, потому что тогда мы владеем ими, как свободные и как мужи, а не как дети. А что действительно, когда ты будешь презирать мщение врагам, тогда и отмстишь им, об этом, послушай, что говорит (апостол): "…**если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его**", и прибавляет: "**ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья**" (Рим. 12:20). Что действительно, когда ты будешь презирать богатство, тогда получишь его, об этом послушай, что Христос говорит: "**И всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную**" (Мат. 19:29). Что действительно, когда ты будешь презирать славу, тогда получишь её, об этом послушай, что опять Христос говорит: "**кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою**"; и еще: "…**кто унижает себя, тот возвысится**" (Мат. 20:26; 23:12). Что говоришь ты? Если я даю пить врагу, то наказываю его? Если раздаю имущество, то владею им? Если смиряюсь, то делаюсь высоким? Да, говорит, такова моя сила; она производит противоположное через противоположное; Я богат и премудр, - не бойся; природа вещей повинуется моей воле, а не Я следую природе; Я всё совершаю, а не другое что-нибудь руководит мною; потому Я могу переменить и преобразовать всё. И удивительно ли, что так бывает в таких вещах, когда то же самое бывает и во всём другом?

Так, когда ты вредишь (другому), тогда вредишь самому себе; а когда тебе вредят (другие), тогда ты не терпишь вреда; когда ты мстишь, тогда (не другому) мстишь, а себе

самому. Кто любит неправду, говорит (Премудрый), тот "**ненавидит душу свою**" (Притч, 29:24). Видишь ли, что в таком случае ты не (другому) вредишь, а себе самому? Потому и говорит Павел: "**Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными**" (1 Кор. 6:7)? Видишь ли, что это не значит - терпеть вред? Когда ты обижаешь (другого), тогда обижаешь самого себя. Это отчасти многим известно: иногда говорят друг другу: отойдём отсюда, чтобы не унизить самих себя. Почему? Потому, что велико различие между тобою (оскорбляющим) и им (оскорбляемым); какие бы ты ни причинил ему оскорбления, они обращаются ему в честь. Будем так рассуждать всегда, и мы станем выше оскорблений; а каким образом, это я объясню. Если бы мы стали враждовать против носящего порфиру, то оскорбления, направленные на него, обратились бы на нас самих, так как, порицая его, мы сами делаемся достойными порицания. Что же, скажи мне, твои слова значат? Будучи гражданином неба, обладая горним любомудрием, для чего ты унижаешь себя самого наравне с тем, который помышляет только о земном? Хотя бы у врага твоего было несчетное имущество, хотя бы у него была власть, он не знает твоего добра. Не унижай же себя, оскорбляя его; пощади себя, не его; воздай честь себе, не ему. Не говорит ли пословица: кто почитает (другого), тот почитает самого себя? И справедливо: не его он почитает, а себя самого. Послушай слов Премудрого, который говорит: "**кротостью прославляй душу твою и воздавай ей честь по ее достоинству**" (Сир. 11:31). Что значит: "**по ее достоинству**"? Если кто, говорит, обманул тебя из любостяжания, не делай того же; если оскорбил, не оскорбляй. Скажи мне, прошу тебя: если какой-нибудь бедняк возьмёт кусок грязи, валявшийся на дворе твоём, то неужели ты поведёшь его за это в судилище? Нет. Почему? Чтобы не унизить себя самого, чтобы не стали все осуждать тебя. Так и здесь. Богач есть бедняк; и чем более он богатеет, тем более становится бедным истинною бедностью. Золото - это грязь, брошенная на двор, а не лежащая в твоём доме; дом же твой - небо. Потому, если ты за это позовёшь его в судилище, то не осудят ли тебя горние граждане? Не извергнут ли они тебя из своего отечества, - тебя, который так низок, так презрен, что из-за малого куска грязи решаешься вести тяжбу? Если бы даже весь мір был твоим и кто-нибудь отнял его у тебя, то и тогда тебе следовало бы только отвернуться от него.

3. Разве ты не знаешь, что если увеличишь вселенную в десять раз, или во сто, или в десять тысяч, или вдвое против этого, и тогда она даже в малой доле не сравнится с благами небесными? Кто восхищается здешними благами, тот оскорбляет тамошние, если он считает достойными привязанности первые, так далеко отстоящие от последних; а лучше сказать, он и не в состоянии восхищаться последними, - как в самом деле (он может быть способным к этому), пристрастившись к первым? Расторгнем же когда-нибудь, увещеваю вас, эти цепи и сети, - т.е. земные дела. Доколе мы будем наклоняться к земле? Доколе будем строить козни друг другу, подобно зверям или рыбам? Впрочем и звери не строят козней сродным себе, но разнородным; так, медведь не скоро убьёт медведя, змея не убьёт змеи, уважая сродство; а ты даже того, кто сроден тебе и с кем ты имеешь бесчисленные соотношения, - одинаковость происхождения, разумность, познание Бога, силу над природою и многое другое без числа, -ты своего сродника, имеющего одну с тобою природу, убиваешь и обременяешь множеством зол. Что в том, если ты не вонзаешь в него меча и рукою не поражаешь его шеи? Ты делаешь хуже этого, подвергая его постоянным скорбям. Если бы ты сделал первое, то избавил бы его от забот; а теперь ты предаёшь его голоду и рабству, отчаянию и многим другим грехам. Говорю это, и не перестану говорить, не для того, чтобы побуждать вас к убийству или советовать - делать зло меньшее, но чтобы вы не надеялись остаться ненаказанными. "**Хлеб нуждающихся есть жизнь бедных: отнимающий его**", - говорит (Премудрый) - "**есть кровопийца**". (Сир. 34:21). Удержим руки свои, прошу вас, удержим, или, лучше сказать, не удержим, но протянем их на добро, - не на любостяжание, а на милостыню; пусть не будет рука наша бесплодна и суха; суха же та рука, которая не творит милостыни, а та, которая

простирается на любостяжание, скверна и нечиста. Никто пусть не вкушает пищи с такими руками, потому что это - обида для приглашённых. Скажи мне: если бы кто-нибудь пригласил нас возлежать на коврах, мягком ложе и вышитых золотом одеждах, в блестящем и великолепном доме, и, окружив нас множеством слуг, потом поставив стол из серебра и золота и наполнив его различными роскошными яствами, просил кушать с тем только условием, чтобы мы не гнушались руками его, запачканными грязью или калом человеческим, и позволили ему в таком виде возлежать вместе с нами, - то вынес ли бы кто такую казнь и не счёл ли бы этого за обиду? Я думаю, что всякий тотчас убежал бы. Между тем теперь ты видишь не руки только запачканными грязью, но и самые яства, и не отказываешься, не убегаешь, не обличаешь, но если человек со властью, то считаешь великим делом (быть у него) и губишь душу свою, вкушая такую пищу. Ведь любостяжание хуже всякой грязи; оно оскверняет не тело, но душу, так что трудно бывает очистить её. А ты видишь за столом оскверненного этою грязью, видишь и руки, и лице его, и дом, и стол наполненными ею, - подлинно же такие яства сквернее и отвратительнее навоза, или что только есть ещё худшего, - возлежишь с ним, считая это за честь для себя и как бы получая удовольствие? Или ты не стыдишься Павла, который позволяет беспрепятственно приступать даже к столу язычников, в случае нашего желания, но запрещает быть у любостяжателей, хотя бы даже мы того желали? "**Кто**", - говорит он, - "**называясь братом, остается блудником**", - называя здесь братом всякого вообще верующего, а не монаха. В самом деле, что доставляет нам братство? Баня пакибытия, возможность - называть Бога отцом. Потому оглашенный, хотя бы он был монахом, не есть брат; верующий же, хотя бы он был мирянином, есть брат. "**Кто**", - говорит, - "**называясь братом**". Тогда ещё не было и следов монашества, - всё это блаженный (Павел) говорил, мирянам. "**Кто**", - говорит, - "**называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе**" (1 Кор. 5:11). О язычниках он (говорит) не так, - а как? "**Если кто из неверных**", - разумея язычников, - "**позовет вас, и вы захотите пойти, то все, предлагаемое вам, ешьте**" (1 Кор. 10:27). "**Кто**, **называясь братом, остается**… **пьяницею**…".

4. Вот, какая строгость! А мы не только не убегаем от пьяниц, но сами идём к ним, чтобы участвовать в делах их. Потому у нас всё извратилось, всё смешалось, расстроилось и погибло. Скажи мне: если бы кто-нибудь из таких людей пригласил тебя на приготовленное пиршество, - тебя, который считаешься бедным и презренным, - потом услышал бы от тебя: так как предлагаемое собрано любостяжанием, то я не стану осквернять свою душу, - тогда он не устыдился ли бы, не смешался ли бы, не смутился ли бы? Действительно, одного этого было бы достаточно для его исправления, для того, чтобы он считал себя несчастным при богатстве своём, а тебе удивлялся при бедности твоей, видя, с какою разборчивостью ты пренебрегаешь им. Но мы, не знаю отчего, сделались рабами людей, тогда как Павел непрестанно внушает: "**не делайтесь рабами человеков**" (1 Кор. 7:23). Отчего мы сделались рабами людей? От того, что наперёд сделались рабами чрева, богатства, славы и всего прочего, утратили свободу, которую даровал нам Христос. Что же, скажи мне, будет с тем, кто сделался рабом? Послушай, что говорит Христос: "**раб не пребывает в доме вечно**" (Ин. 8:35). Вот решительный приговор, что он никогда не войдёт в царство (небесное), - потому что оно именно обозначается этим домом: "**В доме Отца Моего**", - говорит (Господь), - "**обителей много**" (Ин. 14:2). Таким образом раб не пребывает в доме во век, - рабом называет Он раба греху, - а кто в доме не пребывает во век, тот пребывает во век в геенне, ни откуда не получая утешения. Но зло дошло до такой степени, что они из подобного имущества подают даже милостыню, и многие принимают. От этого мы лишились дерзновения и уже не можем укорять никого. Будем же хотя отныне убегать зла, которое происходит отсюда; а вы, которые осквернились этою нечистою, удержитесь от такого зла и обуздайте своё

пристрастие к подобным пиршествам, чтобы нам хотя ныне умилостивить Бога и получить обещанные блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 26

"Верою в будущее Исаак благословил Иакова и Исава. Верою Иаков, умирая, благословил каждого сына Иосифова и поклонился на верх жезла своего. Верою Иосиф, при кончине, напоминал об исходе сынов Израилевых и завещал о костях своих" (Евр. 11:20-22).

1. "…**Многие**", - говорит (Господь), - "**пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали**" (Мат. 13:17). Неужели праведники знали всё будущее? Конечно. Если Сын (Божий) не открывался тем, которые не могли принять Его по своей немощи, то без сомнения открывался прославившимся добродетелями. Так и Павел говорит теперь, что они знали будущее, т.е. воскресение Христово. Или это он говорит, или слова его: "**верою в будущее**" относятся не к будущему веку, а к имеющему быть здесь впоследствии. Иначе, как человек, находящийся в чужой земле, мог давать такие благословения? И с другой стороны, почему он, получив благословение, сам не испытал его исполнения? Видишь ли, что и об Иакове можно сказать то же, что я сказал об Аврааме, т.е. что он не воспользовался благословением, но плоды этого благословения перешли к его потомкам, а он сам видел их в будущем? Действительно, мы знаем, что брат его жил в большом довольстве. Он проводил всю жизнь в рабстве, работе, опасностях, безпокойствах, огорчениях и страхе, и на вопрос фараона отвечал: "…**малы и несчастны дни жизни моей**…" (Быт. 47:9); а тот - в безопасности и полной свободе, и впоследствии был страшен (для Иакова). Когда же исполнились благословения (данные ему), если не в будущем? Видишь, как порочные издавна наслаждались здешними благами, а праведные - напротив, хотя и не все. Вот Авраам был праведник и наслаждался здешними благами, впрочем со скорбями и искушениями, - у него было только богатство, а все прочие обстоятельства его были исполнены скорбей. Да и невозможно праведнику не испытывать скорбей, хотя бы он и был богатым, - если он готов терпеть потери, несправедливости и всё прочее, то по необходимости испытывает скорби. Таким образом он, хотя и наслаждается богатством, но не без скорбей. Почему? Потому, что он чувствует скорби и печали. Если же тогда праведники испытывали скорби, то тем более теперь. "**Верою в будущее**", - говорит, - "**Исаак благословил Иакова и Исава**". Хотя Исав был старший, но он поставляет наперед Иакова - за добродетели его. Видишь, какова была вера (Исаака)? Почему бы в самом деле он обещал сыновьям столь великие блага, если только не по вере в Бога? "**Верою Иаков, умирая, благословил каждого сына Иосифова**". Здесь надобно бы изложить все его благословения, чтобы яснее открылась и вера его, и пророчество. "**И поклонился**", - говорит, - "**на верх жезла своего**". Здесь (апостол) показывает, что Иаков не только сказал, но так надеялся на будущее, что показал это и самым делом. Так как от Ефрема имел восстать другой царь, то он и говорит: "**и поклонился на верх жезла своего**", т.е., будучи уже старцем, он поклонился Иосифу, выражая имеющее быть поклонение ему от всего народа. Это отчасти уже исполнилось, когда ему кланялись братья, но должно было исполниться и после через десять поколений. Видишь, как он предсказал будущее? Видишь, какую праотцы имели веру, как они веровали в будущее? Приводимые здесь примеры служат примерами, одни - терпения в страданиях и лишении всех благ, каковы относительно Авраама и Авеля, другие - веры в то, что есть Бог и воздаяние, каков пример относительно Ноя. Слово - вера имеет много значений, - оно выражает то одно, то другое; здесь же означает, что будет воздаяние, что не всех ожидает одно и то же, что надобно подвизаться прежде наград. Пример Иосифа есть пример одной

веры. Иосиф слышал, что Бог возвестил и обещал Аврааму: " **всю землю,** …**тебе дам Я и потомству твоему навеки**", и потому, будучи в чужой земле и еще не видя исполнения обещания, не падал духом, но веровал так, что и напоминал об исходе и сделал завещание о костях своих. Таким образом он не только сам веровал, но и других возводил к вере. Для того он и завещал, чтобы они всегда помнили об исходе; и не завещал бы он о костях своих, если бы не был уверен, что будет исход. Если после этого кто-нибудь скажет: вот и праведники заботились о могилах, то мы такому отвечаем: они заботились именно поэтому, а не почему-либо другому, так как знали, что "**Господня - земля и что наполняет ее**" (Пс. 23:1). Не безызвестно было это и (Иосифу), жившему в таком любомудрии и проведшему всю жизнь свою в Египте, Он конечно мог бы, если бы захотел, возвратиться оттуда, а не сетовать и скорбеть; если же он, вызвав отца своего туда, завещал вынести оттуда кости свои, то не очевидно ли, что по этой причине?

2. А что же, кости самого Моисея, скажи мне, лежат не в чужой ли земле? Мы не знаем, где лежат кости Аарона, Даниила, Иеремии и многих апостолов. Гробы Петра, Павла, Иоанна и Фомы известны, а столь многих других совершенно неизвестны. Но мы не должны сокрушаться об этом и малодушествовать; где бы мы ни были погребены, "**Господня - земля и что наполняет ее**". Непременно бывает то, что должно быть; проливать же слезы, сокрушаться и оплакивать умерших свойственно малодушию. "**Верою Моисей по рождении три месяца скрываем был родителями своими**" (ст. 23). Видишь, как они здесь на земле надеялись на имевшее быть после их смерти? И многое действительно совершилось после их смерти. Это сказано к тем, которые говорят: после их смерти исполняется то, чего они не получили при жизни и на что не надеялись после смерти. Но Иосиф не говорил: Бог не дал (обетованной) земли при жизни ни мне, ни отцу моему, ни деду моему, которого добродетель заслуживала уважения, - как же Он удостоит порочных людей того, чего не удостоил их? Он не говорил так, но превозмог и победил всё это верою. Сказав об Авеле, Ное, Аврааме, Исааке, Иакове, Иосифе, которые все славны и знамениты, (апостол) потом ещё усиливает утешение, представляя в пример лица неизвестные. Нисколько не удивительно, что так поступали знаменитые лица, и оказаться ниже их не так прискорбно; но прискорбно - оказаться ниже лиц неизвестных. Он начинает с родителей Моисея, людей неизвестных и не имевших ничего такого, что имел сын; а потом, продолжая речь, сильнее выражает нелепость (неверия), указывая на блудных женщин и вдовиц: "**Верою**", - говорит, - "**Раав блудница, с миром приняв соглядатаев (и проводив их другим путем), не погибла с неверными**" (ст. 31). Он представляет последствия не только веры, но и неверия, как например при Ное. Впрочем, нужно сказать о родителях Моисея. Фараон повелел истребить всех младенцев мужеского пола, и никто не избег опасности. Почему же они надеялись спасти своё дитя? По вере. Какой вере? "…**ибо видели они**", - говорит, - "**что дитя прекрасно**". Самый вид его располагал их к вере. Так праведнику даруется великая благодать с самого начала, ещё с пеленок, и это делает не природа, а Бог. Смотри, в самом деле, новорожденное дитя сразу оказалось прекрасным, а не безобразным. Чьё это было (дело)? Не природы, а благодати Божией, которая подвигла и язычницу - египтянку и воодушевила её так, что она взяла и приняла к себе (младенца). Между тем у них (родителей его) вера не имела достаточного основания, - чего можно было надеяться от одного внешнего вида? А вы, говорит (апостол своим слушателям), воруете от дел, имея много залогов веры; действительно, с радостью принять расхищение имущества и тому подобное, это - дело веры и терпения. Но так как они веровали, а потом стали малодушествовать, то он показывает, что вера древних была продолжительна, как например вера Авраама, хотя обстоятельства по-видимому препятствовали ей. "**И не устрашились**", - говорит, - "**царского повеления**". Хотя оно приводилось в исполнение, но они просто выжидали. Это было делом родителей, а Моисей сам сюда ничего не привнёс. Далее опять приводит другой пример, близкий (к слушателям), и даже гораздо более того. Какой именно? "**Верою Моисей, придя в**

возраст, отказался называться сыном дочери фараоновой, и лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение, и поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища; ибо он взирал на воздаяние" (ст. 24 - 26). Он как бы так говорит им: никто из вас не оставил ни царского двора, и двора великолепного, ни таких сокровищ, и не отказался быть царским сыном, когда это было возможно, как сделал Моисей. А что он не просто отказался от этого, (апостол) объяснил, сказав: "**отказался**", т.е. пренебрёг, погнушался. Когда предстояло небо, то излишне было бы восхищаться двором египетским.

3. И смотри, как чудно здесь Павел выразился. Он не сказал: считая небо и небесные предметы богатством большим сокровищ египетских, - но что? "**Поношение Христово**". Быть поносимым ради Христа он считал лучшим, нежели жить в удовольствиях; это для него само по себе было наградою. "…**Лучше захотел страдать с народом Божиим**…". Вы, говорит, страдаете сами за себя; а он предпочёл страдать за других и добровольно подверг себя таким опасностям, тогда как мог бы и жить благочестиво, и пользоваться благами. "…**Нежели иметь временное греховное наслаждение**…". Грехом называется здесь нежелание страдать вместе с другими: это, говорит, он считал грехом. Если же он считал грехом неготовность страдать с другими, то следует, что великое благо - страдание, которому он добровольно подвергся, оставив царский двор. Он сделал это, провидя нечто великое. Потому (апостол) и сказал: "…**поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища**…", Что значить: "**поношение Христово**"? Т.е. такое поношение, которое вы терпите, поношение, которое терпел Христос, или то, что он потерпел за Христа, когда злословили его за камень, из которого он извёл воду: "…**камень же**", - говорит, - "**был Христос**" (1 Кор. 10:4). Когда бывает поношение Христово? Когда мы, оставляя отеческие обычаи, терпим поругание, - когда, страдая, прибегаем к Богу. Так и он терпел поношение Христово, когда слышал: "**не думаешь ли убить меня, как убил Египтянина**" (Исх. 2:14)? Поношение Христово в том, чтобы терпеть до конца и до последнего издыхания, подобно как сам Он терпел поношения и слышал: "…**если Ты Сын Божий**…" (Мат. 27:40), от тех, за кого распинался, от своих соплеменников. Поношение Христово в том, когда кто терпит поношение от своих, от тех, кому благодетельствует. Так и Моисей терпел поношение от того, кому благодетельствовал. Здесь (апостол) ободряет их, показывая, что так терпел Христос и Моисей, два знаменитые лица; это поношение более Христово, нежели Моисеево, так как происходило от своих. И как последний нисколько не противился, так и первый не посылал молний, но, когда Его поносили, Он переносил всё от кивавших своими главами. Так как, вероятно, и они (тогдашние евреи) слышали то же и желали воздаяния, то (апостол) говорит, что Христос и Моисей также страдали. Таким образом жизнь, исполненная удовольствий, есть греховная, а исполненная поношений - Христова. Чего же ты желаешь теперь? Поношения Христова, или удовольствий? "**Верою оставил он Египет, не убоявшись гнева царского, ибо он, как бы видя Невидимого, был тверд**" (ст. 27). Как ты говоришь - не убоялся? Писание, напротив, говорит, что, услышав, он убоялся, искал поэтому спасения в бегстве, убежал, скрылся, и после того находился в страхе. Вникни внимательнее в сказанное; слова: "...**не убоявшись гнева царского**" сказаны по отношению к тому, что он после опять предстал (пред царя). Если бы он боялся, то после опять не предстал бы, не принял бы на себя дела ходатайства; а если он принял на себя это дело, то, значит, во всём полагался на Бога. Не сказал: (царь) ищет меня, домогается этого, и я не могу возвратиться. Следовательно и бегство его было делом веры. А почему, скажете, он не остался? Чтобы не подвергать себя предусмотренной опасности. Искушающему (Бога) свойственно бросаться в опасности и говорить: посмотрю, сохранит ли меня Бог. Так говорил и Христу диавол: "…**если Ты Сын Божий, бросься вниз**…" (Мат. 4:6). Видишь, что диавольское это дело - подвергать себя опасностям тщетно и напрасно, и испытывать, сохранит ли нас Бог? (Моисей) не мог

защищать тех, которые были так непризнательны к его благодеяниям; следовательно нелепо и безрассудно было бы оставаться там. Всё же это он совершал потому, что "…**видя Невидимого, был тверд**". Так и мы, если будем всегда созерцать Бога умом, если будем постоянно помнить о Нём, то для нас всё окажется легким, всё сносным, всё мы будем переносить удобно и станем выше всего. Ведь, если при виде любимого человека и даже при воспоминании о нём, наша душа ободряется и ум возвышается, и всё мы переносим легко, услаждаясь этим воспоминанием, - то имеющий в уме Того, кто удостоил нас истинной любви, и памятующий о Нём может ли чувствовать какую-нибудь скорбь, или бояться чего-нибудь страшного и опасного? Будет ли он когда-нибудь малодушествовать? Никогда. Для нас всё представляется трудным потому, что мы не помним о Боге, как должно, не имеем Его постоянно в уме своём. Он справедливо мог бы сказать нам: ты забыл Меня, и Я забуду, тебя. Так происходит двоякое зло: мы забываем Его, и Он - нас. Эти два обстоятельства, хотя тесно соединены между собою, всё же остаются двумя. А великое дело, чтобы Бог помнил о нас, велико и то, чтобы мы помнили о Нём; от одного зависит избрание добра, от другого - преуспеяние в нём и окончание. Поэтому говорит пророк: "…**я воспоминаю о Тебе с земли Иорданской, с Ермона, с горы Цоар**" (Пс. 41:7). Так говорит народ израильский, находясь в Вавилоне: "**там вспоминал о Тебе**".

4. Так должны говорить и мы, подобно жившим в Вавилоне. Хотя мы живём и не между (чужеземными) неприятелями, но также находимся среди врагов. И из тех одни жили, как пленники, а другие не чувствовали плена, как например Даниил и три отрока. Они, находясь в плену, были в этой стране славнее самого царя, который пленил их; и пленивший поклонился пленённым. Видишь, как велика добродетель? В самом плену (царь) служил им, как господам; следовательно он был более пленником, нежели они. Не так было бы удивительно, если бы он поклонился им, пришедши в их отечество, или если бы они там царствовали. Удивительно то, что сделавший их узниками, взявши в плен и имевший их в своей власти на виду у всех не постыдился поклониться им и принести жертву. Видите, как поистине славны дела Божии, а дела человеческие - тьма? Не знал он, что уводил (в плен) господ себе и ввергал в печь тех, которым должен был поклониться; а для них все бедствия были как бы сон.

Будем же бояться Бога, возлюбленные, будем бояться Его, - и тогда, хотя бы мы попали в плен, будем славнее всех. Пусть будет присущ нам страх Божий, - и тогда ничто не опечалит нас, будет ли то бедность, или болезнь, или плен, или рабство, или что-нибудь другое прискорбное, но даже и это всё станет содействовать нам к достижению противоположного. Те были пленниками, и царь поклонился им; Павел был скинотворец, и ему хотели принести жертву, как Богу. Здесь представляется вопрос, - многие спрашивают: почему апостолы отвергли жертвоприношение, разодрали свои одежды, удержали народ от этого намерения и со слезами говорили: "…**что вы это делаете? И мы - подобные вам человеки**…" (Деян. 14:15), а Даниил ничего подобного не сделал? Что он был муж смиренный и не менее их воздавал славу Богу, это видно из многого. И, во-первых, особенно видно из того, что он был любим Богом; если бы он присвоял себе божескую честь, то Бог не попустил бы ему остаться в живых, не говорю уже благоденствовать; во-вторых, из того, что он с великим дерзновением говорил: "**А мне тайна сия открыта не потому, чтобы я был мудрее всех живущих, но для того, чтобы открыто было царю разумение**…" (Дан. 2:30); в-третьих, из того, что он был во рву для Бога и, когда пророк принёс ему пищу, то он сказал: "…**вспомнил Ты обо мне, Боже**…" (Дан. 14:38), - таково было у него смирение и сокрушение! Он был во рву для Бога, и считал себя недостойным того, чтобы (Бог) помнил об нём и услышал его. А мы, дерзая совершать безчисленное множество нечистых дел и будучи преступнее всех, отступаем (от Бога), если только не услышана первая наша молитва. Поистине, великое расстояние

между ними и нами, как между небом и землёю, или ещё более. Что говоришь ты, (пророк)? После столь многих подвигов, после чуда, совершившегося во рву, ты считаешь себя так уничиженным? Да, говорит; что бы мы ни делали, мы "**рабы ничего не стоящие**…" (Лук. 17:10). Так он исполнял евангельскую заповедь ещё прежде её изречения, и считал себя ничтожным. Бог вспомнил обо мне, - говорил он. И самая молитва его, смотри, какого исполнена смирения. Так говорили и три отрока: "…**согрешили мы, и поступили беззаконно**…" (Дан. 3:29), и всегда проявляли своё смирение. Даниил имел безчисленное множество поводов превозноситься, но знал, что всё это было у него потому, что он не превозносился, и не губил сокровища. Все люди и вся вселенная прославляли его не потому только, что царь, повергшись ниц пред ним, принёс ему жертву, но потому, что признавал его богом тот, кого самого считали богом вселенной, как видно из слов пророка Иеремии: одевающий землю, как ризу, и ещё: " **Я отдаю все земли сии в руку Навуходоносора**" рабу моему (Иер. 27:6). И из его писаний также видно, что ему удивлялись не только там, где он жил, но и везде, и когда он писаниями засвидетельствовал рабство и чудо, то стал ещё более известным, нежели как если бы прочие народы сами видели его у себя. Равным образом, удивлялись и мудрости его: "…**вот**", - говорит (пророк), - "**ты премудрее Даниила**" (Иез. 28:3)? И после всего этого он был так смирен, что готов был тысячу раз умереть за Владыку.

5. Почему же, при таком смирении, он не отверг как поклонения ему от царя, так и жертвы? Об этом я не скажу: для меня довольно только предложить вопрос, а остальное предоставляю вам, чтобы хотя таким образом возбудить ум ваш. Итак, увещеваю вас предпринимать всё по страху Божию, имея столько, примеров того, что мы непременно получим и здешние блага, если искренно будем стремиться к будущим. А что (Даниил) поступил так не по гордости, это видно из слов, которые он сказал: "**дары твои пусть останутся у тебя**" (Дан. 5:17). Здесь опять представляется другой вопрос: почему он, отказавшись на словах, на деле принял эту честь и стал носить цепь? Ирод, слышавший слова: "…**голос Бога, а не человека**" (Деян. 12:22), и не воздавший славы Богу, расторгся так, что вывалились внутренности его; а он (Даниил) принял божескую честь, и не на словах только. Здесь необходимо объяснить, что это значит. Там народ мог впасть в большее идолопоклонство, а здесь - нет. Почему? Потому, что когда (Даниила) считали таким, то честь относилась к Богу, как он сам наперед сказал: "**мне тайна сия открыта не потому, чтобы я был мудрее всех живущих**" (Дан. 2:30). С другой стороны, и не видно, чтобы он принял жертвоприношение. Хотя царь сказал, что надобно принести жертву, но не видно, чтобы это было приведено в исполнение. А там уже привели волов для жертвоприношения, и назвали одного (апостола) Юпитером, другого Меркурием. Цепь же он принял для того, чтобы сделать себя заметным (для других). Но почему он невидимому не отверг жертвы? Там ещё не совершили (жертвоприношения), а только приступали, и однако апостолы воспрепятствовали; потому и здесь следовало бы остановить дело; при том там был весь народ, а здесь царь. Почему пророк не отклонил, об этом я сказал прежде, - т.е. потому, что он приносил ему жертву не как Богу, ко вреду богопочтения, а по случаю великого чуда. Как так? Он издал такое повеление ради Бога, исповедав тем Его владычество; следовательно не отнимал у Него чести. А те не так: они считали самих (апостолов) богами, потому и были удержаны.

Кроме того (Навуходоносор) наперед поклонился, и потом уже поступил так; а поклонился он ему не как Богу, но как мудрому человеку. Впрочем и не видно, чтобы он принёс жертву; если же и принёс, то против воли Даниила. Также: почему Навуходоносор назвал его Валтасаром - именем самого Бога? Так мало (язычники) уважали богов своих, что и пленнику дал это имя тот, кто всем повелевал поклоняться различным и разнообразным истуканам и почитал дракона. При том вавилоняне были гораздо неразумнее листрян; потому невозможно было тотчас же образумить их. И многое можно

было бы сказать здесь, но пока и этого довольно. Итак если мы хотим получить все блага, то будем искать благ Божиих. Как ищущие мирских благ теряют и те, и другие, так и предпочитающие блага Божии получают и те, и другие. Будем же искать последних, а не первых, чтобы нам сподобиться обещанных благ во Христе Иисусе Господе нашем.

БЕСЕДА 27

"Верою совершил он Пасху и пролитие крови, дабы истребитель первенцев не коснулся их. Верою перешли они Чермное море, как по суше, - на что покусившись, Египтяне потонули. Верою пали стены Иерихонские, по семидневном обхождении. Верою Раав блудница, с миром приняв соглядатаев (и проводив их другим путем), не погибла с неверными" (Евр. 11:28 - 31).

1. Много предметов Павел обыкновенно раскрывает среди (своей речи) и бывает обилен мыслями. Такова благодать Духа: она не заключает во множестве слов мало мыслей, но в кратких словах излагает много великих мыслей. Смотри, как он, предлагая по порядку увещания и беседуя о вере, напоминает о таком прообразе и таинстве, которого истина - у нас. "**Верою**", - говорит, - "**совершил он Пасху и пролитие крови, дабы истребитель первенцев не коснулся их**". Что значит: "**пролитие крови**"? в домах был закалаем агнец, и кровью его помазывались пороги; это служило ограждением от погибели, назначенной египтянам. Потому, если кровь агнца сохраняла иудеев невредимыми среди египтян и во время такой опасности, то тем более может спасти нас кровь Христова, которою помазуются не пороги, но души наши, - потому что и ныне губитель ходить вокруг нас среди настоящей глубокой ночи. Оградим же себя этою жертвою. Пролитием называет помазание, так как и нас Бог извел из Египта, из тьмы, из идолопоклонства. Средство было неважно, а действия его велики; средство - кровь, а действия - спасение, ограждение, избавление от погибели. Ангел убоялся крови, так как знал, чего она была прообразом; он убоялся, уразумев смерть Владычню, почему и не коснулся порогов. Моисей сказал: помажьте (пороги), и евреи помазали, и, помазавши, были уверены в безопасности. А вы, имея кровь самого Агнца (Божия), не уверяетесь? "**Верою перешли они Чермное море, как по суше**". Опять сравнивает с народом целый народ, чтобы мы не говорили, что не можем быть святыми. "**Верою**", - говорит, - "**перешли они Чермное море, как по суше, - на что покусившись, Египтяне потонули**". Здесь он приводит им на память бедствия египетские. Как – "**верою**"? Они надеялись перейти чрез море и молились о том, или лучше, молился Моисей. Видишь, как вера всегда превышает рассуждения, немощь и ничтожество человеческие? Видишь, что они, как скоро уверовали, то и избавились от бедствия - и при помазании кровью дверей, и в Чермном море? Очевидно, что это была вода, так как (египтяне), вошедши в неё, потонули; следовательно, это не призрак был, а действительность. Как растерзанные львами и сожженные в печи доказывают, что это была действительность, так и здесь видно действительное событие, послужившее одним во славу и спасение, а другим в погибель. Вот какое большое благо - вера! Она спасает нас и тогда, когда мы приходим в безвыходное положение, когда угрожает нам самая смерть, когда, наши обстоятельства отчаянны. Действительно, что тогда оставалось им делать? Египтяне и море окружали их безоружных, и надлежало или бежать и утонуть, или попасть в руки египтян; но (вера) спасла их из этого безвыходного положения. Вода разостлалась пред ними, как суша, а тех потопила, как море; для них она забыла законы природы, а против тех вооружилась. "**Верою пали стены Иерихонские, по семидневном обхождении**". Трубные звуки никак не могут разрушить каменных стен, хотя бы кто трубил тысячу лет; а вера может делать всё!

2. Видишь ли, как (вера) всегда не следует порядку или законам природы, но совершает всё неожиданно? Так и здесь все было неожиданно. Сказав неоднократно, что надобно

верить надеждам на будущее, (апостол) всю эту речь составил так, что делается ясным, как не только ныне, но и издревле все чудеса совершались и получались ею (верою). "**Верою Раав блудница, с миром приняв соглядатаев (и проводив их другим путем), не погибла с неверными**". Стыдно, если в вас окажется веры менее, нежели в блудниц. Она, услышав слова вестников, тотчас поварила, почему и последствия были таковы: когда все погибли, она одна спаслась. Не говорила она сама в себе: останусь со многими другими, моими (согражданами); не сказала: могу ли я быть умнее столь многих разумных мужей, которые не верят, а я поверю? Не сделала она ничего такого, что другой мог бы сказать и сделать, но поверила сказанному. "**И что еще скажу? Недостанет мне времени**…" (ст. 32). (Апостол) более не приводит примеров, но, окончив блудницею и пристыдив качеством этого лица, не распространяется более в повествованиях, чтобы не показаться многословным; впрочем и не (совершенно) оставляет их, но весьма мудро перечисляет их мимоходом, достигая двоякой пользы - избегая излишества и не нарушая полноты. Он и не умалчивает совершенно и не наскучивает многословием, но избегает того и другого. Когда кто усилено доказывает что-нибудь и слишком распространяется в доказательствах, тогда он становится в тягость слушателю, уже убежденному, наскучивает ему и изобличает своё честолюбие. Ведь нужно сообразоваться с пользою. "**И что еще скажу? Недостанет мне времени, чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Самсоне и Иеффае, о Давиде, Самуиле и (других) пророках**…". Некоторые осуждают Павла за то, что он поставил Барака, Симпсона и Иефеая на этом месте. Но что говоришь? Разве он мог не упомянуть об них, упомянув о блуднице? Здесь речь идет не о прочих обстоятельствах их жизни, но о том, была ли у них вера, сияли ли они верою. "…**И (других) пророках, которые верою побеждали царства**…" (ст. 32, 33). Видишь ли, что (апостол) не свидетельствует здесь об их славной жизни? Не в этом здесь преимущественно состоит и вопрос, а раскрывается вера. Именно, спрашивается: верою ли они совершали всё? "**Верою**", - говорит он, - " **побеждали царства**…", бывшие при Гедеоне "…**Творили правду**". Кто? Те же самые. Или правдою он называет здесь человеколюбие. "…**Получали обетования**". Думаю, что это сказал он о Давиде. Какие же обетования получил он? Те, которые заключались в словах, что семя его сядет на престол его (Пс. 131:11). "…**Заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча**…" (ст. 33, 34). Смотри, как находились в смертной опасности - Даниил, окруженный львами, три отрока, бывшие в печи, Авраам, Исаак и Иаков - в различных искушениях, и однако не отчаивались. Такова вера: когда обстоятельства противодействуют, тогда и должно верить, что нет ничего противодействующего, а всё соответственно. "…**Избегали острия меча**…". Думаю, что и это сказал он также о трёх отроках. "…**Укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих**". Здесь он разумеет обстоятельства исхода из плена вавилонского. "**От немощи**", т.е. от плена. Когда обстоятельства иудеев находились в отчаянном положении, когда они нисколько не отличались от мертвых костей, тогда и произошло возвращение их (из плена). Кто в самом деле мог надеяться, что они выйдут из Вавилона, и не только выйдут, но сделаются сильными и "**прогонят полки чужих**"? Но с нами, скажут, ничего такого не случилось. Но всё это - прообразы будущего. "…**Жены получали умерших своих воскресшими**…" (ст. 35). Здесь он говорит о пророках Елисее и Илие, которые воскрешали мертвых. "…**Иные же замучены были, не приняв освобождения, дабы получить лучшее воскресение**…". Но мы, скажут, не сподобились видеть воскресения. Но, говорит, я могу указать и таких мужей, которые были замучены, не получив освобождения, "…**дабы получить лучшее воскресение**…". Почему, скажи мне, они не захотели (оставаться в живых), тогда как могли жить? Не потому ли, что ожидали лучшей жизни? Те, которые воскрешали других, сами предпочли умереть, чтобы получить лучшее воскресение, а не такое, какого удостоились дети тех жен. Здесь, мне кажется, он разумеет Иоанна (Крестителя) и Иакова, потому что избиением (ἀποτυμπανισμός) обозначается отсечение головы. Они могли бы взирать на свет солнечный, могли бы не делать обличений, и

однако решились умереть; и те, которые воскрешали других, сами избрали себе смерть, чтобы получить лучшее воскресение. "…**Другие испытали поругания и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке**…" (ст. 36, 37).

3. Он оканчивает тем, что более близко (к слушателям), потому что особенное утешение получается тогда, когда представляется скорбь, происходившая от одинаковой причины, а если ты будешь говорить, хотя бы весьма сильно, но о такой скорби, которая происходила не от одинаковой причины, то ничего не сделаешь. Поэтому он и оканчивает речь указанием на узы, темницы, бичевания, побиение камнями, разумея бывшее со Стефаном и Захариею: "**умирали**", - прибавляет он, - " **от меча**…". Что говоришь ты? Одни "…**избегали острия меча**…", а другие "…**умирали от меча**…"? Что же это значит? Что ты превозносишь? Чему удивляешься? Первому, или последнему? Поистине, говорит, тому и другому. Первому потому, что оно близко к вам; а последнему потому, что вера оказывала свою силу при самой смерти, и это есть прообраз будущего. То и другое - чудеса веры: и то, что она совершает великие дела, и то, что терпит великие бедствия и не думает о страданиях. Ты не можешь, говорит, сказать, что это были люди грешные и ничтожные; нет, если бы даже ты противопоставил им целый мир, то увидел бы, что они перетягивают весы и оказываются более важными. Потому он и сказал так: "…**те, которых весь мир не был достоин**" (ст. 38). Что же могли бы получить здесь в награду те, которых достойного нет ничего в мире? Здесь (апостол) возвышает их ум, научая не прилепляться к настоящему, но помышлять о том, что выше всех предметов настоящей жизни, если весь мир недостоин их. Что же ты желаешь получить здесь? Обидно было бы, если бы ты получил награду здесь. Итак, не будем думать о мирском, не станем искать воздаяния здесь, не будем столь жалкими. Если весь мир недостоин их, то для чего ты домогаешься части его? И это справедливо, потому что они - друзья Божии. Миром же называет здесь или людей, или самое творение. Писание обыкновенно называет так и то, и другое. Если, говорит, взять всё творение вместе с людьми, и тогда оно не сравняется с ними в достоинстве, - и справедливо. Как тысячи мер сена и соломы не могут сравниться в цене с десятью жемчужинами, так - и с ними: "**Лучше один праведник, нежели тысяча грешников**…" (Сир. 17:3). Под тысячами здесь разумеется не какое-либо известное число, но неопределенное множество. Представь, как много значит праведник. "**Иисус воззвал к Господу**… **и сказал пред Израильтянами: стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою!**", и было так (Нав. 10:12). Пусть выйдет вся вселенная, или даже две, три, четыре, десять, двадцать вселенных, пусть скажут и сделают это: нет, они не смогут! А друг Божий повелевал творениями Друга, или, лучше сказать, просил Друга, и служебные силы подчинялись ему, дольний повелевал горними.

Видишь, что эти силы существуют для служения и исполняют определенное назначение? Такое дело больше Моисеева. Что именно? То, что не одно и то же повелевать морем, и силами небесными. И первое важно, даже весьма важно, но не может сравниться с последним. А отчего это совершилось, послушай. Отчего же? Имя Иисуса было прообразом Христа. Потому-то, т.е., так как он имел преобразовательное имя - Иисус, творение устрашилось самого имени. Как, разве никто другой не назывался Иисусом? Но он был назван этим именем, как прообразом; его звали прежде Авсием, а потом переменено ему имя, и это было предсказанием и пророчеством. Он ввел народ (израильский) в землю обетованную, как Иисус Христос (вводит нас) на небо. Ни закон, ни Моисей не сделали этого, но остались вне; закон не может вводить туда, но благодать. Видишь, как прообразования были предначертаны издревле? (Иисус Навин) повелевал природою, или лучше, главною частью природы, сам находясь на земле, чтобы ты, видя Иисуса (Христа) в образе человека, изрекающего то же самое, не смущался и не изумлялся. Тот, ещё при жизни Моисея, обращал в бегство врагов; этот, и при

существовании закона, управляет всем, хотя и не открыто. Впрочем посмотрим, как сильна добродетель святых.

4. Если здесь они совершают такие дела, если здесь действуют так, как ангелы, то что там? Какую там они имеют славу? Может быть, каждый из вас хотел бы быть таким, чтобы повелевать солнцем и луною. Здесь заметим: что сказали бы при этом те, которые утверждают, будто небо есть круглое тело? Почему он не сказал: "**стой, солнце**", но прибавил: "…**над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою!**", т.е., чтобы день сделался больше? То же было и при Езекии: солнце возвратилось назад (Ис. 38:8). Но последнее чудеснее первого, т.е, что солнце пошло опять в противоположную сторону, не совершив ещё своего течения. А мы, если захотим, можем достигнуть большего. Что в самом деле обещал нам Христос? Не останавливать солнце, или луну, не возвращать назад солнце, - а что? "**Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое; и Отец Мой возлюбит его**", - говорит Он, - "**и Мы придем к нему и обитель у него сотворим**" (Ин. 14:23). Какая мне нужда в солнце и луне и в этих чудесах, если сам Владыка всего сойдёт ко мне и поселится у меня. Нет мне в том нужды. Какая мне нужда во всём этом? Он сам будет для меня солнцем, луною и светом. Скажи мне: чего бы ты хотел, пришедши в царский дворец, - того ли, чтобы иметь возможность перестанавливать вещи, прикрепленные (к своему месту), или быть в такой близости к царю, чтобы он склонился сам придти к тебе? Не более ли (хотел бы ты) последнего, нежели первого? Что же? Разве не удивительно, что человек повелевает так же, как и Христос? Но Христос, скажешь, при этом не имеет нужды в Отце, а действует собственной властью. Так; исповедуй же наперёд и скажи, что Он не имеет нужды в Отце и действует собственною властью; тогда и я спрошу тебя, или лучше, научу тебя касательно молитвы, которую Он произносил, что она была делом Его снисхождения и домостроительства, - ведь Христос, конечно, был не менее Иисуса Навина, - и что Он может научать нас и без молитвы. Как учителя, когда ты слышишь его лепечущим и перечисляющим буквы, ты не называешь незнающим, и когда он спрашивает: где такая-то буква? - ты понимаешь, что он спрашивает не по незнанию, а потому, что хочет вразумить учащегося, - так и Христос совершал молитву, не имея нужды в молитве, но желая научить тебя - быть постоянно внимательным к молитве, совершать её непрестанно, бодрственно и неусыпно. Под неусыпностью я разумею не только то, чтобы пробуждаться ночью, но чтобы и днём бодрствовать в молитвах: такой именно человек называется неусыпным. И ночью молясь, можно спать, и днём, не молясь, можно бодрствовать, когда душа бывает устремлена к Богу, когда она понимает, с Кем беседует и к Кому обращено её слово, когда содержит в уме, что ангелы предстоят Ему со страхом и трепетом, - а сам-то (человек) приступает, зевая и почесываясь.

Великое оружие - молитва, если она совершается с надлежащими мыслями. Чтобы тебе уразуметь её силу, обрати внимание па следующее: непрестанная молитва преодолела безстыдство, несправедливость, жестокость и грубость: "**слышите**" - сказал (Господь), - "**что говорит судья неправедный** " (Лук. 18:6). Она преодолела леность, и чего не сделала дружба, то сделала непрестанная молитва: "**Если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит**" (Лук. 11:8). И недостойную (жену) непрестанная молитва сделала достойною: "**нехорошо**", - сказал (Господь), - "**взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их**" (Мат. 15:26, 27).

5. Будем же прилежны в молитве; она представляет великое оружие, если совершается усердно, без тщеславия, от искреннего сердца; она обращала в бегство врагов; она оказывала благодеяние целому народу и при том недостойному: "**Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его**…", - говорит (Бог), - "…**и иду избавить его**…" (Исх. 3:7,8); она - спасительное лекарство, предохраняющее от грехов и

исцеляющее от преступления; к ней прибегала и оставленная всеми вдова. Потому, если мы будем молиться со смирением, если будем ударять себя в грудь, подобно мытарю, если будем произносить, подобно ему, слова: "**Боже! будь милостив ко мне грешнику!**" (Лук. 18:14), то получим всё. Правда, мы не мытари; но у нас есть другие грехи, не меньше его (грехов). Не говори мне, что ты грешен в малом; всякое (греховное) дело в существе своём одинаково. Как убийцей одинаково называется и тот, кто убил дитя, и тот, кто убил мужа, так и любостяжательным - любостяжательный и в малом, и в великом. И злопамятство - немалый, но великий грех: "**пути же злопамятных**", - говорит (Премудрый), - "**к смерти**" (Притч. 12:28); и (Христос говорит): "…**всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду**…", равно как и говорящий брату своему: "**рака**" или "**безумный**", и тому подобное (Мат. 5:22). Мы недостойно причащаемся страшных таин, завидуем, злословим; а некоторые из нас часто и упиваются. Каждое из этих дел само по себе достаточно для того, чтобы лишить нас царствия (небесного); а если они соединятся вместе, то какое мы можем иметь оправдание? Много нам нужно каяться, возлюбленные, много молиться, много терпеть, много оказывать усердия, чтобы получить обетованные нам блага. Будем же говорить и мы: "**Боже! будь милостив ко мне грешнику!**"; пли лучше - не говорить только, но и думать так; и если кто другой будет обличать нас, не станем гневаться. Тот (мытарь) слышал (как об нём было сказано): "**не таков, …как этот мытарь**", (Лук. 18:11), и не раздражился, но пришёл в сокрушение, - получил оскорбление, но сам не отвечал оскорблением. Тот открыл его рану, а он нашёл лекарство. Будем же говорить: "…**будь милостив ко мне грешнику!**", и когда другой скажет нам то же, не будем досадовать. Если же мы, хотя сами признаём за собою много дурного, но, слыша это от других, негодуем, то это уже не есть смирение и исповедание, а честолюбие и тщеславие. Неужели, скажешь, называть себя самого грешником значит тщеславиться? Да; этим путём мы приобретаем славу людей смиренных, становимся предметом удивления, похвал; а если бы мы стали говорить о себе противное, то заслужили бы презрение. Так мы и это дело совершаем из тщеславия.

В чём же состоит смирение? В том, чтобы переносить, когда кто-нибудь другой поносит нас, сознавать грех, свой, терпеть злословие. Впрочем и это было бы знаком не столько смирения, сколько благоразумия. Между тем мы теперь хотя сами себя называем грешными, недостойными, и говорим многое другое, но если кто-нибудь другой скажет об нас что-либо подобное, то мы раздражаемся, свирепеем. Видишь ли, что у нас нет исповедания грехов и даже благоразумия? Ты сам называешь себя таким; не досадуй же, когда слышишь то же от других, когда обличают тебя другие. Когда другие поносят тебя, тогда чрез это обличаются грехи твои; они на себя налагают бремя, а тебя приводят к любомудрию. Послушай, что говорил блаженный Давид, когда проклинал его Семей: "…**оставьте его, пусть злословит, ибо Господь повелел ему; может быть, Господь призрит на уничижение мое, и воздаст мне Господь благостью за теперешнее его злословие**" (2 Цар. 16:11,12). А ты, сам о себе говоря много дурного, негодуешь, если не слышишь себе от других тех похвал, какие воздаются великим праведникам. Не видишь ли, что ты шутишь в делах нешуточных? Так мы отклоняем похвалы из желания других похвал, чтобы после получить большие похвалы, чтобы нам ещё более удивлялись. Так, не допуская похвал, мы делаем это для увеличения их; и всё вообще делается у нас из тщеславия, а не по правде. Потому-то у нас все пусто, всё неверно. Итак, увещеваю вас, удержимся хотя ныне от источника зол - тщеславия, и станем жить богоугодно, чтобы нам сподобиться и будущих благ во Христе Иисусе, Господе нашем.

БЕСЕДА 28

"…Скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли" (Евр. 11:37, 38).

1. И всегда, но особенно когда я размышляю о подвигах святых, мне приходит на мысль - осуждать свои дела; мы и во сне не испытывали того, в чём эти мужи провели всё время, не в наказание за грехи, но постоянно совершая добрые дела и постоянно подвергаясь скорбям. Представь Илию, о котором теперь начинается у нас, речь; а о нём здесь говорит (апостол) в словах: "…**скитались в милотях**", и им оканчивает примеры, не оставляя, впрочем, и других, так как и для них, то же самое было делом обыкновенным. Сказав об апостолах, что они "…**были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча**…", он опять восходит к Илие, который пострадал подобно им. Так как они ещё не имели такого мнения об апостолах, то он предлагает увещание и утешение в пример того, кто был вознесён и кому они весьма удивлялись. "…**Скитались**", - говорит, - "**в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин**". По преизбытку скорбей они не имели, говорит, ни одежды для прикрытия себя, ни города, ни дома, ни убежища, подобно как и Христос говорил о Себе: "…**Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову**" (Мат. 8:20). Что я говорю: ни убежища? Даже покоя. И в пустынях они не находили покоя: не сказал (апостол), что они пребывали в пустынях, но что и там скитались и оттуда были изгоняемы, не только из обитаемых стран, но и из необитаемых. Здесь он упоминает и о местах, где они находились, и о том, что там происходило с ними: "**терпя недостатки**", - говорит, - "**скорби**". Вас, говорит, осуждают за Христа; то же делали и с Илиею; но за что его осуждали, гнали, преследовали и заставляли томиться голодом? То же самое и они тогда терпели, как он говорит в другом месте, что братия рассудили послать страждущим ученикам: "**Тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособие братьям, живущим в Иудее**…" (Деян. 11:29). Так было с ними. "…**Терпя**… **озлобления**", - говорит, т.е. страдая, подвергаясь изгнаниям, опасностям. То же самое было и с ними. А слова: "**скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли**", означают не что иное, как то, что они скитались, подобно беглецам и переселенцам, подобно людям, виновным в тяжких преступлениях и недостойным взирать на солнце, и даже в пустынях не находили убежища, но постоянно должны были бегать, должны были, искать пристанища, должны были живыми зарываться в землю, постоянно подвергаться страху. "**И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства**" (ст. 39, 40). Какая же, говорит, награда за такую надежду? Какое воздаяние? Великое, и столь великое, что даже не может быть выражено словом: "**не видел того глаз**", - говорит, - "**не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его**" (1 Кор. 2:9); Но они ещё не получили этого, ещё ожидают, скончавшись в таких скорбях. Уже прошло столько времени, как они остались победителями, и ещё не получили награды; а вы, находясь ещё в подвиге, сетуете? Подумайте, что значит и чего стоить Аврааму и апостолу Павлу ожидать, когда ты достигнешь совершенства, чтобы тогда иметь возможность получить награду. Спаситель предсказал, что он не даст им награды, пока мы не придем, подобно тому, как чадолюбивый отец говорит благонравным и исполнившим своё дело детям, что не даст им есть, пока не придут их братья. А ты сетуешь, что ещё не получил награды? Что же делать Авелю, который прежде всех победил и остается неувенчанным? Что - Ною? Что - другим, жившим в те времена и ожидающим тебя и тех, которые будут после тебя?

Видишь, что мы имеем преимущество пред ними? Поэтому хорошо сказал (апостол): "**Бог предусмотрел о нас нечто лучшее**". Чтобы не казалось, будто они имеют преимущество пред нами в том, что увенчиваются первые, (Бог) определил увенчать всех в одно время, и

тот, кто победил за столько лет, получить венец вместе с тобою. Видишь ли попечение (о нас Божие)? И не сказал: да не без нас будут увенчаны, но: "**дабы они не без нас достигли совершенства**"; значит - тогда они и совершенными окажутся. Они предупредили нас в подвигах, но не предупредят в получении венцов; и это не есть несправедливость к ним, но честь нам, так как и они ожидают своих братьев. Если все мы - одно тело, то для этого тела более удовольствия, когда оно увенчается всецело, а не по частям. Праведники потому и достойны удивления, что они радуются благам братьев так же, как своим собственным. И они сами желают - быть увенчанными с другими своими членами, потому что в общем прославлении - великое удовольствие. "**Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей**…" (Евр. 12:1).

2. Писание часто заимствует утешение в бедствиях от обыкновенных явлений, как, например, когда пророк говорит: "…**от зноя и для убежища и защиты от непогод и дождя**" избавит тебя (Ис. 4:6), и Давид: "**Днем солнце не поразит тебя, ни луна ночью**" (Пс. 120:6). Так (и апостол) здесь говорит, что как облако своею тенью защищает того, кого палят жгучие лучи, так и воспоминание о святых восстановляет и укрепляет душу, удрученную бедствиями. Не сказал: висящий над нами, но: "**вокруг себя такое облако**", что означает более и показывает, что, облегая кругом, (это облако свидетелей) делает нас более безопасными. Свидетелями же он называет не только новозаветных мужей, но и ветхозаветных, потому что и они свидетельствовали о величии Божьем, как, например, три отрока, современники Илии и все пророки. "…**Свергнем с себя всякое бремя**…". Какое – "**всякое**"? Т.е. сон, нерадение, низкие помыслы, всё человеческое. "…**И запинающий нас грех**…". "**Запинающий**", - говорит, т.е. или удобно овладевающий нами, или удобно побеждаемый; лучше последнее, так как мы можем, если захотим, легко победить грех, **-** "**и с терпением**", - говорит, - "**будем проходить предлежащее нам поприще**". Не сказал: будем бороться, или: будем ратовать, или: будем сражаться, но что всего легче на поприще, то и поставляет на вид. Не сказал также: усилим течение, но: будем терпеливы в том же самом течении, не будем ослабевать. "…**Будем проходить предлежащее нам поприще**…". Потом представляет главное утешение, которое он предлагает и прежде, и после, - Христа: "…**взирая на начальника и совершителя веры Иисуса**…" (ст. 2). Так и сам Христос постоянно говорил ученикам: "**Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его**" (Мат. 10:25)? и ещё: "**Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего**" (ст. 24). "**Взирая**", - говорит, т.е., чтобы нам научиться подвигам, будем взирать на Христа. Как во всех искусствах и упражнениях мы смотрим на учителей и таким образом напечатлеваем искусство в душе своей, при помощи зрения извлекая для себя некоторые правила, - так точно и здесь. Если мы хотим подвизаться и научиться подвизаться хорошо, то будем взирать на Христа, начальника веры и совершителя Иисуса. Что это значит? Т.е. он внедрил в нас веру, он положил начало, как и Христос говорил ученикам своим: "**Не вы Меня избрали, а Я вас избрал**…" (Ин. 15:16); и Павел говорит: "…**тогда познаю, подобно как я познан**" (1 Кор. 13:12). Если же он сам положил в нас начало, то он же совершит и конец. "…**Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление**…", т.е., он мог бы и не страдать, если бы захотел, потому что он "…**не сделал греха, и не было лжи в устах Его**" (Ис. 53:9), как и сам он говорит в Евангелии: "…**идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего**" (Ин. 14:30). Следовательно, он мог бы, если бы захотел, не идти на крест: "…**Я отдаю жизнь Мою**", - говорит Он, - "**чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее**" (Ин. 10:17,18). Если же Он, не имея никакой нужды быть распятым, распялся для нас, то не тем ли более справедливо нам переносить всё мужественно? "…**Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление**…". Что значит: "**пренебрегши посрамление**"? Он избрал, говорит, поносную смерть. Пусть Он умер: но для чего поносною смертью? Не для чего

иного, как для того, чтобы научить нас - ставить ни во что славу человеческую. Потому он и избрал такую (смерть), не будучи причастен греху, чтобы научить нас мужественно встретить её и ставить её ни во что. Почему не сказал: о скорби, но: о срамоте? Потому что (Христос) переносил это не со скорбью. Что же наконец? Послушай, что говорит далее: "…**и воссел одесную престола Божия**". Замечаешь победную награду? То же говорит Павел и в другом послании: "**Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних**…" (Флп. 2:9, 10). Это говорит он (о Христе) по плоти. Впрочем, если бы и не было никакой награды, то этого примера достаточно было бы для убеждения нас переносить всё; ныне же предлагаются нам и награды, и не какие-нибудь, а великие и неизреченные. Итак, когда мы будем терпеть что-нибудь подобное, то прежде, чем на апостолов, будем взирать на Христа. Почему? Потому что вся жизнь Его была исполнена скорбей: он часто слышал, как называли Его беснующимся, обманщиком, чародеем. Иногда Иудеи говорили: "…**не от Бога Этот Человек**…" (Ин. 9:16); а иногда: "…**обольщает народ**" (Ин. 7:12); и ещё: "…**обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: после трех дней воскресну**" (Мат. 27:63); и в чародействе обвиняли Его, говоря: "**Он изгоняет бесов не иначе, как [силою] веельзевула, князя бесовского**" (Мат. 12:24), и в том, что Он беснуется и имеет беса: не правду ли сказали мы, говорили, что Он "…**одержим бесом и безумствует**" (Ин. 10:20)? И такие отзывы выслушивал Он от них, в то время, когда оказывал благодеяния, совершал чудеса, являл дела Божии. Если бы Он выслушивал это, не делая ничего подобного, то не было бы удивительно; но если Он, научая истине, был называем обманщиком, - изгоняя бесов, был порицаем как имеющий беса, - истребляя всё противное, был провозглашаем за чародея, - то не крайне ли это удивительно? Действительно, на Него непрестанно возводили такие обвинения.

3. Если хочешь знать и те насмешки и порицания, которые были направлены против Него и которые особенно возмущают наши души, то послушай, как смеялись, во-первых, над Его происхождением: "…**не Иисус ли это**…", - говорили, - "…**не плотников ли Он сын? не Его ли Мать называется Мария, и братья Его Иаков и Иосий, и Симон, и Иуда**" (Мат. 13:55; Ин. 6:42)? И над отечеством Его смеялись, говоря, что Он - из Назарета, и выражаясь так: "…**рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк**" (Ин. 7:52). Но он переносил все эти насмешки. Говорили также: "**Не сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давидова и из Вифлеема, из того места, откуда был Давид**" (7:42)? Хочешь ли видеть и те оскорбления, которые были наносимы Ему при самом кресте? Кланялись Ему в насмешку, били и заушали Его и говорили: "**пророки нам, Христос, кто ударил Тебя**" (Мат. 26:68); подносили уксус и говорили: "…**если Ты Сын Божий, сойди с креста**" (Мат. 27:40). Даже раб архиерейский ударил Его, а (Господь) сказал: "**если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня**" (Ин. 18:23)? Издеваясь над Ним, одели Его в хламиду и плевали Ему в лице, и постоянно ругались над Ним, искушая Его. Хочешь ли видеть обвинения против Него, и тайные и явные, и со стороны учеников? "…**Не хотите ли и вы отойти**" (Ин. 6:67)? - говорил он им; и: "…**не бес ли в Тебе**"? - говорили уже уверовавшие (Ин. 7:20). Разве Он, скажи мне, не удалялся постоянно то в Галилею, то в Иудею? Не от пеленок ли подвергался он многим искушениям? Не младенцем ли он был, когда мать, взяв Его, убежала в Египет? Потому (Павел) и говорит: "…**взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия**". Будем же взирать на Него, равно и на (страдания) учеников Его, читая и внимая тому, что говорит Павел: "**в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах, в чистоте, в благоразумии**…" (2 Кор. 6:4 - 6); и ещё: "**Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем;**

гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим…" (1 Кор. 4:11 - 13). Может ли из нас кто-нибудь сказать, что он перенес хотя малейшую часть таких страданий? Мы, говорит он, как обманщики, как безчестные, как ничего не имеющие (2 Кор. 6:10); и ещё: " **От Иудеев пять раз дано мне было по сорока [ударов] без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине [морской]; много раз [был] в путешествиях**…", в скорбях, в тесноте, в голоде (2 Кор. 11:24 - 26). А что всё это угодно было Богу, о том послушай, как он сам говорит: "**Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но [Господь] сказал мне: "довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи"**" (2 Кор. 12:8,9). "**Посему", -** говорит, - "**я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях",** в ранах, в темницах, "…**чтобы обитала во мне сила Христова**" (2 Кор. 12:10,9). И сам Христос, послушай, что говорит: "…**В мире будете иметь скорбь**" (Ин. 15:33). "**Помыслите**", - продолжает (апостол), - "**о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими**" (ст. 3). Справедливо он прибавил это, потому что если страдания ближних ободряют нас, то какого утешения не доставят нам страдания Владыки? Чего не сделают с нами? И заметь, как он, не исчисляя всего, в этом прибавлении обозначил всё словом: **прекословие** (синод. - поругание); заушения, насмешки, оскорбления, поношения, поругания, всё это он назвал **прекословие**, и не только это, но и всё то, что было во всю жизнь Его учительства. Будем же, возлюбленные, постоянно вспоминать об этом, будем ночью и днём содержать это в мыслях своих, зная, что это принесёт нам великие блага, что мы получим отсюда великую пользу.

Великое, действительно великое утешение для нас - страдания Христа и апостолов. Этот путь к добродетели (Христос) считал столь прекрасным, что и сам шёл по нему, не имея в том нужды; скорбь признавал Он так полезною для нас, как бы она была источником радости. Послушай в самом деле, что сам Христос говорит: "**и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня**" (Мат. 10:38). Таким наставлением он внушает как бы следующее: если ты ученик, то подражай учителю, - это свойственно ученику. Если же он шёл по скорбному пути, а ты идёшь по радостному, то ты идёшь не по тому пути, по которому он шёл, а по другому. Какой же ты последователь, когда не следуешь? Какой ты ученик, когда не подражаешь учителю? Так и Павел говорит: "…**мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии**" (1 Кор. 4:10). Согласно ли, говорит, с разумом - иметь вам противоположные с нами стремления, и вместе быть вам учениками, а нам учителями? Итак, возлюбленные, великое благо - скорбь; она производить два величайшие дела, очищает грехи и делает нас мужественными.

4. Но что, скажешь, если она преодолеет и погубит? Нет, не скорбь делает это, а наша леность. Как так? Если мы будем бодрствовать, если будем молить Бога, чтобы Он не попустил нам "**быть искушаемыми сверх сил**" (1 Кор. 10:13), если всегда будем преданы Ему, то мы устоим мужественно и выдержим борьбу. Пока мы будем иметь Его своим помощником, до тех пор хотя бы искушения сильнее всяких бурь нападали на нас, они будут для нас сеном и листьями, легко уносимыми (ветром). Послушай Павла, который говорит: "…**все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас**" (Рим. 8:37); и ещё: "…**думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас**" (Рим. 8:18); и ещё: "**Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу**" (2 Кор. 4:17). Смотри, какие опасности, кораблекрушения, непрестанные скорби и всё тому подобное он называет легким, и подражай этому адаманту, как бы совершенно не облеченному телом. Ты находишься в бедности? Но не в такой, в какой был Павел, искусившийся и в голоде, и в жажде, и в наготе; и не один только день он терпел это, а переносил постоянно. Откуда это известно? Послушай, как он сам говорит: "**Даже доныне терпим голод и жажду, и**

наготу…" (1 Кор. 4:11). О, сколько терпел (этот муж), уже прославившейся проповедью, уже двадцать лет подвизавшийся к тому времени, как он писал это. "**Знаю**", - говорит, - "**человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли - не знаю, вне ли тела - не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба**" (2 Кор. 12:2); и в другом месте: "**Потом, спустя три года, ходил я в Иерусалим**…" (Гал. 1:18). И ещё, послушай, как он говорит: "**Ибо для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожил похвалу мою**" (1 Кор. 9:15). И не только так, но ещё, послушай, что он говорит: "…**мы как сор для мира**…" (1 Кор. 4:13). Что хуже голода, холода, козней от братий, которых, впрочем, он называет лжебратьями? Не называли ли его и губителем вселенной, и обольстителем, и обманщиком? Не били ли его бичами? Будем же содержать это в уме, возлюбленные, будем помышлять об этом, будем помнить это, и мы никогда не падём духом, хотя бы нас обижали, хотя бы грабили, хотя бы причиняли тысячи других бедствий. Дай Бог нам благоденствовать на небесах, а всё здешнее сносно; дай Бог нам достигнуть блаженства там, а всё здешнее нисколько не важно. Это - тень и сновидение; каково бы оно ни было, но в сравнении с будущим и ожидаемым в нём нет ничего тяжкого ни по качеству, ни по времени. Что можем мы сравнить с тамошними мучениями, с огнём неугасаемым, с червем неумирающим? Что здешнее можно сравнить со скрежетом зубов, заключением во тьму кромешную, яростью, печалью, воздыханием? А в отношении времени, что значат даже десятки тысяч лет сравнительно, с безпредельными и нескончаемыми веками? Не малая ли это капля пред безпредельною бездною? А тамошние блага? Они несравненно превосходнее здешних: "…**не видел того глаз**", - говорит (апостол), - "**не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**…" (1 Кор. 2:9). И они также будут продолжаться в безконечные веки. Поэтому ужели не стоит для них тысячекратно пострадать, быть убитым, быть сожженным, претерпеть тысячи смертей, перенести всё, что только есть ужасного и на словах, и на деле? Ведь если (может случиться, что) мы будем жить сгорая в огне, то не следует ли перенести всё, чтобы удостоиться тех обещанных благ?

Но для чего я напрасно говорю это людям, которые не хотят даже отказаться от привязанности к деньгам, считают их как бы безсмертными и, если подадут только малое из многого, то думают, что уже исполнили всё? Нет, это - не милостыня; милостыня - (подаяние) той вдовы, которая пожертвовала "…**что имела, все пропитание свое**" (Марк. 12:44). Если же ты не хочешь подать столько, сколько эта вдова, то отдай по крайней мере всё лишнее; пусть будет у тебя всего достаточно, но без излишества. Но никто не подаёт даже и лишнего; а тюка ты имеешь множество слуг и шелковые одежды, то все это лишнее. Нет ни нужды, ни пользы в том, без чего мы можем жить; это - лишнее и извне привходящее. Посмотрим же, если угодно, без чего мы не можем жить. Если мы имеем только двоих слуг, то можем жить. Ведь если некоторые живут вовсе без слуг, то какое мы можем иметь оправдание, не довольствуясь двумя? Мы можем иметь и кирпичный дом с тремя комнатами, и этого будет для нас достаточно; разве, скажи мне, нет людей, которые с детьми и женою занимают только одну комнату? Пусть же будут у тебя, если хочешь, двое слуг. Но не стыдно ли, говорят, свободной женщине ходить с двумя только слугами? Нет, не с двумя слугами стыдно ходить свободной, а стыдно ходить со многими. Может быть, вы смеётесь слушая это. Поверьте, стыдно ходить со многими. Точно какие продавцы овец, или торговцы невольниками, вы считаете чем-то важным - ходить в сопровождении множества слуг. Это - гордость и тщеславие; а то - благоразумие и скромность. Свободной женщине нужно отличаться не множеством идущих за нею: что за добродетель - иметь много невольников? Это несвойственно нашей душе; а что несвойственно душе, то не делает её свободною. Когда она довольствуется немногим, тогда она истинно свободна; а когда нуждается во многом, тогда она - раба и хуже невольников.

5. Скажи мне: ангелы не одни ли обтекают вселенную и нуждаются ли в ком-нибудь, кто бы следовал за ними? Неужели потому они, не нуждающееся в этом, хуже нас, нуждающихся? Если же не иметь нужды в сопровождающих свойственно ангелам, то кто ближе к ангельской жизни, - та ли, которая имеет нужду во многих слугах, или которая - в немногих? И разве это стыдно? Стыдно делать что-нибудь порочное. Кто, скажи мне, более обращает на себя внимание находящихся на площади, - та ли, которую сопровождают многие, или которую - немногие? А ещё более этой, сопровождаемой немногими, - не та ли, которая выходит одна, без всякой пышности? Видишь ли, как первое постыдно? Кто более обращает на себя внимание находящихся на площади, - та ли, которая носит красивые одежды, или та, которая одевается просто и неизысканно? Кто более обращает на себя внимание находящихся на площади, - та ли, которая едет на мулах, с позолоченными покровами, или та, которая выходит просто и как случилось, но с приличием? Не правда ли, что на последнюю мы не обращаем особенного внимания, хотя и видим её, а первую не только многие стараются увидеть, но и спрашивают: кто это такая и откуда? Не стану говорить, сколько отсюда рождается зависти. Что же, скажи: мне, стыднее - быть, или не быть предметом наблюдения? Когда бывает более стыдно, - когда все смотрят на неё, или когда никто не смотрит, - когда стараются узнать о ней, или когда нисколько не заботятся? Видишь ли, что не из стыда, а из тщеславия мы делаем все это. Впрочем, вас невозможно отучить от этого, и потому для меня довольно будет внушить вам, что простота не постыдна. Постыден один грех, которого никто не считает постыдным, а скорее считает таким всё другое, кроме греха. Одежды должны быть у нас сообразные потребности, а не излишние; впрочем, чтобы нам не слишком опечалить вас, внушаю только, что у нас не должны быть ни позолоченные одежды, ни тонкие покровы. Не я говорю это, не мои это слова, но блаженного Павла, который, послушай, как увещевает жен украшать себя: "…**не плетением [волос], не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою**…" (1 Тим. 2:9). Чем же, Павел, научи нас? Может быть, скажут, что одни только золотые одежды драгоценны, а шелковые не драгоценны; научи же нас, чем именно? "**Имея**", - говорит он, - "**пропитание и одежду, будем довольны тем**" (1 Тим. 6:8). Одежда должна быть такова, чтобы только прикрывала; для того Бог и дал нам её, чтобы мы прикрывали наготу, а это может делать и всякая недорогая одежда. Может быть, теперь и смеётесь вы, нося шелковые одежды. Поистине, это достойно смеха. Что заповедал Павел, а что делаем мы? Не к одним только женам я обращаю свое слово, но и к мужьям. Всё, что мы имеем, кроме этого, есть лишнее. Одни только нищие не имеют лишнего, но и то, может быть, по необходимости, так что, если бы можно было, то и они не отказались бы. Впрочем по наружности ли только, или в действительности, по крайней мере они не имеют лишнего. Так и мы будем носить одежды, удовлетворяющие необходимости. В самом деле, к чему служит обилие золота? Это прилично действующим на сцене; это - одежда их, тех распутных женщин, которые делают всё для того, чтобы выставиться. Пусть наряжается актриса или танцовщица; ей хочется привлечь к себе всех. А посвятившая себя благочестию не так должна украшаться; у ней есть другое украшение, гораздо лучшее.

И у тебя есть своё зрелище; украшайся прилично этому зрелищу; облекайся в этот наряд. Какое же твоё зрелище? Небо, лик ангелов. Говорю не об одних только посвятивших себя девству, но и о мирских; для всех, верующих во Христа, открыто это зрелище. Будем же говорить то, чём можно доставить удовольствие этим зрителям, и одеваться так, чтобы они радовались. Скажи мне, в самом деле, если бы блудница, оставив золотые украшения и одежды, смех, шуточные и непристойные выражения, оделась в простую одежду и украсила себя неизысканно, если бы она вышла и стала говорить благочестивые речи, беседовать о целомудрии и не произносить ничего неприличного, - то не встали ли бы все, не нарушилось ли бы зрелище, не выгнали ли бы её вон, как не умеющую применяться к народу и говорящую о том, что чуждо этому сатанинскому зрелищу? Так, если и ты,

одевшись в свойственные ей одежды, войдёшь на зрелище небесное, то зрители изгонят тебя вон. Там нужны не эти золотые одежды, а другие. Какие же? Те, о которых говорит пророк: "**одежда ее шита золотом**" (Пс. 44:14). Не тело нужно делать белым и блестящим, но украшать душу, потому что она подвизается и борется. "**Вся слава дщери Царя внутри**", - говорит (пророк). Так украшай себя. Тогда ты избавишься от множества и других зол, освободишь и мужа от забот и себя от хлопот; тогда ты будешь и почтенна в глазах мужа, - если не станешь нуждаться во многом.

6. Всякий человек обыкновенно гордится перед теми, которые нуждаются в нём; а когда видит неимеющих в нём нужды, тогда умеряет гордость и говорит с ними, как с равными. Так и муж, если увидит, что ты ничего не требуешь от него, что ты не дорожишь его подарками, то, хотя бы он был крайне высокомерен, будет уважать тебя гораздо более, нежели видя тебя одетую в золотые одежды, и ты уже не будешь больше его рабою. В ком мы имеем нужду, тому по необходимости подчиняемся; если же воздержим себя, то не будем ему подвластны, и он поймёт, что мы по страху Божию оказываем ему некоторое повиновение, а не за (подарки) его. Между тем теперь он поступает как бы оказавши нам великие благодеяния и, какой бы чести ни удостаивался от нас, думает, что ещё не вся честь воздана ему; а тогда, если он удостоится хотя малой чести, будет благодарен, не станет упрекать и сам не будет вынужден предаваться любостяжанию для тебя. Что может быть безразсуднее, как собирать золотые украшения для того, чтобы показывать их в банях и на торжищах? Но, впрочем, еще может быть нисколько неудивительно, что (это делается) в банях и на торжищах; а весьма смешно входить и в церковь одетою таким образом. К чему входит сюда в золотых украшениях та, которая должна здесь выслушать, что нужно украшаться "…**не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою**…" (1 Тим. 2:9)? Для чего же ты, жена, входишь сюда? Не спорить ли с Павлом и доказать, что, хотя бы он тысячу раз говорил это, ты не исправишься? Не обличать ли нас - учителей и показать, что мы напрасно говорим об этом? Скажи мне: если какой-нибудь язычник и неверный, услышав приведённое место, где блаженный Павел убеждает жен не украшаться "…**не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою**…", и имея жену верную, увидит, что она много заботится об украшении себя и наряжается в золотые одежды, чтобы идти в церковь, то не скажет ли он самому себе, когда она одевается и убирается в своей спальне: зачем жена моя остаётся в спальне? Зачем медлит? Зачем надевает золотые (украшения)? Куда хочет идти? в церковь? Для чего? Для того, чтобы услышать: не украшайте себя "…**многоценною одеждою**…"? Не станет ли он после этого смеяться? Не будет ли издеваться? Не сочтёт ли наше (учение) шуткою и обманом? Потому, увещеваю вас, предоставим золотые (украшения мирским) торжествам, зрелищам и модным лавкам; образ же Божий должен украшаться не этим; свободная должна украшаться свободою; а свобода чужда гордости и тщеславия. Таким образом, ты приобретёшь славу и от людей, если хочешь приобрести её. Жене мужа богатого мы не столько удивляемся тогда, когда она одета в золотые и шелковые одежды, - это обыкновенно для всех, - сколько тогда, когда она будет одета в одежду простую и неизысканную, сделанную из одной только шерсти; этому все будут удивляться, этому станут рукоплескать. В украшении себя золотыми и драгоценными одеждами она имеет себе много сообщниц (делающих то же); если она превзойдёт одну, её превзойдёт другая; если превзойдёт всех, и тогда не сравнится с самою царицею. А тогда она превзойдёт всех, и даже саму жену царя, потому что она одна при великом богатстве изберёт свойственное бедным. Так, если даже мы домогаемся славы, то здесь больше славы. Говорю это не одним вдовам и богатым, - здесь ведь, кажется, и самое вдовство заставляет поступать так, - но и замужним. Но иначе, скажешь, я не буду нравиться мужу? Не мужу ты хочешь нравиться, а множеству беднейших жен, или лучше сказать, не нравиться, а унижать их и оскорблять и тем увеличивать их бедность. И какие хулы произносятся из-за тебя! Бедность, говорят, не должна быть; Бог ненавидит нуждающихся, Бог не любит бедных. А

что ты не мужу хочешь нравиться и не для него наряжаешься, это очевидно для всех из твоих собственных поступков. Как только ты переступаешь порог спальни, тотчас снимаешь всё, и одежды, и золотые (украшения), и драгоценные камни, и дома, конечно, не носишь их. Если же в самом деле ты хочешь нравиться мужу, то можешь нравиться скромностью, кротостью, честностью; и поверь мне, жена, как бы муж твой ни был низок и невоздержен, гораздо более удержит его твоя скромность, честность, простота, бережливость, умеренность. Развратного (мужа) не удержишь, хотя бы ты придумывала тысячи подобных (украшений); это знают те, которые имели таких мужей; и как бы ты ни наряжалась, этот развратник уйдёт к другой; а целомудренному и скромному угодишь не этим, но совершенно противным; этим только оскорбишь его, внушив ему подозрение своею привязанностью к нарядам. Если муж, по скромности и благоразумно, и не скажет этого, то всё же осудит тебя тайно, и от огорчения и досады не удержится. Таким образом не лишаешь ли ты себя всякого удовольствия, возбуждая против себя ненависть?

7. Может быть, вы с негодованием слушаете сказанное, огорчаетесь и говорите: он ещё более раздражает мужей против жен. Нет, я говорю это не с тем, чтобы раздражить мужей, но желая, чтобы вы поступали так добровольно для вас самих, а не для них, - не с тем, чтобы их избавить от досады, но чтобы вас отклонить от житейских прихотей. Ты желаешь казаться красивою? И я желаю этого, но только - тою красотою, которой требует Бог, красотою, которой хочет Царь (небесный). Кого ты желаешь, иметь любовником - Бога, или людей? Если ты будешь прекрасна этою красотою, то Бог "…**возжелает Царь красоты твоей**" (Пс. 44:12); а если - тою без этой, то он отвернётся от тебя, любовниками же твоими будут развратные люди, потому что не добрый человек тот, кто любит замужнюю женщину. Так рассуждай и о внешних украшениях. То украшение, украшение душевное, привлекает Бога; а это (украшение телесное) - людей развратных. Видишь, что я безпокоюсь о вас, забочусь о вас, о том, чтобы вы были прекрасными, истинно прекрасными и истинно славными, чтобы вместо людей развратных вы имели любовником Владыку всех Бога? А имеющая Его любовником кому подобна? Она в ангельском хоре. Если возлюбленная царя считается блаженною больше всех, то чего удостаивается та, которую любит Бог великою любовью? Если противопоставить ей целую вселенную, то ничто не сравнится с красотою её. Будем же заботиться об этой красоте, будем украшаться этим украшением, чтобы нам войти на небеса, в духовные обители, в нетленный брачный чертог. Красота телесная от всего повреждается, и если даже хорошо сохраняется, если ни болезнь, ни заботы не искажают её, - что впрочем невозможно, - и тогда она не продолжается и двадцати лет; а эта (красота душевная) всегда цветёт, никогда не увядает; она не боится никакой перемены, ни наступившая старость ненаводит на неё морщин, ни приключившаяся болезнь не заставляет увядать, ни безпокойная забота не вредит, но она выше всего этого. Напротив, та (красота телесная) не успеет появиться, как уже исчезает, и, появившись, возбуждает удивление не во многих. Люди благонравные не удивляются ей, а удивляются только невоздержные. Будем же заботиться об этой красоте, а не о той; будем её приобретать, чтобы нам войти в брачный чертог с горящими светильниками. Не девам только это заповедано, но душам девственным; если бы это было заповедано просто девам, то другие пять не были бы отвергнуты. Следовательно, это относится ко всем, кто девствен душою, кто чужд житейских попечений, а эти попечения развращают души. Потому, если мы останемся чистыми, то войдём туда и будем приняты.

"**Ибо я ревную о вас ревностью Божиею; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою**" (2 Кор. 11:2). Не девам сказал он это, а целому обществу Церкви. Нерастленная душою есть дева, хотя бы она и имела мужа; она девственна истинною, чудною девственностью; самое телесное девство есть последствие и тень этой девственности, а она есть истинное девство. Будем же приобретать её, и мы

тогда будем в состоянии взирать на жениха с светлым лицом, войти с горящими светильниками, если у нас не оскудеет этот елей, если мы растопим золотые (украшения) и извлечём из них елей, который делает светильники горящими; а этот елей есть человеколюбие. Если мы уделим другим из нашего имущества, если соделаем из него елей, тогда он поможет нам, и мы не станем говорить в то время: "…**дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут**", не будем нуждаться в других, не будем исключены, отошедши к продающим, и не услышим, стуча в двери, тех страшных и ужасных слов: "**не знаю вас**"; но будем признаны, войдём вместе с женихом и, вошедши в духовный брачный чертог, будем наслаждаться безчисленными благами (Мат. 25:8 - 12). Если и здесь чертог жениха бывает так блестящ и брачные покои так прекрасны, что никто из зрителей не может насмотреться, то не тем ли более там? Небо есть брачный покой, а чертог Жениха лучше неба; туда мы и войдем. Если же так прекрасен чертог Жениха, то каков сам Жених? Но что я говорю: сняв золотые (украшения), отдадим их нуждающимся? Если бы нужно было даже продать самих себя, из свободных сделаться рабами, для того, чтобы иметь возможность быть вмести с этим Женихом, наслаждаться Его красотою, или только взирать на лице Его, то не должно ли было бы с охотою исполнить всё это? Для того, чтобы видеть только земного царя, мы часто за взгляд на него бросаем всё, что у нас под руками, и даже самое необходимое; для Царя же и вместе Жениха небесного, для того, чтобы не только удостоиться видеть Его, но и предшествовать Ему со светильниками, быть близ Него и оставаться с Ним навсегда, чего не должно делать, чего совершить, чего перенести? Потому, увещеваю вас, будем хотя несколько стремиться к этим благам, будем любить этого Жениха, будем девственными истинным девством; а Владыка желает от нас девственности душевной. С нею мы войдём на небо, не имея "…**пятна, или порока, или чего-либо подобного**…" (Ефес. 5:27), и получим обещанные нам блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 29

"Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха, и забыли утешение, которое предлагается вам, как сынам: сын мой! не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец" (Евр. 12:4 -7)?

1. Есть два рода утешения, которые, по-видимому, противоположны между собою, но взаимно много подкрепляют друг друга; оба (апостол) и приводит здесь. Именно: один состоит в том, когда мы говорим, что некоторые люди много пострадали: душа делается спокойною, если находит многих соучастников своих страданий. Это (апостол) представил выше, когда сказал: "**Вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий**…" (Евр. 10:32). Другой состоит в том, когда мы говорим: ты немного пострадал: такими словами мы ободряемся, возбуждаемся и делаемся более готовыми - терпеть всё. Первое успокаивает изнуренную душу и доставляет ей отдых; а второе возбуждает её от лености и безпечности и отклоняет от гордости. Так, чтобы от приведённого свидетельства не родилась у них гордость, смотри, что (Павел) делает: " **Вы еще не до крови**", - говорит, - "**сражались, подвизаясь против греха, и забыли утешение**…". Он не вдруг высказал последующие слова, но наперёд представил им всех, подвизавшихся "**до крови**", затем заметил, что страдания Христовы составляют славу, и потом уже удобно перешёл (к последующему). Так он и в послании к Коринфянам говорит: "**Вас постигло искушение не иное, как человеческое**…", т.е. малое (1 Кор. 10:13), потому что таким именно образом душа может

пробудиться и ободриться, когда она представит, что ещё не всего достигла, и убедится в том предшествующими событиями. Смысл слов его следующий: вы ещё не подверглись смерти, вы только потеряли имущество и славу, вы только потерпели изгнание; Христос пролил кровь свою за вас, а вы и за себя не пролили её; Он даже до смерти стоял за истину, подвизаясь за вас, а вы ещё не подвергались опасностям, угрожающим смертью. "…**И забыли утешение**…", т.е. опустили руки, ослабели. "…**Не до крови**", - говорит, "**сражались** (слав. – встали)**, подвизаясь против греха**". Здесь он показывает, что и грех сильно нападает и также вооружен, - слово: встали говорится к стоящим. "…**И забыли утешение, которое предлагается вам, как сынам: сын мой! не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя**…". Представив утешение от дел, теперь он сверх того прибавляет утешение от изречений, от приведённого свидетельства: "…**не унывай**", - говорит, - "**когда Он обличает тебя**…". Итак это - дело Божие; а не мало доставляет утешения то, когда мы убеждаемся, что случившееся могло произойти по действию Божию, по Его попущению. Так и Павел говорит: "**Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но [Господь] сказал мне: "довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи!**"" (2 Кор. 12:8, 9). Следовательно Он сам попускает это. "**Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает**". Ты не можешь, говорит, сказать, что есть какой-нибудь праведник, не терпевший скорбей, и хотя нам так кажется, но иных скорбей мы не знаем. Следовательно, всякому праведнику необходимо пройти путём скорби. И Христос сказал, что "**Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их**" (Мат. 7:13-14). Если же войти в жизнь можно только таким образом, а иначе невозможно, то следует, что тесным путём шли все те, которые вошли в жизнь. "**Если вы терпите наказание**", **-** говорит, - "**то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец**"? Если (Бог) наказывает вас, то для исправления, а не для истязания, не для мучения, не для страданий. Смотри, как (апостол) тем самым, из-за чего они считали себя оставленными, внушает им уверенность, что они не оставлены, и как бы так говорит: претерпевая такие бедствия, вы уже думаете, что Бог оставил и ненавидит вас? Нет, если бы вы не страдали, тогда следовало бы опасаться этого, потому что если он "…**бьет же всякого сына, которого принимает**", то небиемый, быть может, не сын. Но как, скажете, разве злые люди не страдают? Конечно, страдают, - как же иначе? - но он не сказал: всякий биемый есть сын, а: "…**бьет же всякого сына**". Потому ты не можешь говорить: есть много и злых людей, которых бьют, например человекоубийцы, разбойники, чародеи, гробокопатели. Они бывают наказываемы за собственные злодеяния; они бывают не биемы, как сыны, но наказываемы, как злодеи; а вы - как сыны. Видишь ли, как он отовсюду заимствует доказательства, - и от событий, упоминаемых в Писании, и от изречений, и от собственных рассуждений, и от примеров, случающихся в жизни? Далее указывает ещё и на общее обыкновение: "**Если же**", - говорит, - "**остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны**" (ст. 8).

2. Видишь ли, что, как я и выше сказал, сыну невозможно оставаться ненаказанным? Как в семействах отцы не заботятся о детях незаконнорожденных, хотя бы они ни чему не учились, хотя бы никогда не сделались известными, о законных же сыновьях заботятся, чтобы они не были безпечными, - таки в настоящем случае. Потому, если не быть наказанными свойственно детям незаконнорожденным, то нужно радоваться наказанию, как знаку истинного родства. Поэтому самому (апостол) и говорит: "**Притом, [если] мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить**" (ст. 9)? Опять заимствует ободрение от собственных их страданий, которые они сами терпели. Как там говорил: "**Вспомните прежние дни ваши**…", так и здесь говорит: "…**Бог поступает с вами, как с**

сынами", - вы не можете сказать, что вы не в состоянии переносить, - и при том "… **Господь, кого любит, того наказывает**…". Если же (дети) повинуются плотским родителям, то как вы не будете повиноваться Отцу небесному? При том здесь не в этом только различие и не в лицах только, но и в самых побуждениях и действиях. Не по одному и тому же побуждению наказывают Он и они (Бог и плотские родители). Потому (апостол) и прибавляет: "**Те наказывали нас по своему произволу для немногих дней; а Сей - для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его**" (ст. 10), т.е. они часто делают это для собственного удовольствия и не всегда имея в виду пользу, здесь же нельзя этого сказать, так как (Бог) делает это не из каких-нибудь собственных видов, а для вас, единственно для вашей пользы; те наказывают, чтобы вы и для них были полезны, а нередко и напрасно, здесь же не бывает ничего подобного. Видишь, какое и отсюда происходить утешение? Мы в особенности привязываемся к тем, в которых видим, что они не из каких-нибудь собственных видов приказывают нам, или дают наставление, но все их заботы клонятся к нашей пользе. Тогда-то и бывает искренняя любовь, любовь настоящая, когда кто любит нас, несмотря на то, что мы совершенно безполезны для любящего. Так и (Бог) любит нас не для того, чтобы получить что-либо от нас, но чтобы дать нам; Он наказывает, делает всё, принимает все меры к тому, чтобы мы сделались способными к принятию Его благ. "**Те**", - говорит (апостол), - "**наказывали нас по своему произволу для немногих дней; а Сей - для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его**". Что значить: "**в святости Его**"? Т.е. чистоты, - чтобы мы сделались достойными Его, по возможности. Он заботится, чтобы вы приняли, и употребляет все меры к тому, чтобы дать вам; а вы не стараетесь о том, чтобы принять. "**Я сказал**", - говорит (Псалмопевец), - "**Господу: Ты - Господь мой; блага мои Тебе не нужны**" (Пс. 15:2). "**Притом, [если] мы**", - говорит, - "**будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить**"? "**Отцу духов**", - говорит так, разумея или дары (духовные), или молитвы, или безплотные Силы. Если с таким (расположением духа) мы умрём, то и получим жизнь. Хорошо он сказал: "**Те наказывали нас по своему произволу для немногих дней**", - потому что угодное людям не всегда бывает полезно, - "**а Сей - для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его**".

3. Следовательно, наказание полезно; следовательно, наказание доставляет святость. И, конечно, так. Ведь, если оно истребляет леность, порочные пожелания, привязанность к предметам житейским, если оно сосредоточивает душу, если располагает её презирать всё здешнее, - а отсюда и происходит скорбь, - то не свято ли оно, не привлекает ли оно благодати Духа? Будем же постоянно представлять себе праведников и помнить, почему все они прославились, и всех раньше Авель и Ной: разве не посредством скорбей? Да и невозможно, чтобы один праведник не скорбел среди такого множества нечестивых. "**Ной**", - говорит Писание, - "**был человек праведный и непорочный в роде своем; Ной ходил пред Богом**" (Быт. 6:9). Подумай: если теперь, имея такое множество мужей, и отцов, и учителей, добродетелям которых мы можем подражать, мы, однако, испытываем столько скорбей, то как должен был страдать он, будучи один среди столь многих? Но говорить ли мне о том, что было во время чудного и необыкновенного потопа? Говорить ли об Аврааме, о том, что ему случалось терпеть, как-то: о непрестанных его странствованиях, лишении жены, опасностях, сражениях, искушениях? (Говорить ли) об Иакове, сколько бедствий он перенёс, будучи отовсюду изгоняем, трудясь напрасно и изнуряя себя для других? Нет нужды перечислять все его искушения; довольно будет привести свидетельство, которое он сам высказал в беседе с фараоном: "…**дней странствования моего сто тридцать лет; малы и несчастны дни жизни моей и не достигли до лет жизни отцов моих во днях странствования их**" (Быт. 47:9). Говорить ли об Иосифе, Моисее, Иисусе (Навине), Давиде, Самуиле, Илии, Данииле и всех пророках? Ты найдёшь, что все они прославились посредством скорбей. А ты, скажи мне,

хочешь прославиться посредством удовольствий и роскоши? Но это невозможно. Говорить ли об апостолах? И они превзошли всех скорбями. Но что я говорю? Сам Христос тоже сказал: "**В мире будете иметь скорбь**" (Ин. 16:33); и еще: "…**вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется**" (Ин. 16:20).

"**Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их**" (Мат. 7:14). Господь этого пути сказал, что он узок и тесен; а ты ищешь широкого? Не безразсудно ли это? Потому ты и не достигнешь жизни, что идёшь другим путём, а достигнешь погибели, потому что избрал путь, ведущий туда. Хочешь ли, я расскажу и представлю тебе людей, преданных роскоши? От позднейших обратимся к древнейшим. Богач, горящий в огне, иудеи, преданные чреву, для которых чрево было богом, которые в пустыне постоянно искали наслаждений, - почему погибли? Подобно современникам Ноя, не потому ли, что избрали эту роскошную и развратную жизнь? Также и содомляне (погибли) за чревоугодие: "**пресыщении**", - сказано, - "**и праздности**" (Иез. 16:49). Так сказано о содомлянах. Если же пресыщение хлебом произвело столько зла, то что сказать о других наслаждениях? Не был ли невоздержен Исав? Не таковы ли были те из сынов Божиих, которые прельстились женами и увлеклись в пропасть? Не таковы ли были те, которые удовлетворяли похоти на мужчинах? И все цари языческие, вавилонские, египетские, не бедственно ли окончили жизнь? Не преданы ли они мучению? Но не то же ли, скажи мне, бывает и теперь? Послушай, что говорит Христос: "**Носящие мягкие одежды находятся в чертогах царских**" (Мат. 11:8); а те, которые не носят таких одежд, те - на небесах. Мягкая одежда расслабляет и твердую душу, изнеживает и расстраивает; и как бы ни было крепко и сильно тело, которое она облекает, от такой роскоши оно скоро делается изнеженным и слабым. Скажите мне: почему, думаете вы, женщины бывают так слабы? Неужели только от природы? Нет, но и от образа жизни и от воспитания; их делают такими изнеженное воспитание, праздность, омовения, намащения, изобилие ароматов, мягкое ложе. И чтобы тебе понять это, послушай, что я скажу. Из кучи деревьев, растущих в пустыне и колеблемых ветрами, возьми какое-нибудь растение и посади на место влажное и тенистое, - и ты увидишь, как оно сделается хуже, нежели каким ты взял его сначала. А что это справедливо, доказательством служат женщины, воспитывающаяся в деревнях; они бывают гораздо крепче городских мужчин и могли бы преодолеть многих из них. А когда тело делается изнеженным, то по необходимости вместе с ним и душа испытывает то же зло, потому что отправления души по большей части соответствуют состоянию тела. Во время болезней мы бываем иными по причине расслабления, а во время здоровья опять иными. Как в музыкальных инструментах, когда струны издают звуки мягкие и слабые и они нехорошо натянуты, то уменьшается и достоинство искусства, принужденного покоряться слабости струн, так и в теле: душа терпит от него много вреда, много стеснения; она испытывает горькое рабство, когда тело имеет нужду в частом врачевании. Потому, увещеваю вас, будем стараться делать его крепким, а не болезненным. Не одним мужьям я говорю это, но и женам. Для чего ты, жена, постоянно расслабляешь тело свое роскошью и делаешь его негодным? Для чего губишь силу его тучностью? Ведь тучность составляет слабость для него, а не силу. Если же ты, оставив это, будешь вести себя иначе, тогда явится и красота телесная по желанию твоему, как скоро будет сила и свежесть. А если, напротив, будешь подвергать его безчисленным болезням, то не будет у тебя ни здорового цвета, ни свежести, но постоянно будешь чувствовать себя дурно.

4. Вы знаете, что как прекрасен бывает хороший дом, когда озаряет его ясная погода, так и красивое лицо делается ещё лучше от веселого расположения духа; а когда (душа) уныла и прискорбна, тогда (и лицо) становится безобразнее. Унылость происходить от болезней и расстройства здоровья; а болезни происходят от расслабления тела пресыщением. Так и по этой причине вы должны избегать пресыщения, если верите мне. Но есть, скажете,

некоторое удовольствие в пресыщени? Не столько удовольствия, сколько неприятностей. Удовольствие ограничивается только гортанью и языком; когда трапеза кончилась, или когда пища съедена, ты становишься подобным тому, кто и не участвовал (в трапезе), и даже, гораздо хуже его, потому что ты выносишь оттуда тяжесть, расслабление, головную боль и склонность ко сну, похожему на смерть, а часто и безсонницу от пресыщения, одышки и отрыжки, и тысячу раз проклинаешь свой желудок, вместо того, чтобы проклинать невоздержность.

Итак, не будем утучнять тела, но послушаем Павла, который говорит: "…**попечения о плоти не превращайте в похоти**" (Рим. 13:14). Набивающий желудок делает то же, как если бы кто-нибудь, взявши пищу, бросил её в нечистый ров, или даже не то, а гораздо хуже, потому что последний наполняет только ров без вреда для себя самого, а первый навлекает на себя тысячу болезней. Питает нас только то, что принимается в потребном количестве и может перевариться; а лишнее сверх необходимаго не только не питает, но ещё приносит вред. Между тем никто не замечает этого, обольщаясь нелепым удовольствием и обычным пристрастием. Ты хочешь питать тело? Оставь же лишнее, давай ему необходимое, и столько, сколько может перевариться; не нагружай его слишком, чтобы не потопить. Принимаемое в потребном количестве и питает, и доставляет удовольствие; действительно, ничто не доставляет такого удовольствия, как хорошо переварившаяся пища; ничто так не способствует здоровью, ничто так не поддерживает живости чувств, ничто так не предотвращает болезней. Таким образом принимаемое в потребном количестве служит и к питанию, и к удовольствию, и к здоровью, а излишнее - ко вреду, к неприятностям и болезням. Пресыщение производит то же, что делает голод, или даже гораздо худшее. Голод в короткое время изнуряет и доводит человека до смерти; а пресыщение, разъедая тело и производя в нём гниение, подвергает его продолжительной болезни и потом тягчайшей смерти. Между тем голод мы считаем несносным, а к пресыщению, которое вреднее его, стремимся. Откуда в нас такая болезнь? Откуда такое безумие? Не говорю, что нужно изнурять себя, но нужно принимать пищу так, чтобы тело и получало удовольствие, истинное удовольствие, и могло питаться, чтобы оно было благоустроенным и благонадежным, крепким и способным орудием для действий души. Если же оно переполнится пищею, которая будет, так сказать, расторгать самые запоры и составные связи, то уже бывает не в состоянии удержать этого наводнения, - вторгшееся наводнение расторгает и разрушает всё. "…**Попечения о плоти**", - говорит, - "**не превращайте в похоти**". Хорошо он сказал: "**в похоти**", потому что пресыщение есть пища для порочных пожеланий, и пресыщающийся, хотя бы он был мудрее всех, по необходимости терпит какой-нибудь вред от вина, и от яств, по необходимости чувствует расслабление, по необходимости возбуждает в себе сильный пламень. Отсюда - блуд, отсюда - прелюбодеяние. Голодный желудок не может возбудить плотской похоти, равно как и (желудок) довольствующийся умеренною пищею; порочные же пожелания рождаются в желудке, предающемся пресыщению. Как земля, слишком влажная, и навоз, окропляемый (водою) и имеющий слишком много мокроты, рождают червей, и, напротив, земля, не имеющая такой сырости, приносить обильные плоды, - потому что не содержит в себе ничего лишнего, - и будучи даже необрабатываема, произращает зелень, а будучи обрабатываема, приносить плоды, - так точно и мы. Потому не будем делать из плоти, нашей (тело) безполезное, негодное, или вредное, но будем произращать в ней добрые плоды и плодоносные растения, и прилагать старание, чтобы они не завяли от пресыщения, - так как и они могут загноиться и породить червей вместо плодов. Так, врожденная похоть, если ты станешь чрез меру насыщать её, порождает удовольствия отвратительные и даже весьма отвратительные. Будем же всячески истреблять в себе это зло, чтобы нам сподобиться обещанных благ во Христе Иисусе, Господе нашем (с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков, Аминь).

БЕСЕДА 30

"Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности. Итак укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени и ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не совратилось, а лучше исправилось" (Евр. 12:11 -13).

1. Принимающие горькие лекарства сначала испытывают неприятное чувство, а потом чувствуют пользу. Такова и добродетель, таков и порок: в последнем испытывается сначала удовольствие, а потом скорбь; в первой - сначала скорбь, а потом удовольствие. И однако то и другое неравно; совершенно не одно и то же - наперед испытать скорбь, а после удовольствие, или - испытать наперед удовольствие, а после скорбь. Почему? Потому что в последнем случае ожидание будущей скорби уменьшает настоящее удовольствие, а в первом ожидание предстоящего удовольствия много ослабляет настоящую скорбь, так что иногда там не чувствуется даже никакого удовольствия, а здесь - никакой скорби. Впрочем не в этом только отношении есть различие, но и в другом. В каком именно? В том, что неравны относительно продолжительности времени, но одно меньше, а другое гораздо больше. Подобное (различие) ещё значительнее в предметах духовных. Отсюда Павел и заимствует утешение; он ссылается опять на общее мнение, которому никто не может противоречить, как общему приговору, потому что когда кто-нибудь высказывает мысль, признаваемую всеми, то все соглашаются и никто не возражает. Вы скорбите? - говорит он; это понятно; таково всегда наказание; с этого оно начинается. Потому он и продолжает: "**Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью**". Хорошо сказал он: "**кажется**", потому что наказание на самом деле не есть скорбь, но только таковою кажется; и при том не одно какое-нибудь наказание таково, а другое не таково, но всякое: "**всякое**", - говорит, - "**наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью**", т.е. и человеческое, и духовное. Видишь ли, как он ссылается на общие мнения? "…**Кажется**", - говорит, - "**печалью**", следовательно не есть на самом деле. И действительно, от какой скорби может происходить радость? Ни от какой; равно и ни от какой радости не происходить скорбь.

"…**Но после наученным через него доставляет мирный плод праведности**". Здесь он разумеет не (один) плод, но (многие) плоды, выражая так великое их множество. "**Наученным через него**", - говорит. Что значит: "**наученным через него**"? Долго терпевшим и страдавшим. Видишь, какое употребляет он благоприятное выражение? Итак "**наказание**" есть научение, делающее ратоборца сильным, непреоборимым в подвигах, непобедимым в сражениях. Если же "**всякое наказание**" таково, то таково же и настоящее. Потому надобно ожидать от него добрых последствий, приятного и мирного конца. Не удивляйся, что оно, будучи горьким, приносить плоды сладкие; точно так и на деревьях кора бывает почти безвкусна и жестка, а плоды сладки. Всё это он заимствовал из общеизвестного опыта. Если же надобно ожидать таких последствий, то что вы сетуете? Для чего, перенесши неприятное, отчаиваетесь в приятном? Вы перенесли неприятности, которые следовало перенести, - не теряйте же надежду на воздаяние. "**Итак укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени и ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не совратилось, а лучше исправилось**". Говорит как бы скороходам, бойцам и ратоборцам. Видишь ли, как он вооружает их, как возбуждает их? Это говорит он о самых помыслах: "**ходите прямо**", т.е. идите прямо, не сомневаясь. Если "**наказание**" происходит от любви и благопопечитель-ности и ведёт к доброму концу, - как доказал он и делами, и словами, и всем, - то для чего вы ослабеваете? Так делают только отчаявшиеся, не подкрепляемые надеждою на будущее. Идите, говорит, прямо, чтобы хромающее не кривилось более, но пришло в прежнее состояние, потому что кто ходит хромая, тот усиливает это зло. Видишь, что от нас зависит совершенно исцелиться?

"**Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа**" (ст. 14). О чём говорил он выше в словах: "**Не будем оставлять собрания своего**…" (Евр. 10:25), то же выражает и здесь. В искушениях ничто столько не делает нас удобопобеждаемыми и удобоуловляемыми, как разделение. И вот тому доказательство: рассей отряд (воинов) в сражении, и неприятелям не будет никакого труда - взять и связать их, нападая на них разделившихся и оттого сделавшихся более слабыми. "**Старайтесь**", - говорит, - "**иметь мир со всеми и святость**". Следовательно - и с делающими зло. То же говорит он и в другом месте: "**Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми** " (Рим. 12:18). Ты со своей стороны, говорит, имей мир, ни в чём не нарушая благочестия; а зло, которому подвергаешься от других, переноси мужественно, потому что терпение - великое оружие в искушениях. Так и Христос укреплял учеников своих: "**Вот, Я посылаю вас**"; - говорил Он, - "**как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби**" (Мат. 10:16). Что Ты говоришь? Мы "**среди волков**", а Ты повелеваешь нам быть, "**как овцы**" и "**как голуби**"? Да, говорит Он, потому что ничто столько не пристыжает делающих зло, как если мы мужественно переносим наносимые (оскорбления) и не мстим ни словом, ни делом; это и нас умудряет, уготовляя нам большую награду, и им приносит пользу. Но такой-то жестоко оскорбил тебя? Ты благословляй его, и смотри, сколько от того приобретёшь благ: прекратишь зло, приготовишь себе награду, пристыдишь его, и сам не потерпишь ничего худого. "**Старайтесь иметь мир со всеми и святость**". Что значит: "**святость**"? Целомудрие и воздержание в брачной жизни. Кто безбрачен, говорит, тот оставайся чистым, или вступай в брак; а кто в браке, тот не прелюбодействуй, но довольствуйся своею женою; и это - святыня. Как так? Не брак есть святыня, но брак сохраняет святыню, происходящую от веры, не попуская прилепляться к блуднице; брак "**честен**", но не свят (Евр. 13:4); брак чист, но он не доставляет святости, а только не попускает осквернять святость, происходящую от веры. "…**Без которой**", - говорит, - "**никто не увидит Господа**". То же говорит он и в послании к Коринфянам: "**Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют**" (1 Кор. 6:9,10). В самом деле, как ставший одним телом с блудницею может быть телом Христовым? "**Наблюдайте, чтобы кто не лишился благодати Божией; чтобы какой горький корень, возникнув, не причинил вреда, и чтобы им не осквернились многие; чтобы не было [между вами] какого блудника, или нечестивца**…" (ст. 15,16). Видишь, как он везде заповедует всякому содействовать общему спасению? "…**Наставляйте друг друга каждый день**", - говорит он (в другом месте), - "**доколе можно говорить: "ныне"**" (Евр. 3:13).

2. Не предоставляйте, говорит, всего учителям, не возлагайте всего на предстоятелей; и вы можете назидать друг друга. То же писал он и фессалоникийцам: "…**увещавайте друг друга и назидайте один другого, как вы и делаете**"; и ещё: "…**утешайте друг друга сими словами**" (1 Фес. 5:11; 4:18). Тоже и вам мы теперь советуем. Вы можете, если захотите, больше нас сделать друг для друга; вы чаще обращаетесь друг с другом, лучше нас знаете дела свои, видите взаимные недостатки, больше имеете откровенности, любви и общительности; а это не маловажно для научения, но доставляет великие и благодетельные удобства. Вы лучше нас можете и обличать и убеждать друг друга. И кроме того, я - один, а вас много, и все вы, сколько вас есть, можете быть учителями. Потому увещеваю вас, не пренебрегайте таким дарованием; каждый из вас имеет или жену, или друга, или слугу, или соседа; обличай его, убеждай его. Да и не безразсудно ли - для угощения устроять собрания и содружества, иметь назначенный день для свидания друг с другом, восполнять недостающее у одного общими средствами, например, когда нужно устроить похороны, или обед, или в чём-нибудь другом помочь ближнему, - а для изучения добродетели не делать этого? Пусть же, увещеваю вас, никто не пренебрегает, -

великую за то награду получить он от Бога. Знайте, что кому вверено пять талантов, тот - учитель; а кому - один, тот - ученик. Если же ученик скажет: я ученик, мне нет дела, - и скроет этот общественный, полученный им от Бога дар слова, нисколько не увеличив его, если не станет ни увещевать, ни советовать, ни обличать, ни вразумлять, когда может, но зароет в землю, - а действительно, сердце, скрывающее дар Божий, есть земля и пепел, - и так если он скроет или по лености, или по нечестию, то не послужат к оправданно его слова: я имею только один талант. Ты имел один талант? Тебе следовало принести ещё хотя один, удвоить талант; если бы ты принёс ещё один, то не был бы виновен. И принесшему в добавок два таланта (Господь) не сказал: почему ты не принёс пяти? - но удостоил его такой же награды, как и принесшего в добавок пять талантов. Почему? Потому, что он делал, сколько мог, не предался лености оттого, что получил менее получившего пять талантов, не воспользовался незначительностью (дара) для беспечности. Так и тебе не следовало смотреть на имеющего два таланта; или лучше, нужно было и с него брать пример; как он, имя два таланта, подражал имевшему пять, так и тебе следовало подражать имевшему два. Если владеющего богатством и не подающего (бедным) ожидает наказание, то имеющего возможность увещевать каким бы то ни было образом, и не поступающего так, не ожидает ли наказание величайшее? Там питается тело, а здесь - душа; там ты спасаешь от временной смерти, а здесь - от вечной.

3. Но, скажешь, у меня нет дара слова? Нет и нужды в (особенном) даре слова, или в красноречии. Когда ты увидишь друга прелюбодействующим, то скажи ему: худое дело ты делаешь; неужели тебе не стыдно, неужели не совестно? Ведь это - порок. Но, скажешь, разве он не знает, что это - порок? Конечно, знает, но он увлекается похотью. И больные знают, что пить холодную воду вредно, однако нуждаются в предостережении. Кто одержим страстью, тот не скоро может излечить сам себя. Потому тебе, здоровому, нужно помогать его врачеванию. Если он не убедится твоими словами, то наблюдай, когда он пойдёт, и удерживай его; может быть, он и устыдится. Но какая, скажешь, польза в том, если он сделает это для меня, если будет удержан мною? Не рассуждай слишком много; наперед удержи его каким бы то ни было образом от порочного дела; пусть он приучится не бросаться в эту пропасть; чрез тебя ли, или чрез что-либо другое он удержится, польза от этого будет. Когда ты приучишь его не ходить туда, то потом, успокоив мало-помалу, можешь научить его, что этого не должно делать для Бога, а не для человека. Не усиливайся исправить всё вдруг, - это невозможно, - но постепенно и понемногу. Если увидишь его идущим для кутежа и на пьянственные пиршества, то и здесь поступи также, и вместе попроси его, чтобы он помог и тебе и вразумил, если он заметить в тебе какой-нибудь недостаток. Тогда он обратит обличение на себя самого, видя, что и ты нуждаешься в обличении и что ты помогаешь ему не как человек, исправный во всём, и не как учитель, но как друг и брат. Скажи ему: я был пригоден тебе, напомнив о полезном; и ты, если заметишь во мне какой-нибудь недостаток, удержи и исправь меня; если увидишь меня гневающимся, или предающимся любостяжанию, останови, обуздай своим увещанием. Вот дружба; вот как "**брат от брата вспомощствуемый – как город крепкий и высокий**" (Притч. 18:19)! Действительно, не в том состоит дружба, чтобы вместе есть и пить; такая (дружба) бывает и у разбойников и человекоубийц; но если мы - друзья, если истинно заботимся друг о друге, то именно в этом должны помогать друг другу. Вот что ведёт нас к дружбе благотворной; вот что может спасти нас от геенны! Итак, ни обличаемый не должен огорчаться, - мы ведь - люди и имеем недостатки, - ни обличающий не должен делать это с насмешкой, с презрением или для разглашения, но наедине и с кротостью; обличающему нужна именно великая кротость, чтобы расположить обличаемого - перенести болезненное врачевание. Не видите ли у врачей, когда они прижигают, или отсекают, с какою кротостью они применяют врачество? Тем более должны так поступать обличающее, потому что обличение сильнее огня и железа приводит в раздражение. Врачи всячески стараются, чтобы сделать отсечение спокойнее

и, как можно, легче, и для того, приступив к нему и исполнив несколько, останавливаются, чтобы дать отдохнуть больному. Так должно делать и обличения, чтобы обличаемые не отстранились от нас. Если бы при этом нам пришлось выслушать оскорбления, или даже получить удары, мы не должны останавливаться. И подвергающиеся болезненному врачеванию много кричат против врачующих; однако, врачи не смотрят ни на что, а только на здоровье страждущих. Так и здесь нужно делать всё, чтобы обличение принесло пользу, нужно переносить всё, имя в виду предстоящую награду. "**Носите бремена друг друга**", - говорит (апостол), - "**и таким образом исполните закон Христов**" (Гал. 6:2). Таким образом, и обличая и перенося друг от друга обличения, мы можем исполнить Христово домостроительство. Таким образом вы облегчите и наш труд, помогая нам во всём, подавая руку помощи, делаясь участниками и сообщниками спасения как одни других, так и каждый своего собственного. Будем же терпеть, и нося "**бремена друг друга**", и обличая один другого, чтобы нам сподобиться обещанных нам благ во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.

БЕСЕДА 31

"Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа" (Евр. 12:14).

1. Есть много отличительных принадлежностей христианства, но больше всех и лучше всех - любовь друг к другу и мир. Потому и говорит Христос: "…**мир Мой даю вам**"; и ещё**:** "**По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою**" (Ин. 14:27; 13:35). Потому и Павел теперь говорит: "**Старайтесь иметь мир со всеми и святость**…", т.е. честность, - "**без которой никто не увидит Господа**". "**Наблюдайте, чтобы кто не лишился благодати Божией**" (ст. 15). Как бы путешественникам, идущим по длинному пути в большом обществе, говорит: смотрите, чтобы кто-нибудь не отстал; я желаю не только того, чтобы вы сами достигли, но чтобы вы наблюдали и за другими, "…**чтобы кто не лишился**", - говорит, - "**благодати Божией**". Благодатию Божией он называет будущие блага, евангельскую веру, добродетельную жизнь: всё это от благодати Божией. Не говори же мне, что один только (человек) погибает; и за этого одного Христос умер, Христос умер за одного, а ты о нём не заботишься? "**Наблюдайте**", - говорит, т.е. тщательно наблюдая, осматриваясь, разведывая, как поступают со слабыми, и всячески исследуя и узнавая. "…**Да не будет между вами корня, произращающего яд и полынь**…". Это говорится во Второзаконии (Втор. 29:18), а самое выражение в переносном смысле заимствовано из примера растений. "…**Да не будет между вами корня**", - говорит, - "**произращающего яд и полынь**…", подобно как и в другом месте он говорит: "…**малая закваска квасит все тесто**" (1 Кор.5:6). Не потому только, говорит, я желаю этого, но и по причине происходящего отсюда вреда. Если будет такой корень, то не позволяй ему пускать ростков, но вырывай его, чтобы он не принёс свойственных ему плодов, чтобы не заразил и не осквернил других. "…**Чтобы какой горький корень, возникнув, не причинил вреда, и чтобы им не осквернились многие**". Справедливо он называет грех горьким; действительно, нет ничего столь горького, как грех. Это знают те, которые поели (худых) дел угрызаются совестью и испытывают великую горечь. (Грех), будучи чрезвычайно горьким, расстраивает самый рассудок. Свойство горького - быть вредным. И прекрасно он выразился: "…**корня, произращающего яд и полынь**…"; не сказал: горький, но: "…**произращающего яд и полынь**…". Горький корень может приносить плоды сладкие; но корень, источник и основание горечи, никогда не может приносить плода сладкого, в нём всё горько, нет ничего сладкого, всё невкусно, всё неприятно, всё исполнено ненависти и отвращения. "…**Чтобы им**", - говорит, - "**не осквернились многие**", т.е. чтобы того не было, отлучайте от себя людей развратных. "**Чтобы не было [между вами]**

какого блудника, или нечестивца, который бы, как Исав, за одну снедь отказался от своего первородства" (ст. 16). Но разве Исав был блудодеем? Не то говорит он здесь, будто Исав был блудодеем, а противополагает это словам: "**иметь мир со всеми и святость**"; слово же нечестивец к нему относится. Итак, пусть никто не будет, подобно Исаву, сквернителем, т.е. чревоугодником, невоздержным, преданным миру, презирающим блага духовные. "…**который бы, как Исав, за одну снедь отказался от своего первородства**", т.е., который данную от Бога честь отдал по собственной безпечности и для малого удовольствия потерял величайшую честь и славу. Это относится собственно к ним (евреям) и свойственно людям низким, нечистым.

Нечист не один только прелюбодей, но и чревоугодник, который есть раб чрева; он - раб и другого удовольствия, которое принуждает его предаваться любостяжанию, принуждает похищать чужое, совершать множество безчестных дел; будучи рабом этой страсти, он часто и богохульствует. Тот почёл за ничто первородство и, заботясь о временном наслаждении, дошёл до того, что продал первородство своё. Таким образом первородство уже принадлежит нам, а не иудеям. Это вместе имеет отношение и к их страданиям: (апостол) как бы внушает, что первый сделался последним, а второй первым; этот - первым чрез воздержание, а тот -последним по безпечности. "**Ибо вы знаете**", - говорит, - "**что после того он, желая наследовать благословение, был отвержен; не мог переменить мыслей [отца], хотя и просил о том со слезами**" (ст. ,17).

2. Что это значит? Неужели он отвергает покаяние? Нет. Но как же говорит: "**не мог переменить мыслей [отца]**"? Если он осуждал себя, если сильно плакал, то почему "**не мог переменить мыслей [отца]**"? Потому, что это не было следствием раскаяния. Как печаль Каина не была следствием раскаяния, - что и доказал он убийством, - так и здесь слова (Исава) не были следствием раскаяния, - что после он также доказал убийством: и он намерением своим умертвил Иакова. "…**Приближаются**", - говорил он, - "**дни плача по отце моем, и я убью Иакова, брата моего**" (Быт. 27:41). Потому слёзы не могли сообщить ему покаяния. И не просто сказал (апостол): "…**не мог переменить мыслей [отца]**", - но: "**хотя и просил о том со слезами**". Почему? Потому, что не раскаялся надлежащим образом, - а это и есть покаяние, - не раскаялся, как следовало. Иначе к чему (апостол) говорил это? Почему он теперь увещевал сделавшихся безпечными, хромающими, колеблющимися и расслабленными? Ведь это - начало падения. Мне кажется, здесь он намекает на некоторых прелюбодеев, но пока не хочет прямо обличать их, а представляется незнающим о них, чтобы они исправились. Нужно было сначала представиться незнающим, а потом, если они будут упорствовать, употребить и обличение, чтобы они не сделались безстыдными. Так и Моисей поступил с Замврием и Хазвиею (Числ. 27:15). "…**Не мог переменить мыслей [отца]**". "…**не мог**", - говорит, - "**переменить мыслей [отца]**", или потому, что согрешил более, нежели сколько можно загладить покаянием, или потому, что не принёс достойного покаяния. Следовательно есть грехи, превышающие покаяние. Смысл слов его следующий: не будем допускать падения неисцельного; пока мы только хромаем, то легко исправиться; а когда расстроимся совершенно, тогда что будет с нами? он обращает ,это к тем, которые ещё не пали, удерживает их страхом и говорит, что падший не может получить утешения. А падшим, чтобы они не предались отчаянию, он внушает противное и говорит так: "**Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос**" (Гал. 4:19); и ещё: "**Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати**…" (Гал. 5:4). Так он говорит падшим. Стоящий, слыша, что падшему невозможно получить прощение, делается более крепким и обнадёженным в стоянии; а если употребит ту же строгость в отношении к падшему, то он никогда не восстанет, потому что с какою надеждою он начнёт своё исправление? Не только плакал, говорит (апостол), но и "**просил**"; и таким образом он не отвергает покаяния словами: "…**Не мог**

переменить мыслей [отца]", а только более укрепляет их, чтобы они не падали. Пусть же помнят это те, которые не верят геенне; пусть размышляют об этом те, которые думают грешить безнаказанно. Почему Исав не получил прощения? Потому, что не раскаялся, как должно.

3. Хочешь ли видеть истинное покаяние? Послушай о покаянии Петра после отречения. Евангелист, повествуя нам об нём, говорит: "**И выйдя вон, плакал горько**" (Мат. 26:75). Потому и был прощён ему этот грех, что он раскаялся, как должно, хотя тогда ещё не было принесено жертвоприношение, ещё не была совершена жертва, ещё не был сокрушён грех, но господствовал и свирепствовал. А чтобы тебе знать, что отречение (Петра) было следствием не столько его безпечности, сколько оставления Богом, который научал его - знать меру человеческую и не противиться тому, что говорит Учитель, не считать себя выше других, а помнить, что без Бога ничего быть не может, что "**Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его**" (Пс. 126:1), - послушай, как Христос, желая укрепить его и научить смирению, говорил ему одному: " **И сказал Господь: Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих**" (Лук. 22:31, 32). Так как он, вероятно, много думал о себе, сознавая, что он любит Христа больше всех, то ему попущено было пасть, отречься от Учителя; потому он и плакал горько, и другие выражал чувствования, следующие за плачем. Чего в самом деле он не сделал? Он подвергал себя впоследствии безчисленным опасностям, доказав во всём свое мужество и твердость душевную. Раскаялся и Иуда, но худо, потому что удавился; раскаялся, как я говорил, и Исав, а правильнее - он совершенно не раскаялся, потому что слёзы его были слезами не покаяния, а скорее злобы и гнева, как видно из последствий; раскаялся блаженный Давид, выражавшийся так: "…**каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою**" (Пс. 6:7). Давно допущенный грех он оплакивал после стольких лет и после стольких поколений, как бы совершённый недавно. Кающемуся должно не гневаться, или раздражаться, но сокрушаться, как осуждённому, как не имеющему дерзновения, как обличённому, как ожидающему спасения от одной милости, как оказавшему себя непризнательным к благодетелю, неблагодарным, безчестным и достойным безчисленных мучений. Если он станет помышлять об этом, то не будет гневаться и раздражаться, но воздыхать, скорбеть, плакать и рыдать день и ночь. Кающемуся не должно никогда предавать забвению грехи свои, но молить Бога, чтобы он не вспоминал об них, а самому никогда об них не забывать: если мы будем об них помнить, то Бог забудет их. Будем же осуждать и наказывать сами себя: таким образом мы умилостивим Судью. Грех исповеданный становится меньше, а неисповеданный больше. Если ко греху присоединяется безстыдство и неблагодарность, то он никогда не остановится; да и как такой человек может остерегаться, чтобы не впасть в те же грехи, которые прежде он совершил по неведению? Итак, увещеваю вас, не будем отпираться, не будем безстыдничать, чтобы нам против воли не подвергнуться наказанию. Каин услышал от Бога: "…**где Авель, брат твой?**" и сказал: "…**не знаю; разве я сторож брату моему?**" (Быт. 4:9)? Видишь, как это сделало грех тягчайшим? Не так поступил отец его, - а как? Услышав: "…**где ты**?" - он сказал: "…**голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся**" (Быт. 3:9,10). Великое благо - сознавать грехи и постоянно помнить об них; ничто так не исцеляет от греховных навыков, как постоянное памятование (о грехах); ничто так не делает человека медлительным к совершению зла. Знаю, что совесть уклоняется и не любит мучиться воспоминанием о грехах; но ты делай душе принуждение и налагай на неё узду; она свирепствует, как необузданный конь, и не хочет убедиться, что она согрешила. Но всё это - сатанинское дело. А мы будем убеждать её, что она согрешила, чтобы она покаялась и, покаявшись, избавилась от наказаний. Как, скажи мне, ты хочешь получить прощение во грехах, не исповедав их? Согрешивший, конечно, достоин милости и сострадания; но ты, ещё не убедившийся, что согрешил, как

хочешь быть помилованным, будучи столь безстыдным в согрешениях? Убедим же себя, что мы согрешили; не языком только будем говорит это, но и умом; не только будем называть себя грешниками, но и представлять грехи свои, исчисляя каждый порознь. Я не говорю тебе: выставляй себя на показ пред всеми, обличай себя при других; но советую следовать пророку, который говорит: "**открой Господу путь твой**" (Пс. 36:5). Исповедуй грехи свои пред Богом, исповедуй пред Судиею, молясь, если не языком, то памятью, и таким образом ищи помилования. Если ты будешь постоянно содержать в памяти грехи свои, то никогда не будешь помнить зла ближнему, - не говорю: если ты будешь только сознавать, что ты грешник: это не столько может смирить душу, сколько самые грехи, исчисляемые порознь. Постоянно имея их в памяти, ты не станешь ни помнить зла, ни гневаться, ни злословить, ни надмеваться, ни впадать снова в те же грехи, и сделаешься более крепким к совершению добрых дел.

4. Видишь, сколько благ происходить от памятования о грехах? Потому начертаем их в умах наших. Знаю, что душа отклоняет от себя столь неприятное памятование; но будем принуждать, будем заставлять её. Лучше ей теперь пострадать от памятования о грехах, нежели в то время от наказания за них. Ныне, если ты будешь помнить об них, постоянно исповедывать их пред Богом и молиться об их (прощении), то скорее истребишь их. Если же забудешь их ныне, то поневоле вспомнишь о них, тогда, когда они будут обнаружены пред целою вселенною и объявлены пред всеми - и друзьями, и врагами, и ангелами. Ведь не Давиду одному сказал (Господь): "…**ты сделал тайно, а Я сделаю это пред всем Израилем и пред солнцем**" (2 Царств, 12:12), но и всем нам. Ты боялся, скажет Он, людей и стыдился их более, нежели Бога; ты не думал о всевидящем Боге, а стыдился людей, потому что "**Страх его - только глаза человеческие**" (Сир. 24:26); за всё это ты отдашь отчет, - Я обличу тебя, обнаружив пред глазами всех грехи твои. А что это справедливо, - что в тот день обнаружатся грехи всех нас, если мы ныне не истребим их частым о них памятованием, - послушай, как обнаруживается жестокосердие и бесчеловечность тех, которые здесь не были милостивыми: "…**ибо алкал Я**", - говорит, - "**и вы не дали Мне есть**" (Мат. 25:42). Когда говорится это? в уединенном ли и тайном месте? Нет, - но когда? Когда "…**приидет Сын Человеческий во славе Своей**", и соберёт "…**все народы**…", когда "…**отделит**…" одних от других, поставив их "…**по правую**..." и "…**по левую**…", - тогда и скажет в слух всех: "…**ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть**". Вспомни ещё, как пять дев услышат пред всеми: "…**истинно говорю вам: не знаю вас**" (Мат. 25:12). Пять и пять здесь означают не числом только пять, но всех злых, жестоких и бесчеловечных дев, равно и тех, которые не таковы. Также и зарывши (в землю) один талант услышал при всех - и при тех, которые принесли пять, и при тех, которые принесли два таланта: "…**лукавый раб и ленивый**" (Мат. 25:26). И не словами только, но и делами он тогда обличить их, как и евангелист говорит: "…**воззрят на Того, Которого пронзили**" (Ин. 19:37). Общее будет воскресение всех - и грешных, и праведных; всех вместе будет судить Судия. Представь же тех, которые в скорби и печали будут ввергаемы в огнь, тогда как другие будут увенчаны. "…**Приидите**", - скажет Он, - "**благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира** "; а другим: "…**идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его**" (Мат. 25:34,41), Будем не только слушать эти слова, но и начертывать их пред глазами нашими. Представим, что он сам теперь явился пред нами и говорит это, и что мы ввергаемся в тот огонь. Что мы почувствуем в душе? Чем утешим себя? А что - тогда, когда мы будем разделены на две стороны? Что - тогда, когда будем обвиняемы в похищении чужого? Какое представим оправдание, какое благовидное извинение? Никакого; но неизбежно повлекут нас, связанных и с поникшими головами, в отверстия горящих печей, в огненную реку, во тьму, на безконечные мучения, и не будем иметь никого, кто бы избавил нас. Ведь невозможно отсюда перейти туда: "…**между нами и вами**", скажут (праведные), "**утверждена великая пропасть**" (Лук. 16:26); и даже, если

бы они желали, и тогда невозможно перейти и подать руку помощи, но неизбежно будем мы гореть вечно, и никто не поможет нам, хотя бы то был отец, или мать, или кто-нибудь другой, даже имеющий великое дерзновение пред Богом. "**Человек**", - сказано, - "**никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него**" (Пс. 48:8)? Итак, если нельзя возлагать надежду спасения на другого, а только на человеколюбие Божие и затем на самого себя, то, увещеваю вас, будем делать всё, чтобы жизнь наша была чиста и поведение безукоризненно, чтобы нам с самого начала не допускать никакого осквернения; а если допустим, то не будем предаваться усыплению после осквернения, но постоянно очищать нечистоту покаянием, слезами, молитвами, милостынею. А что, скажешь, если я не в состоянии творить милостыню? Но ты имеешь чашу холодной воды, как бы ты ни был беден; ты имеешь две лепты, в какой бы бедности ты ни находился; ты имеешь ноги, чтобы посетить больных, или сходить в темницу; ты имеешь кровлю, чтобы принять странников. Нет, подлинно нет никакого оправдания не творящему милостыни. Об этом часто мы говорим вам, чтобы хотя несколько иметь успеха от частого повторения; говорим, заботясь не столько о благодетельствуемых, сколько о вас самих. Им вы даёте (блага) здешние, а сами получите за то (блага) небесные, которых да сподобимся все мы, благодатно и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 32

"Вы приступили не к горе, осязаемой и пылающей огнем, не ко тьме и мраку и буре, не к трубному звуку и гласу глаголов, который слышавшие просили, чтобы к ним более не было продолжаемо слово, ибо они не могли стерпеть того, что заповедуемо было: если и зверь прикоснется к горе, будет побит камнями (или поражен стрелою); и столь ужасно было это видение, [что и] Моисей сказал: "я в страхе и трепете". Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева" (Евр. 12:18-24)

1. Во храме (иудеев) было дивное святое святых, было у них и страшное - происходившее на горе Синае: огонь, облако, мрак, буря, потому что на Синае, сказано, Бог открывался в огне, буре и мраке (Втор. 5:22). Ничего такого не было при учреждении нового завета; но он дан был Христом в простой Его беседе. Смотри, как (апостол) ещё делает сравнение между ними, справедливо поставляя все это после. Представив им множество доказательств и уже объяснив различие между двумя заветами, он наконец, после сказанного выше, легко приступает и к этому. Что же говорит он? "**Вы приступили не к горе, осязаемой и пылающей огнем, не ко тьме и мраку и буре, не к трубному звуку и гласу глаголов, который слышавшие просили, чтобы к ним более не было продолжаемо слово, ибо они не могли стерпеть того, что заповедуемо было: если и зверь прикоснется к горе, будет побит камнями (или поражен стрелою)**". Это было страшно, говорит, так страшно, что и слушать было невозможно, и даже зверь не смел приближаться. Но это ещё не таково, каково последующее. Что Синай в сравнении с небом? Что осязаемый огонь в сравненении с неосязаемым Богом? "…**Бог наш есть огнь поядающий**" (Евр. 12:29). А что действительно происходившее тогда на горе было страшно, видно из тех слов, которые сказали (евреи): "**И сказали Моисею: говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть**" (Исх. 20:19). "**Ибо они не могли стерпеть того, что заповедуемо было: если и зверь прикоснется к горе, будет побит камнями (или поражен стрелою); и столь ужасно было это видение, [что и] Моисей сказал: "я в страхе и трепете"**". Удивительно ли, что

народ, как говорится (в Писании), чувствовал такой страх, если и сам (Моисей), входивший в мрак, где находился Бог, говорил: "**"я в страхе и трепете". Но вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева**". Видишь, сколькими (доводами) он доказал превосходство нового завета пред ветхим? Вместо земного Иерусалима - небесный: "…**вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму**…"; вместо Моисея - Иисус: "…**и к Ходатаю нового завета Иисусу**…"; вместо народа - все ангелы: "…**и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев**…". Кого же он разумеет под именем первородных: "**и церкви первенцев**"? Все сонмы верных; их же он называет и духами "**праведников, достигших совершенства**". Итак не скорбите, говорит; вы будете с ними. Что значит: "…**Крови кропления, говорящей лучше, нежели Авелева**"? Разве кровь Авеля говорила? Да; а каким образом, о том послушай Павла, который говорит: "**Верою Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин; ею получил свидетельство, что он праведен, как засвидетельствовал Бог о дарах его; ею он и по смерти говорит еще**" (Евр. 11:4). То же и сам Бог выражает, когда говорит: "…**голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли**" (Быт. 4:10). Таким образом или это здесь можно разуметь, или то, что (кровь Авелева) ещё и ныне прославляется, впрочем не так, как (кровь) Христова, потому что эта очистила всех и издаёт глас тем славнейший и важнейший, чем больше свидетельствуют о ней сами дела. "**Смотрите, не отвратитесь и вы от говорящего. Если те, не послушав глаголавшего на земле, не избегли [наказания], то тем более [не] [избежим] мы, если отвратимся от [Глаголющего] с небес, Которого глас тогда поколебал землю, и Который ныне дал такое обещание: еще раз поколеблю не только землю, но и небо. Слова: "еще раз" означают изменение колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое. Итак мы, приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом, потому что Бог наш есть огнь поядающий**" (ст. 25 - 29). То страшно, а это гораздо более чудно и славно, потому что здесь - нет ни мрака, ни облака, ни бури, как там. А для чего тогда Бог являлся в огне? Этим, кажется мне, означается неясность ветхого завета, туманность и прикровенность закона; а с другой стороны выражается, что Законодатель должен быть страшен и грозен для преступников.

2. Для чего трубные звуки? Это правильно, — потому что здесь как бы царь присутствовал. Так будет и при втором пришествии: "…**ибо вострубит**", - говорит (апостол), и все мы восстанем (1 Кор. 15:52). Воскресение всех будет совершено силою Божией. А глас трубный означает не что иное, как то, что всем должно воскреснуть. Тогда (на Синае) всё было чувственное - и видения, и звуки; а последующее всё - духовное и невидимое. Огонь означает то, что Бог есть "**огнь**", - говорит (апостол), - "**огнь поядающий**" есть (Евр. 12:29). Облако, мрак и дым выражают опять ничто страшное. Так и Исаия говорит: "…**и дом наполнился куреniями**" (Ис. 6:4). А для чего буря? Род человеческий был безпечен; потому нужно было пробудить его; и, конечно, не было такого безпечного человека, который, не возвёл бы мыслей своих горе, когда это происходило и когда совершалось законоположение. "**Моисей говорил, и Бог отвечал ему голосом**" (Исх. 19:19), потому что нужно было, чтобы слышен был голос Божий. Так как (Бог) хотел чрез Моисея преподать закон, то и делает его достойным веры. (Евреи) не видели Моисея по причине облака, и не слышали его по причин его косноязычия. Что же? Сам Бог отвечал ему "**голосом**", как бы говоря к народу и делая для него внятными законоположения. Но обратимся к вышесказанному. "**Вы приступили не к горе, осязаемой и пылающей огнем, не ко тьме и мраку и буре, не к трубному звуку и гласу глаголов, который слышавшие просили, чтобы к ним более не было**

продолжаемо слово…". Следовательно, они сами были причиною того, что Бог явился им чувственным образом. Что говорили они? "…**говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог**…" (Исх. 20:19).

Некоторые, делая сравнение, унижают всё тогдашнее, чтобы более возвысить настоящее; но я считаю и то дивным, - ведь и там были дела Божьи и явления Его силы, - но вместе доказываю, что наше гораздо превосходнее и удивительнее. Оно вдвойне велико: как славное и важнейшее, и вместе с тем как более доступное и кроткое. Так и в послании к Коринфянам (апостол) говорит: "**Мы же все открытым лицем, как в зеркале,** …**на славу Господню**…" - взираем, **-** "…**а не так, как Моисей, [который] полагал покрывало на лице свое**…" (2 Кор. 3:18,13). Те, говорит, не удостоились того, чего мы. Чего же они удостоились? Они видели мрак и облако, слышали голос. Но и ты слышал голос Божий, только не чрез облако, а чрез плоть (Христову), и притом не смутился и не устрашился, но стоял и беседовал с Ходатаем. Мраком (Писание) означает также невидимость: "**и мрак**", - говорит - (Псалмопевец), - "**под ногами Его**" (Пс. 17:10). Тогда и Моисей устрашился, а ныне - никто; тогда народ стоял внизу, а мы не внизу, но выше неба, близ самого Бога, как сыны Его, а не так, как Моисей; там была пустыня, а здесь город, и тьмы ангелов. "…**К торжествующему собору**…", - здесь апостол выражает радость и веселие в противоположность облаку, мраку и буре. "…**И церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу**". Те не подходили, а стояли вдали, равно как и Моисей; а вы приступили. Здесь (апостол) внушает им также и страх: "**и к Судии**", - говорит, - "**всех Богу**"; следовательно, он будет судить не только иудеев, или верных, но всю вселенную. "…**И к духам праведников, достигших совершенства**" - называет так души благочестивых. "…**И к Ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления**", т.е. очищения, "**говорящей лучше, нежели Авелева** ". Если же кровь говорит, то тем более находится в живых сам Закланный. А что говорит она - послушай: "…**Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными**" (Рим. 8:26). Каким образом говорит? Входя в чистую душу, возвышая её и побуждая говорить. "**Смотрите, не отвратитесь и вы от говорящего**", т.е., не ослушайтесь. " **Если те, не послушав глаголавшего на земле, не избегли [наказания]**…". Кого он здесь разумеет? Мне кажется, Моисея. Смысл же слов его следующий: если те не избегли (наказания), не послушавшись заповедавшего на земле, то как можем мы не слушаться заповедующего с неба? Здесь он выражает не то, будто там был иной (законодатель), - вовсе нет,- не указывает он одного там, а другого здесь, но говорит: что страшен изрекающий с неба. Хотя и там и здесь один и тот же, но особенно страшен изрекающий здесь. Апостол говорит о различии не лиц, а даров. Откуда это видно? из дальнейших слов его: "**Если те, не послушав глаголавшего на земле, не избегли [наказания], то тем более [не] [избежим] мы, если отвратимся от [Глаголющего] с небес**". Что же? Иной ли здесь, и иной там? Как же он говорит: "…**Которого глас тогда поколебал землю**"? А землю поколебал голос давшего тогда закон. "…**И Который ныне дал такое обещание: еще раз поколеблю не только землю, но и небо**". Таким образом всё будет изменено и устроится к лучшему свыше; это выражается здесь приведенными словами. Что же ты скорбишь, страдая в міре временном, бедствуя в міре скоропреходящем? Если бы в будущей судьбе міра была ненадежность, то ожидающему конца следовало бы скорбеть. "**Слова: "еще раз"**", - говорит, - "**означают изменение колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое**". А что непоколебимо? Будущее.

3. Будем же делать всё, чтобы получить эти блага, чтобы наслаждаться этими благами. Так, прошу и умоляю вас, будем стараться об этом. Никто не строит в городе, который готов разрушиться. Скажи мне, прошу тебя: если бы кто-нибудь сказал, что такой-то город чрез год разрушится, а такой-то никогда, - неужели ты стал бы строить в том, который должен разрушиться? Потому я и говорю теперь: не будем созидать в этом міре;

он скоро разрушится и всё погибнет. Но что я говорю: он скоро разрушится? Прежде его разрушения мы сами погибнем, пострадаем и выйдем из самих себя. Для чего мы строим на песке? Будем строить на камне (Мат. 7:25), и тогда, что бы ни случилось, здание наше останется несокрушимым, ничто не будет в состоянии разрушить его. И это несомненно, потому что то место недоступно ни для каких нападений, тогда как здешнее доступно; здесь и землетрясения, и пожары, и нашествия врагов лишают нас (зданий наших) ещё при жизни, а часто вместе с ними губят и нас самих. Если же (здание) уцелеет, то или болезнь поражает нас скорее его, а если не совсем поражает, то не позволяет пользоваться им спокойно: в самом деле, какое удовольствие там, где болезни, клеветы, зависть, козни? Или, если ничего такого не случается, то часто мы не имеем детей, и потому сетуем и скорбим, не зная, кому передать свои домы и всё прочее, и досадуя, что трудимся для других; а часто наше имущество переходит в наследство к врагам, не только после нашей смерти, но ещё при жизни. Что может быть прискорбнее, как трудиться для врагов, и для того, чтобы они наслаждались, умножать грехи свои? Примеров этого мы видим в городах множество; умалчиваю об них, чтобы не опечалить лишившихся; я мог бы назвать поименно некоторых из них, рассказать много примеров и указать вам на многие домы, которых владетелями сделались враги трудившихся над ними; и не только домы, но и рабы, и все наследство часто переходило к врагам. Таковы блага человеческие! На небесах же ненужно опасаться ничего подобного; там не займет места умершего другой - враг его, и не завладеет наследством; там нет ни смерти, ни вражды, а только - обители святых, и у этих святых ликование, радость, веселие: "**глас радости и спасения**", - говорит (Псалмопевец), "**в жилищах праведников**"(Пс. 117:15). (Эти обители) вечны, не имеют конца; они не падают от времени, не переменяют владельцев своих, но стоять и цветут постоянно; и это несомненно, потому что там нет ничего тленного и скоропреходящего, но все безсмертно и нетленно. Будем же употреблять свое имущество на построение этого здания; нам не нужны будут ни архитекторы, ни рабочие; эти домы строятся руками бедных, хромыми, слепыми, убогими; они созидают эти обители. И не удивляйся этому, когда они приобретают нам даже царство и доставляют нам дерзновение пред Богом.

4. Милостыня есть превосходная художница и покровительница упражняющихся в ней; она любезна Богу и находится близ Него, легко испрашивая милость тем, кому хочет, только бы мы не оскорбляли её; а она оскорбляется тогда, когда мы делаем её из похищенного имущества; если же она чиста, то доставляет великое дерзновение воссылающим её (к Богу). Сила её такова, что она умоляет даже за падших и согрешивших. Она разрешает (адские) узы, разгоняет мрак, погашает пламень, умерщвляет червя, избавляет от скрежета зубов. Для неё безпрепятственно отверзаются врата небесные. Как у входящей царицы никто из стражей, приставленных к дверям, не смеет спрашивать, кто она и откуда, но все тотчас принимают её, так точно бывает и с милостынею: она поистине есть царица, делающая людей подобными Богу. "**Итак, будьте милосерды**", - сказал (Господь), - "**как и Отец ваш милосерд**" (Лук. 6:36). Она легка и быстролетна, имеет золотые крылья и полёт, услаждающий ангелов. У неё, говорит (Псалмопевец), - "**крылья голубки, серебристые и с междуплечиями ее блестящими, как золото**" (Пс. 67:14). Она летает, как голубь, золотой и живой, одарённый нежным взглядом и кротким глазом. Нет ничего прекраснее этого глаза. Красив павлин, но в сравнении с этим голубем он - ворона: так прекрасна и удивительна эта птица! Она постоянно смотрит вверх и окружается великою славою Божией; она есть дева с золотыми крыльями, разукрашенная и имеющая лицо белое и кроткое; она легка и быстролётна и предстоит престолу Царскому. Когда мы подвергаемся суду, она внезапно прилетает, является и избавляет нас от наказания, осеняя своими крыльями. Богу она угодна более жертвы, о ней он часто беседует: так она любезна Ему! "**Сироту и вдову**" и убогого, - говорит (Псалмопевец), - "**Господь**… **поддерживает**" (Пс. 145:9). Её именем сам Бог любит называться: "**Щедр и милостив Господь**", - говорит Давид, - "**долготерпелив и**

многомилостив" и истинен (Пс. 144:8; Числ. 14:18); и ещё: "**до небес велика милость Твоя**" (Пс. 56:11; 102:11). Она спасла род человеческий, - потому что если бы Бог не помиловал нас, то все погибло бы; она примирила нас, бывших врагами; она доставила нам безчисленные блага; она побудила Сына Божия сделаться рабом и истощить себя. Будем же, возлюбленные, ревновать о той, которою мы спасены; будем любить её, предпочитать её богатству, и без богатства соблюдать душу свою милосердою. Ничто столько не отличает христианина, как милостыня; ничему столько не удивляются неверные и все, как делам милосердия. И мы часто нуждаемся в этом милосердии, и каждый день взываем к Богу: "**Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей**…" (Пс. 50:3). Наперёд мы сами начинаем (дела милосердия), или, лучше сказать, не мы начинаем прежде, но сам Бог уже явил милость свою к нам. Будем же, возлюбленные, хотя позади следовать за Ним. Если люди милуют милостивого, хотя бы он сделал множество грехов, то тем более - Бог. Послушай пророка, который говорит: " **А я, как зеленеющая маслина, в доме Божием**…" (Пс. 51:10). Будем подобны маслине; оградимся со всех сторон заповедями, потому что недостаточно быть только маслиною, но (надобно быть) и плодовитою. Есть люди, которые подают милостыню мало, или во весь год однажды, или один раз в каждую неделю, или только при случае; они - маслины, но не плодовитые, и даже сухие; как подающие милостыню, они - маслины, а как подающие не щедро, они - маслины неплодовитые. Будем же плодовитыми. Я часто говорил и теперь повторяю: важность милостыни измеряется не количеством подаваемого, но расположением подающего. Вы знаете (евангельское сказание) о вдовице; хорошо - всегда приводить на память этот пример, чтобы и бедный не отчаивался, представляя её, положившую две лепты. При построении скинии некоторые принесли волну (Исх. 35:26); но и они не были отвергнуты. Если бы имевшие золото принесли волну, то были бы прокляты; но так как у принесших её только это и было, то они не отвергнуты. Так и Каин был осуждён не за то, что принёс в жертву малоценное, но за то, что принёс самое малоценное из всего, что имел: "**Проклят лживый**", - говорит (пророк), - "**у которого в стаде есть неиспорченный самец**…**, а приносит в жертву Господу поврежденное**" (Мал. 1:14). Не просто так сказал, но: если имеет и бережёт. Следовательно, кто не имеет, тот не подлежит осуждению, или лучше, тот даже достоин награды. Что маловажнее двух лепт и ничтожнее волны? Что малоценнее меры муки? Но (Бог) благоволил принять и это наравне с тельцами и золотом. "**Ибо если есть усердие, то оно принимается смотря по тому, кто что имеет, а не по тому, чего не имеет**" (2 Кор. 8:12); и ещё: "**Не отказывай в благодеянии нуждающемуся**", - говорит (Премудрый), - "**когда рука твоя в силе сделать его**" (Притч. 3:27). Потому, увещеваю вас, будем охотно раздавать имущество своё бедным; хотя бы оно было и мало, мы получим награду равную с подающими много, и даже большую, нежели раздающие тысячи талантов. Если мы будем делать это, то получим неизреченные сокровища от Бога, т.е., если будем не только слушать, но и делать, не только одобрять, но и показывать на деле. Да сподобимся их все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 33

"Итак мы, приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом, потому что Бог наш есть огнь поядающий " (Евр. 12:28-29).

1. Как в другом месте (апостол) говорит: "…**видимое временно, а невидимое вечно**" (2 Кор. 4:18), и отсюда заимствует утешение в бедствиях, которым мы подвергаемся в настоящей жизни, так точно он поступает и здесь, и говорит: "…**будем хранить благодать**…", т.е. будем благодарить Бога, будем твердыми. Мы должны не только не

роптать в настоящих бедствиях, но и воздавать Богу величайшую благодарность за них ради благ будущих. "… **Которою будем служить благоугодно Богу**…", т.е., тогда мы и служим благоугодно Богу, когда за всё благодарим Его. "**Все делайте**", - говорит, - "**без ропота и сомнения**" (Фил. 2:14). Какие бы дела ни совершал человек ропщущий, он унижается и теряет награду, подобно израильтянам, - а вы знаете, какому подверглись они наказанию за ропот. Потому не ропщите, говорит (апостол). Невозможно служить благоугодно (Богу), не воздавая Ему благодарности за всё - и за искушения, и за утешения. "…**С благоговением и страхом**…", т.е., не будем говорить ничего дерзкого, ничего безстыдного, но станем благоустроять себя так, чтобы заслужить уважение; это и значат слова: "…**с благоговением и страхом**… **Братолюбие [между вами] да пребывает. Страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам**" (13:1-2). Смотри, как (апостол) заповедует им хранить то, что уже было у них, и не прибавляет ничего другого; он не сказал: будьте братолюбивы, но: "**Братолюбие [между вами] да пребывает**"; не сказал: будьте страннолюбивы, как будто они не были такими, но: "**Страннолюбия не забывайте**…", - потому что это могло случиться от скорбей. Далее прибавляет то, что особенно могло ободрить их: "…**ибо через него некоторые**", - говорит, - "**не зная, оказали гостеприимство Ангелам**". Видишь, какая честь, какая польза? Что значит: "**не зная**"? Угостили (ангелов), сами не зная того. За то Авраам и удостоился великой награды, что угостил ангелов, не зная, что они - ангелы; а если бы он знал, то это было бы нисколько неудивительно. Некоторые думают, что (апостол) разумеет здесь и Лота и о нём говорит это. "**Помните узников, как бы и вы с ними были в узах, и страждущих, как и сами находитесь в теле. Брак у всех [да будет] честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог. Имейте нрав несребролюбивый, довольствуясь тем, что есть**" (ст. 3—5). Заметь, как часто он говорит о целомудрии. И прежде говорил: "**Старайтесь иметь мир со всеми и святость**"; и ещё: "…**чтобы не было [между вами] какого блудника, или нечестивца**" (Евр.12:14, 16); и теперь говорит: "…**блудников же и прелюбодеев судит Бог**". При том везде с запрещением соединяет угрозу наказания, и - обрати здесь внимание - как именно. "**Старайтесь**", - говорит, - "**иметь мир со всеми и святость**", и прибавляет: "**без которой никто не увидит Господа**"; а тут: "…**блудников же и прелюбодеев судит Бог**"; наперед сказал: "**Брак у всех [да будет] честен и ложе непорочно**", а потом прибавил угрозу наказания, показывая, что он справедливо сделал дальнейшую прибавку. Ведь, если супружество дозволено, то блудник справедливо наказывается и прелюбодей справедливо подвергается мучению. Здесь он направляет речь против еретиков. Притом не сказал: никто не должен быть блудником, но, уже сказав о том прежде один раз, присовокупляет это, как общую заповедь, не направляя прямо против них. "**Имейте нрав несребролюбивый, довольствуясь тем, что есть**". Не сказал: ничего не приобретайте, но: "**Имейте нрав несребролюбивый**", т.е. пусть ум ваш будет свободен, пусть мысли ваши будут выражать любомудрие; а это обнаружится, если мы не станем искать лишнего, если будем довольны только необходимым. Выше он говорил: "…**и расхищение имения вашего приняли с радостью**" (Евр. 10:34); а здесь увещевает не быть сребролюбивыми; "**довольствуясь**", - говорит, - "**тем, что есть**". Далее присовокупляет и здесь утешение, чтобы они не отчаивались: "…**так что мы смело говорим: Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек**" (ст. 6). Вот опять утешение в искушениях! "**Поминайте наставников ваших**…" (ст. 7). Это он старался внушить и выше, когда говорил: "**Старайтесь иметь мир со всеми и святость**"; то же заповедовал и фессалоникийцам, когда говорил, чтобы они почитали наставников "**с любовью**" (1 Фес. 5:13). "**Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их**" (ст. 7). Какая здесь последовательность мыслей? Весьма хорошая; взирая, говорит, на их "**жизни**", т.е. на жизнь, подражайте вере их, потому что вера - от чистой жизни. Или же верою называет он здесь твердое убеждение. Каким образом? Они, говорит, твердо веровали в будущее, и

потому вели превосходную жизнь; они не вели бы чистой жизни, если бы сомневались или колебались касательно будущего. То же самое он внушает и здесь. "**Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же. Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь; ибо хорошо благодатью укреплять сердца, а не яствами, от которых не получили пользы занимающиеся ими**"(ст. 8, 9).

2. Здесь словом: "**вчера**" (апостол) означает всё прошедшее время; словом: "**сегодня**" - настоящее; словом: "**во веки**" - будущее, не имеющее конца. А смысл слов его следующий: вы слышали первосвященника, но первосвященника не временного; Он всегда тот же. Может быть, тогда некоторые говорили, что Распятый не есть ожидаемый Христос, но придёт другой; потому и говорит: "**вчера и сегодня и во веки**", выражая, что придёт опять пришедший Христос, что Он один и тот же и прежде был, и есть, и будет во веки. И ныне иудеи говорят, что придёт другой (Христос); они, отвергшись пришедшего, предадутся антихристу. "**Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь**"; желает, чтобы они не увлекались не только чуждыми, но и различными учениями; он знал, что от тех и других происходит гибель для увлекающихся. "…**Ибо хорошо благодатью укреплять сердца, а не яствами, от которых не получили пользы занимающиеся ими**". Здесь он намекает на тех, которые предписывают правила касательно пищи. Для веры всё чисто; нужна вара, а не яства. "**Мы имеем жертвенник, от которого не имеют права питаться служащие скинии**" (ст. 10). То, что у нас, говорит, не походит на иудейское, так что даже первосвященнику (иудейскому) не позволяется участвовать в наших (таинствах). Когда он сказал: не соблюдайте (учения о пище), то, по-видимому, опровергал собственные действия; потому он опять обращается к тому же. А мы, скажут, разве не соблюдаем этого? Соблюдаем, и весьма строго, так что даже священникам (иудейским) не дозволяем участвовать в наших (таинствах). "**Так как тела животных, которых кровь для [очищения] греха вносится первосвященником во святилище, сжигаются вне стана, - то и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат**" (ст. 11, 12). Видишь ясный прообраз? Там, говорит, "**вне стана**"; и здесь "**вне врат**". Как жертвы, приносимые за грехи, были некоторым прообразом и сжигались за станом, так и Иисус, принесший Себя за грехи наши, пострадал за вратами. Потому и мы должны подражать Пострадавшему за нас, и быть вне міра, или, лучше, вне дел мирских. Это (апостол) и выражает далее: "**Итак выйдем к Нему за стан, нося Его поругание**" (ст. 13), т.е., претерпевая то же самое, участвуя в Его страданиях. Как Он, будучи осуждён, распят за вратами, так и мы не будем стыдиться удаляться от міра; это внушает (апостол) словами: "**вне стана**", и "**вне врат**". "…**Ибо не имеем здесь**", - говорит, - "**постоянного града, но ищем будущего. Итак будем через Него непрестанно приносить Богу жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его**" (ст. 14, 15). "**Через него**", т.е. первосвященником, в отношении к плоти. "…**Прославляющих имя Его**": как бы так говорит: если должно исповедать Его, то не будем говорить ничего богохульного, ничего постыдного, ничего дерзкого, ничего безразсудного, ничего надменного; но будем всё делать и говорить со страхом и благоговением. Он говорит это не без причины, но потому, что знал об их страданиях; а в страданиях душа отчаивается и раздражается. Но мы, говорит, не будем так поступать. Здесь (апостол) опять говорит то же, что говорил выше в словах: "**Не будем оставлять собрания своего**" (Евр. 10:25). Таким образом мы будем в состоянии - делать всё со страхом; часто ведь, стыдясь людей, мы воздерживаемся от многого дурного. "**Не забывайте также благотворения и общительности, ибо таковые жертвы благоугодны Богу**" (ст. 16)

3. Так говорил тогда Павел; так и я говорю теперь, и говорю не присутствующим только братьям, но и отсутствующим. Никто не отнял у вас имущества; а если и отнято что-нибудь, то оказывайте страннолюбие из остального. Какое мы будем иметь оправдание, когда и слушателям (Павла) сказано это уже после расхищения их имущества? И заметь:

здесь он говорит: "**Не забывайте также благотворения**…; а выше сказал: "**Страннолюбия не забывайте**", - разумея не различное что-нибудь, но одно и то же выражая различно. Не сказал: не забывайте странноприимства, но: "**страннолюбия**", т.е. не просто принимайте странников, но с любовью. И не указал на будущее и предстоящее воздаяние, чтобы они опять не сделались беспечными, но (указал) на воздаяние, уже дарованное: "…**ибо через него некоторые**", - говорит, "**не зная, оказали гостеприимство Ангелам**". Впрочем, обратимся к вышесказанному. "**Брак у всех [да будет]**", - говорит, - "**честен и ложе непорочно**". Почему брак честен? Потому, что он сохраняет верующего в целомудрии. Здесь (апостол) имеет в виду иудеев, которые считали брачное ложе скверным и говорили, что всякий, вставши с ложа, нечист. Нет, безрассудный и бесчувственный иудей, не то скверно, что происходить от природы, но то, что - от воли. Если брак честен, то он и чист: как же ты думаешь, что им (человек) оскверняется? "**Имейте нрав**" - говорит, - "**несребролюбивый**". Так как многие, растратив имущество, стараются потом приобрести его под предлогом милостыни, то и говорит: "**Имейте нрав несребролюбивый**", т.е., будем искать только потребного и необходимого. А что, скажешь, если не будем иметь и этого? Нет, нет; сам (Господь) сказал, и сказал неложно: "…**не оставлю тебя и не покину тебя, так что мы смело говорим: Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек?**". Как бы так говорит (апостол): ты получил обещание от самого (Бога), - не сомневайся же; Он сам обещал, - не колеблись. Слова: "…**не оставлю тебя и не покину тебя**…" - сказаны не только об имуществе, но и о всём прочем. "**Господь мне помощник, и не убоюсь: что сделает мне человек?**" Не напрасно, он приводит слова пророка; ими он запечатлевает свои слова, чтобы (слушатели) больше ободрились и не отчаивались. Будем и мы говорить то же при всех искушениях и не смущаться пред делами человеческими; если Бог благоволит к нам, то никто не преодолеет нас. Как тогда, когда Он противится нам, не будет никакой пользы, если бы даже все были нашими друзьями, так и тогда, когда Он расположен к нам, не будет никакого вреда, если бы даже все восстали против нас. Потому и сказано: "**не убоюсь: что сделает мне человек? Поминайте наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие**". Здесь, мне кажется, он говорит и о взаимной помощи; таково именно значение слов: "…**которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их**". Что значит: "**взирая**"? Постоянно обращаясь к тому, рассуждая в самих себе, размышляя, тщательно исследуя и испытывая, как угодно. Хорошо сказал он: "**на кончину их жизни**", т.е. жизнь до конца, - потому что жизнь их имела добрый конец. "**Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же**". Смысл этих слов следующий: не подумайте, что (Христос), тогда творивший чудеса, ныне не творит чудес; Он - тот же; а если Он - тот же, то нет времени, когда бы Он не мог совершать того же. Может быть, это (апостол) и имел в виду, когда говорил: "…**Поминайте наставников ваших**…". "**Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь**", т.е. противное тому, что вы слышали от нас. "**Различными**", т.е. разнообразные; такие учения не имеют в себе ничего твёрдого, но бывают разногласны, особенно касательно различия в пище. Потому он прямо и указывает на это, продолжая: "…**хорошо благодатью укреплять сердца, а не яствами**…". Такие учения различны; такие учения странны. Здесь он осуждает за суеверное различение яств и показывает, что от такого соблюдения они впали в иноверие, увлеклись различными и странными учениями. И заметь: он не решается сказать об этом прямо, а говорит прикровенно: ""**Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь**"; и: "…**хорошо благодатью укреплять сердца, а не яствами**…"; это почти то же, что и Христос сказал: "…**не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека**…" (Мат. 15:11). Он доказывает, что вера составляет всё; если она укрепляет, то сердце находится в безопасности.

Вера укрепляет, а разум колеблет, потому что вера противна разуму. "…**От которых**", - говорит, - "**не получили пользы занимающиеся ими**". Какая польза, скажи мне, от такого различения? Не больше ли оно причиняет вреда? Не ввергает ли оно такого (человека) в грех? Если от чего нужно остерегаться, то - от того, от чего остерегающиеся могут получить пользу. Хорошо - остерегаться от зла, хранить правоту сердца, благоговение к Богу, правую веру. "…**От которых**", - говорит, - "**не получили пользы занимающиеся ими**", т.е. всегда соблюдавшие это. Одно соблюдение похвально - воздержание от греха. А в том какая польза, когда некоторые так нечисты, что не могут приобщаться жертвы? Ничто не спасает их, хотя они и стараются соблюдать себя (от некоторых яств); это нисколько не поможет им, потому что они не имеют веры. Далее (апостол) раскрывает преобразовательную жертву и обращает речь к первообразу: "…**как тела животных, которых кровь для [очищения] греха вносится первосвященником во святилище, сжигаются вне стана, - то и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат**". Следовательно, первое было прообразом последнего, и таким образом Христос исполнил всё, пострадав вне (врат). Здесь также (апостол) выражает, что (Христос) пострадал добровольно; доказывает, что и те жертвы установлены не просто, но были некоторым прообразом, и что самое домостроительство совершилось не без страданий, но кровь (Христова) вознесена на небо.

4. Видишь, что мы приобщаемся крови, вносимой во святое, в истинное святое, приобщаемся жертвы, которую употреблял один первосвященник? Таким образом мы приобщаемся истине. Мы не участвуем в поношении (Христовом), но участвуем в святыне. Поношение есть причина освящения, и как Он терпел поношение, так (должны терпеть) и мы. Потому мы сделаемся соучастниками Его, если выйдем к Нему. А что значить: "**выйдем к Нему**"? Будем соучастниками Его страданий; будем терпеть Его поношение. Не напрасно Он пострадал вне врат, но чтобы и мы взяли крест Его, пребывали вне міра и старались оставаться там. Он был поносим, как преступник; так будем и мы. "…**Будем через Него непрестанно приносить Богу жертву**…". О какой жертве он говорит? Он сам объясняет это, когда говорит: "…**плод уст, прославляющих имя Его**", т. е. молитвы, песнопения, благодарение; это - плод уст. Те приносили овец и волов, отдавая их священнику; мы же будем приносить не что-нибудь подобное, а благодарность и подражание Христу во всём, сколько возможно: вот, что должно произрастать из наших уст! "**Не забывайте также благотворения и общительности, ибо таковые жертвы благоугодны Богу**". Принесём Ему, говорит, такую жертву, чтобы Он вознёс её к Отцу; она и не возносится иначе, как Сыном, или, лучше сказать, сокрушенным сердцем. Всё это так говорит слушателям, которые были ещё весьма слабы; а известно, что благодать принадлежит и Сыну: иначе почему приписывается Ему равная честь (с Отцом)? "…**Дабы все чтили Сына**", - говорит (Писание), - "**как чтут Отца**" (Ин. 5:23). А как будет воздаваться им равная честь, если с прославлением Отца не прославляется вместе и Сын? Если же "…**плод уст, прославляющих имя Его**", состоит в благодарности Ему за всё, и за то, что Он пострадал за нас, то будем переносить с благодарностью всё, случится ли с нами болезнь, или бедность, или что-нибудь другое, - потому что Он один знает, что нам полезно. "…**Ибо мы не знаем**", - говорит (апостол), - "**о чем молиться, как должно**", (Рим. 8:26). Если же мы не знаем, чего нужно просить, когда не научены Духом, то как можем знать, что нам полезно? Итак, будем стараться воздавать Ему благодарность за всё, и мужественно переносить всё, случающееся с нами. Впадем ли в бедность, или в болезнь, - будем благодарить; злословят ли нас, - будем благодарить; страдаем ли мы, - будем благодарить. Это приближает нас к Богу; чрез это Бог делается должником нашим. А когда мы благоденствуем, тогда сами делаемся должниками и ответчиками пред Богом; иногда же, и часто, это служить к нашему осуждению, между тем как то - к очищению грехов. То (бедствие) располагает к милосердию и человеколюбию; а это (благоденствие) доводит до высокомерия, ввергает в

безпечность, делает надменными и расслабляет. Потому и говорит пророк: "**Благо мне**", - Господи, - "**что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим**" (Пс. 118:71). Когда Езекия получал благодеяния и был свободен от бедствий, тогда сердце его возгордилось; а когда впал в болезнь, тогда он смирился, тогда стал близок к Богу. "**Когда Он убивал их**", - говорит (Писание об иудеях), - "**они искали Его и обращались, и с раннего утра прибегали к Богу**" (Пс. 77:34). Напротив, когда "**утучнел, отолстел и разжирел**", (тогда) "**и оставил он Бога**" (Втор. 32:15); Господь познаётся тогда, когда творит суд. Великое благо - скорбь. Путь (к небу) тесен; скорбь подвигает нас на этом тесном пути; а не терпящий скорби не может войти. Кто предаётся скорби на этом тесном пути, тот получает и утешение; а кто любить широту, тот и не входит в него, или мучится, как бы вталкиваемый насильно. Послушай, как вступил на этот тесный путь Павел. "…**Усмиряю и порабощаю**, - говорит он, - "**тело мое**" (1 Кор. 9:27). Он умерщвлял тело свое, чтобы иметь возможность вступить (на тот путь); поэтому он во всех своих страданиях постоянно благодарил Бога. Лишился ли ты имущества, - это много убавило широты (пути твоего). Лишился ли славы, - она была также широтою. Подвергся ли клевете, верят ли тому, что наговорили на тебя, но чего сам ты не сознаешь за собою, - радуйся и веселись. "**Блаженны вы**", - сказал (Господь), - "**когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах**" (Мат. 5:11,12). Чему ты удивляешься, когда постигает тебя скорбь, и для чего желаешь освободиться от искушений? Павел желал освободиться от них и часто молил Бога, но не получил этого: "**трижды**" именно и значить часто. "**Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня. Но [Господь] сказал мне: "довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи"** " (2 Кор. 12: 8, 9). Под немощью здесь разумеются скорби. Что же? Услышав это, он переносил их с благодарностью и говорил: "**Посему я благодушествую в немощах**…" (2 Кор. 12:10), т.е. радуюсь, нахожу удовольствие в скорбях. Итак, будем благодарить за всё - и за утешение, и за скорбь; не будем роптать, не будем неблагодарными. Говори и ты: "**наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь**" (Иов. 1:21). Ты не родился славным - не ищи же славы; ты вступил в жизнь не имеющим не только богатства, но и славы и чести.

Представь, сколько зла часто происходит от богатства; или, лучше, послушай, что говорит Христос: "**удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие**" (Мф. 19:24). Видишь, к получению каких благ богатство служит препятствием; а ты хочешь обогатиться, и не радуешься, находясь в бедности, что уничтожено это препятствие? Так тесен путь, ведущий в царствие (небесное); так богатство широко, обременительно и стеснительно! Потому и сказал (Господь): "**продай имение твое**…", чтобы тебе вступить на этот путь (Мф. 19:21). Что желаешь ты богатства? Для того Бог и лишил тебя его, чтобы избавить тебя от рабства. Так и родные отцы, видя, что сын их развращается какою-нибудь блудницею и никакие увещания не убеждают его отстать от неё, прогоняют блудницу. Таково и обилие богатства. Потому Владыка, заботясь об нас и желая избавить нас от проистекающего отсюда вреда, лишает нас богатства. Не будем же считать злом бедность; зло - один только грех. Равно и богатство само по себе не есть благо; одно благо - угождать Богу. Итак будем желать бедности, будем искать её. Таким образом мы достигнем неба и получим небесные блага, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 34

"Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не воздыхая, ибо это для вас неполезно" (Евр. 13:17).

1. Безначалие - везде зло, причина многих бедствий, начало беспорядка и смешения; особенно же в Церкви оно тем опаснее, чем власть её больше и выше. Если от хора удалишь начальника его, то хор не будет строен и согласен; если у отряда воинов отнимешь предводителя, то действия их не будут совершаться в стройности и порядке; если корабль лишишь кормчего, то потопишь корабль, - так и здесь: если у паствы не будет пастыря, то всё извратится и уничтожится. Безначалие есть зло и причина смятения; но не меньшее зло - и неповиновение подчиненных, так как и от него происходит то же самое. Народ, не повинующийся начальнику, - то же, что народ, не имеющий его, а может быть, и хуже; там (не имеющих начальника) можно извинить за безпорядок, а здесь (имеющие его) неизвинительны и достойны наказания. Но, скажет кто-нибудь, есть ещё третье зло, - когда начальник нехорош. Знаю; это немалое зло, и даже гораздо большее, нежели безначалие, - потому что лучше не управляться никем, нежели быть под управлением дурного начальника. В первом случае народ иногда подвергается опасности, а иногда и спасается; в последнем же всегда находится в опасности и увлекается в пропасть. Почему же Павел говорит: "**Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны**…"? Он выше сказал: "…**и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их**" (Евр. 13:7); а потом и говорит: "**Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны**…". А что, скажешь, когда (начальник) нехорош, - тогда ненужно повиноваться ему? Нехорош, - в каком смысле говоришь ты? Если по отношению к вере, то беги от него и не сообщайся с ним, хотя бы он был не только человек, но даже ангел, сшедший с неба; если же по отношению к жизни, то не безпокойся об этом. Я приведу тебе пример не от себя, а из божественного Писания. Послушай, что говорит Христос: "…**на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи**". Сказав о них прежде много обличительного, Он потом говорит: "…**на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте**" (Мат. 23:2, 3). Они имеют, говорит, достоинство, но нечисты по жизни. А вы обращайте внимание не на жизнь, но на слова, их; от поведения же (других) никто не получит вреда. Почему? Потому, что оно явно для всех, и такой (человек), хотя бы он был тысячу раз нехорош, никогда не научит дурному. Но недостатки касательно веры неявны для всех, и дурной в этом отношении не постыдится учить (других). Также слова: "**Не судите, да не судимы будете**" (Мат. 7:1), относятся к жизни, а не к вере, как показывают следующие за ними: "…**что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоем глазе не чувствуешь**" (Мат. 7:3)? "…**Все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте**" относится к деятельности, а не к вере, - "…**по делам же их не поступайте**". Видишь, что здесь идет речь не о догматах, а о жизни и делах? Впрочем Павел наперёд представил их со стороны (достоинства), а потом и говорит: "**Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет**". Пусть выслушают не только подчинённые, но и начальники, что как подчинённые должны быть послушными, так и начальники должны быть бодрствующими и неусыпными. А ты что говоришь? Начальник бодрствует, навлекает опасности на свою голову, подлежит наказаниям за грехи твои, испытывает такой страх из - за тебя, а ты ленишься, противишься, тщеславишься и не хочешь повиноваться! Потому (апостол) и присовокупляет: "…**чтобы они делали это с радостью, а не воздыхая, ибо это для вас неполезно**". Видишь, что начальник, если пренебрегают им, не должен мстить, но слезы и воздыхания его служат лучшим мщением? И справедливо. Так и врач, встречая неуважение от больного, не должен мстить, но плакать и воздыхать. Если твой начальник будет воздыхать, то отмстит за тебя Бог, потому что если, воздыхая о своих грехах, мы располагаем к себе Бога, то не тем ли

более, воздыхая о гордости других и презрении от них? Видишь, что Он не попустит начальнику терпеть обиды? Видишь, какое любомудрие? Должно воздыхать тому, кого не уважают, презирают, плюют. Но и подчинённый не смей думать, что ты не будешь отмщён; воздыхание (начальника) хуже всякого мщения. Когда воздыхающий сам не может ничего сделать, тогда он призывает Владыку; как приучитель и воспитатель, когда дитя не слушается его, призывается другой, более строгий, - так точно и здесь.

О, какая опасность! Что сказать о тех несчастных, которые ввергают сами себя в такую бездну страданий? Ты, (начальник), должен дать отчёт за всех, над кем начальствуешь, - за жен, мужей и детей; в такой огонь ты ввергаешь свою голову. Сомневаюсь, может ли кто из начальников спастись, и удивляюсь, когда вижу, как, при таких угрозах и настоящем нерадении, некоторыё ещё домогаются и стремятся к этому бремени правления. Ведь если побуждаемые необходимостью (к принятию власти) не получают прощения и оправдания, когда худо и нерадиво исполняют своё дело, - так Аарон по необходимости принял власть и подвергался опасности, и Моисей подвергался опасности, хотя неоднократно отказывался от власти, и Саул, получив особую власть после того, как отказывался от неё, подвергался опасности потому, что худо распоряжался ею, - то не гораздо ли более те, которые прилагают старание и сами стремятся к ней? Такой человек гораздо менее заслуживает какого-либо оправдания. Нужно бояться и трепетать, как по совести, так и по обременительности власти; не следует ни отказываться, когда привлекают к ней, ни стремиться самому, когда не привлекают, но убегать, представляя величие достоинства, а когда кто удержан, то проявлять благоговение. Ни в чём не должно быть неумеренности, но "…**все должно быть благопристойно и чинно**" (1 Кор. 14:40). Прежде, нежели сделался (начальником), если ты предвидишь это, убегай, считая себя недостойным этого дела; а если удержан, то будь благоговейным, показывая во всём благоразумие. "**Молитесь о нас**", - говорит (апостол), - "**ибо мы уверены, что имеем добрую совесть, потому что во всем желаем вести себя честно**" (ст. 18).

2. Видишь, что он оправдывается, как бы обращая речь к таким людям, которые были недовольны им, отворачивались от него, смотрели на него, как на отступника, и не хотели даже слышать его имени. От ненавидевших его он требовал того, чего другие могли бы требовать только от любящих, и потому говорит теперь следующее: "**ибо мы уверены, что имеем добрую совесть**". Не выставляй, говорит, против меня обвинений: совесть наша ни в чём не обвиняет нас; мы не сознаем за собою, чтобы мы вредили вам. "…**Потому что во всем желаем вести себя честно**", т.е, не только между язычниками, но и между вами; мы не делали ничего по корыстолюбию, ничего по лицемерию. Вероятно, в этом его обвиняли. А что действительно клеветали на него, о том, послушай, как говорит Иаков: "…**о тебе наслышались они, что ты всех Иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея**" (Деян. 21:21). Пишу это, говорит (Павел), не как враг, и не как противник ваш, но как друг; это видно и из последующего: "**Особенно же прошу делать это, дабы я скорее возвращен был вам**" (ст. 19). Так просить, чтобы они молились, свойственно только сильно любящему их. Не просто, говорит, молитесь, но со всем усердием, чтобы мне скорее прибыть к вам. Так желать прибыть к ним и просить, чтобы они молились за него, свойственно тому, кто ничего не сознаёт за собою. Потому, испросив наперед себе от них молитв, он потом и сам просит им (у Бога) всех благ. "**Бог же мира**": говорит так потому, что между ними были несогласия. Если Бог есть Бог мира, то не отделяйтесь от нас. "**Воздвигший из мертвых Пастыря овец**" - это сказано о воскресении (Христовом), -"**великого**", - другое прибавление. Здесь и далее до конца он внушает им учение о воскресении. "…**Кровию завета вечного, Господа нашего Иисуса (Христа), да усовершит вас во всяком добром деле, к исполнению воли Его**…" (ст. 20, 21). Опять свидетельствует об их великих (достоинствах), потому что совершается ("**усовершит вас**") то, что имеет начало и

продолжает исполняться; при том он молится об этом, следовательно весьма желает им этого. И заметь: в других посланиях он молится в начале, а здесь в конце. "…**Производя**", - говорит, - "**в вас благоугодное Ему через Иисуса Христа. Ему слава во веки веков! Аминь. Прошу вас, братия, примите сие слово увещания; я же не много и написал вам**" (ст. 21,22). Видишь, что к ним он написал то, чего ни к кому не писал? "**я же**", - говорит, - "**не много и написал вам**", т.е. не безпокою вас многословием. Мне кажется, что (евреи) не были враждебно расположены к Тимофею; потому (Павел) и поставляет его на первом месте. "**Знайте, что брат наш Тимофей освобожден, и я вместе с ним, если он скоро придет, увижу вас**" (ст. 23). "**Освобожден**", - говорит. Откуда? Думаю, что он был посажен в темницу; а если не так, то "**освобожден**" из Афин, как повествуется об этом в Деяниях (гл. 17). "**Приветствуйте всех наставников ваших и всех святых. Приветствуют вас Италийские. Благодать со всеми вами. Аминь**" (ст. 24, 25). Смотри, как (апостол) внушает, что добродетель происходить ни от одного Бога всецело, ни от одних нас; это он объясняет словами: "**да усовершит вас во всяком добром деле**", и последующими, - как бы так говорит: вы имеете добродетель, но нуждаетесь в усовершении её. А когда он говорит: "**во всяком слове и деле благом**" (2 Фес. 2:17), то внушает, что нужно иметь и жизнь, и учение правые. Прекрасное сделал он прибавление: "…п**роизводя в вас благоугодное Ему**", говорит, потому что величайшая добродетель - делать благоугодное пред Богом. Так говорит и пророк: "… **по чистоте рук моих пред очами Его**" (Пс. 27:21, 25). Написав столько, (апостол) называет это малым, сравнивая с тем, что хотел написать, как и в другом месте он говорит: "…**(о чем я и выше писал кратко), то вы, читая, можете усмотреть мое разумение тайны Христовой**" (Ефес. 3:3, 4). И посмотри на мудрость его. Не сказал: прошу вас, примите слово увещания, но: "**примите сие слово утешения[1]**", т.е. ободрения, поощрения; никто, говорит, не может тяготиться обширностью сказанного. Как? Неужели и этим они тяготились? Нет; но он хочет внушить и сказать им: вы малодушны; таким именно (малодушным людям) свойственно тяготиться продолжительной речью. "**Знайте, что брат наш Тимофей освобожден, и я вместе с ним, если он скоро придет, увижу вас**". Этого достаточно было, чтобы они соблюдали кротость, если он сам с учеником готов был придти к ним "**Приветствуйте всех наставников ваших и всех святых**". Смотри, какую он оказал им честь, написав послание к ним, а не к этим (наставникам). "**Приветствуют вас Италийские. Благодать со всеми вами. Аминь**". То, что относилось ко всем, он сказал после всего. А когда благодать бывает с нами? Когда мы не оскорбляем этого благодеяния, когда не пренебрегаем этим даром. В самом деле, что такое благодать? Отпущение грехов, очищение; оно - с нами. Кто же, оскорбляя благодать, может сохранить её и не лишиться её? (Бог) даровал тебе отпущение грехов: как же пребудет с тобою благодать, т.е. благонастроение или действие Духа, если ты не будешь удерживать её добрыми делами? В этом причина всех благ, чтобы всегда пребывала с нами благодать Духа; она руководит нас ко всему (доброму); а когда она отлетает от нас, то мы остаемся покинутыми и погибаем.

3. Итак не будем удалять её: а от нас зависит, чтобы она осталась при нас, или удалилась. Первое бывает тогда, когда мы заботимся о небесном; а последнее тогда, когда - о житейском. "**Духа истины**", - говорит (Господь), - "**Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его**" (Ин. 14:17). Міром называет Он порочную и постыдную жизнь. Видишь, что душа, преданная міру, не может иметь Духа? Много нужно усердия с нашей стороны, чтобы Он оставался с нами, устроял все дела наши и сохранял нас в безопасности и совершенном мире. Как корабль, плывущий при попутном ветре, не встречает препятствий и не потопляется, пока пользуется благоприятным и постоянным ветром, но и после плавания приобретает себе славу у кормчих и путников, из которых первым он доставил покой и освободил от трудного действования веслами, а последних избавил от всякого страха, и самым течением своим доставил им приятнейшее

зрелище, - так и душа, руководимая божественным Духом, стоить выше всех житейских треволнений, проходит путь, ведущий к небу, быстрее всякого корабля, - потому что паруса её чисты и наполняются не ветром, а самим Утешителем, - и всё расслабляющее и пагубное отвергает от своих помыслов. И как ветер, ударяя в слабо натянутый парус, не может действовать, так и Дух не может пребывать в душе слабой, но требует великого напряжения и усилия.

Потому нам нужно иметь ум пламенеющий и совершать действия свои всегда с силою и напряжением. Например, когда мы молимся, то должны делать это с великим тщанием, напрягая душу к небу, не веревками, но сильным усердием. Также, когда мы совершаем дела милосердия, то должны действовать с напряжением, так чтобы ни забота о доме, ни попечение о детях, ни угождение жене, ни опасение впасть в бедность не ослабляли нашего паруса. Если мы будем со всех сторон напрягать этот парус надеждою благ будущих, то он будет хорошо принимать действие Духа; ничто тленное и скоропреходящее не войдёт в него, а если и войдёт, то нисколько не повредить ему, но тотчас отразится его твердостью и будет отброшено. Так, нам нужно великое напряжете, потому что и мы переплываем море великое и пространное, исполненное многих зверей и многих утесов, представляющее нам множество треволнений и среди ясной погоды воздвигающее жесточайшую бурю. Потому, если мы хотим плыть благополучно и безопасно, то должны натягивать наши паруса, т.е. нашу свободную волю: для нас достаточно и этого. Так и Авраам напрягал свою преданность к Богу, представил свою совершенную волю - и имел ли нужду в чём-нибудь другом? Ни в чём; но "…**поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность**" (Быт. 15:6). Вера же происходит от искреннего намерения. Он привёл сына и хотя не заклал его, но получил награду, как заклавший; хотя дело не было совершено, но награда дарована. Пусть будут паруса наши чисты и новы, а не ветхи, - потому что всё "…**ветшающее и стареющее близко к уничтожению**" (Евр. 8:13), - и пусть будут не разодраны, чтобы они удерживали действие Духа: "**Душевный человек**", - сказано, - "**не принимает того, что от Духа Божия**…" (1 Кор. 2:14). Как паутина не может сдержать дуновения ветра, так и душа, преданная міру, и человек душевный никогда не может принять благодати Духа. От этой (паутины) нисколько не отличаются наши суждения, которые представляют только видимую последовательность, в действительности же лишены всякой силы. Но не будут таковы наши (суждения), если мы будем бодрствовать; тогда, что ни случилось бы, человек перенесёт всё, будет выше всего, сильнее всякого вихря.

Человек духовный, хотя бы нападали на него бесчисленные бедствия, не колеблется и не уловляется ни одним из них. Но что я говорю? Пусть нападают на него бедность, болезнь, обиды, злословия, клеветы, раны, всякого рода наказания, всякого рода насмешки; поношения и оскорбления; но так как он живёт вне міра и свободен от телесных страстей, то он над всем будет смеяться. А что эти слова не хвастовство, на то я могу представить и теперь множество примеров, именно - в лице людей, удалившихся в пустыни. Но это, скажешь, нисколько неудивительно? Тогда я скажу, что такие мужи есть и в городах, хотя ты и не подозреваешь их существования. Если же хочешь, то я могу указать на некоторых из древних. Чтобы ты убедился в этом, вспомни о Павле. Какого не испытал он бедствия? Чему не подвергался? Но всё перенёс мужественно. Будем подражать ему и мы; таким образом мы можем и благоугодить Богу, и достигнуть тихой пристани с великим прибытком. Устремим ум наш к небу, проникнемся этим стремлением, облечёмся в духовный огонь и оградим себя этим пламенем. Кто несёт с собою пламя, тот не боится встречающихся ему, будет ли то зверь, или человек, или множество сетей; пока он окружён пламенем, - всё уступает ему, всё удаляется от него. Это пламя невыносимо, этот огонь нестерпим и всеистребляющ. Облечём же себя этим

огнём и будем воссылать славу Господу нашему Иисусу Христу, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] В синодальном переводе здесь стоит слово "увещания", но славянский ближе к оригиналу (утешения – "της παρακλησεως"), именно это значение и имеет ввиду Златоуст.

ОДИННАДЦАТЬ БЕСЕД СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА.[1]

БЕСЕДА I,

сказанная в церкви мучеников, у „древней скалы", когда вследствие дождя собралось немного, - о том, что должно постоянно приходить (в церковь), и что пребывающим во грехах нельзя пренебрегать своим спасением, но (нужно) выражать свое покаяние.

1. Что это? Нужно бы целому городу быть здесь сегодня, а к нам не пришла даже малая часть. Может быть повинны грязь и дождь? Нет, - не грязь, а безпечность и упадок духа. Чем могут извиниться оставшиеся, когда мученики пренебрегли даже самою жизнью своею, а они не решились (пренебречь) грязью, чтобы придти? Как мне ублажать вас, пришедших? Как изобразить несчастие тех, оставшихся, - (несчастие) и по отсутствии их, и по причине этого отсутствия? Очевидно, они лишили себя этого прекрасного празднества, приковавшись к житейским заботам и уцепившись за всё сквернящую, очень сильную у них, страсть к наживе. Но если даже нет их здесь, нужно говорить (к ним) и отсутствующим, - очевидно, чрез вас, присутствующих, они услышат это. Доколе это неистовство наживы? Доколе эта неугасимая печь будет всё наступать и пожигать? Разве вы не знаете, что этот пламень производит тот неугасимый огонь, (что) это изнурение рождает того ядовитого червя? Если ты пренебрегаешь геенною, и твоего ума не потрясают эти слова, так как наказание ещё в будущем, то пусть бы тебя убедило настоящее. Разве вам неизвестно, в каком плоде[2], выразилось недавно любостяжание? Не пред вашими ли глазами память этого? Не свежо ли доказательство такой гибели? Весь город наш наполнен остатками того кораблекрушения; и, как во время потопления великого корабля, куда бы ты ни отошёл, кто доску, кто весло, кто парус, кто какую-либо часть поклажи, спасши, держит и вертит во все стороны, так (было) и во время недавно поднявшегося здесь землетрясения: владевшие кто домом, кто полями, кто рабами, кто серебром, кто золотом, - они сделали из себя широкое зрелище несчастия, и устроили, чтобы всюду рассеялись воспоминания смятения. И иной, проведши безсонные ночи, перенесши безчисленные труды и опасности, собравши таким корыстолюбием столько грехов, - (как) бездомник и вне города, стал беглецом на чужбине, нуждается в необходимом питании, и видит, что над ним ежедневно висит крайняя опасность, воображает себе мечи, палачей и пропасти, живёт жизнью тягчайшею безчисленных смертей; другие наслаждаются его имуществом, и до этого льстившие ему коварствуют теперь. Этого ли недостаточно, чтобы даже совсем тупой вразумился? Но после такого бедствия, после такого ненастья, после такой гибели, после такого переворота, и столь недавнего, что он ещё пред глазами, не прошло ещё целых тридцати дней[3], - вы опять так безумствуете? И как вы можете извиниться, или чем оправдаться? И не только безумствуете, но даже не приходите, чтобы узнать об этом самом. Как бы к присутствующим я говорю к отсутствующим, - под тяжестью своей большой скорби, - что они не делаются лучше ни по страху за будущее, ни опытом настоящего; но, хищничая,

корыстолюбствуя, они как бы черви в каком-нибудь навозе, отгороженные и зарывшиеся в куче этих забот, не стараются даже всего один раз в неделю приходить, чтобы узнать - где они. Как горячечные не могут сами видеть, в каком они состоянии, но нужны для них врачи, которые бы освободили их от беснования, так и одержимые тяжким бешенством наживы нуждаются в своих учителях, чтобы им узнать, что они беснуются. Вследствие этого особенно я их прошу, убеждаю и умоляю приходить к нам; и брать себе врачество от этого слова. У меня нет заостренного железа, но есть слово, - острее железа; нет огня, ни едкого врачества, но есть слова, - горячее огня, и доставляющие без боли врачевание.

2. Из-за чего ты убегаешь, скажи мне, и не выражаешь относительно своей души столько же попечения, сколько бережёшь свою плоть? Когда плоть в худом состоянии, ты и деньги издерживаешь, и даже, если нужно занять, всё отдаешь под залог, - и врачам, если они захотят резать, даже жечь, ты предоставляешь своё тело с полною готовностью делать, чего бы они ни пожелали; а когда в душе источники червей, ты - скажи мне - не идёшь послушать слова, очищающего от гнили, хотя для этого тебе не нужно ни денег тратить, ни переносить такую боль, но предаёшь самого себя полной гибели? И чем по достоинству в этом извинишься? Если бы я говорил: корыстолюбец, хищник, блудник, прелюбодей пусть не вступают в церковь; если бы гнал и преследовал всех грешников, - то и тогда особенной не было бы отговорки, потому что нужно вступать очищенному; но сейчас не говорю даже этого, но: хотя бы ты совершил блуд, хотя прелюбодействуешь, хотя хищничаешь, хотя корыстолюбствуешь, - вступи в церковь, чтобы узнать тебе, что не нужно впредь делать это; влеку всех и притягиваю к себе, и, распростерши отовсюду сеть слова, хочу захватить ею не здоровых (только), но и болеющих. Каждый день я говорю: приди и врачуйся со мною, потому что, врачуя, и я нуждаюсь во врачестве, потому что я человек, и подлежу с тобою страстям той же самой природы, нуждаюсь в словах, обуздывающих безпорядочную узду; и я не живу жизнью беззаботною, тихою и невозмутимою, но и у меня самого есть шум страсти и смятение волн. Впрочем зачем говорить (это) мне или кому бы то ни было, когда именно достигший небес Павел, - даже он нуждался во многом врачевании. Что он нуждался, это он сделал для нас очевидным; даже он сам не жил жизнью беззаботною, но было у него много борьбы; почему он и говорил: "**но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (1 Кор. 9:27). А умерщвлял он то, что восставало (против него), и порабощал то, что желало быть в разнузданности; и других потому он увещевал, говоря: "…**кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть**" (1 Кор. 10:12). Но если Павел не наслаждался спокойствием, но, как обуреваемые морем, видел много отовсюду поднимающихся волн, - то кто осмелится говорить, что ему не нужно исправления, врачевания и непрерывного бодрствования?

Итак, приди и врачуйся со мною, учителем своим. Если ты здоров, то даже из-за этого приходи, чтобы сделаться здоровее; слово, которое исправляет бывшее и предостерегает от неслучившегося ещё никогда, - и больных освобождает от немощи и небольных делает твёрже. Если у тебя нет этого греха, то есть другой, потому что "**Кто может сказать: "я очистил мое сердце, я чист от греха моего?"**" (Прит. 20**:**9). Так как ты согрешил, не стыдись придти, но поэтому самому приди. Никто не, говорит: так как у меня рана, то я не буду искать врача, даже не принимаю лекарства; но поэтому самому нужно более всего искать и врачей и силы лекарств. И мы умеем прощать, потому что повинны также сами в других грехах. Потому и Бог дал нам не ангелов в учители, не Гавриила, сведши свыше, поставил над своим стадом, но взяв из самого стада делает пастыря, из самих овец - начальника над стадом, чтобы он был снисходителен к начальствуемым, и, помышляя о собственной немощи, не гордился бы пред пасомыми, но имел бы уздою и основою смирение пригнетение от собственной совести. А что сказанное не есть предположение, выслушай Павла, пишущего об этом и любомудрствующего в послании к Евреям он так

говорил: "**Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи, могущий снисходить невежествующим и заблуждающим, потому что и сам обложен немощью, и посему он должен как за народ, так и за себя приносить [жертвы] о грехах**" (Евр. 5:1 - 3). Видишь ли, как превосходно сказана нам причина, почему не ангелы, и не архангелы, но люди поставлены над церквами, чтобы именно они могли сострадать своим сродникам, имея в сознании собственных грехов величайшее учение о смирении? Ведь, говорит, "…**и сам обложен немощью, и посему он должен как за народ, так и за себя приносить [жертвы] о грехах**". Это происходит и теперь: предстоя этой священной трапезе и вознося страшную жертву, мы испрашиваем отпущения как прегрешений народа, так и о наших собственных взываем, молим и просим, и возносим жертву за всех...[4]

3. Приводи ты мне в пример не корыстолюбца, раба чрева и предавшего низости благородство своей природы, но этого, мужей, как он, соблюдающих первообраз и не сквернящих царского своего облика, - и тогда узнаешь, чем иногда бывает человек. И этот также был человеком, и он был рождён женщиною, молоком вскормлен, на земле жил, воздухом дышал, и всё у него было общее с нами, общее в отношении природы; но так как в воле его была особенность, потому и в благодати он возсиял. Хотя у него не было ни денег, ни знатности рода, ни величия отечества, ни красноречия ни остроты языка, ни толпы рабов, ни роя евнухов, ни дома с золотым потолком, ни шелковых одежд, ни роскошного стола, ни другого чего-нибудь, что многим кажется счастьем, но крайняя бедность, - у него не было средств даже для необходимого пропитания, но он был нищим, протягивал руку и просил хлеба у жены-вдовицы, и то сидонянки, жилищем у него была пещера, одеждой кожа, столом земля, предки неизвестными и безславными, отечество ничтожным и средства к жизни грубыми, - однако, ничто такое не стало препятствием этому мужу к славе, но он был и богаче всех царей и мудрее всех философов и ораторов, и знатнее имеющих диадемы и много благороднее владеющих царственными городами; он имел отечеством вселенную, вернее, даже она была для него малым городом, и Павел восклицает, говоря: "…**скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин**…" (Евр. 11:37,38). И достиг он вышнего города, художник и устроитель которого Бог. Потому я привёл тебе (в пример) бедного и простого, (как) пользующегося славой, чтобы у тебя не было никакого предлога. Если бы я привёл богатого и мудрого, ты мог бы сказать, что бедность и невежество препятствуют мне сделаться таким; а теперь именно ты не можешь прибегнуть ни к какому такому предлогу: и он был бедным, даже беднее всех людей, в пустыне жил, неизвестен по предкам и отечеству и во всём остальном, - однако, он воссиял больше солнца и тогда и теперь, и пока солнце освещает землю, до тех пор будет его слава, хотя он был за столько времени раньше (нас); эта громада времени не заглушила памяти о нём; и весьма естественно. Такова добродетель, дело безсмертное, и сияющее более солнца. Но (унесшимся в море похвал пророка не должно забывать главного предмета) что я раньше сказал, то обнаруживает в себе и этот, (муж), (именно) что было сказано относительно Моисея. Так как ему, вознесшемуся своими преуспеяниями, было естественно не быть очень снисходительным к народу, то смотри) что делает Бог. Попускает, чтобы он лишился своей благодати, так чтобы обнаружилась его немощь; впрочем, (нам) наперёд необходимо показать, как он не был очень снисходителен. Когда он заключил небо, и землю сделал безплодною, и был голод, голод самый жестокий из всех: истреблены были воды, засохла всякая трава, иссякли реки, лицо земли было ужасным, угрожающим смертью и, всё наступая, голод распространялся, ведя (за собою) жалкую смерть, - (тогда) он так не уступил, но, отошедши, сидел на вершине горы, предав народ иудейский такому тягостному изнурению. Но человеколюбивый Бог и неизреченная благость не переносили такой суровости; и так как сам от Себя Он не желал его побудить, чтобы прекратил несчастие, и затем не желал также сделать это без него, то

смотри, что происходит: прежде Он вступает в общение с ним, и тогда посылает дождь. Видишь ли в этом благость Божию, человеколюбие и честь в отношении святого? Он излил потоки дождя не прежде, как когда побеседовал с ним и сказал об имеющем быть, и послал его вестником будущего благосостояния. Так как чрез него произошло печальное, то (Бог) восхотел, чтобы он сделался вестником и полезного; и сведши с горы, послал возвещать наступление проливного дождя и прекращение голода всюду в той земле. Однако, когда был низведён дождь, и в самое короткое время наступило цветущее состояние, (тогда) собрав четыреста Вааловых жрецов и четыреста восемьдесят, заколол их и пролил потоки крови[5].

4. Итак, зачем это для предлежащего главного предмета? Не смущайся, возлюбленный! Я приступлю, наконец, к самому верху сказанного. Когда он низвёл то пламя, одержал победу и поставил её блестящий знак, совершил избиение жрецов, (тогда) он отходит с радостью, и гордясь происшедшим. Послала к нему жена Ахава, ничтожная и презренная развратница, говоря: "**пусть то и то сделают мне боги, и еще больше сделают, если я завтра к этому времени не сделаю с твоею душею того, что [сделано] с душею**…" этих жрецов. "**Увидев это, он встал**", и ушел в путь сорокадневный (3 Цар. 19:2, 3). Что же? Та, высокая до небес душа, он, пренебрегающий всем миром, презревший такой голод, восставший против такого царя-тирана, заключивший небо и открывший, низведший то дождь, то пламя, поправший нужды природы, несокрушимый, всюду дерзновенный, - после стольких преуспеяний, после столь долгого дерзновения, сразу не перенёс словесной угрозы одной блудной женщины, делается, наконец, беглецом и изгнанником, бежит в пустыню, удаляется в сорокадневный путь. Следовательно, какая причина? Бог лишил его благодати, и обнаружилась немощь природы; Он показал пророка, показал и человека, чтобы они научились, что и бывшее тогда было делом благодати. А это Он совершал, чтобы сделать его снисходительным к народу, пресечь и задержать безумие, происходящее от преуспеяний. Что он думал много о себе самом и воображал, восставал против всех остальных, - я приведу вам в свидетельство его самого. Когда пришёл к нему Бог и спрашивал о причине тамошнего пребывания, говоря: "**что ты здесь, Илия**" (3 Цар. 19:13)? - а Он спрашивал: "**что ты здесь**"? - не узнать желая, но желая раскрыть нам сокровенные его мысли, подобно тому как и хананеянку когда Христос спрашивал, то не с тем, чтобы узнать, но чтобы нас научить лежащему в ней сокровищу веры, - итак, Он спрашивал его, почему же, наконец, он предпринял такой путь и, оставив города и народы, возлюбил пустыню, - а это не с тем, чтобы самому узнать (да и зачем Ему всезнающему?), но чтобы чрез его ответ научить нас сокровенной его мысли, и тому, что справедливо попустил, чтобы он был поколеблен от страха и впал в робость, попустил, но не побудил, уступил, но не произвёл, лишил только его (благодати), после чего он и был изобличён, - итак, когда Он сказал: "**что ты здесь, Илия**",- послушаем, что он говорит: "…**разрушили жертвенники Твои и пророков Твоих убили мечом; остался я один, но и моей души ищут, чтоб отнять ее**" (3 Цар. 19:14). Видишь ли, что он считал всех погибшими, и только себя оставшимся, и кроме его никого другого; понемногу это могло довести его до безумия. Именно потому, Бог, отвращая от него этот неправый помысел, говорит: Я оставил Себе "…**семь тысяч [мужей]; всех сих колени не преклонялись пред Ваалом**…" (ст. 18). Так как и (тогда), когда навёл засуху, он продолжал напрягать наказание, и после этого много воображал о себе, будто он единственный такой на земле, (то Господь) попускает ему почувствовать собственную немощь, указывает на множество спасённых, очищая тем и другим его мысль, склоняя быть умеренным всюду, быть снисходительным и сраствoрять с ревностью человеколюбие.

5. Если желаешь тоже самое видеть и в новом (завете), то опять мы попытаемся привести тебе в пример вождей, башни, оплоты и главы из новозаветных. Какими Моисей и Илия, такими оказываются Павел и Пётр в новом (завете). Как из этих двоих каждый стал

беглецом, убоявшись, первый одного египтянина, второй угрозы одной блудницы, так и Пётр, фундамент, основание, столб, после безчисленных обетований, после стольких чудес, после такого любомудрия, убоялся угрозы не царицы, не мужа, но привратницы-девицы; и это было намного тягостнее прежнего. Те, убоявшись, только убежали, а этот ещё пал самым тяжким падением, о котором все знают. Когда он был лишён благодати, обнаружилась и его немощь, оставленная Божиим попечением. Бог попустил ему пасть, так как и его намерен был сделать начальником над всей вселенной, - чтобы, вспоминая о собственных падениях, он был снисходителен к происходившим потом искушениям. И что сказанное не предположение, выслушай самого Христа, говорящего: "**Симоне, Симоне**", сколько раз домогался сатана сеять тебя, "**яко пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда, обратившись, утверди братьев твоих**" (Лук. 22:31,32). За помощь тебе дай ты Мне, говорит, эту отплату, потому что если бы не вкусил ты Моего промышления, то у тебя не было бы сил переносить самому по себе нападение его (диавола). Итак, помышляя о своём, будь снисходителен и к остальным, - на это именно намекает – "**утверди**", - утверди колеблющихся, снисходя, простирая руку, выказывая в себе много человеколюбия. И Павел, бывший отважнее всякого льва, неустрашимая душа, потерпел то же самое. И смотри, как показывает на самом себе, что он непрестанно нуждается во врачестве смирения. В послании к Коринфянам он говорит: "…**не хотим оставить вас, братия, в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Асии, потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых. Но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых, Который и избавил нас от столь [близкой] смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит**" (2 Кор. 1:8,9,10). Мы были в отчаянии, говорит, не ожидали, что будем живы, но думали про себя, что совершенно будем осуждены на смерть, - это значит: "**сами в себе имели приговор к смерти**", - в этом самое дело нам ответило, что мы совершенно погибнем. Из-за чего же Бог попустил дойти нам до стольких опасностей? Чтобы мы не надеялись на самих себя, говорит, но на Бога, восставляющего мёртвых. Сказанное им означает, чтобы мы не гордились, чтобы не превозносились своими успехами. Об этом и дальше он говорит яснее, опять пиша так. После того, как сказал о восхищении на небо, восхождении в рай, сообщении ему тех неизречённых глаголов, он прибавил: "**И чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился**" (2 Кор. 12:7); здесь намекает на мучающих, оскорбляющих и ввергающих его в темницу, так как каждого из них он называет сатаною. Я был предоставлен, говорит, переносить испытания, чтобы сдерживалось моё безумие, и чтобы я научился умирять себя. Вследствие этого, наконец, я, воззвав даже к Богу, не имел удачи в прошении, но остался подверженным непрестанным козням, имея муку врачеством смирения. И прежняя жизнь его до обращения была достаточна для его вразумления. Сидящий у ног Гамалиила, живущий в точности по отеческому закону, ревнитель отеческих преданий, ежедневно перелистывающий пророков, вскормленник на законе, - он не принял пришедшего Христа, совершавшего чудеса, беседовавшего об этом, предлагавшего из Писания и изъяснявшего, но преследовал распятого и воскресшего, и поверг его ученика тысячами рук, воевал против церквей и был свирепее всякого волка; сам по себе он не мог сознавать должного до тех пор, пока воссиял свет свыше, и был подан голос, влекущий его к истине. Потому и сам он постоянно в своих посланиях на это обращает (внимание), склоняясь долу и стыдясь за уже бывшее; в послании к Тимофею он говорил: "**Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что [так] поступал по неведению, в неверии**" (1 Тим. 1:12-13). И опять: "**Но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной** " (1

Тим. 1:16). И в послании к Коринфянам говорил: "…**я наименьший из Апостолов, и недостоин называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию**" (1 Кор. 15:9).

6. Всё же это было, и оставлял их Бог вне Своей благодати для того, чтобы, когда они научатся собственной немощи, и (тому), как ничтожен человек, не имеющий доли в поддержке свыше, выказывали относительно подчинённых много человеколюбия, много снисхождения, много прощения, вступив на судейское седалище, сделавшись руководителями народа и начальниками. Потому и в послании к Галатам он говорил: "**Братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным**" (Гал. 6:1). Итак, зная это, будем привлекать необузданных, а грешников будем прощать, будем выражать вместе с божественным законом много человеколюбия, чтобы и нам самим вкусить многого прощения, в чём согрешаем, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Нижеследующие одиннадцать бесед изданы у Миня по списку, поступившему в Ватиканскую библиотеку или с горы Афон, или с о. Патмоса. Несомненно, что они все были произнесены святителем в Константинополе, в 398 и 399 годы, и в таком порядке, в каком издаются. В частности, первая беседа была произнесена в церкви мучеников, называвшейся тогда Ἐν παλαιά πέτρα. Точное место этой церкви неизвестно. В первой беседе замечено, что не прошло ещё 30-ти дней от начала огромного землетрясения, случившегося в Константинополе. Это было в 398 году. Иными, впрочем, землетрясение понимается в смысле падения Евтропия, и время беседы отодвигается к 399 году.

[2] Плодом святитель называет падение Евтропия, которые почти за 30-ть дней до настоящего момента был лишён своего высокого положения.

[3] У Миня замечено: в аллегорическом смысле говорится о падении Евтропия; последний был сослан в 399 году, в конце августа, а беседа была сказана спустя почти 30-ть дней после этого события; следов., в конце сент. того же года, т. е., 399.

[4] Здесь, по- видимому, пропуск.

[5] В слав. тексте читается: собери—пророки, студныя Вааловы четыреста и пятьдесят, и пророковъ дубравныхъ четыреста (3 Цар. хуш, 19); поймайте пророки Вааловы — и яша ихъ — и закла их (ст. 40).

БЕСЕДА 2

Когда в полночь царица пришла в Великую Церковь и отсюда подняла останки мучеников и сопровождала чрез всю площадь до Дрипия, мартириума, отстоящего от города на 9-ть симиев; беседа была сказана в мартириуме, в присутствии ее, всего города и начальников[1].

1. Что мне сказать и о чём говорить? Восторгаюсь и беснуюсь беснованием, лучшим благоразумия, лечу, радуюсь, высоко несусь и окончательно опьянён, этим духовным удовольствием. Что мне оказать и о чём говорить? О силе мучеников? Об усердии города? О ревности царицы? О стечении начальников? О посрамлении диавола? О поражении

демонов? Об именитости Церкви? О силе креста? О чудесах распятого? О славе Отца? О благодати Духа? Об удовольствии всего народа? О восторгах города? О собраниях монахов? О хорах дев? О рядах священников? О напряжении мирских мужей, рабов, свободных, начальников, подчиненных, бедных, богатых, иноземцев, граждан? Благовременно в отношении всего сказать: "**Кто изречет могущество**…" Твои, Господи, "…**возвестит все хвалы**…" Твои (Пс. 105:2)? Женщины, которые живут в недоступных теремах и нежнее воска, оставив свои закрытые чертоги, состязались в усердии с самыми сильными мужами, совершая пешком столь длинный путь; не молодые только, но даже состарившиеся; и ни немощь природы, ни изнеженность в образе жизни, ни спесь знатности не стали препятствием для этого усердия. Опять также сами начальники, оставив колесницы, жезлодержцев и копьеносцев, смешались с простыми. И к чему говорить о женщинах или начальниках, когда даже сама та, у которой облегает (голову) диадема и которая облечена в порфиру, в продолжение всего пути не дозволяла себе отстать на малое расстояние от останков, но, как служанка сопровождала святых, держась за раку и покров, лежащий (на ней), попирая всякую человеческую спесь, являясь пред таким множеством народа в средине зрелища, - та, которую даже всем евнухам, обращающимся в царском дворце, непозволительно видеть. Но влечение к мученикам, неограниченная (их) власть и пламенная любовь (к ним) побудили сбросить все эти маски, и выказать ревность относительно святых мучеников открытым усердием. И вспомнила она о блаженном Давиде, облеченном также в порфиру, и с диадемою, со скипетром еврейского народа, когда, оставив всю ту скинию, воздвигал он ковчег, прыгал, плясал и скакал, при большом восторге и веселии, прыганьем выражая свою радость, которую имел при совершении (перенесения ковчега). Если во время тени и образа нужно было, чтобы выражался такой пыл, то тем более во время благодати и истины, - так как и она поднимала ковчег, много лучший того Давидова. Не каменные скрижали в нём, но скрижали духовные, благодать цветущая, дар блистающий, кости, которые светлее самых лучей, или вернее, испускают из себя самую блестящую молнию. Глядя на солнечный луч, демоны нисколько не страдают; а не перенося исходящего отсюда блеска, они ослепляются, прогоняются и бегут с большого расстояния: такова сила даже пепла святых, которая не только покоится внутри, в останках, но и дальше простирается, прогоняет нечистые силы и освящает в большом изобилии приходящих с верою. Потому-то также эта христолюбивая (царица) следовала подле останков, постоянно держась (за них) и извлекая себе благословение, была для всех остальных учителем в этом прекрасном и духовном приобретении, уча всех почерпать из этого источника, из которого всегда почерпают, но который никогда не иссякает. Как изобильные потоки источников не объемлются внутри их собственных недр, но изливаются и текут чрез край, так и благодать Духа, почивающая у костей и обитающая со святыми, изливается также на других, с верою сопровождающих её, стремится с души на тела, с тел на одежды, с одежд на обувь, и с обуви на тени. Вследствие этого совершали чудеса не только тела святых апостолов, но даже платки и опоясания, и не только платки и опоясания, но даже тень Петра производила действие могущественнее живых. Некогда даже милоть, сброшенная на Елисея, низвела на него двойную благодать; не только тело Елисея, но даже одежда та была исполнена благодати. Потому-то и у трех отроков естество пламени устыдилось не только тел их, но даже самой их обуви. И у Елисея эта благодать не удалялась от его, даже скончавшегося, но самая смерть разрушалась, когда был брошен в могилу пророка другой мертвец. Так было и сегодня: во время несения останков, когда засиял луч от костей и пожигал полчище противных сил, - поднялись отовсюду разжжение демонов, вой и плач.

2. Я в восторге и воспаряю от удовольствия вследствие того, что вы пустыню сделали городом, оставив город пустым, - что показали нам сегодня богатство Церкви. Вот сколько овец, и нигде волка; сколько виноградных лоз, и нигде терния; сколько колосьев, и, нигде плевел. Море простерлось от города до здешнего места, море свободное от волн,

без кораблекрушения, свободное от скал; море - (которое) слаще всякого мёда, для питья приятнее питьевых вод. Не погрешил бы кто-нибудь, назвав это море также рекою огня; так светильники, густо и непрерывно протянувшиеся ночью сплошь до этого мартириума, представляли зрителям вид огненной реки. И это ночью; а при наступлении дня, явились опять другие светильники; восходящее солнце те скрывало, делало тусклее, а эти в помышлении каждого показывало в большей светлости; этот огонь вашего усердия был жарче того видимого огня; и каждый нёс двойной светильник: огня ночью, усердия ночью и днём; точнее, я не назову наконец той (ночи) даже ночью, потому что она соревновала дню, собирая вас отовсюду как сынов света и являя (вас) светлее безчисленных звёзд и утренней звезды. Как пьяные и день делают ночью, так всю ночь бодрствующие и бдительные делают днём и ночь. Потому во всю ночь они пели пророческое (изречение): "**Но и ночь (есть) свет в услаждении моем. Ибо тьма не будет темна от Тебя, и ночь будет светла, как день: какова тьма ее, таков и свет ее (будет)**" (Пс. 138:11,12). Светлее какого дня не была эта ночь, когда все были в таком избытке восторга, духовно радовались, когда столько высыпало народу, наводнившего и дорогу и площадь? Не видно было даже голой почвы, но вы, покрыв весь путь людьми, представили из себя во всё путешествие как бы одну непрерывную золотую цепь, одну реку, многошумно несущуюся; и вверх, на небо взирая, мы видели луну посредине и звёзды, а внизу множество верующих, и среди их идущую царицу, светлее луны. Как звезды, которые ниже, лучше верхних, так и эта много светлее той. Настолько ли луна (светла), насколько украшена верою душа при таком достоинстве? Чему наперед можно в ней удивляться: ревности ли, (которая) жарче огня; вере ли, - тверже алмаза; сокрушению ли духа и смирению, которым она скрыла всё, до крайности отвергши царское достоинство и диадему, и отсюда всякую спесь, а облекшись вместо порфиры в одежду смирения, и вследствие её став ещё светлее? Многи, часты были царицы, которые были причастны только той же самой одежде и диадеме, и славе царской; но тот избранный наряд был лишь её, и только её тот победный знак. Из цариц только эта с такою честью сопровождала мучеников, с таким усердием и благоговением, вместе с народом, отвергши всех телохранителей, до крайности устранив почти всякое неравенство жизни. Вследствие этого она не меньше мучеников принесла пользу народу. Как все смотрели на останки, так изумлялись и её попечению, богатые и бедные, - смотря на неё неотступно держащуюся за кости, в продолжение такого путешествия, ни устающую, ни оставляющую, но прильнувшую к раке. Потому мы не перестаём ублажать тебя, не мы только, но и все последующие поколения.

3. Бывшее здесь услышат пределы вселенной, насколько солнце осиявает землю; услышат т, что будут после нас, и те, что после них, и никаким временем не предастся забвению происшедшее, так как всюду во вселенной и всюду в поколениях последующих сопровождать его (будет) многою известностью Бог. Если Он сделал, что дело жены блудницы достигло пределов вселенной, и утвердил в памяти навсегда, - много больше не попустит, чтобы забылось дело благопристойной, почтенной и благоразумной жены, показавшей столько благоговения, при царской власти: все будут ублажать тебя, гостеприимницу святых, заступницу церквей, соревновательницу апостолам. В самом деле, если даже ты получила в удел женскую природу, всё же тебе возможно соревновать и апостольским успехам. Так некогда и Фива, та, которая приняла учителя вселенной и сделалась его заступницей, была женщиною, соучастницею твоею в той же самой природе; однако, она настолько воссияла, что тот святой, достойный небес и больший всех апостолов, прославил её и сказал, что "…**она была помощницею многим и мне самому**" (Рим. 16:2). И Прискилла получила в удел женскую природу, но это для неё нисколько не стало препятствием к прославленно, и к тому чтобы память о ней сделалась бессмертною. Тогда был также другой многочисленный сонм жён, проводивших апостольскую жизнь. Потому и тебя теперь причисляя к ним, мы не погрешим, что ты

именно пристань для всех церквей, и настоящим царством воспользовалась для приобретения будущего царства, устраивая церкви, почитая священников, уничтожая блуждание еретиков, принимая мучеников не за столом, но в душе, не в куще, но волею, или лучше, и в кущи, и волею. Некогда также Мария предводительствовала народом, неся кости Иосифа, и воспела песнь; но та, когда египтяне были потоплены в море, а ты, когда демоны задушены; та, когда фараон был потоплен в море, а ты, когда диавол низвергнут; та с кимвалами, а ты мыслью и душою, звучащею сильнее трубы; та по освобождении иудеев, а ты по увенчании Церкви; та, ведя народ один одноязычный, а ты многочисленные народы иноязычные. И ты нам привела многочисленные сонмы, восклицающие песни Давида то на римском, то на сирийском, то на варварском, то на эллинском наречии; было видно, что различные племена и различные сонмы - все имеют одну кифару, Давидову, и венчают тебя молитвами. Радость этого праздника призывала и боголюбезнейшего царя, влекущего с тобою плуг благочестия; но даже это было делом твоего благоразумия - удержать его сегодня дома и обещать пришествие (его) к утру. Чтобы ни толпы всадников, ни шум от вооружённых воинов не оскорбили дев, стариц, старцев, и не смутили праздника, она, поступая достойно своего благоразумия, разделила торжество между ним и собою. Если бы они прибыли сегодня оба, сегодня же был бы конец празднику; а чтобы и в настоящий день совершить покой, и прибавлением завтрашнего щедро умножить радость, она разделила с ним богослужение, и, сегодня прибыв сама, обещала нам пришествие его на утро. Как общница она ему в царствовании, так и в благочестии, и не допускает, чтобы он был без доли в преуспеяниях, но всюду берёт (его) в соучастники. Так как и в наступающий день должно у нас продлиться духовное торжество, то выкажем опять то же самое своё рвение, чтобы, как сегодня мы видим её, христолюбивую, вместе с городом, так созерцали бы завтра боголюбезного царя, приходящего с войском, и приносящего Богу ту же самую жертву благоговения, ревности, веры; и, взяв в общники своих молитв святых мучеников, будем молить их о долгой жизни, маститой старости, о детях и детях детей, и прежде этого всего, о продлении этой ревности, умножении благоговения и таком завершении настоящей жизни, чтобы и нескончаемые века царствовать вместе с единородным Сыном Божиим, - "**если терпим**", сказано, и совоцаримся (2 Тим. 2:12), - и достигнуть вечных благ, которых да удостоимся мы все благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] В объяснение заглавия следует заметить: 1) в Дрипие, отстоявшем от Константинополя около 6-ти верст (σημείον = milliarius, т. е., 1000 шагов; следов., 9Х1000=9000 ш.= 3000 с.= 6 в.), была церковь в честь апостола и мученика св. Фомы; 2) под царицею разумеется Евдокия, супруга имп. Аркадия.

БЕСЕДА 3

Его же. В следующий день, когда был царь в мартириуме апостола и мученика Фомы, находящегося в Дрипие, и когда он удалился пред беседою; сказана была беседа, по удалении его, к народу[1] .

1. Благословен Бог: сколь велико могущество мучеников! Вчера целый город с царицею, сегодня царя с войском, в великом благоговении, они привлекли сюда к нам, не узы наложив, но цепь любви, цепь никогда не разрываемую. Удивительно именно не то, что царь пришёл, но что с большою готовностью, не по принуждению, но охотно, не милость оказать, но милость получить; благодетель всех во вселенной пришёл, чтобы насладиться

благодеяниями от этих святых и извлечь плоды из этих величайших благ. Потому, как сам он диадему, так все телохранители, сняв с себя, кто щиты, кто копья, оставив это тщеславие, - они прибыли все с успокоенным духом, как бы восходя от земли на небо, где нет достоинств, знатности и всякой такой тени достоинств, а сияют только пример жизни и плоды добродетели. Если здесь так велико могущество мучеников, подумай, как велико оно на небесах; если такова их честь во время подвигов и борьбы, то какова будет награда во время воздаяния? И наше (дело) не оканчивается настоящим, но мы шествуем к иной жизни, лучшей чем настоящая, восходим к высоким надеждам и к безсмертному наслаждению благами, не имеющими конца. Бог разделил нашу жизнь на эти два века, и настоящий сделал трудовым, а будущий приятным и безконечным, чтобы, здесь немного потрудившись, там насладились мы безсмертных венцов. Даже при начале, тотчас, Он желал ввести нас в ту жизнь, но мы задержали, устроив нерадением своим большое промедление, и сделав, по безрассудству, это грядущее далеким. Я постараюсь сделать это ясным из бывшего для нас в начале. Таков-то Бог: когда Он намерен доставить нам что-либо полезное, хотя бы мы явились даже недостойными Его дорогой чести, Он всячески показывает, что Он желал бы, но по нашему нерадению произошла неудача в том, чего Он желал. Так Он поступил и в начале.

Создавая человека, Он создал его тотчас не с трудами, не с бедствием, не с печалью, сделал не смертным, но он был тогда чужд как уныния, так трудов и смерти. Если бы Он дал ему сначала это в удел, то затем после преступления не осудил бы его на это, в качестве наказания и мщения. Итак, когда он был чужд этого, он блистал светлее солнца, - находясь без одежды, был облечён славою. Действительно, величайшим знаком его блаженства было также и то, что он не нуждался ни в одежде, ни в покрытии, ни в другом каком-либо таком одеянии, но у него было тело выше такой нужды. Но не в этом только он был блажен, а также в том, что раньше он вкушал беседы с Богом и роскошествовал в дерзновении к Нему. И ангелы трепетали, херувимы и серафимы не осмеливались даже поглядеть прямо; а он беседовал как бы друг с другом. И когда Он создал породы бессловесных, привел к нему, и он положил всем имена, - оставил имена неприкосновенными. И в этом величайший знак божественной чести - не в том, что Он повелел ему положить имена, но что, когда человек поколебал данный ему закон, Бог не поколебал чести, которую дал ему до закона, но "**как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей**" (Быт. 2:19). Видишь ли, что никакого там (нет) намека на настоящую жизнь? Ни искусств, ни торговли, ни домостроения, ни одежд, ни обуви, ни кровли, ни стола, ни труда, ни печали, ни смерти, ни роя остальных страданий, но блестящее вступление, светлое преддверие и начало, ведущее к лучшей жизни. Но Адам задержал (его), преступив, по неизъяснимому нерадению, пределы повеленного, не смогши удержаться даже от одного дерева; однако и тут выражается много божественного человеколюбия. Ведь обычай у Бога таков, что когда теряем что-либо чрез нерадение, Он, всё делая и предпринимая, не прежде перестаёт, как приведёт нас к еще большему, чем то, что мы потеряли; это именно тогда и случилось. Мы потеряли рай, и получили небо; отсюда это предприятие стало даже больше наказания. Но не тотчас мы получили; и это есть (дело) Его попечения. Так как враг сказал, что "**будете, как боги**" (Быт. 3:5), этими надеждами надмил их, настроил ожидать богоравенства, поощрил на безумие, сделал то, что они восприняли мысль больше собственной природы, то, врачуя эту рану, тотчас попускает дождаться смерти, так чтобы на опыте познать замысел диавола, и хорошо воспитав душу, получить затем и бессмертное тело. (Бог) желал, чтобы до этих пор страх смерти был крепок в душе, и это дело являлось бы страшным.

2. Потому также Он попустил умереть прежде всего Авелю, чтобы преступник узнал из самого вида (смерти), что такое смерть, и сколь тяжкое и неприятное она дело. Если бы он сам скончался первым, то не узнал бы природы дела, не увидев ни разу другого мертвым;

а теперь он сам, при жизни, видя смерть владычествующею над другим, над сыном, учился величию наказания точнее и яснее. Потому он увидел её не просто на чужом, но на своём сыне: отсюда насилие (её), вместе с природою дела, производило более тяжкую скорбь, - с природою добродетель сына, и с добродетелью цветущий возраст, потому что он скончался не в старости, но в самом цвете юности; ко всему этому ещё то, что он пострадал от брата, и от брата беззаконно и несправедливо. Вследствие всего этого личина смерти делалась ужасною и по виду более горестною, в Адаме возбуждалась скорбь более тяжелая, когда всё из вышесказанного зажигало великую печь, производило более едкое пламя, и вразумляло, в какое зло вверг его диавол. Если мы, видя ежедневно мертвых, волнуемся, смущаемся, падаем духом, - и не только мы, но даже напускающее на себя важный вид и тщеславящиеся высокими достоинствами, - если и они, находясь при погребении даже обыкновенного мертвеца, падают духом от этого зрелища, делаются незначительнее всякого, - то что естественно было вынести ему, прежде всех глядевшему на мертвеца, к тому же в лице своего сына, и такого сына, ему, не притупившему ещё страдания непрерывностью умирающих, но чрезвычайно потрясенному необычностью дела? Что естественно было вынести смотревшему на того, кто не чувствовал ни звука, ни прикосновения, ни слёз, ни рыданий, кто не двигался, не сострадал скорбящему отцу, не производил привычных действий? Ты не смотри именно на настоящее положение, но подумай, что тогда человек этот прежде всех увидел мертвеца, и исполнился великого страха, великого смущения. Однако, вместе с этим подумал Бог и об утешении; Он желал не только умножить боязнь смерти, но чтобы человек воспользовался также некоторым облегчением. Каким же именно? Тем, которое от воскресения. Но Он не дал его тотчас, а тотчас раскрыл надежду на него смутно и как бы в загадке. Когда боязнь была сильно увеличена, она потрясла дух человека, и было показано, чем была смерть, как тяжка, неприятна и обременительна, и не только тем, что она пред глазами, но и тем, что за глазами - червями, зловонием, гноем, прахом, и всем остальным, что сопутствует мертвому телу, - когда боязнь была увеличена, и она потрясла дух, смотри, как приводит, наконец, и к надежде на воскресение, смутной и неясной, а всё же приводит. Он не допустил, чтобы умер Енох, бывший после этого; и Павел говорит: "**Верою Енох переселен был так, что не видел смерти; и не стало его, потому что Бог переселил его**" (Евр. 11:5). Преложил, и не допустил умереть; Он не сделал его ещё бессмертным, чтобы не устранить боязни, но он пребывает, не умирая, - он, хотя не бессмертен, наделён в смертном теле долготою жизни, чрез это смутно приоткрывая, как я сказал, надежду до воскресения. Потому также и первому праведнику Он попустил умереть; не погрешил бы кто-нибудь, назвав, кроме сказанной причины, и иную. Какую же? Ту, которая (относится к) воскресению. Так как смерть в будущем не имела постоянно властвовать, для этого Он сделал, что первое основание, первый корень её был укреплён в праведности, чтобы основание было гнилым. Как грех - пища смерти, так праведность - уничтожение и исчезновение смерти. Он попустил, чтобы имеющий прежде всех скончаться был праведником, наперёд (тем) говоря нам, являя хорошую надежду и показывая, что Он не попустит, чтобы наш род пребывал всегда в смерти: вот почему Он и положил основание для неё весьма слабое.

3. Потом после Еноха, при Ное, Он опять другим образом дал нам видеть воскресение. Чем в лучшем положении, нежели умершие, был Ной, заключённый в такой бездне, мраке и темнице? Однако, безграничные моря, покрывшие вершины гор, не потопили бывшего в ковчеге; но как бы восстав от смерти, вышел тогда Ной из того долгого ливня, давая нам видеть в его собственном спасении воскресение. Опять после него, - а насколько время шло вперед, настолько яснее показывались и образы воскресения, - при Ионе, Он совершил то же самое. Три дня в кит были знаком трех дней в смерти, и избавление от кита было предвестием о воскресении Владыки; потому и сам Он говорил: "…**род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме**

знамения Ионы пророка; ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи " (Мат. 12:39,40). Кто-нибудь не погрешил бы, назвав также рождение Исаака образом воскресения. Потому и Павел, рассказав относительно рождения его от безплодной, и сказав, что отец его, сверх надежды, веровал в надежде, и что "…**не изнемогши в вере, он не помышлял, что тело его, почти столетнего, уже омертвело, и утроба Саррина в омертвении; не поколебался в обетовании Божием неверием, но пребыл тверд в вере, воздав славу Богу и будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить обещанное**" - прибавил: "…**впрочем не в отношении к нему одному написано, что вменилось ему, но и в отношении к нам; вменится и нам, верующим в Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса Христа, Господа нашего**" (Рим. 4:19-21, 23-24). итак, ясно, что рождение Исаака было образом воскресения Христа. Если бы оно не было образом, то он не прибавил бы и не сказал бы: "…**не в отношении к нему одному написано, что вменилось ему, но и в отношении к нам**". Образы пишутся не для принимающих (их) в то время, в которое они (образы) бывают, но для имеющих в последующее время получать пользу от них. Потому также в другом месте говорит: "**Все это происходило с ними, [как] образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков**" (1 Кор. 10:11). И Илия, взятый, открыл нам эту надежду на воскресение. Но то, как в образах; а когда, после долгого и безконечного времени, пришёл единородный Сын Божий, Он нам показал воскресение самым делом, чрез собственное тело, освободив его от власти смерти; потому и говорится: "**Христос**", - умерши - "**воскреснув из мертвых, уже не умирает: смерть уже не имеет над Ним власти. Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха**" (Рим. 6:9,10).

4. в (самом) начале это было смутно, - надежда воскресения, как в загадке, была показана нам чрез Еноха, а разрушение смерти - чрез Авеля; но то и другое чрез единородного Сына Божия стало ясным, очевидным, вполне истинным. Отсюда произросли у нас и сонмы мучеников, - когда смерть, была разрушена, а воскресение сияет. Потому также настоящая жизнь стала тяжёлою и исполненного многих трудов, - чтобы более косные из людей, охотно пребывающие в настоящем, будучи выталкиваемы отсюда и изнемогая под тяжестью этой жизни, убегали удовольствий и пристрастия к настоящей жизни, а стремились бы к небесной любви и спешили бы к тому дню. (Человек) любомудрый и возвышенного ума не будет нуждаться в здешнем увещании, но, подумав, сколь велико царство небесное, а ещё более, чем царство, пребывание с Богом и со Христом, - а это действительно больше всякого царства, - не почувствует никакой сладости в настоящем, но пренебрежёт им, минуя его быстрее тени. Так как многие, будучи в рабстве плоти и во власти житейских забот, охотно пребывают в них, на подобие гнездящихся зверей, то, чтобы отсечь пристрастие их к этому, Он дал им в удел много печали, боязни, заботь, дум, борьбы, опасностей, робости, большой рой телесных страстей, осаду от тела и много другого, чего в одном слове не сказать, чтобы, ужасаясь хотя облака этих зол, они пожелали возвратиться в неволнуемую пристань и наслаждаться непрестанной тишиной, в которой нет зол, примешанных к благу, но чистое благо, действительное благо. Что прекрасным кажется здесь, как-то: богатство, слава, могущество, всё это прекрасно лишь по имени, и смешано с противным; а в тамошнем безпримесном и чистом - блаженство не по имени, но на деле. Итак, чтобы нам достигнуть этого, поревнуем добродетели мучеников, мужеству, ревности, вере, презрению настоящего, желанию будущего. Можно преуспевать во всём этом и вне гонения. Пусть даже костёр и не разложен впереди, зато в наличности страсть, сильнее (его); пусть и нет звериных зубов, за то теснит ярость мучительнее зверя; пусть и не стоят по сторонам палачи, терзая бока, зато лежит внутри зависть, съедающая дух мучительнее всякого палача. Итак, нужно нам, приготовившись к борьбе с этими страстями и поставив оплотом против них силу любомудрых помыслов, так совершать настоящую жизнь, и быть всю жизнь в подвиге, чтобы, потрудившись немного времени, непрестанно быть увенчанными, и наслаждаться вечных благ, всегда

будучи с Господом и вкушая того сожительства, превосходящего всякое слово и мысль, - в каковом все мы да будем участниками, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Под царём разумеется император Аркадий.

БЕСЕДА 4

Беседа увещательная, сказанная в храме святой Анастасии в отношении отсутствующих, и изложение состязаний и подвигов блаженного и праведного Иова.

1. Насколько собравшихся меньше обычного, настолько и мы будем пользоваться большим усердием. И несправедливо было бы, чтобы нерадение отсутствующих оскорбило наше старание, но из-за самого этого предложим трапезу даже более щедрую, чтобы не прибывшие, познав опытом наказание, сделались наконец старательнее относительно этих собраний. Потому также вашу любовь приглашаю быть внимательными к говоримому; для вас будет двойная польза: передавая говоримое отсутствующим, вы сделаете их более старательными, также свою душу совершите более любомудрою. Как природа земли, о которой нерадят, производит худые травы, а постоянно лелеемая земледельческими руками, даёт зрелый плод, так и душа человека - лежащая в лености рождает терние прегрешений, а пользующаяся попечениями приносит красующийся плод добродетели. Потому и некто мудрый увещевает, говоря: "**Проходил я мимо поля человека ленивого и мимо виноградника человека скудоумного: и вот, все это заросло терном, поверхность его покрылась крапивою, и каменная ограда его обрушилась** " (Прит. 24:30-31). Чтобы этого не было теперь, мы постоянно пользуемся серпом слова; и, если вырастает что-нибудь худое, всегда вырезаем; а если что-нибудь зрелое, имеющее плод, - питаем, орошаем и доводим до цвета, постоянно выражая свою заботу. Мы нуждаемся в двойном попечении, вернее, даже в тройном: в одном - чтобы нам быть свободными от порочности, в другом - чтобы приобрести себе добродетель; а после этого - чтобы соблюсти приобретенную; здесь даже больше всего нужно труда, потому что тот лукавый демон, завидуя и нашей красоте, больше нападает на преуспевших; и как пираты и потопители минуют корабли с песком, а если где-нибудь увидят с дорогою кладью и с хранящимся в них богатством, нападают на них, пробуравливая снизу, поражая сверху, употребляя всякую хитрость, так и диавол обычно поражает, завидует и коварствует в особенности против собравших много добродетели.

Столько было людей по вселенной при Иове, и только против него он вооружился и употребил все свои хитрости; однако, не в силах был произвести кораблекрушение, но полнее сделал кладь, и приумножил товар. Такова добродетель: когда её поражают, она делается могущественнее, и, когда против неё коварствуют, становится непоколебимее. Так было именно и с тем блаженным, который, отовсюду поражаясь, становился непоколебимее, и не отдавался в руки под бесчисленными стрелами, но опустошил колчан диавола, а сам не повергся, не споткнулся, но, как отличный кормчий, и не потонул, когда море бесновалось и поднимались волны, и не стал беспечнее, когда была тишина; он соблюдал одинаково своё искусство при той и другой перемене времени, и ни богатство его не надмило, ни бедность не унизила. Ни тогда, когда дела шли благоприятно, он не был небдителен и не охладел, ни - когда был разрушен почти целый дом и произошла полная гибель, он не возмутился и своего мужества не посрамил. Пусть

слушают богатые, пусть слушают бедные! Для тех и других это полезная повесть; вернее, эта история полезна для всех людей - и благоденствующих и бедствующих. Подвижник благочестия, увенчанный вселенною, воспользовавшись тем и другим оружием, воздвиг победный знак там и здесь, и, при всяком роде борьбы, когда восстал на него демон, - во всём он противостал, и во всём был победителем; и как благородный воин умеет воевать ночью, осаждать стены, сражаться на море, биться пешим строем, пускать стрелы, метать копьё, действовать пращей, дротиком, превосходить противника во всяком роде борьбы и всюду брать верх, - так именно и тот благородный перенёс, при большом мужестве, всякое испытание: бедность, голод, болезнь, скорби, потери детей, (огорчения) от друзей, от врагов, от жены, от рабов. И не было человеческого несчастия, которое бы не было излито на его тело. Однако, он преодолел все сети и стал выше диавольских приманок; именно то особенно и удивительно, что на него обрушилось всё, всё с излишком и всё сразу.

2. Не смотри ты на то лишь, что он столько выстрадал, но заметь, что и не понемногу, и не с перерывами, а сразу и вместе. Это немалая прибавка испытаний; прежде всего, из остальных всех людей может быть не нашлось бы никого, кто перенёс бы всё вместе, но - если иной с бедностью борется, то здоровьем наслаждается; если бедностью и болезнью мучается, то часто утешается в перенесении несчастия ободрением жены, служащей для него вместо пристани; если не утешается такою женою, то и не советующею так гибельно; если же и так гибельно советующею, то не теряет сразу всех детей; а если и сразу, то не такою смертью; а если и такою смертью, то у него есть утешающие друзья; а если и нет утешающих, то нет и так позорящих; если же и есть позорящие, то нет поносящих рабов; а если и поносящих, то не плюющих в лицо ему; а если и плюющих в лицо, то не мучается такою болезнью; а если и мучается такою болезнью, то наслаждается комнатою и защитою, и не сидит на навозной куче; а если и сидит на навозной куче, то у него есть протягивающие руку; а если и нет протягивающих руку, то нет и позорящих. Он же всё это перенёс, и, как я раньше сказал, особенно то удивительно, что и вместе всё, а это придаёт несчастью вид двойного и тройного, когда именно подвизающийся не ободряется остановкою, но вследствие непрерывности смятение делается больше и смущение сильнее, что с ним и случилось. За потерею овец и сожжением следовало похищение волов, за этим отнятие ослов, за этим угон верблюдов и избиение рабов, за этим потеря детей и та ужасная, неслыханная смерть, и ещё ужаснее гроб, - потому что то же самое было и смертью и гробом, - и трапеза, за которою сейчас шло пиршество, а сейчас изуродованные тела, и чаши и кубки, заключающие вместе с вином кровь и изувеченные части (тел). Однако, после этой тяжкой, страшной истории, другая, ещё более тяжкая, ожидает его, нимало не отдохнувшего. Начинаются источники червей, токи гноя, пребывание на навозной куче, оскабливающий бока черепок, зловоние ран, вызывающее неслыханный голод, не дозволяющее однако же дотронуться до хлеба, который пред глазами, и возбуждающее отвращение, мучительнее голода; и это не на два, десять, двадцать, сто дней, но на много месяцев. Но и здесь не остановилась борьба: когда он был в таком положении, и терзался отовсюду, извнутри и совне, последовали ещё козни жены. Сожительница делается оружием демона и поражает своего мужа, ссудив своим языком диавола, поражает стрелами более острыми и гибельными, чем выше сказанное. Но даже и здесь борьба не окончилась, а была опять началом и вступлением в состязание. Когда и отсюда не получилось для диавола никакой прибыли, подошёл хор друзей, выражающий под личиною сострадания вражду, - нападают на лежащего, бередят раны, сменяя друг друга, не дозволяя (ему) вздохнуть и много раз становясь кругом, как бы устраивая тягостный хоровод. Говорить ли мне и о невыносимом испытании ночью, - самом неслыханном и необычном? Всем остальным людям, хотя бы они претерпели огромное множество несчастий, хотя бы обитали в темнице, хотя бы обложены были цепью, хотя бы оплакивали несчастья, хотя бы переносили телесное посрамление, хотя бы

подавлялись бедностью, хотя бы болезнью, хотя бы трудами, хотя бы бедствиями, - однако, наступившая ночь доставляет врачество утешения, освобождая тело от трудов, удаляя душу от забот; но у него тогда и пристань сделалась утёсом, врачество стало раною, утешение - некоторым прибавлением мучительнее скорби, и страшная буря была в ночь, доставляющую всем людям тишину; он убегал от дня, как от волн, вследствие тех невыносимых скорбей, а находил треволнения, вихри, пучины и скалы, до такой степени, что и волны дневные делались желательными. Потому, рассказывая о том неслыханном страдании, он вопиял, говоря: "**Когда ложусь, то говорю: "когда-то встану?", а вечер длится, и я ворочаюсь досыта до самого рассвета**" (Иов. 7:4)? Из-за чего, скажи мне? Естественно, что днём ты желаешь ночи, - ведь вечером он призывает ночь, как доставляющую всем облегчение от дневных зол, - а будучи в ночи, тишине, забвении тех скорбей и забот, почему опять ты ищешь дня? Потому, что для меня ночь мучительнее дня: она доставляет мне не облегчение от трудов, но увеличение (их), смятения и смущения; повествуя об этом самом, он говорил: "**ты страшишь меня снами и видениями пугаешь меня**" (ст. 14). И повергался он в трепет, видя ночью ужасные видения, терпя невыносимый страх, сильное исступление и ужас.

3. Ужели вы не утомились, слушая об этих несчастиях, одно за другим? Но он не утомлялся в страдании. Потому именно я призываю вашу любовь ещё немного подождать; мы не всё ещё сказали, и не присоединили иного преизбытка. Первый состоял в том, что всякое несчастье, свойственное людям, перенёс один человек; второй - что всё вместе, и даже не было у него обычного перерыва; но хочу сказать и о третьем. В чём же он? В том, что каждое из сказанных (несчастий) обрушилось не только вместе, но и с большим преизбытком и силою: бедность его была тягостнее всякой бедности, также и болезнь, и сидение, и потеря детей и всё, что с ним было. Рассмотри же: теряет ли кто-нибудь имущество? Но не так целиком, и не таким образом. Лишается ли детей? Но не сразу всех, и не стольких, и не таких. Подвергается ли болезни? Но не такой, а или лихорадке, или увечью, или другому какому-либо обычному страданию. То поражение было некоторым странным, и ясно только страдавшему. Никакое слово не в силах было бы представить горечь тех язв и мучительность ран, но достаточно только сказать о совершителе и его неудержимой ярости, чтобы обозначилось величие поражения. Неслыханным и странным было также и то сидение; нет, истинно нет ни одного бедняка, который бы когда-нибудь, будучи, посажен под открытым небом, так терпел во всё время, как он - без одежды, лишённый всякого покрова, сидя в ранах, на навозной куче. Часто у кого-нибудь бывает злая жена, но никогда ни у кого не было настолько злой, чтобы, при таком несчастье, нападать на мужа, изощрять меч против его души и внушать такие советы. А странность друзей и рабов, а неслыханность голода - что он не вкушал предлежащей трапезы? Говорить ли ещё о четвертом преизбытке. Разумею прежнее его богатство и благоденствие. Кто сначала живёт в бедности, тот легче переносит её, так как привыкает к страданию; а кто лишился такого благоденствия, тот переносит и скорбь наиболее острую и наибольшее смущение, вследствие неопытности, неподготовленности и крайней мучительности чувства. Можно и пятый назвать, - какой это? Что каждый из остальных людей, сознавая за собою много худого, знает причину, за что страдает, - это немало (служит) к ободрению, - а он не был в состоянии даже думать, что ему возмещаются прегрешения и грехи, и это особенно смущало, его рассудок. Когда он смотрел на свою жизнь, на совесть, светлее солнца, и на множество преуспеяний, он знал, что был достоин венцов, похвал и бесчисленных наград; а когда - на тело, раны и всё случившееся, когда видел самого себя страдающим мучительнее дерзнувших на крайние (преступления), -не находил назвать причину, из-за которой он так страдал; потому именно, прибегши к необъятности божественного домоправления, он говорил: "…**Господь дал, Господь и взял;**" (Иов. 1:21). И жене возражая по возможности, вкратце высказал размышление, показывающее его особенное благоговение, говоря так:

"…**неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать**" (Иов. 2:10)?

Сказать ли также об ином преизбытке, особенно венчающем, прославляющем того борца и показывающем его высокую и до небес досягающую душу? В чём же он? В различии по времени: он так любомудрствовал до благодати и до закона. Это не маловажно, - также можете сплесть бесчисленные венцы. За те же самые преуспеяния не те же самые награды, когда один преуспел в этом в более раннее время, а другой в самое последнее, - но намного больше он для первого. Не равно было: любомудрствовать, когда Христос пришёл, столько показал на Себе, увещевал и советовал, и то же обнаружить в себе до пришествия Его, до закона и до пророков. Потому именно, и пришедши, Он требует большего приложения добродетели, говоря: "…**если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**" (Мат. 5:20). Насколько больше было учение, настолько справедливее и больше полагается мера добродетели. Но этот, не вкусив учения, не преуспев в грамоте или книжном знании, не видя (примера) других, ни имея прибежища в прежнем времени, чтобы наблюдать подвизавшихся, - потому что не было ещё Писания, или истории, передающей события, - он единственный и первый тогда проложил эту тропу любомудрия, по не проложенному ещё пути, по не проплывавшемуся морю, в таком мраке зла, показав себя по преимуществу верховным в существенном из благ. Весьма великое (дело) и преуспеяние в - меньших частях добродетели, а много больше значит - быть верховным в верховной из всех; а что терпение - самое верховное из всего, никто не будет оспаривать. Сознав это, даже сам диавол говорил: "…**кожу за кожу, а за жизнь свою отдаст человек все, что есть у него; но простри руку Твою и коснись кости его и плоти его**…" (Иов. 2:4,5). Отсюда ясно, что это преуспеяние самое верховное из всех, и требует некоторой мужественной и железной души.

4. Видел ли его в испытаниях, насколько тебе можно было видеть? Ведь в точности не в силах представить даже самое слово. Скорбь, мучения, власть уныния и происходящее отсюда смущение не может так объяснить слушателям никакая сила слова, как самый опыт на деле. Вот опять я покажу тебе его, - потому что и это немаловажно, но требует также весьма любомудрой души, - покажу выражающим много любомудрия при богатстве и благоденствии. Итак, каким он был при богатстве? Одинаково для всех пристанью, одинаково для всех отцом, одинаково врачом, вернее - больше, чем врачом: выслушай, что сам он говорит: "**Я был глазами слепому и ногами хромому**" (Иов. 29:15). Видишь ли, насколько он больше врача? Он был для изувеченных вместо природы, и чего врачи не в силах были исправить искусством, этого он достигал утешением, служа для них вместо членов (тела), по многому к ним попечению. Как здоровые, с крепкими ногами и зрением, - в таком же положении были с изувеченными членами, не чувствуя хромоты, ни увечья, благодаря великому его попечению. Потому именно он не сказал даже, что я утешал хромых и слепых, но - ногою их был и оком; и опять: "**отцом был я для нищих**…" (ст. 16). И здесь не сказал: я утешал сирот, но: отцом был для них, - отсюда делая очевидным, что он не давал даже почувствовать сиротства, не допускал появиться горю, - избытком попечения уничтожая самое чувство горя, также точно, как там увечье у страдальцев. Не за изувеченными только он ухаживал, не сиротство восполнял, будучи одним вместо членов (тела), другим вместо родителей, но поставил сам себя даже в судьи, и даже больше чем в судьи, потому что он говорит: "… **и тяжбу, которой я не знал, разбирал внимательно. Сокрушал я беззаконному челюсти и из зубов его исторгал похищенное**" (ст. 16,17). Это много больше, чем быть судьёй. Судьи заседают в ожидании обиженных, и наиболее искусные из судей, после просьбы их, оказывают собственное содействие, - а многие и того не делают; он же превзошёл даже самых искусных, и намного опередил. Он и не ожидал, чтобы обижаемые шли к нему, и не после

их просьбы шёл на помощь, но сам наперед обходил, ища обиженных, и не просто ища, но с большою неусыпностью, с большою заботою. И об этом ясно узнаешь, вникнув в смысл этого изречения, потому что он не сказал: я искал, но: "… **и тяжбу, которой я не знал**…", то есть, я разыскивал до мелочи хлопотал, употреблял все средства до конца, так чтобы найти, не обижен ли кто-нибудь где тайно. Замечаешь ли неусыпную душу? Видишь ли и мужество и старание? И "…**Сокрушал я беззаконному челюсти**…". Силу того самого, чем кусают, я разрушил, говорит, так чтобы впредь сделать непригодными для другой несправедливости. Итак, я приносил пользу тем и другим, как переносящим зло, так и делающим зло, освобождая и вразумляя. Потом (заметь) настойчивость и твёрдость: "…**и из зубов его исторгал похищенное**". Я не пренебрегал и не отказывался, если к делу было даже приступлено, но извлекал и проглоченное, выражая своё попечение о сорабах, свойственное какому-нибудь отличному и бдительному пастырю.

А что смирение? Подумай, как велико: "**Если я пренебрегал правами слуги и служанки моей, когда они имели спор со мною, то что стал бы я делать, когда бы Бог восстал? И когда бы Он взглянул на меня, что мог бы я отвечать Ему? Не Он ли, Который создал меня во чреве, создал и его и равно образовал нас в утробе**" (Иов. 31:13-15)? Видишь ли дух сокрушенный, с точностью рассматривающий человеческую природу и знающий, что такое раб, и что такое свободный, - различие, которое у многих в ходу? Отбросив это неравенство, он, на основании равночестности по рождению, вводит слово о любомудрии. И в нём именно то удивительно, что, делая так, он не думал даже смиренномудрствовать, но исполнял долг. Потому он и сделал заключение, убедительное для всех людей, что нисколько не больше рабов должно думать им, хотя бы бесчисленное множество раз они были владыками. Эти названия - раб и свободный - только голые слова, лишённые дела; рабство же определяется грехом, и свобода праведностью. Итак, смирен ли только, а не любезен и приятен он? Да, приятен! Рассмотри также здесь преизбыток. Как в несчастиях он со всею крепостью перенёс обрушившееся (на него), - так и во время благоденствия он преуспел в каждой добродетели со многим излишком, - не просто, и не как пришлось, но достигши до самого верха. "**Не говорили ли люди шатра моего: о, если бы мы от мяс его не насытились?**" (Иов. 31:31). Здесь он рассказывает о безумной любви рабов, которую они имели относительно его, став пылкими любителями его (тела), посредством которого он к ним являлся. Так, говорит, обвешивались около меня, так держались, так были пригвождены, так любили, что желали даже напитаться самой плоти, испить и съесть, вследствие своей сильной любви и распалённости.

5. Что мог бы сказать кто-нибудь о презрении богатства? И в этом он преуспел попреизлиху. Не только именно чужого он не домогался, что делают многие теперь, но чуждался по преимуществу даже своего собственного, даже его; потому и говорил: "**Полагал ли я в золоте опору мою и говорил ли сокровищу: ты - надежда моя? Радовался ли я, что богатство мое было велико, и что рука моя приобрела много**" (ст. 24-25). Потому именно, когда и было отнято (богатство), он переносил лишение с большою легкостью, - и когда было при нём, совершал щедрую милостыню, для всех простерши свою десницу и открыв свой дом. И он не делал того, что допускает большинство, слишком занимаясь и хлопоча относительно получателей но "**двери мои**", - говорит, - "**я отворял прохожему**". Бессильные, какую бы ни имели нужду, не терпели неудачи; странник же не выходил из двери моей с пустой пазухой (ст. 32, 34). Видишь ли щедрость? Видишь ли человеколюбие, доброту, смирение? Желаешь ли также узнать о целомудрии? "**Завет**", - говорит, - "**положил я с глазами моими, чтобы не помышлять мне о девице**" чужой (ст. 1). Что, придя после того, Христос повелел, - в этом он преуспел на деле. Видишь ли его в богатстве, видишь ли в бедности, видишь ли в здоровье, видишь ли в болезни, видишь ли в благополучном течении его дел, видишь ли его

лишенным всего, видишь ли, как он относился к детям, рабам, обижаемым, сиротам? "**Если я ходил в суете, и если нога моя спешила на лукавство, пусть взвесят меня на весах правды**…" (ст. 5), говорит, то есть, я не добивался даже сношения с насмешниками. И это немалый знак целомудрия. Он достиг всякой добродетели и, окруженный таким (богатством), относился к себе строже ничего неимеющих; ничего неимеющий не так свободен от пристрастия к деньгам, как он, обладавши многим. Всюду увенчивается душевное настроение. И он взошёл на самую вершину целомудрия, и преуспел во всякой добродетели с надлежащею тщательностью.

Об этом ревнуй, возлюбленный, этому подражай и, усвоив этот начертанный образ, внедри (его) в своей совести; в унынии ли ты будешь, прибегай к нему, - в богатстве ли, бери врачество отсюда, чтобы тебе ни в бедность не погрузиться, ни богатством не надмиться, - потеряешь ли детей, отсюда для тебя утешение, найдешь здесь в избытке и несчастие и твердость, - в болезнь ли впадешь, подумай об источниках червей, которыми кишела его плоть, и вынесешь всё кротко, - друг ли замыслит против тебя, опять вспомни о святом, и будешь выше этой страсти, - нестоющие ли (люди) будут злоупотреблять, подумай, что потерпел он от рабов, и много уврачуешься, - худое ли подозрение какое-нибудь падёт на тебя, подумай, как они (друзья) о нём говорили, что он ещё не дал Ему (Богу) достойной отплаты за грехи, и как они порицали, и будешь выше также и этой страсти. Как я сначала сказал, нет человеческого несчастья, которого бы он, бывший тверже всякой стали, не претерпел, - он перенёсший голод, бедность, болезнь, потерю детей, и лишение сразу такого имущества; и после того, подвергшись ещё козням жены, оскорбление от друзей, нападению от рабов, - во всём он проявил себя твёрже всякой скалы; и это до закона и благодати. И у нас не будет ни малейшего оправдания, когда, насладившись таким даром после закона, и благодати, принесём меньше его, показавшего столько любомудрия в начале и в преддверии человеческой жизни. Итак, чтобы и нам иметь утешение в печали и учение наилучшего любомудрия, - запечатлев, это, такими отойдём, поревнуем борцу и будем подражать его борьбе, - чтобы достигнуть также будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 5

Беседа его же, сказанная в храме святой Ирины, касательно усердия присутствующих и нерадения отсутствующих, и относительно псалмопения; также о том, что для женщин природа нисколько не служить препятствием в стремлении к добродетели.

1. Как приятно чтение Писания - приятнее всякого луга, усладительнее сада, и особенно, когда с чтением соединяется разумение! Луг, красота цветов, зелень дерев, роза, плющ и мирт услаждают зрение, но, по прошествии немногих дней, вянут. А чтение Писания окружает дух стеною, очищает совесть, изгоняет низкие страсти, насаждает добродетель, делает помысл возвышенным, не допускает погружаться в неожиданные обстоятельства дел, ставит выше диавольских стрел, переселяет на самое небо, освобождает душу от уз тела, даёт легкие крылья, - всё хорошее, что кто бы ни назвал, поселяет в душе слушателей. Потому я непрестанно и об отсутствующих скорблю, и ублажаю пришедших, - потому что вы собираете сокровище неистощимое, богатство неисчерпаемое и изобилие без зависти, и отойдёте домой, исполнившись многой радости. Ничто не может доставить столько удовольствия, как чистая совесть; а совесть делается чистою, хотя бы она была отягчена безчисленными грехами, наслаждаясь непрестанным слушанием. Ничего она не прилагает к прежним прегрешениям, но истощает даже то, что есть, и весьма косную душу заставляет браться опять за то же самое дело.

Потому именно приглашаю вашу любовь постоянно об этом говорить отсутствующим, скорее: их привести к общей матери, и сделать участниками духовной прибыли, - потому что это общение доставляет не умаление какое - нибудь, но приумножение. Но, о, власть денег, очень многих из наших братий отлучающая от стада! Ведь ничто иное уводит их отсюда, как тяжкая та болезнь и иногда негасимая, печь; это - владычица, грубее всякой грубости, мучительнее зверя, свирепее демонов, - она кружит теперь на площади, владея своими пленными, давая тяжкие приказания и нимало не дозволяя вздохнуть от гибельных трудов. Но что они будут делать, когда придёт тот страшный день, то неподкупное решение и Судья неумытный, когда завесы небес совлекутся, и сонм ангелов снизойдёт с Судиёю, когда явится всё обнажённым и открытым? Ни красноречие ораторов, ни изобилие денег, ничто другое не будет тогда в силах уничтожить правду. Когда неподкупный и до ясности всё знающий поставит пред Своими глазами самые грехи, как бы начертанные на какой-либо картине, тогда не будет ни царя, ни простеца, ни бедного, ни богатого, ни мудрого, ни неученого, но снимутся все эти личины, и каждый выразит собою зрелище своих дел; невидно будет облечённого в диадему, ни одетого в пурпур; не будет несущегося на колеснице и с тысячью жезлодержцев, с шумом выступающих на площади, - всё это будет удалено, и каждый приведётся обнажённым, с залогом гибели или спасения от своих дел, - каковы окажутся дела каждого, такой понесёт приговор. Много для вас может быть блага, что слушаете эти слова с такою охотою; стон каждого и удар в чело показывают мне плод этих семян. Потому и скорблю об отсутствующих, что, будучи в состоянии насладиться таким попечением, они изобилуют ранами и постоянными струпами, и не знают даже, что болеют, - почему их и трудно сделать здоровыми. Кто с ними будет беседовать об этом? Сожительницы - жёны? Но у них одна забота - надоедать сожителям о золотых украшениях, одеждах и роскоши и хлопотах по дому. Рабы? Но как, если они не владеют сколько-нибудь свободною речью и сами стараются об одном - об исполнении своей службы? Судьи? Но у них речь не о чем ином, как только об устроении общественных дел. Цари и носящие диадему? Но и у них весь труд, всё старание на счёт власти, могущества и денег. Сами они с собою? Но как (смогут они) не имеющие когда вздохнуть от бремени дел, тратящие на это и ночь и день? Итак, чего не жалче имеющие на себе множество ран, и не приходящие сюда, где они могут научиться тому, что, хотя у них и есть раны, возможно освободиться от них и получить здоровье? Итак, когда они позаботятся о своей душе? Желательно, чтобы постоянно приходящие в церковь, вкушающие духовного учения, и при таком попечении о них, были в силах превзойти и обуздать дурные пожелания и внимательно отнестись к деланию добродетели.

2. Но чтобы, непрестанно обвиняя тех, не лишить вас обычного, мы вот опять предложим вам привычную трапезу, и расскажем вам о пользе самого псалмопения. Вот какой-нибудь псалом соединил различные голоса, и поднялась одна созвучная песнь, все - юноши и старцы, богатые и бедные, жёны и мужья, рабы и свободные начали петь одну мелодию. Если музыкант, соединив с помощью строгого искусства различные струны, делает из многих (струн), остающихся многими, одну, то что удивительного, если сила псалма и духовной песни делает то же самое? Не только именно нас присутствующих, но и скончавшегося она соединяет с живыми, потому что и он, этот блаженный пророк, пел псалом с нами, - хотя впрочем в царских дворцах так не бывает, но облеченный в диадему сидит, а все, даже состоящие в самых больших достоинствах, предстоят молча. А здесь не так, но пророк говорит, и мы все отвечаем, и все вместе вторим; и нельзя здесь видеть ни раба, ни свободного, ни богатого и бедного, ни начальника и простого; всё это неравенство жизни изгнано прочь, и один хор составляется из всех, - здесь большая равноправность, и земля подражает небу. Столько благородства в церкви! И нельзя сказать, что господин славит со многим дерзновением, а раб принуждается к молчанию; или опять - богач пользуется речью, а бедный осуждается на безмолвие; или ещё - муж

говорит с полною свободою, а жена стоит молча и безгласно. Все мы, наслаждаясь тою же самою равночестностию, возносим общую жертву, общее приношение; и не имеет этот чего-нибудь больше, чем тот, ни тот больше чем этот, но все в той же самой чести, и различными языками воссылается одна речь к Устроителю вселенной. Различие не в рабе и свободном, не в богатом и бедном, не в жене и муже, но в духе, в усердии и нерадении, в порочности и добродетели. Так я могу называть и бедного богатым, и богатого бедным, и мужа женою, и жену мужем, и мудрого простым, и простого мудрым, не сливая природу вещей, но вводя лучшее, всё упорядочивающее руководство. И как, скажешь, может быть муж женою, и как жена мужем? Не тогда, когда переменяется природа, но - воля. Когда я вижу мужа с золотыми украшениями, с румянами, завивающего волосы, душащегося благовонием, нежащегося в мягком опоясании одежд и в походке, думающего о роскоши, то как я могу назвать такого мужем, если он изменил благородство природы и перелаживает себя на манере женского пола? Если жену, делающую это, Павел не удостаивает считать даже между живыми, но устраняет из хора живущих, поставляет наряду с мертвыми, говоря: "…**сластолюбивая заживо умерла**" (1 Тим. 5:6), то как муж зачтётся в разряд мужей, делая то, что делая, жена даже жизнь губит? Не указывай ты мне на мужа по плащу, ни по поясу, ни по тому, что он важничает в своём доме, бывает страшен и грозен, но по любомудрию в духе, - когда он сдерживает свои страсти, когда превозмогает болезни души, когда властвует над домом внутри себя, - разумею дом в душе, - и не увлекается нелепыми помыслами; в этом более всего (обнаруживается) муж. А если он думает о пьянстве и похмелье, и день тратит и издерживает на разгул и безчинства, став от страсти мягче всякого воска, - как я могу назвать такого мужем, пленника, купленного раба, уступающего всем страстям, хрупкого, нежащегося, роскошествующего, отвергаемого всеми, не могущего даже встать для состязания? Или вы не знаете, что у нас борьба и состязание не с людьми нам сродными, но с невидимыми силами, полчищами демонов, по божественному Павлу: "…**наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной**" (Еф. 6:12)?

3. Это - более всего дело мужа. Итак, наряжающийся, но не юнеющий, румянящийся, но не мужающийся, - как он приступит к состязанию? Или как он может назваться мужем, будучи слабее, по состоянию, всякой жены? Потому же самому, как его я не могу назвать мужем, но слабее жены, так и жену, поступающую на подобие мужа - твёрже всякого мужа, если с духовным оружием, одевшись в панцирь правды, возложив на себя шлем спасения, держа наготове щит веры, опоясавшись поясом истины, держа меч духа, она вступает в состязание, - в сиянии от оружия, мыслию будучи выше неба, разсеевая полчища демонов, разрушая власть диавола, пронзая страсти, производя, чаще военных, поражения, не людей, но нелепых помыслов. Жена и муж в телесном отношении разделены, ей определены ткацкий станок, веретено, корзинка (для работы), надзор за домом, пребывание во внутренних покоях и воспитание детей, а мужу - место суда, совещания, площадь, войны, битвы и состязания; но в борьбе за благочестие - общее ристалище, общая борьба; одинаково и жёны вооружаются, и не оставляют подвига, но также строятся в боевой порядок, венчаются, объявляются победительницами, получают за отличия награды, похвалы, венцы, и у них победные знаки блестящи, победы непрерывны и одна следует за другой.

А чтобы вы не считали этих слов за хвастовство и за болтовню, но до ясности узнали, что жены бывают не только мужественнее мужей, а даже в отношении самого безстрастия достигают, так сказать, ангелов, - насколько возможно, - пусть будет приведена (в пример) жена по природе, силою же любомудрия достигшая небес, мать маккавеев; увенчавшаяся дважды по семи раз, - та жена, которая выше какого угодно отличного воина, самого воинственного, самого мужественного, самого великодушного, выше настолько,

насколько отстоят от земли своды небес. Воин, даже лучший, боится одного удара, того только, с которым связана кончина; а она стояла, как бы гора рудокопная, перенося в душе тяжкие скорби по каждом сыне за мучения, которые они принимали телом; и она была матерью, вдовою, достигшею преклонной старости, - а вы, ставшие отцами, и вы, перенесшие муки рождения детей, знаете, насколько это тягостнее всякого жала. И никакая острая стрела не причиняет раненым столь едкой боли, какою каждая из этих уязвляла её душу. Подумай, каково было смотреть, на каждом из детей, что одно тело делится на части железом и огнём, и устанавливаются длинные двойные бега; как она смотрела, как слушала, как воспринимала дым от тука их тел, видя, что на каждого из детей устремляются тысячи смертей. Но она стояла, как бы скала неподвижная, непоколебимая волнами, и обращающая волны в пену, - как железо, как сталь; вернее, что бы ни сказал, - я не в состоянии дать достойное название крепости этой жены. Итак, назовём ли эту жену мужем вполне, - но не выше ли, с большим преизбытком, она даже самых мужей? Что же, когда увидишь другую, молодую, с нежным телом, проводящую ночи без сна, дни без пищи, подавляющую желание чрева, повергающую любовь к деньгам, умерщвляющую тело, распинающую на кресте свою плоть, считающую настоящее за ничто, ходящую по земле и досягающую до самых сводов, (неба), попирающую власть, пренебрегающую славою, презирающую знатность, одетую вместо тонкого покрывала во вретище, опоясанную цепью, подстилающую себе золу, пользующуюся как постелью землею и не требующую больше, ничего, запершуюся в тесной комнатке, беседующую с пророками, пользующуюся жизнью, исполненною забот о смерти, раньше смерти умершую, истаевающую от голода, бдения и грязи, пренебрегающую очарованием настоящей жизни более, чем гниющими листьями, - эту назовешь ли женою, скажи мне? Но, выделив даже её из ряда мужей, не поставишь ли в сонм ангелов за то, что, при женской природе, она выражает собою столько любомудрия?

4. И кто будет возражать на это? Никто. Послушай, каковы были также жены при апостолах; послушай Павла, говорящего в послании к Римлянам: "**Представляю вам Фиву, сестру нашу, диакониссу церкви Кенхрейской. …Ибо и она была помощницею многим и мне самому**" (Рим. 16:1,2). Что ты говоришь, Павел? Жена сделалась твоею заступницею, - и ты, говоря так, не стыдишься и не краснеешь? Не стыжусь, говорит, но даже величаюсь; и Владыка мой не постыдился иметь матерью жену; а заступницею моею сделалась не, потому, что была просто женою, но потому, что любомудра и красуется, благоговением. И как она сделалась заступницею Павла? В чем в самом деле нуждался Павел, обходящий вселенную, напрасно облечённый в тело, попиравший нужды природы, прогоняющий демонов, исцеляющий своею одеждою от болезни, голоса и тени которого трепетал демон, который как ангел почитался верующими, которого уважали даже звери, которого боялось море и, задержав на сутки, не потопило, гражданин рая, восхищённый до третьего неба, общник Божий в тайнах, потрудившийся больше всех апостолов, сосуд избрания, друг невесты -Церкви, проповедник для язычников, обошедший землю и море, поставивший всюду знаки собственного мужества, борющийся постоянно с голодом и жаждою, сражающийся с наготою и холодом, и говорящий: "**Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу**…" (1 Кор. 4:11), ставший мёртвым для мира, думающий, что мир мёртв, гражданин небес, исступлённый любитель Христа, более горячий чем огонь, более крепкий чем железо, более твердый чем сталь, - он не стыдится, говоря о жене: "…**она была помощницею многим и мне самому**"? И не только говорит, но и пишет, - и не просто лишь пишет, но писал это даже в послании к столь великому римскому народу, надменному и гордому внешними достоинствами, - не только к нему писал, но желал даже, чтобы это сделалось очевидным для последующих затем поколений. Ведь если бы он не желал, то не поместил бы этого в послании; а теперь, желая, чтобы это дело было передано постоянной памяти, он даже называет по имени жену, побуждает всех к помощи ей, называет её своею заступницею, и не стыдится, и не краснеет. Вот что значит -

любомудрая душа даже в женском теле. Говорю же об этом, чтобы жена не выставляла как предлога, говоря, что я не достигла полной меры благоговения, так как я жена. Та вот и жена, а природа её не стала препятствием, но она удостоилась стать заступницей Павла, - и всюду во вселенной провозглашается. Как она стала его заступницей? Может быть исторгла его из опасностей? Она сидела подле связанного, утешала бывшего в оковах, доставляла облегчение в необходимых потребностях, отстраняла злоумышляющих, предавала самою себя на смерть, чтобы исторгнуть святого из приключающихся несчастий.

Потому именно, он прославляет и ту, которая после неё, говоря так: "**Приветствуйте Прискиллу и Акилу**…" (Рим. 16:3). Смотри и здесь опять блистательную жену; одно содружество, но жена ставится впереди мужа, потому что не сказал: Акиллу и Прискиллу, но: Прискиллу и Акиллу. А кто они были? По ремеслу, делатели палаток, стоящие в мастерской; но ни ремесло, ни бедность не стали препятствием, - миновав весь город, он, блаженный, останавливался именно в этом домике. Для чего и почему? Не потому, что в нём были колонны, не потому, что плиты и пол, расцвеченный камнями, не потому, что золотой потолок, не потому, что толпы рабов, не потому, что свита из евнухов, но потому особенно, что домик свободен был от всего этого, поэтому-то муж и жена, собирая правдою плод труда, сделали свой дом церковью, - не хищничая, ни корыстолюбствуя, но пользуясь служением тела для необходимого пропитания. В особенности поэтому Павел считал это жилище удобным для остановки. И чтобы ты знал, что похвалив добродетель их души, он там оставался, выслушай следующее затем. "**Которые голову свою полагали за мою душу**", - говорит, - "**которых не я один благодарю, но и все церкви из язычников**…" (ст. 4). Видишь ли, что ни женская природа, ни ремесло, ни бедность не препятствуют подвигу добродетели? Видишь ли, что гостеприимные жена и муж угощают апостола не трапезою только, но даже кровью? В самом деле, если даже они не были убиты, то всё же они исполнили, что было в их власти, и, оставаясь в живых, сделались мучениками, и частыми мучениками, всегда готовыми быть убитыми за Павла. Не сказал он: которые истратили деньги, которые отворили свой дом, - но, что было больше всего, выдвигает на сцену убиение, заклание, с целью сказать, что "они пожелали даже быть усечёнными за меня". Пусть слушают нынешние богачи, с трудом уделяющие обол для святых; те даже свою кровь отдавали, и полагали самую жизнь, чтобы спасти святого и послужить; а нынешние не могли бы легко пожертвовать в пользу нуждающихся даже самую малую часть своего имущества; Прискилла же и Акилла отдали и деньги, и тела, и самую жизнь. Видишь ли, насколько жена любомудра, насколько также и муж, живущий даже в бедности и ремеслом? Этим именно мы поревнуем, этим будем подражать, и, презрев настоящее, отдадим всё за то, что угодно Богу, чтобы и нам достигнуть будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 6

Беседа, сказанная в церкви апостолов, в день царя Феодосия, против называющих самих себя кафарами, после речи других двух епископов[1].

1. Как прекрасна двоица говоривших, из которых один тащил кивот при помощи быков, а другой возлагал начатки слов! Если и различен их возраст, то основа земледелия одна; вернее, даже возраст не различен: у молодого постоянство старого, и у старого пышность и цвет молодого, - так что кто-нибудь не ошибся бы, назвав того и другого и стариком и молодым, не по свойству возраста, но по расположению духа. Вот, наконец, и мы привнесём от себя своё. Ведь я вижу, что ваш слух ненасытен, также мы обязаны блаженному Феодосию не обычным долгом, не за то, что он был царём, но что -

благочестивым, не за то, что был облечён в порфиру, но что был одет во Христа, в одежду никогда не стареющуюся, и одевал на себя панцирь правды, обувь Евангелия мира, меч духа, щит веры и шлем спасения. С этим оружием он уничтожил тиранов - как первого, так и последнего. Того схватив без труда и кровопролития, он поставил победный знак, не потеряв из войска даже малой части; а этого захватил только он один, при происшедшем столкновении. Когда с той и другой стороны войско приготовлялось к бою, выпускались тучи стрел, и произошло бегство своих, когда противники сильно налегали, - он, соскочив с коня, положив на землю щит, склонив колена, просил помощи с неба, и место состязания сделал местом церкви, сражаясь не при помощи луков и стрел, или копий, но слезами и молитвами, и таким образом, благодаря случившемуся вдруг порыву ветра, стрелы противников понеслись против пускающих их, враги же, дыша яростью и убийством, при виде (этого), мгновенно изменившись, объявили его царём, а своего выдали, связав руки позади. И возвратился блаженный Феодосий, сияя не победою только, но и образом победы. Воины не разделяют с ним победного знака, как у остальных царей, но весь он был знаком его одного и его веры. Потому именно мы его ублажаем, и не говорим, что он скончался, так как всякий "**верующий в Меня**", - говорит (Господь), - "**если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек**" (Ин. 11:25, 26). Это Христос сказал, это сияет и посредством дел. Что же, скажешь, не умер ли он? Никоим образом; не могу сказать, что это смерть, но некоторый сон и отсутствие. Как многие из живых бывают мертвыми, зарыв, как в могиле, свою душу в теле, - так многие из скончавшихся живут, блистая правдою, - подобно и ему, блаженному. Смерть в высшей степени тяжка, и рождаемая грехом - поистине смерть, которою не умирают, по слову (Господа), верующие в Него. "**И всякий**", - говорит (Господь), - "**живущий и верующий в Меня, не умрет вовек**..."[2].

2. Обошедший, как бы на крыльях, землю и море, приведший ко Христу тысячи народов, участник в неизреченных тайнах, восхищенный до третьего неба, ужели не осмелился сказать о себе что-нибудь такое? Никоим образом, но всё противоположное: называл себя выкидышем и последним из апостолов, и думая о себе, что он не достоин даже этого названия, говорил: "…**недостоин называться Апостолом**…" (1 Кор. 15:9). Итак, что это за безумие? Что за хвастовство? Что за сумасшествие? Будучи человеком, ты называешь самого себя чистым (кафаром), и убеждён, что ты чист, - сколько в этом безрассудства? Говоря о самом себе, что ты чист, ты делаешь нечто подобное, как если бы кто говорил, что море от волн чисто. Как того не оставляют волны, так и нас грехи. Или ты не знаешь, кто мы, когда радуемся, печалимся, бываем богаты, бедны, оскорбляемся, хвалимся, находимся в гонении и боремся, наслаждаемся безопасностью, голодаем, насыщаемся? Тысячи страстей окружают душу, тысячи обстоятельств, тысячи болезней телесных, тысячи несообразностей в делах, - и осмеливаешься сказать, что ты чист от стольких волнений в Эврипе?[3] Что может быть грязнее такого, находящегося в таком состоянии? И зачем я говорю о всей жизни? Скажи мне, может ли кто утверждать, что он чист в течение одного дня? Если не блудничает, не прелюбодействует, не погрешает против этих запретов, то может ли похвалиться, что он не тщеславился, что не безрассудствовал, что не смотрел необузданными глазами, что не желал собственности ближнего, что не лгал, что не коварствовал, что не желал худого врагам, что не клеветал на друга? Если любящий любящего будет иметь за это нисколько не меньше мытаря, то какого прощения будет достоин даже клевещущий на друга? Будучи потрясаем таковым злом, ты осмеливаешься называть самого себя чистым? Но безумие этого не отсюда только будет показано, а и с другой стороны; вас же и вашу любовь приглашаю, всё это обдумав, удаляться от их хвастовства, и быть вне этого безумия, со всем усердием испытывать себя, и действительные грехи омывать, а приражающиеся устранять от себя. Хотя бы нас окружили даже тысячи зол, мы, если будем благоразумны и бдительны, будем в состоянии достигнуть многого оправдания, многого извинения, и омыться от прегрешений.

И выслушай, как это будет: если будем в церковь приходить, если будем сетовать о прегрешениях, если будем признаваться в согрешениях, если будем совершать милостыню, если будем выражать свои молитвы, если будем помогать обижаемым, если будем прощать согрешения врагам, если будем плакать над своими грехами, - всё это есть врачество против грехов. Это именно все – приглашаю - будем делать, ежедневно омывая самих себя, очищаясь; и со всем этим, будем считать себя несчастными, говоря, что мы рабы негодные, -ведь и это не маловажный способ заглаждения грехов, - и, при преуспеянии, отнюдь не воображать о себе много, чтобы не потерпеть нам, что потерпел фарисей. Если так будем распоряжаться собою, то будем в состоянии достигнуть человеколюбия и прощения в тот страшный день и удостоиться обетованных благ, коими и да насладимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] К этой беседе нужно заметить: 1) имена двух епископов неизвестны, но один был старый, а другой молодой; 2) прославляется имп. Феодосий Великий, умерший 17 января 395 года, и отсюда вероятно, что святитель говорил в 399 году в день кончины императора; 3) упоминаются два узурпатора царской власти: первый - Максим, второй - Евгений; 4) обличается христианская секта, называвшаяся кафары (καθαρός чистый), которая была тогда в Константинополе многочисленна и имела там своего епископа.

[2] Здесь, по-видимому, недостаёт отрывка, где святитель противополагал скромность ап. Павла бесстыдству кафаров.

[3] Св. оратор уподобляет человеческую душу проливу Эврипу, Εὔριπος, отделяющему о. Эвбею от материка. Некоторые древние эллинские писатели сообщают, что течение в этом проливе сменялось по семи раз днём и ночью (Pauly, A. Real-Encyclopädie etc. Stuttg. 1844. Bd. Ill, S. 305).

БЕСЕДА 7

Беседа, сказанная в храме святой Анастасии [1].

1. Незначительно собрание присутствующих, но велико старание; потому, даже не незначительно собрание. Мы ищем не множества людей, но приготовленного духа, окрылённой мысли, слушателя, который выше всего житейского; хотя бы один такой был, он в состоянии удовлетворить говорящего; так и самарянская жена была бедна, преступна и иноплеменница, однако Владыкою вселенной сочтена была достойною тех пространных речей; и часто Он проходил мимо иудейского народа, или не беседуя, или прикрывая речь, а с чужеземною женою, имевшею пять мужей и сожительствующею против закона с шестым, с одною беседовал, нарочно послав учеников на площадь, чтобы не испугать ловитву. Столько попечения у Владыки вселенной даже об одной душе, если только найдёт, что настроение и готовность являют её способною к слушанию речи, - что она тогда и проявила.

Из блудницы она стала благовестницей, когда возглашала о тех своих уликах и говорила: "**пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала: не Он ли Христос**" (Ин. 4:29)? Он откровенно рассказал её жизнь, и обнаружил прегрешения, говоря: "**ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе**" (ст.

18). Но не поразила её улика, а вызвала скорее к расположению. Таковы благородные души: чем другие соблазняются, этим они исправляются. Если бы была другая какая-нибудь, из неразумных, то она была бы поражена уликами, убежала бы, подвиглась бы на гнев и негодование; а эта, после обвинения, более располагается к Учителю и спрашивает Его о высшем учении, -сказала, что "…**Господи! вижу, что Ты пророк**" (ст. 19), и, узнав Его из ведения (Им) собственных (её) пороков, больше удивляется и расспрашивает. Это было свойством души, желающей любомудрствовать. И не спрашивает что-нибудь, о житейском деле: ни об имуществе, ни о телесном здоровье, ни об освобождении от бедности, хотя живёт в крайней нищете, но о священных местах, о жизни предков, об отеческом богопочитании, говоря: "**Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме**" (ст. 20)? И во вступлении она то же самое делает, говоря: "**как ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки**" (ст. 9)? Так вдумчива у неё была душа и способна к спасению. Потому именно и знающий тайны духа, нашедши тучную почву, повергнул щедрою рукою семена, понемногу возводя её к высшему. Всё это мною сказано, чтобы вы знали, что у нас собрание не незначительно. Если там одна жена сделалась достаточным зрелищем, тем более мы не будем медлить, видя столько мужей, столько жён, и с такой готовностью, но воспользуемся обычным учением. Если Владыка ангелов, Которого трепещут херувимы, не отказался беседовать с одною женою блудницею, то какое у нас будет оправдание, какое извинение, если минуем такое собрание? Итак, вот опять мы приготовим для вас привычную трапезу, устраивая общий духовный пир: поставим чашу, нальём цельного вина. Эти мяса не разрывают чрева, но ограждают дух; вино это не делает слушателя безумным, но даже пьяного делает благоразумным. Такова природа этой трапезы, которая может быть достаточна для нас даже вместо оружия. И нам также необходимо оружие, так как у нас есть война на каждый день, не против сродных с нами людей, но против невидимых сил, против демонских полчищ, превосходящих жестокостью тысячи врагов, против непримиримого властителя, сражающегося с нами без перемирия, даже не объявляющего наперёд о времени войны, поражающего невидимо, втайне. Описывая эту именно войну, блаженный Павел, вождь вселенной, восклицал, говоря: "…**братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его**" (Еф. 6:10); и опять в другом месте: "**потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной**" (ст. 12).

2. Видишь ли, как он приготовляет к борьбе мысли воинов, как будит дух, как вооружает войско, отсекая нерадение и отстраняя косность? Так как на войне предают воинов особенно два (свойства): измена мужеству по трусости и то, что безпечные увеличивают своё нерадение и дают врагам напасть на них, незащищенных, - а, действительно, ни крайне робкий не может быть годен для войны, так как вследствие страха легко уловляется, ни опять же совершенно чуждый боязни не может преодолеть врагов, так как вследствие крайней смелости, устраняет подготовку из своей неустрашимой души, - то Павел, исправляя как одно, так и другое, делает их и боевыми, недоступными нерадению, чрез описание полчищ врагов, равно и подготовляет к смелости, и предохраняет от падения чрез указание на силу предводителя в такой войне, Христа. Потому именно он, как отличный полководец, сплачивает боевой отряд, устраняя из души верующих страсти вредные мужеству, выражая свою любовь, и соединяя с собою именем родства сильно отстоящих от него по благочестивой жизни: "**прочее**", - говорит он, - "**братия моя**". Он проявляет нежную ко всем любовь в гораздо большей степени, чем родившиеся с нами из той же матерней утробы, и в своей душе обнимает вселенную, - столь широка была его любовь! - и не только в состоянии безопасности, но даже среди опасностей. И живя в темницах, и ожидая смерти, и подвергаясь крайней опасности, он заботился об учениках, часто из темниц писал письма закованною в цепь рукою, связанною десницею; входя в

судилище, имя дать отчёт и вестись на смерть, - то, что относилось к судьям, всё то оставив: страх, опасность, угрозы, смерть, мщение, наказания, палачей, ярость начальников, хитрости злоумышленников, плети, - он памятовал о верующих даже в это время: так его душа была свободна от уз тела, так, что даже живя во плоти, она держалась небесного свода, и, как бы перемещённая на тамошней удел, всё согласно с ним и совершала, пребывая между тем на земле. А чтобы вам понять, что сказанное не есть преувеличение, и не лесть, выслушай это от него, говорящего: "**как и должно мне помышлять о всех вас, потому что я имею вас в сердце**…" (Флп. 1:7). Но сказанное ещё невелико сравнительно с тем, что будет дальше; и это, правда, велико, но последующее затем много больше; сказав: "…**потому что я имею вас в сердце**…", он прибавил: "…**в узах моих, при защищении и утверждении благовествования**…". Видишь ли, как он никогда не выпускал их из своей мысли? Если темницы, судилища и цепь не вредили памяти, то тем более спокойные времена. "…**Потому что я имею вас**", - говорит, -"**в сердце**…". Видишь ли постепенно усиливающееся слово? Велико - и в сердце иметь, но больше - то же и сверх того в цепях; а ещё больше - это последнее, да в добавок - в ответе и утверждении благовестия. Здесь, мне кажется, намекается на время, в которое он, терпя крайнюю опасность, приводился к судьям. И там, говорит, стоя, я думал не о том, как бы освободиться от надвигающихся опасностей, и не о том, как бы устраниться от козней, но услаждался любовью к вам, беседуя даже с отсутствующими; и ни длина пути, ни тягость дел, ни великость опасностей, ни страх пред начальниками, ни восстание народов, ни очевидная смерть, ни обнажённые мечи, ни толпы палачей, ничто такое нисколько не отводило меня от памятования о вас. Нет ничего властительнее любви, ничего выше её; она парит выше всех этих стрел, выше сетей диавола, всё высматривает с вершины небес; и как порывистый напор ветра, упадая, отстраняет докучливую пыль, так и сила любви обычно отстраняет натиск всех страстей. Это исполнилось и на Павле: и для него достаточным было утешением во всём спасение любимых, памятование (о них). Что же значит: "**при защищении и утверждении благовествования**…"? Здесь одно речение, но в нём необъятное море мыслей; я же попытаюсь его раскрыть, и со всех сторон исследовать. Слово Божие - это жемчуг, сияющий! чрез всё, выражающий много силы не во множестве речений но в их краткости. Но будьте внимательны, и вы увидите, сколько сокровища открывает нам эта сила изречения.

3. Итак что значит утверждение благовестия, и какое утверждение благовестия он разумеет, и для чего он, напомнив о судилищах, темницах и цепи, припомнил об этом изречении? Когда проповедь распространилась (необходимо начать речь с более раннего, чтобы сделать учение яснее), всё было исполнено большого шума, всё было полно смущения. Когда одиннадцать, единственно они, выстроились на борьбу против вселенной, искореняя древнюю привычку, уничтожая, давнее заблуждение, ниспровергая законы отцов, дедов и предков, потрясая и уничтожая отеческие обычаи городов, говоря против всех - философов, ораторов, начальствующих, судей, властителей, народов, рабов, свободных, земледельцев, моряков, - поднялась тяжелая война, и, как я раньше сказал, всё стало полно шума; повсюду стремнины, повсюду утесы, и не так море волнуется, беснуясь и рассекаясь противными ветрами, как колебалась тогда вся вселенная, когда древние обычаи, укрепившиеся за столько времени, уничтожались, и не в одном, двух и трех городах, но всюду по вселенной, а вводилось, новое учение, которого никто никогда прежде не слышал. Отсюда произошла против них непримиримая у всех война, потому что они (апостолы) и домы разделяли, и родство разрывали, потому что природа проповеди, шествуя своим путём и располагая к себе многих, возбуждала врагов между не принимавшими слова благочестия: и отец отказывался от сына, и муж презирал жену, и господа вели борьбу с рабами, и начальники с подчинёнными, - эта (война) была горше всякой междоусобной войны, - если только нужно назвать это войною, а не чем иным, более тягостным, чем война. В самом деле, на войне боевые стороны находятся в

одинаковых условиях, как то, так и другое войско и поражает, и поражается; а тогда не так было, но один свободно нападал, а другие только подвергались нападению, поражать же для них было невозможно, равно как и защищаться от коварствующих, потому что так повелевал предводитель боевого строя, говоря: "**Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби**" (Мат. 10:16). И не только повелевал выходить против коварствующих, но даже доставлять (им) удовольствие бесчинствовать, - потому что обращение правой щеки и посылание овец среди волков намекают не на иное что, как на то, что им дано в удел страдание, чтобы победный знак сделался блистательнее. Как? Так, что, будучи в числе одиннадцати, они, преодолели вселенную, - что (достигли этого) страдая, а не, причиняя (страдания), поражаясь, а не поражая, подвергаясь козням, а не коварствуя, бичуясь, а не бичуя, изгоняясь, а не изгоняя, преследуясь, а не преследуя, убиваясь, а не убивая, - и что, как овцы, назначенные на заклание, они изменяли до кротости овец всех волков, беснующихся, дышащих убийством, бывших свирепее зверей. Когда слово распространялось и благочестие посевалось, отовсюду возгорались костры, вражда и войны, и не только против учителей, но даже против учащихся. В то же время, кто принимал слово, обращался для всех в общего врага, изгонялся из отечества, переселялся на чужбину, терял имущество и подвергался опасности относительно самой свободы, вернее, самой жизни; и ничего тогда не значила власть природы, но, как я раньше сказал, и дети презирались, братья и сродники были на стороне врагов, с учителями терпели беды ученики. Всё это показывая, Павел и говорил: "**Вспомните прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий, то сами среди поношений и скорбей служа зрелищем [для других], то принимая участие в других, находившихся в таком же [состоянии]; ибо вы и моим узам сострадали и расхищение имения вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее**" (Евр. 10:32 - 34). И опять в послании к фессалоникийцам говорил: "**Ибо вы, братия, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев, которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся**" (1 Фес. 2:14-15). И опять Галатам пиша, говорил: "**Столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы**" (Гал. 3:4). И, рассказывая о своих страданиях, говорил: "…**в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в бдениях**…" (2 Кор. 6:4,5), "…**в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе**…" (11:27); и опять: "…**пять раз дано мне было по сорока [ударов] без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине [морской]; много раз [был] в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями**" (11:24-26); и опять: "**Кроме посторонних [приключений], у меня ежедневно стечение [людей], забота о всех церквах**" (ст. 28); и опять: "**В Дамаске областной правитель царя Ареты стерег город Дамаск, чтобы схватить меня; и я в корзине был спущен из окна по стене и избежал его рук**" (ст. 32-33); и опять в другом месте: "…**считают нас за овец, [обреченных] на заклание**" (Рим. 8:36); и ещё в ином месте: "**Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих, но, быв в Риме, с великим тщанием искал меня и нашел**" (2 Тим. 1:16-17).

4. Что мог бы кто-нибудь сказать о лжеапостолах, лжебратии, о бесчисленных и разнообразных войнах? Ведь приводились в действие не только мщения и наказания, но даже красноречие ораторов и подготовленность философов; и не только ими, но даже

торговцами употреблялось в дело много хитростей против Церкви; на это намекая, он говорил: "**Александр медник много сделал мне зла. Берегись его и ты, ибо он сильно противился нашим словам**" (2 Тим. 4:14,15). Как море не бывает без волн, так и душа Павла была исполнена бесчисленных испытаний, ежедневных опасностей: совне, извнутри, посредством слова, посредством дела, посредством денег, посредством коварств; и никакое слово не в силах будет представить тучи тех стрел, множество волн. Итак, когда в таком (положении) были дела, не в отношении сказанного только, но и гораздо большего, когда не учителя только, но и ученики подвергались опасности, и не ученики только, но и учителя, - а ведь если бы одна часть была в испытании, остальная же в безопасности, то последняя для первой могла бы послужить утешением, теперь же на ту и другую нападали враги и поражали, - когда при виде этого, многие из весьма немощных ослабевали, цепенели, постоянно грустили, видя блага проповеди - царство, воскресение и нетление - в надежде, а здесь - в испытании и терпении - (видя) печальное: плавильни, печи, темницы, войны, вражду, ненависть, смерти, опасности, и учителей своих то в темницах, то в синагогах, оскорбляемых, отводимых, когда отовсюду были тучи зол, и они находились в какой-то глубокой ночи испытаний, которая всех обнимала и заставляла их сильно волноваться и смущаться, - тогда, заметь, как он возбуждает мысль их одним изречением. Он делает то же самое и с другой стороны, в другом послании, говоря: "…**укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени**" (Евр. 12:12); говорит не о коленах и руках, но о хромающих помышлениях, ослабляемых множеством испытаний. Потом, после увещания, он присоединяет величайшее утешение, говоря: "…**еще немного, очень немного, и Грядущий придет и не умедлит**" (10:37). Но так как это было пока в надежде, то он опять ещё иначе их поощряет, приводя в лучшее расположение не чужими, но собственными примерами. "**Вспомните**", - говорит, - "**прежние дни ваши, когда вы, быв просвещены, выдержали великий подвиг страданий**" (ст. 32). Постыдитесь самих себя и ваших преуспеяний, не делайте конца, недостойного начала, примите от себя самих утешение. После увещания тем и другим способом, он увещевает также и этим изречением. Как и каким? Называя утверждением Евангелия темницы и оковы. Не мертвые только восстанием, говорит, не прокаженные очищением, не демоны изгнанием, но и мы утверждаем Евангелие заключением своим в оковы. Как же это, скажи мне? Ведь в этих словах - новость и многое походит на загадку. Слушай, наконец, как: если бы мы проповедовали без страха, не терпя ничего неприятного, ни ужасного, то и многим из желающих нас оклеветать казалось бы, что проповедь подозрительна; а теперь мы - гонимые, преследуемые, разрезаемые, сжигаемые, сбрасываемые со скал, терпя бесчисленное множество (испытаний) и не уступая, но делаясь от этого более бодрыми, даже склонным к сильнейшему бесстыдству доставляем достаточное доказательство, что мы - проповедники истины, и в нас есть некоторая божественная сила, которая всё это облегчает, и не дозволяет множеству испытаний превзойти проповедников -хотя последних немного - возобладать (над ними) чрез столько препятствий. Если бы кто-нибудь пожелал получить ясное доказательство, что нас призывает внутренняя божественная сила, - пусть он взвесит наши испытания, опасности, оковы, темницы. Не свойственно человеческой силе преодолеть столько крутизн, переплыть столько волн, дать место стольким стрелам, но это свойственно божественной и необоримой крепости. Таким образом цепь есть утверждение Евангелия, не для тех только, но и для нас, страдающих, - потому что она делает нас испытаннее, крепче, заставляет больше презирать козни. Потому он и говорил: "…**хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает**" (Рим. 5:3 - 5).

5. Видишь ли, как скорбь утверждает Евангелие? Потому именно и в другом месте, когда он просил об освобождении от испытаний и часто ради этого приступал (к Господу), он услышал: "…**довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в**

немощи" (2 Кор. 12:9). Немощью здесь называются преследования, испытания, опасности, козни, оскорбления. А сказанное вот что значит: Я мог, говорит, этому воспрепятствовать, погасить войну и задержать волны, но не сделал, чтобы больше выразилась Моя сила. Сила Его так не выразилась бы, если бы этого не было, как (выразилась), когда было, но не имело крепости. Так точно и лучшим кормчим мы называем не того, кто может направлять корабль по тихому морю, но кто плывущих на нём проводит между скалами, волнами, бурями и ветрами, - и врачом того, кто страдающего исторгает от бесчисленных удручающих болезней, - и полководцем того, кто может поставить победный знак, когда отовсюду облегают и поражают враги, - и пастырем того, кто соблюдает стадо в безопасности от бесчисленных окружающих волков и других злоумышленников. Так и тогда особенно удивительно было то, что они, терпя бесчисленное множество бед, одерживали верх над ними и превосходили самих причинявших (беды). Когда Петра и Иоанна, сына грома и основание веры, ввергли в темницу, подумай, в каком оказались затруднении, когда те были выпущены. Приведши их, говорят в сонмище: "…**что нам делать с этими людьми**…" (Деян. 4:16)? Иудеи, вскормленные на крови пророческой, народ неистовый и яростный, разрушавший до основания алтари, убивавши пророков, вскормленный на убийствах, народ свирепее зверей, с которого капала, ещё Владычняя кровь, распинатель, - этот народ, взяв двух рыбаков - неучёных, простых, неизвестных, безгласнее рыбы, из которых один не перенёс пустой угрозы даже привратницы, - их именно взяв, и держа связанных у себя, обнажённых, не облечённых ни богатством, ни крепостью тела, ни искусством слова, ни силою ораторства, ни знатностью рода, ни величием отечества, этих рыбаков от рыбаков, боровшихся с крайнею бедностью, - (Иудеи) оказались в затруднении, как поступить с ними, и говорят: "…**что нам делать с этими людьми?**…" Видишь ли, насколько великое дело добродетель, и каким образом испытания - утверждение Евангелия? И говорят к ним: "**не запретили ли мы вам накрепко учить о имени сем? и вот, вы наполнили Иерусалим учением вашим и хотите навести на нас кровь Того Человека**" (Деян. 5:28). Если Он только человек, зачем тебе быть в страхе? А если Бог, из-за чего не поклоняешься? Не восклицал ли ты недавно, говоря: "…**кровь Его на нас и на детях наших**" (Мат. 27:25)? Почему ты боишься этой крови? Почему она потрясает твой дух? Не связывал ли ты Его? Не бичевал ли? Не распял ли на кресте? Не видел ли мёртвым снимаемого со креста? Не созерцал ли погребаемым и в земле скрываемым? Не положил ли ты печати на гроб? Не подкупил ли воинов? Не посеял ли молву, что ученики украли Его? Почему ты боишься теперь? Почему трепещешь Его крови? Видишь ли, что истина сияет во всём? Когда, после того замысла, они увидели, что поднимается дело, и его вступление блестяще, светлее даже солнца, что из самого начала обнаруживается, что оно охватит сразу всю вселенную и будет гнать заблуждение до крайних пределов, и они не в состоянии будут даже перенести несказанный порыв его и силу, - они боятся, трепещут этих скованных, осуждённых, бичёванных, против которых злоумышляли, этих двух, этих простых. Потому Павел называет испытания утверждением Евангелия; потому также в другом месте говорит: "**Желаю, братия, чтобы вы знали, что обстоятельства мои послужили к большему успеху благовествования так что узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие**". (Флп. 1:12-14). Кто видел, кто слышал, что темницы доставляют смелость, и оковы производят дерзновение, не у связанного только, но даже у учащихся? Однако, тогда так было: проповедь усиливалась чрез противников, и ученики, - когда учитель подвергался нападению, козням и заключение в оковы, - делались ещё смелее, больше радовались, больше веселились. Вы похвалили эти слова? Будем, наконец, подражать этому мужеству, поревнуем этой добродетели, и пусть ничто нас не пугает, никакое из испытаний пусть не смущает; это узы благочестия, это крылья любомудрия, это приготовляет крепких и неодолимых, это даёт большее дерзновение к Богу,

привлекает большее благоволение, содействует поселению многой благодати. Итак, чтобы нам насладиться всего этого, будем – умоляю - переносить всё случающееся, славя за всё Бога, так как Ему приличествует слава, честь и держава, с единородным Его Сыном и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Есть предположение, что эта беседа была сказана святителем на пасхальной седмице. Между предыдущею беседою и этою, в Ватиканском списке, имеется беседа против зрелищ в ипподроме и театре.

БЕСЕДА 8

Беседа его же, сказанная в церкви Павла, когда готы прочитали и готский пресвитер раньше сказал беседу [1].

1. Хотелось бы мне, чтобы сегодня присутствовали эллины, так чтобы они услышали прочитанное и узнали, какова крепость Распятого на кресте, какова сила креста, каково благородство Церкви, какова твердость веры, каков позор заблуждения, каково осмеяние демонов. Учение философов подорвано даже у говорящих, одною речью (с ними), а наше имеет много силы даже у иноязычных; и то распалось легче паутины, а это утвердилось крепче стали.

Где учение Платона, Пифагора и бывших в Афинах? Потухло. Где - рыбаков и делателей палаток? Не в иудее только, по даже на чуждом языке, как вы слышали сегодня, оно сияет светлее солнца; скифы, фракийцы, савроматы, маверы, индийцы, даже поселившиеся на самых крайних пределах все еленной, - все любомудрствуют, переложив на собственный язык те же самые изречения; это даже во сне не представлялось носящим у эллинов бороду, важно на площади отстраняющим встречных посохом, потрясающим локонами на голове, выражающим, собою скорее лицо льва, чем человека. Но не таково наше, и не в наружности, но в благоразумии, (дело) любомудрия. Блудница, не имеющая природной красоты, налагает на самое себя некоторую рукотворную красоту натиранием, подкрашиванием, белыми одеждами и другими такими ухищрениями, прикрывая своё природное безобразие; а девица красивая по природе, приятная и благородная, попускает дару природы состязаться самому по себе, не нуждается ни в какой такой помощи, но отталкивает, чтобы природная красота не прикрывалась этими занавесами. Это можно видеть как в Церкви, так и у внешних. Те, не имея природной красоты, и будучи не в состоянии украситься благочестием, придают себе важность красноречием, обточенными изречениями, слогом выражений, волосами, благопорядком и другим кое-чем; а у нас не так, но, всё это оттолкнув, отбросив внешнее измышление, выражают свою природную красоту, не изощряя языка, не преследуя благозвучия, но, любомудрствуя в силе мыслей, всемерно проявляют также в делах и в правильной жизни обитающую в них Божию благодать. Потому именно они уловили не только обитаемую, но и необитаемую землю, не только землю, но и море, не только города, но и горы, холмы и долины, не только Элладу, но и чуждую (страну), не только почетных, но и крайне бедных, не только мужей, но и жён, не только стариков, но и молодых. Не доселе, но и дальше они прошли, и, не удовольствовавшись нашим местообитанием, они высадились у самого океана, и захватили в свои сети чуждые страны и британские острова; и куда бы ты ни пришёл, наконец, ты увидишь, что имена рыбаков обращаются на устах все ех, не по могуществу рыбаков, но по силе Распятого, всюду пролагавшей путь им, и являвшей простых мудрее философов, неучёных и бывших безгласнее рыб ревностнее ораторов, писателей и

ученых. Итак, пусть не считает никто стыдом для Церкви, что мы заставили иноземцев выйти на средину и сказать, потому что это - краса Церкви, это - украшение, это - доказательство силы, которая в вере; об этом также пророк, свыше провозглашая, говорил: "**Нет языка, и нет наречия, где не слышался бы голос их. По все ей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их**" (Пс. 18:4,5). Опять же другой, указывая на это, намекал иными словами, говоря: "**Волк и ягненок будут пастись вместе**…", и барс будет почивать с козленком, "…**и лев, как вол, будет есть солому**…" (Ис. 65:25); не о львах и агнцах, барсах и козлёнках он рассказывает, но провозглашает нам и показывает, что именно звероподобные из людей достигнут такой облагороженности, сраствoрившись любомудрием проповеди, что будут составлять одно стадо с благороднейшими и кротчайшими из мужей. И это сегодня вы видите, - что самые грубые из всех людей стоят с овцами Церкви, что пастбище общо, овчарня одна и предстоит одна для всех трапеза.

2. Да постыдятся иудеи, читающие Писание и не понимающие смысла его; да закроют от стыда своё лицо эллины, сидящие на каменных седалищах и гонящиеся за тьмою, - при виде истины, сияющей светлее луча; да красуется Церковь, всюду сияющая и парящая. Как солнце обще и земля обща, море и воздух, так намного более стало общим слово проповеди; потому и Павел говорил: "…**я многократно намеревался придти к вам (но встречал препятствия даже доныне), чтобы иметь некий плод и у вас, как и у прочих народов. Я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам. Итак, что до меня, я готов благовествовать и вам, находящимся в Риме** " (Рим. 1:13 -15). И чему ты удивляешься, если в новом (завете это есть), когда даже в ветхом то же самое происходило. Самый первый, сделавшийся предком и Церкви и синагоги, их по плоти, а нашим по духу, был иноземцем, был приведён из средней Персиды - разумею патриарха Авраама, который и Писания не слышал, и не участвовал в пророчестве, и не имел учителя, и не слышал истории, - так как ещё не Моисей, - и не узнал чего-нибудь из бывшего до него, и не был научен тому, что имело быть после него, но, родившись и воспитавшись в средней стране персов, так сразу стал любомудрствовать, будто раньше получил много повелений даже нового (завета), и выразил (это) своими делами. Получив повеление выйти из отчизны, покинуть дом, друзей и сродников, и идти на чужбину, он не испытал ничего человеческого, не был удержан привязанностью, не рассуждал с собою и не говорил: покинув явное и очевидное, идти ли мне к неизвестному и неочевидному? - но, имея проводником веру, и приобретя вместо посоха обещание Божие, он одно из рук терял, а другое в надежде принимал; и на основании этого также он был предком Церкви, так как и мы получаем повеление презирать житейские и видимые дела, напрягать свою надежду на неочевидное, держаться веры, якоря нашего спасения, и искать того (невидимого), - почему и Павел говорил: "…**мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда;**" (Рим. 8:24); и опять: "…**кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно**" (2 Кор. 4:17,18). Выйдя из отчизны и поставив на чужбине свой шатёр, блаженный этот Авраам опять выразил апостольские повеления своими делами. Когда он воздвиг тот блестящий трофей - одержал неожиданную победу, преодолел иноземцев не крепостью тела, но силою веры, и ему предлагалось спасенными взять награду за те труды и бедствия, - когда иноземец ему говорил: "…**отдай мне людей, а имение возьми себе**" (Быт. 14:21), - тогда что он говорит? "…**Поднимаю руку мою к Господу Богу всевышнему, Владыке неба и земли, что даже нитки и ремня от обуви не возьму из всего твоего**…" (ст. 22,23). Видишь ли, как он исполнил то евангельское повеление, которое говорит: "…**даром получили, даром давайте**" (Мат. 10:8)? И Моисей был воспитан и выращен в иноземном доме, однако не получал отсюда никакого для себя вреда, но и он любомудрствовал не меньше патриарха, осмеивая сибаритскую трапезу[2], будучи выше той роскоши, не ценя

богатство, царство и скипетр Египта, но сам перешёл к глине и приготовлению кирпича. Потому именно и Павел, удивляясь ему, говорил: "…**поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища**…" (Евр. 11:26). Потом показывая также учителя этих благ, присоединил, говоря: "…**он, как бы видя Невидимого, был тверд**" (ст. 27), - что было делом величайшей веры. Итак, не будем считать стыдом, что в Церкви есть иноземцы, но - даже большим украшением, потому что и сам Господь наш Иисус Христос, пришедши во вселенную, первыми призвал иноземцев. Когда Он был рождён и положен в ясли, волхвы, придя из Персиды, покланялись Ему. О, неслыханные и странные дела! Когда имеет входить в город царь, - занавесы и светильники (устраиваются)[3], встречают все сановники и власти со светлым видом, (бывают) флейты, свирели, кифары и всякий род музыки, блестящие одежды и венки и много великолепия; а когда имел входить во вселенную Царь небес, - ничего такого, но всё противное: шатёр; палатка и ясли, мать по-видимому простая, большая нищета и гнетущая бедность. Между тем, если бы Он пожелал, мог бы придти, потрясая небо, колебля землю, посылая молнии, - и зачем я говорю об этом? - если бы Он показал Свою божественность только в наготе, то какого блеска и светлости она не была бы больше? Но Он не сделал так, потому что желал не погубить, а спасти, не устрашить, а исправить, попрать сначала спесь человеческую и уничтожить безумие. Потому именно не просто человеком Он делается, но даже нищим человеком, и избирает Себе такую матерь и простое убежище, приветствуя с самого начала, с Своего рождения, крайний предел бедности. Какая, скажи мне, жена, хотя бы она была беднее все ех людей, хотя бы нищенка, не имеет кровати, чтобы положить родившееся дитя? Но Он не возлежал и на кровати, а просто в яслях, как случилось, и в шатре, не в гостинице. Таково начало Его входа, так оно блестяще и славно; а когда слышишь о входе, не думай о перемене места, но - о снисхождении для домоправления[4].

3. И Павел, когда говорит: "…**когда вводит Первородного во вселенную**…" (Евр. 1:6), - возвещает нам о домоправлении, - потому что присутствующий всюду и всё исполняющий куда бы, мог входить? Так он назвал явление (Его) по домоправлению. Итак, входя во все еленную, Он входил в уничиженном виде, попирая спесь, останавливая безумие, убеждая, чтобы все умеряли себя, не бесчестили бедность, ни презирали нищету, не очаровывались богатством, не думали, что человеческая пышность есть великое (дело), но - что она слабее тени, ничтожнее листьев, обманчивее сновидений. Итак, вошедши, Он призвал иноземцев, и не просто иноземцев, но даже волхвов, распространенный вид нечестия. Когда всё во вселенной было в худом состоянии: нечестие властвовало всюду, и тук, и дым, закон не имел силы, пророки не исправляли, не приносили пользы ни увещания, ни чудеса, ни наказания, ни мщения, земля осквернялась кровью человеческою, и самая природа не признавалась, - "…**приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам**" (Пс. 105:37), - алтари до основания разрушались, пророки избивались, храм благочестия сделался развалиной и вместилищем идолов, народ, выведенный на сцену, чтобы воспитать других, сделался для иных основанием богохульства, - "**постоянно**", - сказано, - "**всякий день имя Мое бесславится**" (Ис. 3:5), - жертвы посрамлялись, праздники, новомесячия, субботы и прочий вид служения был отвергнут, - когда добродетель была в пренебрежении, свыше обвинял голос Божий, снизу, оплакивали голоса пророков и голоса отовсюду, - когда дела были в худом положении, усилилось великое зло, нависла как бы, густая туча, глубокая ночь, порочность стала дерзкой, добродетель была изгнана, поднималась огромная, буря и непрерывные волны, кораблекрушения сделались часты и постоянны, все были потоплены, ни голоса, кормчего не слышалось, ни искусство моряков не имело силы, но властвовали лукавые духи, не было никакой надежды на спасение и не осмеливался кто-нибудь призвать Бога - потому что как (призвать), когда пророки обвиняли, ангелы же, приставленные к каждому народу, от стыда закрывали свои лица? - тогда, наконец, время

призвало Устроителя все его, самого Художника, создавшего также наш род от начала. Когда была тягчайшая болезнь, порожденная особенно безумием и хвастовством, извращались начало, средина и конец дел, - Он отправился от отеческого престола и пришёл на землю. Опять, когда слышишь: отправился, не думай о перемене места, ни об опустении неба, потому что, находясь даже в девственной утроб, Он был с Отцом; а как (отправился), не спрашивай, и не требуй отчета, потому что когда Бог действует, нужны только вера, согласие и исповедание. Итак, пришедши и увидев больного лежащим на постели, в отчаянии, - когда же говорю: больного, то разумею род человеческий, (лежащий) не на такой постели (т.е. простой), но на постели порочности, - (увидев) покинутым врачами, осаждаемым страстями, во власти болезни, (увидев) всякий род слабости обрушившимся на человеческую природу, самого человека отчаявшимся наконец в себе, данного врача ран, - говорю о законе, - превратившимся в сурового обвинителя, умножающего вины и делающего человека повинным ещё большему суду, (увидев) власть немощи и избыток зол, (а больного) неимущим никого другого, кроме создавшего нас с начала, - смотри, что Он делает предварительно: облекается обезсилевшей и побеждённой нашей природой, чтобы чрез неё сражаться и возобновить борьбу, и из самого преддверия и начала тотчас с корнем вырывает природу безумия, которое было причиной всех зол. Оно именно сделало, что диавол, не бывший диаволом, стал диаволом, как и Павел указывает, говоря: "**Не [должен быть] из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом**" (1 Тим. 3:6). Оно извергло Адама из рая: когда он услышал: будете как боги, - обманутый этой надеждой, коснулся дерева, попрал закон, и преступил заповедь. Потому и Бог приготовил врачевство, соответствующее ране. Как в отношении тела, по словам врачей, противное служит целительным средством для противного, и мы охлаждённое согреваем, а засохшее увлажняем, - так и Бог поступил относительно страстей души. Безумие её надмевало и заставляло вздуваться, - поэтому Он употребил врачевство, останавливающее её вздутость и уничтожающее опухоль. Какое же врачевство? Обложил её смертью. Потому не смертное только тело Он создал, но устроил так, чтобы оно и гнило и смешивалось, изобиловало источниками червей, разрешалось в гной и исполнялось зловония, наперёд полагая основание смиренномудрию, и не допуская когда-нибудь гордиться, даже сильно безумствующему. Что в самом деле зловоннее человеческого тела? Что ничтожнее скончавшегося?

4. Но не будь мрачным, возлюбленный, а усматривай здесь попечение Божие. И скончавшийся не чувствует происходящего, чтобы печалиться, и живущий воспитывается на чужом теле любомудрствовать. Хотя бы он (т. е. живущий) неисчислимое множество раз принимал важный вид и много величался, но подошедши ко гробу, чувствуя доходящее зловоние, и вспомнив о нашем ничтожестве, останавливается, падает и спускается до самого ада. И чтобы тебе знать, что так сделано ради этого, что Он не бесчестит нашу природу, но обуздывает безумие духа и соблюдает человека в постоянном смиренномудрии, - так как от начала у него отсюда (т. е., из безумия) был грех - послушай, что говорит пророк Исайя: "**Как упал ты с неба, денница, сын зари**" (Ис. 14:12)! Не об утренней звезде он говорит, потому что и не спадала когда-нибудь утренняя звезда, но, раз утверждённая на небе, она непоколебима, и соблюдает свое течение. Итак, что значит сказанное пророком: "**Как упал ты с неба, денница, сын зари**"? Он говорит о некотором иноземном царе; утренней же звездой называет его по великолепию, по диадеме, по порфире, по блеску копьеносцев, по сиянию оружия, по блестящему золоту, по заостренным и сверкающим копьям, по всей остальной пышности, по всему тому, что возят и носят. Что он говорит не об утренней звезде, но, сказав: "**Как упал ты с неба, денница, сын зари**", пользуется этим именем переносно, это далее выясняет: "**А говорил в сердце своем: "взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен**

Всевышнему" (ст. 13, 14). Что звезда не имеет ни мысли, ни ума, ни речи, - всякому, конечно, очевидно; но он говорит о некоем богохульном царе, хвастливом, великоречивом и так величавшемся. Кто же этот царь? Мы могли бы указать, но чтобы не всё учиться вам от нас, а и сами вы с заботливостью и неусыпностью) исследовали бы сокровища божественного Писания, - обратитесь к этому месту пророка и узнаете, кто царь, какого народа, и когда он был, - так как говорится: "**дай [наставление] мудрому, и он будет еще мудрее**" (Притч. 9:9). Итак, когда этот царь, будучи блестящим и знатным, со многим избытком богатства, по занятии всей вселенной и распространении своего царства, сразу был восхищён и умер, - пророк, зная изменчивость относительно людей, сказал: "**Как упал ты с неба, денница, сын зари**", колебатель царей, сделавший всю вселенную пустыней? и, обращая к нему свою речь и осмеивая его, прибавляет: "…**говорил в сердце своем: "взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему". Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней**", - под тобою постелют гной, и покрывало твоё червь (ст. 13—15). Видишь ли, как Он по этой причин устроил, - о чём я говорил, - что наше тело имеет такой жребий, чтобы служить врачевством от безумия. Итак, увидев его (т.е. человека) в отчаянии, Он воспитывает его тем, что бывает после кончины, напоминая о червях, зловонии, гное, - чтобы он, помыслив о том, покинул своё безумие, и думал с гордостью не об настоящем, а о том, каков будет конец, какая последует с ним перемена. Потому именно мы получили в удел страждущее тело, и после кончины столь зловонное. Если, при такой природе, многие из безумных сбивались на безрассудство, чтобы воображать себе богоравенство и пренебрегать небом, то в чём бы они не были извращены беззаконием, если бы не сдерживались этою уздою? Не этот только царь, но и другой воображал о себе то же самое; и другой пророк, Иезекииль, осмеивая его, говорил: "…**ты говоришь: "я бог, восседаю на седалище божием, в сердце морей**" и не человек, живущий в сердце земли: "**я бог", тогда как в руке поражающего тебя ты будешь человек, а не бог**" (Иезек. 28:2; 9)? Видишь ли, что и этот намекал, что смерть для того превзошла, чтобы остановить безумие, чтобы с корнем вырвать тот лукавый помысел, который в первозданном посеял от начала диавол? Отсюда-то и произошло идолослужение, верх человеческих зол, когда многие до безумия возвышают себя и желают богоравенства. Итак, все эллинские боги были созданы людьми; чтобы этого не было, Бог обложил смертью, изобличая немощь природы. Потому именно, единородный Сын Божий, останавливая безумие, устроил так, что претерпел такое начало Своего входа: шатёр, бедность, мать нищую, - убеждая всех делом, чтобы они попирали человеческую гордость; и, пришедши, призывает прежде всего иноземцев. Для чего и почему? Когда род человеческий был в худом состоянии, - я опять возвращусь к тем же самым словам, - и все отчаялись в спасении, - тогда Он прежде всего ниспровергает крепость диавола и крепчайшее его оружие, чтобы не был в отчаянии никто из остальных. С другой стороны, это послужило к стыду иудеев, что они колебались придти, а эти отправились даже в далекое путешествие, чтобы Его видеть и поклониться; и обходя (всех), говорят: "**где родившийся Царь Иудейский**" (Мат. 2:2)?

5. О, удивительные и странные дела! Единородный Сын Божий проповедуется прежде всего иноземной речью в иудее, где пророки, патриархи, праведники, закон, кивот, завет, храм, жертвы и служения; и вскормленные на этом не наставляются, даже узнав от иноземцев, а они, никогда ничего такого не слышавшие, делаются учителями упражнявшихся в этом. Потому именно, пророк Давид, осмеивая их, говорил: "…**Зачем мятутся народы, и племена замышляют тщетное**" (Пс. 2:1)? В самом деле, разве не попусту они учились, когда не приняли предсказанного пророками? Однако, не (так) волхвы, - но отправились даже в далекое путешествие, покинув отечество, дом, друзей и сродников, и подвергли себя опасности. Пришедши в царствующий город, они

спрашивали, где родился царь. Они не подозревали ярости царствовавшего тогда, ни восстания народа, ни козней города. Так как они приняли на себя проповедь, то делаются сразу любомудрыми и мучениками при жизни, дерзая против смерти, пренебрегая опасностями, презирая настоящую жизнь, смело проповедуя что узнали, объявляя о родившемся среди народа и среди города. Потому также звезда скрывается, чтобы они, потеряв руководителя, были принуждены учиться от иудеев, - вернее, в своём учении их наставлять, так как они ищут только место, а что Он родился, они раньше знали. Но смотри на мудрость Божию, как Он их призвал. Не послал Он пророка, потому что не потерпели бы, - ни апостола, потому что не вняли бы, - ни Писание, потому что они не знали; но отвлекает их от заблуждения собственными и близкими им делами. Так как они были волхвами, и у них была наука относительно звёзд, то является им звезда, влекущая их с чужбины, - звезда, не одна из видимых, но некоторая божественная и невидимая сила, принявшая снаружи вид звезды; влечёт же их звезда, чтобы освободить их, наконец, от занятия звездами и прекратить власть астрономии. Так и Павел сделал, подражая Владыке своему: "**Посему умоляю вас:**", - говорит, - "**подражайте мне, как я Христу**" (1Кор. 4:16). Как Владыка его, призывая волхвов, послал вид звезды, чтобы, узнав привычное себе, они охотно повиновались и, пришедши, увидели бы Владыку звезд и, освободившись от того служения, приступили бы к этому господству, - так и он послал Тимофея с обрезанием, имея упразднить обрезание. Так как имеющие принять его были иудеями, а он был сыном верующей иудеянки жены, отца же эллина, и потому необрезанный, то он совершил обрезание, поступая по примеру рыбаков, - потому что и они не закидывают в море пустую удочку, но надев на неё прикормку. Итак, пусть будет синагога морем, а иудеи рыбами, удочкой Тимофей, обрезание прикормкой, надетой на удочку, рыбаком Павел; следовательно, он забрасывает удочку в море, но не пустую, - Тимофея с обрезанием, а не необрезаннаго, - так как, если бы он послал необрезанным, рыбы убежали бы, увидев удочку пустою; потому самому он устраивает обрезание, чтобы они, признав обычное им, устремились на добычу, и чтобы он не испугал ловитву, устремившихся на добычу, - чтобы они были привлечены чрез обрезание, а удержаны словом учения; так именно и было. Вошедши, и с обрезанием, он уничтожил обрезание. Таково-то дело домоправления: прежде он снисходит, а потом отвлекает. Так сделал и Христос, призывая иноземцев. Как призывая людей, Он облёкся в человека и по виду, и по природе, так и призывая волхвов, переменил совне в вид звезды незримую силу. Что та звезда не была звездою, одною из многих, научись из её течения. Она шла не от востока к западу, но от севера к югу, потому что так лежит Палестина к Персиде; и является не ночью, а днём, что несвойственно звезде; и является, и скрывается, что также несвойственно звезде; скрывается, когда они дошли до Иерусалима, и является, когда удалились от царя. Отсюда очевидно, что она была некоторою разумною силою, домоуправлявшей всем по повелению. Не из этого только это очевидно, но (также из того) что служа им руководительницей до яслей, не сверху показывается им, но, сошедши вниз, останавливается, где был Младенец, - над самою, так сказать, Его головою; если бы она была звездою, то не показала бы такого места, тесного и ограниченного. Вы знаете, конечно, до ясности, что, по чрезмерной высоте, звезда не могла бы определить место даже города, и её (указание) даже прямо спускающееся по отвесу неясно по чрезмерной высоте. А та (звезда) показывала и малое место, ясли, будучи близ головы, и, показав, тотчас скрылась, - что не было делом звезды.

6. Если волхвы говорят: "…**мы видели звезду Его**…" (Мат. 2:2), то говорят пока по собственной своей науке, которую потом, конечно, будучи приведены, оставили. Что они вместе и звезду увидели и освободились от заблуждения, очевидно из того, что они покланяются; если бы они считали её одной из многих, то не поклонились бы. Чего же ожидали от Младенца странники, пришельцы и иноземцы? Откуда они узнали, что Он приведёт к жизни и вознаградит их, находящихся на таком расстоянии? Как они не

предвидели настоящей опасности? Как не подумали, что естественно было предвосхищение (их) даже из настоящей жизни, когда тогдашний царь умертвил бы (их)? Какой они увидели знак царства, какое преддверие, каких копьеносцев, каких щитоносцев, какое служение, какие золотые щиты, какие колесницы, какой потолок, какие дворцы, каких евнухов толпу? Ничего такого, но всё противное тому: ясли и шатёр, гостиницу и мать нищую, крайнюю бедность и пелёнки. Итак, кому они приносили золото, ладан и смирну? Не вполне ли очевидно, что они были уже окрылены верою? И много особенности в дарах, заступающей место проповеди. Нельзя отвергать объяснения, - хотя бы оно приводится (народной) толпой, - что именно они исповедали Его и Богом - чрез ладан, и Царём - чрез золото, и Страдальцем - чрез смирну, указывая на Его погребение: так Он и был погребён, и они предвозвещали это тем, что делали. Итак, происшедшее было силою не астрономии, но домоправления Божия, - потому что пришедший научить добродетели не о том заботился, чтобы вводить астрономию, а напротив, чтобы её весьма ослабить, полагая всё доброе и недоброе в желании и нежелании. Для этого Он и геенною угрожал, и царство приготовил, - потому что то и другое (есть) следствие происходящего в душе, - связанным же необходимостью Он ни венцов не приготовил бы, ни наказанием не угрожал бы. Он не дал бы законов, не побуждал бы увещаниями, не сделал бы столько, если бы род человеческий был связан необходимостью; но так как мы свободны и господа произволения, от нерадения делаемся негодными, от усердия полезными и какими следует быть, то Он пришёл, приготовляя для этого спасительное врачество, исправляя многих страхом геенны и обетованием царства и наставляя любомудрию чрез законы.

Что нет ни рока, ни течения звёзд, управляющих человеческими (делами), - очевидно, и помимо Писания, из самих же дел. Если от рока (зависят дела) человеческие, за что ты бичуешь своего раба, вора? За что прелюбодейку жену влечешь в судилище? Из-за чего стыдишься, делая худое? Если грех есть (дело) необходимости, зачем не переносишь даже слов, будучи оскорбляем, но кто бы тебя ни назвал прелюбодеем, или блудником, или убийцей, называешь это дело дерзостью? Если грехи не (дело) твоего духа, то и совершаемое не есть вина, и произносимое - не дерзость. Теперь же, и тем, что осуждаешь других, и тем, что не прощаешь согрешающим, и тем, что, делая, сам стыдишься и стараешься скрывать, а причиняющих тебе это считаешь дерзкими, - всем этим ты признаешь, что наши дела не связаны необходимостью, но почтены свободою; обдержимым необходимостью мы ведь умеем прощать. Если кто-нибудь, будучи во власти демона, поразит нас, разорвёт одежду, или нанесёт удары, - не только не наказываем его, не привлекаем в судилище, но даже жалеем и прощаем. Почему же наконец? Потому что это делается не по свободному произволению, но по принуждению от демона. Таким образом, если бы и остальные грехи были по необходимости, от судьбы, мы прощали бы; но, так как знаем; что мы не принадлежим необходимости, потому не прощаем - ни господа рабам, ни мужья жёнам, ни жены мужьям, ни отцы детям, ни учителя ученикам, ни начальники подчинённым, ни законодатели получающим законы, - бываем суровыми исследователями дерзостей и мстительными, в судилища обращаемся, удары наносим, наказываем и всё делаем, чтобы и раба освободить от злобы, и сына от порочности. Оттого и воспитателей для них мы поставляем, и угрожаем, посылая к учителям, и удары наносим. Для чего, скажи мне, и почему? Ведь, если судьбою определено ему сделаться негодным, какая нужда в этой помощи? Итак, вполне ясно, что всё зависит от свободной воли, а не связано необходимостью. Поэтому и помощь мы оказываем, от нерадения отвлекаем и к добродетели руководим. Для чего переплываем море, землю возделываем, города строим, прилагаем много усердия во время болезни - деньги тратим, врачей зовём, лекарства приготовляем, чрево обуздываем и пожелание караем? Если, как ты говоришь, судьбою определено жить и умереть, излишни расходы денег, излишни посещения врачей, излишняя у болеющих тщательность любомудрия.

Теперь же из того, как все поступают, ясно, что в этом нет ничего излишнего, - нет определений судьбы, никакая необходимость не направляет наших дел, всё почтено свободой произволения. Какая нужда в трудах до пота ради добродетели? Ведь, если кому судьбою определено сделаться прекрасным, тот будет прекрасным, хотя бы он спал и храпел; вернее же его нельзя даже называть прекрасным, если он сделался таковым по необходимости. Какая нужда в стольких трудах и поте? Если кому определено судьбою сделаться худым, то будет худым, хотя бы неисчислимые прилагал усилия; вернее, такого, теснимого необходимостью, нельзя называть и худым. Как беснующегося, если он станет оскорблять, - опять пользуюсь тем же примером, - мы не назовём дерзким, и не будем считать его оскорбление дерзостью, но (делом) принуждения от демона, так и худого, если он теснится судьбою и необходимостью, не назовём его худым, как и прекрасного - прекрасным. Если же так будем делать, то во всём произойдёт смешение, смущение и извращение вещей, не будет ни добродетели, ни порока, ни искусств, ни законов и ничего подобного. Видишь ли, куда влечёт приманка диавола, чем он хотел бы сделать вселенную, и к какой цели идёт? Итак, зная всё это и больше этого, - я мог бы сказать и больше, но для разумнейших достаточно и этого, - будем убегать от порока, избирать добродетель, чтобы, прежде всего, был милостив к нам Бог, а потом чтобы и от геенны нам освободиться, и насладиться вечных благ, - которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Эта беседа была сказана святителем между пасхою и 1-м воскресеньем после пасхи. Она имеет целью обличит неправду ученых язычников, называемых здесь эллинами, и заблуждение иудеев, хвалившихся Авраамом, как своим отцом по плоти. В посрамление тех и других, святитель заставил предварительно готов прочитать на их родном языке из Евангелия и дать объяснение. В Константинополе были тогда православные готы.

[2] Святитель называет египетскую роскошь при Моисее именем города Σύβαρις, основанного в Лукании поселенцами из Эллады в 720 г. до Р. Х. В цветущее свое время город имел до 100.000 жителей, образ жизни которых отличался крайнею роскошью и стал пословицей (Pauly A., Bd. vi, S. 1524).

[3] Здесь некоторый пропуск в тексте.

[4] Богословский термин οἰκονομία**,** где разумеется главным образом воплощение Господа. Обычная его передача чрез домостроительство неточна, потому что νέμω (откуда - νομία из - νεμία) значит: раздавать части, пасти, управлять. Ср. Лук.XII, 42: δ πιστός οἰκονόμος = верный эконом.

БЕСЕДА 9

Его же, о том, что не должно ходить на ристалища, ни на зрелища. И огорчив их, потом на собрании, бывшем после того воскресенья, уступив сказать епископу, прибывшему из Галатии, и помолчав, также на этом (собрании) огорчив, сказал эту беседу в великой церкви на слова: "Отец Мой доныне делает, и Я делаю" (Ин. 5:17) [1].

1. Недавно, в беседе о зрелищах и ристалищах, я сильно вас затронул; потому радуюсь и веселюсь по апостольскому выражению, которое гласит: "…**если я огорчаю вас, то кто обрадует меня, как не тот, кто огорчен мною**" (2 Кор. 2:2)? Ведь потому я вижу

большой плод, произрастающий от этой печали. И лекарства, исцеляющие раны, сначала тоже кусают нарывы, а потом освобождают от гноя; так и слово, поражающее слушателя, делается началом исправления. Как в нашем теле омертвелая часть нечувствительна ни к разрезанию, ни к лекарствам, ни к прижиганию, - потому, будь хотя бы бесчисленное множество (лекарств), она не может возвратиться к здоровью, потеряв начало и основу для врачебного ухода, - а чувствующая железо, огонь, лекарства может быстро возвратиться к здоровью, - так и в душах: одни, находясь в бесчувственном состоянии, не легко могут быть изменены; другие же, умеющие стыдиться и краснеть, скорбеть и огорчаться во время порицаний, доставляют нам величайшее доказательство, что они скоро будут удалены от порочности. Потому именно и блаженный Павел, зная это, опечаленных сильно одобрял и радовался за них, а иначе настроенных отвергал, говоря: **"Они, дойдя до бесчувствия, предались распутству так, что делают всякую нечистоту с ненасытимостью"** (Еф. 4:19). Неумеющий скорбеть как может быть исправлен когда-нибудь, если только он прежде не научится этому самому? Так как в этом вы преуспели, мы весьма спокойны за вашу любовь, - потому что если одна беседа, так уязвила и в такую привела тревогу, что вы беспокоитесь, волнуетесь и смущаетесь, то вполне ясно, что присоединенная вторая и третья освободят от всей болезни. И знайте, что, не льстя вам, это говорю: тем, что вы обнаружили недавно, вы засвидетельствовали истину сказанного нами. В самом деле, будучи так уязвлены, так огорчены, находясь в такой скорби и беспокойстве, вы в следующее затем воскресенье устроили для нас более блестящее зрелище, собрание более многочисленное и с большим усердием, и все вы были в восторге, все льнули к нашему языку, точно птенцы-ласточки, уцепившиеся за своё гнездо. Потом, когда, чествуя нашего брата, пришедшего из Галатии, мы и по самому церковному закону, повелевающему так принимать гостей, и по почтенной седине его уступили слово, - вы с шумом удалялись, жалуясь на несчастие, как перенесшие долговременный голод, и желая нашей речи резавшей, порицавшей, поражавшей, огорчавшей, - делая то же самое, что делает дитя, которое, несмотря на удары и на брань, не может отстать от матери, но следует с визгом, держась сбоку за одежды матери и волочась за нею со слезами. Потому я радуюсь, окрылён удовольствием и говорю, что счастлив, подвизаясь между такими любителями, между вами, так уцепившимися, за мою речь. Это для меня слаще вот этих лучей, это приятнее света, это жизнь, - именно быть с такими благоразумными слушателями, желающими не просто рукоплескать, но исправляться, не убегающими от порицаний, но прибегающими к порицателю. Потому именно и сам я с большей готовностью берусь за беседу к вам, и желаю сегодня отдать остатки недавно вам сказанного, оставив теперь порицание, чтобы, опять обвиняя нерадивых и употребляя всю беседу на их обличение, не причинить вреда усердным. Если бы даже ничего не было нами сказано, бывшее вчера уже достаточно, чтобы даже сильно безумствующих и неистовствующих на счет цирка удалить от этой неуместной страсти. Убийство, случившееся вчера в цирке, наводнило наш город трагедией, привлекло толпы женщин, наполнило площадь многим воплем, когда именно посреди народа несли в таком жалком виде рассеченного колесницами. Он, как я узнал, на следующий день намеревался зажечь брачные светильники, опочивальня была уже расцвечена и всё было приготовлено для брака, - и вот по приказанию податного начальника,[2] перебегая ристалище внизу, когда неожиданно наскакивали возницы, друг с другом состязавшиеся, он попал в средину и претерпел эту насильственную и жалкую смерть, лишившись головы и оконечностей.

2. Видишь ли плод цирка? А как, спросишь, относится это к нам, вверху сидящим? К вам больше всего: если бы не усердствовали вы все бежать (туда), не совершалось бы этого и внизу. Но, чтобы опять не делать слово очень тяжелым и не растравлять рану, постараюсь, предоставив это вашей совести, отдать остающееся от сказанного вам недавно. Итак, о чём было недавно сказано? Я говорил, что Христос называется основанием, как носящий

всё, держащий и взвешивающий; теперь желаю это показать из другого апостольского изречения.

Сказавши так, объясняя это изречение, говорит: "**Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа все словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную престола величия на высоте**" (Евр. 1:3). Что значит: "**держа**"? Управляя как возница, руководя как кормчий, распоряжаясь как домом, сдерживая, держа, взвешивая. Не только приводит всё из несуществующего в существующее, но даже наперёд знает происходящее, как родивший Его Отец. Потому и объясняя это, Он говорил: "**Отец Мой доныне делает, и Я делаю**" (Ин. 5:17). Потому и иудеи ещё больше старались Его убить, не только за то, что Он нарушал субботу, но что и Отцом Своим называл Бога, делая самого Себя равным Богу.

Где теперь еретики, безумствующие во вред своему спасению и отделяющие Его от равенства с Его Отцом? Пусть выслушают голос евангелиста, - а когда я говорю: евангелиста, разумею Христа, возбуждающего его душу, - пусть выслушают, постыдятся и прекратят такое свое безумство. Как иудеи преследовали Его за то, что Он называл самого Себя равным (Отцу), так и эти готовы задавить себя из-за того, что мы, наставленные Им, воздаём Ему эту славу. Но, говорят, это было мнение не Его, и не евангелиста, а иудеев. Если даже и иудеев, то это в особенности и составляет твою величайшую вину и крайнее осуждение, что ты, сам желая быть слепым, не видишь того, что неблагодарные иудеи сразу поняли, как вывод из этих слов. Не от себя они это прибавили, но заключая из того, что Христос говорил им. А чтобы ты знал, что это изречете даже не иудеев, но евангелиста, как мнение, так и речь, - а когда я говорю: евангелиста, разумею Христа, возбуждающего его мысль, - исследуй эти самые слова. Отец мой. Не очевидно ли всякому, даже весьма неразумному, что Он сказал: "**Отец мой**", чтобы объявить (Его) Своим собственным? А что Он прибавил опять: "**доныне делает, и Я делаю**", - ужели (это не слова) делающего вывод о равенстве? И не сказал: делает Он, а Я содействую; делает Он, а Я помогаю, - но: Он делает, и Я делаю. Видишь ли, почему сказанное не было умозаключением иудеев, но выводом из Его слов? Если бы некоторым ошибочным предположением и мнением иудеев было, что Он делает Себя равным Богу, если бы сам Он не желал быть в этом заподозренным, а иудеи, когда Он не желал этого, подозревали бы, думая о другом, помимо того, что Он сам желал вывести, - евангелист так, без поправки этого не оставил бы, но отметил бы и сказал это ясно. Ведь обычай так поступать свойствен им, - и им, и Иисусу; из одного - двух примеров я попытаюсь сделать это для вас ясным, т.е., что когда скажет что-нибудь Христос, и иначе Он это скажет, а иначе понимают иудеи, - евангелист исправляет. Чтобы тебе понять это ясно, выслушай самого Иоанна, объясняющего это самое. Когда Он вошёл в храм Божий и, сделав бич, изгнал меновщиков, говоря: "…**возьмите это отсюда и дома Отца Моего не делайте домом торговли**" (Ин. 2:16), - книжники и фарисеи, подойдя, говорили: "…**каким знамением докажешь Ты нам, что [имеешь] [власть] так поступать**"? Что же Он? "…**разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его**" - говоря так о Своём собственном теле. Но они этого не поняли, и что говорят? "…**Сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его**" (ст. 18 - 20)? - разумея храм иудейский, сделанный из камней, потому что он был устроен в течение сорока шести годов, по возвращении из Вавилона, когда строители затруднялись иноземными кознями, и, по прошествии многого времени, этот храм был окончен. Итак, когда Иисус говорил о Своём собственном теле, объявляя о Своём кресте и воскресении, - а это именно значит: "…**разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его**", - они же предполагали о храме иудейском, почему и говорили: "…**Сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его**"? - видишь ли, как евангелист не обошёл этого, но прибавил поправку, говоря: "**А Он говорил о храме тела Своего**" (ст. 21). И не сказал Он: разрушьте это тело,

но – "**храм**", чтобы показать Бога, обитающего (в нём), - разрушьте церковь, много лучшую иудейской. Тот (храм) имел закон, а этот Законодателя; тот - букву убивающую, а этот - дух животворящий; тот - жезл Ааронов, а этот - жезл Иессеев.

3. В другом опять месте, по совершены Им чуда над хлебами, отплыв с ними (учениками), Он переправился на (другой) берег, и говорил ученикам: "…**смотрите, берегитесь закваски фарисейской и саддукейской**" (Мат. 16:6). Они же, услышав о закваске, предполагали о хлебах; а Он говорил не о хлебах, но об учении фарисеев. Так как иначе Он сказал, а иначе они предполагали, то смотри, как Он исправляет это, говоря: "…**что помышляете в себе, маловерные, что хлебов не взяли? Еще ли не понимаете и не помните о пяти хлебах на пять тысяч [человек], и сколько коробов вы набрали? ни о семи хлебах на четыре тысячи, и сколько корзин вы набрали**", но об учении фарисеев, чтобы внимать (Мат. 16:8-10; 16:11-12)? Видишь ли, что как евангелист относительно храма, так здесь Он сам исправляет предположение заблуждавшихся? Так и в том, что Он делает Себя равным Богу: если бы Он не делал Себя равным Богу, а иудеи это предполагали на основании сказанного, то евангелист исправил бы это предположение, и сказал бы, что иудеи думали, что Он делает Себя равным Богу, а Он не делал этого и не давал повода. Чтобы ты узнал из самого изречения, что это (богоравенство) особенно Он желал укоренить в умах людей, обратимся к прежнему слову и узнаем, в каком некогда обвинении Он так защищался. Что (такое) некогда было, за что Он обвинялся? Что в субботу совершал дела: "…**искали убить Его за то**", - сказано, - "**что Он делал такие [дела] в субботу**" (Ин. 5:16). Что именно "**такие**"? Что Он исцелил расслабленного, повелел ему взять свою постель и отойти в свой дом. Потому и говорили, спрашивая его: кто приказал ему делать это в субботу? А он говорил: "…**Кто меня исцелил, Тот мне сказал: возьми постель твою и**…" иди в дом твой (ст. 11). Преследовали Его, сердясь за это, - что Он приказал в субботу то, что казалось преступлением и разрушением закона. Что говорит Христос, защищаясь? "**Отец Мой доныне делает, и Я делаю**", - хотя много другого Он мог бы сказать, если бы желал только защищаться, а не показать Свое равенство. Часто суббота нарушалась, и прежде всего в городе Иерихоне. Когда они подступили к стенам, им было велено семь дней с трубами обходить стены, - и так город был разрушен. А что между этими семью днями, откуда бы мы ни сделали начало, необходимо случиться субботе, всякому очевидно. Отсюда ясно, что суббота была нарушена. Опять (Бог) повелевал обрезываться человеку в восьмой день; и здесь необходимо опять нарушение субботы, потому что неизбежно, чтобы родившийся в субботу был обрезан в другую субботу. А священники даже несравненно больше её нарушали, когда, опять-таки по повелению, они приносили жертву в субботу; где была жертва, там необходимо было: снимать кожу, жечь, возлагать на жертвенник, носить воду, колоть дрова, выносить золу и делать много другого, - и тем нарушалась суббота. К этому и сама тварь нарушала субботу: солнце работает в субботу, луна совершает своё течение, появляется пестрый хор звёзд, ветры дуют, источники изливаются, реки текут, море волнуется, семена и растения произрастают, рождают - земля, всё неразумное и род человеческий. Когда женщина рождает в субботу, природа никогда не выдерживает этого закона, не ожидает, чтобы миновала суббота, и тогда разрешились бы потуги родов, но делает своё дело и во время субботы. И небесные силы служат в субботу, исполняют своё служение непрерывно. Итак, для чего, скажи мне, имея столько поводов к защите, Он не пользуется никаким из них, и не говорит: за что вы Меня обвиняете, что Я нарушаю субботу? - и священники в Иерихоне нарушили, и нарушают в храме; за что вы Меня обвиняете, что Я нарушаю субботу? - и солнце нарушает, луна, звёзды и вся тварь небесная и земная, - но, всё это оставив, Он обратился к Отцу, говоря: "**Отец Мой доныне делает, и Я делаю**"? Он желал не только защититься, но и показать Свою равночестность. Потому не сказал: Я делаю, потому что и тварь делает, - так как Он не принадлежал к

твари, - но: Я делаю, потому что и Отец делает, - так как Он был такого же существа и власти.

4. Потому Он защищается, не как принадлежащий к твари, но как истинное рождение Его. И чтобы ты знал, что сказанное не догадка, - ученики также никогда нарушили субботу, срывая и съедая колосья, и, когда иудеи обвиняли и говорили: не видишь ли, чти они делают в субботу? - Он там нигде не вспомнил об Отце, но что говорит? "…**Разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? как он вошел в дом Божий и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам? Или не читали ли вы в законе, что в субботы священники в храме нарушают субботу, однако невиновны**" (Мат. 12:3 - 5)? Видишь ли, когда о рабах Он рассуждает, рабов приводить в пример, Давида и священников; а когда о Себе самом, - Отца? Если когда-нибудь Он пользуется и другою защитою, напр., когда говорит: "**Если в субботу принимает человек обрезание, чтобы не был нарушен закон Моисеев, - на Меня ли негодуете за то, что Я всего человека исцелил в субботу**" (Ин. 7:23)? и опять: кто из вас есть, который не отрешает овцу свою и вола (Лук. 13:15)? - то (это) нисколько неудивительно, потому что Он беседует не вовсе как Бог, но иногда и как человек, так как был и Богом и человеком. Здесь, конечно, Он громко заявляет в отношении собственного Своего достоинства, говоря: "**Отец Мой доныне делает, и Я делаю**". Потому и говорит евангелист: преследовали Его иудеи, не только за то, что Он нарушал субботу, но что и Бога называл собственным Отцом, делая самого Себя равным Богу. Я с удовольствием спросил бы еретика об этом: называл Он Бога собственным Отцом, или не называл, было ли это иудейским предположением, или заключением Христа? - и, хотя бы он был тысячу раз безстыден, обличается истиною. Он говорил, что "**Отец Мой доныне делает, и Я делаю**": нарушал субботу, или не нарушал? Вполне очевидно, что нарушал: делаю, говорит, и Он делает. Итак, и нарушение субботы, и то, что Он называет Бога собственным Отцом, - ни то ни другое не было предположением иудейским, но выводом и заключением Христовым. Почему же, называя это заключением Христовым, ты называешь то - рядом стоящее, с ним связанное и одинаково сообщённое евангелистом - предположением иудейским? Всё это есть сообщение евангелиста, объясняющего сказанное Христом. Потому также - когда иудеи обвиняли - он говорил, что преследовали Его не только за то, что нарушал субботу, но что и Отцом Своим называл Бога, делая самого Себя равным Богу. Но в обличение еретиков достаточно; а если вы желаете знать и о делании, в чём состоит то, что делает Отец, и что Сын, - я могу назвать (его) промышлением о существующем, содержанием, попечением. Всё видимое произошло в течете шести дней: "…**и почил**" - Бог - "**в день седьмый**" (Быт. 2:2); промышление же об этом не прекращалось. Итак, это промышление Христос называет деланием, говоря: "**Отец Мой доныне делает, и Я делаю**", промышляя, печась, содержа – говорит - держа в порядке, не допуская ничему рассеяться. Итак, приняв доказательство правых догматов также из сказанного, присоединим тщательную и согласную с догматами жизнь, так как недостаточно нам для спасения только знания правых догматов, но нужна и наилучшая жизнь, чтобы, всячески воздав славу Богу, достигнуть нам обещанных благ. Ему слава и держава во веки веков. Аминь [3].

---

[1] По Миню (точнее, по Монфокону † 1741) эта беседа произнесена во 2-е воскресенье после пасхи, когда в самую пасху святитель сильно говорил против увлечения зрелищами, и когда в великую пятницу или субботу, действительно, было это увлечение со стороны народа. Обличительное слово в пасху имело такое действие, что в 1-е воскресенье после пасхи собралось чрезвычайно много слушателей, которые были, однако, раздосадованы,

так как святитель уступил беседование прибывшему к тому времени сюда галатийскому епископу Леонтию. Но Маттэи думает иначе: по нему обличительное слово было в великую субботу, в самую пасху говорил Леонтий и в 1-е воскресенье поели пасхи говорил сам святитель эту, 9-ю беседу. Ещё не мешает заметить, что, вопреки Монфокону, Маттэи весьма не одобряет составителя заглавий пред беседами, за его грамматику, и, между прочим, в сейчас приведённом заглавии.

[2] Ἔπαρχος τελών, в обязанность которого входило заведование сбором податей (φορολογία).

[3] в этой беседе святитель пользуется тремя терминами, трудно передаваемыми по-русски, так что относительно их необходима оговорка. Это - κατασκευή со своим глаголом κατασκευάζω (у нас „вывод", как данное к мнению и заключению), ψήφος („мнение", как определённая мысль, но не выраженная в слове) и ἀπόφασις („заключение", как мысль, выраженная в слове). Для ясности пользуемся таким сравнением. Пока корабль не снаряжён, все его принадлежности - χατασχευή; корабль, совсем готовый к плаванию - ψήφος; корабль в момент своего полного хода - ἀπόφασις. Иоанна 5:17—18 разлагается так. Равенся творя Богу, поскольку лишь мыслится, - ψήφος или δπόυσια „предположение", а поскольку так сказано - ἀπόφασις. К этому: κατασκευή - 1) заявление Господа: Отец мой, 2) факт: разоряше субботу. В конце беседы святитель и спрашивает: почему ты Отец мой называешь заключением Господа, а равенся творя Богу (на основании: разоряше субботу) считаешь предположением иудейским (δπόυοια = ψήφος), когда то и другое у евангелиста связаны. Между тем еретики допускали первое, но никак не могли допустить второе, и считали его иудейским мнением. (Прим. переводчика.)

БЕСЕДА 10

Беседа его же, сказанная в церкви апостола, после того как предварительно побеседовал немного епископ, на слова: "жатвы много, а делателей мало" (Мф. 9:37)[1].

1. Видели ли вы старика и юношу, - старика по телу, а юношу по духу? Видели ли вы цветущую седину и пышную силу старости? Таково это у нас, иначе во внешних (делах). Во внешних старость бесполезна, например, воин, пришедши в такой возраст, не может натягивать лук, ни пустить стрелу, ни потрясти копьём, ни взлезть на коня, ни напасть на стены, и не может делать ничего подобного. И кормчий, когда старость ослабит у него силу тела, не сможет ни канаты натянуть, ни паруса поднять, ни действовать веслом, ни переменить руль, ни бороться с волнами, ни другое что-либо подобное. Опять земледелец, будучи в этом возрасте, (не сможет) ни запрячь волов, ни тащить плуг, ни провести и прорезать борозды, ни ухаживать за деревом, ни присоединиться к толпе жнецов, ни другое что-либо подобное не в силах будет делать. Каждый из них сидит дома, пользуясь свободою этого возраста, и будучи связан великою необходимостью и неумолимою старостью. Но не так учитель Церкви; напротив, он тогда особенно будет подвизаться - браться за слово, предлагать наставление и стараться привести народ в порядок. Старость у остальных бесполезна, а в Церкви и в трудах добродетели - полезнее всего. И блаженный Авраам получил величайшую награду за подвиг тогда, когда пришёл в этот возраст, - потому что тогда, тогда именно он уничтожил (над собою) власть природы и заколол своего сына, -заколол, хотя и не на опыте, но волею, хотя и не исполнением, но намерением, хотя и не делом, но мыслию, - тогда он сделался священником своей собственной утробы и исполнил то удивительное и странное дело, почти удалившись от своей природы и переместившись к небу, И Павел, учитель вселенной, приступал в глубочайшей старости к тем удивительным подвигам, и переносил состарившимся телом, с большою твёрдостью - узы, оковы и темницы; разъясняя это, он сам говорил: "…**я,**

Павел старец, а теперь и узник Иисуса Христа" (Фил. 9). Я говорю это не в посрамление юности, так как и отроки, поправшие печь, были очень молодыми, вполне юношами, тоже и получивший пророчество Иеремия, и Даниил был очень молодым, когда обуздал львов и, по несказанному своему дерзновению, изложил и объяснил те тайны царских сновидений созерцавшему (их), - ни в чём юность не бывает препятствием для добродетели мужа. Во внешних (делах), как я раньше сказал, может быть величайшим препятствием и преклонная старость, и незрелая юность; а в борьбе за добродетель не так, но нужно одно только - воля и душа подготовленная, тогда и юность не бывает безполезной, и старость не бывает непригодной, - но в каждом возрасте можно видеть зрелый изобильный плод, если только, как я раньше сказал, имеет кто душу трезвенную, умеющую любомудрствовать и привлекающую на себя благоволение Божие многою добродетелью. Итак, в защиту нерадения, пусть никто не выставляет, как предлог, ни юности, ни старости; ведь и теперь много у нас молодых наполняют это духовное зрелище, а старые безобразничают в цирке; опять же: старики с сединою украшаются этим слушаньем, а молодые чрез тамошнее созерцание употребляют свою юность весьма неразумно. Впрочем хотя и много присутствующих у нас, я ещё не сыт, потому что желал бы, чтобы не только многие, но все присутствовали, чтобы никто бы не отставал от Церкви, - так что, пока хотя бы один является блуждающим вне стада, я разрываюсь и терзаюсь скорбями. Так и пастырь тот, оставивши девяносто девять овец, спешил к одной заблудившейся, и не прежде удалился, пока привёл её к стаду, и выказал о ней много усердия, - число сто было неполно, пока он не возвратил одну, - сто тогда сделалось сто, когда была, спасена и она. Не говори мне, что погиб один брат; но подумай, что именно - брат, весьма желанное для Бога существо, за которое столько сделано, за которое была пролита драгоценная кровь и столько уплачено пени, из-за которого небо простерто, солнце зажжено, луна совершает свое течение, сияет разнообразный хор звёзд, воздух распространён, море излито, земля обоснована, источники изобилуют, реки текут и горы водружены, - из-за которого луга и сады, из-за которого смена и растения, из-за которого различные породы злаков, из-за которого то, что на горах, что в пустынях, что в городах, что на равнинах, что в долинах, что на холмах, из-за которого тысячи рыбных стад, из-за которого различные породы четвероногих, из-за которого разнообразные племена птиц, из-за которого закон, из-за которого пророки, из-за которого апостолы, из-за которого были тысячи чудес, - зачем много говорить? - из-за которого единородный Сын Божий сделался человеком, и был заклан.

2. Подумай, сколько у Бога сделано ради спасения людей, и не презирай ни одного человека, но, по окончания этого духовного зрелища, отыщи отсутствовавшего, и не прежде удались, пока его приведёшь, соединишь с его матерью, отведёшь от его обычной порочности, спасёшь пленника, извлечёшь потопленного, освободишь от свирепых зверей схваченного зверями. Чем ты можешь извиниться, чем оправдаться? Мы приходим к гробницам апостолов: видим их раны и клейма, текущую кровь драгоценнее золота, оковы, бичи, ежедневные смерти, которые они претерпели за Церковь, - ученика Павлова, всюду ходящего с Павлом и делающегося равным учителю, тельца с быком связанного, - брата самого первого из апостолов, рыбака, закинувшего сеть и уловившего людей вместо рыб, проповедника Евангелия, - и, как бы на лугу, мы наслаждаемся их преуспеяниями. А покинувшие нас сидят, будучи зрителями неразумных коней, нанося друг другу укоры и дерзости, зажигая ярость и борьбу, не имеющую повода, радуясь радостно, которая жалостнее печали - за побеждённых возниц, за обессиливаемых коней. Что может быть неразумнее этого? Чего ты радуешься, скажи мне? Чего прыгаешь, скачешь и возвращаешься оттуда весёлым? А ты из-за чего скорбишь, закрываешь лицо, нагибаешься и огорчаешь свою душу - что такой-то победил, а другой был побежден? И зачем это для тебя? Какое может иметь основание эта печаль, или это удовольствие? Какого наказания не достоин тот и другой из вас, когда, при увлечении твоей собственной

души страстями каждый день, ты не отдаёшь себе никакого отчета, а радуешься, или огорчаешься за неразумных животных и других неразумных людей? Но, чтобы не потерять нам времени, опять употребив на это всю беседу, - мы поручаем исправление их вашей любви, займёмся читанным сегодня и постараемся ввести вас в луг божественного Писания. Действительно, оно сходно с лугом. Как на лугу - различные цветы, и все один за другим привлекают к себе взор зрителя наибольшею красотою, когда рассматриваются каждый в отдельности, так точно можно видеть и в божественном Писании. И блаженный Давид привлекает к себе нашу мысль, и апостольское изречение, сказанное относительно Тимофея, ещё - и смелый Исаия, любомудрствующий о человеческой природе, и Владыка их, Иисус, беседующий с учениками и говорящей: "…**жатвы много, а делателей мало**" (Мат. 9:37). Вот, если угодно, приведши это изречение, раскроем смысл его; хотя и очень кратко оно по размеру, но открывает нам пространное море мыслей. Потому и приступим мы к нему с большим усердием. Так как Он увидел, рассказывает (евангелист), народ рассеянным, то говорит ученикам: "…**жатвы много, а делателей мало**". Какая жатва, скажи мне, и ради чего Он так назвал это учение? Ведь жатва - конец дела. Когда семя, повергнутое в углубление земли, вкусит влаги, потом, промокши и вздувшись, охватит окружающую землю и, развернувшись на много волокон, пустит в глубину корни, - (тогда) прежде всего оно пробивает поверхность, потом, воспитываясь понемногу солнцем, дождём и воздухом, увеличивается произрастанием от земли, делается прежде очень зеленою травою и распускает нежные листья, потом производит весьма незрелый колос, и, с наступлением весны, опять понемногу созревая до стебля и колосьев, возвращает полный плод. Тогда, наконец, земледелец, наточив серп, набирает жнецов, и, собрав, относит плод домой. Отсюда жатва - конец всякого труда и обработки земли. Итак, скажи мне, почему Он называет жатвою, когда дела были еще в начале? Ведь и нечестие господствовало всюду во вселенной: жертвенники пылали, идолам покланялись, Иисус не почитался, - и глубокая ночь всё окутывала, было тяжкое ненастье, когда волновалось море, жестокие ветры разрушали человеческие средства к жизни, страсти властвовали, и всё было потоплено. Всюду блуд, прелюбодейство и наглость; всюду любостяжание, хищничество и войны; и кровь на земле, кровь на море потопленных и производивших там убийства, - непрерывные войны, борьба, междоусобная резня и убийства преступнее всяких убийств; дети закалались для идолов, природа не признавалась и родство уничтожалось, - всюду крутизны, утёсы, подводные камни, опасные скалы и ни одного человека кормчего; вернее, немного кормчих в иудейском племени, а слушателя ни одного, когда моряки раздорили между собою, и друг друга поражали и топили. Скифы и фракийцы, маверы и индийцы, персы и савроматы, насельники Эллады и Эпира, вся, так сказать, земля под солнцем была посвящена демонам, и теми мучителями приводились в неистовство страна, город и пустыня, земля и море, иноземщина и Эллада, горы, долины и холмы; только иудейское племя, по-видимому, было благочестиво, имело пророков и малые семена богознания; но и оно от времени ниспроверглось, учителя этого народа сделались горькими обвинителями его грехов между ними, - и настолько были далеки, чтобы воспитывать остальных и руководить к благочестию, что стали тогда виновниками соблазнов даже для остальных; и это объясняя, пророк говорил: "…**постоянно, всякий день имя Мое бесславится**" (Ис. 52:5).

3. Итак, почему, когда вселенную обнимало столько зол, и ещё не были повергнуты смена, - ведь всюду (были) терние, волчцы и худые травы, - ещё не была очищена земля, и плуг не был протащен, и борозды не были прорезаны, - Он беседует о жатве и говорит: "**жатвы много**"? И ради чего Он так называет Евангелие? Ради чего? Так как дела были в таком положении, а Он намеревался послать их (апостолов) всюду по вселенной, естественно, что они волнуются, смущаются, рассуждают с собою и говорят: как возможно одиннадцати, - один был уловлен зверем, - простым, неученым, бедным,

неизвестным, безоружным, в одной одежде, без обуви, не беря с собою ни пояса, ни посоха, ни денег, проходить всю вселенную, находящуюся в таком состоянии, отвлекать от древней привычки, вводить их (людей) в догматы нового (завета) и преподавать им некоторое странное учение? Когда в самом деле мы вырвем терние? Когда посеем смена? Когда возделаем их душу? Когда взойдёт посев? Кто не рассеет нас? Кто не низвергнет с крутой скалы? Как мы сможем раскрыть уста, стать, беседовать, явиться пред столькими тысячами? Как уничтожим ярость тиранов, возмущения народов, доводы философов, красноречие ораторов, власть предубеждения, силу старой привычки, козни демонов, души, которыми раньше завладели тысячи болезней? Итак, мы одиннадцать как будем исправлять всех во вселенной - простые мудрых, безоружные вооружённых, подчиненные начальников, пользующиеся одним языком в беседе с тысячами наречий, с народами иноземными и иноязычными? Кто нас потерпит, когда речей наших не сможет даже понимать? Чтобы, так рассуждая, они не волновались, Он назвал Евангелие жатвою, как бы говоря (так): всё приготовлено, всё устроено; посылаю вас на готовую уборку плодов; в тот же самый день вы будете в состоянии и сеять и жать. Итак, подобно тому как земледелец, выходя на жатву, бывает радостен, светел и весёл, не взвешивает ни трудов, ни каких бы то ни было затруднений, но спешит как бы на готовую прибыль, бежит на готовые плоды, и нигде никакого препятствия, никакого затруднения, никакой неизвестности в будущем, ни наводнения, ни града, ни засухи, ни злых полчищ саранчи - ничего такого принявшийся за жатву не подозревает, почему и весело, радостно берётся за труды, - так точно и вам, даже гораздо больше, необходимо выходить во вселенную со многою радостью. Это дело есть жатва, - жатва, соединенная с большим удобством, - жатва, доставляющая вам готовые посевы; нужно только говорит, не уставать. Ссудите Мне, говорит, ваш язык, и увидите плод зрелый, собираемый в царские житницы. Поэтому и после того, посылая их, Он говорил: "…**се, Я с вами во все дни до скончания века**" (Мат. 28:20). Сам Он делал трудное легким, и о чём пророк говорил: " **Я пойду пред тобою и горы уровняю**…". (Ис. 45:2), - это у апостолов исполнялось осязательно, потому что им предшествовал Христос и облегчал путь. Это объявляя, и великоречивейший Исайя говорил: "**всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся, кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими**" (Ис. 40:4), разумея не горы и холмы, - потому что этого не произошло, - но именем гор называя безрассудных, напыщенных и высокомерных, которых всех смирил Христос смирением, исполненным высоты, и горы сделал равнинами, - применяя к ним название безрассудных не по высоте их мысли, но по бесплодности безумия, чёрствости души и бесчувственности к слову. Как гора не может принести плода, так и безумие; вернее же, не так, но даже гораздо труднее. Гора не может принести плода, а безумие не только не даёт какого-либо плода, но даже существующей делает блеклым и произросший сушит; между тем смиренномудрие не только согревает существующей (плод), но обычно рождает даже не существовавший.

4. К сказанному величайшие примеры - фарисей и мытарь. Тот, войдя с безумием, не только не принёс какого-либо плода, но погубил даже существовавший; а мытарь, будучи простым и не владея ничем добрым, совершает для самого себя преуспеяние, потому что, когда он только посетовал и, наклонившись, счёл самого себя несчастным, возвратился, изобилуя многим оправданием и превзойдя в этом фарисея. Чтобы вы увидели и на самом деле, и узнали на определённых лицах, где Христос смирил гору и холм, пусть обратится наше слово опять к Павлу. Этот делатель палаток, - я охотно вспоминаю часто об его искусстве, чтобы ты знал, что не искусство - укор, но праздность - осуждение и вина, - итак, этот Павел, будучи в Саламине, встретился с некоторым правителем[2] и его волхвом. Двойной утёс - безумие со стороны власти и учение от волхва. И когда он видел, что тот мерзкий и бесстыдный зверь препятствует правителю и разрушает его (Павлово) учение, - послушай, что говорит, исполнившись Святого Духа: "…**о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды!**…" (Деян.

13:10)! Дурен не всякий укор, но укор напрасный, - за него и Христос определил наказание, - а делающий это в надлежащее время подражает врачу, режущему в надлежащее время и резаньем устраняющему гниль. Это именно Павел и делает: "…**перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних**" (ст. 10)? Но он не принимает твоих слов, Павел; употреби какое-либо апостольское решение, отврати язык, загради его уста, останови злой поток. Итак, что он делает? Показывая, что у него война не против людей, говорит: "**И ныне вот, рука Господня на тебя**…" (ст. 11). Сам, сказавший: "…**се, Я с вами во все дни до скончания века**" (Мат. 28:20), был тогда и с Павлом, и он (Павел), имея это обещание, призывает Его, считает для себя справедливым сделаться мстителем, применить силу и устранить препятствие. "**И ныне вот, рука Господня на тебя**…". Сколь велико снисхождение Христа, сколь велико дерзновение Павла - как он поражает (его) приговором, и Христос тотчас соглашается с говорящим! Что значит – "**рука Господня**"? Сила, поражающая противное. Она была всюду с ними (апостолами), повинуясь с готовностью, делая их дело жатвою, не допуская труда, ни бедствия, но устраивая по Своему. И стал он слепым, "…**до времени**" (ст. 11). Замечаешь ли мщение в соединении с человеколюбием? Ведь этот приговор - вразумление, а не наказание, - исправление, а не уничтожение. Потому именно он не иссушил руки, не вырвал языка, громко говорившего злые речи, не искалечил ноги, но - самые глаза. Так как он сам этим был исцелён и удалён от греховного пути и гибельного состязания, то и на него налагает такое же врачевство, как бы говоря: и я подвизался в худом, и я видел пред собою смерть; из-за этого я хорошо ослеплён, чтобы видеть лучшее; и к тебе прилагаю это врачевство: ослепляю твои внешние глаза, чтобы открыть твои внутренние очи. Тогда правитель, увидев происшедшее, уверовал. Видишь ли, что гора сделалась равниною, холм смирился, жатва совершена, сжатое приготовлено, зрелый плод собирается и Павел не терпел ни усталости, ни бедствия, но простым словом уловил правителя? Потому Он называет Евангелие жатвою - по быстроте и легкости, какую оно доставляло им.

Так был уловлен и тот евнух, иноземец и иноплеменник, обладавший великим могуществом, - и не было потрачено там даже сколько-нибудь времени, или труда: одновременно он (апостол) взошёл на колесницу и начал наставление; вернее же, до этого восхождения; и удивительно, что иноземец и иноплеменник, напыщенный могуществом, - так как в его руках была немалая власть, - позвал бедного нищего, неизвестного, с которым никогда не виделся и не знался, - его-то и позвал и возвёл (на колесницу) и посадил с собою. Кто это сделал? Тот, кто сказал: "…**се, Я с вами во все дни до скончания века**", - Он сделал вход весьма желательным и иноземца приготовил к любомудрию, гору смирил и неизвестного сделал (для него) ближе всякого знакомого. Не просто пробегай, не считай это дело простой историей, но подумай о величии преуспеяния. Если теперешние начальники, будучи верующими, воспитываясь в смиренномудрии и ничего не имея варварского, не могут допустить, чтобы - не говорю: неизвестный, странник - но кто-либо из знакомых запросто сел с ними на площади, то как тот (допустил) странника? Не перестану говорить об этом, что именно странника, никогда не виденного, простого, на взгляд ничтожного - его и возвёл, посадил, языку его отдал своё спасение, снизошёл сделаться учеником, и просит, заклинает, умоляет, говоря: "…**прошу тебя [сказать]: о ком пророк говорит это**…" (Деян. 8:34)? и с большим вниманием принимает, что тот говорит. И не только (принимает), но, приняв, не остался беспечным, не отсрочил, не сказал: возвращусь в свое отечество, увижу друзей, домашних и родственников, - что теперь говорят многие из христиан, призываемых к крещению: возвращусь (говорят они) в своё отечество, увижу жену, увижу детей и моих родственников; в их присутствии, в сопраздновании их со мною, я и воспользуюсь крещением, приобщусь благодати. Но тот иноземец не сказал тогда этих слов, и хотя был иудеем и научен тщательно наблюдать места, особенно же постоянно ему внушалось

наблюдать это место, почему он предпринял и далекое путешествие, чтобы поклониться на том месте, на котором повелел Бог, - он однакож, сразу отвергши весь тот обычай и оставив такое наблюдение, как только было закончено слово, и как увидел он источник возле пути, говорит: "…**вот вода; что препятствует мне креститься**" (ст. 36)? Видишь ли, что опять жатва совершается? Видишь ли, что нисколько не было потрачено времени, но сразу и земля приняла и пышный колос произвела, и грозде сделался зрелым? "…**вот вода**", - говорит. Не искал он ни стен, ни золотого потолка, ни заготовки одежд, ни обуви; но так как у него была воля приготовлена, он кипел желанием, был воспламенён ревностью, то тотчас прибёг к благодати, и побуждает учителя поруководствовать его к тайноводству и приобщить к тем бессмертным и страшным тайнам. Поэтому и тот сейчас согласился, одобрив готовность, и крестил его. Значить Он называет Евангелие жатвою - по легкости, какую оно доставляло им. Также и в другом месте говорится, что внимали словам Павла, потому что Господь открыл сердце их внимать словам его. А когда слышишь, что Он горы смиряет, жатву совершает, делает плод зрелым и много облегчает, - не лишай верующих их величайших преуспеяний, потому что Он не насиловал свободу воли, не оскорблял самодовлеемость, но содействовал, помогал, простирал руку, Если бы всё было (делом) Его, то ничто не мешало бы всем спастись; но теперь одно бывает Его, а другое - приступающих; приступающих - пожелать и избрать, выказать от себя много готовности и искренней веры, а Его - доставить дары, сделать слово легко познаваемым и учение ясным, повергнуть семена и помочь слушанию стать зрелым. Итак, помышляя обо всём этом, и мы возьмём Его в труд за добродетель союзником и помощником, привнося всё от себя. Если в деле, соединённом с такою трудностью, Он так легко преуспел не в одном, двух, двадцати городах, но всюду во вселенной, - разумею именно проповедь и учение, - так что вся земля, насколько солнце её озирает, оказалась засеянной и изобилующей прекрасным этим плодом, то вполне очевидно, что и в трудах за добродетель Он будет содействовать нам, если только мы не будем беспечны и холодны, но будем привносить от себя своё - готовность, усердие, желание, мысль, неусыпность, попечение, свободу от житейских дел, искание будущего и каждодневное к нему стремление. Если мы будем доставлять это с тщательностью, то и от Него всё последует, и, когда так будет, мы достигнем небесных благ, - которых да сподобимся все мы достигнуть благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] У Миня эта беседа приурочивается к церкви апостола, как говорится в заголовке, но неизвестно, какого. Маттэи думает определеннее: местом считает церковь апостолов и временем - 30-е июня, когда празднуется память 12-ти апостолов. В доказательство он указывает: 1) на слова святителя: Еίς άποστόλων παραγινόμε θαθήκας = мы приходим к гробницам апостолов; 2) исходное для святителя Мат. 9:37 есть только часть церковного чтения Мат. 9:36 – 10:8 (у нас зачало 34-е), - чтения, приуроченного к 30-му июня; по Маттэи, на это чтение святитель намекает словами: τών σήμερον άναγνωσθέντων άψώμεθα = займемся читанным сегодня.— Предварительно беседовал некоторый неизвестный епископ, возраст которого принятым мнением определяется в 52 года.

[2] Так передаём άνθύπατος, оставленное в славянском тексте без перевода. Разумеется чиновник в роде нашего вице-губернатора.

БЕСЕДА 11

Беседа его же, сказанная после того, как предварительно говорил другой, очень старый, - об Елеазаре и семи отроках[1].

1. Как цветиста эта духовная маслина! При своих престарелых ветвях, она принесла нам зрелый плод. Не таковы растения земли, каковы деревья Церкви: те, достигши старости, теряют потом большую часть листьев и, если какой принесут плод, приносят его отцветшим и вялым; а эти, когда достигнут старости, тогда особенно изобилуют плодом. Это именно можно видеть и на говорившем сегодня; потому и я решил молчать: нужно было молодому молчать, в присутствии стольких стариков и умеющих говорить. Так наставляет нас и божественное Писание: когда оно беседует с молодым, говорит: "**Говори, юноша, если нужно тебе, едва слова два, когда будешь спрошен, говори главное, многое в немногих словах**" (Сир. 33:9,10). Со старцем оно не беседует о таких ограничениях, но, оставив его, позволяет и вне таких пределов состязаться; и опять, дивясь удовольствие от сказываемого, когда сказывается с разумом, (премудрый) так говорит: " **Разговор веди ты, старший, — ибо это прилично тебе, — с основательным знанием, и не возбраняй[2] музыки**" (ст. 4,5). Что значит: "**не возбраняй музыки**"? Этим показывает, что не так приятны слушателям флейта, кефара и свирель, как учение старца, предлагаемое с точным знанием. Сравнивая удовольствие с удовольствием, он говорит, что это намного могущественнее того, и это господствует, а то ему уступает; потому и говорит: помешаешь **музыки**, то есть, не дозволишь ей являться, затемнишь её, закроешь её.

Потому именно и нам нужно было молчать и слушать, а ему говорить и учить; но, - что часто я говорил, это и теперь скажу, - я не переношу ни вашей требовательности, ни принуждения с их стороны (т.е., старших); потому опять приготовляюсь к обычному состязанию, к трудному делу, к речи, пользуясь большим удобством, не вследствие собственной силы, но готовности со стороны вас, слушателей. Ведь и недавно[3] также слово не потонуло, унесшись на такую глубину, и нигде у вас не потерпело крушения, проходя столь широкое море; а причина тому та, что нигде нет скал, ни подводных камней, ни утесов, но всюду море спокойнее пристани; и оно (слово) сопутствовалось до тихой пристани, как бы некоторым ветром, дующим в корму, усердием вашего слушания. Сразу оно и сходило с нашего языка, и все принимали его с распростертыми руками, и хотя в нём было много трудности, - такова именно была природа недавних мыслей, - однакож избытком усердия и напряжением ума вы со всею тщательностью ободряли нас в труде и сделали трудное легким. Вы не дозволили (слову) упасть ни на камень, ни в терние, ни на дорогу, но всё приняли в тучную и плодородную пашню, в глубину вашей души. Потому мы и видим ежедневно, что пышные посевы питаются легкими веяниями (Святого) Духа вместо ветра, и зрелище ежедневно у нас бывает блестящим. Потому именно и сегодня я желал бы заняться остающимся (у меня). Но что я испытываю? Хор Маккавеев стоит пред моими глазами и, осиевая мою мысль блеском своих ран, зовёт нашу речь к своей красоте. Но пусть никто не считает неблаговременным, для слова, что, между тем как день борьбы завтра, мы сегодня плетём венки, и объявляем победный знак до надлежащего времени войны. Ведь если, при совершении браков, брачующиеся и опочивальни устраивают раньше назначенного дня, и украшают свои дома венками и занавесами, то тем более мы будем делать это, так как этот брак духовнее, сочетается не муж с женою, но Бог с душами людей. Потому не погрешил бы кто-нибудь, назвав душу мучеников невестою, невестою духовною, - потому что и они приносят свою кровь в качестве приданого,— приданого никогда неистрачиваемаго. Но время похвал пусть ждёт нас до завтрашнего дня; а сегодня будем исправлять более немощных из наших братий. Так как многие из очень простых, по недостатку своей мысли, увлекаясь врагами Церкви, не имеют надлежащего мнения относительно этих святых, и не считают их в то же время в остальном сонме мучеников, говоря, что они пролили свою кровь не за Христа, но за

закон и за писание закона, будучи заколоты за свиное мясо, - вот именно мы исправим эту их мысль, потому что и стыдно было бы совершающим торжество не знать основания торжества.

2. Итак, чтобы, при общей радости всех, не скорбели только болеющие этим, но обнимали бы подвижников неподдельною мыслью и смотрели бы на них чистыми очами, мы поднесём сегодня успокоительное для их мысли, и подготовим к тому, чтобы завтра они пришли на духовное торжество с светлым настроением и чистою мыслью. Я настолько не отказываюсь считать их наряду с остальными мучениками, что даже объявляю их более блестящими. Они подвизались тогда, когда ещё не были сломаны медные врата, ни снят был железный засов, когда ещё грех властвовал, проклятие процветало, крепость диавола стояла и жесток был еще путь такой добродетели. Теперь даже совершенные отроки и много нежных девиц и незамужних всюду во вселенной вооружились против власти смерти; а тогда, до пришествия Христа, даже праведники сильно трепетали. Моисей убежал по этому страху; и Илия из-за этого тайно ушёл в сорокадневный путь; и патриарх Авраам из-за этого советовал своей жене говорить, что "я сестра его, а не жена". И к чему говорить об остальных? Сам Пётр так боялся смерти, что не перенёс угрозы даже привратницы, - потому что страшна она была и недоступна, ещё не были усечены её жилы, ни могущество её не было уничтожено. Но, однако, эти (Маккавеи) преодолели и побороли её, когда веяло таким страхом от неё. Так как имело уже взойти Солнце правды, то что днём бывает, и тогда произошло. Как для нас является светлое утро, когда ещё не явилось даже солнце, когда ещё не видны бывают лучи, а свет лучей осиевает вселенную издали, - так и тогда произошло. Так как имело придти Солнце правды, - тьма робости, наконец, уничтожилась, хотя Он и не присутствовал ещё по плоти, а был вблизи, в преддверии, и уже касался самых вещей.

Итак, что они выказали много мужества, подвизавшись в такие времена, всякому, конечно, очевидно; а что они получили раны также за Христа, - это я уже попытаюсь показать. За что они страдали, скажи мне? За закон, скажешь, и писание закона. Значит, если бы явился Христос, давший тот закон, - не очевидно ли вполне, что, пострадав за закон, они выказали бы всю ту твердость за Законодателя? Итак, сегодня вот это покажем, - что Христос есть Законодатель. Кто это говорит? Знающий ясно ветхое и новое, - Павел, учитель вселенной. В послании к Коринфянам он так говорит: "**Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу**", - говоря так о манне, - "**и все пили одно и то же духовное питие**…", - говоря так о воде из камня (1 Кор. 10:1-4). Потом, показывая, что Христос совершал эти чудеса, присоединил: "…**ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос** " (ст. 4). И естественно: не природа камня изводила воду и те потоки, но сила Христа, поражая камень, заставляла источники истекать. Потому он и назвал камень духовным, и сказал, что он следовал (за ними); чувственный же камень не следует, но находится на одном месте; всюдуприсутствующая и во всём чудотворящая сила - она прорвала и камень. Если иудей не может выносить этих слов, мы победим его собственным его оружием, не беседуя ни о чём из Павла, Петра и Иоанна, но из его пророков, чтобы он знал, что у него дела, а у нас понимание (их).

3. Итак, кто из пророков это говорит, - что Он дал ветхий завет? Освящённый от утробы (матери) Иеремия, сиявший в юности. Где и когда? Слушай его слова, и из сказанного ясно научись. Итак, какие это слова? "**Вот наступают дни, говорит Господь**…" (Иер. 31:31). Сначала, он вдруг поднимает слушателя, и пробуждает дух слушающих, показывая, что не его это слова, но пославшего его Бога. "**Вот наступают дни**…". Потом показывает, что он с нами беседует о будущих вещах. Итак, каким образом Он дал ветхий

(завет), если беседует о будущем? Подожди и не безпокойся, и тогда ясно увидишь блеск истины. Когда он это говорил, закон был дан и нарушен, а новый ещё нет. Итак, уяснив это в ваших мыслях, примите разрешение недоумений для многих. "**Вот наступают дни, говорит Господь**…", обозначая настоящее время, "…**когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их**…" (ст. 31, 32). Спрошу иудея, спрошу немощного брата: кто дал новый завет? Конечно, всякий скажет, что Христос. Итак, Он и ветхий (дал), - потому что сказавши, что "…**заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил**…", (тем) показал, что Он завещал и тот; итак, обоих заветов один Законодатель. А когда, скажи мне, Он завещал ветхий? "…**В тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской**…". Смотри, как Он показал и легкость исхода, и Свою нежную любовь, н безопасность тогдашнего изведения, и что все египетские чудеса совершал Он. Тем, что Он сказал: "…**когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской**…", обозначил все чудеса, - потому что тот исход был по необычайным знамениям. И "…**тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь**". Итак, отсюда очевидно, что один Законодатель ветхого и нового завета. Здесь, если кто тщательно вникнет в сказанное, - увидит, что оно полно немалого затруднения, - потому что, говоря о причине, по которой Он намерен давать другой завет, назвал его новым, то есть, необычным: "**Я заключу**", - говорит, - "…**новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их**…**; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь**". И потому, нужно было, чтобы они были наказаны, понесли крайнее возмездие и подверглись тяжкому мщению, - за то, что, вкусив столько чудес и получив закон, они нисколько не сделались лучшими. Но Он не требует от них возмездия, но обещает даже больше прежнего. Итак, сегодня следовало бы присоединить решение и этого затруднения; но так как у нас слово стремится к другому, и мы желаем воспитывать вас так, чтобы не всё от нас учиться, но находить и самим кое-что, -оставляю это для вас, - ищите и найдите. Если увидим, что искали, но не нашли, - тогда и сами протянем руку; а чтобы нахождение сделалось для вас легче, я уже скажу вам наперёд апостольские места, в которых особенно можно найти сокровище и решение этого затруднения, - именно, он (апостол) рассмотрел этот предмет и разрешил в посланиях к Римлянам, Галатам и Евреям. Те, которые трудолюбивы, в состоянии будут найти это решение, обратившись к посланиям, если в промежуточные эти дни вы не предадитесь неуместным собраниям, ни глупой болтовне, но будете отыскивать сокровище с настойчивою заботою о сказанном. Оставив пока это нерешённым, приступим к следующему далее. А что это следующее? "**Но вот завет, который Я заключу с домом Израилевым после тех дней, говорит Господь: вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его, и буду им Богом, а они будут Моим народом. И уже не будут учить друг друга, брат брата, и говорить: "познайте Господа", ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого, говорит Господь, потому что Я прощу беззакония их и грехов их уже не воспомяну более**" (ст. 33, 34). Сказав о ветхом завете, который Он дал, сказав и о новом, который Он намерен дать, Он описывает также красоту его, показывает черты его и полагает друг за другом признаки, чтобы ты знал, как велико различие нового в отношении ветхого, - различие, не противоположность, - как велико преимущество, как велик блеск, как велико сияние даров и благодати.

4. Итак, в чём черты нового? "…**Вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его**". Ветхий закон был написан на каменных скрижалях, и, когда первые скрижали были разбиты, Моисей иссёк опять другие и, там начертав письмена, сошёл со скрижалями, по природе сродными безчувствию принимающих. А новый не так, - потому что не были иссечены скрижали, когда давался новый завет, - но как и каким образом? Слушай повествующего Луку: "**При наступлении дня Пятидесятницы все они были**

единодушно вместе", - говорит - "**И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать**" (Деян. 2:1-4). Видишь ли, как пророк ясно предвозвестил это издавна, сказав: "…**Вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его**". Благодать Духа, данная Богом, чтобы она обитала в мыслях их, сделала их живыми столпами[4] ... и прикрывает мысль эту Своею славою; потому и говорил (апостол), что он послан был проповедывать "…**не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова**" (1 Кор. 1:17), - и опять: "…**Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие**" (ст. 20)? - здесь всюду говорить о крести. "**Ибо", -** говорит", - "**и Иудеи требуют чудес, и Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных, Иудеев и Еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость; потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков**" (ст. 22-25); глупым Божиим и немощным Божиим он называет крест, не потому, что это глупо - что мудрее его? - и не потому, что немощно - что сильнее его? - но выражает мнение неверующих, которое они имели относительно этого предмета. Потому и выше он говорил: "…**слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, - сила Божия**" (ст. 18). Но должно заимствовать суждение о предметах не от погибающих, - а то ведь больные считают горьким даже мёд, но это вина болезни, а не приговор мёду. Так именно и крест для внешних кажется глупым делом, но он не таков в действительности. Потом, показывая, что (крест) не только не есть глупое, но даже очень мудрое дело, и не только не немощное, но даже очень сильное, - он сравнивает преуспеяния его и с творением, и с ветхим (заветом), и с внешнею мудростью, и показывает, что чего не нашла ни внутренняя мудрость, или внешняя, чему не научились многие из людей из творения, в чём не попользовались от ветхого, в этом имело силу кажущееся глупым и немощным, - кажущееся, не таковое в действительности. Поэтому он, обладая доказательством из самых дел, выходит с большим дерзновением на борьбу -прежде всего против внешней мудрости, и говорит: "**Где мудрец**" (ст. 20)? Что значит: "**Где мудрец**"? Он как бы говорил: где учения философов? Где ораторов? Где учёных? Где писателей? Исчезли все, погибли и упразднились. Так была блестяща победа, что даже в конце они не являются. Потому, когда они так исчезли из виду и были развеяны как бы некоторая пыль, он так спрашивает и говорит: "**Где мудрец**"? Явился крест, и всё то было разрушено; раздался голос проповеди, и рассеялось легче паутины. "**Где мудрец**"? Где хвастливость речей? Где красота красноречия? Где сила хитрых умозаключений? Где стремительность слов? Где острота языка? Где собрания и заседания? Все это рассеяно, погибло, истреблено, исчезло и обратило тыл. "**где книжник**"? Где, говорит, (дела) иудеев? Проповедь и ими овладела и, как солнце, покрыла тень. В чём столько времени в одном народ был безсилен законе, - в этом, с большим изобилием, всюду преуспел крест, уничтожив грехи, даровав оправдание, приготовив святых людей, наставив в богознании, став руководителем на небо. Потом, оставив иудейское, опять возвращается к эллинскому: "**где совопросник века сего**"? Здесь он намекает на еретиков и умозаключателей, которые до этого были острие меча, а когда явился крест, были поражены легче всякой глины. "…**Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие**"? Опять вооружается против эллинской мудрости. Что значит: обуи (Этим словом) показал, что она глупа; и действительно (такова) она была. И их "**и грехов их**" и беззаконий их "**не воспомяну более**" (Иер. 31:34). Пророк описывает нам блеск ветхого (завета); а апостол сопоставляет тот и другой, так как он боролся с иудеями; сказав выше: "…**не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца**", Здесь (говорит): "…**не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит**" (2 Кор. 3:3, 6).

5. Некто собирал дрова в субботу, и был побит камнями (Числ. 15:32, 36). Видишь ли, как буква убивает, то есть, закон наказывал? А знаешь ли, как Дух животворит? Входит некто, исполненный множества зол - кто распутничал, хищничал, был любостяжателем, прелюбодействовал, достиг всякого порока, уже умерщвлён был грехом; берёт его благодать Духа в купель, - и распутника делает сыном Божиим, умерщвленного грехом рождает для жизни. Это значит: "…**а дух животворит**". Как животворит? Не требуя отчета в прегрешениях, по пророку: "…**прощу беззакония их и грехов их уже не воспомяну более**". Спроси опять иудея: где так было в законе? Но он не сможет указать. И собиравший дрова побивался камнями, и блудница сожигалась, и Моисей лишился земли обетования за один грех; а при благодати, совершившие неисчислимые ужасы рождаются в жизнь, вкусив крещения, и от них не требуется никакого возмездия за прегрешения. Потому и Павел говорил: "…**Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют. И такими были некоторые из вас; но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего**" (1 Кор. 2:9-11). Видишь ли, как блещет пророческое, - что "…**прощу беззакония их**…", - как сияет апостольское, - что "…**дух животворит**"? Желаешь ли знать также другое, - апостола Павла, говорящего, как в короткое время он прошёл всю вселенную? Выслушай, что он говорит: "…**благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестности до Иллирика**"; и опять: "**Ныне же, не имея [такого] места в сих странах, а с давних лет имея желание придти к вам, как только предприму путь в Испанию, приду к вам. Ибо надеюсь, что, проходя, увижусь с вами и что вы проводите меня туда, как скоро наслажусь [общением] с вами, хотя отчасти**" (Рим. 15:19,23,24). А если один апостол в короткое время прошёл большую часть вселенной, -подумай, как уловили ее всю также друпе. Потому и говорил онъ: Ев ангелы проповъданнаго "…**всей твари поднебесной**…" (Колос. 1:23), - объясняя пророческое: "…**все сами будут знать Меня, от малого до большого**". Но, что Христос, дал закон, - из этого очевидно; и что, будучи закланы за закон, они проливали свою кровь за Законодателя, - и это ясно. Прошу, наконец, вашу любовь придти на торжество с большою готовностью; устремитесь к ранам мучеников, как пчёлы из ульев, и уважьте их мучения, нисколько не боясь длинного пути. Ведь если старец Елеазар пренебрёг огнём, и мать тех блаженных перенесла столько мук в крайней старости, то чем вы сможете оправдаться, чем извиниться, не пройдя для созерцания той борьбы даже небольшого расстояния?..[5].

---

[1] Произнесена была святителем накануне дня памяти мучеников Маккавеев, который тогда праздновался также 1 августа. Говоривший предварительно - неизвестен.

[2] В Библии: καί έμ ποδίσης== и не возбрани.

[3] Неизвестно, какая это была беседа.

[4] Некоторый пропуск в тексте.

[5] Эта беседа не имеет обычного заключения.

На слова: "В начале было Слово…" (Ин. 1:1) и прочее; и что Дух испытует глубины Божия (1 Кор. 2:10); и о новопросвещённых, и против еретиков [1].

1. Вчера наше слово прекратилось на созерцании великого орла, орла поистине великого, превзошедшего духом небо и премирныя силы и начавшего (проповедь) от самой вершины всего. Иоанн проповедал нам прежде (других): "**В начале было Слово**…" (Ин. 1:1), и любомудрствовал о несотворенной природе; он превзошёл всякое творение больше всякого орла, превзошёл также голос всякого грома, один он проповедуя вечное и премирное любомудрие. Гром, возлюбленные, и устрашает и орошает; орошает через облака, устрашает и поражает через звук. И голос Иоанна имеет эти стороны: орошает Церковь, а поражает скопище еретиков. Когда они говорят пустое, - когда, узнав о Сущем, осмеливаются назвать (Его) как несущее, - когда враждебно выдвигают человеческое рассуждение против божественного Писания, - тогда Иоанн восклицает сначала: было, потом: не был [2]. "**В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог**" - (говорит), поражая этим голосом врагов, как и Давид свидетельствует и говорит: "**От прещения Твоего бегут они, от гласа грома Твоего быстро уходят**" (Пс. 103:7). "**В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог**". Так как рождение слова безстрастно, то он называет (Его) Словом, чтобы посредством принадлежащего тебе научить тебя тому, что выше тебя, а именно - что как ум, рождая слово, рождает не по страсти, не рассекается, не расплывается и ничего другого телесного не терпит, так и божественное и безстрастное рождение неизреченно и необъятно, не рассекается, не разделяется, только у нечестивых и неверующих еретиков худо рассекается, а у благочестивых прекрасно соединяется. Почему евангелист устранил это, и не сказал: в начале был Сын? Чтобы название Сына не ввело рождения по страсти; но он называет Его Словом, чтобы представить безстрастие рождения. А чтобы ты не подумал о произносимом слове, он прибавил: "…**и Слово было Бог**", - чтобы по слову ты мыслил о безстрастии, по Богу - о достоинстве. Потом, рассказав сначала о Его рождении, также прибавляет могущественное достоинство Его миротворения: "**Все чрез Него начало быть**…" (ст. 3), все происшедшее, а не как еретики осмеливаются понимать, в этом выражении и поклоняемого Духа, говоря: "**Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть**" в Нём. Значит, если что было в Нём, то не несотворённая природа Духа. Но сказано: всё, говорит (еретик). Однако выражение: всё не обнимает несотворенную природу с сотворенной. Если, следуя этому выражению: всё, ты посягнул на святую природу, то, когда услышишь Господа, говорящего: "**Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники**" (Ин. 10:8), - что ты сможешь сказать? Ужели назовешь Моисея разбойником, и пророков назовешь ворами потому, что (Господь) говорит: "**Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники**"? Смысл устанавливает различие - и о ком слово, и к кому. И теперь слово о миротворении, -говорится, что через Него произошло миротворение, а не сущность Духа, знающая Божие так, как дух человека то, что в нём, согласно словам Павла: никто не знает, "**Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем**" (1 Кор. 2:11). Итак, если дух мой чужд моей природы, то и Дух Божий чужд божественной природы, потому что говорит (апостол): "**Дух все проницает, и глубины Божии**" (ст. 10). Но еретик слышит: "**проницает**", а смысл худо понимает. Если бы, говорит он, Дух знал что в Боге, - Он не испытывал бы; это испытание свидетельствует об Его незнании. Итак, если испытание Духом святым глубин Божиих ведёт к обвинению Его в незнании, то, когда увидишь, что Бог испытывает сердца людей, - обвинишь ли Его в незнании? Послушай, что говорит Павел: как о Духе он сказал: "**Дух все проницает, и глубины Божии**", так и о Боге любомудрствуя, говорит: "**Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа**…" (Рим. 8:27). Следовательно, если Бог испытывает, не зная, то и Дух, не зная, испытывает. Но, чтобы тебе известно было, что испытывание принадлежит не незнающему, но знающему, он прибавил: "**Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия**" (1 Кор. 2:11), - и Духу приписывает знание, именно не восприятие из природы, но познание из природы.

2. Итак, не разделяй нераздельной природы, не рассекай неделимой сущности; лучше тщательно познавай могущество. Един есть называемый и Отцом, и Сыном, и Святым Духом. Сын говорит о Своём Отце: "…**отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы**…" (Мф. 26:64), - и, назвав силою, Он поставил (этим) славу Его, чтобы ты дивился этой мысли. Поэтому, называя Бога Отца силою, Он сказал, говоря к Каиафе: "…**отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы**…". Итак, Отец - сила; также Сын - сила, как говорит Павел: "**а мы проповедуем Христа**…**, Божию силу и Божию премудрость**" (1 Кор. 1:23,24); также Дух Святой - сила, почему Спаситель говорит ученикам: оставайтесь в Иерусалиме, "…**доколе не облечетесь силою свыше**" (Лук. 24:49). Итак, зная, возлюбленный, что эта сила одинакова в Отце, Сыне и Святом Духе, содержи веру непоколебимо; не разделяй необъятной славы, но признавай свои обязательства, принятые при просвещении; взирай на сынов благодати, процветших через великого первосвященника, - взирай на детей света, прибегших к проповедникам света, - потому что возрождённым через просвещение должно прибегать к возродившим вселенную. Скажем и мы с пророком и апостолами: "**Возведи очи твои и посмотри вокруг: все они собираются, идут к тебе; сыновья твои**" (Ис. 60:4); и опять: "**Живу Я! говорит Господь, - всеми ими ты облечешься, как убранством, и нарядишься ими, как невеста**" (Ис. 49:18). Итак, сегодня Исаия предстоит, говоря множеству просвещённых, рожденных от Святого Духа, вместе и обновлённых, измененных в одно мгновение, претворённых из земного состояния в небесный образ, - изумляется Исаия, говоря: "**Кто слыхал таковое? кто видал подобное этому? возникала ли страна в один день? рождался ли народ в один раз, как Сион, едва начал родами мучиться, родил сынов своих**" (Ис. 66:8)? Быстро возрождение от Духа; не ждёт оно времени, не служит рабом для сроков и поколений, но вместе желает, вместе и рождает возрождаемого. Прилично было сынам света проходить всю площадь с пышностью, прославлять и возглашать о Нём, сошедшем из-за них на землю, чтобы возвести к Себе на небо всю вселенную. Христос сошёл с небес; сошёл, не удалясь от небес, взошёл, не удалясь от земли, - потому что ни сошедши, Он не оставил пустыми небеса, ни взошедши, не оставил землю без Своего господства. Прилично было сынам света носить всюду на площади светильник слова; таинство не оскорблялось, не безчестился знак истины на новопросвещённых. Также прилично было им на улицах петь, - потому что "**Премудрость возглашает на улице, на площадях возвышает голос свой, в главных местах собраний проповедует, при входах в городские ворота говорит**…" (Прит. 1:20,21). Будем очищать воздух, который оскверняли блудные песни, некогда порочили крики нечестивых и вопли совершавших демонские скверны. И воздух, и земля, и небо очищены словом света. Как стенают небо и земля, при нечестии нечестивых, так опять радуются, при праведности преуспевающих; действительно, когда согрешает человек, негодует небо, негодует и земля, как говорит Иеремия: "**Подивитесь сему, небеса, и содрогнитесь, и ужаснитесь**…" земля, потому что "…**два зла сделал народ Мой**…" (Иер. 2:12,13). Видишь ли, как содрогаются небо и земля, когда согрешают люди? А когда они претворяют самих себя на благочестие, -слушай, что говорит пророк: "**Радуйтесь, небеса, и веселись, земля, и восклицайте, горы, от радости; ибо утешил Господь народ Свой и помиловал страдальцев Своих**" (Ис. 49:13). Пусть говорит также Церковь, красующаяся стольким сонмом и народом: я была некогда оставлена одинокою, а эти где были у меня? Я бездетна и вдова, а этих кто мне родил? Пусть говорят к Богу также дети Церкви, соединяемые в это множество, голосом пророков: "…**тесно для меня место; уступи мне, чтобы я мог жить**" (ст.20). Когда процветали (дела) заблуждения, когда пастбище ереси распространялось по этому городу, -были погублены дети Церкви; и, как саранча, напав на поднебесную (землю), уничтожаешь плоды её, так гибельное учение уничтожало плоды истинного учения и благочестия. Но сегодня, возлюбленные, отвергнуто гибельное учение, и вошла спасительная благодать, возрождающая народ, и говорящая ему: теперь "**воздам вам за те годы**…" плодов, которые "…**пожирали**

саранча, черви, жуки и гусеница…" (Иоил. 2:25). Зачем, еретик, ты соревнуешь с иудеями, чтобы скрыть славу Единородного? Они скрыли воскресение, насколько от них (зависало); а ты скрываешь божественность, насколько от тебя (зависит). Но ни за ними нет истины, ни ты не понимаешь благочестия. Слушай пророка, говорящего: "**Покрыло небеса величие Его, и славою Его наполнилась земля**" (Авв. 3:3). Хваления, не овладения; веры, а не испытывания; любви, а не исследования. Мы были научены не исследовать, но были наставлены веровать; веруя, просвещаемся, - не любопытствуя, принимаем крещение. Пусть тебя не обольщают собрания еретиков, потому что у них крещение - не просвещение; они принимают крещение телом, а душою не просвещаются. Как и Симон был крещён, но не просвещён, равно такими же оказываются и они. Итак, да ликует дух апостолов, уловивший духовною сетью этот многий народ через Святого Духа. Теперь на наших глазах исполнился пророческий голос: в последние дни, говорит Господь, "…**не будут говорить более: "ковчег завета Господня";** то есть, древнее служение, и "**он и на ум не придет, и не вспомнят о нем, и не будут приходить к нему, и его уже не будет**" (Иер. 3:16). Почему? Потому что "**Я пошлю**…" многих ловцов и "…**рыболовов**" (Иер. 16:16). Он описал ветхий кивот, и ввёл негибнущий кивот Церкви. "**Я пошлю**…" многих ловцов и "…**рыболовов**". О, дивная ловитва! Уловленный вчера уловляет сегодня; исполнена земля славы Христа, и исполнены веры пределы вселенной. Итак, не оскорбляй достоинство из-за домоправления. От иудеев вышло слово, что воскресение было продано, и вышло слово, что ученики Его украли Его. Итак, они объявили смертный приговор против Его тела, а призывают к богословию о Нём, насколько от них (зависит). Но у них сегодня в обращении заблуждение, а в Церкви проповедуется вечная жизнь. И, если угодно, у тебя есть также древни образ: как Иосиф, когда его братья устроили против него козни, оплакивался сильно Иаковом и его домом, но в Египте был жив и царствовал, - он оплакивался Иаковом, как мёртвый, а живым царствовал в Египте, - так и теперь Он считается мёртвым синагогою и безумием еретиков, - уничтожающие веру и вводящие исследование умерщвляют богословие, а у нас Он царствует живым и Ему поклоняются по достоинству. Но в действительности крепко слово Божие, непобедимо учение апостолов, так что не напрасно трудился голос Павла, содействовавшего истине. Ты однако же, блаженный Павел, побуждаемый за истину, скажи, вознегодуй за веру, скажи в негодовании еретикам: откуда вы научились аристотелевскому? Кто предпочёл Платона Евангелиям? Кто отверг проповедь веры, и ввёл неверующее исследование? Где ты узнал: нерождённый и рожденный? Ты оставил Отца, отверг название Сына, счёл недостойным достоинство Духа, обращаешься к человеческим словам. Хорошо говорил Иеремия: "**Не стало у них истины, она отнята от уст их**" (Иер. 7:28). Что сказал Петр, и был ублажен? "…**Ты - Христос, Сын Бога Живаго**" (Мф. 16:16). Не сказал он: ты рождение нерождённого, но - "…**Ты - Христос, Сын Бога Живаго**". Когда Отец открывал ему мудрость, неужели он не умел понять? Неужели Христос не мог сказать апостолам, когда повелел им крестить: отправившись, крестите народы во имя нерождённого и рождённого? Но он (Петр) нашёл имя мудрее таинственных преданий. Ты описываешь божественное, уничтожаешь веру и вводишь исследование; но страшись, враг: Пётр владеет ключами; он получил ключи, когда сказал: "…**Ты - Христос, Сын Бога Живаго**". Которых увидит Пётр называющими Сыном, тем открывает дверь царства; а которых найдёт называющими творением и богохульствующими, от тех закрывает дверь Церкви. Он получил ключи не прежде, чем сказал: "…**Ты - Христос, Сын Бога Живаго**"; тогда и он слышит от Него: "…**блажен ты, Симон, сын Ионин**… …**дам тебе ключи Царства Небесного**…" (Мф. 16:18,19). После исповедания - власть; после веры - передача Церкви и царства.

3. Но одни выступают против Сына, другие восстают против Святого Духа; никакой пользы, когда Христа признают, и Духа Святого отвергают; равно никакой пользы, когда признают Отца, и Сына отвергают. иудеи также признают Отца, отрицая Сына, и у них

нет вечной жизни. Презирающий славу Сына не принимается Отцом. Тщательно вникни: и друзья Иова собрались для Бога, но осудили Иова; а Бог не одобрил даже содействовавших Ему, но говорит: зачем вы говорили против раба моего, Иова (Иов. 42:7)? Если Он не принял друзей, говоривших против Иова и славивших Его, то примет ли когда-нибудь отвергающих Сына и признающих Его. Ни в каком случае, - потому что "**Ненавидящий Меня**", - говорит, - "**ненавидит и Отца моего**" (Ин. 15:23). Одинаково, как Отец не принимает чести для Себя, когда Сын отвергается, - так ни Отец и Сын, когда отвергается Святой Дух. Павел нашёл получивших начало от еретических плевел, но ещё без дерзновения. В Ефесе Азийском он находит некоторых крещённых, и говорит им: "…**приняли ли вы Святаго Духа, уверовав**"? А они сказали: "…**мы даже и не слыхали, есть ли Дух Святый**". Потом доблестный голос: "…**во что же вы крестились**" (Деян. 19:2,3)? Пусть Пётр и Павел наставят Церковь, чтобы не сплетались еретические исследования. Откуда ненавистное название Евномия? Откуда еретические смена? Подлинно, погибла истина у нечестивых, и возобладало аристотелевское учение. Ты постигаешь пределы человеческой природы в божественной (природе) и не рождённом, и называешь (Его) рождённым? Но чем же, говорит, ты называешь Отца? Называю нерожденным, но не как ты; называю Отца нерожденным, потому что Он не был рождён. Но называю также нерождённым Адама, потому что он не был рождён, а создан. Не изумляй слушателей: это выдумки; нерождён Отец, и многое другое нерожденно. Потому, всё, что не родилось, называется нерождённым; также всё делающееся, но ещё не сделавшееся, называется нерождённым; воскресение мёртвых нерожденно теперь, потому что оно делается, но ещё не сделалось, не приготовлено, ещё не родилось. Нерождённым называется также то, что не сделано, и что не должно быть сделано когда-либо, каково многое нерождённое; так пророки и, в частности, Даниил говорит: "…**видел я в ночном видении моем,** …**четыре больших зверя вышли из моря**… **Первый - как лев, но у него крылья орлиные**…" (Дан. 7:2-4). Где ты, скажи мне, видел зверя, львицу, с таким устройством? Где видел зверя, с железными когтями и медными зубами? Это пророк изобразил согласно видению; (такого) не было и не бывает, этот зверь есть нерождённый, никогда не бывший, (зверь) лишь по имени. Какие это были жёны с крыльями, которых видел Захария и "…**крылья у них как крылья аиста**" (Зах. 5:9)? Где ты видел барса с крыльями? Все это рассказывает блаженный Даниил. Или, где ты видел статую, устроенную из золота, серебра, меди, железа и глины, какую видел Даниил? Каждое из этого нерожденно, потому что не было, а изображено, как измышление и видение. Итак, не думай, что ты доставляешь Отцу нечто очень приятное, когда называешь Его не рождённым, - так как многое также другое нерождённое называется нерождённым. Знаю, что это слово глубоко; но я дошёл и до этих мест, чтобы обличить еретическое нечестие. Называется также человек нерождённым, если он нерождён. Но если он не был рождён, скажешь, то почему (так) называется? Покажу тебе человека нерождённого: Спаситель говорит об Иуде предателе: "…**горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться**" (Мф. 26:24). А как ему было бы хорошо? Ведь несуществующему ничто не приносит ни пользы, ни вреда. И Соломон ублажает нерождённого человека, говоря так: счастлив умерший больше, чем живущий, "…**а блаженнее их обоих тот, кто еще не существовал**" (Екк. 4:2,3). Но каким образом он блажен, если не был рождён? Обрати внимание на имена нерождённой природы. Он назвал блаженным человека нерождённого, и даже несоставленного, - так что название нерождённого не объясняет божественной природы; и не обозначает, как ты говоришь, нерождённой сущности, и не приносит чести Отцу; у пророка есть и другие имена нерождённых и рождённых, как доказано раньше, но они указывают только на несуществующее. Но скажем им с Давидом: "**Поведали мне законопреступники (свои) рассуждения, но это - не закон Твой, Господи**" (Пс. 118:85). Прими Петров голос, Павлово учение: "…**Христос по плоти, сущий над всем Бог, благословенный во веки, аминь**" (Рим. 9:5). Святой Дух да будет покланяем, воспеваем, славим. Из божественного

Писания мы богословствуем, - желают ли враги, или нет; свидетельствует мне и Павел, говоря: " **Разве не знаете, что вы храм Божий**", и кто обитатель (1 Кор. 3:16)? и: "**Дух Божий живет в вас**". Итак, иное храм, и иной обитающий. Не слышал ли ты Петра, который сказал: "**Анания! Для чего [ты допустил] сатане вложить в сердце твое [мысль] солгать Духу Святому**…" ? и прибавил: "**Ты солгал не человекам, а Богу**" (Деян. 5:3,4). Но еретики говорят: он не назвал Духа Богом, а (сказал лишь), что Дух был послан от Бога: оскорбляющей Духа, говорят, оскорбляет Бога, пославшего Духа. Но, о, неразумный и несмысленный! - а для безбожника нет никакого другого более подходящего названия, как неразумный: "**Сказал безумец в сердце своем: "нет Бога""** (Пс. 13:1), - он не сказал так, как ты полагаешь. Если бы оскорбление Духа восходило к Богу, как пославшему, нужно было бы сказать: не Духу ты солгал, но Богу. Но этого достаточно; должно уподобить апостольскому хору Святую Троицу, о Которой Отец возвещает. Троица апостолов - свидетель небесной Троицы. Итак, возвеселимся в чистоте и скажем: "…**у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа**" (Ис. 54:1), или - нежели всякая ересь, имеющая учителем человека, а не Бога. Молитвами и ходатайством общего отца и учителя, да пребудем все мы вместе с апостолами и мучениками в православной вере, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава со Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] У Миня эта беседа относится к разряду dubia (сомнительных), так что с решительностью не усвояется даже еп. Севериану. Предполагается, что неизвестный оратор говорил в Константинополе, скоро по изгнании оттуда императором Федосием Великим аномеев (еретиков, учивших о неподобосущии Сына Отцу). Изгнание было в 380 году; оратор мог говорить в 381 году. В конце оратор намекает на некоего отца, невидимому, епископа. Думают, что здесь разумеется св. Григорий Назианзин (Богослов), отказавшийся тогда от столичной кафедры ради церковного мира. Он умер в 390 году.

[2] Было относится к Слову Божию, а не был - к И. Крестителю.

Его же, о кротости[1].

I. Думаю, все вы ясно знаете, что прилично разумно слушающим слова Божии упражняться в хороших нравах и добродетельных обычаях. Чем особенно отличаются рабы Христовы от незнающих истины, так это тем, что они живут по добросердечию и делают свою жизнь достойною благочестия. Ничего нет неестественного, если незнающие Христа порочны и негодны по своему обычаю; а раб Христов пусть более называется по кротости нрава, чем по имени, положенному на него его родителями. Не столько Бог любит род человеческий за девство, за пост, за презрение имущества, за готовность простирать руку нуждающимся, сколько за кротость и благопорядок в нравах; даже готовность помогать нуждающимся у всех любящих Христа ни откуда больше происходить, как только от добросердечия. И как потоки из источников, так попечение о нищих (проистекает) из кротости права. Всякий добрый и кроткий легко привлекается к человеколюбию, и не может перенести пренебрежение к находящимся в нужде, считая бедность других несчастием для самого себя. Зависть хуже всего; а добрый и кроткий муж не допускает в свою душу этой злой болезни, но, при виде братьев, пользующихся хорошей славой, сорадуется и желает счастья, считая хорошую славу других хорошею славою для самого себя, почитая достояние друзей общим, сорадуясь им в добром, скорбя с ними в печали. Таковы дары кротости, такова жизнь живущих добротою: кроткий - отец сирот, заступник вдов, попечитель о бедности, помощник обижаемым, всюду правдив.

Живущий кротостью почтенен - и отец для сына, и сын для отца, и раб для господина, и ничто другое не помогает столько господину пользоваться благосклонностью рабов: когда они видят его радующимся добру и относящимся ко всем кротко, - высоко ценят и удивляются, считая (его) более отцом, чем господином и обладателем.

Вот мы, по нашим силам, тщательно исследуем, сколько для добрых происходит блага из кротости их нравов. Кроткий любезен для видящих, любезен и для знающих по слуху; нет никого, кто бы, слыша, что хвалят человека за кротость, не пожелал на него взглянуть, приветствовать и постоянно видеть, извлекая отчасти для себя пользу из такой дружбы. И если какие-нибудь друг с другом поссорятся из-за имущества, они спешат к доброму и кроткому, думая, что всякий спор и тяжба разрешатся скоро по его доброте. И если случится, что люди злорадствуют друг к другу, - кротость судьи пристыжает, так что легко увлекающиеся гневом и яростью делаются кроткими. А если некоторые, желая приводить ссорящихся к дружбе, сами себя покажут иными, то к ним не может явиться уважения, - потому что в каждом деле, думаю, убедителен тот советник, который прежде вех берётся за действия, держаться которых он советует. Итак, когда учитель доброты является первым утверждающим свои наставления, - он, как только появляется, укрощает даже беснующихся, и совсем ему не нужны внушения и слова, он вводит мир, прежде чем что-либо произнесёт. И как луч солнца, появившись, быстро прогоняет тьму, так добрый и кроткий быстро изменяет смущение и ссору в мир и тишину. Следует также и то заметить, что только о мирных по нраву Христос говорит, что они сыны Божии (Мф. 5:9). Итак, за что Он предоставил участие в собственном Своём названии только добрым? За то, что только становящийся между другими виновником дружбы и мира подражает по силе Сыну Божию. Он, как Бог и Господь всего, явившись к нам через Свою божественную плоть, соединил в любви святых ангелов и людей, бывших в неприязни; а добрый человек убеждает братьев, родственников и домашних, стоящих друг к другу в неприязни, - почтить законы Божии и, отбросив вражду, любить друг друга, по божественному повелению. И что в теле нашем жилы, то добрый человек в доме, церкви и городе. Павел обычно называет братьев телом и членами друг друга (Еф. 4:25); приводящий к любви разделившихся и ссорящихся подтверждает слово Павла, убеждая всех не забывать своих членов, и не поедать друг друга. Итак, истинно то слово, - что становящейся виновником мира между братьями, сближающей и соединяющей разделившихся и ссорящихся друг с другом, имеет ту же самую силу в церкви, доме и городе, какую имеют в теле жилы. Каждый получает эту силу над другими, когда он сам первый является живущим по добру; а легко увлекающейся гневом может показаться смешным для многих, когда будет стараться делать кроткими раздражающихся. Что может быть хуже людей, служащих рабами греху? Кто, видя такого, не отвращает своих глаз? Гневный муж неприятен для встречных, неприятен для соседей, и, если будет поставлен в нужду относительно денег, не легко добудет облегчителей бедности; он общий враг и граждан, и пришельцев, когда шумит и кричит, наносить удары встречным, говорит возможное и невозможное; у такого взор отуманивается, лицо вздувается, язык неистовствует, руки легко поднимаются на всё, такой делает свойственное одержимому демоном, и иной, видя человека в ярости, может недоумевать - демон ли преследует несчастного, или сам по себе он увлекся в такое безумие. Гнев - послушный демон, самопроизвольное безумие, отсутствие мозгов; раздражающийся - игрушка диавола, мастерская демонов, служитель, достойный их злости. Скажи мне, чего особенно желают демоны, чтобы люди делали? Не того ли, чтобы оскорбляли родителей? Чтобы возлагали на родивших свои скверные руки? Чтобы злословили Бога? Всё это дела раздражающихся, так что ярость легко делается у поработившихся гневу и виновницей нечестия. Предавшие самих себя ярости не могут даже скоро сдерживать самих себя; но, как в ненастье и морскую бурю, при отсутствии кормчего, волны, овладевая оставленным кораблём, быстро потопляют его, так и ярость, точно какая гроза и упавшее на душу ненастье, быстро делает поработившегося ей

безумным и помешанным. Итак, что же? (Дело) доброжелательных людей - заранее останавливать эту болезнь, удерживать душу и успокаивать ярость увещаниями Писания, прежде чем увлечься гневом. Если звери легко уступают заклинаниям чародеев, - чему удивляешься, что слова Христа быстро изменяют дикую душу в тихую и уравновешенную? "**Всякое раздражение и ярость**", - говорит (апостол), - "**и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас; но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга**" - если кто-нибудь будет иметь укор к кому-нибудь, - "**как и Бог во Христе простил вас. Итак, подражайте Богу**…" (Еф. 4:31,32; 5:1). Видите ли, каков кроткий? Подражателем кого он называется? Не ангелов, не архангелов, но Владыки всех. Хотя и они - кротчайшие и исполнены всякой добродетели, однако Павел назвал кротких соревнователями Божиими, чтобы величием этой чести наставить слушающих быть кротчайшими, чтобы всякий, оскорбляемый или терпящий что-нибудь иное ужасное, переносил поношения кротко, и удерживался бы от гнева, как имеющий следовать Богу, в воздержании от гнева. В чём именно (дело) Божие? Он свыше всё видит и слышит, а много обид в том, что говорится и делается на земле. Есть некоторые, дошедшие в нечестии до того, что даже Бога злословят, когда опечалятся чем-либо в своих делах, и, смотря на небо, не удерживаются ни от какого слова; а Бог переносит, и не мстит, имея столько силы для отмщения нечестивым. Если бы Бог наказывал всех согрешающих, очень мало было бы спасающихся, ни живых не было бы достаточно для погребения. Потому Давид говорит: "**Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, - Господи! кто устоит? Но у Тебя прощение**…" (Пс. 129:3,4). Теперь же и в этом самом Бог показывает Своё человеколюбие, - что Он не наказывает даже по справедливости. Итак, кто желает быть подобным Богу, пусть будет, по силе человеческой, кротким и смирным, и пусть благородно переносит, когда будет терпеть что-либо ужасное от посторонних. "**Любите**", - говорит (Господь), - "**врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас**…", "…**да будете**…" подобны Отцу вашему, - "…**ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных**" (Лук. 6:27; Мф. 5:44,45).

Итак, много есть добродетелей, приличествующих христианским мужам, но больше всех кротость, потому что только сияющих ею Христос называет ревнителями Божиими. Нам следует, когда оскорбит кто-либо, или ударит, или сделает другое что ужасное, переносить всё благородно с спокойною душою, помышляя о том, что кротость делает подражателями Богу. И сам Владыка и Спаситель наш, будучи оскорбляем, получая удары, подвергаясь пригвождению, распятие на кресте, кротко перенёс иудейское безумие, и не отмстил, имя столько силы для отмщения нечестивым, но показал Свою силу в сотрясении земли, воскресении мёртвых, сокрытии солнца и обращении дня в ночь, а кротость и человеколюбие в том, что не наказал никого из нечестивых, - чтобы знали все нечестивые, поднимавшие руки на Владыку, что так легко потрясши землю и повелевший солнцу сразу сделаться невидимым легко бы наказал безумцев; теперь же, так как Он смирен и кротко переносит безумие нечестивых, не только сам кротко претерпел распинающих, злословящих, но даже умолял Отца не употреблять против нечестивых небесных стрел. Итак, когда к тебе, терпящему что-либо ужасное и невыносимое, подступят гнев и ярость, вспомни о кротости Христа, и скоро станешь смирным и кротким, извлекая величайшую пользу из кротости не только для себя, но принося пользу даже врагу, и наставляя (его) быть добрым. Когда он увидит, что ты, удерживаясь от гнева, до крайности кротко терпишь, - скоро и он будет хорошим и добрым и, отбросив ярость, пожелает сделаться ревнителем твоей кротости. Таким образом, кто желает побеждать раздражающихся, - пусть благородно переносит оскорбления и удары, - и он увидит много перемены в обезумевшем и поражающем; если же он, побеждённый гневом, будет стараться отразить равным (оружием) врага, - не будет никогда предела гневу и

борьбе, но вечно безумствующие и желающие побеждать друг друга поношениями и ударами увлекутся в безграничную войну и борьбу, замышляя друг против друга, навязывая клеветы, осмеливаясь ложно клясться, думая обвинять в том, чего не видели и не слышали, днём, как собаки, неистовствуя и ища врага, а большую часть ночи употребляя на обдумывание какого-либо зла и приготовление козней. Таких не очищает от страстей даже сон, но, при мысли, что есть враг, что он поносит и поражает, они пробуждаются во время сна, желая взаимной резни больше, чем трапезы; а другие, в опьянении гневом, чем больше получают зла друг от друга, - нанимая клеветников и преподнося один другому невыразимые обстоятельства, - тем более подстрекаются на безумие. Что, (как) говорят, терпят пьяницы, которые ненасытимым пьянством увлекаются к более сильной жажде, то же терпят поработившиеся гневу, которые увлекаются безмерными спорами к всё большему и тяжелейшему безумию: этот назвал рабом, тот - сыном блудницы, этот - безумным, тот -бесноватым, этот - вором и несправедливым, тот - исполненным всякой низости. Потом, в опьянении от гнева, схватившись друг с другом, бывают почти похожи на зверей, когда бьют (друг друга), толкают, кусают, рассекают тело, не щадя никакой части (его), ни глаз, ни ушей, ни носа, ни лица, ни другого какого-либо члена, но, столкнувшись друг с другом и рассекши самих себя, - и какого (только) зла не сделав? - удаляются от борьбы: один с вырванным глазом, другой - губами, иной - другою какою-либо частью тела, губя более душу, чем тело, в безумии, помешательстве, ярости, в неведении закона Божия и Спасителя, повелевающего побиваемым, поражаемым и прочее терпящим переносить всё благородно со спокойною душою, и побеждать кротостью ярость обижающих. Делающий так восхваляется людьми, а венчается Богом и Спасителем. Потому нужно, в виду венца, который приготовляет Бог для хороших и добрых, быть стойким и кротко терпеть гневающихся. Ведь глупо, что борцы гимнастических состязаний, в виду пустой славы и ничего нестоящего венка, переносят пыль, удары и раны, - а мы, имеющие увенчаться Христом, не удерживаемся от гнева, не переносим всё благородно, но предпочитаем краткое удовольствие и несправедливую ярость небесной чести и хорошей славе. И то мы знаем, что из многого и великого, чем была украшена жизнь праведных, это, т. е. жизнь по доброте и кроткое отношение к обижающим, прежде всего другого сделало блестящими этих мужей. Благодаря этому, Моисей, кротко перенося иудейское безумие и спасая своими молитвами врагов, насладился небесною честью и хорошею славою более остальных, и был назван другом Божиим; благодаря этому, Давид, щадивший врагов и неприятелей, снискал пред Богом много благоволения и любви. Это может украшать всякого человека, а особенно состоящих во власти. Для всемогущей царской власти сдерживать себя и делать закон Божий своим водителем в делах - это великая похвала и слава. Я Павел, и Пётр, достигшие через эту добродетель небесного свода, жили ею, воссияли кротостью больше, чем прочими благами, чествуя поношающих, делая добро врагам, часто спасая молитвами побивавших камнями; поступая так, они знали, что это особенно угодно Богу, и более прочих благ почитается на небе. Потому они оказались свою жизнь украшающими кротостью, и прочих людей побуждающими к ней. Видя также Стефана молящимся за врагов во время опасности за благочестие (Деян. 7:59), мы одинаково удивляемся кротости и подвигам. Итак, когда у нас столько и таких руководителей в доброте, будем побуждать самих себя и других идти по их следам, и служить кротостью Богу, принимающему это служение с большей радостью, чем все остальные добродетели. И божественнейший Павел, намереваясь показать добродетель апостола, желает явиться служителем Христовым особенно по кротости (1 Тим. 3:3; Тит. 3:2); хотя много он мог сказать, если бы желал говорить о предметах, украшающих апостола - об изгнании демонов, воскресении мёртвых, однако, всё это миновав, он всюду рассказывает о доброте в нравах, излагая и говоря, в каком кротком отношении он был ко врагам, чтобы и нас убедить идти по его следам, и быть добрыми и кроткими. Итак, справедливо следовать этим святым, и делать их примером жизни для себя, чтобы, блистая всем прекрасным,

достигнуть нам благ, обетованных великим Богом и Спасителем нашим, через Которого и с Которым Отцу со Святым Духом всякая слава, честь и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Подобно предыдущей и эта беседа признается сомнительной. Об авторе ничего неизвестно.

ПОРЯДОК БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ

святого отца нашего Иоанна Златоуста[1].

Священнику, намеревающемуся совершать божественное таинство, должно, главным образом, быть исповедавшимся (в грехах) и примирившимся со всеми, соблюдающим, насколько есть силы, своё сердце чистым от худых помыслов, воздержавшимся (от пищи) вечером и в бодрственности до времени священнодействия. Когда наступило это время, он, по совершении обычного поклона[2] предстоятелю, входит в храм и, в соединение с диаконом, делают вместе три поклонения к востоку пред образом Спасителя и пресвятой Богородицы, и двум хорам по одному (поклонению). Когда покланяются, тихо говорят такую молитву: "Господи, Боже наш! Простри руку Свою из святого жилища Своего и дай мне силу на предлежащее Твоё служение, чтобы, неосужденно представ пред страшным Твоим алтарём, совершил я безкровное священнодействие, так как Тебе принадлежат сила и слава во веки веков. Истинно".

Войдя в святилище[3], берут каждый своею рукою свой стихарь, и делают три поклонения на восток, говоря про себя: "**Боже! будь милостив ко мне грешнику!**" (Лук. 18:13).

Потом диакон, наклонив голову, держа также правою рукою стихарь с орарем, подходит к священнику, говоря: "Благослови, владыка, стихарь с орарем".

Священник, благословляя рукою, говорит: "Благословен Бог наш, постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

Потом диакон отходить сам по себе на одну сторону святилища и облачается в стихарь, молясь так: "**А моя душа будет радоваться о Господе**" (Пс. 34:9); "**Он облек меня в ризы спасения, одеждою правды одел меня, как на жениха возложил венец и, как невесту, украсил убранством**" (Ис. 61:10)[4] .

И, поцеловав орарь, возлагает на своё левое плечо. Также сам священник, взяв стихарь[5], благословляет его, и, поцеловав, облачается (в него), говоря про себя раньше сказанный псалом, подобно диакону. И взяв нарукавники, священник, (беря один из них) правою рукою, говорит так:

"**Десница Твоя, Господи, прославилась в силе: десная Твоя рука, Господи сокрушила врагов, и множеством славы Твоей стер супостатов**"[6] (Ис. 15:6): "**десница Господня творит силу!**" (Пс. 117:15), - левой рукой, говорит так: "**Руки Твои сотворили меня и устроили меня**" (Пс. 118:73).

Потом, взяв епитрахиль[7], благословив, целует; и, полагая на свою шею, говорит: "Благословен Бог, изливающий благодать Свою на священников Своих, "**как драгоценный елей на голове, стекающий на бороду, бороду Ааронову, стекающий на**

края одежды его; как роса Ермонская, сходящая на горы Сионские, ибо там заповедал Господь благословение и жизнь на веки" (Пс. 132:2, 3).

И, взяв пояс и благословив, целует и говорит: "Благословен "**Бог препоясывает меня силою**" (Пс. 17:33) и изливающий благодать Свою, постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

Потом, взяв набедренник[8], - если (облачающийся) есть протосинкел[9] великой церкви[10], или кто-либо иной, имеющий какое-нибудь достоинство, - и благословив его, поцеловав, говорит: "**Препояшь Себя по бедру мечом Твоим, Сильный, славою Твоею и красотою Твоею, и в сем украшении Твоем поспеши, воссядь на колесницу ради истины и кротости и правды, и десница Твоя покажет Тебе дивные дела**" (Пс. 44:4,5), постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

Потом, взяв фелонь[11], и, благословив, целует и говорит: "**Священники Твои облекутся правдою, и святые Твои возрадуются**" радостью (Пс. 131:9), постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

Потом, отойдя в предложение, они моют свои руки, говоря: "**буду омывать в невинности руки мои и обходить жертвенник Твой, Господи, чтобы возвещать гласом хвалы и поведать все чудеса Твои. Господи! возлюбил я обитель дома Твоего и место жилища славы Твоей. Не погуби души моей с грешниками и жизни моей с кровожадными, у которых в руках злодейство, и которых правая рука полна мздоимства. А я хожу в моей непорочности; избавь меня, и помилуй меня. Моя нога стоит на прямом [пути]; в собраниях благословлю Господа**" (Пс. 25:6 - 12).

Диакон приготовляет священные (принадлежности): святой дискос[12] на левой стороне, чашу на правой, и остальное с ними. Потом, совершив три поклонения пред (столом) предложения, говорят каждый: "**Боже! будь милостив ко мне грешнику!**" (Лук. 18:13), и помилуй меня"; и (ещё): "Ты, Спаситель наш, искупивший нас "**от клятвы закона**" (Гал. 3:13) честною Твоею кровью, пригвождённый ко кресту и копьём пронзённый, сделавшийся для людей источником безсмертия, слава Тебе".

Потом, диакон говорит: "Благослови, владыка". И священник благословляет: "Благословен Бог наш, постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

Потом, священник берёт левой рукой просфору, а правою святое копье[13], и, делая им знак (креста) поверх знака печати на просфоре, трижды говорит: "**В …воспоминание**" (Лук. 22:19) **Господа и Бога и Спасителя нашего, Иисуса Христа**".

И тотчас вонзает святое копье на правой стороне печати, и, (сверху) надрезая, говорит: "**как овца, веден был Он на заклание**". Одинаково, вонзая святое копье на левой (стороне), говорит: "**И как овца**" незлобивый "**пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих**".

Вонзая святое копье на верхней сторон печати, говорит: "**От уз и суда Он был взят**". Опять, вонзая святое копье на нижней стороне печати, говорит: "**род Его кто изъяснит**" (Ис. 53:7, 8)?

Диакон, при каждом надрезании, говорит: "Господу помолимся". После этого, держа свой орарь правою рукою, диакон говорит: "Подними (вырезанный агнец), владыка".

И священник, вдвинув святое копье с боковой правой стороны просфоры, поднимает (вырезанный) святой хлеб, говоря так: "**Он отторгнут от земли живых**" (Ис. 53:8), постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно". И, полагая его навзничь (т. е., мягкою стороною вверх) на святом дискосе, - после того, как диакон скажет: "Принеси в жертву[14], владыка", - священник приносит его в жертву крестообразно, говоря: "Приносится в жертву **Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира**" (Ин. 1:29), за жизнь мира и спасение". И поворачивает на другую сторону, с крестом наверху, и диакон говорит: "Вонзи, владыка".

Священник, вонзая в него святым копьём с правой стороны, говорит: "И "**один из воинов копьём пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода**" (Ин. 19:34). Диакон вливает в святую чашу вина[15] и воды, сказав прежде священнику: "Благослови, владыка, это соединение". И священник благословляет.

Потом, священник, взяв вторую просфору, говорит: "В честь и память преблагословенной, славной нашей Владычицы, Богородицы и Всегда-Девы Марии, ходатайством которой прими, Господи, эту жертву на Свой пренебесный жертвенник".

И, вынимая частицу святым копьём, полагает (её) с левой стороны святого хлеба. Потом, взяв третью просфору, говорит: (В честь и память) "честного, славного пророка, предтечи и крестителя Иоанна, святых славных и всехвальных апостолов, святых священноначальни-ков, отцов наших: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, Афанасия, Кирилла, Николая Мирского, и всех святых священноначальников, святого апостола, первомученика и архидиакона Стефана, святых великих мучеников: Георгия, Димитрия, Феодора, и всех святых мучеников, благочестивых, богоносных наших отцов: Антония, Евфимия, Савы освященного, Онуфрия, Арсения, Афанасия афонского, и всех благочестивых, святых и безсребренников исцелителей: Косьмы и Дамиана, Кира и Иоанна, Пантелеимона и Ермолая, Сампсона и Диомеда, Фаллалея и Трифона, и прочих, святых и праведных богоотцов Иоакима и Анны, святого такого-то (дневного), и всех святых, молениями которых, Боже, призри на нас".

И так (как прежде), вынимая частицу, полагает её внизу, на левой стороне. Потом, взяв другую просфору, говорит: "За нашего архиепископа, такого-то, честное пресвитерство, Христово диаконство, и весь священнический чин, за память и отпущение грехов (достойных) всегдашней памяти владетелей этой святой обители (здесь священник поименно вспоминает и живых, и умерших, которых желает), и прости, человеколюбивый Господи, всем православным отцам и братиям нашим, усопшим с надеждою на воскресение и вечную жизнь в общении с Тобою". И так, вынимая частицу, полагает ее внизу, на левой стороне.

Потом, диакон, взяв кадильницу и ладан[16], говорит священнику: "Благослови, владыка, ладан"; и "Господу помолимся". И священник говорит молитву: "Ладан Тебе приносим, Христос Бог, "**в воню благоухания**" (Ис. 29:25) духовного, которую прими, Владыка, на святой, пренебесный и мыслимый Свой жертвенник; и за то ниспошли нам богатую Свою милость, Своё милосердие, и одари ими нас, Твоих рабов, призывающих Твоё имя, Отца и Сына и Святого Духа, постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

Диакон: "Господу помолимся". И священник, окадив звездицу[17], полагает её поверх хлеба и говорит: "И "**пришла**" звезда и "**остановилась над [местом], где был Младенец**" (Мф. 2:9), лежащее, постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

Диакон: "Господу помолимся". Священник, окадив первый покров, закрывает (им) святой хлеб и говорит: "**Господь царствует; Он облечен величием, облечен Господь могуществом [и] препоясан: потому вселенная тверда, не подвигнется. Дому Твоему, Господи, принадлежит святость на долгие дни**" (Пс. 92:1,5), постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

Диакон: "Господу помолимся. Покрой, владыка". И священник, окаждая второй покров и закрывая святую чашу, говорит: "**Покрыло небеса величие Его, и славою Его наполнилась земля**" (Авв. 3:3), постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

Диакон: "Господу помолимся. Закрой, владыка". И священник, окаждая воздух[18], и закрывая то и другое, говорит: "Закрой нас "**в тени крыл Твоих**" (Пс. 16:8), Боже наш, постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

Потом, они оба, сложив свои руки крестом[19] и благоговейно поклонившись, говорят: "Благословен Бог наш, так благоволивший, постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

Диакон по поводу предложения честных даров (говорит): "Господу помолимся". Священник (говорит) молитву предложения: "Боже, Боже наш, пославший в пищу для всего Мира небесный хлеб, нашего Господа и Бога Иисуса Христа, Спасителя, искупителя и благодетеля, благословляющего и освящающего нас, сам благослови это предложение и прими его на Свой пренебесный жертвенник, вспомни, как добрый и человеколюбивый, принесших и за которых они принесли, и сохрани нас неосуждёнными в священном совершении божественных Твоих тайн". Громко: "Так как пребывает в святости и славе всечестное и величественное имя Твое, Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

И после молитвы (священник) окаждает предложение, и заканчивает[20], говоря: "Слава Тебе, Христос Бог, наша надежда". Диакон: "Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

Священник: "Христос, истинный Бог наш да помилует нас, как добрый Бог и человеколюбивый, ходатайством всесвятой, чистой, преблагословенной, славной нашей Владычицы, Богородицы и Всегда-Девы Марии, силою честного и животворящего креста, и (молитвами) всех святых". Хор (поёт): "Истинно".

И так, взяв кадильницу, диакон отходит и окаждает, крестовидно, кругом, святой престол, говоря про себя: "Ты, Христос, наполняющий всё, безграничный, (был) во гробе телом, а во аде, как Бог, душою, а в раю с разбойником, и на престоле господствовал с Отцом и Духом". И говорит пятидесятый псалом: "**Помилуй мя, Боже**…".

И, окадив святилище и весь храм, входит опять во святой алтарь, и, опять окадив святой престол и священника, полагает кадильницу на её место, а сам подходит к священнику; и, вместе став пред святым престолом, поклоняясь и молясь про себя, говорят: "Ты, Царь небесный, Утешитель, Дух истины (Ин. 14:16,17), всюду присутствующей и всё наполняющий, сокровищница добра и податель средств для жизни, приди и поселись в нас, очисти нас от всякого пятна и спаси, добрый, наши души"; ещё: "**Слава в вышних Богу, и на земле**…" (Лук. 2:14), дважды; и: "**Господи! отверзи уста мои**…" (Пс. 50:17), и прочее -однажды.

Потом священник целует Евангелие, а диакон - святой престол. Потом диакон, наклонив голову пред священником, и держа свой орарь тремя перстами правой руки, говорит: "Время совершения (молитвы) Господу. Владыка, благослови". И священник, делая над ним знак (креста), говорит: "Благословен наш Бог, постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

Диакон: "Помолись, владыка, за меня". Священник: "Господь да направит "**стопы**" (Пс. 118:133) твои". И опять диакон: "Вспомни, владыка, меня". Священник: "Пусть вспомнит тебя Господь Бог в Своём царстве, постоянно, теперь и всегда, и во веки веков". И диакон: "Истинно, истинно, истинно". И, трижды поклонившись, говорят про себя: "**Господи! отверзи уста мои**…", и прочее.

И после этого, диакон выходить из алтаря, и, трижды поклонившись, говорит громко: "Благослови, владыка". Священник говорит громко: "Благословенно (есть) царство Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во веки веков". Хор (поёт): "Истинно".

Диакон громко: "Мирно Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За небесный мир и спасение наших душ Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За мир (для) всего мира, постоянство святых Божиих Церквей и единство всех Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За этот святой дом и с верою, благоговением и страхом Божиим входящих в него Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За нашего архиепископа, такого-то, честное пресвитерство, Христово диаконство, весь клир и народ Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За благочестивейших и богохранимых наших царей, весь царски дом[21] и войско их Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За помощь на войне и подчинение под их ноги всякого врага и неприятеля Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За эту святую обитель, всякий город и страну и по вере живущих в них Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За благорастворённость воздуха, плодородие земли и мирные времена Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За находящихся в плавании, путешествии, болеющих, трудящихся, пленённых, и спасение их Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За избавление нас от всякого горя, раздражения, опасности и неизбежности Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй".

Молитва первого антифона[22], тихо: "Господи, Боже наш, Которого могущество нельзя представить, и славу нельзя обнять, Которого милость нельзя измерить и о человеколюбии рассказать, сам, Владыка, призри, по Своему милосердию, на нас и на этот святой дом, и окажи к нам и молящимся с нами богатую свою милость и своё сострадание".

Когда священник в алтаре говорит тихо молитву, в это же самое время диакон вне алтаря говорит мирные (прошения); * а если нет диакона, священник говорит молитву после этих мирных (прошений) и возглашения[23].

Диакон: "Возьми к Себе, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Своею благодатью". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Мы, вспомнив о всесвятой, чистой, преблагословенной, славной нашей Владычице, Богородица и Всегда-Деве Марии со всеми святыми, отдадим Христу Богу самих себя, друг друга и всю нашу жизнь". Хор: "Тебе, Господи".

Священник громко: "Так как Тебе приличествуют всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, теперь и всегда, и во веки веков". Хор: "Истинно".

После мирных (прошений), хор поёт первый антифон, или, если воскресный день, образные (псалмы)[24], или дневное.

Молитва второго антифона, тихо: "Господи, Боже наш, спаси Свой народ и благослови Своё "**наследие**" (Ис. 19:25), сохрани Церковь Свою в её полноте, освяти любящих красоту Твоего дома; Ты прославь их за это Своею божественною силою, и не оставь нас, надеющихся на Тебя". Заметь себе: и здесь так же, как во время первой молитвы, есть ли диакон, или нет.

Диакон: "Ещё и ещё мирно Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Возьми к Себе, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Своею благодатью". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Мы, вспомнив о всесвятой, чистой, преблагословенной, славной нашей Владычице, Богородице и Всегда-Деве Марии со всеми святыми, отдадим Христу Богу самих себя, друг друга и всю нашу жизнь". Хор: "Тебе, Господи".

Священник громко: "Так как Твоя есть власть, и Твои царство, сила и слава, Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во веки веков". Хор: "Истинно".

После вторых мирных (прошений), хор поёт второй антифон, пли, если воскресный день, второй образный (псалом), или дневное.

Молитва третьего антифона, тихо: "Ты, даровавший нам эти общие и согласные молитвы, обещавший выполнять просьбы, при согласии во имя Твое двух и трёх, и теперь Сам исполни прошения Своих рабов, сообразно с пользою (их), доставляя нам средства в настоящем веке к познанию Твоей истины, и имея даровать вечную жизнь в будущем (веке)". Заметь себе: и здесь так же, как во время первой и второй молитвы, есть ли диакон, или нет.

Диакон: "Ещё и ещё мирно Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Возьми к Себе, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Своею благодатью". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Мы, вспомнив о всесвятой, чистой, преблагословенной, славной нашей Владычице, Богородице и Всегда-Деве Марии со всеми святыми, отдадим Христу Богу самих себя, друг друга и всю нашу жизнь". Хор: "Тебе, Господи".

Священник громко: "Так как Ты пребываешь добрым и человеколюбивым Богом, и Тебя мы прославляем, Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во веки веков". Хор: "Истинно".

Здесь хор поёт третий антифон, или третью — шестую (песнь канона)[25]; а если также воскресный день, поёт блаженства[26] и (в честь) дневного святого. Когда хор дойдёт до "Слава Отцу", священник и диакон делают пред святым престолом три поклонения. Потом священник, взяв святое Евангелие, даёт (его) диакону, и, выйдя так чрез дверь северной стороны (алтаря), идут на обычное место, совершают малый вход и оба наклоняют свои головы, - и, когда диакон, держа также вместе орарь тремя перстами, тихо скажет: "Господу помолимся", (тогда) священник говорит молитву входа.

Молитва входа святого Евангелия, тихо: "Владыка, Господи, Боже наш, установивший на небесах, на служение Твоей славе, чины и воинства ангелов и архангелов, — сделай, чтобы с нашим входом был вход святых ангелов, служащих вместе с нами и сопрославляющих Твою доброту". Громко: "Так как Тебе приличествуют всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, теперь и всегда, и во веки веков". Хор: "Истинно".

По совершении молитвы, диакон говорит священнику: "Благослови, владыка, святой вход", - показывая также вместе орарем на восток. И священник, делая крест по восточной (стороне), говорит: "Благословен вход Твоих святых, постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

Потом диакон подходит к епископу, если он присутствует, и (тот) целует Евангелие, - или священник целует; и, по исполнении последнего тропаря[27], диакон входит на средину, и, став пред священником, немного поднимает свои руки и громко говорит, показывая святое Евангелие: "Премудрость прямая"[28]. Потом сам он и священник позади его, поклонившись, входят во святой алтарь; и диакон полагает святое Евангелие на святом престоле, а поющие говорят обычные тропари и (в честь) дневного святого. И, когда дойдут до последнего, диакон, наклоняя голову и держа рукою орарь, говорит священнику: "Благослови, владыка, время трисвятого"[29]. И священник, делая над ним знак (креста), говорит: "Так как Ты, Бог наш, свят, постоянно, теперь н всегда". По исполнении тропаря, диакон идёт близ святых дверей и показывает орарь вне (стоящим), громко говоря: "И во веки веков". Хор: "Истинно".

Когда хор поёт трисвятое, священник молится тихо.

Молитва трисвятого, тихо: "Ты, святой Бог, покоющийся между святыми, воспеваемый святейшим голосом Серафимов, прославляемый Херувимами, принимающий поклонение от всякой небесной силы, приведший всё из несуществования в существование, создавший человека по Своему образу и подобию и украсивший (его) всяким Твоим даром, дающий премудрость и разум просящему, непрезирающий согрешающего, но назначивший (ему) покаяние с целью спасения и удостоивши нас, низких и недостойных Твоих рабов, стать также в этот час пред славою святого Твоего жертвенника и приносить Тебе должное поклонение и прославление, - сам, Владыка, прими трисвятую песнь и от наших грешных уст, посети нас Своею добротою, прости нам всякое, вольное и невольное, прегрешение, освяти наши души и тела и дай нам благочестиво служить Тебе во все дни нашей жизни, по ходатайству святой Богородицы и всех святых, от вечности сделавшихся угодными Тебе". Громко: "Так как Ты, Бог наш, свят, и Тебя мы прославляем, Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во веки веков". Хор: "Истинно".

По окончании этой (молитвы), когда хор поёт "Слава и теперь", также сами, священник и диакон, поют трисвятое, делая в то же время и три поклонения пред святым престолом. Потом, диакон говорит священнику: "Благослови, владыка"[30], и отходят к седалищу[31]. И священник, отходя, говорит: "**благословен грядущий во имя Господне**" (Ин. 12:13). Диакон: "Благослови, владыка, небесное седалище". И священник: "Благословен Ты на престоле славы царства Своего, "**седящий на Херувимах**" (4 Цар. 19:15), постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

И после исполнения трисвятого, диакон, дойдя до двери, говорит: "Будем внимательны". И священник: "Мир всем". Диакон: "Премудрость". И чтец начинает: "Хвалите Бога. Псалом Давида"[32]. И опять диакон: "Будем внимательны". Чтец (говорит) прокимен[33] апостола и дневной. И опять диакон: "Будем внимательны". И, по исполнении апостола, священник громко говорит: "Мир тебе". Диакон: "Премудрость". И хор: "Хвалите Бога. Псалом Давида"[34]. И диакон, взяв кадильницу и ладан, подходит к священнику, говоря: "Благослови, владыка, ладан".

Когда священник благословляет, и скажет эту молитву: "Ладан Тебе приносим, Христос Бог наш, в "**воню благоухания**" (Иса. 29:25) духовного; за то ниспошли нам

божественную благодать всесвятого Твоего Духа, постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно"[35], - диакон кругом окаждает святой престол, всё святилище и воздух[36]. И после этого, отложив кадильницу, идёт к священнику, и, наклонив к нему голову, держа также верхними перстами орарь со святым Евангелием, то есть на том месте святого престола, говорит: "Благослови, владыка, благовестителя святого апостола и евангелиста, такого-то". Священник, совершая над ним знак (креста), говорит: "Бог, по ходатайству святого, славного апостола и евангелиста, такого-то, пусть даст тебе, при твоём благовестии (со) многою силою, слово для благовестия"[37]. И диакон, сказав: "Истинно", благоговейно поклонившись святому Евангелию и выйдя, в предшествии светильников и ладана, чрез святые двери, идёт и становится вверху на амвон[38], или на назначенном месте. Священник, стоя пред святым престолом, смотря на запад, громко говорит: "Премудрость прямая. Послушаем святого Евангелия". И диакон: "Из (Евангелия) по такому-то святому Евангелию чтение". И священник: "Будем внимательны". По исполнении Евангелия, священник говорит диакону: «Мир тебе". И диакон, дойдя до святых дверей, отдаёт святое Евангелие священнику.

Потом, став на обычном месте, (диакон) начинает так: "Скажем все от всей души, и скажем от всего помышления". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Господь Вседержитель, Бог отцов наших, молимся Тебе: выслушай и помилуй". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Помилуй нас, Боже: по великой Своей милости, молимся Тебе, Господи: выслушай". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Ещё молимся за благочестивейших и богохранимых наших царей, (за) власть, победу, постоянство, мир, здоровье, спасение их, и особенно (за) содействие Господа, Бога нашего, их успеху во всём и подчинение под их ноги всякого врага и неприятеля". Хор: "Господи, помилуй".

Священник говорит эту молитву, тихо: "Господи, Боже наш, прими от Своих рабов это напряжённое моление, помилуй нас по множеству Своей милости и ниспошли Своё милосердие на нас и на весь Свой народ, ожидающий от Тебя богатой милости". Громко: "Так как Ты пребываешь милостивым и человеколюбивым Богом, и Тебя мы прославляем, Отца. и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во веки веков". Хор: "Истинно".

Диакон: "Наставляемые[39], помолитесь Господу". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Мы, верующие, помолимся за наставляемых, чтобы Господь помиловал их". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Пусть Он наставит их слову истины". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Пусть откроет для них Евангелие правды". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Пусть соединить их со Своей святой, всеобщей и апостольской Церковью". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Спаси, помилуй, возьми к Себе и сохрани их Боже, Своею благодатию". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Наставляемые, наклоните ваши головы пред Господом". Хор: "Тебе, Господи".

Молитва (за) наставляемых, пред святым возношением (даров), которую священник говорит тихо: "Господи, Боже наш, живущий в высоте и презирающий низкое, пославший спасением для человеческого рода единородного Сына Своего, Бога, Господа нашего Иисуса Христа, - посмотри на Своих наставляемых рабов, наклонивших пред Тобою свою шею, удостой их в удобное время купели возрождения, прощения грехов и нетленной одежды, соедини их со Своею святою, всеобщею и апостольскою Церковно и сопричисли их к Своему избранному стаду". Громко: "Чтобы и они славили с нами всечестное и величественное Твоё имя, Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во веки веков". Хор: "Истинно".

После этого возглашения, священник берёт илитон[40] и, по обычаю, развертывает (его). Диакон: "Которые (суть) наставляемые - подойдите[41], наставляемые - подойдите,

которые (суть) наставляемые - подойдите. Пусть никто из наставляемых не останется (здесь). Которые (суть) верующие, ещё и ещё мирно Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй".

Первая молитва (за) верующих, которую священник говорит тихо, после того как развернуть илитон: "Благодарим Тебя, Господи, Боже сил, и теперь удостоившего нас стать подле святого Твоего жертвенника и припасть к Твоему милосердию по поводу наших грехов и неведений народа; прими, Боже, нашу молитву, сделай, чтобы мы были достойными приносить Тебе молитвы, моления и безкровную жертву за весь Твой народ, и, силою Духа Своего Святого, сделай нас, которых Ты назначил на это Тебе служение, способными безукоризненно, безошибочно, с чистым свидетельством нашей совести, призывать Тебя к себе во всякое время и (на всяком) месте, чтобы, выслушивая нас, Ты был милостив к нам, по множеству Своей доброты".

Когда священник молится, диакон, если есть, говорит мирные (прошения) на обычном месте, вне святого алтаря: "Еще и еще мирно Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За эту святую обитель, всякий город и страну и по вере живущих в них Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За благорастворённость воздуха, плодородие земли и мирные времена Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За находящихся в плавании, путешествии, болеющих, трудящихся, пленённых, и спасение их Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За избавление нас от всякого горя, раздражения, опасности и неизбежности Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Возьми к Себе, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже. Своею благодатью". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Премудрость". Священник громко: "Так как Тебе приличествует всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, постоянно, теперь и всегда, и во веки веков". Хор: "Истинно".

Вторая молитва (за) верующих, которую священник говорит тихо: "Опять и часто припадаем к Тебе, и молимся Тебе, добрый и человеколюбивый, чтобы Ты, посмотрев на нашу молитву, очистил наши души и тела от всякого плотского и духовного осквернения, и дал нам невинное и неосуждённое стояние возле святого Твоего жертвенника. Одари же, Боже, и молящихся с нами желанным успехом в жизни, вере и духовном разуме; дай им, при постоянном служении Тебе со страхом и любовью, невинно и неосуждённо участвовать в святых Твоих тайнах, и удостоиться Твоего небесного царства".

Когда священник молится, диакон говорит мирные (прошения) вне святого алтаря.

Священник громко: "Чтобы, постоянно сохраняясь под Твоею властью, Тебя мы прославляли, Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во веки веков". Хор: "Истинно".

После этого возглашения, (священник) говорит молитву про себя, певцы поют херувимскую песнь, а диакон, подошедши к священнику, ладаном окаждает святой престол кругом, крестовидно, святилище и священника. И после этого, благоговейно становится налево от священника, ожидая исполнения молитвы.

Молитва, которую говорит священник тихо, во время пения херувимской (песни):

"Царь славы! Из связавшихся плотскими пожеланиями и удовольствиями никто недостоин подходить, или приближаться, или служить Тебе, так как служение Тебе велико и страшно даже для самих небесных сил. Но, однако, по несказанному и

неизмеримому Своему человеколюбию, Ты сделался человеком, без обращения и изменения, назвался нашим первосвященником и, как Владыка всех, передал нам священнодействие этой служебной и бескровной жертвы, так как Ты только, Господи Боже наш, владычествуешь над небесным и земным, носимый на херувимском престоле, Господь Серафимов, Царь израилев, единственно святой и покоящийся между святыми. Поэтому, со страхом прошу Тебя; единственно доброго и скорослушающего, посмотри на меня, грешника и негодного Своего раба, очисти мою душу и сердце от лукавой совести, и сделай меня, облечённого благодатью священства, способным стать, силою Святого Твоего Духа, возле этого святого Твоего престола, и священнодействовать святое, чистое Твоё тело и честную Твою кровь. Молюсь Тебе, наклонив свою шею, и умоляю Тебя, чтобы Ты не отвратил Своего лица от меня и не исключил меня из (звания) Своих слуг, но удостой, чтобы эти дары были принесены Тебе мною, грешником и недостойным Твоим рабом. Ты (есть) приносящий и приносимый, принимающей и раздаваемый, Христос, Бог наш, и прославляем Тебя с безначальным Твоим Отцом и всесвятым, добрым и животворящим Твоим Духом, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

По исполнении молитвы, молятся вместе херувимскою песнью, трижды поклоняясь во время произношения её; потом, пятидесятый также псалом, тихо. И, поклоняясь трижды, отходят к предложению, в предшествии диакона с ладаном; и (диакон), окадив святые (дары), молясь про себя: "**Боже! будь милостив ко мне грешнику!**" (Лук. 18:13), говорит священнику: "Подними, владыка".

Священник, подняв воздух, полагает (его) на левое плечо диакона, говоря: "**Воздвигните руки ваши к святилищу, и благословите Господа. Благословит тебя Господь с Сиона, сотворивший небо и землю**" (Пс. 133:2,3), постоянно, теперь и всегда, и во веки веков". Диакон: "Истинно".

Потом диакон со вниманием берёт на свою голову святой дискос, держа в своей правой руке, одним перстом, кадильницу, а священник поднимает только святую чашу. И, проходя чрез храм, оба молятся за всех, говоря: "Пусть вспомнит всех нас[42] Господь Бог в Своём царстве, постоянно, теперь и всегда, и во веки веков". Хор: "Истинно", И часто это говорят, пока исполнится великий вход. Входя в святой алтарь, говорят про себя: "**Благословен грядущий во имя Господне**" (Ин. 12:13).

Потом диакон опять, наклонив голову к священнику, говорит: "Вспомни, владыка святой, меня, грешника". И священник: "Пусть вспомнит тебя Господь Бог в Своём царстве, постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

Потом и сам поставляет святую чашу на священном престоле, приговаривая также такой тропарь: "Прекрасный Иосиф, сняв с креста Твое чистое тело, положил в новом гробе, завернув в чистое полотно и покрыв благовониями".

Потом священник снимает покровы с святого дискоса и святой чаши; взяв воздух с плеча диакона и окадив его, покрывает им святые (дары). Потом диакон трижды окаждает святые (дары), говоря так: "**Облагодетельствуй по благоволению Твоему Сион**" (Пс. 50:20). Потом трижды поклоняются пред святым престолом, молясь: "**Боже! будь милостив ко мне грешнику!**". И священник стоит, а диакон, наклонив шею, говорит священнику: "Помолись, владыка, за меня". Священник говорит: "**Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя**" (Лук. 1:35). Диакон: "Тот же самый Святой Дух будет служить вместе с вами и нами[43], постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно. Вспомни, владыка святой, меня". Священник говорит: "Пусть

вспомнит тебя Господь Бог в Своем царстве, постоянно, теперь и всегда, и во веки веков". Диакон: "Истинно, истинно, истинно".

И, поклонившись, (диакон) идёт на обычное место, говоря: "Исполним нашу молитву к Господу". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За предложенные честные дары Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За этот святой дом и с верою, благоговением и страхом Божиим входящих в него Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За избавление нас от всякого горя, раздражения, опасности и неизбежности Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй".

Проскомидийная молитва, которую говорит священник тихо, после поставления божественных даров на святом престоле:[44] "Господи, Боже Вседержитель, единственно святой, принимающий жертву хвалы от призывающих Тебя всем сердцем, прими также молитву (от) нас, грешников, и принеси (её) на святой Свой жертвенник, и сделай нас способными принести Тебе дары и духовную жертву за наши грехи и за неведение народа; удостой нас, чтобы мы были угодны пред Тобою, (так) чтобы наша жертва сделалась приятною для Тебя, и чтобы добрый дух Твоей благодати пребывал на нас, на этих предлежащих дарах и на всём Твоём народе".

Диакон: "Возьми к Себе, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Своею благодатью". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Попросим у Господа в овсём беспорочного, мирного и безгрешного дня". Хор: "Подай, Господи". Диакон: "Попросим у Господа мирного ангела, надёжного путеводителя, стража наших душ и тел". Хор: "Подай, Господи". Диакон: "Попросим у Господа прощения и отпущения наших грехов и прегрешений". Хор: "Подай, Господи". Диакон. "Попросим у Господа прекрасного и полезного для наших душ и для Міра мира". Хор: "Подай, Господи". Диакон: "Попросим у Господа, (чтобы) закончить остальное время нашей жизни миром и покаянием". Хор: "Подай, Господи". Диакон: "Попросим у Господа христианского, без болезни, безукоризненного, мирного конца нашей жизни и прекрасного оправдания при страшном судебном седалище". Хор: "Подай, Господи". Диакон: "Мы, вспомнив о всесвятой, чистой, преблагословенной, славной нашей Владычиц, Богородице и Всегда-Деве Марии со всеми святыми, отдадим Христу Богу самих себя, друг друга и всю нашу жизнь". Хор: "Тебе, Господи".

Священник громко: "По милосердию единородного Твоего. Сына, с Которым Ты благословен, с всесвятым, добрым и животворящим Твоим Духом, теперь и всегда, и во веки веков". Хор: "Истинно". Священник: "Мир всем". Диакон: "Возлюбим друг друга, чтобы нам единомысленно признавать". Хор: "Отца, Сына и Святого Духа, единосущную и нераздельную Троицу".

Священник поклоняется трижды, тихо говоря трижды: "**Возлюблю тебя, Господи, крепость моя! Господь - твердыня моя и прибежище мое**" (Пс. 17:2,3). И диакон целует свой орарь, поклоняется трижды и присоединяет громко: "Двери, двери; во (время) премудрости будем внимательны"[45]. И хор: "Верую". И, по исполнении святого символа (веры), диакон говорит громко: "Будем хорошо стоять, будем со страхом стоять, бу-дем внимательны, (чтобы) мирно приносить святое возношение". Хор: "Елей мира, жертву хвалы"[46].

Священник громко: "**Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святаго Духа**" пусть будет "**со всеми вами**" (2 Кор. 13:13). Хор: "И с твоим духом". Священник: "Будем иметь свои сердца высоко". Хор: "Будем иметь у Господа". Священник: "Будем благодарить Господа". Хор: "(Дело) достойное и справедливое поклоняться Отцу, Сыну и Святому Духу, единосущной и нераздельной Троице".

Священник, в наклонении, молится тихо: "Достойное и справедливое (дело) Тебя воспевать, Тебя благословлять, Тебя хвалить, Тебя благодарить, Тебе поклоняться на всяком месте Твоего владычества: Ты Бог невыразимый, непостижимый, невидимый, необъятный, всегда существующий, существующий таким же самым образом, Ты и единородный Твой Сын и Святой Твой Дух. Ты ввёл нас в существование из несуществования, уклонившихся опять восстановил, неотступно всё делая, пока возвёл нас на небо и дал, как дар, Своё имеющее быть царство. За всё это благодарим Тебя, единородного Твоего Сына и Святого Твоего Духа, за всё, что знаем и чего не знаем, (за) явные и неявные благодеяния, бывшие до нашего времени. Благодарим Тебя также за это служение, которое Ты удостоил принять из наших рук. Хотя пред Тобою стоят тысячи архангелов, неисчислимое множество ангелов, херувимы и шестокрылые, многоочие, парящие в воздухе, оперённые серафимы", громко: "поющие, взывающие, восклицающие и говорящие песнь (в честь) Твоей победы", хор: "**Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!** (Ис. 6:3); осанна[47] на высочайших (небесах), "**осанна! благословен грядый во имя Господне**" (Ин. 12:13) на высочайших" (небесах).

Диакон берёт звездицу, делает (ею) крестовидно на святом дискосе и, отёрши её губкой на илитоне и поцеловав, полагает её с воздухом. Потом переходит на правую сторону и веет поверх святых (даров), благоговейно, опахалом; а если нет опахала, делает это покровом.

Священник молится тихо: "Владыка человеколюбивый, с этими блаженными силами и мы взываем и говорим: Ты свят и всесвят, - Ты и единородный Твой Сын и Святой Твой Дух, - Ты свят и всесвят, и величественна Твоя слава; (Ты), Который возлюбил свой мир так, что дал Своего единородного Сына, чтобы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел вечную жизнь; (Сына), Который, пришедши и исполнив всё Своё домоправление о нас, - в ту ночь, в которую предавался, а лучше, предавал самого Себя за жизнь мира,— взяв хлеб Своими святыми, чистыми и безукоризненными руками, поблагодарив и благословив, освятив, разломив, дал святым Своим ученикам и апостолам, сказав" (священник наклоняет свою голову и, благоговейно поднимая свою правую руку, благословляет святой хлеб, говоря громко): "**приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое**" (1 Кор. 11:24) для отпущения грехов". Хор: "Истинно".

Диакон, берясь за свой орарь, сам показывает также со священником (на) святой дискос, и подобным образом на святую чашу. Таким же самым образом и (тогда), когда священник будет громко говорить: "Твои (дары) от Твоих (рабов)".

Священник тихо: "Подобным образом "**и чашу после вечери, и сказал**" (ст. 25),- держа сверху руку свою благоговейно и благословляя, священник говорит громко: "**пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов**" (Мф. 26:27). Хор: "Истинно".

Священник, наклонив голову, молится тихо: "Итак, в памятовании этой спасительной заповеди и всего за нас происшедшего: креста, гроба, тридневного воскресения, восхождения на небо, седения по правую (сторону) Отца и второго опять славного пришествия", громко: "Твои (дары) от Твоих (рабов) приносим Тебе по всему и за всё" (сказанное выше). Хор: "Тебя воспеваем, Тебя благословляем, Тебя благодарим, Господи, и молимся Тебе, Боже наш".

Священник, наклонив опять голову, молится тихо: "Ещё приносим Тебе это разумное и безкровное поклонение, и призываем, молимся и умоляем: ниспошли Святого Своего Духа на нас и на эти предлежашие дары".

Диакон полагает опахало, которое держал, или покров, в сторону, ближе идёт к священнику, и оба трижды поклоняются пред святым престолом и, молясь, говорят трижды про себя тихо: "**Боже! будь милостив ко мне грешнику!**" Ты, Господь, ниспославший в третий час всесвятого Духа апостолам, - не отними Его, добрый, от нас"; и (ещё): "**Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня**" (Пс. 50:12). Потом, диакон, наклонив голову, указывает орарем (на) святой хлеб, и говорит тихо: "Благослови, владыка, святой хлеб".

И священник, став прямо, трижды делает знак (креста) над святыми дарами, говоря тихо: "Сделай этот хлеб честным телом Своего Христа". Диакон: "Истинно". И диакон опять: "Благослови, владыка, святую чашу". Священник, благословляя, говорит: "А то, что в этой чаше, - честною кровью Своего Христа". Диакон: "Истинно".

И диакон, опять указывая орарем (на) то и другое святое, говорит: "Благослови, владыка". Священник, благословляя рукою то и другое святое, говорит: "Изменив Своим Святым Духом". Диакон: "Истинно, истинно, истинно". И диакон, наклонив голову (к) священнику и сказав: "Вспомни, владыка святой, меня, грешника", переходит на место, на котором прежде стоял, взяв опять также опахало, как прежде. Священник молится тихо: "Так, чтобы причащающимся было (это причащение) в трезвенность души, в отпущение грехов, в общение (со) Святым Духом, в полноту небесного царства, в откровенность пред Тобою, не в суд, или в осуждение. Ещё приносим Тебе это разумное поклонение за почивающих по вере: праотцов, отцов, патриархов, апостолов, проповедников, евангелистов, мучеников, исповедников, воздержников и всякий дух, скончавшийся по вере", громко: "преимущественно (за) всесвятую, чистую, преблагословенную, славную нашу Владычицу, Богородицу и Всегда-Деву Марию". Хор поёт: "Достойное (дело) насколько истинно ублажать Тебя, Богородицу"; или песнь дневную. Диакон кругом окаждает святой престол и помянники[48]; вспоминает из усопших и живых, которых желает.

Священник, в наклонении, молится тихо: "(За) святого пророка, предтечу и Крестителя Иоанна, святых и всехвальных апостолов, святого, такого-то, которого память также совершаем, и всех Твоих святых, молениями которых призри на нас, Боже, и вспомни всех до этого времени усопших с надеждою на воскресение вечной жизни". Здесь священник вспоминает, которых хочет, - из живых и умерших; за живых говорит: "За спасение, призрение, отпущение грехов раба Божия, такого-то"; за умерших говорит: "За покой, прощение души Твоего раба, такого-то, - упокой её, Боже наш, в светлом месте, где нет печали, сетования, и упокой её, где взирает свет Твоего лица. Ещё просим Тебя: вспомни, Господи, всякое православное епископство, прямо объясняющих слово Твоей истины, всё пресвитерство, Христово диаконство и всякий священнический чин. Ещё приносим Тебе это разумное поклонение за вселенную, за святую, всеобщую и апостольскую Церковь, за пребывающих в непорочности и почтенной жизни с другими, за самых преданных вере и христолюбивых царей наших, весь царский дом и войско их; дай им, Господи, мирное царствование, чтобы и мы, при тишине их, проводили тихую и спокойную жизнь, со всяким благочестием и почтенностью". Диакон поворачивается к двери святого алтаря, держа орарь тремя верхними перстами, и говорит: "И (за) всех (мужчин) и (за) всех" (женщин). Хор поет: "И (за) всех и (за) всех"

Священник громко говорит: "Между самыми первыми вспомни, Господи, нашего архиепископа, такого-то, которого, как дар, дай святым Твоим церквам невредимым, при мире, - почитаемым, здоровым, долгодневным, прямо объясняющим слово Твоей истины". И диакон, став к двери, говорит: "(За) такого-то, священнейшего митрополита, или епископа, - кто бы ни был, - и за приносящего эти святые дары, благоговейнешего

священника, такого-то, - за спасение благочестивейших и богохранимых наших царей, и всех (мужчин) и всех" (женщин). Хор: "И всех и всех".

Священник молится тихо: "Вспомни, Господи, город, в котором живём пришельцами, всякий город, страну и по вере живущих в них; вспомни, Господи, находящихся в плавании, путешествии, болеющих, трудящихся, пленённых, и спасении их; вспомни, Господи, благотворителей и украсителей святых Твоих церквей[49], и памятующих о бедных, и на всех нас ниспошли Свои милости". Громко: "И дай нам одними устами и одним сердцем славить и воспевать всечестное и величественное Твое имя, Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во веки веков". Хор: "Истинно".

Священник поворачивается к двери и, благословляя, громко говорит: "И милости великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа будут на стороне всех вас". Хор: "И на стороне твоего духа". И диакон выходит - если он есть, или священник - и, став на обычном месте, говорит: "Вспомнив всех святых, ещё и ещё Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За принесённые и освящённые честные дары Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Чтобы наш человеколюбивый Бог, приняв их на святой, пренебесный и мыслимый Свой жертвенник, "**в воню благоухания**" (Ис. 29:25) духовного, за то ниспослал нам божественную благодать и дар всесвятого Духа, Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "За избавление нас от всякого горя, раздражения, опасности и неизбежности Господу помолимся". Хор: "Господи, помилуй".

Священник молится тихо: "Владыка человеколюбивый, пред Тобою (у ног) мы полагаем всю нашу жизнь и надежду, и призываем Тебя, молимся и умоляем: удостой нас причаститься небесных и страшных тайн этого священного и духовного престола, - (причаститься) с чистою совестью в отпущение грехов, в прощение прегрешений, в общение (со) Святым Духом, в получение небесного царства, в откровенность пред Тобою, не в суд, или в осуждение". Диакон: "Возьми к Себе, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Своею благодатью". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Попросим у Господа во всём безпорочного, святого, мирного и безгрешного дня". Хор: "Подай, Господи". Диакон: "Попросим у Господа мирного ангела, надёжного путеводителя, стража наших душ и тел". Хор: "Подай, Господи". Диакон: "Попросим у Господа прощения и отпущения наших грехов и прегрешений". Хор: "Подай, Господи". Диакон: "Попросим у Господа прекрасного и полезного для наших душ и для міра мира". Хор: "Подай, Господи". Диакон: "Попросим у Господа, (чтобы) закончить остальное время нашей жизни миром и покаянием". Хор: "Подай, Господи". Диакон: "Попросив себе единодушия (в) вере и общения (со) Святым Духом, предадим Христу Богу самих себя, друг друга и всю нашу жизнь". Хор: "Тебе, Господи".

Священник громко: "И удостой нас, Владыка, осмеливаться призывать к себе откровенно, без осуждения, Тебя, небесного Бога, и говорить": Хор: "**Отче наш**…" (Мф. 6:3). Священник громко: "Так как Твои суть царство, сила и слава, Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во веки веков". Хор: "Истинно". Священник: "Мир всем". Хор: "И с твоим духом". Диакон: "Наклоните ваши головы пред Господом". Хор: "Тебе, Господи".

Диакон, наклонив немного голову, и видя священника поклоняющимся, поклоняется также сам. Священник, в наклонении, молится тихо: "Невидимый Царь, благодарим Тебя. (Ты), создавший всё неизмеримою Своею силою и приведший всё вместе из несуществования в существование, по множеству Своей милости, - сам, Владыка, посмотри на склонивших пред Тобою свои головы: они склонили (их) не пред плотью и

кровью, но пред Тобою, страшным Богом. Итак, Владыка, предлежащее для нас всех уровни на добро, по собственной нужде каждого: будь с находящимися в плавании, путешествующим сопутствуй, болеющих исцели, Врач душ и тел". Священник громко: "По благодати, милосердно и человеколюбию единородного Своего Сына, с Которым Ты благословен (и) со всесвятым, добрым и животворящим Своим Духом, теперь и всегда, и во веки веков". Хор: "Истинно".

Священник молится тихо: "Господь, Иисус Христос, Бог наш, обрати внимание из святого Своего жилища и с славного седалища (в) Своём царстве, и (Ты), сидящий на небе вместе с Отцом и невидимо присутствующий здесь с нами, приди для освящения нас; удостой преподать нам могущественною Своею рукою (часть) чистого Своего тела и честной крови, и чрез нас всему народу". Потом священник поклоняется, также диакон, на каком месте находится, - тихо говоря трижды: "**Боже! будь милостив ко мне грешнику!**". Подобным образом и весь народ благоговейно поклоняется. Когда диакон увидит священника протягивающим руки и берущим святой хлеб для совершения святого возвышения (хлеба)[50], - громко говорит: "Будем внимательны". И священник: "Святые (дары) для святых". Хор: "Один святой, "…**один Господь Иисус Христос**" (1 Кор. 8: 6), "…**в славу Бога Отца**" (Флп. 2:11). Истинно".

Потом хор поёт причастен[51] дня, или святого. И диакон опоясывается своим орарем крестовидно и, став справа от священника, держащего хлеб, говорит: "Разломи на части святой хлеб, владыка". Священник, разламывая его, со вниманием и благоговением, вчетверо, - говорит: "Разламывается и разделяется на части агнец Божий, Сын Отца, разламываемый и неделимый, постоянно ядомый и никогда неистощаемый, но освящает[52] получающих часть" (от него).

Тогда (священник) берёт одну часть святого хлеба и держит в руке. И диакон, указывая орарем на святую чащу, говорит: "Сделай полною святую чашу, владыка". Священник говорит: "Полнота веры Святого Духа". И делает крест (частью св. хлеба) над (чашею)[53] и опускает (её) в святую чашу. Диакон: "Истинно". И, принимая горячую (воду), говорит священнику: "Благослови, владыка, эту святую теплоту"[54]. Священник благословляет, говоря: "Благословенна теплота Твоих святых, постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно". Диакон крестовидно вливает в святую чащу, говоря: "Теплота веры полна Святого Духа. Истинно". И делает это три раза; и, ставя в сторону горячую (воду), останавливается немного издали. Священник говорит: "Диакон, подойди". И диакон, подошедши, делает благоговейно поклон, прося прощения. Священник, держа святой хлеб, даёт диакону. И, поцеловав руку, дающую ему (часть)[55], диакон берёт святой хлеб, говоря: "Дай мне, владыка, (часть) честного и святого тела Господа, Бога и нашего Спасителя, Иисуса Христа". Священник говорит: "Даю тебе (часть) честного, святого и чистого тела Господа, Бога и нашего Спасителя, Иисуса Христа, в оставление грехов, в вечную жизнь".

И отходит (диакон); наклонив голову позади священного престола, молится так же, как священник. Подобным образом священник берёт святой хлеб, и, наклонив голову перед священным престолом, молится так:

"Верую, Господи, и признаю, что "**Ты - Христос, Сын Бога Живаго**" (Мф. 16:16), "**пришел в мир спасти грешников, из которых я первый**" (1 Тим. 1:15). Сын Божий, возьми также меня, сегодня, в участники Своего таинственного обеда; нет, не скажу Твоим врагам тайны, не буду целовать Тебя, как Иуда, но, как разбойник, признаю Тебя: "**помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!**" (Лук. 23:42); и я недостоин, Господи, чтобы Ты вошёл под грязную кровлю моей души; но, как допустил

Ты, что был положен в пещере и яслях неразумных (животных), и (возлежал) в доме прокаженного Симона, когда допустил также приходящую к Тебе блудницу, грешницу, подобную мне, (так) сам удостой войти в ясли неразумной моей души и в запятнанное моё тело, (меня) мертвого и прокаженного. И как не погнушался грязных уст блудницы, целующих чистые Твои ноги, так, Владыка, Боже мой, не погнушайся и меня, грешника, но, как добрый и человеколюбивый, удостой меня сделаться участником (в принятии) Твоего всесвятого тела и крови. Сделай послабление, Боже наш, отпусти, прости мне, грешнику, мои падения, сколько я Тебе согрешил охотно и неохотно, или сделал с знанием, или незнанием, или словом, или делом, или пожеланием, - всё мне прости, как добрый и человеколюбивый, ходатайством Твоей всечистой и Всегда-Девы Матери. Сохрани, чтобы я неосуждённо принял честное и чистое Твое тело, в исцеление души и тела, так как Твои суть царство, сила и слава. Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда; и во веки веков. Истинно".

И так они причащаются святого хлеба; подобным образом и (из) святой чащи. И причащается прежде священник, тремя глотками, одним наклонением; и с первым глотком -говорит: "**Во имя Отца**"; со вторым: " **Сына**"; с третьим: "**и святого Духа**" (Мф. 28:19). И, после причащения, отирает покровом вместе святую чашу и свои уста, осторожно и благоговейно, говоря: "**это коснулось уст**" моих, "**и беззаконие**" моё "**удалено**" от меня, "**и грех**" мой "**очищен**" (Ис. 6:7), постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

Держа святую чашу, (священник) зовёт диакона, говоря: "Диакон, подойди". И диакон идёт, и поклоняется однажды, говоря: "Вот подхожу к безсмертному Царю"; и (ещё): "Верую и признаю", все. И священник говорит: "Причащается раб Божий, диакон, такой-то, честного и святого тела и крови Господа, нашего Спасителя, Иисуса Христа, в отпущение своих грехов и в вечную жизнь". По причащении диакона, священник говорит: "**это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен**", - как сказал также относительно самого себя.

Тогда диакон, взяв святой дискос, весьма хорошо стирает святою губкою (с него) над святою чашею, со вниманием и благоговением, и закрывает святую чашу покровом. Подобным образом, полагает также на святой дискос звездицу и покровы. И открывают дверь святого престола; и диакон, поклонившись однажды, берёт благоговейно чашу, идет к двери и, возвышая святую чашу, показывает её народу, говоря: "Со страхом Божиим и любовию подойдите". Хор: "Истинно, истинно, истинно. "**Благословен грядущий во имя Господне**" (Ин. 12:13). И священник благословляет народ, громко говоря: "**Спаси народ Твой и благослови наследие Твое**" (Пс. 27:9). И хор: "На много годов, владыка".

И диакон со священником поворачиваются к святому престолу; и священник окаждает (чашу), трижды говоря про себя: "**Будь превознесен выше небес, Боже; над всею землею [да] [будет] слава Твоя**" (Пс. 107:6). Потом, взяв святой дискос, полагает на голову диакона. И диакон, взяв его с благоговением, отходит к (столу) предложения, смотря вне к двери, ничего не говоря, и полагает его (там). Священник, поклонившись, взяв святую чашу и поворотившись к двери, смотрит на народ, говоря: "Постоянно, теперь и всегда, и во веки веков". Хор: "Истинно".

Когда поют: "Пусть наполнятся", святые (дары) относятся в предложение, в предшествии диакона, при чём священник тихо говорит эту молитву: "Человеколюбивый Владыка, благодарим Тебя, благодетеля наших душ, (за то), что и в настоящий день Ты удостоил нас Своих небесных и безсмертных тайн; сделай наш путь прямым, укрепи всех нас в

Своем страхе, охрани нашу жизнь, сделай непоколебимыми наши шаги, молитвами и умолением славной Богородицы и Всегда-Девы Марии, и всех Своих святых".

И диакон, окадив святые (дары) и отложив кадильницу, говорит, став на обычном месте: "С должным вниманием причастившись божественных, святых, чистых, безсмертных, небесных и животворящих тайн, по достоинству поблагодарим Господа". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Возьми к Себе, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Своею благодатью". Хор: "Господи, помилуй". Диакон: "Попросив себе дня вовсе безпорочного, святого, мирного и безгрешного, предадим Христу Богу самих себя, друг друга и всю нашу жизнь". Хор: "Тебе, Господи". Священник громко: "Так как Ты наше освящение, и Тебя мы прославляем, Отца и Сына и Святого Духа, теперь и всегда, и во веки веков". Хор: "Истинно". Диакон: "Мирно подойдем" [56][1]); и опять: "Господу помолимся".

Молитва, громко говоримая священником позади амвона, вне алтаря:

"Ты, Господи, благословляющий благословляющих Тебя и освящающий положивших на Тебя свою надежду, "**Спаси народ Твой и благослови наследие Твое**" (Пс. 27:9); сохрани Свою Церковь в её полноте, освяти любящих красоту Твоего дома; Ты прославь их за то Своею божественною силой, и не оставь нас, надеющихся на Тебя; одари миром Свой мір, Свои Церкви, священников, наших царей, войско и весь Свой народ, так как "**Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов**…" (Иак. 1:17); и Тебе воссылаем славу, благодарность, и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, теперь и всегда, и во веки веков". Хор: "Истинно".

Когда говорится эта молитва, диакон стоить пред святыми Дверями и, держа свой орарь, как часто говорено, имеет свою голову в наклонении до исполнения молитвы; и хор трижды поет: "**Да будет имя Господне благословенно отныне и вовек**" (Пс. 112:2), - и псалом: "**Благословлю Господа**…" (Пс. 33); или (песнь) дневного святого.

Молитва во время потребления святых (даров), тихо:

"(Ты), исполнение закона и пророков, сам пребывающий, Христос, Бог наш, исполнивший все отеческое домоправление, наполни радостью и весельем наши сердца, постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно".

После молитвы, священник выходит и, став на обычном месте, даёт антидор[57]; потом заканчивает, говоря: "Слава Тебе, Христос, Бог наш, наша надежда, слава Тебе". И хор: "Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно". И если воскресный день, священник говорит: "Воскресший из мёртвых Христос, истинный наш Бог". А если нет воскресной (службы), говорит: "Христос, истинный наш Бог, ходатайством всечистой Своей Матери, божественною силою честного и животворящего креста, (молитвами) святых, славных и всехвальных апостолов, дневного святого, святого нашего отца, Иоанна Златоуста, архиепископа константинопольского, святых и праведных Богоотцов Иоакима и Анны, и всех святых, помилуй и, как добрый и человеколюбивый, спаси нас".

И, благословив народ, входит (в алтарь). После окончания[58], если нет диакона, священник входит в предложение и внимательно, благоговейно потребляет оставшееся в святой чаше; и трижды омывает святую чашу вином с водою, и смотрит, чтобы не осталось называемое маргаритом[59]. Тогда говорит: "**Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко**" (Лук. 2:29), все.

И собирает святые (принадлежности): чашу, дискос с покровами, по обычаю. Если есть диакон, он сам делает (это). А священник отходит в сосудохранилище и разоблачается, трижды говоря: "Святый Боже…", и (ещё): "Всесвятая Троица…"; и (ещё): "**Отче наш**…" (Мф. 6:9).

Тогда говорит окончательную (песнь в честь) Златоуста: "Воссиявшая благодать твоих уст, как огненная, осветила вселенную, міру дала сокровища несребролюбия, нам показала высоту смирения. Но, отец Иоанн Златоуст, наставляя своими словами, ходатайствуй пред Христом Богом, чтобы, наши души были спасены".

Потом контак[60]: "Благочестивый, блаженнейший Иоанн Златоуст, ты принял с небес божественную благодать, и учишь своими устами всех поклоняться в Троице одному Богу; по достоинству хвалим тебя: ты руководитель, как уясняющий божественное". Или говорит дневную (песнь), или воскресную, если воскресный день; и тихо (говорит) окончание, как обычно. Тогда, одевшись в свою священническую одежду, выходит в двери святого алтаря, и поклоняется, говоря: "**Боже! будь милостив ко мне грешнику!**". И, поворотившись к народу, благословляет, громко говоря: "Пусть сохранит Господь Бог всех вас Своею благодатью и человеколюбием, постоянно, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно". Весь народ, наклоняя головы, говорит: "По молитвам святых отцов". И мирно отходят со святым Богом.

---

[1] В переводе (не предназначающимся для употребления при богослужении) преследуются две цели; 1) воспользоваться по возможности чисто русскою речью и 2) дать объяснения, в которых может нуждаться обыкновенный читатель. В виду первой цели, вместо славянизмов и гебраизмов, как-то: ныне и присно, аминь, употребляются: теперь и всегда, истинно. Славянскими остаются лишь "Господи", "Боже" и целиком приводимые изречения Св. Писания. В виду второй цели, берём из Εὐχολόγιον Goar'a, (edit. sec. Venetiis. MDCCXXX) самое необходимое.

[2] μετάνοια, что значит собственно перемена мыслей = покаяние. Но прежде всего монахи стали различать: поклон земной (μ. μεγάλη) и поясной (μ. μιχρά). Поклон земной от покаянного поклона ничем не отличался в древности, а равно монашеский поясной поклон был то же, что обычное у мирян προχῦνημα (поклонение). Отсюда, термин μετάνοια стал сначала обозначать также земной непокаянный поклон, а потом и поясной поклон, который разумеется в данном случае. Goar, p.p. 10, 23 (§§ 9, 13).

[3] ἱερατεῖον; но неясно, что собственно так называли древние греки (Goar, p.p. 14, 15). Во всяком случае, внутреннее расположение древне-греческой церкви нужно себе представлять на подобие нашей церкви. Что мы называем алтарём, у греков называлось ἁγιονβήμα (святое место Небесного Судии), которое отделялось также иконостасом от средней части церкви (ναός= корабль, потом храм). В иконостасе иконы Спасителя и Божией Матери были там же, где и у нас. Но в древности за иконостасом, направо, и налево от алтаря, были особые помещения: направо, сосудохранилище (σκευοφυλάχιον) и налево предложение (πρόθετις) или жертвенник (θυσιαστήριον). По нашему, это—ризница и жертвенник. Отсюда, древняя ризница вероятно то же, что ἱερατεῖον (Goar, чертеж p. 11 и объясн. p.p. 10, 15).

[4] Так по нашему служебнику и греч. подлиннику. По слав. Библии читается (в зависимости от греч.) собственно немного иначе: 1) Душа моя возр., 2) яко на жениха возложи на мя вън.

[5] Священнический стихарь у нас называется подризником; он немногим отличался и отличается от диаконского: рукава узкие и длинные; и сам должен быть белого цвета (знак чистоты, необходимой для души). Название στοιχάριον указывает на прямой, как стих, строка (στοῖχος), покрой этой одежды. Другая диаконская одежда есть лентообразный покров на левом плече. Название её ὡράριον древние объясняли различно, но самое вероятное, что оно построено на греч. ὡρά= время года, час. Древний диакон давал знак этою одеждою о времени молитвы и др. свящ. действий (Goar, pp. 95, 96. §§ 8, 9).

[6] В слав. Библии читается: сопротивных (вм. Супостаты - по нашему служебнику).

[7] Επιμανῖχια = нарукавники; επιτραχήλιον = нашейник. Нарукавники - небольшие ручные повязки, стягивающие собою концы рукавов. Название составилось из греч. 'επϊ = на + лат. manicae = рукава. Епитрахиль по виду похож на диаконский орарь, но только в нём оба конца спускаются наперед, и соединены вместе. Следовало бы назвать его нашейником (так как: 'επϊ = на + τράχηλος = шея), но это название нехорошо в данном случае звучит (Goar, ibid. §§ 12, 13).

[8] Вернее читать ἐπιγονάτιον = наколенник, чем ὑπογονάτιον. Это четырёхугольный плат, свешивающийся на правом бедре. В древности и теперь служит знаком отличия (Goar, p. 96. § 15).

[9] Σῦγγελος из συν - κελος = сокелейник (κέλλιον = келья). Представители высшей церковной власти в древности имели при себе приближенных лиц, которые обычно были первыми кандидатами на замещение этой высшей церковной должности. Первый между такими лицами назывался πρωτοσῦγγελος (Goar, ibid. §§ 16, 17.-Du Cange, Glossarium etc. Lugd. MDCLXXXVII, ed. 1471).

[10] Под великою церковью разумеется константинопольский храм в честь святой Премудрости (ἡ ἁγία Σοφία); т. е., Сына Божия. Он так назывался по своему значению и по грандиозности своей постройки (Goar, ibid. § 18).

[11] Верхняя священническая одежда, греческое название которой (φαινιον, или φαινώλιον = φαίνεται), по своему значению, не совсем ясно. В древности она была колоколообразной формы, и без рукавов; нынешняя фелонь отличается большим вырезом спереди (Goar, p. 97. § 20. См. к этому изображение св. Сампсона, ibid. p. 98).

[12] Под таким названием (δίσκος), восходящим к глубочайшей дохрист. древности, древние греческие христиане употребляли небольшое блюдо, для св. хлеба. Свою древнюю христ. форму он сохранил до нас. (Goar, p.98. § 24. См. рисунок дискоса p. 99).

[13] Так, именно, λόγχη, древние греки назвали небольшой ножичек, имеющий, действительно форму копья, в воспоминание голгофского (Goar, p.99. § 30).

[14] Так описательно передаем греч. θζσον, точное значение которого заколи или зарежь (Goar, p. 100. § 36) неудобно. В слав.-русск. жертва, пожри скрывается также это первое значение.

[15] В этом случае древние греки называли вино не οϊνος, а νάμα = живой источник воды. Этим названием они хотели выразить истечение крови из пронзённого бока Иисуса Христа (вино красно, как и кровь). Goar, p. 101. § 39.

[16] Точно передаются θυμιατήριον чрез курильница и курение; но эти выражения слишком у нас опрощены.

[17] Звездица = άστερίσχον в древности и теперь представляет из себя две металлических дуги, сложенных крестообразно в центральной своей точке (См. у Goar'a рисунок, p. 99).

[18] В древности и теперь различаются три покрова для св. даров: два малых и равной величины, - для дискоса и чаши, - и один большой, который со всех сторон закрывает малые покровы. Его название воздух есть передача греч. άήρ = воздух; назывался он также у греков νεφέλη = облако. Оба названия объясняются в символическом смысле (Goar, p. 105. § 51).

[19] Так передаём: δήσαντεκτάς χεϊρας, что сам Goar переводит: actis in crucem manibus (p. 51. § 51). Но это выражение во всяком случае недостаточно ясно, и замечательно, что оно не отразилось на нашем служебнике (см. издание 1890 года).

[20] Греческ. ποιεϊ άπόλυσιν, чему в нашем служебнике отвечает творит отпуст, Goar понимает, как finem imponit = полагает конец (всему богослужению, или отдельной части его), заканчивает (p. 105. § 53).

[21] παλατϊου есть огрецизированное латин. palatii, по поводу которого Du Cange замечает, что только иногда здесь разумелось высшее чиновничество (ibid. col. 1082).

[22] άντϊφωνον значит собственно ответное пение (что у латинян responsatorium). Один хор отвечал пением другому хору. В древней Церкви так пелись псалмы (с прибавлением новозаветных стихов), но постишно, или целиком - это неясно (Goar, p. 106. § 63).

[23] Выдержка под звёздочками (которой нет у Goar'a, см. p. 53) читается так (в своей второй половине): μετάτήν εΰχήνλέγειτήν έκφώνησιν, καί μετά ταΰταείρη νικά. Вероятно, здесь нарушен надлежащий порядок слов. Ещё нужно заметить: 1) Είρηνικά—это ряд прошений, начинающихся прошением о мире, и они различаются πρώτα (первые) и δεύτερα (вторые); 2) εκφώνησις есть громко произносимое заключение молитвы (возглашение). Goar, p. 107. §§ 65, 67.

[24] Под образными = τυπικά разумеются псалмы XXII (πρώτα τ.) и CXLV (δεύτερα τ.). Греч. τύπος { означает в данном случае норму, образец (Goar, p. 28. § 74). Эти псалмы так назывались потому, что они в случае нужды брались из особого последования άκολουθία τών τυπικών, совершавшегося после междучасия (μεσώριον) за шестым часом (Goar, p. 107. § 69).

[25] Τριξέκτη, или τριτέκτη есть 3-я и 6-я песни утреннего канона, который берутся в данном случае потому, что литургия должна совершаться между 3-м и 6-м часами дня (Goar, p. 108. § 72. Du Cango там же, col. 1605).

[26] Μακαρισμαί - это Мф. 5: 3—12 (Goar, ibid. § 73).

[27] Τροπάρίον есть общее название для песнопений; Goar его передает чрез modulus == мелодия. В данном случае разумеется: Приидите, поклонимся (Goar, p. 26. § 47; p. 108. § 76).

[28] Есть два чтения: σοφίαόρθή и σοφία όρθοί Первым указывается, что Евангелие есть истинная премудрость; вторым призываются молящиеся, чтобы они были с прямым, т. е., приподнятым духом (ibid. p. 108. § 77).

[29] Святый Боже, и прочее.

[30] У Goar'a читается: Κέλευσον, δέσποτα (вм. Εὔλόγησον, δ.), и в нашем служебн. Повели, владыко (изд. 1890 г.). Goar, p. 55.

[31] Καθέδρα = седалище. Небесное седалище Иисуса Христа как бы изображалось запрестольным возвышением, под самым алтарным сводом (место служащего епископа). См. у Goar'a рисун. p. 11, литера G.

[32] Евр. аллилуия и Псалом Давида литургически равнозначны между собою (ibid. p. Ш, §§ 89, 90).

[33] Προκείμενον = предлежащее (апостольскому чтению). Разумеются главным образом псаломные стихи (до 2-х). Ibid. § 91.

[34] Выдержка под звёздочками в нашем тексте повторена второй раз с точностью.

[35] В нашем тексте и у Goar'a различаются краткая (как здесь) и пространная (во время приготовления даров) формы этой молитвы (срв. Goar, pp. 53, 55; у нас стр. 399, 406); но в нашем служебнике удержана только краткая форма.

[36] Разумеется большой покров на св. дарах. (Goar, p. 55).

[37] В словах диакона: "Благослови, владыка, "благовестителя", и проч. под благовестителем разумеется сам диакон; так и у Goar'a (p. Ш, §98); по-гречески: Εὔαγγελιστήν

[38] άμβων = (место) для восхождения. В древней церкви устраивалось как раз против святых дверей, на средине храма, возвышение. См. у Goar'a, рис. p. 17.

[39] Οί κατηχοῦμενοι (у нас неточное оглашеннии) в древней Церкви назывались лица, принимавшие христ. веру, но до крещения обучавшиеся истинам св. веры.

[40] Είλητόν - кусок материи (по идее его, должен быть холщевой), на который поставляются дискос и чаша (Goar, p. 112, § 103).

[41] У нас трижды читается: προσέλθετε (=подойдите), а у Goar'a трижды: προέλθετε (= выступите вперёд, т. е., уйдите). Goar, p. 57. Не получали ли наставляемые благословения пред выходом? Тогда προσέλθετε резонно.

[42] У Goar'a также: πάντων ήμών (p. 59).

[43] У Goar'a также: ὑμίν καί ἡμίν (ibid.).

[44] Προσκομιδή = приношение. Помимо того, что в древней Церкви хлеб и и вино для таинства приносились верующими, в самом этом богослужении различаются три момента, имеющих характер приношения Богу: 1) в предложении, когда дары приготовлены, 2) перенесение даров на престол и 3) пред престолом, когда дары уже освящены, и священник говорит: Твоя от твоих, и проч. Для первого и второго момента имеются особые молитвы, как проскомидийные (Goar, p. 115, § 115).

[45] Слова: Τάς θύρας, τάς θύρας = "двери, двери" понимают: или прямо - чтобы входные двери храма были закрыты, или перепосно- чтобы двери сердца были: или открыты для премудрости, или закрыты для всего земного (Cгoar, p. 116, § 119). Естественнее первое, прямое объяснение.

[46] У нас читается: έλαιον είρήνης, а у Goar'a: έλεον είρήνης = милость мира (p. 60). Держатся обычно последнего чтения, и объясняют, между прочим, так: будем приносить Богу не столько жертву, сколько милость, сострадание, которое рождается от твердого и чистого мира (ibid. § 122). Но священнические молитвы все в одно слово говорят о дарах, о жертве. Не вернее ли чтение: έλαιον? Смерть Иисуса Христа была и есть для человечества то же, что έλαιον милосердного самарянина для израненного (Лук. 10:34).

[47] Евангельское ωσαννά есть псаломное = (О, Господи), спаси же (Пс. 117:25).

[48] δίπτυχα = вдвое сложенное. Так назывались у древних греческих христиан помянники, представлявшие из себя, действительно, две сложенных таблицы (на подобие скрижалей Моисея); на одной из них были имена живых, на другой—умерших (Goar, p. 123, § 145).

[49] В передаче τών ηαρποφοροϋντων ηάί ηαλλιεργοϋτων мы придерживаемся понимания этих слов Goar'ом, - что здесь разумеются христиане, содействующие Церкви, как обществу, духовною и материальною помощью (p. 124. § 152).

[50] Нужно различать: άναφορά = возношение и ὕψωσις = возвышение. Первое слово употребляет диакон, когда говорит: Станем добре — святое возношение в мире приносити (стр. 413). Им выражается возложение даров на небесный жертвенник. Наоборот, вторым словом обозначается поднятие Господа на крест; и священник в это время немного приподнимает св. хлеб над дискосом, и потом полагает опять на прежнее место (Goar, p. 125. § 158).

[51] Κοινωνιηόν = KÏNONIK нашего служебника (изд. 1890 г.). Это - песнь, предшествующая причащению, и, именно, её момент пред самым разламыванием святого хлеба (Goar, p. 126. § 161).

[52] У Goar'a (p. 65) читается: άγιάζων = освящаяй (нашего служебника).

[53] У Goar'a (ibid.) не читается: διά, которое здесь не излишне.

[54] Так и у Goar'a (ibid). Передача ζέσιν = кипение чрез принятое в служебнике теплоту неточна, но у нас нет лучшего выражения.

[55] Τήν μεταδιδοῦσαν. Глагол μεταδίδωμι и далее μεταλαμβάνω можно передать только описательно. Нужно себе наперёд представить, что св. хлеб разделён на части, и кругом

стоят готовые принять эти части, а раздаятель сам Господь. В предлоге μετά вся сила выражения - оба раза. В первом случай им обозначаются все участники, которым Господь протягивает, так сказать, руку со Своим святым телом; во втором случае - все участники, которые из протянутой руки Господа сейчас получили в свои руки святое тело. В нашем служебнике взяты для первого преподаж и преподается, для второго причащаются.

[56] У нас опять читается: προσέλθωμεν, а у Goar'a: προέλθωμεν (p. 68). Заменить одно другим мы не нашли особенного основания. Сразу за этим приглашением, священник читает заамвонную молитву, единственную, которую он читает вслух за все это время. Для древнего времени, и ещё при тогдашней обстановке храма, это был весьма торжественный момент, и стоило сказать наперёд: подойдите. К этому у Goar'a p. 131. §§ 187, 186.

[57] Из молящихся не все причащались. Таким, вместо дара = άντίδωρον, давали части благословленного хлеба (Goar, p. 132. § 190).

[58] Μετάτήν άπόλυσιν т.е., после сейчас произнесённого благословения. См. к этому 3-ю заметку на стр. 400.

[59] μαργαρίτης = перл, жемчуг. Так, из уважения, называется, какая-либо из очень мелких частиц св. хлеба.

[60] Κοντάκιον = КОНДАК (нашего служебника). Это слово производят то от лат. canticum (песнь), то от греч. Κοντός (шест, копье). Применительно к последнему, понимают здесь краткое (как копье) изложение похвал в честь прославляемого (Goar., p. 133. § 191).

Молитва Иоанна Златоуста,

когда бывает намерение читать, или слушать другого, читающего[1].

Господь, Иисус Христос, Бог наш, раскрой уши и глаза моего сердца, чтобы мне, Господи, слушать Твое слово, понимать и совершать Твою волю, так как "**Странник я на земле; не скрывай от меня заповедей Твоих. Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего**" (Пс. 118:19, 18). Боже мой, на Тебя надеюсь, чтобы Ты просветил мое сердце.

---

[1] Приводимые далее две молитвы не считаются подлинными. Первая из них взята из беседы о терпении, которая приводится ниже в числе Spuria. Там, у нас, она обозначена звездочками.

Вторая молитва Иоанна Златоуста.

Господи, Боже мой, великий, страшный и славный, устроитель всего видимого и мыслимого творения, хранитель Своего завета и Своей милости для любящих Тебя и сохраняющих Твои повеления; теперь и постоянно благодарю Тебя за все Твои, бывшие ко мне, благодеяния, явные и неявные. И до теперешнего (времени) хвалю, сдавлю и превозношу Тебя, за то, что Ты возбудил удивление к Твоим богатым милостям на мне и к Твоему милосердию, когда взял меня к Себе от чрева моей матери, во всём промышлял, соблюдал и, только по доброте и своему человеколюбию, управлял свято тем, что касается

меня. Ты не презрел моей низости, по недостоинству моему и страстности, но не оставил, благодетельствуя и промышляя, по Своему человеколюбию и состраданию. "**И до старости, и до седины не оставь меня, Боже**…" (Пс. 120:18), (Ты), Иисус Христос, прекрасное имя, сладость моя, вожделение моё и надежда моя, из-за нас воплотившийся, перенесши крестную смерть и всё мудро устроивший и завещавший для нашего спасения. Признаюсь Тебе, Господи, Боже мой, всем моим сердцем, склоняю колени тела и души, высказывая Тебе, своему Богу, все свои грехи. И Ты сам склони Своё ухо к моему молению, и прости нечестие моего сердца. Я грешил, беззаконничал, ошибался, раздражал, огорчал Своего доброго Владыку, питателя и попечителя; нет вида порока, сказываемого, или несказываемого, которого бы я не совершил делом и словом, по знанию и незнанию, пожеланием и мыслью, - согрешив от преизбытка к преизбытку; и, часто обещав покаяться, столько раз я впадал в то же самое. Капли дождя легче будут исчислены, чем множество моих грехов; они поднялись выше моей головы и стали тяжелыми, как тяжкая ноша. Открыв дверь для глупых пожеланий, с своей юности и до теперешнего времени, я пользовался необузданными и безпорядочными порывами, осквернив свыше сотканную одежду своего святого крещения, запятнав храм своего тела, загрязнив безчестными страстями свою несчастную душу и совершив всякое другое беззаконие и неправду; о чём если отчасти пожелаю вспомнить, недостаточно будет времени для моего рассказа. Но так как сам всё знаешь, - потому что нет твари, неявной пред Тобою, а всё обнажено и открыто для Твоих глаз, - (то) зачем говорить знающему, будто о неведомом для Тебя? Сокрушается моё сердце и кости души, и весь погружаюсь в глубину сомнения, думая про себя, что, будучи так и настолько грешником, я нисколько не показал в себе дела раскаяния; близко время моего посечения, стоит подле предназначенный час смерти, а никогда (нет) времени покаяния. Потому смущена моя душа, в сильной муке и полна стыда; будучи неготовым и неприготовленным, размышляя и обсуждая своё, не нахожу ничего достаточного для защиты, ни какого-либо способа и средства, которыми буду избавлен от вечного огня. Если праведный едва спасется (1 Петр. 4:18), - я, грешник, где явлюсь? И если царство небесное уделяется достойным через многие скорби (Дян. 14:22), путь жизни тесен и скорбен (Мф. 7:14), - как я буду удостоен спасения, я, истрачивающий всё время на удовольствия и постоянно распутничающий? И если всякая правда человека, как повязка нечистой женщины (Ис. 64:6), - во что засчитается столько нечистоты и неправды? Если надлежит оправдаться даже за праздное слово (Мф. 12:36), - какое буду иметь благовидное оправдание за столько грехов? Горе мне, душа, что так мы успели в своём! Кратка жизнь и весьма ограничена, быстро минуя и сопутствуя к смерти; вечно наказание грешников, как и царство праведных, и жизнь тех и других не пресекается смертью. Итак что мне делать? Что для себя совершить? В какую броситься бездну? Страшна также смерть, и особенно грешников, так как и она зла: "**смерть грешников люта**" (Пс. 33:22); страшны также посмертные ужасы, но страшнее всего впасть в руки живого Бога, изъять себя из которых никто не может. Итак, когда Он придёт, (чтобы) прославиться между Своими святыми, и воздать каждому по его делам; когда будут поставлены престолы, неподкупный, страшный Судия воссядет, впереди потечёт огненная река, будут приготовлены блеск и радость для праведных, все безчисленные ангелы, и все люди (бывшие) от века, все вместе тварь видимая и невидимая предстанет с трепетом, - что тогда совершу для себя, исполненный позора, осуждённый совестью, лишённый всякого дерзновения и оправдания? Стоны отовсюду. Горе мне (за) нечестие! Что оплачу прежде всего? О чём постенаю потом? О чём погорюю? О лишении благ, или о скорбных муках? О безграничности наказания, или об отлучении от Бога? Плачь, несчастная душа, думая об этом про себя, и (о том), что встретит тебя по исходе, как сильно тяжкое и мучительное, и взывай: Боже сил, Боже вечный, Боже жалости и милосердия, не покинь меня, не презри меня, не поставь меня вне Своей милости: "**поспеши на помощь мне, Господи, Спаситель мой!**" (Пс. 37:23). И будучи в таком состоянии и так размышляя, не отказываюсь от благой надежды, и не

отчаиваюсь в своём опасении. Знаю о благосострадании моего Владыки, знаю о незлопамятности человеколюбца, и что Он желатель милости, не желающий смерти грешника, для обращения и жизни его (Иез. 30:11), желающий, чтобы все были спасены, и пришли к познанию истины (1 Тим. 2:4), и особенно обращающиеся от греха. Ты не пришёл "**пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию**" (Мк. 2:17); "…**не здоровые имеют нужду во враче, но больные**" (Лук. 5:31); "…**вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел**" (Быт. 18:27), "…**я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе**" (Пс. 21:7). Дай мне "**слово**" возвещать "**устами моими**" (Еф. 6:19), дающей молитву молящемуся, так как от Тебя "**Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше",** от Тебя "**Отца светов**" (Иак. 1:17), чтобы я и достойно молился, и с пользой умолял. Да не буду отвращён с унижением, в посрамлении, но получив, на что надеялся я; и так отойду, радуясь от полноты своего сердца. "**Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей**…" (Пс. 50:1), "…**ибо на Тебя уповает душа моя**" (Пс. 56:1); "**Помилуй меня, Господи, ибо я немощен**…" (Пс. 6:3), Врач душ и тел. Как бы предстоя у страшного Твоего престола, как бы касаясь Твоих чистых ног, так прошу, молю и умоляю, с сокрушенным и уничиженным сердцем: "**Боже! будь милостив ко мне грешнику!**" (Лук. 18:13), снизойди мне, негодному и низкому, взгляни из святого Своего жилища на моё бедствие, посмотри со святых Своих высот на молитву низкого Своего раба, и не презри моления моего; отпусти мне, чтобы подкрепиться, прежде чем мне отойти, откуда уже не возвращусь. Согрешил я, как человек, снизойди, как Бог; Ты знаешь, Владыка, шаткость человеческой природы, и что помышление человека от юности усердно направляется к злу. Вспомни, что мы прах; вспомни, что Ты только чист, пречист и незапятнан, а мы все под наказанием; вспомни о Своём милосердии от века и милости Своей, и не осуждай меня с моими беззакониями, не отплачивай мне по моим грехам. Ты знаешь множество беззаконий моих, - что оно велико и не подлежит исчислению; но я знаю также о море Твоего человеколюбия, - что оно неизобразимо и непобедимо. Ты - берущий грех міра (Ин. 1:29), сошедший с неба на землю для отыскания заблудившейся и погибшей овцы, прекрасный пастырь, полагающей Свою душу за овец (Ин. 10:11), и пришедший в мір спасти грешников, из которых самый первый я (1 Тим.1:15). Помилуй, помилуй создание Своих рук; не гнушайся меня, недостойного, но умилосердись над Своим созданием, - (Ты), претерпевший за меня крест и принявшей страдальческие раны, - но, исцелив, изгладь всё врачеством сострадания и губкою Своего человеколюбия: "**знаю, что Ты все можешь, и что намерение Твое не может быть остановлено**" (Иов. 42:2). Пронзи отвердевшее мое сердце, облегчи тягость совести, прими мои слёзы и стон, как блудницы, как Петра, верховного из апостолов; прими это моё малое признание и покаяние, - (Ты), принявший на крест благоразумие разбойника; прими плод моих уст, как живую жертву, приятную, в запах благовонный. Прошу, - будь упрашиваемым; стыжусь, - будь стыдящимся. Согрешил и тот царь, Манасия, но, покаявшись, не погиб; до него, согрешил также Давид, но, по оплакивании греха, был помилован. У меня много есть таких примеров, утешающих и ободряющих моё малодушие, прогоняющих от меня отчаяние и питающих мою надежду на спасение. Утешь Ты и мое сердце, - Отец милосердия и Бог всякого утешения; привлеки душу и сделай (ей) добро, - Источник милости и добра. От вечности Ты много сделал великого и дивного, славного и необычайного, чему нет числа; но если спасёшь меня распутного, если поставишь подле (Себя) меня недостойного, - будешь ещё более удивителен, потому что столь велика сила Твоей милостыни и человеколюбия, что даже из грязи делаешь жемчуг, и сына геенны приводишь в сына царства. И ещё воззову к Господу моему, и помолюсь Богу моему: управляй остатком моей жизни по Своему желанию; утверди меня в Своём страхе; укрепи меня в Своей любви и во множества Своей доброты; одари меня концом добрым и достойным Твоего человеколюбия; взгляни на кости и связи мои и весь состав моего основания, по Своей милости и человеколюбию, и, приведши мою несчастную душу в место отдохновения и

успокоения, восстанови (её), так как у Тебя много распределено жилищ (Ин. 14:2), для каждого по достоинству. Ещё молюсь и прошу: дай, Господи, сейчас моему недостоинству также благодать разумения, чтобы распознавать приятное для Тебя, а для меня полезное, и не только распознавать, но и совершать, чтобы не увлекаться и не прилепляться к пустому, не совершать ненужного, чтобы без тщеславия унижаться с низкими, сострадать страдающим и снисходить грешникам. Знаю, что, если не прощу, не буду прощён. Потому прошу: снизойди во всём всем согрешающим против меня; не они виновны, но я, несчастный, несовершающий Твоей воли и несохраняющий Твоих повелений. А любящим нас отплати Своими богатыми дарами; умилосердившись человеколюбиво, помилуй моего духовного отца, и братий, которых Ты, милосердый, дал со мною, по суду, который знаешь. Эти слова моей молитвы пусть будут моей просьбой и в жизни, и смерти; это признание и слёзы пусть направляются к Тебе, как фимиам; а я на каждый день ожидаю неумолимой смерти. И моё несчастное тело, преданное погребению, уничтожится, разрешится в то, из чего было составлено, - его Ты, жизнедатель, воскресишь нетленным во время воскресения; а дух мой отдаю в Твои руки. Святой Владыка, упокой в свете живых, в обители радующихся и моих родителей, предков и братьев, а Твоих благодарных рабов, - так как, хотя и согрешили мы, но не отступили от Тебя, и не простёрли своих рук богу чужому, но узнали Тебя, и пребываем в любви к Тебе, в вер к Тебе, и Тебе поклоняемся одному в Троице Богу, в Тебе мы молимся и Тебе предоставляем надежду спасения. Помилуй нас по Своей великой милости, и спаси для Своего небесного вечного царства. Поистине, Господи мой, Господи, так пусть будет это в нас, надеющихся на Тебя, по Твоей многой и непобедимой доброте, и по несказанному Твоему милосердию и человеколюбию, ходатайством всеславной, всепетой, преблагословенной и наделённой милостями нашей Владычицы, пресвятой Богородицы и Всегда-Девы Марии, небесных и разумных сил, и всех от вечности угодивших Тебе. Истинно.

На новое воскресенье, и на апостола Фому[1].

Спешу отдать оставшийся долг. Хотя и беден я, но вынуждаюсь вашею признательностью. Обещал я показать неверие Фомы, - и я здесь, чтобы отдать вам этот (долг), потому что готов уплачивать, прежде всего, свой первый долг, чтобы скопляющиеся проценты не возобладали надо мною. Итак, посодействуйте мне в уплате долга: помолитесь Фоме, чтобы он, положив свою святую правую руку, коснувшуюся Владычнего бока, на мои уста, укрепил мой язык для изложения желательного вам. А я, дерзая на ходатайство апостола и мученика Фомы, (буду) проповедовать прежде об его сомнении, и потом исповедании, опоре нашей Церкви и основании. Когда, при замкнутых дверях, Спаситель вошёл к Своим ученикам, и опять вышел, как вошел, - отсутствовал только Фома (Ин. 20:24). Но и это было делом божественного устроения, - так, чтобы отсутствие ученика сделалось поводом к большей непоколебимости и твердости. Если бы Фома присутствовал, он бы, конечно, не сомневался; а если бы не сомневался, тщательно не исследовал бы; а если бы не исследовал, не осязал бы; а если бы не осязал, не провозгласил бы Господом и Богом; а если бы не назвал Христа Господом и Богом, мы не были бы научены так Его воспевать, - так что, и не присутствуя, Фома привёл нас к истине, и прибыв после, сделал (нас) твёрже относительно веры. Итак, ученики говорили Фоме, пришедшему наконец: "…**мы видели Господа**" (Ин. 20:25); видели сказавшего: "**Я свет миру**" (Ин. 8:12); видели сказавшего: "**Я есмь воскресение и жизнь**… **и истина**" (Ин. 11:25; 14:6), и нашли истину этих слов, сияющую делами; видели сказавшего: "**после трех дней воскресну**" (Мф. 27:63), и, увидев воскресение, мы поклонились воскресшему; мы услышали Его, говорящего нам: "**мир вам**" (Ин. 20:19), и бурю печали обратили в радость тишины; мы созерцали Его руки, принявшие в себя острия гвоздей, созерцали Его руки, обвиняющие ярость богоборных собак, созерцали руки, соткавшие нам нетление,

созерцали также бок, возглашающий яснее всякого проповедника о милосердии поражённого, созерцали тот самый бок, который воспевают ангелы, почитают верующие и трепещут демоны. Мы приняли также божественное дуновение из божественных Его уст, духовное дуновение, дуновение - проводник всякой благодати. Мы были Владыкою рукоположены во владыки отпущения грехов; мы сделались также господами в суд над грешниками, приняв от Него знаком такое изречение: "**Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся**" (Ин. 20:23). Мы насладились такими словами Спасителя, вкусили таких даров; нам, встретившимся с богатым Владыкою, невозможно было не обогатиться; только ты, не присутствуя, остался нищим. Что же им Фома? Вы видели Господа? Прекрасно. Итак, Кого вы созерцали, (Того) больше почитаете; Кого рассматривали, пребываете в проповеди (о Том,). А я "**если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю**" (Ин. 20:25). Но не уверовали бы вы, если бы прежде всего не созерцали; так и я: если не увижу, не уверую. Останься, Фома, при таком желании, старательно останься, чтобы я был утверждён душою, когда ты будешь смотреть; останься, ища сказавшего: "**ищите, и найдете**" (Мф. 7:7); не просто мимоходом исследуй, (но) пока не найдёшь сокровища, которое ищешь; останься, ударяя в дверь беспрекословного знания, пока тебе её откроет сказавший: "**стучите, и отворят вам**" (Мф. 7:7). Дорого мне твое разномыслие, как отсекающее всякое разномыслие; люблю твой любознательный нрав, как устраняющий всякий спор; охотно слушаю тебя, не раз говорящего: "**если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю**". Когда ты не веруешь, я учусь веровать; когда ты заступом языка взрываешь пашню божественного тела, я без труда пожинаю плод и для себя накапливаю. Если не увижу этими своими глазами на Его святых руках борозд, которые провели безбожные, никак не соглашусь с вашими словами; если не вложу этого своего перста в углубление от гвоздей, не приму вашего Евангелия; если не буду держать этою своею рукою тот бок, неподозрительного свидетеля воскресения, не могу поверить вашему мнению. Всякое слово пребывает крепким и твёрдым, снабжённое защитой от всех дел; а всякая речь легко исчезает, разливаясь из уст в воздухе, лишённая свидетельства от дел. Имею проповедовать людям о чудесах Учителя; как о том скажу словами, чего не воспринял своими глазами? Как буду убеждать неверующих уверовать, чему и сам я пока не последовал? Скажу ли иудеям и эллинам, что я созерцал своего Владыку распинаемым, а воскресшим не видел, но слышал? II кто не посмеётся над моею речью? Кто не отвергнет проповеди? Иное - слух, и иное - зрение; иное - сообщение слов, и иное - созерцание дел и опыт. Так, когда Фома имел вместо знания сомнение, - опять, после восьми дней, явился Владыка к Своим ученикам, собранным вместе. Он предоставил, чтобы Фома был наставлен, в эти промежуточные дни, прежде всего своими товарищами, - позволил, чтобы он возгорелся жаждою созерцания Его; и, когда душа его была сильно воспламенена желанием зрения, тогда, наконец, благовременно пришел Желаемый к желающему. Одинаково, как прежде при замкнутых дверях, так сделал и опять, - сказал им, как и прежде: "**мир вам**" (Ин. 20:26), чтобы тождество было и в деле, и чуде, и оно бы подтвердило извещение апостолов и доставило точность Его второму пришествию. Потом, говорит Фоме: "**подай перст твой сюда и посмотри руки Мои**" (ст. 27). О, высота беспредельного человеколюбия! О, море неизмеримого снисхождения! Он не ожидал прихода ученика, более необходимого не ожидал, чтобы нуждающийся подошёл, молил и получил, чего желал, не лишил его нисколько желания, но сам, любимый, понуждал к желаемому любителя, сам Своим голосом привлёк к Нему перст желающего, привлёк сам, Владычным языком, рабскую правую руку, сказав ему: "**подай перст твой сюда и посмотри руки Мои**". Фома, услышал Я, не присутствуя как человек, но присутствуя как Бог, - что ты говорил своим братьям; Я сидел подле вас Своим божеством, отделившись от вас по Своему человечеству. Желаешь ли, Я напомню тебе недавно сказанные твои слова? Не сказал ли

ты: "**если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю**"? Не эти ли слова вышли из твоих уст? Не это ли слова твоих помыслов? Я из-за того опять пришёл, из-за чего ты сомневаешься; вторично Я приблизил то, из-за чего ты желаешь, (чтобы) Я пришёл. И теперь Я, сошедший с неба из-за блуждающей овцы, но не оставивший неба, пришёл к тебе из-за тебя одного. Итак, не стыдись узнать, чего желаешь; не совестись тщательно заняться (тем), чего ищешь; не отказывайся положить свой перст на эти Мои руки. Я потерплю также любознательный перст, как потерпел гвозди; перенесу любознательность любящего, как перенёс злобу ненавидящих; будучи распинаем врагами, Я не негодовал, и твоего ли исследования не вынесу? "**Подай перст твой сюда и посмотри руки Мои**", раненый за вас, чтобы раны ваших душ были исцелены; посмотри Мои руки, и подумай про себя: тот ли Я, добровольно распятый, или другой кто подле Него; посмотри Мои руки, которым Я попустил иметь знаки иудейского безумия, чтобы, когда иудеи будут бесстыдными в день суда, и скажут Мне: мы не Тебя распяли, Владыка, - показать врагам руки в этом виде, и этим зрелищем пристыдить лица иудеев. "**Посмотри руки Мои**", и не думай, что истина Моего воскресения есть некоторое воображение. Держи эти руки, как залог вашего возрождения; держи эти руки, как залог возвращения из гробов; держи эти руки - якорь (для) адской глубины. Не бойся никакого житейского ненастья, не трепещи никакой мирской бури, не бойся дуновений враждебных ветров, не думай о вихрях и подводных скалах вражеского моря. Плыви смело по морю жизни, - плыви, держа якорь духа; плыви, направляясь к небу, как пристани; плыви, боясь только, (как) кораблекрушения, отрицания Меня; осмеивай смерть, как мёртвую, шути гибелью, как бессильной, приветствуй кончину из-за Меня, как начало внутренней жизни. "**Подай руку твою и вложи в ребра Мои**": почерпни своею рукою желаемое питье из живоносного Моего источника, и утиши свою жажду. "**Подай руку твою и вложи в ребра Мои**": введи свою правую руку во врачебницу природы, и возьми врачевство для своей воли; Я, принявший удар копьём, перенесу возложение любящей руки. "**Подай руку твою и вложи в ребра Мои**", чтобы ты мог подвизаться за них, чтобы ты мог говорить возражающим против истины, что после воскресения ты видел Меня, узнал и тщательно осязал Меня. "**Подай руку твою и вложи в ребра Мои**": Я, исцелявший тела и души прочих, из-за тебя такими их оставил, предвидя, как Бог, что ты пожелаешь увидеть их такими, - чтобы, увидев знаки страдания Моей плоти, ты исцелил страсть своей души. "**Подай руку твою и вложи в ребра Мои**", которые, как видишь, Я такими сохранил, чтобы, когда опять приду с неба и сяду Судиею живых и мёртвых, увидели иудеи дела своего злого делания, являемые пред лицом, и были бы самоосуждены. "**И не будь неверующим, но верующим**": неверие - худое дело: потопляет ум, вера поднимает его на небо; неверие ослепляет душу, вера просвещает помыслы; неверие не замечает даже видимого, вера усматривает и невидимое; неверующий - в полном незнании. "**И не будь неверующим, но верующим**": прогони облако неверия, и созерцай чистые лучи веры. Будь также во всем апостолом, достойным Моего божества; будь таким, каким нужно быть пребывавшему со Мною и получившему то, что ты получил. Ты призван был одинаково с остальными апостолами, был почтен одинаково с ними, - одинаково с ними вооружись, одинаково с ними созерцай (то), что они видели, одинаково с ними тебе, как другу, доверена вся Моя тайна, одинаково с ними проповедуй о Моей силе. После того, как раз увидел, не скажешь опять: "**если**" опять "**не увижу на руках Его ран от гвоздей… не поверю**". Пока Я с вами, любопытствуй, как угодно; пока у тебя стоящая подле небесная лоза, исследуй все её ветви и гроздья. Взойду на небо, откуда пришёл на землю, - взойду, где Я есмь, - взойду человечеством, откуда снизошёл к вам божеством, - взойду с этим телом, Я, отошедший оттуда без него и пребывавший там, - взойду с вашею природою на Отчее лоно, "**сущий в недре Отчем**" (Ин. 1:18); Я окончил дело, из-за которого совершил этот путь. Итак, Фома, коснувшись Владычных рук и божественного бока, исполнившись вместе страха и большой радости от созерцания (того), чего желал, -

тотчас побуждает свой язык к хвалебной песне, взывая к Господу: "**Господь мой и Бог мой!**" (ст. 28). Ты Господь и Бог, Ты человек и человеколюбец, Ты дивный и необычайный врач природы; не железом отсекаешь страсти, не огнём прижигаешь раны, не от трав собираешь врачебную силу, не видимыми повязываешь тяжкие раны повязками; у Тебя - невидимые повязки милосердия, невидимо связывающие разделённое, - у Тебя слово, острее железа, - у Тебя изречение, сильнее огня, - у Тебя мановение, удобнее врачевства. Как мироустроитель, Ты без труда освящаешь творение, - как создатель, без усилия перестраиваешь создания. Ты очистил от проказы, как пожелал, Ты сделал хромых быстрыми, Ты сделал, что расслабленные носят свои постели, Ты повелел слепым от рождения смыть с себя мрак, Ты изгнал демонов из Своих творений, Ты удержан был врагами по желанию, Ты по желанию потерпел по плоти всё от иудеев из-за меня, "**Господь мой и Бог мой!**". Я узнал моего Владыку, узнал моего ловца и стража, узнал моего Царя и Господа, - "**Господь мой и Бог мой!**". Владыка, верую в Твоё домоправление, верую в Твоё снисхождение, верую в Твоё принятие власти надо мною, верую в Твой поклоняемый крест, верую в Твои страдания по плоти, верую в Твою тридневную смерть, верую в Твое воскресение; не буду, наконец, больше любознательным; верую, и более не буду отдавать отчёта; верую, и более не буду взвешивать; верую, и более не буду старательно исследовать; верю своим глазам, верю своей правой руке. Я научился, что не нужно отдавать отчета в (том), что я увидел; научился не спорить, поклоняться (тому), что я осязал; знаю одного Господа и Бога, Владыку Христа, Которому слава и держава во веки веков, Аминь.

---

[1] Далее следует шесть бесед, различной величины, которые у Миня называются Spuria (отвергнутое), или Νόζα (побочное).

На святого Стефана, I.

Славных борцов возвеличивает память о совершенных ими подвигах; пусть и наше слово, насколько возможно, украшает их, когда мы, прославляя их, проповедуем об их преуспеяниях; воспоминание об их добродетели (есть) достаточное воспитание нашего нрава. Итак, сделаем, прежде всех открывшего ристалище благочестия, и, прежде всех начавшего упражнения борцов, - началом для похвал Владычных борцов. Его помазала благодать Духа, а научил борьбе небесный учредитель подвигов, - когда не телом он сражался, не руки простирал для состязания, но изощрял язык против воюющих руками. Итак, посмотрим (на) борца, как он явился во всём подражателем Владыке; у него были те же самые противники, дерзавшие и против него; спасительное страдание не насытило, однако, их кровожадности, но недавно пролившие Владычную кровь жаждут ещё крови, и совершившие Владычнее убийство, одинаково думают против рабов. Итак, представим себе в слове испытанного борца. И во внешних состязаниях, когда обсуждаются увенчиваемые, обычно вводят на борьбу избранных и лучших, чтобы из состязающихся самый испытанный в отношении силы, был объявлен увенчанным. А здесь говори: самый первый из передовых борцов, необоримая крепость благочестия, - кто скажет всё это в отношении его, не погрешит, - он, по собственным трудам, сделался наставником подвизавшихся после него и, восхитив первым венец, показал и последующим, что враги, целящиеся только в тело, а оставляющее душу невредимою, легко одолимы, - потому что Он говорит: "**И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить**" (Мф. 10:28). Помня об этом божественном голосе, умащающем его для борьбы, так борец приготовился к состязаниям, и, языком поражая побивающих его тело камнями, он показался словами сильнее их ударов; и принимал он телом раны от камней, а ещё

сильнее словами поражал повергавших (камни), и возбуждал против себя борьбу, чтобы они приготовили для него торжественное шествие на небо весьма кратким. Подумай также о разности ударов: они забрасывали тело камнями, а он целился в их сердца словами, доставляемыми ему Духом: никто не мог, говорится, "…**противостоять мудрости и Духу, Которым он говорил**" (Деян. 6:10). О, язык самой звонкой трубы! О, несокрушимая душа, твёрже всякого алмаза! Он видел иудейский народ, скопившийся против борца, и смотрел как бы на некую тень, - так он презирал присутствующих, - и радовался, принимая телом тучи камней, - ему устраивалась из камней как бы некая башня, чтобы достигнуть чрез неё неба. Итак, что может быть сильнее той разумной скалы? Что можно видеть твёрже этого столба Церкви? В его непоколебимости спасла вера; опираясь как бы на некоторую твердейшую опору, он оставался так невредимым, когда по телу испещрялся ранами, по душе украшался твердостью и с самим небом соревновал собственною красотою. Как оно показывается весьма красивым, расцвеченное хором звёзд, так и тот дивный борец, имея Владычный хитон, украшался ранами, как одевшийся в испещренные одежды, и радовался, нося на теле язвы Господа, как Владычные знаки. Не камни окружали борца, но, как бы некое высокое дерево, коренящееся в земле, - таким, не сгибаясь, сохранял он себя, принимая метания камней и не падая. К нему может, конечно, подходить то пророческое изречение, что "**Праведник цветет, как пальма**…" (Пс. 91:13). Его тело обагрялось и обливалось кровавыми потоками, непрерывно принимая волны камней, тем более делаясь твердым, как камень, верою. Он смотрел на небесного учредителя подвигов, простирающего Свою руку к Своим борцам и влекущего их на небо, где сохраняются награды за подвиги, где бывает объявление венцов, и восклицал, может быть, подобно Павлу: "…**я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух**" (1Кор. 9:26); меня поражают, и я раню словами. Вспомните, говорит, ваших отцов, побивавших пророков камнями: "**кого**", - говорит, - "**из пророков не гнали отцы ваши**" (Деян. 7:52)? Вы, поревновав безумию их - наследники злого наследования; и вы, как ваши отцы; вы приняли отеческую запятнанность убийством. Это слова венца Церквей, таковы против врагов стрелы увенчанного; и как кто-нибудь поднимает пламень в лесу, так и первомученик ещё больше раздражал против себя безумие тех. Он видел желаемого, и желал созерцаемого, и говорил, может быть, им нечто такое: вы целитесь во внешнюю одежду, и на тело мечете камни; но вы, по-видимому, забыли, что именно моё желание исполняете вы. Я и сам, даже раньше Павла, спешу снять с себя внешнего человека, чтобы достигнуть неба обнажённою душою и, переправившись чрез воздушное море, царствовать вместе с Владыкою. Только это плавание не имеет кораблекрушения, это путешествие по морю спасает плывущих без бури; мой корабль безопасно плывёт; у меня есть небесный кормчий, направляющий Своим мыслимым рулём. Обагрите мне тело ранами; отцы ваши, как и вы, обагрили также кровью хитон Иосифа. Им постоянно надлежит говорить себе сказанное мучеником. Вы подражали им, оставившим вам злое наследство; но и они, продав Иосифа, ошиблись в надежде, - и (вы), побивая камнями телесный храм, выстроите твёрдый храм, ещё прекраснее; (это) помогает мне видеть преддверие его; он утверждается от земли до неба. Таковы слова, приличные для Стефана, выступившего на подвиг раньше избранных апостолов, и достигшего цели мученичества быстрым течением, подвизавшегося на земле, и объявленного победителем на небе, - того, который побеждал врагов, шумно говорящих, а за бросающих камни молился, и в этом подражая Владыке, и говорил учредителю подвигов: "**Господи Иисусе! приими дух мой**" (Деян. 7:59). Закончен, говорит, мой подвиг; прими на небе увенчанного, прими борца, Судья подвигов; стремлюсь к венцу, и спешу получить свою награду за подвиг здесь. Настолько усладил нас первомученик, явившийся отличным и в слове, и борьбе, - (он) вершина мучеников, венец Церквей, - когда спешил придти к Владыке, и последовал зовущему на небе тем божественным голосом: "…**где Я, там и слуга Мой будет**" (Ин. 12:26). "**О горнем помышляйте**…", - говорит (апостол), - "…**где Христос сидит одесную**

Бога" (Кол. 3:2, 1). Он желал того царского престола, стремился к тем наградам небесного призвания, желал тех царских даров, распределяемых небесным Царём между собственными Его подвижниками. Итак, какого слова может быть достаточно, чтобы, по достоинству, словом возвеличить такого и так великого борца, проповедуемого его делами, и оставившего, как бы столб, неисчерпаемую память о своих собственных преуспеяниях? Поревнуем его любви, будем подражать его добродетели, чтобы и нам насладиться сохраняемых венцов, благодатью единородного Сына Божия, с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

На святого Стефана, II.

Внешние, желая плести венки для мужей, стараются собирать розы, лилии и остальные цветы земли; таков закон сплетателей земных венков. А мы, приготовляя венок блаженному Стефану, пожнём духовные цветы у самого Стефана, чтобы сплести на голову Стефана венок благодатей. Блаженный Стефан есть луг, исполненный всякого благоухания, орошаемый кровью Христа, помазуемый Святым Духом и облагоухающий всё собою. Вот память Стефана, и всё исполнено освящения: небо, принимая дух, - земля, принимая в себя тело, - воздух и все вместе исполнены мира благоухания. А мы имеем в нём ходатая за нас, красоту Церкви, борца благочестия, Христова ученика, обличение иудеев, вождя мучеников, заступника вдов, кормильца голодающих, помощника изнуряемых работою, стража святого Христова города, венец прекрасных диаконов, столб Церкви, украшение мучеников, похвалу вселенной, основание Церкви; (он) - страж наших душ, - он молился за преследующих и защищал побивающих камнями, и потому прославил своё лицо ангельской благодатью: "**И все**", - говорится, - "**сидящие в синедрионе, смотря на него, видели лице его, как лице Ангела**" (Деян. 6:15). Увенчаем теперь борца Стефана, первоборца Христова, и усыплем (его) цветами слов. Итак, он был украшением хора апостолов, и считался между учениками благочестия; кротостью превосходил всех людей и был выдающимся человеколюбцем; он терзался не так своими трудами, как чужими, нужду ближнего считал собственною, и исцелял страдание, присущее другому, как присущее самому. Во время первой проповеди слова, когда вера роскошно цвела, и богатые тотчас слагали с себя бремя денег, а бедные получали этот излишек, - Стефан был домоправителем такого прекрасного согласия и порядка, и в нём бедность имела заступника и помощника, а богатый руководителя. На нём почивала сила Духа, и для благодати этот человек был собственным домом. Воспоём и мы, возлюбленные, с первомучеником Стефаном, награждающего венцами, святую и единосущную Троицу, так как Ей прилична слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

На святого Стефана, III.

Многи и удивительны победные знаки блаженного Стефана; и даже смерть не отвлекла его от благочестивого соратничества. При жизни, он боролся с иудеями, - также и по смерти вооружается против еретиков, имея непреодолимым оружием веру Троицы. И смотри (на) тогдашние полчища врагов, и изумись мужеству воина. Александрийцы врывались, либертинцы стреляли, киликияне и асийцы вели осаду, схватывали в синедрион, нанимали лжесвидетелей, приготовляли груды камней, - как львы, скрежетали против него зубами; однако, этот воин побеждал, вооружившись мудростью и духом, ослепляя смотрящих светом своего образа, и обессиливая богоборцев словами. Но видел ли ты толпы своих врагов? Смотри также (на) божественную помощь: Он открыл своды неба, показывая борцу награды за подвиг; лицо украшалось ангельским видом; тучи камней он отражал от себя тучами слов; одни бросали, другие носили и давали Стефану венец. Смотри и (на) теперешнее, и увидишь сродство победных знаков. Тогда защищал издававший голос с креста, и теперь Стефан - венец Церкви: он первый попрал жало

смерти. В царских дворцах венец: его ввела в чертог Царица и Дева; у начальников венец: (странноприимство его) сделало отцом сына странноприимного царя; в нищелюбии венец: он был богат для вдов и сирот, и верный домоправитель; против иудеев венец: он обличил синагогу, прелюбодействовавшую с идолами; против еретиков венец: он заградил уста богоборных, восклицая: велик Господь наш. Велик: не подлежит мере языка; велик: превосходит воображение мысли; велик: особенность Его божественной природы - неописуемость; велик: безначально воссиял из недр Отчих; велик: бесстрастно родился, как Слово; велик: божественное рождение не разделило сущности; велик: на Престоле сидит, и не был повергнут на подножие; велик: каков корень, такова и ветвь; велик: видевший Сына видел Отца; велик: нет ничего в Троице неравного; велик: возродил водою многих; велик: будучи видим, не стареется; велик: не имел малого Отца. Итак, велик Господь Сын, хотя бы для соседей не казался (таким). Сын (есть) Вседержитель: всё произошло чрез Него; Сын - безначальный Царь: Царь наш прежде века; Сын - единосущный Отцу: "**Я от Бога исшел и пришел**…" (Ин. 8:42); Сын - свет истинный: "**Я свет миру**" (ст. 12). Зачем мне много говорить? Воплотившийся от Девы Сын Божий, и пасущий Церковь, как свидетельствует пророк, говоря: да "**посетит Господь Саваоф стадо Свое**" (Зах. 10:3), (есть) Бог и Вседержитель; Ему слава и держава, с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

На святую Пятидесятницу.

Светел всякий день, приносящий солнечный луч, и одевшийся в общий свет: так Владыка, украсивший творение, представил (его) для нас; но ещё больше радости в торжественном и всепраздничном дне праздника, когда он почтён словом и служением Богу. Он, выражая с цветом природы и красоту благочестия, обнаруживает двойное благолепие. Таков и сегодняшний праздник, освещающий чувственные глаза тела, но просвещающий лучами слова мысленные очи духа. Сегодняшний день есть один из трех знаменитых (дней), проповедуемых в законе и воспеваемых по Евангельской благодати. По Ветхому Завету, в этот день был дан закон по новой благодати, в этот (день) было дано посещение Духа; в этот день Моисей принял скрижали закона, в этот день хор апостолов принял сошествие Духа, вместо скрижалей, данных чрез Моисея. Блаженный Павел говорит, пиша в послании к Коринфянам: "**Вы - наше письмо, написанное**… **не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца**" (2Кор. 3:2, 3). Исследуйте же, истинно ли в этот день дан был закон? В Ветхом Завете неясно было записано, что закон был дан в пятидесятый день; но сокровище знания открывается испытывающим божественные письмена. Итак, посмотрим какой (был) день, когда был дан закон. Блаженный Моисей - тщательно вникайте - говорит: "**В третий месяц**…" по исшествии их "…**из земли Египетской,**… **сказал Господь Моисею: пойди к народу, и**…" очистят самих себя "…**сегодня и завтра**", и "…**к третьему дню**…" Я буду видим (Исх. 19:1,10,11). Тщательно вникайте. Выход из Египта в первый месяц: четырнадцатый день был первого месяца. Считай: четырнадцатый день, после него также дни, дополняющие этот месяц, то есть, семнадцать, и тридцать (дней) второго. И в сорок восьмой день второго месяца Бог говорил: "…**пойди к народу, и освяти его сегодня и завтра**", и "…**к третьему дню**…" Я буду видим. Итак, тридцать второго, а семнадцать первого и три третьего. И заметь согласие в делах. Когда на горе Синае был видим Бог, - Он был видим, как огонь горящий; когда Дух Святой явился апостолам, - явился в виде огня: были разделены "…**языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них**" (Деян. 2:3). И как, братья, во время явления Бога в Ветхом Завете, было много сопутствующего страха, - окружали гору и мрак, и буря, и труба, и гром, - чтобы привести народ в страх пред Законодателем, так и тогда, когда имел прибыть Святой Дух, - чтобы немедленное пришествие не застало в нерадении принимающих, но чтобы они узнали прибывающее в славе достоинство Духа, - как на горе предшествовали мрак и буря, так было и относительно Духа: "**При**

наступлении дня Пятидесятницы, сделался шум с неба… **как бы от несущегося сильного ветра**…" (ст. 1, 2); и тогда был виден Дух Святой, и он поколебал дом, - (Дух), не по Своей природе разделяемый, но разделяющий Свои действия. Не Дух делится, но Он делит дарования, как свидетельствует Павел: "**Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно**" (1Кор. 12:11); разделяя, не разделяясь, - поделяя, не поделяясь, - неограниченно управляя, не подлежа управлению. И какую честь неограниченной власти придал Павел Отцу: "…**а Бог один и тот же, производящий все во всех**" (ст. 6), - те же самые слова он сказал и в отношении Духа, говоря: "**Все же сие производит один и тот же Дух**". Но Дух Святой был назван утешителем; по чему иному, если не потому, что он утешает людей, то есть, ободряет? В Писании найдёшь эту особенность: апостол называет ободрение утешением. Утешает не как второй после Бога, но как Бог: утешение - свойство Божие; чтобы ты не оскорблял название утешителя, апостол говорит: по Христъ молимъ, яко Богу молящу[1] нами "…**от имени Христова просим: примиритесь с Богом**" (2Кор. 5:20). И, чтобы, братья, Павел не был сочтён, будто, вводя утешающего людей Бога, он вносит новость в догматы, - прими доказательство из ветхого свидетельства. Пророк Исаия говорит Иерусалиму: "**Даровавший тебе имя утешит тебя**" (Вар. 4:30). Итак, подумай: утешает тебя Отец, утешает Сын, - потому что говорит (Исаия): "**Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня,**… **утешить всех сетующих**" (Ис. 61:1,2). При другом случае и Спаситель, желая показать равночестную славу Духа, говорит: "**если пойду**", иного утешителя "**пошлю**" (Ин. 16:7); Он не мог бы быть иным, если бы другой не стоял впереди. Итак, Дух Святой является в виде огненных языков. Почему языков? Для пользы проповеди. Так как апостолы, для наполнения пределов вселенной проповедью, в которой имел действовать Дух Святой, нуждались в языке, то это изображается наружно, применительно к дару. Кроме того, и по древнему основанию. Так как тогда великаны боролись против Бога, и замышляли устроить башню, то Бог разделил худое согласие, послав языки; посылает и теперь действия языков, чтобы разделённую вселенную объединить, И удивительное было дело: языки поделили вселенную; языки объединили вселенную, языки вследствие проповеди. Но почему огненные? Так как нечестие, распространившееся на подобие леса, держало в своей власти весь мир, связав как тернием, то Он посылает огненные языки, уничтожающие терние нечестия. Сам Он говорит: "**Огонь пришел Я низвести на землю**…" (Лк. 12:49), - огонь не уничтожающий, потому что огонь Божий не жжёт, но освящает. Потому один из херувимов был послан к Исаии с огненным углем с жертвенника, - и, когда он положил на уста его, говорит ему: "**вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен**" (Ис. 6:7). Итак, величественно празднуя этот праздник пришествия Святого Духа, будем воссылать славу Отцу и Сыну и Святому Духу. Почти пришествие Духа; а пришествие Духа чествуется отпущением грехов. Где Святой Дух, там прощение, потому что Господь говорит: "**примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся**…" (Ин. 20:22,23). Святой Дух проповедуется (как) освобождающий; так, Отец освобождает, Сын освобождает, Святой Дух освобождает; а раб не может доставлять свободу: чего не имеет, не дарит. Потому, чтобы ты знал новую свободу Сына и Духа, - Спаситель говорит о Себе самом: если Сын вас не освободит, вы рабы (Ин. 8:36). Он предоставил свободу самому Себе. Опять Павел говорит: так взираем, "…**как от Господня Духа. Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода**" (2Кор. 3:18,17). Иногда Он называется Духом Святым, иногда Духом Сына, иногда Духом Отца, когда не в слиянии проповедуется, но объясняется в неразрывности от божественного существа. Сын называет самого Духа Отчим: "**не заботьтесь**", **-** говорит, **-** "**как или что сказать;**… **ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас**" (Мф. 10:19,20). Сын называет Духа Отчим; Павел называет Духа Сыновним, потому что он говорит так: "**А как вы - сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: "Авва, Отче!**"" (Гал. 4:6). Дух также животворит, потому что (Господь) говорит: "**Ибо,**

как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет" (Ин. 5:21). Видишь ли, что Отец и Сын животворят, - но смотри опять, что и апостол, или лучше, сам Спаситель чрез него говорит: "**Дух животворит; плоть не пользует нимало**" (Ин. 6:63). Скажу ещё короче. Церковные рукоположения приписываются Павлом то Отцу, то Сыну, то Духу; так, когда он говорит об Отце, рукополагающем в церковные достоинства, - выражается: "…**Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями**" (1Кор. 12:28), и прочее. Здесь он приписал рукоположения Отцу, так как Он даёт власть и поставляет. Опять, тот же самый Павел приписывает (это) в другом месте Сыну, потому что говорит: "**Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все. И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями**" (Еф. 4:10,11). Обрати внимание в этом слове на Его неограниченную власть. Не сказал: и Он служил, но - "**поставил одних**" по собственной неограниченной власти, не по разделенной и отделенной царской власти Отца, - потому что, чего желает Отец, желает и Сын, и чего желает Сын, то одобряет и Отец. Итак, что он приписал Отцу и Сыну - рукоположения, - это он сам опять относит к Святому Духу, призывая к себе ефесских пресвитеров и говоря им (Павел, сказавший то, говорит и это): "**Итак внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь**…" (Деян. 20:28). Смотри на сходство в слове. Не сказал он об Отце: положи, а о Духе: назначил, но (воспользовался) тем же самым изречением: "**Бог поставил**…" и Отец "…**поставил**" Дух Святой в Церкви.[2] Законополагает Отец в Церкви; Отец законополагает, как Царь веков, о котором Давид говорит: "**я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и закон Твой у меня в сердце**" (Пс. 39:9). Итак, Отец законополагает, Сын законополагает. Слушай Павла, говорящего: "**Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов**" (Гал. 6:2). Он показал Отца законодателем, показал Сына законодателем; он сам, дающий достоинство законодательства также Святому Духу, - или лучше, не дающий, но возвращающий, - говорит: "**потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти**" (Рим. 8:2); не потому, что три законодателя; один закон и один законодатель; один Бог, хотя и проповедуется в трех лицах. Говорят: как может Отец называться Богом, и Сын Богом, и Дух Святой Богом, и не три Бога? Где общение по природе, (там) общи также имена достоинства. Так, Бог называет разделенное на множество одним именем, по одной природе; и когда гневается на людей, называет всё человечество, подлежащее гневу, одним человеком; и когда обращается к миру, беседует как бы с одним человеком. Так, Бог наводит потоп за грех, и говорит: "**не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками;** ...**истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил**".[3] Хотя он не был одним, но (было) бесчисленное множество, (однако) назвал всех как одного, по имени природы, - весь мир, как одного человека, по общности существа. "…**Что [есть] человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его**" (Пс. 8:5)? говорит Давид, не потому, что он воззрел на одного, - он собрал всю вселенную. Воспользуюсь одним кратким словом, сказанным Моисеем (по поводу того), что фараон вошёл в море, и подвергся мщению, по божественному закону. Фараон погибает в море со множеством колесниц, и было много потопленных людей и много коней. А Моисей, зная, что одна природа всех людей, говорит: "**Пою Господу, ибо Он высоко превознесся; коня и всадника его ввергнул в море**" (Ис. 15:1). Он назвал множество людей одним человеком - всадником, по общности сущности. Итак, если в людях, где знание в смешении, где наружные виды различны, нет единства, ни одинакового духа, но различны языки, различен разум - вся вселенная, по общности природы, называется одним человеком, (то) называю Троицу одним Богом, где достоинство нераздельно, одна царская власть, одна своеродная сила. Если говорю: Бог, Бог и Бог, - трёх ли называю Богов? Если скажу: Господь, Господь и Господь, - трёх ли называю Господов? Никак нет. Апостол называет Отца Господом, Сына Господом, и Духа Святого Господом, - как и Давид: "**Сказал Господь Господу моему:**

седи одесную Меня…" (Пс. 109:1). А если: "**Господь Господу**", (то) апостол: "**Господь есть Дух**" (2Кор. 3:17). Итак, если Отец Господь, и Сын Господь, и Дух Господь, - как ты, апостол, законодатель истины, защитник благочестия, восклицаешь, говоря ефесянам: "**один Господь, одна вера, одно крещение**" (Еф. 4:5)? "**Один Господь**", по славословию серафимов, потому что и они взывают: "**Свят, Свят, Свят Господь Саваоф**" (Ис. 6:3). А если еретики упорно настаивают, что иное господство Отца, и иное Сына, - удивляюсь, как они могут быть рабами двум господам, - ведь это голос Спасителя: "**Никто не может служить двум господам**…" (Мф. 6:24). Если разделяешь господство, как служишь рабом для царской власти? Невозможно одинаково служить двум достоинствам, если нет равночестности, потому что никто не поклоняется царю и начальнику. Где достоинство равночестно, равночестно также поклонение. Нет борьбы, при равном достоинстве; неравенство возбуждает борьбу; равенство управляет миром. Христос не позволил тебе разделять честь, потому что Он говорит: в этом "**Воля же пославшего Меня Отца**… **дабы все чтили Сына, как чтут Отца**" (Ин. 6:39; 5:23). Почитай Отца, чтобы тебе чествовать Сына, или лучше, почитай Сына, чтобы тебе чествовать Отца. Отец Себе усвояет честь Сына; Сын Себе усвояет честь Отца, потому что Спаситель говорит: "**Ненавидящий Меня ненавидит и Отца моего**" (Ин. 15:23). Итак, пусть еретики не думают, что они сколько-нибудь угождают Богу, называя Его великим по сравнению с Сыном; Отец не принимает этой возносимой к Нему чести, когда Сын оскорбляется. Прими, в самом деле, ясное доказательство из Ветхого Писания. Друзья Иова, пришедши для утешения, обвиняли его за смелость речи, и оправдывали Бога. А Иов говорил Богу: кто поставит судью между мною и Тобою, и буду знать, сколь велики мои грехи, что Ты так осудил меня? Друзья Иова оправдывали Бога, когда им было неизвестно основание (дела), и скорее праведника, как согрешившего, осудили, а Бога, как поражающего, защищали. И говорят ему: "**Очень**" ты говорил с избытком, "**Неужели Бог извращает суд, и Вседержитель превращает правду**" (Иов. 15:11; 8:3)? Он поразил (тебя) по грехам твоим; если бы не было много грехов у тебя, ты не подвергся бы наказанию. Им также казалось, что они Бога защищают, - но осудили праведника. Принял ли Бог говоривших за Него вопреки правде? Если бы Он принял защиту в Его пользу, когда праведник бесчестился, - принимал бы и эту честь в отношении Себя, когда Сын бесчестился. Слушай, что Господь говорит друзьям Иова: зачем "…**не говорили истины на раба Моего**" (Иов. 42:8)? Если Он отвергает от Себя неговоривших истины против раба, принимает ли изощряющего свой язык против Единородного? Да не будет. Итак, неотразимо наказание для злословящих Святого Духа. Слушай, что говорит Спаситель: "**всякий грех и хула простятся человекам,** …**если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем** (Мф. 12:31,32). К чему нужны заключения о рождённых и нерождённых, созданных и несозданных? Слово ереси остро, сверх изощрённой бритвы. Но и бритва, хотя бы много и сильно была изощрена, может сбривать волосы, а не сечь дерево; слово же истины не есть бритва, но секира. Потому Иоанн Креститель говорит: "**Уже и секира при корне дерев лежит**" (Мф. 3:10). Не сказал: бритва, - потому что слово Божие не есть гладкое, против выглаживающих свою суету речью совне, - но - секира, посекающая гордость хвастунов, как свидетельствует Иоанн, говоря: "**Уже и секира при корне дерев лежит**". Сборище говорящих коварство и сплетающих ереси есть бритва, как говорит Давид Саулу: "**Что хвалишься злодейством, сильный**"? Целый день "**гибель вымышляет язык твой; как изощренная бритва, он [у] [тебя], коварный!**" (Пс. 51:3,4). Отец законополагает, Сын повелевает, Дух самовластно правит. Слушай Бога, говорящего: благовествующие придут, "**которых призовет Господь**" (Иоиль. 2:32). Прошу тебя: выслушай, чтобы узнать согласие истины. Мы не сражаемся заключениями, но следуем Писанию. Желаем быть рабами Писания, не порабощать Писание нашим заключениям. Вера не принимает заключений, не потому что они безрассудны, но потому что она превосходит всякое размышление. Павел, чтобы показать тебе, что вера вооружается против размышлений, говорит: "**Оружия**

воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: [ими] ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия…" (2Кор. 10: 4,5). Но если и часто беззаконник побеждает рассуждением, - не изумляйся, потому что Давид говорит: "**Дела беззаконий превозмогают меня**" (Пс. 64:4). И Отец посылает апостолов, и Сын посылает, и Святой Дух посылает. Спаситель говорит апостолам: вот я посылаю вас в мир: "**идите, научите все народы**…" (Мф. 28:19). А в Деяниях Апостольских говорится: "**Сии, быв посланы Духом Святым, пришли в Селевкию**…" (Деян. 13:4). Отец призывает апостолов, Сын призывает апостолов; пророк говорит: от горы Сион придёт благовествующий, и благовествующие, "**которых призовет Господь**" (Иоиль. 2:32). Итак, дело Божие - призвание благовествующих. Если призвание дело Божие, то поэтому Дух, говорящий чрез пророков, сказал (также): это говорит Дух Святый: "**отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их**" (Деян. 13:2). Об этом сказано нами достаточно. Бог же мира да возрастит всех нас в вере и любви к Нему, так как Ему приличны всякая слава, честь и поклонение, с единородным Сыном и всесвятым Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1]Слав. молящу не выражает мысли проповедника; нужно бы утешающу=παρακαλοῦντος.

[2] Слав. текст этого сходства не выдерживает: в 1Кор. 12:28 положи, в Деян. 20:28 постави. Между тем по греч. тексту оба раза: ἔθετο.

[3] (Мысль пропадает. Может быть более приемлем этот вариант?) "…**истреблю с лица земли**…**от человека до скотов**" (Быт. 6:3,7).

О терпении, кончине этого века и втором пришествии, непрерывном царствовании праведных и нескончаемом наказании грешников; основание исповедания, увещание к занятию божественным Писанием, и каковы хитрости врага, и в чем полезно безмолвие.

Жизнь праведных блестяща; но как она делается блестящею, если не чрез терпение? Приобрев, возлюби его, брат, как мать мужества, потому что и псалом увещевает, говоря: "**Уповай на Господа и держись пути Его**" (Пс. 36:34), и Павел говорит, как оно приобретает добродетель: "…**от скорби происходит терпение**" (Рим. 5:3). Обращаясь к нему, найдешь источник благ, надежду: "**надежда не постыжает**…" (ст. 5). Итак, "**Покорись Господу и надейся на Него**", и найдешь отсюда, что "**и Он исполнит желания сердца твоего**" (Пс. 36:7,4). Что блаженнее этого - приобрести себе милостивый слух такого царя? Кто не пожелает, чтобы слух судьи был открыт для него, и повиновался? Брат, ты - делатель добродетели; Христос нанял тебя в Свой виноградник; пока у тебя удобное время, делай благо. Послушай Павла, говорящего: "**Что посеет человек, то и пожнет**" (Гал. 6:7). Посей в дух, чтобы пожать тебе вечную жизнь: "**сеющий в плоть свою**", - говорит (апостол), - "**от плоти пожнет тление**" (ст. 8). Слушай прекрасного увещателя, говорящего: "**Сейте себе в правду, и пожнете милость**…" (Ос. 10:12); видя впереди себя надежду, не пренебрегай трудом. Где подвиги, там и награды; где войны, там и почести; где борьба, там и венец. Смотря на это, приготовляй самого себя чрез терпение; всегда взывай к самому себе, восклицая со святыми: "…**мужайся, и да укрепляется сердце твое, и надейся на Господа**" (Пс. 26:14). "**Приготовь к окончанию дела твои, и соверши на поле**" (Притч. 24:27), потому что жизнь есть это поле. Возьми Ветхий Завет: "**огради владение твое терновником**" (Сир. 28:27). Каким?

Пощением, молением, учением. Если у тебя будет ограда, не вступит зверь, - разумею диавола. Возделывай свою душу, как бы прекрасную виноградную лозу. И как стерегущие виноградник хлопают руками, кричат голосом, и грохотом не допускают злоумышленников, так и ты: восклицай молением, поднимай крик псалмопением, - и отгонишь коварного зверя, лисицу, которая есть диавол; о нем говорило Писание: "**Ловите нам лисиц, лисенят**…" (Песн. 2:15), и прочее. Всегда наблюдай врага; если он придёт, чтобы пронзить твоё сердце стрелою глупого пожелания, и если он придёт повергнуть твою душу в грязные помыслы, - противоставь щит веры, оденься в шлем надежды, обнажи меч Духа, который есть слово Божие; и, так вооружаясь против врага, терпи, и не будь небрежен в борьбе, но бодрствуй во всём.

Враг доставляет то простор, то скорби. Он испытывает, куда расположено внутреннее состояние человека, - туда и сам выступает, чтобы бороться, при помощи своего коварства. Потому, брат мой, непрерывно бодрствуй и всегда усердствуй в прилежном чтении, чтобы тебе научиться, как нужно избегать сетей врага, и достигнуть вечной жизни. Чтение божественного Писания ограничивает блуждающий ум, и дарит знание о Боге, потому что записано: "**Остановитесь и познайте, что Я – Бог**…" (Пс. 45:11); слышишь ли, брат, что чистосердечно занимающийся божественным Писанием получает знание о Боге? Потому, брат мой, не пренебрегай своей душой, но занимайся чтением и молитвой, чтобы твой разум просветился, и чтобы ты был целым и невредимым, без какого либо недостатка. Иные хвалятся собеседованием с вельможами, начальниками и царями, а ты хвались пред ангелами Божиими, собеседуя со Святым Духом чрез божественное Писание, потому что Дух Святой чрез него говорит. Старайся читать божественное Писание и постоянно пребывать во святой молитве. Сколько раз будешь с Богом чрез него, столько раз освящаются твои тело, душа и дух. Итак, зная это, брат мой, - что когда будешь читать его, освящаешься, - тем чаще постарайся читать его; и если руки будут несвободны у тебя, молись в уме. Молилась также Анна, мать пророка Самуила: двигала своими губами; молитва её дошла до слуха Господа Савоофа. И просимое ею дано было ей. Потому, брат мой, если твои руки даже свободны, всё же молись умом; Господь слушает и безмолвных. А если не умеешь читать, прилежи там, где можно тебе слушать и получать пользу, потому что написано: "**Если увидишь разумного, ходи к нему с раннего утра, и пусть нога твоя истирает пороги дверей его**" (Сир. 6:36). Это помогает, брат мой, не только неумеющим читать, но даже умеющим. Многие читают, и не понимают, что читают. Итак, смотри, брат, не пренебрегай милостью, данною тебе по дару Христа; но размышляй и исследуй, как можешь угодить Богу, чтобы получить блаженство, - потому что написано: "**Блаженны хранящие откровения Его, всем сердцем ищущие Его**" (Пс. 118:2). Когда будешь читать, смотри, чтобы тебя не отвлёк враг, нанося тебе обиду, подвергая тебя испытаниям, и говоря: прежде всего сделай вот это дело, поскольку оно невелико, и тогда беззаботно будешь читать. Когда он это подсказывает, и заохочивает к этому делу, - он всё это внушает, чтобы занятием удержать тебя от чтения и приобретения пользы. Когда диавол увидит человека, читающего с напряжением и с пользою, - он нападает этими средствами и многими иными, ища, чтобы препятствовать ему. Итак, не доверяйся ему, но будь как бы жаждущий олень, желающий пойти на источники вод, то есть, к божественному Писанию, чтобы из него пить, - и оно утолит твою жажду, сжигающую тебя сильным желанием. Вместе с этим пей отсюда и пользу для себя: так говорю, чтобы, когда Господь подарит тебе понимание слова из него, - ты не спешил мимо, но обдумывал его в своём уме, написал его в своём сердце и постоянно сохранял его в памяти, так как написано: "**Уставами Твоими утешаюсь, не забываю слова Твоего**"; и опять: "**В сердце моем сокрыл я слово Твое, чтобы не грешить пред Тобою**"; и опять: "**Как юноше содержать в чистоте путь свой? - Хранением себя по слову Твоему**" (Пс. 118:16,11,9). Видишь ли, брат, что человек исправляет свой путь, при памятовании слов Божиих? Кто, в самом деле, памятует слово

Божие и не исправляет (пути), если не тот, ничего нестоящий и несчастный, кто не памятует совершенно ни о чём, но даже забывает, о чём, по его мнению, он памятует? Такому человеку Бог говорит: "**что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои, а сам ненавидишь наставление Мое и слова Мои бросаешь за себя**" (Пс. 49:16)? Итак, Он повелевает, чтобы было отнято от него и то, что, по его мнению, у него есть (Мф. 25:29); у него, по его мнению, есть вера, он называет самого себя христианином, а на деле отказывается, и хуже неверного. Потому Он повелевает, чтобы отнят был от него Дух Святой, Которого он получил в день искупления, Которого, по его мнению, он имеет. И бывает такой человек, как винный горшок с трещиною, и теряющий чрез неё вино; все, видящие его, не усмотрев происшедшего, думают, что он полон; а когда он будет исследован, тогда становится явным для всех, что он был пуст. Таким окажется и такой человек, во время исследования его в тот день суда; и тогда сделается очевидным для всех то, что касается его. Будучи таковыми, они, если и скажут в тот день Царю: "**Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?**" - то и Царь в ответ скажет им: истинно говорю вам: "**Я никогда не знал вас**" (Мф. 7:22,23). Видишь ли, брат, что такой нисколько не получает милости. Итак, памятуй о словах, которые слушаешь, и исправляй свой путь. Смотри, не дозволяй придти забвению, и похитить его (слово) из твоего сердца; смотри, не дозволяй налететь птицам, и поклевать семя Божие, - потому что Он сам сказал, что семя есть слово, которое вы услышали. Скрой семя в углублениях земли, то есть, скрой слово посреди своего сердца, чтобы оно принесло в страх плод Господу. А когда будешь читать, читай старательно и напряженно, прочитывая стих со многою основательностью, и не старайся только перелистывать, но, если нужно, не ленись прочитать стих дважды, трижды и много раз, чтобы понять силу его. А когда намереваешься сесть и читать, или, опять, послушать другого, читающего, - помолись, прежде всего, Богу, говоря*: Господь, Иисус Христос, Бог наш, раскрой уши и глаза моего сердца, чтобы мне, Господи, слушать Твое слово, понимать и совершать Твою волю, так как "**Странник я на земле; не скрывай от меня заповедей Твоих**" но "**Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего**" (Пс. 118:19,18). Боже мой, на Тебя надеюсь, чтобы Ты просветил моё сердце *[1]. Право, прошу, брат мой, так всегда молись Богу, чтобы Он просветил твой ум, и сделал для тебя ясною силу Его слов. Многие заблудились, слишком понадеявшись на своё понимание их, и "**называя себя мудрыми, обезумели**" (Рим. 1:22), впали в богохульство, не понимая написанного, и погибли. Итак, если при своём чтении найдёшь слово непонятным, - смотри, чтобы лукавый не научил тебя говорить в самом себе, что не так, как говорит это слово, потому что, как, может быть, так? и подобное; но, если веришь Богу, - верь и словам Его, и говори лукавому: отойди от меня, сатана. Я знаю: "**Слова Господни - слова чистые, серебро, очищенное от земли в горниле, семь раз переплавленное**" (Пс. 11:7); и (нет) в них ничего непрямого, ни запутанного, но всё благо для понимающих; а я неразумен, и не понимаю; знаю, что они написаны духовно: и апостол говорит, что "…**закон духовен**…" (Рим. 7:14). Потом, посмотри на небо, и скажи: Господи, верую в Твои слова; не возражаю, но смело доверяюсь словам Святого Духа. Ты, Господи, спаси меня, чтобы я нашёл благодать пред Тобою. Не ищу я чего-либо другого, кроме только своего спасения, чтобы получить, милосердый, Твою милость, так как Твои суть царство и власть во веки. Аминь. Владей также, брат, безмолвием, как крепкою стеною, потому что безмолвие делает тебя выше страстей; ты воюешь сверху, а он снизу. Владей безмолвием страха Божия, и все стрелы врага не повредят тебе; безмолвие, сопряжённое со страхом Божиим, есть огненная колесница. Илия пророк пусть также убедит тебя (в этом), - Илия, возлюбивший безмолвие и страх божий, - и как взятый на небо? О, безмолвие, преуспеяние монахов; о, безмолвие, лестница на небо; о, безмолвие, путь небесного царства; о, безмолвие, мать раскаяния; о, безмолвие, зеркало грехов, показывающее человеку прегрешения его; о, безмолвие, не задерживающее слёз; о, безмолвие, родительница кротости; о, безмолвие, сожитель смирения; о, безмолвие,

сопряжённое со страхом Божиим, - просветитель ума; о, безмолвие, соглядатай помышлений, и помощник в сомнении; о, безмолвие, родительница всякого блага, основание поста, и помеха для прожорливости; о, безмолвие, досуг для молитвы и чтения; о, безмолвие, тишина помышлений, и ясная пристань; о, безмолвие, беззаботность души; о, безмолвие, полезное ярмо и бремя легкое, дающее отдых и носящее носящего тебя; о, безмолвие, радость души и сердца; о, безмолвие, узда для глаз, слуха и языка; о, безмолвие, уничтожение хвастливости, и враг бесстыдства; о, безмолвие, темница страстей; о, безмолвие, помощник всякой добродетели, защитник бедности, страна Божия, приносящая добрые плоды; о, безмолвие, стена и крепость желающим подвизаться для небесного царства! Право, брат, владей этою прекрасною частью, которую избрала для себя Мария. Эта Мария, севшая подле ног Господа, и прилепившаяся только к Нему, была примером безмолвия. Потому и Господь похвалил её, говоря: "**Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее**" (Лк. 10:42). Видишь ли, брат, каково безмолвие? (Оно таково) что сам Владыка, наш Бог, хвалит владеющего им. Владей им, брат мой, и насладишься Своего Господа, сидя подле Его ног и прилепляясь только к Нему, чтобы и ты открыто сказал: "**к Тебе прилепилась душа моя; десница Твоя поддерживает меня**" (Пс. 62:9). Потому "**Как туком и елеем насыщается душа моя**…" (ст. 6). Право, брат мой, владей им, - (оно) слаще мёда. Лучше кусочек с солью безмолвия и беззаботности, чем запас драгоценных яств в искушениях и заботах. Слушай Владыку Бога, говорящего: "**Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас**" (Мф. 11:28). Господь желает дать тебе отдых от забот, ярости, от искушения и скорби этого века; желает, чтобы ты был свободен от египетского делания кирпича; хочет ввести тебя в пустыню, то есть, в безмолвие, чтобы осветить твой путь облачным столпом, чтобы кормить тебя манною, - разумею именно хлеб безмолвия и беззаботности, - чтобы дать тебе в удел добрую землю, - разумею именно небесный Иерусалим. Право, возлюбленный, полюби его, владей им, чтобы тебе насладиться Божиих свидетельств во время твоего пути, как бы при всём богатстве. Право, брат, владей безмолвием со страхом Божиим, и Бог мира будет с тобою; Ему прилична слава во веки. Аминь. Итак, возлюбленные, прошу вас Господом ежедневно стараться приводить себе это на память, - разумею именно надежду, веру, любовь, смирение, постоянное запечатлевание себя молитвами Божими, размышлениями о божественном Писании и безмолвием. Это, когда имеется и приумножается у вас, не делает (вас) праздными, ни бесплодными в познании Господа нашего, Иисуса Христа. Христианин, который не владеет этим, есть слепец, близорук, забывает о своих прежних грехах; и с ним происходит истинно по притче: "**пес возвращается на свою блевотину, и: вымытая свинья [идет] валяться в грязи**" (2Пет. 2:22). Потому, (кто), удалившись от скверн мира, как написано, и отрекшись от этого во святой купели и, быв в познании Господа нашего, Иисуса Христа, потом опять в это впутываются, - для тех последнее бывает хуже первого. Лучше было бы им не знать пути истины, чем, при знании, возвращаться опять назад. Итак, возлюбленные, верные рабы и избранные воины Божии, христиане, - возьмём в наши сердца всеоружие сказанного раньше, и неотложно каждый день будем приводить на память себе это, - чтобы мы могли подвизаться прекрасным подвигом, и попрать всякую силу врага; чтобы мы были избавлены от гнева, приходящего на сынов неповиновения, и нашли бы милость и благодать в страшный день пред праведным Судиею, воздающим каждому по его, делам; Ему прилична слава, со Вседержителем Отцом и всесвятым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Под звёздочками краткая молитва, помещённая раньше, отдельно от контекста.

СЛОВО

святого Иоанна Златоуста, епископа константинопольского, о святом Григории Великом, Просветителе, первосвященнике Бога нашего[1].

Как различны разнородные цветы, которые украшаются разноцветными листьями в глубокое весеннее время, так различна и изобильна похвала мужей, снабжённых божественными дарованиями, которые недостаточно только глазами распознавать и замечать умом, - так как ум для того замечает и язык рассказывает, чтобы в то же время возможно большему числу щедро раздавать.

Итак, вступая на цветоносное поприще добродетели смелого и потерпевшего казнь мученика, блистающего солнца и первосвященника, просветителя великой Армении, простирая глаза ума на цветоносного, сверкающего красотой, - не знаю, в состоянии ли охватить то, что мог бы проследить в умно распределённой похвале; у меня есть желание всё собрать, но опасаюсь, что очень многое от меня ускользнёт.

Мне кажется, тот блаженный заслуженно подобен пчеле, снабжённой легкими крыльями. И, действительно, как дело пчелы достойно удивления, так и добродетели святого Григория увлекают души; как (её) никто не в силах постигнуть словом или умом, в её изумительном труде, так никому не удается изложить в похвале и выдающиеся дарования этого святого.

Как пчела, хотя кружится сама по себе по всем цветам, чтобы их обойти, однако, не может унести весь их сок по нежности сил, и для этого берёт с собою просвечивающее в средине цветов и весьма тонкое, чтобы собрать (это) своими крыльями и сделать отсюда медовый сот, - так и я: соберу в ум и предложу в слове, что могу охватить, чтобы приятным запахом освежить обоняние совершающих священное таинство и сильно желающих слушать похвалу святому Григорию.

Как буду называть этого первосвященника, если не солнцем, восходящим в восточных пределах, блеск лучей которого простерся до греческого народа? О, чудо! Если бы кто пожелал (иметь) усаженный растениями сад, то, прежде всего, высекается терновник, выдергиваются вредные корни, и тот сад насаждается без какой-либо трудности; но сад великого мученика и претерпевшего казнь первосвященника произрос посреди терновника, достиг до неба и дал ангельские цветы, листья которых сверкали замечательными красками; не высеканием и извержением терновника, волчца и других корневых вредных трав, но изменением их в благоухающие цветы и плодовые деревья - он сделал тёрн приносящим душистые плоды, дал волчцам производить розы и замечательные с благоухающим запахом цветы.

Провозглашаю счастливыми Рипсимию и Гаианию, - он, приняв корень, откуда произошли отростки и распространились вдаль и вширь, пришли в великую Армению, которой ни малейший уголок не был лишён покрова тех ветвей[2].

О, чудо! Телесный человек подобен бестелесным сонмам; даже, если можно так сказать, предпочтительнее ангельских духов, так как ни тело их, ни члены не подвержены мучению и боли, а он принял на себя боли и мучения, которые перенес как бы те, которые непричастны телу.

Кроме того, есть много и другого в том род добродетелей. Я осмелился бы сказать, что он подобен Петру и Павлу. Как они возвратили великими усилиями и великою добродетелью

западные области от идолослужения на путь, который ведёт к познанию Бога, так и блаженный Григорий просветил проповедью восточные страны. Он научил их, что должно почитать Отца, Сына и Святого Духа, что нераздельное от Отца Слово приняло тело от Девы, что совершенный Бог сделался совершенным человеком и чрез рождение принял тело, непорочное и непричастное болезни.

Слово Божие, говорил он, - что выше красноречия - соединилось с телом, жило среди людей, и отменило чрез крещение обрезание, которому Оно подверглось. Предан за нас Тот, который был неразделим от лона Отца; вознесено на крест Слово и умерло по человеческой природе, но оставалось и пребывает бессмертным, по божественности, которая в Нём была. Так как из двойной природы Он сделался одним Христом, поэтому Он претерпел смерть телом, которое было соединено с божеством. Плоть, которая перенесла мучения, была Богом, и было бессмертным божество, которое оделось в тело. Божество сделало Богом плоть, и она была соединена со Словом так равномерно и прямо, что, то, что умерло и было погребено за нас, тоже воскресло по божеству и ниспровергло преисподних. Это вы познавайте, этому поклоняйтесь, так как это - соединённое со Словом - есть Бог над всеми.

Таково учение, которым он наставлял тот гордый и выдающийся народ.

Он отдал таланты, ему поверенные, преумноженными, возвращая именно не два за один, или четыре за два, или десять за пять, - но он приобрёл мириады талантов, и потому услышал от Господа такие слова: "**хорошо, добрый и верный раб!**", так как**,** "**в малом ты**" до сих пор "**был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего**" (Мф. 25:23).

Украшаю этого блаженного именем апостола, потому что он, наподобие прочих апостолов, проповедовал истинного Бога, разрушил идолов и идольские храмы, научил поклоняться Богу неба и, по уничтожении суеверного богопочтения твари, установил почитание творца твари.

Он с пылкой ревностью научил Писанию, вдохновенному свыше; написал беседы, полные мудрости, и наставил много народов.

Для Григория у меня имя нового Даниила. Как святой пророк перенёс наказания от вавилонского царя, и его отогнал пастись в пустынные места, точно быка и под образом быка, так и молитвы Григория возвратили непокорного истине Тиридата, облечённого в кабаний образ, в человечески образ. Подлинно, у него была вера, укреплённая на надежде, и цельная, как зерно горчицы, в котором, чрез порчу, не может возникнуть червь, ни уменьшить добротность зерна; поистине, у него была вера столь крепкая, что он твёрдо надеялся, что, о чём бы он ни попросил Бога, должно совершиться; и если бы он сказал горе: перенесись туда, - он считал бы за верное, что она, несомненно, должна перенестись. Следовательно, не может быть, чтобы он не веровал, что человек облечённый в кабаний образ может быть возвращён в прежний образ.

Но я сильно уважаю этого дивного мужа, и по своей воле стремлюсь к его похвале; боюсь, конечно, что моё слово будет неравно похвале такого мужа, однако не отступаю от намерения: надеюсь, что слабость моих сил будет побеждена отважностью духа. Итак, предложу, что в силах извлечь из того, в чём обнаружилась десница Божия.

О, новое предвестие! Солнце, Богом заключённое в пространном небе, посылает лучи сверху на землю; поистине, этот святой муж простёр свои лучи до верха небес, из

глубокого рва, в котором удерживался. Ангелы и архангелы, внимая, объявляли его блаженным, и служили ему, лежащему во рве. Они видели в водовместилище его тело, но на небесах сияла его святость; телом на небе, ангелом на земле; имея тело, казался без тела; небесный человек, земной ангел, огненный столб с неба, голова которого касалась земли, - просветитель Армении, непоколебимое основание греков (малой Армении), апостол Христов, предвещающий путь людям.

Прежде всего, называю блаженною тебя, о, Кесария каппадокийская, так как от тебя принял возложение рук пастырь многих народов. Посвящённый и посвятивший сияли тогда одним и тем же блеском добродетели.

Эти (каппадокийцы) были уже основаны на крепких корнях; и только один он имел свой корень, откуда другие, непричастные к корню, получили свой. Там собиралось много плодов работниками, которые возделывали некогда невозделанное; только он сам, работник, держа одною рукою рукоятку плуга, (другою) умягчал словом истины многие невозделанные земли. Когда одним сошником открывал бесчисленные борозды, он обратно получил семя сам-пять и много плодов; и, держа в горсти божественное семя, он засевал весьма много полей, рассевая перстами бесконечные зерна. Тогда в бороздах, прорезанных одною рукою, произрастали в одно время плоды, посеянные другою рукою.

Там можно было видеть осень и весну, жатву и время молотьбы; и когда приближалась зима, он посевал единственное семя, именно слово Божие. Но вот, замечая различные плоды, которые отсюда рождались, он во время жатвы собирал на гумно то зрелые (плоды), то жирные от зрелости, молотил, очищал веялкой и складывал в кучи, чтобы их отсюда отнести в житницы света.

Что же (значит), что зима (Армения) ввергла самого сеятеля между ядовитыми пресмыкающимися, приняв от цветных семян веры, которым не позволяла расти вследствие льда неверия?

Люди, у которых были общие с тем святым речь и лицо, облекались в нравы змей; и, наоборот, смертельные и ядовитые драконы принимали нравы кротких людей, и служили ему, облизывая ноги святого тем же ртом, которым приносили смерть.

Что далее? Долго тянулось время зимы, и армяне думали, что погиб сеятель, подобно семени, которое посеяно во время жестокого льда. Открывается ров: искали обезображенных частей человека, но слышат стройное пение многих голосов; боялись, что в их ноздри войдёт гадкий запах от драконов и змей, но отсюда веет приятный запах, как от сада удовольствия; искали глазами костей, подвергшихся гниению, но в лице его созерцают сияющее солнце; рассчитывали на бездыханного во рву, но видят его прохаживающимся как бы в святейшем храме; искали частей (тела), изможденных голодом, но замечают здорового и упитанного небесною пищею; искали тела, раздробленного зубами драконов, но удивляются приручённым им змеям, - презрители видят, что они презрены тем, которого презрели.

Пораженные стыдом, они краснели, и, объятые ужасом, восклицали: велик Бог, Которого проповедует великий Григорий. Наше оружие обессилено тем, которого мы считали обессиленным ядовитыми драконами. Если бы не было драконов, тело истощилось бы только чрез один голод, (тело), которое никакой смертный не мог извлечь отсюда. Поистине, дивен Бог во святых Своих, - говорили они, по мысли пророка Давида; Он прославляет Своих прославителей. Они до крайности стыдились за свой проступок, и говорили: этот, ввергнутый нами в ров и мрак, как солнце воссиял для нас, бывших,

поистине, сынами мрака, и, выводя нас из мрака, сделал сынами света. Он был научен великим пастырем овец, молившимся за истязателей; мы были его истязателями, когда он ввергался в ров; но он, сияющий просветитель, облёк нас в одежду света, и дивно направил наши ноги на путь мира. Мы были его палачами, а он заботливым о нас пастырем; он милосердый отец, мы сыны непокорные отцу, даже отцеубийцы; он был окружён божественным валом, чтобы пращёю прогнать от овчарни опустошительного волка, а мы, в блуждании, последовали за истребителем - волком, которого он ранил, ниспроверг и погубил навеки; он лучший пастырь, мы непокорное и покидающее хлев стадо; он врач, а мы, больные, устремились на врачевавшего нас, чтобы умертвить пока тело, так как невозможно (умертвить) его бессмертного по душе. Он предшествовал нам, и исторгал терния на пути, который ведёт к познанию Бога, а мы, слепые и беспечные, упали в ров гибели, и, лишённые обоих глаз, поразили и ввергли нашего пастыря в глубокий ров, и ничего не поняли, оставаясь при своей слепоте. Он был светящим светильником, а мы, сидя во мраке, не шли по яркому блеску его следов; он был рабом Бога, а что мы называли богами, было тварью раба людей; потому, он, раб Божий, отверг богов, которых мы почитали.

Наши сердца были ослеплены, и мы не понимали, так как схватили его и ввергли в глубокую пропасть; и теперь видим, что глубины земли держат в себе солнце, которое нам сияло. Мы думали, что тело нашего заботливого учителя будет добычею зверей, но видим, что оно обслуживается змеями и драконами, подобно (телу) вновь созданного Адама, которому, до первого преступления, змеи и василиски не имели никакой власти причинить вред; а мы, последовавшие двоедушию ада, презираемся зверями. Мы отдали драконам власть против начальника нашей веры, но видим ослабленною силу их: они, как голуби, тихо сетовали, и своими языками, которым дано было злоумышлять против пяты за двоедушие ада, ласкались к невинному ученику Христову.

Следовательно, что мы скажем? Или как осмелимся открыть наши глаза, чтобы взглянуть и смотреть на нашего милосердого отца, чтобы вымаливать у него прощение, - мы, в ярости причинившие ему бесчисленные оскорбления? Но так как в его сердце не было никакой вражды, то доверимся (ему), прибегнем к устью рва, и здесь скажем: выйди, раб Божий, подчини себе своих рабов, принявшись против тебя власть от того, которого ты сокрушал в бездне, когда спускался в глубокий ров, - и, как ты наставлен Учителем своим, подобно этому сделай и с своими учениками.

Добрый учитель, всходи в Армению, к нам, видевшим вторично вавилонское (дело). Так как, вместо печи, мы воспламенили ров, в который впустили ядовитых драконов, вместо горящего огня, - твои добродетели иссушали их яд, по образу росы; ты вступал в смертоносное пламя змей и василисков, попирал ногами дышащих огнём драконов, и казался вновь Ананией, Азарией и Мисаилом, когда чтил нераздельную Троицу, Которой мы не веровали. Теперь, с царём вавилонян, Навуходоносором, веруем и прославляем, так как замечаем божественную росу посреди печи.

Выйди, раб небесного Бога; чрез тебя мы уверовали и исповедуем Отца, Сына и Святого Духа; выходи из своего рва, и прославляй Того, Кто прославил прославляющего Его, и доставил тебе величайшую честь. Возвысь свой божественный голос, и говори: почитайте Бога, Которого я свободно проповедал; Он есть творец всего, - сохранивший меня невредимым от гибельных драконов.

Выходи, новый Даниил, и покажись невинным царю Вавилона, то есть, Армении, - ты, который был брошен в водовместилище, не между двумя львами, но, что больше, между свирепейшими чудовищами. Какой бы зверь ни сокрушил частей (тела), однако может

случиться, что кто-либо возвратится когда-нибудь к здоровью; но ядовитые и гибельные драконы не сокрушают тела и не калечат, а приносят невидимую смерть уколом, подобно некоторой иголке. Ты же вышел невредимым, и не будешь погублен ими. Таково всё то, что им, может быть, было естественно говорить святому; а мы будем продолжать похвалу, говоря о причине его мучений.

Царь Тиридат был в ярости за умерщвление своего родителя, и, потому, мучил Григория жесточайшими истязаниями и пытками, побоями и железными гребнями, при сдавливании тела между кольями, и всяким родом ужасных мучений, которые изобретала ярость. Святой мученик, добровольно перенося их, по любви к Господу нашему, Иисусу Христу, так говорил палачам: мучениями и пытками истязаюсь от вас, возлюбивших плотское и властвующих в этой жизни, которая подобна сну, завтра исчезнет, - (от вас), отказывающихся от надежды на бессмертную жизнь; но я временно терплю за Того, Кто за меня претерпел истязания; к тому же открыта бессмертная жизнь, и наслаждение большее, чем (наслаждение) рая, дышащего приятными запахами; туда войду, и сделаюсь наследником его навеки. Исполнившись радости, считаю благодеянием мучения, которые мне доставляете, думая, что они вредят мне. Сколько вы ни будете терзать мгновенною болью, между кольями, мои члены и кости, однако, отсюда выйду здоровым колосом, и взойду пред Творца моего, как бы пальма, опирающаяся на крепкие корни, со многими длинными и широкими ветвями, красивая листьями, изящная цветами, которым никогда не придётся завянуть, - и радостно буду сиять зеленою и густою в саду, насаждённом рукою Бога. Хотя орудиями муки жестоко буду повешен вниз головою, и буду раздроблен между кольями, однако, доверяюсь будущему, что вознесу голову до неба, пред моего Творца, после незначительного промежутка боли. Хотя буду брошен зверям и медведям, в качестве орудий муки, и ими моё тело уничтожится, - имею уверенность, что ими сплетены для меня золотая диадема и украшенный венец, который возложит на мою голову небесный Царь, когда даст мне сидеть над чертогом невесты. Что бы ни было, эта кровь, текущая из моего тела, окрашивает мне одежду бессмертия в багряный и алый цвет, - (одежду), которая не увянет во веки. Таково всё, что прилично было отвечать для мученика.

Что после? Тиридат, сколько бы ни держал связанного и мучимого Григория, ещё не насытился своею лютостью, и говорит, - как будто у него мучения имели связь с тем, что было раньше: действительно, он - сын Анана, из рода парфян, который умертвил моего отца, Хозроя. И повелевает Тиридат отвести Григория, связанного по ногам и связанного по рукам и шее, в крепость Араратской провинции[3], и там низвергнуть в глубокий ров.

О, безумный, - говорил, может быть, святой Григорий, - если мой отец напал с мечом на твоего нечестивого отца, - он не только убит, и оставил преходящее, что считал жизнью, но его даже душа подверглась также мучениям, в которых он не умрет. Ты, сын нечестивого родителя, когда подвергал меня наказанию в отмщение за своего отца, не побеждал меня своими мучениями, так как было необходимо, чтобы моё тело сохранялось невредимым; но я мучил твою душу вместе с твоим телом невидимым мучением, чтобы ты, сокрушенный наконец, поклонялся моему Богу. Повелеваешь, чтобы я был мучим пред твоими глазами; но ты сам мучаешься, в присутствии моём или отсутствии, и не понимаешь, что Царь мой требует от тебя таким образом возмездия, и тебе приготовляется от Него тот истязатель на веки, которого считаешь для себя другом.

Это и много иного было у блаженного, что он мог говорить Царю. Отсюда нам нужно спешить к кладезному рву, чтобы видеть, какие там совершаются чудеса. Ввергают его в ров, который был логовищем змей. Но что говорил кладезь? Благословен твой приход, о, дивный отец! Они приготовили из меня глубочайший ров мучений, подобный мрачной

бездне, но вот твой творец делает, что для тебя я делаюсь садом, усеянным цветами. Я был жилищем мрака, но вот для тебя сделан храмом света. По имени зовусь глубокой бездной, а в действительности касаюсь, возвышенный тобою, превысокого неба, и в себе содержу скатившееся с неба светлое солнце, которое освещает армянский народ. Многие, ввергнутые в меня, уничтожались мерзким запахом грязи, и сокрушал я их плоть и кости медленным голодом; я издавал отвратительный и невыносимый запах, и затруднял их обоняние; но чрез тебя кажусь теперь садом, украшенным цветами, и приятными розовыми кустами с цветами, которые дышат разнообразно благоухающим запахом.

Что же буду говорить о гибельных по яду драконах, которые там жили? Как только они увидели святого Григория ввергнутым в ров, ищут в себе своего обычного первого природного свойства, обращают внимание на серафимов, носивших его на своих крыльях, чтобы не было для него опасности, - удивляются, поражённые страхом, и говорят: мы потомство того змия, который обольстил чрез съеденный плод Еву, и сделал её изгнанницей и низверженной из рая наслаждения; а ты семя Адама и потомок Евы, принявших то проклятие, по которому бы земля производила терния и волчцы, - тебе поведано подстерегать нашу голову, и нам твою пяту. Итак, согласно той заповеди, мы прыгали, чтобы насытить свою ненависть к тебе, вложенную природою; но, когда заметили бестелесное воинство около твоего тела, и увидели тебя поставленным между ангельскими хорами, - тогда наше нападение было обессилено, так как и жала наши притупились; и, как воск плавится от лица огня, так наши зубы с их ядом расплавлены твоим божественным лицом. Наш яд, который причинял воспалённые опухоли на теле внешних, погашен источником твоих молитв, льющихся от Бога, и оцепенел наподобие холодной воды; но тем менее мы побежим от твоего лица; мы пришли для служения приручившему свирепость нашей природы, о которой мы забыли, и будем, подобно голубям, и в тишине, находиться в твоём доме, не страшась сверкающего, как пламя, твоего лица.

Я очень удивляюсь, что Григорий там прожил в продолжение четырнадцати годов. Но поспешим к тому, что произошло по окончании стольких годов.

Когда царь (Тиридат) назначил час охоты на зверей, и уже всходил на повозку, чтобы выехать из города[4], бич божественного гнева, ниспосланный свыше, обрушился на него. Восхищённый самим демоном, он стремглав несётся с повозки, и начинает в ярости терзать (своё) тело. Он, как бы второй царь вавилонян, Навуходоносор, в забвении человеческой природы, вращался, подобный вепрю, между вепрями, и питался с этих пор зеленью. Вот какие тогда совершались чудеса.

Что же должно было сказать царю? О, царь! Ты вышучивал раба Божия, следуя по стопам сатаны; потому и он, которому ты служил, мучает и истязает тебя, по повелению истинного Бога, чтимого великим Григорием. Для тебя сделалось ничтожным тело блаженного, которого, после мучений, ты вверг в темницу и глубокий ров; и потому видишь своё тело изменённым в тело вепря. Так как ты потерял разум до того нечестиво, что шёл против истинного Бога, когда подвергал истязанию верного раба, то и тебе позволено позаботиться о себе по тягчайшему твоему удару, и чтобы, вследствие образа вепря, в который облечён ты, попрал сатану ногами, поправшего тебя, после того, как заменишь свой щетинистый покров кожею Адама. Так как ты доставил проворным языком яд злословия тому святому, потому говори звериным своим языком: согрешил я пред Господом. Так как ты поднимал гордую голову против святого мученика, потому опускай свою мерзкую кабанью голову, которая с радостью катается в зловонной грязи. Так как ты произвольно мучил его разнообразными пытками, и повелевал связывать руки, ноги и шею своего господина и своего учителя, потому складывай, изменив в передние

ноги вепря, свои руки, чтобы лежать возле ног того мученика. Да не будет скрыто от тебя, лишившегося употребления разума, что уже пятнадцатый год, как пользуется жизнью тот погребённый, которого ты считал, пока был причастен разуму, мёртвым, которого будто бы только кости уцелели.

Но так как, пока ты казался под человеческим образом, стремительно вверг его в смертоносный ров, потому устремись в кабаньем образе к устью рва, взывай к тому, которого считал уничтоженным, к своему врачу, чтобы он сам восстановил тебе прежнее тело. И так как, сидя на повозке, ты презирал Григория, укрытого самим Богом, - иди, беги, скачи на четырёх ногах, по образу вепря, к устью рва, и взывай там: выйди, раб высочайшего Бога!

Таково, что нужно было, или прилично было говорить в то время; но заметьте, что действительно потом случилось.

Сестра царя[5], подкреплённая небесным видением, услышала эти, или подобные слова: врачи человеческие, напрасно стараетесь; не вашего искусства дело найти средство против неизлечимой болезни; помощь доставит только Григорий великий, который послан от Бога к вам врачом, и которому вы предложили выпить чашу смерти; Я Бог раба моего Григория, которого вы приговорили к смерти за множество ваших богов. Я сделаю его для вас врачом, который исцелит вас, и, при его помощи, оставят вас бедствия, заслуженные вами.

Но, вот, удивлённая женщина, по имени Хозровидухит, рассказала, как можно скорее, видение, которое ей было: я увидела, говорила она, блистающего светом мужа, который явился мне в видении, и так сказал: нет никакого иного средства против бедствий, которые вас постигли, как то, чтобы вы отправились в Артаксату, и там вывели связанного Григория из глубокого рва; он, придя, принесёт вам спасительное средство.

Но люди, когда услышали её, хохочут и издеваются над нею. Что говоришь? говорили они; демон, действительно, тебя подстрекнул, и потому ты сделалась безумною. Как может статься, чтобы говорил, или открывал средство оздоровления тот, которого даже кости сгнили? Разве мог он выйти из бездны рва, - он не то что избежать жала змей, но не мог даже убежать от вида их. Он был немедленно умерщвлён, в тот же самый час, в который был ввергнут в ров, - и мы убеждены, что в конце пятнадцати годов кости его не только сгнили, но обратились в прах. Отойди, не говори никому, чтобы твои речи не возбуждали смеха.

Что тогда? Она поверила их словам, ушла домой и замолчала. Так как уже давно вдова не заботилась доставлять хлеб, о котором ей было приказано, - ежедневно бросать в ров[6].

Едва прошло несколько дней, когда не раз и два, но являлось ей видение пять раз, и ангел сказал великим и грозным голосом: если не объявишь, возможно скорее, ... не бойся, что они примут тебя с насмешками, и пусть не считают невозможным, что он остался жив в продолжение, пятнадцати годов, был послан ангел Божий, который ему служил. Я принимал хлеб, который, как Илии, так доставлял и Григорию, - тому в пустыне, этому, имевшему в себе добродетель вместо светлого солнца, в бездне земли. В прежнем, что я тебе возвещал, ты усомнилась, по неверности людей, но теперь верь моим словам; у Бога нет ничего невозможного. Разве ты не научена, как был освобожден Даниил из водовместилища и из среды львов, свирепых от голода? Или как три отрока остались невредимыми в горящем пламени, высота которого начертывала святых сорок девять дней поста?

Ужели тебе неизвестно, как, чрез соблюдавшего божественные заповеди Иезекииля, сухие кости, по повелению Божию, были приведены на поле в движение ветрами четырёх стран, и приближались одна к другой, не случайно, но каждая в свою связь? Поверх их протянулись жилы и кожа, вдохнут в эти мертвые (жилы и кожу) дух жизни: "…**стали на ноги свои - весьма, весьма великое полчище**" (Иез. 37:8,10). Всё ещё Тот есть Бог, Которого проповедует Григорий, и Который в силе соблюдать его во рву. А ты верь моим речам, и объяви их народу.

Женщина, поражённая удивлением и вместе страхом, поспешно входя, рассказывает начальникам, которые приглашают начальника царского дома, и немедленно посылают (его) в Артаксату. Иди, говорят, и умоляй того самого мужа Божия, которого мы не считали человеком; отправляйся, проси врача, слов которого мы не слушали, спеши, зови того, который вызовет нас из чрева ада; спеши и смиренно проси того, которого мы влачили с бесчестием, - чтобы он простил гонителям.

У них было наготове всё это, или, может быть, даже больше этого, что они говорили.

Начальник царского дома отправляется, и, когда пришёл в город, граждане старались разузнать от него причину путешествия; когда она была узнана, с удивлением и изумлённо рассуждали между собою: как может быть, говорили они, что он ищет в живых того, которого кости уничтожены тлением, за пятнадцать годов с тех пор? Как ты спрашиваешь о невредимом теле, которое, истреблённое, стало навозом во внутренностях драконов, и обратилось в прах? Как они ищут врачевства от тела, возвращённого в землю, которое себе самому не могло доставить спасения?

Что ещё? Приготовляют толстые, длинные и крепкие верёвки, и опускают в ров. Начальник царского дома взывает великим голосом: выйди, раб Божий, и освободи нас из рук богов, которых мы почитаем; выйди, сын света, и извлеки нас из мрака; выйди из глубины бездны, солнце, и доставляй нам свет больший, чем солнце, которое вращается над воздухом; оно доставляет свет телесным глазам, а ты обливаешь светом глаза наших душ, и выводишь (нас) на землю правую, которая есть непрестанный и неприступный свет. Так говорил начальник.

Но одновременно, как заметили по опущении верёвок, что святой сел на верёвках, они извлекают его вон. Тогда он явился солнцем, покрытым облаками, так как тело его было черно, как бы темная сажа; и отсюда они поняли, что (это) то тело, которое переносило мучения, и которым он страдал и сиял, как бы без тела. Потом они его одевают принесенными одеждами.

Тогда народ удивлялся, в изумлении, тому, которому нужно и прилично было восклицать с премудрым: "**Тогда праведник с великим дерзновением станет**…" пред теми, которые поразили его и которые презирали "…**подвиги его; они же, увидев, смутятся великим страхом и изумятся неожиданности спасения его** " (Прем. 5:1,2).

Но мы последуем слогом похвалы за тем, что случилось потом сряду.

Царь и все, которые были с ним, в восторге, вышли навстречу к выходящему из рва обнаженным и обезображенным, и ожидали, стоя вдали от города. Но, когда издали усмотрёли приходящего, начали с яростью терзать свою плоть, восклицать и говорить: приходи, ангел, пребывающий в теле, и изгоняй помощью своего света друзей мрака, которые нас преследуют; приходи, расточитель тех, которые над нами господствуют, и которые огорчали наши гордые сердца, чтобы мы мучили мучившего их; приходи, ты,

видимый телом, чтобы прогонять невидимый мрак наших умов; приходи, ты, одетый в кожаную и вещественную одежду, чтобы преследовать невещественных и бестелесных наших врагов, которые нас преследуют; приходи, солнце, и иссушай своим пылким зноем изобильный поток нашего нечестия. Употребляй огонь своего божественного учения, который возвратит к зною нас, погруженных в болоте, сгущённом морозом. Приходи, божественная река, и орошай наши бесплодные поля, чтобы, зеленея, вновь расцвело иссохшее семя, которое в нас запало от тебя. Пожинай божественным серпом посевы, которые, благодаря тебе, стали зреть; молоти быками, которые суть твои сыновья, или бичом, который есть твой язык; и провей их тем же своим языком; собери своей божественной рукой в кучи, которые отнесёшь также в божественные житницы. Приходи, ты, посланный с неба, и сжигай блистающими углями своего учения иглы волчцов, задушивших семя твоих трудов. Выходи, служитель Божий, из глубокого рва, распространивший свет своего учения из бездны вверх; выходи, и возбуждай на адский лед тихо дышащий южный ветер. Тебе уже позволено обрабатывать божественным плугом землю, возделывать которую прежде мы не позволяли, особенно, когда безжалостно ввергли светлое солнце в мрак, как бы в темницу.

Уже, конечно, я не в состоянии изложить в похвальном слове похвалы блаженного за его заслуги, хотя это желательно для меня больше всего. Итак, скажу, насколько можно короче, то, что с ним, действительно, последовало затем.

Творец так сказал Своему верному рабу: хорошо, добрый и верный раб, нисколько не тревожься о своём бросании семени в землю; ты, второй Павел, насадил, а Я даю возрастание. Приди, войди в радость своего Господа. Не бойся, второй Моисей, что только теперь поверили тебе народы, потому что ты возлюбил Меня более, чем своё тело. Приди, успокойся от своих трудов, новый Даниил; войди в брачный чертог, который Я обещал тебе прежде. Приди, займи седалище между апостолами, второй апостол, возвестивший слово истины гордому народу; ты поместишься в сонм ангелов, - ты, соревновавший их жизни на земле. Приди, и будь главнейшим с патриархами; ты будешь насаждён в святом доме Господа, как пальма, и будешь цвести во входе к Богу. Приди, ты будешь увенчан с мучениками, и будешь радоваться с претерпевшими за Меня мучения; приди во дворец Моего брака. Приди, ты возвеселишься радостью в сонме монахов, - ты, который не только возлюбил горы и пустыни, но был даже постоянно пригвождён со Мною ко кресту; потому Я пошлю к тебе сонмы Своих ангелов, и возьму тебя к Себе. И так как ты постоянно нёс свой крест и шёл за Мною, - Я введу тебя в рай, в который вошёл разбойник чрез свой крест. Блажен ты, отец святой, между патриархами Церкви. Некогда ангелом в теле, теперь ты вращаешься бестелесным между бестелесными. Блажен ты, лучший начальник, который отыскал погибших овец своего Царя и бывших вне хлева, - привёл и собрал в преддверии Его. Блажен ты, который прекратил удаление (овец) волками, и уничтожил зверей - убийц, который, по силе того самого камня, отсечённого от горы без рук (Дан. 2:34), окружил стеною овчарню своего стада и опоясал её изгородью божественных заповедей, и который сделал, чтобы умножались овцы Царя его. Блажен ты, называющийся именем апостола, так как проповедал Евангелие Сына Божия, в тайне воплощения наставил чуждый (Христу) народ, который поклонился, чрез твоё обучение, нераздельной Троице Отца, Сына и Святого Духа, и одному Божеству. Блажен ты, верный мученик Христов, засвидетельствовавший, как бы Пётр, о Нём, утверждая, что Он есть Сын Бога живого, нераздельный от лона Отца; блажен ты, принявший на себя мучения за Того, Который претерпел за тебя пытки; блажен ты, наконец, который в терпении жил во рву в течение пятнадцати годов. Возвышаю также похвалами Святого Духа, о Котором ты проповедовал, что Он того же существа с Отцом и Сыном; Ему честь и слава во веки веков. Аминь.

[1] Слово это известно по трём армянским проповедническим сборникам (A, B, C), так назыв. D - jarrintir, из которых один относится к 10 - 11 в. (B), другой - к началу 15 в. (C) и третий - к началу 16 в. (A). У нас приведён заголовок по C (как у Миня); в A и B он подробнее, и даёт небольшую историю этого слова. Так в A читается: Слово Иоанна Златоуста о жизни и мучениях святого Григория, патриарха великой Армении, сказанное в Кокизе, который есть армянский город (там он пребывал изгнанником, по побуждению некоего армянского епископа и учителя. который был родственником святого Григория и назывался Диоскором, и по настоянию большого собрания, которое было собрано в Кокизе в день праздника святого просветителя восточных стран. У Миня латинский перевод 1735 г.; с него мы даём русский. Может быть святитель говорил нечто подобное, но это нечто искажено теперь вносками из жизни Св. Григория.

[2] Это Слово не лишено своего интереса, если с ним будут поставлены в связь существенные факты из жизни св. Григория. Мы берём их из Миней митр. Димитрия Ростовского, именно за сентябрь (изд. в Киеве 1837 г. 30 число). Св. Григорий был сын Анака, вельможи при персидском царе Артабане. Этого царя убил узурпатор престола, Артасир. Тогда Курсар (отец Тиридата), армянский царь, мстя за смерть Артабана, довёл Артасира до крайности, от которой его избавил Анак. Он, притворившись изгнанником, убил Курсара. Произошло поголовное истребление потомства с той и другой стороны. Из потомства Анака уцелело только два грудных младенца, из которых один был впоследствии христианином Григорием, жившим некоторое время в г. Кесарии каппадокийской, там женившимся и овдовевшим. Из потомства Курсара был пощажён малолетний Тиридат, который был отправлен в Рим. Впоследствии, на римской службе, Тиридат замечательно отличился в войне против готов, и в награду получил армянский престол; при нём в роде вельможи оказался Григорий. Тиридат-язычник долго уговаривал Григория-христианина отказаться от христианства, но безуспешно. Последовали страшные мучения Григория, закончившиеся ввержением в ров, куда бросали преступников. Там жизнь Григория поддерживала одна вдова, бросавшая в ров ежедневно по куску хлеба. Между тем, в это время римский царь Диоклетиан искал себе в жёны по всему царству первую красавицу. Такою оказалась дивной красоты Рипсимия, христианка-девственница, жившая с такими же, как она (около 37 чел.), под руководством Гаиании. Они все бежали в Армению. Диоклетиан поручил Тиридату разыскать Рипсимию, и воспользоваться ею. Сёстры были найдены и, после непреклонной стойкости Рипсимии, все были страшно замучены. Но после этого зверства, царь Тиридат и его соучастники впали в некоторое странное безумие, и бегали по лесам как звери. Вследствие видения сестре Тиридата, Григорий был извлечён из рва, исцелил безумствовавших, а также прославил невинных страдалиц. Наконец, Тиридат стал христианином, и Григория послал в Кесарию каппадокийскую к архиеп. Леонтию, с тем, чтобы Леонтий посвятил Григория в епископа. Григорий был епископом над Арменией до 331 года.

[3] В крепость Артаксату, отстоявшую от столицы Vaqhrarchabat в 30 лье к востоку (около 12 верст, так как lieue == leuca = 1500 рим. шагам. См. прим. у Миня.

[4] Тогда столицею Армении был Vaghrarchabat; теперь отчасти на его развалинах Эчмиадзин. Прим. у Миня.

[5] Имя её: Khosrovidoukhit; соблюдала девство, и была христианка. Прим. у Миня.

[6] Здесь очевидно неполный или поврежденный текст.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том XII

Книга 2

ВЫБОРКИ ИЗ РАЗНЫХ СЛОВ

Слово 1. О любви.

Слово 2. О молитве.

Слово 3. О покаянии.

Слово 4. О посте и целомудрии.

Слово 5. О счастье и несчастье.

Слово 6. О б учении и наставлении.

Слово 7. О целомудрии.

Слово 8. О душе.

Слово 9. О том, что не должно пренебрегать Церковью Божией и святыми таинствами.

Слово 10. О промысле.

Слово 11. О богатстве и бедности.

Слово 12. О пресыщении и пьянстве.

Слово 13. О болезни и врачах.

Слово 14. О женщинах и красоте.

Слово 15. О корыстолюбии.

Слово 16. О высокомерии и тщеславии.

Слово 17. О зависти.

Слово 18. О ненависти и вражде.

Слово 19. О печали и скорби.

Слово 20. О гневе и ярости.

Слово 21. О начальстве, власти и славе.

Слово 22. О терпении и великодушии.

Слово 23. О милостыне и страннолюбии.

Слово 24. О грехе и исповеди.

Слово 25. О будущем суде.

Слово 26. О добродетели и пороке.

Слово 27. О воспитании детей.

Слово 28. О клятвах.

Слово 29. О незлобии, злотерпении и злопамятовании.

Слово 30. Похвала св. апостолу Павлу, составленная Федором Магистром из различных слов св. Отца нашего Иоанна Златоуста.

Слово 31. О смерти.

Слово 32. О мужестве и храбрости.

Слово 33. На св. праздник Ваий.

Слово 34. На св. Рождество Христово.

Слово 35. О покаянии.

Слово 36. Похвала св. апостолу Павлу.

Слово 37. О молчании и о тайнах.

Слово 38. О непостыдном исповедании честного креста и с том, как Христос спас нас через него, и как нам в нем следует полагать славу свою; о добродетели, о том, как (Господь) хочет нашего спасения, и о милостыне.

Слово 39. О том, что Бог дал нам много путей для того, чтобы не грешить, если хотим, и что тому, кто намерен получить царство небесное, следует соблюдать все заповеди, соблюдающий же одни и нарушающий другие узнает в геенне, чем он отличается от других людей.

Слово 40. О том, что нужно все делать и предпринимать ради спасения наших братьев, и что великое благо - прощать грехи согрешающим против нас, - что это больше милостыни.

Слово 41. О том, что мы должны подражать хотя бы слугам нашим, чтобы ради страха Божия делать то, что они делают из-за страха перед нами, и о неизреченных благах, уготованных святым.

Слово 42. О том, что не следует нам смущаться, видя, как добрые люди терпят несчастия, злые же имеют все в изобилии; и о том, что живущий в грехах ничем не отличается от смердящего мертвеца.

Слово 43. О том, что пренебрегающий настоящим возобладает тем и другим и что любостяжание хуже всякой грязи и нечистоты.

Слово 44. О сокрушении, терпении и пожелании будущих благ; и о втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа.

Слово 45. О том, что не должно усиленно оплакивать умерших.

Слово 46. О том, что если мы даже виновны во всех грехах, мы можем спастись через исповедь; и что каждый из нас верующих имеет ангела хранителя; и о священниках.

Слово 47. О том, что не должно недостойно приступать к божественным тайнам.

Слово 48. Цветник в форме слова, собранный из Златоуста Феодором: что нужно делать христианину, чтобы наследовать жизнь вечную.

Spuria

I. О покаянии, и на чтение о (грехе) Давида с женой Урии.

II. О тех, которые во время поста соблюдают воздержание, и об образе жизни различных пророков.

III. Слово увещательное о воздержании.

IV. О том, что тяжко презирать человеколюбие Божие. Сказано по прочтении притчи о десяти талантах. И против иудеев, по случаю землетрясения.

V. О кровоточивой, из Евангелия от Луки.

VI. О том, что настоящая жизнь уподобляется морю, и о том, как Иисус взошел с учениками своими в корабль и заснул.

VII. На слова: "Царство Небесное подобно зерну горчичному" (Мф. 13:31).

VIII. На слова: "кто во Христе, [тот] новая тварь; древнее прошло, теперь все новое" (2Кор. 5:17).

IX. На слова: "Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение" (Мф. 17:5).

X. На евангельское чтение, и о девстве, и увещание к падшим девам.

XI. О богопознании, и на святое Богоявление, и к новопросвещенным.

XII. На святое Вознесение Спасителя нашего.

XIII. Об озере Геннисаретском и о святом апостоле Петре.

ВЫБОРКИ ИЗ РАЗНЫХ СЛОВ[1]

БЕСЕДА 1

О любви

Человеколюбец Бог наш, желая соединить всех взаимными узами, возлюбленные, вложил в дела человеческие такой закон, что польза одного непременно соединяется с пользой другого. Так земледелец сеет жито не столько, сколько нужно для него самого, - иначе он давно бы погубил и себя, и других, - и воин ополчается на опасности не для того, чтобы спасти только себя самого, но чтобы доставить безопасность и городам, и купец привозит не столько, сколько нужно для него самого, а сколько и для многих других. Если бы люди не были поставлены в такую необходимость, то они не захотели бы искать пользы ближнего; потому Бог и соединил все таким образом и не попустил достигать своей пользы иначе, как путем пользы других. Иным путем нельзя и спастись, и если ты упражняешься даже в высшем любомудрии, а о других, погибающих, не радишь, то не будешь иметь никакого дерзновения пред Богом. "**Если я раздам все имение мое**", - говорит божественный апостол, - "**и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы**" (1Кор.13:3). Если же ты желаешь знать, какое оружие приобретает тот, кто привлекает к себе братьев, хотя бы иногда и неверных, или кто кроток, спокоен и приятен в обращении, то послушай, что говорит самый этот блаженный Павел, являясь на суд к судье неверному: "**почитаю себя счастливым**", имея быть судимым "**перед тобою**" (Деян. 26:2). Говорил он это не с целью польстить ему, - нет, - а желая через такую кротость достичь пользы. Отчасти он ее и достиг, - тот, кто доселе считался подсудимым, пленил судию; и об этой победе ясным голосом свидетельствует в присутствии всех сам плененный, говоря: "**ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином**" (Деян. 26:28). Что же Павел? "**Молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все**" присутствующие "**сделались такими, как я**" (Деян. 26:29). Итак, когда он требует такой великой меры, а мы не представляем даже и меньшего, то будем ли мы достойны какого-нибудь прощения? И не думай, что нуждаться в помощи другого есть что-то позорное; это дело неизреченной мудрости Божией. Если мы нуждаемся друг в друге и даже эта необходимость взаимной помощи не соединяет нас узами дружбы, то, если бы мы сами могли удовлетворять своим нуждам, не сделались ли бы мы неукротимыми зверями? Силою и необходимостью покорил нас Бог друг другу, и мы ежедневно сталкиваемся друг с другом. Если бы Бог снял эту узду, кто бы стал искать дружбы ближнего? Потому-то Бог и дал нам одно жилище - этот мир, возжег всем один светильник - солнце, простер над нами один кров - небо, и предоставил один стол - землю. Богатому Он не дал чего-либо большего и более ценного, а бедному - меньшего и малоценного, чтобы между нами было полное и неразрывное единение, и чтобы никто не мог сказать: такой-то мне ни друг, ни родственник, ни ближний, и у меня нет с ним ничего общего, - как же я пойду к нему, как буду говорить с ним? Связь между нами должна быть даже теснее, чем та близость, какую обнаруживают между собой друзья; она должна быть связью члена с членом. И подобно тому, как ты не мог бы сказать: откуда мне родство и близость с ним? - потому что это было бы смешно, - так точно и о брате ты не мог бы уже

сказать этого. Пусть он и не родственник твой, и не друг; но он человек, имеющий одинаковую с тобой природу, одного и того же Владыку, и живущий в одном и том же мире. В рассуждении денег мы хвалим тех, кто ничего не должен; в рассуждении же любви мы восхваляем и почитаем тех, кто остается всегда должником. Утвердимся же в этой истине и соединимся друг с другом; и если кто захочет отпасть, ты сам не отпадай, и не говори этих холодных слов: если любит меня, люблю его; если же не любит меня правый глаз, то вырываю его. Напротив, когда он не хочет любить, тогда покажи еще большую любовь, чтобы привлечь его - ведь он член. Когда в силу какой-нибудь необходимости член отделяется от остального тела, то мы делаем все, чтобы опять соединить его с телом, и обнаруживаем особенную заботливость о нем. И награда тебе будет больше, когда ты привлечешь нежелающего любить. Если на пир Бог повелевает звать тех, кто не может отплатить нам, чтобы увеличилось воздаяние, - то тем более должно делать так в рассуждении дружбы. Тот, кто, будучи любим тобою, любит взаимно, воздает уже тебе награду; тот же, кто, будучи любим, не любит тебя, делает вместо себя твоим должником Бога. И, кроме того, когда он любит тебя, немного требуется старания; когда же не любит, то имеется нужда в твоей помощи. Не делай же того, что должно быть причиной заботливости, причиной беспечности, и не говори: так как он болен, то я пренебрегаю им; болезнь эта - охлаждение любви: согрей же охлажденное. Ведь желание быть сильно любимым происходит от сильной же любви. Когда мы не особенно расположены к кому-нибудь, то не нуждаемся и в тесной с ним дружбе, хотя бы он был великим и знаменитым человеком; но когда мы любим кого-нибудь горячо и искренне, то хотя бы любимый был ничтожным и маленьким человеком, мы считаем за величайшую честь ту любовь, которую он внушает нам. Если же ты не умеешь пользоваться братом, то в состоянии ли будешь когда-нибудь правильно пользоваться чужим? Если не умеешь обращаться с собственным своим членом, то сможешь ли когда-нибудь привлечь и соединить с собою внешнего? Ты хочешь, чтобы про тебя не говорили худо? Не говори поэтому и сам худо о других. Желаешь, чтобы тебя хвалили? Хвали и ты других. Хочешь, чтобы тебя пожалели? Показывай и сам сожаление. Желаешь получить прощение? Прощай и сам. Желаешь, чтобы у тебя не похищали? Не похищай и сам. Будем относиться к ближним так, как мы желаем, чтобы и они относились к нам. Как душа без тела не называется человеком, равно как и тело без души, так точно и любовь к Богу, если не сопровождается любовью к ближнему. Ты хочешь услужить такому-то? Не препятствую; но только пусть это будет не в огорчение другому. Не для того ведь даны нам учители, чтобы мы враждовали друг против друга, а для того, чтобы все были в союзе друг с другом. Почему ты один? Почему не приобретаешь многих друзей? Почему не являешься творцом любви? Почему не устрояешь дружбы, этой величайшей похвалы для добродетели? Подобно тому, как быть в согласии со злыми особенно раздражает Бога, так и быть в согласии с добрыми особенно радует Его. Не будь со многими в нечестии; готовь себе друзей прежде жилища, прежде всего прочего. Если миротворец - сын Божий, то насколько более тот, кто делает друзьями? Если только примиряющий называется сыном Божиим, то какой награды не будет достоин тот, кто делает примиренных друзьями? Диавол побуждает нас быть всем врагами, а Бог повелевает всех считать друзьями и любить; тот, пригвоздив нас к брению и глине (а таково богатство), не дает вздохнуть хотя бы немного даже и ночью, а Этот, освобождая нас от такой излишней и бесцельной заботы, заповедует собирать сокровища на небесах, не путем обид другим, а от собственной праведности; тот, после многих трудов и огорчений, не только не может защитить нас, когда мы терпим на том свете наказания и подвергаемся страданиям за нарушение законов Божиих, но еще и увеличивает пламя, а Этот, заповедав нам давать чашу холодной воды, не допускает лишиться нам даже и за это воздаяния и награды, но воздает с великой щедростью. После этого не крайнее ли безумие с нашей стороны не любить столь кроткого и обилующего такими благами Владыку, а рабствовать неблагодарному и жестокому тирану, который ни здесь, ни там не может принести

никакой пользы повинующимся и преданным ему? Итак, не ропщите за мои слова. И я ведь про любящего меня сказал бы, что он не тогда, когда только хвалит меня, но когда и обличает с целью исправить, тогда-то особенно и любит меня. Хвалить без разбора все, доброе и худое, свойственно не другу, а льстецу и насмешнику; напротив, хвалить за доброе дело и упрекать за проступок - вот долг друга и доброжелателя. Итак, неприятен мне враг, и когда он хвалит меня; но приятен друг, и когда упрекает меня. Тот, хоть и целует меня, противен; этот, хоть и уязвляет меня, любезен. "**Искренни**", - говорится, - "**укоризны от любящего, и лживы поцелуи ненавидящего**" (Притч. 27:6). Один, правильно ли или неправильно упрекает, делает это не с тем, чтобы посрамить, но чтобы исправить; другой, хотя бы и справедливо упрекал, упрекает не с тем, чтобы исправить, а стараясь скорее обесславить. Так-то, возлюбленные, ничто не может сравниться с единомыслием; при этом и один бывает равен многим. Если, например, будут единодушны два или десять, то один уже перестает быть одним, а каждый из них становится в десять раз больше, и ты в десяти найдешь одного, и в одном - десять. Если у них есть враг, он уже нападает не на одного, и бывает побежден так, как если бы напал на десятерых. Если один обеднел, он не в бедности, потому что обедневшая часть прикрывается большей частью. Каждый из них имеет двадцать рук, двадцать глаз и столько же ног; у каждого десять душ, потому что он все делает не своими только членами, но и остальных. Если бы их было и сто, опять будет то же самое. Один и тот же может быть и в Персии, и в Риме, - и чего не может сделать природа, то может сила любви. Если же он имеет тысячу или две тысячи друзей, то подумай, до какой степени увеличится его сила. Чудно, действительно, из одного сделать тысячу! Для чего же мы не приобретаем силы любви и не утверждаем себя в безопасности? Доколе будем ограничивать ее одним или двумя? Тот, кто имеет друзей, хотя бы был беден, становится гораздо богаче богатых: чего он сам не посмеет сказать за себя, то скажет за него друг; чего не может доставить сам себе, достигнет через другого. Невозможно потерпеть какое-либо зло тому, кто охраняется столькими оруженосцами: не так бдительны царские телохранители, как эти. Те охраняют по нужде и страху, а эти - по доброжелательству и любви. При том царь боится своих стражей, а человек, имеющий друзей, верит им больше, чем себе самому. И, кроме того, есть ли какая стена, столь несокрушимая, столь укрепленная совокупностью огромных камней, столь недоступная для нападений врагов, как союз любящих друг друга и сплоченных между собою единодушием? Он отражает козни самого диавола; и весьма естественно. Восставая против него в союзе друг с другом, такие люди становятся непобедимы его ухищрениями, и воздвигают блистательные трофеи любви. И как струны лиры, хотя многочисленные, но настроенные согласно, звучат приятнейшим звуком, так точно и объединенные единомыслием издают благозвучный глас любви. Нет ведь ничего усладительнее любви. Чего только не сделает искренний друг? Какого не доставит он удовольствия, какой пользы, какой безопасности? Хотя бы ты указал тысячи сокровищ, ничто не может сравниться с искренним другом. Подобно тому, как блестящие тела распростирают блеск на близлежащие места, так и друзья, в каких бы местах ни явились, везде расточают свое благоволение. Лучше, поэтому, жить во мраке, чем без друзей. Не так горячка сжигает тело, как душу разлука с любимыми. Страсть любви такова, что заставляет нас ежедневно представлять себе любезных нам, когда они не находятся вместе с нами, а отсутствуют; она отвлекает душу любящего от всех находящихся налицо и привязывает ее к одному возлюбленному. Если же тот, кто видит любимого, или даже только вспоминает о нем, становится бодр душою и высок мыслью, и, услаждаясь воспоминанием, все переносит легко, то имеющий в мыслях Того, кто благоволил воистину возлюбить нас, и помнящий о Нем, почувствует ли когда-либо какую-нибудь печаль, или убоится ли чего-нибудь страшного и опасного? Конечно, никогда! Если, пользуясь любовью сильных людей, мы бываем страшны для всех, то гораздо более - будучи любимы Богом. И хотя бы нужно было отдать за эту любовь деньги, или тело, или самую душу, не пощадим. Недостаточно ведь говорить только на

словах, что мы любим, а необходимо представить доказательство нашей любви и на деле, так как и Он сам показал Свою любовь не на словах только, а и на деле. Если в домах знатных людей слуга, сделавший свое добро господским, на самом деле не свое добро сделал господским, а господское своим, и одинаково пользуется и своим, и господским, почему многие из слуг больше даже боятся его, чем господина, и если вследствие того, что он пренебрег своим добром, он в действительности не пренебрег им, а получил даже гораздо более, то тем более так бывает в вещах духовных. Не будем, поэтому, заботиться о своих выгодах, чтобы на самом деле позаботиться о них, а будем пренебрегать ими, чтобы приобрести их. Если мы пренебрежем ими, то Бог о них позаботится; а если мы сами будем заботиться о них, то Бог пренебрежет. Если кто хочет любить искренне и узнать силу любви, то пусть спешит к питомцу ее, блаженному Павлу, и тот научит его, как велик подвиг - перенести разлуку с любимым, и сколь великая душа требуется для того. В самом деле, этот Павел, совлекший с себя плоть и сложивший тело, обходивший вселенную почти обнаженною душою, исторгший из духа всякую страсть, подражавший бесстрастию бестелесных сил, хотя и переносил легко все остальное, как бы страдая в чужом теле, - и темницы, и узы, и изгнания, и бичевания, и угрозы, и смерть, и все виды наказания, - но, разлученный с одной любимой им душой, так был расстроен и смущен, что тотчас и ушел из города, в котором ожидал увидеть любимого человека и не нашел его. Что это, блаженный Павел? Заключенный в колодки, живя в темнице, имея отпечатлевшиеся следы бичеваний, с текущей по спине кровью, ты вводил в таинства, крестил, приносил жертву, и не пренебрег даже и одним человеком, который должен был получить спасение; а придя в Троаду и найдя ниву расчищенной и готовой принять семена, ты выпустил из рук такую прибыль и тотчас ушел? Да, - говорит, - потому что я одержим был силой уныния, потому что мой дух очень смущало отсутствие Тита; и печаль так овладела мною, так осилила меня, что принудила сделать это. Видишь, какой величайший подвиг – быть в состоянии спокойно перенести разлуку с любимым человеком, как горестно и печально это дело, как оно требует для себя души возвышенной и мужественной? Для любящих недостаточно одного лишь соединения душой, они не довольствуются этим для своего утешения, а нуждаются и в телесном присутствии друг подле друга, и если этого нет, то отнимается немалая доля радости. О, пламенная страсть любви! Павел, не страшащийся огня, адамантовый, твердый, непреклонный, неодолимый, говорящий: "**кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?**" (Рим. 8:35), дерзновенно попирающий землю и море, посмеивающийся над железными вратами смерти, - этот самый (Павел), когда увидел слезы у любимых им людей, так был сокрушен и растроган, что даже не скрыл своей скорби, а тотчас же сказал: "**что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое?**" (Деян. 21:13). О, диво! Бездна вод не сокрушила его, а малые слезы сокрушили и разбили? "**Что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое?**" Что говоришь ты, скажи мне? Эту адамантовую душу могла сокрушить слеза? Да, - говорит, - потому что велика сила любви; она побеждает и осиливает меня; против всего могу я устоять, кроме любви. Кто не изумится? Кто не удивится? Лучше сказать, кто может достойно изумиться и удивиться этой мужественной и достигающей до небес душе, подумав о том, что он, будучи заключен в оковы и темницу, послал послание Филиппийцам из такого отдаленного места? Вы ведь знаете, как далеко Македония от Рима. Но ни дальность пути, ни продолжительность времени, ни множество дел, ни опасность, ни непрерывные бедствия, ни иное что не исторгли в нем любви и памяти об учениках; напротив, он всех их имел в своей мысли. И не так связаны были его руки оковами, как связана и пригвождена была душа любовью к ученикам. Как царь, взойдя утром на престол и севши в царских чертогах, тотчас принимает отовсюду тысячи писем, так и он, сидя в темнице, как бы в царских чертогах, постоянно и посылал, и получал отовсюду еще гораздо больше писем от обращавшихся к его мудрости и доносивших ему о всех своих делах; и настолько более, сравнительно с царем, устроял он дел, насколько

большая вверена была ему и власть. Такова сила любви; она не только объемлет, соединяет и связывает присутствующих, находящихся вблизи нас и на наших глазах, но и далеко отстоящих от нас; и ни продолжительность времени, ни дальность дорог, ни другое что подобное не может разорвать и расторгнуть душевной дружбы. Любящему нужно так любить, что, если бы у него попросили душу и возможно было отдать ее, он не отказывался бы, - потому что нет ничего равного искреннему другу. Видя любимого, любящий радуется и тает от восторга, сплетается с ним некоторым сплетением души, доставляющим неизреченное удовольствие. Если даже он только вспомнит о нем, его душа ободряется и окрыляется; видя его каждый день, он не насыщается; нет у него ничего, что бы не принадлежало другу; он желает ему того же самого, чего и себе.

Я знаю человека, который, прося святых мужей за друга, увещевал сначала молиться о нем, а затем уже о себе самом. Знаю и Павла, который готов был даже без просьбы отдать душу свою и впасть в геенну за любимых им. Пламенеющее сердце должно любить так, чтобы казалось, что не любимый тобою должник твой, а сам ты должник ему за то, что имеешь его должником. Любящий хочет не только повелевать, но чтобы и им повелевали; он радуется более получая повеления, чем повелевая сам. Любящий хочет лучше давать, чем принимать, желает лучше иметь друга должником, чем сам быть должным ему. Любящий и хочет оказывать благодеяния любимому, и не хочет показаться благодетельствующим, хочет быть виновником благодеяния, и в то же время не хочет показаться виновником благодеяния. Не разумейте здесь, прошу вас, просто друзей, соучастников в трапезах, считающихся друзьями по одному лишь имени; кто имеет друга, о котором я говорю, тот поймет мои слова. Друг сладостнее настоящей жизни. Вот почему многие после кончины друзей не желали даже и жить более. Подлинно, друг вожделеннее самого света. Лучше для нас, чтобы погасло солнце, чем лишиться друзей. Многие, хотя и видят солнце, пребывают во мраке; а кто имеет в избытке друзей, тот не может потерпеть никакой скорби. Но если чья-нибудь дружба вредит тебе - отвергни ее от себя. Если мы часто отсекаем те или другие из наших членов, когда они бывают неисцелимо больны и вредят другим, то тем более то же нужно делать в отношении души. Ничто так не вредно, как дурное сообщество. То, чего не в состоянии сделать необходимость, часто может сделать дружба как во вред, так и на пользу. Кто ведет дружбу с врагами царя, тот не может быть другом царя. Ненависть ради Христа гораздо лучше дружбы ради Него. Когда нас любят ради Бога, мы оказываемся должниками Ему за честь; когда же нас ненавидят, Он сам является должным нам честью. Итак, все мы, не презирающие даже и денег ради Христа, а лучше сказать, ради себя самих, вострепещем, представляя в уме своем любовь ко Христу Павла. Он любил Христа не ради благ, даруемых Христом, а эти последние ради Него, и одного только боялся, именно - не отпасть от любви к Нему. Это было для него страшнее даже геенны, равно как пребывание в этой любви вожделеннее самого царства. Итак, когда он ради любви к Богу готов был и в геенну впасть, и царства лишиться, если бы предстояло это, а мы не презираем даже и настоящей жизни, то достойны ли мы даже подошв его, будучи столь далеки от величия души его? Потому и Христос говорил: "**потерявший душу свою ради Меня сбережет ее**" (Мф. 10:39), и: "**всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным**" (Мф. 10:32). Подлинно, велик труд этого подвига; он почти превосходит самую природу. И это хорошо знают те, которые удостоились указанных венцов. Никакое слово не в состоянии изобразить этот подвиг: столь мужественной требует он души и до такой степени достоин удивления. И, однако, этот дивный подвиг, по словам Павла, не приносит никакой пользы при отсутствии любви, хотя бы он соединен был с нестяжанием. Почему (Павел) сказал так, я попытаюсь теперь показать это, прежде всего решив вопрос, каким образом человек, раздавший все свое имущество нуждающимся, может не иметь любви. Чтобы человек, готовый предать себя на сожжение и имеющий духовные дарования, не любил, это, может быть, и допустимо; но тот, кто не только отдает

имущество, но и употребляет его на пропитание других, как может не любить? Итак, что же можно сказать? Или то, что он представил несуществующее как существующее, что он любит и всегда делать, когда хочет представить чрезмерность чего-нибудь. Так, например, в послании к Галатам он говорит: "**если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что**" вы приняли "**благовествовали вам, да будет анафема**" (Гал. 1:8); хотя ни сам он, ни ангел не имели делать этого, но чтобы показать дело в преувеличенном виде, он указал на то, что совсем не имело совершиться. Равным образом, когда в послании к Римлянам говорит: "**ни Ангелы, ни Начала, ни Силы**" не возмогут "**отлучить нас от любви**" Христовой (Рим. 8:38); хотя ангелы не имели делать этого, однако и здесь апостол предполагает несуществующее, равно как и в дальнейших словах: "**ни другая какая тварь**", хотя, конечно, и нет другой твари; назвав все горнее и дольнее, он обнял всю тварь, но, чтобы показать чрезмерность своей любви, предполагает тем не менее и здесь несуществующее. То же самое делает он и здесь, говоря, что хотя бы кто-нибудь отдал все, а любви не имеет, не получает никакой пользы (1 Кор. 13:3). Итак, или это нужно сказать, или то, что апостол хочет, чтобы дающие были в единении с получающими и давали не просто, без сочувствия, а жалея нуждающихся, склоняясь и трогаясь их нуждой, сострадая им. Для того ведь и милостыня установлена Богом. Пропитать бедных Бог мог и без этого; но чтобы связать нас в содружество любви, и чтобы мы пламенели друг к другу любовью, Он повелел им получать пропитание от нас. Вот почему в одном месте говорится: "**слово**" благое "**лучше, нежели даяние**", и "**не выше ли доброго даяния слово?**" (Сир. 18:16-17). И сам (Бог) говорит: "**милости хочу, а не жертвы**" (Ос. 6:6; Мф. 9:13). Так как мы обычно любим тех, кому оказываем благодеяния, а получающие благодеяние бывают дружественнее расположены к благодетелям, то, устрояя союз дружбы, Бог и постановил такой закон. И чтобы вам знать, сколь велика и важна эта добродетель, изобразим ее словом, так как не видим, чтобы она проявлялась где-нибудь на деле, и помыслим, какие бы произошли блага, если бы она всюду была в изобилии. Ведь тогда не было бы нужды ни в законах, ни в судилищах, ни в наказаниях, ни в казнях, ни в чем другом подобном. В самом деле, если бы все любили и были любимы, то никто ничем не обидел бы другого; убийства, брани, войны, возмущения, хищения, корысти, и все пороки совершенно исчезли бы, и зло было бы известно только по имени. Этого не могут сделать и чудеса; напротив, людей неосторожных они приводят даже к тщеславно и высокомерию. И вот что удивительно в любви: тогда как все другие блага имеют сопряженное с ними какое-нибудь зло, - например, нестяжатель часто гордится ввиду своей бедности, искусный в слове недугует славолюбием, смиренный часто по этому самому превозносится в глубине души, - любовь свободна от всякой такой пагубы, потому что никто никогда не возгордится над любимым. И предположи, что любит не один, а все одинаково, - тогда увидишь силу любви. Впрочем, если угодно, сначала предположи одного любимого и одного любящего, любящего именно так, как должно любить. Такой человек будет обитать на земле как бы на небе, всюду наслаждаясь спокойствием и сплетая себе бесчисленные венцы. Такой человек будет соблюдать душу свою чистой и от зависти, и от гнева, и от клеветы, и от гордости, и от тщеславия, и от худого пожелания, и от всякой непристойной любви, и от всякого порока. Подобно тому, как себе никто не сделает никакого зла, так и этот человек - своему ближнему. А будучи таковым, он, шествуя на земле, станет с самим Гавриилом. Вот каков тот, кто имеет любовь. Тот же, кто творит знамения и имеет совершенное знание, но лишен любви, хотя бы воскресил тысячи мертвецов, не принесет никакой великой пользы, будучи в разрыве со всеми и не перенося соединения с кем-либо из сорабов. Потому-то и Христос сказал, что признаком искренней любви к Нему служит любовь к ближнему. Если, - говорит, - любишь Меня, Петр, "**больше, нежели они**", "**паси овец Моих**" (Ин. 21:15,17). Видишь ли, как и здесь опять Он дал понять, что любовь больше мученичества? Если бы кто имел возлюбленного сына, за которого отдал бы даже душу, а кто-нибудь любил бы отца, на сына же не обращал совсем никакого внимания, то

он сильно бы огорчил отца, так что последний не заметил бы любви к себе, вследствие презрения к сыну. Если же так бывает в отношении к отцу и сыну, то тем более в отношении к Богу и людям, потому что Бог любвеобильнее всех отцов. Вот почему, сказав: "**первая и**" великая "**заповедь**": "**возлюби Господа Бога твоего**", присовокупил: "**вторая же**", - и не умолчал, а присоединил подобную ей: "**возлюби ближнего твоего, как самого себя**" (Мф. 22:37-39). И смотри, как Он почти в такой же высшей степени требует исполнения и этой заповеди. О Боге он говорит: "**всем сердцем твоим**", а о ближнем твоем: "**как самого себя**", каковые слова равны выражению: "**всем сердцем твоим**". Если бы это наблюдалось с точностью, не было бы ни раба, ни свободного, ни начальника, ни подчиненного, ни богатого, ни бедного, ни малого, ни великого; не был бы никогда ведом даже и диавол, - не говорю, этот, но если бы был и другой такой же, или даже если бы диаволов было бесчисленное множество, они не имели бы никакой силы при господстве любви. Подлинно, легче сено выдержит силу огня, чем диавол пламень любви. Она крепче стены, она тверже стали, и хотя бы ты указал другое более крепкое вещество, твердость любви далеко превосходит все. Ее не победит ни богатство, ни бедность; лучше же сказать, не было бы ни бедности, ни излишнего богатства, если бы была любовь, а только происходящие от того и другого блага, потому что мы приобрели бы от последнего изобилие, а от первой безмятежность, и не подвергались бы ни заботам богатства, ни нуждам бедности. Но что я говорю о выгодах любви? Подумай, какое великое благо любовь сама по себе, какую доставляет она радость, какую благодать сообщает она душе. В этом-то и состоит особенно преимущество любви. Все прочие добродетели имеют сопряженное с ними скорбное состояние, как, например, пост, целомудрие, бдение - зависть, похоть, гордость; а любовь, кроме пользы, имеет и великое удовольствие, а скорби никакой; и, как добрая пчела, она, отовсюду собирая блага, слагает их в душу любящего. Находится ли кто в рабстве, она представляет рабство приятнее свободы, потому что любящий не так радуется, когда повелевает, как тогда, когда подчиняется. Конечно, повелевать приятно. Но любовь изменяет природу вещей и является на помощь со всеми благами в руках, приветливее всякой матери, богаче всякой царицы, и трудное делает легким и удобным, представляя нам добродетель привлекательной, а порок крайне противным. Смотри: тратить имущество кажется делом прискорбным, - а она делает его приятным; брать чужое представляется приятным, - а она не позволяет этому казаться приятным, но заставляет избегать как низкого дела. Опять, злословие всем кажется делом любезным, - а она делает его противным, похвалу же приятной, потому что для нас ничто так не приятно, как хвалить любимого. Равным образом, гнев имеет некоторую приятность; но при любви этого уже нет, все нервы его убиты; и если любимый опечалит любящего, гнев ни в чем не проявляется, а бывают слезы, увещания и просьбы: так далек любящий от раздражения. Если он видит согрешающего, то скорбит и болеет; но и самая эта скорбь приносит удовольствие, потому что и слезы, и печаль любви приятнее всякого смеха и радости. Поистине не так услаждаются смеющиеся, как плачущие о друзьях; а если не веришь, прегради им слезы, и увидишь, что они так мрачно настроены, как будто потерпели непоправимое бедствие. Но любовь, скажешь, имеет нечистое удовольствие. Перестань, не злословь, человек: нет ничего настолько чистого от этой страсти, как истинная любовь. Не говори мне о той низкой и площадной любви, которая скорее есть болезнь, чем любовь, а о той, которой требует Павел, о любви, ищущей пользы любимых, и увидишь, что имеющие такую любовь любят нежнее отцов. И как пристрастные к деньгам не решаются издерживать их, а согласны лучше терпеть стеснения, чем видеть их уменьшение, так и тот, кто питает к другому любовь, согласится лучше потерпеть тысячу бедствий, нежели видеть, что любимый им потерпел вред. Что же, скажешь, неужели не должно ненавидеть даже врагов и язычников? Должно ненавидеть, но не их, а учение их, не человека, а порочную деятельность и развращенную волю. Человек - дело Божие, а заблуждение - дело диавола. Ведь если должно ненавидеть врагов Божиих, то должно ненавидеть не только нечестивых, но и грешников; а в таком случае мы будем хуже

зверей, отвращаясь от всех и надмеваясь гордостью, подобно фарисею. Но не так заповедал Павел, - а как? "**Вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем**" (1 Фес. 5:14). Но, скажешь, что же тогда значат его слова: "**если же кто не послушает слова нашего в сем послании, того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним**" (2 Фес. 3:14)? Правда, что сказано о братиях; но и в этом случае не просто, а тоже с кротостью. Не отделяй от этих слов последующих, прибавь же то, что сказано далее. А именно, сказав: "**не сообщайтесь**", он присовокупил: "**но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата**" (2 Фес. 3:15). Видишь ли, как он повелел ненавидеть худое дело, а не человека? Дело диавола - отторгать нас друг от друга; он сильно старается истребить любовь, чтобы пресечь путь к исправлению и удержать его в заблуждении, а тебя в неверии и вражде, надеясь таким образом заградить ему путь ко спасению. Если врач будет ненавидеть и убегать больного, а больной отвращаться от врача, то может ли больной выздороветь, когда он не будет призывать врача, и врач не будет приходить к нему? Почему же ты отвращаешься и убегаешь от него? Потому ли, что он нечестив? Но потому-то и надо приходить и врачевать, чтобы восстановить больного. Хотя бы он страдал неисцелимой болезнью, тебе повелено делать свое дело. Иуда также одержим был неисцелимой болезнью, но Бог не переставал врачевать его. Поэтому и ты не ослабевай. Хотя бы при всем старании ты не мог освободить его от нечестия, все же ты получишь награду, как бы освободил его, и заставишь его удивляться твоей кротости, и таким образом всячески прославится Бог. Хотя бы ты творил чудеса, хотя бы воскрешал мертвых, хотя бы делал что-нибудь другое подобное, язычники никогда не будут удивляться тебе в такой мере, как видя тебя кротким, добрым и обходительным. А и это не маловажное дело, потому что многие таким образом могут наконец отстать от порока. Ничто не может привлекать так, как любовь. Из-за другого, то есть знамений и чудес, могут и завидовать тебе, а из-за этого (любви) станут и удивляться, и любить, а любя примут мало-помалу и истину. Впрочем, если язычник и не скоро сделается верующим, не удивляйся, не спеши, не требуй всего вдруг, но пусть он пока хвалит, любит, и мало-помалу он дойдет и до этого. Итак, если любовь есть виновница добродетели, то будем со всяким тщанием насаждать ее в своих душах, чтобы она принесла нам многие блага, и чтобы нам постоянно собирать обильные плоды ее, всегда цветущие и никогда не увядающие. Таким образом мы достигнем и вечных благ, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со святым и благим Духом слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Έκλογαί άπό διαφόρων λόγων. Под этим названием известны сборники бесед, составленных разными лицами после смерти Златоуста на те или другие темы, из относящихся к темам и особенно нравившихся составителям мест творений святителя. Места приведены частью в буквальном изложении, частью в свободном пересказе и заимствованы как из подлинных творений Златоуста, так и из произведений, лишь приписываемых Златоусту, не только до нашего времени сохранившихся, но и утерянных. Эти Эклоги (выборки) пользовались широкой распространенностью, были в употреблении и у частных лиц, и у царей. Известен, например, роскошный сборник Эклог, принадлежащий византийскому императору Никифору Вотаниату (1078-1081), зарегистрированный в числе кодексов Коаленевой библиотеки под № LXXIX.

СЛОВО 2

О молитве

Великое благо молитва, если бывает с чувством благодарения, если мы научимся благодарить Бога не только получая (просимое), но и не получая. Бог, и когда дает (просимое), и когда не дает, делает то и другое на пользу, так что получил ли ты, или не получил, ты получил благодаря тому, что не получил; успел ли, или не успел, ты успел чрез то, что не успел. Бывает иногда полезнее не получить. Если бы для нас не было часто полезно не получить, Бог несомненно дал бы; между тем не получить с пользой значит получить. Не будем же роптать на замедление в даровании просимого, а скорее покажем по этому самому великую твердость и терпение. Разве Бог не мог бы даровать и прежде (исполнения) наших просьб? Но Он ждет для того, чтобы получить от нас самих повод праведно удостоить нас Своим попечением. Поэтому получим ли просимое, не получим ли, будем настойчивы в своем прошении, и будем благодарить не только в случае успеха, но и в случае неуспеха. Не получить, когда так хочет Бог, значит не менее, чем получить, потому что мы сами так не знаем, что полезно для нас, как ведает Он. Таким образом, получим ли мы, не получим ли, мы должны одинаково благодарить и принимать с радостью то, что Ему будет благоугодно. Не потому Бог часто медлит исполнением наших просьб, что отвергает их, а желая научить нас постоянству и привлечь к Себе. Так и нежно любящий отец часто не соглашается на просьбу сына не потому, что не хочет дать, а желая чрез это побудить сына к настойчивости. Чтобы молящийся был услышан, это зависит, во-первых, от того, если мы достойны получить; во-вторых, если мы молимся согласно с законами Божьими; в-третьих, если молимся непрестанно; в-четвертых, если не просим ничего житейского; в-пятых, если исполняем все должное и со своей стороны, и, наконец, если просим полезного. Как от этих условий зависит быть услышанным, так от противных условий - быть неуслышанным, хотя бы молящиеся были праведники. Кто был праведнее Павла? Но когда он просил бесполезного, то не был услышан: "**о том**", - говорит, - "т**рижды молил я Господа… но [Господь] сказал мне: довольно для тебя благодати Моей**" (2 Кор. 12:8,9). Кто также праведнее Моисея? Но и он не был услышан, и ему Бог сказал: "**полно тебе**" (Втор. 3:26). Так как он просил о том, чтобы ему войти в землю обетованную, а это было бесполезно, то Бог и не попустил. Кроме того, мы бываем не услышаны еще и по другой причине, именно - когда молимся, продолжая оставаться в грехах своих. На это указал Бог, когда сказал об иудеях Иеремии: "**не проси за этот народ… не видишь ли, что они делают?**" (Иер. 7:16). Они, - говорит, - не отстали от нечестия, а ты возносишь о них прошение? Но Я не услышу тебя. Равным образом, когда мы просим чего-либо против врагов, то не только не бываем услышаны, но и раздражаем Бога. Молитва есть врачество; но если мы не знаем, как нужно приложить это врачество, то не можем воспользоваться и его целебной силой. Итак, великое благо - постоянство в молитве, как нас научает событие с хананеянкой; в самом деле, на что не соглашался Христос, когда Его просили апостолы, в том успела она, своею настойчивостью достигнув исполнения просьбы. Бог более хочет, чтобы Его просили мы сами за свои прегрешения, чем другие за нас. Когда мы просим людей, нам нужно бывает и тратить деньги, и рабски льстить, и много ходить и хлопотать, потому что часто нельзя бывает прямо получить доступ и говорить с самими господами, а необходимо прежде привлечь на свою сторону и деньгами, и словами их служителей, домоправителей, поверенных и чрез них уже получить просимое. У Бога же не так. Он не нуждается в посредниках, когда Его просят, и не так преклоняется на милость, когда умоляют (за нас) другие, как тогда, когда мы сами просим Его. Бог хочет, чтобы мы часто просили Его, и бывает за это весьма благодарен, - потому что Он единственный должник, который, когда от Него требуют, благодарит, и дает то, чего мы не давали взаймы. И если видит усиленно и прилежно просящего, дарует и то, чего не получал от нас; а если лениво просящего, то и сам медлит, не потому, что не хочет дать, а потому, что Ему приятно, когда мы просим Его. Не потому, чтобы Бог ненавидел или отвращался от нас, Он медлит дать просимое, а желая таким замедлением дарования постоянно удержать при Себе. Так поступают и нежно любящие отцы: и они отсрочкой исполнения просьб научают беспечных детей прилежанию. Услышана твоя

просьба? Возблагодари за то, что ты услышан. Не услышана? Пребудь тверд, чтобы быть услышанным. Тебе нет нужды в посредниках, не нужно ни много хлопотать, ни подольщаться к другим; напротив, хотя бы ты был совершенно одинок, хотя бы не имел покровителя, ты непременно достигнешь просимого, если сам по себе попросишь Бога. Если у людей бывает так, что, несмотря на тысячи оскорблений, когда мы и утром, и днем, и вечером являемся к обиженным на нас, мы легко прекращаем такой настойчивостью и постоянным появлением им на глаза вражду, то тем более бывает так у Бога. Не так обычно преклоняется Бог, когда Его молят другие за нас, как тогда, когда мы сами просим Его, хотя бы исполнены были бесчисленных зол. Пусть выслушают меня те, которые молятся небрежно и ропщут на медлительность дарования просимого. Когда я говорю: призови Бога, попроси Его, умоли Его, - ты отвечаешь: я просил раз, другой, третий, десять, сто раз - и не получил. Не отставай, доколе не получишь; когда получишь, тогда отстань, или вернее - и тогда не отставай, а пребывай в молитве: если ты не получил, молись, чтобы получить; если же получил, благодари за то, что получил. Многие входят в церковь, совершают тысячи молитв, и выходят, сами не зная, что говорили: уста движутся, а слух не слышит. Ты сам не слышишь своей молитвы, а хочешь, чтобы ее услышал Бог? Я преклонял, говоришь, колена. Но мысль твоя летала на стороне. Тело было внутри церкви, а дух твой - вне; твои уста говорили молитву, а ум исчислял проценты, обязательства, торговые обороты, приобретения, дружеские собрания. Диавол, будучи лукав и зная, что во время молитвы мы достигаем великих успехов, приходит к нам в это время, - часто ведь мы лежим на постели без всяких забот и ни о чем не помышляя, а пришли молиться, и тотчас нападают бесчисленные помыслы, - чтобы лишить нас плодов молитвы и сделать совершенно безуспешными. И часто бывает, что, свершив молитву, мы уходим; как будто и не слышав того, что говорили. Итак, когда мы заметим это, то повторим немедленно молитву, и если опять с нами случится то же, то скажем ее и третий, и четвертый раз, и не прежде перестанем молиться, чем изольем всю ее пред Богом с трезвой душой и внимательным помыслом. И если диавол заметит, что мы не прежде отстаем от молитвы, чем произнесем ее со тщанием и трезвящейся душой, то отстанет наконец со своими кознями, зная, что из его ухищрений не выйдет ничего иного, кроме того, что он многократно заставит нас повторить ту же самую молитву. Если, приходя к человеку, мы обнаруживаем такую внимательность, что часто даже не видим стоящих вблизи, а сосредотачиваем свою мысль и думаем только о том, к кому приходим, то тем более нам нужно делать так в отношении к Богу, нужно быть внимательными в молитвах, не блуждая мыслью в разные стороны. Если язык произносит слова, а ум блуждает на стороне, обдумывая домашние дела или соображая об общественных делах, то для нас не только не будет никакой пользы, а, напротив, еще большее будет осуждение. Если мы предстоим столько времени людям, служа в войсках и перенося тяжкие труды, исполняя рабские обязанности, и в конце концов часто теряем и самую надежду, то неужели Господу нашему, от Которого несомненно можно получить награду, гораздо большую трудов, мы не имеем мужества предстоять с подобающим усердием? И какого наказания достойно это? Ведь если бы и ничего не предстояло получить, само по себе постоянное собеседование с Богом не заключает ли бесчисленных благ? Подлинно, великое благо молитва и собеседование чрез нее с Богом. Если беседующий с добродетельным человеком приобретает отсюда немалую пользу, то каких благ насладится тот, кто удостоился беседы с Богом? Не безумно ли слугам приказывать, чтобы они все время служили нам, а самим даже и малого досуга не уделять Богу? Ты не знаешь полезного тебе, человек; часто просишь вредного и обманчивого. Но Он, гораздо более пекущийся о твоем спасении, не молитве твоей внимает, но прежде молитвы предусматривает полезное для тебя. В самом деле, если плотские отцы не непременно дают детям то, чего они просят, не потому, что пренебрегают просящими, а потому, напротив, что более заботятся о них, то тем более делает так Бог, который и больше всех любит, и лучше всех знает, что нам полезно. Когда ты ослабеешь в молитве и не

получишь, вспомни, сколько раз ты слышал, как призывал тебя бедный, и ты не послушал его, между тем он не вознегодовал и не оскорбил тебя; причем ты делаешь это по жестокости, а Бог - по человеколюбию. Итак, если сам ты, не слушая по своей жестокости сораба, не считаешь себя заслуживающим обвинения, то как обвиняешь Владыку, не внимающего рабу по человеколюбию? Если блаженный Давид, будучи царем, поглощаемый бесчисленными заботами и развлекаемый со всех сторон, семь раз на дню молился Богу, то какое оправдание и прощение можем иметь мы, которые имеем столько праздного времени и не молимся Ему постоянно, несмотря даже на то, что можем получить великую пользу. Невозможно, поистине невозможно, чтобы человек, молящийся с должным усердием и постоянно призывающий Бога, впал когда-нибудь в грех. Кто воспламенил свой ум, возбудил душу, переселился на небо и таким образом призвал своего Господа; кто, вспомнив о своих грехах, беседует с Ним о прощении их и молит Его быть милостивым и снисходительным, - тот, предаваясь такой беседе, отлагает всякое житейское попечение, окрыляется и становится выше человеческих страстей. Не так источники водные делают цветущими сады, как источники слез, напояющие древо молитвы, поднимают его на величайшую высоту и поставляют молящегося пред Богом. От этого-то зависит более всего и услышание. В самом деле, у кого в то время, как тело простерто на земле и уста бессмысленно произносят слова, душа блуждает везде - дома и на площади, тот может ли сказать, что он молится пред Богом? Пред Господом молится тот, кто вполне сосредоточил свою душу и не имеет ничего общего с землею, но переселился на самое небо и изгнал из души всякий человеческий помысел. Молящемуся должно молиться так, чтобы, всецело сосредоточившись и напрягши ум, призывать Бога со скорбной душой, не умножая слов и не распространяясь в молитве, а произнося немногие и простые слова, потому что не от множества слов, а от трезвости души зависит услышание. И это можно видеть на примере Анны, матери Самуила. Она говорит именно: "**Господи Саваоф! если Ты призришь на скорбь рабы Твоей… и дашь рабе Твоей дитя мужеского пола, то я отдам его Господу на все дни жизни его,** [и вина и хмельного не будет пить[1],] **и бритва не коснется головы его**" (1 Цар. 1:11). Много ли здесь слов? Но так как она совершила эту молитву со вниманием и трезвостию, то достигла всего, чего желала: и испорченную природу исправила, и заключенную утробу отверзла, и себя привела в состояние великого благодушия, пожав тучный колос с бесплодного камня. Итак, молящемуся следует и не многословить, и постоянно молиться. Творить краткие и частые молитвы, с небольшими промежутками, заповедали и Христос, и Павел. Если ты будешь распространяться в словах, нередко делая это без внимания, то дашь диаволу большую свободу подойти к тебе, устроить ковы и отвлечь твою мысль от произносимых слов. А если будешь творить постоянные и частые молитвы, занимаясь все время частым повторением их, то легко сможешь сохранить внимание и самые молитвы будешь творить с большой бдительностью. Хочешь ли узнать, что такое бодрственность, трезвенность и настойчивость молитвы? Иди к Анне, узнай, что сделала она. Встали, говорится, все от трапезы (ст. 9), и она тотчас же обратилась не ко сну, не к отдыху, - почему мне кажется, что и сидя за трапезой она была воздержна и не отягчала себя какими-нибудь яствами, а иначе не пролила бы таких слез. В самом деле, если мы, постясь и воздерживаясь от пищи, едва можем так молиться, лучше же сказать - никогда не молимся так, то тем более она не могла бы молиться так после трапезы, если бы и за трапезой не была подобна постящимся. Постыдимся же мы, мужи, женщины, - мы, которые, молясь о царствии, зеваем от сонливости, - постыдимся той, которая просила о сыне и плакала. Заметь ее благочестие и в другом отношении. "**Голоса ее**", - говорится, - "**не было слышно… уста ее только двигались**" (1 Цар. 1:13). Так приступает к Богу тот, Кто хочет что-либо получить, - без потягот и зеваний, без сонливости, без почесываний, без небрежности. Разве Бог не мог дать и без молитвы? Разве Он не знал еще прежде прошения желания жены? Но если бы Он дал прежде прошения, то не обнаружилось бы усердие жены, не открылась бы добродетель ее, не стяжала бы она за это такой награды.

Но посмотрим и на ее любомудрие. Когда священник Илий счел ее за пьяную, смотри, что она говорит ему: "**не считай рабы твоей негодною женщиною, ибо от великой печали моей и от скорби моей я говорила доселе**" (1 Цар. 1:16). Это поистине дело сокрушенного сердца, когда мы не сердимся и не раздражаемся на оскорбителей, а даже и оправдываемся. Подлинно, ничто так не делает сердца любомудрым, как скорбь и печаль по Боге. Итак, мы должны и при начале трапезы, и при конце благодарить Бога. Кто приготовил себя к этому, тот никогда не впадет в пьянство и бесчинство, никогда не испытает следствий объедения, но, сдерживая свои помыслы ожиданием молитвы, как бы уздою, будет в надлежащей мере употреблять все предлагаемое и тем доставит и душе, и телу великое благосостояние. Стол, начинающийся и оканчивающийся молитвою, никогда не оскудеет, но обильнее источника принесет нам все блага. Не будем же пренебрегать такой пользой. Странно, что слуги наши, получив от нас что-нибудь со стола, благодарят нас и отходят с добрым словом, а мы, наслаждаясь столь великими благами, не воздаем Богу и такой чести. Потому-то у нас и в общественных, и в частных делах многое выходит вопреки ожиданию, что мы не о духовных делах сначала заботимся, а потом уже и о житейских. Или ты не знаешь, что если ты придешь поклониться Богу и примешь участие в здешнем (церковном) занятии, то более легкими станут для тебя и предстоящие (житейские) дела?

Но у тебя есть житейские заботы? Ради них-то и приди сюда, чтобы, привлекши здешним пребыванием благоволение Божие, выйти с безопасностью, чтобы тебе иметь Бога союзником, чтобы с помощью небесной руки стать неодолимым для демонов. Если ты приобщишься духовных молитв, если разделишь общую молитву, если привлечешь Божию помощь, если выйдешь отсюда огражденный Его оружием, то на тебя не посмеет уже взглянуть ни сам диавол, ни злые люди, старающиеся обидеть и оклеветать тебя. Если же ты выйдешь из дому на площадь и окажешься лишенным этого оружия, то будешь легко одолим для всех обидчиков. И пусть не говорят мне, что невозможно человеку мирскому, занятому службой, постоянно молиться днем и бегать в церковь. Возможно, и весьма легко. Если нелегко придти в церковь, то можно помолиться и не оставляя своей службы, стоя там, пред дверьми судилища. И это часто многие делали. Когда начальник внутри (судилища) кричал, грозил, выходил из себя, бесновался, они, оградив себя пред дверьми крестным знамением и помолившись в уме немногими словами, входили и заставляли судию перемениться, укрощали его и делали из свирепого кротким; и ни место, ни время, ни молчание не было для них препятствием к такой молитве. Ведь для молитвы нужно не столько слово, сколько мысль, не столько движение рук, сколько напряжение души, не положение тела, а расположение духа. Так и Анна, мать Самуила, не потому была услышана, что произносила пышные и громкие слова, а потому, что много взывала внутри сердцем. "**Не было слышно голоса ее",** - говорится, и услышал ее Бог (1 Цар. 1:13). Не будем же оправдываться, говоря, что нелегко молиться человеку, который обременен житейскими делами и не находит поблизости молитвенного дома. Где бы ты ни был, ты можешь поставить свой собственный жертвенник; этому нисколько ни место не помешает, ни время не воспрепятствует. Хотя ты не преклонишь колен, не станешь бить себя в грудь, не простреш рук к небу, а покажешь только горячую душу, ты этим исполнишь все нужное для молитвы. Можно ведь и выходя на площадь, и прохаживаясь в одиночку, творить усердные молитвы. Можно и сидя в мастерской, и сшивая кожи вознести душу ко Господу. Можно и слуге, и покупая, и поднимаясь вверх, и сходя вниз, и занимаясь на кухне, когда невозможно пойти в церковь, совершать искреннюю и усердную молитву. Бог не гнушается местом, а требует только одного - пламенного сердца и сосредоточенной души. Так и Павел, не в молитвенном доме, а в темнице распростертый, не прямо стоя и преклоняя колена, - потому что этого не позволяли колодки, в которые забиты были его ноги, - а лежа, помолившись с усердием, потряс темницу, поколебал ее основание, устрашил темничного стража и затем привел его к

святому таинству. Равным образом Езекия, не прямо стоя и не преклоняя колена, а возлежа на постели по причине болезни и обернувшись к стене, с жаром и смиренной душой призвал Бога и тем отменил произнесенный уже приговор, привлек к себе великое благоволение Божие и возвратил себе прежнее здоровье. И разбойник, распростертый на кресте, немногими словами приобрел царствие небесное. И Иеремия в тине и рву, и Даниил во рву и среди зверей, и Иона в самом чреве китовом, призвав Бога, устраняли все угрожающие бедствия и привлекали к себе вышнее благоволение. Что же ты должен говорить, когда молишься? То же, что и хананеянка. Как она говорила: "**помилуй меня… дочь моя жестоко беснуется**" (Мф. 15:22), так и ты говори: помилуй меня, душа моя жестоко беснуется. Грех есть великий бес. Бесноватый возбуждает сострадание, а грешник - ненависть. "**Помилуй меня**": краткое слово, (но оно нашло) море человеколюбия, потому что где милость, там всякие блага. Будешь ли ты вне церкви, взывай и говори: "**помилуй меня**", хотя бы не двигая уст, а взывая умом: Бог слышит и молчащих. Требуется не место, а основа благочестия. Иеремия был в тине и привлек к себе Бога; Иов сидел на гноище и снискал милость у Бога; Иона был во чреве китовом, и Бог внял ему. Хотя бы ты был в бане, молись; где бы ты ни был, молись. Ты - храм Божий; не ищи же места. Море было впереди, позади - египтяне, а посредине - Моисей, ничего не говоривший: великое было затруднение для молитвы. И Бог говорит ему: "**что ты вопиешь ко Мне?**" (Исх. 14:15). Так и ты, когда подвергнешься искушению, прибеги к Богу, призови Владыку. Разве Он - человек, чтобы тебе идти в какое-нибудь место? Бог всегда близ есть. "**Возопиешь, и Он скажет: 'вот Я!'**" (Ис. 58:9). Ты еще не кончил молитвы, а Он дает уже врачество. Если у тебя душа чиста от непристойных страстей, то будешь ли ты на площади, или в пути, или в судилище, или на море, или в гостинице, или в мастерской, - где бы ты ни был, - ты можешь призвать Бога и получить просимое.

Что означает простертие рук во время молитвы? Руки служат орудием при совершении многих злых дел; поэтому самому нам и повелевается простирать их, чтобы служение в молитве было для них препятствием ко злу и воздержанием от пороков; чтобы ты, когда намереваешься похитить, или присвоить чужое, или ударить другого, вспомнил, что ты будешь простирать их как бы ходатаев пред Богом и приносить ими духовную жертву, и не посрамлял их, не делал их безответными чрез служение порочным делам. Итак, очищай их милостыней, человеколюбием, помощью нуждающимся, и тогда простирай их на молитву. Если ты не дозволяешь себе приступать к молитве с неумытыми руками, то тем более ты не должен осквернять их грехами. Если ты боишься меньшего - молиться с неумытыми руками, то тем более страшись большего. Молиться с неумытыми руками не так непристойно; а простирать руки, осквернённые множеством грехов, - это навлекает великий гнев Божий и погибель. Хочешь ли знать, как велика сила молитвы, совершаемой в церкви? Некогда связан был Петр и заключен в крепкие узы. "**Церковь прилежно молилась о нем**" (Деян. 12:5) и тотчас освободила его из темницы. Итак, что может быть могущественнее этой молитвы, которая оказала помощь столпу и оплоту церкви? Оглашаемым еще не дозволяется такая молитва, так как они не получили еще такого дерзновения; но вам повелевается творить моления и за вселенную, и за церковь, простирающуюся до пределов земли, и за управляющих ею, и за предстоящих в ней. И вы охотно повинуетесь, самым делом подтверждая, что велика сила молитвы, единогласно возносимой в церкви народом. Если у людей бывает так, что народ испрашивает преступников, ведомых на смерть, и царь, уступая толпе, отменяет приговор, то тем более царь небесный, умилостивленный вами, исполнит ваше прошение. Не слышали ли вы, как Петр был исхищен из темницы вследствие усердной молитвы о нем церкви? Приступать к Богу и умолять за стольких людей, - насколько, думаете вы, недостаточна для этого наша малость? В самом деле, если я не имею дерзновения молиться о самом себе, то тем более о других; это могут делать люди, заслуживающие всеобщего одобрения. Итак, когда и сам я заслуживаю гнева, то как буду молиться за другого? Одному просить за многих - дело

слишком смелое и требующее большого дерзновения; но многим, сошедшимся вместе, творить молитву за одного - в этом не покажется ничего несообразного. Конечно, можно молиться и дома; но невозможно так молиться, как в церкви, где такое множество отцов, где единодушно возносится глас к Богу. Не так слышит тебя Господь, когда ты молишься сам по себе, как вместе с твоими братьями, потому что здесь есть еще нечто, а именно - единодушие и согласие, союз любви и молитвы иереев. Для того и предстоят иереи, чтобы молитвы народа, как слабейшие, соединяясь с их более сильными молитвами, вместе с ними восходили на небо. Если молитва церкви принесла пользу Петру и освободила этого столпа из темницы, то как же ты, скажи мне, пренебрегаешь ее силой? Подобно тому как сила любви не удерживается расстоянием места, так точно и действенность молитвы; но как первая соединяет стоящих вдали друг от друга, так и последняя может принести величайшую пользу находящимся в отдалении. Моисей, хотя и не присутствовал телом со сражавшимися, однако нисколько не менее, а даже гораздо более их оказал содействие в этом сражении, простертием рук возбуждая силы своих и вселяя страх врагам. Никакой подвиг не может быть достаточно велик, если от него нет пользы другим. Хотя бы ты был постником, хотя бы спал на земле, хотя бы ел пепел, хотя бы непрестанно плакал, но если ты не приносишь пользы никому другому, ты не делаешь ничего великого. Моисей совершил много великих знамений и чудес; но ничто другое не сделало его столь великим, как следующие блаженные слова, сказанные им Богу: "**прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня** " (Исх. 32:32). И Давид, показывая то же самое, говорил: "**вот, я согрешил, я поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они? пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего**" (2 Цар. 24:17). Велики, конечно, и эти деяния, и достойны жизни ангельской; но поступок Павла имеет большое преимущество и пред ними, так как он желал лишиться ради спасения других будущей славы. Между тем Иона за то, что искал своей собственной пользы, подвергся даже опасности смерти, и тогда как град стоял, сам он потопал в морских волнах. Итак, велики и другие подвиги добродетели Моисея, но глава и венец этой святой души в том, что он желал быть изглаженным из книги за спасение иудеев. Но желание Павла превзошло в великой мере и это. Моисей хотел погибнуть вместе с другими, а Павел молился не о том, чтобы погибнуть с другими, а чтобы одному лишиться вечной славы, тогда как другие получат спасение. Итак, хорошо пользоваться молитвой святых, но под условием, если мы и сами бываем деятельны; а если этого нет, то не поможет нам и помощь других; напротив, мы и с нею погибнем. Какую пользу оказал Иеремия иудеям? Не трижды ли приступал он к Богу и трижды услышал: "**не проси за этот народ и не возноси за них молитвы и прошения, и не ходатайствуй предо Мною, ибо Я не услышу тебя**" (Иер. 7:16)? Какую пользу принес Саулу Самуил, до последнего дня скорбя и молясь за него? Какую пользу принес он равным образом и израильтянам? Не говорил ли он: "**и я также не допущу себе греха пред Господом, чтобы перестать молиться за вас**" (1 Цар. 12:23)? Не все ли они погибли? Послушай, что Бог говорит чрез пророка: "**и если бы нашлись в ней сии три мужа: Ной, Даниил и Иов, -- то они праведностью своею спасли бы только свои души**", так как преусилилось нечестие их (Иез. 14:14). Что же? Ужели молитвы не приносят никакой пользы? Приносят, и великую пользу, но тогда, когда и сами мы содействуем. И если хочешь знать, сколь великую приносят они пользу, вспомни Корнилия, Тавифу. Слушай, что и Бог говорит: "**буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего**" (4 Цар. 19:34; Ис. 37:35). Но когда? При праведном Езекии. В противном случае, если бы, т. е., и молитвы великих грешников имели силу, то почему Бог не сказал того же и когда пришел Навуходоносор, но предал город? Потому что усилилось нечестие. Равным образом тот же самый Самуил молился об израильтянах и имел успех. Но когда? Когда и сами они были добродетельны, - тогда они побеждали врагов. Но зачем, скажешь, нужна мне молитва других, когда я сам благоугождаю Богу? Что говоришь ты, человек? Павел не говорил: зачем нужна мне молитва, хотя молившиеся не только не были достойны его, но даже и не равны, а ты

говоришь: зачем нужна мне молитва? Петр не говорил: зачем нужна мне молитва, - ведь говорится: "**церковь прилежно молилась о нем Богу**" (Деян. 12:5), которая [молитва] тотчас освободила его из уз, - а ты говоришь: зачем нужна мне молитва? Потому она и нужна для тебя, что ты считаешь ее ненужной для себя. Если бы Бог испытал Своим судом нашу беспечность и небрежность во время молитвы, испытал, как мы, стоя пред Ним и умоляя Его, не воздаем Ему даже такой чести, какую оказывают слуги господам, воины начальникам, друзья друзьям, потому что, беседуя с другом, ты бываешь внимателен, а обращаясь к Богу с молитвой о грехах, прося о снисхождении к великим своим прегрешениям, испрашивая себе прощение, бываешь рассеян и часто, преклонив колена на землю, позволяешь уму блуждать по площади и вкруг дома, так что уста твои болтают зря и напрасно, - что случается с нами не раз и не два, а сплошь и рядом, - если бы только одно это Бог захотел испытать, то получим ли мы прощение? Можем ли иметь извинение? Не думаю. Если же Бог испытает наши сладострастные лица и находящиеся у нас в душе дурные пожелания, которые возбуждаются скверными и нечистыми помыслами, происходящими от легкомысленного блуждания глаз, если выведет на суд те злословия, которыми мы ежедневно порицаем друг друга, неприличные пересуды, в которых мы осуждаем ближнего, не имея никакого дела, те коварства, которые мы учиняем против друг друга, хваля брата в его присутствии и беседуя с ним как с другом, а в отсутствии порицая, - неужели за это мы не должны дать ответ? А что сказать о зависти, которую мы часто питаем к людям достоуважаемым, - не только врагам, но и друзьям, - о том, как мы радуемся, когда другие терпят бедствия, и считаем чужие несчастья утешением в собственной беде? Если нам заповедуется воздерживаться от житейских благ и тогда, когда они есть, то как оказываемся мы жалки и несчастны, когда просим у Бога того, что Он повелел и имея отвергать? Если нам велено молиться не только за верных, но и за неверных, то подумай, сколь великое зло - молиться против братьев. Что ты делаешь, человек? Приходишь умилостивить Бога, а просишь зла другому? Если ты не отпустишь, не отпустится и тебе; а ты не только сам не отпускаешь, но еще и Бога просишь не отпускать? Если не отпускается тому, кто сам не отпускает, то как отпустится тому, кто еще и Владыку просит не отпускать? Если иметь врагов есть уже преступление, то подумай, какое преступление молиться во вред им. Ты должен просить прощения в том, что имеешь врагов, а ты еще обвиняешь их? И как ты можешь получить прощение, когда обвиняешь других, и при том в такое время, когда сам нуждаешься в великой милости? Ты ведь приходишь молиться о прощении своих грехов: не припоминай же чужих грехов, чтобы не напомнили тебе твоих собственных. Если ты скажешь: порази врага, то заградишь этим свои уста и свяжешь себе язык, во-первых, потому, что в самом начале молитвы ты привел в гнев Судию, во-вторых, потому, что просишь совсем противного форме молитвы. В самом деле, если ты молишься об отпущении своих грехов, то как ведешь речь о наказании? Надлежало бы поступать совсем напротив - молиться и о врагах, чтобы с дерзновением молиться и за себя. Если ты будешь молиться о них, то, хотя бы о своих грехах ты и ничего не сказал, ты все исполнил. Итак, если нет ничего презреннее души, которая в молитве проклинает других, и сквернее языка, произносящего такие проклятия, то почему ты не стараешься всеми силами о том, чтобы не говорить на молитве ничего такого, что прогневляет твоего Владыку? Ты человек, - не изрыгай же яда аспидов. Ты человек, - не будь же зверем. Уста даны тебе не для того, чтобы уязвлять, но чтобы исцелять язвы других. Вспомни, говорит Бог, что Я внушал тебе: оставлять и прощать. А ты и Меня умоляешь быть твоим сообщником в нарушении Моих же повелений и снедаешь брата, обагряешь кровью язык свой, подобно бешеным, которые своими зубами терзают свои же члены. Подумал ли ты о том, как радуется и смеется диавол, когда слышит такую молитву? Подумал ли ты, напротив, как гневается, отвращается и ненавидит Бог, когда ты так молишься? Вспомни, человек, к кому ты приступаешь с молитвой о погибели врагов. Разве ты приступаешь к другому Богу? Ты приступаешь к Тому же, Который сказал: молитесь за врагов ваших (ср. Мф. 5:44). Как же

ты вопиешь против них? Как просишь Бога, чтобы Он нарушил Свой собственный закон? Эта личина неприлична молящемуся рабу: всякий должен молиться не о погибели другого, а о собственном своем спасении. Для чего же ты принимаешь вид молящегося раба, а говоришь как обвинитель? Притом, когда мы о себе молимся, то и почесываемся, и зеваем, и развлекаемся бесчисленными помыслами; а о погибели врагов молимся со всем вниманием. Так как диавол знает, что в это время мы поднимаем меч на самих себя, то он не развлекает и не останавливает нас, чтобы тем больше повредить нам. Но меня, скажешь, обидели и огорчили? Так молись о погибели диавола, который несравненно более всех обижает нас: он-то именно порождает и врагов. Если ты будешь молиться о погибели врагов, то будешь молиться молитвой, которой хочет диавол; напротив, если станешь молиться за врагов, то твоя молитва будет против него. Подлинно, он один - наш непримиримый враг; а человек, что бы он ни делал, остается нашим другом и братом. Итак, зачем же ты, оставив настоящего твоего врага, терзаешь собственные члены? Итак, возлюбленные, зная это, постараемся поступать согласно заповедям и воле Господа, чтобы нам достигнуть и царства небесного во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава и держава, с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Этих слов нет в синодальном переводе.

СЛОВО 3

О покаянии

Для того я часто говорю о покаянии, чтобы ни грешник не отчаивался, ни праведник не думал высоко о себе. Праведник ты? Не падай. Грешник ты? Не отчаивайся. Если каждый день согрешаешь, каждый день кайся. Подобно тому, как в обветшавших домах, когда они сгниют, мы удаляем сгнившие части и заменяем новыми и никогда не оставляем подобных забот, так точно и ты, если обветшал от греха, обновляй себя покаянием. Но возможно ли, скажешь, спастись мне, покаявшись? Вполне возможно. Но я всю жизнь провел в грехах, и если покаюсь, то спасусь ли? Несомненно. Чем это можно доказать? Милосердием Владыки. Не на свое покаяние надейся. Разве твое покаяние может в самом деле очистить такие скверны? Если бы было одно только покаяние, тебе действительно следовало бы бояться; но так как с покаянием соединяется Божие милосердие, то надейся, потому что оно превосходит твою злобу. Многомилосерд Бог, настолько милосерд, что не пощадил даже Единородного, чтобы искупить неблагодарных рабов. Не говори мне: я совершил много великих грехов - как я могу спастись? Ты не можешь, Владыка твой может, и так изглаждает грехи, что не остается даже и следа их. С телами этого не может быть: как бы много ни старался врач, сколько бы лекарств ни прикладывал к ране, - только рана закроется, а шрам остается, и наружным безобразием указывает на бывшую рану. Врач всевозможными средствами старается уничтожить и шрам, но оказывается не в силах, потому что ему противится и слабость природы, и бессилие искусства, и ничтожество лекарств. Когда же Бог изглаждает грехи, то не оставляет ни шрама, не попускает остаться и следу, но вместе со здоровьем дарует и благообразие, вместе с освобождением от наказания дает и оправдание, и делает согрешившего равным несогрешившему. Хотя бы у человека были тысячи ран, но если он покается и сделает что-нибудь доброе, Бог так изглаждает их, что не остается ни шрама, ни следа, ни знака грехов. Итак, что для тела язвы и лекарства, то же самое для души грехи и покаяние. И обрати тщательное внимание на слова мои. Язва и врачество, грех и покаяние. Язва - грех; врачество - покаяние. В язве гной; лекарство обладает силой очищать гной. В лекарстве ли

гной? В язве ли целительная сила? Не имеют ли то и другое своего собственного свойства? Может ли сообщиться первое последнему, или последнее первому? Ни в коем случае. Перейдем теперь к грехам души. Грех соединен со стыдом; покаяние сопряжено с дерзновением. Итак, сатана, зная, что с грехом соединяется стыд, который легко может оттолкнуть согрешающего, а с покаянием соединяется дерзновение, которое может привлечь кающегося, извратил естественный порядок, и стыд придал покаянию, а дерзновение - греху. В грехе он не допускает человеку стыдиться, потому что знает, что если грешник почувствует стыд, то убежит от греха; а в покаянии заставляет его стыдиться, зная, что стыдящийся не покается. Тот, кто раскаялся в совершенных грехах, хотя бы и не показал покаяния вполне соответствующего грехам, тем не менее получит воздаяние и за такое покаяние. Итак, тех, кем не овладел еще порок, увещаю не поддаваться ему, - потому что легче остерегаться от впадения в порок, нежели после впадения освободиться от него, - а тем, кто уже пленен и сокрушен, возвещаю полную надежду на спасение, если только они пожелают поспешить обратиться к покаянию. И добро, и зло, чем долее пребывают с нами, тем становятся сильнее. Так и дерево, только что посаженное в землю, вырывается без труда; а укрепившееся корнями в течение долгого времени - уже нет. И здание, только что утвержденное, легко ниспровергается, если его потревожить; а если оно хорошо укреплено, то доставляет много хлопот желающим разрушить его. И зверя бывает трудно выгнать из тех мест, где ему приятно было оставаться в течение долгого времени. И как горячка сначала не особенно сильно мучит жаждой хворающих ею, а когда усилится и повысит жар, заставляет уже испытывать невыносимую жажду, и хотя бы кто-нибудь дал им без меры напиться, он не потушит, а только разожжет жар, так точно бывает и со страстью: если в самом начале, когда она вторгается в нашу душу, мы не воспрепятствуем ей и не заключим пред нею дверей, то, войдя, она причиняет уже допустившим ее неисцелимую болезнь. Как человек с вялой и беспечной душой, хотя бы получил много времени для покаяния, не сделает ничего великого и не примирит Бога с собою по причине своей беспечности, так, наоборот, человек с бодрой душой и пылающий ревностью, совершающий покаяние с великим старанием, может и в краткое мгновение истребить грехи, совершенные в течение многого времени. А как - послушай. Не трижды ли отрекся Петр? Не с клятвой ли в третий раз? Не убоявшись ли слов ничтожной служанки? Что же? Много ли времени нужно было ему для покаяния? Отнюдь нет. Напротив, в одну и ту же ночь он и пал, и восстал. После этого тяжкого падения - а нет другого греха, равного отречению - покаяние опять возвратило ему прежнюю честь, вверило ему управление церковью по всей вселенной, и - что всего важнее - показало нам, что он имел больше всех апостолов любви к Господу. А что сказать о ниневитянах? Пришел к ним пророк, объявил как бы царское послание - приговор, определявший наказание, и восклицал: "**еще три дня**[1] **и Ниневия будет разрушена**" (Ион. 3:4). Услышали это ниневитяне и не показали неверия и пренебрежения, но тотчас обратились к посту все - мужи, жены, дети; даже и бессловесные не были изъяты от этого общественного подвига; всюду вретище, всюду пепел, всюду плачь и вопли. И сам облеченный диадемой, сойдя с царского престола, разостлал под собою вретище, посыпал себя пеплом. Открылось странное и необычайное зрелище: порфира уступила честь вретищу. В самом деле, чего не в силах была сделать порфира, то могло сделать вретище; чего не совершила диадема, то совершил пепел. Итак, подумаем, какое бремя грехов имеет каждый из нас, и совершим равносильные дела человеколюбия, или лучше - гораздо большие, чтобы не только изгладились наши грехи, но чтобы наши милостыни были вменены нам и в правду. Если добрые дела не будут столь многочисленны, чтобы чрез них и сняты были обвинения, и некоторый остаток вменен был нам в правду, то никто нас не избавит от наказания. Навлекши на себя гнев человека, ты просишь и друзей, и соседей, и придверников, и расходуешь деньги, и тратишь дни на хождение и просьбы, и хотя бы оскорбленный тобою не раз, не два, а тысячи раз отверг тебя, ты не падаешь совершенно духом, а, напротив, делаешься еще

настойчивее и умножаешь свои просьбы; а когда прогневан Бог всяческих, мы зеваем, предаемся беспечности и удовольствиям. Можем ли мы в таком случае когда-нибудь умилостивить Его? Не прогневляем ли, напротив, Его этим самым еще более? Ведь отсутствие скорби о грехах приводит Бога в большее негодование и гнев, чем самое совершение грехов. Не говори: я много согрешил и не могу призвать Бога, гневающегося на меня. Если вдовица преклонила судию, который ни Бога не боялся, ни людей не стыдился, то тем более прилежная просьба умилостивит благого Судию. Следовательно, хотя бы ты не был другом, хотя бы требовал непринадлежащего тебе по праву, хотя бы ты прожил и растратил отцовское наследство и долгое время был вдали от отеческого взора, хотя бы ты пришел к гневающемуся и негодующему на тебя (Богу), - только пожелай возвратиться, и ты получишь все и тотчас погасишь гнев и осуждение. В намерении положено у Бога, братия, долготерпеть грешникам. Он бывает милостив с двоякой спасительной целью: уготовляет чрез покаяние спасение самим грешникам и предуготовляет благодеяние для их потомков, которые будут преуспевать в добродетели. Бог, - повторю опять, - долготерпит, чтобы и сам грешник покаялся, и его потомкам не заключить пути ко спасению. Хотя сам грешник и остается нераскаянным, Бог часто щадит корень, чтобы сохранить плоды, часто, однако, ожидая спасения и самих грешников. А как, слушай: Фарра, отец Авраама, был почитатель и изобретатель идолов; однако не был наказан здесь за свое нечестие, - и справедливо, потому что откуда произрос бы такой плод веры, если бы Бог пресек корень? Что хуже Исава? Что бесстыднее его нечестия? Не он ли был блудодей и сквернитель, как говорит Павел (Евр. 12:16)? Не матереубийца, не отцеубийца ли он? Не убийца ли брата, по крайней мере в мыслях? Не он ли ненавидим был Богом, как свидетельствует Писание, говоря: "**Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел**" (Рим. 9:13)? Если же он и блудник, и братоубийца, и сквернитель, и ненавидим Богом, то почему он не удаляется (из мира), почему не исторгается, почему не постигает его тотчас же достойная кара? Почему? Следует, поистине, указать причину. Если бы Бог погубил его, то мир лишился бы величайшего плода правды, а какого - послушай: Исав родил Рагуила, Рагуил Зару, Зара Иова.

Видишь ли, какой погиб бы цвет терпения, если бы Бог наперед предал казни корень? Итак, никто, пребывающий в пороке, пусть не отчаивается; никто, пребывающий в добродетели, пусть не предается сну. Пусть не полагается слишком на себя ни этот последний, потому что часто и блудница может опередить его, ни первый пусть не отчаивается, потому что он может превзойти и совершенных. Когда мы возвращаемся к ревностной любви к Богу, Он не помнит уже прежнего. Бог не как человек. Если мы раскаемся, Он не укоряет за прошедшее и не говорит: зачем ты столько времени удалялся от Меня? Напротив, Он принимает нас с любовью, когда мы приходим к Нему, если только приходим как должно. Что хуже Манассии? Что, с другой стороны, блаженнее Соломона? И, однако, первый смог умилостивить Бога, а последний, предавшись сну, пал. Потому и Исав не получил прощения, что не раскаялся как следовало: его слезы были слезами не покаяния, а обиды и гнева. Покаялся и Иуда (но не по-надлежащему), потому что удавился. Если же хочешь видеть истинное покаяние, посмотри на покаяние Петра после отречения. Так как он, вероятно, высоко думал о себе, сознавая, что любит Христа больше других, то, выйдя вон, плакал горько; а кроме того, подвергал себя после этого бесчисленным опасностям. Покаялся и блаженный Давид, говоря: "**каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою**" (Пс. 6:7), и давно совершенный грех, после стольких лет, после стольких поколений, оплакивал как бы только что случившийся. Кающийся должен не гневаться и не сердиться, а сокрушаться как виновный, как не имеющий дерзновения, как осужденный, который должен получить спасение по одной только милости, как человек, оказавшийся неблагодарным к благодетелю, отверженный и достойный бесчисленных наказаний. Итак, пусть ни проводящий жизнь на сцене не отчаивается, ни служащий в церкви не полагается на себя,

так как последнему говорит Бог: "**кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть**" (1 Кор. 10:12), а первому: "**разве, упав, не встают?**" (Иер. 8:4). Один должен хранить то, что имеет, другой стать тем, что он не есть; один должен беречь здоровье, другой освободиться от недуга, потому что он страдает им. Одному, следовательно, Он говорит: "**вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже**" (Ин. 5:14), а другому: "**хочешь ли быть здоров?**" восстав, "**возьми постель твою**" и иди в дом твой (ст. 6, 8). Хотя бы ты тридцать восемь лет страдал недугом, как тот расслабленный, но если захочешь стать здравым, - никто не воспрепятствует; только пожелай восстать, только вступи на путь, ведущий сюда, и скоро достигнешь успеха; не заключай лишь дверей, не заграждай входа. Кратко настоящее время, невелик труд; но если бы даже он был и велик, то и в таком случае не следовало бы падать духом. Если ты не потрудишься этим прекраснейшим трудом покаяния, то в будущем мире несомненно испытаешь тяготу и мучительные труды иным образом. Если же и здесь, и там труд, то почему мы не избираем того, который приносит обильный плод и великую награду? Если Бог оказывает нам благодеяния, когда мы недостойны их, и милосердствует к согрешающим, то чего не достигнем мы, какими благами не насладимся, если отстанем от нечестия и будем идти стезей добродетели? Тех, кто имеет ум, привлекают к исполнению заповедей более благодеяния, нежели наказания, Итак, если еще прежде, чем мы показали что-нибудь доброе, лучше же сказать, когда совершили достойное наказания, Бог удостоил нас такого благодеяния, то после того, как мы станем признательны, воздадим Ему благодарность за полученные раньше блага и покажем перемену на лучшее, каких опять щедрот своих Он не удостоит нас? Если мы провинившихся рабов, когда они обещают исправиться, опять допускаем к себе и возвращаем на прежнее место, а часто оказываем им даже еще большее доверие, то тем более сделает так с нами Бог, если мы покажем покаяние, соответствующее грехам. И это видно из случившегося с блаженным Давидом. Он преткнулся и пал, стал виновен в прелюбодеянии и убийстве; но так как после падения он не остался лежать, а опять встал и с помощью Бога вооружился против врага, то и поборол его так доблестно, что и по смерти даже стал покровителем своих потомков. Так Соломону, который совершил великое беззаконие и сделался достоин тысячи смертей, Бог говорит, что ради Давида оставляется ему царство в целости, следующими словами: "**отторгну от тебя царство и отдам его рабу твоему; но во дни твои Я не сделаю сего ради Давида, отца твоего; из руки сына твоего исторгну его**" (3 Цар. 11:11-12). И Езекии, бывшему в крайней опасности, хотя и праведному, опять Он обещал помощь ради того же блаженного: "**буду охранять**", - говорит, - "**город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего**" (4 Цар. 19:34). Как в отношении к тем, которые обнаруживают благородство духа, Бог по присущей Ему благости отменяет свои приговоры, принимает кающихся и освобождает от угрожающего наказания, так, наоборот, когда Он обещает даровать или какие-нибудь блага, или время для покаяния, а видит, что получившие обещания стали недостойными, равным образом отменяет свои обещания. Не так преступно грешить, как оставаться в грехе. Для того ведь Бог и наперед оказывает нам благодеяния, и согрешивших опять удостаивает прощения, и наказаний тотчас не наводит, чтобы всеми средствами привлечь нас к покаянию - и благодеяниями, и долготерпением; а часто и наказаниями, которым Он подвергает одних, хочет побудить к покаянию других, чтобы, вразумившись страхом этих наказаний, они избежали их сами. Ты много согрешил? Остановись же наконец, обратись на противоположный путь, воздай благодарение Богу, что Он не восхитил тебя (из среды живых) при самом совершении грехов, и не желай, чтобы тебе было дано еще время делать зло. Не говори: будет еще время, когда нужно обратиться. Многие похищены были смертью в то самое время, как предавались корыстолюбию, и отошли на явное мучение. Бойся, чтобы и тебе не подвергнуться тому же без всякой надежды на оправдание. Но многим, скажешь, Бог дал время раскаяться и в самой глубокой старости. Что же? Разве и тебе даст? Может быть, даст, - говоришь ты. Что за слова: "может быть", "иногда", "часто"? Подумай только, что

дело идет о душе твоей; представь себе и противное, размысли и скажи: а что, если не даст? А что, - говоришь ты, - если даст? Положим, что и дал бы Бог; но немедленное обращение и безопаснее, и полезнее позднего. В самом деле, если ты уже начал его, то во всяком случае это для тебя полезно, получишь ли или не получишь отсрочку. Если же ты всегда откладываешь, то, может быть, за это самое не получишь. Отправляясь на войну, ты не говоришь: не нужно делать духовного завещания, может быть, возвращусь; собираясь жениться, не говоришь: возьму жену бедную, многие, несмотря и на это, сверх чаяния сделались богатыми; приступая к постройке дома, не говоришь: поставлю на гнилом основании, многие дома и так стояли. А когда дело идет о душе, ты думаешь утвердиться на гнилых опорах, на "может быть", "иногда", "часто", и вверяешь себя неизвестному? Не неизвестному, - скажешь ты, - а Божию милосердию, потому что Бог милосерд. Знаю это и я; однако этот же милосердый исхитил (из среды живых) и тех, о ком я сказал. Хочешь ли знать, как благ наш Владыка? Пришел к Нему мытарь, исполненный бесчисленных пороков, и, сказав только: "**будь милостив ко мне**" (Лк. 18:13), ушел оправданным. И чрез пророка Бог говорит: "**За грех его Я гневался и поражал его**", "**но он, отвратившись, пошел по пути своего сердца**. **Я видел пути его, и исцелю его, и буду водить его**" (Ис. 57:17-18). Что может сравниться с таким человеколюбием? Потому только, что он опечалился, Он простил грехи. А мы даже и этого не делаем, и тем особенно прогневляем Его. Он, умилостивляющийся малым, когда не видит и этого, справедливо гневается и подвергает нас величайшему наказанию, потому что это показывает крайнее небрежение. Кто когда-нибудь скорбел о грехах? Кто воздыхал? Кто бил в перси свои? Я не знаю никого. Люди без конца плачут об умерших рабах, о потере имущества, а погубляя каждый день душу свою, об этом мы и не думаем. Как же ты можешь умилостивить Бога, когда даже и не знаешь, что согрешил? Правда, - говоришь ты, - я грешен. Но это ты говоришь одним языком; скажи же сердцем, и вместе со словом воздыхай, чтобы тебе постоянно быть в добром настроении. Ведь если бы мы скорбели о грехах, если бы воздыхали о прегрешениях, то ничто другое не печалило бы нас, потому что эта скорбь отгоняет всякую печаль. Как птице, попавшейся в сеть, нет никакой пользы от крыльев, и она совершенно напрасно бьет ими, так точно и тебе нет никакой пользы от ума, если ты сильно пленен злой похотью. Если в настоящей жизни мы не желаем даже пред одним опозориться, то что мы станем делать на том свете пред столькими мириадами? Покаянием зовется не то, чтобы отстать только от прежних зол, но чтобы показать и дела добрые: "**уклоняйся", -** сказано, - "**от зла, и делай добро**" (Пс. 36:27). Для здоровья нам недостаточно вынуть только стрелу, а требуется еще приложить к ране и лекарства. Случается, что иной, покаявшись, совершит многие и великие добрые дела, и между тем опять впадет в грех, равносильный этим добрым делам; и этого бывает вполне достаточно, чтобы ввергнуть его в отчаяние, как будто все созданное разрушено, и все труды его были напрасны. Этот помысел следует отогнать и подумать о том, что если мы не успеем заранее запасти добрых дел в мере, равной совершенным после грехам, то ничто не отвратит нашей полной и всецелой погибели. Теперь же (добрые дела), как бы крепкие латы, не допускают острой и губительной стреле делать свое дело, но, будучи сами рассечены ею, защищают тело от великой опасности... Итак, не то бедственно, чтобы сражаясь получить рану, но то, чтобы после поражения отчаиваться и не заботиться о ране. Ни один купец, подвергшись однажды кораблекрушению и потеряв груз, не оставляет мореплавания, но опять переплывает море и обширные бездны и вновь приобретает прежнее богатство. И борцов мы часто видим увенчиваемыми после многократных падений, также и воин, много раз обращавшийся в бегство, наконец оказывается героем и побеждает врагов. Даже многие из отрекшихся от Христа по страху мучений опять вступали в борьбу и уходили украшенными венцом мученичества. Но если бы каждый из них после первого удара предался отчаянию, то не получил бы последующих благ. Да сподобимся же их все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

[1] В синод. переводе "сорок дней".

СЛОВО 4

О посте и целомудрии

Хочешь ли знать, какое украшение для людей пост, какая он оборона и защита? Подумай о блаженном и чудном роде монашествующих. Они, убежав от мирского шума и востекши на вершины гор и построив кельи в тишине пустыни, как в некоей спокойной пристани, взяли себе пост в товарищи и сообщники на всю жизнь. Зато он и сделал их из людей ангелами; да и не их одних, но и кто в городах соблюдает его, - всех возводит он на самую высоту любомудрия. Пост и ныне собрал нас в отеческий дом; он и сегодня привел в материнские объятия тех, которые доселе были ленивы. Если же он, только еще ожидаемый, внушил нам столько ревности, то сколько благочестия произведет он в нас, когда явится и наступит? Если бы Адам послушался этого голоса[1], то не услышал бы другого: "**прах ты и в прах возвратишься**" (Быт. 3:19). Но так как он не послушал того голоса, то за это (постигли его) смерть, печаль, заботы и жизнь, тягостнейшая всякой смерти. И как за презрение к себе пост наказал презрителя смертью, так, напротив, за уважение отвратил смерть. Так, когда великий и дивный город ниневитян лежал уже поверженный долу, склонив голову к самой пропасти, и готов был принять направленный сверху удар, пост, как некая слетевшая свыше сила, исторг его из самых рук палача и возвратил к жизни. Посмотрим же, как постились ниневитяне и как избавились от угрожавшего гнева. "**Чтобы ни люди**", - говорится, - "**ни скот, ни волы, ни овцы ничего не ели**" (Ион. 3:7). Что ты говоришь, скажи мне? И бессловесные постятся, и лошади и мулы покрываются вретищем? Да, говорит. Как по смерти богатого человека родственники одевают во вретище не только рабов и рабынь, но и коней, и заставляют следовать за гробом, чтобы этим выразить тяжесть потери и возбудить во всех сожаление, так и тогда, когда городу угрожала гибель, жители облекли во вретище и бессловесную тварь и наложили на нее иго поста. Бессловесных, говорили они, нельзя вразумить о гневе Божием словом, пусть же они вразумятся голодом, потому что если они должны разделить с нами наказание, то пусть разделяют и пост. Если же некоторым из присутствующих здесь телесная немощь препятствует предаваться посту, то таких я убеждаю и облегчать телесную немощь, и не лишать себя этого духовного наставления, но потому-то самому и показывать тем большее рвение. В самом деле, воздержание от пищи Бог повелевает для того, чтобы мы обуздывали порывы плоти и делали ее послушным орудием для исполнения заповедей. Если же мы, по причине телесного недуга, не воспользуемся помощью поста и покажем еще большую беспечность, то причиним себе величайший вред. Если и пост, не сопровождаемый добрыми делами, не приносит нам никакой пользы, то тем более (мы подвергнемся осуждению), если мы, не будучи в состоянии воспользоваться врачеством поста, покажем еще большее нерадение к исполнению заповедей. Если занимающиеся мирскими делами никогда не решатся взяться за дело, не определив наперед приносимой им прибыли, то тем более нам следует так делать: не просто лишь проходить седмицы поста, а исследовать свою совесть, испытывать помыслы и замечать, что мы успели сделать на этой неделе, что на другой, что нового предприняли достичь на следующую и от каких исправились мы страстей. Если мы не будем управлять себя таким образом и показывать такую заботливость о своей душе, то нам не будет никакой пользы от поста и воздержания, которым мы подвергаем себя. Итак, если ты по телесной немощи не можешь целый день оставаться без пищи, то никто здравомыслящий не может порицать тебя за это. Мы имеем кроткого и милостивого Владыку, Который не

требует от нас ничего сверх силы. Ведь Он требует от нас не просто лишь воздержания от яств и поста, и не для того, чтобы мы оставались только без пищи, а для того, чтобы мы, удаляясь от мирских занятий, весь досуг употребляли на духовные. Если бы мы с трезвящейся душой вели свою жизнь, обнаруживали все усердие к делам духовным, принимали пищу для того лишь, чтобы удовлетворить необходимой потребности, и проводили всю жизнь в благих делах, то для нас не было бы нужды и в помощи поста. Но так как природа человеческая беспечна и склонна более предаваться удовольствию и распущенности, то человеколюбец-Господь, как нежно любящий отец, изобрел для нас врачество поста, чтобы истребить в нас и соблазны удовольствия, и заставить нас переносить заботу о мирских делах на делание духовное. Однако есть много людей, которые, готовясь сражаться с постом, как бы с диким зверем, ограждают себя объедением, и, до крайности обременив и омрачив себя, весьма неразумно встречают тихое и кроткое лицо поста. И если я спрошу тебя: для чего ты сегодня идешь в баню? - ты скажешь: чтобы с чистым телом встретить пост. А если спрошу: отчего упиваешься? - ты опять скажешь: оттого, что готовлюсь вступить в пост. Но не странно ли этот прекраснейший пост встречать с телом чистым, а с душой нечистой и опьяненной? Приучимся же вкушать пищу в той лишь мере, в какой нужно для поддержания жизни, а не переполнять и отягощать себя яствами. Не для того явились мы на свет и живем, чтобы есть и пить, а для того едим, чтобы жить; не жизнь ради пищи, а пища ради жизни создана была изначала. Жизнь, братия, соразмерена не с удовольствием, а с необходимостью. Итак, отвергнув все излишнее для природы, будем довольствоваться одним только необходимым. Что может быть святее той трапезы, где изгнаны пьянство, объедение и всякое излишество, а вместо того введено некое чудное соревнование в охранении законов Божиих; где муж наблюдает за женой, чтобы она не впала в бездну клятвопреступления, а жена оберегает мужа, и преступнику угрожает тягчайшим наказанием; где господин не стыдится ни принимать обличение от рабов, ни сам исправлять своих слуг? Не погрешит тот, кто назовет такой дом церковью. Где господствует такое воздержание, что даже в часы удовольствия все присутствующие заботятся о законах Божиих, все состязаются и соперничают в этом друг с другом, там очевидно изгнана всякая злая сила демонов, и в прекрасном соревновании рабов присутствует Христос. Но с пороком, говоришь ты, соединено много удовольствия, а с добродетелью - великий труд и усилие. Но какая же была бы тебе благодарность, за что бы ты получил награду, если бы дело не было соединено с трудом? В самом деле, я могу указать много людей, которые по природе гнушаются общения с женщинами; назовем ли мы их поэтому целомудренными или признаем ли достойными венцов? Ни в коем случае, - потому что целомудрие есть воздержание и победа над искушающими нас удовольствиями. Часто волны страстей, превосходящие своей свирепостью морские волны, нападают на нашу душу и производят в ней большое смущение. Человек беспечный и нерадивый, когда начинается буря, тотчас же приходит в смущение и смятение, и смотрит со страхом, как душа терпит крушение и потопляется страстями; напротив, сильный и мужественный человек, поставив, как бы кормчего у руля, разум над страстями, не перестает принимать все меры, пока не направит ладью в тихую пристань любомудрия. Не будем же расслаблять свою крепость и разрушать свои силы беседами с женщинами, потому что отсюда происходит невыразимо великое зло для душ наших. А что (сказать), если мы даже и не чувствуем этого, опьяняемые пристрастием? Это-то и ужаснее всего, что мы даже и не сознаем, как расслабеваем и делаемся мягче всякого воска. Как если кто, поймав гордого и грозного льва, отрежет у него гриву, вырвет зубы и острижет когти, - делает презренным, смешным и даже для детей одолимым того, кто был страшен, неприступен и все потрясал одним рычанием, - так точно и женщины, кого привлекут к себе, всех делают удобоуловимыми для диавола, изнеженными, раздражительными, бесстыдными, безрассудными, гневливыми, дерзкими, непристойными, неблагородными, жестокими, раболепными, подлыми, наглыми,

болтливыми, и, вообще, все женские дурные нравы передают и внедряют в их душу. Невозможно, чтобы живущий так сочувственно с женщинами и питающийся беседами с ними не был сплетником, болтуном и легкомысленным, станет ли он говорить о чем-нибудь, все он будет говорить насчет пряжи и тканей, потому что язык его заражен свойством женских речей; станет ли делать что-нибудь, сделает с великим раболепством, потому что он далеко уклонился от свойственной христианам свободы и стал неспособен ни на какое великое дело. Итак, если ты воочию хочешь доказать нам, что ты не находишь удовольствия говорить срамные речи, то не дозволяй себе и слушать их. Теперь же будешь ли ты когда-нибудь в состоянии понести труды ради целомудрия, когда постепенно расслабляешься смехом и этими срамными речами? Ведь даже и чистая от всего этого душа едва только может быть святой и целомудренной. И пусть не говорят мне: я не могу спастись, если не откажусь от жены, если не откажусь от детей, если не откажусь от дел. Разве брак служит препятствием? Жена дана тебе в помощницы. Разве он (брак) враг? Не зазорен брак, а блуд - зло. Я своей собственной погибелью ручаюсь тебе в твоем спасении. Если жена твоя порочна, не представляй этого в свое извинение. И у Иова жена была нечестива и порочна и побуждала его на богохульство. Что же? Поколебала ли она твердыню? Сокрушила ли адамант? Осилила ли скалу? Нисколько; напротив, она нанесла удар, а твердыня стала еще крепче; плод был сорван, а дерево не поколебалось; листья опали, а корень остался недвижим. Как кормчий, произведший крушение в самой пристани, не заслуживает никакого снисхождения, так и человек, огражденный браком, если он разрушает чужие браки или смотрит с вожделением на какую бы то ни было женщину, не заслуживает ни пред людьми, ни пред Богом никакого извинения, сколько бы он ни ссылался на требование природы. В самом деле, какое может быть удовольствие от такого плотского пожелания, когда человек чувствует страх, тревогу и опасение, боится суда и ответа, представляет себе гнев судии и меч палача, яму и темницу? Ведь такой человек пугается даже теней, опасается самых стен и камней, как будто имеющих голос, всего трепещет и боится, и терзает душу ожиданием всяких ужасов. Таким образом, не помеха брак для целомудрия, а скорее ограждение для него. Девство, ведь, столь великое дело, и требует такого труда, что Христос, сойдя с неба для того, чтобы сделать людей ангелами и здесь насадить вышний образ жизни, не решился даже и при такой цели предписать его и возвести на степень закона; и несмотря на то, что дал закон умирать за Него, - а что могло бы быть тяжелее этого? - постоянно распинать себя и благотворить врагам, девства тем не менее не узаконил, но предоставил на произволение слушателей, сказав: "**кто может вместить, да вместит**" (Мф. 19:12). Велико, действительно, бремя этого дела, и весьма обрывисто место этой добродетели. И это доказывают те, которые процветали многими добродетелями в ветхом завете. Так даже великий Моисей, глава пророков, приискренний друг Божий, имевший такое дерзновение, что мог исторгнуть от ниспосланного Богом поражения шестьсот тысяч подлежавших наказанию, - этот столь великий и славный муж, несмотря на то, что приказал морю и разделил воды, расторгнул скалы, изменил воздух, нильскую воду превратил в кровь, изменил всю тварь, совершил другие бесчисленные чудеса и представил много примеров добродетели, - даже и он был не в силах обратить взор на эти состязания, а нуждался в браке и проистекающей отсюда безопасности, даже и он не отважился пуститься в море девства, боясь несущихся оттуда волн. Равным образом и патриарх, приносивший в жертву сына, был в состоянии преодолеть властнейшее чувство природы, мог убить сына, и при том сына - Исаака, в самом цветущем возрасте, в самую лучшую пору юности, единородного, возлюбленного, данного ему вопреки всякой надежде, и его-то был в силах возвести на гору, извлек нож и вонзил его в гортань сына, - он именно (в намерении) и вонзил нож, и обагрил кровью, - и все же, оказавшись в состоянии довести до конца столь великий и славный подвиг, выступив из границ самой природы, он не отважился приступить к подвигам девства, но убоялся и сам этих состязаний, и предпочел покой, какой дает брак. Точно также и праведный Иов, который, терпя удары и не нанося ударов, сокрушил уста диавола и

выдержал всякий вид искушений, и каждый - в самой крайней степени, - ведь все, что в жизни кажется печальным и в действительности является таковым, излилось на одно тело и обрушилось на одну его душу, - даже и этот, столь великий и славный муж, поправший столько законов природы, не осмелился устремиться на это состязание, а насладился и жизнью с женою, и сделался отцом многих детей. Нигде безбрачия не узаконил Бог, Которому подобает слава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Т. е. заповеди не вкушать от древа познания добра и зла.

БЕСЕДА 5

О счастье и несчастье

Многие люди думают, что когда они богатеют, когда пользуются славой, когда у них все идет успешно, когда они побеждают врагов, тогда помнит о них Бог; поэтому они не знают и того, когда Бог позабывает о них. Не зная признака памятования Божия, они не знают и признака забвения. Памятование Божие о нас происходит ни от чего другого, как от усердного упражнения в добродетели; равно и забвение ни от чего другого, как от пребывания во грехах. Поэтому и ты, человек, когда находишься в несчастье, не говори: забыл меня Бог; напротив, - когда ты находишься во грехах, и тогда особенно, когда все идет у тебя успешно. Трезвая и бодрствующая душа показывает свое благородство не только тогда, когда дела идут успешно, но и в случае злоключений воздает одинаковую благодарность Богу, нисколько не ослабевая вследствие перемены обстоятельств. Как многоводный поток, принимая приток, образует пузыри, из которых одни лопаются тотчас же, а другие, хотя и значительно вздуваются, также впоследствии лопаются, так точно и море настоящей жизни: одних поглощает, едва лишь они явятся, а других, у кого хватает сил на более продолжительное время, - и их потопляет. И что ты смущаешься, говорит, если один исторгнут, а другой введен в мир? Христа распинали, а разбойника Варавву просили освободить; убийца был предпочтен Спасителю. Когда случается перемена к худшему, тогда снимаются маски льстецов; тогда изобличается толпа лицемеров и их притворство; все уста открываются, говоря: презренный, мерзкий, подлый, не ты ли вчера льстил ему, не ты ли лобызал его руки? То была личина; пришло время, и я сбросил личину и открыл свои мысли. Многие сострадают друзьям, когда они терпят несчастия; но радоваться с ними, когда они пользуются славой, не могут. Действительно, радоваться с радующимися не только не малая добродетель, но даже и гораздо большая, чем плакать с плачущими (Рим. 12:15) и защищать в опасностях. Многие разделяли опасности вместе с терпевшими опасности, но находившимся в счастье не сорадовались, а, напротив, даже огорчались; и, таким образом, выдержав более тяжкое, оказывались бессильными на более легкое. Подлинно, ничто не делает людей так неразумными и преступными, как привязанность к славе, и ничто не делает так досточтимыми и твердыми, как презрение к ней. Потому-то и нужна весьма мужественная душа тому, кто хочет устоять против столь сильного порыва и напора ветра. Когда человек, привязанный к славе, благоденствует, он считает себя выше всех других; когда же терпит противное, готов зарыть себя в землю, будучи поглощаем печалью. Три отрока были ввергнуты в печь и, несмотря на это, не забыли благочестия. Потому-то огонь сделался для них стеной, пламень - одеждой, печь - источником; приняв их связанными, она возвратила их разрешенными; приняла тела смертные и не коснулась их, как бессмертных; не познала природы, но почтила благочестие. Мучитель связал ноги, а ноги связали силу огня. О, дивное чудо! Узников разрешил пламень и сам затем был связан узниками. Благочестие отроков изменило природу вещей, а лучше сказать - не природу

изменило, но, - что еще удивительнее, - не изменяя природы, остановило ее действие: оно не угасило огня, а заставило его, и горя, не оказывать своей силы. И, что дивно и чудно, - это случилось не только с телами святых, но и е одеждами их. Как у апостолов одежды Павла прогоняли болезни и демонов, и тень Петра обращала в бегство смерть, так и здесь обувь этих отроков угасила силу огня. Не знаю, как и сказать, потому что чудо превосходит всякое слово. Огонь и угасал, и не угасал. Когда прикасался к телам святых отроков, он угасал; а когда надобно было расторгнуть узы, не угасал; узы расторг, а пят не коснулся. Видишь, какая близость, и не ошибся огонь, и не дерзнул пройти дальше уз? Для чего же мучитель связал их, намереваясь ввергнуть в огонь? Чтобы чудо было величественнее, чтобы знамение было удивительнее, чтобы ты не принял видимого за обман глаз. Если бы этот огонь не был огнем, то он не истребил бы уз, не попалил бы (воинов), сидевших вне печи. Теперь же на бывших в печи он показал свою силу, а на бывших внутри обнаружил покорность. И когда мучитель увидел, что отроки не потерпели никакого вреда, послушай, как он переменился. "**Рабы Бога Всевышнего!**" - говорит, - "**выйдите и подойдите!**" (Дан. 3:26). Незадолго пред тем он говорил: "**и тогда какой Бог избавит вас от руки моей?**" (ст. 15)? Что же случилось? Откуда такая перемена? Ты увидел, как погибли бывшие вне печи, и зовешь находящихся внутри? Откуда напало на тебя такое любомудрие? Видишь, какая перемена произошла с царем? Для того и попустил Бог быть всему, чего хотел мучитель, чтобы показать, что тем, кого Он охраняет, никто не может повредить. То же самое сделал Он и с Иовом. Он попустил диаволу выказать всю свою силу, и когда он истощил все стрелы, и уже не оставалось никакого рода козней, тогда-то и вывел подвижника с поприща, чтобы победа была славна и несомненна. И блаженный Павел, просветивший всю вселенную, некогда, во время призвания, был ослеплен; но его ослепление стало просвещением для вселенной. Так как он смотрел худо, то Бог хорошо ослепил его, чтобы он прозрел с пользой; и так как он чрезмерно гнал церковь и был очень силен и неукротим, то на него налагается сильнейшая узда, чтобы он, увлекаемый порывом своей страсти, не пропустил мимо слуха сказанного ему, а также узнал, что с Кем он борется, от Того не может перенести не только наказания, но даже и благодеяния, так как не мрак ослепил его, но избыток света омрачил его. А что сказать о Петре? Говорится, Иисус "**войдя в одну лодку, которая была Симонова**", "**просил его отплыть несколько от берега**" (Лк. 5:3). Видишь, как входит в корабль не имеющий нужды в корабле, чтобы уловить господина корабля? В самом деле, почему Господь просит Симона? Почему Симон, протрудившись всю ночь и ничего не поймав, оставался без дела? Он весьма досадовал, пустыми руками вымывая сети и присоединяя труд к труду; и так как ничего не мог прибрести, был печален. Поэтому Господь, посмотрев на его опечаленное лицо, говорит ему: ссуди мне, рыбарь, на краткое время челнок твой, чтобы с него поучить Мне народ, который, как ты видишь, следует за Мной. Симон же, еще погруженный в печаль от неудачи, говорит Господу: откуда явился ты, человек? Что ты беспокоишь меня? Поищи другой челнок, если хочешь оставаться на озере. Видишь, что я печален, так как у меня недостает хлеба, а ты обещаешь дать взамен слово Божие? Я не вижу, где бы занять денег, чтобы накормить свою тещу и жену, а предоставлю тебе челнок, чтобы напрасно трудиться и день, как трудился ночь? Если представишь плату за перевоз, входи в мой челн; если же не внесешь, то уходи, прошу тебя, потому что меня питает дар, а не слово. Не ропщи, Симон, отвечает ему Господь; поистине, ты говоришь как корабельщик; не считай Моего присутствия лишением для тебя; оно доставит скорее обилие, чем оскудение. Услышав это и несколько просветлев лицом от надежды получить награду, Симон принимает Господа в корабль. Иисус же, говорится, "**сев, учил народ из лодки**" (Лк. 5:3). Симон же, слушая учение, начал роптать, говоря себе: от этого ли ожидать мне получить награду? И в ночь я потерпел неудачу; и кто же встретился мне сегодня? Этот, который говорит о нестяжательности, учит, чтобы никто ничего не имел; может быть, Он хочет, чтобы я продал и мой челн, чтобы раздать все бедным. И я жду от Него получить награду? Затем, подойдя к Господу, говорит: слова

твои прекрасны, и речь твоя приятна, и учение твое достойно почтения; однако исполни наш договор. И Господь говорит Симону: ты хочешь получить от Меня плату? Отплыви на глубину, и закиньте сети ваши для лова. А Симон Господу: ужели опять мне ловить, закидывать сети и предпринимать труд? О, если бы и ночь не осязал я пустыми руками! Разве ты опытнее меня в искусстве плавания? Или чем-нибудь владеешь в сокровенной глубине? Можешь быть учителем; но разве ты и рыболов? Уйди от меня. Вижу, что ты ничего не можешь заплатить. Что я трачу время? Не заявил ли я об этом тебе с самого начала? Тогда Господь Симону: не смотри на Меня, Симон, как ничего неимущего; не на руки Мои или пазуху обращай взор; не в руках, а в устах Моих я ношу твою плату. Отплыви на глубину, и закиньте сети ваши для лова. Но тот отвечает: "**Наставник! мы трудились всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть. Сделав это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась**" (Лк. 5:5-6). О, дивное дело! Не оставляет Петра забота. Разрывались сети, а он смотрел на Христа, думал о рыбах и размышлял о чуде. Он не в силах был извлечь груза и позвал помощников. Находившиеся в другом корабле, где были Иаков и Иоанн, пришедши, начали собирать рыб, и чем больше собирали, тем больше последние умножались. Рыбы спешили друг пред другом исполнить Владычнее повеление: малые перегоняли больших, средние опережали более крупных, большие перескакивали чрез малых; они не ждали рук ловцов, а сами прыгали в лодку. Дно озера опорожнилось; ни одна рыба не хотела оставаться внизу, и, так как сети прорвались, одни сами прыгали в лодку, а другие оставались около сетей, стремясь быть уловленными и не желая оставаться вдали от них. Что же Симон? Под впечатлением двух обстоятельств - безуспешного ночного лова и успешного лова днем по слову Иисуса, он, видя это, припал к ногам Господа со словами: "**выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный**" (Лк. 5:8): я узнал наконец, кто Ты. Никогда не видел я такого лова рыб. Обычно, Владыка, рыбы заключаются внутри невода; а я вижу противоположное свершившееся чудо: извне рыбы одолевают невод. Удержи, наконец, божественное твое повеление, оставь озеру хотя бы двух рыб для развода. "**Выйди от меня, Господи!**"; не Тебя отвергаю, а себя самого признаю недостойным. "**Выйди от меня… потому что я человек грешный**". Что же Иисус?"**Не бойся**", Петр, "**отныне будешь ловить человеков**" (ст. 10). О, могущество Господа! О, благоразумие Петра! Лишь только услышал, как тотчас же повиновался. Ни рыб не продал, ни с женою не простился, а выведя челн на землю, оставил все и последовал за Христом. Так и Лазаря богач увидел на лоне Авраама, чтобы как первому причиняло тягчайшую пытку то, что он лежал у ворот богача и видел чужие блага, так и последнему теперь причиняло наказание, тягчайшее самого пребывания в геенне, то, что он видел блаженство Лазаря, - чтобы не только по свойству самых мучений, но и по сравнению с наградой Лазаря он терпел жесточайшее наказание. И как Адама, извергая из рая, Бог поселил против рая, чтобы постоянный вид последнего, обновляя чувство скорби, заставлял его сильнее чувствовать лишение райских благ, так и богача Он поместил против Лазаря, чтобы видеть, каких он лишился благ. Но почему богач обратился с просьбой не к Лазарю, а к Аврааму? Он стыдился и смущался, и по собственному опыту думал, что тот непременно помнит обиду. Если я, рассуждал он, пользуясь таким богатством, без всякой для меня обиды, презрел человека, находившегося в столь бедственном положении, и не уделял ему даже крох, то тем более он, столь презренный мною, не окажет мне снисхождения. Поэтому он обратился к Аврааму, который, как он думал, не знал происшедшего, не ведая, что патриарх говорил не от себя, а изрекал ему Божии законы, и просил перста того, кого он часто предоставлял языкам собак. Но посмотри на снисходительность праведника. Он не сказал: бесчеловечный, жестокий, нечестивый, столько зол попустил ты терпеть человеку, а теперь вспомнил о человеколюбии, о милосердии и снисхождении? И ты не стыдишься и не краснеешь? Ничего такого не сказал он, а что? "**Чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей**" (Лк.16:25). Не смущай, говорит, опять смиренную душу; достаточно для

него наказания, не будем ругаться над его злоключениями. Что могу, говорит, то я даю тебе; но перейти отсюда туда, - это не в нашей власти. Послушаем, что говорит богач Аврааму. "**Отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем**" (ст.24). Итак, почему он умоляет не Лазаря, а патриарха? Вполне естественно, - на бедняка он не осмеливался и взглянуть. Вспоминая свою бесчеловечность и жестокосердие, которое он обнаружил в отношении к Лазарю, он предполагал, что тот, может быть, не удостоит его и ответом. Поэтому он и обращается с просьбой не к нему, а к патриарху. Но, несмотря и на это, он не достиг ничего. Видишь ли, каким почетом и достоинством пользуется тот, кто лежал у ворот, презренный нищий, постоянно боровшийся с голодом, покрытый ранами, которые лизали собаки? С удовольствием я постоянно говорю об этом, чтобы никто из находящихся в бедности или терпящих болезни и голод не считал себя несчастным, но, перенося все с терпением и благодарностью, питался благими надеждами и ожидал будущих неизреченных наград и воздаяний за труды, - коих все мы да сподобимся получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому подобает слава, держава, честь и поклонение, с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 6

Об учении и наставлении

Недавно мы говорили против тех, которые оставляют молитву и в часы, назначенные для нее, проводят время вне церкви; а сегодня я хочу обратиться с обличением к находящимся в церкви, не потому, что они находятся здесь, а потому, что присутствуя здесь, они ведут себя ничем не лучше проводящих время вне церкви, именно разговаривая в этот страшный час друг с другом и невнимательно относясь к божественным словам. Что ты делаешь, человек? Не видишь ли, сколько узников из братьев твоих стоит здесь вблизи? В самом деле, действие демонов представляет мерзкие и тяжкие узы, тягостнейшие всякого железа, а ты разговариваешь о вещах совсем неподобающих? Не достаточно ли одного только взгляда, чтобы поразить тебя страхом и внушить сострадание к другим? Брат твой в узах, а ты предаешься беспечности? Скажи мне, можешь ли ты получить прощение, будучи так чужд сострадания, так бесчеловечен, так жесток? Ты не хочешь пожалеть брата? Побойся хотя бы за самого себя и воспрянь. Ужели ты не боишься, что в то время, как ты занимаешься разговорами, ведешь себя беспечно и рассеянно, какой-нибудь демон нападет на тебя и, найдя твою душу, как бы храмину без двери, незанятую и выметенную, войдет в нее с полной безопасностью? Не должны ли бы в этот час все проливать источники слез, не должны ли бы у всех глаза быть орошенными, и плач и вопли слышаться по всей церкви? После приобщения тайнам, после восприятия купели крещения, после сочетания с Христом, волк этот ухитрился похитить из стада агнцев и удержать у себя, и ты, видя такое несчастье, не плачешь? Может ли это заслуживать какого-нибудь извинения? Если бы ты увидел, что загорается дом соседа, то, скажи мне, хотя бы этот сосед был неприязненнее тебе всех людей, не побежал ли бы ты потушить пожар, боясь, чтобы огонь, распространяясь дальше, не дошел и до твоего порога? Так поступай и с братьями, которым угрожают злые демоны. Ведь и действие демонов есть тяжкий пожар. Берегись же, чтобы, идя далее и далее, демон не захватил и твоей души. И когда ты заметишь его присутствие, то с великим рвением притеки к Господу, чтобы демон, видя твою пламенную и бодрствующую душу, понял, что сердце твое уже недоступно для него. Если он увидит тебя сонливым и беспечным, то быстро войдет как в свободное пристанище; а если увидит, что ты напрягаешь все свои силы, бодрствуешь и держишься как бы за самое небо, то не посмеет уже и взглянуть на тебя. Итак, если уже ты презираешь братьев, то пощади хотя бы самого себя, и загради лукавому демону вход в

душу твою. Подлинно, ничто так не преграждает ему путь к нам, как усердная молитва. А если ты хочешь знать, какое великое благо заключается в том, чтобы вместе с собственным своим спасением приобрести и другого, то послушай, что говорит пророк от лица Бога: изводящий "**драгоценное из ничтожного, будешь как Мои уста**" (Иер. 15:19), то есть, кто приводит, - говорит, - ближнего от заблуждения к истине, или от нечестия к добродетели, насколько это в силах человеческих, тот подражает Мне. Если Христос, будучи Богом, будучи причастником неизреченного божественного существа, восприял крест и потерпел все прочее, свойственное человеку, ради нас и нашего спасения, то чего не обязаны оказать мы в отношении к тем, которые имеют одинаковую с нами природу и суть члены наши, чтобы похитить их из пасти диавола и привести на путь добродетели? Если на обычных пиршествах бывает так, что участвующие сохраняют часть кушаний для своих близких и друзей, представляя этим величайший знак своей любви к ним, то тем более заслужим мы высокую похвалу, если будем поступать так на пиршествах духовных. Тот, кто ревностно занимается научением ближнего, не столько оказывает благодеяние последнему, сколько себе самому предуготовляет большую награду и приобретает двойную пользу, именно: и от Бога получает большее воздаяние, и сам, когда принимается учить брата, начинает вспоминать и постоянно освежать в памяти свои слова. Если тот, кто, поставив портрет умершего сына, или друга, или родственника, чрез этот бездушный портрет представляет себе умершего и думает, что он присутствует, то тем более мы чрез божественные писания наслаждаемся присутствием святых, имея пред собою изображение не тел, а самых душ их, потому что слова их служат образами душ их. Подобно тому, как врачи не заставляют приносить больных, пригвожденных к постели, к себе домой, а сами приходят к ним для излечения болезней, так точно делай и ты по мере своих сил: приложи всякое старание и попечение, чтобы восстановить братьев твоих, немощствующих душой, помня то, что кратка настоящая жизнь. И если мы не сделаем таких приобретений, то не получим и там никакого спасения. Напротив, одна приобретенная душа часто может снять с нас бремя бесчисленных грехов и стать для нас искупительной жертвой в день последнего суда. Если Тавифа, одевавшая вдовиц и облегчавшая их нужду, возвратилась от смерти к жизни, и слезы тех, кому она оказывала сострадание, возвратили в тело отошедшую душу, когда еще не настало воскресение мертвых, то чего не сделают слезы людей, которые спасены тобою? Как вдовицы, окружавшие Тавифу, возвратили ее от смерти к жизни, так и спасенные тобой здесь, окружая тебя тогда, привлекут на тебя великое милосердие Божие и исхитят тебя из геенны огненной. В самом деле, если там, где только трата денег, столько венцов, такая награда, такое воздаяние, то как же многочисленны будут блага за помощь, оказанную душе? Никто не может успеть в деле собственного спасения без спасения своего ближнего. Потому и Павел говорит: "**никто не ищи своего, но каждый [пользы] другого**" (1 Кор. 10:24), зная, что собственная выгода заключается в пользе ближнего. Как обидчики и корыстолюбцы, увидев на том свете тех, которые пострадали от них, - а они увидят непременно, как это ясно из притчи о богаче и Лазаре, - будут не в состоянии ни открыть уста, ни сказать что-нибудь в свое оправдание, но, исполненные великого стыда и отчаяния при виде их, пойдут на казнь, так и те, кто учит и наставляет других, увидев там ими спасенных, которые будут защищать их, исполнятся великого дерзновения. И пусть никто не говорит мне: что у меня с ним общего? он мне чужой и неизвестен. Доколе он остается верным, участвует вместе с тобой в одних и тех же таинствах, ходит с тобой в одну и ту же церковь, - он родственнее тебе всех братьев и сродников. Подобно тому, как не только крадущие, но и те, которые в силах помешать им, но не делают этого, терпят одинаковое наказание, так точно не только нечестивые, но и те, которые могут, но не хотят отвлечь их от нечестия, подвергнутся одному и тому же наказанию. Пусть же каждый из вас приобретет опять одного из братьев, с усердием потрудится над ним, займется его делами, чтобы в следующее собрание нам придти с великим дерзновением, неся Богу дары, ценнейшие всех даров - души заблудившихся. И если придется

подвергнуться оскорблениям или побоям, или потерпеть что бы то ни было другое, все сделаем, чтобы только опять приобрести их. Ведь и больные часто наносят побои и оскорбления, и однако мы терпим их и не обижаемся на оскорбительные слова, а желаем только одного - видеть здоровым того, кто так непристойно ведет себя. Итак, не безрассудно ли, имея в виду телесное здоровье, обнаруживать такую заботливость, а когда гибнет столько душ, оставаться беспечными и думать, будто мы не терпим никакой опасности, когда гниют наши члены? Что делаешь ты, человек? Ты, скажи мне, видишь брата, который стремится в пропасть, оставил заботу о спасении, не знает, что нужно делать, - и не протягиваешь руки, не порицаешь, не обличаешь его? Желаешь лучше не навлечь на себя его гнева, не показаться ему неприятным, чем позаботиться о его спасении? Будешь ли ты иметь какое-либо прощение у Бога, какое-либо извинение? Не слышал ли ты, что повелел Бог иудеям: заблудившего вола своих врагов не пренебрегать и, если упадет, не проходить мимо? Итак, иудеям повелевается не оставлять без попечения бессловесных, принадлежащих врагам; а мы будем равнодушно смотреть, как ежедневно претыкаются души наших братьев? Не крайняя ли это жестокость и зверство с нашей стороны - не уделять даже такой заботливости людям, какую иудеи обнаруживали к бессловесным? Оттого-то все и извратилось, оттого-то все в нашей жизни и смешалось в беспорядке, что мы ни сами не выносим мужественно обличений, ни других не желаем обличать. Потому мы и бываем ненавистны со своими обличениями, что сами приходим в ярость, когда нас обличают. Если бы брат твой знал, что, обличив тебя, он заслужит от тебя похвалу, то и сам отплатил бы тебе за обличение такой же платой. Хочешь исправить брата? Пролей слезы, помолись Богу; сделай ему увещание наедине, дай совет, уговори, покажи любовь к согрешившему, убеди его, что ты напоминаешь ему о грехе не из желания поглумиться, а болезнуя и заботясь о нем; обойми ноги его, облобызай руки, не стыдись, если ты хочешь действительно излечить его. Так часто поступают и врачи, поцелуями и упрашиваниями убеждая капризных больных принять спасительное лекарство. Хотя бы надлежало тебе умереть за вразумление брата, не страшись: это будет для тебя подвигом мученичества. Так и Иоанн был мучеником, хотя его не заставляли ни приносить жертвы, ни поклоняться идолам: он сложил голову за святые законы, которые он видел попираемыми. Так и ты борись до смерти за истину, и Господь будет поборать за тебя. Достаточно одного человека, пылающего ревностно, чтобы исправить весь народ. И пусть мне никто не говорит: я не имею ничего общего с братом. Только с одним диаволом у нас нет ничего общего, а с людьми мы имеем много общего: все мы имеем одну и ту же природу, населяем одну и ту же землю, питаемся одной и той же пищей, имеем одного и того же Владыку, получили одни и те же законы. Не будем же говорить таких слов, а покажем приличествующую братьям заботливость. Не безрассудно ли, в самом деле, с нашей стороны, увидев драку на площади, подходить и примирять дерущихся; да что я говорю, драку? - если мы увидим упавшего осла, то все спешим протянуть руку и поднять его; а о погибающих братьях не радим? Как же это преступно! Итак, когда ты видишь, что брат твой гибнет, не переставай увещевать его; и хотя бы он поносил тебя, хотя бы оскорблял, хотя бы грозил стать врагом твоим или чем бы то ни было другим угрожал, все переноси мужественно, чтобы достигнуть его спасения. Если он станет врагом тебе, то Бог будет тебе другом и вознаградит тебя в день последнего суда великими благами. Великое добро - сострадать угнетенным бедностью; но нет другого такого, как освобождать от заблуждения, потому что нет ничего равноценного душе, даже и мир весь не стоит ее. Таким образом, хотя бы ты раздал бедным безмерное количество денег, ты не сделаешь ничего в такой мере великого, как обратив одну душу. Тот, кто это делает, становится подобен Павлу и Петру, не тем, что подвергается опасностям, как они, или терпит голод, болезни и прочие бедствия, - потому что теперь время мира, - а тем, что обнаруживает свою ревность и готовность служить другим. И что я говорю: Петру и Павлу? Он будет устами Христа, потому что изводящий, говорится, "**драгоценное из ничтожного**" будет "**как Мои уста**" (Иер. 15:19). Можно, значит, и сидя дома производить такую ловлю: если

кто имеет друга, или сродника, или свойственника, пусть делает это, и будет подобен Петру и Павлу. Если сегодня не убедишь, может быть, убедишь завтра; и если никогда не убедишь, сам ты все равно получишь совершенную награду. Если не всех убедишь, можешь убедить некоторых. Так и апостолы, хотя и не всех убедили, получили награду за всех, так как ко всем обращались со словом проповеди. Итак, вследствие того, что ты не можешь научить многих, не пренебрегай и немногими, и пожеланием великого не устраняй себя от малого. Если не можешь обратить сотни, позаботься о десятке; если десяти не можешь, не пренебрегай и пятерыми; если и пяти не можешь, не презирай и одного. Бог определяет венцы, сообразуясь не с числом исправленных, а с намерением исправляющих. И это потому, что мы, учащие, невиновны в том, что не убеждаем слушателей, а отвечаем только за то, если не обращаемся с наставлением, потому что наше дело только увещевать, а повиноваться от них зависит. И как в том случае, когда мы не увещеваем, сколько бы ни исправились те (которых мы должны были учить), вся награда будет принадлежать им одним, а нам не будет никакой пользы, - так, наоборот, если мы увещеваем, а они не внимают, все наказание постигнет их одних, а на нас не будет никакой вины; напротив, будет даже великая награда от Бога, потому что мы исполнили все, что требуется от нас. Тот, кто говорит внимательным слушателям, находит утешение для себя в повиновении их; но если кто постоянно говорит, и его не слушают, и тем не менее он не перестает говорить, тот достоин большей части, потому что исполняет угодное Богу и свой долг во всей точности, хотя и никто не внимает ему. Но хотя нам и больше награды от вашего непослушания, однако мы лучше желаем, чтобы она уменьшилась, а умножилось ваше спасение, так как мы считаем для себя великой наградой вашу славу. Итак, когда ты увидишь кого-нибудь, нуждающегося в душевном или телесном врачевании, то не говори себе: почему такой-то или такой-то не позаботился о нем? или: я мирянин, у меня жена и дети; это дело священников, дело монахов. Скажи мне: если ты найдешь где-нибудь золотую монету, разве ты говоришь: почему такой-то или такой-то не поднял ее? Отнюдь нет; напротив, спешишь раньше других схватить ее. Так рассуждай и о павших братьях, и считай попечение о них как бы найденным сокровищем. Изводящий, говорится, "**драгоценное из ничтожного**" будет "**как Мои уста**" (Иер. 15:19). Что может сравниться с этим? То, чего не может произвести ни пост, ни спанье на земле, ни что другое, делается спасением брата. Не я говорю это, а сам Бог сказал: если ты изведешь даже одного кого-нибудь, говорит, то уста твои будут "**как Мои уста**". Итак, не будем равнодушно говорить: кто согрешили? а постараемся скорее исправить их; и не на то будем смотреть, как много заблудившихся, а позаботимся о том, как их отвлечь от заблуждения. Если предохранение братьев от падения раньше самого греха немало содействует нашему спасению, то и проявление с нашей стороны большой заботливости о них после греха доставляет немалую похвалу. Так и врачи здоровым людям указывают средства, которые могут сохранить им здоровье и предупредить всякую болезнь; а когда те пренебрегут их наставлениями и подвергнутся болезни, не оставляют их без помощи, а, напротив, тогда-то особенно и показывают великую заботу о них, чтобы избавить их от болезней. Так и ты, когда нужно исправить брата, не отказывайся, хотя бы приходилось пожертвовать и жизнью. Владыка наш умер за нас; а ты не издашь даже и слова? И какое будешь ты иметь прощение, какое представишь извинение? Как ты предстанешь с дерзновением, скажи мне, пред судилищем Христовым, равнодушно взирая на гибель стольких душ? О, если бы мне возможно было знать этих людей: тогда я не нуждался бы в вас, а сам исправил бы скорейшим образом. Скажи мне, если бы ты видел, как человека, законно осужденного, ведут на казнь, а ты мог бы освободить его от рук палача, то не сделал ли бы ты всего, чтобы избавить его от казни? Между тем, видя брата своего, влекомого не палачом, а диаволом в ров погибели, не хочешь подать даже и совета, чтобы отнять его у этого жестокого зверя? Можешь ли ты заслужить какое-нибудь прощение? Но он сильнее и могущественнее тебя? Сделай его известным мне: я предпочту скорее сложить голову, чем допустить его до церковного порога. Не страшно

ли, что детей мы с тяжким трудом сначала обучаем предметам, которые в начале сопряжены с трудностями, но в конце приносят пользу, а сами относимся к духовным вещам наоборот? Если бы к нам пришел кто-нибудь со стороны и хорошо узнал бы заповеди Христа и извращенность нашей жизни, то я не знаю, счел ли бы он кого еще другого более врагами Христа, чем нас самих. Мы как будто решились идти и идем путем как раз противным Его заповедям. Тогда как то, что Он повелевает делать, для желающих легко и удобоисполнимо, а что запрещает, тягостно и трудно, мы, пренебрегая Его повелениями, делаем то, что воспрещено: не скажут ли про нас, что мы как враги, противясь Ему, поступаем так? Но как добрые люди обычно советуют ближним то, благодаря чему сами они стали добрыми, так, наоборот, порочные обычно внушают ближним то, от чего сами они стали дурными, - это ведь тоже один из видов их нечестия, - и считают для себя утешением в собственном наказании погибель других.

Кто из вас, скажите, находясь дома, берет в руки христианские книги, читает содержащееся в них и исследует Писание? Едва ли кто может сказать это про себя. Шашки и кости мы найдем у наших ближних, а библию разве лишь у немногих. Да и эти последние ничем не отличаются от неимеющих, потому что, переплетя ее, ставят навсегда в шкаф, и вся забота у них только о тонкости кож да красоте букв, а не о чтении. Они не ради употребления и пользы приобретают ее, а полагают о ней столько старанья, чтобы удовлетворить свое честолюбие и похвастаться богатством. Так чрезмерно их тщеславие! Я не слышу никого, кто хвалился бы, что он знает содержащееся в библии, а слышу только хвастающихся тем, что она у них написана золотыми буквами. Известный евнух, будучи варваром, обремененный множеством забот, даже сидя на колеснице читал библию, хотя и не разумел читаемого. Если же он, находясь в пути, обнаруживал такое рвение, то представь, какое обнаруживал он, когда оставался дома; если во время путешествия он не хотел оставаться без чтения, то тем более - сидя дома; если, ничего не разумея в читаемом, он не отставал от чтения, то тем более после научения. Подобно тому, как ощущение голода служит признаком телесного здоровья, так и усердие к слушанию Священного Писания можно считать величайшим показателем здравия душевного. Почему мы часто предлагаем вам вопросы, не представляя их разрешения? Потому, что желаем приучить вас не всегда принимать разжеванную пищу, а и самим во многих случаях находить решение вопроса. Так делают и голуби. И они, когда птенцы остаются еще в гнезде, кормят их из своего рта; когда же могут вывести их из гнезда и видят, что крылья их укрепились, то не делают уже этого, а, принеся зерно во рту, показывают его птенцам, и когда те в ожидании подойдут ближе, матери опускают пищу на землю, побуждая их самих подбирать ее. Так точно и мы, взяв в уста духовную пищу, зовем вас, как бы намереваясь показать вам по обычаю и решение вопросов; а когда вы подойдете и ожидаете получить его, оставляем слова, чтобы вы сами отыскали смысл. Как гусляры, беря пальцы своих учеников, постепенно приучают их извлекать звуки и искусно ударять по струнам, научая таким образом из безгласных пальцев и струн производить звук приятнее и усладительнее всякого голоса, так делаем и мы. Как на гуслях может ударять по струнам и умелый игрок и неумелый, но один раздражает слушателя, а другой увеселяет и услаждает, - хотя те же самые пальцы и те же самые струны, но не одно и то же уменье, - так точно бывает и со Священным Писанием. Многие читают божественные слова, но не все извлекают пользу, не все получают прибыль, по той причине, что не углубляются в сказанное, - неумело ударяют по этим гуслям. В самом деле, что искусство в отношении к гуслям, то же самое совершение дела в отношении к закону Божию. Как больным не следует предлагать скудный и наскоро сготовленный стол, а нужно приготовлять различные блюда, чтобы больной, если не пожелает одного, взял другое, если не найдет приятным другое, принял третье, если отвергнет это, взял следующее, и таким образом мы разнообразием блюд преодолеваем затруднение и удовлетворяем прихотливость больного, так точно должно делать и в отношении к пище духовной, когда

мы бываем немощны, чтобы из многих и разнообразных примеров для вас был легок выбор полезного. Не негодуйте на меня за увещание. Если уж следует кому негодовать, то мне, который столько говорит и не находит внимающего, а не вам, которые постоянно слушаете и никогда не внимаете слышанному. Или не знаете, что презиравшие божественное учение теряют чрез это презрение самое человеческое достоинство и лишаются благородства своего происхождения? Велегласный Исайя, придя в многолюдную столицу иудеев, Иерусалим, и стоя среди площади, окруженный всем народом, желая показать, что тот, кто не внимает божественным словам, не человек, восклицал: "**когда Я приходил, никого не было, и когда Я звал, никто не отвечал**" (Ис. 50:2). И потому, что он пришел, и не было человека, звал, и не было послушающего, он обращается со словом к стихиям, говоря: "**слушайте, небеса, и внимай, земля**" (Ис. 1:2). Я, говорит, послан был к людям, к людям, имеющим разум; но так как они не имеют ни разума, ни чувства, то я обращаюсь с речью к не имеющим чувства стихиям, в обвинение тем, которые одарены разумом, но не пользуются этим даром. И Иеремия, стоя среди толпы иудеев, в самом городе, восклицал, как будто никого не было пред ним: "**к кому мне говорить и кого увещевать?**" (Иер. 6:10). Что ты говоришь? Видишь такое множество людей и спрашиваешь - "**к кому мне говорить**"? Да, говорит, потому что это множество есть лишь множество тел, не имеющих слуха, так как "**ухо у них необрезанное, и они не могут слушать**". Если же пророки не признают людьми тех, которые присутствовали, но не внимали их словам с рвением, то что сказать нам о тех, которые не только не слушают, но не желают даже и переступить этот священный порог? Не тот ведь человек, кто имеет человеческое тело и голос, а тот, у кого душа и образ мыслей человеческие. Знаю, что многие с неудовольствием слушают наставления. Но какая польза от молчания? Пусть я буду молчать и не докучать вам словами; но таким молчанием невозможно избавить вас от наказания. Напротив, следствие получается совершенно обратное: такое молчание лишь увеличивает наказание и влечет за собою казнь не только вам, но и мне. Итак, для чего же приятные слова, когда они не только не содействуют делам, но еще и вредят? Какая польза увеселять словом и печалить делом, услаждать слух и подвергать наказанию душу? Потому-то и необходимо опечаливать в здешней жизни, чтобы не подвергнуться крайнему и невыносимому наказанию в жизни будущей. Не роптать, следовательно, нужно за сказанное, а хвалить и принимать с благодарностью. Людям же более слабым, которые не могут спокойно принять такого нашего оправдания, скажу следующее. Я излагаю вам не свои законы, а толкую письмена, нисшедшие с небес; и тот, кому вверено такое служение, должен или смело сказать все, что заключается в них, ища всюду лишь пользы слушателям, а не удовольствия, или же, опасаясь враждебности слушателей, потерять чрез такую неуместную угодливость и свое собственное, и их спасение. А что скрывать что-либо из божественных законов весьма опасно как для говорящего, так и для слушающих, и что наставники, когда они не сообщат без малодушия всех заповедей Божиих, судятся как виновные в убийстве, в свидетели и этого представлю вам опять Павла. Потому я всегда обращаюсь преимущественно к этой святой душе, что слова Павла суть вдохновенные вещания и божественные законы, так как не Павел есть говорящий, а Христос, который движет его душой, и говорит чрез него все, что он сказал. Что же он говорит? "**Чист я от крови всех**". Почему? "**Ибо я не упускал возвещать вам всю волю Божию**" (Деян. 20:26-27). Следовательно, если бы он уклонился возвестить, не был бы чист от крови, а судился бы как убийца. И вполне справедливо. В самом деле, убийца губит только тело и предает лишь настоящей смерти, а тот, кто говорит в угоду слушателям и делает их чрез это еще более беспечными, губит душу и подвергает вечным наказаниям и мукам. Итак, кто же будет так жесток и бесчеловечен, кто так чужд сострадания, чтобы обвинять говорящего и рассуждающего постоянно о гневе Божием, когда он, если станет молчать, подвергнется столь тяжкому наказанию? Если бы я, замолчав, мог сокрыть своим молчанием грехи, то всякий мог бы законно сердиться и справедливо негодовать, когда бы я не молчал; но если

грехи, хотя бы мы и молчали ныне, необходимо откроются там, то что за польза может быть от этого молчания? Кто ищет пользы слушателей, тот, если бы стал и хвалить себя, не только не заслуживает порицания, но даже достоин венца, а если бы стал молчать, тогда заслуживал бы порицания. Так и Давиду, если бы он умолчал в случае с Голиафом, не дозволили бы выйти на состязание и воздвигнуть блистательный трофей? Вот почему, как я уже и раньше многократно говорил вам, и теперь говорю, уже не увещевая, а приказывая и повелевая, - пусть желающий слышит, а нежелающий не верит, - что, если вы будете оставаться в господствующих среди вас пороках, я не потерплю вас, не допущу, не дозволю вам переступить этот священный порог. Зачем нужно мне множество болящих? Двенадцать было учеников, и послушай, что говорит им Христос: "**не хотите ли и вы отойти**?" (Ин. 6:67). Если мы будем говорить только одно приятное, то когда приобретем вновь утерянное, когда принесем пользу? Но существует, скажешь, много еретических сект и переходят в них. Пустое это слово. "**Лучше один**" творящий волю Господню, "**нежели тысяча**" беззаконников (Сир. 16:3). Ведь и ты чего желаешь, скажи мне, - иметь ли тысячи слуг, состоящих из беглых и воров, или одного благонамеренного? Пусть, кто хочет, отпадает; не держу никого. Как бы, говорят, не отпал и не перешел в другую секту. Такие слова все растлили. Слаб, говорят; окажи снисхождение. Но до каких пор? До какого предела? Раз, два, три раза? Иль всегда? Так объявляю же опять и уверяю словами блаженного Павла, что "**когда опять приду, не пощажу**" (2 Кор. 13:2). И когда я буду судиться пред судилищем Христовым, станете и вы вдали и снисканное у вас благоволение, в то время как я буду давать отчет. Итак, следует лучше грешникам испытывать скорбь от слов, чтобы избавиться от позора на деле. Знаю, что все мы заслуживаем наказания и порицания, и что никто не может похвалиться тем, что имеет чистое сердце. Но не в том беда, что мы не имеем чистого сердца, а в том, что не имея его, мы еще и не приходим к тому, что может сделать его чистым. Знаю, что слова мои огорчают вас. Но что мне сделать? Если не употребим горьких лекарств, не уничтожатся раны; если употребим, вы не можете вынести боли. Тесно мне отовсюду. Но, впрочем, пора уже удержать руку, так как и сказанного достаточно для исправления внимательных. Если же останемся неисправимы, то будем преданы в руки самого Судии, а вы, конечно, знаете, как страшно впасть в руки Бога живого. Тот, кто совсем ничего не сделал доброго, - совершенно обленивается и скоро впадает в отчаяние; тот же, кто сознает, что он исполнил хотя бы одну какую-нибудь заповедь, получив от этого добрую надежду, - с большим рвением приступит к остальным; усвоит затем другую, перейдет к следующей. Если с деньгами бывает так, что чем более кто приобретает их, тем более желает, то гораздо более так бывает с подвигами духовными. Потому прошу и умоляю вас помнить эти мои слова не только в настоящий день, но и дома, и на площади, и везде, где бы вы ни проводили время. О, если бы мне можно было всегда быть вместе с вами, и не было бы нужды в этом пространном обличении! Теперь же, так как это невозможно, вместо меня запечатлейте в памяти мои слова, и, сидя за трапезой, представляйте, как будто вхожу я, стою перед вами и повторяю то, что говорю здесь теперь. И где бы ни зашла у вас речь обо мне, прежде всего вспоминайте эту заповедь и воздайте мне эту награду за любовь мою к вам. Убеждаем также не только тех, кто злословит других, но и тех, кто слушает злословящих, заграждать свой слух и подражать пророку, который говорит: "**Тайно клевещущего на ближнего своего изгоню**" (Пс. 101:5). Скажи осуждающему другого: если бы ты намеревался похвалить и сказать одобрительное о ком-нибудь, я открыл бы уши и принял бы твою речь; если же хочешь злословить, то заграждаю вход твоим словам, потому что не желаю принимать грязи и навоза. Какая польза мне знать, что такой-то нечестив? Напротив, от этого происходит величайший вред и громадная потеря. Какое оправдание и прощение будем иметь мы, когда, нисколько не помышляя о своих грехах, так старательно выведываем и расследуем чужие? Лучше не знать хорошо, чем узнать худо. Тот, кто не знает причины, может скоро дойти до вероятной причины; тот же, кто, не зная настоящей причины, воображает себе несуществующую, не будет в состоянии

легко принять настоящую; ему нужно много труда и усилий, чтобы исторгнуть прежнее заблуждение. Если ты увидишь, что кто-нибудь приготовил священные сосуды или какое-нибудь другое украшение для стен церковных или пола, не вели ему уничтожать или разрушать сделанное, чтобы не ослабить его усердия; но если кто спросит тебя прежде, чем сделать, вели раздать бедным. Презирай и радости житейские, как скоропреходящие, и горести, как нисколько не вредящие нам. Как живущие на чужбине все делают и все меры употребляют к возвращению в отечество, и всякий день тоскуют, желая увидеть родину, так точно и тот, кто любит будущие блага, не падет духом от настоящих печалей, и не вознесется от счастья, а пройдет мимо того и другого, как прохожий по дороге. Такое расположение нужно иметь и нам, и хотя бы мы прожили здесь немного лет, считать их за многие ради желания будущих благ. Говорю это, впрочем, не потому, что порицаю настоящую жизнь, - нет! ведь и она дело Божие, - а укрепляя вас в любви к будущим благам, чтобы вы не прилеплялись к настоящим, не пригвождались к телу, и не были похожи на то большинство малодушных, которые, хотя бы прожили тысячи лет, говорят, что этого им мало. Что может быть неразумнее этого? В то время как предлежит небо и небесные блага, которых ни око не видело, ни ухо не слышало, они пристращаются к теням, и не хотят переплыть моря настоящей жизни, подвергаясь постоянным волнениям, бурям и крушениям. Не так поступал Павел; напротив, он спешил и снедался желанием (к отшествию отсюда), и только одно удерживало его, именно спасение людей и опасение, чтобы они не отпали от царствия Божия. Этого (царствия) и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

СЛОВО 7

О смиренномудрии

Когда грех бывает соединен со смиренномудрием, то он бежит с такою легкостью, что побеждает и опережает правду, соединенную с гордостью; а если сочетать смирение с правдой, то куда не дойдет оно, каких небес не пройдет? Без сомнения, оно станет с великим дерзновением около самого престола Божия посреди ангелов. Если те, которые исповедуют свои грехи, приобретают дерзновение, то те, которые сознают за собой много доброго и в то же время смиряют свою душу, каких не удостоятся венцов? Таким образом, сколько бы ты ни построил сверху, будет ли то милостыня, или молитва, или пост, или все вообще добродетели, но если в основание не будет положено смирение, то все будет построено напрасно и всуе. Нет, подлинно нет ни одной нашей добродетели, которая могла бы устоять без смирения; назовешь ли ты целомудрие, или девство, или презрение к деньгам, или что угодно другое, все нечисто, скверно и гнусно, если нет смиренномудрия. Для того Бог создал нас из двух сущностей, чтобы, когда ты вознесешься гордыней, тебя смирила бы и удержала низость плоти, а когда помыслишь что-либо низкое и недостойное данной тебе от Бога чести, благородство души возвело бы тебя до соревнования небесным силам. Великое благо - рассматривать свою природу и знать, какой мы получили состав. Действительно, рассмотрение природы является достаточным учением, поскольку оно может смирить все страсти и водворить мир в душе. Размышляй о своей природе и устройстве, и этого для тебя достаточно, чтобы постоянно держать себя в надлежащем состоянии. Адам создан был из земли, но не знал, как был создан, потому что ему не надлежало быть свидетелем происшедшего, чтобы не возгордился против Бога. Если он, подверженный такому уничижению, возносится, не узнает Творца и отвергает Создателя, то кто может представить себе чрезмерность его гордости, если бы он получил то, что выше естества? Вот почему Бог, создав человека, вложил в создание и великие силы, и много уничижающего, чтобы чрез присущую силу благоговейно познавалась благодать Создателя, а чрез уничижение смирялась человеческая самонадеянность. Дал ему

говорящий язык, хвалящий Бога, воспевающий божественные дела, изъясняющий красоты творения. Говорит о небе и земле маленькая частица тела - язык, величиной менее даже двух пальцев, - да и что говорю: пальцев? - даже кончика ногтя; и такой маленький кончик говорит о небе и земле. Но чтобы он не почел себя чем-то великим и не возносился выше своей природы, с ним часто приключаются нарывы и раны, - дабы знал, что, сам будучи смертным, он говорит о бессмертном, и что он должен познавать, какова сила Того, о Ком он возвещает, и какова немощь возвещающего. Дал ему око, это маленькое зернышко, чрез которое он созерцает все творение. Но чтобы он, охватывая взором все создание, не возносился, часто случаются с ним и глазные болезни, и гноетечения, и слезы, и многое другое, что помрачает взор, - дабы из немощи он познавал себя, а из устроения научался чтить художника. Если же человек, всюду нося в себе такую немощь, до такой степени забывает о своем ничтожестве, что дерзновенно восстает против Творца, то кто бы снес его гордость, если бы он был совершенно лишен этой немощи? Подумай, человек, кому ты делаешься сообщником, когда возносишься, впадаешь в высокомерие и стыдишься послужить страннику? Но как возможно, скажут, чтобы человек благородного происхождения, знаменитый, славный, известный, сам умыл ноги страннику? Ужели это не позорно? Наоборот, позорно скорее не умыть. Сколько бы ты ни возвышал свое благородство, свою знаменитость и славу, ты имеешь одинаковую природу с умываемым и такой же сораб, равночестный с теми, кому ты служишь. Вспомни, кто умыл ноги учеников, и перестань говорить о своем благородстве. Не величаться богатством полезно не только в отношении к жизни будущей, но и настоящей. В самом деле, ничто так не возбуждает зависти, как богатый человек; а когда к этому присоединяется еще гордость, то возникает двойная опасность. Между тем тот, кто умеет быть скромным, пресекает своим смирением силу зависти и безопасно владеет тем, что имеет. Так велико его могущество: оно полезно нам не только для будущего, но и здесь уже приносит нам награды. Итак, не будем величаться богатством, равно как и ничем другим. Если величающийся духовными благами губит себя, то тем более гордящийся плотскими. Размыслим о нашей природе, подумаем о своих грехах, познаем, кто мы, и это будет нам достаточным поводом для смирения во всем. Поистине, тот больше всего знает себя, кто считает себя за ничто. Ничто так не любезно Богу, как считать себя в числе последних. Приидите, - говорит (Господь), - "**научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем**" (Мф. 11:29). Ведь если бы Я не был кроток, то разве Я, будучи сыном царя, избрал бы матерью рабыню? Если бы Я не был кроток, то разве Я, творец видимой и невидимой природы, пришел бы к вам? Если бы Я не был кроток, то разве Я, владеющий богатством всей твари, восприял бы бедные ясли? Если бы Я не был кроток, то разве дал бы хребет на бичевание за пленников? Мало того. Не говорю о более важном: если бы Я не был кроток, то разве Я, Который ничего не должен, тогда как другие должны были пострадать, уплатил бы за них долг смерти? Я так кроток, что, тогда как ты согрешил, Я подвергся бичеванию; Я так смиренен, что не стыжусь умолять своих рабов, но предпочитаю просить, чтобы не быть вынужденным наказывать их. Итак, когда тебе вздумается похвалить себя за смирение, подумай, куда снизошел Владыка твой, и ты уже не станешь ни удивляться, ни хвалить себя, а даже посмеешься над собой, как над человеком, ничего не сделавшим. Ты смиренен, смиреннее всех людей? Не величайся этим, не поноси других и не губи похвалы своей. Ты смиряешься для того, чтобы освободиться от гордости; поэтому, если ты по причине смирения впадаешь в гордость, то лучше не смиряться. Если же кто скажет, что лучше живущим добродетельно надмеваться, чем впадающим в грехи смиряться, тот далеко не знает ни вреда гордости, ни пользы смирения. Знай ясно, что человек с гордостью живущий добродетельно, - если только вообще это значит жить добродетельно, - неожиданно может впасть в полную погибель. Тот, кто допустил себя до падения, научившись из этого падения смирению, может и восстать, и вскоре восстановить свое прежнее положение, если только захочет; тот же, кто по-видимому поступает хорошо с гордостью, но не терпит никакого зла, никогда даже и не заметит

своего беззакония, а напротив лишь умножит зло и внезапно отойдет отсюда, лишенный всего, что существует здесь. Но почему же, скажут, право шествующие до искушений часто падают после искушений? Но кто же точно знает право шествующих кроме единого Того, кто создал сердца наши и проникает во все дела наши? Часто ведь многие, кажущиеся нам добродетельными, бывают нечестивее всех. Если же мы, оставив таких людей, обратимся к действительно живущим добродетельно, то кто знает, что у них, тогда как все прочее ими исполнено надлежащими образом, главное из благ - смирение - не оставлено в пренебрежении? И для того оставил их Бог, чтобы они познали, что эти подвиги они совершили не собственной силой, а благодатью Божией. Кротостью называется не то только, когда кто-нибудь кротко переносит обиды от сильных людей, но когда уступает, будучи оскорбляем и людьми, которые считаются низшими. Посмотри, как Бог человеколюбив и какую показывает Он заботу о своих рабах. Когда Исааку царем герарским и местными жителями было возбранено пользоваться собственными трудами, он не возроптал, не обнаружил малодушия, не возопиял в душе и не сказал: ужели я не имею права пользоваться колодцами? Ужели я оставлен небесной помощью? Ужели я лишен попечения от Господа? Ничего такого он ни подумал, ни сказал в себе, но все перенес с кротостью. Потому и удостоился большей чести и помощи свыше. Господь явился ему в ту ночь и сказал: "**Я Бог Авраама, отца твоего; не бойся, ибо Я с тобою; и благословлю тебя**" (Быт. 26:24). Желая успокоить и ободрить праведника, Он является ему и говорит: Я Бог, Который сделал славным отца твоего, доставил ему такую знаменитость и сделал его, странника, богаче и могущественнее местных жителей. Я Тот, Который помог ему так возвеличиться. Итак, не бойся, потому что Я с тобою, и умножу семя твое ради Авраама отца твоего, которому Я должен много наград за послушание Мне. Услышав это, праведник перестал уже страшиться, так как Тот, Кто сказал: "**Я с тобою**" и "**благословлю тебя и умножу потомство твое**", дал ему и славу, и знаменитость. Смотри, какова сила смирения: те, которые раньше гнали праведника, теперь приходят к нему и не только извиняются за происшедшее и просят у него прощения, но и прославляют его. Действительно, кто может быть сильнее того, кто имеет Бога с собою? "**Мы**", - говорят, - "**ясно увидели, что Господь с тобою**" (Быт. 26:28). Посмотрим, как и сын Исаака Иаков совершал путешествие, когда подвергся гонению, - так как и отсюда получим немалую пользу. Когда он шел "**в Харран… зашло солнце. И взял [один] из камней того места, и положил себе изголовьем, и лег на том месте**" (Быт. 28:10, 11). Видишь несказанное любомудрие? Видишь, как древние совершали путешествия? Человек, воспитанный в дому, пользовавшийся многими услугами, взяв камень, положил его в изголовье. Смотри, какая мужественная душа у юноши: он употребил вместо изголовья камень и спал на земле. За это и удостаивается видения Господа, Который говорит ему: "**Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака**" (ст. 13). Я и родоначальника, и отца твоего возвысил до такого славного положения; поэтому не бойся, а веруй, что Я, исполнивший Свои обетования им, и тебя удостою Моего попечения. Но и ныне Я с тобою, охраняя тебя в пути, куда бы ты ни пошел. Не думай, говорит, что ты один совершаешь путь свой; Меня имеешь ты своим спутником, Меня имеешь охранителем во все время путешествия, так как Я с тобою. Итак, если ты хочешь сделать великими свои подвиги, не считай их великими, но признавай, что спасаешься благодатью, чтобы сделать Бога своим должником не только за добрые дела, но и за такую твою признательность. Когда мы делаем добрые дела, то имеем Его должником только за одни эти дела; когда же мы думаем еще, что и не совершили ничего доброго, то и за такое наше расположение, и даже гораздо более, чем за дела. Если, поэтому, хочешь быть смиренным, то покажи эту добродетель не на словах только и во внешнем виде, а и делом, и словом: не будь кроток с одним и дерзок с другим, а будь кроток со всеми, будет ли то друг или враг, великий человек или малый, - потому что в этом и состоит смирение. Можно быть кротким, и между там раздражительным и гневливым; однако в этом нет никакой пользы, потому что одержимый гневом часто губит

все. Истинному смирению желающие могут лучше всего научиться из следующего. Когда Иисус пришел "**в Капернаум, то подошли к Петру собиратели дидрахм и сказали: Учитель ваш не даст ли дидрахмы?**" (Мф. 17:24). И смотри, к самому Христу они не осмелились приступить, а к Петру, да и к нему не с насилием, а довольно кротко, - они не с упреком, а тоном вопроса говорили: "**Учитель ваш не даст ли дидрахмы?**" Они еще не имели надлежащего о Нем мнения, а относились к нему как к обыкновенному человеку, хотя по причине бывших уже чудес и чувствовали к Нему некоторое уважение и почтение. Что же Петр? Да, говорит. Но сказав им, что даст, самому Христу не сказал, стыдясь, может быть, говорить с Ним об этом. Что же делает все ясно видящий Бог? Предваряя Петра, Он говорит: "**как тебе кажется, Симон? цари земные с кого берут пошлины или подати? с сынов ли своих, или с посторонних? Петр говорит Ему: с посторонних. Иисус сказал ему: итак сыны свободны**" (ст. 25, 26). Чтобы Петр не подумал, будто Он говорит это, услышав от сборщиков, Христос предваряет его, открывая вопрос и внушая ему смелость, так как он до сих пор медлил сказать об этом. Смысл же его слов следующий. Я свободен от уплаты подати. Если земные цари не берут со своих сыновей, а с подчиненных, то тем более должен быть свободен от такой дани Я, царь и сын не земного царя, а небесного. II вслед за тем говорит: "**но, чтобы нам не соблазнить их, пойди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми, и… найдешь**" в ней "**статир; возьми его и отдай им за Меня и за себя**" (ст. 27). Смотри, как Он и не отказывается от подати, и не просто велит уплатить, а дает лишь после того, как наперед показал, что не должен давать ее: первое для того, чтобы не соблазнились сборщики, второе - чтобы не соблазнились ученики, так как дает не потому, что должен, а по снисхождению к их немощи. Но почему Он повелевает дать не из имевшихся в готовности денег? Чтобы и чрез это показать, что Он Бог всяческих и что владычествует над морем. В самом деле, немаловажно было предсказать, что первая рыба, попавшаяся из глубин морских, доставит дань, что Его повеление, опустившись как бы невод в морскую бездну, извлечет рыбу, несущую статир, заставит море так нести дары и доказать полное свое повиновение. Итак, если хочешь показать великим свое доброе дело, не величайся, и тогда сделаешь его более великим. Если мы, будучи грешниками, когда считаем себя за то, что мы есть на самом деле, становимся праведными, подобно мытарю, то насколько более в том случае, когда считаем себя грешниками, будучи праведными? Если ты назовешь себя достохвальным, то становишься непотребным, хотя бы был достойным похвалы; если же назовешь себя негодным, то становишься полезным, хотя бы был и негодным. Как гордым Бог обычно противится, так смиренным дает благодать, - Ему подобает слава и держава во веки веков. Аминь.

СЛОВО 8

О душе

Люди, украшенные добрыми делами, но не познавшие веры в Бога, подобны останкам мертвых, одетых в красивые одежды, но не чувствующих этой красоты. В самом деле, какая польза человеку иметь душу, облеченную в добрые дела, но мертвую? Добрые дела совершаются по надежде на воздаяние и венцы; но если ты не знаешь Подвигоположника, то ради чего трудишься? Как людям первее нужно жить, а затем уже питаться, так точно и надежда на Христа должна предшествовать нашей жизни, а сверх того должно питаться и добрыми делами. Не питающийся иногда может жить; но не живущий не может питаться. Ты не можешь представить мне человека, который, совершая без веры добрые дела, жил бы; а я могу показать тебе верующего без дел, который и жил, и удостоился царствия. Никто не жил без веры; а разбойник, только уверовав, получил оправдание. Не говори мне, что он не имел только времени для исправления жизни, так как, если бы он остался с верой, но пренебрег делами, то лишился бы спасения. И Корнилий получил свидетельство

о своих милостынях и молитвах, но не знал Христа; и так как Око истины, великий Судия, видел, что эти дела хотя и хороши, но мертвы, потому что не соединены с верою, то посылает ангела, присуждающего награду за дела, чтобы увенчать прекрасно подвизающегося верой. "**Корнилий**", - говорит он ему, - "**молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом**" (10:3-4). Но если молитва услышана и милостыни приняты, то чего же недостает мне для праведности? Но "**пошли**", - говорит, - "**людей в Иоппию и призови Симона, называемого Петром**", который, пришед, "**скажет тебе слова, которыми спасешься ты и весь дом твой**" (ст. 5, 6). Если, таким образом, сам он и дом его спасается благодаря словам Петра, то, следовательно, он не имел еще спасения чрез дела, пока вера не присудила награды делам его. Рассказывают про одного языческого философа, что он, войдя в богатый дом, блещущий множеством золотых украшений, мраморов и колонн, и видя, что пол повсюду устлан коврами, плюнул в лицо господина дома; и когда затем его стали обвинять, сказал, что он вынужден был плюнуть ему в лицо, так как нельзя было сделать этого нигде в другом месте дома. Видишь ли, как смешон и презренен для всех, имеющих ум, тот, кто украшает только внешность? И вполне справедливо. В самом деле, когда ты стараешься украшать стены, пол и все прочее, а на душу, одетую в грязные лохмотья, томящуюся голодом, исполненную язв, терзаемую тысячами псов, не обращаешь внимания, то какому, скажи мне, не подвергнешься ты наказанию? Если ты потеряешь деньги, то можешь дать другие деньги, равным образом, если потеряешь дом, или раба, или что бы то ни было другое из имения; но если ты погубишь душу, то другой души дать не можешь, и хотя бы ты владел целым миром, хотя бы был царем вселенной, ты будешь не в состоянии купить одной души, отдав все, что есть во вселенной, вместе с самой вселенной. Имея болезненное от природы и неизлечимо больное тело, ты, хотя бы облечен был в тысячи диадем, не можешь сделать этого тела здоровым, хотя бы отдал все свое царство и присовокупил к тому бесчисленное множество тел, городов и денег. Если же так бывает с телом, то насколько более с душой? Бог все дал нашей природе в двойном числе: два глаза, два уха, две руки, две ноги, чтобы, если повредится один член, мы облегчали недостаток его чрез другой; но душу Он дал нам одну, и если мы погубим ее, то с чем будем жить? Душа, однажды плененная страстью сребролюбия, нелегко и не скоро отстанет и делать и говорить то, что прогневляет Бога, как ставшая рабою иного господина, повелевающего делать все противное Богу. Душа, раз отчаявшаяся в своем спасении, никогда не отстанет от безумия, но, отдав бразды своего спасения безрассудным страстям, носится всюду, внушая ужас встречным, так что все ее избегают и никто не осмеливается удержать; она бежит чрез все места нечестия, пока, наконец, увлекаемая в самую бездну погибели, не низвергнет своего спасения. Душа, раз вступившая в союз с грехом и ставшая бесчувственной, дает возможность недугу весьма усиливаться. Как свинья, валяясь в грязи, чувствует удовольствие, так и душа, одержимая дурной привычкой, даже и не чувствует зловония грехов. И как земля, не орошаемая дождем, сколько бы на ней ни сеяли, не может произрастить колосьев, так и душа, не просвещенная наперед божественным Писанием, не может показать какого-нибудь плода, хотя бы кто и излил бесчисленное количество слов. Подобно тому как земля, когда на ней ни сеют, ни насаждают, произращает просто лишь траву, так и душа, когда не знает надлежащего дела, так как не может оставаться в бездействии, а непременно желает что-нибудь делать, предается дурным делам. Чем бывает воспаление для тела, тем и гордость для души; а за гордостью обыкновенно следует пожелание неподобающего. И как люди, пренебрегающее телесными ранами, причиняют гнойные лихорадочные воспаления и смерть, так и те, кто не обращает внимания на малые грехи души, дозволяют образоваться большим. Для того Бог дал нам тело от земли, чтобы мы и его возвели на небо, а не для того, чтобы чрез него и душу совлекли на землю. О, дивное дело! Как все пристращены к настоящим делам, а о будущих никогда и не подумают; непрестанно спешат к телесным удовольствиям, а душе предоставляют томиться голодом; получая ежедневно тысячи ран, никогда даже и не

замечают того бедственного положения, в котором они находятся, и, старательно заботясь о теле, на несчастную душу, загрязненную и обремененную тысячами зол, не обращают и внимания. И что всего прискорбнее, - они после столь многих трудов и забот не только смертное тело не делают выше смерти, но и бессмертную душу вместе с этим смертным телом подвергают вечным наказаниям. Вот почему, горько оплакивая объявшее души людей безумие и окружающий их густой мрак, я желал бы найти какое-нибудь высокое место, с которого мог бы видеть все роды людей, равно как желал бы иметь голос, который оглашал бы все концы земли и был слышен всем живущим на ней, и тогда встать и взывать, возглашая слова Давидовы: "**Сыны мужей! доколе слава моя будет в поругании?**" (Пс. 4:3). Не безумно ли, в самом деле, с нашей стороны, что когда приключится с нашим телом даже ничтожная болезнь, мы и врачей зовем, и деньги тратим, и проявляем терпение, и не перестаем принимать всякие меры, пока не удалим боль; а о душе, которая каждый день получает раны, свергается в стремнины и губит себя всяким образом, даже и немного не позаботимся? Не того, кто просто лишь имеет гнойную рану, нужно оплакивать, а того, кто, имея ее, бесполезно лежит и не находит рук врачей; про того же, кто подвергается резанию и прижиганию, мы сказали бы, что он-то именно и стоит на пути к выздоровлению, так как смотрим не на боль, происходящую от резания, а на здоровье, происходящее от этой боли. Так точно должно рассуждать и относительно души: нужно плакать и скорбеть не о тех, кто подвергается наказанию, - они ведь влекутся к здравию, - а тех, кто грешит безнаказанно. Кто питается благими надеждами и уповает на будущие блага, тот уже здесь вкусил царствия, потому что ничто так не обновляет и не возвышает обычно душу, как благая надежда на будущее. Те, кто все старание употребляет на украшение своего дома, богатея во внешнем, не заботятся о внутреннем и не обращают никакого внимания на свою заброшенную, загрязненную и покрытую паутинами душу; между теми душа тех людей, которые, оставив заботу о внешнем, обратили все свое старание на душу, чтобы отовсюду украсить ее, будет служить местопребыванием для Христа. А что же может быть блаженнее того, кто имеет обитающего в себе Христа? Итак, какое же будем иметь мы извинение или какое прощение, если мы при болезни тела, где нужно и деньги тратить, и врачей звать, и терпеть сильную боль, обнаруживаем такую заботливость, а душой пренебрегаем, несмотря на то, что нам не нужно в этом случае ни тратить денег, ни беспокоить других, ни подвергаться мукам, а мы сами без всего этого, чрез одно только произволение и пожелание, можем доставить себе исправление, и при том достоверно зная, что, если не сделаем этого, подвергнемся крайнему наказанию и неумолимым мукам и казням? Как сидящие в темнице, хотя всегда находятся в унынии и скорби, особенно испытывают их в тот день, когда должны быть выведены и предстать пред самыми дверями судьи, и стоя пред решеткой и слыша изнутри голос судьи, цепенеют от страха и становятся по виду нисколько не лучше мертвецов, так точно и душа, хотя и во время самого греха терзается скорбью и мучится, но гораздо более в то время, когда, влекомая отсюда к загробному отчету, должна предстать пред страшным судилищем. Вот почему она часто медлит и уходит внутрь, боится и трепещет, готовясь отлететь от тела. Тогда, - похитил ли кто, или присвоил обманом чужое, или обидел кого, или несправедливо стал чьим-либо врагом, или сделал вообще какое бы то ни было зло, - восстановляется весь рой грехов, является пред очами и стоит суровым обличителем совести. Для того у нас и бессмертная душа, равно как и тело будет бессмертным, чтобы мы могли наслаждаться нескончаемыми благами. Если же ты пригвожден к земле, тогда как тебе предлежат небесные блага, то подумай, какое великое оскорбление наносится Дарующему, когда Он предлагает тебе горние блага, а ты нисколько не ценишь их и променяваешь на землю блага небесные. Этих благ и да сподобимся все мы достигнуть, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

СЛОВО 9

О том, что не должно пренебрегать Церковью Божией и святыми таинствами

Немного присутствующих у нас сегодня. Что же за причина тому? Мы совершаем память мучеников, и никто не явился в наше собрание. Длиннота пути повергла их в леность; вернее же сказать, не длиннота пути, а леность помешала им. Как человеку ревностному и с бодрой волей ничто не может воспрепятствовать, так, наоборот, беспечному и ленивому все может послужить препятствием. Мученики кровь свою пролили за истину, а ты не можешь презреть даже и краткого пути? Они голову свою сложили за Христа, а ты не хочешь даже немного пройти ради Владыки? Владыка ради тебя умер, и ты ради Его мешкаешь? Память мучеников, и ты предаешься беспечности и лености? Тебе следовало бы явиться в собрание и видеть, как диавол терпит поражение и мученик побеждает, как Бог прославляется и Церковь увенчивается. Но, говоришь, я грешник и не могу быть в собрании. Так как ты грешник, то и явись в собрание, чтобы стать праведником. Кто же из людей, скажи мне, без греха? Или ты не знаешь, что и сами предстоящие жертвеннику пригвождены к грехам? Ведь и они облечены плотью и связаны с телом. И мы сами, сидящие на кафедре и учащие, соплетены с грехами. Тем не менее, не отчаиваемся в человеколюбии Божием и не приписываем Ему жестокосердия. Для того Бог и попустил самим священникам рабствовать страстям, чтобы они из собственного опыта научились снисходительно относиться и к другим. Не крайнее ли безумие и сумасшествие, что мы, если позовет нас какой-нибудь гусляр, или плясун, или кто другой из подобного рода людей, все охотно бежим к нему, благодарим его за такой зов и проводим целую половину дня в том, что внимаем только ему; а когда Бог чрез пророков и апостолов беседует с нами, то зеваем, почесываемся и смежаем глаза? На ипподроме, невзирая на то, что там нет крыши, которая защищала бы от дождя, множество безумствующих стоит, хотя бы шел страшный ливень и ветер хлестал воду в лицо; они не обращают внимания ни на холод, ни на дождь, ни на длинноту пути; ничто их ни дома не удержит, ни сюда не помешает придти; а сходить в церковь дождь и грязь становится нам препятствием. И если их спросить, кто такой Амос или Авдий, или каково число пророков или апостолов, они не могут и рта раскрыть; а о лошадях и кучерах ведут речи лучше софистов и риторов. Как можно выносить это, скажи мне? Я много раз увещевал не ходить в театры. Ты слышал и не последовал совету; сходил в театр, не послушался моего слова: не стыдись же опять придти и выслушать. Я слышал, говоришь, и не исполнил; как я могу придти опять и слушать? Однако, ты это сознаешь, что не исполнил, все же ты стыдишься, все же краснеешь, все же ты налагаешь на себя узду, хотя и никто не обличает, все же слово мое укоренилось в тебе, все же учение мое очищает тебя, хотя я и не стою пред тобою. Ты не исполнил? Тем более приди, чтобы, услышав вновь, исполнить. Если тебе приложено будет лекарство, но не вылечит тебя, то на следующий день не прикладываешь ли ты его вновь? Представим дровосека, который хочет срубить дерево. Он берет топор и рубит корень. Если он нанесет один удар, и дерево не упадет, то не наносит ли он второго удара, четвертого, пятого, десятого? Так точно делай и ты. Говорю это не для того, чтобы сделать вас более беспечными, а для того, чтобы заставить вас быть более старательными. Ты вошел в церковь, человек, удостоился общения с Христом; не уходи, если не будешь отпущен. Если ты уйдешь прежде отпуска, то будешь судим как беглый раб. Целый день ты тратишь на плотские дела и двух часов не можешь заняться духовными? В театр ты часто ходишь и до окончания не уходишь; а приходишь в церковь и уходишь прежде совершения божественных таинств? Побойся сказавшего: "**кто пренебрегает словом, тот причиняет вред себе**" (Притч. 13:13). Когда ты стоишь пред царем, то не смеешь даже и улыбнуться; предстоя же Господу всего, не стоишь со страхом и трепетом, а смеешься, когда Он часто гневается? Или ты не знаешь, что этим ты прогневляешь Его даже более, чем грехами? Ведь не так Бог отвращается обычно от согрешающих, как от тех, кто не сокрушается после греха. Что делаешь ты, человек? Стоя в церкви, любострастно взираешь на красоту женщин и не трепещешь, нанося такое оскорбление храму Божию?

Или церковь кажется тебе непотребным домом и менее достойной уважения, чем площадь? В самом деле, на площади ты боишься и стыдишься показаться высматривающим любострастно женщину, а в храме Бога, когда Он сам говорит с тобою и угрожает за это, ты осмеливаешься на такой поступок в то самое время, когда слышишь повеление не делать этого, и не трепещешь, не содрогаешься, делая сердце и глаза вертепом беззакония? Лучше таким людям быть слепыми, чем пользоваться так глазами. Подумай, человек, близ кого стоишь ты во время священного этого и страшного таинства, с кем ты намереваешься призывать Бога: с херувимами, с серафимами и прочими небесными силами; размысли, кто соликовствует с тобою. Достаточно тебе для трезвости, если ты примешь только во внимание, что ты, облеченный телом и соединенный с плотью, удостоен вместе с бесплотными силами славословить общего всех Владыку. Итак, не с расслабленным духом принимай участие в этих священных и таинственных гимнах, не житейские помыслы имей в это время, а, исторгнув из души все земное и всецело перенесшись на небо, воспевай всесвятую песнь хвалы Богу, как бы стоя близ самого престола славы и летая с серафимами. Для того повелевается нам стоять благоговейно во время божественного таинства, чтобы мы воздвигли влачащиеся по земле помыслы, чтобы, сбросив с себя расслабление, происходящее от житейских дел, могли прямо поставить душу нашу пред Богом. Не о телесных руках или коленах говорится, - говорится ведь не скороходам или гимнастам, - а повелевается этими словами восставить силу внутренних помыслов, повергнутую искушениями. Во время священного этого собрания, братия, не люди только возглашают эту страшную молитву, но и ангелы припадают к Владыке, и архангелы молятся, имея и время благоприятное для них, и помощь в приношении. И как люди, срезав масличные ветви, машут ими пред царями, напоминая им чрез это растение о милосердии и человеколюбии, так и ангелы в тот час, представляя вместо масличных ветвей само Владычнее тело, молят Владыку за человеческий род, как бы говоря: мы просим за тех самых, кого Ты сам благоволил наперед возлюбить так, что отдал душу Свою за них; мы проливаем молитвы за тех, за кого Ты сам пролил кровь; мы молим за тех, за кого Ты принес в жертву это самое тело. Пусть поэтому каждый размыслит в себе, какой порок он исправил, какую добродетель приобрел, от какого греха омылся, в чем сделался лучше; и если найдет, что от поста у него явился какой-нибудь прибыток на эту прекрасную торговлю и сознает, что приложил много попечения о своих ранах, пусть приступает; если же он оставался нерадив и может показать один только пост, а кроме того ничего доброго не сделал, то пусть остается вне церкви и входит только тогда, когда очистит все свои грехи. Тому, кто, ссылаясь на немощность тела, не постится, естественно получить и прощение; тому же, кто не исправил своих недостатков, невозможно найти оправдания. Что мы сделаем, если Бог потребует от нас ответа за нашу беспечность в собраниях? Вы знаете, конечно, как часто в то самое время, когда Он говорит всем нам чрез пророка, мы ведем с соседями длинные разговоры о вещах, нисколько до нас не касающихся. Итак, если Он, оставив все прочее, захочет потребовать от нас ответа только за этот грех, будет ли нам какая-нибудь надежда на Спасение? Не думай, что это ничтожный грех; а если хочешь узнать, насколько он велик, рассмотри то же самое применительно к отношениям между людьми и тогда увидишь, до какой степени это нелепо. Осмелься, когда говорит с тобой начальник или даже какой-нибудь друг немного почтеннее, оставить его и разговаривать со своим слугою и тогда ты увидишь, какой дерзкий поступок совершаешь ты, делая то же самое в отношении к Богу. Если разговаривавший с тобою принадлежит к числу знатных людей, то он может еще привлечь тебя и к ответу за такое оскорбление. А Бог, который каждый день бывает оскорбляем так, и даже хуже того, и не одним, или двумя, или тремя людьми, а почти всеми нами, сносит и долготерпит. Желая утишить гнев земного царя, вы все с детьми и женами сбегаетесь и часто спасаете осужденного от царского гнева; а когда нужно умилостивить Царя небесного и похитить из гнева Его не одного, не двух, не трех, не сто, а всех грешников, находящихся во вселенной, вы сидите вне и не стекаетесь все

вместе, чтобы Бог, милостиво взирая на ваше согласие, и тем отпустил наказание, и вам простил согрешения. Если в тот час тебе случится быть на площади, или дома, или быть занятым неотложными делами, то не разрываешь ли ты сильнее всякого льва всякие узы и не бежишь ли принять участие в общем молении о прощении? И какую будешь иметь ты надежду на спасение? В самом деле, что может быть могущественнее Церкви? Не говори мне о стенах и оружии. Стены ветшают от времени, Церковь же никогда не стареет; стены разрушают варвары, Церковь же и демоны одолеть не могут. А что эти слова не пустое хвастовство, о том свидетельствуют самые дела. Сколько людей враждовало против Церкви, и враждовавшие погибли, а она вознеслась выше неба! Таково величие Церкви! Когда против нее враждуют, она побеждает; когда строят козни, она превозмогает; когда подвергают бесчестью, становится еще славнее. Знаете тот день, когда против нас направлено было столько оружий и ярость воинская, горевшая сильнее огня, когда нас отводили в царские дворцы и мы были позорищем для вселенной? И однако по благодати Божией ничто нас не сразило. Почему? Потому что ничто в настоящей жизни не есть зло. В самом деле, что есть зло? Смерть? Но она не есть зло, так как чрез нее мы только скорее приходим к пристани. Лишение имущества? "**Наг я вышел… наг и возвращусь**" (Иов. 1:21). Изгнание? "**Господня - земля и что наполняет ее**" (Пс. 24:1). Клевета? "**Блаженны вы, когда будут поносить вас… ибо велика ваша награда на небесах**" (Мф. 5:11, 12). Если меня и отводили в тюрьму, как преступника, то для меня это не было бесчестием, так как бесчестие только в одном - в грехе; и хотя бы вся вселенная обесчестила тебя, но сам ты себя не обесчестишь, ты не обесчещен. Предательство есть только одно - предательство совести; пусть не предает тебя совесть, и никто не предаст тебя. Меня отводили в тюрьму, и я видел дела, или вернее - видел, что мои слова становятся делами, и то, что я говорил словами, возвещается на площади делами.

Итак, желал бы я знать, где проводят время те, которые презрели это священное собрание и отказались от участия в этой священной трапезе. Впрочем, я хорошо знаю: они или разговаривают о нелепых и смешных вещах, или пригвождены к житейским заботам. Между тем и то, и другое времяпровождение лишено извинения и заслуживает крайнего наказания. Что касается первого, то здесь не требуется ни слов, ни доказательств. А что и те, которые ссылаются на домашние дела и происходящую отсюда нестерпимую нужду, точно так же не могут заслуживать снисхождения, в силу того именно, что не предпочитают духовных занятий земным, очевидно также для всякого. Скажи мне в самом деле, какой слуга, прежде чем исполнить господскую службу, станет заботиться о собственных домашних делах? Как же не бессмысленно, в отношении к людям, где господство есть одно простое лишь имя, оказывать господам такое уважение и послушание, а истинного Господа, не нашего только, но и горних сил, не удостаивать даже и такого служения, какого мы удостаиваем наших сорабов? О, если бы я мог показать вашим глазам душу таких людей: вы увидели бы, как она грязна, неопрятна, обесчещена, уничижена и лишена дерзновения! Как тело, оставаясь без бани, покрывается всякой нечистотой и грязью, так точно и душа, оставаясь без духовного учения, облагается великой скверной грехов. О, если бы можно было раскрыть сердца людей, оставляющих священное собрание! О, если бы вам возможно было проникнуть в их совесть! Тогда вы хорошо бы увидели, сколькими язвами они исполнены, сколько имеют терний. Как земля, не возделываемая руками земледельцев, запустевает и зарастает лесом, так и душа, оставаясь без духовного учения, произращает терния и волчцы. Если мы, которые каждый день слушаем пророков и апостолов и унимаем свои страсти постоянно песнопениями из Священного Писания, едва удерживаем свою вспыльчивость, едва обуздываем гнев, едва извергаем гной зависти, едва усмиряем похоть, едва укрощаем бесстыдных зверей, то какую же надежду на спасение будут иметь те, которые никогда не пользуются таким врачеванием и не слышат божественного учения? Как вышедший из пристани всюду блуждает и лишенный света на все натыкается, так и впавший в забвение

страха Божия обрекается на непрестанные заботы, беспокойства и скорби. И как в том случае, когда Бог находится с нами и защищает нас, все печали исчезают, так, наоборот, когда Он оставляет и забывает нас, и душа раздирается, и сердце томится мукой, и скорби нападают, чтобы, уязвляясь всяческим образом, беспечные с большим рвением возвратились туда, откуда ниспали. "**Накажет тебя нечестие твое", -** говорится, - "**и отступничество твое обличит тебя**" (Иер. 2:19). Так и оставление Богом есть один из видов Его промышления. Когда Он, промышляя и заботясь о людях, находит пренебрежение, то оставляет немного и покидает, чтобы небрежные, отбросив беспечность, стали более ревностными. Думаю я, что сегодня присутствуют многие из тех, которые недавно оставили нас и убежали на зрелища беззакония; и желал бы я точно знать их, чтобы прогнать их от этих священных врат, - не для того, чтобы они всегда оставались вне их, а для того, чтобы они возвратились потом исправившись. Так и отцы выгоняют из дома заблудших детей и удаляют от стола, не для того, чтобы навсегда лишиться их, а для того, чтобы они, сделавшись от такого урока лучшими, с подобающей честью возвратились к отеческому наследству.

Так делают и пастухи: они разобщают покрытых паршами овец от здоровых, чтобы, излечившись от болезни, они могли безопасно возвратиться опять к здоровым, и чтобы больные не заразили своей болезнью всего стада. Для того же и мы желали бы знать упомянутых людей. Впрочем, если мы и не можем различить их глазами, наше слово несомненно признает их и, коснувшись их совести, легко убедит их добровольно удалиться, научая их, что только тот находится в Церкви, кто обнаруживает достойное здешнего пребывания расположение души; а тот, кто участвует в этом священном собрании, будучи порочного поведения, хотя и приводит сюда тело, извергается вон и изгоняется хуже заключенных вне и не могущих участвовать в священной трапезе. Последние, будучи извергнуты по законам Божиим и оставаясь вне, имеют по крайней мере благие надежды и, если пожелают исправить свои прегрешения, то могут чрез Церковь, от которой они отпали, возвратиться опять с чистой совестью; те же, которые осквернив себя, после того, несмотря на увещание приходить не прежде, чем очистятся от греховной скверны, ведут себя бесстыдно, делают свою рану более тяжкой, - ведь не столь тяжкое зло - грех, сколько бесстыдство после греха. Многие причащаются таинств однажды в год, другие - дважды, а иные - многократно. Кого же из них нам похвалить? Тех ли, которые однажды причащаются, или тех, кто часто, или тех, кто редко? Ни тех, которые однажды, ни тех, которые часто, ни тех, которые редко, а тех, которые причащаются с чистою совестью, с чистым сердцем, с неукоризненной жизнью. Таковые пусть всегда приступают; кто же не таковы, пусть не приступают и раза, так как они принимают себе суд и осуждение. Подобно тому, как пища, будучи по природе питательной, если попадет в человека, страдающего отсутствием аппетита, все губит и разрушает и становится причиной болезни, так точно и страшные эти тайны. Ты наслаждаешься трапезой духовной, трапезой царской, и опять мараешь тело свое грязью? Помазуешь его миром и опять наполняешь зловонием? Приступая чрез год к причастию, думаешь ты, что этого тебе достаточно для очищения грехов за все время и опять, по прошествии недели, принимаешься за прежнее? Скажи мне, если ты, выздоровев на сорок дней от продолжительной болезни, опять предаешься тому, что причинило болезнь, то не губишь ли ты и прежнего труда? Если таким образом естественные предметы изменяются, то тем более то, что зависит от произволения. Если у тебя дурно пахнет изо рта, ты не питаешься даже за общим столом, а когда в душе такое зловоние, дерзаешь - скажи мне - приобщаться таинств? И какое получишь ты прощение? "**Кто ест и пьет**" чашу Господню "**недостойно",** - говорит божественный апостол, - "**тот ест и пьет осуждение себе**" (1 Кор. 11:29), то есть, потерпит такое же наказание, какому подвергнутся и распявшие Христа. Как те убийцы стали повинны в крови, так и те, которые недостойно приобщаются таин. Как тот, кто разорвет царскую порфиру или замарает ее грязью, одинаково оскорбит

одевающегося в нее царя, так точно и здесь, - как умертвившие тело Владычне, так и принимающие его нечистою душою одинаково надругаются над царским одеянием. Иудеи разорвали его на кресте, а сквернит его тот, кто принимает его нечистой душой. Таким образом, хотя преступление и различно, но оскорбление одинаково. Слова эти тронули многих слушателей, многих смутили, уязвили их совесть, вернее же сказать, не только слушателей, но прежде, чем вас, и меня самого говорящего. Одно ведь для всех учение, одни у всех раны, - почему я прилагаю и общие для всех лекарства. Дело божественного человеколюбия проявляется в том, что и говорящий, и слушающие подчинены одним и тем же законам, имеют одну и ту же природу, и всякий преступающий подлежит одинаковой ответственности. Почему? Чтобы учащий делал порицание с умеренностью, чтобы он был снисходителен к согрешающим, чтобы, памятуя о собственной слабости, не делал обличения нестерпимым. Итак, если ты увидишь, что кто-нибудь из пасомых вместе с тобой ведет блудную жизнь и приступает к таинствам, то скажи тому, кто заведует раздаянием их: такой-то недостоин таинств, не допускай непотребного к святыне. Ведь если таковой недостоин поведать оправдания Божии, то подумай, до чего дойдет наказание ему, когда он коснется еще и священной трапезы, да и не ему только одному, а и тебе, укрывающему его. В самом деле, не сказал Бог: и ты прелюбодействовал, но: "**с прелюбодеями сообщаешься**" (Псал. 50:18). Вот какое великое зло скрывать гнилостные язвы других! Ты, говорит Он, становишься соучастником наказания, полагающегося за преступление. И справедливо. В самом деле, тот может еще указать на страсть, хотя отговорка и не заслуживает извинения, а ты не можешь сделать даже и того. Зачем же ты, не наслаждаясь удовольствием, делаешься общником и участником наказания? Не говори мне таких, исполненных крайней бесчувственности слов: что мне беспокоиться о других? Я забочусь о своей пользе. Нет; тогда-то ты более всего и будешь заботиться о собственной пользе, когда будешь искать ее в том, что полезно для ближнего, как и Павел говорил: "**никто не ищи своего**" (1 Кор. 10:24), чтобы найти свою пользу. В самом деле, когда грешник увидит, что все отвращаются от него, то он будет думать, что сделал великое преступление; если же увидит, что к нему не только не относятся с негодованием и не питают отвращения, но и благодушно терпят и помогают ему, то растлевается и судилище совести, так как мнение окружающих оказывает помощь его развращенной воле. Многие, не вынесши тяжести сделанных вам обличений, придя после ухода, роптали и жаловались, говоря: ты удаляешь нас от священной трапезы, отгоняешь от общения? Я же для того принужден был сказать это, чтобы вы знали, что я не удаляю, а напротив собираю, не отгоняю, не отстраняю, а скорее привлекаю чрез эти обличения. Страх наказания, охватывая, как огонь - воск, совесть грешников и постоянно оставаясь при ней, разрешает и потребляет наши грехи и, делая душу чистой и светлой, сообщает нам большое дерзновение. И как врач, давая страдающим отсутствием аппетита горькие лекарства и удаляя дурные соки, возбуждает упавший аппетит и заставляет с большею охотою вкушать обычную пищу, так точно и учитель, говоря жестокие слова, очищая душу от худых помыслов и освобождая от тяжкого бремени грехов, дает свободно вздохнуть совести и доставляет возможность с полным наслаждением вкусить тела Владычня. Справедливо поэтому говорит блаженный Павел: "**повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет**" (Евр. 13:17). В самом деле, ты заботишься о своей жизни, и если ты устроил ее хорошо, тебе нет никакой заботы о других; священник же, хотя бы и устроил собственную жизнь хорошо, а о твоей не будет иметь тщательной заботы, пойдет вместе с порочными в геенну, и часто, не будучи предан собственными грехами, погибает от чужих. Однако после того, как мы так сильно обличили недостойно причащающихся божественных таин, необходимо обратиться со словом и к вам, служителям таинств, чтобы вы с великим вниманием раздавали эти дары, так как немалое наказание угрожает и вам. В самом деле, если вы, зная о нечестии кого-нибудь, дозволяете участвовать в этой трапезе, то кровь его взыщется от ваших рук. Будет

ли то военачальник, или ипарх, или даже сам облеченный в диадему, но если он приступает недостойно, воспрети ему; ты имеешь власть большую, чем он; не прогневляй Владыку, оставляя неочищенным его тело. Не давай меча вместо пищи; но хотя бы он пришел под предлогом болезни причаститься, не бойся воспретить. Бойся Владыки Бога, не человека. Если ты убоишься человека, то и им будешь осмеян, и Владыку прогневишь; а если - Бога, то и для людей будешь почтенен, и Богу любезен. Если же сам сделать этого не смеешь, то приведи ко мне; я не позволю ему совершить такую дерзость; скорее душу свою положу, чем дозволю причаститься крови Владычней недостойно, и скорее пролью собственную свою кровь, чем допущу до причастия столь страшной крови недостодолжным образом. Гораздо лучше лишиться жизни ради Бога, чем Бога ради жизни. Ему подобает слава, держава, ныне и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 10

О промысле

Почему Бог не уничтожил врага, обольстившего человека в начале? Если бы он одолевал силой, то вопрос имел бы какой-нибудь смысл; если же он чужд такой силы и действует только внушением, а не повиноваться ему в нашей власти, то зачем ты отнимаешь предлог к прославлению и уничтожаешь повод к получению венцов? Кроме того, если бы даже Бог оставил его, зная, что он всех победит, то и тогда не следовало бы смущаться, - так как, если он побеждает, это происходит от нас, которые добровольно покоряемся ему, а не насильно. А если было уже много победивших его и много еще будет впоследствии, то зачем ты лишаешь имеющих прославиться победою такой чести? Однако не все победят его. Но гораздо справедливее, чтобы доблестные имели случай показать свою доблесть, а беспечные были наказаны за свою собственную леность, чем ради последних причинит обиду первым. Ленивый, если и терпит обиду, то не от противника, а от собственной лености, о чем свидетельствует множество побеждающих. Между тем, тогда ревностные подвергались бы козням со стороны ленивых, если бы не имели цели, для которой могли бы пользоваться мужеством. Тогда могли бы жаловаться и на создание уст и глаз, потому что из-за последних многие желают того, чего не должно, и впадают в прелюбодеяние, а первыми иные произносят хулу и провозглашают погибельные догматы. Но неужели из-за этого людям следовало явиться на свет без языка и глаз? В таком случае мы отсечем и руки и ноги, из которых одни исполнены крови, а другие текут на нечестие. А вслед за тем и уши, потому что и они принимают лживые слухи и передают душе растленные догматы; если же так, то и пищу, и питье, и небо и землю, и море, и луну, и хор звезд. Для чего в самом деле будут они нужны, когда тот, ради которого они созданы, будет столь жалостным образом рассечен? Видишь, до каких смешных и нелепых выводов мы принуждены дойти? Диавол враг себе, не нам, потому что мы, если захотим, можем получить чрез него даже многие блага, вопреки его воле и намерению; и в этом обнаруживается тем большее чудо и чрезмерное человеколюбие Божие. Действительно, когда люди становятся лучшими, это уже само по себе уязвляет и огорчает диавола; когда же он сам является для нас виновником этого, то не может уже и снести обиды. Если бы Бог, говорят некоторые, не попустил, диавол не мог бы приступить к человеку и обольстить его в начале. Что сказать нам на это? То, что, если бы этого не случилось, Адам не узнал бы, сколь великое имел он благо, и никогда не отстал бы от своего безумия. В самом деле, тот, кто до такой степени возомнил о себе, что думал даже стать Богом, на что не осмелился бы, если бы не был вразумлен? Но предположим, что диавол не давал бы никаких советов. Остался ли бы Адам безгрешным, если бы этого не было? Нельзя этого сказать. Тот, кто так легко убежден был женой, если бы диавола и не было, скоро сам по себе впал бы в грех. Тот, кто так легко поддался обольщению со стороны другого, уже прежде обольщения был беспечен и слабодушен, потому что последний не мог бы иметь и

такого успеха, если бы обратился к трезвой и бодрой душе. Но почему же Бог дал Адаму такую заповедь, зная, что он согрешит? Потому что и дарование заповеди свидетельствует о большем попечении, чем недарование. Допустим, что Адам имел бы столь слабую волю, как то показал конец, и при этом не получил бы никакой заповеди, а жил в полное свое удовольствие: к худшему или лучшему привела бы эта слабость и беспечность при такой распущенности? Для всякого очевидно, что, живя без всякой заботы, он впал бы в крайнее нечестие. Если он, не имея твердой надежды на бессмертие, но зная, что эта надежда еще сомнительна, впал в такое высокомерие и безумие, что думал сделаться Богом, и при том невзирая на то, что ни откуда не видел, что обещавший заслуживает веры, то до какого безумия не дошел бы он, если бы имел твердую уверенность в бессмертии? Какого греха не совершил бы? Когда бы послушался Бога? Если он после дарования заповеди так презрел Того, Кто даровал ему эту заповедь, то, если бы он совсем ничего не слышал от Него, не стал бы, может быть, сознавать и того, что он находится под Его властью. Если бы никто из порочных здесь не подвергался наказанию, а из добродетельных никто не получал награды, то многие из числа неверующих учению о воскресении стали бы избегать добродетели, как причины бедствий, и следовать пороку, как виновнику благ. Если бы, опять, все получали здесь по достоинству, то стали бы считать излишним и ложным учение о суде. Поэтому, чтобы и учение о суде не почиталось ложным, и множество заурядных людей не делалось хуже вследствие презрения к этому учению, Бог наказывает и здесь многих грешников, и награждает некоторых из добродетельных; и тем, что делает это не в отношении ко всем, удостоверяет учение о суде, а тем, что наказывает некоторых раньше суда, возбуждает спящих глубоким сном. Действительно, вследствие того, что нечестивые терпят наказание, многие пробуждаются, боясь, чтобы не потерпеть того же; вследствие же того, что не все получают здесь по своим заслугам, вынуждаются заключать, что это соблюдается для другого времени. Для того и Каина, когда он согрешил, Бог не умертвил, чтобы все последующие люди вразумлялись чрез него и стали лучшими чрез постигшее его наказание. Не все ведь равно было слышать, что некто Каин, убивший брата, умер, или видеть самого убийцу, несущего наказание. Если в первом случае могли не верить рассказу об этом событии по причине чрезмерной ненависти, то теперь, когда убийца находится налицо и в течение долгого времени заставляет многих быть свидетелями наказания, он делает это событие очевидным и достоверным как для современников, так и для последующих поколений. Затем, если бы Бог тотчас же убил его, то не дал бы ему никакого срока для покаяния и исправления, - тогда как, проводя жизнь в страхе и трепете, он мог бы получить от такой жизни великую пользу, если бы не был крайне бесчувственным и скорее зверем, нежели человеком. Кроме того, чрез это наказание Бог делал для него меньшим будущее мучение, потому что скорби и наказания, наводимые на нас Богом в настоящей жизни, уничтожают немалую часть будущих мучений. Для того Бог обычно наказывает грешников, заслуживающих одинакового наказания, не всех вместе, чтобы остальные сделались лучшими в виду бедствий, постигших других. Но часто Он наказывает и всех вместе, как было, например, при потопе, чтобы самим грешникам прегражден был путь к дальнейшему нечестию, а последующие люди получили бы большую, нежели те, пользу, когда закваска, так сказать, и основа пороков будет удалена вместе с теми, которые их совершали, а также не имели бы столь многих учителей нечестия. В самом деле, если и без примера люди могут легко находить пороки, то что бы они сделали, если бы было много подстрекателей их на дурные дела? Итак, нужно убедиться только в том, что все устрояется для нас Богом на пользу, а каким образом - об этом не спрашивать, равно как не беспокоиться и не унывать, если мы не знаем этого. Знать это и невозможно, и не полезно; первое - потому, что мы смертны, второе - потому, что скоро впадаем в гордость. Бог хочет, чтобы и неверующие Ему спаслись чрез покаяние, как и сам Он говорит о том: "**Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию**" (Мф. 9:13). Даже и после того, как они, удостоившись такого попечения, не пожелают сделаться лучшими и признать истину, Он

не оставляет их; но так как они добровольно сами себя лишили небесной жизни, доставляет им по крайней мере все необходимое для настоящей жизни, повелевая солнцу всходить над злыми и добрыми, посылая дождь на праведных и неправедных, и даруя все прочее, необходимое для поддержания настоящей жизни. Если же о врагах Он имеет такое попечение, то как презрит тех, которые веруют Ему и служат Ему по мере сил своих? Но почему диавол не устранен совсем? Представим себе противника и двух борцов, которые должны сражаться с ним. Один из этих двух борцов страдает от пресыщения, небрежно относится к своему Делу, бессилен и расслаблен, а другой прилежен, пользуется здоровьем, занимается в палестрах и школах для телесных упражнений и обнаруживает всякое старание приготовить себя к состязанию. Итак, если ты уничтожишь противника, то кому из них причинишь обиду? Беспечному ли и нерадивому, или прилежному и положившему столько трудов? Ясно, что прилежному. Этому последнему из-за беспечного учиняется обида, если будет устранен противник; тогда как беспечному из-за прилежного, если противник остается, никакой обиды не причиняется, потому что он терпит поражение от собственной беспечности. Таким образом, человек слабовольный, нерадивый и беспечный, хотя бы и не было никакого диавола, скоро падает и ввергает себя в бездны порока. Равным образом, если мы обратимся к нашим собственным членам, то найдем, что и они являются причинами гибели, - если мы не бываем внимательны, - не по собственной своей природе, а вследствие нашей беспечности. Вот смотри. Глаз дан для того, чтобы ты, взирая на творение, прославлял Творца и Владыку; но если ты непристойно пользуешься глазом, он становится для тебя виновником прелюбодеяния. Язык дан для того, чтобы ты песнословил и восхвалял Создателя; но если ты недостаточно наблюдаешь за собой, он становится для тебя причиной богохульства и сквернословия. Руки даны для того, чтобы ты простирал их на молитву; но если ты не ведешь себя трезвенно, ты простираешь их на любостяжание. Ноги даны для того, чтобы ты устремлялся на добрые дела; но если ты беспечен, то у тебя будут чрез них дурные деяния. Видишь ли, что слабому человеку все приносит вред, и даже сами спасительные лекарства приводят к смерти, не по своей природе, а вследствие немощи такого человека? Одного только взора Божия достаточно, чтобы погубить нечестивых; если присутствие святых делает немощной силу демонов, то гораздо более присутствие Божие. Когда мы увидим расстройство и замешательство в делах, не будем обвинять Бога и думать, что течение настоящей жизни не предусмотрено; истинное расстройство и замешательство не в течении дел, а в находящемся в таком состоянии помысле; и для него не будет никакой пользы от благоустройства в делах, хотя бы он пользовался величайшим благоустройством, пока он не уничтожит расстройства и замешательства, находящихся в нем самом. Подобно тому, как больной глаз и в ясный полдень будет видеть тьму и одно вместо другого, и для него не будет никакой пользы от солнечного луча, между тем как здоровый и крепкий глаз может и вечером верно руководить телом, так точно и око нашего ума, пока будет здраво, хотя бы увидело по-видимому и неустройство, будет видеть прекрасный порядок, а если будет повреждено, то, хотя бы ты возвел его на самое небо, и там найдет великое неустройство и замешательство. Для того Бог не всех подвергает наказанию в здешней жизни, чтобы ты не отвергал воскресения и не терял надежды на суде, как будто здесь все уже дают ответ; равно как не всем позволяет уйти отсюда и безнаказанно, чтобы ты не думал, что все лишено провидения. Если кто не верит в воскресение, пусть подумает, сколько создал Бог из ничего, - и получит доказательство и относительно воскресения. Взяв землю, Бог смесил ее и создал человека, - землю, которой раньше не было. Итак, каким образом земля стала человеком? Каким образом и сама она, раньше не существовавшая, приведена в бытие? Какую опору имеет она? Что находится позади земли? И что, в свою очередь, вслед за этим? Как произведены из нее все бесконечные роды животных, семян, растений? Все это недоумение воскресения. В самом деле, не все равно - возжечь опять потухший светильник или явить огонь, который был нигде не видим; не все равно - восстановить упавший дом или выстроить совершенно

новый дом. В первом случае, если ничего другого не было, по крайней мере было вещество; во втором же случае не было и самого вещества. Для того Бог и сотворил сначала то, что кажется нам труднейшим, чтобы чрез это примерно доказать более легкое. Равным образом при нашем рождении не маленькое ли семя, не имеющее вначале определенного вида и устройства, ввергается в воспринимающую его утробу? Откуда же такое устройство живого существа? А что сказать о хлебе? Не голое ли зерно бросается в землю? Не сгнивает ли оно после того, как бывает брошено? Откуда же колос, ости на нем, стебель и все прочее? Маленькое зернышко смоковницы, упавши на землю, не произращает ли часто корня, ветвей и плодов? Затем, все это ты принимаешь и не подвергаешь излишнему исследованию, а от одного только Бога, преобразующего наше тело, требуешь отчета? Может ли это заслуживать какого-нибудь извинения? Но для чего Бог оставил диавола, когда он столь лукав, что нападает на нас неожиданно? Для того, чтобы мы, будучи побуждаемы страхом и ожидая нападения врага, обнаруживали великую бодрственность и постоянную трезвенность. И чему ты удивляешься, если Он ради этого оставил диавола? Заботясь о нашем спасении и пробуждая нас от беспечности, а также доставляя повод к получению венцов, Он для того уготовал и самую геенну, чтобы страх мучений и тяжесть наказания направляли нас к царству. Итак, если ты сделаешь что-нибудь доброе и не получишь за это воздаяния в здешней жизни, не смущайся: тебя с лихвою ожидает за это награда в будущем веке. Равным образом, если сделаешь что-нибудь злое и не потерпишь наказания, не будь самонадеян, потому что там постигнет тебя наказание, если не переменишься и не станешь лучшим. Ты возмущаешься, выходишь из себя и все наполняешь смущением, видя, как многие, живущие в нечестии, преуспевают и пользуются здесь благами, и сетуешь на долготерпение Божие. Что ты делаешь, скажи мне? Сколько подстерегают и нападают на дорогах? Сколько подрывают стены? Сколько отравляют ядами? Что же? Обвиняем ли мы за них судью? Ни в коем случае. Если он, когда они будут представлены на суде, отпустит их и того, кто пострадал, накажет, а того, кто причинил зло, оправдает и отпустит с почетом, то он действительно достоин обвинения и всяких порицаний; но когда они еще не преданы суду, зачем ты сам привлекаешь его к ответу и наперед осуждаешь? Подумай о своей собственной жизни, человек, войди в свою совесть, - и ты не только не похвалишь своего решения, но и изменишь свое мнение, прославишь долготерпенье Человеколюбца и возблагодаришь за снисхождение, дивясь Его незлобию. Если бы каждый подвергался наказанию за грехи непосредственно вслед за совершением их, то род человеческий едва ли не был бы давно уже истреблен. Итак, братия, не будем унывать: ведь не так мы заботимся о своем спасении, как создавший нас, и не столько у нас попечения о том, чтобы не потерпеть ничего бедственного, сколько у даровавшего нам душу Бога. Бог не попускает людям ни оставаться всегда в несчастиях, чтобы они не впадали в отчаяние, ни в покое, чтобы они не делались беспечными, но разнообразно устрояет их спасение, переменяя одно на другое. Если корабль без кормчего не может благополучно существовать, а легко утопает, то каким образом мир мог бы существовать столько времени, если бы никто не управлял им? И чтобы не говорить многого, представь, что мир есть корабль, внизу, как бы киль, лежит земля, небо - паруса, люди - пассажиры, лежащая внизу бездна - море; каким же образом в течение столь долгого времени не произошло крушения? Оставь корабль на один хотя бы день без кормчего и пловцов, и ты увидишь, как он тотчас же потонет. Между тем мир, имеющий уже пять тысяч с лишком лет, ничего подобного не потерпел. Да что я говорю о корабле? Иной устроит в винограднике небольшой шалаш и после собрания плодов покидает его, и часто последний не просуществует даже и двух дней, вскоре же разрушается и падает. Если, таким образом, шалаш не может стоять без присматривающего за ним, то как же столь великое создание, столь прекрасное и дивное, могло бы остаться незыблемым в течение такого долгого времени без чьего-нибудь попечения? Размысли о красоте небес, сколько ей времени и она не помрачилась; размысли о силе земли, как не изнемогла ее утроба, рождая столько

уже времени; размысли об источниках, как они текут и не расстаются с местом своего рождения; размысли о море, сколько рек принимает оно и не преступает своего предела. Справедливо можно о каждом из названных явлений сказать: "**Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро**" (Пс. 103:24). Не безумно ли с нашей стороны, наблюдая за строителем и видя, как он раскалывает и распиливает деревья, не требовать от него отчета и не обвинять его; равным образом и в отношении к врачу, который прижигает и режет тело, заключает больного в отдельном помещении и томит его голодом, не обнаруживать бесполезного любопытства, а оставаться спокойными и молчать; между тем, о неизреченной премудрости, неизреченном человеколюбии предаваться неуместному любопытству и мелочному исследованию? И оказать помощь, потратить деньги за бедняков, терпящих обиды, вы не легко решитесь, а всячески исследуете, почему такой-то беден, почему такой-то нищ, почему такой-то богат. Затем ты не опускаешь взоров долу и не осуждаешь самого себя, не налагаешь узды на язык и не укрощаешь ума, и, перестав праздно любопытствовать о таких предметах, не обращаешь этой пытливости на свою собственную жизнь? Взгляни на то, что тобою сделано, на море своих грехов; и если ты любопытен и пытлив, потребуй у себя самого отчета в словах, в делах, - в том, что ты худо сказал, что худо сделал. Между тем теперь себя самого ты оставляешь без испытания, а Богу учиняешь суд, и прилагаешь к своим грехам новые грехи. Может ли это не заслуживать наказания? Да избегнем же его все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

СЛОВО 11

О богатстве и бедности

Когда ты видишь, что кто-нибудь незаслуженно пользуется богатством, не называй его счастливым, не считай достойным соревнования, не осуждай промысл Божий, не думай, что настоящая жизнь течет беспричинно и бесцельно. Вспомни о богаче и Лазаре, - как первый достиг последних пределов богатства и роскоши, будучи жестоким, лютым, бесчеловечным и свирепее всех собак, - и в самом деле, последние сожалели бедняка и служили ему, не ленясь лизать языком своим раны, покрывавшие все его тело, а тот не давал ему даже и крох, - между тем как бедный Лазарь, этот истинно богатый, истинно живущий в довольстве, впал в самую крайнюю бедность, лишен был даже самой необходимой пищи, и боролся с болезнью и постоянным голодом. Одине имел более, чем нужно, а другой не пользовался даже и соответственными необходимым потребностям средствами. И, однако, он не возроптал, не стал обвинять Бога и порицать промысл. Итак, не безрассудно ли, что в то время, как сами терпящие бедствия так благословляют за все Владыку, ты, который стоишь вне подвигов, хулишь Бога за то, что другие переносят с благодарением? Тот, кто терпит несчастья, если и скажет какое-нибудь тяжкое и жестокое слово, заслуживает все же снисхождения, хотя и не такого, как другой, а меньшего; но тот, кто стоит вне бедствий и губит свою душу из-за других, будет ли достоин какого-либо прощения, понося Бога за то, за что сам терпящий бедствия благодарит Его и никогда не перестает восхвалять? Почему богатство кажется тебе, человек, вожделенным? Несомненно, вследствие удовольствия, получаемого от хорошего стола, вследствие почета и толпы телохранителей, состоящей из людей, служащих тебе ради богатства, вследствие того, что ты можешь отмстить оскорбителям и для всех быть страшным, - а других причин ты не можешь указать, кроме удовольствия и лести, страха и мести. В самом деле, богатство обычно не делает ни более мудрым, ни более воздержным, ни добрым, ни человеколюбивым; не вводит и не насаждает в душе и никакой другой добродетели. И ты не можешь сказать, что оно вожделенно и желательно для тебя ради какого-либо из этих благ, потому что оно не только не может насаждать и возделывать ни одного из них, а,

напротив, даже вредит и мешает им, если найдет их имеющимися уже налицо, а некоторые даже и совсем исторгает и вводит то, что противоположно им. Но не буду говорить об этом, потому что плененные этим недугом не в состоянии слышать, как их обвиняют и обличают, будучи всецело преданы удовольствию и став чрез это самое рабами. Итак, скажите мне, потому ли богатство кажется вам желанным и высокоценным, что оно питает в вас тягчайшие страсти, доводя гнев до дела, вздувая пузыри больного честолюбия до громадных размеров и возбуждая к гордости? Потому самому нужно без всякой оглядки бежать от него, что оно поселяет в нашей душе диких и свирепых зверей, чрез которых лишает ее чести, признаваемой всеми, и окрашивая цветами последней ложную честь, представляет ее в таком виде обманутым и внушает, что последняя больше первой, хотя она не такова по природе, а представляется только по внешности. Подобно тому как красота распутных женщин, наведенная притираниями и подкрашиванием, на самом деле лишена красоты, но некрасивое в действительности и безобразное лицо кажется для обманутых красивым и благовидным, так точно и богатство обнаруживает вместо чести бесчестие. Не смотри на те похвалы, которые расточаются открыто вследствие страха и лести, а раскрой совесть каждого из тех, которые так льстят тебе, и увидишь тысячи обвинителей, которые в душе вопиют против тебя, отвращаются от тебя и ненавидят хуже злейших твоих врагов и неприятелей. И если когда-нибудь приключившаяся перемена обстоятельств удалит и изобличит личину, образуемую страхом, подобно тому, как яркий луч солнца - подкрашенные лица, тогда ты ясно увидишь, что в предшествовавшее время ты был в крайнем бесчестии у тех, которые услуживали тебе, и пользовался, как ты думал, честью со стороны людей, которые более всего тебя ненавидели и желали видеть тебя в крайнем несчастии. Как человек есть животное ничтожное, подверженное гибели и кратковременное, так и богатство таково же; вернее же сказать, даже и того ничтожнее. Часто оно погибает даже не вместе с человеком, а еще раньше человека; и вы все знаете, сколь многочисленные примеры преждевременной гибели богатства здесь вы наблюдали. И часто владелец остается в живых, а состояние погибает; и, о, если бы оно погибало одно только, а не губило вместе с собой и владельца. Вот почему не погрешит тот, кто назовет богатство неблагодарным рабом, рабом кровожадным и человекоубийственным, рабом, который воздает своему господину в благодарность убийством; и что всего тяжелее - оно подвергает его опасности не только в то время, когда покидает его, но еще и прежде, чем покинуть, доставляет ему беспокойство и тревоги. Кто, например, был выше Евтропия? Не превзошел ли он своим богатством всю вселенную? Не достиг ли до самых высших почестей? Не все ли трепетали и боялись его? Но вот, он стал несчастнее даже узников в темнице, жальче рабов, нуждается хуже нищих, томимых голодом, видит каждый день пред собою изостренные мечи, яму, палачей и отведение на казнь; он даже не знает, пользовался ли когда-нибудь теми удовольствиями, и даже самых лучей солнца не чувствует, но, как бы окруженный непроглядной ночью, и в полдень лишен возможности видеть. Впрочем, сколько бы мы ни старались, мы будем не в силах изобразить то страдание, которое должен испытывать он, ожидая каждый час, когда отсекут ему голову. Вижу его желтое, как бук, лицо, выглядящее нисколько не лучше, чем у лишенного уже навсегда жизни; к этому присоединяется еще стук и скрежет зубов, дрожание всего тела, прерывающейся голос, едва лепечущий язык и вид, какой можете иметь только человек с окаменевшей душой. Не говорил ли я тебе постоянно, что богатство скоропреходяще? Но ты не выносил моих слов. Не говорил ли я, что оно - неблагодарный раб? Но ты не хотел поверить. Но вот опыт на самом деле показал, что оно не только беглый и неблагодарный раб, но и человекоубийца, так как оно именно теперь заставило тебя трепетать и бояться. Не говорил ли я тебе, тогда как ты беспрестанно укорял меня, говорившего правду, что я люблю тебя больше, чем твои льстецы? Что я, обличитель, забочусь о тебе больше, чем угождающие тебе? Не присовокуплял ли я к этим словам, что "**искренни укоризны**" друзей и "**лживы поцелуи**" (Притч. 27:6)? Если бы ты потерпел мои раны, то не

причинили бы тебе поцелуи их этой смерти, потому что раны доставляют здоровье, а их поцелуи производят неисцелимую болезнь. В самом деле, откуда это? От того, что ты не помышлял о превратности дел человеческих. Если бы ты боялся измены счастья, то не потерпел бы измены. Но так как ты ни сам по себе, ни от других не сделался лучше, то и испытал на самом деле то, что говорилось на словах. Всегда я говорю, что богатство предательски изменяет тем, кто худо пользуется им; вот наступает время и показывает самым делом истину этих слов. Что ты держишь его, если во время искушения оно не приносит тебе пользы? Если оно имеет силу, то пусть будет с тобой, когда впадешь в нужду; если же оно тогда убегает, то зачем оно нужно тебе? Говорю, и не перестану говорить это, хотя многие и упрекают меня (говоря): всегда он говорит, докучает богатым. Однако ведь и те всегда докучают бедным. А я докучаю богатым, вернее же сказать, не богатым, а тем, кто худо пользуется богатством. Всегда говорю, обвиняя не богатого, а хищника. Иное дело богатый, иное - хищник; различай эти две вещи, не сливай несоединимого. Богат ты? Не запрещаю. Похищаешь? Обвиняю. Имеешь свое? Пользуйся. Берешь чужое? Не смолчу. Желаешь убить меня? Готов и кровь свою пролить, только бы удержать тебя от греха. Я не обращаю внимания на ненависть, не обращаю внимания на вражду; об одном только забочусь - о преспеянии слушателей. И бедные - мои дети, и богатые - мои дети; одна и та же утроба болела обоими, в одних и тех же муках родились и те, и другие. Пусть убивает, кто хочет, пусть ненавидит, кто хочет, пусть злоумышляет, кто хочет! Козни для меня - залоги венцов, раны - счет наградам. Не боюсь я козней; одного только боюсь я - греха. Только бы не уличил меня кто-нибудь в грехе, и пусть хоть вся вселенная воюет со мной. Видите ничтожество дел человеческих? Видите слабость власти? Видите, что богатство, которое я всегда называл беглецом, не только беглец, но и убийца? Оно ведь не только оставляет своих владельцев, но и убивает их. Когда кто-нибудь заботится о нем, тогда-то именно оно предательски и изменяет. Что ты заботишься о богатстве, которого никогда нельзя уберечь? Хочешь сохранить его? Не зарывай его, а дай в руки бедным. Богатство - дикий зверь; если его удерживают, оно убегает; если гонят, остается. Расточай богатство, чтобы оно осталось; не зарывай, чтобы не убежало. Где богатство? С удовольствием спросил бы я умерших: где богатство? Говорю это не в виду упрека, - нет, - и не для того, чтобы вновь растравить раны; а для того, чтобы из крушений других сделать для вас тихую пристань. В самом деле, кто сегодня богат, завтра становится беден. Вот почему я часто смеялся, читая такие договоры: такому-то должно принадлежать владение полями или домом, а пользование - другому. Все мы только пользуемся, и никто не владеет. Хотя бы в течение всей нашей жизни богатство оставалось у нас, не подвергаясь никакому несчастному случаю, мы волей-неволей при кончине уступаем его другим, извлекши из него только пользу, но не получив над ним власти, и переселяемся в загробную жизнь, будучи наги и ничего не имея. Отсюда ясно, что только те владеют богатством, кто презрел и пользование им, и посмеялся над наслаждением им. Тот именно, кто отверг богатство и роздал его бедным, воспользовался им достодолжным образом, и отходит отсюда, сохраняя полную власть над ним. Таким образом, если кто хочет и владеть, и пользоваться, и иметь полную власть над своим имением, пусть отвергнется от всякого имения; а тот, кто этого не сделает, при смерти лишится всего его, иногда же еще и раньше смерти потеряет его, потерпев бесчисленные бедствия и опасности. И не в том только беда, что с богатством случаются несчастия, и при том неожиданно, но и в том, что богатый оказывается совершенно неприготовленным к перенесению бедности. Ради чего же ты считаешь богатство достойным усилий и почитаешь счастливыми тех, кто приобрел его, и завидуешь им? Чем отличается богатый от бедного? Не одним ли облечен он телом? Не один ли питает желудок? Для чего у тебя множество слуг? Как в одежде и пище должно искать только необходимо нужного, так точно и в слугах. Одному господину следовало бы пользоваться одним только слугой; вернее же сказать, и двум или трем господам - одним слугой. Если же это кажется тяжким, то вспомни о тех, которые не имеют ни одного слуги и

пользуются самыми легкими услугами. Для того ведь и дал нам Бог руки и ноги, чтобы мы не нуждались в слугах. В самом деле, не ради нужды введены в мире слуги, - иначе вместе с Адамом создан был бы и раб, - а как возмездие и казнь за грех и преслушание. Но если уже необходимо иметь раба, то разве лишь одного, или, самое большое, двух. В самом деле, зачем тебе нужно иметь толпу слуг и с важностью выступать на площади? Разве ты ходишь между зверей, что гонишь встречающихся? Не бойся; никто не кусается из подходящих и идущих вблизи тебя. Или ты, может быть, считаешь оскорблением для себя идти вместе со всеми? Но какое же безумие думать, что лошадь, если она идет рядом, не наносит оскорбления, а человек, если его не отогнать на тысячу верст, причиняет бесчестие? Что может быть несообразнее, как расталкивать и гнать людей, чтобы дать широкую дорогу скоту? Богом премудро установлена такая необходимость для нас пользоваться взаимными услугами, что, хотя бы кто-нибудь был богаче всех людей, он и в таком случае не может обойтись без этого взаимообщения и не нуждаться в меньшем. Не только ведь бедные нуждаются в богатых, но и богатые в бедных, и последние нуждаются даже больше в первых, чем первые - в последних. И чтобы тебе видеть это яснее, создадим, если угодно, два города, один - только одних богатых, другой - бедных, и пусть ни в городе богатых не будет ни одного бедняка, ни в городе бедных - ни одного богача, и посмотрим, который из них более может быть сам для себя довлеющим. Итак, в первом городе, городе богатых, не будет ни одного ни ремесленника, ни зодчего, ни плотника, ни башмачника, ни хлебопека, ни земледельца, ни кузнеца, ни веревочника, ни чего-либо другого подобного. Кто, в самом деле, из богатых захочет когда-нибудь приняться за такие дела, если и сами те, которые занимаются ими, когда становятся богатыми, не выносят тяжести этих трудов? Как же будет существовать у нас этот город? Богатые, скажешь, давши серебро, купят это у бедных. Но как же они построят дома? Или и это купят? Но это по самому существу дела невозможно. Необходимо, следовательно, призвать туда мастеров; и, таким образом, нарушить закон, который мы установили вначале, созидая город. Посмотрим теперь на город бедных, будет ли и он точно так же терпеть недостаток, будучи лишен богатых. Предварительно точно определим при этом богатство, разумея под ним именно золото, серебро, драгоценные камни, шелковые, пурпуровые и золототканые одежды. Что же? Если мы все это удалим из города бедных, станет ли он, скажи мне, вследствие этого недостаточным? Ни в коем случае. В самом деле, надо ли построить дом, или сковать железо, или соткать одежду, для этого нужны не золото, или серебро, или жемчуг, а искусство и руки. Равным образом, если нужно пахать или копать землю, богатые или бедные требуются для этого? Для всякого очевидно, что бедные. Где же, наконец, нам нужны будут богатые, как в том разве лишь случае, если нужно будет разорить этот город? Итак, когда ты увидишь, что кто-нибудь блистает одеждами и толпой телохранителей, раскрой его совесть и найдешь там много пыли. Вспомни о Павле, о Петре; вспомни об Иоанне, об Илии, прежде же всего о самом Сыне Божием, который не имел где главы преклонить (Мф. 8:20); подражай Ему и Его рабам и представляй в своем уме их неизреченное богатство. Если же ты, немного прозрев, вслед за тем опять омрачишься, как бы во время крушения от налетевшего порыва бури, то послушай изречение Христово, гласящее, что невозможно богатому войти в царство небесное (Мф. 19:23). К этому изречению присовокупи горы, землю и море, и все, если хочешь, сделай мысленно золотом, и ты увидишь, что ничто не может сравниться с тем вредом, который произойдет отсюда для тебя. В самом деле, если бы каждый из богачей владел целым миром, каждый имел столько людей, сколько есть их теперь во всей вселенной - на суше и на море, каждый владел землею и морем и всеми существующими зданиями, городами и народами, и отовсюду к нему текло бы вместо воды и источников золото, то я сказал бы, что такие богачи не стоят и трех грошей, если они лишились царствия небесного. Если теперь, стремясь обладать деньгами, которые погибают, они испытывают муки, когда не успевают в этом, то что же в состоянии будет доставить им утешение, когда они получат ощущение тамошних благ? Скажи мне, если бы кто-нибудь

ввел тебя в царский дворец, доставил тебе возможность в присутствии всех беседовать с царем и сделал тебя сотрапезником и сожителем его, - не назвал ли бы ты себя счастливее всех? Между тем, когда тебе предстоит взойти на небо, стать пред самим Царем всяческих, сиять пред ангелами и наслаждаться неприступной тамошней славой, ты сомневаешься, нужно ли пожертвовать деньгами, тогда как, если бы надлежало даже отказаться от самой жизни, следовало бы ликовать, веселиться и окрыляться радостью. Чтобы получить власть, доставляющую тебе возможность красть (я ведь не назову такого рода дело приобретением), ты тратишь и свои средства, и у других занимаешь, и, если нужно, не задумываешься заложить даже жену и детей; а когда тебе предлежит царство небесное, не имеющее никакого преемника власти, ты раздумываешь, медлишь и жалеешь денег?

Но увы, до чего велика бесчувственность! Тогда как нас ожидают такие блага, мы все еще пристращены к настоящим и не помышляем о коварстве диавола, который чрез малое лишает нас великого; дает грязь, чтобы похитить небо; показывает тень, чтобы отвратить от истины; обольщает сновидениями (а ничто иное настоящее богатство), чтобы, когда настанет день, показать нас беднее всех. В самом деле, есть ли какой еще столь постоянный и ненасытный враг, как богатство? Когда мы живем, он губит нашу душу, а когда умираем, бесчестит и тело, не позволяя схоронить его в земле, каковая участь постигает и осужденных. При этом законоблюстители, подвергнув последних смертной казни, дальше с ними ничего уже не делают, богатство же подвергает своих владетелей и по смерти жесточайшему наказанию, выставляя их нагими и непогребенными. Страшное и жалости достойное зрелище! Поистине, они терпят участь более тяжкую, чем преступники от гневного приговора судьи. Последние, оставшись первый и второй день непогребенными, предаются затем земле; богатые же, после того как предадут их земле, обнажаются и подвергаются бесчестью от гроборасхитителей. Если при этом последние не уносят и гроба, то здесь нужно благодарить уже не богатство, а бедность, потому что если бы мы и его доверили богатству, и, перестав изготовлять его из камня, сковали из золота, то и его погубили бы. Итак, что может быть несчастнее богатого, когда даже и смерть не доставляет ему безопасности, и его жалкое тело, даже лишенное жизни, не избавляется от зол настоящей жизни, подвергаясь грабежу и обдиранию со стороны злодеев и гроборасхитителей, побуждаемых жадной любовью к деньгам воевать с прахом и пеплом, и с гораздо большей жестокостью, чем при жизни богатого. В самом деле, тогда они, войдя в кладовую, опустошали ящики, но тела не трогали, да и не могли столько унести, чтобы обнажить даже тело; теперь же они и его не щадят, но трогают и ворочают его во все стороны, и наносят ему жестокое поругание. После предания земле, лишив его как земляного покрова, так и одежд, они оставляют его валяться без всякой защиты. И в то время, как природа примиряет тогда с ним даже врагов, богатство, напротив, вооружает и тех, которые ничего не имеют против него, и до такой степени возбуждает и разъяряет неистовство злодеев против мертвого и недвижимого, что они не пощадили бы даже и самого тела, если бы его члены были им на что-нибудь полезны. Не будем, поэтому, считать богатство великим благом. Великое благо не в том, чтобы владеть деньгами, а в том, чтобы иметь страх Божий. Вот теперь, если бы был какой-нибудь праведник, имеющий великое дерзновение к Богу, то мог бы, хотя бы и был всех беднее, прекратить настоящие бедствия; достаточно было бы ему только воздеть руки к небу и призвать Бога, и эта туча прошла бы мимо; а столько золота имеется в запасе и оказывается бесполезнее всякого сору для прекращения постигающих нас бедствий. И не в этой только опасности, а и в других случаях - постигнет ли болезнь, или смерть, или что другое подобное - посрамляется сила денег, оказываясь не в состоянии сама по себе доставить никакого облегчения в приключающихся несчастиях. Где теперь богатые, исчисляющие проценты и проценты на проценты, берущие все у всех и никогда не насыщающиеся? Слышали ли вы глас Петра, который показывает, что бедность есть мать богатства, который ничего не

имел и был богаче самих облеченных в диадему? В самом деле, он, ничего не имея, и мертвых воскрешал, и хромых исцелял, и демонов изгонял, и такие доставлял блага, каких никогда не в силах были дать ни облеченные в порфиру, ни вожди великих и страшных войск. Что же говорит он? "**Серебра и золота нет у меня**" (Деян. 3:6). Что может быть достойнее этих слов? Что может быть блаженнее и довольнее? Тогда как другие хвалятся противоположным, говоря: я имею столько-то талантов золота, бесчисленное количество десятин земли, дома и рабов, - он хвалится тем, что лишен всего, и не только не стесняется и не стыдится своей бедности, но даже гордится ей. Так-то неимеющий ничего может владеть всем, так-то он может обладать благами всех; если же мы будем обладать благами всех, то всего лишимся. Итак, тот, кто считает свое имение не своим, а общим, будет пользоваться не только своим, но и чужим имением, как собственным; тот же, кто отделяет себя и делает господином только своего имения, не будет и его господином. Кто совсем ничего не имеет - ни дома, ни стола, ни лишней одежды, но всего лишился ради Бога, тот пользуется общим достоянием, как своим собственным, и от всех получит все, что пожелает. Неимеющий ничего, таким образом, обладает благами всех. Между тем тот, кто что-либо имеет, не будет господином и этого имения, потому что имеющему никто и не даст, и имение его скорее будет добычей разбойников, воров, клеветников, несчастных обстоятельств, словом, будет принадлежать скорее всем, чем ему. И, если хочешь, представлю тебе самого того, кто сказал это и исполнил на деле, скинотворца, киликийца, о котором даже неизвестно, откуда был он родом. Итак, он прошел всю вселенную, терпя голод, жажду и наготу, совершенно ничего не нося с собою, идя притом не к другу, не к близким людям, - потому что вначале он был общим врагом для всех, - и тем не менее он имел все, когда приходил. Между тем Анания и Сапфира из-за того, чтобы владеть небольшой частью своего имения, лишились всего вместе даже с самой жизнью. Итак, расстанься со своим имуществом, чтобы пользоваться чужим, как собственным. Как человек, чувствующий угрызения совести, хотя бы обладал всеми богатствами, несчастнее всех людей, так, наоборот, имеющий чистую совесть, хотя бы одет был в лохмотья и мучился голодом, счастливее людей, живущих в полное свое удовольствие. Ты имеешь деньги для того, чтобы облегчать бедность, а не для того, чтобы торговать бедностью; а ты под видом облегчения причиняешь еще большее бедствие и продаешь человеколюбие за деньги. Продавай, не запрещаю, но только за царство небесное. Не бери за столь великий подвиг малой цены - стократной прибыли, а будущую вечную жизнь. Зачем ты остаешься беден и нищ и занимаешься мелочами, продавая великое за малое - за деньги гибнущие? Зачем ты, оставив Бога, занимаешься приобретением корыстей человеческих? Зачем, минуя богатого, обременяешь неимущего, и, оставив воздающего долг, имеешь дело с неблагодарным? Тот желает уплатить долг, а этот даже ропщет, уплачивая его; этот едва уплачивает и сотую часть, а тот воздает сторицею и жизнью вечной; этот с упреками и бранью, а тот с благодарением и похвалами; этот питает к тебе зависть, а тот сплетает тебе венцы; этот едва и здесь (воздает), а тот и там, и здесь. Итак, не крайнее ли это неразумие даже не уметь приобретать прибыли? Деньгами должно владеть как подобает господам, а не рабам, так чтобы властвовать над ними, а не они властвовали над нами. Деньги (χρήματα) потому так и называются, чтобы мы пользовались (χρωμεθα) ими на необходимые потребности, а не складывали в хранилище. Рабу ведь свойственно хранить, а тратить - господину и имеющему полную власть. Вот почему нет ничего неразумнее раба денег: будучи обладаем, он думает, что обладает; будучи рабом, думает, что он господин; наложив на себя цепи, он величается, как будто властвует над всеми; раздражая против себя зверя, он веселится и радуется, делаясь его пленником; видя бешеного пса, нападающего на его душу, он, вместо того, чтобы связать его и извести голодом, доставляет ему обильную пищу, чтобы он еще больше нападал и был еще страшнее. Итак, не думай, что от обладания большим богатством для тебя происходит какое-либо удовольствие; напротив, оно происходит от нежелания быть богатым. В самом деле, если ты желаешь быть богатым, то никогда не перестанешь мучиться, потому что любовь к

богатству бесконечна, и чем дальше ты будешь идти, тем дальше будешь отстоять от конца, и чем больше будешь желать чужого, тем сильнее будут увеличиваться мучения. Так точно и испытывая жажду, мы тогда только получаем удовлетворение, когда выпьем, сколько нам хочется; а пока жажда остается, то, хотя бы мы вычерпали все источники, у нас только увеличивается мучение. И подобно тому, как узника ты считаешь особенно несчастным, когда видишь его с цепями на спине и на руках, а часто и на ногах, так точно и богатого, когда увидишь его владеющим бесчисленными имениями, считай поэтому не богатым, а потому-то самому и считай несчастным. Вместе с этими узами он имеет и жестокого тюремщика - несчастную любовь к деньгам, который не дозволяет ему переступить за порог этой темницы, но изобретает бесчисленные узы и стражи, двери и запоры, и, ввергая его во внутреннейшую темницу, убеждает и услаждаться этими узами, чтобы он не нашел даже какой-нибудь надежды на освобождение от угнетающих зол. Подлинно, не столько бедный желает необходимого, сколько богатый - излишнего; равным образом не такую силу делать зло имеет первый, какую возможность - последний. Если же он и желает, и может больше, то очевидно, что и сделает скорее и больше. Бог сделал тебя богатым, чтобы ты помогал нуждающимся, чтобы искуплял свои грехи спасением других; дал тебе деньги не для того, чтобы ты запирал их на свою погибель, а чтобы расточал для своего спасения. Для того Он и обладание ими сделал сомнительным и непрочным, чтобы и этим ослабить силу безумной любви к ним. Если теперь, когда обладающие деньгами не могут смело положиться на них, видят даже, сколько из-за них возникает злых козней, они так сильно разжигаются страстью к деньгам, то кого они пощадили бы, от чего отказались бы, если бы к богатству присоединились еще прочность и безопасность? Кто был, скажи мне, беднее Илии? Но потому именно, что он был беден, он побеждал всех богатых; и самую эту бедность он избрал от богатства души, и всякое денежное богатство считал ниже величия своей души и недостойным своего любомудрия. В самом деле, если бы он считал настоящие блага великими, то не владел бы одной только милотью. Он так презирал суету настоящей жизни, что смотрел на золото как на выброшенный сор. Вот почему сам царь нуждался в этом бедном, и, имея множество золота, с удивлением смотрел на уста не имевшего ничего, кроме милоти. Настолько славнее порфиры была милоть, и царских дворцов - пещера праведника! Вот почему, и восходя на небо, он не оставил ученику ничего другого, кроме милоти. С нею, говорит, я боролся против диавола; получив ее, и ты вооружись ею против него; нестяжательность - крепкое оружие и необоримая защита. И Елисей принял эту милоть как величайшее наследство; и поистине это было величайшее наследство, ценнее всякого золота. И был сугубым тот Илия, - был Илия вверху, и Илия внизу. Знаю, что вы ублажаете этого праведника и желали бы каждый быть Илиею. Но что, если я вам докажу, что все мы получили нечто, другое гораздо большее его. В самом деле, Илия оставил ученику милоть; между тем Сын Человеческий, восходя на небо, оставил нам плоть Свою. Итак, когда мы услышим о погибели наших денег, не будем смущаться, а скажем: благословен Бог, - и найдем гораздо большее богатство. Подлинно, не столько получишь ты, если будешь тратить богатство на нуждающихся, обходить и разыскивать бедных, и расточать свое имение алчущим, сколько приобретешь чрез это слово. Потому-то и Иову я не так удивляюсь в том случае, когда он отворял дом свой для нуждающихся, как изумляюсь и прославляю за то, что он с благодарением переносил похищение имущества. Тот, кто, утишив волнение своей природы, сможет без слез сказать словами Иова: "**Господь дал, Господь и взял**" (Иов. 1: 21), за одно это слово станет вместе с Авраамом, будет прославляться вместе с Иовом. Итак, когда диавол лишит тебя золота или чрез разбойников, или чрез иное какое-нибудь ухищрение, воздай славу Владыке, и ты приобретешь больше и нанесешь врагу двойной удар - тем, что не возроптал, и тем, что возблагодарил. Если он увидит, что потеря денег огорчает тебя и побуждает роптать на Владыку, то никогда не перестанет делать этого; если же увидит, что ты не только не хулишь создавшего тебя Бога, а даже еще благодаришь Его за каждое приключающееся

бедствие, то перестанет наводить искушения, зная, что приключающиеся бедствия являются для тебя поводом к благодарению и делают более лишь блистательными для тебя венцы. Так было и с Иовом. Лишив его имения и поразив тело, и видя, что этим побудил его еще к большей благодарности, диавол не дерзнул уже нападать дальше и удалился, потерпев позорное и полное поражение, а борца Божия сделав более славным. И Иов, после того как увенчался всеми венцами терпения и мужества, получил опять все потерянное вдвойне; а ты, если перенесешь мужественно, получишь все даже не вдвойне, и не втройне, а сторицею, и наследуешь жизнь вечную, которую и да сподобимся все мы получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

СЛОВО 12

О пресыщении и пьянстве

Посмотрим, если желаете, какое удовольствие и какую цену имеет богатство. Сравним стол богатых и бедных и спросим пиршествующих, кто из них более получает чистое и истинное удовольствие: те ли, кто до полудня лежат в постелях, соединяют ужин с обедом, вспучивают свой живот, притупляют чувства, обременяют корабль чрезмерным грузом яств и, наполняя его сверх всякой меры, топят его как бы во время крушения тела, измышляют цепи и оковы на руки и язык, связывают все тело узами крепче железной цепи - узами пьянства и пресыщения, ни сна не имеют настоящего и безмятежного, ни от сновидений страшных не могут избавиться, и, сами подпуская к душе своей демона, бывают жальче беснующихся и посмешищем для слуг, не узнают никого из присутствующих, не могут ни говорить, ни слышать, и на руках переносятся с диванов на постель, или те, кто трезвятся и бодрствуют, определяют меру вкушаемого нуждою, и лучшей приправой имеют голод и жажду? Подлинно, ничто так не доставляет удовольствия и здоровья, как если вкушать пищу, чувствуя голод и жажду, определять меру насыщения только одной нуждой и не налагать на тело бремени сверх сил. Если не веришь моему слову, исследуй тела тех и других и душу каждого: не крепче ли тела у тех, кто вкушают пищу умеренно, и чувства их не выполняют ли с большей легкостью свое назначение, а тела пресыщающихся не бывают ли вялыми и слабее всякого воска, и не осаждаются ли роем болезней? И болезни ног скоро нападают на них, и несвоевременное дрожание, и преждевременная старость, и головные боли, и растяжение и переполнение желудка, и потеря аппетита, почему они и нуждаются постоянно во врачах, в беспрестанных лекарствах и ежедневном лечении. Это ли удовольствие, скажи мне? И кто из людей, знающих, что такое удовольствие, скажет это? Удовольствие бывает тогда, когда наслаждению предшествует пожелание; если же наслаждение есть, а пожелание совершенно отсутствует, то и удовольствие совсем пропадает и исчезает. Подобно тому, как корабль, нагруженный больше того, что может вместить, будучи обременяем тяжестью груза, идет ко дну, так точно и душа, и природа нашего тела, приняв пищу в размерах, превышающих свои силы, переполняется и, не выдерживая тяжести груза, погружается в море погибели и губит при этом и пловцов, и кормчего, и штурмана, и едущих, и самый груз. Как, следовательно, бывает с кораблями, находящимися в таком состоянии, так точно и с пресыщающимися. Как там ни тишина моря, ни искусство кормчего, ни множество корабельщиков, ни надлежащее снаряжение, ни благоприятное время года, ни что другое не приносит пользы обуреваемому таким образом кораблю, так и здесь ни учение и увещание, ни наставление и совет, ни страх будущего, ни стыд, ни порицание присутствующих, ни что другое не может спасти обуреваемую таким образом душу. Да и для настоящей жизни такой человек бывает непригоден и не способен ни на какое доброе дело. От того именно, не от другой причины, подвергаются тяжким и неизлечимым болезням живущие постоянно невоздержной жизнью, и думающие, что они

призваны к этой жизни для того, чтобы пресыщаться, переполнять желудок, утучнять тело, и с этим отойти отсюда, приготовляя из своих тел обильнейшую пищу для червя. Так они бывают подвержены дрожанию, расслаблению, чахотке, воспалениям, ножным болезням и многим другим, определяемым врачами. Поистине, такого рода трапезы ничем не лучше ядовитых снадобий, а по правде сказать, даже гораздо хуже. Последние тотчас же умерщвляют принявшего их и незаметно приносят смерть, так что и этим самым не опечаливают умирающего, а те приносят заботящимся о них жизнь, которая тяжелее тысячи смертей. Притом другие болезни возбуждают у многих сострадание, болезни же, происходящие от сластолюбия и пьянства, не позволяют видящим их, даже и при желании, сочувствовать одержимым ими: чрезмерность страдания склоняет к сожалению, но причина болезни приводит знающего ее в раздражение. В самом деле, они не природой обижены, как те, и не от людей потерпели козни, а сами были виновниками этих болезней, добровольно ввергнув себя в бездну зол. Не так скорпион или змея, сидящая в наших внутренностях, всюду производит разрушение, как страсть сластолюбия губит и разрушает все. Те звери причиняют гибель только телу, а эта страсть, когда утвердится, вместе с телом губит и душу. Итак, если сластолюбие все губит и представляет крайне смешное дело, то пощадите ваше собственное телесное здоровье. Не говорю, чтобы вы предались суровому образу жизни, если не желаете; устраним по крайней мере излишнее, отсечем сверхнужное. В самом деле, какое будем иметь мы извинение, когда другие не пользуются даже необходимым, несмотря на то, что могут, а мы пресыщаемся сверх нужного? Кого мы назовем живущим в большем довольстве - того ли, кто питается овощами и пользуется здоровьем, и не имеет ничего неприятного, или того, кто имеет сибаритский стол и исполнен бесчисленных болезней? Очевидно, первого. Не будем поэтому искать ничего, кроме необходимого. Кто может довольствоваться бобами и быть здоровым, пусть не ищет ничего большего; более слабому и нуждающемуся в употреблении овощей пусть не возбраняется и это; если же кто и того слабее и нуждается в умеренном подкреплении мясом, и тому мы не положим запрета. Не для того ведь даем мы эти советы, чтобы убивать и губить людей, а чтобы устранить излишнее; а излишне то, что превышает меру необходимого. Когда и без этого мы можем проводить здоровую и благопристойную жизнь, то, несомненно, излишне то, что прибавляется. Или вы не видите, с кем у нас брань? С бестелесными силами. Как же мы, будучи плотью, победим их? Если борющемуся с людьми необходимо умеренно питаться, то гораздо более борющемуся - с демонами; если же мы привязаны к дебелости плоти и богатству, то как одолеем противников? Как самое совершенное искусство делается бессильным, когда струны на гитаре мягки, слабы и нехорошо натянуты, и принуждается быть рабом дурного состояния струн, - так точно и душа, когда тело пользуется у нас большим уходом, терпит горькое рабство. Итак, не будем утучнять тела и делать его чрез пресыщение дряблым и слабым. Не говорю, чтобы вы изнуряли себя и вели суровую жизнь, а говорю лишь, чтобы вы принимали пищу в той мере, которая и доставляет удовольствие - истинное удовольствие, и может напитать тело и сделать его послушным и пригодным орудием для деятельности души, хорошо укрепленным и устроенным. Когда оно переполняется от пресыщения, то и самых гвоздей, так сказать, и связей бывает не в силах удержать от наводнения - наводнение, куда проникает, все разрушает и размывает. Что достаточно само по себе, есть пища, и удовольствие, и здоровье; а что сверх того, то вред, мерзость и болезнь. И что всего тяжелее, это то, что излишество вместе с телом губит и самую душу. И как слишком влажная земля родит червей, так и прирожденная телу похоть, будучи орошаема невоздержностью, родит чувственные удовольствия; а когда тело делается более слабым, то и душа по необходимости разделяет с ним вред. Если пьющие процеженное вино несвободны от порицания, то что мы скажем про тех людей, которые ради вина предпринимают заморские путешествия и все делают, лишь бы им не остался неизвестным ни один род винограда, как будто они должны дать ответ, или подвергнуться крайнему осуждению, если не нагрузятся всякого рода вином? Поистине, ничто так не

любезно демону, как сластолюбие и пресыщение. В самом деле, какого зла не совершает сластолюбие? Оно делает из людей свиней, и даже хуже свиней. Свинья валяется в грязи и питается нечистотами; а сластолюбец питается столом еще более отвратительным, придумывая непозволительные совокупления и противозаконные любови. Такой человек ничем не отличается от бесноватого. Но бесноватого мы хоть сожалеем, а такого человека сторонимся и ненавидим. Почему? Потому что он сам на себя навлекает безумие и делает свой рот, глаза, нос, словом, все члены, проводниками греха. Если же ты посмотришь еще внутрь, то увидишь, что и душа как бы окоченела и оцепенела от непогоды и холода, так что и ладье не может оказать пользы вследствие слишком большой непогоды. Ведь люди, сделавшиеся рабами пьянства и объедения, ни сна не имеют чистого и настоящего, ни от сновидений страшных не бывают свободны. Не противно ли здравому смыслу, что неразумные животные не ищут ничего, кроме необходимого, а разумные и одаренные образом Божиим люди делаются и их неразумнее, преступая пределы умеренности? В самом деле, насколько лучше таких людей осел? Насколько лучше собака? Животные, нужно ли им есть, или пить, знают в качестве предела довольство и дальше необходимого не идут; и сколько бы их ни принуждали, они не позволят себе перейти меры; а эти люди почитают себя и их презреннее. При том, животных они не принуждают есть пищу сверх меры, и если кто спросит: почему? - они ответят: чтобы не повредить их; а о себе самих не оказывают далее и такой заботы. Настолько они считают себя и их ничтожнее и так пренебрегают собой, несмотря на то, что постоянно испытывают бурю. Действительно, не только в самый день пьянства они терпят вредные последствия опьянения, но и после того дня; и подобно тому, как по миновании лихорадки остаются вредные следы лихорадки, так точно и после того, как пройдет опьянение, и в душе, и в теле продолжается буря опьянения, и бедное тело лежит разбитым, как корабль - крушением, а еще более его - несчастная душа, несмотря даже и на то, что оно разбито, возбуждает бурю и еще сильнее разжигает похоть. Сколько зол приключается людям от пьянства, стыжусь и сказать, а предоставляю их собственной совести, которая знает это точнее. Что постыднее пьяного, который бессмысленно кружится, терпит тяжкое это крушение и дает неразумным повод хулить дары Божии? В самом деле, я слышу, как многие говорят, когда случится такое несчастие: пусть сгинет вино! О, безумие! О, сумасшествие! Потому, что другие грешат, ты осуждаешь дары Божии? Разве вино, человек, сделало это зло? Не вино, а невоздержность тех, кто худо пользуется им. Поэтому скажи: да не будет пьянства, да не будет пресыщения! Если же ты говоришь: да не будет вина, то, идя понемногу вперед, скажешь: да не будет железа, по причине убийц; да не будет ночи, по причине воров; да не будет света, по причине клеветников; да не будет жены, по причине блуда; словом, уничтожишь все предметы. Итак, не вино осуждай, а пьянство и того, кто худо воспользовался добром; и, обратившись к нему в трезвом виде, опиши его постыдное поведение и скажи ему: вино дано, чтобы мы веселились, а не бесчинствовали; чтобы смеялись, а не делались посмешищем; чтобы были здравы, а не болели; чтобы врачевали немощь тела, а не разрушали силу души. Бог почтил тебя даром: зачем же ты бесчестишь себя неумеренностью? Если святой Тимофей, будучи даже одержим болезнью и терпя постоянные немощи, не вкушал вина, пока не позволил ему учитель, то какое извинение будем иметь мы, которые упиваемся, будучи здоровы? Тому он говорил: "**употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов**" (1 Тим. 5:23), а каждому из нас скажет: употребляй немного вина ради блудодеяний, ради постоянных твоих сквернословий и других дурных пожеланий, которые обычно порождает пьянство. Вино дано для веселья: "**вино**", - говорится, - "**веселит сердце человека**" (Пс. 103:15), а вы губите и это прекрасное его свойство. В самом деле, какое веселье быть не в своем уме, испытывать тысячи болей, видеть, как все кружится, быть объятым страшным мраком, подобно страдающим лихорадкой нуждаться в смачивании головы маслом, дни превращать в ночи и свет - в тьму, с открытыми глазами не видеть даже того, что под ногами, и причинять себе столько таких зол? Для людей, проводящих жизнь в пьянстве и

невоздержании, действительно, день превращается в ночной мрак, не оттого, что солнце гаснет, а оттого, что их ум омрачается пьянством. Предающиеся пьянству, чем более вливают в себя вина, тем более распаляются жаждой, и каждый глоток делается поджогой жажды; в конце концов удовольствие пропадает, между тем жажда делается неутолимой и приводит на самый край пьянства тех, кто стал его пленником. Потому больше всего можно удивляться безумию людей, преданных пьянству, что они не хотят пощадить себя даже и в той мере, в какой другие щадят мехи. Продавцы вина не позволяют последним брать в себя сверх меры, чтобы они не разорвались, а те не удостаивают свой несчастный желудок даже и такой заботы, но, после того как наполнят и разорвут его, переполняют все вплоть до ушей, до ноздрей и до самого горла, причиняя тем большое стеснение дыханию - той силе, которая заправляет живым существом. Разве для того дано тебе горло, чтобы ты наполнял его до самого рта перекисшим вином и иной гнилью? Не для того, а чтобы ты воссылал святые молитвы Богу, читал божественные законы и подавал ближним полезные советы. Не так речные потоки размывают и заставляют оседать берега, как роскошь и удовольствия легко подрывают все опоры нашего здоровья. Кто с жадностью предается яствам, подрывает силы тела, равно как уменьшает и ослабляет и крепость души. И не в том только несчастье для сластолюбца, что он разрывается, раздирает свой желудок и разрушает здоровье тела и души, но и в том, что он очень скоро расстается с принятыми яствами и не может удержать их даже в продолжение одного дня, но, лишь только они переварятся, принужден снова наполнять себя другими яствами. Итак, не вкушать пищу - зло, нет, а объедаться, переполнять сверх должной меры и раздирать желудок; равным образом, не пользоваться умеренно вином - зло, а предаваться пьянству и извращать неумеренностью судилище разума. Господь соединил нас с таким телом, которое не может существовать иначе как принимая пищу; пусть только устранена будет неумеренность; это содействует в высшей степени и нашему здоровью, и благосостоянию. Не видите ли вы ежедневно, как от роскошных трапез и чрезмерного объедения происходят бесчисленные болезни? Откуда болезни ног? Откуда головные боли? Откуда изобилие дурных соков? Откуда тысячи других болезней? Не от излишеств ли и поглощения вина сверх должной меры? Как корабль, переполненный водою, скоро погружается и тонет, так и человек, когда предается объедению и пьянству, падает в бездну, потопляет разум и лежит затем как живой мертвец, который часто может делать зло, а в отношении ко всему доброму находится в ничуть не лучшем состоянии, чем мертвец. Пьянство столь великое зло, что может лишить даже чувств, и заставляет разумного человека, получившего власть над всем существующим, лежать подобно бессильному трупу, связав его несокрушимыми узами; вернее же - и трупа хуже, потому что последний не способен и на добро, и на зло, а тот выставляется на всеобщее посмешище. В самом деле, друзья пьяного, считая его позор своим собственным, стыдятся и краснеют за него, а враги радуются, насмехаются и посылают проклятия, только что не говоря таких слов: следует ли вообще ему жить? следует ли ему дышать воздухом, этому скотине, свинье? - или даже произнося еще более тяжкие ругательства. Избегая этого по мере сил, возлюбленные, постараемся вкушать пищу в такой мере, которая и удовольствие доставляет - удовольствие истинное, и может напитать тело, и сделать его послушным и удобным орудием для исполнения заповедей Христовых, чтобы нам и настоящую жизнь благополучно пройти, и будущих достигнуть благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

СЛОВО 13

О болезни и врачах

Когда, человек, ты подвергнешься болезни, вспомни о теле Иова, о святой его плоти, потому что она, и имея такие язвы, была свята и чиста. В самом деле, кто так болел когда-

нибудь? Кто подвергался такому несчастью или видел другого подвергавшегося? Нет, нет, никто. Постепенно истощалось его тело, источник червей точился у него изо всех членов, и приток этот был непрерывен, повсюду было страшное зловоние, тело постепенно распадалось и, разлагаясь от такого гниения, делало противной пищу, И голод был у него необычайный и неслыханный, потому что он не мог вкушать предлагаемой пищи. "**чувствую смрад в пище моей**" (Иов. 6:7). Но, скажешь, он имел достаточное утешение и облегчение в сознании того, что эти бедствия навел на него Бог. Напротив, это-то особенно его и смущало и страшило, что праведный Бог, которому он всячески служил, враждует, как он думал, с ним, так как он не мог найти никакой разумной причины для случившегося. Если же ты думаешь, что этого достаточно для утешения, то можешь и сам получить такое утешение. Хотя бы ты терпел какое-нибудь бедствие не ради Бога, а от людской злобы, но если ты не произнесешь хулы, а возблагодаришь Того, кто мог воспрепятствовать этому, но попустил ради твоего испытания, то, подобно тому как увенчиваются страдающие ради Бога, и ты получишь те же самые награды за то, что мужественно перенес причиненные тебе людьми бедствия и возблагодарил Того, кто мог, но не восхотел не допустить их. Нет ни одного ни доброго человека без греха, ни злого без правды; возмездие же и воздаяние бывает и тому и другому. Если какой-нибудь праведник сделает нечто злое и заболеет, подвергнется наказанию, то не смущайся, а скажи: этот праведник сделал когда-нибудь небольшое зло и получает должное здесь, чтобы не быть наказанным там. Равным образом, если увидишь, что грешник похищает, обманывает, делает тысячи зол и, несмотря на то, благоденствует, точно также не смущайся, а скажи: этот грешник, делающий тысячи зол, когда-нибудь сделал нечто доброе и получает за это блага здесь, чтобы не требовать награды там. Это можно видеть и на примере Лазаря. Так как случалось и ему иметь кое-какие грехи, и богачу, в свою очередь, иметь нечто доброе, то послушай, что говорит Авраам: "**ты получил уже доброе твое**" там, "**а Лазарь - злое**" его (Лк. 16:25). Какие? Ты сделал нечто доброе? Ты за то получил богатство, здоровье, удовольствие, власть, почет, и тебе не осталось никакого долгу. А что Лазарь? Не согрешил ни в чем? Нет. Потому и говорит: "**а Лазарь - злое**" его, потому что когда ты получал "**доброе твое**", тогда и Лазарь - "**злое**". Итак, когда ты увидишь, что праведник терпит наказание, называй его блаженным и говори: этот праведник имеет какой-нибудь грех, получает возмездие за него и отходит в тот мир чистым. Если же он наказывается более, чем заслуживают грехи, это вменяется ему в умножение праведности. И слушай, что я говорю. Иов был праведен, непорочен, истинен, богочестив (Иов. 1:1), и тело его подверглось наказанию здесь, чтобы получить награду там. "**Или ты думаешь, что Я поступил с тобою не так, или разве ты окажешься правым?**" (Иов. 40:3)? Итак, совратил ли этого святого Иова совет жены? Напротив, скорее даже сделал обратное, укрепил его еще более, так что он даже выразил порицание жене. Он предпочитал лучше скорбеть, мучиться и терпеть тысячи бедствий, чем найти освобождение от этих зол через хулу. Между тем многие из людей, когда подвергнутся какой-нибудь болезни, тотчас же извергают хулы и таким образом тяготу болезни несут, а пользы от нее, приобретаемой чрез терпение, лишаются. Что ты делаешь, человек? Хулишь своего благодетеля, спасителя, защитника, попечителя? Не замечаешь, что несешься в пропасть и ввергаешь себя в ров крайней погибели? Для того ведь диавол и наводит тысячи бедствий, чтобы низвергнуть тебя в этот ров. И если он видит, что ты хулишь, то легко умножает и усиливает скорбь, чтобы ты под влиянием мук опять предавался ропоту; а если видит, что переносишь мужественно, и чем более усиливается страдание, тем более ты благодаришь Бога, то тотчас же отстает, видя уже тщетность и бесполезность своих козней. Зачем ты ропщешь, человек, и извергаешь хулы, если подвергнешься когда-нибудь неожиданному несчастью? Разве ты сделаешь легче страдание, если будешь хулить? Наоборот, ты усилишь его и сделаешь скорбь гораздо более тяжкой. Но ты не можешь молчать, будучи пронзаем скорбью? Тогда вместо хулы возблагодари, восхвали, прославь Бога. Если ты произнесешь хулу, то и помощь Божию

оттолкнешь, и диавола сделаешь более сильным против себя; а если возблагодаришь, то и козни лукавого демона отразишь, и попечение Бога-покровителя привлечешь к себе. Но часто язык по привычке стремится произнести эти непотребные слова? А ты, когда он устремится, закуси его отовсюду крепко зубами, прежде чем он произнесет эти слова. Лучше ему теперь обливаться кровью, чем в тот день, когда он будет желать капли воды, не иметь возможности найти облегчение, как то было с богатым; лучше ему потерпеть временную боль, чем непрерывно и вечно гореть в огне на том свете. Итак, когда ты подвергнешься тяжкой болезни, и многие будут понуждать тебя облегчить страдание - одни заклинаниями, другие амулетами, третьи какими-либо иными чародейными средствами, а ты ради страха Божия мужественно и твердо перенесешь тяготу болезни и предпочтешь лучше все потерпеть, нежели решиться сделать что-нибудь подобное, - это доставит тебе венец мученичества. И не сомневайся; как мученик мужественно переносит муки истязаний, чтобы не поклониться идолу, так и ты переносишь муки болезни, чтобы не нуждаться ни в чем, исходящем от него, и не сделать того, что он повелевает. Но те муки сильнее? Зато эти продолжительнее, - так что оказываются равны тем, а часто даже и более сильными. В самом деле, когда горячка внутри мучит и сожигает тебя, а ты, несмотря на увещания других, отвергнешь заклинание, то не облекаешься ли ты в венец мученичества? Когда ты с великим срамом выгонишь из дома заклинателей, то все, кто услышит, похвалят и удивятся тебе, и будут говорить между собой: такой-то, страдая болезнью, несмотря на то, что некоторые много раз убеждали, уговаривали и советовали воспользоваться чародейными заклинаниями, не допустил этого, а сказал: лучше умереть так, нежели отречься от благочестия. Если же здесь бывает столько похвал, то представь, какие венцы ты получишь там, когда в присутствии ангелов и архангелов Христос подойдет к тебе и, взяв за руку, выведет на средину зрелища и вслух всем скажет: этот человек, некогда болея горячкой, невзирая на бесчисленное множество советовавших ему избавиться от горячки, ради имени Моего и страха ко Мне, чтобы не согрешить, с позором прогнал обещавших вылечить его таким образом и предпочел лучше умереть от болезни, чем отречься от служения Мне. В самом деле, если Он выводит на средину тех, кто напоил Его, напитал и одел, то гораздо более тех, кто решился ради Него терпеть горячку. Не одно ведь и то же дать ли хлеб и одежду, или претерпеть долгую болезнь; последнее гораздо более первого; а потому и венец будет более блистательным. Об этом будем размышлять и беседовать друг с другом и будучи здоровы. Вспомни блаженного Тимофея, которому болезнь никогда не давала отдыха, а постоянно была соединена с телом. Если же этот праведный и святой, которому вверено было попечение о вселенной, который воскрешал мертвых, изгонял демонов и исцелял бесчисленные болезни в других, терпел такие страдания, то какое извинение будешь иметь ты, который возмущаешься и ропщешь при кратковременных болезнях? Сыновей, хотя отцы часто и незаслуженно наказывают их, понуждают терпеливо сносить наказание; а ты не можешь потерпеть, когда наказывает тебя Бог, Который любит тебя больше отцов и все устрояет тебе на пользу, но, хотя бы приключилась даже незначительная болезнь, тотчас же выходишь из-под Его владычества и бежишь к демонам? И какое получишь ты прощение? Как ты оправдаешься пред Христом? Как призовешь Его в молитвах? С какой совестью после того войдешь в церковь? Какими глазами будешь смотреть на иерея? Какой рукой коснешься священной трапезы? Какими ушами будешь слушать читаемые там Писания, совершая против себя самого такие преступления? Как сможешь опять умолять Бога? Да и никто другой, хотя бы он имел дерзновение Моисея, не в состоянии будет молиться за тебя. Или ты не слышишь, что говорит Бог Иеремии относительно иудеев: не молися о людях сих, яко аще станет Моисей и Самуил, не послушаю их (Иер. 15:1)? Подобно тому, как торговцы невольниками, предлагая малым детям пирожки, сладкие фрукты и тому подобное, часто уловляют их такими приманками и лишают свободы и даже самой жизни, так точно и чародеи, обещаясь вылечить больной член, топят все спасение души. Многие, впавшие в крайнее безумие, не только просят у Бога всяческих богатств, власти и тому

подобного, но и проклинают врагов и умоляют послать им какое-нибудь наказание; они желают, чтобы Тот самый, которого они молят быть снисходительным и милостивым к ним, был жестокосерд и бесчеловечен к врагам их. Плывущие на корабле не дают кормчему приказаний держать кормило известным образом и направлять корабль, но, сидя на палубе, доверяют его искусству не только когда корабль плывет благополучно, но и когда ему угрожает крайняя опасность; а одному только Богу, который заботливо устрояет полезное нам, не хотят доверять, уподобляясь больному, который упрашивает врача дать ему не то, что прекращает болезнь, а то, что питает вещество, являющееся матерью болезни. Но не послушается врач просьбы больного; и хотя бы видел его плачущим и жалобно умоляющим, скорее последует закону своего искусства, чем преклонится на его слезы. И такое невнимание мы называем не жестокосердием, а человеколюбием, потому что, если он слушается больного и доставляет ему удовольствие, то поступает с ним как враг, а если упорствует и противится его желанию, то обнаруживает милосердие и любовь. Равным образом и нежно любящие отцы ни в коем случае не дозволят себе дать детям нож или горящие уголья, когда те просят их, потому что хорошо знают, что удовлетворение такой просьбы пагубно для них. Так точно и Бог не может дать просящим гибельного в качестве полезного, поскольку знает, что это будет им на погибель. Думаю, что и древние врачи не напрасно и не без причины постановили законом публично показывать действие разных орудий, а для того, чтобы предостеречь здоровых, показав им наперед, в чем они будут нуждаться, если станут вести беспорядочную жизнь. Итак, Христос должен быть для нас и страшнее геенны, и вожделеннее царства небесного; и если мы заболеем, лучше остаться в болезни, нежели чрез освобождение от недуга впасть в нечестие. Если даже чародей и вылечил тебя, он больше причинил вреда, чем пользы. Он часто приносит пользу телу, которое все равно немного позднее должно умереть и сгнить, но причиняет вред бессмертной душе. Тому, кто не врач, лучше и не иметь лекарств. Тот, кто их не имеет, ни спасает, ни губит, а имеющий губит, не зная, как ими пользоваться, потому что спасение не в природе только лекарств, но и в искусстве того, кто их прилагает. Иметь, следовательно, название врача не значить быть врачом. Слышал ли ты повествование о Лазаре, как он всю свою жизнь боролся с голодом, болезнью и полным одиночеством, так что и самую жизнь кончил перед воротами богача, будучи презираем, испытывая голод и служа пищей для псов. Телом он ослабел до такой степени, что не мог даже отогнать собак, которые нападали на него и лизали раны. И однако он не искал заклинателя, не привешивал ладонок, не обращался к колдовству, не звал к себе чародеев, не делал и ничего другого запрещенного, но предпочитал лучше умереть среди таких зол, чем изменить хотя бы отчасти благочестию. Итак, когда он терпел столько бедствий и мужественно переносил их, какое же прощение будем иметь мы, если ради горячки или ран зовем в свой дом знахарей и чародеев? Многие часто хворают, но не имеют недостатка в необходимой пище, другие живут постоянно в крайней бедности, но пользуются здоровьем; Лазарь же был до такой степени обессилен, что не мог даже отогнать собак, а лежал как живой мертвец, видя, как те нападают на него, отогнать же их не имея сил, - так обессилели его члены, так были изнурены болезнью, так истощены испытанием. Если же каждое из этих бедствий само по себе невыносимо и ужасно, то, когда они соединены были вместе, не адамант ли был тот, кто терпел их? Если бы он терпел все это и был оставлен без всякой заботы, лежа в пустынной и необитаемой местности, то он не так бы чувствовал скорбь, потому что отсутствие кого бы то ни было другого заставило бы и невольно переносить приключившееся несчастье; но то обстоятельство, что он лежал на виду стольких людей, и при том благоденствующих, и ни от кого не удостаивался даже и малейшей заботы, делало чувство боли гораздо более острым. Представь, что он должен был испытывать, видя, как тунеядцы, льстецы спускались, поднимались, выходили, входили, шумели, упивались. Мы, хотя бы потерпели тысячи бедствий, можем, взирая на него, получить достаточное утешение, потому что скорбящим приносит великое утешение то, что они

находят сообщников своих страданий; между тем Лазарь не имел пред глазами никого другого, кто страдал бы одинаково с ним, причем даже думал, что настоящие дела кончаются здешней жизнью, так как он был из числа живших до благодати. Если же теперь, в наши времена, после такого познания Бога, после благих надежд на воскресение и благ, уготованных для хорошо подвизающихся, некоторые оказываются так малодушны, что не исправляются даже этими надеждами, то что же должен был чувствовать он? Будем же подражать Лазарю все, и богатые и бедные. Он выдержал не один, не два, не три только подвига добродетели, а гораздо более, - бедность, отсутствие покровителей, болезнь, то, что не два, не три дня, а всю жизнь видел себя в таком состоянии, а богача в противоположном; то, что не имел возможности видеть другого Лазаря, не мог ничего любомудрствовать о воскресении; то, наконец, что вместе с указанными бедствиями еще имел о себе вследствие этих несчастий дурное мнение среди людей. Итак, когда он с таким мужеством переносил все эти бедствия вместе, какое извинение будем иметь мы, если не перенесем даже и половины их? В самом деле, ты не можешь ни указать, ни назвать никого другого, кто потерпел бы столь много и при том таких зол. Для того Христос и представил его в притче, чтобы мы, в какое бы несчастье ни впали, взирая на преизбыток его бедствий, получали от его любомудрия достаточное утешение и облегчение. Подлинно, он является общим учителем для всей вселенной, предоставляя всем, терпящим какое бы то ни было бедствие, взирать на него, и всех побеждая преизбытком собственных страданий. Так и мудрые врачи, когда хотят отсечь сгнивший член, или извлечь камни, забившиеся в каналах тела, или исправить какую-нибудь другую погрешность природы, делают это, отведя больного не куда-нибудь в угол, а, напротив, выставляют его на площади и, образовав из проходящих толпу зрителей, производят сечение. И делают это не потому, что хотят выставить на позор человеческие несчастья, а для того, чтобы на чужих телах научить тех, которые смотрят, иметь надлежащую заботу о собственном здоровье. Итак, когда ты увидишь, что праведник находится в бедности, подвергается обидам и кончает настоящую жизнь в болезни и других бесчисленных бедствиях, то скажи самому себе: если бы не было воскресения и суда, то Бог не попустил бы тому, кто претерпел ради Него столько зол, отойти отсюда, не испытав никакого блага. Отсюда очевидно, что Он уготовал им другую жизнь, более приятную и много сноснее здешней. Иначе, согласно ли было бы с разумом, что многим из нечестивых Он попускает наслаждаться довольством в настоящей жизни, а многих из праведников оставляет среди бесчисленных зол, - Он, Который и называется праведным, и на самом деле таков, и имеет силу праведно воздать каждому по его достоинству. Тому подобает слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 14

О женщинах и красоте

Те, кто намеревается жениться, пусть наперед прочитают установленные Павлом законы о браке и узнают оттуда, что нужно делать, когда жена будет зла, бранлива, полна неистовства, или будет обладать каким-либо другим подобным пороком. Если увидишь, что апостол дает тебе право, найдя один из таких недостатков в жене, отвергнуть ее и взять другую, то считай себя свободным от всякой опасности; если же он не позволяет этого, а повелевает любить жену, хотя бы она обладала всеми другими, кроме любодеяния, пороками, то приготовься к тому, чтобы терпеть всю ее злобу. Если же кажется это тяжким и невыносимым, то старайся и принимай все меры к тому, чтобы взять жену добрую, кроткую и послушную. Если мы, намереваясь купить дом или слуг, старательно разузнаем и расспрашиваем и продающих и ранее владевших и об устройстве дома, и о телесном здоровье и характере слуг, то гораздо более должны мы обнаруживать такую же заботливость, или даже еще большую, когда намереваемся жениться. В самом

деле, дом, если он окажется плохим, можно отдать назад; равным образом и слугу, если он окажется неспособным, можно возвратить продавшему; но кто взял жену, тому уже нельзя возвратить ее отдавшим. Худо взять бедную жену, худо - богатую; первое причиняет вред имуществу, а последнее лишает мужа независимости и свободы. Многие из людей, преданных блудницам, не только потерпели от этого вечную и бесконечную смерть, но и здесь, как злые, зло погибли, подвергшись бедствиям от распутных женщин. Последние, стараясь всецело привязать к своей любви преданного им, прибегают к колдовству, употребляют любовные средства и придумывают разные чары. Затем, напустив на него таким образом тяжкую болезнь, заставив долго изводиться и чахнуть и подвергнув другим бесчисленным бедствиям, удаляли из настоящей жизни. Итак, если ты не боишься геенны, человек, то побойся хоть их чар. В самом деле, когда ты таким распутством удалишь от себя помощь Божию и лишишься небесной защиты, то блудница без всякого страха возьмет тебя и, призвав своих демонов, написав листочки и подстроив козни, с великой легкостью погубит твое спасение и сделает тебя позором и посмешищем для всех живущих в городе. Итак, если ты хочешь найти увеселение, то иди не в театр, а в рощи, к текущей реке, на озера, в сады, слушай поющих кузнечиков, чаще посещай гробницы мучеников, где здравие для тела и польза для души, и никакого вреда. У тебя есть жена, есть дети? Что может равняться с таким удовольствием? У тебя есть дом, есть друзья? Это доставляет большое удовольствие, и вместе с целомудрием приносит и пользу. Скажи мне, что приятнее детей? Что милее жены для того, кто желает жить целомудренно? Говорят, что варвары когда-то сказали полное мудрости слово. Римляне, - сказали они, услышав об этих нечестивых театрах и неприличных увеселениях, - придумали такие удовольствия, как будто не имея жен и детей. Когда ты увидишь миловидную женщину с молниеносными очами, с весело сияющим лицом, с дивной красотой, которая сжигает твой ум и распаляет похоть, то подумай, что то, чему ты удивляешься и что разжигает тебя, есть лишь земля и пепел, и душа перестанет неистовствовать. Сними кожу с лица этой женщины, и тогда увидишь все ничтожество красоты. Не останавливайся на одной внешности, а проникни мыслью внутрь, и ты не найдешь ничего другого, кроме костей, нервов и жил. Но этого недостаточно? Представь же себе, как эта женщина изменяется, стареет, делается немощной, как вваливаются глаза, становятся впалыми щеки, как исчезает вся ее красота. Подумай, чему ты удивляешься, и постыдись своего суждения. Ты удивляешься глине и пыли; прах и пепел разжигают тебя. В самом деле, сущность видимой красоты составляет ничто иное, как мокрота, влага, кровь и сок пережеванной пищи. Ими орошаются и глаза, и щеки, и все прочее; и если ежедневно они не получают этого орошения, идущего от желудка и сердца, то вся красота лица тотчас же исчезает, так как щеки делаются слишком впавшими, а глаза глубоко ввалившимися. Если, таким образом, ты подумаешь, что скрывается за прекрасными глазами, что за прямым носом, что за устами и щеками, то скажешь, что телесная красота представляет ничто иное, как побеленный гроб: так полна она изнутри нечистоты. Увидев рубище с мокротами или харкотинами, или чем другим подобным, ты не решишься и краем пальцев дотронуться до него или даже и смотреть не захочешь, а к складам и житницам этих нечистот страстно стремишься? Тот, кто любит тело и питает страсть к красивой девице, если желает узнать безобразие сущности, может узнать ее по самому внешнему виду. В самом деле, многие сверстницы любимой, и часто даже еще более красивые, умирая, чрез день или два издают зловоние и представляют червивый гной и сукровицу. Итак, подумай, какую любишь ты, человек, красоту, и к какой прелести пылаешь страстью. В чем достоинство глаз? В том ли, чтобы они были влажными, легковращаемыми, круглыми и темными, или в том, чтобы были остры и проницательны? В чем достоинство светильника? В том ли, чтобы он ясно светил и освещал весь дом, или в том, чтобы красиво был сделан? Истинная красота познается не по внешнему виду, а по нравам и пристойному поведению. Христос для того подверг порицанию смотрящего на женщину нескромными очами, чтобы избавить нас от большого труда. В самом деле, не так велик труд не смотреть на красивых женщин, как

воздержаться, если смотришь на них. Тот, кто не видел красивого лица, будет чист и от пожелания, происходящего отсюда; тот же, кто пожелал видеть, наперед низложит помысл и тысячекратно осквернит его, и тогда уже извергает скверну плотского пожелания, если только извергает ее. Если, таким образом, и указанный труд для невоздержных меньше, и польза больше, то для чего же мы стараемся впасть в бездну бесчисленных этих зол? Итак, когда ты увидишь красивую женщину и что-нибудь почувствуешь к ней, то не смотри больше на нее, и ты освободишься от чувства. Но как, - скажешь, - я могу не глядеть больше на нее, влекомый к ней пожеланием? Если ты подумаешь, что то, на что ты смотришь, есть ничто иное, как мокрота, кровь и сок переварившейся пищи. Но, скажешь, пышен цвет лица ее. Однако нет ничего на земле пышнее цветов, но и те вянут и предаются гниению. Поэтому и здесь не на цвет обращай внимание, а проникни мыслью внутрь и, снявши мысленно эту красивую личину, тщательно исследуй, что скрывается под нею. Ведь и тело страдающих водянкой ярко лоснится и по внешности не имеет ничего неприятного; однако мы, поражаясь при мысли о скрывающейся внутри жидкости, не можем любить таких больных. Когда муж хочет бросить жену, или жена оставить мужа, пусть она вспомнит о следующем изречении Павла, пусть представит себе, что он стоит пред ней и, обращаясь к ней, громким голосом говорит: "**жена связана законом, доколе жив муж ее**" (1 Кор. 7:39). Объясняя это, апостол далее не сказал: если же скончается муж ее, то она свободна, но: "**если же муж ее умрет**" (почиет - κοimhqh), как бы утешая вдову, и убеждал ее оставаться с первым мужем и не брать другого. Не умер муж твой, говорит он, а спит; а кто же не ждет спящего? Говоря же, что жена становится после смерти мужа свободной, апостол показал этим, что раньше, пока жил муж, она была рабой; будучи же рабой и подчиненной закону, она, хотя бы тысячу раз получила разводную книгу по гражданским законам, осуждается как прелюбодейка. И это потому, что Бог в тот день будет судить не по этим законам, но по тем, которые Он сам установит. Да и гражданские законы не просто постановили это, а и сами подвергают наказанию прелюбодеяние и относятся с неумолимою строгостью к этому греху. В самом деле, ту сторону, которая дает повод к разводу, они наказывают лишением имущества, изгоняя виновного из дому без всякого состояния, с пустыми руками, Рассказывают, что один из языческих философов, имевший злонравную, болтливую и бесчинно ведшую себя жену, ответил спрашивавшим его, почему он терпит такую жену: для того, чтобы иметь дома школу для обучения себя борьбе; ведь каждый день обучаясь на ней, говорил он, я буду относиться более кротко и к другим. И вот, этот философ, имея злую жену, как говорят, не отверг ее по указанной причине; а некоторые говорят, что по этой причине он и взял ее. Итак, когда даже эллины оказываются любомудрее нас, какое оправдание будем иметь мы, подвергая оскорблениям ту, ради которой Бог повелел оставлять даже родителей? Какое слово в состоянии изобразить тот позор, когда по улицам несутся крики и вопли, и все соседи и проходящие бегут к дому того, кто так непристойно ведет себя и как бы какой зверь разрушает все в доме? Лучше, чтобы земля разверзлась пред тем, кто так бесчинствует, чем показаться ему после того на площади. Будем же повиноваться закону Божию и ни своих жен не будем отвергать, ни отвергнутых другими брать к себе. В самом деле, с каким лицом ты будешь смотреть на мужа отвергнутой жены? Какими глазами будешь смотреть на его друзей, на слуг? Ведь если тот, кто возьмет жену кого-нибудь уже умершего, испытывает неприятное чувство и раздражается при виде одного только портрета этого умершего, то какую же жизнь будет проводить тот, кто видит живого мужа своей жены, как он войдет в свой дом, с какими мыслями, с какими глазами он будет смотреть на жену другого, которая теперь стала его? Вернее же, про такую можно сказать, что она не принадлежит ни тому, ни другому, потому что прелюбодейка никому не жена: она попрала и договор, заключенный с первым мужем, и к тебе не пришла с надлежащими законами. Какое же безумие вводить в свой дом источник стольких зол? Разве так уже мало женщин, что ты навлекаешь такую погибель на свою голову? Жена, удовольствовавшаяся первым мужем, показывает тем,

что она и его не избрала бы сначала, если бы хорошо испытала дело; та же, которая приводит второго мужа на ложе первого, представляет тем немалое доказательство большой любви к миру и пристрастия к земным вещам. При том первая, при жизни мужа, не питала страсти ни к кому другому; последняя же, если при жизни мужа и не согрешила с другими, однако чувствовала больше расположения ко многим другим, чем к нему, и ни первого, ни второго мужа не имела в качестве своей собственной плоти. Первый муж изгоняется из ее памяти вторым, а второй первым; и она не может ни первого помнить хорошо, будучи предана после него другому, ни на этого последнего взглянуть с подобающей любовью, так как сердце ее расположено к умершему. Подобно тому, как мы обыкновенно тогда предаемся усердно делу, когда нам хорошо удается начало, а когда с самого начала и, так сказать, с первого шагу чувствуем неудачи и затруднение, вскоре же отступаемся от него, потому что у нас пропадает охота к нему, так точно и женщины, подвергающияся раннему вдовству, естественно должны бы воздерживаться от второго брака. В самом деле, та, которая много времени была при деле и хорошо свыклась с ним, приступит опять к таким же трудам, как ожидавшая найти то же самое; та же, которая испытала столь тяжкое начало, с каким расположением и надеждой пойдет опять на испытание тягостей? Если все мы уважаем и одобряем жен, которые воздерживаются от своих мужей еще при жизни их, то как нужно уважать и хвалить тех, которые и по смерти их обнаруживают к ним прежнее расположение? Итак, мы не отвергаем второго брака, а только увещеваем, если кто может воздерживаться, довольствоваться первым. И это потому, что второй брак часто бывает источником и поводом для распри и ежедневных ссор. Часто бывает, что муж, сидя за столом, вспомнит о первой жене и тихо всплакнет о ней в присутствии второй, а та тотчас же приходит в ярость и бросается на него подобно зверю, желая наказать его за любовь к той; равным образом, если он вздумает похвалить умершую, эти похвалы являются поводом к ссоре и брани. С умершими врагами мы миримся и по окончании жизни прекращаем с ними всякую вражду; с женами же все бывает наоборот: ту, которой вторая жена не видала и не слыхала, от которой не потерпела никакого зла, она ненавидит и проклинает, и даже смерть не прекращает ее ненависти. Кто видел, кто слышал, чтобы ревновали к праху, чтобы враждовали с пеплом? Но и этим не ограничивается зло. Родятся ли от второй жены дети, не родятся ли, опять вражда и брань. Если они не родятся, она предается великой скорби и смотрит на детей от первой жены как на врагов своих, причинивших ей величайшую обиду, так как через их жизнь острее чувствует свою собственную бездетность. Если они родятся, опять не меньшее зло: муж, часто будучи нежно расположен к умершей, оказывает покровительство ее детям, любя их и жалея как сирот, а та желает, чтобы всюду оказывалось предпочтение ее детям. Слушайте, мужья, слушайте, жены, о любви супругов, которую они показали друг к другу, подвергаясь за нее даже опасностям! Когда Авраам поселился в Герарах, то сказал о Сарре, жене своей: "**она сестра моя**" (Быт. 20:2), потому что боялся сказать: жена моя, чтобы из-за нее жители города не убили его. И "**послал Авимелех, царь Герарский, и взял Сарру**". Представь ту бурю помыслов, которую испытал праведник, видя, как уводят жену его, и будучи не в состоянии ничем помочь себе. Молчаливо переносил он все, зная, что Господь не оставит его, а окажет скорую помощь. Нужно удивляться и великой любви Сарры, которую показала она, чтобы избавить праведника от опасности. Ей можно было открыть обман и избежать угрожавшего бесчестия; но она мужественно терпела все, чтобы доставить праведнику спасение. И исполнилось в этом случае изречение: "**будут одна плоть**" (Быт. 2:24). Как бы будучи одной плотью, они заботились о спасении друг друга и обнаруживали такое согласие, как будто были одним телом и одной душой. Пусть слышат это мужья, пусть слышат жены, чтобы и эти последние обнаруживали такую же нежную любовь к мужьям, и те имели к ним столь же большое расположение, и чтобы делали все так, как будто имея одну душу и будучи одним телом. И пришел Бог к Авимелеху ночью, и сказал: "**вот, ты умрешь за женщину, которую ты взял, ибо она имеет мужа**" (Быт. 20:3). Смотри на

человеколюбие Божие, так как Он знал, что праведник из-за страха смерти мужественно перенес похищение Сарры, и что царь взял ее как сестру праведника, то показывает наконец Свое собственное попечение, делая в одно и то же время и праведника более славным, и Сарру избавляя от бесчестия, и царя отвращая от беззакония. "**Авимелех же**", - говорится, - "**не прикасался к ней**"; мало того, даже еще оправдывается в своем проступке, и говорит: "**Владыка! неужели ты погубишь и невинный народ**" (ст. 4)? Разве я сделал это, зная, что она жена его? Разве я хотел обидеть странника? Разве хотел отнять у него жену? Я сделал это, намереваясь взять ее в качестве сестры, и думая даже оказать этим ему честь. "**Не сам ли он сказал мне: она сестра моя? И она сама сказала: он брат мой**" (ст. 5)? Что же милосердый Господь? "**И Я знаю, что ты сделал сие в простоте сердца твоего**" (ст. 6), что они сами придумали этот обман, и что ты сделал это, будучи обманут их словами; и вот, чтобы ты вследствие их обмана не согрешил, Я пощадил тебя, чтобы ты не согрешил против Меня. Не относись же неуважительно к этому мужу, как к одному из обыкновенных людей, а познай, что он из числа тех, которые пользуются особенным Моим попечением и имеют большую близость ко Мне. Поэтому "**возврати жену**" человеку, "**ибо он пророк и помолится о тебе, и ты будешь жив**" (ст. 7). Он придумал этот обман и как бы содействовал нанесению бесчестия Сарре, боясь смерти от тебя; но знай, что его молитвы доставят тебе жизнь. "**А если не возвратишь, то знай, что непременно умрешь ты и все твои**". Не только сам ты потерпишь наказание за непослушание, но и все, что принадлежит тебе. Восстав же, Авимелех "**призвал всех рабов своих, и пересказал все слова сии в уши их**" (ст. 8). Вслед за тем он призвал и Авраама. Представь, с какой славой приводится уже теперь к царю праведник, который незадолго пред тем считался ничтожным человеком и ничего этого не знал. Он узнал теперь от самого царя, что ради него сделал Бог с последним; тот именно сказал ему: "**что ты с нами сделал? чем согрешил я против тебя, что ты навел было на меня и на царство мое великий грех**" (ст. 9)? Разве, говорит, наказание ограничилось бы только одним мною? Все мое царство должно было совершенно истребиться от твоего обмана. Что же имея в виду, ты сделал это? Ради чего? Что замышляя? Что же Авраам? Я, говорит он, боялся, что вы, как одержимые еще заблуждением, не имеете никакого уважения к справедливости и, узнав, что она жена моя, задумаете убить меня вследствие вожделения к ней. Не думайте, впрочем, чтобы я и в этом случае солгал. "**Ибо сестра ми есть по отцу, а не по матери, бысть же ми в жену" (да она и подлинно сестра мне: она дочь отца моего, только не дочь матери моей; и сделалась моею женою)** (ст. 12). Итак, не осуждайте меня. Хотя и страх смерти понудил меня к тому и боязнь, чтобы вы ради нее не убили меня, а ее оставили в живых, тем не менее и в этом случае сказанное мною не ложь. Этими словами праведник и укротил гнев царя, и обнаружил собственную добродетель, и преподал им достаточный урок благочестия. Устыдившись великой кротости праведника, царь награждает патриарха от себя щедрым даром: "**Взял**", - говорится, "**Авимелех тысящу дидрахм, и овцы, и телцы, и рабы, и рабыни, и отдаде ему Сарру жену его**" (**Авимелех мелкого и крупного скота, и рабов и рабынь, и дал Аврааму; и возвратил ему Сарру, жену его**) (ст. 14). Видишь дивно устрояющую премудрость Божию? Тот, который боялся смерти и все сделал, чтобы только избежать ее, не только избежал смерти, но и удостоился такой свободы открыто говорить все, и вдруг становится славным. Таковы благодеяния Божии. Они не только освобождают от печалей тех, кто старается мужественно противостоять нападающим искушениям, но и среди самых печалей доставляют такую радость, что мы совершенно даже забываем о них и в великом изобилии получаем блага. Так случилось и с этим праведником. Царь не только оказывает ему почтение многочисленными этими дарами, но и дает ему право обитания на его земле. "**Вот**", - говорит, - "**земля моя пред тобою; живи, где тебе угодно**" (ст. 15). Так как он узнал, что ради него и его молитвы дарована ему жизнь, то спешит уже услужить этому страннику, скитальцу, совершенно для него неизвестному, как своему благодетелю и заступнику. А когда Авраам достиг глубокой старости, то, желая удалить Исаака от

родства с хананеями, чтобы он не взял себе оттуда жены, призывает наиболее благомысленного из своих слуг и заповедует ему относительно этого, говоря: "**положи руку твою**" на "**стегно мое, и клянись мне Господом, Богом неба и Богом земли, что ты не возьмешь сыну моему жены из дочерей Хананеев, среди которых я живу, но пойдешь в землю мою, на родину мою, и возьмешь жену сыну моему Исааку**" (Быт. 24:2-4). Видишь, какая заповедь дается патриархом слуге? Подумай о том, как в древности старались искать не обилия денег, не большого богатства, не множества рабов и десятин земли, не внешней красоты и благообразия, а искали красоты душевной и благородства нравов. Так поступает патриарх, заботясь о добродетели душевной и желая избежать нечестия местных жителей; ныне же никто даже и не подумает о чем-либо подобном, а все ищут только одного - обилия денег, все же прочее считается у них второстепенным, хотя бы будущая жена исполнена была бесчисленных зол, не зная того, что при испорченной воле, хотя бы кому досталось неизмеримое богатство, он скоро опять впадет в крайнюю бедность, и что не будет никакой пользы от обилия денег, если нет души, которая могла бы надлежащим образом распоряжаться ими. Итак, "**раб**", взяв верблюдов и "**В руках у него были также всякие сокровища господина его. Он встал и пошел в Месопотамию, в город Нахора, и остановил верблюдов вне города, у колодезя воды, под вечер, в то время, когда выходят женщины черпать, и сказал: Господи, Боже господина моего Авраама! пошли [ее] сегодня навстречу мне и сотвори милость с господином моим Авраамом; вот, я стою у источника воды, и дочери жителей города выходят черпать воду; и девица, которой я скажу: `наклони кувшин твой, я напьюсь', и которая скажет: `пей, я и верблюдам твоим дам пить', -- вот та, которую Ты назначил рабу Твоему Исааку; и по сему узнаю я, что Ты творишь милость с господином моим**" (Быт. 24:10-14). Замечай благоразумие слуги. Так как он знал гостеприимство патриарха, а также и то, что девица, которую надлежало взять отсюда, должна быть одинакового образа мыслей с праведником, то он не ищет никакого другого доказательства, а желает определить гостеприимство девицы по расположению ее воли. Если, говорит, когда я попрошу у нее воды, она наклонит мне водонос и не только исполнит просимое, но и покажет свою услужливость, и скажет: я и верблюдам твоим дам пить, то представит таким доставлением воды вполне достаточное доказательство кротости своего нрава. Затем, когда он увидел на деле действенность молитв патриарха, нашел, как он желал, девицу и увидел ее чрезвычайное гостеприимство (потому что "**тотчас вылила воду из кувшина своего в поило и побежала опять к колодезю почерпнуть, и начерпала для всех верблюдов**" его [ст. 20], и ни убежала от него, как от чужого человека, ни отклонила просьбы под предлогом скромности), - после того уже он стал разведывать и расспрашивать относительно нее. "**Чья ты дочь**", - спрашивал он, - и "**есть ли в доме отца твоего место нам ночевать**" (ст. 23)? И смотри на ответ девицы. Когда слуга спрашивает, чья она дочь, то она называет не только отца, но и отца отца, говоря: "**я дочь Вафуила, сына Милки, которого она родила Нахору**" (ст. 24). Равным образом, когда слуга спрашивает относительно места, есть ли где им только найти приют, она говорит: у нас есть не только место, но и много мякины и сена (ст. 25). Видишь ли, какая в таком возрасте полнейшая скромность, величайшее смирение и беспредельное гостеприимство? Каких богатств не дороже она? Каким сокровищам не предпочтешь ты такое сокровище? Это величайшее приданое, это бесчисленные блага, это сокровище, никогда не иждиваемое. Услышав такие слова, слуга удивился чрезвычайному гостеприимству и, узнав, что он пришел не к каким-то неизвестным людям, а в дом Нахора, бывшего братом господина его Авраама, радуясь по поводу сказанного ему девицею, поклонился Господу, Который ради благоволения к патриарху обнаружил и о нем такую попечительность и так легко и благоуспешно все устроил для него. "**Благословен**", - говорит он, - "**Господь Бог господина моего Авраама, Который не оставил господина моего милостью Своею и истиною Своею**" (ст. 27). Теперь и сам он дает знать девице, кто он такой, и чрез благодарение Богу делает для нее ясным, что он

пришел не из чуждого дома, но что тот, кто послал его, приходится братом Нахору. Услышав об этом, девица побежала с большой радостью и рассказала своим родителям, что слышала от слуги. "**Лаван выбежал к тому человеку, к источнику**", и, увидев его стоящим около верблюдов, сказал ему: "**войди, благословенный Господом; зачем ты стоишь вне? я приготовил дом и место для верблюдов**" (ст. 29, 31). Затем, когда тот вошел, он "**расседлал верблюдов и дал соломы и корму верблюдам, и воды умыть ноги ему и людям, которые были с ним; и предложена была ему пища**" (ст. 32, 33). Но здесь посмотри на великое благоразумие слуги. Что говорит он? Я не буду есть до тех пор, пока не объясню вам причины, по которой я послан в столь дальний путь, почему я из Хананеи пришел сюда и как приведен был в ваш дом, чтобы и вы, узнавши все, показали свое расположение к моему господину. "**Я раб Авраамов**", - говорит он, начиная рассказывать. "**Господь весьма благословил господина моего, и он сделался великим: Он дал ему овец и волов, серебро и золото, рабов и рабынь, верблюдов и ослов; Сарра, жена господина моего, уже состарившись, родила господину моему сына, которому он отдал все, что у него; и взял с меня клятву господин мой, сказав: не бери жены сыну моему из дочерей Хананеев, в земле которых я живу, а пойди в дом отца моего и к родственникам моим, и возьмешь жену сыну моему**" (ст. 34-38). Такое поручение дал он; я же, представляя себе затруднение и соображая трудноисполнимость дела, спросил моего господина: "**может быть, не пойдет женщина со мною. Он сказал мне: Господь, пред лицем Которого я хожу, пошлет с тобою Ангела Своего и благоустроит путь твой, и возьмешь жену сыну моему из родных моих и из дома отца моего**" (ст. 39-40). Дав такое поручение и напутствовав такими молитвами, он послал меня. Теперь, когда его молитвы услышаны, все так явно устроено Богом, чтобы я пришел к вам, и вы объявите ваше решение и, если окажете милость моему господину, сообщите мне, чтобы я мог знать, что нужно мне делать; если же нет, то направить свой путь в другое место. И говорят ему отец и брат девицы: "**от Господа пришло это дело; мы не можем сказать тебе вопреки ни худого, ни доброго**"; и невозможно, чтобы это было от нас. "**Вот**", имеешь девицу: "**возьми и пойди; пусть будет она женою сыну господина твоего, как сказал Господь**" (ст. 50, 51). Услышав такие слова от отца и брата, раб "**поклонился Господу до земли. И вынул раб серебряные вещи и золотые вещи и одежды и дал Ревекке**" (ст. 52, 53), и открыто теперь оказывает ей уважение как обрученной уже на словах Исааку. Вместе с тем он почитает дарами брата и мать ее. И только после того уже, когда он увидел, что поручение господина исполнено на деле, он предается отдыху. "**Ели**", - говорится, - "**и пили он и люди, бывшие с ним, и переночевали. Когда же встали поутру, то он сказал: отпустите меня к господину моему. Но брат ее и мать ее", -** говорится**, - "сказали: пусть побудет с нами девица дней хотя десять, потом**" пойдете. Он же рече к ним: для чего вы отсрочиваете и задерживаете, когда Бог дал мне такой успех во всем? "Они сказали: призовем девицу и спросим, что она скажет. И призвали Ревекку и сказали ей: пойдешь ли с этим человеком? Она сказала: пойду. И отпустили Ревекку, сестру свою, и кормилицу ее, и раба Авраамова, и людей его. И благословили Ревекку и сказали ей: сестра наша! да родятся от тебя тысячи тысяч, и да владеет потомство твое жилищами врагов твоих! И встала Ревекка и служанки ее, и сели на верблюдов, и поехали за тем человеком)" (ст. 54-61). Видишь ли, какую невесту берет патриарх? Она сама черпает воду, носит водонос на своих плечах и сама садится на верблюдов. Были ли здесь мулы, блещущие на шеях серебром? Была ли та вереница слуг и крайняя изнеженность, которая наблюдается ныне? Отнюдь нет; напротив, у древних женщин была такая мужественность, что они сами садились на верблюдов и таким образом совершали путешествие. Видите ли из того, что сделал Авраам для сына, как в древности родители старались брать жен для своих детей, как они раньше денег искали благородства души? Были ли у них долговые расписки? Были ли договоры и другие достойные смеха вещи, которые бывают теперь? Ничего такого у них не было, а величайшей и вернейшей распиской для них служил нрав девицы. И вы узнаете

это, когда увидите девицу приведенною к жениху. "**Исаак**", - говорится, - "**вышел в поле поразмыслить, и возвел очи свои, и увидел: вот, идут верблюды",** на которых восседала Ревекка. Ревекка же, увидевши "**Исаака, … спустилась с верблюда. И сказала рабу: кто этот человек, который идет по полю навстречу нам?**" И узнав, что это тот, который имеет жениться на ней, "**взяла**", - говорится, - "**покрывало и покрылась**" (ст. 63-65). И подойдя, раб рассказал все с точностью Исааку. Смотри, как нигде нет ничего излишнего и бесполезного; нигде нет дьявольской пышности; нигде нет ни кимвалов, ни свирелей, ни плясок, ни сатанинских этих пиршеств, но всюду пристойность, всюду мудрость, всюду скромность. "**Ввел ее**", - говорится, - "**Исаак в шатер Сарры, матери своей, и взял Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил ее**" (ст. 67). Пусть подражают ей жены, пусть соревнуют ему мужья, и пусть стараются брать себе невест таким образом, чтобы и любовь жениха увеличивалась, и целомудрие невесты возрастало, и они провели бы жизнь в радости, будучи тесно соединены благодатью Божией. Если же ты хочешь на браке показать щедрость, которая имела бы пользу, то призови лики бедных. Но ты стыдишься и краснеешь? И что может быть хуже этого безумия? Вводя в свой дом диавола, ты думаешь, что не делаешь ничего постыдного; а когда намереваешься ввести Христа, краснеешь от стыда? Но, говоришь ты, никто в городе не делал этого. Так постарайся ты начать и сделаться первовиновником такого прекрасного обычая, чтобы последующие поколения приписывали это тебе. И если кто будет соревновать и подражать этому делу, то внуки и правнуки могут тогда сказать спрашивающим, что такой-то первый ввел этот прекрасный обычай, и то, что хорошо делается другими, принесет плоды их в награду тебе, насадившему впервые. И подобно тому, как когда на браке пляшут распутники и скоморохи, посреди них ликует диавол, так, наоборот, когда входят бедные, приходит Христос. Притом, от той траты нет никакой пользы, а бывает даже великий вред; между тем как от издержек на бедных ты вскоре же получишь обильный плод. А что это достоверно, узнай от девицы, бывшей в Иоппии: ее, некогда лежавшую мертвой, получавшие от нее пропитание бедняки, ставши вокруг нее, своими слезами воскресили и возвратили к жизни, - во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава, со Отцем и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 15

О корыстолюбии

Зачем, человек, ты желаешь обогащаться от корыстолюбия, чтобы другим доставалось золото и серебро, а тебе - проклятья и обвинения, и чтобы тот, у кого ты похитил, терзался и сетовал от недостатка необходимой пищи и навлекал на тебя тысячи обвинителей? И, что еще гораздо ужаснее, - когда потерпевший от тебя зло и потерявший все свое сосостояние предстанет в тот день пред страшным судилищем, а ты не будешь иметь ни одного защитника, что скажешь ты Судящему? Теперь ты еще можешь и подкупить этот, человеческий, суд; но тогда тот суд уже не подкупишь. Вернее же сказать, ты не можешь подкупить и этого, потому что Бог видит происходящее и находится близ обижаемых, даже не будучи и призываем. Потерпевший зло, хотя бы сам был и недостоин получить за себя какое-либо отмщение, тем не менее имеет непременно мстителя, потому что происходящее не угодно Богу. И не говори мне: как такой-то наслаждается счастьем, будучи нечестив? Если он и наслаждается, то не до конца. "**Не ревнуй**", - говорится, - "**злодеям**" (Пс. 37:1), потому что они как трава скоро иссохнут, и как зеленеющий злак скоро увянут. Корыстолюбие есть некая старая закваска, и куда бы она ни проникла, в какой бы дом ни вошла, делает его нечистым; и хотя бы ты немного приобрел от неправды, она заквашивает все твое имущество. Вот почему часто немногое, внесенное худо, лишало многого, собранного хорошо. Но почему, скажешь, когда обогащающихся корыстолюбием много, они не терпят одного и того же наказания? Непременно потерпят,

хотя и не тотчас терпят; если же теперь они и избегнут наказания, то тем более бойся тогда, потому что они соблюдаются для большего наказания. Да если сами они и избегнут его, то получившие в наследство их имущество потерпят то же самое. Но как же это, скажешь, справедливо? Даже весьма справедливо. В самом деле, тот, кто получил наследство, полное неправды, хотя сам и не похищал, тем не менее отлично знал, что владеет чужим добром, и потому справедливо заслуживал наказания. Это знают и гражданские законы, которые, оставляя похитивших и укравших, предписывают требовать всего от тех, у кого кто-нибудь найдет свое имущество. Итак, если ты знаешь обиженных, то отдай им с великою лихвою по примеру Закхея; если же не знаешь, раздели между нуждающимися, и таким образом облегчишь зло. Если мы отдадим лишь все чужое, нам нет никакой пользы. И это возвещает Закхей, который сказал, что только тогда он умилостивил Бога, когда отдал вчетверо более того, что было отнято. Между тем мы, которые грабим без конца, а отдаем немногое, думаем, что умилостивляем Бога. Если Каин, принесши Богу менее важное (из своего имения) и при том не обидев другого, подвергся крайнему наказанию, то как не потерпим тягчайшей казни мы, когда приносим от хищения и любостяжания? Зачем ты оскорбляешь Господа, принося Ему нечистые дары? Не хочет Христос питаться от любостяжания, не принимает Он такой пищи. Лучше презреть томимого голодом, чем напитать его от таких средств; лучше ничего не давать другим, чем чужое. Скажи мне: если бы ты увидел каких-нибудь двух людей, одного нагого, а другого имеющего одежду, и затем, раздевши имеющего одежду, одел нагого, не поступил ли бы ты несправедливо? Это для всякого очевидно. Если же, отдав другому все, что ты взял, ты причинил обиду, а не оказал милосердия, то, когда ты едва даешь самую малую часть из того, что похищаешь, и называешь это милостыней, какому не подвергнешься ты наказанию? Если Лазарь, который не потерпел никакой обиды от богача, а только не получил для себя пользы от его имущества, становится суровым обвинителем против него, то какое оправдание будут иметь те, которые, кроме того, что не дают милостыни из собственных средств, захватывают еще и чужое? Если те, кто не напитал алчущего Христа, вместе с диаволом осуждаются на огнь неугасимый, то какому же наказанию подвергнутся те, кто своими хищениями даже предают Его голоду, обнажают одетого, не только не принимают Его как странника, но и гонят, не только не посещают Его болящего, но даже еще более удручают, не только не навещают заключенного в узы, но и освобожденного стараются ввергнуть в темницу? Если тот, кто любит любящих его, окажется в положении нисколько не лучшем язычников, то какое прощение будет иметь тот, кто обижает не сделавших ему никакой обиды? Если тот, кто не уделяет из своего имущества, имеет обвинителя в лице того, кого он не пожалел, то какое прощение получит тот, кто похищает еще и чужое? Подлинно, не только похищать чужое, но и не уделять другим из своего имения есть хищение, любостяжание и грабительство. Если не напитавшие алчущего Христа навлекают на свою голову такой огонь, то какое снисхождение найдут те, которые еще и похищают нисколько им не принадлежащее, неправедно присвояют себе чужое и ниспровергают домы сирот и вдовиц? Устрашимся же такого дела; убежим от греха. А избежим мы его, если вспомним о тех, которые раньше нас делали неправды, предавались корыстолюбию, и отошли на тот свет: не пользуются ли их деньгами и трудами другие, тогда как сами они терпят мучения, наказание и нестерпимые бедствия? Итак, не крайнее ли безумие изнуряться и мучиться, чтобы и при жизни изнемогать от трудов, и по смерти подвергнуться невыносимым казням и мукам? Что может быть жальче хищника, когда все собранные им богатства часто разделяют между собою враги и недруги, а сам он отходит отсюда, унося с собою накопившиеся от них грехи, чтобы со всею строгостью дать ответ за беззакония, которые он совершил из-за них. Что может быть несчастнее корыстолюбцев, которые и жизнь свою делают тяжелее всякой смерти, снедая и постепенно истощая ее заботами, печалями и постоянной бессонницей, и отгоняя от себя вследствие этого всякое удовольствие и добродетели, и порока. В то время, когда они занимаются наживой, они, хотя бы получили

все от всех, не чувствуют никакого удовольствия, так как желают еще большего; когда же терпят убытки, то, хотя бы потеряли грош, думают, что потерпели бедствие тяжелее всех и лишились самой даже жизни. Имеет ли такой человек жену, или детей, или друзей, если ему нельзя отовсюду наживаться, они кажутся ему враждебнее настоящих врагов. Справедливо некто сказал, что нет ничего жесточе сребролюбца. Такой человек и себя самого продает, и всюду является общим врагом вселенной: он скорбит, что земля не приносит золота вместо колосьев, источники вместо потоков воды, и горы вместо камней; он досадует на успехи других, приходит в уныние от общих благ; устраняется от всякого дела, откуда нельзя получить серебра, терпит все, если отсюда можно извлечь хотя бы два гроша; он всех ненавидит, и бедных, и богатых, - первых из опасения, чтобы они не подошли попросить, вторых за то, что не владеет их богатствами; он думает, что все владеют его собственностью, и ко всем относится так, как будто все его обидели. Что для беснующегося нож, то и богатство для сребролюбца, или даже гораздо того хуже. В самом деле, беснующийся, схватив нож и наткнувшись на него, освобождается от бешенства, и уже не получит другого удара; между тем сребролюбец, ежедневно получая более тяжкие раны, не только не избавляется от бешенства, но и еще более усиливает его, и чем больше получает ран, тем больше доставляет себе поводов к получению новых, еще более тяжких ударов. Итак, что может быть несчастнее корыстолюбца? Кроме того, что он губит душу свою, он и тело изнуряет бесчисленными заботами, и лишается и наслаждений, и удовольствия, и чести, и всякой славы, ради которой люди особенно много грешат. И что еще горестнее, - сребролюбец, не будучи ничем обижен, пылает яростью и ополчается против тех, которые нисколько его не обидели, и, отбросив от своей души все хорошее, становится для всех врагом. Люди, обиженные им, ненавидят его, как потерпевшие уже зло; те же, кто еще не потерпел, боясь с одной стороны, чтобы не потерпеть, с другой - сочувствуя потерпевшим, выказывают ему такую же вражду; люди более великие и сильные, страдая душой и негодуя из-за униженных, а кроме того и завидуя ему, точно также являются врагами и ненавидят его. Да что я говорю про людей? Когда и Бога он имеет своим врагом, какая останется для него надежда или утешение? Это ли богатство, делать неправды, скажи мне? Не хуже ли это, чем быть осужденным? У осужденного связано тело, а у этого связана душа. Ты видишь его узником и не жалеешь его? Потому, скажешь, я ненавижу его, что он связан не по необходимости, а по собственному желанию наложил на себя цепи. Опять ты (скажете) против богатых; опять (скажу) и вы против разграбляемых. Вы не насыщаетесь, поедая и терзая бедных; и я не насыщаюсь, исправляя вас. Всегда ты (скажете) пристаешь к богатым; всегда (скажу) и ты пристаешь к бедному. Отстань от овцы моей, отстань от стада моего; если же ты причиняешь вред моему стаду, то затем обвиняешь, что я преследую тебя? Не тебя преследую я; волка преследую. Если ты не волк, я не преследую тебя; а если преследую тебя, то вини самого себя за то, что стал волком. Если царь прикажет не брать чужих денег, или даже отдать и свои собственные, мы все с готовностью приносим их; а когда Бог повелевает не грабить, мы не слушаемся и таким образом предпочитаем людей Богу. И как это не внушает ужаса? Ведь если мы, почитая человека наравне с Богом, оскорбляем Бога, то насколько более оскорбляем, когда предпочитаем Ему людей? Тяжко и неприятно это слово. Знаю и я. Но покажите, что оно тяжко, избегая самого дела. Если же вы дела не боитесь, то как я могу вам поверить, когда вы говорите: мы боимся твоих слов, ты удручаешь нас? Вы сами себя удручаете делом, и ничего; а если я на словах скажу о том, что вы совершаете на деле, негодуете? Не безрассудно ли это? О, если бы то, о чем я говорю, оказалось ложью! Хочу лучше сам оказаться в тот день клеветником, как поносивший вас без повода и причины, чем видеть вас обвиняемыми за такие дела. Тот, кто копает яму своему ближнему, сам упадет в нее. И как родящие женщины раздираются от болей, так точно и тот, кто совершает обман, прежде чем обидеть ближнего, сам терзается и мучится, и притом не как-нибудь, а весьма даже сильно, В самом деле, как бы кто ни был порочен, но судилище совести в нем не уничтожается, потому что оно свойственно природе и вложено в нас

Богом от начала, и сколько бы мы ни заглушали его, оно стоит, обвиняя нас, казня, осуждая. И нет никого из проводящих жизнь в пороке, кто не испытывал бы безмерных мук, как в то время, когда замышляет злые дела, так и тогда, когда осуществляет свой замысел на деле. Что нечестивее Ахава? Однако и тот, когда пожелал чужого виноградника, припомни, какую испытал муку? Несмотря на то, что он был царь, властвовавший над всеми и не имевший никого, кто бы противоречил ему, однако и он не вынес суда совести и потому вошел опечаленный, опустив голову, смущенный, с мрачным взором, ясно отражая на своем лице укор осуждающей совести и будучи не в силах скрыть муки, родившейся от уныния.

Хотите вы ясно знать, как богатство не позволяет людям быть людьми, а делает их зверями и демонами? Некогда постигла наш город засуха. Небо сделалось медным; все ежедневно ожидали смерти, тягчайшей всех смертей, и умоляли Бога избавить от этого страха. И по милосердию Его, вопреки всякой надежде, пролился с неба большой и чрезвычайно обильный дождь. И вот, когда все справляли торжество и праздник, как вышедшие из самых врат смерти, один из богачей ходил всюду печальным, с поникшим взором, мертвый от горя; и когда многие начали расспрашивать его о причине, он не в силах был утаить, но, мучимый одолевавшей его тяжкой страстью, объявил эту причину. Я имею десятки тысяч мер хлеба, сказал он, и не знаю, что теперь сделать с ними. Что ты говоришь? Скорбишь, что не все погибли, чтобы тебе собрать золото? Не слышал ты, что говорит Соломон: "**кто удерживает у себя хлеб, того клянет народ**" (Притч. 11:26)? Но ты ходишь всюду, как общий враг благ вселенной, недруг щедрот Владычных и друг мамоны, или, вернее, раб ее. Не следовало ли вырезать этот язык? Не следовало ли перестать биться сердцу, породившему такие слова? В самом деле, что может быть несчастнее богача, который скорбит, ропщет и считает себя погибшим потому, что владеет безмерными богатствами, и каждый день молится, чтобы был голод, от чего умножалось бы у него золото? Как хотите, чтобы я изобразил вам бедственное положение корыстолюбца и хищника? Что преступнее их рук? Что бесстыднее, наглее и пошлее их глаз? Корыстолюбец не видит ни людей как людей, ни неба как неба, а все считает деньгами. Глаза людей видят обычно бедных, изнуренных работой, и трогаются состраданием к ним; а хищники видят бедных и приходят еще в большую ярость. Глаза людей не зарятся на то, что дано другим, расточают даже и свое другим; а те не успокоятся, пока не отнимут всего у всех и не присвоят себе. Глаза людей не в состоянии спокойно видеть обнаженным тело ближнего; а те не насытятся до тех пор, пока не обнажат всех и не снесут в свой дом имущества всех; вернее же, даже и тогда не насыщаются. Вот почему их руки можно назвать даже не только руками зверей, но и гораздо более их хищными и свирепыми. В самом деле, медведи и волки, когда насытятся, отстают от пищи, а эти не знают сытости. Между тем Бог создал нам руки для того, чтобы мы помогали другим, а не для того, чтобы строили им козни; в противном случае, если бы нам предстояло пользоваться ими для этого, лучше было бы отсечь их и оставаться без них. Когда кто-нибудь, при виде терзаемой зверем овцы, скорбит и уязвляется душой, а совершая то же самое по отношении к своему единоплеменнику, думает, что не делает ничего особенного, то как он может быть человеком, а не зверем, или даже и зверя хуже? Ведь звери таковы по своей природе; между тем корыстолюбцы, имея по природе кроткий нрав, вопреки природе насильно доводят себя до зверства. И уста у них - уста зверей, или даже и тех лютее, потому что произносят слова, испускающие яд хуже, чем их зубы, и причиняющие смерть. Если же кто исследует и душу таких людей, то назовет их уже не только зверями, но и демонами, потому что они исполнены крайней жестокости и вражды к своему сорабу. Демоны имеют себе помощников в самих людях, которым они строят козни, так что, если бы последние не содействовали им, то большая часть их козней против нас не имела бы у них никакого успеха; эти же стараются одолеть обижаемых, когда последние и противодействуют им. И нет здесь ни любви к царствию небесному, ни

страха геенны, ни стыда перед людьми, ни милосердия, ни сострадания, а есть лишь бесстыдство и наглость, и презрение ко всему будущему, и басней кажутся им слова Божии. Подлинно, только самым свирепым зверям свойственно, не будучи никем обиженным, самому первому причинять обиду другим; вернее же, даже и зверям это не свойственно. Действительно, если ты оставишь их гулять на свободе и не принудишь, стесняя их, защищать себя, то они никогда не причинят тебе вреда, не подойдут и не укусят тебя, а пойдут своей дорогой. Между тем ты, будучи разумным человеком, почтенным такой властью, честью и славой, не подражаешь даже и зверям в своем отношении к единоплеменникам, а обижаешь и пожираешь своего брата. И чем ты в состоянии будешь оправдать себя? Не видишь ли ты пчелы, труды которой вкушают во здравие и цари, и простые люди, как ничто не спасает ее от смерти, если она делает зло, а она умиряет вместе с жалом? На ее примере научись не огорчать ближних, - потому что мы сами первые принимаем от этого смерть. Тех мы на малое время, может быть, огорчим, между тем сами уже не будем жить, подобно тому как и пчела. Деньги (χρήματα) потому так называются, что мы должны пользоваться (χρώμεθα) ими как следует, а не хранить их, потому что это значит уже не обладать, ими, а быть обладаемыми. Если мы будем заботиться о том, чтобы увеличивать их число, а не о том, чтобы употреблять их на должное, то извращается надлежащий порядок, и тогда скорее они обладают нами, нежели мы ими. Кто любит деньги, тот не только не станет любить врагов, но будет ненавидеть и друзей. Такой человек ни родства не знает, ни дружбы не помнит, ни возраста не щадит, ни друга ни одного не имеет; он ко всем относится враждебно, и прежде всех других - к самому себе, не только потому, что губит свою душу, но и потому, что изнуряет себя бесчисленными заботами. Тот, кто презирает деньги, останавливает страсть к ним; тот же, кто желает обогащаться и копить деньги, постоянно разжигает ее и никогда не может остановиться; хотя бы он получил десятки тысяч талантов, он хочет иметь еще столько же, а если их приобретет, опять желает еще вдвое более того; и, идя все далее и далее, начинает желать, чтобы и горы, и земля, и море, и все другое стало для него золотом, беснуясь некоторым новым и страшным безумием, которое никогда не может прекратиться. Когда мы, имея повеление давать другим свое собственное, похищаем чужое, то какая остается нам надежда спасения? Если ты за то, что не напитал алчущего, подвергаешься наказанию, то какое получишь прощение, если еще и раздел одетого? Скажи мне, если бы кто-нибудь повел тебя в Персию, чтобы посмотреть, что там есть и возвратиться назад, а затем велел бы тебе (там) построить дом: не осудил ли бы ты его за крайнее неразумие, как человека, который заставил тебя бесполезно потратиться? Как же ты делаешь то же самое на земле, которую ты немного погодя покинешь? Но я оставлю детям, говоришь ты. Но и они немного позднее после тебя оставляют ее, а часто даже и раньше тебя. Для того ты корыстолюбствуешь и грабишь у других, чтобы узда твоей лошади была густо позолочена, или крыша на доме и верхушки колонн? И какой геенны не заслуживает это, - когда брата своего, которого почтил такою честью Владыка твой, ты ввергаешь в бесчисленные бедствия, чтобы разукрасить камни, полы и тела неразумных животных, которые даже и не чувствуют этого украшения? О колонне тщательно заботятся, а человек, или лучше - Христос, ради этой колонны и всех вышеуказанных вещей, обрекается на самый крайний голод. Если нужно устроить кресло или подножье, все делается из золота и серебра; между тем член Христа, тот, ради кого Он пришел с неба, не имеет даже и необходимой пищи: Христос стал для тебя всех презреннее. И что может быть тягче такого беззакония? Какие реки огня достаточны будут для такой души, - когда даже животные любят принадлежащих к своему роду, и этого сродства природы достаточно им для взаимной любви, а ты, имея помимо природы еще тысячи других поводов к любви, оказываешься свирепее их? Не будем же раздражать Бога ни тем, ни другим, т.е. и собирая, откуда не следует, и расточая, на что не подобает. Какого гнева не достоин ты, когда даешь блуднице, проходя без внимания бедного? Если ты дашь даже от праведных трудов, то не достойно ли порицания такое дело - давать награду за порок,

награждать за то, за что следовало бы наказывать; а когда ты, раздевая еще сирот и обижая вдов, питаешь распутство, то подумай, какой будет огонь для тех, которые осмеливаются на такие дела? Убойтесь все те из вас, кто обижает бедных. Вы имеете и силу, и богатство, и деньги, и благосклонность судей, но те имеют оружие, которое сильнее всего этого, - стоны и рыдания, и самые обиды, которые они терпят, потому что все это привлекает помощь с небес. Эти оружия разоряют дома, разрушают основания, уничтожают города, губят целые народы. Так велико у Бога попечение об обидимых. Подлинно, великое и сильное оружие - стон обижаемых людей. Когда терпящие зло не произносят ни одного худого слова, а только стенают и оплакивают свои бедствия, Бог преклоняется на их благомыслие и бывает к ним милостив, а обижающих подвергает наказанию. Будем же избегать делать обиды, чтобы милостив был к нам Бог, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

СЛОВО 16

О высокомерии и тщеславии

Желая смирить разгордившегося человека, не говори пространных речей, а напомни ему только о его природе и сделай ему строгое порицание такими словами: "**что гордится земля и пепел**" (Сир. 10:9)? Если же он скажет, что это бывает после смерти, то смири его при жизни, и научи, что он земля и пепел, потому что он не знает, что и теперь он то же самое. Он видит красоту тела, смотрит на могущество, на угодливость льстецов, на толпу тунеядцев; одет в дорогие одежды, наделен громадной властью; внешний вид обманывает его и заставляет забывать о своей природе; он ждет единственно лишь от смерти доказательства; он не ходит к гробницам и могилам предков; смотрит только на настоящее и нисколько не помышляет о будущем. Поэтому научи его еще здесь, что он земля и пепел, чтобы он при жизни мог принять врачество. В самом деле, сказав: "**что гордится земля и пепел**", Премудрый присовокупил далее: ("**и при жизни извергаются внутренности его**") (Сир. 10:10), называя внутренностями кишки, чрево, полное кала и всякой нечистоты и зловония. Смотри на ничтожество и бренность сущности. Не дожидайся дня своей смерти, чтобы узнать свое ничтожество; исследуй человека еще при жизни, проникни мысленно в его внутренности и увидишь всю нашу ничтожность. Однако не падай духом. Не по ненависти к нам, а щадя нас, Бог так создал нас, желая доставить великие поводы к смиренномудрию. В самом деле, если человек, будучи землею и пеплом, дерзнул сказать: "**взойду на небо**" (Ис. 14:13), то куда бы ниспал он умом, если бы не имел узды природы? Итак, когда ты увидишь надменного человека, который вытягивает шею, поднимает брови, несется на колеснице, грозит, ввергает в темницу, учиняет обиды, предает смерти, то скажи ему: "**что гордится земля и пепел?**" "**и при жизни извергаются внутренности его**"). Это сказано не только о простом человеке, но и о самом сидящем на царском престоле. Не смотри ни на порфиру, ни на диадему, ни на золотые одежды, а исследуй самую природу и увидишь, что под ними скрывается земля. Подлинно, "**всякая слава человеческая - как цвет на траве**" (1 Петр. 1:24). Ради чего и почему, человек, ты много думаешь о себе? Спустись с тщетной твоей высоты, рассмотри ничтожность своей природы; ты земля и пепел, прах и пыль, дым и тень, трава и цвет травный. И живя с такою природою, ты высоко думаешь о себе, скажи мне? Что же может быть смешнее этого? Ты начальствуешь над многими людьми? Но какая в том польза, когда ты властвуешь над людьми, а сам состоишь пленником и рабом страстей? Это похоже на то, как если бы кто-нибудь дома терпел побои и получал раны от слуг, а выйдя на площадь, стал величаться властью над другими. Ты раб всяких страстей и гордишься тем, что властвуешь над равными тебе по происхождению? О, если бы ты властвовал над первыми и был равен с последними! Если похваляющийся действительно

добрыми делами заслуживает порицания и лишается всякой награды за них, то не смешнее ли всех оказывается тот, кто надмевается ничего не стоящими делами, и впадает в гордость из-за здешней славы? Жалкий и несчастный, когда душа твоя гибнет от тягчайшей болезни, когда ты страдаешь крайней бедностью, ты гордишься тем, что имеешь столько-то талантов золота и множество рабов? Но это не твое; и если ты не веришь моим словам, узнай по опыту из того, что бывало уже раньше. Если же ты так упоен страстью, что тебя не может образумить и то, что случается с другими, то подожди немного и узнаешь на собственном опыте, что тебе нет никакой пользы от богатства, что, лежа при последнем издыхании и не имея в своей власти ни единого часа, ни краткой минуты, ты невольно оставишь его присутствующим, и при том часто тем, кому ты не желал, и против воли уступишь тем, кому раньше не дозволял и смотреть на него. Подлинно, сущность дел человеческих есть ничто иное, как прах и пыль, дым и тень, и даже еще того ничтожнее. В самом деле, скажи мне, что ты считаешь великим? Какое достоинство находишь великим? Достоинство ипата[1]? Действительно, многие думают, что нет ничего выше этого достоинства. Итак, сравнительно с тем, кто окружен таким блеском и вызывает к себе такое великое удивление, ничуть не менее имеет и не ипат; и первый, и второй находятся в одном и том же достоинстве, потому что и тот, и другой одинаково немного спустя перестают существовать. Когда был, сколько времени, скажи мне? Два дня? Это и во снах бывает. Но то, скажешь, сон. Что же из того? А разве то, что бывает днем, не сон, скажи мне? Почему мы не называем скорее этого сном? Как при наступлении дня оказывается, что сновидение суть ничто, так точно и с наступлением ночи оказывается, что и дела дневные суть ничто; и как днем никто не радуется тому, что было ночью, так точно невозможно, чтобы и ночью кто-нибудь наслаждался тем, что бывает днем. Ты был ипатом? И я был ночью. Но я, скажешь, днем, а ты - ночью. Что же в том? И все-таки ты не имеешь ничего большего сравнительно со мной, если только слышать, как говорят о тебе: такой-то ипат, и получать удовольствие от таких речей, не значит иметь больше (а разве может значить?). Если я скажу: такой-то ипат, и сделаю приятное этими словами, то вместе с тем, как сказаны эти слова, не улетели ли они? Так точно бывает и на деле: лишь только явился ипат, и его уже нет. Но допустим, что он был ипатом год, три, четыре года. Где же те, которые были ипатами в течение десяти лет? Нигде. Между тем Павел не так: он и при жизни всегда был славен, не день, не два, не десять или двадцать дней, даже не десять или двадцать лет, а и умер, и миновало вот уже четыреста лет, а он и ныне еще славен, и даже гораздо славнее, чем был при жизни. И это на земле; что же касается его славы на небесах, то какое слово в состоянии показать ее? И как волны моря то вздымаются на неизмеримую высоту, то вдруг опять низвергаются вниз, так точно и зараженные высокомерием, как мы видим, то превозносятся, сдвигают свои брови и страстно увлекаются делами настоящей жизни, то вдруг подвергаются унижению и впадают в крайнюю бедность. На них-то указывая, блаженный Давид говорил: "**Не бойся, когда богатеет человек, когда слава дома его умножается**" (Пс. 48:17). Хорошо сказал: "**не бойся**". Пусть, говорит, тебя не смущает обилие богатства и блеск славы, потому что ты немного спустя увидишь, как он будет лежать на земле, бессильный, мертвый, поверженный, став пищей для червей, как он станет наг от всего этого, не будучи в состоянии решительно ничего унести с собою (ведь богатство и слава не сопутствуют уходящим отсюда), а оставив все здесь и влача с собою одно лишь нечестье и собранное из него бремя грехов. Справедливо поэтому людская слава названа у древних тщеславием; действительно, она совершенно тща внутри, не имея ничего полезного; как маски снаружи кажутся роскошными и прекрасными, а внутри пусты, почему никогда ни в ком и не пробудили любви к себе, хотя они и миловиднее плотских лиц, так точно, или лучше - и того жальче, и людская слава. Подлинно, ничто так не отвращает милосердие Божие, и не предает так геенскому огню, как страсть гордыни. Если она присуща нам, то, какие бы подвиги мы ни совершали, воздержание ли, девство ли, пост ли, молитвы ли, милостыню ли, вся наша жизнь становится нечистой.

"**Мерзость**", - говорится, - "**пред Господом всякий надменный сердцем**" (Притч. 16:5). Тщеславие потому такое великое зло, что оно не только толкает на порок плененных им, но приражается и к добродетелям; и когда не может низвергнуть нас оттуда, то в самой добродетели производит великий ущерб, заставляя нас таким образом нести труды, а плодов от них лишая. Невозможно, желая и земной и небесной славы, достичь и той и другой; можно достичь обеих, когда мы желаем не обеих, а только одной - небесной славы; тому же, кто любит и ту и другую, невозможно достичь и той и другой. Кто делает что-либо доброе ради того, чтобы добыть славу у людей, тот, будет ли он в состоянии пользоваться ею или нет, получает уже здесь достаточную награду, и не получит за это никакого воздаяния там. Почему? Потому, что он сам уже наперед лишил себя щедрот Судии, предпочтя людскую славу приговору праведного Судии. Кто же совершает какое-нибудь духовное дело единственно с тою целью, чтобы угодить только единому этому неусыпному оку, у того и сокровище пребывает неотъемлемым, и добродетель беспримесной, и происходящая отсюда благая надежда доставляет ему великое утешение; а кроме того, что для него сохраняется в безопасном хранилище та награда, ему будет сопутствовать и слава у людей. Действительно, мы пользуемся этой славой с избытком более тогда, когда презираем ее, когда не ищем ее, когда не гонимся за ней. Так и на конских ристалищах наездники, когда весь народ рукоплещет им и испускает тысячи приветственных кликов, не оборачиваются к нему и не получают какого-либо удовольствия от его восклицаний, а смотрят только на одного - сидящего посредине царя, и, внимая его мановению, не обращают никакого внимания на все множество народа, и только тогда гордо чувствуют себя, когда тот удостоит их победных венцов. Итак, что может быть несчастнее тех, кто подвизаются в добродетели напоказ людям, омрачают лица свои постами и творят молитвы на перекрестках, когда труды они претерпевают, а всякой награды лишаются? Что ты делаешь, человек? Одному ты должен дать отчет в соделанном, а другого призываешь в свидетели совершаемого? Одного имеешь судиею, а другого ставишь зрителем? Не видишь ли, как возницы на конских состязаниях, когда весь город сидит наверху, пробегая всю остальную часть ристалища, стараются опрокинуть колесницы своих соперников там, где видят сидящим царя? Один глаз они считают более достойным доверия, чем столько взоров. А ты, видя на своем поприще в качестве подвигоположника самого Царя ангелов, оставив Его, обращаешься к взорам таких же, как и ты, рабов? Оттого-то ты после бесчисленных состязаний, после многих трудов и уходишь без венца, и без награды отходишь к Подвигоположнику. Не бессмысленно ли, что слуга, что бы он ни делал, делает в угоду господину, ничего более не ищет, как только его взгляда и не старается привлечь на свое дело чужих взоров, хотя бы смотрящие были великие люди, а заботится только об одном, чтобы видел господин; между тем мы, имея такого Господа, ищем других зрителей, которые пользы нам своим зрением оказать никакой не в состоянии, а повредить нам и сделать напрасным весь наш труд могут? Если же надмевающийся добродетелью губит все, то какого наказания будет достоин тот, кто делает это с грехами? Поистине, согрешая, еще и гордиться, гораздо более тяжкое зло, нежели грешить. Если хвалиться действительно добрыми делами - неразумие, то насколько более - такими делами, которые ничего не стоят? Подлинно, ничто не делает людей столь преступными и безумными, как пристрастие к людской славе, равно как ничто не делает их так славными и непоколебимыми в добродетели, как презрение к ней. Вот почему нужна весьма мужественная душа тому, кто хочет устоять против такого порыва и силы ветра. Когда человек, гоняющийся за славой, благоденствует, он ставит себя выше всех других, а когда подвергается несчастью, то готов закопать себя в землю, будучи поглощаем страстью. И слушай, что я скажу. Некогда царь Озия, переступив пределы и меру своей царской власти, вошел в храм, желая самолично воскурить фимиам. Что же ему иерей? Нельзя тебе, царь, кадить фимиамом (2 Пар. 26:18); ты преступаешь пределы своей власти, ищешь недарованного тебе; чрез это ты погубишь и то, что получил; не твое это дело, а мое. Похищал ли я твою порфиру? Не

похищай и ты моего священства. Но тот не послушался, но, надмеваясь гордостью, вошел в храм, раскрыл Святое святых, желая воскурить фимиам. Когда, таким образом, иерей был презрен, слово священства попрано, и ничего более уже не оставалось, как только обличить и показать дерзновение, а тот потрясал оружием и пользовался своей силой, тогда священник говорит: я сделал все со своей стороны, больше ничего не могу; помоги ты, Господи, попираемому священству, которого законы теперь нарушаются и уставы низлагаются. И смотри, что происходит. Тотчас же "**проказа явилась на челе его**" (ст. 19). Где бесстыдство, там и наказание. Видишь милосердие Божие в самом наказании? Не молнии испустил Он, не землю потряс, не небо поколебал, а явилась проказа, и при том не на другом каком-нибудь месте, а на челе, чтобы она лежала как бы надпись на столбе, как бы закон на видном месте, гласящий: не делайте таких дел, чтобы не потерпеть такого наказания. Итак, зачем ты вытягиваешь шею, скажи мне? Зачем ступаешь на кончиках ногтей? Зачем поднимаешь брови? Зачем выпячиваешь грудь? Волоса ты не можешь сделать белым или черным, а заносишься так, как будто все в твоей власти. Может быть, ты хотел бы, чтобы у тебя выросли крылья, чтобы тебе не ходить по земле? Как мне назвать тебя и низложить твою гордость? Назову ли тебя прахом и пылью, дымом и пеплом? Но этим я не достигну еще точного подобия. Ты кажешься мне похожим на горящую паклю, потому что и она, когда ее подожгут, по-видимому, вздувается и поднимается, а если немного дотронуться до нее рукой, вся опускается вниз и оказывается ничтожнее всякого пепла. И как дождевые пузыри, когда высоко поднимаются, весьма скоро лопаются, так точно и надмеваемые тщеславием легко погибают. Нет зла, равного гордости. Чрез нее и диавол стал диаволом, не будучи раньше таковым. Равным образом и первый человек пал и сделался смертным от горделивых надежд, навеянных ему диаволом. Возымев надежду стать богом, он погубил и то, что имел. За это самое и Бог, порицая его и как бы осмеивая его безумие, говорил: "**вот, Адам стал как один из Нас**" (Быт. 3:22). Если диавол, получив некоторую власть над Иовом, разорил до основания его дом, сокрушил его тело, учинил такое плачевное зрелище, погубил имущество, засыпал землею детей, пронзил плоть, наустил жену, заставил друзей, врагов, слуг говорить такие слова, то, если бы он не сдерживался бесчисленными узами, не погубил ли бы всех? Это злобный и ненасытный зверь, и если бы не обуздывался постоянно, то все бы ниспроверг и разрушил. Потому-то Бог, как человеколюбец, и не дает ему власти над всеми. Тому подобает слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Ипат (Ὑπατος –Praefectus Praetorio) - первый сановник в греко-римской империи, являвшийся полновластным наместником императора и сосредоточивавший в своих руках все военное и гражданское управление префектуры.

СЛОВО 17

О зависти

Ничто так обычно не разделяет и не разъединяет нас друг от друга, как зависть и недоброжелательство, - этот жестокий недуг, лишенный всякого извинения, и гораздо более тяжкий, нежели самый корень зол - сребролюбие. В самом деле, сребролюбец хоть радуется тогда, когда сам получает; завистливый же тогда радуется, когда другой не получает, считая собственным успехом неудачу других. Что может быть безумнее этого? Пренебрегая собственные бедствия, он изводится чужими благами, делая чрез это недоступным для себя небо, а раньше еще неба и настоящую жизнь невыносимой. Поистине, не так червь ест дерево, или моль шерсть, как огонь зависти пожирает самые кости завистников и вредит чистоте души. Не погрешит тот, кто назовет завистников

худшими зверей и демонов. Звери нападают на нас только тогда, когда они или нуждаются в пище, или наперед были раздражены нами, а эти люди, и будучи облагодетельствованы, часто относятся к благодетелям как обиженные. Равным образом и демоны, хотя к ним питают непримиримую вражду, не делают зла имеющим одну с ними природу, а эти люди ни общности природы не стыдятся, ни собственного спасения не щадят, но раньше тех, кому завидуют, сами подвергают наказанию свои души, наполняя их без причины и повода крайним смятением и унынием. Зависть такой порок, что хуже его нет никакого другого. Прелюбодей, например, и некоторое удовольствие получает, и в краткое время совершает грех свой; между тем завистник раньше того, кому завидует, сам себя подвергает наказанию и мучению, и никогда не отстанет от своего греха, а постоянно совершает его. Как свинья радуется грязи, и демон нашей погибели, так и этот радуется несчастиям ближнего; и если с последним случится что-нибудь неприятное, тогда он успокаивается и облегченно вздыхает, считая чужие горести своими радостями, а чужие блага - собственными бедствиями. И как некоторые жуки питаются навозом, так и завистники - чужими несчастьями, являясь общими врагами и недругами (человеческой) природы. Другие люди и бессловесное животное, когда его убивают, жалеют; а эти, видя человека, получающего благодеяния, приходят в бешенство, дрожат и бледнеют. И что может быть хуже такого безумия? Что ты бледнеешь, дрожишь и стоишь объятый страхом, скажи мне? Что случилось ужасного? То ли, что брат твой славен, пользуется известностью и добрым именем? Поэтому самому тебе следовало бы украситься венком, радоваться и славить Бога, что видишь член свой славным и знаменитым. Или ты скорбишь о том, что Бог прославляется? Смотри, куда простирается вражда. Не это, скажешь, меня печалит, но я хотел бы, чтобы Бог прославлялся чрез меня. Так радуйся, когда брат твой пользуется доброй славой, и чрез тебя опять прославится Бог. Если бы даже он был врагом и неприятелем твоим, а Бог прославлялся чрез него, то надлежало бы сделать его ради этого другом; а ты друга делаешь своим врагом из-за того, что чрез доброе имя, которым он пользуется, прославляется Бог. Как еще иначе ты можешь показать вражду против Христа? Поэтому, хотя бы кто совершал знамения, хотя бы показал подвиг девства, или поста, или лежанья на голой земле, и добродетелью такого рода сравнялся с ангелами, но если он подвержен страсти зависти, он оказывается всех мерзостнее. Если любовь к любящим не дает нам никакого преимущества пред язычниками, то где окажется тот, кто питает зависть к любящим? Завидовать хуже, чем враждовать. Враждующий, когда забывается причина, из-за которой произошла ссора, прекращает и вражду; завистливый же никогда не станет другом. При том первый ведет открыто борьбу, а последний - скрытно; первый часто может указать достаточную причину вражды, а второй не может указать ни на что другое, кроме своего безумия и сатанинского расположения. И как обижающий не другим причиняет обиду, а самому себе, так точно и строящий козни ближнему губит себя самого. И подобно тому как, обижая ближних, мы обижаем сами себя, так, наоборот, делая им добро, мы делаем добро самим себе. Тот, кто слышит о себе худые речи, но ложные, не только не терпит от того обиды, а имеет и величайшую награду. Не тот, кто терпит, а кто делает зло, тот достоин наказания, если только первый сам не дал достаточных поводов к порицанию. И как невозможно человеку добродетельному слышать о себе от всех хорошие отзывы, так точно невозможно и слышать от всех дурные, если сам не доставит многочисленных поводов по многим обстоятельствам. Порицание же, которые делаются всенародно, часто делают людей наглыми и бесстыдными. Многие из грешников, пока видят, что им можно скрыть себя, легко решаются исправиться; а когда потеряют доброе мнение о себе в обществе, впадают в отчаяние и вдаются в бесстыдство. Но ты потерпел обиду от него? Так зачем же ты еще и сам себя обижаешь? Тот, кто мстит за обиду, обращает нож против самого себя. Если, поэтому, ты хочешь и себя облагодетельствовать, и обидевшему тебя отомстить, то говори о нем хорошо; если же ты будешь говорить худо, то тебе не поверят, как человеку, подозреваемому во вражде. Ведь вражда, сталкиваясь с помыслами

слушающих, не позволяет запечатлеваться в их ушах тому, что говорится. Итак, не говори о других худо, чтобы не обесчестить и себя, не сплетай тины с грязью и мусором, а плети венки из роз, фиалок и прочих цветов; не износи навоза из уст, подобно жукам, - а таковы те, которые говорят худо о других. Они сами первые ощущают последствия своего зловония. В самом деле, злоречивого человека все сторонятся, как бы пахнущего гнилью, как какой-то гадины или жука, питающегося навозом, - чужими бедствиями; наоборот, человека, имеющего благоглаголивые уста, все принимают как свой собственный член и как родного брата. Какую обиду причинил Авелю Каин? Не проводил ли он его против своей воли только скорее в царство небесное, а себе причинил бесчисленные бедствия? Какой вред причинил Исав Иакову? Не обладал ли последний богатством и не пользовался ли бесчисленными благами, а тот и отеческого дома лишился, и блуждал после злого своего умысла в чужой стране? Что сделали худого Иосифу братья, несмотря даже на то, что дошли до крови? Не они ли терпели голод и подверглись крайней опасности, между тем как тот сделался царем всего Египта? Чем больше ты завидуешь, тем большие блага доставляешь тому, кому завидуешь. Бог все назирает; и когда видит, что обижают человека, который сам никому не делает обиды, то еще более возвышает его и делает славным, и таким образом наказывает тебя. Если Он не позволяет оставаться безнаказанными тем, которые надругаются над врагами, то гораздо более тем, которые завидуют людям, не причинившим им никакой обиды. Если тот, кто любит любящего его, не имеет никакого преимущества пред мытарями, то какого снисхождения заслуживает тот, кто ненавидит не сделавшего ему никакого зла? Итак, ради чего ты скорбишь, человек, о благах ближнего? Если нужно скорбеть, то следовало бы скорбеть о бедствиях, какие мы сами терпим, а не о том, что видим других пользующимися доброй славой. Или ты не знаешь, что этот грех лишен всякого извинения? И справедливо. В самом деле, блудник может указать на похоть, вор - на бедность, убийца - на гнев, все могут представить те или другие предлоги, хотя пустые и неосновательные; а ты, скажи мне, какую назовешь причину? Никакой, кроме разве только чрезмерного нечестия. Если нам повелевается любить врагов, то какое мы понесем наказание, когда ненавидим и любящих? Если тот, кто любит любящих, окажется в положении нисколько не лучшем язычников, то какое прощение получит тот, кто причиняет обиды нисколько его необидевшим? Демон завидует, но людям, а не демонам; ты же, будучи человеком, завидуешь людям. И какое получишь ты прощение? Тяжкое, тяжкое зло зависть; оно заставляет пренебрегать собственным спасением. Таким путем Саул привлек на свою душу злого демона; и после того, как привлек, к своему врачу опять питал зависть. Такова уж зависть: он знал, что спасен Давидом, и все же лучше желал, чтобы спаситель его погиб, чем видеть его пользующимся славой. А если хотите, я расскажу вам, какие благодеяния оказал Давид Саулу, и чем тот затем отплатил ему. Некогда постигла иудеев весьма тяжкая война; и когда прятались в страхе и ужасе, и никто не осмеливался выступить вперед, когда весь город находился в крайней опасности, каждый видел пред своими глазами смерть, и все каждый день ждали погибели, пришел в воинский стан от своих овец Давид и взял на себя бой, предстоявший всем, не видя при этом никакой настоятельной для себя необходимости, напротив, даже встречая со стороны многих препятствие (так, и брат порицал его, и царь, взирая на его юный возраст, удерживал его и приказывал остаться), а разгоревшись сам в своей душе, побежал на иноплеменников, и показал при этом такую заботливость о царе, что еще раньше сражения и победы, ободряя его, лежащего ниц, сказал: "**пусть никто не падает духом из-за него; раб твой пойдет и сразится с этим Филистимлянином**" (1 Цар. 17:32). Маловажно ли это, скажи мне, что он, не имея к тому никакой необходимости, отдает свою душу и бросается в средину врагов ради помощи тем, от кого не получил еще никакого благодеяния? Не следовало ли назвать его после этого господином и провозгласить спасителем всего государства, как человека, который помощью благодати Божией сохранил жизнь всем? Какое другое благодеяние было больше этого? В самом деле, этим он оказал ему благодеяние не в

отношении к имуществу, не в отношении к славе или могуществу, а в отношении к самой его жизни; он извел его из самых врат смерти; благодаря ему только царь остался жив и пользовался властью. Чем же он после этого отплатил ему? Если кто примет во внимание великость заслуг, то, если бы даже Саул снял венец со своей головы и возложил на Давида, он еще не воздал бы ему награды по достоинству, а остался бы в большом еще долгу. В самом деле, этот даровал ему и жизнь, и царство, а тот уступил бы ему только одно царство. Посмотрим однако, каковы же его награды. После того, как он снял голову с иноплеменника и возвращался с своею добычей, вышли, говорится, девы с плясками и пением, восклицая: "**Саул победил тысячи, а Давид -- десятки тысяч**" (1 Цар. 18:7). И разгневался Саул, и с того дня стал подозрительно смотреть на Давида. Ради чего, скажи мне? Ведь если сказать нечто странное, то восклицавшие так делали приятное скорее Саулу, нежели Давиду, и тому следовало быть довольным, что ему дали все же тысячи. Что же он негодует на то, что последнему дали десятки тысяч? Если бы он что-нибудь сделал для сражения, если бы внес хоть небольшую долю своего участия, то справедливо можно было бы говорить, что "**Саул победил тысячи, а Давид -- десятки тысяч**"; если же сам он сидел в страхе и трепете дома, каждый день ожидая смерти, а Давид совершил все, то не безрассудно ли было со стороны того, кто ничего не сделал для отвращения опасности, сердиться на то, что он не получил больших похвал? Если уж следовало негодовать, то Давиду на то, что, совершив сам весь подвиг, он разделил похвалы с другим. Но такова зависть: она не может равнодушно видеть успеха других, а считает благополучие ближнего собственным несчастьем и изводится благами ближнего. Нечто подобное случилось и с царем герарским: видя, как каждый день умножались богатства Исаака, он начал бояться и заставил праведника переселиться оттуда. Следует, однако, выслушать самые слова Священного Писания, чтобы нам видеть из них, какое благоволение оказывает Бог своим слугам. "**И сеял**", - говорится, - "**Исаак в земле той и получил в тот год ячменя во сто крат**" (Быт. 26:12). Видишь щедроты Владыки? Видишь преизобилие благодеяния? Но посмотрим и на зависть царя, которая возникла по причине богатства праведника. "**Удались**", - говорит он, - "**от нас, ибо ты сделался гораздо сильнее нас**" (ст. 16). И действительно, он был сильнее их, имея во всем вышнюю помощь и будучи охраняем десницею Божиею. Итак, куда ты гонишь праведника? Или ты не знаешь, что куда бы ему ни случилось дойти, ему необходимо быть в том, что принадлежит его Владыке? Хотя бы ты заставил его уйти даже в пустыню, он имеет столь могучего Владыку, что Он в силах и там сделать его еще более славным. Он именно чрез противное часто устрояет противное. Ему подобает слава, держава, честь и поклонение, со Отцем и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

СЛОВО 18

О ненависти и вражде

Если кто потерпел обиду от ближнего, пусть вспомнит и приведет себе на ум Давида, чтобы, когда еще кипит сердце, воспоминанием об этом кротчайшем и незлобивом муже он мог укротить море гнева. Почему, в самом деле, брат твой враг тебе? Оскорбил тебя? Но он не причинил тебе никакого вреда. Или, может быть, из-за денег ты смотришь на него как на врага? Не делай, умоляю тебя, не делай отсрочки, чтобы рассечь цепи гнева, потому что отсрочки порождают замедление: если ты пропустишь сегодняшний день, то будешь уже много стыдиться; если присоединишь и завтрашний, будет еще больше стыда; если присовокупишь и третий день, еще больше станешь стыдиться вследствие столь долгого промедления. Дайте мне, прошу вас, свободно говорить об этом. Дайте мне возможность слышать, что от постоянного этого научения мы достигли какого-нибудь успеха, что кто-нибудь, выйдя отсюда, обнял врага обеими руками, сжал его в своих объятиях, поцеловал его, пролил слезы; хотя бы последний был зверем, или камнем, или

чем бы то ни было, но, тронутый таким дружелюбием, он сделается кротким. Таким образом себя ты освободишь от обвинений, а его приобретешь, склонив к доброму расположению. И не говори мне: я имею врага безбожного, нечестивого, погибшего, неисправимого и не могу примириться с ним. Какого бы врага ты ни назвал, он не хуже Саула, который, будучи и раз, и два, и многократно спасен Давидом, сам тысячу раз строил ему козни, и, будучи вместо этого облагодетельствован, продолжал хранить на него свою злобу. В самом деле, что ты можешь сказать? То ли, что он отмежевал себе твою землю? Что причинил тебе вред в поле? Что переступил порог дома? Что похитил рабов? Что оскорбил тебя? Что ограбил? Что довел до бедности? Но он еще не пытался отнять у тебя души, ни дважды, ни трижды, ни многократно (как Саул), и при том не получив от тебя стольких благодеяний, равно как не попадавшись многократно в твои руки и будучи спасен. А если бы и так, то и в таком случае Давид опять имеет преимущество, так как, будучи воспитан в менее совершенных законах, не требовавших ничего подобного, достиг самой вершины закона благодати. При том, ты часто злопамятствуешь, гневаясь за прошедшее; а этот (праведник), даже боясь за будущее, и отлично зная, что ему не будет места в городе, и жизнь будет невыносимой, если он спасет врага, все-таки не переставал заботиться о нем, но все делал на благо ему, питая против себя врага. Итак, в чем же таком, скажи мне, ты обвиняешь врага, что не хочешь примириться с ним? Чем таким он обидел тебя? Лишил тебя денег? Но если ты мужественно перенесешь их похищение, то получишь такую же награду, как если бы ты отдал их в руки бедным. В самом деле, и тот, кто отдал деньги бедным, и тот, кто ради Бога не замышлял зла против похитившего у него, или даже не сказал ему худого слова, делают одно и то же. Если же причина траты одна, то очевидно, что и венец один. Но он злоумышлял на жизнь твою и покушался убить? Это вменяется тебе в мученичество, если только ты считаешь злоумышленника, доведшего до такой степени свою вражду, в числе своих благодетелей, и не перестаешь молиться за него, прося Бога смилостивиться над ним. Не на то будем смотреть, что Бог не допустил Саулу, преследовавшему Давида, убить его, а на то, что последний от его злых козней получил двойной, или тройной, или даже четверной венец мученичества. В самом деле, кто ради Бога спас врага, который не раз, не два, а многократно метал копье в его голову, кто, имея полную возможность убить его, пощадил, зная при том, что после такой пощады он опять нападет на него, тот, очевидно, тысячекратно подвергался закланию произволением; будучи же тысячекратно заклан ради Бога, он имеет и многочисленные венцы мученичества. И что говорил Павел, о том и он помышлял, и каждый день умирал ради Бога (1 Кор. 15:31). Имея возможность убить готовившего ему гибель, он не пожелал сделать этого ради Бога, а предпочел лучше каждый день подвергаться опасностям, нежели избавиться от стольких смертей, совершив даже справедливое убийство. Если же злоумышляющему даже против самой жизни не следует ни мстить, ни платить ненавистью, то тем менее тому, кто причиняет нам обиду в каких бы то ни было других, внешних, вещах. Хочешь знать, что возможно примирить с собой, если только мы желаем, всякого человека, относящегося к нам враждебно, как бы он ни был нечестив, испорчен и неисправим? Что свирепее льва? И однако люди укрощают его, искусство осиливает природу, и тот, кто свирепее и царственнее всех зверей, делается смиреннее и послушнее всякой овцы и ходит по площади, никому не внушая страха вследствие своей кротости. Какое же извинение, какое прощение будем иметь мы, когда зверей укрощаем, а про людей говорим, что никак не можем укротить их и заставить хорошо относиться к нам, тем более что зверю не свойственна по природе кротость, а человеку чужда по природе свирепость? Если, таким образом, мы побеждаем природу, то какое будем иметь оправдание, когда говорим, что не можем исправить произволения? Если же он и неисцельно болен, то чем больше будет у тебя труда, тем обильнее будет и награда, когда ты не перестанешь заботиться о врачевании неисцельно больного. Но что столь тяжкого сделал тебе враг твой, что ты отказываешься от примирения с ним? Худо отозвался о тебе, назвал тебя прелюбодеем и блудником? Что же

в том? Если он говорит правду, исправься; а если ложь, то посмейся. Если ты сознаешь за собой то, в чем он упрекает тебя, то образумься, а если не сознаешь, пренебреги; лучше же сказать - не только посмейся, не только пренебреги, а даже радуйся и веселись по слову Господа: "**когда**", - говорит Он, - "**будут поносить**" вас "**и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого [,] возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах**" (Лк. 6:22, 23; Мф. 5:11, 12). Если же он сказал правду, а ты с кротостью перенесешь его слова, не ответишь ему со своей стороны оскорблением, не станешь злословить его, а горько восстенаешь и осудишь свои прегрешения, то получишь награду не меньше, чем и в первом случае. Часто, ведь, враги своими справедливыми порицаниями делают то, чего не могут сделать друзья своими похвалами и приятными речами, Последние, обычно говоря приятное, или даже и льстя нам, только усиливают болезнь; первые же, побуждаясь враждой и порицая наши грехи, заставляют нас исправляться, и таким образом вражда бывает для нас источником величайшей пользы. Итак, не будем говорить: такой-то меня раздражил, такой-то заставил меня сказать срамные слова. Мы сами всегда являемся виновниками их; если мы желаем любомудрствовать, то не только враг, но и сам диавол не в силах будет привести нас в гнев. И это видно из истории с Давидом. Когда он сказал: "**посмотри на край одежды твоей в руке моей**" и все прочие дальнейшие слова в свое оправдание пред Саулом, то последний говорит: "**твой ли это голос, сын мой Давид**" (I Цар. 24:12, 17)? Вот какая великая перемена произошла вдруг с этим озверевшим человеком, благодаря кротким словам Давида! Тот, кто раньше не мог назвать его даже просто по имени, а ненавидел даже самое его прозвище, теперь возводит его в родство с собою, называя его сыном, и трогается даже самым звуком его голоса. И как отец, услышав давно неслыханный голос возвратившегося откуда-нибудь сына, не только рад видеть его лицо, но с любовью прислушивается и к самому голосу, так и Саул, когда до него дошли слова Давида и исторгли вражду, узнал наконец святого и, освободившись от одной страсти, проникся другой страстью: отбросил гнев и проникся радостью и сочувствием. Что может быть блаженнее и возвышеннее Давида? Убийцу он сделал отцом, волка - овцою, пещь гнева исполнил обильной росою, волнение превратил в тишину и потушил весь пыл гнева. Итак, возлюбленные, будем стараться не о том только, чтобы не потерпеть никакого зла от врагов, но и о том, чтобы самим себе не делать никакого зла. И тогда мы не потерпим никакого зла, хотя бы подверглись бесчисленным бедствиям, подобно тому как и Давид, несмотря на изгнание, преследование и опасности для самой жизни, не потерпел никакого зла, а оказался даже славнее и достохвальнее врага, и вожделеннее для всех, не только для людей, но и для самого Бога. В самом деле, какой вред потерпел этот святой, испытав столько бедствий от Саула? Не прославляется ли он до настоящего дня, не славен ли он и на земле, и на небе? Не ожидают ли его неизреченные блага и царство небесное? С другой стороны, какую пользу получил тот жалкий и несчастный, который строил ему столько козней? Не лишился ли он царства, не потерпел ли вместе со своим сыном жалкой смерти и не подвергается ли всеобщему осуждению? Но что всего тяжелее, теперь его ожидают нескончаемые мучения. Когда, поэтому, ты увидишь своего врага или вспомнишь о нем, то не говори, что я то-то и то-то потерпел от него, то-то и то-то слышал от него, не разжигай чрез это гнева и не увеличивай еще более пыла страсти; напротив, забудь все огорчения, какие слышал или потерпел от него; а если и вспомнишь, то вмени их диаволу; собери, наоборот, все, что тот сказал или сделал тебе когда-нибудь хорошего, и тогда ты скоро прекратишь вражду. Если же ты хочешь обратиться к нему с обличениями, то наперед смири страсть, угаси гнев, и тогда обличай и требуй ответа, и ты легко одержишь над ним победу. В самом деле, находясь в раздражении, мы не в состоянии будем ни сказать, ни услышать что-либо здравое; освободившись же от страсти, и сами никогда не произнесем обидного слова, и в словах других не услышим обиды. Не так, ведь, обычно самые слова возбуждают в нас гнев, как враждебное предубеждение против другого. Подобно тому, как ночью мы часто не узнаем и стоящего пред нами друга, а когда

наступает день, то и издали признаем его, так точно бывает обыкновенно и в случае вражды: пока мы относимся друг к другу неприязненно, то с предубеждением и слушаем голос других, и смотрим на лицо их; а когда освободимся от гнева, то то же самое лицо, которое раньше казалось враждебным и неприятным, становится милым и приятным. Когда враг будет поносить тебя за грех, который ты сознаешь за собой, а ты, слыша это, не ответишь ему оскорблением, а горько восстенаешь и станешь умолять Бога, то тотчас же изгладишь весь грех. И чтобы ты не подумал, что мы просто лишь утешаем тебя, представим свидетельство от Священного Писания. Были фарисей и мытарь; один дошел до крайней степени порока, другой ревностно заботился о праведности; и оба однажды пришли в храм помолиться. Фарисей, став, говорил: "**Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь**" (Лк. 18:11). Мытарь же, стоя вдали, не ответил оскорблением и поношением, не сказал каких-нибудь пустых слов, какими мы ежедневно перемываем друг друга, а говорил только, горько стеная и ударяя себя в грудь: "**Боже! будь милостив ко мне грешнику!**" (ст. 13), - и вышел оправданным. Видишь, как скоро? Принял поношение, и смыл поношение; сознал свои грехи, и освободился от грехов; обвинение во грехе сделалось отъятием греха, и враг против своей воли оказался благодетелем. Может ли быть что-нибудь блаженнее этого? Может ли быть легче средство к освобождению от грехов? В самом деле, сколько нужно было бы трудиться мытарю, пребывая в подвигах поста, бдения, лежания на земле, раздавая свое имущество бедным, сидя долгое время во вретище и пепле, чтобы загладить свои грехи? Между тем теперь, не сделав ничего такого, он одним только словом снял с себя все грехи и поношение; и злословие по видимому обидевшего его, без продолжительных усилий и трудов, доставило ему венец правды. Потому Бог и повелел нам молиться за врагов, чтобы мы не только отпускали им долги, но и считали их в числе первых друзей. Если же ты не делаешь только никакой неправды другим, а отвращаешься от них и смотришь с неудовольствием, и в душе твоей имеется свежая рана, то ты еще не исполнил заповеди, преподанной Христом. Как же ты можешь просить Бога быть милостивым к тебе, сам еще не сделавшись милостивым к согрешившим против тебя? Если же хотите знать, что сам Бог не отпустит вашим врагам и обидчикам, хотя бы мы и молились за них, когда они станут только хуже вследствие нашего незлобия, расскажу вам одну древнюю историю. Однажды Мариам упрекнула Моисея; что же Бог? Он наслал на нее проказу, сделал ее нечистой (Числ. 12), хотя во всем прочем она поступала справедливо и разумно. Затем, когда сам обиженный Моисей просил и умолял оставить гнев на нее, Бог не внял ему, а что сказал? Если бы у нее был отец, и прогнал ее с своих глаз, то не снесла ли бы она наказания? Тебя Я одобряю за кротость и незлобие, но ее оставить без наказания Я не должен. Итак, вспомни тот страшный суд, когда все будет обнажено и открыто; подумай о том, что тогда откроется все, что скрывается теперь. Если ты отпустишь ближнему согрешения, то все твои грехи, которые должны будут открыться тогда, будут истреблены уже здесь, и ты отойдешь отсюда, не влача с собою ничего из своих грехов. Таким образом ты больше получаешь, нежели даешь. Часто мы совершаем грехи, которых не видел никто другой. И если мы подумаем, что в тот день все наши грехи обнаружатся пред глазами всех, будут выставлены на позорище всей вселенной, то не будем ли мы испытывать более тяжких страданий от угрызений и мучений собственной совести, чем от какого бы то ни было наказания? Между тем столь великий твой срам, столь великие прегрешения можно омыть снисхождением к ближнему. И, если хотите, послушайте, какую силу имеет эта заповедь. "**Хотя бы**", - говорится, - "**предстали пред лице Мое Моисей и Самуил, душа Моя не [приклонится] к**" ним (Иер. 15:1). И однако тех, кого не могли похитить от гнева Божия Моисей и Самуил, может исхитить эта самая заповедь. Вот почему Бог постоянно и заповедал тем, кому сказал эти слова, говоря: "**зла друг против друга не мыслите в сердце вашем**", и: "**никто из вас да не мыслит в сердце своем зла против ближнего своего**" (Зах. 7:10; 8:17). Если же нам повелевается любить врагов, то какому

подвергнемся мы наказанию, когда даже и любящих нас ненавидим? Если тот, кто любит любящего, не имеет никакого преимущества пред мытарями, то где же окажется тот, кто ненавидит не делающего ему никакого зла? Как он избежит геенны, оказываясь хуже язычников? Если тот, кто не любит брата, хотя бы роздал все деньги, хотя бы просиял мученичеством, не получает никакой пользы, то подумай, какого же наказания достоин тот, кто относится враждебно к человеку, ничем его не обидевшему? Если Бог не отпускает согрешений тем, которые не прощают совершенных против них поступков, то даст ли он прощение тем, которые осмеливаются обижать не причинивших им ничего худого? Итак, зачем мы безрассудно ссоримся друг с другом, зачем враждуем друг против друга, когда нам повелено любить даже и ненавидящих нас? Что говоришь ты, человек? Имеешь врага и не стыдишься? Ужели не довольно нам диавола, что мы возбуждаем против себя еще и единокровных нам? О, если бы и тот не хотел враждовать против нас! О, если бы и он не был диаволом! Или ты не знаешь, какое удовольствие бывает после примирения? Нет нужды, если в разгар вражды это и не особенно ясно. Если же ты говоришь, что при воспоминании об обиде ты кипишь гневом, то припомни, не было ли сделано тебе чего-нибудь хорошего со стороны обидевшего, вспомни и о том, сколько сам ты причинил зла другим, и ты скоро оставишь вражду. Подлинно, ты не потерпел такого зла, какое причинишь сам себе злопамятством. В самом деле, как ты получишь прощение, которого не оказываешь другим? Язычники, не ожидая ничего великого, часто любомудрствовали о злотерпении; а ты, за которого Христос отдал душу свою и не отказался быть закланным, когда ты был еще врагом, ты, который должен отойти из здешней жизни с такими надеждами, не решаешься и медлишь прекратить вражду? То, что делает время, ты не хочешь сделать раньше времени ради закона Божия, и желаешь, чтобы страсть твоя погасла лучше без всякой награды, чем за награду? Ведь если это произойдет от времени, то тебе не только не будет никакой пользы, но будет и великое наказание за то, что закон Божий не убедил тебя сделать то, что сделало время. Для того именно Бог доставляет тебе неизреченную награду, чтобы ты предупреждал его. Если ты примиряешься с обидчиком только по его просьбе, то мир является следствием уже не твоей ревности об исполнении заповеди Божией, а старание другого; потому-то ты и остаешься без венца, тогда как тот получает награды. Разбойники, вступая в товарищеский союз с кем-нибудь, не являются уже более разбойниками в отношении к своим сообщникам: участие в общей трапезе изменяет нрав их и делает тех, которые были свирепее зверей, смирнее овец; а мы, принимая участие в такой трапезе, имея общение в такой пище, вооружаемся друг на друга? Не окажемся ли мы после этого хуже даже зверей? Вот почему мы с каждым днем делаемся все слабее и слабее, а общий наш враг сильнее и сильнее. Вместо того, чтобы защищаться общими силами против него, мы вместе с ним восстаем друг против друга и делаем его своим вождем для такого рода браней. Будем же избегать такого его начальства над нами, благодатию Христа, которому подобает слава, держава, честь и поклонение, со Отцем и Святым Духом, во веки. Аминь.

СЛОВО 19

О печали и скорби

Бог вложил в нашу природу скорбь не для того, чтобы мы предавались ей неразумно и безвременно, при несчастных обстоятельствах, не для того, чтобы мы губили себя, а чтобы получали от нее величайшую пользу. Время скорби не тогда, когда мы терпим бедствия, а когда мы делаем дурные дела. Между тем мы извратили этот порядок и переменили времена: делая тысячи зол, мы не сокрушаемся и на малое время, а если потерпим от кого-нибудь какую-нибудь малость, падаем духом, приходим в смущение и просим избавить нас от настоящей жизни, не зная того, что скорби и искушения, и приключающиеся нам печали, не менее чем и блага, обнаруживают попечение Божие о

нас. Да что я говорю о здешних скорбях? Даже угроза геенной не менее, чем и царство небесное, показывает Его человеколюбие, потому что, если бы Он не угрожал геенной, никто так легко не достиг бы небесных благ. В самом деле, одного только обещания благ недостаточно для обращения к добродетели, если бы более беспечно относящихся к ней не побуждал и страх наказаний. Кроме того, печаль и скорбь существуют не для того, чтобы мы скорбели по поводу смерти, по поводу лишения денег, или по поводу чего-либо другого подобного, а чтобы пользовались ими для истребления грехов. Ведь и воин, который боится смерти, никогда не совершит ничего доблестного. Итак, скорбящему нужно скорбеть не о том, что он подвергается наказанию, а о том, что своими грехами он раздражает Бога. Первого рода скорбь отдаляет от нас Бога и делает Его нашим врагом; второго же рода скорбь более всего примиряет Его с нами и делает близким к нам. Не для того явился ты в настоящую жизнь, человек, чтобы праздно питаться, не для того, чтобы не терпеть никаких бедствий, а для того, чтобы ты прославлялся путем страданий. Не доблестного мужа дело искать покоя и предаваться удовольствиям; такое стремление свойственно скорее бессмысленному червю, чем (человеку) обладающему разумом. Конечно, молись о том, чтобы не впасть в искушение; но если когда-нибудь впадешь, не ропщи, не смущайся, не унывай, а старайся всеми силами о том лишь, чтобы стать еще более славным. Не видишь ли ты, как наиболее мужественные из воинов, когда их призывает звук трубы, обращают свой взор на трофеи, на победы, на отличившихся подвигами предков? Так и ты при звуке духовной трубы стань сильнее льва; выступи, хотя бы пред тобой был огонь, хотя бы железо; и стихии умеют уважать проявляющих такое мужество; и звери умеют бояться таких доблестных борцов, и как бы они ни были свирепы, от голода ли, или по самой природе своей, они все забывают и пересиливают свою страсть. Итак, христианину, если он печалится, можно иметь только два повода для скорби: или когда он сам прогневит Бога, или когда сделает то же ближний. Не тем, кто подвергается поношениям, следует страшиться и трепетать, а тем, кто наносит оскорбления, потому что не первые имеют нужду оправдываться в худых речах, какие они слышали, а последние в том, что они худо говорили; вся опасность угрожает этим последним. Таким образом, те, кто слышит о себе дурные речи, должны оставаться беспечальны, потому что они не будут давать отчета за то, что сказал худо другой; напротив те, кто говорит худо, должны страшиться и трепетать, так как они привлечены будут за это на страшное судилище. Будем поэтому скорбеть не о том, что слышим худые речи о себе, а о том, что слышим такие речи заслуженно: если мы живем порочно, то, хотя бы никто не порицал нас, мы оказываемся всех несчастнее; наоборот, если мы ревнуем о добродетели, то, хотя бы весь мир говорил о нас худо, мы будем всех счастливее. Если дух наш настроен хорошо, то, хотя бы отовсюду поднимались бесчисленные бури, мы всегда будем пребывать в тихой пристани; и наоборот, когда он не благоустроен, то, хотя бы все нам благоприятствовало, мы будем находиться в положении нисколько не лучшем терпящих крушение. Это можно наблюдать и относительно пищи. Когда наш желудок силен и крепок, то какую бы грубую или сырую пищу он ни принял, он все превращает в здоровый сок, так как естественное срастворение преодолевает дурное свойство пищи; наоборот, когда сила его расслаблена и делается вялой, то, хотя бы ты предложил ему самую доброкачественную пищу, он превращает ее в самую худшую и совершенно портит ее, так как его слабость уничтожает ее хорошие свойства. Душа, пораженная скорбью и объятая облаком уныния, не в состоянии ни спокойно выслушать что-либо полезное, ни сказать. Удрученная скорбью душа не желает долго распространяться на словах; но подобно тому, как густое облако, набегая на солнечный луч, отбрасывает его весь назад, так точно и облако уныния, когда становится пред нашей душой, не дозволяет свободно проходить слову, а задушает его и насильственно задерживает внутри. И это бывает не только с говорящими, но и со слушающими. Подобно тому, как скорбь не дозволяет слову свободно вылетать из души говорящего, так точно не позволяет ему и проникать со свойственною ему силою в душу слушающих. Так, например, когда к Иову пришли его

друзья, узнали о несчастии с его домом и увидели праведника сидящим на гноище, покрытого язвами, то растерзали одежды свои, зарыдали, и молча сидели возле него, показывая тем, что для удрученных скорбью нет ничего полезнее вначале, как тишина и молчание. Итак знай, что Тот, Кто попускает быть искушению, сам же знает и время прекращения искушения. Бог силен прекратить все бедствия, но пока не увидит совершившегося обращения, не прекращает скорбей. Удивляйся тем, кто подвергается искушениям и мужественно переносит их, как например, трем отрокам. Последним никто не удивлялся бы за то, что они не были сожжены, если бы они были далеко от вавилонской пещи; но что поразительно для всех, это то, что они, находясь столько времени в огне, вышли невредимее тех, которые в нем не были. То же самое должно сказать и относительно святых: если бы на них не посылалось никакого искушения, то мы не удивлялись бы тому, что они непрестанно радовались. Между тем, будучи отовсюду окружены бесчисленными волнами, они чувствовали себя лучше людей, наслаждающихся невозмутимой тишиной. Если бы не было ничего, что опечаливало бы их, то для них не было бы ничего великого в том, что они могли всегда радоваться; но когда они, при множестве опасностей, которые могли ввергнуть их в уныние, оставались выше всех их, и радовались среди самых скорбей, это достойно всякого удивления. В самом деле, не кажется ли смерть невыносимее всего? Между тем ожидание ее не только не печалит их, а далее еще более только радует. Они знали, что пришествие смерти является концом трудов, что человеколюбец Бог всегда чтит своих рабов, и часто даже дарует им спасение и других. Так, например, сделал Он со святым Павлом, этим учителем вселенной, всюду испускавшим лучи своего учения. Именно, когда его вели в Рим, однажды поднялась на море сильная буря, так что все, находившиеся на корабле, трепетали за свое спасение и не имели никакой надежды в виду чрезмерного волнения; тогда он, призвав всех, сказал: "**убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет, а только корабль. Ибо Ангел Бога, Которому принадлежу я и Которому служу, явился мне в эту ночь и сказал: `не бойся, Павел! […] Бог даровал тебе всех плывущих с тобою'**" (Деян. 27:22-24). Будем постоянно помнить об этом. Поистине, ничто нам не доставляет такой пользы, как всегдашнее памятование о благодеяниях Божиих, как общих, так и частных. Если мы при воспоминании о благодеяниях друга, или услышав приятное слово или дело, согреваемся душою, то гораздо более мы будем с большим усердием относиться к добродетели, когда мы сознаем, каким подвергались опасностям, и как от всех их избавил нас Бог. Так было и с Павлом. О том, что претерпел этот блаженный ради проповеди, о голоде, жажде, наготе, крушениях, опасностях, кознях, темницах, бичеваниях и всем прочем, думаю, ничего не нужно и говорить. Каждого и из этих бедствий достаточно было, чтобы сильно смутить и сокрушить эту святую душу. Но когда он говорит: "**кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?**" (2 Кор. 11:29) - в этих словах указывается то, что более всего доставляло ему постоянную и невыносимую скорбь. В самом деле, если он воспламенялся из-за каждого соблазнявшегося, то в его душе никогда не могло и потухнуть это пламенение, потому что в соблазнявшихся, и таким образом доставлявших пищу огню, не было недостатка. А видя, кроме того, еще и неверующих иудеев, мог ли он иметь хотя бы малейший отдых от скорби и муки? "**Я желал бы**", - говорит он, - "**сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть Израильтян**" (Рим. 9:3), то есть: для меня желательнее было бы впасть в геенну, нежели видеть израильтян неверующими. Если же он решался на мучение в геенне, чтобы только привести к вере всех иудеев, то очевидно, что не достигнув этого, он страдал сильнее тех, которые мучатся в геенне. Ему же были сказаны и следующие слова: "**довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи**" (2 Кор. 12:9), т.е. довольно с тебя, что ты воскрешаешь мертвых, исцеляешь слепых, очищаешь прокаженных и совершаешь другие чудеса; не ищи еще и того, чтобы жить безопасно и беззаботно и проповедывать без затруднений. Но ты страдаешь и скорбишь? Не считай, однако,

признаком Моего бессилия то, что многие причиняют тебе зло, бьют, гонят и бичуют тебя; напротив, в том-то и обнаруживается Моя сила ("**ибо сила Моя**", - говорит, - "**совершается в немощи**"), когда вы, будучи преследуемы, побеждаете преследующих, будучи гонимы, преодолеваете гонителей, будучи заключаемы в узы, обращаете тех, кто вас связывает. Конечно, тяжко слышать порицания себе и от кого бы то ни было; когда же это делает кто-нибудь из облагодетельствованных, когда он порицает и поносит оказанные ему благодеяния, тогда особенно обида становится невыносимой, и кроме скорби возбуждает еще такой гнев, что он может даже задушить обиженного. Тот, кто терпит обиду от какого-нибудь великого человека, находит немалое удовлетворение чувству гордости в самом превосходстве делающего ему зло; тот же, кто терпит от человека ничтожного и презренного, испытывает гораздо большее огорчение и считает свою скорбь нестерпимой. Но ты обращай внимание не на то, смеются ли над нами люди, а на то, смеются ли справедливо и заслуженно; и если справедливо, то, хотя бы они и не смеялись, мы должны плакать; если же несправедливо, то, хотя бы все смеялись над нами, будем почитать себя счастливыми, а об них плакать, как о самых несчастных людях, нисколько не отличающихся от беснующихся, - хотя для удрученных скорбью и нет ничего нестерпимее, как слово, могущее уязвлять душу. Говорите это ежедневно и себе самим, и друг другу, при удобном случае. Если намеревающийся просить кого-нибудь, хотя бы его просьба была и разумна, поджидает удобного времени, чтобы подойти к человеку, от которого зависит исполнить просьбу, когда он находится в спокойном и хорошем расположении, и благодаря удачно выбранному времени получает просимое, - то гораздо более говорящему нужно искать удобного времени. Мы должны так заботиться друг о друге, как заботимся о себе самих, и щадить ближних так же, как и нас Бог. Подлинно, никто не щадит так себя самого, как всех нас щадит Бог, который гораздо более нас самих хочет, чтобы мы не потерпели никакого зла. Ему подобает слава, держава, честь и поклонение, ныне и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 20

О гневе и ярости

Хочешь ли знать, какое великое зло - гневаться? Стань возле дерущихся на площади. В себе самом, когда ты омрачен и упоен гневом, ты нелегко можешь видеть безобразие, но когда освободишься от страсти, тогда скорее увидишь свое положение. Гнев кипит и клокочет в груди, уста дышут огнем, глаза испускают пламя, все лицо искажается, беспорядочно вытягиваются руки, ноги смешно скачут и топчут удерживающих, и люди ничем не отличаются не только от беснующихся, но даже и диких ослов, лягая и кусая других, - так непристоен человек в гневе. Но, скажешь, сердце кипит и терзается от обиды. Знаю и я; потому-то и высоко уважаю тех, кто побеждает гнев. Действительно, если мы захотим, нам можно удержаться от этой страсти. Почему, в самом деле, когда нас оскорбляют начальники, мы не испытываем ее? Потому, что пред нами стоит равносильный этой страсти страх. Равным образом, почему слуги, которых мы без конца оскорбляем, сносят все молчаливо? Потому, что те же самые узы лежат и на них. Таким образом, ради людей мы и невыносимое сносим, и оскорбляющим нас говорим: такой-то оскорбил меня, не ты, а в отношении к Богу не будем иметь и такого почтения? Скажем же и нашей душе: оскорбляет нас теперь Бог, повелевающий молчать; не станем отвечать бранью, и пусть не будет Бог презреннее людей. Итак, когда кто-нибудь огорчит тебя, подумай о своих согрешениях против Бога, а также о том, что своим смирением перед Ним ты сделаешь более милостивым суд, когда должен будешь давать ответ за них. "**прощайте, и прощены будете**" (Лк. 6:37). Кроме того, подумай и о том, не бывало ли случаев, когда ты, будучи доведен до неистовства, овладевал собою, и когда слепо увлекался страстью, и сравни те и другие случаи. Когда ты хвалил себя? Тогда ли, когда

был побеждаем, или когда сдерживал себя? В первом случае не проклинаем ли мы часто самих себя, и не находит ли на нас глубокое раскаяние и за слова, и за дела? Между тем, когда мы сдерживаем себя, мы веселимся и радуемся как победители. Победа над гневом не в том, чтобы потерпевший или услышавший обиду отплачивал тем же самым, - это было бы крайним поражением, - а в том, чтобы кротко перенести обиду. Равным образом не противься тем, кто уговаривает тебя молчать, и не говори: я не стерплю, чтобы такой-то, насмеявшись надо мной, так и ушел. Нет, не тогда он посмеется над тобой, а когда ты станешь препираться с ним; если же он и тогда посмеется, то сделает это как безумный. Ты же, когда побеждаешь, не ищи одобрение от безумных, а довольствуйся добрым мнением разумных; или еще лучше: подними взор свой к Богу, и Он похвалит тебя; а на кого Бог с благоволением взирает, тому не нужно искать чести у людей. Владеет ли кто большими деньгами, или имениями, он должен пользоваться ими как пришелец, который немного спустя волей или неволей должен будет оставить их. Обижен ли кто-нибудь кем-либо, он не должен вечно гневаться, вернее же сказать, даже и на недолго: "**солнце да не зайдет**", - сказано, - "**во гневе вашем**" (Еф. 4:26). Действительно, эта страсть уничтожает целые дома, разрушает старинную дружбу, причиняет непоправимые несчастия. Итак, когда кто-нибудь оскорбляет тебя, смотри не на обидчика, а на движущего им демона, и весь свой гнев излей на этого последнего, а того, кто возбуждается им, даже пожалей. Если, ведь, ложь от диавола, то тем более напрасный гнев оттуда же. Гневаться нельзя, когда никто не раздражает нас; испытывать же похотение, хотя бы пред нами и не было лица, возбуждающего нас к этому, неизбежно. Когда кто-нибудь оскорбит тебя, подумай о том мучении, которое он испытывает, и ты не только не будешь иметь гнева против него, но и прольешь слезы. Никто ведь не сердится на страдающих лихорадкой или горячкой; напротив, всех такого рода больных жалеют и оплакивают. Но если даже ты хочешь и отомстить, смолчи, и ты нанесешь обидчику смертельный удар; а если ты на оскорбление сам ответишь оскорблением, то заставишь думать, что сказанное относительно тебя справедливо. В самом деле, почему богатый, когда ему говорят, что он беден, смеется? Потому, что не признает за собой бедности. Следовательно, если мы будем смеяться над оскорблениями, то представим самое лучшее доказательство, что не сознаем за собою того, что про нас говорят. Кто-нибудь оскорбил тебя? Моли Бога, чтобы Он скорее смилостивился над ним: он - брат твой, член твой. Но, скажешь, он чересчур оскорбляет меня. Тем больше, следовательно, будет тебе награда за это. Потому особенно надо оставлять гнев на обидчика, что его ранил диавол. Не укоряй же его еще и ты, и не повергай вместе с ним и самого себя. В самом деле, пока ты стоишь, ты можешь спасти и его; если же ты и себя повергнешь чрез ответное оскорбление, то кто после этого поднимет вас? Тот ли, раненый? Но лежа он не в состоянии будет сделать этого. Или ты, упавший вместе с ним? Но как же ты, оказавшийся не в силах помочь себе, протянешь руку другому? Того ранил диавол; не наноси раны еще и ты, а, напротив, извлеки и прежнюю стрелу. Если мы будем так обращаться друг с другом, то вскоре же будем все здоровы: а если мы станем вооружаться друг против друга, то не нужно и диавола для нашей погибели. Ты первый потерпел зло? Но не потерпеть зло - несчастье, а сделать зло. И не говори: в том нет никакого зла, если я оскорблю такого-то. Потому самому это и есть великое зло, что оно кажется совсем ничтожным; что кажется совсем ничтожным, легко может оставаться в пренебрежении, а что остается в пренебрежении, умножается, а умножаясь, становится и неисцельным. Итак, не думай, что ты не делаешь ничего худого, порицая брата. Как же в таком случае ты назовешь его братом? А если он не брат, то как ты можешь говорить: Отче наш? Ведь наш указывает на многих лиц. Тот, кто имеет звероподобные и бесчеловечные чувства, не может называть отцом человеколюбивого Бога, так как не сохраняет признаков той благости, которая находится в Небесном Отце, а превращает себя в звероподобный вид и лишается божественного благородства. Когда кто-нибудь скачет как бык, лягается как осел, помнит зло как верблюд, обжирается как медведь, расхищает как волк, поражает как скорпион, коварен как лиса, похотлив на

женщин как конь женонеистовый, - то как такой человек может воссылать подобающий сыну глас и называть Бога своим отцом? Чем нужно назвать такого человека? Зверем? Но звери страдают каким-либо одним из этих пороков, а этот соединяет все и становится бессмысленнее самих даже бессмысленных. В самом деле, звери, будучи по природе свирепыми, благодаря человеческому искусству часто делаются кроткими; этот же, будучи человеком и превращая свойственную зверям по природе свирепость в противоестественную им кротость, какое будет иметь оправдание, когда естественную свою кротость превращает в противоестественную свирепость? Какое будет иметь оправдание, когда свирепого по природе зверя делает кротким, а себя, кроткого по природе, делает свирепым, льва укрощает и делает ручным, а собственный свой дух делает свирепее льва? Льва усмиряет и делает человеком, а сам о себе, делаясь из человека львом, пренебрегает; того наделяет сверхприродными свойствами, а себе не доставляет и того, что требуется природой. Если ничто так не уподобляет Богу, как то, когда обижаемый прощает обидчикам, то какого наказания будут достойны те, которые после всего этого не только не прощают врагам, но даже молятся Богу об отмщении им и обращаются с просьбами против них. Какую же после этого могут они иметь надежду на спасение, когда даже и в тот самый час, когда нужно Его умилостивлять, они только раздражают Его, принимая на себя вид молящегося о прощении, а на самом деле испуская вопли зверя и изощряя против себя же самих стрелы лукавого? В самом деле, если ты даже и в то время, когда нуждаешься в милосердии, не оставляешь гнева, но полон мыслью о нем, и при том зная, что точишь меч против себя же самого, то можешь ли ты когда-нибудь стать человеколюбивым? Ты потерпел обиду и хочешь отомстить тому, кто тебе нанес ее? Сделай ему добро, и ты отомстил. Если ты станешь вымещать ему, то все будут одинаково порицать и тебя и его; если же ты снесешь обиду, то тебя будут одобрять и хвалить, а его порицать. Для врага же может ли быть более горькая обида, как видеть, что врага его все уважают и хвалят, а его самого все бесчестят на глазах же врага? Гнев есть зверь, который легко выскакивает, почему нам и нужны бесчисленные преграды и препоны, чтобы укротить и удержать его. Вот почему Бог эту именно часть нашего тела и устроил из костей, как бы из каких-то камней, дав ей твердую опору, чтобы он как-нибудь не разорвал и не сокрушил ее, и чрез то не причинил гибели всему существу. Гнев, как говорится, есть огонь и великая буря; и никакая другая часть нашего тела не в состоянии была бы выдержать его силы. Не так лев может растерзать наши внутренности, как гнев, постоянно подстерегая нас, губит все своими железными когтями, потому что он не только причиняет вред телу, но губит и здравие самой души. Поэтому, когда кто-нибудь придет и скажет тебе, что такой-то оскорбил тебя и постоянно пред всеми злословит тебя, похвали пред пришедшими оскорбившего тебя; и, как бы последние ни были бесстыдны, они похвалят тебя и проникнутся уважением к тебе, а того станут презирать, считая его хуже всякого зверя, за то, что он, не будучи ничем обижен, огорчил тебя, а ты, даже и потерпев обиду, отплатил ему обратным. Кроме того, ты можешь этим самым доказать, что и все сказанное про тебя - пустая ложь. Если оскорбляемый раздражается, то этим самым дает доказательство, что он сознает за собой то, что про него говорят; если же он смеется, то освобождает себя в глазах присутствующих от всякого подозрения. Если же ты желаешь и отомстить обидчику, то и это будет достигнуто с полным успехом, так как и Бог накажет его за его слова, а раньше еще этого наказания и твое любомудрие будет для него как бы смертельным ударом. Ничто ведь обычно так не досаждает оскорбляющим нас, как если мы смеемся над наносимыми нам оскорблениями. Когда ты на оскорбление ответишь оскорблением же, ты потерпишь поражение, будучи движим не человеком, но, что гораздо постыднее, - низкой страстью, гневом; если же ты смолчишь, то одержишь победу и без труда воздвигнешь трофей, тысячи людей будут прославлять тебя и осуждать ложь злоречия. Кто отвечает на оскорбление, представляется отвечающим по чувству раздражения, а кто раздражается, тот заставляет подозревать, что он сознает за собой то, что ему говорят; между тем если ты посмеешься, то своим смехом уничтожишь и

приговор над собою, и причинишь гораздо больше досады оскорбившему тебя, который не так радуется тому, что не подвергается оскорблению, как досадует на то, что не может уязвить тебя. Если, таким образом, ты лишишь его того, чего он более всего желает, то лишишь его всего, совершенно уничтожишь его и покажешь достойным презрения. Подлинно, не так победа над врагами делает славными царей, как победа над яростью и гневом. Там дело совершают оружие и воины, а здесь исключительно только твоя победа; там победу вместе с тобой разделяют и другие, а здесь ты один воздвигаешь трофей. Итак, когда кто-нибудь оскорбит тебя, мужественно перенеси обиду, потому что он обидел себя самого, а не тебя. Если кто-нибудь ударит тебя в десницу, не противься, потому что он сам терпит поражение, тебя поражая рукою, а себя самого гневом, и приобретая у всех дурную славу. Если же тебе кажется это тяжким, то подумай о том, кого бы ты назвал терпящим зло, если бы какой-нибудь сумасшедший изорвал всю твою одежду, - тебя ли, пострадавшего, или того, который сделал это? Очевидно, что этого последнего. Если же здесь, когда у тебя разрывается одежда, делающий это терпит более тяжкое зло, нежели потерпевший, то, когда разрывается сердце (что делает гнев), не признаешь ли ты, что гневающийся терпит гораздо большее зло, нежели ты, который не терпишь ничего решительно. Если не следует воздавать злом за зло, то тем более злом за добро, равно как воздавать злом, когда наперед нам не было оказано зла. Но такой-то, скажешь, негодяй, огорчил меня и причинил мне много обид. Хочешь ему отомстить? Не отплачивай ему, оставь без отмщения, поблагодари его. Это будет действительно месть, которая и ему принесет вред, и тебе пользу, потому что от такой мести рождается радость. В самом деле, когда мы имеем такую душу, что никому не мстим, а всем только благодетельствуем, то, скажи мне, откуда может проникнуть в нее жало печали? Кто до такой степени рад терпеть зло, что платит причинившему его даже благодеяниями, тот как может уже печалиться? В самом деле, скажи мне, какое зло потерпел ты? Болезнь постигла? Но в этом нет ничего странного, потому что тело наше смертно и подвержено страданию. Или крайний недостаток денег? Но и деньги могут приобретаться и теряться, и остаются здесь. Или козни и клеветы? Но и от них не мы терпим вред, а те, кто были их виновниками: "**душа**", - сказано, - "**согрешающая, она умрет**" (Иез. 18:20); грешит не тот, кто терпит зло, а тот, кто делает зло. Итак, возлюбленные, ни о чем так не будем стараться, как о том, чтобы быть свободными от гнева и примирять с собою тех, кто враждебно относится к нам, зная, что ни молитва, ни милостыня, ни пост, ни приобщение таинствам, ни другое что подобное, не в состоянии будет защитить нас в день суда, если мы будем помнить зло. Не погрешит поэтому тот, кто назовет этот грех тягчайшим всякого греха. Ничего так не ненавидит и не отвращается Бог, как человека злопамятного и хранящего гнев. Да и как ты можешь желать, чтобы Бог был кроток и милостив к тебе, когда сам ты остаешься жесток и безжалостен к сорабу? Но тебя оскорбил сораб твой? И ты часто оскорбляешь Бога; но какое же равенство между сорабом и господином? При том, тот оскорбил тебя, может быть, в припадке страсти, будучи обижен и раздражен; между тем ты оскорбляешь Бога, не потерпев от Него никакого зла, ни обиды, а, напротив, получая от Него каждый день благодеяния. Какое же мы будем иметь оправдание или прощение? Итак, подумай, что если Бог захочет со всей строгостью рассудить наши поступки против Него, мы не проживем и одного дня. "**Если Ты", - говорится, - "Господи, будешь замечать беззакония, -- Господи! кто устоит**" (Пс. 129:3)? Твоя слава во веки веков. Аминь.

СЛОВО 21

О начальстве, власти и славе.

1. Рассказывают, что блаженный Константин, когда однажды была разбита его статуя, и многие подстрекали его отмстить и наказать оскорбителей, говоря, что они изранили камнями все его лицо, пощупав своей рукой лицо и слегка улыбнувшись, сказал: "я нигде

не вижу на лице следов ударов, напротив, и голова цела, и все лицо невредимо", и таким образом посрамив и пристыдив их, заставил отказаться от такого пагубного совета. Если же благодаря этим словам он у людей получил такую славу, то какие же блага получит он от человеколюбца Бога? Истинно тот царь, кто властвует над гневом, над завистью и удовольствием, и все подчиняет законам Божиим, и, сохраняя ум свободным, не дозволяет утверждаться в душе власти удовольствий; такого человека я охотно желал бы видеть владыкой земли и моря, городов, народов и войск. В самом деле, кто поставил разум начальником над страстями души, тот легко стал бы начальствовать над людьми согласно законам Божиим, так что был бы для подчиненных наподобие отца, обходясь с гражданами со всякой кротостью. Тот же, кто начальствует по-видимому над людьми, а сам рабствует гневу, властолюбию и удовольствиям, во-первых, может показаться смешным для подчиненных, что носит золотой и украшенный драгоценными камнями венец, а благоразумием не увенчан, что все тело его блистает порфирой, а душа остается неукрашенной; а во-вторых, он не будет знать и того, как распоряжаться властью, потому что тот, кто оказался не в состоянии управлять собою, как сможет исправлять других законами? Будем стремиться не к тому, чтобы пользоваться почестями и властью, а к тому, чтобы пребывать в добродетели и любомудрии. Сила и власть побуждают делать многое неугодное Богу; и нужна очень мужественная душа, чтобы по-надлежащему воспользоваться данной честью, славой и властью. Тот, кто лишен высокого достоинства, и невольно любомудрствует; тот же, кто пользуется им, испытывает нечто подобное тому, как если бы кто-нибудь, живя вместе с благовидной и красивой девицей, положил себе за правило никогда не смотреть на нее нескромным оком. Таково свойство власти. Вот почему даже невольно она побуждает многих к нанесению обид, воспламеняет гнев, снимает узду с языка, открывает дверь устам, обуревая душу как бы ветром, и погружая ладью в самую глубину зол. Величие чести для людей, не старающихся жить достойно этой чести, служит к увеличению наказания. Известность и успех среди народа, чем более славным делают человека, тем более представляют опасностей и забот, потому что такой человек не может даже остановиться и вздохнуть, имея столь жестокого и тяжкого господина. Да что я говорю: остановиться и вздохнуть? Хотя бы такой человек имел тысячи добрых дел, он с трудом входит в царствие небесное, потому что ничто так обычно не надмевает людей, как слава толпы. Переносить безчестие - великое и благородное дело; но для обладания славою требуется мужественная и весьма великая душа, чтобы пользующийся славой не возгордился. Если хочешь получить славу, отвергай славу; если же будешь гнаться за славой, потеряешь славу. Эта слава - тень настоящей славы. Видя нарисованный хлеб, никто не схватится за изображение, как бы ни был томим голодом. Итак, те, кто говорят, что они получили все в настоящем, совершенно всего лишают себя в будущем. Так и Адам вследствие надежды на большую честь лишился и той, которую имел. И многие, желая большего, часто губят и то, что у них есть, и надеясь обладать всеми здешними благами, лишаются и части их. Чем выше и блестящее бывает успех в делах человеческих, тем большее готовит он падение; и так бывает не только с подчиненными, но и с самими царями; и частный дом не бывает исполнен столькими бедствиями, скольких зол полон царский дворец. Потому ли, скажи мне, завидуешь ты ближнему, что видишь, как он пользуется почетом и большою славой? А не помышляешь ты о том, как они скоротечны, и сколько зла рождается отсюда? Но что еще того тяжелее, это то, что происходящие от них бедствия остаются вечно, между тем как удовольствие не успеет еще и явиться, как уже исчезает. Он имеет большую силу у государя, разоряет и грабит все, где только хочет, угнетает врагов и благодетельствует льстецам, может делать все? Но какое же зло может он причинить? Лишить достоинства? Но что же в том? Если справедливо, то он даже приносит пользу, потому что ничто так не раздражает Бога, как незаслуженное пользование почестями; если же несправедливо, то опять вина падает на него, а не на обиженного: тот, кто терпит что-нибудь несправедливо и мужественно переносит обиду, приобретает чрез это большее дерзновение пред Богом. Тот, кто

покоряется властям, не властям покоряется, а повинуется Богу, установившему их; и кто не повинуется им, тот противится Богу. "**Нет власти**", - говорится, - "**не от Бога**" (Рим. 13:1). То, что существуют власти, и одни начальствуют, другие находятся в подчинении, а не идет все без порядку и разбору, и народы не мечутся как безпорядочные волны, - есть дело мудрости Божией. Потому Бог строго и карает за пренебрежение к ним. Если ты не станешь повиноваться им, Он подвергнет тебя не какому-нибудь ничтожному наказанию, а весьма тяжкому; и ничто не избавит тебя, если ты станешь прекословить, но и у людей ты потерпишь тягчайшее наказание, и Бога прогневишь чрезмерно. Подобно тому как, если ты отставишь кормчего от корабля, ты потопишь корабль, или если отнимешь вождя у войска, предашь воинов в руки врагам, так точно если ты уничтожишь начальников в городах, мы будем проводить жизнь безпорядочнее зверей неразумных. Что связи брусьев в домах, то и начальники в государствах. Когда начальник безупречен во всем, тогда он может как угодно и наказывать, и миловать всех подчиненных, потому что не наказать виновных и помиловать тех, кто совершил не заслуживающее никакого снисхождение преступление, свойственно разве лишь одному - другому человеку, и в особенности когда оскорблению подвергается царь. Легко подчинить себе граждан страхом; но сделать всех своими приверженцами и заставить искренно быть расположенными к власти - дело трудное; и сколько бы иной не потратил денег, сколько бы ни поднял войск, что бы ни сделал и другое, он не легко может привлечь к себе расположение такого множества людей. Ничто так не показывает с хорошей стороны начальника, как попечение о подчиненных. И отцом ведь делает не только одно рождение, но и любовь после рождения. Если же там, где природа, требуется любовь, то гораздо более (требуется она) там, где доброе расположение. Поистине, власть священства больше власти царской, и постольку больше, поскольку царю вверены тела, а священнику - души. Один разрешает долги денежные, другой - долги грехов; первый действует принуждением, второй - увещанием: первый владеет оружием чувственным, второй - духовным; первый ведет войну с варварами, второй - с демонами. Вот почему и в ветхом завете священники помазывали царей, и теперь Бог подклоняет главу их под руки священника, научая нас, что последний владеет большей властью, нежели царь, так как "**меньший благословляется большим**" (Евр. 7:7). Некогда Озия царь вошел в храм Господень, желая воскурить фимиам; вслед за ним вошел и Азария иерей, чтобы изгнать его отсюда не как царя, а как беглого и неблагодарного раба; устремился за ним со всею смелостью, как отважный пес бросившись на нечистого зверя, чтобы выгнать его из дома Господня. Не посмотрел он на все величие власти, не слышал Соломона, говорящего: "**гнев царя - как рев льва**" (Притч. 19:12), а обратив взор к истинному Царю небесному и укрепившись страхом Его, напал на тирана. Впрочем войдем, если угодно, и мы, чтобы видеть, что он говорит царю. "**Не тебе**", - говорит, - "**Озия, кадить Господу**" (2 Пар. 26:18). Не назвал его царем, так как он сам себя лишил уже этого достоинства, так как тот, кто делает грех, есть раб, хотя бы имел на главе своей тысячи венцов, тот же, кто творит правду, хотя бы был самым последним из людей, и самого царя царственнее. И слушай, что я скажу. Нужно было некогда поставить иудеям царя, так как прежде бывший оказался недостоин царства. И вот посылается Самуил к Иессею и говорит: меня послал Бог, чтобы одного из сыновей твоих поставить в цари. Услышав о царе, Иессей приводит первого сына, считая его способным получить это достоинство. Уведи его, - говорит Самуил, не избрал его Бог. - Приводит второго; и не этот. Приводит третьего; и не этот. Приводит четвертого, пятого, шестого; и это не те. Кончился лик детей, а искомого не обреталось. Есть у тебя, - говорит ему Самуил, - еще сын? Устыдился отец. Есть, - говорит, - еще один, малый, не стоящий внимания, пастух. Что же? Ты хочешь поставить царя и меньшего считаешь лучшим лучшего? Человек человека уничижает, а Бог венчает: "**Я [смотрю не так], как смотрит человек; ибо человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце**" (1 Цар. 16:7). Разве мы ищем телесного дородства? Благородства души желаем мы. Но почему же Бог не сказал определенно: пойди, и помажь Мне в цари

Давида, но: одного из сыновей Иессеевых? Чтобы Давид не потерпел того же, что случилось с Иосифом. Подобно тому как братья последнего, узнав, что он предназначался в цари, умыслили против него зло, так точно должно было опасаться, чтобы и братья Давида не сделали того же. Таким образом, неизвестность стала для Давида матерью безопасности. Итак, приходит Давид, помазуется елеем, и уходит облеченный царскою властью, будучи защищаем не бронею, не щитом и копьем, а благоволением Божиим, могущественнейшим всего. И вот, побуждаемый войною, пошел он посмотреть сражение, и нашел иноплеменника, который вызывал на единоборство, и никто не осмеливался выйти и сразиться с ним. Тогда стал он и говорит: "**ибо кто этот необрезанный Филистимлянин, что так поносит воинство Бога живаго**" (1 Цар. 17:26)? И говорят ему: откуда у тебя такое высокомерие? Нет, - отвечает он, - не высокомерием, а верою, не броней, а благочестием вооружен я; я смотрю не на рост его, а на скудость ума, гляжу не на то, что велик корабль, а на то, что у него нет кормчего. Что же братья? Опять злоба, опять зависть. "**На кого оставил немногих овец**"? Мы знаем "**высокомерие твое и дурное сердце твое, ты пришел посмотреть на сражение**" (1 Цар. 17:28). Он же, подрезая нарыв, отошел от них, и перейдя в другое место битвы, говорит: что будет человеку, который снимет с него голову? Те приводят его к царю. Видя пред собою упавшего духом царя, объятого страхом и трепетом, Давид говорит ему: зачем опечалилось лице господина моего? И таким образом благовременно объявляет о рабской своей преданности. Кто этот? Иль я не пойду и не сниму с него голову? Что же царь? Как, - говорит, - можешь ты сразиться с ним, когда ты еще малый отрок, а он воин от юности своей? Не верит царь; Давид вынуждается рассказать о своих подвигах. Я, - говорит, - был малым отроком, пасшим овец отца своего, "**и когда, бывало, приходил лев или медведь и уносил овцу из стада**" моего, "**то я гнался за ним и отнимал из пасти его;** и поражал льва и медведицу, **и с этим Филистимлянином необрезанным будет то же, что с ними, потому что так поносит воинство Бога живаго. И сказал Саул Давиду: иди, и да будет Господь с тобою**" (1 Цар. 17:34-37). Царь дал ему свое оружие, но тот не мог носить его. Почему? Бог не попустил этого, чтобы доля победного подвига не отнесена была к оружию, чтобы царь не сказал: мое оружие победило. Итак, Давид бросает оружие и облекается верой; мечет камень; и пал иноплеменник. Не силой тела, а силой духа стяжал он победу. Затем он подбежал, взял его меч и отсек ему голову. И исполнилось слово писания: "**нечестивый уловлен делами рук своих**" (Пс. 9:17). Итак, если ты любишь славу и честь, то старайся украшать не дом, не коня, а свою душу, - между тем как теперь не может быть ничего презреннее тебя, когда душа твоя пуста, а ты выставляешь на вид красоту дома или коня; но и то, и другое, скажешь, есть у меня? Что ты говоришь? Ужели ты не боишься произносить такие слова и ставить Христа наряду с лошадьми и камнями? Иль ты не знаешь, что Он и тело создал, и душу даровал, и весь мир предоставил тебе? А ты не воздаешь Ему за это и малой благодарности? Если ты отдашь в наем даже маленький домишко, то со всей строгостью требуешь платы; между тем, пользуясь всем Его творением и живя в таком благоустроенном мире, не хочешь отплатить и малой благодарностью? Можешь ли ты заслуживать какого-либо извинения? Подобно тому, как человек, бросающий камень вверх, не может ни рассечь свод небесный, ни достигнуть его вышины, а принимает удар собственной же своей головой, так как камень падает обратно на бросающего, так точно и хулящий блаженное существо Божие никогда не причинит ему никакого ущерба, поскольку оно гораздо больше и выше того, чтобы потерпеть какой-либо вред, а точит меч на свою же собственную голову, оказываясь неблагодарным к своему благодетелю. Да слышат те, которые с излишним любопытством исследуют блаженную сущность Божества и утверждают, что непостижимая эта природа постижима, чтобы знать, что человеку невозможно видеть без опасности даже и существо ангела.

Святой пророк Даниил, друг Божий, имевший великое дерзновение пред Богом, постился три седмицы дней, желанного хлеба не ел, мясо и вино не входило в уста его, и мастями не умащал себя; и когда душа его, став благодаря посту более легкою и духовною, сделалась более способною к восприятию такого видения, тогда он увидел ангела, и сказал: "**от этого видения внутренности мои повернулись во мне**", "**и дыхание замерло во мне**", "**во мне не осталось крепости, и вид лица моего чрезвычайно изменился, не стало во мне бодрости**" (Дан. 10:16-17, 8). Так как он был благообразным юношей, а страх присутствия ангела сделал его похожим на умирающего, разлив по лицу страшную бледность, уничтожив румянец юности и совершенно истребив здоровый цвет лица, то он и говорит: "**не стало во мне бодрости**". Итак, ангел поднял его, и он встал с трепетом; но когда ангел начал говорить с ним, он опять пал на землю. И как пораженные страхом, после того как выйдут из оцепенения, придут в себя и очнутся, когда еще мы держим их и спрыскиваем лицо их холодной водою, часто умирают на самых наших руках, так и пророк испытал нечто подобное. Пораженная страхом душа его, не вынося зрелища присутствия сораба, и не в состоянии будучи сносить этот свет, находилась в смятении, спеша освободиться, как бы от каких цепей, от уз плоти; но тот удержал ее. Если же Даниил, пред которым львы потупили взор свой, Даниил, который в человеческом теле мог совершать сверхчеловеческие дела, который прославлен мудростью, праведностью и многими другими добродетелями, не вынес присутствие сораба, а пал бездыханным, то что же потерпят те, которые, будучи так далеки от добродетели этого праведника, излишне любопытствуют о Владыке ангелов, мечтая узнать со всею точностью самое Его существо, это высочайшее и первое существо, произведшее мириады тех ангелов, одного из коих не в силах был видеть Даниил? Подобно тому, как неприступные солнечные лучи не так знает слепой, как обладающий зрением, так точно и непостижимое естество Божие не так знаем мы, как ангельские силы, поскольку они чище, мудрее и проницательнее человеческой природы. Насколько различается слепой от зрячего, настолько же и мы от них. Поэтому, когда ты слышишь пророка, который говорит: "**видел я Господа**" (Ис. 6:1), то разумей не то, что он видел самую сущность, а некоторое снисхождение, и при том более прикровенным образом, нежели горние силы. Это ясно видно и из примера апостолов. "**Взошел**", - говорится, - "**на гору**" Иисус, "**и преобразился пред ними**" (Лук. 9:28; Мф. 17:2). Что значит "**преобразился**"? Несколько приоткрыл божество и показал им обитающего в Нем Бога. "**И просияло лице Его, как солнце**", и "**одежды же Его сделались белыми, как свет**". Евангелист хотел показать Его сияние, и говорит: "**преобразился**". Как "**преобразился**"? Весьма сильно. Но как же, скажи мне? "**Как солнце**". "**Как солнце**", говоришь? Да! Почему же? Потому что я не знаю другого столь светлого и ясного светила. Он был светел и бел как снег; не знаю другого, более белого, вещества. А что Он не так сиял, это видно из дальнейшего. "**Ученики пали**" на землю (ст. 6). Если бы Он сиял как солнце, ученики не пали бы на землю, потому что солнце они видели ежедневно и не падали; но так как Он сиял светлее солнца и ярче света, то, не вынося такого сияния, они и пали ниц. Но что мне делать? Я человек и с людьми говорю; глиняным владею языком. Прощения прошу у Владыки, так как не по дерзости пользуюсь такими словами, а по скудости и слабости нашего языка. Будь милостив, Владыка, так как произношу эти слова не от гордости, а не имею других, и при том не останавливаюсь на низменности слов, а воспаряю ввысь на крыльях мысли. Для того мы и это сказали, равно как сообщали историю и относительно блаженного Даниила, и долго говорили о том, как он цепенел, трепетал, и был в положении ничем не лучше умирающих, когда душа стремилась освободиться от уз плоти, чтобы вы, признающие Бога постижимым, с полною очевидностью знали, что невозможно вынести не только видение Бога, но даже и ангела. Как кроткий ручной голубь, живущий в клетке, когда чувствует какой-нибудь страх, в испуге летит к верху и ищет какого-нибудь выхода через дверцы, желая освободиться от страха, так точно и душа этого блаженного спешила тогда выйти из тела и рвалась вон. И она вышла бы и

улетела и совершенно покинула бы тело, если бы ангел не поспешил тотчас же освободить ее от страха и возвратить опять в свое обиталище. Если же этот праведник, имевший такое дерзновение, не вынес видения ангела, то что же будет с теми, которые, так далеко уступая ему, излишне любопытствуют не об ангеле даже, а о самом Владыке ангелов? Он укротил ярость львов, а мы не можем преодолеть и лисиц; он сокрушил самого дракона, а мы и простых змей боимся. И если столь великий и доблестный муж, увидев явившегося ему ангела, впал в тяжкое умопомрачение, - то какое извинение будут иметь те, кто пытается проникнуть в саму блаженную природу Божества? Вот почему и Павел в изумлении говорил: "**О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы (**точный перевод – неиспытанны **– прим. ред.) судьбы Его и неисследимы пути Его!**") (Рим. 11:33). Не сказал: непостижимы, а: неиспытанны. Если же их нельзя испытать, то тем более невозможно постичь. "**И неисследимы пути Его**". Пути Его неисследимы, а сам Он, скажи мне, постижим? Что ты говоришь? Судьбы Его неисповедимы, пути Его неисследимы, блага, которые уготовал Он любящим Его, на сердце человеку не всходили, величие Его безпредельно, разуму Его нет числа, все непостижимо, и только сам Он постижим? Не чрезмерное ли это безумие? И кто не восплачет о вас в виду такого сумасшествия и крайнего безумия? Постараемся же, возлюбленные, по мере сил отвергнуть его от себя, представляя всегда пред очами нашими Павла, восклицающего в изумлении: "**Как неиспытанны судьбы Его и неисследимы пути Его!**" Ему слава во веки. Аминь.

СЛОВО 22

О терпении и великодушии.

Если угодно, предложим вам, возлюбленные, в качестве увещания к терпению доблестные подвиги праведного Иова. Этот самый праведник, стяжавший себе великую славу, всеми высокоуважаемый, имя которого всюду пользовалось большою известностью, неожиданно впавши в безчестие и общее презрение, вел борьбу и с бедностью, и с болезнью, с потерей детей, с нападками врагов и неблагодарностью друзей, с голодом и телесными страданиями, со злословием и клеветою; и что всего тяжелее, - эти бедствия обрушились на него, когда он и не помышлял о них. В самом деле, тот, кто родился от бедных родителей и получил воспитание в бедном доме, легко может вынести бремя бедности, как человек уже приученный и привыкший к этому; но кто изобилует громадными средствами и владеет большим богатством, и потом неожиданно впадает в бедность, тому нелегко потерпеть такую перемену. Равным образом и при потере детей, хотя бы кто лишился и всех их, но не в одно время, находит утешение в своем горе по умершим в остающихся; и когда скорбь о раньше умерших утихнет, если и приключится спустя некоторое время смерть других детей, горе не чувствуется уже с такою остротою: оно падает не на свежую рану, а на затянувшуюся уже и залеченную; а это значительно уменьшает боль. Между тем у этого праведника вся семья была истреблена на его глазах в одно мгновение, и при том самым жестоким образом, во время пира, в доме, открытом для странников: дом стал для них гробом. Кто также может изобразить тот необычайный и не поддающийся описанию голод, и добровольный и невольный? Право, я не знаю, как его и назвать. Добровольным? Но ему хотелось вкушать лежавшую пред ним пищу. Невольным? Но пища была пред ним и никто не препятствовал ему, а между тем он воздерживался от предложенной трапезы и, видя пред собою яства, не прикасался к ним. Зловоние, исходившее из ран, покрывавших тело, уничтожало желание и самую пищу делало отвратительной. Смрад бо зрю, - говорит, - брашна моя ("**До чего не хотела коснуться душа моя, то составляет отвратительную пищу мою**") (Иов. 6:7). Томящий голод заставлял браться за пищу, но чрезмерное зловоние, исходившее от тела, побеждало силу голода. Как изображу я его страдания, источники червей, потоки гноя, поношения

друзей, презрительное обхождение слуг? Слуги мои, говорит, не пощадили лица моего от заплеваний, и те, которых я не считал достойными псов стад моих, ныне смеются надо мною, и дают мне наставление люди отверженные. Не тяжко ли, по-видимому, все это? И подлинно, тяжко и невыносимо. И, тем не менее, когда человеколюбец Бог благоволил открыть ему причину этих браней, когда сказал именно, что все это попущено было для того, чтобы он оказался праведником, то он так воспрянул духом, как будто бы совсем и не потерпел тех бедствий. Как борцу на состязании приходится терпеть и пот, и пыль, и сильный жар, и усталость, и утомление, так точно и праведнику здесь нужно терпеть многое, и все мужественно переносить, если он желает получить блистательные венцы в жизни будущей. Если мы с похвалой говорим о теле, которое может без труда выносить холод и зной, голод и нужду, путешествия и другие тяготы, то гораздо более должны ублажать душу, которая может твердо и мужественно выносить все напасти и бедствия, и всегда сохранять непорабощенным свой ум. Как душа, пребывающая в праздности и безопасности, легко пленяется страстями, так, наоборот, упражняющаяся постоянно в подвигах благочестия не имеет даже и времени когда-нибудь подумать об этом, потому что забота о подвигах отвлекает ее от всего этого. Не только тот, кто делает добрые дела, но и тот, кто терпит зло, получает великие награды; и доказательство тому представляет Иов, прославившийся более своими страданиями, нежели добрыми делами. В самом деле, он был не так славен в то время, когда владел богатством, отверзал свой дом для бедных, и раздавал имение, как в то время, когда услышал, что дом его обрушился, и не возроптал; не так был славен, когда от волны овец своих одевал нагих, как славен и достохвален в то время, когда, услышав, что пал огонь и истребил все, возблагодарил Бога. Тогда он был человеколюбцем, теперь стал мудролюбцем; тогда сострадал бедным, теперь благодарит Господа. И не сказал он в душе своей: что же это такое? стада, от которых питались тысячи бедных, истреблены; не сказал: если недостоин был я пользоваться таким достатком, то ради хоть неимущих надлежало пощадить. Ничего такого ни сказал он, ни подумал, но знал, что Бог все устрояет на пользу. И чтобы ты знал, что он нанес более сильный удар диаволу напоследок, когда, будучи лишен всего, возблагодарил, нежели в то время, когда, владея богатством, оказывал сострадание, выслушай следующее. Когда он владел богатством, диавол имел хоть какой-нибудь предлог сказать: "**разве даром богобоязнен Иов**" (Иов. 1:9)? Но когда диавол все отнял у него, всего лишил, а он сохранил то же самое почтение к Богу, тогда заградились наконец безстыдные его уста и более не могли уже ничего сказать, потому что праведник оказался еще славнее, чем прежде. Действительно, лишившись всего, мужественно и с благодарностью переносить лишение гораздо более славное дело, нежели творить милостыню, живя в богатстве. Благодарить Бога, когда все идет успешно, - в этом нет ничего достойного удивления; но когда поднимается буря, и ладья находится в опасности перевернуться, тогда это служит великим доказательством терпения и благородства духа. Если люди, сознающие за собою тысячи злодеяний, потерявши хотя бы малость золота, да и то часто добытого грабежом, считают жизнь свою не в жизнь, то каких же венцов достоин был Иов, когда он видел, как богатство его, собранное от праведных трудов, похищается без причины и повода, и после всего этого потерпел еще тучи безчисленных искушений, и тем не менее ни от чего не смутился и воссылал за все это подобающее благодарение Владыке? В самом деле, не говоря обо всем прочем, одних слов жены достаточно было, чтобы поколебать даже камень. Если многих, живущих в счастии и не потерпевших ничего худого, часто уговаривают жены, то подумай, как мужественна была душа, отразившая ее с таким оружием. Когда говорившей была жена, и говорила жалобные слова, и помощниками своими имела и время, и язвы, и раны, и тысячи обуревавших помыслов, то кто не признает по всей справедливости душу, которая ничего не потерпела от такой бури, твердейшею всякого адаманта? Смело могу сказать вам, что этот блаженный был если не больше, то и не меньше самих апостолов. Для последних служило утешением то, что они терпели бедствия ради Христа; а тот лишен был и этого утешения; и что еще важнее, все

это он претерпел, будучи воспитан в большой роскоши, принадлежа не к числу рыбарей, мытарей, людей низкого сословия, а как человек, пользовавшийся большим почетом. И что представляется самым тяжким в рассуждении апостолов, и то он потерпел, подвергаясь именно поношениям и ненависти не со стороны врагов, а со стороны друзей, слуг и облагодетельствованных им. А что это так, давайте сравним добродетели и страдания, чтобы вам ясно знать, что не только за добродетели, но и за страдание уготованы награды, и награды весьма великие, не меньшие, чем и за добродетели. И если угодно, представим в качестве примера того же самого великого подвижника терпения - Иова, просиявшего как добродетелями, так и страданиями, и сравним, когда он был славнее, тогда ли, когда он отверзал свой дом для всех приходящих, или тогда, когда по поводу разрушения его не произнес ни одного горького слова, а воздал хвалу Богу? Когда он светлее сиял, скажи мне, тогда ли, когда приносил жертвы за детей и побуждал их к согласию между собою, или когда они засыпаны были землею и кончили жизнь свою несчастнейшим образом, а он перенес это несчастье с великим любомудрием? Когда он более блистал, тогда ли, когда от волны овец его согревались плечи нагих, или когда он, услышав, что пал огонь с неба и пожрал стада вместе с пастухами, не смутился и не впал в уныние, а спокойно перенес несчастие? Когда он был более велик, тогда ли, когда здравием тела пользовался для защиты обидимых, сокрушая зубы нечестивых и вырывая из самых зубов их добычу, или тогда, когда это самое тело, оружие обидимых, видел пожираемым червями и, сидя на гноище, сам скоблил его черепком? Обливаю, говорит, грудие земли, гной стружа ("**Тело мое одето червями и пыльными струпами; кожа моя лопается и гноится**") (Иов.7:5). Хотя все то были добродетели, а это страдания, однако последние сделали его более славным, чем первые. Когда у него были только добродетели, то диавол, хотя и с крайним безстыдством и наглостью, но все же попрекал его, говоря: "**разве даром богобоязнен Иов**" (Иов. 1: 9)? Когда же случились эти несчастия, то со стыдом обратился в бегство, не смея уже бросить и тени какого-либо безстыдного попрека. Поэтому, когда ты увидишь, что какой-нибудь праведный муж отличается великими добродетелями и терпит безчисленные бедствия, не удивляйся: наоборот, нужно было бы удивляться, если бы диавол, получая множество ударов, стал молчать и спокойно переносить раны. Нечему удивляться, если змея, подвергаясь постоянным уколам, приходит в ярость и бросается на того, кто ее колет. И воину, возвращающемуся с победы и битвы, неизбежно приходится быть в крови, а часто даже иметь и раны. Итак, когда ты увидишь человека, который творит милостыню и совершает тысячи других добрых дел, и таким образом сокрушает силу диавола, и подвергается затем искушениям и опасностям, не смущайся этим: потому он и подвергается искушениям, что слишком сильный удар наносит диаволу. Но как же, скажешь, Бог попускает это? Для того, чтобы праведник еще более прославился, чтобы диавол получил еще сильнее удар. Великое, конечно, дело и при благоприятных обстоятельствах творить милостыню и преданно служить добродетели; но гораздо более еще великое дело, терпя бедствия, самоотверженно и с полнейшим усердием подвизаться за добродетель. Как грешники, не потерпевшее никакого бедствия здесь, подвергаются большему наказанию там, так и праведники, потерпевшие много бедствий здесь, получат большую награду там. И подобно тому как из двух грешников, если один подвергается здесь наказанию, а другой нет, блаженнее подвергшийся наказанию, чем неподвергшийся, - так точно и из двух праведников, если один терпит больше скорбей, а другой меньше, блаженнее тот, который терпит больше. Те же, которые не переносят вразумления Божия с благодарностью, а предаются ропоту, кроме того, что не получают от того никакой пользы, еще и подвергают себя крайним бедствиям.

Но ты живешь в бедности, в голоде, и безконечных опасностях? Так научись от нищих благодарить Владыку: Эти всю жизнь свою проводят в прошении милостыни, и не хулят (Бога), не негодуют, не ропщут, а с благодарением несут свой жребий. В самом деле, что

такого потерпел ты, подобно нищему? Лишился глаза? А он обоих. Подвергся продолжительной болезни? А он даже неисцельной. Потерял детей? А он даже и собственное свое здоровье. Потерпел большой убыток? Однако еще не дошел до того, чтобы нуждаться в помощи других. Но этого недостаточно? Вспомни об Иове, этом несокрушимом столпе терпения. Кто может сравниться с ним в бедности, когда он был беднее даже ютящихся около общественных бань и спящих на печной золе, словом, беднее всех людей? Эти хоть рваную одежду имеют, а он сидел нагой, и единственную одежду, которую имел от природы, одеяние плоти, и ту диавол повредил страшным гноем. Нищие хоть находятся под кровлей преддверий в банях, хоть укрываются под соломой, а он проводил ночи под открытым небом, не имея утешения даже в самой легкой крыше; и что еще: важнее, - те по крайней мере сознают за собой многочисленные злодеяния (а сознание того, что справедливо терпишь наказание, составляет немалое утешение в несчастии), а он лишен был и этого утешения, как человек, который показал жизнь, полную добродетелей, а терпел то, что свойственно самым последним злодеям. При том, те с первых лет жизни приучаются к своему несчастию, тогда как он подвергся неожиданной бедности, внезапно лишившись богатства. Видишь, что он дошел до самой крайней бедности, хуже которой нельзя уже и найти? В самом деле, что же может быть беднее нагого, не имеющего даже и кровли и не пользующегося даже самой землей? - он ведь сидел не на земле, а на гноище. Итак, когда ты окажешься в бедности, вспомни о случившемся с этим праведником, и ты тотчас же воспрянешь и бросишь всякую мысль об унынии. Если же хочешь слышать и о брани, которую вела с чрезмерною жестокостью сама природа против этого доблестного мужа, внимай тому, что я скажу. Десятерых детей потерял он, десятерых детей внезапно, в самом цвете лет, десятерых детей, обнаруживших великую добродетель, и даже не по общему закону природы, а от насильственной и жалости достойной смерти. Кто может изобразить такое несчастие? Какой железный человек, какой адамант вытерпит столько бедствий? Никто, никто поистине. Если каждое из них и само по себе невыносимо, то подумай, какое смятение произвели они, соединившись все вместе? Когда, поэтому, ты потеряешь одновременно сына и дочь, притеки к этому праведнику, и ты без сомнения обретешь себе великое утешение; вспомни слова его, сказанные по поводу несчастия с детьми, слова, которые лучше безчисленных венцов увенчали эту святую главу; подумай о громадности несчастия, об этом небывалом крушении, об этой неслыханной и необычайной трагедии. В самом деле, ты, может быть, потерял одного, или двух, трех детей; а он потерял и стольких сыновей, и стольких дочерей, и из многочадного внезапно стал безчадным; и не постепенно истреблялись порождения утробы его, а весь плод был похищен вдруг, и при том когда его самого не было возле них, чтобы хоть слыша их последние слова иметь некоторое утешение в столь горестной их кончине; все совершилось вопреки всякой надежде, и одно горе превосходило другое. Несчастие заключалось не только в преждевременной их смерти, но и в том, что все они находились в расцвете сил, были добродетельны и дружелюбны, что погибли все вместе, сыновья и дочери, что погибли не по общему закону природы, что случилось это после потери всего имущества, наконец, в том, что он потерпел это, не сознавая ни за собой, ни за ними ничего худого. Каждого из этих несчастий и самого по себе уже достаточно, чтобы смутить душу; когда же они стекаются все вместе, то представь, какова высота волн, до какой степени сильна буря и непогода. Удивительно все это, если и просто лишь слышишь; если же ты исследуешь это тщательно, тогда еще более увидишь чудо. В самом деле, подумай: не половину взял диавол, а половину оставил, не большую часть взял, а меньшую оставил, но сорвал весь плод, а дерева не свалил; все море покрыл волнами, а ладью не потопил; всю силу свою истощил, а твердыни не поколебал: поражаемая со всех сторон, она стояла и оставалась непоколебимой; тучи стрел неслись, и не поражали ее, или, вернее сказать, - пускались, и однако не ранили. Подумай, каково потерять стольких детей? Что только не в состоянии было растерзать сердце? Не должно ли оно было разрываться от того, что все дети были

похищены смертью, что все погибли неожиданно и в один день, что погибли в самом цвете лет, что отличались великой добродетелью и кончили жизнь такою тяжкою казнью, что этот последний удар нанесен был после уже стольких ударов, что, наконец, он был отец нежнолюбящий, и отошедшие были для него вожделенны? Когда кто-нибудь лишается порочных детей, то хотя и испытывает страдание, однако не с такой силой, потому что нечестие умерших не позволяет особенно усиливаться горю; но когда дети бывают добродетельны, то рана въедается глубоко, потому что чувство жалости обусловливается не только природой, но и их благочестием. Равным образом, когда смерть похищает детей постепенно, есть некоторое утешение в несчастии, потому что остающиеся несколько умеряют скорбь по умершим; но когда умирают все до одного, то на кого обратит свой взор отец, который был многочаден, и вдруг остался бездетным? Если женщины и все близкие, когда кто-нибудь умрет в три-пять дней, больше всего горюют о том, что умерший так скоро и внезапно похищен у них из глаз, то гораздо более должен скорбеть тот, кто лишился всех не в три-два дня, даже не в один день, а в один час. Бедствие, когда его предвидят задолго, хотя бы было и крайне тяжким, вследствие ожидания может сделаться довольно легким; но когда оно случается внезапно и вопреки надежде, то, хотя бы по существу было и легким, оно становится невыносимым вследствие того, что случается внезапно и вопреки ожиданию. Когда же бедствие и само по себе тяжко, и усиливается еще оттого, что случается вопреки ожиданию, то подумай, как оно становится невыносимо и выше всякого описания. Он даже и на ложе не видал их при последнем издыхании, а всех нашел погребенными под развалинами дома. Подумай же, каково ему было раскапывать этот могильный холм, извлекая то камень, то какой-нибудь член ребенка, видя то руку, еще держащую фиал, то другую, опершуюся на стол, каково ему было смотреть на изуродованный вид тела, видеть разбитый нос, проломленную голову, исчезнувшие глаза, вывалившиеся мозги, словом - всю внешность обезображенной, покрытой таким множеством ран, что отцу нельзя было даже и признать черты любимых лиц? Вы растроганы, и плачете, слыша это? Вообразите же, каково было ему видеть это. Если мы, спустя даже столько времени, не можем без слез слышать об этой горестной истории, и при том, слыша о чужом несчастии, то каков адамант был тот, кто видел это своими глазами и любомудрствовал не в чужих, а в собственных бедствиях? Не возроптал он, не сказал: что же это такое? Это ли награда за мое дружелюбие? Для того ли отверзал я дом свой странникам, чтобы видеть, как он станет гробом для детей? Для того ли я всячески заботился о них, чтобы они подверглись такой смерти? Ничего такого он ни сказал, ни подумал, но все переносил мужественно, даже лишившись их после таких забот. Но этим ли только ограничивались его бедствия? А оставление и измена друзей, а насмешки и злословие, а поругание и издевательство, а общее презрение, - выносимо ли все это и поддается ли утешению? Это и слышать невыносимо, а не то что терпеть на самом деле. Не так, ведь, сами по себе несчастия обычно терзают нашу душу, как глумящиеся над нами в несчастиях. Но посмотри теперь и здесь на кротость и богобоязненность этой доблестной и адамантовой души. Несмотря на то, что себя самого, исполнившего всякую добродетель, он видел в крайних бедствиях, а людей нечестивых и развращенных - благоденствующими, он не сказал ничего такого, что, вероятно, сказали бы более слабые люди: для того ли я воспитывал и со всем тщанием наставлял детей, для того ли отверзал свой дом приходящим, чтобы после стольких забот и хлопот о нуждающихся, о нагих, о сиротах, получить такую награду? Напротив, вместо того произнес слова, превосходнейшие всякой жертвы: "**Господь дал, Господь и взял**" (Иов. 1:21). Если же он разодрал одежду и остриг голову, то не дивись: он был отец, и отец нежнолюбящий, и должен был показать как свойственное природе сострадание, так и любомудрие души; если бы он и этого не сделал, то иной мог бы счесть такое любомудрие следствием безчувственности. Так-то и ты, когда потеряешь свои деньги, и не будешь роптать, а мужественно перенесешь и возблагодаришь Бога, говоря словами Иова: "**Господь дал, Господь и взял**", то обратишь этим потерю в пользу для себя. Как,

скажешь ты, "**Господь дал, Господь и взял**"? Вор украл; как же я могу сказать: "**Господь и взял**"? Не удивляйся; ведь и Иов относительно того, что диавол похитил у него, сказал: "**Господь и взял**"; почему же относительно того, что вор украл, тебе не сказать: "**Господь и взял**"? Не говори: я не обязан этим себе; не моей воли это было дело, разбойник взял без моего ведома и желания; за что же мне будет награда? И с Иовом ведь случилось это без его ведома и желания. И что же? Однако он, не дававши тогда милостыни, нисколько не уступает подававшим. Если же тебя будут уговаривать сходить к какому-нибудь прорицателю, а ты, зная, что это запрещено, по страху Божию предпочтешь скорее не получить своих денег, чем ослушаться Бога, то получишь такую же награду, как и раздавший их бедным, за то, что, потеряв их, благодарил Бога, и, хотя мог сходить к прорицателям, решил лучше не получить их, чем получить таким образом. В самом деле, подобно тому как тот издержал их на бедных по страху Божию, так точно и ты, когда их похитили воры, не получил обратно по страху Божию. Вор лишил тебя денег? Не лишай ты сам себя спасения, потому что, скорбя о бедствиях, которые ты потерпел от других, ты сам подвергаешь себя еще большим бедствиям. Тот поверг тебя, может быть, в бедность, а ты злодейски причиняешь себе смертельное зло; тот лишил тебя внешних благ, которые с течением времени и помимо твоего желания уйдут, а ты лишаешь себя вечного богатства. Огорчил тебя диавол, лишив денег? Огорчи и ты его, воздав благодарение Богу, а не доставляй радости. Если ты пойдешь к прорицателям, то доставишь ему радость; если возблагодаришь Бога, то нанесешь ему смертельный удар. И смотри, что бывает. Сходив к прорицателям, ты все равно не найдешь своих денег, потому что не в их власти знать это; если же они как-нибудь и скажут удачно, то ты и душу свою погубишь, и будешь осмеян своими братьями, и опять потеряешь их несчастным образом. Если демон видит, что ты не выносишь потери денег, и из-за них отрекаешься от Бога своего, то опять даст их тебе, чтобы иметь повод опять обольстить тебя и отвлечь от Бога. Подобно тому, как мы стараемся сделать врагам то же, чем огорчаемся сами, а когда видим, что они не огорчаются, перестаем это делать, не находя уже возможности опечалить их, так точно и диавол, если увидит, что ты смеешься и смотришь с презрением на его умысел, бросит такой путь и больше уже не приблизится к тебе. Итак, терпеливо снося потерю денег, ты можешь получить точно такую же награду, как если бы и добровольно бросил их. И мы справедливо удивляемся больше тому, кто с благодарностью переносит испытания, нежели тому, кто добровольно отдает деньги. Почему именно? Потому, что этот последний находит себе поддержку в похвалах и в своей совести, имеет благие надежды, и отрекается от денег после того уже, как наперед мужественно перенес лишение их, тогда как первый лишается их, будучи еще привязан к ним. Между тем не все равно, наперед ли решившись отречься от денег, раздать их, или лишиться их, питая еще любовь к ним; не все равно, опять, в течение ли долгого времени научиться презирать деньги, или перенести неожиданно случившуюся потерю. Тот, кто приготовлен уже к бедствиям, может легко перенести их, когда они наступят; но кто предался безпечности и оставил всякую мысль о заботах, тот, если с ним опять случится что-нибудь подобное прежнему, вдвойне смущается и становится удобоуловим - и вследствие неожиданности, и вследствие того, что у него исчезла всякая ревность и подготовленность к бедствиям. Между тем в рассуждении скорбей является не только немаловажным, а даже самым невыносимым то обстоятельство, когда человек, решив уже, что он освободился от скорбей и дошел до самого конца их, и потому отложив всякую заботу и попечение, опять находит новый источник бедствий. Почему диавол не погубил вместе с детьми Иова и его жену? Потому, что знал, что она окажет весьма большое содействие его козням против последнего. Если чрез жену, думал он, я изгнал Адама из рая, то тем более смогу довести до падения Иова на гноище. И смотри на злодейство: это свое изобретение он приводит в действие не тогда, когда гибли волы, ослы и верблюды, не тогда, когда был разрушен дом и дети погибли под его развалинами, - до сих пор он молчит и выжидает, наблюдая за подвижником, - но когда забил источник червей, стала отпадать гниющая кожа, и

разлагающееся тело начало выделять полный страшного зловония гной, когда рука диавола истязала его мучительнее раскаленных сковород и всякого пламени, хуже всякого зверя грызла со всех сторон и пожирала его тело, когда в таком несчастии прошло много времени, и вследствие этого, как он видел, праведник жаждет освобождения и желает себе смерти, не имея возможности перевести и дыхание (если бы я мог, говорит он, наложить на себя руки, или попросить другого, чтобы он сделал мне это), - тогда он приводит ее и говорит: доколе терпиши глаголя: се, пожду время еще мало, чая надежды спасения моего "**И сказала ему жена его: ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри**". (Иов. 2:9)? Утешая и ободряя ее несбыточными надеждами, когда она докучала ему, он постоянно говорил ей: подожди еще немного, и скоро будет всему конец. Поэтому она с упреком и говорит ему: ужели и теперь ты скажешь тоже самое? Ведь много уже времени прошло, а конца этому и не видится. Потребися же от земли память, твоя, сынове твои и дщери твои, моего чрева болезни и труды, имиже вотще трудихся с болезньми, и аз скитающиися и служаще, место от места, и дом от дому преходящи (Иов. 2:9). Я не только нищенствую, но и скитаюсь, и испытываю новое и необычайное рабство, всюду бродя и нося с собой знаки несчастья, и всем выставляя напоказ свои бедствия, и, что всего прискорбнее, ожидающи солнца, когда зайдет, да почию от трудов моих и угнетающих меня болезней, яже мя ныне обдержат. Но рцы глагол некий ко Господу, и умри. Что же этот блаженный и твердейший адаманта муж? Строго взглянув на нее, - о, целомудренная и безстрастная душа! - он раньше слов, уже взглядом отразил коварные ее замыслы. Та думала вызвать потоки слез, а он, став сильнее льва и исполнившись гнева и негодования, говорит ей: "**ты говоришь как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать**" (Иов. 2:10)? В самом деле, за что дал их нам Бог, за что воздавая награду? Ни за что; единственно только по благости и человеколюбию. "**Наг**", - говорит, - "**я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь**" (Иов. 1:21). Итак, вообразите себе этого подвижника, представьте, что видите это гноище, и на этом гноище сидит он, золотая статуя, украшенная драгоценными камнями, и не знаю уже, как и назвать его, потому что не могу найти такого драгоценного предмета, с которым можно было бы сравнить это обагренное кровью тело, - до того во много раз блистательнее всякой драгоценности оказывалась эта плоть, и светлее солнечных лучей ее раны. В самом деле, те светят телесным очам, а эти просвещают наши душевные очи. Кто слышал, кто видел такие удивительные состязания в борьбе? В обычных боях бойцы, когда рассекут голову противникам, являются победителями и получают венцы; а этот, когда поразил тело праведника, оказался побежденным и отступил. Что случилось, диаволе? Почему ты отступаешь? Не исполнилось ли все, чего ты желал? Не уничтожил ли ты стада овец и волов, табуны лошадей и мулов? Не погубил ли всех детей, и не поразил ли все тело? Почему же ты отступил? Потому, говорит, что хотя и все исполнилось, чего я желал, но чего я больше всего желал, и ради чего все это сделал, того не достигнуто: он не изрек хулы на Бога. Для того, ведь, говорит, я все это и делал, чтобы достичь этого; а раз этого не достигнуто, мне нет уже никакой пользы от лишения имущества, погибели детей, и поражения тела; вышло даже совершенно обратное тому, чего я хотел: я только сделал врага еще славнее, сделал противника еще достохвальнее. Узнал ты теперь, сколько пользы получилось от страданий? Прекрасно, конечно, и полно здоровья было тело праведника; но оно стало гораздо досточтимее, после того как было иссечено этими язвами. Так и шерстяные ткани, хотя и до окраски хороши, но когда делаются пурпурными, приобретают необыкновенную красоту и великолепие. Если бы диавол не обнажил его, то никогда бы не узнал прекрасного состояния тела этого победителя; если бы не пронизал его тело ранами, то не просияли бы изнутри его лучи; если бы не посадил его на гноище, мы не узнали бы его богатства. Поистине, не так славен царь, сидящий на троне, как славен и знаменит был тогда этот праведник, сидя на гноище; после царского престола - смерть, а после этого гноища - царство небесное. Не для того диавол лишил его имущества, чтобы сделать бедным, а для того, чтобы заставить

его извергнуть какую-нибудь хулу на Бога; равным образом, не для того поразил тело, чтобы подвергнуть его недугу, а для того, чтобы поколебать добродетель души. И несмотря на все злоухищрения, пущенные в ход диаволом, несмотря на то, что он сделал праведника из богатого бедным, - а это всем нам кажется самым ужасным бедствием, - и из многодетного бездетным, несмотря на то, что истерзал все тело его хуже палачей в судилищах (действительно не так крючки последних рвут бока попадающимся в их руки, как уста червей терзали его тело), не только изгнал его из города и дома, и прогнал бы в другой город, не сделал для него гноище и городом и домом, - несмотря на все это, не только не причинил ему никакого вреда своими кознями, а даже сделал его еще славнее. Так и ты, если кто-нибудь отнимет у тебя деньги, а ты мужественно перенесешь потерю, получишь ту же самую награду, что и расточившие свое имущество на бедных. Как при старании с нашей стороны мы и от обижающих нас получаем пользу, так, наоборот, при безпечности и от благодетельствующих нам не становимся лучше. Если Иов, потерпев столько бедствий, не получил никакого вреда, и при том потерпев не от человека, а от злейшего всех злых людей демона, то будет ли иметь оправдание кто-либо из тех, которые говорят: такой-то обидел меня и причинил вред? В самом деле, если исполненный столь великой злобы диавол, пустив в дело все свои орудия, выпустив все стрелы, и излив на дом и тело этого праведника в преизобильной мере все бедствия, какие только существуют среди людей, не причинил ему никакого вреда, а даже еще принес пользу, то как же кто-нибудь может обвинять тех или других людей, точно он потерпел вред от них, а не от себя самого? Ты удивляешься трем отрокам? Дивлюсь и я, что они попрали пещь и воспротивились тирану, говоря: "**мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся**" (Дан. 3:18). Но для них величайшим утешением было то, что они ясно сознавали, что все страдание терпят ради Бога. Между тем этот праведник не знал, что его страдания были подвигами борьбы и состязания; иначе, если бы он знал это, он совершенно даже и не почувствовал бы случившегося с ним. В самом деле, когда он услышал: "**Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя**" (Иов. 40:3)? - подумай, как он тотчас же от одного лишь слова воспрянул духом, как уничижил себя, как вменил ни во что все понесенные страдания, говоря: что еще сужусь я, будучи вразумляем и обличаем Господом, когда слышу такие слова, - я, который есть ничто? Будем же каждый подражать благочестию этого святого, зная, сколько благ произрастает от терпения. Как бы на зрелище всей вселенной стоит этот блаженный и доблестный муж, и приключившимися с ним страданиями всех убеждает мужественно переносить все, что бы ни случилось, и не падать духом ни пред какими обрушивающимися на нас бедствиями. Нет, поистине нет ни одного человеческого страдания, для которого нельзя было бы извлечь отсюда утешения; какие только ни рассеяны по всей вселенной страдания, все они в совокупности обрушились на одно тело этого праведника. Какое же будет извинение тому, кто не может с благодарностью перенести даже и части бедствий, наведенных на Иова, который терпел, как мы видим, не какую-нибудь часть, а все в совокупности бедствия всего человечества? Но такой-то, скажешь, творивший столько дел милостыни, лишился всего; другой потерял все от случившегося пожара; иные потерпели кораблекрушение и впали в бедность; некоторые, опять, подверглись несчастию и болезни, и ни от кого не получили никакой помощи. Что же из того? Вспомни о бедствиях, приключившихся с Иовом, и возблагодари Владыку, который мог воспрепятствовать этому и не воспрепятствовал. Но ты проводишь жизнь в бедности, голоде и безчисленных бедствиях? Вспомни Лазаря, который боролся с нищетой, одиночеством и другими безчисленными бедствиями; вспомни апостолов, которые проводили жизнь свою в голоде, жажде и наготе; вспомни пророков, праведников, - и ты найдешь, что все они были людьми небогатыми, не в удовольствиях проводившими жизнь, а бедными, терпевшими скорби и бедствия.

Собрав все это в своем уме, возблагодари Бога за то, что Он дал тебе такой жребий, не по ненависти, а, напротив, вследствие сильной любви к тебе; подобно тому как и тем всем попустил потерпеть столько бедствий не вследствие ненависти, а наоборот, потому именно, что сильно любил их, сделал их более славными чрез эти бедствия. В самом деле, если люди не допускают трудящимся за них уйти без награды и платы, то гораздо более Бог не захочет лишить столько потрудившихся ради Его награды за их труды. Необходимо поэтому должно быть некоторое другое время по смерти, когда они получат воздаяние за понесенные здесь труды. Я слышал, как многие говорят: такой-то скромный и смиренный человек каждый день влачится в суд каким-нибудь преступником и злодеем; другой умирает, будучи неправедно оклеветан; третей потоплен; четвертый брошен в пропасть, - и Бог все это попускает. Для чего? Для того попускает им Бог терпеть бедствия, чтобы они ввиду величия чудес и подвигов добродетели не впали скоро в гордость; для того, чтобы другие не предполагали в них чего-либо высшего человеческой природы и не сочли их богами, а не людьми; для того, чтобы сила Божия являлась побеждающей, преодолевающей и умножающей проповедь чрез изнемогающих и связанных узами; для того, чтобы больше обнаружилось их терпение, как людей, которые служат Богу не за награду, но проникнуты таким чувством любви к Нему, что даже и после стольких бедствий обнаруживают свою преданность Ему; для того, чтобы все подвергающиеся несчастиям могли иметь достаточное утешение и ободрение, взирая на них и приводя себе на память случившиеся с ними бедствия; для того, чтобы вы, когда мы убеждаем вас следовать их добродетели и каждому из вас говорим: подражай Павлу, соревнуй Петру, ввиду чрезмерной высоты их добродетелей не думали, что они обладали иной природой, и не отказывались от подражания; для того, наконец, чтобы мы, когда нужно ублажать или оплакивать кого-нибудь, знали, кого надо считать счастливым, а кого - несчастным и достойным сожаления. Если же хочешь знать, что не тот бывает сильнее, кто делает зло, а тот, кто терпеливо переносит причиняемое ему зло, то посмотри, сколько зла потерпел Иаков от Лавана, и кто же оказался сильнее: последний ли, захвативши его в свои руки, но в страхе и трепете не смевший и коснуться его, или первый, без оружия и войска оказавшийся для него страшнее тысячи царей? Не этот ли именно? Подобно тому, как ступающий на огонь себя самого обжигает, или ударяющий по адаманту себе самому причиняет боль, или бьющий по иглам себя самого окровавляет, так точно и старающийся причинить обиду другому себя же самого обижает и становится ничтожнее всякой глины. Блаженный Давид бежал некогда из отечества, подвергался опасности лишиться свободы и самой жизни, и, когда войско перешло на сторону распутного юнца - похитителя власти и отцеубийцы, блуждал в пустыне, и однако не вознегодовал, не возроптал на Бога, и не сказал: что же это такое? Бог попустил сыну восстать против отца? Если бы даже он мог в чем-нибудь справедливо обвинять меня, и тогда не должно бы этого быть; между тем он, не потерпев от меня ни малой, ни великой обиды, всюду ищет меня, желая осквернить руку свою отцовскою кровью; и Бог спокойно смотрит на это? Ничего такого не сказал он. И что еще удивительнее, когда на него, блуждавшего в пустыне и лишившегося всего, напал некто Семей, человек порочный и преступный, называя его убийцей и беззаконником и упрекая в безчисленных преступлениях, он и тогда не раздражился, и даже когда начальник войска просил у него позволения пойти и снять с Семея голову, не только не позволил этого, но и с чувством негодования сказал: "**что мне и**" тебе, сын Саруин? "**Пусть он злословит** (…), **может быть, Господь призрит на уничижение мое, и воздаст мне Господь благостью за теперешнее его злословие**" (2 Цар. 16:10-12). Видишь ли, как знал этот праведник, что мужественное перенесение злословия бывает поводом к большей славе? И действительно так. Когда мы, подвергаясь поношениям и безчисленным бедствиям, спокойно относимся к поносящим нас, то привлекаем к себе гораздо большее благоволение Божие. Хотел и Моисей оказать помощь одному обиженному, и из-за этого подвергся крайней опасности и лишился отечества. И Бог попустил это, чтобы ты узнал терпение святых. Если бы мы приступали к духовным

подвигам, зная наперед, что не потерпим ничего худого, это не представляло бы ничего великого с нашей стороны. Это и три отрока говорили: "**Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавит. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся**" (Дан. 3:17-18). Так и ты, когда думаешь сделать что-либо угодное Богу, предусматривай многие опасности, многие лишения, многие смерти, и когда они случатся, не удивляйся и не смущайся. "**Сын мой**", - говорит (Премудрый), - "**если ты приступаешь служить Господу Богу, то приготовь душу твою к искушению**" (Сир. 2:1). Никто, решаясь выступить на бой, не ожидает получить венец без ран. Когда, поэтому, сам ли ты сделаешь что-нибудь доброе, и получишь обратное, или увидишь, что с другим случилось то же самое, то веселись и радуйся, потому что от этого бывает тем большая польза. Итак, не ослабевай в своем усердии, не делайся леностнее, а, напротив, примись за дело еще с большею ревностью; и хотя бы диавол тысячи раз прерывал тебя, никогда не отставай. Так и апостолы, когда проповедывали, подвергаясь бичеваниям и постоянно обитая в темницах, не только после освобождения от опасностей, но и во время самых опасностей еще с большим усердием возвещали проповедь истины. Так, например, Павел в самой темнице, в самых узах оглашал и совершал таинства, равно как и в судилище делал то же самое. И посмотри, чем эта святая душа похваляется: узами, страданиями, цепями, язвами. "**По влечению Духа**", - говорит, - "**иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святый по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня**" (Деян. 20:22-23). Зачем же ты идешь, если узы и скорби ждут тебя? Для того самого и иду, чтобы быть связанным ради Христа, чтобы умереть ради Него: я готов не только быть связанным, но и умереть за имя Господа моего. Что же это? Ты не стыдишься, не боишься пройти вселенную в качестве узника? Не боишься, что кто-нибудь обвинит Бога твоего в безсилии, что из-за этого кто-нибудь не придет к тебе? Не таковы, говорит, мои узы: я умею блистать и в царских чертогах: "**так что узы мои**", - говорит, - "**сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие**" (Флп. 1:13-14). Видишь ли силу скорее уз, нежели воскрешения мертвых? Заключен был он в узы в Риме, и привлек еще более многочисленных последователей; заключен был в узы в Иерусалиме, и, проповедуя в узах, поразил царя и привел в страх правителя, так как, "**пришел в страх**", отпустил его (Деян. 24:25). В узах плыл он, и избавил от крушения, и удержал бурю; в узах на него напал страшный зверь (Деян. 28:3), и упал, не причинив ему никакого вреда. И смотри, как то же самое происходило везде и в других случаях. Подвергнут он был бичеванию, и бичеванию сильному: "**дав**", - говорится, - ему "**много ударов**", и был связан, и тоже очень крепко: "**ввергнул**", - говорится, - его "**во внутреннюю темницу**" (Деян. 16:23, 24), - и с особенною предосторожностью; и находясь в таком положении, он около полуночи, когда и самые бодрственные люди спят, пел и славословил Бога. Что может быть тверже этой души? Вспоминал он, что и отроки пели в пещи огненной. Может быть, он думал, что ничего такого сам он не потерпел. Но вот и кстати речь наша привела нас опять к другим узам, к другой темнице. Что мне делать? Хочу молчать, и не могу: нашел другую темницу, гораздо более дивную и поразительную, нежели та. Хочу прервать речь, но она не позволяет этого; не могу перестать, не могу умолчать. Слишком многое приходит мне на ум; не знаю, что сказать прежде, что потом. Прошу, поэтому, не требовать от меня порядка, потому что предметы очень близки между собою. Продолжительны были узы Павла, и потому задержали нас. Но не буду поэтому молчать. Если он в темнице и среди бичеваний не молчал, то как стану я сидеть молча, когда стоит день, и я могу говорить с полным спокойствием? Сообразно ли это со здравым смыслом? Итак, много в разных местах записано чудес Павловых, но не так вожделенны они, как его язвы; и не так в Писаниях радует он, совершая чудеса, как терпя страдания, подвергаясь бичеваниям,

будучи влачим, побиваем камнями, - "**побили камнями**" его, - говорится, - "**и вытащили за город**" (Деян. 14:19), и еще: избивши его и "**дав много ударов, ввергли в темницу**" (Деян. 16:23). Какая похвала, какое удовольствие, какая честь, какая слава знать, что заключен в узы ради Христа. Но посмотри на чудо. И потряслась, говорится, темница связанного Павла, и "**у всех узы ослабели**" (Деян. 16:26). Видишь, как природа уз разрешает узы? "**Темничный же страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и хотел умертвить себя**". Что же Павел? "**Возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь**" (ст. 27, 28). Видишь ли отсутствие у него тщеславия, гордости, и любвеобилие? Не сказал он: ради нас произошло это, а как один из узников говорит: "**ибо все мы здесь**". Если бы он смолчал, и громким голосом не удержал руки стражника, то последний вонзил бы нож в горло; вскричал же он потому, что заключен был во внутреннюю темницу. Ты себе самому, говорит, сделал хуже, посадив в самую глубь темницы тех, которым предстояло избавить тебя от опасности. Видишь ли человеколюбие Павла и попечительность о ближнем? Он предпочел лучше сам остаться в узах и подвергнуться опасности, чем допустить погибнуть ему. Кого не поразит сила облегавших его уз? Связавших она привела к ногам связанного и сделала их покорными ему. "**Припал**", - говорится, - темничный страж "**к Павлу**" (ст. 29): свободный от уз был у ног узника, и связавший умолял связанного освободить его от страха. Не ты ли связал его, скажи мне? Не ты ли ввергнул его во внутреннюю темницу? Не ты ли забил ноги его в колоду? Что же ты трепещешь? Что смущаешься? Что плачешь? Зачем извлек меч? Я не знал, говорит, что так велика сила узников Христовых. Что ты говоришь? Он получил власть отверзать небеса, и не мог отворить темницы? Связанных демонами освобождал он, и железо могло удержать его? Тот, кто освобождал души от уз, тело ли свое не мог бы освободить? Тот, кто одеждами своими разрешал других от душевных уз и освобождал от демонов, сам ли себя не освободил бы? Для того он сначала был связан, и после того освободил связанных, чтобы ты знал, что рабы Христовы, и будучи в узах, имеют гораздо большую силу, нежели свободные от уз. Так, ведь, гораздо блистательнее обнаруживается сила святого, когда он и связанный побеждает свободных от уз. Итак, когда он, будучи связан, освобождает не только себя, но и других узников, то какая польза в стенах, зачем нужно было заключать его во внутреннюю темницу, если он отворил и внешнюю? Но послушаем, как сам он похваляется этими самыми узами: "**умоляю вас**", - говорит, - "**я, узник в Господе**" (Еф. 4:1). И подлинно, великое и высокое достоинство, превосходнее и царства, и ипатства, и всех достоинств, быть узником ради Христа. Подлинно, нет ничего столь славного, как узник ради Христа, как цепи, облегающие эти святые руки. Это гораздо славнее и почтеннее, чем быть апостолом, быть учителем, быть евангелистом. Кто любит Христа, тот знает, что я говорю. Кто воодушевлен и горит любовью к Господу, тот знает силу уз: он предпочтет лучше быть узником ради Христа, нежели обитать на небесах. Это, пожалуй, даже славнее, чем сидеть одесную Его; это почетнее и блаженнее, чем сидеть на двенадцати престолах. Если бы кто-нибудь предложил мне все небо, или ту цепь, которою были связаны руки Павла, я предпочел бы последнюю; если бы меня поставили с горними ангелами, или с Павлом связанным, я избрал бы темницу; если бы мне предложили быть с теми силами, которые окружают престол Божий, или сделали таким же узником, я предпочел бы скорее стать таким узником, - потому что нет ничего лучше, как потерпеть какое-нибудь страдание ради Христа. Если бы кто-нибудь дал мне силу воскрешать теперь мертвых, я избрал бы не ее, а узы, - потому что нет ничего блаженнее этих уз. Желал бы я теперь быть в тех местах, где хранятся эти узы, и видеть цепи, которых боятся и трепещут демоны, и почитают ангелы. Если бы я был свободен от церковных забот, и был здоров телом, я не отказался бы совершить такое путешествие, чтобы видеть только те узы и ту темницу, где заключен был Павел. О, блаженные узы! О, блаженные руки, которые украсили те оковы, наложенные на Павла! Не так были драгоценны руки его, воздвигая хромого в Листрах, как нося на себе узы. Если бы я жил в те времена, я обнял бы их что

есть сил и берег бы как зеницу ока; не перестал бы лобызать руки, удостоившиеся принять узы за Господа моего. Не так ублажаю его за то, что он восхищен был на третье небо и в рай, как за то, что он ввергнут был в темницу; не так ублажаю его за то, что он слышал неизреченные глаголы, как за то, что потерпел узы, - потому что последнее гораздо больше первого. Вожделеннее для меня пострадать за Христа, чем удостоиться чести от Христа. Такие мысли были, вероятно, и у Павла. Если Христос, говорил он, ради меня сделавшись рабом и истощив славу, не так почитал Себя в славе (когда пребывал у Отца), как когда был распинаем за меня, то чего же не должен я претерпеть? Послушай в самом деле, как Он говорит: "**прославь Меня Ты, Отче**" (Иоан. 17:5). Что Ты говоришь? Ты ведешься на крест вместе с разбойниками и гробокрасхитителями, чтобы потерпеть смерть людей проклятых, Тебе предстоят оплевания и заушения, и Ты называешь это славой? Да, говорит; Я терплю эти страдания за возлюбленных, и справедливо почитаю их за славу. Итак, если Господь мой, возлюбив несчастных и обремененных, называет это славою, и предпочитает это славе на отеческом престоле, то тем более я должен почитать это славой. Все люди изумляются Иову за его терпение, за чистоту жизни, за свидетельство Бога о нем, за его мужественную борьбу, за дивную победу, завершившую эту борьбу; но какая адамантовая душа может показать Павлово терпение? Действительно, он проводил в таких подвигах не многие месяцы, а многие годы; не грудь земли обливая, гной стружа "**Тело мое одето червями и пыльными струпами; кожа моя лопается и гноится**" (Иов. 7:5), а постоянно впадая в самую мысленную пасть льва, борясь с безчисленными искушениями, терпя поношения, оплевания и поругания не от трех-четырех друзей, а от всех неверующих, выдерживая тучи искушений, то подвергаясь бичеваниям, то побиению камнями, и будучи изнуряем постоянным голодом и холодом. Но велико щедролюбие Иова? Не будем и мы возражать; но находим его настолько ниже щедролюбия Павлова, насколько душа ниже тела. То самое, что первый делал в отношении к страдавшим телесным увечьем, последний совершал в отношении к страдавшим душевным пороком; при том, первый делал это, имея несчетное число овец и волов, тогда как последний, не имея у себя ничего, кроме тела, помогал нуждающимся от самого этого тела: "**нуждам моим и [нуждам] бывших при мне**", - восклицает он, - "**послужили руки мои сии**" (Деян. 20:34). Будем же все соревновать и подражать им, чтобы получить и одинаковые с ними похвалы и награды, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава во веки. Аминь.

СЛОВО 23

О милостыне и страннолюбии.

Слово о милостыне, возлюбленные, относится не к одним только богатым, но и к бедным; хотя бы даже кто питался подаянием, и к нему относится это слово, потому что нет ни одного такого бедняка, как бы он ни был беден, чтобы не иметь даже и двух грошей. Можно, поэтому, и дающему немногое из малого оказаться выше тех, которые подают обильную милостыню из большего имения, как это случилось и с евангельской вдовицей. Величина милостыни оценивается не размером подаяния, а склонностью и расположением подающих. Не на то нужно смотреть, что вдовица положила две лепты, а на то, что имея всего лишь эти две лепты, она не пожалела их, и пожертвовала всем своим достоянием. От нас, следовательно, требуется не изобилие, а усердие. И если последнее есть у нас, то нет никакого вреда и от бедности; если же его нет, то не будет никакой пользы и от богатства. Богатые, если они остаются злыми, будут наказаны больше бедных, за то, что не сделались кроткими и при избытке. Не говори мне, что они подавали милостыню; все равно они не избегут наказания, если давали ее несоразмерно своему имуществу, - потому что милостыня ценится не размером подаваемого, а избытком произволения. А можно ли, скажешь, богатому спастись? Вполне возможно. Авраам был богат. Видишь его

богатство? Посмотри и на его страннолюбие. В полдень, когда он сидел у дуба мамврийского, явился ему Господь в виде трех мужей. И встав (он не думал, что пред ним Бог, - мог ли он так думать?), он поклонился им, говоря: если бы вы сочли меня достойным войти под сень шатра моего! Видишь, что сделал старец в полдень? Богатый и знатный, он не сидит под кровлей дома, а как странник и путник, оставив дом, жену, детей, слуг, выходит на лов, распуская мрежу страннолюбия, чтобы какой-нибудь странник, какой-нибудь путник не прошел мимо его дома. И смотри, что он делает? Он не поручает этого слуге, хотя их было у него триста восемнадцать человек (он знал нерачительность слуг), боясь, чтобы слуга не задремал, и странник не прошел мимо, и мы, - думал он, - упустим ловитву; но сидел сам, принимая знойный луч как росу в жару, и любовь к гостеприимству была для него вместо тени. И это Авраам! И это богатый! А ты удостаиваешь ли бедного, чтобы хоть взглянуть на него, хоть ответить ему, поговорить с ним? [Хочешь подражать Аврааму? Не препятствую; напротив, даже желаю этого, хотя от нас требуется и большее, чем от Авраама. Но что же, скажешь, имел Авраам? Он был страннолюбив]. И встал, - говорится, - Авраам и поклонился, не зная, кто были пришедшие. Если бы он знал, то не было бы ничего удивительного с его стороны в том, что он почтил Бога; между тем неведение относительно пришедших показывает в нем величайшую любовь к гостеприимству. Он зовет и Сарру, чтобы сделать и ее участницей в гостеприимстве. Пусть будут общими, - говорит он, - как блага супругов, так и добродетели; поспеши и смеси три меры лучшей пшеницы. И та не сказала чего-нибудь в таком роде: с такими ли надеждами я шла к тебе, чтобы ты сделал меня, владеющую таким богатством, мельничихой и хлебопекаркой? У тебя триста восемнадцать рабов, и ты не пошел приказать им, а возлагаешь на меня такую службу? Нет; она слышит: поспеши, - и быстро исполняет приказание. Где нынешние женщины? Получают ли они такие приказания? Возьми руку такой женщины, и увидишь, что снаружи она украшена золотом, а внутри ее хищение. Грабеж скольких бедных носит твоя рука? Дай мне руку свою, покажи, во что одета она? В хищение. Возьми руку Сарры, чем одета она? Страннолюбием, милостыней, любовью, нищелюбием. Поспеши и замеси три меры лучшей пшеницы. А сам побежал к стаду коров. Они делят вместе труд, чтобы разделить и награду. Затем он заклал тельца. Старец вдруг сделался быстроногим, потому что не дряхлела сила тела его, а укреплялась духом любомудрия: усердие победило природу. Господин триста восемнадцати слуг не чувствовал тяжести бремени, неся на себе тельца, а облегчался мыслию и усердием. Старику нужно было бежать. Какой труд! И однако он не чувствовал труда, благодаря надежде на получение пользы. Что же пришедший? "**Я опять буду у тебя в это же время**", и будет у Сарры сын (Быт. 18:10). Видишь, какой плод произрастила трапеза? Какой прекрасный, скорый и спелый? Как почернела и совершенно созрела лоза? Таковы плоды гостеприимства. Итак, не будем думать, что наше имущество уменьшается, когда мы подаем милостыню; оно не уменьшается, а увеличивается, не расточается, а умножается; милостыня есть как бы некая купля или посев, вернее же сказать, прибыльнее и безопаснее и того и другого. В самом деле, торговые предприятия подвергаются опасности и от морских ветров и волнений, и от частых крушений; равно и посевы подвергаются засухам, чрезмерным дождям и другим случайностям погоды. Между тем деньги, положенные в руку Господа, недоступны ни для каких козней, и раз они даны, никто уже не может похитить их из руки получившего, и они непременно приносят нам обильный и несказанный плод, и в надлежащее время дают богатую жатву. Если человек, получая их, не станет презирать (давшего), а платит ему благодарностью, то гораздо более Христос. В самом деле, если Он и не получив, дает, то как же не даст после получения? Слушай, что говорит Соломон: "**благотворящий бедному дает взаймы Господу**" (Притч. 19:17). Видишь ли, какой чудный и удивительный заем? Один берет, а другой принимает на себя ответственность за долг. Почему он не сказал: милующий нищего дает Богу, а сказал: "**дает взаймы**"? Чтобы ты не предположил здесь простой отплаты. Знает Писание наше корыстолюбие; принимает во внимание, что наша алчность,

взирая на корысти, ищет излишнего, и что человек, имеющий деньги, никогда не захочет дать в долг бедному без обеспечения, залога, ручательства или поручителя. И так как Бог знает, что без этих условий никто не дает в долг, никто не руководится человеколюбием, а смотрит только на прибыль, между тем бедный всего этого лишен, - не имеет ни обеспечения, потому что ничем не владеет, ни залога дать не может, потому что всего лишен, ни поручителя представить, потому что по бедности ему никто не верит, - так как знает Бог, что этот последний подвергается опасности от бедности, а имеющий деньги - от жестокосердия, то ставит между ними Себя самого в качестве поручителя для бедного и в качестве залога для дающего в долг. "**Благотворящий**", - говорит, - "**бедному дает взаймы Господу**". Между тем мы, когда приходится давать в долг, тщательно ищем таких должников, которые дают большие проценты и исправно платят долг, а здесь поступаем совершенно наоборот: Бога, который с признательностью принимает долг и возвращает сторицей, оставляем, а кто не возвратит нам даже и самого капитала, тех ищем. В самом деле, что воздаст нам чрево, на которое тратится едва не все? Помет и тление. Что воздаст тщеславие? Зависть и зложелательство. Что - скупость? безпокойство и заботу. Что - распутство? Геенну и ядоносных червей. Таковы должники богачей, таковы проценты, уплачиваемые ими на капитал, - бедствие здесь и наказание в жизни будущей. Итак, отчего ты не даешь в долг тому, кто несомненно отдаст тебе, и отдаст гораздо больше? Может быть потому, что он отдаст спустя много времени? Но Он и здесь воздает, потому что неложен сказавший: "**Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам**" (Мф. 6:33). Кроме же того, и самое получение чрез долгий срок только увеличивает твое богатство, так как прибыль делается большей. Так ведь поступают, как мы видим, и заимодавцы с должниками, давая именно охотнее в долг тем, которые уплачивают чрез долгий срок. Если должник тотчас же все отдает, он пресекает течение процентов; а если удерживает на долгий срок, то и прибыль делает большей. Когда, таким образом, дело идет относительно людей, мы не только не тяготимся отсрочкой, а даже нарочно стараемся сделать ее длиннее, в отношении же к Богу будем ли поступать так малодушно? "**Благотворящий бедному дает взаймы Господу**". И Ты занимаешь у меня, Господи, милостыню, данную бедному? Чтобы когда-нибудь Ты отдал ее, назначь мне время отдачи, определи срок получения. Когда и где отдам тебе этот долг? "**Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей** (…), **и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов -- по левую**", и "**скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира".** За что? За то, что "**алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; (…) был наг, и вы одели Меня**" (Мф. 25:31, 33-36). Почему же Ты, Господи, не упоминаешь о других путях, а только о милостыне? Я не сужу, - говорит, - грех, а жестокосердие; не сужу согрешивших, а непокаявшихся; осуждаю вас за жестокосердие, за то, что имея такое великое и действительное средство спасения - милостыню, которою изглаждаются все грехи, вы не воспользовались таким благодеянием. Не для того ты получил деньги, чтобы тратить на удовольствия, а для того, чтобы употреблять на милостыню. Разве они принадлежат тебе? Тебе вверено достояние бедных, хотя бы ты приобрел их от трудов праведных, хотя бы получил в наследство от отца. Если тебе по великому милосердию дано повеление давать из своего имущества, то не думай поэтому, что оно и твое, и не обращай чрезмерного человеколюбия в повод к неблагодарности. Разве Бог не мог отнять у тебя все? Но Он не делает этого, предоставляя в твою волю обнаруживать щедрость в отношении к нуждающимся. Почему же ты не даёшь? Не веришь, что получишь обратно? Но может ли это быть? Тот, кто дает и недающему, ужели не даст тем более после того, как получит? Не для того попустил тебе Бог иметь больше других, чтобы ты тратил на распутство, пьянство, сластолюбие, драгоценные одежды и другие предметы роскоши, а для того, чтобы раздавал нуждающимся. Если ты истратишь на себя что-нибудь сверх необходимо нужного, то дашь на том свете самый строгий отчет.

Между тем я знаю, что многие дошли до такого озверения, что из-за маленького безпокойства отказывают в помощи голодающим беднякам, говоря им такого рода слова: со мной нет теперь слуги, я далеко от дома, никто из находящихся здесь неизвестен мне. Какая жестокость! Какое высокомерие! Если бы нужно было пройти даже десять верст, и тогда не следовало бы отказываться, потому что тем больше награда. В самом деле, когда ты даешь, ты получаешь награду только за подаяние; когда же ты еще и сам пойдешь, то тебе предстоит награда еще и за это. Так и патриарху Аврааму мы удивляемся главным образом потому, что имея триста восемнадцать домочадцев, он ни к кому из них не обратился с приказанием, а сам побежал в стадо и взял тельца. Итак, не стыдись собственной своей рукой услужить бедному. Христос не стыдится простирать руку и брать подаяние чрез бедного, а тебе стыдно протянуть руку и дать денег? Разве же это не постыдно? Если одна чаша холодной воды доставляет царство небесное, то какой же, скажи мне, плод принесет тебе то, если ты сделаешь бедняка своим сочашником, участником трапезы, и упокоишь его? Итак, не будем стыдиться служения бедным, не будем отказываться собственными руками служить им, потому что наши руки освящаются чрез такое служение; и если от такого служения мы простремим их на молитву, то Бог, взирая на них, скорее умилостивляется и дает просимое. Дать деньги - дело довольно обычное; но самому оказать помощь нуждающимся и сделать это с усердием - для этого нужна великая и любомудрая душа. Если кто-нибудь помогает тебе в житейских делах, или оказывает содействие на суде, или в чем-либо другом подобном, то ты встречаешь и принимаешь его с полным радушием, и целуешь ему руки, и платишь деньги, и ухаживаешь за ним; а если видишь приходящего к тебе Христа, то медлишь и отказываешься послужить Ему? Если ты не как Христа принимаешь странника, то не принимай его; если же принимаешь как Христа, то не стыдись умыть ноги Христу. Пока еще продолжается торг, купим милостыню, или, вернее, - чрез милостыню купим спасение. Христа одеваешь ты, одевая бедного. Если чаша студеной воды заслуживает награду, то одежды и деньги, даваемые из милости, не заслуживают ли ее? Напротив, они заслуживают великой награды. Если там, где подаяние не сопряжено ни с какими расходами, таково признание заслуги, то какую же награду надлежит получить от праведного Судии там, где изобилие одежд, трата денег, и избыток других благ? Знаю, что такие и подобные наставления вы часто слыхали; но, о, если бы мы, многократно слыша добрый совет, хоть изредка выполняли его на деле. Ведь крайнее неразумие, когда человек, желая купить поле, ищет плодоносной земли, а когда вместо земли предлежит небо и есть возможность там приобрести место, остается на земле и обременяет себя связанными с ней трудами. Скажи мне, в самом деле, если бы кто-нибудь сказал тебе, что чрез год этот город будет разрушен, а другой город - нет, стал ли бы ты строить дом в городе, которому угрожает разрушение? Не будем, поэтому, и мы строить в этом мире, потому что он немного спустя разрушится и погибнет; да что я говорю: разрушится? Раньше его разрушения мы сами погибнем и потерпим бедствия. Будем же лучше созидать нашу храмину на небесах, где нам не нужны ни зодчие, ни строители, и где такие храмины устрояют руки бедных, и мало того, доставляют еще и царство небесное, и дают дерзновение пред Богом. Таково превосходство милостыни. И подобно тому как, когда входит царица, никто из привратников не осмеливается спросить, кто она и откуда, а все с радостью принимают ее, так точно и милостыня безпрепятственно ставит творящих ее пред царским престолом, - потому что Бог любит ее, и она всегда стоит близ Его, и о даровании чего бы ни попросила, тотчас же получает. Сила милостыни так велика, что не только изглаждает грехи, но отгоняет и самую смерть. Но кто же, скажешь, из творивших милостыню оказался выше смерти? Все ведь, как мы видим, находятся под ее владычеством? Не волнуйся, а самым делом удостоверься, как сила милостыни победила власть смерти. Была, например, некая женщина Тавифа, которая давала себе труд ежедневно собирать богатство от милостыни. Она одевала, говорится, вдовиц и доставляла им всякое другое довольство. "**Случилось в те дни, что она занемогла и**

умерла" (Деян. 9:37). Что же вдовицы, которые пользовались ее услугами, и тела которых она прикрывала? В нужное время они платят благодарностью своей благодетельнице. Став пред апостолом, они показывали ему одежды и платья, которые она делала вместе с ними, проливали слезы, и возбудили в нем сострадание. Что же Петр? "**Преклонив**", - говорится, - "**колени, помолился, и, обратившись к телу, сказал: Тавифа! встань. И она открыла глаза свои и, увидев Петра, села. Он, подав ей руку, поднял ее, и, призвав (…) вдовиц**" и предстоявших, "**поставил ее перед ними живою**" (ст. 40, 41). Видишь, какая награда за благотворение вдовицам? В самом деле, скажи мне, что в такой мере великого доставила она вдовицам, в какой они воздали ей награду? Подлинно, величина милостыни ценится не количеством даваемого, а усердием дающих. Действительно, много могут стопы святых, входящие в дом: они освящают самую землю, приносят сокровища неисчислимых благ, исцеляют телесные увечья, прекращают голод и приносят великое изобилие. Так стопы Илии, войдя в дом вдовицы, показали некоторый новый и дивный род благодеяния: сделали дом вдовицы пашней, и водонос - гумном (3 Цар. 17). Явился тогда некий новый род сеяния и жатвы. Как? Вдовица сеяла в уста праведника, и пожинала посеянное с великим изобилием из водоноса; сеяла пшеничную муку, и пожинала пшеничную муку. Она не имела нужды ни в волах, ни в ярме, ни в плуге, ни в борозде; не нужно было ей ни дождя, ни погоды, ни серпа, ни гумна, ни снопов, ни ветра, отделяющего мякину от зерна, ни мельницы, размельчающей зерно, а в одно мгновение она нашла завершение всего этого в водоносе.

Вот каковы дары святых; вот что даруют стопы святых, вернее же сказать, даже гораздо больше того. И если бы не слишком пространна была моя речь, я перечислил бы много таких даров. Но как в том случае, когда их почитают, они приносят такие дары, так наоборот, когда относятся к ним с пренебрежением, они навлекают казнь и огнь неукротимый. Но то, скажешь, был Петр, то был Илия. Что ты говоришь, скажи мне? Пусть то были Петр и Илия: но разве они имели не ту же самую природу? Разве они не тем же путем, как и мы, явились в жизнь? Разве не одной и той же питались пищей? Разве не одними и теми же пользовались условиями? Разве некоторые из них не имели даже жен и детей? Разве иные не занимались житейскими ремеслами, а другие не дошли даже до самой глубины порока? Ты скажешь, что они получили великую благодать? Но если бы нам повелевалось воскрешать мертвых, отверзать очи слепым, очищать прокаженных, исцелять хромых, изгонять демонов и врачевать другие подобного рода недуги, то такое оправдание с нашей стороны еще было бы уместно; если же вопрос идет теперь о надлежащем образе жизни, о проявлении послушания и удалении от пороков, то какое отношение к этому может иметь такое оправдание? Ведь и Христос дает награды не тем, кто просто лишь творил чудеса, - а тем, кто исполнил Его повеления. "**Приидите**", - говорит, - "**благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**", не за то, что вы совершали чудеса, а за то, что "**алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня**" (Мф. 25:34, 35). Если бы, следовательно, благодать ныне и упразднила чудеса, это нисколько не может повредить нам, но, с другой стороны, не может и оправдать нас, когда мы будем давать отчет в своих делах. Жизнь правая и без чудес получит венцы; а жизнь преступная и с чудесами не сможет избежать наказания. Итак, будем стараться о приобретении таких добродетелей, которые вместе с нашим собственным спасением могли бы приносить пользу и ближним. Такова милостыня. Отсюда получают свою силу и молитва, и пост, и всякая другая добродетель. Если, например, ты постишься, то без милостыни это даже и в пост не вменяется, а оказывается настолько же хуже пресыщения и пьянства, насколько жестокость составляете более тяжкий порок, чем роскошь. Да что говорю я - пост? Хотя бы ты сохранял целомудрие, хотя бы пребывал девственником, ты останешься вне брачного чертога, если не имеешь милостыни. Между тем что может равняться с девством, которое даже и в новом завете не сделано обязательным законом ввиду его

особенной высоты? Если же девственники извергаются вон, когда не имеют в надлежащем обилии милостыни, то кто же может получить прощение без нее? Никто, поистине никто; неимеющий ее должен непременно погибнуть. Если в житейских делах. никто не живет только сам для себя, а все - и ремесленник, и воин, и земледелец, и купец - все трудятся на общую пользу и благо ближнего, то гораздо более должно делать то же в делах духовных; в этом ведь и состоит главным образом жизнь; а кто живет только для себя одного, всех же других презирает, тот напрасно и существует, и даже не человек он, и не нашего рода. Итак, кто хочет стать богатым, пусть станет бедным, чтобы сделаться богатым; пусть тратит, чтобы получить; пусть расточает, чтобы собрать. Если это кажется странным и невероятным, то посмотри на сеющего и размысли, что и он не может иначе собрать большего, если не посеет того, что имеет, и не расточит готового запаса. Почему, в самом деле, ты не подаешь нуждающимся? Скажешь: у меня куча детей, и я желаю оставить их богатыми. Так зачем же ты делаешь их бедными? Если ты оставишь все им, то вверишь все свое богатство опять ненадежному хранилищу; если же оставишь им в качестве сонаследника и защитника Бога, то оставишь несметное сокровище. Если, следовательно, ты хочешь оставить детям большое богатство, то оставь попечение Божие. Тот, кто без всякой заслуги с твоей стороны и дал душу, и создал тело, и даровал жизнь, когда увидит проявленную тобою такую щедрость, как не отверзет им всякого богатства? Если Илия, напитанный небольшим количеством муки, когда увидел, что вдовица предпочла его своим детям, сделал ее жилище гумном и точилом, то подумай, какие щедроты обнаружит Владыка Илии? Если хочешь оставить детей богатыми, оставь им должником Бога. Если они получат деньги, то не будут даже и знать, куда их деть; а если ты сам наперед дашь их в заем Богу, то сокровище останется уже вне всякой опасности, и возвращение последует с большою скоростью. Бог бывает благодарен нам, и когда должен нам, и когда уплачивает, и благосклоннее взирает на своих заимодавцев, нежели на тех, кто ничего не дал Ему взаймы; и кому особенно много должен, тех особенно и любит. Если, следовательно, желаешь иметь Его другом, сделай Его должником. Подлинно, не так радуется заимодавец, имея должников, как веселится Бог, имея заимодавцев; и кому Он ничего не должен, от тех и удаляется, а кому должен, к тем и приближается. Итак, зачем ты отдаешь деньги на хранение людям? Пред тобою стоит Христос, готовый принять и сохранить, и не только сохранить, но и умножить, и воздать тебе с великою лихвою. Из Его руки никто не похищает. И Он не только сохраняет их, но за это самое освобождает тебя и от всех опасностей. У людей бывает так, что принявшие клады считают, что делают нам одолжение, сохраняя взятое у нас; у Христа же наоборот: когда Он принимает их от тебя, то признает, что Он не оказал благодеяния, а сам получил. При том, принявши деньги на хранение, требует за это у тебя платы, тогда как Христос дает тебе за это даже награду. Для того Бог и велел тебе давать деньги другому, чтобы ты сам владел ими, потому что пока ты один только будешь иметь их, и сам не будешь владеть ими, а когда дашь другому, тогда и сам получишь. Подобно тому, как кто-нибудь дал бы деньги маленькому ребенку, чтобы он крепко держал их в руках, или даже слуге приказал крепко сторожить, чтобы желающему нельзя было похитить, так точно делает и Бог: дай их, говорит, нуждающемуся, чтобы кто-нибудь не похитил их у тебя, как, например, клеветник, или диавол, или вор, или напоследок смерть. Пока ты сам владеешь ими, ты владеешь ненадежно; а если дашь их Мне в лице бедных, то Я тщательно сохраню их тебе во всей целости. Я беру не заем, чтобы лишить тебя их, а чтобы умножить и тщательнее сохранить, чтобы сберечь их тебе на то время, когда никто не даст уже в долг, никто не пожалеет. Зачем ты, богатый, напрасно трудишься прятать в своих кладовых достояние бедных? Что ты негодуешь, когда они просят у тебя, как будто ты тратишь свою собственность? Они желают принадлежащего Отцу, а не твоего; желают того, что вверено тебе ради них, а не родившегося вместе с тобой. Отдай то, что ты получил, и стяжи прибыль из пользования; довольно для тебя, что ты поставлен давать, не получать. Зачем ты предаешь сокровище земле? Дай, говорит, в Мою руку. Ужели Владыка земли кажется

тебе менее достойным доверия, чем земля? Я, скажешь, дал. Но не следует никогда переставать делать это; только тогда ты оправдаешься, когда ничего не будешь иметь, когда ничем не будешь владеть; а пока ты что-нибудь имеешь, то хотя бы ты дал тысячам людей, а остаются еще другие алчущие, нет тебе никакого оправдания. Итак, ни богатый пусть не величается тем, что много дает, ни бедный пусть не унывает, как будто мало давая, потому что последний часто дает больше первого. Многое и малое определяется не мерой подаяния, а размером имущества подающих. Кормя прихлебателей и льстецов, ты так радуешься, как будто расточаешь какие источники; а если увидишь бедняка, тотчас на тебя нападает страх бедности. Давай нуждающемуся, и не давай плясуну, чтобы вместе с твоими деньгами тебе не погубить и его душу, потому что ты являешься виновником его погибели через неуместную твою щедрость. Ведь если бы плясуны знали, что их занятие будет для них безвыгодно, они давно бы уже перестали заниматься этим. Слепой, которому оказано сострадание, может руководить в царство небесное; тот, который натыкается на стены и падает в ямы, делается путеводителем восхождения на небо. Когда ты делаешь не на показ людям, то хотя бы весь мир знал о твоих делах, никто не знает, потому что ты делал не с таким намерением. Не просто сказал Христос: не делайте пред людьми, но присовокупил: "**с тем, чтобы они видели вас**" (Мф. 6:1). О, сколь велико достоинство бедности! Она является личиной Бога; в бедности скрывается Бог; бедняк протягивает руку, а принимает Бог. Когда случится с тобою какое-нибудь горе, подай скорее милостыню; возблагодари за то, что оно случилось, и ты увидишь, какая найдет на тебя радость. Духовная прибыль, хотя бы и небольшая, столь велика, что покрывает всякую материальную потерю. А если не верите, испытайте, и увидите славу Божию. Но, о, легкомыслие, о, неблагодарность! Все время живем мы во грехах и пороках, а если когда-нибудь и сделаем маленькое доброе дело, то, как неблагодарные рабы, с торгашескою мелочностью исследуем и справляемся о воздаянии, есть ли какая-нибудь награда за это дело. Между тем награда бывает больше, если ты делаешь не руководясь надеждой на награды: нужно, ведь, все делать ради Христа, а не ради надежды на награду. В самом деле, если Бог, сотворивший нас вначале, без всякого с нашей стороны доброго дела, тотчас же даровал нам столько благ, то чего не дарует Он потерпевшим за Него и понесшим столько трудов и подвигов? Тогда как мы ради себя же самих с трудом решаемся пожертвовать даже ничтожным количеством золота, Он предал за нас даже Своего Сына. Ради дружбы с людьми мы часто бываем готовы даже подвергаться опасностям, а ради человеколюбия Божия не жертвуем даже и деньгами? И как не постыдно, что Христос и душу предал за нас, и драгоценную кровь пролил ради нас, которые не были ни преданы Ему, ни праведны, а мы ради Него не проливаем даже и денег, и равнодушно смотрим на нагого и странника, который умер за нас? И кто избавит нас от будущего наказания? Если бы не Бог, а мы сами наказывали себя, то не произнесли ли бы мы обвинительного приговора над собою? Не осудили ли бы себя на геенский огонь, оставляя томиться голодом Того, кто положил за нас душу свою? Да что говорить о деньгах? Если бы мы имели тысячи душ, не надлежало ли бы все их отдать за Него? Если бы кого-нибудь из нас вели на смерть, а затем предложено было, отдав все свое имущество, освободиться, то мы почли бы это счастием; между тем, когда мы ведемся в геенну, и можно, хотя бы отдав половину, освободиться, мы предпочитаем подвергнуться наказанию и безрассудно сохранить свое имущество, чтобы погубить свои блага? Но какое мы будем иметь оправдание, какое извинение, лишая себя и здешних, и тамошних благ, когда есть возможность безопасно воспользоваться и теми и другими? Если иные за мирское достоинство часто отдают все свои средства, за достоинство, которое должно остаться здесь, да и здесь даже не удерживается долгое время, - так как многие еще задолго до смерти лишаются связанной с этим достоинством власти, а другие из-за нее часто лишаются даже и самой жизни, и, тем не менее, зная это, делают ради нее все, - итак, если из-за этой власти столько делают, то что может быть несчастнее нас, когда ради достоинства вечно пребывающего и неотъемлемого мы не жертвуем даже и малым, и не

даем того, что немного спустя должны невольно оставить здесь? Какое же безумие, когда можно добровольно отдать и взять с собою то, чего мы невольно будем лишены, не желать этого? На слуг, на мулов и лошадей мы надеваем золотые ожерелья, а на Владыку, когда Он ходит нагим, проводит ночи под открытым небом и протягивает руку за подаянием, не обращаем никакого внимания, а часто даже смотрим суровым взглядом. Что может быть хуже такого безумия? В самом деле, когда Бог посылает к нам бедных, повелевая дать им из принадлежащего Ему, а мы мало того, что не даем, еще и с надругательством прогоняем их, то подумай, каких громов, каких молний достоин наш поступок? Если бы твой слуга, которому ты приказал пойти к другому слуге, имеющему твои деньги, и взять у него, не только возвратился с пустыми руками, но и подвергшись оскорблению; то чего бы ты не сделал оскорбившему? Какому не подверг бы его наказанию, как бы уже сам получивший оскорбление? Если же так бывает у людей, то насколько же более у Того, кто есть Владыка и людей, и всех тварей? Если ты не хочешь ничего дать просящему бедняку, то для чего еще поражаешь его душу укоризнами? Разве он подошел бы к тебе, если бы ожидал услышать их? Но он, скажешь, нахален, и пристает с криком. Что ты говоришь? Как часто бывает, что, когда стол уже готов, ты, позвав прислуживающего раба, если тот замешкается, из себя выходишь из-за маленькой только задержки, хотя отлично знаешь, что если и не тотчас, то немного спустя ты получишь удовольствие; и однако себя самого, когда ты приходишь в ярость из-за пустяка, ты не называешь безстыдным, а бедняка, который боится и трепещет из-за более важного (потому что весь страх у него не о замедлении, а о голоде), называешь наглым и безстыдным? Разве же это не крайнее безстыдство? Если ты, видя какую-нибудь ничтожную каплю, упавшую с потолка, зовешь и слуг, и мастеров, и шумишь на весь дом, то как же ты равнодушно смотришь на бедняка в лохмотьях, лежащего на соломе, в грязи, и терпящего всякий холод? Какой зверь не смягчился бы, видя такое бедственное положение? Кто так жесток и безчеловечен, чтобы не стать от этого кротким и сострадательным? Между тем есть люди, которые дошли до такой жестокости, что не только не жалеют, не плачут и не облегчают несчастий, а часто даже оскорбляют бедняков и говорят, что они терпят это заслуженно. Почему, скажи мне, они заслуживают этого? Потому ли, что они хотят питаться, а не голодать? Нет, говоришь, а потому, что они предаются праздности. А ты не ленишься, предаваясь удовольствиям? Не занимаешься часто делом, худшим всякого бездействия, грабя и притесняя других, предаваясь любостяжанию? Лучше было бы, если бы и ты предавался такой праздности, потому что так предаваться праздности гораздо лучше, чем заниматься любостяжанием и грабить. Итак, когда ты увидишь нищего и скажешь: изумляюсь, что юноша, и такой здоровый, ничего не имея, хочет питаться, оставаясь без дела,- скажи эти самые слова самому себе или, еще лучше, позволь нищему смело сказать их тебе: изумляюсь, что ты, будучи здоров, предаешься лености и не делаешь ничего из того, что повелел Бог. Ты порицаешь его за праздность, а он тебя еще и за дурные дела, за то, что ты грабишь, лихоимствуешь и разрушаешь домы других. Но он большей частью лжет и обманывает? Но и за это он достоин сожаления, что впал в такую нужду, что даже и такого дела не стыдится. Между тем мы не только не жалеем его, а говорим еще вдобавок такие жестокие слова: не получил ли он и раз, и два? Что же? Разве не нужно уже опять питаться, если однажды напитался? Почему ты и своему собственному чреву не ставишь тех же законов и не говоришь ему: ты наполнилось вчера, сегодня не взыщи? Напротив, последнее ты переполняешь сверх меры, а тому отказываешь, когда он просит надлежащего. И как же ты сам, когда молишься, хочешь быть услышанным? Кто презирает находящегося в скорбях и не дает ему из собственных средств, как может желать получить что-либо из благ, не принадлежащих ему? Разве не достойно порицания то, что питая тунеядцев и льстецов, мы не считаем этого убытком, а если увидим подходящего бедняка, изнуряемого голодом и холодом, то не только презираем его, но и тотчас же набрасываемся с укорами? Почему, говорят, он не трудится, почему он питается,

предаваясь праздности? А ты трудясь ли имеешь то, чем обладаешь? Не получивши ли в наследство от отца? А если даже и трудишься, неужели из-за этого упрекаешь другого? Но он обманщик. Что ты говоришь? Ради какого-нибудь куска хлеба или одежды называешь его обманщиком? Но он тотчас же, говоришь, продает полученное. А ты всеми своими средствами распоряжаешься хорошо? Да и неужели все бедствуют от праздности? Никто от кораблекрушения? Никто от судебных тяжб? Никто от воровства? Никто от болезни? Никто от смелых предприятий? Никто от других несчастных случайностей? Между тем едва только мы услышим, как кто-нибудь жалуется на такие несчастия, громко сетует и, всего лишенный, взирает на небо, - тотчас же называем его плутом, обманщиком, притворщиком. Не стыдно ли тебе называть кого-нибудь плутом? Уж не давай ничего, и не порицай бедняка. Но он имеет, скажешь, и притворяется только бедняком. Это твоя вина, не его; он знает, что подходит к людям жестоким, скорее к зверям, нежели к людям, и что, если даже будет говорить жалкие слова, никого не тронет; поэтому самому и вынуждается принимать на себя жалкий вид, чтобы тронуть состраданием твою душу. О, жестокость, о, безсердечие, о, безчеловечие! Если видим бедняка, подходящего с благородным видом, - это, говорим, обманщик, и подходит так, чтобы его считали человеком из знатного рода; а если видим нагого и одетого в лохмотья, и того охуждаем. О, безстыдное зверство! Если хочешь, дай; если не хочешь, прогони. Зачем ты жалок и несчастен? Зачем ты и сам не жалеешь, и желающих того отвращаешь? Ведь когда кто-нибудь услышит от тебя, что этот обманщик, тот притворщик, то он не даст ни тому, ни другому. Но для чего, скажешь, они обнажают изувеченные члены? Из-за тебя; если бы мы были сострадательны, им не было бы нужды прибегать к таким средствам; если бы они с первого разу склоняли к милосердию, то не употребляли бы столько хитростей. Кто так жалок, чтобы иметь желание во всеуслышание жаловаться на свою судьбу вместе с обнаженной женой и детьми? Не хуже ли это всякой бедности? И так несчастные не только не находят с нашей стороны сострадания, но даже порицаются нами, как безстыдные. Ты, если грабишь, не безстыден; а тот, если умоляет о хлебе, безстыден? Всякому "**просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся**" (Мф. 5:42). Как не безсмысленно, что ты проводишь жизнь в чревоугодии и пресыщении, затягиваешь пиры до глубокой ночи и засыпаешь на мягкой постели, а на нагого, трепещущего и голодающего нищего не обращаешь никакого внимания? Да что я говорю о наготе и трепете, когда иные вынуждаются даже ослеплять своих детей в самом раннем возрасте, чтобы тронуть нашу безчувственность? Так как оставаясь зрячими и ходя нагими, они ни своим возрастом, ни несчастием не возбуждают сострадания у безсердечных, то к стольким бедствиям присоединяют новое, еще более тяжкое несчастие, чтобы избавиться от голода, находя более легким лишиться этого общего света и данного всем солнечного луча, нежели постоянно бороться с голодом и подвергаться самой жалкой смерти.

Подлинно, великая вещь - человек, и драгоценная - мужемилостивый. Милостыня бывает тогда, когда подается с усердием, со щедростью, когда ты думаешь, что не даешь, а получаешь, когда ты как бы получаешь благодеяние, когда ты как бы приобретаешь прибыль, а не теряешь; иначе это не было бы и благодеянием, потому что милующему другого нужно радоваться, а не роптать. В самом деле, не нелепо ли, если ты, освобождая другого от печали, сам предаешься печали? Если ты печалишься, что освободил другого от печали, то представляешь доказательство крайней жестокости и безсердечности; лучше уж не освобождать, чем освобождать таким образом. Да и что ты вообще печалишься, человек? Боишься, чтобы не уменьшилось у тебя золото? Если у тебя такое расположение, то и не давай вовсе. Если ты не веришь, что оно умножится тебе на небесах, не подавай. Но ты ищешь воздаяния здесь? Для чего? Оставь милостыне быть милостыней, а не торговлей. Правда, многие и здесь получают воздаяние; однако получают не так, чтобы поэтому самому имели больше, чем не получившие. Те, которые здесь ищут и получают,

уменьшают себе награду там. Итак, не будем говорить: такой-то порочен и недостоин благодеяния, такой-то презренный, такой-то отверженный. Смотри не на достоинство нуждающегося в помощи, а на одну только нужду. Хотя бы то был человек ничтожный, отверженный, презренный, Христос однако вменяет тебе награду так, как будто сам получит благодеяние через него. Петр и Иоанн вошли однажды в храм помолиться; и вот хромой от чрева матери его, которого носили, лежал при дверях храма, и, увидя их входящими, пристально смотрел на них, надеясь получить от них милостыню. Что же Петр? "**Взгляни на нас**", - говорит (Деян. 3:4); в самом внешнем виде ты имеешь достаточное доказательство бедности; не нужно ни слов, ни ответа; одеяние показывает тебе ничего не имущего. Что же? В этом ли все дело апостольства в отношении к нищему, чтобы не облегчить его бедноты, чтобы только сказать ему: золота и серебра нет у меня? Подожди немного, и ты увидишь большее богатство? "**Серебра и золота**", - говорит, - "**нет у меня; а что имею, то даю тебе: во имя Иисуса Христа Назорея встань и ходи**" (ст. 6). Видишь недостаток денег и богатство дарований? Посмотри далее и на его кротость. Не оскорбил, не укорил, не отверг он, как то часто делаем мы по отношению к обращающимся к нам, требуя от них объяснений, посылая на труд, порицая за то, что они спят. Разве этому научен ты, человек? Тебе не велено ни обвинять за праздность, ни порицать за нечестие, ни укорять за леность, а облегчать бедность, спасать в несчастии и простирать руку помощи лежащим. Итак, не любопытствуй о жизни и делах, собираясь дать милостыню; ведь это верх непристойности из-за какого-нибудь одного куска хлеба исследовать всю жизнь. Хотя бы просящий был убийцей, хотя бы разбойником, или кем бы то ни было, ужели он кажется тебе недостойным куска хлеба, или нескольких монет? Владыка твой заставляет солнце восходить над ним, а ты считаешь его недостойным даже ежедневной пищи? Или ты не знаешь, что и Авраам главным образом заслуживает особенного удивления за то, что, увидев пришедших к нему, и не зная, кто были они, поднялся и поспешил к ним навстречу, и, поклонившись им до земли, сказал: "**Владыка! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего**" (Быт. 18:3)? Так и ты, не любопытствуй, потому что ты принимаешь ради Христа; а если станешь всегда с точностью разузнавать, то часто пройдешь мимо и достойного уваженья мужа, и погубишь награду, которую имел бы за это. И будем заботиться не о своих только по вере, об остальных не радея, но кого бы ни увидали в несчастии, ни о чем другом не будем любопытствовать; то, что он терпит бедствие, служит оправданием помощи. Право, не знаю, откуда укрепился этот обычай: если мы видим мирского человека в несчастии, не простираем руку помощи, и только к сидящим на горах оказываемся рачительны. Эллина ли, иудея ли, или кого другого увидишь в несчастии, должно благодетельствовать всем. Если ты ищешь одних только монахов, и только им одним хочешь благотворить, при чем и относительно их опять разузнаешь, достоин ли, праведен ли, творит ли чудеса, и без того не простираешь руки, то ты уничтожаешь пользу от милостыни; да и эту самую со временем опять погубишь. Если ты поднимаешь осла, когда видишь, что он задыхается, и не любопытствуешь, чей он, то гораздо более не следует любопытствовать о человеке, чей он. Он Божий, будет ли то эллин, или иудей; достаточно, что он нуждается в помощи. Если бы ты видел, что он обладает обильными средствами и пользуется славой, то справедливо мог бы говорить так; но если видишь, что он терпит бедствия, не говори, что он порочен и ленив, потому что это признак жестокости, безсердечия и величайшего высокомерия. Милостыня потому так и называется, чтобы мы подавали и достойным, и недостойным. Если мы будем разбирать и разузнавать недостойных, то и достойные, пожалуй, нелегко попадутся нам; а если будем подавать и недостойным, то несомненно и достойные, и равные со всеми ними попадут в наши руки. Если мы станем расследовать достоинство и быть строго взыскательными в отношении к нашим сорабам, то и Бог сделает с нами то же самое; и стараясь требовать отчета у сорабов, сами лишимся вышнего милосердия. Тому, кто показывает дружелюбие, нужно не отчета в жизни требовать, а облегчать бедность и восполнять нужду. Итак, когда ты увидишь нищего, не

проходи мимо, а тотчас же подумай, как бы ты себя чувствовал, если бы был на его месте; подумай о том, что он так же, как и ты, свободен, принадлежит к одному с тобою обществу, имеет все общее с тобою, и ты часто не равняешь его даже со своими собаками: тогда как те насыщаются, этот часто засыпает голодный, и свободный становится для тебя презреннее твоих рабов. Но последние исполняют для тебя нужные дела, и хорошо служат тебе? Так я покажу тебе, что и тот служит тебе службу, и гораздо более важную, чем они: он окажет тебе помощь в день суда, и избавит тебя от огня. Что подобного могут сделать твои рабы? Когда умерла Тавифа, кто воскресил ее? Рабы ли, окружавшие ее, или бедные? А ты не хочешь поставить даже наравне с рабами свободного, который одним внешним видом должен был бы склонить тебя к милосердию? И как ты можешь просить Бога избавить тебя, когда ты будешь в опасности, если сам оставляешь без всякой помощи человека, ничем не согрешившего против тебя, когда он скорбит, стенает и томится голодом и холодом? Как Он оставит без наказания тебя, согрешившего против Него? "**Кто затыкает ухо свое**", - сказано, - "**от вопля**" нищего, прошения его не послушает Бог (Притч. 21:13). Итак, будем относиться к нашим сорабам так же, как мы желаем, чтобы относился к нам Бог. Милостыня есть более великая жертва, чем молитва, пост и многое другое, если только она бывает от праведных стяжаний и таковых же трудов, если чиста от всякого любостяжания, хищения и насилия. Такие приношения Бог принимает, другие же отвергает и ненавидит. Он не хочет, чтобы Его почитали насчет чужих несчастий, потому что такая жертва нечиста и непотребна, и скорее может раздражать, нежели умилостивлять Бога. Милостыня для того так и названа, чтобы мы миловали, а не мучили наших сорабов. А кто берет чужое и дает другому, тот оказывает не милость, а скорее подвергает наказанию, и учиняет немалую обиду. Кто желает быть богатым, имеет нужду в деньгах; кто не желает быть богатым, всегда остается в довольстве. Не богатым быть, а не желать богатеть, - вот в чем богатство. Есть, - скажу к примеру, - богач, который грабит все у всех, и есть богач, который отдает свое имущество бедным; один богатеет собирая, другой - расточая; один сеет землю, другой возделывает небо. Но насколько небо превосходнее земли, настолько и плодоносность последней скуднее первого. И вот что удивительно: с хищником бывает так, что его ненавидят не только обиженные им, но и не потерпевшие от него никакого зла, сочувствуя именно потерпевшим. Если же с ним случится несчастие, отовсюду несутся тысячи криков: злодей, нечестивец, распутный, и все нападают на него. С милостивым же человеком бывает так, что его любят не только те, которым он оказал сострадание, но и те, которым не оказал, относя к себе самим благодеяние, оказанное первым. А если с ним случится какое-нибудь несчастие, то все молятся, чтобы Бог помиловал его, устроил ему все благополучно, чтобы у него всегда оставалось богатство. Видишь, как злоба и тех имеет своими врагами, которые не потерпели никакой обиды, а милосердие имеет своими приверженцами и тех, коим оно не было оказано? Прежде всего, поэтому, отстань от хищения, и тогда твори милостыню; удержи руки от любостяжания, и тогда простирай их на милостыню. Если же мы теми же самыми руками и раздеваем бедных, то, хотя бы мы подаянием взятого от них даже одели других, мы все равно не избежим наказания, потому что основа милосердия становится основой всякого греха. Лучше совсем не жалеть, чем так жалеть. Если Каин, принесши менее важное, прогневил Бога, то как может не прогневить тот, кто дает еще и чужое? Милостыня есть благороднейшее искусство, и заступница для совершающих ее, потому что она любезна Богу, если не безчестится нами; а она безчестится, когда мы творим ее насчет хищения чужого; если же она бывает чиста, то дает воссылающим ее великое дерзновение, и молится за навлекших на себя гнев Божий. Такова ее сила: она расторгает узы, разрешает тьму, угашает огонь, и делает творящих ее подобными Богу. "**Будьте**", - говорится, - "**милосерды, как и Отец ваш**" небесный "**милосерд**" (Лук. 6:36). Не упустим же удобного времени, какое представляет настоящая жизнь, но будем всеми силами заботиться о нашем спасении. Можно, ведь, можно и при последнем издыхании благоугодить Богу; можно заслужить похвалу и завещанием; не так, правда, как при

жизни, но все же можно. Как же именно? Если ты вместе в число твоих наследников впишешь и Бога, если уделишь и Ему часть всего наследства. Ты не напитал Его при жизни? Так по крайней мере по смерти, когда ты уже не господин, удели Ему из твоих богатств. Конечно, более желательно и больше награда, если бы ты питал Его при жизни; но если ты не сделал Ему этого, то займи хоть второе место; если же колеблешься и это сделать, то подумай, что Отец его сделал тебя сонаследником ему, и отрешись от жестокосердия. В самом деле, какое получишь ты прощение, когда ты мало того, что не напитал Его при жизни, даже собираясь отойти к Нему, не хочешь дать Ему и малой частицы тех денег, над которыми ты уже не властен, а относишься к Нему до такой степени враждебно и неприязненно, что не уделяешь Ему даже чего-нибудь из ставшего для тебя безполезным? Не видишь ли, сколько людей не удостоились далее и такой кончины, а внезапно были похищены смертью? Тебе же Бог дал возможность разъяснить и сказать своим близким относительно имущества, и распорядиться всем по дому. Какое же будешь иметь ты извинение, когда ты, получивши от Него даже и эту милость, не пользуешься благодеянием, и даже в силу необходимости не хочешь стать милосердым? Конечно, много лучшее дело и доставляющее великое дерзновение - облегчать бедного при жизни; но если ты не захотел сделать этого, то хоть умирая сделай что-нибудь доблестное: хоть это дело и не великой любви, но все же доброе дело. Хотя ты не будешь иметь первого места среди овец, но немаловажно и то, чтобы по крайней мере быть с ними, а не стать вместе с козлищами. Если же ты не сделаешь и этого, то какое слово оправдания после того избавит тебя от казни? Когда ты жил, ты прилеплялся к богатству как будто бы был безсмертным; теперь же, когда ты узнал, что смертен, по крайней мере теперь оставь такое заблуждение, и рассуди как смертный о своем имуществе. Хотя и тяжко, и полно ужаса то, что предстоит сказать, тем не менее необходимо сказать: сопричисли Владыку твоего вместе с рабами. Ты освобождаешь рабов? Освободи Христа от голода, нужды, темницы и наготы. Ты ужасаешься, слыша это? Следовательно, еще ужаснее, когда ты этого самого не делаешь. Вот и здесь такое слово заставило тебя оцепенеть; что же ты скажешь тогда, когда отойдешь туда, услышишь гораздо более того тяжкие слова, и увидишь нестерпимые мучения? К кому прибегнешь? Кого призовешь в качестве союзника и помощника? Авраама? Но он не услышит. Или отца, или деда? Но и из них никто, как бы ни был свят, не в силах будет отменить тот приговор. Но ты безчеловечен, жесток и безжалостен? Устыдись достоинства просящего. Но не пристыжает тебя это достоинство? Преклонись к несчастию. Но и несчастие не склоняет тебя к жалости? Дай в виду легкоисполнимости просьбы. Если же ни достоинство, ни крайняя нужда, ни легкость подаяния не могут убедить тебя, то дай нуждающемуся хоть ради величия обетованных благ. Какое же будет прощение тем, которые после стольких увещаний оставляют без помощи нуждающихся? Пусть слышат посвященные в таинства: Христос, когда нужно напитать тебя, не щадит и собственной плоти; когда нужно напоить, не щадит и крови; а ты не даешь даже хлеба и воды? И какое будешь иметь ты прощение, получая такие дары, и скупясь на вещи ничтожные? Ведь ты не уйдешь отсюда с деньгами, если не дашь их ради Христа; не будешь безсмертным, если не умрешь ради Христа. Он требует от тебя того, что ты отдашь и без Его требования, потому что ты смертен; Он хочет; чтобы ты по своей воле сделал то, что ты должен сделать и по необходимости. Что тебе безусловно необходимо потерпеть, предпочти потерпеть ради Меня; пусть только будет такое намерение, и Я сочту за достаточное послушание. Может ли быть терпимо, что, тогда как Бог даже Сына своего предал за тебя, ты даже и хлеба не даешь Ему, преданному за тебя, закланному за тебя? Отец ради тебя не пощадил Сына, и при том Сына истинного; а ты презираешь даже томимого голодом, и при том когда ты должен тратить из Его же благ, и тратить ради себя самого. И что может быть хуже такого беззакония? Ради тебя Он предан, ради тебя заклан, ради тебя ходит алкая, чтобы ты, давая из Его же благ, сам получил пользу, и ты все-таки не даешь? Не оказываешься ли ты безчувственнее всяких камней, когда столько побуждений влечет тебя к милостыне, а ты

упорствуешь в этой дьявольской жестокости? Если, говорит, ты не вознаграждаешь Меня за то, что я пострадал за тебя, то пожалей ради бедности; если не хочешь пожалеть ради бедности, будь сострадателен ради болезни, сжалься ради уз; если и это не делает тебя сострадательным, преклонись ради легкости просьбы: ведь Он не просит ничего, требующего больших издержек, а только хлеба, кровли и словесного утешения. Если же и после этого ты остаешься еще жестоким, то стань снисходительнее хотя бы ради царствия. Но тебе нет никакого дела и до него? Тогда имей хоть сострадание к самой природе, видя нагого, и вспомни о той наготе, которою обнажился Я ради тебя на кресте. Если же не хочешь вспомнить о ней, то вспомни хотя бы о той, которою обнажаюсь Я ради бедных. Не говорю: избавь Меня от бедности, не говорю: дай Мне богатство, а прошу только хлеба, одежды, и небольшого облегчения в голоде; если попаду в темницу, не заставлю разрешить и освободить от уз, а ищу только одного, - чтобы ты навестил заключенного ради тебя, и Я получу вполне достаточный дар любви. Я могу, конечно, и без этого увенчать тебя, но хочу быть еще и должником тебе, чтобы венец принес тебе некий плод и дерзновение. Вот почему, хотя Я и сам мог бы напитать Себя, Я хожу как нищий, и, стоя пред твоими дверями, простираю руку, желая быть напитанным тобою. И Я похваляюсь этим, чтобы в свое время прославить тебя пред лицом всей вселенной, и во всеуслышание объявить Моего питальца. Вы, когда питаетесь от кого-нибудь, стыдитесь этого и скрываете; а Я, так как слишком люблю вас, объявляю о вашем деле с великими похвалами, хотя бы вы и молчали, и не стыжусь сказать, что вы одели Меня нагого, напитали голодного, а напротив даже похваляюсь этим, чтобы вы провозглашены были наследниками царства небесного. Итак, помышляя об этом, возлюбленные, будем усердно заботиться о спасении, чтобы достигнуть и вечных благ, во Христе Иисусе Господе нашем, Которому славу во веки веков. Аминь.

СЛОВО 24

О грехе и исповеди.

Путешествовал ли кто-нибудь из вас, возлюбленные, когда-нибудь в Палестине? Думаю, что так. Что же? Вы, видевшие те места, засвидетельствуйте. Есть там обширная и плодоносная земля, или, вернее сказать, была, потому что теперь ее уже нет; итак, эта некогда столь богатая земля, соперничавшая со всеми странами и равнявшаяся по благосостоянию с раем Божиим, теперь пустыннее всякой пустыни. Стоят там, правда, и теперь деревья, и имеют плоды, но плоды эти служат памятником гнева Божия; стоят гранатовые яблони, и как дерево, так и плод имеют пышный вид, и человеку неведущему подают большие надежды; но если взять его в руки и разломить, то оказывается, что внутри не заключается никакого плода, а только зола и пепел. Такова вся эта страна; и деревья, и камни, и воздух, и вода подверглись такой участи. Вы видите там землю, но она не имеет ничего, свойственного настоящей земле; видите деревья и плоды, но в них нет ничего, свойственного настоящим деревьям и плодам, а только один пепел; видите воздух и воду, но они не имеют ничего общего с настоящими воздухом и водой, потому что и они превращены в пепел силою Совершившего это. Как у сожженного тела наружный образ остается в виде огня, а сущность уже не остается, так точно и в тех предметах. Ужели и это одни лишь угрозы? Ужели и это пустые звуки? Но это тяжко? А то не тяжко, когда ты говоришь, что нет геенны? Ты, не верящий, заставляешь меня говорить это; ты доводишь меня до таких речей. Если бы ты поверил словам Христа, мне не было бы нужды приводить доказательства, представляемые самой действительностью. Тот, кто излил столь великий гнев за один грех, не преклонившись ни на мольбы Авраама, ни Лота, пощадит ли нас, когда нами совершено столько грехов? Поистине, это смех, вздор, дьявольский обман и обольщение. Если же хочешь видеть, как подвергаются наказанию и люди верующие и преданные Богу, но не ведущие правой жизни, то слушай, что говорит

Павел: "**не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи**" (1 Кор. 10:8). Если же блуд мог столько сделать, то чего не сделают наши грехи? Если же ты и не потерпишь казни теперь, не удивляйся. Те не знали геенны, почему и подвергались непосредственно тотчас же наказаниям, ты же, хотя бы не понес здесь никакой казни, получишь возмездие за все, в чем бы ни согрешил, там. И хотя мы совершим те же самые грехи, что и они, однако заслуживаем большего наказания, чем они. Почему? Потому, что получили большую благодать: Когда же мы и больше их, и более тяжко согрешаем, то какому не подвергнемся наказанию? Если бы мы, согрешая и оставаясь ненаказанными, не делались хуже, то Бог отпустил бы, конечно, нам наказание; но Он ясно знает, что безнаказанность наших грехов приносит нам не меньше вреда, чем и самые грехи. Поэтому Он и налагает наказание, не только для того, чтобы наказать за прошедшее, но и для того, чтобы исправить на будущее время. И что это так, послушай, что Он говорит Моисею: "**оставь Меня, да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их**" (Исх. 32:10). "**Оставь Меня**", - говорит, не потому, чтобы Моисей удерживал Его, - ведь последний ничего не говорил Ему, а в молчании предстоял Ему, - но желая доставить ему случай к молитве за них. Так делаем часто и мы, когда, не желая ни наказать своих слуг, совершивших достойные наказания проступки, ни освободить их от страха наказания, внушаем друзьям вырвать их из наших рук, чтобы таким образом и страх у них остался в полной силе, и они избежали наших побоев. Подобного рода случай был, как можно видеть, и с Ионой. "**И было**", - говорится, - "**слово Господне к Ионе**" пророку: "**встань, иди в Ниневию, город великий, и проповедуй в нем**: "**еще три дня (**синод. пер. – "сорок дней"**) и Ниневия будет разрушена**". Услышав же "**Иона, чтобы бежать в Фарсис от лица Господня, и пришел в Иоппию**" (Ион. 1:1-3; 3:4). Куда бежишь ты, человек? Бежишь от Господа, скажи мне? Но подожди немного, и ты на опыте узнаешь, что не можешь избежать рук даже и рабского моря. В самом деле, не успел он взойти на корабль, как то подняло волны и стало вздыматься на громадную высоту. И подобно тому, как верная какая-нибудь служанка, найдя беглого сораба, укравшего что-нибудь из господского имущества, причиняет принявшим его тысячи хлопот, пока не получит его обратно, так точно и море, найдя и признав своего сораба, доставляет тысячи безпокойств пловцам, волнуясь, шумя, и не к суду привлекая их, а угрожая потопить корабль вместе с людьми, если они не отдадут ему сораба. Тогда, - говорится, - "**стали бросать в море кладь с корабля**" (Ион. 1:5); но корабль не облегчался, потому что вся тяжесть оставалась еще на нем, именно тело пророка, этот тяжкий груз, не по природе самого тела, а по причине тяжести греха. Действительно, нет ничего столь тяжкого и неудобоносимого, как грех и преслушание. II подобно тому как на суде, хотя бы и обвинители были налицо, и свидетели присутствовали, и доказательства преступления были приведены, судьи не раньше выносят приговор, пока сам подсудимый не сознается в своем преступлении, так точно обстояло дело и у пловцов с пророком. "**Бросили**",- говорится, - "**жребии**" (ст. 7), и жребий подверг наконец виновного приговору. Но пловцы и тогда не потопили его; нет, несмотря на такое смятение и охватывавший их страх, несмотря на то, что море не давало им ни минуты покоя, неистовствовало, шумело и вздымало на них волну за волной, они, как будто наслаждаясь полной тишиной, учинили даже судилище на корабле, предоставили ему слово, дали возможность защищать себя, и все с точностью исследовали, как будто им предстояло дать кому-нибудь ответ за свое решение; и не взирая на то, что и море требовало его, и жребий уличил его, и сам он сознался в преступлении, не произносят приговора. Откуда же явилась такая осторожность? От домостроительства Божия. Бог изволил совершиться этому, чтобы научить чрез это пророка быть человеколюбивым и кротким. Подражай пловцам, людям невежественным и несмысленным, - как бы так взывает Он к нему, - они не презирают даже и одной души, не пренебрегают даже и одного твоего тела, а ты, насколько это от тебя зависело, предал целый город, имеющий столько тысяч жителей; они, даже найдя виновника

приключившихся с ними бедствий, не спешат произнести осуждающий приговор, а ты, не имея никакого повода в чем-либо обвинять ниневитян, потопил и погубил их. Но большинство людей к своим собственным погрешностям относятся снисходительно, а чужие осуждают. И многие часто говорят, что государственные и общественные дела идут худо, и в качестве причины указывают на неразумие правительства; я же говорю, что не неразумие правящих лиц, а наш грех служит тому причиной: он именно все расстроил, он довел до всех этих зол, не из другого чего разлился над нами этот рой бедствий. Поэтому, будь начальник хоть Авраамом, хоть Моисеем, хоть Давидом, хоть мудрейшим Соломоном, или грешнейшим из всех людей, но если мы настроены худо, причина к бедствиям остается безразлична. Получать начальников по сердцу нашему - это значит не что иное, как то, что мы наперед согрешили, и потому нашли такого начальника. Но если начальник будет даже весьма праведен, так праведен, что достигнет добродетели Моисея, одна его праведность не в состоянии будет покрыть несметных согрешений подчиненных. Наоборот, если хотите, я покажу вам, как грех даже одного часто пересиливает неповинность добрых граждан. Иисус Навин некогда приступил к Иерихону, и, производя новую дивную осаду, когда стены готовы уже были пасть, говорит народу: "**город будет под заклятием, и все, что в нем, Господу**". Итак, "**берегитесь заклятого, чтоб и самим не подвергнуться заклятию, если возьмете что-нибудь из заклятого**", и потребит нас Бог. (Ис. Нав. 6:16, 17). Что же затем? Пали стены, и город оказался в руках осаждавших. И вот, когда весь народ соблюдал это приказание, преступление одного возбудило гнев Божий на весь народ. "**Сыны Израилевы сделали преступление [и взяли] из заклятого**" (Ис. Нав.7:1). И однако согрешивший был один, именно Ахар; как же согрешили "**сыны Израилевы**"? "**И гнев**", - говорится, - "**Господень возгорелся на сынов Израиля**. **Иисус из Иерихона послал людей в Гай** (…). **Итак пошло туда из народа около трех тысяч человек, но они обратились в бегство от жителей Гайских; жители Гайские убили из них до тридцати шести человек**" (ст. 1, 2, 4, 5). Смотри на взыскание за один грех, смотри на неумолимую казнь; один согрешил, а на весь народ напала смерть и бедствия. Что же это, добролюбивый Господи? Ты един праведен, и правы судьбы Твои; Ты каждому воздаешь суд сообразно делам его; Ты сказал, Человеколюбец, что каждый умрет в собственном своем грехе, и один не будет подвергаться наказанию за другого; итак, что же это за праведный Твой суд? Достохвальны все дела Твои, Господи, и свыше всякой меры достохвальны; и устрояются на пользу нам; почему же Ты за грех одного навёл казнь на других? Грех, - отвечает Он, - есть некая зараза; пусть же чрез наказание, наложенное на всех, он будет выставлен на позор, чтобы не заразил всех. Видишь, как грех одного принес наказание всему народу? Посмотри затем и на позорную и несчастную смерть преступника. "**Иисус и все Израильтяне с ним взяли Ахана, сына Зарина, и серебро, и одежду, и слиток золота, и сыновей его и дочерей его, и волов его и ослов его, и овец его и шатер его, и все, что у него [было], и вывели их на долину Ахор** (…) **И побили его все Израильтяне камнями**" (ст. 24, 25). Итак, не будем самонадеянны, если Бог долготерпеливо сносит причиняемые Ему оскорбления, но поэтому-то самому именно и будем особенно сокрушаться. У людей, когда кто-нибудь, будучи ударен в правую щеку, подставляет и левую, то этим отмщает гораздо сильнее, чем если бы он нанес сам тысячи ударов, или когда, будучи злословим, не только не злословит сам, но и благословляет, то этим наносит обидчику более тяжкий удар, чем если бы осыпал его безчисленными ругательствами; если же у людей бывает так, то гораздо более у Бога: те, кто постоянно грешат и не терпят никакого зла, должны бояться, потому что на главу их собирается несказанное мщение. Для согрешающего зло не в том, что он подвергается наказанию, а в том, если он, оставаясь таковым, не терпит наказания; подобно тому как для больного зло - не лечиться. Когда наши добрые дела малы и ничтожны, а бремя грехов велико, и мы при этом наслаждаемся здесь счастьем и не испытываем ничего худого, то мы отойдем отсюда совершенно нагими и лишенными награды даже и за добрые дела, как получившие уже

все здесь; наоборот, когда наши добродетели велики и многочисленны, а грехи малы и ничтожны, и вдобавок к тому мы потерпим какое-нибудь зло, и очистимся здесь даже и от малых грехов, то получим полное и совершенное воздаяние за добрые дела в той жизни. Итак, не наказание будем считать тяжким бедствием, когда мы согрешаем, а отсутствие наказания. Если бы даже Бог не наказывал нас, то мы сами должны были бы подвергнуть себя наказанию, как оказавшихся столь неблагодарными к своему благодетелю. Сказать ли нечто странное и удивительное? Кто имеет ум и любит Господа, как должно любить, для того бывает больше утешения, если он подвергается наказанию после того, как прогневит столь милосердого, нежели в том случае, когда он не терпит наказания. Обидевший нежно любимого тогда ведь только и находит успокоение, когда подвергнется наказанию и как-нибудь пострадает. Не видите ли, как потерявшие своих детей и бьют себя в грудь, и рвут волосы по этому поводу, так как подвергать себя мучению за любимых доставляет утешение. Если же в том случае, когда мы не причинили любимым ничего худого, страдание за то, что те потерпели, приносит нам утешение, то когда мы сами причиняем огорчение и оскорбление, не гораздо ли более доставит нам успокоения, если мы потерпим наказание (здесь) и не подвергнемся (вечному) мучению? Это для всякого очевидно. Для сколько-нибудь любящих не то тяжко, чтобы потерпеть какую-нибудь неприятность за то, что они огорчили любимого, а прежде всего самое огорчение, причиненное любимому. И если последний, будучи разгневан, не накажет любящего его, то доставит ему большое мучение, а если подвергнет наказанию, то даст большее утешение. Если кто любит Христа, как должно любить, то не захочет даже и при Его соизволении оставаться без наказания, потому что прогневавший Его испытывает величайшее наказание. Нет, подлинно нет никого, будь то отец, или мать, или друг, или кто бы то ни было, кто так возлюбил бы нас, как сотворивший нас Бог. Если же ты укажешь мне на печали, скорби и бедствия в жизни, то подумай, сколько раз каждый день ты оскорбляешь Его, и ты уже не будешь удивляться, хотя бы тебя постигли даже большие бедствия; напротив, когда будешь пользоваться каким-либо благом, тогда будешь и удивляться и изумляться. Теперь же постигающие нас бедствия мы видим, а тех оскорблений, которые мы ежедневно наносим Ему, не видим, - почему и приходим в смущение; между тем, если бы мы точно сосчитали наши грехи в течение хотя бы только одного дня, то хорошо узнали бы, каких зол достойны мы. Оттого вкрадываются к нам тяжкие грехи, что не получают надлежащего исправления грехи меньшие; оттого внезапные перемены и падения; оттого постоянные преждевременные смерти, что мы так высоко думаем о себе, как будто мы уже достигли самого неба, грабим, как будто не предполагая никогда умереть, и предаемся корыстолюбию, как будто нам не предстоит дать никакого ответа; и ни слово Божие, ни сама действительность не вразумляет нас, но все напрасно, и ничто не разбивает нашей очерствелости. Никто не презирает земных благ; никто не взирает на небо; но подобно тому как свиньи смотрят вниз, нагибаясь к чреву и валяясь в грязи, так и большинство людей, оскверняя себя пагубнейшим навозом, не чувствуют этого. Лучше ведь замарать себя нечистотами, чем грехами. Замаравший себя нечистотами живо может вымыться и стать таким же, как и человек, никогда не попадавший в такую грязь; тот же, кто впал в ров греха, получает осквернение, которое не водою смывается, а требует долговременного и усердного покаяния, и более обильных и горячих слез, стенаний и рыданий, чем по самым дорогим нашим умершим. Подобно тому, как нет никакой пользы тому, кто облечен в царскую порфиру и носит оружие, а не имеет ни одного подданного, и всякий желающий может поносить и оскорблять его, так точно нет никакого приобретения и для христианина, если он имеет веру и дар, полученный в крещении, а является игрушкой для всех страстей. Напротив, как тот не только ничего не приобретет для своей чести от царской одежды, но и эту последнюю обесчестит собственным позором, так точно и верующий, живя порочною жизнью, не только не будет за это достоуважаем, но и будет тем более смешон. Итак, не будем позорить нашей жизни, не будем жить жизнью, смеха достойной; не будем осквернять

тела блудом. В самом деле, как сможешь ты войти в церковь после общения с блудницами? Как ты будешь простирать к небу руки, которыми обнимал блудницу? Как сможешь двинуть языком и молиться теми устами, которыми целовал блудницу? Какими глазами будешь смотреть ты на почтеннейших друзей своих, взирающих на это? Да что я говорю - друзей? Хотя бы и никто не знал о том, ты сам себя прежде всех принужден будешь стыдиться и краснеть, и больше всех чувствовать отвращение к своему телу. Если бы было не так, то зачем ты после этого греха бежишь в баню? Не потому ли, что считаешь себя нечистым хуже всякой грязи? Так какой же приговор, думаешь ты, произнесет Бог, когда ты сам, согрешивший, имеешь такое мнение о своем поступке? Итак, если бы это была нечистота телесная, то ты мог бы, как и следует, очищать себя омовением в бане; но так как ты загрязнил и сделал нечистой всю душу, то ищи такого очистительного средства, которое могло бы смыть ее скверну; а если мы не сделаем этого, то, хотя бы исходили все речные источники, мы не в состоянии будем удалить далее и малейшей части этого греха: Если бы в сундук, где лежали господские одежды, какой-нибудь слуга положил грязную рабскую одежду, кишащую вшами, то, скажи мне, снес ли бы ты спокойно такое безчестие? Равным образом, если бы в золотой сосуд, обычно содержавший всегда благовонные масла, кто-нибудь налил испражнений и нечистот, то не побил ли бы ты даже совершившего такой проступок? Итак, о сундуках, сосудах и одеждах мы обнаруживаем такую заботливость, а душу нашу будем считать ничтожнее всего этого, и туда, где излияно было духовное миро, будем ввергать дьявольские прелести, сатанинские речи, и распутные песни? И как Бог стерпит это, скажи мне? Когда ты, развращенный театральным зрелищем, и став врагом всякого целомудрия, по возвращении оттуда увидишь свою жену, то непременно будешь смотреть на нее с отвращением, какова бы она ни была. Плененный распутным зрелищем, ты безчестишь, оскорбляешь и осыпаешь тысячами ругательных слов чистую и пристойную подругу всей твоей жизни; и будучи всецело поглощен гнусным и нечистым пожеланием, слыша в душе своей еще раздающийся звук голоса, вспоминая и вид, и взгляд, и движенья, и все позы блудницы, от которой получил рану, ни на что уже в доме не смотришь с удовольствием. Как находящиеся в состоянии опьянения и страдающие головной болью носятся без всякого соображенья в разные стороны, и что бы перед ними ни было, ров ли, или пропасть, падают туда, не принимая никаких мер предосторожности, так точно и пристрастившиеся к греху, будучи одержимы греховным пожеланием как бы тяжким опьянением, не знают, что делают, и не помышляют ни о чем ни настоящем, ни будущем.

Таково свойство греха: после того, как он сделан и доведен до самого конца, он причиняет родившей его душе муки, в противоположность законам нашего рожденья. Мы, как только родимся, так и прекращаем муки; грех же, лишь только родится, начинает терзать мученьями породивший его ум. Во время совершения греха, будучи упоены удовольствием, мы не так это чувствуем; но когда он совершен и кончен, и все удовольствие пройдет, тогда-то именно и проникает в душу острое жало раскаянья. И во время совершения греха, и прежде совершения, и после совершения наша совесть является суровым обличителем. Грешащие, - так обычно бывает с ними, - ко всему относятся с подозрениями, боятся теней, пугаются всякого шума, и про всякого думают, что он идет за ними; многих видят часто спешащих на другие дела, и думают, что те идут за ними; и когда другие говорят между собою о других предметах, они, сознавая за собой грех, думают, что те говорят про них. Таково свойство греха: он выдает согрешившего, без всякого обличителя, осуждает без всякого обвинителя, и делает его пугливым и трусливым. Совершенно наоборот правда. Слушай как о трусости грешника, так и о дерзновении праведника. "**Нечестивый**", - говорится, - "**бежит, когда никто не гонится [за ним]**" (Притч. 28:1). Почему бежит он, когда никто не гонится за ним? Гонящий находится в нем самом; это - обличающая совесть, и он носит его всюду вместе с собой; и как от себя самого он не может убежать, так и от гонящего его внутри его. Совершенно не

так праведник, - а как? "**Праведник смел, как лев**". Таков был Илия: он видит царя, идущего к нему, и когда последний сказал: для чего ты развращаешь Израиля? "**не я смущаю Израиля, а ты и дом отца твоего**" (3 Цар. 18:17-18). Поистине, праведник смел, как лев. Он восстал на царя, как лев на какую-нибудь ничтожную собачонку. Правда, тот облечен был в порфиру; но этот имел милоть, которая была почтеннее той порфиры. В самом деле, та порфира породила тяжкий голод, между тем как эта милоть прекратила бедствия; она разделила Иордан, она сделала Елисея сугубым Илиею (4 Цар. 2). Итак, что оскверняющиеся блудом считают себя нечистыми, это я весьма хвалю и одобряю; а что они прибегают не к надлежащему средству очищения, за это упрекаю и порицаю. Лучше, конечно, совсем не быть знакомым с этим гнусным грехом; но если уже кто поскользнулся как-нибудь, то пусть употребляет наперед такие средства, которые могут устранить самую сущность греха, обещавшись никогда уже впредь не впадать в этот грех; а если мы, согрешая, хотя и осуждаем совершенный грех, но опять принимаемся за то же, то нам не будет никакой пользы от очищений. Тот, кто омывается и снова затем валяется в той же самой грязи, равно как и тот, кто разрушает, что построил, и строит, чтобы опять разрушить, не получает ничего, кроме напрасных трудов и мучений. Если мы каждый день будем грешить и ранить нашу душу, но никогда не замечать этого, то, подобно тому как люди, получающее постоянно раны и не обращающие на них внимания, причиняют себе воспаление и смерть, и мы вследствие постоянной такой безчувственности навлечем на себя неотвратимую кару. Подлинно, ничто так не губит человека, как потеря страха Божия; равно как, наоборот, ничто так не спасает, как обращение взоров сюда. В самом деле, если мы, имея пред глазами человека, иногда не так скоро решаемся на грехи, и, стыдясь благопристойных слуг, не делаем ничего постыдного, то подумай, какой надежной охраной будем мы пользоваться, имея пред глазами Бога. Итак, самое лучшее - совсем не грешить; ниже этого - греша, сознавать свои грехи и исправляться. Если же у нас не будет и этого, то как мы будем умолять Бога и просить об оставлении согрешений, раз мы не обращаем на них никакого внимания? Когда сам ты, совершив грех, не хочешь сознать даже того самого, что ты согрешил, то о каких же грехах ты станешь умолять Бога? О тех, которых не знаешь? И как ты познаешь величие благодеяния? Тяжкое зло - делать дела постыдные; но когда делающий их стыдится, это уже наполовину зло; когда же кто-нибудь еще и похваляется ими, это уже крайнее безчувствие. Кто после совершения греха осуждает грех, тот со временем может опять восстать; но кто хвалит порок, тот лишил уже себя врачества покаяния. Итак, подобно тому, как не только делающие дурные дела, но и похваляющие последних подвергаются вместе с ними тому же самому, или даже еще более тяжкому наказанию, так точно и те, кто хвалит и высоко почитает людей добродетельных, являются соучастниками уготованных последним венцов. Итак, если ты, греша, не скорбишь, не почитай поэтому грех маловажным, но поэтому-то самому особенно и стенай, что ты не чувствуешь скорби о грехах. Не оттого, ведь, происходит это, что грех не уязвляет, а оттого, что согрешающая душа безчувственна. Если тот, кто не скорбит о грехах других людей, достоин осуждения, то заслуживает ли какого-нибудь извинения тот, кто относится безчувственно и пренебрежительно к своим собственным грехам? Если Павел пренебрегает собственной пользой, чтобы обрести спасение других, то какого наказания не достойны будем мы, когда не хотим отказаться даже от собственного вреда, чтобы приобрести пользу других, но с радостью губим вместе с собою и других, тогда как можно спасти и себя и других. Для того даны крылья птицам, чтобы избегать сетей; для того дан разум людям, чтобы они избегали грехов. Но ты говоришь, что не знаешь грехов. Но согласимо ли это со здравым смыслом? Если относительно чужих грехов ты и законы пишешь, и наказания определяешь, и являешься строгим судией, то какое же оправдание можешь ты иметь в своих собственных грехах, говоря, что ты не знаешь, что нужно делать? Совершил прелюбодеяние и ты, и другой; почему же ты того наказываешь, а себя считаешь заслуживающим прощения? Если ты знал, что прелюбодеяние не есть преступление, то не

следовало наказывать и другого; если же другого ты наказываешь, а себя считаешь неподлежащим наказанию, то согласимо ли с разумом - за одни и те же грехи не налагать одних и тех же наказаний? Тем же самым судом, говорится, который ты произносишь над другим, осудит и тебя Бог. И слушай, что говорит Павел: "**Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие [дела] и (сам) делая то же**" (Рим. 2:3)? Своего суда не избежал ты, и избежишь суда Божия? Мыслимо ли это? Не одно, ведь, и то же - просто ли согрешить, или, наказав другого за грех, впадать опять в тот же самый грех. Если ты наказываешь совершившего меньшие грехи, хотя должен сам стыдиться, то как же Бог не осудит и не накажет тем более тебя, совершившего более тяжкие грехи и осужденного уже собственною своею совестью, - Бог, Которому при том же не за что стыдиться? Если же ты скажешь, что знаешь, что достоин наказания, но не придаешь этому никакого значения ввиду долготерпения Божия, и остаешься спокойным ввиду того, что не подвергаешься тотчас же наказанию, то, наоборот, поэтому-то тебе и следовало бы бояться и трепетать. Из того обстоятельства, что ты еще не потерпел наказания, следует не то, что ты не потерпишь наказания, а то, что потерпишь более тяжкое, если останешься без исправления. Если кто-нибудь совершит тяжкий грех, но сделает его тайно и никого не соблазнит, то подвергнется меньшему наказанию, нежели тот, кто совершит более легкие грехи, но открыто, и соблазнит многих. Человек ничтожный и отверженный, если и поскользнется и падет, приносит обществу не столь великий вред; но кто с великою славою стоит, как бы на какой высоте, на самом верху добродетели, кто всем известен и явен, кому все удивляются, тот, если падет от искушения, причиняет великое разрушение и вред, не только потому, что он сам пал с высоты, но и потому, что делает более безпечными многих из тех, кто смотрит на него. И подобно тому, как для тела не велик вред, когда поврежден какой-нибудь неважный член, но когда потеряны глаза или повреждена голова, все тело делается безполезным, так точно можно сказать и относительно достигших высокой степени добродетели: когда они померкнут, когда запятнают себя каким-нибудь поношением, то приносят общий и тягчайший вред остальному телу. Итак, не бойся козней судьи, а убойся силы греха. Человек не повредит тебе, если ты сам не причинишь себе вреда. Если ты чист от греха, то, хотя бы тысячи мечей висели над твоей головой, Бог избавит тебя; а если за тобой есть грех, то, хотя бы ты был в раю, будешь извержен из него. Адам был в раю, и пал; Иов был на гноище, и был увенчан. Какую пользу принес первому рай? Какой вред причинило последнему гноище? Тому никто не строил козней, и он пал; против этого злоумышлял диавол, и он оказался победителем. Не отнял ли последний у него имущества? Но благочестия его не лишил. Не похитил ли его детей? Но веры его не поколебал. Не растерзал ли его тела? Но сокровища не нашел. Соблюдайте этот закон, со слезами умоляю вас, обнимая колена ваши, если не руками, то мысленно, - соблюдайте этот закон, и никто никогда не будет в состоянии причинить вам зло. Видите царя и пророка - разумею Давида, - как он сражается, падает, восстает и побеждает? Видите, как налегает грех и закалается чрез покаяние? Посмотрите, как он, и после того как получил благодать Духа, приобрел дерзновение у Бога, после множества подвигов добродетели, после стольких трофеев, возглашает: "**Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей**" (Пс. 50:3). Ты сказал: "**великой**"; скажи же, сколь великой. Что велика, это знаю; но измерить или постичь не могу; я стою пред морем человеколюбия Господа моего. Но что ты говоришь, скажи мне? Ты слышал, как пророк сказал: "**и Господь снял [с тебя] грех твой**" (2 Цар. 12:13). Чего же еще ты ищешь? Не того, говорит, только ищу, но и красоты моей ищу, дерзновения моего ищу. "**Многократно омой меня от беззакония моего**" (Пс. 50:4). Видишь, чего он ищет? Ищет еще большего блеска и еще большей чистоты. Но что же даешь ты, Давид, когда ищешь этого? Что даю? "**Ибо беззакония мои я сознаю**" (ст. 5). Это даешь? Но какой же человек не сознает своего греха? Нет, говорит: сколько есть людей, которые грешат, и нисколько не сознают за собой вины; сколько есть людей, которые угнетают своих ближних, и не печалятся о том. Но я "**беззакония мои я сознаю,**

и грех мой всегда предо мною" (ст. 5). О, благородная душа! Не предал он забвению свой грех, но, когда он и прощен был ему, написал его, как бы на какой картине, на своей совести. И смотри, что отсюда происходит. Если ты будешь помнить о своем грехе, Бог не вспомнит о нем; если же ты забудешь, Бог вспомнит о нем. Ты сделал какое-нибудь злое дело? Помни о нем, чтобы Владыка твой забыл о нем. Сделал доброе дело? Забудь, чтобы Владыка твой помянул о нем, потому что ты сам не так скажешь о своих добрых делах, как Он. А как, слушай. Если ты дашь бедному, то, когда тебя опрашивают, ты говоришь: видел бедняка голодным, и накормил его. А Владыка твой скажет не так; а как? Видели вы Меня алчущим и напитали. Итак, когда ты согрешишь, не жди обличения со стороны другого, но прежде, чем будешь обличен, сам осуди свой поступок, - потому что, если другой обличит тебя, твое исправление является добрым делом не твоего исповедания, а обличения другого. Исповедаться значит не то, чтобы осудить себя после обличений, а то, чтобы наперед самому осудить себя, не ожидая обличений со стороны других. Так, например, Петр после тяжкого своего отречения, так как тотчас же сознал свой грех, и без всякого обличителя, и поведал свое прегрешение, и горько восплакал, так смыл с себя это отречение, что сделался даже первым среди апостолов, которому вверена была вся вселенная. Если иерей получил власть отпускать грехи против Бога, то гораздо более может опять и изгладить грехи, совершенные против человека. И иерей есть начальник, и при том начальник, заслуживающий большего почета, нежели царь. Священные законы самую царскую главу подчинили руке иерея; и когда бывает нужно какое-либо благо свыше, обычно обращается царь к иерею, а не иерей к царю. Бог для того не ангелов низвел с неба и сделал учителями человеческого рода, чтобы они, вследствие превосходства своей природы и неведения человеческой немощи не делали нам слишком суровых прещений, но дал в качестве учителей и иереев смертных людей, людей, подверженных немощи, чтобы самое то обстоятельство, что и говорящий и слушающие подлежат одинаковой ответственности, служило уздой для языка говорящего, не дозволяя ему делать обличение сверх меры. Для чего же я это сказал? Для того, чтобы вы не говорили, что ты-де, будучи чист от грехов и свободен от скорби, бывающей после обличения, с великой силой наносишь нам слишком тяжкое сечение. Я первый чувствую скорбь, потому что и сам повинен в грехах. "**Все мы находимся под эпитимиями**", и никто не "**может сказать: `я очистил мое сердце`**" (Сир. 8:6, и Притч. 20:9). Таким образом, не о чужих мудрствуя бедствиях, и не по какому-нибудь жестокосердечию, делаю я обличения, а по великой заботливости. У тех, кто лечит тела, бывает так, что наносящий сечение сам нисколько его не чувствует, а раздирается от болей один только тот, кому производится сечение; у врачующих же души дело обстоит не так, - если только я не ошибаюсь, судя по себе о других, - а сам говорящий первый испытывает боль, когда порицает других. Поистине, не так чувствуем мы скорбь, будучи обличаемы другими, как обличая других за грехи, в которых повинны сами. Желаете знать, сколь полезное дело помнить о своих грехах? Когда дело идет о трате денег, то мы, лишь только встанем с постели, прежде чем выйти на рынок, или приняться за какие-нибудь домашние или общественные дела, призываем слугу и требуем от него отчета в издержках, чтобы видеть, что потрачено худо, что правильно, и сколько осталось; и если видим, что остается немного, всячески придумываем источники доходов, чтобы по неосмотрительности не погибнуть с голоду. То же самое будем делать и относительно наших поступков: призвав свою совесть, потребуем у нее отчета в словах, в делах, в помышлениях; исследуем, что употреблено на пользу, что во вред нам; какое слово потрачено худо, на брань, на сквернословие, на оскорбления; какой помысл побудил глаз к любострастию; какое слово перешло на погибель нашу в дело, при посредстве ли рук, или языка, или даже глаз; и постараемся отстать от безполезной траты, а вместо уже худо истраченного собрать иные приобретения: вместо напрасно произнесенных слов - молитвы, вместо бывших невоздержных взглядов - милостыню, пост. Если мы будем тратить безполезно, и не станем ни отлагать, ни собирать себе ничего доброго, то, дойдя до крайней бедности,

доведем себя, сами того не замечая, до вечного геенского наказания. Насколько же лучше променять временное сокрушение и плач на вечные блага и радость, не имеющую конца, нежели, проведя в веселии эту краткую и временную жизнь, отойти в ту жизнь на вечные мучения? Если Павел, столь великий и доблестный муж, обтекавший как бы на крыльях всю вселенную, ставший выше телесных нужд и удостоившийся слышать неизреченные глаголы, которых до сегодня не слышал никто другой, писал: "**усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным**" (1 Кор. 9:27), то что же можем сказать мы, которые отягощены бременем грехов, и при том обнаруживаем великую безпечность? Разве эта брань когда-нибудь прерывается? Нужно всегда бодрствовать и трезвиться и никогда не чувствовать себя в безопасности, потому что нет и определенного времени для нападения того, кто враждует против нас.

СЛОВО 25

О будущем суде.

Многие из находящихся среди нас людей, будучи пленены плотию и порабощены обстоятельствами настоящей жизни, полагают, что затем ничего не будет и, ссылаясь на Божие человеколюбие, говорят, что нет ни наказания, ни мучения. Так вот, если Бог человеколюбив, каков Он и есть действительно, то всенепременно Он и праведен; если же праведен, то каким образом не было бы справедливо, чтобы подвергнут был наказанию тот, кто, насладившись сначала тысячью благ, потом совершил достойное наказания и не сделался лучше ни от угроз, ни от благодеяний? Ведь, если вникнешь в правду, то (найдешь, что) по силе правды нам скорее следовало бы с самого начала и тотчас же быть наказанными, и даже было бы человеколюбиво, если бы мы потерпели и то, чего не случилось. Если кто обижает ни в чем неповинного, то по закону правды несет ответственность; а если кто не только обижает, но каждодневно своими поступками огорчает благодетеля, оказавшего тысячи благодеяний единственно по своему побуждению, а не в воздаяние за полученное добро, то какого он будет достоин снисхождения? Как, скажи мне, ты не страшишься, произнося такую дерзость и утверждая, что "Бог человеколюбив и не наказывает"? А если накажет, то, по-твоему, окажется уже нечеловеколюбивым? Почему же, скажи мне, ты, согрешая, не желал бы быть наказанным? Разве Он не предупредил тебя обо всем? Разве не угрожал? Разве не вспомоществовал? Разве не совершил многого для твоего спасения? Если злые не наказываются, то иной, быть может, скажет, что и добрые не увенчиваются; а в таком случае где будет человеколюбие и праведность Божии? Итак, люди, не обманывайте себя, прельщаемые диаволом, - потому что все это его (диавола) мысли. Если и судьи, господа и учителя добрых награждают, а дурных наказывают, то как было бы сообразно, если бы у Бога совершалось наоборот, если бы добрые и злые удостаивались одного и того же? Когда бы уже злые и отстали от зла? В самом деле, если и в ожидании наказания они не отстают от зла, то, будучи свободны от этого страха, не только не впадая в геенну, но еще и достигая царства, где злые остановились бы? Слышал я, как некоторые грехолюбцы говорят, что для острастки людям угрожал Бог геенной, так как будто бы невозможно, чтобы Он, будучи милосердым, наказал кого-нибудь, в особенности того, кто Его не знает. Скажите же мне вы, выставляющие Бога обманщиком, кто во дни Ноя излил волны на всю вселенную, произвел то ужасное кораблекрушение и устроил гибель всего нашего рода? Кто ниспослал те молнии и громы на землю Содомскую? Кто потопил весь Египет? Кто истребил шестьсот тысяч в пустыне? Кто сожег сборище Авироново? Кто повелел земле раскрыть уста и поглотить соумышленников Корея и Дафана? Кто во время Давида поразил в одно мгновение семьдесят тысяч? Кто во время пророчества Исайи умертвил в одну ночь сто восемьдесят пять тысяч? А каждодневных несчастий, которые мы согрешая переносим, разве не видишь? Какой был бы смысл, если бы одни наказывались, а другие

не наказывались? Подлинно, если Бог не есть неправеден, - а Он именно и не есть неправеден, - то и ты непременно понесешь за грехи наказание; если же Бог не наказывает, потому что Он человеколюбив, то и тем не следовало понести наказание. Вот даже и за эти самые слова, нами переданные, Бог наказывает многих и в настоящей жизни, чтобы, если вы не поверите словам угрозы, то хотя бы поверили делам кары. И чем нам убедить возражателей, что учение о геенне не есть басня? Тем разве подтвердить его истинность, что не мы одни, но также поэты, философы и риторы любомудрствовали о будущем воздаянии и говорили о наказании злых в аду. Действительно, они, хотя и не могли говорить об этом согласно с истиной, но все же восприняли некоторое подобие суждения, руководствуясь умозаключениями и тем, что от нас услышали. Так некоторые говорят о Коцитах-реках и пламенеющих реках, о воде Стикса и о Тартаре, настолько отстоящем от земли, насколько земля от неба, говорят и о многих видах наказания; еще (говорят) и об елисейских полях, и об островах блаженных, и о цветистых лугах, и о великом благовонии, и о приятности воздуха; и еще - о хорах там пребывающих, и об одетых в светлую одежду, и о поющих какие-то песни; вообще же - о воздаянии, предстоящем для добрых и злых после отшествия из здешней жизни. Не будем же не верить в геенну, чтобы нам не впасть в геенну, потому что неверящий бывает более нерадивым, а нерадивый несомненно и пойдет в нее; напротив, будем верить без колебания, и говорить о ней непрестанно, - тогда и не согрешим скоро. Ведь памятование о таких словах, если только оно постоянно присуще нашей душе, подобно какому-нибудь горькому лекарству, в состоянии будет стереть всякое зло. Если ты жестокосерд и немилостив, то вспомни о тех девах, которые, потушив свои светильники вследствие того, что не имели елея, были извергнуты из чертога жениха, - и ты сейчас же станешь человеколюбив. Если тебе желательно хищничать, то послушай, как говорит судья: свяжите "**ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю**" (Мф. 22:13), - и ты изгонишь эту страсть. Если ты стремишься напиваться и объедаться, то послушай, как говорит богач: "**пошли Лазаря**, **чтобы**" концом перста "**прохладил**" разожженный язык (Лук. 16:24), и не получает просимого, - и ты тотчас освободишься от стремления. Если у тебя есть огонь нечистого пожелания, то подумай об огне того наказания, - и этот (огонь) удалится потушенным. А хотя бы и не было огня, все же размысли, как велико наказание - быть отвергнутым Богом и уйти с позором: поверьте, это бедствие - невозможно и выразить словами, невозможно. И в самом деле, если те, которые не видят солнечного света, ведут жизнь прискорбнее всякой смерти, то что - полагать надо - претерпеваем мы, будучи лишены этого света? Разве мы живем, дышим и существуем, если не располагаем этим созерцанием? Если никто нам не дозволит тогда видеть нашего Владыку? Если человек, получивший благородное воспитание, будучи ввергнут в темницу, одну только вонь, лежание во мраке и заключение вместе с разбойниками почитает тяжелее всякой смерти, то подумай, что будет, когда будем там сжигаемы с разбойниками вселенной, когда и сами не будем видеть, и нас не увидят, но среди такого множества будем полагать, что мы находимся одни. Ведь мрак и темнота не допустят нас распознать своих ближних, и каждый будет считать, что он один это терпит, потому что хотя это и так называемый огонь, но он сумрачен и не имеющий света. В особенности же для нас страшно и ужасно, что он сильно жжет и не угасает, а света не имеет. Если же мрак только сам по себе так угнетает и смущает наши души, то что же будет, когда к мраку присоединятся такие страдания и жжения? Не думай, в самом деле, что если геенна называется огнем, то она похожа на обыкновенный огонь, - этот последний, что захватит, сожжет и перестанет, а тот однажды захваченное постоянно жжет и никогда не перестает. Потому-то он и зовется неугасаемым: ему желательно облекать грешников нетлением, но не ради их чести, но для того, чтобы иметь постоянный источник этого мучения. Но это и иное еще более тяжелое - в геенне; самое же лишение благ соединено с таким страданием, такою скорбью и теснотою, что если бы здесь не предстояло грешникам никакого мучения, одно это само по себе было бы достаточно, чтобы уязвить и потрясти наши души горче геенских

истязаний. Если же мы, входя в темницу и видя, как одни покрыты грязью, другие связаны железными узами, третьи объяты мраком, стенаем, трепещем и всячески стараемся, чтобы не попасть в такую же нужду и беду, то что почувствуем, что станем делать, когда сами мы связанные узами будем отведены на геенские муки? И эти узы не из железа, а из огня никогда не угасающего, и наблюдать над нами будут не какие-нибудь равночестные с нами существа, которых нередко можно и умилостивить, но страшные и недоступные состраданию ангелы, на которых и взглянуть невозможно, - до того сильно они разгневаны оскорблениями, какие мы причинили Владыке. Там нельзя будет, как здесь, видеть, что одни предлагают серебро, другие - жизненные припасы, третьи - оправдательные речи, и получают облегчение, но все там неумолимо: будет ли то Ной, или Иов, или Даниил - никто из них не посмеет заступиться и протянуть руку при виде присных, испытывающих мучения, потому что естественное сродство будет тогда уничтожено. Ведь когда отыщутся праведные отцы у грешных детей, и добрые дети у злых родителей, то нужно, чтобы у них была чистая радость, а не примешивалось к наслаждению их теми благами сокрушение вследствие естественного родства: таковое, повторяю, будет истреблено и они будут негодовать вместе с Владыкой на порожденья собственной утробы. Итак, никто пусть не ждет добра, если сам не совершил ничего доброго, хотя бы он имел бесчисленное множество праведных предков. Если мы данное нам время издержим на то, на что не следует, то все отойдем туда и отдадим последний отчет за ненадлежащую растрату. Ведь и взявший деньги для торговых оборотов и расточивший их привлечен будет кредитором к ответственности и понесет наказание: насколько же более (будет наказан) растративший попусту эту жизнь? И как мы требуем у наших слуг отчета не только в расходе, но и в приходе денег, откуда, сколько, от кого и каким образом получены деньги, так и Бог требует отчетности в трате и приобретении и у богатого, и у бедного: у богатого - из праведных ли источников, не из хищения ли и любостяжания он собрал богатство, издерживал ли богатство на блуд или же на бедных, на роскошество, неумеренность и пьянство или же на помощь угнетенным; а у бедного - мужественно ли и с благодарением ли переносил бедность, не унывал ли, не роптал ли, не винил ли промышление Божие, сам живя в нужде и видя, как другой роскошествует и не щадит имущества. Впрочем, не только богатые и бедные, но также властители и судьи подвергнутся с великою тщательностью испытанию - не нарушили ли они справедливость, не постановили ли приговора над подсудимыми по пристрастию или ненависти, не произнесли ли ненадлежащего суда вследствие того, что обольщены были лестно. И каждый, чем на большую взошел высоту власти, тем более строгому подвергнется отчету. Бестолковые удовольствия настоящей жизни ничем не отличаются от теней и сновидений: прежде чем кончится грех, удовольствие гаснет, а наказание за него не имеет конца, сладость кратковременна, а мука вечная. Потому-то Бог и говорит нам постоянно о геенне, чтобы мы получили большой плод от угрозы и от страха. Ведь если бы Он, намереваясь ввергнуть в нее грешников, не высказал наперед этой угрозы, то многие попали бы в нее. Если и теперь, когда души наши потрясены этим страхом, некоторые грешат с такою легкостью, как будто ее и нет, то каких ужасов мы не натворили бы, если бы ничего такого не было сказано и угрозы не произнесено? Таким образом это - дело не жестокости, а скорее милости и человеколюбия. И действительно, если бы при Ионе не угрожало крушение, то и не было бы предотвращено крушение; если бы не было сказано, что Ниневия разрушится, то и не устояла бы Ниневия. Так точно, если бы не угрожала геенна, все мы попали бы в геенну. Если бы для Бога не было никакой заботы в том, грешим ли мы или живем праведно, то еще был бы какой-нибудь смысл говорить, что нет наказания; а если Он прилагает такую тщательность к тому, чтобы мы не согрешали, и столько хлопочет о том, чтобы мы исполняли заповеди, то ясно, что Он грешников карает, а праведников венчает. Но обрати внимание на несообразность многих: здесь они ставят Богу в вину, что Он часто долготерпит и пренебрегает многими злодеями, развратниками, любостяжателями, не понесшими наказания, а там выступают

сильными и строгими обличителями за то, что Он грозит им наказанием. Уж если последнее прискорбно, то первое должно бы быть принято с восхищением. Но, увы - безумие, увы – душа, любящая грех и похотение! Угрозой на словах пренебрегают, наказанию же на деле подвергнутся. Действительно, никто, не освободившись здесь от грехов, по отшествии туда не сможет избежать возмездия за них; но подобно тому, как из здешних темниц приводятся в цепях на судилище, так и отошедшие отсюда с различными цепями грехов ведутся на страшный суд. Вот, когда тебе случится быть в бане, истопленной сильнее, чем нужно, вспомни тогда геенский огонь; и опять, когда случится тебе гореть в тяжелой горячке, перенесись мыслию к этому пламени, и тогда ты сможешь хорошо настроиться. В самом деле, если баня и горячка так нас тревожат и угнетают, то, когда впадем в ту огненную реку, влекущую к страшному суду, как мы себя будем чувствовать? И тот, кто отходит туда с добрыми и дурными делами, получит некоторое облегчение в наказании и этих муках, а кто добрых лишен, дурные же только приносит, тот нельзя и сказать что перенесет, будучи послан на вечное мучение. Там последует взвешивание дел злых и не злых; если последние перетянут весы, то немалую пользу окажут своему виновнику, вред же от совершения злых дел настолько будет силен, насколько сдвинуты ими весы с первоначального места, и если они перевешивают, то уводят в геенский огонь, потому что обилие добрых дел не настолько велико, чтобы быть в состоянии устоять против этого сильного натиска. А из добрых дел ни одно, как бы незначительно ни было, не оставлено будет там судьею в пренебрежении. Если за грехи, за слова и помышления мы должны будем отплатить мучением, то тем более зачтутся добродетели, великие ли то или малые. Недостаточно поэтому освобождение от зла, но требуется и большое совершение добра, потому что для того, чтобы избавиться от геенны, нужно удерживаться от порока, а чтобы достигнуть царствия, нужно прилепляться к добродетели. Так и во внешних делах обычаем принято венчать не того, кто никакого зла не сделал, - это пригодно ему только, чтобы избегнуть наказания, - но того, кто проявил великие благодеяния. Да и когда я думаю, что для избежания геенны достаточно уклонения от зла, мне представляется некоторая страшная угроза, сулящая наказание не тем, которые осмеливаются делать зло, а карающая тех, которые пренебрегли сделать добро. Что же это за угроза? "**Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, … ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть**" (Мф. 25:41). Значит, мы веруем, что те, которые не уделяют нуждающимся из того, что сами имеют, не только наказаны будут лишением благ, но и посланы будут в геенский огонь. Итак, мы научаемся, что совершившие доброе наслаждаются благами на небесах, а те, которых нельзя уличить ни в каком пороке, но которым недостает какой-нибудь из добродетелей, будут отведены в геенский огонь вместе с соделавшими злое. Ведь если и на земле, кто преступает законы властителей, подлежит неумолимому наказанию, то тем более предан будет невыносимым мучениям тот, кто презирает заповеди небесного Владыки. Знаю, что вам тяжелой кажется беседа о геенне и великую производит печаль, но ведь насколько угрызает совесть, настолько получает пользы душа угрызаемых. Если бы там это нам говорилось, подобно тому как богачу в рассказе о Лазаре, то поистине следовало бы плакать, рыдать и стенать, из-за того, что у нас уже не осталось времени для покаяния, а так как мы слышим это находясь здесь, где и отрезвиться возможно, и очистить грехи, и приобрести великое дерзновение, и перемениться, устрашившись зол, приключившихся с другими, то возблагодарим человеколюбивого Бога, наказанием других возбудившего нас от лености и восставившего нас спящих. А для чего наказываются одни здесь, другие там, и не все здесь? Для того, что если бы так было, то все мы погибли бы, потому что все заслуживаем наказания. Далее, если бы никто здесь не наказывался, то многие сделались бы очень нерадивыми, и многие говорили бы, что нет промысла. В самом деле, если теперь, когда на виду много наказываемых грешников, многое такое суесловится, то что говорили бы, когда бы ничего этого не было? До какого бы безумия не дошли? Поэтому-то Бог одних здесь наказывает, других не наказывает. Именно наказывает некоторых, с целью истребить в них зло и

облегчить тамошнее мучение, или даже совершенно от него освободить и их, живших во зле, сделать благоразумнее посредством наказания за зло; остальных же опять не наказывает, чтобы, если они образумятся и покаются, то почтили бы великодушие Божие и избавились бы от здешнего наказания и тамошнего мучения, если же пребудут в упорстве и нисколько не воспользуются Божиим незлобием, то за свое крайнее небрежение понесли бы большее мучение. Когда мы, согрешая, пользуемся честью от Бога за то, за что должны бы быть наказаны, то это самое по преимуществу более всего сможет ввергнуть нас в огонь. Ведь если кто, имея только в своем распоряжении великодушие, и не воспользовавшись им, как должно, несет очень тяжелое наказание, то если с великодушием он обладает также величайшими почестями, и все же пребывает в пороке, кем в таком случае он будет исторгнут от наказания? Подобно тому, как не понести возмездия за здешние грехи значит подготовить там тягчайшее наказание, так точно, когда грешники наслаждаются великим снисхождением и достатком, то это служит для грешников источником и основанием большего наказания. [Если назвавший брата своего глупцом достоин бывает крайнего наказания, то назвавший его злодеем, завистником и многими другими тому подобными именами какой огонь геенский не навлечет на себя? Ведь со стороны оскорбительности слово "глупец" гораздо легче, чем сейчас упомянутые. Поэтому-то Христос, опустив эти последние, поставил первое, чтобы ты узнал, что если более удобовыносимое выражение навлекает на говорящего геенну, то тем более выражения тяжелые и несносные причинят то же самое. Если же некоторые, замечая гиперболическое значение слова, полагают, что эта угроза высказана только с целью устрашения, то смотри, как бы не освободить от названного наказания самих прелюбодеев и идолослужителей. Ведь если ради устрашения Он грозил ругателям, то ясно, что и этим ради того же, потому что, объединив их всех вместе, привел таким образом для них извержение из царства. Как же это, скажешь, злословец поместится туда же, куда прелюбодей и малакия? Наложено ли будет на них то же самое наказание, это исследуем в другое время, а что он одинаково извергнется из царства, в этом удостоверяюсь Павлом, который говорит, лучше же сказать - Христом, который в нем действует, что ни те, ни другие царства Божия не наследуют. Если кто-нибудь из нас увидит, что его поступок, совершенный втайне, сегодня разглашен в одной только церкви, то не предпочел ли бы он лучше погибнуть в разверстой земле, чем иметь стольких свидетелей своего порока? Что же тогда будем переносить, когда все будет вынесено въявь пред вселенной, на зрелище столь славное и блистательное и смотреть будут на все знаемые и незнаемые нами? Каковы-то мы будем, когда нас связанных поведут во внешнюю тьму? Лучше же сказать, что мы поделаем, когда разгневаем Бога, - а это всего страшнее? Ведь для того, у кого есть чувство и рассудок, быть лишенным созерцания Бога, значит уже терпеть геенну. Ведь скорбеть должно не тогда, когда наказываемся, а когда согрешаем, и прогневить Бога тяжелее всякого наказания. Теперь же мы находимся в таком бедственном положении, что не будь страха геенны, мы пожалуй и не подумали бы совершить что-нибудь доброе. Итак, если не по другой какой-нибудь причине, то уже по той мы достойны будем геенны, что боимся геенны более чем Бога]. Те, кто во многом претыкается и не наказывается, должны бояться и страшиться, потому что им умножается наказание вследствие ненаказанности и великодушия Божия.

Итак, когда ты увидишь, что кто-нибудь неправильно обогащается и благоденствует, не считай такого блаженным, а оплакивай, потому что это богатство служит для него умножением наказания. Как много грешившие и не желающие покаяться сберегают самим себе сокровище гнева, так точно те, которые, кроме того, что не наказаны, пользуются еще благополучием, понесут большее наказание. Не за все грехи полагаются те же самые наказания, но многие и различные, смотря по времени, по лицам, по достоинству и по разумению. Если существуют два грешника, которые пользуются не одним и тем же в настоящей жизни, но один живет в богатстве, другой в бедности, то там они будут

наказаны не одинаково, но который богаче, тот тяжелее. Потому-то Бог в здешней жизни и не подвергает всех наказанию, чтобы ты не сомневался в воскресении и не отчаивался в суде, на том основании, что здесь все отдали отчет; равно Он не допускает всем отойти ненаказанными, чтобы ты опять не думал, что все лишено промышления. Разве же и теперь многие не поступают подобно тем, которые прежде были наказаны за грехи? И очень даже. В самом деле, когда ты убиваешь брата, не плотским образом, как Каин, а духовным, то ты не делаешь ли того же самого? Нет нужды, что не мечом, а другим способом. Разве теперь никто не позавидовал своему брату? Никто не подвергнул его опасностям? Но здесь они (скажешь) не понесли наказания. Зато понесут. Если и не слышавший ни писанных законов, ни пророков, не видевший также великих знамений наказывается так строго, то совершивший это впоследствии и не образумившийся, несмотря на такое множество примеров - ужели останется ненаказанным? Где же правосудие Божие? Вот и сыновья Илии, за то, что ели пред жертвенником, понесли тягчайшее наказание вместе с отцом. Итак, не было никакого (другого) отца нерачительного о детях, и детей не было преступных? Но никто не понес наказания: когда же и понесут, если нет геенны? А Анания и Сапфира, которые украли часть из того, что положили, и тотчас были наказаны? Никто разве в то время этого не сделал? Почему же (другие) не понесли того же наказания? Успеем ли мы убедить тебя в существовании геенны, если воспользуемся еще большим числом примеров? Я и сам желал бы, чтобы не было наказания, я, быть может, более всех. Почему так? Потому что на каждом из вас лежит забота о собственной душе, а я несу ответственность и по должности этой, так что мне более всех невозможно избежать его. Итак, Бог благ и человеколюбив не только тогда, когда благодетельствует, но и когда наказывает. К тому же наказания Его и кары составляют величайшую долю благодеяния. Так и врач, не только когда выводит больного в сады и на луга, не только когда сажает в ванны и бассейны, но и когда приказывает оставаться без пищи, когда режет, когда дает горькие лекарства, и тогда одинаково остается врачом и даже обнаруживает свое человеколюбие в большей степени. Поэтому, когда видишь, что кто-нибудь преданный добродетели терпит тысячи испытаний, называй такого блаженным, достойным соревнования, так как ему и здесь разрешатся все грехи, и там уготовываются за терпение великие награды. Вот из людей одни здесь только наказываются, другие здесь ничего такого не терпят и все наказание получают там, а третьи наказываются и здесь и там: кого же из этих трех родов вы считаете блаженными? Хорошо знаю, что первых, тех именно, которые здесь наказываются и слагают грехи. А следующих за ними - кого? Вы, быть может, тех, которые здесь ничего не потерпели и которые все наказание понесут там, а я - не этих, но тех, которые и здесь, и там наказываются, - потому что для понесшего здесь наказание легче покажется тамошнее наказание, а кто принужден будет нести там все наказание, потерпит неумолимую казнь. Для чего же Бог предупреждает об ужасах, которые намерен совершить? Для того, чтобы не пришлось Ему совершать то, о чем предупреждает. Для того Он и геенной грозил, чтобы не ввергать в геенну. Пусть, - говорит, - устрашают вас слова, но не смущают дела. Прекрасны и обетования Твои, Владыка; прекрасно и ожидаемое Твое царство, равно и угрожающая геенна; царство прекрасно призывает, геенна же с пользой устрашает. И угрожает Бог геенной не для того, чтобы ввергнуть в геенну, но чтобы освободить от геенны, а если бы он хотел наказать, то не угрожал бы, побуждая тем быть осторожнее, чтобы нам избежать того, чем угрожается. Он грозит наказанием, чтобы мы избежали наказания на опыте; устрашает на словах, чтобы не наказывать на деле. Кто не надеется на воскресение и не имеет в виду, что ему придется дать отчет за все, здесь совершенное, но полагает, что все наши дела ограничиваются настоящею жизнью, а за пределами ее ничего не будет, тот не станет и о добродетели заботиться, и от порока удерживаться, но предастся гнусным пожеланиям и займется всяким видом зла; кто же убежден в будущем суде, имеет пред глазами то страшное судилище, неумолимый отчет и непреоборимый приговор, тот всеми способами будет стараться преуспевать в целомудрии, скромности и

других добродетелях, и избегать неумеренности, строптивости и всяких других пороков. Подлинно, не столько слово сможет сделать, сколько делает страх, - именно страх геенны приносит нам венец царства. Знаю, что многие боятся только геенны, я же говорю, что лишение небесной славы составляет гораздо более тяжкое наказание, чем геенна. А если невозможно этого объяснить с помощью слова, ничего в том нет удивительного: ведь мы не знаем блаженства от тех благ, чтобы с ясностью представлять себе бедственность от их лишения; Павлу же, сознававшему это ясно, было известно, что отпасть от славы Христовой всего тягостнее. И мы узнаем это тогда, когда подвергнемся самой опасности. Но да не приключится этого с нами, о единородный Сын Божий, да не постигнет нас когда-нибудь какая-нибудь опасность такого непоправимого наказания! Невыносима уже и геенна, и то наказание; между тем, хотя бы были мириады геенн, ничего ты не укажешь такого, как лишиться блаженства этой славы, как быть возненавидену Христом, как услышать: не знаю вас, как быть обвинену в том, что, видя Его алчущим, не напитали. Лучше вытерпеть мириады молний, чем видеть, как этот кроткий лик отвращается от нас и как это сладостное око не выносит глядеть на нас. И если Он сам, несмотря на то, что я был Его врагом, ненавидел Его и отвращался, так устремлялся ко мне, что даже не пощадил Себя, но отдал Себя на смерть, то какими глазами я взгляну на Него, когда после всего этого даже не удостою хлеба Его алчущего? Скажи-ка мне: если бы кто тебя, состарившегося и живущего в бедности, пообещал вдруг сделать молодым, привести в самый цветущий возраст, превратить в чрезвычайно сильного и превосходящего всех красотой, к тому же дать царскую власть над всем миром на тысячи лет, - чего ты за такое предложение не взялся бы и сделать и вытерпеть? А когда Христос обещает не это, а гораздо того большее, что Он уготовал любящим Его, - какими богатствами не следовало бы пожертвовать? Лучше же сказать - какими не следовало бы пожертвовать душами? Но так как невозможно созерцать это плотскими глазами, то вознесись мыслию и, ставши выше этого неба, взгляни на то небо, которое повыше первого, на высоту беспредельную, на свет неприступный, на полчища ангелов, и опять позаимствуй картину от нас, сойди сверху и изобрази то, что бывает около царя на земле, как-то: золотоносных мужей, запряжку блестящих, золотом украшенных мулов, золотистую колесницу с унесенными на ней дощечками, драконов, начертанных на шелковых одеждах, аспидов с золотыми глазами, золотоносных лошадей, золотые поводья, - и старательно все это соединив, перенеси от этого мысль свою опять наверх и подумай о страшном дне, в который Христос придет. Ведь ты увидишь тогда не запряжку мулов, не золотые колесницы, не драконов и аспидов, но все небо открытым, а единородного Сына Божия сходящим в сопровождении не десятка или сотни телохранителей, но тысяч и мириадов ангелов и архангелов; все преисполнено будет страха и трепета, между тем как люди, когда-нибудь существовавшие, начиная с Адама и до того дня, будут подниматься и извлекаться из земли; и сам Он явится с такою славою, что пред ее превосходным сиянием сокроют свой свет солнце и луна, и Он воздаст каждому по делам его. Но многие из неразумнейших думают найти утешение в том, что все будут нести наказание в геенне. Чрезвычайно несуразное это слово, когда говорят: как все, так и я. Представь хотя бы одержимых болезнью ног: когда они мучатся страшною болью, то если бы ты представил даже десятки тысяч страдающих еще более тяжело, они и в ум не возьмут; напряженность страдания не даст даже рассудку какой-нибудь минуты свободной, чтобы подумать о других и найти утешение. Не будем поэтому питаться этими холодными надеждами. Получать утешение от бедствий ближнего - это возможно еще в посредственных страданиях; а когда мучение переходит границы, когда вся внутренность исполнена кипения, когда, наконец, душа не сознает себя самой, то откуда тут заимствовать утешение? Если бы кто привел тебя в театр, где все сидели бы одетые в золотые одежды, и среди толпы указал на иного кого-нибудь, имеющего и одежду, и венец на голове из каменьев и жемчуга, потом обещал бы зачислить тебя в ряды этой толпы, - ужели бы ты не сделал всего, чтобы достигнуть этого обещания? И вот когда на небесах составлен для

нас театр не из таких вещей, а из таких, что и выразить невозможно (о Царе же нельзя уж и сказать), то неужели мы лишим себя таких благ только из-за того, чтобы краткое время не потрудиться? Если бы нужно было каждодневно претерпевать тысячи смертей, даже самую геенну, за то, чтобы видеть пришествие Христа во славе Его и сопричисляться к хору святых, то ужели не следовало бы перенести все это? Но многие из неразумнейших одно считают для себя желательным - избавиться от геенны. Я же считаю наказанием гораздо более тягостным, чем геенна, не находиться в славе Христа, и если кто удален отсюда, такому - я полагаю - горевать надо не из-за геенских зол, а из-за отпадения от Владыки: в отношении наказания одно это всего тягостнее. Если бы мы любили Христа, как любить следует, то знали бы, насколько тягостнее геенны оскорблять любимого; а так как не любим, то и не знаем великости этого наказанья, - и это есть то, из-за чего я всего более рыдаю и плачу. Если бы на месте так любящего был человек, а на месте любимого - царь, то не изумился ли бы ты великости любви? И очень даже. Если же происходит обратное, со стороны Его, любящего нас, неизреченная красота, слава и богатство, а с нашей стороны - великое ничтожество, то как мы не будем достойны тысячи наказаний, мы, которые так ничтожны и отвержены, возлюблены сверх всякой меры таким великим и дивным, и пренебрегаем Его любовью, тогда как Он не восхотел ничего предпочесть нам? Одного Он имел Сына, единородного и истинного, и не пощадил Его для нас, а мы предпочитаем Ему повеления сатаны. Разве же не по заслугам геенна, увеличенная даже вдвое, втрое и в бесчисленное число раз? Не осуждайте меня за сетование, потому что тяжело, возлюбленные, не сетовать, но делать достойное сетования, не плакать противно, а поступками причинять плач. Не будешь наказан, и я не стану скорбеть; не будешь ввергнут в геенну, и я не стану плакать. Лучше нам теперь погоревать по этому поводу, нежели в то время быть наказанными. Ты вот, когда болеешь телом, созываешь всех, чтобы соболезновали тебе, и не соболезнующих тебе считаешь бессердечными; а когда душа погибает, ты требуешь от меня, чтобы не скорбел? Но я не могу: ведь я отец, и отец любящий детей. О, если бы вы могли видеть пыл моей души, если бы вы знали, как я сгораю сильнее всякой женщины, подвергшейся безвременному вдовству! Не так жена оплакивает своего мужа, не так отец - сына, как я - это множество собравшихся около нас, из-за того, что не вижу никакого преуспеяния в вас. Все-то преданы наветам и обвинениям; все время тратится на обвинения. Видели ль вы когда-нибудь отводимых на смерть? Каково - полагаете вы - у них на душе, пока они идут до ворот? Скольких смертей не хуже? Чего бы не захотели они сделать и потерпеть, чтобы освободиться от этого тумана и тучи? Я слышал от многих, которые были отведены и затем по царскому человеколюбию позваны назад, как они говорили, что мы-де и в людях не признавали людей, - в таком душа была расстройстве, остолбенении и растерянности. Если же плотская смерть наводит на вас такой ужас, то что станем делать, когда наступит вечная? Когда увидим землю расторгаемой, небо открывающимся, самого Царя всяческих сходящим, - каково тогда будет у нас на душе? Если когда других умерщвляют, из-за этой ничем не отличающейся от сна смерти люди, которых дело не касается, настраиваются таким образом, что душа от страха и беспокойства приходит в изнеможение и расслабление, то каково будет состояние, когда мы сами подвергнемся еще большему - наказаниям вечным? Невозможно, поверьте, невозможно изобразить словом это бедствие. Да, скажут, но Бог человеколюбив, и ничего этого не будет. Итак, написанное - тщетно? Нет, говорят, но с целью угрозы, чтобы мы опамятовались. Итак, если не опамятуемся, а остаемся злыми, Он не наложит наказания? В таком случае и добрым не воздаст наград. Да, говорят, потому что дело приличное - благодетельствовать сверх заслуг. Значит, это вполне верно, а касательно наказаний - не вполне, они только для угрозы и страха. Что же? Слышал ли ты о потопе? Уж и о нем не говорится ли для угрозы? Самое событие не произошло, его не было? И тогдашние люди говорили много такого, и пока в течение ста лет строился ковчег, а праведник взывал, не было никого, кто бы поверил, и так как не поверили угрозе на словах, то понесли наказание на деле. Постараемся же по мере сил

избегнуть этой опасности, чтобы нам и настоящую жизнь провести благополучно, и достигнуть будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым слава Отцу и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 26

О добродетели и пороке.

Есть в числе здешних некоторые ревнители добродетели, которые предпочитают покинуть город и удалиться на горы, а если кто спросит о причине удаления, оказывается основание, не заслуживающее оправдания: я ухожу, говорят, чтобы не погибнуть, чтобы не ослабеть в добродетели. А насколько было бы тебе лучше самому ослабеть, да других приобрести, чем, пребывая на (горной) высоте, видеть, как погибают братья? Если одни небрегут о добродетели, а другие, ревнующие о ней, уйдут далеко из строя, то как мы одолеем врагов? Ведь если бы даже существовали теперь знамения, кто из внешних подошел бы, кто пристал бы к нам, когда порок выставляется так открыто? В самом деле, праведная жизнь наша многим кажется убедительнее. Знамения у людей безстыдных и дурных допускают подозрение в дурную сторону, а чистая жизнь в состоянии с великою силою заградить уста и самого диавола. Если поэтому от расположения и доброй воли зависит оставаться или не оставаться на земле, и если, следуя примеру Павла, желающему дозволительно на земле не оставаться, то исторгнем себя от земли и уйдем на небо. Нет никакого препятствия всем нам перейти, если захотим. Если в искусствах многие достигают превосходства, то тем более достигнем мы того же в том, что не требует такого труда. Что, скажи мне, труднее, как ходить по натянутому канату точно по ровному месту и, расхаживая наверху, одеваться и раздеваться, точно сидя на постели? Что также, скажи мне, труднее, как взять шест на чело, затем положить поверх его ребенка и совершать безчисленные действия на увеселение зрителей? Не кажется ли нам это дело настолько страшным, что даже смотреть не хотим, от одного взгляда трепещем и дрожим? Но добродетель легче всего этого, хотя бы мы захотели взойти даже на самое небо. И не говори мне: хочу, да не могу. Ведь если для того, чтобы овладеть каким-нибудь предметом, нам недостаточно захотеть, но нужно еще приложить деятельность, то тем более для того, чтобы взойти на небо, нам нужна деятельная добродетель. Если же хочешь знать, как добродетель нетрудна и как удобоисполнима, то вспомни о тех, которые в безмолвии живут на горах: они оставляют дома, жен, детей, всякое властное положение, устраняются от мира, одеваются в рубище, обсыпаются пеплом, вешают цепь на шею и заключают себя в небольшую келью; не довольствуясь и этим, подвизаются в посте и непрерывном неядении. И не говори мне, что они обладали для этого силами. Многие гораздо более, чем ты, слабы, более состоятельны и изнежены, а между тем избрали эту суровую и строгую жизнь. Но это поприще велико, цель высока, конец близок к небу: ты не можешь достигнуть такого величия? Тогда, если ты обладаешь меньшим, достигай по крайней мере более низкого. Не можешь расточить свое имущество? По крайней мере не похищай чужого. Не можешь поститься? По крайней мере не предавайся роскошеству. Если Христос столько потерпел за нас, бывших врагами, то на что мы сможем сослаться, если ничего за Него не потерпим? Откуда нам будет взять дерзновение в тот день? Не знаете разве, что и воин тогда только может сделаться славным у царя, когда покажет раны и увечье, а если он не в состоянии сослаться на подвиг, то, хотя бы и ни в чем не провинился, зачисляется в последние ряды? Но, скажешь, теперь не время войны. А если бы было время, то, скажи мне, кто бы сражался, кто бы напал на врага, кто бы прорвал его строй? По всей вероятности - никто. В самом деле, когда я вижу, что ты не можешь пренебречь имуществом ради Христа, каким образом поверю, что ты пренебрежешь ранами? Он сказал: мужественно переносите злословящих и благословляйте. Ты и этого не делаешь, не повинуешься. Если же не делаешь того, что не заключает в себе никакой

опасности, то, скажи мне, перенесешь ли удары, соединенные с великою болью и страданием? Не обманывайте же себя, говоря: будем пока наслаждаться удовольствиями жизни, а впоследствии, потрудившись малое время, получим награду за все время. Если иной, вынесши много опасностей и окончивши много войн, едва может взглянуть с дерзновением и на земного царя, то как сможет кто-нибудь смотреть на небесного (Царя), после того как все время прожил для другого и сражался за другого? Ты получил от Бога благородство: зачем же изменяешь природной доблести? Что делаешь, скажи мне? Иные обладают искусством в пределах возможности переделывать безсловесных тварей на манер человеческого благородства, обучать попугаев и сорок произносить человеческие слова: искусством они берут верх над природою; приручают львов и водят их по площади. Льва ты делаешь ручным, а себя самого приводишь в состояние свирепее волков? А еще жальче то, что каждое из безсловесных животных имеет один недостаток, у порочного же человека бывает не так: человек часто не один только приобретает недостаток, но пороки многих безсловесных собирает в своей душе. Не указывай же мне на то, что у тебя есть человеческая душа, укажи лучше, человек ли ты со стороны разума. Ты начальник над неразумными животными, а между тем сделался рабом неразумных страстей? Как же я назову тебя человеком, если у тебя нет царственных принадлежностей? Вспомни, по чьему образу ты создан, и ты не унизишься до ничтожества безсловесных. Ведь подобно тому, как на зрелищах упражняющиеся на протянутом снизу вверх канате поднимаются и спускаются, но если малость не досмотрят и ошибутся, то ниспровергаются вниз и погибают, так точно и шествующие по духовному пути, если хоть немного предадутся небрежности, падают стремглав. Это потому, что путь этот более тесен, чем тот канат, прямее и круче поднимается, и гораздо более высок, - ведь вверху он оканчивается у самого неба, - и ступеньки его будут для нас шаткими даже тогда, когда мы доберемся до самой крайней вершины. Стоящих на вершине объемлет великий трепет, и для устойчивости остается одно только - не обращать взоров книзу и не смотреть на землю, - а иначе произойдет от этого большое и тяжелое головокружение. И как на цитре недостаточно одной только струны, чтобы произвести мелодию, но нужно ударять по всем (струнам) с соответствующим ритмом, так и в душевной добродетели недостаточен нам для спасения один закон, но нужно все (законы) соблюдать с точностью. Какая, скажи мне, польза, когда кто молится протяженно, но не творит милостыни щедро? Или когда раздает щедрую милостыню, но предается любостяжанию и насильничеству? Или когда чужд любостяжания и насильничества, но поступает так на показ людям, из честолюбия? Или когда проявляет милосердие со всяким тщанием и согласно с волею Божиею, но противится самому (Богу) и много о себе думает? Или когда скромен и привержен к постам, но сребролюбствует, торгашничает, прилепляется к земле и вводит в свою душу мать всех пороков - сребролюбие? Невозможно, говорится, служить Богу и мамоне (Мф. 6:24). Поэтому человеколюбец Бог устроил так, что все люди сближены, злые перемешаны с добрыми, чтобы и порок злых отсекался, и добродетель добрых проявлялась блистательнее, таким образом и нерадивые при желании многое приобретали бы от обращения с рачительными. Ведь подобно тому, как добрые и благочестивые достойны двойственной награды, за то именно, что остались чистыми и нисколько не повредились от соприкосновения с порочными, так и злые достойны двойственного наказания, именно за то, что остались порочными, имея возможность сделаться добрыми, и за то, что ничего не приобрели от соприкосновения с добродетельными. И как добродетельным удивляются не только добродетельные, но и порочные, так и злых ненавидят не только добрые, но и злые. Правда, многие удивляются порочным из-за того, что они способны совершать несправедливость и вредить другим; не понимают они того, что следовало бы считать их самыми несчастными, так как, думая вредить другим, обращают меч на самих себя; а это - крайнее безумие - поражать себя самого и не сознавать этого, полагать, что наносишь обиду другому, а убивать себя самого. Не в том зло, чтобы терпеть несправедливость, но в том, чтобы наносить несправедливость и не

сознавать чинимой неправды. Сколько несправедливостей вытерпел Давид? Сколько нанес их Саул? А кто из них более несчастен и жалок? Кто в то же время более блестящ и блаженен? Последний не мучился ли унынием и злобным демоном, а первый не просиял ли ярче солнца подвигами и любовью к Богу? Не задыхался ли последний от зависти, а первый, перенося все молчаливо, не овладел ли всеми и не привязал ли к себе, так как тот часто старался погубить, а этот, будучи гоним, забрал врага в руки и, взявши, пощадил? Кто оказался немощнее, кто слабее? Не тот ли, что нападал несправедливо? И весьма естественно. Один имел союзниками и помощниками вооруженных воинов, а другой - правду, превосходящую силою мириады полчищ. А когда он сам, подвергавшийся несправедливости, одолел и впоследствии совершил несправедливость, то смотри, как он сделался более слабым. Несправедливо он поступил с Урией - и вот строй изменился, безсилие перешло на сторону обидчика, а сила на сторону обиженного, последний, будучи даже мертв, ниспроверг дом первого, сам царь, и находясь в живых, ничего не мог поделать, а он, и будучи заколот, продолжал оставаться воином и перевернул у того все вверх дном. Поэтому, если ты увидишь, что кто-нибудь живет праведно и постоянно устремляет взор к благочестию, то хотя бы таковой связан был безчисленными узами, постоянно проживал в темнице, находился в рабстве у недостойных, хотя бы у него выкалывали (глаза) или жгли, хотя бы тело его доведено было до совершенного изнурения, и вообще какие бы ужасы ни потерпел он, все же считай его блаженным и заслуживающим подражания. А если увидишь, что другой живет в распутстве, нечестии и крайних пороках, то хотя бы пользовался большою честью, взошел даже на царский престол, облачился в диадему и порфиру и завладел всею вселенною, но этому самому такового оплакивай и почитай несчастным. Действительно, нет ничего бедственнее настроенной таким образом души, хотя бы ей подвластна была вся вселенная. Какая в самом деле польза от изобильного богатства тому, кто всех беднее добродетелью? Какая выгода обладать столь многим тому, кто не в состоянии владеть собою и своими страстями? Ведь если для нашего спасения недостаточно нашей собственной добродетели, но необходимо, чтобы и другие ушли, имея таковую, то что с нами будет, откуда наконец почерпнем надежду на спасение, если не послужим ни собственному спасению, ни спасению других? Если благоугождать Богу значит быть человеком, то чем другим, как не зверем, будет тот, кто не хочет даже слышать о том, чтобы это выполнить? Подумай же, каково это нечестие, когда в то время, как Христос желает сделать нас, людей, равными ангелам, сами мы низвергаем себя с человеческого достоинства в звериное. А действительно, раболепствовать чреву, порабощаться страстью к деньгам, разъяряться гневом, угрызать, лягать - это не человеческое дело, а звериное. Подобно тому как при наклонности к легкомыслию мы терпим вред от всякой случайности, так точно, если пожелаем трезвиться, ничто не в состоянии будет повредить нашей рачительности, хотя бы тысячи предметов влекли нас к пороку. Если же хочешь знать, что Бог вложил в природу законы для различения, что добро и что зло, то обратись с вопросом к жизненному опыту: почему все, делающие зло, избегают имени злых? Прелюбодей прелюбодействует, но ему стыдно слышать, что он прелюбодей. Скажи заведомому прелюбодею: прелюбодей, - он стыдится, слыша то, что охотно делает. Скажи клятвопреступнику: клятвопреступник, - он принимает за обиду наименование собственных поступков. Итак, если, ты считаешь грех добром, то зачем избегаешь имени (греха)? Но вот скажи скромному: скромник, - он не стыдится названия того, что ему нравится на деле. Назови праведного праведником, - он и от дела увенчивается, и от названия получает почет, и хотя из осторожности устраняется от имени, но в душе воспринимает похвалу. И опять, ты не встретишь, чтобы кто-нибудь обнаруживал порок с открытым лицом, не позаимствовав личины у добродетели, - а как, послушай. Лжец говорит ложь не открыто, но обманывает, притворяясь говорящим истину; коварный не обнаруживает коварства, но устраивает гадость, показывая вид дружелюбия; клеветник, пришедший в судилище, не для того приходит, чтобы признаться в том, в чем следует, но

по наружности выставляет себя свидетелем истины, а посредством лжи проявляет себя свидетелем нечестия. Впрочем, и душа наша, хотя преисполнена пороков, любит хорошее имя. Часто властителям, дышащим любостяжанием, ни о чем другом не думающим, кроме грабительства и неправды, некоторые льстят, что будто бы они или бедняка избавили от крайней нужды, или простили какой-нибудь долг, или не отомстили своим оскорбителям либо намеревавшимся оскорбить. И когда кто приходит в качестве хорошего посла к человеку властному и злому, то он не начинает сразу с истины и не говорит ему то, что следует, но наперед ставит перед ним имя добродетели: ты добрый муж, говорит, твое имя прославлено, все воспевают твои благодеяния - и присовокупляет много тому подобного, с целью смягчить его похвалою и устранить злобу. Вот как порок побеждается похвалами добродетели; никакой дурной человек не желает слышать дурного; природа предпочитает то, что ей свойственно, хотя бы свободная воля избирала противоположное. Потому не станем говорить: такой-то по природе хорош, а такой-то по природе дурен, потому что если по природе хорош, то никогда не в состоянии будет сделаться дурным, и если по природе дурен, то никогда не сделается хорошим. Если бы не от свободной нашей воли зависело быть злыми или добрыми и человеколюбец (Бог) не создал бы нашу природу самовластною, то следовало бы имеющим общую природу и подверженным тем же самым страстям быть или всем порочными, или всем добродетельными; когда же мы видим, что подобные нам по происхождению люди, обуреваемые теми же самыми страстями, не одно и то же с нами претерпевают, но, обуздав природу здравым рассудком, одолевают непристойные порывы, смеются над всеми прелестями настоящей жизни и воспаряют к истинной славе, то не ясно ли, что все это они могут совершать собственным усердием при помощи благодати свыше, а мы, по собственному небрежению лишившись того вышнего благоволения, теряем свое спасение? Итак, никто пусть не винит другого, будто бы тот послужил ему помехой для трудов в добродетели, но пусть все приписывает собственному нерадению. И что говорю я - другого? Пусть не считает никто и самого диавола имеющим возможность воспрепятствовать на пути, ведущем к добродетели: он правда соблазняет и подставляет ногу более нерадивым, но не препятствует и не насилует. В этом удостоверяет и самый опыт: когда мы хотим жить трезво, то обнаруживаем такую напряженность, что если даже многие склоняют на путь зла, удерживаемся от их совета, бываем тверже всякого адаманта и закрываем уши от внушающих постыдное; а когда мы нерачительны, то и при отсутствии какого бы то ни было советника или обольстителя, по собственному побуждению устремляемся ко злу. Итак, добродетель и сама по себе заслуживает удивления, если же кто, и попавши в среду людей, препятствующих добродетели, все же ее достигнет, то она явится у него заслуживающею тем большего удивления. Ведь не место красит добродетель, а добродетель место - по самой ее природе. Добродетелью и одного человека многие пользуются, даже люди порочные, а пороками и многих, хотя бы один кто подвизался среди громадной толпы, и он не соблазнится. Один человек, праведно живущий, в состоянии будет избавить весь народ от гнева Божия; напротив, целый город порочный не будет в состоянии увлечь и приобщить к собственному наказанию и мучению хорошо живущего человека. Это ясно из примера Ноя: когда все погибали, он один спасся; видно также из примера Моисея: он один имел силу вымолить пощаду такому народу. Но я укажу еще и на иной пример человеколюбия Божия. Когда именно среди живущих у Него нет людей, с дерзновением могущих заступиться за грешников, то Он обращается к умершим: через них, говорит, отпустятся грехи. Так, Он говорит к Езекии: "**буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида**, **раба Моего**", уже скончавшегося (4 Цар. 19:34). Видишь ли, какова добродетель святых? И не только их слова, но и самая одежда почитается всегда всяческим созданием. Милоть Илии разделила Иордань, обувь трех отроков угасила огонь; древо Елисея изменило природу воды и заставило нести железо на поверхности; жезл Моисея разделил Чермное море и прорвал скалу; одежды Павла прогнали демонов; тень Петра обратила смерть в бегство; прах святых мучеников изгонял злых демонов. И

все совершали со властию, как например Илия. Он именно смотрел не на одну диадему и внешнюю пышность царя, но смотрел и на душу, одетую в лохмотья, тощую, грязную, выглядевшую жальче всякого осужденного (преступника), и видя, что он пленник, порабощенный страстями, пренебрег его царским достоинством, так как ему казалось, что он видит царя как бы представленного на сцене, а не действительного. Какая польза во внешнем богатстве, когда внутри такая бедность? Какой опять же вред от внешней бедности, когда внутри сложено такое сокровище? Таковым львом проявил себя и блаженный Павел: войдя в темницу, он одним только голосом поколебал основания и сокрушил узы, воспользовавшись для этого не зубами, а словами. Поэтому их следовало бы даже назвать не львами, а чем-нибудь другим, еще более значительным. Ведь лев нередко улавливается, попавши в сети, а святые, когда связаны, тогда именно делаются более сильными; лев рычит, и все звери обращаются в бегство, а святой издает звук, и демоны отовсюду убегают. Но какое слово достаточно для Павловых подвигов, какой язык сможет возвыситься до похвал ему? Проявили ль что доблестное пророки, или патриархи, или праведники, или апостолы, или мученики, он, совокупив все это вместе, владел в таком совершенстве, в каком никто из названных не владел порознь из того, что доблестного каждый имел. Итак, если одна душа обладает совокупностью всего того, что есть доброго в людях, при том же в совершенстве, и не только в людях, но и у ангелов, то как мы одолеем похвалами это величие? Какого порицания не заслужим, если, видя, как один человек сосредоточил в себе все доброе, сами мы не постараемся подражать ему хотя в малейшей части? В ряду многих других подвигов патриарху Аврааму дивятся в особенности за то, что он пожертвовал своим сыном; Исааку - за незлопамятность, за то, что, будучи изгнан из собственных пределов, не сопротивлялся, но всюду уступал свои владения, пока нечестивая страсть его обидчиков не была утолена; Иакову - за стойкость и терпение; Давиду - за кротость; Илии - за ревность о (славе) Владыки. Но что могло бы сравниться с Павлом, который все это соединил в высочайшей степени? Он не сына принес в жертву, но самим собою жертвовал безконечное число раз; он не из своих пределов только был изгоняем, но точно на крыльях обошел землю и море, Элладу и варварскую страну, всякую вообще землю, находящуюся под солнцем, при чем его влачили, били, побивали камнями и каждый день подвергали смерти; он не дважды по семи лет служил, истощаемый дневным жаром и ночным холодом, но всю жизнь провел в голоде, в наготе, в оковах, темницах, в кознях и в опасностях. А по смирению и кротости кто превосходит, кто даже совершил равное с Павлом в отношении обоих этих качеств души? Если же обратишь внимание на его ревность, то найдешь, что он настолько превосходит Илию, насколько этот последний превзошел других пророков. Правда, Иоанн питался акридами и диким медом; но он (Павел) жил посреди вселенной, точно тот в пустыне, не акридами и диким медом питаясь, но пользуясь гораздо более скромной трапезой, не располагая даже необходимой пищей вследствие ревности к проповеди. Остается, наконец, уравнять его с ангелами. И пусть никто не укоряет за смелость такого слова: если Писание называло ангелом Иоанна, то что удивительного, когда мы сопоставим с этими силами человека, всех лучшего? Павел более всех людей показал, что такое человек, каково благородство нашей природы, на какую это живое существо способно добродетель, откуда оно произошло, громогласно таким образом оправдывая Владыку против всех обвинявших наше сотворение и выясняя, что между ангелами и людьми расстояние небольшое, если только мы захотим внимательно отнестись к себе. Ведь не другою Он обладал природою, не другой душе был причастен, не в другом обитал мире, но в той же земле и стране, при тех же законах и нравах он вырос, а между тем превзошел всех людей, какие где ни появлялись, и как труп рядом с трупом остался бы неподвижен, так и он, тщательно укротив естественные порывы, не потерпел никогда ничего рядом с чем бы то ни было человеческим. Подобно тому как бывает в отношении денег, что приобретший два золотых получает большое желание увеличить их и довести до десяти и двадцати, так и в отношении добродетели: кто доблестно совершил какое-

нибудь доброе дело, тот получает какое-то побуждение и поощрение к деятельности, к тому, чтобы подобным же образом приступить к совершению и многих других дел. Пусть никто у меня не ссылается на то, что многие доблестно поступают; не в этом вопрос, а в том, чтобы все так поступали. Разве ты не видишь, что это бывает и с телом: если мы ушибем и повредим хотя бы только ноготь, все тело болеет вместе с этим членом. Поэтому не о том говори, что немногие остались, которые не поступают доблестно, но на то обращай внимание, что эти немногие, не исправившись, вредят многим другим. В Коринфе один был блудодей, и тем не менее Павел так сокрушался, точно весь город погибал. И весьма справедливо: он знал, что если тот не уцеломудрится, то болезнь скоро пойдет по дальнейшему пути и поразит всех других. Если между членами тела мы отсекаем гнилой и нездоровый, из опасения, чтобы та же гибель не распространилась на остальное тело, и делаем так не из пренебрежения к нему, а из желания сберечь остальное, то насколько более необходимо поступать таким же образом по отношению к тем, которые живут вместе с нами в пороках? Если мы можем и их исправить, и сами не развратиться, то нужно все для этого сделать; если же и им предстоит остаться неисправленными, и нам пострадать, то необходимо их отсечь и отбросить. Если мы, имея испорченных сыновей, прогоняем их, не стесняясь и естественными связями, то насколько более нам следует избегать родных и знакомых, если они порочны? Что же это значит? А то, что ты уважай сам себя, и никто не сможет тебя обидеть; если же ты себя не уважаешь, то хотя бы тебя все почитали, никогда ты не будешь в почете. Если кто считается порочным, между тем в действительности он добрый, то от этого он не несет никакого вреда, потому что продолжает быть таким, каким он есть, - мало того, тот, кто заподозрил несправедливо и понапрасну, подвергается тягчайшему наказанию; если же порочный подозревается в противоположном (тому, что он есть в действительности), то отсюда он ничего не приобретает, даже понесет больший вред и впадет в большее нерадение. Кто признается таким, каков он есть, тот, быть может, и смирится и придет к сознанию своих грехов; а кто укрывается, тот впадает в безчувственность. Ведь если погрешающие люди с трудом доводятся до сокрушения, даже когда все их обвиняют, то каким образом смогут опомниться, когда не только их не обвиняют, но некоторые даже хвалят? Итак, невозможно, чтобы люди, преданные добродетели, от всех слышали о себе хорошее, невозможно также, чтобы человек, заботящийся о добродетели, не имел многих врагов: добрая у всех слава служила бы величайшим доказательством, что добродетели не придается большего значения. Да и как таковой всеми может быть восхваляем, если он старается избавить терпящих неправду от делающих неправду? Опять же, если он хочет исправить согрешающих и похвалить правильно поступающих, то неужели следует первых хвалить, а последних порицать? Итак, кто прилежно следует добродетели и получает похвалу только от Бога, тому невозможно быть восхваляемым и пользоваться хорошей славой от всех людей. Порок проявляет большую ярость против добродетели, однакож не только не вредит ей нисколько, но и делает ее более сильною для борьбы. Сила добродетели именно такова, что, и когда она терпит обиду, берет перевес над обидчиками, и когда одолевается, становится выше противников. Вспомни вот Авеля. Разве он не был убит Каином? Но, и убитый им, он доселе провозглашается и величается и так долгое время не могло затмить его память, а убивший, хотя победил, и в свое время вел жизнь тяжелее смерти, и после того доныне несет клеймо и от всех получает укоризны. И это в настоящей жизни, а что произойдет в будущем веке - какое слово, какой ум в состоянии представить? Послушай же, что говорит Христос: "**подобно**" царствие небесное "**закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки**" (Лк. 13:21). Таким образом, праведники обладают силою закваски, чтобы сообразно своему свойству обращать нечестивых. Но немного праведников, потому что и закваска мала, однакож малость эта по присущей ей силе приспособляет к себе все тесто. Так точно и сила праведников получает свою мощь не в численном количестве, но в благодати Духа. А каким образом - послушай. Апостолов было двенадцать. Видишь, как мала закваска? Вся

вселенная находилась в неверии. Видишь, как велико тесто? Но те двенадцать обратили к себе всю вселенную, потому что и закваска и тесто - одной и той же природы, но не того же самого качества. Если же и из другого примера хочешь узнать, насколько дерзновение праведника преобладает над властью тирана, то послушай, что говорит Иоанн Ироду: "**не должно тебе иметь жену брата твоего**" (Мк. 6:18). Ирод - царь, имевший телохранителей, окруженный богатством, управлявший с царской властью; Иоанн - бедняк, не имевши ни дома, ни города, ни имущества, ни пищи, кормившийся травяными акридами и диким медом. Но этот бедняк, бродивший по пустыням, самовластно повелевает властителю многолюдных городов: "**не должно тебе**". Видишь ли, как добродетель по природе начальствует над пороком? Но праведник ввергается за это в темницу; происходит горестное то пиршество, входит среди пиршества девица-плясунья и нравится Ироду и пирующим, так что Ирод клянется: "**проси у меня, чего хочешь, и дам тебе … до половины моего царства**" (Марк. 6:22-23). Видишь, как он отрекся от царства? "**Чего ни попросишь у меня, дам тебе, даже до половины моего царства**" (ст. 23). Бедный и несчастный, как поспешно ослеплены очи твоего ума! Так-то ты оцениваешь царство! Раз проплясала девица и ты отдал половину; а если пропляшет другой раз, как поступишь? Молись, чтобы вновь она не заплясала, и заплясавши не понравилась, а не то тебе останется нищенствовать. Подлинно, те, кто зарится на настоящие блага, хотя бы безмерно обогащались, хотя бы были облечены великою властью, стоят у людей преданных добродетели в ряду рабов и невольников. Пусть кто-нибудь из порочных будет царем, а из благочестивых - частным человеком: посмотрим, кто над кем будет господином, на чьей стороне будут сиять принадлежности власти, кто будет правителем и кто управляемым. Как же нам это узнать? Повелевает царь частному человеку совершить какое-нибудь дурное, исполненное нечестия дело: что же этот благочестивый частный человек и подданный? Он не только не уступит и не послушается, но еще постарается отклонить повелителя от его намерения, хотя бы пришлось за это умереть. Итак, кто же свободен - тот ли, кто делает, что хочет, не боясь даже царя, или кто находится в пренебрежении у подданного? Ведь подобно тому как пленник, хотя бы он владел безмерным богатством, по этому самому в особенности и доступен пленению у всех, так точно и тот, кто уловляется страстями, хотя бы он повязан был диадемой, бывает ничтожнее всякой паутины. Что может быть жалостнее предающихся пороку, когда они лишаются и самого наименования, права называться людьми, и подвергаются наказанию за то, что, получив по природе много способностей, продали их, добровольно позволили похитить и переметнулись на сторону порока? Если лукавый (раб) возвращает данное ему, за то, что не удвоил, то что придется услышать тому, кто еще и растратил? Если тот уводится в узах туда, где скрежет зубов, то что потерпим мы, которые, будучи увлекаемы многим к добродетели, увертываемся и медлим? Разве не видишь, как жизнь ничтожна, как она ненадежна и какой труд соединен с делами настоящей жизни? Ведь невозможно, чтобы добродетель протекала с трудом, а порок без трудов? Если же здесь и там труд, то почему ты не предпочитаешь ту (добродетель), которой присуща великая польза? Когда ты увидишь недостойного иерея, то не порицай самого иерейства, потому что нужно порицать не самый предмет, но того, кто дурно пользовался хорошим (предметом); так и Иуда сделался предателем, но это послужило к укору не апостольству, а его памяти; так и многие врачи сделались палачами, давши яду вместо лекарства, но я виню за это не искусство, а того, кто дурно воспользовался искусством; так и иные пловцы потопили корабли, но за это на них (лежит) худая память, а не на искусстве плавания. "**Надобно**" же "**придти соблазнам**", - сказано, - "**но горе тому человеку, через которого соблазн приходит**" (Мф. 18:7). Что же? Разве предсказание Его влечет соблазн? Нет, не предсказание Его; не потому это случилось, что было предсказано, но потому и предсказано, что непременно должно было случиться; так, если бы приносящие соблазны не захотели действовать соблазнительно, то сами соблазны не пришли бы; а если бы не имели придти, то и не было бы предсказано; но так как те действовали соблазнительно,

болели неисцельно, то (соблазны) пришли, и Он предсказывает то, что должно случиться. А если бы, скажут, те исправились и не было бы никого, приносящего соблазны, то не употреблено ли было бы это слово как ложное? Никоим образом, - иначе не было бы сказано; если бы надлежало всем исправиться, Он не сказал бы: "**надобно придти**"; но так как Он предвидел, что сами по себе они будут неисправимы, то поэтому и сказал, что непременно придут. А почему, скажут, (соблазны) их не погубили? Потому что потерпевшие вред гибнут не от этого, а от своего нерадения; если бы погибель происходила от соблазнов, то всем пришлось бы погибнуть. Таким образом, когда бы мы пребывали трезвы, то извлекли бы отсюда немалую пользу, побуждаясь постоянно бодрствовать. Ведь если и при наличности врагов, будучи угрожаемы столькими искушениями, мы спим, то каковы бы мы были, если бы жили в безопасности? Обрати, если угодно, внимание на первого человека. Если он, прожив короткое время, быть может, не целый даже день, в раю и вкусив наслаждения, дошел до такого зла, что вообразил себя равным Богу, счел обманщика благодетелем и не соблюл никакой заповеди, то, когда бы он провел и дальнейшую жизнь, чего бы не наделал? Если кто, однажды избавленный от зла, не вразумляется, то потерпит зло более тяжелое, чем прежде. А ему следовало бы из многого почерпать вразумление: и из того, что он прежде терпел, и из того, что избавился, и из того, что предстоит потерпеть худшее, если не переменится; если же ни от чего этого он не сделался лучше, то как ему не потерпеть более тяжелого зла, чем прежнее? И фараон, если бы исправился после первой казни, не испытал бы последующих, и не утонул бы напоследок в море со всем своим войском. Кто под угрозою оков бывает добр, тот никогда не будет добр, - освобожденный от принуждения, он возвратится к прежнему. Потому, исследуя это, не станем говорить: какое место займет тот, кто не совершил никакого ни зла, ни добра? Ведь не совершить добра значит то же, что совершить зло. Если у тебя есть какой-нибудь слуга, который и не ворует, и не огорчает, и не противоречит, воздерживается даже от пьянства и всего остального, но если он постоянно сидит без дела и ничего не исполняет из того, что должен исполнять слуга для господина, то, скажи мне, не подвергнешь ли ты его бичеванию и мучению? А между тем он не совершил никакого зла. Значит, то уже зло, что не сделал ничего хорошего. Или пусть у нас будет какой-нибудь земледелец, который нисколько не наносит вреда нашему (имуществу), не злоумышляет, не крадет, а только сложив руки сидит дома, не сеет, не пашет поля, не обрабатывает виноградника и ни в чем другом не трудится около земли: разве мы не накажем такого? А между тем он не нанес никакой обиды, мы не можем его ни в чем обвинить. Значит, он нанес обиду тем самым (что перечислено). Также в отношении нашего тела пусть будет рука, которая не наносит удара в голову, не отсекает языка, не вырывает глаза и никакого другого подобного зла не делает, а только остается в бездействии и не выполняет свойственного ей служения всему телу: разве она не заслуживает, чтобы отрубить, а не носить ее, праздную и вредную для всего тела? А что, если рот не съедает руки и не грызет груди, но оставляет без внимания то, что его касается, - разве не гораздо лучше было бы его замкнуть? Итак, если в этих вещах не только неделание зла, но и опущение добра составляет великое нечестие, то тем более в вещах духовных. О, если бы мне возможно было подвизаться за вас, а вам получать награды за подвиги, - никогда бы я на это не обижался! Как мать, видя ребенка в горячке, стоит возле него - страдающего и горящего, плачет и нередко говорит: о, дитя, если бы возможно бы мне взять твою горячку на себя, перетянуть на себя этот жар! - так и я говорю: о, если бы мне возможно было потрудиться за вас и выполнить все! Но нельзя этого, нельзя. Поэтому, кто может и других исправлять, пусть присоединяется к принимающим на себя это служение и делает людей лучшими; а кто более слаб, пусть избегает порочных, чтобы не заимствовать от них погибель. Таким образом вы и настоящую жизнь проживете в безопасности, и достигнете будущих благ, которых и да сподобимся мы все, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым слава Отцу и святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 27

О воспитании детей.

Прошу вас и умоляю, возлюбленные, будем иметь большое попечение о наших детях и всячески заботиться о спасении их души. Подражайте блаженному Иову, который, даже опасаясь прегрешений их в помышлении, приносил за них жертвы и проявлял о них большую заботливость; подражайте Аврааму, который тоже хлопотал не о деньгах и имениях, но о божественных законах, - каким бы образом передать сохранение их невредимо потомкам. И когда Давид умирал, то он вместо великого наследства, призвав своего сына, внушал то же, и обстоятельно говорит, что если захочешь, дитя, жить по законам Божиим, то ничего с тобою неожиданного не случится, все дела потекут у тебя по желанию и большою будешь ты наслаждаться безопасностью; если же ты отпадешь от этой помощи, то никакой пользы не будет тебе от царства и от этой великой власти. Ведь, если благочестие отсутствует, то и те сокровища, какие есть, погибают с опасностью и крайним позором; если же оно налицо, то и те, каких нет, приходят. Поэтому родителям следует думать не о том, как бы сделать детей богатыми серебром и золотом, а о том, как бы они стали всех богаче благочестием, мудростью и стяжанием добродетели, - как бы они не имели надобности во многом, как бы не увлекались житейскими и юношескими пожеланиями. И тщательно нужно исследовать их входы и выходы, их беседы и собрания, зная, что если это будет пренебрегаемо, то они не получат никакого снисхождения у Бога. Ведь, если с нас взыщется за заботу о других, - а сказано: "**никто не ищи своего, но каждый [пользы] другого**" (1 Кор. 10:24), - то насколько более за заботу о детях? Ты же все делаешь и предпринимаешь, как бы у них были красивая лошадь, блестящие жилища, многоценные поля, а на то, чтобы душа была хорошая и воля добрая, не обращаешь никакого внимания. Хотя бы у кого приобретения были велики и многоценны, но если он не исполнен ревностью добродетельно ими распоряжаться, - все погибнет и уйдет вместе с ним; когда же душа благородна и предана мудрости, то хотя бы в доме ничего не было отложено, безбоязненно сможет обладать всяческими благами. А что многие из родителей многое терпят из-за детей, так это оттого, что не хотят посечь, образумить словами и огорчить своих безпутно и противозаконно живущих сыновей, почему им и приходится нередко видеть, как те попадают в крайние беды, приводятся в судилище и отдаются палачам на усечение (головы). Действительно, когда сам ты не воспитываешь, когда сам не умудряешь, то он, присоединившись к негодным и испорченным людям, приобщившись к ним в пороке, приводится под действие общественных законов и наказывается на виду у всех; а после казни наступает еще больший позор, потому что после его кончины все указывают пальцами на отца и тому зазорно даже появиться на рынок. Какими в самом деле глазами он в состоянии будет смотреть на встречных после такого безобразия и несчастия его дитяти? Что могло бы быть хуже этого безумия? Неужели, скажи мне, тебе не стыдно и ты не краснеешь, когда судья наказывает и умудряет твоего сына, и он, столько времени сначала живший с тобою, нуждается в исправлении от чужого? Неужели у тебя нет желания закрыться и спрятаться? И ты, тем не менее, скажи мне, осмеливаешься еще называться отцом, предавши таким образом сына, не оказавши ему необходимой помощи и не обративши внимания на его гибель от всяких пороков? Когда ты видишь, что какой-нибудь бродяга заушает твоего ребенка, ты негодуешь, сердишься, злобствуешь и яростнее зверя подскакиваешь к лицу ударившего, - а когда видишь, как диавол каждодневно его заушает, как демоны приводят к порокам, ты спишь, не негодуешь, не сердишься, не исторгаешь сына от самого ужасного зверя? И какого удостоишься человеколюбия? Разве же не безрассудно, что ты, когда сын твой впадет в беснование, прибегаешь ко всем святым, надоедаешь живущим на вершинах гор, чтобы только избавить от этого беснования, а когда его безпрерывно угнетает грех, который тяжелее всякого беса, ты ничего не предпринимаешь? Да и ничего нет тяжелого в

том, чтобы быть мучиму бесом, потому что бес во всяком случае не может ввергнуть в геенну, и если мы трезвимся, с благодарностью переносим такие нападения, то испытание это может даже нам доставить светлые и славные венцы; а кто ведет жизнь в пороке, тому никогда невозможно спастись, тот неизбежно и здесь достоин будет поругания, и по отшествии из этой жизни понесет там вечные наказания. Чем ты в конце концов оправдаешься? Не предоставил ли я, сказано будет тебе, дитяти жить с тобою с самого начала? Я поставил тебя над ним в качестве учителя, наставника, опекуна и начальника, - всю власть над ним не отдал ли я в твои руки? Не повелел ли я его, такого нежного, обрабатывать и упорядочивать? Какое же ты получишь оправдание, если с безпечностью смотрел на его прыжки? Что ты скажешь? Что он разнуздан и неукротим? Но тебе нужно было глядеть на все это сначала, - обуздывать его, когда он был молод и доступен узде; тщательно его приучать, направлять к должному, укрощать его душевные порывы, когда он был восприимчивее к воздействию; сорную траву тогда нужно было исторгать, когда возраст был нежнее и исторгнуть можно было легче: вот тогда бы оставленные без внимания страсти не усилились и не сделались неисправимыми. Итак, какое мы представим извинение, когда Бог не щадит даже жизни детей, в случае если они нас оскорбляют, - "**кто**", - сказано, - "**злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти**" (Исх. 21:16), - а мы даже не сердимся на них, если они оскорбляют Бога? Я, говорит, не отказываюсь даже умертвить, когда он тебя оскорбляет, а ты не осмеливаешься и словом огорчить, когда он попирает Мои законы? Какого же это будет достойно снисхождения? Поэтому не будем нерадивы к детям, зная, что, если они хорошо будут вести себя в отношении к Богу, то будут уважаемы и славны в настоящей жизни. Все почитают и уважают того, кто живет добродетельно и честно, хотя бы он был всех беднее, равно как к порочному все относятся с отвращением и ненавистью, хотя бы он владел большим богатством. Кто небрежен к своим детям, тот, хотя бы в других отношениях был хорош и порядочен, понесет крайнее наказание за этот грех. А если хотите точно знать, что и в том случае, когда все наши дела будут у нас в исправности, о спасении же детей не будем заботиться, мы подвергнемся крайнему наказанию, то старательно вникайте в то, что будет сказано. Был у иудеев некий священник, человек смиренный и благочестивый; имя его было Илий; он был отцом двух сыновей; видя, что они ходят во зле, он не удерживал и не препятствовал, лучше же сказать - и удерживал и препятствовал, но делал это не со всем тщанием, наказания не налагал, а пытался только словесными вразумлениями отклонить их от нечестия, и постоянно говорил им такие слова: ("**нет, дети мои,** не делайте этого, **нехороша молва, которую я слышу**") (1 Цар. 2:24). Правда, и эти слова были достаточны для их исправления; но так как он не все сделал, что надлежало, то восстановил Бога против себя и против них, и щадя неблаговременно себя и детей, погубил вместе с детьми и собственное спасение. Кроме небрежности по отношению к детям, Богу не в чем было обвинить старика. Если же Бог ниспроверг его со всем домом, его - согрешившего более легко, то оставит ли без наказания тех, которые грешат более тяжело? Если и то, что он был священник, и что старец, и что знаменит, и что двадцать лет безпорочно начальствовал над еврейским народом, - если все это не в силах было его оправдать, но он крайне бедственно погиб за то, что не заботился тщательно о детях, и грех его нерадения, точно суровая громадная волна, все завалил и все подвиги закрыл, то какое наказание ожидает нас, которые и в добродетели много ему уступаем, и детей не только не наставляем, но поступаем в отношении их жесточе всякого варвара? Подобно тому, как кто-нибудь не может рассчитывать на оправдание и снисхождение в собственных грехах, так и родители - в грехах детей. И очень правильно. Если бы грех присущ был людям по природе, то иной по праву мог бы рассчитывать на оправдание, а так как мы по доброй воде бываем злы и добры, то какое благовидное основание может указать тот, кто допускает любимейшему своему (дитяти) развращаться и делаться порочным? Не оставляй лучше детям богатства, а оставь добродетель. И разве не крайне безрассудно, что при своей жизни не делают их

распорядителями всего имущества, а по смерти предоставляют великую свободу легкомысленной юности. Находясь в живых, мы по крайней мере в состоянии были бы потребовать отчета, в случае дурного пользования образумить и обуздать; а когда помрем, то, лишив их нас самих и оставив в их распоряжении молодость и богатство, толкнем их в безчисленные пропасти бедствий и несчастий. Будем поэтому стремиться не к тому, чтобы покинуть их богатыми, но к тому, чтобы - добродетельными. Ведь если они понадеются на богатство, то ни о чем другом не станут заботиться, потому что изобилие денег затемнит для них порочность нравов; а если они увидят, что лишены всякого с этой стороны утешения, то предпримут все, чтобы при помощи добродетели найти великое утешение в бедности. Итак, не будем приступать к частным или общественным занятиям прежде, чем направим их душу. Если вы воспитаете своих сыновей, то они в свою очередь воспитают своих, а эти последние опять научат своих: продолжаясь таким образом вплоть до пришествия Христова, дело это доставит всю награду тому, кто послужил корнем. И действительно, если ты хорошо воспитаешь ребенка, то и он также - своего сына, а тот - своего: и до самого края будет простираться как бы некоторая цепь и последовательность превосходнейшей жизни, берущая от тебя начало и корень и тебе же приносящая плоды от усердия потомков. А те отцы, которые не заботятся о благопристойности и скромности детей, бывают детоубийцами, и жесточе детоубийц, поскольку здесь дело идет о погибели и смерти души. Поэтому, подобно тому как, если ты видишь лошадь, несущуюся к пропасти, ты набрасываешь на уста ее узду, с силою поднимаешь ее на дыбы, нередко и бьешь, - что правда составляет наказание, но ведь наказание это - мать спасения, - так точно поступай и с детьми твоими, если они погрешают: связывай грешника, пока не умилостивишь Бога; не оставляй его развязанным, чтобы ему еще более не быть связану гневом Божиим. Если ты свяжешь, Бог затем не свяжет; если же не свяжешь, то его ожидают невыразимые цепи. Но, скажут, он достаточное время нес наказание. Какое, скажи мне? Год, два или три? Но я требую не продолжительности времени, а исправления души; ты то скажи - раскаялся ли, изменился ли, выполнено ли все; если этого нет, то - никакой пользы от времени. Так, мы требуем не частого перевязывания раны, а того, чтобы повязка принесла какую-нибудь пользу: если она принесла пользу в короткое время, то больше не налагается, а если никакой не принесла пользы, то и после десяти лет все еще налагается: вот он, срок освобождения связанного - его польза. И ничто так не рекомендует имеющего власть, как горячая любовь к подвластным. И отцом делает не то только, что он родил, но и то, что родивши любит. Если в области природы необходима любовь, то тем более в области благодати. А ты, о, дитя, повинуйся родившим тебя, как слуга (господину). Ведь, чем ты сможешь воздать за то, что они (дали) тебе? Тебе нельзя в свою очередь родить их. Также, когда отец вразумляет твоего брата, негодуй вместе с ним и ты - или из попечения о брате, или из сочувствия к отцу, потому что если провинившийся увидит, что отец его наказывает, а ты потворствуешь, он сделается более нерадивым, и вред не ограничится им одним, но ты и на себя навлечешь возмездие. Так и тот, кто препятствует лечить рану, повинен не меньшему, а даже большему наказанию, чем тот, кто нанес (рану), потому что не одно и тоже - ранить и мешать излечению поранения, последнее окончательно порождает смерть, а первое – не совсем.

Не будем же неуважительны к родителям, потому что если к ним отнесемся без уважения, то непременно придется смириться из боязни пред начальством; а если согрешая пренебрежем им, то ни в каком случае не сможем избежать укора совести; если и ее поставим ни во что и отвергнем, то должны будем исправиться из опасения пред людским мнением; если же и его не уважим, то нас и против нашей воли в состоянии будет образумить страх пред законами. Подобно тому как в том случае, когда наказываются злые, другие становятся лучше, так и в случае, когда некоторые поступают правильно, многие побуждаются подражать им. И ребенок, пока находится под руководством строгого воспитателя, не возбуждает удивления, хотя бы был скромен, хотя бы жил

благопристойно, - все приписывают скромность юноши страху пред воспитателем; а когда эта надобность (в воспитателе) минует и он останется при той же чистоте нравов, тогда все вменяют ему самому и скромность предшествующего возраста. Поэтому воспитателей нужно более ценить и любить, чем отцов: от этих последних получается (просто) жизнь, а от тех жизнь хорошая. И если у тебя отец - святой жизни, не чванься: это именно и послужит для тебя к большему осуждению, когда, имея дома образец благородства, ты поведешь себя недостойно прародительской добродетели. Великое благо - в собственных добрых поступках иметь надежды спасения, потому что в тамошнем веке ни в каком случае никакой друг не заступится. Если здесь сказано Иеремии: не проси за народ этот, - здесь, где мы властны перемениться, то тем более в тамошнем веке. Таким образом похвала предкам, если мы к ней причастны, служит похвалой и нам; а если - нет, то никакого значения не имеет, навлекает даже большее осуждение. Каким именно образом - послушай: у Давида был сын Авессалом, юноша неисправимый, испорченный; он восстал некогда против отца, и, лишив его царства, дома и отечества, овладел всем вместо него; он не уважил ни природы, ни воспитания, ни возраста, ни того, что раньше получил, но так был жесток и безчеловечен, зверь более, чем человек, что, разрушив все эти препятствия, с безстыдством попрал самые законы природы и все наполнил смятением и ужасом. Ведь ему следовало бы отнестись с уважением, если не как к отцу, то как к старцу: если же пренебрег старостью, то следовало постыдиться его как благодетеля; если и не это, то как не совершившего никакой несправедливости. Но страсть властолюбия изгнала всякий такой стыд и сделала человека зверем. И этот блаженный, родивший его и воспитавший, бродил по пустыне точно скиталец и беглец, точно изгнанник, наказанный ссылкой и соединенными с нею невзгодами, а он между тем наслаждался отцовским добром. Когда обстоятельства находились в таком положении, когда и войска у него были приготовлены, и города находились под властью тирана, некто Хусий, человек добрый и друг Давида, сохранивший к нему дружбу несмотря на такую превратность времен, когда увидел, что он бродит по пустыне, разорвал одежду, посыпал себя пеплом, издал стон, горько и жалостно вскрикнул: он предложил в утешение слезы, потому что ничего сделать не мог. Он был другом не времен и не власти, но добродетели; поэтому, когда власть была утрачена, он не изменил дружбы. И вот, видя, что он так поступает, Давид говорит к нему: это - признак друга и искренно к нам расположенного, но никакой пользы нам не приносит; а что следовало бы посоветовать и предпринять, чтобы ужасы разрешились и я нашел бы какой-нибудь выход из несчастий? Сказав это, он предлагает ему такую мысль: иди, говорит, к моему сыну, надень личину друга, расстрой его замыслы и сделай недействительным совет Ахитофела. А этот Ахитофел имел влияние на тирана, был близок к нему, был искусен в военных делах, умел командовать и сражаться; потому-то Давид более боялся его, чем тирана: до того этот человек был опасен в советах. Выслушав это, Хусий повиновался, не подумал ничего малодушного или трусливого, и не сказал: а что, если меня схватят? Что, если личина моя откроется и изобличится? Что, если дело притворства обнаружится? Ахитофел хитер, - пожалуй и это он изобличит и раскроет, а я погибну задаром и понапрасну. Ничего такого он не подумал, отправился к войску и, положившись на Бога, бросился в средину опасностей. Когда же вступил в город, то, видя тирана приближающимся, подошел к нему; а тот, заметив его вдруг и будучи опьянен властолюбием, не стал тщательно расследовать его дел, но сказал с насмешкой и укором: уходи к своему товарищу! - из ненависти и великой вражды не желая даже назвать имени отца. Хусий же, нисколько не смутившись и не испугавшись, - что говорит? Когда Бог был с ним, и я стоял за него, а когда Он теперь с тобой, естественно служить тебе. Польстило это тирану и возбудило гордость, и он, ничего тщательно не исследовавши, - ведь легкомысленный человек, обойденный противниками, верит всякому слову, - вводит его в число приближенных и вписывает в число первых друзей. Все же это устраивал Бог, там присутствовавший и направлявший события. И, наконец, когда составлен был военный совет, и с разных сторон разные предлагались мнения насчет того, сейчас ли

нужно действовать, или немного погодить, выступил в качестве советника, подающего мнение, тот страшный Ахитофел, и подал такой совет: пока отец твой в настоящее время смущен и напуган, мы ударим на него, и таким образом, не давши ему и мало вздохнуть, погубим; если мы теперь нападем на него, пока он не подготовлен, то нам не представится никакого труда. Выслушав это, тиран зовет и Хусия, лицемерно к нему перебежавшего, и говорит: обменяемся и с ним словом, - что случилось отнюдь не в силу человеческой последовательности, т.е. что сейчас только пришедший был так почтен, признан заслуживающим веры и удостоен совещания по таким делам, но, как я сказал, тогда Бог направлял, и трудное делалось легким. И Хусий приводится, тиран откровенно передает ему дело, и предлагает сказать, что он думает? Что же Хусий? Никогда, говорит, так не ошибался Ахитофел. Замечаешь ли благоразумие мужа? Не сразу выражает пред ним мнение, но с похвалой, - сначала удивляется ему, как подававшему удачные советы в прежнее время, и потом уже порицает настоящее его мнение, - как бы так говорит: дивлюсь, каким образом он ошибся, потому что это мнение не представляется мне соответствующим. Если мы теперь нападем, то отец твой, как обезумевший какой-нибудь медведь, будучи преисполнен ярости, отчаявшись в собственной жизни, сражаясь с пылающим гневом, не обратит никакого внимания на собственное спасение, и с великим неистовством обрушится на нас; если же мы немного помедлим, то нападем с большими силами и с большею уверенностью, без труда и легко захватим его как бы в сети и уведем. Авессалом похвалил это мнение и признал его более для себя полезным. Говорил же это Хусий с целью дать Давиду время несколько оправиться, отдохнуть и собрать войско. Устранив таким образом мнение Ахитофела, он через некоторых тайно отправленных мужей сообщил обо всем Давиду, что именно тиран одобрил его мнение, обещающее победу Давиду. Так и случилось, потому что когда бывшие с тираном немного уступили, Давид, подготовившись, напал и одержал верх. Ахитофел, который благодаря большому уму и проницательности знал, какой будет конец этому, что именно мнение то гибельно для Авессалома, не вынесши такого огорчения, ушел, надел петлю и удавился, и таким образом покончил жизнь. Итак, об Ахитофеле и Авессаломе сказано: "**злоба его обратится на его голову**" (Пс. 7:17), потому что наказание сошло на голову обоих. Воспользовавшийся веревкой так именно окончил жизнь; Авессалом же не повесился, но против воли повис, и не сразу умер, но как бы в темнице прежде был связан и прикреплен к дереву, и по Божию приговору, свыше произнесенному, долгое время висел, бичуемый сверх того совестью. И чтобы ты знал, что не человеческим старанием это произошло, но всецело был суд Божий, его привязали к дереву волосы, ему изменило неразумное животное, вместо веревки послужили волосы, вместо столба - дерево, вместо воина - лошак. И обрати внимание на Божие милосердие; Он оставил его на долгое время, склоняя к раскаянию, и давая возможность испытать отцовское расположение. Ведь если бы он не был зверем и не обладал каменной душой, то все это способно было бы отклонить его от несчастного безумия - (разумею) стол, за которым он имел общение с отцом в пище, дом, собрания, на которых обменивался разговорами, и все другое, откуда могло последовать примирение для него, совершившего такое смертоубийство. Кроме этого, и нечто другое в состоянии было его смягчить. Он именно слышал, что (отец) скитался как изгнанник и беглец, что он вытерпел крайние беды. Как же ему было не понять, что даже в случае победы ему, проклятому и преступному в самом торжестве, пришлось бы вести жизнь самую бедственную? И в довершение этого, отец был стар и близок к ожиданию - протянуть короткое лишь время. Где теперь оплакивающие его бедственность? Какой бедственности это не тяжелее, какой болезни, какой печали? Однакож ничего такого не сказал самому себе этот праведник, не пришел в отчаяние, не восстенал, говоря: хорошее же я получаю возмездие, я - упражнявшийся в законе Его день и ночь, после такого достоинства ставший всех унизительнее, пощаженный врагами и отданный в руки необузданного сына! Ничего такого он не сказал, не подумал, но все переносил с благоразумием, одно только утешение случившемуся имея в убеждении, что это

случилось с ведома Божия. И как три отрока, находясь в пещи, говорили: "**Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся**" (Дан. 3:18), и если бы кто сказал им: с какою надеждою умираете? чего ожидая, на что надеясь после смерти, после этого огня? нет надежды на воскресение, то услышал бы от них, что для нас в том заключается величайшее воздаяние, что умираем за Бога, - так точно и он то считал величайшим для себя утешением, что Бог, зная это, не воспрепятствовал. И если любящий тысячи раз готов потерпеть смерть за любимую, хотя бы после смерти ничего от нее не ждал, то много более мы должны переносить это не в ожидании царства, не в какой-нибудь другой надежде на будущие блага, но для самого Бога, потому что Ему приличествует слава во веки веков. Аминь.

СЛОВО 28

О клятвах.

Не будем, возлюбленные, пренебрегать добродетелью души. В самом деле, скажите, какое мученье оставить гнев на обидевшего? Наоборот, мученье - помнить зло и не мириться. Какой труд никого не злословить? Какая тяжесть быть свободным от зависти, ссор и зложелательства? Какая трудность любить ближнего? Какая тягость не клясться? Часто, в припадке гнева и ярости, мы клянемся никогда не мириться с оскорбителями, а потом, когда гнев утихнет, хотя и желаем помириться, не решаемся сделать этого, будучи удерживаемы, как бы какой западней, необходимостью данной клятвы. Поэтому с нами должно случиться что-либо одно из двух: или мы, помирившись, нарушим клятву, или, не помирившись, сделаем себя повинными наказанию за злопамятство. Не безрассудно ли, с нашей стороны, что имея одежду, лучшую прочих, мы не позволяем себе постоянно употреблять ее, между тем как имя Божие всюду треплем без всякого уважения и причины. Не всякий, ведь, грех влечет за собою одинаковое наказание; грехи, которые могут быть легко исправлены, навлекают на нас большее наказание; клянущиеся же не могут представить в свою пользу никакого оправдания, кроме лишь пренебрежения к имени Божию. Я знаю, что кажусь вам уже тяжким и ненавистным, докучая, по-видимому, постоянными увещаниями; и все же не отстану докучать, чтобы вы, хоть устыдившись такого моего бесстыдства, отстали от дурной привычки клясться. Если неумолимый и жестокий судия, о котором говорится в Евангелии, устыдившись неотступных просьб вдовицы, изменил свое поведение (Лк. 11), то гораздо более сделаете это вы, и особенно, когда убеждающий вас делает это не ради себя, а ради вашего же спасения. Впрочем, я не отказался бы делать это и ради себя самого, потому что считаю ваши добрые дела собственными своими заслугами. Если бы не было ни геенны, ни наказания, а я, подойдя к вам, попросил бы сделать это в качестве милости, то не согласились ли бы вы? не удовлетворили ли бы столь легкой просьбы так просящего у вас милости? Когда же Бог просит того же самого, и при том ради вас, дающих, а не ради Себя, получающего, то кто так неблагодарен, кто так жалок и несчастен, что не даст Богу, просящему милости? Итак, умоляю вас, чтобы вы, принявши усекновенную и еще истекающую теплою кровью главу Иоанна, возвратились с ней каждый в свой дом, и имели мысленно ее пред своими глазами, и слышали, как она говорит: ненавидьте моего убийцу - клятву. Часто, ведь, бывает, что мастер клянется своему ученику, что не даст ему ни есть, ни пить до тех пор, пока он не кончит всей данной ему работы. Точно также поступает часто и воспитатель с юношей, и госпожа со служанкой. А когда наступает вечер, и работа бывает не кончена, оказывается необходимым или неисполнившим дела умереть с голоду, или поклявшимся нарушить свою клятву. Нередко также бывает, что, когда мы дома обедаем и кто-нибудь из слуг провинится, жена клянется наказать его, а муж клянется наоборот, поднимает спор и не позволяет этого делать. В этом случае, что бы они ни сделали, им всячески

необходимо совершить клятвопреступление: что бы ни случилось, тот или другой из них непременно будет виновен в клятвопреступлении, вернее же – и тот и другой. А как, я объясню это - потому что это представляется довольно странным. Тот, кто поклялся наказать слугу или служанку, а потом был удержан от этого, и сам совершает клятвопреступление, не сделавши того, в чем поклялся, и на того, кто удержал его и заставил нарушить верность клятвы, навлекает обвинение в клятвопреступлении, - потому что не только нарушающие сами клятву, но и заставляющие других делать это заслуживают одинаковое обвинение. Не странно ли, что слуга не смеет при всяком удобном и неудобном случае называть своего господина по имени, между тем как Владыку ангелов мы всюду поминаем легкомысленно и с полным пренебрежением? Хочешь знать, как можно освободиться от дурной привычки клясться? Я научу тебя одному способу, и если ты применишь его, то непременно победишь эту привычку. Именно. Когда ты увидишь, что или сам ты, или кто другой пленен этой дурной страстью, и, несмотря на постоянные увещания, не исправляется, то вели лечь спать не поужинавши. Наложи это наказание и на себя, и на другого, - наказание, приносящее не вред, а пользу. Язык, будучи подвержен постоянно такой пытке, если даже никто не будет и напоминать, получает достаточное внушение; и хотя бы мы были совершенно безчувственными, но, получая целый день напоминание от такой пытки, мы не будем иметь нужды ни в каком другом совете или увещании. "**Ибо, как раб",** - говорится, - "**постоянно подвергающийся наказанию, не избавляется от ран, так и клянущийся непрестанно именем Святаго не очистится от греха**" (Сир. 23:10). Итак, принудим себя оставить привычку клясться и измениться к лучшему. Хотя я и вчера, и третьего дня беседовал с вами об этом предмете, но не перестану внушать то же и сегодня, и завтра, и послезавтра. И что говорю: завтра и послезавтра? Не отстану до тех пор, пока не увижу вас исправившимися. Не говорящий виноват, если он постоянно напоминает об одном и том же, а слушающие, которые нуждаются в постоянном научении. Что может быть легче, как не клясться? Это дело только привычки; не какой-нибудь телесный труд. Пусть тот, кто уже успел исправиться, порицает отставшего, чтобы сильнее побудить его укоризнами; пусть тот, кто запоздал и еще не исправился, смотрит на преуспевшего и старается скорее сравняться с ним. И пусть не говорят мне: а что, если кто-нибудь поставит нас в необходимость поклясться? что, если он не поверит? Нет; где нарушается закон, там не следует совершенно и упоминать о необходимости, потому что есть только одна неотвратимая необходимость - не оскорблять Бога. Впрочем, теперь я говорю только о том, чтобы мы прекратили излишние клятвы, произносимые без причины и необходимости, - дома, пред друзьями, пред слугами. И если ты уничтожишь эти клятвы, то для тех тебе уже не будет никакой нужды во мне, потому что сами уста, научившись бояться и избегать клятв, не допустят уже никогда впасть в эту привычку, хотя бы их тысячу раз принуждали к тому. Говорят, что один из языческих риторов имел странную привычку во время ходьбы постоянно двигать правым плечом; и тем не менее он одолел эту привычку, положивши на оба плеча острые мечи, чтобы страхом укола удержать двигавшийся член. Так поступай и ты со своим языком, и вместо меча возложи на него страх наказания, и ты непременно победишь. Невозможно, подлинно невозможно, чтобы заботящиеся и старающиеся сделать это когда-нибудь потерпели неудачу. Какое же будет нам оправдание, какое прощение, если после стольких увещаний мы все еще предаемся пороку клясться? Как мы будем просить Бога об избавлении от обдержащих нас бедствий, когда оказываемся не в состоянии исполнить даже одной заповеди? Как мы можем ожидать доброй перемены обстоятельств? Как будем молиться? Каким языком призовем Бога? Не безрассудно ли, когда приказывает царь, и труднейшее переносить, а когда заповедует Бог заповеди отнюдь не тяжкие и трудные, пренебрегать их и ссылаться на дурную привычку? Не будем, умоляю вас, не будем до такой степени пренебрегать своим спасением: убоимся Бога, как боимся человека. Безрассудно, ведь, царские законы соблюдать с точностью, а законы божественные и нисшедшие с неба легкомысленно

пренебрегать. Почему Бог поражает мечем не только самого клянущегося, но и дом его? Потому, что Он хочет, чтобы наказания за наиболее тяжкие грехи оставались навсегда, дабы стали осторожнее все последующие поколения. В самом деле, клятвопреступник после смерти необходимо должен быть погребен и предан в недра земли. И вот, чтобы вместе с телом его не похоронить и нечестия, Бог делает дом его могильным холмом, дабы все преходящие, видя его, и узнавая причину разрушения, бежали подражания греху. Так случилось с содомлянами. Когда они разожглись похотью друг на друга, возожглась и природа земли, и вид этой земли яснее всякого голоса увещевает все последующие поколения, как бы взывая и говоря им: не делайте таких дел, чтобы не потерпеть такого же наказания. Что ты делаешь, человек? Клянешься у священной трапезы, и где лежит закланный Христос, там закалаешь своего брата? Разбойники хоть убивают на дорогах; а ты на глазах у матери убиваешь ее сына, совершая более преступное убийство, чем Каин; тот убил брата в пустыне настоящей смертью, а ты убиваешь брата среди церкви смертью будущей. Разве церковь существует для того, чтобы мы клялись в ней? Для того она, чтобы мы молились в ней. Разве священная трапеза стоит для того, чтобы заставлять перед ней клясться? Для того стоит она, чтобы мы разрешали наши грехи, а не связывали. Устыдись, если не другого чего, то хоть той самой книги, которую протягиваешь для клятвы; раскрой Евангелие, которое держа в руках, ты велишь клясться, и услышав, что там заповедует Христос относительно клятв, вострепещи и откажись от своего требования. Что же говорит Он там о клятвах? "**А Я говорю вам: не клянись вовсе**" (Мф. 5:34). А ты тот самый закон, который запрещает клясться, делаешь свидетелем клятвы? Какое оскорбление! Какое противозаконие! Ведь ты делаешь то же самое, как если бы взял в свои сообщники законодателя, запрещающего убивать, и в его присутствии велел совершить убийство. Итак, подобно тому, как во время битвы мы часто спокойно сносим оскорбления и говорим оскорбителю: что мне делать с тобою? такой-то, защитник твой, обидел меня; он удерживает мои руки; и этого бывает достаточно для нашего утешения, - так точно и в том случае, когда ты думаешь заставить кого-нибудь поклясться, удержись и не допусти этого, и скажи собирающемуся поклясться: что мне сделать с тобою? Бог не повелел ни клясться, ни требовать от других клятвы: Он удерживает меня теперь. Этого достаточно, чтобы оказать честь и Законодателю, и дать надежное ручательство тебе, и внушить страх намеревавшемуся поклясться. Позвольте мне сказать уходящим отсюда: ни в одном городе нельзя наблюдать того, что есть в Антиохии: жители этого города скорее готовы вырвать язык, чем выпустить с уст своих клятву. Если приобретший одного или двух получит от Бога великую награду, то каких же воздаяний не получат те, кто наставляет всю вселенную? Но часто по привычке язык порывается произнести это дурное слово. А ты, когда он будет порываться, закуси его крепко со всех сторон зубами, прежде чем он произнесет слово: лучше ему теперь обливаться кровью, чем тогда жаждать капли воды и не иметь возможности получить утешение. Что ты делаешь, человек, хуля своего Благодетеля, Спасителя, Заступника и Попечителя? Или ты не замечаешь, что несешься в стремнину и чаешь свое несчастие, если будешь хулить Бога? Напротив, ты только усиливаешь его, и делаешь свою муку более тяжкой. Для того, ведь, диавол и наводит безчисленные беды, чтобы ввергнуть тебя в эту бездну; и если видит, что ты хулишь Бога, легко умножает, и делает более тяжкой твою скорбь, чтобы ты от огорчения опять потерял терпение; а если видит, что ты переносишь мужественно, и чем более усиливается страдание, тем более благодаришь Бога, то тотчас же отстает, чувствуя, что уже напрасно и безцельно строит козни. И подобно тому как собака, стоящая около стола, если видит, что сидящий за столом человек постоянно бросает ей что-нибудь из кушаний, постоянно остается у стола, а если, постояв раз-два, уходит, ничего не получивши, то отстает, наконец, видя, что совершенно напрасно ожидает, так точно и диавол постоянно смотрит на нас: если ты бросишь ему, как собаке, богохульное слово, он, получивши его, будет приставать опять, а если ты будешь постоянно благодарить, то задушишь его голодом, скоро отстранишь его от себя и заставишь удалиться. И что это так, расскажу вам одну

древнюю историю. Однажды, когда на иудеев напали враги, и Ионафан (он был сыном Саула) одних перебил, а других обратил в бегство, его отец Саул, желая как можно больше возбудить войска против оставшихся и заставить их до тех пор не прекращать преследования, пока не одолеют всех, сделал обратное тому, чего желал, поклявшись, что никто не будет есть хлеба до отмщения врагам его (1 Цар. 14:24 сл.). Могло ли быть что-либо безрассуднее этого? Вместо того, чтобы дать отдохнуть утрудившимся и утомившимся воинам и направить на врага более свежие силы, он обошелся с ними хуже самих врагов, обрекши их насильственной клятвой на жестокий голод. Опасно даже и относительно себя самого клясться, потому что часто мы встречаем препятствия во внешних обстоятельствах: тем более опасно связывать узами своих клятв свободу других, как это сделал тогда неосмотрительно Саул. Войско проходило чрез лес, в котором был пчельник, и мед был пред глазами людей; и вошел народ в пчельник, и проходил через него, говоря о меде. Видишь, какая пропасть: трапеза неожиданная; и легкость достать ее, и приятность пиши, и надежда остаться незамеченными влекла их к нарушению клятвы. И "**Ионафан**", не слышавший, "**когда отец его заклинал народ, и, протянув конец палки, которая была в руке его, обмокнул ее в сот медовый и обратил рукою к устам своим, и просветлели глаза его**" (1 Цар. 14:27), Смотри, кого лукавый толкнул на клятвопреступление? Не кого-либо из простых воинов, но самого сына поклявшегося царя. Он хотел не только совершить клятвопреступление, но подготовлял и сыноубийство, и старался вооружить против себя саму природу; и что он некогда сделал с Иеффаем, то же самое надеялся сделать и теперь. И тот, ведь, обещавшись принести Богу в жертву первого, кто встретится ему после победы над врагом, впал в детоубийство, потому что принес в жертву дочь свою, которая первою вышла ему навстречу (Суд. 11). Да что я говорю: детоубийство? Этот лукавый ухитрился найти убийство даже и того еще преступнее. В самом деле, если бы он сознательно согрешил и был убит, то совершилось бы только детоубийство; теперь же, когда он согрешил по неведению (так как он не слышал клятвы) и был бы убит, он причинил бы отцу вдвойне скорбь. Затем, говорится, один из воинов, увидя это, сказал: "**отец твой заклял народ**", который есть будет (хлеб в день сей: и изнемогоша людие) **"сказав: 'проклят, кто сегодня вкусит пищи'; от этого народ истомился**. **И сказал Ионафан**": погубил отец мой всех (1 Цар. 14:28 - 29). Итак, несмотря на то, что клятва была нарушена, все об этом молчали, и никто не осмеливался указать на виновного. Между тем и это составляло новое немалое преступление, потому что не только нарушители клятвы, но и знающие и укрывающие их делаются виновными в преступлении. "**Священник же сказал: приступим здесь к Богу. И вопросил Саул Бога: идти ли мне [в погоню] за Филистимлянами?**" и "**предашь ли их в руки**" мои**?** "**Но Он не отвечал ему в тот день**" (ст. 36, 37). Смотри на милосердие и снисхождение человеколюбца-Бога: не послал Он молнию, не потряс землю, а как поступают друзья в отношении к друзьям, когда подвергаются оскорблению, так поступил со своим рабом и Владыка. "**Тогда сказал Саул: пусть подойдут сюда все начальники народа и разведают и узнают, на ком грех ныне? ибо, -- жив Господь, спасший Израиля, -- если окажется и на Ионафане, сыне моем, то и он умрет непременно**" (ст. 38 - 39). Согрешивший не был еще открыт, а он уже совершил над ним суд; не зная виновного, произнес осуждение, отец стал палачом, и прежде исследования дела вынес обвинительный приговор. И что много говорить? Предоставил решение дела жребию. "**Тогда сказал Саул: бросьте жребий**" между мною и Ионафаном. "**И сказал Саул Ионафану: расскажи мне, что сделал ты?** " И сказал Ионафан: "**я отведал концом палки, которая в руке моей, немного меду; и вот, я должен умереть**" (ст. 42, 43). Кого не тронули бы, в ком не возбудили бы сожаление эти слова? Представь, какую бурю испытывал теперь Саул, когда разрывалась утроба его, и с той и другой стороны пред ним открывалась глубочайшая бездна. Но несмотря и на это, он не одумался, а что говорит? "**Пусть то и то сделает мне Бог, и еще больше сделает; ты, Ионафан, должен сегодня умереть! Но народ сказал Саулу":** пусть то и то сделает нам Бог, и еще больше сделает,

если смертию умрет сотворивый спасение велие ("**Ионафану ли умереть, который доставил столь великое спасение**") Израилю: "**жив Господь, и волос не упадет с головы его на землю, ибо с Богом он действовал ныне**" (ст. 44 - 45). Вот и народ вторично поклялся, и поклялся в противном царю. Необходимо наконец разорвать клятву, потому что невозможно, чтобы все они дали верную клятву. В самом деле, если бы царь захотел настоять на своем и исполнить клятву, то восстал бы против этого весь народ, и вышло бы страшное насилие; с другой стороны, если бы сын, спасая свою жизнь, захотел отдаться под защиту войска, то сделался бы тотчас же отцеубийцей. Видишь ли и насилие, и сыноубийство, и отцеубийство, и междоусобную войну, и брань, и убийства, и потоки крови, и тысячи трупов из-за одной клятвы? Видишь, какой ров погибели учинила клятва? Итак, чтобы и с нами не случилось того же, что и с ними, отстанем от дурной привычки клясться, дабы, привлекши этим благоволение Божие на себя, и настоящую жизнь безопасно пройти, и удостоиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, со Отцем и всесвятым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 29

О незлобии, злотерпении и злопамятовании.

Кого другого, возлюбленные, должны указать мы в качестве примера, намереваясь говорить с вами о кротости, как не того, кто получил свидетельство свыше и кому особенно удивляются именно за это? "**Нашел Я**", - говорится, **-** "**мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иессеева**" (Деян. 13:22), который не только кормил и поил своих врагов, но часто избавлял их даже от смерти, когда они подвергались опасностям. Саул, напр., после безчисленных благодеяний, оказанных ему Давидом, после блестящих побед и спасения от Голиафа, до такой степени ненавидел и не терпел его, что не мог спокойно вспомнить даже его имени. Так однажды во время праздника, умыслив на него хитрый и коварный умысел, он спрашивал, не видя его в числе присутствующих: где "**сын Иессеев**" (1 Цар. 20:27)? Не имея возможности указать никакого позорного дела, он выставляет на вид низкое его происхождение, думая этим помрачить его славу. Между тем Давид, найдя его спящим в пещере, не назвал его сыном Кисовым, а именем его сана: да не нанесу "**руку мою**", - говорит, - на "**помазанника Господня**" (1 Цар. 26:11). Так был он чужд всякого гнева и злопамятства: помазанником Господа называет человека, который причинил ему столько обид, который жаждал его крови, который после безчисленных благодеяний неоднократно замышлял убить его! Он смотрел не на то, чего тот заслуживал, а на то, что подобало и сделать и сказать ему. Что это? Ты, захватив врага как бы в темнице, связанного тройными узами – и теснотой места, и отсутствием защитников, и узами сна, - не подвергаешь его ни мщению, ни наказанию, а говоришь: да не нанесу "**руку мою на помазанника Господня**"? Да, говорит, потому что я смотрю теперь не на то, чего он заслуживает, а на то, что надлежит мне делать. Вы, может быть, удивляетесь Давиду потому, что он не вспомнил ни одного из прошедших бедствий, а я изумляюсь ему по другому, гораздо более важному, обстоятельству. По какому же именно? По тому, что даже и страх за будущее не заставил его поднять руку на врага. Он, ведь, прекрасно знал, что Саул, избежав его рук, снова поднимается против него; однако предпочел лучше сам подвергаться опасностям, отпустив на свободу своего гонителя, чем убить врага, заботясь о собственной безопасности. И ни память о прошедших обидах, ни страх за будущее, ни побуждение со стороны военачальника, ни пустынность местности, ни легкость убийства, ни что другое не побудило его к кровопролитию; напротив, он пощадил своего врага и гонителя, как будто какого благодетеля, оказавшего ему великие услуги; и отрезав у него край одежды и взяв сосуд с водою, отошел на большое расстояние и, став там, громко позвал спасенного и показал ему эти предметы; и сделал это не напоказ или ради

честолюбия, а желая самым делом убедить его, что он совершенно напрасно смотрит на него как на врага, и стараясь этим расположить его к дружественному отношению. Не отмстить просто врагу, причинившему нам неприятности, в этом нет ничего удивительного; но захвативши в свои руки и имея полную возможность убить человека, который был облагодетельствован многочисленными и великими благодеяниями, и затем в отплату за эти благодеяния не раз, и не два, а многократно замышлял убить благодетеля, - захвативши такого человека, отпустить его и спасти от злоумышлений других, и при том когда он намерен опять поступать так же коварно, - выше этого может ли простираться любомудрие? Наоборот, может ли быть что-нибудь преступнее тех отношений, которые показал Саул к Давиду? Когда последним только что отражены были враги, когда народ пришел в себя, и все приносили благодарственные жертвы за победу, он замыслил убить благодетеля и спасителя, и виновника всех этих благ. И даже оказанное благодеяние не укротило этого злобствовавшего безумца, и не раз, не два, а многократно он бросал в него копье, желая убить его: таковы-то награды он воздавал ему за те опасности, которым тот подвергал себя. "**И злой дух от Бога напал на Саула, и он сидел в доме своем, и копье его было в руке его, а Давид играл рукою своею на струнах. И хотел Саул пригвоздить Давида копьем к стене, но Давид отскочил от Саула, и копье вонзилось в стену**" (1 Цар. 19:9-10, 18:11). Кого из людей, даже весьма привыкших любомудрствовать, не привело бы это в ярость? А этот предпочел лучше бежать, лишиться отеческого дома, быть скитальцем и беглецом, и с трудом добывать себе необходимое пропитание, чем сделаться для царя виновником убийства. Он заботился не о том, чтобы отмстить за себя, а о том, чтобы избавить врага от его страсти. Для того он и скрылся от глаз врага, чтобы ослабить гнев, охладить пыл и утишить зависть. Лучше мне, говорил он, быть в нужде и терпеть тысячи зол, чем ему быть судиму Богом за неправедное убийство. Итак, что может равняться с этой благородной и адамантовой душой, которая избрала бедность вместо богатства, одиночество пустыни вместо родины, труды и опасности вместо спокойной и безопасной жизни, чтобы только избавить своего врага от ненависти к себе? Какого озверевшего и лютого человека не заставило бы это оставить вражду и отстать от зависти? Но того жестокого и безсердечного ничто не могло заставить склониться к доброжелательству: напротив, он преследовал и всюду разыскивал того, кто не причинил ему никакой обиды, и, будучи напротив обижен в высшей степени, сделал ему вместо этого безконечное множество добра. Наконец, совершенно неожиданно он попадает в самые сети Давида. "**Там**", - говорится, - "**была пещера, и зашел туда Саул для нужды; Давид же и люди его сидели в глубине пещеры. И говорили Давиду люди его: вот день, о котором говорил тебе Господь: `вот, Я предам врага твоего в руки твои, и сделаешь с ним, что тебе угодно'. Давид встал и тихонько отрезал край от верхней одежды Саула. Но после сего больно стало сердцу Давида, что он отрезал край от одежды Саула. И сказал он людям своим: да не попустит мне Господь сделать это господину моему, помазаннику Господню, чтобы наложить руку мою на него, ибо он помазанник Господень".** (1 Цар. 24:4-7). Да будет милостив, как бы так говорит он, ко мне Бог; если бы даже я сам захотел, да не попустит Он когда-нибудь мне сделать это, да не допустит дойти до такого греха. Что может быть кротче этой души? Назовем ли человеком этого мужа, который в естестве человеческом показал жизнь ангельскую? Но этого не допустили бы божественные законы. В самом деле, скажи мне, кто бы мог скоро решиться обратиться с такой молитвой к Богу? Да что я говорю - обратиться с такой молитвой? Кто, наоборот, легко согласился бы не проклинать причинившего ему обиду? Видишь натянутые сети Давида, видишь пойманную добычу, видишь стоящего охотника, и как все понуждают его вонзить нож в грудь врага? Смотри же теперь и на любомудрие, смотри на брань, победу, и венец. Поистине, эта пещера была ристалищем, и здесь совершилась некая дивная и неслыханная борьба. Боролся Давид, бойцом-противником был гнев, в качестве награды за победу служил Саул, и судьей состязания был Бог. Брань у него была не только с самим собою и со своей страстью, но и

с присутствовавшими воинами. Если даже сам он и желал показать любомудрие и пощадить обидчика, то ему следовало еще опасаться их, чтобы они не убили его в пещере, как предателя и погубителя их спасения, как человека, который спасает их общего врага. Естественно, что они могли с негодованием говорить ему: мы стали скитальцами и беглецами, лишились и дома, и родины, и всего прочего, и разделяли с тобой все тягости; а ты, захватив в свои руки виновника этих бед, думаешь отпустить его, чтобы нам никогда не иметь отдыха от этих бедствий, и стараясь спасти врага, предаешь друзей? Где же тут справедливость? Если ты пренебрегаешь собственным спасением, то пощади нашу жизнь. Тебя не огорчает прошедшее, и ты не помнишь зол, которые потерпел от него? Так хоть ради будущего убей его, чтобы нам не подвергнуться еще большим и более тяжким бедствиям. Но ни о чем подобном не думал этот праведник, а смотрел только на одно, как бы ему украситься венцом незлобия. Не так, ведь, было бы удивительно, если бы он пощадил своего обидчика, будучи наедине только с самим собою, как удивительно теперь, когда он сделал то же самое в присутствии других, и при том других - не кротких и скромных людей, а воинов, приученных воевать, приходивших в отчаяние от множества трудов и желавших несколько отдохнуть от них, и при том знавших, что разрешение всех зол заключалось тогда в убийстве врага, и не только разрешение зол, но и приобретение безчисленных благ, потому что после убийства его ничто не препятствовало перейти царской власти тотчас же к Давиду. И несмотря на то, что было столько обстоятельств, раздражавших воинов, этот доблестный муж оказался в силах победить всех их и убедить пощадить врага. Великое дело, если кто-нибудь сам побеждает собственные свои страсти; но гораздо большее, когда он может и других убедить иметь одинаковые с ним мысли. Много, конечно, есть врагов, и, по-видимому, любомудрствующих, которые, хотя сами и не допустят себе убить своих врагов, не станут, однако, препятствовать, когда последних собираются убить другие. Но Давид поступал не так; но, как бы приняв какой-нибудь залог и готовясь дать за него ответ, он не только сам не трогал врага, но и других, желавших убить его, удерживал, являясь таким образом вместо врага наилучшим телохранителем и стражем. Итак, не погрешит тот, кто скажет, что Давид подвергался тогда больше опасности, чем Саул. Действительно, он выдержал немалую борьбу, когда всячески старался избавить его от злого умысла воинов, и не так боялся бы, если бы ему самому предстояло быть убитым, как боялся того, чтобы кто-нибудь из воинов, увлеченный гневом, не погубил человека. Вот почему он и сказал в его защиту такое слово. Те обвиняли, и обвинялся спящий; защищал враг; судил же Бог, и своею силою утвердил приговор Давида. Действительно, без помощи Божией он не в силах был бы победить до крайности возбужденных воинов; но благодать Божия, соприсущая устам его, сообщала некую силу убеждения тогдашним словам его. Кто не подивится в высшей степени его великодушию и в виду этого обстоятельства, что, захватив в свои руки врага, когда тот спал, был недвижим и ничего не мог сделать, он не только сам не убил его, но удержал и других, желавших сделать это? Как же после этого должны были быть преданы ему воины, с каким расположением относиться к нему? Если бы они имели тысячи душ, то не отдали ль бы с готовностью после этого все их за своего вождя, когда они самым делом, из заботливости о враге, узнали его расположение к людям, близким ему? В самом деле, кто оказывается кротким и дружелюбным в отношении к причинившим ему зло, не гораздо ли более должен так относиться к людям, относящимся к нему доброжелательно? Не благовременно ли кто-нибудь покажет здесь, что Давид, пощадивши Саула, воздвиг более величественный трофей, нежели когда поверг Голиафа и отсек голову этому иноплеменнику? Эта именно победа блестящее той, и трофей славнее. В самом деле, там нужны были и праща, и камни, и противоборство; здесь же все совершалось мыслию, без оружия была одержана победа, и без пролития крови воздвигнут трофей. Итак, когда Давид одержал эту прекрасную и дивную победу, встал, наконец, от сна тот, из-за кого шло состязание, - Саул, и вышел из пещеры, не зная ничего о том, что с ним случилось. Вслед за ним вышел и Давид, взирая уже очами свободного человека на небо; вышел не с

головой иноплеменника в руках, а с умерщвленной страстью, с обессиленным гневом, нанесши врагу тысячи ран, и спасши Саула, а настоящего врага - диавола поразив многими ударами; вышел, имея увенчанную вместе с головой и десницу, - ту десницу, которая могла извлечь чистый меч, показать Богу необагренный кровью кинжал, и удержаться против такого порыва гнева; вышел с такою же славою, с какой вышли три отрока из пещи. Как тех не попалил пламень, так и его не возжег огонь гнева; тем ничего не сделал огонь, окружавший их извне, а этот, имея внутри себя горящие уголья, и диавола, разжигавшего пещь извне - видом врага, увещанием воинов, легкостью совершения убийства, отсутствием защитников, воспоминанием о прежних бедствиях, страхом за будущее (подлинно, это разжигало более сильный пламень, нежели хворост, смола, пакля и все прочее, чем разжигалась вавилонская пещь), - не зажегся гневом и не потерпел ничего такого, что можно было бы потерпеть человеку в его положении, но вышел чистым и неповрежденным. Итак, "**встал и Давид, и вышел из пещеры, и закричал вслед Саула, говоря: господин мой, царь! Саул оглянулся назад, и Давид пал лицем на землю и поклонился [ему]**" (1 Цар. 24:9). Меньшей ли это заслуживает похвалы, чем спасти врага? Именно то, что тот самый, кто спас, преклоняется пред спасенным, называет царем, а себя именует рабом, и все делает, чтобы только утешить его гордость и высокомерие, утишить гнев и прекратить зависть. Но послушаем и самое оправдание. "**Зачем ты слушаешь речи людей, которые говорят: `вот, Давид умышляет зло на тебя'? Вот, сегодня видят глаза твои, что Господь предавал тебя ныне в руки мои в пещере; и мне говорили, чтоб убить тебя; но я пощадил тебя и сказал: `не подниму руки моей на господина моего, ибо он помазанник Господа'. Отец мой! посмотри на край одежды твоей в руке моей; я отрезал край одежды твоей, а тебя не убил**" (ст. 10 - 12). Если бы я, говорит, не был вблизи тебя, не стоял около твоего тела, то не отрезал бы края одежды. Действительно, если бы он не отрезал, то ничем другим не в состоянии был бы уверить врага. В самом деле, каким образом тот, кто после стольких благодеяний враждовал против человека, нисколько его не обидевшего, мог поверить, что другой, потерпевший обиду, пощадит своего обидчика, захвативши его в свои руки? Теперь же Давид представил несомненное доказательство своего попечения о нем, и самого врага призывает в судьи и свидетели своей заботливости, говоря: "**узнай и убедись, что нет в руке моей зла, ни коварства, и я не согрешил против тебя; а ты ищешь души моей, чтоб отнять ее**" (ст. 12). Так он был чужд высокомерия и свободен от всякого тщеславия, и только на одно взирал - на суд Божий: "**да рассудит**", - говорит, - "**Господь между мною и тобою**" (ст. 13). Сказал он эти слова, не того желая, чтобы Саул подвергся наказанию или получил казнь от него, а чтобы устрашен был напоминанием о будущем суде, - потому что он не дерзнул бы призвать всеведущего Судию и навлечь на себя осуждение, если бы не был совершенно уверен в том, что он был чист и непричастен какому бы то ни было злому умыслу. Кто не изумится, кто не удивится этой благородной и адамантовой душе (когда подумаете), что, имея право высчитать Саулу многочисленные и великие благодеяния, - так, напр., он мог, если бы хотел, сказать ему: когда нашествие иноплеменников, как бы какой потоп, готово было сокрушить все государство, когда вы прятались в страхе и ужасе, и каждый день ожидали себе смерти, я пришел, и без всякого принуждения, напротив даже, несмотря на то, что ты препятствовал и удерживал, я не стерпел и прежде всех бросился на врага, принял бой с ним и отсек ему голову; и, как бы какой стремящейся поток, отразил нашествие иноплеменников и утвердил колебавшееся государство; благодаря мне, ты владеешь царством и жизнью, а все остальные, вместе с жизнью, владеют городом, жилищами, детьми и женами; мог вслед затем указать опять другие войны, которые он вел с успехом, не меньшие первой; мог указать на то, что, несмотря на то, что Саул не раз, не два, а многократно замышлял его убить и метал копье в его голову, он не помнил зла; мог указать и на другие многочисленные дела гораздо более важные, - и однако ничего такого он не сказал, а приводит в свое оправдание только то, что случилось в тот день, говоря:

"**узнай и убедись, что нет в руке моей зла, ни коварства, и я не согрешил против тебя; а ты ищешь души моей, чтоб отнять ее**". Кого не тронут такие слова? Ведь не попрекнуть его благодеяниями хотел он, а только убедить, что он принадлежит к числу любящих и пекущихся о нем, а не злоумышленников и врагов.

Так и ты, когда захватишь в свои руки врага, старайся не о том, чтобы отомстить ему и осыпать тысячами ругательств, а о том, чтобы расположить его к себе услужливостью, чтобы довести его до кротости, и до тех пор не отставай и делать все, и увещевать, пока своею кротостью не победишь его жестокости. Так именно сделал и Давид. Видя, что враг вооружается против собственного своего спасения и все делает для этого, он не только не пришел в ярость, а проникся даже еще большим к нему состраданием, и чем преступнее были умыслы последнего, тем более он плакал о нем, и не переставал принимать всякие меры до тех пор, пока не заставил и его принести оправдание со слезами и воплями. В самом деле, когда Саул услышал, как Давид сказал: "**господин**" мой "**царь**", то оказался не в силах без слез слышать эти слова, но зарыдал, испустил горький вопль, и со скорбью воскликнул: "**ты правее меня, ибо ты воздал мне добром**", за козни, за убийство, за безчисленные злодейства, "**а я воздавал тебе злом**" (1 Цар. 24:18), - и все-таки не стал лучше, но после всех благодеяний упорствовал в злобе. И ты все же не изменился, а продолжаешь поступать по-прежнему, и опять оказываешь нам, злоумышляющим против тебя, благодеяние. "**Ты показал это сегодня, поступив со мною милостиво, когда Господь предавал меня в руки твои, ты не убил меня**" (ст. 19). Что может быть блаженнее Давида, который в одно краткое мгновение так преобразил врага, и неожиданно поверг в плач и рыдание душу, жаждавшую крови и убийства? Не так удивляюсь я Моисею, что он из крутой скалы извел источники вод, как удивляюсь этому праведнику, что он из таких глаз низвел источники слез. Тот победил природу, а этот препобедил свободную волю; тот ударил жезлом камень, а этот поразил словом сердце, не для того, чтобы огорчить, а чтобы сделать его чистым и кротким. Итак, сколько бы я ни восхвалял его за его собственную кротость, но гораздо больше удивляюсь ему по причине перемены, совершившейся с Саулом. Господствовать над собственными страстями далеко не такой подвиг, как победить неистовство других, утишить пылающее гневом сердце, сделать из такой бури такую тишину, и наполнить очи, обращенные на убийство, горячими слезами. И это полно изумления и удивления. В самом деле, если бы Саул был из числа людей кротких и воздержных, то было бы не особенно много труда привести его к свойственной ему добродетели; но человека, дошедшего до состояния озверения, дошедшего до крайней злобы и всем существом стремящегося к убийству, в одно краткое мгновение заставить извергнуть всю эту горечь, - кого из людей прославленных когда-либо знанием философии не затмит такое дело? Безспорно, величайшей похвалы и удивления заслуживает уже и то, что он не вонзил меча и не отсек вражеской головы; но когда он еще изменил и самое его настроение, сделал его лучшим, и возвел его к подобающей ему кротости, то может ли что-нибудь быть выше такого любомудрия? Между тем многие из людей не только отстраняются от общения с врагами, но не хотят даже ни видеть их взоров, ни слышать их голоса. Не так Давид: напротив, он и врага спас, и первый оказал ему честь, обратившись со словами: "**господин**" мой "**царь**". И мало того, пал даже ниц пред ним, поклонился ему, и удостоенный чести со стороны последнего, когда тот сказал: "**сын мой Давид**" (ст. 17), опять воздал ему со своей стороны еще большую честь, сказав: раб твой, "**господин**" мой "**царь**". Кто может указать больше этого незлобие? Тот, облагодетельствованный вплоть до самой жизни, возводит благодетеля в родство с собою; этот, облагодетельствовавший, называет облагодетельствованного господином. Он назвал, говорит, меня сыном; для меня же вполне приятно и достаточно, если ты считаешь меня рабом, только бы ты отложил гнев, только бы ты не подозревал относительно меня ничего худого, и не считал меня злоумышленником и врагом. И смотри, чего достиг он. Когда он сказал это, тот не в состоянии был уже без слез слышать

его речь, а горько зарыдал, показывая своими слезами и душевное здравие, и любомудрие, которое сообщил ему Давид. Каких же венцов не достоин Давид за то, что своею кротостью и смирением до такой степени победил Саула, что заставил его осудить и собственную жестокость, и восхвалить его добродетель? "**Кто**", - говорит, - "**найдя врага своего, отпустил бы его в добрый путь? Господь воздаст тебе добром за то, что сделал ты мне сегодня. И теперь я знаю, что ты непременно будешь царствовать, и царство Израилево будет твердо в руке твоей. Итак поклянись мне Господом, что ты не искоренишь потомства моего после меня и не уничтожишь имени моего в доме отца моего**" (ст. 20 - 22). И откуда, скажи мне, ты знаешь это? У тебя войско, у тебя деньги, оружие, города, кони, воины, вся сила царского вооружения; а тот всеми оставлен и наг, не имеет ни города, ни дола, ни родного приюта. На каком же основании, скажи мне, ты говоришь так? На основании самого образа действий Давида. Лишенный всего и всеми покинутый изгнанник не победил бы меня, вооруженного и располагающего такой силой, если бы не имел с собою Бога; а имеющий Бога с собою - сильнее всех, Видишь, как любомудрствует Саул после своих злоумышлений? Видишь, как можно отвергнуть все нечестие, перемениться и перейти на лучшее? Каких венцов достоин Давид за каждое из этих слов? Ведь, хотя и говорили их уста Саула, но мудрость Давида насадила их в его душу. "**Поклянись мне**", - говорит, - "**Господом, что ты не искоренишь потомства моего после меня и не уничтожишь имени моего в доме отца моего**". Так-то царь обращается с просьбой к простому человеку, и облеченный диадемой умоляет и просит беглеца за своих детей, и требует клятвы, не потому, чтобы не верил его нраву, а помышляя о том, сколько он причинил ему зол. "**Поклянись мне (…), что ты не искоренишь потомства моего после меня**": врага оставляет опекуном своих детей и вверяет в его руки свое потомство, как бы беря его за десницу этими словами и ставя Бога посредником. Что же Давид? Отнесся ли к этому хоть сколько-нибудь с насмешкою? Отнюдь нет, но тотчас же изъявил согласие и полную готовность исполнить просимое, и по смерти Саула не только не убил их, но сделал даже для них больше, чем обещал. Именно, внука его, хромого и с сухими ногами, он взял в дом свой, сделал своим сотрапезником и удостоил величайшей чести (2 Цар. 9); и не стыдился, не краснел, не считал увечья отрока позором для царского стола, а напротив даже хвалился и гордился этим. Видя, в каком почете находится у Давида внук Саула, причинившего ему столько зол, кто из сидевших за его столом, хотя бы был свирепее всех зверей, не заключил бы мира со всеми врагами, стыдясь и краснея за себя? Если бы даже он приказал давать ему пищу из какого-нибудь другого места, и назначил определенное содержание, то и это было бы великим делом; но допустить к самой царской трапезе, - это уже верх любомудрия. В самом деле, многие из людей не только мстят врагам при жизни их, но и по смерти их изливают гнев, питаемый против них, на их детей. Давид же, напротив, и при жизни спас врага, и по смерти его оказал расположение, которое имел к нему, в отношении его детей. Что может быть блаженнее этого мужа? Видя врага, лежащего у ног его хуже пленника, он не только пощадил его, но, и захватив его в свои руки вторично, - когда тот после этого спасения напал на него и хотел убить, - и имея возможность поразить его вместе со всем войском, отпустил его здравым и целым; и сознавая, что тот неисцельно болен, и ни в каком случае не прекратит своей вражды к нему, скрылся с его глаз и жил среди иноплеменников в рабстве, в безчестии, в позоре, добывая тяжкими трудами и усилиями необходимое пропитание. И не это только удивительно, но и то, что, услышав, что Саул пал в сражении, он разорвал одежду свою, посыпал пеплом главу, и плакал так, как плакал бы кто-нибудь, потеряв единственного родного сына, постоянно выкликал его имя вместе с сыном, сложил в честь его песнь, горько рыдал, оставался до вечера без пищи, и проклинал те места, где пролилась кровь Саула. "**Горы**", - говорит, - "**Гелвуйские! да [не сойдет] ни роса, ни дождь на вас**" (2 Цар. 1:21), - горы смерти, потому что там сокрушены шатры сильных. Я ненавижу, говорит, и самое место ради павших там мертвых; пусть же не орошаетесь вы небесными дождями, потому что вы раз

навсегда преступно оросились кровию друзей моих. Он непрестанно повторяет их имена, говоря: "**Саул и Ионафан, любезные и согласные в жизни своей, не разлучились и в смерти своей**" (ст. 23). Так как он не имел возможности обнять их тел, за отсутствием последних, то как бы обнимает их имена, смягчая этим, насколько возможно, свою скорбь, и облегчая тяжесть несчастья. Нельзя, говорит, сказать, что сын оплакивал свое сиротство, или отец оплакивал свою бездетность: но чего, говорит, ни с кем не случалось, то случилось с ними: они вместе и в один день кончили жизнь, и, не пережив один другого, каждый из них считал свою жизнь невыносимой в разлуке с другим. Пусть теперь, пока еще душа горит скорбью, каждый вспомнит о своем враге и огорчителе, и пусть и при жизни заботится о нем, и по смерти скорбит о нем; и если даже нужно что-либо потерпеть, чтобы только не огорчить обидчика, пусть все терпит и все делает, ожидая великого воздаяния от Бога. Поистине, нет ничего безопаснее, как щадить врагов, равно как нет ничего ненадежнее, как желать отплатить и отмстить за себя. В самом деле, погубивший другого нередко может и осудить сам себя, и будет иметь нечистую совесть, будучи всякий день и час уязвляем своим грехом; тот же, кто пощадит врага и несколько времени мужественно потерпит, после этого радуется и веселится, пребывая в благих надеждах и ожидая от Бога воздаяния за свое незлобие; и если когда-нибудь подвергнется какому-либо несчастию, то с большим дерзновением будет просить у Бога воздаяния себе. И это можно видеть из того, что случилось с Давидом и Саулом. Последний, захотев убить Давида, безпомощный, без оружия, лишенный всего, как пленник преданный, лежал в пещере; первый же, всюду уступая и устраняясь, и не желая даже справедливо подвергнуть его каре, без орудий и оружий, без коней и воинов, захватил в свои руки врага; и, что всего важнее, привлек к себе большее благоволение Божие, и впоследствии получил великое и достойное удивления воздаяние за свою заботливость о враге. Какое же прощение будем иметь мы, помня прошедшие грехи и отмщая обидевшим нас, когда этот невинный, несмотря на то, что столько претерпел, и ожидал для себя еще больших и тягчайших зол от спасения врага, так щадил его, что предпочитал лучше сам подвергаться опасности и жить в страхе и трепете, чем справедливо даже убить того, кто имел доставить ему тысячи огорчений? Прекрасно, конечно, не причинять обид другим; но гораздо более служит доказательством любомудрой души, когда обиженный не мстит. Таков-то и был Давид. Несмотря на то, что закон допускал тогда такую меру, повелевая вырывать "**глаз за глаз, зуб за зуб**" (Втор. 19:21), и это не было преступлением, Давид однако был так любомудр, что не только не преступал закона, но и далеко превосходил его, и перескакивал, так сказать, его границы. Он считал для себя недостаточным в деле добродетели, если еще не превзойдет данных заповедей. Между тем от нас требуется не только то, чтобы мы не отмщали, но чтобы и благодетельствовали. "**Молитесь**", - говорится, - "**за обижающих вас**"; "**благотворите ненавидящим вас**" (Мф. 5:44). Какое же будем мы иметь прощение, какое оправдание, если даже после пришествия Христова не достигаем меры тех, кто жил в ветхом завете, и это когда от нас требуется великий преизбыток? "**Если**", - говорится, - "**праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное**" (Мф. 5:20). Подобно тому как неравны между собою те, кто проявляет одинаковую добродетель под законом или до закона, так точно - и те, кто во время благодати или [до закона, а вернее] под законом, но в зависимости от времени между ними существует большое различие. Когда я подумаю о благости, милосердии и любвеобилии Господа нашего Иисуса Христа, то поражаюсь, трепещу и прихожу в изумление, как Он и на самом даже кресте молился за распинателей. Что может сравниться с этим? Даже оба разбойника сначала поносили Его: но когда благоразумный разбойник, придя в сознание, сказал: "**помяни меня, Господи**" (Лк. 23:42), то Он раньше всех отверз ему рай. Он плачет о готовившихся распять Его, и смущается, видя предателя, не потому, что Ему предстояло распятие, а потому, что погибал этот последний. Он смущался, именно, предвидя его удавление и наказание после удавления, и, зная его нечестие, до самой последней минуты заботился о нем, не отвергал

его. Мало того, преблагой Господь даже поцеловал предателя, давая нам образец и пример благостыни и долготерпения. "**Иуда**", - говорит, - "**целованием ли предаешь Сына Человеческого**" (Лк. 22:48)? Кого не смягчили бы, кого не тронули бы эти слова? Какого зверя, какую каменную душу? Но только не этого несчастного! В самом деле, не сказал Он: о, мерзкий и презлейший предатель, такой ли наградой отплачиваешь ты Мне за столько благодеяний? А как? "**Иуда**", - назвав собственным именем, что свидетельствовало скорее о том, что Он сожалел его и призывал опять к Себе, а не гневался. Равным образом не сказал: учителя твоего, Господа твоего, благодетеля, а: "**целованием ли предаешь Сына Человеческого**?" Если бы Он не был ни учителем, ни Господом, как ты предаешь Того, кто так кротко, так искренно расположен к тебе, что целует тебя даже во время самого предательства? Так-то Он поступает с предателем; а как с пришедшими на Него с мечами и кольями? Но что же может быть кротче тех слов, какие были сказаны к ним? Будучи в силах в один миг уничтожить всех их, Он не сделал ничего подобного, а с намерением пристыдить говорит им: "**как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями**" (Лк. 22:52), и, повергнув их ниц, опять добровольно - так как они оставались в безчувствии - предал Себя, и терпеливо смотрел, как заключали в узы Его святые руки, хотя мог всех их привести в ужас и повергнуть ниц. "**Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его**" (Пс. 105:2)? Будем же подражать и мы, братия, Его незлобию, кротости, смиренномудрию. "**Научитесь**", - говорит, - "**от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим**" (Мф. 11:29). Потому и Павел повелевает это, говоря: "**благословляйте гонителей ваших**" (Рим. 12:14), т.е. каким бы то ни было образом причиняющих вам огорчение. И не сказал: не злопамятствуйте, или: не отмщайте, а требует гораздо большего, говоря: "**благословляйте**". Первое - не злопамятствовать и не мстить - свойственно любомудрому мужу, а последнее - ангелу. Сказав затем: "**благословляйте**", он присовокупил: "**а не проклинайте**", чтобы мы делали не то и другое, а только первое. И это потому, что гонители являются для нас виновниками наград. Если же ты будешь бодрствовать, то вместе с ними доставишь себе еще и сам награду: гонитель доставит тебе награду от гонения, а ты сам - от благословения его, представляя величайшее доказательство своей любви к Христу. Вот почему этот духовный учитель повелевает воздавать добром учиняющим нам какие бы то ни было обиды, гонящим нас, причиняющим вред делами, и, заповедав сначала благословлять их, далее увещевает и благодетельствовать им самым делом: "**радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими**" (Рим. 12:15). Так как можно благословлять и не проклинать, но делать это не из любви, то он хочет, чтобы мы и пламенели любовию. Потому он и присовокупил эти слова, чтобы мы не только благословляли, но и соболезновали и сострадали, если когда-нибудь увидим их в несчастии. Ничто, ведь, так не соединяет любви, как если мы разделяем друг с другом и радость, и горе. Послушай, что говорит Петр Христу: "**сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до семи ли раз**" (Мф. 18:21)? Он и спрашивает, и вместе с тем обещает, и прежде чем узнать, показывает свое великодушие. Отлично зная образ мыслей Учителя, что Он склоняется больше к человеколюбию, он желает угодить Учителю и говорит: "**до семи ли раз**?" Затем, чтобы ты знал, что человек и что Бог, и как щедрость ученика, до каких бы пределов ни простиралась, по сравнению с богатством Учителя оказывается скуднее всякой бедности, и что капля в сравнении с безпредельным морем, то и наша благость в сравнении с Его неизреченным человеколюбием, Христос, когда тот сказал: седмь крат, и думал, что он показал весьма большую щедрость и великодушие, говорит: "**не говорю тебе: до семи раз, но до седмижды семидесяти раз**" (ст. 22), что составляет четыреста девяносто. И не думай, что эта заповедь трудноисполнима; если ты решился столько раз оставлять без внимания грехи против тебя, то, обучившись на одном, другом, третьем опыте прощения, ты не будешь уже чувствовать никакого и труда в таком любомудрии, раз навсегда приобретя навык к многократному прощению, и не будешь поражаться грехами ближнего. Но, равным

образом, если кто-нибудь потерпит неправедное хищение, и возблагодарит Бога за такую неправду, то приобретет чрез эту благодарность безчисленные награды. Ничто так не радует Бога, как если не воздавать злом за зло. Если же кто-нибудь скажет: чем я мог отмстить обидчику, когда я слабее его? то я отвечу, что ты мог бы это сделать, именно, если бы стал роптать, негодовать, молиться против обидевшего, посылать ему тысячи проклятий, пред всеми обвинять его: все это находится в нашей власти. Вот почему тот, кто этого не сделал, а получит награду за неотмщение, так как очевидно, что, и будучи в состоянии отмстить, он не сделал бы этого. Итак, когда враг попадется в твои руки, не думай, что это время отмщения, а считай его временем спасения. Тогда-то особенно и нужно щадить врагов, когда они оказываются в нашей власти. И если мы так устроим себя самих, и будем стараться о спасении ближних, то вскоре станем вожделенны и любезны и для них самих, и - что всего важнее - достигнем уготованных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, со Отцем и святым и животворящим Духом, ныне и присно, и в безконечные веки веков. Аминь.

СЛОВО 30

Похвала св. Апостолу Павлу, составленная Федором Магистром из различных слов св. отца нашего Иоанна Златоустого.

Мы уже изложили все, касающееся надписания Деяний Апостольских. Затем нам следовало бы коснуться начала книги и сказать, что это было некогда: "**Первую книгу написал я [к тебе], Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала**" (Деян. 1:1). Но Павел не позволяет нам говорить в этой последовательности, призывая наше слово к себе и своим подвигам. Я хочу видеть, как его ведут в Дамаск, как он связан не железными цепями, но словом Господним. Я хочу видеть, как уловлена эта великая рыба, которая возмутила все море, возбудила великое волнение в Церкви. Я хочу видеть, как он уловлен не удой, но словом Господним. Как какой-нибудь ловец, сидя на высокой скале и с высоты поднимая уду, бросает ее в море, так и Господь наш, явивший духовную ловлю, как бы сидя на высокой скале небес, посылая свыше Свой голос, точно уду, и говоря: "**Савл, Савл! что ты гонишь Меня**" (Деян. 9:4)? - выловил ту великую рыбу. Кто остановил бы этого жестокого и безчеловечного преследователя, хулителя и опустошителя Церкви до такой степени, что он, врываясь даже в домы, влек мужей и женщин, все приводил в смятение и возмущал, - кто остановил бы его, если бы Царь наш, призвавши его, внезапно не переменил его и не заставил придти в себя? Ведь даже ученики, где бы они не узнавали о его появлении, в ужасе трепетали и не смели прямо смотреть на него. И когда он уже сделался любящим их, они обнаруживали все тот же самый страх. Если они так боялись, когда он уже изменился, то чего не делали они, когда он питал к ним вражду, был их врагом? А что со мной будет? Необходимо мне избегать мужа такой силы, чтобы, задержавшись, снова не отойти от предмета. Вам известно, как часто, в то время как я имел в виду другое и направлялся к нему, он, встретившись со мною, перехватывал меня в средине слова и задерживал до такой степени, что я приходил к убеждению на нем закончить самое слово. Этот блаженный Павел, просветивший всю вселенную, был некогда ослеплен во время своего призвания. Но его слепота стала просвещением вселенной. Так как он видел одно худое, то Бог правильно ослепил его, чтобы ему с пользою для себя снова получить зрение. И так как он свыше меры преследовал Церковь, неистовствовал и был недоступен жалости, то тем тяжелейшее он получает обуздание, - чтобы, увлекаемый потоком своей ревности, не пропускал мимо ушей проповедуемого, и чтобы узнал, с кем борется: с тем, кого не в силах вынести не только тогда, когда Он наказывает, но даже когда благодетельствует. И не тьма ослепила его, но преизбыток света погрузил его во мрак. Если бы мы были кругом обложены варварами, и если бы неприятели наделали нам безчисленные затруднения; если бы затем

полководец варваров, который располагал бы безчисленными осадными машинами, все у нас привел бы в замешательство, наполнил смущением и великим страхом, угрожал разрушить и предать огню самый город, а нас всех обратить в рабство; если бы он, сам вдруг попавшись в плен к нашему царю, был пленником приведен в город, - не сбежались ли бы все мы, вместе с женами и детьми, на это зрелище? Вот и теперь война наступила. В то время как иудеи все наполняют смущением и страхом и замышляют многие ухищрения против безопасности Церкви, глава же врагов Павел, более всех старавшийся об этом, проповедовавший и все наполнивший смущением и страхом, и его-то именно Господь наш Иисус Христос, Царь наш, связал и привел пленником: неужели мы не выйдем все на это зрелище, чтобы видеть его ведомого пленным? И ангелы на небе, видя его связанным и ведомым, ликовали, - не потому, что видели его связанным, но потому, что представляли, сколько людей освободит он от оков; не потому, что видели его ведомым за руку, но потому, что размышляли о том, скольких он имеет возвести от земли к небу; не потому, что видели его ослепленным, но потому, что думали о тех, кого он имеет извести из мрака. Поэтому, оставивши всех других, я спешу обратиться к Павлу. Павел и любовь к Павлу заставляют нас сделать этот скачок. "**Кто изречет могущество Господа**" (Пс. 105:2), что Ты не дозволил Павлу быть в неизвестности, что показал вселенной такого мужа? Все ангелы восхваляли Тебя единодушно, когда ты сотворил звезды и солнце; но не так, как тогда, когда Ты явил Павла всей вселенной. Земля стала светлее неба, потому что тот - светлее света солнечного. Это солнце сменяется ночью, а тот победил дьявола. Оно, нисходя с высоты, посылает вниз свои лучи; он же, восходя снизу, наполнил светом не только пространство между небом и землей, но едва открыл уста, как даже ангелов исполнил великой радостью. И если об одном грешнике кающемся бывает радость на небе, - а он в первом же проповедании уловил безчисленное множество мужей, - какой же радостью наполнил он горние силы? Что говорю я? Достаточно, чтобы Павел начал говорить, как небеса играют и радуются. Есть ли что пламеннее сердца человека, который прошел всю вселенную, претерпел насилие, биение камнями, оковы, - и все это затем, чтобы освободить связанных и привлечь их к себе? И не как борющийся совершал он свои подвиги; но, будто идя к готовой и верной победе, воздвигал он победные памятники, срывая, опустошая, уничтожая до основания укрепления дьявола и все заграждения демонов; он не останавливался, устремляясь вперед от этих к тем и от тех к этим и, подобно отличному полководцу, каждый день, а лучше сказать каждый час воздвигая победные памятники. Проникнув в одной одежде во вражеский строй, он взял неприятельские города вместе с людьми. Язык Павла был луком, копием, стрелами и всем. И он не говорил только. Слова его, поражая врагов сильнее всякого огня, изгоняли демонов, а людей, потерявших власть над самими собой, возвращали себе. Когда он изгнал злого духа, безчисленное множество заклинателей сожгли свои магические книги и обратились к истине. И как на войне, после того как башня упала или тиран низвергнут, все, кто был вместе с ним, побросавши оружие, сбегаются к полководцу, так и тогда было: когда демон был низвержен, все побежденные, побросавши книги, вернее уничтоживши их, устремились к ногам Павла. А он, превращая весь мир как бы в один лагерь, нигде не останавливался, но все делал, словно у него были крылья: то исцелял хромого, то воскрешал мертвого, то кого-нибудь ослеплял, - я говорю о маге. Даже заключенный в темницу, он не успокоился, но и там привлек к себе стража, выполнив этот прекрасный плен. Удивляются Давиду за то, что он одним только камнем поразил Голиафа. Но если бы исследовали дела Павла, то увидели бы, что то - ребяческое дело, и что насколько различаются между собой пастух и полководец, столько же разницы между этим и тем, потому что этот уничтожил мысленного Голиафа, и не бросая камня, но одним словом разгромив все полчище дьявола. Как лев ревущий и дышащий огненной пастью, так страшен был для всех и он, когда приходил. Он появлялся постоянно повсюду: приходил к этим, шел к тем, возвращался к этим, уходил снова к другим, - появляясь быстрее ветра и управляя всей вселенной, как одним домом или судном, вытаскивая тонущих, спасая

окутанных тьмой, давая приказания морякам, сидя у кормового весла, наблюдая за носом, натягивая канаты, принимаясь за весла, поднимая паруса, смотря на небо, будучи сам всем: и моряком, и кормчим, и заведующим носом корабля, и парусом, и судном, - и все терпя, чтобы уничтожить зло других. И как атлет, сам борясь, бегая, вступая в бой, или солдат, разбивая стены, сражаясь на суше и на море, - так он участвовал во всех видах борьбы, разжигал ревность и, овладевая единолично вселенной и всех побеждая одним своим словом, сам был для всех неприступен. Не так звуки множества труб, упавши на стены города Иерихона, уничтожили их, как громкий голос Павла сравнял с землей дьявольские укрепления и врагов привлек на свою сторону. Он был спущен чрез окно со стены, чтобы вознести поверженных на землю. Я думаю, что не нужно и упоминать о голоде, жажде, наготе, кораблекрушениях, страхах, кознях, темничных заключениях, ударах и о всем прочем, что претерпел блаженный Павел ради проповеди: все это в отдельности достаточно, чтобы возмутить и сокрушить тот святой дух. Но когда он говорит: "**Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся**" (2 Кор. 11:29)? – то это есть то, что более всего доставляло ему непрерывную и непереносную скорбь. Если с каждым из соблазняющихся он и сам разжигался, то это горение его духа не могло погаснуть, потому что не оскудевали соблазняющиеся и доставляющие материал для огня. Видя только иудеев неверующими, какую он мог иметь хоть непродолжительную передышку от скорби и страдания? "**Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть Израильтян**" (Рим. 9:3-4). А сказанное им вот что значит: для меня желательнее впасть в геенну, чем видеть израильтян неверующими. Тот, кто согласен принять муки геенны за то, чтобы получить возможность обратить всех иудеев, - он, не имея ее, очевидно, живет тяжелее, тем те, кто мучится в геенне. О, пламенная любовь милосердия! О, Павел, презирающий огонь, адамантовый, твердый, непреклонный, стойкий; - он, который говорит: "**Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч**" (Рим. 8:35)? Тот, кто был выше земли и моря, кто смеялся над железными вратами смерти, - он, видя слезы возлюбленных, так был огорчен и потрясен, что не мог скрыть печали, но сейчас же говорит: "**что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое**" (Деян. 21:13)? О, чудо! Бездна вод не смутила его, а малые слезы смутили и огорчили. "**Что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое?**" Что, скажи мне, говоришь ты? Тот адамантовый дух могли сломить слезы? Да, говорит он. Велика сила любви, она меня осилила и победила. Я всему могу противостоять, кроме любви. Выслушайте вы, кто не презираете имущества ради Христа, а лучше сказать, ради самих себя, и трепещите, размышляя о любви Павла ко Христу. Он полюбил Христа не чрез Христово, но Христово полюбил чрез Него, и он боялся лишь одного, чтобы не лишиться любви к Нему. Это для него было страшнее геенны, как и оставаться в ней было желательнее царства. Итак, когда он ради любви к Христу согласен впасть в геенну и лишиться царства, если бы то и другое было предложено ему, мы же не презираем и настоящей жизни, - то неужели мы достойны сандалии его, - мы, которые так отстоим от великого его духа? Если кто-либо, управляя всего одним домом, имея слуг, смотрителей и управителей, часто не может вздохнуть от забот, хотя никто еще не безпокоит его, то, подумай, что же должен был вытерпеть он, имеющий попечение не об одном доме, но о городах, народах, племенах, о целой вселенной, когда, при том, столько дел, столько врагов, а он один, - он, который заботился так, как отец не заботится о своих детях? Если кто хочет любить чистой любовью и узнать силу любви, пусть такой устремится к питателю ее, блаженному Павлу, и он покажет ему, какого труда стоит вынести разлуку с любимым, и какое для этого нужно мужество.

Он, который словно разлучился с плотью, оставил тело и с незакрытой почти душой обходил вселенную, который изгнал всякую мысленную страсть и подражал безстрастию безтелесных сил, - да, он переносил легко все остальное, как будто был в чужом теле,

переносил темничное заключение, оковы, изгнание, плети, угрозы, смерть и все виды наказания, но, разлученный с одною душой, любимой им, был так опечален и смущен, что тотчас же ушел из города, где он надеялся увидеть любимого и не нашел его. Что же это, блаженный Павел? Заключенный в колодки, сидя в тюрьме, терпя удары плетей, с плечами, залитыми кровью, - ты преподавал таинства, крестил, приносил жертвы и не презрел ни одного, кто должен быть спасен: как же, придя в Троаду и нашедши почву, возделанную и готовую принять семена, как ты выпустил из рук удобный случай и тотчас же удалился? Да, говорит он. Я был охвачен великой силой скорби, отсутствие Тита так поразило мою мысль, так осилило и сломило меня, что я принужден был сделать это. Видел ли ты, как много труда нужно, чтобы кротко вынести разлуку с любимым? Какое это тяжелое и горькое дело? Какой требует возвышенной и храброй души? Для любящих недостаточно быть связанным только духом; этого им мало, чтобы утешить их; им нужно еще и телесное присутствие. Если его нет, немалая часть радости отпадает. Хочешь ты узнать, какое сильное оружие - быть кротким, мягким, любезным для того, чтобы привлечь к себе братьев, хотя бы они были неверные? Послушай, что говорит Павел, входя к неверующему судье с тем, чтобы принять от него суд: "**почитаю себя счастливым, что сегодня могу защищаться перед тобою**" (Деян. 26:2). Он сказал это, не льстя ему, нет, - но желая кротостью расположить его к себе. Отчасти он достиг этого и даже покорил себе судью, - он, считавшийся уже осужденным. Побежденный сам признал эту победу, в присутствии всех, громким голосом говоря: "**ты немного не убеждаешь меня сделаться Христианином**". Что же Павел? "**Молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я**" (ст. 28 и 29). Много повсюду свидетельств чудес Павловых, но ничто так не вожделенно, как язвы его. И в Писании он радует меня не столько тогда, когда творит чудеса, сколько тогда, когда терпит страдания, бичевание, насилие, биение камнями. "**Побили Павла камнями**", - говорится, - "**и вытащили за город**" (Деян. 14:19); и еще: избивши его и давши много ударов, ввергли в темницу (Деян. 16:23). Какая радость, какое наслаждение, какая честь, какая слава видеть, что он в узах ради Христа! Но взгляни на то, что достойно удивления: поколебалась, говорится, темница, когда Павел был в узах, и у всех узы ослабели. Видишь ли ты, как разрушаются узы самою природой уз? "**Темничный же страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и хотел умертвить себя**" (ст. 27). Что же Павел? Он возгласил громким голосом, говоря: "**не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь**" (ст. 28). Видишь ли ты его презрение к славе, скромность, его милосердие? Он не сказал: чрез нас это случилось, но, как один из узников, говорит: "**ибо все мы здесь**". Если бы он промолчал и громким голосом не сдержал рук стража, тот перерезал бы себе горло мечом. Возвысил же он голос потому, что был брошен во внутреннее помещение. Во вред самому себе ты сделал это, как бы говорит он, потому что посадил во внутреннее помещение тех, кто имел освободить тебя от опасности. Видишь ли человеколюбие и заботливость Павла? Он предпочел быть в узах и сам подвергнуться опасности, чем видеть, как погибает тот. Как солдат, если бы он, воюя с целым миром, попал в самую средину неприятельских войск и остался невредимым, так Павел один появлялся среди варваров и эллинов, - повсюду на суше, повсюду на море. И как искра, попадая в солому или сено, изменяет горючий материал сообразно своей природе, так он, приходя ко всем, всех обращал к истине. Кого не приведет в изумление сила уз, возложенных на блаженного Павла? Она связавших привела к ногам связанного, тех отдала во власть этого. "**Припал**", - говорится, - страж "**к Павлу**" (Деян. 16:29). Свободный от уз у ног узника, и связавший умоляет связанного избавить его от страха. Не ты ли, скажи, заключил в узы? Не ты ли бросил во внутреннее помещение тюрьмы? Не ты ли забил ноги в колодки? Что же ты дрожишь? Чего боишься? Зачем плачешь? Зачем извлек меч? Я не знал, как бы говорит он, что так велика сила уз Христовых. Что говоришь? Он получил власть отверзать небо, - ему ли не открыть темницы? Он давал свободу плененным демонами, - ему ли не освободиться от

собственных уз? Освобождающий связанные души неужели не в силах освободить свое тело? Тот, кто своими одеждами освобождал других от оков, кто сокрушал демонов, - как не освободит он себя своими силами? Поэтому, он был сперва заключен в узы, а потом освободил узников, чтобы ты узнал, что рабы Христовы, заключенные в узы, гораздо сильнее, чем свободные от них. Да и сила святого является славнейшею, если, даже заключенный в узы, он торжествует над свободными. Итак, если узник освобождает не только себя, но и других, то для чего стены? Какой имело смысл заключать его во внутреннее помещение тюрьмы, когда он открыл даже внешнее? Хотите ли вы узнать, какую имеют силу железные узы, надетые во имя Христово на рабское тело? Послушайте блаженного Павла, как он гордится этим и говорит: "**я, узник в Господе, умоляю вас**" (Еф. 4:1). Великий и славный подвиг, выше царства и консульства и всего - быть узником во имя Христово! Нет ничего славнее, как узничество во Христе, как оковы, одетые на те святые руки. Это гораздо славнее и почетнее, чем быть апостолом, дидаскалом, евангелистом. Если кто любит Христа, он знает, о чем я говорю; если кто вне себя и пламенеет любовью к Владыке, он поймет силу уз: он предпочел бы быть узником во Христе, чем обитать на небесах. Это славнее, чем воссесть одесную Его, почетнее и блаженнее, чем сидеть на двенадцати престолах. Если бы кто предложил мне или все небо, или узы, которые возложены были на руки Павла, я предпочел бы последнее. Если бы мне предоставили стать или вместе с ангелами, или с Павлом, заключенным в узы, я предпочел бы темницу. Если бы мне предложили разделить могущество, которое окружает трон, или сделаться узником, я предпочел бы быть таким узником. Нет ничего выше, как пострадать за Христа. Если бы мне дали даже власть воскрешать мертвых, я принял бы не это, но узы, - потому что ничего нет блаженнее этих уз. Желал бы я быть в тех местах, где находится тюрьма, и видеть узы, которых демоны боятся и трепещут, пред которыми ангелы благоговеют. Если бы я был свободен от церковных забот и имел здоровое тело, я не замедлил бы предпринять путешествие для того только, чтобы видеть те узы и ту темницу, куда был заключен Павел. Если бы мне предоставили увидеть и услышать Павла или с неба, или из темницы, я предпочел бы - из темницы, потому что, когда он там, к нему нисходят туда и небожители. О, блаженные узы! О, блаженные руки, украшенные цепями, надетыми на Павла! Они не так были славны в то время, когда исцеляли хромого в Листрах, как тогда, когда на них надели оковы. Если бы я был в то время, я крепко обнял бы их и возложил бы их на мои глаза. Я не переставал бы целовать эти руки, удостоившиеся уз ради Владыки моего. Я ублажаю его не столько за то, что он вознесен был на третье небо и в рай, сколько за то, что он был брошен в темницу; и не так я ублажаю его за то, что он слышал неизреченные глаголы, как за то, что он вытерпел узы, - потому что это гораздо выше, чем то. Для меня привлекательнее пострадать за Христа, чем получить честь помимо Него. Как кажется, это имея в виду, и Павел говорит: если Он, ставши ради меня рабом и совлекши с Себя славу, думал, что никогда Он не будет так славен, как тогда, когда Его пригвоздят за меня ко кресту, - то не должен ли и я страдать? Выслушай, что Он говорит: "**прославь Меня Ты, Отче**" (Иоан. 17:5). Что говоришь Ты? Тебя ведут на крест вместе с разбойниками и грабителями, подъемлешь смерть проклятых людей, имеешь претерпеть заплевания и заушения, - и это Ты называешь славой? Да, говорит Он. Я терплю это за возлюбленных Моих, и по справедливости вижу в этом Свою славу. Итак, если Владыка мой, возлюбивший несчастных и обремененных, считает это Своей славой и возлюбил больше, чем славу на престоле Отчем, - тем более я должен видеть в этом славу Свою. Ничего нет блаженнее, поэтому, духа Павла! Чем он гордится? Темницей, скорбями, узами, ранами. "**Я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святый по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня**" (Деян. 20:22-23). Что же ты идешь, если тебя ждут узы и скорби? А именно для этого самого, чтобы потерпеть узы за Христа, чтобы умереть за Него, - потому что я готов не только быть в узах, но и умереть за имя Господа моего. Что же это такое? Ты не стыдишься, не боишься обойти в узах вселенную? Не боишься,

что кто-нибудь станет обличать безсилие твоего Бога, что из-за этого не пойдут за тобой? Не таковы, говорит он, мои узы. Они смогут сиять и в царских палатах. "**Так что узы мои**", - говорит (апостол), - "**о Христе сделались известными всей претории и всем прочим, и большая часть из братьев в Господе, ободрившись узами моими, начали с большею смелостью, безбоязненно проповедывать слово Божие**" (Флп. 1:13-14). Ты видишь, что сила уз более воскресения мертвых? Он был заключен в узы в Риме и множество привлек к себе; был заключен в Иерусалиме и, связанный, говоря к народу, привел в изумление царя и испугал правителя: "будучи в страхе, отпустил его". Он поплыл в узах и спас корабль, воспрепятствовал буре; когда он был узником, на нем повисла ехидна, но он сбросил ее без всякого вреда для себя. Подобное всюду случалось с ним. Его подвергали бичеванию и бичевали жестоко. "Давши ему, говорится, много ударов". Он был ввергнут в темницу, - и это с новой жестокостью: "ввергли его во внутреннее помещение темницы", и со строгой охраной. При таких обстоятельствах в полночь, когда люди, освободившиеся от всяких забот, спят, он воспевал и восхвалял Бога. Что может быть тверже этой души? Он думал, что и отроки пели в огне и в печи. Может быть, он размышлял о том, что я ничего подобного не потерпел. Но вот слово привело нас снова к другим узам и к иной темнице. Что со мною? Хочу молчать, и не могу. Я нашел иную темницу, гораздо удивительнее и изумительнее, чем та. И вы усильте внимание теперь, когда я начинаю слово, и приступите к нему с напряженным размышлением. Я хочу окончить слово, но не в силах. Не могу остановиться, не могу молчать; многое со всех сторон теснит меня, я не знаю, что я скажу сначала, что потом. Поэтому, умоляю, пусть никто не требует от меня порядка, потому что предметы находятся между собой в близкой связи. Продолжительны были узы Павла и надолго задержали нас, но я не буду молчать только поэтому. Если не молчал в темнице, под плетьми, как могу молчать я, сидя у себя днем, и имея возможность говорить с великим спокойствием. Какой смысл был бы в этом? Кто не подивился бы этому? И еще более, кто по достоинству не изумится и не удивится благородному и возвышенному духу Павла, когда он, заключенный в темницу и в узы, из такой дали написал послание филиппийцам? Вы знаете, какое расстояние между Македонией и Римом. Но ни долгий путь, ни продолжительность времени, ни множество дел, ни опасности и различные бедствия, - и ничто другое не могло истребить любовь и память об учениках. Он всех их держал в своей мысли, и не так руки его были скованы цепями, как дух связан и сокрушен тоскою по ученикам. И как царь, с рассветом взойдя на трон и сидя во дворце, принимает тотчас же тысячи писем, так и он, находясь в темнице, как в царских палатах, непрерывно получал и отсылал гораздо больше писем, - (получал) именно ото всех народов, обращавшихся по своим делам к его мудрости. И таких дел он решал настолько больше, чем всякий царь, насколько шире ему вверена власть.

О, могущество Павлово! Он возложил на себя цепи, и низверг Нерона, облеченного в диадему; надел убогое рубище, когда жил в темнице, и всех приковал надетыми на него цепями больше всякого пурпура: стоял на земле, закрывши свое лицо и потупив голову, но к нему устремились, оставив сидящего на золотой колеснице. И справедливо. Видеть царя на блестящей колеснице - привычное зрелище. Но странно и неожиданно видеть, как узник разговаривает с царем с таким дерзновением, с каким царь говорит с несчастным и жалким пленником. Кругом стояло много народа, были все царские рабы. Но они удивлялись не своему господину, а тому, кто победил их господина. Однако я незаметно стал хвалить льва за его когти, в то время как следует хвалить его за другое. За что же? За то, что он придет с небесным Царем в блестящем одеянии, в то время как Нерон будет стоять жалкий и опозоренный. Если борец получает такую честь, когда еще не настало время наград, то как же будет почтен он, когда придет судья? Он жил среди чужих, был гостем и пришельцем, и однакоже является предметом такого удивления! А когда он окажется среди своих, каким благом он не будет пользоваться? Чему не будет причастен?

Чего не получит? Никто из царей римских не пользовался такой честью, как Павел. Ведь вот царь лежит где-нибудь вне города, поверженный; Павел же занимает самую средину его, царствуя и продолжая жить. Если даже там, где его гнали и преследовали, он имел такую честь, то что же будет, когда он снова придет? Если он был столь блестящим там, где занимался деланием палаток, то что будет, когда он придет, сияя солнечными лучами? Если он в своем ничтожестве превзошел такое величие, то что будет, когда он снова придет? Ведь непозволительно уклоняться от затруднений? Хотите, я покажу вам, как делатель палаток стал выше по чести самого удивительного из всех царей? Что может быть славнее славой этого мира, чем Александр? Что выше? Не совершил ли он при жизни много великих подвигов? Не покорил ли народы и города, не выиграл ли много войн и битв, не воздвиг ли победные памятники? Не почтен ли он был как тринадцатый бог в римском сенате? Но нет ничего удивительного в том, что живой человек, будучи царем и владея войском, ведет счастливые войны и одерживает победы. А вот после смерти и погребения совершать это, совершать повсюду, ежедневно, на суше и на море, - это поистине заслуживает самого великого уважения. Где, скажи, могила Александра? Покажи ее мне и назови день, когда он скончался? Вряд ли ты сделаешь это. А великолепную гробницу Павла может видеть всякий, если посетит царственный Рим; и всякий знает славный день смерти, когда бывает праздник целой вселенной. Могила того, конечно, известна близким к нему людям, но могилу этого знают и варвары; так, гробница раба Христова стала славнее царских палат. Одевающийся в пурпур ждет обнять гробницу его и, оставивши тщеславие, начинает умолять мертвого, чтобы он предстательствовал пред Богом, - умоляет делателя палаток, рыбака и умершего тот, кто владеет короной. И это можно видеть не в одном только Риме, но и в Константинополе. И здесь сын Константина Великого думал, что почтит его великим почетом, если поставит его у порога рыбака. Что в царских дворцах для царей - привратники, то в могиле цари - для рыбаков. Одни на положении владетелей места владеют внутренним помещением, другие, как чужие и соседи, охотно согласились бы, если бы им была открыта дверь во двор. Цари там являются в роли слуг и помощников, а подначальные пользуются честью царей. Если же здесь случается то, что выше природы, то насколько же больше будет в будущем веке? Кто теперь дает мне возможность обнять тело Павла и поклониться его гробнице, видеть прах тела его, с которым он прошел по всей вселенной, восполнив незаконченное Христом, на котором носил язвы, в котором сеял повсюду проповедь? Видеть прах уст, чрез которые говорил Христос, из которых воссиял свет, превосходнейший всякой молнии, и слышался голос, который для демонов страшнее всякого грома? Для нас гром не так страшен, как его голос для демонов. Если они трепетали пред его одеждами, тем более - пред его голосом. Я хотел бы увидеть прах этих уст, чрез которые Христос говорил великое и неизреченное и высшее, чем сам от Себя; прах уст, чрез которые раздалось блаженное слово его, говорящее: "**я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих**" (Рим. 9:3); уста, которыми он говорил пред лицом царей и не был посрамлен, от которых убегали демоны и даже не только тогда, когда слышали голос его, но и тогда, когда он был вдали, которыми он преобразовывал все на земле и управлял, как хотел, всем на небе, связывая, кого хотел, и разрешая данной ему властью. Кто покажет мне прах сердца Павлова, пламенеющего за всех погибающих и рождающего во второй раз извергнутых детей? Я хотел бы видеть это сердце даже распавшееся, оно превыше небес, шире вселенной, чище лучей солнца, горячее огня, крепче железа, оно живет больше новой жизнью, чем этой. "**Уже не я живу, но живет во мне Христос**" (Гал. 2:20). Сердце Павлово было поистине сердце Христово, вместилище Духа Святого и книга благодати; удостоенное возлюбить Христа, как не возлюбил никто другой; презревшее смерть и геенну, сокрушенное братскими слезами: "**что вы делаете**? " - говорит, - "**что плачете и сокрушаете сердце мое**" (Деян. 21:13)? Хотел бы я видеть прах рук Павловых, заключенных в узы, рук, возложением которых ниспосылался Дух, которыми он написал божественные писания: "**видите, как много написал я вам своею рукою**" (Гал. 6:11), -

рук его, которые увидев, ехидна упала в огонь. Хотел бы я увидеть прах очей, своевременно ослепленных, взиравших на спасение вселенной, удостоенных видеть Христа во плоти. Хотел бы я видеть прах ног его, обошедших без утомления вселенную, забитых в колодки, в то время когда он поколебал темницу, обошедших вселенную и места ненаселенные. О чем же еще нужно частнее говорить? Хотел бы я видеть его, льва духовного! Как лев испускает пламя из глаз на стада лисиц, так он обрушился на сонмы демонов и философов и, подобно удару молнии, ниспал на полчища дьявольские. Дьявол не вступил с ним в бой, но так испугался и так задрожал пред ним, что только издали видел его тень и слышал голос, чтобы тотчас же убежать. Размыслите и вострепещите, какое удивительное зрелище увидит Рим, когда Павел внезапно восстанет из гроба вместе с Петром и будет взят в сретение Христа: какой дар пошлет Христу Рим, в какие два венка облечется, какими будет опоясан золотыми цепями. Не так блестит небо, когда солнце посылает свои лучи, как город римлян, пославший ко всей вселенной эти два светильника. Какое же слово достойно подвигов Павла, или какой язык в состоянии произнести приличную ему похвалу? Какое благородство ни явили пророки ли, или патриархи, или праведники, или апостолы, или мученики, все это он имеет, и при том в такой высокой мере, в какой ни один из тех людей не владеет, что ни есть прекрасного у каждого из них. Итак, когда все, что есть в людях прекрасного, заключает в себе одна душа, заключает, при этом, в возвышенной мере, и не только то, что есть в людях, но и что есть в ангелах, как мы можем преувеличить его похвалы? Какого только презрения не будем достойны мы, если, в то время как один человек собрал в себе все добродетели, мы не станем подражать ему даже в ничтожной мере? Удивляются Аврааму за его многие подвиги, особенно же за то, что он приносит в жертву собственного сына. Исааку удивляются за то, что, изгнанный из своих пределов, он не противился, но уступил везде, во всем, чем он владел, пока не были удовлетворены несправедливые желания его обидчиков. Иакову удивляются за его твердость и терпеливость, Давиду - за его кротость, Илии - за то, что он возревновал о Владыке. Но что может сравниться с Павлом, который всем этим владеет, и владеет в преизбытке? Правда, он не приносил в жертву сына, но самого себя приносил тысячи раз. И из родных пределов его выгоняли не раз, но он обошел, словно у него были крылья, и сушу, и море, Элладу и земли варваров, - одним словом, прошел всюду, где светит солнце, прошел среди насилий, ударов, побиений камнями, каждый день умирая. И не дважды семь лет служил он, сжигаемый зноем дня и холодом ночи, но провел всю жизнь в голоде и наготе, в оковах и темнице, среди козней и опасностей. А кто исполнил требования справедливости и кротости более, чем Павел, кто выполнил что-нибудь равное ему? Если же ты посмотришь на ревность его, ты увидишь, что он превосходит Илию настолько, насколько Илия превосходит остальных пророков. Иоанн питался акридами и диким медом, Павел же жил в самом средоточии вселенной, точно в пустыне; он не ел акрид и дикого меда, но имел стол гораздо проще, чем это, - у него не было, по ревности к проповеди, даже необходимой пищи. Остается еще приравнять его к ангелам. Пусть никто не подумает, что это - дерзкое слово. Если Писание называет Иоанна ангелом, что же ты удивляешься, когда мы сопоставляем с теми силами лучшего из всех? Чем был когда-то человек, какое благородство присуще нашей природе, какою добродетелью наделено это живое существо, - это более всех показал Павел. Теперь он стал тем, чем был, с очевидностью отвечая от имени Владыки всем, кто нападает на устройство наше, и показывая, что люди немногим отличаются от ангелов, если мы захотим быть внимательными к самим себе. Имея не иную природу, получив в удел не другую душу, обитая не в ином мире, но в той же самой земле и стране, воспитанный в одинаковых законах и нравах, он превзошел всех людей, какие только существовали. И как мертвец остался бы неизменен для мертвого, так он, тщательно успокаивая порывы природы, не поддался ни одной слабости, свойственной человеку. Если Павел, украшенный столькими подвигами и являющийся, как ангел, на земле, каждый день старался сделать приобретение, подвергнуться опасностям за истину, собрать себе духовное обогащение и

никогда не останавливаться, - то какое оправдание будем иметь мы, не только совсем лишенные славных подвигов, но и подверженные стольким порокам, из которых даже один присущий нам достаточен, чтобы ввергнуть нас в бездну гибели, - мы, которые не прилагаем никаких усилий к тому, чтобы исправить эти пороки и быть причастными делам добродетелей? Не одинаковую ли с нами природу имел тот блаженный? Я горю любовью к этому мужу и потому не перестану обращаться к нему. Взирая как на некоторый образец на его душу, я размышляю о суете страстей, о превосходстве мужества, о горящей любви к Богу. И я изумляюсь, как один человек, пожелавши, исполнил весь сонм добродетелей, каждый же из нас не хочет выполнить и самой простой из них. Кто избавит нас от неумолимого наказания, когда Павел, причастный нам по природе, отданный во власть тех же страстей, бывший в таких затруднительных обстоятельствах и ежедневно, так сказать, мучимый, терзаемый, влачимый всенародно теми, кто враждовал против его проповеди, несмотря на все это, явил такое величие добродетели? Чтобы вы услышали не из наших уст о славных его подвигах, - нужно выслушать собственное его слово. "**А если кто смеет [хвалиться] чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я**" (2 Кор. 11:21). Наблюдай душу боголюбивую. Он называет дело не только смелостью, но даже безумием, - научая нас, если бы среди нас нашлись люди, сделавшие что-нибудь доброе, не выставлять наши дела без всякой нужды, когда никто не принуждает нас к этому. "**Они Евреи? и я. Израильтяне? и я. Семя Авраамово? и я**" (ст. 22). Не этим ли, говорит он, гордятся они? Пусть же они не думают, что мы уступаем им, потому что и мы участники того же самого. Потом прибавляет: "**Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше**" (ст. 23). Посмотри здесь на добродетель души этого блаженного мужа. После того, как он назвал происшедшее смелостью и безумием, он, поставленный в необходимость, однако не остановился на том, что сказал; но когда хотел показать, что многим превосходит тех, он, чтобы не подумали, что он говорит из-за самолюбия, снова называет сказанное им безумием, говоря приблизительно следующее: "неужели я не знаю, что делаю дело, которое многим будет неприятно и которое для меня неприлично? Но необходимость, приведшая меня к этому, заставляет меня. Поэтому, простите мне, - говорит он, - что говорю слова безумия". Будем подражать хотя тени его мы, которые отягчены таким бременем грехов и часто, даже если сделаем какое-нибудь достойное дело, не храним его в сокровищницах ума, но гоняясь за славой пред людьми, выставляем его напоказ и этим безмерным пустословием лишаем себя воздаяния от Бога. А тот блаженный не допустил чего-либо подобного, но сказав: "**я больше**", потом перечисляет свои подвиги и говорит: "**я гораздо более [был] в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти**" (ст. 23). Что говоришь ты? Странны и неожиданны твои слова. Разве можно часто испытывать смерть? Да, говорит он, если не опытом, то в мысли. Он хочет сказать нам, что постоянно отдавал себя таким опасностям ради проповеди, приносившей ему смерть. Но благодать Божия хранила бойца в самой средине опасностей, так что ученики получали от него великую пользу. То, что затем по порядку следует, как бы покрывает сказанное: "**Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся**" (ст. 29)? Вот какая нужная любовь у этого мужа, какое бодрствование, какое попечение! У какой матери терзается так сердце, когда ее сын, больной лихорадкой, лежит на постели, как у того блаженного мужа? Он за изнемогающих в каждом месте сам изнемогал еще более, и за соблазняющихся еще более воспламенялся. Посмотри также на выразительность слов. Он не сказал: "кто соблазняется, за кого бы и я не огорчался?" но: "**воспламенялся**", - говорит, показывая нам напряженность горя и заявляя, что он словно в огне, горит внутренно в тех, кто соблазняется. Я сознаю, что слишком растянул свое слово. Но я не знаю, как это случилось, что, когда я коснулся подвигов святого мужа, я был увлечен стремительностью языка, как каким-нибудь потоком быстро несущихся вод. Поэтому, останавливая здесь свое слово, я умоляю любовь вашу постоянно держать его в своей памяти и не переставая размышлять о том, что он был причастен нам по природе и

подвержен одинаковым с нами страстям. Занимаясь ремеслом незначительным и непочетным, сшивая кожи и работая в мастерской, он, после того как решил и восхотел отдать себя трудам добродетели и явить достойным восприятия Св. Духа, получил свыше величайшую честь. Да достигнем ее и мы все благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Отцем и Св. Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 31

О смерти

Дух наш, возлюбленные, побуждает нас многое уразуметь и многое знать, но более всего время кончины. Поэтому, Павел, обличая одержимых этим неблаговременным любопытством, говорит: "**о временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия**" (1Фес. 5:1) Да и какая, скажи мне, от этого польза? Если мы скажем, что кончина последует после двадцати, тридцати, после ста лет, что для нас в этом? Для каждого из нас собственная его кончина не есть ли предел его жизни? Что же хлопочешь и безпокоишься об общей кончине? Но как в других случаях, оставивши собственные дела, мы заботимся об общих делах, и обо всем печемся более, чем о своем, так и здесь, оставляя каждый попечение о своем конце, мы желаем получить научение об общей кончине. Если вы хотите узнать, почему конец скрыт от нас, и почему он придет, как тать в нощи, я скажу: по моему разумению, это - благо. Никто, если бы знал свой последний конец, не стал бы заботиться о добродетели в течение целой жизни; но, зная последний свой день, всякий умирал бы, совершивши наперед безчисленные преступления и только тогда уже пришедши к раскаянию. Если и теперь, когда страх пред неизвестностью заставляет содрогаться души всех, они все все-таки во зле проводят всю прежнюю жизнь и только при последних вздохах предаются раскаянию, то стал ли бы кто-нибудь заботиться о добродетели в том случае, когда они имели бы достоверное знание о конце? Затем, если бы каждый знал, что завтра он обязательно умрет, он не имел бы никаких побуждений сдерживаться перед этим днем, но он убивал бы, кого хотел; мстя своим врагам, примирялся бы снова с собою и принимал бы кончину, наперед успокоивши свою душу. Кроме того, и сами доблестные мужи, готовые на все, несмотря на несчастья, не имели бы награды, потому что они были бы мужественны, но не пред лицом смерти: ведь и самый ленивый человек пошел бы в огонь, если бы нашел достоверного поручителя своей безопасности. Кто думает, что он погибнет от какой-либо опасности, и напротив уверен, что останется жив, если не станет рисковать, - если он, решившись на это, примет смерть, - такой человек явит величайшее доказательство своей ревности и презрения к здешней жизни. Исследующий сущее и устремляющийся к надеждам будущего не будет смерть считать за смерть; и, видя умершего, лежащего пред глазами, не будет, подобно толпе, страдать, размышляя о воздаянии. И как земледелец, видя разбрасываемый хлеб, не падает духом и не приходит в печаль, так и праведник, украшенный добродетелями и ежедневно ожидающий царствия, когда увидит смерть, лежащую пред его глазами, - не тревожится, как толпа, не трепещет и не возмущается, потому что знает, что смерть для живших праведно есть перемена на лучшее, удаление к более превосходному, устремление к воздаянию. Поэтому, есть могилы пред городами, могилы пред полями; и повсюду предлагается научение нашему смирению, чтобы мы постоянно помнили о собственной слабости. Как кто-либо, спеша войти в царственный город, украшенный богатством, могуществом и иными достоинствами, прежде чем он увидит то, что он воображает, видит сначала, что есть, так и мы научаемся сначала тому, во что мы обратимся, и только потом научаемся видеть внутренние образы. И не только это, но часто бывает также, что муж, когда хочет взять жену, поступает по закону, пишет обязательство, касающееся приданого, - и тут же, хотя брачный союз еще не заключен, вписывается о смерти. Он еще

не жил с женою, но решению смерти против него и против нее он уже наперед подчиняется и пишет следующее: если умрет муж прежде жены; если жена умрет прежде мужа, то будет то-то и то-то. И не только о существующем и о живом принимаются во внимание решения смерти, но также и о том, что еще не явилось на свет. В самом деле, что это значит: если "рожденное" дитя умрет? Еще нет плода, а решение принято. Затем кто-нибудь изучает природу по табличкам; но вот ему пришлось испытать что-нибудь, что случается с человеком, или у него умерла жена, - он забывает, что написал, и начинает выкликать вот эти и другие трагические слова: "вот что, - говорит он, - довелось испытать мне! Думал ли я, что это случится со мной, и я лишусь супруги?" Что говоришь ты? Ты был вне несчастий, - и тогда знал пределы природы; а когда впал в несчастье, ты позабыл о ее законах? Итак, когда видишь кого-нибудь из близких уходящим отсюда, не негодуй, приди в себя, исследуй совесть, смотри: немного спустя и тебе предстоит та же участь. Но умерший, говорят, истлевает, становится прахом и пеплом. Вот именно этому-то следует особенно радоваться. Ведь когда кто-нибудь намеревается перестроить старый, пришедший в ветхость дом, он сначала выселяет живущих в нем и уже потом строит более великолепный. И это не огорчает выселенных, а напротив радует, потому что они обращают внимание не на видимое разрушение, но представляют себе в воображении будущее строение, которого еще не видят. Совершенно то же самое и в действиях Божиих: имея разрушить наше тело, Он прежде изводит обитающую в нем душу, как из жилища, чтобы, построивши более великолепное, снова ввести ее в него с большею славою. И Адам при творении не видел, что он взят от земли. Бог сотворил душу не прежде тела, чтобы он не видел творения, а потому не знал и о своем ничтожестве; но когда он восстанет в воскресение, он конечно узнает, что восстает освобождаясь от праха. Если мертвый и не видит себя, он видел ставшего прахом прежде него и видением научается. Не видел ли ты мужей смелых и гордых, как они в смерти были унижены? Возвещается смерть, и сердце всех трепещет. Вблизи памятников мы философствуем о том, что с нами будет, и пустословим; но едва вышли из гробниц, как уже забыли об унижении. В гробнице каждый обращается к своему соседу с такими восклицаниями: о, бедствие! о, жалкая жизнь наша! что будет с нами! Но что же это мы издаем восклицанья, а продолжаем грабить и злопамятствовать? И каждый рассуждает с таким видом, как будто тотчас же намерен отказаться от всех пороков, но рассуждает только в своих внутренних размышлениях, внешними же делами он противится Богу. Но возвратимся к предмету. Почему, скажи мне, ты плачешь так об умершем? Что он был дурен? Но тут следует благодарить, потому что пресечены пороки его. Он был щедр и разумен? Но и в этом случае следует благодарить за то, что он скоро взят, и прежде чем зло изменило его разум. Но он был молод? И за это возблагодари и прославь Взявшего. Как призванных к власти многие провожают с молитвами, так и умерших святых, как призванных к большей чести, следует провожать с усиленными молениями. Я конечно не хочу сказать, что вы не должны скорбеть по умершим, но не следует делать это неумеренно, Если мы будем думать, что умерший мертв, и что Бог оставил его, мы не получим достаточного утешения. Негодовать на это есть свойство тех, кто ищет от природы того, что выше ее. Человек рожден и смертен: итак, что же скорбишь о совершившемся сообразно с природой? Ведь ты не скорбишь, что питаешься, принимая пищу? Не стремишься жить без питания?' Так и относительно смерти: не ищи безсмертия, родившись смертным. Это однажды определено и узаконено. Но когда Бог призывает и хочет нечто взять от нас, не станем, как неблагодарные рабы, покидать Владычного. Если бы Он взял деньги, честь и славу, тело, самую даже душу, Он взял бы свое; если бы он взял твоего сына, - не сына твоего, но раба Своего Он взял бы. Если мы сами не принадлежим себе, как может быть нашим то, что есть Его? Если душа не твоя, как могут быть твоими деньги? Если же они не твои, как ты тратишь на недолжное то, что не принадлежит тебе? Не говори, что трачу мое и от моего роскошничаю. Не от твоего, но от чужого. Говорю: от чужого, - ты сам так хочешь, - потому что Богу угодно, чтобы твоим было то, что доверено тебе от имени

бедных. Чужое бывает твоим, если ты тратишь это на них; если же ты тратишь на себя, тогда твое становится чужим. Разве ты не видишь, что в нашем теле руки служат, рот растирает пищу, желудок принимает ее? Ведь не говорит же желудок: так как я принял, я должен все удержать? То же самое и глаз: хотя им принимается весь свет, но разве он один удерживает его на этом основании, разве не дает свет и всему телу? И ходят одни ноги, но разве они переставляют только себя? Разве ими не переставляется и все тело? Каждый из тех, кто имеет какое-либо необходимое дело, если бы он не захотел передать другому от своего искусства что-либо полезное, погубил бы не только других, но также и себя. Если бы бедные стали мстить за вашу порочность, свойственную людям скупым и богатым, они скоро сделали бы вас бедняками, если бы те не захотели поделиться своим с нуждающимися. Но я, говорит, потерял сына своего единственного, воспитанного среди большого богатства, подававшего прекрасные надежды, сына, который должен бы быть моим преемником по наследию. Так что же? Не испускай стонов, но возблагодари Бога, и прославь Отнявшего, - и это будет нисколько не ниже Авраама: как тот отдал сына по повелению Божию, так и ты не сетовал, когда Бог взял его. Если ты, видя твоего сына умершим, возблагодаришь Бога, то получишь награду не меньшую, чем тот, кто привел сына своего и отдал его как жертву. И если ты остановишь рыдания и сетования, и всех станешь побуждать к славословию, ты получишь безчисленные награды и свыше, и от земли: люди будут удивляться тебе, ангелы рукоплескать, Бог награждать. Но как можно, скажет кто-либо, не плакать о том, от кого я уже не услышу более имя "отец". Что говоришь ты? Разве ты потерял дитя, лишился сына? Нет, ты только приобрел его и крепче овладел им. И имени отца ты не утратил, но получил право на лучшее имя, потому что на будущее время ты получишь имя отца не от смертного сына, но от безсмертного. Хоть сына и нет, ты не думай, что потерял его; но будто отлучившись в путешествие, он даже по родству не оставил тебя вместе с телом. Он есть не дитя, лежащее пред тобой, но тот, который разлучился и вознесся к небу. Итак, когда видишь глаза закрытые и уста сомкнутые и тело недвижимое, ты думай не о том, что вот эти уста уже не издают звука, эти глаза не видят, эти ноги не ходят; но думай о том, что уста эти будут говорить лучшее, глаза увидят большее, ноги будут вознесены на облаках, и что тленное это тело облечется в безсмертие, и что ты получишь превосходнейшего сына. Вспомни патриарха Авраама, который не видел Исаака умершим, но, что гораздо тяжелее и мучительнее, получил приказание самому принести его в жертву. Однако он не противился приказанию, не рыдал и не восклицал чего-нибудь вроде следующего: разве для того Ты сделал меня отцом, чтобы стать мне убийцей сына? Лучше было бы совсем не давать его, чем давши, взять его так обратно. Ты хочешь взять? Но для чего приказываешь мне убить его, мне осквернить собственную мою десницу? Не чрез этого ли сына Ты обещал мне наполнить потомством вселенную? Как Ты дашь плоды, вырывая корень? Кто видел, кто слышал подобное? Я ошибался, обманут! Ничего подобного он не говорил, не думал, не противился Повелевшему, не требовал доводов, но услышавши: "**возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и (…) принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе**" (Быт. 22:2), исполнил повеление с такою ревностью, что сделал даже больше, чем было приказано. Он скрыл это от жены и утаил от рабов, оставив их ждать внизу горы. Теперь подумай только, каково ему было разговаривать с сыном наедине, когда никого другого не было, и сердце оттого разгоралось еще сильнее, и любовь делалась пламеннее? Какое слово может достаточно выразить это? Он повел мальчика на тору, связал ему ноги, положил на дрова и поднял нож, готовясь нанести удар. Не знаю, как рассказать это, в каких словах. Знал один он, сделавший это. Никакими словами нельзя выразить это. Как не отнялась у него рука? Как нервы выдержали напряжение? Как не удержал его вид мальчика, исполненного тоски? Было дано здесь увидеть все вместе, - как отец стал священником, как жертва принесена без крови, всесожжение совершилось без огня. Он и заколол сына и не заколол его; не заколол рукой, но заколол в намерении, чтобы этим научить всех на будущее время тому,

что следует чтить повеления Божии выше и детей, и природы, всего сущего и даже выше самой души. Вообрази доблесть человека, когда он получил приказание заколоть сына своего единородного, данного ему сверх всяких ожиданий, - сколько поднялось в нем размышлений! Но он все подчинил их, все они были пред ним в трепете, более чем копьеносцы пред царем. Одним взглядом он усмирил их, и ни одно из них не осмелилось подать свой голос, но все они были в таком согласии, что скорее украшали самого Авраама, чем внушали ему страх. Посмотри еще на его твердость. Природа своим оружием клонила его к земле, но он стоял, воздвигнув руку, в ней был не венок, а нож, который лучше всякого венка. Сонмы ангелов приветствовали его, и Бог объявил с неба о его торжестве. Может ли быть что-нибудь, равное этому трофею? Если бы, после победы атлета, не вестник снизу, но царь сверху объявил его победителем на олимпийских играх, разве он не думал бы, что это драгоценнее венков? И разве это не приковало бы внимание всего театра? Когда же не царь-человек, а сам Бог, и не в театре, а пред вселенной, при сонмах ангелов и архангелов, объявляет его победителем, возглашая это свыше громким голосом, - где, скажи мне, поместим такого святого? Если родителям нелегко высказать пренебрежение даже к дурным детям, но они и таких жалеют, то можно ли бояться преувеличений красноречия в таком случае, когда сын был кровный, единственный, возлюбленный, и когда он должен был принять заклание от самого отца? О, блаженная десница, какого она сподобилась меча! О, меч достохвальный, какой десницы он удостоен! О, меч достохвальный, на какое употребление он был приготовлен, и какое служение принял, какому образу послужил, как, обагренный кровью, не был однако обагрен ею! Поистине не знаю, что говорю, так удивительно было зрелище! Он не коснулся шеи отрока и не прошел по гортани святого, не обагрился кровью праведного, но он более, чем коснулся, прошел, обагрился; орошенный кровью не был омочен ею.

Может быть вы думаете, что я вне себя говорю такие противоречия; правда, я вне себя, когда воображаю удивительное зрелище праведника, но я не высказываю противоречий. Рука праведного вонзила нож в гортань отрока, но рука Божия не допустила ей, готовой нанести удар, осквернить кровью отрока. Поистине не только Авраам держал нож, но и сам Бог. Бог в мыслях Авраама побуждал его, но удержал его чрез слово. Смотри же, Он сказал: заколи, и Авраам тотчас приготовляет нож; сказал: не закалай, и он с такою же поспешностью опускает нож. Он почитал за лучшее вовсе не называться отцом, чтобы только явить себя рабом верным. И так как он отказался от своего ради Бога, то поэтому и Бог, возвращая принадлежащее ему, сверх того оказал ему милость Свою. По мере ревности было также и повеление. Ты не говори того, что он только построил жертвенник и возложил дрова, но вспомни также голос отрока; подумай о том, какой вихрь мыслей захватил его, как они словно огненные копья вонзались и терзали его, в то время, когда он слышал слова отрока: отец, где же агнец (Быт. 22:7)? Если многие, даже теперь и не будучи родителями, не в силах выдержать это, что же должен был испытать он? Он, который родил и воспитал отрока, получил его в старости, и только его единственного; который видел его, слушал, а вскоре намеревался заколоть? Но во всем этом ничто не поколебало этого адаманта и не сокрушило его. Он не говорил: что ты называешь отцом того, кто немного спустя уже не будет твоим отцом, кто утратит эту честь? Но что он сказал? Бог "**усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой**" (Быт. 22:8). Оба называют друг друга природными именами, - тот говорит: "отец", этот - "сын". С обеих сторон начиналась трудная борьба; предстояла великая буря, но нигде не было кораблекрушения. Исаак же, после того как услышал о Боге, ничего не сказал более и не предлагал еще вопросов: так мудро было дитя в таких молодых летах! Неужели все вы не возгорались духом? Неужели каждый из вас мысленно не обнимает отрока, не любит его, не удивляется его разумению, не отдает должного его чистоте? Даже связанный и положенный на дрова, он не пришел в исступление от ужаса, не пытался спрыгнуть, не поносил отца как безумного, но был связан, вознесен, возложен и все переносил в

молчании, как некий агнец, даже более, как общий всем Владыка, Которому он уподобился кротостью и Которого был образом: "**как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен**" (Ис. 53:7). Пусть не говорят мне, что Авраам не скорбел и не испытал свойственного родителям чувства; желая изобразить его философом свыше меры, пусть не лишают его венца похвалы. Если мы, увидев неожиданно на площади людей, которых ведут на смерть, приходим в уныние, скорбим, а часто даже плачем, хотя бы люди эти отдавались порокам и долгое время вели такую жизнь, хотя бы они были незнакомы с нами, и мы никогда не видели их, то как же не испытал скорби, которая тяжелее всякого наказания и страдания, тот, кто получил приказание убить своими руками и принести во всесожжение собственного сына, кровного, единственного, рожденного вопреки ожиданиям, после того как прошло столько времени, в глубокой старости и уже выросшего? Если бы это был камень, железо, сам адамант, - не подался ли бы и он, не был ли бы тронут видом отрока, разумностью его слов, чистотою его души? Он услышал, что "**Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой**" (Быт. 22:8), и более не расспрашивал; он видел, как отец связывает его, и не противился; он был возложен на дрова и не соскочил; он видел нож, занесенный над ним, и не пришел в ужас. Что может быть чище этой души? Итак, осмелятся ли еще сказать, что все это не причинило Аврааму никаких страданий? Если бы кто-нибудь намеревался убить своего врага, неприятеля; если бы это был даже зверь, - неужели он сделал бы это без скорби? Нет, нет. Поэтому, прошу тебя и умоляю: если ты потерял сына или дочь, не плачь так непристойно и не терзай себя, но подумай, что Авраам заколол собственного сына и не плакал, не сказал горького слова. И Иов скорбел, сколько следует скорбеть отцу, любящему детей. Но то, что мы делаем теперь, есть скорее дело недругов и противников. Если бы ты стал скорбеть и плакать в то время, когда кого-нибудь взяли во дворец и там стали венчать на царство, я назвал бы тебя не другом венчанного, но недругом и противником. Но я не знаю, скажешь ты, куда он ушел? Почему же не знаешь, скажи мне? Хорошо ли он жил, или худо, ясно, куда он пойдет. Я потому, скажут, скорблю, что он ушел из жизни грешником. Но и в этом случае следует радоваться тому, что пресечены грехи, и он еще не увеличил их; помогать же ему, насколько помощь возможна, следует не слезами, но молитвами, умилостивлениями, милостынями и приношениями, потому что не напрасно это придумано, и не всуе предстоящий пред алтарем, при совершении страшных таинств, восклицает: за всех, принявших во Христе успокоение, и за тех, кто творит память о них, - это совершается по установлению Св. Духа. Ведь, если детей Иова очистила жертва отца, что же удивительного, если умершим будет дано некоторое успокоение, когда мы делаем за них приношения? Итак, не будем безрассудно оплакивать умерших, но будем плакать о тех из них, кто скончался в богатстве и не сумел получить от богатства ничего, облегчающего судьбу души их; о тех, кто имел возможность очиститься от грехов и не захотел воспользоваться этим. Будем плакать об этих людях, каждый наедине и все вместе, и не один день, не два, а всю нашу жизнь, и поможем им по мере сил. Придумаем помочь им чем-нибудь: хоть немного, но поможем. Как и какими способами? Молясь сами, убеждая других творить молитвы за них, постоянно подавая за них милостыню бедным. Какую цену имеет это дело? Послушай, что говорит Бог: "Я буду охранять город сей ради Себя и ради Давида, раба Моего" (4 Пар. 19:34). Но если одна память о праведном имеет такое значение, какую же цену будет иметь то, когда ради него будут совершены и дела? Не напрасно узаконили апостолы творить память об умерших при совершении страшных таинств. Они знали, что умершим будет великая выгода, что они получат от этого много пользы. Когда весь народ стоит, простирая руки, и сонм священников с ними; когда предлежит страшная жертва, - как мы можем не умилостивить Бога, молясь за тех людей? Но это мы говорим о тех людях, кто принял смерть в вере; оглашаемые же недостойны воспринять это утешение, они лишены всякой подобной помощи, кроме одного средства помочь им. Какого же? Можно неустанно подавать за них бедным, и это даст им некоторое успокоение. Таким

образом не смерть есть зло, но смерть во грехах. Не хотите ли вы, чтобы я сказал любви вашей, откуда в нас страх смерти? Любовь к царству небесному не поразила нас, желание будущих наград не возгоралось в нас, - потому что мы презрели бы тогда все настоящее. Тот, кто всегда боится геенны, не будет бояться смерти. Дозвольте мне, братья, благовременно сказать вам: не будьте детьми по уму, но умалите себя во зле. Малые дети боятся ласки, но не боятся огня, и, если их случайно поднесут к зажженному светильнику, они неосторожно протягивают руку к светильнику и к огню: боятся пустой маски и не боятся действительно страшного огня. Хочешь ли я скажу и другую причину, почему мы не боимся смерти? Мы не ведем строгой жизни, в нас нет доброй совести. Если бы это было, ничто нас не испугало бы, ни смерть, ни потери в имуществе, ничто подобное. Дай мне уверенность в том, что я получу царство небесное, да тогда заколи меня, если хочешь, хоть сегодня: я буду благодарен тебе за это, потому что ты ускоряешь для меня наслаждение теми благами. Но я боюсь, скажет кто-нибудь, умереть несправедливой смертью? Что говоришь ты, скажи мне? Ты боишься несправедливой смерти, а справедливой хочешь? Но кто же этот несчастный и жалкий человек, что предпочитает справедливую смерть, когда можно умереть несправедливо? Если следует бояться смерти, то конечно такой, которая постигает нас по заслугам, потому что принявший несправедливую смерть чрез это самое вступает в общение со всеми святыми. Большинство из тех, кто угодны Богу, приняли несправедливую кончину, - и первый Авель. Он не погрешил против Каина, не оскорбил его, но был убит за то, что чтил Бога. Бог же дозволил это - любя его, или ненавидя? Очевидно, дозволил потому, что любил и восхотел сотворить ему большую награду за это неправедное убийство. Не видишь ли отсюда, что следует бояться не несправедливой смерти, а того, чтобы умереть в грехах? Авель умер несправедливо, Каин жил стеная и трепеща. Кто же, скажи мне, блаженнее? Тот, кто получил праведное успокоение, или живущий в грехах? Умерший несправедливо, или тот, кто получил праведное наказание? Что, скажи мне, преступнее убийства? Однако, сделавший его некогда мог явить правду. Выслушай, как это случилось. Некогда мадианитяне, желая навлечь на иудеев гнев Божий и надеясь восторжествовать над ними чрез то, что лишат их благоволения Владыки, нарядили девушек в нарядные одежды и, поставивши в виду войска, обольстили иудеев, введя их в непотребство. Увидевши это, Финеес выхватил меч и поразил двух осквернявших себя, - обоих он убил при самом грехе их, - убил не потому, что ненавидел умерщвленных, но чтобы не погибли другие. Убийство совершилось, но последовал счастливый конец - спасение всех погибающих: убил двух, а спас неисчислимое множество. И как врачи, отсекая сгнившие члены, спасают все тело, так и он сделал, и это было вменено ему в правду. Итак, не будем безрассудно оплакивать умерших; будем плакать о тех, кто умер во грехах: эти достойны плача, воплей и слез. Какая надежда, скажи мне, остается тому, кто ушел во грехах туда, где нельзя сложить с себя грехи свои? Пока они были здесь, была может быть великая надежда, что они покаются и исправятся. Но после того как они сошли в ад, где нельзя приобрести что-нибудь покаянием ["**во гробе**", - говорится, - "**кто будет славить Тебя**"? (Пс. 6:6)?], не достойны ли они слез? Итак будем плакать об умирающих так, - я не препятствую. Будем плакать, но не безчинно, - не рвя на себе волос, не обнажая плеч, не царапая лицо, но с тихой душой источая необильные слезы. Это принесет нам пользу, потому что оплакивающий так умершего сам гораздо лучше позаботится, чтобы с ним не случилось того же самого. И еще когда ты видишь такую картину: несут по улице мертвого, за ним идут осиротевшие дети, жена-вдова рыдает, слуги плачут, друзья печальны, - тогда вспомни о суетности всего существующего и о том, что оно ничем не разнится от тени и сновидений. Подумай о дворцах великих и славных людей и о том, как теперь они срыты до основания; вообрази, как эти люди были сильны, а теперь исчезла даже самая память о них. "**Многие из властелинов сидели на земле, тот же, о ком не думали, носил венец**" (Сир. 11:5). Тебе недостаточно этого? Подумай тогда о том, что может случиться с тобой еще раньше смерти, в то время когда ты спишь: не в силах ли

тогда убить тебя даже незначительный зверь? Со многими часто случалось, что небольшой зверек, упавший с крыши, повредит глаз или причинит какую-нибудь другую опасность. Поразмысли об этом и не удивляйся блестящей внешности людей, не дивись на самодовольно закинутую голову, на щегольское платье, на коней и слуг. Подумай о том, чем все это кончится. Если ты дивишься видимому, я покажу тебе в живописи гораздо лучше этого. Но как мы не удивляемся, в то время когда видим существо того, что изображено в живописи, потому что оно - одна грязь, так и то. И то - тоже грязь, или лучше: оно таково, прежде чем разрушиться и превратиться в прах. Покажи мне надменного человека, когда он в лихорадке и лишился самообладания, - и тогда я буду разговаривать с тобой и скажу тебе: где теперь те, кто, в сопровождении толпы слуг, тщеславясь выступал на улице? Где одетые в шелковые одежды, раздушенные благовонными мастями, содержащие приживальщиков, не покидающие театра? Где те роскошные пиры, толпы музыкантов, услужливость льстецов, безмерный смех, покой души, широкие планы, жизнь изнеженная, праздная и роскошная? Все прошло, все исчезло. А что сталось с телом, на которое тратилось столько попечений, о чистоте которого так заботились? Пойди к гробнице, посмотри на прах, на пепел, на червей, на отвратительный вид места: посмотри и рыдай горько. И если бы наказание ограничилось только прахом! Но ты теперь от этого гроба и от этих червей перенесись мыслью к тому безсмертному червю, к скрежету зубовному, ко тьме кромешной, к огню неугасимому, к тем страшным невыносимым мукам, к жизни безконечной. Здесь и блага и страдания имеют свой конец, - конец весьма близкий, - а там то и другое продолжается на веки вечные, по качеству же они так отличаются от теперешних благ и несчастий, что нельзя и выразить это. А что сталось с многочисленными украшениями? Куда девалась изнеженность, угодливость слуг, обилие имущества и владений? Какой ветер, ворвавшись, все это вымел? Для чего дорогие и ненужные расходы на погребение, - расходы, которые приносят значительный ущерб погребающим и никакой пользы умершему. Когда ты слышишь, что Владыка воскрес из мертвых без одеяния, - оставь ради этого безумные заботы о погребении. Христос, когда говорил: так как вы видели Меня алчущим и накормили, жаждущим и напоили, нагим и одели, - Он не прибавил: умершим и погребли. Если же Он даже живым повелевает не иметь ничего больше, кроме покрывала, тем более - умершим. Чем же мы оправдаем себя, когда тело, которое отдано гниению и червям, украшаем, о Христе же, алчущем, жаждущем, нагом и страннике - не печемся? Но и умерший, лежащий на ложе, говорят, носит на себе знаки своего звания и богатства, когда он одет в блестящую одежду, когда бедные и богатые провожают его, когда народ соблюдает благоговейную тишину. Вот особенно это и достойно осмеяния; да оно вскоре и изобличится, как цвет опадающий. Как только мы переступим порог городских ворот и, предавши тело червям, возвратимся назад, где будет, снова спрашиваю тебя, то многочисленное собрание? Что станется с воплями, с волнением? Где светильники, где хоры женщин? Не сон ли все это? А что те крики? Куда девались многочисленные уста, вопившие и убеждавшие быть мужественными, потому что никто не безсмертен? Не теперь следовало это говорить, когда он не слышит; но в то время, когда он хищничал, когда был корыстолюбив, тогда следовало сказать, немного изменивши: не годится быть безстрашным - никто не безсмертен. Если бы тебе построили дом там, где ты не имел намерения оставаться, ты счел бы для себя это дело убыточным. Но поистине ты хочешь богатеть там, откуда часто приходится уходить, раньше чем наступит вечер. Воздержись от безумия, укроти пожелание. То же самое следует сказать - мужайся! - тому, кто терпит несчастие. Если это и безполезно для того, кто уже прошел ристалище, - пусть услышат это те, кто болеет такими же недугами, как и он, и кто идет к тому же концу. Так как они, опьяненные деньгами, раньше ни о чем подобном не думают, - то пусть они придут в разум хотя в это время, когда самый вид лежащего подтверждает слова; пусть будут научены, помышляя о том, что немного позднее провожающие и их отведут на тот страшный суд и для получения возмездия за то, что они дурно поступали здесь. Итак,

чтобы нам не потерпеть одного и того же вместе с теми, - постараемся измениться, насколько это в наших силах, и исправиться, чтобы быть причастниками и будущих благ во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава со Отцем и животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 32

О мужестве и храбрости.

Трусливой и робкой делает душу отсутствие просвещения, - делает не чрез природу, но чрез свободное изволение. Когда я вижу, что человек, когда-то мужественный, стал теперь трусом, я не говорю, что это порок природы, потому что природное - неизменно. Когда затем я вижу, что теперешние трусы вдруг становятся смелыми, я опять прихожу к тому же решению: так и ученики были очень робки, прежде чем были научены тому, что надлежало, и прежде чем удостоились дара Духа; позднее же они стали храбрее львов. И Петр, не выдержавший угроз девушки, был казнен чрез распятие, терпел бичевание и не молчал, подвергаясь тысяче опасностей. Конечно, не следует уклоняться от борьбы, но не следует и напрашиваться на нее; тогда и для нас победа будет славнее, и для дьявола поражение унизительнее. Итак,мы должны храбро стоять, если вовлечены в борьбу; если же мы не званы, - оставаться в покое и ожидать времени борьбы, чтобы явить вместе и презрение к славе, и храбрость. Быть храбрым безрассудно - часто есть свойство простых людей. Но чтобы пользоваться обстоятельствами для дела, в удобное время, с соответствующей выдержанностью и благоразумием, - на это нужна великая и удивительная душа. Храбр только тот, кто имеет силу внутри себя, - он храбр, хотя бы был повержен на ложе, - также как без этой силы я не сказал бы, что он сильнее девушки и жалкой старухи, хотя бы телесными силами он поднял гору с ее основания. Это потому, что тот борется с безтелесным злом, на что этот не смеет даже взглянуть. Хочешь ли научиться, что никакая сила не превозможет того, кто огражден высшею помощью, и нет никого слабее, чем тот, кто лишен ее, хотя бы он был окружен тысячами войск? Давид, будучи совсем молодым, и по молодости лет оставшийся в отеческом доме, отправляется своим отцом навестить братьев. Явился он навестить их уже в то время, как война началась - начал ее чужеземец Голиаф - и весь народ вместе с царем трепетал. Между тем Давиду хотелось быть зрителем, и вот он пошел посмотреть на новое для него и удивительное дело, что один человек стал против нескольких мириад. Он и говорит: кто этот чужеземец, что так поносит воинство Бога живого? Что будет человеку, который убьет его (1 Цар. 17:26-27)? Саул, узнавши об этом, посылает за юношей, который не знал ничего, кроме пастушеского дела; но, видя его лета, он отнесся к нему с невниманием. Потом, узнавши от него, как он справлялся с медведями, когда они нападали на стадо, Саул захотел вооружить его собственным оружием. Но он, надевши, не мог носить его. Это случилось для того, чтобы в чистоте явилась сила Божия, действующая чрез него, и чтобы происшедшее не было приписано оружию. Так как ему было неловко в оружии, он снял его и, взявши пастушескую сумку с камнями, с этим пошел на твердыню из плоти. Когда Голиаф увидел, что тот идет на него с одной пастушеской сумкой и камнями, он обратился к нему приблизительно со следующими словами: не думаешь ли ты, что ведешь, как когда-то, стадо и гонишь собак? И не потому ли вышел ты на борьбу со мной с таким оружием, как будто хочешь гнать какую собаку? Но вот опыт научит тебя, что не тебе воевать с первым встречным. После этих хвастливых слов, он бросился бегом, подхватив свое тяжелое вооружение и потрясая оружием. Но он начинал борьбу веря в силу своего оружия; оградивший же себя верою и высшею помощью сначала словами унизил тщеславие чужеземца, сказавши ему: ты идешь против меня с щитом и копьем и думаешь победить собственными силами, а я иду во имя Господа Бога (1 Цар. 17:45). После этих слов Давид вынул из пастушеской сумки камень, как будто хотел отогнать

собаку, подошедшую к стаду, и, нанесши, при помощи пращи, чужеземцу удар прямо в лоб, повалил его; потом, поспешно подбежав к нему и выхватив у него меч, отсек им у него голову, принес ее к царю и таким образом положил конец войне. Царь получил чрез него спасение, и весь народ воспрянул духом. И было дано увидеть удивительное и неожиданное дело: вооруженный в полное оружие поражен невооруженным, и опытный в войне - тем, кто не знал ничего, кроме пастушеского дела. Для чего это и почему? Потому что одного ограждала высшая помощь, сопутствующая ему; другой же, лишенный ее, был предан в руки его. Конечно, высоко и дивно не допускать пожелания, зарождающегося в нас, но, уклоняясь, погашать его. Но если это нам не по силам, будем хотя бороться и всячески задерживать его. Здесь дело не так обстоит, как у атлетов. У последних, если не повергнешь, ты не одержал победы; здесь же, если тебя не повергли, ты победил и поверг врага. И это понятно. Там сражаются за победу: если один повержен, другой получает награду; здесь не так, но дьявол стремится к нашему порабощению. Поэтому, когда я полагаю конец тому, о чем он старается, я победил. Он направляет свои усилия не к тому, чтобы низвергнуть, а к тому, чтобы низвергнуть вместе с собой. И победа его - не в награде, а в общей гибели. Если бы ты даже часто терпел поражения, ты не уклоняйся из-за этого от борьбы. Не получать ран есть удел тех, кто не борется; те же, кто идет на войну с большим воодушевлением, они получают раны и терпят поражения. Никто, видя солдата, возвращающегося с войны раненым, не стал бы укорять его за это; безчестно, напротив, бросить оружие и убежать с войны. Пока кто-нибудь стоит с оружием в руках, не найдется человека, настолько несправедливого в военном деле, который бы поставил ему в вину то, что он терпел поражения и на короткое время отступал. Если кто сам не захочет нанести себе обиду, другой не в силах будет сделать это. Ведь вот ни оружие, ни машины внешних врагов часто не в силах бывают взять твердынь городов; предательство же одного или двух человек, живущих внутри, без труда отдает их во власть врага. Если тебя не предадут внутренние твои мысли, злой дух ничего тебе не сделает, хотя бы употреблял тысячи средств. Что скажем мы о матери Маккавеев, этой благородной женщине? Не женщина ли она была? И не дала ли семь детей своих сонму святых? Не видела ли она, как они мучились? Не терпела ли и сама мучения с каждым отдельно? Когда их подвергали пытке, и она принимала удары, - потому что она была мать. Подумай, как она подготовила их к борьбе, как построила Богу семь храмов. Стоял тиран и отступил, побежденный одной женщиной. Он осаждал оружием, она победила ревностью; он разжигал плавильную печь, а она еще сильнее воспламеняла свой дух; он подготовлял войско, а она вручала себя ангелам. Она видела тирана преисподней и думала о царе, царствующем свыше; видела преисподние муки и исчисляла горние награды; видела теперешнее мучение и размышляла о будущем безсмертии. А что Исав? Не больше ли он был Иакова? Не перворожденный ли? Не возлюбленный ли сын у отца? Но предав себя чрез грех, лишился и первородства и был принужден служить меньшему. Сказал, говорится, Господь Ревеке чрез священника: "**два племени во чреве твоем, и два различных народа произойдут из утробы твоей; один народ сделается сильнее другого, и больший будет служить меньшему**" (Быт. 25:23). Посмотри на прорицание, ясно предуказавшее ей все, что совершится. Бьющиеся и играющие во утробе младенцы уже все предсказали с точностью. И, наконец, жена узнала не только то, что она родит детей, но и то, что они распространятся в народы, и меньший будет господином над большим. "**И настало время родить ей: и вот близнецы в утробе ее. Первый вышел красный, весь, как кожа, косматый (…). Потом вышел брат его, держась рукою своею за пяту Исава; и наречено ему имя Иаков**" (Быт. 25:24-26), - так что почти уже от начала Бог указал, что меньший, как сказано, будет владычествовать над большим. Держал, сказано, рукою пятку Исава: это было знаменьем того, что он превзойдет того, кто кажется сильным. Но уже время обратиться со словом к блаженнейшему Павлу. Я пламенею любовью к этому мужу и потому не устану непрерывно обращаться к нему. Пусть никто не смущается этим моим решением. Если бы мы были кругом обложены

варварами, и если бы неприятели устроили нам в строю безчисленные затруднения; если бы затем полководец варваров, который располагал бы безчисленными осадными машинами, все у нас привел бы в замешательство, наполнил смущением и великим страхом, угрожал разрушить и предать огню самый город, а нас всех обратить в рабство; если бы он, сам вдруг попавшись в плен к нашему царю, был пленником приведен в город, - не сбежались ли бы все мы вместе с женами и с детьми на это зрелище? Вот теперь и у нас война наступила. В то время как иудеи все наполняют смущением и страхом и замышляют многие ухищрения против безопасности Церкви, глава же врагов Павел, более всех старавшийся об этом, проповедовавший и все наполнивший смущением и страхом, и его-то именно Господь наш Иисус Христос, Царь наш, связал и привел пленником, - неужели мы все не выйдем на это зрелище, чтобы видеть его ведомого пленным? И ангелы на небе, видя его связанным и ведомым, ликовали, - не потому, что видели его связанным, но потому, что представляли, скольких людей освободит он от оков; не потому, что видели ведомым за руку, но потому, что размышляли о том, скольких он имеет возвести от земли к небу; не потому, что видели ослепленным, но потому, что думали о тех, кого он имеет извести из мрака. Поэтому, оставивши всех других, я спешу обратиться к Павлу. Павел и любовь к Павлу заставляют нас сделать этот скачок. Есть ли что пламеннее сердца человека, который прошел всю вселенную, претерпел насилие, биение камнями, оковы, - и это все затем, чтобы освободить связанных и привлечь их к себе? И не как борющийся совершал он свои подвиги; но будто идя к готовой и верной победе, воздвигал он победные памятники, срывая, опустошая, уничтожая до основания укрепления дьявола и все заграждения демонов; он не останавливался, устремляясь вперед от этих к тем и от тех к этим, и, подобно отличному полководцу, каждый день, а лучше сказать, каждый час воздвигал победные памятники. Проникнув в одной одежде во вражеский строй, он взял неприятельские города вместе с людьми. Язык Павла был луком, копьем, стрелами и всем. Он произносил только звук, и слова его, поражая врагов сильнее всякого огня, изгоняли демонов, а людей, потерявших власть над самими собой, возвращали себе. Когда он изгнал злого демона, безчисленное множество заклинателей сожгли свои магические книги и обратились к истине, и как на войне, после того как башня упала или тиран низвергнут, все, кто был вместе с ним, побросавши орудие, сбегаются к полководцу, так и тогда было: когда демон был низвержен, все побежденные, побросавши книги, вернее уничтоживши их, устремились к ногам Павла. А он, превращая весь мир как бы в один лагерь, нигде не останавливался, но все делал, словно у него были крылья: то восстановлял хромого, то воскрешал мертвого, то иного ослеплял, - я говорю о маге. Даже заключенный в темницу, он не успокоился, но и там привел в себя стража, совершив этот прекрасный плен. Удивляются Давиду за то, что он одним только камнем поразил Голиафа. Но если бы наследовали дела Павла, то увидели бы, что то - ребяческое дело, и что насколько различаются между собой пастух и полководец, столько же разницы между этим и тем, потому что тот уничтожил мысленного Голиафа и не бросая камня, но одним словом истребил все полчище дьявола. Как лев, ревущий и дышащий огненной пастью, так страшен был для всех и он, когда приходил. Он появлялся постоянно повсюду: приходил к этим, шел к тем, возвращался к этим, уходил снова к другим, - появляясь быстрее ветра и управляя всей вселенной, как одним домом или судном, вытаскивая тонущих, спасая окутанных тьмой, давая приказания морякам, сидя у кормового весла, наблюдая за носом, натягивая канаты, принимаясь за весла, поднимая паруса, смотря на небо, будучи сам всем - и моряком, и кормчим, и заведующим носом корабля, и парусом, и судном, все терпя, чтобы уничтожить зло других. И как атлет, сам борясь, бегая, вступая с бой, или солдат, разбивая стены, сражаясь на суше и на море, - так он участвовал во всех видах борьбы, разжигал ревность и, овладевая единолично вселенной и всех побеждая одним своим словом, сам был для всех неприступен. Не так звуки множества труб, упавши на стены города Иерихона, уничтожили их, так громкий голос Павла сравнял с землей дьявольские укрепления и врагов привлек на свою сторону.

Он был спущен чрез окно со стены, чтобы вознести поверженных на землю. Как солдат, если бы он, воюя с целым миром, попал в самую средину неприятельских войск и нисколько не пострадал, - так Павел, являясь один среди варваров и эллинов, повсюду на суше, повсюду на море, оставался невредимым. И как искра, попадая в солому и сено, изменяет горючий материал сообразно своей природе, так и он, приходя ко всем, всех привлекал к истине. Что, скажи мне, славнее славой этого мира, чем Нерон, что выше? Что напротив незначительнее или непочетнее Павла? Тот был тиран, совершил много блестящих дел, воздвиг множество славных победных памятников, имел повсюду громадное богатство, безчисленное войско, ему подчинена была большая часть вселенной, в его распоряжении был царственный город, пред ним преклонялся весь синклит; в царских палатах он ходил в блестящей одежде; если нужно было взяться за оружие, являлся в золотом оружии, украшенном драгоценными камнями; если приходилось выходить в мирное время, облачался в пурпур; за ним ходили много телохранителей и много оруженосцев; он считался господином суши и моря, был самодержец, август, кесарь, царь, у него не было ни в чем недостатка, что составляет славу, но и мудрые, и могущественные, и цари трепетали его и боялись. Кроме того, о нем была еще молва, что он жесток и безстыден; он хотел быть богом, презирал всех идолов и самого Бога всех; его почитали как бога. Но противопоставим ему, если будет позволено, Павла. Он был киликиянин, занимался кожевенным делом, был беден, несведущ во внешних науках, знал только по-еврейски, - язык, над которым многие издевались, - жил часто впроголодь и спать ложился голодный; раздетый, он не имел чем накрыться. И не только это, но он был брошен в темницу вместе с разбойниками, чародеями, грабителями могил, убийцами; по приказанию того же Нерона его, как преступника, подвергали бичеванию. Так кто же из них славнее? Не правда ли, что большинство не знает даже имени того, а этого прославляют ежедневно и эллины, и варвары, и скифы, и те, кто живет у самых пределов вселенной? Кто почетнее? Тот, кто побеждает, находясь в оковах, или побеждаемый, облеченный в пурпур? Стоящий внизу и наносящий удары, или сидящий наверху и поражаемый? Повелевающий, но чьих приказаний не слушаются, или тот, кто получает приказания, но не придает им никакого значения? Кто один, но побеждает, или тот, кто с безчисленным множеством войск терпит поражения? Если побеждать славнее, чем быть побежденным, то Павел вообще славнее. И не то только удивительно, что он победил, но то, что он победил такого и имея такой вид. "**Кто изречет могущество Господа**" (Пс. 105:2), что Ты не дозволил Павлу быть в неизвестности, что показал вселенной такого мужа? Все ангелы восхваляли Тебя единодушно, когда Ты сотворил звезды и солнце; но не так, как тогда, когда Ты явил Павла всей вселенной. Земля стала светлее неба, потому что тот - светлее света солнечного. Это солнце сменяется ночью, а тот победил дьявола. Оно, нисходя с высоты, вниз посылает свои лучи; он же, восходя снизу, наполнил светом не только пространство между небом и землей, но едва открыл уста, как даже ангелов исполнил великой радостью. И если об одном грешнике кающемся бывает радость на небе, - а он в первом же проповедании уловил безчисленное множество мужей, - то какой радостью наполнил он горние силы? Что говорю я? Достаточно, чтобы Павел начал говорить, как небеса играют и радуются. Итак, если Павел, украшенный столькими подвигами и являющийся как ангел на земле, каждый день старался сделать приобретение, подвергнуться опасностям за истину, собрать себе духовное богатство и никогда не останавливаться, то какое же оправдание будем иметь мы, не только совсем лишенные славных дел, но и подверженные стольким порокам, из которых даже один, присущий нам, достаточен, чтобы ввергнуть нас в бездну гибели, - мы, которые не прилагаем никаких усилий к тому, чтобы исправить эти пороки и быть причастными делам добродетели? Не одинаковую ли с нами природу имел тот блаженный? Я горю любовью к этому мужу и потому не перестану обращаться к нему. Взирая, как на некоторый образец, на его душу, я размышляю о суете страстей, о превосходстве мужества, о горящей любви к Богу. И я изумляюсь, как один человек, пожелавши,

исполнил весь сонм добродетелей; каждый же из нас не хочет выполнить и самой простой из них. Кто избавит нас от неотвратимого наказания, когда Павел, причастный нам по природе, отданный во власть тех же страстей, бывший в таких затруднительных обстоятельствах и ежедневно, так сказать, мучимый, терзаемый, влачимый всенародно теми, кто враждовал против его проповеди, несмотря на все это, явил такое величие добродетели? А чтобы вы услышали не из наших уст о славных его подвигах и о мужестве, которое он являл ежедневно ради проповедания благочестия, необходимо выслушать собственное его слово: "**а если кто смеет [хвалиться] чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я**" (2 Кор. 11:21). Наблюдай душу боголюбивую. Он называет дело не только смелостью, но даже безумием, научая нас, если бы нашлись среди нас кто-либо, сделавшие что-нибудь доброе, не выставлять наши дела без всякой нужды, когда никто не принуждает нас к этому. "**Они Евреи? и я. Израильтяне? и я. Семя Авраамово? и я**" (ст. 22). Не этим ли, говорит он, гордятся они? Пусть же они не думают, что мы уступаем им, потому что и мы участники того же самого. Потом прибавляет: "**Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше**" (ст. 23). Посмотри здесь на добродетель души этого блаженного мужа. После того как он назвал происшедшее смелостью и безумием, он, поставленный в необходимость, однако не остановился на том, что сказал; но когда хотел показать, что многим превосходит тех, он, чтобы не подумали, что он говорит из-за самолюбия, снова называет сказанное им безумием, - говоря приблизительно следующее: неужели я не знаю, что делаю дело, которое многим будет неприятно и которое для меня неприлично? Но необходимость, приведшая меня к этому, заставляет меня. Поэтому простите мне, говорит он, что говорю слова безумия. Будем подражать хотя бы тени его мы, которые отягчены таким бременем грехов и часто, даже если сделаем какое-нибудь достойное дело, не храним его в сокровищницах ума, но, гоняясь за славой пред людьми, выставляем его напоказ и этим безмерным пустословием лишаем себя воздаяния от Бога. А тот, блаженный, не допустил чего-нибудь подобного, но сказав: "**я больше**" - потом перечисляет свои подвиги и говорит: "**в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе**. **Кроме посторонних [приключений]**" (2 Кор. 11:23, 27). Теперь взгляни еще на другое море искушения, открывающееся для нас. Говоря: "**кроме посторонних [приключений]**", он подразумевает, что опущенное, может быть, больше того, что он сказал. Но он и на этом не остановился, а опять указывает нам на возмущение и скопление людей, говоря так: "**у меня ежедневно стечение [людей], забота о всех церквах**" (ст. 28). Вот и еще подвиг, достаточный, если бы даже он был только один, для того, чтобы возвести его на самую вершину добродетели. Попечение, говорит, "**о всех церквах**": попечение не об одной и не о двух, и не о трех, но о всех церквах по вселенной, которую проходит солнце, посылая на землю свои лучи. Такое имел попечение и заботу блаженный апостол. Посмотри на широту души! Посмотри на величие мысли! А приведенное сряду затем, так сказать, покрывает все сказанное: "**Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся**" (ст. 29)? Вот какая нежная любовь у этого мужа! Какое бодрствование! Какое попечение! У какой матери терзается так сердце, когда ее сын, больной лихорадкой, лежит на постели, как у того блаженного мужа, который за изнемогающих в каждом месте сам изнемогал еще более, и за соблазняющихся еще более воспламенялся? Посмотри также на выразительность слов. Он не сказал: кто соблазняется, за кого бы и я не огорчался? но: "**кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся**?" - говорит он, показывая нам напряженность горя и заявляя, что он словно в огне, горит внутренне за тех, кто соблазняется. Я сознаю, что слишком растянул свое слово. Но я не знаю, как это случилось, что, когда я коснулся подвигов святого мужа, я был увлечен стремительностью языка, как каким-нибудь потоком быстро несущихся вод. Поэтому, останавливая здесь свое слово, я умоляю любовь вашу постоянно держать его в своей памяти и не переставая размышлять о том, что он был причастен нам по природе и подвержен одинаковым с нами страстям. Занимаясь ремеслом незначительным

и непочетным, сшивая кожи и работая в мастерской, он, после того как решил и восхотел отдать себя трудам добродетели и явить достойным восприятия Св. Духа, получил свыше величайшую милость. Да удостоимся и мы все воспринять ее благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Отцем и Св. Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 33

На св. праздник Ваий

За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь, в дом Марии и Марфы. Там приготовили Ему угощение, и Марфа служила, а Лазарь вкушал (Ин. 12:1). Это было знамением истинного воскресения, что спустя много дней Он будет и жить, и вкушать. Отсюда ясно, что в доме Марфы был завтрак: именно друзья и преданные Иисусу принимали Его. Некоторые же говорят, что это происходило в чужом доме. И Мария служила, потому что была ученицей. Но она опять служила более духовным служением и не прислуживала Ему как званому; она не несет обыкновенного служения, но оказывает Ему единственную честь, - относится к Нему не как к человеку, а как к Богу. Поэтому, она возлила миро и отерла власами головы своей. Это показывало, что она не держится о Нем такого мнения, какого - большинство. Но Иуда стал укорять, и под благовидным предлогом. Что же Христос? "**Оставьте ее; она сберегла это на день погребения Моего**" (Ин. 12:7). Почему же Он не обличил ученика за женщину? Почему не сказал того, что сказал евангелист, что он укорил женщину потому, что был вор (ст. 6). Он хотел обратить его Своим долготерпением. Вследствие того, что Он знал, что он предатель, Он прежде обличал его, часто говоря: не все веруют, и: один из вас дьявол (Ин. 6:65, 71). Он показал этим, что Он знал о нем, что он - предатель; не обличил же его, но снизошел, желая, чтобы он оставил свое намерение. Как же другой говорит, что все ученики сказали это? И все, и Он, - но остальные по другому побуждению. Если же кто стал бы допытываться, почему Он вору поручил кассу бедных и сребролюбца поставил распорядителем, то мы ответили бы, что Иисус знал тайную причину. Если же и нам следует сказать что-либо, доискиваясь причины, то мы сказали бы: для того, чтобы лишить Иуду всякого оправдания. Он уже не мог сказать, что сделал это по любви к деньгам, - потому что имел достаточно средств удовлетворить своей страсти, пользуясь кассой, - но по своей великой порочности, и если бы он захотел от нее отказаться, он не предал бы своего благодетеля. Христос же, по Своему великому снисхождению, долготерпеливо переносил его. Поэтому, Он не обличил его в том, что он вор, хотя и знал это, сдерживая его порочную страсть таким образом, что отнимал у него всякое оправдание. Поэтому, Он и говорит: "**оставьте ее; она сберегла это на день погребения Моего**". Говоря о погребении, Он еще раз напомнил о нем предателю. Но обличение не достигло до него, и слово не смягчило его, хотя было достаточно, чтобы вызвать в нем вопли. Он как бы говорил: Я тягостен и неприятен, но вот еще немного, и Я уйду. Именно это Он имел в виду, когда говорил: "**Меня не всегда имеете**" (Ин. 12:8). Но ничто не тронуло дикого и безумного человека, - хотя Он сказал и сделал гораздо больше, омыл Его ноги в ту же самую ночь и разделил с ним трапезу. "**Многие из Иудеев узнали, что Он там, и пришли не только для Иисуса, но чтобы видеть и Лазаря, которого Он воскресил из мертвых**" (Ин. 12:9). Видя чудо, многие там уверовали. Старейшины же, не удовлетворенные собственным злом, решили убить также и Лазаря. "**Первосвященники же положили убить и Лазаря, потому что ради него многие из Иудеев приходили и веровали в Иисуса**" (Ин. 12:10-11). Пусть так, - Христа они решили взять за то, что Он разрушал субботу, что делал Себя равным Отцу, и из-за римлян, - как они говорили, - чтобы они не взяли и места их, и народа. Но за какую вину они решили взять Лазаря? Вот разве он тем виноват, что получил благодеяние. Видишь ли, как был кровожаден их

замысел? Он сотворил много чудес, но ничто не привело их в такую ярость, - ни расслабленный, ни слепой. Это чудо было и по природе своей самое удивительное, и случилось оно после уже многих чудес; и было странно видеть, как мертвый четвородневный ходит и говорит. О, безумие архиереев! Их делом в этот их праздник было то, чтобы замешать в убийстве всенародное собрание. В других случаях они надеялись поставить Ему в вину нарушение субботы и этим отвлечь от Него народ. Здесь же, так как у них не было никаких оснований для клеветы, они обращают свой замысел против того, кто пользовался Его попечением. Здесь они не могли сказать: противится Отцу, - потому что им заграждала уста молитва. Итак, вследствие того, что и обвинить Его было не в чем, и чудо было изумительное, они задумывают убийство. Таким образом и со слепым они сделали бы то же самое, если бы не могли поставить в вину субботу. Но он был незначителен, и они изгнали его из храма. Тот же был человек, пользующийся влиянием: это ясно из того, что многие пришли утешать сестер. Чудо произошло в виду всех и всех повергло в изумление: поэтому, все шли, чтобы видеть это. А они были уязвлены, что, при наступлении праздника, все, забывши о нем, стремились в Вифанию. Они решили убить его, и им не пришло даже в голову, что они затевают дурное дело, - так они были злы! Между тем закон начинается с того, что говорят: "**не убивай**" (Исх. 20:13). И пророк укоряет их за это, говоря: руки их полны крови (Ис. 1:15). "**На другой день множество народа, пришедшего на праздник, услышав, что Иисус идет в Иерусалим, взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев**" (Ин. 12:12-13)! Но как же Он снова с дерзновением входит в город, после того как Он не появлялся в Иудее и уходил в пустыню? Укротивши же ярость Своим удалением, Он приходит к ним, когда они уже успокоились. Впрочем, толпы, идущей впереди Его и следующей за Ним, было достаточно для того, чтобы вызвать в них тревогу. Ни одно чудо не производило на народ такого впечатления, как чудо с Лазарем. Постилали одежды свои под ноги Его, говорит другой евангелист (Лк. 29:36), и весь город пришел в движение (Мф. 21:10), - с такою честью входил Он. "**Иисус же, найдя молодого осла, сел на него, как написано: Не бойся, дщерь Сионова! се, Царь твой грядет, сидя на молодом осле**" (Ин. 12:14-15). Сделал же Он это, исполняя одно пророчество и предъизображая другое: это было именно началом одного и завершением другого пророчества. В словах: не бойся, дщерь Сионова, радуйся, потому что царь твой грядет к тебе кроткий, - исполняется пророчество. То же, что Он воссел на осла, - это значит, что Он предуказывал будущее событие, что нечистый народ языков покорится Ему. Как же евангелисты говорят, что послал учеников и сказал: отвяжите ослицу и осленка, а этот (евангелист) не говорит ничего такого, но что "**найдя молодого осла, сел на него**" (Ин. 12:14)? Потому что, может быть, было то и другое. После того как отвязали осла, (Господь), когда пришли ученики и нашли осленка, воссел на последнего. Пальмовые же и масличные ветви постилали для того, чтобы показать, что они воздают Ему большую славу, чем пророку, и говорили: "**осанна! благословен грядущий во имя Господне**" (Ин. 12:13)! Видишь ли, что архиереев и книжников всего более смутило то, что все были убеждены, что Он не противник Богу? И народ разделяло всего более то, что Он говорил о Себе, что пришел от Отца. А эти слова: не бойся, радуйся сильно, дщерь Сионова! - пророк говорит потому, что все их цари обыкновенно были несправедливы, корыстолюбивы, предавали их врагам, развращали народ, делали его виновным пред неприятелями. Мужайся! - говорит. Этот не таков, но кроткий и достойный. Это изображается ослицей: он вошел ведя с собой не войско, но имея всего одного осла. Ученики Его, говорит, сперва не поняли того, что так было написано о Нем, но они сделали это Ему (Ин. 12:16). Видишь ли, что они сделали, не зная значительнейшего? Но когда Он воскрес из мертвых, тогда они вспомнили, что это было написано о Нем, и что они это сделали Ему, а Он не открыл им. То же и когда Иисус сказал: "**разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его**" (Ин. 2:19), - ученики не поняли этого. Другой евангелист говорит, что это слово было сокровенно от них, и что

они не знали, что Ему надлежит восстать из мертвых. Но это справедливо было скрыто от них. Поэтому, другой евангелист говорит, что, слушая каждый день о страданиях, они огорчались и были в печали: это оттого, что они не знали смысла воскресения. Это справедливо было скрыто от них, - потому что было больше, чем они могли вместить, - но то, что касается ослицы, почему это не было им открыто? Потому что и это было велико. Посмотри на мудрость евангелиста, как он не стыдится исповедать прежнее их незнание: что было написано, - это они знали; но что было написано о Нем, - не знали, и они были бы в смущении, если бы узнали, что царь должен так пострадать. Во всяком случае они нескоро вместили знание царства, о котором говорилось, - другой евангелист именно говорит, что они думали, что речь идет об этом царстве. "**Народ, бывший с Ним прежде, свидетельствовал, что Он вызвал из гроба Лазаря и воскресил его из мертвых**" (Ин. 12:17). Весь народ потому встретил Его, что слышал, что Он сотворил это чудо. Столько народа не обратилось бы вдруг, если бы не поверили чуду. "**Фарисеи же говорили между собою: видите ли, что не успеваете ничего? весь мир идет за Ним**" (ст. 19). Мне кажется, эти слова принадлежали тем, кто мыслил о Нем здраво, но не смел исповедать это вслух. И Павел, рассуждая о воскресении, употребил тот же прием. Итак, какое же имеют оправдание те, кто не верит в воскресение? Поэтому, возлюбленные, чтобы нам не задерживать вас напрасно, и чтобы слово наше не показалось лабиринтом, оставивши это, мы скажем следующее: внимайте Св. Писаниям и не спорьте бесполезно на погибель слушающих. Это и Павел заповедал Тимофею, хотя он, конечно, исполнен был великой мудрости и имел силу знамений. Послушаем же его и мы и, оставив празднословие, запасемся делами, - я говорю о братолюбии и благотворении, - усвоим великий смысл милостыни, чтобы сделаться нам причастниками возвещенных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава Отцу со Святым Духом, во веки веков. Аминь.

СЛОВО 34

На св. Рождество Христово.

Наступил всех праздников праздник и наполнил радостью вселенную. Праздник увенчания всех добродетелей, источник и корень всех благ наших; праздник, которым небо отверсто, Дух ниспослан, средостение уничтожено, преграды пали, расстоящее соединилось, мрак рассеялся, свет воссиял, небо приняло природу, происшедшую из земли, земля - Почивающего на херувимах, рабы стали свободными, враги - чадами, иноплеменники - наследниками. Чрез него уничтожена продолжительная вражда и долгая война, и наступил мир, давно ожидаемый ангелами и праведными людьми. И Павел восклицал, говоря: "**Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, упразднив вражду Плотию Своею**" (Еф. 2:14). Чрез него воздвигнуто знамение креста блестящее и славное, добыча Христова, начаток природы нашей, доспехи Царя нашего. Есть ли что-нибудь равное этому празднику? Бог на земле, человек на небе, ангелы сослужат людям, люди в общении с ангелами и прочими горними силами; демоны убегают, смерть уничтожена, рай отверст, клятва снята, грех исчез, заблуждения изгнаны, истина снизошла. Природа, от которой херувимы оберегали рай, соединилась сегодня с Богом. Слыша это, оставь уныние. Выше всякой надежды и ожидания то, что Бог стал человеком. Если это совершилось, то и все последует затем с разумной последовательностью. Он не унизил бы Себя так безрассудно и так напрасно, если бы не имел возвысить нас. Он родился по плоти, чтобы тебя возродить по духу; родился от жены, чтобы ты перестал быть сыном женщины; попустил, что отец Его стал рабом, чтобы тебе, рабу, сделать отцом Владыку. Итак, возрадуемся и возвеселимся, с радостью вспоминая наши блага. Если патриарх Авраам рад был видеть день Господень, и видел, и возрадовался, - тем более нам, когда мы видим Бога в пеленах - это страшное и

изумительное зрелище - следует радоваться и веселиться, удивляться и приходить в изумление от величия такого благодеяния. Но как же случилось это удивительное и великое дело? Как мы, погрешившие, явившиеся недостойными земли, лишившиеся власти долу, вознесены на такую высоту? Как война прекращена? Как гнев уничтожен? Как? Всего удивительнее и изумительнее то, что мир наступил не тогда, когда обратились за помощью мы, погрешившие, не тогда, когда враги и неприятели низвергнуты, но когда призвал нас Тот, чей праведный гнев мы заслужили. По Христе убо молим, яко Богу молящу нами "**от имени Христова просим: примиритесь с Богом**" (2. Кор. 5:20). Что это? Его оскорбили, и Он же молит. Да, говорит, Он благ и потому молит. И мы попытаемся, если позволите, ведя далее речь, показать, что, в то время как человек не совершил никакого подвига, Он единственно по Своей благости дарует нам настоящие и будущие блага. Но слушайте внимательно. Прежде чем появились ангелы и прочие небесные силы, существовал Бог, безначальный и от века вседовольный, - потому что это есть свойство божественного. Он сотворил ангелов, архангелов и прочие бестелесные существа, - сотворил, не по чему другому, но единственно по Своей благости. Он не нуждался в их служении, и не был бы их творцом, если бы не был благ. После сотворения их, Он творит и человека, опять по той же причине, и весь этот мир. И наполнивши его тысячами благ, Он поставил незначительного и ничтожного распорядителем стольких дел, явив его на земле тем, чем сам Он является на небе. Сотворивши же его и окруживши такой честью, Он отдал в его распоряжение, как дворец отдают царю, лучшее из всего, что было на земле, - рай. И не только этим почтил Он его, но ему одному из всех даровал слово, удостоил знания о Себе, дал возможность наслаждаться, - насколько Он мог вместить, - беседой с Собой, обещал даровать бессмертие, исполнил его многой мудрости, дал ему духовный дар, чтобы он мог нечто и пророчествовать. Что же случилось после стольких и таких благ? Диаволу он поверил больше, чем даровавшему ему все это, и, презрев заповедь давшего ее, предпочел ей обман того, кто всячески хотел его погубить. Итак, уничтожил ли его Бог, - что согласно было с правдой, - после того как он от начала, можно сказать, с первого шага, показал такую неблагодарность? Нисколько. Он заботится о павшем больше, чем прежде. Вслед за тем, когда род человеческий стал развращаться, так что была опасность, что он исчезнет с лица земли, те, кто оскорблял его, пользовались однако таким попечением, что Господь оправдывал Себя пред рабом, разговаривал с ним как с другом одинаковой чести и указывал, по какой причине совершится гибель. Потом Он даровал закон в помощь, посылал пророков, чтобы они указывали, что нужно делать. Напоследок Он послал Сына Своего единородного, рожденного от жены, ставшего под законом, чтобы искупить находившихся под законом, чтобы мы приняли сыноположение. Поэтому, пророк, удивляясь великому попечению Его о вселенной, восклицает громким голосом во всеуслышание, говоря: "**Он явился на земле и обращался между людьми**" (Вар. 3:38). Поистине изумительно слышать, что Бог, неизреченный и несказанный, необъятный и равный Отцу, подлинный Сын безначального Бога, прошел чрез девическую утробу и благоизволил родиться от жены. Он не перестанет до тех пор все делать и устроять, пока не приведет нас к Нему, к Богу, и пока из врагов не сделает друзьями. Как если бы кто-нибудь, в то время как двое борются друг с другом, ставши посредине, распростерши обе свои руки и взявши руки борющихся, соединил их, так и Он сделал, соединив божескую природу с человеческой, Свое - с нашим. Обрати внимание на преизбыток благости: оскорбленный, Он сам же молит, как было сказано, и устраивает примирение. Посмотри затем, как он низверг тирана: царь, например, снявши пурпур и диадему, часто надевает платье солдата, чтобы не привлечь к себе неприятелей, после того как они распознают его; здесь же случилось обратное, - Христос пришел в нашей одежде, чтобы, после того как Он будет узнан, не заставить врага убежать от столкновения с Ним, и чтобы не смутить всех своих, - потому что Он хотел спасти, а не привести в ужас. Но почему же, скажут, примирение совершилось не при посредстве одной из бестелесных сил или простого человека, но чрез умаление Слова? Потому что, если бы мы приняли общее

спасение человеческого рода чрез какого-нибудь другого праведника, мы не узнали бы всего величия Его промышления о нас; дело, удивительное на все века, ниспало бы в разряд дел незначительных, не заключающих в себе ничего поистине удивительного. Когда тварь соединяется с тварью и участвует в общем рабском положении, - в этом нет ничего таинственного, и не дает это повода для изумления. А кроме того, как человек мог совершить дело Бога и божественное? Если бы что-нибудь и случилось, - что бы ни было, - то скорее падение, и человек легче или стал бы самим собой, или даже сделался бы хуже. Если иудеи Моисея, на которого они часто роптали, говоря, что принесенное им спасение хуже страданий в Египте, если они, после его смерти, хотели провозгласить богом, - что и было, как говорят некоторые, причиной, что его гроб остается доныне скрытым от глаз иудеев и неизвестным, - то не провозгласили ли бы они богом того, кто освободил их от худших насилий, не провозгласили ли бы даже в том случае, если бы знали его природу? Но очевидно, что это было бы не уничтожением греха, а более тяжким и более неисправимым грехом. Потом можно указать и другую причину, почему, если бы для спасения нас от греха был избран ангел или простой человек, мы не только не получили бы спасения, но род человеческий лишился бы прекраснейшей и драгоценнейшей, несказанной славы. Что же это за причина? Мы не могли бы быть даже вблизи того, чем мы наслаждаемся и чему приобщаемся, с того времени как воплотилось Слово. Если бы человеческая природа или ангельская приняла на себя промышление о нас, как могло бы быть даровано человеческому роду стать одесную Отца, быть превыше всех хоров ангельских и архангельских и наслаждаться такою честью и славой, что и они, горние силы, стоящие в близости Бога, желают проникнуть в нашу славу, которой мы наслаждаемся ради того смешения, и находят нашу участь выше всякого желания? И если бы род наш лишился этой блаженной доли, если бы, именно, (при человеческом или ангельском соединении) он не принял славы, которой теперь просветлен, если бы мы не достигли такой силы, могущества и такого превосходства чести, - то на что бы не отважился против нас враг наш? Какие бы средства не употребил он, питая надежды снова покорить себе, посредством их, человеческий род, подчинив его своей изначальной власти? Над кем бы он не пытался взять силу? Не показал ли бы он дерзость больше прежней, так что не счел бы дерзостью питать злые замыслы против самого неба? По этой и по другим подобным причинам Слово Божие, Сын и истинный Бог, а не кто-нибудь другой, принявши нашу плоть, совершил общее спасение человеческого рода. Пусть никто не обвиняет нас в том, что мы говорим недостойное Бога, - говорим именно, что Бог, устроив Себе живой храм в девической утробе для спасения всего мира, чрез него внес в нашу жизнь небесное устроение. Какой в самом деле был бы урон Богу от такого домоправления? Не видишь ли ты того, что солнце, ощущаемое нашим телом, тленное, изменяющееся, - хотя бы с этим несогласны были эллины, - приобщаясь к нечистоте и многому другому подобному, не принимает однакож в себя даже незначительной порчи и напротив уничтожает упавшим лучом зловоние? Но неужели же ты не допустишь, что единородный Сын Божий может произвести в нашей плоти нечто равное, так чтобы не только не быть загрязненным ею, но сделать ее даже чище и святее? Ты не трепещешь, осмеливаясь заключать существо Божие в деревьях, камнях и даже в том, что малоценнее этого. Как же ты обвиняешь нас, и говоришь, что Богу неприлично обитать в чистом и нескверном теле, чрез него спасая вселенную? Если вочеловечение, как ты говоришь, позорно для Бога, тогда гораздо позорнее для Него быть в камне и дереве, насколько камень и дерево ничтожнее человека. Или, быть может, род человеческий представляется тебе ничтожнее этой чувственной материи? Но мы оставим слово об этом на другое время, а теперь нам необходимо вести речь о сказанном в евангелии: "**Рождество Иисуса Христа было так**" (Мф. 1:18). О каком рождестве говоришь ты? Очевидно о плотском. О безначальном рождении никто не знает, даже сам единородный Сын Божий, сущий в лоне Отца. Как же совершилось рождество Христово по плоти? "**По обручении Матери Его Марии с Иосифом, прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве**

от Духа Святаго" (ст. 18). Нужно заметить, что он не сказал: обрученней бо бывши Деве, но просто: "**по обручении Матери Его**". А это он сделал, чтобы легче могло быть принято слово, и чтобы не привести в крайнее изумление дальнейшею речью - что "**прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святаго**". Но почему же она не зачала и не понесла во чреве прежде замужества? Чтобы совершившееся все было в тайне, и чтобы дурная слава не коснулась Девы. Так как обрученный должен был бы ее ревновать, а между тем он не только не торжествовал над нею после зачатия, но принял и служил ей, то это должно всех убедить в том, что он удержал ее и стал служить ей, после того как убедился, что случившееся произошло по действию Св. Духа. Здесь (евангелист) говорит, обозначая только то, что обыкновенно говорят в странных случаях: "**имеет во чреве от Духа Святаго**". И ты, услышав, что "**от Духа Святаго**", не расследывай ни о чем другом, например: как беспредельный - и во чреве? все содержащий - и зачинается женой? как Дева рождает и остается девой? как Дух Святой приготовил этот храм? и т. п. Сила Всевышнего осенила Деву, и Сын Бога стал рожденным: "**Иосиф же муж Ее, будучи праведен и не желая огласить Ее, хотел тайно отпустить Ее**" (ст. 19). Такой был удивительный человек, что не только не наказал ее, но даже и не сказал никому, в том числе и самой подозреваемой, а размышлял только сам с собой о том, чтобы не выгонять ее, но отпустить. И вот, когда он находился в смущении от подобных размышлений, предстал пред ним ангел, чтобы разрешить затруднения в его размышлениях. Что он был в смущении, это видно из его планов: "**хотел**", - говорит, - "**тайно отпустить Ее**". Если бы он был убежден, что зачатие произошло от незаконного семени, он отпустить ее восхотел бы ни тайно, и никак вообще, но предал бы ее закону и для наказания, именно потому, что был праведен. Но он не был в этом убежден. А с другой стороны он не был убежден и в том, что зачатие есть следствие божественного действия, - потому что это выше человеческого разумения. Итак, он колебался в своих мыслях. И вот в это время, когда он был в смущении от своих размышлений, к нему явился ангел и говорит: "**не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго**" (ст. 20). Говоря: "**не бойся**" удержать жену при себе, - слово "**принять**" значит именно это, а не "**отпустить Ее**", как у него было предположено, - говоря это, ангел показал, что он боялся и трепетал, как бы не оскорбить Бога. Она, говорит, не только свободна от противозаконного соития, но зачала силою, высшей природы. Это именно означает то, что он прибавил, говоря: "**родившееся в Ней есть от Духа Святаго; родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус**" (ст. 20-21). Не думай, говорит, что, из-за того, что я сказал, что "**есть от Духа Святаго**", ты - вне служения домостроительства; я тебе даю власть дать имя рождаемому. Хотя ты и ничем не содействовал Его рождению, ты однако дашь Ему имя. Если Он и не твой сын, ты все-таки покажешь на Нем свои отцовские права и чрез назначение имени станешь близким рождаемому. Он не сказал: родит тебе Сына, но - "**родит**", - потому что не ему она родила, но всему миру. Поэтому, он и прибавил: "**ибо Он спасет людей Своих от грехов их**" (21 ст.). Говоря: "**людей Своих**", он разумеет не одних иудеев, но и язычников. Его народ - все, принимающие познание о Нем. Рождаемый показывает Себя Сыном Божиим еще и в том, что отпускает грехи, потому что отпускать грехи не может быть свойством иной силы, кроме как божественного существа. А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: "**се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог**" (ст. 22-23). Хотел бы я, чтобы здесь были все иудеи и эллины, чтобы, взявши от иудеев эту книгу, прочитать им пророчество. Вы знаете, конечно, что и в судилищах, и повсюду свидетельство бывает совершенно, вне подозрений, если исходит от врагов. Без сомнения, они не могут сказать, что это измышлено нами, - не нами, но людьми, которые пригвоздили Христа ко кресту, и которые передали нам книги, говорящие о Его домостроительстве. Впрочем, есть ли они, или их нет, мы сделаем свое дело и приступим к истолкованиям. Но, если позволите, возьмем пророчество немного выше, чтобы вы могли видеть сказанное в связи. "**И**

продолжал", - говорится, - "**Господь говорить к Ахазу, и сказал: проси себе знамения у Господа Бога твоего: проси или в глубине, или на высоте. И сказал Ахаз: не буду просить и не буду искушать Господа. Тогда сказал Исаия: слушайте же, дом**" Израилев: "**разве мало для вас затруднять людей, что вы хотите затруднять и Бога моего? Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил**" (Ис. 7:10-14). Когда пророк сказал: проси себе знамения, он, лицемерно изображая из себя вполне верующего, сказал: "**не буду просить и не буду искушать Господа** ". Посмотри, с какою великою силой пророк наносит удар, справедливо, после обличения лицемерия, усиливая обвинение. Поэтому, он не удостаивает его и ответа, но обращается к народу, говоря: "**слушайте же, дом Давидов! разве мало для вас затруднять людей, что вы хотите затруднять и Бога моего?**" Сказанное темно, нужно поэтому с точностью разъяснить изречение. То, что он говорит, значит следующее: разве это мои слова? Разве мое изречение? Если же не верить людям без всяких оснований есть тяжкое преступление, тем более преступно не верить Богу. "**Затруднять**" значит не что иное, как - не верить. Разве, говорит, это - малая вина? Разве это незначительное преступление - не верить людям? Если же это преступно, тем более преступно - не верить Богу. Он сказал это, чтобы все узнали, что пророк не обманут, и что его не обольстили сказанные слова, но что он высказывает свое решение на мысль Ахаза. После того, как он с великою кротостью переговорил с ним, избавил его от бедствия, приказал быть спокойным за настоящее, дал доказательства этого, раскрывши намерения неприятелей, открывши предательство, предсказавши плен полный и решительный и указавши время, - он не удовольствовался этим, но идет дальше и не ждет, пока тот потребует знамения, но обращается к нему, хотя он даже не желает этого по чрезмерной гордости. И не просто обращается, но предоставляет ему выбор; он не говорит: вот такое и такое знамение, но - если хочешь. Богат Владыка, всесильно Его могущество, Его существо неизреченно: если хочешь знамения с неба, - ничто не мешает; если хочешь - от земли, и тогда нет никаких затруднений. Вот что значат слова: "**или в глубине, или на высоте**". Так как он не привлек его этими словами, и так как в то же время сам пророк не молчал, но обличил его в последующей речи, - а это для исправления слушающего и для того, чтобы показать, что он не обманут, не обольщен, - то он открывает таинственное пророчество, имеющее послужить к спасению мира, к исправлению всего. И он говорит, что знамение дается не Ахазу, но всему народу иудейскому. Сначала пророк обращал свое слово к Ахазу, но так как он явил себя недостойным, то он говорит всему народу. Поэтому, "**даст**", - говорит, - не тебе, но "**вам знамение**". "**Вам**" - кому? Дому Давидову. Затем следует знамение. Что же это за знамение? "**Се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил**". Нужно заметить, что я сказал раньше, что знамение дается не Ахазу, и что это - не догадка, но сам пророк обвиняет и обличает, говоря: "**разве мало для вас затруднять людей**"? И прибавляет: "**Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве приимет**". Если бы иудеи сказали, что пророк не говорил: Дева, но - молодая женщина (νεανίς), то и тогда победа за нами: Писание обыкновенно прилагает имя молодой женщины (νεανίς) к девушке, как написано в Псалмах: "**юноши и девицы, старцы и отроки да хвалят имя Господа**" (Пс. 148:12-13). И Моисей говорит о девушке, которая сделалась предметом посягательства: "**отроковица обрученная кричала**" (Втор. 22:27), то есть девушка. Да совсем не было бы и знамения, если бы она не была девой, потому что знамение должно выходить за пределы обыкновенного порядка вещей, быть выше обычного в природе, казаться странным и неожиданным, так чтобы каждый из тех, кто слышит и видит, видел в этом знамение. Потому и говорится: знамение, что оно - замечательно. Но оно не может быть замечательным, если будет теряться среди других событий. Итак, если бы речь шла о женщине, рождающей по закону природы, то почему же он называет знамением то, что бывает каждый день? Поэтому и в начале он не сказал просто: се, Дева (ίδού παρθένος), но, прибавив член (ίδού ή παρθένος), намекает на то, что она - замечательная и единственная

дева. Что именно это выражается прибавкой члена, можно видеть и из евангелий. Когда иудеи послали к Иоанну спросить: "**кто ты**"? - они не сказали: Христос (Χριστός) ли ты? но: ты ли Христос (ὁ Χριστός); не сказали: пророк (προφητής) ли ты? но: ты ли пророк (ὁ προφητής)? (Ин. 1:19, 21). Каждый из этих вопросов имеет свой оттенок. Поэтому и Иоанн, начиная евангелие, не сказал: в начале было Слово (Λόγος - без члена), но: "**в начале было Слово**" (ὁ Λόγος, с членом), "**и Слово было у Бога**" (Ин. 1:1). Так и здесь пророк не сказал: се, дева, без члена, но: "**се, Дева**" (ἰδού ἡ παρθένος), с членом. Это "**се**" прилично достоинству пророка. Оно значит, что он видит и представляет совершающееся и имеет великую уверенность в том, что говорит. Его глаза видят невидимое яснее, чем наши глаза. Чувства могут заблуждаться, благодать же Духа дает достоверное решение. Почему же, скажут, он не прибавил, что это будет от Духа? Сказанное было пророчеством и должно было возвестить то, о чем он часто говорил прикровенно, по причине безрассудства слушающих, - чтобы они не сожгли и самых книг, когда ясно узнают об этом. Если они не щадили пророков, тем более не стали бы стесняться с писаниями. А что сказанное - не догадка, это видно из того, что другой царь при Иеремии, взявши эти самые книги, изрезал их и предал огню. Видишь ли безумие невыносимое? Видишь ли гнев бессмысленный? Ему недостаточно было испортить книги, но он сжег их, желая удовлетворить своей неразумной страсти. А между тем, удивительный пророк, говоря прикровенно, сказал однакоже все. От кого, как не от Духа святого, может зачать дева, пока она остается девою? Никто другой, кроме Устроителя природы, не в состоянии препобедить закон природы. Поэтому, говоря: родит Дева, он объявил все. Говоря о рождении, он называет и имя рождаемого и говорит: "**и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил**". А как же, скажут, Ему было дано имя не Еммануил, как говорил пророк, но Иисус Христос? Но он не сказал: наречешь, но - "**нарекут**" народы, то есть, это - уже исход событий. Подобно тому как Иерусалим он называет городом правды, хотя город нигде не был назван правдою, давая это название за дела его, - оттого что в нем произошла великая перемена к лучшему и оттого что он во власти праведника; и раньше, когда он называет город блудницей, то это не потому, что город когда-нибудь был назван так, но он дает ему такое имя за порочность, и позднее он называет его указанным именем за добродетель, - то же самое следует сказать и о Христе, потому что пророк дал Ему имя за Его дела. Тогда Бог, явившийся на земле и поживший с человеками, показавший великое попечение о нас, - по преимуществу был с нами. С нами был не ангел, не архангел; но сам сошедший Владыка принял на Себя всеобщее исправление, говоря с блудницами, возлежа с мытарями, входя в домы грешников, давая надежду разбойникам, привлекая к Себе магов, везде обходя и все исправляя, соединяя с Собой самую природу. Все это пророк и предсказывает, говоря вместе и о рожденном и о том несказанном и безмерном приобретении, которое произойдет из этого рождения. Когда Бог стал с людьми, нечего уже бояться и трепетать, но нужно быть спокойным за все. Так это и случилось: изначальное и непоколебленное зло уничтожено, отвержение, тяготевшее над всем родом человеческим, снято, сила греха ослабела, власть диавола поколеблена, рай, недоступный для всех, открывается прежде всего человекоубийце и разбойнику, своды неба отверсты, люди вступили в общение с ангелами, наша природа вознесена до царского трона, узы ада стали ненужными, смерть, лишенная своего содержания, осталась только по имени, хоры мучеников и женщины стерли жало ада. Пророк, предвидя все это, возликовал и возрадовался и все это выразил одним словом, пророчествуя нам об Еммануиле: масло и мед снест, прежде неже разумети Ему изволити злая, или избрати благая. Зане прежде неже разумети отрочати благое или злое, отринет лукавое, еже избрати благое ("**Он будет питаться молоком и медом, доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе; Этот Младенец будет разуметь отвергать худое и избирать доброе**") (Ис. 7:15-16). Так как рождаемый отрок не был простой человек и не был только Бог, но был Бог в человеке, то пророк справедливо изменяет слово, говоря то о том, то об этом, излагая странное и не позволяя, ради чрезмерности чуда, отвергать

домостроительство. Сказавши, что родит Дева (что выше сил природы), и что рожденный будет назван Еммануилом (что также превышает всякое ожидание), он, чтобы кто-нибудь, услышавши об Еммануле, не заболел вместе с Маркионом и не захворал с Валентином, по предусмотрительности, выразительно привел яснейшее доказательство домостроительства, удостоверяя его от трапезы. Что же он говорит? "**Он будет питаться молоком и медом**". Это не может быть свойством божеской природы, но это есть свойство нашей природы. Поэтому, Он обитал в человеке, не приняв только образ его, но Он претерпел зачатие и девятимесячное пребывание в чреве, рождение, пелены и питание раннего возраста, чтобы всем этим заградить уста тех, кто замышляет отрицать домостроительство. Предвидя все вышеизложенное, пророк говорит не только о рождении и о Том удивительном рожденном, но также о питании в раннем возрасте, в самых пеленах, которое ничем не отличается от питания остальных людей, не имеет с этой стороны ничего странного. Нельзя сказать ни того, что в Нем все отличное, ни того, что все - общее. То, что Он родился от жены, это - общее; то же, что родился от девы, это больше, чем бывает с нами. Затем то, что он имел питанье по общему закону природы, это у Него общее со всеми людьми; быть же храмом, недоступным для зла, и не терпеть искушения, это для нас странно, необычно и принадлежит только Ему. Поэтому пророк касается и того, и другого, - сказав: "**Он будет питаться молоком и медом**", он прибавил: зане прежде неже разумети отрочати благое или злое, отринет лукавое, еже избрати благое ("**ибо прежде нежели Этот Младенец будет разуметь отвергнет худое и изберет доброе**"). Он в одинаковых выражениях опять излагает одну и ту же мысль и оттеняет слово. Так как сказанное им было очень возвышенно, то он удостоверяет его настойчивостью повествования. То, что он выше обозначил, говоря: "**доколе не будет разуметь отвергать худое**", на это же он указал далее, говоря: "**прежде нежели Этот Младенец будет разуметь**"; затем он пользуется течением рассказа и продолжает: благое или злое, отринет лукавое, еже избрати благое ("**отвергать худое и избирать доброе**"). В этом повторении и заключается исключительная особенность. Потому же и Павел обращается постоянно к одному и тому же. Так как Христос должен был умереть, то, чтобы кто-нибудь из неверных не подумал, что Он терпит наказание за Свой грех, апостол постоянно указывает на Его безгрешность, чтобы показать, что смерть Его есть очищение наших грехов. Поэтому он и говорит: "**Христос, воскреснув из мертвых, уже не умирает**" (Рим. 6:9). "**Ибо, что Он умер, то умер однажды для греха**" (ст. 10). Он, говорит, претерпел смерть не как виновный, по причине Своего греха, но за общий грех всех. Если же Он сообразно этому в первой смерти не нес ответственности, то этим доказано больше, чем нужно, что Он и впредь не умрет. Но это сказано нами мимоходом; время снова обратиться к евангелию. "**Встав от сна**", - говорится, - "**Иосиф поступил, как повелел ему Ангел Господень, и принял жену свою**" (Мф. 1:24). Посмотри и здесь на мудрость мужа и на его совершенное нелицеприятие. Он ни пытался удерживать при себе Деву, когда заподозрил позорное и неприличное, ни стал настаивать на том, чтобы расстаться с нею, когда освободился от того подозрения, но он принимает ее и служит всему домостроительству. Евангелист употребляет постоянно имя "жена", не желая, чтобы то таинство было открыто до времени, и в то же время не давая места дурному подозрению. Прият же ю, не знаяше ея, дондеже роди Сына своего первенца ("**и не знал Ее, как наконец Она родила Сына Своего первенца**") (ст. 25). Он сказал здесь: дондеже ("**как наконец**"), не для того чтобы ты питал подозрение, что он после этого познал ее, но чтобы тебе было известно, что она осталась пред рождением совершенно неприкосновенной. Но для чего же, скажут, он употребил это дондеже ("**как наконец**")? Потому что в Писании принято часто так делать, употребляя это речение для обозначения неопределенного времени, - например: ворон не вернулся к Ною, "дондеже" не высохла земля, хотя он и потом не вернулся. И в Псалмах говорится: рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножие ног Твоих ("**Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие**

ног Твоих") (Пс. 109:1). И Павел говорит: подобает Ему царствовати, дондеже положит вся враги под ногама Своима ("**Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои**") (1 Кор. 15:25). Но ни там, ни здесь дондеже не указывает границы времени. Иначе, как могло бы стоять следующее пророческое слово: власть Его власть вечна, и царство Его ("**Которого владычество - владычество вечное, и Которого царство**") - царство, которое не погибнет, и царству Его не будет конца (Дан. 4:31) - если бы он имел царствовать до такого-то времени? Так и здесь: он сказал дондеже, утверждая то, что было прежде рождения; то же, что было после, он оставил тебе для размышления. Что тебе необходимо узнать от него, он сказал это, говоря, что Дева до рождения осталась неприкосновенной; то же, что является вытекающим из сказанного и согласным с ним, это тебе предоставлено для размышления, - например, что он, будучи таким праведником, и впоследствии не хотел познать ее, которая так стала матерью и удостоена такого нового и дивного способа рождения. "**Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят: где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему**" (Мф. 2:1-2). Враги истины, привязываясь здесь к слову, говорят: вот и когда Христос родился, явилась звезда: это показывает, что астрология - верное занятие.

Что же нам на это сказать? С самой звезды мы положим начало решению. Эта звезда не была одна из многих звезд; даже более, - она не была вовсе звездой; это была невидимая сила, облекшаяся в такой вид. Это видно, во-первых, из того, что солнце, луна и звезды, мы видим, с востока склоняются к западу; эта же звезда шла с севера на юг, - ведь так Палестина лежит по отношении к Персии. Во-вторых, из того, что она была видна не ночью, но и среди дня, при свете солнца. В-третьих, из того, что она то появлялась, то скрывалась. Она была видна вплоть до самой Палестины, в то время когда она вела магов. Но когда они достигли Иерусалима, она скрылась. Потом, как только они вышли от Ирода, она снова явилась. Все это свойственно не звезде, но какой-то разумной силе. В-четвертых, из того, что она указывала место. Она показывала место, нисходя вниз, потому что невозможно было сделать это оставаясь наверху, так как высота неизмерима, и, оставаясь там, нельзя было очертить и сделать заметным для тех, кто хочет видеть, такое узкое место. Видишь ли, сколько оснований думать, что та звезда не была одною из многих звезд, и что она явилась следуя вовсе не за внешним рождением. Для чего же, скажут, она явилась? Чтобы поразить бесчувственность иудеев. Так как, непрерывно слушая, что пророки говорили о Его пришествии, они не внимали им, то Он заставил придти из далекой земли варваров, отыскивающих царя иудеев у них самих, чтобы они на языке персов узнали то, чему не могли научиться у пророков; чтобы они имели величайший повод для убеждения, если они окажутся благомыслящими, и чтобы на будущее время у них было отнято всякое оправдание, если они будут продолжать свое упорство. Бог влечет магов чрез звезду, призывая их чрез то, что для них привычно; Он показывает им большую и необычную звезду, чтобы привести их в изумление величиною, красотою вида и способом ее шествия. Когда же Он привел их и, руководя ими, поставил их у яслей, тогда он стал говорить с ними уже не чрез звезду, но чрез ангела. Магов чрез звезду и чрез ангела, а нас чрез самого Единородного Он научил возвышенному, таинственному и превосходящему наш разум.

Размышляя о величии такого Его снисхождения, воздадим Ему достойную честь и воздаяние. Нашим же воздаянием Богу не может быть ничего другого, кроме спасения нашего и наших душ, кроме забот о добродетели и попечения о наших братьях. Ничто другое не может быть признаком и отличием верующего во Христа и любящего Его, кроме забот о наших братьях и попечения о их спасении, - потому что и Христос угождал не Себе, но многим. Павел так и говорит: "**ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись**" (1 Кор. 10:33). Зная это, возлюбленные, обсудим нашу жизнь, будем

иметь великую заботу о братьях наших, будем сохранять единение с ними. К этому побуждает нас та страшная, приводящая в трепет, жертва, повелевающая нам подходить к ней в величайшем единомыслии, с горячей любовью и, ставши здесь орлами, возноситься, таким образом, до самого неба. "**Ибо, где будет труп, там соберутся орлы**" (Мф. 24:28), - трупом называя тело, потому что оно умирает. Если бы Он не был трупом, мы не воскресли бы. Об орлах же Он говорит, показывая, что приступающий к тому телу должен быть настроенным возвышенно, не должен иметь ничего общего с землей, не должен устремляться вниз и никнуть, но должен постоянно устремляться вверх, взирать на Солнце правды и иметь острый мысленный взор. Ведь это - трапеза орлов, а не галок. Те, кто вкушает теперь достойно, встретят Его и тогда, когда Он будет сходить с небес; напротив вкушающие трапезу недостойно потерпят самые ужасные муки. Если без надобности не прикасаются к царю, - что говорю: к царю? - без надобности не прикоснутся нечистыми руками к царским одеждам, хотя бы царь был в пустыне, хотя бы он был один, и с ним никого еще не было, - а ведь одежда есть ничто иное как нити, выпряденные червями и шелковичными гусеницами, окраска же, которой ты дивишься, только кровь убитой рыбы, и однако к ней не осмеливаются прикасаться нечистыми руками, - итак если не смеют без надобности коснуться человеческой одежды, то как мы с таким поруганием воспримем тело Бога всяческих, - тело неосквернённое, чистое, причастное божественной природе, которым мы существуем и живем, которым сокрушены врата смерти и отверсты своды неба? Умоляю вас, не будем губить себя бесстыдством, но будем приходить к Нему с трепетом и всяческой чистотой, чтобы не потерпеть нам тяжелейшего наказания. Чем более мы получили благодеяний, тем тяжелее мы примем наказание, если окажемся недостойны благодеяния. Пред этим телом, даже когда оно лежало в яслях, маги склонились в благоговении, и мужи, не знающие Бога, и варвары, оставивши отечество и дом, совершили длинный путь и, пришедши, поклонились ему с великим страхом и трепетом. Будем же подражать варварам мы, граждане неба. Те подошли к нему с великим трепетом, видя его в яслях и под шатром и не видя ничего из того, что мы теперь видим: ты же видишь его не в яслях, но на жертвеннике, видишь, что не женщина держит его, но иерей предстоит, и дух с великим изобилием осеняет предложение. Ты видишь не просто самое тело, как те, но тебе известна и сила его и все домостроительство; тебе, посвященному с тщательностью во все, не остается ничего неизвестным из совершенного Им. Воспрянем же и исполнимся трепета, покажем большую, чем те варвары, чистоту, чтобы, подходя безрассудно и как-нибудь, не собрать нам огонь на свою голову. Говорю же это я не затем, чтобы не приступали к таинству, но чтобы не приступали безрассудно, потому что как без внимания приступать к той таинственной трапезе - опасно, так вовсе не приобщаться - голод и смерть. Эта трапеза есть двигатель нашей души, сила, связующая наш разум, основание дерзновения, надежда, спасение, свет, жизнь. Уходя туда с этой жертвой, мы с великим дерзновением достигнем священных врат, точно огражденные со всех сторон золотым оружием. Да что я говорю о будущем? Здесь это таинство делает для тебя землю небом. Раскрой же врата неба и взгляни на них, - на врата даже не неба, но неба небес, - и тогда ты увидишь то, о чем было говорено. То, что там ценнее всего, это я покажу тебе лежащим на земле. Как в царских чертогах всего ценнее не стены, не золотая крыша, но тело царя, восседающее на троне, - так и на небесах всего дороже тело Царя. Но ты можешь видеть его и на земле. Я покажу тебе не ангелов, не архангелов, не небо и небеса небес, но самого Владыку их. Видишь ли, как ценнейшее из всего открыто для тебя на земле? И ты не только видишь, но и касаешься, и не только касаешься, но и вкушаешь и, взявши, уходишь домой? Очисти же душу, приготовь ум к восприятию этих таинств. Если бы тебе дали нести царского сына в украшениях, пурпуре и диадеме, не отказался ли бы ты от всего, что есть на земле? Как же, скажи мне, ты не трепещешь теперь, взявши в свои руки не царского человеческого сына, но самого единородного Сына Божия? Как не отбрасываешь всякую любовь к житейскому? Как не украшаешься тем единственным

украшением, но еще смотришь на землю, любишь деньги, жадно влечешься к золоту? Какое может быть для тебя извинение? Какое оправдание? Разве ты не знаешь, как Владыка твой не благоволит ко всякой роскоши в жизни? Не потому ли Он по рождении был положен в ясли и избрал Себе матерью женщину простую? Не потому ли Он сказал человеку, который думал о выгодах: "**а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову**" (Мф. 8:20)? А что ученики? Не следовали ли они тому же закону, обходя домы бедных? Не останавливались ли они - один у кожевника, другой у делателя палаток? Потому так, что они искали не пышного убранства домов, но добродетелей душ. Будем подражать им и мы, не обращая внимание на красоту колонн и мраморов и ища горнего местожительства; растопчем всякое здешнее тщеславие, вместе со страстью к деньгам, и примем горний разум. Если мы будем трезвенны, мир этот не будет достоин нас, ни портики, ни галереи. Поэтому, молю вас, будем украшать свою душу, с которою и отойдем туда, чтобы достигнуть вечных скиний, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки Веков. Аминь.

СЛОВО 35

О покаянии.

Покаяние, тяжкое и страшное для грешника, есть исцеление прегрешений, истечение слез, уничтожение неправды, дерзновение к Богу, оружие против диавола, меч, отсекающий ему голову, надежда на спасение, отнятие отчаяния. Оно открывает небо, вводит в рай, побеждает дьявола. Поэтому, я не перестану возбуждать относительно него слово, чтобы ты не отчаивался в грехах, а поступая право, не гордился. "**Посему, кто думает, что он стои't, берегись, чтобы не упасть**" (1 Кор. 10:12), - чрезмерная уверенность действительно приводит к падению. Ты праведен? Не падай. Грешник? Не отчаивайся. Я не перестану натирать вас этим лекарством, потому что я не знаю, есть ли какое оружие против диавола, чтобы вы не отчаивались. Если ты грешен, не отчаивайся. Я не перестану говорить тебе следующее: если ты каждый день грешишь, каждый день кайся. То же самое, что мы делаем в ветхих домах: когда они разрушаются, мы убираем разрушающееся и поправляем новым, никогда не переставая заботиться. Если сегодня ты пришел в ветхость от греха, восстанови себя назавтра покаянием. Но можно ли, скажут, спастись покаянием? Да, обязательно. Неужели я, всю жизнь проведший в грехе, если покаюсь, получу спасение? Да. Чем это доказать? Человеколюбием Господа. Могу ли я питать доверие к твоему покаянию только? В состоянии ли твое покаяние уничтожить столько зла? Если бы было одно покаяние, - тогда ты в самом деле должен трепетать. Но когда к покаянию примешивается Божие милосердие, мужайся. Нет меры Божию милосердию; никаким словом не выразить Его благости. Есть мера для твоей порочности, но для исцеляющих средств нет меры. Твоя порочность, какая бы она ни была, есть все-таки человеческая порочность; милосердие же Божие неизреченно. Мужайся, потому что твое зло побеждено. Представь себе искру, упавшую в море. Она не может держаться или светить. Что для моря искра, то для милосердия Божия – грехи; и даже не то, но гораздо менее. Море, как оно ни велико, имеет все-таки меру, милосердие же Божие безгранично. Я говорю это не затем, чтобы сделать вас легкомысленнее, но чтобы вы стали усерднее. Я часто убеждал не ходить в театр: ты выслушивал, но не исполнял, снова шел в театр; пропускал мимо ушей мое слово, чтобы не стыдно было снова придти и слушать. Я выслушал, скажут, и не исполнил: как мне идти и слушать? Между тем ты знаешь, что не исполнил, стыдишься, краснеешь, сдерживаешься, в то время, когда никто не обличает тебя; мое слово пустило в тебя корни, мое учение очищает тебя и тогда, когда меня нет. Ты не исполнил? Но ты себя осудил? Ты исполнил наполовину, если не исполнил, но сказал: я не исполнил. Осудивший себя за то, что не исполняет, склонен к тому, чтобы

исполнять. Ты был на зрелище? Совершил грех? Пленен блудницей? Возвратился из театра? Пришел в себя? Тебе стало стыдно? Приходи в церковь. Ты огорчен? Воззови к Богу. Но не останавливайся на следующем: горе мне! я выслушал и не исполнил! как мне идти в церковь? как снова слушать? Потому особенно и иди в церковь, что ты не исполнил, чтобы, выслушавши снова, исполнить. Если бы тебе было предложено лекарство, и оно не очистило бы твоего тела, не возьмешься ли ты за него на другой день снова? Допустим, дровосек хочет срубить дуб. Он берет топор, подрубает корень; давши один удар, разве он не даст другой, если дерево не упадет? Разве не даст третий, четвертый, пятый, десятый? Так и ты делай. Блудница есть дуб, неплодное дерево, приносящее желуди, пищу неразумных свиней. Он пускал корни в твоей душе в продолжение долгого времени; опутывая совесть твою своими ветвями, он захватил ее. Слово мое, это - топор; ты уже однажды слышал это. Но разве может упасть в один день то, что врастало своими корнями столько времени? Если оно не упадет за два раза, за три, за сто, - и то неудивительно. Сруби хотя одно дурное, но имеющее над тобой власть дело, хотя одну дурную привычку. Иудеи ели манну и требовали лука, который - в Египте: "**хорошо нам было в Египте**" (Числ. 11:18). Вот как крепка и какое зазорное дело – привычка! Если ты чрез десять дней сделаешь достойный поступок, если чрез двадцать, чрез тридцать, как мне не полюбить тебя? Как не быть благодарным? Как не обнять? Ты только не уставай, но стыдись и осуждай себя. Я снова заговорил о любви: ты выслушал, но отошедши совершил хищение, не оправдал слово делами своими. Не стыдись однако опять придти в церковь; стыдись, когда грешишь, не стыдись каясь, но греша. Выслушай, что сделал с тобою диавол. Существует две вещи: грех и покаяние. Грех, это - рана; покаяние - лекарство. В грехе - стыд, в грехе - позор; в покаянии - дерзновение, в покаянии - свобода, в покаянии - очищение от греха. Выслушайте со вниманием. За грехом следует стыд; спутником покаяния является свобода. Но сатана извратил порядок и соединил свободу с грехом, а стыд - с покаянием. Я не перестану говорить об этом до вечера, до тех пор пока не разрушу это. Есть рана и есть лекарство. В ране - гниение, лекарство обладает средством очищать гниение. Разве в лекарстве - гниение? Разве в ране спасительное средство? Не имеет ли это свой порядок, то - свой? Можно ли переменить это на то, а то - на это? Но обратимся теперь к грехам души. В грехе есть стыд, в грехе - позор, его удел - бесчестие. В покаянии - свобода, в покаянии - пост, оправдание. Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися. ("**Говори ты, чтоб оправдаться**") Праведник себе самого оглагольник в первословии ("**Праведник в первой речи своей обличает себя**") (Ис. 43:26; Притч. 18:17). Диавол, видя, что в грехе стыд (а этого достаточно, чтобы отвратить грешника от греха), в покаянии же свобода (что в состоянии привлечь кающегося), видя это, извратил порядок, соединив стыд с покаянием и свободу с грехом. Вот в чем дело, говорю я. Сильное вожделение влечет кого-нибудь к публичной женщине. Он делается пленником блудницы, приходит в публичный дом, без стыда, не краснея, соединяется с блудницей, совершает грех. В это время нет в нем ни стыда, ли упреков. Но стыд является с концом греха: он стыдится покаяться. Безумец! Когда соединялся с блудницей, не стыдился, а когда идешь на покаяние, тебе стыдно? Стыдится сказать, что совершил прелюбодеяние, краснеет. Совершая самое дело, не краснеет, а от слова краснеет? Дьяволовы это козни. Он позволяет ему в то время, когда грешит, не только не стыдиться, но делать это на глазах всех, потому что знает, что он убежит от греха, если ему будет стыдно; в покаянии же он заставляет его испытывать стыд, потому что знает, что, стыдясь, он не станет каяться. То и другое производит зло, задерживает раскаяние, влечет ко греху. Что же ты стыдишься потом? Когда творил прелюбодеяние, не стыдился, когда же предлагают лекарство, стыдишься? Когда очищаешься от греха, тебе стыдно? Ты должен был тогда стыдиться; тебе тогда должно было быть стыдно, когда ты грешил. Когда становился грешником, не стыдился, когда же принимаешь оправдание, стыдишься? "**Говори ты, чтоб оправдаться**". О, милосердие Господне! Не сказал: чтобы тебе не принять наказание, но: "**чтоб оправдаться**". Прекрасно. Но обрати внимание на

слово: Он оправдывает его. Но как же Он делает это? А вот что случилось с разбойником: довольно было, чтобы он сказал: "**или ты не боишься Бога**", и затем своему товарищу: "**и мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли**", как Он говорит: "**ныне же будешь со Мною в раю**" (Лк. 23:40, 41, 43). Он не сказал: освобождаю тебя от наказания и осуждения, но Он вводит его в рай. Видишь ли, как он оправдался исповеданием? Бог человеколюбив. Он не пожалел Сына, чтобы пощадить раба; Он предал Единородного, чтобы искупить неблагодарных рабов; кровь Сына Своего Он сделал ценой их свободы. О, человеколюбие Господне! И не говори еще: я много согрешил, как могу я спастись? Ты не можешь, но Господь спасет тебя. Он так уничтожит грехи твои, что от них не останется даже следа. С телом этого нельзя сделать. Если бы врач десятки тысяч раз пытался сделать это; если бы он клал на раны лекарства, - рана зажила бы, но рубец не уничтожился бы. Этому препятствуют слабость природы, бессилие искусства, несовершенство лекарств. Но Бог, изглаждая грехи, не оставляет рубца, не позволяет, чтобы остался какой-нибудь след; вместе со здоровьем Он дает также и благообразие, освобождая от наказания, дарует также правду и согрешившего уравнивает с несделавшим греха. Но не может ли грех привести к отчаянию или победить милосердие Божие? И как погиб Иуда? Как? Ведь покаяние не может быть принудительным. Выслушай, что говорит ему учитель: что Мне сделать с тобою, Иуда? Ты не знаешь, что намерен сделать. Я знаю, но не хочу. Качество грехов требует этого, величие же милосердия удерживает. Что Мне сделать с тобою? Пощадить тебя? Но ты станешь еще нерадивее. Наказать? Но Мое милосердие не дозволяет Мне этого. Что Мне сделать с тобою? Не поступить ли мне с тобою как с Содомом, не поразить ли как Гоморру? Но Я - Отец, и Отец милосердый. И мы, зная об этом милосердии, не будем отчаиваться, но не будем также предаваться беспечности: то и другое - погибель. Отчаяние не позволяет встать лежащему, беспечность заставляет упасть вставшего. То имеет свойство лишать дарованных благ, это не позволяет освободиться от окружающего зла. Нерадение низвергает с самого неба, отчаяние приводит к бездне зла, подобно тому как сохранение мужества заставляет сейчас же спасаться оттуда бегством. Взгляни на силу того и другого. Диавол прежде этого был благ, но, вследствие нерадения и отчаяния, ниспал в такую бездну зла, чтобы потом уже не встать. Что он был благ, выслушай, что сказано: "**Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию**" (Лк. 10:18). Уподобление молнии указывает на сияние прежнего состояния и на скорость падения. Павел был хулитель, преследователь, гонитель. Но так как он имел ревность и не отчаивался, то он восстал и сделался равным ангелам. Иуда был апостол, но по нерадению стал предателем. Разбойник затем, - так как он не отчаялся, даже после того как совершил столько зла, - вошел в рай прежде всех. Фарисей за то, что был самонадеян, ниспал с высоты добродетели; мытарь же, - так как не пришел в отчаяние, - был за это так возвышен, что превзошел того. Хочешь, я покажу тебе, как то же самое случилось с целым городом? Так был спасен весь город ниневитян. Приговор привел их, конечно, в уныние. Ведь пророк не сказал, что, если покаются, будут спасены, но просто: еще три дня, и Неневия будет разрушена. И однако, несмотря на то, что прещение исходило от Бога, и что говорил пророк, и приговор был без отсрочки и ограничения, они не пали духом и не изменили добрым надеждам. А он потому не прибавил ограничения и не сказал: если покаются, будут спасены, - чтобы и мы, слыша решение Божие, не имеющее ограничения, не приходили в отчаяние, глядя на этот пример. Ничто не дает диаволу такого надежного оружия, как отчаяние. Поэтому, мы не так радуем его, когда грешим, как тогда, когда отчаиваемся. Выслушай же, как в случае с совершившим блудодеяние Павел боялся отчаяния больше, чем греха. Пиша к коринфянам, он говорил так: есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, и притом такое блудодеяние, на которое не осмеливаются и какого не слышно даже среди язычников (1 Кор. 5:1). То, что для тех невыносимо назвать даже по имени, вы осмелились осуществить самым делом: "**и вы возгордились**" (ст. 2). Он не сказал: и он возгордился, но, оставив согрешившего, говорит со здоровым, как

делают врачи, которые, оставив больных, говорят больше с теми, кто их сопровождает. Но во всяком случае и они были повинные в его безумии, - в том, что не высказывали ему ни обличении, ни порицаний. Он сделал обвинение общим, чтобы лечение раны стало легче. Ужасно грешить, но еще ужаснее гордиться грехами. Если гордиться правдой есть лишение правды, то тем более, относясь к грехам, эта гордость нанесет нам последний вред и будет виной большей, чем самые грехи. Поэтому и говорится: "**когда исполните всё повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие**" (Лк. 17:10). Если сделавшие все должны быть смиренными, тем более следует плакать, считая себя среди самых последних. Указывая именно на это, апостол и сказал: "**вместо того, чтобы лучше плакать**" (1 Кор. 5:2). Что говоришь ты? Другой согрешил, а я должен плакать? Да, говорит, мы все связаны друг с другом в наказании по телу, и по членам. По телу: если нога получит рану, мы видим, как поникает и голова. Что может быть выше ее? Однако во время несчастия она не показывает своего достоинства. Так и ты делай. Поэтому, и Павел убеждает радоваться с радующимися и плакать с плачущими. Но посмотри, как Павел боится (как я уже сказал) отчаяния, как великого оружия диавола. Сказавши: "**прошу вас оказать ему любовь**", он указал и причину: "**дабы он не был поглощен чрезмерною печалью**" (2 Кор. 2:8-7). Овца, говорит он, в пасти волка. Поспешим же, отобьем ее, прежде чем он пожрет ее и погубит член наш. Корабль теперь захвачен бурей. Поспешим же спасти его прежде крушения. Как корабль затопляется, когда море бушует, и волны вздымаются со всех сторон, так и душа, когда уныние отовсюду постигнет ее, скоро задыхается, если у нее нет руки, которая бы поддержала ее. Печаль о грехах спасительна, но она приносит гибель, если она неумеренная. Павел, зная, что сделал диавол с Иудой, боялся, чтобы и здесь не случилось того же самого. А что же он сделал с Иудой? Иуда покаялся: "**согрешил я**", - говорится, - "**предав кровь невинную**" (Мф. 27:4). Дьявол слышал эти слова. Он увидел, что тот начинает путь к лучшему, идет ко спасению, и испугался перемены. У него есть ведь милосердый Господь: Он плакал о нем, когда он имел намерение предать Его, и убеждал его бесчисленное количество раз: тем более не примет ли Он его теперь, когда он кается? Когда он делал недостойное, Он привлекал его и призывал к Себе: тем более не будет ли Он звать к Себе теперь, когда он исправился и сознал свой грех? Ведь Он для того и пришел, чтобы Его пригвоздили. Что же сделал диавол? Он навел на Иуду ужас, он ослепил его чрезмерным унынием, он гнал его, преследовал, пока не довел до петли, пока не отнял у него эту жизнь и не лишил желания раскаяться. А что он был бы спасен, если бы остался жить, это доказывается примером тех, кто пригвоздил Господа ко кресту. Если Он спас тех, кто возвел Его на крест, и, будучи уже на самом кресте, молил Отца, прося простить им их преступление, то очевидно, что Он со всем благоволением принял бы и предателя, если бы он по установленному закону совершил покаяние. Но он, подавленный чрезмерной скорбью, не дал подействовать лекарству. Павел, боясь этого, и настаивает пред коринфянами вырвать человека из пасти диавола. Да что говорить о случае с коринфянами? Петр, после участия в таинстве, трижды отрекся, но слезами загладил все; блудница слезами приобрела благоволение Господа; Павел, после исповедания грехов, сделался учителем кающихся. Пользуясь этими средствами, станем лечить раны свои, говоря: исцели меня, Господи, и исцелею; исцели душу мою, потому что я согрешил. Приняв нас, Врач скажет: Аз есмь заглаждаяй беззакония твоя, и не помяну ("**Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого и грехов твоих не помяну**") (Ис. 43:25). Посмотри сколько лечебных средств приготовил для тебя Врач, избери какое хочешь; разнообразную помощь Он указал применительно к разнообразию твоих ран. Если не можешь поститься, как ниневитяне, тогда омой, как блудница, слезами грехи твои. Если не в состоянии дать милостыни, раскрой грехи твои и прибегни к милосердию Божию вместе с Давидом, говоря: "**помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей**" (Пс. 50:3). Ведь это не укушение ехидны, чтобы я стал накладывать на укушенное место лекарство, и не грязная нечистота, чтобы я стал омывать ее водою; это - рана от укушения диавола, она нуждается

в сострадании Твоего человеколюбия. Подходи, прося только об одном, да ниспошлет милость Свою Человеколюбец, Который сказал: если обратится беззаконник от злого пути своего, не помяну беззаконий его, которые он сотворил (Иез. 18:21-22). Обратимся же и мы, воззовем, омоем слезами нечистоту греха, будем бить себя в грудь и лицо, почувствуем грехи свои, чтобы и нам услышать от Господа: сегодня будете со Мною в раю. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне, и в бесконечные веки. Аминь.

СЛОВО 36

Похвала св. апостолу Павлу.

Благодать Духа оставила нам описание жизни святых и их поведения, чтобы, научаясь, как люди, имеющие одинаковую с нами природу, выполнили все, относящееся к добродетели, мы и сами возбуждались к упражнению в ней, возгревая в себе горячее стремление любви к ним. Но как же это случится? Если мы постоянно будем прилепляться к тем мужам и будем держать их в своей памяти, мы усвоим и их образ жизни. И в этом Бог имеет быть прославлен больше, чем во всем остальном. Если небеса поведают славу Божию, сами не издавая звука и только располагая других к этому своим видом, то тем более будут прославлять Бога, хотя бы и молчали, те, кто ведет достойную удивления жизнь, потому что другие прославляют чрез них Бога. Небо, которое видят столько времени, недостаточно убеждало удивляться пред их Творцом; блаженные же апостолы, проповедуя немного времени, покорили весь мир. Небо пребывает, сохраняя свой закон и уставы. Высота души их стала выше всех небес, красота же была так велика, что сам Бог засвидетельствовал это. Ангелы удивлялись звездам, когда они были сотворены. Красоту же души их восхвалил сам Бог, говоря: "**вы - свет мира**" (Мф. 5:14). Это небо часто закрывается облаками; душа же их не затемняется никаким искушением, но сияет от этого еще ярче. Поэтому и Павел говорил: "**благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа**" (2 Кор. 12:10), а затем филиппийцам: "**потому что я имею вас в сердце в узах моих**" (Флп. 1:7), и в другом месте: чтобы вы слышали, я в узах, всюду предан узам. Я настойчиво буду говорить о них, потому что они возбуждают мое сердце и поселяют во мне желание поставить Павла пред лицом всех, - Павла, который потрудился более всех остальных, о котором сам Христос говорит: "**он есть Мой избранный сосуд**" (Деян. 9:15). Когда началась проповедь, он опустошал церковь, врываясь в домы, влача мужей и жен. Но в то время как он приближался к Дамаску, его внезапно осенил свет, и он ослеп. Но ослепление его сделалось просвещением вселенной. Так как видимое представлялось ему дурным, Бог, чтобы он мог видеть это в правильном виде, ко благу ослепил его, являя вместе и собственное Свое могущество, и предуказывая способ проповеди, - именно, что следует везде следовать за Ним, оставив все свое и закрыв глаза. Указывая именно на это, Павел и воскликнул: "**Если кто из вас думает быть мудрым (…), тот будь безумным, чтобы быть мудрым**" (1 Кор. 3:18). Не может кто-либо смотреть правильно, если он не ослеплен прежде к своему благу, если не отбросил смущающие его мысли и не доверился во всем своей вере. Но пусть никто, слыша это, не подумает, что это призвание было вынужденным. Он снова мог вернуться туда, откуда пришел. Многие, видя другие, большие чудеса, опять возвращались в прежнее состояние, в ветхом и новом заветах, например Иуда, Навуходоносор, Елима маг, Симон, Анания, Сапфира, весь иудейский народ. Но не Павел: он, получивши зрение, устремился к нетленному свету и был возвышен до самого неба. Если же станешь спрашивать, ради чего он был ослеплен, то выслушай его слова: "**Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию, и опустошал ее, и преуспевал в Иудействе более многих сверстников в роде моем, будучи неумеренным ревнителем отеческих моих преданий**" (Гал. 1:13-14). Так как он был так стремителен и необуздан, то тем тверже

нужна была для него узда, чтобы увлекаемый потоком своей ревности он не оттолкнул того, что ему сказано. Поэтому, укрощая его безумие, Бог сначала чрез ослепление успокаивает волны его бурной стремительности, и уже тогда начинает говорить с ним, показывая недоступность своей мудрости и превосходство ведения, чтобы он научился, что он не в состоянии вынести Того, с кем борется, не только тогда, когда Он наказывает, по даже когда благодетельствует. Не мрак причинил ему вред, но преизбыток света ослепил его, вместе с тем подняв его на такую высоту, что даже одежды его внушали страх демонам. Но я не удивляюсь этому, как не удивляюсь тому, что болезни изгонялись тенью Петра. Удивительно то, что он являлся творящим великое даже прежде получения благодати, с самого начала, с самых первых своих путей. Не имея той силы и не приняв рукоположения, он был так воспламенен ревностью ко Христу, что возбудил против себя весь иудейский народ. Видя себя в такой опасности, что даже город был в осаде, он спустился чрез окно по стене. Избежавши опасности, он не впал при этом в нерешительность, в боязнь, в страх, но обнаружил большую ревность, пошел своим путем, снова взяв крест, уклоняясь от опасностей ради домостроительства, но никому не уступая в учительстве. Пошел, имея пред глазами близкий еще пример Стефана, видя, как иудеи дышат против него более всех убийством, как они жаждут насладиться (гибелью) его тела. Но как же он не впал в опасности, оставаясь без всяких предосторожностей, и, избегая их, не потерял решительности? Без сомнения, он ценил настоящую жизнь за приобретение, которое можно получить от нее; но конечно он и презирал ее по своей философии, которая приводила его к презрению, - иными словами: потому что он стремился уйти к Иисусу. Что я всегда говорю о нем и не перестану никогда говорить, - это то, что никто так не умел, встречаясь с противоположными вещами, с тщательностью удовлетворить той и другой; никто так не умел ни любить настоящей жизни (никто даже из тех, кто горячо привязан к жизни), ни презирать ее (никто даже из тех, кто умирает с восторгом): так он был чист от всякого желания и не увлекался ничем из настоящего, но всюду следовал в своем желании воле Божией! Он то говорил, что жизнь для него нужнее даже, чем быть со Христом и беседовать с Ним, то - что она так тяжка и несносна, что он воздыхает о разрешении и стремится к нему. Он желал только того, что дает ему приобретение, согласное с волей Божией, - желал, хотя бы и случалось, что это противоречит совершившемуся ранее. Он отличался разнообразием и разнокачественностью, не притворяясь - да не будет! - но будучи всем вся, что было необходимо для проповеди и спасения людей, подражая этим своему Господу. Так и Бог являлся в образе человека, когда следовало в нем явиться; являлся некогда и в огне, когда этого требовали обстоятельства; являлся то в виде облеченного в доспехи воина, то в виде старца, то в тихом воздухе, то как путник, то даже как истинный человек - и таковым Он не отказался принять даже смерть. Когда же я говорю: следовало явиться, пусть никто не подумает, что это - необходимость событий; нет, необходимость одного только милосердия. Он восседает то на троне, то на херувимах. Но все это Он делал сообразно целям домостроительства. Поэтому и чрез пророка Он сказал: Я умножил видения и в руках пророческих я уподобился. Так и Павел, подражая своему Господу, не считал для себя бесчестием быть то иудеем, то как бы вне закона. Он то соблюдал закон, то нерадел о нем; то прилеплялся к настоящей жизни, то презирал ее; то требовал имущества, то и от данного отказывался; приносил жертвы, остригал волосы и снова анафематствовал делающих это; то обрезывал, то отвергал обрезание. То, что случалось с ним, было противоположно, но намерение и мысль, из которой это вытекало, были страшно последовательны и верны себе: он одного искал, - спасения слышащих и видящих это. Поэтому, он то возвышает закон, то уничижает его. И не только в том, что он делал, но и в том, что говорил, он обнаруживал разнообразие и разнокачественность; обнаруживал не изменяя своему плану и не становясь с одним один, с другим другой, но все сказанное приноравливая к настоящей нужде. Поэтому, не было бы ошибки, если бы кто-нибудь назвал душу Павла лугом добродетелей и раем духовным: такою он блистал великой

благодатью, показывая вместе с тем и философию души своей, достойную благодати. Так как он был сосудом избранным и так как надлежащим образом очистил себя, то обильные дары Духа излились на него; из них он источил и на нас достойные удивления реки, но не четыре только, как было в райском источнике, а гораздо больше: они истекают каждый день, орошая не землю, но возбуждая души человеческие к плодоношению. Но чтобы вы выслушали не из наших уст о подвигах блаженного Павла и о доблести, которую он ежедневно показывал ради проповеди благочестия, необходимо выслушать собственные его слова. Когда обманом лжеапостолов он был поставлен в необходимость объяснять свое (учение), он, сказавши многое другое, начал так: Служителие ли Христовы суть? Не в мудрости глаголю, паче аз. В трудех множае, в ранах преболе, в темницах излиха, в смертех многащи. От иудей пять краты четыредесять разве единый приях. Трищи палицами биен бых, единою каменьми наметан бых, трикраты корабль опровержеся со мною, нощь и день во глубине сотворих. В путных шествиих множицею, беды в реках, беды от разбойник, беды от сродник, беды от язык, беды во градих, беды в пустыни, беды в мори, беды во лжебратии. В труде и подвизе, во бдениих множицею, во алчбе и жажди, в пощениих многащи в зиме и наготе, кроме внешних ("**Христовы служители? (в безумии говорю:) я больше. Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних приключений,**") (2 Кор. 11:23-28). Сказавши: "**Кроме посторонних приключений**", он намекает, что опущенное может быть больше, чем то, о чем сказано. Затем он говорит: "**у меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквах**" (ст. 28). Видишь широту души? Видишь величие ума? Как солнце, посылая свои лучи, проходит всю землю, - такую заботу и попечение имел и блаженный Павел. Поэтому он и говорил: "**кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?** " (2 Кор. 11:29)? О, какая любовь у этого мужа! Какое бодрствование! Какое попечение! У какой матери терзается так сердце в то время, когда сын ее, больной лихорадкой, лежит на ложе, как блаженный Павел болел за страдающих в каждом месте и разжизался за соблазняющихся? Какое слово достаточно для его подвигов? Какие уста в состоянии обнять его похвалы? Когда одна душа имеет в себе собранным все, что есть прекрасного в человеке, и все с избытком, и не только в людях, но и в ангелах, то можем ли мы допустить преувеличение в похвалах? Однако ради этого не будем молчать, напротив, будем особенно говорить. Величайший вид похвалы, то - когда величие подвигов со всею их спасительностью превосходит способность речи; поражение здесь для нас лучше тысячи победных наград. Откуда же удобнее приступить к его похвалам? Откуда как не с того, чтобы показать сначала, что у него есть блага, свойственные всем? Пророки ли явили что-либо доблестное, или патриархи, или праведники, или апостолы, или мученики, - все это он соединил в себе, при том в таком избытке, в каком никто из них не владеет тем благом, какое у кого есть. Смотри же: Авель принес жертву, и его прославляют за это. Но если ты поставишь на вид жертву любви Павловой, то она окажется настолько же славнее той, насколько небо выше земли. Какая же жертва? Я скажу, если угодно. Он каждый день приносил в жертву себя, и затем приносил двойное приношение, - одно: каждый день умирая, другое: нося мертвость в теле своем. Он постоянно отдавался опасностям, закалал себя по свободному желанию и так умертвил природу тела своего, что пришел в состояние, которое ничем не уступает состоянию заколотых жертвенных животных и даже гораздо выше его. Он приносил не быков и овец, но самого себя он закалал дважды каждый день. Поэтому, он и имел смелость сказать:

"**ибо я уже становлюсь жертвою**" (2 Тим. 4:6), назвав возлиянием собственную кровь. Он однако не удовольствовался этими жертвами, но так как справедливо считал себя жертвой, то он пронес ее по всему миру, по суше и по морю, в Элладе и среди варваров, одним словом, во всех поселениях; он появлялся не просто путешествуя, но вырывая терние греха, сея слово благочестия, изгоняя заблуждение, насаждая истину, делая из людей ангелов, и даже более - делая людей из демонов ангелами. Поэтому, намереваясь уйти после многих трудов и после многочисленных победных наград, он говорит, утешая своих учеников: "**но если я и соделываюсь жертвою за жертву и служение веры вашей, то радуюсь и сорадуюсь всем вам. О сем самом и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне**" (Флп. 2:17-18). Может ли что быть равное этой жертве, которую он принес, извлекши меч духа? Но Авель был умерщвлен Каином коварно, и в этом отношении он имеет больше славы? А я уже перечислил тебе тысячи смертей, - столько, сколько дней жил проповедуя блаженный Павел. Если же ты захочешь дойти до расследования убийства, то - тот пал от руки брата, которому не причинил обиды, но не оказал и благодеяния, этот же был убит теми, кого он стремился вырвать из бесчисленных бед и чрез кого потерпел все, что выстрадал. Но праведник Ной, совершенный в роде своем, был единственный между всеми? И Павел был единственный между всеми. Тот спас только себя со своими детьми, этот же, когда вселенная была захвачена гораздо более ужасным потопом, скрепляя не доски и строя не ковчег, но вместо досок составляя послания, извлек из самой пучины волн не два, не три и не пять родственников, но всю вселенную, в то время, когда ей предстояло затонуть. Этот ковчег был не таков, чтобы ему кружиться на одном месте, но он захватил пределы вселенной; и до сих пор он вводит в этот ковчег всех, устраивая его соответственно множеству спасающихся; принимая людей неразумнее бессловесных, он делает их равными горним силам: всем этим он превосходит тот ковчег. Тот ковчег, принявши ворона, впустил ворона же, и принявши волка, не уничтожил в нем дикости. Этот же не так, но, принявши волков, сделал из них овец, и принявши воронов и галок, превратил их в голубей; уничтоживши всякое неразумие и дикость человеческой природы, ввел в нее чистоту Духа. До сих пор ковчег этот продолжает плавать и не разрушается; буря неправды была не в силах разбить его доски, но он сам, плавая, укрощал свирепую бурю. И так и должно было быть, потому что те доски были намазаны не цементом и смолой, но на них почил Св. Дух. Мы удивляемся еще Аврааму за то, что он, услышав: "**пойди из земли твоей, от родства твоего**" (Быт. 12:1), оставил родину и дом, друзей и родственников, - удивляемся за то, что повеление Христа было для него все. Мы удивляемся даже этому. Но может ли что быть равное тому, что сделал Павел, который оставил ради Иисуса не отечество, дом и родственников, но самый мир и все, что в нем, самое небо и небо небес и искал только одного - любви Иисуса? "**Ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией**" (Рим. 8:38-39). Но Авраам вырвал племянника из рук варваров, сам подвергаясь опасностям? Этот же спас не племянника, и не три и не пять городов, но всю вселенную, и не от варваров, а от рук демонов, сам терпя ежедневно тысячи опасностей и собственным умиранием приобретая для других великую безопасность. Главная же из его добродетелей и венец мудрости - то, что он принес в жертву своего сына? Но и здесь мы найдем, что первенство принадлежит Павлу, который, как я уже сказал, приносил в жертву тысячи раз не сына, но самого себя. Чему можно бы удивляться в Исааке? Многому и другому, но всего более его незлобию - тому, что роя колодцы и изгоняемый из собственных пределов, он не мстил, но, видя их зарытыми, разрывал снова и постоянно передвигался на другое место, не нападая на тех, кто причинял ему обиды, но поступаясь и оставляя везде собственное имущество, до тех пор, пока не удовлетворял их несправедливого желания. Но Павел, видя, как забрасывали камнями не колодцы, но собственное его тело, не просто уступал, как тот, но, сам нападая, пытался возвести на самое небо тех, кто побивал его камнями. Чем более засоряли источник, тем он стремительнее вырывался наружу и тем большими потоками изливался в

терпение. Писание удивляется отроку за его постоянство? Но какой же адамантовый дух может явить терпение Павла? Он, не дважды семь лет, но всю жизнь служил за невесту Христову, не только сжигаемый зноем дня и холодом ночи, но выдерживая бесчисленные бури искушений, с телом, терзаемым то бичами, то камнями, то сражаясь со зверями, то воюя с морем, постоянно испытывая голод днем и холод ночью, повсюду перепрыгивая через пропасти и вырывая овец из пасти диавола. Но Иосиф был непорочен? Здесь я боюсь, как бы не было смешно прославлять Павла, который пригвоздил себя миру и не только чистое в телах, но и все вещи видел так, как мы видим прах и пепел; и как мертвый вблизи мертвого остался бы неподвижным, так он, успокаивая со тщательностью возбуждения природы, никогда не испытывал ничего похожего на человеческую страсть. Все люди изумляются Иову, и совершенно справедливо: он великий борец и может состязаться с самим Павлом терпением, чистотой жизни, мученичеством ради Бога, упорной борьбой, удивительной победой, последовавшей за этой борьбой. Но Павел провел в этой борьбе не многие месяцы, а много лет, и остался тверже всякой скалы, хотя не то что увлажнял кучи земли, сидя на гноищи, но впадал непрерывно в мысленную пасть самого льва и боролся с тысячами искушений, хотя не три или четыре друга, но все неверующие ложные братья оскорбляли его, подвергали заплеванию и издевательству. Но Иов отличался большим гостеприимством и милосердием к нуждающимся? Мы не будем отрицать этого, но мы найдем, что это настолько же ниже милосердия Павлова, насколько тело отстоит от души. То, что тот оказывал увечным по телу, этот делал тем, кто имел повреждение в душе, исправляя размышлением всех хромых и убогих, одевая одеждой мудрости голых и непристойных. Да что касается и тела, он был настолько же выше его, насколько то, когда помогают нуждающимся, живя среди бедности и в голоде, выше того, когда делают это при достатке. У того дом был открыт для всякого, кто приходил в него, у этого же душа захватывала всю вселенную, и он обнимал все народы, говоря: "**вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно**" (2 Кор. 6:12). Тот был гостеприимен к нуждающимся в то время, когда у него было бесчисленное количество овец и быков; этот же, не владея ничем, кроме тела, от него помогал нуждающимся, - он восклицает, говоря: "**нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии**" (Деян. 20:34); свой телесный труд он употребляет на иждивение жаждущих и голодающих. Но черви и язвы доставляли Иову трудные и непереносные боли? Совершенно согласен с этим. Но если ты противопоставишь этому бичевания Павловы в продолжение стольких лет, непрерывное голодание, наготу, узы, темницу, нападения со стороны своих, со стороны чужих, со стороны тиранов и всей вселенной и, наконец, то, что всего горче, - я говорю о скорби за падающих, - заботу о всех церквах, огненную печаль, которую он переживал за всех соблазняющихся, - ты увидишь, как душа, перенесшая все это, была тверже скалы, как она превзошла железо и адамант; и что тот вытерпел телом, этот - в душе, скорбь же за каждого из соблазняющихся точит душу хуже всякого червя. Поэтому, он непрерывно источал источники слез, не только днями, но и ночами, и о каждом из тех страдал тяжелее, чем страдает жена в муках рождения. Поэтому он и говорил: дети мои, от которых я снова в муках рождения. Кому же еще могут дивиться после Иова? Без сомнения, Моисею. Но он превзошел многим и его. Конечно в святой душе Моисея велико и все прочее, но ее вершиною и венцом является то, что он принял решение быть изглажденным из книги ради спасения иудеев. Но он желал погибнуть вместе с другими, Павел же - не погибнуть вместе с ними, но, спасши их, самому лишиться вечной славы. Один боролся с фараоном, другой же боролся ежедневно с диаволом; один трудился ради одного народа, другой же ради целой вселенной, всюду обливаясь не потом, но кровью вместо пота и исправляя не только обитаемые места, но и необитаемые, не только Элладу, но и землю варваров. Можно еще выставить Иисуса, Самуила и других пророков, но, чтобы не удлинять слова, мы обратимся к главным из них: если он окажется лучше их, то уже никакого сомнения не останется и относительно прочих. Какие же это корифеи? Да кто же другой, как не Давид, Илия и Иоанн? Один - предтеча первого пришествия Христова, другой - второго: оттого

они имеют общее друг с другом и в самом наименовании. Что же чрезвычайного в Давиде? Смирение и любовь к Богу. Кто же выполнил более, кто не исполнил менее в том и другом отношении, чем дух Павла? А в Илии что удивительного? Что он заключил небо, наслал голод, низвел огонь? Не думаю. Скорее - то, что он ревновал о Боге и был пламеннее огня. Но если ты посмотришь на ревность Павлову, ты увидишь, что он настолько же превосходит того, насколько последний превосходит других. Что может сравняться с теми словами, которые он сказал, ревнуя о славе Господа, - что "**я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти**" (Рим. 9:3)? Поэтому, когда ему были предложены небеса, венцы и награды, он медлил и колебался, говоря: "**а оставаться во плоти нужнее для вас**" (Флп. 1:24). Он думал, что ни тварь, видимая ему, ни духовное творение недостаточны для того, чтобы выразить его любовь и ревность; но словом своим он создал, поэтому, другое творение, еще не существующее, чтобы явить то, чего он хотел и к чему стремился. Но Иоанн ел акриды и дикий мед? Этот же проводил жизнь среди мира, как тот в пустыне, проводил, питаясь не акридами и диким медом, но довольствуясь гораздо более простой пищей и не имея даже самого необходимого пропитания по причине ревности к проповеди. Но тот явил великое дерзновение против Ирода? Этот же заставлял замолчать таких, как тот, не одного и не двух и трех, а тысячи, да и не таких, а людей гораздо ужаснее, чем тот. Остается затем сопоставить его с ангелами. Поэтому, оставив землю, вознесемся к сводам неба. Пусть никто не осудит смелое слово. Если Писание назвало ангелами священников, что же удивительного, если мы сопоставим с горними силами лучшего из всех? Что же в ангелах великого? То, что они со всевозможною тщательностью повинуются Богу, - чему изумляясь, Давид говорил: "**крепкие силою, исполняющие слово Его**" (Пс. 102:20). Но с Павлом ничто не сравняется, пусть они даже тысячи раз бестелесны. Что всего более делает их блаженными, - это то, что они повинуются повелениям, что они никогда не ослушиваются. Но и Павел, можно видеть, с точностью соблюдает это. Ведь он не только творил слово свое, но также исполнял и заповеди. Указывая на это, он говорил: "**за что' же мне награда? За то', что, проповедуя Евангелие, благовествую о Христе безмездно**" (1 Кор. 9:18). А чему другому удивляясь, пророк говорил и о них: "**Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими - огонь пылающий**" (Пс. 103:4)? Но это можно видеть и на Павле. Точно дух и огонь, он проходил всю вселенную и очищал землю. Но неба он не достиг? Удивительно однакож то, что на земле был таковой, и что облеченный в смертное тело состязался с бестелесными силами. Поэтому, ушедши туда, он находится вблизи царского трона, - там, где херувимы прославляют и серафимы парят. Там и мы, умерши, увидим Павла; стоя хотя бы и не вблизи, мы во всяком случае увидим его, вместе с Петром и сонмом святых, как главу нашу и заступника, и насладимся чистой его любовью. Если, будучи здесь, он так возлюбил людей, что, хотя у него было желание разрешитися и со Христом быти, он однакоже предпочел остаться здесь, то тем пламеннее любовь он окажет там. Я люблю Рим за то, что он при жизни писал туда, и что он так любил римлян, при личном свидании говорил с ними, там покончил свою жизнь, и они хранят его тело. Этим и город славится больше, чем всем остальным. Как великое и сильное тело, он имеет два сияющих глаза, это - тела тех святых. Не так небо светится, когда солнце посылает свои лучи, как город римлян, посылающий по всей вселенной эти два светильника. Отсюда будет восхищен Павел, отсюда Петр. Подумайте и трепещите при мысли, какое зрелище увидит Рим, когда Павел вместе с Петром восстанет из той гробницы и будет взят в сретение Христу; какой дар Рим пошлет Христу, в какие два венка будет облечен город, какими будет опоясан золотыми цепями, какие у него будут источники. Поэтому, я удивляюсь этому городу не ради большого количества золота, не ради колонн, не ради другого великолепия, но ради тех столпов Церкви. Кто даст мне возможность обнять тело Павлово, приблизиться к гробнице его, видеть прах тела его, - его, который восполнил недостающее Христово, носил язвы его, повсюду сеял проповедь о Нем, видел прах уст, которые возвещали Христа, которыми он говорил в присутствии

царей и не был посрамлен, чрез которые мы узнали о Павле и о Господе Павла? Не так страшен гром для нас, как голос его был страшен для демонов. Как молния, явившись на небе, приводит в ужас видящих ее, так голос Павла приводил в ужас диавола; подобно удару молнии, он обрушивался на его полчища. Диавол был не в состоянии устоять пред ним, но так боялся его и трепетал, что, как только видел его тень и слышал голос, далеко убегал. Если трепетал даже пред его одеждами, тем более пред голосом. Он вел его связанного, очищал вселенную, исцелял болезни, избавлял от неправды, насаждал истину, имел Христа почивающего и вместе с Ним всюду выступал: чем являются херувимы, тем был и голос Павла. Как Он почивает на этих силах, так же почивает и на языке Павла. Он был достоин воспринять Христа, так как возвещал то, что угодно Христу, и так как касался неизреченной высоты, как серафимы. Я желал бы видеть не только прах уст, но и прах сердца его, которое безошибочно называют сердцем вселенной, источником бесчисленных благ, началом и элементом нашей жизни. Дух жизни его ниспослан здесь на всех и дарован членам Христовым. Я желал бы видеть его даже разрушенное, потому что оно выше небес, шире вселенной, светлее лучей, пламеннее огня, крепче адаманта, потому что оно удостоено возлюбить Христа, как никто другой не любил его. Я желал бы видеть в узах прах рук его, возложением которых ниспослан Дух Святой, которыми написаны божественные писания, - тех рук, увидевши которые ехидна упала в огонь. Я желал бы видеть прах очей, которые были справедливо ослеплены, но прозрели для спасения вселенной, которые были удостоены видеть даже Христа в теле, которые видели земное не видя и взирали на то, что недоступно видению, которые не знали сна, бодрствовали в полночь, которые не терпели того, что свойственно глазам. Желал бы также я увидеть прах ног его, которые обошли вселенную и не знали усталости, были заключены в колодки, когда поколебалась темница, обошли обитаемые и не населенные места, которые часто путешествовали. О чем следует еще говорить? Желал бы я видеть гроб, в котором покоится оружие правды, оружие света, члены, теперь живые, но умерщвляемые, когда в них была жизнь, члены Христовы, облекшиеся во Христа, храм Духа, жилище святое, связанные Духом, прикрепленные к гробнице страхом Христовым, носящие язвы Христа. Это тело является стеной для того города и надежнее всякой башни и бесчисленных укреплений; вместе же с ним также и тело Петрово, потому, что он чтил его при жизни: "**ходил я в Иерусалим видеться с Петром**" (Гал. 1:18). Поэтому, благодать, когда он и умер, удостоила сделать Петра его сообитателем. Будем же подражать ему. Ведь он был человек, причастный нам по природе, имеющий общим и все прочее; но так как он показал великую любовь ко Христу, то он стал выше небес и находится с ангелами. Поэтому, если бы и мы захотели немного возвыситься и возжечь в себе тот огонь, мы можем подражать тому святому. Если бы это было невозможно, он не воскликнул бы: "**подражайте мне, как я Христу**" (1 Кор. 4:16). Будем же не только удивляться ему и приходить в изумление, но и подражать, чтобы, и когда уйдем отсюда, быть удостоенными видеть его и быть причастниками неизреченной славы, которой мы все да сподобимся благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым слава Отцу, со Св. Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 37

О молчании и о тайнах.

Слово, произнесенное безрассудно, колеблет целые домы, губит души, наносит им непоправимый вред. Можно еще восстановить потерю в имуществе; вырвавшееся слово вернуть невозможно. "Ты", - говорится, - "услышал слово, и пусть оно умрет с тобою". Погаси его в себе, закрой, не дозволяй выйти наружу, не дозволяй ему двинуться. Умертви сказанное, предай забвению, чтобы тебе уподобиться не слышавшим этого. Многие люди, когда выдадут какую-нибудь тайну, начинают упрашивать услышавшего ее

и заклинают не говорить еще никому другому, показывая этим, что они сделали дело, достойное осуждения. Если ты упрашиваешь не говорить этого никому другому, тем более тебе не следовало говорить прежде. Если ты хочешь, чтобы слово не переходило к другому, ты сам не должен говорить; когда же ты передаешь хранение слова другому, ты делаешь ненужное и неумное, прося его и заклиная относительно хранения сказанного. Но злословить приятно? Скорее приятно не злословить. Злословящий затем беспокоится, подозревает и боится, раскаивается, кусает язык свой, боясь и дрожа, как бы слово, сказанное другим, не произвело большой опасности; а тот, кто хранит его у себя в великой сохранности, живет в великом удовольствии. Не может быть, чтобы человек, пересуживающий чужую жизнь, заботился когда-нибудь о собственной жизни. Когда все его занятия идут на то, чтобы пересуживать других, его собственные дела по необходимости делаются кое-как и небрежно. Тот, кто сурово судит о чужих делах, никогда не будет пользоваться снисхождением по отношению к себе. Бог произнесет Свой приговор, глядя не только на природу наших грехов, но и на суд о других. Ему слава и держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 38

О непостыдном исповедании честного креста и о том, как Христос спас нас через него, и как нам в нем следует полагать славу свою; о добродетели и о том, как (Господь) хочет нашего спасения, и о милостыне.

Вот, братья, знамение, которое Господь всем нам обещал дать, говоря: "**род лукавый и прелюбодейный ищет знамения; и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка**" (Мф. 12: 39), подразумевая крест, смерть, погребение и воскресение. И потом в другой еще раз, указывая на силу креста, Он сказал: "**Когда вознесете Сына Человеческого, тогда узнаете, что это Я**" (Иоан. 8: 28). То есть: "Когда пригвоздите Меня ко кресту и будете думать, что я побежден, тогда всего более познаете Мое могущество". И превосходно сказал Христос! После того, как Христос был пригвожден ко кресту, иудейские обычаи прекратили свое существование, проповедь процвела, слово распространилось до пределов вселенной, земля и море, обитаемые места и необитаемые повсюду возвещают Его силу. Никто да не стыдится честных знаков нашего спасения и самого главного из наших благ, которым мы живем и существуем. Как венок, будем носить крест Христов. Все важное для нас совершается через него: нужно ли было совершиться возрождению – явился крест; нужно ли вкусить таинственную пищу, принять поставление или сделать что-либо другое – везде является нам этот символ победы. Поэтому мы и изображаем его с великим усердием в жилищах, на стенах, на дверях, на челе и в душе. Это есть знак нашего спасения, общей свободы и благоволения к нам Господа: "**как овца, веден был Он на заклание**" (Ис. 53: 7). Итак, когда знаменуешь себя крестом, размысли о всем значении креста, укроти гнев и все прочие страсти; когда полагаешь на себе крест, пусть лицо твое будет исполнено великого дерзновения, и душу свою сделай свободной. Знайте во всяком случае, что дает нам свободу. Поэтому и Павел, возводя нас к этому (я говорю о приличной для нас свободе), поступал так, вспоминая о Кресте и о Крови Господней: "**Вы**, – говорит, – **куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков**" (1 Кор. 7: 23). "Подумай, – говорит, – о цене, данной за тебя, и ты не будешь ничьим рабом из людей"; ценой же он называет Кровь, пролитую на Кресте. Поэтому не следует изображать его просто перстом, но прежде своей волей с великой верой и уже потом осенять им лицо. Никто из нечистых демонов не в силах будет стоять вблизи тебя, видя тот меч, от которого он принял удар, видя меч, которым он был усечен на смерть. Если мы дрожим, видя места, на которых осужденные терпят казнь, подумай, что испытает диавол, видя оружие, которым Христос уничтожил всю его силу и которым отсек главу дракона. Не стыдись же этого блага, чтобы и тебя не постыдился Христос,

когда Он придет в славе Своей, и когда наперед явится это знамение, сияющее ярче лучей солнечных. Именно тогда явится Крест, говорящий самым видом своим, оправдывающий Господа перед всей вселенной и показывающий, что Он ничего не упустил из того, что нужно для людей. Это знамение еще при наших предках открывало заключенные двери; оно уничтожало гибельные яды; оно разрушало силу цикуты; оно исцеляло укушения вредоносных животных. Если оно открыло врата ада, поколебало своды неба и обновило вход в рай, если перерезало диавольские сети, что же удивительного в том, что оно победит гибельные яды, зверей и все прочее? Начертай его в твоей мысли, обними спасение наших душ. Этот крест обратил вселенную, изгнал заблуждение, явил истину, землю сделал небом, людей превратил в ангелов. Поэтому и демоны уже не страшны более, но заслуживают презрения, и смерть уже не смерть, а сон; поэтому все, что враждует с нами, низвергнуто долу и попрано. Если же скажут тебе: "Ты чтишь распятого", – скажи громким голосом и с радостным лицом: "Да, чту, и никогда не перестану делать это". Если же кто станет смеяться, пролей над ним слезы, потому что он безумствует. Возблагодари Господа за то, что Он дал нам такие благодеяния, каких нельзя и узнать без откровения свыше. Он потому и смеется, что "**душевный человек не принимает того, что от Духа Божия**" (1 Кор. 2: 14). Ведь вот дети допускают это, когда видят что-либо великое и удивительное: если ты поведешь его к таинству, дитя будет смеяться. На детей похожи и эллины, но они гораздо несовершеннее, чем те, а потому и более жалки, так как допускают свойственное детям не в незрелом, а в совершенном возрасте: отсюда они недостойны и прощения. Но мы будем кричать и говорить громким голосом, ясно и открыто; если бы здесь были на лицо все эллины, мы скажем с тем большей свободой, что Крест – наша радость и главное из всех благ, что он наша свобода и совершенный венец. Я хотел бы получить возможность сказать вместе с Павлом: "**для меня мир распят, и я для мира**" (Гал. 6: 14), но я не могу, так как отягчен разнообразными страстями. Поэтому я умоляю вас, прежде же вас – себя: пригвоздиться миру и не иметь ничего общего с землей, но взирать на горнее отечество, на нездешнюю славу и на вечные блага. Мы – воины Царя Небесного и облечены в духовное оружие; зачем же мы ведем жизнь лавочников и бродяг, даже более – жизнь червей? Где царь, там следует быть и воину. Мы сделались воинами, но не из тех, кто стоит вдали, а кто вблизи. Царь земной не позволил бы быть всем в царском дворце, и даже около него; Царь же Небесный хочет, чтобы все были вблизи царского трона. "Но как же, – скажут, – можно, будучи здесь, стоять возле того трона?" Но ведь Павел, будучи на земле, был же там, где серафимы, где херувимы и ко Христу был ближе, чем те телохранители к царю. Они часто обращают свои взоры повсюду, этот же ни о чем не думал, ничто его не привлекало, но все его мысли были напряжены по направлению к Царю и Господу. Итак, если бы мы захотели, это было бы возможно также и для нас. Если бы Он был отделен от нас местом, ты был бы прав в своем изумлении; если же Он повсюду, Он близок к тебе, когда ты стараешься и стремишься. Поэтому пророк и говорил: "**не убоюсь зла, потому что Ты со мной**" (Псал. 22: 4). А затем сам Бог говорит: "**Разве Я - Бог только вблизи, а не Бог и вдали?" (Бог приближаяйся Аз есмъ, а не Бог издалеча)** (Иерем. 23: 23). Итак, как грехи удаляют нас от Него, так правда приводит нас к Нему. "Тогда ты воззовешь, – говорит, – и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: вот Я!" (Ис. 58: 9). Какой отец когда-нибудь выслушивает так рожденных им? Какая мать так готова и так постоянно настороже, когда бы ее ни позвали дети? Нет таких ни отца, ни матери. Бог же постоянно ожидает, не позовет ли его кто-нибудь из его слуг, и никогда не оставит без ответа, если его позовут, как должно. Призовем же и мы Его, как Он хочет, чтобы мы звали Его. А как Он хочет? "**Разреши**, – говорит, – **оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся. Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою, и слава Господня**

будет сопровождать тебя. Тогда ты воззовешь, и Господь услышит; возопиешь, и Он скажет: вот Я!" (Разрешай всяк соуз неправды, разрушай одолжения насильных писаний, всякое писание неправедное раздери. Раздробляй алчущему хлеб твой, и нищия безкровныя введи в дом твой. Аще видиши нага, одей, и от свойственных племене твоего не презри. Тогда разверзется рано свет твой, и исцеления твоя скоро возсияют, и предъидет пред тобою правда твоя, и слава Божия объимет тя. Тогда воззовеши, и услышу тя, еще глаголющу ти, скажу: се приидох) (Ис. 58: 7–9). "Но кто же, – скажут, – все это в состоянии сделать?" А кто не в состоянии, скажи мне? Что в сказанном замысловатого? Что затруднительного? Что нелегкого? Да это и не только возможно, но и совершалось, потому что многие даже превзошли меру сказанного, не только раздирая неправедные писания, но отказываясь и от своего; не только принимая под свой кров и допуская к столу бедных, но даже напряженно трудясь для того, чтобы дать пропитание бедным; благодетельствуя не только родственникам, но и врагам. Что же вообще из сказанного трудно? Он не сказал: взойди на гору, перейди море, рассеки столько и столько-то слоев земли, оставайся голодным, надень вретище, но: поделись жилищем, удели от хлеба, раздери неправедные писания. Что, скажи мне, легче этого? Если же ты и это считаешь затруднительным, взгляни на награды, и все станет для тебя легким. Как цари на ристалищах раскладывают перед состязающимися венки, одежды и награды, так и Христос посреди ристалища полагает победные награды, предлагая их, точно при посредстве многих рук, через слова пророческие. Цари, хотя бы они были царями тысячи раз, но так как они все-таки люди, и достояние их расходуется, средства уменьшаются, они имеют склонность немногое выдавать за многое, поэтому, вручая каждому из служителей в отдельности по одной из всех вещей, они, таким образом, выставляют их напоказ. Наш же царь поступает совершенно обратно: соединивши все вместе, так как достояние Его велико и Он ничего не делает напоказ, Он таким образом полагает на виду у всех то, что распространено до безграничности, и Ему будет нужно много рук, чтобы сохранить это. А чтобы ты узнал это, тщательно просмотри в отдельности все, что дано. "Тогда, говорился, разверзется рано свет твой". Ты, может быть, думаешь, что это один дар? Нет, не один: внутри его скрыто многое: венки, трофеи и иные награды. И, если угодно, мы, разъяснивши, покажем все это богатство, как сумеем. Только бы не утомить вас! И прежде всего узнаем, что значит "разверзется". Он показывает нам этим скорость и обилие, и то, как Он хочет нашего спасения, и как желает и ведет к тому, чтобы эти блага явились, и как ничто не будет препятствовать их невыразимому течению: всем этим он показывает их обилие и безграничность средств. Что значит "рано"? Это значит: не после того как ты будешь охвачены искушениями, и не после наступления зла, но прежде, чем явится все это. Как о плодах мы говорим: "ранний", именно, явившийся прежде времени, так и здесь. Он сказал так, снова обозначая скорость, как я приводит уже выше: "еще говорящему тебе скажу: вот Я". Про какой это свет Он говорит, и что это будет за свет? Это не чувственный свет, а гораздо лучше, тот свет, что показывает нам небо, ангелов, архангелов, херувимов, серафимов, престолы, господства, начальства, власти, все воинство, царские грады, скинии. Если ты будешь удостоен того света, увидишь это, освободишься от геенны и червя вредоносного, от скрежета зубовного, от уз печали, от тесноты и скорби, и мрака беспросветного, от рассечения надвое, от огненных рек, от проклятия, от мест печали, и пойдешь туда, откуда отбежала болезнь и печаль, где великая радость, мир и любовь, наслаждение и веселие, где жизнь вечная, слава несказанная и красота невыразимая, где вечные скинии, слава царская неизреченная и те блага, которых глаз наш не видел, ухо не слышало и мысль о которых не приходила человеку на ум (2 Кор. 2: 9), где место духовного брака и небесное брачное ложе, где девы с зажженными светильниками и в брачном одеянии, где местопребывание Господа и царские сокровищницы. Видишь, сколько наград, и сколько их Он обозначил одним словом и как сопоставил все вместе? Так объясняя и каждое из следующих по порядку речений, мы найдем великое обилие и море необъятное. Не будем

же откладывать, не станем медлить с помощью нуждающимся; не будем, умоляю вас, но, если потребуется все отбросить, если потребуется кинуться в огонь, пойти на меч, столкнуться в смертельном столкновении или потерпеть что-нибудь другое – все перенесем с легкостью, чтобы иметь возможность иметь на себе Духа Святого. Великой честью Он почтил и того, кому вручено действие Божественных таинств: велико достоинство священников. "**Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся**" (Иоан. 20: 23). Поэтому и Павел сказал: "**повинуйтесь наставникам вашим и покоряйтесь** (Евр. 13: 17), и преимущественно почитайте их. Ты имеешь попечение о своих делах. Если ты устроишь их надлежащим образом, ни о чем другом у тебя не будет заботы. Иерей же, если и устроит надлежащим образом свою жизнь, но не будет со вниманием заботиться о твоей, пойдет в геенну вместе с злодеями; часто, не имея осуждения за свои дела, он получает гибель за ваши, если не устроит надлежащим образом все, требуемое от него. Зная, как велика опасность, окажите ему великое же благоволение – на что указывает и Павел, говоря, что "**они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет**" (Евр. 13: 17). Следует относиться к ним с великой заботливостью. Если же вместе с другими нападаете на них и вы, тогда и ваши дела не будут в хорошем состоянии. Пока кормчий чувствует себя хорошо, будут в сохранности и едущие с ним. Если же они станут бранить его и будут относиться к нему со враждой, он будет не в состоянии ни трудиться и бодрствовать, ни сохранять своего искусства и, не желая, подвергнет их тысячам опасностей. Так и иерей: если он будет пользоваться со стороны вас заботливостью, он надлежащим образом управит и ваши дела. Если же вы, дав волю рукам, повергнете их в уныние, тогда отдадите вместе с собой и их во власть волн; хотя бы они были очень храбры. Подумай, что говорит об иудеях Христос: "**на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте**" (Мф. 23: 2–3). Теперь нельзя сказать: "на Моисеевом седалище воссели иереи", но – "на седалище Христа", потому что они приняли Его учение. Поэтому и Павел говорит: "**как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим**" (2 Кор. 5: 20). Не видишь ли ты на примере внешних начальников, как все повинуются им, и даже те, кто часто выше судей и родом, и жизнью, и благоразумием. Однако же, принимая во внимание того, кто поставил их, они ни о чем таком не думают, но повинуются царскому решению, каков бы ни был человек, получивший власть. Вот как боятся, когда поставил человек; если же поставил Христос, неужели мы выскажем по отношению к нему небрежение, неужели оскорбим его, неужели обременим бесчисленными поношениями? Мы, которым не дозволено судить братьев наших, неужели станем изощрять язык свой против священников? Разве достойно какого извинения то, когда в своем глазу мы не замечаем бревна, в чужом же глазу тщательно рассматриваем сучок? Разве ты не знаешь, что, судя так, ты готовишь себе суд еще тяжелее? Я говорю это, не оправдывая тех, кто правит священство недостойно, но сожалея и плача над ними. Однако я говорю, что на этом основании они не могут быть судимы подчиненными, хотя бы жизнь их и заслуживала сильного порицания. Ты же, если поразмыслишь в себе, не будешь испытывать смущения относительно врученного ему Богом. Ведь если Бог сделал слышным Свой голос через ослицу, и если через прорицателя даровал духовные благословения, действуя через неразумные уста и через нечистый язык Валаама, ради иудеев, которые оскорбляли Его, тем более Он устроит все Свое ради вас, благомыслящих, хотя бы священники были очень дурны, и пошлет Духа Святого. Ведь и чистый священник привлекает Его не своей чистотой, но благодать есть сила, действующая во всем. "**Павел ли, или Аполлос, или Кифа… - все ваше**" (1 Кор. 3: 22). То, что вручено священнику, может даровать только Бог, и чего бы ни достигла человеческая мудрость, она окажется меньшей, чем благодать. Это я говорю не затем, чтобы нам нерадиво устраивать свою жизнь, но чтобы вы, подчиненные, не увеличивали зачастую свое зло в то время, когда некоторые из предстоятелей нерадивы. Да что я говорю – иереи? Ни ангел, ни архангел не в состоянии что-либо сделать в том, что дано

Богом, но Отец, Сын и Святой Дух управляют всем; священник же служит своими устами и простирает руки свои. Да и несправедливо было бы людям, которые с верой приступают к символам нашего спасения, терпеть вред по неправде другого. Зная все это, станем же бояться Бога и почитать священников его, оказывая им всякую честь, чтобы нам воспринять воздаяние от Бога и за собственные свои подвиги, и за великое о тех попечение, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

СЛОВО 39

О том, что Бог дал нам много путей для того, чтобы не грешить, если хотим, и что тому, кто намерен получить царство небесное, следует соблюдать все заповеди, соблюдающий же одни и нарушающий другие узнает в геенне, чем он отличается от других людей.

Снова, возлюбленные, я вынуждаюсь говорить о предметах настоящей жизни. Что же делать? Не хотел бы, но принужден. Если бы можно было, молча и не говоря ни о чем из случившегося, уничтожить это молчанием – следовало бы молчать; но если бывает обратное, если случившееся, когда мы молчим, не только не уничтожается, но становится еще обременительнее, необходимо говорить. Обличающий грешников, если не сделает ничего другого, то хотя бы не дозволит им идти дальше. Нет души настолько бесстыдной и наглой, чтобы, слушая непрерывно, как некоторые обличают ее, она не почувствовала стыда и не оставила великую неправду. Ведь есть же, есть хотя немного стыда и в человеке бесстыдном, потому что Бог насадил стыд в нашей природе. Так как страх недостаточен, чтобы сдерживать нас, то Он приготовил много и других путей к тому, чтобы мы не грешили, например – обличение человека, страх перед установленными законами, любовь к славе, влияние дружбы. Все это пути к тому, чтобы не грешить. Часто чего не совершается действием Бога, то бывает из-за страха перед людьми. Желательно же следующее: научить сначала не грешить, а потом мы исправим это тем, чтобы делать это при помощи Божией. Для чего же и Павел убеждает тех, кто имеет намерение повлиять на своих врагов, делать это, внушая не страх перед Богом, но то, что его ждет возмездие? "**Делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья**" (Рим. 12: 20). Между тем, он хочет того, чтобы была исполнена добродетель. Итак, в нас есть, как я сказал, некоторый стыд. По природе мы имеем много благ, располагающих нас к добродетели – например, все люди склонны от природы к жалости, и ни одно благо не заложено в нашу природу так прочно, как это. На этом основания имеют право спросить: отчего же в нашу природу заложено всего более то, чтобы сокрушаться слезами, склоняться, чувствовать готовность? Всякий человек не от природы беспечен, не от природы ему чуждо тщеславие, не по природе он выше зависти, но сострадание заложено во всех по природе, хотя бы кто-либо и был жесток и суров. И что удивительно! Мы жалеем и зверей – в таком избытке в нас заложена жалость. Если мы видим львенка, мы нечто испытываем, тем более, когда видим существо той же природы. Взгляни, сколько увечных. Это достаточно, чтобы возбудить в нас сострадание. Ничто так не радует Бога, как милостыня. Поэтому священники помазываются елеем, тоже цари и пророки: елей – символ милосердия Божия. Сверх того, они научались, что начальнику следует иметь больше сострадания; им показывалось, что даже Дух имеет снизойти на человека ради сострадания. Так как Бог оказывает людям сострадание и милосердие, поэтому и они помазываются елеем. Именно священство Он установил по Своему милосердию. Цари тоже помазываются елеем, потому что говорится: "**Ты всех милуешь, потому что все можешь**" (Прем. 11: 24). Если кто-нибудь хочет похвалить начальника, он ничего не найдет сказать ему более приличного, чем о милосердии. Подумай, что мир сотворен по милосердию, и подражай Господу. "**Милость человека — к ближнему его, а милость Господа — на всякую плоть**" (Сир. 17: 12). Будешь ли ты говорить о грешниках, или о праведниках – всем нам

нужна милость Божия, все мы пользуемся ею, хотя бы это был Павел, или Петр, или Иоанн. Не нужно наших слов – выслушай, что они говорят сами. Что же говорит тот блаженный? "**Помилован потому, что так поступал по неведению, в неверии**" (1 Тим. 1: 13). Что же? После этого он не нуждался в милости? Выслушай, что он говорит: "**я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною**" (1 Кор. 15: 10); и об Епафродите говорит: "**Ибо он был болен при смерти; но Бог помиловал его, и не его только, но и меня, чтобы не прибавилась мне печаль к печали**" (Филип. 2: 27); и еще: "**мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых. Но сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых, Который и избавил нас от столь [близкой] смерти, и избавляет, и на Которого надеемся, что и еще избавит**" (2 Кор. 2: 8–10); еще: "**я избавился из львиных челюстей. И избавит меня Господь**" (2 Тим. 4: 17–18). И повсюду находим, как он радуется тому, что по милости был спасен. Петр был таким также по милосердию. Выслушай, как Христос говорит к нему: "**сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя**" (Лук. 22: 31–32). И Иоанн был таким по милосердию. Одним словом, все. Выслушай, что говорит Христос: "**Не вы Меня избрали, а Я вас избрал**" (Иоан. 15: 16). Все мы нуждаемся в милосердии Божием. "Милость Божия, – говорится, – на всякую плоть". Если те нуждались в милосердии Божием, что же сказать про остальных? Отчего, скажи мне, Он посылает солнце на злых и праведных? Что, если бы Он удержал на год дождь, не погубил ли бы Он всех? А если бы послал наводнение? Если бы – чрезмерный дождь? А что было бы, если бы Он послал мух? Да что говорить? Не погибли ли бы все, если бы Он сделал так, как некогда? "**Что есть человек, что Ты помнишь его**" (Псал. 8: 5)? Благовременно сказать теперь: "если только Он выскажет прещение, все станут как один гроб. Как капля воды из кадки, так, говорится, народы перед лицом Его; они будут вменены, как плюновение, как колебание весов". Как легко нам сдвинуть стрелку весов, так Ему легко погубить все и снова возродить. Тот, кто имеет над нами такую власть, видит, как мы каждодневно грешим, и не наказывает – неужели Он не оставляет нас не по милосердию? Равным образом и наше имущество – тоже по милосердию. Он призрел на землю и наполнил ее живыми существами. Для чего? Для тебя. Тебя же почему сотворил? По благости. Нет ничего лучше елея: он — источник света, и там милосердие тоже будет источником света. "Разверзется, говорится, рано свет твой" (Ис. 58: 8), если ты окажешь милость ближнему. Как елей удерживает этот свет, так милостыня подает нам там великий и удивительный свет. У Павла было великое понимание этого рода милосердия. Выслушай, что он говорит: "**только чтобы мы помнили нищих**" (Гал. 2: 10), и в другом месте: "**если прилично будет и мне отправиться" (аще достойно дудет и мне ити)** (1 Кор. 16: 4). И повсюду, выше и ниже, ты видишь, как он заботится об этом. Еще: "**Пусть и наши учатся упражняться в добрых делах**" (Тит. 3: 14), и еще: "**это хорошо и полезно человекам**" (Тит. 3: 8). Выслушай, что говорит и другой: "**милостыня от смерти избавляет**" (Тов. 12: 9). "**Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, - Господи! кто устоит?**" (Псал. 139: 3)? "**И не входи в суд с рабом Твоим**" (Псал. 142: 2). "**Великое - человек и драгоценное - человек милосердный, но найти правдивого человека трудно. " (Велика вещь человек, и драгая муж, творяй правду)** (Притч. 20: 6). Вот что значит человек милосердный! Даже более: Бог есть то, чтобы быть милосердным. Видишь, какова сила милосердия Божия? Оно совершило все, оно и мир создало единственно по благости; ради него и геенной Он угрожал для того, чтобы мы достигали царства; царства же мы достигаем через милосердие. Почему Он, единый, сотворил стольких? Не по благости ли? Не по человеколюбию ли? Если станешь спрашивать: "почему то, почему это?" – повсюду увидишь одну только благость. Будем же милосердны, чтобы и нам была оказана милость. Не столько тем, сколько самим себе мы собираем милость в тот день, когда пламя огня будет свирепствовать. Милосердие умеряет огонь и служит для нас источником света,

через него мы освободимся от геенны огненной. На каком основании Он сжалится над нами и окажет милость? Сострадание происходит от любви. Ничем нельзя так обрадовать Бога, как милосердием. У нас есть пять чувств, и как всеми ими следует пользоваться по нужде, так и всеми добродетелями. Если бы кто-нибудь был целомудрен, но не имел сострадания; или если бы кто подавал милостыню, но был корыстолюбив; или воздерживался бы от чужого, но не уделял из своего – все было бы напрасно. Нам недостаточно одной добродетели, чтобы с дерзновением приступить к престолу Христову, но необходимо много добродетелей, различных, разнокачественных, всяких. Выслушай, что говорит Он Своим ученикам: "**Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам**" (Мф. 28: 19-20), и еще: "**кто нарушит одну из заповедей сих малейших… тот малейшим наречется в Царстве Небесном**" (Мф. 5: 19), то есть в воскресении, значит: "не войдет в царство"; царством же он, очевидно, называет самое время воскресения. **Если**, – говорится, **нарушит одну, малейшим наречется**" – итак, мы должны соблюдать все заповеди. Посмотри, насколько невозможно войти помимо милостыни, но если бы даже она одна была оставлена, мы пойдем в огонь. "**Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его**" Но за что же и почему? "**Ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня**"(Мф. 25: 41–42). Видишь, как, не имея никакой другой вины, они погибли только поэтому? И девы только за это были изгнаны из брачного чертога, хотя они и сохранили целомудрие. "**Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа**" (Евр. 12: 14). Конечно, думай так, что и без чистоты нельзя увидеть Господа. Но одна чистота не делает способным видеть Его во всех случаях: часто другое что-либо препятствует. Еще: если мы все исполним, но не принесем пользы ближнему, мы так и не войдем в царство. Откуда это известно? Из случая со слугами, которым были вверены таланты. Добродетель там вся была чистая и ни в чем не имела недостатка; но так как он был нерешителен в действии, он справедливо был извергнут. Можно и за одно злословие впасть в геенну: "**кто скажет: "безумный", подлежит геенне огненной**" (Мф. 5: 22). Если кто-нибудь все исполнит, но будет гневаться, он не войдет. И пусть не упрекают в жестокости Бога, когда Он извергнет впавших в этот грех из царства небесного. Если даже у людей, когда кто-либо сделает беззаконие, он удаляется с глаз царя, хотя бы нарушил всего один из установленных законов; если, далее, обвиняя, дозволят себе клевету, теряют власть; если кто-либо будет уличен в прелюбодеянии, считается недостойным и погибает, хотя бы совершил бесчисленное количество правых дел; если совершит убийство и будет уличен, то этого достаточно, чтобы его погубить, – если человеческие законы пользуются такой охраной, тем более законы Божий. "Но, – скажут, – Он благ". До каких же пор мы будем приводить это глупое основание? Я сказал: "глупое" не потому, чтобы Он не был благ, но потому, что мы считаем благость Его полезной для вышеуказанного, хотя мы уже тысячи раз говорили об этом. Выслушай, что говорит Писание: "не говори: щедроты Его многи, множество грехов моих очистит" (Еккл. 5: 6). Оно вообще не препятствует говорить нам: "щедроты Его многи", оно убеждает не в этом, и напротив, желает, чтобы мы непрестанно говорили это, к этому и Павел клонит все свои поучения, – препятствует же только ради того, что следует далее: "не удивляйся, – говорится, –человеколюбию Божию по тому поводу, что ты грешишь и можешь сказать: множество грехов моих очистит". Мы говорили так много о благости не для того, чтобы, уповая на нее, нам дозволять себе все, но чтобы не отчаиваться в грехах, а каяться. Благость Божия ведет тебя к покаянию, а не к большей неправде. Если же ты становишься через благость порочным, ты возводишь на нее особенную клевету перед людьми, потому что многие, я вижу, обвиняют долготерпение Божие, так что понесешь наказание за то, что не воспользовался ею на должное. Бог милосерд, но Он и правый судья: прощая грехи, Он однако каждому воздает по делам его. Он оставляет неправду, уничтожает беззаконие, но Он же и испытывает. Но как же это не противоречит одно другому? Не противоречит, если мы разделим то и

другое временем: Он уничтожает неправды здесь, через крещение и покаяние, испытание же совершенного творит там, через огонь и муки. "Если, – скажут, – я сделаю бесчисленные неправды, а низвергнут буду и лишен царства за одну из них, тогда почему же мне не совершать всякое зло?" Это слово неблагодарного раба; однако мы опровергнем и это слово. Не делай зла, чтобы себе самому принести пользу. Все мы одинаково будем лишены царства, в геенне же потерпим не все одно и то же наказание, но один большее, другой меньшее. Если вы оба: ты и он не соблюли, но один не соблюл большее, другой – меньшее, вы одинаково будете лишены царства. Но если вы не соблюли не одинаково, но один – в большем, другой – в меньшем, вы почувствуете разницу и в геенне. "Почему же, – скажут, – Он угрожает не подающим милостыни тем, что они пойдут в огонь, и не просто в огонь, а в огонь, уготованный диаволу и ангелом его? Для чего это и почему? Бог ни на что так не гневается, – это Он полагает впереди всякого зла". В самом деле, если следует любить даже врагов, то какого наказания не будет достоин тот, кто губит своих друзей, и в этом отношении хуже даже язычников? Таким образом размер греха сделал то, что он идет с диаволом. "Горе тому, кто не творит милостыни". Если же так было в Ветхом Завете, тем более – в Новом. Если там, где дозволялось приобретение имущества, пользование им и забота о нем, такая предусмотрительность направлялась для помощи бедным, то насколько же более она требуется, когда мы получили приказание оставить все? Чего не делали те? Они уделяли десятины и еще десятины сиротам, вдовам, прозелитам. А мне кто-то с удивлением говорил: "Такой-то отдает десятину!" Какой же стыд, если то, что не было удивительным у иудеев, стало удивительным для христиан. Если тогда было опасно уклоняться от десятин, подумай, как это опасно теперь. Затем: "пьяницы не наследуют царства". Но что же говорят многие? Если и я, и он в одинаковом положении, это немалое облегчение. Что это значит? Прежде всего, ведь ты и он потерпите не одно и то же наказание, – это просто не облегчение. Общение в страданиях тогда доставляет утешение, если страдания умеренны; если же они чрезмерны и повергают нас в исступление, это уже перестает давать облегчение. Скажи обезображенному мукой, брошенному в огонь, что и такой-то терпит то же самое, он не почувствует облегчения. Не вместе ли погибали израильтяне? Какое же это принесло им облегчение? Не огорчало ли это их еще более? Поэтому, они и говорили: "**вот, мы умираем, погибаем, все погибаем!" (потребихомся, погибохом, исчезохом)** (Числ. 17: 12). Какое уж это утешение? Напрасно мы утешаем себя надеждами. Одно есть облегчение – вовсе не впадать в тот неугасающий огонь. Впавши же, невозможно получить облегчение там, где скрежет зубов, плач, где червь не умирающий и огонь не угасающий. О каком, скажи мне, ты думаешь облегчении? Ты ведь останешься с самим собой. Не будем же, прошу вас и умоляю, понапрасну обманывать себя, не будем утешать себя теми речами, но будем делать то, что в состоянии нас спасти. Тебе предложено воссесть со Христом, а ты так торгуешься относительно этого? Какое наказание следует нам потерпеть за одни эти слова, если бы даже никакого другого греха не было! Мы так невежественны, так жалки и несчастны, что, в то время как нам предложена такая честь, мы говорим это. А когда ты будешь думать о тех, что поступали тогда правильно, не будешь ли ты томиться еще больше? И когда увидишь, что там есть и из рабов, и из худородных, потрудившиеся немного здесь и там допущенные к царскому трону – не будет ли это для тебя хуже всякого наказания? Если теперь, видя, как некоторые пользуются славой, ты от одного этого, хотя бы не потерпел никакого зла, страдаешь больше, чем от всякого наказания, плачешь над самим собой, проливаешь слезы, считаешь себя достойным тысячи смертей, что ты будешь чувствовать там? Если бы не было геенны, одна мысль о царстве не достаточна ли была бы для того, чтобы тебя погубить и уничтожить? А что это будет так, это можно узнать, испытывая обстоятельства. Итак, не станем же понапрасну утешать себя такими речами, но будем внимательны, будем заботиться о своем спасении, будем иметь попечение о добродетели, будем возбуждать себя к деланию добрых дел, чтобы нам удостоиться достигнуть великой славы во Христе

Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу и Святому Духу держава, слава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 40

О том, что нужно все делать и предпринимать ради спасения наших братьев, и что великое благо — прощать грехи согрешившим против нас, что это больше милостыни.

Нет, братья, блаженства выше, чем получить царство небесное, и нет большего несчастья, чем потерять его. Ведь если изгнанный из отечества заслуживает всеобщего сострадания и потерявший наследство кажется для всех жалким, то какими же следует оплакивать слезами того, кто ниспал с неба, лишившись предлежащих там благ? Как не оплакивать его? Плачут, когда кто-либо страдает будучи невинным. Когда же он впадет в неправду по собственному изволению, таковой достоин не слез, но воплей; поистине он достоин тогда скорби. Ведь и Господь наш Иисус Христос скорбел и пролил слезы об Иерусалиме, хотя он был нечестивым. Поистине мы достойны бесчисленных рыданий, бесчисленных сетований! Если бы вся вселенная, получив голос, если бы камни и лес, деревья, звери, птицы, рыбы – одним словом, если бы вся вселенная, получив голос, стала оплакивать нас, лишившихся тех благ, и тогда она не оплачет нас в надлежащей мере, не даст нам надлежащих сетований. Какое слово в состоянии обнять, какой ум представит то блаженство, ту добродетель, наслаждение, славу, радость, веселие – "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**" (1 Кор. 2: 9)? Он не сказал просто: "превосходит", но – "нельзя и представить, что приготовил Бог любящим Его" (ст. 9). Так как Бог уготовлял и устраивал те блага, то каковы же они предположительно должны быть? Если сотворив нас, Он сейчас же, в то время когда мы не сделали еще ничего, оказал столько благодеяний – даровал рай, общение с Собой, обещал бессмертие, жизнь блаженную и свободную от забот, то чего же Он не даст тем, кто столько потрудился, боролся, страдал за Него? Он не пощадил для нас Единородного, истинного Сына Он предал на смерть ради нас, бывших врагами: чего же не удостоит Он нас, когда мы стали Его друзьями? Чего не даст нам, примирив нас с Собой? Богатый чрезвычайно и неизмеримый, Он хочет и старается приобрести наше расположение; мы же, возлюбленные, не так стараемся приобрести – да что говорю: "не стараемся" – не так хотим получить те блага, как хочет Он. А что Он хочет более, чем мы, это Он показал через то, что сотворил. Мы ради себя самих с пренебрежением отнесемся разве к небольшому количеству серебра, Он же отдал ради нас даже Сына Своего. Воспользуемся же, как должно, любовью Божией, причастимся расположения Его. "**Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам**" (Иоан, 15: 14). Взгляните – врагов, безмерно отстоящих от Него, кого Он во всем превосходит безмерно, их Он называет Своими друзьями. Чего же не следует потерпеть ради такого расположения? За дружбу человеческую мы часто подвергаемся опасностям, — неужели же не отвержемся имущества за расположение Божие? Скорби заслуживает наше положение, скорби, слез и рыданий, великих сетований и воплей. Мы лишились нашей надежды, низвергнуты с высоты нашей, явились недостойными чести Божией, стали непризнательными и неблагодарными после благодеяний: диавол отнял у нас все эти блага. Удостоенные быть сынами, братьями и сонаследниками, мы стали нисколько не отличаться от врагов Его, оскорбляющих Его. Какого же ждать нам снисхождения? Он призвал нас к небу, а мы низвергли себя в геенну. Ложь, воровство, прелюбодеяние излились на землю. Одни кровь смешивают с кровью, другие делают дела худшие, чем кровь; многие из обижаемых и обманутых желают лучше умереть бесчисленное количество раз, чем терпеть это, и если бы их не удерживал страх перед Богом, они наложили бы на себя руки – так они жаждут своей смерти. Разве это не хуже крови? "**Горе мне! Ибо… не стало милосердых на земле, нет правдивых между людьми" (У люте мне, душе, яко погибе благочестивый**

от земли, и исправляющаго в человецех несть) (Мих. 7: 2). Теперь мы будем взывать прежде всего о самих себе. Но вы присоедините к моим свои слезы. Может быть, кто-нибудь будет обращаться за предзнаменованиями, станет смеяться. Следует увеличить слезы оттого, что мы безумствуем и заблуждаемся до такой степени, что даже не знаем, что мы безумствуем, но смеемся над тем, о чем следует рыдать. "**Открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою**" (Рим. 1: 18). "**Грядет Бог наш, и не в безмолвии**" **(Бог яве приидет)** (Псал. 49: 3). "Перед лицем Его огонь возгорится и попалит окрест враги его" (Псал. 96: 3). "**День** Господень, **пылающий как печь**" (Малах. 4: 1). И никто не берет этого на ум, но эти страшные и ужасные догматы пренебрегаются и преступаются больше всяких басней, и нет никого, кто бы слушал это, но все смеются и издеваются. Какой же исход предстоит нам? Откуда мы получим спасение? "**Умираем, погибаем**" (Числ. 17: 12), стали предметом насмешки для врагов наших и издевательства – для язычников и демонов. Диавол превозносится, ликует и радуется; все ангелы, которым мы вверены, в стыде и печали. Нет обращающегося – неужели же все потрачено нами напрасно, и неужели мы кажемся для вас болтунами? Благовременно воззвать теперь к небу, потому что нет никого слышащего, и стихии призвать в свидетели. "**Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит**" (Ис. 1: 2). Дайте руки, протяните их вы, которые еще не потонули, к тем, кто погибает от невоздержания, здоровые к больным, здравомыслящие к безумствующим и колеблющимся. Никто пусть не предпочитает спасению друга его благодарности; и гнев его, и обличение пусть направляется к одной его пользе. Когда приключится с кем-либо лихорадка, и рабы становятся сильнее господ. Господин лежит в жару, душа в нем возмущена, а множество рабов тут же, никого не слушаются и не исполняют законов господина во вред господину. Умоляю вас: воспрянем. Ежедневные войны, потопления, бесчисленные погибели кругом, повсюду гнев Божий, мы же, точно угодные Ему, чувствуем себя в безопасности: все простираем руки свои на корыстолюбие, и никто – на помощь, все – на грабеж, и никто – на заступничество. Каждый старается о том, как бы умножить свое достояние, и никто, чтобы помочь нуждающемуся; каждый имеет великую заботу о том, чтобы увеличить имущество, и никто, чтобы спасти свою душу. Один страх владеет всеми – чтобы не стать, говорят, нам бедными; о том же, чтобы не впасть в геенну, никто не беспокоится и не трепещет. Это достойно слез, это достойно обличения, осуждения. Я не хотел бы говорить об этом, но вынуждаюсь скорбью. Простите, меня вынуждает скорбь – я многое говорю, о чем бы и не хотел. Я вижу тяжкий удар, безутешное несчастье; зло, поразившее нас, не поддается утешению: мы погибаем. "**О, кто даст голове моей воду и глазам моим - источник слез! Я плакал бы день и ночь**" (Иерем. 9: 1). Восплачем возлюбленные, восплачем, возрыдаем. Может быть, некоторые говорят здесь: "Он все говорит нам о плаче, о слезах". Я не хотел бы, верьте, не хотел бы, напротив, я хотел бы говорить хвалы и одобрения – но теперь этому не время. Тяжко, возлюбленные, не плакать, но тяжко делать достойное слез; ужасно не рыдать, но делать достойное воплей. Пусть не постигнет тебя наказание, и я не буду рыдать; пусть не умрешь, и я не буду плакать. Но если лежит мертвое тело, и ты убеждаешь всех к состраданию, тех же, кто не скорбит, считаешь безжалостными, то как же говоришь ты, чтобы не скорбеть о погибшей душе? Но я не могу: я отец, и я плачу, я – отец, любящий детей. Послушайте, что говорит Павел: "**Дети мои, для которых я снова в муках рождения**" **(чадца моя, имиже паки болезную)** (Гал. 4: 19). Какая мать испускает такие горькие вопли, как тот? Если бы можно было видеть огонь моего духа, ты тогда увидел бы, что я страдаю больше всякой девушки и женщины, обреченной на преждевременное вдовство. Не так она скорбит о своем муже, не так отец скорбит о сыне, как я о множестве людей, находящихся в моем распоряжении. Я не вижу никакого преуспеяния, никто не считает делом своим угождать Богу. Но позлословим, говорят, о том, о другом: тот недостоин клира, тот ведет непочтенную жизнь. Нам следует скорбеть о своем, а мы судим о том, что дурно в других. Не следует ли нам, даже когда мы свободны от грехов,

говорить следующее: "**Кто отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?**" (1 Кор. 4: 7)? Ты что судишь брата твоего, сам полный бесчисленных зол? Когда ты говоришь, что такой-то дурен, соблазнитель, испорчен, подумай о себе, взвесь точно свое и покайся в том, что ты сказал. Если кто-нибудь задумает проверить наши слова в церкви, как на верных весах, он среди десятков тысяч талантов житейских слов вряд ли найдет сто динариев слов духовных – даже более, не найдет и десяти оболов. Ведь если Бог будет наблюдать за этим, кто устоит? Зная это, будем сострадательны, снисходительны к согрешающим против нас. Сто динариев – вот что представляют собой грехи против нас; наши же грехи против Бога – бесчисленные таланты. Знайте и то, что преступления оцениваются и по положению лиц. Скажем, например: кто оскорбил частного человека, сделал преступление, но не такое, как оскорбивший начальника; даже более: оскорбивший большого начальника сделал не одинаковое преступление, как тот, кто оскорбил меньшего; оскорбивший же царя сделал гораздо важнейшее преступление. Оскорбление одинаковое, но оно становится более тяжким в зависимости от высокого положения лица. Но если тот, кто оскорбил царя, ради достоинства лица предается непереносимому наказанию, то сколькими же талантами должен отвечать тот, кто оскорбил Бога? Поэтому если по отношению к Богу мы допустим то же самое, что по отношению к человеку, это не все равно, но какое различие между Богом и человеком, такая же разница между теми преступлениями и этими. Теперь же я нахожу еще более тяжкие грехи, которые стали великими грехами не от положения лица, но и по самой природе. Страшное это слово и ужасное, но необходимо, чтобы оно было произнесено, чтобы поколебать и возбудить ваш дух, слово, показывающее, что мы боимся людей гораздо больше, чем Бога, и перед людьми гораздо более в страхе, чем перед Богом. Подумай: прелюбодей знает, что Бог видит его, но пренебрегает этим; если же его видит человек, он воздерживается от пожелания. Он не только предпочитает людей и не только оскорбляет Бога, но он делает гораздо более тяжкое преступление – боясь тех, он небрежет об Этом. Видя тех, он удерживает огонь страсти. Да и какой это, в самом деле, огонь? Это уже не огонь, а оскорбление. Если бы было нельзя пользоваться женщиной, мы действительно имели бы дело с огнем, теперь же это – оскорбление и превозношение. Видя людей, он воздерживается от безумия, о долготерпении же Божием меньше заботится. Еще: другой вор знает, что он грабит, но пытается обмануть людей, оправдывается перед своими обвинителями и своей защитой надевает на себя личину; о Боге же, не имея возможности убедить Его, он и не заботится, не стыдится Его, не ценит. Если царь прикажет воздерживаться от чужих денег, если даже прикажет дать свои, мы с поспешностью все предложим их. Когда же Бог повелевает не грабить и не брать чужого, мы не слушаемся. Видишь ли, что мы предпочитаем людей Богу? Страшно это слово и тяжко, но вы покажите, что оно страшно – избегайте дела. Если же вы не боитесь дела, как я могу поверить вам, когда вы говорите, что мы боимся слов и что вы жестоки к нам? Вы отягчаете себя делом, и ничего; когда же я говорю слова о тех делах, которые вы совершаете, вы негодуете. И неужели же это не бессмысленно? Пусть будет ложью то, что я говорю. Но я хочу лучше принять поношение в тот день за то, что я понапрасну и без оснований поношу вас, чем видеть, что вас обвиняют в тех вещах. Вы не только сами предпочитаете людей Богу, но и других заставляете делать это. Многие заставляют так толпы своих слуг и своих детей; одни влекут к браку не желающих этого, другие понуждают служить непотребными служениями: нечистой любовью, хищениями, корыстолюбием, насилием, так что здесь двойная вина, и они не могут искать к себе снисходительного отношения, ссылаясь на то, что они были принуждены. Если ты делаешь дурное против воли и по приказанию начальника, то это вовсе уж не такое достаточное оправдание. Впрочем, грех становится тяжелее, когда ты и других принуждаешь впасть в такие же дурные дела. Таковому какое может быть снисхождение? Я сказал это, имея желание не осуждать вас, но показать, какие мы должники перед Богом, Если, приравнивая человека Богу, мы оскорбляем Его, тем более это случается,

когда мы предпочитаем Ему людей. Если те грехи, совершенные против людей, в отношении Бога являются гораздо более тяжкими, насколько же они будут тяжелее, когда грех и по своему качеству будет тяжелее и обременительнее? Пусть каждый исследует себя, тогда он увидит, что он все делает ради людей. Мы будем совершенно блаженными, если ради Бога сделаем столько, сколько делаем ради людей, ради славы перед людьми, ради страха, почета. Виновные в стольких преступлениях, мы должны со всей готовностью прощать обижающих нас, обманывающих и не ненавидеть их. На пути же отпущения грехов ненужно ни трудов, ни раздачи денег, ничего иного, кроме одного простого изволения. Не нужно также предпринимать путешествия, не нужно идти на край света, не нужно подвергаться опасностям и трудам; следует только захотеть. Вправе ли мы, скажи мне, рассчитывать на снисхождение в том, что нам кажется трудным, когда мы не делаем дела, в котором такое приобретение, такая польза и никакого труда? Ты не можешь пренебречь деньгами, не можешь истратить их на нуждающихся? Не в состоянии пожелать чего-либо доброго? Не в состоянии простить обидчика? Если бы ты не был так виновен, но только Бог приказал бы тебе простить, не следовало ли бы тебе сделать это? Но как же ты в таком положении не исполняешь, ты, виновный во стольких грехах? Да ведь и то Он требует из того, что ты получил от Него же. Когда мы приходим к нашему должнику, он, зная в чем дело, услуживает, принимает, оказывает почет, не скупясь показывает всякое благожелание, и это не для того, чтобы освободиться от данного в долг, но желая, чтобы мы были снисходительнее при уплате. Ты же, столько должный Богу, получивший приказание простить, ты не отпускаешь, чтобы получить затем снова? Почему же, скажи, умоляю тебя? Горе! Какого мы приобщились человеколюбия и какую показываем неправду, какую тяготу, какую вялость? А как легка добродетель! Для этого не нужно телесной крепости, не нужно имущественного богатства, не нужно могущества, дружбы, ничего другого; достаточно только захотеть, и дело кончено, оно будет иметь великую пользу. Тебя кто-нибудь огорчил, оскорбил, насмеялся? Подумай, что и ты делаешь много такого же другим и самому Владыке. Отпусти и прости. Подумай, что говоришь: "**прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим**" (Мф. 6: 13). Подумай, что, если не отпустишь, ты не в праве с дерзновением сказать это. Если же отпустишь, ты потребуешь этого как должного не по природе дела, но по человеколюбию Давшего. Как можно сравнивать прощение грехов сорабам с получением отпущения грехов, сделанных против самого Владыки? Однако же мы удостаиваемся такого человеколюбия, потому что Он благ в милосердии Своем и сострадании. Чтобы я мог показать тебе, что и кроме того, и кроме отпущения ты будешь иметь приобретение, подумай о том, сколько друзей у такого человека, как все повсюду прославляют его. Муж благой скоро примиряется, не умеет злопамятствовать; ему сделали больно, но он сейчас же снова здоров. Кто не пожалеет такого человека, если он впадет в несчастье? Кто не простит, если он согрешит? Кто не окажет милости, если он просит за других? Кто не захочет быть другом и рабом столь благой души? Да, уверяю вас, мы все сделаем ради него, сделаем не только друзьям и родственникам, но и слугам. "**Умеряя**, – говорится, – **строгость, зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь**" (Ефес. 6: 9). Будем же прощать грехи ближних, будем творить милостыню, будем смиренными (это тоже изглаждает грехи; ведь если мытарь только оттого, что сказал: "**Боже, милостив будь мне грешному**" (Лук. 18: 13), вышел оправданным, – тем более мы, если будем смиренными и будем сокрушаться, будем иметь возможность получить великое милосердие). Если мы будем исповедываться в грехах своих, если будем осуждать себя, мы совершенно очистимся от грязи. Есть много путей очищения. И на всех путях мы враждуем с диаволом. Я не сказал ничего затруднительного, ничего тягостного. Прости огорчившему тебя, подавай милостыню нуждающемуся, смири душу свою. Если ты даже великий грешник, и тогда ты будешь в состоянии получить царство, очищая через это грехи и стирая пятно позора. Да будет же дано нам всем здесь очиститься исповеданием от грязи грехов своих, и там получить обещанные блага, благодатью и человеколюбием

Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 41

О том, что мы должны подражать хотя бы слугам нашим, чтобы ради страха Божия делать то, что они делают из-за страха перед нами, и о неизреченных благах, уготованных святым.

Павел, возлюбленные, писав к Тимофею, заповедал слугам оказывать великое послушание господам. Подумайте же, как мы должны относиться к Владыке, Который привел нас из небытия в бытие, дает нам пищу, одежду. Будем же, если нельзя как-либо иначе, служить Ему, как служат наши слуги. Не проходит ли вся жизнь их в том, чтобы устроить покой своих господ? Не это ли составляет дело их, не к тому ли сводится их жизнь, чтобы заботиться о делах господина? Не посвящают ли они заботам о делах господина весь день, своим же часто – небольшую часть вечера? Мы же напротив: о своих делах заботимся непрестанно, о Владычних же не заботимся и немного времени, и это несмотря на то, что Ему не нужно наше, как господам нужны дела рабов, но и все, сделанное для Господа, идет в нашу же пользу. Там служба слуги приносит господину пользу, здесь же служба раба не нужна Владыке, полезна же она самому слуге: "…**блага мои Тебе не нужны" (Благих моих не требуеши)** (Псал. 15: 2). Какое, скажи мне, приобретение для Бога в том, что я праведен? Какой ущерб, если я неправеден? Не остается ли природа Его неповрежденной, не свободна ли от потери, не выше ли всякого страдания? Слуги ничего не имеют своего, но все господское, хотя бы они были неизмеримо богаты. У нас же есть много своего, и не беспричинно мы восприняли такую честь от Бога всех. Отдаст ли какой господин за слугу своего сына? Ни один, но все предпочтут отдать слуг за детей. Здесь же напротив: Он не пощадил Сына Своего, но предал за всех нас, за врагов, которые ненавидят Его. Слуги, если им дадут какое-нибудь трудное приказание, не выражают такого недовольства, особенно если они добропорядочны, мы же с неудовольствием покидали Господа бесчисленное число раз. Ни один господин не обещал своим слугам столько, сколько нам Бог. Но что же? Здешняя свобода, говорят, часто тяжелее рабства, потому что часто случается голод, и тогда самая свобода становится горче рабства, а ведь это величайший дар. У Бога же нет ничего непрочного, ничего тленного– но что? "Не называю вас рабами, – говорит, – вы друзья Мои" (Иоан. 15: 15). Постыдимся же, возлюбленные, убоимся. Будем служить Владыке хотя столько, сколько служат нам слуги, право же, мы не обнаруживаем даже в ничтожнейшей мере нашего служения. Те в нужде философствуют, имея только одежду и пищу; мы же недовольны в роскоши. Если не от другого кого, примем хотя от них правила мудрости. Писание имеет обыкновение посылать людей даже не к слугам, а к неразумным существам, например, когда приказывает подражать пчеле или муравьям. Я же умоляю вас подражать хотя слугам. Что они делают из-за страха перед нами, будем делать хоть столько же ради страха Божия, ведь мы не находим, чтобы вы делали даже это. Они тысячи раз испытывают оскорбления, но лучше всякого философа сохраняют молчание, имея страх перед нами, негодуют справедливо и несправедливо, но не противоречат, а со смирением просят, не сделав часто никакого проступка, не получая ничего сверх необходимого, а часто и меньше необходимого, они все-таки оказывают любовь; ложась спать на соломенной постели, довольствуясь одним хлебом, имея и все остальное содержание ничтожное, они не ропщут и не высказывают недовольства. Они, боясь нас, возвращают полностью деньги, когда им доверяют их (не говори мне о некоторых из испорченных слуг, но имей в виду не слишком дурных); если мы пригрозим им, они сейчас же смирятся. Неужели все это не есть свойства философии? И не говори, что все это делается по необходимости, потому что и тебе предстоит необходимость геенны, а ты однако не воздаешь Богу такой чести,

какой сам пользуешься от слуг. Каждый из слуг имеет установленное помещение и не врывается в помещение ближнего, не грязнит себя пожеланием большего. И все это соблюдается слугами из-за страха перед господами; редко можно видеть, чтобы слуга похищал или портил то, что принадлежит слуге же. У свободных же людей бывает обратное этому: мы угрызаем друг друга, пожираем, не боимся Владыки; похищаем то, что принадлежит рабам, воруем, наносим удары в то время, когда Он видит. Слуга не сделал бы этого, но если бы и нанес удар, то тогда, когда господин не видит; если бы стал безумствовать – то когда господин не слышит. Мы же осмеливаемся делать, хотя Бог все видит и слышит. Страх перед господином всегда перед глазами слуг; у нас же его нет совсем. Поэтому все у нас перевернулось вверх дном, все перепуталось, испорчено: своих грехов не замечаем вовсе, грехи же наших слуг замечаем все до точности, даже самые ничтожные. Я говорю это не потому, что намерен сделать слуг беспечными, но потому, что хочу встряхнуть нашу беспечность и возбудить нашу нерадивость; чтобы мы служили Богу хотя столько, сколько служат нам наши слуги; чтобы служили Сотворившему нас так, как служат нам единосущные нам и не имеющие от нас ничего такого, что мы имеем от Него. По природе и они свободны: "**да владычествуют они над рыбами**" (Быт. 1: 26); это сказано и им. Рабство – свойство их не от природы, но по положению и по случаю, и однако же они оказывают нам великую честь. Мы со всей тщательностью настаиваем на служении их нам, но не исполняем такого служения Богу даже в ничтожной мере. И это несмотря на то, что мы же отсюда получаем пользу. Чем усерднее служим мы Богу, тем больше приносим пользы себе, и тем более приобретаем сами. Не лишим же себя этой пользы. Бог вседоволен и не нуждается ни в чем; воздаяние и приобретение снова возвращаются к нам. Если же следует любомудрствовать и о благах, уготованных святым, то поистине подлинное успокоение есть там, откуда отбежала болезнь, печаль и воздыхание; где нет ни забот, ни трудов, ни тревог, ни страха, поражающего и колеблющего душу, но один только страх Божий, исполненный наслаждения. Там нет того, что выражено словами: "**в поте лица твоего будешь есть хлеб**"; нет терний и волчцов; нет "**в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою**" (Быт. 3: 19, 16). Там все – радость, мир, веселье, удовольствие, благость, кротость, любовь. Там нет клеветы и зависти, нет смерти – этой, телесной, и той, духовной, нет мрака и ночи; все там чисто, все свет, все ясно. Там нет труда, нет насыщения, мы будем жить там с постоянной жаждой благ. Хотите, я дам вам некоторое подобие того состояния? Это вполне невозможно, но, насколько только могу, попытаюсь дать вам некоторый образ. Взглянем на небо при полной его безоблачности, когда оно являет свой венец. Потратив немалое время на созерцание его прекрасного вида, представим себе, что и у нас будет местопребывание, но не такое, а настолько прекраснее, насколько золотая кровля прекраснее глиняной; а за этой опять горняя кровля, затем ангелы, архангелы, неизмеримое множество бестелесных сил, чертоги самого Бога, отчий трон. Но слово не в силах изобразить всего, что я сказал; нужен опыт и знание, полученное через этот опыт. Как по вашему мнению, скажи мне, Адам чувствовал себя в раю? А это местопребывание настолько лучше того, насколько небо выше земли. Но мы поищем еще и другое уподобление. Если бы теперешнему царю удалось завоевать всю вселенную, а затем его не беспокоили бы ни войны, ни заботы, но он пользовался бы только почетом, жил бы в роскоши, у него было бы много телохранителей, отовсюду к нему стекалось бы золото, и он был бы предметом удивления, как, думаете, чувствовал бы он себя, если бы видел, что войны прекращены по всей земле. Будет нечто подобное и там. Но я еще не нашел подобия тому состоянию, нужно, поэтому, подыскать и другое уподобление. Представь себе следующее. Как царское дитя, пока находится в утробе, ничего не чувствует; но если бы случилось, что явившись на свет, оно должно было взойти на царский престол, оно получило бы все сразу, а не постепенно – таково будет и то состояние. Или будет нечто такое, как если бы какой-нибудь узник, после того как он вытерпел бесчисленные страдания, вдруг был потом посажен на царский престол. Но и

здесь я еще не нашел точного образа. Ведь здесь какие бы кто ни получил блага, скажем, даже самое царство, он пользуется полнотой удовольствия на первый день, на второй, на третий; но по мере того как идет время, удовольствие остается, но уже не такое, оно постоянно слабеет, каково бы оно ни было; там же оно не только не уменьшается, но возрастает. Подумай, что будет, когда душа, ушедши туда, будет не в состоянии представить ни конца тех благ, ни изменения в них, но будет ждать увеличения их и жизни, не имеющей конца, свободной от всяких опасностей, печали, забот, полной радости и бесчисленных благ. Если вышедши в поле, где мы видим воинские палатки, скрепленные из полотнищ, копья, шлемы и блестящие выпуклости на щитах, мы останавливаемся в восхищении; а когда доведется увидеть и то, как посредине идет царь или мчится лошадь в золотом оружии, нам кажется, что мы достигли всего, то что же будет, когда ты увидишь вечные скинии святых, утвержденные на небе? "Примут, – говорится, – в вечные обители свои" (Лук. 16: 9). Что будет, когда ты увидишь, как каждый из них сияет ярче лучей солнечных, сияет не медью и железом, но той славой, сияния которой человеческий глаз не в состоянии видеть? И это говорится о людях. А что сказать о тысячах ангелов, архангелов, херувимов, серафимов, престолов, господств, начальств, сил, красота которых невообразима, превосходит всякий ум? Но что же я не остановлюсь, стремясь к недостижимому? "**Око,** – говорится, – **не видело того, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его**" (1 Кор. 2: 9). Итак, нет ничего несчастнее, как не получить тех благ, и нет ничего блаженнее, как получить их. Да будем же и мы сопричислены к блаженным, да воспримем вечные блага во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 42

О том, что не следует нам смущаться, видя, как добрые люди терпят несчастия, злые же имеют все в изобилии; и о том, что живущий в грехах ничем не отличается от смердящего мертвеца.

Никто из вас, возлюбленные, пусть не смущается, видя, что злые люди счастливы: здесь нет воздаяния ни неправде, ни добродетели. Если же как-либо это и случится с неправдой ли, или с добродетелью, то не по заслугам, а просто как предвкушение суда, чтобы не верящие воскресению пришли в разум хотя бы от того, что совершается здесь. Поэтому, когда увидим, что нечестивый роскошествует, не будем упадать духом; когда увидим, что добрый терпит худое, не будем смущаться, потому что там венцы, там наказания. И кроме того, не бывает, чтобы злой всецело был злым, но у него есть и кое-что доброе; также чтобы и добрый всецело был добрым, но есть у него кое-какие прегрешения. Потому, когда нечестивый благоденствует, то это во вред ему самому: получая здесь воздаяние за то немногое добро, он наслаждается за него здесь, а там понесет окончательное наказание. И блажен бывает в особенности тот, кто здесь наказывается с тем, чтобы ему, сложив все грехи, уйти прославленным, чистым и невинным. Научая нас этому, Павел говорит: "**Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает**", и опять: "предал такового сатане" (1 Кор. 11: 30; 5: 5). И пророк говорит: "**от руки Господней принял вдвое за все грехи свои" (прият от руки Господни сугубы грехи)** (Ис. 40: 2); опять же Давид: "**Посмотри на врагов моих, как много их – более, нежели волос на голове моей, и какою лютою ненавистью они ненавидят меня**" (Псал. 24: 19; 39: 13); и: "**прости все грехи мои**" (Псал. 24: 18); и еще другой: "**Господи! Ты даруешь нам мир; ибо и все дела наши Ты устрояешь для нас" (Господи, мир даждь нам, вся бо воздал еси нам)** (Ис. 26: 12). Но это указывает на добрых, получающих здесь наказание за грехи; а где же говорится, что нечестивые, пользующиеся здесь благами, понесут там окончательное наказание? Послушай, что говорит Авраам к богачу: "**ты получил уже**

доброе твое в жизни твоей, а Лазарь – злое" (восприял еси благая твоя, и Лазарь злая) (Лук. 16: 25). Говоря здесь: "**восприял**", а не "приял", показывает, что оба потерпели должное, когда именно один находился в благополучии, а другой в злополучии, и продолжает: "потому тот здесь утешается – ведь, как видишь, он чист от грехов, – и ты страдаешь" (ст. 25). Не будем же огорчаться, когда увидим, что грешники живут здесь счастливо, но и сами, претерпевая бедствия, будем радоваться, потому что это – отплата за грехи. Не будем искать успокоения, потому что Христос обещал скорбь ученикам своим. И Павел говорит: "**все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы**" (2 Тим. 3: 12). Ни один доблестный ратоборец не ищет на месте состязаний ванны и стола, наполненного кушаньями и вином; это дело не ратоборца, а неженки. Ратоборец сражается в пыли, в масле, в жарких солнечных лучах, в великом поту, утеснении и затруднении; это время борьбы и состязания; поэтому нужно даже принимать раны, обливаться кровью, терпеть боль. Послушай, что говорит блаженный Павел: "**бьюсь не так, чтобы только бить воздух**" (1Кор. 9: 26). Будем всю жизнь считать поприщем, не будем никогда искать успокоения, отягощаемые – не будем досадовать: ведь и кулачный боец, находясь на поприще, не досадует. Есть иное время покоя; нам нужно совершенствовать себя посредством скорбей. Хотя и нет преследования, нет беспокойства, но есть иные каждодневно приключающиеся скорби; если мы последних не переносим, то едва ли бы перенесли и первые. "Искушение вас, – говорит апостол, – постигло не иное, как человеческое" (1 Кор. 10: 13). Будем же молиться Богу, чтобы нам не войти в искушение; если же войдем, будем переносить мужественно. Первое – не подвергаться опасностям – свойство людей благоразумных, а последнее – людей мужественных и философов. Не будем поэтому бросаться в опасность понапрасну, потому что это признак дерзости; и увлекаемые, когда и обстоятельства зовут, не будем поддаваться, потому что это признак трусости; но если призывает проповедь, не будем отказываться; без основания же, когда нет ни повода, ни обычая, ни надобности, призывающей к богопочтению, не будем сбегаться, потому что это хвастовство и излишнее тщеславие; если же случится что-нибудь, наносящее вред благочестию, то, хотя бы пришлось претерпеть тысячи смертей, ни от чего не будем уклоняться. Не накликай искушений, когда то, что касается благочестия, идет у тебя по желанию. Зачем без всякой пользы навлекать на себя излишние опасности? Говорю это из желания, чтобы вы соблюдали заповеди Христа, повелевающего молиться, да не войдем в искушение, а также повелевающего взявши крест, последовать Ему. В этом нет противоречия, а напротив – большое соответствие. Ты именно так поступай, как поступает мужественный, одетый в оружие воин, будь непрестанно трезвен, бодр, всегда ожидай неприятеля. Впрочем, войн не производи, потому что это дело не воина, а бунтовщика. Когда же призывает труба благочестия, тотчас выходи, пренебреги душой и с великой смелостью бросайся в бой: разрывай ряды противников, рассекай лицо диавола, воздвигай победный знак. Если же нет никакой опасности для благочестия, никто не повреждает наших догматов (говорю в отношении души) и не принуждает делать что-нибудь неугодное Богу – не усердствуй излишне. Жизнь христианина должна изобиловать кровью, не в смысле пролития чужой крови, но в смысле готовности пролить свою собственную. Итак, с такой же решимостью будем проливать собственную кровь, когда это – за Христа, с какой кто-нибудь пролил бы воду, ведь кровь – та же вода, протекающая по телу, и с такой же легкостью будем расставаться с телом, с какой расстались бы с одеждой. Это произойдет, когда мы не будем привязаны ни к деньгам, ни к домам, ни к пристрастиям, когда не будем от всего зависеть. Если проводящие эту жизнь в воинском звании от всего отрекаются, направляются и идут туда, куда зовет война, и все переносят с бодростью, то тем более нам, воинам Христовым, следует таким же образом снаряжаться и выстраиваться для войны со страстями. Теперь нет гонения – и пусть никогда его не будет! Но есть другая война, война жадности к деньгам, зависти, страстей. Описывая эту войну, Павел говорит: "Наша брань не против крови и плоти" (Еф. 6: 12). Всегда предстоит эта война; поэтому

он желает, чтобы мы всегда стояли вооруженными. "Итак, – говорит он, – станьте, препоясавши чресла ваши" (ст. 14), указывая этим, что и время наступило, и что всегда нужно быть вооруженными. Велика в самом деле война из-за глаз, велика из-за языка, которые поэтому мы должны сдерживать, велика из-за похотений. Потому-то он начинает здесь вооружать воина Христова: "Итак, станьте, – говорит, – препоясавши чресла ваши", и прибавляет: "**истиною**" (ст. 14). Почему истиной? Потому что похотение есть насмешка и ложь, вследствие чего и пророк говорит: "**чресла мои полны воспалениями**" **(лядвия моя наполнишася поруганий)** (Псал. 37: 8). Нет в этом деле удовольствия, а лишь тень удовольствия. "Препояшьте, – говорит, – чресла ваши истиною", т. е. истинным удовольствием, целомудрием, пристойностью. Он потому так увещевает, что знает гнусность греха и желает, чтобы все наши члены были ограждены: "ярость, – сказано, – неправедная не может оправдаться" (Сир. 1: 22); желает, чтобы мы надели и панцирь, и щит. Ярость – это зверь, легко нападающий, и нам нужны тысячи оград и стен, чтобы одолеть его и сдержать. Поэтому-то Бог и устроил для нас эту в особенности часть из костей, как бы из каких камней, расположив вокруг него преграду, чтобы он, разорвавши и рассекши, не нанес бы с легкостью повреждения всему живому существу. Это, говорят, огонь и буря – другой член не выдержал бы такой силы. Врачи говорят, что и легкие для того подпирают сердце, чтобы самое сердце, ударяясь о мягкий предмет, как о какую-нибудь губку, отдыхало, а не повреждалось стремительными ударами о лежащую насупротив его жесткую грудь. Нужен нам поэтому крепкий панцирь, чтобы постоянно держать в покое этого зверя; нужен нам и шлем. Так как там находится мыслительная сила и от нее возможно спасение, если все будет по надлежащему, а возможна и погибель, то поэтому говорит: "**и шлем спасения**" (Еф. 6: 17). Мозг по природе мягок; поэтому, как бы какой черепицей, он сверху прикрыт теменем; он для нас служит источником всего хорошего и дурного, смотря по тому, мыслит ли он по-надлежащему или наоборот. Ноги и руки у нас тоже нуждаются в оружии, не эти внешние руки и ноги, но руки и ноги души: первые, чтобы занимались, чем должно, последние, чтобы шествовали, куда следует. Итак, возлюбленные, все будем делать для той будущей жизни, все совершать, имея ее в виду. Порок есть мрак, возлюбленный; он есть смерть, есть ночь: ничего не видим из того, что надлежит, ничего не делаем из того, что приличествует. Как мертвецы безобразны и вонючи, так и души порочных исполнены великой нечистоты; глаза их смежены, уста сомкнуты, недвижимы остаются они на ложе порока, лучше же сказать — они даже жальче тех, которые терпят это. Те мертвы в том и другом отношении; а они бесчувственны относительно добродетели и живы относительно порока. Если кто ударит мертвеца, он не почувствует, не станет мстить, но будет точно сухое дерево; так и душа, утратившая жизнь, поистине засыхает: тысячи ран каждодневно она получает, и не чувствует, остается ко всему невосприимчивой. Не погрешил бы кто-нибудь, если бы сравнил таковых с исступленными, с пьяницами, с безумцами. Все это присуще пороку и всего он тяжелее. Исступленный встречает большое сострадание у зрителей, потому что болезнь его не от свободного желания, но единственно от природы; а кто живет в пороке, каким образом получит снисхождение? Откуда же порок, откуда множество порочных? Скажи мне прежде, откуда злые болезни, откуда сумасшествие, откуда тяжелый сон? Не от невнимательности ли? Если же естественные болезни берут начало в свободном настроении, то тем более – обусловленные волей. Откуда пьянство? Не от душевной ли невоздержности? Сумасшествие не от преизбытка ли горячности? А горячность не от излишних ли в нас элементов? Излишество же в нас элементов не от невнимательности ли? Когда именно допускаем в себе недостаточность или несоответственное излишество, то и зажигаем этот огонь. Опять же, когда пламя занялось, и мы остаемся небрежными, то устраиваем против себя костер, который не в состоянии потушить. Так бывает и с пороком: когда мы не помешаем ему вначале, не отсечем, то уже не в состоянии становимся воспрепятствовать его окончанию, он делается превышающим наши силы. Поэтому убеждаю – будем делать все, чтобы никогда не уснуть. Не видите ли, как

поставленные на страже, из-за того, что часто предаются небольшому сну, не извлекают никакой пользы из большой стражи? А это оттого, что тем небольшим сном губят все и предоставляют большое удобство желающему украсть. И подобно тому как не столько мы наблюдаем за ворами, сколько они за нами, так в особенности диавол ко всем присматривается, подстерегает, скрежещет зубами. Не будем же спать; не будем говорить: "от этого ничего не сделается, и от того – ничего"; часто нас грабят там, где мы не ожидаем. Будем все тщательно осматривать. Не будем напиваться, и не уснем; не будем предаваться сластолюбию, и не задремлем; не будем безумствовать по отношению к внешним предметам, и мы пребудем в бодрственном состоянии; всячески будем себя упорядочивать. Подобно тому как ходящим по натянутому канату нельзя допускать ни малейшей небрежности, потому что малый промах производит великое бедствие – промахнувшийся тотчас обрушивается и погибает – так точно и для нас непозволительно нерадение. Мы идем по тесному пути, с обеих сторон охваченному пропастями, не допускающему даже возможности поставить обе ноги сразу. Не видишь ли, какая нужна нам тщательность? Не видишь ли, как ходящие по таким путям не только напрягают ноги, но и глаза? Ведь если обращено внимание в сторону, то хотя бы нога стояла твердо, но глаз, затуманенный глубиной, все ниспровергает. Следует наблюдать за собой и во время пути; поэтому, как говорится, ни направо, ни налево. Велика пропасть порока, велики стремнины, велик мрак внизу. Будем со страхом придерживаться тесного пути, с трепетом пойдем по нему. Никто, ходящий по такому пути, не взваливает на себя чего-нибудь лишнего, потому что желательно иметь возможность пройти хорошо подпоясанным. Никто не спутывает своих ног, но оставляет их свободными. А мы, связав себя бесчисленными заботами, нагрузив на себя бесчисленные житейские тяжести, задыхаясь и изнывая, каким образом надеемся пройти тесный путь. Не просто сказал, что тесен, но с оттенком удивления: "потому что тесны врата и узок путь" (Мф. 7: 14), т. е. весьма тесный. Это и мы делаем относительно того, чему сильно дивимся. "И узкий, – говорит, – путь, вводящий в жизнь". И хорошо сказал: "тесный", потому что если мы должны дать отчет в словах, мыслях и поступках, то действительно тесный. А мы делаем его еще теснее, распространяя себя, расширяя и расставляя ноги. Тесный путь тягостен каждому, в особенности разжиревшему; равно как наоборот, кто изнурил себя, тот и не почувствует тесноты; так что кто позаботился себя стеснить, тот не придет в отчаяние от стеснения. Итак, пусть никто не ждет при душевном расслаблении увидеть небо, потому что этого быть не может; никто при изнеженности пусть не надеется пройти тесным путем, потому что невозможно; никто, идущий по широкому пути, пусть не надеется на жизнь. Потому, когда ты увидишь, что кто-нибудь наслаждается ваннами, многоценной трапезой, или толпами телохранителей, не считай себя несчастным из-за того, что не пользуешься тем же, но его оплакивай, потому что он идет по гибельному пути. Какая в самом деле польза от такого пути, когда он оканчивается печально? Какой также вред от той тесноты, когда она приводит к покою? Скажи мне: если бы кто-нибудь, будучи позван в царский дворец, шел проходами узкими, тесными и утесистыми, а другого кого-нибудь, отводимого на смерть, тащили серединой площади – кого, скажи мне, мы считали бы блаженным и кого оплакивали бы? Не того ли оплакивали бы, который шел по пространному пути? Так и ныне мы называем блаженными не тех, которые предаются изнеженности, а тех, которые не предаются: последние спешат на небо, а первые в геенну. Быть может многие из них будут смеяться над сказанным нами, но я потому особенно их оплакиваю и горюю, что они не знают, над чем следует смеяться, по поводу чего особенно рыдать, но все смешивают, спутывают, расстраивают. Потому-то я их и оплакиваю. Что говоришь, человек? Имея восстать, дать отчет в своих делах и подвергнуться последнему суду, ты на это не обращаешь никакого внимания, предаешься чревоугодию и пьянству, а над тем смеешься? Но я оплакиваю тебя, потому что знаю о предстоящих тебе бедствиях и ожидающем тебя наказании; потому-то особенно и оплакиваю, что ты смеешься. Рыдай со мной, оплакивай со мной свои бедствия. Скажи мне: если бы кто из близких твоих отошел

во Христе, то от смеющихся над кончиной не отвернулся ли бы ты и не счел ли бы врагами, а плачущих и соболезнующих не полюбил ли бы? Итак, когда жена лежит мертвая, ты отворачиваешься от смеющегося, а когда душа умерла, отворачиваешься от проливающего слезы, и сам смеешься? Видишь ли, как диавол нас настроил – что мы для самих себя сделались врагами и неприятелями? Проснемся же наконец, осмотримся, будем бодрственны, устремимся к вечной жизни, стряхнем великий сон. Предстоит суд, предстоит воскресение, исследование содеянного; Господь идет на облаках: "**перед Ним огонь, и вокруг Его сильная буря**" (Псал. 49: 3); река огненная течет впереди его, червь неумирающий, огонь неугасимый, тьма кромешная, скрежет зубовный. Хотя бы ты тысячу раз был этим недоволен, я говорю и не перестану. Если пророки не молчали, будучи даже побиваемы камнями, то тем более нам следует выносить неприязнь и не беседовать с вами для вашего удовольствия, чтобы, обманув вас, самим не рассечься на двое. Там наказание вечное, безутешное, и никакого заступника. "**Кто**", сказано, "**пожалеет об ужаленном заклинателе змей**" (Сир. 12: 13)? Если мы себя не пожалеем, кто, скажи, пожалеет нас? Если ты увидишь, что кто-нибудь вонзает меч в себя, в состоянии ли ты будешь его пощадить? Ни в каком случае. Тем более, когда от нас зависит правильно поступить и мы не поступим, кто нас пощадит? Никто. Сжалимся над собой. Если мы молимся Богу, говоря: "помилуй меня, Господи", то скажем это себе и смилуемся над собой. От нас зависит, чтобы Бог нас помиловал – Он нас одарил этим: если делаем достойное милости, если совершаем достойное Его человеколюбия, то Бог помилует нас; если же мы себя не жалеем, то кто нас пощадит? Жалей ближнего, и сжалится над тобой Бог. Сколько каждодневно приходят и говорят: "сжалься надо мной", а ты не обращаешь внимания? Сколько нагих, сколько увечных, а мы не склоняемся и отвергаем их просьбы? Как же ты просишь о помиловании, сам не делая ничего достойного милости? Будем сострадательны, будем милосердны, чтобы таким образом благоугодить Богу и достигнуть благ, обещанных любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 43

О том, что пренебрегающий настоящим возобладает тем и другим, и что любостяжание хуже всякой грязи и нечистоты.

Так как от начала, возлюбленный, имела быть оказанной людям некая великая благодать, то Бог, желая сделать это не в качестве дара, а предоставить, как долг, устроил прежде всего так, что человек отдал своего сына по повелению Божию, чтобы не показалось великим делом, когда Он предаст Своего Сына, если и человек сделал это для Него, чтобы не считалось, что это делается только по дару, но и по долгу. Ведь и мы, если кого любим, желаем так их одарить, чтобы казалось, что прежде мы получили от них какую-нибудь малость и затем уже все им дали, и мы более похваляемся по поводу полученного, чем по поводу данного, не говорим: "вот это мы ему дали", но: "вот это мы от него получили". "**Почему**, – сказано, – **мы и получили его в предзнаменование" (Темже того и в притчи прият)** (Евр. 11: 19), т. е. как бы в загадке, каковой притчей был овен Исаака, или как бы в подобии. Так как совершена была жертва и Исаак умерщвлен был в произволении, то поэтому и отдается он в дар патриарху. Замечаешь ли, и теперь оказывается то же, о чем я всегда говорю: когда мы усовершенствуем свое душевное настроение, когда покажем, что пренебрегаем земными предметами, тогда именно и дано будет нам земное в дар, а не прежде, чтобы мы, получив по нужде, не испытали еще большего стеснения. "Освободи, – говорит, – себя от рабства, и тогда бери, чтобы тебе уже не взять в качестве раба, а в качестве господина. Пренебреги богатством, и будешь богат; пренебреги славой, и будешь славен; пренебреги мщением врагам, и тогда его

достигнешь; пренебреги покоем, и тогда его получишь, чтобы, получая, получить не как узнику, не как рабу, а как свободному". Подобно тому, как бывает с малыми детьми, когда ребенок пожелает детских игрушек, например, мяч и тому подобное, мы с большой старательностью их прячем, чтобы они не мешали вещам нужным, а когда ребенок не обращает на них внимания и более не желает, то беззаботно их даем, зная, что от этого никакого уже не будет ему вреда, так как то пожелание уже не в силах отвлечь его от вещей нужных, так и Бог, когда видит, что мы не желаем более настоящих предметов, предоставляет ими пользоваться, и мы владеем ими как свободные, как мужи, а не как дети. А когда ты пренебрежешь мщением врагам, тогда того и достигнешь, – послушай, что о том говорится: "**Если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его**", – и прибавлено: "**ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья**" (Рим. 12: 20). Опять же, когда ты пренебрежешь богатством, тогда его достигнешь – послушай, как о том говорит Христос: "**всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную**" (Мф. 19: 29). И когда пренебрежешь славой, тогда ее достигнешь – послушай еще, как об этом говорит сам Христос: "**кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою**" и опять: "**кто унижает себя, тот возвысится**" (Мф.20: 26; 23: 12). Что говоришь? Когда напою врага, тогда его накажу? Когда брошу имущество, тогда буду им владеть? Когда унижусь, тогда вознесусь? "Да, – говорит, – потому что такова моя сила – через противоположное доставлять противоположное. Я богат и искусен; не бойся; Моей воле следует природа вещей, а не Я следую природе; Я все совершаю, а не сам подчиняюсь; потому Я хочу изменить это и преобразовать". И что ты удивляешься этому? Ведь то же самое ты найдешь и во всем другом. Если нанесешь обиду, тогда подвергнешься обиде; если тебе нанесут обиду, тогда не подвергнешься обиде. Если будешь мстить, тогда не будешь отомщен, а сам себе отомстишь, потому что сказано: "**Кто делится с вором, тот ненавидит душу свою**" **(любяй неправду, ненавидит своея души)** (Притч. 29: 24). Замечаешь ли, что не тебе причинена обида, а ты причинил? Потому и Павел говорит: "**Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными?**" (1 Кор. 6: 7). Замечаешь ли, что это не значит – терпеть обиду? Когда ты оскорбишь, тогда будешь оскорблен; это многие отчасти знают, когда именно говорят друг другу: "уйдем отсюда, чтобы тебе не оскорбить самого себя". Как это? Так, что между ним и тобой большое расстояние; какие оскорбления ты ни нанесешь, он сочтет славой. Будем всего более думать об этом, и мы поставим себя выше оскорблений. А каким образом, я скажу. Если бы у нас был спор с тем, кто одет в пурпур, то, нанеся оскорбление ему, мы считали бы, что самих себя оскорбили, потому что признавали бы себя достойными общения с ним. Что говоришь, скажи мне? Ты, будучи гражданином небес, обладая вышней философией, низводишь себя до общения с тем, кто думает о земном? Ведь если бы он владел безмерными богатствами, если бы пользовался правительственной властью, все же у него нет знания о твоем благе. Не наноси себе оскорбления, оскорбляя его; себя пощади, не его; себе окажи честь, не ему. Разве нет такой поговорки: "Кто отдает честь, чтит себя самого"? И верно: не его чтит, но самого себя. Послушай, что говорит один мудрец: "Сотвори душе твоей честь по достоинству ее" (Сир. 10: 31). "По достоинству ее" – что это значит? "Если, – говорит, – ты корыстолюбствовал, не корыстолюбствуй; если оскорблял, не оскорбляй". Скажи мне, прошу: если бы какой-нибудь бедняк взял навоз, выброшенный из твоего хлева, стал ли бы ты созывать из-за этого судбище? Никак нет. Почему? Чтобы не оскорбить себя самого, чтобы все тебя не осудили. То же и теперь бывает. Богач – это бедняк, и насколько он богатеет, настолько становится беден истинной бедностью. Золото – это навоз, брошенный в хлеву, не в доме лежащий, потому что дом твой – небо. Итак, из-за него будешь созывать судбище? И тебя не осудят вышние граждане? Не извергнут тебя из своего отечества, тебя, до того низкого, до того ничтожного, что ты берешься спорить из-за небольшого количества навоза? Ведь если бы и мир был твой и кто-нибудь его бы взял,

неужели нужно было бы спорить? Неужели не знаешь, что если бы ты взял вселенную в десять раз, и во сто, и в тысячу, и вдвойне столько, то все же она не сравняется и с малой частью небесных благ? Кто восхищается здешним, тот унижает тамошнее, и насколько считает первое достойным забот, настолько теряет последнее, и даже не в состоянии будет им восхищаться: да и как иначе, если он увлечен первым? Разорвем тенета и сети: это именно – земные предметы. До каких пор мы будем гнуться вниз? До каких пор мы будем замышлять друг против друга, точно звери, точно рыбы? Лучше же сказать, и звери не замышляют друг против друга, но лишь против тех, которые другой породы, например, медведь не охотно умерщвляет медведя, и змея не умерщвляет змеи, как принадлежащей к той же породе; ты же, имея тысячи побуждений к справедливости в отношении однородного – родство, разумность, ведение Бога, силу природы и многое другое, – его, своего родича и общника по природе, убиваешь и ввергаешь в тысячи бедствий? Что за нужда, если ты не вонзаешь меча, не запускаешь правой руки в горло? Ты делаешь иное, более тягостное, – угнетаешь беспрестанными скорбями. Если бы ты то сделал, то избавил бы его от забот; теперь же заваливаешь его рабским голодом, отчаянием, множеством грехов. Я это говорю, и не перестану говорить, вовсе не склоняя вас к убийству и не побуждая к другому, менее важному злу, но с той целью, чтобы вы не были самонадеянны, как будто не имеющие дать ответ, ведь сказано: "**Убивает ближнего, кто отнимает у него пропитание**" (Сир. 34: 22). Удержим наконец наши руки; лучше же сказать – не удержим, но протянем их добрым образом, не для любостяжания, но для милостыни. Не бесплодная у нас рука и не сухая; сухая – та, которая не соделывает милостыни; а та, которая занимается любостяжанием – грязна и нечиста. Никто пусть не принимает пищи такими руками, потому что это оскорбление для приглашенных. Скажи мне: если бы кто пригласил нас возлечь на коврах, нежных покрывалах и затканных золотом скатертях, в громадном и блестящем доме, с большой толпой слуг, затем предложил серебряные и золотые блюда, наполненные многоценными и разнообразными кушаньями, и принуждал есть, а между тем сам возлежал бы с руками, запачканными в навозе или человеческом кале, то перенесли ли бы мы это? Разве кто потерпел бы такое мучение, не счел бы дело оскорблением? Я так думаю, что даже сейчас бы выскочил. Ныне же ты видишь, что не только руки, но и самые кушанья наполнены совершеннейшим навозом – и ты не выскакиваешь? Не убегаешь? Не упрекаешь? Даже если он обладает властью, высоко его ценишь – и губишь свою душу, съедая такую пищу? Действительно, любостяжание хуже всякого навоза, потому что не тело, а душу пачкает так, что отмыть затруднительно. Итак, ты, видя, что он возлежит с руками и обличьем, осквернеными этим навозом, в доме и за трапезой, исполненной этого навоза, а кушанья те еще грязнее и отвратительнее этого навоза, ты чувствуешь себя удостоенным чести, ожидающим наслаждения? И ты не боишься Павла, который разрешал беспрепятственно отправляться к столу эллинов (язычников), если нам желательно, но к столам любостяжателей и при желании не позволял идти? "**Если**, – говорит, – **кто, называясь братом, остается блудником" (Аще некий брат именуемь будет блудник)** (1 Кор. 5: 11), называя здесь братом всякого вообще верующего, а не монаха. Чем именно производится братство? Баней возрождения, возможностью называть Бога отцом. Таким образом, монах, если он только оглашаемый, не есть брат; а верующий, хотя бы он был мирянин, есть брат. "Если, – говорит, – кто, называясь братом"… А тогда не было и следов монахов, но все этот блаженный говорил к мирянам. "**Если**, – говорит, – **кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе" (Аще некий брат именуемь будет блудник, или лихоимец, или пияница, с таковым ниже ясти)**. А с язычниками не так: "**Если кто из неверных**, – разумея язычников, – **позовет вас, и вы захотите пойти, то все, предлагаемое вам, ешьте**" (1 Кор. 10: 27). "Если же некий брат называясь братом, остается пьяницей…" Увы, какая тщательность! А мы не только не бежим от пьяниц, но и приходим к ним, имеем с ними общение. Поэтому все у нас перевернулось вверх дном,

все смешалось, извратилось, погибло. Скажи мне в самом деле: если бы кто из таковых позвал тебя на пиршество, тебя, считающегося бедным и незначительным, затем услышал бы от тебя, что "так как предлагаемое получено посредством любостяжания, то я не допущу моей душе осквернится", разве же он не устыдился бы, не смешался, не покраснел? Этого одного было бы достаточно, чтобы его исправить и заставить его считать себя несчастным в богатстве, а тебе удивляться в бедности – если бы именно он увидел, что ты с такой ревностью пренебрегаешь им. Но мы, не знаю почему, сделались рабами людей, хотя Павел то здесь, то там взывает: "**не делайтесь рабами человеков**" (1 Кор. 7: 23). Почему же мы сделались рабами, скажи мне? Потому что прежде мы стали рабами чрева, денег, славы и всего прочего, продали свободу, которую даровал нам Христос. А что, скажи мне, ожидает того, кто сделался рабом? Послушай, что говорит Христос: "**раб не пребывает в доме вечно**" (Иоан. 8: 35). Вот окончательное решение – никогда не войдет в царство. "Дом" значит именно это: "**в доме Отца моего**, – говорит Спаситель, – **обителей много**" (Иоан. 14: 2). Итак, "**раб не пребывает в дому вечно**", – рабом называет его, раба греха. А кто не пребывает в дому вовек, пребывает в геенне вовек, ниоткуда не получая утешения. Но дела дошли до такой степени нечестия, что даже и милостыни делают из этих денег, и многие принимают. Потому-то мы потеряли уверенность, и не в состоянии кого-нибудь укорить. Все же хотя бы с теперешнего дня будем избегать происходящего отсюда вреда, и вы, которые разворачиваете этот навоз, удержитесь от такой гибели. Как мертвое тело не пользуется никаким чувством и, сверх того, бывает тягостно для приближающихся, так и грех тотчас потрясает мыслительную способность и даже самую душу не оставляет в покое, но приводит в беспорядок и смятение. Говорят, что моровая язва, появившись, губит тела. Таков же и грех: ничем он не отличается от язвы, кроме того, что не воздух сначала портит, а потом тела, но сразу нападает на душу. Не видишь ли, как подвергшиеся язве пухнут, как наполняются смрадом, как отвратителен их внешний вид, как они нечисты? Таковы же и грешники, хотя они этого не замечают. Скажи мне в самом деле: не хуже ли всякого страдающего лихорадкой тот, кто пленен любовью к деньгам или к телам? Не грязнее ли всех тот, кто делает и терпит всякие бесстыдства? Что постыднее мужа, полюбившего деньги? То самое, что делают распутные женщины и актрисы на сцене, это и он не отказывается делать, – возможно даже, что те скорее откажутся, чем он: он и берется за дела, приличные рабам, заискивая перед теми, перед кем не следует, постоянно впадая в изменчивость; он и подлаживается и льстит бесчестным мужам и нередко испорченным старикам, которые много его беднее и незначительнее, а других, хороших и вполне добродетельных, оскорбляет и нагло бесчестит. Замечаешь двойственное неприличие, бесстыдство? И унижение сверх меры, и дерзость. Но распутные женщины стоят в жилище; и вина их в том, что продают тело за деньги. Их, говорят, побуждают бедность, голод. Если бы и в сильной степени побуждали, недостаточно это для оправдания: им возможно было бы жить работой. А тут любостяжатель стоит не в жилище, но посреди города; не тело, но душу продает диаволу, так что с ним сообщается, входит к нему, как к настоящей блуднице, и, удовлетворив все свое пожелание, уходит; и смотрит на это весь город, не два или три мужа. Свойство распутных женщин еще то, что отдаются тому, кто предложил золото: раб ли, или монах, или кто бы то ни был, если предложит плату, принимается; а свободные люди, хотя бы были самыми благородными, без серебра не допускаются. То же и тут делают те: от правильных мыслей, которые не приносят серебра, уклоняются, а с гнусными и поистине богопротивными сообщаются ради золота, сообщаются непристойно, и теряют красоту души. Как те (блудницы) от природы безобразны, черны, грубы, бесформенны, дурно сложены и во всех отношениях отвратительны, так и их души не в состоянии бывают под наружными притираниями скрыть свое безобразие. Где крайнее безобразие, там, что бы ни придумывали, укрыться нельзя. А что бесстыдство делает блудницами, послушай, как говорит пророк: "**но у тебя был лоб блудницы, ты отбросила стыд" (не хотела ecu постыдетися ко всем, лице**

блудницы бысть тебе) (Иер. 3: 3). То же можно сказать и любостяжателям: "Ты был бесстыден со всеми, не с тем или другим, но со всеми". Каким образом? Такой не стыдится ни отца, ни сына, ни жены, ни друга, ни брата, ни благодетеля, вообще никого. И что говорю – друга, брата, отца? Не стыдится самого Бога, но все ему кажется басней, и он смеется, упоенный великим похотением, и даже слухом не воспринимает ничего, что могло бы принести ему пользу. О, безрассудство и глупые речи! Горе тебе, мамона, и тому, кто не обладает тобой! Здесь я разрываюсь от гнева: горе в самом деле тем, которые говорят это, хотя бы говорили в шутку! Скажи мне: не грозил ли Бог такой угрозой, говоря: "не можете служить двум господам" (Мф. 6: 24)? А ты не лишаешь ли угрозу силы? Не говорит ли Павел, что это (любостяжание) есть идолослужение, и не называет ли любостяжателя идолослужителем? А ты стоишь и смеешься, точно публичные женщины, вызываешь смех, точно актрисы на сцене? Это произвело всеобщий беспорядок и разгром; все у нас обратилось в смех, остроумие и утонченность; ничего серьезного, ничего солидного. Не к мирским мужам только говорю это, но знаю, кого разумею: ведь церковь полна смеха, стоит кому-нибудь сказать шутку, и тотчас поднимается смех у сидящих. Всюду хороводит диавол, во всех он проник, всеми завладел; Христос обесчещен, отвергнут, ни в какой части нет церкви. Не слышите ли, что говорит Павел: "сквернословие и пустословие и острословие да иземлются от вас (Эф. 5: 4)? Он ставит острословие рядом с сквернословием, а ты смеешься? Что такое пустословие? То, что не заключает ничего полезного. И ты – монашествующий, распинаемый, воздыхающий – тоже все смеешься и ухмыляешься? Смеешься, скажи мне? А слышал ли ты где-нибудь, чтобы Христос это делал? Никогда. Но часто он скорбел: когда смотрел на Иерусалим, проливал слезы, когда думал о предателе, приходил в душевное потрясение, когда собирался воскресить Лазаря, плакал, а ты смеешься? Если и не соболезнующий о чужих грехах достоин осуждения, то какого снисхождения будет достоин бесчувственно относящийся к собственным и смеющийся? Время плача и скорби, заушения и порабощения, борения и пота, а ты смеешься? Не видишь разве, какое порицание заслужила Сарра? Не слышишь, что говорит Христос: "**Горе вам, смеющиеся ныне! Ибо восплачете и возрыдаете**" (Лук. 6: 25)? Ты ежедневно это поешь. Что именно говоришь, скажи мне? Говоришь ли – "я посмеялся"? Нет. Но что? "Я потрудился в воздыхании моем". Но, быть может, есть некоторые до того легкомысленные и глупые, чтобы смеяться над этим поучением, так как мы беседуем о смехе. Таково-то помешательство, таково безумие: нечувствительны даже к наставлению! Иерей Божий стоит, вознося молитвы всех, а ты смеешься и не страшишься? Он и за тебя возносит молитвы, а ты не обращаешь внимания? Не слышишь ли, что говорит Писание: "горе тем, которые небрежны"? Не трепещешь? Не сдерживаешься? Входя в царский дворец, ты украшаешь себя и наружностью, и взором, и походкой, а здесь, где истинно царский чертог и все таково, как на небе, ты смеешься? Знаю, что ты не замечаешь: услышь же, что ангелы всюду находятся, а особенно в доме Божием предстоят Царю, все наполнено этими бестелесными силами. Это мое слово относится и к женам, которые в присутствии мужей не смеют свободно этого делать, а если делают, то не всегда, но лишь во время отдыха; здесь же – всегда. Скажи мне, жена: голову ты покрываешь – и смеешься, сидя в церкви? Ты вошла, чтобы исповедаться в грехах, припасть к Богу, упрашивать и умолять Его о твоих злых прегрешениях, и ты делаешь это со смехом? Каким же образом ты сможешь умилостивить Его? "Но что, – скажешь, – дурного в смехе?" Не смех дурен, а дурен смех чрезмерный и неуместный. Смех заложен в нас для того, чтобы, когда видим друзей после продолжительного времени, мы смеялись бы; для того, чтобы, когда найдем кого-нибудь в смущении и страхе, ободряли бы его усмешкой – не хохоча и не смеясь постоянно; для того заложен смех в нашу душу, чтобы душа кое-когда получала отдых и не изнывала. Так и телесное хотение заложено в нас, и однако же, из-за того, что оно заложено, нет неизбежной необходимости пользоваться или не пользоваться им сверх меры, но мы его сдерживаем и не говорим: "так как заложено, то и будем им пользоваться". Служи Богу со

слезами, чтобы тебе возможно было омыть грехи. Знаю, что многие насмехаются над нами, говоря: "Сейчас же слезы!" Потому что – время слез! Знаю, что и загадывают, говоря: "**Станем есть и пить, ибо завтра умрем!**" (1 Кор. 15: 32). "**Суета сует - все суета!**" (Еккл. 1: 2). Не я это говорю, но тот, кто на опыте познал все вещи, говорит это. "**Я… построил себе домы, посадил себе виноградники, сделал себе водоемы, приобрел себе слуг и служанок**" (Еккл. 2: 4, 6, 7). И что же после всего этого? "**Суета сует - все суета!**". Итак, восплачем, возлюбленные, восплачем, чтобы поистине нам посмеяться, поистине утешиться во время светлой радости. К здешней радости всегда примешана печаль и никогда нельзя ее встретить в чистом виде; а тамошняя чиста, неложна, без всякого коварства, без примеси; этой радостью будем наслаждаться, к ней стремиться. Достигнуть же ее невозможно иначе, как предпочитая здесь не то, что приятно, а что полезно, мало огорчаясь скорбью и все перенося с благодарностью. Так мы в состоянии будем достигнуть и Царства Небесного, которого да удостоимся все мы во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу и Святому Духу слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 44

О сокрушении, терпении и пожелании будущих благ; и о втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа.

Увещеваю вас, братия, составлять решение о промысле Божием не только по настоящему, но и по будущему, потому что настоящее есть борьба, место состязания и поприще, а будущее – награды, венцы, воздаяния. И как борцу на месте состязания нужно сражаться в поте, в пыли, в великом жаре, в трудах и в телесном напряжении, так и праведнику много здесь нужно претерпевать и все выносить мужественно, если там он хочет получить блестящие венцы. Поэтому и Павел постоянно обращает к нам слово о воскресении, и, как вы слышали, взывает и говорит: "мы веруем, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит перед Собою с вами. Посему мы не унываем" (2 Кор. 4: 13–16); говорит, имея величайшим утешением в подвигах надежду на будущее. Не сказал к ним: "потому не унывайте", но что? "**Посему мы не унываем**", – показывая, что и он сам беспрерывно находится в подвигах. "**Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется**" (2 Кор. 4: 16). Как обновляется? Верой, надеждой, усердием, смелым перенесением бедствий. Ведь чем неисчислимее бедствия, претерпеваемые телом, тем более благие надежды получает душа и становится светлее, как золото, обильно прошедшее через огонь. И смотри, как он ниспровергает скорби настоящей жизни. "**Ибо кратковременное легкое страдание наше**, – говорит, – **производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое**" (ст. 17–18), полагая все дело в надежде. И что в другом месте он говорит ("**Мы спасены в надежде**", и: "**Надежда же, когда видит, не есть надежда**") (Рим. 8: 24), то же и здесь разъясняя, он сопоставляет настоящее с будущим, мгновенное с вечным, легкое с тяжелым, скорбь со славой. И этим даже не довольствуется, но присоединяет другое изречение, усугубляющее смысл прежнего: "**производит в безмерном преизбытке**", – говорит. Потом показывает и способ, сказавши, каким образом страдание становится "легким". Каким же образом? "**Когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое**". Таким образом, и это (настоящее) легко, и то (будущее) велико, если мы отведем себя от того, что видимо, потому что видимое временно – следовательно, таковы и печали, а невидимое вечно – следовательно, таковы и венцы. И он не сказал только: "таковы печали", но: "все видимое", хотя бы то было наказание, хотя бы успокоение, чтобы и тут мы не хвалились, и там не смущались. Потому-то и о будущем не сказал: "царство вечное", но: "невидимое вечное", хотя бы это было царство, хотя бы опять же наказание, чтобы и тут не страшились, и там не обнадеживались. Итак,

если видимое временно, а невидимое вечно, то и будем взирать на последнее, на вечное. Какое, в самом деле, мы будем иметь извинение, предпочитая временное вечному? Ведь хотя настоящее и приятно, однако же непостоянно, а что в нем есть мучительного, то постоянно и непростительно. Какое может быть извинение для тех, которые, будучи удостоены Святого Духа и насладившись таким даром, сделались ревнителями низменного и ниспали на землю? И действительно, я слышу, как многие произносят такие смешные слова: "Дай мне сегодняшний день и возьми завтрашний. Если бы, – говорят, – тамошнее существовало в таком виде, как вы представляете, то это было бы одно против одного, а если совсем ничего такого нет, то – два против ничего". Что безрассуднее этих слов? Что пошлее? Мы беседуем о небесах и о невыразимых тех благах, а ты выдвигаешь нам на сцену то, что принято на ристалищах, и не стыдишься, не закрываешься, произнося это, свойственное глупцам? Не краснеешь, будучи до такой степени пригвожден к настоящему? Не устаешь безумствовать, сходить с ума и говорить глупости, как младенец? Когда бы говорили это эллины, ничего не было бы удивительного; а когда болтают это люди верующие, какое будет снисхождение? Значит, ты заподазриваешь те бессмертные надежды? Значит, почитаешь это сомнительным? Как же это достойно будет снисхождения? Но ты не видишь тамошнего? Не видишь ты также и Бога; что же, из-за того, что не видишь Бога, не признаешь Бога существующим? "И весьма, – говоришь, – признаю". В таком случае, если опять тебя кто спросит: "А кто пришел с неба и сообщил это?" – что ты скажешь? Из чего узнаешь, что существует Бог? "Из видимого, – говоришь, – из доброго порядка во всем создании, из того, что это для всех очевидно". Следовательно, таким же образом веди речь и о суде. Как, спросишь? Я буду тебя спрашивать, а ты мне отвечай. Праведен ли сам Бог и по достоинству ли воздает каждому, или наоборот – желает, чтобы нечестивые благоденствовали и наслаждались, а добрые находились в противоположном положении? Отнюдь нет, скажешь; этого и человек не потерпел бы. Где же хорошо здесь поступающие будут наслаждаться благами, и где злые получат противоположное, если после этого не имеет быть какая-нибудь жизнь и воздаяние? Видишь ли, что одно против одного, а не два против одного, лучше же сказать: для праведников – два против ничего, а для грешников и тех, которые здесь живут в наслаждении, все противоположное? В самом деле, предававшиеся здесь наслаждению, а потом там наказанные, не получили и одного против одного, те же, которые проводят жизнь в добродетели, получают два против ничего. Кто именно находится в покое – злоупотребляющие настоящей жизнью, или живущие благоразумно? Ты, быть может, назовешь первых, а я указываю на последних, призывая в свидетели тех самых, которые вкусили от настоящих благ и не поступят бесстыдно по поводу того, о чем я намерен говорить. Так нередко некоторые порицают предбрачные обряды и самый день, когда изготовляются брачные ложа, а считают блаженными не вступивших в брак; многие же уклоняются от брака не по чему иному, как по причине тягостности этого дела, И я говорю это не в укоризну браку, который честен (Евр. 13: 4), а имея в виду тех, которые дурно им пользуются. Если же те, которые сочетались браком, часто почитали жизнь невыносимой, то что мы сказали бы о тех, которые ниспроверглись в пропасть блуда и испытывают положение более рабское и бедственное, чем положение всякого пленника? Что о тех, которые гниют в сластолюбии и ввергают свое тело в бесчисленные болезни? "Но, – скажут, – приятно пользоваться славой". Между тем, ничего нет горче этого рабства. И действительно, человек тщеславный, желающий нравиться кому ни попало, есть в большей мере раб, чем всякий невольник; напротив, поправший эту славу, не заботящийся о мнении других, стоит всех выше, он один свободен. Или вожделенно обладать деньгами? Но мы много раз показали, что в большем изобилии и покое находятся те, которые стеснены в них, а еще более те, которые ничего не имеют. Или сладостно напиваться? Но кто бы сказал это? Итак, не быть богатым приятнее, чем быть богатым, не вступать в брак – чем вступать в брак, не быть тщеславным – чем быть тщеславным, не предаваться сладострастию – чем предаваться сладострастию; и здесь

большим владеют те, которые не прельщены настоящими благами. И к тому же я еще не говорю, что этот, хотя бы подвергался тысяче мучений, имеет добрую надежду, которая его поддерживает, а тот, хотя бы вкушал тысячи наслаждений, подвержен страху за будущее, который нарушает его удовольствие и смущает, потому что последнее немаловажный способ наказания, равно как первое – утехи и покоя. Есть, сверх того, и третий способ. Какой же это? Тот, что житейская услада, когда есть, не проявляется, будучи изобличаема природой и временем, а та (не житейская) не только есть, но и пребывает непоколебимой. Видишь ли, что мы в состоянии будем быть не только два за ничто, но и три, и пять, и десять, и тысячи за ничто. А чтобы тебе узнать это же самое на примере, послушай. Богач и Лазарь – один пользовался настоящим, другой будущим; разве же тебе кажется одно – и быть мучимому во все время, и трудиться в короткий срок? Терпеть болезнь в тленном теле, и выносить жестокие истязания до бесконечности? Быть увенчаным и получить вечное наслаждение после этой малой немочи, и подвергнуться беспредельной муке после кратковременного наслаждения настоящим? Кто бы это сказал? О чем тебе желательно, чтобы мы сказали – о количестве, качестве, о Божественном приговоре согласно достоинству того и другого? До каких пор вы будете издавать звуки жуков, непрестанно зарывающихся в навозе? А действительно, это не признак разумных людей – рисковать за ничто такой драгоценной душой, между тем как следовало бы при небольшом труде получить небеса. Не хочешь ли, я тебя и другим образом научу, что там есть страшное судилище? Открой двери твоей совести и взгляни на судью, восседающего в твоей душе. Если ты, при всем твоем себялюбии, сам себя осуждаешь и не допускаешь суда неправедного, то неужели тем более Бог не учинит великого промышления о праведнике, не положит нелицеприятного приговора обо всем и допустит всему совершиться попросту и кое-как? Кто это скажет? Такого не найдется. Эллины и варвары, поэты и философы, весь род человеческий согласен в этом с нами, хотя и не одинаково, а все же говорят, что есть какое-то судилище в аде: до такой степени дело это известно и общепризнанно. "Но почему, – скажешь, – мы здесь тотчас же не наказываемся?" Этим Бог проявляет Свое долготерпение, предоставляет нам спасение в силу раскаяния, не делает нашего рода подлежащим насильственному захвату и тех, которые после перемены к лучшему могут спастись, не лишает наперед спасения. Если бы тотчас после самых грехов карал и погублял, то как был бы спасен Павел, как Петр – верховные учители вселенной? Как Давид получил бы плод спасения от раскаяния? Как галаты? Как многие другие? Поэтому-то Он здесь не в отношении всех требует возмездия, но из всех лишь в отношении некоторых; и там не всех, но одного наказывает здесь, другого там, чтобы через посредство тех, кого наказывает, возбудить и крайне нечувствительных, и через посредство тех, кого не наказывает, заставить ждать будущего. Разве не видишь, что многие здесь несут наказание, как-то: заваленные башней, или те, кровь которых Пилат смешал с жертвами, или те, которые среди коринфян скончались неожиданной смертью за недостойное принятие тайн, или иудейский народ, истребленный варварами, или многие другие и тогда, и теперь, постоянно? А иные много грешившие отошли не понеся здесь наказания, как, например, богач, живший одновременно с Лазарем, и многие другие. Это Он делает, чтобы и неверующих в будущее возбудить, и верующим придать бодрости, и ленивых превратить в старательных. Ведь Бог – судья праведный, сильный и долготерпеливый, не каждодневно наводящий гнев. Если же мы воспользуемся долготерпением в целях лености, то придет время, когда наконец Он не станет долго терпеть и краткий срок, но тотчас попустит наказание. Итак, не будем ради удовольствия на одно мгновение (а такова настоящая жизнь) навлекать на себя наказание в бесконечные веки, но потрудимся мгновенно, чтобы быть увенчанными навсегда. Не видите ли, что и в житейских делах многие люди поступают таким же образом, принимают на себя малый труд ради продолжительного отдыха, даже если случается с ними и противоположное? Здесь именно бывает соответствие между трудами и прибылью, часто и наоборот; а в том царстве иначе: труд мал, удовольствие же велико и бесконечно. Смотри вот: земледелец

работает целый год, и часто в самом конце лишается надежды на плод от многих трудов; опять же кормчий и воин до старости проводят жизнь в войнах и трудах, и часто тот и другой из них уходят ни с чем, один лишается богатства, заключающегося в товарах, а другой – и самой жизни ранее победы. Какое же, скажи мне, мы будем иметь оправдание, когда в житейских вещах предпочитаем нести великий труд, чтобы получить малый отдых, а то и малого не получить, потому что надежда на это неверна, в духовных же вещах поступаем наоборот и за малое нерадение навлекаем на себя невыразимое мучение? Потому умоляю вас всех – освободитесь же, наконец, как-нибудь от этого сумасбродства. Ведь в то время никто уже нас не избавит: ни брат, ни отец, ни дети, ни друзья, ни сродник, ни другой кто-нибудь; если дела нас выдадут, то все от нас удалится и мы всецело погибнем. Сколько тот богач рыдал, взывал к патриарху, упрашивал послать Лазаря? Но послушай, что сказал ему Авраам: "**между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят**" (Лук. 16: 26). Сколько девы те просили у сверстниц немного елея? Но послушай, что говорят последние: "**чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас**" (Мф. 25: 9), – и никто не был в состоянии ввести тех в чертог. Размышляя об этом, будем и мы заботиться о нашей жизни. Ведь какие бы ты ни указал труды, какие бы ни представил мучения, все это ничто по сравнению с будущими благами. Клади, если угодно, огонь, железо, зверей, или что-нибудь еще более тяжелое: по сравнению с тамошними муками это не составляет даже и тени. Это, когда сильнее применяется, тогда в особенности и легко, потому что влечет быструю развязку вследствие того, что тело не в состоянии долго выдерживать напряженности наказания; а там не так, но то и другое соединяется, и усиление и преизбыток, как в полезном, так и в тягостном. Итак, пока есть время, поспешим перед лицо Его с исповеданием, чтобы тогда увидеть нам это лицо кротким и светлым и чтобы избегнуть тех грозных сил. Разве здесь ты не видишь воинов, состоящих в распоряжении у начальников, как они волокут, как связывают, как бичуют, как разрывают бока, как употребляют факелы для пыток? Но все это детские игрушки и смех сравнительно с теми муками: эти мучения временны, а у тех и червь не умирает, и огонь не угасает, так как тело, которое тогда восстанет, будет совершенно нетленно. Но пусть нам не придется узнать когда-нибудь это на опыте, пусть эти ужасы ограничатся для нас словами, чтобы нам не быть преданными тем мукам, но здесь образумиться. Сколько мы тогда наскажем обвинений на самих себя, сколько издадим воплей, сколько жалоб? Но ничто в конце концов не поможет. Так и корабельщики не могут принести пользы после того, как корабль разрушен и затонул, равно и врачи после того, как больной умер; часто они говорят, что следовало бы сделать то или другое, но все тщетно и напрасно. Нужно все говорить и делать, пока остается надежда на исправление; а когда нет уже ничего в нашей власти, когда все погибло, — попусту все говорится и совершается. Вот и иудеи тогда говорили: "**Благословен грядущий во имя Господне!**" (Иоан. 12: 13), но не могли воспользоваться этим возгласом для избавления от наказания, потому что не сказали, когда нужно было сказать. Поэтому, чтобы и нам не потерпеть того же, совершим в себе перемену еще здесь и постараемся войти в то успокоение, как сказал апостол. А действительно там это успокоение, откуда убежали болезнь, печаль и воздыхание, где нет ни забот, ни трудов, ни борьбы, ни страха потрясающего и смущающего душу, а есть один только страх Божий, исполненный услады. Там не съедается хлеб в поте лица, нет там терний и волчцев, дети не рождаются в болезнях, нет выраженного словами: "**к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою**" (Быт. 3: 16); все мир, радость, веселие, сладость, благость, кротость. Нет там соперничества, зависти, болезни, смерти – ни телесной, ни душевной; нет там ни мрака, ни ночи – все день, все свет, все блеск. Не нужно будет работать, не нужно принимать пищу, постоянно будем пребывать в вожделении благ. Не желаете ли, я вам представлю некоторый образ тамошнего покоя? Это невозможно, а все же, насколько в силах, попытаюсь дать вам некоторый образ. Взглянем на небо, когда, не затеняемое никаким облаком, оно являет свой венец; потом,

употребив много времени на созерцание его красоты, подумаем, что и мы будем иметь седалище, и не такое только, но настолько красивее, насколько золотая крыша превосходнее глиняной; а за этой крышей есть другая – повыше, а потом ангелы, архангелы, бесконечные лики бесплотных сил, самый чертог Божий, престол Отчий, Но, как я сказал, слово не в состоянии все выразить; нужен опыт и знание, получаемое из опыта. Спрошу вас: как, по вашему мнению, Адам пребывал в раю? А это пребывание на небе много лучше того, насколько небо отстоит от земли. Впрочем, поищем и другой образ. Если бы случилось, что царствующий ныне овладел всей землей и затем не был бы тревожим ни войнами, ни заботами, но лишь пользовался почетом, проводил время в наслаждениях, имел большие доходы, золото приливало бы к нему отовсюду и он возбуждал бы удивление: каково, полагаете вы, было бы у него на душе, если бы он увидел, что повсюду на земле прекратились войны? Вот нечто подобное; впрочем, и с этим образом мы не достигли цели; поэтому нужно поискать иного. Представь вот что: царский ребенок, пока находится в матерней утробе, ничего не ощущает; но пришлось ему оттуда выйти и взойти на царский престол, и не постепенно, а вдруг все получить: таков и этот самый покой. Или если бы какой-нибудь узник, претерпевший бесчисленные бедствия, вдруг очутился на царском престоле. Но и так мы в точности не начертали образа, потому что здесь если кто достигнет благ, хотя бы, скажем, даже царской власти, то в первый день он наслаждается полным удовлетворением, также во второй и в третий, а по мере того как время идет вперед, удовольствие хотя и остается, но уже не то: каково бы оно ни было, от привычки ослабевает. А там удовольствие не только не умаляется, но даже возрастает. Подумай в самом деле, каково это, когда душа, отходящая туда, не ожидает ни конца этих благ, ни перемены, но ждет усиления их и жизни, не имеющей предела, жизни свободной от всякой опасности, всякого беспокойства и заботы, исполненной радости и бесчисленных благ. Если и здесь, выйдя в лагерь и видя в нем разбитые воинские палатки из полотнищ, копья, шлемы и блестящие выпуклости щитов, мы в изумлении останавливаемся, а если в середине случится еще увидеть царя, идущего в золотом вооружении, мы почитаем себя обладателями всего, то что подумаешь, когда увидишь вечные скинии святых, расположенные на небе? "Примут вас, – сказано, – в вечные обители" (Лук. 16: 9). Что подумаешь, когда увидишь, как каждый из них сияет ярче солнечных лучей, не медью и железом, а той славой, блеск которой не в состоянии созерцать глаз человеческий? И это в рассуждении людей. А что сказал бы ты о тысячах ангелов, архангелов, херувимов, серафимов, начал, властей, красота которых невероятная, превосходящая всякий ум? Но доколе я не перестану уловлять неуловимое? Ведь "**не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его**" (1 Кор. 2: 9). Поэтому что блаженнее достигших этой славы? Что жальче недостигших? Если иной, изгнанный из отечества, возбуждает всеобщее сожаление и лишившийся наследства представляется для всех заслуживающим сострадания, то потерявший небо и уготованные блага какими не должен обливаться слезами? Иной плачет, когда терпит что-нибудь незаслуженное, чего он не был причиной; когда же кто по собственной воле окунулся в порок, такой достоин не слез, но воплей, даже стенаний. Так и Господь наш Иисус Христос стенал и оплакивал Иерусалим, хотя и нечестивый. Действительно, мы заслуживаем бесчисленных рыданий, бесчисленных сетований. Если бы вся вселенная возопила, если бы камни, лес, деревья, звери, птицы, рыбы восстенали по поводу нас, лишившихся этих благ, их стенание и плач нисколько не соответствовали бы потере. Какое слово, какой ум в состоянии представить то блаженство, ту доблесть, ту славу, ту радость, тот блеск, которых "**не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку**" – не сказал просто: "превосходящих", но: "которых никто никогда не представлял" – "что приготовил Бог любящим Его". Если устраивает и приготовляет блага Бог, то что это должны быть за блага? Если Он, создав нас мгновенно, без всякой предварительной заслуги с нашей стороны, предоставил такие дары – рай, собеседование с Собой, бессмертие, блаженную и

беспечальную жизнь, то чего Он не подарит столько потрудившимся и подвизавшимся и потерпевшим за Него? Он не пощадил для нас Единородного, за нас, врагов, предал на смерть истинного Сына; чего же Он не удостоит друзей? Чего Он не подаст примирившимся с Ним? Он и богат сверх всякой меры, и желает, старается приобрести нашу дружбу, мы только, возлюбленные, не стараемся о том же. И что говорю: не стараемся? Не желаем достигнуть Его благ так, как Он желает. А что Он желает более, чем мы, видно из того, что Он сделал. Мы именно за самих себя едва жертвуем малым количеством золота, а Он отдал за нас Своего Сына. Воспользуемся, как следует, любовью Христовой; насладимся Его дружбой. "**Вы**, – говорит Он, – **друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам**" (Иоан. 15: 14). Увы! Врагов, бесконечно от Него удаленных, от которых во всем отличается несравнимым превосходством, их Он сделал друзьями и назвал друзьями. Итак, чего вытерпеть не было бы вожделенно за такую дружбу? За человеческую дружбу часто мы подвергаемся опасности, а за любовь Христову не издержим денег? Поистине наши дела достойны плача, слез и рыданий, многих сетований и воплей; лишились мы нашей надежды, снизошли с нашей высоты, явились недостойными божественной чести, после благодеяний сделались неблагодарными и неугодными; диавол лишил нас всех благ; удостоенные быть сынами, братьями, наследниками, мы ничем не отличаемся от оскорбляющих Его врагов. Какое после того останется нам утешение? Он звал нас на небо, а мы столкнули себя в геенну. Проклятие, ложь, воровство, распутство разлиты по земле; одни смешивают кровь с кровью, другие совершают дела хуже крови. Действительно, многие из любостяжателей скорее предпочтут тысячи смертей, чем потерпят ущерб; если бы они не удерживались страхом Божиим, то наложили бы на себя руки – до такой степени они жаждут собственной смерти. Ужели же это не хуже крови? "**Горе мне! Ибо не стало милосердых на земле, нет правдивых между людьми**" **(У, люте мне душе, яко погибе благочестивый от земли, и исправляющаго в человецех несть)** (Мих. 7: 2). Теперь и мы воззовем прежде всего о себе. Но вы присоединитесь в плаче ко мне. Быть может, некоторые недовольны и смеются? Но поэтому именно и следовало бы усиливать плач, что мы так безумствуем и заблуждаемся, и не сознаем, что безумствуем, но смеемся над тем, по поводу чего следовало бы рыдать. "Открывается, о человек, гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду" (Рим. 1: 18). "**Грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря**" (Псал. 49: 3). "**День** Господень, **как печь** горящая" (Мал. 4: 1). И никто не берет этого в ум, но пренебрегает этими страшными и ужасными вещами более, чем баснями; никто не слушает, все смеются и издеваются. Какой же у нас выход? Где мы найдем спасение? "**Умираем, все погибаем**" **(Погибохом, потребихомся)** (Чис. 17: 12), мы сделались посмеянием для наших врагов, поношением для эллинов и демонов. Много думает теперь о себе диавол, ликует и радуется нашему позору; ангелы, которым мы вверены, все в унынии; никто не обращается, все у нас пропадает напрасно, и мы вам представляемся шутами. Благовременно теперь, так как никто не слушает, обратиться к небу, призвать в свидетели стихии: "**Слушайте, небеса, и внимай, земля, потому что Господь говорит**" (Ис. 1: 2). Вы, никогда не утопавшие, протяните руку погибающим от пьянства, здоровые – больным, бодрствующие – безумствующим, старательные и твердые – колеблющимся. Пусть никто, умоляю, не предпочитает удовольствия друга его спасению; и огорчение и прещение пусть направляется к одному – его пользе. Когда заберет горячка, то и слуги повелевают своими господами, потому что когда она жжет, производя смятение в душе, а толпа слуг стоит около, то господское право не признается, если оно ко вреду господина. Обратимся же, умоляю! Каждодневные войны, потопления, постепенная гибель без числа и гнев Божий отовсюду нас окружают, а мы пребываем в беспечности, точно пользующиеся благополучием, все простираем руки на любостяжание, и никто – на вспомоществование, все на грабительство, и никто – на заступничество, всякий старается приумножить свое достояние, и никто – помочь нуждающемуся, всякий много озабочен, как бы прибавить

денег, и никто – как бы спасти свою душу, одна боязнь объемлет всех: "как бы, – говорят, – мы не сделались бедняками", а о том, чтобы нам не попасть в геенну, никто не беспокоится и не тревожится. Вот это достойно слез, это достойно осуждения. Не желал бы я это говорить, но вынуждаюсь скорбью. Потому простите: скорбь побуждает меня сказать многое, чего бы я и не хотел. Я вижу жестокую рану, неумолимое несчастье, обрушившееся на нас, бедствия превышающие всякое утешение – мы погибаем: "**Кто даст голове моей воду и глазам моим - источник слез**" (Иер. 9: 1)? Восплачем, возлюбленные, восплачем, восстенаем. Быть может, некоторые здесь говорят: "Постоянно-то говоришь ты нам о плаче, постоянно о слезах". Не желал бы, поверьте, не желал бы, скорее желал бы произносить величания и похвалы; но теперь время слез. Да и тяжело, возлюбленные, не плакать, но совершать дела, достойные плача; нужно уклоняться не от рыданий, а от действий, заслуживающих рыдания. Ты не будешь наказан – и я не заплачу; не умрешь – и не зарыдаю. А ты вот, когда тело твое болеет, всех созываешь для соболезнования, и не соболезнующих тебе считаешь бессердечными; когда же душа погибает, ты говоришь, что не надо рыдать. Но я не могу – я ведь отец, и отец, любящий детей. Послушайте, как взывает Павел: "**Дети мои, для которых я снова в муках рождения**" (Гал. 4: 19). Какая мать, томящаяся в родовых муках, испускает такие ужасные звуки, как он? О, если бы возможно было ныне видеть костер в моей душе, ты увидел бы, что я сгораю более юной жены, безвременно сделавшейся вдовой. Не так она оплакивает своего мужа, не так отец сына, как я это множество собравшихся около нас. Не вижу я никакого успеха: все заняты клеветами и наветами, никто не полагает заботы в том, чтобы угодить Богу; "О том-то, – говорят, – и о том не скажем хорошего; такой-то недостоин быть в клире, а такой-то живет нечестно". В то время как следовало бы оплакивать собственные деяния, мы осуждаем других, хотя, если бы даже мы чисты были от прегрешений, не должны были бы этого делать. "**Кто**, – сказано, – **отличает тебя? Что ты имеешь, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получил?**" (1 Кор. 4: 7)? Что судишь брата своего, будучи преисполнен бесчисленных зол? Если ты скажешь, что такой-то негоден, испорчен, нечестив, то вспомни о себе, тщательно исследуй собственные дела, и ты раскаешься в сказанном. Нет ведь, нет другого такого побуждения к добродетели, как воспоминание о грехах. Если мы то и другое у себя применим, то в состоянии будем достигнуть обещанных благ, в состоянии будем очистить себя. Только усвоим себе как-нибудь, возлюбленные, эту мысль, займемся этим делом; поскорбим здесь душой, чтобы не скорбеть там из-за наказания, но насладиться вечными благами там, откуда убежали болезнь, печаль и воздыхания, чтобы достигнуть превосходящих ум человеческий благ, во Христе Иисусе Господе нашем, так как Ему слава и держава с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 45

О том, что не должно усиленно оплакивать умерших.

Не будем, возлюбленные, горько плакать по умершим и отошедшим из этой жизни, но лучше будем рыдать и скорбеть по дурно окончившим свою жизнь. Так и земледелец, когда видит хлеб разложившимся, не плачет, но трепещет и дрожит, пока видит, что он остается в земле в твердом виде, а когда видит разложившимся – радуется, потому что разложение – начало будущего зарождения. Подобно этому и мы радуемся тогда, когда рушился поврежденный дом, когда зародился человек. И не удивляйся, что я назвал гроб зарождением – это даже лучшее зарождение. За обыкновенным зарождением следуют смерти, труды, опасности, заботы, а за этим зарождением, если мы жили правильно, венцы и награды; за первым – тление и смерть, за последним – нетление, бессмертие и бесчисленные блага, В том зарождении – объятия, похотения и сон, в этом – лишь голос,

сходящий с неба, и вдруг все довершается, восставший же ведется уже не на многотрудную жизнь, но на ту, от которой отбежала болезнь, печаль и воздыхание. Если же ты ищешь заступничества и из-за этого оплакиваешь мужа, то прибегни к Богу, общему всех заступнику, спасителю и благодетелю, к необоримому пособию, к удобной помощи, к изобильному покрову, повсюду присутствующему и отовсюду нас ограждающему. Но совместная жизнь, любезная и вожделенная? Знаю и я. Однако же, если взвесишь рассудком свое страдание, подумаешь сам в себе о том, кто взял, и о том, что, в случае стерпишь мужественно, этим принесешь свою волю в жертву Богу, то ты сможешь перебраться через эту волну; чего не сделает время, то сделает философия; если же ослабеешь, а страдание с течением времени уляжется, то тебе не причтется никакой награды. Вслед за этими размышлениями собери также примеры, как из настоящей жизни, так и из Божественных Писаний. Вспомни, что Авраам заклал и своего сына, и не плакал, не проронил горького слова. "Но то, – скажешь, – был Авраам!" А ведь ты призван еще на более возвышенное поприще. Иов, правда, скорбел, но лишь настолько, насколько пристойно отцу, любившему детей и сильно заботившемуся о погибших. А то, что мы теперь делаем, пристойно врагам и неприятелям. В самом деле, если бы кто-нибудь взят был в царский дворец и коронован, и ты стал бы терзаться и рыдать, то я не назвал бы тебя другом коронованного, а скорее его врагом и неприятелем. "Но, – скажешь, – я теперь не его оплакиваю, а себя самого". И это не есть знак любящего, что ты именно ради себя желал бы, чтобы он еще продолжал состязание и подвергался неизвестности будущего, между тем как в настоящее время он достиг цели и увенчивается; чтобы он плыл по морю, между тем как он может считаться находящимся в пристани. "Но, – скажешь, – я не знаю, куда он удалился!" Почему не знаешь, скажи мне? Он жил либо праведно, либо нет – ясно, куда удалился. "Вот, – скажешь, – из-за того самого я и горюю, что он отошел грешником". Отговорка это и предлог. Ведь если ты из-за этого плачешь по умершем, то следовало исправлять и улучшать его при жизни; но ты постоянно устремляешь взоры на то, что касается тебя, а не его. Если же он отошел и грешником, то и поэтому нужно радоваться, так как прервались его грехи и порочность перестала нарастать, а кроме того, нужно помогать, насколько возможно, не слезами, но молитвами, прошениями, милостынями и приношениями. В самом деле, не без причины это придумано, не напрасно мы творим память об умерших в Божественных Тайнах и приступаем с молитвой за них к предлежащему Агнцу, взявшему грех мира, но для того, чтобы отсюда получилось для них какое-нибудь утешение; и не вообще предстоящий жертвеннику при совершении страшных тайн взывает: "За всех почивших во Христе и за совершающих о них памяти". А если бы не о них были памяти, то этого и не говорилось бы. Ведь наше служение не зрелище, – да не будет, – а происходит это по повелению Духа. Будем же им помогать и совершать память о них. Если сыновей Иова очищала жертва отца, то неужели сомневаешься, что бывает некоторое утешение умершим, когда мы делаем за них приношения? Богу привычно, чтобы благодарение приносилось и одними за других; на это указал и Павел, говоря: "**дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас**" (2 Кор. 1: 11). Не устанем же помогать отошедшим и приносить за них совершенные молитвы. Ведь предлежит всеобщее очищение вселенной. Поэтому смело тогда помолимся за вселенную и призовем их с мучениками, исповедниками, иереями, потому что одно тело мы все, хотя некоторые члены превосходнее других, и возможно всячески низвести на них снисхождение – через молитвы, через дары за них, через тех, которые с ними призываются. Что же ты скорбишь, что плачешь, когда возможно низвести на отошедшего такое снисхождение? Или это потому, что ты сделался беспомощным и потерял заступника? Но никогда этого не говори, потому что ты не потерял Бога, а пока ты Его имеешь, Он для тебя будет больше, чем отец, и сын, и опекун. Ведь и при жизни их, все Он совершал. Итак подумай об этом и скажи с Давидом: "**Господь - свет мой и спасение мое: кого мне бояться?" (Господь просвещение мое, и спаситель мои, кого убоюся)** (Псал. 26: 1). Скажи: "Ты – отец

сирот, судья вдов", – и привлечешь Его помощь, и в большей мере будешь располагать Его промышлением, чем прежде, насколько в большем находишься затруднении. Но ты потерял ребенка? Не потерял, не говори этого: здесь сон, не смерть, преставление, не гибель, переход от худшего к лучшему. Не раздражай же Бога, но умилостивляй. Если ты перенесешь мужественно, то отсюда получится и отошедшему и тебе некоторое утешение; если же наоборот, то еще более возбудишь гнев Божий. Так и в том случае, когда господин сечет отрока, а ты находясь при этом выражаешь неудовольствие, то этим больше возбуждаешь господина против себя. Не поступай же так, но благодари, чтобы через это рассеялось для тебя облако печали; говори, как тот блаженный: "**Господь дал, Господь и взял**" (Иов. 1: 21); подумай, как многие больше тебя благодарили, и детей не имея, и не называясь отцами. "И я, – скажешь, – не желал бы иметь, так как лучше не знать на опыте, чем, отведав удовольствия, потом лишиться его". Нет, убеждаю, не говори этого, не прогневляй этим Владыку, но возблагодари за то, что получил, а за то, чем не до конца пользовался, прославь. Иов не сказал: "Лучше было бы не получать"; что говоришь безрассудно ты; он и за то благодарил, говоря: "**Господь дал**", и за это благословлял, говоря: "**Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!**" (Иов. 1: 21). И жене он таким образом заградил уста, оправдываясь перед ней и произнеся эти удивительные слова: "**неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?" (аще благая прияхом от руки Господни, злых ли не стерпим)** (Иов. 2: 10). И хотя после того искушение сделалось более тяжелым, он, однако, не изнемогал, но с одинаковым мужеством переносил и славословил. Так и ты поступай и размышляй про себя, что не человек его взял, но Бог, его создавший, более, чем ты, о нем пекущийся и знающий, что ему полезно, – не враг какой-нибудь и не наветник. Посмотри, как многие остающиеся в живых дети сделали для своих родителей жизнь невыносимой. "А доблестных детей, – скажешь ты, – не замечаешь?" Вижу и таких, но обстоятельства твоего сына в более надежном положении, чем их, потому что хотя они ведут себя похвально, однако же конец их еще неизвестен, а за своего ты уже не беспокоишься и не дрожишь, как бы он чего не потерпел и не подвергся бы какой-нибудь перемене. Так же рассуждай и о доброй, домовитой жене: за все благодари Бога; если ты и лишился ее, славословь; быть может Богу угодно привести тебя к воздержанию и Он восхотел, освободив тебя от уз, призвать на более высокое поприще. Скажи мне: если бы царь послал и позвал во дворец кого-нибудь из нас, внизу сидящих – следовало ли бы горевать и плакать? Вот, приходят сюда с небес ангелы, ниспосланные самим Царем, чтобы позвать подобного им раба, и ты, скажи мне, плачешь? Разве не знаешь, какое это совершается таинство? Как оно страшно и ужасно, и поистине достойно гимнов и хваления? Желаешь научиться, узнать, что не время слез? Действительно, это великая тайна премудрости Божией. Как бы покидая какой дом, идет душа и приводится к своему Владыке, а ты скорбишь? В таком случае, когда и родился ребенок, нужно было поступить так же, потому что и это – рождение, только гораздо лучше того рождения, так как идет к другому свету, освобождается как бы из какой темницы, удаляется от борьбы. "Да, – скажешь, – о достигших славы ты это хорошо говоришь". Что же с твоей стороны, человек, когда ты и не делаешь этого в отношении достигших славы? Какую, скажи мне, укоризну ты находишь в маленьком ребенке, которого между тем оплакиваешь? Какую – в новопросвещенном, который в таком же точно находится положении? Из-за чего плачешь, скажи мне? Ведь подобно тому как солнце восходит чистым, так и душа, оставляющая тело с чистой совестью, сияет и блещет. Не так привлекательно видеть царя, входящего в город с великой торжественностью, как душу, оставляющую тело и уходящую с ангелами. Подумай, какова это душа, в каком она бывает тогда восторге, в каком изумлении, в каком наслаждении. Что горюешь, скажи мне? Но ты поступаешь так лишь в отношении грешников? О, если бы так было – я бы тогда не препятствовал горю. О, если бы это было целью: такой плач – плач апостольский, плач Владычный, потому что и Христос плакал об Иерусалиме. Желал бы я, чтобы рыдания определялись этим правилом; но когда ты

произносишь призывные слова, упоминаешь о совместной жизни, о предстательстве, то не из-за этого ты плачешь, а пользуешься лишь предлогом. Скорби, сетуй о грешнике; и я проливаю слезы, я даже больше, чем ты, насколько он большему подлежит наказанию; с этой целью и я буду плакать. И не тебе только следовало бы такого оплакивать, но и целому городу, всем встречным, даже тем, которые уводятся на смерть. Действительно, кончина грешников – злая кончина. Но все перепуталось. Один плач свидетельствует о любомудрии и заключает в себе великое научение, а другой обнаруживает малодушие. Если бы все мы плакали первым плачем, то исправили бы их еще при жизни. Подобно тому как, если бы ты имел возможность доставить лекарство, избавляющее от телесной смерти, то ты сделал бы это, так и тут, если бы ты оплакал эту смерть, то избавил бы от нее и себя и его. Теперь же происходит загадка: имея возможность не допустить, чтобы это случилось, мы допускаем случиться, а после того как случилось – скорбим. Поистине они достойны будут слез, когда предстанут перед судилищем Христовым – какие услышат слова? Какие потерпят бедствия? Они напрасно жили; лучше же сказать – не напрасно, но для зла. И о них уместно сказать: благо им было бы, если бы не родились. Какая в самом деле польза, скажи, потерять на свою голову столько времени на зло? Если бы даже потеряли лишь напрасно, то недостаточен ли был бы убыток? Скажи мне: если бы кто, работая по найму, понапрасну потерял двадцать лет, то неужели бы он не сетовал, не плакал, не считал себя несчастнее всех? А тот всю жизнь напрасно работал, ни одного дня не прожил для себя, но все для сладострастия, для распутства, для любостяжания, для греха, для диавола; итак, скажи мне, его не будем оплакивать? Не постараемся исторгнуть его из опасностей? Возможно ведь, возможно, если только желаем, смягчить для него наказание. Будем совершать постоянные за него молитвы, будем давать милостыню – и хотя бы он был недостоин, Бог умилосердится через нас. Если Павел пожалел и пощадил одного ради других, то тем более мы должны это делать. Из его ли денег, из своих ли, из каких ты хочешь, но помогай, источай елей, лучше же сказать – воду. Он не может указать на собственную милостыню? Укажет, по крайней мере, на милостыню своей родни. Не может указать на милостыню, сделанную им самим? По крайней мере, укажет на то, что жена, когда с дерзновением молилась за него, вносила выкуп за него. Чем в большем числе грехов он был виновен, тем большая нужна за него милостыня, не только поэтому, но и потому, что теперь она не одинаковую имеет силу, а гораздо меньшую. Ведь не одно и то же, когда он сам что сделает и когда другой за него. Потому именно, что она меньше, мы и будем делать ее по размерам возможно большей. Не будем прилагать забот о памятниках, о гробницах – вот превосходнейшая гробница: поставь вдов, объяви имя, всем прикажи совершать за него молитвы и прошения; это умилостивит Бога. Хотя и не им самим сделано, но за него другой стал виновником милостыни, а и это – дело божественного человеколюбия. Стоящие кругом и плачущие вдовы в состоянии будут исторгнуть не от настоящей, но от будущей смерти. Многие получали пользу и от милостыни, делаемой за них другими, хотя и не всецело, но все же находили некоторое утешение. Если бы этого не было, то каким образом спасались бы дети, которые сами ничего не вносят, но все родители? И женщинам часто даются в дар дети, ничего сами не внесшие. Бог дает нам много путей спасения, только бы мы не оставались нерадивыми. "Но что, – скажешь, – если кто беден?" Опять скажу: величина милостыни считается не по размеру даваемого, но по доброй воле – не давай только меньше, чем в силах дать, и ты все разрешишь. "Но что, – скажешь, – если кто одинок, странен, не имеет никого?" А почему, скажи мне, он никого не имеет? В том самом ты и будешь наказан, что не имеешь у себя ни одного друга, настолько преданного добродетели. Итак, это бывает для того, чтобы, если сами мы не добродетельны, то старались бы иметь добродетельных товарищей и приятелей, жену, сына, друга, чтобы через них извлечь какой-нибудь плод, хотя и не большой, а все же плод. Если позаботишься взять жену не богатую, но благочестивую, ты воспользуешься этим утешением; если позаботишься оставить сына не богатого, но благочестивого, или дочь честную, тоже воспользуешься этим утешением.

Если об этом постараешься, то и сам будешь такой же. И то частица добродетели– любить таких друзей, жену, детей. Не тщетны бывают приношения за отшедших, не тщетны моления, не тщетны милостыни: все это установил Дух, желающий, чтобы мы друг другу приносили пользу. Смотри: он получает пользу через тебя, а ты получаешь через него. Ты пренебрег деньгами, побуждаясь сделать что-нибудь доблестное? Ты и для него стал виновником спасения, и для себя – милостыни. Не сомневайся насчет того, получит ли он какую-нибудь пользу; не без основания диакон взывает: "За почивших о Христе и за совершающих о них память". Не диакон возглашает это, но Дух святой, – разумею дарование (**χάρισμα**). Что ты говоришь? В руках жертва, все наготове, присутствуют ангелы, архангелы, присутствует Сын Божий, все стоят с таким трепетом, предстоящие взывают при всеобщем молчании, – и ты полагаешь, что говоримое бывает без основания? В таком случае и другое без основания, и приношения за церковь, за иереев, за общество верующих? Отнюдь нет – все бывает с верой. Что, полагаешь ты, приносится за мучеников? То, что они именуются в этот час. Хотя они и мученики, хотя бы были более, чем мученики, все же великая честь быть поименованным в присутствии Владыки, когда творится это воспоминание, приносится страшная жертва, совершаются неизреченные тайны. Подобно тому, как когда царь восседает, всякий, чего бы ни пожелал, может достигнуть, а когда царь встанет, то, что бы ни сказал, говорит понапрасну, так и тогда: пока предлежат тайны, всем, удостоенным упоминания, величайший почет. Смотри в самом деле: тогда возвещается страшная тайна, что Бог предал Себя за вселенную; после этого чуда благовременно происходит упоминание о тех, которые согрешили. Подобно тому как, когда празднуется царская победа, восхваляются тогда и те, которые участвовали в победе и ради этого времени отпускаются те, которые находятся в узах, а по прошествии этого времени, кто не воспользовался, уже ничего не получает, так точно и здесь: это время празднования победы. "**Ибо всякий раз**, – сказано, – **когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете**" (1 Кор. 11: 26). Не без цели мы приступаем, и мы признаем, что это не случайно происходит. Иными словами, мы вспоминаем мучеников, и это по вере, что Господь умер, а это, что он стал мертвым, есть знак, что смерть умерщвлена. Зная это, будем помышлять, какие бы мы могли доставить утешения усопшим: вместо слез, вместо рыданий, вместо поминок – милостыни, молитвы, приношения, чтобы и они и мы достигли обещанных благ, благодатью и человеколюбием единородного Сына, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО 46

О том, что если мы даже виновны во всех грехах, мы можем спастись через исповедь; и что каждый из нас верующих имеет ангела хранителя; и о священниках.

Из людей, возлюбленные, одни наказываются здесь и там, другие – только здесь, третьи – только там, четвертые же – ни здесь, ни там. Здесь и там – те, которые распяли Христа: здесь они понесли наказание, когда при взятии города претерпели невыразимые бедствия, и там несут еще более тяжелое наказание; затем – граждане Содома и многие другие. Там только – богач, например, который был сжигаем и не имел в распоряжении даже капли воды. Здесь – блудник, например, у коринфян. Ни здесь, ни там – апостолы, пророки, блаженный Иов, так как то, что они потерпели, не было наказанием, но проявлением борьбы и подвигов. Постараемся же быть в их уделе, а если не в их, то по крайней мере тех, которые здесь слагают грехи. Ведь страшно то судилище, и неумолимо мучение, и невыносимо наказание. Если же хочешь и здесь не понести наказания, то суди сам себя и требуй от себя ответственности; послушай, что говорит Павел: "**Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы**"(1 Кор. 11: 31). Если ты это сделаешь, то уйдешь вперед по пути и дойдешь до венца. А как, спросишь, требовать наказания самим себе?

Скорби, воздыхай горько, смиряй себя, поноси, вспоминай о прегрешениях, о каждом в отдельности: это немалое истязание для души. Если кто находился в сокрушении, тот знает, что душа в особенности этим казнится; если кто находился в памятовании грехов, тот знает происходящую отсюда скорбь. Поэтому Бог полагает праведность наградой за такое раскаяние, говоря: "**говори ты, чтоб оправдаться" (глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися)** (Иса. 43: 26). Немало значит в деле исправления – собрав все грехи, постоянно их рассматривать и исследовать каждый в отдельности. Делающий это дойдет до такого сокрушения, что не будет даже считать себя достойным жизни, а кто так думает, тот будет мягче всякого воска. Не говори мне лишь о распутстве, ни о других явных грехах: нужно собрать и тайные замыслы, и клеветы, и злословия, и тщеславие, и зависть, и все тому подобное, потому что и это влечет за собой немалое наказание. Ввергается также и ругатель в геенну, и пьяница не имеет никакого общения в царстве, и не любящий ближнего до того оскорбляет Бога, что и само мученичество не приносит ему пользы, и нерадящий о домашних отвергается веры, и пренебрегающий бедными посылается в огонь. Поэтому не считай это маловажным, но все собирай и как в книгу записывай. Если ты запишешь, то Бог изгладит, если же нет, если не запишешь, то Бог запишет и потребует ответа. Следовательно, много лучше, когда это нами будет записано, а свыше изглажено, чем наоборот, когда мы забудем, а Бог в тот день вынесет это перед нашими глазами. А чтобы этого не случилось, будем тщательно исследовать, и мы найдем себя виновными во многом. Кто в самом деле чист от любостяжания? Не говори мне о размерах, потому что и за малое понесем тоже наказание. Размышляй об этом, и кайся. Кто свободен от ругательства? Между тем, оно ввергает в геенну. Кто не говорил тайно против ближнего? Кто не безумствовал? А такой – всех грязнее. Кто не смотрел на женщину необузданными глазами? А такой – совершеннейший блудодей. Кто не гневался на брата понапрасну? А такой "повинен синедриону". Кто не клялся? А такой – от лукавого. Кто не рабствовал мамоне? А такой изъят из истинного рабства Христова. Могу я сказать и многое другое, подобное этому, но и сказанного достаточно, чтобы привести к сокрушению, если кто не камень и не крайне бесчувствен. Если каждый из этих грехов ввергает в геенну, то все вместе соединенные чего не сделают? "**Смотрите**, **–** сказано, – **не презирайте ни одного из малых сих; ибо Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного**" (Мф. 18: 10), потому что всякий верующий имеет ангела. Так и от начала всякий славный муж имел ангела, как говорит Иаков: "**Ангел, избавляющий меня от всякого зла**"[1] (Быт. 48: 15–16). Итак, если у нас есть ангелы, то будем бодрствовать, как бы имея при себе некоторых педагогов. Присутствует также и демон: будем поэтому молиться и говорить, прося ангела мира, и всюду будем просить мира, с которым ничто не может сравниться – мира в церквах, в молитвах, в молениях, в прещениях; и раз, и два, и три, и многократно преподает его настоятель церкви: "мир вам". Почему? Потому что он (мир) – отец всех благ, он – основание радости. Поэтому и Христос повелел апостолам, входя в дома, тотчас говорить это, как бы указывая на какой символ благ: "**входя же в дом**", сказал Он, "глаголите: "**мир вам**" (Мф. 10: 12). Если его нет – все излишне. И Христос сказал ученикам: "**мир оставляю вам: мир мой даю вам**" (Иоан. 16: 27). Он (мир) приготовляет дорогу к любви. И не просто говорит настоятель церкви: "мир вам" но: "мир всем". Что в самом деле, если мы с одним поддерживаем мир, а с другим ведем войну и борьбу? Какая выгода? Ведь и в теле, если одни из составных частей спокойны, а другие возмущены, никогда невозможно поддержать здоровья – это возможно только при всеобщем порядке, согласии и мире; если не все спокойно, не все остается в своих границах, то все рушится. И в нашей душе, если не все мысли спокойны, то не будет мира. Мир – такое благо, что творцы его и устроители называются сынами Божиими. Это правильно: и Сын Божий для того пришел на землю, чтобы устроить мир между тем, что на земле, и тем, что на небесах. Если же миротворцы – сыны Божий, то возмутители – сыны диавола. Что ты говоришь? Вводишь раздоры и столкновения? Кто, скажешь, до такой степени жалок? Да, есть многие, радующиеся злу и терзающие тело

Христово более, нежели воины, пронзившие копьем, нежели иудеи, пригвоздившие к древу. То зло меньше этого; те члены, будучи рассечены, опять соединились; а эти, будучи расторгнуты, если здесь не соединяются, то и никогда не соединятся, но останутся вне общества верующих. Когда ты хочешь воевать с братом, то подумай, что воюешь с членами Христа, и останови безумие. Что в том, если он отвержен, если ничтожен, если презренен? "**Так, нет**, – сказал Господь, – **воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих**", и еще: "**Ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Моего Небесного**" (Мф. 18: 14, 10). Бог за него и за тебя стал рабом и был умерщвлен, а ты считаешь его за ничто? Разве же и в этом ты не воюешь против Бога, когда выносишь противные Ему приговоры? Когда входит настоятель церкви, сейчас же говорит: "мир вам"; когда беседует – "мир всем"; когда совершается жертва – "мир всем"; и между тем, опять – "благодать вам и мир". Как же не безрассудно, столько раз слыша, что у нас мир, воевать друг против друга? Приняв и дав мир, с тем, кто дал мир, воевать? Ты говоришь: и духови твоему, а видимо обманываешь его? Горе мне, потому что святыня церковная сделалась простой формальностью, а не какой-нибудь истиной! Горе мне, потому что символы этого воинства остаются на словах! Поэтому вы и не знаете, для чего говорится: "мир всем". Но послушайте дальше. Что говорит Христос? "**В какой бы город или селение ни вошли вы, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится**" (Мф. 10: 11–13). Потому не знаем, что считаем это формой слов, и не слагаем в уме. Ужели и я не даю мира? Христос благоволит возглашать через нас. Если во всякое другое время мы лишены благодати, то не теперь – ради вас. Если по домостроительству Божию и для пользы евреев благодать действовала через ослицу и прорицателя, ясно, что и через нас не откажется действовать, снизойдет на это ради вас. Итак, никто пусть не говорит: "я ничтожен и низок и не заслуживаю никакого уважения"; это и ко мне относится, потому что я именно таков; однако же Богу угодно обращать внимание и на таковых ради многих. Знайте вот: Он соблаговолил говорить с Каином ради Авеля, с диаволом ради Иова, с фараоном ради Иосифа, с Навуходоносором ради Даниила, с Валтасаром ради него же. И волхвы удостоены были откровения, и Каиафа, хотя был христоубийца и недостоин, пророчествовал ради достоинства священства. Ради этого и Аарон не был поражен проказой. В самом деле, скажи мне, почему в то время как оба они дурно говорили, сестра только понесла наказание? Не удивляйся. Если и с мирскими достоинствами бывает, что хотя бы на кого поступили тысячи обвинений, не прежде он приводится в судилище, чем сложена власть, чтобы вместе с ним и ей не нанесено было оскорбления, то тем более в духовной власти, какова бы она ни была, действует благодать Божия, хотя бы и все было потеряно; а когда сложит власть, умирая ли, или оставаясь в живых, тогда понесет тягчайшее наказание. Не думайте, что это говорится нами от себя – что именно благодать Божия действует и через недостойного, не ради нас, а ради вас. Послушайте, что говорит Христос: "**Если дом будет достоин, то мир ваш придет на него**". А каким образом бывает достоин? "Если, – говорит, – примут вас: если же не примут вас и не послушают слов ваших, истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому" (Мф. 10: 14, 15). Какая же польза, когда принимаете нас, а не слушаете того, что мы говорим? Какая выгода, когда принимаете служение, а не внимаете тому, что вам говорится? Вот для нас честь, вот дивное и полезное вам и нам служение – если вы нас слушаете. Послушай, что говорит Павел; "**я не знал, братия, что он первосвященник**" (Деян. 23: 5). Послушай, что и Христос говорит: "**все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте**" (Мф. 23: 3). Не меня ты презираешь, а священство; когда увидишь, что я его лишен, тогда презирай; тогда и я не дозволю себе распоряжаться; а пока мы восседаем на этом престоле, пока имеем председательство, до тех пор имеем власть и силу, хотя бы были недостойны. Если престол Моисея был настолько уважаем, что ради него его слушали, то тем более – престол Христа. Его мы унаследовали, с него говорим, с него и Христос

возложил на нас служение примирения. Послы, каковы бы они ни были, ради посольского достоинства пользуются большой честью. Смотри в самом деле: они одни идут в центр варварской земли, в среду стольких врагов, и так как закон о посольстве имеет большую силу, то все их почитают, все на них с уважением взирают, все в сохранности препровождают. И мы получили поручение посольства и пришли от Бога: это именно епископское достоинство. Мы пришли к вам, как послы, прося прекратить войну, и говорим, на каких условиях: мы обещаем не города передать, не столько-то и столько мер хлеба, не рабов, не золото, но царство небесное, жизнь вечную, пребывание со Христом и другие блага, о которых нам и сказать невозможно, пока находимся в этом теле и в настоящей жизни. Итак, выполняя посольство, мы желаем пользоваться и честью, не ради себя, нет: мы знаем наше ничтожество, но ради вас, чтобы вы тщательно выслушали то, чему мы учим, чтобы вы извлекли пользу, чтобы без нерадения и невнимания удерживали то, что говорим. Не видите ли послов, как все их уважают? Мы – послы Бога к людям. Если вам что неприятно, то не мы, а само епископство, не такой-то человек, а епископ. Не меня никто не слушает, но епископское достоинство. Итак, будем во всем поступать согласно воле Божией, чтобы и прожить нам во славу Божию, и удостоиться благ, обещанных любящим его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] В слав. Библии: "**Бог, иже питает мя имлада даже до дне сего, ангел, иже мя избавляет от всех зол**".

СЛОВО 47.

О том, что не должно недостойно приступать к Божественным тайнам.

Так как мы вспомнили об этой жертве, то хочу сказать немногое к вам посвященным – немногое по размерам, но обладающее великой силой и пользой, потому что говоримое – не наше, а Божественного Духа. Что же это? Многие приобщаются этой жертве однажды в год, другие дважды, иные много раз. Следовательно, всем полезно наше слово, даже и самим пребывающим в пустыне, потому что они однажды в год приобщаются, а нередко через два года. Что же? Кого мы одобряем? Ни тех, которые однажды, ни тех, которые часто, но тех, которые с чистой совестью, с чистым сердцем, с неосквернённой жизнью. Такие всегда приступают, а которые не таковы, те никогда. "**Кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе**" (1 Кор. 11: 29), как говорит апостол. Они даются святым; это выражает и диакон, призывая святых теми страшными словами. Так как не может человек знать то, что принадлежит ближнему, если не Дух, который в нем обитает, то он произносит эти слова: "**святая – святым**". Если кто не свят, не приступай. Не просто говорит: "чистый от грехов", но – "святой", потому что не освобождение только от грехов делает святым, но также присутствие Духа и богатство добрых дел. А что это за грех? Когда приступают не со страхом, но ударяя в грудь, поднимая шум и прочее. Часто я это говорил, и не перестану говорить. Не видите ли на Олимпийских играх, когда у ратоборца украшена голова и глашатай призывает к тишине, какой хороший бывает порядок? Как же не бессмысленно – где торжествует диавол, там великая тишина, а где Христос призывает к Себе, там великий шум? Лучше сказать – в море спокойствие, а в гавани волны. Что шумишь, скажи мне? Без сомнения, деловая нужда зовет. Значит, ты во всяком случае знаешь, что в этот час у тебя есть дела? Во всяком случае помнишь, что ты на земле? А разве же это не признак окаменелой души – думать в это время, что находишься на земле, а не участвуешь в хоре ангелов, с которыми и воссылаешь к Богу ту таинственную песнь,

песнь победы: "**свят, свят, свят**"? Христос для того назвал нас орлами, говоря: "**где тело, там соберутся и орлы**" (Лук. 17: 37), чтобы мы восходили на небо, взлетали на высоту, облегчаемые крыльями Духа, а мы, как змеи, пресмыкаемся долу и едим землю. Желаете, я скажу, отчего происходит шум? Оттого, что не всегда закрываем для вас двери и дозволяем уходить раньше последнего благодарения: это указывает на большое пренебрежение. Что ты делаешь, человек? Когда Христос присутствует, ангелы предстоят, трапеза предложена, ты сам бросаешь и уходишь? А позванный на обед, ты не осмеливаешься уйти раньше сотоварищей? Желаете, я скажу, чье дело делают те, которые уходят до Евхаристии? Когда Иуда участвовал в последней вечери в ту окончательную ночь и все другие возлежали, он выскочил и ушел. Ему и те подражают. Если бы он не ушел, то не сделался бы предателем и не погиб бы; если бы он не отлучился от пастыря, то не сделался бы добычей зверя. Видишь ли, что последняя молитва после жертвы бывает по тому образцу? Он именно с иудеями, а они вышли с Владыкой, воспев песнь. Это я говорю, чтобы вы не шумели и не кричали, но в великом молчании и благопристойности будем приобщаться этой Божественной жертве, чтобы и душу нам очистить и достигнуть вечных благ. Не утверждай, что это простой хлеб и вино; это – тело и кровь, согласно Владычнему изречению; не суди о деле по вкусу, но почерпай несомненное убеждение в вере. Приступая же, не разъединяй рук, но из левой руки сделай седалище для правой, из ладони устрой впадину, как имеющий принять Царя; принимай тело Христово с великим страхом, чтобы какой-нибудь Маргарит не выпал из твоей руки и ты бы не повредил ни одного из твоих членов. Подобным образом приступай и к святой крови, не протягивая рук... говоря: аминь. Пока еще влага в устах, коснемся руками глаз и чела – освятятся и прочие чувства; и возблагодари Бога, удостоившего тебя такого таинства. И как, скажешь, возможно спастись среди мира? Что говоришь? Хочешь, я вкратце покажу, что не место приносит спасение, но образ жизни и воля, устремленная к Богу? Адам, находясь, в раю, как в пристани, потерпел кораблекрушение; а Лот в Содоме, как в море, спасся. Иов на навозной куче был оправдан; а Саул, пребывая в сокровищницах царского дворца, лишился как настоящей, так и будущей славы и чести. Это не защита, мы терпим это потому, что занимаемся не молитвами и Божественными собраниями. Или не видишь, как желающие получить достоинства от земного царя бывают настойчивы, и других побуждают к заступничеству, чтобы не потерпеть неудачи в искомом? Это у меня говорится относительно тех, которые пропускают святые собрания и которые в страшный час таинственности занимаются разговорами и пустословием. Что делаешь, человек? Разве ты не обещал иерею, говорившему: "горе имеем сердца" и не сказал: "имамы ко Господу"? Не стыдишься и не краснеешь, оказавшись лжецом в таких словах и в такой час? Увы! Когда царская трапеза приготовлена, агнец Божий закалается за тебя, священник подвизается за тебя, серафимы предстоят, шестокрылатые закрывают лица, все бестелесные силы, вместе с священником, посольствуют за тебя, огонь духовный нисходит, кровь проливается в чашу из непорочного бока, совесть твоя, о, человек, тебя не осуждает? Сто шестьдесят восемь часов заключается в неделе, и один-единственный час определил для Себя Бог; если ты и его употребишь на дела житейские, на разговоры и смешки, то с каким напоследок дерзновением подойдешь к Божественным тайнам, с какой совестью? Вот если бы у тебя был кал в руках, осмелился ли бы ты приблизиться к царской бахроме? Отнюдь. Не смотри, что это хлеб, что вино – не как прочие обыкновенные снеди они удаляются в задний проход, нет, ничего такого не думай. Поэтому, приступая, мы и думаем, что причащаемся Божественного тела не как люди, но как сами Серафимы клещами огненными, которые видел Исайя. Прошу и умоляю – не будем уклоняться от церквей, а собравшись, не будем заниматься в церкви разговорами, но стоять в страхе и трепете, с опущенными вниз глазами, с устремленной вверх душой, будем воздыхать сердцем. Или не видишь стоящих возле смертного и временного царя – как они бывают неподвижны, молчаливы, не вращают глазами туда и сюда, но стоят уныло, смущенно, боязливо? Сам от себя, человек, заимствуй обличение и приступай к

небесному Богу хотя бы так, как к царю земному. Часто я это говорю, и не перестану говорить. А входя в церкви, будем входить, как подобает Богу, не имея в душе злопамятства, чтобы нам не понести осуждения, когда говорим; "**прости нам, как и мы прощаем** (Мф. 6: 12). Страшны эти слова, почти к Богу взывает тот, кто говорит так: "я оставил, Владыка, – оставь; я простил, – прости". Итак, зная об этом, равно и о том огне, и о страшном судилище, обратимся наконец от заблуждений нашего жизненного пути. Ведь наступит день, когда зрелище жизни прекратится и никто наконец не будет уже подвизаться. Это – время покаяния, а то – суда; это – время подвигов, а то – венцов. Возбудитесь, умоляю, и старательно выслушайте сказанное. Мы жили плотью, поживем, наконец, духом; жили в беспечности, поживем, наконец, в раскаянии. Что чванишься, земля и пепел? Что гордишься? Что высокоумствуешь? Что надеешься на мирскую славу и богатство? Пойдем к гробам, прошу; взглянем на рассеянную природу, на провонявшие кости, на истлевшие тела; посмотри и, если ты мудрый, если разумный, скажи мне, кто тут царь и кто честный человек, кто свободный и кто раб, кто мудрец и кто простец? Где тут красота юности, где прелесть взгляда, где прекрасные глаза, где блестящее лицо? Не все ли пыль, не все ли зола, не все ли пепел, не все ли мрак, не все ли тление и смрад? Размышляя об этом и памятуя о последнем дне, будем, пока есть время, творить добро, чтобы нам избавиться от будущей бесконечной геенны и удостоиться царства небесного благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

СЛОВО 48.

Цветник в форме слова, собранный из Златоуста Феодором: что нужно делать христианину, чтобы наследовать жизнь вечную.

Любить Бога всей душой и силами, соблюдать заповеди Его и любить ближнего, как самого себя, по слову Господа, который говорит: "**Если заповеди моя соблюдете, пребудете в любви моей**" (Иоан. 15: 10), и еще: "**По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою**". Кто смиряется в душе своей перед Богом и никогда не превозносится над ближним своим, – потому что "сердца сокрушенного и смиренного Бог не презрит" **(сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит)** (Псал. 50: 19); кто скорбит о грехе ближнего, оплакивает собственные грехи, радуется радости ближнего и не уязвляется завистью по поводу его благополучия; кто смиренно принимает и укрощает противников, всегда желает и жаждет совершать правду Божию, потому что он сохранит чистоту своей души; кто склоняется перед милосердием к нуждающимся в милосердии, отдает всего себя за мир по Богу и старается за такое действие именоваться сыном Божиим, сверх того, терпит обиды, обвинения и преследования, и умирает за правду Божию и за исповедание Христа, потому что это жизнь вечная; кто ниспровергает всякое еретическое злоречие и правильно исповедует исповедание святой Троицы; кто печется об истине в сердце своем, не лукавствует языком своим во лжи и не делает зла ближнему согласно Писанию; кто не порицает, не поносит и ничего другого запрещенного не совершает, но тщательно хранит все заповеди Христовы и исполняет их; кто протягивает руки для милостыни, будучи обманываем, не противится и не отплачивает, отдает одежду неимущему, будучи поносим благословляет, будучи отягощаем, еще добавляет, не носит в устах никакого постыдного или оскорбительного слова, не произносит клятвы, признает одно мерило – истину и всячески день и ночь заботится о ней, не говорит кому-нибудь в своих оправданиях более, чем "**да**" и "**нет**", согласно повелению Господа; кто направляет язык на песнопение, колени и руки вместе с мыслью – на моления, проливает перед лицом Божиим слезы сокрушения; кто непрестанно беспокоится о своей смерти, и о будущем суде, и об ответственности за дела свои, непрестанно помышляет о том, в чем он согрешил, принося за все хвалы Богу; кто

старательно совершает добрые дела, не выставляя их напоказ перед кем-нибудь и не тщеславясь ими подобно фарисею, но предоставляя знать о них всеведущему Богу, который воздаст каждому по делам его; кто избегает пьянства, избегает клятвопреступничества, чревоугодничества, неприличных речей, зависти, распри, злобы, любостяжания – этого второго идолослужения, ярости, гнева, прелюбодеяния, блуда и всякой телесной нечистоты; кто не занимается ни колдовством, ни прорицаниями, ни заклинаниями, но очищает себя день и ночь для неосужденного причащения Честного Тела и Крови Христовой; кто предстательствует за сирот, равно как также за вдов и пришельцев; кто не отворачивается от просящего или от желающего получить взаймы, и даже разрывает всякое неправильное писание, а если имеет и правильное, то не предъявляет и не показывает его кому-нибудь, так как всецело все принадлежит Богу; если чем он правильно владеет, от Бога владеет, Ему он предоставляет свою собственность, а от Бога просит самого необходимого, прославляет прославляющих Бога и чтит рабов Его; кто сожалеет врагов веры из-за их слепоты, всеми силами старается их обратить, от упорствующих же отвращается, и ненавидит полной ненавистью ненавидящих Господа; кто живет во всякой доброте, во всяком благочестии, во всякой непорочности, как бы имея в себе всего Бога и сам весь находясь в Боге, воспоминанием о Боге и Его заповедях всегда движимый и возбуждаемый, ложась ли то в постель, или вставая, или принимая пищу и питье, или проводя день, по Писанию: "**Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь" (предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся)**, и: "**да боится Господа вся земля; да трепещут пред Ним все живущие во вселенной" (да убоится вся земля, от Негоже да подвижутся ecu живущии по вселенней)** (Псал. 15: 8; 32: 8); кто не злопамятствует, потому что пути памятозлобия ведут к смерти, и, отпустив ближнему грех, получает от Бога отпущение своих грехов. Если не вспоминаем о грехах, которые другие против нас совершили, то и Бог не вспоминает о наших грехах, которые мы совершили против Него. Судить же нужно справедливо в страхе Божием, потому что это суд Божий – не осуждать других за грехи, равно и не презирать и не брезговать ими, не выискивать пороков ближнего, а себя самих оправдывать, не видя у себя бревен, но сучцы у ближнего; и не обнаруживать даже малых провинностей наших братьев, что весьма прогневляет Бога, так как несправедливо – судить чужого раба, а человек весь Божий. Судить же и исправлять нужно в любви, исторгать терпящего несправедливость из руки причиняющего несправедливость, быть отцом для немощных, глазом для слепых, ногой для хромых, по сказанному: "благочестиво и праведно бывает с надлежащим внушением и наставлением", как говорит блаженный апостол: "**я три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас**" (Деян. 20: 31). Христианину же должно избегать постыдных прибылей, быть, напротив, совестливым и святым, прилежать к чтению, наставлению, вразумлению и учению, по сказанному: "**назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу**" (Ефес. 5: 19). Нужно почитать и родителей наших, чтобы быть нам долголетними на земле, не злословить отца или матерь и промышлять о своих, особенно о домашних по вере. И кто не отсутствует на церковных собраниях, или на общественных сходках и молитвах, но публично перед лицом всего народа приносит Богу молитвы, не пренебрегает мудрыми наставлениями или богобоязненными поучениями, и не считает невероятными или невозможными чудеса и действия Божий, совершенные в течение поколений, и не мудрствует таким образом. Человек, который так поступает и который так имеет Бога в сердце своем и в мыслях, наследует царство, уготованное святым от сложения мира, не имеющее конца, чего все мы и да достигнем, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

SPURIA[1]

1. О покаянии, и на чтение о (грехе) Давида с женою Урии.

Сегодня читалось нам о блаженном Давиде, певце и учителе целомудрия. Ведь всякий раз, когда в псалмах раздаются для нас звуки его духовной лиры, он услаждает наш слух, а наши мысли настраивает в духе целомудрия. Поэтому-то благодать Духа и устроила так, что ежедневно почти каждая христианская душа имеет на устах его песни, к услаждению слуха и к пользе душевной. Но всегда я удивлялся и недоумевал, рассуждая сам с собой и задаваясь такого рода вопросом: почему преимущественно перед всеми писаниями, как Ветхого, так и Нового Завета, все так любят эту книгу Давида и он один не сходит у всех с уст? Моисей был великий законодатель, лицом к лицу созерцавший Бога; он по вдохновению свыше открыл нам тайну мироздания и, проповедуя о Создателе, возвестил: "**в начале сотворил Бог небо и землю**" (Быт. 1: 1). Его книга – величайшая из книг и исполнена всякой мудрости, а между тем мы раскрываем ее в каждой из церквей всего раз или два в неделю. Ты скажешь, что эта книга принадлежит Ветхому Завету? Но тогда что ты скажешь относительно чтения святых Евангелий, где изображаются чудеса Христова пришествия, где Бог обращается среди людей и смерть прогоняется словом, где бесы изгоняются повелением и прокаженные очищаются словом, где слепые брением исцеляются от своего природного недостатка и пять тысяч человек в пустыне насыщаются пятью хлебами, где разбойнику открывается путь в рай и блудница становится чище звезд, где струи Иорданские освящаются для освящения наших душ и Единородный Сын от Отца с неба провозглашается, где Христос обновляет нашу жизнь, и обновляя, проповедует для спасения рода человеческого, говоря: "**Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся**" (Мф. 5: 3 и 6)? Но заметь, и эти заповеди мы прочитываем в церквах раз или два в неделю. Правда, царские венцы не годится выставлять напоказ народу каждый день. Но что сказать о блаженном апостоле Павле, проповеднике Христовом, уловлявшем вселенную, своими четырнадцатью посланиями, как бы духовными сетями, привлекшем ко спасению весь мир; о Павле, восхищенном до третьего неба и в самый рай, самовидце тайн царства небесного, недоступных человеческому слову (2 Кор. 12: 14)? Ведь даже и его писания мы читаем только дважды на неделе, т. е. хотя и носим его послание на устах, но сосредоточиваемся на его чтении и на нем одном утверждаемся лишь в это время. В чем же в таком случае причина того, почему благодать Духа установила каждый день и каждую ночь возглашать творения блаженного Давида? Ведь все мы носим его на устах вместо мира. В церкви всенощное бдение и начинается, и продолжается, и оканчивается оно псалмами Давида; утреннее ли славословие – и начинается, и продолжается, и оканчивается оно Давидом; проводы ли покойника к месту упокоения – и начало, и конец – блаженный Давид; девы ли в своих жилищах работают за ткацким станком – и начинают, и продолжают, и оканчивают они песнями Давида. Удивительное дело! Многие, не имея понятия о начатках грамоты, наизусть читают всего Давида. Но не только в городах и церквах он так сияет во всякое время и для всякого возраста, но и в полях, и в пустынях, и на необитаемой земле он с великим усердием возбуждает священные ликостояния к прославлению Бога. В монастырях священный хор чинов ангельских – и в начале, и в середине, и в конце у них Давид; в обителях подвижниц лики дев, подражающих Мариами – и в начале, и в середине, и в конце у них Давид; в пустынях мужи, распинающие плоть свою, беседующие с Богом – и в начале, и в середине, и в конце у них Давид. И все люди, подпадая ночью под власть естественного сна, влекутся в пропасть; один Давид бодрствует и рабов Божиих пробуждает на ангельские всенощные бдения, землю обращая в небо и людей делая равными ангелам, вашу жизнь всячески украшая, всем все бывая и всеми способами возвышая нашу жизнь до ангельской: с детьми совозрастая, юношей вразумляя, дев утверждая в целомудрии, старцам даруя крепость, грешников призывая к покаянию увещанием: "**Славьте Господа, ибо Он благ**" **(исповедайтеся Богу яко благ)** (Пс. 117: 1), кающихся ободряя словами: "**грехов юности**

моей и неведения моего не помяни" (Пс. 24: 7), облагодетельствованных располагая к благодарности изречением: "**Что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне?" (что воздам Господеви, о всех, яже воздаде ми)** (Пс. 15: 3), часто согрешающих вновь призывая к исповеданию грехов напоминанием: **Если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, - Господи! кто устоит? (аще беззакония назриши, Господи, Господи, кто постоит)** (Пс. 129: 3), нуждающихся в милости Божией научая говорить: "**помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей**" (Пс. 50: 1), призванных во святыню утверждая словами: "**не отвергни меня от лица Твоего**" (Пс. 50: 13), влекомым в судилище влагая в уста слова: "**избави мя от клеветы человеческой**" (Пс. 118: 134), боящимся восстания врагов внушая молиться: "**избавь меня от врагов моих, Боже**" (Пс. 58: 2), терпящих и благодетельствуемых возбуждая к благодарности словами: "**терпя уповал я на Господа, и приклонился ко мне, и услышал молитву мою**" (Пс. 39: 2).

О, великая лира, души людей по всей вселенной, как бы какие струны, настраивающая к единому исповеданию! Как же такой и столь великий муж, украшение человеческих нравов, для восхваления которого нет слов, устроивший на земле ангельскую жизнь и увенчиваемый на небе похвалами ангелов, по какому попущению мог он впасть разом в два главнейшие греха? Ведь главнейшие из заповедей– "**не убивай**", "**не прелюбодействуй**" (Исх. 20: 13, 14), а в эти именно два главнейшие греха попущено было ему впасть. Нередко, углубившись в себя и размыслив обо всем этом, я повергаюсь в изумление, и подобно тому как судно в море носимое туда и сюда без кормчего заливается волнами, так нередко мой разум совершенно подавляется и запутывается в смятении мыслей: как муж, украшенный столькими добродетелями, царь и пророк, раб Христа и отец Его, раб по природе, отец по плоти ("**книга родства Иисуса Христа, сына Давидова**"– Мф. 1: 1), возвеличенный добродетелями более, чем царским венцом, облаченный в багряницу, и с искреннейшим смирением говоривший: "**Господи! Не надмевалось сердце мое и не возносились очи мои, и я не входил в великое и для меня недосягаемое. Не смирял ли я и не успокаивал ли души моей, как дитяти, отнятого от груди матери?" (Господи, не вознесеся сердце мое, ниже вознесостеся очи мои, ниже ходих в великих, ниже в дивных паче мене. Аще не смиренномудрствовах, но вознесох душу мою, яко отдоенное)** (Пс. 130: 1, 2), увенчавший пределы незлобия и говоривший: "**Господи, Боже мой! Если я что сделал, если есть неправда в руках моих, если я платил злом тому, кто был со мною в мире**" **(Господи Боже мой, аще сотворих сие, аще есть неправда в руку моею, аще воздах воздающим ми зла)** (Пс. 7: 4, 5), не только отрешившийся лично от высокомерия, но и в других не терпевший высокомерия, по его словам: "**Не будет жить в доме моем поступающий коварно; говорящий ложь не останется пред глазами моими**" (Пс. 100: 7), с дерзновением говоривший Богу: "**ты искусил меня, и не нашел во мне неправды**" (Пс. 16: 3)? Впрочем – что же? Зачем ссылаться на его же собственные слова? Ведь часто говорят: "Не заслуживает веры тот, кто сам о себе свидетельствует; пусть кто-нибудь другой засвидетельствует его достоинства, пусть другой провозгласит об его венках, пусть другой одобрит его жизнь; такое свидетельство будет более достоверным". Но кто же может быть достовернее самого Бога, говорившего: "**нашел Я мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иессеева**" (Деян. 13: 22)? Что может быть надежнее этого свидетельства? Как же, красуясь столькими отличиями, признаваемый мужем по сердцу Божию, как мог он дойти до впадения в два главнейших греха? "**Не убей, не прелюбодействуй**". И вдруг убийцей и прелюбодеем является пророк Божий, как об этом гласит прочитанное нам сегодня место священной книги! Я не унижаю пророка – да не будет – но говорю это для вашего назидания, чтобы, когда ты достигнешь духовной высоты, соблюдал себя, чтобы ты не пал. Так ведь и апостол говорил: "**кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть**" (1 Кор. 10: 12). Потому-то и сам Давид часто говорил: "**не погуби**" (Пс. 57: 1); потому-то и сам он молился: "**и даже до старости и седины, Боже мой, не оставь меня**"

(Пс. 70: 18). Итак, ради чего же было попущено ему впасть в такой грех? По трем причинам, и сейчас я объясню, по каким; отнесись только к этому с полным вниманием. Прежде всего ради того, чтобы люди праведные – подвижники или пустынники – были осторожны относительно своей собственной жизни и не говорили: "я во многом преуспел, я украшен многими добродетелями: пощусь, бодрствую, молюсь, плачу, облечен во власяницу, тело свое изнурил подвигами; я уже не боюсь восстания диавола, венцы мне уже приготовлены". Не заблуждайся, человек, не превозносись мыслью; твои дела не могут сравниться с делами Давида. Послушай, что он говорит: "**Колени мои изнемогли от поста, и тело мое лишилось тука" (колена моя изнемогоста от поста, и плоть моя изменися елеа ради)** (Пс. 108: 24); или: "**Я во время болезни их одевался во вретище, изнурял постом душу мою" (аз же, внегда они стужаху ми, облачахся во вретище и смирях постом душу мою)** (Пс. 34: 13), Послушай, что говорит он о том, как он бодрствовал: "**В полночь вставал славословить Тебя**" (Пс. 118: 62), и еще: "**семикратно в день прославляю Тебя**" (ст. 164); послушай, что говорит он о своем плаче: "**Утомлен я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою**" (Пс. 6: 7); послушай, что говорит он о лишениях, которым он себя подвергал: "**Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами**" (Пс. 101: 10). Но к чему мне приводить тебе слова пророка Давида, когда я могу опять напомнить тебе о свидетельстве самого Бога? "**Нашел Я мужа по сердцу Моему, Давида, сына Иессеева**". И однако после стольких подвигов он был вовлечен в такой грех. Итак, не будь самонадеянным, но каждый день заботься о своем преуспеянии, помня увещание апостола, гласящее: "**кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть**" (1 Кор. 10: 12). Вот – первая причина. А вот и вторая: чтобы грешники не отчаивались в своем собственном спасении, но если кто и каждый день грешит, каждый день приносил бы и покаяние. Хотя бы ты тысячу раз согрешил, и покайся тысячу раз. Нет ничего хуже отчаяния: раз кто, согрешив, предался отчаянию, для него уже потеряна надежда на исцеление. Разве тебе не приходилось наблюдать, что если врачи найдут больного безнадежным, они уже не продолжают лечения, но говорят больному: "Если ты и обещаешь вознаградить нас, мы не можем взять; болезнь твоя уже не поддается лечению; врачебное искусство бессильно бороться с твоим недугом". Так говорят они, когда не имеют надежды. Напротив, если рассчитывают на выздоровление больного, то принимают все меры и дают лекарства, способствующие его излечению. Точно так же, если кто из-за грехов своих придет в отчаяние, думая, что у него уже нет возможности спастись покаявшись, тем самым он толкает себя еще в большие грехи. В таком случае, если ты припомнишь, что и от таких величайших грехов, как прелюбодеяние и убийство, было возможно исправление и спасение для пророка, то как ни бесчисленны были бы твои грехи, ты все-таки прибегнешь к покаянию. Однако моя речь клонится не к тому, чтобы поощрять ко греху, но к тому, чтобы согрешающих расположить к покаянию, так как Бог, будучи человеколюбивым, и великие прегрешения изглаждает. В самом деле, что больше убийства и прелюбодеяния? И однако, послушай, что говорит пророк, сам согрешивший этими самыми грехами: "**я сказал: "исповедаю Господу преступления мои", и Ты снял с меня вину греха моего**" (Пс. 31: 5). Потому-то и Христос, обращаясь среди людей, даровал отпущение величайших грехов: разбойника ввел в рай, мытаря сделал Евангелистом, гонителя и хулителя Павла обратил в апостола для всей вселенной – чтобы и ты, согрешив, не впадал в отчаяние, но исповеданием грехов достиг исцеления. "Исповедайтесь Господу, ибо Он благ, ибо вовек милость Его" (Пс. 117: 1). Вот это – вторая причина. Остается третья. Спаситель наш благоволил спасти нас пришествием Своим по плоти, Он должен был воспринять на Себя наше бренное тело и пожить вместе с людьми. Но так как Он был Бог и один безгрешен, то попустил праведным людям по собственной их воле впадать в свойственные людям согрешения: не сам призвал их к греху, но попустил воле их действовать по их собственному усмотрению. Таким именно образом согрешил Авраам, выказав недоверие к Богу, и за это получил от Бога наказание:

"и поработят потомков твоих, и будут угнетать их четыреста лет" (Быт. 15: 13). Затем согрешил Моисей, не воздав славы Богу при изведении из камня воды для неблагодарного народа, и за это Бог сказал ему: "Ты увидишь землю обетования – и ты в нее не войдешь" (Второзак. 34: 4). Так и этому попустил Бог впасть в грех, чтобы только сам Он один оказался безгрешным в человеческом теле. Потому-то пророк Давид, когда уже исповедал грех свой, так говорил Богу: "**Тебе единому согрешил я и лукавое пред очами Твоими сделал" (Тебе единому согреших и лукавое пред тобою сотворих)**. Почему? "**Так что Ты праведен в приговоре Твоем и чист в суде Твоем" (Яко да оправдишися во словесех Твоих и победиши внегда судити Ти)** (Пс.50: 6). Когда настанет день тот, скажет: "Вот наше бренное тело, сидящее одесную величия Божия: сиди одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих" (Пс. 109: 1). В тот-то именно день, когда люди предстанут на суд, явлено будет и тело, воспринятое Им от рода нашего. Вверху тело и внизу тело – потому что "**воззрят**, – сказано, – **на Того, Кого пронзили" (воззрят нанъ, егоже прободоша)** (Иоан. 19: 37; Зах. 12: 10). Но одно, наше, т. е., отягчено грехами, а другое, непричастное греху, но требующее осуждения грехов – Божеское. Вот что значит: "**так что Ты праведен в приговоре Твоем и чист в суде Твоем" (яко да оправдишися во словесех Твоих и победиши внегда судити Ти)**. Каким образом? "**Потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его**" (Иса. 53: 9). Ему слава во веки веков. Аминь.

---

[1] Нижеследующие беседы отнесены в Патрологии Миня (т. 13) к разряду Spuria

2. О тех, которые во время поста соблюдают воздержание, и об образе жизни различных пророков.

Борцы, развивая изо дня в день свои силы, совершенствуются в своем искусстве и обеспечивают себе победу над противниками; скороходы, ежедневным упражнением добиваясь легкости и подвижности, изощряются до изумительного проворства. И наши отцы советуют нам такой точно способ применять в деле учения, чтобы частым повторением слова достигалось прочное усвоение преподаваемого нами. Итак, сюда, возлюбленные: по следам Иосифа, оставив египетский грех и обнажив себя от ненависти, устремимся к целомудрию. В самом деле, если Иосиф и остался без одежды на теле своем, то разве не облекся он в славнейший покров целомудрия? Чистота целомудрия, укрепив праотцев наших, сделала их непоколебимыми столпами вселенной, с одной стороны возносящими молитвы на небо, с другой стороны – на земле врачующими души людей. Блаженный Моисей, укрепив себя целомудрием, сделался столпом спасения для евреев в Египте и первенцев египетских погубил, а светоносных сынов еврейских сделал блаженными. Но этот как столп противостал всего лишь фараону и его волхвам, а вот Иисус Навин, имея целомудрие своим неразлучным спутником, повелевал и небесным светилам: он ведь остановил течение солнца, удержал луну на месте и растянул длину дня. Когда это случилось? Когда, оканчивая битву под Гаваоном, он воскликнул: "**Стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою!" (да станет солнце прямо Гаваону, и луна прямо дебри Елон)** (Иис. Н.,10: 12). Он же разделил реку, спас народ и ввел израильтян в святую землю: он разрушил стены звуком труб и разорил города нечестивых, спас Раав, наказал иноплеменных, а свой народ прославил. Храбрейший Сампсон, соблюдая целомудрие, задушил льва и из ослиной челюсти источил воду и ею утолил свою жажду. Илия Фесвитянин, преданный целомудрию, сохранил жизнь бедной вдове, потому что благословением его у нее масло не истощалось и горсть муки умножалась каждый день. Тот же Илия благодаря своему целомудрию имел в своей власти сокровищницы воды и огня в облаках: нечестивых он попалял огнем с неба, и для

вселенной, страдавшей от бездождия, заключил небесные источники. Ученик его Елисей, унаследовав целомудрие своего учителя, в бесплодной утробе соманитянки по молитве произрастил сына, и так как нужно было ему не менее своего учителя прославиться чудесами, воскресил мертвого, и даже кости его после смерти воскрешают мертвых. Мудрейший Даниил, препоясавший себя целомудрием как обоюдоострым мечом, задушил хищных волков и агницу Хелкиеву сохранил невредимой, так что ни прекрасное руно ее целомудрия не было повреждено нечистым поцелуем, ни грудь ее не осквернилась губительным мечом греха. Блаженный Аввакум, восхищенный Духом Святым, обед жнецов своих отнес жнецу целомудрия – Даниилу. Разве не мог Бог и этого как Илию напитать через воронов? Конечно, мог но чтобы не оставить без утешения сидящего со зверьми, посылает к нему подобного ему пророка, который мог облегчить его скорбь. Подумай только, возлюбленный, каково было Даниилу во рве львином, не имевшему ни скамейки, ни хлеба, ни стола, ни светильника, ни ложа, но среди двух львов стоявшему крестообразно, являя образ грядущего Христа. А святейшие три отрока, неразлучные с целомудрием, будучи брошены в огненную печь, победили бушевавшее в ней пламя. О, девство, безболезненно прозябшее надежду мира – Христа! О, мудрость Божия, и Марию не лишившая славы девства, и Христа – похвалу мира – через нее подобно свету просиявшая! О, священное чадо безбрачной невесты, источник нетления, дыхание бессмертия, светило Церкви, утверждение правды, прекрасная жемчужина купцов и добрый венец робких, продаваемый по дорогой цене и покупаемый бедными, оплачиваемый тремя оболами – верой, надеждой и любовью, и обитающий в сердцах смиренных, зерно горчичное и Владыка ангелов, невозделанная Лоза всеславной Марии и непостижимое Слово всеплодной Мудрости, разрешивший на земле горечь смерти и украсивший небо блеском брачного чертога, бренное тело наше на Себя восприявший и неувядаемое дыхание цветка нам даровавший с Собой! Вот плоды Твоей мудрости, вот услаждение Твоего поста, вот украшение Твоего целомудрия, вот утверждение Твоей Церкви! Так обыкновенно питаешь Ты народ Свой, Иисусе, не как отсутствующий, но как присутствующий, потому что и с Отцом пребывая, Ты нас не оставляешь, и с нами обитая, от Отца не разлучаешься. Водой Ты омыл наши тела и дуновением очистил наши скверны; солью благочестия Ты приготовил души овец Твоих и привлек нас в паству ангелов Твоих; печатью Ты укрепил наши ноги и возводишь нас от земли до неба по лестнице веры, поставив ангелов поддерживать нас; древо райское Ты заменил древом крестным и вместо ребра подставил ребро; руки на воздух Ты распростер и Себя в искупление за нас предал Отцу и глубокую тишину устроил на смену буре. Потому-то и ночью, и днем, и молча, и вслух воссылаем Тебе славу, в Тебе имея надежды жизни, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

3. Его же, слово увещательное о воздержании

Когда занимающиеся какими-либо науками обнаруживают любовь к занятиям при наличности побуждений со стороны наставника, то такое усердие детей приписывается обыкновенно внушаемому учителем страху; но если и в отсутствие учителя дети не оставляют заботы об учении, то, очевидно, трудолюбие их происходит от искреннего расположения. И мы являемся слушателями уроков поста. Но когда мы проявляем должное к нему уважение при его наличности, то усердие наше как будто внушается нам со стороны; а теперь, когда пост миновал, всякий, кто воздерживается от пресыщения, заслуживает похвалы в меру своего искреннего расположения, как преданный воздержанию без принуждения, как умеренный от души, как умеющий соблюдать блага, приобретенные предшествующими трудами. Впадающий в неумеренность относительно пищи не ценит того, что он собрал, постясь, не знает, какие богатства он приобрел, но как не имеющий ничего внутри себя, как не скопивший в себе никаких сокровищ, отдается неумеренности в пище, не ставит преград своим желаниям, не ограждает себя дверьми

умеренности. И нет ничего в этом удивительного. Действительно, всякий, с кем случается подобное, не заботится о дверях и запорах, не беспокоится тревожными мыслями, спит беззаботно, так как у него нет ничего соблазнительного для воров и ограбить его нельзя. У тех, кто имеет богатый дом, конечно, должна быть забота о собранных сокровищах, должны быть привратники, охраняющие вход. Обогатились и мы постом, и признаки этого богатства налицо: мы подчинили себе удовольствия, приобрели господство над чревом, которому прежде служили, испытали бестелесную жизнь, создали себе новый дом воздержания, которому доселе было положено только основание. Но необходимо закрепить достигнутое нами, необходимо потрудиться над его завершением. Пьянство же, конечно, служит к ослаблению, а не к укреплению, к колебанию, а не к утверждению основания. Никто не колеблет основания, которое сложено умело, никто не оставляет без охраны богатой сокровищницы. Душа постящегося, как бы кладовая какого-нибудь известного богача и нуждается в бдительной охране, чтобы не подвергнуться грабежу; ведь и душа может быть ограблена как дом. У Давида дом души его был полон богатства, но он был ограблен, как хищником, удовольствием, потому что оставил доступ к душе открытым и не оградил ее затворами умеренности. В чем же он пренебрег умеренностью? В том, что давал много покоя телу. "**Однажды под вечер**, – именно так говорит книга Царств, – **Давид, встав с постели, прогуливался на кровле царского дома**" (2 Цар. 11: 2). Вечером уже – он восстал от сна и гулял; сон и после сна гулянье обличают в нем человека, предавшегося распущенности: широкий простор чревоугодию. Какой же вред получился для него отсюда? "**И увидел с кровли купающуюся женщину; а та женщина была очень красива**". И послав за ней, обесчестил ее. В том, что он видел, вины еще не было: никто не стал бы обвинять глаза за то, что они видят видимое. Но невинная сама по себе вещь послужила для Давида поводом ко греху, потому что, увидев женскую фигуру, он не поспешил отвести взор от нее, но как будто пригвожден был к ее красоте: он не отрывал глаз от тела женщины, как бы омывал дев своими взорами, и уже не девы были у него в глазах, но блудницы. Столько зла приносит и простой взгляд, если не обуздаешь его вовремя. Так и ныне мы можем распоряжаться пищей по своему усмотрению, как тогда Давид мог управлять своим взглядом. Но приражение греха навлекает ответственность и на невинного. Как именно? Пусть тело довольствует себя пищей: "достоин делатель пропитания своего". Но пусть при нашем обеде присутствует Павел, и, если увидит кого-нибудь бесчинствующим в пище, как врач остановит бесчинника возгласом: "**Имея пропитание и одежду, будем довольны тем**" (1 Тим. 6: 8), – пищу, а не наслаждение, пропитание, а не увлечение пьянством. Наслаждение некогда привело израильтян к языческой пляске, а вино пленило их ум: "**Сел народ**, – говорит Писание, – **есть и пить, а после встал играть**" (Исх. 32: 6). Итак, будем владеть собой в удовлетворении своих потребностей; пища пусть служит нам для поддержания тела; нуждаясь в отдыхе, будем избегать отягощения пресыщением, будем умеренны в пище; уклонимся от постыдного пьянства и избегнем опасности; последуем увещанию Павла: "**Не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом**" (Еф. 5: 18). Ему слава во веки. Аминь.

4. Его же, о том, что тяжко презирать человеколюбие Божие. Сказано по прочтении притчи о десяти талантах. И против иудеев, по случаю землетрясения

Щедрость Владычнего человеколюбия, о которой вы ныне слышали, даровала грешникам великое – до десяти тысяч талантов грехов – отпущение долгов. Но многие часто, погрешая против Владычней благости и дурно пользуясь ее дарами, обращают для себя это богатство человеколюбия в источник наказания. Между тем, Бог не в силу какой-то расточительности в милостях и не под влиянием болезненного расстройства щедрости проявляет богатство своего человеколюбия, но чтобы пристыдить людей обилием своих даров; когда же Он видит, что все излияния Его человеколюбия напрасны, Он заключает

источники благ, удерживает потоки человеколюбия, перестает благодетельствовать. Сколько благ некогда как бы дождем излил Он на народ иудейский, но когда увидел, что они бессильны дать плоды благодарности, как бы пресытившись их неблагодарностью, Он восклицал: "**они бремя для Меня**" **(бысте Ми в сытость)** (Ис. 1: 14)! "Мое человеколюбие по отношению к вам наконец истощилось, – говорит Он, – Я устал вам благодетельствовать: вы бремя для Меня!" Вполне понятно, что настал конец долготерпению Божию к иудеям: все способы к их исправлению оказались недействительными...

5. Его же, о кровоточивой, из Евангелия от Луки

Одним одни, другим другие богатства распределяет жизнь, предоставляя каждому то, что ему нужно и полезно. Нам же Бог уделил одно богатство Духа, умножаемое верой и имеющее величайшую ценность, по написанному: "один и тот же Дух разделяет каждому особо, как Ему угодно" (1 Кор. 12: 11). Одна лишь вера пребывает с имеющими ее; она не обманывает обладающего ею, не изменяет приобретшему ее, не похищается ворами, недоступна для грабителей, не требует печатей, не нуждается в охране: ее охраняет Бог, ради нее доставляющий всем все с готовностью. Ее желают иметь цари, но имеют простецы, домогаются вельможи, но она сама приходит к бедным и лобызает смиренных, приходит к слабым и, укрепляя их, руководит ими, безвозмездно даруя исцеления. Итак, когда ты видишь, возлюбленный, что Христос нисходит с горы и опять восходит на гору, приближается к озеру, переплывает море, идет через поля, города и деревни, вместе с Его земным хождением вспоминай и Его небесное пребывание: не забывай сидения на херувимах, не оставляй без внимания Божественного ради человеческого, не предавай забвению неба, не забывай, что Слово сделалось плотью, как восхотело. Да, Слово стало плотью: как плоть, Оно ходит, как Слово пребывает; как плоть восходит на гору, как Слово восседает на херувимах; как плоть испытывает ради меня свойственное мне, как Слово без труда творит дела Отца Своего, претворив воду в вино в Кане; Оно отверзает двери света, брением и перстом воссоздав зрение. Он сказал прокаженному: "**хочу, очистись**" (Мф. 8: 3 и 9: 6), и по слову Его болезни не стало. "Встань", – говорит Он расслабленному, и слово Его послужило тому вместо ног, и вместе с повелением больной получил способность ходить. Пришел Он в дом Иаира, и печаль тотчас сменилась радостью. Вот и сегодня, окруженный толпой народа, Он испускает свет из края одежды и в потоке веры останавливает течение крови. Что именно поведал нам сегодня Евангелист, свидетельствуя о многоразличной пользе веры? "Был, – говорит он, – некий начальник синагоги, ревнитель закона Моисеева и наставник народа, по имени Иаир". Единственное утешение даровала ему природа, единородную дочь, за которой ухаживала толпа слуг, как требовал того обычай от чадолюбивого отца. Но, как оказывается, неведомо для себя он воспитывал ее не в наследницы себе, а для преждевременного погребения. Какая-то тяжкая болезнь, напав на нее, довела ее до смерти, а отца лишила всех надежд, возлагавшихся на нее. Но не поколебал веры отца этот удар: тотчас идет Иаир к Спасителю и просит Его прибыть в дом его. Господь с готовностью спешит на этот зов: "**И встав, Иисус пошел за ним**" (Мф. 9: 19). Но смотри, верный, какое благочестивое насилие предпринимается женщиной, какое мудрое устрояется воровство, какое безопасное хищение замышляется слабым созданием. Так как Спаситель спешил на зов Иаира, то и путь этот Ему предстояло совершить поскорее. "И вот в это-то время, – рассказывает Евангелист, – **женщина, двенадцать лет страдавшая кровотечением, подойдя сзади, прикоснулась к краю одежды Его, ибо она говорила сама в себе: если только прикоснусь к одежде Его, выздоровею**" (Мф. 9: 20, 21). "Этот врач, – рассуждала Она, – пришел с неба: Он не предписывает дорогих лекарств, не режет тела ножом, не причиняет боли. Он понимает природу женщины, потому что родился от Девы-Матери, как сам благоволил; Он не гнушается тайных недугов, потому что ведает все тайны. Я –

женщина, и подвержена недугу постыдному и скрытному; я страдаю постоянным течением кровей и неудержимым током нечистых выделений. И вот к такому именно источнику, каков Он, нужно мне прибегнуть, чтобы без огласки получить исцеление моего постыдного недуга: ведь закон с такой болезнью и приближаться к кому-либо не позволяет. Люди сторонятся от меня, несчастной, как от нечистой заразы, но этот Врач, как Создатель природы, из ребра создавший жену, не откажется, может быть, исправить недостаток. Стоит повелеть Ему одно слово – и мой недуг прекратится. Возмутится Он духом – и ад отдает Ему своих мертвецов; немногими хлебами насыщает Он тысячи; омывается слезами – и источает отпущение грехов. Но кто решится предпринять то, что я задумала, разве только одна свободная от всякого сомнения вера? Итак, вверив душу ее руководству, незаметно приближусь к нему и молчаливым прикосновением похищу исцеление. Ведь если и в тайне останется сделанное мной, пользу я все же получу, потому что я знаю, что буду исцелена. А если не удастся мне остаться незамеченной и я буду обнаружена, не обвинят же меня за то, что я ради исцеления решилась на такую дерзость, и не лишат того, что уже похитила вера. Ведь нераскаянны, как Божий, все дарования веры, и Тот, кто сказал морю: "Умолкни, перестань", (Марк. 4: 39), заключит и мой тайный источник. Итак, дерзай, вера, становись к рулю и устремись в волны этого моря народа, чтобы мое поврежденное телесное судно привести в желанную тихую пристань. Одна капля Его помощи без труда может остановить поток моей крови". Рассудив так сама с собой, она смело отваживается на крайне смелое дело, и ни времени не боится, ни бедностью не останавливается, ни множества народа не считает, но все это преодолев верой или, лучше сказать, при помощи веры, она незаметно прикасается к одежде Владыки и благовременно похищает нужное ей исцеление, уверовав, что соединение с Ним положит конец ее страданиям. Так и случилось: тотчас исцелена была от недуга своего. Двенадцать лет, день за днем, год за годом, в изнурительном недуге влачила она свою жизнь, все время истекая кровью, но все еще не умирая. Первый год пришлось ей испытывать страдания и боли, пошел второй год – и тайна этой несчастной начала шуметь по городу; наступил третий год – и она начала испытывать сведение жил и мускулов; настал четвертый год – и кровь била из нее ключом; пятый год – и отовсюду стекались врачи, обнажая члены, недоступные взорам мужчин; исполнился шестой год – а ее положение становилось все более ужасным; седьмой год – и, несмотря на громадные издержки, поток кровей ее продолжал литься неудержимо; свершился восьмой год– и врачевавшие ее признали свое бессилие; протек девятый год – и они удалились, покидая ее в жертву полному отчаянию; приблизился десятый год – и у женщины не оставалось больше ни денег, ни здоровья; одиннадцатый год – и никто не являлся на помощь страдалице; насчитывался двенадцатый год – и вот, в последний час явился Врач душ, исцеляющий прикосновением, словом и верой. Встретив Его и исполнившись веры в возможность исцеления, она получила то, что желала, но пришла в трепет, узнав, что остаться незамеченной ей не удалось. В самом деле, что сказал Спаситель? "**Кто прикоснулся ко Мне? Ибо Я чувствовал силу, исшедшую от Меня**" (Лук. 8: 45, 46). Не спросил: "Какая это женщина коснулась Меня?", чтобы окружающие не сочли этого вопроса о женщине не касающимся их, но спросил: "**Кто прикоснулся ко Мене?**", неопределенностью вопроса давая повод каждому из слушателей подумать, что подобная попытка была сделана мужчиной. "**Кто прикоснулся ко Мне? Ибо Я чувствовал силу, исшедшую от Меня**". Что означают Твои слова, Владыка? Ведь Ты для того и пришел, чтобы Твое расхищалось? Ведь Ты сам добровольно предложил, чтобы царство Твое "восхищалось" верными? Как же спрашиваешь о том, что сам знаешь, как ищешь того, что Тебе и так известно? Если против Твоей воли похищена у Тебя исшедшая из Тебя сила, то Ты должен был удержать ее; если же воровство совершилось с Твоего согласия, то чем Ты еще недоволен, дав то, что домогается получить от Тебя вера? Ты даровал исцеление без просьбы, и, даровав уже, допрашиваешь? Ты исцелил невидимо, и после исцеления требуешь к ответу? "Нет, – говорит, – Я знаю ту, которая Меня обокрала, от Меня не

утаилась эта невинная хищница, но Я хочу ее обнаружить перед всеми, чтобы она явилась вестницей совершившегося над ней благодеяния. Я охотно подвергся такому с ее стороны воровству, а теперь желаю о дарованном ей засвидетельствовать перед всеми: "**Дерзай, дщерь! вера твоя спасла тебя**" (Мф. 9: 22). Пользуйся тем, что ты так искусно украла; возьми то, что ты незаметно похитила; владей бесспорно тем, что доставила тебе вера. Сегодня ты именуешься вместо рабы дочерью, вместо оскверненной – помазанной: **будь здорова от болезни твоей**" (Марк. 5: 34). Видишь, возлюбленный, какова сила веры, какое чудо совершила она в одно мгновение, ободряя ту, которая в молчании трепетала от страха, и ублаготворяя Врача? Так Церковь, избранная из язычников, поревновав этой кровоточивой женщине и верой приблизившись к Владыке в молчании, прекратила нечистый ток законных кровей и, получив наименование дочери, сделалась матерью многих, по древнему свидетельству: "**потому что у оставленной гораздо более детей, нежели у имеющей мужа" (яко многа чада пустых паче нежели имущих мужа)** (Ис. 54: 1). Под имеющей мужа разумею здесь синагогу, для которой был мужем закон, начальник синагоги, сегодня призывавший Владыку возвратить ему скончавшуюся дочь. Но относительно совершенного над ней чуда я остаюсь, за истечением положенного времени, должником перед вами, представляя в том порукой самого Раздаятеля богатств, Которому слава подобает во веки веков. Аминь.

6. Его же, о том, что настоящая жизнь уподобляется морю, и о том, как Иисус взошел с учениками Своими в корабль и заснул (Лук. 8:22, 23; Мф. 8:23)

Мореплаватели, когда их плаванию благоприятствует попутный ветер, с веселыми лицами ревниво следят за состоянием моря; когда же установившееся на море безветрие освобождает их от трудов и позволяет одним предаваться сну, а другим заменять себя у корабельного руля детьми, случается, что когда кормчий предастся такой беспечности, а моряки, благодаря хорошей погоде, совершенно забросят свою работу, вдруг внезапно разразится жестокая буря, неожиданно налетают ветры, море начинает грозно бушевать и корабль с трудом борется с волнами, а корабельные снасти, укрепленные на мачтах, со свистом и стоном треплются сильными порывами ветра; тогда именно, возлюбленные, люди на корабле испускают ужасные и жалостные крики, ожидая неминуемой смерти на дне морском. И при этом, конечно, удручает моряков объявшее их совне волнение, но еще более стенания, раздающиеся на самом судне, потрясают их до такой степени, что трепещущий от страха кормчий лишается способности управлять судном, а все вообще теряют всякую надежду на сохранение жизни. Нечто подобное случилось с учениками Господа – приглашаю вас перенестись мыслью к Евангелию. "**Вошел** Иисус **с учениками Своими в корабль**" (Лук. 8: 22). Отправились они в путь. И пока среди них бодрствовал Владыка Христос, никакой противный ветер их не задерживал, море расстилалось перед ними как суша и ни малейшее волнение не беспокоило христоносного корабля; когда же по устроению Промысла Иисус заснул на судне, – по Своей телесной природе, а не по Божественному, конечно, достоинству, потому что сон не смежает очей Божества, – тогда ветры, усмотрев, что их Владыка и Распорядитель погрузился в сон, как бы кони, вырвавшиеся из рук сонного возницы, стремительным натиском подняли против апостольской ладьи бурные волны. Среди разразившегося волнения, грозившего неизбежной смертью, когда море кипело и волны яростно рвались на ограничивающий их прибрежный песок, ученики, увидев ужасную бурю, стали умолять славного заступника Христа. Что же они говорили? "**Господи, спаси нас: погибаем**" (Мф. 8: 25; Лук. 8: 24). Господь спал в судне по устроению Промысла, не неведая, что имело случиться, и не бессильным будучи предотвратить бурю, но зная, что море сделается бурным, Он спал по двум причинам: во-первых, чтобы во время бури обличить учеников в недостатке веры, и во-вторых, чтобы явить им Свою Божественную силу. И нужно было, возлюбленные, видеть, как по пробуждении Спасителя от телесного сна все быстро пришло в порядок:

ветер скрылся в свою пещеру, море уже не угрожало апостольскому судну, а волны преклонились перед Владыкой. Таково течение и нашей жизни: и здесь дела не остаются раз навсегда неизменными, но иногда господствует мир и нет недостатка в пище, иногда жизнь наша возмущается, подобно морю, то от набегов варваров, то от козней тиранов и сплетения обстоятельств, то от многих других потрясений и переворотов. И рассказанное событие с апостольским кораблем имеет этот именно смысл, как и все вообще случавшееся с Господом не лишено таинственного значения. Море – это наша настоящая жизнь; судно – это каждый человек в отдельности, в котором в качестве моряков и кормчего действуют мысли и разум. И вот, если это судно, то есть человеческая личность, обуреваемая в этой жизни злобой диавола или враждебных бесов, возбуждающих волнения похотей, забрасывающих присущий ей ум соленой пеной удовольствий, потрясающих управляющий его разум страстями и увлекающих ее в бездну греха... (далее пропуск). А что действительно каждый из людей, будучи снедаем огнем различных удовольствий, погружается в бездну греха, подтверждает пророк Давид. Именно, когда он потерпел крушение относительно целомудрия, он восклицал так: "вошел во глубину морскую, и буря потопила меня" (Пс. 68: 3). В истории Давида мы не найдем ничего соответствующего этим словам: в самом деле, когда Давид плавал, или на каком море он подвергся потоплению? Конечно, нигде. Что же иное означают эти его слова, как не то, что плавая в этой жизни, как бы в море, обуреваемый волнами удовольствий и отрешившись от внушений разума, он поддался стремительному порыву страсти и, устранив мужа, потерпел крушение целомудрия с женой Урии? Вот почему он и говорил: "вошел во глубину морскую, и буря потопила меня". Затем, покаявшись и как бы вынырнув из глубины греха, опять овладев кормилом целомудрия и управив свою дальнейшую жизнь в целомудрии, он молился Богу: "**да не увлечет меня стремление вод, да не поглотит меня пучина" (да не потопит мя буря водная, ниже да пожрет мене глубина)** (ст. 16). Нечто подобное говорит и апостол, таинственно изображая в своем лице человечество: "троекратно я терпел кораблекрушение". В самом деле, что это значит: "троекратно я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской" (2 Кор. 11: 25)? Действительно, трижды потерпело кораблекрушение человечество: первый раз – в раю через грехопадение, вторично – в потопе Ноевом, и в третий раз – когда по даровании закона народ впал в идолослужение, пока наконец пришел Кормчий душ наших Христос, утвердил древо Крестное посреди земли и устроил для нас безбурное плавание в небесный град. "День и ночь пребыл во глубине морской". Под ночью разумеет апостол пребывание человечества до пришествия Спасителя во тьме заблуждений, днем же называет жизнь после явления Спасителя по просвещении крещением. Таким образом, когда все человечество, как мы сказали, бедствовало в воздвигнутой злобой диавола буре, Слово Божие, усмотрев это, нисходит в эту жизнь и входит внутрь корабля – в Деву Марию: Его образ мы находим сбывшимся на пророке Ионе. В самом деле, Иона посылается в Ниневию, Христос приходит в эту жизнь; Иона восходит на корабль и спит внутри судна, и Слово Божие в течение девяти месяцев в утробе Девы Марии почти спало, соблюдая молчание для людей. Тогда-то в особенности восстала буря диавольской злобы, как это было и с Ионой; но когда Иона был выброшен в море, то есть, когда Иисус из утробы Девы произошел в эту жизнь, тогда все противные ветры утихли, и до тех пор, пока не увлек Его кит в ад, много знамений и чудес явил Господь, совершая плавание в этой жизни. Иона вошел в кита, и Тот снизошел в ад: три дня и три ночи провел Он в аду, точно так же, как Иона во чреве кита. Извергается Иона из чрева китова в Ниневию, и Христос восстает из мертвых и приходит в этот мир, проповедуя покаяние. Каются как ниневитяне, так и граждане этого мира; постятся три дня и спасаются многие тысячи, как и в Ниневии спаслось сто двадцать тысяч людей и множество скота. А после того как Господь проповедал в этом мире покаяние и веру, спасается двенадцать колен израилевых. Ведь "когда войдет полное число язычников, тогда и весь Израиль спасется" (Рим. 11: 25). А что Иона был образом Христа, об этом сам

Господь говорит в Евангелии: "**Как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи**" (Мф. 12: 40). Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

7. Его же, на слова: подобно есть царствие небесное зерну горушичну (Мф. 8:31)

Что величественнее Царства Небесного и что незначительнее зерна горчичного? Как же безграничное Царство Небесное уподобляется здесь ограниченному и ничтожному зерну горчичному? Но если мы поглубже вникнем, что такое Царство Небесное и что такое горчичное зерно, то увидим, как прекрасно и вполне естественно было уподобить их одно другому. Что такое Царство Небесное, как не Христос? Разве не говорил Он о самом Себе: "**Вот, Царствие Божие внутрь вас есть**" (Лук. 17: 21)? Что же больше Христа по Божеству? Вот как изображает пророк Его величие: "**Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю. После того Он явился на земле и обращался между людьми**" (Варух. 3: 36–38). Говорит о Нем и Исайя в подобных же выражениях. Как именно говорит он? "**Труды Египтян и торговля Ефиоплян, и Савейцы, люди рослые, к тебе перейдут и будут твоими; они последуют за тобою, в цепях придут и повергнутся пред тобою, и будут умолять тебя, говоря: у тебя только Бог, и нет иного Бога. Истинно Ты Бог сокровенный, Бог Израилев, Спаситель**" (Ис. 45: 14, 15). Такой же точно смысл имеют и слова блаженного Петра: "**Нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись**" (Деян. 4: 12). Что же незначительнее Христа в таинстве воплощения? Вот как, например, Давид говорит о том, что Он был ниже ангелов: "**Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его**" (Пс. 8: 5, 6). А что эти слова Давида относятся ко Христу, это поясняет Павел, говоря: "**За претерпение смерти увенчан славою и честью Иисус, Который не много был унижен пред Ангелами" (а умаленнаго малым чим от ангел видим Иисуса, за приятие смерти)** (Евр. 2: 9). Точно так же и сравнительно с людьми Он казался ничтожным. В самом деле, что говорит Исайя? "**Нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему… Он был презрен и умален пред людьми" (Видехом его и не имяше вида, ни доброты, но вид его безчестен, умален паче всех сынов человеческих)** (Ис. 53: 2, 3). Потому-то и сам Он применил к Себе название червя. Где же это? "**Я же червь, а не человек**" (Пс. 21: 7). А в книге Исайи Отец именует Его так: "**Не бойся, червь Иаков**" (Ис. 41: 14)[1]. Затем, имея в виду Его славную кончину, тот же пророк говорил: "**и покров твой – червь** (Ис. 14: 11). Да и необходимо было, конечно, чтобы Он, как мудрый рыболов, блестящую, подобно молнии, удочку Божества Своего прикрыл в качестве приманки червяком плоти и, закинув в глубину этой жизни, уловил таким образом змия, чтобы в действительности исполнилось написанное в книге Иова: "**извлечешь ли змея удою?**" (Иов. 40: 20). "**Подобно Царствие Небесное зерну горчичному**". Но кто-нибудь из слушателей скажет: "Как это одно и то же является и Царством Небесным, и зерном горчичным, и великим, и малым – в одно и то же время?" По безмерной любви к своему созданию Он бывает для всех всем, чтобы спасти всех. Он был Богом, как конечно и есть, и будет по Своей природе, и делается человеком ради нашего спасения. "**О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!**" (Рим. 11: 33). О, Зерно, через которое мир сотворен, которым тьма рассеяна и Церковь воссоздана! Это Зерно, вися на Кресте, такой возобладало силой, что, будучи само в узах, единым словом разбойника подъяло с древа крестного и ввело в рай сладости; это Зерно, пронзенное копьем в ребро, источило жаждущим питье бессмертия; это Зерно горчичное, снятое с древа и положенное в саду, всю поднебесную осенило своими ветвями; это Зерно горчичное, будучи положено в саду, корни свои пустило в ад и оттуда

извело души и на третий день привело их на небо; это Зерно горчичное, будучи сокрушено на дереве, врага нашего змия поразило и помрачило и, пробудив от сна ад, принудило его вернуться в то место, которое ему отведено. Итак, "**Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем**". Посей это горчичное зерно в саду души твоей, чтобы и ты мог говорить потом: "**Поднимись, ветер, с севера и принесись с юга, повей на сад мой - и польются ароматы его!**" (Песн. 4: 16). Если будет посеяно это горчичное семя в саду души твоей, скажет и тебе пророк: "**и ты будешь, как напоенный водою сад и как источник, которого воды никогда не иссякают**" (Иса. 58: 11); если будет это горчичное семя в саду души твоей и ты усвоишь себе его благоухание, сказано будет и тебе: "**Благовоние риз твоих – как благоухание Ливана**", т. е., запах тела твоего – как благовонный ладан. "**Запертый сад - сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник**"(Песн. 4: 12, 13). Это зерно горчичное, стертое на древе Крестном и употребленное всеискусной и бессмертной Премудростью в качестве закваски, будучи вложено в "**три меры муки**", под которыми нужно разуметь душу, тело и дух, единой верой заквасило все человечество. Образ этого таинства собственными руками начертали Авраам и жена его Сарра, жившие в палатке под дубом Мамврийским. Здесь нам приходится несколько нарушить течение своей речи: что изображает Авраам, что изображает Сарра, что дуб, что палатка, что испеченные в золе хлебы, почему там три меры семидала и здесь три меры муки, – все это необходимо выяснить подробно. Кого бы мог изображать Авраам? Имя его в переводе значит: "избранный отец множества". Кто же может быть избранным отцом, как не Бог, о Котором "**по всей земле прошел голос, и до пределов вселенной слова** Его" (Рим. 10: 18), Кого изображает Сарра? В переводе это имя значит "начальствующая и предводительствующая". К кому же другому можно бы было приложить эти наименования, кроме Премудрости Отчей? Далее – что такое палатка под дубом Мамврийским? Очевидно, Церковь, осеняемая Крестом. Дубу именно уподобляется Крест ввиду мощности и крепости этого дерева. Что означают три меры семидала? Ясно, что под ними нужно разуметь, как я уже сказал выше, человеческую природу, состоящую из души, духа и тела. Именно так научил нас апостол, говоря: "Бог да сохранит ваше тело и душу и дух"[2]. Итак, Премудрость Божия – Сарра, предводительница или начальница, берет тело, душу и дух, подвергает их действию огня, т. е. озаряет неугасимым светом Божества, и приготовляет три печеные хлеба, т. е. в природу нашу внедряет исповедание Отца, Сына и Святого Духа. Весьма соответствует этому, возлюбленные, прочитанное вам сегодня Евангелие. Зерно горчичное и закваска; закваска обращается в хлебы, зерно развивается в зелень, хлеб же и зелень – это принадлежности поста, в котором Господь Иисус неуклонно да наставляет нас, свершающих ныне течение поста. "**Подобно Царство Небесное зерну горчичному**". Смысл этого сравнения мы можем уразуметь не иначе, как уяснив себе сначала существо, цвет и величину горчичного зерна. Зерно горчицы по величине незначительно, будучи же посеяно, оно своим развитием превосходит рост всех других огородных растений и по высоте, и по силе разветвления ветвей, и по обилию листьев, так что дает тень, и птицы летающие могут садиться и отдыхать на его ветвях. На вкус оно очень приятно, обладает свойством согревать и имеет целебную силу при приеме внутрь. Ни птицы, ни кто-либо другой не употребляют его в пищу, кроме человека. Снаружи оно красно, внутри же оказывается белым. Таковы свойства этого растения и особенности семени. Теперь, если мы вникнем в этот предмет со всей тщательностью, мы найдем, что притчу эту можно применить к самому Спасителю. Ведь и Он был ничтожен на вид; и Он недолговечен в мире нашем и велик на небе; Он – и Сын человеческий, и Бог, Сын Божий; Он – неисчетный, вечный; Он – невидимый, небесный, доступный вкушению одних лишь верных; Он был сокрушен и по страдании сделался белым как молоко; Он величием превосходит всякое другое растение; Он – неразлучное с Отцом Слово; Он – Тот, на котором обитают птицы небесные, т. е. пророки, апостолы и все избранные; Он Своей собственной теплотой очищает страдания души, Он освежает нас водой крещения,

и под Его сенью мы укрываемся от мирского зноя; Он по смерти своей был посеян в землю и, там явив плодоносную силу, тридневно восставил святых из гробов мертвых; Он воскресением Своим показал себя больше всякого пророка; Он спасает всех силой Отчей; Он от земли процвел до небес; Он, будучи посеян на собственном поле, в мире, верующих в Него приводит к Отцу. О, семя жизни, посеянное Богом Отцом на земле! О, росток бессмертия, питающихся от Тебя примиряющий с Богом! О, дерево высокое, насажденное одним лишь Отцом! Это дерево произросло из отчего сердца; это растение в небесах имеет свой корень, но явившись в мире, служит пищей для людей. О, насаждение, утвержденное на земле и процветшее до неба! О, семя, малое по виду, но перед Отцом большее чего бы то ни было! Это-то растение произросло и для мертвых в аду; плодом Его явилось воскресение людей; Оно поразило смерть смертоносной стрелой; перед Ним преклонились стены преисподней, согнув с трудом сгибаемые колена; Его ветви осенили весь мир; Оно обвевается Святым Духом; Оно не боится зноя; под этим растением радуйся и веселись вместе с ангелами, прославляя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] В слав. Библии: "**не бойся Иакове, малый Израилю**"

[2] "**Бог мира да освятит вас, всесовершенных во всем. И всесовершен ваш дух и душа и тело непорочно да сохранится**" (1Сол. 5: 23).

8. Его же, на слова: аще кто во Христе, нова тварь: древняя мимоидоша, се быша вся нова (2 Кор. 5:17)

Сильное желание сеять семена является у земледельца, когда он увидит пашню очищенной и свободной как от сорных трав, вредных для произрастания посева, так и от камней, затрудняющих работу плуга. Подобное чувство в сильнейшей степени испытывается тем, кто приступает к сеянию слова, при виде слушателей в полной готовности к слушанию слова. Вот и я вижу пашню очищенной – и никаких следов на ней сорной травы. Сорной травой здесь была бы забота о богатстве, заглушающая слово. Это говорю я не потому, что здесь нет богатых, но чтобы показать, каким преимуществом располагают бедные для слушания слова. Дело ведь не в одном проповеднике: необходим и разумный слушатель. Писание требует того и другого – и мудрого учителя, и разумного слушателя, чтобы труд наш не оказался излишним при равнодушии слушателей. А забота о богатстве именно не допускает слово проникнуть в душу, но отвлекает внимание слушателей. И вот теперь, когда я вижу вас всех в полной готовности к слушанию, – тайные мысли ваши мне, конечно, неизвестны, но я наблюдаю глаза каждого из вас, вижу веки ваши поднятыми, подобно рогам, замечаю пристальные взоры ваши, свидетельствующие о напряжении вашего внимания, и заключаю отсюда, что все вы свободны от житейских забот, что каждый из вас того только ждет, о том только думает, как бы уловить слово, – сосредоточьте все свое внимание, откройте недра своей души, чтобы удобнее было бросать в нее семена. Я хочу надолго посвятить свой язык трапезе Павла: не перестану так называть его – этого простеца, невежду, безродного, делателя палаток. Это мое преимущество, это моя похвала, что я имею таких учителей, блистающих не житейскими достоинствами, но совершенством духовным. Если спросит меня эллин: "Какого ты имеешь учителя?" – я назову его, делателя палаток. "А еще кого?" – "Рыбака". – "А еще кого?" – "Сборщика податей". – "А затем кого?" – "Волхвов и блудницу". – "И еще кого?" – "Разбойника. И я не только не стыжусь, но еще и хвалюсь этим." – "Ты хвалишься тем, что у тебя учитель простой человек?" – "И даже очень".

Почему же? Ведь если простота ученика показывает силу учителя, то простота учителя свидетельствует о Божественности учения. Ведь если возвестили его люди, то открыли его не люди; если посеяли его люди, то не люди его породили. Люди – лишь орудия, а художник – Бог; они – цитра, струны которой приводит в движение Его крепкая рука. Поэтому и пророк тот, будучи царем, облеченным в багряницу и украшенным венцом, обращая речь свою ко всей вселенной, отрешался от обычной житейской обстановки, но чтобы кто не счел его слов словами царя, говорил: "**Излилось из сердца моего слово благое; я говорю: песнь моя о Царе; язык мой - трость скорописца" (отрыгну сердце мое слово благо, глаголю аз дела моя цареви. Язык мой трость книжника скорописца)** (Пс. 44: 2). Почему ты называешь язык свой тростью? Чтобы ты знал, что это не я пишу, но владеющая мной рука. Ведь трость не сама от себя пишет, но то, что угодно руке, ею водящей. И язык мой – трость, управляет же им Дух Святой. Итак, когда спросит тебя эллин (язычник): "Кто твой учитель?" – не стыдись и не красней, но отвечай: "Простой человек, делатель палаток, стоящий на рынке, сшивающий кожи". – "А твой учитель кто?" – "Платон, Пифагор, не простые люди, а философы". Но если я говорю: "Твой учитель кто? Философ; твой учитель – знатного рода; твой учитель – богатый; твой учитель имеет изощренный язык, обилием речей превосходит реки, украшен почестями, имеет знаменитых предков, всюду почитается; а мой учитель по своим качествам – полная ему противоположность", то ясным становится, на чьей стороне победа. Как это? Так, что простец победил философа, бедняк богатого, безъязычный красноречивого, бичуемый не испытавшего никаких страданий. Ряд противоположностей, увеличивающий блеск победы. Мой говорит неправильным языком, твой владеет образцовой речью, но говорящий неправильно победил говорящего образцово. Со стороны языка у него есть недостаток, но мыслью он владеет как истый философ; слов мне не нужно, для меня важны мысли. Мой учитель победил твоего. Как? Простец мудрого, невежда оратора? Да откуда же видно, что победил? Бесстыдный, разве не видишь, что об этом громко вопиют дела? Где Платон? Нигде. Где Павел? Его имя на устах у всех. Где Платон? О нем и не слышно, он предан забвению. Где Павел? Он овладел царственным Римом, где не только при жизни имел силу, но и по смерти одержал победу. Он умер телом, чтобы жить духом; истлела бумага, но остается писание, потому что не чернилами оно написано, но утверждено духом. Солнце потерпит ущерб, но не слова Павла. В самом деле, что говорит даровавший ему эти самые слова? "**Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут**" (Мф. 24: 35). Если это только слова, обличи, но если слово стало делом, преклонись. "**Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут**". Скорее солнце погаснет и небо исчезнет, чем нарушатся слова моего Владыки. И они подтверждаются на опыте событиями, и продолжительностью времени, и нападениями врагов. Удивительно в самом деле, что возвещенное Спасителем не только не разрушилось, но и вопреки усилиям врагов имело успех. Следи тщательно за тем, что я говорю. Проповедал Павел, проповедал Иоанн, рыбак и Евангелист, бросивший сети и взявший Евангелие, оставивший удилище рыбака и воспринявший слово Учителя. Что проповедал и что сказал рыбак? Посмотрим, уловлю ли я слова рыбака и в то же время не рыбака: с одной стороны – рыбака, так как его уста произнесли их, а с другой – и не рыбака, так как это слова Духа. Что же он говорит? "**В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог**" (Иоан. 1: 1). Что скажет на это иудей? Он весьма гордится Моисеем, что тот рассек море, разделил и опять соединил волны, преложил воздух, рассек камень, низвел манну, погубил города вместе с людьми и без оружия победил войско. Так поэтому-то ты гордишься Моисеем? Послушай же, что сказал Моисей и сравни с тем, что сказал рыбак, чтобы убедиться, как скудно откровение Ветхого Завета и как изобильно откровение благодати. Что же сказал Моисей? "**В начале сотворил Бог небо и землю**" (Быт. 1: 1). А что рыбак? Нигде не говорит он "**сотворил**", но что? "**В начале было Слово, и Слово было у Бога**". Тот начинает с создания, а этот с Создателя. Видишь, насколько выше Моисея он восходит? Слышал он слова Моисея о том, что Бог сотворил небо – оставил

небо и устремился выше. Встретились ему на пути ангелы – он миновал их; встретились архангелы – он прошел мимо; херувимы – не остановился и на них. "Куда ты стремишься?" – "Мне нужно нечто другое. Хотя херувимы и сияют, но они тварь; хотя серафимы и воспевают, но они сорабы мне". – "Чего же ты ищешь? Начала и господства – тоже рабы, тоже создания; власти – и те творение. Куда ты идешь?" – "Самого Создателя я ищу, самого ищу Единосущного Отцу. Не остановлюсь, пока не постигну Его, насколько возможно постигнуть человеку. Моисей сказал о небе и тем ограничился, потому что не имел того Духа, какой я имею: правда, он не получил духа работы в боязнь, но получил духа усыновления в послушание веры (Рим. 8: 15), но мне вверено большее. Потому-то Господь мой и снизошел с неба на землю, чтобы я мог взойти с земли на небо". – "Чего ты ищешь?" – "Самого Создателя; когда найду Его, тогда только остановлюсь". Нашел – и что говорит? "**В начале было Слово**". Нигде не говорит: "сотворил", нигде не говорит: "произошло", потому что не о создании его учение. У него речь о Слове: "**В начале было Слово**". Сколько тиранов с тех пор, как рыбак произнес это слово, хотели его уничтожить, и не смогли, но куда бы ты ни пошел, всюду слышишь: "**В начале было Слово**", и на поле, и в городе – везде раздается: "**В начале было Слово**", и в Персии, и в Индии, и в Мавритании – всюду сияет это слово яснее солнца. Солнце светит днем, ночью же скрывается, а это слово и ночью не теряет своего сияния, но отпечатлевается в сознании каждого. Умер написавший его, а слово сияет; истлело тело того, кто произнес это слово, а оно блестит ярче солнца. Куда бы ты ни пошел, перед тобой звучит эти слова: "**В начале было Слово**". И каждый, и женщина, и мужчина, и раб, и свободный, и царь, и подданный, и начальствующие, и подчиненные заботливо сохраняют его в своем сердце и никто не может изгладить этого прекраснейшего наследия, но крепко блюдет это богатство. "**Небо и земля прейдут, словеса же Моя не прейдут**". Не может и диавол уничтожить этого слова; почему? Потому что это не простое слово, но слово Бога. Итак, не стыдись, когда слышишь: "это слова рыбака, это слова сшивающего сети". Ты видел, что этот рыбак сидел в самой глубине бедности и взошел на вершину добродетели? Но чтобы, начав с одного, нам не увлечься ходом речи в другую сторону, оставив развитие мысли, обуздаем свой язык и возвратимся к прежнему предмету беседы. Итак, что говорит делатель палаток, торговец? Я ведь и не думаю отказываться от частого повторения этих выражений в угоду неразумию многих и их неосновательным взглядам. Многие говорят с высокомерием: "Торговец! Что тебе нужно, торговец?" А скажи мне: что такое торговец? Ведь не преступление – быть торговцем? Ведь не преступление стоять на рынке и работать? Оставаясь дома, грабить чужое – вот это преступление. Рассуди, что постыдно и что похвально, и не насмехайся: быть на рынке – не преступление, но быть грабителем, предаваться корыстолюбию – преступно. Какая польза, если ты сидишь во внутренних покоях своего дома, но жаден, как волк? Какой кому вред, если бедняк стоит на рынке, подражая быку и землепашцу? Ты работаешь на рынке, ты ремесленник? Тут нет ничего худого, напротив, похвально, что ты честным трудом добываешь себе пропитание, не обивая порогов у чужих домов. Нет ничего постыдного работать на рынке, нисколько непредосудительно быть ремесленником. А что постыдно? Постыдно – жить в праздности – и если бы только в праздности, не работая вместе с тем и пороку! Ремесленником был Павел и работал в мастерской. И не то, чтобы он был таким до Евангелия, а после Евангелия изменился. Нет, он и проповедовал, и сшивал кожи; проповедовал, и оставался у Акилы и Прискиллы: "**и, по одинаковости ремесла, остался у них и работал; ибо ремеслом их было делание палаток**" (Деян. 18: 3). О, любомудрие Павла! О, высота мысли и непобедимость духа! О, разумение, достигающее до небес! О, душа, презирающая все видимое! О, мысль! Паутиной почитал он блеск жизни. Он не пошел к царям, не пошел к богатым, не обратился к людям состоятельным, но пошел к делателю палаток, по общности ремесла, и не скрывал своего занятия из стыда за него, но объявлял о нем перед всеми. Он стоял на рынке, проповедуя Евангелие, воскрешая мертвых, исцеляя прокаженных; он не стыдился места, но украшался делами, стоя на рынке. Он

продавал кожи, а к нему обращались другие, например, с просьбой воскресить мертвого. Являлись две женщины, и одна говорила: "сделай мне из кожи постель", а другая просила: "воскреси моего сына", и он отвечал обеим. Его это не затрудняло: и руки у него работали, и благодать действовала, и делатель палаток удовлетворял обеих, одну – тем, что относилось к его ремеслу, другую – тем, в чем требовалось участие благодати. "Тебе что нужно? Я берусь сделать кожаную постель, – ведь я шью же кожи. А тебе что? Я возвращу к жизни твоего умершего, так как я молюсь Богу". В ремесле нет стыда. Не пошел Павел в дом богатый и зажиточный, потому что он следовал заповеди своего Владыки, гласящей: "**В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете**" (Мф. 10: 11). Достоин ли Павла делатель палаток? Вполне. Почему же нет? Ведь и делателем палаток он стал из любви к бедности. Сказать ли тебе, какой удостоился он похвалы дороже царского венца и славнее багряницы? "**Приветствуйте Прискиллу и Акилу**", – пишет апостол, причем жену называет раньше мужа, чтобы ты знал, что она была выше его по добродетели. "**Приветствуйте Прискиллу и Акиллу**, – пишет он римлянам, – **которые голову свою полагали за мою душу** (Рим. 16: 3, 4). Разве это не похвальный венец? Разве это не живые мученики – "**Которые голову свою полагали за мою душу**"? Ведь это в полном смысле мученичество, без пролития крови, но во всей силе душевного порыва. Не говори мне: "Они не пожертвовали жизнью". Да, самим делом они не пострадали до заклания, но в душе пережили эту жертву. А Бог ценит не исполнение дела, а готовность. И Авраам не заколол своего сына ножом, потому что его нож не был обагрен кровью, а Бог говорит ему: "**не пожалел сына твоего возлюбленного для Меня**" (Быт. 22: 12 и 16). "Ты не пощадил в своем сердце, но Я пощадил на деле". "**Которые голову свою полагали за мою душу**". Они послужили апостолу своей кровью. Уразумели ли вы, что я сказал? Не свиней и птиц принесли они в жертву за него, но свою собственную кровь пролили. Вот верх гостеприимства! Иные, если дадут десять оболов, то уже почитают это себе в тягость, а те кровь свою пролили и не подумали о настоящей жизни. Вот это гостеприимство, и совсем не такое, как у нынешних, которые делают строгое лицо и поднимают брови, если им случится, да и то через слугу, подать бедняку десять оболов. А эти не так, но сами же и служили ему. Так точно и Авраам с Саррой. Ведь и Сарра сама замесила тесто, в укор нынешним женщинам, избаловавшим себя золотыми украшениями и шелковыми одеждами; сама же она и муки намолола. Говорит ей муж: "**поскорее замеси три меры лучшей муки**" (Быт. 18: 6). И она не сказала: "Выносимо ли это? Ты обращаешь меня, свою жену, в хлебопека? Разве я не принесла тебе приданого? Разве я не благородная? Ты помыкаешь мной, как служанкой: о том ли я мечтала, вступая в твой дом?" Ничего подобного она не сказала, но поспешила к делу и замесила тесто. Да, она была женой Авраама, не по закону лишь сожительства, но и по общению в добродетели. "Пусть будет, – говорит, – подвиг гостеприимства общим, чтобы сообща нам вкусить и плод его. Вот, – говорит, – сокровище; воспользуемся им вместе; я принесу тельца, а ты муку". Заколол тельца, и получил Исаака; замесила Сарра муку, и стало семя ее, "как звезды небесные и как песок на берегу моря" (Быт. 22: 17). Это я говорю, смиряя человеческую гордость и, с одной стороны, искореняя неразумие всех богатящихся, а с другой – ободряя бедняков, чтобы никто ни в бедности не падал духом, ни в богатстве не превозносился: ни то, ни другое несовместно с добродетелью. Искусство кормчего – выдержать направление, не смущаясь ни бурей, ни полным спокойствием моря, среди волнения соблюдая непоколебимое равновесие духа, не поддаваясь переменам и не отступая ни в ту, ни в другую сторону. Именно так Иов – ни в бедности не сделался хулителем, ни в богатстве не превозносился, но когда был богатым не закрывал своих дверей от бедных, а когда сам сделался бедным, обнажил собственные ребра. Таким образом, отличаясь ранее нищелюбием и впоследствии оставшись верным любомудрию, он невозмутимо перенес совершившийся в его жизни перелом. Но так как все это – по поводу делателя палаток, то извлечем кое-что для себя и из сказанного, ограничиваясь немногими словами, но

открывая в них для себя неизмеримое море мыслей. Такова сокровищница писания: ее богатство не в обилии речений, но в силе мыслей. Итак, что говорит делатель палаток, уста, исполненные святыни, язык, страшный для смерти? Что пишет эта десница, украшенная узами и облеченная в оковы, но воскрешающая мертвых? Что пишет она? Что говорит этот язык? Что пишет эта рука? "**Мы… если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем. Итак, кто во Христе, тот новая тварь**" (2 Кор. 5: 16, 17). Обрати внимание, какая глубина мысли. "**Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое**. **Все же от Бога**" (ст. 17, 18). Конечно, эта сокровищница закрыта; но попытаемся проникнуть в ее сокровенные недра; ведь ее глубина не таит в себе беспросветного мрака, но в ней источники света. Хотя сами по себе эти слова и не ясны, но я постараюсь сделать их понятными и доступными и для простеца, и для бедняка, и для слуги, и для повара, и для моряка, и для женщины, и для свободного, и для раба. Ведь и вообще Божественное учение предлагается всем в прикровенном виде, но толкование делает его удобопонятным. И у нас если встретится какое-либо затруднение, я сделаю эту духовную трапезу более ясной по общедоступности наставления. Только выслушайте мои слова с полным вниманием и не допускайте рассеянности. Впрочем, я имею уже достаточный опыт относительно вашего умения следить за развитием мыслей, почему и брался нередко за трудные предметы, не рассчитывая, что они сами по себе окажутся удобопонятными, но замечая, как при усердии слушателей и трудное обращается в легкое. Для бодрой мысли нет ничего трудного, для сосредоточенного внимания все ясно. "**Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло**". Прочитывая эти слова, эллины смеются и потешаются над нами: "Вот что пишет Павел: "Кто во Христе, тот новая тварь". Хвастаешься ты, Павел, – говорят они, – обольщаешь нас своими мечтаниями, возбуждаешь наше внимание, оглашаешь уши наши новыми суждениями". "**Итак, кто во Христе, тот новая тварь**". Прежде всего научись быть не ослепленным совершенно: ты ввергаешь себя в пропасть. Разве ты не знаешь и не слышал: "**Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием**" (1 Кор. 2: 14)? Разве не знаешь этой сокровищницы? Над сокровищницей сверху – сорные травы и камни, а если раскопаешь ее, внизу окажется жемчуг. Имей в виду не одни слова, но и мысли: дело не в словах. Тщательно вникни, что такое "**новая тварь**"; пойми, что значит: "**во Христе**"; пойми и сойди к свету. Так нередко случается, что ребенок, видя проходящего мимо царя, смеется над ним, а царь видит это, но оставляет без внимания, потому что тут нет оскорбления царю, а просто невинность детского возраста. Подойди сюда, я введу тебя во внутреннее святилище; не смотри издали из преддверия; подойди сюда, и я открою тебе всю глубину этой тайны. "Но что ты скажешь мне, – говорят они, – разве не сказал апостол, что у христиан – новая тварь?" – "Сказал". – "Покажи же нам, – говорят, – эту новую тварь; покажи нам, что небо сделалось новым, что до пришествия Христа оно было другим, а теперь стало иным, что море – другое, семена другие, природа другая, что плоды изменились, реки изменились, ветры не те? Ведь все это старое, а ты говоришь, что новая тварь". – "Удержись, не беснуйся. Чем больше ты противоречишь, тем очевиднее превосходство истины". – "Разве я безумствую? Разве я противоречу, – скажет эллин, – смотри, я спокоен". – "И оставайся спокойным, а я тебя буду спрашивать". – "Спрашивай". – "Говорит ли он, что прежде, чем пришел Христос, было одно небо, а после Его пришествия явилось другое? И прежде, чем явился Христос во плоти, было это самое небо, и после Его пришествия небо осталось тем же самым, равно как и земля, и море, и воздух, и ветры". – "Итак, что же болтает Павел, провозглашая: "**Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое**"? Я не вижу ничего нового". – "Да ты не имеешь и глаз, чтобы увидеть это новое. Поди сюда, я открою тебе глаза и ты увидишь." – "Ты откроешь мне глаза?" – "Открою". – "Да разве ты творец?" – "Конечно". – "В полном ли уме ты?" – "В полном". – "Дай же мне это твое зрение". – "Ты получишь большее – зрение духовное". – "И ты дашь мне это зрение?" – "Конечно". – "Но разве у меня нет его?" – "Конечно, нет". – "Как же это: у тебя

есть зрение, а у меня нет? Объясни мне". – "Когда ты входишь в храм и видишь там деревянного истукана обнаженного или бездушный камень и говоришь: "это – бог", имеешь ли ты зрение? Если ты камень этот называешь богом, где у тебя глаза? И есть ли какая польза от телесных очей, когда очи души твоей ослеплены? Видишь теперь, как ты нуждаешься в том, чтобы я открыл тебе глаза, чтобы ты увидел камень как камень, чтобы не смешивал совершенно разнородное и не соединял в одном противоположное. Ты имеешь глаза, когда видишь дерево и кланяешься ему, а вот я возьму его и сожгу: где же твои глаза, когда ты решаешься называть сжигаемое богом, а тем более, когда ты обоготворяешь страсти? Человек упивается вином, теряет устойчивость и в опьянении уподобляется бессловесному. А ты говоришь, что пьянство – бог, и называешь его Дионисом. Утверждаешь, что блуд – бог и [называешь его Венерой; заявляешь, что воровство — бог, и][1] именуешь его Гермесом. Итак, когда ты обоготворяешь страсти и дерево, разве ты имеешь глаза? Видимого ты не видишь и хочешь, чтобы я поверил тебе в невидимом? Видишь, что тебе нужно открыть глаза? Твой Дионис – просто негодный камень, а Венера – дерево. Ты не веришь моим словам? Поверь этой секире: я ударю ею и разрублю твоих богов; дай мне огня, и я сожгу их. Вот страсть к пьянству. Закон осуждает ее, а ты обоготворяешь? Разве ты не слепой после этого? Видишь, как необходимо открыть тебе глаза разумным словом? Вот таковы были и иудеи: они имели глаза и не видели, а слепец не имел глаз и видел. Спрашивает Христос слепого: "**Веруешь ли в Сына Божия?**" (Иоан. 9: 35). И он отвечает: "**Верую, Господи**", и поклонился Ему (Иоан. 9: 38). А иудеи видели Христа и распяли Его. Слепец поклоняется, а зрячий распинает. Потому-то Христос и сказал: "**На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы**" (ст. 39). Так-то и ты оказываешься слепым. Хочешь ли, чтобы я открыл тебе зрение словом, дал тебе очи разумные, очи видящие невидимое? Таковы ведь очи у нас, созерцающих верой; не видимое они видят, но невидимое. Если хочешь последовать за нами, следуй, если не хочешь, я во всяком случае сделаю свое дело, научу тебя. Разнообразно ведь приложение слова: противников оно примиряет, своих исправляет, в разных проявляется видах и ко всему приспособляется. "**Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое**". О, уста! О, блеск! Я вижу сокровище еще прежде, чем оно открылось; я вижу весь сосуд Создателя. О, очи, способные видеть! Будь внимателен, сосредоточься. Творением называется в Писании не только переход от небытия к бытию, но и вообще переход существующего в лучшее состояние. Так я выразился для краткости, но считаю необходимым пояснить свои слова обстоятельнее. Говорится, что Бог творит, не только тогда, когда Он создает что-либо не существовавшее ранее, но и тогда, когда Он исправляет и очищает что-либо существующее, но испорченное и осквернённое. Например, если я скажу: "Бог создал человека" – это значит, что Он привел его из небытия к бытию. А когда дурного человека Он делает хорошим, здесь простой переход из худшего состояния в лучшее. Там творение несуществующего, а здесь изменение существующего, но поврежденного – к лучшему. И чтобы тебе убедиться, что творением называется не только переход из небытия в бытие, но и исправление и очищение испорченного и осквернённого, послушай, что говорит Давид. Раз существовал он сам, и сердце его было, конечно, создано, но оно было осквернено прелюбодеянием и убийством; и вот он молит Бога – о чем? "**Сердце чистое сотвори во мне, Боже**" (Пс. 50: 12). Что же, а до этого он не имел сердца? Как же тогда низложил он Голиафа? Как угождал Богу? Не о сущности сердца, очевидно, говорит он, но об его исправлении. Здесь, таким образом, творением называется не приведение вещи из небытия к бытию, но исправление к лучшему того, что уже существовало ранее, но лишь подверглось порче. Итак, когда увидишь, что кто-нибудь невоздержный образумился, скажи себе: "у него новая душа"; когда увидишь блудницу, ставшую целомудренной, скажи себе: "у нее новая душа"; когда увидишь хищника склонным к милости, скажи себе: "у него новое сердце", потому что волк сделался овцой, ястреб – голубем. Значит, это – творение. Поэтому и купель возрождения называется творением.

"**Отложить**, – говорит апостол, – **прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях и облечься в нового человека, созданного** (Еф. 4: 22, 24) по **образу Создавшего его**" (Кол. 3: 10). Создание этого человека есть творение: **созданы во Христе Иисусе на добрые дела**" (Еф. 2: 10), а прежде были дела гибели. Тогда Отец взял прах земной и создал человека; ныне Сын берет воду и претворяет ее в вино. И там основное начало, и здесь основное начало; и там изменение основного начала, и здесь созидание к лучшему. "**Итак, кто во Христе, тот новая тварь**". Итак, что такое "новая тварь", новое творение? И в самом деле, какая мне польза, если бы небо явилось новое? Заметь твердо: ни небо не сделалось новым, ни солнце, ни земля – новой. Да и что мне за польза, если бы небо надо мной простерлось новое, а я сам по-прежнему должен бы был оставаться под грехом? Какая мне польза здесь или какой вред от того, что небо остается то же самое, если я сам не останусь таким, как был? Небо есть дом, а я, находящийся в этом доме, больной. И вот, если ты увидишь, что в дом вошел врач и на больного не обращает никакого внимания, но белит стены, наводит позолоту на потолок, разве ты не скажешь ему: "О, человек, больного полечи; а дом-то зачем украшаешь?" И Христос пришел в этот мир, в котором нашел пораженную недугом мою природу. Вникни опять в то, что я говорю. Приходит врач в большой дом, находит в нем больного, в жару, с ранами: что же, оставляет он больного и заботится о постороннем, белит стены, золотит потолок, украшает пол? Нет, конечно, никакого внимания на дом он не обращает, но всецело занимается больным. Если хозяин дома здоров будет, все остальное приложится. Так и здесь. Пришел Христос в мир, воспринял плоть, но пребывает всегда во всем, а пришествие Его в мир Писание называет домостроительством. Пришел в этот великий мир Тот, кто сам его создал. Нашел в нем недугующую природу человеческую, не на одре лежащую, но погрязшую в нечестии, испорченную во всем своем составе, нашел жертвенные огни горящие, жертвенный тук, оскверняющий воздух, детей, закалываемых руками родителей, нашел природу попранной, законы естественные потрясенными, сострадание отвергнутым, – "**и приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам**" (Пс. 105: 37), – нашел, что люди упиваются распутством до безумия, один – блудник, другой – прелюбодей, тот – убийца, вся земля погибает, люди лежат на одре порока, диавол выжидает добычу, печь разожжена, раны раскрыты, врачи бессильны, – я разумею пророков, обвинявших, но не достигавших исправления, – итак, врачи сидят, приготовляют лекарства, но помощи не оказывают, а лишь всех обличают. "Нет праведного ни одного, нет ищущего Бога[2]", – вот что говорит врач. Какая же тут надежда, когда врач обвиняет больного? Один говорил: "**Это откормленные кони: каждый из них ржет на жену другого" (кони женонеистовни сотворишася, кийждо к жене искренняго своего ржаше)** (Иер. 5: 8). Другой сидел в пустыне как ворон: "**Горе мне! Не стало милосердых на земле, нет правдивых между людьми" (у, люте мне, душе, яко погибе благочестивый от земли и исправляющаго в человецех несть)** (Мих. 7: 2). Третий говорил: "**Клятва и обман, убийство и воровство и прелюбодейство крайне распространились" (клятва, и лжа, и татьба, и любодеяние разлияся по земли)** (Ос. 4: 2). Каждый ближнего своего притеснением притесняет. Еще иной: "**Увы, народ грешный**" (Ис. 1: 4). Приходит врач – и плачет; какую же надежду может иметь больной, когда видит врача в слезах? Какую надежду можешь иметь ты, видя его в отчаянии? Какой пользы можно ожидать от него для больного? Недаром врачи часто, уже предвидя близость смерти, но избегая огорчать окружающих, пересиливают себя и свои опасения скрывают под веселым выражением лица, чтобы не вызвать у больного упадка духа. Ведь если больной заметит растерянность на лице врача, чего полезного он будет ожидать от него? А здесь болезнь так возобладала, что сам врач плачет: "Что мне делать? Раны, гниение, черви, полное расстройство; **Увы, народ гнешный**" А один такой врач написал даже целую книгу плача, это – Иеремия. Один горюет, другой плачет, третий умоляет. А Бог свыше говорит: "**Я оставил дом мой**" (Иер. 12: 7). Какая уж тут надежда, когда Бог говорит: "оставил все, покинул удел Мой;

самое любезное для души Моей отдал в руки врагов моих" (Иер. 12: 7). А Илия внизу вопиет: "Господи, **разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили мечом; остался я один, но и моей души ищут**" (3 Цар. 19: 10). Если так было в Иудее, где и закон был, и храм, и кивот завета, и жертвы иудейские, что же было там, где идолы, где тук и дым, где беззаконные таинства и нечестие, где страсти обоготворяются, где подражают лаю собак, которые на празднике в честь Диониса священнодействуют в козьей шкуре и с собачьим голосом, чтобы совершенно погубить благородство? Собак, свиней диавол сделал богами, ехидн и змей сделал, придумал белых аспидов. Закон бессилен, пророки обличают. Итак, что же, несчастный? Явившись и найдя вселенную в столь ужасном состоянии, Христос должен был оставить больного и заняться украшением неба? Нет, Он не сделал этого, но поспешил к больному, ради которого и небо создано было, ради которого и земля, и море, и воздух, и все прочее. Потому-то Он и внешний Свой вид принял не от неба, так как пришел послужить не небу, а человеку. Потому-то Он и связал Себя с больным узами родства и пришел как тот больной, не будучи больным сам, потому что Он "**не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его**" (1 Пет. 2: 22), но пришел, имея родственный природе его сосуд. Не пришел открыто в Своем Божественном виде, чтобы не убежал человек, чтобы не устрашить свою добычу, но поступил так, как нередко поступает врач: будучи человеком благородным, даже, может быть, знатным по происхождению, одетый в шелковые одежды, врач, войдя в дом бедного больного, нуждающегося в операции или в другом каком-либо лечении, снимает свои одежды, забывает о своем высоком происхождении, берет полотенце, опоясывается, имея в виду жечь и резать тело больного, и, одним словом, не думает о своем собственном достоинстве, но об излечении больного. Так точно сделал и Владыка ангелов, Которого слава неописуема: Он сошел на землю как человек, опоясал самого Себя полотенцем, т. е. облек Себя нашей природой, богатый сделался бедным, не утратив своего богатства, но скрыв его. "**Ибо вы знаете**, – говорит апостол, – **благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою**" (2 Кор. 8: 9). Видишь нищету – матерь богатства? Видишь бедность – залог обогащения? Богатый сделался бедным, чтобы я, бедняк, сделался богатым. Как врач, и Он препоясался. До чего снизошел Он? Он препоясался: не ограничился Он тем, что облекся в нашу природу, но принял и вид раба, не одну только природу раба. И вот пришел Он, нашел природу нашу зараженной болезнями, сделался тем, чем был я, кроме, конечно, греха. Пришел в хижину, где я был положен; увидел червей, увидел гниение, увидел великое зловоние; увидел, что закон не помогает, пророки только обвиняют, грех преуспевает, больной одержим беспорядочными страстями, не хочет знать воздержания, не слушается врачей. Ему говорят: "**не убивай**", а он убивает. "**Не прелюбодействуй**", а между тем, "**каждый из них ржет на жену другого**" (Иер. 5: 8); "**не кради**", а между тем "**клятва и обман, убийство и воровство и прелюбодейство крайне распространились**" (Ос. 4: 2), Врач говорил одно, а больной делал совсем другое. Что делать? Врач приказывал, а больной не исполнял; болезнь развивалась; поработитель человека диавол подстерегал его, как беглый раб: "Чего хочешь? Я дам прохладительного питья. Чего хочешь? Я дам мяса, дам того, что причинит тебе расстройство желудка, наперекор врачу". Врач делал распоряжения и уходил; обманщик прокрадывался тайно, и все доставлял. "Тебе нужен блуд, тебе нужна ложь? – спрашивал он больного". Тот отвечал: "Да, я хочу этого; не того, что приказывает врач, а того, что предлагаешь ты" Несчастное тело погибало. Бог обвиняет, пророки обвиняют, предатель соблазняет, а больной льнет не к тому, от кого должна быть ему польза, а к тому, кто его губит. Погибал целый род, порча не щадила ничего. Пришел Врач, располагающий всеми средствами при каких бы то ни было осложнениях, знающий легкий, удобный и надежный способ излечения. "Если скажу, – говорит Он, – "сделайте то и то", не сделают. Почему? Требований закона они не исполнили – подчинятся ли благодати? Земное оказалось им не под силу – смогут ли последовать небесному? Если предложу им пост, если предложу облечься во власяницу,

если предложу бедность... Брака честного они не знают, а Я буду говорить им о девстве? Они похищают чужое, а Я буду наставлять их нестяжательности? Они предаются блуду, разврату, а Я буду предлагать им власяницу? Как же быть? Я – человек, пока Я ношу это тело, и имею дело с отчаявшимися во своем спасении; буду бороться против греха и представлю в Своем лице пример человека здорового от рождения; покажу природу, как она есть сама по себе, независимо от падения; покажу человека, который не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его, чтобы и они, видя это, имели надежду спасения, и коварные враги их посрамились, увидев человека, не знающего греха". Посрамись, диавол! Вот плоть, вот тело моего Владыки. Потому-то он и ходил все время около, говоря: "Если Сын Божий этот человек, то как же все-таки Он не грешит, когда все остальные под грехом?" – "Но ведь грех не есть дело природы, а свободной воли; вот Я и покажу человека в здоровом его виде, сосуд очищенный, без всякой нечистоты". Перед лицом всего народа Он говорил: "**Кто из вас обличит Меня в неправде?**" (Иоан. 8: 46), и никто не нашелся сказать что-нибудь. Что же дальше? Подходит к тем, кто до того времени болел, действуя на них словами, как врач действует лекарствами: "Тебе не будет худо, если ты будешь соблюдать целомудрие; болезнь тяжела, но излечение возможно". Убеждает их: "**Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас**" (Мф. 11: 28). Обременены были больные; болезнь, распущенность, блуд, воровство, ложь, лжесвидетельство – все это бремя, и не так тяжела какая-нибудь ноша, как нечистая совесть. Но так как больной боится врача, в особенности, когда болезнь серьезная, чтобы он не стал резать, прижигать, и многие из больных предпочитают умереть от болезни, чем перенести болезненную операцию и затем взамен этого страдания пользоваться здоровьем, то, чтобы кто не испугался того, что Он пришел, и не стал говорить: "Он требует от нас ответа за грехи, Он взыскивает с нас за наши проступки, Он накажет нас и потом будет нас исправлять", чтобы под влиянием подобной мысли кто-нибудь не вздумал бежать, Он и говорит: "**Придите ко Мне. Я пришел не судить мир, но спасти мир** (Иоан. 12: 47). Не бойтесь: у Меня нет ни ножа, ни огня для прижигания, Я не жгу, не режу; Мое врачевание безболезненно, у Меня лечение не тяжелое. Если не верите, вот вам и примеры: блудница, разбойник, волхвы, мытарь, хананеянка – вот наглядные примеры Моего врачевания. Разве Я жег? Разве Я резал? Блудница пролила слезы – и стала честнее дев; волхвы поклонились – и сделались благовестниками; хананеянка пришла – и получила исцеление для своей дочери. **Я пришел не судить мир, но спасти мир**. **Придите, все труждающиеся и обремененные**. Таковы Мои слова. Я – Владыка, Я не имею нужды, Я не раб, подчиненный закону. Закон обвиняет тебя, но Я разрешаю это обвинение, Я упраздняю самого обвинителя. Как? Благодать делает его излишним. Пророки обвиняют, но Я даю больше свободы". Итак, придя и найдя природу нашу в болезненном состоянии, одних погрязшими в прелюбодеянии, других преданными блуду, и самый воздух зараженным дымом и смрадом, и все прочее, – что Он предпринимает? Видя род наш изнемогающим в жару, Он омывает его; прежде всего говорит: "Омойся и исцелись от недуга"; омывает в купели возрождения и помазывает: "Помазываю тебя помазанием мира, и омываю, и возрождаю тебя". И такова сила этого омовения? Именно такова. "Сойди вниз". Сходит в купель – и становится новым человеком. Без всякого орудия? Без рассечения и боли? Польза в соединении с удовольствием? Врачевание без отягощения? Что же нам делать, чтобы спастись? Мы совершили бесчисленное множество зол, совесть наша развращена, мы погибли. Он говорит, чтобы мы крестились, и через то спасемся; и действительно, берет нас, помазывает, омывает, затем питает твердой пищей. Да, после того, как больной стал невинным, Он питает его, и, притом, питает Своим собственным телом, а пить дает ему Свою собственную кровь, т. е. кровь Его – безгрешного. А так как и ты вышел из купели безгрешным, то, взяв такое тело, Он помазывает, омывает, питает его. Вот это и будет новая тварь. Когда входит в купель блудник и выходит праведник, разве это не новая тварь? Когда входит хищник и оставляет свои грехи, разве он не является новым творением? Вот каково творение благодати. Но

смотри, и в жизни продолжается это творение. Сколько блудниц оставили зрелища, отвергли шелковые одежды, питались пеплом, облачились во власяницы, и теперь проводят жизнь во Христе? Разве это не новая тварь? Когда ты видишь, что блудница перестала быть блудницей, но превосходит своей скромностью деву, скажи себе: "У нее создана душа, ее сердце переродилось, ее прежний характер изменился заново; она уже не стремится на зрелища, она уже не влечет других к гибели, но и сама спасается; она уже не соблазняет других, но служит их спасению, так как и другие блудники, видя ее, становятся целомудренными". Признаешь, что это новое творение? Когда ты видишь, что хищник, язычник, лижущий жертвенники, неистовствующий против христиан, обирающий тысячи сирот, обнажающий тысячи вдов, что такой, сделавшись христианином, отдает свое собственное имущество бедным и проводит ночи в молитве, скажи себе: этот человек создан вновь. "**Итак, кто во Христе, тот новая тварь**". И заметь, всюду во вселенной эта новая тварь. Когда ты видишь иноков, поселившихся в горах, распинающих себя, подавляющих необходимые требования природы, подражающих в бесстрастии ангелам, это ли не подтверждение слов: "**Итак, кто во Христе, тот новая тварь**"? Перенесись в Персию, хотя бы не телом, а лишь воображением: и что же? Там, где можно было жениться на матери, ныне подвизаются в девстве. Действительно, "**кто во Христе, тот новая тварь**". Вплоть до царей венценосных можешь ты проследить это новое творение. Прежде цари все наполняли своим нечестием, а ныне они идут в церковь; и хотя цари всем внушают страх, но ныне и сами они имеют страх перед церковью. Кто осмелится сказать царю: "Оставь твой венец"? А церковь говорит ему, и он подчиняется и идет в храм с обнаженной головой, без чьего-либо приглашения, но лишь по внушению своего разума; стоит здесь с главой обнаженной и ничем не украшенной; отлагает венец и берет крест. К этой трапезе приступает одинаково и царь, и нищий, а не так, чтобы царь – иначе, а нищий – иначе. И не скажет царь: "Дай мне побольше, а этому нищему поменьше", но скорее скажет: "С тем же самым смирением, с тем же самым благоговением, как этот нищий, приступаю и я". "**Итак, кто во Христе, тот новая тварь**". За все это возблагодарим Бога, потому что Ему слава во веки. Аминь.

---

[1] Заключенного в [ ] нет в греч. тексте.

[2] Пс. 13: 2: "**аще есть взыскаяй Бога**"; ст. 3: "**несть творяй благостыню, несть до единаго**".

9. Его же, на слова: сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих (Мф.17:5)

Любвеобильный наш отец, по своему к нам расположению, предоставил мне слово, и на принесенную ему вами за меня благодарность ответил настоящим поступком, пользу своих чад почитая собственной выгодой. Я с радостью принял это его поручение, и опять возвышаю среди вас свой голос и с готовностью берусь за продолжение моей прежней беседы. В прошлое воскресенье я показал вам Христа, вместе с рабами своими приходящего креститься; показал также Крестителя, узнавшего пришедшего Владыку и отказывавшего ему в крещении, но затем по повелению Спасителя, исполнившего свое служение делу спасения; изобразил наконец Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, возвестившего с неба: "**Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение**" – и, дойдя до этого свидетельства, я оставил эту кафедру, так как наступила уже пора прекратить беседу. И вот сегодня я желаю возобновить то, что тогда по недостатку времени вынужден был оставить, и раскрыть смысл этих слов, чтобы,

уразумев их, вы через них возвысились к Виновнику их, т. е. Сыну. "**Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение**. Это – Сын Мой, вместе со Мной ниспославший на Себя Духа Святого и в то же время воспринявший Духа, которого послал; это Он, прежде всех веков от Меня рожденный, а не сотворенный, Бог от Меня Единого рожденный, единородный, как один Я знаю и как Он один знает; это – образ Моего совершенства, это – в Себе самом отпечатлевший Мое Божество; вот Он, ясный образ Моей Ипостаси. Это Мой Сын, из Моего существа бестелесно, неизменно, безвременно воссиявший, не от другой ипостаси получивший начало. Это Сын Мой по природе, а не по благодати, Сын Мой – совечный Мне, совечный, а не юнейший, не получивший бытие позднее; Сын Мой – Единосущный Мне, как свет от света, как жизнь от жизни, как истина от истины, как сила от силы, как Бог от Бога. Я родил, Он рождается; между Мной и Им нет ничего посредствующего. Я родил, как прилично было родить Мне, Богу по природе; Он рожден, как прилично было быть рожденным Богу Слову. Название рождения – человеческое, но предвечное рождение – таинственно. Время не знает тайны Моего рождения, не знают его (ведь они произошли позднее) херувимы и серафимы, многоличные и многоочитые; крылами как руками закрывая свои лица, они неумолчно взывают: "**свят, свят, свят, Господь Саваоф**" (Ис, 6: 3). Не говорят они: "святой, очень святой, святейший"; не устанавливают нисходящего и опять восходящего порядка в Божестве; не рассекают единой сущности на неравные начала; не доискиваются того, чего не видят; славословят, не любопытствуя; благоговеют, поклоняются, не оспаривая единства Святой Троицы; одинаковое Мне и Сыну Моему и Духу славословие возносят; их жизнь несмолкаемое пение и самая эта бесконечная мелодия становится для них жизнью. **Небеса поведают славу Божию** (Пс. 18: 1), славу Бога, сотворившего их. Не исследуют они существа Творца: **небеса поведают славу Божию**, видом своим, а не звуком голоса. Пророки не могли постигнуть непостижимого; человеческая природа бессильна Его понять; ум не может вместить невместимого; слово не в состоянии изобразить вочеловечившееся Слово: одна только вера объемлет необъятного, одна только вера дает понятие о невидимом, одна только вера приближает к недостижимому, приближает, насколько она может вместить. "**Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение**" Он – Мой соработник, но не слуга; Он сотворил небо и землю; Он утвердил над землей свод неба; Он раскинул небо как кожу; Он сделал звезды по виду похожими на глаза; Он сделал солнце вождем и начальником дня; Он с ночным мраком сочетал сияние луны, сообщающее ночи оттенок грусти; Он дал воздуху нежную упругость, благодаря которой он легко вдыхается всеми живущими в нем, без труда расступается перед лицом идущих и опять смыкается за спиной их. Он скрыл в недрах земли корни растений, употребив повеление свое вместо семени, и лицо земли увенчал бесчисленными травами и цветами; Он чудесно разграничил сушу и море зыбким песком, перед которым море остается в своих границах, не осмеливаясь выйти и устремиться на сопредельную ему землю. Он установил оборот часов и смену времен года и приятное чередование лет; Он устроил видимую и невидимую тварь, не нуждаясь в содействии времени, не требуя орудий для работы, не обливаясь потом, но лишь пожелав и все легко осуществив. Он дал знак, и Его мановение дало бытие существующему; Он только помыслил, и мановение Его исполнилось; Он назвал не сущее, как сущее; как бы уже существовавшее ранее, и послушное Владычному зову, оно с трепетом поспешило на этот зов. Он – Тот, с которым советуясь, Я сказал: "**сотворим человека по образу нашему и по подобию**" (Быт. 1: 26). Он вместе со Мной создал человека и Он же потом ради человека сделался человеком, не изменившись в то, чем стал, сделавшись человеком через восприятие начатков человечества, и не утратив блеска Божества, став человеком и пребывая Богом. Это – Он, который от Моих недр не отлучился и в недрах Марии вселился; это – Он, и во Мне пребывающий неотлучно, и в ней обитавший неописанно; это – Он, и на небесах находящийся неотступно, и через утробу девическую прошедший невозбранно; как созданием этой утробы Он не осквернил Себя, так и, пожив в ней,

остался незапятнанным. Он явился из чрева Марии, как сияющий жених из безневестного чертога; Он Своим рождением почтил рождение и запечатлел девство родившей Его; Он через девственные врата прошел в этот мир, откуда Он никогда не отлучался, сохранив невредимыми заключенные врата невинности; Он носим был во чреве Матери Своей и в то же время сам носил все. Он, как младенец, питался материнским молоком, а сам питал всю природу, как ее питатель; Он, как дитя, повит был детскими пеленками, а сам, как Бог, расторгал пелену грехов; Он возлежал в яслях и звездой был указан как Творец звезд; Он был преследуем Иродом, а Симеоном приветствован как Господь; Он бежал в Египет и низложил там египетских идолов, и на Нем исполнилось мое пророчество: "**из Египта воззвал Я Сына Моего**" (Мф. 2: 15); Он преуспевал возрастом телесным, но не Божественной Своей природой – да и как мог бы возрастать вездесущий и все наполняющий? Это – Он, приявший крещение от Крестителя и просветивший свое создание. "**Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих**. Не два разных лица – Мой Сын и Сын Марии; не два разных лица – преклонившийся (до рождения) в пещере и принявший поклонение от волхвов; не два разных лица – этот крещенный и тот, никогда не крещенный, но именно **Сей есть Сын Мой**. Он вместе и в уме представляемый, и очами созерцаемый; Он – один невидимый и видимый вами, вечный и подвременный; Он – единосущный Мне по Божеству, и единосущный вам по человечеству – во всем, кроме греха. Не ищите на земле Его отца по плоти: здесь Он без отца; не ищите Его матери по Божеству на небе: там Он без матери. Не отделяйте Его Божества от Его человечества; не будьте злыми разлучниками неразлучимого; не разъединяйте человечество Его от Его божества, потому что по соединении оно с ним нераздельно и неслиянно. Не разделяйте того, что в Нем соединилось, но познавайте то, что в Нем есть. Не делите единое лицо Христа на два лица; на место единого Единородного не ставьте двух единородных; не полагайте отдельно Моего Сына и отдельно воспринятого Им человека; не дерзайте нарушать неслиянное единство, которое не подлежит расторжению; не почитайте воплотившегося Господа ни просто Богом, ни только человеком, но веруйте, что Он вместе и Бог и человек, что один и тот же Он всегда остается человеком и всегда есть Бог; не всегда Он был человеком, но с того времени был и стал человеком, когда по своей воле приобщился к семени Авраама. Если этого Моего Сына вы увидите голодным, томимым жаждой, спящим, ходящим, утомленным, бичуемым, или распинаемым добровольно, или пригвождаемым ко кресту без сопротивления, или умерщвляемым по собственной Его воле, или по смерти охраняемым стражей при гробе, где лежало тело Его – все это относите к Его плоти. Напротив, если вы увидите, что этот Мой Сын словом очищает проказу, брением исцеляет слепоту глаз, одним словом восполняет природу, пятью хлебами насыщает пять тысяч и из рук учеников своих, как бы с поля, собирает никем не сеянный самородный хлеб, разъяренное море, вздымающее волны подобно вершинам гор, усмиряет своим голосом и по воде как по суше шествует – все это относите к Его Божеству. Не подумай, что высокое из дел принадлежит кому-нибудь одному, а низкое из наблюдаемого в Нем кому-нибудь другому, но и то, и другое считайте принадлежащим одному и тому же: Ему принадлежит все Божественное, Ему принадлежит все человеческое, Его чудеса, Его же и страдания. Один и тот же Сын Мой и дела Божества Своего творит, и все дела плоти Своей усваивает Себе. **Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение**. Он – и виноградная лоза, и дверь для заблудших овец, – лоза, имеющая свой корень на небесах, а свои ветви раскидывающая по земле, лоза, разветвляющаяся в стволе, а не в корне, лоза, после трехдневного прозябания произрастившая виноград воскресения. Он есть дверь, потому что через Него верующий приходит ко Мне; Он есть посредник между Мной и Моими рабами, потому что соединяет со Мной тех, кто ко Мне стучится. **Сей есть Сын Мой возлюбленный**, и в то же время агнец, иерей и вместе жертва, один и тот же и приносящий и приносимый, и священнодействуемый и жертву принимающий". Впрочем, вы уже знаете и понимаете то, что об Единородном сказаны были Отцом после крещения эти слова. А когда Христос

преобразился на горе перед Своими учениками и лицо Его испускало сияние, перед которым исчезали лучи солнца, тогда опять раздались эти же самые слова: "**Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение**". Значит, не раз называл Отец Своего Сына сыном, как единственного Сына, и этими словами как бы рукой указывал Своего Единородного, очевидно, ради тех, кто покушается разделить Его с Отцом, кто утверждает, что безвременный родился во времени, кто причисляет к твари Создателя твари, кто порабощает освободителя, кто изобретает второго сына. Потому-то постоянно и подтверждается: "**Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение: того послушайте**" (Мф. 17: 5; ср. 3, 17; Мрк. 9: 17; Лк. 3: 22; 9: 35). Если Он скажет: "**Я и Отец – одно**" (Иоан. 10: 30); если Он скажет: "**видевший Мене видел Отца**" (Иоан. 14: 9); если Он скажет: "**Я во Отце, и Отец во Мне**" (Иоан. 14: 10, 11; ср. 10: 38), слушайте Его. Если Он скажет: "**пославший Меня**" (Иоан, 12: 49) "**Отец более Меня**" (Иоан. 14: 28) – удивляйся Его смотрительному снисхождению. Если Он скажет: "**сие есть тело Мое, которое за вас предается**" (Лк. 22: 19), и: "**сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов**" (Мф. 26: 28) – слушайте Его. Не как бы отделяя плоть Свою от божества, говорит Он это, потому что не отделяется плоть в этих словах, но телесное присвояется Божеству и Божественное усвояется телу, и не другому кому-либо то и другое принадлежит помимо Его. Если Он скажет: "**душа Моя скорбит смертельно**" (Мф. 26: 38), так как Он усвоил Себе наши душевные состояния, сами по себе непостыдные, – слушайте Его. Никакого ведь нет в Нем разделения между плотью и божеством; все Богоприличное и человеческое мы исповедуем и возводим к единому лицу и единой ипостаси и природе воплотившегося Бога нашего Иисуса Христа. Этому научены мы от Бога и Отца; этому наставлены от единородного Сына Божия; в этом утверждены мы Духом Святым; это возвещено священными писаниями, это проповедано святыми отцами. Итак, это мы приняли, это узнали, это и будем содержать. Зачем же сражаемся мы попусту друг с другом? Зачем поражаем друг друга – мы, наученные любить и ненавидящих нас? Зачем, забывая веровать, состязаемся о вере? "Рожден, не рожден; пострадал, но не пострадал; воскрес, но не воскрес". Почему судим освободителя? Зачем требуем отчета у благодетеля? Однажды захотел Он – и, как именно захотел, пришел, и пострадал, и умер, и воскрес, и вознесся на небеса, и придет судить живых и мертвых – в нашем образе, в каком приходил и в тот раз, потому что не расстался Он с той плотью, которую столь возлюбил, не отбросил ее, которой столь дорожил, не оставил во гробе оболочки Своего тела но в том же виде придет опять как Судья живых и мертвых, чтобы увидел Иуда, кого продал он богоубийцам, чтобы узрели иудеи, какую главу увенчали они терновым венцом; и когда увидят они Его восседающим на престоле Судьи, а херувимов и серафимов со страхом и трепетом предстоящими Ему, и скажут; "мы этого не распинали, мы осудили другого – какого-то Иисуса Назорея из Вифлеема", тогда Он покажет им Свое ребро, и увидят они, кого они пронзили, и даже против воли поклонятся Ему. Итак, зачем, не заботясь о том, чтобы веровать, мы состязаемся о вере? Зачем исполняем желание общего нашего врага? Ведь, конечно, диавол, эта язва всего человеческого рода, рассудил, что дело благочестия цветет, когда среди нас царствует тишина, что добрый порядок жизни крепнет, когда сияет вера, и что, когда Боголюбивое течение жизни преуспевает, то живущие так приближаются к блаженству и мы становимся угодными Создателю, спешим к Возлюбленному нами, чтобы взойти туда, откуда он (диавол) ниспал, – и смотрите, что он сделал, как хитро и коварно возбудил он среди нас войну, искусный вдохновитель зла, умудренный в обманах, изобретательный в кознях, неистощимый во всякого рода злых замыслах. Он возбудил некоторых ратовать под видом благочестия, и стремление к вере вооружил против самой веры, всем благочестивым внушил душепагубную страсть к спорам, члены церковного тела восстановил друг против друга, чтобы вдоволь смеяться, видя, как последовавшие его советам терпят от него же поражения, своими взаимными распрями доставляют ему удовольствие, и даже по столь горькому опыту не догадываются, кто виновник этого зла.

Итак, лишим же эту главу зла доставляемого ей удовольствия и торжество его обратим в печаль и невыразимое горе; возлюбим мир, столь для него ненавистный; оставим взвешивать и размерять выражения догмата; откажемся от желания быть учителями своих наставников; возненавидим словопрения, лишь развращающие слушателей; будем верить так, как предали отцы. Мы не мудрее отцов, не точнее своих учителей; мы не пастыри пастырей, но овцы. Не овцы пасут пастырей, но пастыри овец. В мире призвал нас Бог, а не в брани; останемся же в том, в чем призваны. Устрашимся таинственной трапезы, на которой становимся причастниками небесных таинств; не будем, разделяя одну и ту же трапезу, коварствовать друг против друга; не будем здесь общниками, а за порогом врагами; не будем здесь единоверными, а за порогом разноплеменными, чтобы не сказал и о нас Христос: "Я воспитал и возвысил сыновей и напитал их Своею Кровью, а они возмутились против Меня" (Ис. 1: 2). Сам же Спаситель всех, Устроитель мира, да изгонит из вас смутотворного и браннолюбивого диавола, сам и церквям Своим да подаст тишину, сам да оградит эту священную паству, сам да соблюдет ее пастыря, сам да сохранит благочестивого и христолюбивого царя нашего, сам да соберет в ограду свою заблудших овец, "**да будет одно стадо и один Пастырь**" (Иоан. 10: 16), во Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

10. Его же, на евангельское чтение, и о девстве, и увещание к падшим девам

Слово Божие ничего не говорит бесцельно, ничего не сообщает таинственного, что не имело бы отношения к делу нашего спасения. И здесь, куда я направил свое внимание, сжатость мысли побудила меня исследовать и посмотреть, что именно означает сказанное Владыкой в Евангелии. Хотя народу Он многое предлагал в притчах, одним поясняя трудное, другим открывая то, что нам известно, но, сообщая учение о спасении, Он, как благой и человеколюбивый, дал ясный и несомненный опыт загадок: с одной стороны, как в наших обычных делах найти подтверждение данной мысли, с другой – как уловить самый смысл сказанного. Говорил Владыка, что узок и тесен путь, ведущий в жизнь, и немногие находят его, но просторен и широк путь, ведущий в погибель, и многие идут им" (Мф. 7: 14, 13)[1]. Это выражение смущает и вызывает недоумение – почему Он говорит: "широк путь, ведущий в погибель?" Не знает Христос этого пути, потому что он не от Него. Значит, это сказано применительно к нам, это – загадка, заключающая в себе для нас лекарство.

Какая милость, какое человеколюбие, какая заботливость со стороны Владыки! Он предлагает вместе и победу и поражение, и сожаление и осуждение. "Я знаю, – говорит Он, – насколько склонен к соблазну род человеческий, насколько он привержен к земному, знаю, как он близорук, как доступен соблазну, как неустойчив, как слаб, как легко уловим врагом, если не утверждается верой: слышит он о широком пути, и бежит, как птица в ловушку; слышит об узком, и убегает от спасения, не разузнав о пользе того и другого". И ведь он хочет победы, но бежит от труда; и особенно услышав, что "**много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь**" (Пс. 33: 20), не спешит к такому заступнику, но бегом бежит прочь, не ведая, что удаляется от добра и подвергает себя гибели. О, безумие! Услышав, что много скорбей у праведных, ты смутился, человек, а услышав: "**много скорбей у нечестивого" (многи раны грешному)** (Пс. 31: 10), ты не устрашился? А лучше сказать, ран-то ты устрашился, но страсти греховной не погасил. Почему широк и просторен путь гибели? Путем здесь называет Он жизнь, потому что широким путем кажутся для заблуждающихся мирские удовольствия. Но что может быть для людей рассудительных жальче этого? Ведь тот путь, который считается узким, ведет к небесам, а тот, который кажется широким, увлекает следующих по нему в ад. Не подумай, возлюбленный, что и на самом деле широк и хорош тот путь, раз Господь употребил такое выражение. Соломон, например, говорит, что мед каплет с уст жены блудницы, но ведь

это не соответствует действительности (как, в самом деле, может когда-либо капать мед с уст женщины?), но видимость обмана приятна, и эту-то обманчивость суетного удовольствия он и назвал медом. Так точно и здесь: широтой пути называет Спаситель различные виды удовольствий и все наслаждения этой жизни. Послушайте меня вы, преклонившие выю свою и принявшие на себя доброе, легкое и блаженное иго, иночествующие и девы; послушайте меня все вы, которые посвятили себя и предали тела свои Господу; послушайте меня вы, украшение Небесного Жениха; послушайте меня вы, превосходящие своим блеском солнце; послушайте меня вы, входящие в небесное царство; послушайте меня вы, любезные Богу; послушайте меня вы, участницы Давидова хора; послушайте меня вы, потомство Елизаветы; послушайте меня, последовательницы Иоанна; послушайте меня, наследницы Бога; послушайте меня вы, и подвиг; и победу, и самого Подвигоположника носящие в своем подвиге; послушайте меня, сестры Марии; послушайте меня, матери и невесты и рабыни Христовы; но не меня, впрочем, послушайте, прошу вас, а апостола, говорящего: "**умоляю вас, братия, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу**" (Рим. 12: 1). Заслуживает веры этот проситель, и не стал бы он просить подаяния. Посмотри, кто это тебя просит, и пусть эта просьба заставит тебя почувствовать трепет. Взошедший до третьего неба, удостоившийся услышать голос Бога, слышавший неизреченные глаголы, умоляет: "представьте тела ваши Богу в чистоте". Что умоляешь, Павел? Что ты так заботишься о девах? Не ты ли сказал: "**Относительно девства я не имею повеления Господня**" (1 Кор. 7: 25)? Не ты ли сказал: "**брак у всех честен" (честна женитва)** (Евр. 13: 4)? Не ты ли сказал: "не уклоняйтесь друг от друга" **(не лишайте себе друг друга)** (1 Кор. 7: 5)? Почему же теперь проповедуешь невинность? Да и что еще заботишься ты о девах? Феклу ты исхитил от плотского брака и гибели и спас; что же теперь тебе беспокоиться о других девах? "Да, – говорит, – я очень забочусь о чистом и чуждом страсти браке. Если я установил порядок брака для людей, то с гораздо большим усердием я должен поработать в этом отношении для Христа: ведь я – невестоводитель Христа. Мой Владыка не довольствуется одной девой, Он не желает ограничиться одним браком; у Него много свадебных даров, Его наследство велико. И вот Он поручил мне привести Ему многих невест. Потому-то и говорил апостол: "**я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою**" (2 Кор. 11: 2) Видишь, с какой точностью выражается апостол, чтобы ты не подумал, что это плотской брак. О, слепота! О, неразумие! Кажется, кто не пожелал бы этого нетленного и беспорочного брака, чистого ложа, незапятнанного чертога, счастливого сопряжения, бессмертного общения, бесстрастного деторождения, ненарушимой супружеской верности, неоскудевающего приданого, вечного наслаждения, беззаботной жизни, сочетания со Христом, пребывания с ангелами, утешения богоприличными песнопениями, благоухания всех добродетелей, светильника всесветлого, свободы всеукрашающей, восхождения к Богу, ликования с ангелами, укрепления тела, чистоты душевной? Конечно, вступившая в брак с мужем заботится о том, как угодить тленной плоти; еще не рождает и уже оплакивает свое горе; нередко плачет она от мужа, плачет о бесплодии и бесчадии, плачет и при многочадии, когда дети умирают; плачет, когда дети предаются беспорядочной жизни. А дева Господня заботится о том, как угодить Господу. Послушайте внимательно апостола, возглашающего: "**обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою**" Не сказал; "тебя", но – "**вас**", чтобы ты не подумал, что он говорит и телесном браке. "**Умоляю вас**, – говорит он, – **представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу**" (Рим. 12: 1).

Это увещание касается всех, но в особенности оно относится к тем, кто подвизается в святости. Желающие свято приступить к святому, если преуспеют в этом, достигают великих и славных венцов; а кому не удастся довести до конца свое намерение, те испытывают ужасное падение. И конечно, упасть с высоты, как это понятно и само собой,

опаснее, чем упасть на земле. Бедняк, если он до конца своей жизни проживет в бедности, легче переносит свои невзгоды, а для богатого, впавшего в бедность, это испытание бывает хуже смерти. Точно так, по моему мнению, гораздо горче слезы и тягостнее печаль о падении девы, чем тех, кто подобно свинье каждый день валяется в грязи и грешит, потому что для таких людей привычка грешить делается уже легкой и незаметной. А о тех, кто растлил храм Божий, я думаю, нужно печалиться и горевать, сокрушаться и рвать на себе волосы, так как такое и столь великое сокровище утрачено. Но что с тобой, дева? Когда и какой вражеский вид ввел тебя в заблуждение? Какие мечи? Какие копья? Какие щиты? Какой воинский клич понудил тебя так скоро поступиться своей неприступностью? Ты была и городом, и храмом Христа, и стеной города, и стражей как города, так и ворот. Но, о, жалость! Как допустила ты врага без необходимости открыть эти ворота? Как в короткое время прельстилась ты предать печать девства, которую и Христос не нарушил, пройдя через нее? О, злая брань! Ты разрушила стену, осквернила храм твой святой, преступила обеты брака, расторгла брачный договор, утратила приданое, оказала пренебрежение ложу Христову! Но, конечно, и залог свой ты потеряла. Ты не знаешь здешних законов, какое наказание ожидает прелюбодейцу? Что же будет тебе, которая осквернила ложе не равного себе раба, но Владыки нашего Господа Иисуса Христа, вечно живущего, изменив Ему для тленной и зловонной персти? Как оплакивать тебя, я не знаю. Ты ранена, когда никто с тобой не сражался, ты обезглавлена без меча. За что судить тебя, я не знаю: за трусость ли или за отсутствие совести, за душегубство или за самоубийство? Таков ведь вид этого безумия, что и не знаешь, что, собственно, здесь оплакивать. Разве ты забыла свои обеты Христу? Не помнила невинности, с какой ежедневно ты невидимо привлекала Христа к своей груди и таинственно с Ним ликовала? И почему же? Ведь и ты была Марией до той поры, пока соблюдала свое девство? Какой же воск порока залепил твои глаза? Какая тьма омрачила тебя до того, что ты члены Христовы сделала членами блудницы? О, горе! Зловоние блудницы ты предпочла благовонию девства. На грязь удовольствия ты променяла миро. Разве ты не помнила того умилительного часа, когда ангелы и люди, радуясь вместе с тобой, со светильниками в руках, ввели тебя в брачный чертог Христа, при пении псалмов Давида, и тебя, нищую и бедную, все стали величать невестой Христовой и царицей?

О, кто не стал бы оплакивать ту, которая царя оставила, соединившись с кучей червей, которая пренебрегла царя, когда с ним должна была сожительствовать и соцарствовать, а предпочла ему того, кому от царя же грозит ввержение в геенну огненную? Почему же она вырыла себе такую яму? Да, ее соблазнила широта пути. Какая широта, спрашиваю я? Что обещал тебе твой наставник на этом гибельном пути, представитель геенны? Какое наслаждение в жизни предлагал тебе человекоубийца? Ты не слышала, о, дева, Господа, возвещающего в Евангелиях: "если мир весь приобретешь, душе же своей повредишь, какая польза тебе?" (Мф. 16: 26; Мрк. 8: 36)? Но, о, слепота! О, неразумие! О, помрачение! Подумай, дева, о своей гибели. Подумай, кого ты предпочитаешь, кого отвергаешь. Что получишь ты от твоего обольстителя? Мгновение удовольствия, смешанного с грязью, и каплей нечистоты в девической утробе, плод греховного смешения, а затем следует геенна огненная и червь неумирающий. Ужаснись этого безобразия! Неужели можно утверждать, что жить так – значит, пользоваться жизнью? Неужели это наслаждение? Неужели это широта жизни? Что это за подчинение безумию? Но бодрствуй во всем и говори: "**нам не безызвестны его умыслы" (не неразумеваем бо умышлений его)** (2 Кор. 2: 11). Радуйся всегда, как написано: "**Кротость ваша да будет известна всем человекам**" (Филипп. 4: 5). Страх Божий да светится в твоем сердце. Не уподобляйся ни воину, бросившему свой щит, ни трусливому и ленивому работнику, не убегай от венца. Жизнь коротка, а осуждение – на долгое время. На него озираясь, брат, настраивай сердце твое в согласии со святым пророком и тверди себе: "**мужайся, и да укрепляется сердце твое, и надейся на Господа" (мужайся, и да крепится сердце твое, и потерпи Господа)** (Пс. 26: 14).

Подражай Давиду и одним вержением камня порази врага. Ангелы являются зрителями твоей жизни, "потому что мы, – говорит апостол, – сделались позорищем для мира и ангелов и человеком" (1 Кор. 4: 9). Если увидят они, что ты побеждаешь, радуются твоему успеху; если увидят твою неудачу, отступают опечаленные, зато демоны смеются над тобой. Поэтому вместо меча вооружись страхом Божиим, потому что страх Божий есть меч обоюдоострый, поражающий всякую дурную похоть.

Итак, имей всегда страх Божий, постоянно памятуя тот последний день, когда небеса, охваченные огнем, распадутся, когда звезды, как листья осенью, осыплются с неба, а солнце и луна померкнут и не дадут света своего; когда явится Сын Человеческий и сойдет с неба на землю, и силы небесные поколеблются; когда и стремительные движения ангелов, и звуки труб нападающих, и перед лицом Его – огонь попаляющий и угрожающий поглотить вселенную, а кругом Него буря великая, ужасные землетрясения и громы, каких никогда не было и не будет до того дня, так что и самые силы небесные будут объяты великим трепетом. Что тогда будет с нами, братья мои? Какой ужас, какое содрогание будем испытывать мы? Вспомни, как народ израильский в пустыне не мог стерпеть тьмы и мрака, не мог вынести голоса Бога, говорившего с ним из среды огня, но умолил Его, чтобы Он перестал говорить к ним. Поистине, не могли они сносить того, что Он говорил им, хотя Он пришел не с яростью и говорил с ними не с гневом, но утешал их и удостоверял, что Он с ними. Послушай же, брат мой, если мы оказались не в силах выдержать, когда Он пришел с утешением нам, когда ни небеса не были разрушены огнем, ни трубные звуки не раздавались так сильно, как будет звучать та труба, чтобы разбудить покоящихся веками во гробах, когда не было ни огня, поедающего вселенную, ни чего-нибудь другого из тех, ожидающих нас, ужасов, что же будем мы делать тогда, когда придет Он с гневом и яростью неудержимой и сядет на престоле славы Своей и ангелы соберут перед Ним землю от востока солнца до запада и от всех пределов земли, чтобы судить Ему народ Свой и воздать каждому по делам его? О, горе! Каковыми должны быть мы, когда явимся там, нагие и обнаженные, чтобы предстать перед этим страшным судилищем? Горе, горе! Где будет тогда наше превозношение? Где будет тогда крепость телесная? Где будет тогда красота, обманчивая и бесполезная? Где будет тогда сладкогласие человеческое? Где будет тогда свобода в обращении, доходящая до бесстыдства и дерзости? Где будут тогда роскошные одежды? Где будут тогда греховные удовольствия, нечистые и поистине мерзкие? Где будут тогда почитающие нечистоту мужскую за удовольствие? Где будут тогда пьющие вино под звуки тимпанов и музыки? Где будет тогда надменность людей, не знающих страха? Где будет тогда нега и похотливость? Все миновало и как воздух, выдыхаемый из уст, рассеялось. Где тогда будет сребролюбие и любостяжательность и рождающееся от них жестокосердие? Где будет тогда бесчеловечная гордость, всем пренебрегающая и только себя почитающая чем-то особенным? Где будет тогда пустой и суетный успех и слава человеческая? Где будет могущество и власть? Где будет тогда царь, где начальник, где правитель? Где будут те, в чьих руках власть, надмевающиеся множеством богатства и презирающие Бога? Тогда "увидят и изумятся, смутятся и обратятся в бегство; страх объимет их: там и мука, как у женщин в родах; восточным ветром Ты сокрушишь их" **(видевше тако, удивишася: трепет прият я: тамо болезни, яко рождающия, духом бурным сокрушатся)** (Пс. 47: 6–8). Где будет тогда мудрость мудрых? Где суетные их измышления? Увы, они "**кружатся и шатаются, как пьяные, и вся мудрость их исчезает" (смятошася, подвигошася яко пияный, и вся мудрость их поглощена бысть)** (Пс. 106: 27). "**Где** тогда **мудрец? Где книжник? Где совопросник века сего?**" (1 Кор. 1: 20)? Брат мой, помысли, каковыми должны быть мы, когда будем давать ответ во всем, что сделали, великом ли, малом ли – ведь даже за праздное слово мы должны дать ответ праведному Судье? Каковыми мы должны быть в тот час, если окажемся достойными Его милости? Сколько радости придется испытать нам при соединении с

стоящими по правую сторону Царя? Каковыми должны бы быть мы, когда стали бы приветствовать нас все святые? Ведь там встретят нас Авраам, Исаак, Иаков, Ной, Иов, Давид, и святые пророки, и апостолы, и мученики, и все праведные, угодившие Богу в этой плотской жизни. И о ком только ни слышал ты из таковых мужей, дивясь их жизни и желая тотчас же посмотреть их самих, все они там придут к тебе и будут приветствовать тебя, радуясь о твоем спасении. Итак, каковыми должны мы быть тогда? Какую поистине неизглаголанную радость должны мы почувствовать, когда скажет Царь тем, которые по правую сторону, так ласково: "**придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**" (Мф. 35: 34). Тогда, брат мой, получишь ты царственное достоинство и прекрасный венец из руки Господа и затем будешь царствовать со Христом; тогда унаследуешь ты те блага, которые "приготовил Бог любящим Его" (1 Кор. 2: 9); тогда уже будешь ты беспечален, не зная более никакого страха. Размысли, брат, каково это – царствовать на небе. Ведь ты получишь, как я уже сказал, венец из руки Господа и будешь впредь царствовать со Христом. Размысли, брат мой, каково это – всегда видеть лице Божие, каково это – иметь его светильником. Тогда ведь, как говорит Исайя, "**не будет уже солнце служить тебе светом дневным, и сияние луны - светить тебе; но Господь будет тебе вечным светом, и Бог твой - славою твоею**" (Ис. 60: 19). Вот, брат мой, какая радость ожидает боящихся Господа и соблюдающих заповеди Его. Представь же себе после этого гибель грешников, когда влекутся они к страшному судилищу: какой стыд объемлет их перед лицом праведного Судьи, и нет у них слова в свое оправдание, какое посрамление они почувствуют, когда окажутся среди стоящих на левой стороне, какой мрак нависнет над ними, когда "**скажет им во гневе Своем и яростью Своею приведет их в смятение**" (Пс. 2: 5), говоря: "**идите от Меня, проклятые, во огнь вечный, уготованный диаволу и ангелам его**" (Мф. 25: 41)? Увы, увы! Какой скорбью и унынием наполнятся души их при общем клике всех говорящих: "**Да обратятся нечестивые в ад, - все народы, забывающие Бога**" (Пс. 9: 18)? О, горе! Как ужасно то место, где "**будет плач и скрежет зубов**" (Мф. 25: 30), эта так называемая преисподняя, которой и сам сатана трепещет? Увы! Как ужасна геенна неугасающего огня? Увы! Как ужасен этот червь неусыпающий и разъедающий? Увы! Как ужасны ангелы – совершители наказаний, безжалостные и немилосердные? Они ведь поносят и поражают ужасно. Тогда осужденные воззовут к Господу, но Он не услышит их; тогда уразумеют они, что суетным осталось для них все то, чем дорожили они в этой жизни, и что считали они приятным здесь, там оказалось горче желчи и яда. Где тогда будет лжеименное удовольствие греховное? Ведь не может и быть другого удовольствия, как бояться Бога. Вот это – истинное удовольствие, оно поистине как бы наполняет душу туком и мастью. Тогда начнут грешники упрекать себя за те дела, какие они сделали; тогда исповедают они, что праведен суд Божий. "Мы слышали это, – скажут они, – но не захотели отстать от своих лукавых деяний". И тогда будут они взывать: "Горе мне, зачатому в неисчислимых грехах! Число моих грехов превзошло число песка морского, и я сдавлен ими как бы многими железными оковами. Я не смею и глаз поднять, чтобы посмотреть на свод небесный. К кому же прибегну я, как не к Тебе, Человеколюбец, как не к Тебе, Непамятозлобивый? "**Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои. Многократно омой меня от беззакония моего, и от греха моего очисти меня, ибо беззакония мои я сознаю, и грех мой всегда предо мною. Тебе, Тебе единому согрешил я и лукавое пред очами Твоими сделал** (Пс. 50: 3–6). К Тебе прибегаю, уповая на Твое великое милосердие и благоутробие; Тебя прогневал я, но к Тебе же и прибегаю, уповая на Твое незлобие; Тебя я ослушался, но к Тебе и прибегаю, зная Твою великую благость и человеколюбие, и, умоляя, взываю: **Отврати лице Твое от грехов моих и изгладь все беззакония мои. Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня** – единственно ради имени Твоего (Пс. 50: 11, 12). Ничего не могу я принести Тебе: ни дела доброго, ни сердца чистого, но, уповая на Твои щедроты, повергаюсь перед Тобой, чтобы Ты послал

мне сокрушение сердечное, чтобы опять не подпасть мне греховному влечению, но отныне служить Тебе в святости и правде во все дни жизни моей, потому что Твое царство и Твоя держава во веки веков. Аминь". Итак, умоляю вас, братья мои, в ожидании всего этого потщитесь оказаться чистыми и непорочными перед Ним в мире. Как только посетит тебя лукавый помысл, извлеки этот меч, т. е. страх Божий себе представь, и ты посечешь им всякую вражескую силу, А вместо трубы употребляй Священное Писание. В самом деле, как труба своими звуками собирает воинов в строй, так и божественные Писания, обращаясь к нам, призывают наши помыслы к страху Божию. Да к тому же и помыслы наши, подобно воинам, также воюют с врагами царя. И опять, как труба, звуча во время войны, воодушевляет молодых и храбрых против неприятелей, так и Божественные Писания возбуждают твое усердие к добру и укрепляют в борьбе со страстями. Поэтому, брат мой, сколько можешь, принуждай себя чаще заниматься чтением Писаний, чтобы держать в порядке свои помыслы, иначе враг твой рассеет их своей хитростью, или внушая тебе дурные пожелания, или часто причиняя скорби, или даже направляя твои дела к благополучию и удаче. А это он устраивает благодаря своей хитрости и коварству для того, чтобы поселить отчуждение между Богом и человеком. И если ему не удается увлечь и погубить человека при помощи дурных пожеланий, тогда уже он наносит ему скорби, чтобы омрачить его ум и, воспользовавшись этим, посеять то, что ему нужно. И, действительно, он начинает тогда наводить человека на соответствующие обстоятельствам размышления и с клятвой утверждает, что "с того самого времени, как я усердствую к добру, я стал переживать худые дни – будем же делать зло, чтобы вернулось к нам благо". Тут-то, если кто окажется недостаточно бодрствующим, он, подобно аду, поглощает его живым. А если и в этих обстоятельствах он не может повредить человеку, тогда открывает перед ним широкий путь и внушает ему высокомерие и окружает его лестью, которая пагубнее и опаснее всех страстей. Она делает человека гордым и бесстрашным, она увлекает ум в пучину удовольствий, она располагает человека не признавать Бога, не помнить своей слабости и не вспоминать о дне смерти и суда; она – открытый путь для всех зол. Тот, кто склонен шествовать по этому пути, широкому и нестеснительному, скоро приходит в объятия смерти. Этот-то путь и есть тот, который Господь указал в словах: "широк и просторен путь, ведущий в погибель" (Мф. 7: 13).

---

[1] В Слав. Библ. ст. 14: "**узкая врата и тесный путь**"; ст. 13: "**пространная врата и широкий путь**".

11. Святого Иоанна Златоуста слово о богопознании, и на Святое Богоявление, и к новопросвещенным

Как люди, потерявшие телесное зрение, нуждаются в проводниках, чтобы не пострадать, упав по неведению в яму, так и люди, у которых омрачены очи души, нуждаются в тех, кто бы наставил их в Богочестии, так как иначе они погибнут, по неведению упав в бездну зол. И прежде весь род человеческий страдал этим недугом слепоты; и как случается с людьми, страдающими недостатком зрения, что они вместо действительно существующего часто видят совсем несуществующее, так и люди, имеющие поврежденное зрение духовное, вместо одного и единственного Бога видели многих богов несуществующих. Тогда Врач тел и душ даровал людям закон и пророков, врачуя их слепоту и руководствуя их к познанию Его. Но люди отвергли это врачевание, предложенное им в законе и пророках. Они смежили очи свои, чтобы не видеть, и закрыли уши свои, чтобы не слышать, по словам пророка Исайи, чтобы не обратиться к Богу и не быть исцеленными (Ис. 6: 10). Подобное этому громогласно заявлял и другой пророк,

Иеремия: "**Врачевали мы Вавилон, но не исцелился**" (Иер. 51: 9); врачевание на него не подействовало. Вавилон значит "смешение", а смешанным, действительно, и является человечество в его слепоте. Но способ лечения есть дело наилучших врачей; лечение застарелых ран превышает силы учеников. Так и Господь наш Иисус Христос, Единородный Сын Божий, видя, что нечестие людей не излечивается законом м пророками, сходит с высоты небес, рождается от святой Девы Маши, прежде всего крестом низлагает диавола, затем, пленив смерть, а своим тридневным воскресением даровав мир дальним и ближним, всех привел к познанию того, что Он – Бог. "**Смерть, где твое жало?**" (1 Кор. 5: 55). От Бога это блаженство. Это провидев, пророк Давид говорил: "**Блажен, кому отпущены беззакония, и чьи грехи покрыты!**" (Пс. 31: 1). "**Кто может прощать грехи, кроме одного Бога?**" (Мрк. 2: 7; Лк. 5: 21)? Люди, ублажая людей, не приносят им пользы, а часто даже вредят, как говорит пророк Исайя: "**вожди твои вводят тебя в заблуждение и путь стезей твоих испортили" (людие мои, блажащии вас, льстят вы, и стези ног ваших возмущают)** (Иса. 3: 12). Но ублажающий разумно оказывает услугу. Вот пример в подтверждение. Когда Господь спрашивал своих учеников: "**за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?**" (Мф. 16: 13), то потом Он сказал Симону: "**блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах**" (Мф. 16: 17) – Небесный, а не тот, которого на земле считали Его отцом. Ты произнес ублажение, дай же и награду царства небесного. Но ведь ты видел, какая награда следует за этим словом. В только что прочитанных нами блаженствах мы слышали, что каждое из них имеет соответствующее ему обетование. Но возвратимся к предлежащему нам предмету настоящего праздника. Прибытие куда-либо царя земного обыкновенно доставляет радость и удовольствие присутствующим. А так как здесь небесный Царь нисходит с небес на землю, то не только мы, присутствующие при этом Его явлении, должны радоваться, но и вся земля вместе с нами торжествует. Ведь если при восходе солнца все окружающее освещается им, то когда взошло Солнце правды, как не просветится всякая душа в эту светоносную ночь, о которой пророк Давид, Духом Святым провидя, говорил: "**но и тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день: как тьма, так и свет**" (Пс. 138: 12). Видишь, что говорится о настоящей ночи? Насколько мрак ее видим для телесных глаз, настолько свет ее созерцается очами души. О, светоносная и удивительная ночь, светлейшая всякого дня! Всякий день сменяется ночью, а эта светоносная ночь не имеет для себя смены, потому что " **свет во тьме светит, и тьма не объяла его**"(Иоан. 1: 5). Не привязывайся к букве, но вникай в дух. Свет – это единородный Сын Божий, а ночь – дела тьмы. Поэтому, когда твоя душа, бывшая во тьме, просвещена явлением этого света, уже не могут владеть тобой дела тьмы. Для того-то и явился этот свет, чтобы прогнать тьму; явилась жизнь, чтобы упразднить смерть; и прежде всего благовествуется о ней через ангелов пастухам, не для того, чтобы словами подтвердилось это чудо, но для того, чтобы пастыри словесных овец в этом нашли для себя побуждение благовествовать людям о человеколюбии Божием.

Мы поспешили воздать в священном городе Вифлееме должное поклонение нашему общему Владыке Богу, удостоившему ради нас вочеловечиться. Он явился на земле, снизойдя с небес ради нашего спасения, но не перестал пребывать и там. "**Не наполняю ли Я небо и землю? – говорит Господь**" (Иер. 23: 24), говорит Иеремия, а Давид подтверждает: "**Взойду ли на небо - Ты там; сойду ли в преисподнюю - и там Ты**" (Пс. 138: 8). Еще на земле Он не вочеловечился, а уже пророк возвещает о явлении Его во аде. Значит, не великое дело, если бы и мы, совершив от нашего города этот небольшой путь, пошли бы на то место поклониться. Пойдем опять и к Иордану, чтобы посмотреть совершавшиеся на нем тайны, как море увидело своего Владыку и убежало, а "**Иордан возвратился вспять**" (Пс. 113: 3). Посмотрим опять и Иоанна, совершающего крещение над Тем, кто "**берет на себя грех мира**" (Иоан. 1: 29), и Отца, свыше свидетельствующего о преславном снисхождении Своего Сына, и родного Им обоим Духа, сходящего в виде

голубя и почивающего на свидетельствуемом. О, преславные чудеса преславного Царя! Как тленная рука, коснувшись верха всего мира, не опалилась? Кто видел, и кто слышал когда-либо, чтобы сено прикоснулось к огню и не было повреждено огнем? Поистине блажен и трижды блажен этот отпрыск Захарии и Елисаветы! Блаженны ныне и мы, что видим плоды чресл наших просиявающими из святой купели, подобно звездам, и приобщающимися к полноте церкви. Но, о, Отче, и Слове, и Душе Святый, Триипостасное Существо, и сила, и воля, и действование, нас, исповедающих Твои неслитные и нераздельные ипостаси, удостой стояния по правую Твою сторону, когда Ты придешь с небес судить вселенную в правде! Тебе же подобает слава, честь и поклонение, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

12. Святого отца нашего Иоанна Златоуста слово на святое Вознесение Спасителя нашего

Так как по милости Божией мы в свое время предложили вам слово о страдании Господа нашего, равно как и о Его Воскресении, то послушайте теперь и настоящую мою беседу. После того, как Господь воскрес из мертвых, явился ученикам Своим, пребывал среди них, был осязаем и вместе с ними вкушал пищу в течение сорока дней, после всего этого Он пришел вместе с учениками на гору Елеонскую, лежащую напротив Иерусалима. Когда же собралось много народа, сам Иисус начал говорить ученикам Своим: "Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас (Иоан. 20: 21). "Идите по всему миру (Мрк. 16: 15), крестите их во имя Отца и Сына и Святого Духа во оставление грехов (Мф. 28: 19). Болных исцеляйте, бесов изгоняйте. Даром получили, даром давайте (Мф. 10: 8). Благословляйте проклинающих вас (Мф. 5: 44; Лк. 6: 28); благословляйте, а не проклинайте (Рим. 12: 14). Подражайте наставнику вашему. По тому узнают все, что вы Мои ученики (Иоан. 13: 35), если ненавидящих вас будете любить. Помните, сколько зла сделали Мне иудеи? Серафимы не могут видеть лица Моего, но закрывают свои лица, а иудеи это лицо Мое заплевали и по ланитам Моим ударяли. Руки Мои человека сотворили из земли и создали этот прекрасный мир, а они их пригвоздили к древу железными гвоздями. Если Я взором приникну на землю, земля трепещет и содрогается, а они, проходя мимо Меня и покивая главами своими, смеялись надо Мной. Все это Я претерпел от них, и не поразил их Своим гневом. Или вы думаете, что Я не мог этого сделать? Предстояли Мне ангелы, готовые исполнить Мое слово и говорившие: "**расторгнем узы их и отвергнем от нас иго их**" (Пс. 2: 3); но Я не дал им позволения, а, распятый и пригвожденный ко кресту, умолял о них Отца Своего: "**Отче! прости им, ибо не знают, что делают**" (Лк. 23: 34). И это Я потерпел ради вас, чтобы послужить вам примером. Ведь если бы Я только говорил, а не делал, то Мое учение было бы нетвердо. Но Я сначала исполнил все на деле, и тогда уже заповедую вам исполнять это. Я сказал: "**пастырь добрый полагает жизнь свою за овец**" (Иоан. 10: 11), и, сам будучи бессмертным, предал Себя на смерть. Я сказал: "благословляйте изгоняющих вас, и не проклинайте" (Мф. 5: 45), и, потерпев столько от иудеев, Я не положил на них клятвы. Я все совершил, все исполнил, что было о Мне предсказано, и теперь восхожу ко Отцу Моему (Иоан. 20: 17). Но не печальтесь: не оставлю вас сиротами (Иоан. 16: 18), но пошлю вам Духа Свята, Господа и животворящего, Единосущного Отцу Моему и Мне: и вот, Я с вами во все дни до скончания века (Мф. 28: 20). Как Я прежде был с пророками, так буду и с вами. Я избавил Моисея из руки египтян; Я с Иисусом Навином поразил в битве семь племен; Я исторг Илию из рук Иезавели; Я даровал Елисею двойную благодать; Я избавил Давида из руки Саула; Я Иеремию извлек из рва львиного; Я Даниила сохранил в пасти львиной; Я с тремя отроками ликовал в печи и спас их, а врагов попалил. Как со всеми теми Я был, так буду и с вами". И взглянув на город Иерусалим, сказал: "**Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает**

птенцов своих под крылья, и вы не захотели! (Мф. 23: 37). Горе вам, чада Иерусалима, за то, что Я пришел во имя Отца Моего и вы не приняли Меня, а диавола, всегда вас обманывавшего, принимали! Потому-то вот **оставляется дом ваш пуст**; пусть не останется камня на камне в вашем храме; славу храма вашего, которой вы гордились, вот Я отдаю верующим Кресту Моему и Моему Воскресению. Горе вам, чада Иерусалима, иудеи, что образ вы имели у себя издревле, а истины вы не приняли! Я дал вам образ этого Моего пришествия, чтобы, имея этот образ, вы узнали истину; Я дал вам Моисея, закон, жезл, золотую стамну с манной; где находился кивот, там и Моя слава пребывала. Но так как вы были неразумны и, когда Я пришел, не приняли Меня, то за это Я отнимаю у вас Мою славу и передаю ее народам, а сам **восхожу ко Отцу Моему**, пославшему Меня в мир. Вместо храма вашего, Я созижду Церковь; вместо пророков, которых Я посылал к вам и которых вы видели, Я пошлю учеников Моих проповедовать миру крещение покаяния во оставление грехов. Я дал вам скрижали завета, а народам дам Евангелия спасения; Я дал вам закон и вы его отвергли, а народам Я дам благодать вместо закона. Я дал вам жезл прозябший, а народам дам крест Мой процветший и, как плод, принесший миру жизнь. Я дал вам манну и вы, насытившись ею, вместо Меня поклонились тельцу; народам дам хлеб небесный, сходящий с неба, то есть тело Мое. Я дал вам воду из камня краесекомого, и вы, утоляя ею жажду, огорчили Меня; народам дам чашу с кровью Моей, чтобы пить из нее жизнь вечную. Все это дарую Я народам и затем восхожу ко Отцу Моему: се, оставляется вам дом ваш пуст" (Мф. 23: 38). Сказав это, Господь, обратившись к Матери Своей – Деве, сказал: "Мир тебе, Матерь сладчайшая! Не огорчайся, что Я восхожу ко Отцу Моему: Я не оставлю Тебя, светильник вселенной; Я не оставлю тебя, Мой храм святой; Я не оставлю тебя, единственную, оказавшуюся верной и непорочной предо Мной; Я не оставлю тебя, таинство всей вселенной; Я не оставлю тебя, цвет неувядающий. Не огорчайся ныне. А когда будешь ты отходить из этой жизни, Я не пошлю ни ангелов, ни архангелов, но сам приду и приму твою душу, лучезарнейшую солнца и светозарнейшую луны. Не огорчайся, Дева, что Я восхожу ко Отцу Моему: тебе остается вместо Меня Иоанн, девственник и наперсник Мой. Не ему ли поручил Я тебя, когда был на Кресте, сказав: "Иоанн, вот мать твоя", а тебе сказал: "вот сын твой" (Иоан. 19: 27, 26)? И ныне то же самое повторяю Я тебе: Мир тебе, Матерь Моя и Дева!" И ученикам еще раз сказал: "Мир вам, братья! Делайте так, как Я научил вас. Не огорчайтесь, что Я восхожу ко Отцу Моему, Если Я не отойду, Утешитель не придет к вам. Я ухожу и через десять дней пошлю вам Утешителя, Духа Святого и Животворящего". И когда Он говорил это, вот множество ангелов окружило Его, и серафимы, осеняя Его, восклицали: "Свят, свят, свят, Господь Саваоф, полны небо и земля славы Его!" (Ис. 6: 3). И тотчас светлое облако осенило гору, и лики пророков собрались на горе. В самой середине пророческого лика находился Давид с духовной лирой; он, побуждая Иисуса взойти на небо, говорил: "**Будь превознесен выше небес, Боже, и над всею землею да будет слава Твоя!**" (Пс. 56: 12). А апостолам говорил: "**Превозносите Господа, Бога нашего, и поклоняйтесь подножию Его: свято оно!**" (Пс. 98: 5). И вот, на глазах у них Он поднялся и облако светлое подхватило Его. И еще раз говорит Господь ученикам: "**Мир вам! Мир Мой даю вам**" (Иоан. 14: 27). И сказав это, стал невидим для них. Когда же увидел Давид, что взошел на небо Господь, опять, торжествуя и бряцая на духовной лире, говорил: "**Восшел Бог при восклицаниях, Господь при звуке трубном**" (Пс. 46: 6). А там Отец, встречая Его, говорил: "Сиди одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих (Пс. 109: 1). Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение (Мф. 3: 17); Ты – Агнец Мой, Ты – истинное Мое в начале Слово (Иоан. 1: 1); Ты – Моя сила; Ты – Моя мудрость". И когда Он взошел на небо, все силы поклонились Ему, и Он воссел по правую сторону Отца, исполнив, таким образом, все, относящееся к устроению спасения людей, как единосущный Отцу, единая сила, единое Божество, единая власть Отца и Сына и Святого Духа. Троице этой поклоняемся, верные, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

13. Святого отца нашего Иоанна, архиепископа Константинопольского, Златоуста, беседа об озере Генисаретском и о святом апостоле Петре

Когда учитель славен, тогда ученик послушен, тогда ученик уверен в успехе своего ученья; когда учитель ревностен, тогда он сам пожинает плоды своих трудов; тогда ученик отличается усердием, тогда он до такой степени ценит искусство своего учителя, что занятия с ним для него дороже всего. Да и не было бы никакой возможности учителю просиять, если бы он не находил в ученике светильника, наполненного елеем любознательности; невозможно было бы просиять и ученику, если бы учитель не изливал обильные потоки мудрости. Обе стороны должны проявлять деятельность и усердие и обе должны прилагать свои силы к делу своего совершенствования: один должен изощрять язык, а другой – напрягать слух; первый должен иметь всесторонне развитый ум, а второй должен представить душу готовую к восприятию. И это не только там необходимо, где дело касается тела, но весьма желательно и в отношении духовных предметов. Ведь как при телесном обучении не иначе обходится ученик без палки, как если неусыпно бодрствует в занятиях, так и в духовном обучении иначе не избегнет осуждения смертный, если не будет, по слову пророка, поучаться в законе Господнем день и ночь (Пс. 1: 2). А раз дело обстоит таким именно образом, и мы все присутствующие, являемся соучениками во Христе, потому что имеем одного и того же наставника и учителя – Христа, согласно Божественному слову: "**и будут все научены Богом**" (Иоан. 6: 45; Ис. 54: 13), то и сегодня откроем как можно шире к наставлениям Господа оба наши слуха – я разумею телесный и духовный – чтобы, восприняв Его слово как семя, мы могли на это Господне попечение возрастить многозернистый колос послушания в тридцать, и в шестьдесят, и в сто крат. Вот вы только что слышали Евангелиста Луку, поведавшего: "**Войдя в одну лодку, которая была Симонова, Он просил его отплыть несколько от берега и, сев, учил народ из лодки**" (Лк. 5: 3).

Видишь Божественное учение учителя? Видишь достолюбезное собрание народа? Видишь душеполезное усердие учеников? Видишь достойное награды терпение людей? Наскучило ли тогда кому-либо из слушателей слова Божия? Отошел ли кто от озера или сошел с горы? Или выражал кто-либо неудовольствие, подобно некоторым из присутствующих, в таком роде: "Зачем ты, учитель, затягиваешь свою беседу – у меня есть дела, меня ожидает собрание, я еще ничего не купил для завтрака, настал час брать ванну, я изнемогаю от зноя"? Сказал ли Спасителю кто-нибудь из присутствовавших в то время что-нибудь подобное? Ни в каком случае, конечно! Почему? Потому что они знали Того, кто сказал, что все прекрасно в свое время. Ты вошел в церковь Божию, ты удостоен доступа ко Христу; не уходи же отсюда, если не получил отпуска; уйти раньше отпуска – все равно, что убежать подобно беглому рабу. Шесть дней ты употребляешь на телесные нужды, а два часа можешь употребить и на духовные дела. Нехорошо здесь быть недовольным, а за порогом храма веселым; не следует здесь бросать небрежный кивок, а все внимание сосредотачивать на делах внешних; непохвально здесь хвалить, а за порогом – бранить. Мы приставлены к делу Господню: не басни же мы рассказываем? Мы читаем писания пророков: не будем же выказывать пренебрежение людям праведным? Мы помним апостолов: неужели же будем уничижать отцов? Ты часто ходишь в театр и, конечно, до окончания представления оттуда не выходишь; а в церковь ты приходишь – и не стесняешься уходить отсюда до совершения Божественных тайн? Побойся Того, кто сказал: "**Кто пренебрегает словом, тот причиняет вред себе" (иже презирает вещь, презрен будет от нея)** (Притч. 13: 13). Итак, что же говорит Евангелист Лука? "**Однажды, когда народ теснился к Нему, чтобы слышать слово Божие, а Он стоял у озера Геннисаретского" (Бысть же належащу Ему народу, и Той бе стоя при езере Генисаретсте)** (Лк. 5: 1). Как возвышенно искусны уроки Господа! Река стояла у озера, а лучше сказать – ловец людей пришел к озеру, чтобы уловить ловцов рыб. Ведь у Владыки

Христа все решительно имеет значение: и место, и слово, и намек, и шаг. Когда Петр и Андрей, Иаков и Иоанн разъезжали по Генисаретскому озеру, занимаясь рыбной ловлей, во всем завися от свойственных ей случайностей, извлекая подчас испорченные сети, оспаривая добычу у недр моря, не зная, чем придется питаться, скорее воруя, чем зарабатывая трудом, обманывая, а не убеждая, потому что без обмана рыба не ловится, – в это именно время Господь, заметив Своим Божественным и безошибочным взором их, как пригодных для уловления рыб, пришел к озеру, чтобы уловить их самих – не сетью, заброшенной в воду, но словом убеждения. И так как сами поименованные апостолы, доверяясь своим легким на воде ладьям, не знали Владыки вод и всей твари, то по причине этого Господь и пришел к озеру, чтобы, с одной стороны, научить народ, а с другой – поймать на удочку рыбаков. Как именно говорит Евангелист? "**Войдя в одну лодку, которая была Симонова, Он просил его отплыть несколько от берега**" (Лк. 5: 3). Видишь, как не нуждающийся в судне входит в судно, чтобы принести пользу хозяину судна? Что же еще Господь умоляет Симона? Почему? Слушай внимательно. Симон, как ты только что слышал, проработав с сетями всю ночь и ничего не поймав, сидел без дела. С большим неудовольствием он перемывал пустыми руками сети, к потраченному труду прилагая новый труд, безо всякой для себя пользы. По этому-то случаю, увидев Петра в дурном расположении духа, Господь, как утешитель сокрушенных, умоляет его. Как только увидел Господь Симона огорченным, Он тотчас обращается к нему с убедительной просьбой: "Моряк, одолжи Мне на короткое время твое судно, чтобы Я мог с него научить и наставить следующую за Мной, как ты видишь, толпу народа; пусть будет твое судно, моряк, церковью; послушай и сам ты слова Божия; не сочти моей просьбы обременительной – Я пришел, чтобы тебя же сделать лучшим; оставь тщетное плотское упование и присмотрись к духовной стороне; ненадолго одолжи Мне, моряк, твое судно". Симон же, еще погруженный в печаль о своей неудаче, отвечает Господу: "Откуда ты явился, странник? Какое мне дело до народа? Поищи другую какую-либо лодку, если хочешь проехаться по озеру. Видишь, что я удручен тем, что у меня нет хлеба, а ты предлагаешь мне заняться словом Божиим. Я не знаю, откуда мне достать денег, чтобы накормить тещу и жену, и отдам тебе лодку, чтобы и день потерять напрасно, как потерял ночь? Если заплатишь, садись в лодку; а если нет, уходи пожалуйста. Меня кормит заработок, а не слова". А Господь сказал Симону: "Не сердись, Симон! Ты говоришь, как настоящий моряк; слово Божие питательнее хлеба, и Я накормлю тебя вдоволь, потому что Я – хлеб животный. Не сочти настоящего Моего прихода убытком для себя; получай, сколько хочешь: Я – щедрый Сын богатого Отца".

Услышав это и немного повеселев с лица, Симон принимает Господа на судно и, принимаясь за весла, говорит Ему: "Сядь посередине, странник". Он думал, что везет простого седока, не понимая, что везет Того, кто носит всяческая. А Иисус, взойдя в лодку Симона, просил его отплыть немного от берега. Когда Симон, в надежде на получение платы, отплыл от берега, Иисус, сев в лодке, стал проповедовать народу. Что же Он проповедовал? Он проповедовал любовь нелицемерную, веру искреннюю, мир без коварства, братолюбие без разделения, благочестие неподкупное, богопознание бескорыстное, девство беспорочное, совершенствование бесконечное, супружество нерасторжимое; проповедовал не щадить для истины никакого труда, не бояться убивающих тело, но не могущих убить души. Когда Господь проповедовал это и еще прибавлял такие наставления: "Тот, кто любит душу свою, погубит ее; кто идет за Мной, пусть отречется от самого себя, возьмет крест свой и следует за Мной; не приобретайте ни золота, ни серебра, ни меди в пояса ваши, ни сумы, ни палки дорожной, ни двух одежд", – когда Господь проповедовал все это, Симон, подумавший было, что он отдал лодку в наем Господу, слыша подобные наставления, начал негодовать и говорить про себя: "И от него-то я рассчитывал получить плату! Неудача преследует меня и днем, и ночью; что это сегодня со мной? Этот говорит о нестяжательности, учит, что никто ничего не должен

иметь. Он, пожалуй, захочет, чтобы и я продал лодку, а деньги роздал бедным. И от Него я ожидаю уплаты!" Когда Симон рассуждал в таком роде сам с собой, Господь заканчивает свою проповедь, чтобы явить чудо и убедить Симона. Ведь простого человека убедить в чем-либо словом трудно. Когда затем Господь окончил слово и вся толпа выражала свое удовольствие, тогда Симон, приступив к Господу, сказал: "Слова Твои прекрасны, и голос Твой приятен, и учение заслуживает уважения, но однако исполни Твой уговор со мной: прикажи мне получить плату за плавание, чтобы и я пошел в дом свой, радуясь вместе с народом".

На это Господь сказал Симону: "Симон, ты желаешь получить плату так, как ты только что слышал? Тогда **отплыви на глубину и закиньте сети свои для лова** (Лк. 5: 4) – и получай обещанную тебе от Меня плату". Симон – Господу: "Опять я буду ловить рыбу и вытаскивать сети, опять трудиться напрасно? Хоть бы ночью-то мне что-нибудь попало в пустые руки! Ведь не искуснее же меня Ты в ловле рыб? Или Ты положил что-нибудь в темной бездне озера? Ты можешь быть учителем; но ведь не можешь быть вместе с тем и рыболовом? Отойди от меня: я вижу, что у Тебя ничего нет. Зачем мне еще терять время? Не это ли с самого начала я тебе говорил?" Господь же отвечал Симону: "Не принимай Меня за человека неразумного, Симон; не смотри на Мои руки и на Мою пазуху. Не в руках, а в устах у Меня плата тебе. Протрудившись всю ночь, ты ничего не поймал: иудейская гордость – это ночь лишений. При дневном свете благодати закинь твои сети, потому что христианское послушание есть свет благоплодия. **отплыви на глубину и закиньте сети свои для лова**". Тогда Симон ответил Господу: "Как Ты сейчас слышал, мы трудились всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть" (Лк. 5: 5). "**Сделав это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась**" (ст. 6). Чудное дело! Забота не изменяет Петру – "**сеть у них прорывалась**". И на Христа он смотрел, и за рыбой следил, и о деле не забыл. Не мог извлечь из воды отяжелевшую сеть и позвал помощников. "**И дали знак**, – говорит Евангелист, – **товарищам, находившимся на другой лодке**, – а там были Иаков и Иоанн, – **чтобы пришли помочь им**" (Лк. 5: 7). Дали знак, а не кричали, и это – моряки, без крика и шума ничего не делающие! Почему? Потому, что чудесный улов рыбы лишил их языка. Как очевидцы Божественной тайны, совершившейся перед ними, они не могли кричать, могли только звать знаками. Прибежавшие с другой лодки, где были Иаков и Иоанн, рыбаки начали собирать рыбу, но сколько они собирали, столько же и прибывало. Рыбы словно спешили, кто первый исполнит повеление Владыки: малые обгоняли больших, средние усердствовали перед более крупными, большие скакали через меньших; они не ждали, когда рыбаки переловят их руками, но сами вскакивали в лодку. Замерло движение на дне моря: никто из рыб не хотел оставаться там, потому что знали они, Кто сказал: "**Да произведет вода пресмыкающихся, душу живую" (да изведут воды гады душ живых)** (Быт. 1: 20). Что же тогда – Симон, испытавший сразу две крайности, причем, проработав всю ночь, ничего не поймал, а днем по слону Иисуса получил полный улов? Когда он увидел, что сети, переполненные рыбой, рвутся, и что множество рыб, еще не попавших в сеть, спешит сделаться его добычей, не желая оставаться вне сетей, тогда он, как бы уступая силе, упал перед Иисусом, говоря: "**Выйди от меня, Господи! Потому что я человек грешный** (Лк. 5: 8). Теперь я узнал, кто Ты: я не видел никогда такой ловли рыбы. Естественно, Владыка, что рыбы удерживаются внутри сетей. А теперь Я вижу совсем противное: совне рыбы осаждают сеть. Отойди от меня, умоляю! Ты исполнил уже Твое Божественное обещание; оставь же в озере хотя двух рыб на племя. Удались от меня: я не гоню Тебя, но сам сознаю свое недостоинство. **выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный!**" Господь же сказал Симону: "Я выйду из твоего судна, Симон, Я выхожу. Но Я войду в тебя: ради этого Я и пришел к тебе. Ловя рыбу, ты сам был уловлен; ты потерпел то, что делаешь сам. Но ты влечешь от жизни к смерти, а Я от смерти к жизни. **Не бойся; отныне будешь ловить человеков** (Лк. 5: 10). Оставь озеро и

уловляй вселенную; сломай палку и вооружись крестом; разорви удочку и проповедуй благочестие; брось крючок и исцеляй болезни; расстанься с сетями и скуй небесные ключи; выйди из лодки и вступи в церковь. Не бойся, Симон, отныне будешь ловить людей". О, сила Господня! О, мудрость Петрова! Уловленный рыболов не сказал: "Что за странное приглашение слышу я от учителя? Я буду уловлять людей. Какую же я возьму для этого сеть? И вяжутся ли где-нибудь такие сети – для ловли людей? Не похищает ли меня слово, поймав на удочку?" Ничего подобного не сказал Симон, но только услышал призыв Владыки, тотчас повиновался: не продал рыбу, не захотел воспользоваться своей удачей в лове, не советовался с женой, не сказал Владыке: "Сохрани мне мои средства, Владыка; я рассчитаюсь с поставщиками, оставлю немного на расходы по дому". Ничего такого не сказал Симон, потому что он был Петр в полном смысле этого слова. И не только Петр повиновался повелению Владыки, но и Андрей, и Иаков, и Иоанн; недаром это были две братские и верные двоицы.

Видел, что сделал Господь? Ради чего Он пришел на озеро? Ради того, чтобы народ научить, а рыбаков уловить. И вот ты сейчас слышал, что говорит Евангелист: "**И, вытащив обе лодки на берег, оставили все и последовали за Ним**" (Лк. 5: 11). Что же Господь? Нужно ведь уже и кончить слово. Когда Он увидел усердие апостолов, что они, оставив все, последовали за Ним, Он спешит утвердить дело, чтобы диавол не успел раздуть в них какой-нибудь искры неверия, так как люди изменчивы и непостоянны. Ведь если бы апостолы не увидели никакого другого знамения, они могли бы сказать о Господе: "Не напрасно ли мы, оставив имущество, последовали за Ним? И стечение рыб не произошло ли по какому-нибудь другому случаю, а не по повелению Божественному?" И вот, чтобы апостолы не осквернялись такими сомнениями, Он только что отошел от озера, как в одном из соседних городов при стечении народа открывает Божественную врачебницу, и тотчас одним своим желанием очищает прокаженного и снимает с него пеструю одежду проказы, чтобы знал Петр и другие ученики, что не только одушевленные рыбы повинуются Владычному повелению, но и бездушные страсти убегают от одного Его мановения. Ты только что слышал, как взывал прокаженный: "**Господи! Если хочешь, можешь меня очистить**" (Лк. 5: 12). Какое со стороны прокаженного разумение учения благочестия! Разъедавшая его тело проказа нисколько не коснулась его правой веры. Совне болезнь свирепствовала, но внутрь не имела доступа; тело она поедала, но на душу не простиралась. Больной носил на себе оскорбительную надпись, но спутник проказы не приближался; он был весь в проказе, но ненавидел нарушителя закона – Озию. Синагога его отталкивала, но церковь лобызала; Моисей его обидел, а Христос исцелил. Здесь он исцеляется, а дар должен отнести туда, по повелению Господа. Почему? Чтобы и человеколюбие Владыки Христа стало известно, и жадность сребролюбивых иудеев к деньгам обнаружилась. Итак, что же обличитель зломыслящих – прокаженный? "Господи! Если хочешь, можешь меня очистить. Не говорю: попроси, но – сделай сам; не говорю: помолись, но – исцели. Ведь Богу именно прилично исцелять собственной волей, а не по чужому указанию. **Господи! Если хочешь, можешь меня очистить**. Я слышал, что пророк говорит: "**Бог наш на небесах; творит все, что хочет**" **(Бог наш на небеси и на земли вся елика восхоте сотвори)** (Пс. 13: 3). И вот, так как Ты своим желанием все привел в бытие и небо натянул как кожу, а землю распростер подобно полотну, в промежуток же между ними поместил разнообразные виды созданий, то возврати и мне мое естественное одеяние, чтобы я оставил закон, как обременительный, и прославил благодать, как человеколюбивую, во Христе Иисусе Господе нашем, с Отцом и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том XII

Книга 3

ДОПОЛНЕНИЯ К ТВОРЕНИЯМ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА

К Беседам:

БЕСЕДА ПЕРВАЯ. На святую Пятидесятницу.

БЕСЕДА ВТОРАЯ. О покаянии ниневитян.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ. О милостыне, и о богатом, и Лазаре.

БЕСЕДА ЧЕТВЕРТАЯ. О десяти тысячах талантах, и десяти динариях, и о незлопамятстве..

БЕСЕДА ПЯТАЯ. К тем которые высоко ценят настоящие блага и напрасно стремятся к житейской гордости.

БЕСЕДА ШЕСТАЯ. О молитве.

БЕСЕДА СЕДЬМАЯ. На слова: "Всякий грех, который делает человек, есть вне тела" (1Кор.6:18).

БЕСЕДА ВОСЬМАЯ. О том, что добродетельная душа драгоценнее всего.

БЕСЕДА ДЕВЯТАЯ. На слова: "уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа, Который верен Поставившем Его" (Евр 3:1).

К Письмам:

I. Златоуста царице Евдоксии.

II. Златоуста к Кесарию.

Дополнения

к твореним св. Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского.

К БЕСЕДАМ.

БЕСЕДА I.

На святую Пятидесятницу.

1. Благодать, разделившая в этот день языки, не позволяет мне страшиться за бедность слова, - благодать, неученых сделавшая наставниками миру, рыбарей поставившая провозвестниками безыскусственной премудрости, победившая мудрых мира. Отчего иначе обратились к благочестию столь многие люди, страдавшие идолослужением? Отчего они отвергли господствовавшее служение демонам? Как не многие ученики могли бороться с множеством людей и демонов, если они не были вооружены силой божественного огня? Сегодня излился источник благодатного огня и разливавшееся пламя уступило место веяниям Духа. Благовествуя об этой благодати, Христос говорил: "**не оставлю**[1] **вас сиротами: иного Утешителя пошлет**[2] **вам Отец**"(Ин. 14:18,16).

Вознесение Господа на небо служит залогом сошествия Духа. Принявшим Иисуса надлежало принять и сошествие Духа для того, чтобы учение богопознания шло по совершеннейшему пути. Приняв человеческую природу и свойственный людям образ, Иисус приготовил людей к принятию Духа. "**Еще много**", говорит, "**имею сказать вам**", но "**вы не можете вместить**[3]: **когда же придет Утешитель**[4]**, Дух истины, то наставит вас на всякую истину**"(Ин. 16:12-13): придет после Меня Тот, Кто равен Мне по достоинству. Итак то, добрую весть о чем получили на словах, узнали самым делом; что было обещано, то испытали на опыте, когда исполнился день Пятидесятницы. Прошло немного времени после вознесения и совершилось сошествие Духа; обетование Спасителя получило исполнение.

2. Сонм апостолов, держась Владычного обетования, как якоря, ожидал сошествия Духа. Когда число дней достигло пятидесяти, когда закончился круг семи недель, установленный законом между тем и другим праздниками[5], тогда совершилось сошествие Духа. Но (Он явился) не во плоти, какую принял Сын, и не в образе человеческом, и не в виде голубя, как в водах Иордана, явил присутствие Духа. Владычное существо (όσια Δεσποτική) является по своему изволению. С неба раздался гром (как) трубный звук, превосходивший своими раскатами всякий шум; разливающееся пламя рождало огненные языки; от разделения огня явились языки; языки преемственно садились на головы учеников. Таков образ сошествия Духа.

3. Избирает день, минуя другие дни. Не без причины совершает сошествие и не прежде праздника, и не по прошествии этого дня. Почему? У иудеев было три только всенародных праздника. Первым был праздник Пасхи, в который, закалая агнца, не познали истинного Агнца; почитая образ, поступили беззаконно с первообразом; не почтили присутствия Того, тени Котораго покланялись. Второй после этого праздник носил название Пятидесятницы, промежутка (до сошествия) Духа. Кроме этих (праздников) еще - Сени (Кущи), подражание пустыни. В эти праздники необходимо было собраться в одно место всем иудеям. Так как в первый праздник поставлен крест, вознесено страдание (πάθος υψωθη)[6], зрителем чего был весь иудейский народ, а чудо воскресения сами не хотели знать, не веровали, скрывали, клеветали, то поэтому в следующий за первым праздник, в который все колена иудеев, по требованию закона, собирались вместе, в надлежащее время изливается на учеников благодать и привлекает глаза и слух всех, чтобы дар, ниспосылаемый ученикам Христа, засвидетельствовал об Его воскресении. Неверовавшие в воскресение видят Его ниспосылающим дары;

запечатавшие гроб делаются зрителями небесных видений. Так удары грома, огонь с неба и (почившая на учениках) сила удостоверили сошествие Духа.

4. Так некогда и у Синайской горы блистало пламя и Моисей среди огня учился законодательству. Но теперь пламя, сошедшее от небесного огня, слетало на головы апостолов. Подвигший тогда Моисея к изданию закона для евреев (печется)[7] о спасении народов. Поэтому к новым чудесам присоединяется память древних и при подобном (прежнему) зрелище употребляется посредство огня, для удостоверения присутствующих в том, что это (делает) тот же Бог. А разделяющеюся на языки (благодать) изображается для того, чтобы явить их принимающими (ее), чтобы они, шествуя в огне (т. е. в силе благодатного огня), сделались учителями вселенной. Бывшую в древности одну речь и один язык разделило древнее дерзкое столпотворение, и начавшаяся борьба языков прекратила войну с небом. Бесчисленные языки поражали бесчисленным разнообразием звуков, но не находили слушателей, понимавших то, что слышат; разделенный язык разделил и мысли; развязанный язык связал руки. Теперь благодать разделенные у отдельных людей языки соединила вместе в устах одного, расширив пределы проповеди (апостолов) и открыв многие пути (распространения) веры.

5. Чудные дела! Апостол говорил и индус поучался. Еврей говорил и варвар вразумлялся. Благодать вещала и слух воспринимал слово. Готы понимали речь и эфиопляне постигали язык. Персы удивлялись говорящему и народы варварские научались одним языком. Сколько природа образовала народов, настолько благодать богата была языками. Естество огня, будучи разделяемо, приобретает большую силу; богатство благодати подобно источнику света. Сила огня, переходя на другой предмет, нисколько не уменьшается; здесь передача есть умножение. Так благодать, изливаясь, увеличивает течение. От одного светильника возжигаются многие другие и все они являются светящими, при чем сила света не ослабевает. Так и благодать Духа, переходя от одних к другим, исполняет и последних, а равно - и тех, от которых переходит.

Сначала благодать сходит на апостолов и, обнявши их, как крепость, а через них переходя на верующих, всех наполняет; и на этом не останавливается поток благодати. Так сходил огненный язык; каждый ученик принимал множество языков; они поучали присутствующих, исполняя обязанность учителей, и служили предметом удивления; множество слушателей, неодинаковое по своему происхождению, не уменьшалось, так как язык апостольский поучал понятными словами. Под действием прикосновения огня, как бы некоторого погружения в воду, слушая речи (апостолов), познавали вечное учение; вера распространялась, благодать приводила в удивление, Бог познавался.

6. Но иудей смеялся; чудо приписывал опьянению; таинство благодати называл делом сладкого вина: "**вином**, - говорит, - **исполнены суть**"(Деян. 2:13). О, закоренелое иудейское жестокосердие! Подумай, иудей, о времени и удержи клевещущий язык. Когда бывает сладкое вино? Когда проходит лето. А во время весны бывает разве сладкое вино? Вспомни время года и обуздай язык. Что же Петр, первенствующий Духом и исполненный благодати? Исполненный огня, он обращает свой язык на защиту языков. "**они не пьяны, как вы думаете, ибо теперь третий час дня; но это есть предреченное у пророка Иоиля[8]: излию от Духа Моего море благодати[9]**". (Деян. 2:15-17). Пророк благовествует: "**излию,** говорит, **от Духа Моего**". Но не остановился ли (на этом) поток благодати? Не был ли этот дар назначен только иудеям? Нет. "**Излию, говорит, на всякую плоть**". Зная пророчество, смотрите на исполнение. Язык Духа превосходит пророческий язык. Будем же просить о ниспослании нам хотя капли этой благодати, чтобы, сохраняя в памяти чудеса, насладиться плодами благодати. Легко дается дар, если

находит расположение. Сам Бог совершает все во всем. Ему слава и держава в бесконечные веки веков. Аминь.

---

[1] Ουκ εασω вместо ουκ αφησω в других списках новозаветного текста.

[2] Αποστέλλει вместо δώσει.

[3] αρτι=ныне отсутствует.

[4] ο Παρακλητος вм. εκεινος=он

[5] То есть, между Пасхой и Пятидесятницей.

[6] То есть, вознесен на крест страждущий Христос.

[7] В издании Миня текст здесь не полон.

[8] Παρα του προφητου Ιωηλ вместо: δια του προφητου Ιωηλ, как читается в других списках.

[9] Πελαγος χαρισματον. В синодальном переводе нет этих слов.

БЕСЕДА 2.

Святого отца нашего Иоанна, архиепископа Константинопольского, Златоустого, о покаянии ниневитян.

Благослови, отче!

Видя, как проходят дни без потребного поучения, когда болезнь заставила меня хранить молчание, я печалился и скорбел, подобно борцу, которому присутствующие на ристалище мешают выйти на место состязания. Я видел, что вы жаждете духовной пищи и что я не в силах подать ее вам. Я видел время купли и не мог предложить никакого товара. Видел большую добычу, а ловец не мог выйти на охоту, но весьма скорбя об этом, я признал за лучшее оставить на время труды, чтобы потом я мог каждодневно приходить в церковь и участвовать вместе с вами в богослужении, чем, потрудившись через силу два, много три дня, снова лечь в постель и опять разлучиться с вами. Поэтому, после перерыва ежедневных бесед, снова, по милости Господа, приступаю к исполнению своего долга в отношении к вам. Хотя различным людям полезны разные советы, но врачество покаяния всем, думаю, потребно. Так как никто не свободен от греха, то имеет, очевидно, и нужду в покаянии. Для нуждающихся в нем необходим пример спасшихся посредством покаяния, показывающий, что этим же путем и они достигнут спасения. Итак, посмотрим на тех, которые, оставив нечестивую жизнь, прославились добродетелью. Посмотрим, как уподоблявшиеся зверям вступили в чин ангелов. Посмотрим на тех, которые, доведши город до гибели, воздвигли его любомудрием. Посмотрим на тех, которые из врагов Бога сделались Его друзьями, в отношении к которым Господь из карающего Судии обратился в защитника. Посмотрим на тех, которые, после произнесения над ними приговора, состязаются с Судией и приговор не приводится в исполнение. Посмотрим, как Бог по человеколюбию поступил вопреки Своему слову. Наперед послушаем, как проповедывал пророк, а город пришел в смятение и, подобно тому, как сильный ветер производит в море

волнение, так раздавшийся среди ниневийского народа голос Ионы все приводит в сильное движение и смущение. Послушаем, как город, веря проповеди, не впал в отчаяние, а поспешил к покаянию и, не надеясь на свою безопасность, старался почтить и умилостивить Бога. Что же делалось для этого умилостивления? Это отчасти сказано. Нужно, однако, передать все сказанное: "**И объявили пост, и оделись во вретища, от большого из них до малого[1]**". (Иона 3:5). О, удивительное чудо, страшное для людей, но вожделенное ангелам! Представь вместе со мной многое множество мужей, и жен, и детей, облекшихся во вретище, собравшихся вместе, оставивших обычные занятия и человеческие дела; (представь), что никто ничего не делает, а все вместе воссылают моления, плач и вопль к небу. Представь исчезнувшим неравенство между господами и слугами, между начальниками и подчиненными; представь царя, в таком же одеянии находящегося среди народа и совершающего служение Богу, как какое-либо государственное дело. "**Это слово дошло,** говорит, **до царя Ниневии, и он встал с престола своего, и снял с себя царское облачение свое, и оделся во вретище, и сел на пепле**(ст. 6)". О, мудрый царь! Сам подает пример покаяния, чтобы внушить усердие всему городу. Кто, видя самого царя, пекущимся о спасении, мог пренебречь покаянием? Раны пурпура он врачует вретищем; грехи трона очищает сидением на пепле; болезнь гордости врачует скромностью одежды, постом - раны роскоши. И показавши это самым делом, он побуждает всех к такому же усердию чрез особое объявление. "**И повелел провозгласить: "чтобы ни люди, ни скот, ни волы, ни овцы ничего не ели, не ходили на пастбище и воды не пили"** (ст. 7)". Новый царский закон: как врач, он назначает больным воздержание от пищи, а лучше - апостольским постановлениям о благочестивом посте подражает этот роскошный законодатель, повелевая бессловесным участвовать в посте людей для того, чтобы, при посредстве невинной природы, приобрести большую милость Божию. "**И чтобы покрыты были вретищем люди и скот** (ст. 8)". О, небесный строй! О, воинство, приводящее в страх демонов! Горько стало диаволу, когда он увидел все свое войско обратившимся к Богу и воюющим с демонами, когда в эту борьбу вступили и дети и жены, малолетние вместе с взрослыми, когда бессловесные животные в качестве соратников были привлечены к воинскому строю. И увидел диавол новое зрелище: скот содействовал людям в (достижении) праведности и постился о спасении хозяев. "**Чтобы ни люди, ни скот, ни волы, ни овцы ничего не ели, не ходили на пастбище**". Сняв с себя знаки власти, царь встал в ряд священников; обратился к народу с речью, уча ниневитян любомудрию. Тяжелы, друзья, говорит он, настоящие бедствия; завладевшие всей вселенной, мы, как негодные, божественным приговором обречены на гибель; повелевая всеми людьми, мы как самые худые из всех, приговорены к необычайному виду смерти; счастливейшие из всех прочих, окажемся тогда всех несчастнее, сделаемся притчею у всех людей и предметом сказаний, так как прежняя слава не дает возможности скрыть наши несчастия. Во многих войнах одержав победы, тем с большею, о, ниневитяне, доблестью будем ныне ратовать за собственное спасение; в прежние времена мы делали все, чтобы приобрести господство над другими, теперь награда наша будет состоять в том, чтобы не погибнуть совершенно вместе с женами и детьми. При наступлении особой войны и сражаться будем особым способом: обратим к небу песнопения; вместо копьев устремим туда псалмы; вознесем к Богу молитвы; непрестанными слезами умилостивим Его гнев; разорвем сеть худых дел; разрушим твердыню зла; будем сражаться оружием добродетели; панциря праведности не пробивает стрела; щиту веры не наносит вреда молния; Бог не попускает сокрушить шлем надежды; вышний гнев не раздирает хитона смиренномудрия; угроза гибели не в силах разрушить стену исповедания; приговор осуждения, видя действительное раскаяние, тотчас рассеивается, как дым. Если так, о, друзья, и таким оружием будем сражаться, мы будем сильны как на земле, так и на небе. Дерзайте, ниневитяне, дерзайте! Человеколюбивый Царь воюет с нами; только победив упорных своих врагов, Он, оставив гнев, делается благодетелем их.

Такими увещаниями царь побуждал народ к покаянию. Ниневитяне с готовностью исполняли приказания: "**покрыты были,** говорится, **вретищем люди и скот и крепко вопияли к Богу**". И это было не так, что слово было готово, а ум занят был другим, язык произносил слова, а мысль не участвовала в них, звуки голоса раздавались, а душевное расположение не соединялось с ними, но - так, что то и другое усиленно умоляло Бога. Наступившая ночь, увеличившая страх, прогоняла сон и тем усерднее возносила гимн. День, снова являвший небо мрачным, непрерывными молниями и громом приводил всех в необычайный страх и возбуждал величайший вопль. Колебание земли приводило души в большое смятение. Все малые дети, из страха припадающие к грудям матерей, и плачущие на руках, вызывают у смотрящих на это слезы и горе. Стада волов, овец и весь скот, лишенные корма и пойла, своим разнообразным ревом приводят в содрогание самых крепких людей. Несмотря, однако, на то, что все приняло угрожающий вид и внушало страх, добрая надежда их не покидала. "**Кто знает, может быть, еще Бог умилосердится[2] и отвратит от нас пылающий гнев Свой, и мы не погибнем** (ст. 9)?" Из глубины сердца они взывали к Богу: Царь, Владыка жизни и смерти, мы достойны произнесенного приговора и заслуживаем всякого наказания, не познав Тебя, истинного Бога, и ведя развращенную жизнь. По безмерному Твоему милосердию останови определенное нам наказание, победи нелицеприятное правосудие благостию, а наше незнание - человеколюбием. Если бы внезапно навел казнь, слово заключало бы кару[3], поражены были бы чужие (т. е. не исповедывавшие истинного Бога) и нечестивые. А ныне, назначив по благости определенный срок[4], поразишь ли обратившихся, погубишь ли не чужих, а Своих? Нечестивых хранил, - погубишь ли ставших верующими? Когда мы были порочны, спасал, - истребишь ли делающих добро? Город, служивший идолам, возвысил и воздвиг царство, - ниспровергнешь ли, когда он сделался Твоим? Не зная Тебя, мы через Тебя овладели вселенной, а поклоняясь Тебе ныне лишимся и самой жизни? Побереги имя Твое, Царь, чтобы наказывая ниневитян, не сделать благочестия чем-либо таким, чего, как бесполезного, нужно избегать, - чтобы, подвергая нас заслуженной каре, не запереть для людей двери покаяния. Если мы, имея законодателя и учителей, погрязли во многих пороках, подвергай неминуемой гибели; не делай снисхождения умоляющим; наводи кару более тяжкую, чем какою угрожал. А если неучившиеся и ненаставленные живем мы худо и нечестиво, не карай так, Царь, наше неведение. Справедливо Ты в древние времена погубил людей потопом, - потому что они не внимали наставлениям Ноя. Ты наперед объявил гибель, а они не оставили греха. Содомлян по заслугам Ты истребил огнем, так как они не хотели слушать советов Лота. Египтяне, погибшие в море вместе с фараоном, понесли должное наказание, так как не верили словам Моисея, подвергаясь многим казням и испытывая на себе действия Твоей десницы. А разве осмеливались мы противоречить в чем-либо? Одного только послал к нам и при том не учителя, а провозвестника бедствий; мы поверили ему и всенародно с честию совершаем Тебе служение. Назначил нам небольшой срок и в продолжение его мы показали весьма большую перемену. Когда объявлена была нам гибель, мы не усомнились в Твоем человеколюбии. Когда пророк предсказал разрушение города, мы сохранили надежду на Твою милость. Не посрами же, Благостный, надежды. Не отними языков, желающих славословить Твои благодеяния. Не умертви мужей, всецело стремящихся возвещать Твою благость. Не лиши нас возможности сделаться учителями благочестия для всех наших. Не пребывай при прежнем ограничении[5] в отношении к тем, которые не остались прежними. Изменились мы, изменись и Ты. Оставь гнев, как мы - заблуждение. Прекрати наказание, как мы - зло. Довольно вразумил нас страхом, дай нам время показать любовь к Тебе. Пощади скот, ревущий от голода. Пощади невинных детей, измученных рыданиями. Пощади несовершеннолетних, ослабевших от поста. Не погуби невинных вместе с виновными. Помилуй матерей, не дающих вследствие Твоего гнева молока самым дорогим(т. е. детям). Родители отказали им в милости, чтобы получить от Тебя помилование. Все люди держатся тех же худых обычаев, как и мы. Если не примешь

нашего покаяния, то разрушишь надежды всего мира. Такие, вероятно, наставления слышали от начальников ниневитяне. За словами следовали соответствующие дела: пост, вретище, усердная молитва, слезы, удаление от зла. "**Вопияли,** говорит, **прилежно к Богу, и обратился каждый от пути своего лукавого и от неправды сущей в руках их**". Обращаются к любомудрию, к самым высшим вопросам любомудрия, и венец добродетели делают основанием добродетели. Каждый старался исполнить всякое доброе дело, всего более угодное Богу. Видели начавшуюся войну неба с ними и укрепили себя добрыми делами, как стену. Сверкавшим вверху молниям они противопоставили внизу молитвы и прошения; ударам грома - звуки песнопений. Пост сделался для них крепкою башнею. Потоками слез смыли множество грехов. Врагов сделали друзьями, чтобы примириться с Богом. Сами оставили гнев на оскорбивших их, чтобы прекратить гнев на них Владыки. Книгу долгов разорвали здесь, чтобы там получить отпущение грехов. Дали рабам свободу, чтобы самим освободиться от наказания. Делились с бедными имуществом, чтобы сделать безопасным свое достояние. Бросив роскошь, держались воздержания. Избегая своеволия, полюбили скромность. Возненавидев кичливость, приняли все вид скромный и печальный. Занимавшиеся торговлей, договорами и всякими делами служили Богу. Злодеи сами без всякого принуждения сознавались в своих разбоях. Судьи не подвергали этих сознававшихся наказанию. Все, как расстающиеся с жизнью, рассказывали свои худые дела. Богатство оставалось без охраны и нигде не являлось воров. Золото раздавалось нуждающимся; приобретения избегал каждый, как убытка. У всех был один предмет забот - спасение. Все - богатые и бедные - стремились и хлопотали об одном - о (сохранении) жизни. Все, не относящееся к этому, оставлялось, как бесполезное и худое. Неизвестно было спасение и, как желаемое, было предметом усердного искания. Не надеялись на успех покаяния и, как желающие жить, всецело отдались всякому доброму деланию. О, философы-варвары! О, мудрые невежды! Без научения поняли то, что нужно; без законодателя переменили к лучшему свою жизнь; без учителей исправились, из бездны зла обратились к небесной жизни. "**Вот изменение десницы Всевышнего**"(Пс. 76:11). Одна грозная туча, и ниневитяне произрастили бесчисленное множество добрых плодов. Переплавились, как старинные какие-нибудь статуи. Они переменились вследствие покаяния, из грешников сделались праведниками, любезными ангелам, угодными Богу. Установили колеблющийся город, подняли падавший, укрепили потрясенный. Обратились и не извратились; переменились и не погибли. "**И увидел,** говорит, **Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел.**" Чудное дело! Судия изменил решение, отменил смертный приговор и постановил оправдательный. Покаялись ниневитяне и раскаялся Бог. Покаяние отменило грозное повеление. Отвергли те зло, Бог отверг приговор. О, всемогущее покаяние! Совершается оно на земле и производит перемену на небесах. Так и мы, возлюбленные, покаемся; так и мы будем поститься; присоединим к посту добрые дела; не будем делать худого, убоимся угрозы геенной; путем покаяния будем стремиться получить от Бога спасение. Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Ενέδυσαν τον σάκκον απο μικρου αυτων και εως μεγάλου αυτων, согласно с Александрийским и Маршальанским греческими списками, вместо: ...απο μεγάλου αυτων εως μικρου αυτων = от велика их даже до мала их, как читается в еврейском тексте, древнейшем Ватиканском и некоторых других списках.

[2] Читаемому затем в Славян. Б. выражению:"и умолен будет" нет соответствующего в тексте Златоуста и в унциальных греч. списках.

[3] Здесь читается в издании Миня: λόγος τά της κολάσεως ειχε; если бы вместо λόγος стояло λόγον, слова эти имели бы смысл, более соответствующий контексту речи святителя: "наказание было бы понятно".

[4] Разумеется Ионы 3:4: "**еще три дня и Ниневия превратится**". В синод.: "еще сорок дней и Ниневия будет разрушена".

[5] В издании Миня читается: Μη διαμείνης δριζόμενος ομοίως προς τους ουκετι τοις αυτοις διαμείναντες . Следует, вероятно, читать, ...οργιζόμενος, т. е. "при прежнем гневе".

БЕСЕДА 3.

О милостыне, и о богатом, и о Лазаре.

1. Велика благотворность милосердия. Ничто другое не равняется милосердию. Никакая (другая) добродетель не может так заглаждать грехи. Поэтому и божественное Писание говорит: "**Благотворящий бедному дает взаймы Господу**" (Притч 19:17). Если человеку дать взаймы золото, он обременит (тебя) неприятностями и письмами. А у Бога не так. Если дашь мученикам, бедным, Бог позовет, чтобы отдать долг. Что ты дал бедному, (Он) спешит выкупить и не просто отдает, но - с великим благословением, говоря: "**приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**" (Мф 25:34). Если одолжишь человеку, бывает иной раз так, что он не отдаст долга, не захочет даже видеться с тобой. А Бог, получив в долг в лице находящихся при мучениках и бедных, не только отдает и возвращает долг, но и делает заимодавцев сонаследниками, говоря:"**приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира**". Когда уготовал Господь? Когда? Когда ты благотворил в церквах и храмах мучеников, когда праздновал памяти святых, когда ты раздавал хлеб бедным, когда ты нищих принимал в свой дом, когда ты бедных снабжал одеждою, когда ты посещал больных и находящихся в темнице, - тогда Я приготовлял Царство.

2. И смотри на величие милосердия: никакая добродетель не ценится так, как оно. Не сказал, что сохранили девство ради Меня; ничего такого не сказал[1]. "**Ибо алкал Я и вы дали Мне есть**" (Мф 25:35). Велико и девство, и пост, и прочие добродетели, но они меньше милосердия. Соблюли девство и неразумные пять дев, но так как они не имели милосердия, то остались вне брачного чертога. Пять мудрых - вместе с девством - имели и милосердие, поэтому вошли в брачный чертог. А пять неразумных сохранили только девство, надеясь через него войти в царство небесное, но не приобрели никакой другой добродетели, ни милосердия, ничего другого, поэтому Господь говорит им: отойдите от Меня, "**не знаю вас**". Поэтому и названы неразумными, что сохранили только девство и не имели милосердия.

3. Как светильник гаснет, если кто зажжет его и не нальет масла, так не получает никакой пользы и тот, кто соблюдает девство, но не дает бедному елея милосердия! Если хочешь купить одежду или волов, делаешь расходы, тратишь золото, отправляешься на рынок, подвергаешься зною, а иногда терпишь голод и жажду; и подвергаясь всему этому, едва успеваешь достигнуть своей цели; и когда достигнешь, продавец дает не так, как ты хочешь, а как ему угодно. Ты божишься: я не куплю за столько; божится и он: не продам за столько. И совершается между вами первый грех, как сказал Соломон: "**посреди продажи и купли вторгается грех**" (Сир 27:2). Необходимо бывает напрасно божиться одному или обоим, потому что простым словам часто (не верит) ни покупатель, ни продавец[2]. И после таких хлопот ты не бываешь уверен в том, что имеешь то, чего

хотел; часто (бывает так, что) прежде, чем придешь домой, это или умрет, или пропадет, или окажется негодным, и ты терпишь двойное огорчение. А относительно царства Божия не испытаешь ничего такого, ни трудности пути, ни изнурительности летнего жара, ни огорчения от неудачи, - ничего подобного. Когда ты сидишь дома, приходит нищий, продающий рай, и говорит: дай хлеба и получи рай; дай подержанную одежду и получи небесное царство; и не говорю тебе, сколько (нужно дать), чтобы ты не медлил, ссылаясь на (свои) недостатки. За сколько хочешь, купи рай: дай хлеба; не имеешь хлеба, дай овол[3], дай чашу холодной воды; дай, что хочешь, что имеешь; все принимаю; только купи рай. Подражай той удивительной вдове, которая дала горсть пшеничной муки (3 Цар 17:12) и наследовала небесное царство. В Евангелии упоминается и другая вдова, ничего иного не имевшая, как только две лепты; и она положила их в сокровищницу и купила рай (Мк 12:42; Лк 21:2).

4. Не выгоды ищет продающий рай, а души сострадательной и благонамеренного сердца. Дай нищему и сделай Бога должником. "**Благотворящий бедному дает взаймы Господу**". А когда, говорят, отдаст взявший взаймы? Когда? Тогда, когда оставивший богатство, дома, золото, одежды и все прочее отойдет голым, лишившимся всего; тогда взявший взаймы отдаст с благодарностью. Пошли наперед туда свое имущество и тогда отправляйся и ты. Не береги золота, - не сохранишь его. Неизвестна (продолжительность) жизни; неизвестно, когда умрешь. **Яко тать в нощи, приидетъ** смерть. (2 Петр 3:10; 1 Фес 5:2) Придет тогда, когда ты не думаешь и не ждешь; богатство твое останется здесь, и захочешь там капли воды, чтобы прохладить уста, а другие здесь будут делить твое имущество.

5. Так капли воды захотел и тот богатый, находясь в пламени, и умолял Авраама, говоря: "**отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря**", чтобы малым перстом своим оросил мои уста[4](см. 1), "**ибо я мучаюсь в пламени сем**" (Лк. 16:24). Этот богатый, когда жил на земле, одевался в порфиру, виссон и шелк; ездил на колеснице; кони у него были прекрасные, украшенные золотом и серебром; ноги их укреплены (εμπεπηγμένοι)[5] (см. 2) золотом; рабы бежали впереди и позади. Одевал он на себя золотыя ожерелья, запястья и (разныя) украшения; вообще окружал себя большой роскошью. Обеденный стол его блистал множеством золота и без счету - серебром; (было) дорогое вино, фазаны, гуси, кулики, куропатки, голуби, курицы, зайцы, ягнята, козлята; суетилось множество поваров. Они махали опахалами, чтобы ни одной пылинки не попало на его голову, другие держали серебряныя тазы и чистыя полотенца, чтобы омыть концы его пальцев, когда он возлежал. Но смотри на безчеловечие и стыд.

6. Все работали; столько тяжелаго труда, столько хлопот, чтобы насытить чрево одного этого богача. Когда наполнится оно изысканными кушаньями, для него приготовляют постели из слоновой кости, пуховики, чистыя и роскошныя полотна. А если он не может заснуть вследствие боли в голове, одни чешут ему ноги, другие заботятся о доме, стерегут ворота и двери, чтобы чей-либо голос, шум и (что-нибудь) такое (ζόφοι και τουτο)[6] (см. 3) не разбудили. Такова была роскошь этого богача.

7. Был же некто "**нищий именем Лазарь**" и "**лежал у ворот**" богатого "**в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача**"(Лк 16:20), и никто не давал ему. Видел его богатый и отворачивался, гнушался, плевал, проходил мимо, относился даже неприязненно. Не говорил этот несчастный (о богатом), что он такой же человек, как и я, что одна и та же рука создала нас обоих, что он одного со мной племени и рода. (И богатому) не приходило это на ум; у него не пробуждалось сострадания; он не пожалел брошенного в такой беспомощности у его ворот. Видя его в таком положении и - вытекавший из членов его тела гной, собаки оказывали большое сострадание; подбегая,

они языком, как будто губкой, очищали этот гной, облизывая, как искусные врачи, раны и осторожно открывая рот, чтобы не вышел из зубов яд и не нанес вреда праведнику. Собаки, не знающие Бога и не ожидающие воскресения, употребляли врачебное искусство, желая помочь страждущему бедняку. А богатый, ожидавший того, что он предстанет на страшный суд, не пожалел бедного.

8. Видишь отсюда знатность и роскошь богатого? Видишь совершенную незначительность бедного, отсутствие средств к жизни? Тот славен, этот бесчестен; тот живет в роскоши, этот находится в беспомощном состоянии. Тот, окруженный богатством, не вспоминал о Боге, этот, находясь в таком тяжком положении, не богохульствовал. Теперь посмотрим на судьбу того и другого на том свете.

9. Случилось, говорится, что умер богатый и отнесен был для вечного мучения. Умер же и Лазарь и отнесен был ангелами "**на лоно Авраамово**". Находясь в огне, богатый увидел Лазаря, покоившегося на лоне Авраама и узнал его. И воскликнул, говоря: "**Отче Авраме, умилосердись надо мною и пошли Лазаря**", чтобы малым перстом оросил мои уста, "**ибо мучаюсь в пламени сем**". Где же богатство, где золото, где серебро? Где серебряная крыша? Где множество слуг? Где разливавшееся вино, (если) ищет и желает капли воды? "**Отче Авраме, умилосердись надо мною**". О, несчастный богач! Когда Лазарь лежал у ворот твоих, ты не хотел его знать, а теперь зовешь Лазаря на помощь? "**Умилосердись надо мною**". Бесполезна твоя просьба. Прошло время милости. Там нет милости. "**Ибо суд без милости не оказавшему милости**" (Иак 2:13) К чему просишь милости, которой сам на земле не оказывал? "Отче Авраме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря", чтобы малым перстом оросил мои уста, "**ибо мучаюсь в пламени сем**". Каким перстом, богач? Которому ты не позволял участвовать в трапезе? Тогда ты не хотел подумать о руках, гнушался (их); а теперь просишь коснуться твоего языка? "**Отче Авраме! умилосердись надо мною**". Как называешь ты его отцем, не сделавши того, что следует делать сыну? Он отец тех, которые ходят во свете. Нет общения у света со тьмой. Не называй его отцем.

Ты по жестокому нраву сын тьмы и геены. Как называешь его отцем, не умилосердившись над сыном его, Лазарем?

10. Великий патриарх не сокрушил его скорбью, не усилил муки, не поразил его словами, не отринул человеческой природы. Он ответил кротким голосом и с светлым лицем словами:"**чадо, получил уже доброе**" на земле[7] "**а Лазарь злое**". Поэтому "**он здесь утешается, а ты страдаешь**"[8]. При том[9] "**великая пропасть**" есть[10] "**между нами и вами**" и никто[11] не может перейти ее из нас (Лк. 16:25-26).

11. Видишь конец богатаго? Видишь скоротечность роскоши? Не переставай же давать бедным из того, что имеешь; никогда не откладывай до завтрашнего дня, "**ибо не знаешь[12]**, **что родит тот день**" (Притч.27:1). Что скапливаешь богатство, которое, спустя недолго, невольно оставишь и пойдешь скорбя? Захочешь там капли воды, а другие здесь будут делить твое богатство, не вспоминая имени твоего. Часто наследники твои выкапывают и кости, проклиная тебя. Пошли наперед твое имущество туда, в нескончаемый век. Даром доставляет туда твою движимость тамошний Владыка. Здесь, если хочешь перевезти твое богатство из одного города в другой, ты должен нанимать подводы, наемных верблюдов, мулов, вооруженных стражей, чтобы какие-либо негодные люди, напавши на пути, не разграбили твоего богатства. А если хочешь перевезти твое богатство в тот мир, не несешь хлопот, не делаешь расходов, не подвергаешься насилию, не выходишь даже из дома. Сидишь в городе в совершенном покое; приходит к твоей двери нищий, желающий перенести твое богатство в тот нескончаемый век. И ты не

имеешь расположения дать ему и один обол? Одумайся, человек, если хочешь иметь не преходящее богатство. Дай в руки бедных и найдешь там радушный прием. Не опасайся того, что нищие ненадежны; порукой служит богатый и благомыслящий. "**Благотворящий бедному дает взаймы Господу**".

12. Убоимся дня того, в который Домовладыка призовет делателей к собиранию хлеба и положит хлеб в житницы, а солому сожжет в неугасимом огне. Домовладыка - Господь, делатели - ангелы Его, собирающие вселенную на суд в час тот и день. Праведников соберут они в вечныя селения, которыя приготовил вознесшийся Господь, а грешников - для вечнаго огня. Итак постараемся посредством дел милосердия сделаться спелой пшеницей, чтобы войти в вечныя обители (по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа[13], с Которым Отцу и Са. Духу слава, держава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

---

[1] Здесь - или неточная передача, или пропуск.

[2] И здесь, нужно думать, также пропуск.

[3] Овол - медная монета, стоющая на наши деньги 4-5 коп.

[4] Ίνα τω μικρω δακτυλω αυτου βρεξη μου τα χειλη вместо обычно читаемаго: ίνα βαψη το ακρον του δακτύλου αυτου υδατος και καταψυξη την γλωσσαν μου = да омочит конец перста своего в воде и устудит язык мой.

[5] К εμπεπηγμένοι в издании Миня приводится вариант: εσκεπασμένοι ="защищенные".

[6] Вместо ζόφοι και τουτο указывается там же вариант: ψόφοι και δουποι = "шум и треск".

[7] Επι της γης вм. εν ζωη σου.

[8] Δια τουτο ουτος ενταυθα αναπαύεται και συ οδυνασαι вм. νυν δε ωδε παρακαλειται, συ δε οδυνασαι.

[9] Ομως вм. επι πασιν τουτοις.

[10] Εστίν вм. εστήρικται.

[11] Και ουδεις δύναται αυτό περάσαι εξ ημων.

[12] Ου γαρ οιδας... вм. ου γαρ γινώσκεις..

[13] В тексте Патрологии после слов: εις τας αιωνίους σκηνας следует: Μεθ ου, из чего видно, что здесь пропущено в списках несколько слов, которыя и восполнены.

БЕСЕДА 4

О десяти тысячах талантов и десяти динариях и о незлопамятстве.

Благослови, отче! Блаженный апостол Павел, сосуд избрания, имевший в себе Христа глаголавшаго, в послании к Римлянам сказал: "**Ночь прошла, а день**" спасения "**приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света. Как днем, будем вести себя благочинно**". (13:12,13). Поэтому и мы, братие, приложим старание, вознесем усердные молитвы к Господу, прольем горячие слезы, непрестанно будем осуждать сделанное нами (разумеется худое), представим, как врачу, наши раны, покажем душевные язвы, будем искать у него врачества, обуздаем и искореним страсти, помрачающие разум, чтобы не обуреваться стремлением к богатству, не злопамятствовать на ближнего и не питать враждебного расположения к другим людям. Ничего так Бог не гнушается и не отвращается, как человека злопамятного, носящего постоянно в душе своей вражду к ближнему. Такова гибельность этого греха, что он удаляет и человеколюбие Божие. И чтобы вы поняли это, хочу напомнить вам находящуюся в Евангелии притчу о рабе, получившем от домовладыки прощение десяти тысяч талантов, когда он, припавши к ногам, неотступно просил (Мф 18:26). "Государь, умилосердившись над рабом тем, оставил ему[1] и **долг простил ему**"[2] (ст. 27). Видишь милосердие Владыки? Припадая, он просил об отсрочке ему долга. "**Потерпи**, говорит, **и всё отдам тебе**". Но благостный Владыка, попечительный и человеколюбивый, тронутый просьбами, сделал для раба не только то, чего он просил, но и то, о чем он не думал. Таков обычный Его образ действий - всегда побеждать и предупреждать наши просьбы. Тогда как тот просил об отсрочке и обещался уплатить весь долг, побеждающий благостию наши грехи, умилосердившись, "**отпустил его и долг простил ему**". Видишь ли, чего просил раб и сколько дал ему Владыка? Обрати внимание и на большую жестокость того. После оказанного ему такого человеколюбия и несказанного благодеяния, ему следовало сделаться более сострадательным в отношении к другим; а между тем он обнаружил противоположное этому. "**Выйдя**", сказано, тот, которому прощено было десять тысяч талантов... Слушайте, прошу, внимательно, так как то, что случилось с ним, может повториться с нами и расположить к тому, чтобы удалить из души это гибельное настроение. Итак он, "**выйдя, нашел одного из товарищей своих** (ενα των συνδούλων, буквально - "одного из сорабов"), **который должен был ему сто динариев**"(ст. 28). Смотри, какая разница. Здесь должник - сораб и (должен он) сто динариев[3]. Там - и Владыка, и десять тысяч талантов[4]; и однако, слыша просьбы и мольбы, простил. А тот, "**схватив его, душил, говоря: отдай мне, что должен**". И что? "**Тогда товарищ его пал к ногам его** (ο σύνδουλος αυτου="сораб его"), **умолял его и говорил**". Смотри, как евангелист повторяет то же слово: "сораб его" не без намерения, а для того, чтобы мы видели из этого, что между ними не было различия, и при том употребил ту же просьбу, как и тот в отношении к Владыке, говоря: "**Потерпи на мне, и всё отдам тебе. Но тот**", сказано, отшед **"посадил его в темницу, пока не отдаст долга**" (ст. 30). Какое великое жестокосердие! Имея в свежей памяти такое благодеяние, он не возвысился до мысли о сострадании, но сначала "**душил**", а потом и "**посадил его в темницу**".

Но смотри, что происходит. "**Товарищи его**", говорится, "**видев происшедшее, очень огорчились и, придя, рассказали государю своему всё бывшее**" (ст.31). Не тот (сказал), который пострадал, - как он (мог сказать), будучи заключен в темнице? - но сорабы, не потерпевшие никакой обиды, опечалились, как обиженные, пошли и донесли обо всем. Посмотри затем на негодование. "**Тогда призвав его**", сказано, говорит "**ему: злой раб**". Из этого с несомненностью видно, как гибельно злопамятство. Когда производил разбирательство о десяти тысячах талантов, не называл его лукавым, а теперь, когда он оказался жестоким к сорабу, говорит:"**весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня"**(ст.32). Смотри, как показывает чрезмерную его злобу. Не получил ли, говорит, ты больше? Не после ли голых твоих слов я, внимая твоей просьбе, простил весь тот большой и чрезмерный долг. Не следовало ли и тебе помиловать твоего сораба, как и я помиловал тебя? Какого, говорит, можешь заслуживать снисхождения? Я простил,

говорит, такой большой долг вследствие простой словесной просьбы, а ты не помиловал подобного тебе раба, не тронулся, не вспомнил сделанного мной для тебя, не оказал сострадания к нему, а явился немилостивым и жестоким, не захотел помиловать сотоварища. Теперь узнай на деле, какое причинил ты себе зло. "**И, разгневавшись, государь его отдал его истязателям**"(ст. 34) Смотри, как он гневается за жестокость к ближнему и предает мучителям; чего прежде не сделал, когда тот подлежал ответственности за такой долг, то приказывает сделать. "**Отдал его истязателям, пока не отдаст ему всего долга**", пока возвратит десять тысяч талантов, которые были уже ему прощены. Велико и несказанно человеколюбие Божие! Когда Он производил разбирательство, простил, так как (тот) обратился с просьбой. А когда увидел, что он жесток и безчеловечен в отношении к сорабу, берет назад свое благодеяние, показывая ему самым делом, что тот нанес вред не столько ему, сколько себе самому. И как тот ввергнул в темницу, пока не отдаст долга, так и Он предал мучителям, пока не возвратит всего, что должен.

Речь, братие, идет не о талантах и динариях, а о том, что мы, виновные перед Владыкой за многие грехи, получаем от Него прощение по неизреченному Его человеколюбию. А если в отношении к сорабам, имеющим то же происхождение и ту же природу, оказываемся жестокими и бесчеловечными, не прощаем нанесенных нам обид, а требуем за эти неважные проступки наказания, то мы возбуждаем гнев Владыки и подвергаемся наказанию за тот долг, который был прежде прощен нам. Насколько отстоит сто динариев от десяти тысяч талантов, настолько же велико различие между нашими грехами пред Богом и проступками ближних в отношении к нам. А чтобы мы точно знали, что Владыка привел эту притчу для душевной нашей пользы, послушай, что дальше Он присоединил: "**Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его**" (ст. 35). Велика польза притчи, если мы будем внимательны. Что мы можем отпускать в такой мере, в какой отпускает нам Владыка? И мы отпускаем подобным нам рабам, если хотим это исполнить, а сами получаем прощение от Владыки. Обрати внимание и на точность в словах. Не сказал:"если не отпустите людям согрешений"; а что? "**Если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его**". Смотри, как Он хочет, чтобы самое сердце наше имело мир и спокойствие, чтобы ум наш был не омрачен, а свободен от страсти, чтобы мы проявляли большое доброе расположение к ближнему. То же говорится и в другом месте: "**Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный**"(Мф 6:14). Не будем поэтому думать, когда делаем это, что мы благодетельствуем другому или что оказываем ему большую милость: мы сами пользуемся благодеянием и извлекаем из этого для себя большую пользу; равно как, если не делаем, мы не причиним другим особенного вреда, а себе приготовим страшное наказание в геенне. Помышляя об этом, не будем поэтому, убедительно прошу, злопамятствовать или питать неприязнь к тем, которые причинили нам печаль или нанесли какую-то обиду. Помня о том, какое благодеяние у Владыки приносит нам примирение с оскорбившими нас, что прежде всего оно ведет к прощению наших грехов, поспешим и понудим себя, имея в мыслях эту пользу, оказывать оскорбителям такое расположение, как истинным благодетелям. Если рассуждать здраво, то не столько могут принести нам пользы действительно расположенные к нам и всячески старающиеся услужить, как попечение о тех (т. е. об оскорбителях), которое делает нас достойными вышней благодати и облегчает нам тяжесть грехов. О том, как велика эта добродетель, рассуди, возлюбленный, на основании тех наград, какие Бог всяческих обещал приобретшим ее. Сказав:"**любите врагов ваших, благословляйте**" гонящих вас, "**молитесь за обижающих вас**" (Мф 5:44; Лук 6:28), Он, в виду величия этой заповеди, достигающей самой вершины (совершенства), присоединил: "**да будете**" подобными "**Отцу вашему Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и**

добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных" (Мф 5:45). Если по мере человеческих сил милосердый не только не мстящий оскорбителям, но и старающийся молиться за них, делается подобным Богу, то каких благ он не получит? Не лишим же себя по нерадению этих даров и неизреченных наград, а употребим все усилия исполнить это и, обуздывая помыслы, научимся следовать заповеди Божией. Для этого и сделал я вам это увещание и изложил притчу, показал величие этого дела и проистекающую от него для нас пользу, чтобы всякий из нас, имеющий в настоящее время враждебное чувство, постарался заменить его у себя добрым расположением. И пусть не говорит кто-либо, что раз и два склонял я (к примирению), но не имел успеха. Если делаем это искренно, то будем продолжать до тех пор, пока посредством долговременных усилий не победим (враждующего) и не привлечем его к себе. Ведь не ему мы оказываем какую-либо милость; нам достается плод доброго дела; мы привлекаем Божие благоволение и приобретаем чрез это великое дерзновение пред Владыкой.

Если мы исполним это, то с чистою совестью сможем произносить и слова молитвы во время (совершения) страшного таинства: "**и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим"** (Мф 6:12). Если мы пренебрежем этим, то как не послужит это нам, поступающим вопреки словам (Господа), причиной осуждения? Осмеливаться попусту и напрасно произносить слова молитвы не значит ли увеличивать для самих себя пламя и вызывать гнев Владыки? Радуюсь и веселюсь, видя с удовольствием, что вы слушаете поучение и рукоплесканиями показываете готовность самым делом исполнить заповедь Владыки. Это - врачество для ваших душ; это - лекарство для ваших ран; это - самый лучший путь; это - величайший показатель боголюбивой души, чтобы именно все устроять по закону Владыки, и не отступать назад по внушению немощных помыслов, а становиться выше страстей. Поэтому каждый пусть делает это достойное дело; пусть заботится о величайшем сокровище и не опускает случая (приобрести его), хотя бы нужно было трудиться, искать, хотя бы нужно было пройти длинный путь, хотя бы встретились какие-либо трудности: преодолевая все такие препятствия, пусть стремится к одному: как бы исполнить повеленное Богом и получить награду за послушание. Знаю, что тяжело и трудно пойти к тому, кто настроен совершенно враждебно, - быть у него и вести беседу; но если подумаешь о достоинстве Повелевшего, и о величии награды, и о том, что плод доброго дела достается не ему, то все сделается легким и удобным. Имея все это в своих мыслях, победим обычное наше расположение (к врагам) и по чувству благочестия сделаемся исполнителями Христовых заповедей, чтобы удостоиться от Него наград, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

---

[1] Αφηκεν αυτψ вм. читаемого в Евангелии απέλυσεν αυτόν.

[2] Συνεχόρησεν вм. αφηκεν.

[3] Сто динариев - около 20 руб.

[4] Талант стоил около 2600 руб.

БЕСЕДА 5

К тем, которые высоко ценят настоящие блага и напрасно стремятся к житейской роскоши.

Для ангелов небо - место радости, а для верующих - вместо неба одно соответствующее пристанище - Церковь, дарующая веселие душам в слушании священных песнопений. Прилепившуюся к такому слушанию Марию ублажил тот, кто даровал (нам) блаженство: "**Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у неё**" (Лук 10:42). Одно благочестивое учение служит для нас при жизни добрым убежищем и по смерти путеводителем к Судии; а приобретение всего прочего ненадежно не потому только, что прекращается вместе с смертью, но и потому, что и прежде смерти бывают бесчисленные житейские крушения. Как море переплываем мы настоящую жизнь, которая обуревается сильнейшими ударами волн. Богатство не пользуется полным спокойствием; будучи носимо часто вместе с его владельцами благоприятным ветром, оно от внезапно поднявшейся бури (различных) напастей погибает. Трон не 456 представляет непоколебимой высоты могущества; вдруг разражающиеся опасные ураганы с корнем разрушают благоденствие. И здоровье не есть неизменный дар; ему грозит вред со стороны неожиданных болезней. Разнообразно разрушается счастливое состояние; человек (в этом отношении) подобен дереву: сегодня он имеет привлекательный, цветущий вид, а завтра он лишен его, как дерево обнаженное от листьев. Исследуя то, что имеет цветущую жизнь, не найдешь ничего, не заключающего зародыша разрушения. Так Творец устроил нашу жизнь, ослабляя (через это) стремление тех, которые преданы земному; блеск жизни Он соединил с слабостью, чтобы, когда увлечет тебя красота земных предметов, разрушить ожидаемое счастье. В настоящем веке ты поставлен путником, а не господином; мы проходим в этом мире, пользуемся им, как гостиницей. Как путешественники, отдохнув недолго в гостинице, отправляются далее в путешествие, так и совершая путь в этой жизни, не долго поживши, как на постоялом дворе, мы уходим из здешнего жилища. Другую жизнь приготовил нам Бог, и настоящую жизнь устроил как путь, ведущий к этой (будущей) жизни, назначив пользование тварями, как средство для совершения этого пути. Когда мы пройдем этот путь, богатство всего созданного (нам) не сопутствует, потому что из того, что мы имели, не имели ничего собственного. Во-первых, одежда, которую мы носим, как собственную, (приобретена) нами чрез принесение в жертву овец[1]; обувь, которой мы покрываем ноги, сделали мы из кожи домашнего скота; то, что составляет пищу и питье, мы достаем из недр земли; отсюда же и золото, которое мы прячем, как свое; жемчуг из раковин достают и цари. Мы живем и богатеем дарами других. Отдай овцам волну, и нечем будет покрыть тело; отдай скоту кожу, и не будешь иметь надлежащего прикрытия для ног; возврати червям шелковые нити, и не будешь носить своей шелковой одежды. Ничего своего, и самого малого, не будешь ты иметь, если не приобретешь от кормилицы-земли теми способами, какие ей угодны. Указывая на это, и Христос сказал: "**И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше**" (Лк 16:12)? Приобретая богатство от скота и от земли, не гордись, как своим собственным, тем, что не твое. Ты владелец одной только собственности - благочестия; его не отнимет у тебя наступившая смерть; всего прочего ты лишишься, хотя бы и не хотел; только для поддержания жизни все мы получаем имение и при том только пользование им; каждый, собравши плоды, уходит, унося из жизни короткую память. Таков конец всякого благоденствия; таково заключение (пользования) житейскими благами. После разнообразного имущества и многих талантов золота, мы наследуем тесный и смрадный гроб. Действительно, "**Ибо всякая плоть -- как трава, и всякая слава человеческая -- как цвет на траве**" (Ис 40:6; Пет 1:24). Случится небольшая лихорадка и расстраивает цветущее здоровье; со стороны искусства предлагаются лекарства; вступая незримо в борьбу с ними, смерть понемногу усиливается и овладевает больным; видя перед собой неумолимого палача и душу, понуждаемую к выходу, со стоном поворачивает он голову в ту и другую сторону, обводит (кругом) заплаканными

глазами, но ниоткуда (нет) сильной помощи: ни слуги, окружающие постель, не спасают болящего, ни слезы друзей не умилостивляют смерти, ни золото не отменяет призыва к Судии. Смерть - неподкупный палач; не имеет рук, послушных золоту; не продает мертвых за большую цену; она всех (их) стережет в гробах, как в темницах. Если посмотришь на оставшиеся кости, еще более горькими слезами будешь оплакивать суетность жизни. Лицо обратилось в пепел, чернее сажи; глаза провалились, подвергшись гниению; рот открыт и служит часто проходом для пресмыкающихся. Но к чему останавливаться на каждом члене? Вследствие порчи, всем телом овладевают черви, как какие-нибудь неприятели, и усердно разведывают плоть, нервы и жилы. Не напрасно дитя, появляясь на свет, начинает плачем, а не смехом, как будто жалуясь на жизнь, которую оно начинает вкушением смертных даров. Как скоро родится, руки и ноги его пеленаются; спеленанное, оно получает грудь, как будто начало жизни служит вестником смерти. Как только дитя вступает в возраст, ему тотчас приносится одежда мертвых (νεκρων... στολισμος)[2]. Родившимся природа напоминает уже о конце. Поэтому и плачет родившееся, слезами как бы говоря матери: для чего, о, мать, родила меня для этой жизни, в которой чем дальше живешь, тем ближе к смерти? Что не вывела меня в этот тревожный век не рожденным(ου' τεχθέν)[3]. На что (указывает) мне начало, которым служат пеленки? Для чего вывела меня для такой жизни, в которой жалкая юность увядает раньше старости и старость избегается, как ведущая к смерти? Страшно, о, мать, поприще жизни, для едущих по которому поворотным пунктом служит смерть. Тяжел для путешественников жизненный путь, на котором пристанище они находят в гробе. Мы плывем по жестокому житейскому морю, на котором действует ад, как разбойник. Но не изображаю ли я жизнь, как зло? Это было бы болезнью, сходною с безумием; я свидетельствую только, что к этой жизни не надо привязываться, как временной. Указывая на эту бедственность жизни, и Павел изобразил природу твари воздыхающею. "**Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне**" (Рим 8:22). Вся тварь исполнена печали; если произведешь тщательное исследование всего, то в каждом творении найдешь стенание. Прежде всего поднимается стон людей, несущих тяжкие последствия порчи.

Вместе с людьми стонет и земля, получившая из-за нас проклятие. Плачет море, созданное Богом сначала прекрасным, а после греха сделавшееся гробом для многих. Печальный вид имеет и солнце, освещая тех, которые не видят его Создателя. Стонут звезды с луною, потому что они, показывая согласным своим движением Творца этого согласия, не убеждают (в этом людей). Не остается без стенаний и домашний скот, который не только мучится в неумолимом рабстве нам, но в потаенных местах напрасно закалается и для демонов. Общий и отовсюду плач (изображает) состояние настоящей печальной жизни; пророк уместно назвал его призраком: "**подлинно все суета**, говорит, **всякий человек живущий, подобно призраку ходит человек**" (Пс 38:6-7). И посмотри на истину этого изречения, тщательно рассмотрев человеческую жизнь. Как на картине царь (представлен) сидящим на престоле, украшенном золотом, города подносят (ему) разноцветные дары, рука царя принимает подносимое, но все это, представляющееся глазам, есть тень и одна видимость и, как скоро разорвано будет полотно, оказывается призраком, - точно так же и человеческая природа восседает в жизни: как на картине, подобно какому-либо царю, и принимает приношения моря и земли, как дары городов, а когда разорвана будет у нее жизнь, подобно полотну, исчезает вся красота жизни, какую она имела. Одно из всех благ человеческих самое великое, - это смирение сокрушенного сердца, всегда рзмышляющего о дне смерти, в который мы, выходя из этого житейского моря обнаженными, увидим памятники, возвещающие твари о подвигах.

Если угодно, я приведу пример этого. На одном судне плыли некоторые люди и, плывя вместе по морю, производили друг у друга разные кражи. Ясно видя это, кормчий не

делал пока расследования об этом воровстве; но когда увидел, что судно приближается к пристани, приказал, чтоб все люди выходили из корабля раздетыми, и тогда похищенную вещь каждого нашел лежащую в судне. Этот пример применим, по моему мнению, и к жизни. Вместо моря, нам прележит жизнь; корабль для плавания образует творение; кормчим он имеет Бога и принимает всякого рода товары, состоящие из (человеческих) дел. Если кто торговал негодными вещами, то их сложит на корабле мира; а если вел благоустроенную жизнь, то сделанное будет хранимо до дня суда. Затем, когда приближается пристань смерти, кормчий выводит нас из земного корабля, и дела всех ждет торжественный суд. Беспорочно поэтому будем совершать плавание по житейскому морю; во свидетельство приобретем делание добрых дел; отвергнем подобный тени блеск настоящего; освободим сердце от свойственного смертным удовольствия; будем избегать занятий, ведущих к гибели; не будем связывать душу земными узами; презрим скоропреходящую славу смертных; как к цвету, быстро опадающему, не будем привязываться к временному благополучию; совершая жизненный путь, будем проводить жизнь ведущую к небу, окрыленную молитвою, и удостоимся "**почести вышнего звания Божия во Христе**" (Флп 3:14), Которому слава во веки веков. Аминь.

---

[1] ...την των προβάτων εξεθύσαμεν φύσιν. Объяснением этого выражения может служить то понимание Быт 3:21, что первая одежда сделана была из кожи животных, которые принесены были в жертву Богу. См. "Записки на книгу Бытия".

[2] Разумеется, нужно думать, вышеуказанная одежда из кожи животных.

[3] Объяснением этого могут служить слова Иова в 3:11,16.

БЕСЕДА 6

О молитве.

Предложив вам в прежнее время беседу о посте и объяснив по мере сил его преимущества и снова в беседе о крещении испытав вашу любовь к слушанию, хотим сегодня побеседовать о молитве и объяснить то, какова ее сила и польза для совершающих ее. Прошу вас выслушать разумно и богобоязненно, придавая словам правильный смысл. (Заповедь о молитве) поистине - величайшая и древнейшая; она сделалась матерью всех заповедей, породившею все божественные повеления.

Может ли молящийся презирать ближнего - бедняка, чтобы сделать бесполезным свой молитвенный труд? Кто (из молящихся) может быть так привязан к богатству и имуществу, чтобы телу только причинять напрасный труд, оставляя сердце где-либо в плену? Болезнь любостяжания подобна той неизлечимой и преступной (болезни), которая не приводит к скорой смерти и не дает полного здоровья, а понемногу лишает тело его сил, пока оно, изнуренное появляющимися внутри ранами, после бесчисленных страданий, не предано будет общей печальной участи - смерти. Кто любящий молитву может нерадеть о посте, зная из самого Писания, что пост и молитва от смерти избавляют (Тов.12:8-9)? А особенно невозможно искренно призывать Господа тому, кто предан объядению и пьянству. Смотрите[1], говорит, "**чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством**"(Лк 21:34), потому что испарение слишком обильно принимаемой пищи, (действуя) на область мозга, помрачает способность мышления, приводя сердце в смятение. Так молитва поистине является исходным началом всех заповедей, из которого каждая из них устремляется к соответствующему действованию.

Величайшее благо - молитва и беседа с Богом; она есть общение и единение с Богом. Как телесные глаза, видя свет, освещаются, так и душа, устремляясь к Богу, озаряется неизглаголанным, блистающим Его светом. Это - молитва не по видимости только, а возсылаемая от сердца, не определяемая известными временами и количеством часов, а совершаемая непрестанно, ночью и днем. Усиленно устремлять мысль к Богу нужно не только удалившемуся для молитвы; и занимающиеся какими-либо делами или попечением о бедных, или другими нужными предметами, или полезною благотворительностью, должны присоединять к этому стремление и памятование о Боге, чтобы, срастворяясь любовью к Богу, как солью, сделаться приятнейшим хлебом Владыке всего. Пользу от нее, простирающуюся на всю жизнь, мы можем приобресть, посвящая ей большую часть времени.

Молитва - свет души, истинное познание Бога, посредница между Богом и людьми, врач страстей, врачество против болезней, мир души, небесная путеводительница, вращающаяся не около земли, а идущая в самый свод неба. Она устремляется выше тварей, духовно разсекает воздух, идет выше воздуха, проходит сонмы звезд, отверзает врата неба, восходит выше ангелов, проходит мимо престолов и господств, идет далее херувимов и, поднявшись над всею тварью, приближается к неприступной Троице. Там поклоняется Божеству, там удостоивается быть собеседницей с небесным Царем. Через нее душа, поднявшись на небеса, объемлет Господа объятиями неизреченными, подобно дитяти у своей матери со слезами молит, прося божественного питания, выражает свои желания и получает дары, превосходнейшие всей видимой природы.

Молитва - священный посланник; она веселит сердце, успокоивает душу, возбуждает страх наказания и желание небесного царства, учит смиренномудрию, приносит познание греха; словом - украшает человека всем добрым, покрывая душу различными добротелями, как разноцветным покрывалом. Она и Анне даровала Самуила (1 Цар 1:11) и поставила его пророком Господним. Она и Илию сделала ревнителем Господа (3 Цар 18:36-37); через ниспосланный на жертву небесный огонь он стал вождем (своего народа). После того, как жрецы Ваала целый день призывали идола, он, воззвавши от чистого сердца, воззвавши сердцем и устами, низвел с неба огонь. (Вот) свидетельства об истинной молитве! Подобно орлу опустившись на жертву, он невидимою силой поглотил все. Это сделал великий служитель Божий и ревнитель Илия, приводя нас чрез бывшее тогда к духовному (разумению), чтобы и мы, от сердца взывая к Богу, испрашивали неизреченный огонь Духа на жертвенник нашей души и чрез это делались совершенной жертвой Господу. Молитва дала Израилю Моисея законодателя-ходатая пред Богом и воздвигла израильтянам памятники побед над врагами (Исх 17:11-15). Посредством молитвы и Иисус, сын Навина, великую и самую блестящую на небе звезду, солнце, бывшее уже посреди небесного свода, остановил на том же месте в продолжение дня(Нав 10:12-13). И Господь показал старшинство этой заповеди пред другими тем, что, удаляясь из городов, селений и от (465) собственных учеников, оставался ради молитвы в пустынных местах(Лк 5:16; 9:10), чтобы, за пределами шума и человеческого смятения, в тишине заниматься ею с полным одушевлением, вместе с тем научая нас, что благовествующему это царство нужно избирать пустынные места, совершая это в уединении. Молитвою сподобился и великий сонм апостолов принять в этот день Утешителя (Деян 2:4), вследствие чего о ней и предложена вам сегодня беседа. В то время, когда тело остается на земле, молитва уносит душу к небесному источнику и, напояя ее из него, открывает в душе "**источник воды, текущей в жизнь вечную**(Ин 4:14)". Она дает истинное удостоверение в будущем, принося лучшее, чем вера, познание уготованных там благ, открывает сокровенные, невидимые, тайные сокровища, показывает тебе врага, поражает ряды противников, истребляет вражеские силы и ведет к самому Царю. Когда говорю, то не разумей одни слова (молитвы). Это есть стремление к

Богу, любовь неизглаголанная; она совершается не (одними) силами человеческими, но божественною благодатию, как говорит и апостол: "**ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными**"(Рим 8:26).

Если Господь дает кому такую молитву, то это - неотъемлемое богатство и небесная пища, насыщающая душу; кто вкусил этой пищи, тот приобрел вечную любовь к Господу, (приняв) как будто сильное пламя, согревающее его сердце. Совершая ее сообразно с первообразом, укрась дом твой кротостью и смирением, освети его светом справедливости; сделай свой дом славным добрыми делами, как почетною вывескою; вместо стен и камня пусть он красуется верою и великодушием. А особенно при устроении дома приложи молитву, как бы крышу, чтобы сделать свой дом совершенно готовым для Владыки и принять Господа, как в царском славном доме, и, как положенное драгоценное сокровище, иметь Его в храме души, по Его благодати, потому что Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

---

[1] Βλέπετε вместо προσέχετε δε ἑαυτοις = внемлите же себе.

БЕСЕДА 7

На слова: "всякий грех, какой делает человек, есть вне тела" (1 Кор 6:18).

Страшная труба апостольского учения, во многих других отношениях сообразно устрояя боевой порядок благочестивой жизни, особенно предостерегает от гибельной плотской похоти и в заключение постановляет такое воинское правило: "**бегайте**", говорит, "**блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела**". При обыкновенных войнах воины устрояют такой боевой порядок, что они то выступают прямо (навстречу неприятелю), то уклоняются в сторону. И духовная война ведется также посредством противостояния и уклонения в сторону. Зная это, Павел, вождь в деле благочестия, ведет войско с применением того и другого способа. Он то советует стояние на месте, говоря: "(**Итак**) **станьте, препоясав чресла ваши истиною**" (Еф 6:14), то советует употреблять бегство, как способ ведения войны: "**бегайте блуда**". Если случится война с неверием, полезно выступать с опровержением. Если угрожает напасть коварства, полезно при борьбе с ним тщательное наблюдение. Если нападение состоит в клевете, уместна прямая встреча с ложью. А если нападает блудный образ, хорошо показывать тыл и обращать лице в другую сторону, потому что блуд особенно действует через глаза и (потому) нужно помнить наставление вождя: "**бегайте блуда**". Пред другими худыми делами оно заключает нечто, особо нетерпимое. Другие виды греха не касаются, по-видимому, тела тех, кто их делает, и сделанное ограничивается тем, кто подвергся действию. Так при кражах вред наносится только ограбленным; при сильной зависти страдание обрушивается на тех, которым завидуют; при клевете, если она находит веру, опасность угрожает равным образом тем, на которых клевещут; при дерзких также убийствах несчастие постигает того, кто подвергся этому. Если кто рассмотрит совершение всех беззаконных дел, то найдет, что совершители их получают выгоду, а те, над которыми они совершаются, терпят убыток. Блуд не знает этого различия, не отделяет действия страдающего от совершающего, а подвергает их общему поруганию, соединяет узами скверны. Корыстолюбивые люди, нанося ущерб другому, сами не терпят убытка, а блудники, оскверняющие тело, не могут не осквернить вместе с осквернённым. Убийцы, совершившие убийство, не умерщвляются вместе с убитыми, а блудники, растлевающие плоть, не бывают чистыми от скверны. И обрати вместе со мной внимание

на мудрое слово Павла: "**бегайте блуда**". Почему? "**Всякий грех, какой делает человек, есть вне тела**", то есть не причиняет вреда природе тела, не нарушает взаимного отношения его членов, не соединен с осквернением тела, совершается без вреда для совершившего тела. "**А блудник грешит против собственного тела**", не так, как убийца, который, поражая тело другого, сохраняет свое тело в целости, не так, как корыстолюбец, который, нанося вред другому, не причиняет вреда собственному телу. Вопреки этому блудник губит сам себя, сам вонзает в себя стрелу поругания. Вор решается на грех, чтобы питать свое тело, а блудник учиняет грабеж над собственною плотью. Корыстолюбца влечет к чужому жажда прибыли, а блуд есть утрата чистоты тела. В клеветнике возбуждает страсть слава другого, а блудник сам делается виновником бесславия. Что бесславнее бремени блудодеяния? Хотя всякое греховное рабство бесславно, бесчестит благородство души, но блудник есть самый бесчестный раб греха, которому приказано последним вычерпывать грязь, собирать нечистоты в кучу, служить грязному делу, валяться в тине удовольствий, заниматься бесстыдством, иметь тело, не отличное от тряпки. Разве есть какое отличие между тряпкой и блудником? Он оторвался от благочестия в общей его совокупности. На путях греха он подвергается каждодневному гниению; как бесполезная тряпка, отбрасывается; он лежит на попрание всем демонам; в него диавол переливает свою гнилость. Не менее, чем это внутреннее состояние блудника, несчастно известное открытое его положение: в домах его избегают, при встречах гнушаются; для близких служит позором, для врагов предметом поношения, для родственников стыдом, для живущих вместе предметом проклятия, для родителей бесчестьем, для слуг смешным зрелищем, для соседей предметом разговоров; когда хочет жениться, ему отказывают; после брака он делается подозрительным супругом, ненавидимым детьми отцом, презираемым советником, неприятным, когда дает (другим), еще более неприятным, когда просит; замеченный вдали, он бывает в тягость; когда болеет, еще более несчастен; когда умирает, еще более бесчестен. Видя в блуде источник стольких зол и указывая победное средство против этого в бегстве, Павел справедливо воскликнул:"**бегайте блуда**". Это воззвание Павла напомнило мне ныне мудрого юношу, который восторжествовал над египетским блудодеянием посредством бегства, хотя многое склоняло к тому юношу: возраст, склонный к удовольствиям, иго рабства, любовное ласкательство госпожи, постоянный разговор, тайное сладострастное приглашение к соединению. "**Случилось**" же[1] "**в один день, что Иосиф вошел в дом делать дело свое, а никого из домашних тут в доме не было; она схватила за одежду его[2]**" госпожа его[3], "**и сказала: ложись со мной**" (Быт 39:11-12). Великое достоинство целомудрия. Раб госпожу сделал рабою; к нему обращена была просьба, а эта просила: "**ложись со мной**". Стрела блудодеяния пылала, но не нашла в душе готовой жертвы; она ударилась в одежду, держа которую бесстыдная блудодейка говорила: "**ложись со мной**". Ревет неудовлетворенностью плотской похоти, но (этим) скорее закрывает уши целомудренного. Она говорила: "**ложись со мной**", а целомудрие, вопреки этому, говорило юноше: бодрствуй со мною; и на деле он показал бодрствование: не преклонилась твердость перед соблазном, не усыпили разума обольстительные речи; не ослабла трезвость целомудрия, не изнемогла пред нападением, не уловлена красотой вида, не сокрушена ласкательством слов любви; голос ласкавшей госпожи для него был тяжелее брани. "**ложись со мной**". Диавол стоял наготове в качестве свата блудодейства и держал одежду вместе с блудодейцей и участвовал в сделанных ею нападениях; он не знал, что борется с искусным борцом целомудрия, умело отражающим нападения. "**Оставив**", говорится, "**одежду свою в руках ее[4]**, **побежал и**" нагой[5] "**выбежал вон**". О, нагота, святейшая одеяния! Что же (делает) ярость египетской необузданности? Свое худое дело приписывает Иосифу и, пришедши к мужу, говорит:"**раб Еврей, которого ты привел к нам, приходил ко мне ругаться надо мною и говорил мне**", жене твоей, которая целомудренно доныне хранила твое ложе: "**лягу я с тобою, но, когда [услышал, что] я подняла вопль и закричала, он оставил у меня одежду свою и убежал вон**" (Быт 39:14-

18)". Опять подвергается клевете из-за одежды. В прежнее время братья, взявши хитон его, злонамеренно говорили, что он съеден зверем; теперь, сама схвативши хитон, клевещет на него, как на блудника. Приличествует Иосифу голос Владыки: "**Делят ризы Мои между собою и об одежде Моей бросают жребий**" (Пс 21:18). История целомудрия приятна для сонма целомудренных, но тяжела для телесной немощи. Справедливо дана Богом Иосифу власть. Прежде искушений не прославил Иосифа, но показал посредством снов будущее, научая, что наперед приготовляет славу праведникам, а попустил искушениям испытать юношу, заграждая уста порицателей. Если бы Иосиф не представил доказательства, любящие порицать могли бы сказать: произошло это вследствие слепого случая. Да и управлял ли Иосиф египтянами? Владел ли юноша варварами? Какою отличался он добродетелью? За что он получил это? Чтобы не говорили этого о праведнике, Бог, предупреждая это, подвергает его испытаниям, чтобы это служило свидетельством праведнику и чтобы заградить уста злословящих. Поэтому будем устраняться от уязвлений, причиняемых блудною красотою, закроем глаза на то, что возбуждает сладострастные желания; пусть преданы будут позору все беспорядочные удовольствия; пусть оберегает плоть целомудрие, пусть чистота живет в членах; будем настраивать себя на благородные мысли, будем блистать делами света, украсим себя чистою жизнию; чистым сохраним тело, храм обитания Духа; сделаем на нем надпись, содержащую страшную угрозу распутным: "**Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог**" (1 Кор 3:17).

Я не желал бы разлучаться с вами и на малое время. Что приятнее для отца, как не то, чтобы быть вместе с возлюбленными сынами? Но так как слово благочестия призывает к борьбе, то, возсылая молитвы о помощи, необходимо идти на церковную арену (προς τα σκάμματα της ’Εκκλησίας)[6]. Но об одном прошу вашу любовь: храните церковное благочиние; великодушием побеждайте замешательства; спустя недолго порядок восстановится; не смущайтесь слухами, не верьте разглагольствованиям, сопутствуйте нам молитвами, чтобы, будучи подкрепляемы вашими молитвами, мы могли, вспомоществуемые силою Божиею, сказать: "**вся могу в укрепляющем меня Иисусе Христе**" (Флп 4:13), Которому слава во веки веков. Аминь.

---

[1] ’Εγένετο γαρ вместо - δε.

[2] των ιματίων αυτου с опущением αυτον перед этими словами, читаемым обыкновенно в греч. списках.

[3] η δέσποινα αυτου в списках отсутствуют.

[4] Εις τας χειρας αυτης читаются из унциальных греческих списков в Коттонианском (’Εν ταις χερσιν αυτης); из других - в Лукиановских, согласно с еврейским текстом.

[5] Γυμνός в греч. сп. и евр. тексте отсутствует.

[6] Ареной - σκάμμα - называлось у греков особое место, назначенное для состязания борцов. Здесь это слово употреблено в переосном смысле для означения борьбы с врагами Церкви. Какое разумеется здесь событие, заставившее святителя удалиться на некоторое время из города и остановить свои беседы, неизвестно.

БЕСЕДА 8

О том, что добродетельная душа драгоценнее всего.

Многократно размышляя о благах жизни, какие есть у меня, находя творение всюду наполненным многими благами, размышляя и о бесчисленных благах, данных (человеческому) роду, я не нахожу высшего блага, чем красота души, - ничего другого, более соответствующего природе человека. Какое богатство столь приличествует человечеству, как богатство благочестивых надежд? Кто может так прославиться за могущество, как за разум, который имеет честь у Владыки всего? Какое удовольствие от роскоши может сравниться с тем, какое дает сознание, питаемое животворными знаниями? На какое бы благо ты ни указал, не найдешь ни одного, которое бы так прославляло человека, как боговдохновенный разум. Во всех других благах участвуют вместе с нами и бессловесные; так, наслаждение солнечным лучом приятно, но оно свойственно и скотам; раздача пищи доставляет удовольствие, но это не чуждо и тем; дары красоты любезны, но ты найдешь, что красотой блистают и птицы; дар силы славен, но это преимущество принадлежит и волам; собирание богатства желательно многим, но известно, что и раковины богаты сокровищами жемчуга. Ни одно из достоинств наших по плоти не чуждо природе бессловесных, ни одно из телесных наших свойств не хуже у них. В одном только они уступают нам, одним преимуществом мы побеждаем их. Каким именно? Достоинством разума: чрез него человек становится близок к Богу, посредством ума (он близок) к Владыке существующего; мыслительной силой он распоряжается созданным; способностью наблюдения исследует небо; пониманием подчиняет себе; мудростью побеждает опасности волнующегося моря; предусмотрительностью поддерживает существующий порядок, знанием указывает (значение) явлений; владеет красотой существующего, подобно Творцу. Указывая на это в начале, сказал о нас Бог: "**сотворим человека по образу нашему**"(Быт 1:26). Честь образа и страшна и человеколюбива: страшна, потому что это образ поразительного Первообраза, - опасность не малая, чтобы кто-либо не запятнал образа нечистотою греха; а человеколюбива, как великий и не заслуженный дар, который Творец приготовил нам прежде происхождения. Итак "**сотворим**", говорит, "**по образу нашему**". Нам оказывается честь прежде создания. Давая бытие каждому из существующих (творений, Бог) пользовался властью повелевающего, всю видимую природу создал чрез приказания, говоря повелительно несуществующему: "**да будет свет; да будет твердь; да будут светила на тверди небесной [для освещения земли и]; да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их**" (Быт 1:3-24). Когда надлежало человеку быть созданным, (Бог) явился не повелевающим, а самодействующим, не предоставил создаваемому произойти без особого Его участия, а наблюдал за происхождением человека; не сказал земле: изведи человека. Как будто не могущий один создать человека, призывает при этом творении соучастников и, как будто нуждающийся в помощниках, воскликнул: "сотворим". Не нуждался (Бог) в размышлении о способе создания и не пользовался помощниками при творении, а образом размышления и содействия показывает, что создает дорогой и весьма важный род (тварей). В этой чести сокрыто для (нашего) рода и некоторое руководительство к благочестию. Всю тварь лишил боготворения (θεοποιίας εξέβαλεν)[1], каковое даровал образу Своего владычества, так как все, имеющее образ царя, почитается великим. Повторим (Бог сказал): "**сотворим человека по образу нашему**"; и предвидя неблагодарность, не ослабил любви: не должно же было солнце перестать светить ради слепых, не видящих солнечного света. Поэтому, предвидя падение, явил человеколюбие; прозирая будущее, не отнял чести; предусматривая своеволие, не лишил благодати, чтобы, когда время отучит от ненасытности, это послужило Богу основанием для второго, по началу вечного дара. Для исправления ненасытности грозною является смерть. Тому, кто через короткое время ляжет в могилу, какая польза от необъятного творения? Для проходящего жизнь, как путь, безрассудно обременять себя безмерною тяжестью.

Действительно, мы имеем жизнь как путь, а не как отечество, - так назвал ее Господь в Евангелии: "**Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним**" (Мф 5:25). Справедливо название жизни путем: жизнь, как и путь, измеряется расстояниями; это - временная гостиница богатых и бедных, кратковременный отдых проходящих. "**Как тень дни наши**"(Иов 8:9; Парал 29:15) проходят. Где первые годы нашей жизни? Прошли, как промелькнувшая тень; мы быстро прошли, подобно какому-либо призраку. Сколько осталось нам еще жить? Представь желательное многолетие, столетнюю жизнь; если хочешь, втрое умножь годы, и все-таки не найдешь неизменности ни в чем, относящемся к этой жизни, хотя бы она отличалась богатством, окружена была роскошью, хотя бы блистала высотою престола, хотя бы сопровождалась другим каким-либо житейским блеском. Все подобно увяданию цветов, все сменяется плачем, будучи тленным, и цветет только некоторое время, так как находится в постоянной борьбе с опасностями. Богатству угрожает разбой; роскошь подвергается опасности со стороны болезней, власть - со стороны переворотов; и боровшийся с различными опасностями, измученный безчисленными заботами, ждет смерти, - врага несокрушимого, не связанного с местом, не соблазняемого дарами, неумолимого слезами, внезапного хищника: кто вчера (жил) в богатстве, сегодня внезапно - в гробу; кто вчера был на роскошном пире, сегодня - в списке умерших; кто вчера был на троне, на следующий день - в погребальных пеленах; кто вчера (окружен был) льстецами, спустя недолго - червями. Где радость от количества кошельков (с золотом)? Где хвастовство получаемыми доходами? Где различие между богатым и бедным после смерти? Где разница между царем и нищим? Преемник обоих - смерть; конец того и другого - смерть; кроме погребальных одежд никому (ничто) не сопутствует. "**Великое приобретение**", говорит он, "**быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него**" (1 Тим 6:6-7). Неоспоримо рассуждение человека довольного, что ничто из приобретенного не пойдет с владельцами: "**ничего**", говорит, "**не можем и вынести**". Что, говорит, унесешь с собой, чего не принес? Зачем ты удерживаешь то, что не в твоей власти? Что выходит за пределы "**довольства**", бесполезно для приобретших это. Что соберет человек, то уйдет на одежду и на пропитание его, а все остальное наследуют живущие. Умираем мы, владельцы с завещаниями, отказывая по ним, чего мы не в силах взять; чего нельзя удержать, то мы думаем оставить, так, однако, что если можно удержать, то не уступаем другому. Такой смысл завещания показывает его начало: если, говорится, я буду жив, то владеть мне своим имуществом. Пишет завещание, произнося молитву и передавая (свое имущество), и молит Бога, чтобы не случилось то, что говорится в завещании: а если я буду жив, владеть мне моим (имуществом). И испуская дух, мы не оставляем привязанности к имуществу. А если, говорится, меня постигнет обычная судьба людей, то желаю, чтобы были наследники. Наследник будет, хотя бы ты и не хотел; природа заставила тебя, даже против воли, иметь наследников. Если бы ты и не назначил наследников своего имущества, имущество найдет наследников; если бы никому не оставил, не можешь унести того, что приобрел. Не говорю, что делать завещание дело худое, - и пророк внушает человеку: "**сделай завещание для дома твоего, ибо ты умрешь, не выздоровеешь**" (Ис 38:1), - а порицаю наши распоряжения о земном потому, что имущество, передаваемое одними другим, мы считаем более ценным, чем непередаваемое. Совершенно "**великое приобретение - быть благочестивым**": оно не подлежит преемству смерти, не раздается писаными завещаниями, не оставляет того, кто приобрел его, и не передается по наследству другим. Богобоязненный - сам собственный ковчег, сам наследник собственного богатства, уходит с сокровищем благочестия, переносится с богатством упований, несет, путешествуя, приобретенные добродетели, находит небо (своим) домом, присоединяется к сонму праведных, наслаждается вечной славой царства и с дерзновением приходит к Царю, взывая: Ты восстановил мне мое наследие!

К этому обращено стремление христиан; родиться потому - великое блаженство, что удостоится кто-либо божественного зрелища, превышающего представление: внезапного воскресения мертвых, необычайного изменения земли, труб, пробуждающих скончавшихся от века, носящихся по воздуху праведников, истинно ангельских ликований, сошествия Господа на землю пред лицом вселенной. О, как необычайно будет восклицание пламенно любивших Его, когда они выйдут в сретение (навстречу) Ему: помяни, Господи, как мы ходили пред Тобою в истине и делали угодное Тебе, и когда они, взывая, тотчас услышат голос: "**знаю Моих, и Мои знают Меня**"(Ин 10:14). Поэтому оставим большую заботу о житейском, облегчим душу от земного бремени, обратимся мыслями к будущему, сохраним под драгоценным покровом добродетели достоинство царского образа; поставленные господствовать над житейскими вещами, не обратим царской власти в рабство; прежде всякого богатства взыщем Подателя богатства, так как "**богатые обнищали и взалкали, а ищущие Господа не лишатся всякого блага**" (Пс 33:11). Ему слава во веки веков. Аминь.

---

[1] То есть, лишил чести быть созданною прямым творческим действием, подобно человеку.

БЕСЕДА 9

На слова: "уразумейте Посланника (τον αποστολον = "апостола") и Первосвященника (αρχιερέα = "архиерея") исповедания нашего, Иисуса Христа, Который верен Поставившему[1] Его" (Евр 3:1).

Всякий раз, как намереваюсь обратиться к учению благочестия, понимая великую важность предмета, я оправдываюсь пред Владыкой благочестия в том, чтобы слово о высоких истинах благочестия не оказалось несоответствующим этой высоте, чтобы не умалить пред людьми величия Божия. Ведь то, что на языке людей является весьма высоким, оказывается жалким, не служащим к славе Божией, так как и некоторые песнопения Богу, по мнению людей весьма высокие, бывают низкими сравнительно с величием этой славы. Владыке вселенной угодно такое изложение богословия, которое определяется силами делающих приношение, а не Его высокой славой. Но еретики, воображая, что имеют как будто особую заслугу для богословия, или подозревая, что высокое учение выше божественной славы, разногласят с нами относительно чести Владыки вселенной, как будто увеличиваемой нами до высшей степени, чем какая (Ему) принадлежит. Исследуя Писания, как документы противника, они на основании их устроят Богу суд и выставляют именно богослова Павла, как свидетельствующего о рабском состоянии Бога-Слова и возвещающего всем людям Его благодать в Нем: "**уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа, Который верен Поставившему** (Сотворившему) **Его**".

Вот, говорят, недвусмысленное свидетельство о том, что Сын сотворен. Не удивительно, что еретики претыкаются на словах, весьма ясных, как на имеющих неясность, - ведь для слабых глаз и ясное делается темным и сияющий солнечный луч слабо видным. Это случилось с еретиками относительно столь ясного смысла приведенных слов. Слыша имя: "**апостол**", они разумеют под апостолом Бога-Слово; читая название: "**архиерей**" (=Первосвященник), они воображают, что архиерей есть Божество. Странное заблуждение! Кто, читая название: "апостол", не понимает тотчас, что оно служит обозначением человека? Кто, слыша слово: "архиерей", может думать, что под

"архиереем" разумеется существо Божества? Если архиерей Божество, то кто тот, которому совершается служение архиереем? Если Бог есть приносящий, то нет того, кому совершается приношение, так как что есть большее Божества, чтобы оно, как низшее, могло делать приношение высшему? Что, еретик, заставило его делать приношение? Архиерея заставляло делать приношения то, что сам он имел нужду в очищении чрез делаемые им приношения, по словам Павла:"**Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи, могущий снисходить невежествующим и заблуждающим, потому что и сам обложен немощью, и посему он должен как за народ, так и за себя приносить жертвы о грехах.**" (Евр. 5:1-3). Природа Божества не имеет нужды в очищении чрез благодать. Откуда же взято ими то, что архиереем назван Бог-Слово, не имеющий нужды в жертве для собственного преуспеяния? Владыка Божества, не полученного от людей, (который) "**для человеков поставляется на служение Богу**", никем не узнается из тех слов, которые отнесены к нему Арием. Если слова (апостола) возьмешь несколько выше, то увидишь, что все они в своей последовательности не указывают на то, что в них говорится о Боге. "**Ибо не Ангелов восприемлет Он, но восприемлет семя Авраамово. Посему Он должен был во всем уподобиться братиям, чтобы быть милостивым и верным первосвященником пред Богом[2]: как Сам Он** (εν ω – в нем) **претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь. Итак, братия святые, участники в небесном звании, уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа, Который верен Поставившему** (Сотворившему) **Его**" (Евр 2:16-18; 3:1-2). Разделяя эти тесно связанные между собою слова, еретики поступают лукаво. Но если им нравится читать по частям, то представим вам яснейшее доказательство того, что они искажают их смысл. "**Не от ангел**", говорит, "**приемлет, но от семене Авраамова**". Разве Божество семя Авраамово? Послушай и следующие слова. "**Посему Он должен был во всем уподобиться братиям**". Разве по божеству имел Бог-Слово подобных себе братьев? Обрати внимание и на то, что непосредственно присоединено к этим словам: "**чтобы быть милостивым**", сказано, "**и верным первосвященником пред Богом: как Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь**". Не тот, который пострадал, есть милостивый первосвященник, а храм подвержен страданию; не животворящий Бог пострадавшего есть семя Авраама, Который "**вчера и сегодня**" по слову Павла(Евр 13:8); не Тот, Который говорит: "**прежде нежели был Авраам, Я есмь**"(Ин 8:58), подобен по всему братии, приняв братство по человеческой душе и плоти; не сказавший: "**Видевший Меня видел Отца**" (Ин 14:9). Есть апостол, подобный нам и возвещающий, что возвещено пленным, - апостол, ясно говоривший иудеям: "**Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим**" (Лк 4:18): помазуется, еретик, человечество, а не Божество; это есть "**верный Богу сотворенный первосвященник**". Он явился во времени, а не был от вечноссти; Он есть, (говорю тебе), о, еретик, достигший спустя недолго (κατα μικρον) сана первосвященника. Послушай еще слов, яснее говорящих тебе об этом:"**во[3] дни плоти Своей, с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти; и услышан был за Свое благоговение; хотя Он и Сын, однако страданиями навык[4] послушанию, и, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного**" (Евр 5:7-9). Совершается тот, кто понемногу преуспевает. Об этом и евангелист Лука говорит в Евангелии: "**Иисус же преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков**" (2:52). Согласно с этим говорит и Павел: "**совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного, быв наречен от Бога Первосвященником по чину Мелхиседека**" (Евр 5:10). Он, представляемый, однако, по образу воинского чина, есть Тот, который назван семенем Авраама, который подобен по всему братьям, есть поставленный во времени первосвященник, совершившийся через страдания, искушенный в том, что претерпел

могущий помочь искушаемым; Он есть первосвященник, поставленный по чину Мельхиседека. Что же ты, вопреки Павлу, толкуешь о непричастном страданию Боге-Слове, смешивая с земным подобием и делая (Его) подвергаемым страданию первосвященником? Что вы бесстыдно поступаете против ясных слов и цели, с какою сказаны? Несоответствие (учения еретиков) с словами (апостола), взятыми в связи, показано. Посмотрим и на цель слов, не соответствующую баснословию еретиков. Когда проповедь (евангельская) повсюду одержала верх и самое святилище закона озарилось христианством, появившаяся зависть ко спасению евреев произвела то, что они от благодати снова стали возвращаться к закону, а обольщение, сокрытое в прославлении чрез Христа, весьма широко обольщавшим отворяло дверь. Действительно, приложившихся ко Христу не сразу отвращали от веры в Него, чтобы открытою враждою к Возлюбленному не возбудить подвергавшихся обольщению к удалению от последнего, а привлекали удобоприемлемыми словами: велик, говорит (обольщающий), Христос, Которого имя заслуживает почитания за страдания; кто может пренебрегать вашей верой в Него? Но необходимо остерегаться того, чтобы не считать излишним исполнения закона, чтобы жизни по нему не предпочитать другую, не ожидая другого места блаженных воздаяний, кроме наследия Палестины, или не отдавать преимущества имеющим другое священство, помимо левитского, а, оставаясь преданным Христу, соблюдать неизменно и постановления закона. Когда таким образом верующие увлекаемы были евреями к (соблюдению) закона, Павел, скорбя об этом обольщении, показывает, что Христом постановления закона изменены. Опровергая возражение относительно священства, он раскрывает смысл тайны вочеловечения:"**не Ангелов**", говорит, "**восприемлет Он, но восприемлет семя Авраамово**". Сошествие Владыки-Христа в человеческой плоти совершилось ради человеческой природы; им подтвердилось древнее обетование благословения (человеческому) роду. Патриарх получил обетование, что в его семени благословятся все народы (Быт.22:18). После обетования время шло; умножилось потомство семени, увеличилось число лет; а у народов нигде не было обращения к благочестию, не видно было на них благословения. И самое потомство патриарха впадало впоследствии в гибельное идолопоклонство, вело нечестивую жизнь в Египте, оскверняло Палестину, поклонялось идолам у персов. Как же исполнилось обетование? Как божественное слово оказалось неложным? Кто послужил к выполнению этого обетования? Законодатель Моисей? Велик он, как истинный пророк и глава всех пророков; но он вскоре (оказался) малодушным, как посредник между Богом и земной свободой и малодушно выразил в воззвании к Богу: "**Господи! пошли другого, кого можешь послать**" (Исх.4:13)". Но Аарон не был ли способен послужить к выполнению обетования? Он был славным священником и основанием законного священства, но не был устойчив пред нечестием народа, как показало сооружение тельца. Знаменит и Илия, явивший пламенную ревность, но он был ненавистен для грешников. Нигде не находилось посредников обещанного благословения, когда язычники служили идолам, иудеи вместе с ними поступали нечестиво, когда пророки взывали: "**Господи! пошли другого, кого можешь послать**", когда священники или потворствовали грешникам или наказывали беспощадно. Поэтому для посредствования благословения нужен был первосвященник, по природе происходивший из рода Авраама, а по достоинству высший пророков, безгрешный и кроткий, способный переносить страдания, а в опасностях могущий взывать к Богу:"**но** (πλήν)[5] **не не чего Я хочу, а чего Ты**" (Мк.14:36). Рождается для этого Христос, принимая не ангельскую природу, так как не от рода ангельского обещал Бог людям благословение, а от семени Авраама, подобного тем, которые получили обетование. Теперь Павлу предлежало показать тем, которые священство по Христу считали лишним, что без Него обетование благословения остается неисполнившимся. Что это объяснение не выдумано мною, вы увидите из последовательности слов, если со всем вниманием вникните в их смысл. Хочу приучить вас к более основательному (пониманию) учения, чтобы вы сделались народом-учителем, хорошо наставленным в божественном

(учении). "**Не Ангелов**", говорит, "**восприемлет Он, но восприемлет семя Авраамово**". Не ангелов, говорит, пришел Владыка вселенной призреть, а род Авраама, подвергавшийся опасности лишиться древнего благословения. Но как это относится, Павел, к тому, о чем речь? " **Посему Он должен был**", говорит, "**во всем уподобиться братиям, чтобы быть милостивым и верным первосвященником пред Богом**". Поелику(=поскольку) пришел, говорит, Спаситель рода Авраамова, получившего обетование благословения, но нуждавшегося для этого в безгрешном и сострадательном первосвященнике, то он и приходит по плоти от рода Авраама и общее естество принимает в роде Авраама для того, чтобы, показавши в себе самом естество, свободное от греха, быть по естеству и сострадательным посредником благословения чрез общение с естеством, подверженным страданию, и вполне сильным помощником в деле ходатайства чрез безгрешное и навсегда остающееся сродство. Могла ли быть необходимою смерть для чистого от всякого греха и имеющего в скором времени воскреснуть? "**Как Сам Он**", говорит, "**претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь**". Самое, говорит, испытание страдания в безгрешном теле дает ему некоторую власть над близкими, (служит) неодолимым правом, как победа над властью диавола, несправедливо стремящегося[6] к тому, чтобы безгрешный в них (εν αυτοις) человек не прошел, не испытав нападения от него (т. е. от диавола). "**Итак, братия святые, участники в небесном звании, уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего, Иисуса Христа, Который верен Поставившему Его**". Так как Он для нас, говорит, есть единственный святитель, сострадающий, родственный и сильный, то не отпадайте от веры в Него. Он есть посланный святитель возвещенного вам благословения от семени Авраама, как принесший за него и потомство жертву тела; Он - ходатай веры, которую вы исповедали, как примиривший естество с Богом чрез безгрешное в Нем естество. Затем, чтобы не показаться проповедующим иудеям странное, не совершенное Богом, Павел прибавляет: "**как и Моисей во всем доме Его**". Не странно, говорит, то, что человек служит посредником между Богом и человеком в деле божественных обетований, так как прежде был образ этого посредства в лице Моисея, ходатайствовавшего пред Богом за собственный народ. Постыдись, еретик, и этих слов: верен, говорит, Иисус, "**как и Моисей**". Что же, наследник Ариева безумия, неужели думаешь, что у Павла Богу-Слову приравнивается Моисей? А вот Иоанн о телесной обуви взывает:"**я недостоин, наклонившись, развязать ремень обуви Его**" (Мк.1:7). Иоанн свидетельствует, что он недостоин ремня обуви Господней плоти, - Иоанн, "**больший**" которого "**из рожденных женами не восставал**" (Мф.11:11). А ты клевещешь на Павла в том, будто он Творцу всего приписывает одинаковое достоинство с Моисеем, между тем как он не считает справедливым приравнивать Иисуса Моисею и по порядку человечества вследствие соединения с божеством. На это указывает он в следующих затем словах. Сказавши: верен Иисус, "**как и Моисей во всем доме Его**", он присоединил затем: "**Ибо Он достоин большей славы пред Моисеем**" (Евр.3:3). Хотя обратив внимание на противоположение слов, согласись, еретик, с истиною: верен, говорит, Иисус, как "**Моисей**", затем: "**Ибо Он достоин тем большей славы пред Моисеем**". Противоположение одних слов другим показывает, что сравниваются образы подобия, а не равенства достоиств Моисея и Иисуса; а еретик не страшится высоту Божества низвести на степень смертной природы Моисея. Это сказано мною о насилии, которое учиняют над апостольскими словами. Хочу кратко изложить и ваш грех с целью побудить к исправлению сделанного: вы явились дикими (γοργοί) в отношении к доброму. В чем же именно грех? Предлагалось в недавнее время верующим таинство, как воинам - царское жалованье, а воинства верующих не оказалось; они вместе с оглашенными, подобно мякине, развеяны были ветром легкомыслия. Распинается по чину Христос, закалается мечом священнической молитвы, а своих учеников, как в прежнее время на кресте, находит убежавшими. Великий грех - измена Христу, когда нет гонения, - оставление верующими тела Христова, когда нет войны. Что было причиною этого оставления? Нужные дела. Но какое занятие нужнее,

чем занятие божественным и при том непродолжительное? Страх за грехи. Но что очистило ту блаженную блудницу, бегство или прибегание к телу Владыки? Устыдимся же, не имея сокрушения этой блудницы, устрашимся слова Господня, заклинающего нас:"**истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни.**"(Ин 6:53). Убоимся того, чтобы и нам не изрек Он укоризненно с небес: "**так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною?**" (Мф 26:40). Побоимся при этом и того, чтобы нам не присоединиться к хуле на Него еретиков. Будем внимательны к словам Павла о вочеловечении; не будем соединять того, что свойственно человечеству, с тем, что принадлежит бестелесному божеству, а того, что свойственно божеству, не будем смешивать с относящимися к человеческому естеству страданиями, различая свойства естеств. Присоединим к этому и великое значение единства: не будем называть Бога-Слово храмом вместо обитающего, не будем считать храм обитающим вместо обитаемого. Будем помнить слова, указывающие на то и другое Его естества: "**разрушьте храм сей**", то есть то, что способно к разрушению, "**и Я в три дня воздвигну его**" (Ин 2:19), то есть, Бог, соединенный таинственно с смертным. Ему слава во веки. Аминь.

---

[1] Дословно будет не "Поставившему", а "Сотворившему". – и.Н.

[2] Дальнейшие слова: "**во еже очистити грехи людския**" отсутствуют в тексте Патрологии.

[3] Предшествующее οϛ=иже не читается в текстах Патрологии.

[4] Следующих непосредственно затем слов: αφ ων επαθεν=от сих, яже пострада не читается в тексте Патрологии.

[5] Πλήν вместо обычного в изданиях αλλ’.

[6] Вместо читаемых здесь слов: αδίκου πολεμουμένων издатели Патрологии предлагают читать: αδίκου πολεμουμένου, или допустить то, что здесь недостает нескольких слов, от чего, вероятно, происходит неясность этого места в беседе.

Дополнение к письмам св. Иоанна Златоуста

I. Златоуста царице Евдокии. Бог, будучи создателем всей природы, по существу стоит выше всякой власти и господства, а все люди равны, хотя один кажется имеющим превосходство над другим. И тебе дал (Он) царский скипетр не для того, чтобы ты считала себя выше других, а чтобы оказывала всем равенство пред законом и справедливость. Не слава, богатство и мирская высокость поможет нам в страшный день суда, а только исполнение заповедей, соединенное с сохранением правильных догматов. Не забывай сама об этом и не изгоняй страха Божия из твоей души, хорошо зная, что дыхание всех в Его власти; одному Он прибавляет годы жизни, а другому сокращает, по воле Своей: "**Я**", говорит, "**умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю, и никто не избавит от руки Моей** (τις ο των εμων χειρων εξαιρούμενος)[1]" (Втор 32:39). "**Страшно впасть в руки Бога живаго!**" (Евр 10:31). Земля и пепел все мы люди, цвет, трава и прах, тень, дым и сон, и живем, не живя. С того времени, как сказанное: "**прах ты и в прах возвратишься**" (Быт 3:19) вошло во всю нашу природу, мы всецело облеклись в смертность и тление и все вообще уже умерли, хотя бы умирал один сегодня, другой

завтра. Как произошедшие из земли, в землю, спустя недолго, и возвратимся, цари и граждане, начальники и подчиненные. В самом деле посмотри на царствовавших прежде нас, и сравни, что они были и чем теперь стали. Увидишь, как живут делавшие доброе, блаженствуя и по смерти, а в день воздания они выйдут в воскресение жизни, между тем делавшие худое и здесь всегда осыпаются проклятьями и ругательством, и восстанут в воскресение не жизни, а осуждения. Поэтому ваша боголюбивая душа пусть подражает сохранившим неизменно веру, совершившим добрый путь заповедей, и возвратите бедной жене Феогноста и ее детям виноградник; довольно для них постигшего их горя: пусть не увеличиваются их беды и не возрастает еще более несчастие. И умоляю, облегчи поскорее тяготящую их скорбь и несчастие, помня Спасителя, в Евангелии заповедующего нам, чтобы не заходило солнце в гневе нашем (Еф 4:26), и опять обращающегося к тому богатому с словами:"**безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?**"(Лк 12:20) "**Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?**" (Мф 16:26) Разве сойдет с нами в ад сладость виноградного плода, или приятность смокв, или жир елея, или избыток имущества и слава власти? Не оканчивается ли все старание человека тлением? Оставляя все, не отходим ли отсюда нагими и беззащитными? Помня все это, постарайся возвратить виноградник, чтобы было тебе хорошо в день суда.

II. Златоуста в Кесарию. Благочестию свойственно облеченного смертью Христа исповедывать совершенным по божеству и совершенным по человечеству, единым единородным Сыном, не разделяемым на двоицу сынов, носящим, однако, в себе не слиянные свойства двух нераздельных естеств, не тем и другим - да не будет - но единым и тем же самым Господом Иисусом Богом-Словом, облеченным плотию и при том плотию не бездушною и не неразумною, как говорил нечестивый Аполлинарий.

Если некоторым представляется невозможным, чтобы кто-либо состоял из двух, и в одно и то же время сохранялся и распинался, и один из них подвергался бесславию, то это попытаюсь показать примерами из дел человеческих.

Царская багряница была волной; соединенная с последней кровь улитки дала ей багряный цвет. Когда ее пряли и ткали, и она делалась тканью, очевидно, волна, а не краска, подвергалась обработке: волне можно уподобить человека, багряной краске - Бога-Слово, Который соединен был (с человеком) во время страданий и на кресте, но совершенно не подвергался страданию.

Или: пусть дерево содержит в себе луч солнца; когда оно срубается, мы видим, что удар топора прежде всего направлен против луча в нем и луч получает, по-видимому, первый удар, прежде чем срублено будет дерево. Как свет, находящийся там, не срубается и не рассекается, так и божество не могло и отделиться, не могло и подвергнуться рассеянию и страданию, а плоть подпала страданию, могла подвергнуться рассечению и страданию, как там дерево.

---

[1] Вместо этого в Ватикан. и других греч. списках, с которыми согласуется слав. Библия, читается: ουκ εστιν ος εξελειται εκ των χειρων μου=и несть иже измет от руку моею.